Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 1 15 ЯНВАРЯ № 1

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

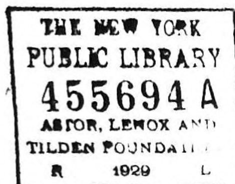
СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 9

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ

„ПРАВДА“



Главлит № А—26518. Тираж 70.000 экз.

Типография газеты „Правда", Тверская, 48.

К пятилетию смерти В. И. Ленина.

I. Период смерти Ленина и нынешний период.

Наша партия и Коминтерн потеряли величайшего после Маркса теоретика и вождя пролетарской революции—В. И. Ленина в исторический момент, существенно отличный от того, который переживает теперь пролетарская диктатура в нашей стране и мировое революционное движение. В нашей стране мы только что вступили тогда в тот период, когда—как это отмечено в решениях XV с'езда,—на базе роста производительных сил вообще и социалистической промышленности в первую очередь, происходила перегруппировка сил и хозяйственных форм в сторону усиления роли социалистических элементов, когда поднималась «роль командных высот», но не поднялась еще «настолько, чтобы достигнуть прочного союза с середняком и решительно повести его за собой, оторвав его от кулака». И на почве трудностей этой «перегруппировки сил и хозяйственных форм» наша партия переживала некоторый кризис, вызванный первым ожесточенным нападением на ее руководство, на ее ленинскую линию со стороны об'единившихся под флагом троцкистской «левизны» осколков прежних «левых» и правых оппозиционных группировок. Международное революционное движение, в свою очередь, переживало переломный момент, когда часть стран Запада, особенно Германия, только-что пережила «непосредственную революционную ситуацию» и ряд поражений пролетариата в схватках с буржуазией, и в то же время намечались явные признаки относительной, частичной стабилизации капитализма. И здесь, на почве трудностей, в свою очередь, завязывалась борьба с уклонами внутри компартий Запада, при чем наши «левые» уклонисты, напр., Радек, смыкались с правым уклоном в германской компартии, беря на себя его поддержку и пытаясь возглавить его.

С тех пор положение резко изменилось.

Через период «перегруппировки сил и хозяйственных форм» мы пришли к восстановлению нашего народного хозяйства до его довоенного уровня, и затем, перешагнувши через этот уровень в социалистическом секторе, пришли к решительному преобладанию этого сектора над капиталистическим, к более тесной экономической связи его с сектором мелко-хозяйским, крестьянским сектором, к еще более руководящей роли первого по отношению ко второму, к созданию

действительных условий для прочности союза пролетариата и деревенской бедноты с середняком, отрыва его от кулачества и изоляции последнего. И на этой же базе мы вступили в новый период нашего развития, — в период интенсивной работы над индустриализацией страны, в период социалистической реконструкции нашего народного хозяйства, более интенсивного, чем в прежние периоды нэпа, наступления на капиталистические элементы города и деревни и непосредственного социалистического строительства в деревне—ее производственного кооперирования и развития в ней, на ряду с первичными формами этого кооперирования, колхоз- и совхозстроительства.

Руководя закладкой фундамента социализма, партия подвергалась жесточайшему обстрелу левых маловеров,—снова об'единенным фронтом, снова под знаменем троцкистской «левизны», — в течение двух лет пытавшихся совлечь партию с ленинского пути строительства социализма в лево-меньшевистское болото. Партия преодолела напор этих социал-демократических элементов в ней, стряхнула эти социал-демократические гири со своих ног, чтобы свободно итти по своему тяжелому пути в новый, реконструктивный период строительства, соединенный с новыми трудностями, которые создаются чрезмерным отставанием сельского, главным образом, зернового, хозяйства и растущим сопротивлением капиталистических элементов города и деревни победоносному наступлению на них социалистического сектора нашего хозяйства.

На международной арене за это же время, с момента смерти Владимира Ильича, произошли не менее серьезные изменения Начавшийся еще при его жизни, но тогда еще не выявившийся вполне, период относительной стабилизации капитализма привел к восстановлению хозяйства империалистических стран, к превышению ими довоенного уровня развития, а вместе с тем и к новому крупному обострению всех противоречий империализма на расширенной базе. Этим положено начало новому, нынешнему периоду послевоенной эпохи. Он характеризуется VI конгрессом Коминтерна, как «период который ведет через дальнейшее развитие противоречий капиталистической стабилизации к дальнейшему ее расшатыванию и к резкому обострению общего кризиса империализма». Чрезвычайно обостряются противоречия между СССР и империалистическими странами, противоречия между странами империализма и внутри них, обостряется классовая борьба между пролетариатом и буржуазией, развязываются колониальные движения, и —в силу всего этого —приближается становящаяся неизбежной «новая полоса империалистических войн между империалистическими государствами, их войн против СССР, национально-освободительных войн против империализма и интервенции империалистов, гигантских классовых битв». Перед лицом таких революционных перспектив стоят, несомненно, гораздо более окрепшие, гораздо более закаленные, чем к моменту смерти В. И., растущие и приобретающие со дня на день все большее влияние серди пролетарских масс коммунистические партии капиталистических стран. И в этих условиях для них особенную важность приобретает борьба с тоже окрепшими за период стабилизации партиями II Интернационала, этими орудиями буржуазии против надвигающейся грозы, этими громоотводами пролетарской революции.

В условиях обострения классовой борьбы и на международной арене и внутри СССР, по-новому ставится вопрос и о борьбе с уклонами внутри компартий. Если в предшествующий период и у нас и в компартиях капиталистических стран на первом плане стояла борьба с псевдо-«левыми», действовавшими под руководством троцкизма, то теперь, когда «левая» опасность в основном преодолена, и когда величайшую опасность представляет всякий уклон, замазывающий классовую борьбу, льющий воду на мельницу классового мира и хотя бы невольно, но об'ективно играющий на-руку классового врага,—теперь и ВКП(б) и Коминтерн в целом, отнюдь не оставляя борьбы с «левыми», направляют свой главный удар против **правых** уклонов в своих рядах.

Только ленинизм, только ленинское учение о пролетарской революции, о пролетарской диктатуре, о социалистическом строительстве, только верное применение этого учения к сложнейшей обстановке момента и решительная борьба со всяким его искажением, со всякой попыткой отклониться от него, может обеспечить преодоление очередных трудностей.

II. Ленин и мировая пролетарская революция.

Послевоенная эпоха международного революционного движения характеризуется сочетанием в нем классовой борьбы пролетариата против буржуазии в империалистических странах с борьбой против гнета остатков феодализма и против гнета иностранного империализма в колониях, сочетанием пролетарского движения в странах «передового» капитализма с антиимпериалистическими, но по существу своему еще буржуазно-демократическими движениями в странах отсталых, колониальных и зависимых. Этим сочетанием вне всяких сомнений будет характеризоваться и тот новый период «гигантских классовых битв», в преддверие которого вступает теперь международное революционное движение. Это как раз то сочетание, которое было предусмотрено В. И. Лениным в те годы империалистической войны, когда он с такой силой подчеркнул значение для пролетарской революции национального и национально-колониального вопроса.

... «Думать, что мыслима социальная революция без восстаний маленьких наций в колониях и в Европе, без революционных взрывов части мелкой буржуазии со всеми ее предрассудками, без движений несознательных пролетарских и полупролетарских масс против помещичьего, церковного, монархического, национального и т. д. гнета,—

думать так, значит отрекаться от социальной революции. Кто ждет «чистой» социальной революции, тот никогда ее не дождется»,—писал В. И. в 1916 г. в своих «Итогах дискуссии о самоопределении». «Социальная революция не может произойти иначе, как в виде эпохи, соединяющей гражданскую войну пролетариата с буржуазией в передовых странах и целый ряд демократических и революционных, в том числе и национально-освободительных движений в неразвитых, отсталых и угнетенных нациях»,—выражал он в другой форме ту же мысль в статье «О карикатуре на марксизм», в том же 1916 году.

Неизбежность в эпоху пролетарских революций «сочетания» гражданской войны пролетариата с буржуазией в «передовых» странах с «демократическими и революционными движениями» в странах «неразвитых» В. И. выводил из того же закона неравномерности развития капитализма, из которого выводил он свое положение о возможности победы социализма «первоначально» в одной стране. Ставя вопрос, почему неизбежно такое сочетание, он отвечал: «Потому, что капитализм развивается неравномерно и об'ективная действительность показывает нам, на ряду с высоко развитыми капиталистическими нациями, целый ряд наций очень слабо и совсем неразвитых капиталистически». У этого-то «целого ряда наций» не разрешены еще к эпохе пролетарских революций задачи революций буржуазно-демократических, и в них-то «демократические и революционные движения», направленные к уничтожению «помещичьего, церковного, монархического, национального и т. п. гнета» превращаются в неразрывную часть мировой пролетарский революции.

Но в эпоху этой революции сами эти движения терпят под ее влиянием изменения в своем ходе и исходе. К сравнительно слабо развитым капиталистическим странам В. И. причислял и Россию, для нее же он еще в 1905 г. рисовал возможность перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую, а в условиях 1917 года—возможность слияния буржуазно-демократической «крестьянской революции против помещиков», ее завершения с революцией пролетарской, и Октябрь эту возможность осуществил. И не только для России, а на основе ее опыта, для других, гораздо менее развитых стран В. И. предрекал такой исход буржуазно-демократических революционных движений в эпоху империализма и пролетарских революций, который может обеспечить их переход с капиталистического на социалистический путь развития. «Коммунистический Интернационал,—говорил он о колониях на II Конгрессе Коминтерна,—должен установить и теоретически обосновать то положение, что с помощью пролетариата наиболее передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития—к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития». Такой исход освободительных движений в колониях, очевидно, мыслим лишь при условии именно перерастания буржуазно-демократических революций в пролетарские.

Это ленинское учение, подтвержденное опытом борьбы, дало возможность VI конгрессу Коминтерна в принятой им программе наметить путь к пролетарской диктатуре для стран, не разрешивших еще задач буржуазно-демократической революции, как путь перерастания этой революции в пролетарскую, то более длительного, то более быстрого, то, наконец, сливающего буржуазно-демократический переворот с пролетарским,—в зависимости от большей или меньшей степени отсталости этих стран, от большей или меньшей степени сохранения остатков крепостничества и степени развития капитализма, а на этой основе—определить тактику компартий колониального и полуколониального Востока.

В дни пятилетия смерти В. И., в период, когда самим об'ективным ходом вещей подготовляется «резкое обострение общего кризиса империализма», а вместе с ним и возможность непосредственной схватки пролетариата с буржуазией в той или иной передовой стране за захват власти, за пролетарскую диктатуру, нельзя не всмомнить то, что говорил. В. И. по вопросу о том, «в чем должна состоять немедленная и повсеместная подготовка к диктатуре пролетариата», в своих тезисах к II конгрессу Коминтерна об его основных задачах.

Что должна по этим указаниям В. И. делать каждая коммунистическая партия?

Первое: «ускорять революцию, однако, не вызывая ее искусственно, без достаточной подготовки»; усилить эту подготовку «действием»; удесятерить свою работу для нее, но и удесятерить так, чтобы она действительно была направлена «к завоеванию государственной власти и притом именно в форме диктатуры пролетариата».

Второе: ради этого открыть беспощадный огонь по проповедникам сотрудничества с буржуазией и защитникам «свободы» и «равенства» при сохранении частной собственности на «средства производства», то-есть буржуазной демократии, по реформистам и «центровикам» [1]), отнюдь не удовлетворяясь простым «выяснением ошибочности» и «буржуазного характера» их взглядов, а беспощадно разоблачая каждого такого деятеля, каждого такого вождя, чтобы массы видели, за кем нельзя итти, добиваясь смены таких вождей со всех постов в рабочем движении; беспощадное разоблачение и изгнание этих вождей из рабочего движения—эту первую задачу компартий по отношению к партиям II Интернационала—сочетать с тоже беспощадной «систематической, широкой, открытой борьбой» с более широким слоем «рабочей аристократии» и «обуржуазившихся рабочих», этой «настоящей социальной опоры II Интернационала».

---

[1]) Роль «центровиков» теперь, как известно, с успехом выполняют так называемые «левые» социал-демократы.

Третье: завоевать на свою сторону прежде всего пролетарские, а потом все трудящиеся и эксплоатируемые массы, проводя в жизнь «во что бы то ни стало» лозунг «глубже в массы», «теснее связь с массами», и для этого вести разностороню работу агитации, пропаганды, организации, применяясь решительно ко всем областям жизни, решительно ко всем разновидностям и подразделениям трудящейся массы, систематически воспитывая такой работой «и себя (—партийные ячейки и группы—ред.) и партию, и класс, и массы»; в частности, проводить «всестороннюю и самоотверженную поддержку... по отношению к широкому, стихийному массовому стачечному движению».

Четвертое: Во всех этих целях входить «во все без из'ятия организации, союзы, об'единения, в первую голову пролетарских, а затем и непролетарской трудящейся и эксплоатируемой массы (в том числе и такие партии, как «Рабочая партия» Англии, пока сохраняется в них свобода критики и разоблачения оппортунистических вождей и свобода «пропагандистской, агитационной деятельности за диктатуру пролетариата») и образовывать во всех этих об'единениях свои группы и ячейки.

Пятое: В тех же целях—и в целях обеспечения возможности работы компартии в период обострения классовой борьбы и преследований буржуазии—сочетать легальную организацию с нелегальной, легальные методы работы с нелегальными.

Вся вот эта совокупность мер и способов «немедленной и повсеместной подготовки к диктатуре пролетариата»—не являлась ли она лежащей в основе тактики и методов действий Коминтерна и наиболее правильно проводящих его тактическую линию компартий «передовых» капиталистических стран? Не являлась ли она, в частности, основой тактики единого фронта, до сих пор проводившейся Коминтерном, и его борьбы с правыми, а за недавнее время—особенно с «левыми», срывавшими эту тактику? Да, являлась. И, в итоге, например, в Германии создалась действительно влиятельная, приобретающая все большее доверие масс компартия, а в Англии очень слабая численно компартия со дня на день расширяла свое влияние на массы.

А в настоящий период стабилизации капитализма, подготовляющей «передовые» страны к новым штурмам капитализма со стороны пролетариата, именно указания В. И., «в чем должна состоять немедленная и повсеместная подготовка к диктатуре пролетариата», определили собой—опять применительно к особенностям момента и особенностям отдельных стран — тактику, диктуемую компартиям VI Конгрессом Коминтерна: более, чем когда бы то ни было до сих пор, беспощадную борьбу с руководящими кадрами II Интернационала, более, чем когда бы то ни было, систематическое и настойчивое завоевание левеющих масс пролетариата всесторонней работой среди них, всесторонним руководством обостряющейся классовой борьбой и особенно массовым стачечным движением, систематическое сочетание легальных и нелегальных методов борьбы.

III. Ленин и диктатура пролетариата.

В тех же тезисах «Об основных задачах Коминтерна» В. И. Ленин подчеркнул перед компартиями то свое основное положение, касающееся диктатуры пролетариата, которое, по существу дела, забывается или смазывается современными представителями правого уклона в нашей партии, как раз в момент обострения классовой борьбы в нашей стране. Он подчеркнул, что «завоевание политической власти пролетариатом не прекращает классовой борьбы его против буржуазии, а наоборот делает эту борьбу особенно широкой, острой, беспощадной», и что «диктатура пролетариата есть наиболее решительная и революционная форма борьбы пролетариата».

Это положение В. И. Ленин, как известно, с настойчивостью не раз подчеркивал и перед нашей партией как в эпоху военного коммунизма, так и в период нэпа.

«Диктатура пролетариата,—писал он, например, в предисловии к своей речи «Об обмане народа лозунгами свободы и равенства»,—есть классовая борьба победившего и взявшего в свои руки политическую власть пролетариата против побежденной, но не уничтоженной, не исчезнувшей, не переставшей оказывать сопротивление, против усилившей свое сопротивление буржуазии». А на первых шагах нэпа, на XI с'езде партии он предостерегал партию против того, чтобы считать уже изжитым, пройденным этапом «последний и решительный бой» с капитализмом в нашей стране. Говоря о «соревновании» с допущенным в известной степени и на известных условиях капитализмом, что «тут соревнование серьезное и решающее», и что «больше у нас никаких выходов нет», он продолжал: «Позвольте это вам сказать без всякого преувеличения, так что в этом смысле действительно «последний решительный бой» не с международным капитализмом,—там еще много будет «последних и решительных боев»,—нет, а вот с русским капитализмом, с тем, который растет из мелкого крестьянского хозяйства, с тем, который им поддерживается, вот тут предстоит в ближайшем будущем бой, срок которого нельзя точно «определить». Но независимо и от этого «последнего и решительного боя», который «предстоит», он и само «соревнование» и «состязание» с допускаемым капитализмом называл в этой же речи не чем иным, как «еще одной формой борьбы двух классов, непримиримо враждебных друг другу», «формой борьбы буржуазии с пролетариатом».

Меняются формы борьбы, но диктатура пролетариата ни на минуту не перестает быть ожесточенной классовой борьбой с буржуазией. В этом основная из тех черт, которыми характеризуется по учению Ленина пролетарская диктатура. Но это—борьба за социалистическое переустройство всего народного хозяйства, всего общества, и стало быть в том числе мелкого хозяйства, а мелкое хозяйство нельзя перестроить без самого мелкого хозяина, который,—говорит Ленин—нам «не враг», но колеблется между пролета-

риатом и его врагом—буржуазией, нельзя перестроить без союза с этим мелким хозяином. Поэтому—особенно в стране с таким преобладанием мелкого крестьянского хозяйства, какое имеется в нашей стране—приобретает чрезвычайную важность союз пролетариата и близких ему полупролетарских масс с «самостоятельным» мелким производителем—по преимуществу и в первую очередь с мелким крестьянином.

По отношению к деревне этот союз, как лозунг нашей партии, В. И. выдвинул еще в 1918 г., когда дал ему известную формулу «уметь достигнуть соглашения со средним крестьянством, ни на минуту не отказываясь от борьбы с кулаком и прочно опираясь только на бедноту»,—формулу, которой так злоупотребляла троцкистская оппозиция в своих нападках на ленинскую линию партии в осуществлении союза с середняком. С VIII с'езда партии эта формула В. И. Ленина стала руководящей формулой политики партии в деревне. Менялись формы соглашения, союз с середняком, опоры на бедноту и борьбы с кулаком, менялся—в зависимости от соотношения социалистических, капиталистических и мелкохозяйских элементов народного хозяйства—упор в ту или иную часть этого ленинского лозунга, но не менялся, неуклонно проводился в жизнь весь этот лозунг в целом.

Тогда же, осенью 1918 г., говоря о «соглашении» с середняком, Ленин добавлял: «То же относится и к кустарю, и к ремесленнику, и к рабочему, поставленному в наиболее мелкобуржуазные условия или сохранившему наиболее мелкобуржуазные взгляды, и ко многим служащим, и к офицерам и—в особенности—к интеллигенции». Исходя из этого, он в другой, более поздней (1919 г.) статье определял диктатуру пролетариата, как «особую форму классового союза между пролетариатом, авангардом трудящихся и многочисленными непролетарскими слоями трудящихся». Но это союз не мирный, а боевой, союз борьбы: «союз против капитала, союз в целях полного свержения капитала, полного подавления сопротивления буржуазии и попыток реставрации с ее стороны (—конечно не только вооруженных и не только политических, но и экономических «сопротивления» и «попыток реставрации»—ред.), союз в целях окончательного создания и упрочения социализма».

Опора на полупролетарские массы и союз с непролетарскими массами трудящихся для борьбы с буржуазией за «создание и упрочение социализма» под руководством пролетариата, это—вторая основная черта пролетарской диктатуры по-Ленину. Не напоминать указаний В. И. Ленина на боевой характер этого союза теперь опять-таки нельзя, в виду забывчивости носителей правого уклона в рядах партии и наличия примиренчества с ним.

Наконец, третья, не менее важная черта пролетарской диктатуры, которую тоже не уставал подчеркивать В. И. и которая неотделима от первых двух. Эта та черта, без которой невозможно социалистическое перевоспитание массы, невозможно в силу этого сколько-нибудь развернутое и сколько-нибудь успешное строительство социализма, это—привлечение всех трудящихся к «постоянному и безусловному участию» в государственном управлении и в социалистическом строительстве. Это—«невиданное в мире распространение действительного использования демократизма на порабощенные капитализмом трудящиеся классы». Это—«демократия для бедных», для трудящихся под обязательным руководством пролетариата и его партии, это—пролетарская демократия.

Советская форма государства тем и хороша для пролетариата, потому и является совершенной формой пролетарской диктатуры по учению Ленина, что она «приноровлена» к развертыванию всех трех основных свойств этой диктатуры—классовой борьбы пролетариата с буржуазией за социализм, союза пролетариата и полупролетариев с остальной трудящейся массой для этой борьбы и пролетарской демократии—и притом «приноровлена» так, «чтобы пролетариат, как класс, наиболее сплоченный под влиянием капитализма и наиболее сознательный, занял руководящую роль в государстве».

Все эти основные черты пролетарской диктатуры систематически развертывались усилиями нашей партии в ее работе по советскому строительству. В органах государственной власти пролетариата еще есть много наследий прошлого—бюрократизма, волокиты и пр., но они от этого не перестают быть мощными органами классовой борьбы с буржуазией за социалистическое строительство. Самой советской системой нашего государственного строя и усилиями партии систематически создавались условия для того, чтобы этот государственный строй обеспечивал подлинный боевой союз пролетариев и полупролетариев с остальной массой трудящихся и прежде всего с середняцкой массой деревни. Этот союз рос и креп, в свою очередь, содействуя борьбе за под'ем хозяйства и за социалистический путь этого под'ема. Вместе с тем развертывалась демократия нового, еще «невиданного» в мире типа,—пролетарская демократия в советском государстве, это—по учению Ленина—основное орудие уничтожения таких язв, как бюрократизм и волокита.

Работа по развертыванию в советском государственном строительстве тех основных свойств пролетарской диктатуры, на которые с особенной настойчивостью указывал В. И., еще далеко не закончена. Еще много—особенно в деревне—в нашем советском строительстве загибов «влево», и наоборот—особенно в данный момент загибов вправо, миротворческих. Еще чрезвычайно много бюрократизма в советах города и деревни и еще слишком мало самокритики в области советского строительства. Но как раз теперь, в полном соответствии с условиями обострения борьбы пролетарской диктатуры против капиталистических элементов,—партия с большей, чем когда бы то ни было энергией развивает работу по обеспечению правильной постановкой советского строительства классового отпора капиталистическим элементам и наступления на них, прочного союза пролетариата

с остальной массой трудящихся, последовательного развития пролетарской демократии и самокритики, как одной из основных форм проявления этой демократии. Партия требует от всех своих организаций, от всех партийных и советских работников «четкой классовой линии и решительного преодоления всяких колебаний и уклонов от ленинской линии в сторону попустительства кулачеству и фактической капитуляция перед капиталистическими элементами или в сторону недооценки союза рабочего класса с основной массой крестьянства (середняком) и извращения политики партии по отношению к середняку» (обращение Ц. К. ко всем партийным организациям «О перевыборах советов»).

«Только такая четкая линия,—говорит ЦК партии,—дает партии возможность оказать необходимый решительный отпор кулаку и всем антисоветским элементам. Повести за рабочим классом широкие массы крестьянства против кулака и нэпмана, против вредителя и спекулянта, преодолевая мелкобуржуазные шатания в среде отдельных слоев трудящихся, усиливающиеся в результате воздействия враждебных пролетариату элементов, на почве переживаемых трудностей».

Это и есть подлинное осуществление пролетарской диктатуры, как классовой борьбы, как боевого союза пролетариата с остальной массой трудящихся, как пролетарской демократии.

IV. Ленин и социалистическая революция.

Осуществление пролетарской диктатуры и ее основной задачи—социалистического строительства в нашей первой и пока единственной стране, совершившей пролетарскую революцию—дело величайшей трудности, и главная трудность здесь, как всегда указывал В. И., в нашей (сравнительной с «передовыми» капиталистическими странами) экономической отсталости, в численном преобладании мелкого сельского хозяйства. Недаром Троцкий с его архи-«революционной» теорией «перманентной революции» скептически откладывал возможность «подлинного» социалистического под'ема хозяйства СССР до победы и государственной помощи западного пролетариата и пророчил гибель или перерождение «рабочего правительства», если не придет эта победа и помощь. И недаром теми же пророчествами о гибели, о термидоре и проч. и проч., уснащенными площадной бранью по адресу большевистской партии и пролетарской диктатуры в СССР, занимались подлинные родоначальники теории термидорианского перерождения и гибели нашей революции, международные меньшевики всех мастей.

Однако, ленинское учение о пролетарской революции, учение революционного марксизма современной эпохи дало нашей партии и пролетариату достаточно твердую теоретическую базу для того, чтобы с презрением отбросить все эти будто бы марксистские теории ренегатов марксизма, ставшие подлинным орудием буржуазной контр-

революции, и на деле показать, как может осуществить свое дело пролетарская диктатура и в нашей крестьянской стране.

Ленинское применение марксизма к условиям империалистической эпохи говорит нам, что 1) победа социализма, при неравномерности развития капитализма, «возможна первоначально в немногих и даже в одной, отдельно взятой стране», и что 2) этой «одной, отдельно взятой страной», может быть даже сравнительно отсталая страна, если в нее уже проник (до революции) империализм, если в ней уже есть хотя бы частично сконцентрированная крупная промышленность—эта «единственная база» социализма, если в ней есть также сконцентрированный в городах, революционный пролетариат, руководимый централизованной, скованной железною дисциплиною, партией, и способный увлечь своей беззаветной борьбой с капиталом п о л у пролетарские массы.

Только ленинское применение марксизма к условиям, создавшимся в нашей стране после победы, одержанной пролетариатом над буржуазией в трехлетней, жестокой гражданской войне, дало возможность Ленину сказать, что «политической власти» в руках пролетариата и «экономической силы в руках пролетарского государства России совершенно достаточно для того, чтобы обеспечить переход к коммунизму». Основным условием этого перехода В. И. Ленин, как это известно каждому партийцу, ставил «правильные взаимоотношения с крестьянством», такие взаимоотношения, при которых пролетариат мог бы «сомкнуться с крестьянской массой, с рядовым трудовым крестьянством», сомкнуться так, чтобы «действительно двигалась вся масса с нами». С э к о н о м и ч е с к о й точки зрения это означало «установление смычки между той новой экономикой, которую мы начали строить, и крестьянской экономикой, которой живут миллионы»,—взятие этой старой крестьянской экономики на буксир экономики «новой», социалистической на почве правильного товарооборота между городом и деревней. С точки зрения к л а с с о в о й п о л и т и к и пролетариата и его партии это означало все тот же союз с середняком при прочной опоре на бедноту и «ни на минуту» не прерываемой борьбе с кулаком, тот же союз, о котором говорил В. И. еще в 1918 г., но только уже на твердой экономической базе, и с борьбой не только против кулака но и его нового союзника—городского нэпмана. С о б е и х точек зрения это означало всемерное развитие и укрепление социалистических элементов народного хозяйства и их борьбу с допущенными нэпом капиталистическими элементами за социалистическое переустройство деревни.

Два основных противоречия переходной эпохи, противоречие между социализмом и побежденным, но не уничтоженным капитализмом, с одной стороны, и между социализмом и мелким крестьянским хозяйством, с другой, не могут быть преодолены, разрешены одно без другого, ибо одно держится другим: если мелким товарным хозяйством ежечасно рождаются, его существованием поддержива-

ются капиталистические элементы, то они в свою очередь влекут это хозяйство на капиталистический путь с того социалистического, по которому ведет его пролетарская диктатура. Поэтому процесс социалистического строительства не может не быть двусторонним процессом одновременного разрешения обоих этих противоречий. И эта одновременность достижима при помощи лишь таких орудий, которые являются в одно и тоже время и орудиями социалистической переделки крестьянского хозяйства, перевоспитания мелкого товаропроизводителя в деревне, и орудиями борьбы с новой буржуазии переходной эпохи.

Эти орудия—командные хозяйственные высоты, перешедшие из рук буржуазии в руки пролетариата, и среди них прежде всего крупная социалистическая промышленность, а затем такие—тоже социалистические по своей роли,—приводные ремни между этой промышленностью и мелким крестьянским хозяйством, как госторговля и кооперация. Экономическая связь между социалистическим городом и крестьянской деревней с ее миллионами мелких хозяйств возможна только на почве развития товарооборота между ними. И весь ленинский план социалистического строительства на почве нэпа был рассчитан на эту возможность, при наличии «командных высот» в руках пролетариата. Ленинский план предполагал при этом ряд этапов на пути социалистического строительства, прежде, чем «мы в состоянии будем пересесть, выражаясь фигурально, с одной лошади на другую, с лошади экономий, рассчитанных на разоренную крестьянскую страну, на лошадь, которую ищет и не может не искать для себя пролетариат, на лошадь крупной машинной индустрии, электрификации, Волховстроя и т. д.», прежде чем на эту лошадь пересядет в индустриализованной стране и сам мелкий крестьянин в массе, заменив свое мелкое хозяйство крупным коллективным.

Уже то ленинское отступление, перегруппировка сил и наступлений, о котором так много говорилось в период XIV с'езда, против ревизии ленинского учения о нэпе «новой оппозицией», уже эта триада показывает, каким сложным и многоэтапным представлялся В. И. Ленину путь нашей страны к социализму. Различие между его кооперативным планом 1918—1921 г. и тем же планом 1923 г. и различие в его отношении к госкапитализму в пролетарском государстве в эти же годы, о котором также много говорилось во время борьбы с «новой оппозицией», указывает на то же самое. Эти два кооперативных плана отнюдь не исключают, а взаимно пополняют друг друга. Первый из них говорит о «кооперативном капитализме», как особом виде государственного капитализма, позволяющем и здесь, в кооперации, наряду со всем хозяйственным строительством «использовать капитализм (в особенности направляя его в русло государственного капитализма), как посредствующее звено между мелким производством и социализмом» (слова Ленина о задаче по отношению к капиталистическим элементам народного хозяйства,—в первый период

нэпа). Но в перспективе этого «кооперативного капитализма» уже тогда, в 1921 году намечается В. И. Лениным преодоление капиталистических элементов в кооперации: ... «кооперация, как форма торговли,—говорит он,—...облегчает об'единение, организацию миллионов населения, затем населения поголовно, а это обстоятельство в свою очередь есть гигантский плюс с точки зрения дальнейшего перехода от государственного капитализма к социализму». Второй же план,—план 1923 года,—говорит уже о следующих этапах развития кооперации, тех этапах, когда она превращается действительно в поголовное кооперирование всего крестьянского населения (о нем идет в первую голову речь), и не только в области товарооборота, но и в области производства, когда кооперативные предприятия превращаются в равнозначащие социалистическим, как работающие на государственной земле и государственными средствами производства (кооперативные предприятия «ничем не отличаются,—говорит В. И.,—от предприятий социалистических, если они основаны на земле, при средствах производства, принадлежащих государству, т.-е., рабочему классу»).

Решающий этап нашей экономической борьбы с капитализмом, преодоления и вытеснения его, наступает в период социалистической реконструкции хозяйства, создающей условия для действительной пересадки с лошади мужицкой на лошадь крупной машинной индустрии. Это этап, когда—по Ленину,—электрификацией страны и ее индустриализацией (развитие крупной индустрии, производящей средства производства) создается материальная база и для полного технического переоборудования всей промышленности, и для перехода мелкого крестьянского хозяйства от массового кооперирования в области товарооборота, закуп-сбыта и—главным образом,—первичных форм производственного кооперирования к массовому производственному кооперированию в форме крупного коллективного хозяйства. «Если мы построим десятки районных электрических станций,—говорит Ленин,—если мы проведем энергию от них в каждое село, если мы добудем достаточное количество электромоторов и других машин, тогда не потребуется переходных ступеней, посредствующих звеньев от патриархальщины к социализму или почти не потребуется».

А красноречивые цифры и факты,—тот итог этих цифр и фактов, который дан последним, ноябрьским пленумом ЦК,—показывают, что всего за пять лет без Ленина пролетарская диктатура действительно смогла создать необходимейшие материальные предпосылки для того, чтобы уже теперь начать переходить к социалистической реконструкции промышленности на базе более высокой техники, чтобы уже теперь начать вести деревню по пути не только первичного производственного кооперирования, но и по пути прямой, гораздо более широкой и интенсивной, чем до сих пор, коллективи-

зации хозяйств ее бедняцких и передовых середняцких кадров. В отдельных ветвях народного хозяйства (цензовая промышленность, хлебозаготовки и т. п.) она уже перешла к прямому вытеснению капиталистических элементов. Не значит ли это, что, вопреки всему паникерству «правых» и «левых» уклонистов, ленинский метод социалистического строительства, ленинский метод разрешения основных противоречий переходной эпохи не только до конца усвоен партией, которая руководит пролетарской диктатурой, но и правильно применяется ею?

Чем ближе мы к этапу вытеснения капиталистических элементов, тем больше они вооружаются для борьбы против нас, тем ожесточеннее их попытки сопротивления наступлению социализма и тем острее классовая борьба на почве этого сопротивления. Именно такой период, именно этими причинами вызванного обострения классовой борьбы переживаем мы теперь. Это неизбежное обострение осложняется и усиливается тем обстоятельством, что при всех успехах нашего социалистического строительства, при всей неуклонности, с которой руководилась наша партия учением Ленина о социалистическом строительстве, мы, благодаря ряду обстоятельств, благодаря наследию хозяйственного и политического прошлого нашей страны и т. д. имеем чрезмерное отставание сельского хозяйства от промышленности и неизжитый еще товарный голод. Это, создает еще возможности—правда, в неизмеримо меньших пределах, чем это было четыре—пять лет тому назад, но все-таки возможности—известного возрождения и «маневрирования» для капиталистических элементов города и деревни. Но именно это обязывает пролетарское государство, на данной ступени его социалистических достижений, с тем большей энергией развивать наступление на капиталистические элементы, в частности на кулака. Именно поэтому в ленинской формуле расстановки классовых сил в переходную эпоху партия делает сейчас особое ударение на борьбе с кулаком. Именно поэтому совершенным непониманием условий момента звучат крики правых уклонистов и примиренцев с ними о приостановке или ослаблении этой борьбы, этого нашего наступления на капиталистические элементы и о приостановке или ослабления нашего колхоз- и совхозстроительства. Но именно потому, что середняк все еще проявляет частичные колебания, а сельское хозяйство еще чрезмерно отстает от промышленности, тоже непониманием условий момента звучат и выкрики «левых» уклонистов, игнорирующих задачу дальнейшего укрепления союза с середняком, дальнейшего под'ема индивидуального хозяйства бедняцких и середняцких слоев деревни (с обязательным введением его в русло кооперации, с обязательным усилением колхоз- и совхозстроительства) и дальнейшего изживания товарного голода (без какого-либо снижения темпа развития тяжелой промышленности, темпа индустриализации).

V. Ленин и борьба за партию.

Если «диктатура пролетариата, есть самая ожесточенная, самая бешеная борьба», если социалистическое строительство есть «борьба еще более ожесточенная, еще более жестокая, чем борьба с Колчаком и Деникиным», и притом борьба еще более трудная, то для этой борьбы необходима та же централизованная, единая, спаянная железной дисциплиной партия-авангард, какая необходима для самого завоевания пролетарской диктатуры. И поэтому В. И. Ленин на всякую попытку подорвать «безусловную» централизацию, единство и дисциплину в партии при диктатуре пролетариата смотрел, как на попытку сломать диктатуру пролетариата, подорвать основное условие его победы в борьбе, оказать услугу классовому врагу. Поэтому В. И. Ленин оставался и при диктатуре пролетариата тем непреклонным, «бешеным» борцом за партию и единство, каким он был во всю жизнь. Но единство, за которое он боролся, никогда не было тем механическим об'единением в одних рядах разношерстных течений и теченьиц, групп и группочек, которое было «единством» для меньшевизма и для его троцкистской разновидности, которое является квинт-эссенцией организационной мудрости сапроновцев. Против *такого* единства Ленин вел такую же борьбу, какую вел против всей совокупности взглядов меньшевизма, троцкизма, сапроновщины и т. д. Единство, на охране которого стоял Ленин, было всегда единством на почве революционно-марксистской идейной выдержанности большевизма.

Борьба со всяким отклонением от большевистской линии неразрывно соединялась для него с борьбой за единство. Идейный уклон от этой линии для него являлся уже предпосылкой к возможности нарушения единства. И не было в партии никого, кто бы с таким вниманием, с такой зоркостью следил за отступлениями от большевизма в рядах партии. Он улавливал всякий уклон в зародыше, ибо знал, что каждое, даже маленькое разногласие, если дать ему разрастись, может вырасти в большой уклон, и каждая маленькая трещина в партии, порожденная этим разногласием, может вырасти в раскол. Он перед лицом всей партии и самих уклонистов всегда беспощадно вскрывал теоретические корни их заблуждения и перспективы той политической опасности, которую несло с собой это заблуждение. Так было на протяжении всей борьбы Ленина за идейную выдержанность партии, начиная с борьбы против струвизма 90-х годов и кончая последними боями В. И. с уклонами 1920—22 годов: с «рабочей оппозицией», троцкизмом и группой демократического централизма.

Но при беспощадной *идейной* борьбе со всяким уклоном с самого момента его проявления, В. И. Ленин в то же время с величайшей осторожностью шел на *разрыв* с носителями этих уклонов; он не порывал с ними, пока оставалась еще какая-нибудь надежда на возможность исправления ошибок уклонистов, или какая-нибудь

надежда выпрямлять их линию на совместной работе и борьбе. Известно, на какие жертвы шел В. И. Ленин после II с'езда прежде, чем порвать с редакцией «Искры» и меньшевистским крылом тогдашней партии. И, наоборот, он шел на открытый разрыв, на раскол, на беспощадное изгнание из партии, если течение, с которым он боролся, или если уклонисты внутри самой большевистской партии, вступали на путь службы классовому врагу, становились — вольно или невольно—прямыми соучастниками борьбы этого врага против пролетариата и его партии. Известно, как шел он еще на об'единение с меньшевиками в 1906 году, и как бесповоротно он рвал с теми же меньшевиками - ликвидаторами в период реакции и нового под'ема. Известно, какую позицию открытого раскола занял В. И. вместе со всей большевистской партией по отношению к II Интернационалу, по отношению ко всем социал-шовинистам всех типов и оттенков в период империалистической войны. Известно, как он вел т о л ь к о идейную борьбу с. тов. Каменевым и его сторонниками в апреле и осенью 1917 года (по поводу участия в демократическом совещании и в предпарламенте), а потом требовал изгнания того же тов. Каменева уже вместе с тов. Зиновьевым из партии за штрейкбрехерство в октябре 1917 года. Известно, какую идейную борьбу вел он с «рабочей оппозицией» и с троцкизмом в период X с'езда, и как в то же время проводил в ЦК и т. Шляпникова и Троцкого, а позднее, при прямом нарушении т. Шляпниковым решений X с'езда о «рабочей оппозиции», требовал исключения его из партии.

Таковы были ленинские методы борьбы с враждебными большевизму течениями и уклонами. Проводя эту борьбу, В. И. различал две основных линии этих враждебных течений внутри рабочего движения: одну—правую, открыто оппортунистическую, представленную западноевропейским и русским, меньшевистским ревизионизмом; другую—«левую», представляющую тот же оппортунизм «на изнанку», имеющую те же мелкобуржуазные корни, но не в мелком буржуа, идущем на сделку, на сотрудничество с буржуазией капиталистической, а в мелком буржуа, «взбесившемся» от бед и гнета капитала. Уклоны в нашей, большевистской партии были для Ленина всегда уклонами к одному из этих двух основных «врагов внутри рабочего движения». Они всплывали в партии то разновременно, то вместе, рядом друг с другом, и В. И., открывая борьбу против каждого из них, всегда расценивал их относительную опасность в соответствии с особенностями момента. Если имелись налицо оба эти уклона, он, открывая огонь на оба фронта, основные удары направлял по тому из них, который в данных условиях мог нанести или уже наносил наибольший вред осуществлению очередных задач партии.

Борясь «на два фронта», В. И. свою идейную и в определенных условиях организационную борьбу с враждебными течениями внутри рабочего движения и с уклонами внутри партии распространял и на п р и м и р е н ч е с т в о с ним. Примиренчество было для него всегда

выражением политической беспринципности, тем более вредной и опасной, чем более соблюдалась примиренцами ортодоксальная внешность, чем более прикрывалась эта беспринципность революционной фразой. В обычных для примиренцев «криках об единстве», которые направлялись ими против идейной непримиримости большевизма, он видел и разоблачал прикрытие оппортунизма, поощрение его и оппортунистическое стремление превратить партию в парламент мнений.

Эти ленинские методы борьбы с уклонами и примиренчеством к ним и ленинский выбор направления главного огня в этой борьбе в зависимости от условий момента, наша партия усвоила в достаточном совершенстве сама и сумела передать Коминтерну, ими проникнуть непрерывную борьбу Коминтерна за большевизацию компартий.

Однако, беспощадная борьба с уклонами далеко не исчерпывает всех ленинских средств способов борьбы за сплоченность партии.

Не кто иной, как В. И. Ленин выдвигал в качестве одного из основных условий сохранения единства, дисциплины и большевистской выдержанности партии регулирование ее роста в направлении решительного преобладания рабочих. Не кто иной, как В. И. Ленин, в качестве одного из средств урегулирования состава партии, рекомендовал чистку ее рядов от примазавшихся к ней, разложившихся и чуждых коммунизму элементов. Не кто другой, как В. И., выдвигал такое важнейшее средство развития политической активности, сознательности, а стало-быть большевистской выдержанности партийных рядов, как внутрипартийную демократию, всецело подчиняя эту идею идее безусловной централизации и железной дисциплины в партии. И, наконец, не кто иной, как он, был последовательным проводником идеи самокритики в партии, как оружия исправления ошибок и недостатков в работе, как орудия борьбы с отклонениями от ее большевистской линии и как орудия идейно-политического воспитания партийной массы.

Развертывание всей этой совокупности этих средств борьбы за единство и идейную выдержанность партии становится тем необходимее, чем дальше развертывается социалистическое строительство, чем глубже захватывает оно все стороны хозяйственной, политической и культурной жизни страны, чем сильнее поднимает оно к активному участию в этой жизни, в ее переустройстве все более широкие и глубокие пласты трудящегося населения страны. Чем дальше продвигаются победы социалистических элементов над капиталистическими, чем прочнее и всестороннее «крестьянская экономика» смыкается с экономикой социалистической, и чем ожесточенней становится сопротивление капиталистических элементов города и деревни, чем сложнее становятся задачи, стоящие перед пролетариатом, тем активнее должен быть и пролетариат и его авангард—партия, и тем крепче должно быть ее единство, тем менее допустимы колебания в ее рядах, тем большей должна быть политическая устойчивость, большевистская выдержанность каждого члена партии.

С. Бергавинов.
И. Н. Козлов.

О лесе, лесной промышленности и лесном экспорте.

(Пути увеличения поступления валюты).

> «Обеспечить такой рост экспорта, который был бы увязан в 5-ти летнем плане с нуждами импорта и накоплением валютных ресурсов».
>
> «Вместе с тем, план должен предусмотреть мероприятия в области лесного хозяйства, в особенности, в части рационального ведения (лесомелиоративные, лесокультурные и лесоустроительные работы), в целях правильного и более полного использования лесных богатств страны».
>
> (Из резолюции 15-го с'езда ВКП(б) о директивах по составлению 5-ти летнего плана народного хозяйства, п. 7).

Говорить о значении валютных резервов, значит повторять общеизвестные истины. И все же тот факт, что этот вопрос сейчас перед страной стоит, как актуальнейшая проблема, плотно связанная с общим темпом индустриализации,—это вряд ли всеми серьезно осознано и понято.

Так же общеизвестно, что огромный источник поступления валюты,—экспортный хлеб,—на ближайший период отпадает. Но не всеми организациями (и прежде всего центральными) приняты достаточно твердые меры к замене этого источника накопления валюты другими, вполне реальными мерами по экспорту.

Хотя истекший 1927—28 год и дал значительное превышение промышленного экспорта, превзошедшего довоенный уровень, мы все же утверждаем, что наши планирующие и оперативные органы **не сделали** всего того, что можно и должно, без особого труда, сделать. Такое утверждение мы, практические работники мест, базируем на состоянии лесного хозяйства, его промышленности и экспорта. В подтверждение попробуем разобрать весь «лесной» вопрос по частям.

I.

Лесному хозяйству за последнее время уделяется некоторое внимание в печати, при чем все больше и больше внедряется мысль, что лесной экспорт и лесная промышленность (и в целом—лесное хозяйство) должны играть **все большую** роль в ряду экономических «вышек» страны. И цифры это подтверждают.

Вся валовая продукция лесного хозяйства СССР оценивается суммой около 1.500 млн. руб. Экспорт в 1927—28 г. будет равняться, примерно, 95—97 млн руб.; оборот внутреннего рынка—около 800 млн. руб., побочные лесные пользования—свыше 300 млн. руб., продажа леса на корню будет,

примерно,—223 млн. руб. Все это говорит о большом удельном весе лесного хозяйства в общем балансе доходов СССР. Доходы в бюджет от отпуска леса за 5-летие выражаются (в млн. руб.) [1]):

	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31
По СССР	215,7	228,8	250,9	261,5	271,6
(В процентах	100,0	106,0	116,0	121,2	125,7)
В т. ч. по РСФСР, с авт. республиками	170,0	180,0	205,0	213,0	220,0

По другим источникам цифры лесного дохода исчисляются несколько выше. Во всяком случае, он по СССР в 1928—29 году, очевидно, будет около 270—330 млн. рублей, что составляет внушительный процент от общих бюджетных поступлений по СССР; особенно это заметно по РСФСР. И все же эти цифры, при наличии бесконечных богатейших лесных массивов в стране надо назвать явно недостаточными, и немалая причина этого заключается в нашей невнимательности к лесному делу.

Если бы мы сумели добиться в ближайшие годы резкого повышения отпуска леса, хотя бы за счет некоторого понижения попенной платы, то и тогда доходы только попенщины, по нашему мнению, могут удвоиться и составят цифру в 400—450 млн. руб.

Но дело эксплоатации леса у нас страдает от его неустроенности. Во многих областях нашего Союза, особенно на Севере, Дальнем Востоке и Сибири громадные лесные площади еще совершенно не устроены и даже не обследованы. Безусловно пора пересмотреть размер отпуска средств на дело обследования и устройства наших лесов и прежде всего в районах ныне используемых, как основные экспортные районы. Те средства, которые до сего времени отпускались на это дело, чрезвычайно скудны. Мы имеем по лесной площади РСФСР следующую картину:

Устроено	10%
Обследовано	20%
Не обследовано	70%

Мы имеем совершенно неподдающиеся подсчету ценности в нашем лесу, о которых у нас нет даже представления; а работа по обследованию наших лесов и их устройству не находится в разряде особо трудных работ, так как тут мы имеем дело не с недрами, которые требуют предварительной разведки в подземельи, либо закладки целых шахт, а с тем, что мы видим, что растет на земле.

Затраты на мероприятия по лесному хозяйству у нас составляют всего лишь 0,9 коп. на гектар. «Сумма» эта чрезвычайно недостаточна. Во всяком случае, для того, чтобы вывести лесную промышленность и лесной экспорт из того низкого уровня, в котором они сейчас находятся, нужно обратить внимание и на лесное хозяйство. Нам представляется, что в ближайшие 2—3 года надо поставить, как обязательную задачу — устроить и обследовать до 50% всей лесной площади РСФСР, и прежде всего, в основных лесопромышленных, экспортных районах—Северо-Двинском, в Северо-Восточном и Северо-Западном.

Наша страна, обладая богатейшими в мире лесными площадями, может и должна **на базе леса** (которому не страшен дождь или засуха,—его «урожай» стоит веками и ждет «жатвы») развивать мощную лесообрабатывающую и лесохимическую промышленность, главным образом, на экспорт.

---

[1]) См. журнал «Лесное Хозяйство» № 2 за 1928 г., стр. 4.

II.

Перейдем к лесной промышленности. Не будет большим преувеличением, если мы скажем, что органы ВСНХ ей почти не уделяли внимания. Лесная промышленность была на «задворках» и на нее смотрели, как на «дело девятое». Отсюда и все «качества»; отсюда, хотя бы тот факт, что в настоящее время ощущается большой кризис с пиломатериалом и на внутреннем рынке, дефицит которого на будущий год будет примерно 1½—2 млн. кубометров. Аналогично—и с круглым лесом (не говоря уже о лесоэкспорте, о котором речь будет дальше). Если сейчас не забить серьезную тревогу, мы можем пережить тяжелые моменты при осуществлении капитального строительства промышленности и жилищного строительства в 1928—29 г. из-за положения дел с лесными материалами. Надо уже сейчас принимать все меры к тому, чтобы этот кризис ослабить, ибо нехватка лесных материалов в размере до 25—30% от общей потребности, это—серьезный прорыв при наших напряженных планах строительства.

Мы уже не говорим о том, что лес нужен будет и для сельского строительства. Изношенность строений деревни за годы войны и революции, тем более в безлесных районах, как Северный Кавказ, Украина и Юго-Восток, вызвала чрезвычайно огромный спрос на лесные товары; этому способствовала и возросшая покупательная способность деревни. В связи с напряженным положением на рынке промтоваров приток хлеба из деревни мог бы итти гораздо большим темпом, если бы у нас были лишние запасы пиломатериалов—продукции лесной промышленности. В такие районы хлеба, как Сев. Кавказ и Украина, надо на ряду с промтоварами обязательно готовить и немалые запасы лесоматериалов, это несомненно усилит получение хлебофуража. Во всяком случае, внутренний рынок требует к себе чрезвычайно вдумчивого отношения. И надо сказать, что те рамки, в которых запроектирована лесная продукция для внутреннего рынка, являются недостаточными для удовлетворения нашего рынка.

Лесосырьевые возможности у нас неисчислимы. Но в то же время, сплошь и рядом, лесопромышленность не получает достаточного сырья только потому, что органы Наркомзема «берегут» лес, давая его в таких местах, в которых лес нельзя взять, ибо для этого там нужно произвести капитальные сооружения, канатные дороги, подвесные сооружения, узкоколейки и проч.

На эту тему достаточно много говорилось и писалось. Мы обращаем внимание читателей на довольно подробное освещение этого вопроса в нашей прессе [1]).

Во всяком случае, лесопромышленность не стоит вровень с нуждами внутреннего рынка и особенно с потребностями экспорта. Нужен кардинальный перелом во взглядах работников ВСНХ на лесопромышленность, причем перелом на практике, с тем, чтобы результаты этого перелома отразились в самое ближайшее время на темпах строительства и переоборудования этой отрасли промышленности. Только при таких условиях можно реально обеспечить потребности внутреннего строительства, а главное—выступить на внешнем рынке в таком виде и об'еме, которые соответствовали бы и удельному весу нашей страны, нашим общим запасам леса вообще и задаче накопления валютных резервов.

---

[1]) См. «Торг.-Промышл. Газету» № 266 от 16/XI—28 г. Этой темы касался в своей статье тов. Яковлев, когда он говорил о хозяйственных задачах предстоящего года. («Правда» от 28/X за № 252).

III.

ЭКСПОРТ ЛЕСА.

Ударной задачей нашей экономики в настоящее время является максимальное увеличение всех видов промышленного и сельскохозяйственного экспорта. Экспорт увеличивает наше валютное накопление и укрепляет наши финансы, он же является и лимитом для импорта, необходимого оборудования нашей промышленности, и т. д. Экспортные возможности СССР огромны и неиссякаемы. В то же время экспортная проблема является наиболее отсталым участком народного хозяйства, а среди этого отсталого участка особливо запущено важнейшее звено экспортной цепи—лес, по которому мы еще далеко не догнали довоенный уровень царской России, имея в 1928 году только 60% довоенного размера лесоэкспорта.

Мы можем без труда не только догнать, но и перегнать довоенный уровень и вытеснить наших соседей, которые благодаря нашей невнимательности к делу экспорта леса и негибкости заняли на мировом рынке прочные места. Чтобы иллюстрировать это, приводим данные о сырьевых ресурсах лесоэкспортирующих стран и о степени использования этого леса на экспорт:

	Удобная лесная площ.	Годовой прирост	Экспорт. леса 1927 г.	Экспорт 1927 г. сост. от прироста
	в тыс. гект.	в тыс. кубометров		в %
По СССР.				
Белое море и Ледовитый океан (Архангельск)	60.374	61.988	2.078	3,4
Сев.-Зап. район (Ленинград)	19.275	29.207	1.101	3,8
Зап. район—Белорус.	5.940	13.300	347	2,6
Кавказ	2.709	7.283	38	0,5
Карск. море (Обь, Енис.)	133.019	77.279	11	0,015
Дальне-Восточ. область	80.973	64.181	541	0,084
Всего по СССР	301.973	252.238	4.116	1,632
Швеция	23.520	48.900	5.910	12,1
Финляндия	25.300	43.000	10.525	24,5
Норвегия	7.344	9.700	800	8,2
Польша	7.600	21.000	10.700	51,0

Для иллюстрации того, как у нас развивается экспорт, приведем цифры его стоимости за несколько лет:

В 1924—25 г. . . . . . . 73,8 милл. руб.
„ 1925—26 „ . . . . . . 58,7 „
„ 1926—27 „ . . . . . . 80,6 „
„ 1927—28 „ . . . . . . 96—97 „

Из этого столбца мы просим читателей и руководящие органы обратить внимание на цифру экспорта 73,8 млн. руб.—в 1924—25 г. и 58,7 млн. руб.—в 1925—26 г. В самом деле, как могло случиться, что при общем под'еме народного хозяйства, при общем увеличении всех статей нашего вывоза мы имели в 1925—26 г. прорыв нашего лесного экспорта, примерно, на 15 с лишним млн. руб.? Больше того,—мы знаем, что

эта цифра не вызвала удивления и пристального внимания со стороны органов, планирующих лесную промышленность и лесной экспорт, не вызвала особого беспокойства о причинах «жизни такой». Уменьшение лесного экспорта на 15 с лишним миллионов валютных рублей в 1925—26 г. должно было бы стать предметом особого разбирательства, предметом пристального анализа в органах всей лесной и прежде всего экспортной промышленности. Но, к сожалению, этого до сего времени сделано не было и все прошло «спокойно», незаметно. Это ли не образец нашего чиновничьего благодушия и, мы бы сказали, комчванства? К сожалению, мы и теперь не можем сказать, следствием какой именно причины было такое резкое понижение экспорта леса и чем оно было возмещено со стороны промышленности?

Этому мы можем противопоставить то, что думал и писал Владимир Ильич о лесе в статье «Об едином хозяйственном плане», подвергая подробному анализу план «Гоэлро»:

«Увеличение заготовок леса и сплава его за границу могло бы дать при этих условиях до полумиллиарда валютных рублей в год в ближайшее время».

«Ежегодная выручка за северный лес может в ближайшие же годы достигнуть величины нашего золотого запаса». (Ленин, том XVIII, часть 1, стр. 84. Курсив наш. *Б.* и *К.*).

Так писал и думал о лесе Владимир Ильич в феврале 1921 г. И как это расходится с цифрами и фактами по лесному экспорту в 1924—25 г. и в последующих годах!

Во всяком случае, наши конкуренты, наши противники, пользуясь этакой нашей обломовщиной, из года в год повышали вывоз леса, о чем красноречиво и говорит таблица о развитии лесного экспорта СССР и других стран по сравнению с 1913 г. [1]).

ГОДЫ	СССР		Финляндия		Швеция		Польша		Чехо-Словакия	
	в тыс. кубмет.	%	в тыс. кубмет.	%	в тыс. кубмет.	%	в тыс. кубмет.	%	в тыс. кубмет.	%
1913	7.330	100	8.590	100	6.805	100	4 000	100	4.000	100
1922	755	10	6.700	78	6.050	89	3.350	84	3 550	89
1923	1.755	23	7.570	88	5 590	87	4.525	113	6.310	159
1924	3.585	46	7.845	91	5.600	82	3.320	83	6.725	168
1925	3.925	51	8.560	100	5'695	84	5 410	135	5.910	148
1926	3 310	43	8.925	104	5.050	74	8.450	206	3.720	93
1927	4.117	53	10.525	123	5.910	87	10.700	268	5.315	133

Из этой таблицы видно, как чрезвычайно медленно, бюрократически развивается наш экспорт и как быстро подымают свой экспорт такие страны, как Польша, Финляндия и Чехо-Словакия. Отсюда приходится делать печальные выводы, что благоприятные условия в смысле эксплоатации и в смысле общих запасов нашего леса, нами не только в достаточной степени не используются, но в буквальном смысле слова — игнорируются. Эта таблица может наглядно характеризовать нам: 1) как мы очень медленно увеличиваем наш бюджет — наши поступления от лесных доходов, 2) как мы отказываемся от притока валюты, в которой мы сильно нуждаемся и 3) как мы способствуем укреплению позиции на международном лесном рынке наших капиталистических конкурентов. Конечно, у нас

[1]) Из матер. междун. лесн. торг. Книга «Лесн. эксп. СССР в 1926—27 г.». Изд. Сов. Лесн. Трестов.

нет твердых оснований обвинять кого-либо, что снижение лесного экспорта, его чрезвычайно медленный темп развития кем-то делается сознательно. Но одну из больших причин черепашьего развертывания лесного экспорта надо бесспорно искать в самой промышленности и капитальных затратах на нее.

Капитальные затраты на промышленность по лесоэкспорту были произведены.

В 1925/26 г. на сумму $7^1/_2$ млн. руб.
" 1926/27 " " " $10^1/_2$ " "
" 1927/28 " " " 12 " "

Эти цифры ярко говорят, что капитальные затраты на лесоэкспортную промышленность были до безобразия мизерны. Всем, кто соприкасается с этой промышленностью, с лесным экспортом, известно, что большинство наших заводов построены в 80—90 годах прошлого столетия. Ожидать от этих заводов и дешевизны продукции, и большего эффекта невозможно, и даже диву даешься, что они за последние 7 лет все же дали не одну сотню миллионов валютных рублей. Лесной экспорт властно требует, чтобы заводы, работающие на экспорт, были в кратчайший срок переоборудованы и построены новые.

Все те цифры, которые мы приводили, говорят исключительно за то, что до сего времени было мало уделено внимания этому больному запущенному вопросу. Лесная промышленность относится к числу тех немногих и почти единственных отраслей промышленности, которая на один затраченный рубль в червонцах может через год и максимум через полтора давать 80—90 коп. в валюте. Завод, строительство которого обойдется в $3^1/_2$—4 млн. руб., в первый же год своей работы может давать продукцию на 3—4 млн. руб. валюты.

Это как будто считается совершенно бесспорным фактом, а между тем капитальное строительство лесной промышленности продолжает влачить свое, поистине, жалкое существование. Нам нужен такой план, который обеспечивал бы стройное развертывание капитального строительства лесоэкспортной промышленности из года в год. На существующих заводах мы многого сделать не можем. Сплошь и рядом мы не можем произвести рационализацию производства только потому, что имеем чрезвычайно устаревшие заводы, которые выпускают дорогую продукцию. На таких заводах, подобных старым галошам, трудно проделать серьезную рационализацию и реконструкцию производства, ибо здесь мы имеем самую отсталую, самую азиатскую и дорогую технику, которая осложняет и выполнение задач по снижению себестоимости и удешевлению продукции, т.-е. директив XV партийного с'езда.

На все эти вопросы неоднократно указывалось, в частности и на XV с'езде ВКП(б) также были попытки поставить этот вопрос, получившие одобрение руководителей нашей промышленности. Тов. Куйбышев заявил: «Я думаю, что товарищ, выступавший здесь от архангельской организации, был совершенно прав, заявляя, что нам нужно обратить сугубое внимание на развитие лесной промышленности». Или в другом месте: «Во всяком случае, тот темп, который взят нами, не может считаться преувеличенным, а скорее преуменьшенным, его нужно постараться превзойти, тем более, что в лесной промышленности много зависит от вложения средств, не достигающих особенно больших размеров».

За последнее время нашей прессой этому вопросу было уделено достаточно много внимания. Мы обращаем внимание читателей на передовую «Правды» от 26 августа 1928 г., где по вопросу о лесе говорится:

«Действительно, может ли наша страна, хотя бы в малейшей мере, довольствоваться, например, «достижениями» в области экспорта леса? Ко-

нечно, нет. Ведь нынешний экспорт леса значительно отстает от довоенного, а сравнительно с экспортом такой мелкой страны, как Финляндия, где ресурсы в несколько десятков раз ограниченнее ресурсов союзных, он в несколько раз меньше. Разве такое положение свидетельствует о действительно серьезном подходе к проблеме экспорта? Конечно, нет».

И несколько ниже:

«Наши органы далеко еще не подошли вполне конкретно к путям и методам поднятия экспорта в своем районе, в своем округе. Этот из'ян— под руководством партийных органов, ответственность которых за успех экспорта исключительная,—должен быть спешно исправлен».

Нельзя также пройти мимо и передовицы «Экономической Жизни» от 5 сентября 1928 г., которая посвящена разбору капитального строительства в лесной промышленности, работающей на экспорт, и в нефтяной, а также импорту для этих отраслей промышленности. В статье говорится: «Для примера укажем, что в нашем общем импорте оборудования ввоз для нефтяной промышленности составлял в 1926—27 г.—15,2%, а для лесной промышленности лишь около 2%».

Мы добавим к этому, что импорт для нефтяной промышленности за 1925—26, 1926—27 и 1927—28 г. составлял, примерно, 61½ млн. руб., а для всей лесной промышленности за эти же три года — всего лишь 7.700 тыс. руб., в то время, как товарная продукция лесной промышленности за эти годы составляла, примерно, в 1—1½, а в некоторых случаях и в два раза больше нефтяной промышленности. Или другое сравнение: экспорт нефти за эти три года дает, примерно, 259 млн. руб. валютной выручки, а лес за эти же три года дает 238 млн. руб. валютной выручки. Чтобы нагляднее иллюстрировать картину, как мало обращалось внимания со стороны органов Наркомторга и ВСНХ на импорт для лесной промышленности, и иллюстрировать всю однобокость решения этого вопроса, приводим следующую справку по нашему главному лесоэкспортному тресту— находящемуся в Архангельске—«Северолес»:

Период	Оборудован. для существующих заводов			Оборудование для предполож. к постр. заводов			Всего		
	Заявка Северолеса	Разрешено к ввозу	% удовлетв.	Заявка Северолеса	Разрешено к ввозу	% удовлетв.	Заявка Северолеса	Разрешено к ввозу	% удовлетв.
1921/22 г.[1]) .	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1922/23 „[2]) .	—	4.375	—	—	—	—	—	4.375	—
1923/24 „[3]) .	—	108.325	—	—	—	—	—	108.325	—
1924/25 „[4]) .	—	264.670	—	—	—	—	—	264.670	—
1925/26 „ .	554.250	117.500	21	894 460	—	—	1.448.710	117.500	—
1926/27 „ .	157.000	64.550	41	1.448.475	198.200	13	1.605.475	262.750	8
1927/28 „ .	173.100	—	—	1.279.670	—	—	1.452.770	—	16
Итого . . .	884.250	559.420	—	3.622.605	198.200	—	4.506.955	757.620	—

Эта справка говорит о том, что даже более чем скромные заявки «Северолеса» и на оборудование для существующих заводов и на оборудование предположенных к постройке новых заводов удовлетворялись в размере

[1]) В 1921/22 г. импортировались только продукты питания и техноматериалы.

[2]) Предварительные заявки не требовались, контингент импорта устанавливал Наркомвнешторг.

[3]) То же.

[4]) То же.

10—12%, а то и совершенно не удовлетворялись. В то же самое время «Северолес» с 1921 г. по 1928 г. передал государству одной только валюты 134.074.961 руб.

Вся же сумма государственных доходов от этого треста за те же годы выражается:

Начисл. было за	Попенная плата (прибл.)	Налоги и сборы		
		Патент и уравн. сборы	Суд. регистр. герб. и мест.	Всего
1921—22 г.	—	—	—	—
1922—23 „	10 500.000 —	—	—	1.000.000 —
1923—24 „	—	—	689.718 83	689.718 83
1924—25 „	7.274.162 09	674.508 64	435.393 52	1.109.902 19
1925—26 „	5.730.017 47	420.915 72	296 873 42	717.789 14[1])
1926—27 „	6.000.000 —	500.000 —	350.000 —	850.000 —
Всего . . .	29.504.179 56	—	—	4.367.410 13

Начисл. было за	Выручено от продажи на внешнем рынке		Примечания.
	В рублях	Фунт. стерлинг.	
1921—22 г.	—		
1922—23 „	28.000.000 —	2.352.941	
1923—24 „	27.344.088 84	2.902.769—10 3	
1924—25 „	33.529.236 26	3.559.366—17 9	9—42 (курс)
1925—26 „	31.501.542 59	3.444.112—15 6	
1926—27 „	21.700.093 40	2.297.412	(ориентировочно) а" 9.45
Всего . . .	134.074.961 09	14.455.600	

Стоит сравнить все эти доходные цифры, только одного «Северолеса» с вышеприводимыми цифрами затрат на капитальное строительство и импорт всей лесопромышленности, как невольно напрашивается вывод, что эта промышленность действительно была на задворках. Пора, давно пора ее поставить, если не к «парадному» крыльцу, то во всяком случае на видное место!

Импорт для лесной промышленности требует решительного пересмотра в сторону его расширения. В импортном вопросе для лесной и особенно лесоэкспортной промышленности надо внести решительный корректив, так как своего отечественного машино- и станко-строения мы еще не имеем, и лесная промышленность в области машин, необходимых для лесопиления, зависит исключительно от заграницы, от таких фирм, как Болиндер, Гофман и др. (Швеция, Германия и др.).

Вместе с тем мы должны обратить внимание и на вопросы химизации лесного дела, в котором еще почти ничего не сделано. Вопросы

[1]) Эта сумма поставлена без поступлений от продажи комитентских товаров Р. 638.807 79.

химизации страны занимают сейчас большое место в работе наших правительственных органов и надо произвести решительный сдвиг в сторону внедрения химических процессов в использование древесины. Мы имеем все данные к тому, чтобы поставить вопрос об уменьшении продукции лесной экспортной промышленности по своему физическому об'ему, увеличив ее по валютному выражению. Это можно будет сделать лишь тогда, когда мы серьезно поставим дело вывоза из СССР не только пиломатериалов (круглый лес), но и все то, что может получиться от химической переработки древесины (целлюлоза, скипидар, вискоза). Сейчас мы имеем такое положение, что отбросы лесопильного производства составляют большую статью накладных расходов, так как их требуется вывозить и сжигать в то время, как при химической переработке мы могли бы их превращать в продукцию, за которую получили бы валюту.

Нельзя дальше терпеть такого варварского положения богатых нищих, когда на севере мы имеем непроизводительно бросаемый в лесах еловый мелкий товарник, не используемый для лесопиления, но прекрасно могущий быть использованным, как первоклассное сырье для целлюлозно- и древесномассового производства, идущее на экспорт.

Пора поставить и разрешить задачи создания и расширения лесохимического производства. Это должно получить свое разрешение еще в настоящем году, в частности надо смелей и решительней двигать дело постройки в Архангельске лесоцеллюлозного комбината (стоимостью до 50 млн. руб., производительностью 100 тыс. тонн экспортной целлюлозы).

Несмотря на решение президиума ВСНХ СССР о начале работ по строительству этого комбината с весны 1929 г., у нас есть веские опасения, как бы не пришлось встретиться с годовой, если не больше, оттяжкой, ибо ВСНХ'овские «недра» (Главлесбум) исключительно с сим делом медлят, а строительный сезон подходит.

Нельзя умолчать и о том, что целый ряд наших отдаленных мест на крайнем севере и на Дальнем Востоке, могущие стать базами лесоэкспортной и лесохимической промышленности, до сих пор совершенно не затронуты в этом отношении. Дальний Восток, обладая миллионами гектар леса, имеет под боком у себя такой лесной рынок, как Япония, потребляющая в год экспортного леса на сумму до 100 млн. руб. И в то же самое время мы с Дальнего Востока экспортируем нашего леса всего лишь на 13—15 млн. руб. На Дальнем Востоке мы имеем совершенно не исследованные и необ'ятные области работы в деле экспорта леса, так как рядом с Дальним Востоком есть совершенно непочатые рынки на всем Тихоокеанском побережье (Япония, Китай, Австралия, Индия, Тихоокеанские острова).

По нашему мнению, лесной экспорт может служить тем звеном, ухватившись за которое мы можем и должны тянуть большой конец всей экспортной цепи нашего хозяйства. Для всех ясно, что в ближайшие 2—3 года нам вряд ли удастся восстановить свой хлебный экспорт, и мы должны искать такой промышленный экспорт, который позволил бы нам при меньшем вкладывании средств, чем в другие отрасли промышленности, получить гораздо больший валютный эффект. Промышленностью, соответствующей этим требованиям, является, прежде всего лесообрабатывающая.

Экспорт леса в ближайшие годы должен получить совершенно новый неслыханный темп. Этого можно будет добиться только при решительной инициативе и поддержке наших руководящих центральных организаций. Эта задача требует такого построения плана и такого пересмотра всех капитальных затрат в лесной промышленности по пятилетке, которые обеспечивали бы ей темп вытекающий из наших валютных интересов.

Несомненно, что и сама лесная промышленность имеет довольно много организационных и технических недочетов, но это сравнительно легко может быть быть устранено при внимании к ней. Во всяком случае, сделать это будет легче, чем сделать необходимый и неизбежный (рано или поздно) перелом в деле усиления внимания и забот на этом участке.

Чтобы решить все эти жизнью выдвигаемые вопросы леса, мы должны в самое ближайшее время.

Добиться практического перелома в работе всех центральных организаций в сторону неизмеримо большего внимания, помощи лесному вопросу в целом и, прежде всего, лесоэкспортной промышленности, которая должна играть крупнейшую роль в деле накопления валюты.

В ближайшие 2—3 года надо обследовать и устроить до 50% наших лесов, и в первую очередь леса, уже эксплоатируемые на экспорт и тяготеющие сплавом к портам, где и сосредоточена лесоэкспортная промышленность (Беломорский и Северо-Западный районы).

Теперь же решительно двинуть дело переоборудования лесообрабатывающей промышленности (главным образом, экспортной) и строительство новых лесозаводов для переработки древесины. В районе портов и в районах, обеспеченных сырьем, строить большие заводы (8—12 рам), а в совершенно ныне не используемых лесных массивах, удаленных от сплавных путей, строить малые (1—2 рамы) переносные лесозаводы, доставляя отсюда переработанную древесину гужом к железнодорожным веткам.

Для этой цели надо пересмотреть планы капитальных вложений и обязательно выкроить дополнительно 30—40 млн. руб. на импортное оборудование и новое строительство лесоэкспортной промышленности. Дополнительно 30—40 млн. руб. можно без риска сюда вкладывать, ибо они в самое ближайшее время вернутся с лихвой в валюте.

Эти дополнительные средства должны быть употреблены и на начало развития лесохимической промышленности, при чем в первую очередь необходимо ускорить темп строительства архангельского лесоцеллюлозного комбината.

Мы считаем, что работа комиссии тов. Яковлева, при КК—РКИ, наметившей увеличение лесоэкспортной программы до 180 млн. руб., основана на полной возможности выполнения таких заданий. Опасения некоторых работников, связанных с лесными вопросами, за реальность этого плана, основаны на их неповоротливости, спокойном равнодушии и незнании наших возможностей.

Такие задачи лесоэкспорта требуют и от огранов Наркомторга более гибкой, подвижной политики запродаж на внешнем рынке и своевременного фрахта тоннажа, запаздывание которого каждый год нам обходится в сотни тысяч валютной выручки. В истекшую навигацию 1928 г. поздние продажи, и, как следствие этого, поздний фрахт и повышенная страховка товара и тоннажа обошлись по одному только Архангельскому порту в 300—350 тыс. руб. валюты, выброшенной на ветер. Кроме того, политика поздних продаж не позволила вывезти всего товара из Архангельского порта. Там остались невывезенными около 11 тысяч стандартов пиломатериалов, которые в общей сложности стоят около полутора миллиона рублей валюты.

Для того, чтобы решить все эти «лесные вопросы», чтобы правильнее к ним подойти, нужно всю эту лесную проблему поставить на одном из ближайших пленумов ЦК партии (или СТО) с вызовом работников основных лесопромышленных районов и работников лесного экспорта.

Эта лесная задача требует усиления лесной промышленности крепкими, руководящими, достаточно авторитетными работниками, которых лесной промышленности сейчас нехватает и которые бы смело и решительно

продвигали вперед решение больших задач, стоящих перед Советским Союзом.

Исходя из опыта нашей работы, связанной с лесной промышленностью и лесным экспортом, мы утверждаем, что без постановки этого вопроса на одном из заседаний пленума ЦК партии (или СТО) решительного перелома в этом вопросе мы не добьемся. Достаточно сказать, что та программа, которая утверждена СТО по лесному экспорту на 1929 г., по целому ряду признаков и недостатков (хлебофураж, финансирование, промтовары) сейчас уже ставится под угрозу невыполнения.

В этой статье мы не претендуем на всестороннее и полное освещение вопросов «леса, лесной промышленности и лесного экспорта». Мы пытались из того материала, который у нас есть под руками, доступно и популярно осветить этот, по нашему мнению, больной и запущенный, но чрезвычайно большой вопрос перед широкой партийной массой — читателями «Большевика».

Если нам удастся вокруг этого вопроса мобилизовать партийное мнение, мы бы считали свою задачу выполненной.

Я. Бумбер.

Дальнейшие вехи колхозного строительства.

Окончание [1]).

6. Повышение уровня обобществления. Ускорение перерастания низших форм в высшие.

Материально-технический рост колхозов и дальнейшее развитие их социально-экономической формы, т.-е. повышение уровня обобществления в них, взаимно стимулируют друг друга. Рационализация материально-технической базы ведет к развитию процессов обобществления и, наоборот, повышение уровня обобществления создает трамплин для реализации новых материально-технических достижений.

Вышесказанное о методах решения наиболее актуальной в данный момент задачи колхозного строительства—всемерной рационализации, под'ема технико-производственного уровня (укрупнение, специализация и т. д.) колхозов выступает, поэтому, с другой стороны, как средство повышения социально-экономического уровня, роста элементов обобществления в них. Это отнюдь не значит, что понятия технико-производственной рационализации и роста элементов обобществления идентичны.

Обобществление сельского хозяйства—центральная задача, альфа и омега экономической политики строящего социализм рабочего класса СССР. Обстоятельное изучение всех направлений и рычагов ее разрешения представляет поэтому и исключительное теоретическое, и величайшее практическое значение. Технико-экономическая рационализация коллективного сельского хозяйства не имеет для нас самодовлеющего значения. Она важна прежде всего как средство форсирования процесса обобществления. Тем больше должно быть уделено внимания непосредственному учету и изучению процессов обобществления как таковых.

Особенно это относится к колхозам. Если другие формы сельскохозяйственной кооперации развиваются на основе простого товарного хозяйства, правда, оказывая на него обратное воздействие, то великое значение колхозов состоит как раз в том, что они являются лабораториями непосредственной добровольной самоликвидации крестьянской индивидуальной частной собственности и базирующегося на ней уклада простых товаропроизводителей, т.-е. лабораториями практического координирования и сложнейшего переплетения разных выражений процесса обобществления.

В настоящей статье мы, конечно, не имеем возможности охватить сколько-нибудь исчерпывающе этот широкий круг вопросов. Рассмотрим лишь некоторые, наиболее актуальные. Прежде всего и главным образом остановимся на вопросе, имеющем актуальное практическое значение для

[1]) См. «Большевик» № 21—22, стр. 28.

колхозного строительства, на вопросе наиболее выгодного соотношения колхозных форм в разрезе обобществления.

Нельзя сказать, что учитываемая нашей статистикой на основе существующей классификации динамика колхозных форм отражает сколько-нибудь удовлетворительно и точно действительные сдвиги в социально-экономической структуре колхозов. Но в виду того, что пока не разработана научная классификация колхозных форм, а там, где действует закон больших чисел и наличная классификация примерно выявляет основные процессы—приходится удовлетвориться имеющимися, составленными на основе уставных различий, данными.

Если взять соотношение основных уставных форм в начальный и теперешний период колхозного строительства, то выявляется следующий характерный сдвиг.

К концу 1918 года из общего числа 1.579 колхозов приходилось: на коммуны 61,8%, на артели—38,2%, товарищества по общественной обработке земли—отсутствовали.

Структура колхозной сети в последнее время, как видно из нижеприводимых данных, совершенно другая.

СООТНОШЕНИЕ КОММУН, АРТЕЛЕЙ И ТОВАРИЩЕСТВ [1]).

(в %% к общему итогу)

Район	Время	Коммун	Артелей	Товариществ по обществ. обработке земли
РСФСР	на 1/I — 28 г.	10,6	44,3	45,1
	на 1/V — 28 г.	6,9	32,3	60,8
УССР	на 1/I — 28 г.	3,5	30,0	66,4
	на 1/V — 28 г.	2,7	23,5	73,8
БССР	на 1/I — 28 г.	12,9	72,4	14,6
	на 1/V — 28 г.	10,5	76,4	13,1

Итак, если в начале колхозного строительства преобладающей формой является коммуна, т.-е. форма с высоко развитым уровнем обобществления, то теперь, наоборот, удельный вес коммун крайне ничтожен,—преобладают товарищества, т.-е. форма с самым низким уровнем обобществления. Если сравнить положение на 1 января текущего года с состоянием на 1 мая, то и на протяжении всего нескольких месяцев обнаруживается колоссальный дополнительный сдвиг в этом же направлении. Громадный прирост текущего года касался всех форм: абсолютно увеличилось и число коммун, и число артелей и товариществ. Но темп прироста их совершенно разный. Темп прироста низшей формы—товарищества—настолько преобладает над темпом прироста высших форм, что и так низкий удельный вес последних еще значительно понижается. Темп прироста трех основных форм выражается за текущий год в следующих числах (на 1 октября с. г.): коммун—25%, артелей—41%, товариществ—295,6%, 25% против 295%!

Параллельно с этим буйным ростом простейших колхозов совершалось мощное развертывание так называемых простейших производственных об'единений (машинных, мелиоративных, семеноводческих и т. д. товариществ). В текущем году их численность поднялась до 22.225 против 13.276 в 1927 г.

Спрашивается, следует ли расценивать этот исключительно мощный прирост простейших форм, характерный для последней полосы в колхозном строительстве, как отрицательное явление? Сигнализирует ли он необходимость пойти в ближайшее время на некоторое свертывание темпов нарождения низших форм? Такие голоса кое-где раздаются. Вопрос о наиболее выгодном соотношении разных форм колхозов безусловно чрезвычайно актуален, ибо систематическая «порча» социально-экономической структуры колхозов, снижение их среднего уровня обобществления, действительно, проходит красной нитью через всю последнюю полосу развития. Установилась совершенно прочная, непреклонная, четко выраженная тенденция в этом направлении. Но прежде, чем ответить на него, остановимся вкратце на некоторых теоретических исходных положениях.

[1]) По предварительным данным переписи ЦСУ СССР, произведенной в 1928 г.

Наследство прошлого, доставшееся в результате пролетарской революции рабочему классу СССР,—в социально-экономическом отношении весьма разнородно. Если огромную преобладающую часть капиталистических производственных отношений можно было снести путем экспроприации эксплоататоров, национализации их капиталов, то по отношению к бедняцко-середняцкому крестьянству метод экспроприации средств производства неприменим. Совершенно очевидно, что для построения социализма необходима ликвидация и класса крестьян, и находящейся в основе его социально-классового бытия индивидуальной частной собственности. Частная собственность крестьянина середняка и бедняка представляет, правда, не капиталистическую, а индивидуальную собственность. Тем не менее и она—разновидность частной собственности и как таковая—основа стихийности, бесплановости, анархичности хозяйства, почва вырастания новой капиталистической собственности и т. д. Без ликвидации крестьянской индивидуальной частной собственности на средства производства невозможно уничтожение классового общества и стоящих в основе его укладов.

Владимир Ильич неоднократно подчеркивает значительные трудности, с которыми сопряжено уничтожение класса крестьян, как и совершенно особый характер и формы борьбы между рабочим классом и крестьянством в период социалистического строительства. Правда, основная масса крестьянства, середняцкое крестьянство является союзником рабочего класса в социалистическом строительстве. Но этот союз не исключает, а наоборот, предполагает борьбу между двумя основными классами переходного периода «Систематическое руководящее воздействие (тоже—борьба, но особого рода, преодоление известного, правда, совсем иного сопротивления и совсем иного рода преодоление) на всех трудящихся, кроме пролетариев» [1]).

«Систематическое руководящее воздействие», направленное к организации добровольной самоликвидации крестьянства, как класса, должно обеспечить и уничтожение крестьянской индивидуальной частной собственности на средства производства, заменяя обобществление через экспроприацию добровольной самоликвидацией. Но этот процесс по неизбежности растягивается, принимает форму эволюции, на развертывание и завершение которой требуется целый переходный период.

В отличие от ураганным темпом осуществленного обобществления крупной промышленности в растянутом на целый период процессе обобществления мелкого и мельчайшего крестьянского с. х. помимо его добровольности и эволюционности, много других особых черт. В процессе обобществления крестьянского с. х. должна быть осуществлена и концентрация его распыленных производительных сил и замена их производительными силами типа современного передового сельского хозяйства. Это тоже не может быть реализовано зараз, одним актом или в сравнительно короткий срок.

Кооперативный план Ленина и указывает потребную для эволюционного, но на основе добровольности развертывания этих технико- и социально-экономических процессов организационную форму. Кооперации свойственно

[1]) Ленинский сборник, книга III, стр. 494.

чрезвычайное богатство форм, возможность эволюционного перерастания одной формы в другую. Свойственная кооперации ступенчатость, возможность расчленения единого процесса обобществления на основные стадии с организационным оформлением переходных положений и превращает кооперацию в «наиболее простой, легкий и доступный для крестьянина» путь обобществления.

Конечно, наикратчайшим мыслимым путем кооперативного обобществления был бы путь преимущественного развития коллективизации в ее высшей форме. Однако нельзя ни на минуту забыть, что весь процесс кооперативного обобществления основан на добровольности, на преодолении известного, «иного» сопротивления бедняцко-середняцкого крестьянства мерами «руководства». Пропуск, провал серединных звеньев кооперативной, в том числе колхозной социально-классовой переделки, перевоспитания повлек бы обрыв всего процесса, как процесса массового. В рядах кооперативно-колхозного обобществления остались бы только передовики деревни, как это было в начале колхозного движения.

Сказанное достаточно ясно определяет правильную позицию и в вопросе о соотношении низших и высших форм колхозов. Противопоставление образования низших сохранению удельного веса высших форм совершенно несостоятельно. Лишь форсированное вовлечение все новых пополнений обеспечивает полнокровие коллективизации, его массовость на дальнейших заключительных ступенях. Что же касается качества социально-экономической структуры,—оно должно быть достигнуто за счет более форсированного перерастания низших форм в высшие. Лишь в своей совокупности кооперативные, в том числе колхозные звенья, составляют единую цепь организационного оформления основанного на добровольности процесса социалистической реконструкции патриархального и простого товарного хозяйства. Каждое звено, взятое в отдельности в качестве чего-то самодовлеющего, этого значения не может иметь и не имеет, точно так же, как отдельная ступенька лестницы, выбитая из системы остальных ступенек, не может служить средством под'ема.

Практика же административного или планового нажима, направленного к затруднению образования простейших форм, в корне вредна. Руководствуясь кооперативным планом Ленина, следует совершенно сознательно итти и на дальнейшее широкое развертывание строительства простейших форм. Только это обеспечивает полнокровие всей колхозной системы, темп ее роста, определенный постановлениями XV с'езда партии. Именно благодаря мощному приросту простейших форм был поднят в текущем году темп развертывания колхозного строительства на совершенно новый уровень.

* * *

К доводам в пользу дальнейшего интенсивного развертывания строительства простейших форм практика колхозного строительства текущего года прибавила еще несколько.

Как раз в простейшей форме, в форме товарищества по общественной обработке земли происходит начавшаяся в этом году сплошная коллективизация целых сел и поселков, открывающая совершенно исключительные перспективы укрупнения существующих и массового строительства новых крупных колхозов.

Вот несколько соответствующих иллюстраций [1].

В Самарском округе, села Преображенка и Богорусское, организовались путем сплошной коллективизации в колхозы—Гигант № 1 и Гигант № 2.

[1] По данным Колхозцентра РСФСР, Совета Колхозов СССР и Хлебоцентра.

Земельная площадь этих колхозов 3.300 га. Сплошная коллективизация этих сел осуществлена при помощи тракторной колонны в 34 машины. Форма коллективов—товарищество по общественной обработке земли. В этом же районе намечается организация ряда новых товариществ—селений.

В Балашовском округе проведена сплошная коллективизация сел. Крмуш и Каменка. Форма об'единения опять-таки товарищество по общественной обработке земли. Земельная площадь вновь образованного колхоза—5.564 гект. Коллективизация проведена в результате работы тракторной колонны.

Показательные данные о массовой коллективизации целых селений в Одесщине приведены нами выше. И работа шевченковцев дала массовую коллективизацию в форме товариществ по общественной обработке земли.

По данным Хлебоцентра, 46 селений в составе целых земельных обществ на площади около 45.000 га перешли в весеннюю посевную кампанию текущего года в связи с заключением договоров долгосрочной контрактации и организацией вспашки тракторными колоннами к общественной обработке земли, т.-е. к коллективизации в форме товариществ. В 10 селениях на земельном участке, примерно, в 10.000 гект., в связи с этим же комплексом мероприятий, проведена частичная коллективизация полеводства.

В процессе контрактации в текущем году выявлена совершенно новая форма массового производственного об'единения—посевное товарищество, имеющая, повидимому, все шансы на быстрое массовое распространение. Уровень обобществления в посевном товариществе еще ниже, чем в товариществах по общественной обработке земли. Таких товариществ (посевных) создано в весеннюю посевную кампанию текущего года 4.955. Часть их об'единяет целые земельные общества.

В Воловском районе, Тульской губернии, проводится коллективизация всего района, состоящего из 6.600 крестьянских дворов (50.000 гект.). Центрами этой массовой коллективизации является Красиво-Меченское товарищество по общественной обработке земли и коммуна «Авангард».

Центрами и инициаторами поголовной коллективизации целых селений нередко выступают хорошо поставленные, жизнеспособные высшие формы колхозов—коммуны или артели. Это, конечно, не значит, что и вновь коллективизированные при их помощи и инициативе селения и поселки сразу непосредственно принимают облик коммун или артелей.

В Славгородском округе путем слияния 16 колхозов и 256 единоличных крестьянских хозяйств образован единый крупный колхоз на земле в 13.000 га слишком. Инициатор создания колхоза - гиганта — артель «Прозрение».

На Северном Кавказе, в Сальском округе, в стадии организации три колхоза-гиганта. Организация их происходит путем слияния нескольких старых колхозов и сплошной коллективизации окружающих селений. В общей сложности три колхоза-гиганта охватят 950 крестьянских дворов на площади 23.200 гект. Инициаторы сплошной коллективизации во всех трех случаях—коммуны.

В Ставропольском округе организуется колхоз-гигант в селе Старомариинском. Предполагается вовлечь дворов на 25 тыс. га земельной площади. Уже имеется заявлений сельчан о вступлении в колхоз-гигант на общую площадь в 10 тыс. га. Заявления продолжают поступать. Старомариинский колхоз-гигант намечено делить на отдельные ячейки—«экономии» в размере не менее 2 тыс. га, т.-е. по принципу намеченной нами выше двучленной формы организации. Выясняется, как целесообразнее организовать новое об'единение: в качестве ли единого колхоза, куда отдельные ячейки-«экономии» включаются в виде единиц, не имеющих самостоятельных опе-

ративных функций, или же на первое время в качестве комбината, куда ячейки-«экономии» войдут в виде юридических лиц. Коллективизация опять-таки намечена в простейшей форме.

Повторяем, это—лишь иллюстрации. Перечень подобных примеров можно было бы значительно продлить. Но и отмеченного вполне достаточно, чтобы усмотреть все значение сплошной коллективизации целых селений. Сплошная коллективизация целых сел и поселков ведет наикратчайшим путем к массовому созданию крупных колхозов. Но, как из вышесказанного видно, сплошная коллективизация целых селений непосредственно осуществима лишь в простейших, наиболее доступных крестьянской массе, формах.

Необходимость дальнейшего форсированного развертывания именно сети простейших колхозных форм диктуется также нашей установкой на всемерное участие колхозов в ликвидации зернового кризиса.

Необходимость всемерного участия колхозов в ликвидации зернового кризиса совершенно бесспорна. Она, разумеется, не должна найти практическое оформление в переводе колхозов всех районов на преимущественное производство зерновой продукции. Нотки такого упрощенского схематизма кое-где звучат. Авторы его имеют обыкновение кстати и некстати аргументировать от зерновой проблемы. Истолкование участия колхозов в ликвидации зернового кризиса в таком смысле было бы грубейшей ошибкой, ибо шло бы по линии деспециализации колхозов.

Требования нашего города к сельскому хозяйству, как базе индустраиализации, далеко не ограничиваются лишь зерном, хотя на данной стадии зерно и является одним из наиболее узких мест народного хозяйства. К тому же следует иметь в виду, что помимо лобовых атак по зерновому кризису не менее чувствительны удары, наносимые ему развитием ряда специальных направлений, например, овощного, садового, молочного и т. д. Стрижка всех районов под гребенку зернового направления в корне противоречит установке на специализацию колхозов. Такого рода разговоры могут, поэтому, лишь дезориентировать, а не направлять колхозное движение. Они тем более несостоятельны, что и лимиты: набор технического вооружения и т. д.—для разных специальных направлений, в значительной степени различны.

Совершенно бесспорно, что в колхозном строительстве ближайшего времени необходимо ставить особый упор на зерновое направление. Но практическое оформление этой установки должно выразиться не в схематическом развертывании зернового производства во всех районах, т.-е. деспециализации интенсивных районов, а в *преимущественном*[1]) развертывании дальнейшего колхозного строительства в ближайшие годы, именно, в основных зерновых районах и в решительном изжитии там колхозного универсализма. Так понятое участие колхозов в разрешении зерновой проблемы пойдет всецело по линии специализации колхозов, больше того,—явится первым решительным шагом в сторону их специализации.

В районах основного зернового направления же наиболее сильно выражена социально-экономическая дифференциация деревни. Если средний процент хозяйств без средств производства и со средствами производства стоимостью до 200 рублей составляет по Западному, Сев.-Западному, Сев.-Восточному районам и ЦЧО 19—22%, то по Северному Кавказу и Нижнему Поволжью он поднимается до 30—34%. Здесь же значительно больше процент батрачества. Проводимое партией жесткое ограничение развития капиталистических элементов деревни, свертывание кулацкой кабальной

[1]) Подчеркиваем, *преимущественном*, а не исключительном. Преимущественное развертывание колхозного строительства в ближайшее время в зерновых районах вовсе не исключает всемерного форсирования коллективизации в других, особенно поскольку этому не мешает общность промышленно-технических лимитов.

эксплоатации выдвигает особенно остро именно в этих районах вопрос о скорейшем экономическом устройстве бедноты и батрачества. Следовательно, и с этой точки зрения в ближайшее время должен быть сделан особый упор на преимущественное развертывание дальнейшего колхозного строительства в основных зерновых районах.

Что же означает преимущественное развертывание колхозного строительства в районах основного зернового направления с точки зрения интересующей нас в данном случае проблемы дальнейшего накопления элементов обобществления? Опыт последних лет совершенно недвухсмысленно показывает, что это означает не что другое, как дальнейший мощный прирост товариществ по общественной обработке земли, т.-е. формы с наиболее низким уровнем обобществления. Эта наиболее массовая, наиболее элементарная фома развивается особенно сильно именно в районах основного зернового направления. В колхозном строительстве текущего года районы зернового направления (Северный Кавказ, Казакстан, Среднее и Нижнее Поволжье и т. д.) идут впереди других не только по темпу коллективизации, но и по приросту товариществ по общественной обработке земли. Итак, и необходимость непосредственного участия колхозов в ликвидации зернового кризиса и соображения скорейшего экономического устроения бедноты районов с наиболее резко выраженной дифференциацией деревни указывают на целесообразность дальнейшего форсированного развертывания строительства простейших форм колхозов.

* * *

Ориентируясь на дальнейшее всемерное развертывание строительства простейших форм производственного кооперирования, нельзя, однако, игнорировать вышеотмеченную, из года в год проходящую непреклонную тенденцию снижения удельного веса высших форм. Ее дальнейшее развитие грозит в перспективе полным сведением на-нет важнейшего этапа в процессе кооперативного обобществления. Накопление на низах все новых богатых пополнений без достаточного продвижения их по линии дальнейшего роста неминуемо грозит им утерей перспективы роста, развитием в них процессов застойности и разложения. Эта тенденция должна быть ограничена, а затем и вовсе преодолена, но не путем снижения темпов нарождения простых и простейших форм, а, как уже отмечалось, только через подтягивание процессов перерастания низших форм в высшие.

Эта сторона дела коллективизации пока чрезвычайно отстает. Не беда, что колхозы нарождаются, преимущественно, в форме товариществ. Так и должно быть. Но никуда не годится, что колхозы стабилизируются, годами застревают на стадии товариществ, что здоровому, мощному приросту товариществ сопутствует лишь хилое, вялое перерастание низших форм в высшие.

А плацдарм-то какой для систематического развертывания процессов обобществления внутри уже существующих колхозов! Колхозник, как правило, об'единяет в своей персоне и коллективиста, и частного хозяина-индивидуалиста. При этом необобществленные «хвосты» чрезвычайно солидны. Частнохозяйственная часть нередко является преобладающей.

Вот данные о проценте обобществления посева в текущем году:

Формы колхозов	РСФСР		УССР		БССР	
	Орган. до 1/1 1928 г.	Организ в 1928 г.	Орган. до 1/1 1928 г.	Организ. в 1928 г.	Орган. до 1/1 1928 г.	Организ. в 1928 г.
Коммуны	99,8	99,3	99,9	—	99,8	100,0
Артели	90,3	68,1	91,7	52,7	94,5	61,9
Товарищества по общ. обр. земли	60,6	47,7	30,2	15,5	72,2	—

Итак, по посеву, подвергающемуся на ряду с мертвым инвентарем, прежде всего и больше всего, обобществлению, все же в низших формах налицо огромные частно-хозяйственные целины.

С продуктивным животноводством положение несравненно хуже. Сводные данные, составленные на основании выборочного обследования бюджетов колхозов РСФСР, рисуют его в следующем виде:

%% ОБОБЩЕСТВЛЕНИЯ СРЕДСТВ ПРОИЗВОДСТВА.

Формы колхозов.	Мертв. инвент.	Скот		Постройки		В средн. по основ. фондам.
		Раб.	Продукт.	Хозяйств.	Жилые.	
Коммуны	99,6	98,2	95,4	98,5	97,8	97,9
Артели	75,3	15.3	12,8	31,1	19,0	30,1
Товарищества	53,2	2,9	4,4	6,5	2,7	15,2

Наличие в колхозах крайне незначительного количества обобществленного продуктивного скота не свидетельствует, конечно, об отсутствии его и у об'единяемых колхозами хозяйств. Они имеют его, примерно, в такой же норме, как окружающее середняцко-бедняцкое крестьянство. Но существует-то он у них преимущественно в форме частно-собственнического придатка к колхозу. Уровень обобществления продуктивного скота еще чрезвычайно низок. Отсюда, как следствие, то положение, что индивидуальное частно-собственническое животноводство питается, растет и развивается за счет соков обобществленного полеводства. Результаты высшей эффективности обобществленного полеводства идут в таких случаях (они не редки) не на дальнейшее накопление обобществленных фондов, а на развитие индивидуального сектора колхоза. Просачивание соков обобществленного хозяйства в индивидуальную половину прямо-таки одна из важнейших причин недостаточной социально-реконструктивной эффективности капитальных вложений в колхозы и слабого внутриколхозного накопления обобществленных фондов, особенно в тех районах, где животноводство и другие необобществленные отрасли являются основными товарными отраслями сельского хозяйства.

К этого же порядка явлениям относится общеизвестное просачивание кредитов, отпускаемых на развитие колхозов, в индивидуальную, необобществленную часть хозяйства. Это тоже не что другое, как питание частно-собственнического хозяйства соками обобществленного.

Проблема соотношения индивидуального и обобществленного сектора внутри колхоза одна из наиболее больных проблем колхозного строительства. Пока что ей уделяется непростительно мало внимания, явно не корреспондирующего ее актуальности. Неизбежное следствие—расходование скудных фондов коллективизации не по назначению. Типичная для колхозов двойственность,—жизнь на два хозяйства: коллективное и единоличное—совершенно неизбежное для низших форм колхозов явление. Двойственность—совершенно необходимая стадия в деле массовой ликвидации крестьянского частного хозяйства и базы его — индивидуальной частной собственности. Но при правильной постановке дела это сосуществование вовсе не должно развиваться под знаком снижения удельного веса обобществленного сектора, а наоборот. Однако, приостановка процессов перерастания вверх неизбежно ведет к утере перспективы и развитию процессов перерастания вниз, к превращению колхоза в форму форсирования частно-хозяйственного накопления. Эту неоспоримую истину следует твердо усвоить.

Перед нами стоит гигантская задача — накопления материальной базы для социалистического сельского хозяйства. Пока-что заложено лишь узкое основание. И положение таково, что, как с.-х. кооперация в целом, так и колхозы в частности, развиваются преимущественно за счет государственных кредитов. Их мобилизация требует величайшего напряжения. И совершенно естественно, поэтому, требовать, чтобы материальная помощь рабочего государства, притом мобилизованная с величайшим напряжением, осела бы прочно и окончательно в системе колхозов, чтобы исключалась ее трансформация в частно-собственнические накопления.

Единственное кардинальное средство изжития этого зла,—бдительная настороженность к процессам внутриколхозного накопления элементов обобществления, значительное оживление процесса перерастания низших форм в высшие.

Выясняя причины крайне слабого темпа перерастания низших форм в высшие, нельзя, конечно, игнорировать то обстоятельство, что лимиты материально-технической помощи для развертывания новой сети и под'ема уровня обобществления по старой сети в значительной мере одни и те же, почему форсированное развертывание нового строительства неизбежно несколько снижает темп развития старой сети. Это обстоятельство следует всемерно подчеркнуть, ибо без соответствующего материально-технического цемента не построить высших форм обобществления. Успешное обобществление полеводства предполагает наличие трактора и набора прицепных орудий к нему в качестве цементирующего начала, обобществление продуктивного животноводства, — обобществленные рационально устроенные скотные дворы и соответствующую индустрию переработки и т. д., и т. д. Это все — сущая правда. Но на ряду с этим следует ставить гораздо больший упор на улучшение организационной стороны дела. При более целесообразном и четком организационном оформлении и нормировании использования материально-технических факторов вполне возможно добиться значительно больших результатов и исходя из наличных их лимитов.

Возвращаясь к проблеме соотношения индивидуального и обобществленного сектора внутри колхоза, следует сказать, что изучение и нормирование его совершенно недостаточно. Слабость организационного руководства в этом деле прямо таки бьет в глаза. Поиски мест при отсутствии достаточного руководства не могут здесь вывести на путь. Одновременно с вышенамеченной проработкой проблемы стандартов основных направлений колхозной специализации необходимо заняться выработкой оптимумов в разрезе социально-экономической структуры, предусматривая, конечно, целый ряд вариантов соотношения индивидуальных и обобществленных элементов. Пока что в результате чрезвычайной слабости организационного обслуживания колхозов встречаются в этом отношении самые причудливые и своеобразные явления.

Вот иллюстрация типичного для настоящего времени положения. «Мои наблюдения над товариществами по общественной обработке земли и особенно обследование товарищества «Согласие», — пишет работник системы колхозцентра РСФСР тов. Ф. Самосюк,—показали прямо-таки чудовищную сложность всевозможных учетов и расчетов. Здесь производится учет и затраченного труда членов—мужчин, женщин, подростков,—и работы скота членов, и всех групп необобществленного инвентаря. Приходится учитывать всякую мелочь — работу телеги, плуга, косилки и т. д.

В целях привлечения на товарищескую молотьбу всевозможных веревочек, кадочек, грабель, вил, лопат, приходится проделывать сложнейшую систематическую работу, учитывая все от ниточки до работы членов колхоза. За каждый день работы назначается определенная плата за веревочку, грабли, кадку и т. д.: за что одна копейка, за что—две, за что—пять... На первый взгляд кажется, что в этом товариществе собрались люди для са-

мо истязания «учетом»». Автор правильно задает вопрос: «неужели, это тот путь, через который должны пройти все единоличные крестьянские хозяйства для того, чтобы выучиться строить коллективное хозяйство. Члены товарищества хотят разрешить неразрешимую задачу—использовать все выгоды и преимущества коллективного хозяйства, сохранив единоличное хозяйство» [1]).

Аналогичный микроскопический учет амортизации и накоплений, приходящихся на веревочки, кадочки, грабли, вилы и т. д., продолжающие оставаться в единоличном владении, происходят в сотнях и тысячах простейших колхозов. «Социализм, это—учет» (Ленин), но дело ведь в том, что, занятые учетом выручки, приходящейся на единоличные веревочки и кадочки, члены подобных об'единений, как раз, запускают учет, свойственный крупному коллективному хозяйству, как таковому, т.-е. действительный социалистический учет.

В этой же связи необходимо резко подчеркнуть колоссальные потенциальные возможности форсирования перерастания низших форм в высшие, скрытые в улучшении практики образования неделимых фондов (капиталов). Единичные призывы к большему форсированию накопления неделимых фондов вот уже раздаются в течение двух лет. Нельзя, однако, сказать, что они нашли массовый отклик.

До сего времени колхозными массами не осознана вся актуальность этой совершенно исключительного значения задачи. Организационные центры движения же делали чрезвычайно мало, чтобы добиться в этом деле массового сдвига.

Остановимся прежде всего вкратце на принципиальной стороне вопроса.

Всякое кооперативное обобществление средств производства означает их концентрацию. Но не всякая кооперативная, в том числе колхозная концентрация средств производства уничтожает их частно-собственнический характер. Точно так же, как концентрация многих единичных капиталов в коллективный компанейский или акционерный капитал не меняет основной социально-экономической природы капитала, точно так же одна кооперативная складчина индивидуальной частной собственности простых товаропроизводителей не меняет их основной социально-экономической сущности, как частной собственности. Кооперативный (в том числе колхозный) пай и целевые взносы, принадлежащие к обобществленным фондам (капиталам) могут по капризу своих собственников вновь вернуться к прежнему, т.-е. индивидуальному бытию. Они продолжают числиться как частная собственность того или другого члена. Такая кооперативная (колхозная) концентрация средств производства является, при ведущем воздействии социалистических хозяйственных высот, ступенью по пути к ликвидации частной собственности на средства производства. В этом смысле она—звено процесса обобществления. Но звеном обобществления она является в таком случае лишь потому, что предполагает дальнейшую эволюцию в направлении полной ликвидации частной собственности и в такой кооперативной форме.

Если тов. Ленин указывает, что «при нашем существующем строе предприятия кооперативные отличаются от предприятий частно-капиталистических, как предприятия коллективные, но не отличаются от предприятий социалистических, если они основаны на земле, при средствах производства, принадлежащих государству, т.-е. рабочему классу» [2]), то спрашивается, каковы же средства производственной кооперации, в частности колхозов, «принадлежащие государству, т.-е. рабочему классу». Совершенно очевидно, что к таковым относятся совершенно бесспорно зачисленный в неделимые фонды (капиталы)—колхозов инвентарь бывших помещичьих имений и выданные колхозам безвозвратные ссуды. Хотя теперь огромное большинство неделимых фондов и состоит из этого рода имущества, но совершенно очевидно, что на них далеко не выехать, что их высокий удельный вес вызван теперь недостаточным вообще накоплением неделимых фондов. Наша помощь колхозам идет, преимущественно, по линии кредита. Безвозвратные ассигнования являются по неизбежности весьма ограниченным. Если в деле форсирования накопления неделимых фондов ставить ставку исключительно или главным образом на безвозвратные ссуды, то оно заведомо обречено на неудачу.

Каковы же еще возможные пути увеличения удельного веса в колхозах средств производства «принадлежащих государству, т.-е. рабочему классу», иначе говоря, тех средств производства, которыми измеряется степень приближения колхоза к типу предприятий последовательно социалистического типа?

Совершенно очевидно, что к этой группе колхозных средств производства не может быть отнесена та часть их, которая приобретена на целевые взносы и паи, продолжающие числиться в частной собственности членов колхоза. Но, с другой стороны, не менее очевидно, что и другая часть неделимых фондов (за вычетом вышеуказанной бесспорной), т.-е. образованная путем отчислений от внутрихозяйственных накоплений и перечисления в неделимый фонд разных других поступлений, стоит по своей социально-экономической сущности весьма близко к государственным средствам, т.-е. к первой выше указанной части неделимых фондов. Разница между этими двумя частями неделимых фондов носит чисто формальный характер. Как государственные безвозвратные ссуды и бывший помещичий инвентарь, так и другая часть колхозных неделимых фондов составляют единый общегосударственный фонд коллективизации, не подлежащий ни при каких условиях из'ятию из колхозного оборота. И та и другая часть неделимых фондов может лишь переходить из одного колхоза в другой. Наличие у последней группы неделимых фондов некоторых формальных признаков групповой собственности существа дела не меняет. И государственные неделимые фонды переданы в бессрочное групповое пользование. Ни те, ни другие фонды не подлежат денационализации, т.-е. сохраняют навсегда свой социалистический характер.

Именно в процессе образования неделимых фондов, следовательно, происходит непосредственная трансформация индивидуальной частной собственности простых товаропроизводителей на средства производства в социалистическую. Если колхозы являются лабораториями этой добровольной трансформации индивидуальной частной собственности на средства производства в социалистическую, то именно акт накопления неделимых фондов—решающая фаза этого процесса.

Практика колхозного строительства показывает, что накопленные благодаря оказываемым колхозам льготам и преимуществам средства, не будучи своевременно зачислены в неделимые фонды, нередко становятся стимулом деколлективизации, дележки и обратного перехода к индивидуальному хозяйству. Лишь накопление их в форме неделимых фондов создает возрастающую устойчивую заинтересованность членов в продолжении общего дела, одновременно нисколько не подрывая, а, наоборот, стимулируя технико-экономическое развитие. Неустойчивость колхозов (распад, текучесть состава) пока что чрезвычайно велика. А через массовый распад колхозов и выход старых членов неизбежно распыляются и так скудные средства, отпущенные на развитие коллективизации, если они не зачислены в неделимый фонд. Подсчитайте оказанные льготы, кредитную помощь и т. д., распылен-

[1]) Журнал «Коллективист», 1928 г., № 20/75. Подчеркнуто нами.

[2]) Вл. И. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, часть II, стр. 144. Подчеркнуто нами.

ные в процессе деколлективизации,—получается внушительная сумма. Наличие значительных неделимых фондов не только компенсировало бы в случае распада такую утечку, но неизбежно колоссально сократило ее. Действительным поборникам социалистического переустройства с. х. нечего бояться систематического повышения удельного веса неделимых фондов, следует лишь достаточно четко и обстоятельно растолковать им значение этого мероприятия. В неделимых фондах как раз защита их против каприза неустойчивого и случайного элемента. Что же касается капиталистических элементов, примазавшихся к колхозному движению в целях использования льгот и маскировки своей настоящей физиономии, то совершенно неизбежное сопротивление их накоплению неделимых фондов—лучшая лакмусовая бумага выявления их настоящей социально-классовой природы.

Мобилизуя сознание и волю колхозных масс к гораздо более ускоренному накоплению неделимых фондов, нельзя, конечно, бросить клич стопроцентного ударного прямолинейного перечисления всех фондов в неделимые. Всякий схематизм и перегиб здесь не менее опасен, чем инертное плавание по течению. Гибкость маневра, чуткость к конкретным условиям места и времени,—первое условие успеха. Как правило, не следует начать с паев и вкладов. В перспективе колхозного развития должна совершаться трансформация всех фондов в неделимые. Но в целях скорейшего осуществления ее необходимо соблюдение известной очередности. Прежде всего надлежит, конечно, взяться за гораздо лучшее, чем до сего времени, ограждение государственных средств, идущих в колхозы, от расхищения и денационализации. Это же относится к кооперативным льготам. Зачисление их в неделимые фонды лучшее средство заделать все отверстия перелива их в индивидуальное хозяйство. Оказываемые колхозам льготы безусловно необходимо сохранить и всемерно увеличить. Но одновременно не менее необходимо, чтобы они не теряли свою социально-реконструктивную целевую природу. Этого достигнуть возможно, если установить, что сальдо по присвоенным колхозам (по сравнению с индивидуальными хозяйствами) налоговым и другим льготам подлежит в обязательном порядке зачислению в неделимые фонды.

Потребительская и сельскохозяйственная кооперация уже оказывают колхозам некоторые специфические льготы. В дальнейшем предусмотрены их увеличение и дифференциация в зависимости от уровня обобществления в колхозах. Это будет лишним стимулом к ускорению процесса перерастания низших форм в высшие. Но полное социально-реконструктивное значение этих мероприятий раскроется лишь после установления такого порядка их использования, что сальдо по присвоенным колхозам льготам по сравнению с индивидуальным крестьянским зачисляется в неделимый фонд. В материально-производственном отношении такой порядок решительно никаких неудобств для колхозов не создает. В социально-экономическом отношении это явно выгодно. В политическом отношении — это существенный плюс. Крестьянину-единоличнику гораздо более понятны специфические колхозные льготы, нередко его раздражающие, когда они обставлены гарантией сохранности от использования в целях частно-собственнического накопления или потребления. Наконец, зачисление всех колхозных льгот в неделимые фонды (капиталы), как и обстоятельная разработка всей проблемы неделимых фондов (капиталов), окажет существенную помощь в деле чистки колхозной системы от лжеколхозов. Такой порядок использования льгот неизбежно резко понизит тягу кулацко-капиталистических элементов к колхозам.

Дальше, чтобы вытянуть цепь повышения удельного веса неделимых фондов, необходимо гораздо упорнее и настойчивее, чем до сего времени взяться за организацию внутрихозяйственного накопления в неделимые фонды. Если это поставить сколько-нибудь удовлетворительно, делимые паевые взносы и т. д. быстро потеряют свой удельный вес в общей массе колхозных фондов в целом. Намеченное Колхозцентром РСФСР зачисление в неделимые фонды средств производства, приобретенных колхозами за счет государственных кредитов в размере погашенной задолженности, является первым решительным шагом по этой линии, достойным всяческого приветствия. Но одновременно необходимо обеспечить четкое усвоение его значения колхозными массами. Если не будет соответствующей широко развернутой массовой работы,—успех не гарантирован.

В заключение настоящего раздела несколько слов о существующей классификации форм колхозов. Этот вопрос сугубо важен как с точки зрения учета и научного изучения колхозного строительства, так и практического руководства им.

Нельзя сказать, что учитываемая нашей статистикой на основе существующей классификации форм динамика колхозного строительства нисколько не отражает реальные сдвиги в процессах обобществления. Там, где действует закон больших чисел, основные сдвиги все же выявляются. Но чтобы осуществлять гибкий, дифференцированный подход к разным ступеням колхозного обобществления, руководить им, поставить как следует учет и изучение его, наличное, довольно-таки топорное, уставное деление явно недостаточно.

Возьмем для иллюстрации пару примеров.

В нормальных уставах всех трех колхозных форм сделана попытка указать принципы распределения доходов. Но как это осуществлено? В уставах товарищества и артели перечислено на выбор несколько способов распределения дохода, а затем следует огульное добавление: «другие признаки, устанавливаемые общим собранием». Спрашивается,—понял ли сам составитель нормальных уставов, что этим добавлением он не только стер всякую разницу между артелью и товариществом в принципах распределения дохода, но и установил модус легализации капиталистического перерождения колхозов. Воспользовавшись этим пунктом: «другие признаки, устанавливаемые общим собранием»—часть артелей и товариществ практикует распределение дохода сообразно имуществу членов. Совершенно очевидно, что благодаря таким вольностям устава и для кулака не лишено смысла вступление в колхоз: жизнь под колхозной вывеской несравненно спокойнее, а распределение дохода, если подобрать подходящую группу, вольно установить по принципу имущественного положения, т. е. по-капиталистически. Совершенно очевидно, что эти чрезвычайно ответственные разделы в нормальных уставах необходимо значительно уточнить, при чем принцип распределения дохода должен стать одним из конститутивных признаков основных колхозных форм.

Возьмем другой пример.

В нормальных уставах всех трех форм имеется раздел «средства колхоза» (соответственно: коммуны, артели, товарищества), определяющий структуру основных фондов (капиталов) колхоза. Этот важнейший раздел, устанавливающий, между прочим, и принципы образования неделимых капиталов, опять-таки разработан крайне поверхностно. Он воспроизведен в нормальных уставах всех трех основных форм почти в одинаковом виде. В уставе коммуны лишь добавлено несколько абзацев об образовании амортизационного фонда (что не меняет соотношение делимых и неделимых капиталов и следовало бы внести и в уставы остальных форм) и об отчислении части запасного и специальных капиталов в случае ликвидации коммуны в неделимый, но опять-таки по усмотрению общего собрания.

Мы, конечно, не против того, чтобы общее собрание колхоза решало, какую форму оно находит более подходящей для себя. Выбор формы колхоза должен быть совершенно добровольным. Но нельзя согласиться с тем, что общее собрание каждого колхоза по своему определяет основные кон-

ститутивные признаки той или другой колхозной формы. Выбор формы должен предопределить и основную физиономию колхоза. Существующие нормальные уставы составлены так, что эта определенность формы выясняется лишь после того, как заполнены все многоточия устава, значительная часть которых заменяет отсутствующие важнейшие конститутивные признаки классификации. Устав, конечно, должен предусмотреть некоторые видоизменения, но необходимая здесь некоторая гибкость не должна походить на беспринципную каучуковость.

Вышеприведенными замечаниями о существующей классификации колхозов в данной связи ограничимся. Эта тема настолько обширна, что требует самостоятельного, более детального рассмотрения. Чтобы иллюстрировать несостоятельность существующей классификации форм, достаточно и сказанного. Правда, в основу ее положен совершенно правильный принцип, принцип градации по уровню обобществления, но вся беда в том, что он не разработан.

Неудивительно, что внутри каждой из трех основных форм встречается невероятная разношерстность, а между ними точно так же не существует сколько-нибудь четких отличительных граней. Особенно это следует сказать относительно двух первых форм: товарищества и артели. Общеизвестно, что многие товарищества стоят выше других артелей, и наоборот. Если взять нормальные уставы, то и им никак не определить, в чем конститутивные отличительные признаки этих форм.

В настоящее время рядом организаций разрабатываются проекты дифференциации оказываемых колхозам льгот (по линии кредита, сбыта, снабжения и налогов) в зависимости от уровня обобществления. Некоторая незначительная дифференциация существует и теперь. Она, как и намечаемая, исходит из наличной классификации форм. Спрашивается, можно ли класть ее в основу дифференциации льгот. Нам кажется—нет. Пора руководящим центрам колхозного движения неотложно взяться за пересоставление уставов и выработку более четкой классификации.

7. Заключение.

Подведем краткий итог.

Колхозное строительство в результате директив XV с'езда партии вступило в совершенно новую, резко отличную от недалекого прошлого фазу развития. За один год достигнуто, приблизительно, столько же, сколько за все предыдущие годы в совокупности.

Но качественный уровень колхозного строительства еще явно отстает. Он еще нисколько не соответствует духу и смыслу директив XV с'езда партии. Необходимо неотложно мобилизовать все внимание, все материально-технические и организационные средства к его повышению, одновременно нисколько не приостанавливая дальнейшего развертывания новой сети темпом усвоенным в текущем году. Всесторонняя всемерная рационализация коллективного сельского хозяйства должна стать совершенно неотложной центральной и актуальнейшей задачей сегодняшнего же дня.

По учению мелкобуржуазных идеологов экономика промышленности и сельского хозяйства принципиально глубоко отличны. Этим обуславливается неприменимость к последней основных установок, выработанных в ходе развития промышленности. Мы марксисты-ленинцы отлично знаем цену этой теории. Экономика передового крупного сельскохозяйственного предприятия стоит по своим основным принципиальным установкам весьма близко к экономике крупного промышленного предприятия. Поэтому и к ней применимы принципы научной рационализации, укрупнения, специализации и т. д. В порядке рационализации коллективного сельского хозяйства мы должны его всемерно приблизить к уровню, свойственному крупной промышленности, решительно изжить традиции кустарничества, половинчатости, отсталости.

Особая социально-экономическая организация колхозов предполагает и требует особых форм организации рационализации. Лишь путем самого широкого вовлечения колхозной массы в соревнование, своевременного изучения и обобщения ее опыта, научной проработки соответствующих актуальнейших общих проблем (оптимумы по специальным направлениям и т. д.), можно будет добиться видного массового эффекта. Отдельных интересных опытов не мало и теперь, недостает и необходим именно массовый эффект.

Материально-техническая помощь—безусловно первейший основной лимит темпов дальнейшего развертывания нового строительства и поднятия качественного уровня старых колхозов. Однако, не следует преувеличивать значения ограниченности материально-технических факторов. При лучшем использовании и наличные ресурсы дадут совершенно иной эффект. Кустарничеству по линии материально-производственных установок нередко корреспондирует не меньшее кустарничество в организационном строительстве.

Мы отнюдь не намерены сделать отсюда какие-либо пессимистические выводы по отношению к коллективистскому движению. И в настоящем состоянии, т.-е. при всех своих крупнейших материально-технических и организационных дефектах, колхозы являются на ряду с совхозами наиболее выгодными об'ектами вложений в сельское хозяйство. Но уровень их эффективности возможно и необходимо значительно поднять.

Выше рассмотрены лишь некоторые из самых актуальных проблем колхозного строительства. Очень много недоделанного и кустарного и по линии подготовки колхозных руководящих кадров, взаимоотношений колхозов и остальных видов с.-х. кооперации, землеустройства, организации кредитования и т. д. Однако, в данной статье нет никакой возможности все актуальные вопросы колхозного строительства охватить.

В заключение остановимся вкратце лишь на одном из них—вопросе культурной революции в колхозах.

Часто встречается еще такое представление, будто одно дело—под'ем хозяйства, его следует всячески форсировать. Другое дело культурная революция: она пока-что терпит. Излишне, конечно, распространяться, насколько это ложно. Общая, техническая и агротехническая неграмотность не отделены друг от друга китайской стеной. Без ликвидации общей неграмотности и малограмотности, как условия, невозможно приобщение к передовой агротехнике, следовательно, и осуществление той широкой массовой рационализации коллективного сельского хозяйства, о которой говорилось выше. Но и перерастанию низших форм в высшие элементарная неграмотность ставит совершенно непреодолимые препятствия, особенно на высших ступенях обобществления. Более высокая ступень обобществления обуславливает гораздо большую экономическую зависимость членов колхоза от коллективного хозяйства. Это значительно повышает заинтересованность и тягу к участию в контроле и руководстве. Но малограмотный, не говоря уже о совершенно неграмотном, не в состоянии осуществить этот контроль. На этой почве неизбежно возникновение ряда вреднейших недоразумений и подозрений, а от них рукой подать до ведущих к агонии перманентных бытовых дрязг и ссор. Трудности, проистекающие от элементарной неграмотности, неизбежно, скажутся с еще большей силой в ближайшем будущем в связи с переходом к массовому созданию крупных колхозов. При об'единении сотен и тысяч людей в один колхоз нельзя рассчитывать на хорошее знание друг друга; здесь массовый контроль руководства—необходимейшее условие жизнеспособности колхоза. А одновременно этот контроль, как и руководство, именно в крупном колхозе, значительно усложняются.

Проведенное летом прошлого года обследование НК РКИ показывает, что с обслуживанием культурно-бытовых нужд колхозов обстоит исключительно печально. До сих пор вся система мероприятий по обслуживанию деревни в этом отношении строилась применительно к индивидуальным крестьянским хозяйствам, расположенным в крупных селениях. Выделение колхоза из селения ставит, поэтому, членов колхозов сплошь да рядом в худшее положение в области обслуживания культурно-бытовых нужд, чем индивидуальные хозяйства. В колхозы идут передовые люди деревни. Поэтому общий уровень грамотности у старого поколения колхозов несколько выше, чем средний по местности. Но, тем не менее, встречаются еще коммуны с 50% неграмотных. В Ленинградской области, числящейся одной из наиболее передовых в отношении ликвидации неграмотности, средний по колхозам процент неграмотности составляет все же 35%, в Казакстане он поднимается выше 80%. Средний по СССР—показатель элементарной неграмотности на уровне 50—60%.

Эти цифры сами говорят за себя. Средний культурный уровень колхозов поразительно низок. Ознакамливаясь с фактами в этой области, удивляешься, как, при таких условиях достигнут и теперешний уровень. Но это не может нисколько успокаивать. Теперешнее положение сигнализирует серьезную опасность в случае задержки с делом культурной революции в колхозах. Жизненность колхозного движения обуславливается творческой инициативой колхозных масс; она, в свою очередь сугубо определяется их культурным уровнем.

Если Владимир Ильич указывал, что для завершения кооперирования масс необходима целая культурная революция, то, прежде всего, это относится к коллективизации. Колхоз по неизбежности является опытным, экспериментальным учреждением. Не существует еще в мире образцов этого строительства. Колхозники ценой своего живого опыта впервые создают их. Поднять качественную сторону этого опыта на необходимую на данной стадии его развития высоту может лишь значительно более энергичное продвижение культурной революции в колхозы.

М. Анисимов.

О тракторных колоннах.

«Надо бросить общие фразы и болтовню о сельском хозяйстве **вообще** и перейти, наконец, к разработке практических мероприятий по поднятию зернового хозяйства... Пора перейти от слов к делу и заняться, наконец, конкретным вопросом о том, как поднять урожайность и расширить посевные площади индивидуальных бедняцко-середняцких хозяйств, как улучшить и развить дальше колхозы и совхозы... Как расширить и улучшить дело контрактации и вообще с.-х. кооперации и т. д.».

(Из речи т. Сталина на ноябр. пленуме ЦК).

Ноябрьский пленум ЦК ВКП(б) резко подчеркнул отсталость сельского хозяйства и необходимость особой настойчивости, большого внимания партии к вопросам под'ема сельского хозяйства. Мелкое, раздробленное, с чрезвычайно низкой производительностью крестьянское хозяйство не может быть достаточно устойчивой базой для индустриализирующегося народного хозяйства. И это резкое противоречие между быстро растущим крупным современным производством города (промышленность) и чуть ли не средневековой системой производства деревни требует принятия срочных и решительных мер по ускорению темпа под'ема и качественной перестройки сельского хозяйства, в частности крестьянского хозяйства. Партия правильно наметила форму разрешения этой задачи, когда на XV партс'езде резко поставила вопрос не только о количественном росте, под'еме мелкого индивидуального хозяйства, но и об усилении качественной перестройки его, о форсированном развертывании коллективизации, о крупных совхозах и проч.

На эту тему последнее время очень много сказано и написано. Здесь мы хотим остановиться на том, что *делается* для выполнения указанных партийных директив на одном из участков деревенского фронта: мы ставим ряд вопросов, связанных с организацией тракторных колонн. Но предварительно несколько слов о колхозах.

Ясно, что базой коллективизации, в условиях советской общественности, должно быть введение передовой машинной техники. Однако, практика строительства колхозов пока нам показывает, что существующие колхозы, за самыми редкими исключениями, не являются крупными хозяйствами: об'единение 10—50 хозяйств с площадью 60—250 гектаров земли еще далеко от крупного механизированного хозяйства, ибо оно и по величине, и по неземлеустроенности не может рентабельно использовать даже одного трактора и крупной машины. В существующих колхозах крестьянина об'единяет не машинная база и техника, а выгоды совместного использования имеющегося (в остром недостатке!) мертвого и живого инвентаря, кредитные и налоговые льготы, выгоды совместного труда и проч. Словом, в колхозном строительстве мы начинали обычно с *организационного конца*,

а не с технического. Основой, началом об'единения служит здесь не техника, не совместное владение и пользование орудиями производства, а чаще, наоборот, созданный коллектив понемножку и потихоньку приобретает инвентарь и другие средства производства для коллективного пользования, при чем и этот незначительный коллективный фонд часто идет сначала на укрепление индивидуальных хозяйств, отгороженных, кстати сказать, друг от друга десятками и сотнями межников. При таких условиях не скоро построишь крупное, рациональное коллективное хозяйство. Больше того — такое хозяйство, стоящее на полдороге между крупным общественным и мелким индивидуальным хозяйством, не имеющее поэтому возможности использовать выгод крупного хозяйства, — не может конкурировать (производительность труда, урожай) с более или менее крупным и зажиточным капиталистическим хозяйством и часто пасует перед ним, несмотря на солидную поддержку колхозов советским государством. Даже слияние, об'единение таких мелких колхозов сильно затрудняется разницей в степени обобществления отдельных элементов их хозяйства, в организации последнего, территориальной разбросанностью и проч.

Кстати сказать, Колхозцентр и НКЗ закрепляют эту свою ошибочную линию на мелкий колхоз в своих пятилетках: у НКЗ средний размер колхоза—172 га, у Колхозцентра—238 га. В последующем мы постараемся указать, что эти размеры хозяйств недостаточны и что жизнь показывает более решительные образцы, более смелые опыты строительства крупного хозяйства из сотни хозяйств, на площади в 3—5 тыс. га земли. Этой новой формой строительства крупных колхозов является тракторная колонна, с самого начала увязывающая свою работу с организацией обобществленного сплошного земельного массива в пределах нескольких земельных обществ, с долголетней контрактацией, с максимальным развитием общественности.

Опыт совхоза «Шевченко» (Украина) был использован Сельскосоюзом, который совместно с Хлебоцентром и Колхозцентром летом 1928 года решил организовать несколько колонн. На ноябрь с. г., таким образом, было организовано 14 тракторных колонн с общим количеством 320 тракторов. Несмотря на очень краткий срок работы этих колонн, есть все основания утверждать, что в тракторных колоннах мы нащупали наиболее удачную по своей массовости форму и путь построения действительно крупного, обобществленного и механизированного (крестьянского) хозяйства.

Основные факты работы тракторных колонн за первые 2—3 месяца их существования следующие.

Для обработки колоннами организовано 13 сплошных массивов из 67 селений с общей площадью около 60 тыс. гект. (не менее 2½—3 тыс. гект. на массив), с одновременным землеустройством, уничтожением межников, введением улучшенного (4—5—7-полье и т. д.) севооборота, сортсемена и проч. Последние мероприятия входят, как правило, в договор организатора колонны (с.-х. кооперации) с данным об'единением крестьянских хозяйств, как твердое обязательство последних.

Средняя производительность машин (нагрузка трактора) в тракторной колонне значительно выше, чем в колхозах; так, в Терской колонне за осенний сезон имеем нагрузку на один трактор—150 га в среднем, в колхозах Сев. Кавказа—100 га, в Парьевской колонне ЦЧО на один трактор имеем больше 3 га в день, обычная средняя—2—2½. Одновременно установлено, что в колоннах, даже в организационный период их работы, легче и полнее ставится дело систематического надзора и ремонта тракторов, чем в колонии, что особенно важно в виду нашего острого недостатка в квалифицированной технической силе.

В договорных отношениях с тракторными колоннами, за исключением тех случаев, когда договор на обслуживание тракторной колонной заключается с целым земельным обществом, выступают, главным образом, бедняцкие слои деревни. Так, в Терской колонне из 286 обслуживаемых колонной хозяйств—238 безлошадных, в Кубанской колонне в 233 хозяйствах имеется 62 лошади, в Парьевской колонне—90% бедняков. О том же говорит и то, что большая часть земли нынешних участников тракторных колонн сдавалась в аренду зажиточным.

Работа тракторных колонн, в виду обостренного сопротивления со стороны кулачества, обостряет классовую борьбу в деревне. Обследованием обнаружены факты, когда колонны (Терская, Парьевская и Немреспублики) вспахивают тысячи гектаров земли, никогда до тех пор не пахавшейся или сдававшейся беднякам, за отсутствием у них лошадей и инвентаря, в аренду зажиточным. Это обстоятельство сильно разжигает страсти вокруг колонн, и материалы обследования регистрируют целый ряд фактов прямо террористической работы кулачества в отношении участников работы тракторных колонн и их руководителей: есть случаи поджогов и стрельбы по трактористам и организаторам колонн, запугивания и массовой агитации против колонн через отсталые бедняцкие слои, обслуживаемые тракторной колонной, и особенно через женщин. В одном случае (Александровская кол.) есть конкретное требование от работников колонн снабдить их винтовками для самообороны и охраны работников колонн.

Благодаря тракторной колонне беднота имела возможность вспахать такие залежи, которые раньше никогда не пахались (Терская колонна — 1350 га). Следовательно, трактор в этих случаях помогает расширять посевную площадь за счет земли бедноты.

Тракторная колонна, ломая перегородки между отдельными полосками (уничтожение межей), помогает выкорчевывать более серьезные психологические и бытовые «пни» в деревенском «поле». Все обследователи отмечают, что крестьянство в районе действия колонны всколыхнулось, тянется к новым прогрессивным формам хозяйства, и не только в области полеводства, но что особенно важно—в других отраслях сельского хозяйства: в животноводстве, птицеводстве, переработке с.-х. продуктов. Благоприятные предпосылки для развития последних отраслей создаются тем, что тракторная обработка земли освобождает очень много рабочих рук. И так как соответствующие руководящие земельные и кооперативные органы «просмотрели» эту важнейшую часть дела, то население по собственной инициативе ставит эти вопросы: так, Кумагорская колонна (вернее—с.-х. кред. т-во) заканчивает переговоры с Животноводсоюзом о постройке коллективного скотного двора на 235 молочных коров, Азовское т-во поставило вопрос о племенном свиноводстве и птицеводстве. И это делается при очень слабой агроработе руководящих органов, а нередко и при отсутствии ее.

Таким не отпугивающим путем, в результате понятных причин и очевидной выгоды, тракторная колонна ведет отдельные, еще вчера раздробленные хозяйства к реконструкции и обобществлению.

Как во всяком новом деле, а тем более таком трудном и «темном», как тракторная колонна,—неизбежны большие и малые недочеты и крупные промахи. Крупнейшим из промахов надо считать слабость организационной стороны дела: запаздывание в организационной подготовке земельного массива для колонн, неудачный выбор для них места (организуются колонны, где население уходит в большом количестве на отхожие заработки и коллективизации не поддается), отсутствие на местах агроперсонала и трактористов.

Недостаточная продуманность и промахи организационной стороны дела усугублялись отсутствием единого руководства тракторными колоннами: основным руководителем дела, по договоренности между тремя центрами (Сельскосоюз, Хлебоцентр и Колхозцентр), должна была являться система Сельскосоюза—центр производственного снабжения и обслуживания. Но с первых же дней Хлебоцентр захотел быть не участником, а хозяином этого дела (пошли споры, которые неизбежно привели к трениям и осложнениям в работе). Не касаясь здесь этого вопроса по существу, надо подчеркнуть, что этот вопрос о руководстве, о кооперативном хозяине колонн надо разрешить в самом срочном порядке, так как шатания в этом вопросе грозят большими осложнениями.

Крупнейшей из трудностей, зависящих не только от руководителей, но и от новизны дела, все же надо считать слабую активность населения в работе колонны: был этот грех во всех колоннах. Везде крестьянин смотрел на колонну как бы со стороны. Это на первое время и естественно. Но все же местами законное недоверие крестьянина к новшеству, да еще так радикально ломающему весь его веками сложившийся уклад работы и жизни, переходит известные границы: так, местами крестьяне отказывались бесплатно даже подвозить воду и горючее на свою же пахоту. Но тот же ограниченный опыт показывает, что отсутствием активности мы все же обязаны, частью, и отсутствию организационно-общественной работы со стороны организаторов колонн. Там, где эта работа велась хоть немного,—там жалоб на слабую активность и безучастность населения не было. Из этого мы должны сделать простые, но практические выводы для предстоящего подготовительного к весне сезона.

Из других недочетов, связанных с самой техникой организации колонн, следует отметить то, что почти все колонны были организованы из старых тракторов (отобранных у единоличников и лжекооперативов), что нередко сильно удорожало ремонт и технообслуживание, а следовательно и стоимость вспашки. Острый недостаток тракторных запчастей вообще не мог также не сказаться на снабжении ими тракторных колонн. Были простои тракторов и из-за отсутствия трактористов.

Большим недочетом, определяющим в значительной мере основные перебои в работе тракторных колонн, было отсутствие агронома, занятого исключительно агропроизводственной работой с населением, об'единяемым вокруг колонн. С этим связывается отсутствие до сих пор (уже после начала работы колонн) организационно-производственных планов, а подчас и полное отсутствие агрикультурных мероприятий в некоторых колоннах.

Это отсутствие агронома усугублялось и тем, что Колхозцентром, по линии колхозной кооперации, также не было проявлено необходимого интереса к работе тракторных колонн и, следовательно, к работе по организации населения, по организации и использованию освобождающихся при тракторной обработке земли рабочих рук, тягловой силы и проч.

Мероприятия по организации отдельных предприятий по переработке с.-х. продуктов, по обобществлению таких отраслей, как животноводство и птицеводство,—все эти мероприятия, как правило, ставились не по инициативе руководящих кооперативных центров, а по инициативе самого населения, в лучшем случае—низовых кооперативных организаций. Шло это «самотеком» и поэтому не могло иметь особенно больших результатов.

Важность наличия при работе колонн хотя бы одного постоянного агронома будет понятна, если мы напомним, что тракторные колонны охватывают от 3 до 5 тыс. гект. земли, а из дореволюционной практики известно, что даже мелкое, захудалое помещичье хозяйство в 200—300 гект. считало выгодным и необходимым вести свою работу под руководством агронома, беря последнего либо на службу в свое хозяйство, либо в максимальной степени

используя участковую земскую агрономию. Следовательно, вывод отсюда может быть один—в каждой колонне должно быть не менее одного постоянного работающего агронома исключительно для проведения агромероприятий.

При положительной вообще оценке классового направления в работе тракторных колонн необходимо указать, что в их работе местами обнаруживалась нечеткость классовой линии, в частности к этой нечеткости нужно отнести установление натуральной оплаты (в долях от урожая, независимо от классового состава) за тракторную обработку и отсутствие дифференцированной платы, что особенно важно в тех случаях, когда тракторная колонна охватывала все земельное общество в целом, в том числе и кулачество. При такой тоже «классовой» политике кулаку в колонне живется не так уж плохо, так как он лучше других использовывает освобождающуюся у него рабсилу и капитал в других отраслях сельского хозяйства (напр., вкладывая его в продуктивный скот) и в других формах эксплоатации. Отсутствие групп бедноты внутри групп хозяйств, об'единяющихся вокруг колонн, а, следовательно, затруднение и отсутствие отпора со стороны бедноты кулачеству также является большим минусом.

Надо прямо сказать, что эта неорганизованность бедняцкой части населения в ряде случаев давала возможность кулаку использовать и новое дело тракторных колонн для эксплоатации: так в Парьевской колонне (ЦЧО) за то, что у кулака во дворе «стоят тракторы — наполовину в грязи», ему платят 50 руб. в месяц; платят ему за прочие квартирные услуги, нанимают подводы и т. д. Таким образом, кулак на тракторной колонне зарабатывает до 75—100 руб. в месяц (из доклада инструктора).

Неясность политической установки при организации колонн сказалась и в выборе районов для организации тракторных массивов: характерно, что ни в одном районе, где организованы колонны, нет парт'ячейки, нет ячейки комсомола, а следовательно и нет основных пунктов для общественно-политического влияния партии в этих новых коллективах.

К числу крупных недочетов в организации колонн надо отнести также и непонимание, а потому и недооценку этого нового важнейшего дела со стороны партийных, советских и даже кооперативных органов, особенно колхозников, которые,казалось бы, должны быть особенно заинтересованы в деле тракторных колонн. На деле же мы имеем несколько, правда, единичных случаев прямого непонимания значения колонн и попытки противодействия с их стороны делу организации колонн, с требованием раздать трактора мелким колхозам (Сев. Кавказ).

Есть, разумеется, в этом новом деле и спорные вопросы, кроме упоминавшегося основного спора о хозяине колонн, которого мы здесь решили не касаться, важнейшим является вопрос о том, что собой представляет и должно представлять об'единение хозяйств, которые «само-собой» возникают при заключении договора между тракторной колонной, с одной стороны, и представителями данной группы хозяйств—с другой. Казалось бы, что на основании всего сказанного—на этот вопрос надо ответить—«крупный колхоз». Однако, в кооперативной среде есть и другие ответы, которые в общем можно свести к следующему: создающееся вокруг и на базе тракторной колонны производственное об'единение является не колхозом, а кооперативом, сходным, например, с маслодельной артелью. «Какой же это колхоз,—восклицают эти товарищи,—когда его члены сохраняют еще индивидуальные хозяйства, когда кулак еще не прекратил своего существования». Нам думается, что во всех этих рассуждениях есть порядочная путаница. Прежде всего колхоз есть один из видов кооперативов, следовательно, противопоставлять этих понятий нельзя. С маслодельной артелью нельзя сближать тракторные об'единения уже потому, что первая, являясь общественным

предприятием переработки одного молока, как показал многолетний опыт, хотя и стимулирует обобществление крестьянского хозяйства, но недостаточно. И это понятно, поскольку вхождение в маслодельческую кооперацию еще не означает перехода хозяйства на новую техническую базу, а может послужить лишь толчком для такого перехода в дальнейшем. Кроме того, надо иметь в виду, что основой крестьянского хозяйства в подавляющем числе районов является зерновое, во всяком случае полеводческое хозяйство. И пока эта основа, эта глыба не будет сдвинута с места—маслодельная артель не будет рычагом заметной для глаза коллективизации крестьянского хозяйства, именно потому, что наличие артели ни в какой мере не изменяет технической базы всего хозяйства его основной полеводческой части. Совсем другую роль играет тракторная колонна, которая сразу изменяет техническую базу полеводства, т.-е. фактически почти всего хозяйства. Делая прыжок от сохи к полной механической обработке земли в несколько дней или недель, колонна обслуживает тысячи гект. земли, сотен хозяйств, освобождает сотни рабочих рук,—словом, производит целую экономическую и техническую революцию, подготовляя и бытовую. Достаточно этого беглого сопоставления, чтобы понять, мягко выражаясь, неудачность сравнения колонны с маслодельной артелью. Возгласы же насчет кулака уже совсем не убедительны и не серьезны, ибо кулак, в отдельных случаях, у нас пролезает и в другие виды колхозов, где мы с ним боремся так же, как должны бороться и в практике организации тракторных колонн.

Эти споры имеют не только теоретический интерес, они имеют большое практическое значение, ибо из оценки об'единения как «простейшего кооператива», вытекает совершенно иной комплекс мероприятий и темп роста тракторного об'единения от низших к высшим формам колхозного строительства. Мы за колхозную «вывеску» потому, что за ней кроются колхозные, правильнее сказать, неоколхозные, а не старо-кооперативные содержание и направление работы.

Другим спорным вопросом является вопрос о передаче тракторной колонны в собственность организованному и созревшему для этого колхозному об'единению. Менее решительные противники этой передачи осторожно говорят о необходимости подождать с этими разговорами, подумать о том, не лучше ли будет организовать колонны по типу прокатных пунктов и т. д. Наиболее логичные противники этих передач выдвинули идею создания «машинно-тракторных станций» (МТС). Они идут дальше колонн, говоря образно, они идут мимо крестьянина. Они исходят из того, что надо максимально концентрировать средства с.-х. производства исключительно в руках государственных органов, нужно создавать зерновые фабрики, нужно отчуждать орудия производства от производителя хлеба,—словом, производственные отношения города (фабрики) они целиком переносят на деревню.

Нам думается, что и те и другие товарищи ошибаются, недооценивая трудности социалистической перестройки сельского хозяйства, забывают об основном методе реорганизации крестьянского хозяйства по кооперативному плану Ленина через кооперацию, т.-е. «вместе с массой крестьянства», а не при помощи каких-то акционерных обществ по обработке земли германского капиталистического образца. Отвлекаясь от многочисленных организационно-технических трудностей, связанных с работой МТС в 80—100 тракторов, мы считаем, что экономическая революция, которую несет трактор в деревню, должна быть связана с революцией общественных отношений. Ломка же общественного уклада, форм и навыков хозяйствования осуществима лишь при одном условии, когда мы мероприятия коллективизации будем проводить не одной только машиной, а машиной плюс крестьянская общественность.

Вот почему единственно правильным решением вопроса о судьбе, о перспективе развития колонны является решение о передаче на определенной ступени развития колхоза в собственность последнему всего технического оборудования колонны.

Как ни предварительны приведенные здесь данные о первых шагах кооперативно-тракторных колонн, все же они дают право утверждать, что в лице тракторных колонн мы нащупали наиболее удачные организационно-технические формы для действительно массовой перестройки сельского хозяйства на основе крупной современной машинной техники. Оценивая так тракторные колонны, мы вовсе не осуждаем тем самым коллективного движения в прошлой его практике. Эта практика неизбежна и необходима. Но тракторные колонны являются все же такой формой массовой коллективизации деревни, которая сразу и вместе с тем не отпугивая проводят под раздробленное крестьянское хозяйство современную техническую базу, тем самым создавая возможность использовать выгоды крупного машинного производства: благодаря сведения в сплошной массив земли отдельных хозяйств и, следовательно, полного использования производительности трактора и крупных машин, с одновременным в порядке договора проведением ряда агрикультурных мероприятий (сортсемена, зяблевая вспашка, улучшенный севооборот и проч.)—есть возможность в первые же годы заметно повысить урожай и тем самым наглядно показать крестьянину выгоды новой коллективной обработки земли. Без преувеличения можно сказать, что это метод коллективизации не дворов, а целых земельных обществ, деревень и сел.

Концентрация тракторов и сложных с.-х. машин тракторной колонны в одном месте—вместо нахождения их в лучшем случае в 20—30 колхозах чрезвычайно упрощает и удешевляет труднейшее дело технического их обслуживания, ремонта, снабжения нефтепродуктами, и проч., что с народнохозяйственной точки зрения также очень важно.

Тракторная колонна не менее удачное орудие и для осуществления классовой политики партии в деревне: она целиком обрабатывает землю бедняка и середняка, не требуя от владельца ничего, кроме согласия на коллективную обработку. Следовательно, отсутствие инвентаря и лошади у бедняка и середняка, служащее нередко препятствием для вступления последних даже в колхоз, здесь не является препятствием. Наоборот, тракторная колонна пашет тысячи гектаров земли бедняков, до этого пахавшейся кулаком, арендовавшим ее у безынвентарной бедноты, или пахавшим ее для бедноты на кабальных условиях отработок. Этим в частности об'ясняется звериная злоба и сопротивление кулачества делу организации тракторных колонн.

Работа тракторных колонн будет сопровождаться—и чем дальше, тем больше—вовлечением в это дело средств населения. Колонна, концентрируя вложение средств государства в сельское хозяйство на меньшем количестве пунктов, чем раньше, при прочих равных условиях, даст несравненно больший производственный эффект, повысив товарность об'единенных хозяйств, попадая в такт с мероприятиями государства по поднятию зернового хозяйства, в частности по строительству крупных совхозов. В числе других последствий это создает очень благоприятные предпосылки для вовлечения средств населения, необходимых особенно в дальнейшей, более глубокой перестройке данной группы хозяйств. А вложение средств со стороны населения имеет место в работе колонны с первых же шагов: оплата стоимости обработки земли (включая и амортизацию трактора), бесплатная подвозка горючего, воды и пр.

Уже одна обработка земли тракторной колонной освобождает большое количество рабочих рук, до этого занятых тяжелым примитивным трудом

землероба. Поставленная тем самым во всей остроте задача загрузки освобождающихся рабочих рук получает разрешение в форме расширения трудоемких (сырьевых) технических культур, в создании обобществленных предприятий по переработке с.-х. продуктов, кирпичных заводов, развитии рационального животноводства и птицеводства, с псстройкой общественных скотных дворов и птичников и т. д.

Это дело, содействуя коренной реконструкции хозяйства, требуя вложения больших собственных средств населения, является одной из важнейших сторон работы тракторных колонн, почему внутренней организации труда в последних и использованию рабочей силы—нужно уделить максимальное внимание.

Имеющиеся попытки мелких колхозов, об'единения и укрепления путем договоров с тракторными колоннами—надо всячески поощрять, как прогрессивное явление, т. к. повышая техническую базу и укрупняя колхозы, тракторная колонна переводит колхоз на высшую ступень развития.

В заключение необходимо отметить, что без особого шума взялась кооперация за это дело. Тем приятнее теперь отметить имеющиеся достижения первых шагов по этому трудному пути. В организации работы тракторных колонн кооперация выполняет общегосударственную, общепартийную задачу. Это обязывает все парторганизации, снизу доверху, внимательно следить за работой колонн и оказать кооперации в этом важнейшем деле самую активную и действительную поддержку.

Р. Палм Датт.

Проблема англо-американского конфликта.

Вопросы британской внешней политики.

Буря, поднявшаяся в англо-американских отношениях, кризис, вызванный франко-британским морским и военным соглашением, избрание Гувера (выражение растущей агрессивности американского империализма), укрепление господствующей над обеими палатами республиканской партии, речь Кулиджа по случаю годовщины перемирия с ее откровенно воинствующим тоном,—все это вместе взятое ярко осветило для всех перспективы мировой ситуации, которая давно предвещалась марксистами. Все, что считалось принципиально правильным, как необходимый результат стабилизации, «классового сотрудничества» и увеличения капиталистической производственной мощности, т.-е. все, что ускоряет приближение к войне, все это принимает теперь конкретные формы, и приближение войны никем не может больше игнорироваться. Это ответ истории на мондизм, рационализацию и либерально-лейбористскую коалицию.

Новая линия в реформистской пропаганде об опасности войны.

Теоретики классового сотрудничества, ставшие пред фактом явно увеличивающегося банкротства их предсказаний о мирном, эволюционном развитии, пытаются теперь приспособить свою пропаганду к создавшейся ситуации. Они уж больше не говорят о гармоническом международном капиталистическом развитии и о мирном характере западно-европейского и американского капитализма (новая книга Прайса, в которой он поддерживает бывшую ранее модной теорию реформистов о заканчивающейся теперь фазе развития, появляется в весьма неподходящий для него момент). Теперь, наоборот, они свободно говорят о военной опасности и представляют ее в сгущенных красках. Но из создавшегося положения они стараются делать явно ложные выводы. Разумеется, нет речи о том, что политика сотрудничества с капитализмом гибельна для рабочего класса, что настоятельно необходима подготовка к решающим битвам рабочего класса. Вместо этого социалмондисты еще больше напирают на необходимость более тесного сотрудничества с капитализмом в целях предотвращения опасности войны. Они проповедуют макдональдовское рабочее правительство, или даже открытую коалицию либерально-рабочего правительства, не только как вопрос «строительства социализма», но, прежде всего, в целях «предупреждения войны» и «спасения дела мира и разоружения». Другими словами, они выдвигают, в качестве средства от болезни ту самую политику, которая, преследуя цели удушения рабочего класса и предоставления свободы действий силам империализма, усиливает лишь военную опасность.

Типичное заявление для выражения этих взглядов можно найти в недавней статье Брэйльсфорда в «Нью-Лидер», защищающей рекламируемую

либерально-рабочую коалицию («Договор с либералами. Из двух зол меньшее», «Нью Лидер» от 10/X/28). Он выдвигает три аргумента «желательной об'ективности», которая могла бы быть достигнута: 1) «приостановление глупости жестокости и безрассудства консервативной внутренней и внешней политики», 2) «работа в интересах Лиги Наций, разоружения и отдаления угрозы англо-американской войны», и 3) «даже и без особенно спорного законодательства многое может быть сделано для разрешения индустриальных проблем». Подводя итог этим альтернативам, мы можем сказать, что вопрос о войне у него имеет преобладающее значение. Он приходит к заключению:

«Ясно, что это предложение ведет к большим жертвам. Ничем нельзя было бы оправдать их, как только той опасностью, которая угрожает нашей стране, на что одинаково явственно указывают как перспективы ее промышленности, так и закулисная работа, подготовляющая почву для заключения союзов, подсчитывающая военные суда и подготовляющая войны. Партия, которая не возьмет на себя риска и не отбросит свои предубеждения ради сохранения всеобщего мира, может в один прекрасный день проснуться с пятном войны на своей совести, которую она не смогла предотвратить. Что касается меня лично, то я не могу себе представить более невинного занятия, чем попытку вместе за одним столом с либералами изыскать пути наиболее действительного содействия работе Лиги Наций, или пытаться разогнать нависшее над Атлантическим океаном облако опасного соперничества» («Нью Лидер», 10/X/28).

Таким образом, путь 1906 — 1914 г.г. будет снова пройден—ради сохранения мира. Самый жестокий критик не мог бы придумать более злой иронии.

Ясно, что здесь все социалистические взгляды и убеждения оставлены позади. Не успела реакция последнего времени соскоблить социалистическую лакировку, как вылез наружу чистейший либерализм. По теории социализма, война является неизбежным продуктом капитализма; и поэтому борьба против войны неразрывно связана с борьбой против капитализма, с классовой борьбой рабочих. Только свержение капитализма может привести к окончательному уничтожению войн, являющихся неотделимым попутчиком империализма, т.-е. современного капитализма. Но сила борьбы рабочего класса может мешать и затруднять политику войны империализма (1920 г. Джолли Джордж и Совет Действия), так же как пассивность рабочего класса облегчает эту политику (1927 г.—Мир в промышленности, война в Китае, разрыв с Советским Союзом). Вопрос о войне, таким образом, является неизбежным аргументом против коалиции. С другой стороны, для либерализма война зависит от bellicose, или от пацифистской политики отдельных государственных деятелей, от замены Болдуин—Чемберлена Макдональдом—Ллойд Джорджем, или Пуанкаре—Бриана Эррио—Кайо. Либеральный или буржуазный пацифизм видит борьбу против войны в союзе «пацифистских» и «прогрессивных» сил за спиной «левых» государственных деятелей капитализма, которые произносят миролюбивые фразы, в то же время поддерживают весь порядок вооружений, империалистского гнета и его политики, или же спиной таких учреждений капитализма, как Лига Наций, проповедующая мирные цели, хотя ее военные стремления неприкрыто обнаруживаются самой ее конституцией и, прежде всего, всей ее практикой. Империализм для них, таким образом, отделяем от политики империализма и совместим с политикой мира. Этот взгляд находится в таком полнейшем противоречии со всем характером современной империалистической ситуации, что представляется необходимым ознакомиться более детально с некоторыми его чертами, и в особенности с действительностью британской внешней политики, последовательность которой Макдональд обязался соблюдать; с отношением Рабочей Партии к этой политике, с целью показать, что п у т ь р а б о ч е г о и л и к о а л и ц и о н н о г о п р а в и т е л ь с т в а, н е т о л ь к о н е у с т р а н я е т о п а с н о с т и в о й н ы, н о, в д е й с т в и т е л ь н о с т и, у с к о р я е т е е п р и б л и ж е н и е.

Британская внешняя политика со времени Локарно.

Британская внешняя политика со времени Локарно шла по сложному пути. Эта сложность вызывается не разнообразностью ее основных целей, а сложностью тех факторов, с которыми пришлось одновременно столкнуться. Основными целями остаются борьба против революции (против Советского Союза, против колониального освобождения и против рабочего класса) и борьба против соперничающего империализма разных стран. Сложность факторов мы видим, во-первых, в вопросе борьбы против Советского Союза и колоний; во-вторых, в вопросе борьбы против рабочего класса своей страны и, в-третьих, в степени интенсивности и разнообразия империалистических антагонизмов. Теперь необходимо попробовать распутать некоторые из этих узлов.

Локарно представляет попытку связать под гегемонией Британии западно-европейские державы в один блок против Советского Союза. Непосредственная цель этой задачи не была достигнута благодаря различию интересов Франции и Германии, хотя и удалось значительное вовлечение последней в западную ориентацию. Ни Франция, ни Германия не намеревались подчинить свои интересы требованиям британской политики. Германия знала, что ее политическое положение и возрождение зависит от ее умения извлечь наибольшую выгоду из политики противопоставления Советского Союза западным державам, что мощь Советского Союза и соглашение с Советским Союзом являются необходимым базисом для восстановления своей независимости. Таким образом, через несколько месяцев, вслед за подписанием локарнского пакта последовало возобновление пятилетнего советско - германского договора, а вхождение в Лигу Наций сопровождалось специальными оговорками о нейтралитете, выраженными в приложениях к договору. Германия не намеревалась входить в блок против Советского Союза, она пошла бы на это только в случае солидной компенсации, которая гарантировала бы ее независимую мощь, т.-е. эвакуации, урегулирования репараций, права на вооружение, возвращения колоний. Британия не намеревалась уступать колоний; эвакуация и остальные вопросы зависели от Франции, которая не собиралась жертвовать своей гегемонией ради интересов Британии. Сначала Франция противилась Локарнскому пакту, при котором баланс сил был в пользу Британии; целью же ее и до, и после подписания пакта было заключение союза для поддержания ее гегемонии в Европе или с Британией (согласно ее первоначальных предложений к пакту, а ныне реализованных в возобновленной Антанте) или же путем франко-германского соглашения (Туари). Таким образом, непосредственння цель Локарно не достигла какого-либо решительного результата.

Новые формы антисоветского фронта.

Непосредственная цель Локарно не была достигнута, и последующие попытки создания заново западно-европейского блока для борьбы против Советского Союза в 1927 году (разрыв с Советским Сюзом, примеру которого, вопреки ожиданиям, не последовали) и в 1928 году (поездка Биркенхеда в Берлин) пока еще не увенчались успехом. Но было бы громадной ошибкой считать Локарно мертвым и еще более ошибочно было бы считать неудавшимся антисоветский блок, остающийся важнейшей целью британской внешней политики. Пункты Локарнского пакта все еще живы и в совершенно не-

ожиданный момент могут воскреснуть. «Решительно неудобные» (по словам корреспондента «Таймс») вопросы Бенеша на собрании в Локарно в апреле 1926 года: 1) кто определит роль нападающего в случае войны с Россией, Лига Наций или Германия; 2) в случае об'явления бойкота России, обязывает ли это и Германию, как члена Лиги Наций; 3) может ли оговорка Германии о нейтралитете изменить параграф 16 Лиги,—эти вопросы все еще остаются без решительного ответа (бывшие союзные державы говорят в своей коллективной ноте Германии в приложениях к Локарнскому пакту одно, а именно: военные обязательства пар. 16 абсолютны и обязательны для каждого государства; Германия в ноте Штреземана на имя Крестинского в приложениях к советско-германскому договору говорит совершенно противоположное, т.-е. военные обязательства, согласно параграфа 16-го и определение вопроса, кто является нападающей стороной, абсолютно подлежит независимому суждению Германии), обсуждение этих вопросов в германских политических кругах во время подписания пакта и после этого так и не дало ясного ответа.

Точные обязательства Германии, согласно Локарно и устава Лиги Наций, все еще остаются покрытыми дипломатическим туманом. Можно вспомнить неосторожность германского министра иностранных дел фон-Шуберта, заявившего в интервью корреспонденту «Эксцельсиор», что, согласно Локарнского пакта, Германия обязалась разрешить пропуск французских войск для поддержки Польши или Чехо-Словакии. Это заявление повело к предположению о том, что, поскольку в опубликованном тексте эти оговорки не упоминаются, в Локарнском пакте могут быть секретные пункты. В действительности, нет нужды в таких предположениях, ибо внимательное чтение параграфа 2-го пакта допускает именно то толкование, которое дает фон-Шуберт, так как параграф 16-й Лиги уже ясно обусловливает пропуск войск. Опубликованные пункты и оговорки Локарно и статута Лиги уже предусматривают такую удушающую сеть военных обязательств, с которыми едва ли может по своим размерам сравниться любой до-военный союз; только в данном случае пацифисты особенно крикливо выражают свою поддержку и поклялись пойти на войну, когда кто-нибудь из старых джентльменов Совета Лиги Наций, какой-нибудь Пуанкаре, Чемберлен или Муссолини подаст сигнал. В настоящее время подчеркивание этих обязательств невыгодно для политики империализма; в настоящей стадии, как и в довоенной Антанте, выставляется пацифистская сторона, а обязательства схоронены под общим филантропическим туманом. Ни союз Лиги Наций, ни г. Бернард Шоу, ни г. Клайнс не затрагивают эти реальные факты, когда Лигу выставляют пред добродушными и наивными людьми в качестве орудия мира. Тем не менее, обязательства будут иметь в свое время гораздо большее значение, чем какой-нибудь бельгийский договор или антантовские долги чести.

Что несомненно, так это то, что в будущем пункты и обязательства Локарно и статута Лиги Наций, на которые все пацифисты дали свое согласие с таким же энтузиазмом, с каким они приветствовали первое основание старой англо-французской Антанты, в критический момент вдруг оживут, будут представлены европейским народам, как священные обязательства чести в деле мира и гуманности и вся их антисоветская действительность будет обнаружена. В этом смысле Локарно так же жив в настоящее время, как и в день его подписания. Высшая цель британского империализма в настоящий период не изменилась из-за временных ударов по его непосредственным надеждам, но он только меняет формы и методы ее реализации. Прямая попытка организации фронта западных и центрально-европейских держав против Советского Союза оказалась более трудной, чем это предполагалось. На сегодняшний день, соответственно моменту, гораздо больше внимания сосредоточено, с одной стороны, на англо-французском совместном выступлении, а с другой,—

на лимитрофных государствах, Румынии, Польше, Прибалтике и Финляндии. Если можно будет начать войну через Румынию и Польшу под каким-нибудь обычно легко фабрикуемым предлогом «вторжения», или чего-нибудь вроде этого, чтобы заклеймить Россию «зачинщиком» (Элию Рут говорили, что «хорошая дипломатия состоит в том, чтобы повести дело при назревании конфликта между двумя нациями, таким образом, чтобы соперник оказался нарушителем закона»,—британская дипломатия 1914 года была примером такой «хорошей дипломатии»); тогда будет найдена также возможность использовать Локарно и Лигу и втянуть в это дело западно-европейские державы с соблюдением Германией, по крайней мере, пассивного нейтралитета. Таков очевидный непосредственный расчет, и в соответствии с этим безостановочно идет деятельность британских и французских военных, морских и воздушных штабов в лимитрофах.

Эту основную линию британского империализма важно всегда иметь в виду, как потому, что временные провалы известных планов легко могут усыпить рабочих, особенно при помощи пропаганды лейбористского реформизма, старающегося ослабить их бдительность, так и для того, чтобы временное обострение англо-американского кризиса не создало бы одностороннего взгляда на будущие перспективы. При капитализме война всегда может вспыхнуть во многих формах, на многих фронтах, по многим причинам; всякие определенные предсказания в этом отношении глупы; важен только принцип. Но англо-американский антагонизм является антагонизмом гигантских размеров, с весьма сложным процессом вызревания. Непохоже, чтобы в ближайшее время, когда капитализм видит, что вопросы революции все еще не сняты, когда в тылу существует еще несверженный Советский Союз,—было возможно решительное столкновение интересов; риск для этого слишком велик, и империалисты всех стран это хорошо сознают. По этой причине враждебность к Советскому Союзу остается главным вопросом империалистической политики на данной стадии, хотя развитие капиталистической стабилизации неизбежно ведет к огромному обострению внутри-империалистских антагонизмов.

Рабочее правительство и англо-советские отношения.

Ни рабочее, ни либерально-рабочее правительство не нарушат этой основной линии политики. Возможно, что она поведет к временному «признанию» Советского Союза, хотя признание Рабочим Правительством в 1924 году было уступкой, сделанной под непосредственным нажимом рабочего класса, и тогда даже отказавшимся назначить посла. Но необходимо помнить, что весь процесс Локарно был проведен одновременно с формальным «признанием». Признание не будет иметь влияния на реальную линию политики— на деятельность военных, морских и воздушных штабов. Влияние Рабочего Правительства на эту деятельность будет не больше, чем его влияние в 1924 году на деятельность тайной полиции (на вопрос, как применяется «закон о чужестранцах», Джойнсон Хикс недавно ответил, что количество отказов во в'езде во время Рабочего Правительства было выше, чем в любой год правительства Болдуина—о скольких из этих 2.485 отказов Гендерсон имел представление; делал ли он какие-либо попытки к вмешательству?). Но условия для активного сотрудничества Рабочего Правительства уже существуют. Макдональд уже в достаточной мере доказал, что он ни на шаг не отошел от своей патологической ненависти к Советам, которая довела его до того, что искусные буржуазные чиновники сыграли на ней и привели его к бездне «Зиновьевского письма» с печальными последствиями для его «доверчивости» и «делового обращения». Как близко он стоит к точке зрения текущей империалистической линии, доказывают его недав-

ние выступления и особое подчеркивание роли прибалтийских государств: «Страны, граничащие с Россией, не питают никаких иллюзий насчет политики большевиков. Мы же, в Англии, слишком склонны верить советской пропаганде о разоружении, мире и тому подобных вещах». («Форворд», 20/X-28.). Точно так, как либеральный кабинет был использован для вступления в антигерманскую войну, в то время, как консервативный кабинет вызвал бы широкие разногласия, так и Макдональд будет использован (что не исключает того, что он сам пойдет этому навстречу), когда назреет момент, для войны против Советского Союза, к тому же гораздо эффективнее, чем какой-нибудь Чемберлен.

Поворотные пункты в британской внешней политике в 1926 и 1927 гг.

Поражение временных целей Локарно в период, непосредственно за ним следовавший, отразил еще один фактор, понимание которого имеет величайшее значение для полного уяснения внешней политики, ибо дает возможность понимания настоящей линии в противовес благовидной альтернативе Макдональдовского рабочего правительства. Этот фактор—классовая борьба. Локарнский пакт был подготовлен и организован в течение большей части 1925 года. Но был заключен не ранее октября 1925 года и подписан только в декабре 1925 г. К этому времени правительство Болдуина окончило свои подготовления к приближавшейся гигантской внутренней борьбе.

В течение 1926 года британский капитализм был потрясен величайшим в своей современной истории конфликтом с рабочим классом. И в течение всего 1926 года внешняя политика Британии находилась в закате. Успехи в Китае развивались без особенных препятствий. Германия ответила на Локарно заключением Германо-Советского договора в апреле 1926 г. Вовлечение Германии в Лигу Наций потерпело в марте фиаско и только в октябре оно окончательно завершилось. Франция проявила свою независимость подписанием франко-турецкого договора в Ангоре в феврале 1926 года, в то самое время, когда Англия сцепилась с Турцией из-за Моссула,—открытием в феврале франко-советской конференции и временным франко-американским соглашением о долгах. Наконец, в сентябре Франция и Германия пришли, отдельно от Англии, к открытому соглашению в Туари, был организован континентальный стальной картель. Комментарии английской прессы обнаруживали беспокойство, с которым английский империализм следил за развитием этих событий. В следующем месяце, в октябре 1926 года, Пан-Европейский конгресс в Вене, при участии французского министра, б. австрийского канцлера Зайпеля, германского председателя рейхстага Лебе, и б. канцлера Вирта и других таких же официальных и полуофициальных лиц, праздновал континентальное единство против «англо-саксонского капитализма». В течение этого периода Британии оставалось только добиваться поддержки Италии, как своего единственного и дорого-стоящего союзника, для отпора Турции и Франции; соглашение об итальянском долге было достигнуто на основе отказа от шести седьмых всего итальянского долга, а встреча в сентябре Чемберлена и Муссолини в Лугано была попыткой ответа на Туари. Нет более ярких примеров, чем события 1926 года, которые бы так ясно доказывали тесное отношение между классовой борьбой и мощностью или слабостью империализма и его политикой.

1927 год видит английскую буржуазию победоносной и ликующей. Опьяненная победой, несмотря на потери, она сразу же, подтянув вожжи, приступила к организации контрреволюционного похода в мировом масштабе. Немедленно началась война против Китая, и в апреле ей удается внести разрыв в ряды националистов, благодаря предательству китайской буржуазии.

В мае последовал разрыв с Советским Союзом. Финансовый нажим Англии, согласно французских и германских сообщений, уже был в состоянии помочь разбить соглашение в Туари (которое, во всяком случае, не лишено было своих собственных затруднений при переговорах об эвакуации); Англия и Франция снова сблизились; близкие отношения с Италией подверглись охлаждению, и в мае 1927 года произошло явное возобновление Антанты с церемониальным визитом президента Думерга и министра иностранных дел Бриана в Лондон. Это возобновление Антанты весной 1927 года, знаменующее собой шаг в сторону от Локарнского об'единения (замечательно, что в это же время, в начале 1927 года, германские националисты снова вошли в кабинет, из которого они вышли в знак протеста против Локарнского пакта), является поворотным пунктом в британской внешней политике настоящего периода. Она — Антанта—представляет непосредственный стратегический контрреволюционный союз французской армии и британского флота, двух самых могущественных сил Европы, т.-е. еще большее приближение к условиям войны. Она ведет к еще большему приближению фронта против Советского Союза (французское требование об отозвании Раковского последовало в октябре 1927 г.). Она отражает возрождение нового германского империализма и возобновленную угрозу британскому капитализму германским экономическим под'емом. Но она также отражает, как показали события этого года, рост другого фактора, значение которого быстро развивается, появление на первом плане англо-американского антагонизма.

Англо-американский антагонизм.

Англо-американский антагонизм сам по себе не нов, но он сейчас выдвинулся на первый план мирового империалистического антагонизма, который, наконец, начинает выявляться, хотя все еще далек от той напряженности, в которую он неизбежно разовьется. В той или иной форме англо-американский антагонизм всегда существовал, то ослабевая, то обостряясь, со времени основания республики после революционной войны за независимость. Главной осью развития этого антагонизма являлся вопрос о британском морском владычестве,—выражение мировой торговой монополии,—даже в настоящей империалистической фазе развития, при наличии сотен новых и напряженных точек для конфликтов, вопрос о морском владычестве остается центральным. Война 1812 года была войной против британского маринизма. Доктрина Монроэ 1823 года была ответом на Священный Союз и его план «положить конец правительствам, имеющим систему представительств» и восстановить «законные правительства» не только в Европе, но и, поскольку возможно, вне ее, т.-е. возвратить испанские колонии Испании (в этом вопросе британская политика считала целесообразным стать на сторону Америки, но, тем не менее, доктрина была направлена и широко использована против британской экспансии) [1].

---

[1]) Следует отметить, что Соединенные Штаты, сами бывшие в прошлом столетии представителями демократических и «незаконно приобретенных прав», теперь заняли позицию, воплощающую дух «Священного Союза» тем, что Америка явно нарушает доктрину Монроэ своим отказом признать Советский Союз. Послание президента от 2 декабря 1823 года, формулирующее доктрину Монроэ, гласит:

«Наша политика в отношении Европы, усвоенная в первой стадии войн, так долго волновавших часть Европы, остается прежней, т.-е. невмешательство во внутренние дела какой-либо из европейских держав, рассматривать каждое правительство де факто, как законное для нас, и развивать с ним дружественные отношения...» Если бы американские государственные деятели были честными людьми, они отбросили бы доктрину Монроэ и заменили бы ее принципом американского мирового империализма.

В гражданской войне британская буржуазия была всецело на стороне рабовладельцев и гражданская война превратилась бы в настоящую, если бы не сильная оппозиция рабочего класса (еще одно лишнее доказательство тесного взаимоотношения между классовой борьбой и внешней политикой). С развитием империалистического периода антагонизмы обострились. В 1895 году вопрос о Венецуэле едва не вызвал войну. В 1898 г. Рузвельт мог открыто высказаться в пользу войны с Британией»: «Я хотел бы, чтобы направление внешней политики имело окончательной целью изгнание с этого материка всех европейских держав. Я бы начал с Испании и закончил бы всеми другими европейскими нациями, включая Англию». (Т. Рузвельт, 9 февр. 1898 г., приводится в сочин. Дж. В. Бишопа «Теодор Рузвельт и его время», том I, Нью-Йорк 1920 г.).

В двадцатом веке Панама и Мексика стали предметом натянутых отношений. Во время войны 1914—1918 гг. Соединенные Штаты вмешались бы непосредственно в дела британского маринизма, если бы ее материальные интересы не были слишком тесно связаны с союзными державами. И только после крушения германского империализма в 1918 г. обнажился основной англо-американский империалистический антагонизм.

С того момента, как устранен был с дороги германский империализм, стало очевидным, что бывший англо-германский антагонизм уступил место еще большему мировому империалистическому антагонизму, британскому и американскому, который стал осью внутриимпериалистических взаимоотношений и неизбежно поведет к новой небывалых размеров всемирной войне. В первый стремительный наплыв событий, сейчас же после войны, некоторое время казалось, что этот новый антагонизм созревал с бешеной быстротой. Уже в 1919 году полковник Хауз писал президенту Вильсону (30 июля 1919 г.) «Почти сейчас же по моем приезде в Англию, я почувствовал враждебность в отношении Соединенных Штатов... Отношения между обеими странами начинают принимать такой же характер, какие были между Англией и Германией до войны».

В 1920 году последовала обостренная переписка между Керзоном и Кольби по поводу Сан Рэмо и месопотамской нефти. Соединенные Штаты ушли из Европы. В 1921 году Британия заложила четыре сверхдредноута, по 45.000 тонн каждый.

Но это бешеное наступление и вызов британского империализма послевоенной ллойд-джорджевской эры не могли продолжаться. Послевоенный экономический «бум» в Британии был недолговечен. Зимой с 1920 г. по 1921 г. снова началась экономическая депрессия, которая продолжается беспрерывно в течение восьми лет и до настоящего дня. Британский империализм должен был спрятать свои когти. Оставалось примириться с поражением, понесенным в конце 1921 г. в результате Вашингтонской конференции, где Соединенные Штаты могли заставить Англию без боя, на основании своего экономического превосходства и строительной мощи, принять принцип морского равенства и, следовательно, формальный отказ от морского владычества (в действительности, адмиралтейство, как показали последующие события, имело другие планы) и отказ от ценного англо-японского союза. Необходимо заметить, что в вынужденном отказе от англо-японского союза давление доминионов, в особенности Канады, играло немаловажную роль. Отказу от союза Соед. Штаты придавали особое значение. Сенатор Лодж мог даже заявить в сенате, что «главным и наиболее важным пунктом договора является разрыв англо-японского союза. Это было главной целью договора». Фактически остается под сомнением вопрос, насколько этот отказ был не больше, чем простая формальность. Через год было достигнуто соглашение о долгах, заключенное Болдуином. Британия нуждалась в помощи Америки, чтобы ответить на агрессивность Франции и ее наступление

в Руре. Это было окончательно достигнуто посредством плана Дауэса, а в 1924 году начался период напряженного англо-американского сотрудничества в деле умиротворения и финансового проникновения в Европу. Такое сотрудничество с самого начала было неустойчивым. Уход Соед. Штатов с конференции по опиуму в 1925 г., после открытого конфликта с британской делегацией, острые разногласия между Меллоном и Черчилем в 1926 г. и письмо Хоутона о положении в Европе являются показателями скрытых враждебных сил. Но окончательный разрыв последовал только в 1927 году.

Причины обострения англо-американских антагонизмов в 1927—1928 гг.

Почему это напряжение приняло такой острый оборот, вылившийся в форму разрыва женевской конференции 1927 года и в продолжительный кризис в течение всего этого года? Основной ответ на этот вопрос лежит, несомненно, в интенсификации капиталистической экономической деятельности и конкуренции, вытекающей из восстановления капитализма при помощи англо-американского сотрудничества. Экономический антагонизм между Америкой и Британией развивается и с каждым годом все повышается. С каждым годом американские товары все больше и больше вытесняют британские товары с их рынков, а рационализация еще усиливает кризис. Уже в 1923 году, согласно «Обозрения заморской торговли», Соединенные Штаты экспортировали на 48% промышленных товаров больше, чем в 1913 году, в то время, как британский экспорт за это время сократился на 27%, при чем даже для достижения этих результатов все сильнее возрастает его зависимость от контролируемых Британией колониальных рынков. Диспропорция еще более значительно расширяется в новых странах: в Южной Америке, Азии и Австралии. Американское экономическое проникновение вытесняет британские товары даже из собственных доминионов Англии, а вместе с этим растет и американское политическое влияние. Борьба за сырье, особенно за нефть и каучук,—всем знакомая история. Экспорт капитала Америкой оставил Британию позади и за последние четыре года ее экспорт по сравнению с Британией удвоился.

В ответ на некоторые цифры, данные Гувером, «Экономист» недавно опубликовал «расчетный баланс» (т.-е. баланс после составления всех расчетов по видимому и не видимому экспорту и импорту и показывает, таким образом, чистый экспорт нового реального капитала), показывающий, что с 1922 по 1927 гг. включительно баланс Великобритании был более высок, чем баланс Соед. Штатов и что Британия все еще занимает первое место. Но даже эта таблица за 1925, 1926 и 1927 гг. показывает высокое превосходство Соед. Штатов. Это означает, что это превосходство именно и есть результат последних нескольких лет, со времени плана Дауэса. Настоящий конфликт только начинается. Только одна десятая доля американской продукции сейчас выбрасывается на мировой рынок, только одна пятая часть годичного накопления идет за границу. Но эта пропорция неизбежно вырастает с увеличением производительной мощности и накопления, а вместе с этим ростом увеличивается антагонизм. Как раз это обострение экономического антагонизма отражается в новом морском соревновании в постройке крейсеров в после-вашингтонский период и, наконец, в открытом политическом разрыве женевской конференции в этом году.

В начале 1927 года Китай занимал центральное место в международной ситуации и как-раз здесь англо-американский антагонизм достиг своего наиболее острого напряжения (как напоминает об этом недавний выпад консервативного члена парламента Самюэля в его речи в «Клубе 1917 г.», где он с неистовством обвинял Соед. Штаты в том, что они устраивали заговор

против британцев в Китае, и даже в том, что они подстрекали к анти-британскому бойкоту и что во всех сферах политики они преследуют их высшую цель—господство над Британией. Следует отметить, что Самюэль является директором «Шелл Транспорт и Трейдинг К°» и «Англо Саксон Петролеум К°»).

С нападками Гувера, каучуковый кризис достиг критической стадии и усилился развал ограничительного плана, что повело к окончательной отмене его в этом году. Развивалась открытая борьба между «Стандарт Ойль» и британскими интересами из-за советской нефти, которая летом вылилась в словесную полемику. Новое морское соревнование в постройке крейсеров в после-вашингтонский период приняло более острые формы. Наконец, в результате морской конференции в Женеве в конце лета наступил открытый политический разрыв. Британия немедленно отказалась принять политические требования о равенстве всех крейсеров на основе ограничения общего тоннажа, а Черчиль после конференции заявил:

«Мы ни сейчас и, надеюсь, ни в будущем году не намерены включить в торжественное международное соглашение таких слов, которые обязывали бы нас придерживаться принципа математического равенства в морских силах».

За этим последовала программа морского судостроительства Соед. Штатов и франко-британские военно-морские переговоры.

Почему Великобритания, в отличие от сравнительно уступчивой политики предыдущих лет, начиная с 1922 года, усвоила непримиримую линию в 1927 году? Во-первых, продолжительная экономическая депрессия гонит Британию на путь опрометчивой политики; с каждым годом Соед. Штаты делаются относительно сильнее. Во-вторых, победа над рабочим классом в 1927 году дала ей, наконец, уверенность для ведения более твердой линии; промышленный мир и мондизм создают основу для агрессивной империалистической политики. В-третьих, и это является в высшей степени важным, поскольку более слабая Британия должна форсировать свою борьбу против Соед. Штатов; это значит, что она, так же, как и при подготовке войны с Германией, которая экономически вытесняла Британию, должна создать цепь союзов против мощного врага. Около 1927 года этот процесс, наконец, начал приносить плоды. Новая франко-британская антанта была основана весной 1927 года. Военно-морские переговоры нынешнего года только подкрепляли эту антанту. Хэрстовские разоблачения секретного письма французского министерства иностранных дел вскрыли, что расчеты основаны на предположении будущей неминуемой войны. (Достойно внимания, что французский официальный гнев был направлен не против общего разоблачения соглашения, которое фактически поощрялось разрешенными разоблачениями во французской полуофициальной прессе, а против разоблачения Хараном секретного письма, которое дает ключ всей политики). Одновременно англо-японское соглашение открыто возродилось после Женевской конференции.

Англо-японские отношения.

Значительность англо-японского соглашения (особенно подчеркнутая в недавней речи короля) не получила такого же освещения в прессе, как англо-французское соглашение. Для всякого, кто внимательно следил за англо-японскими взаимоотношениями после Вашингтонской конференции, могут возникнуть сомнения, не был ли отказ от старого англо-японского соглашения после Вашингтона, несмотря на разногласия на Дальнем Востоке из-за Китая, чисто внешним. Например, на прощальном обеде в честь барона Хаяши в июле 1925 года принц Иоркский заявил:

«После этого мировое общественное мнение высказалось против военных союзов, а наш союз с Японией развился в пакт, охватывающий главнейшие страны, имеющие интересы на Тихом океане для обеспечения мира в той части света. Но дружба между Великобританией и Японией была и остается основой, от которой зависит мир на Дальнем Востоке».

А Чемберлен заявил:

«Хотя союз уступил дорогу более широкому соглашению, чувства, которые вызывали необходимость в союзе, так же живы сейчас, как в день подписания договора. Я надеюсь, что японцы признают, что мы лойяльны не только по отношению к букве, но и к духу этого обязательства». («Таймс, 1/VII—25 г.).

После Женевы, однако, англо-японское соглашение возродилось открыто. «Тан» писал:

«Женева целиком изменила положение, созданное в Вашингтоне в 1922 году, когда Великобритания пожертвовала англо-японским союзом ради американской дружбы. С возможностью создания новой англо-японской антанты следует считаться».

Женевский корреспондент «Таймс» заявил:

«Возможность возрождения старых отношений обсуждается на тот случай, если конференция не окончится обещанным успехом. Если союз, расторженный по требованию Америки, возродится, то полагают, что он возымеет влияние на морскую политику в Тихом океане на долгое время. («Таймс», 20/VII—27 г.).

Возвращение к власти правительства Танаки в апреле 1927 г. уже создало основу для более близких взаимоотношений. «Вашингтон-Пост», полуофициальный орган американского империализма, зашел в своем заявлении так далеко, что осмелился заявить: «Государственный Департамент (Мининдел) получил официально из надежных источников сведения о том, что Великобритания и Япония пришли к взаимно-удовлетворяющему секретному соглашению по поводу будущего морского первенства». («Вашингтон - Пост», 25/VIII--27).

А в речи короля в нынешнем году был специально использован случай, чтобы заявить:

«Историческая дружба, которая в течение стольких лет об'единяла Японию и мою страну, всегда была мощным фактором в сохранении мира на Дальнем Востоке».

На пути к двум мировым блокам.

Открывающиеся здесь перспективы имеют далеко идущее значение. Это значит, что на основе признаков 1927—1928 гг. после многих изменившихся и неустойчивых об'единений послевоенного периода, основное мировое об'единение, повидимому, принимает определенные формы. В процессе оформления находятся два мировых блока. С одной стороны, мы имеем Британию (с ее спутниками), Францию (с ее спутниками) и Японию. С другой стороны, мы имеем Соединенные Штаты со странами, находящимися в сфере их влияния. С Соед. Штатами, весьма вероятно, в Европе идут Германия и Италия. Германия экономически весьма тесно связана с Америкой. (Интересный анализ в «Европейском Ежегоднике» за 1928 г. показывает, до какого размера американский капитал проник почти во все важнейшие германские промышленные концерны). Можно напомнить категорическое заявление канцлера Мюллера в сентябре с. г. в Женеве о том, что «Германия никогда не даст

своего согласия на образование единого фронта против Соединенных Штатов». («Таймс» 17/IX—28). Италия еще в большей мере находится в закладе у Америки; Муссолини является немногим больше, чем американским судебным приставом. Следует еще отметить заявление «Тевере» в связи с франко-британским соглашением о том, что «итальянская внешняя политика может ориентироваться скорее в сторону Берлина, Москвы и Ангоры, чем в сторону Лондона и Парижа». Вне Европы Соединенные Штаты контролируют американский континент, несмотря на существующий антагонизм; возлагают надежды на Канаду, ухаживают за Австралией (посещение представителями Соед. Штатов Австралии), а в Азии налаживают близкие отношения с китайским национальным правительством (пригласившим на службу германских советников), направленные против Британии и Японии.

Это об'единение, если оно будет развиваться с такой же быстротой, как показывает нынешнее развитие событий (фактически это об'единение гигантской мировой важности не развивается так просто по одной прямой линии, а проходит через серию зигзагов, через кризисы и временные ослабления к окончательному кризису), может при настоящей кон'юнктуре иметь важное влияние на взаимоотношения с Советским Союзом. Соединенные Штаты, несмотря на свирепый антибольшевизм Гувера, могут, благодаря их антагонизму к Британии и Франции, быть дипломатически вынужденными завязать более тесные экономические отношения с Советским Союзом. Признаки этого очевидны в непримиримом отношении «Стандарт Ойль» к британским протестам по поводу покупки советской нефти и в недавнем договоре «Дженерал Электрик К°» с Амторгом, охватывающем долгосрочные кредиты на сумму до 26.000.000 долларов. В отношении этого договора вашингтонский корреспондент «Таймс» сообщает, что «договор имеет политическое значение, которое полностью здесь признается, вопреки молчанию государственного департамента (мининдел) по этому вопросу», и что «хотя об официальном изменении политики не было об'явлено, можно ожидать, что другие последуют этому примеру», создавая, таким образом, «экономические побуждения для признания России Соединенными Штатами» («Таймс» 18/X—28). Возможно, что Британия, в целях самозащиты, будет вынуждена возобновить отношения с Советским Союзом и что Рабочее правительство может оказаться выгодным для буржуазии, чтобы использовать эту перемену и провозгласить о «прогрессивном» триумфе (который на деле не приостановит антисоветской подготовки). Осторожность, однако, необходима при гипотетических расчетах такого характера, поскольку на арену могут выступить такие факторы, которые могут сильно изменить положение. Единственно ясным является тот принцип, что быстрота развития межимпериалистических антагонизмов благоприятствует положению Советского Союза (стоит напомнить прошлогодний горячий призыв Гарвина о том, что если бы только Британия и Америка могли держаться вместе, большевизм исчез бы с лица земли, как дым). Но концентрация всех империалистов против Советского Союза остается, а Британия может даже пытаться отсрочить окончательный кризис сделкой с Соед. Штатами за счет Советского Союза.

Соответственно этим развивающимся двум мировым блокам, мы находим то, что Лапинский охарактеризовал в своем недавнем интересном анализе «Британо-Американские отношения», как две «мирные системы». С одной стороны, Лига Наций, представляющая и руководимая Британией и Францией, зацепилась якорем за систему Версаля. Лига Наций представляет общественно-удобный дипломатический канал для франко-британской политики (так, например, военно-морское соглашение формально было достигнуто в связи с обсуждениями Лигой вопроса о разоружении). Совет Лиги находится под действительным контролем Британии и Франции. Совершенно явно для всех, что Германия вступила в Лигу только на основании того, что ей удалось

выторговать при сильных внутренних разногласиях по этому вопросу, которые все еще продолжаются. Италия открыто враждебна Лиге. Лига Наций является орудием войны. Оно будет пущено в ход в тот момент, который по решению британской и французской политики потребует от них выполнения законного военного обязательства и их морального оправдания в глазах человечества. С другой стороны, как только Соед. Штаты, в начале стремившиеся установить свою гегемонию посредством Лиги Наций (имея Вильсона в качестве посредника-председателя), убедились в том, что они не могут контролировать Британию и Францию, выступили из Лиги и порвали с нею всякую связь. Соед. Штаты разработали свою «мирную систему» посредством пакта Келлога.

В то время как Британия и Франция подписали пакт Келлога со значительными оговорками, чтобы принятие ими этого пакта было только лишь формальным (американское правительство в лице Келлога категорически отказалось признать за этими оговорками какую-либо обязательную силу), Германия немедленно подписала пакт без оговорок. Пакт Келлога не имеет твердого и сурового характера Версальской Лиги; пакт не имеет договорной основы и не предусматривает санкций. Но как раз эта самая эластичность лучше всего подходит для целей Соед. Штатов, которые не хотят связываться с существующим территориальным разделом мира (Британия и Франция—державы, обладающие колониями, а Германия, Италия и Соед. Штаты—державы, для которых важен передел колоний), а также подчиниться какому-либо сверх-национальному органу, в котором они были бы в меньшинстве. Самый характер эластичности пакта Келлога оставляет действительное руководство в руках Соед. Штатов, которые в свое время сами определят, кто является нападающей стороной, и используют воинственный клич о нарушении пакта Келлога для своего морального оправдания и для отпора Лиге Наций при вступлении С. Ш. в войну.

Политика рабочей партии и война.

В этой динамической ситуации гигантского развития империалистического антагонизма, в которой мирные системы являются только частью дипломатическо-стратегических маневров и техники, мелкобуржуазные демократические империалистские государственные деятели, всякие Макдональды и Клайнсы, Эррио и Бонкуры выскакивают вперед и заявляют, что, если бразды правления будут переданы в их руки, все будет хорошо. Что они могут сделать, если бы у них даже было серьезное желание, которого у них нет (в действительности их удовлетворяет последовательность во внешней политике и прислушивание к чиновникам министерства иностранных дел), чтобы изменить факторы мировой капиталистической экономки. Они умеют делать пацифистские жесты, они умеют произносить пацифистские речи. Они могут окутать и освятить стратегические цели своих, соперничающих между собой, империализмов и «мирные системы» в моральные и пацифистские фразы. Они умеют испытать обычные пути умиротворения и примирения. Они могут посылать миссии Холдэйна. Они могут предлагать и даже на время добиться смягчения морских соревнований. Но они не могут изменить основных движущих сил и направления империалистической машины, часть которой они сами составляют. Такие перемены могут быть достигнуты только в результате разрушения самой машины, в результате революционных действий рабочего класса.

Но в действительности у них нет даже намерения попытаться произвести такую перемену. Они душой и телом на стороне своих соперничающих империализмов. Их «пацифизм» сидит на них так же легко, как квакеризм на Гувере, который, желая повысить свои шансы в качестве канди-

дата Биг. Бизнес (капиталистических магнатов) американского империализма, аккуратно посещал квакерские молитвенные собрания по воскресеньям. Само рабочее правительство закладкой пяти крейсеров в 1924 году положило начало после-вашингтонскому морскому соревнованию. Это при рабочем правительстве 1924 г. смета Портона (Портон—поле для экспериментов ядовитыми газами) достигла наивысшего предела в сравнении с предыдущими годами. Это при рабочем правительстве был отдан приказ о бомбардировке Ирака, и его министр по делам воздухоплавания, лорд Томсон, после отставки так описывал процесс бомбардировки в ноябре 1924 года:

«Эффект нашей воздушной атаки был ужасен. 700 туземцев было убито, а остальные, охваченные паникой, убежали в пустыню, где многие сотни из них погибли от жажды...»

«При настоящем положении вещей британские воздушные силы в Ираке являются цементом, который удерживает кирпичи от распада».

(Из речи лорда Томсона в «Рояль Юнайтед Сервис Институшон», «Таймс», 20/XI—24 г.).

Вот этим людям Брейльсфорд и ему подобные советуют рабочим доверить свои стремления к миру.

Не этим путем рабочие будут драться с империализмом. Коалиция, мондизм и мир в промышленности являются лучшей поддержкой империализма и прямым подготовлением к войне. В этом заключается в данной стадии наиболее важное значение прямого сотрудничества вождей Генерального совета и Рабочей партии с вождями британского империализма. Усиление классовой борьбы и независимая борьба на всех фронтах есть усиление фронта против войны. Борьба рабочего класса против империалистической машины может итти только по пути разрушения самой империалистической машины. Перед рабочими, как и перед угнетенными народами всех стран стоит только одна определенная задача: разрушить империалистическую машину, иначе она его разрушит. Если рабочий класс, совместно с революционно-национальной борьбой, сможет свергнуть империалистическую машину до того, как она проложит путь к неизбежной новой мировой войне, тогда и только тогда, и ни под какими другими условиями, человечество сможет избегнуть неизмеримых ужасов второй мировой войны. Но если реформистам удастся удержать рабочих от выполнения их задачи, тогда империалистическая машина неизбежно приведет к войне. Дело рабочего класса подготовиться к этому вопросу и обсудить те задачи, которые уже сегодня являются срочными в связи с этой проблемой.

К. Попов.

Об исторических условиях перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую.

(Статья третья).*

VII. 1850—1905 гг.

Из произведенного нами сличения основных моментов марксо-энгельсовской (1850 г.) и ленинской (1905 г.) концепций перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую следует, что концепция Ленина, вытекая из общих с концепцией Маркса—Энгельса основ, является в то же время более развитой и оформленной. Это, разумеется, результат ее более позднего происхождения. Она создавалась в условиях неизмеримо более развитого мирового капитализма и гораздо более развитых капиталистических отношений в той стране, к которой она ближайшим образом относилась. В соответствии с этим в ней все основные моменты гораздо более уточнены, чем в концепции Маркса—Энгельса. Это более совершенная марксистская концепция перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, более точно и отчетливо определяющая условия этого перерастания.

Условия эти, как мы пытались показать выше, сводятся в основном к следующим:

1) На ряду с наличностью обостренных противоречий и социальной войны между новым, капиталистическим, и старым, феодально-крепостническим, обществом необходима наличность настолько развитых противоречий в самом капиталистическом обществе, чтобы они тоже вылились в свою «социальную войну»—войну между пролетариатом и буржуазией.

2) Необходимо, чтобы эти противоречия и эта социальная война не только вне, но и внутри данной страны, стоящей перед буржуазно-демократической революцией, выросли уже настолько, чтобы под их давлением буржуазия потеряла способность возглавить революцию, чтобы пролетариат, наоборот, приобрел уже способность охватить своим влиянием и руководством крестьянские массы, восстающие против феодально-крепостнических порядков, и чтобы буржуазная революция превратилась таким образом в крестьянскую революцию, руководимую пролетариатом.

3) Нужно, чтобы противоречия капиталистического порядка настолько проникли в самоё деревню, чтобы там были налицо уже значительные массы сельских пролетариев и капиталистически эксплоатируемой деревенской бедноты, а середняк на ряду с гнетом помещика нес на себе гнет капитала, чтобы этими условиями для пролетариата городов, после победы крестьянской революции, после падения полукрепостнической пелены, прикрывающей

*) См. «Большевик» № 23—24 за 1928 г., стр. 70.

капиталистические отношения в деревне, создавалась возможность присоединения к себе сельского пролетариата и деревенской бедноты и нейтрализации середняка в борьбе против буржуазии.

4) Нужно, чтобы сама крестьянская революция, руководимая пролетариатом, действительно до конца расправилась с остатками крепостничества и этим действительно создала «самое широкое поприще» для классовой борьбы против буржуазии как в городе, так и в деревне под руководством вставшего у власти вместе с крестьянством пролетариата; нужна революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, совершающая «плебейскую» расправу с остатками крепостничества и возглавляющая борьбу с буржуазно-монархической контрреволюцией.

5) Нужно, чтобы буржуазно-демократическая революция в данной стране совершалась при такой международной обстановке, когда пролетариат более развитых капиталистических стран уже стоит «во всеоружии перед последней схваткой»; этим создается возможность того, что руководимая пролетариатом крестьянская революция сравнительно отсталой страны явится сигналом для пролетарских революций в передовых странах и в этих революциях почерпнет новые силы для своего собственного превращения в пролетарскую революцию, получит абсолютную гарантию этого превращения.

Так складываются по-ленинской концепции 1905 г. как внутренние (относительные), так и внешние (абсолютные) гарантии непобедимости буржуазно-демократической революции и ее перерастания в революцию социалистическую.

Если взять эти условия и гарантии в том виде, как они даются в концепции Ленина, то для нас с совершенной очевидностью ясно станет, что для Германии 1850 года их в сколько-нибудь полной мере не было. И Энгельс, когда он в 1895 году оглядывался назад, вспоминая и расценивая свои и Маркса ожидания середины XIX века, констатировал, что эти ожидания были ошибочны.

В чем он видел основную ошибку?

Как мы знаем, мировая пролетарская революция должна была начаться, по Марксу—Энгельсу 1850 г., с Франции, продолжиться превращением в пролетарскую одновременно происходящей буржуазно-демократической революции в Германии и, охвативши своим пожаром весь капиталистический мир, в результате целой революционной эпохи, закончиться победой пролетариата в Англии. При этом в «18 брюмера» Маркс связывал возможность первой—французской—пролетарской революции с неизбежностью крушения третьей империи, свержения Луи Бонапарта. Парижская Коммуна показала, как правильны были эти ожидания по отношению к парижскому пролетариату; но она же показала, как недостаточно еще для прочной победы рабочего класса развились тогда противоречия капиталистического общества во Франции в целом, в частности, то противоречие между интересами мелкого крестьянства и буржуазным обществом, которое констатировал Маркс в «18 брюмера», и которое по его мысли должно было дать в лице мелкого крестьянства хор для пролетарской революции при падении Луи Бонапарта. Этого хора Парижская Коммуна не получила ни в мелком, ни в мельчайшем, полупролетарском крестьянстве Франции. «Франция, — писал Энгельс в 1895 г.,—покинула Париж на произвол судьбы, равнодушно глядя, как он истекал кровью под пулями Мак-Магона». И это обстоятельство являлось для Энгельса одним из показателей того, «до какой степени и тогда—через двадцать лет» после ожиданий Маркса—Энгельса 1850 г.,—«невозможно было господство рабочего класса» [1]). Что же касается самого периода этих ожиданий пролетарской революции во Франции и буржуазно-демократической, перерастающей в пролетарскую, революции в Германии, то Энгельс писал о нем в той же цитируемой нами работе так:

«История показала, что мы и все мыслившие подобно нам были неправы. Она ясно показала, что тогдашний уровень экономического развития на континенте далеко еще недостаточен для того, чтобы устранить капиталистический способ производства. Она показала это экономической революцией, которая с 1848 года охватила весь континент и, собственно говоря, впервые водворила настоящую крупную промышленность во Франции, Австрии, Венгрии, Польше, а недавно и в России, из Германии же сразу сделала первоклассную промышленную страну. Все это произошло на основе капитализма, который, следовательно, в 1848 г. обладал еще большой способностью к расширению. Как раз эта промышленная революция впервые повсюду и прояснила классовые отношения; она покончила с массой промежуточных существований, перешедших из мануфактурного периода, а в восточной Европе даже из периода цехового ремесла; она породила настоящую буржуазию и настоящий крупнопромышленный пролетариат и выдвинула их на авансцену общественного развития. Но с этих пор борьба между этими двумя великими классами, в 1848 году разыгравшаяся, оставляя в стороне Англию, лишь в Париже и еще, пожалуй, в немногих крупных промышленных центрах, впервые распространилась по всей Европе и достигла такой интенсивности, какая в 1848 году была совершенно немыслима. Многочисленные смутные сектантские евангелия того времени с их панацеями сменились теперь одной теорией Маркса, признанной всюду, до прозрачности ясной, ярко формулирующей конечные цели борьбы. Тогда—разобщенные местностью и национальностью, отличающиеся друг от друга, связанные лишь чувством общего страдания массы, неразвитые, переходящие от энтузиазма к отчаянию; теперь — единая великая интернациональная армия социалистов, неудержимо прогрессирующая, с каждым днем усиливающаяся по своей численности, организованности и дисциплинированности и уверенности в победе. И если даже эта мощная армия пролетариата все еще не достигла своей цели, если она, далекая от того, чтобы добиться победы одним сильным ударом, принуждена медленно пробиваться вперед суровой, упорной борьбой, отстаивая позицию за позицией, то отсюда с полной несомненностью вытекает, до какой степени невозможно было в 1848 году достигнуть социального преобразования просто посредством внезапного нападения [1]).

«Недостаточный» уровень развития капитализма и его «еще большая способность к расширению», еще не «настоящая» буржуазия и еще не «настоящий», не подлинно «крупнопромышленный пролетариат», не полная ясность классовых отношений, разобщенность пролетариата «местностью и национальностью» и отсутствие крепких, вооруженных революционной теорией марксизма, об'единенных в интернациональную организацию социалистических партий—вот то, что в своей совокупности сделало—по Энгельсу—невозможным выполнение его и Маркса чаяний в середине XIX столетия. В Германии оставались неразрешенными назревшие противоречия между развивавшимся капиталистическим строем и остатками крепостничества. Бур-

[1]) Маркс и Энгельс. Исторические работы, ГИЗ, стр. 14. (Предисловие Энгельса к «Борьбе классов во Франции», написанное в 1895 г.).

[1]) Там же, стр. 12—13.

жуазия уже оказалась там неспособной к революционному разрешению этих противоречий и они остались неразрешенными в порядке революции, потому что пролетариат Германии был не «настоящий», не «крупнопромышленный», не имеющий сколько-нибудь сильной партии, не способный еще взять дело революции в свои руки и об'единить под своим руководством крестьянские массы. Во Франции «движение было налицо, движение инстинктивное, самопроизвольное, неудержимое»; все классы, кроме крупной буржуазии, в руках которой к весне 1850 г. сосредоточилось «действительное господство»,—«крестьяне, как и мелкие буржуа,—сгруппировались вокруг пролетариата, так что в случае общей победы не они, а умудренный опытом пролетариат должен был сыграть роль решающего фактора»; все было как будто налицо для того, «чтобы питать полную надежду на поворот от революции меньшинства к революции большинства»[1] (т.-е. от революции буржуазной к пролетарской) — и этого не произошло. Не произошло потому, что пролетариат был все-таки еще не «настоящий», не подлинно «крупнопромышленный», не организованный в вооруженную марксистской теорией партию, не спаянный с пролетариатом других стран интернациональным об'единением. Без всего этого не помог ему и богатый опыт трех предшествовавших революций Франции, как опыт 1905 г. помог пролетариату России в 1917 году. Не помог потому, что хозяйственная база для пролетарской революции еще не сложилась. «Уровень экономического развития на континенте» был для этой революции еще «недостаточен», как еще более низкий уровень развития Германии оказался «далеко еще недостаточным» для превращения германской буржуазной революции в крестьянскую, руководимую пролетариатом, а потом—при помощи социалистического пролетариата Франции — в пролетарскую. Но ведь русские и международные меньшевики и в 1917 г. твердили (и твердят до сих пор), что «уровень экономического развития» России «далеко еще недостаточен» для победы пролетариата, а он у нас победил,—скажет читатель. Надо, однако, помнить, что одними и теми же словами далеко не всегда говорится одно и то же. Так и здесь. Для Энгельса признаком «далеко еще недостаточного» для пролетарской революции «уровня экономического развития» является как раз то, над чем никогда не задумываются, чего никогда не принимают в расчет русские и международные меньшевики: степень способности капитализма «к расширению» и степень ясности классовых отношений. Эти два момента он, как видно из цитированного нами места его предисловия к «Борьбе классов», кладет в основу своего об'яснения, почему его и Маркса надежды не оправдались. Их он подчеркивает, как два основных момента, которые обнаружила «промышленная революция» 1848 г., и из них он выводит в свою очередь те свойства, которые характеризуют пролетариат континента середины XX века и которые сводятся к недостаточной степени — подготовки пролетариата — для пролетарской революции в смысле его организованности и сознательности.

«Еще большая способность к расширению», которая обнаружилась у капитализма середины XIX века не только на континенте, а у капитализма в целом, у капитализма мирового, означала, что капитализм шел еще по восходящей линии развития, не начал еще заходить в тупик. Именно это показала «промышленная революция». Прояснение классовых отношений, которое нес с собой промышленный переворот, означало развитие и обострение основных противоречий этого еще идущего по восходящей линии капитализма, а недостаточная ясность классовых отношений обозначала недостаточное развитие капиталистических противоречий—и притом опять-таки не только в Германии или Франции, а в мировом капитализме в целом.

[1]) Там же, стр. 11—12.

Тогдашний уровень развития мирового капитализма не достиг еще такой ступени, когда капиталистическое общество заходит в тупик; основные противоречия мирового капитализма еще недостаточно развились и обострились, и в силу этого «решающий фактор» «революции большинства»—пролетариат—еще не достиг необходимой степени организованности и сознательности ни в «сердце», ни в «конечностях буржуазного организма»,— вот основные причины того, что в середине XIX века оказались невозможными ни пролетарская революция во Франции, ни перерастание буржуазно-демократической революции в пролетарскую в Германии.

В предисловии 1892 г. к своему «Положению рабочего класса в Англии» Энгельс констатировал некоторое полевение английского рабочего движения, выразившееся в образовании рабочей партии. Причиной этого он считал потерю Англией прежнего монопольного положения на мировом рынке в силу развития «настоящего» промышленного капитализма в целом ряде стран и выступление на мировом рынке могучих соперников Англии — Германии и С.-А. Соед. Штатов. Английский капитализм начал заходить в тупик, и это было в свою очередь началом вступления мирового капитализма в целом в новый период своего развития. Его развитие по восходящей линии приходило к концу. Периоды кризисов становились все длительнее, тогда как периоды процветания—все короче. Перспективой дальнейшего развития мирового капитализма являлся безысходный тупик. Капиталистическая хозяйственная система ответила на это ростом империалистических тенденций, превращением домонополистического капитализма в империализм, которое, как мы знаем по Ленину, не устраняло перспектив тупика, а лишь делало развитие и капитализма в целом и капитализма в каждой отдельной стране еще более полным противоречий, их борьбы и конвульсивных потрясений. В области международных отношений это неудержимо влекло к империалистическим войнам, внутри отдельных капиталистических стран и колоний—к вспышкам социальных войн. Все особенности и все противоречия новой империалистической эпохи, бывшие лишь в зародыше, когда Энгельс писал свое предисловие к «Положению рабочего класса» в 1892 г., не развились еще до конца и не были вскрыты марксистской мыслью и к периоду первой русской революции. Но и в своем еще недостаточно развитом виде они должны были уже сказаться на ней. Обостренная империалистическими тенденциями конвульсивность развития капитализма была налицо, и если неизмеримо меньшая ступень этого обострения в середине XIX века заставляла Маркса и Энгельса говорить, что мир вступает в эпоху пролетарских революций, то тем больше оснований для этого было в начале XX века. И к этому времени можно было применить старое положение Маркса, что конвульсии капиталистического строя должны были сказываться «насильственными вспышками» прежде всего опять-таки в «конечностях буржуазного организма». Такой новой, по сравнению с серединой XIX века, «конечностью» являлась Россия, с наличностью в ней двух рядов социальных противоречий и двух социальных войн. Она и должна была, по мысли Ленина, положить начало концу «мирного развития» мирового капитализма своей крестьянской, но руководимой пролетариатом и перерастающей и пролетарскую революцией.

Еще большая «способность» мирового капитализма «к расширению» приходила к концу. «Настоящая буржуазия» и «настоящий крупнопромышленный пролетариат» были налицо не только на Западе Европы и в Северной Америке, но и в самой России. Интернациональное об'единение пролетариата крепло, и возглавлялось оно интернациональной армией социалистов в лице II Интернационала, а в нем тогда еще господствовала революционная теория марксизма. Сам папа современного Второго Интернационала Каутский приближался к Ленину в оценке характера буржуазно-демократической революции в России и готов был видеть в ней первый этап мировой пролетарской

революции, а в русском пролетариате—предвозвестника грядущих революционных переворотов на Западе. В революционном рабочем движении в России все складывалось к тому, чтобы оно было возглавлено действительно вооруженным революционной теорией марксизма большевистским ленинским крылом тогдашней русской социал-демократии. Крестьянская революция имела все тенденции встать под руководство пролетариата, и первая русская революция в целом, как это позднее констатировал Ленин в полемике с Мартовым и Троцким [1]), на деле обнаружила тенденции к установлению революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства — этого преддверия социалистической диктатуры пролетариата. И все-таки... не произошло не только перерастания этой первой русской революции в революцию пролетарскую, но и действительной победы над царским самодержавием. Понадобилось еще 12 лет развития мирового империализма и еще 12 лет развития капитализма и его империалистических тенденций под полукрепостнической оболочкой в России, понадобилась высшая степень обострения противоречий мирового империализма в форме империалистической войны и величайшие потрясения этой войны, чтобы «насильственная вспышка» в российской конечности буржуазного организма стала первым этапом мировой пролетарской революции.

VIII. 1905—1915 гг.

Вопрос о соотношении буржуазно-демократической революции в России с революцией пролетарской был вновь поставлен на очередь В. И. Лениным как раз во время империалистической войны в двух статьях 1915 года. «Несколько тезисов» и «О двух линиях революции». В первой из этих статей (октябрь 1915 г.) В. И. говорит: «Задача пролетариата России—довести до конца буржуазно-демократическую революцию в России, дабы разжечь социалистическую революцию в Европе. Э т а в т о р а я з а д а ч а ч р е з в ы ч а й н о п р и б л и з и л а с ь к п е р в о й, н о о н а о с т а е т с я в с е ж е о с о б о й и в т о р о й з а д а ч е й, ибо речь идет о разных классах, сотрудничающих с пролетариатом России: для первой задачи сотрудник—мелкобуржуазное крестьянство России, для второй—пролетариат других стран» [2]). Через месяц во второй из названных статей В. И., как бы поясняя, что «социалистическая революция в Европе» станет такой же революцией и в России, говорит: ...«освобождением буржуазной России от царизма, от земельной власти помещиков пролетариат воспользуется немедленно не для помощи зажиточным крестьянам в их борьбе с сельским рабочим, а для совершения социалистической революции в союзе с пролетариатом Европы».

В том, как ставится Лениным здесь в 1915 году вопрос о соотношении буржуазно-демократической и пролетарской революции в России, о перерастании первой во вторую, есть и моменты старой (1905 г.) постановки этого вопроса и моменты новые.

С т а р о е заключается в том, что попрежнему отрицается возможность перепрыгнуть через демократический этап революции, и этот этап мыслится п р е д ш е с т в у ю щ и м революции пролетарской («первая» и «вторая», «особая задача»). Настаивая на невозможности такого прыжка, В. И. Ленин попрежнему полемизирует и с Троцким, который в это время снова вытащил на свет божий свою «оригинальную теорию». Возражая Троцкому, Ленин, между прочим, пишет: «До каких пределов доходит путаница у Троцкого, видно из его фразы, что решительностью пролетариат увлечет и «непролетарские» (!) народные массы»!!. Троцкий не подумал, что, если пролетариат увлечет непролетарские массы деревни на конфискацию помещичьих земель и свергнет монархию, то это и будет завершением «национальной буржуазной революции» в России, э т о и б у д е т р е в о л ю ц и о н н о-д е м о к р а т и ч е с к о й д и к т а т у р о й п р о л е т а р и а т а и к р е с т ь я н с т в а» [1]). Эта диктатура остается для Ленина попрежнему исходной для дальнейшего движения—к диктатуре пролетарской.

Новым в трактовке вопроса 1915 г. по сравнению с 1905 г. является на первый взгляд то обстоятельство, что Ленин говорит в обеих упомянутых статьях только об одном союзнике пролетариата России в разрешении «второй задачи»—т о л ь к о о «пролетариате других стран». Деревенская беднота им не упоминается. Но и в 1905 г. в тезисах об «Этапах, направлении и перспективах революции» он писал о последнем социалистическом этапе революции, что на нем «российский пролетариат плюс европейский пролетариат организуют революцию», т.-е. не упоминал о деревенской бедноте. Это было, конечно, не потому, что деревенская беднота, как союзник и опора пролетариата в деревне, для него выпадала, а потому, что она с а м а с о б о й р а з у м е л а с ь в ленинской концепции пролетарской революции в России, в данном же случае Ленину нужно было подчеркнуть значение другого «союзника»—европейского пролетариата, без помощи которого победа русского пролетариата была бы «почти безнадежна». Подчеркнуть значение того же союзника хочет В. И. и в 1915 г., ибо этим он подчеркивает основную мысль своих работ периода империалистической войны, что она, эта война создает революционную ситуацию в Европе. Необходимость этой революционной ситуации и вытекающая из нее возможность «разжечь социалистическую революцию в Европе», как условия перехода русского пролетариата к социалистической революции у себя, в России, также не ново в трактовке вопроса в 1915 г. по сравнению с 1905 г. Об этом с достаточной ясностью, как мы видели, говорилось В. И. Лениным и в 1905 г. Д е й с т в и т е л ь н о н о в о й является подчеркнутая нами выше в цитате из «Нескольких тезисов» мысль В. И., что «в т о р а я з а д а ч а (разжечь социалистическую революцию в Европе) т е п е р ь ч р е з в ы ч а й н о п р и б л и з и л а с ь к п е р в о й» (т.-е. к завершению буржуазно-демократической революции в России).

В более резком виде эта новая мысль выражена Лениным в статье «Поражение России и революционный кризис», написанной тоже в 1915 г. (повидимому, в сентябре), но тогда не напечатанной и только-что опубликованной Институтом Ленина теперь, в конце 1928 года («Правда» от 7 ноября). В этой статье В. И., сравнивая положение 1905 г. и в 1915 г., и находя ряд сходных черт, говорит:

«Однако, на деле громадной разницей является, что война охватила теперь всю Европу, все передовые страны с массовым и могучим социалистическим движением. Империалистическая война с в я з а л а [2]) революционный кризис в России, кризис на почве буржуазно-демократической революции, с растущим кризисом пролетарской, социалистической революции на Западе. Эта связь настолько непосредственна, что никакое отдельное решение революционных задач в той или иной стране невозможно: б у р ж у а з н о-д е м о к р а т и ч е с к а я р е в о л ю ц и я в Р о с с и и т е п е р ь у ж е н е т о л ь к о п р о л о г, а н е р а з р ы в н а я ч а с т ь с о ц и а л и с т и ч е с к о й р е в о л ю ц и и н а З а п а д е.

«Д о в е с т и д о к о н ц а б у р ж у а з н у ю р е в о л ю ц и ю в Р о с с и и, ч т о б ы р а з ж е ч ь п р о л е т а р с к у ю р е в о л ю ц и ю н а З а п а д е,— т а к с т а в и л а с ь з а д а ч а п р о л е т а р и а т а в 1905 г о д у. В 1915 г. в т о р а я п о л о в и н а э т о й з а д а ч и с т а л а н а с т о л ь к о н а с у щ н о й, ч т о о н а н а о ч е р е д ь с т а н о в и т с я *о д н о в р е м е н н о* с п е р в о й» [3]).

---

[1]) См. статью Ленина 1909 года «Цель борьбы пролетариата в нашей революции», главы I и III, стр. 221—223 и 226—228, т. XI, ч. 1, изд. 1923 г.

[2]) Т. XIII, изд. 1924 г., стр. 208 (разр. моя).

[1]) Том XIII, «О двух линиях революции», стр. 213—214, изд. 1924 г.

[2]) Подчеркнуто Лениным.

[3]) Разрядка моя.

Большая резкость мысли в этой статье по сравнению с «несколькими тезисами» заключается в том, что те же самые две задачи там даны, как особые, но чрезвычайно сближенные империалистической войной, а здесь даются как две половины одной и той же задачи, одновременно поставленные на очередь той же войной. Чрезвычайная сближенность завершения буржуазно-демократической революции в России и разжигания пролетарской революции на Западе превращаются в их одновременность. А этим самым в еще большей мере, чем по мысли «Нескольких тезисов» и «Двух линий революции», сближается во времени доведение до конца буржуазной революции в России с ее собственным превращением в пролетарскую, или—иначе говоря—чрезвычайно сокращается, ускоряется процесс превращения первой во вторую.

Об'ясняется это теми самыми обстоятельствами, о которых мы говорили в конце предыдущей главы. Они существенно изменили—и притом в благоприятную сторону—как внешние, так и внутренние условия буржуазно-демократической революции в России и ее «перерастания». Все основные особенности и противоречия империализма обнаружили себя до конца в империалистической войне. Потрясения этой войны уже на деле, а не только в законных для революционера-коммуниста «мечтах» создали растущий кризис, порождающий социалистическую революцию на Западе. «Война ширится,—писал тов. Ленин.—Политические устои Европы шатаются все больше. Бедствия масс ужасны, и усилия правительств, буржуазии и оппортунистов замолчать эти бедствия терпят все чаще крушения. Прибыли известных групп капиталистов от войны неслыханно, скандально велики. Обострение противоречий громадное. Глухое возмущение масс, смутное пожелание забитыми и темными слоями добренького («демократического») мира, начинающийся ропот в низах,—все это налицо. А чем дальше затягивается и обостряется война, тем сильнее сами правительства развивают и должны развивать активность масс, призывая их к сверхнормальному напряжению сил и самопожертвованию. Опыт войны, как и опыт всякого кризиса в истории, всякого великого бедствия и всякого перелома в жизни человека, отупляет и надламывает одних, но зато просвещает и закаляет других, при чем в общем и целом, в истории всего мира, число и сила этих последних оказывались, за исключением отдельных случаев упадка и гибели того или иного государства, больше чем первых. Заключение мира не только не может «сразу» прекратить всех этих бедствий и всего этого обострения противоречий, а напротив во многих отношениях сделает эти бедствия еще более ощутимыми и особенно наглядными для самих масс населения. Одним словом, революционная ситуация в большинстве передовых стран и великих держав Европы — налицо» [1]).

Среди, правда, не «передовых стран», но среди «великих держав Европы», в которых создавалась революционная ситуация, была и Россия. Развитие мирового империализма со времени первой русской революции сопровождалось «замечательно быстрым» буржуазным развитием России, это развитие, сохраняя свою полукрепостническую оболочку, само принимает империалистический характер, создавая в России своеобразный военно-феодальный империализм [2]) и в то же время проявляя черты «капиталистического империализма новейшего типа» [3]).

За 10 лет после 1905 г., благодаря этому «буржуазному развитию» и благодаря тому, что победивший первую революцию царизм вынужден был «ускоренно разрушать остатки добуржуазного, патриархального быта

[1]) Том XIII, изд. 1924 г., стр. 141—142 («Крах II Интернационала»).
[2]) «Буржуазное развитие ее шагает вперед замечательно быстро». (Ленин, т. XVII, стр 121).
[3]) Ленин, т. XIII, стр. 214 («О двух линиях революции»).

в России» [1]), происходит значительное изменение во взаимоотношениях, между двумя рядами социальных противоречий в России — противоречиями полукрепостнического и капиталистического порядка — и между «двумя классовыми линиями русской революции». Удельный вес капиталистических противоречий, их развития и обострения в общей экономической и политической жизни страны сильно вырос, приблизился к удельному весу противоречий полукрепостнического характера. Если больше, чем когда бы то ни было, обострились противоречия между буржуазными отношениями и остатками крепостничества, между крестьянством и помещиками, если империалистическая война снова поставила страну перед необходимостью их революционного разрешения, то в то же время обострялись до крайней степени и уже толкались к такому же разрешению противоречия капиталистического характера, — между пролетариатом и буржуазией. Новое десятилетие гнета капитала усилило расслоение крестьянства. А «расслоение крестьянства, — говорил Ленин, — усилило классовую борьбу в деревне, пробудило очень многие спавшие элементы, приблизило к городскому пролетариату сельский» [2]).

То же новое десятилетие гнета капитала плюс империалистическая война сделали гораздо прозрачнее полукрепостническую пелену, скрывавшую капиталистическую эксплоатацию деревни, и этим чрезвычайно облегчили будущее присоединение деревенской бедноты и будущую нейтрализацию середняка после революционного разрешения «антагонизма «крестьянства» и Марковых—Романовых—Хвостовых». Таким образом, и внутренние условия уже на деле подготовляли все необходимое для того, чтобы «империалистическая война связала революционный кризис в России... с растущим кризисом пролетарской, социалистической революции на Западе» и чтобы этим самым облегчился, ускорился в самой России переход от буржуазной революции к пролетарской.

IX. 1915—1917.

1917 год осуществил предсказания В. И. Ленина, но несколько иначе, чем мыслил В. И. в 1915 году: 1) революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства осуществилась февралем 1917 г. не в чистой, а в своеобразной, переплетенной с диктатурой буржуазии форме; 2) процесс перерастания буржуазной революции в социалистическую, борьба пролетариата за власть началась до завершения буржуазно-демократической революции [3]), поэтому перерастание буржуазной революции в пролетарскую слилось с этим завершением, пролетарская революция против буржуазии слилась с крестьянской революцией, и это слияние — как указывал Ленин позднее — явилось одним из важнейших условий, облегчивших победу пролетариата [4]); 3) на долю социалистической диктатуры пролетариата, а не революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства и выпало проведение мероприятий, завершающих буржуазно-домекратическую революцию; 4) процесс перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую, поскольку дело касалось деревни, за-

[1]) Ленин, т. XIII, стр. 99 («Социализм и война»).
[2]) Ленин, т. XIII, стр. 214 «О двух линиях революции»).
[3]) В феврале, как говорил Ленин в «Письмах о тактике» (т. XIV, ч. 1, изд. 1925 г., стр. 28 и 33) была «закончена» буржуазно-демократическая революция «обычного типа», т. е. передающая власть в руки буржуазии, но это вовсе не значило, что «закончена», завершена была та буржуазно - демократическая революция крестьянского типа, которая мыслилась Лениным в России и завершение которой было еще все впереди.
[4]) См. об этом статью «III Интернационал и его место в истории», т. XVI, изд. 1923 г., стр. 185.

хватил ряд месяцев и после завоевания пролетариатом власти в Октябре 1917 г. [1]); 5) все это совершилось в обстановке империалистической войны и созданной ею революционной ситуации в «передовых странах Европы», но без социалистической революции в этих странах: буржуазная революция в России переросла в пролетарскую прежде, чем удалось «зажечь социалистическую революцию на Западе». Поддержка пролетариата, «трудящихся масс всего мира» была получена нашей революцией, но получена позднее, уже в борьбе за удержание завоеванной пролетариатом власти. «Именно эта поддержка, именно сочувствие к нам трудящихся и рабочих и крестьянских и земледельческих масс во всем мире, даже в державах, наиболее нам враждебных, именно она была последним самым решающим источником, решающей причиной того, что все направленные против нас нашествия кончились крахом, что союз трудящихся всех стран, который нами был об'явлен, закреплен, а в пределах нашей Республики осуществлен, и что он оказал действие на все страны», — говорил Ленин после окончания гражданской войны в 1921 году [2]). Эта поддержка была создана теми «бедствиями», тем «обострением противоречий, которые принесла с собой война всему капиталистическому миру, которых не могло «сразу» прекратить, как предсказывал Ленин, и заключение мира и которые родили революционную ситуацию в передовых странах Европы». И хотя эта поддержка оказалась не той «быстрой, прямой и непосредственной поддержкой», на какую мы рассчитывали, но ее все-таки было совершенно достаточно для удержания нашей революцией своих завоеваний.

Едва ли требуется здесь останавливаться во всем об'еме на вопросе, чем об'ясняются все эти особенности перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую в 1917 году по сравнению с предсказаниями Ленина 1915 года. Об условиях, в которых протекало это перерастание и которые об'ясняют его особенности, достаточно писалось в нашей литературе. Но для наших целей на некоторых моментах остановиться все-таки необходимо.

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что начавшийся процесс перерастания буржуазной революции в социалистическую был констатирован В. И. Лениным сразу же после февральского переворота. Не чем иным, как его констатированием, является выдвинутое Лениным и в первом же «Письме издалека» [3]) и в тезисах 4/17 апреля [4]) положение, что «своеобразие текущего момента в России состоит в переходе от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, — ко второму ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства». Внешним признаком этого начавшегося «перехода» для В. И.—в условиях весны 1917 года — является наличность двоевластия, возникновение рядом с официальным, буржуазным правительством другого, неофициального в лице Советов. Говоря о характере этого второго, «неофициального» правительства, В. И. Ленин в трех статьях, трактующих этот вопрос, как будто впадает в противоречие. В первом «Письме издалека» он называет второе правительство «неразвитым еще, сравнительно, слабым рабочим правительством», в статье «О двоевластии» для него в лице Советов «в России существует государство типа Парижской Коммуны», а в «Письмах о тактике» он говорит, что в их лице своеобразно осуществилась «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» [1]). С одной стороны—«рабочее правительство», «государство типа коммуны», а с другой — рабоче-крестьянская диктатура. Однако, это видимое противоречие тотчас исчезает, если мы подойдем к понятию революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства по-ленински, диалектически. С этой точки зрения рабоче-крестьянская диктатура уже таит в себе элементы диктатуры пролетарской, уже представляет собой «зародыш» рабочего правительства, рабочей диктатуры. И таким образом, видимое противоречие между тремя статьями Ленина опять-таки выражает лишь ту мысль, что начался уже «переход» от одного, буржуазного, к другому, пролетарскому, этапу революции,—переход, который задерживался лишь недостаточной сознательностью и организованностью пролетариата и крестьянства [2]), но который неизбежен, ибо «революция просвещает со сказочной быстротой». Свою мысль о начавшемся уже «переходе», перерастании одного этапа революции в другой,—притом именно в связи с «своеобразным» (в форме двоевластия) «осуществлением революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства в лице Советов»,—Ленин совершенно определенно выражает в «Письмах о тактике» словами: «Ошибка Каменева в том, что он и в 1917 г. смотрит только на прошлое рев.-дем. диктатуры и пр. и пр. А для нее на деле уже началось будущее» [3]). Началось уже «будущее»—это значит—началась уже борьба против буржуазии, за власть пролетариата, за социализм. Но это вовсе не значит, что кончилось «прошлое» — борьба против остатков крепостничества, ибо ведь помещик еще противостоит крестьянству, крестьянская революция еще не завершена. Не закончено «прошлое» и «началось» уже «будущее»—это значит, что путь от «первого» этапа революции, передавшего власть буржуазии, ко второму этапу, передающему власть пролетариату, путь перерастания буржуазной революции в пролетарскую, уже начал проходиться одновременно с путем завершения буржуазно-демократической революции. А при таком условии вовсе не обязательным становится, чтобы революция прошла через чистую, не переплетенную с диктатурой буржуазии, не отдающую добровольно власть в руки буржуазии, революционно - демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства. Ленин так и говорит: «Неизвестно, может ли теперь быть еще в России особая «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства», оторванная от буржуазного правительства. На неизвестном базировать марксистскую тактику нельзя». А если это «неизвестно», то, очевидно, возможен и такой путь, что революция минует этот этап, и тогда завершение буржуазно-демократической революции должно слиться с революцией социалистической. Таким образом, в анализе Лениным этапов, направления и перспектив русской революции, данном им в марте—апреле 1917 г., уже предвидятся те особенности «перерастания» внутреннего порядка, о которых мы говорили.

Интересна при этом одна черта ленинского анализа. В области классовых взаимоотношений признаком начавшегося «будущего» революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства он считает то обстоятельство, что «интересы и политика наемного рабочего и хозяйчика на деле уже разошлись, притом по такому важнейшему вопросу, как «оборончество», как отношение к империалистической войне». Первые шаги «перерастания» для него характеризуются как раз тем нару-

---

[1]) Об этом уже говорилось нами выше.
[2]) Доклад на IX С'езде Советов, т. XVIII, ч. I, стр. 422—423.
[3]) Том XIV, ч. 1, изд. 1925 г., стр. 12.
[4]) Там же, стр. 18.

[1]) Там же стр. 10, 24, 25 и 29.
[2]) «и крестьян»,—добавляет В. И. Ленин в статье «О двоевластии» («недостаточная сознательность и организованность пролетариев и крестьян»), т. XIV, ч. 1, стр. 25.
[3]) Там же, стр. 35.

шением «единства воли» пролетариата и мелкого хозяйчика — крестьянина, о котором он говорил еще в 1905 г., в «двух тактиках». В. И. констатирует для марта—апреля 1917 г. «факт классового сотрудничества буржуазии и крестьянства» [1]). Но этот факт и допущение возможности, что этапа «особой, оторванной от буржуазного правительства» революционно-демократической диктатуры пролетариата революция не пройдет, отнюдь не позволяет ему впадать в «суб'ективизм, в желание «перепрыгнуть» через не завершенную— не изжившую еще крестьянского движения — революцию буржуазно-демократического характера к революции социалистической» [2]). Такой прыжок был бы опасной авантюрой, и он просто не нужен пролетариату и его партии. Буржуазия, которая встала у власти в результате февральского переворота только благодаря «недостаточной сознательности и организованности пролетариев и крестьян», благодаря передоверию ей власти с их стороны, не стала от этого революционной. Она оставалась по существу монархической. Она осталась неспособной отказаться от своего союза с помещиками и возглавить незаконченную крестьянскую революцию. И «факт классового сотрудничества буржуазии и крестьянства» в марте—апреле еще не обозначает, что во главе крестьянской революции не встанет пролетариат и не разрушит это классовое сотрудничество. Революция просвещает со сказочной быстротой, и этому «просвещению» крестьянства должно помочь уже то обстоятельство, что буржуазия не может дать *ни мира, ни свободы, ни земли для деревни*. Их может дать только победа над вставшей у власти буржуазией. В этом гарантия разрушения «классового сотрудничества буржуазии и крестьянства» и гегемонии пролетариата по отношению к крестьянству в завершении крестьянской революции. Нужна только терпеливая раз'яснительная работа среди крестьянства. Не нужно только головоломных троцкистских прыжков через задачи завершения буржуазно-демократической революции. И самый лозунг власти Советов уже исключает опасность таких прыжков. «Если бы я сказал: «без царя, а правительство *рабочее*» — эта опасность мне бы грозила. Но я сказал *не* это, я сказал иное,—говорит В. И. Ленин.—Я сказал, что другого правительства в России (не считая буржуазного) не *может быть помимо* Советов Рабочих, Батрацких, Солдатских и Крестьянских Депутатов» [3]). История раз'яснила эту мысль Ленина, почему этот лозунг не являлся прыжком через «незавершенную—не изжившую еще крестьянского движения—революцию буржуазно-демократического характера». В то время, как в городе Октябрь превратил Советы в органы *пролетарской* диктатуры, в деревне они после Октября еще около года были органами революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства [4]), пока не завершился процесс присоединения деревенской бедноты к пролетариату, пока сельские рабочие и деревенская беднота под руководством городского пролетариата, через комбеды не раскулачили советы и не превратили их в органы пролетарской власти.

---

[1]) Том XIV, ч. 1, стр. 31.

[2]) Том XIV, ч. 1, стр. 32 («Письма о тактике»).

[3]) Там же, стр. 32.

[4]) «Советы об'единили крестьянство вообще,—говорил Ленин «о сельских советах этого периода в брошюре «Пролетарская революция и ренегат Каутский».— А если они об'единяли «крестьянство вообще», т.-е. деревенскую бедноту, середняка и кулака, при участии в них сельских пролетариев и под общей гегемонией городского пролетариата, его городских советов и его партии, то это и означает не что иное, как уже пройденную городом, но не пройденную деревней ступень революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства». Эта диктатура, ранее во всероссийском масштабе переплеталась с диктатурой буржуазии. Теперь. в течение почти года после октября она, в лице сельских советов, переплетается с диктатурой пролетариата.

Таким образом, задача «перехода от первого ко второму этапу революции» (от буржуазного к пролетарскому) вовсе не исключала для Ленина задачи завершения крестьянской революции под руководством пролетариата. Как и в 1915 году, перед пролетариатом оставались две «особых» задачи, и обе эти задачи должны были выполняться пролетариатом при «сотрудничестве» разных социальных сил, ибо в них выражались две разных «классовых линии революции», две «социальных войны» (пролетариата с буржуазией и крестьянства с помещиками). Но, во-первых, разрешение этих задач не только «чрезвычайно» сдвинулось во времени, но и *сливалось*, а во-вторых, теперь, по сравнению с тем же 1905 г., на *первый* план, как *основная* задача «текущего момента», встала задача «вторая»—переход к пролетарской революции, а задача первая—завершение буржуазно-демократической крестьянской революции—стала *попутной*. Этого-то перемещения в соотношении между обеими задачами не заметил т. Каменев и его единомышленники. Раз'яснению этого перемещения и уделяется главное внимание Ленина в его «Письмах о тактике». Совершенно очевидно, что такое перемещение было бы немыслимо без соответствующего изменения удельного веса общественных противоречий крепостнического и капиталистического порядка, лежащих в основе «двух классовых линий революции», двух переплетающихся в ней социальных войн. Очевидно, *вторые* противоречия получили в экономической и политической жизни страны решительный *перевес* над первыми и стали еще острее, чем первые, требовать революционного разрешения. Точно так же несомненно, что это явилось результатом дальнейшего развития и обострения противоречий мирового империализма вместе с новыми годами империалистической войны, и их преломления в условиях вступления русского капитализма на империалистический путь его участия в империалистической войне. Эти обстоятельства не только создали перевес пролетарской классовой линии в революции над крестьянской; но и крестьянскую линию, социальную войну против помещиков должны были до *известной* степени окрасить и окрасили в новый антибуржуазный цвет сочувствия борьбе пролетариата против буржуазного правительства, неспособного вывести страну из империалистической войны и вести крестьянство к победе над помещиками.

Эта новая окраска социальной войны крестьян против помещиков уже сама по себе способствовала быстроте «перехода от первого этапа революции ко второму», ускоряя и процесс присоединения деревенской бедноты к пролетариату и процесс нейтрализации середняка. В. И. Ленин в 1919 году в статье «Великий почин» писал: «Громадное большинство населения в любой капиталистической стране, в том числе и в России, — а трудящегося населения и подавно, — тысячи раз испытало на себе и на своих близких гнет капитала, грабеж с его стороны, всякого рода надругательство. Империалистическая война, т.-е. убийство десяти миллионов людей для решения вопроса о том, английскому, или германскому капиталу получить первенство в грабеже всего мира, — необычайно обострила, расширила, углубила эти испытания, заставила осознать, их. Отсюда неизбежно сочувствие громадного большинства населения и особенно массы трудящихся к пролетариату за то, что он с геройской смелостью, с революционной беспощадностью свергает иго капитала, свергает эксплоататоров, подавляет их сопротивление, кровью своей пробивает дорогу к созданию нового общества, в котором не будет места эксплоататорам».

Так складывались в России в 1917 году внутренние [1]) условия, внутренние, «относительные» гарантии перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

---

[1]) Том XVI, изд. 1923 г., стр. 250—251.

Но В. И. и в 1917 году говорил не только о внутренних, но и о внешних гарантиях этого перерастания. Внешняя гарантия создавалась для него все тем же обострением противоречий мирового империализма во время и непосредственно после империалистической войны, которое должно было и вело к революционной ситуации в других странах и должно было дать русскому пролетариату союзника в лице пролетариата этих стран. В первом «Письме издалека» В. И. пишет о «двух союзниках» рабочего класса России в борьбе за переход от буржуазной революции в пролетарскую. Первый союзник—«широкая, много десятков миллионов составляющая масса полупролетарского и, частью, мелкокрестьянского населения в России». Второй союзник—«пролетариат всех воюющих и всех вообще стран». «Он,—говорит В. И.,—в значительной степени придавлен войной сейчас, и от имени его слишком часто говорят перешедшие и в Европе, как Плеханов, Гвоздев, Потресов в России, на сторону буржуазии социал-шовинисты. Но освобождение пролетариата из-под их влияния шло вперед с каждым месяцем империалистической войны, а русская революция неизбежно ускорит этот процесс в громадных размерах».

Эта внешняя гарантия — «союз» и поддержка социалистического пролетариата других стран пришла—к нам не в такой мере, и не в той форме, какая ожидалась Лениным в 1905 г. и в 1915 г., ибо попытки «социалистического переворота на Западе» были лишь частичны и неуспешны. И если все-таки «запутанности, создавшейся между империалистическими державами» и той революционной ситуации, того союза и поддержки пролетариата других стран, какие были на деле, оказалось для нас совершенно достаточно, то только потому вся международная и внутренняя обстановка 1917—1918 годов—обстановка обостренных войной противоречий империалистической эпохи — создавала достаточно прочные внутренние гарантии «перерастания». В силу именно этого та «абсолютная гарантия» прочной победы буржуазно-демократической революции в России и ее перерастания в революцию пролетарскую, о которой говорил В. И. и в 1915 г., т.-е. социалистический переворот на Западе превратился для нас в «абсолютную гарантию» уже построения социалистического общества.

X. Выводы.

Теперь, когда мы проследили изменения в марксо-ленинской постановке вопроса о «перерастании» с 1850 по 1917 год, мы можем подойти к обобщающим выводам, к ответу на поставленный в начале статьи вопрос об исторических условиях «перерастания» и—следовательно—к концу своей статьи.

Все, что говорилось до сих пор, с очевидностью показывает, что с точки зрения марксо-ленинской теории различные исторические условия создают и различную степень возможности перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую и различный темп этого перерастания. Возможность перерастания становится тем сильнее, тем больше превращается в историческую неизбежность, чем больше внутри страны центр тяжести перемещается от противоречий крепостнического порядка к противоречиям порядка капиталистического, от борьбы против помещика к борьбе против буржуазии, от крестьянской классовой «линии революции» к пролетарской. И в свою очередь это перемещение становится тем решительнее, чем больше раздирается противоречиями внешний капиталистический мир, чем революционнее — в сторону пролетарской революции — становится ситуация в этом внешнем мире. Чем благоприятнее сочетание этих внутренних и внешних условий, тем необходимее возможность перерастания превращается в его неизбежность и тем быстрее его темп. В зависимости от этого сочетания меняется и соотношение

между буржуазно-демократической и социалистической революцией, историческое место первой по отношению ко второй в данной стране. С точки зрения сочетания внутренних и внешних условий 1905 г. русская буржуазно-демократическая революция являлась для Ленина, как мы видели, «прологом» пролетарской революции на Западе и, черпая силы в ней, сама лишь в результате длительного периода могла превратиться в революцию пролетарскую. С точки зрения того же сочетания к периоду империалистической войны эти три исторических момента «чрезвычайно сближаются», и русская буржуазно-демократическая революция становится из «пролога» пролетарской революции на Западе ее «неразрывной составной частью». Сочетание внутренних и внешних условий стало настолько благоприятным, что одновременно усиливаются и возможности перерастания и темп этого перерастания. Наконец, 1917 год дает для того времени максимально благоприятное сочетание внутренних и внешних условий, и буржуазно-демократическая революция сливается с пролетарской, вторая, «походя, мимоходом», решает задачи первой.

Мы подчеркиваем слово сочетание. Об этом сочетании нельзя ни на минуту забывать, говоря о возможностях перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую. Достаточно выключить из условий перерастания внутренние условия, внутренние силы страны, внутренние гарантии перерастания, чтобы начать проделывать те «прыжки», которые свойственным мнимой «левизне» революционеров фразы, троцкистов и К° [1]). Достаточно выключить из того же сочетания противоречия окружающего капиталистического мира, внешние условия, внешние гарантии перерастания, чтобы впасть в «национальную ограниченность» со всеми оппортунистическими, реформистскими выводами, неизбежно из нее вытекающими, и с реформистским пониманием взаимоотношений между буржуазно-демократической и пролетарской революциями.

Какое же сочетание внутренних и внешних условий можно считать максимально благоприятным для перерастания первой во вторую и для быстроты его темпа? Из сличения условий для перерастания русской революции в 1905 и в 1917 году это тоже достаточно ясно. С точки зрения внутренних условий — это такое соотношение между «двумя классовыми линиями революции» (пролетарской и крестьянской), которое делает пролетарскую революцию столь же (или даже более) насущной, как и буржуазно-демократическую. С точки зрения внешних условий—это такая степень развития и обострения противоречий во всем капиталистическом мире, которая, во-первых, создает в нем революционную ситуацию, способную перейти в «насильственные вспышки» пролетарских революций, при которой вся капиталистическая система уже беременна пролетарской революцией и которая, во-вторых, максимально ослабляет возможности контрреволюционного натиска на революционную страну и в то же время в ней самой до последней степени обостряет внутренние противоречия. Именно потому, что эти максимально благоприятные условия складываются только при развитом империализме, мы в середине XIX века могли иметь их лишь в том зародышевом состоянии, которое позволяло уже создать марксо-энгельсовскую теорию непрерывной революции, но не создавало еще возможности действительного перерастания. Именно потому, что 1905 г. уже имел налицо противоречия империализма, но имел их еще не вполне развитыми,—реальная возможность перерастания русской революции была налицо, но, во-первых, не была в достаточной мере гарантирована и внутрен-

[1]) На троцкистской теории перманентной революции, в частности на ее новейшем применении Троцким к китайской революции мы рассчитываем остановиться в особой, четвертой статье на трактуемую нами тему.

ними и внешними условиями, и, во-вторых, темп перерастания должен был рисоваться медленным. А с того момента, когда противоречия империализма обнаружились во всей своей остроте, с периода империалистической войны, их революционизирующее воздействие на страны, не прошедшие через этап буржуазно-демократической революции, но уже развившие в себе под оболочкой остатков крепостничества капиталистические противоречия, уже выдвинувшие на авансцену борьбу пролетариата с буржуазией, — неизбежно влечет за собой перерастание запоздалых буржуазно-демократических революций в революции пролетарские. Империализм, завязывая узлы своих противоречий вокруг этих стран и в них самих, неизбежно усиливает пролетарскую классовую линию в буржуазно-демократических революциях этих стран и, связывая с собой как носителей интересов сохранения остатков феодализма, так и буржуазию этих стран, придает самим буржуазно-демократическим революциям антиимпериалистический характер [1]). Эти благоприятнейшие внешние условия перерастания в современный нам период империалистической эпохи до последней степени усиливаются наличием огромной, непрерывно крепнущей страны диктатуры пролетариата — СССР. Налицо величайшая из гарантий перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую, которую выдвигали Маркс—Энгельс для Германии в 1850 г. и Ленин для России 1905 г. — предварительная победа социалистической революции в другой стране. Перерастание становится законом современных буржуазно-демократических революций, поскольку это—революции крестьянские, руководимые пролетариатом. Но его темп зависит, как мы видели, в такой же мере от внутренних, как и от внешних условий. Внутренние же условия в конечном счете сводятся к степени развития капиталистических отношений в данной стране, в ее городе, и в ее деревне по сравнению с остатками феодализма. От этого, в основном, с точки зрения внутренних условий зависит быстрота завоевания пролетариатом руководящей роли в самой буржуазно-демократической (в основе своей, как правило, аграрной, крестьянской) революции и степень завершения этой революции. От этого зависит рост сознательности и организованности пролетариата в борьбе против капиталистических отношений, степень и быстрота присоединения к нему деревенской бедноты в этой борьбе и, наконец, степень и быстрота нейтрализации (а частично в современных условиях также присоединения) среднего крестьянства. А все это — как мы знаем — обусловливает ту или иную быстроту темпа перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Отсюда совершенно понятно, почему программа Коминтерна, говоря о типах пролетарской революции, путей к пролетарской диктатуре в отдельных современных странах, и выделяя те страны, в которых еще более или менее сильны остатки феодальных отношений, которым еще нужно покончить с ними завершением буржуазно-демократических революций, различает две группы таких стран: одну со «средним уровнем развития капитализма», и со «значительными», но уже не преобладающими остатками «полу-феодальных отношений», и другую — типа современных колониальных, полуколониальных стран Азии и зависимых стран Южной Америки, — «с известными зачатками, а иногда и со значительным развитием индустрии», но с «преобладанием феодально-средневековых отношений». В этих группах стран — разное соотношение между степенью развития капиталистических отношений и степенью сохранения остатков феодализма в них, и в связи с этими их особенностями — разная степень наличности «материальных предпосылок» и для пролетарского переворота и для строительства социализма. И поэтому для них программа Коминтерна рисует возможность различного темпа перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую: «более или менее быстрое перерастание» для первой группы и «ряд подготовительных ступеней», «целый период перерастания»—для второй. Мало того, для части стран первой группы программа Коминтерна допускает возможность непосредственно пролетарских революций, «но с большим об'емом задач буржуазно-демократических», т.-е., иначе говоря, пролетарских революций, наподобие русской 1917 г., тоже «походя, мимоходом» довершающих буржуазно-демократическую революцию. Очевидно, эта возможность требует для своего осуществления значительного преобладания капиталистических отношений над полуфеодальными и преобладания пролетарской линии революции над крестьянской в данной стране.

Таким образом, пути к пролетарской революции для стран со «средним уровнем развития капитализма», для колониальных и полуколониальных стран Азии и зависимых стран Южной Америки намечаются программой Коминтерна в полном соответствии с тем учением о перерастании буржуазно-демократической революции в пролетарскую, которое заложено было Марксом—Энгельсом и развито Лениным, а затем оправдано было историей русской революции.

Программа Коминтерна, опираясь на новый исторический опыт после нашего Октября, в частности на опыт Китайской революции, идет в наметке путей развития революции в странах с пережитками феодализма по стопам Ленина, по-ленински же конкретизируя одну из основных частей его теории пролетарской революции.

(Окончание следует).

---

[1]) Мы не касаемся здесь чрезвычайно важной для колониальных и полуколониальных стран стороны вопроса—национально-освободительного характера революций в них.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Новая попытка анализа кемализма.

Недавно вышедшая книга тов. Ирандуста «Движущие силы кемалистской революции» (ГИЗ, 1928, М.—Л. Стр. 149) является первой марксистской попыткой обобщения итогов развития кемализма. Будучи в основном историческим обзором, она в то же время пытается дать подробный анализ отношений классов в различные периоды кемалистского движения.

Эта первая и бесспорно лучшая работа по кемализму все же оказалась не лишенной значительных ошибок. Переоценка революционности кемалистской буржуазии проходит красной нитью через всю книгу тов. Ирандуста.

На стр. 18—19 тов. Ирандуст пишет: «Кемализм на настоящей стадии остается революционным, так как национальная турецкая буржуазия еще не закончила борьбы с империализмом и является гегемоном движения» [1]). Турецкой «кемалистской революции в настоящее время не противопоставляется какой-нибудь другой высший этап революции, там не возникает аграрной революции и не ставится вопрос о гегемонии турецкого пролетариата. Именно поэтому кемалистская революция, еще не исчерпавшая своей программы и продолжающая борьбу с империализмом, сохраняет свое революционное значение». В подтверждение своих положений тов. Ирандуст ссылается на тов. Пеппера, который пишет (стр. 19): «Господство кемалистов в Турции отличается следующими тремя основными свойствами: 1) победа буржуазии над феодализмом и господство национальной буржуазии; 2) слабость пролетариата; 3) независимость страны от иностранных империалистов.

Автор не отмечает, что на фронте борьбы с империализмом в последнее время турецкая буржуазия идет вспять и находится перед сдачей всех своих позиций. Утверждение, что буржуазия «победила» феодализм, в такой категорической форме неверно. В восточных провинциях феодализм попрежнему цел и невредим. Даже подавив восстание шейха Саида (1925 г.), турецкое правительство не посмело тронуть курдских феодалов, не роздало крестьянам их земли. Феодальные пережитки в виде, хотя бы, кабальной аренды, живы еще по всей Турции.

Весьма мало убеждает и декламация о «национальной» буржуазии, якобы «независимой» от иностранного империализма. Железные законы экономического развития все плотнее привязывают эту «национальную» буржуазию к колеснице империализма. Тов. Ирандуст обнаруживает простое незнакомство с фактами, уверенно убеждая, что турецкая буржуазия «считает необходимым продолжать свой путь самостоятельного строительства и экономического развития своими внутрениими силами, не ставя себя в зависимость от иностранного капитала и опасаясь связать самостоятельность своей политики внешним давлением и международными обязательствами». В частности, тов. Ирандуст считает существующие в Турции монополии проявлением этой самостоятельной политики, сравнивая их с нашей монополией внешней торговли. На самом деле, ряд монополий по импорту находится в руках иностранных групп, которые платят правительству небольшой монопольный налог (8% с цены товаров). Монополии учреждены исключительно с фискальными целями; здесь нет абсолютно никакого подобия монополии внешней торговли, с которой пытается сравнить это положение дела тов. Ирандуст (стр. 87, 88, в особенности 14). Факт признания дореволюционных долгов Турции в золоте летом этого года весьма показателен, как признак отсутствия той абсолютно независимой экономической политики, о которой говорит тов. Ирандуст.

---

[1]) Подчеркнуто автором.

Довольно оригинален другой способ доказательства революционности кемализма, который пускает в ход тов. Ирандуст: так как в Турции в данный момент не возникает аграрной революции и не ставится вопрос о диктатуре пролетариата, и так как у власти находится кемализм, значит, этот кемализм революционен. Положительный вывод из этого положения тов. Ирандуста может быть только таков: турецкие коммунисты должны призывать рабочих и крестьян поддерживать кемализм, ибо кемализм еще революционен, он продолжает бороться с империализмом; к тому же, все равно нет никакой возможности перевести революцию в высший этап. Иначе, как чистейшим оппортунизмом, нельзя считать упорное утверждение тов. Ирандуста о революционности кемализма во все периоды, в том числе и теперь.

Кемализм сыграл в свое время роль революционного фактора, поскольку он возглавил движение народных масс против империализма, добился сохранения Турции как национально-государственного целого, поскольку он пытался произвести попытку самостоятельного хозяйственного строительства, поскольку он в свое время боролся против внутренней реакции, против султаната и халифата, поскольку он ускорил развитие товарно-капиталистических отношений, наконец, поскольку кемалистская революция в свое время явилась звеном в единой цепи борьбы советских республик и трудящихся колоний против империализма.

Кемализм превратился в буржуазно-реформистский и, с ходом событий, превращается в контрреволюционный фактор, поскольку кемалисты нашли в конце концов общий язык с помещиками и компрадорской буржуазией, ибо сама, так называемая кемалистская буржуазия, чем дальше, тем больше перерождается, впитывая в себя элементы компрадорства; ибо кемализм не допустил революционного разрешения аграрного вопроса и борется против аграрной революции, ибо кемалистская диктатура подавляет движение народных масс, ибо кемалисты отходят от политики самостоятельного строительства и идут на поклон к империализму.

Все остальные ошибки тов. Ирандуста являются следствием первой ошибки и в свою очередь обосновывают ее. Эти ошибки вытекают из неясного понимания особых условий победы турецкой буржуазии и эволюции «кемалистской» буржуазии, из незнания или неверного толкования тех процессов, которые происходят в экономике Турции и воздействуют как на соотношение различных классов внутри Турции, так и на отношения между Турцией и мировым империализмом.

Тов. Ирандуст приводит цитату из речи тов. Сталина (не делая из нее надлежащих выводов), где тов. Сталин определяет кемалистский тип революции так:

> «Кемалистская революция возможна лишь в таких странах, как Турция, Персия, Афганистан, где нет или почти нет промышленного пролетариата и где не имеется могучей аграрно-крестьянской революции. Кемалистская революция есть верхушечная революция национальной торговой буржуазии, возникшая в борьбе с чужеземными империалистами и направленная в своем дальнейшем развитии, по сути дела, против крестьян и рабочих, против самых возможностей аграрной революции».

Уже на первом этапе революции было ясно, каково будет «дальнейшее развитие», о котором с такой ясностью говорит тов. Сталин. Тов. Ирандуст и этого не понял: он считает, что «это дальнейшее развитие» (против рабочих и крестьян) «уже» намечается (!) лишь [illegible] в 1928 году (стр. 20). На самом деле, уже в начале этого деся-

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Новая попытка анализа кемализма.

Недавно вышедшая книга тов. Ирандуста «Движущие силы кемалистской революции» (ГИЗ, 1928, М.—Л. Стр. 149) является *первой* марксистской попыткой *обобщения* итогов развития кемализма. Будучи в основном историческим обзором, она в то же время пытается дать подробный анализ отношений классов в различные периоды кемалистского движения.

Эта первая и бесспорно лучшая работа по кемализму все же оказалась не лишенной значительных ошибок. *Переоценка революционности кемалистской буржуазии проходит красной нитью через всю книгу тов. Ирандуста.*

На стр. 18—19 тов. Ирандуст пишет: «*Кемализм на настоящей стадии остается революционным, так как национальная турецкая буржуазия еще не закончила борьбы с империализмом и является гегемоном движения*» [1]. Турецкой «кемалистской революции в настоящее время не противопоставляется какой-нибудь другой высший этап революции, там не возникает аграрной революции и не ставится вопрос о гегемонии турецкого пролетариата. Именно поэтому кемалистская революция, еще не исчерпавшая своей программы и продолжающая борьбу с империализмом, сохраняет свое революционное значение». В подтверждение своих положений тов. Ирандуст ссылается на тов. Пеппера, который пишет (стр. 19): «Господство кемалистов в Турции отличается следующими тремя основными свойствами: 1) победа буржуазии над феодализмом и господство национальной буржуазии; 2) слабость пролетариата; 3) независимость страны от иностранных империалистов.

Автор не отмечает, что на фронте борьбы с империализмом в последнее время турецкая буржуазия идет вспять и находится перед сдачей всех своих позиций. Утверждение, что буржуазия «победила» феодализм, в такой категорической форме неверно. В восточных провинциях феодализм попрежнему цел и невредим. Даже подавив восстание шейха Саида (1925 г.), турецкое правительство не посмело тронуть курдских феодалов, не роздало крестьянам их земли. Феодальные пережитки в виде, хотя бы, кабальной аренды, живы еще по всей Турции.

Весьма мало убеждает и декламация о «*национальной*» буржуазии, якобы «*независимой*» от иностранного империализма. Железные законы экономического развития все плотнее привязывают эту «национальную» буржуазию к колеснице империализма. Тов. Ирандуст обнаруживает простое незнакомство с фактами, уверенно убеждая, что турецкая буржуазия «считает необходимым продолжать свой путь самостоятельного строительства и экономического развития своими внутренними силами, не ставя себя в зависимость от иностранного капитала и опасаясь связать самостоятельность своей политики внешним давлением и международными обязательствами». В частности, тов. Ирандуст считает существующие в Турции монополии проявлением этой самостоятельной политики, сравнивая их с нашей монополией внешней торговли. На самом деле, ряд монополий по импорту находится в руках иностранных групп, которые платят правительству небольшой монопольный налог (8% с цены товаров). Монополии учреждены исключительно с фискальными целями; здесь нет абсолютно никакого подобия монополии внешней торговли, с которой пытается сравнить это положе-

[1]) Подчеркнуто автором.

ние дела тов. Ирандуст (стр. 87, 88, в особенности 14). Факт признания дореволюционных долгов Турции в золоте летом этого года весьма показателен, как признак отсутствия той абсолютно независимой экономической политики, о которой говорит тов. Ирандуст.

Довольно оригинален другой способ доказательства революционности кемализма, который пускает в ход тов. Ирандуст: так как в Турции в данный момент не возникает аграрной революции и не ставится вопрос о диктатуре пролетариата, и так как у власти находится кемализм, значит, этот кемализм революционен. Положительный вывод из этого положения тов. Ирандуста может быть только таков: турецкие коммунисты должны призывать рабочих и крестьян поддерживать кемализм, ибо кемализм еще революционен, он продолжает бороться с империализмом; к тому же, все равно нет никакой возможности перевести революцию в высший этап. Иначе, как чистейшим оппортунизмом, нельзя считать упорное утверждение тов. Ирандуста о революционности кемализма во все периоды, в том числе и теперь.

Кемализм сыграл в свое время роль революционного фактора, поскольку он возглавил движение народных масс против империализма, добился сохранения Турции как национально-государственного целого, поскольку он пытался произвести попытку самостоятельного хозяйственного строительства, поскольку он в свое время боролся против внутренней реакции, против султаната и халифата, поскольку он ускорил развитие товарно-капиталистических отношений, наконец, поскольку кемалистская революция в свое время явилась звеном в единой цепи борьбы советских республик и трудящихся колоний против империализма.

Кемализм превратился в буржуазно-реформистский и, с ходом событий, превращается в контрреволюционный фактор, поскольку кемалисты нашли в конце концов общий язык с помещиками и компрадорской буржуазией, ибо сама, так называемая кемалистская буржуазия, чем дальше, тем больше перерождается, впитывая в себя элементы компрадорства; ибо кемализм не допустил революционного разрешения аграрного вопроса и борется против аграрной революции, ибо кемалистская диктатура подавляет движение народных масс, ибо кемалисты отходят от политики самостоятельного строительства и идут на поклон к империализму.

Все остальные ошибки тов. Ирандуста являются следствием первой ошибки и в свою очередь обосновывают ее. Эти ошибки вытекают из неясного понимания особых условий победы турецкой буржуазии и эволюции «кемалистской» буржуазии, из незнания или неверного толкования тех процессов, которые происходят в экономике Турции и воздействуют как на соотношение различных классов внутри Турции, так и на отношения между Турцией и мировым империализмом.

Тов. Ирандуст приводит цитату из речи тов. Сталина (не делая из нее надлежащих выводов), где тов. Сталин определяет *кемалистский тип* революции так:

«Кемалистская революция возможна лишь в таких странах, как Турция, Персия, Афганистан, где нет или почти нет промышленного пролетариата и где не имеется могучей аграрно-крестьянской революции. Кемалистская революция есть верхушечная революция национальной торговой буржуазии, возникшая в борьбе с чужеземными империалистами и направленная *в своем дальнейшем развитии*, по сути дела, против крестьян и рабочих, против самых возможностей аграрной революции».

Уже на первом этапе революции было ясно, каково будет «*дальнейшее развитие*», о котором с такой ясностью говорит тов. Сталин. Тов. Ирандуст и этого не понял: он считает, что «*это дальнейшее развитие*» (против рабочих и крестьян) «уже» *намечается* (!) лишь теперь, т.-е. в 1928 году (стр. 20). На самом деле, уже в начале этого деся-

тилетия «дальнейшее развитие» дало себя знать в форме преследования коммунистического и рабочего движения, отказа от радикального разрешения аграрного вопроса и соглашения с мировым империализмом.

У тов. Ирандуста получается, что «основной социальной базой блока [1]) являлось крестьянство». «Основной движущей силой турецкой революции, — говорит тов. Ирандуст на стр. 21, — являлось крестьянство, которое выступило на защиту своего существования за улучшение условий последнего». На самом деле, крестьянское движение не имело ясных социальных лозунгов, не имело пролетарского руководства. Крестьянское недовольство было, под национальными лозунгами, лишь использовано на потребу торговой буржуазии.

Как о движущей силе кемалистской революции, можно говорить лишь о той части деревни, которая или сливается, или же смыкается с торговой буржуазией.

Знаменитый «национальный обет», который «стал знаменем и программой анатолийской революции», прямо говорит, что «все части территорий» связаны «священным для населения национальным и общественным укладом» (стр. 82, 83). Это можно понять только так: не перестраивая внутреннего уклада, бороться с инонациональными конкурентами.

Сам тов. Ирандуст наперекор самому себе в другом месте совершенно правильно указывает: «Экономически самой сильной прослойкой анатолийского блока стали немногочисленные, но влиятельные группы анатолийского торгового землевладения, помещики и торговцы зерном таких, напр., районов,как Копия, Айдин, Эскишеир» (стр. 74).

В других местах, однако, по тов. Ирандусту получается и иная социальная база, и другое руководство. Говоря о том, что, благодаря союзнической оккупации в первый период революции из национального блока, выпали пролетариат и портовая буржуазия, автор почему-то считает нужным вообще изменить свою оценку движущих сил революции.

«Поэтому, в первый период турецкой революции, завершившийся занятием Смирны и Константинополя, национально-освободительное движение имело более простую социальную базу из анатолийского крестьянства, мелкой и средней буржуазии. Руководящая роль в революционном блоке находилась в руках мелкой и средней национальной буржуазии».

При желании у тов. Ирандуста можно выискать формулировки, в свою очередь, противоречащие всем предшествующим. Так, на стр. 33 он пишет: «Руководящая роль в этом блоке принадлежала военным, интеллигентским и буржуазным группировкам, к которым в этом (начальном, т.-е. в том же самом *А. Ш.)* периоде примыкают также некоторые феодальные элементы и духовенство». Нужно отметить, что вся вообще книга тов. Ирандуста отличается исключительно спокойным сожительством неразрешенных противоречий.

У тов. Ирандуста самое понятие «национальной» буржуазии слишком расплывчато. Нужно ясно сказать, что речь идет о торговой буржуазии, притом связанной с аграрным капиталом, ибо это сыграло колоссальную роль в дальнейшей эволюции кемализма. Что касается национально-промышленной буржуазии, то она была в зачаточном состоянии (ибо огромное большинство немногочисленных предприятий Турции принадлежит иностранцам) и сколько-либо серьезной роли в революционном блоке не играла.

[1]) Речь идет об анатолийском революционном блоке первого периода революции—1919—1922 гг.

Тов. Ирандуст всюду называет эту национальную буржуазию или анатолийской, или анатолийской средней и мелкой буржуазией. Это недостаточно, и потому не решает дела. Сам по себе географический признак малозначащ. В дальнейшем же постепенная эволюция превратила буржуазию «анатолийскую» в буржуазию всетурецкую. Определение тов. Ирандуста экономически неправильно, ибо сам по себе внутренний рынок Анатолии при существующей структуре турецкого хозяйства может являться базой накопления для турецкой буржуазии лишь в особо ненормальных условиях блокады.

Правда, внепортовая торговля буржуазии была в значительно большей степени связана с внутренним рынком, ибо она имела дело с непосредственным производителем и потребителем, а потому заинтересована в развитии национального хозяйства, в отличие от компрадорской буржуазии портовых городов, работавшей прямо на иностранные фирмы и банки. Однако, только этим дело еще не решается, ибо анатолийский непосредственный потребитель производит преимущественно экспортную товарную продукцию, а потребитель потребляет почти исключительно импортные промышленные товары. За границу вывозится третья часть всего валового сбора с.-х. продуктов [1]), при чем основная часть вывоза падает на культуры, специально производимые для экспорта: табак, инжир, валонея, хлопок и др. (Хлеб до сих пор в Турцию ввозится). Чрезвычайно слабая турецкая промышленность занимается или разработкой горных недр, или производством сельскохозяйственных полуфабрикатов для вывоза. Поэтому и теперь почти все предметы как личного, так и в особенности производственного потребления ввозятся из-за границы. Так, в настоящее время Турция производит 15 млн. метров текстиля в год, стоимостью 5½ млн. турецких лир. Из-за границы ввозится шерстяных материалов на 38 млн. лир, тонких сукон—на 32 млн. и хлопчато-бумажных изделий—на 86 млн. лир, всего на 156 млн. лир. («Заря Востока» от 22 сентября 1928 г.).

В 1926 г. Турция потребляла 7.000 тонн своего и 70.000 привозного сахара («Бюллетень Торгпредства СССР в Турции», № 12, за 1927 г.). По двум основным товарам, составляющим половину всей стоимости импорта, внутри страны производится $^1/_{10}$ часть потребляемого количества. Далее, около 15% импорта составляют металлы и машины, которые в Турции почти не производятся.

Какая конкретная ситуация дала возможность победы кемалистской революции?

Тов. Ирандуст дает этому такие об'яснения.

Помимо малочисленности турецкого пролетариата (удельный вес пролетариата по отношению ко всему населению в Китае 1,1%, в Турции — 0,9%), оккупация союзниками Смирны, Константинополя и других крупных центров изолировала основные кадры турецкого пролетариата от крестьянства и от руководства национально-освободительным движением. Социальная борьба крестьянства против ростовщиков и иностранного капитала вылилась в национальную борьбу против греков и армян: последние большей частью и являлись ростовщиками и посредниками иностранных фирм. Иностранный капитал, занявший своими войсками важнейшие порты Турции и тем лишивший крестьянство возможности экспортировать свои сельско-хозяйственные продукты, выступил в слишком неприкрытом виде. Вот почему турецкой буржуазии удалось в то время удовлетворить крестьянство либеральными обещаниями и избежать дальнейшего развития аграрной революции.

[1]) «Deutsche Bank Wirtschaftliche Mitteilungen» № 12 за 1927 г.

Правильные мысли здесь перемешаны с путаницей и просто непониманием существа дела. Неверно, что крестьяне имели перед собою греко-армянских ростовщиков и посредников: таковые были перебиты или же бежали во время мировой войны; во время мировой войны туземный (турецкий) торговый капитал заместил греко-армянский, забрав в свои руки продовольственные и др. поставки на армию, торговое посредничество и т. п. Национальное освободительное движение было для турецкого капитала прямой борьбой за самосохранение. Связь торгового капитала с деревенской верхушкой предопределила его заинтересованность в возвращении портов для свободного вывоза с.-х. продуктов и облегчения налогового пресса в деревне, что и позволило на определенной стадии развития увлечь за собой крестьянство.

Для понимания особых условий побед кемалистской революции абсолютно необходимо уяснить, почему империалистическая буржуазия смогла примириться с победой национальной, антиимпериалистической революции?

Этот весьма существенный вопрос тов. Ирандуст не сумел разрешить. Не будучи в состоянии отрицать очевидных фактов противоречий международного порядка, он останавливается на них весьма бегло: весь упор т. Ирандуст делает на том, что в турецкую экономику иностранный капитал не внедрился так серьезно, как в Китае, где он завоевал основные экономические высоты. Это утверждение может быть легко опровергнуто фактами.

Империалистам было за что повоевать в Турции: сотни миллионов государственного долга; примерно, 90% всех капиталов банков, промышленных и торговых обществ было в руках иностранцев; последним принадлежала вся ж.-д. сеть; капитуляции, отмененные односторонним актом Турции во время мировой войны, предоставляли иностранным капиталистам условия, ставившие их фактически вне конкуренции. Наконец, через ростовщиков и посредников иностранный капитал оплел тесной и клейкой паутиной все сельское хозяйство Турции.

Нельзя об'яснить неудачу империалистической интервенции как в России, так и в Турции тем, что иностранный капитал решил благородно поступиться своими интересами. Дело решалось, во-первых, тем, что в 1920/21 г.г. империалистам трудно было заставить воевать массы; во-вторых, тем, что единый империалистский фронт разладился вследствие противоречий между «великими державами». Ни одна из них не желала усиливать свою возможную будущую соперницу таким жирным куском, как Константинополь и Анатолия,—средоточие важнейших торговых и стратегических путей.

В-третьих, одна за другой державы уяснили себе, что с кемалистской буржуазией удастся сговориться, если не дубьем, так рублем. В этом дальновидные буржуазные империалистические политики не ошиблись: слабосильной Турции не так-то просто самостоятельно перестроить свою экономику, являющуюся экономикой полуколонии, т.-е. страны, экономически целиком зависимой от империализма.

Прекращение борьбы с империалистами, мирная сделка с ними значительно содействовали тому, что в следующий этап турецкая революция не перешла.

Кемализм не есть путь, обеспечивающий сохранение независимости страны от иностранных капиталистов. В конечном итоге кемализм есть путь повторного закабаления империалистами бывших колоний и полуколоний. Вот что надо неустанно раз'яснять трудящимся Турции и других стран.

А. Шнеерсон.

П. ШАРОВ. ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИКИ НА ИСХОД МИРОВОЙ ВОЙНЫ 1914—15 ГГ., с предисловием В. Е. ГАРФА. Серия «Война и Экономика». Госиздат, отдел военной литературы. 1928 г., стр. 174, тир. 3.000 экз., **цена 1 р. 50 к.**

В задачу автора входило показать, как экономика повлияла на исход мировой войны. Выполнение этой задачи нам представляется в следующем виде. Прежде всего, автор должен дать основную линию развития хозяйства стран—участниц войны, выявляя все своеобразие темпа и направления этого развития. Во-вторых, дается краткая характеристика экономики стран по ее главнейшим отраслям к началу войны. В-третьих, автор показывает, как отразился разрыв хозяйственных связей, существовавших между странами с началом военных действий. В-четвертых, при учете этих изменений, автор прослеживает этапы приспособления экономики стран к нуждам войны. В соответствии с этими этапами характеризуется состояние боеспособности сторон, влияющее на ход боевых операций. В-пятых, роль государственно-регулирующего воздействия на экономику страны и степень его эффективности. В-шестых, экономическое положение воюющих сторон к концу войны, повлиявшее на исход ее. И, наконец, выводы.

У автора несколько иная схема изложения. Дав в первой главе понятие об экономическом размахе мировой войны, он приходит во второй главе к выявлению факторов военной мощи. Следующие шесть глав посвящены краткой характеристике экономических ресурсов стран—участниц войны. 9-я глава дает сравнение боеспособности сторон. В десятой делаются выводы—общие, и в 11-й—применительно к нашим советским условиям.

В первой главе речь идет о двух периодах, на которые распадается мировая война: период маневренной и период позиционной войны. Первый интересен и поучителен для «чисто военного искусства», второй—«не только для стратега и командира, но не в меньшей степени для каждого ученого, инженера и техника». Именно второй период выдвинул экономику, как решающий фактор победы.

Весьма, однако, неясно у автора обстоит дело с понятием «экономика». То он говорит просто об экономике, то об экономике в широком смысле слова в кавычках и без кавычек, то о военной экономике, не устанавливая грани между этими понятиями. Иногда автор ставит знак равенства между понятиями «экономика» и «экономические ресурсы», что не совсем правильно. На странице 11-й «орудия истребления, представленные на фронте», у автора тоже «экономика», хотя это есть военная техника, т.-е. средства и орудия разрушения экономики. Назовите их средствами военного производства, дело от этого не изменится; эти средства производства являются не «созидателями», а «разрушителями» материальных и людских ценностей. Автор, по сути дела, опровергает свою же собственную мысль, высказанную им в конце предисловия о том, что «мы не пытаемся создать особое воззрение на экономику». Получается как раз обратное. И это вынуждает нас сделать ряд дальнейших замечаний.

Выясним, прежде всего, что следует понимать под словом экономика. Под экономикой или экономическим положением страны мы привыкли понимать состояние отраслей народного хозяйства в их взаимной связи и зависимости, определяемое уровнем развития производительных сил. Составной и, разумеется, центральной частью последних, на ряду с массой произведенных продуктов, массой рабочих сил и массой сырых материалов—является техника. Таким образом, понятие экономики в известной степени неотделимо от понятия техники. И говорить, в огромном большинстве случаев, об изменениях в области экономики без соответствующих сдвигов в области техники—это равносильно, скажем, говорить о движении телеги без колес.

Больше того—нельзя никогда забывать, что при сочетании одних и тех же экономических условий с разными, по степени развитости, техническими условиями видоизменяется не только все лицо экономики страны, но происходит своеобразная переоценка всех экономических ценностей, вплоть до сырьевых. У автора же вопрос о роли техники совершенно не оттенен. Между тем мы имеем достаточно примеров того, как при всех экономических возможностях пределом их развертывания являлось отсутствие техники или технического опыта при наличии техники. Приведем примеры, имеющиеся хотя бы в книжке. Один пример: «В вопросе изготовления орудий еще в довоенное время мощный Обуховский завод не мог успешно справиться со стальным литьем из хромо-никкелевой стали для орудий крупных калибров». Другой пример: «Путиловский завод не мог изготовить легких пушек образца 1913 г. системы Шнейдера только потому, что не мог справиться с изготовлением специальных сортов стали». Третий пример: «Вообще же изготовление предметов боевого снабжения, требующее точности работ, к какой не привыкла наша гражданская промышленность, было особо затруднено. В России имела место большая задержка с изготовлением 22-секундных дистанционных трубок».

Таких примеров можно было бы привести достаточное количество.

Глава вторая посвящена выявлению факторов военной мощи. «Изучение опыта мировой войны,—пишет автор,—дает нам вполне отчетливое понимание современных основных факторов победы: 1) политика внутренняя и внешняя, 2) экономика в широком значении этого слова, включая и ту экономическую борьбу (?—*Б. Ж.*), какая имела место перед войной и явилась первопричиной войны, а в период войны—обеспечение всех потребностей войны и самой страны в отраслях народно-хозяйственной жизни; 3) стратегия—военная подготовка вооруженного народа, руководство ведением самой войны со включением сюда военных элементов, входящих в политику и экономику; 4) тактика—руководство войсковыми соединениями до корпуса включительно и 5) моральные силы войск, доблесть войск—понимая под этим здоровую дисциплину, отличное владение оружием, здоровое тело и здоровый дух,—хорошую физическую подготовку и, главное, понимание бойцами целей и задач войны».

В этой длинной выписке, прежде всего, совершенно неудачна формулировка второго пункта не только в первой его части, где в понятие экономики включена предвоенная «борьба», но и во второй его части. Неясно, что конкретно значит «обеспечение всех потребностей войны в отраслях народно-хозяйственной жизни»? Во-вторых, совершенно не ясно, что имеет в виду автор, говоря в первом пункте о внутренней и внешней политике, как факторе военной мощи. Автор отделывается общими фразами, когда он ссылается на Германию, которая приобрела себе противников «в виду ее ошибок военно-политического характера, выразившихся в некотором пренебрежении к этому фактору военной мощи».

Далее, неясно, в каком соотношении находится такой сравнительно небольшой фактор военной мощи, как тактика (к тому же ограниченная действием корпуса) к колоссальному фактору «экономика». Почему автор не относит к факторам военной мощи и такие, как, положим, географические размеры и компактность расположения территории страны, включая сюда и рельеф ее? Не является ли также фактором военной мощи и общая грамотность населения, его культурный уровень?

Наконец, совершенно нельзя обойти молчанием такой фактор военной мощи, как наличие того или иного у р о в н я т е х н и к и и носителей технического и конструктивного опыта. Опыт Германии дает нам блестящие примеры того, как техника давала Германии новые силы и возможности

для борьбы (производство отравляющих веществ, азота из воздуха и пр.). И, наоборот, при богатейшей экономике России по части сырья и рабочих рук, ей, однако, недоставало одного из главнейших составных элементов производительных сил,—машин и механизмов, и в равной степени квалифицированных носителей технических и конструктивных навыков.

По контексту всего изложения эту главу следовало бы отнести в конец книги, к заключительной части ее.

Главы от 3 по 8 включительно дают характеристику экономических ресурсов стран—перед войной и во время войны.

В этой характеристике нет, прежде всего, единообразной схемы, что давало бы возможность читателю производить сравнения. В одних главах подразделение «транспорт» включает в себя и автотранспорт, в других—последний описывается отдельно от главы о транспорте. В одних главах (глава о Германии) встречается подразделение «внешняя торговля», в других (глава о России)—его нет. Наоборот, здесь сведения о внешней торговле включены неизвестно почему в подзаголовок «финансовое положение» и рассмотрены под фискальным углом зрения, тогда как интереснее было бы дать сведения о том, какие статьи вывоза и ввоза выпали и почему и как это отразилось на экономическом положении страны.

В главе о Германии на стр. 62, вместо таблицы ценностного соотношения ввоза и вывоза, ничего не говорящей, автору следовало бы дать ту же таблицу в натуральном выражении с номенклатурой ст.ст. ввоза и вывоза, из которой бы со всей очевидностью явствовало, в к а к и х категориях товаров Германия нуждалась и, следовательно, по каким именно больным местам била блокада немецкое хозяйство.

Та же картина получается в главе об Англии. Здесь внешний торговый оборот попадает в подзаголовок «транспорт». На стр. 108 дается ценная таблица ввоза. Из этой таблицы можно сделать ряд поучительных выводов. Но зачем понадобилась автору приведенная на стр. 109 таблица? Вряд ли это оправдывалось тем, чтобы высказать ничего не говорящее положение, что ввоз и вывоз уменьшился и только. Для целей анализа экономического положения страны этого маловато.

Нельзя обойти молчанием то обстоятельство, что описание экономики стран всюду начинается с описания финансового положения. Получается впечатление, что автор придает деньгам г л а в н о е значение в хозяйстве страны. В России он находит «неудачную финансовую систему». Говоря об Англии, он указывает на «блестящую финансовую систему», которая спасает деньги от обесценения. Автор чувствует, что это—несколько слабоватое об'яснение, и он спешит подкрепить его «общим богатством страны». Дело, конечно, не в общем богатстве страны, а в том, что пока крепок производственный базис—крепка и финансовая система. Развал производственного базиса знаменует собою и развал денежной системы, какой бы архиблестящей она ни была. Неискушенный же читатель может соблазниться на подчеркивание, которое делает автор, и сделать вывод: не в финансовой ли системе все дело? Правда, §§ 5 и 13 10-й главы в качестве вывода устанавливают правильную точку зрения на роль денег в хозяйстве страны, но этот вывод не напрашивается сам собою из описания финансового положения стран.

Совершенно недостаточно разработан у автора вопрос о сельском хозяйстве, другими словами, вопрос о п р о д о в о л ь с т в и и с ы р ь е. Сырьевую проблему, так же, как и продовольственную, следовало бы особо подчеркнуть, ибо обе они были исходным моментом в определении степени устойчивости отдельных звеньев хозяйственной системы и всей системы в целом. На стр. 28-й автор пишет: «Командными экономическими факторами

в деле войны являлись: 1) промышленность, более узкая военная промышленность, металлургия, химпромышленность и 2) транспорт, главным образом, железнодорожный». А сырье, разве это не командный фактор? И как бы спохватившись несколькими строками ниже, он заявляет: «Проблема сырья являлась одной из самых центральных проблем во время мировой войны». Так почему же не поставить ее третьим пунктом при перечислении командных экономических факторов?

Есть главы, где продовольственный вопрос освещен под особым подзаголовком, в других—ему отводится две—три строчки. В частности, глава о сельском хозяйстве России уложилась у автора на полутора страничках.

Вопрос о государственном регулировании хозяйства во время войны являлся немаловажным фактором в деле поддержания экономической устойчивости страны. Это, конечно, не экономика, но это мощное воздействие на экономику, без которого не обошлась ни одна из воюющих стран. Автор не обходит этого вопроса, но он говорит о нем как-то мимоходом и почему-то в разделе «промышленность», хотя регулирующая деятельность государства не ограничивалась областью одной лишь промышленности. Вопрос о регулировании следовало бы выделить в конец каждой главы (дающей характеристику экономических ресурсов той или иной страны), с тем, чтобы выявить возможности, которые этим регулированием достигались, а равно и пределы его.

Экономика является сложной цепью звеньев хозяйственного целого страны, где нарушение отдельного звена передается всей цепи. Вот такого анализа, который показал бы эту взаимозависимость и взаимовлияние отдельных отраслей народно-хозяйственной жизни, у автора и не хватает. Он обильно приводит цифровой материал и таблицы, но все эти цифры и таблицы плохо увязаны между собой так же, как и описание отдельных отраслей хозяйственной жизни, стоящих совершенно особняком друг от друга. Цифры и таблицы подавляют читателя, но они не убеждают его.

В изложении чувствуется какая-то торопливость, которая приводит автора просто к небрежному изложению. Так, например, вместо того, чтобы написать: «не нуждается в особом пояснении и такой важнейший фактор, как проблема сырья, которая являлась одной из самых центральных проблем во время мировой войны»,—автор эту мысль излагает так: «не нуждается в особом пояснении и такой важнейший экономический фактор, что проблема сырья являлась одной из самых центральных проблем во время мировой войны».

На стр. 59, повествуя о национальном богатстве Германии, автор говорит, что оно «оценивалось по разным причинам от 160 до 180 миллиардов» (чего—рублей или марок?). На следующей странице он пишет: «Ежегодный доход—21 миллиард рубл. Золотой запас перед войной 1.160 миллионов марок».

Эта небрежность иногда граничит с неточностью. Так, на стр. 55-й автор утверждает, что «ухудшение сельскохозяйственного инвентаря» есть следствие упадка производства сельскохозяйственных машин и орудий. Это неточно. Ухудшение явилось следствием не только упадка производства сельскохозяйственных машин, но и отсутствия ввоза (50% удовлетворялось ввозом), а равно и ремонта их.

Или на стр. 77 автор пишет: «Воспроизводство отставало от производства, начиналась разруха». Воспроизводство не может «отставать» от производства так же, как человек не может сам себя поднимать за волосы, ибо «каждый общественный процесс производства в то же самое время есть процесс воспроизводства» (К. Маркс, т. I, гл. 21). Речь может итти о производстве, которое протекает либо в условиях простого воспроизводства, либо в условиях воспроизводства расширенного, либо просто быть недостаточным. В последнем случае по формулировке тов. Бухарина мы имеем воспроизводство с отрицательным знаком, т.-е. проедание основного капитала. Об этом, видимо, и хотел сказать автор.

Выводы, даваемые автором в двух последних главах, интересны сами по себе и не вызывают особых возражений, если не считать того, что автор часто повторяется и зачем-то выделяет «главные» выводы от «практических». Если первые не имеют практической ценности, то грош им цена. Видимо, автора и здесь подвела спешка.

Подводя итоги вышеизложенному, мы должны сказать, что автор не справился с поставленной себе задачей—дать стройный и исчерпывающий анализ влияния экономики на исход мировой войны. Книга т. Шарова, это—недоработанная компиляция. Попытку автора все же надо приветствовать, ибо стоявшая перед ним задача была далеко не из легких.

Б. Жуков.

От редакции.

Помещенная в № 23—24 «Большевика» за 1928 г. статья Космина «Украинские планы польского фашизма» напечатана с некоторыми пропусками и ошибками, искажающими соответствующие места статьи.

На стр. 122 (стр. 18 св.) напечатано «украинцев», следует читать «украинцев белоэмигрантов».

На стр. 126 (стр. 6 св.) напечатано «революционного национализма», следует читать «лже революционного национализма».

На стр. 127 (стр. 7 св.) напечатано «последовательную революционную линию», следует читать «последовательную оппозиционную линию».

На стр. 127 (стр. 22—23 св.) напечатано «Газета партии «Воля Народа» (теперь «Сельроб») являлась и является за последние годы самой популярной, самой распространенной украинской газетой в Польше». Следует читать «Газета партии «Воля Народа» являлась за последние годы одной из популярных и распространенных украинских газет в Польше».

На стр. 127 (стр. 18 снизу) напечатано «революционной части Сельроба», следует читать «части Сельроба».

После стр. 40 св. пропущен абзац «Весной 1928 года на с'езде произошло об'единение Сельроб-левицы (бывшей «Воли Народа») с рядом местных организаций, входивших раньше в об'единенную партию Сельроб и некоторыми из бывших сельсоюзников. С'езд решительно осудил прежние оппортунистические и националистические ошибки как бывших сельсоюзников, так и бывших воленародцев. Часть бывших сельсоюзников осталась за пределами об'единенной организации. Продолжая пользоваться революционной фразеологией, она фактически все более и более приближается к антисоветской платформе радикалов».

На 127 стр. (стр. 6 снизу) напечатано «Корни оппортунизма», следует читать «суб'ективные корни оппортунизма».

На 127 стр. (стр. 25 сверху) напечатано «преобладание», следует читать «пребывание».

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

РЕВОЛЮЦИЯ И КУЛЬТУРА

выходит под редакцией:

Н. И. Бухарина, А. М. Деборина, А. В. Луначарского, И. К. Луппола, Е. Б. Пашуканиса, Я. Э. Стэна, Л. Н. Чернявского.

ПАРТИЕЦ должен читать «РЕВОЛЮЦИЮ И КУЛЬТУРУ», потому что этот журнал разрабатывает и популяризует теорию Маркса и Ленина в области культуры и борется за ясное классовое понимание задач культурной революции.

РАБОЧИЙ АКТИВИСТ получит в «РЕВОЛЮЦИИ И КУЛЬТУРЕ» освещение важнейших вопросов культурного строительства, быта, семьи.

КОМСОМОЛЬЦА «РЕВОЛЮЦИЯ И КУЛЬТУРА» вводит в идеологические бои за нового человека, против антипролетарских воззрений, против упадочничества и мещанства.

НАУЧНЫЙ РАБОТНИК и ВУЗОВЕЦ найдет в «РЕВОЛЮЦИИ И КУЛЬТУРЕ» освещение актуальных вопросов научной жизни, связанных с культурной революцией, и оценку основной литературы по различным отраслям науки и искусства у нас и за границей.

ХОЗЯЙСТВЕННИКА «РЕВОЛЮЦИЯ И КУЛЬТУРА» будет держать в курсе борьбы за культуру управления и хозяйствования, за общий рост революционной культуры, для которой он строит материальную базу.

КУЛЬТУРНИКАМ ОРГАНИЗАТОРАМ БЫТА «РЕВОЛЮЦИЯ И КУЛЬТУРА» помогает в их практической работе, предоставляет им на своих страницах возможность выступить для обмена опыта.

«РЕВОЛЮЦИЯ И КУЛЬТУРА» подымает и организует обсуждение очередных вопросов советского культурного дня, практических и принципиальных.

В «РЕВОЛЮЦИИ И КУЛЬТУРЕ» находят отражение и подвергаются марксистскому анализу быта, печати, кино, искусства, литературы.

«РЕВОЛЮЦИЯ И КУЛЬТУРА» содействует сближению научных и культурных работников с трудящимися, организует широкий обмен мнений по вопросам культурного строительства и освещение местной практики в этой области.

«РЕВОЛЮЦИЯ И КУЛЬТУРА» дает систематическую информацию о культурной жизни Запада.

ЖУРНАЛ ИЛЛЮСТРИРУЕТСЯ.

В 1929 году журнал усиливает отделы «КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ» и «ЗА РУБЕЖОМ».

И вводит следующие новые отделы: 1. «СЛОВО и ДЕЛО». 2. «ЗАКАЗ МАСС». 3. «ЗЛЫЕ ЗАМЕТКИ». 4. КОНСУЛЬТАЦИЯ ПО ВСЕМ ВОПРОСАМ КУЛЬТУРЫ, ПОЛИТИКИ, ЭКОНОМИКИ И БЫТА.

К участию в журнале «РЕВОЛЮЦИЯ И КУЛЬТУРА» привлечен кадр теоретических и культурных сил партии и широкие круги беспартийных ученых, литераторов, культурников, стоящих на материалистических позициях.

В «РЕВОЛЮЦИИ И КУЛЬТУРЕ» в 1929 году будут помещены статьи, очерки, обзоры, корреспонденции, рецензии и фельетоны.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1929 год. Подписная цена: 1 мес.—2 номера 80 к., 3 мес.—6 номеров 2 р. 40 к., 6 мес.—12 номеров 4 р. 80 к., 12 мес.—24 номера 9 р. 60 к. В розничной продаже цена отдельного номера—50 коп.

Подписка принимается: в Главной Конторе Издательства «Правда» и «Беднота» (Москва, 9, Тверская, 48) и во всех провинциальных отделениях и представительствах «Правды».

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 2 31 ЯНВАРЯ № 2

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 9
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
„ПРАВДА“

Главлит № А—26537. Тираж 70.000 экз.
Типография газеты „Правда“, Тверская, 48.

К борьбе за хлеб.

Предстоящая весенняя посевная кампания требует особого внимания всех партийных и советских органов, поскольку она развивается в исключительно сложной политической и хозяйственной обстановке. Развертывающаяся в деревне классовая борьба накладывает свой отпечаток на все стороны хозяйственной и политической жизни деревни. Кулак, начавший свою попытку наступления по линии хлебозаготовительной кампании, в этом году расширил базу своей борьбы в процессе перевыборной кампании. Сотни сообщений из разных районов о ходе перевыборной кампании демонстрируют эту возросшую активность кулака. Протекая в различных формах,—от попыток под середняцкой маской принять участие в избирательной кампании и противопоставить кандидатам бедноты и середняков своих кандидатов до отдельных случаев террора в отношении к наиболее активным советским и общественным работникам в деревне,—эта борьба кулака стоит в центре общественного внимания деревни. Несомненно, что наблюдавшееся в ряде районов этой осенью сокращение кулаками своих посевов должно быть нами рассматриваемо и оцениваемо с точки зрения развертывания классовой борьбы в деревне.

В этой обстановке мы должны решить, при чем должны решить во что бы то ни стало, задачу значительного увеличения сельско-хозяйственной продукции в предстоящем хозяйственном году. Задача ускорения под'ема чрезвычайно отстающего сельского хозяйства поставлена последним пленумом Центрального Комитета, как очередная боевая задача всей партии. Постановка этой задачи вызвана не тем, что наше сельское хозяйство якобы «деградирует». (Утверждение правого уклона о происходящей деградации сельского хозяйства давно опровергнуто всеми имеющимися фактами). Да и какая речь может быть о деградации сельского хозяйства, когда из года в год растет число сельско-хозяйственных машин, потребляемых деревней, увеличивается, хотя и недостаточно быстро, посевная площадь, растет количество скота, растет площадь под техническими культурами, растут коллективы и производственное кооперирование, увеличивается и применение ряда агрикультурных мероприятий. Задача ускорения под'ема сельского хозяйства встала перед нами как боевая и неотложная хозяйственная и политическая задача не в силу того, что

якобы происходит «деградация» сельского хозяйства, а в силу того, что развивающаяся успешно индустриализация страны требует форсированного расширения аграрной базы в то время, как у нас налицо чрезвычайное отставание сельского хозяйства от промышленности (рез. ноябрьского пленума ЦК). Раз мы в течение ряда лет сумели успешно решать такую задачу, как громадное расширение продукции промышленности в темпе примерно в четыре раза превышающем довоенный, то мы должны суметь своевременно решить и задачу подтолкнуть развитие сельско-хозяйственной базы под этот темп индустриализации. Конечно, дело не идет о том, чтобы дать сельскому хозяйству тот же темп развития, как и промышленности. Такая задача была бы и не разрешима и не вытекала бы ни в какой мере из условий индустриализирующейся страны—раз в стране происходит процесс индустриализации, то это означает совершенно бесспорно более ускоренный рост промышленности и непрерывное повышение доли промышленности во всем народном хозяйстве. Если мы не можем себе ставить задачу сравнять темп под'ема сельского хозяйства с темпом под'ема промышленности, то мы можем и должны поставить задачу такого ускорения под'ема сельского хозяйства, который дал бы возможность преодолеть имеющиеся трудности в области снабжения промышленности сельско-хозяйственным сырьем и города хлебом и тем самым в конечном счете устранил бы, а в ближайшие годы смягчил бы те трудности, с которыми сталкивается индустриализация.

Конечно, если бы главным производителем сельско-хозяйственной продукции в нашей стране был кулак, то мы не имели бы никакой возможности решить задачу ускорения под'ема сельского хозяйства без уступок кулаку. На самом же деле, как это доказано сотни раз, основная часть посевной площади в нашей стране, основная масса скота сосредоточены в бедняцких и середняцких хозяйствах. Они же являются главными поставщиками на рынок сельско-хозяйственных продуктов. Если из этого не следует того, что кулак у нас не имеет возможности оказать свое воздействие на рынок (само собою разумеется, что сосредоточивая в своих руках хотя бы шестую или седьмую часть всей товарной продукции, кулак свое влияние на рынок, в особенности весною, оказывает, и по этой линии мы должны с ним вести самую решительную борьбу), то из этого во всяком случае следует тот вывод, что мы должны и можем решить задачу ускорения под'ема сельского хозяйства путем под'ема хозяйства бедняков и середняков, составляющих вместе, примерно, 95 проц. всех крестьянских хозяйств.

Если коротко таким образом сформулировать стоящую перед нами задачу во всем ее своеобразии, то можно было бы сказать так: мы должны решить задачу под'ема хозяйства по отношению к основной массе бедняков и середняков, вопреки развертывающемуся кулацкому сопротивлению, приобретающему в некоторых случаях даже

характер своеобразного саботажа развития своего хозяйства. Мы должны решить эту задачу методами пролетарской политики, методами советской власти, не путем, предлагавшимся тов. Фрумкиным,— не путем уступок кулаку, а путем продолжения и углубления той политики союза с середняком и опоры на бедноту, которая является предпосылкой дальнейшего укрепления рабоче-крестьянского союза на основе крепнущего пролетарского руководства.

С буржуазными специалистами, с буржуазными учеными у нас шел по этому вопросу в последние годы спор, значение которого выходит далеко за рамки спора чисто - статистического о тех или иных наметках процента роста сельского хозяйства в советской стране в ближайшие пять лет. Основная позиция буржуазных специалистов по этому вопросу сводится к утверждению об экономической невозможности в наших условиях поднять урожайность, несмотря на наличие соответствующих технических возможностей. С их точки зрения, какой бы то ни было серьезный сдвиг в деле под'ема крестьянского хозяйства в нашей стране (и, конечно, урожайности) невозможен без пересмотра общей экономической политики, политики цен, способов организации рынков сбыта и снабжения и т. д. и т. п.

Таким образом, позиция буржуазных специалистов в этом вопросе представляет из себя ленинскую позицию предреволюционных годов наизнанку. Ленин неоднократно до Октябрьской революции указывал на то, что какие бы то ни было земско-либеральные планы агрикультурного под'ема крестьянского хозяйства, несмотря на их внешнюю простоту, доступность и осуществимость, не осуществимы в царской России в силу самого характера царского строя. Ленин в полемике с либерально-народническим и земским планом агрикультурного под'ема крестьянского хозяйства в условиях царской России десятки раз указывал на то, что действительную возможность агрикультурного под'ема откроет только полное уничтожение царского строя, полная ликвидация помещичьего землевладения и отмена частной собственности на землю.

Таким образом, Ленин еще до революции указывал на то, что после уничтожения царского строя революция откроет широким массам деревенской бедноты и середняков те возможности агрикультурного под'ема, которые были немыслимы в царской стране.

Само собою разумеется, что наша партия отбрасывает подобного рода утверждения буржуазных идеологов, как простое повторение той болтовни, которая имеет место насчет развития сельского хозяйства в разного рода эмигрантских изданиях. Совершенно бесспорна об'ективная возможность огромного ускорения под'ема сельского хозяйства в нашей стране по сравнению с теми темпами его развития, которые имели место в царской России. Больше того, научно доказана несомненная возможность ускорить этот темп под'ема крестьянского хозяйства, притом не методами уступок кулаку, а методами действительно пролетарскими и советскими, и по сравнению с тем темпом развития сель-

ского хозяйства, который имел место в ряде передовых капиталистических стран. Опираясь на производственное кооперирование, усваивая в относительно короткий срок технические завоевания передовых капиталистических стран, развивая наше сельско-хозяйственное машиностроение темпом, во много раз превышающим довоенный, организуя помощь бедноте и середняку - крестьянину со стороны всего пролетариата, мы можем и должны решить задачу под'ема хозяйства всей основной массы бедноты и середняков в темпе, превышающем не только довоенный темп развития сельского хозяйства, но и темп его развития в таких странах, как Германия.

Решения каких задач требует от нас предстоящая посевная кампания? Мы должны добиться общего расширения посевной площади в настоящем году на 7%. Поскольку осенью, в связи с неурожаем озимых, в некоторых районах (например, юг Украины, Северный Кавказ) произошло известное сокращение площади под озимыми, весеннюю площадь яровых надо расширить, примерно, процентов на 9—10. Одновременно надо добиваться под'ема урожайности самое малое на 3%, как начало осуществления того народно-хозяйственного плана в области под'ема урожайности, который был записан в декрете Сессии «о мерах к поднятию урожайности». Насколько велики эти задачи, демонстрирует простое сопоставление намеченного роста посевной площади с соответствующими показателями роста, которые мы имели в последние годы. Нам нужно добиться в настоящем году, несмотря на бешеное сопротивление кулаков, значительного ускорения под'ема массы крестьянских хозяйств по сравнению с тем темпом под'ема, который имел место в последние 2—3 года.

Мы опираемся при этом на значительно возросшую материальную помощь города деревне. Общая сумма, на которую мы направляем в этом году в сельское хозяйство сельско-хозяйственных машин, повышает 200 миллионов рублей, что достигает суммы, на которую, согласно прошлогодней наметке пятилетки, нами предполагалось произвести сельхозмашин только в последний год пятилетки. Мы значительно увеличиваем против прошлого года размер направляемых в сельское хозяйство минеральных удобрений. Помимо 317 млн. рублей, направляемых в сельское хозяйство по бюджету, помимо, примерно, 500 млн. рублей, направляемых на производственное кредитование крестьянского хозяйства по линии системы сельско-хозяйственного кредита, примерно, 300 млн. рублей будет направлено по линии контрактации. Действительный размер направляемых советской властью в нынешнем 1928 — 29 г. ресурсов в крестьянское хозяйство демонстрирует тот факт, что денежные ассигнования по линии сельского хозяйства в настоящем году уже более чем в три раза превышают те ассигнования на крестьянское хозяйство, которые имели место в царской России в 1913 г.

Мы опираемся не только на возросшие материальные ресурсы, которыми советский город помогает советской деревне, мы опираемся и должны опираться во все возрастающем размере на растущую сознательность, активность, самодеятельность самих крестьян—бедняков и середняков. Та самодеятельность, которой были закрыты в царское время все двери,—должна быть и является нашей важнейшей ставкой в ведущейся нами борьбе за под'ем сельского хозяйства.

Мы опираемся также на растущее непрерывно за последние годы значение коллективов и совхозов. Крупные хозяйства из очагов, форпостов помещичьего угнетения крестьян становятся в нашей стране форпостами агрикультурного воздействия на отсталое крестьянское хозяйство. Как бы ни был пока мал успех совхозов и колхозов с точки зрения доли их продукции во всей сельско-хозяйственной продукции страны, но растущее значение и тех и других для под'ема всего крестьянского хозяйства совершенно несомненно. Оно демонстрируется и фактами уже теперь достигнутых в совхозах и колхозах урожаев, местами довольно значительно превышающих средние крестьянские, и фактом растущей из года в год помощи совхозов и колхозов окружающему крестьянству, и фактами достигнутых совхозами и колхозами уже теперь успехов в деле создания государственного сортового фонда (и во всем деле замены непородных крестьянских семян сортовыми селекционными). Таким образом в деле борьбы за ускорение под'ема крестьянского хозяйства в условиях усиливающегося сопротивления кулака мы опираемся на: 1) значительно возросшую материальную и денежную помощь советского города советской деревне, 2) инициативу, самодеятельность и организацию самих бедняцких и середняцких масс, 3) растущее из года в год и, особенно возросшее в последнем году, значение коллективов и совхозов.

На ряду с этим партией и правительством был предпринят ряд мер, имеющих своей задачей усилить стимулы у бедняцкого и середняцкого крестьянства к под'ему своего хозяйства. Задача эта признана ноябрьским пленумом ЦК «одной из центральных». Осенью были повышены цены на хлеб. Это повышение цен на хлеб должно толкнуть широкие массы бедняцкого и середняцкого крестьянства к расширению посевов, тем более, что в важнейших зерновых районах (Сибирь, Поволжье, Казакстан) это повышение цен на хлеб имело место, несмотря на исключительно хороший урожай. (Большое значение имеет тот факт, что в очень значительной мере задача расширения посевов в части зерновых культур падает именно на эти районы).

С этой же точки зрения, т.-е. с точки зрения усиления хозяйственной заинтересованности бедняков и середняков в под'еме их хозяйства, рассматривается и вопрос о сельско-хозяйственном налоге. Нынешний сельско-хозяйственный налог полностью себя оправдал с точки зрения классовых интересов нашего государства. И эта сторона налога должна быть полностью сохранена и в будущем сельско-хозяйственном году, иначе говоря, должна быть сохранена прогрессия, должно быть сохранено индивидуальное обложение, должны

быть сохранены те начала действительно прогрессивного подоходного обложения, которые нашли свое применение в этом сельско-хозяйственном налоге. Но в то же время совершенно бесспорным является тот факт, что в некоторых отношениях этот налог задел известные слои середняков. С точки зрения возможного облегчения налогового обложения для середняков вопрос о сельско-хозяйственном налоге будет обсуждаться на всесоюзной партийной конференции. Возможно, что еще до этого правительству удастся опубликовать те основные поправки, которые предполагается внести в сельско-хозяйственный налог как в целях облегчения середняцкому хозяйству расширения посевных площадей, так и в целях предоставления льгот тому бедняцкому и середняцкому хозяйству, которое вводит те или иные культурные улучшения.

Как в самом сельско-хозяйственном налоге, так и в любой другой области, в которой крестьянин встречается с государственной властью, должно быть обеспечено максимальное проведение и осуществление революционной законности. Как указал последний Пленум, революционная законность для крестьянина имеет то значение, что она позволяет бедняку и середняку рассчитывать свою хозяйственную работу не только на предстоящий год, но и на ряд лет, а это особенно важно поскольку мероприятия по под'ему урожайности очень часто не дают результатов сразу,—требуется ряд лет для того, чтобы полностью выявились результаты тех вложений трудом и деньгами, которые крестьянин произвел в целях агрикультурного под'ема своего хозяйства.

Если рассматривать таким образом вопрос о возможности действительно ускоренного под'ема сельского хозяйства уже в настоящем году с точки зрения классовых отношений, то мы имеем положение такое: возросшему напору кулака, для которого наша политика означает реальное ограничение его роста, реальное ограничение и притом ограничение довольно решительное его эксплоататорских стремлений, противостоит политика советской власти, политика пролетариата, строящего и укрепляющего всеми доступными ему мерами социалистические позиции в деревне (совхозы, колхозы, кооперация), и в то же время сравнительно огромными материальными ресурсами помогающего рядовому бедняцкому и середняцкому крестьянскому хозяйству как с помощью бюджетных ассигнований, с.-х. кредита, с помощью все растущего производства сельско-хозяйственных машин и удобрений, средств борьбы с вредителями, так и с помощью политики стимулирования хозяйственного интереса бедняка и середняка в под'еме его хозяйства.

Мы думаем, что предстоящая на такой основе этой весной и осенью борьба с кулаком будет борьбой, в которой преимущества советской власти и коммунистической партии будут достаточно велики, для того, чтобы суметь решить стоящие перед нами задачи расширения посевных площадей, развития колхозов и совхозов и под'ема урожайности.

Конечно, для любого практического работника существенны не только эти основные принципиальные вехи нашей сельскохозяйственной политики, сочетающие великие задачи социалистического переустройства всего сельского хозяйства с задачами повседневной помощи рядовому бедняцкому и середняцкому хозяйству, но и те практические меры, которыми реализовывается партийный и правительственный план.

Суть практической программы работ в области под'ема крестьянского хозяйства может быть продемонстрирована на примере декрета о под'еме урожайности, принятого сессией. Этот декрет дает пример правильного сочетания работы над социалистическим переустройством всего сельского хозяйства с работой над агрикультурным под'емом тех индивидуальных бедняцких и середняцких хозяйств, которые в течение ближайших лет еще останутся индивидуальными хозяйствами.

В части работы над укреплением социалистической позиции пролетариата, без чего немыслимо в более или менее длительной перспективе действительное укрепление пролетарской власти, действительный рост социализма в нашей стране, декрет намечает огромное развертывание сельскохозяйственного машиностроения, производства минеральных удобрений, производства средств борьбы с вредителями, достижение колхозами и совхозами к концу пятилетия под'ема урожайности не менее, чем на 60% по сравнению с нынешней средней урожайностью. Тот факт, что уже в процессе проработки декрета в соответствии с его наметкой ВСНХ пересмотрел план развития сельско-хозяйственного машиностроения, наметив к концу пятилетия производство сельскохозяйственных машин на сумму не в 300 млн. рублей, как это предполагалось по предыдущему плану, а на сумму в 600 с лишним млн. рублей,—показывает, в каком направлении здесь должна итти наша работа.

В области борьбы с вредителями декрет ставит перед промышленностью задачу в течение 2—3 лет поставить производство средств борьбы с вредителями в масштабе, достаточном для удовлетворения всей потребности сельского хозяйства в таких средствах.

Вместе с тем во главу угла агрикультурной работы для индивидуального бедняка и середняка крестьянина декрет ставит систему действительно доступных рядовому хозяйству мероприятий. Такие мероприятия, как очистка и сортировка семян, как замена непородных семян сортовыми, как развитие борьбы с вредителями, как лучшее использование инвентаря, как замена сохи плугом, как расширение рядового

посева, как использование контрактации для усиления агрикультурной работы, как сосредоточение работы агроперсонала на агрикультурной работе для миллионов, а не для одиночек,—охватывает меры, действительно доступные миллионам.

Мы здесь вынуждены с особой ясностью подчеркнуть эту сторону в предстоящей нам хозяйственной работе в деревне, поскольку в практике наших земельных органов можно найти не мало пережитков дореволюционного земского типа агрикультурной работы.

В чем была сущность земского типа агрикультурной работы? Либеральные земцы исходили из желания помочь возможно большей массе крестьянских хозяйств. Но, хотя лучшие земские агрономы и мечтали о работе среди широких масс, фактически они вынуждены были свести свою работу к работе среди одиночек. Практически они не могли вырваться из работы с одиночками, практически они не могли вырваться из обслуживания агрикультурными мероприятиями сравнительно узкой кулацкой верхушки. Только после уничтожения царской России, только после уничтожения буржуазного правительства Керенского, только после организации советской власти стали действительно доступны массам те мероприятия, которые раньше были доступны тем кулакам-одиночкам, которых были вынуждены обслуживать, несмотря на все свои хорошие пожелания, даже лучшие земские агрономы.

Иное дело теперь. Мы теперь можем опираться в своей работе действительно на миллионы. Нам совершенно не нужно, более того, нашей стране может принести только вред тот тип агрикультурной работы, который имел место в дореволюционные годы, когда вся эта агрикультурная работа концентрировалась вокруг небольшой зажиточной крестьянской прослойки. Нам, конечно, нет никакой необходимости, хотя бы в малейшей мере, повторять эти отжившие, в архив сданные приемы.

Между тем тот опыт, который мы имели в засушливой области и в черноземной области, где значительная часть фондов, если не большая их часть, была брошена на обслуживание 1, 2, 3% хозяйств, говорит о наличии вредных пережитков земщины, вредных пережитков дореволюционного типа агрикультурной работы.

Декрет сессии об урожайности имеет своей основной целью добиться быстрого перевода всей земельной работы на рельсы обслуживания миллионов бедняцких и середняцких хозяйств. Соответственно этому декрет и выдвигает мероприятия, действительно доступные рядовому крестьянскому хозяйству.

Замена сохи плугом действительно доступна бедняку и середняку, при условии его льготного кредитования и при условии, если наша промышленность разрешит во-время поставленную ей правительством задачу производства всего количества плугов, необходимых для полной замены в течение ближайших 3-х лет всех сох—плугами.

Очистка и сортировка семян доступна бедняку и середняку, в особенности при условиях, если мы заставим наших чиновников не ждать пока безлошадный крестьянин со своим зерном приедет в волость на зерноочистительный пункт, а поставить, наконец, триера зимой на сани, с тем, чтобы от двора к двору, от дома к дому, они проезжали и очищали бедняцкие и середняцкие семена.

Борьба с вредителями, дающая на копейку затраты—15 коп. дохода, доступна рядовому крестьянскому хозяйству, в особенности при условии, если все необходимые средства борьбы с вредителями будут действительно произведены нашей промышленностью в том масштабе, в котором его требует декрет.

Замена непородных семян чистосортными доступна и мелкому, и мельчайшему крестьянскому хозяйству при условии, если мы перестанем, как этого требует декрет, проедать чистосортные семена и организуем в ближайшие 5 лет повсеместную замену крестьянских непородных семян—сортовыми.

Распространение рядового посева, что не только увеличит урожай, но и уменьшит расходы на посев,—доступно рядовому крестьянству, в особенности, при условии, если мы дадим бедняцкой части крестьянства возможность получить эти сеялки на прокатном пункте, если не будем увековечивать ныне существующие нередко порядки, когда сеялка, находящаяся на прокатном пункте, работает 3—4 дня, вместо всех 15—20 дней, которые она может работать.

То же относится ко всей основной массе мероприятий, выдвигаемых декретом: уничтожение или по крайней мере очистка межей, более производительное использование навоза, запрещение пастьбы по зеленям, использование в качестве удобрений извести или фосфоритной муки в районе их залегания, использование в качестве удобрения такого растения, как люпин,—это все мероприятия, безусловно, доступные миллионам, и именно на них концентрирует свое внимание декрет в той части, в которой он устанавливает мероприятия, необходимые для осуществления под'ема урожайности к концу пятилетки, не менее чем на 30—35%.

Конечно, осуществление этих мероприятий пред'явит огромные требования ко всей практике земельной работы. На основании проверки деятельности соответствующих органов, РКИ показала, например, что с гектара сортовых семян в последние годы на производственные цели шло только 160 кг, остальные проедались или распылялись. РКИ показала, что 34 тыс. триеров, имеющихся у нас в стране, дали в последний год производительность, равную производительности полностью использованных 3 тыс. триеров. Обследование РКИ показало, что мы не используем даже наполовину имеющихся у нас сложных машин, что дело борьбы с вредителями у нас в загоне, что у нас налицо неустройства в переселенческом деле, что мы не используем имеющихся агрономов и т. д.

Само собою разумеется, что уже в настоящую весеннюю посевную кампанию надо в этих отношениях добиться решительного перелома. Те ресурсы, которыми обладает советское государство, которые советское государство направляет в деревню, должны быть использованы максимально. Практика земельной работы должна быть подчинена задаче полностью использовать все наличные ресурсы воздействия на крестьянское хозяйство, которыми обладает советская власть. Само собою разумеется, что без действительного улучшения качества всей хозяйственной работы в деревне и для деревни, без действительного исправления имеющихся недостатков и допущенных ошибок, без действительной концентрации всех ресурсов на разрешении задачи дать миллионам бедняцких и середняцких хозяйств возможность действительного агрикультурного под'ема,— без всего этого мы не сможем достигнуть уже настоящей весной необходимого перелома.

Сообщения с мест о начале нынешней весенней посевной кампании дают довольно противоречивую картину. С одной стороны, имеется ряд сообщений, которые показывают, что сдвиг уже налицо. В некоторых местах работа ведется довольно энергично. На Кубани, например, триеры работают круглые сутки. Наркомзем Украины распределил среди крестьянства 1.685 новых триеров и т. д.

Но, к сожалению, чрезвычайно тревожным фактом является тот факт, что до сих пор закон об урожайности еще не доведен до крестьянских масс. Отклики крестьян в крестьянской печати на декрет пока единичны. Кроме того, в ряде случаев работа комитетов по урожайности очень часто еще идет по линии общих разговоров об урожайности, в то время, как их задачей является деловая разработка каждого из пунктов имеющегося декрета.

Плохо сдвигается с места развитие производства средств с вредителями. Если в ближайшие дни не будет проведено необходимое расширение производства, то в весенней посевной кампании нам придется ограничиться теми ресурсами в этой области, которые были предусмотрены прежним производственным планом.

Хотя весь декрет был сформулирован в виде поручений союзным республикам, но по большинству союзных республик еще не последовало законодательных актов, соответствующим образом развивающих декрет. По имеющимся сведениям, использование фонда Центрального Черноземного района и засушливого фонда попрежнему концентрируется на небольшой сравнительно группе хозяйств.

Так же мало сдвинуто с места дело усиления местных земельных органов, как по линии коммунистов, так и по линии тех выросших внизу на непосредственной работе специалистов, которыми, конечно, можно заменить значительную часть тех старых «специалистов», которые искренне считают невозможным в советских условиях поднять урожай.

Для того, чтобы по настоящему в необходимом масштабе двинуть вперед дело развертывания весенней посевной кампании, дело

увязки большой коренной задачи социалистического переустройства сельского хозяйства с задачами повседневной помощи рядовым мелким и мельчайшим хозяйствам, всем партийным и советским органам необходимо добиться в кратчайший срок действительного выполнения декрета о мероприятиях по под'ему урожайности. Тут нельзя надеяться на одни земельные органы, или на одни органы сельскохозяйственной кооперации. Этого дела не поднять каким бы то ни было аппаратом, как бы он искренне ни старался действительно выполнить закон. Это дело поднять может только партийная и советская организация в целом. Если соответствующим образом в своей работе для деревни она поставит в центре борьбу за строжайшее проведение классовой линии, борьбу за рост колхозов и совхозов и работу над под'емом индивидуальных бедняцких и середняцких хозяйств, только в этом случае будет соответствовать потребностям и деятельность аппаратов, предназначенных для работы в деревне. Только в этом случае партии удастся добиться осуществления и того важнейшего условия действительного выполнения всего нашего плана, каким является развитие самодеятельности самих бедняцких и середняцких масс деревни.

За спиной бедняка и середняка, без его активности, без творческого хозяйственного под'ема бедняцких и середняцких масс, не разрешить этой задачи. Деятельность советских и партийных органов должна организовать эту хозяйственную самодеятельность бедняцких и середняцких масс крестьянства. Больше того, эта деятельность должна быть направлена к тому, чтобы коммунистические ячейки и низовые советы стали во главе такого хозяйственного под'ема.

Только сочетая в своей повседневной практической работе борьбу с кулаком с борьбой за лучший урожай и борьбой за расширение посевной площади бедняков и середняков, только превращаясь, таким образом, из органов администрирующих или собирающих налог в органы, подлинно хозяйствующие, действительно руководящие хозяйством,—ячейки и советы расширят свою борьбу против кулака до размеров огромного похода всей бедняцкой и середняцкой массы за урожай, за расширение посевной площади.

Только таким путем мы расширим борьбу против кулака из рамок борьбы на фронте хлебном, на фронте перевыборов, до размеров величайшей экономической борьбы, борьбы за то, кому быть носителем экономического, хозяйственного прогресса в нашей деревне: кулаку или кооперирующемуся бедняцкому и середняцкому хозяйству.

Все возможности для того, чтобы победить кулака не только по линии налогов, не только по линии избирательной кампании, но и по линии поднятия урожая у нас налицо. Надо все эти возможности использовать полностью на все 100 процентов. Надо уже в настоящей посевной кампании поставить на службу т а к о й борьбе с кулаком все силы партии и советов, работающие в деревне.

Ем. Ярославский.

Вчерашний и завтрашний день троцкистов.

Их путь.

Борьба, которую вели троцкисты на протяжении последних лет, закончилась тем, что несколько тысяч членов троцкистского фракционного блока очутились за пределами партии, внутри которой они пытались провести свои антиленинские взгляды. До тех пор, однако, пока они проводили эти взгляды в рамках партийности, можно было с ними спорить, можно было им доказывать их несостоятельность с точки зрения выдержанной классовой пролетарской ленинской позиции, можно было убеждать их, *даже итти на соглашение с ними по отдельным практическим вопросам.* Но за все эти годы постепенно в их поведении и взглядах накоплялось столько небольшевистского, антиленинского, что отдельные разногласия превратились в целую систему разногласий, когда мы получили вполне оформленный мелкобуржуазный уклон, когда этот мелкобуржуазный уклон принял яркое выражение меньшевистского социал-демократического уклона. Но и тогда, когда это был *только уклон,* можно было центр тяжести переводить на идеологическую борьбу с этим уклоном, не принимая тех решительных организационных мер, которые сделали бы невозможным распространение в рядах нашей партии меньшевистских социал-демократических взглядов троцкизма.

Если сегодня партия, борясь с правым уклоном, делает ударение на том, что борьба с правым уклоном должна, главным образом, вестись мерами идеологического порядка, то это потому, что перед нами нет оформившейся фракции, нет организационного оформления этого уклона. Вся предыдущая история троцкизма, его борьба с партией должны служить достаточно грозным предостережением всякой группе, всякому, кто начинает колебаться в проведении линии партии. В рамках внутрипартийной демократии, в рамках нашей партийной организации она может защищать свои взгляды. Партия не будет щадить особенно чувства таких товарищей, которые стали на неправильный путь. Нечего обижаться на то, что в таких случаях «прорабатывают» товарищей, которые защищают точку зрения, не разделяемую партией. Это совершенно неизбежно в условиях, с одной стороны, возросшего политического уровня партийной массы, возросшей политической активности этой массы, а с другой,—в обстановке необычайно острого внутреннего и международного положения, когда партия обязана добиваться и единства взглядов, обеспечивающего единство действий коммунистической партии. Мы действуем и в этом случае по указанию Ленина: «*чтобы единство было прочным, нужно, чтобы был осужден уклон. Раз он наметился, нужно его выявить и обсудить*». (Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 157).

Но, когда троцкизм оформился организационно, когда он стал фракцией внутри партии, с подпольной техникой, подпольной организацией, когда эта фракция попыталась и внутри Коминтерна раскалывать братские компартии, когда перед партией и Коминтерном выросла вполне реальная угроза образования другой партии,—тогда, конечно, *одни меры идеологического воздействия оказались совершенно недостаточными.* И мы видим, как нарастают *мероприятия организационного порядка,* обостряясь по мере того, как обостряется антипартийная борьба троцкистской фракции против ВКП(б) и Коминтерна. Дело доходит до вербовки в подпольную организацию беспартийных и даже антипартийных помощников подпольной работы, дело доходит до поддержки групп, исключенных из партий Коминтерна, до создания своих печатных органов, до подпольных типографий, до захвата помещений под собрания, до прямых и резких нарушений партийной дисциплины. И, наконец, 7 *ноября* 1927 г. *дело доходит до открытого выступления в 10-ю годовщину Октября на улицу с лозунгами, отличными от лозунгов Центрального Комитета, с попытками продемонстрировать перед несколькими тысячами иностранцев и перед всем миром свою враждебность партии.* Тогда ясно стало, что партия должна принять по отношению к троцкистам меры иного порядка. Нечего уже было говорить о возможности какого-либо соглашения с троцкистами потому, что к этому времени троцкизм оформился, как социал-демократическое течение внутри ВКП(б), со своей особой платформой, особой подпольной организацией, особой техникой, своими подпольными органами и зачатками такого же рода организаций в некоторых компартиях других стран. За этот период времени троцкистам удалось сколотить вокруг себя и другие, несогласные с партией антипартийные и оппозиционные группы, с которыми они шли вместе вплоть до уличных выступлений. Партия должна была удалить из Центрального Комитета троцкистов и их сторонников, ставших на путь открытого раскола, открытого восстания против партии и против советской общественности.

Перед XV с'ездом партии стала задача более точно определить *отношение ленинской партии к троцкистской партии,* которая под видом фракции пыталась организоваться внутри ВКП(б), вербуя в то же самое время элементы для этой подпольной троцкистской партии и из среды исключенных из партии и из среды явно враждебных партии беспартийных элементов. XV с'езд исключил из своих рядов троцкистскую организацию. XV с'езд потребовал от всех, кто принадлежал к этой организации, кто разделял взгляды троцкистов, чтобы они определили свое отношение к решениям с'езда, и поставил перед ними выбор: *либо подчиниться всем решениям с'езда, на деле прекратить всякую организационную связь с фракционной антипартийной организацией Троцкого, снять свои подписи с программы-платформы Троцкого, либо очутиться вне рядов ВКП (б).* Вот что привело за пределы ВКП(б) несколько тысяч недавних членов нашей партии, поставило перед ними вопрос во всей остроте о дальнейшем отношении к партии.

Мы знаем, что когда мы говорим об антипартийной сущности троцкизма, называем троцкизм меньшевистским, социал-демократическим мелкобуржуазным течением, то это вызывает искреннее возмущение кое-кого. Многие троцкисты, в особенности молодежь, до сих пор еще придают гораздо большее значение фразе, чем существу деятельности троцкистов, чем об'ективному значению этой деятельности. Однако, мы не должны ни на одну минуту забывать тех предостережений, которые нам делал В. И. Ленин еще

на X с'езде по поводу различного рода оппозиционных и фракционных групп. Ленин на примере кронштадтского восстания указывал на опасность того, что не только какая-нибудь внутрипартийная фракция, вроде «рабочей оппозиции», или иной какой, может выступить под самыми «левыми» лозунгами, но что даже белогвардейцы могут принять самые «левые», «левее» партийных, лозунги. В резолюции об единстве партии Ленин писал об этом опыте кронштадтского мятежа: «Использование врагами пролетариата всякого уклонения от строго выдержанной коммунистической линии с наибольшей наглядностью показало себя на примере кронштадтского мятежа, когда буржуазная контрреволюция и белогвардейцы во всех странах мира выявили свою готовность принять даже лозунги советского строя, лишь бы свергнуть диктатуру пролетариата в России, когда эсеры и вообще буржуазная контрреволюция использовали в Кронштадте лозунги восстания якобы во имя советской власти против советского правительства в России. Такие факты доказывают вполне, что белогвардейцы стремятся и умеют перекраситься в коммунистов и даже «левее» их, лишь бы ослабить и свергнуть оплот пролетарской революции в России. Меньшевистские листовки в Петрограде накануне кронштадтского мятежа показывают, равным образом, что меньшевики использовали разногласия внутри ВКП(б), чтобы фактически подталкивать и поддерживать кронштадтских мятежников, эсеров и белогвардейцев, выставляя себя на словах противниками мятежей и сторонниками советской власти лишь с небольшими, будто бы, поправками». (Резолюция X с'езда).

Именно поэтому нас не должно ни в какой степени обманывать то обстоятельство, что троцкисты усваивают и распространяют такие лозунги, которые кажутся даже иногда «левее» коммунистической линии партии, как нас не должно обманывать то обстоятельство, что троцкисты действуют антипартийно и антисоветски, выставляя себя на словах противниками мятежей и сторонниками советской власти лишь с небольшими, будто бы, «поправками» к партийной линии.

Как далеко дело зашло *сегодня*, свидетельствует хотя бы такой маленький, на первый взгляд, штрих, как-то, что троцкисты в переписке между собой употребляют для условного обозначения нашей партии, ВКП(б), слово «враг». *ВКП(б) — враг*. Вот, по сути дела, к чему пришли троцкисты после нескольких лет борьбы внутри партии и вне ее против ВКП(б). Этим определяются теперешние взаимоотношения и ВКП(б) с троцкистами. *Троцкизм—это уже не уклон, троцкизм—не оппозиция, троцкизм—не легальная фракционная группа. Троцкизм—подпольная антисоветская организация, не останавливающаяся ни перед чем в борьбе против ВКП(б), которую она считает своим врагом*. Совершенно ясно, что и меры воздействия на такую организацию совершенно иные, чем могли бы быть тогда, когда троцкизм еще не докатился до тех форм и размеров борьбы против нашей партии, которыми троцкисты поставили себя сами за пределы партии, за пределы Коминтерна, в стан врагов.

Если органы советской власти не принимали мер административных по отношению к *такой* подпольной политической группе, которая пытается убедить рабочих и крестьян, что нынешний строй СССР—это «керенщина наизнанку», что надо пред'являть правительству СССР путем стачек требования повышения заработной платы, что надо вводить тайное голосование, что армия у нас—бонапартистская, что надо подготовлять кадры к возможности гражданской войны и т. д., и т. п.,—они перестали бы быть органами пролетарской диктатуры.

Троцкисты до блока 1926—27 гг.

Из бесчисленных документов партии и самой оппозиции мы теперь можем с точностью установить на основании собственных заявлений троцкистов, что троцкистская фракция существовала вполне оформленно с 1923 года, а в неоформленном виде она фактически не переставала существовать со времени вхождения Троцкого в большевистскую партию в 1917 году. Даже входя в партию, Троцкий считал необходимым сохранить свои кадры вокруг себя, имея в виду, что ему придется бороться и против Ленина и против всей партии. Мы не хотим умалять роли Троцкого ни в революции 1917 года, ни в последующие годы. Партия по достоинству ценила Троцкого тогда, когда он делал партийное дело, когда он честно выполнял партийные поручения. Но партия именно поэтому и, особенно, *считаясь со всем прошлым Троцкого*, с его меньшевизмом, с его склонностью к организации беспринципных блоков (августовский блок), с его беспринципным центризмом (период ликвидаторства и империалистической войны), *обязана была давать самый решительный отпор всяким попыткам Троцкого командовать в партии, попыткам опереться на свои, троцкистские «кадры»*.

Во время дискуссии 1923—24 г. XIII Всесоюзная конференция партии в резолюции об итогах дискуссии и о мелкобуржуазном уклоне в партии считала возможным говорить о *соглашении с Троцким*. В этой резолюции мы прямо читаем: «*Несмотря на фракционные выступления тов. Троцкого, большинство Политбюро сочло необходимым добиваться соглашения с ним*. В результате длительных усилий большинства Политбюро была принята единогласно и 5 декабря 1925 г. опубликована резолюция Политбюро и Президиума ЦКК о внутрипартийном строительстве». Следовательно, у партии была добрая воля договориться с Троцким; она делала все попытки к тому, чтобы *удержать Троцкого в партии*, чтобы *помочь ему исправить свою линию*. При выработке резолюции 1923 года наиболее спорным вопросом был вопрос о фракциях. «*При выработке резолюций Политбюро и Президиума ЦКК тов. Троцкий сначала не возражал против запрещения фракций, но в то же время настаивал на том, чтобы не была запрещена свобода группировок*. Тем не менее, удалось выработать единогласное постановление, которое в вопросе о фракциях ссылается на постановления X с'езда РКП(б)».

Мы здесь не останавливаемся подробно на этой дискуссии 1923 года, вызванной выступлениями Троцкого и запиской «46-ти». Режим, сложившийся еще при жизни Ленина, эти люди называли «режимом фракционной диктатуры», пророчили «гибель» партии и стране, утверждали, что успехи в области хозяйства, промышленности, финансов, транспорта достигнуты «стихийно», «не благодаря руководству, а несмотря на неудовлетворительное руководство, или, вернее, на отсутствие всякого руководства», а в конце концов требовали, чтобы ЦК созвал совещание членов ЦК с наиболее видными и активными работниками с тем, чтобы список приглашенных включал в себя ряд товарищей, имеющих взгляды на положение, отличные от взглядов большинства ЦК. По сути дела, речь шла о том, чтобы партия стала на путь соглашения отдельных групп и течений в партии, т.-е. чтобы партия стала на совершенно небольшевистский путь. Вот почему XIII Всесоюзная конференция должна была отметить, что:

> «Оппозиция» явно нарушила постановление X с'езда РКП(б), запрещающее образование фракции внутри партии. Большевистский взгляд на партию, как на монолитное целое, «оппозиция» заменяет взглядом на партию, как на сумму все-

возможных течений и фракций. Эти течения, фракции и группировки согласно «новым» взглядам «оппозиции» должны быть равноправны в партии, а ЦК партии должен являться не столько руководителем партии, сколько простым регистратором и посредником между течениями и группировками. Такой взгляд на партию не имеет ничего общего с ленинизмом».

Само собой разумеется, что тогда, как и позже, фракционные выступления оппозиции оживили белоэмигрантские и меньшевистские надежды на расшатывание диктатуры пролетариата и расширение политических прав новой буржуазии и это вынуждена была отметить резолюция XIII партийной конференции. Уже тогда ясно стало, что те нарушения партийной дисциплины, которые мы имели со стороны Троцкого, могут потребовать от нас применения более решительных организационных мер, и конференция постановила опубликовать неопубликованный до того пункт 7-й резолюции об единстве, принятый по предложению Ленина X с'ездом РКП(б), дающий право совместному заседанию ЦК и ЦКК двумя третями голосов перевести из членов в кандидаты или даже исключить из партии любого члена ЦК в случае нарушения партдисциплины или «допущения фракционности».

XIII с'езд партии, который целиком и полностью одобрил упомянутую резолюцию XIII партконференции, вместе с тем подчеркнул, что «малейшая фракционность должна преследоваться самым суровым образом». V конгресс Коминтерна, утвердивший решения ВКП(б) об оппозиции, осудил так же «платформу оппозиции, как платформу с мелкобуржуазным уклоном, и ее действия, как действия, угрожающие единству партии, а следовательно и диктатуре пролетариата в СССР».

Мы здесь также не останавливаемся подробно на дискуссии об «Уроках Октября», которой пленум ЦК и ЦКК 17 января 1925 г. подвел итоги. Напомню, что в течение нескольких лет пребывания Троцкого в нашей партии, партии пришлось вести с Троцким 4 всероссийских дискуссии, не говоря о менее крупных спорах по крайне важным вопросам. Первая дискуссия— о Брестском мире, когда понадобилась угроза Ленина выйти из правительства; вторая дискуссия—о профсоюзах, когда Троцкий своим антисоветским образом действия (как выражался тогда Ленин) заставил «лихорадить» партию; третья дискуссия—о «партаппарате», о «плане», о мнимо-крестьянском уклоне ЦК, о «борьбе поколений», и т. д. Тогда же ясно стало, что разговоры троцкистов о гибели страны в заявлении «46-ти» были не чем иным, как отражением «мелкобуржуазного испуга», неверия в силы нашей экономики и полного непонимания нашей экономики. Наконец, в четвертой дискуссии Троцкий открыл уже прямой поход против основ большевистского мировоззрения. «Разногласия касаются не только вопросов прошлого: само прошлое «ревизуется» для того, чтобы «подготовить» платформу нынешних актуальных политических разногласий». (Резолюция пленума ЦК и ЦКК от 17 января 1925 г.). Троцкий заявил тогда, 15 января 1925 г., о готовности выполнить под контролем партии ту работу, которая была ему поручена, однако, ни словом не признал своих ошибок, ограничившись лишь формальной лояльностью. Поэтому пленум ЦК и ЦКК постановил: «Сделать тов. Троцкому самое категорическое предупреждение в том смысле, что принадлежность к большевистской партии требует действительного, а не словесного только подчинения партийной дисциплине и полного, безоговорочного отказа от какой бы то ни было борьбы против идей ленинизма». Вместе с тем пленум признал невозможной дальнейшую работу Троцкого в Реввоенсовете СССР, отстранил его от этой работы, а вопрос о дальнейшей работе Троцкого в ЦК отложил «до очередного партийного с'езда с предупреждением, что в случае новой попытки со стороны т. Троцкого нарушения или неисполнения партийных решений, ЦК будет вынужден, не дожидаясь с'езда, признать невозможным дальнейшее пребывание тов. Троцкого в составе Политбюро и поставить вопрос перед об'единенным заседанием ЦК и ЦКК об его устранении от работы в ЦК». Расширенный пленум ИККИ в 1925 году в резолюции о большевизации партий Коминтерна особенно подчеркнул:

«Особенно опасный уклон от ленинизма представляет троцкизм—разновидность меньшевизма, соединяющая «европейский» оппортунизм с «левой радикальной фразой», зачастую прикрывающей политическую пассивность. Т р о ц к и з м — э т о н е о б ы ч н ы й у к л о н в с т о р о н у м е н ь ш е в и з м а,— э т о м н о г о л е т н я я с и с т е м а б о р ь б ы п р о т и в л е н и н и з м а, т р о ц к и з м — э т о т а к ж е н е т о л ь к о р у с с к о е я в л е н и е, э т о я в л е н и е м е ж д у н а р о д н о г о п о р я д к а. О с у щ е с т в и т ь л е н и н и з м в К о м и н т е р н е — э т о о з н а ч а е т — р а з о б л а ч и т ь т р о ц к и з м в о в с е х п а р т и я х и л и к в и д и р о в а т ь е г о к а к т е ч е н и е».

Новая оппозиция и оппозиционный блок 1925—27 гг.

В выработке вышеприведенных резолюций очень видное участие приняли тт. Зиновьев и Каменев, которые, однако, мало чему научились на опыте борьбы с троцкизмом,—это они должны признать теперь со всей прямотой. Иначе они не решились бы на такие шаги, которые заставили их стать на совершенно беспринципный путь соглашения с троцкизмом, который сами они вчера характеризовали, как «уклон в сторону меньшевизма», как «многолетнюю систему борьбы против ленинизма». Начав в 1925 г. борьбу против партии с упреков по адресу большинства в полутроцкизме, эти товарищи и их сторонники всего через несколько месяцев приступили к выработке вместе с Троцким и троцкистами об'единенной линии борьбы против ЦК, против партии и докатились до взаимной амнистии за прошлое, до выработки единой платформы, авторство которой, во всяком случае, на девять десятых, если не больше, принадлежит Троцкому, если судить по тому хотя бы, что за границей в целом ряде издательств эта платформа опубликована, как произведение Троцкого. В с я к и е р а з г о в о р ы о т о м, ч т о, с о г л а ш а я с ь н а э т у п л а т ф о р м у, б о л ь ш е в и к и н е с т а н о в и л и с ь н а т о ч к у з р е н и я Т р о ц к о г о, я в л я ю т с я п у с т ы м и р а з г о в о р а м и, п о т о м у ч т о н е л ь з я ж е с т о я т ь о д н о в р е м е н н о и н а п л а т ф о р м е п р о г р а м м ы п а р т и и и н а п л а т ф о р м е п р о г р а м м ы т р о ц к и с т о в, н е п р е в р а щ а я в з в у к п у с т о й п о н я т и е п а р т и й н о с т и. XIV с'езд партии дал самый решительный отпор политическим и организационным шатаниям оппозиции, как извращениям ленинизма. Однако, и тогда, на XIV с'езде, в состав нового ЦК и ЦКК и даже в состав Политбюро введены были сторонники оппозиции. Так далеко шло желание партии, стремление большевиков сохранить в своих рядах людей, которые имели за собой революционное прошлое, так велико было желание исправить ошибки этих людей партийным путем! «Партия надеялась, что оппозиция в процессе деловой работы осознает и исправит свои ошибки» (резолюция об'единенного пленума ЦК и ЦКК, июль 1926 г.). Она обманулась: дело дошло до подпольных лесных собраний троцкистов, до распространения нелегальных документов, дело дошло до создания подпольной организации. Партия насторожилась. Она отметила, что «эти дезорганизаторские шаги оппозиции свидетельствуют уже о том, что оппозиция решила перейти от легального отстаивания своих взглядов к созданию всесоюзной нелегальной организации, противопоставляющей себя партии и подготовляющей таким образом раскол ее рядов». (июльский пленум ЦК и ЦКК 1926 г.). Мы с тревогой тогда отмечали, что и аппарат Коминтерна превращается в орудие борьбы против партийной линии, что намечается тенденция «к блоку в международном масштабе, как с ультра-левой типа Корша, так и с ультра-правой типа Суварина». Пленум исключил тогда из состава ЦК тов. Лашевича, снял его с поста зампред Реввоенсовета, запретив ему в течение двух лет вести ответственную партийную работу. И в отношении ряда других товарищей, принимавших

участие в создании подпольных собраний, пленум применил сравнительно легкие партийные репрессии, все еще главное внимание направляя на идеологическую борьбу с троцкистами.

Однако, уже осенью 1926 года, когда оппозиционный блок попытался явочным порядком открыть широкую дискуссию и когда партийная масса дала решительный отпор этой попытке, оппозиция вынуждена была сделать 17 октября заявления, в которых признает свои ошибки по части фракционной борьбы и нарушения решений ЦК против дискуссии, заявляя, что она распускает фракцию и обязуется безоговорочно подчиниться всем решениям партии и ее центральных органов, отмежевывается от ликвидаторской позиции Оссовского, Медведева и Шляпникова, отмежевывается от травли СССР и фракционной борьбы с Коминтерном. Центральный Комитет считал тогда, что «тот минимум, который необходим для обеспечения единства партии, можно считать достигнутым. Задача состоит в том, чтобы, продолжая идейную борьбу с принципиальными ошибками оппозиции, от которых она не отказывается, принять все меры к тому, чтобы достигнутый минимум для обеспечения единства партии был действительно проведен в жизнь». Вместе с тем пленум ЦК и ЦКК вынужден был в виду нарушения партийной дисциплины со стороны членов ЦК, Троцкого, Зиновьева, Каменева, Пятакова, Евдокимова, Сокольникова и Смилги, всем этим товарищам сделать предупреждение и поставить им на вид недопустимость их поведения; а в виду того, что тов. Зиновьев не выражал тогда линии ВКП(б) в Коммунистическом Интернационале, ЦК и ЦКК не нашли возможным поручать ему дальнейшую работу в Коминтерне. Троцкий тогда был освобожден от обязанностей члена Политбюро, а Каменев—от обязанностей кандидата в члены Политбюро ЦК. Значит, и здесь меры были только предупредительного характера.

XV всесоюзная конференция ВКП(б) должна была констатировать переход «новой оппозиции» к троцкизму в основном вопросе о характере и перспективах нашей революции и признать, что «эти взгляды Троцкого и его единомышленников являются прямым приближением ко взглядам социал-демократии в лице ее нынешнего лидера Отто Бауэра». Конференция квалифицировала «подобные взгляды тов. Троцкого и его единомышленников, как социал-демократический уклон в нашей партии в основном вопросе о характере и перспективах нашей революции». Конференция констатировала, что «оппозиционный блок превратился в сборный пункт всех и всяких осужденных партией и Коминтерном обанкротившихся течений внутри ВКП(б) и вне ее от «демократических центристов» и «рабочей оппозиции» в ВКП(б) до ультра-левых оппортунистов в Германии и ликвидаторов Суваринского толка во Франции». Конференция считала, что оппозиционный блок представляет в новой форме нечто вроде рецидива августовского блока 1912—14 гг. Однако, конференция и тогда не сделала еще каких-либо решительных организационных выводов по отношению к троцкистам. Она все еще надеялась на их исправление. Задачи партии в дальнейшем конференция определяла таким образом:

1) следить за тем, чтобы достигнутый минимум, необходимый для единства партии, был действительно проведен в жизнь, 2) вести решительную идейную борьбу с социал-демократическим уклоном в нашей партии, раз'ясняя массам ошибочность принципиальных взглядов оппозиционного блока и выставляя на свет оппортунистическое содержание этих взглядов, какими бы «революционными» фразами они ни прикрывались, 3) добиваться того, чтобы оппозиционный блок признал ошибочность своих взглядов, 4) всемерно охранять единство партии, пресекая все и всякие попытки возобновления фракционности и нарушения дисциплины».

Вы видите, что здесь перечисляются исключительно меры идейного воздействия, хотя мы уже имели дело с оформившимся социал-демократическим уклоном.

VII расширенный пленум ИККИ подчеркнул, что мы имеем в лице оппозиции «правую опасность внутри ВКП(б), прикрытую иногда левыми фразами». Дальнейшие события показали не только правильность характеристики троцкистов, как правого уклона, прикрывающегося левыми фразами, как социал-демократического меньшевистского уклона, но показали также и то, что партия слишком терпелива, слишком мягко отнеслась ко всем дезорганизаторским шагам оппозиции. Рабочие, рядовые члены партии нас справедливо упрекали тогда в «миндальничаньи», в мягкости по отношению к троцкистам. Вопреки всяким торжественным обязательствам, которые давали троцкисты, обещая распустить фракцию, эти обещания нарушались самым грубым образом. И Коминтерн и ВКП(б) неоднократно вынуждены были возвращаться к этому поведению троцкистов, принимая все более решительные меры против дезорганизаторов, раскольников, проводников социал-демократического влияния в нашей партии. Выступления Троцкого и его единомышленников становились все острее по отношению к партии. Расширенное пленарное заседание ИККИ констатировало, что атака троцкистской оппозиции против ВКП(б) и Коминтерна в вопросе о войне «об'ективно идет по той же линии, что и наступление буржуазии и ее агентов, рассчитанное на уничтожение решающих силовых центров пролетарской мировой революции». Пленум уполномочил президиум ИККИ сообща с ИКК, исключить Троцкого и Вуйовича из ИККИ, если их фракционная борьба не будет прекращена. VIII пленум ИККИ вынужден был исключить этих членов из своих рядов, констатировав, что «оппозиция не только идеологически, но и организационно становится кристаллизационным центром тех враждебных пролетариату слоев, которые тяготятся режимом пролетарской диктатуры и активно стремятся к ее свержению».

Лето 1927 года ознаменовывается окончательным программным оформлением троцкистской партии, выступлением с особой платформой (заявления «83-х», разработанное затем в платформу «13-ти»—оппозиции). В самый острый момент угрозы войны троцкисты выступили с такими заявлениями, которые иначе нельзя было назвать, как провокационным по отношению к ВКП(б), и об'единенный пленум ЦК и ЦКК в августе 1927 г. должен был констатировать, что «благодаря всем этим преступлениям против партии и пролетариата, лидеры оппозиции загнали себя в тупик, стали во враждебные отношения с партией и поставили партию перед необходимостью применения к ним постановления X с'езда нашей партии об единстве партии». Однако, и тогда, даже в этот момент партия все еще шла на примирение. Партия пред'явила оппозиционному блоку ряд требований. Оппозиция приняла эти требования, хотя и со всякими оговорками. Тем не менее об'единенный пленум ЦК и ЦКК «с удовлетворением» отметил даже те формальные уступки, которые сделала тогда оппозиция, не желая доводить до окончательного, полного разрыва. Правда, мы не делали себе тогда иллюзий насчет будущего. Мы уже тогда имели перед собой бесчисленные факты нарушения троцкистами принятых ими на себя обязательств. Поэтому об'единенный пленум ЦК и ЦКК заявлял тогда, что он «не имеет основания ручаться, что отступление оппозиции и отказ от ряда ее ошибок, является вполне искренними. Опыт аналогичного «заявления» оппозиции от 16 октября 1926 года показывает, что оппозиция не всегда склонна выполнять данные ею партии обязательства». Об'единенный пленум ЦК и ЦКК обязал тогда оппозицию немедленно распустить фракцию и призвал все организации и всех членов партии «принять все меры к тому, чтобы фракционность, фракционные вы-

ступления и фракционные группировки были безусловно ликвидированы». При чем мы напоминали тогда предложение Ленина о фракциях на X с'езде, на основании которого всякая попытка создания фракции должна «вести за собой безусловное и немедленное исключение из партии».

Ближайшее будущее показало, что эти меры были недостаточны, и уже 23 октября 1927 года об'единенный пленум ЦК и ЦКК вынужден был исключить Троцкого и Зиновьева из состава ЦК, после организации антипартийной нелегальной типографии, после того, как совершенно определенно наметился блок с ренегатами Масловым, Рут, Фишером и Сувариным, для разрушения Коминтерна, и постановил поставить на рассмотрение XV с'езда вопрос о дальнейшем пребывании в партии как троцкистской группы, так и других фракционных групп.

Поворотный пункт—7/XI—27 гг.

7 ноября 1927 г. было наиболее острым моментом, переломным моментом, с которого начинается новая полоса в отношениях между партией и троцкистами. Совершенно ясно стало, что мы имеем дело не с тенденцией образования другой партии, а с другой партией, меньшевистской социал-демократической организацией, прикрывающейся званием оппозиционеров большевиков—ленинцев, выступающей под самыми иногда левыми лозунгами, способными обмануть кое-какие неустойчивые элементы и внутри нашей партии и привлечь неустойчивые мелкобуржуазные элементы вне партии. Однако, даже на XV с'езде партии еще возможно было отступление троцкистов на партийные позиции. XV с'езд предоставил им полную возможность для этого. Они этой возможностью не воспользовались, не сумели стать на партийные позиции. Они отрезали себе путь к партийности, они пытались обмануть партию такими заявлениями, которые, по сути дела, их ровно ни к чему не обязывали. Мы уже цитировали в статье «У последней черты» заявления Троцкого Урбансу о том, что все те заявления, которые делали в различное время троцкисты, нельзя рассматривать всерьез. Троцкий писал Урбансу в марте 1928 г.:

«Что касается ваших многочисленных и резких критических замечаний о наших «заявлениях» (16 октября 1926 г., 8 августа 1927 г. и на XV с'езде), то вы обнаруживаете ими непонимание одной простой вещи, что все эти заявления не были нашими пропагандистскими документами, а были публично отданными приказами о временном отступлении. Судить о них надо, следовательно, не путем «разбора текстов», а анализом политической обстановки, при которой проводилось отступление. Вопрос должен стоять так: неизбежно ли было отступление в соответствующий момент, отмеченный в заявлении, принесло ли в общем соответствующее отступление пользу оппозиции или вред».

Циничнее этого сказать нельзя! После этого требовать от партии, чтобы она всерьез отнеслась к «заявлениям» троцкистов, это значит—принимать членов партии за дураков, которые верят подобным и публично отданным приказам о временном отступлении. Мы можем лишь благодарить еще раз троцкистов за подобную откровенность, которая снимает с нас всякие обязательства по отношению к троцкистам, раз вождь их делает подобные заявления. Мы также поэтому не будем заниматься «разбором текста» этих заявлений и примем их за маневры троцкистов, которые они в тот или иной момент делают, исходя не из интересов партии, а из того, «принесло ли в общем соответствующее отступление пользу оппозиции или вред».

XV с'езд подвел черту всей той борьбе, которая велась на протяжении нескольких лет троцкистами против нашей партии. Вопрос был поставлен

с такой резкостью, с какой он до этого не ставился именно потому, что троцкисты перестали уже быть оппозиционной группой, они превратились в организацию другой партии, которая пыталась использовать легальные и нелегальные возможности внутри ВКП(б), руководя рядом учреждений и аппаратов, используя эти аппараты для своих антипартийных целей. Этого партия им позволить не могла. Она исключила их из своих рядов, она приняла все меры к тому, чтобы обезопасить государственный, советский, хозяйственный и партийный аппарат от попыток его использования в целях оппозиции.

А когда выяснилось, что и сделанные на XV с'езде партии заявления троцкистов на другой же день были самым грубым образом нарушены; когда из директивных писем, посланных Троцким за границу, выяснилось, что троцкисты организуют новый поход против ВКП(б) и советского государства,—партия и советская власть не могли уже рассматривать троцкистов иначе, чем они рассматривают всякую другую антисоветскую подпольную организацию. Троцкисты сами себя поставили в такое положение, когда партия не может уже разговаривать с ними, как она разговаривала в прежние годы, убеждать их, договариваться с ними. Уже в этих «двух документах» ми видим совершенно определенную попытку натравить на партию и Коминтерн все те элементы, которые на протяжении нескольких лет были отброшены Коминтерном. Давались советы не противопоставлять себя СССР, как буржуазному государству, а бить по ВКП(б), по ее руководству. Это,—в несколько переиначенном виде,—не что иное, как давно знакомая нам белогвардейская кронштадтская формула «советы без коммунистов». Вот почему произошли кое-какие географические перемещения деятелей подпольной троцкистской организации, направленные к тому, чтобы максимально обезвредить их—сделать невозможным продолжение дезорганизаторской, антисоветской работы.

Но это вовсе не значило, что мы закрыли навсегда двери тем, кто откажется от этого пути, кто осознает свои ошибки, кто найдет в себе мужество признать и осудить весь тот вред, который нанесен борьбой троцкистов ленинской партии. Партия дала полную возможность вернуться в ее ряды тем, кто эти ошибки признает и докажет на деле готовность эти ошибки исправить.

Еще накануне и во время XV с'езда произошел раскол оппозиционного блока. Еще до с'езда от этого оппозиционного блока отошло «левое» крыло сапроновцев, выступавших со своей особой платформой «15-ти», считавших троцкистов соглашателями, недостаточно «революционными». Во время с'езда так наз.: «ленинградская оппозиция» поняла в подавляющем своем большинстве, что ей не по дороге с троцкистами [1]). Уже в январе месяце появилось в «Правде» письмо Зиновьева и Каменева, которое формулировало отношение большинства «ленинградской оппозиции» к партии и отмежевывалось от троцкистов. Однако, и среди троцкистов «1923 г.» начался процесс дифференциации, расслоения, отхода от них элементов, не порвавших еще окончательно с партийностью, с большевизмом.

На протяжении 1928 года почти вся «ленинградская оппозиция» вернулась в ряды партии. Вернулись за это время в партию несколько сот исключенных из наших рядов (мы не располагаем в настоящее время точными цифрами в виду того, что все время идет процесс восстановления в рядах партии признавших свои ошибки). Правда, мы должны признать, что сделано

[1]) Несколько позднее вернулись в партию так называемые «безвождисты»—Саркис, Сафаров, Вардин, Наумов и др. бывшие члены «ленинградской группы» троцкистского блока. Число восстановленных оппозиционеров, отошедших от оппозиции, в настоящее время больше 1.000.

было недостаточно в смысле идеологической борьбы с троцкизмом за 1928 г., что мы слишком мало уделяли внимания всякого рода новым толкам троцкистов, которые появлялись за это время. Больше того, мы должны признать, что партийные организации не всегда давали достаточный отпор троцкистским листовкам, шпаргалкам, которые распространялись кое-где даже на заводах. Отдельным выступлениям троцкистов не давался достаточно решительный и дружный отпор. Но нет никакого сомнения в том, что среди троцкистов в течение 1928 года шел довольно сложный процесс расслоения, с одной стороны, под влиянием переоценки своих собственных позиций, с другой стороны, под влиянием того, что, настаивая на своих ошибках, основное ядро троцкистов все дальше и дальше отходило от возможности вернуться на партийные позиции. Всякую попытку возвращения на партийные позиции троцкисты встречали злобной руганью, клеймя ренегатами, смердяковыми и проч. и т. п. названиями тех, кто возвращался на партийные позиции.

Очутившись вне центров политической жизни СССР, вожди троцкистов по-разному стали определять создавшееся положение и намечать дальнейшие директивы. Троцкий, например, после того, как он «провалился» со своими антипартийными директивами Маслову (см. «Два документа»), в мае 1928 года формулировал дальнейшую тактику словами оппозиционера Валентинова: «Вывод первый—больше выдержки; вывод второй—держись попрежнему политики дальнего прицела; вывод третий—наблюдай за тем, что делается в верхушке, но еще внимательнее следи за тем, что делается в массах».

Другие выводы делал Е. Преображенский. В документе от 4 января Преображенский писал: «Значит, надо делать из нового положения новые выводы. Надо итти на сближение с большинством партии. Это я и предлагаю». Эти выводы Преображенский делал на основании анализа фактов, убедившись в том, что партия ведет самую решительную борьбу с капиталистическими элементами, и что разговоры о сползании партии с классовой позиции являются пустыми разговорами. Делали свое дело и факты возвращения в партию ряда видных деятелей троцкистов. Об этом можно судить хотя бы по тому бешенству, с каким встречено было это возвращение в партию Троцким и его ближайшими единомышленниками. «Сегодня,—пишет Троцкий 17 марта 1928 года,—получился номер «Правды» с письмом Пятакова... Признаться, особенно возмущения я не ощущаю да и «не» особенного не чувствую». Давно считал его отрезанным ломтем... Политические заскоки в ту или другую сторону у него и в нормальное время происходили, примерно, раз в неделю, и он нуждался в разговоре с кем-либо из более политически мыслящих товарищей, чтобы снова обрести равновесие, не очень устойчивое». Конечно, эти слова резко расходятся со всем тем, что писал Троцкий до этого о тов. Пятакове, так что придавать им значение всерьез ни в каком случае нельзя: они просто напросто выражают плохо скрытое озлобление. Радек в начале марта 1928 года в связи с письмом Пятакова предается такого рода размышлениям: «После такого события, как наше исключение, высказать честно, продумать все от начала до конца, пересмотреть весь механизм мысли, проверить на фактах позиции. Если после этого придет к убеждению о неправильности того, что делал, пусть искренне просит у партии прощения и идет на самую черную работу. Если приду к такому убеждению, что я не защищал диктатуры, а камни ей бросал под ноги, не будет во мне самолюбия, кажись». Обсуждая линию партии, Радек заявляет: «Если окажется, что это не зигзаги... тогда не борьба с руководством, а полная поддержка будет обязательна». Радек советует удерживать «от всяких обострений». Но вчерашних своих друзей, возвращающихся к партии, оппозиционеры не щадят. Они

не могут допустить даже, чтобы из честных политических побуждений люди возвращались в партию. Подобно персонажу Глеба Успенского они все заявления оппозиционеров о возвращении в партию пытаются изобразить, как стремление приобрести какую-нибудь выгоду. «В карман норови»,—говорил этот персонаж у Глеба Успенского, а И. Н. Смирнов по отношению ко вчерашним своим единомышленникам — Гордону и Воробьеву—не находит иных об'яснений, как «в карман норови!». «Еще будут такие господа Гордоны и Воробьевы, которые заботу о сытном бытии прикрывают желанием «строить социализм»».

Партия держится того мнения, что Гордоны и Воробьевы нисколько не хуже Смирновых и Сосновских, что и у них есть свое революционное прошлое,—не хуже, чем у многих из тех, которые сейчас сохраняют гордо позиции «пострадавших за правду».

Тактика троцкистов в связи с конгрессом Коминтерна.

Однако, троцкисты, изгнанные из партии, продолжая строить подпольную организацию, организовывать подпольные типографии, издавать листовки и т. п. должны были, ведь, думать и о том, чтобы найти какой-то выход на легальную арену. Созыв VI конгресса Коминтерна, конечно, давал возможность троцкистам найти путь к партии. Но как они использовали эту возможность? Вероятно, будущий историк должен будет признать что ничего глупее и несостоятельнее в смысле тактики нельзя сделать и придумать того, что придумали и сделали троцкисты. Мысль о подаче того или иного заявления конгрессу Коминтерна была, конечно, правильной мыслью, но как она была осуществлена! Ни малейшей попытки признать грубейшие ошибки и преступления, которые были сделаны, со стороны троцкистов не было. А между тем,—без этого,—разве мог конгресс Коминтерна рассматривать даже всерьез заявления троцкистов, особенно имея в виду вышеприведенное признание самого Троцкого Урбансу! Вместо признания того, что троцкисты грубо нарушили даже те обещания, которые они дали XIV с'езду, Троцкий писал в своих директивах от 9 мая: «Обвинения нас в том, что мы нарушили обещания, данные XIV с'езду есть грубый нелойяльный вздор». «Требуем ли мы,—обращался он к своим единомышленникам,—в нашем письме в Коминтерн восстановления в партии? Безусловно требуем. Обязуемся ли соблюдать дисциплину и не строить фракции? Обязуемся. Сейчас... у нас для такого обязательства гораздо больше возможностей и шансов, чем полгода или год тому назад. Незачем говорить, что тон письма должен быть совершенно спокойный, так, чтобы ясно видно было то, что есть». Мы были бы последними людьми, если бы поверили теперь такого рода заявлениям «соблюдать дисциплину и не строить фракцию»,—после всего того, что мы имели со стороны троцкистов. Смилга формулировал в такого рода выражениях позицию, которую должны занять троцкисты: «Снова не капитуляция, а собирание своих сил. Ленинская оппозиция стремится к об'единению всех групп, которые стоят на точке зрения марксизма и ленинизма...» «Оппозиция растет как в ВКП(б), так и в Коминтерне. Кризис левого зигзага приводит в наши ряды сотни и тысячи рабочих, добросовестно заблуждающихся насчет подлинного лица левой конвульсии». Итак, мы должны были бы, по мнению троцкистов, поддержать такие их шаги, как попытку собирачия ими своих сил, об'единения ими всех групп, которые по-троцкистски понимают марксизм и ленинизм. До этого может договориться только Смилга!

Е. Преображенский, наиболее трезво оценивавший положение, все время считал, что основная цель обращения должна быть иная: «Мы хотим примириться с официальным большинством партии на основе дальнейшего раз-

[illegible] курса, взятого в деревенской политике и в Коминтерне. Считаем, со своей стороны, это возможным и со своей стороны сделаем все возможное для такого примирения, заранее отказываясь только от фальши политиканства и предварительного смазывания себя дегтем» (документ от 11 мая 1928 г.). Иного мнения был Н. Муралов. «Что мы должны сказать конгрессу?—Что руководство партией и конгрессом после Ленина—ни к чорту (сто раз об этом сказано); что государством—тоже (десятки раз сказано); что теория построения социализма в одной стране контрреволюционна (почти так сказано)...» и т. д., и т. д..

Совершенно ясно, что при такой разноголосице толка из заявления конгрессу Коминтерна и не могло получиться. Отдельное заявление сначала было подано Преображенским, и в более спокойных и более приличных тонах, хотя по существу и оно является совершенно неправильным с точки зрения большевистской партии и Коминтерна. Совершенно иного рода были заявления, сделанные от имени Троцкого, к которым, не читая их, присоединились по телеграфу троцкисты из разных углов СССР, обрушившиеся на Преображенского за то, что он посмел выступить сепаратно с отдельным заявлением, обвиняя его и Радека в капитулянстве, «прорабатывая» их, как «капитулянтов» [1]). Мы здесь не касаемся подробно содержания заявлений, поданных Коминтерну (об этом мы напишем в особой статье); не говорим о таких теориях, как идея Учредительного Собрания в Китае, выдвинутая Троцким, как скучнейшие разговоры Троцкого о перманентной революции с попыткой вновь и вновь защитить свою неудачную теорию и проч., и т. п. Заявления Коминтерну были сделаны в такой форме и такого рода, что Коминтерн не мог не отвергнуть их, как попытки троцкистов вновь и вновь защищать антиленинские теории, антиленинские взгляды.

После VI конгресса Коминтерна среди троцкистов происходит новое расслоение, новые сдвиги. Прежде всего происходит передвижка части троцкистов на позицию децистов (сапроновцев). Об этой передвижке мы говорили уже отчасти в предыдущей статье «У последней черты» (см. «Большевик» № 23—24). Чтобы понять, что означает этот сдвиг, мы должны процитировать письмо В. М. Смирнова в редакцию «Правды», в котором он пишет «Нынешнее правительство, действующее под вывеской советской власти, которую оно на деле уничтожило, является враждебным пролетариату, и пролетариат должен и будет бороться против него за свою диктатуру, за подлинную власть советов». Чем это отличается от белогвардейских писаний, и чем это отличается от писаний «Соц. Вестника»? Пусть этим вопросом займутся сами сапроновцы. Мы считаем, что особых отличий здесь нет, и что и у нас нет оснований, поэтому, делать какие-нибудь различия между сторонниками этих взглядов и сторонниками меньшевистской партии. Это и есть призывы к антисоветской борьбе, к антипартийной борьбе тех, кто разделяет эти взгляды. И вот по адресу этих-то людей троцкисты посылают письма, призывающие к обе'динению. (Письмо воронежской троцкистской группы «К тт. группы 15-ти»). «Мы считаем, — пишут троцкисты в этом документе, — что на данном историческом этапе наши принциальные разногласия имеют больше политических предпосылок к изжитию, чем к дальнейшему нарастанию». Авторы письма считают, что ни-

---

[1]) Необходимо отметить, что не читая этих тезисов, присоединился к ним и Е. Преображенский, подчиняясь «никем не писанному» уставу фракционной дисциплины, оговариваясь после, что это, кажется, последний акт совместного солидарного выступления. Поживем—увидим.

чего удивительного не было бы, если бы сапроновцы и троцкисты выступили с общим заявлением Коминтерну. «Об общем заявлении к конгрессу. Только при слабом рассудке и полном беспамятстве можно выдвигать обвинения в нежелании выступать с общим заявлением к конгрессу». «Если же кто против совместного выступления, так это не наши товарищи»—заявляют троцкисты. «По поводу совместного заявления,—пишет В. М. Смирнов,—я считаю это абсолютно невозможным, ибо компрометировать себя всякими троцкистскими благоглупостями, которые при данном положении там будут в изобилии,—слуга покорный! Даже в том случае, если бы там вытравлен был душок капитулянства... все развиваемые в письме теории есть не что иное, как прокламирование дорожки капитуляции». Касаясь истории расхождения с сапроновцами, воронежская группа троцкистов пишет: «Вы уже с 16 октября пытались исходить из фактического наступления термидора, чем обрекли себя на бессмысленное топтание на месте. Вы, с одной стороны, не обнаружили ни воли, ни стремления к легальным формам преодоления внутрипартийной реакции, а с другой—не проявили достаточной храбрости для решительного разрыва с партией и мобилизации рабочего класса вне этой партии против нее».

„Милые бранятся только тешатся“.

Троцкистская группа по адресу сапроновцев не жалеет крепких слов. Они пишут по поводу резкой позиции В. М. Смирнова, идеологического вождя сапроновской группы: «Тов. В. М. Смирнов в своем артиллерийском наскоке, исключающем всякие элементы политической честности и добропорядочности, называет заявление тов. Троцкого к конгрессу капитулянским, своим признанием левого курса, поддерживающим мелкую буржуазию и т. п. смертными грехами. Если бы все эти приведенные характеристики, а особенно характеристика тов. Смирнова не представляли собой обычной демагогии, клеветы, подтасовки, грубой фальсификации, пустого напыщенного кривлянья и сплошной истерии, то мы в действительности имели бы неопровержимые аргументы за сохранение раздельного существования». Но, повидимому, таких аргументов за раздельное существование троцкистов и сапроновцев нет, и поэтому воронежская группа троцкистов предлагает сапроновцам об'единение. «Переживаемый период требует от нас об'единенных и активных действий. Официальное партийное руководство фактически переходит роковой исторический лимит, и путь внутрипартийной реформы становится все менее надежным». Воронежская группа припоминает послесловие Троцкого к заявлению Коминтерну о том, что «победа правого крыла была бы последней ступенью к термидору» и призывает «кричать еще громче» (забывая, что еще Ленин окрестил сапроновскую фракцию фракцией «громче всех крикунов»).

Чтобы судить о том, насколько принципиальны в данном случае троцкисты, мы должны указать, что сама же воронежская группа троцкистов признает, что «сапроновцы воскрешают: худшие традиции грубого экономизма, анархического синдикализма, узкой цеховщины и худшей махаевщины, для которых характерно выдергивание вопросов рабочей экономики из общего комплекса революционной политической борьбы пролетариата». Тем не менее троцкисты заявляют сапроновцам: «Наступают дни решительных боев... Мы считаем, что нет у нас непримиримых, принципиальных разногласий, и давайте их больше не выдумывать».

Со ступеньки на ступеньку.

В прошлой статье «У последней черты» мы приводили выдержки из документов, свидетельствующих о жалких попытках отграничиться от этой махаевщины, от анархо-синдикалистских, экономических и всяких других теорий, возрождаемых как сапроновцами, так и троцкистами. Но ясно, ведь, что мы имеем дело в настоящее время с полным разложением троцкистской идеологии, все более и более скатывающейся к еще более антикоммунистическим, антиленинским установкам. Говорить поэтому об одной линии троцкистов, конечно, сейчас не приходится. А. Ищенко, например, считает: «У оппозиции есть две линии: одна линия тов. Троцкого и большинства оппозиции и другая линия, к которой я себя тоже причисляю, это линия Преображенского и других товарищей. Между этими линиями, вы, тов. Радек, все время колеблетесь, выступая то против нас, то выскакиваете далеко за всякие пределы, обусловленные принадлежностью к оппозиции» (документ от 19/X—28 г.). Таким образом, мы имеем уже не две линии, а четыре линии: одна—Троцкого и «большинства» оппозиции, другая Преображенского и тех, кто разделяют его точку зрения (Ищенко и др.), третья—колеблющегося между двумя этими точками зрения Радека, хотя Радек по ряду вопросов гораздо радикальнее разделывается и с троцкистами и с сапроновцами, чем Преображенский, и четвертая—воронежской группой, считающей возможным об'единение с сапроновцами (воронежская группа в этом отношении, как мы видели из прошлой статьи в «Большевике» и как это видно из ряда документов самих троцкистов, не одинока в этом вопросе). Выбраться из этого хаоса взглядов, конечно, не так-то легко, если даже сами лидеры оппозиции путаются безнадежно в создавшейся обстановке и не видят выхода, кроме как в иллюзиях, которые они себе строят. В этом иллюзорном мире, который они себе создали, все, как будто, совершается очень стройно и логично и все их выводы, как будто бы, очень убедительны для них самих; но почва-то совершенно иллюзорная, вернее: нет для них почвы.

* * *

Как представляют себя возвращение в партию, возвращение к широкой политической жизни троцкисты? Установка троцкистов такова: Остается тактика дальнего прицела, надо продолжать строить подпольную партию, все шире и шире обращаясь к беспартийным, организуя стачки, пропагандируя кронштадтские лозунги тайного голосования с некоторой постепенностью (сначала в партии, потом в профсоюзах, потом в советах, где мы имеем дело с различными классами) и идейная подготовка своих кадров к возможностям гражданской войны. Эти мысли о необходимости гражданской войны воспринимаются, повидимому, кое-кем из сторонников Троцкого как действенные лозунги. Так, один из троцкистов, Сократ Геворкьян, заявляет, что «гражданская война в России может стать фактом ближайшего будущего... отсюда и вытекает основная задача для оппозиции—не останавливаться ни перед чем, ни перед какими писанными или неписанными уставами. Она, если хочет быть авангардом класса, обязана, преодолевая все препятствия, вооружить пролетариат к предстоящим боям... А тут нужна решительность, решительность и еще раз решительность»... «А насчет перспектив? смотри заявление Л. Д.».

Мы не сомневаемся в «решительности» Сократа Геворкьяна и его сторонников; у нас есть все данные для того, чтобы не только предполагать, а для того, чтобы утверждать, что в подпольной троцкистской группе идет идейная подготовка кадров к гражданской войне против коммунистической партии. Троцкий в директивном письме от 21 октября 1928 г. своим сторонникам[1]) говорит об изменившемся соотношении классовых сил и поучает своих сторонников, что «перед серьезной волной снизу аппаратчик сдрефил бы, не доведя дело до гражданской войны. Во всяком случае этот путь—путь реформ под могучим напором масс—должен быть нами испробован до конца». Для всякого ясно, о чем здесь идет речь. Если сегодня «путь реформ», для троцкистов является исчерпанным, то завтра они ставят в порядок дня гражданскую войну. Но для этого надо идейно подготовить свои кадры, и в этом направлении ведется работа.

Перед лицом такого рода директив приобретают особый смысл такие заявления, как заявление И. Смирнова, что они, троцкисты, вернутся к политической жизни не через партию, а через рабочий класс. С партией у этих людей уже ничего общего нет. «Рабочий класс», на который они опираются, это,—как мы знаем,—вовсе не рабочий класс,—это есть та самая мелко-буржуазная стихия, левым крылом которой являются троцкисты. Ленин на X с'езде в резолюции об анархо-синдикалистском уклоне в нашей партии предупреждал нас, что «в такой стране, как Россия, громадное преобладание мелко-буржуазной стихии и неизбежное в результате войны разорение, обнищание, эпидемии и неурожаи, крайнее обострение нужды и народных бедствий порождают особо резкие проявления колебаний в настроениях мелко-буржуазной и полупролетарской массы», что «эти колебания идут то в сторону укрепления союза этих масс с пролетариатом, то в сторону буржуазной реставрации». Вот эту-то мелко-буржуазную и полупролетарскую массу, которая колеблется и шатается в дни величайших трудностей, троцкисты и представляют. Если они думают, что эти их кадры надо сейчас готовить к гражданской войне, то они должны знать, что они готовят их к гражданской войне против Советского государства, что они скатываются целиком на позицию В. Смирнова, которую тот выразил формулой «нынешнее правительство, действующее под вывеской советской власти, которую оно на деле уничтожило, является враждебным пролетариату». Если Троцкий утверждает сегодня, что нынешний строй представляет из себя «керенщину наизнанку», то совершенно ясно, какие директивы вытекают из такой установки.

Мы не сваливаем всех троцкистов в одну кучу. Цель наша—показать, что среди троцкистов происходит совершенно определенное расслоение, цель наша—помочь этому расслоению, помочь отойти от антисоветской партии троцкистов тем, кто стоит на полдороге. Не может быть ничего общего между теми, кто хочет вернуться в партию, и теми, кто считает нынешний советский строй керенщиной наизнанку, и теми, кто считает, что советское правительство антирабочее правительство. (Этим мы, однако,

---

[1]) Письмо это напечатано за границей, сначала в органе ренегата Маслова «Fahne des Kommunismus, а затем перепечатано в белогвардейских органах—«Руль» и др. Оно там вполне на месте и по тону, и по содержанию.

Мы приводили в прошлой статье («У последней черты») справку, что в Америке книгу Троцкого с антипартийными документами издало буржуазное издательство на ряду с жизнеописанием Христа, королевы Виктории и квакеров. В Германии эта книга Троцкого издана буржуазным издательством «Avalun-Verlag» и рекламируется рядом с «учебником любви и брака», порнографическим произведением («Lehrbuch der Liebe und Ehe»). Жалкий жребий! Воистину: и книги, как и люди, имеют свою судьбу!..

вовсе не хотим сказать, что есть *хорошие* троцкисты. Троцкист есть троцкист). Если Преображенский сегодня заявляет в документе, направленном Троцкому, что разногласия с партией у него по большинству вопросов исчезли, то он и разделяющие его точку зрения должны со всей беспощадностью ударить по антисоветской, антипартийной позиции троцкистов. Преображенский пишет Троцкому о том, что троцкисты должны координировать действия с большинством партии. «Надо думать о координации действий по целой программе общих пунктов, для осуществления которых нужны годы. Перебирая эти пункты, по большинству из которых я не вижу уже непримиримых разногласий; достаточно только перечислить те пункты, по которым разногласия или почти исчезли или значительно уменьшились: индустриализация, борьба с кулаком, опора на бедноту, борьба с правой и неонародничеокой идеологией, быстрое строительство совхозов и колхозов, чистка партии от разложившихся обывательских и классово-чуждых элементов... В частности, мне кажется, что каждый оппозиционер может подписаться почти под всеми решениями ноябрьского пленума, кроме ругательств по адресу оппозиции».

Напрасно думают Преображенский и др., будто они могут, не выполняя требований и решений партийных с'ездов и Коминтерна, оставляя за собой право защищать осужденные партией взгляды и платформу троцкистской оппозиции, вернуться снова в партию. Это надо сказать со всей ясностью: *этого пути нет*. И точно так же со всей ясностью надо сказать, что мы не можем после всего того, что было, после всех тех директив, которые идут из троцкистского центра, после всей той борьбы, которая ведется против партии и советской власти троцкистами, рассматривать троцкистов, как оппозицию по отношению к ВКП(б); мы вынуждены ее рассматривать только, как антисоветскую организацию, члены которой должны так же отвечать перед Советским государством, как отвечают члены меньшевистской, эсеровской и всякой другой антисоветской партии.

* * *

Вчерашний день оппозиции, это был день, когда мы *убеждали* троцкистов, когда мы *спорили с ними внутри одной партии*, когда мы *выправляли их идеологическую линию*, когда *у нас была надежда на то, что они смогут выполнить и выполнят принятые ими на себя обязательства*. Мы шли тогда даже на *соглашение* с троцкистами, мы шли на всевозможные (не принципиального характера) уступки. С величайшим терпением мы отсевали от троцкистской организации (и будем отсевать) все, что есть в ней ценного, все, что может вернуться на путь партийности. В течение нескольких лет мы ограничивались предупреждениями, идеологической борьбой. Троцкисты все сделали для того, чтобы порвать с этим вчерашним днем. Они все сделали для того, чтобы стать на путь антисоветской партии, отсюда их завтрашний день. Пусть же каждый, кто разделяет взгляды этой подпольной партии, кто сочувствует и помогает ей, пусть он сегодня подумает об этом завтрашнем дне!

В особенности это относится к тем, кто до сих пор не раскрыл истинного своего лица, кто двурушничает, кто прикрывается партийным билетом, оставаясь членом ВКП(б), помогает этой подпольной антисоветской троцкистской партии. Мы можем рассматривать их только, как изменников партии, обманывающих партию, и соответственно с этим поступать по отношению к таким людям, прикрывающим партийным билетом свою антипартийную работу.

Среди части троцкистов назревает мысль об обращении к предстоящей партийной конференции, в частности эту мысль выдвигает Е. Преображенский в цитированном уже письме:

«Я снова выдвигаю,—пишет Преображенский,—предложение об обращении к партии, в котором мы должны сказать об уменьшении разногласий, дать иную, чем раньше, характеристику политики большинства, предложить сотрудничество в деле борьбы с правой опасностью и за проведение индустриализации, указать на особую важность постановки рабочего вопроса и подчеркнуть всю нелепость нашего пребывания вне партии и в ссылке. Обращение лучше всего адресовать предстоящей партийной конференции. Из теперешнего тупика надо искать какой-то выход».

В неправильном направлении ищет Е. Преображенский выхода из тупика, воображая, будто партия может заключать блоки с троцкистами, хотя бы и отказавшимися от подпольной работы, но остающимися на точке зрения платформы троцкистов. По меньшей мере, это *наивная мысль*. В партии есть разногласия между отдельными членами, есть у отдельных членов партии колебания по ряду вопросов, которые партия характеризует, как правый уклон. Мы беспощадно боремся с правым уклоном. Но это не дает ни одному троцкисту права думать, что партия может заключать какие бы то ни было блоки с троцкистами для борьбы с правым уклоном. Пусть троцкисты не забывают, что сам троцкизм представляет из себя не что иное, как организацию элементов мелко-буржуазной стихии, что, борясь на два фронта, партия борется против троцкистов, чем бы они ни прикрывались. *Партия не нуждается в помощи троцкистов для борьбы с правым уклоном*. Такая постановка вопроса, как у Е. Преображенского, может только запутать вопрос, может только затруднить таким людям, как Е. Преображенский, найти правильный путь к партии. *Этот правильный путь заключается в полном отказе от троцкизма, в полном разрыве с ним*. А для тех, кто не сумеет порвать с троцкизмом, для тех, кто связал свою судьбу с троцкистской антисоветской партией, остается неизбежность дальнейшего сближения с сапроновцами, с мясниковцами, дальнейшего усвоения кронштадтских лозунгов, дальнейшего скатывания на путь антисоветской борьбы или—политическое небытие. Это—завтрашний день троцкистов.

Н. Евреинов.

О приводном ремне—профсоюзах.

Только что закончившийся VIII с'езд профсоюзов, а также обсуждение вопроса о профсоюзах на московских районных партконференциях вскрыли всю необходимость укрепления партийного руководства профессиональным движением и устранения его недочетов.

Вопрос о профсоюзах не случайно встал за последнее время в центре внимания партии.

Это нельзя не связать со всей политической обстановкой, сложившейся к настоящему моменту. Именно теперь, когда мы вплотную приступили к социалистической реконструкции страны, в момент, когда необходимо величайшее напряжение, мобилизация всех сил рабочего класса для преодоления трудностей и сопротивления классовых врагов—именно теперь особенно остро стоит вопрос о приводных ремнях от авангарда пролетариата—партии к широким массам трудящихся.

Владимир Ильич в своей заметке «О вреде уныния» сравнивал путь большевиков с трудным и опасным восхождением на гору. Годы, переживаемые нами сейчас, наши первые шаги на пути реконструкции как в городе, так и деревне—несомненно, являются одним из самых трудных перевалов на всем этом пути.

Вполне естественно, что в этих условиях партия должна проверить, все ли благополучно с приводными ремнями, не ослабли ли они, достаточно ли они прочны и крепки, чтобы выдержать испытание на одном из самых опаснейших участков труднейшего перевала.

Естественно также, что эта проверка коснулась прежде всего профсоюзов, как самого широкого и самого мощного приводного ремня от гегемона пролетарской революции—партии—к широким слоям рабочих и работниц, через них к крестьянству.

В резолюции XI с'езда партии, написанной, как известно, Владимиром Ильичем, прямо говорится: «...так неизбежна катастрофа нашего социалистического строительства, если неправильно построен или неправильно работает передаточный механизм от компартии к массам—профсоюзы».

Тем более это необходимо вспомнить, что к трудностям, неизбежно встающим перед рабочим классом в стране «с преобладанием мелкого и мельчайшего крестьянского производства» в период социалистической реконструкции и при обострении классовой борьбы прибавляется инертность, бюрократизм и прямое вредительство в нашем советском аппарате.

«Теперешний советский аппарат»,—говорится в решениях ноябрьского пленума ЦК по докладу Молотова о вербовке рабочих и регулировании роста партии: «еще сильно пропитан элементами старого чиновничества и остатками раньше господствовавших классов, в которых еще живет ненависть к советскому строю. Бюрократические извращения, невнимание к нуждам трудящихся, вопиющая косность и преступная волокита нередко подрывают работу госорганов. Отдельные звенья государственно-кооперативного аппарата доходят до прямого разложения и срастания с буржуазно-капиталистическими элементами населения, вызывая необходимость коренной чистки этих органов. При этом следует помнить, что госаппарат в лице его старого чиновничьего слоя накладывает свой отпечаток и на некоторую часть работающего в нем коммунистического состава».

Опираясь на массы рабочих и всех трудящихся в борьбе с этими извращениями, развертывая самую жестокую самокритику, выдвигая десятки и сотни тысяч рабочих на работу в госорганах, вовлекая миллионы трудящихся в практическую работу строительства, партия опирается во всей этой работе «на поддержку массовых организаций пролетариата и прежде всего профессиональных союзов» (резолюция ноябрьского пленума ЦК).

Без профессиональных союзов, без их четкой бесперебойной работы, передающей волю авангарда пролетариата к его самым широким слоям, партия не сможет преодолеть все трудности и препятствия, встающие на пути социалистической перестройки.

Именно это и было одним из коренных положений основной резолюции VIII с'езда профсоюзов, вокруг которого концентрируются и все остальные его директивы. В резолюции по отчетному докладу ВЦСПС VIII с'езд сказал:

«Все трудности, возникающие перед рабочим классом в процессе строительства социализма и связанные с социалистической реконструкцией всего народного хозяйства и необходимостью обеспечения проводимого соввластью курса и темпа индустриализации страны будут преодолены при условии напряженной работы, при условии неуклонного дальнейшего поднятия культурного и материального уровня широких масс трудящихся и в первую очередь пролетариата, при условии мобилизации самых широких рабочих и батрацких масс вокруг дела борьбы с бюрократизмом, оздоровления госаппарата, приближения его к самым широким слоям трудящихся при условии максимального вовлечения широких слоев рабочих, а через них многомиллионного крестьянства в дело практического строительства социализма. Это в свою очередь может быть обеспечено лишь при том условии, если передаточный механизм от гегемона пролетарской революции—компартии—к широким слоям рабочих, а через них к многомиллионной массе крестьянства будет четко и без перебоев работать. Необходимо, чтобы этот передаточный механизм—профсоюзы—безукоризненно работал, передавая концентрированную волю рабочего класса в лице его авангарда—компартии—самым широким слоям трудящихся».

Приводной ремень — профсоюзы — необходимо крепить с двух концов, как с того, который соприкасается с массой, так и с того, который смыкается с партийным руководством. В связи с этим нужно со всей решительностью ударить по двоякого рода извращениям в работе профсоюзов. С одной стороны надо ударить по тем извращениям, которые выражаются в отрыве от масс профсоюзного аппарата, бюрократически черствому отношению к нуждам рабочих, забвению профработниками важнейших элементарных функций профсоюзов—всесторонней защиты об'единяемых ими масс и внимательного удовлетворения их повседневных нужд и запросов,—по зажиму самокритики, извращениям в профсоюзной демократии.

С другой стороны, столь же необходимо ударить по хвостизму, некоторой части профработников, потаканию отсталым настроениям, неумению, неспособности или нежеланию противопоставить колебаниям в отсталых слоях рабочего класса «концентрированную волю ее авангарда», по забвению общеклассовых задач, чуранию политических вопросов и отгораживанию союзов от усиления партийного руководства.

Эти двоякого сорта извращения в профсоюзах, по видимости столь противоположные, на деле часто совпадают, сопутствуют одно другому. Одно извращение часто питает другое, ибо в основном они растут из одного корня:

из бюрократических извращений и перерождения отдельных клеточек профсоюзного аппарата.

Отрыв от масс и разложение отдельных групп работников профсоюзного аппарата ярко были вскрыты уроками артемовского, шахтинского, смоленского, владимирского и др. подобных дел.

Не менее, если не более ярким делом является вскрытое недавно в московском губотделе строителей преступное общество «Кабуки», существовавшее чуть ли не два года незамеченным и ставившее себе целью пьянство, разврат и всякого рода антиобщественность.

Дело «Кабуки», конечно, не характерно, оно является особо махровым исключительным, уж очень густо пахнущим цветком на той части профсоюзного поля, которое подвержено загниванию, но оно показывает всю опасность для профсоюзов отрыва от масс и бюрократических извращений в профсоюзном аппарате. На ряду с этими уже, вскрытыми яркими «делами», явно указывающими на исключительно крупный разрыв между этими профсоюзными организациями и массой,—в повседневной работе профсоюзов имеются тысячи более мелких, менее заметных случаев отрыва от масс, не ведущих к таким серьезным последствиям, но все же чрезвычайно опасных.

Вот почему VIII с'езд профсоюзов, предостерегая от недооценки этих явлений, сказал:

«Отмечая, что за отчетный период под руководством ВЦСПС достигнуты значительные успехи в области укрепления связи органов союзов с массой членов (вовлечение в союзы новых рабочих, рост профессионального актива, усиление работы в цеху, проведение начал профсоюзной демократии и т. д.), с'езд одновременно отмечает наличие случаев бюрократического, черствого отношения со стороны отдельных профорганизаций к нуждам рабочих, бюрократизации отдельных союзных органов и чиновничьего отрыва их от масс, грубого нарушения профсоюзной демократии, слабое развитие самокритики. *Профсоюзы ни в коем случае не должны недооценивать эти крупные недостатки в своей работе, которые при недостаточной борьбе с ними могут создать серьезную угрозу для всего профдвижения*[1], а должны со всей решительностью бороться со всем тем, что мешает усилению профсоюзов, как массовых организаций пролетариата».

По бюрократическим извращениям и отрыву от масс профсоюзного аппарата мы должны *ударить в первую голову*. И это не потому, что таких извращений в профсоюзном аппарате больше, чем в других аппаратах. В других аппаратах, в частности, в государственных и хозяйственных органах их, несомненно, больше. В первую голову за профсоюзный аппарат мы должны взяться потому, что бюрократические извращения в них *опаснее всего*.

Если в самой широкой, самой массовой, самой демократической организации—в профсоюзах—мы не сумеем выжечь бюрократические извращения, преодолеть отрыв от масс, зажим самокритики, то у нас будет отрезан важнейший путь, главнейший канал мобилизации масс для борьбы с бюрократизмом, для преодоления трудностей социалистического строительства, для вовлечения масс, ибо будет ослаблено самое важнейшее звено от партии к массам.

Этого не понимают некоторые профработники. Им кажется, что на профсоюзы нападают зря, что профсоюзный аппарат слишком сурово критикуют. «У нас-де» не хуже, чем «у других». Самокритику мы признали, но она нужна для всех организаций, зачем же особо подчеркивать, что *в особенности* в профсоюзах, *в первую очередь* в профсоюзах надо сделать «решительный» сдвиг в развертывании самокритики. Нет ли тут какого-либо «подвоха», «скрытых замыслов», желания во что бы то ни стало «очернить» союзы или не вытекают ли из этого «недооценки роли» профсоюзов, их значения, их положения.

[1] Курсив в Цитатах везде наш. Н. Е.

Эти настроения необходимо переломить во что бы то ни стало, ибо они стоят на пути, препятствуют тому решительному сдвигу в развертывании самокритики и подлинной рабочей демократии в профсоюзах, который является необходимейшим условием в настоящий момент самого широкого, смелого, решительного вовлечения широких масс трудящихся в дело практического строительства—мера, диктуемая нам всей обстановкой.

Вот почему одним из существеннейших решений VIII с'езда профсоюзов была директива о досрочном переизбрании всех разложившихся и забюрократившихся элементов в профсоюзах и переизбрании «всех тех должностных лиц профсоюзов, которые не понимают значения самокритики и не способствуют ее развитию».

В резолюции по отчетному докладу ВЦСПС говорится следующее по этому вопросу:

«Важнейшей предпосылкой вовлечения масс в дело социалистического строительства, борьба с бюрократическими извращениями отдельных звеньев государственного и хозяйственного аппарата и укрепление связи между органами союзов и рабочими массами, является широкое, последовательное развертывание снизу доверху и сверху донизу самой широкой самокритики. С'езд отмечает, что *профсоюзам только еще предстоит добиться решительного сдвига в области проведения на практике самокритики широких рабочих масс*, устранения недостатков хозяйственного и советского строительства, устранения прежде всего недостатков в самой профсоюзной работе. С'езд поручает ВЦСПС и всем профессиональным организациям решительно бороться за развертывание самокритики и в особенности самокритики рабочих на фабриках и заводах и решительно выступать против какого бы то ни было зажима, откуда бы он ни исходил. Профорганизации должны быть *инициаторами переизбрания всех тех должностных лиц профсоюзов, которые не понимают значения самокритики и не способствуют ее развитию*; решительно бороться за то, чтобы деловые предложения рабочих незамедлительно проводились в жизнь, и, что самое главное, взять на себя функции организаторов самокритики широких рабочих масс для исправления недостатков во всех областях работы».

Решительное развертывание массовой работы союзов на предприятии, неограниченная самокритика на общих и делегатских собраниях рабочих, последовательное и полное проведение демократии в профсоюзах, беспощадная борьба с зажимом и гонением критикующих, в частности рабкоров—лишь это обеспечит нам полное и безграничное доверие широчайших масс рабочих и работниц; как абсолютно необходимое условие для втягивания их в практическую работу, для укрепления всего аппарата диктатуры пролетариата, для борьбы с бюрократизмом, для преодоления величайших трудностей реконструктивного периода.

Однако, укрепление того шкива приводного ремня—профсоюзов, который соприкасается с массой—возлагает и на партийные организации и на партию в целом обязанность укрепления профсоюзов, в особенности из низовых органов—поднятие их авторитета. Очень часто на местах партийные органы подменяют собой профсоюзы, берут на себя их функции, связывают их мелочной регламентацией. В особенности часто такое положение встречается на предприятии, где ячейки и бюро ячеек иногда берут на себя почти целиком разрешение профсоюзных вопросов и рабочие за всякой мелочью

обращаются в ячейку вместо того, чтобы итти в завком. Это неправильно. От этого получается вред и для партии и для профсоюзов. Партийные органы заваливаются мелочной работой и теряют общее руководство общественной жизнью предприятия, а профсоюзные организации, становясь как бы лишними, теряют авторитет. Укрепление профсоюзов, как приводного ремня, к широким массам—не может не итти параллельно с поднятием их авторитета, оживлением низовых их органов—фабкомов и цехпрофбюро, освобождением их от мелочной регламентации. Только в этом случае мы сможем бьющую ключем рабочую общественность на предприятии правильно включить в систему профсоюзной работы.

На ряду и вместе с развертыванием массовой работы профсоюзов и укреплением их связи и доверия к ним со стороны массы рабочих и служащих—реконструктивный период требует усиления их деятельности по классовому воспитанию масс, укреплению политической работы и борьбы с отсталыми настроениями, что предполагает усиление партийного руководства профдвижением.

Что усиление политического воспитания, повышение интереса рабочих масс «к общим задачам класса в его целом», как важнейшая задача профсоюзов прямо вытекает из всей обстановки реконструктивного периода—это было указано еще XV партконференцией в резолюции «Об итогах работы и очередных задачах профсоюзов».

«Переломный момент в жизни нашего хозяйства»,—говорится в этой резолюции: «связанный с переходом от восстановительного процесса к реконструктивному и с особыми трудностями этого перехода, требует от профсоюзов особо напряженной работы по широкому просвещению масс, *повышению их интереса к общим задачам класса в его целом* и более широкому вовлечению рабочих масс во все дело социалистического строительства (советы, хозорганы, кооперация и т. д.).

Рост профессиональных союзов, являющийся следствием роста пролетариата в стране, должен послужить могучим фактором укрепления пролетарской диктатуры и социалистического строительства».

Это указание XV партконференции в полной мере оправдалось всем последующим ходом событий. «Общие задачи рабочего класса в целом» в период закладки фундамента строящегося социалистического общества должны быть ясны и понятны каждому даже отсталому рабочему. Трудности, стоящие в настоящий момент перед рабочим классом, пути их преодоления, конкретные шаги и мероприятия партии и правительства—должны постоянно и систематически раз'ясняться профсоюзами широким массам их членов с целью мобилизации сил рабочего класса, его политической консолидации для отпора классовому врагу и дальнейшего социалистического наступления.

Между тем эти важнейшие свои обязанности профсоюзы выполняют недостаточно. В резолюции ноябрьского пленума ЦК по докладу Молотова говорится, что наши массовые организации, в том числе профсоюзы «во многих случаях отстают от роста активности масс и потому в совершенно недостаточной мере используют свои величайшие возможности по мобилизации сил рабочего класса для разрешения стоящих перед ним основных задач и для преодоления связанных с этим трудностей строительства социализма».

Узко профессиональная точка зрения, непонимание общеклассовых задач пролетариата, неумение мобилизовать силы и энергию, энтузиазм масс для преодоления трудностей, что часто сказывается в работе профорганизаций. В низовых звеньях профаппарата это выражается в хвостизме, потакании настроениям отсталой массы, неуменьи дать отпор цеховым и групповым интересам, идущим в разрез с общеклассовыми интересами, отсутствии

политической работы и классового воспитания масс, в недостаточном отпоре таким явлениям, как антисемитизм, религиозные настроения и т. п.

Практика перезаключения колдоговоров, перевыборы завкомов, важнейшие политические кампании, да и повседневная работа профорганов дают много примеров такого «хвостизма».

Эти же по существу явления иногда имеют место и в более верхних звеньях профсоюзов. Здесь это выражается в более скромном и осторожном давлении на отсталые настроения: в «пугании трудностями» вместо мобилизации масс для их преодоления, в недостаточном отпоре колебаниям и сомнениям в отсталых слоях рабочего класса; уклонениях от политической постановки вопросов в различных важнейших отраслях практической работы профсоюзов. Эти недостатки часто имеющие место в профсоюзах, могут быть устранены лишь при более четком и более твердом руководстве профсоюзами со стороны партии.

Усиление партийного руководства в профдвижении должно заключаться в большем внимании со стороны партийных органов к основным вопросам профдвижения и к практической работе профорганов, в большей активности коммунистов на общих и делегатских собраниях рабочих и в четкой работе фракций профсоюзных органов.

Необходимость усиления партийного руководства профсоюзами связана, во-первых, с тем, что в самом содержании и направлении работы профсоюзов период социалистической реконструкции делает значительную передвижку в сторону большего участия профсоюзов в хозяйственном строительстве, в реорганизации и укреплении промышленности, транспорта в первую голову, а также в большем внимании со стороны профсоюзов к экономическому и культурному преобразованию деревни. А, во-вторых, это вызывается необходимостью усиления отпора мелкобуржуазным влияниям, колебаниям и сомнениям в отсталых частях рабочего класса.

Усиление экономической работы профсоюзов, в особенности массовой, укрепление работы производственных совещаний и временных контрольных комиссий, привлечение масс к обсуждению плановых хозяйственных вопросов, капитального строительства в частности, сознательное участие их в процессе рационализации, в снижении себестоимости продукции, в налаживании производства, борьбы с прогулами и халатным отношением к работе, это—не может не итти параллельно с борьбой против цеховых и рваческих настроений отсталых слоев, с мобилизацией сил пролетариата на преодоление трудностей, с повышением интереса масс к общеклассовым задачам пролетариата. Партийные органы, партия в целом должны помочь профсоюзам в этой их важнейшей задаче, усилив свое руководство ими.

В то же время совершено настоятельно перед профсоюзами выдвигается и задача усиления пролетарского влияния на деревню. Отмахивание от этого вопроса совершенно недопустимо теперь, когда идет напряженная классовая борьба в деревне, связанная с ее социалистической реконструкцией, кооперированием бедняцких и середняцких масс, коллективизацией, организацией зерновых и сырьевых совхозов. VIII с'езд профсоюзов сделал решительный шаг вперед в этом направлении. Лучшее обслуживание сезонников как во время сезона работ, так и в местах отхода, укрепление работы среди рабочих, живущих в деревне, помощь работе среди батрачества, развитие шефской работы и работы с отпускниками—эти конкретные и точные директивы с'езда дадут возможность профорганизациям широко развернуть эту работу. И в этом отношении партия должна помочь профсоюзам изжить цеховую узость, встречающуюся кое-где, и своим внимательным и повседневным руководством укрепить приводной ремень к широким массам рабочих, в особенности к тем слоям, которые соприкасаются с деревней.

Второй момент, вызывающий необходимость усиления руководства партии профессиональным движением, это—связанные с трудностями реконструкции колебания и сомнения в отсталых слоях рабочего класса. В резолюции VIII с'езда профсоюзов по докладу ВЦСПС указано: «Трудности социалистического строительства, сопротивление капиталистических элементов города и деревни социалистическому наступлению пролетариата, попытка враждебных делу социализма сил оказать влияние на отдельные отсталые слои рабочих вызывают среди них проявление мелкобуржуазных настроений и колебаний в отношении проведения генеральной линии компартии и совласти в осуществлении быстрого темпа индустриализации страны и социалистического переустройства деревни, а также находят свое выражение в усилении влияния религиозных элементов, проявления антисемитизма и т. п.».

Практические задачи, стоящие перед профсоюзами в связи с этим, следующим образом формулированы в резолюции того же с'езда о задачах культурно-просветительной работы союзов: «В связи с этим профсоюзы должны обратить гораздо больше внимания на классовое воспитание новых кадров рабочих, незнакомых с укладом и бытом дореволюционной фабрики, не испытавших тяжестей гражданской войны и восстановления хозяйства, в особенности рабочих, пришедших из деревни, проникнутых в значительной мере крестьянскими интересами и склонных держаться в стороне от основной пролетарской массы, ее интересов и общественности».

«Поэтому во всей культурно-просветительной работе профессиональных союзов следует усилить классовое, политическое воспитание, раз'яснения основных задач рабочего класса и злободневных вопросов. Освещение практической работы советской власти, профсоюзов и коммунистической партии в разрешении конкретных задач социалистического строительства, а также идейную борьбу с мелкобуржуазными предрассудками и влияниями среди отсталых слоев пролетариата, которая должна вестись как путем поднятия культурного уровня этих слоев рабочих, так и путем внимательного повседневного товарищеского раз'яснения классовой сущности этих влияний и предрассудков. Профсоюзы должны также усилить борьбу с классово-чуждыми влияниями на идеологическом и культурном фронте».

Нельзя не отметить, что усиление политической работы профсоюзов во всех отраслях их деятельности, абсолютно необходимое в настоящий момент и вытекающее из всей обстановки усиление партийного руководства профсоюзами вызывает в рядах некоторых профработников сомнения и возражения. Говорят, что стирается грань между профсоюзами, как массовыми организациями раб. класса и партией, как его авангардом. Конечно, все это неверно, ибо является явным и необоснованным преувеличением, доводящим до абсурда совершенно необходимые меры.

В профдвижении имеются две опасности. С одной стороны, опасность отрыва от масс, а с другой —опасность ослабить руководство и идейную борьбу с мелкобуржуазным влиянием. В резолюции XI с'езда партии о профсоюзах, после раздела «О связи с массой» имеется раздел «Профсоюзы и мелкобуржуазные влияния на рабочий класс», который мы приведем полностью:

«Профсоюзы лишь тогда реальны, когда об'единяют очень широкие слои рабочих. Отсюда вытекает неизбежно, особенно в стране с громадным преобладанием крестьянства, сравнительная устойчивость именно среди профсоюзов всех политических влияний, которые являются надстройкой над остатками капитализма и над мелким производством, это—влияния мелкобуржуазные, т.-е. с одной стороны, эсэро-меньшевистские (российская разновидность партий второго и двухсполовинного Интернационалов), с другой —анархическое; только среди этих течений осталось сколько-нибудь заметное число лиц, которые защищают капитализм не из корыстно-классовых

мотивов, а идейно, продолжая веровать в неклассовое значение проповедываемых ими «демократии», «равенства», «свободы» вообще.

Именно, указанной специально экономической причиной, а не ролью отдельных групп, тем менее отдельных лиц, следует об'яснить наблюдаемые у нас пережитки (изредка и возрождение) подобных мелкобуржуазных идей внутри профсоюзов. И компартия, и совучреждения, ведущие культурно-просветительную работу, и все коммунисты среди профсоюзов должны поэтому обратить гораздо большее внимание на идейную борьбу с мелкобуржуазными выражениями, течениями и уклонами внутри профсоюзов, тем более, что новая экономическая политика не может не вести к известному усилению капитализма. Противовес этому, в целях борьбы с мелкобуржуазным влиянием на рабочий класс, настоятельно необходим».

Это указание мы должны помнить постоянно. Тем более это нельзя забывать в тот момент, когда партия об'явила решительную борьбу с колебаниями, связанными с мелкобуржуазным влиянием на отсталые слои рабочего класса.

П. Горин.

Об одной победе марксистов на фронте науки.

В конце декабря и в первых числах января с. г. в Москве состоялась первая всесоюзная конференция историков-марксистов [1]). Конференция, превзошла даже все предположения ее организаторов. Уже общее количество участников конференции может явиться показателем ее размаха. Всего участвовало в заседаниях конференции и секции, включая гостей, свыше 800 человек [2]), из них 123 делегата с решающим голосом и 272 — с совещательным. На конференции были представлены почти все университетские города СССР. Большинство делегатов—члены ВКП(б)—88%. Огромный процент коммунистов сопровождался также и высокой научной квалификацией собравшихся: 82% делегатов имели научные труды. Таким образом, конференция собрала наши основные квалифицированные кадры историков-марксистов и в первую очередь — научных работников-коммунистов.

Состав конференции определял и характер ее работ. Необходимо отметить, что конференция, собравшись в период оживления антимарксистских течений, не могла не подвести итогов развития марксистской исторической науки и не реагировать на отдельные вылазки анти и псевдо-марксистов. Конференция не могла, конечно, также пройти мимо итогов развития исторической науки и за пределами СССР. Сопоставление достижений исторической науки у нас и за границей не только в общих вопросах исторического знания, но также в ее отдельных участках, собственно, красной нитью проходило во всей работе конференции.

Недаром, открывая конференцию, М. Н. Покровский во вступительном слове большое внимание уделил характеристике современного состояния исторической науки в Западной Европе. Дав ряд ярких мазков происходившего в 1928 г. всемирного конгресса историков в Осло, т. М. Н. Покровский показал кризис и беспомощность западно-европейской буржуазной науки, бьющейся в сетях национализма. Этот кризис нашел свое отражение на конгрессе в Осло в докладах ряда историков. Так, делясь впечатлением о докладе проф. Г. Онкена, М. Н. Покровский иронически заметил, что, когда он «слушал Г. Онкена, так и представлялась мне старая аудитория Московского университета... Буквально, я слышал то самое, что можно было прочесть в гениальном изложении у Ранке 40 лет тому назад» [3]). Кризис западно-европейской исторической науки в основном, конечно, обуславливается ее органической связью с классовой идеологией буржуазии; историческая наука является ее составной частью. Классовость западно-европейской исторической науки М. Н. Покровский блестяще показал и на примере последних работ Допша, крупного, современного буржуазного ученого, специалиста в области истории средневековья, который на примерах такой далекой эпохи, как средневековье, ухитряется производить политические выпады против современного коммунизма.

Кризис западно-европейской исторической науки был продемонстрирован на всемирном конгрессе в Осло, но было бы ошибочно думать, как это делают некоторые марксисты, что в настоящее время «буржуазная историческая наука—давно потухшее солнце». Западно-европейская историческая наука является еще мощным орудием в общей системе идеологии империализма. Вот почему в первую очередь перед марксистской исторической наукой остро стоит задача разоблачения основ западно-европейской буржуазной историографии.

Есть все основания предполагать, что западно-европейская буржуазная историческая наука перед тем, как окончательно впасть в смертельную агонию, в целях самосохранения, предпримет еще всевозможные попытки самозащиты и мимикрии. Но подлинный выход из кризиса возможен, конечно, только в результате торжества марксистского метода исследования. Действительно, среди подлинно ученых в Западной Европе марксизм находит своих сторонников, в то время, как среди реакционной профессуры он вызывает ненависть и боязнь. Только этой боязнью марксизма и можно об'яснить, что на всемирный конгресс в Осло, где был представлен цвет реакционной профессуры, не были приглашены не только западно-европейские марксисты, но даже и ученые, близкие к марксизму, как, например, современный крупнейший историк Франции Матье. Вот почему конгресс историков в Осло не отразил всего современного состояния исторической науки на Западе. Рост рабочего движения в Западной Европе создает свои кадры историков-марксистов. Правда, слой революционных историков-марксистов в Западной Европе численно еще ничтожен, но факт быстрого роста влияния революционного марксизма неоспорим. В этих условиях развитие марксистской исторической науки в СССР приобретает огромное интернациональное значение. Перед историками-марксистами СССР стоит боевая задача показать, что только марксизм, идущий на смену буржуазному эклектизму, является подлинно научным методом, применение которого знаменует новый этап в развитии современной исторической мысли.

Происходящая всесоюзная конференция действительно продемонстрировала наличие значительного кадра квалифицированных историков-марксистов, обеспечивающего дальнейшее развитие исторической науки. Этим и об'ясняется то, что в противовес конгрессу в Осло, где старались обойти «острые» вопросы и, почти как правило, доклады не подвергались обсуждению, на нашей всесоюзной конференции преимущественно были поставлены актуальные проблемы современного изучения истории, вызвавшие весьма оживленные прения. Всего на всесоюзной конференции историков-макркситов было заслушано свыше 40 научных докладов, в прениях по которым приняли участие более 150 делегатов. Само собой разумеется, что в нашей статье мы не претендуем на изложение этих докладов [4]). Отметим только, что в докладах, заслушанных на конференции, был разобран ряд самых злободневных вопросов истории, представляющих интерес не только для узкого круга историков-специалистов. Так, на конференции были заслу-

[1]) Конференция открылась 28 декабря 1928 г. и закончила свои работы 4 января 1929 г.

[2]) Орг. комиссией по созыву конференции было отказано в гостевых билетах более 1.500 чел.

[3]) «В 80-х гг. XIX в. был Ранке,—говорит М. Н. Покровский,—и был Ранке великим авторитетом даже для нас—тогдашней молодежи. 40 лет прошло, и Ранке больше не удовлетворяет своих поклонников».

[4]) Доклады, заслушанные на конференции, и прения по ним были застенографированы и в настоящее время ведутся подготовительные работы по изданию «Трудов первой всесоюзной конференции историков-марксистов», выход из печати которых предполагается в апреле с. г.

шаны доклады: М. Н. Покровского «Ленинизм и русская история» [1]), В. Невского «История партии как наука», К. А. Попова «Проблема перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую в истории большевизма», Н. Лукина «Проблемы изучения эпохи империализма», Фридлянда «Итоги изучения великой французской революции», Н. Ванага «О характере финансового капитализма в России», акад. Марра «Об историческом процессе в освещении яфетической теории» и т. п.

Конференция ставила своей основной задачей борьбу за марксистско-ленинское понимание исторического процесса. При разработке многочисленных вопросов историк-марксист нередко не только оказывается в положении исследователя нетронутых целин, но чаще всего встречается с многочисленными «трудами» буржуазной историографии, изображающими историю в кривом зеркале. И здесь перед исследователем-марксистом в первую очередь стоит задача критической разработки уже имеющегося материала и возможного использования наследства буржуазной историографии. Как хорошо известно, без достаточной марксистско-ленинской подкованности, исследователь-марксист легко может оказаться в плену буржуазной историографии. Достаточно, напр., отметить, что даже пользование сборниками опубликованных документов требует критического подхода, так как и сама публикация документов не носит характера «внеклассовости» (напр., материалы по 1917 г., опубликованные Львов-Рогачевским; «Хроника февральской революции», сост. Заславским и Конторовичем и т. п.).

Борьба за принципиальную чистоту марксизма и ленинизма в области исторических исследований и никаких компромиссов с буржуазной историографией—вот тот боевой лозунг, под которым проходила конференция. Вместе с тем конференция ставила своей задачей борьбу за изживание ряда пережитков предмарксизма, которые в настоящее время иногда разделяются некоторыми историками-марксистами. Недаром в своем докладе «Ленинизм и русская история» М. Н. Покровский большое внимание уделил разбору «экономического материализма», определяемого им, как «марксизм минус диалектика, т.-е. марксизм минус революция» и являющегося «источником больших ошибок» в исторической науке. Ссылками на В. И. Ленина и Маркса М. Н. Покровский показал, что экономическое об'яснение истории и даже признание момента классовой борьбы в истории не равнозначаще марксизму и ленинизму. Не нужно забывать, что признание классовой борьбы впервые принадлежало социологам и историкам буржуазии (напр., Тьерри, Гизо), и идеология буржуазии не так примитивна, как нередко у нас принято думать. Кроме признания экономического фактора и классовой борьбы в истории, марксизм и ленинизм рассматривает ход исторического развития в его диалектическом процессе кладя в основу признание классовой борьбы до признания диктатуры пролетариата. «Ограничивать марксизм учением о борьбе классов, — писал В. И. Ленин, — значит урезывать марксизм, искажать его, сводить его к тому, что приемлемо для буржуазии. Марксист лишь тот, кто **распространяет** признание борьбы классов до признания **диктатуры пролетариата**. В этом самое глубокое отличие марксиста от дюжинного мелкого (да и крупного) буржуа. На этом оселке надо испытывать **действительное** понимание и признание марксизма» [2]).

Действительно, ряд историков, признающих марксизм с оговорками, доказали, что их марксизм, превращаясь в «марксизм» (в кавычках) перестает быть боевой пролетарской идеологией. Примером такого «марксизма» и может служить, напр., работа Н. Рожкова. Глубокая верность ленинского

[1]) В несколько переработанном виде доклад т. М. Н. Покровского опубликован в журнале «Пролетарская революция», № 1 за 1929 г.

[2]) Ленин, Собр. соч., т. XIV, ч. 2, стр. 323.

определения марксизма нашла свое подтверждение и в материалах, сообщенных в докладах Лукина «О проблемах изучения эпохи империализма» и Ц. Фридлянда «Об итогах изучения Великой французской революции».

Из работ буржуазных историков, исследующих эпоху империализма, никак нельзя сделать вывода, что они признание фактора классовой борьбы целиком выбрасывают из своего арсенала [1]). Совершенно неверно также, что буржуазная историческая наука, как у нас нередко принято думать, чурается изучения современности. Среди западно-европейских буржуазных историков в настоящее время наблюдается огромный интерес к изучению эпохи XIX в. и довоенного империализма. Этот повышенный интерес к изучению эпохи империализма, как правильно отметил тов. Н. Лукин, «несомненно, стимулируется теми актуальными проблемами своевременности, которые в конечном счете выдвигаются ходом классовой борьбы, с одной стороны, и той ожесточенной борьбы на арене мировой политики, которая развертывается в наши дни». Следует, однако, отметить, что признание классовой борьбы буржуазными учеными нередко умело драпируется в обоснование «классового мира» под гегемонией буржуазии. Не нужно также забывать, что в переживаемый нами период кризиса империализма и перехода к социалистическим отношениям, с.-д. историки (как известно, не боящиеся бросать фразы о классовой борьбе) аппробированы буржуазией и занимают университетские кафедры (напр., Кунов). Все это заставляет нас относиться сугубо осторожно к тем историкам, которые, заявляя себя марксистами, на деле ограничиваются признанием экономического фактора и классовой борьбы, и сомнениями по части зрелости пролетариата для установления его диктатуры. Необходимо определенно заявить, что не является марксистом тот, у кого может вызывать сомнение основное ленинское положение о зрелости пролетариата для диктатуры и социалистической революции. Это должно стать нашим основным положением, потому что некоторые из историков-марксистов нередко склонны доверчиво считать историком-марксистом всякого, заявляющего о своем признании марксизма.

Основное определение марксизма у Ленина для нас особенно важно помнить в наши дни в условиях оживления буржуазных исторических течений, часто прикрывающихся лже-марксистской фразой. Ленинское определение марксиста должно в настоящее время особенно быть хорошо известным и тем историкам-коммунистам, которые думают ценой о возможности «второстепенных» принципиальных уступок приблизить к марксизму его противников. Как правильно отметил М. Н. Покровский, об «экономическом материализме» нам «говорить стоит и стоит говорить в особенности на этой конференции».

Подводя же общий итог работам конференции, необходимо признать ее огромные научные заслуги. Помимо того, что конференция продемонстрировала быстрый рост марксистской исторической науки, она наметила также и вехи дальнейшей научной разработки ряда проблем исторического знания. Конференция еще лишний раз подтвердила, что марксизм действительно является подлинно **об'ективным научным методом**, при помощи которого возможно понять ряд исторических явлений, совершенно недоступных пониманию буржуазной историографии. Собственно, этими преимуществами марксизма об'ясняется совершенно ничтожное влияние у нас открытых врагов марксизма. Но было бы ошибочно, упиваясь плодами побед марксизма, игнорировать наличие в СССР немарксистских течений в нашей исторической науке и говорить о полном их ничтожестве.

За последнее время, в связи с общим оживлением классовой борьбы в стране, наблюдается оживление буржуазных течений. Правда, как отмечалось на конференции, активность немарксистской историографии вызывается

[1]) Ср., напр., работу Е. Тарле «Европа в эпоху империализма» или работы заграничных историков, напр., Муна, «Империализм и мировая политика» и др.

завоеванием марксизмом все новых и новых отраслей исторического знания, что, естественно, и вызывает сопротивление врагов. Тем не менее, было бы глубоко ошибочным замазывать рост активности немарксистских элементов. Это тем более важно потому, что рост активности чаще всего идет под прикрытием лже-марксизма. Внешнее прикрытие «марксистской» фразой чаще всего служит формой буржуазного приспособленчества. Благодаря этому, историкам-марксистам особо необходимо помнить о необходимости решительной борьбы за принципиальную чистоту марксизма. Все эти моменты и были учтены в резолюции конференции, принятой единогласно, в которой также подведены и положительные достижения марксистской мысли в СССР [1]). «Констатируя еще раз огромное значение марксистской исторической науки,—говорится в ней,—как одного из важнейших участков идеологической борьбы пролетариата за социализм (конференция) отмечает наличие в нашей стране обширного контингента историков, стоящих на точке зрения Маркса, Энгельса и Ленина, умеющих владеть историческим материализмом и имеющих крупные достижения в области как научно-исследовательской, так и научно-популяризаторской и методической работы».

Но конференция, на ряду с констатированием огромных достижений марксистской исторической науки, отметила и ряд недостатков. К числу таких недостатков конференция относит «заакадемизированность» некоторых марксистов, которая об'ективно толкает к отрыву от действительного марксизма и нередко ведет к тому,что среди некоторых историков-марксистов появляется «склонность рассматривать свою работу не как часть общей пролетарской борьбы на определенном участке фронта, а как деятельность «об'ективно-научную», даже противопоставляя ее политике». В связи с этим «конференция решительно призывает историков-марксистов расстаться со старыми «профессорскими» привычками и помнить, что при всей важности академической выдержанности наших писаний, образцом для нас должны быть не знаменитости академического мира, всегда являющиеся прислужниками эксплоататорских классов и, в самом лучшем случае, искавшие в «об'ективности» убежища от политики, но ученые-революционеры, типом которых в нашей стране являлись в старые годы Чернышевский, а в новейшее время—Ленин, сделавший для понимания русского исторического процесса больше, нежели все обладатели всех исторических кафедр всех «российских» университетов».

В качестве второго недостатка современной работы историков-марксистов конференция констатировала «неизжитость, а иногда на базе оживления мелкобуржуазной идеологии, оживление подчас и националистических точек зрения, вплоть до подмены классового об'яснения «этнографическим». Этому явлению конференция придала большое значение, так как нередко подмена классовой точки зрения националистической проводится под флагом «марксизма». Эти моменты особенно опасны для национальных республик в настоящее время, когда оживляющиеся анти-советские элементы, естественно, в первую очередь попытаются использовать национальный момент.

Исключительное же внимание было уделено конференцией «примиренчеству» с немарксистскими течениями: конференция решительно осудила всякую попытку соглашательства и признала абсолютную недопустимость малейших принципиальных уступок. «Конференция напоминает всем историкам-марксистам,—говорится в резолюции,—что мы являемся воинствующими марксистами, первая обязанность которых заключается в борьбе с чуждыми марксизму и классово-враждебными пролетариату идеологиями и их пережитками, в чем бы они ни состояли и кто бы их ни распространял. Такого рода борьба является особо настоятельной в настоящий момент, когда представители идеологий чуждых пролетариату поднимают голову и переходят в на-

[1]) Резолюция конференции была опубликована в «Правде» от 5 января 1929 г.

ступление. Никакой в этом отношении «нейтралитет» и никакие уступки, никакого рода оппортунизм не могут быть допущены нашей школой, которой недостаточно быть только материалистической—историков материалистов имела и имеет буржуазия—но которая должна быть ленинской в полном смысле этого слова, все подчиняющей основной цели—борьбе за освобождение пролетариата во всем мире и строительству социализма».

Конференцией, кроме того, принято решение и по ряду организационных мероприятий, обеспечивающих проведение в жизнь общей резолюции. Так, принято постановление о необходимости оформления общества во всесоюзную организацию [1]), создание института истории при Ком. Академии (с одновременной реорганизацией института истории РАНИОНА), усиление интернациональных связей и т. п.

Касаясь работ конференции, необходимо отметить и огромную работу, какую она провела в области методики преподавания истории. В докладах тт. Кривцова, Мамета, Слуцкого и Иоаннисиани и в прениях по ним была выявлена чрезвычайно интересная борьба, которую немарксистские силы подчас успешно ведут за свое господство в области преподавания истории. Неудивительно поэтому, что работа методической секции конференции привлекла большое внимание ее участников и конференцией по методическим вопросам была принята особая резолюция. «В методической литературе—говорится в ней—мы имеем налицо ряд течений, являющихся мелкобуржуазным извращением марксизма, которые сводят на-нет воспитательное значение исторических знаний, создавая у учащихся извращенное представление о ходе исторического процесса, и в результате воспитывают не марксистов-ленинцев, а людей, которые не будут готовы к роли активных строителей социалистического общества». Сигнализируя неблагополучие в области методики преподавания истории, конференция призывает к решительной и упорной борьбе с этими извращениями марксизма и указывает на необходимость четкой ленинской линии в области программного творчества.

В заключение необходимо отметить, что, помимо общей резолюции, принятой на пленуме конференции, ряд вопросов о задачах историков-коммунистов был обсужден на собрании коммунистической фракции. Оживленные прения, развернувшиеся вокруг вопроса о примиренчестве некоторых историков-коммунистов, отчетливо подчеркнули, что основная масса историков-коммунистов стоит на ленинских позициях и даст отпор всякому, покушающемуся на чистоту ленинских принципов. В связи с этим коммунистическая фракция всецело одобрила начатую обществом историков-марксистов еще весной 1928 г. решительную борьбу с правыми и примиренческими тенденциями, наблюдающимися среди некоторых историков-коммунистов и отражающими, по существу, натиск мелкобуржуазных слоев на колеблющиеся элементы нашей партии. Особое внимание ком. фракция предложила также уделить разоблачению анти и псевдо-марксистских выступлений наших противников, нередко прикрывающихся марксистской фразеологией. То единодушие, с каким ком. фракция осудила попытки примиренчества ряда историков-коммунистов, дает все основания сделать вывод, что основное ядро историков-марксистов—ее коммунистическая часть—не выхолостит боевой и революционной сути марксизма, без которой марксизм превращается в «течение», приемлемое и для буржуа. Только боевому характеру и его нетерпимости малейших искажений идеологии пролетариата мы обязаны тем, что историческая наука в СССР за сравнительно короткий срок дала ряд блестящих научных исследований и вывела русскую историографию из того тупика, в который она зашла в начале XX в.

[1]) Еще до конференции Общество историков-марксистов при Ком. академии имело отделения в Белоруссии, Грузии, Туркменистане и ряде городов. В настоящее время ведется работа и по организации марксистских сил и на Украине.

И. Мингулин.

За линию VI конгресса в компартии Америки!

Наша коммунистическая партия в Америке работает на аванпостах борьбы с мировым империализмом. Здесь самое слабое звено мировой пролетарской революции, здесь господство самого могущественного представителя—«демиурга»—международного реакционного империализма. Это пред'являет особые требования к партии, особенно остро ставит вопрос о большевистски выдержанной линии ее руководства, единства и закаленности ее рядов. Международная пролетарская революция ставит свои задачи перед коммунистами, не дожидаясь, пока они готовы к их разрешению. Со времени Октябрьской революции еще ни одна наша партия, особенно в части руководства, не встретила более или менее достаточно подготовленной ставшие перед ней революционные задачи. Но ряд наших партий уже прошел боевую школу и закалку, школу большевизации. Поражения и ошибки научили многому. Наша американская партия, встав вместе с другими крупнейшими партиями перед боевыми задачами новой полосы исторического развития, не имеет этой предшествующей боевой школы и подготовки. Напряжение, с которым партия должна проводить большевизацию своих рядов, должно быть поэтому значительно большим. Большевистские требования к партии должны быть удвоены. Линия VI конгресса—линия большевизации на основе боевой подготовки к нарастающим боям против войн и за пролетарскую революцию—эта линия должна с особенной непримиримостью проводиться в американской партии.

Наша американская партия занимает специфическую и важнейшую позицию и в другом отношении. Она работает в стране могущественнейшего империализма. Ее тактика базируется на анализе положения и тенденций развития этого империализма. Но характеристика положения этого империализма есть характеристика половины мирового положения. Американский империализм—действительно мировой и все больше становится таковым. Его позиция не может не определяться и будучи определена не может не определить и мировое положение. Анализ положения американского империализма больше, чем любого другого определяет наш мировой анализ, пути и перспективы мировой пролетарской революции. Американская партия есть глаз и слух Коминтерна в этом решающем месте. Что и как она видит—это весьма большой вопрос, неразрывно связанный с судьбами Интернационала. Не случайно Троцкий избрал Америку ключем для определения мирового положения. Неправильно употребив этот ключ, он не открыл себе доступ к правильному пониманию вопроса. Не случайно Коминтерн во весь рост поставил этот вопрос со времени частичной стабилизации капитализма. И здесь на нашу партию ложится огромнейшая ответственность перед всем Интернационалом.

Было бы ошибкой преуменьшить значение этой последней задачи. Не менее ошибочно было бы считать, что она может быть разрешена оторванно от первой. Анализ партии от анализа любого другого и самого лучшего исследовательского бюро и института отличается тем, что статистика в первом случае корректируется и опережается живой классовой борьбой. Только партия, тесно связанная и руководящая этой борьбой, может дать такой правильный большевистский анализ об'ективного положения. Здесь неизлишне вспомнить слова Энгельса из его «Введения» к работе Маркса «Борьба классов во Франции 1848—1850 гг.».

«При суждении о событиях и группах событий современной истории никогда не будет возможности дойти до последних экономических причин. Даже теперь, когда соответствующая специальная литература доставляет такой богатый материал, невозможно даже в Англии изо дня в день проследить ход промышленности и торговли на мировом рынке, равно как и все изменения, происходящие в способах производства,—невозможно проследить так, чтобы в любой момент можно было вывести общий итог из этих многообразных, переплетающихся и постоянно меняющихся факторов. *Самые важные из них к тому же по большей части в течение долгого времени действуют в скрытом состоянии, пока, наконец, внезапно и мощно не найдут себе проявления.* (Курсив наш. *И. М.*). Ясная картина экономической истории данного периода не может быть приобретена, пока этот период еще не завершился: она приобретается лишь потом, post factum, когда уже собран и просеян материал. Статистика является здесь необходимым вспомогательным средством, а для читателя всегда позади» (т. III, стр. 6).

Революционная партия должна уметь выйти из этого положения. А выход здесь может быть лишь один: полностью и со всей тщательностью использовать весь научный аппарат, не твердить только статистические зады, а выявить из опыта и опытом классовой борьбы то и те тенденции, которые статистика установит лишь пост-фактум.

Задача партийного анализа в том и состоит, чтобы не плестись в хвосте уже плетущейся в хвосте статистики. А это возможно лишь при условии тесной связи работы анализа с руководством повседневной и общей классовой борьбой. Партийный анализ должен как раз выявить те черты ситуации, «самые важные из них», которые «к тому же по большей части в течение длинного времени действуют в скрытом состоянии». Это основное требование и черта партийного анализа. Так как только тогда этот анализ будет «партийным» в том широком смысле, в каком Ленин употреблял его в борьбе против Струве и легального марксизма вообще. И если наша партия в Америке не может еще играть роль большого революционного фактора (а постепенно и здесь она завоевывает позиции) своей практической работой, то она несомненно может вложить свой революционный вклад в работу Коминтерна партийным анализом ситуации американского империализма. Идеологический и теоретический уровень партии поэтому должен быть радикально поднят.

Каково положение нашей партии с этих двух важнейших точек зрения? Предстоящий в феврале партийный с'езд должен дать на эти вопросы ясный ответ, провести линию VI конгресса в американской партии. Мы здесь попытаемся под углом зрения задач с'езда дать ответы на важнейшие вопросы партийного развития.

До сих пор американская компартия была у нас как-то на отлете. Она была как-то в стороне от большой дороги развития Коммунистического Интернационала. Но сейчас и увеличивающаяся активизация С.-А. С. Шт. в мировой политике и растущая классовая борьба в стране и задачи и роль партии в ней требуют, чтобы этой «изоляции» партии от больших вопросов Коминтерна положить конец. Партия, переживая процесс превращения из пропа-

гандистской организации в партию действия в классовой борьбе, не может не занять соответствующее место и в развитии Коминтерна. И обратно развитие Коминтерна не может не натолкнуться на проблемы американской партии, как общие и решающие проблемы развития всего Интернационала.

Центральным вопросом партийной жизни во все последние годы была фракционная борьба в партии. Эта борьба, как не раз отмечал Коминтерн в своих решениях, не имела под собой сколько-нибудь серьезной принципиальной базы. Об'ективное развитие в стране, классовая борьба, роль партии в ней и, прежде всего, весьма слабая связь партии с широкими массами при наличии глубоких цеховых и групповых традиций в партии, придавали этой фракционной борьбе по преимуществу характер борьбы групп и групповых интересов, не отражающих сколько-нибудь серьезных сдвигов в пролетариате или в партии.

Но в последнее время это положение подвергается все большим и значительным изменениям, определяемым развитием классовой борьбы и суб'ективными факторами, заложенными в партии и ее руководстве. Постепенно, за последнее время с периода накануне, во время и после VI конгресса Коминтерна споры в партии сконцентрировались вокруг кардинальнейших вопросов Коммунистического Интернационала и развития самой партии, как-то: определение ситуации американского империализма, в том числе и особенно радикализации масс и в значительной степени косвенно и прямо и ситуации мировой; постановка и анализ вопроса о внутренних, т.-е. межклассовых и внешних, т.-е. внутриклассовых противоречиях империализма; постановка вопроса о борьбе с уклонами от ленинской линии и, прежде всего, главнейшим из них—откровенно-правым уклоном, борьбе с «левым» уклоном и троцкизмом. Понятно, что эти обстоятельства при наличии нарастающей и обостряющейся классовой борьбы внутри страны и крепнущей связи партии с этой борьбой не могут не переводить фракционной борьбы внутри партии с плоскости беспринципной групповщины на большую принципиальную высоту [1]). Если бы сказать иначе, то это означало бы одну из четырех постановок: или партийное руководство терпит крах, не отражая в своей борьбе сдвиги в массах и в партии; или партия терпит кризис, оторвавшись от массовой борьбы, не сумев связаться с ней, руководить ей; или об'ективная ситуация и развитие классовой борьбы совершенно иные, чем установили тезисы VI конгресса Коминтерна; или, наконец, считать, что вопреки разуму и наперекор стихии, при наличии всех этих факторов, борьба все же не имеет, не начинает приобретать достаточную принципиальную основу. Одно ясно, что все эти постановки ставят партию перед весьма печальными перспективами, не вытекающими из действительности, анализированной VI конгрессом. Уже одно то обстоятельство, что от меньшинства партии откололась группа троцкистов с Кенноном во главе, говорит за то, что содержание и значение внутрипартийной борьбы радикально меняется.

Только поняв это обстоятельство можно дать правильную оценку партийной ситуации, об'яснить ее и наметить пути и средства выхода из кризиса роста, который переживает сейчас партия.

Этот кризис роста определяется соотношением между тремя основными элементами. Партия и классовая борьба: в последние 1½—2 года намечается поворот в мировой и американской ситуации и обострение классовой борьбы; эта борьба нашла в партии своего руководителя, но последняя к этому пришла через целый ряд правых ошибок, т.-е. ошибок хвостистского порядка, порядка запаздывания в перемене тактической линии, колебаний, нерешительности. Партия и ее руководство: при несомненных сдвигах в низах и активе партии

[1]) Это, разумеется, ни в коей мере не означает еще оправдания острой фракционной борьбы в партии.

руководство партии или раздиралось групповой борьбой или «несло» львиную долю ответственности за правые ошибки партии; лишь в последнее время эта борьба на верху начинает принимать отмеченный выше характер, что и есть показатель и основа кризиса роста партии. Партия и Коминтерн: при ясной линии Коммунистического Интернационала партийное руководство в одной части фактически грубейшим образом извращает линию КИ, а в другой делает оговорки в американском вопросе; руководство почти в целом становится средостением между Интернационалом и партией. Таким образом, здесь совершенно ясно имеется налицо кризис роста партии, находящий свое наиболее яркое и острое выражение в кризисе партийного руководства.

Таковы исходные позиции анализа. Вопрос об американской партии надо брать во всей его серьезности. Но это возможно лишь при правильном анализе, последовательно проводящем и развивающем линию VI конгресса Коминтерна. И обратная позиция фактически неизбежно ведет к одной из указанных выше четырех постановок.

* *
*

Американский империализм стал организованной на основе высочайшей техники фабрикой милитаризма, грабежа, подготовки и ведения войн, кузницей все усиливающейся эксплоатации масс. В все обостряющейся борьбе с своими не менее хищными, но более слабыми конкурентами и, прежде всего, с загнивающим, но цепко хватающимся за свои старые привилегированные позиции мировым британским империализмом, американская банковско-монополистская плутократия, как и ее соперники по ту сторону океанов, все усиленней развивает и развязывает все чудовищные фурии всемирной и небывалой бойни. Никакие пацифистские разговоры и планы не способны затушевать этот основной факт. Бешеная подготовка этой бойни стала уже ясной и конкретно и практически решенной задачей для ее основных империалистских партнеров, а безответственность и мишурный характер пацифистской болтовни, настолько очевидной и всеми этими партнерами молчаливо принятой формой прикрытия военно-политической подготовки и ее орудием, что мы в последнее время являемся свидетелями лихорадочной конкуренции и в изобретении всяческих «самых лучших» пацифистских планов. Американский империализм здесь, как и в других областях, оказался впереди и побил своих конкурентов... Пакт Келлога представляет собой образец величайшего лицемерия, которое может дозволить себе лишь страна, милитаристические возможности и могущество которой вполне освобождают ее от всякого серьезного отношения к исполнению своих словесных обязательств. Это возлагает особые задачи на нашу партию.

Этот империализм имеет и вполне достойный его реформизм—Американскую Федерацию Труда, об'единяющую высоко оплачиваемую, аристократическую и на верхушке своей подкупленную буржуазией часть рабочего класса. Поколебать, расшатать и победоносно выступить против американского империализма, а тем самым и гигантски продвинуть вперед дело международной пролетарской революции пролетарский авангард может только поколебав, расшатав и разбив влияние реформизма АФТ над рабочими массами Америки. И здесь нашей партией сделаны лишь первые шаги, и почти все предстоит сделать еще впереди.

Против этих двух врагов, на два фронта в борьбе против опасности войны наша партия должна направить всю силу своей работы. Против американского империализма—весь огонь, против самого завершенного и цинично-предательского реформизма в лице, прежде всего, лейтенантов буржуазии из Американской Федерации Труда—таков должен быть центральный лозунг партии во всей ее работе.

I. Империализм, реформизм и коммунизм в Америке (САСШ)

Без ясного большевистского разрешения вопроса о взаимоотношениях и роли этих трех, а по существу—двух основных социально-политических сил в Америке на данном этапе исторического развития, невозможна правильная линия коммунистической партии.

Основное в развитии американского империализма за последние годы характеризуется постоянной активизацией его международной политики и быстрым переходом затем от активной к агрессивной—наступательно-империалистической—политике. Это проявляется в отношении его империалистских соперников, об этом красноречивым языком говорят и его кровавые колониальные экспедиции, об этом свидетельствует его, в конечном счете, решающая роль в политике империалистической травли и борьбы с СССР, которая в зависимости от интересов его борьбы с своими соперниками и других экономических интересов, принимает ту или иную форму или иногда даже несколько видоизменяется. Это находит свое полное отражение и в политике американской буржуазии внутри страны и, раньше всего, в отношении усиления эксплоатации рабочего класса. Не менее ясно это отражается и решает внешнюю и внутреннюю политику американского реформизма (социалистической партии и, главным образом, АФТ). Выборы Гувера в президенты и будущие основные линии политики его администрации могут быть поняты только с этой точки зрения. Такое положение определяется всем ходом развития международных и империалистических отношений, всей той ролью и местом, которые Америка (САСШ) занимает в них экономически и политически.

А. Экономика американского империализма.

Соединенные Штаты занимают доминирующее положение во всем мировом капиталистическом хозяйстве. Такое место они заняли в результате развития в последние два—три десятилетия. Шаг за шагом хозяйственный центр капитализма перемещался на американский континент пока, в результате войны, окончательно не установилось новое взаимоотношение во всем мировом хозяйстве. Созданный всем историческим развитием капитализма, опирающийся на огромные экономические и технические преимущества американского империализма, этот процесс, неимоверно обостряя мировые противоречия, в дальнейшем своем неизбежном развитии ведет с необходимостью к небывалым истребительным империалистическим столкновениям. Только развитие пролетарской революции и наличие СССР может изменить и изменяет основное направление борьбы, организуя силы империализма, прежде всего, против Советского Союза, против нарастающей пролетарской революции.

Развитие доминирующего положения Соед. Штатов проходило и проходит и не может иначе проходить при капитализме—крайне неравномерно. Это особенно начинает чувствоваться сейчас, когда империалистические конкуренты Америки понемногу вылезли из специфической послевоенной разрухи и начинают оказывать все растущее экономическое сопротивление своему могучему конкуренту. Если в годы послевоенной разрухи С. Штаты могли более или менее легко удерживать и развивать свои мировые позиции, то в последующем всесторонний, хотя и медленный рост мирового производства при чрезвычайно узких и относительно суживающихся рамках покупательной способности масс и рынков, все больше затрудняет для империализма Соед. Штатов дальнейшее развитие и удержание завоеванных позиций. *Этот процесс есть не что иное, как все более тесное включение Америки в рамки и в законы всеобщего кризиса мирового империализма.* Самое общее и внешнее проявление этого обнаруживается в растущей неустойчивости американской кон'юнктуры. Мобилизуя все свои огромные резервные силы, со всей возможностью усиливая и напрягая нажим во вне и внутри страны, американской буржуазии удается пока отложить острый экономический кризис или смягчить его подступы. Но другие, *основные*, решающие факты такого порядка, как усиление за последнее время мирового удельного экономического веса конкурирующих с Америкой империалистических стран или впервые в истории широко наблюдающиеся явления, как абсолютное сокращение числа промышленных рабочих в Америке, абсолютное уменьшение переменного капитала в промышленности и, прежде всего, ставшая почти целиком хронической четырехмиллионная безработица, показывают, что эти до сих пор так или иначе удающиеся попытки американской буржуазии встречают все растущие препятствия и готовят кризис лишь еще большей силы, чем тот и те, которые ей большой ценой пока удалось избежать. Все растущее влияние общих основ кризиса мирового капитализма на американскую экономику сказывается и в огромном усилении нажима империализма Соед. Штатов на сопротивляющиеся его эксплоатации колонии и полуколонии. С неменьшей ясностью это сказывается и в усилении нажима буржуазии на рабочий класс и в обостряющейся классовой борьбе в Америке. Американская буржуазия как и ее соперники по обе стороны океанов вынуждена и хочет усилением эксплоатации рабочего класса («рационализация») удержать и развивать свои империалистические позиции.

Таким образом, это все более тесное втягивание Америки в рамки всеобщего кризиса капитализма есть совершенно очевидный факт. В силу самих интересов своего развития, американский империализм не только не может выскочить из этих рамок, но, наоборот, все сильнее втягивается в них, все сильней чувствует их тяжесть и давление, все сильней чувствует потребность разорвать их, потребность приспособить мировое хозяйство к интересам своего развития, сделать его своим *дополнением*. При капитализме для этого нет других путей, кроме империалистических войн и Америка бешеным темпом ведет подготовку к ним.

В силу указанного и через это Америка все сильнее начинает *экономически* чувствовать и наличие СССР, как одного из *самых основных факторов кризиса мирового капитализма*. Проблема СССР экономически встает перед ней также все с большей остротой.

Исходя из этих общих основ, партия в своей ежедневной борьбе должна рассматривать и изучать развитие американской экономической кон'юнктуры. В этом отношении руководство партии сделало в последнее время ряд ошибок, выявивших или приводивших к неправильной тактической установке. Эти ошибки совершались как большинством, так и меньшинством. Общая ошибка обеих сторон заключалась в том, что ту или иную фазу кон'юнктурного развития пытались сделать основой для *общей* тактической установки партии. Меньшинство утверждало, что страна стоит накануне длительного, глубокого общего кризиса, который откроет эпоху упадка американского империализма, и отсюда приходило к переоценке полевения масс и отчасти обнаруживало неправильные тенденции в вопросах тактики. Большинство, давая почти обратную оценку текущей кон'юнктуры, теряло перспективы общего развития и отсюда приходило к недооценке полевения масс и к ряду ошибочных тактических установок правого оппортунистического порядка. Это ничего общего не имеет с ленинской постановкой вопроса. Партия должна, прежде всего, иметь правильную установку в общих тенденциях развития. Без этого невозможна правильная, конкретная ее политика. Но ленинизму совершенно чужды поверхностно-кон'юнктурные

теории, как абсолютно-безвыходных положений для капитализма, так и его расцвета, без нарастания революционных тенденций особенно в эпоху общего кризиса капитализма. Изучение текущей кон'юнктуры совершенно необходимо для правильной ежедневной деятельности партии, для успешной реализации и увязки общих целей с ежедневной борьбой. Но при этом необходима в одинаковой степени как увязка кон'юнктурного фазиса (будет ли это повышательный или понижательный фазис) с общей тенденцией развития, так и правильное распространение кон'юнктурных черт на общие тенденции развития.

Текущая повышательная фаза американской кон'юнктуры опять приводит к ошибочной тактической установке в партии. Если она показала неправильности в анализе меньшинства в прошлом, то, что имеет еще большее значение, она грозит помешать большинству осознать свои прошлые ошибки, приводит его к углублению их. Некоторые выступления в последнее время, как в связи с IX пленумом ИККИ, так и VI конгрессом К. И. и президентскими выборами в Америке ясно свидетельствуют об этом.

Резолюция VI всемирного конгресса Коминтерна и ряд предшествующих писем ИККИ и политсекретариата ИККИ нашей партии в Америке, дали совершенно правильную и четкую постановку этих вопросов. Предпосылкой этого является, прежде всего, рассматривание американского капиталистического хозяйства (как и всей политики) как интегральной части мирового хозяйства вообще и империалистического хозяйства в частности.

Текущая кон'юнктура американского хозяйства носит повышательный характер. Но было бы абсолютно неправильно не видеть всей неустойчивости ее движения. Помимо общей неравномерности ее движения, она не только неравномерно распределена по разным отраслям, но и вообще не захватывает ряд важнейших областей хозяйственной жизни (уголь, текстиль). Помимо этого, кон'юнктура эта носит в известной степени выборный характер. Насколько она неглубока, показывает и штиль в эмиссии капиталов внутри страны, далеко не уверенный тон буржуазной прессы иностранных корреспондентов. Буржуазия, в предчувствии близящихся потрясений, мобилизовала и мобилизует все свои силы. Выборы Гувера надо оценить, прежде всего, с этой точки зрения. Проект Гувера о создании 3-миллиардного фонда—должен служить этой же цели борьбы с приближающимся кризисом и смягчения его неминуемого наступления. Нет сомнений, что главная тяжесть издержек при этом падает и падет на плечи основных отрядов — пролетариата и трудящихся масс (мелких фермеров).

Наша партия, ее руководство должны уметь делать революционно-диалектические выводы из фактов американского «prosperity». Этот «расцвет» чем дальше, тем больше входит во все более тесную зависимость с состоянием всего мирового хозяйства. Усиливающееся значение внешней торговли, рост в вывозе промышленного экспорта, огромный экспорт капиталов, все это ставит экономику американского империализма в усиливающуюся зависимость от состояния мирового хозяйства, следовательно, и от органических его пороков. Вместе с потоком сверхприбылей империализм С. Штатов впитывает в себя и все разлагающие бациллы общего кризиса капитализма. Если знаток американского базиса мира Кляйн говорит, что американские деловые люди становятся и стали «внешне-торгово-сознательными» («foreign consiuons»—«Statist», № посвященный 50-летию журнала), то этим он выражает больше, чем хотел бы. Избрание Гувера означает, что американский империализм в целом осознал эту растущую зависимость и сделал из нее надлежащие политические выводы. Буржуазная печать совершенно классово-правильно оценила это избрание, как новую грань в огромной активизации внешних, экономических и политических отношений С.-А. С. Ш. «Лицом к overven» (внешней политике и внешней торговле)

таков лозунг американского империализма. О политике «изоляции» сейчас не может быть и речи. Всей своей силой, все свои рычаги империализм, под угрозой и давлением растущих внутренних противоречий, мобилизует для напора на внешний мир. И в этом движении он не может остановиться. Он или должен пробить себе дорогу или сломать шею. И то и другое означает рост и неизбежность небывалых столкновений и войн. Именно потому, что С. Штаты занимают такое доминирующее положение, каждый шаг их развития встречает все растущее и огромное сопротивление, создает небывалое обострение противоречий мирового капитализма. Движение этой огромной махины отражает и отражается подземным гулом во всех уголках мира. Знаменательно, что первый свой президентский тур Гувер совершает на броненосце для установления «лучших экономических отношений» САСШ с Южной Америкой. Это означает начало новой эры в развитии американского империализма, когда экономическая борьба все больше взывает к поддержке оружия. Угроза войны приблизилась и приближается в огромной степени. Усиливается, следовательно, еще больше нажим на рабочий класс и активизация контрреволюционной роли реформизма. Это обстоятельство со всеми вытекающими из него последствиями должна наша партия учесть, прежде всего, во всей своей работе.

Б. Политика американского империализма.

Фокусом политики американского империализма является курс на подготовленность к военной борьбе с своими империалистическими конкурентами. Эта политика одновременно имеет в виду и обслуживает центральную историческую задачу интервенции империализма против Советского Союза.

Эта политика складывается из сложного комплекса звеньев на различных участках мировой политики как вне, так и внутри страны. Если в конечной установке центральное место занимает борьба против СССР—смертельный враг империализма вообще и американского в частности, враг при всех условиях и во всякое время,—то непосредственная подготовка имеет в виду империалистического антипода — Англию, Британскую империю. В этой борьбе империализм САСШ создает целую систему политических ходов и форм: от открытого вооруженного нападения до подкупа и союза по расчету. Сюда входит временное заигрывание в той или иной форме с СССР; сюда входит заигрывание и даже как будто дружеское отношение к национально-освободительному движению, пока оно не угрожает основам буржуазного строя и подрывает империалистического соперника, т.-е. поддержка контрреволюционной национальной буржуазии, как, например, в Китае или Индии и Египте; сюда входит открытое кровавое подавление национально-революционного движения, когда оно направляется против основ буржуазного строя или грозит интересам американского империализма (может быть иногда в пользу его соперников), как, например, в том же Китае или Центральной и Южной Америке; сюда входит экономический подкуп (наравне с общей экономической экспансией) полуколониальных стран (и их превращение в колонию Америки) и доминионов Англии, как, например, в той же Южной Америке и в Канаде и Австралии; сюда входит экономический и политический нажим на возможных союзников Англии, как, например, в Японии или Франции и Италии или Польше и т. д.; сюда входит твердая установка на вербование себе империалистических союзников в будущей военной борьбе, как, например, в случае с Германией; сюда входит подрыв международных пунктов Англии и создание своих, как, например, в политике в отношении Лиги Наций и панамериканского союза. В этой сложной системе политики в последнее время характерно то, что она, во-первых, стала действительно тесно связанной во всех звеньях **мировой политикой**,

во-вторых, она активизируется с громадной быстротой и, в-третьих, в этой политике среди витиеватой и туманной дипломатической говорильни все выше и резче поднимается и выделяется голос милитаризма, военный язык. Военный бюджет растет с каждым годом, составляются, принимаются и проводятся все более широкие планы милитаризации. Временами наступающая как будто (на словах) «пацифистская» передышка становится лишь отправным пунктом для еще более грандиозных вооружений.

Наша партия должна совершенно ясно и четко осознать и увидеть, что подготовка войны стала ежедневной практикой империализма, что она стала его центральной, целевой установкой. Она не должна за видимостью отдельных пацифистских ходов или даже шагов упускать связей и тенденций развития совокупного целого. Пакт Келлога есть такой же шаг военной подготовки, как и одно время, *как бы* заигрывание или ход на буксире английской политики в отношении национально-освободительного движения в Китае, как и военные интервенции против Никарагуа, как и принятие грандиозного плана морских вооружений. САСШ, кроме Англии, являются единственной *мировой* державой, ее политика борьбы и подготовка вооруженных состязаний не может не складываться из целой широкой экономической, политической клавиатуры. Только имея в виду всю эту совокупность, можно понять отдельные, как будто противоречивые, ходы и зигзаги. В этом вопросе руководство партии совершило некоторые ошибки, уже отмеченные Коминтерном.

Эта внешняя политика дополняется соответствующей внутренней политикой, соответствующей группировкой классов и их взаимоотношений внутри страны: рост монополистических и госкапиталистических тенденций; законченная унификация форм и аппарата буржуазной власти, под безраздельным контролем финансового капитала происходит все более интенсивно и открыто, происходит персональное сращение финансового капитала с государственной властью (избрание Гувера—одно из важнейших звеньев и следствий этого; Меллон Марроу); стремление сохранить двухпартийную систему для обмана масс, все более широкое использование госаппарата в политической и экономической борьбе в интересах буржуазии против рабочего класса; мобилизация коррумпированного тредюнионистского аппарата А. Ф. Т. в тесный блок для проведения политики финансового капитала и сокрушения сопротивления рабочего класса; вполне буржуазное (даже на словах) перерождение социалистической партии и т. д. *Эти процессы не могут быть поняты и рассматриваемы только или по преимуществу с точки зрения внешних проблем американского империализма, недооценивая роль начавшегося процесса полевения широких масс рабочего класса и трудящихся масс вообще.*

* * *

Правильное понимание экономики и политики американского империализма невозможно под тем углом зрения, что Америка (САШС) составляет исключение из всех мировых условий. Эта теория американской буржуазии, проникшая довольно основательно в головы руководителей нашей партии (большинство ЦК особенно [1])), и частично в сознание всей партии, принадлежит и все больше отходит в прошлое. Можно только удивляться тому упорству, с которым товарищи из большинства стоят на ней и до сих пор, в то время, как сама буржуазия, ее авангард отбрысывает ее прочь, предоставляя питаться (и питать других) этим отжившим хламом мелкобуржуазным «ученым», благо, что от этого, кроме пользы, буржуазия ничего не имеет. Этой теории, как и теории изоляции, нанесен и наносится жизнью смертельный удар. Вместе с растущей зависимостью Соед. Штатов от мирового хозяйства, автоматически прекратилось действие этой теории. Революционный авангард пролетариата только к величайшему своему ущербу может цепляться за эту теорию, плетущуюся еще только в хвосте жизни. Эта теория очевидно—но совершенно не в пользу партии и ее престижа—глубоко вкоренилась и сидит еще в сознании большого числа товарищей. Вместо того, чтобы выступить в авангарде и разбить в рабочих массах эту вредную иллюзию, которую буржуазии полезно поддерживать в них, наша партия в значительной своей массе и в большинстве своего руководства плелась и плетется здесь в недопустимом хвосте. Заслуга в этом отношении меньшинства состоит в том, что оно своевременно или поздно, правильно или с ошибками по тем или иным причинам, но подняло свой голос против этой идеологии. Партия должна решительно покончить с этой вредной теорией в своих рядах. Этой теории должен быть нанесен смертельный удар. Ее надо вытравить из сознания партии, чтобы бороться против нее в сознании масс. Это имеет исключительно большое значение, без этого невозможно правильное понимание условий работы, задач и тактики партии. Это является общей предпосылкой для идеологического, большевистского поворота в сознании всей партии и в ее рядах.

[1]) Так, например, т. Пеппер, один из вождей большинства ЦК, еще весной 1927 г. в итоговой статье о IX пленуме ИККИ писал, что резолюции пленума о повороте в об'ективной ситуации и в тактике ИККИ относятся ко всем главнейшим странам, за исключением Америки, которая-де, очевидно, составляет исключение из общих условий развития кризиса капитализма.

Основные характерные черты общего кризиса капитализма и текущего его этапа, проанализированные VI конгрессом Коминтерна и изложенные им как в принятой программе Коммунистического Интернационала, так и в тезисах о мировом положении и задачах Коминтерна, относятся полностью и к Америке (Соед. Штатам), обнаруживаются (и все сильней будут обнаруживаться) и в ее экономике и политике. Работы и решения предстоящего с'езда партии не должны оставить насчет этого никаких сомнений. Этой теории американской исключительности (amerikan exeptionalism) надо положить конец. Только поняв и обнаружив то общее, что есть в международной ситуации и ситуации в САСШ, можно правильно подойти к анализу специфических черт и особенности последней, который—последний анализ,—разумеется, абсолютно обязателен.

Это же относится и к американскому реформизму.

2. Реформизм в Америке (С.-А. С. Шт.).

Между доминирующим положением империализма САСШ и положением американского реформизма есть определенное соответствие. Американский реформизм есть не только и не столько социалистическая партия, а, прежде всего, Американская федерация труда. Если коммунисты Америки будут искать реформизм вне АФТ, они получат весьма ложное представление о своих врагах и своих задачах. Это может повести к коренным ошибкам. Такую ошибку сделал тов. Ловстон в своем докладе об итогах VI конгресса Коминтерна. *Реформизм, имеющий об'ективные корни в развитии капитализма-империализма, есть вся система подчинения рабочего класса интересам империалистической буржуазии, подчинения добровольного в силу несознательности рабочего класса, в силу затемнения и развращения его классового сознания и подчинения его буржуазной идеологии.*

Это достигается буржуазией средствами воздействия обоего порядка: как материальными и организационными, так и идеологическими. Это сложная комбинированная система буржуазной коррупции. Но отсюда вытекает тот вывод, что нельзя реформизм не видеть там, где нет организованной политической партии реформизма. Маркс и Энгельс открыли реформизм английского рабочего класса в его трэд-юнионах задолго до создания политической партии реформизма и независимо от этого. Отсюда дальше вытекает тот вывод, что дело освобождения масс рабочего класса от реформизма зависит не только от об'ективного развития, от развития условий его материального существования, но и от организационного и идеологического воздействия революционного авангарда рабочего класса, т.-е. его коммунистической партии. В этом отношении в нашей партии кое-где существует ложное представление, скептическое отношение к делу высвобождения масс рабочего класса от влияния реформизма средствами активного идеологического воздействия до тех пор, пока явно выраженный и острый кризис американского империализма не оттолкнет массы от реформизма. Такое представление не имеет ничего общего с большевистским подходом к вопросу. Идеологической борьбе должно принадлежать исключительно важное место в деле освобождения рабочего класса. Недооценка в этом вопросе неизменно выявляет хвостизм самого авангарда рабочего класса. Наша партия должна во весь рост поставить этот вопрос и выработать соответствующие методы политической тактики агитации и пропаганды с должной оценкой их значения.

На нашу партию в Америке ложатся исключительно важные задачи в этом вопросе. Это вытекает из роли и места американского реформизма. Программа Коммунистического Интернационала следующим образом определяет американский реформизм:

«Коммерчески-циничной и светски-империалистской формой подчинения пролетариата идеологическому влиянию буржуазии является современный «социалистический» реформизм. Списывая свои основные заповеди со скрижалей империалистской политики, он имеет в настоящее время своим образцом сознательно антисоциалистическую и открыто контрреволюционную «Американскую федерацию труда». «Идейная» диктатура американской лакейской профбюрократии, в свою очередь выражающей «идейную» диктатуру американского доллара, стала, через посредство английского реформизма и его королевских социалистов из рабочей партии, важнейшей составной частью теории и практики всей международной социал-демократии и лидеров Амстердамского Интернационала». Однако, в нашей партии этот вопрос ставится неверно. Например, тов. Ловстон в своем докладе о результатах того самого конгресса, который принял программу с этой характеристикой американского реформизма, заявляет следующее:

«7. Мы находимся сейчас в периоде решительной борьбы между социалистическим реформизмом и коммунизмом за руководство большинством рабочего класса. Это так во всех странах высоко-развитого капитализма за исключением (подчеркнуто нами) Соединенных Штатов, где мы имеем особенные специфические условия, где рабочее движение в целом очень слабо и, особенно, политически отстало. Подавляющее большинство рабочего класса еще идет за партиями, которые являются явными политическими представителями крупной буржуазии. Хотя идеология социалистической партии в Америке является еще достаточно отравляющей силой, требующей от коммунистов энергичной и настойчивой борьбы, однако, американская социал-демократия имеет значительно меньшее политическое значение, чем европейские социалистические партии. Поскольку речь идет о влиянии на широкие массы основных отрядов пролетариата, сила нашей партии далеко превосходит силу социалистической партии. В Америке мы боремся за большинство рабочего класса с республиканской и демократической партией». («Com», XI—28 г.). В этом пункте своего доклада, посвященном важнейшему вопросу Коминтерна, VI конгресса и программы КИ, тов. Ловстон сделал целую груду исключительно больших и непростительных ошибок. Во-первых, здесь опять всплыла эта теория американской исключительности—вреднейший буржуазный яд в сознании рабочего класса Америки, без вытравления которого невозможна, между прочим, и успешная борьба против войны и американского империализма. Здесь, во-вторых, проглядено важнейшее отечественное звено международного реформизма—АФТ, несмотря на то, к тому же, что т. Ловстон говорит о том самом «социалистическом реформизме», в рубрике которого программа характеризует американский реформизм. Это—крупнейшая и серьезнейшая ошибка. Проглядеть «своего» международного главного врага—это надо уметь сделать. Здесь, в-третьих, следовательно, вообще выпала работа в профсоюзах, как важнейшее звено борьбы за массы против реформизма—недооценка работы в профсоюзах. Профсоюзы выпали из системы реформистского подчинения рабочего класса буржуазии. Реформизм приравнен к реформистским политическим партиям и это в эпоху, когда реформистские профсоюзы все тесней сращиваются с реформистскими партиями и буржуазным аппаратом, все больше политизируются. Здесь исключительно парламентский подход. Здесь, наконец, вся честь представительства мощнейшего реформизма выпала на долю соц. партии, которая к тому же оказалась слабей ком. партии, которая, таким образом, вышла, наконец, из этих построений далеко более сильной, чем американский реформизм. И без последнего вывода здесь имеется весьма вредная переоценка своих сил, которая характерна для ряда руководящих товарищей в партии. Если большинство ЦК справедливо указывает на то, что меньшинство делает переоценку в характеристике полевения масс, и, следовательно, ближайших перспектив партии, то само большинство делает ту же переоценку, но уже наличных сил, переоценку самовлюбленного порядка, т.-е. впадает в худший сорт переоценки.

Здесь нет необходимости и возможности обрисовать всю сложную систему и корни американского реформизма. Это было сделано особенно тщательно на VI конгрессе КИ. В резолюциях конгресса и программе уделено достаточно (центральное) внимание реформизму, его характеристике, борьбе с ним. Что нужно понять нашей партии, это, прежде всего, приложить все это и соответствующим образом к американскому реформизму. Нужно найти реформизм у себя дома. И не реформизм сравнительно хилый—реформизм соц. партии,—а тот, который сидит в АФТ, и который специально характеризован в программе КИ. В политической агитации и пропаганде партии, ее печати, во всей ее работе реформизм находится на задворках. Это недопустимое положение вещей. Пока здесь не будет сделан поворот на 180°, о борьбе за массы, о будущем партии нечего говорить. Со всей силой бороться против американского империализма и опасности войны—эта центральная задача партии не может быть выполнена и выполняема без направления центрального партийного огня против американского реформизма. В этом отношении партии предстоит сделать еще исключительно много. И что и сколько будет сделано партией в этом отношении является решающим для ее развития.

Помимо этого, партийная печать не совсем идеологически выдержанно полемизирует с реформизмом и характеризует его. Напр., в «DW» от 26 ноября передовая характеризует соц. партию исключительно как мелкобуржуазную по составу и влиянию. В этой характеристике сказывается и недооценка влияния реформизма на рабочие массы, а, следовательно, упускается из виду борьба против него за рабочие массы. Во-вторых, упускается из виду империалистическая сущность современного реформизма, что он есть социал-империализм, опирающийся, прежде всего, на подкупленную и кор-

румпированную империализмом верхушку рабочего класса. Что здесь помимо этого имеет место и идейно политическая небрежность и невыдержанность, показывает напечатанное несколькими №№ позже («DW» 29 ноября) обращение ЦК к калифорнийскому дистрикт. комитету компартии по поводу его открытого письма к местному комитету соц. партии, где сказано, что наш долг обращаться к рядовым рабочим, находящимся в соц. партии. Или, напр., в № от 28 ноября неудовлетворительная полемика против позиции АФТ в вопросе об ограничении иммиграции. Она не мобилизует массы, в ней не делается ударения на интернациональном воспитании масс, что в этом случае весьма необходимо, и в чем одно из самых слабых мест не только рабочего движения вообще, но и коммунистического авангарда его в значительной части. Или в № от 29 ноября напечатано обращение ЦК по поводу поездки Гувера в Южн. Америку, где откровенно империалистские вожди АФТ, как Грин, характеризуются просто плохими пацифистами. Это после того, как эти лейбор-империалисты на последней своей конвенции выступили с открытой поддержкой нового плана грандиозных морских вооружений, о чем «DW» сообщило в № от 19 ноября и о чем поместило передовую в № от 20 ноября. Не найти сказать ничего больше, чем плохие пацифисты о самых откровенно-пошлых, циничных и реакционных империалистах в рабочем движении вообще, какими являются вожди АФТ, это, действительно, надо уметь сделать.

Наша партия должна в вопросе о развернутой идейно-политической борьбе против реформизма сделать решительный поворот. Недопустимо в ком. партии страны с могущественнейшим реформизмом такое положение, когда, как в упомянутом обращении ЦК по поводу поездки Гувера, излагающем целую программу действий партии, о реформизме не нашли сказать ничего больше кроме того, что реформисты плохие пацифисты и где среди 9 выставленных программных лозунгов не нашли необходимым посвятить реформизму, борьбе с ним, хотя бы один лозунг, хотя бы одно слово в каком-нибудь одном лозунге. Это показывает, что в работе всей партии, во всем ее руководстве вопрос о реформизме, борьбе с ним не только не стоит в центре, но и вообще встает лишь от случая к случаю. Это показывает, кстати, насколько слабо еще партия связана с массами, насколько все ее руководство—и большинство и меньшинство—не поняло основной органической задачи партии, не нашло того центра, об'единяющего фокуса, вокруг которого должна концентрироваться вся идеологическая и политическая работа партии, что является звеном для развития всей партии, ее решительного поворота к массе, к борьбе за массы. Этому положению должен быть положен конец. Это самое главное, что необходимо сделать партии, что во весь рост и развернуто должен поставить с'езд, чем должна быть проникнута вся его работа.

3. Положение и перспективы коммунизма в Америке (С.-А. С. Ш.).

Данным выше анализом состояния и тенденций развития американского империализма и реформизма и роли компартий в этом развитии определяется и будущее нашей партии и революционного движения в Соед. Штатах. Это, между прочим, означает, что легшее в основу тактических установок VI конгресса КИ положение об общем полевении широких масс пролетариата и трудящихся относится и к С. Штатам. Совершенно неправильным аргументом против этого положения являлось бы то соображение, что в Америке не может быть общего полевения масс, так как империализм здесь находится на общей повышательной линии. С этой точки зрения трудно было бы понять и даже согласиться вообще с тезисами VI конгресса, так как, как констатировал конгресс, при общем кризисе мирового капитализма, третий период его развития отличается от предыдущего тем, что имеется некоторый,

а иногда значительный, технический и экономический прогресс, т.-е. некоторая общая повышательная кон'юнктура. Такая точка зрения в логическом своем развитии означала бы поэтому ревизию основной установки VI конгресса. Если общее и довольно значительное полевение и даже революционизирование масс все же происходит, то, очевидно, для правильной установки в настроении масс недостаточно лишь установление той или иной линии развития экономики капитализма. Для этого необходим еще анализ общих условий этого развития, необходим анализ того, какой ценой, каким путем достигается это повышение и т. д. Правильно, что общее полевение масс в С. Штатах сейчас не может быть таким же, как и в Европе, но не менее правильно и то положение, что благодаря ряду исторических условий для полевения рабочих масс в Америке достаточно незначительное снижение их жизненного уровня или даже некоторая стагнация в этом отношении. Резолюции VI конгресса КИ не делают никаких исключений для С. Штатов, и не делают, имея на то кроме общих соображений и ряд оснований конкретно-исторического порядка. Сюда относится усиливающийся гнет рационализации в Америке за последние год—два. Это вызвало обострение классовой борьбы в С. Штатах, выразившееся в ряде упорных классовых битв и массовых выступлений (стачка горнорабочих, борьба в текстильной промышленности, движение против казни Сакко и Ванцетти и т. д.). Как отметила еще резолюция президиума ИККИ по американскому вопросу от 1 июля 1927 г., эта борьба зачастую ведется с величайшим упорством и ожесточением, значительно способствуя полевению широких слоев пролетариата. Это полевение подрывает реформизм и открывает для нашей партии возможность массового роста, все более тесной связи с массами путем активного руководящего участия в этой борьбе. Общая неравномерность капиталистического развития, как и неравномерность развития отдельных отраслей, на которую указывал еще Маркс, разумеется, исключает равномерность этого полевения во всех отраслях, особенно в начальных стадиях процесса. Но правильно то, что такое полевение в общем захватывает все рабочее движение, что отдельные его наиболее острые проявления есть лишь выражение того, что процесс находится на первых своих ступенях и не может остаться без влияния на рабочее движение в целом. Такова позиция VI конгресса КИ.

Результаты последней президентской кампании не могут быть возражением против этого положения. Это так не только потому, что, как не раз указывал Ленин, сила влияния революционной партии представляется в парламентской борьбе в искаженном и преуменьшенном виде, но и потому, что партия, как вообще, так и в закончившихся выборах не полностью еще использовала это полевение масс во всей своей работе. Помимо этого, сравнение с 24 годом еще не дает вполне ясной картины. При всем этом известные признаки растущего массового недовольства выявили даже последние президентские выборы, прошедшие во всех отношениях в крайне неблагоприятных условиях (повышательная экономическая кон'юнктура, прежде всего) для усиления и выявления влияния партии на широкие массы рабочего класса.

Прежде всего, эта тенденция обострения классовой борьбы в Америке сказывается среди неорганизованных масс рабочих. Ни в одной стране мира нет такой пропасти между квалифицированными (организованными) туземными рабочими, получающими высокую зарплату и обладающими политическими правами и массою неквалифицированных рабочих, неорганизованных, говорящих на других языках, не обладающих никакими политическими правами. К этой массе американский капитализм применяет систему самой интенсивной и все растущей эксплоатации. На нее ложится основная тяжесть усиливающейся рационализации и бремени растущего милитаризма. Уже

и сейчас в Америке имеются миллионы рабочих, живущих в ужасающих квартирах, рабочих, которые поставлены в условия промышленного рабства.

Работа, среди этих неорганизованных масс, составляющих подавляющее большинство рабочего класса Америки, должна быть в центре внимания партии.

Таковы тенденции в развитии рабочего движения Америки, которые создают основу для роста коммунистического движения в Америке. Такое положение и перспективы развития сознает и сама буржуазия со своими реформистскими и рабочими лейтенантами. Обострение империалистических противоречий С. Шт., усиление их внешней агрессивности, рост милитаризма, опасность войны нельзя брать вне зависимости и понять без учета указанного положения и перспектив взаимоотношений классов и их борьбы внутри страны, проблем рационализации, поправения реформистов и т. д. Все более горячую поддержку и проповедь лидерами АФТ агрессивной империалистской политики С.-А. С. Ш., все большего ограничения иммиграции нельзя понять и ставить вне зависимости от роста недовольства масс внутри страны. Расширением роли С. Шт., как мирового грабителя, реформизм хочет усилить резервы для подкупа масс, для смягчения их недовольства. Как указывал Маркс, капитализм всегда стремится смягчить внутренние противоречия расширением внешнего поля эксплоатации и расширяет, следовательно, это внешнее поле эксплоатации для смягчения внутренних противоречий. И рост преград на этом пути ведет к бешеному обострению всех капиталистических противоречий. И рост милитаризма Соед. Штатов есть единый результат двух слагаемых: роста внутренних и роста внешних противоречий. Милитаризм и война есть лишь завершенное орудие империалистической политики расширения внешнего поля эксплоатации под угрозой взрыва внутренних противоречий. Если в эпоху кризиса капитализма для роста внутренних противоречий и милитаризма отдельной страны понятное и преобладающее место принадлежит ее внешним отношениям в экономике и политике, то отправным пунктом для понимания перспектив совокупного развития международного капитализма, перспектив революции является анализ внутренних противоречий капитализма.

Наша партия не может иметь правильной установки в вопросе о борьбе с империализмом, опасностью войны и реформизмом без четкой и ясной постановки и увязки (диалектической, а не механической) вопросов роста внешних и внутренних противоречий американского империализма.

Этим определяются положение и перспективы развития коммунистического движения в Америке. Только правильная политика и активность нашей партии могут превратить все указанные посылки и тенденции в огромный исторической важности политический и революционный фактор.

К сожалению, партийное руководство делает тяжелые оппортунистические, правые ошибки в этих основных вопросах движения, как-то: анализ мировой ситуации, ситуации американского империализма; об отношениях Европы и Америки; в вопросе о внутренних и внешних противоречиях; в проблеме военной опасности; в оценке полевения масс и в борьбе против отклонений от правильной большевистской линии. Это с особенной остротой выявилось на последнем пленуме ЦК в декабре, на подготовленных и принятых им к с'езду партии основных резолюциях. Это собственно и заставляет нас во всю ширь поставить эти принципиальные вопросы интернационального значения для всего нашего коммунистического движения. Необходимо на конкретном примере выявить, куда растут известные неправильные теоретические посылки и положения, тем более, что они стали центральными вопросами партийной дискуссии и правильное их разрешение играет решающую роль для большевистской консолидации нашей партии.

(Окончание в следующем номере).

М. Лифшиц.

Обложение сельхозналогом в индивидуальном порядке.

Предпосылки, практика, результаты и перспективы.

Тема настоящей статьи—опыт обложения сельхозналогом кулацко-эксплоататорской части деревни в индивидуальном порядке, в порядке, обеспечивающем наиболее полный учет доходов этой группы крестьянства, обеспечивающем разрешение задачи по наступлению на кулака.

О роли сельскохозяйственного налога, как средства по проведению политики партии в деревне, в данном случае говорить лишнее: много об этом уже было сказано. Не только каждому партийцу, но и каждому беспартийному передовому крестьянину и каждому рабочему эта роль очевидна. А результаты действия этого средства (налога) всегда, в общем, были удовлетворительны. И поэтому, когда XV партс'езд дал директиву об усилении наступления на кулака, то в числе мероприятий, которые должны были практически осуществить эту директиву, не последнее место должен был занимать сельскохозяйственный налог.

Разумеется, не только действующая теперь, но и действовавшая до нынешнего года, система сельхозналога явилась в достаточной мере классово выдержанной. Исключительная по крутизне своей прогрессия сельхозналога и целый ряд других моментов в системе и доныне действующего закона во многих случаях доводили тяжесть обложения кулацкого хозяйства до размеров, препятствующих дальнейшему росту.

Предпосылки.

Тем не менее, особенности, вытекающие из неизбежной сложности системы сельхозналога, из невозможности с исчерпывающей точностью учесть все особенности не только отдельных крестьянских хозяйств или даже целых групп хозяйств, но и целых более или менее значительных районов (в свою очередь вытекающие из характера нашего сельского хозяйства), приводили к тому, что кулацкая часть деревни, уплачивая, хотя и значительный процент своего дохода налогом, во многих случаях все же была недообложена.

Поэтому XV с'езд, перечисляя мероприятия, могущие содействовать выполнению директивы по усилению наступления на капиталистические элементы деревни, не мог не включить в этот перечень сельхозналог, как одно из наиболее реальных средств по успешному наступлению.

Поэтому, перестраивая систему сельхозналога на 1928—29 год, в соответствии с решениями XV партс'езда, на ряду с другими изменениями, в старую систему была внесена одна поправка, которая должна была привести к наиболее полному обложению кулацкого, эксплоататорского хозяйства.

Как мы уже сказали, сельхозналог исчисляется по весьма крутой прогрессии, достигая очень высокого процента из'ятия особенно для высокодоходных хозяйств, и, если, тем не менее, отдельные крестьянские хозяйства, особенно зажиточные и кулацкие, недооблагались, то в первую очередь потому, что доход этих хозяйств недоучитывался. При действующей системе учета и исчислении подлежащих обложению сельхозналогом крестьянских доходов, между прочим, несомненны три положения: первое—эти доходы вообще недоучитываются, второе—эти доходы тем в большей степени недоучитываются, чем крупнее и мощнее крестьянское хозяйство, и третье, еще в большей степени недоучитываются доходы нетрудового характера. Это потому, что крестьянский доход для обложения сельхозналогом у нас учитывается, главным образом, по внешним признакам, а для учета нетрудовых доходов этих признаков в одних случаях нет, а в других случаях они неуловимы.

Поэтому новым законом было установлено, что подлежащие обложению доходы кулацких эксплоататорских хозяйств исчисляются не в обычном порядке, т.-е. не только по внешним признакам, по нормам, а в индивидуальном порядке. Это значит местным организациям, сельским учетным комиссиям, волостным, районным налоговым комиссиям, предлагалось отобрать по определенным признакам эти кулацкие эксплоататорские хозяйства и доход с этих хозяйств исчислить в полной мере, пользуясь для этого всеми имеющимися материалами, в том числе и внешними признаками и показаниями сведущих лиц, односельчан, местных общественных организаций, показаниями самого налогоплательщика и другими материалами, которые могут оказаться в распоряжении этих комиссий.

Таким образом, основной предпосылкой для обложения кулацкой части деревни в индивидуальном порядке, является необходимость наиболее полно и точно учесть доходность этих хозяйств в целях их наиболее полного обложения, в целях устранения наблюдавшегося раньше недообложения, в целях наиболее целесообразного использования налога, как средства, ограничивающего и приостанавливающего дальнейший рост кулацкого хозяйства.

Мы считаем, что помимо этой основной и, так сказать, официальной предпосылки для индивидуального обложения, есть еще и другая предпосылка, заключающаяся в том, что по примеру системы, существующей у нас при подоходном обложении города, возможно, следовало бы установить разную тяжесть обложения не только в зависимости от размеров крестьянского дохода, но и от характера этого дохода, источника этого дохода, его природы. Поясним это несколько подробнее. Почти во всех капиталистических странах, где существует подоходно-прогрессивное обложение (одинаково города и деревни) оно построено так, что процент из'ятия повышается исключительно в зависимости от размеров дохода, но процент из'ятия, тяжесть налога, в громаднейшем большинстве случаев, не дифференцируется в зависимости от социального положения налогоплательщика. Конкретно это означает, что при, скажем, 3.000 руб. дохода рабочего или крестьянина, или лавочника взимается одинаковый налог. Совсем другая система подоходно-прогрессивного обложения города у нас. По действующему у нас подоходному налогу в городе установлены 3 различные прогрессии для различных социальных групп. В результате, при 3 тыс. руб. дохода рабочий уплачивает подоходного налога меньше, чем кустарь, и еще меньше, чем лавочник, нэпман. Вот это является коренным отличием нашей системы подоходного налога от системы в капиталистических странах. При обложении же сельхозналогом (который для деревни заменяет подоходный налог) прогрессия обложения построена таким образом, что характер источника дохода не учитывается. Формально это сохранено и в нынешнем сельхозналоге. Т.-е. два крестьянских двора, одинаковых по количеству едоков и одинаково имеющих по $1\frac{1}{2}$ тыс. руб. в год дохода, уплачивают одинаковую сумму налога, несмотря на то, что один из этих двух дворов эти $1\frac{1}{2}$ тыс. руб. доходу получает от трудового ведения своего хозяйства, является многосемейным, многопосевным, многоскотным хозяйством, не прибегающим к найму рабочей силы и проч., другой же двор при тех же $1\frac{1}{2}$ тыс. руб. дохода имеет ничтожное сельское хозяйство, но зато имеет доходы нетрудового характера: от сдачи в пользование сельскохозяйственных машин и орудий, от ростовщичества, от торговли или от пользования постоянно и систематически наемным трудом.

Устанавливая исчисление облагаемого дохода эксплоататорского хозяйства в индивидуальном порядке, мы должны принять во внимание (это подтвердил опыт нынешнего года и это заранее можно было предвидеть), что наш низовой советский аппарат далеко не во всех случаях с достаточной точностью учтет действительный доход кулацкого хозяйства. Заранее можно было предвидеть, что будут перегибы, при чем перегибы двоякого порядка: переобложения и недообложения; привлечения к обложению в индивидуальном порядке трудовых хозяйств и допущения ускользания от обложения в индивидуальном порядке действительно кулацких хозяйств. Часть этих перегибов можно будет (как опыт показал это, и удалось) устранить, некоторые же останутся. Останутся и те случаи, когда в отдельных кулацких хозяйствах доход будет исчислен с такой точностью, с таким приближением к условно-чистому доходу, что сопоставление тяжести налога, падающей на это хозяйство с другими крестьянскими хозяйствами, обнаружит некоторое переобложение первых. Но это будет переобложение, если исходить из того положения, что крестьянские хозяйства при одинаковом доходе должны платить одинаковый процент дохода налогом. Но это не будет переобложение, если исходить из того, что даже при одинаковом доходе следует несколько повысить процент из'ятия в хозяйствах, где доход является нетрудовым.

Таким образом, мы считаем, что налицо имелись и имеются две предпосылки для индивидуального обложения кулацкого эксплоататорского хозяйства: первое, недоучет доходов, а, следовательно, и недообложение кулацкого хозяйства, вследствие, преимущественно нормативного способа учета крестьянского дохода, и второе, одинаковая тяжесть обложения трудового и нетрудового дохода.

Законодательное оформление.

Таковы были предпосылки для установления обложения кулацких хозяйств в индивидуальном порядке. Оформлено было индивидуальное обложение в виде особой статьи закона, которую мы здесь, в виду особой ее важности, целиком и приводим.

«Ст. 28.—В отношении единоличных хозяйств, особо выделяющихся из общей крестьянской массы в данной местности своей доходностью и **притом нетрудовым характером своих доходов** (курсив наш. *М. Л.*), волостные и районные налоговые комиссии исчисляют не по нормам, а на основании общих, имеющихся у них сведений—сумму облагаемого дохода этих хозяйств от всех источников в соответствии с их действительной доходностью. Порядок применения настоящей статьи устанавливается особыми правилами НКФ СССР».

Из этой статьи закона обращаем внимание на два следующих положения: первое,—в индивидуальном порядке должны были облагаться хозяй-

ства, выделяющиеся своей зажиточностью, т.-е. наиболее богатые, и второе,— нетрудовым характером своего дохода. Это значит, что не просто зажиточные хозяйства привлекаются к обложению в индивидуальном порядке, а *именно зажиточные или наиболее мощные, наиболее богатые*[1] *кулацкие хозяйства.*

Упоминаемые правила НКФ это повторили. В пункте первом этих правил сказано, что обложению в индивидуальном порядке подлежат хозяйства, «которые выделяются из общей массы крестьянских хозяйств в данной местности, нетрудовым характером и размерами своих доходов».

К признакам, определяющим нетрудовой характер хозяйства, относятся: «скупка и продажа, ростовщичество, наличие сложных сельскохозяйственных машин, с целью извлечения прибыли от сдачи их внаем, ведение сельского хозяйства с систематическим привлечением наемных рабочих, наличие подсобных предприятий промышленного типа и т. д.».

Кроме того, в этих правилах сказано, что «Общее количество хозяйств, доход которых определяется в индивидуальном порядке, должно составить *около 3% по каждой союзной республике в целом*». (Курсив наш. *М. Л.*).

Таково было официальное оформление порядка обложения доходов крестьянского хозяйства в индивидуальном порядке.

Первые общие результаты.

Первые результаты проведения обложения в индивидуальном порядке показали:

во-первых, что общее количество крестьянских хозяйств, обложенных в индивидуальном порядке по всему Союзу, *значительно ниже* предела, установленного Правилами; а почти по всем крупным территориальным единицам (союзным республикам, краям, областям, губерниям да и округам) *нигде не превышало предела в 3%*;

во-вторых, почти не было ни одного села или волости, где бы в той или иной степени не было проведено обложение в индивидуальном порядке;

в-третьих, в отдельных селениях процент хозяйств, привлеченных к индивидуальному обложению, достигал 5—6—10 и даже больше;

в-четвертых, в число хозяйств, привлеченных к обложению в индивидуальном порядке, попали на ряду с кулацкими *чисто трудовые*, иногда середняцкие, иногда зажиточные хозяйства. И,

в-пятых, что вытекает из незначительного общего числа хозяйств, привлеченных к обложению в индивидуальном порядке, *многим кулацким хозяйствам удалось ускользнуть от обложения в этом порядке*. Но об этом дальше несколько подробнее

Практика индивидуального обложения.

Остановимся на этих результатах, вернее, на практике, приведшей к этим результатам. Таким образом, общее количество хозяйств, привлеченных к обложению в индивидуальном порядке, *не только не больше, чем было ориентировочно дано в директиве, но значительно меньше*.

[1] Мы понимаем всю условность и спорность таких определений, как «зажиточный кулак», «мощный, богатый кулак» или «маломощный кулак». Но в данном случае, как и в других конкретных случаях, когда то или иное определение дается в применении к конкретной обстановке задач, эта условность вполне допустима, и ничего «еретического» в этом нет.

Тем не менее *практика индивидуального обложения плохая*: всяких ошибок, нелепостей, безобразий, извращения было допущено очень много. Мы не будем останавливаться на допущенных при проведении обложения в индивидуальном порядке ошибках чисто формального характера, нарушении инструкций, правил, циркуляров и проч. Если бы места, допуская те или иные нарушения формального характера, не нарушили бы директивы партии, не искажали бы нашей линии в деревне, разумеется, особой беды не было бы. Но зло заключается в том, что были допущены ошибки, *извращающие линию партии в деревне*, те директивы, которые были даны.

Начнем с того, что нигде ни в законе, ни в директиве *не было сказано* о том, что ориентировочно намеченное количество хозяйств, подлежащих обложению в индивидуальном порядке, *является обязательным*, и что это число хозяйств нужно во что бы то ни стало выявить и обложить в каждом селе Советского Союза. Между тем практика знает случаи, когда и волость, и район, и село искали для обложения в индивидуальном порядке как раз то количество кулаков, которое им было предуказано свыше. Мало того, мы знаем случаи, когда село или волость, не выявившие намеченное количество хозяйств, подлежащих обложению в индивидуальном порядке, получали распоряжение «довыявлять» такие хозяйства во что бы то ни стало. Мы знаем и такие, например, случаи:

По *Уральской* области и на *Сев. Кавказе* были случаи выговоров председсельсоветам, не выявившим установленного числа хозяйств для обложения их в индивидуальном порядке. По Сольилецкому району Оренбургского округа сельская учетная комиссия постановила: «в виду того, что нехватает установленного райисполкомом числа хозяйств, дополнительно записать... (идут фамилии)».

И директива, и закон о сельхозналоге, и инструкции к нему, наконец, общая партийная установка говорят о наступлении на кулака, о привлечении к обложению в индивидуальном порядке кулака, крестьянина, имеющего нетрудовые доходы. При этом везде подчеркивалось, что дело касается зажиточных хозяйств, выделяющихся своей зажиточностью и проч. Поэтому, когда места во многих случаях привлекали к индивидуальному обложению хозяйства, весь доход которых, в том числе и от «нетрудовых» источников составлял ничтожную сумму, то кроме раздражения, негодования—это ничего вызвать не могло.

Если закон говорил, что одним из признаков для привлечения к обложению в индивидуальном порядке является торговля, то все же бессмысленно привлекать к этому обложению крестьянина, член семьи которого продает на станции жел. дороги стаканами семечки или бутылками молоко своих коров.

В качестве иллюстрации, приведем следующую табличку (см. табл. 1).

Совершенно очевидно, что нельзя говорить серьезно об обложении в индивидуальном порядке «кулаков», весь доход которых, по определению районной комиссии, уже в индивидуальном порядке составляет 129 руб. или 180 руб. в год. Ясное дело, что эти «кулаки» не являются той группой в деревне, на которую надо наступать.

Не лучше, если не хуже, обстояло дело *с признаками*, по которым хозяйства привлекались к обложению в индивидуальном порядке. Мы учитываем все трудности по проведению обложения в этом порядке в первый год, принимая во внимание отсутствие достаточных внешних признаков эксплоататорского хозяйства, тем не менее приводимые ниже признаки, которыми места на практике пользовались, дают достаточное представление о том, как в ряде случаев извращались наши задачи и наша политика в деревне.

Таблица № 1.

Результаты исчисления налога в индивидуальном порядке по Ардатовскому району Мордовско-Саратовского округа Средне-Волжской области.

Группы по размерам дохода, определен. в индивидуальном порядке	Число хозяйств		Разм. дохода в руб. на хозяйство		Сельско-хозяйственный налог		
						1928 29 г. в индивидуальн. порядке	
	Абсолютное	В % % к итогу	Без индивидуального подхода	С индивидуальным подходом	В 1927—1928 г.	В руб. на хозяйство	Увеличение в % % к 1927/-8 г.
Св. 100 до 150 руб.	23	19,66	100,43	129,51	3,04	3,70	+ 21,43
Св. 150 до 200 „	12	10,25	140,00	180,83	3,50	4,58	+ 30,95
Св. 2 0 до 250 „	12	10,25	180,83	230,83	5,58	8,42	+ 50,75
Св. 250 до 300 „	20	17,10	214,50	281,00	7,15	13,80	+ 93,01
Св. 300 до 400 „	25	21,37	277,20	34‸,80	10,60	22,04	+ 107,92
Св. 400 до 500 „	15	12,82	356,00	458,67	10,40	39,87	+ 283,33
Св. 500 до 600 „	8	6,84	378,75	527,50	8 88	53,88	+ 507,04
Св. 600 до 700 „	2	1,71	515,00	710,00	24,00	112,50	+ 368,75
Итого	117	100	228,89	297,26	7,37	19,85	+ 169,37

Вот, скажем, на Северном Кавказе признаками для привлечения хозяйств к обложению в индивидуальном порядке являлось «наличие значительно развитых источников сельскохозяйственного дохода, не привлекаемых к обложению сельхозналогом». На практике это привело к такому противоречию: в целях развития, скажем, клещевины посевы ее освобождаются от налога и во то же самое время наличие этих посевов было достаточным признаком для привлечения хозяйств к обложению в индивидуальном порядке.

Согласно инструкции краевых органов «наличие значительного количества молодняка крупного скота» также служило основанием для обложения в индивидуальном порядке. Мысль местных организаций, повидимому, заключалась в том, чтобы привлечь к индивидуальному обложению те хозяйства, которые, как промыслом, занимаются нагулом скота. Но так как конкретных указаний местам дано не было, то во многих случаях признаком для обложения в индивидуальном порядке служило наличие в хозяйстве нескольких голов молодняка, т.-е. наличие того скота, который в целях развития животноводства, вовсе от налога освобождается.

По ЦЧО в числе признаков для привлечения к индивидуальному обложению местными органами было установлено «наличие арендованных земель, превышающих трудовую потребность». Как надо понимать такую неопределенную директиву? Не значит ли это, что мы разрешаем арендовать только в таком размере, чтобы покрыть натуральные потребности крестьянского хозяйства? Как будто нигде никто этого не говорил.

В этой же области местам было дано указание, что в исключительных случаях к обложению в индивидуальном порядке могут быть отнесены и хозяйства, которые по своей природе стоят «на грани» перехода к категории кулацких.

Там же были случаи привлечения к обложению в индивидуальном порядке за то, например, что хозяйство имеет лучший племенной скот или «хорошо обрабатывает землю». Были случаи привлечения хозяйства к обложению в индивидуальном порядке за то, что оно продало 5 радиоустановок, которое само сделало, или за то, что плательщик «живет в доме жены, полученном в наследство от отца священника, и, следовательно, приобретенном на нетрудовые доходы».

По Тверской губ. основанием для обложения в индивидуальном порядке могло служить широкое пользование сроковыми или сезонными рабочими в промыслах и ремеслах; наличие в хозяйстве дохода от сдачи в аренду помещений, независимо от размеров этих доходов; наличие в хозяйстве доходов от заработка лиц свободных профессий. Вот именно на основании последнего мотива и привлекались к обложению в индивидуальном порядке местные врачи и прочие лица свободных профессий. На основании этого пункта был привлечен к обложению в индивидуальном порядке академик «И», который имеет в деревне незначительное сельское хозяйство.

В той же Тверской губ. мы знаем и такие случаи: хозяйство привлечено к обложению в индивидуальном порядке, потому, что налогоплательщик служит бухгалтером, а дети учатся в вузах, или имеет хороший тарантас, или состоит церковным регентом, церковным старостой или занимается ремеслом и имеет сельское хозяйство и скот.

В некоторых районах хозяйства привлечены к обложению в индивидуальном порядке за продажу своего собственного винограда (всего в хозяйстве 1,1 гект.), за то, что «замечено в дробимости своего хозяйства», или «за скотоводческий уклон».

На Урале был случай, когда привлекли к обложению в индивидуальном порядке за то, что «имеется прислуга в виде няньки». На ряду с этим там же немало случаев исключения из списков индивидуального обложения хозяйств, пользующихся постоянными рабочими.

Продолжая дальше наш перечень признаков, по которым крестьянские хозяйства привлекались к обложению в индивидуальном порядке, укажем, что в Средне-Волжской области привлекались хозяйства «за активное участие члена семьи в колчаковской банде, за использование несколько лет тому назад наемных рабочих, за лучшую обработку зе ли, лучший скот, наличие полного комплекта несложных сельско-хозяйственных машин».

По Сибирскому краю были случаи отнесения к обложению в индивидуальном порядке по таким мотивам: «не выбирали облигаций крестьянского займа», «сокращали посевную площадь и в прошлом имели наемных рабочих», за то, что «человек очень вредный, всегда бузит», «за хороший урожай, за занятие фельдшерством», и т. д.

По Смоленской губернии были случаи привлечения к обложению в индивидуальном порядке «за укрытие от обложения земли, за скупку льна - сырца на сумму от 25 до 40 руб., за наем на несколько дней 2—3 наемных рабочих, за занятие огородничеством».

Мы, разумеется, далеко не исчерпали весь перечень признаков, по которым хозяйства привлекались к индивидуальному обложению, но и приведенного вполне достаточно для того, чтобы уяснить те нелепости, которые были допущены при практическом проведении обложения в индивидуальном порядке.

Причины такой практики.

Где же причины этих недостатков? Не говоря уже о новизне этого мероприятия, главнейшие причины лежат в общих трудностях по проведению сельхозналога. 25 миллионов мелких крестьянских хозяйств, разбросанных на громаднейшей территории Советского Союза, чрезвычайное разнообразие экономического и бытового уклада и самое главное—очень низкая

квалификация нашего низового аппарата, его чрезвычайная перегруженность, необходимость провести в самый короткий срок ряд важнейших мероприятий, в том числе обложение в индивидуальном порядке,— вот далеко не полный перечень этих причин. Все это дает некоторое об'яснение той скверной практике, которая наблюдалась при проведении обложения в индивидуальном порядке.

Является ли скверная практика полнейшей неожиданностью? Нет, не является. При рассмотрении закона, при разработке его нам приходилось уже обращать внимание на то, что обложение в индивидуальном порядке задача очень трудная, и что в наших условиях возможны неудовлетворительные результаты. Мы указывали на необходимость провести хотя бы такую меру, как возможно более раннее опубликование закона, чтобы больше времени было предоставлено для инструктирования низового налогового аппарата.

Примерно в конце июля и в начале августа начали поступать частичные материалы, довольно ясно указывающие на наличие ошибок и извращений в практике обложения в индивидуальном порядке. На основании этих материалов мы в начале августа в № 185 «Правды» писали, что местам даны были указания такого порядка, при правильном применении которых была бы «исключена возможность таких ошибок, как отнесение к облагаемым в индивидуальном порядке хозяйств, хотя и зажиточных, но чисто трудовых». В этой же статье мы подчеркивали: «нужно всем местным организациям, каждому деревенскому работнику совершенно точно уяснить себе следующее незыблемое положение: в порядке ст. 28 закона о сельхозналоге в индивидуальном порядке следует исчислять доходы исключительно кулацкого эксплоататорского хозяйства, хозяйства явно нетрудового характера».

Далее мы указывали: «надо сейчас же указать волостным, районным и вышестоящим налоговым комиссиям на необходимость с исчерпывающим вниманием отнестись к жалобам, безоговорочно отменить произведенное в индивидуальном порядке исчисление дохода и налога с попавших в эту группу чисто трудовых крестьянских хозяйств».

К концу августа начали уже поступать более полные данные о результатах проведения обложения в индивидуальном порядке. Характер этих материалов выявил необходимость в особом директивном постановлении ЦК партии и правительства об устранении всех недочетов и ошибок, замеченных при проведении сельхозналога этого года вообще и индивидуального обложения в особенности.

Результаты индивидуального обложения до и после пересмотра.

Теперь мы располагаем результатами проведения обложения в индивидуальном порядке за весь налоговой период как до пересмотра, так и после пересмотра в результате выполнения директивы. На этих результатах необходимо остановиться не только для того, чтобы сказать, в какой мере была выполнена директива ЦК, сколько с точки зрения общей оценки результатов этого мероприятия, в смысле перераспределения тяжести налога между различными социальными группами деревни.

Те данные, которыми мы сейчас располагаем, хотя и не носят исчерпывающего характера, но все же их вполне достаточно для того, чтобы сделать общие выводы и наметить пути обложения в дальнейшем. Мы остановимся только: 1) на общем количестве хозяйств, привлеченных к обложению в индивидуальном порядке первоначально и после пересмотра; 2) на тяже-

Таблица № 2.

Результаты кампании по перечислению сел.-хоз. налога с хозяйств, обложенных в индивидуальном порядке в 8 губерниях РСФСР.

	ОБЛОЖЕНИЕ В ИНДИВИДУАЛЬНОМ ПОРЯДКЕ												
	Хозяйства			Облагаемый доход				Сельхозналог 1928—29 г.				Исчисленный налог в %% ко всей сумме налога по губернии	
	Число хоз., привлеченных к индив. обложению в %% к общ. числу хозяйств		Изменение дохода в %%	Изменение дохода в %%	В среднем на одно хозяйство			Изменение налога в %%	В среднем на одно хозяйство				
	До пересмотра	После пересмотра			До пересмотра	После пересмотра	Изменение в %%		До пересмотра	После пересмотра	Изменение в %%	До пересмотра	После пересмотра
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1. Калужская	1,80	1,14	— 36,40	— 28,30	936,6	1.056,7	+ 12,81	— 33,39	193,5	202,5	+ 4,65	16,59	11,05
2. Рязанская	1,70	0,93	— 45,30	— 34,20	810,2	975,2	+ 20,37	— 32,72	149,0	183,9	+ 22,82	16,12	10,85
3. Архангельская	1,46	1,16	— 20,73	— 26,26	780,1	725,7	— 6,98	— 31,20	174,5	151,4	— 13,24	16,07	11,05
4. Сев.-Двинская	0,98	0,43	— 55,72	— 53,36	608,7	641,2	+ 5,33	— 55,52	92,1	92,5	+ 0,43	6,79	3,02
5. Ленинградская обл.	0,92	0,49	— 46,81	— 38,40	718,5	832,0	+ 15,79	— 42,64	136,1	146,8	+ 7,85	7,20	4,13
6. Ярославская	1,20	0,69	— 42,83	— 30,79	1.047,2	1.267,3	+ 21,04	— 27,26	227,3	289,2	+ 27,23	12,98	9,44
7. Владимирская	1,60	1,11	— 30,51	— 32,91	771,1	744,5	— 3,45	— 38,62	147,2	130,0	— 11,69	10,70	6,57
8. Тульская	2,87	0,46	— 83,84	— 77,91	923,5	1.262,3	+ 36,69	— 73,97	173,7	279,9	+ 61,07	19,27	5,01
Итого по 8 адм. ед. РСФСР	**1,45**	**0,71**	**— 50,84**	**— 44,32**	**835,8**	**946,7**	**+ 18,27**	**— 44,34**	**161,3**	**182,6**	**+ 13,22**	**12,50**	**6,96**

квалификация нашего низового аппарата, его чрезвычайная перегруженность, необходимость провести в самый короткий срок ряд важнейших мероприятий, в том числе обложение в индивидуальном порядке,— вот далеко не полный перечень этих причин. Все это дает некоторое об'яснение той скверной практике, которая наблюдалась при проведении обложения в индивидуальном порядке.

Является ли скверная практика полнейшей неожиданностью? Нет, не является. При рассмотрении закона, при разработке его нам приходилось уже обращать внимание на то, что обложение в индивидуальном порядке задача очень трудная, и что в наших условиях возможны неудовлетворительные результаты. Мы указывали на необходимость провести хотя бы такую меру, как возможно более раннее опубликование закона, чтобы больше времени было предоставлено для инструктирования низового налогового аппарата.

Примерно в конце июля и в начале августа начали поступать частичные материалы, довольно ясно указывающие на наличие ошибок и извращений в практике обложения в индивидуальном порядке. На основании этих материалов мы в начале августа в № 185 «Правды» писали, что местам даны были указания такого порядка, при правильном применении которых была бы «исключена возможность таких ошибок, как отнесение к облагаемым в индивидуальном порядке хозяйств, хотя и зажиточных, но чисто трудовых». В этой же статье мы подчеркивали: «нужно всем местным организациям, каждому деревенскому работнику совершенно точно уяснить себе следующее незыблемое положение: в порядке ст. 28 закона о сельхозналоге в индивидуальном порядке следует исчислять доходы исключительно кулацкого эксплоататорского хозяйства, хозяйства явно нетрудового характера».

Далее мы указывали: «надо сейчас же указать волостным, районным и вышестоящим налоговым комиссиям на необходимость с исчерпывающим вниманием отнестись к жалобам, безоговорочно отменить произведенное в индивидуальном порядке исчисление дохода и налога с попавших в эту группу чисто трудовых крестьянских хозяйств».

К концу августа начали уже поступать более полные данные о результатах проведения обложения в индивидуальном порядке. Характер этих материалов выявил необходимость в особом директивном постановлении ЦК партии и правительства об устранении всех недочетов и ошибок, замеченных при проведении сельхозналога этого года вообще и индивидуального обложения в особенности.

Результаты индивидуального обложения до и после пересмотра.

Теперь мы располагаем результатами проведения обложения в индивидуальном порядке за весь налоговой период как до пересмотра, так и после пересмотра в результате выполнения директивы. На этих результатах необходимо остановиться не только для того, чтобы сказать, в какой мере была выполнена директива ЦК, сколько с точки зрения общей оценки результатов этого мероприятия, в смысле перераспределения тяжести налога между различными социальными группами деревни.

Те данные, которыми мы сейчас располагаем, хотя и не носят исчерпывающего характера, но все же их вполне достаточно для того, чтобы сделать общие выводы и наметить пути обложения в дальнейшем. Мы остановимся только: 1) на общем количестве хозяйств, привлеченных к обложению в индивидуальном порядке первоначально и после пересмотра; 2) на тяже-

Таблица № 2.

Результаты кампании по перечислению сел.-хоз. валога с хозяйств, обложенных в индивидуальном порядке в 8 губерниях РСФСР.

	ОБЛОЖЕНИЕ В ИНДИВИДУАЛЬНОМ ПОРЯДКЕ												
	Хозяйства			Облагаемый доход				Сельхозналог 1928—29 г.				Исчисленный налог в %% ко всей сумме налога по губернии	
	Число хоз., привлеченных к индив. обложению в %% к общ. числу хозяйств		Изменение дохода в %%	Изменение дохода в %%	В среднем на одно хозяйство			Изменение налога в %%	В среднем на одно хозяйство				
	До пересмотра	После пересмотра			До пересмотра	После пересмотра	Изменение в %%		До пересмотра	После пересмотра	Изменение в %%	До пересмотра	После пересмотра
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1. Калужская	1,80	1,14	—36,40	—28,30	936,6	1.056,7	+12,81	—33,39	193,5	202,5	+4,65	16,59	11,05
2. Рязанская	1,70	0,93	—45,30	—34,20	810,2	975,2	+20,37	—32,72	149,0	183,0	+22,82	16,12	10,85
3. Архангельская	1,46	1,16	—20,73	—26,26	780,1	725,7	—6,98	—31,20	174,5	151,4	—13,24	16,07	11,05
4. Сев.-Двинская	0,98	0,43	—55,72	—53,36	608,7	641,2	+5,33	—55,52	92,1	92,5	+0,43	6,79	3,02
5. Ленинградская обл.	0,92	0,49	—46,81	—38,40	718,5	832,0	+15,79	—42,64	136,1	146,8	+7,85	7,20	4,13
6. Ярославская	1,20	0,69	—42,83	—30,79	1.047,2	1.267,3	+21,04	—27,26	227,3	289,2	+27,23	12,98	9,44
7. Владимирская	1,60	1,11	—30,51	—32,91	771,1	744,5	—3,45	—38,62	147,2	130,0	—11,69	10,70	6,57
8. Тульская	2,87	0,46	—83,84	—77,91	923,5	1.262,3	+36,69	—73,97	173,7	279,9	+61,07	19,27	5,01
Итого по 8 адм. ед. РСФСР	**1,45**	**0,71**	**—50,84**	**—44,32**	**835,8**	**946,7**	**+13,27**	**—44,34**	**161,3**	**182,6**	**+13,22**	**12,50**	**6,96**

сти обложения, вернее, размерах налога, падающего на эту часть крестьянских хозяйств в прошлом году и в нынешнем, и 3) на размерах повышения налога для хозяйств, обложенных в индивидуальном порядке.

По 8 губерниям РСФСР имеются следующие результаты (см. табл. № 2).

Из этой таблички мы видим, что до пересмотра, в среднем было привлечено к обложению в индивидуальном порядке 1,45% всех хозяйств. После пересмотра осталось только 0,71% или общее количество хозяйств, обложенных в индивидуальном порядке, уменьшилось наполовину.

Понизился и общий облагаемый доход этих хозяйств, при чем как по отдельным губерниям, так и в среднем по 8 губерниям, размер облагаемого дохода на одно хозяйство повысился, так как из обложения в индивидуальном порядке были исключены хозяйства преимущественно с более мелким доходом.

Такая же картина и с суммой налога. Общая сумма налога понизилась на 44%, но на одно хозяйство, обложенное в индивидуальном порядке, налог повысился в среднем на 13%.

Наиболее характерными являются последние две графы: 12 и 13. Из этих граф мы видим, что даже после исключения из обложения 50% первоначально привлеченных к обложению в индивидуальном порядке хозяйств, 0,7% хозяйств уплачивают 6,96% всего налога, при чем по отдельным губерниям процент этот достигает 11. Еще показательнее данные по отдельным селениям РСФСР (см. табл. № 3).

Таблица № 3.

Результаты обложения в индивидуальном порядке по отдельным селениям РСФСР

	Всего хозяйств в селении	Обложение в индивидуальном порядке				
		Число хозяйств в %% к общему числу хозяйств	Измен. с.-х. налога в %% к 1927/28 г.		Сельхозналог в %% к общей сумме сельхозналога по селению	
			Всего по сельсовету	По хозяйств. обл. в индивид. порядке	1927/28 г.	1928/29 г.
1. Станица Ново-Алексеевская **Армавирского округа** . . .	743	1,21	+ 8,3	+ 52,0	4,84	6,65
2. Перовский сельсовет Ярославской губернии	522	1,34	+ 91,5	+ 317,9	20,69	45,1
3. Мертвецовский сельсовет **Оренб.** округа Средне-Волжской области	210	3,8	+ 201,2	+ 491,5	14,5	29,7
4. Преображенский сельсовет Борисоглебск. окр. ЦЧО . .	356	1,1	+ 87,8	+ 223,0	7,1	12,2
5. Село Чикаревка Борисоглебского округа ЦЧО	521	1,2	+ 73,2	+ 362,3	10,0	26,7
6. Четыре сельсовета Смоленской губернии	—	—	—	—	—	—
(Бунаковский, Мольгинск. Крутовский и Лужищенский . .	797	1,3	+ 61,0	+ 175,2	3,4	5,9
7. Арсеньевск. сельсовет, Ржевского уезда, Тверской губ. .	363	0,3	+ 82,1	+ 534,1	0,7	2,3
8. Васькинский сельсовет, Челябинского округа Уральской области	239	2,9	+ 71,7	+ 118,8	11,0	14,0
9. Петропавловский сельсовет Пугачевского округа, Нижне-Волжского края	277	0,7	+ 67,4	+ 135,1	7,3	10,2

Результаты кампании по пересмотру с.-х. налога с хозяйств, обложенных в индивидуальном порядке по 23 округам УССР. Таблица № 4.

№№ по порядку	ОКРУГА	ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ОБЛОЖЕНИЕ: Хозяйства: Число хозяйств, привлеченных к индивидуальн. обложению в %% к общ. числу хозяйст.: До пересмотра	После пересмотра	Изменение в %%	Облагаемый доход: Изменение в %%	В среднем на одно хозяйство: До пересмотра	После пересмотра	Изменен. в %%	Сельхозналог 1928—29 г.: Изменение в %%	В среднем на одно хозяйство: До пересмотра	После пересмотра	Изменен. в %%	Исчисленный сельхозналог в %% ко всей сумме исчислен. налога по округу: До пересм.	После пересмотра
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1	Винницкий . . .	1,42	0,56	— 61,95	— 23,56	856,32	1.720,46	+ 100,91	— 31,54	164,99	296,87	+ 79,93	15,80	10,81
2	Изюмский . . .	1,39	0,69	— 50,77	— 44,15	1.132,76	1.169,06	+ 3,20	— 47,82	237,72	251,75	+ 5,90	12,00	6,26
3	Мариупольский	4,39	1,93	— 55,99	— 51,90	1.563,25	1.708,22	+ 9,29	— 39,04	368,20	509,96	+ 38,50	26,64	16,24
4	Херсонский . .	5,38	2,39	— 31,56	— 47,49	836,23	1.024,28	+ 18,25	— 43,40	167,95	214,08	+ 27,47	28,93	16,37
5	Шевченковский .	1,73	0,76	— 56,39	— 45,02	773,11	974,64	+ 26,07	— 43,69	145,23	187,52	+ 29,12	13,[illegible]3	7,85
6	Николаевский .	3,90	2,29	— 41,35	— 38,69	829,71	867,37	+ 4,54	— 36,11	158,04	172,16	+ 8,93	23,66	15,11
7	Купянский . .	2,54	1,34	— 47,19	— 17,59	1.020,30	1.592,40	+ 56,12	— 22,32	206,55	303,85	+ 47,11	20,55	15,96
8	Белоцерковский .	2,05	0,91	— 55,54	— 52,49	821,76	878,29	+ 6,88	— 49,17	163,42	186,83	+ 14,33	15,89	8,08
9	Конотопский . .	1,16	0,72	— 37,97	— 38,46	930,59	92[illegible],08	— 0,81	— 38,64	190,89	188,65	— 1,18	10,57	6,49
10	Роменский . .	2,39	1,3[illegible]	— 43,09	— 15,44	1.195,28	1.776,03	+ 48,58	— 18,23	257,77	370,39	+ 43,6[illegible]	19,23	15,72
11	Коростеньский	1,54	0,62	— 59,74	— 61,30	1.070,57	1.029,13	— 3,87	— 60,45	213,31	209,54	— 1,77	17,88	7,07
12	Нежинский . . .	3,02	2,32	— 23,25	— 18,74	1.048,90	1.110,52	+ 5,87	— 14,39	213,34	237,95	— 11,54	20,95	17,95
13	Первомайский .	4,18	1,19	— 71,56	— 70,30	798,21	83[illegible],55	+ 4,42	— 67,80	147,40	166,[illegible]2	+ 13,24	20,48	6,60
14	Старобельский .	1,34	0,77	— 43,01	— 37,71	1.188,60	1.299,21	+ 9,22	— 22,95	249,42	337,18	+ 35,19	12,59	9,70
15	Каменецкий . . .	0,64	0,30	— 52,[illegible]9	— 54,14	864,38	837,78	— 3,08	— 48,28	171,51	187,50	+ 9,32	9,22	4,77
16	Прилукский . .	2,64	1,46	— 44,69	— 20,07	1.161,95	1.679,17	+ 44,51	— 23,76	249,38	343,71	+ 37,83	18,82	14,35
17	Черниговский . .	0,91	0,44	— 51,88	— 47,07	865,37	951,95	+ 10,00	— 36,82	164,05	215,40	+ 31,30	9,26	5,85
18	Шепетовский . .	1,86	0,76	— 59,15	— 56,38	795,01	848,96	+ 6,79	— 52,60	143,58	166,55	+ 16,0[illegible]	13,43	6,37
19	Проскуровский .	0,97	0,43	— 56,00	— 56,26	728,27	724,04	— 0,58	— 38,39	133,16	186,46	+ 40,03	7,87	4,85
20	Бердичевский . .	1,39	0,82	— 40,94	— 30,11	1.000,66	1.183,92	+ 18,31	— 25,07	204,19	259,03	+ 26,86	13,48	10,1[illegible]
21	Глуховский . .	1,04	0,68	— 34,48	— 10,76	910,96	1.240,66	+ 36,19	— 13,78	170,62	221,51	+ 31,58	10,76	9,28
22	Днепропетровский	2,86	1,73	— 39,19	— 16,47	1.440,79	1.979,28	+ 37,36	— 19,66	328,01	433,34	+ 32,11	21,56	17,32
23	Артемовский	4,78	2,06	— 56,85	— 39,12	1.788,01	2.522,93	+ 41,10	— 39,09	469,00	661,99	+ 41,15	38,95	23,72
	Итого по 23 округ.	**2,24**	**1,10**	**— 51,13**	**— 38,09**	**1.051,31**	**1.331,79**	**+ 26,68**	**— 35,70**	**221,91**	**291,98**	**+ 31,58**	**1[illegible],54**	**12,56**

Из таблицы № 3 мы замечаем, что лишь в Мертвецовском сельсовете, Средне-Волжской области, количество хозяйств, привлеченных к обложению в индивидуальном порядке, составляет 3,8%. По остальным сельсоветам процент гораздо ниже.

Из той же таблицы мы замечаем, что в Перовском сельсовете, Ярославской губернии, всего в индивидуальном порядке было привлечено 1,34% хозяйств, на которые в прошлом году падало 20,7% всего по селу налога, а в этом году—45%.

В том же самом Мертвецовском сельсовете, где к индивидуальному обложению привлечено 3,8% хозяйств, в прошлом году на эти хозяйства приходилось 14,5% налога, а в нынешнем году приходится 29,7% налога. Такую же картину с теми или иными колебаниями мы замечаем по всем сельсоветам, приведенным в этой таблице. Важно еще отметить, что данные за 1928—29 г. даются уже после пересмотра: до пересмотра удельный вес этих хозяйств в налоге был еще выше.

Результаты обложения в индивидуальном порядке по 23 округам Украины видны из следующей таблицы (см. табл. № 4).

Всего привлечено было к обложению в индивидуальном порядке 2,24% крестьянских хозяйств, при чем наибольший процент был по Херсонскому округу—5,38%. После пересмотра привлечено к индивидуальному обложению 1,1% хозяйств, при чем наивысший процент составляет тот же Херсонский округ, где к индивидуальному обложению привлечено 2,39%. Следующими идут: Нежинский—2,32%, Николаевский округ—2,29%. Самый низкий процент дает Каменецкий округ—0,30%.

В среднем по всем округам в результате пересмотра число хозяйств, привлеченных к обложению в индивидуальном порядке, уменьшилось на 51%, облагаемый доход этих хозяйств понизился на 38%, и налог понизился на 35,7%.

При расчете на одно хозяйство, обложенное в индивидуальном порядке, облагаемый доход повысился на 26,68% и налог на 31,5%.

Из этой таблицы видно, что на 1,1% хозяйств, обложенных в индивидуальном порядке, приходится 12,56% всего налога, т.-е. больше, чем по РСФСР, где на 0,7% хозяйств приходится 6,96% налога (см. таблицу № 2).

По отдельным селениям УССР мы имеем следующую картину (см. табл. № 5).

В селе Б. Перевоз для 3,2% хозяйств, привлеченных к обложению в индивидуальном порядке, налог повышен на 124% против прошлого года, при чем в прошлом году эта группа хозяйств уплачивала 9,9% всего налога, приходящегося на село, а в нынешнем году 17,8%

В селе Корениха, при увеличении налога для всего села в 33,6%, налог для хозяйств, привлеченных к обложению в индивидуальном порядке, повышен в среднем на 169,4%. Эта группа хозяйств в прошлом году платила 17,2% всего налога, приходящегося на село, а в этом году 34,5% всего налога. Такая же, примерно, картина и по селению Ново-Александровка.

Мы не приводим данных по другим союзным республикам, но в основном они совпадают с приведенными по РСФСР и УССР.

Таким образом, подведя итоги проведенного обложения в индивидуальном порядке по сельхозналогу 1928—29 г., следует сказать, что, несмотря на все допущенные ошибки и извращения, основная линия партии, особенно после пересмотра в порядке выполнения директивы ЦК, в общем выдержана.

Вместе с тем, мы имеем такое положение: при издании закона предполагалось привлечь к обложению в индивидуальном порядке, примерно, 3% хозяйств, однако, несмотря на допущенные ошибки и неправильности, места фактически привлекли не более 2%, а после пересмотра и исключения всех трудовых хозяйств процент хозяйств, привлеченных к обложению в индивидуальном порядке, едва ли превысит 1,2%.

Таблица № 5.

Результаты обложения в индивидуальном порядке по отдельным селениям УССР.

НАИМЕНОВАНИЕ СЕЛЕНИЯ	Всего хозяйств в селении	Обложение в индивидуальном порядке				
		Число хозяйств в %% к общему числу хозяйств	Измен. с.-х. налога в %% к 1927/28 г.		Сельхозналог в %% к общей сумме сельхозналога по селению	
			Всего по сельсовету	По хозяйственн. обл. в индивид. порядке	1927/28 г.	1928/29 г.
1. Село Бол. Перевоз Полтавского округа	381	3,2	+ 23,3	+ 124,6	9,9	**17,8**
2. Село Бол. Корениха Николаевского округа	636	6,3	+ 33,6	+ 169,4	17,2	**34,5**
3. Село Н. Александровка Луганского округа	401	2,5	+ 145,4	+ 347,2	7,6	**13,9**

На эти 1,2% хозяйств, привлеченных к обложению в индивидуальном порядке, приходится налога, считая весьма ориентировочно, вряд ли менее 15% или 50—60 м. р.

Все это говорит за то, что обложение в индивидуальном порядке, как средство по разрешению задачи наступления на капиталистические элементы деревни, имеет все оправдания.

Отсюда и вытекает целесообразность постановления ноябрьского пленума, сохраняющего обложение в индивидуальном порядке эксплоататорских хозяйств и на будущий год.

Перспективы на будущий год.

Напомним постановление ноябрьского пленума ЦК в части, касающейся обложения в индивидуальном порядке: «решительное воспрещение расширенного применения закона об индивидуальном обложении с тем, чтобы применять его на точном основании закона лишь в отношении наиболее богатой части кулацких хозяйств, особенно тех из них, доходы которых недостаточно улавливаются при общем обложении,—и притом не более 3% всех хозяйств».

Это постановление ноябрьского пленума дает следующую установку: 1) обложение в индивидуальном порядке как средство дальнейшего наступления на кулацкие группы деревни сохраняется и на будущий год; 2) воспрещается расширительное применение этого метода обложения. Применять его можно только в отношении богатой части кулацкой группы хозяйств (т.-е. не ко всем кулакам); 3) нужно привлечь к обложению в индивидуальном порядке только тех кулаков, доходы которых недостаточно улавливаются при обложении в общем порядке, и 4) в индивидуальном порядке должно быть обложено не более 3% хозяйств.

Практическое осуществление резолюции пленума потребует издания в советском порядке точных и исчерпывающих инструкций. В противном случае, даже при самом добросовестном желании совершенно точно выполнить директиву ноябрьского пленума, мы все же получим неудовлетворительные результаты, повторение перегибов и извращений нынешнего года.

Результаты проведения кампании по обложению в индивидуальном порядке в 1928—29 году, а также наличие директивы о том, чтобы в будущем году только «наиболее богатая часть кулацких хозяйств» облагалась в индивидуальном порядке—заставляет утверждать, что вряд ли к обложению в индивидуальном порядке в будущем году будет привлечено больше хозяйств, чем в истекшем году.

Между тем не должно быть никакого сомнения в том, что общее количество хозяйств, обложенных в индивидуальном порядке, значительно отстает от действительного количества кулаков.

Мы не предполагаем здесь заняться исчислениями, сколько у нас кулаков, поскольку по этому вопросу имеется много всяких вариантов, при чем ни один из них не совпадает с другим. При этом все варианты в общем одинаково... убедительны. Именно поэтому мы для данного случая ограничимся только приведением выдержки из доклада т. Рыкова об итогах ноябрьского пленума на ленинградском активе Тов. Рыков, ссылаясь на контрольные цифры сельского лесного хозяйства на 1928—29 г. НКЗема, приводит со стр. 33 этого издания следующее:

«Высший слой кулацких хозяйств, имеющих значительное обеспечение средствами производства и прибегающих к систематическому найму рабочей силы (свыше 50 дней), насчитывает 2,1% хозяйств. Кроме того, хозяйства, занимающиеся сельским хозяйством и одновременно имеющие промышленные предприятия предпринимательского типа, составляют 1,3% всех хозяйств, а хозяйства с предприятиями того же типа, но не занимающиеся сельским хозяйством, составляют 0,8%. Таким образом, группа кулацких хозяйств по СССР составляет 4,2% и по РСФСР 3,8%».

Если считать эти цифры отвечающими действительности, то за исключением предпринимательских хозяйств, не занимающихся сельским хозяйством (и, следовательно, не облагающихся сельхозналогом), будем иметь в среднем по Союзу 3,4% кулацких хозяйств. Тов. Рыков по поводу этих расчетов количества кулацких хозяйств сказал: «Боюсь, что эта цифра несколько преуменьшена. Возможно, что в действительности она больше».

Во всяком случае, можно полагать, что 3,4% это есть именно та цифра кулацких хозяйств, которая должна была быть привлечена к обложению в индивидуальном порядке в прошлом году, исходя из действующего теперь закона. Фактически же, как известно, привлечено меньше половины этого количества. Если учесть поправку, внесенную на будущий год, т.-е., что привлечены к обложению в этом порядке могут быть только «богатые кулаки», да еще такие, доходы которых не могут быть учтены в общем порядке (резолюция пленума), то придем к выводу, что можно будет привлечь к обложению в индивидуальном порядке именно «не более 3%», вернее—меньше 3%.

Можно и даже надо допустить, что в отдельных селениях, а возможно и волостях, индивидуальное обложение не будет применяться и вовсе не потому, что в этих селениях вообще нет кулаков, а главным образом потому, что в этих селениях может не оказаться богатых кулаков. Но в то же время надо будет со всей решительностью бороться с попытками некоторых местных работников представлять дело в таком свете, что в «их» губернии, уезде или волости вовсе нет кулаков, с попытками освобождения от обложения в индивидуальном порядке, а что такие случаи были, достаточно показывают хотя бы следующие факты. По Медвежинскому району Северо-

Кавказского края, например, не привлечены к обложению в индивидуальном порядке владельцы водяных мельниц, молотилок, сдаваемых в пользование за плату и проч. На Украине отмечены случаи, когда к обложению в индивидуальном порядке не привлечены кулаки, состоящие в родственных связях с членами сельских учетных комиссий, или потому, что налог с этого кулака и так чрезмерно возрос вследствие более полного обложения неземледельческих заработков. Поэтому, мол, нет нужды облагать в индивидуальном порядке его нетрудовые доходы.

Решительно должно быть покончено с практикой твердых заданий, с требованием выявления определенного количества кулаков. Исходя из того, что по Союзу в целом к обложению в индивидуальном порядке может быть привлечено не более 3% хозяйств, должны быть установлены предельные проценты для республик, губерний и округов, при чем по отдельным более мелким территориальным единицам—волости и селению—этот % может быть гораздо ниже 3%, а иногда равняться нулю, но наряду с этим могут быть отдельные волости, отдельные селения, где этот процент будет превышать предел—будет равняться действительному количеству богатых кулацких хозяйств в данной местности.

Последнее указание, которое надо будет дать, должно свестись к ограничению возможности автоматического увеличения доходности от полеводства. В нынешнем году облагаемый доход от сельского хозяйства в хозяйствах, облагаемых в индивидуальном порядке, можно было повысить на 100% против суммы, исчисленной по нормам в общем порядке. Во многих случаях это и препятствовало развитию полеводства. Необходимо поэтому ограничить возможность повышения облагаемого дохода от сельского хозяйства 75% против исчисленного по нормам доходности.

Вот, примерно, по какому пути мы должны будем пойти при проведении обложения в индивидуальном порядке в наступающем году.

Для более полного устранения недостатков истекшего года необходимо еще, во-первых, опубликовать закон о сельхозналоге об обложении в индивидуальном порядке, как можно раньше, чтобы дать возможность низовому советскому аппарату, налоговому аппарату, всем местным организациям ознакомиться с этим законом, с порядком его проведения и, во-вторых, нужно делу проведения в жизнь этого мероприятия уделить максимум внимания со стороны местных партийных и общественных организаций.

Необходимо, чтобы отбор хозяйств, подлежащих обложению в индивидуальном порядке, производился на селе при участии местных общественных организаций и обсуждался на собраниях крестьянской бедноты.

Вся работа налоговых комиссий по проведению обложения в индивидуальном порядке должна быть проведена с соблюдением строгой законности, с обеспечением за налогоплательщиками права и возможности обжаловать решения налоговых комиссий. А чтобы не дергать аппарат и налогоплательщиков, надо принять все меры к тому, чтобы закончить всю работу по установлению дохода этих хозяйств и исчисление налога с них в такой срок, какой даст возможность недовольному решением налоговой комиссии обжаловать это решение еще до наступления срока платежа налога.

Мы отлично понимаем, в какое трудное положение были поставлены места в нынешнем году, когда им пришлось рассматривать жалобы уже после уплаты налогоплательщиком половины налога.

Характерно отметить, что в нынешнем году почти не было ни одного хозяйства, обложенного в индивидуальном порядке, которое бы не обжаловало этого обложения, при чем большая половина жалоб была удовлетво-

рена. Мы нисколько не сомневаемся в том, что если бы общие условия проведения обложения в индивидуальном порядке были бы лучше, если бы жалобы рассматривались до начала взыскания налога, то было бы гораздо меньше ошибок, меньше разговоров, меньше недовольства, особенно со стороны тех хозяйств, которым обложение в индивидуальном порядке было впоследствии отменено.

Учитывая наличие опыта нынешнего года, выполнить постановление ноябрьского пленума об обложении в индивидуальном порядке кулацких хозяйств в наступающем году будет легче. Но все же трудностей достаточно много и преодолеть их можно будет, если местные организации, местные партийцы, каждый деревенский коммунист и комсомолец, каждый передовой крестьянин учтет всю важность поставленной задачи по наиболее полному обложению кулацкой, эксплоататорской части деревни.

М.Варейкис.

Коренные вопросы работы среди батрачества.

Обостряющаяся классовая борьба на селе с особой настойчивостью ставит перед партией задачу организации пролетарских и полупролетарских групп деревни и увеличения их роли в политической и хозяйственной жизни.

Это—не новая задача. На протяжении всего периода Октябрьской революции партия ведет упорную работу по организации деревенских пролетариев и полупролетариев и укреплению их союза с средним крестьянством. За последние 3—4 года, вместе с ростом количества наемных рабочих в сельском хозяйстве, большей дифференциацией крестьянства,—работа по политической, хозяйственной и профессиональной организации бедноты и батрачества приобрела особенно большое значение.

О работе среди батрачества и сельскохозяйственных рабочих вынесен ряд партийных решений. XIII, XIV и особенно XV с'езд указали на важнейшую обязанность для партии пролетариата организовывать и сплачивать бедноту и батрачество против кулака и в борьбе с ним. В связи с этим и внимание работе с батрачеством на местах значительно увеличилось.

Несомненно, что роль батрачества и сельхозрабочих в общественной и политической жизни за последние годы поднялась, повысился их культурный уровень и политическая активность. Но эти достижения и успехи, в сравнении с теми задачами, которые стоят перед партией в области работы среди деревенских пролетариев, чрезвычайно ограничены и совершенно недостаточны.

Особенно слабо участие батрачества в социалистической реконструкции крестьянских хозяйств. Развернувшаяся большая работа по строительству коллективов проходит в большинстве мимо батрака. Его роль, как передового авангарда деревни—партийными, советскими и кооперативными организациями сильно недооценивается, не учитывается именно то, что в настоящее время батрак кровно, непосредственно заинтересован в быстром расширении колхозов, которые для абсолютного большинства батраков являются основной реальной перспективой, единственным спасением против физического и морального вырождения от кулацкой сверхэксплоатации.

Особое значение работа среди сельхозрабочих имеет для деревенских партийных организаций. Засоренность состава деревенских партийных ячеек социально чуждыми пролетариату зажиточными элементами приводит к проникновению в деревенские парторганизации антипролетарского влияния. Этим тенденциям, недооценивать которые нельзя, должно быть противопоставлено усиление влияния на парт'ячейки пролетарских элементов деревни, укрепление связи партии с ними и систематическое, более энергич-

ное вовлечение батрачества в партию. Таким образом, оздоровление внутрипартийного положения деревенских ячеек будет в значительной степени зависеть от развертывания партийной работы среди батрачества и сельхозрабочих.

По данным ЦСУ, численность наемных рабочих в крестьянских хозяйствах и в сельских обществах за 1926—27 гг., характеризуется следующими цифрами [1]):

Число годовых, сроковых и помесячных рабочих (в тысячах) [2]).

Годы	Всего в индивидуальных хозяйствах	В сельских обществах и у групп домохозяев	Итого включая куст. пром. рабочих
1926 г. . .	1,697,9	640,3	2,338,2
1926 г. . .	1,696,7	750,4	2,447,1
1927 г. в % к 1926 г.	99,9	117,2	104,7

Как видно, 1927 г. дал общее увеличение количества батраков: при этом весь прирост падает на наемных рабочих земельных обществ и групп домохозяев, рост рабочих в крестьянских индивидуальных хозяйствах остановился.

Сейчас еще трудно делать исчерпывающие выводы о перспективах роста наемных рабочих в крестьянских хозяйствах в ближайшие годы. При хорошем урожае в один год наем рабочих крестьянскими хозяйствами может значительно увеличиться. Однако, наметившиеся в 1927 г. тенденции сокращения не только удельного веса, но и абсолютного числа наемных рабочих в крестьянских хозяйствах не является случайным «конъюнктурным» явлением, а вытекает из всего развития сельского хозяйства за последние 2 года. Под влиянием проводимой партией политики ограничений кулачества, его роль в найме рабочих, как и во всей сельскохозяйственной экономике будет снижаться. С другой стороны, часть батраков уходит в колхозы или же при помощи со стороны сельхозкредита переходит к ведению своего хозяйства.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные по отдельным районам показывают, что наметившееся в 1927 году снижение наемных рабочих в крестьянских хозяйствах продолжается и в следующем 1928 году. Так, по данным обследования 19-ти сел Бийского округа (данные отдела деревни ЦК ВКП(б)) наем батраков в 1928 г. сократился на 3,1%. По данным Уральского областного отдела союза сельхоз. и лесн. рабочих общее количество батраков, занятых в крестьянских хозяйствах по Уралу, сократилось с 130.228 чел. в 1927 до 106.669 в 1928 году.

Как мы видели, рост наемных рабочих в сельских и земельных обществах за 1927 г. оказался настолько значительным, что с излишком покрыл уменьшение роста в индивидуальных крестьянских хозяйствах. Если к этому прибавить рост рабочих в советских хозяйствах (как старых, так и вновь организуемых), в государственных и кооперативных, сельскохозяйственных и промышленных предприятиях и т. д., то станет очевидной необоснованность предположений и опасений, что мероприятия партии по ограничению развития кулаче-

[1]) См. «На аграрном фронте» № 11 за 1928 г., ст. А. Мельникова—«Численность и состав рабочих в крестьянских хозяйствах и сельских обществах».

[2]) Исчислено путем анкетного опроса, ежегодно проводимого через сельсоветы.

ства приведут к сокращению рабочих в сельском хозяйстве и к увеличению безработицы.

Увеличение количества и удельного веса наемных рабочих государственных и общественных организаций несомненно меняет характер работы среди батрачества, облегчает ее. Внимание работе среди этих групп рабочих должно быть усилено. Однако, основное внимание должно быть попрежнему обращено на работу среди основной массы сельскохозяйственных рабочих-батраков и пастухов крестьянских хозяйств и земельных обществ, которые составляют две трети всех сельскохозяйственных рабочих [1]).

Основными в работе среди батрачества являются вопросы поднятия материального уровня широких батрацких масс. Вокруг этих вопросов только и может быть развернута вся политическая, профессиональная, культурная и прочая работа.

Условия труда, экономическое и бытовое положение батрачества резко выделяются своими особенностями из других групп и слоев рабочего класса и создают целый ряд трудностей при проведении работы в области поднятия жизненного уровня батрака.

Батрачество более, чем другие слои рабочих, связано с землей (70,5% имеет землю, 32% имеют свой рабочий скот—данные 1927 года) и поэтому рассматривает свою работу по найму, как временное занятие. Это ограничивает передвижение батрачества, привязывает его к определенной территории, а часто и к определенному селению—и тем самым ставит батрака в большую зависимость от хозяина.

Батраки сильнее других рабочих ощущают давление и конкуренцию со стороны новых слоев рабочих, которые в изобилии выбрасывает деревня, особенно перенаселенный сельскохозяйственный центр.

Величайшим препятствием к организованной борьбе за улучшение экономического положения батраков является их распыленность среди миллиона крестьянских хозяйств и по тысячам селений.

Наконец, полунатуральный характер найма в крестьянских хозяйствах создает подчас такие взаимоотношения между нанимателем и батраком, которые с большим трудом могут регулироваться трудовым законодательством и дают возможность широкого применения кабальных отношений скрытой эксплоатации, приобретающей подчас чудовищные формы средневекового крепостничества.

«Советская Сибирь» (от 29 декабря 1928 г.) рассказывает случай продажи батрачки.

...«В одном из киргизских аулов у кулака Колетырбаева жила батрачка Катира Катыбаева, родители и муж которой умерли. Пользуясь безвыходностью положения батрачки, Колетырбаев эксплоатировал ее самым бесчеловечным образом, заставляя работать буквально по 20 часов в сутки. Полной зарплаты батрачка не получала, работая исключительно за кусок хлеба... Трудолюбие, выносливость батрачки пришлись по сердцу другому баю и Колетырбаев продал Котыбаеву новому хозяину за трех коров, лошадь, трех быков и 100 рублей наличными».

[1]) По данным тов. Ю. Ларина («Сельско-хоз. пролетариат СССР») всего в 1927 г. числилось сельхозлесрабочих 3.200 тыс., из которых: а) в государств. хозяйств. (совхозы и леса) 900 тыс.; б) в обществен. хозяйстве (кр. общ. взаимопомощи, кооперации, зем. общества)—400 тыс.; в) кулацких хозяйствах (вместе с деревенскими промысловыми рабочими кулаков)—1.500 тыс. чел., г) в бедняцко-середняцких крест. хозяйствах—400 тыс.

Это исключительный случай, но самое основное заключается в том, что такой случай мог произойти, что могут складываться взгляды на батрачку, как на свою собственность.

Обследование найма в кулацких хозяйствах Бахтарлишского уезда, Казакской АССР весной 1928 г. отмечает:

«Из обследованных 83-х хозяйств только 50% выплачивают зарплату в денежной форме, точных сроков выплаты не существует, работодатель платит по своему усмотрению... Сплошь да рядом батраку при расчете втирают негодную клячу... В районе лучшего, Богатыровского, батрачкома зарплата колеблется от 6 до 10 рублей в месяц. Из 83-х хозяйств только в одном посуда батрака содержится в чистоте, имеются постельные принадлежности, полотенце, табуретка, на которой батрак обедает, покрыта клеенкой, спит батрак на койке». В большинстве же положение рисуется самое безотрадное. «Кулак Красков нелегально держит в батраках подростков... Подросток спит под кроватью вместе с теленком, с той разницей, что теленку дают на подстилку соломы, а батраку не дают». («Советская Степь», 4 апреля 1928 г.).

Ничем не прикрытая кулацкая сверхэксплоатация батраков не является исключительным явлением отдельных отсталых районов. Широкая практика натуральной оплаты труда (готовый стол, готовая «квартира») особенно в отношении более слабо организованных женщин и подростков создает широкие возможности скрытой эксплоатации, понижения заработной платы, увеличения продолжительности рабочего дня и т. д.

За самые насущные и минимальные требования приходится бороться батрачеству. Для абсолютного большинства предстоит еще осуществить те требования, которые давно стали достоянием всего рабочего класса наших социалистических республик.

По данным ЦК союза сельхозлесрабочих размер месячной зарплаты (по труддоговорам) взрослых рабочих в переводе всех видов натуральной оплаты на деньги следующий:

Наименование рабочих.	1926 г.			
	Январь.	Апрель.	Июль.	Октябрь.
Батраки	14 р. 60 к.	14 р. 99 к.	18 р. 04 к.	19 р. 69 к.
Батрачки	10 „ 53 „	10 „ 84 „	14 „ 35 „	15 „ 38 „
Пастухи	—	19 „ 88 „	23 „ 02 „	24 „ 57 „

Для сравнения, приведем данные о размере среднемесячной оплаты рабочих совхозов, относящиеся так же к 1926 г.:

1. Рабочие совхозов (без Сахаротреста) . . . . . 24 р. 68 к.
2. Рабочие Совхозов Сахаротреста:
   - а) Годовые . . . . . 31 „ 40 „
   - б) Сезонные . . . . . 23 „ 60 „

С 1926 г. произошло некоторое повышение зарплаты: батраков—на 11,8%, батрачек—только на 5%, пастухов—на 8%. В это же время зарплата рабочих совхозов Госсельтреста поднялась на 33%, Сахаротреста — на 8,10%.

Из приведенных данных можно видеть, что уровень зарплаты сельхозрабочих, особенно батраков индивидуальных крестьянских хозяйств, чрезвычайно низок.

Даже в тех районах, где зарплата батраков наиболее высока (московско-промышленная область), уровень зарплаты сельскохозяйственных рабочих в 1926 г. (позднейшие данные показывают небольшое повышение) не достигают уровня 1913 г.

Важнейшей областью, куда должно быть направлено наше внимание, в деле защиты интересов труда батрачества, является работа по регулированию рабочего времени батрака. По данным обследованиям бюджета батраков ЦСУ (сентябрь 1926 г.) рабочий день батрака летом составляет (в часах): в Крыму—13,5, в Ц.-Черноземной, Западной областях и Сибири—12,8, в Нижне-Волжском крае—12,5, в Белоруссии и на Украине—12,4. При чем у *батрачки* длина рабочего дня больше, чем у батрака (12,8 против среднего у рабочего—12,5). Данные обследования инспекции труда, относящиеся к 1927 г., показывают также повсеместное нарушение продолжительности нормального рабочего дня. Праздничные и выходные дни соблюдаются также далеко недостаточно. По тем же данным инспекции труда (1927 г.) полное освобождение в праздничные дни получают 50—60% батраков (в революционные праздники и того меньше).

Фактическое сокращение рабочего дня для политического и культурного развития батрачества имеет колоссальное значение. Здесь роль государственных органов гораздо большая, чем в других областях экономической и правовой защиты батраков. Регулирование фактической продолжительности рабочего дня в сельском хозяйстве должно стать серьезнейшей работой органов Наркомтруда и местных советских органов.

Вопрос об охране труда женщин и подростков становится значительно более важным в связи с тем, что кулак старается перейти от более дорогого к более дешевому женскому и детскому труду. Так, в составе батрачества крестьянских хозяйств женщины в 1926 г. занимали 44,1%, в 1927 г. уже 46,6%. Количество взрослых батраков сократилось с 54,3% до 51,2% [1]).

Это заставляет обратить внимание всех деревенских организаций (в частности, КСМ) на усиление работы по защите труда женщин и малолетних.

Сложность и трудность развертывания работы по поднятию материального уровня батрачества определяется чрезвычайно большой сложностью хозяйственных условий крестьянского хозяйства. К найму рабочих приходится прибегать не только кулацким, но и середняцким, а иногда и бедняцким хозяйствам. К поденному найму в страдную пору прибегает очень большой процент середняцких хозяйств.

Отсюда перед нами встает чрезвычайно важная задача охраны труда в крестьянских хозяйствах, подпадающих под действие «временных правил» [2]) и труда поденных рабочих.

Недавно закончившийся VI всесоюзный с'езд союза сельхозлесрабочих выдвинул ряд требований в области улучшения труда и быта батрачества: 1) дальнейшее повышение зарплаты в промышленных хозяйствах до уровня совхозских рабочих; 2) установление минимума зарплаты для хозяйств, подпадающих под действие «Временных правил»; 3) сокращение, а в кулацких хозяйствах полную ликвидацию, натуральных форм оплаты труда; 4) строгое проведение 8-часового рабочего дня в кулацких хозяйствах, допуская увеличение его до 10 часов лишь в летнюю пору за соответствующую надбавку к заработной плате; 5) в хозяйствах, подпадающих под действие «Временных правил» на летних полевых работах можно допускать удлиненный рабочий день, но не более 10 часов в среднем. Далее с'езд предлагает добиваться обязательно предоставления выходных дней, допуская замену денежной

---

[1]) А. Мельников, «На аграрном фронте», № 11, за 1928 г.

[2]) «Временные правила о труде батраков и пастухов» изданы СНК СССР от 18 апреля 1925 г., регулируют условия труда в крест. х-ве, для которых наемный труд является подсобным. В промышл. и кулацких х-вах применяется К. З. о Т.

компенсацией лишь в крайних случаях, (страдная пора) и предоставления батаракам отпусков или выдачи соответствующей денежной компенсации. С'езд поставил вопрос об усилении охраны охраны женского труда и труда подростков, установив для последних такой рабочий день, который не препятствовал бы посещению школы.

С'езд обращался с просьбой о скорейшем издании закона о применении КЗоТ'а к кулацким хозяйствам. Поскольку принципиальное согласие союзного правительства на издание этого закона имеется (см. заявление предсовнаркома тов. Рыкова на заседании ленинградского партактива от 30 ноября 1928 г.), нужно добиться его издания в ближайшее время с таким расчетом, чтобы к началу весенней колдоговорной кампании новый закон можно было бы основательно проработать на местах.

Если поднятие материального уровня и улучшение условия труда батрака является основой всей общественно-политической работы, то поднятие культурного уровня является условием успешного развертывания работы с батрачеством.

Все значение культурной работы среди батрачества видно из того, что 51,2% батраков неграмотны (по данным 1926 г.). Особенно большая неграмотность батрачества в национальных районах (Башкирская АССР 60%, Дагестан—73%, Киргизская 62%, Закавказье—67%, Узбекская СССР—88,7%, Туркменистан—90%—по данным 1926 г.).

Громадное значение ликвидации неграмотности, как первичного и основного условия всей культурной и общественной работы, отмечено было еще в решении ЦК ВКП(б) от марта 1927 г. Эта работа с тех пор мало двигалась вперед.

Темп проведения работы по ликвидации неграмотности—совершенно неудовлетворительный. Общее количество привлекающихся к обучению в 1927 г. (по данным союза) составляло 96 тысяч человек (на 1.700 тыс. неграмотных батраков). В текущем году намечена более широкая программа охвата обучением (350—400 тыс.). Выполнение этой программы потребует большого внимания, средств и мобилизации местных сил и инициативы, но оно должно быть достигнуто, во что бы то ни стало.

Добиться поворота в культурной работе среди батрачества возможно в том случае, если партия и профсоюзы смогут из самого батрачества воспитать новые кадры культурных работников. Между тем, выдвижение батрачества в средние, высшие учебные заведения очень слабое. Так, на рабфаки в 1927 г. было послано только 700 батраков, в 1928 г. 1.200, из которых большой процент отсеивается. Насколько слабо вовлекается батрачество в средние школы, ШКМ и техникумы, можно видеть из следующих данных по Уралу: по семи индустриальным техникумам из принятых на 1-й курс 584 чел, батраков—4 чел., по семи сельскохозяйственным техникумам из принятых 553 чел., батраков—29 чел.

Проблема низшей школы для батраков имеет также чрезвычайно актуальное значение. В числе отсеивающихся на 1 и 2 годах обучения наибольший процент падает на детей батраков. Это и понятно. Батрак не в состоянии на свой скудный заработок содержать и обучать детей, и он отдает их на работу.

Имеются партийные решения о создании фондов и стипендий для обеспечения учебы детей батраков в школах соцвоса и ШКМ. Это решение не проводится. Тратятся большие средства по линии шефских обществ на культурную работу в деревне—поддержки детям батраков они не оказывают. Не используются на поддержание батраков средства общественных организаций деревни—особенно кресткомов. Нужно все это переделать, перевернуть, добиться нужного внимания к такому важному вопросу.

Массовая культурно-просветительная работа за последние два года заметно усилилась, но проводится только силами и средствами союза сельхозрабочих. Отпуск средств на культработу увеличился с 2 р. 17 к. (1926 г.) до 4 руб. (1928 г.) на члена союза. В соответствии с этим за последние 2 года число профсоюзных библиотек и красных уголков выросло в 3 раза и составляет на 1 июля 1928 г.—9.192. Количество уголков батрака выросло за два года на 3.168 и составляет к 1 июля 1928 г.—5.122. Появились некоторые новые формы культпросветработы: передвижные «кибитки-читальни» (Восток) «красные палатки», «культлодки».

Довольно широко развернулась работа различных кружков. Так, по данным ЦК союза, в 12.219 обследованных рабочкомах и сельхозрабочкомах было организовано 4.306 кружков профграмоты, 3.144 кружка политграмоты, 833 производственных и 47 физкультурных кружка.

Массовая и культпросветработа проводится пока почти исключительно профсоюзом. Насколько слабо она развернулась в органах политпросвета, можно видеть из следующих данных: из 50.000 изб-читален по РСФСР только в 3.468 организованы уголки батрака и только 2.000 изб выписывают газету «Батрак».

Внимание культпросветработе со стороны государственных органов, со стороны комсомола и партии, и, наконец, со стороны других профсоюзов было и остается очень недостаточным. К примеру, можно указать на работу рабочих шефских обществ, которые только за последнее время стали говорить и заниматься вопросами работы среди батраков.

Особое значение массовой работы для политического воспитания батраков вытекает из того, что батрак должен становиться и все более становится активным политическим фактором деревни. В разгорающейся классовой борьбе он сможет занять свое место только при достаточной организованности и поднятии политического и культурного уровня. Между тем, массовая работа с батраками по линии профсоюзов (а другой не проводится) поставлена несколько узко. Например, общие собрания батраков почти не занимаются политическими вопросами. В этом нужно видеть одну из причин того, что батраки недостаточно активно принимают участие в политической жизни деревни.

Наше требование к массовой и культурно-просветительной работе среди батрачества должно быть следующее—больше политических тем, больше о классах, о классовой борьбе, больше о партии, о профсоюзе.

Нельзя не отметить большую политическую и культурную роль, которую начинает играть батрацкая печать. Общий тираж газеты «Батрак» достиг 195 тысяч, журнал «Батрачка» расходится в 32 тыс. экземпляров, Украинский «Наймит» в 35 тыс. экземпляров, другие национальные газеты выходят в 39 тыс. экземпляров. Вокруг газеты выросли широкие кадры рабкоров, достигающие 12 тысяч человек.

Батрацкой печати предстоит сыграть значительную политическую роль. Политические вопросы, вопросы партийной жизни, очень слабо освещаются на страницах батрацкой печати—и в этом их важнейший недостаток, который центральная газета «Батрак» уже начала исправлять. На ряду с этим необходимо, чтобы и общепартийная печать увеличила внимание батрацким вопросам, шире и полнее освещала работу среди батрачества.

Громаднейшие задачи в области под'ема экомического и культурного уровня батрацких масс могут быть осуществлены только при самом активном участии батрачества и при хорошей его организованности.

Поэтому партия уделяет такое значительное внимание работе профессионального союза сельско-хозяйственных и лесных рабочих, являющегося основной массовой организацией батрачества.

Общий рост организованности батрачества и сельско-хозяйственных и лесных рабочих представляется в следующем виде (в тысячах членов союза):

Июль	1919 г. — 48,0	Январь	1925 г. — 415,1
Июль	1920 „ — 101,0	Январь	1926 „ — 856,9
Июль	1921 „ — 363,6	Январь	1927 „ — 1108,6
Июль	1922 „ — 240,2	Июль	1927 „ — 1192,6
Июль	1923 „ — 278,1	Июль	1928 „ — 1362,2
Июль	1924 „ — 329,1		

Быстрый рост организованности сельхозрабочих начинается со второй половины 1924 г. и продолжается до начала 1927 года. За последние полтора года темп роста членов союза сельхозрабочих значительно сокращается. Так, количество членов профсоюза увеличилось: в 1925 г. более, чем на 100%, в 1926 г. — на 29,4%, в 1927 г. — на 14,9% и в первой половине 1928 г. — на 6,9% (данные ЦК союза). Наибольший рост союза приходится на периоды более быстрого роста сельского хозяйства (1924 — 26 г.), который сопровождался увеличением количества наемных рабочих, прежде всего, в крестьянском хозяйстве. Вместе со стабилизацией крестьянского найма батраков заметно снижается и рост союза. Но, конечно, это не одна и, пожалуй, не самая главная причина сокращения темпа роста союза. Важнейшую роль в снижении темпа роста сыграл более тщательный отбор и регулирование роста союза. Опасность разбухания за счет мелкобуржуазных элементов, существующая для всего нашего профдвижения, особенно рельефно выделяется в союзах сельхозрабочх, строителей, об'единяющих те слои рабочих, которые особенно тесно связаны с деревней. Это и привело к тому, что на регулирование состава союза по директивам ЦК партии и ВЦСПС было заострено внимание мест.

Сокращение темпа роста союза, во-вторых, об'ясняется тем, что значительные массы сельско-хозяйственного пролетариата, лучшую часть их, союз уже об'единил. При всех прочих недостатках работы среди сельхозрабочих в этой части нужно отметить громадное достижение. Весь союз сельхозрабочих СССР — самый большой союз не только нашей страны, но и всего мира.

Третьей существенной причиной замедления роста союза является ослабление внимания обслуживанию неорганизованного батрачества. Так как массовой работы среди батраков советские, партийные и другие организации еще не развернули, то неорганизованные в профсоюзы слои батрачества не охвачены никакой работой.

Несмотря на то, что имеются достаточно основательные причины замедления роста союза сельхозрабочих, необходимо признать, что работа по организации батрачества поставлена еще слабо. XV с'езда партии и дал директиву «усилить работу союза сельхозрабочих по организации еще неорганизованных батраков, а равным образом облегчить вовлечение в союз сельхозрабочих тех еще не вовлеченных полупролетарских элементов в деревне, для которых работа по найму является основным источником их существования».

Насколько велики возможности дальнейшего роста союза сельхозрабочих, видно из того, что в союзе об'единено еще не полных 40% всех сельхозлесрабочих. Особенно слабо вовлечены в союз батраки.

На 1 января 1928 г. батраки вовлечены в союз только на 17—18%. Недостаточная организованность приходится на важнейшие сельско-хозяйственные районы, с собенно большой насыщенностью сельхозрабочих. Так, по Северному Кавказу из 216 тыс. зарегистрированных батраков,

в союзе 75 тыс. По Нижне-Волжскому краю из 115 тыс. батраков в союз вовлечено 28 тыс. (данные крайкома партии). Из 106 тысяч батраков, работающих в крестьянских хозяйствах Уральской области, в союзе — 28 тыс. и т. д.

Несомненно, что вовлечение всей этой массы пролетариев в профсоюз не может являться делом только профсоюза. Большая помощь должна быть оказана со стороны партийных, комсомольских и других профессиональных организаций.

Необходимо обратить внимание на охват со стороны организаций союза глубинных деревенских пунктов. Целый ряд данных показывает, что члены союза сконцентрированы по преимуществу в крупных районных или в больших волостных селах, в то время, как рабочие отдаленных селений, хуторов, совершенно не охвачены. Проникновение союза в отдаленные населенные пункты даст возможность привлечь к активной общественной работе не одну новую тысячу пролетариев.

Решающее влияние на дальнейший рост должно оказать улучшение работы низового союзного звена—рабочкома, сельхозрабочкома [1]). Проведенная реорганизация союзной сети создает предпосылки для укрепления низового союзного звена, поднятия самодеятельности в его работе, лучшего подбора работников, укрепления и улучшения всей низовой профсоюзной работы.

Некоторое улучшение работы низового союзного звена за последние два года, несомненно, имеется. Улучшилась культурно-просветительная работа, увеличился с 1926 года охват батраков трудодоговорами, увеличилось количество организованного в союз батрачества. Но стал ли сельрабочком боевым батрацким штабом, авторитетным не только в глазах батраков, но и всего бедняцкого и середняцкого населения? Нет, еще не стал. Что сельрабочком недостаточно сплачивает батрачество, показывает факт очень слабого развития стачечной борьбы батрачества и пастушества. За последние 3 года было проведено несколько десятков стачек, охвативших немного более тысячи участников.

Другим признаком слабости работы низовой союзной ячейки является слабый контроль, проверка выполнения трудодоговоров. Мы уже приводили данные массового нарушения условий труда батрачества. И вот здесь, в такой важной работе, как борьба за выполнение уже подписанных нанимателем условий труда, и показывают свою слабость организации профсоюза.

Сам ЦК союзов чрезвычайно скромно оценивает работу низовой профсоюзной ячейки: «Несмотря на некоторое улучшение, работа первичных ячеек продолжает оставаться еще слабой. Вокруг сельрабочкомов не удалось еще об'единить и вовлечь в работу батрацкий актив и всю работу ведет преимущественно один платный работник» [2]). Это, в общем, правильная характеристика состояния низового союзного звена, которая подтверждается и данными отдела по работе в деревне ЦК партии. Укажем хотя бы на то, что по Курскому округу по 35 сельрабочкомам за август—сентябрь 1928 г. было проведено только 2 заседания. И это не исключительное, а, наоборот, обычное для сельрабочкомов явление. Несколько лучше положение с рабочкомами (при совхозах, предприятиях), которые имеют дело с концентрированной массой рабочих. Обычно, на работу этих последних обращается несравненно большее внимание и со стороны руководящих профорганизаций.

[1]) Рабочком—рабочий комитет в совхозах и других предприятиях. Сельрабочком—об'единяет батраков, пастухов и др. рабочих по преимуществу крестьянских хозяйств и земельных обществ.

[2]) «Что сделано Союзом» отчет ЦК—VI Всесоюзному С'езду Союза (1926—28 г.). Изд. газеты «Батрак», стр. 13.

После реорганизации низовой сети, проведенной на основе решений ЦК ВКП от марта 1927 г. [1]), условия для укрепления низовой ячейки улучшились. Сокращение промежуточных звеньев союза (сократилось 141 окружных и уездных отделений и около 1.000 волостных и районных комитетов), расходы на руководящие органы также значительно понизились и составляют в 1928 г. 5.830 тыс. рублей, против 10 млн. в 1927 г., выросли и финансово укрепились низовые ячейки союза. За последние 3 года число рабочкомов и сельрабочкомов выросло на 9.906, а расходы на них достигли в 1928 году 6.860.000 руб., против 3.440.000 руб. в 1927 г.

Однако, сеть низовых профсоюзных органов еще недостаточно охватила деревню. На 74.300 сельсоветов, более чем 400 тыс. земельных и сельских обществ—имеется и 8.889 сельрабочкомов. В среднем, на один сельрабочком приходится 8—10 сельсоветов. С этой стороны нужно признать неправильной тенденцию сокращения (с 8.979 на 1/I—1926 г., до 6.950 на 1/VII—1928 г.) сельуполномоченных. В некоторых районах институт сельуполномоченных союза совершенно упразднен и на сельрабочкомы взваливается обслуживание непомерно большой территории. Это очень осложняет работу.

Улучшение и оживление работы рабочкома и сельрабочкома в значительной степени будет определяться двумя причинами: 1) улучшением руководства низовой ячейки со стороны руководящих профсоюзных органов, и 2) подбором и воспитанием профсоюзных кадров.

Особенное значение руководства по линии профсоюза об'ясняется тем, что после реорганизации на низовую проф'ячейку легли очень крупные задачи. Всю работу, которую проводил волком или райком союза, теперь приходится проводить рабочкому и сельрабочкому. При этих условиях нужна хорошая постановка инструктажа, установление постоянной связи с руководящими профсоюзными организациями. Между тем, работа по созданию союзного инструктажа находится в самом зачаточном состоянии. Работники не подобраны, внимания и средств на инструктирование уделяется совершенно недостаточно. Живое руководство подменяется бумажным. Сельрабочкомы получают ворохи отношений, писем, инструкций, решений, которые не только проработать, но и прочесть, часто малограмотному батраку, некогда. Подобная система работы должна быть в корне изменена, в основу дальнейшего руководства работой должна быть положена живая связь, живое инструктирование, имеющее для батрацких организаций исключительное значение.

Поистине, решающее значение для всей работы с сельхозрабочими имеет вопрос о создании и воспитании актива и руководящих кадров из батраков и рабочих. Основным источником, из которого будут черпать батрацкий актив партийные, советские, кооперативные организации, должен явиться союз сельхозрабочих, об'единяющий больше полмиллиона батраков. Количественный рост актива союза сельхозрабочих за последние годы был довольно большим. Вовлечено в состав профсоюзных организаций деревни (комитеты, комиссии, советы и др.) 220 тыс. чел. Из них только членов союзных выборных органов—88.000 чел. Состав актива тоже улучшается за счет большего выдвижения в него непосредственно рабочих. Так, из 88.000 выборных членов профсоюзных органов—рабочих 50.000 чел., а среди платных союзных работников рабочих—61%. Коммунистическая прослойка среди

[1]) Сущность реорганизации заключалась в том, что от построения сети по административному делению, союз перешел к построению ее в зависимости от необходимости обслуживания мест скопления батрачества и с.-хоз лесных рабочих. В районированных областях низовая союзная ячейка связывается непосредственно с округом. В нерайонированных оставлены районные комитеты союза, об'единяющие несколько волостей, связанных непосредственно с губернией. Уотделения, как правило, упразднены.

выбранных членов профсоюзных органов 20—25%. Как видим, имеется довольно широкая база, из которой можно черпать батрацкие кадры на активную работу в деревне.

Несмотря на известный политический и культурный рост батрацкого актива, работа по воспитанию его, как правило, проводится крайне недостаточно. Такой факт, как низкий процент сельхозрабочих в составе партии, является хотя и косвенным, но чрезвычайно существенным показателем. Затем слабое выдвижение сельхозрабочих на руководящую работу советов, кооперации, часто об'ясняется отсутствием достаточно подготовленного актива. Непосредственное обследование Отделом Деревни ЦК работы с батрачеством (например, по Нижней Волге) также показало, что широкая работа по воспитанию актива из батраков еще не развернута, профсоюз и партийные организации здесь делают до безобразия мало.

Основная работа с активом должна быть развернута вокруг низовых профсоюзных ячеек. Оживление и улучшение содержания работы сельхозрабочкома и рабочкома, и комиссий при них, периодическое проведение совещаний батрацкого актива, дальнейший охват политическими, профессиональными кружками, организация актива вокруг красных уголков, клубов, наконец, вовлечение батрацкого актива в партийные школы,—таковы основные формы работы с профактивом, на которых должно быть сконцентрировано наше внимание.

Вопрос об участии батрачества в общественных организациях деревни необходимо поставить со всей решительностью. Роль и значение кооперации, особенно сельскохозяйственной, сельского совета, значительно выросли. Через эти органы партия осуществляет свое руководство крестьянством, развертывает политическую работу, хозяйственную и культурную. Активно участвовать в социалистическом строительстве и оказать влияние на важнейшие хозяйственные мероприятия батрак сможет только *через советы и кооперацию*. Партия, в свою очередь, сможет двинуть советские и кооперативные организации к осуществлению поставленных в деревне задач только в том случае, если батрак вместе с беднотой станет в них *решающей, руководящей* силой.

Роль батрачества в работе общественных и партийных организаций деревни далеко недостаточна.

На 74 тыс. сельсоветов батраков членов советов — 36.526 человек, т.-е. на одного батрака приходится два сельсовета. Часто можно слышать разговоры о том, что батрачество менее активно, чем середняки, и даже беднота. Это утверждение неверное и ничем не обоснованное. Явка батраков и с.-х. рабочих на выборы в советы в 1927 году составляла 52,1%, а явка всех избирателей—47,4%. Но эта активность батраков и сел.-хоз. рабочих не была достаточно организована и использована, в *результате чего удельный вес рабочих в сельсоветах оказался ниже, чем даже в составе избирателей*. (В составе избирателей, явившихся на выборы, батраки и с.-х. рабочие составляли 2,6%, в составе членов сельсоветов—2,5%, предсельсоветов—1,7%).

Каких-либо данных об участии батрачества в кооперации не имеется. Можно привести лишь сведения по некоторым губерниям, относящиеся к 1927 году о вовлечении *членов* союза с.-х. и лесных рабочих в потребкооперацию, из которых видно, что даже наиболее организованная часть батраков и с.-х. рабочих очень слабо кооперирована. Так, членами потребительской кооперации состоит членов союза: по Смоленской губ.—22%, Пензенской—30%, Московской—31%, Чувашской обл.—12%. Имеются такие районы (например, Грузия), где в *потребкооперацию в 1927 году был вовлечен только один процент членов союза с.-х. и лесных рабочих* (на 18.000 чл. союза—160 чел.). Проверка работы на

местах показала, что вовлечение батраков в кооперацию поставлено из рук вон плохо. Насколько это так, видно, например, из того, что в составе руководящих органов сельских кооперативов по б. Сталинградской губ., батраков только 0,7%.

Последние два года, давшие значительное улучшение в деле профессиональной организации с.-х. рабочих, очень мало внесли улучшения в работу советов, кооперации по обслуживанию нужд батраков. Приведем некоторые характеристики работы сельсоветов среди батраков.

«Сельсоветы сняли с себя ответственность за соблюдение «временных правил» и лишь в редких случаях, когда притеснение батрака со стороны кулака становится очевидным, сельсоветы вмешиваются» (Н.-Волжский край).

«Работа сельсоветов, в частности, проведение законодательства о наемном труде в крестьянском хозяйстве, а также популяризация трудовых законов, как это выявилось из обследований сельсоветов, не проводилась». (Спартаковский район, Одесск. окр.).

«Вся деятельность сельсоветов в области регулирования батрацкого труда выражается только в производстве регистрации договоров, чисто формально, не просматривая его по существу». (Кущевск. район, Сев. Кавказ).

Очень часто можно слышать от батраков такие заявления: «сельский совет для крестьян, а наш—профсоюз». И в этом нет ничего удивительного. Большинство сельсоветов и, особенно кооперативов, никакого отношения к батракам не имеют и никакой работы среди них не проводят. Если за последний год организованная в группы беднота стала более активной, а группы и собрания бедноты становятся опорными пунктами партии, то батрачество и от этой работы осталось в стороне. Участие батраков в собраниях бедноты, как это видно из данных по некоторым округам Белоруссии, выражается в чрезвычайно мизерных процентах: (Оршанский округ — 4,5%, Калининский—0,7%, Борисовский—4,1%, Могилевский—1,4%). Участие в группах бедноты также незначительное. Например, по 11 районам Минского округа, в 78 группах батраков 14 человек (2,2% всего состава групп).

Высшей формой политической организации рабочего класса является **партия**. Массовое вовлечение промышленных рабочих в ряды коммунистической партии за последние пять лет является показателем высокой сознательности рабочих. Слабый рост партии за счет батрачества свидетельствует о низком политическом уровне батраков, о низком классовом самосознании.

Решительного увеличения политического веса в деревне батрачества можно добиться только тогда, когда партийные организации в деревне **добьются** повышения роли батрачества в партийных ячейках деревни и увеличения удельного веса батрачества в составе партии.

Как росли прослойки батраков и сельско-хозяйственных рабочих в составе партии за последние три года, видно из следующих данных:

ДАТА.	Число коммунистов, батраков и с.-х. рабочих.	% их в составе всей партии.	% их в составе дерев. ячеек.
1 июля 1925 г.	11,800	1,3	5,0
1 января 1926 г.	13,640	1,4	4,6
10 января 1927 г. (данные партийн. перепис.).	15,765	1,5	5.0
1 января 1928 г.	17,636	1,5	н/св.
1 июля 1928 г.	24,119	1,8	7,8

Если из общего количества коммунистов сел.-хоз. рабочих вычесть коммунистов, состоящих в совхозских ячейках, то всего батраков в составе

деревенских ячеек будет насчитываться не более 17 тысяч человек—**на 2 с половиной миллиона батраков!!**

За первое полугодие 1928 г. отмечается некоторое увеличение вовлечения батраков и сельхозрабочих в партию. Так, например, за весь 1925 г. было принято 5.130 батраков и с.-х. рабочих, за 1926 г.—5.193 человека, за 1927 г.—7.897 человек, а только за 1 половину 1928 года, т.-е. после XV с'езда было принято 8.641 человек. Известный «сдвижок», как видим, имеется.

Но именно сдвижок. Обследования отдела деревни ЦК ВКП(б) по выполнению решений XV с'езда партии о работе в деревне показали крайне неудовлетворительные успехи в части приема батрачества в партию. Так, по Полтавскому округу на 15.000 батраков в партии всего 9 человек, по Курскому округу, где имеется не менее 30.000 с.-х. рабочих, их было принято в партию за 1927 г.—12, за 1928 г.—36 чел. По Белоцерковскому округу (Украина) на 10.000 батраков и с.-х. рабочих в партии—87 человек. Очень многие организации уделяют явно недостаточное внимание этому вопросу. При чем это относится не только к ряду промышленных, но и многим крестьянским организациям. Так, из 17 организаций, по которым за последний год—полтора произошло снижение батрацкой прослойки в партии, 9 организаций являются крестьянскими. Приведем один пример, который является показательным для характеристики отношений парткомов к вопросам приема в партию батраков. По плану вербовки рабочих в партию по Курскому округу на ближайшие полтора года—предполагается вовлечь в партию только 160 батраков и сельхозрабочих из имеющихся в округе не менее 30.000. Насколько эта цифра явно преуменьшена, даже если ее брать, как минимальную, видно из того, что по «разверстке» окружкома сельским райкомам придется принять за 1½ года по 10—15 батраков. Когда же ряд райкомов разверстал данную им «контрольную цифру» по ячейкам, то, например, ячейкам Обоянского района в течение полутора года придется по плану окружкома принять от 1 до 3 батраков на одну ячейку (Рыбинская яч.—1 батрак, Троицкая—1, Марийская—2 батрака и т. д.). Мы не говорим об ошибочности самой директивы, но она чрезвычайно ярко показывает недооценку возможности вовлечения батраков в партию.

Улучшение в работе по вербовке батраков и с.-х. рабочих в партию есть для настоящего периода важнейшая задача партийного строительства в деревне. Батрачество и с.-х. рабочие, а вместе с ними и беднота, это те слои, опираясь на которые только и можно добиться необходимого укрепления партийных организаций в деревне, улучшения и оздоровления их состава. Но при этом нужно добиваться, чтобы в партию шли лучшие активные элементы из состава батраков, нужно установить достаточно строгий отбор и проверку вступающих в партию, не задерживая в то же время приема выявившегося батрацкого актива.

Установление более строгого отбора батрачества при приеме в партию ни в коем случае не должно привести к задержке роста партии за счет батрачества. Но для этого ячейки партии должны повести активную работу по вербовке в партию батраков, а не ждать, когда сам батрак придет в ячейку.

Добиться решительного перелома в деле вовлечения батраков и с.-х. рабочих в партию мы, однако, сможем только при улучшении постановки всей партийной работы среди батрачества. Каких-либо заметных улучшений в этой области мы еще не имеем. Приведем несколько характеристик данной работы.

«Обследование парт'ячеек по АССР немцев Поволжья (ноябрь 1928 г.) показало, что актив батраков везде имеется, но он организован только при Боаровской ячейке, отчасти организован при Гманденфлюровской комсо-

мольской ячейке, при остальных обследованных ячейках батрацкий актив не организован. Ячейки никакой работы по вовлечению батраков в партию не вели».

Чрезвычайно характерным является отношение ячеек партии к работе с батраками. Вот, что дальше сообщается тем же обследованием АССР немцев Поволжья ....«Коммунисты Симановской ячейки говорили, что активность батраков есть, но принимать в партию некого, так как все батраки пьяницы». Другие ячейки—Шафгалуенская, Гримовская,—когда их спрашивали, как они ведут работу по вовлечению батраков в партию,—отвечали: как батраков вовлекать в партию, когда им некогда даже посещать партийные собрания, не только вести какую-либо работу в ячейке. Батрак, особенно пастух,—все лето, даже по праздникам, занят в поле».

Центральный Комитет партии Белоруссии, на основании обследований 36 партийных ячеек, пришел к чрезвычайно плачевному выводу о работе среди батраков «самым слабым участком в работе ячеек является работа среди батрачества. Если не считать некоторой помощи ячеек райкомам и уполномоченным союза сельхозрабочих по учету батраков, то никакой работы с батраками ячейки не ведут».

Участие беспартийного батрацкого актива в партшколах, на открытых партсобраниях очень слабое. Они совершенно не привлекаются к выполнению отдельных партийных заданий и т. д. Больше того, с батраками и с.-х. рабочими, уже вступившими в партию, ведется очень слабая партвоспитательная работа. Это, прежде всего, видно из данных о вовлечении с.-х. рабочих коммунистов в состав партийного актива и в состав руководящих партийных организаций.

Так, из 18.508 членов бюро 7.077 ячеек-батраков и с.-х. рабочих было 426 (2,3%) на 10.321 секрет. дер. парт. ячеек батраков и сел.-хоз рабочих 159 чел. (1,6%). Еще хуже положение с сельскими районными и волостными партийными комитетами. В составе членов бюро 296 сельрайкома и 37 волкома (о составе которых у нас данные) батраков 6 человек (0,6%).

Участие батраков и сельхозрабочих в составе окружных партийных органах еще ниже. Например, из 633 делегатов, участвовавших на 6 окружных партийных конференциях, Нижне-Волжского края, батраков и с.-х. рабочих было 3 человека. В составе окружных парткомитетов (той же области) нет ни одного батрака. Так же чрезвычайно плохо вовлекаются батраки на руководящую советскую и прочую работу. Так, по всему РСФСР на окружных и уездных с'ездах советов 1927 года участвовало только 1.118 батраков и сельхозрабочих, а в составе 331 окружного и уездного исполкома—батраков 145 чел.

Нет никаких достаточных оснований для об'яснений этого, абсолютно нетерпимого положения. Актив батраков растет, крепнет, а его выдвижение поставлено из рук вон плохо. Кое-какие улучшения за последнее полугодие, правда, отметить можно. Батрачество больше вовлекается на различного рода советские, кооперативные и др. курсы, в партшколы. Имеется интересный опыт организации специальных курсов для подготовки батраков-кооператоров (Н.-Волжский край), батраков—секретарей ячеек партии (Центр.-Черноз. обл.).

Но это дело выдвижения батрачества в актив должно быть начато снизу, с ячейки, райкома, на основе систематической работы с батрацким активом. В частности необходимо усиление внимания со стороны партийных ячеек к вовлечению батрачества в партучебу.

Данные об итогах работы партийно-просветительной сети за 1927—1928 учебный год показывают, что батрачество очень и очень слабо было охвачено партучебой. По 132 парторганизациям в деревенских политшколах

и курсах, политкружках на 190 тыс. слушателей—батраков, вместе с сельхозрабочими 17.200.

Среди мероприятий для улучшения партийной работы необходимо обязательно провести следующее:

Путем большего использования печати, коммунистов,—сел.-хоз. рабочих и батраков, партпросветительной сети,—развернуть шире вербовку батраков и сел.-хоз. рабочих в партию, с таким расчетом, чтобы в числе принимаемых в деревенских ячейках в основных с.-х. районах—батраки и с.-х. рабочие составляли не менее 50%.

Имеющиеся коммунистические кадры из батраков и сел.-хоз. рабочих (особенно работников союза сел.-хоз. и лесных рабочих) шире вовлечь на ответственную партийную и общественную работу.

Партпросветительную сеть приспособить в большей мере к нуждам и запросам батраков и сел.-хоз. рабочих и вовлечение в состав партшкол и парткурсов не менее 30 процентов батраков (по крайней мере, в основных сел.-хоз. районах).

Районы наибольшего скопления батраков (а также крупные советские хозяйства) необходимо укрепить более сильными партийными работниками.

Партийных директив об усилении общественной работы среди батрачества в общем имеется достаточно. Нужно, чтобы каждая местная организация, каждая ячейка, приступили более энергично к их проведению в жизнь.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

„ЛЕНИНСКИЙ СБОРНИК VIII". Под редакцией Н. И. Бухарина, В. М. Молотова, И. И. Скворцова-Степанова. (Госиздат, 1928, стр. 368, цена 3 р. 25 к.).

Сборник составлен из двух разделов:

1. «В. И. Ленин об улучшении госаппарата и борьбе с бюрократизмом и волокитой. Письма и заметки 1917—1922 гг».

2. «Из эпохи «Искры» и «Зари». Переписка В. И. Ленина с агентами «Искры», членами русской организации «Искры» и членами О. К.». Октябрь 1900 г.—май 1903 г. (с введением Н. К. Крупской).

Первый раздел (стр. 3—92) наиболее актуален политически. Напечатанные здесь письма и заметки Ленина до сих пор сохраняют огромное практически-директивное значение для работы партии по улучшению госаппарата, по борьбе с бюрократизмом и волокитой.

А так как эти задачи в настоящий период с особой силой выдвинуты партией, то актуальность данных документов тем более велика и очевидна.

Заметки и письма эти писались Лениным, как председателем Совнаркома, и адресовались разным лицам; частью это—«наброски правил» (для работников Совнаркома и для работников советских учреждений вообще).

Первый «Набросок правил для служащих» (напечатанный под № 1) написан непосредственно на другой день после Октябрьской революции и относится к борьбе с саботажем. Документы 2—6 (по порядку) относятся к 1918 году, документы 7—10 к 1919 г.; на 1920 год падает 2 документа (11 и 12-й). Годы 1921 и 1922 представлены наиболее полно (13—25 и 26—38-й документы).

К концу 1919 и началу 1920 года относятся реорганизация Госконтроля в Рабкрин; в 1921 и 22 годах вопрос о поднятии качества работы Рабоче-Крестьянской Инспекции не снимается с порядка дня. Документы не охватывают того периода, когда Ленин выдвинул идею о слиянии РКИ и ЦКК (статья о Рабкрине перед XII с'ездом партии в начале 1923 года), но они доводят нас почти до этого периода. Последние из напечатанных заметок относятся к сентябрю 1922 года.

Общая постановка Лениным вопросов об улучшении госаппарата, о борьбе с бюрократизмом и волокитой известна из печатных работ и речей Ленина. Однако, приводимые в «Сборнике» документы ценны тем, что они вводят читателя в ту лабораторию мысли и опыта, в которой Ленин вырабатывал свои руководящие идеи для того, чтобы затем вынести их на трибуну и в массу.

Например, идею о рабоче-крестьянской инспекции как органе массового контроля и воспитания масс для дела управления государством читатель «Сборника» может проследить здесь, начиная с небольшой заметки, написанной Ильичем на заседании Совнаркома 3 апреля 1919 года при рассмотрении вопроса о реорганизации Государственного Контроля. Ленин пишет, здесь:

> «1) Рабочий орган или орган рабочего участия, в центре и на местах.
> 2) Понятые, как система.
> 2 bis: обязательно 2/3 женщин.
> 3) Ближайшие задачи практические:
> (α) летучие ревизии, по жалобам граждан.
> (β) борьба с волокитой,
> (λ) революционные меры борьбы с злоупотреблениями и волокитой»... и т. д. (стр. 17, курсив мой В. А.).

И Ленин рекомендует соответствующие пункты вставить в декрет о государственном контроле. В дальнейшем, в письме т. Сталину от 24 января 1920 г. о разработке положения о рабоче-крестьянской инспекции, Ленин пишет:

> «Добавить, по-моему:
> 1) «Отдел» рабоче-крестьянской инспекции при ГосКоне должен быть временный с задачей внедрить Рабоче-Крестьянскую Инспекцию во все отделы ГосКона и тогда, как особый отдел, исчезнуть.
> 2) Цель: всю трудящуюся массу, и мужчин и женщин особенно, провести через участие в Рабоче-Крестьянской Инспекции.
> 3) Для сего на местах составлять списки (по конституции), исключать служащих, и т. д.;
> — остальных по очереди всех проводить чрез участие в Рабоче-Крестьянской Инспекции.
> 4) Участие это сделать различным, смотря по степени развития участников: начиная с роли «послуха» или свидетеля, или понятого, или учащегося для неграмотных и совершенно неразвитых рабочих и крестьян,—кончая всеми правами (или почти всеми) для грамотных, развитых, испытанных так или иначе» и т. д. (стр. 25—26. Курсив принадлежит Ленину).

Таким образом, можно проследить, по письмам Ленина, и дальнейшую историю РКИ, в создании которой Ильич играл исключительную роль, являясь, фактически, главным ее «зодчим». Мы не будем здесь останавливаться на всех этапах развития Рабоче-Крестьянской Инспекции, отсылая читателя к самому «Ленинскому Сборнику». Но нельзя не отметить опубликованной в нем «Выдержки из ответа на замечания, касающиеся работы замов», где Ленин (в мае 1922 года) отвечает Троцкому на его скептические высказывания о Рабоче-Крестьянской Инспекции:

> «Насчет Рабкрина т. Троцкий в корне неправ,—пишет Ленин.—Нельзя обойтись без Рабкрина сейчас. Над ним можно и должно поработать систематически и упорно, чтобы сделать из него аппарат проверки и улучшения всей госработы. Иначе никакого практического средства проверять, улучшать учить работе нет»... — «Иначе бороться с ведомственностью и бюрократизмом нельзя. Иначе нельзя учить беспартийных рабочих и крестьян управлению, а от этой задачи ни принципиально, ни практически, в данный момент отказаться нельзя»... (стр. 85. Курсив мой В. А.).

Дело в том, что Троцкий написал Ленину свои принципиальные возражения по поводу той роли, которую Ленин отводил Рабкрину в системе советских учреждений. Эти возражения настолько характерны, что мы приведем некоторые из них, пользуясь приведенными в «Сборнике», в порядке примечаний, выдержками из письма Троцкого Ленину.

Троцкий считает, что для решения тех «универсальных задач», на которые указывает Ленин, Рабкрин «не пригоден и не может стать пригодным». С его точки зрения, «ясна фантастичность плана поднять государственный советский аппарат, пользуясь Рабкрином, как рычагом».

Что разногласия между Лениным и Троцким здесь были разногласиями не просто по вопросу о роли того или иного «ведомства» или учреждения в советской системе, что здесь имелось не разногласие, скажем, «организационно-советского» порядка, а более глубокое принципиальное расхождение по вопросу о методах вовлечения масс в советское строительство,—это видно из следующего. Возражения Троцкого не таковы, что, де Рабкрин не годен, за это дело должен взяться другой орган. Нет, Троцкий оспаривает самую необходимость и актуальное значение той практической работы по вовлечению масс в дело управления государством, которой Ленин хотел добиться от Рабкрина.

Троцкий писал:

> Совершенно не верю также в возможность через посредство Рабкрина воспитать администраторов и

хозяйственников из среды беспартийных рабочих и крестьян. Для этого нужна система школ и курсов, в частности курсов, связанных с определенными отраслями хозяйственной и государственной деятельности. Нужно браться, как следует быть, за молодежь и учить ее, как следует быть, а не в «приглядку»,— через Рабкрин». (Курсив мой. В. А. Стр. 86).

Обучение через Рабкрин путем практического участия масс в деле контроля и проверки советской работы, путем постановки общественной и массовой борьбы с бюрократизмом и волокитой, с точки зрения Троцкого, есть какой-то суррогат обучения (обучение «в приглядку»). Он не видит пользы от такого метода обучения и воспитания масс. Он противопоставляет этому методу—школы и курсы, которые единственно с его точки зрения, могут «как следует быть», обучать молодежь.

Не преуменьшая значения связанных с хозяйственной и государственной деятельностью школ и курсов, однако, нельзя не видеть у Троцкого полной недооценки дела практического воспитания масс, которое, без сомнения, является для этих масс главным, являясь, вместе с тем, одной из основных сторон советской демократии. Нет необходимости пояснять здесь, что такой подход к вопросу, как у Троцкого, связан с недооценкой возможностей и средств советской пролетарской демократии в деле обучения масс управлению государством. У Ленина, наоборот, мы видим смелую и решительную постановку вопроса о практическом втягивании «всех» рабочих и крестьян в дело советского строительства, через участие в проверке советских органов и пр.

Развитие идеи о создании РКИ находит яркое отражение в публикуемых «лабораторных» документах Ленина. Другой пример, который показывает, как лозунги, выносившиеся Лениным на трибуну партс'ездов и входившие в обиход партии, вырабатывались Лениным в процессе его практической работы по руководству советской властью и партией, это пример с лозунгом: «подбор людей и проверка исполнения».

Подбор людей и проверку исполнения Ленин выдвинул на XI с'езде партии, в 1922 году, как главную организационно-политическую задачу, как главное звено в практической работе партии («в этом гвоздь»).

Уже в упомянутом выше «Наброске правил об управлении советскими учреждениями», датированном 12 декабря 1918 года, мы несколько раз читаем настойчиво повторяемое Лениным указание на необходимость «установления самой точной ответственности каждого из состоящих на любой советской должности лиц за выполнение определенных, ясных и недвусмысленно очерченных, заданий и практических работ». (Стр. 11, курс. Ленина). Ленин пишет:

> «Все руководящие советские учреждения, как-то: исполкомы губернские и общегородские совдепы и т. п., обязаны немедленно перестроить свои работы таким образом, чтобы на первое место встал фактический контроль за действительным осуществлением постановлений центральной власти и местных учреждений, работа же другого рода была в максимальной степени передана подсобным комиссиям из небольшого числа членов данного учреждения» (стр. 12, Курсив наш. В. А.).

Указания на исключительную важность проверки исполнения в процессе работы повторяются на протяжении писем и записок Ленина не один раз. А 20 февраля 1922 года т. Ленин пишет зампреду СНК т. Цюрупе:

> «Часть членов Малого СНК и его аппарата, а равно аппарата управдела СНК взять вам под свое личное командование для проверки фактического исполнения (вы поручаете такому-то: с'езди, посмотри, прочти, проверь, ты ответишь за ротозейство)».

И ниже:

> «Вам (и Рыкову) уделять в первую голову один или, если здоровье позволит, два часа в сутки на личную проверку работы: вызывать к себе (или ездить) не сановников, а членов коллегий и пониже, деловых работников Наркомата X, У,—и проверять работу, докапываться до сути, школить, учить, пороть всурьез. Изучать людей, искать умелых работников. В этом суть теперь; все приказы и постановления — грязные бумажки без этого». (Стр. 63. Курсив Ленина).

Когда т. Цюрупа в ответ на это прислал Ленину свои некоторые возражения (он доказывал, что «наблюдение и проверку нужно осуществить, но не через Малый СНК»), то Ленин ответил тов. Цюрупе.

> «У нас, кажется, остается коренное разногласие. Главное, по моему, перенести центр тяжести с писания декретов и приказов (глупим мы тут до идиотства) на выбор людей и проверку исполнения. В этом гвоздь». (Стр. 65. Курсив Ленина).

И дальше Ленин с необычайной резкостью, не стесняясь весьма нелестными выражениями, бичует бюрократизм советских учреждений, наши «ведомства» и «декреты», повторяя, что «искать людей, проверять работу — в этом все».

Через несколько дней, в проекте директивы насчет работы СТО, СНК и малого СНК Ленин пишет:

> «...Первоочередная задача момента не декреты, не реорганизации, а подбор людей; установление индивидуальной ответственности за делаемое; проверка фактической работы. Иначе от бюрократизма и волокиты, которые нас душат, не вылезть». (Стр. 66. Курсив Ленина).

Наконец, в плане доклада на XI с'езде партии, который Ленин через т. Молотова пересылает пленуму ЦК, мы читаем:

> ...«Сосредоточить центр тяжести работы на подборе людей и на проверке фактического исполнения».

Характерно, что и по данному вопросу, как это явствует из документов, у Троцкого была точка зрения, отличная от ленинской. Уже после XI с'езда он прислал те замечания на написанное Лениным постановление о работе замов председателя СНК, которые мы цитировали выше. В этих замечаниях Троцкого содержатся также следующие строки:

> «Проверка исполнения», о которой говорит проект постановления, как о главной практической задаче, не является на самом деле главной задачей, по крайней мере в том смысле, в каком мы говорили в 1918, 19 и 20 гг.». (Стр. 86).

Троцкий полагает, что гораздо большее значение, чем проверка исполнения, должны иметь «повторительные вечерние курсы для работников канцелярских, ведомственных, производственных, торговых и проч. и проч.» (стр. 85). Таким образом, он ссылается на общие задачи поднятия квалификации работников совучреждений, упуская из виду то специфическое звено в организационно-политической работе, которое было наиболее актуальным для момента.

* * *

Бросая взгляд на весь первый раздел «Ленинского Сборника», можно отметить четыре основных стороны вопроса об улучшении госаппарата и о борьбе с бюрократизмом и волокитой, нашедших отражение в письмах и записках Ленина.

Первое, что бросается в глаза, это—широта постановки Лениным задачи привлечения рабочих и крестьянских трудящихся масс к делу управления советским государством и к делу исправления со-

ветского аппарата. Перед РКИ, в период ее организации, Ленин ставит определенную цель,—цель, в осуществлении которой мы сильно шагнули вперед, но которой мы все еще далеко не достигли:

«Цель: всю (курсив Ленина) трудящуюся массу, и мужчин и женщин особенно (курсив Ленина), провести через участие в Рабоче-Крестьянской Инспекции. («Письмо И. В. Сталину о разработке положения о РКИ». Стр. 25-я).

И дальше Ленин рекомендует всех рабочих и крестьян, обладающих избирательными правами, «по очереди всех проводить через участие в Рабоче-Крестьянской Инспекции» (стр. 25).

Необходимость поголовного привлечения женщин подчеркивается Лениным несколько раз: «К сему обязательно привлекать женщин и притом поголовно»,—говорит он о контроле «за учетом продуктов, товаров, складов, орудий, материалов, топлива и т. д. (столовых особенно)». (Стр. 26, курс. Ленина).

Там же Ленин пишет:

«Постепенно вызывать крестьян с мест (обязательно беспартийных крестьян) для участия в ГосКоне в центре; начать хотя бы (если нельзя больше) с 1—2 от губернии, а потом, в зависимости от транспорта и других условий, расширять. То же для беспартийных рабочих»...

«Постепенно ввести проверку участия в ГосКоне со стороны трудящихся через партию и профсоюзы, т.-е. через них проверять, участвуют ли все и каковы результаты участия с точки зрения обучения участников делу государственного управления».

Указывая в письмах к т. Коростелеву, по поводу комиссии содействия хозорганам, на трудности работы в Москве, где «больше бюрократизма, больше развращенных и избалованных «верхушечных» людей», Ленин давал директиву:

«Постепенно, но обязательно привлекать беспартийных из числа заведомо честных и уважаемых в каждом районе рабочих. Не жалеть времени и труда на приискание их, на ознакомление с ними.

Их понемногу и осторожно вводить в работу, пробуя подыскать вполне подходящее для каждого, соответствующее его способностям, занятие.

Главное — приучить рабочих и население к комиссии в том смысле, чтобы они увидели помощь от нее, главное—завоевать доверие массы, беспартийных, рядовых рабочих, рядовых обывателей». (Стр. 29, курсив Ленина).

Второе, что надо отметить, это—беспощадно-суровое отношение Ленина к фактам бюрократизма и волокиты и, вместе с тем, постановка вопроса об общественном, массовом (а не «келейном») характере борьбы с этими болезнями наших аппаратов.

Наиболее характерным в этом отношении является пример волокиты с плугами Фаулера. Вкратце, дело состояло в том, что из намеченных к изготовлению 2.000 плугов за два года, при попустительстве соответствующих хозорганов, было изготовлено всего 5 плугов (!). Ленин поставил вопрос о привлечении к суду трибунала руководителей ВСНХ и Наркомзема:

«Надо не бояться суда (суд у нас пролетарский) и гласности, а тащить волокиту на суд гласности: только так мы эту болезнь всерьез вылечим.

Ваш довод: исключительно хорошие, преданные, ценные работники. Допустим, что это верно, что у вас нет «ведомственного увлечения». Что из сего следует?

Только то, что суд, ежели согласится с вами в этом (а вы, вероятно, раз в это твердо верите, выдвиньте ряд серьезнейших свидетелей для доказательства этого), вынесет решение: виновны в неустранении волокиты и в нераспорядительности, но, принимая во внимание исключительную преданность советской власти, вполне доказанную рядом свидетелей, выдающуюся добросовестность и усердие, тоже вполне доказанное, принимая во внимание общие недостатки механизма ВСНХ, связанные отчасти с переменой президиума и т. д... от всякого наказания освободить в уверенности, что подсудимые это учтут серьезно, как и весь президиум ВСНХ.

Что ежели такое, примерно, решение будет вынесено, можете вы отрицать его пользу? Его общественное значение, в 1.000 раз большее, чем келейно-партийно-цекистски-идиотское притушение поганого дела о поганой волоките без гласности?

Вы архинеправы принципиально. Мы не умеем гласно судить за поганую волокиту: за это нас всех и Наркомюст сугубо надо вешать на вонючих веревках. И я еще не потерял надежды, что нас когда-нибудь за это поделом повесят». (Стр. 55—56, курсив Ленина).

«И впредь,—продолжает Ленин,—будем карать за волокиту и святеньких, но безруких болванов (суд, пожалуй, повежливее выразится), ибо нам, РСФСР, нужна не святость, а уменье вести дело». И дальше следуют еще более резкие выражения о виновниках бюрократизма и волокиты, которых следует «сажать в тюрьму беспощадно».

Можно привести целый ряд других выдержек более или менее аналогичного содержания [1]). Характерно письмо т. Ежову (о складском деле), в котором Ленин указывает простейшие мероприятия, обязательные для того, кто хочет «до конца» довести дело борьбы с носителями хищений или волокиты:

«В волоките я могу винить и вас: «три года кричим», «доводил чуть не 10 раз, казалось, до конца»,—пишете вы. Но в том-то и дело, что ни разу вы не довели дело до конца без «казалось».

Конституцию РСФСР и устав РКП вы знаете. До конца, значит: до сессии ВЦИК'а (раз нет с'езда Советов). По партии до пленума ЦК.

Вы ни разу не довели до конца.

1) Краткое, «телеграфное», но ясное и точное заявление членам ЦК,—членам През(идиума) ВЦИК;

2) статья в печати;

3) почин местной или соседней ячейки РКИ, ее отзыв, ее запрос в Моск(овском) Совдепе,

— вот три мероприятия, обязательные в борьбе с волокитой.

Эта борьба трудна, слов нет.

Но трудное не есть невозможное.

Вы опускали руки, а—не боролись, не исчерпали всех средств борьбы». (Стр. 49—50).

Столкнувшись в начале 1920 года с фактами бюрократизма в профессиональных организациях, В. И. написал письмо М. П. Томскому, в котором, обвиняя, в частности, московский губотдел металлистов, писал:

«Я никогда не сомневался, что в наших Комиссариатах бюрократизма еще очень много, во всех.

Но чтобы в профессиональных союзах было не меньше бюрократизма, я не ожидал.

Это позор величайший. Очень прошу прочесть все сии документы во фракции коммунистов ВЦСПС и выработать практические меры борьбы с бюрократизмом, волокитой, безделием и безрукостью». (Стр. 22, курс. Лен.).

Третье, что можно отметить в ленинских документах, это вопросы всемерной рационализации советского аппарата.

«Задача Рабоче-Крестьянской Инспекции,—писал Ленин в сентябре 1921 года,—не только и даже не столько «ловить», «изобличить» (это задача суда, с которым РКрИн соприкасается близко, но отнюдь не тождествен)—сколько уметь поправить.

«Умелое исправление во-время — вот главная задача РаКрИна». (Стр. 42. Курс. Лен.).

[1]) В частности, Ленин требует от судов более строгих кар за волокиту (не говоря уже о взятке, за которую он предлагает в 1918 г. карать «не ниже», чем 10 лет тюрьмы плюс 10 лет принудительных работ).

Ленин жестоко критикует представленный ему одним из работников РКИ набросок доклада (о состоянии дела с топливом), делая вывод, что «основа дела не поставлена в Рабкрине как следует. В этом докладе нет ни изучения дела, ни подхода к исправлению»... «Практический вопрос, деловой, не бюрократический: как исправить отчетность Главлескома»... «Не выполнена и даже, по всей видимости, не понята — Рабкрином задача: следить за постановкой отчетности, добиваться и добиться ее улучшения» (стр. 43—46, курсив Ленина).

Мы уже касались выше директив Ленина о проверке исполнения, имеющих крупнейшее значение для дела рационализации советской работы (и нашей работы вообще). На ряду с крупными руководящими указаниями, мы находим у Ленина и заботу о делах, которые на первый взгляд кажутся «мелкими», но на самом деле являются мелочами крупнейшего бытового значения. Например, такой вопрос, как о часах приема в советских учреждениях. Еще в «наброске правил» 1918 года Ильич пишет:

> «В воскресные и праздничные дни должны быть назначены часы приема.
>
> Должностным лицам от Государственного Контроля дается право присутствовать на всех приемах и вменяется в обязанность от времени до времени посещать приемы, проверять книгу записей и составлять протоколы посещения, осмотра книги и опроса публики». (Стр. 12).

Можем ли мы сказать, что у нас систематически проводятся в жизнь эти простейшие вещи—прием по праздничным дням и посещение приемов представителями РКИ—эти «мелочи», которые, однако, могут сильно подвинуть вперед дело борьбы с бюрократизмом и волокитой и «облегчить судьбу тех несчастных граждан, кои вынуждены иметь дела с нашим никуда не годным советским аппаратом» (Ленин, 1922 г.)?

Или—такой вопрос, как о проселочных дорогах. «Два инженера говорили мне,—пишет Ильич Горбунову в 1921 году,—что в Америке делают дороги машиной, которая превращает проселок в шоссе только силой своего давления; как бы это важно было для нашей бездорожной полудикой страны!» (стр. 39).

Наконец, четвертая, сторона вопроса о борьбе с бюрократизмом и волокитой и об улучшении госаппарата,—наиболее общая его сторона. Это—нехватка «культурности, уменья управлять».

В «письме В. М. Молотову о плане политдоклада на XI с'езде партии» Ленин пишет:

> «Главное, чего нам нехватает, — культурности, уменья управлять. Иллюстрация этого небольшими примерами. Экономически и политически НЭП вполне обеспечивает нам возможность постройки фундамента социалистической экономики. Дело «только» в культурных силах пролетариата и его авангарда». (Стр. 69, курсив мой. В. А.).

Развивая этот тезис в самом докладе на XI с'езде, Ленин говорил, что у нас, у коммунистов, «политической власти совершенно достаточно» и «экономической силы в руках пролетарского государства России совершенно достаточно для того, чтобы обеспечить переход к коммунизму»:

> «Чего же не хватает? Ясное дело, чего не хватает. Не хватает культурности тому слою коммунистов, который управляет»...
>
> «Сумеют ли ответственные коммунисты РСФСР и РКП понять, что они не умеют управлять? Вот если они сумеют понять, то, конечно, научатся, потому что научиться можно, но для этого надо учиться»... «А если коммунист воображает, что я, мол, все знаю, потому что я—ответственный коммунист, я не таких людей побеждал, как какого-нибудь приказчика, а мы били на фронтах, и разве таких били,—вот такое преобладающее настроение нас и режет». (Курсив мой В. А. Соч. т. XVIII, ч. 2, стр. 43—45).

* * *

Во второй раздел сборника входят письма Ленина, Крупской (а также ряда других искровцев), относящиеся к периоду от возникновения «Искры» до II с'езда партии. В письмах находят отражение: борьба с заграничным «Союзом русских с.-д.» (экономистами—«рабочедельцами»), борьба с экономистами в местных российских организациях, создание организации «Искры» в России, борьба с отрыжками «кустарничества» в среде «искряков» в России, работа по созданию О. К. и по подготовке 2-го с'езда партии, предс'ездовская борьба с Бундом.

Большое место также занимают технические вопросы связи, транспорта литературы из-за границы в Россию и т. д.

Основным «стержнем» материалов является организационная подготовка 2-го с'езда партии,—они интересны прежде всего именно тем, что более или менее всесторонне рисуют нам лихорадочную предс'ездовскую организационную работу «Искры» и «искряков».

Из отношений «Искры» с заграничными рабочедельцами в письмах находят отражение, главным образом, «об'единительные» конференция и с'езд, состоявшиеся в июне и в октябре 1901 года и окончившиеся расколом. На июньской конференции представители «Рабочего Дела» отреклись от экономизма, бернштейнианства, теории «стадий» (см. об этом письмо т. Крупской, стр. 166). Окончательное об'единение было отложено до с'езда в Октябре. Но перед с'ездом № 10 «Раб. Дела» вышел с явно оппортунистическими статьями, а на с'езде Кричевский и др. выступили с такими речами и поправками, что представители «Искры» и организации «Сооциал-Демократ» должны были покинуть с'езд, огласив декларацию (см. также письмо т. Крупской, стр. 198).

Большое место в материалах занимают не заграничные, а «русские» дела. Русская организация «Искры» играла крупнейшую роль в подготовке с'езда на местах. О с'езде искровских работников (от которого Ленин ведет начало русской организации «Искры»,—см. стр. 221), состоявшемся в Самаре в январе 1902 года, рассказывает т. З. П. Кржижановская, в письме редакции «Искры» (стр. 222). С'езд назвал созданную им организацию «Центральным Комитетом «Искры» и выбрал 16 членов «ЦК», распределив между ними работу в разных районах России. «Каждый член ЦК, являясь в данное место, должен стремиться к приобретению там наибольшего влияния и иметь конечной целью присоединение данного комитета к организации «Искры» и к признанию ее партийным органом» (стр. 223).

В письмах (и примечаниях, которые вообще составлены очень обстоятельно) освещена также история созыва и итоги Белостокской конференции, состоявшейся в апреле 1902 года. Конференция подготовлялась рабочедельцами, которые намеревались об'явить ее с'ездом, но это им не удалось (собравшиеся конституировались, как конференция, по предложению представителя «Искры»). Конференция сконституировала первый О. К. (орг. к-т) по созыву II с'езда, которому, однако, созвать с'езд не удалось. Два из членов О. К.—Дан и Ерманский—были арестованы, а третий—бундист—просто «исчез с горизонта» (даже не установлено точно, кто был от Бунда в этом О. К.;—см. стр. 226).

Второй О. К. создается уже по плану, выработанному на совещании в Лондоне Лениным совместно с представителями Петербургского Комитета, Северного Союза и русской организации «Искры» 15 августа 1902 года. Здесь было создано неофициальное ядро О. К. (см. письмо Н. К. Крупской, стр. 272), а в середине ноября 1902 года О. К. был официально составлен на Псковской конференции (см. письмо Е. Левина, стр. 296). Чрезвычайно

интересную «политически-бытовую» иллюстрацию к работе О. К. и к имевшим место в нем внутренним трениям дает письмо Е. М. Александровой Ленину, Крупской и Мартову (стр. 345). Письмо дает характерный материал о группе «Южный Рабочий». Ответ на это письмо со стороны Ленина (стр. 355) показывает, какое большое значение Ленин придавал убеждению колеблющихся «искряков» (в данном случае, по вопросу о «двух центрах»,—Ц. К. и Ц. О.,—которые предполагалось создать на II с'езде).

Хотя в то время в «Искре» еще совместно работали будущие большевики и меньшевики, но главные организационные нити руководства «искряками» на местах находились у Ленина и Н. К. Крупской (секретаря «Искры»). Появление «Что делать?», сыгравшего совершенно исключительную роль тем, что оно ответило на самые насущные и боевые задачи движения на местах, сделало имя Ленина знаменем активных «искряков» в России. В своих практических директивах, в письмах членам русской организации «Искры» Ленин практически применяет общие идеи, развитые им в «Что делать?». Так, он неоднократно и решительно высказывается против создания местных районных органов печати в России, указывая на необходимость все силы отдать на укрепление центрального органа. Экономизм было легче разбить политически, чем вытравить из организационной практики наследие экономизма—кустарнические тенденции. Борясь с остатками этих тенденций в среде искровцев, Ленин пишет:

> «Кустарничество гораздо более злой враг, чем «экономизм», ибо глубочайшие жизненные корни экономизма, по нашему глубочайшему убеждению, лежат именно в кустарничестве. И никогда не будет политического (не на словах только, а на деле политического, т. е. прямо влияющего на правительство и подготовляющего общий штурм) движения, пока мы не преодолеем это кустарничество и не подорвем всякое доверие к нему». (Письмо С. Цедербауму, стр. 185, курс. Ленина).

Борьба с кустарничеством за централизацию руководства движением, однако, для Ленина вовсе не означала пренебрежения к местной низовой работе,—наоборот. Он дает тот «идеал», к которому должен стремиться не «кустарный», а настоящий социал-демократический «искровский» фабричный кружок, рисуя его следующими немногими, но яркими штрихами:

> «Идеал «фабричного кружка» совершенно ясен: четверо—пятеро (буду говорить к примеру) рабочих-революционеров,—всех их не должна знать масса. Одного, вероятно, должна, и его надо беречь от изобличения: про него пусть говорят — свой человек, башка, хотя в революции не участвует (не видать). Один сносится с центром. У обоих по кандидату. Они заводят несколько кружков (профессиональных), образ(овательных), разночинских, шпионских, вооруженных и т. д. и т. д.), при чем, понятно, конспиративность кружка, например, для поимки шпионов или для подыскания вооружения будет совсем не та, что кружка для чтения Искры или кружка для чтения легальной литературы и пр. и т. д. Конспиративность будет обратно пропорциональна многочисленности членов кружка и прямо пропорциональна отдаленности целей кружка от непосредственной борьбы». (Стр. 263, курс. Ленина).

6 мая 1902 г. Ленин посылает в Самару Кржижановскому письмо о подготовке II с'езда русской организацией «Искры».—«Подчините все остальное этой задаче, помните о важнейшем значении второго с'езда!»,—пишет он (стр. 232). В дальнейшем к делу подготовки с'езда Ильич в письмах уже возвращается непрестанно. В декабре 1902 г., в письме Е. Левину Ленин излагает конспективно программу работ II с'езда (стр. 299). В начале 1903 г., он советует О. К. «спешить со с'ездом», и, вместе с тем помнить, что «главное: обеспечить полную уверенность в большинстве решительных искровцев» (стр. 330). В мае он

пишет: «самое, самое и самое главное—спешить со с'ездом, спешить всеми средствами» (стр. 359). И т. д.

В сборнике напечатано также письмо Мартова, содержащее предложения по организации и конституции II с'езда, к которым Ленин сделал восемь замечаний (из них пять в форме вопросов на полях). К проекту порядка дня с'езда, предложенному Мартовым («а. доклады делегатов, в. программа партии, с. тактика партии, д. организация партии») Ленин сделал краткое замечание: «Совсем нелепо». Как известно, с'езд принял порядок дня весьма конкретный, поставив, кроме программы, те тактические и организационные вопросы, которые были практически актуальны для партии. Кроме того, Мартов в числе голосов пропустил, например, русскую организацию «Искры» (а также заграничную Лигу и «Союз»); он предлагал допустить на с'езд не только комитеты, но и «русские группы» (с согласия 3-х комитетов в каждом случае), а местным комитетам Мартов предлагал «в случае возможности—представить проекты резолюций или доклады» (стр. 248—250). Если эти предложения что-либо показывают, то известную «организационную дряблость» их автора, который на II с'езде проявил себя уже как явный организационный оппортунист.

В «Сборнике» значительное отражение нашла борьба, которую вели в России искровцы с экономистами в Петербурге, а также в Киеве.

В октябре 1901 года Ленин пишет в Петербурге искровской группе: «Помните, что завоевание Петербурга в настоящее время самый главный вопрос для «Искры» и, что для этого завоевания нужны большая энергия и большая осторожность» (стр. 202). В июле 1902 года, отвечая на письмо Радченко, Ленин дает директивы, как действовать, «если Ваня (Комитет петерб. организации)—наш.». А Крупская пишет: «Да, начинаешь верить, что Ваня искренний друг. Дела идут так отлично, что даже не верится как-то. От Лины (Е. И. Попова-Радченко) имели письмо, которое показывает, что и Старуха (Москва) становится другом» (стр. 259).

Но осенью с «Ваней» вышел новый казус: петерб. организация пережила новый рецидив экономизма, в связи с деятельностью Токарева («вышибалы», как его называет Ленин и другие авторы писем). Борьба так обострилась, что Ленин писал:

> «Приветствуем энергичное поведение Новицкой и еще раз просим продолжать в том же боевом духе, не допуская ни малейших колебаний. Война вышибаловцам и к чорту всех примирителей, людей с «неуловимым» взглядами и мямлей!!! Лучше маленькая рыбка, чем большой таракан. Лучше 2—3 энергичных и вполне преданных человека, чем десяток рохлей. Пишите, как можно чаще и, немедля дайте ходы к вашим рабочим (и характеристику их), чтобы в случае провала мы не сели на мель». (Стр. 317).

И еще в марте 1903 года Крупская должна была писать: «что творится в Питере!» (336).

В Киеве осенью 1902 года имела место также острая борьба в организации, с рецидивами экономизма, не желавшего очищать арены (см. стр. 301, 302, 308). Но, в конце концов, искровцы в России одержали блестящую победу.

Письма дают ценный материал о взаимоотношениях с группой «Южного Рабочего», заявившей, что она разделяет идеи «Искры», но расходившейся с «Искрой» в организационной практике и стремившейся сделать свою газету—«общерусской популярной газетой». Много материалов также о тактике «Искры» по отношению к Бунду (стр. 244, 258, 294, 337, 356). Подробно на них мы не будем останавливаться. Начав с предупреждений—«поосторожнее с Бундом», «построже» с Бундом и пр.—весной 1903 г. Ленин решительно пишет Кржижановскому:

«И надо всем и каждому втолковывать до чортиков, до полного «внедрения в башку», что с бундом надо готовить войну, если хотеть с ним мира. Война на с'езде, война вплоть до раскола—во что бы то ни стало. Только тогда он сдастся несомненно. А принять нелепую федерацию мы абсолютно не можем и не примем никогда. Самое большее: автономия по старому уставу 1898 года с участием назначенного от ЦК делегата в ЦК Бунда, это самое большее». (Стр. 340).

В рецензии нет возможности исчерпать все необычайно ценное для истории партии содержание напечатанных в разделе II, VIII «Ленинского Сборника» материалов. Помимо крупных вопросов политики и организации, здесь масса мелких и ценных «крупиц»: здесь и переписка о «чемоданах», в которых «Искру» переправляли через границу («перевозка, перевозка и перевозка»—и этот лозунг своего рода был «гвоздевым» для работников «Искры», в особенности в первое время ее выхода); здесь и просьба Ильича о «распространении» в Лондоне пяти (!) экземпляров «Искры»; и «тройное ура» Ленина по поводу получения первой брошюры из русской нелегальной типографии; и «доктор», который переносит через границу литературу «на теле»; шифры, печати и адреса, которыми пестрят письма Н. К. Крупской, на ряду с директивами и указаниями; адская нужда «Искры» в деньгах («нищенство», «вопрос жизни и смерти»,—пишет Ленин); радостные отклики Ильича на письма рабочих и т. д. и т. п.

«Ленинские Сборники» совершенно незаменимы и неоценимы для каждого партийца-большевика, как источники изучения Ленина и истории партии.

В. Астров.

ОПЕЧАТКИ.

В № 21—22 «Большевика, в статье К. Попова на стр. 40, строки 29—30 сверху напечатано: «но не становится гегемоном»; следует читать: «но в «обращении» не становится гегемоном».

В № 23—24 в статье И. Сталина на стр. 41, строка 18 сверху напечатано: «под видом защиты решения VI конгресса Коминтерна»; следует читать: «под видом защиты решений VI конгресса Коминтерна».

В той же статье на стр. 41, строка 3 снизу напечатано: «Догадывается ли тов. Эмбер-Дро, а вслед за ним и тов. Серра»; следует читать: «Догадываются ли тов. Эмбер-Дро, а вслед за ним и тов. Серра».

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 3 15 ФЕВРАЛЯ № 3

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 9
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
„ПРАВДА"

Главлит № А—26566. Тираж 70.000 экз.
Типография газеты „Правда“, Тверская, 48.

Перевыборы советов.

Идущие сейчас перевыборы советов являются **первыми** перевыборами органов диктатуры пролетариата в период социалистической реконструкции народного хозяйства. Партия выступает в этой кампании с развернутой программой социалистического строительства как в городе, так и в деревне. Неуклонное проведение индустриализации страны, рост и укрепление социалистических элементов в сельском хозяйстве, дальнейшее проведение кооперирования и коллективизации, увязываемое с поднятием индивидуального крестьянского бедняцкого и середняцкого хозяйства, улучшение всего государственного аппарата, активное преодоление хозяйственных затруднений, дальнейшее наступление на капиталистические элементы, укрепление союза рабочего класса с крестьянством под руководством пролетариата, — вот лозунги партии на этих перевыборах. Являясь нашей основной политической кампанией, охватывающей десятки миллионов трудящихся, перевыборы советов выявляют расстановку классовых сил в данный период, дают проверку на опыте миллионов людей правильности политики партии, вскрывают все слабые места нашей работы. Советы являются «аппаратом», посредством которого авангард угнетенных классов может поднимать, воспитать, обучать и вести за собой **всю гигантскую массу** этих классов» (Ленин, т. XIV, ч. 2, стр. 229). Перевыборы советов и должны ответить на вопрос, насколько хорошо выполняет авангард эту свою ведущую роль, должны показать, как обстоит дело с союзом рабочего класса с многомиллионными массами крестьянства и пролетарским руководством в этом союзе.

Задачи социалистической реорганизации всего народного хозяйства не могут быть разрешены без укрепления и качественного улучшения ведущей, руководящей роли пролетариата и его авангарда—нашей партии. Кто сейчас, говоря о союзе рабочего класса с крестьянством, не подчеркивает вопроса о пролетарском руководстве в этом союзе,— тот неминуемо скатывается к оппортунизму, сколько бы он ни кричал о борьбе с правой опасностью и примиренчеством. Ведь наше социалистическое строительство есть продолжение в особых формах, особыми методами классовой борьбы с капитализмом. Это ленинское определение нэпа особенно важно помнить сейчас, когда мы ведем наступление на капиталистические элементы. Всячески укрепляя свой союз с многомиллионными массами крестьянства, пролетариат должен улучшать

(а тем самым усиливать) свое руководство этими массами. Для этого он должен подтянуть в одну шеренгу с собой пролетарские элементы деревни (батрачество) и опираться на ее организованные полупролетарские элементы (беднота). Уметь вести за собой основные массы крестьянства, середняков, уметь направлять их против кулаков, — в этом и заключается руководство пролетариата.

Перевыборы советов идут в обстановке обострения классовой борьбы. Капиталистические элементы города и деревни активно сопротивляются развертыванию социалистического строительства, пытаются отбивать наше наступление, а кое-где переходить и в контрнаступление, ударяя по слабым участкам нашего фронта (религия, антисемитизм и т. д.) и используя наши трудности. Кулацкая активность в эти перевыборы, несомненно, выше и проявляется ярче и острее, чем на перевыборах 1927 г. Нужно прямо сказать, что в целом ряде мест кулаки начали подготовку к выборам раньше, чем наши партийные и советские организации. В некоторых селениях им удалось проникнуть даже в состав избиркомов. Кулаки вели активную борьбу за право голоса, всячески стараясь не попасть в число лишенцев. Это вызывается не только желанием голосовать или пролезть в советы, но и тем, что состояние в «лишенцах» влечет за собой целый ряд неприятностей.

Основная установка кулаков на перевыборах очень хорошо выражена в следующих словах одного активного кулака (Проскуровский округ): «Нам, зажиточным хозяевам,—говорит он,—нужно во что бы то ни стало привлечь на свою сторону середняков, которые также были обижены в этом году налогами. Если мы сумеем сообща с ними выступить, то мы будем гарантированы, что ни один голодранец в сельсовет не попадет». Для достижения этой цели кулаки идут на все, начиная с подкупа и спаивания бедноты и кончая террором. Этот террор носит не характер личной мести за лишение прав голоса и т. п., а служит именно целям устрашения батрачества, бедноты и середняков. Активную помощь кулакам в ряде мест оказывали попы, муллы, сектанты. Во главе кулаков часто шли всякие «бывшие люди», имеющиеся в деревне: бывшие полицейские, помещики, белогвардейцы. Рост кулацкой активности вызывается и тем, что классовая линия, несмотря на ряд недочетов, проводится все же более твердо и четко, чем в прошлые перевыборы.

Перевыборы подтверждают наличие в наших деревенских партийных организациях не только коммунистов, не желающих бороться с кулаком, но и элементов, явно окулачившихся и идущих вместе с кулаками против бедноты. В партии нашлись коммунисты, которые по всем нашим законам попали в «лишенцы». Настроение мирного сожительства с кулаком, стремление уклониться от борьбы с ним, нежелание вести работу с беднотой, «чтоб не раскалывать деревню», замазывание своего местного кулака при «принципиальном» признании необходимости борьбы с кулачеством вообще — все это имеется у значительной прослойки деревенских партийцев. На ряду с реши-

тельной чисткой своих рядов от явно переродившихся элементов партия должна усиленной воспитательной работой преодолеть такого рода настроения. Перевыборы показывают, что партийные решения о работе среди бедноты проводятся в жизнь все еще слабо. Еще хуже обстоит дело с батрачеством. Тут мы совсем почти не сдвинулись с мертвой точки. Имеется масса жалоб бедноты на то, что ее собирают только раз в два года—на перевыборы. Между тем, организованность бедноты, ее подготовка к выборам, ее дружное выступление на самих перевыборах определенно влияют на поведение середняков. Правильно поставленная, постоянная работа с беднотой и с батрачеством не только не ослабляет союза рабочего класса с середняками, но, наоборот, укрепляет этот союз, воздействуя на середняков, заставляя их считаться с беднотой как с организованной противостоящей кулаку силой.

В процессе перевыборов, особенно в их начале, обнаружилось в отдельных местах и искривление партийной линии в отношении середняка. Это выразилось в недопущении активистов-середняков на бедняцкие собрания, в лишении избирательных прав отдельных середняков, в чрезвычайно низком проценте середняков в некоторых новых советах. Что такая «политика» только помогает кулаку в его стремлении перетянуть на свою сторону середняка, ясно само собой. Середняк является основной массой деревни, и он должен занять должное место в сельсоветах. Проводить линию партии на увеличение влияния и представительства батрачества и бедноты в сельсоветах так, чтобы сельсоветы превращались в комитеты бедноты, может только тот, кто ничего не понимает в деревенской политике партии.

В эти перевыборы мы имеем в ряде мест применение новых форм руководства рабочего класса крестьянством. На многих предприятиях рабочие по своей инициативе выделяли представителей для посылки в деревню на перевыборы советов. При этом посылка происходила за счет самих рабочих. Это есть реальная помощь пролетариата бедняцко-середняцким массам деревни и нашей партии. Самое важное в этой посылке — проявление инициативы самих рабочих. Кто помнит, какое значение Ленин придавал шефству рабочих над деревней и непосредственной связи между рабочими заводов и крестьянством, тот поймет важность посылки рабочих бригад. Партия должна тщательно изучить эту новую форму связи рабочего класса с крестьянством, развить ее, сделать постоянной, не ограничивая ее только связью во время перевыборов.

Каков же основной вывод? Уже имеющиеся данные о ходе перевыборов позволяют сказать, что, несмотря на возросшую кулацкую активность, несмотря на все наши трудности, основная масса деревни— беднота и середняки—пошла *вместе с пролетариатом*, вместе с его партией. Неправильно было бы утверждать, что у отдельных слоев середнячества (да и бедноты) нет недовольства по тому или

иному вопросу. Но политика партии по отношению к бедноте и середняку показала свою правильность, несмотря на все трудности переживаемого периода, основная бедняцко-середняцкая масса деревни идет за рабочим классом, идет за его партией, поддерживает проводимую ею политику. Это—главное. Намеченные партией мероприятия по поднятию урожайности индивидуального бедняцко-середняцкого хозяйства, составляющие органическую часть проводимого партией общего плана поднятия и социалистической реконструкции сельского хозяйства, изменение сельскохозяйственного налога в виде облегчения обложения середняцких хозяйств (ноябрьский пленум признал задачу хозяйственного стимулирования индивидуального бедняцко-середняцкого хозяйства одной из центральных задач партии), решительная борьба с извращениями партийной линии в отношении середняка (на ряду с проведением четкой классовой политики по отношению к кулаку) еще больше сплотят вокруг партии основные массы деревни.

Крупнейшее значение для создания в деревне условий, благоприятствующих развитию бедняцко-середняцких хозяйств, так же, как для роста активности бедноты и для борьбы с кулаком, имеет строгое соблюдение революционной законности и прочное внедрение ее в деревенскую жизнь. Твердое проведение советского закона по отношению к кулаку, сплошь и рядом нарушающему этот закон, пользуясь слабостью и засоренностью нашего советского аппарата на местах; борьба с явлениями и традициями «административного произвола», бьющего часто по середняку и отражающегося вредоносным образом на хозяйствах, должны составлять одну из важных задач кампании по перевыборам советов.

Внимание рабочих на развертывающихся перевыборах городских советов, на ряду с вопросами индустриализации, необходимо сосредоточить на вопросах борьбы с бюрократизмом, улучшения всего государственного аппарата и большего вовлечения рабочих в дело управления страной. Без решительного сдвига в этих вопросах нельзя разрешить стоящие перед партией сложнейшие задачи. У нас есть люди, которые вместо конкретной работы по борьбе с бюрократизмом занимаются одними хорошими разговорами. Ленин самыми резкими словами клеймил такого рода «теоретиков». «Самый худший у нас внутренний враг,—писал он,—это коммунист, который сидит на ответственном (а затем и на неответственном) советском посту и который, пользуясь всеобщим уважением, как человек добросовестный, не научился бороться с волокитой, не умеет бороться с ней, ее прикрывает». (Т. XVIII, ч. 2, стр. 15). Государственный аппарат должен быть построен сейчас так, чтобы он мог без перебоев обслуживать нужды периода социалистической реконструкции. А сейчас дело с этим обслуживанием обстоит из рук вон скверно. Только сосредоточив на этом вопросе внимание и усилия миллионов рабочих, только обратясь к массам, только выуживая оттуда и ставя на государственную работу тысячи новых организаторов,—мы улучшим наш госаппарат.

Руководящая роль пролетариата на перевыборах горсоветов должна сказаться также в том, чтобы втянуть в перевыборы новые слои рабочего класса, пришедшие из деревни. Необходимо переломить крестьянские настроения этих слоев, чувствующих еще себя временными гостями наших фабрик, заводов и городов. Надо суметь показать им, что они вместе со всем пролетариатом несут ответственность за дело социалистического строительства. Основные кадры рабочего класса, его передовая часть должны дать отпор на перевыборах мелкобуржуазному влиянию, идущему через эти слои. Враждебные нам элементы будут пытаться, играя на наших затруднениях, использовать непролетарские трудящиеся массы города. Мы должны ответить на это улучшением и усилением пролетарского руководства этими массами. Мы должны, наконец, повысить участие в горсоветах рабочих с производства. Нельзя признать нормальным положение, когда в советах наших крупнейших городов рабочие с производства составляют 30—35%.

В этой серьезнейшей политической кампании партия не может обойти вопрос об уклонах. Разоблачение контрреволюционной сущности нынешнего троцкизма должно сопровождаться беспощадным отпором возможным на перевыборах вылазкам троцкистов. Политику партии нельзя сейчас раз'яснять рабочим, не раз'ясняя антиленинской сущности правого открыто-оппортунистического уклона и примиренческого отношения к нему. Правый уклон осужден всей партией, осужден партийными решениями. Выступая как единое целое перед всем рабочим классом, партия должна раз'яснять рабочим корни, сущность и опасность правого уклона в партии. Это тем более необходимо, что правый уклон коренится в отсталости нашей страны, в распыленности мелкого хозяйства, в буржуазном и мелкобуржуазном давлении на пролетариат и его партию.

Перевыборы горсоветов должны проходить в обстановке развертывания пролетарской самокритики и пролетарской демократии. Нельзя сказать, чтобы с самокритикой в наших советах дело обстояло хорошо. Вскрытие ряда гнойников выявило слабость контроля рабочих депутатов над работой советских верхушек. Слабость контроля рабочих над своими депутатами подтверждается отсутствием широкой практики досрочного отзыва депутатов. Партийное руководство перевыборами должно обеспечить возможность широкой критики рабочими работы советов и избрание в советы лучших передовых рабочих.

Перевыборы советов должны послужить исходным пунктом для усиления работы по оживлению советов. Несмотря на ряд достижений за последние годы, роль советов, как массовых организаций, еще недостаточна. Сельсоветы еще не стали руководителями всей хозяйственной и культурной жизни деревни. Они не являются еще застрельщиками новых, социалистических мероприятий в деревне. Вопросы поднятия сельского хозяйства, его кооперирования не стоят еще в центре

внимания сельсоветов. Сельсоветы все еще выполняют главным образом административно-налоговые функции. Работа сельсоветов в большинстве случаев сводится к работе председателя и секретаря. В идущей в деревне классовой борьбе значительная часть сельсоветов пытается занять нейтральную позицию, быть представителями «всей деревни». Это сводится на деле к защите кулаков. Мы уже не говорим о тех сельсоветах, где проводится явно кулацкая политика.

Мы должны организовать работу новых сельсоветов так, чтобы в ней принимали активное участие все члены совета. Советы должны стать культурно-хозяйственными центрами деревни. На работе в сельсоветах должны выковываться новые государственные работники из среды крестьянства. Надо наметить ряд мероприятий по улучшению руководства сельскими советами. Предстоящая чистка партии освободит наши деревенские организации от окулачившихся и пляшущих под музыку кулака. Результатом чистки должно быть улучшение партийного руководства сельсоветами и лучшее проведение в их работе классовой линии. Сельсоветы должны стать инициаторами в деле улучшения сельского хозяйства и его кооперирования. Имеющиеся колхозы и другие об'единения должны получать большую, чем сейчас, помощь и поддержку со стороны сельсоветов.

Проблема поднятия урожайности не может быть разрешена без улучшения работы сельсоветов и руководства ими.

Городские советы должны сосредоточить сейчас свою работу на вопросах улучшения государственного аппарата, выдвижения на государственную работу новых слоев рабочих и большего вовлечения рабочих в дело управления. Между тем, именно эти вопросы не стоят сейчас в центре внимания горсоветов. Достаточно сказать, что роль советов в деле выдвижения рабочих на государственную работу сейчас очень низка. А ведь советы—школа управления для миллионов трудящихся. На почве развернувшейся в ряде советов работы секций создался хороший советский актив. Но мы не умеем еще приспособить его к серьезной работе в нашем государственном аппарате. Этот актив должен послужить резервом для замены негодных, чуждых и враждебных нам элементов госаппарата. За подготовку советского актива для этой работы надо взяться теперь же. «Организаторских талантов в «народе»,—писал Ленин в 1918 г.,—т.-е. среди рабочих и не эксплоатирующих чужого труда крестьян, масса; их тысячами давил, губил, выбрасывал вон капитал, их не умеем еще найти, ободрить, поставить на ноги, выдвинуть мы» (XV, стр. 212). Несмотря на то, что за это десятилетие десятки тысяч организаторов выдвинулись из среды рабочих и крестьян, это положение Ленина правильно и сейчас. В условиях диктатуры пролетариата растет культурность рабочих и крестьян, растет их политический, хозяйственный и организационный опыт. С проведением индустриализации растет численность рабочего класса. Подросло новое молодое поколение пролетариата. Мы держим, якобы, из-за незаменимости в нашем аппарате людей, проштрафовавшихся, потерявших всякое классовое чутье, ставших чиновниками, не видя новых людей, выросших и растущих в условиях диктатуры пролетариата. Советы рабочих депутатов на ряду с профсоюзами и должны стать основным каналом выдвижения новых рабочих на государственную работу.

Задача большего вовлечения рабочих в дело управления требует внесения ряда изменений в практику работы советов. Должна быть повышена решающая роль пленумов советов путем постановки ряда основных вопросов на решение пленумов. Сейчас во многих советах вся работа сосредоточена в президиуме, а члены совета либо занимаются обследованиями, либо выполняют различные поручения отделов совета. Надо привлекать депутатов совета (в первую очередь актив) к выполнению отдельных заданий по управлению. Надо повысить роль, значение и ответственность рядовых депутатов в работе всего совета. Президиумы советов должны быть не только руководителями жизни города, но и организаторами работы и участия в управлении всех депутатов. Работа отдельных депутатов совета должна быть органически связана с работой президиума совета. Депутаты в совет от данного предприятия должны быть действительно представителями совета на предприятии. «Дальнейшее развитие советской организации государства должно состоять в том, чтобы каждый член совета обязательно нес постоянную работу по управлению государством, на ряду с участием в собраниях совета...» (Ленин, т. XV, стр. 161). Конечно, решающий сдвиг в этом вопросе может быть сделан тогда, когда нам удастся упростить функции госаппарата. Но это упрощение само по себе не придет. За него надо приниматься. И именно советы, их депутаты должны сыграть здесь решающую роль.

«Социалистический переворот,—говорил Ленин на II с'езде профсоюзов в 1919 г.,—может быть сделан только при активном, непосредственном, практическом участии в управлении государством десятков миллионов. Мы к этому пошли, но мы до этого не дошли». В период социалистической реконструкции всего народного хозяйства мы должны сделать дальнейшие шаги по этому пути.

Шемятовский.

Топливо и индустриализация страны.

I.

На ряду с металлом, топливная проблема занимает одно из центральных мест в деле индустриализации страны. Еще в начале нэпа при составлении плана (ГОЭЛРО) под непосредственным руководством Ленина, наша партия отмечала, что реконструкция народного хозяйства, коренная индустриальная перестройка его мыслима на основе реконструкции его энергетической базы вообще и топливной в частности. Новой энергетической базой является электрификация, как один из технически совершенных и экономически рациональных путей использования энергии. Но электрификация, открывая экономный метод использования топлива, перерабатывая его в электроэнергию, не исчерпывает собой топливной проблемы, как таковой. Так как электроэнергия потребляется в производстве исключительно на механическо-световые нужды, то на нее падает около 34% общего количества потребляемого топлива, а остальные 66% расхода топлива в промышленности идут на технические процессы и частью на хозяйственные нужды.

Вот сейчас, например, центр внимания всех наших хозорганов и советской общественности прикован к металлу, металл становится своего рода регулятором в нашей хозяйственной системе, он определяет темпы и характер развития отдельных отраслей хозяйства.

Но не надо забывать, что, если мы первое слово, первые наши труды и заботы отдаем металлу, то вслед за ним наше внимание к промышленности должно остановиться на топливе. Надо себе ясно представить, что индустриализация страны в первую очередь определяет более интенсивное развитие отраслей промышленности, производящих средства производства, как: металл, химия, стройматериалы и друг., т.-е. тех отраслей промышленности, которые пред'являют колоссальнейший спрос на топливо. Например, четыре отрасли промышленности: металлическая, химическая, стройматериалы [1]) и топливная по стоимости ко всей промышленности занимают в 1928—29 году—30% в то время, как по расходу топлива ко всей промышленности их вес выражается около 70% или 42% ко всему расходу топлива по СССР, составляющему в 1928—29 году—59,7 млн. тонн условного топлива. Уже из приведенных показателей видно, что перед страной стоит большой ответственности задача, заключающаяся в том, чтобы топливо, как энергетическая база экономики Союза, не являлось ограничивающим фактором в общем плане развития социалистической индустрии.

[1]) Без лесной.

В какой мере топливная база нашей страны подготовлена к тому, чтобы не стать тормозом, ограничивающим развитие народного хозяйства, идет ли ее рост в ногу с общим темпом роста народного хозяйства?

Подгоняемая бурным ростом народного хозяйства, топливная промышленность проделала труднейший путь развития, который можно иллюстрировать такими показателями:

Виды топлива	1913 г.	Удельн. вес в % ко всей добыче	1928—29 г.	Удельн. вес в % ко всей добыче	1928—29 г. в % к 1913 г.
Добыча:					
I. Древесное топливо тыс. куб. метров	64.400	24,6	57.150	16,5	89,0
II. Торф в тыс. тонн	1.700	1,5	7.790	5,4	460,0
III. Каменный уголь в тыс. тонн	29.700	56,2	40.830	58,0	138,0
IV. Нефть сырая, тыс. тонн	9.215		13.300	—	144,5
V. В т. ч. выход нефтетоплива, тыс. тонн	6.300	17,7	9.070	21,1	145,0
Всего 7000-калорийн. условн. топлива в тыс. тонн §§ I + II + III + V	49.123	100	64.870	100	132,0

При этом расход условного топлива внутри страны по линии промышленно-технической группы потребителей достиг в 1928—29 году 59.730 тонн против 50.594 тонн 1913 года, или 132%.

О чем говорят приведенные показатели добычи топлива? Кроме того, что топливная промышленность далеко оставила позади по добыче довоенный уровень, на самое важное это сдвиги, происшедшие в добывном топливном балансе, изменение структуры баланса, т.-е. вытеснение дров, колоссальное увеличение роли торфа, каменного угля и нефти, качественное улучшение баланса. Как положительное явление надо отметить особо бурный рост каменноугольных бассейнов, игравших до войны второстепенное значение. Например: добыча угля возросла с 1913 года по 1928—29 г.:

По Уралу	с	1.195	тыс. тонн до	2.210	или на	85,0%
„ Подмосковному басс.	„	300	„ „ „	1.475	„ „	382,0%
„ Кузбассу	„	853	„ „ „	2.865	„ „	236,0%
„ Средазуглю	„	138	„ „ „	295	„ „	114,0%
Против средней по СССР	„	29.70)	„ „ „	40.830	„ „	38,0%

Уже сейчас можно отметить, что промышленная география нашей страны выдвигает новые энергетические центры в связи с общепромышленным ростом отдельных районов и в особенности районов Востока, которым принадлежит большое будущее.

Несмотря на приведенные вполне удовлетворительные показатели, необходимо все-таки констатировать, что топливоснабжение страны уже с 1925—26 года протекает в условиях определенного напряжения. Это напряжение не только не смягчилось теперь, но еще более чувствуется и, надо полагать, будет чувствоваться в ближайшие годы.

Общие противоречия на топливном фронте можно бы было выразить следующими характерными цифрами:

	1925—26 г.	1926—27 г.	1927—28 г.	1928—29 год	
				I вар.	II вар.
I. Темп роста промышлен. в %% к пред. году	+42,5	+19,6	+23,0	+21,0	—
II. В т. ч. топливная в %%	+40,0	+24,0	+4,5	+12,8	+9,6
III. Расход топлива в %%	+35,0	+11,0	+13,5	+12,5	+12,5
IV. Фактич. запасы в тыс. тонн условного топлива	17.291	17.040	22.710	24.400	—
V. Нормально необход. запасы в тыс. тонн условн. топлива	19 291	21.200	25.000	27.000	—
VI. Превышение или дефицит ∓ в запасах от нормальн. тыс. тн	—2.000	—4.160	—2.290	—2.600	—

Все последние годы страна ведет свое хозяйство с запасами, далеко не достигающими необходимого нормального уровня. В особенности 1927—28 год вносит резкие ухудшения в наше топливное положение. Всем известно, что добыча условного топлива составила в 1927—28 году—94,7% от программы, дав увеличение к предыдущему году на 4,5%, в то время как расход дал прирост на 13,5%, т.-е. расходная часть баланса далеко превысила доходную. Недовыполнение плана коснулось всех видов топлива и в особенности ударило по каменному углю и древесному топливу.

Такое положение, несомненно, сказалось и на общем снижении запасов, главным же образом, на каменноугольных, обеспеченность таковыми потребителей снизилась с 2,5 месяца на 1/X—27 года до 2,2 месяца на 1/X—28 года вместо 3,2 месяца, нормально необходимых. Наступивший 1928—29 год при самых благоприятных условиях должен дать прирост добычи условного топлива на 12,8%, хотя есть много оснований за то, что прирост добычи выразится в 9,6% при расходе топлива на 12,5% к предыдущему году.

Надо полагать, что 1928—29 год в лучшем случае стабилизирует создавшееся положение, провал 1927—28 года в текущем году выправлен не будет.

Уже из приведенных довольно общих данных мы могли бы дать предварительный ответ на поставленный выше вопрос, что топливный фронт обнаруживает явное отставание от общего темпа развития народного хозяйства, а главное промышленности, что это отставание носит характер некоторой органической болезни, а не зависит от причин скоропреходящего порядка. Между тем, существует бесспорное положение, что от топливной экономики (в особенности это относится к каменноугольной промышленности) требуется несколько опережающий темп развития по отношению к другим отраслям народного хозяйства.

Как понять создавшуюся топливную ситуацию, каковы ее ближайшие перспективы, и где здесь основные звенья, за которые необходимо ухватиться сейчас же?

Мы не будем останавливаться на факторах, хотя и тормозящих производство, но относящихся к второстепенному порядку, как, например, всякого рода организационно-технические неполадки, труддисциплина и т. д., которые в той или другой мере и в разных местах особенно проявились в закончившемся году и на устранение которых сейчас обращено необходимое внимание.

Мы остановимся на основных установках и линиях нашей хозяйственно-топливной политики и практики за последние годы.

II.

Еще в 1926 году было более или менее ясно, что наше топливное хозяйство вступает в полосу особого производственного напряжения. В целом топливная промышленность заканчивала свой восстановительный период в 1925—1926 году, достигнув 92% довоенного уровня и определив общий темп восстановления народного хозяйства.

Если мы возьмем наш основной энергетический центр—Донбасс, то он в 1925—1926 году уже работал почти на пределе использования своей производственно-технической мощности. А поскольку у нас каменноугольное топливо является основным видом в добывном балансе, составляя около 60%, то тогда же, в 1926 году, нашими планово-регулирующими органами был поставлен конкретно вопрос о перспективах и основных путях развития каменноугольной промышленности и в первую очередь Донбасса. Был представлен и утвержден СТО план развития Донбасса на пять лет, и взята была основная ставка на новый Донбасс, т.-е. на крупное шахтное строительство, с высоким уровнем техники, с полной механизацией цикла производственных процессов.

Мы приводим данные, говорящие о том, что Донбасс за последующие годы отклонился от этого пути.

В тысячах тонн	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	**1929/30 г.**
I. Развитие старых основных шахт (старый Донбасс):					
а) план	14.500	15.800	17.500	19.400	**19.400**
б) фактич.	14.500	16.800	19.200	20.200[1]	**20.200**[1]
II. Новые крупные шахты:					
а) план	—	230	1.210	2.700	**5.500**
б) фактич.	—	—	100	600[1]	**2.100**[1]
III. Средние и мелкие шахты:					
а) план	1.100	3.800	6.000	6.000	**6.000**
б) фактич.	600	1.900	2.900	4.000[1]	**5.500**[1]
Всего:					
а) план	15.600	19.830	24.710	28.100	**30.900**
б) фактич.	15.100	18 700	22.200	24.800	**27.800**

Приводимые цифры с достаточной убедительностью говорят о том, что старый Донбасс, в лице его основных шахт, как видно, себя исчерпал, а наличие нового резерва почти не чувствуется, т.-е. роль новых крупных шахт в добыче далеко отстала от плановых расчетов. Несколько удовлетворительнее обстоит дело с мелкими и средними шахтами, с которыми мы примирились в известной мере, как с временной необходимостью, но их роль остается вспомогательной и ограниченной. А в целом, как мы видим, Д о н у г о л ь о т с т а е т и от плановых расчетов и еще более от реальной необходимости, выражающейся в действительном спросе на донецкое топливо. Если до сих пор Донуголь выравнивал топливный фронт через максимальное

[1]) По графе фактич. 1928—29 г. показан по плану уже утвержденному, 1929—30 г., принят предположительно.

форсирование старого фонда шахт, то теперь, как видно, этого сделать уже нельзя без коренного их переоборудования: они в основном исчерпаны.

Хроническое отставание в развитии нового крупного строительства выражалось не только в медленности строительства шахт, но и в свертывании их количества. Например, в 1925—1926 г. было намечено к проходке 28 крупных шахт, в 1926—1927 г. их оставалось уже 20 единиц, в 1927—1928 г., всего 17 единиц, и только теперь пришлось приостановить их падение. За три последние годы израсходовано на крупные шахты на 35,0 млн. руб. меньше, чем предполагалось по утвержденному плану, в то время как на старые шахты израсходовано больше, чем предполагалось, на 56,0 млн. рублей.

Таким образом, становится понятно, что над Донбассом довлела злоба дня, его политика была несколько одностороння, он был охвачен более одной мыслью—удовлетворить бурный спрос на его топливо, чинил, подправлял шахты, чтобы получить из них сколько-нибудь дополнительной добычи. Другая же, не менее важная задача подготовить новую производственную мощность бассейна на ближайшие годы была недостаточно оценена. Навряд ли сейчас у кого есть большое сомнение в том, что мы с Донбассом несколько запоздали.

Можем ли мы заменить недостающее донецкое топливо другим топливом? Это почти совсем невозможно. Единственное богатое и высококачественное угольное месторождение, могущее заменить донецкое топливо, это—Кузбасс в Сибири. Но географическое его расположение делает проблему неразрешимой, ибо единственные районы, где бы можно заменить донтопливо, это Ленинградский и ЦПО, но они отстоят от Кузбасса на таком расстоянии, которое непреодолимо и экономически и технически. Да к тому же Кузбасс, при всем желании, не может дать лишней добычи помимо той, которой он снабжает далекий и дефицитный в топливе Урал и самоё Сибирь.

Кузбасс в смысле своей подготовленности сейчас находится тоже не в лучших условиях, чем Донбасс, и характерно, что закладка шахт в Кузбассе будет предшествовать разработке проектов этих шахт, чтобы не потерять время для строительства.

Урал был, есть и останется за конец пятилетия дефицитным районом в топливе. Таким образом, и географическое расположение угольных центров и их производственно - техническая неподготовленность приводят к ясному выводу, что заменить донецкое топливо другими углями мы не можем.

Правда, у нас есть еще один мощный бассейн, это—Подмосковный. Подмосковный бассейн географически занимает чрезвычайно выгодное место—ЦПО, т.-е. тот район, где основным видом топлива является дальнепривозный донецкий уголь. Казалось бы, что это удачное сочетание дает некоторый выход из положения; так, по крайней мере, принципиально стоял и стоит вопрос. Но практически здесь дело обстоит не совсем так. Создавшееся отношение к подмосковному углю со стороны потребителя и топливорегулирующих органов не совсем ясно и конкретно. Потребители до сих пор игнорируют это топливо, ссылаясь, как и всегда, на тот старый мотив, что они не переоборудовали свое паросиловое хозяйство к сжиганию подмосковного угля, несмотря на то, что проблема сжигания подмосковного угля технически блестяще разрешена и экономически выгодна. Эти мотивы игнорирования подмосковного угля пока господствуют в создавшемся положении и определяют собой неправильный путь развития этого бассейна. Достаточно отметить, что при современном топливном напряжении в текущем 1928—1929 году мы имеем факт свертывания программы Подмосковного бассейна на 100.000 тонн угля из-за отказа от него потребителей. Этот факт далеко выходит за пределы нормального явления. Несмотря на то, что Подмосковный бассейн сейчас достиг уровня добычи в 1928—1929 г. 482% от довоенного,—его уровень добычи должен быть гораздо выше, и технически эта проблема может быть разрешена без особых затруднений. Этим самым мы в известной мере разгрузили бы ЦПО от донецкого топлива. Мы несколько забываем ту роль, которую Подмосковный бассейн сыграл в военное время. Оставаясь по своему географическому положению внутренней мобилизационной базой на случай обороны страны, этот бассейн заслуживает того, чтобы ему были обеспечены экономически и технически пути развития.

Такова в основных чертах картина с каменноугольной промышленностью. Она напрашивается на такой вывод, что мы несколько запоздали в темпе развития каменноугольной индустрии и, главное, в подготовке ее производственных резервов. Можно было бы с некоторой оговоркой сказать, что каменноугольная промышленность обслуживает возросший спрос на топливо нашей бурно развивающейся промышленности, транспорта, электрификации, старыми производственными резервами, форсированными до максимума производственно-технического напряжения. Новые производственные единицы еще не играют особой роли и главное в основном центре, Донбассе.

Правда, указанная диспропорция не требовала бы такого заострения внимания на ней, если бы создание производственных резервов в каменноугольной промышленности, постройка крупных шахт, не требовала такого продолжительного срока, как 4—5 лет.

Необходимо все-таки отметить две причины, которые оказали свое влияние на развитие основной нашей топливной базы—каменного угля—и в частности Донецкого бассейна:

1) История развития советского хозяйства приводит к выводу, что наша планово-регулирующая мысль страдает еще достаточным консерватизмом и, как правило, далеко отстает от реальной жизни, от хозяйственной действительности. Все наши планы—пятилетние, генеральные,—по ряду отраслей промышленного хозяйства страдали недооценкой возможностей и темпов, жизнь опрокидывала их в сторону значительного превышения. Взять хотя бы для примера проектировку промтехнического потребления топлива по генеральному плану на 1940—41 г. в 100,0 млн. тонн условного топлива. Это было год назад, в 1927 г. Теперь к концу 1928 г. мы уже имеем тот расчет, что в 1932—33 г. расход топлива выразится в сумме около 80,0 млн. тонн, т.-е. 80% от генплана. Теперь уже ясно, насколько будет превзойден этот генплан к 1940—41 г. А ведь таких уродливых планов было сколько угодно, и все они давили на нашу работу, и не бесследно.

Это относится и к каменноугольной промышленности. Намечая в 1926 г. перспективы развития Донбасса и других районов, мы естественно недооценили того бурного темпа роста промышленности и других отраслей народного хозяйства, а, следовательно, и того спроса на топливо, который они в действительности пред'явили. Поэтому те темпы роста Донбасса и других районов, которые мы тогда проектировали, оказались сами по себе уже преуменьшенными.

2) Но это было бы еще полбеды, если бы мы с каменноугольной промышленностью перевооружились, перестроились на ходу, увеличили размер строительства и т. д., но получилось обратное: мы далеко не выполнили и того минимального плана, который мы намечали.

III.

Несмотря на то, что СССР по последним геологическим данным располагает около 11% мировых запасов энергии, особенно выделяясь по нефти (на первом месте, 37,5% от мирового запаса) и по торфу (около 80% всех мировых запасов); несколько ниже мы стоим по углю (около 8% мировых

запасов), но и этого вполне достаточно для нашего развития, рассчитывая на сотни лет. Все-таки надо констатировать, что географическое расположение энергетических ресурсов находится в значительном противоречии с исторически сложившимися промышленными центрами. Три основных энергетических базы—Донбасс, Кузбасс и нефть на Кавказе—расположены на далеких окраинах, в то время как такие высокоразвитые промышленные центры, как Северо-Запад и ЦПО, не имеют своей топливной базы почти совсем; с большим дефицитом сводит свой энергетический баланс и Урал. Все эти дефицитные районы питаются в основном дальнепривозным дорогим топливом и к тому же, как мы видели выше, дефицитным.

Казалось бы, что в связи с недостатком угля и отдаленным расположением основных энергетических центров от ряда промышленных районов, проблема торфа, запасы которого неограничены, должна бы сыграть решающее значение. В особенности удачно эта проблема разрешалась в развитии электрификации страны. Такая установка не может быть кем-либо принципиально опровергнута. При этом основные торфяные массивы расположены как раз в тех районах, которые питаются дальнепривозным топливом,— ЦПО, Ленинград, Запад и Урал. Идя таким путем, мы достигли колоссальных результатов в добыче и использовании торфа, превысив довоенный уровень в обоих случаях почти в пять раз.

Несмотря на это прогрессирующее движение, и торфяное дело уперлось в тупик, сообщенная ему инерция начинает заметно затухать.

Возьмем такие факты. План добычи торфа в 1927—28 г. недовыполнен на 6%, а добыча на 28—29 год запроектирована в приросте всего на 8,2%, т.-е. гораздо ниже общего прироста добычи топлива. А ведь до 1928—29 г. прирост добычи торфа ниже 26% не составлял, а в отдельные годы достигал 40%. В чем же дело, почему при ухудшающемся положении с углем и позиции торфяного топлива резко колеблются? Закончившийся 27—28 г. и здесь дает некоторое раз'яснение. Добыча торфа стремительно падает только потому, что падает его потребление, например, в 27—28 г. потребление торфа составляло 88% от плана. Промышленный потребитель в ряде мест и случаев игнорирует торфяное топливо, отказывается от его добычи и т. д. Почему это получается, когда проблема сжигания торфа технически разрешена со значительным хозяйственным эффектом? Торфяная промышленность организационно не получила оформления в самостоятельную отрасль народного хозяйства, у нас нет торфяного треста, нет хозяина, который бы выдвинул торфяную промышленность на должную высоту, разрешил бы ее технические и экономические проблемы и устранил бы узкие места, в частности, проблему себестоимости, к чему уже имеются необходимые технико-экономические предпосылки.

Возьмем основного потребителя и заготовителя торфа—нашу промышленность, оставляя в стороне электроцентрали, работающие на торфу, и посмотрим, как ведет наша промышленность торфяное хозяйство. Большинство наших трестов и отдельных предприятий смотрят на торфяное хозяйство, как на лишнее, навязанное им бремя. Вкладывать капиталы в торфяное дело в необходимом размере они не решаются и не хотят, а отсюда и технику торфяного дела поднять на должную высоту не могут, торф благодаря этому получается дорогой и не высокого качества. Бывают случаи, при благоприятной местной топливной кон'юнктуре и других обстоятельствах, когда отдельные заготовители совсем свертывают торфяные разработки.

Не случайно, что такое нездоровое явление в торфяном деле нашло свое отражение в проектируемых теперь районами пятилетних планах в части топливного баланса, например, такие районы, как ЦПО и Северо-Западный, потребляющие 85—88% торфа от общей цифры по СССР, намечают потребление торфа к концу пятилетия в таком об'еме, который сохраняет его удельный вес в общем топливном балансе этих районов почти на уровне 28—29 г. с едва заметным повышением. И это относится к тем районам, которые, кроме торфа и дров, не имеют своего другого топлива и живут за счет дальнепривозного, дорогого и дефицитного топлива. Такова уродливая картина с торфяным топливом и именно с тем топливом, роль которого в реконструкции энергетической базы нашей страны мы когда-то рисовали и ожидали гораздо выше.

Наша торфяная промышленность имеет организационные болезни. Темп и характер развития торфяного хозяйства значительно перерос ее организационные формы, как подсобного хозяйства, и эти формы становятся уже препятствием в дальнейшем пути развития торфа.

Мы не будем здесь останавливаться на другом виде местного топлива— дровяном. Несмотря на значительную роль дровяного топлива в общем балансе (около 17%), все-таки основная установка должна быть на дальнейшее снижение удельного веса этого вида топлива. Лесные массивы, которые доступны для разработок и для потребления, уже достаточно истощены как в предыдущие мирные годы, так в особенности в военные годы и в годы разрухи. Дальнейшее форсирование их разработки на нужды топлива не может быть допустимо, а те колоссальные ресурсы, которые мы не разрабатываем, территориально и технически останутся на долгие годы еще недоступными.

Единственно, чего необходимо добиться, это большей устойчивости в дровозаготовках. Колебания на этом участке чрезвычайно резки и в настоящих условиях очень чувствительны, например, в 27—28 году программа дровозаготовок была выполнена на 87%, в текущем году есть основания ждать, что недозаготовка опять выразится в том же об'еме.

Мы здесь не касались нефтяной промышленности из тех соображений, что в основном мы на нефтяную промышленность смотрим, не как на топливную базу, а как на отрасль промышленности, перерабатывающую нефть в светлые высокосортные продукты, составляющие основу нашего экспорта.

IV.

Таковы основные черты положения на нашем топливном фронте. Настоящий момент особенно ответственен с точки зрения того, как мы поймем его и какие меры и пути наметим. Нам надо больше активизировать нашу топливную политику. Итти по линии рутины и самотека в топливном хозяйстве больше нельзя. Мы вступаем в новое пятилетие грандиозного индустриального развития,—достаточно упомянуть об одной цифре, освещающей наш путь и размах—это 10,0 млн. тонн металла к концу пятилетия, что в свою очередь значит, учитывая и дальнейшую стадию переработки металла, потребность в 23,0 мил. тонн угля высокого качества (а там—химия и т. д.).

Перед этими ответственными задачами энергетический фронт должен более, чем когда-либо, быть готовым и способным удовлетворить грандиозные требования, которые пред'явит ему наша социалистическая индустрия.

Нашим самым опасным врагом может явиться сейчас промедление во времени. Почему мы сейчас особенно приковываем внимание к углю? Потому, что мы сейчас упираемся на этом фронте не в денежные средства, а в организационные возможности. В определенный срок надо наверстать кое-что потерянное в темпе и подготовить резервы на ближайшие годы. Об этом сейчас говорят такие факты, что все наши основные тресты—Донуголь, Урал, Кузбасс, ходатайствуют перед соответствующими органами о разрешении им закладывать шахты до представления окончательных проектов, иначе организационно тресты не успеют реализовать и пустить в ход все те средства, которые необходимы для развития строительства.

Необходимо отметить, что у нас могут быть такие взгляды, что то напряжение, которое переживает топливный фронт, присуще на данном этапе всему народному хозяйству в целом и отдельным его участкам в частности, например: кризис на товары широкого потребления, даже на металл, цемент, кирпич и т. д. Однако, будет очень опасно, если мы не будем учитывать особого характера и разницы тех последствий, которые могут получиться от кризиса топлива и всякого рода других товаров и материалов. Недостаток в стройматериалах приводит, например, к задержке второстепенного строительства, к удлинению сроков, к замене одного материала другим и т. д. Недостаток же в топливе не может быть компенсирован ни сокращением производства, ни сокращением норм расхода и т. д.

Часто например, сокращение производства продукции того или другого завода или совсем не влечет за собой сокращения расхода топливной энергии, или в незначительной степени сокращает расход энергии. Влияние же на народное хозяйство заминки с топливом обыкновенно влечет за собой более глубокую дезорганизацию производства, более глубокое его расстройство.

При всем этом не надо забывать, что мы на наше топливное хозяйство взвалили дополнительный груз, т.-е. мы до войны на территории СССР потребляли более 3,3 млн. тонн заграничного высококалорийного топлива. Теперь мы не позволяем себе этой роскоши и не позволим. В нашу задачу целиком входит требование преодолеть перешедшее к нам историческое наследство, выражающееся в диспропорции, в топливном дефиците, отпечаток которого носило довоенное хозяйство, восполнявшее этот дефицит колоссальным ввозом иностранного угля.

Какие же задачи лежат перед топливной промышленностью, чтобы выровнять ее фронт с общим уровнем развития народного хозяйства, ни в какой степени не подвергая страну топливному голоду?

Основное внимание надо сосредоточить на каменном угле. Металл и уголь должны занимать центральное место в хозяйственных проблемах страны. При нашей топливной политике, направленной на снижение удельного веса дров и нефти в топливном балансе, роль угля становится особо ответственной и решающей. И; конечно, в первую очередь должен стать Донбасс. Необходимо со всей решительностью поставить Донбасс на тот путь, от которого он несколько уклонился, это на путь самого интенсивного развертывания строительства крупных шахт, путь не заплат и починок, а коренной реконструкции строго отобранных крупных старых шахт.

Здесь не должно быть никаких двух мнений ни в выборе пути, ни в смысле времени и средств. Самое страшное—потеря времени и темпа. Лимитов для крупного шахтного строительства не должно быть. Кроме того, надо добиться некоторых сдвигов в укорочении сроков строительства крупных шахт, довести его вместо 4—5 лет до 3 лет в среднем. Эта проблема значительно разрешила бы наши трудности, от ней уйти нельзя. Надо решительно изжить организационно-технические неполадки, в особенности по линии механизации добычи. Донбасс до сих пор основную ставку делал на количественный охват механизированной работы, увеличивая число машин и технических установок, не уделив достаточного внимания строгой увязке отдельных процессов механизированной работы, не достигая механизации полного цикла работ, он сглаживал эффект механизации. Донбасс работает на пределе использования производственно-технической мощности; создать резервы в Донбассе—вот лозунг и задача сегодняшнего уже дня.

Внимание к подмосковному углю должно быть, несомненно, повышено. Никакой речи о сокращении программы добычи подмосковного угля быть не может. По отношению к потребителю должна быть самая жесткая плановая политика, потребитель не должен быть лимитом для развития подмосковного бассейна. Если проблема сжигания подмосковного угля разрешена, а те потребители, которые переоборудовали свое силовое хозяйство, нисколько не думают отказаться от данного топлива, то можно в условиях советского планового хозяйства заставить потребителей брать подмосковный уголь в том размере, в каком это необходимо, и это как раз послужит лучшим стимулом к переоборудованию силового хозяйства, чего иначе потребители никогда не сделают.

Торфяная промышленность должна быть оформлена в самостоятельную отрасль народного хозяйства. Необходимо об'единение по областям и республикам всех торфодобывающих предприятий в торфяные тресты. Подсобный характер торфяных хозяйств становится просто вредным для их твердого планирования и тормозит внедрение в торфяное дело технических и организационных усовершенствований. Помимо этого, надо сейчас же провести жесткую линию в прикреплении отдельных предприятий к определенным торфяным районам, ни в коем случае не допуская замены для них торфа другим топливом.

Дровозаготовки надо поставить под тщательное наблюдение и контроль соответствующих оперативных и планово-регулирующих органов. За дровозаготовками надо беспрерывно следить и на ходу, в процессе работы своевременно исправлять дефекты и трудности. В частности, недопустимо срывать заготовки из-за недоставки своевременно на места хлебофуража и подчас в незначительных количествах. В свое время много говорили о механизации лесозаготовок, и даже была отпущена на это дело значительная сумма средств, но результатов по этому мероприятию не видно, и вообще об этом замолчали, а ведь вопрос нас не минует, и, отсрочивая его, мы только осложняем общее топливное положение.

Останавливаясь только на отдельных мероприятиях, можно полагать, что этого будет достаточно для того, чтобы выправить создавшееся положение.

Положительной стороной нашего топливного хозяйства является то, что оно легче всего поддается регулированию как со стороны добычи, так и потребления, являясь целиком обобществленным в руках государства.

Планирование и регулирование топливного хозяйства у нас достигло большой гибкости, полного балансирования.

Надо создать вокруг топливной проблемы определенное мнение, что топливо, как энергетическая база Союза, не может быть ограничивающим фактором в развитии социалистического сторительства. Топливной промышленности необходимо гарантировать полную устойчивость и придание ей темпа развития, даже несколько опережающего общий темп развития народного хозяйства.

Топливо и металл—основные факторы индустриализации: диспропорция на энергетическом фронте должна быть устранена.

Б. Борилин.

Концентрация производства в послевоенном капитализме.

(Концентрация промышленности в Германии)[1].

То, что послевоенная Германия совершила гигантское развитие вперед по пути усиления монополистической организации своей промышленности, констатировалось неоднократно и в нашей, и в иностранной литературе. Даже буржуазные экономисты уже не в состоянии отрицать и замазывать этой бесспорной и могущественной тенденции к господству, к диктатуре небольшого числа крупных монополистических об'единений в экономической жизни Германии, ибо эта диктатура стала совершившимся фактом, который уже не может отвергать никто из здравых людей, независимо от их любви или антипатии к учению Маркса о концентрации, по той простой причине, что факты вообще нельзя отрицать.

Само собой разумеется, что является чрезвычайно важным определить действительную конкретную ступень, конкретный уровень монополизации, далее быстроту или темп развития монополизации в послевоенное время. Так же точно чрезвычайно интересно установить те процессы концентрации производства, сосредоточения его во все более крупных предприятиях, которые имели место после войны и которые, несомненно, лежат в основе необычайно сильного развития монополий. Определить размеры и темп концентрации предприятий тем более необходимо, что, собственно говоря, самое точное статистическое выражение процессы концентрации, при данном уровне экономической статистики, получают именно в данных о концентрации предприятий.

Так же, как ряд промышленных цензов С.-А. С. Штатов после войны, так и промышленная перепись Германии за 1925 г. впервые за добрых два десятка лет позволяет нам в настоящее время подвести статистический итог этому концентрационному движению германской промышленности. Опубликованные только к этому году первые результаты этой переписи в отношении роли мелких, средних и крупных предприятий[2]) делают возможным, наконец, заполнить брешь в статистике германской промышленной концентрации, которая уже так давно чувствовалась всеми, кто занимался изучением этого вопроса. Последняя промышленная перепись, произведенная Германией перед войной, относится к 1907 году. К этому же году относятся и статистические данные о концентрации германского производства, которые находились до сих пор в нашем распоряжении и по которым, следовательно, наше поколение могло судить об уровне германской концентрации.

[1]) Из подготавливаемой автором к изданию в ГИЗ работы о современных капиталистических монополиях.
[2]) См. «Wirtschaft und Statistik», 1928, № 2.

Нечего говорить, что современная Германия ушла бесконечно далеко от того уровня концентрации, на котором она находилась, когда Каутский писал свою «Антикритику» в полемике против Бернштейна,—книгу, на которой еще до сих пор наша молодежь обучается правильности тезиса о неизбежности победы крупного производства над мелким. Но нынешняя Германия, конечно, ушла далеко и от того уровня концентрации, данными о котором оперировал Ленин, когда писал книгу «Империализм». Если Ленин на основе данных о концентрации германских предприятий в 1907 г. приходил к выводу о том, что «десятки тысяч крупнейших предприятий — все, а миллионы мелких — ничто»[1]), то какого усиления требует эта фраза теперь, когда мы имеем статистические данные, подводящие итог концентрационному движению в Германии за период после 1907 г. в целых 18 лет?! Ведь за этот период, в который включается 7 лет «мирного» и 11 лет послевоенного развития, концентрационное движение имело огромнейшие успехи. Можно прямо сказать, что самые количественные масштабы измерения, которыми определялся размер концентрации на основе данных 1907 года, уже не годятся для нашего времени и безвозвратно отошли в прошлое. Так быстро совершался процесс концентрации за истекшие 18 лет. Это в такой же мере справедливо в отношении сравнения данных современной и довоенной промышленной статистики по Германии, как и в отношении соответствующего сравнения данных по другой классической стране промышленной концентрации—С.-А. С. Ш. Если Ленин в «Империализме» приводил данные о концентрации по С.-А. Ш. С. за 1909 г., согласно которым на долю предприятий с ценностью продукции выше 1.000.000 долл. падало тогда 43,8% ценности всей промышленной продукции страны, и восклицал после этого: «Почти половина всего производства всех предприятий страны в руках одной сотой доли общего числа предприятий!»[2])—то что должны воскликнуть мы, узнав, что, по данным промышленного ценза 1925 г., на долю этой категории предприятий падает в настоящее время целых 67,6% ценности всей промышленной продукции, т.-е. ровно две трети всей промышленной продукции?! От 44% до двух третей всей промышленной продукции! Таково расстояние по уровню концентрации, которое отделяет современную Америку от Америки 1909 года[3]).

В этом бешеном процессе концентрации производства, который развертывается перед нами особенно в новейшем капитализме, находит свою лучшую иллюстрацию тезис Маркса и Ленина о том, что «концентрация, на известной ступени своего развития сама собой подводит, можно сказать, вплотную к монополии»[4]), ибо нет иного пути, кроме как к монополии, в результате прямо чудовищного усиления концентрационных процессов.

Была ли благоприятной почва для концентрации с 1907 по 1925 г. в Германии? Это первый вопрос, на который прежде всего позволяют дать ответ статистические материалы.

Германия и раньше была благоприятным полем для развития концентрации. Это, конечно, вытекало из особенностей всего экономического развития германского хозяйства. Германия позже ряда других европейских государств вступила в ряды передовых капиталистических держав и поэтому смогла сразу позаимствовать в строительстве своей промышленности методы более крупного и технически совершенного производства. С другой стороны,

[1]) Ленин. «Империализм, как новейший этап капитализма», XIII, стр. 246.
[2]) Там же, стр. 247.
[3]) О концентрации производства в современной Америке см. мою статью: «Концентрация производства в современной Америке», в журн. «Мировое Хозяйство и Мировая Политика» № 2, за 1929 г.
[4]) Ленин, там же, стр. 247.

по той же причине и по ряду других она не смогла пойти по пути огромного экстенсивного развития, экспансии своей промышленности вширь, как это было возможно для более старых цивилизованных государств или для молодой Америки. В частности, тип экономического развития Германии с величайшим трудом отвоевывавший для себя «место под солнцем», значительно отличался от типа экономического развития Соед. Штатов, имевших перед собой необ'ятные перспективы колонизации северо-американского материка, не говоря уже об Южной Америке. И этот иной тип экономического развития, ведущий к невозможности большого развития производства вширь, отразился прежде всего на динамике числа предприятий германской промышленности еще в прежние годы. Это—факт, который может достоверно быть выведен сейчас статистически. Вот данные о числе предприятий (в том числе и ремесленных) германской промышленности с 1882 г.:

1882 г. —2.270.339
1895 г. —2.146.972
1907 г. —2.086.368
1907 г.[1])—1.803.866
1925 г. —1.852.752

Число предприятий за ряд лет не только не растет но даже падает абсолютно. Так, падение мы имеем с 1882 г. по 1895 г. и с 1895 г. по 1907 г. Прирост с 1907 г. по 1925 г., т.-е. за 18 лет, равен всего 2,7%. Если эту динамику числа предприятий германской промышленности сравнить с темпом прироста числа предприятий американской промышленности на протяжении хотя бы с 80-х гг. прошлого столетия, то бросается в глаза огромная разница в условиях развития промышленности одной и другой страны. Соединенные Штаты знали в 80-х и 90-х годах приросты в числе предприятий, равные 40—45%! Это в то время, как Германия за эти же годы дает даже абсолютную убыль числа предприятий. Ясно, что насыщенность экономического развития, экономическая теснота, характеризовавшие специфическую европейскую обстановку и давшие себя так знать в концентрационных процессах,—вот что получило отражение в этих цифрах движения числа предприятий германской промышленности. Если концентрационные процессы в С.-А. С. Ш. развивались на фоне великолепного экстенсивного развития, широчайшей экспансии американской промышленности, то концентрация германского производства вырастала и крепла в обстановке ограниченности внутреннего рынка и ожесточенной борьбы за существование подымавшейся Германии, которой противостояли обозленные могущественные ее конкуренты.

Особенно интересна, конечно, для нас динамика числа предприятий с 1907 по 1925 г. Прирост общего числа предприятий на 2,7% настолько ничтожен, что, конечно, не может быть и речи о том, изменилось ли общее направление динамики числа предприятий, которым она характеризовалась до 1907 г. Но наиболее интересным вопросом является, как выглядела динамика числа предприятий со времени начала империалистической войны, которая послужила, как известно, сигналом к еще большему монополистическому сплочению германского хозяйства. К сожалению, перепись 1925 г. на этот вопрос не дает ответа. Некоторый свет в этом отношении бросают статистические данные о числе предприятий, которые публикует германская статистика фабричного контроля (Statistik der Gewerbeaufsichtsbehörden) и годовые отчеты страховых органов (Statistik der Berufsgenossenschaften). Если взять цифры о числе предприятий и числе застрахованных,

[1]) Число предприятий, если взять современные границы германской территории.

публикуемые страховыми органами, то мы получим такую картину движения с 1907 г. по 1923 г.[1]):

Годы	Число предприятий	В % к 1907 г.	Число застрахованных	В % к 1907 г.
1907	509.700	100	7.669.000	100
1913	598.100	117	8.797.000	115
1919	590.800	116	7.431.000	97
1922	610.200	119	10.065.000	131
1923	592.100	116	8.515.000	111

Как видно из этих цифр, шесть довоенных лет (с 1907 по 1913 г.) дают довольно большое увеличение числа предприятий—на 17%. В то же время за целых десять лет, начиная с года, предшествовавшего войне, до 1923 г. мы не имеем никакого прироста в числе предприятий, даже некоторое уменьшение. Правда, в 1922 г.—год инфляционного под'ема—число предприятий несколько возрастает, но совершенно незначительно, и в 1923 г. этот прирост ликвидируется начисто. Такова динамика числа предприятий, как она рисуется на основе единственного имеющегося в нашем распоряжении статистического материала, в годы, следовавшие за началом войны. И война, и период от заключения мира до 1923 г., года рурской оккупации, не дают никакого прироста в числе предприятий. Очевидно, что весь этот десятилетний период отнюдь не давал возможности возникновения большого числа новых предприятий и особенно мало способствовал возникновению мелких предприятий. В огне военных и инфляционных лет вряд ли хорошо могли себя чувствовать карликовые, дробные хозяйственные единицы. Так же, как и в ряде других стран, война была сильнейшим помощником концентрационных процессов промышленности Германии.

Конечно, за период с 1907 по 1925 г. не все отрасли германской промышленности показывают застойную тенденцию или даже тенденцию к убыли числа предприятий. Для ряда отраслей этот период ознаменовался большим, а иногда и бурным ростом числа предприятий. Большой толчок к росту предприятий в ряде отраслей дала империалистическая война. Так, бесспорно сильно увеличилось число предприятий с 1907 по 1925 г. в металлургическом производстве, в машиностроительной отрасли и производстве средств передвижения (на 161,2%!), в электротехнической (на 86,6%), в химической (на 19,9%) и др. Интересно, что все это—отрасли, или удовлетворявшие вызванный войной спрос, или новые отрасли, имеющие впереди еще неизведанные перспективы для своего развития. «Коренные» же, старые отрасли, как горная и текстильная, дают уменьшение числа предприятий: первая—на целых 17,5%, вторая—на 2,3%[2]).

Благодаря тому, что статистика фабричного контроля в Германии в настоящее время приспособила форму статистических материалов к форме промышленной переписи 1925 г., мы получаем возможность проследить движение числа предприятий, по крайней мере для группы предприятий от 50 рабочих и более, и за период после 1925 г. И вот оказывается, что, сравнивая данные промышленной переписи по этой группе предприятий за 1925 г. с данными статистики фабричного контроля, мы получаем следующую картину, свидетельствующую о дальнейшем усилении в последующие годы тенденции, отмеченной выше. Если в 1925 г. число предприятий этой группы равнялось 32.761, то в 1926 г. оно резко уменьшается до 27.841, т.-е. на целых 16%, а в 1927 г. снова подымается до 31.937, едва достигая уровня 1925 г. Таким образом, даже 1927 г., год чрезвычайно высокой кон'юнк-

[1]) «Wirtschaft und Statistik» № 6, за 1926 г. Всюду взяты современные границы Германии. Само собой разумеется, что данные статистики der Berufsgenossenschaften охватывают только часть предприятий германской промышленности. Но, тем не менее, они весьма показательны.

[2]) «Wirtschaft und Statistik» № 4, 1927 г. и № 6, 1928 г.

туры германского хозяйства, не дает прироста числа предприятий по сравнению с 1925 г. И это в отношении группы относительно крупных предприятий, которая в довоенные годы всегда давала очень большие нормы прироста! Конечно, сомнительно, чтобы в 1928 г., когда высокая кон'юнктура претерпела существенное снижение, направление движения числа предприятий изменилось. Наоборот, увеличение числа конкурсов [1]), происшедшее в 1928 г. по сравнению с 1927 г., приводит скорее к обратному выводу.

Вышеприведенные цифры говорят, между прочим, о том, что если, с одной стороны, война, инфляционный период и рурская оккупация действовали угнетающе на рост числа предприятий, то, с другой стороны, весь наступивший затем период интенсивной рационализации германского хозяйства действовал обостренно угнетающе в том же направлении. Это видно из того, как производилась по ряду отраслей так называемая «негативная» рационализация, смысл которой и заключался в уменьшении числа действующих предприятий. В угольной промышленности только за время с 1923 г. до 1925 г. было закрыто в Рурской области из числа шахт, насчитывающих не менее 100 рабочих каждая, 47 шахт с числом рабочих в 55,464 человека [2]). Далее, за один только год, с 1925 г. по 1926 г., по всей горной индустрии Германии (за вычетом Пруссии), по данным статистики фабричного контроля, число предприятий уменьшилось на 55,7%! [3]). Можно подумать, что в этом сказалось действие очень острого кризиса 1926 г. Однако, в действительности рационализация, проводимая в угольной и во всей горной промышленности, проводится «всерьез и надолго», и в кризисные и некризисные годы. Так, 1927 г. не только не дает увеличения числа предприятий по горной индустрии, но, по тому же источнику, показывает дальнейшее уменьшение на 6,3%. Интересно, что и по тяжелой железной индустрии (Grosseisenindustrie) 1927 г. дает уменьшение общего числа предприятий на 1,4%, несмотря на очень высокую кон'юнктуру в этой отрасли. Целый ряд концернов тяжелой индустрии в своих отчетах дает достаточно убедительные цифры сокращения числа технических единиц, продолжающегося и по настоящее время. Так, германский стальной трест к сентябрю 1927 г. ликвидировал, согласно годовому отчету, 13 горных шахт, 5 брикетных фабрик, 2 коксовальни (а в следующем году за ними должно было последовать закрытие и ряда других), 10 устаревших доменных печей, 8 мартеновских стальных предприятий, 11 предприятий по прокату, кроме того, ряд литейных предприятий и т. д. Согласно заявлению руководителя стального треста Vögler'a, трест сконцентрировал стальное производство, которое прежде находилось в 12 или 14 предприятиях, всего в руках четырех крупных групп. А по заявлению Thyssen'a, в настоящее время не менее 80% всего железнодорожного материала, который раньше производился на 4 или 5 предприятиях, производится на заводе August - Thyssen - Hütte [4]). Такова техническая «негативная» рационализация, проделанная германским стальным трестом. По данным угольного концерна Harpener Bergbau A. G. рационализация должна в ближайшие два года привести к замене прежних 13 коксовален четырьмя или пятью, а общее число шахт должно уменьшиться с 21 до 13 [5]). По отчету

[1]) Интересно, что и в С.-А. С. Ш., где в 1928 г. была «цветущая» кон'юнктура, число конкурсов за этот год было больше, чем когда бы то ни было в течение последних семи лет. Очевидно, что в послевоенном капитализме по обе стороны океана многие предприятия не в состоянии выдержать воздуха ни низкой, ни высокой кон'юнктуры.

[2]) См. Ledermann Ernst. «Organisation des Ruhrbergbaues unter Berücksichtigung der Beziehungen zur Eisenindustrie». Berlin u. Leipzig, 1927.

[3]) «Wirtschaft u. Statistik» № 16, за 1928 г.

[4]) См. Verhandlungen und Berichte des Unterausschusses für allgemeine Wirtschaftsstruktur, 3 Arbeitsgruppe. Wandlungen in den wirtschaftlichen Organisationsformen Erster Teil. 1928, s. 374 и 393.

[5]) См. «Frankfurter Zeitung» от 6/IV 1928 г.

общества-матери германского стального треста — «Gelsenkirchen» за 1927/28 г., результаты проведенной рационализации красноречиво выражаются в следующем сравнении числа производственных пунктов (Betriebspunkte) в угольном предприятии этого общества «Mononol» в 1913 и 1927/28 гг. В то время как в 1913 г. число производственных пунктов равнялось 273, в 1927—28 г. оно равняется только 115 при увеличении средней добычи на производственный пункт с 13,2 до 37 тонн.

В калийной индустрии уменьшение числа действующих предприятий за период рационализации дает прямо поразительные цифры. К концу 1925 г. из числа 225 имеющих право на квоту в калийном синдикате предприятий работает только 71. Остальные (за исключением 35, предварительно закрытых) закрыты до 1953 г. [1]).

В машиностроительной промышленности уменьшение числа предприятий за период рационализации может быть проиллюстрировано, напр., на уменьшении числа предприятий, входящих в союз промышленников одной из отраслей машиностроения (Verein Deutscher Werkzeugmaschinenfabriken). Число предприятий, входивших в этот союз, уменьшается с 450 в середине 1923 г. до 296 в конце 1927 г. Как свидетельствует отчет этого союза, в числе факторов, приведших к такому сокращению числа предприятий, были закрытие или ликвидация предприятий, которые широко размножились в военный период [2]).

В производстве легковых автомобилей (Personenwagenproduktion) число предприятий сокращалось последовательно с 1924 г. Если в конце 1924 г. в производстве легковых автомобилей было занято еще 86 предприятий, то в конце 1927 г. это число упало до 19.

В производстве электрической энергии число предприятий, продающих энергию на сторону, уменьшилось с 4040 в 1913 г. до 2699 в 1924 г., при общем увеличении их производственной мощности с 2,1 м. клв. до 6,09 м. [3]).

Приведенных примеров достаточно для того, чтобы подтвердить правильность вышеустановленной тенденции в движении числа предприятий в современной Германии, тенденции, в свою очередь только отражающей общую экономическую обстановку, в которой происходит развитие концентрационных процессов промышленности. Можно сказать, не боясь преувеличения, что концентрационные процессы прямо ползут из всех щелей народного хозяйства послевоенной Германии.

Каков же конкретный уровень концентрации предприятий германской промышленности в настоящее время и какие изменения мы можем установить в нем по сравнению с прежде существовавшим уровнем концентрации? К этому главному вопросу мы теперь и переходим.

Если взять прежде всего изменения в средней величине предприятия, как она определяется средним числом занятых лиц, приходящихся на одно предприятие, то мы получаем такую эволюцию в размерах предприятия с 1907 по 1925 г. [4]):

Годы	Число занятых лиц на одно предприятие по всей промышленности	Число занятых лиц на одно предприятие по группе предприятий с числом занятых лиц до 5	Число занятых лиц на одно предприятие по гр. предприятий с числом занят. лиц от 6 до 50	Число занятых лиц на одно предприятие с числом занятых лиц от 50 и выше
1907	5,5	1,7	14,4	190
1925	6,8	1,7	14,1	212

[1]) Hoechstetter, «Kontingentwirtschaft in der Kaliindustrie». Halle, 1927, s. 88—89.

[2]) См. Verhandlungen und Berichte des Unterausschusses etc. Zweiter Teil, 1928, s. 35.

[3]) См. Dehne, Gerhard. «Die deutsche Elektrizitätswirtschaft». 1926, s. 10.

[4]) Таблица вычислена по данным «Wirtschaft und Statistik» № 2, за 1928 г.

Из таблицы виден процесс укрупнения среднего предприятия по всей промышленности. Из анализа движения средней величины предприятия по отдельным группам можно ясно заключить, однако, что этот процесс имел место не по всем группам предприятий. Укрупнения предприятия не наблюдается ни в группе мелкокустарных предприятий с числом занятых лиц до 5, ни в группе т. н. средних предприятий, с числом занятых лиц от 6 до 50. Зато в группе крупных предприятий, с числом занятых лиц от 50 и выше, средняя величина предприятия возрастает приблизительно на 12%. Таким образом, за истекший период процесс концентрации предприятия не только не происходил одинаково во всех группах, но был сосредоточен исключительно в группе крупных предприятий. Очевидно, что весь этот период способствовал обогащению и консолидации этой группы предприятий. Мелкие и средние предприятия за целых 18 лет остались такими же карликовыми, дробными, какими были и раньше. Разница между предприятием высшей группы и других групп выросла за счет еще большего увеличения крупного предприятия, при застойном уровне предприятий других групп. Этим, само собой разумеется, преимущества крупного предприятия над мелким еще больше увеличились по сравнению с прежним периодом.

Внутри группы предприятий от 50 занятых лиц и выше передвижка силы совершенно явственно происходит в сторону предприятий, значительно превышающих низший предел в 50 человек. В 1925 г. средняя норма предприятия превысила этот низший предел больше чем в четыре раза.

Что концентрация выдвигает на первый план все более крупные предприятия и что, следовательно, самый масштаб, которым мы определяем величину предприятия, становится все больше, показывает рост удельного веса разных групп предприятий во всей промышленности в целом. Для определения этого роста возьмем также вышеозначенную группу крупных предприятий (Grossbetriebe), как она определяется самой промышленной переписью, т.-е. группу предприятий от 50 и выше занятых лиц на предприятие, и сравним изменение в ее удельном весе с соответствующими изменениями по другим группам. Как известно, Ленин в работе «Империализм etc» берет тоже эту группу крупных предприятий и выясняет ее значение во всей промышленности Германии [1]). Как же изменился удельный вес этой группы предприятий и других с того времени, со времени переписи 1907 года?

Ответом на это служит изменение процентной доли разных групп предприятий в общем числе занятых промышленностью лиц [2]).

Годы	Число занятых во всей промышленности лиц	Число занятых в группе предприятий с числом занятых лиц до 5	Число занятых лиц в группе предприятий с числом занят. лиц от 6 до 50	Число занятых лиц в группе предприятий с числом занятых лиц от 50 и выше
1907	9.872.780	2.804.588	2.305.015	4.763.177
В %.	100,0	28,4	23,4	48,2
1925	12.694 273	2.837.327	2.898.756	6.958.190
В %.	100,0	22,4	22,8	54,8

Группы мелких и средних предприятий уменьшили процентную долю, особенно группа мелких предприятий, показывающая снижение на целых 6 пунктов. В то же время группа крупных предприятий увеличила свою долю на 6,6

[1]) Ленин, т. XIII, стр. 246.
[2]) По данным переписей. См. «Wirtchaft und Statistik» № 2, 1928.

пунктов. В 1925 г. ее доля в общем числе занятых лиц перевалила за половину всего числа занятых в промышленности лиц. Однако, огромный удельный вес этой группы предприятий становится еще более очевидным, если его выразить в процентном отношении к общему числу наемных рабочих, занятых в промышленности, так, как это делают, например, американские промышленные цензы. Если учесть, что число собственников предприятий и их родственников, занятых в промышленности, равняется по Германии не менее 2.000.000 человек, т.-е. приблизительно одной шестой части всего занятого в германской промышленности персонала, то после соответствующего вычета этого числа из общего числа занятых лиц оказывается, что доля группы крупных предприятий в общем числе рабочих, занятых в промышленности, равняется приблизительно 65%, т.-е. эта группа охватывает две трети всего рабочего класса промышленности. Но и эта огромная цифра, показывающая степень влияния этой группы предприятий, еще не достаточна для определения ее действительной роли. Действительная ее роль определяется приходящейся на нее долей механических двигателей промышленности. Эта последняя равна в 1925 г. 80%. Значит, четыре пятых мощности всего производственного аппарата промышленности принадлежат этой группе предприятий.

Не ясно ли, что здесь размеры влияния этой группы предприятий находятся не так далеко от некоторой абсолютной грани, достижение которой означало бы почти полное уничтожение более мелких предприятий? И не ясно ли, с другой стороны, поскольку концентрация промышленности в руках группы предприятий от 50 занятых лиц и выше достигла таких размеров, что близок уже абсолютный предел распространения власти этой группы, что эта группа уже перестает служить правильным показателем быстроты и силы концентрационного процесса в настоящем и будущем? В самом деле, если раньше изменения в удельном весе этой группы предприятий считались более или менее точным барометром, демонстрировавшим интенсивность концентрационных сдвигов, так это только потому, что концентрация выражалась прежде всего в выдвижении этой группы предприятий, в поглощении ими все большей и большей доли всей промышленности. Но теперь влияние этой группы измеряется не больше и не меньше чем $^4/_5$ всех механических двигателей промышленности и $^2/_3$ всех рабочих промышленности. Дальнейшему усилению влияния этой группы поставлены уже некоторые абсолютные пределы. Это означает, что для измерения интенсивности концентрационного процесса в настоящее время и на будущее необходим уже другой масштаб, нежели определение изменений в удельном весе группы предприятий с числом занятых лиц от 50. Этот масштаб был хорош до сих пор, но в настоящее время он уже начинает давать «осечку». Сейчас для определения степени концентрационного процесса и усиления роли крупных предприятий уже необходимо брать не эту группу предприятий, а группу более крупных предприятий. Жизнь идет вперед, и концентрация выдвигает вперед все более крупные производственные единицы. И с этой точки зрения, конечно, некоторым анахронизмом является то, что германская промышленная статистика попрежнему (частью, по традиции) делит все предприятия на три группы, из которых в «высшей» группе — Grossbetriebe — оказываются предприятия с числом занятых лиц от 50 и выше. Сейчас, конечно, эти предприятия нельзя считать «высшей группой». Сама жизнь передвигает низший предел высшей группы значительно выше 50 лиц.

Поэтому реальным показателем значительности происшедших в новейшей Германии концентрационных сдвигов с гораздо большим правом следует считать изменения в экономической роли групп предприятий с числом занятых лиц от 200 и выше, с одной стороны, и от 1.000 и выше, с другой.

Нижеследующая таблица показывает изменения в роли этих двух групп предприятий с 1907 г. по 1925 г. [1]).

Годы	Число занятых лиц в группе предприятий от 200 занятых лиц и выше	Число занятых лиц в группе предприятий от 1000 занятых лиц и выше
1907.	—	1.175.565
В %. . . .	—	11,9
1925.	4.565.848	2.109.065
В %. . . .	36,0	16,6

В 1925 г. группа предприятий с числом занятых лиц от 200 охватывает более одной трети всех занятых в промышленности лиц. По охвату занятого в промышленности персонала, эта группа приблизилась примерно к той роли, которую в середине 90-х гг. прошлого столетия играли предприятия с числом занятых лиц от 50 и выше. По данным переписи 1895 г., тогда на долю этих предприятий падало как-раз около 36%. Правда, в виду неоднородности понятия «предприятия», положенного в основу прежних переписей и переписи 1925 г., такое сравнение является не совсем точным. Однако, возможная ошибка здесь вряд ли будет очень велика. Грубо говоря, можно безусловно установить, что предприятия с числом занятых лиц от 200 и выше сейчас охватывают такую же часть занятого в промышленности персонала, какую лет 30 назад охватывали предприятия с числом занятых лиц от 50. Этим дается приблизительное статистическое выражение того развития, которое в концентрационном отношении проделала германская промышленность за период, отделяющий нас от времени, к которому относится дата превращения капитализма свободной конкуренции в империалистический капитализм.

Если брать долю группы с числом занятых лиц от 200 и выше в общем числе механических двигателей промышленности, то оказывается, что из 18.579.293 лош. сил механических двигателей в промышленности на эту группу приходится 12.195.709 лош. сил, что составляет около 66%, или двух третей всей мощности производственного аппарата промышленности.

Эта огромная цифра также подтверждает то, что современная Германия далеко ушла от того периода, когда критерием, определявшим ступень концентрации промышленности, служил удельный экономический вес группы предприятий с числом занятых лиц от 50. Подавляюще большая часть производственного аппарата уже сейчас находится в обладании гораздо более крупных предприятий.

Однако, мы получили бы неправильное представление о структуре германской промышленности, если бы мы остановили свой анализ на группе предприятий от 200 занятых лиц и выше. Если удельный вес последней группы отражает в общем правильно средний уровень концентрации германской промышленности, то он не показывает нам ведущую, руководящую группу предприятий, которая определяет собой дальнейшее развитие и направление германской концентрации. Если изменения в роли этой группы более или менее правильно отражали концентрационное движение за последний период, если ее удельный вес дает возможность судить о современном статическом уровне, на котором находится концентрация, то, несомненно, не этой группе предприятий принадлежит «будущее». Руководящую, ведущую роль уже сейчас в германской промышленности играет группа гораздо более крупных предприятий. Такой группой предприятий являются предприятия с числом занятых лиц не менее 1.000, если еще не более крупные предприятия. Это—предприятия, которые германская статистка об'единяет в одну группу под термином «гигантских предприятий» (Riesenbetriebe). Только в анализе удельного веса этой группы «гигантских предприятий» и его изменения в историческом развитии германской промышленности перед нами раскрывается не только «прошлое» и «настоящее» концентрационного движения, но и его «будущее». Только анализ этой группы крупнейших предприятий бросает яркий свет на то, куда идет германская промышленность в концентрационном развитии.

[1]) Таблица составлена по данным «Wirtschaft und Statistik» № 2, 1928 г. Данные за 1907 г. по группе предприятий от 200 занятых лиц и выше, на основе опубликованных пока материалов, еще не являются сравнимыми с данными переписи 1925 г. Поэтому они опущены в помещенной в тексте таблице. См. на этот счет замечания в «Wirtschaft und Statistik» № 4, 1927 г.

(Окончание следует).

М. Лифшиц.

Сельхозналог и зерновая проблема.

«Следует, однако, иметь в виду, что зерновое хозяйство является главнейшей частью всего сельского хозяйства. Поэтому показатели зернового хозяйства являются решающими для всего сельского хозяйства, и чрезмерное отставание его развития, особенно отставание зернового хозяйства, грозит срывом делу социалистической индустриализации страны».

(Из резолюции пленума ЦК ВКП(б) в ноябре 1928 года).

Зерновая проблема, задача повышения производства зерна, является одной из важнейших, и решению ее необходимо уделить исключительное внимание. Каждый партиец, каждый рабочий должны уяснить себе, чему угрожает отставание нашего сельского хозяйства, в первую очередь зернового хозяйства.

Ноябрьский пленум ЦК нашей партии подчеркнул необходимость, «твердо проводя курс на индустриализацию страны..., в то же время принять все меры к тому, чтобы подтянуть сельское хозяйство вообще, зерновое хозяйство в частности и производство продовольственных хлебов в особенности...»

Таким образом, задачей первостепенной важности является поднятие зернового хозяйства. При всей трудности и ограниченности возможностей добиться быстрого и крупного эффекта в разрешении такой сложной проблемы, как зерновая, в условиях нашей страны с большинством крестьянских хозяйств, являющихся простыми товаропроизводителями, все же в нашем распоряжении есть не мало средств содействия разрешению этой проблемы. В числе таких средств, мероприятий не последнее место занимает сельхозналог.

Директива апрельского пленума по сельхозналогу.

Вопрос о том, что в наш сельхозналог надо вносить такие поправки, которые содействовали бы дальнейшему развитию производительных сил деревни и в частности под'ему зернового хозяйства, вопрос не новый. Не углубляясь в историю, напомним совершенно точные директивы апрельского пленума ЦК: «... об'единенный пленум ЦК и ЦКК поручает Политбюро обратить особое внимание на уловление неземледельческих доходов кулачества, на известное перераспределение налогового обложения между обложением производства зерна и других отраслей сельского хозяйства...»

Таким образом, еще в апреле, т.-е. до издания действующего теперь сельхозналога на 1928—1929 год, пленум ЦК указал на необходимость перераспределения тяжести налога между отдельными отраслями сельского хозяйства в сторону понижения этой тяжести для зернового хозяйства. По истечении 7 месяцев ноябрьский пленум подчеркивает, что задача наибольшего благоприятствования зерновому хозяйству стоит в порядке дня, т.-е. что она далеко еще не разрешена.

Что же было сделано во исполнение постановления апрельского пленума? Какие получились результаты?

На основе имеющихся у нас материалов, на основе анализа результатов обложения сельхозналогом в истекшем году, мы должны сказать, что для разрешения этой проблемы по линии сельхозналога нами было сделано очень мало, а результатов никаких или почти никаких не получили.

Чем характеризуется состояние зернового хозяйства за время с апрельского до ноябрьского пленума, какие факторы в течение этого полугода могли внести изменения в его состояние?

Первое—это повышение цен на хлеб. В отношении этого мероприятия ноябрьский пленум ЦК констатировал, «что мероприятия, принятые июльским пленумом, в частности произведенное им повышение хлебных цен, полностью себя оправдали и создали предпосылки не только для удовлетворительного развертывания текущей хлебозаготовительной кампании, но и для более быстрого под'ема крестьянского хозяйства».

Второе—состояние урожая 1928—1929 года. При общем более или менее удовлетворительном валовом сборе хлебов, совпадающем с общим валовым сбором прошлого года, мы имеем менее выгодную географию урожая по районам и менее выгодное соотношение между культурами в сторону, менее благоприятную для зерновых культур вообще и для товарных в особенности.

Третье—сельхозналог 1928—1929 года должен был, учитывая решения апрельского пленума, понизить обложение зернового хозяйства. Между тем, результаты налоговой кампании истекшего года показывают, и об этом нужно совершенно ясно сказать, что директива апрельского пленума в этом отношении не выполнена или выполнена в таких размерах, которые ни коим образом не могут серьезно расцениваться, как мероприятие, содействовавшее под'ему зернового хозяйства.

Из сказанного и особенно из резолюции ноябрьского пленума о состоянии и роли зернового хозяйства с совершенной ясностью и четкостью вытекает, что задача дальнейшего содействия поднятию зернового хозяйства является первоочередной и важнейшей. Поэтому мероприятия этого года, в частности произведенное повышение цен, ни в какой степени не освобождают нас от того, чтобы продолжать изыскивать способы и меры, могущие содействовать поднятию зернового хозяйства. В числе этих мероприятий все же и впредь не последнее место должен занимать сельхозналог. Учитывая то, что в истекшем году сельхозналог в этой части своей роли не выполнил, необходимо поставить перед новым законом о сельхозналоге, который должен быть срочно издан, обязательную задачу: выполнить со всей четкостью и со всей решительностью постановления апрельского и ноябрьского пленумов.

Директива ноябрьского пленума по сельхозналогу.

Ноябрьский пленум, перечисляя вопросы, которые надо разрешить в направлении содействия поднятию сельского хозяйства, и констатируя совершенно незыблемое положение, что «всемерное стимулирование хозяйственного интереса основных масс крестьянства является в настоящее время одной из центральных наших задач», перечисляет эти вопросы. «Сюда относятся в настоящее время следующие вопросы: 1) вопрос о товарном снабжении деревни; 2) укрепление денежной системы; 3) вопрос о сельхозналоге; 4) вопрос о революционной законности и улучшении форм воздействия на крестьянское хозяйство».

Таким образом, сельхозналог должен быть одним из средств, всемерно стимулирующих хозяйствен-

ный интерес основных масс крестьянства в деле поднятия сельского хозяйства и зернового хозяйства в особенности.

Не вдаваясь в этой статье в подробный анализ действующей системы сельхозналога, распределения тяжести налога по отдельным отраслям сельского хозяйства и причин пестроты этого распределения, мы попытаемся только наметить пути для осуществления директив апрельского и ноябрьского пленумов ЦК в части понижения тяжести обложения зернового хозяйства и содействия под'ему зернового хозяйства, расширению посевных площадей.

Для разрешения этой задачи по линии сельхозналога в сущности говоря есть два пути:

первый путь—общее понижение тяжести и размеров сельхозналога с тем, чтобы за счет этого была понижена тяжесть обложения полеводства в основных товаропроизводящих районах зернового хозяйства, и

второй путь—перераспределение налога между различными источниками крестьянского дохода, облагаемого сельхозналогом в сторону понижения обложения полеводства, за счет повышения обложения неземледельческих заработков, спецотраслей сельского хозяйства и других источников.

Понижение налога как средство под'ема зернового хозяйства.

Чтобы решить, по какому из этих путей надо пойти и обязательно ли итти только по одному из этих путей, необходимо в первую очередь ответить на вопросы: 1) какова же теперешняя тяжесть сельхозналога, и 2) как тяжесть сельхозналога теперь распределяется по различным отраслям сельского хозяйства и по различным источникам крестьянского дохода?

Под тяжестью обложения сельхозналогом в данном случае мы имеем в виду понятие суженное—отношение суммы сельхозналога к различному выражению крестьянского дохода (условно-чистый доход, облагаемый, денежный доход). Вот эта таблица дает представление о динамике и тяжести сельхозналога на протяжении последних 5 лет (см. табл. № 1 на след. стр.).

Эти данные показывают, что сумма сельхозналога в последние годы (кроме 1928—1929 года) отстает по сравнению с 1924—1925 годом при беспрерывном росте доходов крестьянского хозяйства и что процент из'ятия налогом дохода из года в год, кроме 1928—1929 года, понижается, но и в 1928—1929 году далеко не достигает уровня 1924—1925 года.

Это обстоятельство как бы говорит за то, что в нашем распоряжении имеется возможность дальнейшего повышения тяжести налога. Но если принять во внимание, что в 1928—29 году мы все же имеем значительное повышение обложения в сравнении с 1927—1928 годом и даже с 1926—1927 годом, при общей недостаточно благоприятной кон'юнктуре в области сельского хозяйства в нынешнем году, если принять во внимание не только недопустимость повышения тяжести обложения основной массы, середняцкой группы крестьянства, но, возможно, необходимость даже понизить тяжесть обложения этой части деревни; если принять во внимание, что верхушка деревни и особенно эксплоататорская ее часть, в результате действия всех мероприятий за истекший год (период после XV с'езда), если не сократилась, то во всяком случае приостановилась в своем количественном росте и несколько ослаблена в своей платежеспособности,—то будет совершенно понятна невозможность даже постановки вопроса о повышении размеров, а тем более тяжести налога на будущий год.

Несколько понизить налог нужно.

Ну, а понизить налог на будущий год в целях стимулирования под'ема зернового хозяйства, расширения посевов можно? И можно и в известных пределах целесообразно.

Таблица № 1.

	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
Условно-чистый доход[1])					
В миллионах рублей	9.197	13.090	13.217	13.908	**14.840**
В %% к предыдущему году	—	142,3	101,0	104,6	**106,7**
В %% к 1924/25 г.	—	142,3	143,7	151,2	**161,4**
Облагаемый доход[2])					
В миллионах рублей	—	—	5.595,5	5.759,3	**6.506,2**
В %% к предыдущему году	—	—	—	+2,9	**+13,0**
В %% к 1926/27 г.	—	—	—	+2,9	**+16,3**
Денежный доход[3])					
В миллионах рублей	5.119	7.137	7.614	8.264	**8.837**
В %% к предыдущему году	—	139,4	106,7	108,5	**106,9**
В %% к 1924/25 г.	—	139,4	148,7	161,4	**172,6**
Сельхозналог					
В миллионах рублей	346	250	331	321	**404**
В %% к предыдущему году	—	72,3	132,4	97,0	**125,9**
В %% к 1924/25 г.	—	72,3	95,7	92,8	**116,8**
% из'ятия налогом					
Условно чистого дохода	3,8	1,9	2,5	2,3	**2,7**
Облагаемого дохода	—	—	5,9	5,6	**6,2**
Денежного дохода	6,8	3,5	4,3	3,9	**4,6**

Правильно будет сказать, что налог на будущий год не только не должен быть повышен по своей тяжести, но он должен быть понижен и в абсолютных размерах. Мы строили в прошлом году налог, исходя из расчета реального получения 400 милл. рублей. Фактически поступит, вероятно, несколько больше: вместе с недоимками прошлых лет, пеней и штрафами поступит примерно 425 милл. рублей. **На будущий год надо в закон внести такие изменения, при которых обеспечить к получению сумму около 375 милл. рублей.** При 8-миллиардном бюджете, даже при всей напряженности его, все же 50 милл. рублей, на которые мы понизим сельхозналог, не могут играть заметной отрицательной роли. А если, что не трудно доказать, при использовании этих 50 милл. рублей на понижение обложения зернового хозяйства, народное хозяйство может получить сумму, значительно превышающую этот недобор государственного и местного бюджета, то будет ясно, что это понижение сыграет только положительную роль.

---

[1]) По расчетам ЦСУ для комиссии СНК по изучению тяжести налогового обложения. Данные за 1928—29 г. условно определены нами по динамическим коэффициентам прироста—по контрольным цифрам Госплана.

[2]) До 1926—1927 г. облагаемый сельхозналогом доход крестьянского хозяйства выражался не в денежных, а в натуральных единицах. Надо иметь в виду, что облагаемый доход отражает в себе налоговое законодательство данного года (нормы доходности, принципы обложения) и рост сельского хозяйства (увеличение об'ектов). Значительное расхождение в размерах условно-чистого и облагаемого дохода об'ясняется следующими обстоятельствами: 1) недоучетом источников сельскохоз. дохода, 2) пониженными нормами доходности и 3) очень незначительным привлечением к обложению неземледельческих заработков и специальных отраслей сельского хозяйства.

[3]) Суммированные доходы от реализации товарной продукции сельского хозяйства (без внутрикрестьянского оборота) за сельскохозяйственный год по данным контрольных цифр Госплана и от неземледельческих заработков по упомянутым выше расчетам ЦСУ.

ный интерес основных масс крестьянства в деле поднятия сельского хозяйства и зернового хозяйства в особенности.

Не вдаваясь в этой статье в подробный анализ действующей системы сельхозналога, распределения тяжести налога по отдельным отраслям сельского хозяйства и причин пестроты этого распределения, мы попытаемся только наметить пути для осуществления директив апрельского и ноябрьского пленумов ЦК в части понижения тяжести обложения зернового хозяйства и содействия под'ему зернового хозяйства, расширению посевных площадей.

Для разрешения этой задачи по линии сельхозналога в сущности говоря есть два пути:

первый путь—общее понижение тяжести и размеров сельхозналога с тем, чтобы за счет этого была понижена тяжесть обложения полеводства в основных товаропроизводящих районах зернового хозяйства, и

второй путь—перераспределение налога между различными источниками крестьянского дохода, облагаемого сельхозналогом в сторону понижения обложения полеводства, за счет повышения обложения неземледельческих заработков, спецотраслей сельского хозяйства и других источников.

Понижение налога как средство под'ема зернового хозяйства.

Чтобы решить, по какому из этих путей надо пойти и обязательно ли итти только по одному из этих путей, необходимо в первую очередь ответить на вопросы: 1) какова же теперешняя тяжесть сельхозналога, и 2) как тяжесть сельхозналога теперь распределяется по различным отраслям сельского хозяйства и по различным источникам крестьянского дохода?

Под тяжестью обложения сельхозналогом в данном случае мы имеем в виду понятие суженное—отношение суммы сельхозналога к различному выражению крестьянского дохода (условно-чистый доход, облагаемый, денежный доход). Вот эта таблица дает представление о динамике и тяжести сельхозналога на протяжении последних 5 лет (см. табл. № 1 на след. стр.).

Эти данные показывают, что сумма сельхозналога в последние годы (кроме 1928—1929 года) отстает по сравнению с 1924—1925 годом при беспрерывном росте доходов крестьянского хозяйства и что процент из'ятия налогом дохода из года в год, кроме 1928—1929 года, понижается, но и в 1928—1929 году далеко не достигает уровня 1924—1925 года.

Это обстоятельство как бы говорит за то, что в нашем распоряжении имеется возможность дальнейшего повышения тяжести налога. Но если принять во внимание, что в 1928—29 году мы все же имеем значительное повышение обложения в сравнении с 1927—1928 годом и даже с 1926—1927 годом, при общей недостаточно благоприятной кон'юнктуре в области сельского хозяйства в нынешнем году, если принять во внимание не только недопустимость повышения тяжести обложения основной массы, середняцкой группы крестьянства, но, возможно, необходимость даже понизить тяжесть обложения этой части деревни; если принять во внимание, что верхушка деревни и особенно эксплоататорская ее часть, в результате действия всех мероприятий за истекший год (период после XV с'езда), если не сократилась, то во всяком случае приостановилась в своем количественном росте и несколько ослаблена в своей платежеспособности,—то будет совершенно понятна невозможность даже постановки вопроса о повышении размеров, а тем более тяжести налога на будущий год.

Несколько понизить налог нужно.

Ну, а понизить налог на будущий год в целях стимулирования под'ема зернового хозяйства, расширения посевов можно? И можно и в известных пределах целесообразно.

Таблица № 1.

	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
Условно-чистый доход[1])					
В миллионах рублей	9.197	13.090	13.217	13.908	**14.840**
В %% к предыдущему году	—	142,3	101,0	104,6	**106,7**
В %% к 1924/25 г.	—	142,3	143,7	151,2	**161,4**
Облагаемый доход[2])					
В миллионах рублей	—	—	5.595,5	5.759,3	**6.506,2**
В %% к предыдущему году	—	—	—	+2,9	**+13,0**
В %% к 1926/27 г.	—	—	—	+2,9	**+16,3**
Денежный доход[3])					
В миллионах рублей	5.119	7.137	7.614	8.264	**8.837**
В %% к предыдущему году	—	139,4	106,7	108,5	**106,9**
В %% к 1924/25 г.	—	139,4	148,7	161,4	**172,6**
Сельхозналог					
В миллионах рублей	346	250	331	321	**404**
В %% к предыдущему году	—	72,3	132,4	97,0	**125,9**
В %% к 1924/25 г.	—	72,3	95,7	92,8	**116,8**
% из'ятия налогом					
Условно чистого дохода	3,8	1,9	2,5	2,3	**2,7**
Облагаемого дохода	—	—	5,9	5,6	**6,2**
Денежного дохода	6,8	3,5	4,3	3,9	**4,6**

Правильно будет сказать, что налог на будущий год не только не должен быть повышен по своей тяжести, но он должен быть понижен и в абсолютных размерах. Мы строили в прошлом году налог, исходя из расчета реального получения 400 милл. рублей. Фактически поступит, вероятно, несколько больше: вместе с недоимками прошлых лет, пеней и штрафами поступит примерно 425 милл. рублей. На будущий год надо в закон внести такие изменения, при которых обеспечить к получению сумму около 375 милл. рублей. При 8-миллиардном бюджете, даже при всей напряженности его, все же 50 милл. рублей, на которые мы понизим сельхозналог, не могут играть заметной отрицательной роли. А если, что не трудно доказать, при использовании этих 50 милл. рублей на понижение обложения зернового хозяйства, народное хозяйство может получить сумму, значительно превышающую этот недобор государственного и местного бюджета, то будет ясно, что это понижение сыграет только положительную роль.

---

[1]) По расчетам ЦСУ для комиссии СНК по изучению тяжести налогового обложения. Данные за 1928—29 г. условно определены нами по динамическим коэффициентам прироста—по контрольным цифрам Госплана.

[2]) До 1926—1927 г. облагаемый сельхозналогом доход крестьянского хозяйства выражался не в денежных, а в натуральных единицах. Надо иметь в виду, что облагаемый доход отражает в себе налоговое законодательство данного года (нормы доходности, принципы обложения) и рост сельского хозяйства (увеличение об'ектов). Значительное расхождение в размерах условно-чистого и облагаемого дохода об'ясняется следующими обстоятельствами: 1) недоучетом источников сельскохоз. дохода, 2) пониженными нормами доходности и 3) очень незначительным привлечением к обложению неземледельческих заработков и специальных отраслей сельского хозяйства.

[3]) Суммированные доходы от реализации товарной продукции сельского хозяйства (без внутрикрестьянского оборота) за сельскохозяйственный год по данным контрольных цифр Госплана и от неземледельческих заработков по упомянутым выше расчетам ЦСУ.

Но этого мало: надо также перераспределить тяжесть налога между различными отраслями крестьянского дохода.

Кроме того, мы считаем необходимым обратить внимание на то, что этим путем даже при некотором понижении налога, но при сохранении нынешнего распределения налога между различными отраслями крестьянского дохода мы многого не сумеем сделать для оказания существенного содействия под'ему зернового хозяйства. Поэтому наиболее целесообразным, на наш взгляд, является путь *второй — перераспределение тяжести налога между различными источниками крестьянского дохода (земледельческими и неземледельческими) и между различными отраслями сельского хозяйства.*

Забегая несколько вперед, мы должны отметить, что при нынешней системе с.-х. налога мы имеем такое положение, когда тяжесть налога распределяется между различными источниками крестьянского дохода и отраслями сельского хозяйства далеко не в соответствии с их товарностью и денежностью, *при чем относительно тяжелее у нас обложено сельское хозяйство, а внутри сельского хозяйства наиболее тяжело обложено зерновое хозяйство.*

Такое положение, разумеется, не может быть признано правильным. Такое положение противоречит нашим задачам в области поднятия зернового хозяйства, и поэтому *путь перераспределения тяжести налога* является, пожалуй, наиболее верным, наиболее правильным, и по этому пути главным образом нам и следовало бы пойти при внесении поправок в систему обложения деревни на будущий год.

Неравномерное распределение тяжести налога.

Одной из задач нашей статьи является—обратить внимание *на наблюдающееся неправильное, неравномерное распределение тяжести налога между различными источниками крестьянского дохода и на необходимость эту неравномерность устранить.* Наркомфин в последние годы по этому пути идет: уже имеются успехи в перераспределении тяжести налога между различными отраслями крестьянского хозяйства в сторону понижения обложения зернового хозяйства за счет более полного обложения неземледельческих доходов и доходов от специальных отраслей сельского хозяйства. Но идем мы по этому пути чрезвычайно медленно, достижения чрезвычайно незначительные, и задача предстоящего года заключается в том, *чтобы в возможно большей степени понизить обложение зернового хозяйства.*

Чтобы дать анализ распределения тяжести налога между различными отраслями крестьянского дохода и показать переобложение, в сравнении с другими отраслями, полеводства, зернового хозяйства, придется несколько подробнее остановиться на элементах крестьянского дохода в динамическом разрезе, при чем мы будем касаться главным образом товарности и денежности крестьянского хозяйства и в меньшей степени условно-чистого и валового дохода.

Обращаясь к контрольным цифрам Госплана на 1928—1929 год, мы можем констатировать незначительное повышение общей товарности сельского хозяйства, сопровождающееся падением товарности зерновых культур и одновременным повышением ее для технических культур и продукции животноводства.

Таблица № 2.

Товарная продукция сельского хозяйства без внутрикрестьянского оборота.	В милл. рублей по ценам соответствующего года			
	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29
Вся товарная часть сельского хозяйства	2.671	2.609	2.960	3.169
В том числе:				
а) зерновые хлеба	626	538	506	526
б) технические культуры	574	451	621	700
в) продукция животноводства	1.115	1.251	1.411	1.515
В %% к соответствующей валовой продукции				
а) вся товарная часть	16,6	16,6	18,2	18,2
б) зерновые хлеба	13,2	13,4	12,6	11,5
в) технические культуры	62,9	59,7	65,5	65,5
г) продукция животноводства	24,0	24,3	27,3	27,2
В %% к итогу всей товарной продукции				
а) зерновые хлеба	23,4	20,6	17,1	16,6
б) технические культуры	21,5	17,3	21,0	22,1
в) продукция животноводства	41,7	47,9	47,7	47,8

Эта таблица показывает, что при почти стабильности всей товарной части в процентах к соответствующей валовой продукции товарность зерновых хлебов из года в год понижается, достигая 11,5% в 1928—1929 году. На ряду с этим уменьшением товарности зерновых культур, мы имеем рост товарности технических культур и продукции животноводства.

В качестве иллюстрации представляется интересным привести сопоставление удельного веса товарной продукции 1928—1929 года с довоенными данными за 1913 год по главнейшим отраслям сельского хозяйства.

Удельный вес зерновых культур в общей товарной продукции составлял в 1913 году—40,6%, а в 1928—29 году—16,6%. Доля же технических культур и животноводства занимает теперь в общей товарной продукции большее место, чем в 1913 году.

Благодаря отставанию темпа роста сельскохозяйственной продукции от соответствующего роста продукции промышленности, удельный вес сельскохозяйственного дохода в общем народном доходе на протяжении последних четырех лет падает, составляя 45,2% в 1925—26 году и 39% в 1928—29 году. Разумеется, это положение ничего общего не имеет с деградацией сельского хозяйства, а означат лишь замедленный *рост* сельского хозяйства при особо *интенсивном росте* промышленности.

Тем не менее отставание зернового хозяйства диктует необходимость тех мероприятий, о которых сказано в резолюции ноябрьского пленума.

Переходя к размерам условно-чистого дохода, мы воспользовались для периода 1924/25—1927/28 гг. расчетами ЦСУ для комиссии Совнаркома по изучению тяжести налогового обложения, а для 1928—29 года условно-чистый доход ориентировочно определили, применяя, по контрольным цифрам Госплана на 1928—29 год, динамические коэффициенты роста доходов земледельческого населения и сельскохозяйственной продукции. При этом условии мы получаем следующие данные:

Таблица № 3.

Условно-чистый доход.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
В млн. руб.	5.768	8.624	8.212	8.604	9.172
В %% к предыдущему году	—	149,5	95,2	104,7	106,6
В %% к 1924/25 году	—	149,5	142,4	149,2	159,0

Динамика условно-чистого дохода повторяет по существу динамику валовой продукции: замедление темпа этого роста, начиная с 1926—27 года.

В другом виде представляется рост неземледельческих доходов крестьянства (по тем же данным ЦСУ).

Таблица № 4.

Рост неземледельческих доходов.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
Неземледельческие заработки в млн. руб.	3.429	4.466	5.005	5.304	5.668
В %% к предыдущему году	—	130,3	111,9	105,9	1[illegible]6,9
В %% к 1924/25 году	—	130,3	145,9	154,7	165,3
В %% ко всему условно-чистому доходу крестьянского хозяйства	37,3	34,1	37,9	38,1	38,2

Здесь мы замечаем неуклонный рост неземледельческих доходов от года к году, при чем рост этих неземледельческих доходов оказался выше роста сельскохозяйственного дохода, благодаря чему наблюдается повышение удельного веса неземледельческих доходов в общем крестьянском доходе.

Суммируя доход от сельского хозяйства и неземледельческих промыслов, получаем следующие цифры всего условно-чистого дохода крестьянского хозяйства.

Таблица № 5.

Весь условно-чистый доход.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
В миллионах рублей	9.197	13.090	13.217	13.908	14.840
В %% к предыдущему году	—	142,3	101,0	104,6	106,7
В %% к 1924/25 году	—	142,3	143,7	151,2	161,4

С точки зрения анализа налогового обложения важно будет дать денежный доход деревни от реализации сельскохозяйственной продукции (без внутреннего крестьянского оборота) и от неземледельческих заработков. Эти данные выражены в следующей табличке:

Таблица № 6.

Денежный доход деревни от реализ. с.-х. прод. и неземлед. заработ.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
В миллионах рублей	5.119	7.137	7.614	8.264	8.837
В %% к предыдущему году	—	139,4	106,7	108,5	106,9
В %% к 1924/25 году	—	139,4	148,7	161,4	172,6
В %% ко всему усл.-чистому доходу	55,7	54,5	57,6	59,5	59,5

Эта табличка наиболее характерна. Она показывает, что при медленном, но все же росте условно-чистого дохода за последние 2—3 года общая денежность крестьянства в %% ко всему условно-чистому доходу остается стабильной. В то же время товарность зернового хозяйства понизилась. Это обстоятельство необходимо учесть, как предпосылку для тех предложений в отношении перераспределения налога, которые мы сделаем дальше.

Вследствие чего же получается общее повышение денежности крестьянства? Оно является следствием роста товарности продукции животноводства, технических культур и самое главное—неземледельческих доходов. И это—несмотря на замедление роста и даже понижение товарности и денежности зернового хозяйства. Для подтверждения этого положения приведем следующую табличку:

Таблица № 7.

В млн. рубл. по ценам соответ. года	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
Весь денежный доход	5.119	7.137	7.614	8.264	8.837
Товарная часть сельского хозяйства	1.690	2.761	2.609	2.960	3.169
В том числе:					
а) зерновые хлеба	—	626	538	506	526
б) технич. культуры	—	574	451	621	700
в) продукция животноводства	—	1.115	1.251	1.411	1.515
Товарная часть в %% к условно-чистому доходу сельского хозяйства	29,3	31,0	31,8	34,4	34,4
Неземледельческие заработки	3.429	4.466	5.005	5.304	5.668
Процентное распределение денежного дохода:					
а) товарная часть сельск. хозяйства	33,0	37,4	34,3	35,8	35,9
б) неземледельческие заработки	67,0	62,6	65,7	64,2	64,1

Эта таблица показывает, что, во-первых, удельный вес товарной части сельского хозяйства во всем денежном доходе значительно ниже, чем удельный вес неземледельческих заработков, во-вторых, в товарной части сельского хозяйства первое место занимает продукция животноводства, затем идут технические культуры и только на последнем месте—зерновые хлеба. Приведенные расчеты с достаточной ясностью показывают отставание товарности зерновых хлебов от остальных источников дохода крестьянского хозяйства.

Теперь нам придется остановиться на сравнительной тяжести обложения отдельных отраслей (источников) крестьянского дохода, на распределении тяжести сельхозналога по этим отраслям. Но прежде необходимо дать сопоставление исходного у нас условно-чистого дохода крестьянства от различных источников с тем доходом от этих же источников, который привлекается к обложению сельхозналогом, с облагаемым доходом. Мы приводим данные по Союзу ССР в целом за 1927—28 год, так как за 1928—29 г. мы еще достаточно полным материалом не располагаем [1]).

Таблица № 8.

Доходные статьи	Условно-чистый доход			Облагаемый доход			Недоучет облагаемого дохода в %%
	В млн. руб.	В %% к итогу всего дохода	В %% к итогу дохода от с. х.	В млн. руб.	В %% к итогу всего дохода	В %% к итогу дохода от с. х.	
Полеводство . . .	5.069,8	37,07	60,54	3.852,5	66,89	70,55	— 24,0
Луговодство . . .	864,3	6,32	10,32	401,3	6,97	7,35	— 53,6
Крупн. рогат. скот.	609,5	4,45	7,29	462,2	8,03	8,47	— 24,2
Рабочий скот . .	726,3	5,31	8,67	467,9	8,12	8,57	— 35,6
Итого основные отрасли сельского хоз-ва.	7.269,9	53,15	86,82	5.183,9	90,01	94,94	— 28,7
Овцы и козы . .	227,1	1,66	2,71	122,5	2,13	2,24	— 46,1
Свиньи	91,4	0,67	1,09	19,2	0,33	0,35	— 79,0
Спецотрасли . . .	785,3	5,74	9,38	134,9	2,34	2,47	— 82,8
Итого сел. хоз.	8.373,7	61,22	100	5.460,5	94,81	100	— 34,8
Неземледельческие заработки . . .	5.304,0	38,78	—	298,8	5,19	—	— 94,4
Весь доход . .	13.677,7	100	—	5.759,3	100	—	— 57,9

Полеводство обложено тяжелее других отраслей крестьянского хозяйства.

В сущности говоря, приведенные в этой таблице размеры расхождения между условно-чистым и облагаемым доходом крестьянства по отдельным источникам определяют собою неравномерность распределения тяжести налога между различными отраслями крестьянского дохода. В самом деле, при общем недоучете облагаемого дохода, при расхождении его на 57,9% с условно-чистым доходом, мы замечаем чрезвычайно большую пестроту в размерах этого недоучета по отдельным отраслям. В самом деле: недоучет неземледельческих заработков достигает 94%, а по основным отраслям сельского хозяйства недоучет—28,7%, а по полеводству всего лишь 24%. Ясное дело, что, когда доходы полеводства привлечены к обложению на 76%, а доходы

[1]) Данные о распределении условно-чистого дохода от сельского хозяйства по источникам исчислены секцией сельхозналога Госналога. Этот расчет является несколько преуменьшенным против условно-чистого дохода, приведенного в таблице № 1.

от неземледельческих заработков только на 6%, то реальная тяжесть обложения доходов полеводства будет во много раз превышать тяжесть обложения доходов от неземледельческих заработков. Если даже допустить, известную преувеличенность данных ЦСУ о размерах доходов от неземледельческих заработков, то все же не вызывает сомнения то, что эти доходы привлечены к обложению в гораздо меньшей степени, чем доходы от полеводства. Это не только совершенно очевидно из приведенных данных, но это неизбежно вытекает из самой системы сельхозналога, из существующего порядка привлечения к обложению доходов от неземледельческих заработков. Но об этом скажем ниже.

Таким образом, если в условно-чистом доходе неземледельческие доходы крестьянства составляют 38,8%, а сельскохозяйственные — 61,2%, то в облагаемом доходе неземледельческие заработки составляют только 5,2%, а доходы от сельского хозяйства—94,8%.

Повторяем: это неравномерное распределение не является чем-нибудь неожиданным. Согласно директивам апрельского пленума ЦК, в систему налога на 1928—29 год были внесены поправки, которые должны были хоть несколько ослабить это расхождение, неравномерное распределение тяжести обложения сельского хозяйства и неземледельческих доходов. Однако, и в результате налоговой кампании 1928—29 года, несмотря на достижения в области более полного учета доходов от неземледельческих заработков и более высокого процента привлечения их к обложению, все же сохранилось до сих пор громадное расхождение между отношением облагаемого дохода к условно-чистому от сельского хозяйства и неземледельческих доходов, расхождение в тяжести обложения между зерновым хозяйством и остальными источниками крестьянского дохода.

Как мы уже сказали выше, достаточно полных данных о результатах учета за 1928—29 год мы не имеем, но мы можем в качестве иллюстрации привести результаты учета по части СССР. Эти результаты достаточны для характеристики и оценки итогов перераспределения тяжести налога между сельским хозяйством и неземледельческими заработками в 1928 — 29 году.

Таблица № 9.

Результаты учета облагаемого дохода в 1927—28 и 1928—29 гг. по РСФСР (без некоторых районов), БССР и Узбекской ССР.

Статьи дохода.	1927—28 год.		1928—29 год.		Прирост в %%
	В тыс. руб.	В % ко всему доходу	В тыс. руб.	В % ко всему доходу	
Сельское хозяйство. . .	2.837.804,6	94,03	3.195.550,0	90,31	12,6
Неземлед. заработ. . . .	180.210,3	5,97	342.824,7	9,69	90,2
Итого . . .	3.018.014,9	100,0	3.538.374,7	100,0	17,2

Удельный вес сельского хозяйства понизился с 94% до 90%, удельный вес неземледельческих заработков повысился с 6% до 9,7%. Прирост облагаемого дохода от сельского хозяйства составляет 12%, а от неземледельческих заработков—90%. Результаты как-будто удовлетворительные. Тем не

менее, удельный вес доходов от неземледельческих заработков в общей сумме облагаемого дохода крестьянства продолжает оставаться весьма низким, далеко не соответствующим действительному строению крестьянского дохода, *далеко отстающим от действительного удельного веса доходов от этих источников в общем крестьянском доходе.*

Но мы имеем диспропорцию, неравномерное распределение обложения не только между доходами от сельского хозяйства и неземледельческими заработками, но также между обложением зернового хозяйства и других отраслей сельского хозяйства.

Как мы уже выше сказали, общий размер недоучета доходности от сельского хозяйства составляет 34,8%. В то же время размер этого недоучета значительно колеблется между отдельными отраслями, при чем наиболее полно учтены, а следовательно, и обложены, доходы от полеводства, где расхождение между облагаемым и условно-чистым доходом дает наименьшую разницу. На втором месте по степени полноты учета облагаемого дохода стоит крупный скот и на последнем—специальные отрасли сельского хозяйства. Все это означает перенесение основной тяжести налога на полеводство при сравнительно льготном обложении скота, сенокосов и особенно специальных отраслей сельского хозяйства. Но так как мы не предлагаем на будущий год, в целях понижения обложения зернового хозяйства, повысить обложение остальных отраслей сельского хозяйства, мы на этих моментах не будем останавливаться. В данном случае для нас наиболее важным является то бесспорное положение, *что наиболее тяжело обложенным является зерновое хозяйство и наиболее льготно—неземледельческие доходы крестьянства.*

Сельхозналог 1928—29 г. в это соотношение внес лишь незначительные изменения, оставив по существу прежнюю структуру облагаемого дохода резко отличающегося от условно-чистого и всякого иного дохода. Правда, по некоторым районам удельный вес полеводства в облагаемом доходе в 1928—29 году понизился против 1927 — 28 г., но настолько незначительно, что говорить о серьезном понижении тяжести обложения полеводства не приходится.

Зерновые районы обложены тяжелее других.

Такое неравномерное распределение тяжести налога по отраслям крестьянского дохода определяет собой и неравномерное распределение этой тяжести *по районам.* Наибольшая тяжесть обложения падает на районы с преобладанием в общем доходе крестьянского хозяйства продукции полеводства. В наибольшей степени это будет соответствовать районам с экстенсивными формами сельского хозяйства, районам с зерновым направлением сельскохозяйственного производства. В более льготном положении находятся районы, где на скотоводство падает преобладающая или значительная доля крестьянского дохода. И, наконец, самое выигрышное положение в смысле тяжести сельхозналога занимают районы с развитием неземледельческих заработков, а также отдельные районы с преимущественным развитием специальных отраслей сельского хозяйства.

Такую неравномерность в районном распределении тяжести сельхозналога можно иллюстрировать данными о соотношении облагаемого и условно-чистого дохода в порайонном разрезе. За отсутствием данных об условно-чистом доходе от неземледельческих заработков по отдельным районам Союза, мы в нижеприведенной табличке условно-чистый доход от неземледельческих заработков приравниваем к учтенному для обложения сельхозналогом

доходу от этих заработков в 1927—28 г. На это обстоятельство мы обращаем особое внимание, так как при несомненной преуменьшенности налоговых данных действительная разница между облагаемым и условно-чистым доходом для промысловых районов должна выразиться еще большей величиной, чем это дает нижеприводимая табличка.

Таблица № 10.

Районы	Разница между облагаемым доходом 1927—28 г. и усл.-чистым в %
Ленинградская область	— 48,8
Центрально-Промышленный	— 53,3
Средне-Волжский	— 35,8
Сибирский Край	— 35,4
Р. С. Ф. С. Р.	— 43,4
У. С. С. Р.	— 36,1
З. С. Ф. С. Р.	— 45,7
Узб. С. С. Р.	— 42,2
Турк. С. С. Р.	— 43,1

Эта табличка показывает, что наибольшая разница между облагаемым и условно-чистым доходом, а, следовательно, и наиболее льготное обложение приходятся на районы промысловые, районы потребляющей полосы РСФСР. В противоположность этому, районы зернового хозяйства, как, например, Поволжье, Сибирь, дают наименьший недоучет облагаемого дохода от сельского хозяйства, т.-е. являются наиболее полно обложенными с.-х. налогом. Большая разница между облагаемым и условно-чистым доходом в ЗСФСР и Ср.-Азиатских республиках об'ясняется главным образом льготным обложением специальных отраслей и особенно хлопка, играющих в этих районах видную роль.

Очень важно отметить, что при сопоставлении промышленных и земледельческих районов получаются такие размеры дохода и налога на одно хозяйство:

Таблица № 11.

Районы	В среднем на одно хозяйство			
	Усл.-чист. доход	Облагаемый доход	Разница в % к усл. чист. доход	Сельхозналог в 1927—28 г.
Центр.-Промышленный	509,0	237,8	— 53,3	10,7
Северо-Восточный	383,6	216,1	— 43,7	8,6
Северо-Кавказский	549,1	306,1	— 44,2	23,2
Сибирский Край	357,1	230,7	— 35,4	16,1
УССР	398,8	254,8	— 36,1	17,5

В то время как в Центрально-Промышленном районе на одно хозяйство приходится 509 рублей условно-чистого дохода, а на Сев. Кавказе примерно столько же—549,1 р.,—сумма налога на хозяйство получается совершенно различная: 10,7 руб. в Центр.-Промышл. р-не и 23,2 р.—на Сев. Кавказе.

Северно-Восточный район и Сибирский край имеют примерно одинаковый усл.-чистый доход на хозяйство, но налога на хозяйство приходится в первом районе 8,6 р., а в другом—16,1 р.

В общем мы имеем картину более тяжелого обложения земледельческих районов по сравнению с промысловыми.

Истекший год ничего не изменил.

Каких-нибудь серьезных изменений в распределении налога по районам в 1928—29 г. почти не произошло. При самом построении закона директиву о понижении тяжести обложения зернового хозяйства предполагалось разрешить путем некоторого понижения в зерновых районах норм доходности полеводства. Но, как мы уже сказали, это мероприятие результатов почти никаких не дало. Во-первых, потому, что размер этого понижения был совершенно недостаточен, и, во-вторых, практическое проведение сельхозналога неизбежно должно было и фактически смазало даже и это понижение норм доходности. В самом деле, нормы доходности десятины посева были понижены в следующих размерах и по следующим районам:

Таблица № 12.

Нормы доходности десятины посева в 1927—28 и 1928—29 гг. в основных районах зернового хозяйства в рублях.

Районы.	1927—28 г.	1928—29 г.	Разница в %%
Башкирская АССР	36,9	36,0	—2,4
Ср.-Волжский район	36,7	36,3	—1,1
Н.-Волжский край	31,9	31,0	—2,8
Крымская АССР	39,4	39,0	—1,0
Северо-Кавказский край	39,5	39,0	—1,3
Казакская АССР	37,4	36,0	—3,7
Сибирский край	37,9	37,0	—2,4
Украинская ССР	54,8	52,0	—5,1

Как видим, понижение самое ничтожное, в большинстве случаев составляющее меньше одного рубля на десятину, подчеркиваем, дохода, а не налога. Такое понижение, естественно, не могло дать сколько-нибудь ощутимых результатов в смысле понижения тяжести налога на полеводство. Ведь понижение нормы доходности десятины посева на 1 р. могло понизить налог с этой десятины на 15, ну, самое большее на 30 копеек. Какое же это могло иметь практическое значение?

На ряду с этим как раз обратное действие имело для этих районов применение процентных надбавок к нормативному доходу в зависимости от общей доходности хозяйства (ст. 27 закона). Это обстоятельство вызвало наибольшее повышение тяжести налога именно в сельскохозяйственных районах. В итоге, несмотря на некоторое понижение норм доходности, налог 1928—29 г. в районах зернового хозяйства возрос по сравнению с 1927—28 г. в большей степени, чем по другим районам и по Союзу в целом. Соответственно с этим, как видно из табл. № 13, повысился и удельный вес в налоге этих районов, по сравнению с прошлым годом. Исключение составляет только Сибирь и Украина, при чем в последней налог был понижен вследствие значительных скидок в связи с гибелью части озимого клина.

Таблица № 13.

Сопоставление сельхозналога, поступившего в 1927—28 г. и ожидаемого к поступлению в 1928—29 г.

Районы	Увеличение налога 1928—29 г. в %% к 1927—28 г.	Сельхозналог в %% к общей сумме по Союзу	
		1927—28 г.	1928—29 г.
СССР	+25,9	100,0	100,0
В том числе:			
УССР	+9,1	27,7	24,0
РСФСР	+32,2	63,0	66,2
Башкирская АССР	+34,7	1,4	1,5
Средне-Волжский район	+36,7	4,5	4,9
Н.-Волжский край	+35,9	3,2	3,5
Крымская АССР	+33,9	0,8	0,9
Северо-Кавказский край	+33,8	9,8	10,5
Казакская АССР	+35,3	3,6	3,9
Сибирский край	+21,3	7,1	6,8
Северо-Восточный	+33,1	1,2	1,3
Центрально-Промышлен.	+30,1	10,4	10,7

При общем повышении налога по Союзу на 25,9%, если исключить Украину, где были предоставлены значительные льготы в связи со стихийными бедствиями, мы имеем повышение налога по РСФСР на 32,2%. При чем по Нижней Волге повышение составляет 36%, по Ср. Волге — почти 37%, по Сев. Кавказу—34%, по Казакстану—35%. На ряду с этим Северо-Восточный район дает 33,1%, а Центрально-Промышленный—30,1%. В результате повысился и удельный вес первых районов в налоге по Союзу.

Все это свидетельствует о том, что мы директиву о понижении обложения зернового хозяйства почти не выполнили, что зерновые районы обложены тяжелее, чем другие.

Что из всего этого вытекает? Главное и основное: если надо понизить тяжесть обложения зернового хозяйства, а в необходимости этого никакого сомнения нет, то это надо сделать не только за счет общего понижения налога по Союзу, но также и за счет наиболее полного УЧЕТА неземледельческих заработков.

В самом деле, каково положение с обложением неземледельческих заработков крестьянства? Выше мы уже приводили, что общая сумма неземледельческих доходов крестьянства составляла в 1927—28 году 5,3 млрд. руб. Налоговыми комиссиями было учтено из этой суммы только 1½ млрд. руб., а к обложению было привлечено около 300 млн. руб., т.-е. 5,6%.

Чем об'ясняется то, что неземледельческие доходы привлекаются к обложению в таком незначительном размере. Во-первых, значительным недоучетом их и, во-вторых, действующей системой налога, по которой к обложению привлекается только незначительная часть дохода, в зависимости от характера его. Например, в этих 5,3 млрд. рублей неземледельческих доходов крестьянства примерно половину составляет заработная плата и отхожие заработки по найму, которые по закону привлекаются к обложению в размере только 10—15%. Исходя из необходимости сугубо льготного обложения доходов крестьянства от работы по найму, мы не предлагаем процент этот повысить.

Что же касается кустарно-ремесленных промыслов, то там мы имеем такую картину: в 1927—28 году из 383 млн. рублей учтенного дохода от этих промыслов привлечено было к обложению 98 млн. руб. или 25,5%. По существующему закону места сами устанавливают, в каком проценте доход от данного промысла привлекается к обложению дохода. Для ясности мы должны оговориться, что речь идет не о валовом доходе от кустарно-ремесленных промыслов, а о доходе *уже за вычетом основных производственных расходов по промыслу*: на сырье, топливо, полуфабрикаты и оплату наемной рабочей силы. Процент привлечения устанавливался на местах для отдельных промыслов разный, в зависимости от оборудования, применения наемной рабочей силы, доходности того или иного вида промысла и от роли его в экономике данного района.

Для 1928—29 г. в основном остался тот же порядок, те же принципы, только с той разницей, что местам была дана директива несколько повысить процент привлечения к обложению учтенного дохода, при чем *был установлен минимум* в 35%. В результате, по РСФСР и БССР (по сравнимой части) от кустарно-ремесленных промыслов было учтено налоговыми комиссиями 131,6 млн. руб., а привлечено к обложению 59,1 млн. руб. или 44,9% (вместо 27,3% в предыдущем году по этой же территории). Если учесть, что минимум привлечения был установлен в 35%, то будет понятно, что, в сущности говоря, за редкими исключениями, *везде привлекали к обложению, исходя из минимального процента*. Все это говорит о том, что мы продолжаем иметь недообложение неземледельческих доходов крестьянства, *во-первых*, вследствие общего недоучета этих заработков и, *во-вторых*, незначительности процента, в котором доходы эти привлекаются к обложению.

Мы отлично учитываем необходимость наиболее осторожного обложения неземледельческих заработков, тем не менее, и учитывая безработицу в городе и деревне, и наличие нехватки ряда товаров, все же трудно доказать, почему неземледельческие доходы (вопрос об обложении заработной платы мы исключаем) надо облагать во много раз легче, чем производство хлеба, чем зерновое хозяйство. Ведь с хлебом у нас положение вовсе не лучше, чем с производством товаров кустарно-ремесленной промышленности.

Из всего сказанного, с нашей точки зрения, вытекает необходимость на будущий год внести в систему сельхозналога такого рода изменения, *которые бы повысили в общей сумме облагаемого дохода удельный вес дохода от неземледельческих заработков*. При этом мы предлагаем это сделать, сохраняя в основном нынешние проценты привлечения неземледельческих доходов, т.-е. не больше 10—15% от заработной платы, не меньше 35% от кустарных промыслов. *Но мы настаиваем на необходимости значительно полнее учесть эти доходы.*

Какие нужны поправки, чтобы стимулировать под'ем зернового хозяйства, расширение посевных площадей.

Это мероприятие да плюс общее понижение налога по Союзу даст возможность внести в налоговый закон такие поправки, которые понизят тяжесть обложения полеводства, особенно в главнейших зерновых районах. Некоторые ориентировочные подсчеты показывают, что при этих условиях получим возможность значительного понижения обложения полеводства в этих районах.

Конкретно какого рода поправки нужно внести в закон, чтобы понизить тяжесть обложения зернового хозяйства и тем самым содействовать расширению посевной площади?

Намечаются всякого рода поправки. Среди них заслуживают особого внимания две: а) понижение норм доходности полеводства и б) освобождение от обложения прироста посевных площадей.

Какой поправке отдать предпочтение? Это вопрос не принципиальный: надо проверить, какая из них даст больший эффект в смысле стимулирования под'ема зернового хозяйства.

Наиболее распространенным является предложение полного освобождения от налога прироста посевных площадей в коллективных и индивидуальных бедняцких и середняцких хозяйствах, при чем не ограничиваясь только зерновыми районами[1]).

Наиболее важным с нашей точки зрения является такое мероприятие, как устойчивость в законодательстве и во всех элементах, определяющих сумму налога с отдельного крестьянского двора. *Поэтому следует в законе сказать, что в течение двух-трех лет ни нормы доходности, ни ставки налога не подлежат изменению.* Это внесет твердость в хозяйственные расчеты крестьянского двора и будет стимулировать расширение посевной площади.

Вот тот путь, по которому мы должны пойти, если желаем действительно добросовестно, без всяких бюрократических выкрутас помочь разрешению проблемы зернового хозяйства, выполнению директивы ноябрьского пленума ЦК.

---

[1]) Номер уже был сверстан, когда в печати появилось постановление ЦИК и СНК от 8 февраля об изменениях, которые необходимо внести в систему сельхозналога и в частности о льготах, расширяющих посевные площади и повышающих урожайность.

Перечисленные в постановлении мероприятия явились в результате тщательного изучения вопроса о том, какие именно налоговые льготы будут стимулировать под'ем зернового хозяйства. В частности, это постановление считает, что наиболее эффективным с этой точки зрения явится освобождение вовсе от налога в течение 2 лет прироста посевных площадей. Что же касается понижения норм доходности, то эта мера может дать положительные результаты, а потому и будет проводиться только в тех районах, где освобождение от обложения прироста посевных площадей никакого значения не имеет—это районы, *где доходность полеводства исчисляется по пашне*. В частности, из зерновых районов это относится к степной части Украины и некоторым округам ЦЧО.

Интересующихся вопросом товарищей отсылаем к самому постановлению и обращаем внимание на то, что это постановление не только не опровергает, а, наоборот, подтверждает основную мысль автора о важности зерновой проблемы и о необходимости широкого использования системы сельхозналога для разрешения этой проблемы и в части понижения тяжести обложения зернового хозяйства и стимулирования под'ема его в первую очередь путем расширения посевных площадей.

В. Ульбрихт.

Оппортунистическая опасность в КПГ.

В политических тезисах VI Всемирного Конгресса подчеркивается, что в 3-й период, период обострения капиталистических противоречий и классовой борьбы на фоне относительной стабилизации, правая опасность есть главная опасность в секциях Коммунистического Интернационала. Эта правая опасность до сих пор ярче всего сказалась в КПГ. Это обусловлено специфической обстановкой германского капитализма и сдвигами в германском рабочем движении. Противоречия капитализма в мировом масштабе в настоящее время резче сказываются в Германии благодаря крупным репарационным обязательствам и в связи с борьбой германского финансового капитала за большую империалистическую самостоятельность. Капиталистическая рационализация в Германии уже широко проведена, разочарование рабочих результатами рационализации стимулирует полевение рабочего класса, перманентная армия безработных все растет и растет.

Это развитие сказалось в наступательном локауте предпринимателей в Рурской области параллельно с оформлением организованного пролетарского классового фронта под руководством КПГ и комитетов борьбы. Класс против класса. На одной стороне трестовский капитал, государственная власть и реформистская бюрократия, на другой стороне—рабочие массы под руководством комитетов борьбы. В огне грандиозного сражения ярко выявились оппортунистические взгляды, наличные в нашей партии. В период падающей кривой революционного движения оппортунизм драпировался в тогу пассивности, теперь же оппортунистические взгляды выявились во всей их последовательности. В этой борьбе правые открыто выступали против тактики и лозунгов партии и поддерживали политику реформистской бюрократии.

Правая опасность нарастала постепенно в связи с относительной стабилизацией германского капитализма. Проведение капиталистической рационализации дало возможность германскому монополистическому капиталу использовать в более крупном масштабе сверхприбыли для взращивания и поддержания тонкой верхушечной прослойки рабочей аристократии и большего диференцирования рабочих (увеличение разницы между зарплатой и рабочим временем разных категорий пролетариата). Эта политика буржуазии нашла свое отображение в «теориях» профсоюзной бюрократии. Исходя из факта растущего накопления капитала и подкупа тонкого верхушечного слоя рабочих, они пришли к выводу, что чем лучше живется капитализму, тем лучше живется рабочим, и сообразно этому использовали профсоюзный аппарат для закрепления кон'юнктуры, для ограждения капитализма от всяких потрясений. Параллельно относительной стабилизации капитализма и сращиванию профсоюзного аппарата с государственным происходит консолидация профсоюзного

аппарата сверху донизу. Практически это сказывается в отмене профсоюзной демократии и в изолировании профсоюзов от массы низко оплачиваемых рабочих. В теории это выражается в пропаганде хозяйственной демократии и в коалиционной политике.

Не случайно в связи с благоприятной экономической кон'юнктурой в Германии в 1927 г. (на основе усиленной эксплоатации пролетариата благодаря рационализации) систематически усиливались нападки правых на линию партии. В период высокой кон'юнктуры в 1927 г., когда монополистический капитал шел на мнимые уступки рабочим, соглашаясь повышать на несколько пфеннигов зарплату, правые требовали пересмотра решений эссенского с'езда КПГ касательно политики по отношению к с.-демократии; они требовали выставления лозунга «производственный контроль» в качестве актуального лозунга и усиленно пропагандировали программу действия, составленную Брандлером и представляющую собой попытку оппортунистического искажения революционных переходных лозунгов и фактической ликвидации борьбы за диктатуру пролетариата. Правые переоценивали моменты капиталистической стабилизации; они не видели, что именно на основе капиталистической стабилизации постепенно обостряются противоречия и происходит полевение рабочего класса. В результате этой ошибочной оценки положения они недооценивали волю пролетариата к борьбе и старались подменить конкретную организацию борьбы мнимо-радикальной агитацией (во время борьбы металлистов в 1927 г. правые проповедывали борьбу за «экспроприацию» вместо стачек с требованием 8-часового рабочего дня). Согласие предпринимателей на незначительное повышение зарплаты временно давало реформистам возможность маневрировать, а правые на этом основании заключали, что реформисты весьма способны к борьбе. Сообразно этому они характеризовали политику реформистов только как «недостаточную». Они воображали, что путем соответствующего давления со стороны масс можно втянуть реформистских вождей в классовую борьбу за интересы пролетариата: ведь поскольку их политика лишь «недостаточна», значит она по существу правильна и требует только некоторого «улучшения».

В процессе дальнейшего обострения классовой борьбы в 1928 г. противоречие между политикой правых и политикой партии неуклонно обострялось. По мере того, как партия, в связи с изменением положения и сдвигами в профдвижении, вынуждена была несколько видоизменить свою тактику и энергично развертывала борьбу за проведение стачек, усилилась и фракционная борьба правых. Правые застряли на предыдущей ступени развития партии. Они не стряхнули с себя того оппортунистического мусора, от которого партия в целом освободилась, а частично даже регрессировали, сближаясь со взглядами с.-демократии.

В международных вопросах правые впервые выступили открыто против решений конгресса Красного Профинтерна в связи с отчетной кампанией. Они оспаривали наличие изменений в реформизме, они требовали, чтоб революционная профсоюзная оппозиция работала в рамках решений и устава профсоюзов и восставали против самостоятельного проведения борьбы партией и профсоюзной оппозицией. Они считали тактику единого фронта средством переубедить реформистских вождей.

Оспаривая наличие изменений в реформизме, правые оспаривали и необходимость изменения нашей тактики в отношении реформистов. Они не усматривали никакой разницы между реформистским предательством в 1918 г. и теперь. В 1918 г. политика делового сотрудничества между реформистскими профсоюзными вождями и представителями предпринимательских организаций нашла свое выражение в ряде верхушечных соглашений. Это не было

непосредственной отменой самостоятельности профсоюзных организаций. По мере того, как буржуазии удавалось, орудуя «демократией», изменять в свою пользу соотношение классовых сил, она предъявляла все большие и большие требования к реформистской бюрократии. Но такие крупные требования, как отмена 8-часового рабочего дня и пр., еще нельзя было проводить с помощью профсоюзного аппарата в целом, так как в низовых профсоюзных организациях еще не были созданы предпосылки для этой политики мира в промышленности. Поэтому представители предпринимателей отказались от делового сотрудничества сообразно изменению в соотношении сил. Они постарались связать реформистские профсоюзы путем привлечения их к «сотрудничеству» в капиталистическом предпринимательском и государственном аппарате и превратить их в органы капиталистической экономической политики. Благодаря сотрудничеству в арбитражных органах, в имперском экономическом совете, в имперском угольном совете, в совете калиевой промышленности, в органе страхования безработных, в суде по трудовым делам, в комиссиях по рационализации и пр. профсоюзы постепенно превращались в органы капиталистического законодательства, в неот'емлемую составную часть капиталистического государства. Этому сращиванию реформистского профсоюзного аппарата с государственным аппаратом сопутствовала отмена профсоюзной демократии и политика исключений и расколов в отношении революционной оппозиции. Таким образом, профсоюзы постепенно превращались в соц.-демократические организации, в существенный оплот соц.-демократической коалиционной политики. Хотя пораженческая стратегия реформистских вождей по существу теперь та же, что и в 1918 г., однако, за это время профсоюзный аппарат настолько сросся с капиталистическим аппаратом, что для коммунистической партии было бы роковой ошибкой довольствоваться работой в профсоюзах. Теперь более, чем когда-либо, необходимо, чтобы партия и революционная профсоюзная оппозиция мобилизовывали профсоюзную массу и массы неорганизованных, вопреки противодействию реформистских профсоюзов вели борьбу за злободневные интересы рабочих и создавали организационные формы самостоятельного революционного руководства массами (комитеты борьбы, стачечные комитеты, органы борьбы с локаутом, комитеты действия и т. п.).

Вместо такого самостоятельного развертывания активности рабочими массами под руководством компартии правые требуют, чтобы коммунисты вели работу в рамках устава и решений профсоюзов. Это равносильно полнейшей капитуляции перед реформистской профбюрократией и отказу от руководящей роли коммунистической партии. Если КПГ не будет выполнять своего революционного долга в качестве активного, ясно сознающего свои наличные цели вождя в борьбе за злободневные интересы пролетариата, она не сумеет вовлечь рабочие массы в борьбу за политическую власть под руководством коммунистической партии.

Эти ошибочные взгляды оппортунистов ярче всего сказались в их установке в вопросе о тактике единого фронта. Правые и примиренцы восстали против осуждения конгрессом Красного Профинтерна и VI Всемирным Конгрессом лозунга «принудите бонз». Правые требовали, чтобы революционная профсоюзная оппозиция во что бы то ни стало апеллировала к профсоюзным вождям и требовала от них солидаризации с нашими лозунгами и с нашей тактикой. Это якобы способствует разоблачению реформистских вождей. В действительности этим самым оппозиция ставила свою тактику в зависимость от маневров реформистов и сеяла в рабочих массах иллюзию, будто реформистские вожди способны победоносно вести борьбу. Такого рода тактика равносильна апеллированию к реформистским вождям, пока они не совершат предательства, и констатированию этого предательства задним числом. Рабочие во многих случаях, когда применялась эта тактика, вполне справедливо заявляли: «Вы, коммунисты, совершенно правы, характеризуя это как предательство, но фактически и вы ничего другого не делаете». В противовес этой оппортунистической тактике партия в последних крупных сражениях рабочих с предпринимателями применяла тактику единого фронта, как средство массовой агитации и организации, усвоения наших лозунгов рабочими массами, и вынуждала профсоюзных вождей открыто высказываться за или против решений пролетариата. Самостоятельно развертывая свою стратегию и тактику в экономических сражениях, действительно разоблачая пред рабочими на их опыте сущность реформистской пораженческой стратегии, революционная профсоюзная оппозиция, таким образом, получала возможность расстроить реформистскую политику, создать руководящие органы массовой борьбы (комитеты борьбы и пр.) и частично пробить брешь в верности тарифам и в арбитражной системе.

Правильность большевистской массовой политики партии и оппортунистический характер политики правой фракции особенно ярко сказались в рурской борьбе. Партия исходила из злободневных интересов пролетариата и вела борьбу под лозунгами: повышение зарплаты на 12 пфен., 8-часовой рабочий день, долой голодный арбитражный приговор, долой систему арбитража. Характерно, что правые восставали против этих лозунгов. Вначале было совершенно неясно, почему они восстают против лозунгов «борьба против голодного арбитражного приговора и системы арбитража», но в процессе движения правые заявили, что рабочие должны бороться за арбитражное решение соц.-демократического министра труда, так как предприниматели намерены ухудшить даже это голодное арбитражное решение. То же самое заявляла и реформистская бюрократия. Разумеется, отказываясь от требований рабочих и отстаивая голодное арбитражное решение соц.-демократического министра труда, нельзя бороться с системой арбитража и коалиционной политикой. Вместо того, чтобы исходить из злободневных интересов пролетариата, который, не желая сносить чудовищной эксплоатации, в виду увеличения производительности труда и снижения реальной зарплаты, требовал повышения зарплаты на 15 пфен., правые намерены были исходить из «голодного» арбитражного решения соц.-демократического министра труда и становились таким образом защитниками соц.-демократической коалиционной политики.

Вполне понятно, что те, кто восстает против лозунгов рабочих, будут осуждать и образование комитетов борьбы. В то время как партия мобилизовывала массы организованных и неорганизованных рабочих, чтобы противопоставить фронту трестовского капитала, государственной власти и реформистской бюрократии единый рабочий фронт, правые дискредитировали выборные комитеты борьбы точно так же, как и соц.-демократическая печать. Они требовали, чтобы профсоюзная оппозиция вела свою работу в рамках профсоюзного устава и решений, т.-е. требовали от нее отказа от мобилизации неорганизованных масс, пока ею не будут завоеваны на свою сторону члены профсоюзов. И этого требовали правые в ту пору, когда реформисты ликвидировали профсоюзную демократию, отказывались созывать профсоюзные и рабочие собрания и вынуждали рабочих действовать по указке проф-

союзной бюрократии. Таким образом, по мнению правых, партия должна была довольствоваться агитацией общего характера, отказаться от организации масс вокруг комитетов борьбы. Это было бы равносильно подчинению партии и революционной профсоюзной оппозиции диктатуре реформистской бюрократии и, несомненно, привело бы к развалу и к ликвидации коммунистических парторганизаций.

Примиренцы в этом вопросе, как и во всех остальных, противопоставляли политике партии линию, клонящуюся к установке правых. Ориентировка примиренцев на рабочую аристократию, сказавшаяся на VI Всемирном Конгрессе, выявилась и в данном случае. В своей платформе примиренцы заявляли:

«В процессе стачки постепенно начинает проводиться тактика, игнорирующая то обстоятельство, что массы неорганизованных можно вовлекать в фронт борьбы лишь после того, как удастся пустить корни в рядах организованных».

Таким образом, и здесь завоевание на свою сторону организованных мыслится как обязательная предпосылка для вовлечения во фронт борьбы неорганизованных. Если бы партия следовала такой тактике, то комитеты борьбы были бы организованы лишь в немногих случаях. Давление профсоюзного аппарата на большинство организованных рабочих было столь сильно, что они, несмотря на оппозицию голодному арбитражному решению и тактике реформистской бюрократии, еще не были готовы самостоятельно вести борьбу наперекор профсоюзам. Что касается массы неорганизованных рабочих, то она меньше подвержена легалистскому профсоюзному влиянию, не связана профсоюзной дисциплиной, она развертывала больше активности, а потому партия поступала правильно, развязывая боевую силу неорганизованных масс и этим самым создавая во многих случаях предпосылки для завоевания и организованных рабочих, для образования единых комитетов борьбы по предприятиям. Тактика примиренцев фактически, при данной конкретной ситуации, была равносильна отказу от образования комитетов обрьбы, так а , по их мнению, надлежало предварительно создать для этого предпосылки среди профессионально организованных рабочих (надо отметить, что 75% рабочих суть неорганизованные), т.-е. равносильна отказу от действительной борьбы, диктуемой в своих формах и методах, единственно возможной в данной ситуации капитализма и рабочего движения.

Присмотримся ближе к позитивным предложениям правых и примиренцев. Представитель правой фракции в своем заявлении на заседании ЦК от 2/XI—28 г. говорит:

«В качестве первого шага надо потребовать от правительства дальнейшей выплаты зарплаты локаутируемым за счет предпринимателей. Если удастся мобилизовать вокруг этого требования массы, то это будет наилучшей подготовкой к расширению боевого фронта и к вовлечению в него столь существенных категорий пролетариата, как железнодорожники и горнорабочие. Этим самым будут созданы предпосылки для превращения экономической борьбы в политическую борьбу за власть».

В то время, как партия продолжала борьбу за первоначальные требования рабочих (повышение зарплаты, 8-часовой рабочий день, отмена системы арбитража), правые проповедывали лозунг «дальнейшая выплата зарплаты» для расширения рамок и политического заострения борьбы. Таким образом, правые спекулировали на пассивных настроениях рабочих. Они думали побудить горнорабочих, железнодорожников и других к стачке обещанием дальнейшей выплаты зарплаты, т.-е. обещанием устранить жертвы в борьбе. Эти предложения совпадают с тактикой реформистов, которые тоже пытались приковать центральное внимание к вопросу о поддержке, потому что таким образом легче всего надуть рабочих при помощи мелких маневров. Реформисты ловко пытались отвлечь внимание от голодного арбитражного решения коалиционного правительства указанием на материальную поддержку локаутируемых правительством. Лозунг «дальнейшей выплаты зарплаты» правые предлагали осуществить путем «конфискации банковских вкладов»; но поборники этого взгляда ни единым словом не упоминали о том, как осуществить конфискацию—то ли при посредстве коалиционного правительства, то ли с помощью профсоюзов, или иным путем. Сбивая с толку рабочих и затушевывая тот факт, что осуществить такой лозунг может лишь вооруженный пролетариат и политические советы рабочих депутатов, правые таким образом думали перехитрить рабочих и вовлечь их в борьбу с трестовским капиталом.

Примиренцы, не выдвигавшие никаких положительных предложений в период борьбы, по окончании ее дали себя переубедить правым и признали правильным лозунг «дальнейшей выплаты зарплаты». Разумеется, мы не против оплаты предпринимателями стачечных дней, но при данной конкретной ситуации отсутствовали предпосылки для выдвигания такого особого требования. Главное же это то, что примиренцы ни единым словом не возражали и против мотивировки правыми лозунга «выплаты зарплаты».

Патентованные лозунги правых должны были проложить путь к борьбе за власть. В номере 5-м фракционного органа правых «Против течения» говорится следующее:

«Если бы партия вела борьбу правильно, если бы она своевременно подхватила выдвинутый представителем внутрипартийной оппозиции Бассюмером на заседании ЦК лозунг «дальнейшая выплата в полном размере зарплаты всем локаутируемым со стороны государства за счет предпринимателей путем конфискации текущих вкладов предпринимателей в банках», в таком случае, несомненно, удалось бы настолько мобилизовать массы и усилить борьбу, что вместо переговоров в присутствии Зеверинга—главного арбитра—можно было бы выдвинуть лозунг: «Открытие и пуск в ход предприятий за счет предпринимателей под контролем рабочих и служащих».

При ситуации, когда надо вовлечь в стачку рабочие массы в других отраслях промышленности и победоносно осуществить таким путем требования пролетариата, правые вместо этого заботятся о том, чтобы добиться «открытия предприятий» и заглянуть в кассовые книги предпринимателей. Они требовали затем «проверки мифических данных, представленных магнатами стального треста в доказательство мнимого отсутствия конкурентной способности у сталелитейной промышленности». «Конфискация всех кассовых книг и отмена коммерческой тайны». Ревизионисты нигде ни единым словом не обмолвились о вооружении пролетариата и о создании политических советов рабочих депутатов. Таким образом, они воображают, что их лозунги можно широко осуществить иным путем, т.-е. в рамках буржуазной демократии. Это есть не что иное, как политика, приведшая германский пролетариат к поражению в 1923 г. В ту пору тоже поборники этих взглядов старались возложить на фабзавкомы функции политических советов рабочих депутатов и толковать лозунг революционного рабоче-крестьянского правительства, как синоним коалиционного правительства в составе соц.-демократов и коммунистов. Подобно тому, как поборники политики Брандлера в 1923 г., последовательно проводя эту линию, в решающий момент капитулировали перед соц-демократией, так собирались поступить правые в рурской борьбе. Требования и тактика правых в рурской борьбе ничем не отличались от политики реформист-

ских вождей. Ведь и реформисты подобно правым «коммунистам» требовали контроля над производством, отмены коммерческой тайны, раскрытия балансов и пр. Вся разница лишь в том, что реформисты делают из своей политики последовательные выводы и открыто заявляют, что контроль над производством в плане хозяйственной демократии можно осуществить лишь с помощью коалиционной политики. Сторонники правой фракции к этим выводам еще не пришли. Они хотят низвести революционную классовую борьбу на степень борьбы чисто экономической, выдвигая в качестве центрального боевого лозунга лозунг «контроля над производством» без увязки его с лозунгом диктатуры пролетариата. По мнению правых, борьбы за контроль над производством есть преддверие к борьбе за политическую власть. Они воображают, что в период дальнейшего расшатывания относительной стабилизации классовая борьба есть борьба экономическая, и таким образом фактически отказываются от борьбы за революционную конечную цель—против капиталистической государственной власти и против соц.-демократической государственной политики,—своеобразное применение лозунга Бернштейна: «Движение есть все, конечная цель—ничто».

Противопоставляя линии Коммунистического Интернационала и КПГ принципиально другую линию, правые на ряду с этим создают внутри коммунистической партии враждебную организацию с центральным руководящим органом, с двумя еженедельными газетами и с собственным организационным аппаратом, разветвленным по всей Германии. В самый разгар рурской борьбы они занимали позицию, враждебную политике партии, подобно реформистам старались дискредитировать комитеты борьбы и боевые лозунги пролетариата и разложить боевой фронт. Они открыто выступали против решающих частей программы Коммунистического Интернационала и против решений IV конгресса Красного Профинтерна. Подобно всем меньшевистским группам в прошлом они добивались ослабления дисциплины в Коммунистическом Интернационале, предоставления «самостоятельности» и «автономии» секциям Коммунистического Интернационала и заявляли, что опыт русской революции в переживаемый период неприменим. В частности, они указывали на то, что русские товарищи не обладают достаточным профсоюзным опытом со времен, предшествовавших ноябрьской революции, и, следовательно, не в состоянии преподать правильные директивы касательно текущих задач коммунистов в капиталистических странах.

На эссенском с'езде КПГ дискутировала с правыми брандлеровскую программу действия, лозунг контроля над производством, тактику в отношении соц.-демократии и профсоюзную тактику, и ей удалось оторвать рабочих от правой группы. После того, как правая фракция в отчетную кампанию о VI Всемирном конгрессе и о рурской борьбе открыто боролась против принципов и политики Коммунистического Интернационала и образовала внутри партии враждебную организацию, необходимо было удалить из партии эти неисправимо оппортунистические элементы, чтобы партия могла решительно выполнять свои революционные задачи, чтобы партия не превратилась в блок фракций, а была единой монолитной партией революционного авангарда пролетариата.

В. Примаков.

Гражданская война в Афганистане.

Афганистан, расположенный на великих исторических путях в Индию, обычно входил в состав мощных государственных образований, которые возникали и развивались в Индии, Персии или Средней Азии.

Афганистан, по самому своему географическому положению и геологическому строению страны, которая заполнена дикими горными массивами, изолирующими различные области страны друг от друга, не имел условий, которые способствовали бы развитию сильного государственного организма. История Афганистана в древности—это история большой дороги, по которой катились людские потоки великих переселений народов, на которой остались многообразныя наслоения древних, последовательно исчезнувших культур, выросших и развившихся на путях от Индии к Черному и Средиземному морям.

Выступление афганцев на арену истории в качестве самостоятельной силы относится к середине XVIII века, когда Индийская Империя Великих Моголов пала под ударами индийских восстаний и персидского нашествия. В то время как воины Надир Шаха вторглись в Индию по южным путям Афганистана, народы Кабульской долины и Газнийского плато были об'единены Ахмед Шахом из коренного афганского племени Дурани, который после войн и междоусобиц образовал первое Афганское государство от персидского Хорасана до Инда.

Последующая история Афганистана наполнена войнами и вторжениями, борьбой с персами на западе, сикхами на востоке, и в этом длительном процессе борьбы Афганистан то дробится на отдельные, воюющие меж собой эмираты, то попадает под власть соседей, то снова об'единяется.

Этот длительный процесс осложняется выдвижением Англии к верховьям Инда и царской России к Хивинскому оазису и Бухарскому эмирату. Обе страны, соперничающие на востоке, шлют послов и тайных агентов в Афганистан. Россия, стремившаяся утвердиться в Средней Азии, и Англия, озабоченная укреплением своей власти в Индии, обе тянутся к Афганистану, лежащему на единственном узле сухопутных дорог в Индию. В результате этого соперничества Англия, которой Афганистан нужен как щит для военной обороны Индии, в 1839 году предпринимает первую англо-афганскую войну и в течение второй половины XIX века ведет еще три войны в Афганистане. Полувековая борьба, развертывавшаяся в дикой горной стране, населенной воинственными, хорошо вооруженными племенами, закончилась об'единением Афганистана в руках эмира Абдур-Рахман хана из племени Барак Заи, который в 1880 году вступил на трон.

Эмир Абдур-Рахман хан, дед Амануллы хана, правил страной с 1880 по 1901 год. Энергичный, весьма способный, дальновидный человек, он путем междоусобных войн и выгодных договоров сумел об'единить страну и централизовать государственное управление.

Этой работе по собиранию страны большую помощь оказала политика Англии, которая, с одной стороны, стремилась создать из Афганистана щит против русского нашествия в Индию, а с другой стороны, старательно изолировала Афганистан от всякого постороннего влияния. Эмир Абдур-Рахман хан, получавший от Англии денежную субсидию и оружие для своей армии, получил полную возможность всю энергию своего правительства обратить на устройство внутренних дел страны. Оставаясь для всех фактически запретной страной, Афганистан пришел к внутреннему об'единению через 15-летнюю полосу междоусобиц, восстаний и гражданских войн.

В первые годы своего правления Абдур-Рахман хан, по существу дела, был сильнейшим феодалом в своей стране, и упорная борьба за об'единение государства шла с переменным успехом. Несколько раз Абдур-Рахман хан был накануне падения, и вся трудность его положения станет нам понятна, если мы вспомним, что Афганистан не только диференцирован горными массивами, заполняющими страну, но и населен народами трех разных рас. Самую многочисленную расовую группу образуют афганцы, являющиеся правящей национальностью. В самом Афганистане их более трех миллионов, и более двух миллионов афганцев живет в северо-западных провинциях Индии.

Основная масса афганцев живет в долине реки Кабул, на Газнийском плато (Дурани, Гильзаи) и в Кандагарском районе (Барак-Заи, Попул-Заи); кроме того, значительные группы патанов (афганцев) кочуют в Регистане, возле Фарраха и Герата. Племена Логарской и Кабульской долин заняты земледелием, племена Газнийского плато заняты частично скотоводством, частично земледелием, племена Кандагарского района заняты земледелием и садоводством. Афганцы-кочевники кочуют не только по Афганистану, но и в Индии, соединяясь для кочевья в долину Инда в большие караваны бродячих скотоводов-торговцев «повинда».

К западу от Кабула, в Малистане и в горах Гиндукуша на их южных склонах, живут хезарейцы, монгольский народ общей численностью около миллиона. Это самый нищий народ Афганистана, частично кочевники, частично земледельцы, поставляющие главную часть рабочей силы центрального нагорья. Об их нищете, вынуждающей их к дешевому труду, афганцы говорят: «если бы не было хезаре—ишак стоил бы тысячу рупий».

Северные склоны Гиндукуша, район Катаган-Бадахшана, населен таджиками, числом более полутора миллионов человек. Их основное занятие земледелие, отчасти скотоводство. Лежащий к западу от них район Мазар-и-Шерифа населен узбеками и туркменами (первые—земледельцы, а вторые—кочевники) тюркской расы, а район Герата—разными племенами: джемшиди, туркмены, арабы и частично афганцы. В центре Гиндукуша, в Кафиристане, живет народ нури, численность которого и происхождение не исследованы.

Все эти расовые и племенные группы отделены друг от друга дикими горными системами с ограниченным числом вьючных дорог. Их упорное сопротивление собиравшему страну в крепкие руки правительству Абдур-Рахман хана было сломлено после 15 лет войн и походов созданной Эмиром 80-тысячной армии. Военные успехи были закреплены глубокой и энергичной политикой. Феодалы, ханы и малики были лишены права чеканить монету, иметь войско и творить суд; непокорные были казнены—до сих пор кугистанцы говорят: «Абдур-Рахман срубил столько голов в Кугистане, что из них можно выстроить минарет»; в покоренные области были назначены чиновники из людей, лично известных эмиру; многочисленная и хорошо вооруженная полиция свела на-нет широко процветавшую работорговлю и бандитизм; духовенство, поддерживавшее феодалов, лишено вакуфных земель и взято на государственное жалованье, начата работа по проведению колесных дорог в стране, и уменьшено количество внутренних таможен, разорявших купцов.

Во внешней политике Абдур-Рахман был в полной зависимости от Англии, но всякая попытка англичан вмешаться во внутренние дела страны встречала энергичный отпор. Кроме того, Абдур-Рахман сумел отвести из-под английского контроля свои сношения с афганцами, жившими в Индии, и широко помогал племенам свободного Сархата—момандам, афридиям, оракзаи, вазирам и максудам — в их борьбе за независимость. Восстания племен, происшедшие в 1895 и 1900 гг., были тайно поддержаны Абдур-Рахманом, и в результате этих восстаний англичане перестали вмешиваться во внутренние дела живущих в Индии независимых афганских племен.

После смерти Абдур-Рахман хана в 1901 году на престол вступил его сын Хабибулла-хан. В первые годы своего правления он продолжал политику Абдур-Рахман хана, но в последнее десятилетие заметно отошел от твердого руководства государством, подпал под влияние министров и советников и целиком ушел в частную жизнь своего огромного гарема. Группа националистов-сардаров, окружавших трон Абдур-Рахмана, постепенно была оттеснена от решения государственных вопросов, и главную роль в стране стали играть английские наемники-министры.

Мировая война 1914—18 гг. всколыхнула застойную жизнь Афганистана. Германо-турецкое командование, стремившееся ворваться в Индию и поразить Англию в ее ахиллесову пяту, установило связи с националистами в Афганистане. Германская военная миссия прорвалась в Кабул—но грозное соседство России и Англии заставило Хабибуллу хана отказаться от германских предложений и сохранить строжайший нейтралитет.

К концу царствования Хабибуллы, экономическое положение Афганистана значительно эволюционировало от полукочевого натурального хозяйства страны конца XIX века. Часть кочевников осела на землю и к 1919 году земледелием занималось более 70% населения, составившего основную крестьянскую массу страны. Фонд посевных земель Афганистана весьма ограничен: не больше 2% всей огромной территории страны годны для земледелия, и весь земельно-посевной фонд Афганистана едва достигает полутора миллионов гектаров. Большинство земель—до 80%—сосредоточено в руках мелких собственников, которые владеют участками от 5 до 15 джерибов земли (джериб равен $\frac{1}{6}$ гектара). Над этой основной массой мелких хозяйств существует небольшой слой помещиков, которые вместе с государством владеют 15—20% годной к обработке земельной площади. Помещичьи владения в центральном и южном Афганистане не велики. Большинство помещиков сдает землю в аренду на очень тяжелых для арендаторов условиях (арендатор получает от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{6}$ урожая). Но в западных провинциях (район Герата) и провинциях афганского Туркестана существует крупное помещичье землевладение, образовавшееся в конце XIX века во время войн Абдур-Рахмана с восставшими таджиками, узбеками и туркменами. Крупное землевладение возникло в результате подарков, сделанных Абдур-Рахманом отличившимся офицерам армии, и за счет военно-грабительского захвата земель таджикских и узбекских ханов. В Афганском Туркестане и Гератской провинции, благодаря наличию крупного землевладения, формы аренды развиты шире и условия арендования земли близки к крепостным формам отношений. Основная масса крестьянства Афганистана живет в крайней нищете, так как фонд поливных земель ограничен и для его расширения нужны большие, государственного масштаба, работы. В то же время крестьянство является не только основным налогоплательщиком, но на нем лежит бремя содержания деревенского духовенства, обязательная повинность по бесплатной постройке дорог, и над ним тяготеет произвол и поборы администрации. Духовенство Афганистана, лишенное вакуфных земель еще при Абдур-Рах-

мане, небогато и потому в городах мало влиятельно. Однако, в полудиких горных крестьянских районах влияние мулл весьма значительно, так как там мулла является и учителем, и судьей, и слугой Аллаха.

Второй по значению слой населения—кочевники и полукочевники (т.-е. племена, которые, кроме скотоводства, ведут запашку неполивных земель—«ляльми»). Если крестьяне составляют более пяти миллионов населения, то кочевники и полукочевые племена насчитывают около полутора миллионов—при чем в то время, как крестьянское хозяйство дает очень небольшие товарные излишки и Афганистан вывозит только хлопок и сушеные фрукты (пшеницы и риса едва хватает для потребления страны)—хозяйство кочевников дает основные статьи экспорта (каракуль, шерсть, кожи), и в настоящее время одних каракулевых шкур Афганистан вывозит более миллиона штук.

Промышленность в Афганистане была совсем не развита, и в 1919 году Афганистан имел только один крупный универсальный завод—«машин-хане», (дом машины)—в Кабуле, производивший холодное оружие, однозарядные винтовки, сукно, хлопчатобумажные ткани и проч. Этот завод развился из артиллерийского завода, построенного Абдур-Рахманом и оборудованного паровыми машинами типа 70 гг. XIX века. Кроме этого завода, индустриальных предприятий в стране не было, и внутренний рынок обслуживался средневековой цеховой организацией кустарей. Кустари ведут производство медной утвари, земледельческих орудий (соха и мотыка), холодного оружия, ковров, паласов и пр., обрабатывают кожу и ткут примитивные хлопчатобумажные и шерстяные ткани. Они составляют основную массу населения городов (в Афганистане два города—Кабул и Кандагар—имеют около 100 тыс. жителей и два города—Герат и Мазар-и-Шериф—около 50 тыс. жит.) и поставляют на рынок главную массу товаров. Кустари-ремесленники сплочены в цеховые организации, старейшины которых регулируют внутреннюю жизнь цеха и его отношения с администрацией.

Колесные дороги, проложенные Абдур-Рахман ханом, оживили торговлю страны, и к 1919 году Афганистан имел уже сильную и численную торговую буржуазию. В торговые предприятия, более доходные чем земледелие, были вложены и капиталы афганской знати, занявшей еще при Абдур-Рахмане руководящие посты в государстве и с тех пор прочно окопавшейся у государственного пирога. Но выросшая торговая буржуазия не имела влияние на ход государственных дел, движение которых зависело от оплаченных английской субсидией министров; националистические стремления сардарства и развившееся на всем Востоке панисламистское движение не находили отклика при дворе Хабибуллы; экономический прогресс страны тормозился политикой изоляции Афганистана, которую осуществляла Англия. Все это вместе создало движение за независимость страны и породило тайный заговор, в результате которого Хабибулла хан в 1919 году был убит на охоте в Джелал-Абаде, а на Афганский трон, минуя старших братьев, взошел третий сын Хабибуллы—Аманулла хан.

Придя к власти, Аманулла хан торжественно провозгласил независимость страны и бросил вызов Англии, обменявшись посольствами с правительством СССР. Положение было весьма благоприятно для борьбы. Охваченная революцией Россия стала другом Афганистана; революционное движение в Индии сковало англичан.

Начиная с ранней весны (март 1919 года) в Индии возникло широкое забастовочное движение, охватившее весь Пенджаб. Расстрелы произведенные войсками генерала Даэра, вызвали взрыв негодования в Индии, и забастовочное движение переросло в вооруженное восстание, охватившее весь С.-З. Индии. Крестьянские отряды портили телеграф и ж. д. полотно; один бронепоезд и два эшелона с солдатами были пущены под откос; на пенджаб-

ских жел. дорогах зарегистрировано более 100 случаев порчи полотна. Город Ахмед-Абад двое суток оставался в руках восставших, в Лагоре была сделана попытка организовать повстанческую армию — «Д[illegible]да - Фаудж». Англичанам пришлось ввести в действие крупные воинские час[illegible] Целый ряд селений был разрушен, города подверглись бомбардировке. Толь[illegible] началу мая восстание было подавлено в городах, и карательные экспедици[illegible]ли отправлены в пенджабские села.

В разгаре этих событий Аманулла хан провозгласил независимость страны и об'явил себя падишахом.

В мае начались первые вооруженные стычки с англичанами. 3-го мая завязалось генеральное сражение у Хайберского ущелья; в середине мая афганские войска вошли в Вазиристан.

Генеральное сражение афганцами было проиграно, английская пехота двинулась к Джалал-Абаду, и английские самолеты бомбардировали Кабул. Но движение афганцев в Вазиристан вызвало восстание вазиров, которые атаковали английские гарнизоны. Заволновалась вся полоса независимых племен: частично восстали моманды, и внезапно выступили афридии, которые обрушились на английские посты в Хайберском проходе. Не исключено было, что восстание вновь перебросится в Индию. В этой обстановке англичане получили мирное предложение напуганного английской авиацией афганского правительства, и после переговоров англичане признали независимость Афганистана, но со своей стороны оговорили пункт о невмешательстве Афганистана в дела независимых пограничных племен. Таким образом, англичане получили возможность расправиться с независимыми племенами, выступление которых спасло Афганистан. В течение трех последующих лет Вазиристан был оккупирован и лишен независимости, а горные селения момандов и афридиев были жестоко разгромлены английской авиацией.

Получив независимость и освободившись от английской опеки, Афганистан впервые получает возможность приобщиться к достижениям современной науки и техники. Правительство Амануллы хана организует школу для юношей—«амание»—расширяет школу «хабибие» и в 1920 году открывает в Кабуле школу для женщин. В эти реформированные и расширенные школы приглашены преподаватели немцы и французы, а в военные школы приглашены турецкие инструктора. Первые выпуски этих школ немедленно получают практическую работу, и молодежь занимает места в правительственном аппарате. В дополнение к расширению программы кабульских школ Аманулла хан посылает более 200 юношей из знатных фамилий во Францию, в Германию и впоследствии в Россию для получения европейского образования. Одновременно с этим Аманулла хан, опираясь на свежие кадры окончивших школы чиновников, реформирует юстицию и вводит в действие новый уголовный кодекс, составленный по типу турецкого уголовного кодекса.

В области государственного устройства реформаторская деятельность Амануллы хана менее энергична, но все же он упорядочивает работу кабинета министров и создает законодательный совет из сановников и ученых людей. Для решения общегосударственных вопросов организован род парламента—«Лю-Джирга»,—который собирается раз в год в августе и состоит из знатных лиц, вождей племен, воинов и высшего духовенства.

В основном, Аманулла хан является продолжателем линии своего знаменитого деда Абдур-Рахман хана: он централизует страну, улучшает администрацию, строит новые дороги и насаждает просвещение.

Вслед за этими реформами Аманулла хан произвел реформу армии. При Хабибулле хане армия сохраняла строй, заведенный Абдур-Рахман ханом: солдаты рекрутировались из племен и служили в армии пожизненно. За свою службу они получали жалованье, в мирное время жили семьями и за-

нимались ремеслами—были больше похожи на стрелецкое войско, чем на регулярную армию. Слабость этого войска стала очевидна во время генерального сражения у Хайберского ущелья.

Аманулла хан ввел всеобщую воинскую повинность. Пожизненная служба была заменена сначала трехлетней, а затем двухлетней службой, что позволило создать обученные кадры запасных войск. С 1924 года армия, доведенная до 50 тыс. войск, была перевооружена магазинными винтовками, закупленными в разных европейских странах. Реорганизованная армия сформирована по-европейски в 3-полковые дивизии; артиллерия сведена в батареи и вооружена современными пушками; при армии организована воздушная эскадрилья в составе более 15 самолетов, закупленных за границей (в Англии, Германии и СССР). Для обучения армии приглашены иностранные, по преимуществу турецкие инструктора. Благодаря этим мероприятиям армия приведена в удовлетворительное боевое состояние, но по прежнему мало пригодна как орудие борьбы за независимость и об'единение страны, так как в организации армии осталась незатронутой еще большая зависимость от племенных вождей, участников постоянных афганских междоусобиц, легко превращающихся в орудия реакционных и империалистических интриг.

Реформа армии, улучшение системы дорог, реформа просвещения, потребовали твердых бюджетных ассигнований и могли быть проведены лишь при налаженном финансовом аппарате государства. В то время, как важной твердой статьей бюджета Абдур-Рахман хана и Хабибуллы хана была английская субсидия,—Аманулла хан был вынужден строить бюджет только на ресурсах страны. Тем не менее к 1924 году правительство Амануллы хана сумело добиться твердого бюджета и свести его без дефицита.

Главным плательщиком налогов был крестьянин, и главная тяжесть нового бюджета легла на него. Нищее крестьянское хозяйство в 1925 году из государственного бюджета в 48 мил. рупий (рупия равна 33 зол. копейкам) уплатило 22 миллиона, после чего рост налогов неизменно повышался, и в бюджете 1928 г., исчисленном в 140 милл. рупий, налог от крестьян составляет около 50%.

В бюджете 1928 года один джериб первой категории поливной земли обложен от 16 до 20 рупий, что в переводе на наш счет означает за **гектар земли от 28 до 35 зол. рублей.**

Этот налоговый пресс, всей тяжестью давящий на крестьянство, в глазах крестьян не был оправдан, так как правительство Амануллы хана не озаботилось организацией крупных государственных работ по орошению новых участков земли, почти не увеличило площади поливных земель, и за все 10 лет правления Амануллы хана в работу по орошению вложило менее 20 милл. рупий (из крупных работ можно отметить плотину в Газни и плотину возле Кабула, благодаря которым созданы искусственные водохранилища). Эта цифра вложений в оросительные работы меньше даже затрат, сделанных на постройку нового города Дар-Уль-Амана, на который уже израсходовано около 40 мил. рупий. (Дар-Уль-Аман—новая королевская резиденция возле Кабула, где уже построены королевский дворец и министерства, разбиты сады, и строятся дома сардаров и купечества).

Мало обращая внимания на улучшение положения крестьян, правительство Амануллы хана мало сделало для развития промышленности страны. Машин хане, построенная Абдур-Рахман ханом, до сих пор остается главным индустриальным предприятием. Но машинное оборудование этого завода вконец износилось. Понятие о степени его изношенности может дать следующая справка: в текстильном отделении у одной шестерни кардной машины осталось 25% зубьев, следовательно, машина, сделав ¼ оборота, останавливается; к этой машине приставлен специальный рабочий, который вооружен железной палкой,—палкой он подталкивает шестерню и заставляет ее делать остальные ¾ поворота.

Завод вконец изношен, но за 10 лет правления Аманулла хан не нашел средств на его переоборудование. Из прочих индустриальных предприятий построены: а) кожевенный завод, спичечная фабрика и цементная фабрика, возле Кабула, б) гидроэлектростанции в Джебуль сарадже, Джелал-Абаде и Кандагаре, в) построен хлопкоочистительный и строится текстильный завод в Герате (впрочем, для последнего прислано негодное машинное оборудование), г) завод искусственного льда в Кандагаре.

Этим списком исчерпывается все имеющиеся в Афганистане индустриальные предприятия, за исключением нескольких маленьких хлопкоочистительных заводиков в северном Туркестане. Из этого списка видно, что Афганистан до сих пор не имеет ни одного серьезного индустриального предприятия и даже не начал разработки своих недр (железная руда и уголь в Бамиане, нефть возле Герата).

Пути сообщения, способствующие товарообороту в стране, правительство Амануллы значительно улучшило и проведенные Абдур - Рахман ханом колесные пути обратило в автомобильные шоссированные дороги.

В настоящее время Кабул связан автомобильными дорогами с Пешавером (Индия), Бамианом (в Гиндукуше), через Гардез с Вазиристаном (Индия), через Кандагар с крепостью Кветтой (Индия), и через Кандагар—Герат с Кушкой (СССР).

Почти вся эта система дорог построена без больших затрат от казны падишаха, при помощи принудительно осуществляемой дорожно-строительной повинности крестьян.

Улучшение путей сообщения развило торговлю в стране, которая располагает автотранспортом в несколько сотен грузовых машин, но баланс внешней торговли продолжал оставаться пассивным: за 1925—26 гг. пассив по торговому балансу исчислен в 21 миллион рупий. Этот общий пассивный баланс внешней торговли за последние годы значительно вырос за счет закупок за границей, за счет купленных в Индии и доставленных в Кабул строительных материалов для дворцов Дар-Уль-Амана (цемент, железо, водопроводные трубы), машин для заводов, грузовых и легковых автомобилей и проч.

Система обращения денег в стране регулируется плохо, так как Афганистан не имеет ни одного банка и все финансовые операции ведут денежные менялы—саррафы, в большинстве индусы, которые финансируют предприятия, принимают вклады и занимаются ростовщичеством. Личные вклады большинства саррафов находятся в англо-индийских банках, и эти люди, регулирующие финансовую жизнь страны, по существу дела являются щупальцами английского финансового капитала.

Финансовое положение страны в общем итоге за последние годы значительно ухудшилось, и курс рупии с 1926 года начинает заметно падать. В марте 1926 г. за один фунт стерлингов давали 23 рупии кабули, в марте 1927 года за один фунт—28 рупий кабули, в марте 1928 года, за один фунт—31 рупию кабули. Пытаясь улучшить финансы, правительство прибегло к своеобразной инфляции: оно выпустило новую серебряную валюту, в которой чистого серебра было 47% (в старой афганской рупии кабули чистого серебра 90%), и об'явило курс новой рупии «афгани» на 10% более высоким, чем курс рупии «кабули». В результате Афганистан получил скверную денежную валюту (новые деньги афгани из-за большой примеси лигатуры шелушатся и очень грязны), а падение курса продолжалось своим чередом.

Тяжелое финансовое положение страны, отсутствие разумного и твердого делового планирования в народном хозяйстве страны, все растущая тяжесть налогов в соединении с произволом чиновников, разоряющих крестьянство, все это не могло не вызвать противодействия правительству. Начиная

с 1923 года, в отдельных областях страны ежегодно вспыхивают беспорядки, то среди крестьян на почве недовольства налоговой политикой и произволом чиновников, то среди кочевых племен, у которых отняты их кочевые вольности и полуанархическая свобода.

В 1923 году вспыхивают беспорядки в Хосте, которые в 1924 году перерастают в общее восстание всей провинции. Основная причина восстания—переход от натурального налога к денежному, недовольство размером налогов, произвол администрации.

В 1925 году неурожай и налог вызывают волнения в Хосте и в Шугнанском районе. В 1926 году в Хосте—волнения из-за настойчивого проведения денежного налога. В 1927 году в Бадахшане—беспорядки против чиновников, берущих большие поборы, все чиновники вынуждены бежать из провинции. В том же году—волнения в Кандагарском районе из-за новых налогов. В 1928 году—волнения в южной провинции из-за разоружения племен.

Ни один год не обошелся без волнений и беспорядков. Всякое движение неизменно оформляет духовенство,—единственный в Афганистане возможный оформитель для фанатичного полудикого крестьянства. И всякий раз с движением пытаются связаться английские агенты, работой которых в Кабуле руководит Мабуб Али-Шейх, старый толстый мусульманин, много лет служащий англичанам, а в Индии—полковник Лоуренс (он же мистер Росс, он же летчик Шоу), один из крупнейших агентов «интеллидженс сервис».

Старые планы англо-индусского генерального штаба, который рассматривал населенные полудикими вооруженными племенами горные теснины Афганистана, как естественную систему рвов и заграждений, устроенную у крепостной стены Индии, Сулеймановых гор,—эти планы нарушились. Афганистан, получивший независимость в результате войны и восстания пограничных племен, после поездки короля по Европе официально принятый, как равноправный член в общую группу европейских и азиатских государств, Афганистан, который твердо помнит, что два миллиона афганцев живут в Индии и мечтает о включении их в Афганское государство,—такой Афганистан не может служить с точки зрения Англии «щитом для Индии», и еще неизвестно, с кем он пойдет.

С другой стороны, Сулеймановы горы и Гиндукуш на недоступности которых строились планы обороны Индии, в настоящее время исследованы, и легенды об их недоступности развеялись.

Эти обстоятельства заставили английское командование пересмотреть план обороны Индии и не могли не привести к мысли о необходимости вынести оборону Индии вперед, за эти горные системы, ставшие доступными колесу. В новых англо-индийских военных планах Афганистан рассматривается двояко: а) как будущий плацдарм военных действий в случае союза Афганистана с СССР, б) как страна, через которую нужно пройти, чтобы вторгнуться в советские хлопковые районы. Поэтому, начиная с 1923 года, английское командование приступило к энергичным военно-инженерным работам (дорожным и базисным) в Сулеймановых горах. За истекшее пятилетие англичане провели через Вазиристан три автомобильные дороги от Индии на запад к афганской границе и связали их между собой системой автомобильных рокировочных путей. К трем центрам Вазиристана—Тал, Банну, Танг—подведены железные дороги, связанные железнодорожным мостом в Кушальгаре и пароходной переправой в Калайбаг с путями сообщения в Пенджабе. Форт Размак и форт Ланди-хана развиты в первоклассные укрепления, и возле них созданы базисные склады для авиации и пехоты. В результате этой системы работ из Индии можно на автомобиле проехать в СССР (через Кандагар в Кушку), а из Вазиристана и Пешавера автомобильные колонны могут быть переброшены через Кабул в Бамиан, в сердце Гиндукуша. Характер, направление и темп работ убеждают нас в том, что английское командование приняло решение оборонять Индию впереди Сулеймановых гор и производит военнодорожные и базисные работы для вторжения в советские хлопковые районы.

На пути осуществления этого плана встает возможное противодействие племен Свободного Сархата. Племена эти — моманды, афридии и вазиры—располагают примерно 200 тыс. воинов, вооруженных казенно - зарядными винтовками Снайдера и частично магазинными винтовками. От содействия или противодействия этих племен в большой мере зависит успех английских планов.

В части Вазиристана вопрос почти решен: оставленный в 1920 году без поддержки Афганистана, Вазиристан оккупирован английской армией, в его горных ущелиях проложены автомобильные дороги, и селения вазиров находятся под угрозой пулеметного и пушечного обстрела бронированных автомобилей.

Афридии, страна которых лежит по обеим сторонам Хайберского ущелья, взяты на английское жалованье: их молодежь служит в горной милиции и охраняет безопасность купцов в Хайберском проходе. Но этот народ не утратил еще воли к борьбе, и в стране афридиев ежегодно вспыхивают партизанские действия.

Моманды, которые живут к северу от Хайберского ущелья, в полной мере сохранили свою независимость, и на границах их страны не утихает партизанская война.

Следует признать, что в области независимых племен англичане сделали пока только половину работы, и нынешнее состояние этой области не может обеспечить англичанам спокойного тыла в случае войны против Афганистана и СССР.

Так как планы обороны Индии с суши все упираются в Афганистан, то неизбежным становится систематическое вмешательство англичан во внутренние дела афганского народа.

Возвращение Амманулы хана из Европы и реформы, предложенные им на Лю-Джирге в августе 1928 года, опять ничего не изменили в положении крестьян. Король сообщил Лю - Джирге о закупках машин для новых заводов, о закупке автомобильного транспорта, о закупке авиации и оружия для войск; предложил на обсуждение Джирги важный проект о передаче французам концессии на постройку первых железных дорог в Афганистане; сообщил о заключении с Турцией, Персией и СССР ряда дружественных соглашений — но в этих проектах не было ни слова об увеличении фонда поливных земель, о машинах, которые следует приобрести для проведения оросительных работ, об уменьшении налогового бремени, лежащего на крестьянском хозяйстве. Положение крестьян не менялось, и поездка короля в Европу не дала им никаких перспектив на будущее; планы промышленного развития страны тоже пока не шли далее постройки текстильных предприятий—серьезного, продуманного плана индустриализации страны предложено не было. Из всех планов весьма важное значение имеет допуск французских концессионеров для постройки железных дорог Кандагар—Кабул и Кандагар—Герат. Эти дороги, включающиеся в систему стратегических ж. д. крепостного Кветтинского района, имеют чрезвычайное стратегическое значение и поставят Афганистан в полную зависимость от планов Индийского Генерального Штаба, если будут осуществлены.

Важно отметить, что строительство дорог передано вооруженной до зубов Франции, в данном случае несомненному контрагенту англичан. Но наибольший эффект на Джирге вызвали не эти проекты, а реформы, направленные к европеизации нации: отмена чадры, замена чалмы шляпой, ношение европейского платья, отмена титулов и орденов. Поскольку эти реформы не сопровождались крупными социальными преобразованиями, способными дать правительству новую опору в массах, и поскольку они в то же время вызвали протест всех консерваторов, они стали банановой коркой, на которой поскользнулось правительство Аманулы. Этот удар по старым обычаям дал духовенству возможность оформить тлеющее недовольство крестьян лозунгами борьбы за Коран и правоверный ислам.

В ответ на это виднейшие духовные лица Кабула—главный казий Абдур Рахман и Ага-и-Пуль-Хазрети-и-Шир-Базар—уже во время Джирги выехали в Хост и там пытались поднять восстание. Одновременно с этим горный разбойник Бача-Сакау спустился со своей бандой в Чарикарскую долину и об'явил себя защитником ислама и борцом за крестьян против несправедливых чиновников падишаха. Эти выступления сорвали работу Лю-Джирги и вынудили правительство приступить к собиранию сил для борьбы с повстанцами.

В дополнение к этим событиям племя Шинвари, которое 13 ноября получило фирман падишаха об отмене привилегий племени и об обязательной уплате налогов за текущий год (племя Шинвари за помощь войскам падишаха в борьбе с восстанием мангалов было освобождено на несколько лет от налогов и получило ряд льгот)—убило хакима, прочитавшего королевский фирман, и подняло восстание. Во главе Шинвари встал мулла Мухамед Афзаль, и под его руководством шинвари двинулись к Джелалабаду. Шинвари потребовали отмены налогов, отмены реформ и контроля духовенства над деятельностью правительства. И здесь духовенство возглавляет восстание и дает восстанию политическое оформление.

Одновременно с восстанием шинвари Бача-Сакау занимает гор. Чарикар, об'являет себя падишахом и об'являет награду за голову Амануллы. Отряды Бача-Сакау, который пришел к Чарикару во главе 600 горных разбойников, обрастают крестьянскими партизанами, и Бача-Сакау идет на Кабул во главе 6.000 отряда. Междуусобная война развертывается. Правительство Амануллы хана очень медленно мобилизует силы—его психика явно усыплена успехом поездки по Европе, убаюкана королевскими триумфами и поэтому слишком медленно осваивается с сознанием опасности положения. На сторону повстанцев переходит часть войск Амануллы хана, и в результате растущего натиска повстанцев и внутренней растерянности правительства Аманулла хан вынужден сначала отказаться от реформ, а затем отречься от трона и бежать в Кандагар. Бача-Сакау занимает Кабул и провозглашает себя падишахом.

Действия этого нового падишаха, пришедшего к власти при помощи горных разбойников и восставших крестьян, ничего не меняют в положении крестьянства. Крестьяне не получают обещанных льгот, и их отряды начинают расходиться по домам. Популярность Бача-Сакау быстро падает.

Аманулла хан, подписав свое отречение, уехал в Кандагар, вокруг которого живут коренные афганские племена. Среди этих племен немедленно началась агитация за наступление на Кабул. Агитаторы отмечали, что новый падишах—таджик, а не афганец и предсказывали, что значение афганской народности в государстве неизбежно умалится. Афганские племена приняли решение отстаивать трон для Амануллы хана, и Аманулла хан взял обратно свое отречение. Отряды афганских племен (дурани, гильзаи и др.) заняли Газни и продвигаются к Кабулу.

Шинвари, у которых есть свой претендент на трон, вступили в соглашение с джелалабадским гарнизоном и тоже ведут наступление на Кабул.

Положение все более осложняется, и в гражданскую войну вовлекаются все новые и новые племена.

Трудно предвидеть развитие гражданской войны в стране, созданной для роли буфера, населенной народами трех различных рас, где социальные и международные вопросы переплелись с национальным вопросом в сложнейший узел.

Совершенно очевидно, что Бача-Сакау оказался неподходящим вождем для крестьянского восстания и что Аманулла хан имеет много шансов вернуться на трон. Но совершенно неизвестно, какую линию поведения изберет Аманулла хан в случае, если он снова придет к власти, и найдет ли он путь для правильных взаимоотношений с крестьянами. Он уже отрекся от ряда реформ и, следовательно, во внутренней политике не устоял перед нажимом духовенства—неизвестно, насколько удастся ему во внешней политике устоять перед нажимом индийского генерального штаба и британской дипломатии, которая по-своему истолкует и использует уроки восстания.

А. Греблис, М. Коровай, И. Степанов.

К спорным вопросам теории стоимости[1]).

(По поводу книги И. И. Рубина «Очерки по теории стоимости Маркса»).

Недавно вышедшая третьим изданием книга И. И. Рубина «Очерки по теории стоимости Маркса» является крупным вкладом в марксистскую экономическую литературу. По поводу взглядов, развиваемых И. И. Рубиным в этой книге, среди марксистов-экономистов завязалась очень оживленная и,—надо прямо сказать,—весьма острая полемика. Взгляды автора по основным вопросам марксовой теории стоимости и прежде всего по центральному пункту этой теории—учению об абстрактном труде,—не раз служили предметом научных диспутов и вызвали значительную полемическую литературу. Но эта научная дискуссия отнюдь не может считаться законченной к настоящему времени, несмотря на то, что ведется вот уж несколько лет.

Полемика, связанная с «Очерками», достигла такой остроты, когда можно, отнюдь не преувеличивая сущности разногласий, констатировать наличие не только частных разногласий между отдельными экономистами-марксистами, но и наличие размежевки на два «направления», из которых одно, как нам представляется, сбивается на путь вульгаризации марксовой теоретической экономии (мы имеем в виду А. Кона, С. Бессонова, И. Дашковского и др.), и другое, выраженное в книге И. Рубина, обогащает марксистскую литературу углубленной разработкой теории стоимости Маркса, более глубоким ее пониманием, находясь в полном соответствии с Марксом.

Мы хотели бы поэтому остановиться на тех методологических и теоретических основах, на которых построена книга И. И. Рубина. Прежде всего, И. Рубин строго и последовательно устанавливает об'ект или предмет теоретической экономии. Он определяет последнюю, в полном соответствии с традиционно-марксистской постановкой вопроса, как науку, которая «имеет предметом своего изучения свойственные капиталистическому хозяйству производственные отношения людей в их взаимодействии с производительными силами общества» (стр. 10) [2]). Если науке вообще необходимо изучить капиталистическое хозяйство в его единстве, как «известную систему производительных сил и производственных отношений людей» (там же), то политической экономии, выступающей в качестве специальной общественной науки, необходимо ограничить себя изучением лишь одной стороны капиталистического хозяйства, а именно, его социальной формы, совокупности производственных отношений людей, образующей «экономическую структуру» капитализма. Капиталистическое хозяйство есть, несомненно, единство известного состояния производительных сил и совокупности производственных отношений людей, но в то время как первое, т-е материально-технический процесс производства является об'ектом изучения естественных наук, технологии или науки об общественной технике, производственные отношения людей, — или иначе, общественная форма производства,—выступают как предмет теоретической экономии.

[1]) В порядке обсуждения.

[2]) Страницы указываются по третьему изданию «Очерков»

Когда утверждают, что предметом политической экономии является производство в его буржуазной форме, то из этого утверждения вовсе не вытекает, что и материальное производство и его общественная форма образуют единый об'ект политической экономии. Из этого определения вытекает лишь то, что материальный процесс производства рассматривается в его общественной форме, т.-е. как определенная система производственных отношений. Но такая точка зрения обязывает провести различие между материально-техническим процессом производства и его общественной, социальной формой. Именно такое различие, проведенное Марксом в своем экономическом учении, поставило политическую экономию на строго научную почву, превратив ее из «науки» об отношениях вещей к вещам, как она представлялась вульгарным экономистам, или людей к вещам (у «австрийцев»), в науку об овеществленных отношениях людей к людям в процессе материального производства.

Это различие, проводимое И. Рубиным, как основное методологическое положение, определяющее политическую экономию, как науку социальную и историческую, является давно установившимся и неоспоримым для марксистов. Ленин, полемизируя с народниками в своей работе «К характеристике экономического романтизма» по вопросу о месте «распределения», писал: «Какой же смысл в этом обвинении? Оно основано лишь на крайне ненаучном понимании самого предмета политической экономии. Ее предмет вовсе не «производство материальных ценностей», как часто говорят (это предмет технологии), а общественные отношения людей по производству... Если (же) мы последовательно будем смотреть на «производство», как на общественные отношения по производству, то и «распределение» и «потребление» потеряют всякое самостоятельное значение» (т. II, стр. 64). Следовательно, можно видеть и у Ленина строгое проведение различия между материально-техническим процессом производства («производство материальных ценностей»), как об'ектом «технологии», и «производством», т.-е. общественными производственными отношениями между людьми, как предметом политической экономии. И это является, разумеется, единственно правильной научной точкой зрения, так как позволяет выделить категории исторически определенных форм общественного хозяйства. Это и делает теоретическую экономию не только социальной, но и исторической наукой.

Поэтому следует признать вполне правильным и строго марксистским основное положение И. Рубина, что «политическая экономия изучает не материально-техническую сторону капиталистического процесса производства, а его социальную форму, т.-е. совокупность производственных отношений людей, образующую «экономическую структуру» капитализма. Техника производства, или производительные силы, входят в область исследования экономической теории Маркса только как предпосылка, как исходный пункт, который привлекается постольку, поскольку он необходим для об'яснения подлинного предмета нашего изучения, а именно, производственных отношений людей» (стр. 11).

Это, казалось, бесспорное определение предмета политической экономии, однако, вызывает двоякого рода возражения со стороны некоторых критиков И. Рубина. Во-первых, они считают такое определение неправильным, так как для Маркса, будто бы, обе стороны общественного процесса производства в их взаимодействии, в единстве материального и социального составляют непосредственный об'ект политической экономии; и, во-вторых, проведение различия между материальным процессом производства и его социальной формой будто бы ведет к отрыву социального от материального и что их противопоставление чуждо марксовой теории. На последнем мы оста-

новимся несколько ниже. Что же касается первого, то сказанного выше достаточно, чтобы констатировать у «критиков» смешение этих двух сторон общественного процесса производства, их расхождение с установившимися марксистскими взглядами. То обстоятельство, что материальное производство (производительные силы) связано с общественными производственными отношениями и причинно обусловливает последние, не уничтожает различия взаимодействующих, но противоположных сторон общественного процесса производства. Весьма характерна следующая цитата из введения «К критике политической экономии» Маркса. «5. Диалектика понятий; производительные силы (средства производства) и производственные отношения, диалектика, границы которой подлежат определению, и которая не уничтожает реального различия» (стр. 24). Не видеть этого, не различать этих взаимодействующих, но противоположных сторон общественного производства, не подвергать их особому, самостоятельному и отличному анализу—означало бы возврат назад от Маркса, вульгаризацию марксовой экономической теории.

Но провести различие между этими двумя сторонами общественного производства вовсе не означает сделать разрыв между ними. Критики И. Рубина особенно напирают на то, что это различие у него означает отрыв социального от материального. Мы попытаемся показать при рассмотрении взглядов И. Рубина по вопросам теории стоимости, что именно ему лучше, чем кому-либо другому из комментаторов Маркса удалось увязать стоимость с материальным процессом производства. Упрек же «критиков» является совершенно необоснованным. Что означает провести различие между социальной формой производства и его материальным содержанием? Это означает, что мы ставим своей задачей понять законы движения и развития общественных форм производства, определить тип и характер исторически-определенной общественной формации. Что означает отрыв социальной формы от материального процесса производства? Отказ рассматривать производительные силы, как движущую причину развития производственных отношений. Производительные силы не то же самое, что производственные отношения людей, но первые причинно обусловливают последние; движение «стоимости», изменение ее величины, например, есть явление социальное, обусловленное данным характером производственных отношений, но оно тесно связано с производительной силой труда. Отрицать это, означало бы отрыв социальной формы от материального содержания. Различать эти два явления, не видя, что материальное производство лежит в основе развития социальной формы, не может не означать произвольного, искусственного отрыва их друг от друга.

Когда критики И. Рубина пытаются «сблизить» его с «социальным» направлением в буржуазной политической экономии, о существовании которого многие из них, вероятно, впервые узнали из книги И. Рубина «Современные экономисты на Западе», то эти попытки критиков не имеют под собой никакой почвы. Если у Штольцмана, Петри и др. встречаются иногда правильные замечания, подчеркивающие социальное содержание категорий политической экономии, то это об'ясняется попросту тем, что они заимствовали кое-что у Маркса, к тому же извративши мысли последнего. Основной порок этих экономистов состоит в том, что они отказываются поставить в причинную связь социальные или, более непосредственно определяемые, экономические явления с материальным производством, с одной стороны; и далее, или рассматривают социальные отношения идеалистически, как продукт «человеческой воли», необходимо не вытекающей из условий материального производства, или отождествляют их с юридическими, правовыми отношениями.

Боязнь критиков И. Рубина сделать различие между материальным производством и его общественной формой находит свое об'яснение в том, что

для них действительно, об'ективно, реально существующее лишь «материальное»—в узком смысле физического, т.-е. чего-то видимого и осязаемого. Это—точка зрения механического материализма [1]). Установление связи социальной формы с материальным содержанием вовсе не означает их отождествления. Вовсе не устраняется реальное, об'ективное общественное существование, хотя в нем не заключено ни атома «естественного вещества», «ни одного атома материи». Стоимость по Марксу есть лишь «общественное отношение», имеет лишь «общественное бытие» и не содержит в себе «ни атома материи», однако, вряд ли найдется марксист, который отрицал бы за стоимостью характер об'ективного или реального существования или приписывал бы ей характер «фикции» [2]).

Но вернемся к И. Рубину. Быть может, он, проводя это различие, отрывает социальную форму от материального содержания, отказывается ставить их в причинно-обусловленную связь, представляя «самопроизвольное», «оторванно-самостоятельное» существование этих форм? Такого рода обвинения настолько неосновательны, что можно только удивляться «научной» смелости людей, приписывающих ему такие взгляды, когда вся задача И. Рубина, которую он блестяще решил, состояла в том, чтобы показать эту связь, найти все те посредствующие звенья, об'ясняющие нам эту связь. Чтобы показать всю неосновательность этих упреков, мы приведем из большого числа мест книги, где И. Рубин касается этого вопроса, лишь некоторые.

«Хотя политическая экономия изучает производственные отношения людей, но она всегда предполагает неразрывную связь их с материально-техническим процессом производства и имеет предпосылкой своего исследования определенное состояние и процесс развития материальных производительных сил» (стр. 10). В другом месте он пишет: «Таким образом, движущий толчок к изменению всей системы стоимостей исходит из материально-технического процесса производства. Развитие производительности труда выражается в уменьшении количества конкретного труда, фактически затрачиваемого в среднем на производстве. Но тем самым, в силу двойственного характера труда, как конкретного и абстрактного,—уменьшится количество этого же труда, рассматриваемого в качестве «общественного» или «абстрактного» (стр. 78).

Определяя политическую экономию, как науку о производственных отношениях между людьми в товарно-капиталистическом обществе, И. Рубин совершенно правильно делает, выдвигая на первый план марксову теорию товарного фетишизма. Большой заслугой И. Рубина является то, что он в своем изложении марксовой теории стоимости выдвинул на надлежащее место теорию товарного фетишизма и связал ее самым тесным образом с экономической теорией Маркса. «Политическая экономия должна прежде всего дать нам характеристику этой социальной формы хозяйства и свойственных ей производственных отношений людей. Маркс дает нам такую общую характе-

[1]) «Среди буржуазных ученых и их подголосков считается признаком хорошего тона указывать, что Маркс в своей теории ценности соорудил грубую механически-материалистическую стряпню. Однако, есть материализм и материализм. Материализм Маркса, поскольку он проявляется в его экономической системе, не только не приводит к товарному фетишизму, наоборот, делает впервые возможным его преодоление. В частности, ценность у Маркса есть одно из «получивших общественное признание и, следовательно, об'ективных мыслительных форм данного способа производства» («Капитал», I, 32), но «об'ективный» здесь отнюдь не значит «физический»: это такая же физическая вещь, как, напр., язык». Н. Бухарин. «Политич. экономия рантье», 4-е изд., стр. 65.

[2]) «... и тут Гегель прав по сути: стоимость есть категория, которая лишена вещества чувственности, но она истиннее, чем закон спроса и предложения». Ленин. сб., кн. IX, стр. 187.

ристику в своей «теории товарного фетишизма» (стр. 12). По правильному утверждению автора, эта теория «представляет собой о с н о в у всей экономической системы Маркса и, в частности, его теории стоимости» (стр. 13), выступая в качестве «общей теории производственных отношений товарно-капиталистического хозяйства» (стр. 12). Этот взгляд высказывался уже рядом марксистов, в частности, Плехановым и Н. И. Бухариным.

Не выдвигая этой теории в качестве такой основы, не выясняя этой особенности учения Маркса о товарном фетишизме,—невозможно понять существа марксовой теории стоимости. Что же можно сказать про работы, посвященные теории стоимости Маркса, где теории товарного фетишизма не отведено буквально ни одного слова, как это «умудрился» сделать А. Кон в первом издании своего «Курса политической экономии»?

И. Рубин впервые с и с т е м а т и ч е с к и разработал эту проблему, выдвинув и подчеркнув об'ективную основу товарного фетишизма. «Маркс показал не только то, что под отношениями вещей скрываются производственные отношения людей, но что, обратно, в товарном хозяйстве общественные производственные отношения людей неизбежно принимают вещную форму и не могут проявляться иначе, как через посредство вещей. Структура товарного хозяйства приводит к тому, что вещи играют особую, крайне важную общественную роль и приобретают особые общественные свойства» (стр. 14). «Вещь» в товарном обществе выступает не только как «оболочка», под которой скрывается производственное отношение людей,—она есть п о с р е д н и к общественных отношений. «Движение цен вещей на рынке—не только отражение производственных отношений людей, а единственная возможная в товарном обществе форма их проявления» (стр. 18). Вещь выступает в качестве «посредствующего звена» между людьми, «организует» производственное отношение. Эту об'ективную роль она приобретает потому, что производственные отношения людей в товарном обществе осуществляются только в в е щ н о й ф о р м е. Отсюда и вытекает «двойное бытие» вещи, не только материальное, но и общественное (функциональное).

В связи с этим вопросом, заслуживает быть отмеченным то понимание, которое И. Рубин дает часто встречающимся у Маркса словам «овеществление» и «кристаллизация». Не мало есть экономистов даже среди марксистов, которые понимают, например, стоимость, как овеществление самого материального труда, как его конденсацию, как кристалл труда в натуралистическом смысле. Это вульгарное понимание Маркса нашло свое отражение, например, в «Курсе политической экономии» А. Кона (стр. 16—17). Про таких экономистов можно сказать словами Маркса: «однако, нельзя так по-шотландски понимать овеществление и т. д., труда, как понимал его А. Смит. Если мы говорим о товаре, как об овеществленном труде,—в смысле его меновой стоимости,—то речь идет у нас только о воображаемой, т.-е. только о социальной форме существования товара, не имеющей ничего общего с его вещественным существованием: мы представляем его в виде определенного количества общественного труда или денег» (Теории пр. ценности, т. I, стр. 179). И. Рубин показал, что выражения Маркса «овеществление» труда, «кристаллизация» труда не дают никакого основания для механическо-натуралистического понимания марксовой теории стоимости. «Теория трудовой стоимости утверждает не материальную конденсацию труда, как фактора производства в вещах, как продуктах труда, а фетишизированное, овеществленное выражение общественного труда в стоимости вещей» (стр. 85).

Необходимо перейти к характеристике собственно теории стоимости Маркса, как она изложена в «Очерках». Какие ставит автор «Очерков» задачи перед теорией стоимости? В строгом методологическом соответствии с развитым им марксовым учением о товарном фетишизме он определяет цель теории стоимости «открыть под закономерностью приравнивания вещей

законы равновесия труда» (стр. 79). Предметом ее изучения является «соотношения разных видов труда в процессе его распределения, устанавливающиеся через меновое соотношение вещей, продуктов труда» (там же). Если категории теоретической экономии выражают овеществленные производственные отношения, то при рассмотрении стоимости, «перед нами встает задача доказать, что стоимость есть: 1) общественное отношение л ю д е й, 2) принявшее вещную форму и 3) связанное с процессом производства» (стр. 74). Недостатки многих предшествующих комментаторов учения Маркса, состоят в том, что, подходя к об'яснению стоимости, брали лишь одну из сторон марксова учения о стоимости, не пытаясь представить его в систематическом и е д и н о м виде. Бралась, например, лишь количественная сторона стоимости. Так как величина стоимости определяется количеством труда, необходимого для производства товара, то стоимость рассматривалась лишь как выражение производительной силы труда. Более глубоким пониманием марксова учения о стоимости было развитие той мысли, что стоимость выступает в качестве р е г у л я т о р а распределения труда между различными отраслями производства. Это давало понятие совокупного общественного труда. Наконец, издавна установившимся определением стоимости было определение ее, как выражения производственных отношений. И. Рубин представил эти стороны стоимости в единой теории, в их связи, с о е д и н и в количественную и качественную стороны стоимости. Это соединение нашло свое выражение в схеме И. Рубина, которую он достаточно подробно и последовательно развивает, а именно: производительность труда — абстрактный труд—стоимость—распределение общественного труда. Исходным пунктом, или движущим толчком для всей системы стоимости является развитие производительности труда, материально-технический процесс производства. Стоимость, являясь центральным предметом изучения в этой схеме, ставится автором «Очерков» в рамки развития производительных сил и распределения общественного труда.

Наибольшим нападкам И. Рубин подвергался за трактовку марксова учения об абстрактном труде. Категория абстрактного труда в теории стоимости играет центральную роль. Маркс сам в «Капитале» подчеркивает особое значение этой категории. «Эта двойственная природа заключающегося в товаре труда (конкретного и абстрактного) впервые критически указана мною. Так как этот пункт является центральным, так как к нему тяготеет понимание политической экономии, то мы осветим его здесь более обстоятельно». («Капитал», т. I, стр. 8). Однако, этот «пункт» и до сих пор является наиболее спорным вопросом среди самих марксистов-экономистов. То обстоятельство, что в стоимости «заключен» труд, было известно задолго до Маркса. Заслугой Маркса явилось действительное определение труда, образующего стоимость. «Маркс исследовал труд со стороны его свойства создавать стоимость и в первый раз установил, к а к о й труд, почему и как образует стоимость, установил, что вообще стоимость есть не что иное, как кристаллизованный труд э т о г о рода» (Энгельс. Предисловие к II т. «Капитала», стр. XXI).

Не только критики Маркса, но нередко и его сторонники определяют абстрактный труд в противоположность конкретному труду, как затрату человеческой энергии вообще, как отвлеченную физиологическую трату энергии. Это определение, служившее целям популяризации Маркса, однако, носит черты его вульгаризации. Маркс связывал двойственную «природу» товара (потребительная стоимость и стоимость) с двойственной «природой» труда, создающего товар. Он связывал конкретный, особенный, полезный, материальный труд с процессом создания потребительной стоимости, абстрактный труд—с процессом образования, «создания» стоимости. Труд, образующий стоимость, по Марксу, носит чисто общественный характер.

Обратимся прежде всего к самому Марксу. Он пишет в «К критике политической экономии»: «Условия труда, образующего меновую ценность, как они обнаруживаются при анализе последней, являются общественным определением труда, или определением общественного труда, но не просто общественного, а в особенном смысле. Это специфический род общественности. Однородность труда, лишенного различий, есть прежде всего равенство труда различных индивидуумов, взаимное отношение их труда, как равного, которое достигается, благодаря фактическому сведению всякого труда к однородному. Труд каждого индивидуума обладает этим общественным характером равенства (подчеркнуто нами) постольку, поскольку он выражается в меновых ценностях, и выражается в меновых ценностях постольку, поскольку он относится к труду всех других индивидуумов, как одинаковому» (стр. 46). Второй отличительной чертой труда, образующего стоимость, является то, что «рабочее время отдельного индивидуума выступает непосредственно, как всеобщее рабочее время, и этот всеобщий характер отдельного труда, как его общественный характер» (стр. 46). В отличие, например, от патриархального хозяйства, где общественный характер труда выступает в его непосредственной натуральной форме, «труд, который проявляется в меновой ценности, сразу выступает, как труд частного обособленного лица. Общественным он становится только потому, что принимает форму непосредственной своей противоположности, форму абстрактной всеобщности» (стр. 47). Только в форме абстрактного труда труд отдельного товаропроизводителя приобретает общественный характер. Но этим не исчерпывается марксова характеристика абстрактного труда. Он обусловливает его еще одной существенной чертой, без которой характеристика его будет недостаточной и не полной, а именно: «труд, создающий меновую ценность, характеризуется еще тем, что общественное отношение лиц представляется, наоборот, как общественное отношение вещей. Если... меновая ценность есть взаимное отношение лиц, то следует помнить, что это отношение прикрыто вещественной оболочкой» (стр. 48). И дальше, Маркс дает не оставляющее никаких сомнений следующее резюме: «Как целесообразная деятельность, направленная на присвоение элементов природы в той или иной форме, труд составляет естественное условие человеческого существования, не зависящее ни от каких общественных форм, условие обмена веществ между человеком и природой. Напротив, труд, создающий меновую ценность, является специфически общественной формой труда» (стр. 50). Этот (отвлеченный, всеобщий) «труд зависит от общественного строя» (там же). Приведем, наконец, последнюю цитату, в которой Маркс нападает на Франклина по поводу его определения абстрактного труда. «Франклин, напротив, полагает, что ценность сапог, руды, пряжи, картин, и т. д., определяется абстрактным трудом, который не имеет никакого особого качества и поэтому подлежит только количественному измерению. Но так как он не развивает понятия труда, заключенного в меновой ценности, как абстрактно-всеобщего и общественного, возникающего из процесса всестороннего отчуждения индивидуального труда, то он неизбежно упускает из виду и значение денег, как непосредственной формы существования этого отчуждаемого труда» (стр. 69).

Мы привели так много цитат из Маркса, чтобы сопоставить его взгляды с точкой зрения экономистов, выступающих против И. Рубина, который развивает именно это марксово понимание абстрактного труда, образующего стоимость. К каким выводам, например, приходит И. Дашковский в своей статье «Абстрактный труд и экономические категории Маркса» («П. З. М.». 1926 г., № 63), разбирая проблему абстрактного труда? «Абстрактный труд, труд вообще, труд как физиологическая затрата мускулов, нервов и пр.— есть понятие, выходящее далеко за пределы внутренней организации товарного хозяйства» (стр. 203). «Даже в тех исторических формациях, где конкретный труд выступает непосредственно в качестве общественного, где он не нуждается в кривом зеркале вещных отношений и абстрактных категорий, функция абстрактного труда абсолютно необходима, поскольку речь идет об учете общественной трудовой энергии» (стр. 205). Абстрактный труд, выступающий у Маркса как специфическое общественное «свойство» труда, оказывается у И. Дашковского естественным (физиологическим) свойством труда, логическим понятием, т. е. лишенным исторически определенных границ, внеисторической категорией. Как же он обходит ту «трудность», которая не может не возникнуть перед ним в связи с тем, что надо ведь кроме этих «дефиниций» дать об'яснение образования исторической категории стоимости? Оказывается, «абстрактный труд создает стоимость в том смысле, что он принимает форму стоимости продукта труда. Ясно, что способ выражения может и должен носить исторический характер, тогда как то, что служит предметом выражения, не зависит (!) от эволюции общественных форм» (стр. 213). И. Дашковский утверждает прямо противоположное Марксу. У Маркса абстрактный «труд зависит от общественного строя», у Дашковского все «наоборот». В ином варианте, но то же самое мы имеем и у А. Кона. У него абстрактныйтруд—процесс «целесообразной затраты физиологической энергии человека и только» («Курс п. эк.», изд. второе, стр. 19). «Так как всякий труд является затратой физиологической энергии, то это обстоятельство является общим свойством всех видов труда и входит в качестве логического определяющего в понятие абстрактного труда» (там же, стр. 65). Как же он ставит абстрактный труд в связь со стоимостью? У А. Кона тоже все «наоборот». Если по Марксу стоимость «создается» абстрактным трудом, то по А. Кону это не совсем так. По А. Кону абстрактный труд «как таковой» стоимости не создает. Абстрактный труд создает стоимость только в том случае, если этот труд, т. е. физиологическая трата энергии, выступает в специфической общественной форме. Если у Маркса «субстанция» стоимости есть «чисто-общественная» субстанция, то у А. Кона «субстанция» стоимости—абстрактный труд как физиологическая затрата труда и его специфическая общественная форма. Таким определением А. Кон думает «утвердить» материалистическое понимание стоимости. Изгоняемая, якобы, И. Рубиным «материя» «торжествует» у А. Кона, так как введена им в «законные права». Это «детская» ортодоксия! Определение абстрактного труда получило у него двойственный характер. В то время как у Маркса труд, создающий товар, обладает двойственной природой, у А. Кона труд, образующий стоимость, имеет двойную и противоположную характеристику. С точки зрения Маркса, материальный труд в определенной общественной форме создает товар, по А. Кону получается, что материальный (физиологический) труд в общественной форме образует стоимость. А. Кон, допустил грубейшую ошибку, переместив двойственную природу труда, создающего товар, в труд, образующий стоимость. Поэтому его определение труда, образующего стоимость, получает чисто механический набор характеристик. В то время, как у Маркса труд, образующий стоимость, получает исчерпывающую характеристику в понятии абстрактного труда, как специфической формы общественного труда,—общественно-необходимый труд выступает, как абстрактный труд в его количественной определенности,—по А. Кону этот труд получает разнообразную, внутренне не связанную характеристику По А. Кону это, во-первых, абстрактный труд (материальный труд)—логическая категория, во-вторых, общественный труд, в-третьих, общественно-необходимый труд (понятие качественно отличное от абстрактного труда,—историческая категория) и т. д. Вывод, к которому приходит А. Кон, таков: «чтобы труд создавал стоимости, (он) должен быть не только абстрактным, но и общественным трудом». Результат, к которому пришел А. Кон

в вопросе о соотношении между абстрактным трудом и стоимостью, поистине невелик: стоимость не создается абстрактным трудом!

Критики И. Рубина, собравшись в «поход» под видом «защиты» Маркса, выдают с в о е собственное, «самобытное» за ортодоксию, а извращение взглядов Маркса за подлинные его взгляды.

И. Рубин как в предыдущих изданиях «Очерков», так и в последнем издании с достаточной полнотой и убедительностью вскрыл неправильность взгляда, «интерпретировавшего» понятие абстрактного труда, образующего стоимость, как понятие физиологическое, а не как экономическую и историческую категорию. При этом И. Рубин берет за исходный пункт ту тесную связь, которую Маркс устанавливает между двойственной «природой» товара и двойственной «природой» труда, создающего товар. Процесс труда есть процесс е д и н о г о труда, но, рассматривая этот процесс с точки зрения его материального содержания, мы приходим к понятию конкретного труда, с точки зрения его общественной характеристики—мы получаем понятие абстрактного труда, выступающего у Маркса в качестве труда, образующего стоимость. Это различие, которое проводит И. Рубин между технической природой труда и его «социальной природой», дает ключ к действительному пониманию марксовой связи между двойственной природой труда и двойственной природой товара. Труд, образующий стоимость, не есть с п е р в а абстрактный труд (в физиологическом смысле), а п о т о м общественный, но есть лишь и только общественный труд в форме абстрактного или абстрактно-всеобщего труда. Абстрактный труд не должен быть противопоставляем общественному труду,—он есть лишь свойственный товарному производству специфический род, вид общественного труда. Это единство взгляда на труд, образующий стоимость, приводит к тому результату, что между различными понятиями труда, выступающими у Маркса, устанавливается внутреннее единство. Понятие простого труда связано с абстрактным трудом, как его дополнительная характеристика, общественно-необходимый труд выступает не как обособленная, извне присоединенная характеристика труда, но лишь в качестве количественной стороны абстрактного (общественного) труда. Связь и различие между абстрактным трудом и общественно-необходимым трудом носит такой же характер, как между стоимостью и величиной стоимости.

Абстрактный труд выступает в качестве общественной характеристики труда, но не выступает в виде его материального субстрата. И. И. Рубин поэтому приходит к тому выводу, что абстрактный труд, имея лишь «общественную характеристику», не содержит в себе «ни атома материи». В третьем издании «Очерков» И. Рубин подробно развивает эту характеристику абстрактного труда и выясняет отношение последнего к «физиологическому, физиологически-однородному и социально-уравненному труду». «Физиологическое равенство труда представляет собой необходимое условие для того, чтобы вообще могло происходить социальное уравнение и распределение труда. Только на основе физиологического равенства или однородности человеческого труда, т.-е. разносторонности и гибкости трудовой деятельности человека, и возможен переход от одной работы к другой, следовательно, и возникновение общественной системы разделения труда и, в частности, системы товарного хозяйства, характеризуемой абстрактным трудом» (стр. 152). Но это равенство человеческого труда «представляет собой биологическую предпосылку», «но не причину развития общественного разделения труда». Степень развития и формы последнего определяются чисто социальными причинами» (стр. 153). Отсюда следует, что равенство труда, находящее свое выражение в равенстве стоимостей—есть социальное равенство, социальное уравнение. Труд, образующий стоимость, представляет не физиологическую, а «общественную» субстанцию». Абстрактный труд не есть «самостоятельное» существование труда, но есть лишь е г о о б щ е с т в е н н о е существование, т.-е. выступает в качестве общественной стороны е д и н о г о труда.

По мнению А. Кона, основной, решающий дефект «Очерков» И. Рубина лежит в методе, который применяет он в своей книге. А. Кон «милостиво» «приближает Рубина к марксистским позициям», но вся беда И. Рубина, по его мнению, состоит в том, что «он не отказывается от того метода, который привел его к немарксистской, насквозь идеалистической (!) теории стоимости» («Курс п. эк.», стр. 74). Мы находим, что А. Кон «прав». Именно в м е т о д е лежит «гвоздь» различных оценок марксовой теории стоимости. В чем корень ошибок А. Кона и его «единомышленников»? В чем состоит основная ошибка критиков И. Рубина? В том, что они, во-первых, неправильно пользуются абстрактным методом Маркса и, во-вторых, что особенно важно, подменяют его диалектический метод аналитическим. В своей знаменитой первой главе Маркс пишет: «Правда, политическая экономия анализировала хотя и недостаточно — стоимость и величину стоимости и раскрыла скрытое в этих формах содержание. Но она ни разу даже не поставила вопроса: почему это содержание принимает такую форму, другими словами, почему труд выражается в стоимости, а продолжительность труда, как его мера в величине стоимости продукта труда?» («Кап.», т. I, стр. 48). Маркс не из стоимости выводил труд, но из данной общественной формы труда, из данных, присущих товарному производству, производственных отношений выводил необходимость стоимости. В «труде» мы должны искать об'яснение стоимости. Именно это обстоятельство и делает «труд», образующий стоимость, центральным пунктом в марксовом учении о стоимости. Но это же методологически приводит нас к необходимости определить абстрактный труд, как социальное и историческое понятие. Этим диалектическим методом проникнута вся книга И. Рубина.

Критики «Очерков» допускают еще одну методологическую ошибку: выдают за «ортодоксию» совершенно чуждый Марксу прием «нахождения» абстрактных понятий. Исходя из того, что самые абстрактные понятия должны быть простейшими понятиями, они «находят» эти простейшие понятия научно совершенно недопустимым путем. В самом деле. Каково может быть самое простое, абстрактное понятие труда, по мнению критиков? Понятие труда «как такового». Но труд «как таковой есть безразличная, бескачественная, однородная физиологическая затрата человеческой энергии» Ergo! Найдено самое простое понятие труда, та «степень» абстракции его, которая должна «лечь» в основу политической экономии. Эта абстракция труда и есть абстрактный труд! Этот путь «отыскания» наиболее простых, абстрактных понятий в к о р н е противоречит марксову пониманию абстрактных категорий. У Маркса абстрактные понятия вовсе не исчерпываются «простотой», у него абстрактное понятие есть простое понятие в меру. И выступает оно вовсе не как просто отвлеченная категория, но как одна из сторон к о н к р е т н о г о. Абстрактное понятие у Маркса выступает в качестве одностороннего отображения конкретного. Поэтому с точки зрения Маркса законна лишь такая абстракция, которая отражает специфически-историческую действительность, а вовсе не «пустышка».

Чтобы не оставить никаких сомнений, на этот счет во взглядах Маркса, мы приведем несколько цитат, которые покажут это с полной очевидностью. «Метод восхождения от абстрактного к конкретному есть лишь способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его духовно как конкретное». (Введение «К критике пол. эк.», стр. 25). «Абстрактные определения ведут к воспроизведению конкретного путем мышления» (там же). Абстрактные «категории поэтому выражают формы бытия, условия существования, часто только отдельные стороны

этого (буржуазного) определенного общества» (там же, стр. 29). И в приложении к наиболее простейшей категории, труду, Маркс пишет: «Этот пример труда убедительно доказывает, как даже самые абстрактные категории, несмотря на то, что именно благодаря своей отвлеченности они применимы ко всем эпохам, в самой определенности этой абстракции являются в такой же мере продуктом исторических отношений и обладают полной обязательностью только для этих отношений и внутри их» (стр. 28).

Приведенного достаточно, чтобы убедиться, что Маркс устанавливал и для понятия труда такую степень абстракции, которая, однако, была бы отражением современного товарного общества. Этому методу «нахождения» абстрактных понятий полностью удовлетворяет толкование абстрактного труда, как «буржуазного труда, отображающее общественную форму организации труда в товарном обществе».

В заключение необходимо сделать ряд частных замечаний по поводу третьего издания «Очерков». В нем И. Рубин исправил ряд неудачных формулировок, в которых не оттенялось с достаточной ясностью различие между обменом, как фазой воспроизводственного процесса, и обменом, как социальной формой производства. Эти формулировки дали повод критикам обвинить И. Рубина в наличии у него «меновой концепции», «согласно» которой он, якобы, перемещает абстрактный труд, а «стало быть» и стоимость в сферу обмена, противопоставленную сфере производства. Насколько этот упрек был не основателен по существу, показывают результаты исправления этих формулировок в третьем издании. Эти исправления не только не нарушили существа его трактовки марксовой теории стоимости, но в еще большей мере укрепляют его позицию. Но И. Рубин не ограничился исправлением этих формулировок, но дал ряд ценнейших указаний, как смотрел Маркс на вопрос о соотношении между обменом и производством. Он показал, что «производство» у Маркса имеет более широкий смысл, и «вскрыл» точное понимание Маркса в вопросе о соотношении между сферой обмена и сферой непосредственного производства. В непосредственном производстве труд товаропроизводителя выступает непосредственно частным, но посредственно, косвенно, «потенциально», «идеально» общественным трудом, и лишь в обмене он выступает как непосредственно общественный труд. Поэтому критики, потратившие столько труда доказать, что И. Рубин «меркантилист», доказывая, что стоимость и абстрактный труд есть в производстве до обмена, без обмена и т. д., и т. п., просто не усвоили себе более сложное соотношение, которое существует между производством и обменом.

В третьем издании «Очерков» И. Рубин коренным образом исправил точку зрения на «содержание» стоимости. «Содержание» стоимости им отождествлялось с материально-техническим процессом производства, а не выступало, как абстрактный труд. По недостатку места мы не имеем возможности коснуться этого существенного вопроса, но нам необходимо отметить, что И. Рубин исправил это уязвимое место его «концепции», совершенно правильно отмечавшееся рядом экономистов. В новом изложении «содержанием» стоимости выступает абстрактный труд.

Было бы крайне ценным, если бы «Очерки» получили свое дальнейшее развитие разработкой проблемы денег в связи с теорией стоимости Маркса. Учение Маркса о деньгах самым непосредственным образом примыкает к марксову учению об абстрактном труде. Разработка проблемы соотношения абстрактного труда и денег у Маркса,—кстати сказать, совершенно еще никем не затронутой,—было бы весьма ценным, новым обогащением «Очерков».

В конце книги дан в виде приложения «Ответ критикам». Этот блестящий по форме и глубине ответ дан трем экономистам (И. Дашковскому, С. Шабсу и А. Кону). В нем в полемической форме не только вскрыты грубейшие ошибки «критиков», но и изложены как его общий методологический подход, так и основы его «Очерков».

Работы И. Рубина не нуждаются в особой рекомендации. В нашей периодической марксистской литературе его работы отмечались, как работы крупного теоретического значения, написанные с присущей ему талантливостью и глубиной [1]).

Мы хотели бы указать на то значение, которое приобретают «Очерки» в настоящее время. В наших общественных науках (философия, история, политэкономия) проявляется, повидимому, достаточно «закономерно» процесс «вызревания» элементов ревизии марксизма. Наиболее резко, как и следовало ожидать, это сказалось прежде всего в философии. Борьба между диалектическим материализмом и механическим материализмом показывает эту ревизию наглядно. В политической экономии это «родственное» философии явление и идущее по тем же самым водоразделам только намечается. Но пренебрежение марксовой диалектикой будет мстить за себя и здесь. Попытки оперировать в политэкономии «анализом» неизбежно приведут и приводят уже к вульгаризации Маркса. Ревизия Маркса может итти, вообще говоря, самым причудливым образом, но известно, что вульгаризация его учения давно уже стала проторенной дорогой для ревизионизма. Пока эта вульгаризация Маркса проистекает чаще от «незнания», чем от «знания». Постольку есть, разумеется надежды сравнительно быстро и легко поправить людей. Но бесспорно, «Очерки» И. Рубина помогают преодолевать эту вульгаризацию и являются значительным средством для разоблачения и исправления этих ошибок. Книга И. Рубина поэтому приобретает, можно сказать, немалое «служебное» значение в наше время.

---

[1]) Нельзя не указать на совершенно недопустимую,—не говоря уже о существе ее.—но по форме, рецензию С. Бессонова в газете «Известия» от 30/X—28. Этот рецензент, видимо, решил действовать в политэкономии «по-шотландски», вообразив почему-то, что это и есть «марксистская» ортодоксия.

И. Мингулин.

За линию VI конгресса в американской компартии.

(Окончание. Начало статьи см. в № 2 с. г.).

VI Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала дал четкую и целостную, увязанную во всех своих звеньях—перспективу мирового развития и тактическую линию нашим партиям. Основа этой перспективы—огромное обострение противоречий капиталистической стабилизации на новой основе. На какой? На основе известного роста капиталистического производства. Было бы большой ошибкой не видеть, не полностью оценить эту новую основу. Это влекло бы к ряду тактических ошибок ультра-левого порядка, могущих стать опасными для нашего движения. Но несравненно большей ошибкой и большей опасностью было бы не видеть огромного обострения противоречий стабилизации на этой новой основе, выпирая только, или лишь даже по преимуществу черты положительные для капиталистической стабилизации с точки зрения буржуазии. Та или иная ошибка ведет к ультра-левому или к правому ликвидаторству в наших партиях и во всем Коминтерне. Мы сейчас переживаем как раз такой исторический период, отрезок развития, когда правое ликвидаторство становится особенно опасным. К этому есть ряд причин, но важнейшие, специфические вытекают из характера исторического перехода, в котором мы активно участвуем. Огромное давление об'единенного аппарата буржуазного государства, предпринимательского, реформистских профсоюзов и партий на ряду с известным ростом производительных сил капитализма путем «рационализации» и возможностью некоторого подкупа верхушек рабочего класса вносит коегде колебания в рядах пролетариата. Они передаются и в ряды коммунистического авангарда пролетариата, особенно там и в тех слоях, где этот авангард близко соприкасается и находится под непосредственным идейным давлением реформистов, не имеет большой школы большевизации, сохранил еще большие социал-демократические и мелкобуржуазные пережитки, значительно оторван от движения наиболее угнетенных капиталистической стабилизацией самых многочисленных отрядов пролетариата. В этих особенно прослойках шаг за шагом пробивает себе дорогу такое представление, что вообще, мол, не пора ли отбросить все эти «частичные» атрибуты стабилизации, не есть ли эти атрибуты самообман, не пора ли «трезво» посмотреть в глаза действительности и сказать «смело», что капитализм идет вверх, он разрешил свои самые острые проблемы, мы оказались в просчете и т. д. и т. д. Одни высказывают это более смело, другие не договаривают до конца,—«смелость» мысли, так сказать, не распространяется на смелость речи и письма,—третьи, надеются найти какую-то середину и пр. Разумеется, отсюда, из таких положений вытекают определенные тактические выводы.

Но это лишь одна сторона, питающая правые натроения и уклоны, как и примиренчество к ним. Правая опасность отражает не только вот эти «положительные» стороны стабилизации, но и все больше ее отрицательные, растущие, новые черты. Известное развитие стабилизации с точки зрения классовых отношений достигается путем огромного усиления эксплоатации рабочего класса. В общем все больший рост так называемых «структурных» противоречий говорит об этом совершенно неопровержимо. Поскольку в основном пролетариат уже оправился непосредственно от прошлых поражений, последнее обстоятельство вызывает в его рядах все растущее полевение и революционизирование. Кое-где и кое-когда пролетариат в столкновениях с капиталом пытается переходить и даже переходит в контрнаступление при бешеном сопротивлении его реформистского руководства во всей этой борьбе. Вся эта совокупная обстановка вызывает изменение в тактике Коминтерна — класс против класса, самостоятельное руководство со стороны компартии в с е й борьбой рабочего класса против реформизма, об'единенного по всем линиям и откровенно с буржуазией, организация неорганизованных и новых революционных профсоюзов, где это вызывается потребностью борьбы. Все это в совокупности еще с основной и решающей всемирно-исторической важности перспективой наступившего периода мирового развития—растущей подготовкой войны со стороны империалистов—ставит как основную и центральную задачу: боевую революционную подготовку наших рядов для решающих испытаний, которые не за горами и под этим новым углом зрения, новой установкой—борьба за массы.

Конечно, для людей, которые склонны видеть только или по преимуществу «положительные» стороны стабилизации, захлебываться от технических и производственных достижений капитализма, с чего начали все блаженной памяти ренегаты, как Филипп Пройс, Ньюболд и т. д.,—все это кажется почти что ужаснейшей чепухой, чем-то крайне несерьезным, просто не научным, каким-то рецидивом ультра-левизны, как и, с другой стороны, для людей ужасно-революционных полный учет «положительных» сторон стабилизации кажется почти центризмом. Этот поворот об'ективной ситуации, как и тактики К. И., влево вызывает растущее сопротивление и колебания правых и неустойчивых (примиренческих) элементов тем более, что сам по себе поворот в тактике, как и всегда, сопряжен с большими трудностями. Борьба против правых и примиренцев становится борьбой за исторический поворот в развитии мирового пролетарского движения, в развитии Коммунистического Интернационала. Несколько торопящиеся, упрощающие вопрос «левые» настроения, питающиеся как пролетаризующимся мелким буржуа, так и непрошедшими школы классовой борьбы отсталыми прослойками пролетариата, давят с другой стороны. Если нужно в некоторых местах создать несколько новых профсоюзов, то правые говорят: ни одного и нигде, а «левые» требуют много и во многих местах. В самой об'ективной ситуации заложены оба уклона, обе опасности, но, главным образом, правая опасность растущая, новая по своим чертам, конкретным лозунгам, требующая высокого идеологического уровня и большего теоретического и революционного воспитания партий для борьбы и преодоления. Поэтому конгресс выдвинул лозунг борьбы на два фронта с главным огнем направо. Правая опасность есть прежде всего опасность л и к в и д а т о р с к а я—в этом решающее обстоятельство.

Само положение американского капитализма, как и специфические условия зарождения и развития нашей американской компартии, говорят о том, что вопрос о правой опасности стоит в ней с неменьшей серьезностью, чем во всем Коммунистическом Интернационале. Но вопрос значительно осложняется тем, что сама подавляющая часть руководства партии, совершавшего в целом примерно до кануна конгресса ряд правых ошибок, после

конгресса определенно обнаружила тенденцию к углублению своих правых ошибок, тенденцию к превращению их в систему правых ошибок, тенденцию развития вправо. Под этим углом зрения необходимо рассмотреть достижения и недочеты партии и ее внутрипартийное положение.

II.

Достижения и недочеты в развитии Уоркерс Парти Америки.

Положение и задачи нашей партии определяются следующими моментами:

а) Наличие самого могущественного империализма в мире и соответствующего ему реформизма.

б) При 30 милл. рабочих в стране Уоркерс Парти насчитывает только около 10 тыс. членов партии, подавляющее большинство которых не принадлежит к числу уроженцев Америки и имеет весьма слабую связь с основными категориями рабочего класса.

в) Начавшееся революционизирование рабочих масс и обострение классовой борьбы в то время, как Уоркерс Парти еще остается весьма слабой и раздирается гибельной фракционной борьбой.

г) Несмотря на чрезвычайно неблагоприятные условия об'ективного характера, а также несмотря на неудовлетворительное внутрипартийное положение, Уоркерс Парти играла руководящую роль в целом ряде крупных столкновений и выступлений рабочего класса в борьбе с капиталом (стачки и локауты) и американским империализмом (кампания в защиту Сакко и Ванцетти и т. д.).

Совершенно очевидно, что основное звено при нормальном развитии партии и правильной политике, заключается в установлении тесного контакта с коренными рабочими Америки, занятыми в основных отраслях промышленности. В этом отношении положение нашей партии крайне неудовлетворительно. Если добавить к этому, что процент рабочих в составе руководства гораздо меньше, чем в составе всей партии, то надо сделать следующие выводы:

а) работа партии среди рабочих, занятых в основных отраслях промышленности, неудовлетворительна.

б) Выдвижение рабочих в состав руководящих органов партии весьма недостаточно.

Партия сумеет стать истинно коммунистической и большевистской организацией и стать фактором революционизирования масс только в том случае, если социальный состав партии и ее руководства, начиная с бюро ячеек и кончая ЦК и Политбюро, будет иметь большинство из рабочих, по преимуществу занятых в основных отраслях промышленности.

Определенный сдвиг в сторону революционизирования масс, неизбежное дальнейшее развитие этого процесса под все растущим давлением капиталистической рационализации и милитаризма, все более реакционная политика реформизма,—все это уже создало и создает благоприятные об'ективные условия для работы и развития нашей партии. Массы уже обнаружили способность вести героическую и ожесточенную борьбу с капиталом (горняки Колорадо, Пенсильвании и Огайо, текстильщики Пассайка и Нью-Бедфорда, швейники и т. д.). Политический результат этой борьбы в период открытого об'единения реформистов с предпринимателями, заключается в том, что она все более и более принимает характер борьбы вопреки и через головы реформистских вождей; что она подрывает влияние этих вождей и все более проходит под влиянием и непосредственным руководством коммунистов.

Успехи, достигнутые движением и конференциями в защиту трэд-юниона горняков, кампания по организации новых трэд-юнионов и в других отраслях промышленности, комитеты движения безработных, находящиеся под руководством коммунистов,—все это ясно указывает на настроения масс в области профдвижения. Отклик масс во время кампаний в защиту Сакко и Ванцетти и «Руки прочь от Китая», также показал, что увязка частичной экономической борьбы с общими революционными лозунгами значительно содействует прояснению революционной классовой сознательности широчайших масс пролетариата.

Эти основные достижения партии надо рассматривать как **начало** проникновения партийного влияния в широкие массы и превращения партии из пропагандистской организации в партию политической борьбы.

В ряде своих писем и резолюциях Коминтерн уже обращал внимание партии и на многие и серьезные **недочеты** и **ошибки** в ее работе. VI Конгресс Коминтерна в своей резолюции о международном положении и задачах Коминтерна указал на целый «ряд правых ошибок» по отношению к социалистической партии, в деле организации Лейбор Парти, в недостаточно энергичной работе партии по организации неорганизованных и негров; указывалось на то, что партия не ведет достаточно четкой и энергичной борьбы с воинственным империализмом Соед. Штатов в Латинской Америке; на практикование партией методов буржуазной политики и приспосабливание к критике К. И., вместо серьезной самокритики.

В последнее время некоторые из этих ошибок и недочетов были смягчены или преодолены, другие, наоборот, углублены и к ним прибавилось много новых ошибок.

Что наша партия еще продолжает прибегать к методам, применяемым буржуазными политиками, к рекламе и самовосхвалению, видно из того, в каком духе большинство ЦК недавно приняло и толковало резолюцию VI конгресса и Политсекретариата по вопросу об американской партии (письмо Политсекретариата от 21. XI. 1928 г.).

Несмотря на значительные успехи, достигнутые в деле организации неорганизованных, руководство партии, повидимому, еще не осознало в полной мере важность этой работы и не выработало до конца правильной политики в этой области. Это обнаруживается в недостаточной поддержке, оказываемой аппарату Лиги Профсоюзной Пропаганды и недостаточно энергичной политике в деле организации неорганизованных, образования новых трэд-юнионов, руководства забастовками и т. д.

Что касается аграрного вопроса, то чрезвычайно важная проблема работы, среди сельскохозяйственных рабочих и фермеров стоит совершенно на заднем плане, чтобы не сказать хуже. Такое положение совершенно недопустимо для коммунистической партии.

Накануне VI конгресса Коминтерна, фракционная борьба в рядах партии снова разразилась с небывалой силой. В результате этого партия приняла весьма слабое участие в работе VI конгресса Коминтерна. Поэтому всемирный конгресс не оказал существенного влияния на партийную жизнь. Это стало возможным благодаря резкому отграничению обсуждавшихся на конгрессе общих вопросов от вопросов, непосредственно касающихся американской партии. В результате этого каждая группировка в рядах партии истолковывала постановления конгресса по-своему. Дискуссия вокруг постановлений VI конгресса на основе широкой критики снизу, как средство для преодоления внутрипартийных разногласий, для выработки четкой большевистской линии, была заменена произвольным и фракционным истолкованием этих постановлений, что лишь еще более обострило борьбу внутри партии. Это истолкование не раз'яснило, а, наоборот, затемнило в умах членов партии смысл постановлений всемирного конгресса. Усилия партии и ее

руководства были преимущественно затрачены на внутреннюю борьбу, и это серьезно затормозило мобилизацию партийных сил во время президентских выборов.

Наконец, эта борьба привела к внезапной вспышке троцкизма в рядах партии.

Таковы основные ошибки, допущенные руководством партии и самой партией; таковы основные недочеты в партийной работе.

Эти недочеты в работе партии, ошибки, допущенные ее руководством, развитие фракционной борьбы, троцкистское выступление Кеннона, на ряду с все более настоятельно выдвигаемой задачей перед партией, диктуемой всей об'ективной обстановкой в С.-А. Соед. Штатах, всем послевоенным развитием американского империализма,—в кратчайший срок превратиться из численно небольшой пропагандистской организации в массовую политическую партию рабочего класса Америки,—все это заставляет поставить вопрос о положении в американской партии во всей его серьезности. Несомненно, что нынешний кризис партии и прежде всего руководства является кризисом роста партии. Об этом свидетельствует развитие об'ективного положения, об этом свидетельствует растущее влияние партии среди масс, об этом свидетельствует тот факт, что за последнее время внутренняя борьба концентрируется вокруг решающих, принципиальных вопросов Коммунистического Интернационала.

Основная особенность нынешнего периода, характеристику которого дал VI конгресс Коминтерна, заключается в том, что мы уже вступили в период грандиозного обострения внутренних и внешних противоречий капиталистической стабилизации. Это обстоятельство создает поворот в развитии наших партий. Некоторые наши партии прошли значительную часть, другие начали проходить этот сложный переходный период. Уоркерс Парти Америки еще не прошла через этот период. Предстоящий с'езд должен ознаменовать собой решающую фазу развития партии в этом направлении, он должен заложить основы понимания партией нового периода развития, новых задач. Вопрос о правой опасности и примиренческом отношении к ней, непосредственно связан с этим поворотом. Правая опасность и примиренчество означают именно это нежелание освоиться с новыми условиями и задачами, попытку удержаться на старых позициях, т.-е. толкать движение назад, к тем позициям, которые при новых условиях и перед лицом новых задач являются явно оппортунистическими. На данном этапе развития это требует соответствующего изменения характера, содержания, направления и формы тактической линии нашей партии, как и всех партий Коммунистического Интернационала. Эта потребность приспособления к новым условиям и задачам начала ощущаться в партии в последнее время. Она не ощущалась с такой остротой, как в других наших главных партиях. Но острота этой потребности все больше росла в силу ряда условий более общих и более частных.

а) Условия создания и развития нашей партии с огромным давлением на всю ее деятельность глубоко в'евшегося в ее организм наследия кружковщины и цеховщины, борьбы групп, группочек и фракций, отражавших интересы и привычки самых разнообразных социальных и национальных групп в партии, мешали партии ее руководству сомкнуться широким фронтом с массами рабочего класса, по-ленински отражать ее развивающиеся потребности революционной классовой борьбы.

б) Общий социальный состав партии без преобладания коренных промышленных пролетариев в ее рядах и особенно в руководстве мешали преодолению этих исторически сложившихся недостатков развития нашей партии, и, наоборот, иногда еще больше усугубляя эти недостатки.

в) Почти безраздельное господство могущественнейшего американского империализма и самого цинично-реакционного представителя завершенной рабочей аристократии,—американского реформизма—над идеологией рабочего класса Америки при этих условиях создавало наибольшее количество шансов для проникновения в ряды коммунистической партии элементов оппортунизма, коррупции и мелкобуржуазной левизны, быстро перекрашивающейся в крайний оппортунизм—и наоборот.

Совокупность этих условий создавала в партии на всем ее развитии крайнюю неустойчивость внутрипартийной ситуации: с одной стороны, правый уклон и ошибки, с другой, ультралевый уклон и ошибки. Понятно, что в переломный период рабочего движения и развития коммунистической партии все эти недостатки должны были выявиться с особой остротой (и понятно, что без их преодоления невозможен этот перелом в партии). Этому способствовало в значительной степени и то обстоятельство, что партийное руководство в ответ на неоднократную критику ИККИ вместо широкого обсуждения в рядах партии ошибок ее и ее руководства действовало узко-бюрократическим путем, «принимая с удовлетворением» критику К. И. и считая этим ошибки исправленными. Это делалось без широкой идейно-политической кампании вокруг ошибок партии и естественно не могло удовлетворить одному из основных условий развития большевистской партии,—учиться на ошибках, чтобы массы из учета опыта совершенных ошибок подымали свою сознательность и активность. К тому же часто враждующие фракции в своих целях использовывали и приспособлялись к «кон'юнктуре» в К. И. Принципиальная политика заменялась беспринципным политиканством. Слишком легкое принятие критики, слишком поспешный отказ от ошибок, их слишком быстрое бюрократическое исправление обнаруживают чаще всего лишь беспринципность или не слишком глубокую принципиальность и поэтому часто не лучше, чем настаивание на ошибках.

Каково же внутрипартийное положение партии с точки зрения этого поворота?

III.

Внутрипартийное положение в американской компартии, борьба против главного, правого уклона и примиренчества к нему и борьба против ультра-левизны и троцкизма.

Фракционная борьба в американской компартии, идущая в ней почти с первых дней ее создания, в настоящее время разгорелась с необычайной остротой. Партийное развитие парализуется внутрипартийной борьбой. Эта борьба начинает принимать принципиальный характер в силу развития внутрипартийного положения во всем Коминтерне, в силу развития классовой борьбы в самой Америке. И дальше, повторение одних и углубление других ошибок большинством, настаивание (или неотказ) меньшинством на своей оговорке к пункту резолюции VI конгресса по американскому вопросу, взрыв троцкизма в партии, который использовывает ошибки и оговорки обеих групп,—все это, отнюдь не исключая беспринципность или недостаточную принципиальность борющихся групп, придает сугубо принципиальное значение самой происходящей внутрипартийной борьбе.

Развитие событий после VI конгресса Коминтерна полностью подтвердило его тезис о том, что главной опасностью во всем Коминтерне стала и становится правая опасность. Без понимания этого основного внутрипартийного тезиса невозможна сейчас правильная линия компартии. Этот тезис конгресса относится ко всем секциям КИ и во всяком случае к крупнейшим его партиям. И, во-вторых, как видно из его формулировки, он не является

чем-то кон'юнктурным, а соответствует всей природе целого предреволюционного периода развития и сообразной тактике КИ.

К нашей Американской компартии этот тезис также относится полностью и сугубо. Условий для правой опасности в Американской компартии не меньше, чем в других основных партиях КИ. Эти условия, указанные выше, усугубляются еще следующими:

а) темп и глубина полевения рабочих масс в Америке слабей, чем в Европе.

б) поэтому Американская К. П. еще лишь начала проходить испытательный период;

в) несмотря на это, она уже успела совершить на первых ступенях этого поворота,—как отметил конгресс,—ряд правых ошибок;

д) главная ответственность за совершение этих ошибок, особенно после конгресса, падает на большинство ЦК;

и) руководство партии даже после конгресса не могло освободиться от этих ошибок, а некоторые из них непростительно углубило;

е) в Американской партии большевистские традиции очень слабы, она не имела революционных испытаний, которые закаляют и ч и с т я т партии, в ней еще поэтому велик тяжелый груз прошлого.

Совокупность этих условий делает правую опасность главной в нашей партии и в Америке; борьба против нее должна быть в центре внутрипартийной жизни. На этой борьбе, на основе глубокой самокритики, полного идеологического разоблачения правых настроений и уклона, партия по-революционному об'единит и закалит свои ряды. Все лучшие элементы партии, все рабочие-коммунисты должны сплотиться в этой борьбе.

Самое опасное для наших партий—недооценить правую опасность. Сущность правого уклона, как и всякого оппортунизма, есть большая способность к приспособлению, способность молчать или выступать, лишь нащупывая почву до поры до времени, до благоприятного момента.

Ленин всегда указывал и учитывал эту черту откровенного оппортунизма. «Когда говорят о борьбе с оппортунизмом,—писал он в «Шаг вперед, два назад»,—не следует никогда забывать характерной черты всего современного оппортунизма во всех и всяческих областях: его неопределенности, расплывчатости, неуловимости. Оппортунист, по самой своей природе, уклоняется всегда от определенной и бесповоротной постановки вопроса, отыскивает равнодействующую, вьется ужом между исключающими друг друга точками зрения, стараясь «быть согласным» и с той и с другой, сводя свои разногласия к поправочкам, сомнениям, к благим и невинным пожеланиям и проч.».

Уроки событий в германской компартии наглядно показали, как эти элементы умеют вести работу тихой сапой до удобного для их выступления случая, как они в этот момент пытаются об'единить против партии все колеблющиеся элементы. Поэтому полностью понять правую опасность, как имеющую глубокие корни в прошлом и настоящем рабочего движения, понять специфические методы и пути ее развития и работы, выступлений против партии, борьбы внутри нее против правильной линии — есть необходимейшее условие дальнейшей большевизации наших партий, есть условие нашей победы над реформизмом. Разоблачение и борьба против правой опасности не может быть успешной и совершенно недостаточна чисто идеологическим путем. Т о л ь к о п р а в и л ь н а я и к о н к р е т н о - р е в о л ю ц и о н н а я п о л и т и к а н а в с е х с в о и х з в е н ь я х п р а к т и ч е с к о й и и д е о л о г и ч е с к о й р а б о т ы м о ж е т р а з о б л а ч и т ь п р а в у ю о п а с н о с т ь и м о б и л и з о в а т ь в б о р ь б е п р о т и в н е е п а р т и й н ы е м а с с ы. Только так партия может преодолевать ее. Всякое уклонение от этой линии есть примиренчество по отношению к правым. Надо понять решающее, что сила оппортунизма есть сила капитализма-империализма.

Коминтерн отметил наличие в А. К. П. ультра-левых элементов и ошибок, в том числе и товарищей из меньшинства. Эти «левые» уклоны, между прочим, выражаются:

а) в том, что тт. из меньшинства не соглашаются с анализом ситуации в Америке, данным VI конгрессом К. И.;

б) в недооценке резервных сил американского капитализма и переоценке глубины и значения кон'юнктурных депрессий;

в) в переоценке полевения рабочих масс и недооценке силы американского реформизма;

г) в недооценке успехов партии в ее руководстве массовой борьбой;

д) в недооценке троцкистской опасности для партии.

В совокупности все это выражает тенденцию к упрощенной, ультралевой постановке вопросов тактики и этим фактически сдает позиции перед империализмом и реформизмом. К отдельным ультра-левым ошибкам и к ультра-левым уклонам в целом применима поэтому характеристика Ленина—оппортунизм наизнанку.

Не случайно, между прочим, что т е п е р е ш н и й взрыв троцкизма в партии нашел своих вождей и приверженцев в рядах меньшинства. Эта неслучайность об'ясняется в основном следующими обстоятельствами:

а) руководство американской компартии делает ряд правых ошибок и несколько примиренчески относится к правой опасности, поэтому борьба против партии, в чем состоит одна из черт троцкизма, была наиболее целесообразна в виде атак на нее «слева»;

б) меньшинство Американской партии, которое критикует ее руководство слева и «слева» впадает в некоторые оценки положения партии и ее руководства с полутроцкистскими тенденциями и создает этим для троцкистской критики партии «слева» благоприятную обстановку.

в) крайне правое откровенно оппортунистическое течение в партии не имеет еще достаточно подготовленной идеологической базы, эта идеология не создала еще серьезной опоры в сколько-нибудь значительных массах партии, поэтому неверие в партию, в чем состоит вторая характерная черта троцкизма, могло найти сколько-нибудь подготовленную базу в критике меньшинства партии;

г) в американской партии троцкизм уже не раз был платформой крайне-правых (явных ренегатов), поэтому борьба против партии под флагом троцкизма могла об'единить элементы и крайне правые и крайне «левые»;

д) сущность троцкизма: она состоит в двух основных чертах—неверие в партию и борьба против партии, при этом содержание его платформы в зависимости от исторической ситуации варьирует от крайне левых положений до полу-социал-демократических и контрреволюционных. Поэтому история троцкизма богата самыми беспринципными и причудливыми блоками. В последний период своего развития троцкизм все время критикует партию и К. И. «слева». Это об'ясняется тем, что троцкизм, окончательно разоблаченный Лениным, как полуменьшевистское течение, не имел бы никаких шансов на кадры партий, выступая как откровенно полуменьшевистская партия. Во-вторых, троцкизм рассчитывает на некоторое усиление ультра-левых настроений в партиях, созданных отступательными и оборонительными маневрами после поражений 1923 г. и в первый период стабилизации капитализма.

Из всего этого в сочетании с социальным составом и историческими условиями развития партии следует что троцкизм имеет некоторые возможности в нашей партии. В данный момент партия должна прежде всего ликвидировать возможность развития троцкизма в своих рядах. Необходимой предпосылкой к этому является исправление всех ошибок большинства и меньшинства и ликвидация недочетов в работе и развитии партии, которые отмечены выше. Немедленно должны быть сняты всякие оговорки со стороны

большинства и меньшинства к тезисам VI конгресса К. И. о мировом положении и задачах К. И. Курс партии должен быть выправлен. Никаких правых ошибок. Партия и ее руководство должны быть орабочены. Огонь партии должен быть направлен против реформизма. Партия энергичней должна работать в массах, среди неорганизованных (важнейшее практическое и политическое звено), среди негров. Это есть важнейшие условия борьбы против опасности войны и американского империализма.

При постепенном, но решительном и систематическом устранении недочетов и ошибок в работе и развитии партии, при решительном и большевистском исправлении ошибок большинства и меньшинства, при мобилизации всех сил партии и особенно ее пролетарского ядра на основе беспощадной самокритики партия с успехом ликвидирует внутрипартийный кризис, поведет борьбу на два фронта внутри и вне партии и обеспечит свое единство, сделав решительный поворот в своем развитии и поднявшись на историческую ступеньку выше. Партия должна взять как свой боевой девиз указание Ленина о связи фракционности в партии с ее социальным составом. В предисловии к сборнику «За 12 лет» Ленин писал: «расширение партии пролетарскими элементами одно только может, в связи с открытой массовой деятельностью, вытравить все унаследованные от прошлого и не соответствующие задачам настоящего следы кружковщины».

IV.

Предс'ездовский декабрьский пленум ЦК партии, тенденции в развитии большинства и меньшинства, наши задачи.

Таково было положение в партии примерно до кануна предс'ездовского декабрьского пленума ЦК партии. Это положение уже было серьезным. Но развитие накануне пленума и работы самого пленума показали на ряду с правильностью данного выше анализа, насколько быстро идут сдвиги в партии, насколько сильно давление оппортунистической идеологии на партийное руководство. Скажем прямо, большинство ЦК ответственное за руководство партией, представило к пленуму такие тезисы о политическом положении и задачах партии, которые в некоторых решающих пунктах находятся просто-напросто вне коммунистической критики, общая линия которых идет прямо в разрез с линией и решениями VI конгресса К. И. В связи с этим необходимо специально остановиться на предпленумских и пленумских документах. Такими политическими документами, которые нельзя обойти при анализе партийного положения, мы считаем следующие: а) статьи Пеппера («Коммунист») по колониальному вопросу, якобы об'ясняющие линию VI конгресса, б) статью Пеппера о результатах президентских выборов, якобы представляющую их классовый анализ («Дейли Уоркер»), в) статью Ловстона—секретаря партии—о тех же результатах выборов в «Коммунисте», XII—1928 г., г) передовую в «Д. В.» о тех же выборах, д) статью т. Вульфа, зав. АПО ЦК и члена Политбюро ЦК—о правой опасности в К. И. в «Коммунисте», XII—28 г., е) доклад тов. Ловстона об итогах VI конгресса, напечатанный в «Коммунисте», XI—28 г., ж) ряд резолюций и корреспонденций партийных организаций и членов партии в связи с предпленумским развитием, з) обращение большинства ЦК от 16—XI о борьбе против троцкизма и правой опасности, и) платформа того же большинства ЦК от 7—XII в связи с открытием предс'ездовской дискуссии, к) проект тезисов большинства, принятый пленумом, о мобилизации партии для борьбы против правой опасности и троцкизма, л) проект тезисов большинства, представленный Пеппером, Ловстоном и Гитлоу и принятый пленумом об экономическом и политическом положении и задачах партии, м) платформа меньшинства ЦК от 7—XII в

связи с открытием предс'ездовской дискуссии и н) тезисы о задачах партии, представленные меньшинством пленуму ЦК и отвергнутые им.

Понятно, что даже подробный лишь в рамках крайней необходимости анализ этих документов потребовал бы слишком много времени. Поэтому мы возьмем лишь основные установки этих документов и важнейшие их моменты. При этом надо сообщить, что наши американские товарищи любят писать ужасно длинно (чем отчасти и об'ясняется размер нашей статьи), например, основные тезисы большинства и меньшинства к пленуму занимают каждые в отдельности ровным счетом по 4 убористых страницы американского газетного формата. Трудно представить себе рядового члена партии, который, преодолев такие махины, критически сопоставил бы их содержание. Впрочем, говорят, что эти тезисы пишутся больше для Коминтерна.

Мы возьмем постановку и анализ большинством, главным образом, и меньшинством таких вопросов, как мировое положение, правая опасность, военная опасность, положение Америки и некоторые другие вопросы.

Тезисы большинства ЦК не дают непосредственного анализа мирового положения. Казалось бы, что после VI конгресса, когда вопрос о мировом положении стал одним из важнейших вопросов борьбы с правыми и примиренцами, большинству ЦК, за которым есть «ряд правых ошибок», которое атакуется в партии как правое течение, надо было бы определить свое отношение к этому вопросу. Казалось бы дальше, что с'езду партии после всемирного конгресса надо было бы дать тезисы, раз'ясняющие прежде всего, линию и решения конгресса и развитие этой линии после конгресса. Но и этого нет в тезисах. Есть несколько замечаний о конгрессе, но не они составляют стержень тезисов. Поэтому приходится для определения отношения большинства к мировому положению, как и к линии К. И., итти косвенным путем. Например, определенная постановка вопросов о правой опасности, о военной опасности, определенный анализ положения американского империализма означают и определенное отношение к мировому положению и тактике К. И.

1. Мировое положение.

Это важнейший и центральный вопрос.

а) Мировое положение и правая опасность.

Тезисы ЦК и о политическом положении и о борьбе против уклонов дают неправильную постановку вопроса об источниках правой опасности в Коминтерне, т.-е. неправильное толкование основной линии VI конгресса. Обе резолюции формулируют этот вопрос следующим образом:

> «Правая опасность имеет свои корни в частичной стабилизации капитализма, влиянии социал-демократии и профсоюзной бюрократии. Будучи все время опасностью рабочему революционному движению, правая опасность становится в период угрозы мировой империалистической войны величайшей и наиболее актуальной из всех опасностей».

Здесь дано неправильное понимание правой опасности. Это не случайно, ибо такое же понимание более развернутое дано в выступлениях и статьях ряда руководящих товарищей из большинства до пленума (например, в статье т. Вулера см. «К. И.» № 3). Из тезисов VI конгресса совершенно ясно, что правая опасность становится главной и ее корни находятся в об'ективном повороте в мировой ситуации влево, прежде всего, в обострении классовой борьбы, в связи с этим в повороте тактики КИ влево в необходимости направить главный огонь вправо, чтобы осуществить этот исторический поворот. В анализе тезисов ЦК это главное, специфическое и новое в современной ситуации совершенно отпало. Вместо этого фигурирует положение о частичной стабилизации и влиянии реформизма, что является

вообще источником всяческих уклонов в наших партиях. Кроме этого, указывается на опасность войны, но без всякой связи с обострением классовых противоречий и полевением масс. Даже в тезисах, специально посвященных вопросу об уклонах, поставлена лишь одна фраза об «обострении классовой борьбы». Это показывает, что ЦК неправильно толкует основной вопрос о правой опасности и мировом положении, поскольку последний связан с первым. Эта ошибка идет по линии смазывания внутренних—классовых, между пролетариатом и буржуазией—противоречий империализма.

б) Мировое положение и опасность войны.

Нигде в тезисах нет хотя бы фразы о том, что острие военной опасности направлено против СССР. Эта последняя опасность трактуется, между прочим, довольно платонически и не как центральная опасность. Так точно ставят вопрос и германские примиренцы. Начинаются тезисы, и в центре их стоит опасность англо-американской войны. Это заранее исключает правильный анализ и выявляет неправильное понимание мирового положения. Если недооценка мировой опасности вообще есть правый уклон, то сугубо правым уклоном является недооценка военной опасности против СССР, выпячивая относительно угрозу войны между империалистами. Это неизбежно связано с правой оценкой мировой ситуации (вообще оппортунистическим пониманием послевоенного развития мирового капитализма) и прежде всего оценкой обострения классовых противоречий и борьбы. Это противоречит ленинскому положению по этому вопросу, являющемуся стержнем тезисов VI конгресса о мировом положении.

в) Мировое положение и ситуация американского империализма.

Как будет показано дальше, тезисы большинства впадают в такую переоценку резервной мощи американского империализма, которые—резервы—могут дать основу для долголетнего под'ема не только американского, но и всего мирового империализма.

г) Америка и Европа.

Тезисы большинства здесь становятся на троцкистскую платформу всемогущества американского империализма, теории «пайка» в отношениях Америки с Европой. Стержнем анализа является не обострение борьбы между империалистическими странами и, в частности, Европы с Америкой на основе неравномерного развития, известного под'ема европейского капитализма на основе жесточайшей эксплоатации масс, относительного укрепления позиции Европы по сравнению с Америкой за предыдущие годы стабилизации, а, наоборот, Европа зависит от Америки, Америка господствует над ней, и борьба ее с Европой есть победа за победой американского империализма.

Тезисы несколько раз утверждают, что «экспорт американского капитала был и есть основа стабилизации европейского капитализма». Даже Троцкий так резко не формулировал теорию «пайка».

Говоря об англо-американской борьбе, тезисы прямо заявляют, что эта борьба сводится к тому, что Англия терпит постоянные поражения, а Америка победы в каждой части света «от Латинской Америки до Польши и Балкан» (язык-то какой, прямо поэзия!). Характер этой борьбы тезисы прямо формулируют так: «Удар следует за ударом в этой борьбе».

Если с этим сопоставить анализ, данный тезисами положению американского капитализма и такому противопоставлению его положения с положением европейского капитализма: «в то время как правая опасность в европейских коммунистических партиях имеет свои корни в частичной стабилизации капитализма, в Америке его об'ективная база, есть мировая гегемония американского империализма»,—то совершенно ясна концепция тезисов; существует кризис не мирового капитализма, а европейского лишь. Эта концепция господствует в головах большинства ЦК как предпосылка всей их линии вообще и оценки мирового положения в частности.

д) Общая теоретическая предпосылка тезисов.

Анализ мирового положения тезисов большинства ЦК противоречит анализу, данному VI конгрессом в важнейших пунктах: экономика, политика, военная опасность, классовые противоречия, правая опасность, взаимоотношения Европы и Америки. Понятно поэтому, что в тезисах как о борьбе рабочего класса, так и угнетенных народов против империализма сказано весьма платонически и неконкретно.

Теоретически все это выражается в постановке вопроса о внутренних и внешних противоречиях и теории американской исключительности. Последняя формулируется просто и опирается на грубо понимаемую теорию «пайка» Троцкого, ибо как раз согласно этой теории Америка господствует над мировым кризисом, и лишь в теоретическом будущем этот кризис ударит и по Америке, но опять-таки не в смысле втягивания Америки в рамки мирового кризиса, его противоречий, а в том смысле, что рост могущества Америки натолкнется, как на предел, на гнилое мировое положение и, в частности, положение Европы. Мы исходим из совершенно иной концепции. Сложней с первой теорией.

Тезисы упорно подчеркивают «праймаси» (первенство) внешних противоречий над внутренними и считают, кто этого не видит и не понимает, тот недооценивает военную опасность. Тов. Ловстон в своем докладе об итогах VI конгресса выразил это положение еще резче, формулировав вопрос так: «Внутренние противоречия вырастают из внешних».

Это есть суть вопроса. Постановка вопроса в тезисах типично-оппортунистическая. Как раз оппортунисты, и Каутский в том числе, ставят вопрос по-ловстонски. При такой постановке для коммунистов-марксистов остается нерешенным один маленький вопрос—откуда же растут внешние противоречия? Реформисты на этот вопрос отвечают просто и по-реформистски, что они есть результат плохой политики, а вот, мол, «захват власти» социал-демократическими правительствами и развитие Лиги Наций принесет победу ультра-империализму, ибо внутренние противоречия растут из внешних, а внешние из Болдуинов, Гуверов, Пуанкаре и т. д. Эта концепция означает, что противоречия между Болдуином и Гувером основные, а между ними и горняками второстепенные, между Англией и Америкой основные, а между Англией—Америкой и СССР второстепенные. Чтобы не углубляться дальше, укажем просто, что Маркс весьма толково раз'яснил этот вопрос о внешних и внутренних противоречиях в третьем томе «Капитала».

Так как этот вопрос о внешних и внутренних противоречиях капитализма является одним из важнейших теоретических вопросов нашего движения, который приобрел в последнее время центральнейшей важности политическое значение в связи с борьбой и полемикой с социал-империалистами по вопросу о военной опасности, то мы, отнюдь не пытаясь разрешить его в этой статье, хотим лишь указать на некоторые моменты, как нам кажется, решающего значения. Это тем более необходимо, что вопрос этот занял одно из центральных мест и в борьбе с правой опасностью и примиренцами. Постановка большинством американского ЦК этого вопроса показывает, что тут есть большая путаница и большое давление реформистской идеологии.

Теоретически с точки зрения марксизма и ленинизма совершенно ясно, что принципиальным, т.-е. основным и решающим, противоречием капитализма является противоречие между пролетариатом и буржуазией. С этой точки зрения внутренние противоречия капитализма, внутренние противоречия империализма являются основными, а противоречия внешние, т.-е. противоречия различных флангов буржуазии, его различных национальных секций являются производными, определяемыми первыми противоречиями. Это совершенно ясно. Именно такую постановку вопроса давал Маркс, анализируя экономику капитализма. Достаточно посмотреть том третий «Капи-

тала», часть I, отдел третий—«О законе тенденции нормы прибыли к понижению», главу XV—«О развитии внутренних противоречий закона», чтобы убедиться в этом.

Уже в общих замечаниях Маркс дает самые общие законы капиталистической экспансии, которая и приводит к росту внешних противоречий капитализма и империализма. Из основного характера капиталистического общества и производства вытекает то, что «условия непосредственной эксплоатации и условия ее реализации не тождественны. Они не совпадают не только по месту и времени, но и в понятии. Первые ограничены только производительной силой общества, вторые—пропорциональностью различных отраслей производства и потребительной силой общества. Но это последнее определяется не абсолютной производительной силой и не абсолютной потребительной способностью, а потребительной способностью на основе антагонистических отношений распределения, которые сводят потребление огромной массы общества к минимуму, изменяющемуся лишь в более или менее узких границах. Она ограничена далее стремлением к накоплению, стремлением к увеличению капитала и к производству прибавочной стоимости в расширяющемся масштабе. Таков закон капиталистического производства, диктуемый постоянными революциями в самих методах производства, обесценением имеющегося капитала, постоянно сопровождающим такие перевороты, всеобщей конкурентной борьбой и необходимостью совершенствовать производство и расширять его масштаб ради одного только сохранения и под угрозою гибели. Поэтому рынок должен постоянно расширяться, так что взаимозависимость рыночных отношений и определяющие ее условия все более принимают характер независимого от производителей естественного закона — все более ускользают от контроля. Внутреннее противоречие стремится найти себе разрешение в расширении внешнего поля производства. Но чем больше развивается производительная сила, тем более впадает она в противоречие с тем узким базисом, на котором покоится потребление...» и т. д. Далее в другом месте Маркс с этим законом связывает создание капитализмом «соответствующего ему мирового рынка». И, говоря о предпосылках кризисов при капитализме, Маркс указывает:

«Огромная по сравнению с населением производительная сила, развивающаяся при капиталистическом способе производства, и возрастание капитальных стоимостей («не только их материального субстрата»), которые увеличиваются хотя и не в такой пропорции, но все же быстрее, чем население, противоречат все более суживающейся, по сравнению с ростом богатства, основе, на которой действует эта огромная производительная сила, и условиям увеличения стоимости этого все нарастающего капитала. Отсюда кризисы».

Отсюда, как и из генезиса капитализма, анализа его исторического развития, общая принципиальная постановка вопроса совершенно ясна. Внутренние, между основными двумя классами, противоречия, их развитие определяют всю историю и судьбы капитализма. Но прежде, чем пойти дальше, поставим такой вопрос. Некоторые думают, что сказанное здесь относится лишь к капитализму, но не к империализму, развитие которого, как и развитие мирового хозяйства, вызывает какие-то новые законы. И методологически и принципиально это совершенно неправильно. Ленин в своем «Империализме» неоднократно подчеркивал, что «империализм вырос, как развитие и прямое продолжение основных свойств капитализма вообще». И именно в полном согласии с этим ставит вопрос и программа Коминтерна.

«Этот новый исторический период (империализм. *И. М.)* возник на основе важнейших законов движения капиталистического общества. Он вырос из развития промышленного капитализма, как его историческое продолжение. Он обострил проявление всех основных тенденций и законов движения капитализма, всех его основных противоречий и антагонизмов».

Совершенно очевидно, что если в постановке этого вопроса есть какая-либо разница между империализмом и капитализмом, а она есть, то лежит эта разница в иной плоскости. Вопрос стоит как раз наоборот. Эта постановка Маркса приобретает при империализме сугубо важное значение. Эта постановка выявляет всю свою силу и наглядным образом, как закон исторического предела развития капитализма, именно при империализме, как последнем этапе капитализма. Маркс именно так и ставит вопрос, когда он говорит об «исторических границах» капитализма. Да это вытекает и из приведенных выше цитат, когда Маркс говорит о необходимости «совершенствовать производство и расширять его масштаб ради одного только сохранения и под угрозою гибели». Особенно это подчеркивается там, где Маркс указывает, что «чем больше развивается производительная сила, тем более впадает она в противоречие с тем узким базисом, на котором покоится потребление». Именно это противоречие при империализме доходит до революционного пункта. Эти противоречия в экономике, их законы развития в области надстройки, в области классовых отношений, общественно-политических отношений вообще, находят свое главное выражение, во-первых, в борьбе двух основных классов капиталистического общества, между пролетариатом и буржуазией, и, во-вторых, в борьбе между различными национальными секциями буржуазии, империализма.

Чтобы закончить, надо в связи с этим остановиться еще на одном вопросе.

Тезисы большинства ЦК сочли почему-то необходимым коснуться общего вопроса о предпосылках кризисов при капитализме. Вернее сказать, не почему-то, а в связи с одним совершенно оппортунистическим положением, что, якобы, для американского империализма не существует противоречия между ростом производства и ограниченными рынками. Не будем говорить, что эта чудовищная оппортунистическая нелепица стоит вообще вне рамок большевистской теоретической и политической внутрипартийной критики. Но мы привлекли этот вопрос для другой цели. В связи с этим «исключительным» законом американского империализма тезисы выставляют такой общий для капитализма закон, что «диспропорция между производством и потреблением есть часть общей диспропорции различных отраслей капиталистического производства». Что сие положение означает в такой связи? Случайно ли, например, что теоретики германской социал-демократии сейчас с особенной силой подчеркивают и повторяют буквально это самое положение. Это совершенно не случайно и находится в тесной связи со всей идеологией и практикой современного оппортунизма, находится в тесной связи с постановкой вопроса о внешних и внутренних противоречиях капитализма и империализма, с постановкой вопроса о военной опасности и т. д. Словом, это—центральный вопрос.

Теоретически, как говорил Ленин, абстрактно это положение совершенно правильно. Так же правильно, как были правильны абстрактно положения Каутского об ультра-империализме, на что указывал Ленин в своем известном предисловии к книге тов. Бухарина о мировом хозяйстве. Если бы это положение было правильно более чем абстрактно, то-есть, если бы оно не было исторически ограничено, то мы бы имели вечный капитализм и ультра-империализм. Тогда реформисты были бы правы. Но с этим положением вопрос обстоит так же, примерно, как с ультра-империализмом. Классовая борьба ставит и тут и там исторический предел, исторические границы. Действительно в эпоху «нормального» капитализма вопрос практически так и разрешается. Противоречие между ростом производства и ограниченным потреблением разрешается как противоречие между ростом раз-

личных отраслей производства. Это достигается путем перемещения капиталов и расширения внешнего поля капиталистического производства. Возможность такого более или менее беспрепятственного, свободного и широкого расширения и распространения капиталистического производства «разрешает» в ходе самого развития эти его противоречия. Только, но уже в моменты кризиса, это основное принципиальное противоречие между возможностью безграничного расширения производства и ограниченным потреблением выявляет этот свой решающий характер. Но последующий под'ем опять возвращает все развитие к «нормальному» положению, и противоречие между ростом производства и ограниченным потреблением становится опять частью общей диспропорции капиталистического производства, и т. д.

Но совершенно иное положение создается в эпоху кризиса капитализма, в эпоху пролетарской революции. Здесь со всей остротой выявляются вообще все основные противоречия капитализма и империализма. Здесь они развиваются и доходят до революционного предела. Классовая борьба сообразно этому точно так же доходит до борьбы революционной, выходит из рамок капитализма, превращается в гражданскую войну. Растущее уже при империализме противоречие между производством и потреблением здесь неимоверно обостряется, это противоречие выявляет здесь перманентно свой решающий революционный характер. Оно уже здесь не может в основном разрешаться, как часть общей диспропорции капиталистического производства, оно выявляет свой основной характер, вытекающий из основной классовой структуры капиталистического общества. Исторически постановка вопроса принципиально меняется. Противоречие, которое в предшествующем развитии разрешалось как одно из противоречий капитализма, здесь выявляется, как противоречие, лежащее в основе всех остальных противоречий. Понятно поэтому, что реформистам особенно необходимо ставить вопрос так, как будто ничего не изменилось. Понятно поэтому, что сейчас говорить об этой теоретической постановке и не выпячивать на первый план принципиальную историческую разницу в постановке вопроса в эпоху «нормального» капитализма и в эпоху кризиса капитализма, это значит не понимать теоретически и научно основное в кризисе капитализма в эпоху пролетарской революции, это значит политически поддакивать реформизму. Ежели это делается сознательно и на этом настаивают или из этого молчаливо исходят, это есть правый уклон или примиренчество. И это вполне вытекает из всей нашей установки и программы. Без этого нельзя понять, из чего же вытекает, на чем основан, почему мы в центре ставим вопрос о том, что все растущее противоречие между движением современного капиталистического производства и ограниченными рынками образует экономическую основу его кризиса и ведет к войнам и пролетарской революции. Теперь можно перейти, вернуться к вопросу о внутренних и внешних противоречиях. Отметим кстати, что указанная увязка, данная в тезисах ЦК, обнаруживает, мы надеемся, хотя бы отчасти, непонимание вопроса, а по существу есть чистейший и 100%-ый оппортунизм.

Теперь должна быть ясна связь между двумя вопросами о внешних и внутренних противоречиях и о диспропорции между движением производства и потребления. В эпоху империализма и, особенно и прежде всего, в период кризиса капитализма со всей силой выявляется первенство, решающая роль внутренних противоречий капитализма. В этот период эти противоречия в общем и целом перманентно движутся вокруг революционного пункта, развиваются к нему. Это вызывает огромное обострение внешних противоречий. На первый поверхностный взгляд дело обстоит, как будто, наоборот, и так это кажется апологету капитализма. Но при ближайшем рассмотрении это совершенно не так. Иначе неизбежно можно скатиться к реформистской постановке основных теоретических и политических наших вопросов. В Америке, в частности, иная постановка только на руку дельцам из Американской Федерации Труда, которые из того понимания, что внутренние противоречия растут из внешних, делают для рабочей аристократии тот вывод, что надо поддерживать американский империализм, чтобы, разрешая его внешние проблемы, тем самым уничтожить противоречия внутренние, и с точки зрения апологета это правильно и именно так дело и происходит и должно происходить. Не будь враждебного английского империализма, европейского империализма, растущего движения в колониях, тогда противоречия между пролетариатом и империализмом в Америке, с этой буржуазной точки зрения, не обострялись бы, может быть, даже вообще не существовали. Но ведь на то они и апологеты, чтобы думать так, говорить так, а может быть, даже и видеть так. Ведь апологет тем и отличается, что он видит только поверхность явлений. На самом же деле толкаемый на расширение в силу внутренних противоречий, «ради одного лишь своего сохранения», империализм в эпоху его кризиса наталкивается в этой своей внешней экспансии на растущие препятствия, чем дальше все больше делающие эту экспансию почти невозможной. Возникая на основе развития внутренних противоречий, в огромной степени обостряя противоречия внешние, этот процесс приводит лишь к выявлению непримиримых и принципиальных противоречий между пролетариатом и буржуазией. Отсюда перед каждым национальным сектором империализма встает дилемма—или война или революция. Война может дать некую отсрочку, революция означает гибель. Совокупно со всей стихийностью капиталистического развития и его неравномерностью выбор, как общее правило, указывает на первый путь прежде всего. Война, но именно потому, что в основе империалистической войны лежит огромное обострение внешних противоречий развитием внутренних противоречий, война становится выражением кризиса капитализма, делается возможным революционно-пролетарский выход из войны, этот выход делается даже неизбежным с точки зрения классовой борьбы.

Клевета с.-д., что единственная надежда Коммунтерна есть война, именно потому и есть клевета и политически и теоретически, что Коминтерн проблему войны не рассматривает иначе, как стремление господствующих классов политикой воинствующего империализма, оружием и прежде всего военно-империалистическим окружением СССР, попытаться избежать неминуемого взрыва гигантски растущих и неимоверно обостряющихся противоречий между пролетариатом и империализмом. Именно в виду наибольшей вероятности, что господствующие классы не дадут революционному взрыву подойти вплотную прежде, чем они попытаются ликвидировать его приступ указанным империалистическим путем, Коминтерн связывает перспективу революции с войной, как наиболее реальную, но отнюдь все же не единственную. Коммунистический Интернационал ставит перспективу пролетарской революции независимо от войны, но именно в виду наибольшей вероятности, что империализм сам свяжет эту перспективу с войной и в первую очередь с войной против СССР, Коммунистический Интернационал дает свою противоположную империализму и реформизму, марксистско-ленинскую, революционно-пролетарскую увязку этих проблем — ликвидации войны пролетарской революцией. Именно поэтому у нас есть революционные перспективы борьбы с войной как до ее возникновения, так и, несомненно, во время войны. Иначе этого не было бы. Но эта установка Коммунистического Интернационала зиждется на правильной постановке и увязке вопросов о росте внутренних и внешних противоречий империализма.

Некоторые думают, что при такой постановке замазывается проблема войны, но из всего сказанного должно быть ясно, что вопрос обстоит как раз наоборот. При иной постановке проблема войны ставится или пацифистски или филистерски. Она висит в воздухе, повисают в воздухе и внутренние

противоречия и революционная перспектива. Понятно также, что ленинское положение, ставшее основным для нашей ориентировки, что острие военной опасности направляется против СССР, вытекает именно из этой правильной постановки, увязанной с правильным пониманием основных характеристик кризиса капитализма.

Такова постановка проектами тезисов тт. Пеппера, Ловстона и Гитлоу основных вопросов нашего движения, вопросов о мировом положении.

Ко всему этому тезисы впадают в худший сорт теории деколонизации и даже апологетики империализма, когда в первоначальном проекте говорились, например, такие вещи, что в Южной Америке «испанская культура замещается американской культурой радио и фордовских машин» и, как это осталось и в принятых ЦК тезисах, что экспорт американского капитала в Южную Америку идет не на какие-то милитаристские цели, а на производственные.

е) Постановка меньшинства.

Меньшинство в основу и во главу тезисов кладет известную цитату о третьем периоде и, следуя ей, дает, правда, с некоторыми ошибками общего и частного порядка, но в общем правильный анализ мирового положения, расстановки классовых сил и развития. Один большой недочет, общий и для большинства и для меньшинства: ни те ни другие не удосужились остановиться на развитии событий после VI конгресса и, в частности, на таких важнейших мировых событиях, как Лодзинский и Рурский конфликты. Меньшинство дало в общем правильную постановку о правой и «левой» (эта опасность в тезисах большинства исчезла) опасности в Коминтерне и в американской компартии. Исходя из внутренних противоречий капитализма, как основных, меньшинство в общем дало правильную постановку вопроса о военной опасности, заострения ее против СССР, неразрывно увязав ее с проблемой рационализации и обострения классовой борьбы. Поэтому меньшинство было способно органически увязать в своих тезисах проблему борьбы против военной опасности с проблемами борьбы за ежедневные и конечные требования рабочего класса. А в этом основное. Тезисы большинства даже не пытаются более или менее толково поставить этот вопрос да и органически не способны к этому. Меньшинство в общем правильно ставит вопрос о ситуации в Америке и Европе, о мировом кризисе и ситуации в Америке, но в последнем вопросе меньшинство, хотя и в более слабой форме, но разделяет отчасти крупнейшую ошибку большинства, не увязывая кризис в Америке с кризисом мировым. Правда, это упущение как будто случайно, как видно из других мест его тезисов, но все же несомненно, что и у меньшинства, как мы уже отмечали выше, есть остатки идеологии американской исключительности.

Перейдем к другим вопросам. По обстоятельствам места мы на них остановимся весьма вкратце.

2. Положение Америки.

Здесь глубокое различие между анализом большинства и меньшинства. Позицию большинства здесь можно характеризовать так: гимн американскому империализму; кризис европейского капитализма—да, но в Америке совершенно другое дело, т.-е. нет кризиса мирового капитализма. Здесь и «мощная» и «могучая» техническая революция, здесь сразу и первая (на Юге) и вторая (во всей Америке) «индустриальная революция» и т. д. Даже буржуазия не договорилась до этого. Критиковать тезисы большинства в этом вопросе бесполезно—они стоят вне внутрипартийной критики. Меньшинство в общем дает правильный анализ положения в Америке.

Это относится и к радикализации масс. У большинства это музыка будущего. У меньшинства это реальный факт. Оно тоже делает некоторые ошибки «влево», но это мелочи по сравнению с общей правильной установкой и тенденцией.

3. Борьба с уклонами.

Для большинства главная опасность «левая» и троцкистская,—огонь по меньшинству (все это идет под флагом борьбы направо).

Меньшинство дает в общем правильную постановку вопроса о борьбе на два фронта с главным огнем вправо. Отдельные ошибки меньшинства здесь не вытекают из основной установки.

4. Задачи партии.

В этой части большинство не смогло дать четкий анализ конкретных задач партии. Тезисы его в этом пункте не смогли дать партии ясную большевистскую установку и пути развития партии.

И это наиболее хорошая часть тезисов меньшинства. Весьма тщательно они подходят к анализу каждого конкретного вопроса, дают партии ясную установку. У меньшинства здесь есть одна общая с большинством ошибка, о которой дальше.

5. Выводы.

Тезисы большинства характеризуются так.

Общие основные положения тезисов неправильны, не соответствуют линии и решениям VI конгресса Коммінтерна, ломают эту линию и развивают правые ошибки всего партийного руководства до кануна VI конгресса и большинства его после этого времени и до пленума ЦК по основным вопросам коммунистического движения, по вопросам тактики и предпосылок тактики, анализированным последним, VI конгрессом Коминтерна.

Концентрированное выражение ошибочная концепция тезисов находит в постановке вопроса о внутренних и внешних противоречиях капитализма.

Тезисы со своим первенством внешних противоречий, вследствие оппортунистической исходной этого положения, вообще не смогли дать правильного ни конкретного, ни общего анализа роста внутренних и внешних противоречий империализма вообще и американского в частности.

а) Тезисы не смогли дать конкретные предпосылки и основу для анализа внешних противоречий; этот анализ получился необоснованно, острые формулировки относительно «гигантского роста» этих противоречий повисли в воздухе; предпосылкой этого анализа в части взаимоотношений Америки и Европы является троцкистская оппортунистическая концепция и теория «пайка».

б) Тезисы не смогли дать анализа роста внутренних противоречий американского империализма.

в) Тезисы не смогли увязать внутренних и внешних противоречий, т.-е. проблему военной опасности и борьбы с ней с проблемой революционных перспектив до войны и обострения их во время войны, с проблемой рационализации внутри страны, с наступлением капитала на рабочий класс, с проблемой руководства борьбой рабочего класса против обеих двуединых линий агрессии империализма для реализации революционной перспективы.

г) Тезисы впали в огромную переоценку мощи американского империализма внутри и вне страны, недооценку роста противоречий между рабочим классом и буржуазией, недооценку полевения масс; почти все положения тезисов об обострении противоречий и полевении масс носят лишь общий характер, не являются основными чертами настоящего, а лишь перспекти-

вой далекого будущего, если исходить из общей концепции тезисов; эти положения механически приклеены и не вытекают из экономического анализа, данного тезисами.

д) Оценка тезисами ситуации в Америке прямо противоречит и косвенно и логически ревизует линию и решения VI конгресса. Основная линия их совсем не та.

е) Исходя из этого оппортунистического анализа, тезисы не смогли поставить правильно и основной внутрипартийный вопрос о борьбе с уклонами:

1. Троцкизм получился главной опасностью в партии.

2. Троцкизм пришлось так или иначе назвать правой опасностью, чтобы не получилось прямого противоречия с тезисами VI конгресса.

3. Оппозицию пришлось превратить в правое течение, чтобы направить главный удар против нее и сделать ее частью троцкистской опасности.

4. В тезисах исчезла основная идея решений VI конгресса о борьбе на два фронта, так как исчезла действительно «левая» опасность и действительная опасность троцкизма; но на деле вследствие предшествовавших манипуляций получилась борьба с правыми оппортунистическими предпосылками и положениями; только против «левой» опасности и против правильной левой, ленинской линии; вместо борьбы ленинской линии против правых и «левых» получилась борьба линии с огромными правыми ошибками, примиренческой линии (примиренчество—оппортунизм, прикрывающийся ортодоксальной фразой) против ленинской линии и «левой» опасности.

ж) Вся линия тезисов противоречит линии VI конгресса КИ в американском вопросе.

з) Эта линия фактически означает ревизию всей линии VI конгресса, ибо анализ ситуации американского империализма есть не только анализ почти половины мирового положения, но неизбежно вовлекает также анализ и всего мирового положения.

и) В значительной степени поэтому тезисы ревизуют основное положение Ленина, вошедшее в программу, являющееся стержнем тезисов о мировом положении и ставшее вообще программным для всего Интернационала, что осью современного мирового развития является борьба между империализмом, с одной стороны, и международным пролетариатом и СССР с идущими за ними национально-революционными движениями—с другой; отсюда смазывается вопрос о том, что острие военной опасности направлено против СССР.

к) Теоретическим выражением этих ошибок и концепции, кроме неправильной постановки вопроса о внешних и внутренних противоречиях, о диспропорции между движением производства и потребления, является теория американской исключительности, фактическое исключение Америки из рамок и законов мирового кризиса капитализма и неизбежного расшатывания его стабилизации в третий период этого кризиса, что приводит к утере революционной перспективы.

VI конгресс исходил из того, что третий период кризиса капитализма означает огромное обострение противоречий империализма, приводящее к дальнейшему расшатыванию капиталистической стабилизации; означает огромное обострение классовых противоречий, полевение и революционизирование рабочего класса при открытом и полном сращении его реформистского руководства с империализмом и отсюда необходимость поворота в тактической линии Коминтерна, стержнем которого должна явиться боевая подготовка партий к революционным и решающим испытаниям, главная опасность отсюда—правая, откровенно оппортунистическая опасность.

ЦК американской партии, очевидно, не согласен с этим. Как это видно из анализа основных моментов тезисов, их концепция, прямо выраженная по

отношению к Америке, состоит в том, что капитализм идет вверх, рост классовых противоречий, а тем более огромное обострение их и расшатывание стабилизации лишь впереди, и поэтому главная опасность внутри партий идет «слева», что приходится называть правой опасностью, чтобы не вышло прямого противоречия с тезисами VI конгресса.

Особо надо остановиться на одном общем недостатке тезисов и большинства и меньшинства, недооценке ими действия «технического переворота» и теснейшим образом связанной с ним капиталистической рационализации на рабочий класс. Не только в тезисах большинства, в огромной степени переоценивающих значение роста техники, но и в тезисах меньшинства эта сторона рационализации остается в тени, и ей уделено мало внимания.

Между тем, связанное с ростом техники и с капиталистической рационализацией сильнейшее перенапряжение труда, выражающееся в ускорении конвейера и хода машин, крайнем уплотнении рабочего времени, в бешено подгоняющей рабочих премиальной системе, ведущей к изнашиванию рабочего в более короткий срок и к выбрасыванию его из производства раньше, чем это было до сих пор, и, наконец, абсолютно уменьшающей в некоторых отраслях промышленности число рабочих и создающей огромный рост безработицы, становится поистине центральным вопросом для всего рабочего класса С.-А. С. Ш. и тем самым приобретает крупнейшее политическое значение.

Вокруг борьбы против перенапряжения труда и роста эксплоатации могут сплотиться огромные массы американских рабочих. Основными требованиями, которые могут их об'единить в общей борьбе, являются 7-часовый и 6-часовый рабочий день, социальное страхование за счет предпринимателей и государства. В этой борьбе революционные профсоюзы при хороших руководящих кадрах станут крайне важным, важнейшим рычагом.

V.

Выводы.

Попробуем вкратце формулировать выводы.

Несомненно, что партия растет. Тот факт, что партия за последний год увеличила число своих членов, работающих в крупных предприятиях до 14%, что она начала выступать в качестве руководителя в упорных классовых боях, что ее влияние среди коренных американских рабочих несколько возросло,—все это показывает, что партия вступила в процесс превращения в массовую коммунистическую организацию. Ее основные недостатки и прежде всего фракционная борьба есть в значительнейшей степени результат и наследие прошлого, ее социального состава, и, во-вторых, политических ошибок, искривлений политической и идеологической линии.

Представляет ли большинство законченный правый уклон? Нет. То, что мы выше указывали, есть пока оппортунистическое барахтание, развитие вправо, особенно после конгресса Коммингерна. Большинство не есть правый уклон, но отражает правый уклон в партии, показывает, что он есть главная опасность в партии, подчеркивает это. Может быть, и, наверное, есть здесь и определенно правые элементы, законченно-примиренческие элементы. Правильной принципиальной линией на основе здоровой внутрипартийной жизни и борьбы можно неисправимое, если оно есть, незначительное отсеять, исправимое и основное сохранить для ленинской линии и работы партии.

Представляет ли меньшинство настоящих ленинских левых. Нет, и не может их представлять. Развитие партии еще не создало, но уже создает возможность для развития такого руководства. Теперешнее меньшинство в прошлом разделяло ряд правых ошибок большинства и даже сейчас совершает их иногда на ряду с некоторыми ультра-левыми тенденциями.

Понятно, было бы крупнейшей ошибкой рассматривать ситуацию американской компартии не только оторванно от обострения классовой борьбы в самой Америке, но и от ситуации во всем Коммунистическом Интернационале, т.-е. от развития классовой борьбы во всем мире.

Поэтому основные задачи партии и предстоящего с'езда нам кажутся более или менее ясны. Четыре основные условия необходимы в настоящее время для того, чтобы партия решительно стала на путь превращения в массовую компартию рабочего класса С.-А. С. Ш.,—четыре условия, решающее значение которых не было понято руководством партии: а) установить правильную перспективу в анализе общего кризиса капитализма и американского империализма, как части его; б) поставить в центре всей работы партии и увязать с центральной проблемой борьбы против военной опасности и защиты СССР повседневные интересы рабочего класса С.-А. С. Ш. и особенно требования 6-часового и 7-часового (в зависимости от отраслей) рабочего дня и всех видов социального страхования за счет предпринимателей и государства; в) вывести партию из эмигрантской узости и замкнутости и подвести под нее широчайшую базу коренных американских рабочих, радикально улучшить работу среди негров; г) ликвидировать фракционность и привлечь ко всему руководству партии коренных пролетариев.

Под углом зрения этих основных задач и должен будет работать предстоящий вскоре VI с'езд американской коммунистической партии.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

«НА АГРАРНОМ ФРОНТЕ». Орган Аграрного института при Коммунистической Академии. №№ 1—12 за 1928 г.

Содержание рецензируемого журнала за истекший год можно подразделить на следующие основные группы статей и материалов: 1) вопросы классового расслоения крестьянства, методология его изучения, социально-классовая характеристика советской деревни и характеристика под этим углом зрения отдельных мероприятий нашей экономической политики; 2) общие вопросы аграрной теории; 3) ряд очерков и статей, посвященных аграрному вопросу в различных странах Запада и Востока.

Мы не случайно перечислили проблемы именно в такой последовательности, не случайно выделили на первое место вопросы классового расслоения. Своеобразие рецензируемого журнала состоит именно в том огромном внимании, которое он уделяет этому кругу вопросов, отражая этим характер и направление работ Аграрного института (в прошлом аграрной секции) Коммунистической Академии за довольно длительный период времени. Нельзя не согласиться с т. Л. Крицманом, который видит причину значительного внимания, уделяемого этому вопросу, «не в том, что процесс развития капитализма является основным происходящим в деревне процессом,—это совершенно не верно,—а в том, что изучение этого процесса необходимо для понимания всех других процессов, происходящих в советской деревне» [1]) Точное знание классовой структуры деревни является действительно необходимой предпосылкой не только понимания происходящей в советской деревне классовой борьбы и соревнования капитализма с социализмом, но и правильной и четкой линии политики пролетарского государства.

Аграрный институт Комакадемии и рецензируемый журнал имеют, несомненно, большие заслуги в деле изучения классовой структуры деревни. Об этом свидетельствует и тот материал, который содержится в 12 книгах за 1928 г. В №№ 4, 5, 6—7 и 8 помещены материалы дискуссии, происходившей в стенах Комакадемии, по вопросу о «Классовых группировках крестьянских хозяйств». Наибольший интерес представляет основной доклад т. Л. Н. Крицмана, помещенный в № 4. Тов. Крицман дает систематическую критику ряда так наз. «косвенных» группировок, которые обычно применяются при разработке материалов массовых статистических исследований: группировки по величине посева, по рабочему скоту, по мертвому инвентарю, по стоимости средств производства и т. д. На убедительных примерах доказывается крайняя недостаточность и даже полная непригодность этих группировок (в особенности посевной) для целей исследования классовой структуры деревни. Для этого исследования необходимо класть в основу прямые классовые признаки. Классовые отношения в деревне проявляются не только в прямой форме капиталистической эксплоатации наемной рабочей силы, но и в ряде косвенных форм эксплоатации, из которых важнейшей является сдача-наем средств производства (скота и инвентаря). Однако, как наем рабочей силы, так и сдача скота и инвентаря не всегда носят капиталистический, эксплоататорский характер. Отсюда следует, что эти отношения становятся прямыми классовыми признаками (деревенской буржуазии, если они взяты с положительным знаком, пролетариата, если они взяты с отрицательным знаком) только тогда, когда они достигают определенной значительной величины. Кроме того, есть и еще ряд сложных социальных отношений, которые также должны

[1]) № 4, доклад Л. Крицмана «Классовые группировки крестьянских хозяйств», Стр. 114.

быть учтены в социально-классовой группировке. Тов. Крицман на этой основе теоретически разработал сложную систему прямой социально-классовой группировки [1]). Нельзя не признать за этим построением большой научной ценности хотя бы уже по одному тому, что построение тов. Крицмана является первой систематической абстрактно-теоретической разработкой этого вопроса. Неудивительно, что на основе установленных таким образом принципов (в различной их интерпретации) молодыми исследователями-марксистами был произведен ряд интересных исследований. На ряд законченных работ ссылается т. Крицман в своем докладе. В № 4 рецензуемого журнала помещена статья К. Наумова и Д. Жардина «Опыт построения классовой группировки крестьянских хозяйств», в которой авторы оперируют с материалом подворного обследования московской деревни. Этот опыт интересен как попытка применения основных принципов методологии, выработанной т. Крицманом к разработке массового подворного материала. Конечно, для этого потребовалось значительное упрощение самой методологии. В № 5 помещена статья на аналогичную тему т. М. Сулковского «Опыт социально-классовой группировки крестьянских бюджетов подсолнечного района», где те же принципы группировки применены к иному, более сложному материалу.

Место не позволяет нам остановиться подробнее как на этих статьях, так и на прениях по докладу т. Крицмана, помещенных в №№ 5, 6—7 и 8 [2]). Укажем только, что как бы ни относиться к отдельным замечаниям критиков методологии Л. Н. Крицмана (в качестве таковых выступали—С. Дубровский, Н. Суханов, Виноградов и, по более частным вопросам, Г. Раевич), но справедливость требует отметить, что никто из них в положительной части не дал абсолютно ничего, что могло бы быть по праву противопоставлено теоретико-методологическому построению т. Крицмана.

Помимо указанных материалов, на страницах журнала систематически появлялся ряд очерков и статей, посвященных анализу социальных отношений в деревне, на основе тех или иных местных исследований. Назовем лишь некоторые из них: П. П. «Способы эксплоатации в сельском хозяйстве горного Киргизстана (СААН) — (№ 12) и интересный очерк, составленный по материалам специальной экспедиции, дающий описание своеобразных остатков феодальной старины на далекой национальной окраине. В. Маджагаладзе. «Об арендных отношениях в Грузии» (№ 10). М. Чесновок. «Средства производства в хозяйстве рыбаков в низовьях реки Дона» (№ 1), специальный очерк о социальных отношениях в молочном районе, в подмосковной деревне, в воронежской, черниговской и т. д.

Отметим статью И. Дроздова в № 6—7 «Заработная плата с.-х. рабочих до и после Октября», исторический очерк. И. Игрицкого «Движение с.-х. рабочих в 1917 г.» и ряд более мелких очерков о положении батрачества. Однако, следует признать, что вопросы наемного труда в сел. хоз. все же освещались в журнале недостаточно.

Перейдем теперь к статьям на теоретические темы. Вопросам теории земельной ренты посвящено целых пять статей. Такой большой «самотек» (а статьи эти носят следы «самотека») на эту тему свидетельствует о наличии значительной потребности в детальной проработке и разрешении ряда спорных вопросов в проблеме земельной ренты. Об этом свидетельствует и самый характер помещенных в журнале статей. В то время, например, как т. И. Воропаев (№ 8) («Ревизионизм Каутского в теории земельной ренты») стремится доказать, что анализ земельной ренты у Каутского в «Аграрном вопросе» построен на ревизии Маркса, т. Вольфсон

[1]) В рецензируемом докладе он не излагает ее подробно. Она изложена в его статьях в журнале «На Аграрном Фронте» в № 2 за 1926 г., в №№ 8—9 и 10 за 1927 г.

[2]) Окончание прений и заключительное слово пока еще не появились на страницах журнала.

(«Против путаницы в теории ренты») (№ 9), наоборот, становится на точку зрения Каутского в вопросе об исчислении абсолютной земельной ренты на единицу продукта и упрекает в ревизионизме Л. Любимова, исчисляющего абсолютную ренту на единицу земельной площади. Аргументацию И. Воропаева нельзя признать вполне убедительной. Л. Вольфсон приводит много интересных соображений, но приходит в конце концов к парадоксальному выводу, основанному лишь на недостаточно глубокой проработке вопроса. По его мнению, существует не одна, а две различных теории абсолютной ренты у Маркса: одна в «Теориях прибавочной стоимости»,—это есть не что иное, как «очищенная» теория Рикардо,—другая—в III томе «Капитала»,—это и есть настоящая теория Маркса. Здесь не место разбирать статью т. Вольфсона по существу. Укажем, поэтому, лишь в общей форме, что вновь открытое тов. Вольфсоном «противоречие» между двумя работами Маркса едва ли окажется менее иллюзорным, чем целая серия других «противоречий», открытых в разное время критиками Маркса.

П. Першин в интересной статье «Рентабельность землеустройства и мелиорации» (№ 9—10) ставит вопрос о влиянии на капиталистическую земельную ренту мелиорации и землеустройства. Полемизируя против теории об особой «мелиоративной» ренте, П. Першин устанавливает, что мелиорация обусловливает возникновение диференциальной ренты I, по плодородию, II, как это обычно полагают. Землеустройство же обусловливает появление диференциальной ренты по положению, а косвенно—и диференциальной ренты II.

Менее убедительная статья С. Солнцева «К вопросу об источниках диференциальной земельной ренты» (№ 10), затрагивающая (но едва ли разрешающая) один из глубоко принципиальных вопросов теоретической экономии.

М. Сулковский выполнил последнее дело, осветив в специальной статье отношение Маркса к «Закону убывающего плодородия» (№ 2), справедливо указывая на недобросовестные попытки «критиков» или ревизионистов представить Маркса чуть ли не сторонником этого «закона».

С. Пикус дала интересную постановку «Проблемы агрономического кризиса» (№ 1), почти не разработанной в марксистской литературе.

Отметим особую группу статей, посвященных вопросу о «Предмете и методе сельскохозяйственной экономии». (Статьи П. Лященко (№ 2), М. Сулковского и С. Ужанского (№ 12) [1]). Сельскохозяйственная экономия, как особая научная дисциплина, до последнего времени находилась исключительно в руках буржуазных экономистов. В советских вузах преподавание этой дисциплины перешло в руки марксистов, которые включали обычно в свой курс прежний привычный круг проблем, но давали им иное, марксистское решение. Возникла потребность в точном определении предмета этой науки, в его марксистской трактовке, в уточнении методологии. Перечисленные статьи делают только первые и, на наш взгляд, крайне недостаточные шаги в этом направлении.

Из других теоретических статей отметим статью Я. Никулихина «Проблема индустриализации сельского хозяйства» (№ 6 — 7), в которой дана систематическая критика ряда ходячих определений понятия «индустриализации с. х.» и выработано точное марксистское определение этого понятия, а также и интересную заметку И. Верменичева «Об исчислении так называемого «аграрного перенаселения» (№ 1), дающую правильную критику обычных методов исследования этого явления.

[1]) В № 1 за 1929 г. помещена полемическая статья Раевича на ту же тему.

* * *

Прежде чем коснуться статей и очерков на собственно аграрно-политические темы, нужно отметить большую работу М. Кубанина «Социально-экономическая сущность дробления крестьянских хозяйств» (№№ 1, 8, 10), стоящую на грани работ теоретических и собственно политических. Эта работа, вероятно, выйдет отдельными изданиями и вполне достойна специального разбора. Здесь укажем лишь на то, что статья т. Кубанина является едва ли не первой марксистской попыткой специального исследования проблемы дробимости. На ряду с теоретическим социально-экономическим анализом явления дробимости, весьма оригинально построенным, статьи содержат значительный фактический материал как по капиталистическим странам, так и по старой России и по СССР.

Тому же автору принадлежит статья («Против буржуазных извращений в вопросах советского землеустройства», в № 6—7), направленная против «теорий» небезызвестного проф. Хацке и его учеников.

Перейдем теперь к статьям, освещающим основные проблемы нашей сельскохозяйственной политики. В общем и целом в журнале четко и твердо проводилась генеральная линия, намеченная XV с'ездом партии. По ряду коренных вопросов на страницах журнала можно найти обильный и интересный материал. Например, землеустроительной политике посвящены, кроме указанной выше статьи Кубанина, статья В. Шулейкина (№ 2) и И. Верменичева (№ 3). Проблемам колхозного движения посвящено целых 14 статей, из которых следует отметить статьи А. Гайстера: «Достижения и трудности колхозного строительства» (№№ 10 и 12), написанные по материалам переписи колхозов в мае 1928 года. Интересный материал дает статья Ю. Ларина «Завершение аграрной революции в Крыму», рисующая кулацкий уклон в политике Крым ЦИК в период, когда во главе его стоял ныне расстрелянный Вели Ибрагимов.

Но целый ряд других, важнейших проблем аграрной политики в журнале затронут слишком слабо. Мало материала о совхозах, за целый год не появилось ни одной сколько-нибудь интересной статьи по основным проблемам кооперации. Проблеме технической реконструкции посвящена лишь одна статья т. Цилько (№ 8). Совершенно отсутствует освещение проблемы с.-х. цен (если не считать статьи т. Львова об итогах хлебозаготовительной кампании 1927—28 г. в № 9). Не встречали мы на страницах журнала и вопросов планирования сельского хозяйства, в частности—методологии этого планирования. Не затронуты вопросы агрономизации деревни, работы опытных станций, проблемы культурной революции. Некоторая односторонность материала, недостаточно широкий охват всех актуальных вопросов текущего «аграрного фронта»—несомненный недостаток журнала.

В дополнение ко всему сказанному отметим довольно большое количество статей и очерков, посвященных аграрному вопросу за границей. В 1928 г. на страницах журнала освещались отдельными очерками аграрные проблемы следующих стран: С.-А. С. Ш., Японии, Китая, сев.-африканских колоний Франции, Палестины, Мексики, Бразилии, Болгарии, Литвы. Многие из этих очерков представляют серьезный интерес.

Нельзя пройти мимо весьма недурно поставленного отдела библиографии, носящего боевой марксистский характер.

Общая оценка журнала не вызывает сомнений. Это один из интереснейших марксистских журналов, вполне оправдывающий свое боевое назначение.

Дав. Лурье.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 4 28 ФЕВРАЛЯ № 4

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 9

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ

„ПРАВДА“

Главлит № А—26578. Тираж 70.000.
Тип. газеты „Правда". Москва, Тверская, 48.

О предстоящей чистке партии.

«Коммунистические партии всех стран, где коммунисты ведут свою работу легально, должны производить периодические чистки (перерегистрации) личного состава партийных организаций, чтобы систематически очищать партию от неизбежно примазывающихся к ней мелкобуржуазных элементов».

(21 условие принадлежности к Коминтерну).

«Чистка партии, связанная с неуклонным повышением ее требовательности насчет работы действительно коммунистической, будет улучшать аппарат государственной власти и гигантски приближать окончательный переход крестьян на сторону революционного пролетариата».

(Ленин, т. XVI, «Великий почин коммунистических субботников»).

«Чистить партию, считаясь с указаниями беспартийных трудящихся,—дело великое».

(Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 360).

Вопрос о чистке партии поставлен перед нами, как одна из важнейших задач, без правильного выполнения которой мы не можем развернуть как следует борьбу рабочего класса за социалистическое переустройство народного хозяйства. Напрасно думать, что чистка партии необходима в настоящее время только потому, что в нее проникли несколько десятков тысяч чуждых партии людей. Это только одна из задач чистки. Партия во все трудные моменты, на всех трудных переходах сознавала необходимость сделать свои ряды более твердыми, более монолитными, поднять политический и моральный уровень партийцев на высоту, необходимую для преодоления возникающих трудностей. Правда, всякая перерегистрация партии, всякая чистка партии имеет прежде всего задачей очищение партии от некоммунистических элементов, проникших в нее, и от элементов, разложившихся под влиянием мелкобуржуазного окружения. Так, давая инструкцию «по пересмотру, проверке и чистке личного состава РКП», центральная комиссия по проверке 1921 года в доказательство необходимости этой чистки приводила резолюцию X с'езда партии, где говорится: «В силу того, что в партию вошла некоторая часть мелкобуржуазных и необработанных в коммунистическом духе мещански-интеллигентских и полуинтеллигентских элементов, еще не переваренных партией; в силу того, что громаднейшая часть коммунистов-рабочих почти целиком поглощается потребностями развивающегося

советского строительства и вынуждена в значительной степени отрываться от непосредственной работы на фабриках и заводах, а также в силу больших потерь, понесенных партией на фронтах гражданской войны — создается крайняя необходимость в том, чтобы решительно повернуть рычаг партийной политики в сторону вербовки рабочих и очищения партии от некоммунистических элементов путем точного учета каждого отдельного члена РКП по выполняемой им работе, по должности, а также и как члена РКП» [1]).

Но партия очищается не только во время периодических чисток. Контрольные комиссии в процессе своей работы очищают партию систематически от негодных элементов, примазывающихся, разложившихся, злоупотребляющих своим служебным положением, идеологически невыдержанных. Примерно 2—4% состава партии *ежегодно обновляется* путем такой систематической чистки. Со времени X с'езда партия проделала огромную работу очищения своих рядов от идеологически чуждых ей элементов. Достаточно указать на то, что она выдержала борьбу за эти годы с такими идеологически чуждыми группами, как группы троцкистов, «Рабочей Правды», «рабочей оппозиции», мясниковцев, оссовщиной, сапроновщиной (децисты) и т. п. Эта борьба имела для периода легального существования нашей партии не меньшее значение, чем борьба с другими мелкобуржуазными уклонами и группами в период подпольного ее существования: рабочедельчеством, легальным марксизмом, экономизмом, меньшевизмом, ликвидаторством, бойкотизмом, отзовизмом, богостроительством и богоискательством и т. п. Да и самая чистка 1921 года была предпринята после дискуссии, потрясшей партию, после дискуссии ленинцев с троцкистами, «рабочей оппозицией» и «демократическим централизмом». Точно так же и после других дискуссий партия принимала меры к оздоровлению своих рядов, к проверке своих рядов, особенно на неблагополучных участках. Так были проверены вузовские и советские ячейки после дискуссии с троцкистами, так были проверены наиболее неблагополучные деревенские ячейки, когда обнаружились первые серьезные признаки искажения классовой линии в деревне.

Чистка 1921 года имела свои специфические особенности. К этому времени окончательно выяснились для широких рабочих и крестьянских масс политическая несостоятельность и чуждое классовое лицо таких партий, как партия меньшевиков, эсэров, бундовцев и т. п. Партии эти фактически ликвидировались. Социалистические элементы, бывшие в этих партиях, признав единственно правильный путь борьбы за социализм, вошли в состав большевистской партии. Но за небольшой прослойкой действительно социалистических элементов потянулись и беспринципные люди, для которых участие в работе правительственной партии имело другого рода притягательную силу. Вместе с несомненно преданными социализму людьми в нашу партию вошли

---

[1]) Резолюция X с'езда РКП(б), раздел V, пункт 21.

беспринципные карьеристы, шкурники. Поэтому инструкция по пересмотру личного состава партии 1921 года указывала, что «основная задача пересмотра, проверки и чистки личного состава партии заключается, во-первых, в том, чтобы удалить из ее рядов некоммунистические, непролетарские и равнодушные к интересам рабочего класса элементы, а, во-вторых,—исключить элементы, не поддающиеся экономическому воспитанию, особенно из тех, которые вступили в партию в последние годы революции—выходцев из буржуазии, чиновников старого режима и мещанских и интеллигентских слоев, посторонних пролетариату и чуждых партии. Партия должна освободиться от этих элементов, она должна это сделать самым тщательным образом, проверяя каждого в отдельности, опрашивая массу трудящихся, которые знают данное лицо по работе, по делу, по повседневному отношению к пролетарской революции, к советской власти и трудящимся массам и могут дать беспристрастный отзыв о каждом лице. Следует принять во внимание, что препятствия и гарантии от наплыва в партию некоммунистических элементов стали меньше, когда фронты стали ликвидироваться, когда точно выяснился крах надежд контрреволюции завоевать Советскую Россию военной силой. Этот период знаменуется вступлением в нашу партию отдельных групп, даже целых партийных течений других партий: меньшевиков, социалистов-революционеров, социалистов-максималистов, бундовцев и т. п., до этого колебавшихся или проводивших линию борьбы против советской власти и против коммунистической партии».

Социальный состав нашей партии за эти годы, несомненно, улучшился. Только за 4½ года после смерти Ленина в партию вошли 708 тысяч человек из пролетарских рядов, и в настоящее время партия, насчитывавшая в момент смерти Ленина 196 тысяч рабочих, насчитывает около 800 тысяч рабочих (по происхождению). В год смерти Ленина рабочие (по происхождению) составляли всего 44% по отношению к общему составу партии, в настоящее время они составляют 62% общего состава. Со времени смерти Ленина партия вообще значительно выросла, но более всего численно выросли за это время рабочие-коммунисты—на 308%; число крестьян за это время выросло на 114%; число прочих—на 99%. Несомненно, налицо значительное улучшение социального состава нашей партии за счет усиления пролетарского ядра, за счет вытеснения особенно неустойчивой части «прочих». Но, если период военного коммунизма с его необычайно суровой обстановкой военных фронтов гражданской войны, голодных пайков, коммунистических субботников и пр. и т. п., все же не мог уничтожить влияний мелкобуржуазной среды на отдельные прослойки коммунистов, подвергавшиеся разложению, если и в этот период нам пришлось во время чистки удалить *около ⅓ нашей партии*, как людей чуждых, примазавшихся, разложившихся, обюрократившихся и т. п., то период нэпа, несомненно, таит в себе не меньше опасности для членов правительственной партии,

Такие «дела», как смоленское дело, сочинское, артемовское и т. п., показали нам, какие глубокие опасности таятся для партии на этом трудном переходном этапе к социализму. Нэп дает нам возможность развертывать социалистическое строительство, но дает в то же время и известный простор развитию капиталистических элементов. На пути нэпа, на пути борьбы социалистических и капиталистических элементов, где решается вопрос—«кто—кого», классовый враг вырывает из наших рядов не одну жертву, подчиняя отдельных членов партии своему влиянию, заставляя их служить классово-чуждым интересам, извращать линию партии в угоду нэпману, кулаку. Задача, которая стояла перед нами всегда,—улучшение социального состава нашей партии за счет пролетарского ядра—затрудняется тем, что пролетарская масса в СССР крайне неоднородна, что она постоянно пополняется выходцами из деревни, привносящими в эту пролетарскую среду мелкобуржуазные, собственнические настроения деревни, засоряя рабочий класс и извращая пролетарскую идеологию. А между тем задача орабочения советского аппарата, задача выдвижения новых и новых кадров рабочих на руководящие посты в партийном, советском, профессиональном и хозяйственном аппаратах вызывает необходимость постоянно отрывать новые и новые слои рабочих-коммунистов—производственников, рабочих от станка и переводить их на работу чисто-партийную, профсоюзую, административную и т. п. Поэтому и теперь, в 1929—30 году, задача укрепления наших рядов двусторонняя: с одной стороны,—вербовка новых кадров рабочих, с другой,—чистка от негодных элементов, при чем эта чистка должна исходить из общих задач, которые стоят перед партией рабочего класса.

Основная задача—социалистическая реконструкция хозяйства. Выполнение этой задачи требует усиления значения индустриального пролетариата и его прослойки в нашей партии, усиления значения крупных предприятий тяжелой промышленности в первую очередь, усиления работы партийной, профессиональной, культурной, особенно среди рабочих и работниц этих предприятий, вовлечения в партию новых кадров именно из этих рядов. Обеспечить ведущую роль индустрии — это значит обеспечить усиление в партии влияния этих слоев пролетариата. Борьба с бюрократизмом—также одна из важнейших задач на этом этапе. Бюрократизм является не меньшим препятствием на пути социалистического переустройства, чем наша культурная отсталость. Бюрократизм, правда,—детище этой отсталости, но он сам превращается в серьезнейший тормоз на пути культурного под'ема страны.

Вот почему и ноябрьский пленум ЦК ВКП(б) подошел к вопросу о чистке, как к двоякой задаче:

«Широкая вербовка рабочих,—читаем мы в постановлении ноябрьского пленума,—должна быть соединена со строгой проверкой

теперешнего состава партии и самой решительной чисткой его от социально-чуждых, примазавшихся, обюрократившихся и разложившихся элементов. С одной стороны, необходимы всяческие и особенно идейные меры борьбы против выходов из партии более отсталых, но преданных революции рабочих. С другой,—нужны усиленные и, по сравнению с последними годами, гораздо более твердые меры по очищению партийных организаций изгнанием из них элементов, использующих пребывание в правящей партии для своих корыстных и карьеристских целей, элементов буржуазно-мещанского перерождения, сросшихся с кулачеством и т. п.».

Но речь идет не только о городе: и деревня нуждается в серьезнейшей проверке своих рядов. Социалистическое наступление идет не только на нэпмана в городе, но и на кулака в деревне. Если доля частника в торговле и посредническом обороте страны сократилась примерно до 0,1% общего оборота, то в деревне роль частника-кулака, спекулирующего хлебом, держащего в своих руках еще значительную долю сельскохозяйственных орудий и товарного хлеба, гораздо значительнее. Кулак борется в деревне за ведущую роль по отношению ко всему крестьянству. Если партия осуществляет союз с середняком, опираясь на бедноту и на батрачество в деревне, то кулак стремится подчинить своему влиянию и середняка и бедняка, пользуясь слабостью и ошибками нашей организации в деревне, неустойчивостью деревенских коммунистов, тем, что значительная часть их сама является мелкими собственниками. Кулак стремится через таких подкулачников-«коммунистов» оказать влияние на низовой советский аппарат, на кооперацию, на распределение кредитов и т. п. Поэтому ноябрьский пленум остановился особенно на задачах партии в отношении деревни. В резолюции о вербовке рабочих и регулировании роста партии дается прямое указание на необходимость проверки деревенских организаций. Мы читаем в этом постановлении: «В составе деревенских организаций все еще совершенно незначителен удельный вес пролетарских элементов, прямо ничтожен кадр колхозников. На ряду с этим в их составе в некоторых случаях значительна доля зажиточных крестьян, иногда и элементов, сблизившихся с кулачеством, разложившихся, совершенно чуждых рабочему классу. Это делает совершенно не отложной задачу решительного улучшения, коренной чистки и значительного обновления этих организаций. В национальных республиках и областях, где кадры пролетариата еще невелики, усиленное вовлечение батраков и сельскохозяйственных рабочих, особенно из местных национальностей, а также соответствующее улучшение социального состава организаций является одним из решающих условий социалистического строительства».

* * *

Таким образом, вырисовывается задача генеральной чистки. Правда, в печати появляются уже сейчас попытки ограни-

чить чистку. Раздаются голоса о том, что следует проверять только деревенские, советские и вузовские ячейки, что рабочие ячейки проверять нет надобности. В Центральную Контрольную Комиссию обращаются даже с предложениями проверять не целиком всю организацию и даже не целиком всю ячейку, «а только тех членов ячейки, которых нужно чистить... выявить же этих членов не так трудно путем бесед с секретарем, или, если не доверяют, то бюро. А какому секретарю, какому бюро можно доверять, в этом может помочь райком, так как ему - то уж известно, можно ли доверять бюро такой - то ячейки... а проверять всю ячейку из - за того, что там есть один - два, которых надо выбросить, то их и надо выбросить, а не всю ячейку отвлекать от работы...» Такие бюрократические проекты чистки, когда заранее нужно об'явить доверие бюро ячейки или райкому, конечно, ничего не дадут для оздоровления партии, для действительной проверки ее рядов. Дело предстоящего пленума ЦК и партийной конференции решить вопрос о том, нужно ли проверять в настоящее время всю организацию или только часть ее, надо ли ограничивать чистку партийных рядов какими - нибудь категориями партийных ячеек. Нам кажется, — назрела генеральная чистка партии. Если Ленин в 1922 г. на другой день после чистки партии, видя все ее недостатки и трудности, говорил о том, что он не предлагает новой чистки, так ведь это было 7 лет назад. С тех пор, конечно, слишком много накопилось болезненных явлений, требующих радикального лечения, требующих радикальной чистки партии.

Мы не предрешаем также вопроса о том, должны ли мы эту чистку проводить одновременно по всей стране с тем, чтобы закончить ее примерно к XVI с'езду партии в течение нескольких месяцев, или эта задача может быть растянута. Нам кажется, что нельзя растягивать эту задачу на несколько лет, тогда эта чистка теряет смысл. Между тем кое - где такие настроения есть, — не рассматривать эту генеральную чистку партии, как задачу одновременной проверки всей партийной организации. Так, на пленуме Иваново-Вознесенской губернской контрольной комиссии тов. Ракутин указал на то, что «президиум ГубКК высказывается за то, чтобы проводить чистку постоянно в порядке повседневной работы, привлекая к этому делу партийные и беспартийные массы». «Мы знаем,—говорил тов. Ракутин,—что такая система — куда труднее ударной чистки; но зато, товарищи, она и пользы больше принесет». Мы не закрываем глаза на то, что одновременная проверка партийных рядов, проверка полутора миллионов членов и кандидатов партии—дело необычайно трудное. К нему надо отнестись со всей серьезностью, подготовиться самым тщательным образом. Надо иметь в виду, что выполнение этой задачи отвлечет нас временно от другой работы, затруднит временно работу партии. Однако, перед этими трудностями мы не можем останавливаться, сдавать. Без такой серьезной операции беспощадной чистки партийных рядов от всякой гнили мы не можем

оставить партию на этом трудном переходе, не рискуя иметь в перспективе гораздо более тяжелые для нас страницы, чем смоленские, шахтинские, сочинские и проч. «дела».

В развертывающейся уже дискуссии по вопросу о том, кого нужно вычистить из партии, по каким болезненным явлениям особенно сильно ударить, мы видим, что кое - где слишком узко понимается задача очищения нашей партии. В общем все сходятся на том, что надо гнать из партии «чуждых людей», «разложившихся», обюрократившихся. «Северный Рабочий» (Ярославль) на вопрос о том, кого чистить, отвечает голосом рабкора с завода «Красный Маяк»: «Всех активно тормозящих самокритику, всех обюрократившихся и разложившихся коммунистов, всех сознательно невыполняющих норму партийной морали, всех сознательно извращающих линию нашей партии, всех социально-чуждых, примазавшихся к партии». Тут же газета приводит и «кандидатов первой очереди». Вот «красный помещик» Соловьев в селе Когачеве: «сын помещика, имел до революции 100 дес. земли, сад фруктовый до 3.000 корней. Все обрабатывал наемным трудом, платил рабочим по 10—20 коп. в день. Сейчас он живет в барском доме, купленном его отцом у графа Салтыкова вместе с землей, и крестьяне на него показывают пальцем: «Вона — новый «красный помещик»! Был раньше Салтыков, а теперь Соловьев». Вот другой «кандидат первой очереди»—гр-н Косенков, лишенный избирательных прав по списку Бурмакинского вика, как бывший городовой» [1]. «Вышка» (Баку, 15 января 1929 г.) советует: «Вон из коммунистической партии бюрократов, мещан, разложившихся». И дает, например, такое определение обмещанившихся: «Обмещанившиеся»—это те, для которых основное—спокойная жизнь, картишки и рюмка водки дороже партии, дороже общественной работы, дороже всего на свете. Обмещанившиеся—это те, которые живут только для собственного благополучия. Им скучно среди коллектива, им скучно работать, им хочется только жить в свое удовольствие, чтобы никто им не мешал и чтобы никто их не тревожил». Если в первом случае (Ярославль) делается упор на классовую линию, то во втором упор делается на этику, на быт. Сталинградская газета «Борьба» ставит также несколько иную задачу. Под заголовком «Антипартийные элементы» идет статья о чистке ячеек «от богомольников и пьяниц». И самые заголовки отдельных заметок указывают, в какую сторону направляется тут прежде всего внимание: «Герои пьянок и подхалимства», «Убеждает не словами, а гирей», «Обожатель винных оргий», «Буян-истязатель», «Хулиган с партбилетом» и т. п. Нет спора — партии придется ударить очень крепко по элементам, подвергшимся серьезному бытовому за-

[1]) «Северный Рабочий» № 32, от 30 января 1929 г.

гниванию, и резолюция ноябрьского пленума на это обращает внимание. Она указывает на то, что «необходимо ударить по таким явлениям и прямо язвам в коммунистической среде, как факты «бытового загнивания», распущенности и пьянства, угодничества и подхалимства перед «верхами», замазывания прямых безобразий и фактов сращения с кулацко-капиталистическими слоями населения отдельных элементов из наших органов». Но, повидимому, слишком узкий подход к чистке, подход с точки зрения главным образом борьбы с компрометирующими партию бытовыми явлениями имеет место в отдельных организациях. Надо беспощадно вырвать из рядов партии такого рода элементы, которые способны организовать «кабуки», это позорище, каким запятнала группа партийцев Московский губотдел союза строителей. До какого надо дойти разложения, чтобы выработать такой устав: члены общества должны «стоять на платформе общего пьянства, свободной любви и всемерно содействовать пьянству и разврату, содействовать друг другу в деле осуществления своих физических потребностей. В случае арестов в пьяном виде и нахождения в отделении милиции — выручать всеми средствами и выручить. Вовлечь в общество всех подходящих сотрудников и работников Мосгуботдела строителей; организацию поставить более серьезно; ввести дисциплину строжайшую и соблюсти полную конспирацию». Однако, нам кажется, что главное внимание партии должно быть обращено во время чистки на борьбу с элементами классового извращения, на борьбу с классово - чуждыми элементами. Тов. Сольц, выступая на собрании актива в Ставрополе, указал, что «в основу очищения рядов партии будут положены не отдельные проступки партийцев, а общая пригодность каждого партийца к дальнейшей работе в партии» [1]). Нам кажется правильной такая постановка вопроса с одной оговоркой: «отдельные проступки» партийцев могут быть такими, что исключают возможность использования совершающих их партийцев на дальнейшей работе в партии. Но, повторяем, главное внимание партии придется обратить на чистку партии не только от элементов бытового загнивания, но и от элементов классового загнивания. Иногда эти элементы неразрывны: начинается с бытового загнивания, с пьянки, с безудержной ни с кем и ни с чем не считающейся половой распущенности, а затем в пьяном угаре человек теряет свое партийное лицо, классовое лицо. Такими сообщениями о потерявших лицо партийцах (а многие никогда его и не имели) теперь полна наша печать. «Прииртышская Правда» (Семипалатинск) указывает на то, что в партийной организации есть товарищи, для которых «корова дороже производства». Партийцы заняты больше всего собственным хозяйством; почти у каждого из них по две коровы с лошадью. «Посудите, когда заниматься просвещением и производством? — спрашивает газета, — даже нехватает времени на уход за скотиной. Хозяйственное обрастание коммунисты ценят выше производственных интересов». Вот «байские приспешники» Чингиставского района (Семипалатинской губернии): «На первом месте здесь стоит связь партийцев с чуждым, байским элементом. Во время конфискации и выселения крупных баев-полуфеодалов семь партийцев приняли активное участие в выдаче хороших рекомендаций, в ходатайстве об оставлении баев... Комсомольские ряды засорены байским элементом, также по примеру партийцев комсомольцы в числе девяти человек ходатайствовали об оставлении выселенных баев». «Правда Востока» (Ташкент) приводит пример чистки в Среднем Чирчике. Комиссия, работавшая в Среднем Чирчике, исключила из партии 60 человек, из них трех секретарей ячеек. «Эти 60 человек являются баями, имеющими не одну десятину скрытой от земельной реформы земли. Есть среди них ишаны, торговцы, ростовщики, растратчики и т. п. элементы». Мы знаем, что найдутся люди, которые злорадно будут указывать пальцами на эти наши язвы и скажут: видите, во что превратилась коммунистическая партия после Ленина! Но мы напомним этим людям, что чистка 1921 г. при Ленине очистила партию от 30% таких элементов, а 60 человек в такой организации, как Чирчики, где нет промышленного пролетариата, составляет 24% организации. Мудрено ли, что там, где партия вербовала свои элементы из мелкобуржуазных, малокультурных сил Востока, в нее проникли классово - чуждые элементы? Мудрено ли, что там имелись такие ячейки, как, например, Кумская, «которая являлась базовой ячейкой местных баев и мулл, где исключено 55% ее состава—то же самое и по ячейке Урта-Сарай». Мудрено ли, что в такой организации на 250 человек нет ни одного батрака, пролетария, а были обнаружены «батраки», которые имеют по 40 десятин земли и сами нанимают батраков? Мудрено ли, что в работе районного комитета прежнего состава и общественных организаций проводилась байская классовая линия недопущения в партию батраков, вовлечения комсомольской организации в байскую группу, борьба за ликвидацию завоеваний зем. реформы и т. д.? На IV окружной Сибирской партийной конференции тов. Ноздрин указал на то, что 45% деревенских коммунистов совершенно не связаны с сельским хозяйством. «По произведенному обследованию 6 районов (из 20) оказалось, что бедняков в сельячейках у нас только 5—6%, в среднем батраков по отношению к сельской части организации 0,5—0,9%, а по отношению ко всей окружной организации только 2,3% и в то же время кулаков в сельской части организации насчитывается 7—8%» [1]). В «Советской Степи» (Кзыл-Орда, 4/I—29 г.) читаем о роспуске сай-

[1]) «Известия ЦИК» от 30 января 1929 г.

[1]) «Советская Сибирь», 20/XII—1928 г.

рамской парторганизации. Комиссии Сырдарьинского окружкома: «выяснилась картина полнейшего разложения организации. Работа райкома партии и ячеек была подчинена интересам группировок, особенно по вопросам приема в партию, перемещения и назначения работников и проведения партийных решений. За группировщиками же скрывались баи и духовенство, которые использовывали в своих интересах партийный и советский аппараты, кооперацию и суд. Районный комитет партии и даже бюро РК оказались засоренными чуждыми и преступными элементами. Рост парторганизаций, как выяснилось, шел под руководством байства и духовенства. Байство и духовенство, фактически захватив руководство, активно начали проводить свою классовую линию в работе советов, суда и кооперации в ущерб интересам бедноты. В результате кредиты и льготы предоставлялись баям и другим чуждым элементам, а бедноте... необеспеченность льготами, переобложение налогом, зажим». Таковы практические «достижения» руководства байства и духовенства в Сайрамском районе. Окружком партии и окрКК решили: распустить сайрамский РК ВКП(б) и создать райоргбюро. Провести чистку сайрамской парторганизации, организовав вокруг этого широкие партийные и беспартийные массы. Предложить оргбюро организовать обсуждение решения окружкома по сайрамскому делу во всех ячейках, чтобы это обсуждение явилось началом самоочистки организации от явно разложившихся байско-ишанских элементов.

«Рабочий Край» (Иваново-Вознесенск, 27/I—29 г.) сообщает о результатах обследования Словинской парторганизации (крестьянской). В ней оказалось рабочих и батраков 8%, крестьян-бедняков—18,4%, крестьян-середняков—34,7%, служащих 38,9%, а между тем в волости — 380 чел. батраков. «Процветают пьянство, крупные растраты, исполнение религиозных обрядов, крещение детей, отправление христианских праздников, венчания и т. п.». Мудрено ли что такая партийная организация не ведет классовой борьбы в деревне?

Эти примеры показывают, насколько серьезно назрела чистка партии, особенно в деревенских ячейках. Можно бы привести бесчисленные примеры такого извращения партийной линии отдельными членами партии и отдельными организациями партии в деревне, которые показывают, что мы не можем опереться на такие партийные организации в проведении нашей партийной линии, не можем проводить успешно ни хлебозаготовок, ни правильно организовать перевыборы советов, а тем более проводить социалистическое переустройство деревни. Такие партийные организации просто-напросто не пользуются никаким авторитетом в деревне, никаким влиянием. «Трудовой Путь» (Армавир, 31/I-29 г.) сообщает, например, что в станице Ново-Владимирской при перевыборах советов беднота и середняки не провели в совет ни одного местного коммуниста. Причины? «Секретарь ячейки—сын попа, брат его и сейчас служит попом в другой станице, другой брат, секретарь комсомола, производит незаконные обыски и покрывает самогонщиков. Остальные выставленные кандидаты тоже оказались опороченными. Благодаря такому составу ячеек здоровые коммунисты оказываются затертыми, и в целом ячейка во время перевыборов провалилась». В другой станице Ново-Бекетовской секретарь ячейки покрывает самогонщиков. Секретарь ячейки Ново-Дмитриевской состоит в кулацком коллективе, вместе с кулаками пьянствует. Кулаки над ним и над ячейкой издеваются. Куда пойти дальше, когда кулак говорит секретарю ячейки: «Вот на, Егор, становись на все четыре, а я на тебе ездить буду!». Понятно, что в этой станице обнаглел кулак».

Особенно партии придется обратить внимание на участие деревенских коммунистов в коллективном строительстве. Сплошь и рядом теперь появляются заметки и указания на то, что «коммунисты» в деревне не хотят принимать участия в строительстве коллективов. Само собой разумеется, что если нет налицо условий для создания коллектива, то мы не можем требовать от коммуниста, чтобы он во что бы то ни стало его строил, но мы можем требовать от коммуниста, чтобы он помогал и участвовал в организующихся коллективах не только языком, но и на деле. А то вот крестьяне говорят: «Вы только языком треплете: колхозы, колхозы, а как самим войти, так вас Митькой звали!»[1]). Или вот в Томском округе: «По вопросу о коллективизации некоторые партийцы говорят: «Мы приветствуем коллективизацию, но сами в коллективы не пойдем. И не идут»[2]). Понятно, что такие «коммунисты» «не видят» классовой борьбы в деревне и «не видят классов». Такие «коммунисты» в день 11-летия Октября устраивают вместе с кулаками и лишенцами пирушку, а беднота на другой день говорит: «Вот как наши товарищи бросают звание коммуниста под ноги кулаку»[3]). Такие «коммунисты» доходят до того, что говорят: «Вся беднота—лодыри! Я ничего общего с беднотой не имею, пусть лучше в кооперацию вступают зажиточные, чем бедняки»[4]). Такие «коммунисты» могут вполне рассчитывать на то, что они будут исключены из партии в предстоящую чистку. И хорошо, если еще до чистки партийная общественность выявит таких «коммунистов», облегчив тем дело чистки. Такую работу мы уже наблюдаем в местной печати, при чем эта предварительная кампания проходит кое-где не без некоторой талантливости. «Советская Деревня» (гор. Саратов) очень недурно изображает такого «будущего кандидата на исключение» торговца Безрукова, которого вытаскивают из ячейки на холстинке, а под карикатурой подпись: «Судьба играет человеком, а особливо торгашем. Вчера Безруков был отсеком, а завтра голоса лишен». Газеты приводят очень яркие типы оку-

[1]) «Завод и Пашня». Саранск, 24/I—29 г.
[2]) «Красное Знамя», 29/XII—29 г., Томск.
[3]) «Наша Правда», Козлов, 30/I—29 г.
[4]) «Вятская Правда», 17/I—29 г.

лачившихся, «потерявшихся в волнах пьяного моря» и в городе и в деревне, мазуриков, авантюристов, явных кандидатов на вылет из партии. Только нельзя ли их, этих явных кандидатов на вылет из партии, изгнать еще до чистки?

Чистка партии должна усилить тягу в партию пролетарских, батрацких элементов и лучшей части бедняков деревни. Чистка партии должна помочь укрепить работу организации, проверить работу каждой ячейки, создать более здоровые, товарищеские отношения внутри ячейки и укрепить доверие к партийной организации со стороны окружающего трудового населения. Чистка партии должна повысить чувство ответственности каждого партийца, она должна поднять уровень политических знаний. Этим мы вовсе не хотим сказать, что поднятие уровня политических знаний должно итти сейчас в ударном порядке. Мы знаем, что такое понимание кое у кого есть, что кое-кто понимает эту задачу так, что надо подзубрить политграмоту, просмотреть устав партии, программу партии, немножечко по верхам пройти историю партии[1]). Мы понимаем дело не так. Чистка партии, подготовка к ней должны создать такую обстановку, которая заставит каждого партийца проверить самого себя, заставит его и в дальнейшем более внимательно относиться к событиям политической жизни, к событиям партийной жизни и жизни Коммунистического Интернационала, глубже заинтересоваться проявлениями классовой борьбы в деревне и в городе, более сознательно принимать участие в ней. Чистка партии должна усилить борьбу с бюрократизмом, повысить активность каждого члена партии и партийной организации в целом. Чистка партии должна усилить связь с массами, она должна поднять авторитет партийной организации в глазах беспартийной рабоче-крестьянской массы. Это тем более будет достигнуто, чем активнее каждый партиец и партийная организация в целом примут участие в социалистическом переустройстве промышленности и сельского хозяйства, в поднятии трудовой дисциплины. Чистка партии должна заставить нас изгнать излишества, ударить самым серьезным образом по бытовому загниванию. Попутно чистка партии должна дать нам проверку правильности руководства ячейки, правильности пар-

---

[1]) В частности, говорят, «лихорадят» вузовцы: скорее бы уж чистили, мол! Эта «лихорадка» мешает даже заниматься. Мы отнюдь не думаем, что чистка партии должна висеть дамокловым мечом над каждым партийцем. В частности, надо в отношении сроков принять во внимание, что чистка не должна нарушить хода работы той или иной категории партийцев: сельскохоз. работ (посева, пахоты— в деревне). сдачи зачетов—в вузах и т. п.

тийного руководства во всех областях нашей работы.

Само собой разумеется, что такая чистка партии должна поднять огромную волну самокритики. В процессе проверки самокритика должна ударить по всем больным местам нашей работы. Нечего и говорить о том, что чистка партии будет тогда только действительной, когда мы привлечем к этому делу беспартийные массы. Ленин считал, что такое привлечение беспартийных трудящихся к делу чистки «даст нам серьезные результаты. Оно сделает партию гораздо более сильным авангардом класса, чем прежде, сделает ее авангардом, более крепко связанным с классом, более способным вести его к победе среди массы трудностей и опасностей»[1]). «Есть места,—писал Ленин,—где чистят партию, опираясь главным образом на опыт, на указания беспартийных рабочих, руководясь их указаниями, считаясь с представителями беспартийной пролетарской массы. Вот это—самое ценное, самое важное. Если бы нам действительно удалось таким образом очистить партию сверху донизу, «невзирая на лица», завоевание революции было бы в самом деле крупное».

Однако, нам нужно иметь в виду, что партийные организации ни в коем случае не должны во время чистки плестись в хвосте беспартийной массы. Нужно иметь в виду предостережение, которое давал Ленин как раз по этому поводу: «Конечно,—писал Ленин,—не всем указаниям массы мы подчинимся, ибо масса тоже поддается иногда, особенно в годы исключительной усталости, переутомления чрезмерными тяготами и мучениями, настроениям нисколько не передовым»[2]). Кроме того, не следует забывать и того обстоятельства, что на местах могут быть сделаны очень большие ошибки при чистке партии, против которых также Ленин предупреждал, когда указывал, что во время чистки 1921 года очень широко имело место «сведение личных и местных счетов на местах при осуществлении чистки партии». А между тем, уже сейчас появляются такие проекты чистки партии, которые совершенно не берут во внимание этот опыт и особенно опыт чистки 1921 года. Например, Ю. Ларин в «Правде» предлагает не больше, не меньше, как исключить из партии всех тех, кто по различным поводам исключался до этой чистки и был восстановлен высшими контрольными инстанциями партии. Это значило бы организовать недоверие к высшим контрольным органам партии с самого начала чистки партии, это значило бы усилить те опасные тенденции, на которые указывал Ленин—участие местных и личных моментов в чистке партии, иногда совершенно непринципиальных, это значило бы заранее обеспечить закрепление всевозможных ошибок, неизбежных при чист-

---

[1]) Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 360.
[2]) Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 360.

ке партии. Такого рода проекты должны быть самым решительным образом отвергнуты с самого начала.

Особенно велика должна быть роль печати в чистке партии. Печать—могучее орудие нашей общественности. Чем глубже она проникает в массы, тем более острым орудием борьбы за исправление всевозможных ошибок нашей работы она становится. Но при неправильной установке она может стать столь же могучим орудием искривления всей нашей работы в период чистки, путем неправильного освещения стоящих перед нами задач, одностороннего освещения этих задач, особенно если она сосредоточит внимание на какой-нибудь наименее ценной стороне дела, если она за узкими местными задачами не увидит гораздо больших общих задач, стоящих перед партией в период чистки ее рядов.

Партийным организациям предстоит большая работа, которую они должны начать уже теперь на основе краткого общего указания, данного Центральной Контрольной Комиссией, и решений ноябрьского пленума ЦК. Необходимо тщательно подготовить руководство проверкой и в этом смысле заранее самым тщательным образом подобрать состав проверочных комиссий. Эти проверочные комиссии должны изучить опыт всей прежней работы по проверке и чистке партии, внимательно продумать план всей работы на местах, изучить по имеющимся материалам состояние местных партийных организаций, которые предстоит проверить. А ошибки могут быть очень большие, если не уяснить правильно, какие задачи ставит себе чистка и проверка рядов партии, какие требования надо пред'являть к партийной организации в целом и к данной ячейке (фабрика, деревня, отсталые национальности), какие требования надо пред'явить к данным слоям трудящихся (работницы, батраки, сельскохозяйственные рабочие, коммунист-крестьянин, комсомолец и т. п.). Учитывая прошлый опыт, необходимо особенно позаботиться о том, чтобы обвинения, выдвигаемые против того или иного коммуниста, были тщательно проверены, чтобы чистка и проверка стояли на определенном принципиальном уровне, чтобы она избегла мелочности в подходе, черствости подхода, шаблона, формализма. Чистка партии должна создать более здоровую товарищескую обстановку взаимного доверия членов партии друг к другу и большего доверия трудящихся масс к партийной организации.

Мы знаем, что враги будут злорадствовать по поводу того, что в наших рядах окажется по меньшей мере несколько десятков тысяч примазавшихся, разложившихся, мазуриков, негодяев, о которых Ленин говорил, что таких людей надо расстреливать. Но с какой радостью приняла бы всех этих мазуриков и разложившихся людей любая буржуазная партия для того, чтобы бороться против коммунистов! Они составили бы «украшение и гордость» любой буржуазной партии—как раз те, кого мы беспощадно выбросим из рядов нашей партии в период предстоящей чистки! Нас не должно смущать злорадство наших врагов. Но мы не должны им давать излишних поводов к этому злорадству, и поэтому мы не вынесем на суд наших классовых врагов вопрос о том, можно ли оставить того или иного партийца в нашей партии. Нам дорого мнение об этом близких нам по классу людей—беспартийных рабочих, батраков, крестьян, с которыми рабочий класс закрепляет союз—и мы будем ценить мнение этих элементов о наших партийцах.

Несмотря на все трудности, которые стоят перед нами в период такой чистки, мы ее проведем и укрепим нашу партию так, как это необходимо для выполнения грандиозных задач социалистического переустройства, стоящих перед Страной Советов.

Ем. Ярославский.

О двурушничестве вообще и двурушниках-троцкистах в частности.

Дуалистическая природа двурушника.

Самый отвратительный тип в революции это—двурушник. Откуда он? По большей части двурушник отражает дуалистическую природу мелкобуржуазных прослоек, идущих рядом с пролетариатом, колеблющихся то в сторону пролетариата, то в сторону буржуазии. Двурушник—«и нашим и вашим». В моменты революционного под'ема он—100%-ый революционер, идет вместе со всеми на штурм, иногда вполне так, как полагается крепкому большевику. Как только начинается спад революционной волны, или начинаются колебания в попутчиках пролетариата, этот тип начинает обнаруживать все признаки шатаний и колебаний. В период величайшего под'ема первой русской революции он провозглашает «несуразно левую» перманентную революцию (Ленин). Революционная волна проходит—он пускается на самые низкопробные блоки с ликвидаторами партии, с меньшевиками, сколачивая августовский блок против большевиков. В октябре 1917 года он—на гребне революционной волны; в период Бреста он выдвигает теорию—«ни мир, ни война», «войны не ведем и мира не подписываем» Как только намечаются серьезные трудности, для него уже «кукушка прокуковала последние часы советской власти».

Это вовсе не личные свойства Троцкого или другого революционного героя мелкой буржуазии. Это—свойство самой мелкой буржуазии. Троцкисты и им подобные на всем протяжении истории нашей революции и были типичными представителями этой колеблющейся мелкой буржуазии. Эта мелкая буржуазия может быть порой очень революционно настроена, необычайно даже лево, ультра-лево. Это особенно подчеркнул Ленин в статье «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». В главе «В борьбе с какими врагами внутри рабочего движения вырос, сложился и окреп большевизм», Ленин отмечает, что «большевизм вырос, сложился и закалился в долголетней борьбе против «мелкобуржуазной революционности», которая смахивает на анархизм или кое-что от него заимствует»... «Теоретически для марксиста вполне установлено,—и опытом всех европейских революций и революционных движений вполне подтверждено, что мелкий собственник и мелкий хозяйчик (социальный тип во многих европейских странах имеющий очень широкое массовое представительство), испытывая при капитализме постоянно угнетение и очень часто невероятно резкое и быстрое

ухудшение жизни и разорение, легко переходит к крайней революционности, но не способен проявить выдержки, организованности, дисциплины, стойкости. «Взбесившийся» от ужасов капитализма мелкий буржуа это—социальное явление, свойственное, как и анархизм, всем капиталистическим странам. Неустойчивость такой революционности, бесплодность ее, свойство быстро превращаться в покорность, апатию, фантастику, даже «бешеное» увлечение тем или другим буржуазным «модным» течением,—все это общеизвестно»...

Троцкисты — это типичные представители такого «взбесившегося» мелкого буржуа, взбесившегося в нашей стране не от ужасов капитализма, а от трудностей преодоления капитализма для разоряющихся и для разорившихся слоев мелкой буржуазии, деклассированного мещанства, сокращенных служащих, «бывших людей», детей торговцев и проч. и т. п.

Мы не раз приводили цифровые данные, свидетельствующие о том, что и социальный состав троцкистских групп чрезвычайно близок к такой характеристике. Это не исключает того, что среди них мы находим и часть рабочих, потому что и часть рабочих испытывает на себе влияние крестьянства и других мелкобуржуазных слоев.

«Две души» живут в сердце двурушника. Вот этот двурушник с двумя душами одной рукой голосует за линию партии, а другой строит фракционную организацию, поддерживает всякие антипартийные течения. Двурушник лицемерно стоит перед конгрессом Коминтерна и говорит: раз партия приказывает, я держу руки по швам. Права или не права партия, но это моя партия. А в то же самое время он, этот двурушник, строит подпольную организацию, поддерживает всякие антипартийные настроения. Впрочем, двурушник не обязательно должен сознательно изменять партии. Он суб'ективно иногда убежден в том, что он помогает партии, он иногда искренне колеблется. Но ведь партии-то не легче от того,—искренне ли данный товарищ колеблется, искренне ли он примыкает к той или иной партийной или антипартийной группе, или он сознательный двурушник.

Там, где дело заходит так далеко, что приводит к созданию фракционной организации внутри партии, двурушничество получает организационную базу для своего проявления. У фракционера два лица: одно лицо перед своей фракцией, тут он может распоясаться во-всю. Тут он может говорить о партии самые гнусные вещи, среди своих единомышленников он может сбросить личину партийности, какую он надевает тогда, когда выступает перед партией, перед рабочим классом. Перед рабочим классом он себя называет членом ВКП(б),—в своей фракции он над ВКП(б) издевается. Мясниковец остается внутри партии, имеет партийный билет в кармане, выступает на собраниях, как член Всесоюзной коммунистической партии, а у себя, в своей фракции, он член РКПР (рабочая коммунистическая партия России). Сапроновец, дэцист, член ВКП(б), покуда его не исключили, а внутри своей фракции он ярый враг ВКП(б), для него партия—труп, который надо скорее убрать с дороги. Троцкист выступает под флагом большевика-ленинца, но когда троцкисту приходится работать в своей фракции, он может «хоть с чертом и его бабушкой» работать против партии, он помещает свои статьи рядом с коршистами, рядом с социал-демократами, потому что только в этих условиях он может бороться против большевистской партии (как бы он ее ни называл). Фракционная организация закрепляет двурушничество как принцип. Беспринципный оппортунизм становится второй природой фракционера, это и есть основной принцип его деятельности. Особенно это можно иллюстрировать на примере троцкистов.

Два лица троцкизма.

Читатель простит нам несколько длинные цитаты из очень интересного документа Л. Троцкого, который мы однажды цитировали. Документ этот— доклад на общегородском собрании партийной организации в городе Запорожье 1 сентября 1925 г. Издан он Троцким в 1926 г. [1]). Троцкий назвал этот свой доклад докладом «О наших новых задачах».

Как же представлял себе «наши новые задачи» осенью 1925 года, накануне создания об'единенного антибольшевистского блока 1926—27 г. мастер этого блока?

Раз это—новые задачи, то, стало быть, они должны определять политику партии на ближайшие годы, по крайней мере. Какие же вопросы ставил тогда Троцкий? Основная тема, которой посвящен доклад, такова: «Все наши практические задачи мы обязаны на каждом новом этапе, на каждом новом повороте проверять: а не сбиваемся ли мы с социалистического пути, приближаемся ли к социализму или удаляемся от него» (подчеркнуто нами).

Как же отвечает на этот вопрос Троцкий, который впоследствии стал утверждать вместе со своей фракцией, что с 1923 г. происходит свертывание социализма, отказ от социалистического пути развития.

«Последние мероприятия партии, — читаем мы у Троцкого, — в области крестьянской политики обозначают расширение рамок для товарно-капиталистических отношений в деревне. Это несомненный факт. От раскулачивания кулака во время военного коммунизма наша партия и советская власть ходом вещей вынуждены были притти к допущению в деревне накопления капитала, который мы прежде называли кулацким, а теперь вернее было бы назвать фермерским капиталом. Слово «кулак» связано с отношениями еще полукрепостного порядка, с засильем помещика, исправника. У нас же сейчас образуется в деревне собственник, фермер нового типа. Конечно, мы можем по старой памяти называть кулаком, но гораздо правильнее назвать его фермером капиталистического типа. В основе своей это явление чревато опасностями, на которые никто из нас не закрывает глаза» [2]). Итак, **новые задачи**, — а Троцкий считал, что эти новые задачи поставлены правильно, — **требовали в 1925 г., по мнению Троцкого, «расширения рамок для товарно-капиталистических отношений в деревне»**, «допущения в деревне накопления капитала, который мы прежде называли кулацким, а теперь вернее было бы называть фермерским капиталом». Итак, по мнению Троцкого, **кулака не надо называть кулаком.** Вероятно, многие почитатели Троцкого (не все из них даже читали это произведение ума и пера Троцкого) чрезвычайно удивятся такой постановке вопроса. Как, скажут они, это, вероятно, Ярославский выдумал, не мог говорить этого Троцкий, который выступал в 1926 году с такими нападками на «кулацкую» политику ЦК ВКП(б).

А между тем это факт. Троцкий считал, что надо допустить в деревне накопление **капитала и именно кулацкого, фермерского капитала.** Троцкий считал, что надо перестать называть кулака кулаком. Зачем же надо было тогда впадать в истерику по поводу того, что писал Богушевский о кулаке, зачем же надо было так истерически вопить по поводу лозунга «обогащайтесь»? Ведь Троцкий буквально повторял то же самое и даже в худшей форме.

---

[1]) Л Троцкий, «О наших новых задачах», ГИЗ, 1926 г.

[2]) «О наших новых задачах», стр. 3—4.

Для чего же Троцкий считал необоходимым предоставить кулаку возможность обогащаться?

«Если мы спросим себя, почему мы оказались вынужденными дать возможность развиваться этому фермерскому капиталистическому хозяйству, то ответ будет простой; для того, чтобы развивались производительные силы в деревне» [1]).

«Можно ли сказать, — спрашивал Троцкий: — пусть производительные силы и упадут, лишь бы был социализм? Нет,—отвечал он,—так сказать нельзя, это—внутреннее противоречие, ибо социализм может существовать только на основе высокого развития производительных сил» [2]).

Какую же роль играет при этом кулак. Может ли, по мнению Троцкого, кулак содействовать в какой-либо степени приближению к социализму.

Допуская, что кулак на известной ступени является нашим возможным и вероятным врагом, что развиваясь он может превратиться в крепкую фигуру, Троцкий вовсе не считал, что обогащение кулака при всяких условиях вредно для социалистического государства. Наоборот, он считал, что кулак может помогать строительству социализма.

Вам это кажется, почитатели Троцкого, чудовищным? Но это так. Троцкий говорил днепропетровским рабочим-коммунистам всего три года назад:

«Социалистическое развитие и опирается на капиталистическое и борется с ним в то же время. Нам нужно развить производительные силы в деревне. **Кулак, богатый крестьянин, который продает хлеб через посредство государства, позволяет государству получать иностранную валюту, за которую мы можем ввозить машины для наших заводов. Это — плюс, это — содействие приближению к социализму»** [3]).

А сколько после этого пролито было лицемерных слез по поводу того, что есть в партии люди, допускающие «врастание» кулака в социализм, а сколько восклицательных знаков было поставлено по поводу того, что есть такие еретики, которые считают возможным допустить рост индивидуального хозяйства в деревне!

Мы не являемся сторонниками того, что кулак может помогать социализму, мы лишь констатируем, что люди, вчера только утверждавшие, «будто кулак, богатый крестьянин, содействует приближению к социализму», сегодня изображают величайшее возмущение на своих благородных физиономиях, когда говорят о кулацкой политике

Вчера эти люди ставили вопрос: «По какому пути мы развиваемся скорее, полнее; по какому каналу идет у нас с каждым годом больше ценностей, больше богатств, по каналу социалистическому, т.-е. в руки государства и кооперации, или по каналу капиталистическому — в руки частных собственников?» [4]).

И на этот вопрос отвечали:

... «Научная таблица Госплана, которую наша партия будет в ближайший период пропагандировать и анализировать, является фотографией нашей работы в цифрах. И эти цифры говорят, что если силы опасности растут, то силы противодействия с нашей стороны растут гораздо скорее. У Шекспира где-то (забыл, где именно)

---

[1]) Там же, стр. 4.

[2]) Там же, стр. 5.

[3]) Там же, стр. 6.

[4]) Там же, стр. 8.

какой-то герой говорит: «Есть опасность, но знает опасность, что я ее опаснее». Так может и наша партия сказать: «Вокруг нас есть опасности, но партия наша в области хозяйства стала сильнее этих опасностей». И если она теперь делает шаг назад в деревне, то это только потому, что она может позволить себе отступление на одном фланге».

«Мы можем твердо сказать: сухие цифры Госплана являются первым и величайшим в мире свидетельством возрастающей победы социализма над капитализмом» (Аплодисменты) [1]).

Понятно, почему днепропетровский пролетариат аплодировал Троцкому. Троцкий имел в этот момент партийное лицо. Он должен был признать, что советское государство делает успехи на пути социализма, что партия преодолевает опасности, стоящие на пути нашего развития, что «партия наша в области хозяйства стала сильнее этих опасностей», что партия может в интересах движения «позволить себе отступление на одном фланге».

Так говорил партиец Троцкий; а двурушник Троцкий, который в это время готовился создать блок всех фракционных групп и течений, думал и в своем кругу говорил другое. Когда Троцкий выступал как партиец, то для него сухие цифры Госплана являлись «первым и величайшим в мире свидетельством возрастающей победы социализма над капитализмом». А двурушник Троцкий, когда он выступает от имени своей фракции, должен утверждать совершенно противоположное. Он утверждает: «Послеленинское руководство вообще разворачивает октябрьскую фильму в обратном порядке». Он должен клеветнически утверждать, что то, что есть в настоящее время в стране, есть «керенщина слева направо» (Директивное письмо Л. Д. Троцкого «О тактике» от 21 октября 1928 г.).

Какие перспективы рисовались Троцкому в конце 1925 года в отношении развития производительных сил?

«Пока мы не можем дать деревне высокой техники, у нас есть две возможности: либо применить в деревне методы военного коммунизма и задержать там развитие производительных сил, что привело бы к сужению рынка и тем самым к задержке производительных сил в промышленности, — **либо до тех пор, пока мы не можем средствами нашей промышленности коллективизировать сельское хозяйство, мы должны допустить там развитие производительных сил, хотя бы и при помощи капиталистических методов.** В этом сущность нынешнего периода в нашей политике.

«И, разумеется, самое для нас важное, чтобы лучшие элементы деревенских коммунистов поняли всю эту механику в целом, потому что именно деревенскому коммунисту сейчас очень легко притти в отчаяние, если он все еще не отдает отчета в этих основных хозяйственных данных. Если он, искреннейший член партии, преданнейший социалист, видит перед собою рост хозяйства фермера, называемого кулаком, если этот кулак его обгоняет и если он, с другой стороны, видит развал целого ряда сельскохозяйственных коммун, коллективов, а такие факты наблюдаются, то в его сознании это может

[1]) Там же, стр. 22.

отразиться в такой форме, что все распадается, что социализм гибнет. **А между тем, товарищи, это не так»** [1]).

Извиняемся за длинную выписку. Но она ведь раскрывает всю несостоятельность позднейших нападок троцкистов на партию. В конце 1925 г. троцкисты считали, что в ближайший период наша политика требует от нас развития производительных сил в деревне, «хотя бы и при помощи капиталистических методов», в этом они видели «сущность нынешнего периода нашей политики». По мнению троцкистов, у нас даже не было иного пути. Либо этот путь, либо «применить в деревне методы военного коммунизма и задержать там развитие производительных сил, что привело бы к сужению рынка и тем самым к задержке производительных сил в промышленности». Могли ли мы вернуться к методам военного коммунизма, должны ли мы были «задержать развитие производительных сил в деревне», должны ли мы были сужать рынок и тем самым «задерживать развитие производительных сил в промышленности»? Конечно, нет. Троцкий убеждает тех коммунистов, которые впадают в отчаяние от того, что мы должны временно допустить развитие производительных сил в деревне и на путях капитализма. А Троцкий - фракционер, Троцкий, организующий блок, пишет платформу, в которой упрекает партию за этот путь, обрушивается с самой бессовестной демагогией по поводу того, что партия допускает развитие производительных сил в деревне «при помощи капиталистических методов». Троцкий - партиец, уверяет днепропетровских коммунистов, что «соотношение сил изменилось в пользу государства, т.-е. в пользу социализма. Таков основной вывод» [2]). А Троцкий — организатор антипартийного блока—уверяет, что у нас социализм гибнет, что у нас «керенщина наизнанку». Троцкий-партиец предостерегает в 1925 г., что «трудности, на которые наталкиваются социалистические начинания в деревне, могут вызвать среди деревенских коммунистов тревогу и даже временное разложение. И только поняв линию развития нашего хозяйства в целом, можно не растеряться и не упасть духом, находясь на наиболее слабом и подвергаемом ударам участке нашей общей работы» [3]). А Троцкий—организатор фракционного блока, Троцкий—организатор другой партии—сам растеривается, сам падает духом. И эту свою растерянность и упадок духа, «не веря в строительство социализма», передает по всей линии, по всей своей фракции, всем своим сторонникам, вооружает их этим неверием в возможность построения социализма силами СССР (при имеющей место поддержке пролетариата других стран).

Пожалуй, довольно примеров того, как можно на протяжении очень короткого времени надевать разные личины, какой размах колебаний может проявить взбесившийся мелкий буржуа. Сегодня для него в цифрах Госплана «звучит музыка социализма», а завтра в тех же цифрах—керенщина наизнанку. Сегодня—основной вывод тот, что «соотношение сил изменилось в пользу государства, т.-е. в пользу социализма», сегодня «мы можем твердо сказать: сухие цифры Госплана являются первым и величайшим в мире свидетельством возрастающей победы социализма над капитализмом», а завтра, когда Троцкий строит фракцию, строит другую партию, те же самые цифры Госплана звучат уже не музыкой социализма, говорят уже не о возрастающей победе социализма над капитализмом, а об упадке, о закате, о «трагедии», о «керенщине наизнанку» и т. п. и т. д.

[1]) Там же, стр. 19.
[2]) Там же, стр. 18.
[3]) Там же, стр. 20.

Две души живут в каждом мелкобуржуазном революционере, какими и являются троцкисты. Стоит подуть сухому ветерку, стоит появиться на горизонте облакам, предвещающим трудности на нашем пути, как уже «кукушка прокуковала последний час советской власти», как уже «пробил 12-й час». Это не исключает того, что многие троцкисты заговорят иным языком, когда кривая социалистической революции в других странах пойдет заметно на под'ем, когда мы преодолеем главные трудности и когда меньше станет колебаний в рядах мелкой буржуазии, меньше станет недовольства пролетарской диктатурой со стороны тех, кто хнычет о сегодняшних трудностях. Но мы должны особенно ясно видеть на этом примере, как двурушник-фракционер может совместить два лица: одно—для партии, другое—для фракции. Одно—когда он выступает «руки по швам», а другое,—когда он поднимает бунт против партии.

Моральное лицо двурушника.

Двурушник вынужден лицемерить. Он может при этом внешне сохранить искренность тона. Он пишет заявления о том, что он готов подчиниться всем решениям партии, признает, что он принес вред и т. п., и т. д., он дает одну декларацию за другой. Но иногда очень скоро выясняется, что он эти декларации дает не всерьез, а через несколько лет он сам заявляет: чудаки, неужели вы думали, что мы всерьез давали обещания и всерьез обещали их выполнять! Это были лишь «приказы об остступлении» нашей группы, нашей фракции. Фракционное подполье, фракционная дисциплина очень многому обязывают. Еще Ленин указывал на то, что каждая фракция думает, что она-то обладает настоящей правдой. Потому-то фракционер и воображает иногда искренне, что он составляет основу партии. Какая-нибудь ничтожнейшая группка дэцистов, сапроновцев, называя себя «группой пролетарских революционеров-большевиков», прекрасно зная, что во всей полутора-миллионной партии она насчитывает буквально десятки сторонников, изображает дело так, что исключение этой группы из партии составляет «государственный переворот». А между тем никто и не заметил, что произошел государственный переворот. Странный «государственный переворот»! Но в душе-то эти люди, в особенности «вожди», знают, что никакого государственного переворота не произошло от того, что их выгнали из партии, что немножко чище воздух стал в партии—только и всего.

Особенно характерным документом, свидетельствующим о моральном разложении таких групп, является предсмертное письмо троцкиста А. Иоффе, опубликованное нами полностью в «Большевике» (№ 23 — 24 за 1927 г). А. Иоффе в этом письме счел необходимым приводить буквально торгашеские расчеты: сколько ему революция не доплатила, сколько бы он мог получить материально от разных буржуазных издательств, если бы ему партия разрешила бесконтрольно писать свои мемуары. Эти торгашеские расчеты перекрещиваются самым бессовестным образом с «принципиальными» мотивами. И тут же Иоффе, не рассчитавши, что это письмо будет немедленно опубликовано полностью, советует Троцкому, что если ему понадобится в целях политических изменить содержание этого письма, то он может это сделать по своему усмотрению.

«... Поэтому я не только даю вам полнейшую свободу редактирования моего письма, но даже очень прошу вас исключить из него все то, что вам покажется лишним, и добавить то, что вы сочтете необходимым».

Удивительно ли, что, издавая этот документ за границей, троцкисты совершили прямой подлог, вычеркнувши из этого письма как раз это место. (См. «The real situation in Russia» by Leon Trotsky (Harcourt, Brace and company, translated by Max Eastman). Даже троцкистам стало совестно за этакое моральное падение. Но оно ведь тоже—не личное свойство Иоффе, который был во всяком случае не хуже других троцкистов. Это свойство тех мелкобуржуазных прослоек, типичным представителем которых был Иоффе, представителями которых являются троцкисты (опять-таки не лично каждый из троцкистов, а троцкисты, как группа). Моральное раздвоение (можно обмануть партию ради интересов своей группы) есть только отражение политического раздвоения, а это политическое раздвоение есть в свою очередь только отражение сущности мелкой буржуазии, колеблющейся, неустойчивой, иногда способной даже увлечься революцией, иногда впадающей «в бешеное» (Ленин) революционное настроение, чтобы в следующий момент начать проповедывать самые упадочные теории и кончать физическим, политическим и моральным самоубийством.

Одной из сторон этого двурушничества, этого морального раздвоения является сознательная провокация со стороны троцкистов по отношению к партии. Надо называть вещи своими именами. Иначе, как провокаторами нельзя назвать тех троцкистов (дэцистов, мясниковцев и др.), которые, считая, что наша партия не является большевистской партией, пролетарской, не только остаются в этой партии, но надевают личину партийности, голосуют за линию партии против троцкистов и даже сами иногда составляют резолюции, направленные против троцкистов. Но ведь они это делают с ведома руководящих троцкистских центров. Мы могли бы привести многочисленные примеры такого провокаторства внутри нашей партии со стороны троцкистов. Вот, напр., Кресин К. Л. (инструктор отдела просвещения Моск.-Казанск. ж. д.). Он пишет собственной рукой резолюцию для собрания коллектива ВКП(б) этой дороги, в которой линия ВКП(б) признается правильной и порицается работа троцкистского подполья, а в то же время в его квартире происходит печатание троцкистских листовок, и в этом печатании принимает участие другой троцкист, Горчаков, исключенный из ВКП(б) за фракционную деятельность. Этот Горчаков после исключения из ВКП(б) также заявил о полном отходе от троцкистской оппозиции. Как назвать это? Двурушничеством, иначе это назвать трудно. Как назвать человека, который составляет резолюцию, за которую потом голосует, осуждающую троцкистское подполье, и пр., и пр., а сам организует это троцкистское подполье? Когда в нашу партию большевиков проникали раньше агенты других партий для того, чтобы там вести свою разлагающую работу, мы их называли настоящим именем—провокаторами. Другим именем мы не можем назвать тех членов партии, которые, прикрываясь партийным билетом, работают в другой партии—троцкистской. Вот Соловьева, Л. После XV с'езда, партийная организация спрашивала ее об ее отношении к партии и к оппозиции. Она заявляла, что «с решениями XV партийного с'езда согласна, подчиняюсь им и считаю себя обязанной проводить их в жизнь»... «К оппозиции не принадлежала, работу в ее организации не вела, с платформой не знакома» (Заявление члена ВКП(б) Л. Соловьевой в бюро ячейки ВКП Мосстроя Хамовнического района 13/I—28 г.). А затем эта Соловьева, оставленная в партии (партия ей поверила) очень осторожно, но в то же самое время очень активно работает в подпольной организации троцкистов. Правда, она тяготится подпольем, ей хочется вырваться несколько наружу, но она получает указания: «не выявлять себя». Ей дают директиву:

«Нас всполошило ваше указание, что после 7 ноября (а троцкисты рассчитывали 7 ноября 1928 г. организовать открытое выступление на улицу, но потом, подсчитавши свои «силы», увидели, что ничего из этого не выйдет, и отказались от этой жалкой затеи) вы надеетесь быть «одного района» с нами. Мы думаем, что это было бы совершенно неправильно. Ваше положение очень благоприятно для того, чтобы вы оставались москвичем. Того же

требует и характер вашей работы. У нас уже было достаточно уроков, когда товарищей, занятых вашего рода работой, привлекали и к другим обязанностям (подобных предполагаемому, вероятно, вами открытому участию 7 ноября). Результаты получались всегда одни и те же. Терялся работник на вашей работе, между тем как на другом участке можно было прекрасно обойтись и без него. Это наше общее мнение. Прошу передать кому следует. Наша работа приобретает и в ближайшее время должна будет еще приобрести все большее значение. Одно это требует сохранения вами своего нынешнего положения в целом без всяких изменений».

Значит: оставайся членом партии, голосуй за линию партии, когда тебя спрашивают о твоем отношении к троцкистам, можешь даже их поругать, можешь даже выступить, если это нужно, открыто против троцкизма для того, чтобы вести подпольную работу в троцкистской организации.

Мы должны сказать совершенно определенно, что «этот номер не пройдет», что мы не позволим никакой организации иметь своих агентов внутри нашей партии, что мы не только выбросим их беспощадно вон, но будем рассматривать их, как провокаторов внутри нашей организации.

Как сами троцкисты относятся к проникновению в их подпольную организацию сторонников партийной линии? Конечно, поскольку у них организация подпольная, поскольку она—антипартийная, направленная против нашей партии, они вынуждены хранить в тайне ее внутреннюю жизнь, они боятся проникновения в нее сторонников партии. Поэтому одна из групп троцкистов (I МГУ) обращается к своему московскому центру с такого рода заявлением:

«По отношению к предателям и к провокаторам мы должны в зависимости от обстановки применять меры организационного бойкота, разоблачения перед рабочими и физического воздействия при обязательной в этом случае моральной поддержке со стороны рабочих масс».

Мы бы не советовали даже троцкистам становиться на этот путь «физического воздействия». Мы очень предостерегаем даже от разговоров на эту тему, потому что, если дойдет дело до «физического воздействия», тогда пеняйте на себя. Если вы будете проповедывать этакие «методы физического воздействия», тогда не обижайтесь на достойный ответ, который вы получите при этом.

Двурушничество свойственно не одному только троцкистскому подполью. Оно свойственно в не меньшей степени и дэцистам и мясниковцам и всякой другой группе, которая вынуждена стать на путь фракционности, на путь борьбы против партии. В 1925 году была исключена из партии и подвергнута другим партийным взысканиям группа сапроновцев, которая тогда уже пыталась оформить подпольную организацию (дело Пилипенко, Дробниса, В. М. Смирнова, Т. Харечко, В. Бухарцевой). Эти люди упорно отрицали тогда самый факт своей работы, направленной на создание подпольной организации. К этому обязывала их фракционная дисциплина. При этом некоторые из них, напр., Бухарцева, делали изумленное, возмущенное лицо, когда им говорили о их подпольной работе. Как?! Им не верят?! Их подозревают! И т. п., и т. п. Партия настолько поверила искренности некоторых из них, что когда, например, Т. Харечко был исключен ленинградской организацией по другому делу, где также обнаружилась его фракционная деятельность, Центральн. Контрольн. Комиссия отменила постановление ленинградской организации. Правда, уже тогда выяснилось, что собой представляют эти люди, как партийцы. Напр., В. М. Смирнов не имел в течение нескольких лет партийного билета, не выполнял даже таких элементарных обязанностей, как уплата членского взноса, вообще не принимал участия в партийной жизни. Настоящий барин в партии. Но они все еще оставались в партии. Считали ли они эту партию большевистской партией? Вот теперь, когда мы имеем их платформы, когда мы имеем целый ряд документов, вскрывающих их нутро, мы видим, что это были попутчики, притом очень вероломные попутчики. В конце 1928 года этот самый Тарас Харечко так определяет ту партию, в которой он состоял членом. (Исключение своей группы Т. Харечко вместе с В. Смирновым рассматривает, как «государственный переворот»).

«Произошел скачок, решительный сдвиг только не влево, как каркали реформистские вороны, а вправо. Власть перешла к новой, оформившейся **на XI с'езде партии,** к буржуазной рабочей партии, представляющей интересы кулачества, бюрократических и аристократических прослоек рабочего класса и новой буржуазии. Оппортунистическая политика ЦК прошлых лет привела к «союзу части рабочих с буржуазией, против массы рабочих».

В этой характеристике чрезвычайно ценно откровенное заявление дэцистов, что уже на XI с'езде ВКП превратилась в буржуазную рабочую партию, «представляющую интересы кулачества, бюрократических и аристократических прослоек рабочего класса и новой буржуазии».

Но ведь всем известно, что на XI с'езде с докладом выступал Ленин, что Ленин и после XI с'езда руководил нашей партией. Тогда надо прямо сказать, что **ленинская** партия есть буржуазная рабочая партия. Но ведь этого не говорили двурушники-сапроновцы, они ведь, оставались членами этой «буржуазной рабочей партии». Как же они оставались членами буржуазной рабочей партии, представляющей интересы кулачества и новой буржуазии? Да потому, что они—двурушники, они сами и есть представители мелкой буржуазии, которая никогда не была довольна режимом пролетарской диктатуры, режимом коммунистической партии. Эти двурушники были и остаются лицемерными представителями мелкой буржуазии, которая трусливо прячет свое лицо за партийным билетом до тех пор, покуда их не разоблачат, или до тех пор, покуда они, вообразивши, что дело идет к свержению пролетарской диктатуры, что дело идет к возможности свернуть шею коммунистической партии, не выступят открыто с какой-нибудь самой архиреволюционной (обязательно «архиреволюционной» в наших условиях) платформой «пролетарских революционеров». Да, эти люди уже себе отрезали путь к партии, когда их разоблачили. А если бы не разоблачили, они оставались бы внутри партии, разлагали бы ее, паразитировали бы на ее теле, как чуждые элементы.

Возьмите мясниковцев, которые за последнее время сделали жалкую попытку организовать РКПР—русское отделение IV Интернационала, в которой анархо-синдикалистские теории соперничают с кулацкими теориями, программа которой представляет эклектическую похлебку из всевозможных мелкобуржуазных теорий [1]). Но мясниковцы оставались внутри партии, собирались вместе небольшой группой, шипели злобно против партии, изливали потоки гнусной клеветы и желчи против партии на страницы подпольного журнальчика «Рабочий путь к власти». Даже троцкисты одно время заподозрили, что это какая-то провокаторская группа.

Все эти примеры показывают, насколько стирается грань между различными фракционными группами в их отношении к партии. Они могут между собою спорить, соперничая за влияние на колеблющиеся в сторону от пролетарской диктатуры элементы, представляя различные прослойки мелкой буржуазии, но все они в разной степени отражают типичное свойство мелкой

[1]) Мы в одном из ближайших №№ «Большевика» познакомим читателей с документами этой группы.

буржуазии, и все они вынуждены двурушничать. Это судьба всякой группы, которая действует по отношению к нашей партии неискренне, которая начинает вести борьбу против нашей партии. Положение обязывает.

* * *

Двурушничество фракционных групп и антипартийных организаций, конечно, затрудняет установление доверчивого отношения даже к тем, кто, казалось бы, вполне искренне заявляет об отходе от оппозиции. Партийная организация относится с известным недоверием к ним после всего того, что мы знаем о практикующемся обмане, о вероломстве фракционеров. Вполне естественно, когда задают себе вопрос, не обманывают ли, не маневр ли это, — те или иные заявления фракционера, — не маскировка ли, не таятся ли тут какие-либо особые опасные замыслы. К этому надо прибавить еще и шельмование, какому подвергается всякий, кто отходит от оппозиции. Товарищи Зиновьев, Каменев, Пятаков, Воробьев, Гордон и др., отходившие от оппозиции, подвергались невероятному шельмованию со стороны своих вчерашних друзей. И сегодня еще, когда вновь и вновь от оппозиции отходят отдельные члены и целые группы членов этих фракционных организаций, фракционеры обрушиваются на них потоками инсинуаций, клеветы. Вчера еще эти люди были друзьями, вчера с ними шла оживленная переписка, вчера они были стопроцентными «пролетарскими революционерами» в глазах той или иной фракции, а сегодня,—стоит только этому пролетарскому революционеру заявить, что он согласен с партией, а не с «громче всех крикуном», как на этого человека можно всех собак вешать. Должна ли партия при таких условиях, при таких обстоятельствах отказаться совершенно рассматривать заявления оппозиционеров об отходе от оппозиции? Конечно, нет. Конечно, среди 2—3 тыс. исключенных из партии найдутся люди, которые, проделав очень сложный путь всяких колебаний, шатаний, искренне вернутся в партию, порвав решительно, открыто и бесповоротно со всякой фракционностью, осудивши свои ошибки.

Из привлеченных за фракционную деятельность с XIV с'езда по 1/VI 1928 г. 7523 человек исключено было 4034 (53%), получили другие партвзыскания 2846 (38%) и реабилитированы 643 (9%). Из них исключено было после XV с'езда 2270 чел., при чем отошло от оппозиции с XIV с'езда по 1/VI—28 г. 4350, из них после XV с'езда 3098. Отошла главным образом рабочая часть троцкистов и др.—2357 чел. (из них после XV с'езда 1727 чел.).

Вывод для партии из всего того, что мы знаем об оппозиции, только тот: надо относиться очень критически к заявлениям об отходе от оппозиции. В этих заявлениях не должно быть никаких недомолвок, никаких лазеек для какого-нибудь возврата на путь фракции. Это должен быть полный разрыв, не должно оставаться никаких лазеек, для какой-либо новой фракционной работы того, кто возвращается в партию. Надо проверять искренность этих заявлений на опыте, на работе, испытывать того, кто возвращается в партию. Всякая фальшь, всякая недоговоренность, всякая половинчатость заявлений, которые делает возвращающийся к партии вчерашний ее противник, только затруднят возможность такого возвращения. Испытание мы понимаем в том смысле, что партия должна проверить, насколько правильно способен осуществлять этот товарищ партийную линию, не поддерживает ли он элементы недовольства в партии, не пытается ли он вновь собрать вокруг себя людей которые борются против партийной линии. Всякая такая попытка, конечно, только затруднит для партии возможность возвращения в свои ряды тех, кто вчера боролся с нею, затруднит установление полного доверия, необходимого для дружной партийной работы.

В. Милютин.

О реконструкции и рационализации в сельском хозяйстве СССР.

1. Основные предпосылки.

Реконструкция сельского хозяйства стоит в непосредственной зависимости от реконструкции всего нашего хозяйства в целом и, в первую очередь, от реконструкции нашей промышленности. Эта зависимость заключается как в отношении развития техники сельского хозяйства, так и в отношении развития форм сельского хозяйства. Рассматривать изолированно реконструкцию сельского хозяйства от общего изменения и развития всего нашего народного хозяйства было бы коренной ошибкой. В этом случае сама реконструкция сельского хозяйства была бы неправильно понята, и создавалась бы прямая опасность взятия ошибочного курса в области экономических мероприятий в сельском хозяйстве.

Но зная, что основные законы развития промышленности и сельского хозяйства являются одними и теми же, мы, тем не менее, не должны забывать об особенностях развития и промышленности и сельского хозяйства. Встречающиеся ошибки и извращения в этом вопросе марксистско-ленинской теории бывают двоякого рода: или стараются развитие сельского хозяйства представить, как совершенно принципиально отличное, совершающееся на основе особенных, только ему присущих законов, или, наоборот, усматривают полное тождество в развитии промышленности и сельского хозяйства. Первого рода ошибки обычно делаются ревизионистами и мелкобуржуазными теоретиками. Именно это направление создало теорию о неприменимости к сельскому хозяйству законов экономического развития, наблюдающихся в области промышленности и, в частности, в отношении тех преимуществ, какие имеют формы крупного хозяйства, о невозможности развития машинизации сельского хозяйства. Те же, кто не видит особенностей развития промышленного и сельского хозяйства, впадают в другую крайность, в силу чего целый ряд экономических и социальных явлений в сельском хозяйстве или не может быть совершенно об'яснен, или об'яснен лишь ошибочно.

Общность основных законов развития промышленности и сельского хозяйства доказана и практически и теоретически, но это не только не исключает, но обязывает учитывать особенности той и другой отрасли народного хозяйства. В развитии промышленности основные законы экономического развития получают свое более яркое и определенное выражение. Ведущая роль промышленности обусловливается более высокой организацией труда и техники, и поэтому состояние развития производительных сил промышленности оказывает определяющее влияние на состояние и высоту развития производительных сил других отраслей народного хозяйства, в том числе и сельского хозяйства. Приостановка развития производительных сил в промышленности непосредственно повела бы к приостановке развития

других отраслей народного хозяйства, и, наоборот, развитие в промышленности ведет к под'ему других отраслей народного хозяйства. Обусловливается это тем обстоятельством, что именно промышленность вырабатывает средства и орудия производства для других отраслей народного хозяйства. В наших же условиях — условиях диктатуры пролетариата — ведущую роль промышленности усиливает роль пролетариата, как организатора и строителя социалистической экономики. Поэтому лозунг индустриализации является наиболее правильным лозунгом, отвечающим задачам развития производительных сил, задачам усиления ведущей роли промышленности и задачам социалистического строительства. Индустриализация страны означает и реконструкцию нашего народного хозяйства, и без индустриализации страны по существу не может и происходить реконструкция отдельных частей народного хозяйства, в том числе и сельского хозяйства.

Поэтому, когда мы увеличиваем капитальное строительство, усиливаем производство средств производства, усиливаем электрификацию и химизацию, мы вместе с этим создаем предпосылки средств и возможностей реконструкции и перестройки не только промышленности, но и других отраслей народного хозяйства, в том числе и сельского хозяйства. Только расширение об'ема индустриализации может дать разрешение задач, состоящих в под'еме и развитии других отраслей народного хозяйства, и именно поэтому реконструкция сельского хозяйства определяется темпом индустриализации страны и, в первую очередь, темпом развития производства средств производства.

И второе: изменение форм в сельском хозяйстве в основе движется по тому пути, по которому шла и идет у нас промышленность, т.-е. по пути развития обобществленного сектора. Развитие крупных обобществленных форм нашего народного хозяйства является закономерным выражением всего нашего экономического развития. Тот не понимает процессов коллективизации сельского хозяйства, кто мыслит себе коллективизацию изолированно, оторванно от всего процесса нашего экономического развития, в том числе, конечно, сельского хозяйства. Коллективизация и под'ем всего сельского хозяйства — это не есть какие-то два разных, изолированных друг от друга процесса, это есть слитный процесс под'ема всей массы крестьянского хозяйства, проходящего формы кооперирования и коллективизации. Само собою разумеется, что этот процесс происходит и не может иначе происходить, как в борьбе с капиталистическими тенденциями, с капиталистическими формами, имеющимися в сельском хозяйстве в относительно значительных размерах. Таковы общие предпосылки, с которыми необходимо считаться, подходя к вопросу реконструкции сельского хозяйства.

Реконструкция сельского хозяйства заключается:

Во-первых, в реконструкции техники сельского хозяйства, что означает: 1) реконструкцию сельскохозяйственной техники полеводства (улучшение, изменение техники обработки земли, посевов, уборки и переработки сельскохозяйственных продуктов).

2) Изменение техники животноводства (улучшение породы скота и переработки продукции животноводства).

3) Специализацию сельскохозяйственного производства в соответствии с районными особенностями (в особенности, производство технических культур).

Во-вторых, в реконструкции форм сельского хозяйства, т.-е. в переходе к крупным кооперативным и коллективным формам сельского хозяйства, что связано и с рационализацией труда в сельском хозяйстве.

Реконструкция и рационализация сельского хозяйства должны быть отнесены ко всему сельскому хозяйству, т.-е. как в отношении индивидуальных форм сельского хозяйства, так и в отношении обобществленного сектора. В этой области мы не должны допускать противопоставления друг другу этих форм народного хозяйства, но, конечно, это не исключает мер, поощряющих более высокие, лучшие формы сельского хозяйства, т.-е. формы обобществленного сектора (колхозы и совхозы), и особых мероприятий, применимых только в крупном сельском хозяйстве.

Вместе с этим реконструкция и рационализация в сельском хозяйстве должны найти свое выражение как в количественном росте средств производства и продукции сельского хозяйства, так и в росте качественных показателей, т.-е. в уменьшении себестоимости производства и повышении качества продукции. В особенности остро в этом отношении встает проблема урожайности. Темп развития реконструкции и рационализации сельского хозяйства зависит от имеющихся в наличии материальных ресурсов и тех, которые могут быть даны как самим сельским хозяйством, так и вложены в сельское хозяйство. Но рассмотрение имеющихся и долженствующих быть вложенными в сельское хозяйство материальных средств должно быть направлено по тем отдельным частям, о которых мы говорили выше.

2. Реконструкция техники сельского хозяйства.

Реконструкция сельского хозяйства, как мы говорили, заключается, прежде всего, в изменении техники, т.-е. иными словами, во введении в сел.-хоз. производство новых сел.-хоз. машин и в обновлении имеющегося в наличности сел.-хоз. инвентаря. В смысле обеспеченности с.-х. машинами мы страшно отстали от капиталистических стран: по имеющимся данным мы имеем на один гектар посевной площади, примерно, в четыре раза меньше по стоимости машин, чем в Америке, и почти в десять раз меньше, чем в Германии. Правда, как мы сказали, производство сел.-хоз. машин, в последнее время бурно развивается, следующая табличка иллюстрирует производство сел.-хоз. машин:

Производство с.-х. машин в СССР:

Названия:	1925—26 г.	1926—27 г.	1927—28 г. (по плану)
Почвообрабатывающие (плуги, буккеры и т. п.)	1305 т. шт.	1469 т. шт.	1828 т. шт.
Уборочные	106 " "	173 " "	237 " "
Зерноочистители и сортировки	97 " "	128 " "	170 " "

Из этих данных мы видим, что в течение этих трех лет производство почвообрабатывающих машин в последний 1927—28 г. увеличилось по сравнению с 1925—26 г. почти в полтора раза, уборочных — в два с лишним раза: и зерноочистительных и сортировочных также почти в два раза. Этот темп роста нам необходимо сохранить и на будущее время. Выше мы уже сказали, что по сравнению с довоенным у нас производство с.-х. машин возросло в два с половиной раза, это, несомненно, крупное достижение. Вместе с этим, вследствие большего развития внутреннего производства с.-х. машин, мы во все большей степени освобождаемся в этом отношении от зависимости от капиталистических стран.

В последнее время трактор получил у нас довольно широкое распространение, и спрос на него возрос в огромной степени. Правда, удовлетворение в тракторах мы производим, главным образом, за счет ввоза их из-за границы, и только в последние годы удалось поставить, но пока еще в крайне

скромных размерах, тракторостроение на наших советских предприятиях,— пока еще производство измеряется несколькими тысячами тракторов, и до пуска специальных тракторных заводов нам вряд ли удастся на наших действующих предприятиях сильно расширить тракторостроение. В настоящее время у нас работает около 30 тысяч тракторов. В Сталинграде строится завод, рассчитанный вначале на выпуск 20 тысяч тракторов ежегодно, а в настоящее время решено увеличить завод с таким расчетом, чтобы он выпускал 40.000 тракторов. Но и этого количества будет явно недостаточно, так как в настоящее время, когда мы ежегодно в с. х. внедряем 10—15 тысяч тракторов, мы можем удовлетворять ими лишь отчасти колхозы (далеко не все) и совхозы (также не в полной мере), поэтому, если мы хотим добиться здесь решительных сдвигов, необходимо еще построить, по крайней мере, такой же тракторный завод, какой строится в Сталинграде. По имеющимся данным ВСНХ проектирует постройку таковото завода на Урале. Таким образом, если мы к концу пятилетия сможем внедрять в сельское хозяйство около 50—60 тысяч тракторов, то это нам позволит, несомненно, более или менее полно удовлетворить потребность в тракторах. Кстати заметим, что внедрение одних только тракторов производит огромный переворот в сел.-хоз. производстве и ставит в порядок дня целый ряд организационного характера задач, связанных с кооперированием предприятий. в области сельского хозяйства и с созданием больших кадров квалифицированных сел.-хоз. рабочих.

По предположительным данным в течение ближайших пяти лет в сельское хозяйство будет введено новых сел.-хоз. машин на 2 миллиарда рублей, при чем в последний год пятилетки предполагается выпускать сел.-хоз. орудий на 600 миллионов рублей. Революционная, преобразующая роль введения такого количества новых сел.-хоз. машин и орудий будет, несомненно, крайне велика и скажется на протяжении ближайшего же времени и именно в смысле стимулирования перехода к крупным формам сельского хозяйства.

В связи с введением сел.-хоз. машин стоит и расширение минерального удобрения. В настоящее время так же, как и в отношении производства сел.-хоз. машин, мы страшно отстали в производстве минеральных удобрений. Требования на минеральные удобрения значительно превышают их производство. Расширяя химическую промышленность, ВСНХ вполне правильно делает, увеличивая производство минеральных удобрений и собираясь привести их к концу пятилетия до 7 миллионов тонн. Особенно важное значение будет иметь введение калийных удобрений, разработка каковых уже начата.

Такой переворот техники требует быстрейшего завершения землеустроительных работ. Приходится признать, к нашему стыду, что в области землеустройства мы далеко не сделали всего того в течение этих 12 лет, что были бы обязаны сделать. Только около половины земли в смысле межселенного землеустройства могут считаться землеустроенными. Внутриселенное землеустройство осуществлено еще в меньших размерах. Неземлеустроенность будет являться серьезной помехой для внедрения новых сел.-хоз. орудий. В последние годы землеустроители большое внимание (и вполне правильно) уделяли переходу на широкие полосы. Вообще, в нашей землеустроительной политике и при осуществлении землеустроительных работ мы должны считаться с введением новой техники, иными словами, с постановкой крупного с.-х. производства. Иная политика повела бы лишь к замедлению в проведении землеустройства и в значительной части была бы просто бесплодной. Нужно помнить, что при реконструкции одно звено тянет за собой другое. Введение новых средств производства ведет за собой необходимость изменения в области землеустройства и землепользования, о чем мы еще скажем ниже.

При введении и при производстве сел.-хоз. машин и орудий мы должны использовать в наиболее полной степени последние достижения науки и техники капиталистических стран. Сел.-хоз. техника капиталистических стран с каждым годом приближается к типу, если так можно выразиться, заводского производства в сельском хозяйстве, и целый ряд технических усовершенствований, применяемых в промышленности, вводится в сельское хозяйство, вплоть до стремления перенести принцип непрерывного потока производства в сельское хозяйство. С этой стороны огромный интерес представляют новые уборочные машины. Нам незачем проходить при введении новых машин целый ряд промежуточных этапов. Необходимо использовать именно последние достижения, но, конечно, испытав их в наших условиях и приняв в расчет необходимые практические, деловые соображения. В этой области мы со всей смелостью должны ставить задачи внедрения новой техники, не боясь могущих быть неизбежных отдельных ошибок и неудач. Не ошибается тот, кто ничего не делает. Мы должны помнить, что краеугольным камнем реконструкции сельского хозяйства будет являться введение новых сел.-хоз. машин, определяющих крупное сел.-хоз. производство.

Развитие промышленности ведет к развитию определенных отраслей сельского хозяйства, вследствие чего происходит изменение внутренней структуры последнего и меняются темпы развития основных отраслей, т.-е. зерновой отрасли, отрасли технических культур и животноводства. Плановое развитие народного хозяйства требует увязки темпов развития этих отдельных отраслей народного хозяйства с развитием соответствующих отраслей промышленности и с общей задачей развития всего народного хозяйства в данный период. В настоящих конкретных условиях нам приходится констатировать общее отставание всех отраслей сельского хозяйства от тех требований, которые пред'являет к нему все народное хозяйство, в том числе промышленность. Наибольшее отставание, как известно, имеется в области зерновых культур. До сих пор производство зерна при выросшем потреблении деревни и города является совершенно недостаточным. В результате этого имеется напряженное состояние как в области хлебозаготовок, так и в области хлебоснабжения. В течение всех последних лет мы в отношении хлебозаготовок и хлебоснабжения идем на грани удовлетворения текущих потребностей, но не имеем ни маневренных фондов, ни необходимого количества хлеба для экспорта. Поэтому проблема развития производства зерна и экономического под'ема тех районов, где производится главная масса товарного хлеба, является важнейшей нашей задачей. При проведении реконструкции и рационализации приходится с особым вниманием отнестись именно к этой области развития сельского хозяйства и ставить ее в районном разрезе. Именно в районном разрезе приходится ставить выработку соответствующих сельскохозяйственных машин и удобрений, а также проведение ряда рационализаторских мер в области сельского хозяйства. Проблемы освоения новых земель в этих районах, проблемы поднятия урожайности являются теми конкретными задачами, которые стоят и требуют своего разрешения. Имеющиеся данные именно за период реконструкции показывают, что мы имеем медленный темп нарастания посевных площадей и совершенно недостаточную урожайность.

Посевная площадь под зерновыми хлебами была в 1926 г. 93,4 милл. гект., в 27 г.—95,2 милл. гект. и в 28 г., благодаря гибели озимых, она спускается до 93,4 милл. гект. В %% мы имеем: в 1926 г. увеличение посев-

ной площади, по сравнению с 1925 г. на 7,3%, в 1927 году мы имеем повышение на 1,8%, а в 1928 г. сокращение посевной площади по зерновым культурам, по сравнению с 1927 г. на 1,9% (здесь всюду взята площадь к сбору урожая, если же взять площадь по обработке, то мы будем иметь увеличение площади в 1928 г. на 5%). Урожайность зерновых хлебов равнялась в 1927 году в среднем 0,75 т, а в 1928 г.—0,77 т.

Хлебозаготовительные планы у нас выполнялись в размере свыше 10 милл. тонн. Таким образом, принимая во внимание рост населения на 2% (в год) и рост норм потребления, мы приходим к заключению, что подобное состояние производства зерновых культур является явно недостаточным, и необходимы решительные меры для увеличения указанного производства.

Но вышеуказанная задача развития зернового хозяйства отнюдь не отодвигает задачи развития производства технических культур в сельском хозяйстве и продуктов животноводства. Развитие индустриализации страны вызвало интенсивный рост именно этих отраслей сельского хозяйства. Экономические мероприятия, направленные на стимулирование развития производства технических культур и животноводства, повели к значительно большим темпам роста в этих областях, чем это мы видели на зерновых культурах.

По сравнению с довоенным временем посевная площадь по техническим культурам превосходит на 58,5% довоенный уровень. Посевная площадь по техническим культурам в 1927 году показала рост на 6,7%, в 1928 году на 17,3%. Это крупнейший, несомненно, сдвиг.

Точно так же по хлопку, кожсырью мы видим увеличение продукции из года в год. Прирост полученного кожсырья колеблется от 1 милл. до 1,3 милл. Продукция мелкого кожсырья поднялась в 1927—28 году по сравнению с предшествующим годом на 8%. Результатом указанного сдвига в сторону интенсификации, в сторону развития технических культур и животноводства явилось то, что деревня выручила в 1927—28 году больше денежных средств от продажи сельскохозяйственного сырья, чем от продажи зерна. Так, в 1926—27 году выручка от зерна составляла 45,8% всей выручки. В 1927/28 г. процент выручки от зерна понизился до 37. Наоборот, от сельскохозяйственного сырья деревня получила в 1926—27 году 41,2%, т.-е. как мы видим, меньше, чем от зерна, зато в 1927—28 г. 45,8%,—значительно больше, чем от зерна. Остальное приходится на скоропортящиеся продукты.

Все эти данные показывают, как ответила деревня на индустриализацию страны. Экономически она ответила расширением производства того сельскохозяйственного сырья, какое необходимо для переработки промышленности.

Но и указанное расширение все же не является достаточным. Темп развития текстильной промышленности, кожевенной, сахарной—20% в год, и в этой области мы видим отставание темпа роста технических культур. Поэтому мероприятия, направленные на под'ем производства технических культур,—и в смысле расширения посевной площади и особенно в смысле поднятия урожайности, так как урожайность и по техническим культурам крайне низка, — крайне необходимы. Некоторые из специалистов полагали, что задачи развития зернового хозяйства и развития технических культур взаимно противоречат друг другу. Последнее является совершенно неправильным, не говоря уже о том, что вышеуказанное развитие может совершаться путем освоения новых земель. Нужно также заметить и то, что районы производства зерновых культур, в особенности товарного зерна, и районы технических культур не совпадают между собой (льняной район, хлопковый). Развитие же животноводства стоит в прямой зависимости от развития не только травосеяния, но и производства зерновых культур.

Реконструкция сельского хозяйства заключается в этой области в большей специализации производства зерновых культур сельского хозяйства и животноводства в зависимости от районных особенностей. Проблему районирования мы должны решать не только применительно и в зависимости от естественных, природных условий, но и в зависимости от условий электрификации и химизации страны и проведения определенного плана организации и развития транспорта

Нужно прямо сказать, что если первая очередь постройки районных станций по плану Гоэлро в истекшее десятилетие определялась главным образом вопросами развития промышленности, то новый план постройки районных электрических станций, а также и постройки новых химических заводов должен развертываться не только с точки зрения развития интересов промышленности, но и сельского хозяйства. В этом заключается огромной важности задача на предстоящие 10—15 лет.

В области реконструкции и рационализации нашего сельского хозяйства мы не можем и не должны итти, не связывая этих задач с огромными задачами электрификации и химизации нашей страны.

Именно в рамках общего разрешения указанных задач электрификации и химизации страны разрешаются проблемы реконструкции сельского хозяйства в широком масштабе на новой технической базе. Этого мы не должны забывать ни в коем случае. Плановые начала регулирования народного хозяйства, каковые имеются уже в наших условиях социалистического строительства, позволяют нам подойти к разрешению указанной задачи развития и реконструкции сельского хозяйства именно в этих рамках.

3. Реконструкция форм сельского хозяйства.

Развитие обобществленного сектора в сельском хозяйстве стоит в прямой зависимости от развития производства народного хозяйства в целом и сельского хозяйства в особенности. Из предыдущего мы видели, что машинизация и механизация сельского хозяйства, а также развитие перерабатывающей промышленности требуют соответствующих форм и соотношений как в области сельскохозяйственного производства, так и в области сбыта и снабжения деревни.

Применение сложных сельскохозяйственных машин является стимулом к переходу на крупные формы ведения сельского хозяйства; тракторы, почвообрабатывающие и сложные уборочные машины требуют в качестве наиболее рентабельных условий для своего применения соответствующей крупной земельной площади.

Распространение сел.-хоз. машин, каковое мы видим в настоящее время, с неизбежностью влечет за собой необходимость укрупнения сельского хозяйства.

В каких же формах может происходить это укрупнение? В капиталистических странах, как мы знаем, машина разоряет мелкого земледельца. Последний, не имея у себя достаточного количества земли, не имеет возможности применить и соответствующие сел.-хоз. машины и агрикультурные улучшения. Вследствие этого он не может выдержать конкуренции с крупными землевладельцами. Поэтому диференциация деревни в капиталистиче-

ских странах идет полным ходом, и крестьянство в массе разоряется. Особенно это мы видим в такой классической стране, каковой является Америка, где внедрение в сельское хозяйство наиболее усовершенствованных сел.-хоз. машин и орудий совершенно разоряет мелкого фермера.

С другой стороны, в капиталистических странах происходит укрепление и развитие капиталистической верхушки деревни. Короче говоря, положения, высказанные еще Марксом относительно развития сельского хозяйства, развитые потом Лениным, находят свое полное подтверждение в настоящем положении сельского хозяйства и положении крестьянства в капиталистических странах.

В условиях диктатуры пролетариата, в силу наличия массы мелких индивидуальных крестьянских хозяйств, развитие сельского хозяйства имеет двоякого рода тенденцию, или оно может происходить так же, как и в капиталистических странах—выделяя и укрепляя капиталистические элементы, или же оно может происходить путем кооперирования и коллективизации сельского хозяйства. Эти две тенденции, как известно, мы наблюдаем в СССР; но принципиальная разница заключается в том, что в то время, как в капиталистических условиях создается целая система мероприятий для укрепления и развития капиталистических элементов в деревне, в СССР, наоборот, создается система мероприятий, благоприятствующих коллективизации.

Развитие машинизации в сельском хозяйстве, проведение современных агротехнических улучшений ведет к усилению и укреплению коллективизации в деревне. Преимущества коллективизации заключаются в том, что она может расти и растет на основе общего под'ема и улучшения положения всей основной массы крестьянства.

В то время, как в капиталистических странах технический прогресс неизбежно связан с пролетаризацией и разорением основной массы крестьянства, в наших условиях, наоборот, технический прогресс, связанный с коллективизацией, может и должен происходить на основе улучшения и под'ема всей основной массы крестьянства.

Это положение обусловливается системой сбыта и снабжения в сельском хозяйстве.

В то время, как в капиталистических странах рынок и борьба на рынке разоряют мелкого производителя,—в наших условиях, наоборот, в силу кооперации, в силу поддержки советской власти и партии, благосостояние бедняцких и середняцких масс крестьянства охраняется и постепенно улучшается.

Так как снабжение сельского хозяйства и в производственном и даже в личном потреблении находится почти исключительно в руках советских и кооперативных органов точно так же, как и финансирование сельского хозяйства, то благодаря этому имеется полная возможность поднимать благосостояние всей основной крестьянской массы. Но этим отнюдь не задерживаются законы развития сельского хозяйства, направленные на создание крупного сельского хозяйства со всеми преимуществами из этого вытекающими; поэтому коллективизация вырастает на основе роста индивидуального хозяйства, а *индивидуальное хозяйство перерастает в коллективные формы хозяйства.*

Всякая попытка противопоставления у нас коллективизации интересам индивидуального хозяйства в корне ошибочна и является результатом непонимания сути дела.

Такое полное непонимание мы имеем, напр., у меньшевистского органа: «Социалистическое Хозяйство», поместившего статью о колхозах и совхозах (№ 22—23 статья Югова). В этой статье, с одной стороны, признается преимущество крупного хозяйства,—еще бы, ведь меньшевики все еще по недо-

разумению продолжают считать себя «марксистами»,—но, с другой стороны, начинается обычного характера размазня, и они начинают отрицать и колхозы и совхозы, считая их развитие утопической идеей. В статье так и говорится: «Старая утопическая идея большевиков государственным вмешательством перевести русское примитивное крестьянское хозяйство от индивидуалистических форм к коллективным вновь ожила и была поставлена как практическая задача дня».

Как известно, «Социалистический Вестник», плетясь по существу в хвосте своих единомышленников из «Форвертса», единственно реалистическими и практическими формами считает капиталистические формы хозяйства, а остальные формы он готов признать лишь в качестве снов и грез. Эти господа социал-реформисты не замечают, насколько в своем пресловутом практицизме на самом деле они отстали от развития действительности.

Десять лет существования СССР должны были бы научить уму-разуму даже этих покойников.

Устойчивость колхозов и совхозов является вполне доказанной. Достаточно сказать, что колхозы и совхозы с каждым годом приобретают всё более серьезное значение в нашей экономике и их удельный вес, особенно в области сбыта сельскохозяйственной продукции, с каждым годом возрастает.

По переписи, произведенной ЦСУ в мае 1928 года, в СССР насчитывалось 32.000 колхозов; по сравнению с количеством колхозов в 1927 году мы имеем рост больше чем в два раза (128%).

Общая посевная площадь по зерновым культурам по колхозам и совхозам в 1927 году равнялась 2.100.000 гектаров в 1928 году—2.770.000 га, т.-е. увеличение на 31%. По картофелю в 1927 году—50.000 га, в 1928 году—64.000—увеличение на 26%. По льну соответствующие цифры будут 23.000 и 51.000, увеличение на 117%. По конопле—2.700 га и 3.270 га—увеличение на 18%. По сахарной свекле—212 и 224—увеличение на 5%. По хлопку—16.100 га и 24.000, увеличение на 57%. В отношении скота—всего скота имелось в колхозах и совхозах в 1927 году—925 тыс. голов, в 1928—1.117.000 голов.

Но при этом росте обобществленного сектора мы имеем в качестве отрицательного явления текучесть состава и самих колхозов и членов колхозов. По материалам РСФСР процент выбывших семейств и одиночек за период с июня 1927 года по июнь 1928 года даже в коммунах равнялся 20, в сельскохозяйственных артелях—22, в товариществах по общественной обработке земли—24. Такую же картину мы имеем и по УССР и по другим республикам. Основными причинами, влияющими на текучесть состава членов колхозов и самих колхозов, являются существующие до сих пор необеспеченность и неустроенность колхозов, особенно в производственном отношении. Конечно, всегда будет существовать известного рода текучесть, но необходимо стремиться свести ее к минимуму. Неземлеустроенность колхозов и необеспеченность их сельскохозяйственными машинами и инвентарем влечет за собою выход членов колхозов, а зачастую и полный распад самих колхозов. Только с помощью укрепления производственной базы колхозов можно бороться с этим главнейшим недостатком.

Темп роста обобществленного сектора народного хозяйства будет зависеть прежде всего от роста производительных сил в сельском хозяйстве, т.-е. в первую очередь от роста сельскохозяйственной техники. Поэтому наши планы и проекты по коллективизации сельского хозяйства мы должны строить в соответствии с темпом роста сельскохозяйственных машин, минерального удобрения и перерабатывающей промышленности.

В отношении колхозов и совхозов в течение 5 лет мы можем поставить перед собою вполне конкретную задачу, если будут выполнены пред-

положения по развитию сельскохозяйственных машин и орудий, дать от 5 до 6,5 миллионов тонн товарного хлеба.

Выше мы останавливались главным образом на колхозах. Но при реконструкции сельского хозяйства и при переходе его к крупным формам огромную роль уже играют,—а в дальнейшем еще больше будут играть,—совхозы. Опять-таки, как в отношении колхозов, так и в отношении совхозов, мы можем сказать, что их значение, их роль только тогда возрастет, когда они на практике докажут в смысле производства и в смысле рентабельности свои преимущества перед индивидуальными формами хозяйства, при чем это доказательство будет не только лабораторного характера, показательного характера, но практического характера, т.-е. когда их продукция и удельный вес в товарной массе сельского хозяйства будут иметь существенное значение как по своей величине, так и по своим качествам. Уже в настоящее время в такой отрасли, как свекло-сахарная, мы имеем такое значение совхозов, и их роль в этом отношении неоспорима. Другое дело—в зерновом хозяйстве: только тот серьезный сдвиг, который дан этому делу в 1928 году, когда набросан действительно широкий проект первого подхода к совхозам в области зернового хозяйства, мы создаем ту почву, на которой сможет развиваться эта чрезвычайно важная область. Совхозы должны стать фабриками сельскохозяйственного производства. Способы и формы их работы в значительной степени облегчаются тем, что они могут использовать и применить опыт крупной промышленности. Проблема реконструкции и рационализации в отношении совхозов несравненно легче проводимы, чем в других формах сельского хозяйства. Вместе с этим, с укреплением фактического значения совхозов будет расти и их преобразующее влияние на окружающее крестьянское хозяйство. Показательным явлением в этом отношении служат тракторные колонны, инициатором каковых явились совхозы. Значение тракторных колонн для развития крестьянского хозяйства вряд ли может сейчас вызывать у кого-либо сомнение.

Индивидуальные крестьянские хозяйства сравнительно лишь медленно переходят к новым формам сельского хозяйства, но это отнюдь не означает, что они не могут дальше развить свои производственные возможности. Даже в тех формах, в каких существуют индивидуальные хозяйства, т.-е. в формах мелкого сельского хозяйства, они тем не менее имеют возможность с помощью рационализации своего производства значительно повысить уровень своего хозяйства. Даже элементарные агрономические мероприятия в смысле более правильной обработки почвы, удобрений, сортировки семян, лучшего ухода за скотом и т. п., т.-е. мероприятий, вполне осуществимых в условиях мелкого крестьянского хозяйства, могут дать значительный производственный эффект.

Программа Коминтерна говорит, что мелкие индивидуальные хозяйства (прежде всего, крестьянские хозяйства) будут лишь постепенно при систематической мощной поддержке со стороны пролетарского государства втягиваться в общую социалистическую организацию производства и распределения. Всякая насильственная ломка государственного уклада и принудительное коллективизирование привели бы лишь к отрицательным результатам.

Через все работы товарища Ленина по вопросам нашей политики в деревне проходит центральной мыслью, что основная масса крестьянства может лишь постепенно втягиваться на путь социализма, в особенности путем убеждения его на практике в преимуществе новых форм. Но условия именно диктатуры пролетариата, условия нового экономического уклада дают возможность именно индивидуальному крестьянскому хозяйству подниматься и расти. В капиталистических странах,—как мы уже говорили,—мелкое индивидуальное хозяйство диференцируется: верхушечная часть его превращается в формы капиталистического хозяйства, основная же масса разоряется и пролетаризируется. Весь процесс капиталистического развития неизбежно приводит именно к тому, что на ряду с выделением верхушечной части крупного крестьянского хозяйства основная масса крестьянства разоряется и пролетаризируется. Поэтому теория, утверждающая, что индивидуальное крестьянское хозяйство развивается по особым экономическим законам в условиях капитализма, является реакционной теорией, затушевывающей и затемняющей истинное положение крестьянства в капиталистических странах. В условиях диктатуры пролетариата мы имеем под'ем основной массы крестьянства—середняцкой и бедняцкой. Этот под'ем не исключает, правда, роста кулацкой верхушки деревни, с одной стороны, и отлива определенной части населения в города в качестве рабочих, но основная масса—середняцкая и бедняцкая—не разоряется, а, наоборот, имеет возможности для своего роста и улучшения своего хозяйства. В этом отношении мероприятия по рационализации сельского хозяйства имеют возможность особо широкого применения и дают определенный производственный эффект. Мы ставим перед собою поднятие урожайности на 30—35%, увеличение в течение 5 лет посевной площади на 21—22%. Результатом этого должно явиться значительное повышение хлебной продукции и удовлетворение не только внутренних потребностей, но и требований экспорта. Добиться этого мы можем путем поднятия не только обобществленного сектора сельского хозяйства, но и сектора индивидуальных крестьянских хозяйств.

Еще долгое время индивидуальное крестьянское хозяйство будет преобладать у нас в сельском хозяйстве. Достаточно только принять во внимание, что мы имеем 25 млн. крестьянских хозяйств и пока лишь 32 тыс. колхозов, об'единяющих около полмиллиона крестьянских хозяйств.

Вышеприведенный рост колхозов в течение 5 лет, значительно увеличивая удельный вес обобществленного сектора сельского хозяйства, тем не менее все же оставляет преобладающую роль для этого пятилетия за индивидуальными крестьянскими хозяйствами. Поэтому меры по под'ему, реконструкции и рационализации сельского хозяйства должны особое внимание уделять индивидуальному сектору сельского хозяйства, учитывая его особенности и условия его развития, как мелкого товарного хозяйства. В этом отношении меры реконструкции и роста производства должны учитывать личную заинтересованность в этом самого мелкого производителя.

4. В чем опасность правого уклона?

Реконструкция и рационализация сельского хозяйства представляют огромные трудности. Нужно сказать, что мы находимся еще только в начале реконструктивного периода, и поэтому огромная затрата средств и сил на реконструкцию народного хозяйства приводит к напряженному состоянию в разных его областях. Для осуществления задач, поставленных нашей экономической политикой, требуется организованность, единство действий и полная сознательность в отношении поставленных целей и путей развития. Всякие колебания в проведении указанной экономической политики были бы чреваты серьезными опасностями. Поэтому именно колебания, проявленные частью наших товарищей в партии, представляют серьезнейшую опасность в настоящий период, «главную опасность», как это констатировал ноябрский пленум ЦК. Характерно то, что правые уклонисты споткнулись так же, прежде всего, на крестьянском вопросе, как, в свою очередь, споткнулись на этом же вопросе троцкисты.

Указанное положение не является случайностью, так как эти колебания являются отражением соответствующих колебаний и неизбежных колебаний, какие существуют в части крестьянской среды, и особенно в ее верхних слоях, в отношении нашей политики, и эта социальная среда питает оппортунизм как троцкистов, так и правых уклонистов. Как всякого рода оппортунисты, они при возникновении трудностей стремятся не преодолеть, а обойти их, результатом чего является их усилие стащить партию с пути проведения определенной политики на путь шатаний, колебаний и вредных компромиссов. Эту свою политику они обычно мотивируют якобы «практическими» соображениями и якобы «об'ективной» оценкой тех трудностей, которые имеются. Таковы были соображения троцкистов о затухающей кривой в области промышленности и о перманентном кризисе. Отсюда же их скептическое отношение к строительству социализма и предложения сойти с того пути, по которому шла партия в деле социалистического строительства. Нечто аналогичное мы видим у правых уклонистов с их пессимистической оценкой положения, с их положением о деградации сельского хозяйства, с их шатаниями в области проведения индустриализации, с их затаенными надеждами на то, что кулак вывезет на деле, а колхозы можно оставить как образцы для будущего.

Политика троцкизма бита на деле всеми фактами современной действительности. Политика правых уклонистов встретила такой решительный отпор со стороны партийной массы, что она не получила даже такого выражения, как политика троцкистов. Но, тем не менее, возникновение правого уклона сигнализирует нам об опасности именно с этой стороны, так как, если уже существующие затруднения могли породить колебания среди части товарищей нашей партии, то это показывает на возможность больших колебаний в случае роста трудностей, а от такого роста трудностей мы отнюдь не гарантированы. Достаточно сказать, что один неурожайный год может сильнейшим образом увеличить наши затруднения. Нужна действительно революционная решительность и твердость в проведении взятого курса, и если мы хотим с наибольшим успехом провести реконструкцию и рационализацию сельского хозяйства, мы с тем большей энергией должны бороться не только с внешними препятствиями, но и с теми внутренними помехами, какие существуют в нашей партии в лице всякого рода правых уклонистов и примиренцев.

Мы вступили в серьезнейший период нашего социалистического строительства. Осуществление задач реконструкции нашего народного хозяйства предопределяет наше будущее развитие. Ставка слишком важна, слишком серьезна, чтобы мы позволили себе роскошь кому бы то ни было, в какой бы то ни было мере мешать осуществлению этой величайшей задачи нашего социалистического строительства.

Б. Борилин.

Концентрация производства в послевоенном капитализме.

(Окончание. Начало статьи см. в предыд. номере).

Группа «гигантских предприятий» уже сейчас занимает отнюдь не ничтожное место в промышленной жизни Германии. Эта группа уже сейчас стала руководящей, направляющей в развитии германской промышленности, хотя еще не преобладающей. Но для того, чтобы руководить, вовсе и не обязательно иметь количественное преобладание на своей стороне. Экономическая сила этой группы предприятий удесятеряется и благодаря огромной естественной концентрации технической, экономической и финансовой мощи, которую они имеют, в противоположность морю распыленных, разрозненных мелких предприятий. Именно эта группа предприятий составляет технически-производственный костяк монополистической организации германской промышленности, раскрывающей в свою очередь для этих предприятий огромные возможности усиления своей технически - производственной роли.

Как показывает ранее приведенная таблица, гигантские предприятия увеличивают свою долю в общем числе занятых в промышленности лиц с 11,9% в 1907 г. до 16,6% в 1925 г. Истекший период был достаточно благодатным периодом для этой группы предприятий. И война и послевоенные годы послужили, таким образом, могучим средством концентрации германской промышленности в руках небольшой кучки этих крупнейших предприятий. В этом отношении в Германии происходило в течение этого времени то же, что имело место и в других государствах за эти годы.

Какую степень концентрации промышленности знаменует собой это усиление в военный и послевоенный период удельного веса «гигантских предприятий», лучше всего видно из того, какая часть механических двигателей промышленности падает на их долю. Из общего числа механических двигателей эта группа предприятий об'единяет 7.783.415 лош. сил, т.-е. 42% всей механической промышленности. Немного менее половины производственного аппарата находится в руках «предприятий-гигантов»! Число этих предприятий равно 892, т.-е. 0,04% от общего числа предприятий промышленности. Значит, четыре десятитысячных доли всех предприятий держат в своих руках около половины производственного аппарата промышленности! Этим концентрационное движение после войны в Германии берет чудовищный рекорд, достигая небывало высокой ступени, по сравнению со всеми довоенными масштабами.

Но на этом дело не останавливается. Наряду с рассмотренными гигантскими предприятиями германская промышленная перепись 1925 г. вынуждена выделить еще группу предприятий с числом занятых лиц от 5.000 и выше. В соответствии с рассмотренным выше их следовало бы назвать «сверхгигантскими» (понятие «гигантского предприятия» иллюстрирует этим всю

свою относительность и неопределенность!). И их роль уже достаточно заметна в промышленности Германии. Это не исключения, не просто редкостные экземпляры в жизни современных промышленных предприятий. Таких предприятий германская перепись насчитывает 66. Они об'единяют свыше 4% общего числа занятых в промышленности лиц и около 15% всех механических двигателей промышленности. 15% мощности промышленности—это на первых порах не мало, совсем не мало.

Этой группой предприятий увенчивается все здание системы предприятий германской промышленности. Если основанием этого здания служит широкая группа мелких предприятий и предприятий от 50 занятых лиц, если средний уровень концентрации германской промышленности определяется группой более крупных предприятий, имеющих не менее 200 занятых лиц каждое, если руководящая, ведущая роль уже прочно принадлежит предприятиям с числом занятых лиц от 1.000, то последняя из рассмотренных нами групп, охватывающая в истинном смысле предприятия-колоссы (от 5.000 занятых лиц и выше), составляет, так сказать, «золотую верхушку» всего здания. Вместе с тем появление и рост влияния этой группы поистине гигантских предприятий со всей отчетливостью показывают, куда идет развитие концентрации германской промышленности. Перед лицом этого факта, какими смешными и глупенькими должны показаться возражения и вопли, которыми буржуазная экономия встретила в свое время марксов закон концентрации. Концентрация производства достигла пределов, которые не снились раньше и скромному воображению многих защитников марксова учения. И само собой разумеется, что нет никаких фиксированных, застывших границ этому концентрационному движению и впереди. В высшей степени условными являются те вычисления оптимума величины предприятия, которые производятся рядом экономистов и техников и которые имеют целью указать максимально выгодный предел технической концентрации производства. Так некоторые считают, что «каждая организация имеет свой определенный оптимум величины, в случае превышения которого издержки производства начинают превосходить достигаемую вследствие разделения труда экономию. Чисто эмпирически установлено для нашего времени, что для предприятия, т.-е. для технической единицы, входящей в какой-нибудь концерн, этот оптимум находится между 1.500 и 3.000 раб. на одно предприятие, а для концерна, охватывающего ряд предприятий,—на уровне 50.000 занятых рабочих» [1]). Как мы видели выше, этот «эмпирически» найденный оптимум в жизни уже превзойден. Среднее число занятых лиц на одно предприятие в самой высшей группе предприятий германской промышленности (от 5.000 занятых лиц и выше) достигает 9—10 тысяч человек, что значительно выше указанного оптимума для технической единицы. Да и по сути дела, относительность таких вычислений ясна из того, что этот оптимум может значительно разниться в зависимости от меняющихся условий времени, страны, отрасли и т. д. Одно только совершенно очевидно, что современная промышленность развивается по пути создания таких исполинских предприятий, которые как небо от земли, далеки от мануфактур и фабрик, с создания которых начал свою историческую миссию капиталистический способ производства.

Интересно проследить, как разобранный выше процесс концентрации проходит по отдельным отраслям германской промышленности. Здесь не может не быть большого различия между разными отраслями. Если, с одной стороны, старые отрасли тяжелой индустрии, во главе которых стоят горное

[1]) См. Josef Gruntzel. «Die Wirtschaftliche Konzentration», Wien, 1928, s. 59. То же самое у Arnold Tross. «Ursachen und Wirkungen der Zusammenschlussbewegungen in der deutschen Industrie» в Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik 54 Bd. 3 H. s. 717 и др.

дело и металлургия, высоко концентрированы, то, с другой стороны, ряд других отраслей промышленности еще часто базируется на мелком производстве. Такое большое различие между уровнем концентрации в разных отраслях нужно обязательно иметь в виду, хотя этим ничуть не нарушается общая картина чрезвычайно высокой концентрации германской промышленности, хотя бы уже потому, что «ведущие» в контрационном отношении отрасли промышленности имеют огромный удельный вес в общей промышленности. На долю, например, двух отраслей тяжелой индустрии—горного дела и металлургии (со включением комбинированных с ними предприятий)—падает немного менее половины всей мощности механических двигателей промышленности.

Для того, чтобы выяснить, в каких отраслях концентрация достигла наибольшего развития, в нижеследующей таблице мы определяем роль, которую в различных отраслях промышленности играют т. н. гигантские предприятия, т.-е. предприятия с числом занятых лиц от 1.000 и выше, в 1925 г.

Группы отраслей.	Доля предприятий с числом лиц от 1000 и выше в общем числе лиц, занятых в данной группе отраслей. В %.	Доля гигантских предприятий в общей мощности механических двигателей соответств. группы отраслей. В %.
1. Горное дело (со включением комбинированных предприятий)	72	69
2. Металлургическое производство (со включением комбинированных предприятий)	54	76
3. Машиностроение, производство аппаратов и средств передвижения.	32	44
4. Электротехническое производство.	39	68
5. Химическое производство	34	59
6. Текстильная индустрия	13	18
7. Каучуковое производство	51	46
8. Бумажная индустрия	8	13
9. Пищевкусовая промышленность	3	3
10. Производство железных и металлических изделий	5	10
Промышленность в целом	17	42

Наибольшую роль играют гигантские предприятия в группах горной индустрии и металлургии. Так же, как и до войны, производство этих отраслей тяжелой индустрии в среднем наиболее концентрировано. Особенно это относится к комбинированным предприятиям, включенным в эти группы. На высоком уровне концентрации находится машиностроение и производство средств передвижения. В этой группе отраслей наиболее крупные предприятия распространены снова в комбинированном производстве, а также в вагоностроении и в производстве автомобилей и средств воздушного транспорта [1]). Сильно выдвинулись на пути концентрации своих предприятий так называемые новые производства—электрическое производство, химическое, резиновое и др. В химической индустрии на первом месте по концентрации стоят призводство азота, выработка взрывчатых веществ, комбинированное производство [2]). Следует отметить, что довольно большие успехи в укрупнении предприятий сделала текстильная индустрия (хотя она стоит все еще ниже общего уровня индустрии в отношении роли гигантских предприятий). Внутри нее впереди всех идут хлопчатобумажное, шелковое (искусственный шелк), шерстяное производства. В других группах отраслей, перечисленных в табли-

[1]) См. результаты переписи 1925 г. в машиностроительной промышленности по Баварии, Вюртембергу, Бадену и Саксонии. «Wirtschaft und Statistik» № 21, 1926.

[2]) См. «Wirtschaft und Statistik» № 14, 1927 г.

це, гигантские предприятия имеют небольшое значение, что не мешает отдельным отраслям внутри них представлять в этом отношении исключение. Так крупные предприятия частью характерны для бумажной индустрии. В пищевкусовой промышленности сильно концентрированы пивное производство и сахарное. В последнем крупное предприятие имеет огромное преимущество перед мелким. По подсчетам, сделанным для сахарной индустрии в Германии, фабрика, перерабатывающая 1,5 миллиона метроцентнеров свеклы, производит в среднем на 40% дешевле, чем фабрика, перерабатывающая 0,25 млн. метроцентнеров.

Со времени последней предвоенной переписи 1907 года в ряде отраслей, прежде мало концентрированных, концентрация очень сильно продвинулась вперед. В 1907 г. доля гигантских предприятий в общем числе занятых лиц в химической индустрии равнялась 15%, а в 1925 г. она поднялась до 34%, как мы видели выше. В текстильной индустрии соответственные цифры для 1907 г.—4%, для 1925 г.—13%; в бумажной индустрии для 1907 г.—1%, для 1925 г.—8% [1]). Следовательно, тенденция к некоторой нивелировке в концентрационном уровне разных отраслей промышленности давала себя чувствовать за истекший с 1907 г. по 1925 г. период, хотя разница между отдельными отраслями все еще остается огромной.

Для характеристики тенденций к концентрации, которые свойственны разным отраслям германской промышленности, чрезвычайно показательна роль, которую в разных отраслях играют наиболее крупные предприятия, регистрируемые германской переписью, т.-е. предприятия с числом занятых лиц от 5.000 и выше. Эти предприятия представляют собой большей частью исключительный продукт нашего времени, военных и послевоенных лет. Поэтому место, которое они занимают в различных отраслях, может служить показателем того, каким отраслям в будущем предстоит быть наиболее благоприятным полем для гигантской современной концентрации.

Наибольшее число таких предприятий падает на группу отраслей машино- и аппаратостроения и производства средств передвижения. В этой группе имеется всего 16 таких предприятий, из общего числа в 66. 10 предприятий приходится на долю комбинированного производства железа и металла; по 8 предприятий—на группы горной индустрии, комбинированного с ней производства и электротехнической индустрии; 6 предприятий—на химическую индустрию, 3 предприятия—на каучуковое производство, по 1 предприятию—на текстильную промышленность, кожевенную, и производство готовых металлических изделий. Заслуживает огромного внимания то обстоятельство, что на ряду с горным делом и металлургией в первых рядах в отношении удельного веса крупнейших предприятий идут машиностроение и новые отрасли производства, как электротехническая и химическая. Эти новые отрасли производства, можно сказать, с самого своего рождения оказываются высококонцентрированными. Им не приходится проходить длительные этапы исторического подготовления высококонцентрированного производства, которые вынуждены были проходить старые отрасли капиталистического производства. Они сразу оказываются находящимися на уровне концентрации, достигнутом старейшими отраслями, а иногда даже их превосходящем. Это доказывает, между прочим, что современная техника уже создала в основном все условия, необходимые для организации производства на началах крупнейших технико-производственных единиц с колоссальным обобществлением труда внутри них. Больше того, современная техника требует организации именно предприятий-колоссов, где производство и труд достигают такой степени обобществления, которая была совершенно недоступна прежде капиталистическому способу производства.

[1]) Подсчеты для 1907 г. сделаны на основе «Statistik des Deutschen Reiches», Bd. 213, 1910.

Вопросом, который представляет большую важность для правильной оценки концентрационного процесса в германской промышленности и на котором обязательно следует еще остановиться, является вопрос об относительном уровне и быстроте концентрации германской промышленности, по сравнению с концентрацией промышленности других стран. До войны делались такого рода сравнения [1]). Сейчас они представляют по крайней мере не меньший, если не больший интерес.

Поскольку Германия является классической капиталистической страной по концентрации на европейском континенте, постольку особенно интересно сравнение концентрации германской промышленности с концентрацией промышленности в другой классической по концентрационному движению стране—в С.-А. С. Ш. Ниже мы делаем такую попытку статистического сравнения концентрации в обеих странах в настоящее время. Сравнение это произведено по двум линиям. Во-первых, сравнивается средняя величина промышленного предприятия в Германии и С.-А. С. Ш. как до войны, так и теперь. Во-вторых, выясняется сравнительный удельный вес гигантских предприятий, т.-е. предприятий с числом занятых лиц от 1.000 и выше, в общем числе занятых лиц в промышленности обеих стран также до и после войны. Для того, чтобы оценить нижеприводимые цифры, следует иметь в виду, что это сравнение не может быть совершенно точным, так как единица учета промышленной переписи, именно предприятие, не совсем совпадает в статистике Германии и С.-А. С. Ш. Приводимые цифры скорее преуменьшают, чем преувеличивают, разницу в величине предприятия обеих стран [2]). Однако, несмотря на эти неустранимые дефекты, сравнение в основном дает достаточно правильную (на основе имеющихся пока статистических материалов) картину, позволяющую сделать ряд экономических выводов.

В отношении средней величины промышленного предприятия получается следующее соотношение между Германией и С.-А. С. Ш. если из данных промышленной статистики обеих стран исключить предприятия с числом занятых лиц от 50 и ниже. (Такое исключение мы производим в виду того, что германская промышленная перепись включает, в отличие от американской, данные о ремесленных и мелких предприятиях) [3]).

Германия				С.-А. С. Ш.			
Годы	Число предприятий	Число занятых в них лиц (в тыс.)	Число занятых лиц на одно предприятие	Годы	Число предприятий	Число занятых в них рабочих (в тыс.)	Число рабочих на одно предприятие
1907	25.000	4.763	190	1909	23.000	4.898	213
1925 [4])	33.000 (26.000)	6.958 (5.476)	212 (207)	1923	29.000	7.135	246
1927 [5])	32.000 (26.000)	6.557 (5.303)	205 (199)	—	—	—	—

[1]) См., напр., сравнение уровней концентрации германской и русской промышленности у Туган-Барановского в «Основах политической экономии», стр. 173 и др.

[2]) См. по этому поводу «Wirtschaft und Statistik» № 4, 1927 г., стр. 158.

[3]) Данные по Германии взяты из «Wirtschaft und Statistik» № 2, 1928; по С.-А. С. Ш.—по «Statistical Abstract of the United States» за соответствующие годы.

[4]) В скобках за 1925 и 1927 гг. заключены данные, которые получаются, если выключить отсутствующие в американских переписях данные по горной индустрии, строительной, добыче света и воды.

[5]) За 1927 г.—данные «Statistik der Gewerbeaufsichtsbehörden», «Wirtschaft und Statistik» № 16, 1928 г.

В 1909 году среднее число занятых лиц на одно предприятие в американской промышленности больше соответствующего числа по германскому предприятию приблизительно на 12%. За время войны и послевоенных лет «ножницы» между величиной американского и германского предприятия не сжимаются, но раздвигаются шире. В 1923—1925 гг. число занятых лиц на одно предприятие в САСШ больше, чем в Германии, на 16%, в 1927 г.— на 20%. Если принять во внимание огромные сдвиги в области концентрации в Америке за последние годы, то эти цифры можно считать соответствующими действительности.

Если взять роль предприятий с числом занятых лиц от 1.000 и выше в промышленности обеих стран, то сделанный выше вывод об увеличении разницы между уровнем концентрации германской и американской промышленности получает свое подтверждение. Для возможности сравнения мы выключаем здесь из обеих стран данные о предприятиях с числом занятых лиц (рабочих) до 5.

Германия				С.-А. С. Ш.			
Годы	Число занят. лиц в предприятиях от 6 и более занятых лиц (в тысячах)	Число занят. лиц в гигантских предприятиях (в тысячах)	Доля гигантских предприятий в %	Годы	Число рабочих в предприятиях от 6 и более рабочих (в тысячах)	Число рабочих в гигантских предприятиях (в тысячах)	Доля гигантских предприятий в %
1907	7.069	1.175	16	1909	6.303	1.013	16
1925	9.857 (7.400)	2.109 (1.485)	21 (20)	1923	8.565	2.114	25

Здесь оказывается, что до войны роль гигантских предприятий в САСШ приблизительно равнялась роли гигантских предприятий в Германии. Правда, если учесть то, что в данные 1907 г. по Германии включены отрасли промышленности, исключенные по С.-А. С. Ш. (горное дело, строительная промышленность и т. д.) и что метод учета единицы предприятия по С.-А. С. Ш. вообще несколько преуменьшает роль крупных предприятий, то можно предположить, что удельный вес гигантских предприятий в американской промышленности к 1909 г. был несколько больше, чем в германской. Однако, разница эта вряд ли была большой. Иначе за 1923—25 гг. Если даже не выключать из германских данных отрасли промышленности, исключенные в американских, то и тогда доля гигантских предприятий в германской промышленности равняется 21% по сравнению с 25%, падающими на эти предприятия в американской промышленности. Если же сделать эту поправку (она сделана в цифрах, помещенных в скобках), то доля гигантских предприятий по Германии уменьшается до 20%. Следовательно, и по роли гигантских предприятий выясняется, что за время войны и за послевоенный период Америка шагнула быстрее вперед по пути концентрации, нежели Германия.

Это отставание Германии от С.-А. С. Ш. по концентрации производства можно проследить и по ряду отраслей промышленности. По многим отраслям Америка стоит на несравненно более высоком уровне концентрации, нежели Германия. Приведем несколько примеров.

В области производства железа и стали германская промышленность по величине предприятий превосходит другие страны, в том числе, напр., Англию, но сильно отстает от С.-А. С. Ш. Средняя годовая выплавка доменной печи равняется по Германии в 1925 г. 96.900 т. против 41.354 т. по Англии и 138.000 т. по С.-А. С. Ш. [1]). В 1927 г. годовая выплавка по Германии

[1]) См. Survey of Metal Industries. Commitee on Industry and Trade. London, 1928, p. 23.

повышается до 115.000 т. против 44.200 т. по Англии и 188.800 по С.-А. С. Ш. [1]). Таким образом, разница между размерами выплавки на одну доменную печь в Германии и С.-А. С. Ш. не уменьшается, но даже возрастает с 1925 г. по 1927 г. С другой стороны, и независимо от развития в течение этих двух лет размер средней доменной печи по С.-А. С. Ш. приблизительно на 50% превышает размер доменной печи в Германии. Это преимущество С.-А. С. Ш. в области производства железа, конечно, прекрасно чувствуют германские промышленники. Именно оно и заставляет их итти ко все более тесной монополистической организации. В следующих словах председателя германского стального треста Vögler'а это обстоятельство получило чрезвычайно яркое выражение: «Итак, подводя итог,—заявил он перед анкетной комиссией [2]),—я могу сказать, что единственной причиной образования стального треста было убеждение в том, что, с одной стороны, раздробленность предприятий у нас слишком велика для того, чтобы мы могли противостоять иностранной конкуренции... Совершенно правильно то, что мы должны на огромных участках вести конкуренцию с сильнейшей заграницей, и мы не можем же в конце концов из ружей стрелять против пушек (man kann schliesslich nicht mit Flinten gegen Kanonen ankommen). Завод Гари (Garywerke) в С.-А. С. Ш. производит 300.000 т. ежемесячно; самое же крупное предприятие, которым обладала Германия до образования стального треста, был завод Тиссена (August-Thyssen-Hütte), который производил 72.000 т. Значит, мы должны с 72.000 т. конкурировать против 300.000 т...».

Не менее сильно отстает Германия от С.-А. С. Ш. по величине предприятий и по отраслям т. н. обрабатывающей промышленности. Хотя, как мы видели ранее, Германия проделала в области концентрации автомобильного производства большие успехи, жалобы на раздробленность, «партикуляризм» в автомобильной промышленности не продолжают сходить со страниц германской печати. И понятно, почему. Если средняя величина предприятия автомобильной промышленности Америки равнялась в 1919 г. 668 человекам, то по германской промышленности мы имеем величину несравненно меньшую. С другой стороны, если по германской промышленности дневное производство легковых автомобилей в 1927 г. равняется 203,3 штук, т.-е. 8,03 шт. на каждую фабрику или 4,95 шт. на каждую модель, то в американской промышленности по одному только концерну General Motors (который об'единяет шесть прежде отдельно существовавших предприятий) дневное производство на одну модель в 1927 г. равняется 578 шт. [3]). Ясно, что мы имеем величины совершенно несравнимые.

В хлопчатобумажной индустрии средний размер американского предприятия также гораздо больше среднего размера германского предприятия. Если сравнить данные американского ценза за 1919 г. с германскими данными статистики фабричного контроля за 1927 г. (а в последних данных исключены предприятия с числом рабочих менее 5, которые тоже в очень небольшой мере только включены в данные американского ценза 1919 г.), то число рабочих на одно предприятие в хлопчатобумажной промышленности С.-А. С. Ш. не менее чем в два раза превышает соответственное число рабочих на одно германское предприятие.

При употреблении такого же метода сравнения в отношении кожевенной (а особенно обувной) промышленности обеих стран получаем превыше-

[1]) См. Die Wirtschaft des Auslandes, 1900—1927. Einzelschriften zur Statistik des Deutschen Reiches, № 5. Berlin, 1928, с. 20.

[2]) См. Verhandlungen und Berichte des Unterausschusses für allgemeine Wirtschaftsstruktur. 3. Arbeitsgruppe. Wandlungen in den wirtschaftlichen Organisationsformen. Erster Teil. Berlin, 1928, s. 376.

[3]) См. «Frankfurter Zeitung» от 19/V—1928. Abendblatt.

ние размера американского предприятия над германским в два с половиной раза.

И в области текстильной и в области кожевенной промышленности Америка, таким образом, в противоположность Германии показывает достаточно высокий уровень концентрации предприятия. То же, напр., в области пищевкусовой промышленности. Если в С.-А. С. Ш. скотобойное и мясное дело принадлежит к числу крупнейших отраслей с общим годовым производством свыше одного миллиарда долларов, а среднее число рабочих на предприятие здесь достигает к 1919 г. 123, то в Германии мясное дело характеризуется огромной раздробленностью, а средний размер предприятия приблизительно в двенадцать раз менее американского.

Этих примеров достаточно для того, чтобы проиллюстрировать вышесделанный вывод об отставании германской промышленности от американской по уровню концентрации. Однако, следует особенно подчеркнуть, что концентрационное движение в германской промышленности со времени 1925 г., к которому относятся данные последней промышленной переписи, не только не приостановилось, но быстро развивается. И, пожалуй, важнейшим стимулирующим в этом отношении моментом является огромная конкуренция С.-А. С. Ш. и других государств, с которой послевоенная Германия сталкивается на мировом рынке. Именно она приводит с железной необходимостью к сильнейшему соревнованию Германии с другими странами в сфере концентрационного движения.

Г. Зиновьев

Кое-что о международном положении.

I.

Наше мировое положение медленно и сначала как бы незаметно, изменялось с тех пор, как его последний раз описывал Ленин; теперь оно во многом стало более сложным и трудным.

В «Лучше меньше, да лучше» Ленин писал:

«Мы стоим, таким образом, в настоящий момент перед вопросом: удастся ли нам продержаться при нашем мелком и мельчайшем крестьянском производстве, при нашей разоренности до тех пор, пока западно-европейские капиталистические страны завершат свое развитие к социализму? Но они завершают его не так, как мы ожидали раньше. Они завершают его не равномерным «вызреванием» в них социализма, а путем эксплоатации одних государств другими, путем эксплоатации первого из побежденных во время империалистической войны государства, соединенной с эксплоатацией всего Востока. А Восток, с другой стороны, пришел окончательно в революционное движение именно в силу этой первой империалистической войны и окончательно втянулся в общий круговорот всемирного революционного движения».

«...На нашей стороне тот плюс, что весь мир уже переходит теперь к такому движению, которое должно породить всемирную социалистическую революцию. На нашей стороне тот минус, что империалистам удалось расколоть весь мир на два лагеря, при чем этот раскол усложнен тем, что Германии, стране действительно передового культурного капиталистического развития, подняться теперь до последней степени трудно. Все капиталистические державы так называемого Запада клюют ее и не дают ей подняться. А, с другой стороны, весь Восток, с его сотнями миллионов трудящегося эксплоатируемого населения, доведенного до последней степени человеческой крайности, поставлен в условия, когда его физические и материальные силы не идут решительно ни в какое сравнение с физическими, материальными и военными силами любого из гораздо меньших западно-европейских государств.

«Можем ли мы спастись от грядущего столкновения с этими империалистическими государствами? Есть ли у нас надежда на то, что внутренние противоречия и конфликты между преуспевающими империалистическими государствами Запада и преуспевающими империалистическими государствами Востока дадут нам оттяжку второй раз, как они дали в первый, когда поход западно-европейской

контрреволюции, направленный к поддержке русской контрреволюции, сорвался из-за противоречий в лагере контрреволюционеров Запада и Востока, в лагере эксплоататоров восточных и эксплоататоров западных, в лагере Японии и Америки?

«На этот вопрос, мне кажется, следует ответить таким образом, что решение зависит здесь от слишком многих обстоятельств и исход борьбы в общем и целом можно предвидеть лишь на том основании, что гигантское большинство населения земли, в конце концов, обучается и воспитывается к борьбе самим капитализмом...

«Но нам интересна не эта неизбежность окончательной победы социализма. Нам интересна та тактика, которой должны держаться мы, Российская Коммунистическая Партия, мы, Российская Советская власть... для того, чтобы помешать западно-европейским контрреволюционным государствам раздавить нас. Для того, чтобы обеспечить наше существование до следующего военного столкновения между контрреволюционным империалистическим Западом и революционным и националистическим Востоком, между цивилизованнейшими государствами мира и государствами по-восточному отсталыми, которые, однако, составляют большинство,—этому большинству нужно успеть цивилизоваться». (Ленин, XVIII, ч. 2, стр. 126, 127, 128; разрядка везде наша).

Это была не просто кон'юнктурная оценка «текущего момента» международной политики. Это была фундаментальная оценка мирового положения, данная Лениным в последний раз перед его кончиной.

С тех пор, как Ленин написал эти строки, произошло два крупных изменения: 1) изменилась роль Германии, 2) изменилось—на время—соотношение сил между «контрреволюционным империалистическим Западом и революционным и националистическим Востоком». Оба изменения в данной стадии исторического процесса—не к нашей выгоде.

На изменение роли Германии у нас обращают крайне мало внимания—хотя, казалось бы, проблема эта находится прямо-таки «под боком». А между тем именно германская проблема может получить в будущем прямо решающее значение.

Ленин писал (в начале 1923 г.), что Германии «подняться теперь до последней степени трудно». Это трудное оказалось все-таки возможным. Буржуазная Германия поднялась. Ей помогли подняться а) американский капитал; б) антагонизмы в лагере ее противников из бывшей Антанты, в частности, антагонизм между Англией и Францией; в) высокая ступень германского капитализма; то, чего никакими Версальскими договорами отнять нельзя — приспособляемость и крайняя эластичность германского капитализма: «германская» техника, успехи на путях технической революции, организованность капиталистов, буржуазная культура; г) сильная социал-демократия, в частности, помогшая буржуазии впрячь рабочий класс в колесницу капиталистической рационализации и т. п.; д) освобождение на время от чрезмерно больших непроизводительных расходов на милитаризм (не было бы счастья, да несчастье помогло; теперь, окрепши, германская буржуазия всеми способами пытается вернуть себе легальное право на «подобающую» армию и флот; а германская с.-д. помогает ей и в этом).

Это не значит, что современная буржуазная Германия вернула себе всю свою былую мощь, что она не зависит от капиталистов других стран и т. п. Нет. Современная Германия является страной ввоза капитала (главным образом из Америки). Разумеется, американские капиталисты ввозят этот капитал не из благотворительных целей. План Дауэса говорит об этом доста-

точно красноречиво. Разумеется, Германия еще посейчас болезненно ощущает на себе результаты поражения в мировой войне: сокращенная территория, частичная оккупация, иностранный контроль, репарационные платежи, чрезмерная зависимость от внешних займов, необходимость вооружаться в скрытой форме и т. п. И тем не менее, современная Германия вновь становится империалистической страной.

Что Германия подымается,—это можно было бы только приветствовать. Но что она подымается на основе буржуазно-империалистской, а не на основе победы пролетарской революции, в этом заключается громадная опасность для дела мира.

Буржуазная Германия поднялась. Это факт крупнейшей исторической важности. Отдельные крупные отрасли германской промышленности не только вновь догоняют Англию, но имеют тенденцию начать догонять Америку. Технический прогресс в Германии безусловно превосходит Англию. Ближайшие пять целей буржуазной Германии сводятся к тому, чтобы: 1) возможно дешевле отделаться от репарационных платежей и вообще «издержек производства» по войне; 2) возможно скорее освободиться от остатков военной оккупации; 3) вернуть себе утерянные в войне колониальные владения (или заменить их другими); 4) обеспечить себе новые рынки или вернуть старые; 5) получить теперь уже право легального воссоздания своей армии и флота в таких размерах, как это «приличествует» «великой» державе. Все эти цели—не говоря уже о главной: борьбе против пролетарской революции—тянут германскую буржуазию к западной ориентации, т.-е. против СССР. Германская буржуазия всерьез и надолго западной ориентации сопротивляться не собирается и лишь «страхует» себя в сторону СССР, в виду определенной заинтересованности.

Что спасло германскую буржуазию в 1918—19 гг. от пролетарской революции? Сочетание двух факторов: 1) буржуазия Антанты все же дала мир—хотя бы и Версальский—Германии, содрогавшейся под толчками пролетарских восстаний; 2) сильная контрреволюционная германская социал-демократия тоже «играла» на западную ориентацию, как, якобы, обеспечивающую Германии чуть не вечный мир, против советской ориентации, как, якобы, чреватой чуть не вечными войнами. В общем это сочетание, хотя и при сильно изменившейся обстановке, продолжает действовать и сейчас.

Известное сближение побежденной Германии с СССР после Версальского мира, тем не менее, не было случайностью. Оно вытекало из того, что побежденная страна, прошедшая через Версаль, ограбленная империалистами Антанты и попавшая в положение угнетаемой страны,—не могла не искать сближения с Россией, единственной страной, завоевавшей себе подлинную самостоятельность и порвавшей с империалистской политикой. Но время шло. Положение Германии менялось. И вот уже, примерно, два года, как германская буржуазия не столько думает о том, чтобы действительно сближаться с СССР, сколько о том, как выгоднее для себя использовать переход на западную ориентацию, как лучше маневрировать среди «великих» капиталистических держав, очень «чутко» реагирующих на каждый шаг против СССР и очень ревниво относящихся к каждому шагу навстречу СССР.

Разбитые армии хорошо учатся—это подтверждается на примере Германии. Иностранная политика германской буржуазии за последние годы—образец ловкого лавирования. В это лавирование—это надо твердо запомнить—может входить и план: в решительный момент предать СССР, нанести нам такой удар в спину, который будет особенно щедро оплачен международным капиталом. Часть германской буржуазии уже сейчас рассчитывает на то, что именно участие Германии в каком-либо открытом нажиме на СССР

может окончательно вернуть Германию в «семью» «великих» империалистических держав-грабительниц. Медленно, но неуклонно дело развивается именно в сторону сближения Германии с империалистическими государствами-победителями. Вхождение Германии в Лигу Наций есть этап в этом направлении. Внутреннее развитие Германии—в особенности, приход к власти шовинистской с.-д. (при серьезном росте ее конкурента в рабочем классе: компартии)—тоже при известных условиях может этому содействовать.

«Ведущая» роль в систематическом походе против СССР в нынешний период принадлежит, конечно, Англии. С неслыханным упорством, с дьявольской цепкостью ведет английская буржуазия кампанию против СССР, используя все, что только можно, не отступая ни на шаг от раз задуманной цели.

Это—факт. Но этот факт настолько очевиден, что о нем вряд ли стоит теперь особенно распространяться. Гораздо менее очевидна пока-что та роль, которую собирается сыграть подымающаяся германская буржуазия, со все большей ненавистью смотрящая на «соседство» Советской Страны и все нервнее думающая о том, как бы «не пропустить момент», как бы подороже продать «дружбу» с СССР.

Если бы Германия не была к 1918 году в значительной мере обессилена и разорена войной с Антантой, если бы в 1918—19 гг. в Германии не произошла революция (хотя и не ставшая победоносной пролетарской революцией) — наше положение в гражданской войне 1918—21 гг. было бы гораздо более тяжким. Германия могла повредить нам непосредственно больше, чем любое другое буржуазное государство. Октябрьской революции помог сначала Брестский мир, затем помогла германская революция — хотя и оставшаяся только буржуазным переворотом. Нейтралитет Германии во время нашей войны с Польшей—да и относительный нейтралитет Германии вообще после 1919 года—имел громадное значение для исхода нашей гражданской войны. Влиятельная часть германской буржуазии уже сейчас говорит, что в будущей большой войне буржуазная Германия не будет нейтральной или будет нейтральной только по видимости — и то только вначале. Вхождение германских банкиров в международный комитет кредиторов, желающих получить от СССР старые долги, есть также немаловажный симптом.

Нет никакого сомнения в том, что недавнее (июль 1928) соглашение между Англией и Францией—размеры которого так и остались не вполне известны, но будущая роль которого, во всяком случае, огромна—имеет одной из задач заставить Германию поторапливаться на запад, в сторону «западной ориентации». Антагонизм между Англией и Францией до поры до времени позволял Германии сохранять видимость независимости и свободы выбора между восточной и западной ориентациями. Англия и Франция, выступающие совместно, могут в небывалой степени ускорить и без того назревшее решение германской буржуазии уже не только, как «ориентацию», но и как практическое действие.

Опасность, угрожающая нам со стороны буржуазной Польши, тоже достаточно очевидна. Но к ней мы настолько «привыкли», что перестали ее замечать. Если мы «привыкнем» к ней чрезмерно, то как бы не вышло, как в известной сказке с появлением волка. Поведение Пилсудского в последнее время (его обращение с сеймом, вся его литовская политика, его странная «отставка», его заигрывание с Левицким, его гостеприимство по отношению к представителям румынского генштаба, его растущая близость с французскими империалистами, его поездка в Румынию, его игра вокруг недавнего предложения нашего Наркоминдела и т. п.) очень похоже на подготовку в близком времени военной авантюры.

Если Пилсудский сглотнет Литву, то это будет значить, что он готовится (и что ему разрешили большие разбойники) затем нанести удар советской Украине. Польша и стоящие за ней враждебные нам силы только

«изловчаются» начать «кушать» Литву так, чтобы агрессивные намерения их не слишком били в нос. Захват Литвы лишь по видимости и лишь на короткий срок был бы локальным инцидентом. На самом деле захват Литвы был бы шагом к войне против СССР и обострил бы международное положение в чрезвычайной степени. В этом смысле противоречия между «маленькими» Польшей и Литвой в данный период могут получить для СССР, а стало быть и для всего международного пролетариата, больше непосредственного значения, чем зреющие грандиозные, в будущем решающие, противоречия между гигантами: Америкой и Англией. Это надо ясно видеть.

Но ведь и польская опасность стоит в известной связи с германской опасностью. Мы слишком привыкли к тому, что Польша и Германия в течение некоторого времени друг друга до известной степени и в известных пределах «уравновешивали» и «нейтрализовали». Новое в международном положении, однако, заключается в том, что противоречия между Польшей и Германией на короткое время—под руководством Англии, сблизившейся с Францией—могут быть локализованы и «преодолены» настолько, что они на момент перестанут мешать наступлению на СССР. Над этой задачей «работают» серьезнейшие силы враждебного нам мира.

Из наиболее актуального для нас сейчас, новое в международном положении это—именно изменившаяся роль Германии.

Таково первое изменение, наступившее в мировом положении после смерти Ленина. При центральном месте, занимаемом Германией в Европе, это изменение имеет кардинальнейшее значение.

II.

Второе изменение сводится к следующему. Ленин искал средств «обеспечить наше существование до следующего военного столкновения между контрреволюционным империалистическим Западом и революционным и националистическим Востоком». Одно из таких столкновений тем временем произошло: мы имеем в виду события в Китае и вокруг Китая. «Контрреволюционный империалистический Запад» ввел войска в Китай, бомбардировал Нанкин, бомбардировал затем китайскую революцию по всему фронту. Только с помощью контрреволюционного империалистического Запада Чан Кай-ши смог на время подавить китайскую революцию.

Конечно, исход этого столкновения отнюдь не окончателен. Об'ективные задачи китайской революции не разрешены и сверху разрешены быть не могут. Оценка IX расширенного ИККИ по китайскому вопросу вполне верна. Бывшее «столкновение»—только одно из первых. Там еще будет много столкновений. В последнем счете победа, конечно, будет за китайской революцией. Да и как ни велика китайская проблема, она не исчерпывает всего «восточного» вопроса: завтра может вспыхнуть и Индия, и в огне этого пожара может быстро погибнуть английский империализм. «Но нам интересна не эта неизбежность окончательной победы социализма. Нам интересна та тактика, которой должны держаться мы, Российская Коммунистическая партия, мы, Российская Советская власть, для того, чтобы помешать западно-европейским контрреволюционным государствам раздавить нас». (Ленин, XVIII, 2, 127). Под этим углом зрения события в Китае и вокруг Китая в 1927—28 гг. имеют гигантское значение. На известный промежуток времени—теперь уже вполне ясно, что дело идет о целом этапе, который может при неблагоприятных обстоятельствах занять еще несколько лет [1])—китайская революция потерпела поражение. А ее временное пора-

[1]) Между 1905 и 1917 гг. лежит этап в целых 12 лет. Но ныне «бег истории» куда быстрее.

жение неизбежно и необходимо есть наше (СССР) временное поражение, как ее победа неизбежно и необходимо была бы нашей победой.

Нам удалось «обеспечить наше существование» до первого крупного военного столкновения между контрреволюционным империалистическим Западом и революционным и националистическим Востоком. Но это столкновение кончилось пока-что поражением (временным, отнюдь не окончательным, но серьезным) «революционного и националистического Востока». Это есть серьезное изменение в соотношении сил на мировой арене не в нашу пользу.

Ленин учил, что самой большой ошибкой для революционеров является скрывать от себя поражения революции; признать поражение, понять его размеры и причины—значит начать преодолевать его.

«Сливки» с империалистских побед над Китаем теперь снимают: 1) американские империалисты, ведущие особенно большую игру вокруг Китая; 2) английские консерваторы, использующие положение в целях «окружения» СССР и 3) японский империализм. Менее ясна была до сих пор в этом отношении роль японского империализма, ибо японская буржуазия лавировала чрезвычайно ловко, применяя внешне «мягкие», «кошачьи» приемы. Теперь японский зверь готовится прыгнуть сразу и только изловчается занять исходные позиции получше. Известная «поддержка» Англии этому зверю обеспечена. Америка недовольна. Но недовольство это пока пассивное, «ленивое». Америка заигрывает с Нанкином. Но для Англии не представило труда сделать в отношении Нанкина внешне почти те же жесты, что и Америка. Гвоздь же для нас,—а, значит, и для всего международного пролетариата — сейчас заключается в том, что за наскок на СССР Японии многое «простят» даже американские империалисты.

Недавние события в Афганистане тоже являются известным успехом «контрреволюционного империалистического Запада». В той или другой форме, вероятно, скоро последуют нажимы английского империализма на кемалистскую Турцию. В этом отношении афганские события очень разжигают империалистские аппетиты. Нажим может последовать в очень «добренькой» форме. Англия даже наверняка предпочла бы мирный вариант. Но очень вероятно, что она сделает именно теперь настойчивые попытки ввести Турцию в свой «фарватер»...

В последнем счете национально-освободительные движения угнетенных народов, несомненно, вновь подымутся и сольются с победоносной пролетарской революцией. Но полосы упадка возможны. Мировая революция в общем идет вперед. А внутри этой эпохи «контрреволюционные судороги» (Ленин) неизбежны.

III.

У нас слишком часто подходят к Лиге Наций «агитаторски». Она-де бессильна разрешить проблему войны и мира, она-де собирает бесконечные конференции, топчется на месте и т. п. Недавно в «Правде» (№ 196) т. Лапинский в интересной статье «Бюро при Лиге Наций и Гималаи лицемерия» называет Лигу Наций «ублюдочным, чахоточным плодом». Конечно, Лига Наций не может и не хочет покончить раз навсегда с войнами и вообще разрешить существующие противоречия так, как этого требовали бы интересы трудящихся масс. Доказывать это, высмеивать Лигу за ее неуменье сделать это, за ее напыщенные фразы и фальшивые декларации—вещь не бесполезная. Разоблачать подлость современных с.-д. вождей, все более связывающих свою судьбу с Лигой Наций, надо. Когда с.-д. вожди на своем недавнем брюссельском конгрессе выносят резолюцию о том, что дело разоружения должно быть возложено на Лигу Наций, что контроль над Суэцким каналом должен быть доверен Лиге Наций, что всякая мобилизация, и даже «промышленная», до заключения Лиги Наций запрещается и т. п.—то, конечно, надо за это пригвождать к позорному столбу социал-шовинистов. Но надо понять, что вожди II Интернационала именно потому и льнут к Лиге Наций, что она не «чахоточный плод», а довольно важная составная часть механизма современной империалистической системы. «Их нее» дело, дело империалистов, Лига Наций все же выполняет недурно. Где нужно, найдет—на время—компромисс, сгладит, отложит тот или другой вопрос, еще раз поищет компромисса и т. д. Но одна из главных задач империалистов: систематическая изоляция СССР, постепенное окружение его, подведение «тихой сапы» под него—эта задача Лигой Наций выполняется небезуспешно. Не последним по важности для империалистов делом является образцовая «работа» Лиги Наций по вовлечению Германии в ряды Лиги. Дело это удалось Лиге Наций вполне.

Входить нашему государству в Лигу Наций это—все равно, что профсоюзу рабочих входить в союз предпринимателей или стачечникам входить в союз штрейкбрехеров. Об этом нет и не может быть и речи. Наша партия на этот счет вполне единодушна. Но видеть реальное, практическое, реакционное значение этой Лиги, видеть известный успех ее политической работы против нас мы обязаны.

Ленин хорошо знал, какие внутренние противоречия и конфликты раз'едают лагерь империалистов. Но, тем не менее, его последняя статья, разбирающая международное положение, полна забот и беспокойства—как бы, в самом деле, «им» не удалось составить единый фронт против Советского Союза, хотя бы на короткое время. Эта опасность за последнее время, несомненно, приблизилась.

IV.

Мы остановились в первую очередь на двух важных изменениях в мировой обстановке. Ими, конечно, далеко не исчерпываются изменения в мировом положении СССР.

Когда мы говорим о растущей опасности об'единения нескольких важнейших капиталистических государств для прямой атаки против СССР, то мы ни на минуту не забываем о том, что внутри империалистического лагеря существуют противоречия, борьба, соревнование, вражда, свара, мешающие им образовать единый фронт против нас.

Противоречий внутри капиталистического мира бездна. В период частичной стабилизации капитализма противоречия эти не уменьшаются, а увеличиваются.

После войны и русской революции на мировой арене остались четыре крупнейших империалистических державы: САСШ, Великобритания, Япония, Франция. С известными ограничениями (см. выше) к ним можно еще причислить пятую державу: вновь подымающуюся и уже сильно поднявшуюся Германию. Значительную, хотя и архиреакционную международную роль может сыграть современная фашистская Италия. Каждая из четырех «великих» империалистических держав в известной мере соревнует с остальными державами-гигантами. Все остальные государства—более мелкие — группируются в разных комбинациях, иногда очень преходящих, вокруг этих держав-гигантов.

Попробуем перечислить основные противоречия, существующие между капиталистическими государствами и целыми группами государств. Это поможет нам понять, каковы будут черты грядущей войны.

1. Англо-американское соперничество. Интересы САСШ и Великобритании сталкиваются в Южной Америке, Канаде, Австралии, Китае, частью в Германии. Идет бешеное соревнование в морских вооружениях. Америка вооружается не только против Японии, но и против Англии. На сооружение новых военных кораблей САСШ намерены израсходовать в те-

чение ближайших 20 лет около 3 миллиардов долларов. Идет война вокруг нефти, вокруг каучука и т. п. Достаточно вдуматься в то, какая гигантская борьба идет между САСШ и британским империализмом в одной только Южной Америке. К началу мировой войны сумма английских капиталов в Латинской Америке составляла 5 миллиардов долларов, а сумма капиталов Соединенных Штатов—только 1½ миллиарда долларов. А теперь это соотношение за каких-нибудь 15 лет изменилось коренным образом. Капиталы, вложенные Англией в страны Южной Америки, увеличились на 15—20%, а капиталы, вложенные САСШ, увеличились на 300%. Капиталы, вложенные Соединенными Штатами Америки в Латинскую Америку, в 40 раз больше, чем капиталы, вложенные САСШ в Европу. Ясно, какая бешеная конкуренция должна разыгрываться между северо-американскими и великобританскими империалистами уже из-за одной этой лакомой добычи. В будущем соперничество между САСШ и Великобританией будет главным и абсолютно решающим. Но сейчас конфликт между САСШ и Великобританией далеко еще не назрел настолько, чтобы непосредственно облегчить положение единственного пролетарского государства на мировой арене, чтобы непосредственно обезопасить нас от атак английского империализма. Если бы латентный конфликт двух крупнейших рабовладельцев стал уже актуальным, злободневным, международное положение СССР было бы совсем другим. Если бы само отношение САСШ и Англии к нам, к СССР, было совершенно различным,—международное положение СССР, равным образом, было бы совсем другим. Этого еще нет.

Современная буржуазная Германия может использовать и использовывает противоречия между САСШ и Англией даже в их теперешнем виде. А современный социалистический Союз Советских Республик обладает этими возможностями в гораздо меньшей степени, ибо против диктатуры пролетариата оба буржуазных соперника легко об'единяются и оба готовы перегрызть ей горло.

Придет время—оно не за горами—когда именно англо-американское соперничество, без всякого преувеличения, потрясет мир. Тенденции этого соперничества заслуживают самого пристального внимания и изучения со стороны международного пролетариата и, в частности, со стороны пролетариата СССР. Но тенденцию, хотя и быстро нарастающую, все же не следует принимать за завершившийся процесс.

2. Американо-японское соперничество. Америка заигрывает с Китаем, который Япония считает своим «доменом». Америка требует для Китая политики «открытых дверей», что Япония воспринимает как требование пустить Америку туда, где позиции заняты уже (или завтра будут заняты) японцами. Китаю, как рынку, в будущем предстоит громадная роль. Из-за него стоит и повоевать. Кроме того, САСШ и Великобритания чувствуют себя соперниками на всем Тихом океане. На вашингтонской конференции САСШ потеснили Японию, несколько поссорили Англию с Японией. Одно время могло казаться, что Англия и Япония более враждебны друг другу, чем Япония и Америка. Но в 1927 г. Англия и Япония вновь сближаются—против китайской революции. События 1928 г. (Шаньдунь и пр.) делают особо выпуклыми противоречия между САСШ и Японией, по крайней мере, в тенденции.

Однако, военная и дипломатическая подготовка влиятельной части японской буржуазии на деле идет прежде всего против СССР.

На ближайшее время Япония может считать себя застрахованной от прямого нападения со стороны САСШ хотя бы уже потому, что морской флот Японии на деле пока еще сильнее американского там, где они могли бы столкнуться сейчас. В то же время Манчжурия и наше Приморье «манят»,

и нападение—в «подходящий момент»—на СССР кажется линией наименьшего сопротивления.

Тенденции и тут не следует принимать за нечто готовое и созревшее. Япония будет драться с САСШ через некоторое время. Но до того, как это случится, японский империализм вполне может напасть на СССР.

3. Англо-французское соперничество. Оно же тесно связано и с вопросом о франко-итальянском соперничестве. Развитие военной техники в значительной мере лишило Англию преимуществ островного положения. Французские пушки могут обстрелять английские берега, воздушный флот может бомбардировать Лондон. Французские подводные лодки серьезно угрожают всему могуществу английского флота и т. п. Это заставляет Англию либо искать серьезных военных союзников против Франции в Европе, либо итти на сближение с Францией.

Англия в последнее время берет на себя роль арбитра между Францией и Италией (эти последние спорят из-за того, что Италия чувствует себя «обделенной» Версальским миром). Англия проявляет «доброжелательство» к Италии, видя в ней известный фактор против чрезмерного военного могущества Франции в Европе.

Стремясь к изоляции СССР, Англия идет иногда на некоторые уступки Франции. С другой стороны, Англия хочет вовлечь в свою орбиту против СССР Германию, которая, однако, в последнее время вновь начинает экономически соперничать с Англией. В этом смысле можно говорить о франко-англо-германском соперничестве.

Однако, новейшим фактом, вносящим серьезнейшее изменение во все европейское и даже мировое положение, является соглашение между Англией и Францией, достигнутое летом 1928 г. Пока сообщается, что соглашение это касается только морских вооружений, но есть все основания думать, что дело идет о большем. Ближайшим образом это англо-французское соглашение может ударить по Германии в том смысле, что на нее будет больший нажим при разрешении вопросов, связанных с планом Дауэса, с досрочным освобождением прирейнских провинций и т. п. На нее будет больший нажим, чтобы окончательно «оторвать» ее от СССР. И буржуазная Германия, несомненно, охотно стала бы «расплачиваться» теперь именно этой монетой: более или менее демонстративным отходом от «восточной» ориентации. Но в более далекой перспективе соглашение Англии и Франции, конечно, направлено против СССР. Получается впечатление, что воссоздается печальной памяти Антанта с той разницей, что тогда в нее входила и царская Россия, а теперь она (Антанта) будет направлена больше всего против СССР.

Последние сессии Лиги Наций подтверждают то, что мы говорили выше о роли Германии. Бриан грозно поводит бровями. Он даже прямо покрикивал на германского канцлера Мюллера. Англия, выступавшая до сих пор представительницей и «защитницей» Германии, показывает, когда нужно, необычайную сдержанность и сухость по отношению к ней. За грубым нажимом последует какая-нибудь небольшая уступочка. И при посредстве французских и германских с.-д.—лучших маклеров, чем «товарищи» Поль Бонкур и Брейтшейд и желать нельзя—готовится заключение сделки. Одной из важнейших сторон этого соглашения будет прицел против СССР. Новейшие выступления французской дипломатии также не оставляют на этот счет никаких сомнений.

4. Франко-германское соперничество. Оно остается фактом. Буржуазная Германия глубоко «припрятала» идею реванша, но не отказалась от нее. Англия искусно использует это противоречие в своих целях, стремясь ослабить и Францию, и Германию и в то же время вовлечь оба эти государства в свою антисоветскую политику.

5. *Противоречие между САСШ и европейскими государствами, являющимися их должниками.* Тенденция к известному сближению между европейскими государствами против американского «паука», несомненно, существует. Не надо и ее принимать за завершившийся процесс. Эта тенденция пересекается контртенденциями. Возня вокруг «пакта Келлога» [1]) показала это в достаточной степени. Но в перспективе это противоречие тоже немаловажно.

К этому надо прибавить противоречия: 6) *между Германией и Польшей*; 7) между Венгрией и Румынией, Югославией и Чехо-Словакией; 8) между Польшей и Литвой; 9) между Болгарией и Югославией; 10) между Италией и Югославией и т. п.

Все эти противоречия более чем достаточны, чтобы из них одних могла родиться новая война—гораздо более истребительная, чем война 1914 — 1918 гг. Борьба за рынки, за источники сырья и, в связи с этим, за новый передел мира (и, во всяком случае, за передел колоний, полуколоний и сфер влияния) становится все более острой. Расходы на вооружение бешено растут (для четырех крупнейших держав плюс Италия в 1927—28 г.—2.100 милл. долларов против 1.100 милл. долларов в 1913 г.). Военная техника «усовершенствовалась» настолько, что в несколько минут будут уничтожаться целые города.

Вышеочерченные противоречия между Америкой и Англией, Америкой и Японией и т. п. надо изучать. Надо, чтобы самые широкие слои рабочих проникли к мистерии иностранной политики. Надо уметь видеть связь между основными противоречиями Вашингтон—Лондон и «текущими» противоречиями, в роде антагонизма Варшава—Вильно—Ковно. *Но надо, чтобы первые не заслоняли от нас вторых* — что у нас иногда, к сожалению, имеет место. События вокруг Варшавы — Вильно — Ковно могут завтра же очень больно задеть Москву, — тогда как решающее столкновение между Вашингтоном и Лондоном, во всяком случае, разразится только *послезавтра*. Победа фашизма в Югославии и налаживающийся союз наиболее фашистских государств могут быть использованы против нас в сравнительно скором будущем.

Вот почему мы и выдвинули во главу угла *два* вышеочерченных важнейших изменения в мировой обстановке СССР: 1) *изменившаяся роль Германии* и 2) *временное поражение революции в Китае.*

Капитализм на то и капитализм, чтобы под его оболочкой накоплялись противоречия, из которых вырастают войны и революции. А тем более— капитализм в его империалистической фазе. А тем более, когда империализм проходит через частичную «стабилизацию» после громадных потрясений, чуть было не стоивших ему головы.

Новые столкновения и новые войны между империалистскими государствами неизбежны. Весь вопрос только в том, не захотят ли господа

[1]) Подписание пакта Келлога нашим правительством было вполне правильно. Решающим, по нашему мнению, является соображение о том, как лучше перерезать агитацию империалистов и *ее главного орудия в массах— социал-демократии.* Отказ нашего правительства подписать этот пресловутый пакт был бы использован социал-демократией для бешеной травли против нас в широчайших массах трудящихся. «Пакт Келлога» — помимо других его сторон, о которых — в другой раз, являлся своего рода применением «тактики единого фронта» со стороны буржуазии и социал-демократии. Именно интересы разоблачения этого «хода» требовали подписания (конечно, мотивированного) пакта с нашей стороны — *при одновременной широкой большевистской раз'яснительной кампании.* Разумеется, подписание пакта само по себе ни на волос не обеспечивает нас против военных нападений. Малейшие иллюзии в этом отношении были бы глубоко вредны. Подобные нотки, появившиеся в одной статье «Известий», были решительно пресечены.

империалисты *сначала* повоевать с СССР, а *затем уже* воевать друг с другом. Империалисты считают, что, если они не будут воевать против СССР, то тем скорее будут воевать друг с другом. Империалистам трудно, невозможно договориться друг с другом сколько-нибудь надолго и образовать сколько-нибудь прочный единый фронт. Это верно. Но некоторое относительное и временное единство фронта против общего врага, против СССР, для них достижимо.

Маркс и Энгельс не могли еще дать достаточно конкретной картины того, *как* будет сопротивляться, *как* будет бешено бороться против одной победившей пролетарской революции буржуазия остальных стран. Ленин смог уже нарисовать эту картину более конкретно. Чем больше мировая буржуазия убеждается, что социалистическая революция не химера, не фантазия, не пустая угроза, что она растет и сплачивает свои силы вокруг СССР,—тем больше она думает о том, как «вырвать с корнем» советскую опасность. И передышкой, которую мировой буржуазии дала частичная стабилизация капитализма, она хочет воспользоваться именно для этого. А имея теперь *свои* усилившиеся с.-д. партии и с.-д. профсоюзы, она неизбежно будет действовать более нагло.

V.

Конечно, внешняя политика любого государства *связана* с его внутренней политикой. Конечно, внешняя политика советского государства и до сих пор была тесно связана с его внутренней политикой. Но теперь эта зависимость приобретает особый отпечаток.

«Брестская» полоса в международной политике советской власти была возможна только потому, что две империалистические коалиции в ту пору яростно боролись между собой, вцепившись друг другу в глотку. Но брестская полоса нашей политики, с другой стороны, была возможна лишь при разрыве ВКП(б) с партией левых эсэров, при беспощадном подавлении методами революционного террора всех антибольшевистских сил тогдашнего времени, словом, при той внутренней политике, которую вела наша партия тогда.

Наша иностранная политика в пятилетие 1920—1924 гг. тоже была политикой «лавирования» и «маневрирования», но уже в значительно изменившейся обстановке,—ибо мировая война кончилась. Наша иностранная политика в 1920—1924 гг., как она велась при Ленине и непосредственно после его смерти, опиралась в значительной мере на известное использование противоречий между победителями и побежденными в мировой войне, противоречий между мелкими государствами и крупными империалистическими гигантами, между национально-зависимыми (и полузависимыми) и угнетательскими империалистскими государствами. Конечно, такая политика вполне законна для пролетарского государства.

Отсюда сравнительно близкая связь нашего государства с Германией, первый мирный договор с Эстонией, известная близость с кемалистской Турцией и т. п. Это способствовало и признанию нас Англией и Францией.

Этой внешней политике соответствовала внутренняя политика, построенная на прочном хозяйственном (а не только военном) союзе рабочего класса с средним крестьянством, приведшая в 1921 году к нэпу и никогда не отклонявшаяся от ленинского принципа «уметь достигать соглашения с средним крестьянином, ни на минуту не отказываясь от борьбы с кулаком и прочно опираясь только на бедноту». Этому периоду внешней политики в области внутренней соответствовала политика революционной законности, превращения ВЧК в ГПУ, «лицом к деревне» и т. п.

С 1925—26 гг. мы в области иностранной политики вступили в полосу новых нажимов на СССР, а затем и разрывов. В ближайшие годы нас, вероятно, ожидают новые удары со стороны международной буржуазии.

Наступление со стороны международной буржуазии идет параллельно с известным наступлением буржуазных элементов (деревни и города) внутри СССР, питая друг друга. Известная взаимозависимость налицо.

На самый ближайший период империалисты, повидимому, не прочь, пока «ограничиться» мерами экономического окружения (и попытками «мирного» удушения) нас. А кулак внутри страны склонен пока «ограничиться» попытками к хлебной забастовке. Однако, не только не исключена, а, напротив, неизбежна попытка со стороны мировой буржуазии сочетания экономического окружения с прямой войной против нас. Если бы это случилось, то новая буржуазия внутри страны тоже попробовала бы еще больше «активизироваться» и дошла бы до попыток восстания.

Противоречия между различными империалистскими державами, противоречия внутри буржуазного мира вообще не только продолжают существовать, но и приведут неизбежно к новым войнам между империалистами. Капитализм на то и капитализм, чтобы в последнем счете увеличить, расширить противоречия внутри буржуазного мира. Использовать эти противоречия «лавировать и маневрировать» между буржуазными государствами мы можем и должны и теперь в меру того, что позволяют нам обстановка и принципы Коминтерна. Но надо ясно видеть, что на известный промежуток времени между буржуазными государствами существует некоторый мир, позволяющий им действовать по отношению к «общему врагу», Советскому Союзу, более дружно, чем это было в 1917—18 гг. (до германской революции) и в 1919—24 гг. (полоса отдельных договоров с советской Россией, признаний де-юре и т. п.). Антагонизм между победителями и побежденными, т.-е. между державами бывшей Антанты и Германией в первую голову, относительно и на время смягчился. И это—несмотря на то, что по конкретным вопросам нажим империалистов на Германию происходит как раз и сейчас.

Вероятна ли в близком будущем открытая война между империалистскими государствами? Не только вероятна, но и неизбежна. Но вероятно ли, что крупные империалистские державы раньше, чем открыто передраться друг с другом, хотели бы «разделаться» с СССР? Это очень и очень вероятно.

Удастся ли им так сманеврировать? В этом весь вопрос.

Всего вероятнее, что, как это часто бывает в мировой истории, обстановка сложится «хитрее», чем ожидают обе стороны. Так, например, вести войну (и ряд войн) против колониальных и полуколониальных стран империалистским державам «приходится» уже сейчас, хотя, конечно, им было бы сподручнее «отложить» и эти столкновения до сведения счетов с СССР. Империалисты напрягают все силы, чтобы «окончательно» расправиться с революцией в Китае. А в это время нарастает революционное движение в Индии, Египте, Корее, Сирии, Марокко, в Южной Америке и т. д. Из войн империалистов против колониальных и полуколониальных стран тоже может вырасти прямая война против СССР.

Во всяком случае, мы обязаны готовиться к худшему для нас варианту. Ленин считал, что на очереди второй тур войн именно против нас, против советской власти.

Против Советского Союза образовывается единый фронт нескольких буржуазных государств. Это—факт. Этой полосе международного положения должна соответствовать определенная линия нашей международной политики, а этой последней—своя система политики внутренней.

Раз иностранные хищники об'единяются, то наша задача использовать любое противоречие между ними и в то же время 1) организовывать наши силы в их собственных государствах и 2) абсолютно обеспечить свой собственный тыл правильной т.-е. строго классовой внутренней политикой.

При прочих равных условиях, империалисты предпочли бы справиться с СССР без прямой войны и интервенции, с помощью внутренних заговоров, хозяйственного давления, поддержки «нашей» буржуазии в городе и деревне, разложения наших собственных рядов. Недаром и эмигрантская буржуазия (Милюков и К°), меньшевики и эсэры пока на словах стоят еще против интервенции. Они все еще питаются той иллюзией, что советская власть не справится с противоречиями нэпа и падет жертвою этих противоречий. А, с другой стороны, буржуазия и ее «социалистические» прихвостни сильно боятся войны и будут ее бояться тем больше, чем сильнее коммунизм будет расти в капиталистических странах. Среди народов, находящихся под властью буржуазии, еще слишком живы воспоминания о мировой бойне. Только поэтому империалисты не так легко решаются на прямую войну против СССР. Если империалисты убедятся, что всякое их прямое нападение, или интервенция, или покровительство заговорщикам, или попытки разложения наших рядов встречают железную стену рабочих и крестьян, при единстве и крепости нашей партии, они сто раз подумают раньше, чем эти попытки повторять.

Надо прямо сказать: 1) наши возможности использовать «их» противоречия и борьбу сейчас, на некоторое время, сравнительно невелики; 2) наши возможности одною силою оружия отбиться от прямых нападений империалистов еще надолго будут недостаточны; 3) наша главная сила против «них» сейчас: рост коммунизма в их собственных твердынях и твердая, ясная классовая ленинская политика внутри СССР, одна только способная обеспечить союз рабочего класса и крестьянства в вышеуказанном ленинском понимании его.

Это отнюдь не значит, что мы должны сейчас отходить от нэпа, возвращаться к военному коммунизму. Это значит только, что нужно: 1) напрячь последний мускул, чтобы должным темпом вести индустриализацию СССР и 2) строже проводить ограничение эксплоататорских стремлений кулака, более пристально следить за новой буржуазией, имея в виду, что она будет пытаться срывать нашу политику и помогать империалистам.

Из ленинской оценки опасностей нашего международного положения,— в частности, из его взгляда на неизбежность второго тура войн,—вытекает, между прочим, и взгляд нашей партии на необходимость быстрейшего темпа индустриализации СССР.

Курс на индустриализацию, разумеется, вообще вытекает из самых коренных целей партии пролетариата. Индустриализация всей страны, в том числе и сельского хозяйства, есть после завоевания власти пролетариатом задача всех задач. В этом—центр нашей работы. Но необходимость максимально быстрого темпа индустриализации нашей страны диктуется, кроме того, и тем, что нам надо каждую минуту «передышки» использовать для лучшей подготовки нашего социалистического отечества на случай войны. Будущая война не в малой степени будет войной промышленности. Отсталость в этой области может дорого обойтись отечеству пролетариата. Чтобы наша внутренняя политика соответствовала правильной ленинской линии внешней политики, ее альфой и омегой должна быть быстрейшая индустриализация СССР.

Представители подрастающей новой буржуазии поднимают голову по мере роста наших международных трудностей. Они сознают и чувствуют

себя частицей мировой буржуазии. Рабочий класс СССР достаточно силен, чтобы использовать буржуазную интеллигенцию, но лишь при условии, что мы не откроем «им» ни малейшей «щелочки», что мы будем беспощадно рвать все нити классового врага, ведущие, с одной стороны, к кулаку и новой буржуазии в СССР и, с другой стороны, к международной буржуазии за пределами СССР. Если Милюковы еще в 1916 году были готовы скорее проиграть «национальную» войну Вильгельму II, чем пойти навстречу русской буржуазно-демократической революции, то теперь, после 10 лет опыта пролетарской диктатуры, не только Милюковы, Устряловы, Кондратьевы, но и Черновы, Керенские, Даны и К° готовы будут десять раз броситься на шею английскому империализму.

Одним из факторов современного обнагления кулака бесспорно является тот усиленный нажим со стороны мировой буржуазии, который мы в последние годы испытываем. По мере того, как дело будет приближаться к новой войне, кулак при прочих равных условиях будет становиться все более активным, и вражда его к пролетарской диктатуре будет возрастать. А если бы война надвинулась вплотную, нам, несомненно, пришлось бы в этой новой обстановке выдержать жесточайшую политическую борьбу с кулаком за большие слои середнячества. Война, конечно, дело не шуточное. Тяготы войны будут пугать и некоторые слои середняков. Играя на этом, кулак, пользуясь напряженной обстановкой, наверняка попробует перетянуть середняка на свою сторону. Систематическая борьба против кулачества уже сейчас есть часть нашей политической подготовки на случай войны.

VI.

Мировая война 1914—1918 гг. была империалистской войной. В самом общем ее значении грядущая война тоже будет империалистской войной в том смысле, что империалистический капитализм произведет нападение на первое рабочее государство в мире, на СССР. Относительно мировой войны 1914—1918 гг. уже в первой ленинской брошюре «Социализм и война» говорилось: «Эта война в трояком смысле есть война рабовладельцев за укрепление худшего рабства. Это, во-первых, за укрепление рабства колоний посредством более «справедливого» раздела и дальнейшей более «дружной» эксплоатации их; во-вторых, за укрепление гнета над чужими нациями в самих «великих» державах... в-третьих, за укрепление и продление наемного рабства» (т. XIII, стр. 97).

Первый мотив будет налицо и в нынешней войне. Колониями вновь будут торговать—например, для подкупа германской буржуазии. Судьба колониальных и полуколониальных стран, например, Китая, Индии и т. п., заново будет решаться в этой войне.

Второй мотив также в той или другой степени будет налицо в грядущей войне. Буржуазные государства вновь будут торговать национальными меньшинствами. Буржуазные государства будут спекулировать на том, чтобы вновь восстановить национальный гнет в России.

Третий мотив, укрепление и продление наемного рабства, будет главным мотивом грядущей войны. В столкновении империалистических государств с нашим рабочим государством прежде всего и будет решаться вопрос о том, сделает ли мир громадный шаг назад в деле укрепления и продления наемного рабства, или он, напротив, сделает громадный шаг вперед к свержению этого рабства.

Большевистская партия, не обманываясь внешностью, тишью да гладью на поверхности, должна ясно сознавать и сознает, что приближается

второй тур войн, в которых вновь будет решаться судьба советской власти. Эта мысль должна пропитывать всю нашу агитацию среди масс внутри СССР и в среде международного пролетариата.

Больше, чем когда бы то ни было, наше положение на мировой арене связано с нашим внутренним положением, с нашей внутренней политикой, в частности, с победоносной большевистской политикой против кулака. Больше, чем когда бы то ни было, наша внешняя политика должна быть политикой мира.

Наша политика есть политика мира. Политика английских империалистов есть политика войны. Мы должны вести себя так, чтобы эту истину поняли рабочие, крестьяне, все трудящиеся не только СССР, но и всего мира; так, чтобы в этом не могло быть сомнения ни у одного честного труженика; так, чтобы это было аксиомой, непреложной истиной для всего международного пролетариата.

Систематическая, обдуманная, напряженная, неустанная, планомерная борьба за мир! Большевизм в 1917 году вырвал из ада империалистской войны нашу страну. Большевизм должен в 1929 году (и в последующие годы) помочь нашей стране и другим странам спастись от ужасов новой войны. Если кто-либо еще может это сделать, так только большевизм, только пролетарская революция.

Ваша политика, господа империалисты, есть политика войны.

Наша политика, товарищи рабочие, есть политика мира.

А если война, тем не менее, будет нам навязана, то она будет «контрреволюционной судорогой» (Ленин), которая, однако, может быстро смениться громадным революционным под'емом. ВКП и весь Коминтерн докажут тогда, что они умеют претворять в дело лозунг Ленина о превращении империалистской войны в войну гражданскую.

Партруководство и „решающие звенья" в работе.

(На опыте работы парторганизаций на крупных предприятиях).

> Надо уметь найти в каждый момент то особое звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь и подготовить прочно переход к следующему звену, при чем порядок звеньев, их форма, их сцепление, их отличие друг от друга в исторической цепи событий не так просты и не так глупы, как в обыкновенной, кузнецом сделанной цепи.
>
> Ленин.

Сложность задач реконструктивного периода все острее ставит перед нами проблему повышения качества партийного руководства. Ленинское положение о решающем значении «действительно образцового качества работы» выдвигается сейчас с особенной силой. Без этого мы не сумеем в достаточной мере вовлечь многомиллионные массы рабочих и крестьян в дело социалистического строительства, не сумеем итти в авангарде этих масс и руководить ими.

Ленин указал и основной путь для повышения качества нашего повседневного руководства. Это прежде всего — учет практического опыта работы. Ленин неоднократно подчеркивал, что только на пути изучения и обобщения конкретного опыта можно добиться действительного улучшения руководства. «Тут ничего нельзя поделать нахрапом или натиском, бойкостью или энергией, или каким бы то ни было лучшим человеческим качеством вообще». «Действительный учет опыта, действительный обмен опытом»—в этом «гвоздь» проблемы повышения качества руководства.

Основным требованием, которое необходимо пред'являть партийному руководству является умение выделить для данной организации в данной области ее работы те задачи, которые являются основными, которые играют роль «решающих звеньев». Это отнюдь не простое дело. Ленин специально подчеркивал, что «нельзя искусственно выбрать себе то звено, за которое хочешь зацепиться».

Дело здесь главным образом в том, чтобы учесть все условия работы данной организации и уловить то, что Ленин называет «конкретным своеобразием». Лишь на этой основе можно установить то звено, которое действительно является «решающим» в данных условиях.

Проанализируем с этой точки зрения директивы ЦК партии по докладам местных организаций за последний год. Возьмем один из центральных участков работы—работу на предприятиях.

Общее состояние работы парторганизаций на крупных предприятиях.

Рассмотрим прежде всего, каково общее состояние работы на предприятиях, какова здесь «цепь» явлений. Проследим изменения в состоянии этой работы в течение последних трех лет. В качестве углов зрения, под которыми мы будем рассматривать эту работу, возьмем вопросы массовой политической работы,—с одной стороны, и вопросы руководства производственным строительством,—с другой.

Парторганизации на предприятиях проделали за этот период большую работу по политическому воспитанию своих членов и политическому охвату масс. Ленинская линия усвоена огромной массой членов партии и широчайшими слоями беспартийных рабочих. Отсюда решительный отпор партии троцкизму, отпор правой опасности и примиренчеству к уклонам. Основные политические кампании—перевыборы советов, профорганов, заключение колдоговоров, заем индустриализации и т. д.,—проведены с большим успехом. В ходе всех этих кампаний ярко проявилась высокая политическая активность масс и рост их доверия к партии.

Парторганизации за это время достигли значительных успехов и в области руководства производством. Ход этого процесса укрепления партруководства производством ясно виден из данных обследования крупных предприятий.

По данным обследования Орграспредом ЦК работы на 65 крупнейших предприятиях Союза, весной 1927 г., вопросы производства занимали ничтожное место (3—4%) в работе руководящих парторганов и ставились к тому же преимущественно в виде общих отчетных докладов.

При повторном обследовании осенью 1927 года под этим углом зрения 22-х крупнейших предприятий Союза выявились уже определенные сдвиги. Перелом этот особенно явственно обозначился к лету 1928 года.

Но все же организации еще до сих пор не сумели мобилизовать в должной мере активность рабочих масс вокруг задач производства. В этом сейчас основной недочет состояния работы на предприятиях.

Характерна прежде всего в этом отношении известная оторванность широких партийных масс от участия в производственном строительстве. Иллюстрацией может служить содержание работы массовых партсобраний. Обследование 65 предприятий весной 1927 года констатировало почти полное отсутствие производственных вопросов на общих партийных собраниях. В 1928 году содержание работы партсобраний несколько улучшилось. Но все же изменения коснулись главным образом еще только количественной стороны—больше хозяйственных вопросов стало обсуждаться на партсобраниях, сами же вопросы ставятся все еще в общей форме. В результате активность партийной массы, несмотря на высокий интерес партийцев к вопросам производства, не организуется вокруг этих вопросов, не мобилизуется для разрешения коренных задач производства.

Не менее показательно состояние партийного руководства массовыми организациями на предприятиях. Мы не видим здесь должного направляющего влияния партийных органов на работу профсоюзов и других массовых организаций. Парторганы не заостряют внимания этих организаций на коренных вопросах производства, при чем руководство парторганов массовыми организациями страдает часто даже некоторой бессистемностью. С одной стороны, отмечаются многочисленные случаи подмены массовых организаций со стороны парторганов,—когда ряд вопросов из компетенции профессиональных и других органов, вопросов подчас даже мелких, «вермишельных», решается исключительно в партийном порядке. С другой стороны, в ряде случаев крупнейшие вопросы жизни предприятия (вплоть до вопросов сокра-

щения рабочих, колдоговора и др.) проходят без руководства со стороны парторганов, мимо них.

Такое отсутствие направляющей линии, целеустремленности в партруководстве сказывается в том, что массовые организации не сосредоточивают своего внимания на основных вопросах производства, не вовлекают в должной степени в это дело широкие рабочие массы. Ярким примером здесь могут служить массовые рабочие собрания. Обследования выявили явный разрыв их содержания с запросами рабочих масс. Налицо зачастую настоящие «ножницы» между интересами и активностью масс и характером вопросов, обсуждаемых на массовых собраниях. Активность масс выросла в огромной степени, рабочие живо интересуются всеми коренными вопросами производства, а общим собраниям «преподносятся» преимущественно кампанейские вопросы, отчетные доклады, выборы.

В известной степени та же картина наблюдается и на производственных совещаниях. Даже здесь часто не рассматриваются те наиболее острые и важные вопросы производства, которые интересуют рабочую массу.

Мы видим, таким образом, значительные успехи парторганизаций на предприятиях в деле повышения политической активности масс. Несомненно, улучшилось и их руководство производством. Но вместе с тем организации еще не сумели в необходимой мере мобилизовать активность масс вокруг проведения основных задач производственного строительства.

Таково в основных чертах состояние работы на предприятиях, такова «цепь» явлений в этом вопросе. Это не трудно проследить по всем обследованным Центральным Комитетом за последнее время промышленным организациям. Во всех этих организациях состояние работы на предприятиях при различных отклонениях и в худшую и в лучшую стороны имеет много общего, сходного с тем «средним состоянием», которое обрисовано нами. Поэтому и в резолюциях ЦК по докладам местных организаций много общего в анализе их работы на предприятиях.

Много общего и в директивах ЦК обследованным организациям. Эти директивы в основном сосредоточены вокруг той задачи, которая выступает в качестве центральной (как показывает произведенный нами анализ) в работе на предприятиях. Этой цетральной задачей является задача организации активности масс вокруг коренных вопросов производства. ЦК неоднократно подчеркивает в своих директивах всю исключительную важность этой задачи, этой целевой установки.

Заостряя внимание мест на основной задаче—организации активности масс вокруг вопросов производственного строительства, ЦК в своих директивах указывает каждой отдельной организации и то «решающее звено», за которое ей надо «ухватиться». Эти «решающие звенья» различны для различных организаций. Здесь нет и не может быть шаблона и трафарета, поскольку в каждой отдельной организации учитываются все ее особенности, все специфические условия ее работы. Это и определяет конкретность директив Центрального Комитета партии.

Подойдем с этой точки зрения к директивам ЦК в отношении работы на предприятиях по ряду обследованных промышленных организаций: артемовской, свердловской, московско-нарвской, николаевской, днепропетровской, ижевской, краснопресненской, иркутской, ярославской.

Самокритика и активность масс (Артемоск, Ижевск, Николаев).

Возьмем Артемовск,—один из крупнейших центров Донбасса, округ, где в тяжелой индустрии (уголь, металл) сконцентрировано до 140 тыс. рабочих. Обследование в начале 1928 г., как известно, выявило крайнюю слабость, «неудовлетворительность» массовой работы в округе. В крупнейшем пролетарском центре состояние работы оказалось далеко ниже среднего уровня.

Каковы же были причины, мешавшие развернуть работу в Артемовском округе? Главную роль сыграла здесь практика зажима в отношении к массам, преобладание элементов администрирования в подходе к массам. Это имело место и в парторганизации, и в профсоюзах, и у хозорганов. Были случаи грубейшего нарушения внутрипартийной демократии—Константиновка, Артемовский район. У профсоюзов отсутствовало их собственное лицо. В ряде случаев профсоюзы не вели борьбы даже с явно неправильными действиями хозорганов, непосредственно нарушавшими интересы рабочих. Практика зажима в Артемовском округе была связана с разложением в верхушке организации. Наблюдались «нездоровые явления групповой обывательской спайки в рядах части ответственных работников», замкнутость небольшой руководившей тогда группы «своих» людей. Группа состояла частью из окончательно разложившихся элементов, частью же из элементов, прикрывавших разложение других в силу семейственности, в силу правила «рука руку моет». Подбор работников на различные ответственные посты производился под углом зрения семейной и групповой поддержки. Благодаря этому плохая работа прикрывалась, прикрывались многочисленные недостатки, которые всплывали в отдельных низовых организациях, в отдельных областях работы.

Все это выпятило в качестве «решающего звена» для Артемовской организации вопрос о развертывании самокритики. В этом резолюция ЦК по докладу Артемовского ОК видит основной путь к радикальному оздоровлению парторганизации. В этом именно и «уроки Артемовска». Артемовск показал, что при отсутствии самокритики даже в передовых пролетарских организациях могут начаться явления разложения и отрыва от масс. Артемовск показал, что лишь на основе развертывания самокритики можно организовать активность рабочих масс вокруг задач социалистического строительства.

Ижевск с другой стороны подводит нас к тому же вопросу. Здесь обследование ЦК осенью 28 г. констатировало «недостаточное влияние организации на беспартийные массы рабочих». Но основной причиной этого является в Ижевске не зажим критики масс, а неуменье эту критику направить по правильному руслу, отсутствие у отдельных прослоек организации необходимой для этого твердой большевистской выдержки. Это видно из всего хода развертывания самокритики. «Партийный и профсоюзный актив, охотно и энергично возглавляя недовольство рабочих в вопросах зарплаты, охраны труда и взаимоотношений с административно-техническим персоналом, не умеет направлять это недовольство против конкретных виновников и конкретных причин недочетов в работе аппарата. В результате в сознании отдельных слоев рабочей массы виновниками этих недочетов является вся система управления в целом,—дирекция, райком, завком» [1]).

В особенности ярко сказывается хвостизм отдельных элементов парторганизации при проведении колдоговора. Здесь выявилась полнейшая недисциплинированность некоторых партийцев, принявшая форму прямо антипартийных дезорганизаторских действий с их стороны. Дело дошло до того, что конфликт повременщиков возглавил член партии, быв. секретарь цех'ячейки Тараканчиков («тараканчиковщина»).

Во всем этом сказалось прежде всего влияние ряда общих недочетов, свойственных состоянию массовой работы на крупных предприятиях. Эти недочеты были здесь особенно резко выражены в виду слабости работы и ру-

[1]) Из материалов обследования комиссии ЦКК.

ководства в прошлом. Но во всей цепи недочетов решающую роль сыграли следующие два момента, которые осложнили положение и привели к «тараканчиковщине».

1. Организация не проводила достаточно четкой линии в отношении различных слоев рабочей массы заводов. В ряде случаев ненормально было отношение коммунистов к передовой части беспартийных рабочих, к выросшему слою беспартийных активистов. Эти беспартийные рабочие нередко стоят выше партактивистов по своему политическому и культурному уровню и часто «забивают» коммунистов на собраниях. Это вызывало у части партактива неприязненное, ревнивое к ним отношение, как к «бузотерам», «присяжным критикам» и т. д. Таким образом, вместо опоры на эти передовые слои рабочих создавалась «трещинка» между ними и парторганизацией.

В то же время не была заострена борьба против отсталых настроений отдельных слоев рабочих,—собственнических элементов, рабочих, связанных с деревней, и т. д. Организация не развернула необходимой работы по перевоспитанию этих слоев, по их вовлечению в общественную работу и переделке в ней. Вместо этого организация до некоторой степени замыкалась от них, как от «мелкобуржуазных элементов».

Все это дезориентировало отдельные части партийной организации и даже партийного актива. В результате некоторые партийцы не смогли установить четкой линии по отношению к рабочим массам, а отсюда шатания отдельных коммунистов, их недисциплинированность, мелкобуржуазная неустойчивость, приведшая в «тараканчиковщине».

2. Обком не имел достаточно четкой линии в борьбе с расхлябанностью отдельных частей партийной организации. Здесь преобладал административный подход. Обком не ставил ударения на изменение содержания низовой партийной работы в сторону охвата производственных и культурно-бытовых вопросов, на вовлечение всей массы партийцев в активную работу, что только и дало бы возможность радикально изжить шатания и колебания в рядах партийной организации. Этого не было, и отсюда общая пассивность организации в проведении даже важнейших кампаний. Достаточно сказать, что партийная масса во многих мастерских в обсуждении последнего колдоговора участвовала всего на 30%; даже на инструктивное совещание партактива по этому вопросу явилось не более половины секретарей ячеек. На базе такой пассивности прочно держались всякие колебания отдельных частей организации, чем и создавалась почва для «тараканчиковщины».

Резолюция ЦК и перед ижевской организацией, равно как и перед артемовской, поставила в качестве центральной—задачу широкого развертывания самокритики и организации на этой основе активности масс. Однако, по ижевской организации ударения в резолюции стоят уже на других моментах. Здесь прежде всего заостряется внимание на задаче борьбы с «недисциплинированностью и хвостистскими настроениями отдельных групп членов партии заводской организации». Резолюция подчеркивает необходимость «добиться перелома в содержании работы парт'ячеек в сторону производственных и культурно-бытовых вопросов и на этой основе повести решительную борьбу с расхлябанностью в рядах организации». Далее в директивах ЦК выпячивается вопрос об усилении связи организации с передовыми слоями рабочих и об общественной переделке отсталых слоев: «Привлечь к активному участию в работе массовых пролетарских организаций широкие слои кадровых рабочих завода и на ряду с этим развернуть работу по общественному воспитанию отсталых групп рабочих заводов (новые слои, рабочие, связанные с деревней, националы и др.)».

Таковы же звенья, которые являются «решающими» в настоящее время в работе на ижевских предприятиях.

Ижевск ставит перед нами в конкретной плоскости вопрос о направлении самокритики, о борьбе с мелкобуржуазной неустойчивостью и хвостизмом отдельных прослоек коммунистов, о борьбе с влиянием на них отсталых слоев рабочих. Без этого активность масс не может быть направлена по руслу задач социалистического строительства, без этого неизбежны искривления в развитии самокритики. В этом основные уроки Ижевска.

Рассмотрим в той же плоскости состояние работы на николаевских заводах. Здесь, несмотря на тяжелые об'ективные условия (недогрузка заводов, продовольственный кризис), общее состояние организации является удовлетворительным. Это достигнуто большой работой, проведенной окружкомом в борьбе с троцкизмом и другими проявлениями мелкобуржуазных колебаний в организации.

Идеологическое сплочение организации и решительная ее борьба против мелкобуржуазной расхлябанности обеспечит рост активности рабочих масс. Это ярко выявилось в ходе важнейших кампаний—тарифная реформа, колдоговор, заем индустриализации,—а также во время продовольственных затруднений летом 1928 г.

Мы имеем, таким образом, в округе весьма значительные достижения в области политического воспитания, организации и охвата рабочих масс. Это должно было обеспечить успешное разрешение стоящих перед округом практических задач. Между тем, обследование констатировало в этой области ряд крупнейших недочетов.

Тяжелое положение промышленности в округе требовало самой энергичной работы по рационализации производства и управления на предприятиях. Однако, обследование констатировало отсутствие должного внимания со стороны партийных и профессиональных организаций к коренным вопросам производственной работы. Достаточно указать, что на заводе им. Марти не налажен был даже учет себестоимости, имело место значительное повышение админ.-управленческих расходов, слабо велась борьба с бюрократическими методами в работе хозорганов.

В чем причина такого противоречия? Почему активность организации и рабочих масс не была использована для разрешения практических задач производственного строительства? Здесь решающую роль сыграло то, что «самокритика не нашла еще должного отражения в практической работе организации». Окружком недостаточно заострял внимание масс на задачах борьбы с недочетами практической работы, в результате чего рабочие массы слабо были привлечены к руководству производством. Показателен, например, тот факт, что при чрезвычайной громоздкости и дороговизне аппарата заводоуправления вопрос о режиме экономии вовсе не ставился перед рабочими массами. Интерес же рабочих к этому вопросу огромнейший. Так, во время проверки РКИ результатов «снижения» адм.-управл. расходов рабочие подали около тысячи заявлений с практическими предложениями по этому вопросу. До этого же рабочие считали бесполезным активно участвовать в снижении административно-управленческих расходов, так как их предложения игнорировались. Характерны заявления рабочих в связи с этим: «Что ни предлагай,—говорят рабочие,—все равно без толку,—не принимают никаких мер к исправлению недостатков».

Все это выдвигает в качестве «решающего звена» для Николаевской организации задачу преломления самокритики в практической работе. Лишь на этой основе, беспощадно вскрывая перед рабочими массами недочеты в работе, внимательно относясь к предложениям и указаниям рабочих, можно добиться «мобилизации наблюдающейся в округе высокой активности рабочих масс для преодоления трудностей в работе, стоящих перед парторганизацией».

Николаев заостряет, таким образом, наше внимание на вопросе о роли самокритики в практической работе. Этот вопрос имеет сейчас огромное значение. Именно то, что самокритика все еще остается зачастую в области общих разговоров, что методы самокритики слабо применяются в разрешении насущных практических задач,—именно в этом основное препятствие к организации активности масс. В Николаеве этот момент выступает с особенной силой, играя роль «решающего звена».

В целом, все три организации—Артемовск, Ижевск, Николаев—ставят перед нами вопрос о самокритике, как основном методе организации активности масс. В каждой из этих организаций именно этот вопрос являлся центральным в период обследования. Но в каждой организации этот вопрос ставился по-своему в зависимости от своеобразия конкретной действительности. В Артемовске вопрос о самокритике стал особо остро в связи с практикой зажима масс и разложением части верхушки организации. В Ижевске встал вопрос о направлении самокритики в связи с мелкобуржуазной неустойчивостью и хвостизмом отдельных прослоек организации. Николаев поставил вопрос о практическом приложении лозунга самокритики. Так в связи с различием условий работы этих организаций различными оказались и те «решающие звенья», за которые следует «ухватиться» каждой из них в разрешении одной и той же общей задачи—организации активности масс.

Работа с активом („Красный Перекоп", Свердловск, Красная Пресня).

«Красный Перекоп» (гор. Ярославль)—крупнейшее текстильное предприятие, насчитывающее 13 тысяч рабочих. Фабрика эта переживала осенью 1928 г. ряд серьезных трудностей, вызванных при переходе на 7-часовой рабочий день недостатком и плохим качеством сырья, а также перебоями в продовольственном снабжении. Эти трудности сказались в колебаниях менее устойчивых слоев рабочих, прежде всего тех, которые тесно связаны с деревней. На «Перекопе», как и во многих других наших провинциальных текстильных фабриках, около половины рабочих имеют свое крестьянское хозяйство. Эти прослойки в значительной своей части явились базой мелкобуржуазного давления на всю массу рабочих «Перекопа».

В течение всей осени на фабрике шла борьба за влияние на рабочие массы. Пользуясь демагогическими лозунгами потребительского характера (даешь больше хлеба; 400 тысяч рублей повышения фонда зарплаты мало; даешь 1-й пояс и т. д.) и умело используя наши недочеты и ошибки, антипартийные элементы на «Перекопе» сумели нанести парторганизации ряд серьезных поражений. Партийная организация в трудный момент не сумела сплотить вокруг себя рабочие массы и повести их за собой. Более того, волна мелкобуржуазных колебаний захватила даже отдельные элементы коммунистов на фабрике. Достаточно привести, что на «генеральной» конференции по выбору делегатов на всесоюзный с'езд профсоюзов часть коммунистов голосовала против кандидата парторганизации.

Парторганизация на «Перекопе» не сумела, таким образом, мобилизовать рабочие массы для преодоления трудностей, не сумела в условиях этих трудностей дать отпор мелкобуржуазному давлению. Что лежало в корне такой слабости массовых организаций на фабрике, их по существу полного отрыва от рабочей массы?

К этому привел целый ряд причин: зажим самокритики, отсутствие чуткости в подходе к рабочим массам, отсутствие должного внимания со стороны партийных и профессиональных организаций к вопросам производства, слабое вовлечение масс в их разрешение. Но решающую роль здесь, как показало обследование, сыграло то, что на фабрике не был «выкован» крепкий рабочий актив.

На фабрике, несомненно, имеются достаточные кадры для создания такого актива. Однако, никакой работы по привлечению передовых элементов рабочей массы к активному участию в руководстве здесь не велось. Наоборот, обследование выявило ряд случаев прямого «оттирания» беспартийных активистов от работы. В результате на фабрике не оказалось того рабочего костяка, опираясь на который парторганизация могла бы подойти к отсталым слоям рабочих, раз'яснить им положение, провести здесь свое влияние. Массовые организации оказались здесь «бесхребетными» и потеряли свое влияние в трудный момент.

Все это выдвигает здесь, в качестве центральной, боевой задачи массовых организаций, «создание крепкого и политически устойчивого рабочего костяка». Необходимо для этого привлечь рабочих-активистов к руководящей работе в массовых организациях, теснее связать их с парторганизацией (индивидуальная и групповая работа, открытые собрания ячеек), поставить политическое воспитание рабочих-активистов.

«Красный Перекоп» заостряет, таким образом, наше внимание на вопросе о создании и укреплении вокруг парторганизаций на предприятиях широкого и крепкого рабочего актива. В настоящее время, в связи с трудностями реконструктивного периода, необходимо особо подчеркнуть значение этого вопроса.

Возьмем теперь Свердловск, столицу Урала. Это—округ с сильно развитой металлургической промышленностью. О степени промышленного развития округа можно судить по тому, что удельный вес промышленности в общем хозяйстве округа составляет (по продукции) 73,7% против 41% по Уральской области и 32%—по Союзу.

Обследование констатировало здесь быстрый рост активности рабочих масс и создание, в связи с этим, широких кадров рабочего актива на предприятиях. Однако, качественный уровень работы на предприятиях оказался в округе далеко не на высоте. Для иллюстрации этого достаточно ограничиться вопросом о вовлечении масс в производственное строительство. Несмотря на тяжелое положение промышленности в округе ко времени обследования—крайняя устарелость оборудования, дефицитность ряда предприятий, повышение себестоимости промпродукции,—рабочие массы не привлекались в должной мере к обсуждению и разрешению наиболее острых вопросов производственной практики. Работа производственных совещаний была поставлена неудовлетворительно—они охватывали всего около 7% рабочих, выполнение их предложений имело тенденцию к понижению, премирование рабочих предложений на некоторых предприятиях совершенно отсутствовало.

Резолюция ЦК четко выявляет те характерные для Свердловска моменты, которые обусловили здесь «общую слабость массовой работы на предприятиях». Это, прежде всего, вопрос о роли рабочего актива. Значительные кадры актива на свердловских предприятиях были слабо привлечены к руководящей работе, наблюдалась их огромная текучесть (70—80%); крайне слабо было поставлено выдвижение низовых активистов. Все это ярко отражалось на составе руководящих кадров на предприятиях. По данным обследования здесь преобладали не местные работники, к тому же состав их часто менялся.

Резолюция ЦК поставила поэтому для Свердловска во главу угла «решительный курс на привлечение к практической руководящей работе рабочих из состава местного актива». Из этого «звена» уже ясна необходимость всех других практических меро-

приятий и, прежде всего, необходимость укрепления низовой работы и постановки работы с активом.

Свердловский опыт показывает нам остроту вопроса о роли актива на предприятиях. 15 тысяч рабочего актива в округе и отсутствие местных рабочих среди руководителей заводских парторганизаций—таков «гвоздь» свердловского обследования. Свердловск не является, конечно, в этом отношении полнейшим исключением, вопрос о роли актива с точки зрения его привлечения к руководству в той или другой степени стоит перед всеми нашими организациями.

Тот же вопрос о роли актива, но в другой плоскости ставит перед нами краснопресненская районная организация гор. Москвы. Обследование выявило высокую политическую активность рабочей массы в районе. Основные политические кампании проходили в районе с большим под'емом, при почти поголовном (90—95%) участии рабочих. На ряду с этим мы имели в районе низкий в общем уровень массовой работы—слабую посещаемость массовых собраний, производственных совещаний и, что особенно ярко, крайне медленный темп роста партийной организации. Краснопресненская организация за последний период росла в 1½—2 раза медленнее, чем партия в целом.

Причина такого несоответствия между политической активностью масс и уровнем массовой работы заключалась, как показало обследование, в неправильных взаимоотношениях актива с массами. Прежде всего в ряде случаев наблюдалась, как это формулировано в резолюции, «недостаточная связь части партактива с широкими партийными массами, а в отдельных случаях и прямая подмена активом низовой партийной массы». В ходе обследования эта неправильность отношений между партактивом и массой членов партии была выявлена во многих ячейках. Типичным примером этого может служить ячейка «Трехгорной Мануфактуры». Все местные вопросы предварительно так прорабатывались здесь на активе, что на общих собраниях они проходили по существу уже формально: принимались обычно единогласно без обсуждения. Таким порядком были проведены перевыборы бюро ячейки, фабкома, так прошло «обсуждение» колдоговора и т. д. Здесь, несомненно, мы имеем элементы подмены широких партийных масс активом.

Слабо привлечены были к руководству и беспартийные рабочие-активисты. Это подтверждают все данные обследования. Это признает и райком в своем отчете: «Работа с беспартийным активом,—говорит райком,—ведется от случая к случаю, по-кампанейски, ей не уделяется должного внимания, по некоторым ячейкам не ведется даже учета беспартийного актива».

Таким образом, мы имели в районе совершенно недостаточную в ряде случаев связь партактива с широкими партийными массами и отсутствие на ряду с этим систематической работы по привлечению к руководству беспартийного рабочего актива. Все это, естественно, сказывалось на состоянии массовой работы в районе. Обследование показало, что в результате этого «оттирания» активом широкой рабочей массы процесс улучшения массовой работы, происходящей на предприятиях Союза, испытывал на Красной Пресне некоторую задержку. Работа руководящих органов массовых организаций на предприятиях здесь так же, как и всюду, улучшилась; эти органы ближе стали к производству. Но работа в широких массах здесь, несомненно, отставала по сравнению с лучшими районами Союза.

В соответствии со всем этим резолюция ЦК по докладу краснопресненского РК ставит особое ударение на задачах вовлечения всей партийной массы в разрешение основных вопросов практической работы и «обеспечение более широкого действительного участия беспартийного рабочего актива в руководящей работе районных и низовых организаций». Красная Пресня ставит перед нами вопрос о роли актива с точки зрения его взаимоотношений с массами, о роли актива, как орудия вовлечения всей массы рабочих в практическое строительство.

«Красный Перекоп», Свердловск и Красная Пресня в целом подводят нас к вопросу об активе на предприятиях—о методах его выращивания, о привлечении его к руководству, о взаимоотношениях его с широкими массами. Этот вопрос—о работе с активом—сейчас, в условиях быстрого роста активности масс, все острее становится перед нами. Это по существу вопрос о путях организации рабочей активности, о путях, по которым следует направить активность рабочей массы. Тем большее значение преобретает то четкое решение этого вопроса, которое дано в рассмотренных директивах ЦК.

„К массам" (Московско-Нарвский район; Днепропетровск).

Перейдем теперь к работе двух крупнейших центров тяжелой индустрии—Московско-Нарвского района гор. Ленинграда, крупнейшего центра машиностроения, и Днепропетровска — одного из основных районов металлургии. В этих центрах находятся гиганты нашей тяжелой промышленности—такие, как «Красный Путиловец» в Ленинграде, завод им. Петровского (24 т. рабочих) в Днепропетровске.

Такие пролетарские центры «крепости пролетариата» должны играть огромную политическую руководящую роль во всей нашей работе. Между тем, несмотря на ряд достижений в работе на предприятиях этих районов, их политическая роль далеко еще недостаточна.

Возьмем Московско-Нарвскую организацию — одну из лучших среди обследованных Центральным Комитетом организаций. Она является одной из основных пролетарских организаций в партии, имеющей долголетнюю большевистскую историю и славные революционные традиции. В работе организации имеется ряд значительных достижений; ее работа признана Центральным Комитетом удовлетворительной.

Однако, и здесь ЦК констатировал такой крупный недочет, как слабость выдвижения рабочих. Ленинград, и в частности, его основной Московско-Нарвский район, всегда был резервом лучших передовых работников для всего Союза. И в дореволюционное время, и в годы гражданской войны Ленинград выдвигал сотни и тысячи революционных рабочих на передовые посты борьбы и строительства. Но ко времени обследования [1]) в Московско-Нарвском районе этот процесс выдвижения рабочих сильно упал. Несмотря на огромные возможности,—низового рабочего актива по М.-Н. району насчитывается от 40 до 50 тысяч—выдвижение рабочих на руководящую работу в госаппарат и в общественные организации к моменту обследования было крайне слабо. По таким гигантам, как «Путиловец», «Треугольник», «Скороход», «Верфь» и «Равенство», за весь 1927 год выдвинуто на работу за пределы предприятия всего 6 рабочих с производства и притом ни одного вне района. Политическая роль района, как резерва пролетарских работников для партии, явно не на высоте.

В Днепропетровске мы наблюдаем другую сторону того же явления. Обследование выявило в этом округе «слабое использование имеющихся огромных возможностей для укрепления пролетарского влияния на селе». В Днепропетровском округе мы имели ряд серьезнейших недочетов в области работы в деревне. Здесь не было даже обеспечено необходимое организующее влияние на направление развития сельского хозяйства. И это—несмотря на то, что в Днепропетровске сконцентрированы огромные пролетарские кадры

[1]) Весна 28 г.

рабочих-металлистов. Слабость политического руководящего влияния крупных предприятий Днепропетровска выступает во всем этом с полной силой.

Основная причина этой недостаточности политической роли крупных предприятий заключается в том, что, ориентируясь и правильно ориентируясь во всей своей работе на этих предприятиях на основные кадровые слои рабочего класса, мы не поставили еще на практике во всей полноте задачи проведения политического влияния этой лучшей части рабочих на всю остальную массу рабочих, а затем и на всю массу трудящихся. Прежде всего нами не поставлена еще во весь рост в практической работе на предприятиях задача боевого сплочения рядов всей рабочей массы. Лозунг «к массам» нами не претворен еще в полной мере в жизнь на наших крупных предприятиях. Все данные обследований подтверждают, что даже на наиболее передовых предприятиях повседневной массовой работой охвачено не более 60—70% рабочих. Значительные массы рабочих остаются, таким образом, все еще вне нашего постоянного влияния. В этой области нужен решительный перелом. Без охвата своим влиянием всей массы рабочих крупной индустрии мы не добьемся в настоящих условиях необходимого усиления политической руководящей роли рабочего класса, не обеспечим полностью его организующего влияния на ход социалистического строительства.

Резолюции ЦК по Моск.-Нарв. району и Днепропетровску ребром ставят этот вопрос. Здесь заострено внимание на задаче «охвата массовой работой всей массы рабочих». Эта задача должна быть выпячена в работе на крупных предприятиях. Директивы ЦК указывают и практические пути к большему охвату рабочей массы на крупных предприятиях. Вопрос здесь идет о большей гибкости форм и содержания массовой работы на крупных предприятиях.

Днепропетровск особо остро ставит перед нами вопрос о содержании массовой работы. Состав рабочих здесь весьма разнороден: до 30% рабочих живут в деревне; значительны на заводах группы высококвалифицированных рабочих; имеются отдельные группы рабочих, зараженных отсталыми настроениями (антисемитизм, шовинизм, сектанство). Однако, «окружком не учел в своей работе этого разнообразия культурного уровня и запросов различных слоев рабочей массы». Содержание массовой работы ориентировалось на рабочего вообще, на рабочего-середняка. В результате интересы и запросы больших групп рабочих оставались без удовлетворения. Это прежде всего относится к рабочим, живущим в деревне. Массовая работа на предприятиях не учитывала необходимости особого подхода к ним. С ними не велось даже специальных бесед, не говоря уже об отдельных собраниях. При таком положении эти рабочие не могли быть, естественно, проводниками пролетарского влияния на село. Наоборот, они служили здесь базой всяческих мелкобуржуазных колебаний в рабочей массе. Деревенские настроения просачивались на завод именно через этот слой рабочих. Например, на заводах Югостали при выборах завкома эти рабочие требовали представительства в завком не от цеха, а от деревни. Особенно настойчиво они выдвигали ряд требований, отражающих ревность деревни к городу, например: «Почему город имеет амбулаторию, а мы мрем? Нам нужна баня». «Почему нет у нас автобусов?» (Каменка, Краснополье). «Проведите трамвай нам» (Диевка, Сухачевка). «Мы не колония для вас—не поливайте улицы из пожарной кишки—вы разливаете трудовые деньги деревни».

С другой стороны, оставалась без обслуживания группа высококвалифицированных рабочих. Этот слой рабочих культурно очень вырос, его интересуют коренные вопросы работы — вопросы капитального строительства, рационализации производства и т. д. Но в работе массовых организаций и прежде всего производственных совещаний в Днепропетровске повышенные запросы этих групп рабочих не нашли своего отражения. Следствием этого стала некоторая пассивность этих рабочих, отход части их от работы массовых организаций, падение тяги их в партию.

Московско-Нарвский район выдвигает пред нами вопрос о формах организационного охвата рабочих масс на крупных предприятиях. Главной причиной того, что высокая активность рабочих масс здесь не была использована в достаточной степени, явилось отрицательное влияние централизма в работе на предприятиях. Сложность работы на крупных предприятиях, сосредоточенных в этом районе, требовала решительного перенесения центра тяжести на работу в цеху. Между тем обследование выявило по всем линиям стеснение инициативы цеховых организаций. По линии хозяйственной работы весьма показательным является тот факт, что на 9 обследованных предприятиях закон о трестах не только не был проведен в жизнь, но его даже не начинали еще проводить. Цеха на этих заводах были так связаны в своей инициативе, что за каждой мелочью вынуждены были обращаться в заводоуправление. Цеховой адм.-техн. персонал недостаточно привлекался к проведению основных директив партии: снижение себестоимости, снижение адм.-управленческих расходов. Эти директивы проводились чисто аппаратным путем, путем приказов и административных распоряжений. В отношении работы профсоюзов в цеху характерно, что ко времени обследования цехпрофбюро охватывали только половину всех рабочих. В отношении же цехячеек мы имели, при несомненных достижениях в области развертывания политической работы в цеху, все еще недостаточное их участие в хозяйственной работе, а также недостаточность их инициативы и самодеятельности.

Именно в этом чрезмерном централизме, в этом стеснении работы цеховых организаций заключается причина той качественной слабости цехового рабочего актива, которая лежит в основе недочетов работы в районе. Работа в цеху поэтому является здесь «решающим звеном». На этом ЦК и заострил внимание в резолюции по докладу Московско-Нарвского райкома. В ней поставлены вопросы о придании цех'ячейкам уставных прав, об увеличении количества цехпрофбюро на крупных предприятиях, о всемерном их укреплении, о расширении прав цеховой администрации—вся та сумма вопросов, которая связана с решительным укреплением работы в цеху.

Вопрос о работе в цеху поставлен, конечно, и в директивах ЦК по Днепропетровску. Здесь характерно следующее. Отдельные цеха Днепропетровских гигантов насчитывают до 3 тысяч рабочих и являются по существу целыми заводами. Поэтому здесь вопрос стоит не только о перенесении центра тяжести работы в цех, но и о дальнейшем приближении работы к отдельным группам, сменам, агрегатам. Показательны результаты первого же опыта в этом направлении. Одним из слабых участков в Днепропетровске является работа производственных совещаний. Посещаемость их в среднем не превышала 10—12%. Но когда в некоторых цехах эти совещания стали проводить по сменам и агрегатам, то посещаемость их выросла во много раз и достигла в некоторых местах 60 — 70%. Этот положительный опыт, несомненно, имеет большое значение. ЦК подчеркивает это в своей резолюции по докладу Днепропетровского ОК и предлагает широко развернуть этот опыт.

* * *

Мы рассмотрели директивы ЦК, касающиеся работы на предприятиях по ряду промышленных районов. Они все сосредоточены вокруг одной общей задачи, одной целевой установки — организации активности масс. Но они ставят различные стороны этого общего вопроса, заостряют внимание на

различных его моментах. Эти директивы исходят из различных условий работы каждой организации. Они указывают поэтому каждой организации те специфические практические пути, которые позволяют ей разрешить в данный период времени стоящую перед нею в данной области работы центральную задачу.

Произведенный анализ показывает, по какой линии нужно итти к большей конкретности партийного руководства. Два условия здесь необходимы. Надо, во-первых, знать общее состояние работы в данной области—знать «цепь» явлений. Надо, во-вторых, на основе анализа «конкретного своеобразия» данной организации уметь выделить в этой «цепи» то «звено», которое является «решающим» в данный период времени в практической работе организации.

Ленинская установка—«цепь» и решающие «звенья»—таков основной путь в развитии конкретности партийного руководства.

(Окончание следует).

В. Панфилов

О „системе натуральных вкладов“.

(В порядке обсуждения).

В № 21—22 «Большевика» за 1928 год помещена статья т. К. Трошина «о мобилизации крестьянских свободных средств». В конце статьи автор выражает свое недовольство тем, что он этот вопрос ставит уже в 4-й раз, но никто на эту постановку не отозвался. Перед XV с'ездом т. Трошин ставил этот вопрос в своей статье в «Правде». Год назад им была написана специальная брошюра «Система натуральных вкладов», и статья т. Трошина, помещенная в «Большевике», является повторением этой брошюры в сокращенном виде.

Вопрос о мобилизации свободных средств, не только крестьянских, но и всего населения Союза—это серьезный и большой вопрос. Но т. Трошин ставит «специальный», «новый» вопрос «о натуральных вкладах».

Автор теории «натуральных вкладов» настолько уверен в своей «системе», что приходит от нее прямо в восторг. По его мнению, если бы эту теорию провести в жизнь, то Советская Страна была бы прямо неузнаваема, и развитие хозяйства пошло бы с небывалой до сих пор быстротой и успехом. Вот некоторые заявления т. Трошина из его книги «Система натуральных вкладов». «Эта система должна быть не только основной для разрешения вопроса о привлечении средств в плановое хозяйство страны, она должна сделаться также основной для разрешения целого ряда других экономических проблем в желательном для нас смысле» (стр. 30).

Натуральная вкладная операция «даст возможность сосредоточить всю товарную продукцию сельского хозяйства в руках кооперации и госторговли, сократить денежные средства, находящиеся в обороте по заготовкам с. х. продукции, расширить кредитование промышленности и сельского хозяйства, наладить и усилить экспорт, добиться устойчивого эквивалента цен (?) между продуктами с.-х. производства и товарами фабрично-заводского производства, а также добиться осуществления наиболее полного планового руководства по линии развития промышленности и сельского крестьянского хозяйства в особенности. А это все, что нам нужно в данный момент» (стр. 36).

Вы видите, что на 30-й странице книги автор был скромнее. На 36-й он уже намечает целую программу, которая будет осуществлена благодаря «системе натуральных вкладов». Но и этим дело не кончается. На стр. 48-й книги т. Трошин пишет: «Мы твердо убеждены, что благодаря этой системе вклады будут привлечены в небывалом размере»... «Эта система вкладов позволит нам сделать резкий скачок на высшую ступень социалистического строительства» (стр. 91)... «Мы, проводя операцию натуральных вкладов, разрешаем колоссальную проблему» (стр. 95). И наконец: «Плановое руководство должно шире охватывать производственные и организационные процессы сельского хозяйства вплоть до каждого отдельного двора включи-

тельно... Предлагаемая нами система натурально-вкладных операций разрешает эту проблему во всей ее широте и вместе с тем обеспечивает огромный внутренний заем средств» (стр. 104).

Вы видите, что здесь и проблема планирования, и резкий скачок по пути социалистического строительства, и все, что нужно в данный момент, все это т. Трошин обещает, если будет проведена в жизнь разработанная им «система».

Если бы эта «система» действительно давала так много, как обещает ее автор, то, в самом деле, непонятным становится то, что до сих пор никто на постановку т. Трошина даже не откликнулся и ему приходится раздраженно восклицать в конце своей статьи: «ну, и не везет же проблеме вкладов!».

Правда, автор направляет свой гнев против «соответствующих учреждений, коих близко касается эта проблема», но какие это учреждения, он не говорит. Ведь т. Трошин своей «системой» хочет охватить планом все индивидуальные хозяйства, следовательно, это касается Госплана; он обещает двинуть социалистическое строительство, которое должно сделать резкий скачок на высшую ступень, а это касается уже не только Госплана и ВСНХ, но и всего правительства. Трошин затрагивает и систему с.-х. кредита, и с.-х. кооперации и т. д.; таким образом, дело это должно касаться не только отдельных учреждений, а всей советской власти и коммунистической партии. Следовательно, сетования т. Трошина должны быть направлены по этому адресу. Почему же «не везет» «системе» т. Трошина? Для того, чтобы получить ответ на этот вопрос, нужно разобрать эту «систему» наиболее подробно, что мы и сделаем.

Центральным местом в «системе» т. Трошина нужно считать следующее: «крестьяне вносят вклад в виде натуральной сельскохозяйственной продукции (товарные излишки); эта продукция должна приниматься сельскохозяйственными и кредитными товариществами, ведающими кредитными функциями и состоящими в сети сельскохозяйственного кредита, на их собственные склады». При этом «право возвращения вклада сдатчику должно быть предоставлено в любое время, но уже не натурой, а исключительно деньгами» (см. «Система натур. вкладов», стр. 37—38).

К этому сводится все дело у т. Трошина. Совершенно напрасно т. Трошин называет свою систему «системой натуральных вкладов». На самом деле ничего подобного нет.

У нас существует система денежных вкладов, которая, правда, еще не имеет особого успеха в смысле привлечения сбережений населения. Но сама по себе эта система совершенно ясна: имеющий свободные денежные средства или желающий производить некоторые накопления делает вклад в сберегательную кассу и имеет право в любое время притти и получить из кассы определенную часть или все деньги.

Это есть система денежных вкладов. Если т. Трошин предлагает «систему натуральных вкладов», то это должно означать то, что крестьянин вкладывает натурой свою продукцию и натурой же в любое время может получить или часть вклада, или весь вклад.

Если поставить вопрос так, тогда понятно предложение т. Трошина, но тогда этот вопрос нужно подробно разработать и обосновать. Но Трошин предлагает не это, а другое: вклады делать натурой, а получать обратно только деньгами. В таком случае никакой системы не получается, а происходит самая обыкновенная купля с.-х. продукции у крестьян с той лишь разницей, что деньги за эту продукцию крестьянин получает не сразу, а впоследствии на определенных условиях, т.-е. крестьянин продает нам свою продукцию в кредит.

Тов. Трошин, видимо, и сам почувствовал, что в его «системе» есть что-то неладное, поэтому через год, в своей статье в «Большевике» № 21—22, на стр. 115 он написал примечание, где говорит: «Предлагая возвращение вкладов исключительно деньгами, мы исходим из того положения, что крестьяне будут сдавать во вклад лишь товарные излишки своей продукции и поэтому в возврате вкладов натурою нуждаться не будут. Но для того, чтобы предоставить крестьянину больше гарантий на случай необходимости получения вклада натурою, мы можем пойти и на эту меру. Этот вопрос чисто-практического порядка и легко может быть решен в любую сторону».

Это единственное новое место в статье т. Трошина по сравнению с его книжкой, написанной год назад. Хорошо, что за год он хоть до этого додумался. Но с этим основным вопросом т. Трошин залез в подворотню, ограничившись голым примечанием: это, видите ли, не принципиальный вопрос. Между тем ясно, что нельзя называть вкладами, например, такую систему, когда я приношу в сберкассу 50 руб. и сдаю их на хранение, а мне говорят: принимаем от тебя деньги, получить же ты можешь у нас только сапоги или калоши. У Трошина получается наоборот, приносите хлеб, лен, пеньку, масло, яйца, а получите только деньги. Все это хорошо, но ведь это же не система вкладов, а просто—в первом случае кредитование деньгами под товар, а во втором случае кредитование с.-х. продукцией под деньги. Только и всего.

Путаница получается у т. Трошина, когда он начинает рассуждать о так наз. товарных излишках в крестьянском хозяйстве. Нельзя понять, то ли Трошин говорит о всей с.-х. товарной продукции, то ли он говорит только о зерновых хлебах. Судя по тому, что написано в книжке и в последней статье Трошина, он именно ведет речь о зерновых хлебах.

Так, напр., на стр. 20—21 книжки речь идет о 13 млн. тонн зерновых хлебов, затем берется страховой фонд в 10—11,5 млн. тонн, к этому почему-то добавляется 14,7 млн. тонн масличных семян, и делается расчет. В результате этого расчета т. Трошин пишет: «Таким образом, общий фонд товарных излишков (общий фонд? Или общая путаница? *В. П.*), за исключением реализуемого в течение первых трех месяцев, составляет около 21,3 млн. тонн. Это и есть та именно цифра товарных излишков в нашем сельском хозяйстве, которая может быть в большей или меньшей части использована в качестве вкладов в наши сельхозкредитные учреждения и включена в общий оборот страны». И дальше: «Таким образом, наши сельхозкредитные учреждения могли бы мобилизовать около 16,4 млн. тонн зерновых хлебов в форме вкладов».

Как будто бы ясно, что речь идет только о зерновых хлебах. Но т. Трошин в эту ясность вносит путаницу, когда мимоходом замечает: «Для большей ясности и наглядности мы берем пока только лишь зерновые культуры, как составляющие главную массу (? *В. П.*) с.-х. продукции, оставляя в стороне остальную товарную продукцию в виде технических и сырьевых ресурсов крестьянского хозяйства».

Прежде всего совершенно неверно, что в товарной продукции с. х. зерновые культуры составляют главную массу. Мы рекомендуем т. Трошину взять «контрольные цифры» за 1926—27 год, и там он на стр. 352—353 увидит совершенно другое.

Так, товарная продукция зерновых хлебов в 1926—27 г. выражается в сумме 775 млн. черв. рублей (1 вар.), тогда как товарная часть продуктов животноводства выражается в сумме один миллиард рублей, технические культуры 504 млн. рублей, а вся товарная продукция (без крестьянских покупок) равна 2.654 млн. рублей. Сюда не входит товарная продук-

ция от лесного хозяйства, рыболовства и охоты, вместе с которыми товарная продукция с. х. равна 3.282 млн. руб., из коих зерновые хлеба занимают всего 775 млн. руб., т.-е. всего 23% ко всей товарной продукции.

Если же мы возьмем последние данные из книги тт. Кржижановского Гринько и Квиринга «Основные проблемы контрольных цифр народного хозяйства на 1928—29 год», то здесь, в приложениях, на стр. 176 мы находим следующее.

Товарная часть продуктов земледелия (по ценам производителей) в 1925—26 году была равна 2.576 млн. руб., а товарная часть зерн. хлеба 498 млн. руб. В 1927—28 году соответственно—2.831 млн. руб. и 463 млн. руб.; на 1928—29 год намечается 2.957 млн. рублей и 431 млн. руб. Это значит, что товарная продукция зерновых хлебов по отношению ко всей товарной продукции земледелия составляет всего 14,5%. Если же принять во внимание товарную продукцию лесного хозяйства, рыболовства и охоты, то вся товарная часть продукции с. х. будет равна в 1928—29 г. млрд. руб., и товарная часть зерновых хлебов будет равна всего 10—11% всей товарной продукции сельского хозяйства.

Если 23%, или же 14 и 11% продукции составляют главную массу, тогда плохи дела у т. Трошина с простой арифметикой.

Только потому, что т. Трошин не потрудился заглянуть в экономическую литературу, у него получаются и последующие ошибки. Так, например, на стр. 49-й своей книжки т. Трошин пишет: «Сила нашего влияния на мировом рынке—в экспорте, а наш экспорт состоит на 67% из с.-х. продукции, 90% которой составляют зернопродукты».

Что вы, т. Трошин? Посмотрите, пожалуйста, тот самый номер «Большевика», где помещена ваша статья (№ 21—22), там помещена статья Арт. Кактыня, где на стр. 15-й черным по белому написано: «нам пришлось в целях пополнения запасов прибегнуть даже к импорту хлеба в размере 250.000 тонн». А на стр. 17-й т. Кактынь говорит о том, что и в этом, т.-е. в 1928—29 году хлебный экспорт выпадает почти полностью и в известной мере сокращается экспорт сырьевой. Это обстоятельство меняет и соотношения между экспортом сельскохозяйственной и промышленной продукции, и в ближайшие годы промышленная продукция в экспорте будет занимать уже несколько больше половины.

Откуда т. Трошин взял, что в экспорте с.-х. продукции зерновые продукты занимают 90%—это известно только ему одному. Но его опровергает не только т. Кактынь, но и «Контр. цифры» на 1927—28 год, где говорится: «В отличие от довоенного периода основной группой наших экспортных товаров являются сырье и полуфабрикаты, тогда как жизненные припасы отошли на второе место» (стр. 452).

В прошлом году мы вынуждены были хлеб импортировать. В этом году из экспорта хлеб выпадает. А Трошин, фантазируя, всему миру сообщает о том, что в экспорте с.-х. продуктов зерновые продукты занимают 90%.

Но посмотрим, что получается дальше.

Много раз уже приводилась таблица ЦСУ, из которой видно, что товарного хлеба в СССР в 1926—27 году было 10,3 млн. тонн. Эту таблицу приводит и т. Трошин в своей статье в «Большевике». Тем не менее тот же Трошин считает, что «наши сельхозкредитные учреждения могли бы мобилизовать около 16,4 млн. тонн зерновых хлебов в форме вкладов». Откуда Трошин взял 16,4 млн. тонн вместо 10,3 млн.? Очень просто: он считает, что минимум половину, т.-е. от 5 до 6 млн. тонн зерна, крестьянин даст нам из своего «страхового фонда», который он исчисляет в 10—11,5 млн. тонн.

Не правда ли, как легко т. Трошин «нашел» 16,4 млн. тонн зерновой продукции? Но каким же образом «мобилизовать» 16,4 млн. тонн? Тоже очень просто: «При наличии широкой агитации, необходимой на первое время, нам удастся вызвать активную сдачу вкладов, доходящую до соревнования между собою со стороны крестьян» («Большевик» № 21—22, стр. 116). Это первое. А второе: «условия приема натуральных вкладов должны заинтересовать крестьянина целиком, так как он абсолютно ничего не теряет»; «условия с процентами должны сохраниться те же, что и при денежной форме вкладов» (стр. 115).

Таким образом, стимулы для сдачи крестьянами зернопродуктов в форме «натуральных вкладов» сводятся к следующему: 1) агитация, долженствующая вызвать соревнование; 2) крестьянин от этого ничего не теряет и 3) крестьянин вместо с.-х. продукции получает деньги и обычный процент, который платится при денежных вкладах.

Но зато Трошин предлагает крестьянину отдавать страховые запасы, это—во-первых, и лишает таких вкладчиков тайны вкладов, которая в наших условиях имеет огромное значение, это—во-вторых! Плюс к этому целая уйма всякого рода путаницы и волокиты, которые предлагает Трошин и о которых мы скажем несколько слов ниже.

При такой постановке вопроса всю «теорию» Трошина вполне можно назвать издевательством над действительностью. Живет ли т. Трошин на грешной земле или он с луны свалился? Занимаясь экономическими вопросами, совершенно невозможно игнорировать реальную обстановку и витать где-то в облаках.

В самом деле, мимо автора теории «натуральных вкладов» совершенно пролетела зерновая проблема, проблема хлеба, хотя т. Трошин и говорит именно о зерновых, т.-е. хлебных вкладах!

Партия и советская власть на своих последних пленумах и сессиях уделяли исключительное внимание зерновой проблеме, а т. Трошин ни в книге, ни в статье, появившейся в ноябрьском (1928 г.) номере «Большевика», не упоминает ни единым словом об этом огромнейшей экономической и политической важности вопросе.

Разве можно так легкомысленно говорить о том, что крестьянин отдаст нам в форме вкладов, если не все, то не меньше половины страховых запасов? Или т. Трошин полагает, что крестьянин забыл, как в 1921 году люди людей ели, как от голода умирали сотни и тысячи людей? Нет, крестьяне это твердо помнят. Поэтому думать, что они благодаря красноречию т. Трошина понесут нам страховые запасы и по этому поводу даже устроят соревнования, это и значит совершенно оторваться от действительности, издеваться над ней.

Или же т. Трошин полагает, что крестьяне не знают о том, что у нас нет совершенно ни продовольственных, ни семенных фондов, что к их организации мы только начинаем приступать? И это крестьянин знает.

Посмотрите, как к страховым фондам относится, напр., т. Сталин.

В своем докладе об итогах июльского (1928 г.) пленума ЦК, указывая на затруднения с хлебозаготовками и на недород на Северном Кавказе и Украине, т. Сталин говорит: «Это обстоятельство... поставило нас перед неизбежностью нажать сильнее на остальные районы и задеть таким образом страховые фонды крестьянства, что не могло не ухудшить положения» (стр. 14).

Для улучшения положения на хлебном фронте потребовалось повышение цен на зернопродукты в среднем по СССР на 16%. А это значит, что в результате повышения цен на хлеб государство должно будет переплатить крестьянству около 60—70 млн. рублей. И несмотря на это, положение с хлебозаготовками на второе полугодие предвидится затруднительным, о чем

свидетельствует передовая статья «Большевика» (№ 23—24). Уже начинают появляться мешочники, начинает орудовать спекулянт.

Хлебная проблема может быть разрешена лишь на протяжении ряда ближайших лет в результате тех мероприятий, которые намечены партией и правительством в решениях о повышении урожайности на 35% в ближайшее пятилетие. А в ближайшие годы трудности на хлебном фронте неизбежны, напряжение будет большое, и говорить в это время о «натуральных вкладах»—это значит ломиться в открытую дверь, не видеть и не знать действительности.

Об этом собственно и говорит то место книжки т. Трошина, где он, доказывая выгодность натуральных вкладов, говорит о том, что если крестьянин этого не сделает, то «может произойти нерациональная растрата его товарной продукции в виде излишней потравы зерна курами, свиньями, жеребятами и пр.» (стр. 44).

Как будто бы т. Трошин не знает того, что если крестьянин потратит, напр., 8 кг зерна в год на одну курицу, то он получит лишних два десятка яиц, которые он продаст за рубль, тогда как 8 кг зерна стоят только 50 коп. Плюс к этому откормленная курица будет иметь больше веса, лучше качество мяса и стоить сама по себе значительно дороже, чем курица истощенная, не кормленная. То же можно сказать и о свиньях, жеребятах и пр. Бывает так, что для откорма свиньи крестьянин расходует 0,25 тонны хлеба, которые стоят 15 руб., но за откормленную свинью он уже получает не 15 руб., а 50—75 или 100 рублей.

Тут прямая выгода крестьянину. И этим об'ясняется то, что в некоторых местах стали скот кормить печеным хлебом. Это делалось потому, что цены на хлеб и, в частности, на продукты животноводства были не соответственные.

Но не забыв сказать о курах, свиньях и др. существах из мира животных, т. Трошин не продумал основного вопроса о том, почему же страна переживает затруднения с хлебом, почему у нас при наличии нескольких урожайных годов под ряд положение не улучшается, а ухудшается и ухудшение заметно больше всего с зернопродуктами.

Чем об'яснить, что валовая продукция хлеба достигла довоенных размеров, а товарная часть уменьшилась в два раза? Дело тут не только в том, что крестьянские хозяйства измельчали, что вместо 16 млн. дворов, которые были в России до революции, теперь этих дворов 24—25 млн. Не только в этом дело, а еще и в том, что крестьянство стало больше употреблять хлеба, оно стало сытнее жить, чем жило до революции.

Бесплатное пользование землей, за которую раньше платилась аренда помещику, и снижение налогов, в частности освобождение от с.-х. налога 35% крестьянских хозяйств, т.-е. около 8,5 млн. дворов, увеличивают платежеспособность крестьянства на огромную сумму (цифровых расчетов, которые известны, мы не будем здесь напоминать), а главное позволяют ему производить больший расход хлеба и др. с.-х. продуктов как на собственное питание, так и на кормление скота, птицы и т. д.

Обычно указывают на то, что мы имели под ряд несколько урожайных годов, а положение с хлебом и продуктами питания, напр., в 1925 году было лучше, чем, скажем, в 1928 году.

То, что с 1925 года мы имели урожайные годы—это верно. Но тогда как хлеба в стране столько же, сколько было три года назад, население городов за это время возросло на 14%, т.-е. на 3.500 тыс. человек, а остальное население возросло на 7%, т.-е. на 8.500 тыс. человек. Таким образом, с 1925 года население выросло на 12 млн. человек. Если положить по 82 кг в год на каждого человека, тогда нужно будет добавочного хлеба, по сравнению с 1925 годом, 1 млн. тонн, а на самом деле даже не 1, а вернее 1,64 млн. тонн.

С 1925 года до сих пор мы имеем прирост скота, в переводе на крупный, на 12 млн. голов. Если положить на каждую голову скота 82 кг в год хлеба, тогда нужно еще 1 млн. тонн хлеба, который не нужно было расходовать в 1925 году. В связи с урожайными годами, под ряд несколько лет, у крестьянина образовались запасы. Цены на хлеб не выгодны, поэтому, имея около 90 млн. голов скота, крестьянство могло позволить лишний расход, напр., 16,4 кг на каждую голову в год. Вот вам еще 1,5 млн. тонн хлеба, который не расходовался в 1925 году.

По тем же соображениям крестьянин на собственное потребление стал расходовать, например, на 16,4 кг в году больше, чем это было в 1925 году. Следовательно, мы имеем еще 1,64 млн. тонн дополнительных расходов хлеба.

Население городов стало больше потреблять хлеба. Если допустить, что на каждую душу, живущую в городе, увеличилось потребление хлеба на 32 кг в год, тогда мы имеем еще дополнительных расходов хлеба 0,82 млн. тонн.

Все эти примеры являются не фантазией, а самыми реальными фактами. Доказательством этому служит сообщение т. Любимова, сделанное им на 41 собрании уполномоченных Центросоюза в июле 1928 года, где он говорит следующее: «По сравнению с довоенным временем рост потребления рабочим населением пшеничной муки повысился на 64%...Потребление коровьего масла увеличилось на 25% в среднем за последние 3 года, потребление хлеба на душу населения возросло в 3 раза, по маслу—в 2 раза, по сахару—в 2 раза, по яйцам—в 1½ раза и т. д.» (см. стеногр. отчет 41 собр. уполн. Центросоюза, стр. 39—40).

Если мы к вышеприведенным расчетам прибавим 2,13 млн. тонн хлеба, находящегося у кулаков (их товарная продукция), и допустим, что из 10—11,5 млн. тонн страхового фонда кулаки имеют не меньше 3,33 млн. тонн, которых кулаки ни за что не отдадут ни в форме натуральных, ни в форме каких бы то ни было вкладов, несмотря на агигаторские способности тов. Трошина, то картина будет совершенно ясна.

В результате осторожных расчетов и предположений, в результате некоторого увеличения потребления хлеба в деревне и городах, а также задержки хлеба кулачеством, мы получаем оседание хлеба, невыход его на рынок около 10—10,7 млн. тонн. Это огромная сумма! Это и есть та сумма, которая составляет половину всей товарной зернопродукции, выбрасываемой в дореволюционный период царской Россией.

Товарность с.-х. продукции, в частности продукции зерновой, в довоенное время была в два раза больше потому, что крестьянство голодало, что рабочие жили хуже, что землей владели помещики и кулаки, что налоги крестьянство платило непосильные и платили именно бедняки и середняки. Теперь этого нет. Вот коренная причина хлебного кризиса и товарного голода вообще. Это есть кризис роста. Это есть затруднения в результате улучшения материального благосостояния трудящихся, полученного благодаря Октябрьской революции, благодаря наличию советской системы в нашей стране.

Говорить при таком положении о том, что крестьянство нам даст в форме «натуральных вкладов» 16,4 млн. тонн зернопродуктов, это значит не понимать в экономике страны совершенно ничего.

Для того, чтобы покончить с 16,4 млн. тонн т. Трошина заметим еще следующее: страховых фондов в форме «натуральных вкладов» крестьянство не даст. Следовательно, 10—11,5 млн. тонн выпадают. 2,13 млн. тонн товарной зернопродукции, находящейся у кулаков, тоже нужно выбросить, ибо этот хлеб кулак будет продавать в последнюю очередь и в форме вкладов нам не даст. Середняки и беднота в первые месяцы хлебозаготовок,

т.-е. в августе — ноябре, продают без особого нажима с нашей стороны около 5 млн. тонн.

Таким образом, от 16,4 млн. тонн Трошина остается круглый нуль. А отсюда вывод: над «теорией» т. Трошина надо поставить крест. Она безжизненная, надуманная, а главное—путанная, совершенно не разработанная. Да и трудно разработать то, что так же далеко от жизни, как небо от земли.

На этом можно было бы закончить рассмотрение «системы» т. Трошина, ибо основные возражения нами сделаны. Однако, нужно остановиться на некоторых второстепенных вопросах, поставленных т. Трошиным.

Прежде всего о Дрейфусе. Это единственный пример, приводимый т. Трошиным из капиталистической практики. Но пример недостаточный, не освещенный, без конкретного материала: сколько привлекал Дрейфус хлеба, на каких условиях, кто ему этот хлеб отдавал и т. д. Но, даже не имея этого материала, можно сказать, что при наших условиях, при том положении с хлебом, о котором мы говорили выше, пример Дрейфуса ничего дать не может, ибо Дрейфус подвизался в капиталистической России, где крестьянство, голодая само, вынуждено было продавать хлеб или же брать деньги под хлеб еще неубранный. Слишком тяжело давил налоговый пресс царского правительства как на бедноту, так и на середняков.

Казалось бы, что техническая сторона дела должна быть ясна: крестьянин сдает свою продукцию, ее тут же оценивают по качеству, определяют количество посредством взвешивания и, поскольку дальнейший расчет происходит исключительно в денежной форме, выдают соответствующий документ, где указано, что крестьянин (имя рек) может в любое время получить, напр., 50 или 100 рублей, плюс столько-то процентов ежемесячных, ежедневных или годовых.

Так должно было бы быть. Но т. Трошин не был бы самим собой, если бы он и в это дело не внес соответствующих осложнений и путаницы. Почитайте-ка, что он пишет на этот счет в своей книжке «Система натуральных вкладов»: «Товарищество записывает на особый текущий счет сдатчика принятое количество пшеницы с указанием количества, кондиции и дня сдачи. То же самое оно записывает в личную вкладную книжку сдатчика. Последний теперь лишается права распоряжаться сданной пшеницей; ему теперь предоставлено право по 1 июня следующего года явиться лично в товарищество и заявить, по ценам какого недельного периода он желает получить за свою пшеницу среднерыночную стоимость, существовавшую на ближайшем рынке в означенный период. При чем этот недельный период должен лежать между 15 августа и днем подачи его заявления в товарищество о реализации его счета в денежном исчислении». А средне-рыночную цену крестьянин должен «выследить благодаря об'явлениям торготдела в местной газете или отдельном бюллетене, которыми он как вкладчик, ясное дело (ясное? *В. П.*), интересуется» (стр. 42). «К фиксированию существующих цен могут привлекаться волисполкомы, представители местной кооперации, уполномоченные Хлебопродукта, кресткомы и представители ближайшего сельсовета. Цены могут фиксироваться по приемочным ордерам государственных и кооперативных заготовителей» (стр. 39). А для рассмотрения всякого рода претензий «необходимо будет создание центральной комиссии из представителей Наркомюста, Внуторга и Нарком РКИ. Представители от НКПС, Центросельбанка и соответствующих коопцентров должны входить в нее с правом совещательного голоса» (стр. 75).

Вы видите, что получается? Если крестьянин сдает свою продукцию и через год придет за получением денег, то он должен принести с собой за целый год газеты и бюллетени, которые он видимо ежедневно должен покупать, из этих газет и бюллетеней сделать выборку цен и установить, на каком рынке и в какое время были выгоднее для него цены. А так как газеты издаются только в округах, то окружная газета для того, чтобы установить соответствующие цены на отдельных рынках округа, должна завести целый аппарат. В общем каждый крестьянин должен у себя завести маленькое кон'юнктурное бюро с центральным кон'юнктурным институтом в округе.

А затем запись кондиции продуктов, количества их, определение цен комиссиями, рассмотрение претензий вкладчиков и т. д. и т. п. Одним словом, дело дошло до Центральной Комиссии. Остался один шаг до «натурального Совнаркома» по «натуральным вкладам».

Эх, т. Трошин! Если бы все это знал и слышал крестьянин, наверное дело дошло бы не только до соревнования, но... до драки. Неизвестно только, кому бы больше всех досталось. А всыпать нужно было бы кое-кому при этом по заслугам.

В своей «системе» т. Трошин совершенно игнорирует самую разветвленную кооперативную сеть, это—сеть потребительской кооперации. О ней ни слова. А ведь она является основным проводником нашей промышленной продукции в деревню.

Тов. Трошин вообще сбивается на универсализм, когда он предлагает сосредоточить все операции в одном месте. В самом деле, что он пишет: «Крестьянин будет иметь в одном учреждении и свои денежные средства и те товары, которые ему нужны. Придя в свое товарищество и получив свой вклад, он тут же может купить все, что ему требуется для своего хозяйства... он не потащит деньги на базар, а оставит их тут же в кооперативе за тот предмет, который купит» (стр. 89).

Это значит, что крестьянин в одно место приносит свои натуральные вклады и там же получает всевозможные товары. А так как Трошин все же предполагает, что в качестве натуральных вкладов должны приниматься не только хлеб, но и др. с.-х. продукты, то предложение о том, чтобы все было в одном месте, означает, что крестьянин в кредитное товарищество будет приносить и хлеб, и масло, и яйца, и лен, и пеньку, и кожу, и мясо, и приводить живой скот, который нужно продать, и т. д., и т. п.

А это кредитное товарищество должно удовлетворить крестьянина: трактором, плугом, сеялкой, бороной, чугуном, гвоздями, стеклом, минеральными удобрениями, молотилкой, солью, сахаром, текстильными товарами и т. д.

Вот вам универсальный тип кооперации. Специализации тут места нет, потребительская кооперация также не нужна, ибо ведь Трошин предлагает всю товарную продукцию с. х. вкладывать в кредитные товарищества, госторговля также улетучивается, хотя в снабжении крестьян с.-х. машинами государственная система имеет огромное значение.

По Трошину всем должно заниматься кредитное товарищество. Но тогда можно быть уверенным в том, что кредитная система именно своим-то делом и не будет заниматься.

И все это ради того, чтобы крестьянин не «потащил своих денег на базар», т.-е. на рынок. Трошин определенно против рыночных отношений. Неясно только одно: раз вся с.-х. продукция будет поступать в одно место и тут же крестьянин будет получать все необходимые промтовары, то для чего нужны деньги, как мерило ценности? Ведь с.-х. продукция при вкладах будет записана подробно и оценена, промтовары тоже. Спрашивается, для чего же крестьянину в одном и том же кредитном товариществе канитель заводить, получать деньги и тут же их отдавать в одну и ту же кассу?

При системе т. Трошина надобность в деньгах не особенно велика. Поэтому, видимо только приличия ради т. Трошин в своей книжке выделил особую главку о деньгах, которая является очень куцой не только по размерам, но самым слабым местом книжки и очень куцой по содержанию.

Да и чего особенно беспокоиться о деньгах, их наиболее правильном обращении, укреплении нашего рубля и т. д., если, по мнению т. Трошина, наше хозяйство «имеет плановый монополистический характер». Тов. Трошин в своей книжке так безапелляционно и заявляет: «В чем заключаются особенности нашего хозяйства? Они заключаются в том, что наше хозяйство имеет плановый монополистический характер» (стр. 27).

Это утверждение т. Трошин повторяет несколько раз, несмотря на то, что XV с'езд ВКП(б) в своей резолюции о пятилетнем плане сказал следующее: «Зависимость от урожая и невозможность предварительного точного статистического его охвата; зависимость от рыночной стихии (слушайте, тов. Трошин! *В. П.*), которая все более взнуздывается плановым началом, но еще не укладывается целиком в его рамки; колебания кон'юнктуры мирового рынка и зависимость от этого последнего; наконец, внеэкономические факторы, связанные в первую очередь с враждебным капиталистическим окружением и отражающиеся как на экономических отношениях с заграницей, так и на экономических отношениях внутри страны,—все это обусловливает собою относительность значения плановых и цифровых предположений вообще». (См. резолюции XV с'езда, стр. 45—46).

Но т. Трошин «рассудку вопреки, наперекор стихиям» летит высоко над жизнью и действительностью к своей «заветной» цели—«к системе натуральных вкладов».

Нам могут задать вопрос: а каковы ваши предложения, поскольку вы отвергаете систему натуральных вкладов? Пусть т. Трошин как угодно «торжествует», но мы отвечаем на это тем, что никаких своих предложений не вносим и никакой «системы» разрабатывать не собираемся.

Мы «только» предлагаем проводить в жизнь уже имеющиеся решения партии и правительства. В частности, вопрос о привлечении крестьянских средств нашел свое отражение в решениях ноябрьского (1928 г.) пленума ЦК, где говорится следующее: «Пленум ЦК снова подчеркивает огромное значение мобилизации денежных сбережений населения. Пленум ЦК отмечает огромный успех государственных займов, особенно среди рабочих, и указывает на необходимость дальнейшего их распространения, в частности и в особенности в деревне, где имеются большие неиспользованные возможности.

Далее пленум ЦК отмечает, что мобилизация средств крестьянского населения специально для целей индустриализации сельского хозяйства может и должна осуществляться не только через займы, но и через собирание паев сельскохозяйственной и потребительской кооперацией, через сберкассы и т. д.». (См. резол. ноябр. пленума, стр. 31—32).

Сказано определенно и ясно. Речь идет о привлечении вкладов в денежной форме, а не в какой-либо другой. Да это и понятно. Хлеба в стране недостаток. Задача сводится к тому, чтобы быстро поднимать урожайность с. х., в частности и в особенности хлеба. Поэтому ставить вопрос о привлечении в качестве вкладов именно той продукции, которой недостает, это значит ломиться в открытую дверь.

А деньги в деревне есть. Почему? Да потому, что основная масса товарной продукции состоит как раз не из зернопродуктов, это —во-первых, а во-вторых, и это самое главное, деревня получает около 2,5 миллиардов рублей доходов вне деревни, т.-е. за счет отхожих заработков в городах.

Тов. Трошин привел эту справку в своей статье в самом начале. Но всуе он это писал, ибо никакого вывода не сделал. А ведь эти 2,5 млрд. руб. крестьянин получает в городе не натурой, а деньгами от нашей строительной и прочей промышленности.

Что значат решения ноябрьского пленума ЦК, если их перевести на конкретный цифровой язык? В СССР 30 млн. пайщиков в с.-х. и потребительской кооперации. Как известно, паевые взносы в кооперации взысканы еще далеко не полностью. Если поставить задачей немедленно привлечь по 5 руб. дополнительных паев, то мы получим 150 млн. руб.

В с.-х. и потребительскую кооперацию ежегодно должно вовлекаться до 10 миллионов новых членов-пайщиков. Если каждый пай будет равен 10 руб., то мы получаем еще 100 млн. руб.

Развивая займы в деревне (хотя т. Трошин считает, что они носят «спорадический» характер), мы можем получить еще не меньше 150 млн. руб. ежегодно.

Миллионов 100 мы можем и должны брать путем самообложения, на классовой основе.

Такую же сумму, т.-е. 100 млн. руб., нужно и можно привлечь в сберкассы крестьянских средств. Тут возможно будет поставить вопрос о больших выгодах для крестьянства, которые оно должно получать за вклады, быть может, об увеличении процента и т. д.

Посредством этих мероприятий мы получаем 600 млн. руб. крестьянских средств. Правда, тут не получается миллиарда, но это и необязательно, так как миллиард вообще цифра «несчастливая» (в свое время миллиард предлагала оппозиция, но блестяще с ним провалилась).

Подведем итоги. Забота о привлечении свободных средств населения вообще, крестьянского населения в особенности, это есть обязанность каждого члена партии, советского гражданина. С этой точки зрения т. Трошина нужно приветствовать.

Но одно дело заботиться, а другое дело, как осуществлять в жизни или предлагать к осуществлению то, что волнует в данном случае не только тов. Трошина, но и всю партию. В этом отношении предложение т. Трошина не только бесполезно, но даже вредно.

В чем вред «системы» т. Трошина? В том, что вся «теория» основана на неверных расчетах, на совершенно неверных фактических данных, которые вводят в заблуждения самого т. Трошина, могут вводить в заблуждение и тех товарищей, которые недостаточно знакомы с экономикой страны, а таких у нас не мало даже среди членов партии. Вредность «теории» Трошина заключается в том, что он не поставил основных вопросов экономики страны в связи с его «системой вкладов», что мимо него пролетели такие огромные вопросы, как зерновая проблема, хлебные и продовольственные затруднения вообще. «Изыскав» целые 16,4 млн. тонн зернопродуктов, которые якобы может вложить крестьянин, т. Трошин тем самым, как бы говорит о том, что товарный хлеб в стране есть, но его нам не дают, и тем самым он делает непонятными затруднения на хлебном фронте, причины этих затруднений и те мероприятия, которые наметило по поднятию урожайности правительство. Раз мы имеем десятки миллионов тонн свободных зернопродуктов, то к чему такой «шум» о хлебе, о поднятии урожайности и т. д., так смогут сказать неосведомленные читатели. А это ослабляет волю к проведению огромной задачи по поднятию урожайности и, кроме вреда, ничего дать не может.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Г. ЦИПЕРОВИЧ. «Международные монополии. Картели, тресты и концерны». *(ГИЗ, 1929 г. Стр. 259, ц. 3 руб.).*

Проблема международных монополий в эпоху империализма заслуживает всестороннего изучения. Владимир Ильич в число известных пяти основных признаков империализма включил «международные капиталистические союзы капиталистов, делящие мир» (Ленин, «Империализм»).

Особенное значение вопрос о международных об'единениях приобрел в последние годы. Взамен разрушенных войной ряда международных монополий образовались новые крупнейшие об'единения, из которых многие монополизировали целые отрасли промышленности в мировом масштабе. Рост этих международных об'единений дал повод международной социал-демократии считать их признаком наступления новой эры капитализма. В концепции социал-демократов о новой фазе капитализма — «организованном капитализме»—международным монополиям отводится почетная роль: они якобы ведут к смягчению современных противоречий в мировом хозяйстве. Не даром Гильфердинг на Кильском конгрессе германской социал-демократии (в мае 1927 года), излагая сущность теории организованного капитализма подчеркивал, что одним из самых характерных моментов современной эпохи является «интернационализация капиталистической промышленности, стремление об'единить в интернациональном масштабе национальные монополии, картели и тресты». (Цитирую по «Капитализм, социализм и социал-демократия», сборник статей и речей Р. Гильфердинга, изд. «Московский Рабочий», 1928 г., стр. 22). Эти взгляды, которые, в сущности говоря, лишь несколько модифицируют старую теорию Каутского об ультра-империализме, подверглись Лениным уничтожающей критике. Ленин указывал, что «то мнение, что международные картели, будучи одним из наиболее рельефных выражений интернационализации капитала, дают возможность надеяться на мир между народами при капитализме—совершенно вздорно, а практически есть софизм, способ нечестной защиты худшего оппортунизма». (Сборник В. И. Ленина «Империализм», ГИЗ, 1926 г., стр. 56). В другом месте Ленин указывал, что эти международные соглашения, союзы между капиталистами являются лишь краткими «передышками» между новыми столкновениями, новыми войнами.

Из всего вышесказанного вытекает огромное значение анализа проблем современных международных монополий. Несмотря на всю актуальность этого вопроса, у нас до сих пор не было ни одной работы, посвященной специально международным картелям и трестам. Правда, в общих работах по мировому хозяйству, уделялось известное внимание международным об'единениям, также и в периодических изданиях появлялись очерки, посвященные отдельным об'единениям. Но все это носило не систематический характер и при этом основное внимание уделялось описательной стороне дела. Поэтому появление первой такой крупной работы, принадлежащей перу тов. Циперовича, пользующегося у нас известностью, как первого марксистского исследователя монополистических об'единений в дореволюционной России, необходимо всемерно приветствовать.

К сожалению, необходимо с самого начала отметить, что содержание работы не вполне соответствует тем требованиям, которые необходимо пред'явить марксистско-ленинскому исследованию этой проблемы.

Тов. Циперович главное внимание уделяет лишь о п и с а н и ю процессов международного трестирования и картелирования.

Первую часть автор посвящает довоенным международным об'единениям. Эта часть работы не вносит ничего нового по сравнению с имеющейся у нас старой экономической литературой. В основу положена работа Гармса «Народное и мировое хозяйство», вышедшая уже в 1912 году. Как известно, эта работа была использована уже тов. Бухариным в книге «Империализм и мировое хозяйство» в разделе о международных об'единениях.

Все таблицы с перечислением существовавших до войны международных об'единений взяты тов. Циперовичем из Гармса. При этом нужно отметить довольно некритическое отношение к этим материалам. Так, например, и у Циперовича фигурирует международный автомобильный трест, основанный якобы в 1910 году. По всей вероятности, Гармс пользовался непроверенными газетными сведениями, что было вполне понятно, поскольку работа писалась в 1912 году. Между тем, теперь хорошо известно, что такого треста на самом деле не существовало, и, конечно, это можно было проверить по специальной иностранной литературе, вышедшей за это время. Вообще этот раздел значительно выиграл бы, если бы тов. Циперович привлек больше свежих первоисточников.

В этом же разделе автор, излагая историю отдельных об'единений, не дает четкого анализа различных форм международных об'единений, сваливая в одну кучу картели, тресты, предпринимательские союзы и т. п.

Нужно отметить, наконец, отсутствие у автора общих сводных данных о числе международных об'единений до войны. По новейшим подсчетам (отчет Бальфуровской комиссии, III том, Лондон, 1928 год, стр. 110) до войны имелось 114 международных об'единений. Эта цифра почти совпадает с данными Лифмана («Картели и тресты», русский перевод, 1925 год, стр. 36), а также с данными упомянутой работы Гармса.

Следующий раздел автор посвящает послевоенным международным монополистическим об'единениям. Автор довольно подробно останавливается на вопросе о влиянии войны на существовавшие до 1914 г. интернациональные картели и резко критикует то мнение, что будто бы война привела к разрушению международных об'единений. В частности, он останавливается на работе тов. Пашуканиса, писавшего, что «война разрушила эти об'единения, и первые годы после мировой войны их почти не наблюдалось». (Пашуканис, Е. Б. «Экономика империализма», Москва, 1928 г., стр. 83). Основной вывод тов. Циперовича сводится к тому, что, по его мнению, «легендой является утверждение, будто война разрушила все монополистические международные организации» (стр. 204); именно вследствие того, что международные монополистические связи не были разрушены, они «на следующий день после подписания Версальского мира начинают восстанавливаться с быстротой и легкостью, которые были бы необ'яснимы, если бы война действительно «разрушила» довоенные международные монополистические об'единения» (стр. 205). В такой категорической форме утверждение тов. Циперовича все же неверно. Никто не утверждает, что война разрушила в с е международные об'единения. Но то, что большинство их них было разрушено—это является неоспоримым фактом, иначе ведь их и не надо было бы восстанавливать на специальных конференциях после длительных переговоров между различными национальными об'единениями. Не кто иной, как сам тов. Циперович совсем недавно писал относительно судьбы довоенных международных об'единений: «Б о л ь ш и н с т в о из этих об'единений распалось во время войны, но не все и не навсегда» (см. Г. Циперович. «Синдикаты и тре-

сты в дореволюционной России и в СССР». Изд. 4-е, Ленинград, 1927 г., стр. 81, разрядка наша. *М. И.*).

Именно факт распада международных капиталистических об'единений во время войны полностью подтверждает ленинскую теорию. Международные об'единения являются лишь «передышками» между новыми конфликтами, они не в силах предотвратить вооруженные столкновения между империалистическими государствами, и в период войны, несмотря на всю силу переплетения международного финансового капитала, эти связи обрываются. Отрицание этого факта может повести к совершенно неправильной оценке значения международных об'единений. Ведь известно, что уже до войны многие социал-демократические теоретики на основании факта усиливающегося международного переплетения капитала отрицали опасность империалистической войны. Интересно, например, что даже Бебель на Иенском партейтаге в 1911 году говорил: «Быть может, наибольшую гарантию мира приходится видеть именно в интернациональном вывозе капитала». После войны эта переоценка значения международных об'единений, как мы уже указывали выше, достигла у современной социал-демократии своего апогея, поскольку оппортунисты поставили международные об'единения во главу угла своей теории «мирного» капитализма.

Не совсем прав также тов. Циперович, когда подчеркивает, полемизируя опять-таки с тов. Пашуканисом, что международные об'единения стали быстро создаваться сейчас же после Версаля, а не со времени капиталистической стабилизации. Отдельные примеры создания об'единений в 1919—1924 гг., приводимые автором, в данном случае не показательны, и сам автор вынужден в дальнейшем подчеркнуть, что «наиболее энергично возрождаются эти об'единения в период с 1924 года по 1927 год» (стр. 205). Безусловно, именно стабилизация капитализма, с вытекающими из нее последствиями, как восстановление производственного аппарата отдельных капиталистических стран, обострившаяся борьба за рынки сбыта, стабилизация валюты, лишавшая ряд стран прежних преимуществ в виде возможности валютного демпинга, и т. д.—вызвала усиленное образование международных об'единений. Отдельные национальные об'единения в настоящий период еще недостаточно сильны, чтобы вступить в военную борьбу со своими конкурентами на мировом рынке, и предпочитают пока мирное соглашение открытой войне.

Большую часть второго раздела книги автор посвящает описанию новейших международных монополистических об'единений. Автор останавливается очень подробно почти на всех созданных после войны в различных областях международных картелях, трестах и концернах. В этом отношении читатель получит чрезвычайно полный фактический материал по этому вопросу. Однако, не всегда данные, приводимые автором, соответствуют действительности. Мы ограничимся лишь несколькими примерами.

Из всех международных об'единений наибольшее внимание привлек к себе при своем основании Европейский Стальной Картель, образованный в 1926 году. Об'ясняется это тем, что это был первый крупнейший международный картель, охвативший всех главнейших продуцентов стали континентальной Европы. Вполне понятно, что и тов. Циперович весьма подробно останавливается на этом международном об'единении, попутно анализируя положение металлургической промышленности за последние годы. Как известно, металлургическая промышленность переживала после войны глубокий кризис сбыта. Тов. Циперович пытается наметить причины этого кризиса, который, по его мнению, был вызван не тем, «что металл выпускается на рынок в количестве большем, чем это было необходимо для нормального удовлетворения нужд промышленности, транспорта и населения непосредственно, а потому, что покупательная способность потребителей железа

была резко сокращена той же политикой капиталистической монополии, которой была вызвана и разорительная война» (разр. моя. *М. И.* Стр. 118).

Здесь автор прошел мимо основной причины послевоенного кризиса металлургической промышленности. Общеизвестно, что во время войны, вследствие огромного спроса на продукцию тяжелой промышленности, производственный аппарат последней колоссально расширился. Достаточно, например, указать, что производственная способность английской металлургической промышленности выросла более чем на 50%. Именно вследствие этого, а также вследствие того, что разоренная Европа была не в состоянии поглотить даже продукцию в довоенных размерах, возникла резкая диспропорция между производственной способностью и рыночным спросом, а отсюда и тяжесть кризиса металлургической промышленности со всеми вытекающими из него последствиями.

Затем автор останавливается на истории переговоров о создании Европейского Стального Треста и на его деятельности. Однако, автор не затрагивает весьма важного вопроса о том, насколько это картельное соглашение разрешило те задачи, которые были им поставлены. Два года, протекшие со времени основания картеля, показывают, что картель не сумел оказать того влияния на цены, на какое рассчитывали его участники. В период депрессии, когда цены шли вниз, картель не мог ничего сделать, и цены продолжали падать, несмотря на наличие картеля. В то же время внутри картеля все время происходит столкновение между участниками, которое заканчивается пока временными компромиссами.

Попутно автор касается и взаимоотношений Европейского Стального Картеля с американской и английской металлургической промышленностью. Сообщаемые им сведения относительно Америки носят, однако, некоторый налет фантазии: «Организация Европейского стального об'единения, — пишет автор,—прежде всего вызвала в Соединенных Штатах организацию могущественного стального треста. Ядро нового комбината составляет «Республиканская компания стали и железа» и «Трэмбельская стальная компания», об'единенный капитал которых доходит до 200 миллионов долларов» (стр. 126). Между тем, на самом деле, описываемое автором об'единение играет сравнительно чрезвычайно малую роль в американской сталелитейной промышленности, давая максимум 1—2% общего производства стали в Соединенных Штатах. Гораздо правильнее было бы указать на образование в Соединенных Штатах могущественного экспортного об'единения стальной промышленности, куда входят действительные гиганты американской металлургии—«Юнайтед Стиль Корпорейшен» и «Вифлемская стальная корпорация». Здесь, безусловно, подготовляется сильный натиск против европейского стального картеля.

Прав автор, когда пишет, что «монополистические державы ищут выхода на открытой арене борьбы и «стальной пакт» является для них одним из этапов, на котором они могут временно задержаться, но не решить основных противоречий, вытекающих из природы капиталистического строя» (стр. 130). Следующий раздел об об'единениях химической промышленности написан несколько небрежно, при чем содержание отдельных страниц недостаточно увязано.

Особенно не четок анализ истории развития шведского спичечного треста. Начать с того, что автор неправильно относит начало основания основного ядра международного спичечного треста к 1925 году (см. стр. 180). В своей старой работе, которую мы выше цитировали («Синдикаты и тресты в дореволюционной России и в СССР»), автор правильно указывает, что этот трест был основан в 1917 году. Тогда его капитал составлял около 5 миллионов крон, в то время как теперь его капитал вырос до 270 миллионов

крон. Как известно, этот трест в настоящее время раскинул свои щупальцы по всему миру путем всевозможного вида финансовых и коммерческих связей, участия в государственных монополиях и т. д. Тов. Циперович совершенно не прав, когда считает, что на ряду со шведским спичечным трестом имеется еще обособленная международная спичечная корпорация, в которую шведский трест входит лишь как один из участников, при чем, по мнению автора, «внутри этой корпорации трест ведет усиленную борьбу из-за монополий» (стр. 180). Международная спичечная корпорация, основанная в 1923 году, является лишь дочерним обществом шведского спичечного треста, который ее полностью контролирует. Правда, нужно отметить, что в международной спичечной корпорации участвуют и американские финансовые группы, но это участие идет исключительно по линии финансирования, а контроль принадлежит шведскому спичечному тресту. Автор совершенно не касается последствий монополизации спичечной промышленности в мировом масштабе. Между тем чрезвычайно интересно было бы выяснить роль спичечного треста в повышении цен на спички.

Мы не будем останавливаться на приводимых автором данных о других об'единениях. В общем, повторяем, автор коснулся более или менее всех наиболее крупных международных соглашений. Из пробелов можно отметить отсутствие упоминания о международных об'единениях в области электротехнической промышленности после войны, где взаимное переплетение уже до 1914 г. достигло высокой степени развития.

Перейдем теперь к теоретическим выводам автора. Тов. Циперович из всего комплекса интереснейших проблем, связанных с образованием международных монополий, как, например, проблема монопольных цен, проблема международных монополий и теория ультраимпериализма и т. д., остановился лишь на влиянии международных монополий на положение рабочего класса. Автор вполне правильно констатирует резкое ухудшение положения рабочего класса, более тяжелые условия борьбы при наличии международных монополий и т. д. На ряду с этим в этом последнем разделе имеются и некоторые общие теоретические положения. Основная мысль автора, проходящая, кстати сказать, красной нитью через всю его работу и повторяемая им неоднократно, сводится к тому, что благодаря международным монополиям «в некоторых отраслях в различной степени подготовляются и отчасти достигли высокой степени материальные предпосылки для международного рабочего контроля и регулирования» (стр. 248, разрядка моя. *М. И.*). То же самое он пишет, например, во введении, указывая, «что в недрах капиталистического общества уже во многих отношениях созрели основные предпосылки рабочего контроля и регулирования не только в национальном, но и в международном об'еме» (стр. 11). Многочисленные повторение этой формулировки в таком виде может вызвать глубокое недоумение. О каком «рабочем контроле» автор говорит? Так, как это формулирует тов. Циперович, это напоминает требование современной социал-демократии, которая также считает, что международные монополистические об'единения вполне созрели для «демократического контроля» со стороны государства; еще ближе формулировка тов. Циперовича стоит к требованию современного «брандлеризма». Если вообще говорить о рабочем контроле, то т. Циперович необходимо было ясно подчеркнуть, что он под этим подразумевает.

Ведь, Ленин еще накануне Октябрьской революции писал: «Когда мы говорим «рабочий контроль», ставя этот лозунг всегда рядом с диктатурой пролетариата, всегда вслед за ней, то мы раз'ясняем этим, о каком государстве идет речь». (Ленин, т. XIV, стр. 230). Тов. Циперович этого не делает, и, таким образом, у него нет достаточной четкости в вопросе, в рамках «какого государства» мыслится им рабочий контроль. Но вообще автор слишком большое значение придает «рабочему контролю». Так, например, он считает, что для рабочего класса Востока это является наиболее подходящим лозунгом. Он пишет: «До войны трудно было рассчитывать, что широким массам Востока идея рабочего контроля могла быть быстро и легко об'яснена. В настоящее время китайским или индийским рабочим, работающих в предприятиях, поставленных по-европейски, она может быть быстро и легко об'яснена» (стр. 230).

У автора вообще встречается очень много спорных и неправильных формулировок. Например, он вдруг заявляет: «процесс всеобщего нивелирования монополистическим капиталом самых различных по экономическому строению стран приводит к тому, что стачечная борьба повсюду приобретает некоторые типично сходные черты» (стр. 275, разр. моя. *М. И.*). До сих пор считалось у нас общепризнанным, что в эпоху монополистического капитализма усиливаются «различия между быстротой роста разных частей всемирного хозяйства» (Ленин). О нивелировке, о сглаживании говорил в свое время Троцкий.

В заключение мы хотели бы еще раз отметить, что автор чрезвычайно преувеличивает роль международных капиталистических монополий. Говоря под самый конец о неизбежности революции во всех странах, он указывает, что «напряженная работа международных капиталистических об'единений подготовила для этого достаточную почву» (стр. 249, разрядка моя. *М. И.*). Разве дело только в международных монополиях, разве не существуют другие, более значительные причины неизбежности пролетарской революции?.. Мы думаем, что, если бы автор более внимательно отнесся к своей работе, он избежал бы подобных формулировок.

Приходится поэтому жалеть, что тов. Циперович, затратив много труда на собирание весьма богатого фактического материала, не достаточно тщательно его обработал и этим значительно обесценил эту интересную по своей теме, по своим материалам и весьма своевременную работу.

М. Иоэльсон.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 5 15 МАРТА № 5

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 9
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
„ПРАВДА“

Главлит № А—26614. Тираж 70.000.

Тип. газеты „Правда“. Москва, Тверская, 48.

На пороге решающих боев.

Десятилетие Коммунистического Интернационала—событие всемирно-исторического значения.

Впервые во всемирной истории существует Интернационал, с самого начала практически проводящий пролетарскую революцию, осуществляющий диктатуру пролетариата.

Всюду, где угнетенный восстает против угнетателя, где пролетариат организует свою классовую борьбу, знамя Коминтерна в противовес социал-демократии является единственным классовым знаменем эксплоатируемых.

Мировая буржуазия и ее социал-демократические прислужники окружили Коминтерн смертельной ненавистью, но он опирается на несокрушимые симпатии пролетариата. Все новые пролетарские пласты подымает на борьбу коммунизм, пробуждает к жизни все новые миллионы угнетенных. Нет силы, которая устояло бы перед движением миллионов, его организованной стихией.

Всемирно-историческое значение 10-летия Коминтерна состоит в том, что оно является шагом вперед международной революции пролетариата, начатой Октябрем 1917 года. Миллионы завоевали этот шаг всемирной истории. Еще новые миллионы подымутся, чтобы присоединиться к батальонам мировой рабочей революции. И какие бы поражения ни терпела эта армия, но дело ее—дело советской революции—есть дело прочное, ибо за 10 лет оно стало как никогда делом масс в каждой стране мира. Всего лишь после I конгресса Коминтерна, когда новый революционный Интернационал, рожденный в огне и бурях революционных восстаний пролетариата, представлял лишь мировое общество пропаганды советских идей, величайший вождь пролетарской революции писал в статье «Завоеванное и записанное»:

«Прочно только то в революции, что завоевано массами пролетариата. Записывать стоит только то, что действительно прочно завоевано».

Основание Коммунистического Интернационала в Москве 2 марта 1919 года было записью того, что завоевали не только русские, не только российские, но и германские, австрийские, венгерские,

финляндские, швейцарские,—одним словом, международные пролетарские массы.

И именно поэтому основание Коммунистического Интернационала есть дело прочное.

И именно поэтому делу Коммунистического Интернационала, охватившего за 10 лет движение передовых рабочих всего мира—обеспечена победа.

* * *

Коммунистический Интернационал родился в ту эпоху, когда основное положение марксизма, что классовая борьба с неизбежностью приводит к диктатуре пролетариата, стало непосредственным содержанием пролетарской борьбы. Первый Интернационал заложил фундамент пролетарской международной борьбы за социализм. Эпоха Второго Интернационала была эпохой развития широкого, массового рабочего движения в ряде стран, что, разумеется, не обошлось без известного временного понижения уровня движения. «Третий Интернационал воспринял плоды работ Второго Интернационала, отсек его оппортунистическую, социал-шовинистскую, буржуазную и мелкобуржуазную скверну и начал осуществлять диктатуру пролетариата» (Ленин).

Среди величайшей растерянности в рабочем движении, когда волна социал-патриотического угара захлестывала не только широкие массы мелкой буржуазии, но и значительные слои пролетариата, против течения выступила лишь одна партия—партия революционного марксизма, партия большевиков. С самого начала войны манифест с.-д. (большевиков) заклеймил войну как империалистскую, провозгласил крах оппортунизма II Интернационала и призвал революционный авангард рабочего класса организовать «пролетарский Интернационал, освобожденный от оппортунизма». Манифест определил не только новые принципиальные задачи борьбы, но указал и организационный и тактический путь к их достижению. «Оппортунисты, это—буржуазные враги пролетарской революции» (Ленин); вести против них беспощадную войну, как против самых злейших классовых врагов пролетариата, которые с оружием в руках будут отстаивать господство капитала, направив главный разоблачительный огонь против примиренчества и социал-империализма «центра», раскрывать непоследовательность идущих к большевизму революционных элементов,—такова была тактика Ленина в период войны, тактика организации нового Интернационала.

Об'ективно историческая задача «центризма», как и всякого примиренчества, заключалась в прикрытии оппортунизма сладенькими, «научными» и ортодоксальными фразами. Замена революционного марксизма эклектизмом в теории и раболепство или бессилие перед оппортунизмом на практике (Ленин)—такова сущность примиренчества. И задача организации нового Интернационала прежде всего упиралась в борьбу против «центра». «Во всем мире,—писал Ленин,—та же картина, и бессильные дипломаты или болото, в роде Каутского в Германии, Лонге во Франции, Мартова и Троцкого в России, приносят величайший вред рабочему движению, отстаивая фикцию единства и этим мешая назревшему насущному об'единению оппозиций всех стран, созданию III Интернационала» [1]). Эта борьба против центра, как непременное историческое условие создания и развития Коммунистического Интернационала, проходит красной нитью через Циммервальд, Кинталь, I и II конгрессы Коминтерна, ленинизм в основном свел счеты с центризмом в революционном рабочем движении. Через 10 лет на пороге новых войн империализма остатки старого центризма в Коммунистическом Интернационале, как Троцкий и др., благополучно обрели себя опять в старой же позиции—но при новой расстановке классов!—рядом с «левыми» социал-демократами. Беспощадное очищение рядов Коминтерна от центризма и мелкобуржуазных колебаний, шатаний, эклектизма есть первое условие большевистской подготовки наших партий, в особенности на пороге новых решающих боев.

С самого начала борьбы за новый Интернационал Ленин положил в его основу большевистскую непримиримость в принципиальных вопросах. Это выявилось со всей силой в полемике Ленина во время войны с левыми группами (группа «Интернационал», журнал «Интернационал молодежи» и др.). Шаг за шагом Ленин следил за их развитием и раскрывал их ошибки (в вопросе национальном, в неправильной, неясной постановке вопроса об оппортунизме и центризме и разрыве с ними, в вопросе о превращении империалистической войны в войну гражданскую, в вопросе о недоучете классовой борьбы в будущем пролетарском государстве, в вопросе определения нового «стратегического поля» борьбы — совместной борьбы пролетариата империалистических стран и угнетенных колониальных народов против единого врага—империализма и т. д.). Полемизируя с Юниус (Р. Люксембург), Ленин писал: «Мы должны усиленно подчеркнуть, что делаем это ради необходимости для марксистской самокритики и всесторонней проверки взглядов, которые должны послужить идейной базой III Интернационала» [2]). Новый Интернационал пролетарской революции, требующий единства действий в национальных и международных рамках, мог быть основан только на этой почве полного единства взглядов, взглядов революционного марксизма-ленинизма. Без восстановления единственно правильного учения марксизма во всех без исключения вопросах революционной борьбы пролетариата Коминтерн не был бы способен к выполнению своей исторической миссии организатора и руководителя мировой революции пролетариата. Эта борьба за принципиальную монополитность взглядов, против засорения их эклектизмом, оппортунизмом составляет

[1]) Ленин, т. XIII, с. 511.
[2]) Ленин, т. XIII, стр. 436.

одну из важнейших задач Коминтерна, неот'емлемое условие большевизации его партий.

Единство революционных принципов есть непременная предпосылка единства действий в пролетарской революции, непримиримость революционной теории является лишь выражением непримиримости классовой борьбы пролетариата с буржуазией. Современный правый уклон тем обнаруживает в корне свой оппортунизм, что ревизует этот основной тезис революционного марксизма, положенный Лениным в основу Коммунистического Интернационала. С этой попыткой ревизии неизбежно связана и другая попытка—пересмотр взглядов марксизма-ленинизма на вопросы классовой борьбы. С этой примиримости во взглядах, связанной с примиримостью в вопросах классовой борьбы, начинал всякий ревизионизм и оппортунизм, ибо оба эти вопроса суть коренные вопросы пролетарской теории, неразрывно связанные друг с другом. Мелкобуржуазное влияние на пролетариат, естественно, сказывается прежде всего на этом важнейшем участке. Без жестокого отпора этим наскокам мелкобуржуазной идеологии на ленинскую непримиримость в принципах классовой борьбы пролетариат неспособен сохранять и укреплять свою руководящую роль в борьбе всех угнетенных и эксплоатируемых против капиталистического рабства.

* * *

Октябрьская революция, прорвавшая мировой империалистический фронт, установление диктатуры пролетариата в бывшей царской России открыли новую эру всемирной истории. Октябрьская революция развязала и дала огромный толчок международной революции пролетариата. На основе могучего сотрясения всего капиталистического строя произошел ряд революций и революционных выступлений, развернувшихся как в странах империализма, так и в колониях и полуколониях. Гражданская война между буржуазией и пролетариатом разворачивалась с удивительной глубиной и быстротой. Угнетенные штурмовали небо. Из высочайшего под'ема революции родился Коминтерн. После первого конгресса Ленин писал:

«Новое движение идет к диктатуре пролетариата, идет, несмотря на все колебания, несмотря на отчаянные поражения, несмотря на неслыханный и невероятный «русский» хаос (если судить по внешности, со стороны)—идет к советской власти с силой все сметающего с пути потока миллионов и десятков миллионов пролетариев.

«Мы это записали. В наших резолюциях, в тезисах, докладах и речах запечатлено уже завоеванное».

Но этот могучий поток миллионов не смог снести капитализм. Попытки революционного переворота 1918—1921 гг. после частичных успехов потерпели поражение. Но их всемирно-историческое значение состоит в том, что они создали три важнейших предпосылки для окончательной победы пролетариата: во-первых, революционный натиск пролетариата всего мира отстоял свою твердыню — советскую власть в России; во-вторых, этот под'ем дал международную проверку советской системе, показав, что она является наиболее целесообразной формой борьбы пролетариата за свою власть всюду, где классовая борьба становится непосредственно борьбой за власть; в-третьих, в огне этих революций рождались и закалялись молодые партии коммунизма. Если 1905 год был репетицией для победного Октября 1917 г., то битвы пролетариата 1919—1921 гг., как и бои 1923 года и последующих лет, являются генеральной репетицией перед грядущими решающими битвами. Наконец, эти битвы до основания потрясли всю капиталистическую систему.

Всеобщий кризис капитализма, развязанный войной и последующими революционными восстаниями, ничто не в силах ликвидаровать. Сделать стабилизацию капитализма не гнилой, а устойчивой и прочной (какой ее видят сейчас правые и примиренцы) можно только чудом, т.-е. остановив и перевернув все историческое развитие вверх дном, отбросив его на четверть века назад. Только полное забвение марксизма-ленинизма может привести сейчас к разговорам о том, не пора ли ликвидировать все эти атрибуты стабилизации, как «гнилая», «неустойчивая» и т. д. Это значит действительно до конца капитулировать перед реформизмом, чтобы забыть самые элементарные положения ленинизма, совершенно потерять способность дать действительно научный, т.-е. марксистский анализ, охватив всю действительность, мировое положение.

То мировое положение, на основе которого капитализм мог добиться своей частичной стабилизации, в основных чертах определилось к III конгрессу Коминтерна. Ленин исходил в оценке мирового положения из анализа четырех его решающих составных элементов: положения собственно капитализма, положения Советской России, положения Коммунистического Интернационала, т.-е. международного рабочего движения, и, наконец, положения в колониях. Решающее значение для определения мирового положения имел тот факт, что «бесспорно наступило известное равновесие сил, которые вели между собой открытую борьбу с оружием в руках за господство того или другого руководящего класса». Что же это за равновесие в соотношении мировых сил, чем и как характеризуется это равновесие? «Конечно,—говорил Ленин на конгрессе,—необходимо подчеркнуть, что речь идет только об относительном равновесии... о весьма неустойчивом равновесии. Только в отношении этой военной борьбы я утверждаю, что наступило известное равновесие в международном положении». (Ленин). Это неустойчивое равновесие, «вполне возможно», может быть «совершенно неожиданно» взорвано, «вспыхнут восстания, великие бои и революции». «В центре всего мирового положения» была борьба между первой страной диктатуры пролетариата и мировой буржуазией. «И именно тут теперь произошло

изменение». Попытка буржуазии удушить Советскую Россию не удалась. Но не удалось и обратное—попытка захвата власти пролетариатом еще в нескольких крупнейших странах. «Постольку наступило равновесие, разумеется, весьма неустойчивое». (Ленин).

Эта характеристика Лениным мирового положения имеет программное значение. Центральной и стержневой идеей этого определения является характеристика наступавшей международной ситуации как «весьма неустойчивого равновесия». Это определение выведено из глубочайших фактов международного положения. В основе его лежит то положение, что «международный империализм оказался не в состоянии задушить Советскую Россию, несмотря на то, что он гораздо сильнее ее». Этот своеобразный исход борьбы определяется двумя моментами: участием пролетариата в этой борьбе на стороне Советского Союза и тем, что «революционное движение среди сотен миллионов угнетенных народов Востока растет с замечательной силой». Борьба была за мировое «господство того или другого руководящего класса». Но эта борьба в первом туре открытой гражданской войны не смогла разрешиться до конца. С одной стороны, пролетариат сохранил власть на шестой части земли, национально-революционные движения привели к частичным победам, революционная борьба пролетариата привела к образованию коммунистических партий, пролетариат выковал в этой борьбе свой авангард. С другой стороны, буржуазия удержалась на 5/6 земли, но она «вынуждена была на время признать или полупризнать ее (Советскую Россию), вступая в торговые договоры с ней». Оба мировых противника в мировой схватке одержали полупобеду, потерпели полупоражение, оба противника не разбиты более или менее основательно. Но кроме этого, оба противника не прекратили борьбы, ибо «только в отношении этой военной борьбы я утверждаю, что наступило известное равновесие в международном положении». Борьба приняла иные формы, ведется иными средствами, и, главное, наступивший период имеет значение подготовки нового тура вооруженной борьбы, которая может вспыхнуть в любую минуту. Диктатура пролетариата в СССР не только удержалась, но, опираясь на создавшееся неустойчивое равновесие, она укрепляется в новых формах, новыми путями (нэп). Международный пролетариат, несмотря на поражения, «везде уже выдвинул свой авангард, коммунистические партии, которые растут, идя неуклонно к завоеванию большинства пролетариата в каждой стране, разрушая влияние старых трэд-юнионистских бюрократов и развращенной империалистическими привилегиями верхушки рабочего класса Америки и Европы». То же самое в отношении третьего союзника—колониальных трудящихся масс: «империалистическая война 1914—1918 гг. и советская власть в России окончательно превращают эти массы в активный фактор всемирной политики и революционного разрушения империализма, хотя этого не видит еще упорно образованное мещанство

Европы и Америки, в том числе вожди II и Двухсполовинного Интернационала». К этим трем элементам революционного фронта прибавляется еще четвертый «союзник», а именно—«рознь интересов между различными империалистическими странами обострилась и обостряется с каждым днем глубже». Международная буржуазия со своей стороны ведет бешеные атаки на рабочий класс, пытаясь таким образом укрепить свое экономическое и политическое положение и расчистить себе путь для решающей схватки с опорой международного пролетариата и всех угнетенных народов—СССР. «Международная буржуазия, лишенная возможности вести открытую войну против Советской России, выжидает, подкарауливая момент, когда обстоятельства позволят ей возобновить эту войну». Действительно, равновесие «чрезвычайно неустойчивое».

Это определение складывающейся мировой ситуации послужило основой для установления задач Коммунистического Интернационала. в так называемый второй период послевоенного развития. До III конгресса Коминтерн рос и развивался в борьбе с центризмом, как главным врагом, одновременно разоблачая оппортунизм наизнанку детскую болезнь «левизны» внутри Коминтерна. Если 21 условие закрыло вход в Коминтерн явным центристам, то последовавшие за II конгрессом революционные испытания очистили в основном Коминтерн от проникших в него центристских элементов. К III конгрессу Интернационал уже действительно представлял мировую партию коммунизма в идейном смысле и в смысле организационном. За время с II до III конгресса Интернационал вырос. Раскол независимых в Галле, создание массовой коммунистической партии сделали коммунизм в Германии внушительнейшей угрозой пролетариата капиталистическому государству. Раскол произошел и во Франции. Образовалась массовая партия коммунизма в сердце французского воинствующего империализма. Произошел раскол итальянской социалистической партии. Выделилась самостоятельная компартия под жесточайшим фашистским террором, ведущая многолетнюю героическую борьбу за освобождение пролетариата.

Еще на II конгрессе Ленин дал формулу—не ускорять революцию, а усиленно подготовлять ее. Третий конгресс в изменившейся обстановке углубил этот лозунг—серьезней подготовлять революцию, вплотную подойти к массам. Здесь были заложены основы тактики единого фронта, развитые более конкретно позже. Из этих задач вытекали организационные проблемы. Если проблема организации Интернационала была разрешена на II конгрессе, то III конгресс разрешил проблему организации компартии под углом зрения борьбы за массы, более серьезной подготовки революции.

Всемирно-историческое значение III конгресса состоит в том, что на нем величайший теоретик и вождь Коммунистического Интернационала дал определение намечавшейся стабилизации капитализма, как стабилизации неустойчивой, «весьма и чрезвычайно неустойчи-

вой». Историческое развитие полностью подтвердило это положение Ленина о весьма неустойчивом характере наступавшего равновесия, о том, что «развитие международной революции, которую мы предсказывали, идет вперед. Но это наступательное движение не такое прямолинейное, как мы того ожидали». Достаточно взять цепь революционных событий, имевших место уже после 1921 г., чтобы убедиться в этом: в сентябре 1923 года восстание в Болгарии; осенью 1923 г.—революционный кризис в Германии; в декабре 1924 г.—восстание в Эстонии; в апреле 1925 г.—восстание в Марокко; в августе—в Сирии; в мае 1926 г.—всеобщая стачка в Англии; в июле 1927 г.—восстание рабочих в Вене. Все эти факты плюс такие события, как восстание в Индонезии в 1926 г., глубокое брожение в Индии и всемирного значения Великая китайская революция, со всей силой подчеркивают, как глубоко правилен был ленинский анализ, исходивший из глубочайших сдвигов в мировом положении. Этот ленинский анализ мы ни на какой другой не променяем, никому ревизовать его не позволим.

У нас в СССР эта ревизия выражается в иной форме—в смазывании классовой борьбы при диктатуре пролетариата. И в этом вопросе правые повторяют лишь то, что говорил Каутский и за что Ленин бичевал его пошляком и предателем.

Известно, что всякая ревизия марксизма, приводившая в конце концов к отрицанию диктатуры пролетариата, начиналась с смазывания вопроса о классовой борьбе, этого основного вопроса марксизма-ленинизма. Нельзя затронуть хотя бы частично это основание, чтобы неизбежно не рухнуло все здание. Не только классовая борьба неизбежно приводит к диктатуре пролетариата, но и обратно—малейшее смазывание вопросов классовой борьбы приводит к отрицанию диктатуры пролетариата—будет ли это отрицание принимать форму каутскианской «чистой демократии» или брандлерийского переходного государства или крестьянско-кулацкой демократии вместо демократии пролетарской.

Ликвидаторство имеет свои особые черты на каждом историческом этапе. Но общим для всякого ликвидаторства является то, что оно всегда избегает конкретной постановки вопросов. Так, Каутский признавал классовую борьбу вообще. Но Каутский не признавал гражданской войны—этой конкретной формы и самой острой ступени классовой борьбы. Наши оппортунисты также признают и диктатуру пролетариата, и классовую борьбу, но не признают тех конкретных форм ее обострения, которые выдвигаются самим ходом развития этой самой классовой борьбы. Тем самым они делаются неспособными руководить всеми и прежде всего высшими проявлениями классовой борьбы пролетариата. Правые примиренцы, напр., в Германии неспособны руководить сейчас обостряющейся борьбой пролетариата, руководить переходом его в контрнаступление, с вовлечением в ряды борющихся огромных масс неорганизованных. Правые примиренцы в СССР неспособны руководить обострившейся классовой борьбой пролетариата и бедноты против кулака, против буржуазии, руководить социалистическим наступлением.

Коминтерн на данном этапе сможет поэтому руководить обостряющейся классовой борьбой во всем мире, превратить эту борьбу в гражданскую войну против буржуазии, только решительно очистив свои ряды от правых, до конца преодолев примиренчество к правым.

* * *

10 лет Ком. Интернационала были периодом неуклонного роста мирового коммунистического движения. Этот рост происходил на боевой основе в обстановке руководства всеми формами классовой борьбы пролетариата, начиная от зачаточных экономических и кончая вооруженным восстанием. Это развитие происходило в условиях борьбы за очищение коммунистических рядов от всякого влияния оппортунизма и мелкобуржуазной скверны. Уже на II конгрессе Ленин провозгласил борьбу на два фронта, борьбу против двух форм влияния оппортунизма на коммунистическое движение: откровенного оппортунизма и оппортунизма под «левой» фразой.

Понятно исторически главным врагом коммунизма является открытый оппортунизм, сила которого есть сила капитализма-империализма. Но достаточно вспомнить слова Ленина на III конгрессе, что «левые» фразеры могут быть потерянными для социализма, чтобы понять, что и «левая» опасность может временами стать главной. Это и подтвердило развитие Коминтерна. Но это же развитие как раз на пороге нового революционного под'ема еще раз подчеркивает, что главный исторический враг коммунизма находится справа.

На II конгрессе Коминтерн был лишь пропагандистским обществом. Ко II конгрессу он оформился как международная организация, опирающаяся на коммунистические партии в отдельных странах. Основная задача после принятия I конгрессом тезисов о буржуазной демократии и пролетарской диктатуре заключалась в том, чтобы конкретизировать вопросы борьбы за диктатуру пролетариата. Это было сделано с двух сторон. Во-первых, со стороны организационной (условия приема в КИ, 21 условие), затем со стороны определения политики пролетариата в отношении резервов революции (тезисы по национальному и колониальному вопросам и тезисы по аграрному вопросу). II конгресс об'явил войну центризму. Основной лозунг конгресса был: нам нужно не словесное признание диктатуры и пролетарской дисциплины, нам нужна подготовка на деле пролетарской революции, нужно изгнание из коммунистических рядов всех оппортунистов и центристов и полуцентристов. До III конгресса Интернационал покончил в основном счеты с центризмом. Основная задача III конгресса заключалась в определении мировой ситуации и новых задач

коммунистов. Партии должны были приспособиться к новым задачам, к новым условиям классовой борьбы, перестроить свою организацию старого с.-д. лада на новый, коммунистический, на основе работы организации на фабрично-заводском предприятии. IV конгресс конкретизировал вопросы тактики единого фронта. Спад революционной волны уже давал ростки оппортунизма, полностью выявившие себя в революционных испытаниях 1923 года. V Конгресс повел борьбу против правых и, учитывая всю глубину происходящих перемен, поставил в центре вопрос о большевизации партий. От V до VI конгресса ряды Коминтерна окрепли организационно и идейно выросли. Борьба против троцкизма, сдвиги в мировом положении отнесли от корабля Коминтерна все случайные, неустойчивые элементы. Но скоро начали выявляться контуры создающегося нового мирового положения. Стабилизация начала выявлять всю свою гнилость и неустойчивость. Ни бешеная эксплоатация масс, ни фашистская реакция неспособны вывести капитализм из трясины. Наоборот, все это лишь ускоренно подготовляет элементы революционного под'ема, все грознее делает опасность войн империализма.

VI конгресс Ком. Интернационала дал анализ этой новой ситуации. Обострение противоречий стабилизации, приводящее ее к дальнейшему расшатыванию, обострение борьбы рабочего класса, пытающегося временами перейти в контрнаступление, военная опасность— все это поставило Коминтерн сейчас перед новыми тактическими задачами. Центральным для всего Интернационала стал лозунг защиты СССР. Эволюция реформизма за все послевоенные годы, сращение его с буржуазным аппаратом, политика «промышленного мира» диктуют необходимость самостоятельного руководства коммунистами повседневной борьбой пролетариата, обострения борьбы против реформизма. Стала во весь рост огромная проблема организации неорганизованных. Наконец, выработкой программы конгресс оформил Интернационал, как единую мировую коммунистическую партию.

Ком. Интернационал стоит на пороге новых решающих битв, перед вторым туром войн и революций. Этой новой великой полосой гражданских битв пролетариата нам придется руководить без Ленина. 10 лет Коминтерна в мировых рамках проверили и подтвердили ленинизм. С этим знаменем Коминтерн шел вперед и в Европе, и в Азии, и в Австралии, и в Африке и на обоих континентах Америки. Это знамя сейчас проверено, как никогда, оно проверено во всех формах и на всех участках классовой борьбы пролетариата и угнетенных. Оно проверено на нашем социалистическом строительстве, оно проверено в Кантоне и Шанхае, оно проверено в Вене и Гамбурге, в Лодзи и Руре, оно проверено в строю организации и в повседневной работе наших партий, оно, наконец, проверено в жестоких схватках с реформизмом. И всюду эта проверка показала, что и в неудачах и в успехах только с этим знаменем пролетариат может итти к своей конечной победе. Вступая в новое десятилетие величайших испытаний, мы нашу первую

заботу видим в том, чтобы еще дальше понести массам знамя ленинизма таким, как оно есть, приведшим пролетариат за четверть века от маленьких кружков к пролетарскому государству и к мировому Ленинскому Интернационалу.

В периоды, когда приближаются или когда идут решающие битвы, в рядах пролетариата и его партии появляются неизбежные колебания в сторону оппортунизма. Эти колебания отражают колебания мелкой буржуазии, давление буржуазии и реформизма. С такими колебаниями необходима жесточайшая, непримиримая борьба, ибо «накануне революции и в моменты самой ожесточенной борьбы за ее победу малейшие колебания внутри партии способны п о г у б и т ь в с е, сорвать революцию, вырвать власть из рук пролетариата, ибо эта власть еще непрочна, ибо натиск на нее слишком еще силен» (Ленин). Опыт 17-го года указывает, что в известной обстановке, «если колеблющиеся вожди отходят прочь... это не ослабляет, а усиливает и партию, и рабочее движение, и революцию». Особенно резко по этому вопросу Ленин высказывался в полемике с Серрати. Серрати постоянно ссылался на то, что, мол, правые—это наиболее способные и образованные люди и что, мол, если с ними разорвать, то нельзя будет вести профсоюзную работу, муниципальную и т. д. Ленин дал суровую отповедь этому оппортунистическому делячеству.

«Имея в своих рядах реформистов, меньшевиков, н е л ь з я победить в пролетарской революции, н е л ь з я отстоять ее.. Это решающее соображение. Сравнивать с этой опасностью, опасность «потери» или неудач, ошибок, краха профсоюзов, кооперативов, муниципалитетов и проч. просто смешно и не только смешно, а преступно. Рисковать всей судьбой революции из-за соображения о том, не будет ли неудачи с городским хозяйством и т. п., значит совершенно растеряться, совершенно не понимать коренной задачи революции, совершенно не уметь подготовлять ее победы».

Эти колебания перед натиском капитала и реформистов в предреволюционный период, естественно, захватывают больше всего мелкобуржуазные, интеллигентские прослойки в партиях, «образованные», «способные» и т. д. В такой период мы не можем согласиться даже на «лойяльность» этих элементов. «Тут дело не в лойяльности, а в том, что нельзя победить в революции, если руководители будут встречать колебания, шатания, отставки среди «своих», среди стоящих наверху, среди «вождей» при каждом трудном повороте событий». Эти элементы должны быть полностью идейно разоблачены и полностью идейно-политически проводить тактику партии не на словах, а на деле, и каждое малейшее отступление от этого необходимо разоблачать перед массами. Если они неисправимы, их лучше заменить неопытными, но преданными революции рабочими. «Диктатура пролетариата,— указывал Ленин,—потребует назначения именно таких (связанных с массой и пользующихся ее доверием), не имеющих опыта рабочих,

на самые ответственные государственные посты, иначе власть рабочего правительства будет бессильна, и оно не будет поддержано массой».

Всякой попытке ревизии ленинизма мы дадим жестокий отпор. Это важнейший урок 10-летия.

Ленинская организация, ленинская дисциплина, ленинская программа действий — это наш путь. Если есть это — остальное приложится. Об'ективный ход мировых событий идет в нашу пользу,—это не оптимизм, а лениский реализм. Если ленинским путем пролетариат вышел из первой мировой войны с диктатурой рабочего класса в СССР и с организованным Ком. Интернационалом, то мы можем с полной уверенностью работать для будущего. Этим же путем, если господствующие классы развяжут новую чудовищную бойню, пролетариат выйдет из нее единственным и мировым победителем.

Наша партия, руководящая партия Коминтерна, имеет здесь больше всего обязанностей. Она была впереди революционной организации пролетариата в первый тур его битв. Она провела его отступление после поражений и вместе со всем Коммунистическим Интернационалом ведет его в намечающиеся наступательные бои. Она была сильна и могуча своей железной пролетарской дисциплиной, стальным единством своих ленинских взглядов. И на этом участке мы не допустим ни малейшей трещины, ибо в этом залог победы Ком. Интернационала во всем мире.

Путь к мировой диктатуре пролетариата может быть лишь ленинским путем. Кому не по дороге с нами на этом пути, тому остается лишь один путь—путь соц.-демократии.

Наш же путь есть путь Ленина, путь победы.

Бела Кун.

Коминтерн в борьбе с уклонами.

Для введения—небольшое воспоминание. Во время III конгресса Коммунистического Интернационала, в один из первых дней июля 1921 года, во всяком случае уже после большой своей речи, произнесенной им на конгрессе 1 июля, Ленин разговаривал с одним из руководителей мартовского восстания в Средней Германии и авторов «теории наступления». Гораздо более мягко, чем в своей речи на конгрессе, но ничуть не менее определенно и решительно он во время этого разговора старался преодолеть сопротивление против правильной, единственно правильной, большевистской тактики, победы которой на III конгрессе даже Ленину удалось добиться лишь ценой больших усилий. С большой определенностью Ленин говорил о том, насколько необходим тщательный анализ положения, основательная оценка соотношения классовых сил и хорошая техническая подготовка к вооруженному восстанию. В особенности он подчеркивал, что нельзя поддаваться на провокацию классового врага и нельзя приносить авангард пролетариата в жертву в борьбе, которую классовый враг стремится спровоцировать в благоприятный для него момент.

— Воспитать хорошего коммуниста в борьбе, пропагандой,—говорил Ленин,—это не маленькое дело. А тем более воспитать целый авангард. Заменить авангард трудно. Поэтому необходимо беречь его и без причины нельзя рисковать им.

Защитник «теории наступления», принужденный к обороне, старался уклониться от тяжелых ударов ленинского молота тем, что перевел разговор с левых уклонов на вопрос об опасности центристских уклонов.

Ленин вновь повторил то, что он уже в политической комиссии конгресса, на пленуме его и также в письме к германским коммунистам сказал об ошибке, которую совершило «левое крыло» III конгресса, «превращая борьбу с центризмом в спорт, в охоту». Бросив взгляд назад, на момент основания Коминтерна и также на внутреннюю борьбу, происходившую с тех пор в пределах его, он начал говорить тихо, обдуманно, особо подчеркивая каждое слово. Видно было, что ни мысль, ни высказанная им метафора, для него не новы, но все же формулировку они, должно быть, получили в этот момент.

— Когда мы основали Коминтерн,—говорил Ленин,—Коммунистический Интернационал, РКП, победоносная революция, пролетарская диктатура и в особенности идея советов играли в международном рабочем движении роль м а г н и т а. Идея советов притянула к себе все, что в международном рабочем движении было революционного или мнящего себя революционным.

— Даже те, кто не был революционером, а только выставлял себя таковым,—ответил собеседник,—делали вид, что тянутся к идее советов.

— Совершенно верно,—ответил Ленин,—и и м е н н о п о э т о м у м ы в ы р а б о т а л и 21 у с л о в и е, у ч и т ы в а я и м е н н о и в а ш и

ошибки, ваш опыт. Ведь неправда ли—наклонился Ленин близко к собеседнику—разве все то, что льнет к магниту, такая же магнитная сталь? Нет,—продолжал он возбужденно,—чаще всего и больше всего это, а может быть, даже все, что притягивается к магниту, не чистая сталь, а полно шлака. Необходим больше чем один процесс очистки, пока получится чистая сталь. Да, нужна длительная очистка. Многие, может быть, никогда не очистятся. 21 условие для того и существует, чтобы мы освободились от центристского и анархического шлака. Наша партия тоже не сразу стала сталью, как бы вы ее теперь ни хвалили. Необходимы были три революции, чтобы она закалилась, и все еще в ней много шлака. Необходимо испытать все, необходимо исчерпать все возможности, чтобы очистить от шлака все, что льнуло к магниту Коммунистического Интернационала. Вы, может быть, правы в вашем суждении о Леви, я вам верю, что вы лучшие революционеры, чем Леви, я уверен, что вы скорей сделаете революцию, чем Леви. Но по целому ряду вопросов он прав в том, что он пишет о ваших ошибках. Исключением Леви работа по очищению шлака отнюдь еще не кончилась. Вы, «левые», также должны очищать себя от шлака, если хотите с успехом бороться с центризмом в массах.

Вот что говорил Ленин о возникновении Коммунистического Интернационала и о необходимости и условиях борьбы с уклонами.

Отмежевание Коминтерна внутри рабочего движения.

Первые два конгресса Коминтерна проходили под знаком не только борьбы с уклонами, но и, даже в первую очередь, под знаком отмежевания внутри рабочего движения справа и «слева». Это отмежевание имело в виду внешних врагов: центризм, и анархо-синдикализм, но оно не могло произойти и без внутренней борьбы. Сила магнита была очень велика! После первого конгресса Коминтерна она была еще больше, чем раньше. Как ни трудно было сначала положение Советской Республики, на которую нападала внешняя и внутренняя контрреволюция, это отнюдь не уменьшало ее притягательной силы, влияющей на широкие рабочие массы всего мира. Свежая память о войне, экономические последствия империалистической войны, проявляющиеся в демобилизационном кризисе, империалистический мир, относительное сокращение веса рабочей аристократии в рабочих массах в результате нивелировки, происшедшей в структуре рабочего класса,—все это привело не только к капитальному сдвигу влево, но прямо к бурному полевению масс. II Интернационал на своих повторных конгрессах и тайных совещаниях не в состоянии был перекинуть мост через пропасть между социал-демократическими партиями отдельных империалистических группировок, пропасть, создавшуюся в результате грехов военного времени. Интернационалистская реакция против социал-шовинизма в значительной степени усиливалась империалистическим миром, которым закончилась война. Носкизм также расширял пропасть между двумя крыльями рабочего класса, но центризм не решался стать открыто на сторону носкизма, под давлением масс центристы вынуждены были колебнуться влево. Гражданская война подточила демократические иллюзии, а «национальные собрания» новых «демократий» растрепали надежды на политику парламентских реформ.

Анархо-синдикалистский лагерь также раскололся. Вопрос о парламентаризме уже и во время войны перестал быть водоразделом между реформистским синдикализмом и соц.-демократическим реформизмом. Партия большевизма не была такой партией, по отношению к которой можно было бы оправдать перед массой антипарламентскую, антиполитическую точку зрения анархо-синдикализма. По отношению к большевизму революционные синдикалисты никак не могли оправдать свою сектантскую точку зрения, а рядом с «прямым действием» вооруженного восстания разговоры синдикалистов о прямом действии совершенно померкли, став пустой фразой.

Однако, понятия о большевизме были самые путанные не только среди масс, но даже среди руководящих кадров, искренно стремившихся к Коминтерну. Можно сказать, что, не считая отдельных лиц, борьба и развитие большевизма были знакомы массам, стремившимся к Коминтерну, и также их руководителям лишь с того момента, когда большевизм победил в борьбе за советскую власть. Даже о его борьбе с керенщиной имелись лишь самые общие и неясные представления. По вопросу о том, «в борьбе с какими врагами внутри рабочего движения вырос, окреп и закалился большевизм», о содержании и проблемах этой борьбы лишь в самых исключительных случаях имелись у отдельных лиц хоть какие-нибудь догадки.

При таком положении, отмеживание Коминтерна внутри рабочего движения справа и «слева» не только не могло быть единовременным актом, но даже для проведения его в самых общих чертах необходимы были два конгресса, которые и провели это отмежевание по линии стратегических, тактических принципов. И это отмежевание справа и «слева» могло произойти лишь в результате внутренней борьбы уже по одному тому, что присоединение к Коминтерну отнюдь еще не означало, что большинство присоединяющихся знает точку зрения большевизма хотя бы по самым основным вопросам революционной стратегии.

В этих боях возникли основные документы Коминтерна: тезисы Ленина о демократии и диктатуре, 21 условие приема в Коминтерн, тезисы о роли партии и об условиях создания Советов, тезисы по аграрному вопросу, по национальному и колониальному вопросам.

Эти документы являются продуктом борьбы не только с внешним врагом, но и борьбы с уклонами, об'явившимися внутри Коминтерна.

Отмежевание справа.

Первый конгресс проходил под знаком отмежевания справа, декларируя общие основные принципы Коммунистического Интернационала и пролетарской революции.

«Нам пришлось здесь отметить лишь то,—говорил Ленин в своем заключительном слове на первом конгрессе,—что массы уже завоевали в своей революционной борьбе» и благодаря этому «удалось без существенных разногласий вынести важные решения по всем животрепещущим вопросам современной революционной эпохи» (Ленин).

От центризма Коминтерн отмежевался уже пригласительным письмом, созвавшим I конгресс. Окончательная формулировка этому была дана в написанном Лениным заявлении участников Циммервальдской конференции о ликвидации Циммервальдского Бюро, в котором говорилось:

«Циммервальдская и Кинтальская конференции имели значение в то время, когда необходимо было об'единить все те пролетарские элементы, которые готовы были в той или иной форме протестовать против империалистической бойни. Но в состав Циммервальдского об'единения вошли, наравне с вполне определенными коммунистическими элементами, также элементы «центра», пацифистские и колеблющиеся элементы. Элементы центра, как это показала Бернская конференция, об'единяются теперь социал-патриотами для борьбы с революционным пролетариатом и используют таким образом Циммервальд в интересах реакции. В то же самое время коммунистическое течение в целом ряде стран окрепло, и борьба с элементами «центра», пре-

пятствующими развитию социалистической революции, стала теперь важнейшей задачей революционного пролетариата».

На конгрессе представитель только-что созданной из Союза Спартака Коммунистической Партии Германии, согласно полученному им императивному мандату, высказался против создания Коммунистического Интернационала. В этом императивном мандате, может быть, еще было что-то от той «боязни раскола» с социал-империалистами, какую Ленин во время войны называл недостатком автора брошюры Юниуса, недостатком, являющимся результатом «одиночества». В национальном масштабе Союз Спартака сумел преодолеть этот недостаток, встав на путь создания коммунистической партии в Германии, но в международном масштабе это ему сделать еще не вполне удалось. В статье, написанной после создания Коммунистического Интернационала, Макс Альберт (партийная кличка тов. Гуго Эберлейна на конгрессе) выразил эти взгляды следующим образом :

«Немецкие товарищи хотят прежде всего выяснить основу, на которой коммунисты всего мира могли бы сойтись...

Они хотели бы избегнуть создания такого Интернационала, который не имеет твердой основы, который мог бы немедленно распасться... По их мнению, желтый Бернский Интернационал, от которого они отворачиваются с отвращением и пренебрежением, не служит достаточной причиной для основания нового Интернационала». (III Интернационал, Москва, 1919 г., стр. 69).

Но здесь же он говорит и следующее:

«Итак, III Интернационал уже существует, и мы приветствуем его... Если бы даже Немецкая Коммунистическая Партия имела серьезные соображения за то, чтобы не спешить с созданием III Интернационала, теперь когда он уже существует, немецкий пролетариат с радостью и энтузиазмом к нему прильнет».

Однако, из самой сути центризма вытекает, что отмежевание от него не может произойти путем простой декларации противоположных ему принципов. Происшедшее на I конгрессе принципиальное отмежевание Коммунистического Интернационала от центризма не означало в то же время организационного отмежевания. Оно не имело такого значения и потому, что массы в то время еще находились в революционном волнении и стихийные прибои волн сплачивали гораздо более широкие массы, чем те, которые, хотя бы в отдаленной степени мог вести за собой сознательно самоопределившийся коммунистический авангард. В тезисах, предложенных II конгрессу, Ленин следующим образом характеризовал производимые центристами под давлением масс маневры по отношению к Коммунистическому Интернационалу:

«Степень подготовленности пролетариата важнейших, с точки зрения всемирного хозяйства и всемирной политики, стран к осуществлению своей диктатуры характеризуется с наибольшей об'ективностью и точностью тем, что влиятельнейшие партии II Интернационала: Французская Социалистическая Партия, Независимая Соц.-демократическая Партия Германии, Независимая Рабочая Партия Англии, Американская Социалистическая Партия, вышли из этого желтого Интернационала и постановили присоединиться— первые три условно, а последняя даже безусловно—к III Интернационалу. Это доказывает, что не только авангард, но и большинство революционного пролетариата начало, убежденное всем ходом событий, переходить на нашу сторону. Главное теперь—суметь довершить этот переход и прочно организационно закрепить достигнутое, чтобы можно было без малейших колебаний пойти вперед по всей линии» (там же, стр. 162).

В этих маневрах центристских партий создавались хитрейшие «формулы» о «вкоренении» (Verankerung) советов в конституции (т.-е. буржуазно-демократические конституции), о необходимости федералистского статута

Интернационала, фразы «о полной свободе критики для всех направлений внутри партии», о невозможности применения русского революционного опыта на западе,—формулы, которые и в настоящее время являются «оружием» отчасти правых, отчасти «левых» в их борьбе против Коминтерна, против большевизма. Наиболее классическое выражение одной из этих фраз, ставшей опять модной, дал в свое время Макдональд: «Кто вносит раскол в Интернационал,—говорил он,—руководствуясь опытом какой-либо одной нации, обнаруживает преступную ограниченность ума».

В противовес этим маневрам центристов Ленин в своем ответе на одну из статей Макдональда дал сжатое и определенное выражение большевистской точке зрения (там же, стр. 59).

«III Коммунистический Интернационал для того и основан, чтобы не позволять «социалистам» отделываться тем словесным признанием революции, образцы которого дает Рамсэй Макдональд в своей статье. Словесное признание революции, на деле прикрывавшее насквозь оппортунистическую, реформистскую, националистическую, мелкобуржуазную политику, было основным грехом II Интернационала, и с этим злом мы ведем войну не на живот, а на смерть».

Это определенное установление точки зрения, однако, при тогдашних условиях, конечно, не означало, что Коминтерн стал по отношению к маневрам центристов на предлагаемую некоторыми «левыми» точку зрения «нежелания разговаривать». Коминтерн не прошел мимо масс, находящихся под руководством центристов, а ответил на маневр маневром. На основании предложенных Лениным II конгрессу тезисов о задачах Коммунистического Интернационала, конгресс постановил, «что он не считает возможным немедленно принять эти партии; что он подтверждает тот ответ, который дал Исполнительный Комитет III Интернационала немецким независимцам», что он подтверждает свою готовность вести переговоры с любой партией, выходящей из II Интернационала и желающей сблизиться с III, что он предоставляет право совещательного голоса делегатам таких партий на всех своих конгрессах и конференциях» (Ленин, «Коммунистический Интернационал», стр. 163).

Одновременно с этим маневром Коммунистический Интернационал еще более ясно определил свою точку зрения по вопросу о центризме в 21 условии приема в Коминтерн, которые отмежевали Коминтерн от центризма. (Самую ожесточенную борьбу против этих условий, хотя и не на пленарных заседаниях, но в комиссиях вел Пауль Леви, впоследствии, в другой период революции, первым дезертировавший с революционного фронта). Границы Коммунистического Интернационала по отношению к центристам определяются следующими условиями: организационное отделение от правых и от центра; очистка партии от элементов, не стоящих определенно на точке зрения пролетарской диктатуры и не признающих безусловную необходимость порвать с правыми, полное подчинение партийной печати и парламентской фракции партийному руководству, состоящему в большинстве из коммунистов; нелегальная политическая и организационная работа для подготовки вооруженного восстания (также в армии!); демократический централизм с особым подчеркиванием централизма в данный период революции и соответствующее этому подчинение строгой централизованной партийной дисциплине в национальном и международном масштабе; переименование партий в коммунистические. Борьба с центризмом, кроме этого, происходила по линии аграрного, национального и колониального вопросов. По этим вопросам центристы—как те, которые уже находились в Коммунистическом Интернационале (Серрати и другие), так и те, кто еще не успел проникнуть—старались «радикальными» фразами прикрывать свой оппортунизм.

В противовес важнейшему историческому учению большевизма о союзниках пролетариата они попытались защищать точку зрения «классово-чистой политики», отвергая мысль о союзе с крестьянством так же, как и идею поддержки национальных революционных движений. Одной из лучших глав истории Коминтерна является та борьба, которую он вел с центристскими партиями за массы в Германии, Франции и Италии, повсюду с большим успехом обращаясь к массам через головы их вождей. В общем и целом отмежевание от центризма кончилось в Германии на с'езде в Галле, во Франции на с'езде в Туре и на с'езде соц. партии Италии в Ливорно расколом центристских партий. Эти с'езды подготовили и создание $2\frac{1}{2}$ Интернационала, где центризм под идеологическим руководством австро-марксизма некоторое время еще сохранил свою формальную самостоятельность, пока, наконец, его желания не нашли свое осуществление в полном слиянии со II Интернационалом.

Отмежевание „слева".

Отмежевание Коминтерна «слева» происходило гораздо более в форме внутренней борьбы. Эта борьба далеко не была такой острой с самого начала, как борьба с центризмом, направленная больше против элементов, находящихся вне Коминтерна. Формы и методы борьбы с «левыми» носили скорей пропагандистский характер. «Детская болезнь «левизны» в коммунизме»—это сочинение Ленина, родившееся в процессе подготовки ко II конгрессу, поставило этой борьбе бессмертный памятник в истории рабочего движения.

«Левое» направление не было однородным в международном масштабе. Оно скорее составлялось из самых различных элементов, питаясь из самых разнообразных источников. «Голландские марксисты», носящие на себе сектантский отпечаток мелких условий маленькой страны, представляли, собственно, скорее только самих себя и свою собственную ограниченность. Отражая настроения незакалившейся еще в революции, хотя уже участвовавшей в революционных боях, отчасти деклассированной, руководимой больше законной ненавистью против буржуазии, чем революционным сознанием, части рабочих масс Средней Европы (Германия, Венгрия, Австрия) и устремления стихийно-революционных массовых движений англо-саксонских стран с их жгучей ненавистью против рабочей аристократии и рабочей бюрократии (промышленные рабочие мира в Америке, движение заводских старост в Англии и т. д.), «левые» встретились в отрицании использования (даже революционного использования) парламентаризма с антипарламентским и антиполитическим крылом синдикалистов. Некоторые из этих направлений отрицали также работу в реакционных профсоюзах. Одни из них, в результате неправильного взгляда на отношение между партией и классом, считали единственной организационной формой рабочего класса советы, желая отбросить партию к старому времени борьбы за демократию. Другие же понимали партию и ее роль в духе бланкизма, в смысле «инициативного меньшинства» и в конце-концов дошли до сектантской точки зрения по вопросу об отношении между авангардом и широкими рабочими массами. В общем и целом, однако, эти течения были выражением революционного нетерпения, и большую роль в их возникновении играли как реакция против носкизма, так и вообще поражения революций.

Наиболее последовательной выразительницей этих направлений была Коммунистическая Рабочая Партия Германии, об'единившая в себе «детские болезни» всех других: 1) отрицание парламентской работы вообще; 2) отрицание работы в профсоюзах; 3) непонимание роли партии до и во время революции и признание единственной организацией производственной организации, так наз. «единой организации»; 4) отрицание централизма К. И., федерализм и отрицание централизованной дисциплины; 5) непонимание условий возникновения советов рабочих депутатов.

В этой борьбе с «левыми» возникли на II с'езде решения, представляющие собой основы тактики Коммунистического Интернационала: тезисы о роли коммунистической партии в революции, о работе в профсоюзах и заводских комитетах, об условиях организации советов, о вопросах революционного парламентаризма, о внутренней организации коммунистической партии и о взаимоотношениях масс, класса и партии. В этих тезисах ВКП(б) передала западному рабочему движению не только свой опыт, приобретенный во время пролетарской революции, но и тот громадный идейный и организационный опыт, который она со времени своего возникновения под руководством Ленина приобрела в борьбе на два фронта, против правых и «левых» уклонов.

Отмежевание Коминтерна от правых и «левых» уклонов в рабочем движении, конечно, никогда не могло быть, да и в дальнейшем не может быть полным. Идущие впереди масс и борющиеся коммунистические партии захватывают все новые и новые массы как справа, из социал-демократии, так и «слева». Эти массы долго носят с собой остатки своего социального и политического происхождения. В Коминтерне все время были представлены как центристские, так и «левые» остатки. Эти остатки все время выводились наружу в процессе работы и борьбы Коминтерна. Но сила большевизма, отчасти была достаточной и в дальнейшем еще более будет достаточной для того, чтобы наибольшую часть представителей таких остатков переделать в огне революционных боев.

Борьба с уклонами на историческом повороте.

После описанного отмежевания справа и «слева» международное коммунистическое движение так же, как и сама пролетарская революция, вступило в новый этап. Уже в самом начале революции пролетариат потерпел целый ряд поражений (Финляндия, Германия, Венгрия), и в период между II и III конгрессами эти частичные поражения стали учащаться (поражение Красной армии под Варшавой, поражение при занятии фабрик в Италии в 1920 г., мартовское восстание в Германии в 1920 г.). Ход революции замедлился. Международная буржуазия, впавшая было в панику под впечатлением стихийных ударов революционного движения, вновь приобрела уверенность в себе и при помощи социал-демократии укрепила свои государственные органы.

Буржуазия в международном масштабе перешла к наступлению против рабочего класса, на социальные завоевания революционных времен, на что пролетариат во многих случаях ответил методами гражданской войны. В это время значительная часть коммунистических партий уже превратилась в массовые партии, и влияние их на массы еще возрастало скачкообразно. С другой стороны, именно в результате этого обстоятельства коммунистические партии оказались на перепутье. Им приходилось решать вопрос: должны ли они считать себя ударными отрядами в борьбе за пролетарскую диктатуру, в гражданской войне, или же они должны в данных условиях, при замедленном ходе революции, видеть свою непосредственную задачу в том, чтобы, — ни на минуту не забывая об основной цели борьбы, о захвате государственной власти путем вооруженного восстания,—перенести центр тяжести своей работы на завоевание боль-

шинства рабочего класса в повседневной борьбе за частичные требования рабочих масс? Этот поворот также сопровождался *двоякого рода* уклоном от правильной большевистской тактики.

Один из них, *правый*, выражался в том, что он испугался «издержек революции». Одни считали, что можно избежать гражданской войны путем завоевания большинства рабочего класса (Чехо-Словакия). Родственным с этим направлением было и то, которое в Германии представляли Леви и его единомышленники, используя несомненные ошибки руководителей мартовского восстания. Это направление уже тогда представляло зачатки капитуляции перед соц.-демократией и на самом деле означало возвращение к программе-минимум социал-демократии, к «реформе капитализма», совершенно теряя из вида революционную перспективу.

На другом крыле Коммунистического Интернационала стояла довольно сильная левая группа, представлявшая так наз. «теорию наступления», *применение которой, как говорил Ленин, к мартовскому выступлению в Германии было совершенно неправильно*. Также неправильно было превратить ее «в общедействительную теорию» для всех стран и периодов. Это «левое» направление совершило главную ошибку тем, что неправильно понимало *отношение между авангардом и массами*, что выразилось, между прочим, и в том, что оно не желало считаться с более отсталыми слоями пролетариата, отвергая тактику маневров. Другим проявлением точки зрения «левых» было то сопротивление, которое они оказывали тактическим тезисам III конгресса, в особенности тому тезису Ленина, что *непосредственной* задачей коммунистических партий в борьбе за власть и условием успеха борьбы за власть является *завоевание большинства рабочего класса*. «Левая» опасность представляла собой сильную угрозу Коммунистическому Интернационалу именно потому, что на III конгрессе довольно большая часть руководителей коммунистических партий (Германии, Италии, Польши, Венгрии и др.) защищала эту точку зрения. Тем не менее довольно быстро удалось ликвидировать эту опасность, и если и было еще налицо некоторое сопротивление по отношению к установленной III конгрессом массовой тактике и вытекающей из нее тактике единого фронта, подавляющая часть «левых» не только лойяльно, но с полным убеждением стала на почву решений конгресса. (В своих заметках через 8 месяцев после конгресса Ленин отмечает, что «ошибка «левых» на этом конгрессе ими учтена и исправлена понемногу, медленно, но неуклонно»). Тем не менее III конгресс в важнейших европейских странах (Германия, Франция, Англия) привел к отколу части как правых, так и «левых».

Уклоны в условиях перехода к стабилизации.

Краткая эра «демократического пацифизма» принесла в международном масштабе об'единение центризма и правой социал-демократии и создала основы развития социал-демократии к фашизму. Социал-демократы оказались на стороне буржуазных усилий, направленных на стабилизацию капитализма, но международные экономические и политические затруднения (оккупация Рурской области и т. д.) вызвали новую революционную волну в целом ряде стран. После III конгресса Коминтерна происходивший в структуре рабочего класса процесс нивелировки некоторое время еще продолжался, и влияние рабочей аристократии в течение некоторого времени еще шло на убыль.

Создание Макдональдского «рабочего правительства» довольно значительно усиливало демократические иллюзии, но происходящее в Советском

Союзе социалистическое строительство в очень значительной степени сумело парализовать эти иллюзии. Массовая тактика III конгресса по борьбе за большинство нашла свое конкретное выражение в *тактике единого фронта*. Первоначальная — более или менее еще неполная—формулировка тактики единого фронта была следующая: «Под единым фронтом рабочих следует понимать единство рабочих, готовых бороться против капитала и наибольшее единение всех рабочих организаций в каждом непосредственном выступлении против фронта капиталистов».

После этого дальнейшая конкретизация массовой тактики нашла свое выражение в лозунгах *рабочего правительства* и *позже рабоче-крестьянского правительства*. Тактика единого фронта получила также дальнейшую конкретизацию в качестве *метода для борьбы за мобилизацию масс*. Конкретизацией методов борьбы за завоевание масс было также раз'яснение вопросов *профсоюзной тактики*: осуждение стремлений к бойкоту реформистских профсоюзов и к созданию особых профсоюзных организаций. Этой же цели служила также новая постановка коммунистами вопроса об отношении к крестьянству, при чем эта постановка теперь уже имела в виду более «узкие» тактические моменты. В тесной связи с этим вопросом находилась также *оценка послевоенного развития социал-демократии* в качестве третьей партии буржуазии, *левого крыла буржуазии*. Если на первых трех конгрессах Коммунистического Интернационала можно было лишь говорить о настроениях или в крайнем случае направлениях *внутри* самого Интернационала, то в период, непосредственно предшествующий стабилизации, и в начале стабилизации уклоны в Коминтерне как правый, так и левый уже начинают быть представленными *вполне оформившимися группировками и даже фракциями*. Уже до октябрьского поражения 1923 года в Германии создается направление, связанное с именем Брандлера, и вокруг него группируются в *международном масштабе* с большей или меньшей определенностью правые. В виду того, что КПГ является на Западе наиболее развитой коммунистической массовой партией, и «левый» уклон в международном масштабе кристаллизуется вокруг немецких «левых» и в дальнейшем так наз. «ультралевых» (Маслов, Рут Фишер, Урбанс). Замедление хода революции у обоих направлений привело к утере революционной перспективы и в значительной степени способствовало идеологическому и организационному оформлению обоих направлений: у правых—оппортунистической пассивности, желавшей связать выступление партии с *соглашением* с руководителями соц.-демократической партии, а у левых—пассивности, прикрываемой революционными фразами, пассивности, выражающейся в воздержании от повседневных, в частности, профсоюзных боев. Оформлению этих направлений способствовало также и то, что, в результате временного прекращения острой революционной ситуации и затруднений в ходе социалистического строительства в СССР, и в ВКП(б) идеологически и организационно оформился вновь скрытый до сих пор *троцкизм, который поддерживал то правое, то левое крыло Коминтерна* в зависимости от того, направо или налево колебалась его социальная база—мелкобуржуазные слои рабочего класса и вообще мелкая буржуазия. Правый уклон проявлялся в первую очередь в том понимании тактики единого фронта, что эта тактика является не методом мобилизации масс, не боевым единением масс, *а парламентским блоком и комбинацией с руководителями соц. партий*. Наиболее классическим выражением этого было «рабочее правительство» Брандлера в Саксонии и осуществляемая этим правительством политика парламентского блока. Такое истолкование тактики единого фронта сводило роль авангарда пролетариата почти на-нет

и, как показал опыт, ставило выступление рабочего класса в зависимость от социал-демократии, движущейся в направлении к фашизму.

«Левый» уклон по этим вопросам как в Германии, так и в других странах проявлялся или в полном отрицании тактики единого фронта или же в применении его в такой форме, которая годилась лишь для того, чтобы отпугнуть находящиеся в социал-демократической партии или идущие за ней рабочие массы от создания единого боевого фронта с коммунистами. Это была «тактика единого фронта» Рут Фишер и Маслова, которую с полнейшей искренностью, — освободив ее от шелухи «двойной бухгалтерии» германского образца,—выразил Бордига.

По вопросу о рабоче-крестьянском правительстве Коминтерн,—как известно,—принял точку зрения, что лозунг рабоче-крестьянского правительства является синонимом пролетарской диктатуры и ни в коем случае не блоком коммунистической партии и социал-демократической партии на основе системы парламентаризма. Рабоче-крестьянское правительство, на Западе в особенности, может быть только правительством диктатуры рабочего класса, опирающимся на советы рабочих и крестьянских депутатов и на другие широкие массовые организации рабочего класса и крестьянства.

В соответствии с своей точкой зрения по вопросу о тактике единого фронта правые понимали рабоче-крестьянское правительство, как совместное, коалиционное правительство коммунистической партии и социал-демократической партии, представляющее собой, на основе парламентской демократии, этап между буржуазной демократией и пролетарской диктатурой. Доведением этой демократической иллюзии ad absurdum было «открытие» Брандлера, заключавшееся в том, что на основе конституции германской буржуазно-демократической республики, на основании закона о предоставлении президенту республики исключительных прав, можно осуществить переход к пролетарской диктатуре в форме «бескровного переворота».

«Левый» уклон вместе с тактикой единого фронта отклонял также лозунг рабоче-крестьянского правительства. Рут Фишер и Маслов и здесь были более трусливы, но вместе с Бордигой они также считали, что в классовых отношениях «высокоразвитого Запада» этот лозунг неприменим.

В профсоюзном вопросе Коминтерну пришлось вести особенно тяжелую борьбу с уклонами. В этот период борьба была направлена в первую очередь против «левых» уклонов. «Левые» отчасти требовали прекращения работы в профсоюзах и выхода из профсоюзов. Им действительно удалось ослабить коммунистическую работу в профсоюзах настолько, что в некоторых странах коммунистическое влияние в профсоюзах упало до минимума. Правые же на практике чаще всего отказывались от самостоятельного выступления коммунистов в профсоюзах, и значительная часть профсоюзных работников-коммунистов просто плелась в хвосте реформистской бюрократии.

Антибольшевистский уклон в крестьянском вопросе выявился отчасти в Германии и Италии в связи с сопротивлением, оказываемым «левыми» лозунгу рабоче-крестьянского правительства, но большее значение он получил в связи с поведением Коммунистической Партии Болгарии во время фашистского переворота Цанкова. Болгарская партия в борьбе между крестьянской партией и фашизмом стала на точку зрения «нейтральности». В оценке этого вопроса все еще играли роль и тяжелые ошибки, совершенные по крестьянскому вопросу Коммунистической Партией Венгрии во время пролетарской революции в Венгрии. По этому вопросу довольно быстро удалось ликвидировать уклоны, по крайней мере — в теории.

В борьбе, которая шла вокруг всех этих вопросов, «левые» выдвинули вопрос о пересмотре решений III конгресса Коминтерна.

Как Маслов, так и Бордига квалифицировали принятые III конгрессом решения по вопросу о массовой тактике ошибкой. Правые же под руководством Брандлера уже тогда заговорили о фактической отмене лозунга пролетарской диктатуры и замене его лозунгом «контроля над производством», фальсифицируя таким образом смысл решений III конгресса, чтобы сделать коммунистическую партию «приемлемой» в качестве партнера социал-демократической партии в едином фронте, осуществляемом в духе политики блока. Со стороны «левых» Бордига протестовал против термина ленинизм, отрицая возможность применения русского опыта на Западе.

В этот период внутренней борьбы в Коминтерне выступают наружу также уклоны по организационному вопросу. Правые, потеряв руководство в Германии, присоединяются к требованию троцкистов о свободе фракций, и это же требование поддерживает Бордига «слева». По вопросу о реорганизации коммунистической партии на основе заводских ячеек, также наблюдается сопротивление с обеих сторон. Правые так же, как и левые, настаивали на унаследованных от социал-демократической партии организационных формах, сводящих деятельность коммунистической партии почти-что к одной лишь активности должностных лиц и сделавших участие членов партии в обсуждении и решении партийных вопросов иллюзорным. Только ценою больших усилий удалось преодолеть отрицательное отношение к реорганизации партии на основе заводских ячеек.

В это время троцкизм, кроме требования свободы фракций, выступил еще с фальсификацией революционной перспективы, пропагандируя совсем близко связанную с ультра-империализмом теорию о том, что Америка посадила Европу «на паек». В этот период троцкизм вообще поддерживал брандлерианцев, идя в ногу с правыми по всем вопросам и в особенности по вопросу об октябрьском поражении в Германии и по вопросу о тактике единого фронта. «Левую» маску в международных вопросах троцкизм, встреченный после первого своего выступления осуждением со стороны подавляющего большинства Коминтерна, надел лишь позднее.

Борьба с международным троцкизмом и ликвидаторством.

Процесс относительной стабилизации все больше укреплял в Коминтерне уклоны, проявляющиеся в утере революционной перспективы. Успехи частичной стабилизации капитализма, затруднения восстановительного периода в Советском Союзе, все еще сильные корни социал-демократии в передовых империалистических странах, мелкобуржуазное давление на ВКП(б),— все эти моменты привели как в Советском Союзе, так и в международном масштабе к развитию троцкизма в определенно враждебную партии фракцию в форме разнородного и беспринципного блока. Троцкизм идеологически и организационно об'единил в международном масштабе различные «крылья» и «оттенки» от крайне правых до крайне левых. Суварин и Лорио шли вместе с Коршем и Масловым, об'единившись на платформе троцкизма; эта платформа нашла наиболее полное выражение в той «критике», которая называла диктатуру пролетариата в Советском Союзе диктатурой мелкобуржуазного характера, обвиняя ВКП(б) в том, что она разрушает дееспобность международного пролетариата (англо-русский комитет, китайская революция). Организационным центром этих группок на Западе является находящийся под руководством Урбанса «Ленинбунд», который разоблачил себя, как прямую агентуру социал-демократии, не только тем, что его члены и руководители все чаще с поднятыми руками переходят к социал-демократии, но и тем, что выступают против лозунга защиты Советского

Союза. Отрицая пролетарский характер диктатуры в Советском Союзе, он, конечно, отрицает также обязанность международного пролетариата защищать Советский Союз согласно решениям Коммунистического Интернационала. Этот «левый» уклон в настоящее время уже стоит фактически вне Коммунистического Интернационала, находясь в непосредственном соседстве с социал-демократической и империалистической контрреволюцией.

Внутри Коммунистического Интернационала «левый» уклон в настоящее время, как это указывают тезисы VI конгресса Коминтерна, проявляется в некоторой тенденции к отказу от тактики единого фронта, недооценке громадного значения работы профсоюзов, в преобладании революционной фразы над действительным революционным содержанием работы и — в Китае — в известных путчистских тенденциях.

Наиболее опасным уклоном является (события после VI конгресса показывают это еще более ясно, чем даже решения конгресса) правый уклон в сторону социал-демократии. Начиная с ВКП(б), почти в каждой партии правая опасность выдвинулась на первый план (Германия, Франция, Соед. Штаты, Чехо-Словакия, Англия и т. д.). Корни этого уклона, как и формы его проявления, в различных странах весьма разнообразны. Общим для всех являются: идеологические остатки социал-демократии, утеря революционной перспективы на почве стабилизации, приближение — по вопросу об оценке стабилизации, — к социал-демократической точке зрения в частности, согласно которой стабилизация представляет собой целую отдельную историческую эпоху. В то время как в Советском Союзе правая опасность проявляется в том, что правые стремятся к сокращению темпа индустриализации, работая тем самым в направлении сокращения обороноспособности страны в случае войны, и что правые хотят ослабить классовую борьбу пролетариата с враждебными классами путем уступок кулачеству, в Германии брандлерианцы, во Франции противники тактики «класс против класса» и т. д. являются об'ективно орудием капитуляции перед социал-империалистами, т.-е. об'ективно перед международным империализмом (при чем, например, в рурской борьбе они играли эту роль и суб'ективно). Другими общими чертами правого крыла в коммунистических партиях капиталистических стран (примиренцы отчасти активно, отчасти же пассивно поддерживают это правое крыло) являются следующие:

1) Переоценка стабилизации капитализма и недооценка классовых и международно-политических противоречий на основе стабилизации во время 3-го периода (Германия, Соед. Штаты). 2) Остатки легализма и чрезмерное законопочитание (в особенности в Чехо-Словакии). 3) Неправильная оценка социал-демократии, отчасти отрицание, отчасти же недооценка ее развития в сторону социал-империализма; взгляд на «левую» социал-демократию как на отдельное направление, а не как на результат распределения ролей внутри социал-демократии (Германия, Франция, Англия). 4) Хвостизм в области профсоюзной тактики, являющийся в значительной степени также выражением недооценки роли партии, поскольку в практике отрицается, что партия самостоятельно может организовать экономические движения и забастовки с привлечением неорганизованных рабочих масс. С другой стороны, этот хвостизм происходит также от неправильной оценки развития социал-демократии и ее слияния с буржуазным государством. 5) Отрицание международной коммунистической дисциплины и выступление против централизации Коминтерна.

Наиболее типичные представители правых — Брандлер, Тальгеймер и их единомышленники — уже находятся вне Коминтерна и на пути к социал-демократии. Это, однако, отнюдь не означает, что правая опасность и примиренчество к ней в Коммунистическом Интернационале уже преодолены. Несмотря на большевизацию, несмотря на революционный опыт 12 лет, несмотря на то, что социал-демократия превратилась в социал-империализм и ее «левое крыло», а «левая» социал-демократия так же на жизнь и на смерть связана с буржуазией, как и носкисты, условия стабилизационного периода питают правые уклоны даже с двух сторон. Во-первых, действует давление рабочей аристократии, в особенности на профсоюзных работников-коммунистов, из рядов которых Брандлер в первую очередь получил своих сторонников. С другой стороны, обостряющиеся классовые противоречия, развертывающиеся перед рабочим классом в национальном и международном масштабе перспективы революционной борьбы и уже происходящие бои отпугивают правые элементы. Эта боязнь борьбы, боязнь наступления на буржуазию и паническое поведение во время отступления рабочих масс все более об'единяют оба типа оппортунизма: правых (брандлерианцев) и троцкистов. Можно сказать, что почти уже готова общая платформа, которая, по всей вероятности, в недалеком будущем сплотит правых и левых ренегатов коммунистического движения,—брандлерианцев и троцкистов,—в сектантское об'единение. Одним из элементов этой общей платформы является борьба против ВКП(б) и против самого Советского Союза. Другим ее элементом является общая оценка развития Коммунистического Интернационала. По утверждению филистерского идеолога брандлерианцев, Тальгеймера, Коммунистический Интернационал лишь до II конгресса проводил правильную ленинскую политику. Со времени же III конгресса Коммунистический Интернационал впадал то в левый, то в правый уклон, и политическая деятельность его за последнее время является собранием левых и правых ошибок (как известно, на IV конгрессе Ленин еще делал доклад). По мнению Тальгеймера, Коммунистический Интернационал делал во время событий в октябре 1923 года и после них левые ошибки. Со времени всеобщей забастовки в Англии и китайской революции Коммунистический Интернационал — по утверждению того же Тальгеймера — совершенно подпал под власть правых ошибок. Такая оценка развития Коммунистического Интернационала небезызвестна для тех, кто знает литературу троцкизма. Эта платформа почти слово в слово повторяет о Коммунистическом Интернационале то, что о нем говорят троцкисты в своем клеветническом походе. Группы ренегатов таким образом находят дорогу друг к другу и к тому ликвидаторству, которое на почве стабилизации через каналы мелкой буржуазии и рабочей аристократии проникло в революционное рабочее движение и которое Коммунистический Интернационал, поскольку он хотел выполнить свои революционные задачи, должен был выкинуть из своих рядов.

Сумерки „гениальных филистерских идей“.

Когда 10 лет назад создался Коммунистический Интернационал, вокруг ушей пролетариата, страдающего под ужасным гнетом войны и ее экономических последствий и истекающего кровью в борьбе, так и жужжали гениальные филистерские идеи. У знахарей центризма все карманы были полны рецептов для разрешения вопроса, чтобы и волки были сыты и овцы были целы, чтобы пролетариат освободился от гнета, но чтобы не пришлось слишком убить и капитализм. Из маленьких левых сект тоже каждая имела свою «единственно спасительную идеологию». Но все эти рецепты и иделогии страдали тем недостатком, что здоровый классовый инстинкт революционных рабочих масс отказывался от них. Теперь, по истечении 10 лет, также жужжат гениальные филистерские идеи на почве стабилизации вокруг революционных рабочих.

Общей чертой троцкистов и брандлерианцев является именно производство гениальных филистерских идей. Брандлер, выдумал «контроль над производством» как лозунг, который и без революционной ситуации и даже без революционного выступления может «повести пролетариат к победе». А различные группки троцкистов уже целыми массами производят такие филистерские идеи, самая гениальная из которых заключается в том, что для победы революции в международном и национальном масштабе будто бы надо противопоставить рабочий класс угрожаемой международным империализмом пролетарской диктатуре — Советскому Союзу.

Борьба против этих филистерских идей в настоящее время в значительной части уже не является внутренней борьбой в Коминтерне, а в первую очередь борьбой против внешнего врага. Магнит не становится слабее, его притягательная сила не станет меньше, если с него упало все, что прильнуло к нему в виде шлака, что даже революционным огнем 10 лет не могло быть превращено в сталь. Сила магнита вместо отпавших групп притянула и притянет еще новые революционные массы.

Исчерпав в борьбе с правым и «левым» оппортунизмом, с центризмом, ликвидаторством, троцкизмом все возможности методов убеждения, Коммунистический Интернационал может сохранить свое ленинское единство и на будущее десятилетие, сможет повести международный пролетариат к победе в борьбе за диктатуру, лишь если он сохранит и укрепит самую важную предпосылку победы большевиков—железную дисциплину, основанную на идеологическом единстве и на революционно-марксистской, ленинской политике. И всякому, кто бы он ни был, откуда бы ни пришел, что бы он раньше ни совершил в рабочем движении, каждому автору закатывающихся филистерских идей он укажет на слова Ленина:

«Кто хоть сколько-нибудь ослабляет железную дисциплину партии и пролетариата... тот практически помогает буржуазии против пролетариата».

Г. Зиновьев.

Против течения.

С первого же дня мировой империалистской войны все легальные органы большевиков в России были, как известно, разгромлены. В. И. Ленин был захвачен войной в галицийском захолустье. Когда Ленину удалось выбраться в Швейцарию и приступить там к возобновлению издания центрального органа большевиков, — мировая война полыхала уже на протяжении тысяч километров фронта, а социал-шовинистические партии всего мира на всех языках кричали о «защите отечества»—каждая с одобрения «своего» правительства Первая статья в возобновленном при таких условиях центральном органе большевиков носила заглавие «Против течения».

— Мы не скрываем от себя,—говорилось в этой статье,—шовинистическое течение сейчас очень сильно. Зараза приняла колоссальные размеры. Но это не избавляет нас от обязанности, а, напротив, повелительно диктует нам—грести против течения. Пусть сейчас все наши органы в России задушены, пусть слабый наш голос звучит одиноко, пусть каждый день приносит нам все новые известия о социалистах, ставших жертвой шовинистской волны.

Нас мало сейчас. Но уже первые известия из России, которые мы печатаем в настоящем номере, показывают, что сознательные пролетарии нашей страны готовы исполнить свой долг до конца. И с полной верой в грядущее освобождение социализма от шовинистского пленения мы зовем подать друг другу руки всех тех, кто и в эти тяжелые дни остался верен социалистическому знамени.

Шовинистское течение делает истребительные завоевания. Но мы—
— Мы возбудим течение встречное

Против течения.

Против течения — под этим лозунгом, в сущности говоря, прошла деятельность Ленина. Против течения—этими словами можно было бы, в сущности, охарактеризовать всю историю большевизма.

Сначала как одиночка, затем во главе небольшой группы, затем как вождь фракции, затем как руководитель партии, затем как глава государства, а затем как вдохновитель и вождь Коммунистического Интернационала прокладывал Ленин дорогу против течения.

Первые значительные литературные работы Ленина в 90-х годах посвящены борьбе против господствовавшего тогда народничества, «русского» социализма. Плеханов, который был старше Ленина на 15 лет, первый выступил с применением учения Маркса к русским условиям, первый дал крупные теоретические бои народничеству. Но во главе решающей схватки с народничеством на самом поле действия в России в те годы, когда дело стало подходить к образованию больших оформленных партий, когда при-

близилось падение царского самодержавия и чувствовалось уже первое дыхание революции,—стоял именно Ленин. Это было его первое крупное политическое плавание «против течения».

В 1900 г. появляется «Искра». Это уже больше, чем кружок, но все еще меньше, чем партия. В старой «Искре» рядом с Лениным с блеском работают Плеханов и Мартов, но душою «Искры» по общему признанию и друзей и врагов является Ленин. «Искра»—орган, ведущий борьбу против течения: против ревизионизма международного, против ревизионизма русского—экономизма тож,—против эсэровщины, против либерализма, против царизма. С величайшим успехом и с блестящим талантом «Искра» гребет против течения, а во главе гребцов—Владимир Ленин.

В 1903 г. на втором с'езде создается Российская Социал-Демократическая Партия. Ее первый с'езд состоялся на 5 лет раньше, но преследования со стороны царского правительства, при недостаточной силе рабочего движения, не позволили партии сложиться достаточно прочно. Лишь в 1903 г. партия оформилась окончательно.

В то же время оформился меньшевизм, сложившийся в сильное, вначале очень влиятельное оппортунистическое направление, с авторитетными вождями, с разветвленной организацией. Ленину вновь приходится плыть против течения. Он становится во главе ортодоксально-марксистской части партии, складывающейся теперь в большевистскую фракцию.

Фракция против фракции!

В 1904—05 гг. меньшевизм захватывает почти все официальные органы партии. Ленин вынужден покинуть редакцию старой «Искры». «Наверху» меньшевизм сильнее, чем большевизм. «Проницательным» мещанам даже кажется, что большевизм вот-вот умрет. Большевики с напряжением всех сил гребут против течения. В революцию 1905 года большевики входят, как фракция. Громадный революционный под'ем 1905 и начала 1906 годов дает перевес большевикам. Но Стокгольмский об'единенный с'езд, собирающийся весною 1906 г.,—когда революционная волна идет уже на убыль,—дает вновь победу меньшевизму. В течение всей полосы наиболее жестокой контрреволюции--1908—1912 гг.—большевики существуют, как фракция. В эту трудную, тяжелую пору им и подавно приходится грести против течения.

В 1912 г. после знаменитой ленской стачки и начала нового революционного под'ема происходит окончательный разрыв большевиков с меньшевиками. Большевики образуют самостоятельную партию. Отныне большевизм гребет против течения уже не как фракция, а как партия. В 1914 г., после начала мировой войны, большевизм отряхает с ног своих прах II Интернационала и провозглашает лозунг III Интернационала. Циммервальд и Кинталь, это—международные об'единения, по сути дела, в рамках II Интернационала. Но внутри Циммервальда и Кинталя под руководством Ленина образуется циммервальдская левая, являющаяся международной ячейкой для организации нового Интернационала. Теперь большевизм является международной фракцией в рабочем движении. Его паролем в это время уж подавно является—«против течения».

В октябре 1917 г. большевизм во главе русского рабочего класса завоевывает власть в России. Окруженный буржуазными государствами, вооруженными до зубов и имеющими наготове многомиллионные армии, под руководством озлобленых до бешенства буржуазных офицеров; угрожаемый изнутри эсэрами, меньшевиками и белогвардейцами; в обстановке чудовищной хозяйственной разрухи и голода—большевизм борется против течения отныне уже, как партия, стоящая во главе единственного пролетарского государства. В 1919 г. создан III Интернационал, и с этого времени большевизм борется против течения, как организованное

пролетарское государство и одновременно как организованное международное товарищество рабочих—Коммунистический Интернационал.

Против течения! Что это значит?

Это значит: против господствующего течения, против господствующего класса. Это значит далее: против отраженных его влияний в нашем классе, в рабочем классе!

Против господствующего класса—это значит против господства мировой буржуазии, против господства империализма; это значило одно время в России—против господства помещиков и буржуазии, против господства царской монархии. Вся же борьба большевизма против «европейского» ревизионизма в конце 90-х годов, прежде всего против берштейнианства — против русского «экономизма», затем меньшевизма, затем оппортунизма II Интернационала, затем оппортунизма, превратившегося в социал-патриотизм, затем против эсэро-меньшевистской «революционной демократии» во время русской революции,—что это, как не борьба революционного марксизма против отраженного влияния господствующего класса в нашем собственном классе — пролетариате?[1]).

Ленина пытались представить схоластиком, человеком догмы. Марксизм Ленина Плеханов в 1096 г. назвал «дубоватым» марксизмом. На самом деле Ленин был крупнейшим диалектиком нашей эпохи, и иным и не мог быть гений пролетарской революции.

«Идея всемирной, всесторонней, живой связи всего со всем и отражения этой связи—материалистически на голову поставленный Гегель—в понятиях человека, которые должны быть также обтесаны, обломаны, гибки, подвижны, релятивны, взаимно связаны, едины в противоположностях—такова сущность диалектического понимания мира».

Ленин выражает эту глубокую мысль в следующем простом, но и превосходном сравнении: «Река и капли в этой реке. Положение каждой капли, ее отношение к другим; ее связь с другими; направление ее движения; скорость; линия движения—прямая, кривая, круглая и т. д.—вверх, вниз. Сумма движения. Понятия, как учеты отдельных сторон движения, отдельных капель (=«вещей»), отдельных «струй» etc[2]).

Философская формула Ленина целиком годится также для того, чтобы определить его политический подход к практическим вопросам всемирного революционного движения. Гениальность Ленина, как вождя про-

---

[1]) Современные оппортунисты иногда воображают, что стоит им издать журнальчик под заглавием «Против течения»—и они уже могут претендовать на звание ленинцев. Так поступает французская, насквозь интеллигентская группа, возглавляемая Пазом. В лучшем случае это—«новожизненская» группа, т.-е. нечто в роде «независимых» меньшевиков. Так поступает теперь и группа Брандлера в Германии, отошедшая от Коминтерна. Одного названия маловато, граждане! Ленин боролся против господствующего класса (буржуазии) и его отраженных—через официальную социал-демократию--влияний в рабочем классе. Но он всегда дышал одной грудью с рабочими массами и защищал их коренные интересы, ибо он был пролетарским революционером. Это он называл—итти «против течения».

А вы? Вы сами являетесь—или становитесь—орудием с.-д. влияний и все больше отходите от подлинных рабочих масс (или никогда с ними не были). Вы на деле боретесь против господствующего ныне в России класса (пролетариата) и его влияний в международном рабочем классе. Для вас «невыносима» дисциплина пролетарской диктатуры Трудности пролетарской диктатуры в крестьянской стране в буржуазном окружении вызывают иногда колебания в партии пролетарской революции. Вы стараетесь использовать эти колебания для целей группочек, отчасти не понявших, в чем суть споров, отчасти сознательно искажающих их. Вы на деле рвете с пролетарской революцией. Вы это называете итти «против течения»? Против какого течения, граждане?..

[2]) «Ленинский Сборник» IX, стр. 11—12.

летарской революции, в том и состояла, что он видел и «всю реку», и «капли» в той реке, что он умел определить «положение каждой капли», ее отношение к другим, ее связь с другими, направление ее движения и т. д. В переводе на язык самого Ленина это значило, что он умел в каждую отдельную историческую эпоху определить то «очередное звено», за которое нужно суметь ухватиться, чтобы удержать всю цепь.

Ленин вышел на историческую арену, как марксист-одиночка, которому предстояло непосредственно применить свои силы в крестьянской стране. Ленин сошел в могилу, как общепризнанный представитель могущественного пролетарского государства, обнимающего $^1/_6$ земной суши, и вождь Коммунистического Интернационала, сорганизовавшего в своих рядах революционную часть международного рабочего движения во всем мире и привлекшего к себе симпатии всего, что есть лучшего в революционно-освободительном движении вообще.

Методы борьбы, конечно, были разные в те времена, когда Ленину приходилось итти против течения сначала как марксисту-одиночке, затем как вождю фракции, затем как вождю партии и, наконец, как главе государства и руководителю могущественной международной организации рабочих. Но содержание борьбы все время оставалось одним и тем же. Это была борьба против капиталистического рабства, борьба против капиталистической системы и её «высшего» выражения—империализма. Это была борьба за диктатуру пролетариата, необходимую как переходная ступень к уничтожению классов вообще. Это была борьба за социализм, как первую ступень к коммунизму, за создание международной советской республики, как переходной ступени к полному уничтожению государства.

Эпоха Ленина была и остается эпохой величайших кризисов и потрясений, через которые проходит человечество. Кто теперь оглянется назад на жизнь и деятельность Ленина, тот увидит, что расцвет его деятельности совпадает с самой революционной эпохой новейшей мировой истории. «Всякий кризис,—говорит в одном месте Ленин,—одних надламывает, других закаляет». Ленин вел и провел рабочий класс через целую полосу труднейших кризисов. Ни он, ни его класс в этих кризисах не надламывались, а закалялись. Бывали полосы реакции — «контрреволюционные судороги», по Ленину—когда рабочий класс уходил в себя, переживал тяжелые периоды и когда врагу казалось, что теперь он одержал «окончательную» победу над нашим классом. В эти тяжелые времена и отражение идей господствующего класса в нашем классе бывало особенно сильным и опасным. Но вот пройдет некоторое время—иногда на это шло несколько крайне тяжелых, мучительных лет—колесо истории повернется еще раз, и уже всякому видно, что рабочий класс, руководимый Лениным, вновь вышел из исторического испытания более сильным, более окрепшим, и позиции буржуазии внутри рабочего класса оказываются если не уничтоженными, то, во всяком случае, ослабленными.

За ленинским кружком во второй половине 90-х годов шли еще только сотни сознательных рабочих-передовиков; за ленинской «Искрой» в начале 900-х годов шли уже тысячи и десятки тысяч пролетариев; за ленинской фракцией, особенно в 1905 г., шли уже сотни тысяч и миллионы. Затем наступает контрреволюционная судорога, длящаяся почти целое десятилетие. Это была именно та полоса, когда мелкобуржуазному политику и просто обывателю могло казаться, что Ленин потерял свою армию «навсегда». А между тем, диалектика истории усердно работала в это время над подготовкой гораздо более широкого и решительного наступления революционного пролетариата против твердынь царизма, а затем и против твердынь капитализма. Несколько раз повернулось колесо истории—и вот, в 1917 г. взвивается исторический занавес, и происходит нечто совершенно «непонятное» для мелкобуржуазного политика и обывателя: большевизм, еще недавно загнанный в подполье, оклеветанный и преследуемый, большевизм, которому еще недавно пришлось грести против течения в масштабе небольшой подпольной партии, теперь оказывается во главе государства и международного коммунистического пролетариата, выйдя на единоборство с богатейшей империалистской буржуазией всего мира. И, наконец, изумленному взору «недоумевающего» обывателя история показывает еще более замечательное зрелище: стоя во главе пролетарского государства и Коммунистического Интернационала, Ленин в течение ряда лет умножает число сторонников большевизма во всем мире—теперь уже не только в Европе, но и в Азии, не только в Германии, но и в Китае, не только во Франции, но и в Индии—и притом завоевывает пролетариев всех стран и угнетенные народы мира уже не десятками и сотнями тысяч, а миллионами. Практическая деятельность Ленина, как она вошла в мировую историю, есть лучшая иллюстрация к тезису Маркса о том, что идея сама становится величайшей силой, когда она охватывает большие народные массы, которыми, в свою очередь, эта идея порождена и выношена.

Всю историю большевизма можно было бы уложить в следующие несколько строк. До 1900 г. одиночки и малооформленные группы. 1900 — 1903 гг.—ленинская «Искра»; в одной группе большевики и будущие меньшевики. 1903—1912 гг.—большевизм, как фракция. 1912 г.—самостоятельная большевистская партия. 1915 г.—большевистская фракция в международном масштабе; 1917 г.—большевизм во главе государства. 1919 г. большевизм во главе и Коминтерна. 1919—1929 гг.—большевизм во главе государства и Коминтерна. И весь этот период, охватывающий вот уже более четверти века, целиком укладывается в формулу «против течения».

Возьмите литературные органы, созданные Лениным—«Искра», «Вперед», «Пролетарий», «Социал-Демократ», «Звезда», «Правда» — чтобы назвать только самое главное. Каждый из этих органов имел ярко выраженное лицо, каждый из них прокладывал определенную борозду в общественно-политической жизни. Все это были органы, плывшие против течения, и в то же время—органы, которые своею определенностью и убежденностью завоевывали иногда симпатии людей, стоявших совершенно на другом берегу. Разве не любопытен следующий отзыв поэта Александра Блока о «Звезде», записанный им в его дневнике?

«Новая для меня, на самом же деле ежедневно конфискуемая и от этого имеющая еще больший успех—с.-д. «Звезда». Отрадно после консерватизма органов—«Речи» и «Русского Слова»... Все здесь ясно, просто и отчетливо (потому—талантливо)» [1].

Ясно, просто и отчетливо! Блок забыл только прибавить: и единственно правильно с точки зрения угнетенного класса. Ясно, просто и отчетливо потому, что от имени и «во имя» рабочего класса, того класса, который не может освободить себя, не освободив весь мир.

Но особенно отважным было то плавание против течения, которое большевизму пришлось предпринять в начале мировой империалистской войны.

Тяжел был кризис. Без преувеличения можно сказать, что более тяжелого времени, нежели начало мировой империалистской войны 1914 года, не знало человечество. Тем более тяжел был кризис для нашего класса, для рабочего класса. Наша партия, все рабочее, все освободительное движение, весь Интернационал переживали отчаянно тяжелую полосу. На карту были поставлены не только материальные, но и идейные завоевания международ-

[1]) Дневник А. Л. Блока, 1911—1913, запись от 26/II—1912 г., стр. 83—84.

ного пролетариата—результат многих и многих десятилетий упорной борьбы и тяжелого труда. Мало того, что каждый день на полях смерти физически истребляли сотни тысяч рабочих-социалистов всех стран; мало того, что буржуазии удалось заставить пролетариев-социалистов расстреливать друг друга; мало того, что этот адский замысел представители умирающего мира выполняли нашими же руками, заставляя рабочих одной страны убивать своих братьев, рожденных в другой стране; нет, буржуазии удалось еще нечто большее: деморализовать рабочее движение идейно. Величайшему движению, какое когда-либо знала всемирная история, удалось с успехом привить страшную болезнь, которая свойственна дряхлеющему строю угнетения человека человеком. Имя этой болезни—шовинизм.

В этой обстановке Ленин бесстрашно поднимает знамя интернационализма, поддержанное сначала буквально только небольшой горсточкой сторонников.

Среди громадного краха, среди пожарищ войны, в обстановке осадного положения, распространившегося почти на всю Европу, нужно бросить лозунг превращения империалистской войны в гражданскую, нужно взяться за задачу восстановления подлинно пролетарского Интернационала на развалинах II Интернационала, предавшего дело рабочих. «Это—международная задача. Лежит она на нас, больше некому»,—пишет Ленин в одном письме уже 17 октября 1914 г. [1]).

«Лежит она на нас, больше некому». Какие гордые слова! Сколько веры в историческую миссию большевизма, законной веры, вполне оправдавшейся в дальнейшем ходе мировой истории! Нужно было пережить тогдашнюю обстановку, нужно было лично почувствовать тот неимоверно тяжелый, свинцовый гнет, который наложило начало империалистской войны на каждого пролетария-социалиста, чтобы понять, что означали эти гордые слова, написанные Лениным уже через два месяца после начала империалистской бойни.

Неимоверно тяжелый кризис давит на каждого пролетарского революционера. Чуть ли не каждый день приносит вести о новых изменах самых признанных из вождей II Интернационала. Целые социалистические партии, создававшиеся десятилетиями и долгие годы служившие предметом гордости для каждого социалиста, оказываются простыми игрушками в руках империалистов. Достаточно вспомнить судьбу германской социал-демократии. Тяжелые вести приходят отовсюду. Ряды международного пролетариата смяты. Нигде ни одного сколько-нибудь внушительного, организованного протеста против войны, всюду предательство и измена. А между тем, Ленин уже 15 января 1915 г. пишет следующие слова:

«Европейская война принесла ту великую пользу международному социализму, что наглядно вскрыла всю степень гнилости, подлости и низости оппортунизма, дав тем великолепный толчок к очищению рабочего движения от накопленного десятилетиями мирной эпохи навоза» [2]).

Война еще только начинается, гнет ее усиливается не только со дня на день, но с часу на час, а Ленин уже предчувствует ту живительную грозу, которая придет к концу войны. Война еще только разворачивается, мутные волны шовинизма заливают весь мир, а Ленин уже предчувствует и предвидит тот великий революционный под'ем, который явится неизбежным спутником империалистской бойни.

«Война—величайший кризис,—рассуждает Ленин. — Всякий кризис означает (при возможной временной задержке и регрессе): 1) ускорение раз-

[1]) Письма В. И. Ленина А. Г. Шляпникову и А. М. Коллонтай, ГИЗ, 1925, стр. 9.

[2]) Письма В. И. Ленина А. Г. Шляпникову и А. М. Коллонтай, стр. 37.

вития, 2) обострение противоречий, 3) обнаружение их, 4) крах всего гнилого» [1]).

Только теперь, в 1914 г., Ленин ставит ребром вопрос о расколе II Интернационала. Он констатирует: «Кризис официального марксизма (1895—1915) [2]), не воскрешать трупа, а развивать революционный марксизм против оппортунизма»,—таков вывод Ленина [3]).

«Сломались или, вернее, погибли негодные организации». Вывод Ленина: «очищать почву для лучших». Он осыпает сарказмами мелкобуржуазных пацифистов. «Война—ужасная вещь? Да. Но она ужасно прибыльная вещь» [4]). «Войну представляют, как ненормальное нарушение «мирного капитализма». Из-за чего? Из-за ужасов войны! (а ужасные прибыли?)»—пишет Ленин. «Крах вредного, гнилого в рабочем движении = устранение помех революционным битвам». Война закалит для социалистической революции. Война создаст ненависть к капитализму не только вообще, но к своему правительству и буржуазии. Ленин знает, что путь будет труден. Он предвидит «медленность и извилистость» роста пролетарской революции. Но он твердо знает, что всемирная империалистская война чрезвычайно приблизила всемирную социалистическую революцию.

Нужно строить новый Интернационал. Нужно раскалывать германскую социал-демократию. Главный враг—центризм, каутскианство.

«Каутского ненавижу и презираю сейчас хуже всех: поганенькое, дрянненькое и самодовольное лицемерие. Ничего-де не случилось, принципы-де не нарушены, все были в праве защищать отечество. Интернационализм — изволите видеть—в том и состоит, чтобы рабочие всех стран стреляли друг в друга «во имя защиты отечества».

«Права была Роза Люксембург, давно понявшая, что у Каутского «прислужничество теоретика»—лакейство говоря проще, лакейство перед большинством партии, перед оппортунизмом» [5]).

14 ноября 1914 г. Ленин еще пишет: «Выждать надо. У немцев шевелятся левые: если у них будет раскол, тогда, может быть, Интернационал будет спасен от гниения» [6]).

Но в то же время Ленин готовит полный разрыв со II Интернационалом. «Ни на какие конференции, ни на какие шаги по инициативе подобных мерзавцев мы не пойдем, а отстранимся: пусть срамят сами себя! А они себя, osрамивши раз, осрамят и дальше» [7]).

Ленин начинает подбирать единомышленников в международном рабочем движении. Сначала их можно сосчитать буквально по пальцам. С неимоверным трудом, ценой невероятных усилий Ленину удается найти первые единичные связи в Германии и во Франции, в Швейцарии и в Швеции, в Австрии и отчасти в Америке. Каждый интернационалистский листок изданный хотя бы только в нескольких экземплярах, вызывает в Ленине громадный интерес и горячую поддержку. Никакие усилия не кажутся ему слишком большими для того, чтобы убедить в гнусности социал-патриотизма хотя бы только одного швейцарского рабочего. Пока нет сколько-нибудь прочной базы для создания III Интернационала, Ленин использует каждую пядь воз-

[1]) Неопубликованный конспект реферата «Первое мая и война», 1915 г. Напечатано в журнале «Пролетарская Революция» № 1, 1929 г., стр. 4.

[2]) В 1895 г., как известно, умер Энгельс, а в 1898 г. бернштейниада была уже в полном разгаре.

[3]) «Пролетарская Революция». 1929, стр. 6.

[4]) Там же, стр. 7.

[5]) Письма В. И. Ленина А. Г. Шляпникову и А. М. Коллонтай, 1925, стр. 14.

[6]) Там же, стр. 20.

[7]) Там же, стр. 17.

можности, каждую зацепку в организациях II Интернационала. Только в сентябре 1916 г. Ленин пишет: «Кстати: раскол в международном масштабе тоже назрел. Я считаю вполне своевременным теперь, чтобы все сознательно-руководящие рабочие России поняли это и принимали резолюции в пользу организационного разрыва со II Интернационалом, с Международным Бюро Гюисманса, Вандервельде и К°,—в пользу построения III Интернационала только против каутскианцев всех стран (Чхеидзе и К°, как и Мартов с Аксельродом = руские каутскианцы), только в сближении с людьми, стоящими на позиции Циммервальдской левой» [1]).

Для Ленина необходимость раскола II Интернационала была, разумеется, ясна гораздо раньше, но сейчас он считает его назревшим настолько, чтобы открыто поставить вопрос о расколе в центре всей работы. К этому времени обанкротилось и Циммервальдское об'единение. В начале 1917 г. Ленин пишет: «Циммервальд явно обанкротился, и хорошее слово служит опять для прикрытия гнили! Циммервальдское большинство, это—Турати и К°, Каутский с Ледебуром, Мергейм—все перешло на позицию социал-пацифизма, осужденного столь торжественно (и столь бесплодно!) в Кинтале... Гримм, ругающий социал-патриотов всех стран, кроме швейцарских, коих он прикрывает!.. Я вне себя от бешенства на этих подлецов; противно слышать их и о них; противно еще более думать о работе вместе с ними. Комедиантство!» [2]).

Первые же вести о победе февральской (1917 г.) революции в России вызывают у Ленина следующие мысли по вопросу об Интернационале: «Ни за что снова по типу II Интернационала! Ни за что с Каутским!.. Республиканская пропаганда, борьба против империализма, попрежнему революционная пропаганда, агитация и борьба с целью международной пролетарской революции с завоеванием власти советами рабочих депутатов (а не кадетскими жуликами)... Ни в коем случае не à la «II Интернационал». Вширь! Новые слои поднять! Новую инициативу будить, новые организации во всех слоях и им доказать, что мир даст лишь вооруженный совет рабочих депутатов, если он возьмет власть» [3]).

Как в начале войны Ленин считает, что лозунг мира не есть наш лозунг, что наш лозунг гражданская война, так и сейчас, в начале русской революции, он говорит массам, что подлинный мир может дать только новая революция, которая скинет ставшую у власти буржуазию.

То; что предвидел Ленин в самом начале войны, теперь начинает осуществляться. Самый великолепный толчок к очищению рабочего движения от накопленного десятилетиями мирной эпохи навоза дает первая победа первой пролетарской революции 25 октября 1917 года.

* * *

Война и крах II Интернационала резко отразились на Ленине—записывали мы по свежим следам событий. Многие, знавшие Ленина лично, изумлялись, как изменился он с начала войны. Он, конечно, никогда не относился нежно к буржуазии. Но с начала мировой империалистской войны у Ленина появилась какая-то сосредоточенная, концентрированная, острая, как оточенный клинок, ненависть к буржуазии, виновнице империалистической войны. Ленин переменился даже в лице. В Цюрихе он жил в беднейшем квартале в квартире сапожника, почти на чердаке. Каждую, даже случайную встречу с любым рабочим он считал необходимым использовать для того, чтобы втолковать ему, что происходящая война это—империалистская

[1]) Письма В. И. Ленина А. Г. Шляпникову и А. М. Коллонтай, 1925, стр. 92—93.
[2]) Письма В. И. Ленина А. Г. Шляпникову и А. М. Коллонтай, 1925, стр. 99.
[3]) Там же, стр. 104, 106.

бойня, что честь пролетариата требует самой непримиримой борьбы против этой войны, что нельзя положить оружия до того момента, когда рабочий класс освободит землю от разбойников-империалистов.

Ленин не только путем теоретического анализа приходил к выводу, что мировая империалистская война может быть превращена в мировую революцию. Он чувствовал это всем своим существом. Он как бы рукою осязал создающуюся во всех странах, захваченных войной, революционную ситуацию. Тем больший гнев, негодование, ненависть вызывали у Ленина вожди II Интернационала—в особенности центристы—употреблявшие все свои силы на то, чтобы отвлечь рабочих от революционного пути.

Переход власти в руки рабочего класса был возможен почти во всех воюющих странах. Если бы официальные с.-д. партии не изменили рабочему классу, если бы они хотя бы к концу империалистской войны присоединились к революционному движению рабочих,—победа была бы, несомненно, обеспечена.

Один из наиболее искренних и по-своему честных вождей II Интернационала, Фридрих Адлер, в докладе, прочитанном им на конференции рабочих советов в Австрии в июле 1919 года, признал, что «после переворота в октябре в немецкой Австрии в действительности не было ни одного момента, когда не представлялась для пролетариата возможность овладеть властью... В возможности создания социалистической власти я никогда не сомневался, как не сомневались и те товарищи, которые считаются правыми в партии. Но перед серьезными, добросовестными (?) представителями пролетарских интересов стоял не только этот вопрос—существует ли возможность овладеть властью,—но прежде всего стоял вопрос, в интересах ли пролетариата брать власть при данных определенных исторических условиях».

То, что признал в 1919 году Фридрих Адлер относительно немецкой Австрии, безусловно относится ко всем или почти ко всем странам, которые были втянуты в мировую войну. Власть могла быть взята рабочими. В этом, по признанию Адлера, никогда не сомневались и те «товарищи», которые «считаются» правыми в партии.

Представим себе на одну минуту, как выглядел бы теперь мир, если бы официальная социал-демократия — допустим это на одну минуту!—не перебежала на сторону буржуазии, а помогла бы рабочему классу взять власть. Это значило бы, что буржуазия была бы свергнута в Германии, Франции, старой Австро-Венгрии, включавшей нынешнюю Чехо-Словакию, в Италии, на Балканах, быть может, даже в таких странах, как Бельгия и Голландия. В России власть была завоевана пролетариатом в действительности и была удержана им, несмотря ни на что. В Венгрии, в Баварии, в Финляндии власть на время попала уже в руки рабочего класса. Это значило бы, что почти вся Европа была бы в руках рабочих. Если бы в Англии и Америке власть буржуазии и удержалась, она была бы ослаблена в чрезвычайной степени. События в Китае, а вероятно, и в Индии пошли бы по-другому. Победа китайской революции была бы обеспечена наверняка. Все или почти все угнетенные империализмом народы перешли бы на сторону победившего европейского рабочего класса.

Официальные вожди социал-демократии оправдывали свой контрреволюционный образ действий тем, что-де взятие власти рабочим классом в обстановке хозяйственной разрухи, вызванной войной, не даст возможности социалистам справиться с хозяйственными задачами. Но это была лишь подлая увертка.

Если говорить о цветущей крупной промышленности, способной сразу всеми потребными продуктами удовлетворить крестьянство, то это условие налицо; если взять вопрос в мировом масштабе, такая цветущая крупная промышленность, которая может снабдить мир всеми продуктами,

имеется на земле, но только ее не умеют пускать в ход иначе, как для того, чтобы строить пушки, делать снаряды и прочие орудия, с таким большим успехом примененные в 1914—1918 гг.» [1]),—говорил впоследствии Ленин.

Даже опыт отсталой крестьянской страны, каковой являлась Россия, показал, что справиться с хозяйственной разрухой с наибольшими выгодами для народных масс может только победоносный пролетариат. Даже оставленная с глазу на глаз с мировым империализмом пролетарская революция в крестьянской стране сумела победить хозяйственную разруху и выйти на дорогу широкого социалистического строительства. Если бы в 1919 году власть во всех или почти во всех воевавших странах перешла в руки пролетариата, мы давно имели бы уже международную советскую республику с планомерным разделением труда в хозяйственной области, с гигантским развитием производительных сил, с таким под'емом в медународном рабочем классе и в угнетенных народах мира, перед которым не могли бы надолго устоять твердыни капитализма даже в Америке и в Англии. И уж во всяком случае, теперь, через 10 лет после окончания первой мировой империалистской войны, человечество не стояло бы вновь перед возможностью и даже неизбежностью еще более кровавых империалистских войн. Пролетариат, победивший в масштабе всей или почти всей Европы, показал бы такие чудеса героизма и инициативы во всех областях, которые действительно подвели бы уже человечество вплотную к тому, чтобы сделать прыжок из царства необходимости в царство свободы.

Такова была та историческая ставка, которая в значительной мере зависела от поведения старых официальных социал-демократических партий во время войны. Ленин все это видел и чувствовал уже тогда, в самом разгаре, в самом «пекле» событий. И именно поэтому Ленин вкладывал такую необычайную, даже для него невиданную страстность в свою тогдашнюю борьбу против официальных вождей социал-демократии, в свою проповедь создания нового пролетарского Интернационала. Из ада империалистской войны должно и можно было вести рабочий класс всех или почти всех воюющих стран непосредственно к социалистической революции и через нее к социализму. А с.-д. вожди вели его под новое, еще более тяжелое иго капитализма, отдавая его со связанными руками во власть империалистской буржуазии. Ничего, кроме самой бешеной ненависти к себе, не могли вызвать эти вожди у подлинного представителя рабочего класса, ясно видевшего, куда идет дальнейшее развитие всемирной истории.

Эпоха, в которую жил Ленин,—и, в частности, период мировой империалистской войны не могли не выдвинуть таких борцов за рабочее дело, которые с особой яркостью, полнотой и силой воплотили бы великие идеи пролетариата. Ленин и был самым большим из тех людей, которых выдвинула эта эпоха. Ленин был не только большой, но и гениальный человек. Он пришел в мир для того, чтобы не просто сформулировать великие освободительные идеи пролетариата в час, когда пролетарская революция началась, а сформулировать их гениально и воплотить их так полно, так сильно, как этого еще никогда не было во всей мировой истории.

Одно из самых великих дел, выполненных Лениным, было создание Коммунистического Интернационала в огне империалистской войны и первой пролетарской революции. Кровь своего сердца отдал Ленин этому делу. За это же дело легли десятки и сотни тысяч пролетариев на разных фронтах мировой пролетарской революции. Вот почему дело это прочно, несмотря ни на какие невзгоды и временные заминки.

---

[1]) Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 433.

Т Бэлл.

Перед лицом военной опасности.

В своей резолюции по вопросу о международном положении VI Всемирный Конгресс Коминтерна об'явил энергичную борьбу всем социал-демократическим идеям относительно наступающей ликвидации всеобщего кризиса капитализма. Конгресс, однако, не только подчеркнул устройчивость кризиса, но обратил внимание на разнообразие новых форм, в которых этот кризис находит свое выражение. Эти новые формы выражены в росте производительных сил при ограничении потребления, в развитии техники и рационализации при уменьшении числа занятых в производстве рабочих и в хронической массовой безработице. В результате классовые противоречия решительно обостряются и принимают, в особенности в колониальных конфликтах, все более острые формы и все большие размеры. Этот третий период, как его охарактеризовали, поднимает вопрос о новом перераспределении колоний и полуколоний, о новых и больших войнах между империалистическими державами и, в особенности, о подготовке войны против Советского Союза с его социалистическим хозяйством, существование которого является вызовом мировой мощи империализма.

«Война — это продолжение политики другими средствами». «Мирная» политика настоящего момента просто является передышкой для подготовки новых войн. Разнообразие и изменения в экономической и политической мощи нескольких капиталистических держав неизбежно выдвигают на передний план необходимость нового раздела территорий, колоний и полуколоний, сфер влияния и т. д. Сотни миллионов трудящихся масс в метрополиях и в колониях вовлекаются, таким образом, в кровопролитные войны.

Поэтому пролетариату ставится вопрос: как может быть уничтожена война? Будет ли она уничтожена, как заявляют социал-патриоты, посредством соглашения между правительствами; юридическими ли пактами, об'являющими войну «вне закона»; Лигой ли Наций и призывом «перестать думать о войне», — или же имеются другие средства для достижения этой цели? Этот вопрос постоянно встает, и пролетариат должен дать на него ясный и категорический ответ. К счастью, у нас имеется ценный опыт большевистской партии, проделанный ею под твердым руководством тов. Ленина во время последней мировой войны и Октябрьской революции, который может служить нам руководством.

Из этого опыта мы получаем кристально ясный ответ. Социалистическое движение не может уничтожить войны иначе, как свержением капиталистических эксплоататоров, т.-е. через пролетарскую диктатуру, строящую социализм и уничтожающую классы. Но свержение буржуазии невозможно без вооруженного восстания и пролетарских войн против власти буржуазии. Пролетарии всех национальностей должны об'единиться через все границы, которые должны быть уничтожены, для превращения капиталистической войны в войну гражданскую для свержения буржуазии и завоевания политической власти, для победы социализма.

Но революционный пролетариат именно потому, что он борется за социализм и за уничтожение войн, не может быть противником всякой войны. Он отвергает все пацифистские призывы «бойкотировать» всякую войну, отвергает «принципиальный» отказ от военной службы или ношения оружия.

Всякая война является продолжением политики. Пролетариат внимательно изучает классовую сущность и политику каждого правительства, классовое содержание политики каждой данной войны. Этот большевистский метод, особенно выдвинутый Лениным, настойчиво подчеркивается в тезисах VIII пленума ИККИ и VI Всемирного Конгресса Коминтерна.

В этих тезисах устанавливаются три вида современных войн: 1) война между империалистическими державами; 2) война империалистической контрреволюции против пролетарской революции или война против стран, в которых строится социализм; и 3) национальные революционные войны, в особенности войны колониальных стран против империализма, связанные с войнами империалистического подавления.

Этот марксистско-ленинский анализ является основой для определения принципов и тактики пролетариата в его отношении к этим различным видам войны. Это решительно противоречит болтовне социал-демократов и пацифистов относительно борьбы против войны вообще.

Маркс заявил, что «пролетариат не имеет отечества». Социал-демократы, однако, при первых же раскатах войны 1914 года показали, что они готовы «распять» даже Маркса. Империалисты оказались способны проводить свою военную политику только благодаря активному сотрудничеству «рабочих» и социал-демократических партий. В 1914 году международная социал-демократия позорно крахнула в результате разложившего ее оппортунизма. С этого времени ее политика превратилась в открытую защиту империализма. Британские, французские, германские и австрийские социалисты не скрывают своего откровенного сотрудничества с их «собственной» национальной буржуазией. Лозунг «национальная оборона» уже не требует для них теоретического обоснования, для них национальная оборона стала бесспорным общественным долгом, как необходимая предпосылка для прогресса.

Но еще в своей знаменитой критической статье о брошюре Юниуса, написанной в октябре 1916 г., Ленин разбил социал-демократическую идею о «национальной обороне», как «предпосылке прогресса». «Развитие вперед,—говорил Ленин,—осуществимо лишь к социалистическому обществу, к социалистической революции. Империалистическо-буржуазной войне, войне высокоразвитого капитализма, об'ективно может противостоять, с точки зрения передового класса, только война против буржуазии, т.-е. прежде всего гражданская война пролетариата с буржуазией за власть, без которой серьезного движения вперед быть не может, а затем лишь при известных особых условиях, возможная война в защиту социалистического государства против буржуазных государств». («Против течения», октябрь 1916 года).

И VI Всемирный Конгресс Коминтерна, подводя итоги политической программе коммунистических партий по вопросу об отношении к империалистической войне, высказался

а) за отказ от империластической «национальной обороны», за раз'яснения рабочим и крестьянам реакционного характера империалистических войн и за борьбу со всякими тенденциями в рабочем движении, которые оправдывают такие войны;

б) за пораженчество, т.-е. за деятельность, направленную на поражение своего империалистического правительства;

в) за действительный интернационализм, т.-е. не за «интернациональные» фразы и формальные «соглашения», но за проведение революционно-пораженческой деятельности во всех воюющих странах для свержения своей собственной буржуазии;

г) за превращение войны между империалистическими государствами в пролетарскую гражданскую войну против буржуазии с целью установления диктатуры пролетариата; это превращение должно быть достигнуто путем революционного массового действия и братания на фронте;

д) «демократический» или «справедливый» мир не может быть достигнут в результате империалистической войны без свержения буржуазии и захвата власти пролетариатом в наиболее важных воюющих странах.

Эта программа подводит итоги принципам и тактике большевистской партии в течение периода 1914—1918 гг. Спасение принципов марксизма от социал-демократических предателей, сохранение их для пролетариата и трудящихся масс, как орудия в деле окончательного уничтожения капитализма, является неоценимой заслугой Ленина и большевистской партии.

Во время войны 1914—18 гг. играл чрезвычайно важную роль вопрос о братании. Когда во время рождественских праздников солдаты в окопах начали брататься, Ленин быстро почуял важность этого явления и обратил внимание социал-демократов на тот факт, что сами солдаты менее заботятся о сохранении национальных границ, чем социал-демократические вожди. Опыт тогда показал, что массовое братание неизбежно ведет к классовой диференциации в армиях и к вооруженным столкновениям между солдатами и офицерами.

Братание, однако, имеет различные формы, когда мы учитываем различные виды войн. Империалистическая война против Советского Союза, например, является явно контрреволюционной классовой войной буржуазии против пролетариата. Такая война, однако, дает значительно больше затруднений для буржуазии, чем война между двумя империалистическими государствами. Несомненным является тот факт, что миллионы пролетариев во всех частях мира стали смотреть на Советский Союз, как на свое «отечество». Возможности массового наступления против буржуазного правительства, которое об'явит войну Советскому Союзу, поэтому весьма значительные, несомненно, более значительные, чем в 1914 году. Мы уже имели пример такой пролетарской солидарности во время польской войны против Советского Союза в 1920 году, когда в Великобритании немедленно были созданы Советы Действия. Такая война против Советского Союза ставит перед международным пролетариатом вопрос о братании. Братание, происходящее в виде отказа стрелять или под лозунгом «штыки в землю» мало поможет. Настоящее братание здесь должно выразиться в массовом переходе солдат империалистических армий на сторону Красной армии, чтобы пополнить военные кадры и силы пролетарских армий.

В империалистической войне против национально-революционной армии угнетенного колониального народа тактика должна быть такая же, как в империалистической войне против Советского Союза. Настойчивое применение пораженческой тактики по отношению к империалистической стране и ее армии; борьба за победу угнетенной нации и поддержка ее армии, — вот как ставится вопрос о братании в империалистической войне против угнетенной колониальной страны. Вся буржуазная социал-демократическая галиматья и болтовня о «национальной обороне» (буржуазного) «отечества» и о «свободе наших собственных учреждений» отбрасывается, марксизм получает конкретное применение в классовой борьбе для уничтожения капитализма.

Со времени основания Коминтерна за минувшие 10 лет в колониальных странах имел место ряд крупных выступлений против империализма.

Богатый опыт, внесенный в Коминтерн большевистской партией и спартаковским союзом, обогатился событиями в Марокко, Сирии, арабских странах, Индо-Китае, Индии и Китае.

Китайское революционное движение в особенности было весьма поучительно. Здесь мы видим, как национальная армия, игравшая одно время революционную роль, перешла фактически на службу империализму. Это случилось после предательства Чан-Кай-Ши. Когда национальные армии были об'единены и наступали против империалистов и их китайских агентов, они играли революционную роль, но когда гоминдановские генералы начали проводить предательскую политику и продались империалистам, весь характер национальной войны изменился. Отныне революционный пролетариат не мог оставаться в каком-либо союзе с национальной буржуазией. Его задачей теперь стало — соединить революционно-национальную оборону с борьбой против Чан-Кай-Ши и национальной буржуазии, за установление революционной диктатуры рабочих и крестьян.

Таким образом, мы видим, что опыт Китая выдвигает перед пролетариатом новый тип национальной войны. Из боязни перед рабоче-крестьянской революцией буржуазия угнетенных стран становится реакционной и предпочитает союз с империалистами союзу с пролетариатом. Революционный пролетариат поэтому должен сделать все, что в его силах, во время всех фаз национальной борьбы, чтобы укрепить свое собственное положение и направить свои силы, отнюдь не отбрасывая лозунга «национальной обороны», на сражение с буржуазией, изменившей интересам национальной обороны.

Тезисы VI Всемирного Конгресса Коминтерна особо подчеркивали важность работы внутри буржуазных армий. Уже в «21 условии» III Конгресса подчеркивается необходимость этой работы. Навряд ли можно сказать, что эта форма работы выполняется партиями на все 100%. В этом отношении мы видим, как медленно отмирает наследие II Интернационала. Все еще существует тенденция рассматривать вопрос о войне, как нечто абстрактное, разводить теории и заниматься общей пропагандой. Эта общая пропаганда имеет свое значение, но вся тяжесть антиимпериалистической деятельности революционного пролетариата должна быть брошена на выполнение задач по работе внутри армий не меньше, чем в тылу армий, т.-е. на военных заводах, в химической промышленности и на транспорте. Эта последняя работа особенно важна в настоящий период лихорадочных приготовлений к следующей войне.

В данный момент более активным сектором, на котором растет военная опасность, является англо-американское соревнование. Американская буржуазия решительно отказывается упустить те преимущества, которые она завоевала за счет европейской буржуазии во время войны 1914—18 гг. Речь бывшего президента Кулиджа в день празднования перемирия (11 ноября) была определенным вызовом, брошенным главным образом Великобритании, с требованием главенствующей роли для Америки. С другой стороны, отказ английской буржуазии сократить свою морскую мощь, провал конференции трех держав, скрытое возобновление англо-японского союза, военно-морское соглашение с Францией являются явным доказательством того, что английская буржуазия не сдастся без борьбы. Это соревнование за мировую гегемонию может окончиться только второй мировой войной. Напрасно было бы полагать, что пакт Келлога может быть чем-либо иным, кроме ширмы для военных приготовлений. В этом отношении характерно, как Конгресс САСШ наскоро, без всяких церемоний ратифицировал программу постройки 15 крейсеров.

На ряду с этим соревнованием империалистическими державами посылается целый ряд экспедиций в колонии, частью имеющих военный характер (в Никарагуа, Марокко, Сирии, французской экваториальной Африке и Манчжурии), частью же скрытого военного характера (в Аравии, Афганистане и латино-американских странах). Эти колониальные экспедиции весьма красноречиво говорят об обостренной борьбе за рынки и предстоящем вооруженном столкновении между империалистами.

Но империалистическое соревнование и колониальные экспедиции не должны заслонять от нас настойчивую и систематическую, организованную подготовку империалистами войны с Советским Союзом. Последние события в Афганистане и военные приготовления на индийской границе еще раз обнаруживают интригующую руку английской буржуазии, стремящейся затормозить растущее влияние Советского Союза. Англо-французский союз, нашедший себе выражение в польско-румынском военном союзе, польско-румыно-французская политика по отношению к Украине, японское проникновение в Манчжурию и на Восток, — все это является конкретным доказательством того факта, что империалисты вовсе не отказались от попытки нового военного состязания с пролетарской властью.

Международный пролетариат явно приближается к краю второй мировой войны. Главный вопрос настоящего момента, который стоит перед верховным штабом революционного пролетариата, Коминтерном, при данной ситуации, это укрепление всех своих секций, достижение полного единства в своих рядах для защиты Советского Союза. Главная задача момента—очистить ряды от всех явно оппортунистических элементов (германских правых саботажников и прочих) и энергичная борьба против всех примиренческих элементов, стремящихся к соглашению с правым оппортунизмом.

II Интернационал развалился до войны 1914—18 гг. благодаря оппортунизму, которым изобиловало его руководство. Коммунистический Интернационал не может допустить, чтобы история повторилась.

П. Миф.

Коминтерн и колониальный вопрос.

В противоположность II Интернационалу Коммунистический Интернационал с первых же шагов своей организации правильно оценил всемирно-историческое значение колониального вопроса.

Коммунистический Интернационал правильно усмотрел, что общий кризис капитализма, с исторической неизбежностью завершающийся крахом всей эксплоататорской системы, в известной мере порождается также все возрастающим противоречием между колониальными народами и горсткой капиталистических олигархов. Уже на II конгрессе устами В. И. Ленина Коминтерн констатировал, что

> «характерная черта империализма состоит в том что весь мир, как это мы видим, разделяется в настоящее время на большое число угнетенных народов и ничтожное число народов угнетающих, располагающих колоссальными богатствами и могучей военной силой. Громадное большинство, насчитывающее больше миллиарда, по всей вероятности, миллиард с четвертью человек, если мы примем численность всего населения земли в один три четверти миллиарда, т.-е. около 70% населения земли, принадлежит угнетенным народам, которые или находятся в непосредственной колониальной зависимости, или относятся к окраинным колониальным государствам, как, например, Персия, Турция, Китай, или же, будучи побеждены армией крупной империалистической державы, по договорам оказались в зависимости от нее. Эта идея различия, разделения народов на угнетающих и угнетенных проходит через все тезисы». (Ленин, т. XIX, стр. 242).

И Коммунистический Интернационал при решении колониального вопроса должен был исходить из все большего углубления пропасти между миром угнетающим и угнетенным. Противоречие между этими двумя лагерями империализм не только не был в состоянии сгладить или ослабить, но, наоборот, он всячески закреплял и усиливал это различие. Только революционная борьба трудящихся масс зависимых и колониальных стран против империализма единственно могла привести к освобождению этих стран от гнета и эксплоатации капиталистических метрополий. Отсюда Коминтерн приходил к выводу о неизбежности бурного развития революционно-освободительного движения в колониальных странах. Это движение, направлявшее свои удары против международного империализма, вливалось в общий поток мировой пролетарской революции.

Основываясь на принципах революционного марксизма, не трудно было установить место колоний в общем мировом революционном процессе. Не трудно было понять, что на помощь передовым отрядам международного пролетариата, штурмующего твердыни мирового империализма, поднимутся огромнейшие массы порабощенных народов, которые соединятся для сокрушения общего врага — империализма. Коммунистический Интернационал

предвидел поднимающуюся встречную волну революционной борьбы колониальных народов. «Восток пришел окончательно в революционное движение», он «окончательно втянулся в общий круговорот всемирного революционного движения», провозглашалось величайшим вождем Коминтерна под злобное улюлюкание наших классовых врагов.

> «Восток, Индия, Китай и т. п., в силу именно последней империалистической войны, оказались окончательно выбитыми из своей колеи. Их развитие направилось окончательно по общеевропейскому капиталистическому масштабу. В них началось общеевропейское брожение. И для всего мира ясно теперь, что они втянулись в такое развитие, которое не может не привести к кризизу всего всемирного капитализма». (Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 126).

Эти заявления в стане наших врагов и, в первую очередь, в лагере международной социал-демократии вызывали ироническую усмешку. Жалкие прислужники империалистической буржуазии, уверовавшие, что царству капитала не будет конца, всякие указания на нарастание революционного движения в колониях и на его прямую связь с международной пролетарской революцией в лучшем случае встречали, как сумасшедший бред, как чудовищное измышление неисправимых фанатиков.

В противовес этой лицемерной болтовне социал-демократических агентов международной буржуазии, авторитетнейший вождь Коминтерна на III Всемирном Конгрессе вещал, что «революционное движение среди сотни миллионов угнетенных народов Востока растет с замечательной силой... Трудящиеся массы колониальных и полуколониальных стран, составляя огромное большинство населения земли, пробуждены к политической жизни уже с начала XX века, особенно революциями в России, Турции, Персии и Китае. Империалистическая война 1914—1918 гг. и советская власть в России окончательно превращают эти массы в активный фактор всемирной политики и революционного разрушения империализма, хотя этого не видит еще упорно образованное мещанство Европы и Америки, в том числе вожди 2 и 2½ Интернационалов». (Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 312—313).

А между тем Коммунистический Интернационал, предсказывая непреложное нарастание колониально-революционного движения, устанавливая огромную роль этого движения в судьбах международной революции, в этом вопросе, как и в других, перенимал лучшие традиции революционного марксизма.

Вспомним, что не кто иной, как Маркс, в середине прошлого столетия с неослабным вниманием следил за революцией тайпинов в Китае, со всей тщательностью анализировал вопрос о том, «какое влияние китайская революция в свою очередь со временем окажет на Англию и через Англию на Европу». Прослеживая и обосновывая экономическими причинами влияние китайской революции на западно-европейские страны, Маркс писал, что «можно смело предсказать, что китайская революция бросит искру в перегруженную мину современной промышленной системы и вызовет взрыв давно подготовлявшегося всеобщего кризиса, за которым, когда он распространится за границей, непосредственно последуют политические революции на континенте». И далее Маркс продолжал: «Это будет любопытное зрелище, когда Китай вызовет беспорядки в западном мире, между тем как западные державы посылкой английских, французских и американских военных кораблей будут насаждать «порядок» в Шанхае, Нанкине и в устьях Большого Канала».

Для нас не важно сейчас, что Маркс ошибся в ожидании близкой революционной развязки. Маркс не мог тогда предвидеть, что империалистическая стадия даст известную отсрочку краху капиталистической системы.

История не отвергла, а лишь отложила выполнение гениальных предсказаний Маркса. Именно поэтому нас должна интересовать другая сторона вопроса. Оставаясь не на словах, а на деле марксистами, мы должны следовать тем принципам, которыми руководствовался Маркс, устанавливавший прямую связь революционного движения в отсталых странах с мировой пролетарской революцией. Это тем более необходимо в настоящее время, когда сложилось мировое хозяйство и когда развитие производительных сил отдельных стран в большей мере, чем раньше, становится в теснейшую зависимость. Коммунистический Интернационал, возвещая широчайший размах революционной борьбы трудящихся масс колоний, демонстрировал этим глубочайшее понимание тех гигантских исторических сдвигов всего общественного уклада, которые составляют содержание переживаемой нами эпохи.

Нас поэтому не будут удивлять пророческие слова Ленина, произнесенные им на III конгрессе Коминтерна о том, что накопилось много горючего материала «в тех странах, которые до сих пор рассматривались лишь как об'екты, а не суб'екты истории, т.-е. в колониальных и полуколониальных странах», что «вполне возможно поэтому, что в этих странах рано или поздно совершенно неожиданно вспыхнут революционные восстания, великие бои и революции». Нас поэтому не будет удивлять и последующее место из той же речи величайшего стратега и тактика мировой пролетарской революции: «Миллионы и сотни миллионов,—фактически громадное большинство населения земного шара,—сейчас выступают, как самостоятельные активные революционные факторы. И совершенно ясно, что в грядущих решающих сражениях мировой революции движение большинства населения земного шара, первоначально направленное на национальное освобождение, обратится против капитализма и империализма и, может быть, сыграет гораздо большую революционную роль, чем мы все ожидаем... Массы трудящихся, крестьяне колониальных стран, несмотря на то, что они сейчас еще отсталы, сыграют очень большую революционную роль в последующих фазисах мировой революции». (Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 319—323).

Истекшие годы полностью подтвердили правоту Коммунистического Интернационала. Десятилетие своего существования Коминтерн встречает в обстановке, целиком оправдывающей первоначально высказанные положения по колониальному вопросу. С полной правотой VI конгресс Коминтерна констатировал, что «со времени II конгресса актуальное значение колоний и полуколоний, как факторов кризиса мировой империалистической системы, еще более возросло... колонии еще в большей мере, чем прежде, стали постоянными источниками конфликтов и войн между империалистами... с другой стороны, гигантский мир колоний и полуколоний превратился в неугасимый очаг революционного массового движения».

Действительно, за последние годы мы были свидетелями повсеместных выступлений многочисленных отрядов угнетенного человечества. Зашевелились миллионные трудящиеся массы колониальных стран. В разных уголках мира и с разных сторон «кроты истории» подтачивали господство империалистической системы. В долине Ян-цзы, на берегах Ганга, Жемчужной реки, на многочисленных материках и островах, на всех континентах мира крестьянские восстания, рабочие стачки, вооруженные выступления порабощенных масс колониальных народов наносили брешь за брешью капиталистической системе, революционировали широчайшие массы, подрывали позиции международной буржуазии.

Невиданных доселе размеров достигла борьба против мирового капитализма. Все новые колонны бойцов присоединялись к пролетариату передовых стран. Мощные резервы вступили в действие, гигантские подкрепления втянулись в антиимпериалистическую борьбу. Расширился антиимпериалистический фронт, обогатившийся огромнейшим и неизгладимым опытом классовых битв.

Сухой перечень хотя бы главнейших событий сам по себе красноречиво свидетельствует о распространенности антиимпериалистической борьбы и о том месте, которое заняли колониальные движения в общей цепи мировой пролетарской революции. Турецкая революция, свержение Каджарской династии в Персии, успешная борьба за независимость в Афганистане, победоносная революция в Монголии были только первым валом в разной форме проявившейся революционной волны на Востоке.

Движение на этом не остановилось. В Индии после первого тура освободительной борьбы (1919—1922 гг.) вновь нарастает мощное антиимпериалистическое движение, готовое с страшной силой разразиться в самое ближайшее время. Восстание риффов, друзских племен, марокканцев дополнилось массовыми забастовками в Палестине, Алжире, Тунисе. Жестоко подавленные в результате длительных войн, эти движения не прекращают нарушать «спокойствие» империалистов в Северной Африке, которая с каждым днем все в большей мере представляет собой кипящий котел революционного брожения. Все шире в орбиту антиимпериалистического движения вовлекаются миллионные массы негров, подымающих знамя борьбы в Америке и Южной Африке. Мощное восстание малайских трудящихся масс в Индонезии против голландского империализма, начавшееся на Яве и перебросившееся затем на Суматру, когда в течение нескольких недель вооруженным до зубов империалистам не удавалось справиться с широко развернувшимся движением,—в свою очередь свидетельствует об углублении смертельной ненависти угнетенного народа к своим поработителям.

Это движение знаменательно еще тем, что десятки тысяч трудящихся Индонезии под непосредственным руководством пролетариата и его коммунистического авангарда бросились в открытую вооруженную борьбу против своих вековых угнетателей.

Мексиканская революция, крестьянские восстания и рабочие забастовки в Эквадоре, Колумбии, повстанческая борьба в Никарагуа, восстания на юге Бразилии, в Аргентине (Патагония),—все они в значительной мере были направлены против американского капитала, протягивающего свои щупальцы в страны Латинской Америки.

Наконец, величайшие события, оставившие глубочайший след, разыгрались в Китае. Там крестьянские выступления достигли небывалых размеров. Там молодой рабочий класс проявил чудеса храбрости и быстро растущую сознательность. Там в революционный шквал были втянуты огромнейшие пласты трудящихся масс.

Там шанхайский пролетариат после многократных попыток победоносно проведенным вооруженным восстанием явил миру образец своей политической зрелости. Там просуществовавшая в течение трех дней кантонская коммуна стала знаменем борьбы за советы для трудящихся масс главнейших восточных стран.

Все эти факты, полный перечень которых дать не представляется возможным, несомненно, говорят об исключительном размахе за последние годы революционного движения на Востоке. В ряде героических выступлений трудящиеся массы колоний и зависимых стран продемонстрировали кровное единство своих интересов с пролетариатом передовых, промышленно-развитых стран. Борьба с империализмом приняла поистине международный масштаб. Пролетарская революция с полным правом может называться теперь мировой.

* * *

Только поверхностный зритель мог бы расценивать эти события, как случайные встряски, как отдельные, разрозненные, скоро угасающие

вспышки. Только обыватель способен не видеть внутренней связи этих событий, всемирно-историческое их значение, глубочайшую их почвенность. При действительно научном их изучении не трудно установить глубочайшие экономические причины, порождающие мощные революционные потрясения, которые не могут приостановить своего действия пока не будет окончательно сломлено господство империализма.

Мировые меньшевики всех мастей и оттенков, поставившие своей целью апологию капитализма, воспевающие его прогрессивные стороны, восхваляющие его будто бы цивилизаторскую роль в колониях, оказались совершенно неспособными понять и сколько-нибудь правдоподобно об'яснить экономические пружины нарастающих революционных движений на Востоке. И в этом нет ничего удивительного. Беря под свою защиту колониальную политику финансового капитала, международный меньшевизм совершенно замалчивает и затушевывает все большее порабощение колоний, все большее подчинение их экономики капиталистическими метрополиями.

По мнению меньшевиков, империализм проводит созидательную работу на отсталых окраинах мира, выполняет прогрессивную миссию, облегчая их выход на путь самостоятельного экономического развития. И в доказательство этого положения, что характерно, меньшевики ссылаются на экспорт капитала в колониальные страны, который ускоряет промышленное развитие этих стран, подтягивает их к общему уровню передовых стран, приобщает к капиталистической цивилизации. Таким образом, с точки зрения меньшевиков, получается вывод, что экспорт капитала способствует самостоятельному процветанию колониальных и зависимых стран. Понятно, что, основываясь на этих положениях, мировой меньшевизм обращается к трудящимся колоний не с призывом вести революционную борьбу против своих угнетателей, а, напротив, полностью довериться империалистическому барину, выполняющему, по их словам, столь благородную роль.

Попытка меньшевиков в доказательство своих положений опереться на явления, связанные с экспортом капитала, заставляет нас подвергнуть хотя бы беглому анализу этот вопрос.

Ленин писал, что «вывоз капитала — одна из самых существенных экономических основ империализма» (т. XIII, стр. 314), что «для старого капитализма, с полным господством свободной конкуренции, типичен был вывоз т о в а р о в, для новейшего капитализма, с господством монополий, типичен стал вывоз к а п и т а л а» (т. XIII, стр. 284). Уже одно это определение говорит нам о том, что поставленный выше вопрос имеет далеко не только теоретический интерес. В самом деле, если подобно меньшевикам усматривать в экспорте капитала лишь прогрессивную роль, то это обязывает сделать и тот вывод, что империализм ведет все более положительную работу в колониях, что империализм все в большей степени обеспечивает всестороннюю индустриализацию и возможность самостоятельного экономического развития отсталых стран.

В действительности же дело обстоит как раз наоборот. Экспорт капитала не случайно стал одной из существеннейших сторон империализма, не случайно стал одним из знаменательнейших явлений монополистического капитализма. Экспорт капитала создал господство финансового капитала над всем мировым хозяйством. Вывоз товаров такой роли сыграть не мог. Экспорт товаров мог подрывать домашнюю, кустарную промышленность отсталых стран, мог разорять ремесло, мог подвергать жесточайшей эксплоатации население неразвитых стран, мог приносить неслыханные барыши капиталистам метрополий, но экспорт товаров не подчинял и не мог полностью подчинить экономику всех, даже самых отсталых стран небольшой горсточке промышленно-финансовых олигархов. Мировые производительные силы попали под узду, под контроль финансового капитала лишь при посредстве экспорта капитала.

Эпоха промышленного капитализма знала не мало примеров самой беспощадной эксплоатации колоний. Колониальный грабеж составлял как раз самый мощный канал первоначального капиталистического накопления. Взимая непосильные дани, выкачивая из колоний колоссальные богатства, сбывая там по неслыханно взвинченным ценам свои изделия, выгребая по баснословной дешевке сырье,—промышленный капитал обрекал колониальные страны на самое жалкое существование. Колониальный режим империализма усугубил и дополнил это положение полным порабощением колониальной экономики.

«Финансовый капитал в буквальном, можно сказать, смысле слова раскидывает свои сети на все страны мира. Большую роль играют при этом банки, учреждаемые в колониях, и их отделения». (Ленин, т. XIII, стр. 287). В самом деле, финансовый капитал распускает свои корни и создает базу своего господства в экономике отсталых, зависимых и колониальных стран. И это господство через иностранные банки осуществляется также при посредничестве туземного капитала. Экспорт капитала позволяет овладеть железными дорогами и другими видами транспорта, монополизировать мировые источники сырья и горючего, захватить в свои руки главнейшие предприятия и основные отрасли промышленности, сжать в своем кулаке дирижерскую палочку финансовой деятельности, подчинить и направлять в своих интересах развитие всей экономики этих колониальных или полуколониальных стран. Но на этом не ограничиваются функции финансового капитала в колониях. Цепкие паутинные нити он протягивает в глубь страны, овладевая сельскохозяйственной экономикой. Это достигается либо насаждением плантационного хозяйства, а там, где это невозможно, с помощью эксплоататорских элементов, с помощью местных землевладельцев, скупщиков, торговых посредников, выступающих как агентура иностранных банков, иностранного капитала, сельское хозяйство колониальных и зависимых стран превращается в аграрно-сырьевую базу империалистических метрополий.

Вот почему мы полностью соглашаемся с выводом, к которому пришел тов. Сафаров, формулировавший на примере Китая роль иностранного капитала в экономике осталых стран. «Все ключи от китайского народного хозяйства, все подступы к его естественным богатствам, все узловые пункты китайской экономики, все центры внешних и внутренних путей сообщения Китая находятся в руках империалистов. Империализм регулирует распределение прогресса и застоя между народами».

А как империализм регулирует это распределение, видно из следующих слов: «Китайский крестьянин прикреплен к голодному пайку, который определяет все его существование. К и т а й с к а я д е р е в н я н е н а с л о в а х, а н а д е л е б л о к и р о в а н а и м п е р и а л и з м о м. Империализм имеет свои заставы и укрепленные позиции в каждом мало-мальски значительном торговом пункте, в каждом уездном городке, не говоря уже о провинциальных центрах. Подобно средневековым феодалам, иностранные капиталисты держат свои кордоны на большой дороге, и достаточно появиться на рынке крестьянским продуктам, как они тотчас же подпадают под неумолимое действие «законов» колониальной эксплоатации. И н о с т р а н н ы й к а п и т а л н о р м и р у е т с т о и м о с т ь м е д и и с е р е б р а, с т о и м о с т ь к р е с т ь я н с к и х и з д е л и й и д о л ю с в о е г о б а р ы ш а. Т а к и м п у т е м о н з а д е р ж и в а е т р а з в и т и е т о р г о в о г о з е м л е д е л и я, з а г о н я я к а п и т а л и с т и ч е с к и е т е н д е н ц и и в с е л ь с к о м х о з я й с т в е в с а м ы е п а р а з и т и ч е с к и е и с р е д н е в е к о в ы е ф о р м ы. ...Империализм «солидаризируется» со всеми традиционными представителями туземного паразитизма, используя их в качестве своей главнейшей опо-

вспышки. Только обыватель способен не видеть внутренней связи этих событий, всемирно-историческое их значение, глубочайшую их почвенность. При действительно научном их изучении не трудно установить глубочайшие экономические причины, порождающие мощные революционные потрясения, которые не могут приостановить своего действия пока не будет окончательно сломлено господство империализма.

Мировые меньшевики всех мастей и оттенков, поставившие своей целью апологию капитализма, воспевающие его прогрессивные стороны, восхваляющие его будто бы цивилизаторскую роль в колониях, оказались совершенно неспособными понять и сколько-нибудь правдоподобно об'яснить экономические пружины нарастающих революционных движений на Востоке. И в этом нет ничего удивительного. Беря под свою защиту колониальную политику финансового капитала, международный меньшевизм совершенно замалчивает и затушевывает все большее порабощение колоний, все большее подчинение их экономики капиталистическими метрополиями.

По мнению меньшевиков, империализм проводит созидательную работу на отсталых окраинах мира, выполняет прогрессивную миссию, облегчая их выход на путь самостоятельного экономического развития. И в доказательство этого положения, что характерно, меньшевики ссылаются на экспорт капитала в колониальные страны, который ускоряет промышленное развитие этих стран, подтягивает их к общему уровню передовых стран, приобщает к капиталистической цивилизации. Таким образом, с точки зрения меньшевиков, получается вывод, что экспорт капитала способствует самостоятельному процветанию колониальных и зависимых стран. Понятно, что, основываясь на этих положениях, мировой меньшевизм обращается к трудящимся колоний не с призывом вести революционную борьбу против своих угнетателей, а, напротив, полностью довериться империалистическому барину, выполняющему, по их словам, столь благородную роль.

Попытка меньшевиков в доказательство своих положений опереться на явления, связанные с экспортом капитала, заставляет нас подвергнуть хотя бы беглому анализу этот вопрос.

Ленин писал, что «вывоз капитала — одна из самых существенных экономических основ империализма» (т. XIII, стр. 314), что «для старого капитализма, с полным господством свободной конкуренции, типичен был вывоз т о в а р о в, для новейшего капитализма, с господством монополий, типичен стал вывоз к а п и т а л а» (т. XIII, стр. 284). Уже одно это определение говорит нам о том, что поставленный выше вопрос имеет далеко не только теоретический интерес. В самом деле, если подобно меньшевикам усматривать в экспорте капитала лишь прогрессивную роль, то это обязывает сделать и тот вывод, что империализм ведет все более положительную работу в колониях, что империализм все в большей степени обеспечивает всестороннюю индустриализацию и возможность самостоятельного экономического развития отсталых стран.

В действительности же дело обстоит как раз наоборот. Экспорт капитала не случайно стал одной из существеннейших сторон империализма, не случайно стал одним из знаменательнейших явлений монополистического капитализма. Экспорт капитала создал господство финансового капитала над всем мировым хозяйством. Вывоз товаров такой роли сыграть не мог. Экспорт товаров мог подрывать домашнюю, кустарную промышленность отсталых стран, мог разорять ремесло, мог подвергать жесточайшей эксплоатации население неразвитых стран, мог приносить неслыханные барыши капиталистам метрополий, но экспорт товаров не подчинял и не мог полностью подчинить экономику всех, даже самых отсталых стран небольшой горсточке промышленно-финансовых олигархов. Мировые производительные силы попали под узду, под контроль финансового капитала лишь при посредстве экспорта капитала.

Эпоха промышленного капитализма знала не мало примеров самой беспощадной эксплоатации колоний. Колониальный грабеж составлял как раз самый мощный канал первоначального капиталистического накопления. Взимая непосильные дани, выкачивая из колоний колоссальные богатства, сбывая там по неслыханно взвинченным ценам свои изделия, выгребая по баснословной дешевке сырье,—промышленный капитал обрекал колониальные страны на самое жалкое существование. Колониальный режим империализма усугубил и дополнил это положение полным порабощением колониальной экономики.

«Финансовый капитал в буквальном, можно сказать, смысле слова раскидывает свои сети на все страны мира. Большую роль играют при этом банки, учреждаемые в колониях, и их отделения». (Ленин, т. XIII, стр. 287). В самом деле, финансовый капитал распускает свои корни и создает базу своего господства в экономике отсталых, зависимых и колониальных стран. И это господство через иностранные банки осуществляется также при посредничестве туземного капитала. Экспорт капитала позволяет овладеть железными дорогами и другими видами транспорта, монополизировать мировые источники сырья и горючего, захватить в свои руки главнейшие предприятия и основные отрасли промышленности, сжать в своем кулаке дирижерскую палочку финансовой деятельности, подчинить и направлять в своих интересах развитие всей экономики этих колониальных или полуколониальных стран. Но на этом не ограничиваются функции финансового капитала в колониях. Цепкие паутинные нити он протягивает в глубь страны, овладевая сельскохозяйственной экономикой. Это достигается либо насаждением плантационного хозяйства, а там, где это невозможно, с помощью эксплоататорских элементов, с помощью местных землевладельцев, скупщиков, торговых посредников, выступающих как агентура иностранных банков, иностранного капитала, сельское хозяйство колониальных и зависимых стран превращается в аграрно-сырьевую базу империалистических метрополий.

Вот почему мы полностью соглашаемся с выводом, к которому пришел тов. Сафаров, формулировавший на примере Китая роль иностранного капитала в экономике осталых стран. «Все ключи от китайского народного хозяйства, все подступы к его естественным богатствам, все узловые пункты китайской экономики, все центры внешних и внутренних путей сообщения Китая находятся в руках империалистов. Империализм регулирует распределение прогресса и застоя между народами».

А как империализм регулирует это распределение, видно из следующих слов: «Китайский крестьянин прикреплен к голодному пайку, который определяет все его существование. К и т а й с к а я д е р е в н я н е н а с л о в а х, а н а д е л е б л о к и р о в а н а и м п е р и а л и з м о м. Империализм имеет свои заставы и укрепленные позиции в каждом мало-мальски значительном торговом пункте, в каждом уездном городке, не говоря уже о провинциальных центрах. Подобно средневековым феодалам, иностранные капиталисты держат свои кордоны на большой дороге, и достаточно появиться на рынке крестьянским продуктам, как они тотчас же подпадают под неумолимое действие «законов» колониальной эксплоатации. И н о с т р а н н ы й к а п и т а л н о р м и р у е т с т о и м о с т ь м е д и и с е р е б р а, с т о и м о с т ь к р е с т ь я н с к и х и з д е л и й и д о л ю с в о е г о б а р ы ш а. Т а к и м п у т е м о н з а д е р ж и в а е т р а з в и т и е т о р г о в о г о з е м л е д е л и я, з а г о н я я к а п и т а л и с т и ч е с к и е т е н д е н ц и и в с е л ь с к о м х о з я й с т в е в с а м ы е п а р а з и т и ч е с к и е и с р е д н е в е к о в ы е ф о р м ы. ...Империализм «солидаризируется» со всеми традиционными представителями туземного паразитизма, используя их в качестве своей главнейшей опо-

ры». (Сафаров, «Классы, классовая борьба в китайской истории», стр. 342 и 352).

Такова картина господства иностранного капитала в Китае. А Китай не колониальная, а полуколониальная страна. В других странах перед империализмом открывается еще более широкий простор колониального порабощения. Как свидетельство, нам хотелось бы сослаться на слова другого марксистского исследователя, который, анализируя отчет королевской комиссии о сельском хозяйстве в Индии, писал, что «из материалов, собранных комиссией, с полной очевидностью явствует, что бедняк и середняк вообще не имеют доступа к городским рынкам, что разница между городскими и деревенскими ценами огромна, что между производителем и рынками почти всегда стоит мрачная фигура деревенского купца-ростовщика, что торгово-ростовщический капитал забирает все выгоды торгового земледелия и что кооперативное движение в этой области не добилось почти никаких успехов. Но, с другой стороны, значительная часть торговой буржуазии представляет собой, по сути дела, только заготовительный аппарат английских экспортеров, значительная часть индийской торговой буржуазии является компрадорской буржуазией и тем самым представляет политическую опору английского империализма в Индии». («Аграрные проблемы» книга 5—6, 1927 г., стр. 74).

Таково положение в таких крупнейших странах, как Индия и Китай. А разве другие страны дают нам исключение из этого всеобщего правила империалистической кабалы? Разве, наоборот, Индо-Китай, Индонезия, Северная и Южная Америка не свидетельствуют об еще большем порабощении их экономики иностранным капиталом, который как раз в этих странах был еще менее разборчив в методах и способах своей колониальной политики?

Оставляя в стороне конкретное описание империалистической экспансии, нам хотелось бы лишь подчеркнуть, что полное экономическое порабощение колониальных и полуколониальных стран становилось возможным лишь в результате значительных инвестиций, в результате вывоза в эти страны капитала из метрополий. Это не означает, конечно, что в экономике, в формах производства отсталых стран не происходит никаких изменений. Известная трансформация совершается, но империализм напрягает все усилия к тому, чтобы допустить ее лишь в той мере, в какой это необходимо для осуществления экономического господства иностранного капитала, или, во всяком случае, в той мере, в какой это не противоречит этому господству.

Правда, империализму не удается совершенно задержать капиталистическое развитие, развитие производительных сил колониальных стран. Оно происходит, но мучительно медленно, чрезвычайно однобоко и в чудовищно уродливых формах. В этом кроется назревающее с огромнейшей силой противоречие между империалистической кабалой и всем последующим экономическим развитием колониальных и зависимых стран.

А экспорт капитала, создавая видимое, частичное и весьма одностороннее промышленное развитие колониальных и зависимых стран, на деле приводит к еще большему закабалению, экономическому подчинению этих стран империалистическим метрополиям, к еще большей утрате колониями своей экономической самостоятельности.

Именно это составляет экономическую сущность колониальной политики империализма, именно в этом мы должны искать ключ к пониманию экономических причин нарастающих революций на Востоке. И тот факт, что империализм не только не ослабляет вожжи своего господства над колониями, не только не прекращает препятствовать развитию их экономической самостоятельности, а, напротив, все сильнее закручивает гайки порабощения, именно этот факт об'ясняет нам все ускоряющуюся неизбежность революционных потрясений в колониях, единственно открывающих им путь самостоятельного, максимального и всестороннего развития производительных сил.

Вот почему Коминтерн должен был отмести не только меньшевистские концепции, лишь в слабой мере прикрывающие свое угодничество империалистической буржуазии, но Коминтерн на VI конгрессе должен был со всей решительностью выступить против так называемой теории «деколонизации», к которой скатывались и некоторые коммунисты, не понимавшие, что они этим самым делают шаг в сторону от основных большевистских положений по колониальному вопросу.

Коминтерн должен был выступить против теории «деколонизации», рискующей превратиться в новое издание каутскианских идей об «ультра-империализме». Ленину неоднократно приходилось подчеркивать, что финансовый капитал не ослабляет неравномерности развития и противоречий всемирного хозяйства, а усиливает их (XIII т., 310 стр.), что «империализм есть эпоха финансового капитала и монополий, которые всюду несут стремления к господству, а не к свободе». (XIII т., 330 стр.).

Финансовый капитал, уживаясь, подчиняя себе и используя самые отсталые формы производства в колониальных странах, становится во главе самых чудовищных форм эксплоатации. Экономика колониальных и полуколониальных стран представляет собой пеструю картину. На ряду с широко разветвленными и довлеющими остатками докапиталистических укладов, в этих странах пробиваются (несмотря на все последующее тормозящее сопротивление империализма) ростки капиталистического развития, а над всем этим возвышается иностранный капитал, как доминирующий и господствующий фактор. Не сломив, не уничтожив господства иностранного капитала, колонии и зависимые страны никогда не выйдут на столбовую дорогу своего всестороннего экономического развития. Только разорвав эти обручи, производительные силы колоний обеспечат себе максимальный рост.

* * *

Но не только империалистический гнет и жесточайшая эксплоатация, не только господство иностранного капитала задерживают развитие производительных сил колониальных и зависимых стран. Не меньшее значение имеют во всех этих странах сохранившиеся в большей или меньшей мере остатки феодальных, докапиталистических отношений. «Невероятная отсталость земледелия, господство кабальных арендных отношений, гнет ростовщического капитала являются величайшим тормозом на пути развития производительных сил в сельском хозяйстве колоний» [1]).

Во всех этих странах сельское хозяйство занимает доминирующее положение. Во всех этих странах крестьянство составляет подавляющее большинство населения. И во всех этих странах существующие аграрные отношения создают тупик в деле сколько-нибудь безболезненного их экономического развития. Жесточайшия эксплоатацая, которой подвергаются основные массы крестьянства, неслыханная пауперизация и полная материальная необеспеченность большинства населения колоний не только приводят к застойному, хроническому кризису сельского хозяйства, но накладывают свой отпечаток на всю экономику этих стран. Бедственное положение крестьян чрезвычайно суживает внутренний рынок, лишая этим самым туземную промышленность необходимых предпосылок ее роста.

Нищенское положение основных масс крестьянства в восточных странах складывается в результате действия многочисленных факторов. Не малую роль играет конкуренция иностранных товаров, подорвавшая, а во многих случаях вовсе уничтожившая деревенскую кустарную и домашнюю промыш-

[1]) Резолюция по колониальному вопросу II конгресса Коминтерна.

ленность и лишившая этим самым значительные прослойки крестьянства весьма существенного источника доходов. На ряду с этим на плечи крестьян перепадает огромнейшее бремя всевозможных налогов, при чем в результате проникновения иностранного капитала налоговое обложение значительно возрастает, что отражается раньше всего на положении крестьян, поскольку они представляют собой основную массу плательщиков различного рода обязательств, займов, контрибуций. Наконец, кабальные формы аренды при полной земельной необеспеченности, ростовщический грабеж, усилившийся вместе с внедрением денежных отношений, при полном бесправии крестьян,—все это дополняет картину бедственного, безысходного в рамках существующего строя, положения подавляющего большинства крестьян колониальных и зависимых стран.

Необходимо еще указать на следующее немаловажное обстоятельство. Пауперизация крестьян, кустарей и ремесленников значительно обгоняет промышленный рост этих стран. Медленно развивающаяся промышленность совершенно не в состоянии всосать всю массу ежегодно разоряющихся кустарей и крестьянской бедноты. Этот процесс усиливает аграрное перенаселение, доводя его до угрожающего состояния. Характерно, что в такой стране, как Индия, процент сельского населения из года в год повышается. Так, в десятилетие с 1901 г. по 1911 г. норма прироста всего населения составляла 6%, в то время как прирост сельского населения достиг 13%. В следующее десятилетие с 1911 г. по 1921 г. общее население увеличилось на 1,2%, тогда как сельское население вновь дало вдвое больший по темпу прирост, составивший 3,6% [1]). Понятно, что это аграрное перенаселение усиливает «земельную тесноту» и способствует повышению кабальной арендной платы и ростовщического процента. Мы видим, как и по этой линии, в результате колониальной политики империализма, крестьянские массы попадают целиком в лапы ростовщиков, попадают в еще большую зависимость к помещику.

Все отмеченные нами моменты об'ясняют необходимость самой радикальной расчистки аграрного строя колониальных стран от всяческих остатков и пережитков феодальных и докапиталистических отношений, преграждающих всестороннее развитие экономики этих стран. Неудивительно поэтому, что аграрная революция является осью всех колониальных революций.

Но было бы неправильно представлять себе дело таким образом, что уничтожение господства иностранного капитала и ликвидация пережитков феодальных и полуфеодальных отношений,—это две самостоятельные, не зависящие друг от друга задачи. В действительности они неразрывно связаны между собой. И главным образом потому, что империализм уживается, поддерживает и использует в своих интересах и нередко даже усиливает самые чудовищные формы эксплоатации, которые он застает в отсталых, неразвитых странах. Никакие, имеющие сколько-нибудь широкое значение, аграрные реформы не возможны при господстве иностранного капитала, связавшего свою судьбу с интересами всех эксплоататорских слоев колоний. И, наоборот, уничтожение господства империализма над колониальными и зависимыми странами совершенно немыслимо без полной ликвидации помещичьего землевладения, власти ростовщического и посреднического капитала, бесправия крестьян, без полной ликвидации всех тех институтов, которые составляют глубочайшую экономическую и социальную базу господства иностранного капитала внутри колониальных и зависимых стран.

Это накладывает своеобразные черты на характер начальных этапов колониальных революций.

[1]) Данные заимствованы у Абани Мухарджи «Аграрная Индия», стр. 124.

«Как во всех колониях и полуколониях, так и в Китае и Индии развитие производительных сил и обобществление труда стоят на сравнительно низкой ступени. Это обстоятельство и чуженациональный гнет, а также наличие сильных пережитков феодализма и докапиталистических отношений определяют характер ближайшего этапа революции в этих странах. В революционном движении этих стран речь идет о буржуазно-демократической революции, т.-е. об этапе, означающем подготовку предпосылок пролетарской диктатуры и социалистической революции» [1]).

То обстоятельство, что нарастающие революции, в колониальных и зависимых странах не носят сразу же социалистического характера, не может и не будет притуплять активность рабочего класса, не может привести к отказу его от решительной борьбы за успешное завершение буржуазно-демократического этапа. Ленин учил нас, что «буржуазная революция в высшей степени выгодна пролетариату. Буржуазная революция безусловно необходима в интересах пролетариата. Чем сильнее и решительнее, чем последовательнее будет буржуазная революция, тем обеспеченнее будет борьба пролетариата с буржуазией за социализм».

Это положение еще более справедливо по отношению к революциям в колониальных и зависимых странах в переживаемую нами эпоху, во-первых, потому что они являются антиимпериалистическими и с первых же своих шагов вклиниваются в международную пролетарскую революцию; во-вторых, потому, что перед ними открывается более широкая дорога перерастания от буржуазно-демократического к социалистическому этапу.

Целый ряд благоприятных условий определяет перспективу этого перерастания. Это станет ясным, если не упускать из виду, что современные колониальные революции происходят в эпоху империализма и пролетарских революций, в период общего кризиса капиталистической системы. Они разыгрываются в условиях, когда на одной шестой части мировой суши существует, растет и крепнет Союз Советских Социалистических Республик—цитадель мировой пролетарской революции, вдохновитель и руководитель борьбы против международного империализма. Наконец, колониальные революции развертываются в обстановке все большего роста пролетарского движения передовых промышленно развитых стран. И тот самый факт, что движущими силами колониальных революций являются пролетариат и крестьянство, тот факт, что рабочему классу с самых начальных моментов в большинстве случаев приходится выступать как гегемону революционно-освободительной борьбы, не может не сказаться как на самой возможности, так и на темпе перерастания буржуазно-демократического в социалистический этап.

Эти положения, составляющие железный фонд Коммунистического Интернационала, вызывают резкую враждебную критику со стороны международных меньшевиков. Преследуя задачу охранить империалистический режим и отодвинуть революции в колониях в неведомую даль, международный меньшевизм высмеивает перспективу перерастания колониальных революций в социалистическую, аргументируя невозможностью практического разрешения социалистических задач, пока во всем мире пролетариат не составит большинства населения. Так же, как строительство социализма в СССР толкуется ими как бесплодное, льющее воду на мельницу реакции, большевистское экспериментаторство, еще в большей мере их враждебность делу социализма сказывается на отношении к растущим колониальным движениям.

[1]) Резолюция VI конгресса Коминтерна по колониальному вопросу.

В противополжность им Коммунистический Интернационал еще на II конгрессе провозгласил возможность при определенных условиях некапиталистического пути развития колониальных и зависимых стран.

Эти положения, оправдываемые всем ходом классовой борьбы и полностью базирующиеся на революционном учении Маркса и его прямых указаниях по этому вопросу, вошли сейчас в программу Коммунистического Интернационала.

«Ход мировой революции, поднимая рабочих метрополий на борьбу за диктатуру пролетариата, поднимает также сотни миллионов колониальных рабочих и крестьян на борьбу с иностранным империализмом. При наличии центров социализма в лице советских республик и их возрастающей экономической мощи, отпавшие от империализма колонии экономически сближаются и постепенно об'единяются с индустриальными очагами мирового социализма, минуя фазу дальнейшего развития капитализма, как господствующей системы, и получают возможность быстрого экономического и культурного прогресса... Развитие социализма, как нового способа производства, получает свой мировой размах».

Характерно, что меньшевики, не поняв всего исторического своеобразия русской революции, ослепленные своей лакейской ролью по отношению к империалистической буржуазии, не понимают также и не желают понять исключительно своеобразных условий, в которых развивается колониальная революционно-освободительная борьба. Превратив и извратив марксизм в готовые штампы, в мертвую безжизненную схему, меньшевики не поняли «решающего в марксизме: именно его революционной диалектики».

Не даром Ленин в своих гениальных заметках по поводу записок Н. Суханова высмеивал взгляды меньшевиков насчет невозможности видоизменения обычного исторического периода. «Нашим Сухановым, не говоря уже о правее их стоящих социал-демократах, и не снится, что иначе вообще не могут делаться революции. Нашим европейским мещанам и не снится, что дальнешие революции в неизмеримо более богатых населением и неизмеримо более отличающихся разнообразием социальных условий странах Востока будут преподносить им, несомненно, больше своеобразия, чем русская революция. Слов нет, учебник написанный по Каутскому, был вещью для своего времени очень полезной. Но пора уже отказаться от мысли, что будто этот учебник предусмотрел все формы развития дальнейшей мировой истории. Тех, кто думает так, своевременно было бы об'явить просто дураками». (Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 112).

* * *

«Международная революция пролетариата складывается из разновременных и разнородных процессов: чисто пролетарских революций; революций буржуазно-демократического типа, перерастающих в революции пролетариата; освободительных национальных войн; колониальных революций. Лишь в конечном счете революционный процес приводит к мировой диктатуре пролетариата». Так обобщает программа Коминтерна взгляды основоположников марксизма на процесс международной пролетарской революции. Эти положения оправдываются не только теоретическими рассуждениями, но вытекают из всей практики революционной борьбы.

Но это положение накладывает серьезные обязательства на Коммунистический Интернационал, как на носителя принципов и целей коммунизма, как на вождя и организатора мирового революционного движения. Поскольку передовые, промышленно развитые страны приобретают значение мирового города по отношению к колониальным и зависимым странам, на которые, в свою очередь, выпадает роль мировой деревни, задача мирового индустриального пролетариата, возглавляющего борьбу против империализма, оказать максимальную помощь, установить братский союз с колониальными трудящимися массами.

С другой стороны, исключительной сложности задача падает на плечи во многих случаях молодого и малочисленного пролетариата колониальных и зависимых стран. Если стратегическая цель пролетариата в революции заключается в доведении ее до победносной диктатуры пролетариата, то в колониальных и зависимых странах достижение этой цели усложняется в силу ряда специфических особенностей. «Переход к диктатуре пролетариата возможен здесь, по правилу, лишь через ряд подготовительных ступеней, лишь в результате целого периода перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую».

От молодого, не искушенного в классовых боях колониального пролетариата требуется героическая, самоотверженная борьба за установление своей гегемонии в освободительном движении с самых начальных его этапов. Эта беззаветная борьба за руководство должна сочетаться с умелой, гибкой тактикой, приспособленной к быстро меняющейся обстановке, приспособленной к сложным и своеобразным условиям революционной борьбы колониальных трудящихся масс.

Только руководство пролетариата и его коммунистического авангарда в освободительном движении колониальных и зависимых стран обеспечивает последовательное разрешение задач буржуазно-демократического этапа революции. Туземная буржуазия не может выполнить этих задач даже в половинчатой форме. Преобладающие прослойки туземной буржуазии настолько связаны с интересами иностранного капитала, настолько кровно связаны с землевладением, со всей системой империалистической и феодальной эксплоатации, что о сколько-нибудь последовательном, имеющем хотя бы какое-нибудь значение, решении задач буржуазно-демократического этапа под главенством буржуазии не может быть и речи. Весь опыт колониальных движений подтверждает это положение. Туземная буржуазия не в состоянии, она не способна и она не желает организовывать действительную борьбу против империализма и против внутренних рогаток экономического развития. Радикальная расчистка этих стран от всех феодальных и полуфеодальных пережитков, как и действительное и полное освобождение этих стран от господства международного империализма, может быть осуществлена лишь при условии достижения пролетариатом руководящей роли в революционной борьбе.

Вот почему вопросу о гегемонии пролетариата в колониальных революциях Коминтерн все время придавал исключительное, первоклассное значение. В той мере, в какой удастся пролетариату установить свою гегемонию в освободительном движении с самых начальных моментов, зависит успешный ход революции, возможность ее дальнейшего углубления, зависит темп перерастания ее в революцию социалистическую.

Но гегемония пролетариата должна найти свое выражение раньше всего в создании крепкой, монолитной, самостоятельной коммунистической партии,—партии, которая вокруг классовых требований, вокруг лозунгов, отражающих коренные задачи революции, вокруг программы наиболее радикального преобразования существующих общественных отношений способна об'единить и сплотить широчайшие массы трудящихся.

Гегемония пролетариата означает решительную борьбу против буржуазного национал-реформизма, против попыток туземной буржуазии овла-

деть и обкарнать освободительное движение. Будучи не в состоянии не только вести последовательную борьбу против империализма и за сколько-нибудь существенную аграрную реформу (не говоря уже об аграрной революции), туземная буржуазия, опасаясь развития революционной борьбы трудящихся масс, пытается своей мнимо-оппозиционной борьбой с империализмом, своей внешней революционно-националистической пропагандой удержать под своим влиянием пробуждающиеся массы. Задача пролетариата и его коммунистического авангарда разоблачать половинчатость, соглашательство туземной буржуазии, ее постоянную капитуляцию перед империализмом. Задача пролетариата изолировать национал-реформизм от влияния на пролетариат и близкие нам слои мелкой буржуазии города и деревни.

Гегемония пролетариата означает борьбу за привлечение на свою сторону всех действительно революционных элементов и в первую очередь основных масс крестьянства. Ленин еще на II конгрессе в своей речи, посвященной колониальному вопросу, подчеркивал исключительную роль крестьянства в колониальных революциях. «Было бы утопией думать, что пролетарские партии, если они вообще могут возникнуть в таких странах, смогут, не находясь в определенных отношениях к крестьянскому движению, не поддерживая его на деле, проводить коммунистическую тактику и коммунистическую политику в этих отсталых странах» (XIX, стр. 243). Многомиллионные массы крестьянства колониальных и зависимых стран представляют собой мощный резервуар революционной энергии. Подавляющее большинство крестьян, за исключением малочисленных верхушечных слоев, подвергается чудовищной эксплоатации, находится в хронической нужде, влачит жалкое, голодное существование и всей логикой своей борьбы толкается на союз с организованным пролетариатом.

Гегемония пролетариата, наконец, означает установление правильной тактики по отношению к люмпен-пролетариату и к близким нам слоям городской мелкой буржуазии. Кустари, ремесленники, люмпен-пролетарии, городская беднота составляют большинство населения городов колониальных и зависимых стран. Придавленные гнетом империализма, обреченные им на жалкое, полуголодное существование, эти слои являются значительной и влиятельной силой революции. Индустриальный пролетариат, вовлекая их в общее революционное движение, должен обеспечить свое руководство, должен парализовать враждебные ему мелкобуржуазные влияния, должен придать максимальную организованность и классовую сознательность движению городских люмпен-пролетариев.

Во всех колониальных и зависимых странах пролетариату нелегко дается задача овладения гегемонией. Во всех этих странах ему приходится выдерживать серьезнейшую борьбу с туземной буржуазией за руководство над массами. Опыт китайской революции ценен главным образом тем, что он дает нам картину соревнования пролетариата и буржуазии за руководство освободительной борьбой. Весь ход, все этапы китайской революции можно рассматривать под углом зрения не утихавшей, а все обострявшейся борьбы пролетариата против национальной буржуазии за главенство в революционном движении. Опыт китайской революции ценен именно тем, что дает на широком полотне картину конкретных исторических условий, в которых развивалась эта, решающая для судеб революции борьба.

И все ошибки китайской коммунистической партии, оправдываемые в известной мере ее молодостью, должны быть тщательно изучены. Уроки должны быть учетны и использованы партиями остальных колониальных и зависимых стран. Мы говорили уже, что успех революции зависит от достижения пролетариатом своей гегемонии. С другой стороны, нами со всей силой подчеркивалось, что эта гегемония должна найти свое выражение в создании крепкой партии, которая должна «безусловно сохранять самостоятельность пролетарского движения даже в самой зачаточной его форме», которая должна быть «группируема и воспитываема в сознании своих особых задач». Гегемония должна найти свое выражение в самоотверженной поддержке крестьян, в решительном разоблачении буржуазного национал-реформизма, в правильной тактике по отношению к мелкой буржуазии. И вот опыт истекших событий в Китае как раз свидетельствует, что по всем этим направлениям киткомпартия давала осечку, отклоняясь от правильной, большевистской, коминтерновской линии.

Еще в мае 1925 г. в одной из своих речей тов. Сталин предупреждал о необходимости преодоления уклона, заключающегося в «недооценке революционных возможностей и в переоценке идей единого, всеохватывающего национального фронта в колониях и зависимых странах, независимо от состояния и степени развития этих стран. Это есть уклон вправо, чреватый опасностью принижения революционного движения и растворения коммунистических элементов в общем хоре буржуазных националистов». (Сталин. «Вопросы ленинизма», стр. 267).

Это указание не было в достаточной мере осознано и не было реализовано тогдашним руководством китайской коммунистической партии. В угоду неправильно понимаемому единому национальному фронту ограничивалась, свертывалась, сжималась классовая борьба рабочих и крестьянской бедноты, не было линии на организацию боевого союза рабочих и крестьян. Оппортунистическое руководство всей своей практикой не только не способствовало выявлению партией своей собственной политической физиономии, а, напротив, все больше линию партии по различным вопросам ставило в зависимость от позиции буржуазных и мелкобуржуазных главарей.

Конечно, подобная деятельность руководства киткомпартии совершенно не соответствовала руководящим указаниям Коммунистического Интернационала. Ложными и вздорными являются утверждения, что Коминтерн не сигнализировал своевременно китайской партии о всех опасностях, угрожавших революции, что Коминтерн не предупреждал китайскую партию о неизбежных перегруппировках классовых сил, что Коминтерн со всей резкостью не выдвинул коренных задач революционной борьбы.

Этот поклеп не трудно опровергнуть при самом беглом рассмотрении основных документов Коммунистического Интернационала. Так, уже VII пленум ИККИ (ноябрь 1926 г.) в резолюции, специально посвященной китайскому вопросу, указывал, что «развитие национально-революционного движения в Китае в настоящее время упирается в аграрную революцию», что «отсутствие смелого подхода к аграрному вопросу, сопровождающегося поддержкой всех об'ективных политических и экономических требований крестьянских масс, опасно для революции», что «коммунистическая партия должна быть свободна от таких ошибок».

Именно VII пленум, обращая внимание на необходимость пролетариату решительно бороться за свою гегемонию, обязывал его вместе с тем рыхлому блоку с отдельными прослойками буржуазии предпочесть крепкий союз с крестьянством. VII пленум предупреждал, что, если пролетариат выдвижением радикальной аграрной программы не вовлечет крестьянство в революционную борьбу, то он утратит свою гегемонию в национально-освободительном движении, а тогда «буржуазия прямым или косвенным влиянием империалистов вновь станет играть руководящую роль. Эта возможность при нынешней обстановке приведет к укреплению позиции иностранного капитала в Китае, к стабилизации империализма».

VIII пленум ИККИ (май 1927 г.) уточнил предыдущие директивы Коминтерна. Подчеркивая, что аграрная революция составляет главнейшие содержания китайской революции, VIII пленум констатировал, что «основным

является в настоящее время «плебейское», революционное разрешение аграрного вопроса десятками и сотнями миллионов самих крестьян снизу, причем компартия должна становиться во главе движения и руководить им».

С другой стороны, VIII пленум отмечал, что киткомпартия только тогда сможет выполнить лежащие на ней задачи, когда она сама, как авангард рабочего класса, будет иметь свое собственное политическое лицо, «отличное от политического лица даже самых левых мелкобуржуазных революционеров». Компартия не должна растворяться ни в какой политической организации. «Она должна представлять собой самостоятельную силу; она есть организация особого класса, пролетариата, самого последовательного и самого революционного класса в стране». Поэтому компартия не должна связывать себе рук в деле пропаганды своих взглядов, в деле мобилизации под свои знамена трудящихся масс. И пленум уже тогда отмечал, что в киткомпартии замечаются колебания, что партия не всегда обнаруживает достаточную твердость в критике лидеров Гоминдана, что наблюдается известная боязнь перед развертыванием массового движения и в первую очередь движения крестьян в пользу захвата земель. Пленум предлагал со всей решительностью преодолеть эти вредные колебания. Мы могли бы привести еще не мало фактических доказательств, свидетельствующих о правильности указаний Коминтерна по основным, кардинальным вопросам китайской революции. Но уже приведенных нами достаточно, чтобы установить чудовищное противоречие между руководящими директивами ИККИ и практикой тогдашнего ЦК киткомпартии, — практикой, в значительной степени предопределившей поражение китайской революции.

* * *

Соединенным силам международного империализма удалось на данной стадии разгромить китайскую революцию так же, как им удалось покачто и во многих других колониальных и зависимых странах отбить мощный приступ революционной волны. Но империализм не надолго укрепил свои позиции. Во всех этих странах закрыта дорога мирного, реформистского преобразования общественных отношений. Во всех этих странах основные противоречия, вызвавшие к жизни революционные потрясения, остались неразрешенными. Во всех этих странах клубок этих противоречий все больше запутывается. Новые приступы, новый под'ем революционной волны неизбежны. И этот новый под'ем будет еще более мощным, он втянет в революционную борьбу новые полчища трудящихся масс, обогащенных всем опытом истекших классовых боев.

Задача всех секций Коминтерна готовиться к этому новому под'ему. Компартии колониальных и зависимых стран должны ни на минуту не прекращать, а усиливать свою борьбу за массы, за расширение своего влияния на новые сотни миллионов трудящегося люда. Они должны воссоздавать крепкие партийные организации там, где они были разрушены. Партии должны использовать всякий конфликт между рабочими и капиталистами на фабрике, между крестьянами и помещиками в деревне, между солдатами и офицерами в армии, углубляя и обостряя эти классовые столкновения с целью мобилизации широчайших масс под своими знаменами. Партии должны использовать все случаи насилия международного империализма для расширения антиимпериалистической борьбы, для углубления смертельной ненависти к империалистическим угнетателям.

С другой стороны, коммунистические партии передовых промышленно развитых стран должны установить активную связь и оказывать практическую и всестороннюю помощь революционному движению в колониях. Они должны усилить подлинно интернационалистскую пропаганду среди

пролетариата своих стран, они должны максимальную работу развить среди оккупационных и интервенционистских войск международного империализма. Одновременно они должны повести решительную борьбу против социал-демократической агентуры мирового империализма, против меньшевиков всех мастей и оттенков, вдохновляющих захватническую колониальную политику империалистических правительств. Они должны повести решительную борьбу с меньшевиками, протягивающими руку Гоминдану, когда последний превратился в кровавого палача китайской революции, с меньшевиками, помогающими мировому империализму топить в крови революционное движение колониальных рабов.

В предстоящих решающих схватках Коминтерн в лице своих секций окажется на высоте своей исторической миссии.

Противоречия капитализма, сопровождающие его рост и воспроизводимые на расширенной основе, разрешаются крушением всей капиталистической системы, социалистической переделкой всего человеческого общества. Октябрьская революция положила начало смены капитализма принципиально новой, более высокой общественной формацией. Союз Советских Социалистических Республик—все более растущий и крепнущий центр социализма. Весь мир сейчас разбит на два полюса. Международный империализм мобилизует свои силы в надежде нанести сокрушающий удар республике, располагающей всем необходимым для строительства социализма. Международный пролетариат не может оставаться безучастным к этим приготовлениям. А одно из средств укрепления позиций социализма — это смычка с революционным движением колониальных и зависимых стран. Вспомним, как величайший вождь мирового пролетариата и угнетенных всех стран рисовал перспективу этой решающей борьбы между двумя мирами.

«Можем ли мы спастись от грядущего столкновения с этими империалистическими государствами?» — спрашивал Ленин. И с присущей ему гениальной проницательностью он отвечал, что «исход борьбы, в общем и целом, можно предвидеть лишь на том основании, что гигантское большинство населения земли, в конце концов, обучается и воспитывается к борьбе самим капитализмом. Исход борьбы зависит в конечном счете от того, что Россия, Индия, Китай и т. п. составляют гигантское большинство населения. А именно это большинство населения и втягивается с необычайной быстротой в последние годы в борьбу за свое освобождение, так что в этом смысле не может быть ни тени сомнения в том, каково будет окончательное решение мировой борьбы. В этом смысле окончательная победа социализма вполне и безусловно обеспечена». (Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 127).

Ем. Ярославский.

Мистер Троцкий на службе у буржуазии или первые шаги Л. Троцкого за границей.

Буржуазная реакционная пресса обогатилась с конца февраля 1929 г. новым сотрудником—Л. Д. Троцким. На страницах газеты «Дэйли Экспресс» (орган консервативной партии, орган Чемберлена) в Англии, «Нью-Герольд энд Трибюн», «Нью-Йорк Таймс» (органы американских капиталистов), ультра-консервативных голландских газет «Аллгемейне Хандельсблатт» и «Ньюве Роттердамер Курант», а также в других реакционных буржуазных органах, обслуживаемых американским агентством «Консолидайтет Пресс», напечатана серия статей Л. Троцкого, проданных Троцким этому агентству за крупную сумму долларов. Само собой разумеется, что это вызывает бурное ликование реакционной печати, которой и во сне не снилось, что у нее в 1929 г. появится сотрудником «мистер Троцкий», как значится под портретом Троцкого на страницах газеты «Дейли Экспресс» от 27 февраля 1929 г. В восторге от этого события «Дэйли Экспресс» и другие буржуазные органы печатают сногсшибательные аншлаги: «Собственноручная история Троцкого об его высылке из России», «Драматические разоблачения изгнанного революционера», «Жестокие атаки на Сталина, главного его врага» и т. п. Затем «Дэйли Экспресс» предупреждает своих читателей, что «вторая часть его разоблачений будет опубликована исключительно в «Дэйли Экспресс» завтра» [1]).

Да, буржуазии есть чему радоваться. На время имя «мистера Троцкого» может служить приманкой для падкой до сенсаций одурачиваемой буржуазной прессой публики, и не жалко заплатить Троцкому несколько тысяч или даже несколько десятков тысяч долларов за его клеветнические статьи по адресу коммунистической партии, советской власти и Коммунистического Интернационала.

* * *

За последние годы судьба Троцкого, как руководителя бывшей «оппозиции», как организатора антисоветской подпольной партии, чрезвычайно интересовала наших классовых врагов. Социал-демократическая и буржуазная пресса подхватывала на лету каждое измышление, каждое клеветническое заявление Троцкого, каждый его выпад против партии, против ее руководства, против советского режима, против Коминтерна. Его статьи и книги охотно перепечатывались и рекламировались буржуазной прессой, буржуазными издательствами, потому что вся словесная «левая» мишура его писаний ничто, по сравнению с их контрреволюционной сущностью, по сравнению

[1]) Действительно, в №№ от 28/II и 1/III той же «Дэйли Экспресс» появились две следующие статьи «мистера Троцкого», по существу ничем не отличающиеся от первой.

с об'ективной контрреволюционной ролью, которую они играли и играют в руках наших классовых врагов. Если друг Троцкого реформист Суварин в «Пролетарской Революции» (орган Суварина) писал: «Политбюро заменило кабинет царя, как высший орган бюрократии», то почему же английскому лорду Грею было не повторять эти слова? Если Троцкий писал в октябре 1928 г. о том, что советский строй в последние годы является керенщиной наизнанку, то почему не ухватиться за эту мысль всем врагам Советского Союза, почему социал-демократам не использовать эти утверждения для обмана обывателя?

«Манчестер Гардиан» (орган английских либералов) от 13 июня 1927 г. писала, что «в настоящее время идеи социал-демократов и коммунистической оппозиции все больше и больше сходятся».

«Венская Рабочая Газета» (орган австрийских меньшевиков) 4 октября 1926 г. писала, что «Троцкий, в противовес правительству, представляет право на оппозицию, право на свободное слово. Троцкий борется с абсолютизмом господствующей группы. Он кажется нам предвестником грядущей большой демократической фазы, преодолевающей диктаторскую монополию господствующей группы».

В августе 1927 г. социал-демократ Розенфельд писал в органе французских «социалистов» «Попюлэр» о троцкистах, что они «подготовляют крах большевистской диктатуры и ее демократическую ликвидацию».

Меньшевик Гарви в «Социалистическом Вестнике» (орган Дана и Абрамовича) писал в период жесточайших нападок троцкистов на партию: «Китайская мудрость Радека скоро забудется. Но крепко запомнится крылатое, острое, как парфянская стрела, слово Троцкого: «Опаснейшей из всех опасностей является партийный режим»... «Недовольные массы по-своему поймут, шире истолкуют крылатое слово Троцкого. Опаснейшей из всех опасностей является не режим правящей партии, а режим диктатуры...».

Этому хору и вторила белогвардейская печать. Это не мешало время от времени этой печати сочинять самые фантастические сказки о судьбе Троцкого.

Последняя статья Троцкого от 21 октября 1928 г. была напечатана всей буржуазной печатью в сопровождении захлебывающихся от радости заголовков, что, вот, наконец, дескать, и сам Троцкий делает такой призыв к забастовкам против советской власти, который исходил до сих пор от них, от социал-демократов, от сторонников буржуазной демократии. Однако, они тогда еще не могли мечтать о том, что Троцкий всего через два месяца станет сотрудником этой буржуазной печати.

Контрреволюционные призывы Троцкого и антисоветская деятельность подпольной организации, созданной им, привели к высылке Троцкого за пределы Советского Союза. Мера эта была встречена с одобрением не только в партии, но и в рядах беспартийных рабочих. Передовая статья в «Правде» «Докатились», в которой Ц. О. партии давал оценку деятельности Троцкого и созданной им подпольной организации и выяснял, почему советская власть вынуждена применять более суровые репрессивные меры против органов подпольной антисоветской партии Троцкого, была встречена с живейшим сочувствием не только в рядах партии, но и в рядах беспартийных рабочих. Беспартийные рабочие массы, как и члены партии, оценили по достоинству деятельность троцкистов последнего времени, и если у кого из них были сомнения относительно целесообразности высылки Троцкого, то они сводились т о л ь к о к тому, не окажется ли Троцкий за границей гораздо более вредным для советской власти, чем он был внутри Советского Союза. Ни одна фабрика, ни одна группа рабочих, ни одна ячейка партии не только не выразили своего несогласия с этой высылкой, наоборот, во всех решениях, резолюциях и заявлениях эта мера находит полное одобрение.

Daily Express

WEDNESDAY, FEBRUARY 27, 1929. ONE PENNY.

TROTSKY'S OWN STORY OF HIS EXILE FROM RUSSIA.

DRAMATIC REVELATIONS BY BANISHED REVOLUTIONARY.

HOW HE WAS RUSHED TO TURKEY.

AN HISTORIC DOCUMENT.

TROTSKY'S EXCLUSIVE STORY.

U.S. BID FOR A "TALKIE" MONOPOLY.

"SIR J. SPENCER" FOUND.

MINER SUCCEEDS MILLIONAIRE.

CONSERVATIVE M.P. DEAD.

DRAMATIC SOS FROM A SHIP.

LATE NEWS.

---

2 WEDNESDAY, THE DAILY EXPRESS, FEBRUARY 27, 1929

MINER SUCCEEDS MILLIONAIRE.

SOCIALIST M.P.'s AT LOGGERHEADS.

COMMONS SCENE

LEON TROTSKY'S DRAMATIC STORY OF HIS BANISHMENT.

AMERICAN MARKETS

TODAY'S WEATHER

FIVE NEW SUBMARINES

SCOTS FOOTBALLERS FOR GERMANY.

Буржуазная газета „Дэйли Экспресс“ от 27 февраля 1929 г. со стат роцкого, предназначенной исключительно для этой газеты, то-есть монопольно анной для нее.

На собрании «Красного Путиловца» коммунары совместно с беспартийными рабочими предложили «правительству и впредь принимать самые строгие меры против всякого рода попыток контрреволюционеров-троцкистов помешать нашему делу. Троцкизму, как явно выраженной контрреволюционной группе, нет места в Советском Союзе».

Рабочие, моряки и красноармейцы Севастополя на многочисленных собраниях требуют применения к троцкистам самых суровых репрессивных мер.

Из Иваново-Вознесенска, Тулы, Москвы и др. крупных промышленных центров имеются многочисленные резолюции партийных и общих рабочих собраний, одобряющих принятые партией и советской властью мероприятия.

Рабочие трамвайных мастерских им. Домбаля в Киеве заявляют: «Дальнейшее развитие нашего хозяйства по пути социалистического строительства, преодоление стоящих перед нами трудностей, а также наличие постоянных интриг окружающих нас капиталистических государств требуют от нас самой решительной борьбы с подрывающими устои советской власти переродившимися контрреволюционерами-троцкистами».

Так говорили рабочие до выступления Троцкого в буржуазной реакционной печати.

Что они скажут сегодня о мистере Троцком после его выступления в реакционной империалистической прессе Европы и Америки против Советского Союза?

* * *

Иначе отнеслась к сообщению о высылке Троцкого буржуазная и социал-демократическая печать. Несмотря на то, что в ней не было полного единодушия в оценке роли Троцкого, большинство газет буржуазных и социал-демократических сходилось на том, что Троцкий является в капиталистический мир иным, чем он оставил этот мир в 1917 году, что в капиталистический мир возвращается в лице Троцкого человек, который будет способствовать расшатыванию, ослаблению СССР; а раз так, то он—желанный гость. Очень немного нашлось газет, которые защищали иную точку зрения.

Рекорд глупости в этом отношении побила стокгольмская реакционная «Стокгольмс Тиднинген», в номере от 12 февраля сообщившая, что в связи с высылкой Троцкого забастовала электрическая станция Москвы и весь город остался без света, остановились трамваи, войска ЧК заняли все правительственные здания, театры и увеселительные места были закрыты, ресторанные посетители поспешили по домам, и что только «в 11 часов вечера с помощью специалистов из инженерных войск и студентов была возобновлена работа на электрической станции» и что Зиновьев сослан на Кавказ, что Лозовский и несколько других руководящих деятелей советских профсоюзов «решили использовать Троцкого для организации забастовок в промышленных странах Европы».

Мы печатаем образец этой политической безграмотности бессмысленной фантастики и глупости, как пример того, какой сенсационный товар находит потребителей в капиталистической Европе. Потрафить такому читателю, конечно, не трудно, если сочинить поинтереснее что-нибудь о советском государстве, о партии, о ее руководителях, подправить это щекочущими нервы буржуазии подробностями, как это и сделал впоследствии Троцкий в своих статьях, предназначенных для этой буржуазной печати.

Мы здесь приводим ряд отзывов социал-демократической и буржуазной печати, появившихся вслед за известием о высылке Троцкого.

Германский «Форвертс», который злее всех бешеных псов буржуазии лязгает зубами, когда дело идет о Советском Союзе, по отношению к Троцкому принял самый покровительственный тон, требуя разрешения в'езда в Германию для Троцкого.

Известный социал-демократ Розенфельд, побывавший в СССР для защиты правых эсэров на процессе, в органе французских «социалистов» «Попюлэр» заявил, что троцкисты «уже не забавляются толкованием писаний Ленина, а нападают на самые основы большевистской диктатуры, требуя свободы стачек и союзов, повышения заработной платы и тайного голосования». «Троцкий и его сторонники еще сохранили некоторые утопические идеи времен военного коммунизма, но от практической пропаганды они вернулись к лозунгам русских меньшевиков и делают первые шаги для демократизации режима, без которой большевизм выродится в фашистскую контрреволюцию. Троцкий еще не пришел к марксистской концепции Мартова и Дана, но события уже заставляют его применять конкретные лозунги русских меньшевиков».

«Сам» Дан в «Арбейтер Цейтунг» выступил в защиту Троцкого. Он заявил, что симпатии социал-демократов на стороне «преследуемого Троцкого». «Социал-демократам нечего опасаться теперь политической деятельности Троцкого, так как он скорее будет вредить коммунистическому движению и скорее побудит рабочих-коммунистов к возвращению в лоно социал-демократии, нежели будет укреплять коммунистическую партию и разрушать основы социал-демократии». При этом австрийские социал-демократы открыли даже сбор на так называемый «фонд Маттеоти» на поддержку социал-демократического движения, при чем указывают главным образом на поддержку высланного из СССР Троцкого.

В «Лейпцигер Фолькс Цейтунг» (от 30 января) известная меньшевичка Ольга Доманевская выступает также в защиту Троцкого. Считая, что у Троцкого есть еще остатки его коммунистических иллюзий, военного коммунизма и т. п., Доманевская указывает на то, что надо останавливаться не на этих различиях, а на том, что в настоящее время сближает социал-демократов с Троцким, а это сближение основывается на том, что «Троцкий заимствует сейчас свои «жизненно-важные» лозунги из программы русской социал-демократии»... Троцкисты постепенно выходят на правильный путь, и чем скорее удастся им выкристаллизовать свои политические позиции до логического конца и сбросить власть старых утопий, тем скорее будет возможно об'единение всех классово-сознательных группировок внутри русского рабочего класса, тем больше шансов на успешную борьбу за пределами коммунистической партийной диктатуры».

Так меньшевики всех оттенков выявили свое отношение к троцкизму и Троцкому: приветствуем Троцкого, который идет походом против компартии, против Коминтерна, который призывает рабочих в СССР к стачкам, который берет свои «жизненно-важные лозунги из программы социал-демократов», который подрывает основы пролетарской диктатуры.

Как не порадеть родному человечку!

«Фольксштимме»—орган хемницких социал-демократов—в передовой под заголовком «За что борется Троцкий?» отвечает: «Троцкистская оппозиция может быть еще весьма убеждена в том, что она в состоянии укрепить пролетарскую диктатуру. В действительности же она является только пионером демократии. Вывод... возвращение к демократии, это—принципиальное, решающее предложение Троцкого. Русский пролетариат может завоевать свою свободу только на основе демократии».

В хоре буржуазной печати можно услышать те же голоса. Здесь возвращение Троцкого на социал-демократические позиции нашло живейший отклик, живейшее одобрение.

Понятно, что иную оценку высылка Троцкого нашла в рядах коммунистических рабочих.

Орган французской компартии «Юманите» в передовой от 21 февраля, озаглавленной «Больше, чем когда-либо мы доверяем ленинской партии», одобряя высылку Троцкого, раз'ясняет контрреволюционную роль Троцкого. «Юманите» правильно указывает, что «на каждом важном этапе революции Троцкий пытался противопоставлять большевистским решениям свои решения, которые привели бы к гибели революции». «Троцкий возвращается в лагерь своих прежних союзников—социалистов, которые уже приветствуют его. Международный пролетариат будет помнить о Троцком только для того, чтобы оградить себя от заблуждений, вследствие которых человек, когда-то бывший революционным вождем, превратился в надежду контрреволюции».

ЦК компартии Франции, Германии, как и ЦК других коммунистических партий, одобрили решение о высылке Троцкого. В резолюции ЦК КПФ говорится: «Тот факт, что социал-демократы всех стран берут высланного Троцкого под свою защиту, сам по себе достаточен, чтобы доказать правильность принятых против Троцкого мер. Эволюция Троцкого не вызывает удивления... Каковы бы ни были услуги, оказанные им революции, Коминтерну, он не может пользоваться ни малейшей поблажкой, вступив в ряды контрреволюционеров В интересах мировой революции оправдываются все суровые меры, принимаемые против ее врагов». «Французская компартия приветствует вступление тысяч рабочих в ВКП(б), как наилучший ответ на согласованный натиск международной буржуазии и ренегатов коммунизма. Французская компартия заявляет, что она исполнена решимости к ожесточенной борьбе против всех троцкистских элементов, которые во Франции открыто присоединяются к буржуазии, и призывает всех рабочих укрепить единый фронт против всех врагов Коминтерна для защиты СССР от империалистской угрозы».

Орган английской компартии «Сэндэй Уоркер» заканчивает статью от 3/II о высылке Троцкого уроком, который необходимо запомнить не только английским рабочим: «Урок для рабочих ясен. Нужны не «великие люди» и бурные темпераменты, а преданные революционные бойцы, живущие, действующие, чувствующие, выражающие восстание масс против капиталистической эксплоатации. Рабочие Советского Союза достаточно сильны для того, чтобы обойтись без «великих», с презрительным жестом они высылают их туда, где им место,—в капиталистическую Европу».

«Роте Фане»—орган германского ЦК, в заметке от 7 февраля «Гостеприимство буржуазии в отношении Троцкого.—Распростертые об'ятия социал-демократии» пишет:

«С того дня, как мы сообщили о высылке Троцкого из Советского Союза, буржуазная и социал-демократическая печать не может успокоиться. Ежедневно во всех капиталистических газетах раздается настоящий хор приветствий «жертве большевистского террора». Не может быть больше позора для бывшего революционера, для бывшего участника Октябрьской революции, для бывшего командующего Красной армией, чем дружественные благопожелания этой дружественной буржуазии, которая готовится... к интервенционной войне против Советского Союза». «На столбцах капиталистических газет Троцкий может прочесть, как низко он пал. Из уст немецких предпринимателей, банкиров, биржевых маклеров он может услышать, кому он приносит пользу своей контрреволюционной деятельностью против Советского государства. Партия Носке, которая обагрена кровью лучших борцов немецкой революции, делает Троцкого своим признанным любимцем. В потоке передовых статей, она,—партия Носке,—упоминает о прежних заслугах Троцкого перед русской революцией. «Берлинер Тагеблатт», «Фоссише Цейтунг», «Форвертс» и желтая «Фольксвилле» сошлись в трогательном единодушии для того, чтобы защитить Троцкого от «ругани» коммунистической прессы. Ничто не может больше опозорить и сильнее заклеймить Троцкого в глазах борющегося рабочего класса, чем этот факт. Своими враждебными действиями он всецело заслужил свою участь».

* * *

Троцкий появился в Константинополе 12 февраля, и первым его шагом было заявление на имя Кемаля: «Его превосходительству господину президенту Турецкой Республики. У ворот Константинополя я имею честь сообщить вам, что не по своему свободному выбору я прибыл на турецкую границу, и что я перехожу эту границу лишь уступая насилию. Благоволите, господин президент, принять мои почтительные чувства. Л. Троцкий, 12 февраля 1929 г.».

Днем 12 февраля Троцкий в беседе с начальником полиции заявил ему, что фраза о насилии относится не к турецким властям, а к советским.

Итак, первым шагом Троцкого в капиталистической стране был—плевок по адресу Советского Союза, почтительные чувства к президенту Турецкой Республики. Нас не удивляет этот шаг. Но почему Троцкий стыдится привести полностью это письмо, когда он публикует его в «Дэйли Экспресс», оговариваясь предварительно: «моей целью является не пропаганда, а одна лишь правда». Стыдно перед своими единомышленниками? Троцкий приводит это свое первое письмо без выражения почтительных чувств, а просто: «Сэр, я формально заявляю вам, что не по своему свободному выбору я прибыл на вашу территорию, а уступая насилию».

Правда-то выходит троцкистская,—подмоченная, с первого шага до последнего,—блудливая, ренегатская правда.

Само собой разумеется, что агенты буржуазной прессы сейчас же набросились на такого рода приманку. Представитель «Юнайтед Пресс оф Америка» сообщал Троцкому о том, что эта буржуазная организация прессы широко оценит телеграммы Троцкого по вопросам, которые интересуют буржуазное общественное мнение Европы и Америки. И тут же началась торговля, при чем представители буржуазных синдикатов печати поставили ему условие: «избегать революционной пропаганды и отказывать во всех интервью и статьях другим в течение месяца». Во всяком случае, с самого начала ему предлагали за первые статьи не меньше 5.000 долларов, сообщили ему, что за право поместить его статьи спорят такие почтенные органы, как грязно-желтая «Дэйли Мэйль» (сами англичане нередко называют эту газету «Дэйли Лэйль»—ежедневная ложь), при чем агенты сообщали ему, что скандинавские права проданы по хорошей цене, что оттоманский банк готов выплатить ему за его статьи и т. п. Мы не знаем, на чем сторговался Троцкий с агентами буржуазной печати. По некоторым данным, за статьи ему заплачено больше 10.000 долларов, по другим—около 25 тысяч долларов. Нас не это интересует. Когда покойный Иоффе жаловался на партию, что она не разрешает ему печатать свои мемуары в буржуазных издательствах, которые обещают ему хорошо заплатить, это вызывало гадливое отвращение. Но Иоффе—покойник, который писал об этом перед своей смертью. А здесь живой политический покойник, живой ренегат сторговывается, за сколько

продать свою клевету против коммунистической партии, против ее руководителей, против советской власти.

Реакционеры знают, что делают. Они знают, для чего они печатают статьи Троцкого. И пусть Троцкий оговаривается в этой статье для легковерных читателей: «прежде, чем я взялся писать эти статьи, я потребовал полной свободы высказывания. Я скажу либо то, что я думаю, либо не скажу ничего». Всякий в праве спросить: с каких это пор и по какому поводу буржуазная империалистская пресса стала свободной трибуной для тех, кто заявляет себя искренним ленинцем? И если эта «правда», которая сегодня высказывается со столбцов «Дэйли Экспресс», «Нью-Йорк Таймс», «Нью-Йорк Герольд», голландских и других реакционных органов, оплачивается золотом буржуазии, всякий рабочий поймет, что эта «правда» выгодна буржуазии, иначе она бы за нее не платила. Пусть Троцкий заявляет о том, что его «целью является не пропаганда, а одна лишь правда»; всякий, кто знает, что Троцкому было поставлено условие «избегать революционной пропаганды», поймет должным образом значение слов Троцкого, что его «целью является не пропаганда».

И не странно ли, что Троцкому платят десятки тысяч долларов за «пропаганду» те самые английские воротилы, которые организовали разрыв с Советским Союзом именно из-за «пропаганды». Не ясно ли, пропаганда мистера Троцкого как небо от земли далека от той «пропаганды», за которую арестовывают и расстреливают коммунистов во всех странах капиталистической Европы и Америки.

На самом деле, Троцкий в своих статьях занимается пропагандой против Советского Союза, против компартии, против Коминтерна. За это именно и платят ему денежные мешки Англии и Америки.

«Дэйли Экспресс» сопровождает статью Троцкого маленьким предисловием: «Исторический документ», где рассказывает о том, как Троцкий «драматически нарушил свое долгое молчание». «Он резко обвиняет своего главного врага—Сталина... Он... критикует нынешний советский режим и разоблачает секретную историю тех событий, которые привели к тому, что он стал не имеющим гроша политическим изгоем». Бедный мистер Троцкий! Как не пожалеть этого человека, не имеющего сейчас гроша и торгующего своей политической совестью! Ничего не поделаешь, раз уж обязался служить новому хозяину—приходится терпеть и такие оговорки, против которых еще недавно Троцкий выступил бы с самыми резкими и грозными филиппиками. «Дэйли Экспресс» сопровождает статью замечанием о ГПУ: «ГПУ, о котором упоминает Троцкий, является террористической организацией, пришедшей на смену ЧК». А сам Троцкий сообщает в скобках, что ГПУ—это политическая полиция, и на потеху буржуазии рассказывает о том, как его две собаки пойнтеры «были несколько обеспокоены, видя столько чужих людей в моем спокойном обиталище». Эти «чужие люди» были работники ГПУ.

Бедные собаки Троцкого! Бедные пойнтеры, обеспокоенные ужасными чекистами из «террористической организации»—ГПУ! Троцкий потрафил в самую сердцевину английским достопочтенным лордам и лэди, устраивающим ежегодные молебны-благословения над охотничьими собаками, которых священники кропят водой. Как охотно они проделали бы это и над пойнтерами Троцкого! Но до какой низости надо пасть, чтобы так потрафлять буржуазии!

Мы не собираемся полемизировать с «мистером Троцким». Мы подчеркиваем лишь ту быстроту, с которой Троцкий проделывает свою эволюцию, свое возвращение к яслям нового своего хозяина.

«Дэйли Экспресс» с восторгом приводит выражение Троцкого о том, что советская власть «правит силой над возмущенным народом». Сколько звонких пощечин получили ренегат Каутский и его апостолы и от Ленина, и от Троцкого в свое время за подобное утверждение, и как быстро автор книги «Терроризм и коммунизм», направленной против таких утверждений, бросает эти обвинения против советской власти перед лицом буржуазного мира!

О, конечно, это не пропаганда против советской власти,—Троцкий «отказался от пропаганды». Его «целью не является пропаганда, а только правда». Его могут заподозрить в том, что этими словами он науськивает буржуазию на советскую власть. Но какое до этого дело мистеру Троцкому?!

Троцкий заявляет: «наш метод,—это метод внутренних реформ. Я пользуюсь этим случаем для того, чтобы заявить это всему миру, дабы, поскольку это возможно, защитить интересы советов»... «Как бы ни были велики трудности советских республик, вытекающие не только из об'ективных обстоятельств, но и из бесплодной политики колебаний, все же те, кто ожидают близкого свержения режима, осуждены еще на одно жестокое разочарование». Нам кажется, что мистер Троцкий совершил плагиат у секретаря мистера Черчилля, мистера Бутби, который недавно заявил в печати буквально то же самое, что на близкое свержение советского режима нельзя надеяться. Как видите, в вопросе о перспективах мировой революции, базой которой является «советский режим», Троцкий вполне согласен с мистером Бутби. И если «коммунизм» Троцкого не идет дальше утверждений консерватора мистера Бутби, то не ясно ли, что мистер Троцкий и мистер Бутби вполне сойдутся на том, что на не близкое, но и не очень далекое свержение советского режима можно все-таки рассчитывать. Не так ли, мистер Троцкий?

Теперь ясно, к чему сводится «пропаганда» мистера Троцкого.

Теперь ясно, за что платит ему буржуазия десятки тысяч долларов.

Л. Гатовский, Г. Козлов, А. Курбатов.

К характеристике хозяйственного положения.

Истекшие 4 месяца дают не мало материала для характеристики народнохозяйственных процессов текущего года.

На основе этого материала уже возможен ряд предварительных выводов, в оценке наших народнохозяйственных планов.

Попытаемся осветить ряд моментов текущей хозяйственной кон'юнктуры и перейдем к соответствующим выводам.

Начнем с сельского хозяйства.

Основными моментами истекшего периода в области с. х. являются итоги озимой кампании и реализации с.-х. продукции урожая 1928 года. Условия, в которых развивалось сельское хозяйство за истекший период, не были благоприятны.

Прежде всего необходимо отметить крайне отрицательные метеорологические условия. В силу неблагоприятных условий погоды погибло свыше 5 млн. гектаров озимых посевов в ряде товарных районов (УССР, Сев. Кавказ, частично ЦЧО). Уже одно это обстоятельство создало ряд трудностей для хлебозаготовок и хлебоснабжения страны. Отрицательный характер метеорологических условий сказывался на протяжении всего периода созревания и уборки урожая. Период июль—октябрь для большинства районов характеризовался дождливой погодой, а для части УССР и Сев. Кавказа—засухой. Все это обусловило:

1) Недобор сена и снижение его качества при хорошем урожае трав в районах потребляющей полосы (Сев.-Вост., Ленингр. обл., ЦПО, БССР).

2) Запоздание созревания урожая и снижение как его размеров, так и его качества (влажность). Достаточно для примера привести следующие данные экспортного совета ЦСУ СССР: на 28/VIII экспертн. совет определял сбор урожая зерновых в 78,5 млн. тонн, а на 12/X эта цифра снижается под влиянием главным образом дождей и засухи в ряде районов УССР до 74,5 млн. тонн или на 4,0 млн. тонн.

3) Период уборки урожая оказался крайне растянутым и во многих районах совпал с осенним севом и зяблевой вспашкой. Так, например, по Ленинградской области уборка продолжалась до 10/XI. Совпадение трех групп полевых работ (уборка озимых, сев и зяблевая вспашка) крайне обострили вопрос с тягловой силой крестьянских хозяйств.

Прошедшая озимая посевная кампания не только не дала расширения площади озимого клина, а, наоборот, мы имеем некоторое его сокращение. Отсутствие точных данных о посевной площади озимых в обобществленном секторе сельского хозяйства лишает нас возможности дать точную количественную характеристику всего озимого клина. Но если даже принять во внимание бесспорно имевшее место расширение озимого посева в колхозах и совхозах, то и тогда мы получим сокращение размеров озимого клина 1928 г. по сравнению с прошлым годом, вероятно, на 2—3%.

Надо иметь в виду, что по сравнению с площадью сбора озимого урожая 1928 г. озимые посевы больше примерно на 3,2 млн. гектаров. Площадь уцелевших озимых посевов 27 г. определяется в 30,3 млн. га, а площадь посева озимых 28 г. составляет 33,5 млн. га. (Данные по индивидуальному сектору крестьянских хозяйств).

Порайонная динамика озимых площадей текущего года в сравнении с размерами озимых посевов 27 года характеризуется следующими данными:

Озимый клин 28 г. в %% к озимому посеву 27 г. по индивидуальным крестьянским хозяйствам.

Районы потребляющей полосы		Производящие районы			
		Недородные в 1928 г.		Урожайные в 1928 г.	
Северо-Восточный	99,7	Сев. Кавказ	82,2	Средн.-Волжск	101,3
Ленингр. и КАССР	96,6	Дагест. АССР	95,3	Вт. ч. Чув.-Татар.	102,3
Западный	100,9	Ц. Ч. О.	98,9	Ср.-Волжск. обл.	101,0
Центр-Пром.	101,3	УССР	88,2	Ниж.-Волжск.	102,1
БССР	99,3	Вт. ч. степь в целом	75,2	Баш. АССР	106,0
		Полесье и лесостепь	101,0	Уральская обл.	102,4
		Крым. АССР	89,0	Вятский	99,9
				Сибирь	100,8

Приведенная таблица показывает, что основная причина недосева коренится в отрицательных метеорологических условиях и недороде в таких районах, как УССР и Сев. Кавказ. Районами максимального недосева и явились главным образом УССР (степь) и Сев. Кавказ. Неурожай в этих важных товарных районах обусловил отсутствие в должных размерах семенного материала в крестьянских главным образом бедняцких хозяйствах. Размеры помощи семенами со стороны государства оказались недостаточными, что стояло в прямой связи как с запозданием урожая, так и трудностями, связанными с переброской семенного материала. На ряду с этими причинами необходимо отметить недостаточную четкость и своевременность работы государственного и кооперативного аппарата по организации озимой кампании (см. ниже). Надо со всей решительностью подчеркнуть, что мы до сих пор еще не научились проводить такие «кампании», как осенний и весенний сев, с тем вниманием, напором и максимальной концентрацией сил и средств, каких требует их народнохозяйственное значение.

Но на ряду с отмеченными причинами недосева озимых необходимо указать наличие и других, социального порядка причин. Об этом говорят данные о размерах озимого клина по группам крестьянских хозяйств. Мы не можем полностью привести здесь все статистические данные по этому вопросу, ограничимся только общей характеристикой основных тенденций. Самый материал осенней кон'юнктурной анкеты нельзя считать в полной мере репрезентативным для всех групп крестьянских хозяйств. Но, несмотря на свои недостатки, он в общем верно отражает основные тенденции, происходящие в деревне. Какова же динамика озимого клина по группам крестьянских хозяйств? Прежде всего необходимо отметить, что по ряду районов мы имеем недосев по группе крестьянских хозяйств без рабочего скота. Правда, размер этого недосева в общем незначителен. В факте недосева у бедняцких слоев деревни сказались условия сева текущего года (сжатость периода сева, в силу чего не было достаточного отпуска на сторону рабочего скота, недостаток семенного материала). Необходимо всемерное усиление помощи бедноте деревни в предстоящую весеннюю кампанию.

Крестьянские хозяйства с одной головой рабочего скота по большинству районов, за исключением пораженных недородом озимых, дали рост озимого клина. Почти аналогичная же картина наблюдается и по группе хозяйств с двумя головами рабочего скота. Нельзя сказать, что есть какое-нибудь значительное отличие в динамике посевов у хозяйств с 2 головами скота по сравнению с хозяйствами с 1 гол. рабочего скота. Так, по некоторым районам УССР хозяйства с 2 головами рабочего скота дали даже больший прирост, чем хозяйства с 1 головой рабочего скота. По некоторым районам Северного Кавказа хозяйства с двумя головами скота дали меньшее сокращение озимого клина, чем с 1 головой. Сокращение посевов у хозяйств с двумя головами рабочего скота произошло главным образом по районам недорода. Это и говорит о том, что основными лимитами в расширении озимого клина этими группами крестьянских хозяйств явилось отсутствие в должных размерах посевного материала и отрицательные метеорологические условия. Хозяйства с 3 головами рабочего скота по большинству производящих районов дали или стабильность озимого клина или его сокращение и только по незначительному количеству районов — рост, при чем по некоторым районам темп сокращения довольно значителен. Расширение озимого клина этой группой крестьянских хозяйств произошло по потребляющей полосе, что стоит в прямой связи с непомерно возросшими хлебными ценами в этих районах.

Более четко выраженную картину сокращения озимых посевов дали хозяйства с 4 и более единицами рабочего скота. Почти по всем производящим районам мы имеем сокращение этой группой озимого клина в довольно интенсивной форме.

В общем в осеннюю посевную кампанию мы имели сокращение посевных площадей не только под влиянием одних факторов метеорологического порядка, но и социально-экономических, что проявилось в сокращении посевов кулацких групп при недостаточном в урожайных районах расширении середняцких.

Опыт проведения истекшей озимой кампании с неопровержимой ясностью показал недостаточную четкость работы аппарата. По ряду округов и губерний отмечаются факты запаздывания кредитов, завоза с.-х. машин и минеральных удобрений. Достаточно привести только следующие примеры неиспользования сортовых семян. В Рязанской губернии из 4.213 центнеров остались неиспользованными 1.145 центн., в Средне-Волжской обл., в Кузнецком округе из 5 вагонов использовано 6,5 тонн, в Оренбургском округе из 15 вагонов использовано 154 тонны, в Татреспублике все ввозные сортовые семена оказались неиспользованными. Имели место случаи запаздывания завоза с.-х. машин. Например, в Вотскую область около 50% ввезенных плугов доставлены по окончании сева. В Татреспублике в ряд кантонов машины пришли после сева.

Мы взяли только некоторые примеры, но и они достаточно подтверждают то положение, что одной из причин недосева явились организационные дефекты в нашей работе.

Исход озимой кампании усугубляет трудности предстоящей весенней посевной кампании.

Поставленная партией задача увеличить посевную площадь на 7% и поднять урожайность на 3% по сравнению с 1927/28 годом должна и может быть выполнена только при огромной мобилизации сил и средств. Огромное значение имеет усиление стимула бедняцко-середняцких хозяйств к расширению посевов. Принятый новый закон о с.-х. налоге создает в этом отношении значительные возможности. Этот закон должен стать скорее известным каждому крестьянину.

Большое значение приобретает вопрос о революционной законности, подчеркнутый в резолюции ноябрьского пленума. Усиление начал революционной законности является одним из важнейших условий успешного разрешения задач весенней посевной кампании и роста сельского хозяйства вообще. Огромную важность в деле проведения весенней посевной кампании имеет своевременность и активность в работе нашего государственного и кооперативного аппарата. Приведенные выше примеры плохого качества нашей работы в озимую посевную кампанию требуют от партии усиления повседневного руководства ходом подготовки к весеннему севу.

Ход подготовки к весеннему севу уже сейчас выявляет опасные моменты для благополучного его исхода. Прежде всего необходимо отметить, что намеченные размеры помощи семенами по ряду районов не являются в полной мере достаточными. По ряду районов потребляющей полосы в связи с трудным продовольственным положением создалась угроза целости семенных фондов особенно у маломощных крестьянских хозяйств. Надо со всей категоричностью подчеркнуть, что без усиления и соответствующей организации снабжения бедноты деревни, особенно потребляющей полосы, будет чрезвычайно трудно добиться расширения посевных площадей по этой группе крестьянских хозяйств.

Далее, если производство и сбыт с.-х. орудий в общем и целом проходит нормально, то в отношений минер. удобрений положение явно неблагополучно. Проведенные партией мероприятия по линии с.-х. цен, контрактации с.-х. налога, необложение новых посевов, в пределах трудовых норм землепользования, закрепление новых норм обложения, значительный рост с.-х. кредита и производственного снабжения,—все это усилит развертывание производства индивидуального бедняцко-середняцкого сектора. В стимулировании с.-х. производства играет огромную роль контрактация. В истекшем году впервые была проведена контрактация озимых посевов. Намеченный план контрактации в размере 5 миллионов гектаров в основном выполнен. Контрактация, сопровождавшаяся выдачей семенного материала, встречала большой отклик со стороны крестьянства, и, наоборот, в ряде районов имели место случаи отказа от денежной контрактации, главным образом в силу того, что на получаемые авансы невозможно было приобрести необходимое количество семенного материала из-за высоких вольных цен на рожь и пшеницу.

Контрактация озимых посевов явилась значительным фактором в их расширении у бедняцко-середняцких слоев, но она оказала далеко не достаточное влияние на производственную реконструкцию крестьянского хозяйства.

В отличие от весенней посевной кампании 28 г. осеняя не сопровождалась столь массовой коллективизацией сельского хозяйства, как это имело место тогда. Несомненно, мы имели качественное укрепление старых колхозов и незначительное количество вновь организованных.

Из других производственных условий сельского хозяйства необходимо отметить усиленную реализацию крестьянством скота, что обусловлено главным образом недостатком кормовых ресурсов. Это положение отражает в основном нижеследующая табличка индексов цен на корма:

Индексы цен кормов (по „крестьянским индексам").

	Льноводн. район	Свекловичн. район		Северный Кавказ	Южная Украина
		РСФСР	УССР		
1/II 1928 г. . .	195	172	163	230	213
1/X 1928 г. . .	283	188	187	264	237
1/II 1929 г. . .	3[illegible]2	231	235	348	357

Таким образом, и за год и особенно в течение первого квартала, корма значительно вздорожали, что содействовало усиленной реализации скота, скармливанию ему хлеба и технических культур (свекла, маслосемена).

В январе реализация скота уже значительно уменьшилась. Ход реализации с.-х. продукции за истекшее полугодие с.-х. года проходил в резко отличных условиях по сравнению с прошлым годом. В основном эти отличия сводятся главным образом к запозданию сезона реализации по большинству культур, что стоит в связи с запозданием урожая в текущем году. Ряд мероприятий, проведенных в текущем году (более ранние сроки взимания обязательных платежей с крестьянства), обусловил иной характер хода заготовок, чем в прошлом году. Особенно отчетливо это обнаруживается по линии хлебозаготовок. Хлебозаготовки проходили в основном удовлетворительно до декабря.

Важнейшим фактором, обусловившим успешный ход хлебозаготовок в октябре — ноябре, явилось форсированное взимание обязательных платежей. Всего на 1/I-29 г. собрано 491,1 млн. руб. с.-х. налога и страховых платежей против 280,7 млн. руб. в прошлом году, при чем в октябре—декабре было из'ято из деревени 354,2 млн. рублей.

Действие налогового фактора на сдачу хлеба было наибольшим в сентябре—октябре, в связи с запозданием сезона технических культур. В последующие месяцы началась сдача технических культур, что уменьшило реализацию хлеба. Проводимая кампания самообложения, сбора диференцированного кооперативного пая и т. п. не может быть значительным стимулом к продаже хлеба.

Известную положительную роль в деле хлебозаготовок сыграла как реализация весенних контрактов хлеба, так и осенняя закупка хлеба на корню.

Всего было законтрактовано в яровую кампанию 28 г. 0,93 млн. тонн. Закупка на корню была произведена в размере 1,62 млн. тонн, при чем у совхозов закуплено 0,35 млн. тонн, у колхозов—0,39 млн. тонн и у единоличных хозяйств—0,88 млн. тонн.

Из отрицательных факторов хлебозаготовок главнейшими являются: рост разрыва базарных и заготовительных цен, в связи с ростом крестьянского спроса со стороны потребляющей полосы, недородных округов УССР и Сев. Кавказа и бедняцких слоев деревни производящих районов.

Разрыв базарных и заготовительных цен достиг значительных размеров, что видно из нижеследующей таблицы:

Разрыв заготовительных и базарных цен.

	I—1928	X—1928	I—1929	I—1928	X—1928	I—1929
	базарная цена в % к заготов.			в копейках за центнер		
Рожь						
ЦЧО	114,1	218,0	288,6	— р. 67 к.	7 р. 02 к.	11 р. 07 к.
Урал	108,3	157,8	240,4	— „ 35 „	2 „ 96 „	6 „ 28 „
Украина	126,0	205,1	240,1	1 „ 19 „	7 „ 32 „	8 „ 24 „
Пшеница						
ЦЧО	123,6	153,4	174,5	1 „ 74 „	4 „ 42 „	6 „ 40 „
Урал	109,7	132,0	168,3	— „ 58 „	2 „ 41 „	5 „ — „
Сев. Кавказ	132,8	176,1	216,9	2 „ 12 „	6 „ 30 „	9 „ 62 „
Украина	117,3	205,8	246,5	1 „ 18 „	8 „ 80 „	11 „ 2 „

Вольная цена больше чем в два раза превышает заготовительную государственную цену, при чем, как показывают данные этой таблицы, разрыв не уменьшается, а растет в силу непрекращающегося роста вольных цен.

Динамика базарных цен дает следующую картину этого роста: по Европейской части СССР цены возросли за истекшие 4 месяца (с X по I): по ржи на 47%, по ржаной муке на 32,3%, по пшенице на 28%, по ячменю на 38,9%, по овсу на 18,4%.

В результате нынешний уровень вольных хлебных цен значительно превышает их прошлогодний уровень.

Если на 1/X 28 г. вольная цена на рожь в среднем по Европ. СССР составляла в % к цене на 1/X 27 г.—212,4%, то на 1/II 29 г. (в % к 1/II 28 г.) она составляла—248,0%, по ржаной муке соответственно 232,3% и 242,1%, по пшенице 161,1% и 213,5%, по ячменю на 1/II 29—164,5%, по овсу—134,6%.

В условиях этого огромного разрыва вольных и заготовительных цен задача выполнения годового плана хлебозаготовок становится крайне затруднительной, требующей максимума сил и напряжения со стороны не только заготовительного аппарата, но и всей партии. Трудности дальнейшего хода хлебозаготовок обусловливаются еще и тем, что сейчас главным держателем хлеба выступает зажиточная часть деревни, продающая хлеб на вольном рынке. Характерной чертой значительной части вольного хлебного оборота в текущем году является тот факт, что он происходит по линии крестьянских покупок и продаж. Торговцем хлеба выступает под видом крестьянина-потребителя главным образом кулак. Сама торговля зачастую приобретает трудно уловимые формы (торговля мельчайшими партиями, продажа и скупка по ночам непосредственно в крестьянских дворах и т. д.). За последнее время особенно усилился гужевой вольный хлебооборот. Гужевая переброска хлеба происходит на сотни верст (особенно из Поволжья).

Активную деятельность развивает спекулянт-кулак, зачастую маскирующийся под крестьянина-потребителя, имеющий разветвленный аппарат (хлеб перебрасывается на десятки верст, перенимается «агентурой», перебрасывается дальше, снова перенимается и так путешествует на сотни верст).

Борьба со спекуляцией хлебом в этих условиях становится крайне сложной, но она должна быть развернута, и уже дает положительный результат в смысле стимулирования плановых заготовок. Методы борьбы должны быть гибкими, чтобы избежать распространения чрезвычайных мер, имевших место в прошлом году. Бесспорно, что наиболее верным средством борьбы с развернувшейся спекуляцией хлебом явилось бы более полное удовлетворение крестьянского спроса на хлеб. Завоз хлеба в потребляющую полосу производится нами в недостаточных размерах. По состоянию наших хлебных запасов значительно увеличить его нет возможности. Но нет никакого сомнения в том, что более упорядоченным снабжением в первую очередь бедняцких слоев деревни мы могли бы несколько ослабить крестьянский спрос и тем самым уменьшить условия для спекуляции. За последнее время широко распространилась система регулирования хлебоснабжения путем ограничения контингента снабжаемых по низким ценам, нормирования отпуска и т. д. Эта система, несомненно, дала положительный результат в смысле упорядочения снабжения рабочего населения, устранения имевших ранее место перебоев.

Следует подчеркнуть, что в ряде районов с этим регулированием несколько запоздали, что привело к утечке хлеба, особенно в связи с разрывом базарных цен на муку и овес и кооперативных цен на печеный хлеб.

Выполнение плана хлебозаготовок поставлено сейчас в непосредственную зависимость от снабжения деревни промтоварами. Снабжение деревни промтоварами в 1928—29 г. сильно возросло по сравнению с 1927—28 г. (1 квартал 1928—29 г. вообще дал больше промтоваров широкого потребления, чем соответствующий квартал 1927—28, почти на 16%), а распределение их между городом и деревней также значительно изменилось (в 1927—28 г. на деревню приходилось около 45% планового завоза дефицитных товаров, а в истекшем квартале уже около 75%). Усиление снабжения деревни промтоварами в текущем году привело к известному насыщению спроса на промтовары в деревне.

Если учесть еще к тому же широко применяемую практику первоочередного снабжения сдатчиков хлеба дефицитными промтоварами, мы, естественно, должны притти к выводу о том, что стимулирование зернового производства в 1929—30 г. по сравнению с 1928—29 г. возрастет, особенно если учесть, что в 1928 г. широко применялись чрезвычайные меры в противоположность текущей кампании.

Огромное стимулирующее воздействие на хлебозаготовки оказывает практика забронирования значительной части дефицитных промтоваров за сдатчиками хлеба (на сумму от 50 до 100% сданного хлеба). Эта система на ряду с огромными плюсами имеет следующие дефекты: 1) отрицательное воздействие на валюту, особенно в случаях непосредственного товарообмена (а это кое-где имеет место, несмотря на запрещение); 2) замедление товарооборота и даже прямое затоваривание в связи с слабым поступлением хлеба, отрицательно воздействующее на финансовое положение кооперации, и 3) возможность ухудшения снабжения маломощных слоев деревни, уже сдавших хлеб ранее.

Основное, что необходимо в практике товарообменных операций, сводится к двум моментам: прежде всего необходимо выделение соответствующих товарных фондов для продажи бедноте деревни, и, во-вторых, необходимо товарообменные операции проводить не в форме прямого эквивалентирования, чтобы это не приводило к выталкиванию червонца из товарообращения.

Заготовки технических культур и продуктов животноводства проходят в основном в рамках плана.

Успешно идут заготовки маслосемян, что обусловлено повышением на них заготовительных цен, при увеличении валовой продукции по сравнению с прошлым годом.

Заготовки льноволокна в связи с усилением завоза хлеба и промтоваров в льноводческие районы, а также большим сбытом его идут успешно: на 1/II-29 г. годовой план выполнен в размере 81,4%, против 65,4% в прошлом году. Абсолютные размеры плана в текущем году составляют 155 т. тонн, против 135 т. тонн в прошлом году. Необходимо здесь же отметить понижение качества льноволокна в силу неблагоприятных метеорологических условий. Заготовки хлопка составили на 1/II-29 г. 714 т. тонн против 603 тыс. тонн в прошлом году. Годовой план в текущем году выполнен на 84,9%, в прошлом—95,4%, что внушает некоторые опасения за выполнение годового плана.

Неудовлетворительно прошли заготовки сахарной свеклы, давшие 9.481 тыс. тонн, против 9.870 т. тонн в прошлом году, при выполнении плана в текущем году на 87%. Недозаготовки об'ясняются как неблагоприятными метеорологическими условиями, так и невыгодным для свеклы соотношением цен по сравнению с картофелем, что обусловило повышенное оседание сахарной свеклы в крестьянском хозяйстве.

Кожевенные заготовки идут на повышенном уровне; по крупным кожам +75,7% и мелким 49,2% против прошлого года, что об'ясняется повышенной реализацией скота.

Маслозаготовки идут на уровне прошлого года (превышая его на 3,1%). Слабый ход заготовок масла обусловлен усиленным убоем скота, плохими кормовыми условиями по ряду районов, а также увеличением внутрикрестьянского потребления молочных продуктов. Необходимо отметить возросшую деятельность частника, дезорганизующего масляный рынок.

Рост вольных цен на хлеба и на картофель не мог не ухудшить эквивалентности технических культур, в частности, льна и свеклы, тем более, что именно в основных районах их производства положение с хлебом очень напряженно, роль частного оборота и разрыв хлебных цен особенно велики

(льноводные районы, ЦЧО, Правобережье Украины). В течение истекшего квартала произошло дальнейшее ухудшение эквивалентов. Так, по льноводному району отношение индекса льноволокна к индексу всех производимых с.-х. товаров упало с 62% на 1/X-28 г. до 51% на 1/II-29 г.[1]).

Та же картина по свекле: в Курском районе отношение индекса свеклы к индексу всех производимых с.-х. товаров упало с 58% на 1/X-28 г. до 48% на 1/II-29 г., а в Правобережье Украины—с 54% до 44%.

Между тем в I квартале прошлого года это отношение по льну и свекле было по крестьянским индексам значительно благоприятнее. Если на 1/II-28 г. индекс ржи превышал индекс льноволокна на 19%, то на 1/II-29 г.—на 241%, картофеля—на 36% и 118%.

По свекле (Курск. район) на 1/II-28 г. индекс ржи был ниже индекса свеклы на 14%, а на 1/II-29 г. на 96%. Индекс картофеля был выше на 1/II-28 г. на 104%, а на 1/II-29 г. на 177%.

По Правобережной Украине индекс ржи на 1/II-28 г. выше индекса свеклы на 14%, на 1/X-28 г. уже на 118%, а на 1/II-29 г. на 198%.

Пшеница соответственно	—9%	+66%	+120%
Картофель »	+57%	+72%	+105%

Следует подчеркнуть, что по картофелю, этому главному конкуренту свеклы, «крестьянские индексы» выявляют более точно фактический уровень индексов, по хлебам его несколько переоценивают, поскольку здесь играет огромную роль недоучет заготовок обобществленного сектора.

Это соотношение индексов заставляет обратить сугубое внимание на преодоление тенденции к экстенсификации сельского хозяйства в районах технических культур, к замене посевов технических культур посевами продовольственных и кормовых. Контрактация свеклы уже показала реальность этой угрозы. Необходима усиленная производственная помощь и организационные мероприятия предоставления льгот по этой линии.

Рассмотрим, как состояние сельского хозяйства и хлебоснабжения отразилось на промышленном производстве. Ограничимся здесь лишь некоторыми моментами.

Каково соотношение цен с.-х. и цен промтоваров, каковы их «ножницы»? Какова динамика цен на отчуждаемые крестьянством товары? Приведем наиболее общие данные, не претендующие на точность, но выявляющие основную тенденцию. Если в 1927—28 хоз. году общеторговый розничный индекс цен промтоваров превышал в среднем заготовительный с.-х. индекс плановых заготовителей на 44—45%, то в истекшем квартале 28—29 г.—уже всего на 35—45%. Сделаем поправку на неплановые (в том числе частные) заготовки с более высоким заготовительным индексом — получим для 1927—28 хоз. года раствор «ножниц» в 136% (по данным контрольных цифр Наркомторга), а для истекшего квартала, — если брать тот же коэффициент поправки на неплановый оборот (136% вместо 145%), что и для 1927—28 г., — около 127%. Однако, есть основание полагать, что фактически раствор «ножниц» является еще меньшим в связи с колоссальным ростом цен вольного рынка по сравнению с прошлым годом и возросшим удельным весом частного оборота по ряду продовольственных товаров.

Заготовительный индекс плановых заготовителей (с постоянными весами) в декабре 28 г. был выше индекса декабря 27 г. на 9% и на такой же % превышал и среднегодовой индекс 27—28 г., несколько превысив плановые наметки по всем группам с.-х. товаров. В январе разница к среднегодо-

---

[1]) Ниже приводятся расчеты по «крестьянским индексам» Кон'юнктурного Института, по которым индексы хлеба и картофеля взяты по вольным ценам, что не лишает нижеприведенных эквивалентов их значения.

вому индексу несколько возросла. Характерно, что помимо повышения цен на хлебные и некоторые технические культуры, на 6% повысилась группа животноводческих продовольственных товаров, хотя по плану предполагалось оставить их стабильными даже при условиях пониженной реализации скота.

Повышение заготовительного индекса на 9% повышает рентабельность с.-х. производства и приводит к поступлению значительных добавочных сумм в деревню, которым противопоставляются большие массы промтоваров: в I квартале 28—29 хоз. года отпуск пормтоваров возрос на 16% по сравнению с соответствующим кварталом прошлого года при направлении в деревню в прошлом году около 45% дефицитных товаров и около 65% в истекшем квартале.

Необходимо, кроме того, учесть добавочный прирост поступлений от реализации с.-х. продукции на вольном рынке, что в связи с значительным ростом цен, особенно хлебных, должно дать немалую сумму: точной картины удельного веса частного оборота и его заготовительных индексов нет. Но приблизительные данные об уровне индекса выявляют «крестьянские индексы» Кон'юнктурного института ЦСУ, оперирующие по ряду с.-х. товаров в основном ценами вольного рынка.

Так индексы цен отчуждаемых с.-х. товаров равняются:

	Зауралье	Зап. Сиб.	б. Курск. г.	Правобер. Украина	Сев. Кавказ	Югостепь Украины
1/II—28. . .	150	163	130	145	178	182
1/X—28. . .	178	163	175	189	209	236
1/II—29. . .	194	193	209	235	264	290

Характерно заметное повышение индексов в течение истекшей трети года. В общем уровень этих индексов особенно в недородных районах значительно превышает средний индекс плановых заготовителей (155). Фактический индекс цен отчуждаемых с.-х. товаров, однако, несколько ниже, поскольку «крестьянские индексы» переоценивают роль частного оборота. Но динамику индексов последнего они улавливают. И некую поправку на повышение заготовительного индекса плановых заготовителей следует сделать. Немалый интерес представляет таблица «ножниц» по данным Кон'юнктурного института.

Так, отношение индекса продаваемых с.-х. товаров к индексу приобретаемых промтоваров было следующим:

	Южн. Укр.	Сев. Кавк.	Правобер. Украина	б. Курск. губ.	Зауралье	Зап. Сиб.	Смол.-Твер. р.	Ярослав.-Костр. р.
1/X—27.....	0,82	0,74	0,61	0,57	0,69	0,86	0,76	0,79
1/II—28....	0,89	0,81	0,64	0,57	0,72	0,92	0,85	0,88
1/X—28.....	1,16	0,92	0,81	0,75	0,84	0,92	0,99	1,03
1/II—29....	1,38	1,14	0,98	0,86	0,91	1,07	1,05	1,35

Таким образом, по «крестьянским индексам» мы имеем непрерывный процесс сжатия «ножниц», значительный и в истекшем квартале, при чем к концу квартала образовались по большинству районов «обратные ножницы». Как выше было отмечено, абслютный размер «ножниц» выявить на основе «крестьянских индексов» нельзя. Как мы выше отметили, «ножницы» еще не сомкнулись, но значительное их сближение произошло как без учета вольного рынка, так и тем более с его учетом. Игнорировать тенденции к сжатию раствора «ножниц», отражаемой ими, не следует. Такие же «обратные ножницы» образовались и в розничном общеторговом индексе (на 1/II-29 г. индекс с.-х. товаров 230, индекс промтоваров—211). Здесь, конечно, играют роль и торговое накопление и расходы по переработке с.-х.

продуктов, индекс которых превышает индекс заготовительных цен, но все же здесь отражается процесс сближения и «фактических ножниц», процесс повышения денежной доходности деревни от реализации. Этот факт свидетельствует о росте рентабельности с.-х. производства, но вместе с тем и о росте спроса деревни. Поэтому курс на дальнейшее повышение цен при нынешнем недостатке промтоваров может содействовать не только усилению стимулов к росту производства, но и к их ослаблению, не говоря о влиянии на валюту.

Динамика соотношения цен на с.-х. и промтовары (при росте снабжения деревни последними) показывает их возрастающую выгодность для деревни.

Промышленность за 4 месяца 28—29 г. показала дальнейший значительный рост, превысив на 20,4% выработку первой трети прошлого года.

За истекшие 4 месяца промышленность по своей валовой выработке (по довоенным ценам) дала 31,9% годового плана; таким образом, без дополнительного роста выработки в остающиеся 8 месяцев план был бы выполнен на 96%. В прошлом году за этот же период выработка была равна 32,4% годового итога. Следовательно, и в прошлом году в последние $^2/_3$ года произошел дополнительный рост выработки, без которого годовая выработка в 27—28 г. была бы равна 97% фактического итога.

И в текущем году в остающийся период ряд отраслей тяжелой индустрии даст дальнейший рост, особенно по отстающим группам.

Следует подчеркнуть имеющееся отставание чугуна (31,9% годового плана против 34,7% годового плана по прокату) и по химической промышленности.

Проблема чугуна и химии требует особого внимания. Что касается легкой промышленности, то в связи с наметившимися сырьевыми затруднениями (текстиль, пищевая, жировая) здесь возможно некоторое недовыполнение программ, которое вряд ли будет значительным, особенно если учесть мероприятия по изменению ассортимента сырья и его обработки, по замене одних сортов другими, по централизации запасов и т. д.

Таким образом, мы констатируем дальнейшее значительное развертывание промышленного производства, при чем оно идет более интенсивно по линии средств производства (+23,3%, тогда как по средствам потребления + 18,1%).

Возможность дальнейшего усиленного развертывания производства зависит: 1) от обеспеченности сырьем, 2) от поднятия производительности труда и усиления трудовой дисциплины, 3) от своевременного пуска в ход новых предприятий и нового оборудования, 4) от дальнейшего развертывания рационализации.

Успехи в области роста производительности труда не могут считаться достаточными. В среднем за 1-ую треть к 1-ой трети прошлого года мы имеем рост на 10,5% (при годовом плане в 17,5%), тогда как зарплата повысилась, на 9,2%. Известное отставание в росте производительности труда, в недостаточной степени превышавшей прирост номинальной заработной платы, является следствием ряда неблагоприятных факторов: между прочим падения трудовой дисциплины, ненормального положения административно-технического персонала.

Что касается первого, то здесь, несомненно, сказываются на ряду с неупорядоченностью в некоторых местах продснабжения, вовлечение в промышленность новых кадров, недостаточное внимание к этому вопросу со стороны профессиональных и местных партийных организаций. В связи с ростом цен и бюджетного индекса имело место значительное отставание реальной зарплаты от номинальной.

В течение истекшего I квартала бюджетный индекс дал рост на 3,8%, в результате на 1/I—29 г. он превышает среднегодовой уровень 1927—28 хозяйственного года на 5,5% против плана для 1928—29 г. (+ 2,8%), в том числе на 3% по группе промтоваров, на 7,3% по группе с.-х. товаров; в отношении уровня 1/I—28 г. (изменение за календарный год) общий бюджетный индекс дает рост на 5,7%, по группе промтоваров—на 3,5%, по группе с.-х. товаров—на 7,2%.

Рост бюджетного индекса приводит к образованию «ножниц» между номинальной и реальной зарплатой, а это осложняет снижение себестоимости, ухудшает условия для под'ема производительности труда и жизненного уровня рабочего.

Реальная зарплата в настоящее время, несмотря на значительный рост номинальной зарплаты, оказалась почти на уровне прошлого года. По новому бюджетному индексу она превышает прошлогодний уровень на 2—3%.

Все эти обстоятельства затрудняют выполнение годового плана промышленности, в особенности в области качественных показателей—в области снижения себестоимости, что является непосредственным источником средств для выполнения плана капитального строительства.

Ни в области соотношения между зарплатой и производительностью труда, ни в отношении количества занятых рабочих (идет рост числа рабочих сверх плана) мы пока не имеем нужных результатов. С другой стороны, рост цен на некоторые виды с.-х. сырья, учитывая и снижение его качества, повышение платежей в бюджет и пошлин, представляет собой то об'ективное обстоятельство, которое затрудняет осуществление задач, стоящих перед промышленностью.

Результат снижения себестоимости за I квартал (в среднем около 2% по предварительным данным по большинству трестов) недостаточен, однако при этом следует иметь в виду ряд моментов, говорящих о предстоящих улучшениях в этой области. I квартал и не должен был дать всей 7% суммы снижения себестоимости (наибольшее снижение приходится на III квартал).

В остающийся период предстоит некоторое уменьшение удельного веса отраслей с менее благоприятными показателями по себестоимости, предстоит заметное развертывание производства в тяжелой индустрии, пуск новых предприятий, применение ряда мер по рационализации, использование тех значительных резервов, наличие которых между прочим так подчеркивали комиссии ВСНХ, обследовавшие ход снижения себестоимости; кой-какое влияние на снижение себестоимости окажет то снижение отпускных цен, которое до сих пор не учитывалось. Благоприятным показателем является намечающийся (пока еще слабо) перелом в отношении числа рабочих и выработки.

Уже с совершенной ясностью обнаружилось, что промышленность сможет мобилизовать значительные дополнительные резервы.

Огромное значение приобретает соответствующее маневрирование в пределах всего обобществленного сектора, всей кредитной системы и самой промышленности, переброска средств, ускорение оборота, проводящееся сокращение сроков кредита в отношении торговых организаций.

Правда, с другой стороны, сырьевые затруднения главным образом по легкой промышленности могут оказать противоположное воздействие как на выработку, так и через себестоимость (неполная нагрузка) на финансовое положение, но проведение ряда мероприятий по линии сырья должно в значительной мере ослабить это воздействие.

Весь ход производства в I квартале дает основания полагать, что в общем производственный план промышленности при напряжении производственных ресурсов будет выполнен, конечно, с некоторыми, всегда неизбежными отклонениями по отдельным отраслям.

Данные за истекшую треть года с точки зрения финансовых факторов не дают основания к пересмотру плана капитальных работ в сторону его снижения. Что касается материального баланса строительства, то здесь мы не имеем изменения в худшую сторону, по некоторым отраслям наметилось улучшение.

В общем, особенно, если учесть опыт прошлых лет, этот баланс, очевидно, не явится препятствием к выполнению в основном плана капитальных работ.

Целевая установка на выполнение плана капитальных работ должна сыграть огромную роль в деле изживания «узких мест».

Следует отметить сравнительно нормально проходящую подготовку к строительному сезону. В частности отмечается внесение значительно большей планомерности в развертывание строительства.

Перейдем к области денежного обращения, кредита и финансов.

Состояние всего народного хозяйства в I квартале полностью отражается в состоянии нашей финансовой системы. Рассмотрим ее по отдельным элементам.

Уже ноябрьский пленум ЦК характеризовал бюджет 1928/29 года как напряженный, но выполнимый.

Эта характеристика бюджета в полной мере оправдалась на итогах первой трети года. Этот период показал, что огромный 7-миллиардный бюджет выполним с большим, правда, напряжением, но выполним. Все доходы этого периода составили 2.483 млн. руб., что на 27,9 больше прошлого года (или на ¾ миллиарда больше!). Расходы же составили 2.563, что больше на 28,9 чем в прошлом году.

Таким образом, 1 треть дала 32,6% выполнения годового бюджета по доходам и 33,2% по расходам. Это свидетельствует о выполнимости годового бюджета, о том, что тот большой шаг вперед, который делает наше хозяйство в текущем году, соответственно будет использован бюджетом, и, следовательно, *с этой стороны* обеспечено перераспределение народного дохода в сторону роста индустриализации, усиления финансирования сельского хозяйства, роста культурных расходов.

Однако, общая обстановка этого периода не могла не сказаться на отдельных статьях нашего бюджета. Прежде всего отметим недопоступление по налогам с частного капитала. Развитие благоприятной обстановки для мешечнической, «подпольной» деятельности частника (некоторое обострение товарного голода, спекуляция хлебом), более рентабельной и позволяющей легче укрыться от налогового инспектора, чем открытая торговля, на ряду с усилением обложения частной торговли, вызвали интенсивное сворачивание частной открытой торговли в I квартале. Обычно, как показал опыт прошлых лет, сворачивание частника вследствие роста или недостатка товаров сопровождалось большим высвобождением его капиталов и ростом его вложений в государственные займы. Теперь мы и с этой стороны имеем известный недобор по этому сектору. Это показывает, что его капиталы нашли себе достаточное применение в «подпольной» торговле. Благоприятным условием для этого были разрывы цен.

Разрыв между ценами вольного рынка и ценами обобществленной торговли в течение истекшего квартала заметно возрос, представляя собой значительный фактор частноторгового накопления. О разрыве хлебных цен было сказано выше.

Этот разрыв усилился по большинству с.-х. и промтоваров. Интересны данные Наркомторга о накидках частной розницы на цены местного опта (обобществл.) по 45 городам без Москвы. Если в I квартале 1927—28 г., в среднем накидка составляла 25,6%, то в октябре 1928 г. она была равна

51,5%; в январе 1929 г. уже 60,7%; по промтоварам—21,9%, 24,9% и 27,4%; по с.-х. товарам—29,3%, 78% и 94%, в том числе по ржаной муке—20,2%, 119,5% и 161,3%. По Москве накидка по некоторым товарам колеблется от 200 до 300% (цены вольного рынка выше в 3—4 раза цен местного опта). Частноторговый индекс по СССР достиг на 11/II-29 г. 282, а в Москве на 21/II-29 г.—307, в том числе по с.-х. товарам—360; по хлебным—475, по растительному маслу—588, по мануфактуре—370, по писчебумажн.—354). За год значительно вздорожали на вольном рынке не только с.-х., но и ряд промтоваров (обувь, лесные и т. д.). Задача придания большей гибкости нашим налоговым органам в целях уловления «сверхприбыли» выдвинута на очередь дня, ибо, несомненно, мы имели на основе разрывов цен рост накоплений частного капитала (при недоплате ожидавшихся от него поступлений в пользу обобществленного сектора).

Дальше: по доходной части были известные недопоступления по косвенным налогам, вызванные уменьшением производственной программы подакцизной промышленности вследствие некоторого недостатка сырья преимущественно с.-х. происхождения. Зато, с другой стороны, мы имели значительное превышение поступлений по транспорту, что явилось следствием роста перевозок ценных грузов, дальности пробегов хлебных грузов, увеличения перевозок скота (усиленная реализация скота крестьянством), перевозки хлеба населением в пассажирских поездах и т. д.

Хорошо шел с.-х. налог, уплаченный с избытком против предположений, и в срок, что, несомненно, отражает значительный рост денежных доходов в результате сложившейся обстановки с.-х. рынка.

Что же касается расходной части бюджета, то она показывает полное выполнение директив партии. В то время как финансирование народного хозяйства по бюджету составляет 200,5% к I кварталу прошлого года, все прочие расходы составляют всего 119,3%. По каким линиям шло финансирование народного хозяйства, видно из следующих данных:

	1 треть 28/29 г. абсол. данные.	К соотв. периоду пр. года в %
Промышленность	354,1 млн. руб.	169,5
Электрификация	60,1 „ „	135,4
Сельское хозяйство	123,9 „ „	308,2
Торговля (включая премир. экспорта)	65,3 „ „	212,0

Таким образом, впереди всех по абсолютной величине ассигнованных средств стоит промышленность, а по темпу прироста (по сравнению с этим же периодом прошлого года) сельское хозяйство, что является выполнением партийных директив о преодолении чрезмерного отставания сельского хозяйства.

В какие отрасли промышленности направлялись средства, отпущенные ей, об этом говорят сведения о долгосрочных кредитах банков, через которые проходят все средства бюджета.

Увеличили свою задолженность:

топливная	на 66,5 млн. руб.
металлическая	„ 110,9 „ „
электротехническая	„ 71,6 „ „
химическая	„ 21,8 „ „
лесная	„ 28,1 „ „
пищевая	„ 5,9 „ „
кожевенная	„ 1,8 „ „

Текстильная же уменьшила свою задолженность на ½ млн. руб. Эти цифры говорят сами за себя: огромный удельный вес промышленности во всем финансировании народного хозяйства, рост ассигнований на сельское хозяйство, рост ассигнований на усиление экспорта, распределение средств внутри промышленности в сторону преимущественно тяжелой—показывают совершенно точное осуществление директив партии и дальнейшее продвижение по пути индустриализации нашей страны.

Таким образом, основные затруднения нашего хозяйства сказались в двух противоположных направлениях на бюджете: с одной стороны, недобор по ряду статей, с другой—перебор; пока эта новая обстановка не сказалась сколько-нибудь заметно на бюджете, но в годовом разрезе здесь может быть небольшой недобор, что должно заставить нас усилить доходную часть и как можно более экономно расходовать поступающие средства. Тем более, что напряженность бюджета означает не только напряженность доходной, но и расходной части—неизбежность сверхсметных расходов.

Обратимся теперь к краткосрочному кредиту и к эмиссии. Намеченный план краткосрочного кредита и эмиссии на октябрь—декабрь не был выполнен. Эмиссия вместо 110 млн. достигла всего 57 млн. На 20 февраля денежная масса была на 6½ млн. р. меньше, чем на 1 октября 28 г. Во II квартале всего намечено из'ять 150 млн. рублей. Однако это обстоятельство не должно закрывать от нас отрицательных сторон в нашем денежном обращении.

В течение истекшей трети года имел место заметный рост цен на с.-х. и промтовары как по частной, так и по обобществленной торговле; в результате покупательная сила рубля в течение этого периода по общеторговому розничному индексу снизилась на 3,3%, по обобществл. торговле на 2,2%, по частноторг. индексу на 6,1%. Покупательная сила рубля составляла по общеторговому индексу на на 1/II 28 г. 49,5 довоен. коп., на 1/X—28 г.—47,4 коп., а на 1/II 29 г.—45,9 коп.; по частноторг.—42,7 коп., 38 коп., а на 1/II 29 г.—35,8 коп.

За год с 1/II 28 г. по 1/II 29 г. это снижение равняется по общеторговому индексу: по всем товарам 8%, по промтоварам—2,9%, по с.-х. товарам—17,1%; по частной торговле это снижение значительно больше. По обобществленной торговле разница составляет в среднем 2,2%.

Если по плановым наметкам предполагалась в 1928—29 г. (по сравнению с среднегодовым уровнем 1927—28 г.) стабильность розничных индексов, то фактически рост цен привел к невыполнению плана: так на 1/II—29 г. мы имеем значительное превышение розничными индексами среднегодового уровня 1927—28 г.

Общеторговый	общий	+ 6,9	промтовар	+ 2,9	с.-х. тов.	+ 12,7
Обобществл.	„	+ 2,7	„	+ 1,1	„ „	+ 5,1
Частноторговый	„	+ 14,3	„	+ 6,2	„ „	+ 24,6

Оптовый индекс показывает на 1/I—29 г. разницу в отношении среднегодового 1927—28 г. на 3,1%.

Имеющиеся данные за февраль 1929 г. по вольному рынку показывают усиление роста вольных цен.

Крайне тормозилось дальнейшее развитие функции рубля как средства накопления. Мы имеем очень медленный рост вкладов в сберегательные кассы. По деревне по физическим лицам весь I квартал дал прирост в 3 млн. рублей. И это в условиях сильно возросших денежных доходов крестьянства. С другой стороны, и кампания по распространению займа дала там очень незначительные результаты. Значительно лучше обстоит дело с ростом сбережений по городу. Мы здесь по пролетарскому сектору имеем значительное превышение реализации займа против плана. Но в то же время идет усиленная сброска 1-го займа.

Интересно то, что эта сброска идет преимущественно не за счет крупных центров, а за счет всяких «прочих провинциальных городов», что связано с худшим снабжением этих городов, более высоким уровнем цен в них и т. д.

Таким образом, состояние денежного обращения и мобилизации средств населения требует большого внимания. Мы здесь еще очень мало сделали в области выполнения партийных директив. Каковы выводы из всего вышесказанного?

Напряженность современного хозяйственного положения была резко подчеркнута ноябрьским пленумом ЦК.

В центре хозяйственных затруднений (но не в качестве их первопричины) находится недостаточность продовольственного и в первую очередь хлебного снабжения, отражающего недостаточность хода хлебозаготовок с точки зрения потребностей индустриализирующейся страны.

Ноябрьский пленум подчеркнул, что «план хлебозаготовок и хлебоснабжения на 1928—29 г. мы сведем с крайним напряжением».

Недостаточность продовольственного снабжения—факт сам по себе первостепенного значения—отрицательно сказывается на росте производительности труда в промышленности и требует огромных дополнительных усилий для выполнения намеченных планов. Недостаточность хлебозаготовок не может не осложнять предпосылок к развертыванию сельхозпроизводства в предстоящем 1929—30 с.-х. году (семенной фонд, недостаток кормов и реализация скота, ухудшение рентабельности производства технических культур в некоторых районах). Наконец, именно напряженность по линии хлебозаготовок и является основной причиной роста цен, что неблагоприятно отражается на валюте и усиливает торгово-спекулятивный оборот.

Огромные трудности, стоящие на пути выполнения хлебозаготовительного плана, требуют решительного проведения четкой системы регулирования распределения хлеба в стране на основе классового принципа, при чем организованное снабжение бедноты должно положительно воздействовать на рыночные условия.

Каковы же основные причины напряженности кон'юнктуры?

Напряженность текущей кон'юнктуры имеет корни в структурных особенностях сельскохозяйственного производства, осложненных особыми условиями текущего с.-х. года; к последним относятся, прежде всего, неблагоприятные метеорологические условия.

Сейчас ко второму с.-х. полугодию сказывается изменение социального состава держателя хлеба (активная деятельность кулака-скупщика, придерживающего хлеб в интересах спекуляции).

Недостаточность развертывания середняцко-бедняцких хозяйств коренится прежде всего в об'ективных условиях, правда, изменяющихся в лучшую сторону, а также в суб'ективных—не всегда четком проведении генеральной линии партии и в существенных организационных дефектах.

Значительно возросшее за год снабжение деревни промтоварами и, в частности, средствами производства отстает от потребностей, упираясь прежде всего в об'ективные условия—недостаточное развертывание промышленности, но все же и в пределах наших возможностей оно было подчас недостаточным (распределение товаров между городом и деревней, между районами, ассортимент). По линии машиноснабжения, снабжения удобрениями, агротехнической помощи, производственной контрактации мы шагнули далеко вперед по сравнению с предшествующим годом, однако это снабжение еще резко отстало от потребностей, при чем и здесь недостаточность снабжения, коренящаяся в об'ективных условиях, усугублялась организационными дефектами (например, запаздывание), приобретающими здесь огромнейшей важности экономическое значение.

Из других условий, усиливающих стимулирование середняцкого хозяйства, следует отметить: хлебные цены, сельхозналог, революционную законность.

Повышение хлебных цен в августе 1928 г. особенно в восточных районах, где имеются большие земельные резервы, и значительно возросшая рентабельность хлеба не могли еще сказаться на продукции 1928—29 г. и должны будут проявиться лишь на продукции следующего 1929—30 с.-х. года. Далее, практика взимания с.-х. налога у нас в ряде районов ослабляла стимулы середняка к росту посевов. (Например, случаи охвата до 10—12% хозяйств индивидуальным обложением).

В настоящее время на основе постановления ноябрьского пленума уже издан новый закон о с.-х. налоге (при сохранении его основ), дающий ряд новых стимулов для расширения середняцкого хозяйства. Таким образом, ряд факторов (снабжение промтоварами, в том числе и средствами производства, контрактация, коллективизация, рост выгодности зернового хозяйства, сельхозналог и т. д.) должен комбинированно воздействовать стимулирующим образом на середняцко-бедняцкое хозяйство. Хозяйственный стимул бедняцко-середняцких масс не был и ранее убит, его сейчас не приходится создавать. Так, озимая кампания 1928 г. показала, что середняк стремится к расширению посевов. Речь идет о том, чтобы усилить этот стимул к взаимной выгоде рабочего класса и основных масс крестьянства.

Означают ли наши хозяйственные затруднения необходимость пересмотреть, исправить проводимую линию на индустриализацию? Безусловно нет, поскольку лимитом сельского хозяйства является недостаток промтоваров (сокращение пром. производства скажется на ходе заготовок), вопиющий недостаток средств производства. Без решительного сдвига в этой области намеченный под'ем урожайности и коллективизация деревни останутся в значительной мере лишь благим пожеланием.

Ослабление курса на крупные капитальные работы означает воспроизводство трудностей уже через небольшой промежуток времени.

Положение с себестоимостью, производительностью труда, с сырьем требует огромной напряженной работы, но не дает оснований полагать о невыполнимости в основном намеченных производственных программ, программ капитальных вложений.

Следует помнить, что помимо вопроса себестоимости здесь также играет роль маневрирование средствами в пределах обобществленного сектора, их более производительное помещение. Необходимо подчеркнуть, что наши хозяйственные затруднения протекают в условиях огромного роста промпродукции, значительного, в общем здорового роста бюджета, хорошей работы транспорта, роста заготовок технического сырья, усиления снабжения деревни промтоварами, в частности средствами производства, достижений по рационализации, которые, однако, далеко не достаточны.

Преувеличение существующих трудностей, утеря перспектив из-за трудности текущей кон'юнктуры, естественно приводят к искажению генеральной линии партии под флагом борьбы с кон'юнктурными трудностями. Задачу ослабления трудностей текущей кон'юнктуры, имеющих серьезное значение и требующих пристального внимания со стороны партии, необходимо постоянно связывать с основной задачей текущего развертывания промышленности, капитальных вложений, закладывающих базу для будущего промышленного производства, что теснейшим образом связано с развертыванием сельскохозяйственного производства будущего года. Отвергая путь наименьшего сопротивления, делая ставку на интенсивное развертывание производства, партия должна усилить политическую работу среди пролетариата и бедноты, в значительной степени несущих на себе тяготы напряженной кон'юнктуры. Вопросы продовольственного снабжения рабочих и бедноты должны быть в центре внимания. Необходимо дальнейшее укрепление позиций бедноты в деревне. Необходима напряженная политическая работа в деревне среди бед-

няцких и середняцких масс, связанная с расширением их хозяйств и их коллективизацией. Необходимо сосредоточить усилия на дальнейшем отрыве середняка от кулака, на'их размежевании. Это приобретает в условиях нынешнего дня значение еще и потому, что в ряде районов наблюдаются случаи использования кулаками середняцких хозяйств в своей торговой деятельности. Эта торговая деятельность кулака, являющаяся заметным источником его доходов, используется им в условиях недостатка хлеба для усиления своего влияния. Генеральная линия партии имеет своей целью сочетание в единой системе интенсивного роста индустрии, как ведущего начала в этой системе, с ростом производительных сил бедняцко-середняцкого хозяйства и их обобществлением. Она резко противопоставлена установкам на кулацкий путь развития деревни, и установкам, не учитывающим обострения классовой борьбы в деревне на данном этапе. Эта генеральная линия, направленная на изживание основных структурных причин хозяйственных затруднений (которые не могут быть в конечном итоге устранены при помощи «кон'юнктурных» рецептов), естественно, не может гарантировать абсолютного равномерного, плавного развития всех отраслей. Отдельные диспропорции при интенсивном развертывании народного хозяйства могут, конечно, возникнуть и под влиянием кон'юнктурных причин обостриться. При наличии этих диспропорций задача заключается прежде всего в том, чтобы на основе энергичного и четкого проведения генеральной линии, бьющей по основным структурным причинам отставания сельского хозяйства, путем исправления практических ошибок, напряжения организационных возможностей предотвращать перерастание этих диспропорций в общий хозяйственный кризис. Здесь имеет особое значение линия нашей политики в деревне. Непонимание возможности для пролетариата вести за собой середняка вперед по пути под'ема производительных сил при одновременной решительной борьбе с кулаком—характерно как для троцкистской, так и для правой установки, при этом, естественно, троцкисты и правые делают различные выводы. Выполнение директив XV с'езда и ноябрьского пленума в этом направлении должно проходить при сугубом и настороженном внимании партии к проявлениям правых настроений и установок, идущих по линии «перманентных уступок», отходящих от основного принципа партийной линии, сформулированного ноябрьским пленумом: «Обязательным условием успехов партии в деревне является строгое соблюдение четкой классовой линии во всех областях работы».

Я. Никулихин.

О темпе роста и социальном составе кооперации в деревне[1]).

XV с'езд партии постановил расширить и укрепить сеть кооперации в деревне, «имея в виду вовлечение в кооперацию в течение ближайшего периода всей бедноты и большинства середняков, увеличив отпускаемые кооперацией средства на кооперирование бедноты». С'езд одобрил практику образования специальных видов с.-х. кооперации (Маслоцентр, Льноцентр, Союзкартофель и т. д.) и признал «необходимым дальнейшее развитие этих видов кооперирования, как вернейшего средства постепенного перехода от кооперирования сбыта и снабжения к обобществлению производства индивидуальных крестьянских хозяйств». С'езд отметил и недостатки в положении кооперации, когда ее состав, являясь безусловно бедняцко - середняцким, «тем не менее нередко обнаруживает относительно слабую кооперированность бедноты и непропорционально высокую кооперированность зажиточной верхушки деревни. Состав в ы б о р н ы х органов кооперации обнаруживает, несмотря на решение о недопущении кулака в эти органы, те же недостатки». С'езд постановил бороться против этих искривлений и на ряду с выдвижением на руководящую кооперативную работу наиболее надежных элементов бедняцко - середняцкого крестьянства «усилить борьбу с попытками овладения низовыми кооперативными организациями со стороны кулацких элементов».

В данной статье мы делаем попытку проанализировать рост и изменения социального состава кооперации после XV с'езда в свете вышеназванных его решений и остановиться на тех узловых вопросах, разрешение которых является теперь основным условием для усиления роста с.-х. кооперации, для более последовательного выполнения кооперацией своей роли в деле социалистического переустройства деревни. Наш фактический материал мы черпаем из материалов обследования, которое проводил отдел по работе в деревне ЦК ВКП(б) по 9 районам, материалов Союза Союзов и кооперативных центров, поступивших в отдел по работе в деревне за летние и осенние месяцы текущего года.

I. О темпе роста и степени кооперированности населения.

После XV партс'езда процесс кооперирования крестьянства, несомненно, был усилен. За период с 1 X—27 г. по 1 X—28 г. во все виды кооперации в деревне было вовлечено в качестве новых членов 6—7 миллионов крестьянских хозяйств.

---

[1]) В подборе фактического материала, кроме автора, принимали участие т. Глушков из Центросоюза, т. Гайденко из информ. отд. ЦК ВКП, которым автор выражает глубокую признательность.

По отдельным системам дело выглядело так:

Рост числа членов кооперации.

(В тысячах членов)

	Потребительская (сельская сеть)				Сельскохозяйственная (вся союзная сеть)	
	Абсол. число по СССР	В % к пред. году	Абсол. число по РСФСР	В % к пред. году	Абсол. число по РСФСР [1])	В % к пред. году
На 1/X—27 г.	9.691	—	6.835	—	5.028,7	—
„ 1/X—28 г.	14.000	144,8	9.539	139,5	6.527,0	129,8
„ 1/X—29 г. по плану	17.835	127,4	12.604	132,1	8.412,0	127,4

Как по абсолютному числу вновь вовлеченных членов, так и по темпу кооперирования потребительская кооперация шла впереди с.-х. кооперации в целом. В потребительскую кооперацию вовлечено за год по СССР — 4,3 млн. чел., по РСФСР — 2,7 млн., в то время, как в с.-х. по РСФСР всего — 1½ млн. ч. (т.-е. в потребительскую кооперацию вовлечено почти в 2 раза больше). При чем, в составе с.-х. кооперации главный приток членов замечался по ее специальным системам, число членов в которых по РСФСР почти удвоилось, с 1.119,8 тыс. чел. увеличилось до 2.181,1 тыс. ч. (+94,7%) и по колхозам, где число членов увеличилось на 71,9%. Из отдельных специальных систем наиболее бурный рост показала система Животноводсоюза (увеличение в 9 раз), Семеноводсоюза (в 6 раз), картофельная (почти в 5 раз), плодоовощная (в 2½ раза), свекловичная (почти в 2½ раза). Наименьший прирост членов замечался по самой старой и большой из специальных систем молочной (всего на 22,8%), удельный вес которой в общем числе членов специальных систем сократился с 87,1% до 60%. Но так как, за исключением молочной кооперации, все остальные специальные системы показали огромный прирост членов как за счет вновь кооперируемых хозяйств, так и за счет отпочкования ряда уже кооперированных прежде хозяйств из универсальной системы с.-х. кооперации к специальным системам, удельный вес последних во всей с.-х. кооперации поднялся с ⅕ на 1/X—27 г. до ⅓ на 1/X—28 г. Рост же числа членов по с.-х. кредитной кооперации надо признать определенно недостаточным (в прочих с.-х. кооперативах универсального типа произошло сокращение с 757,4 тыс. ч. до 458,8 тыс. ч., благодаря отходу к специальным системам).

По степени кооперированности впереди идет опять-таки потребительская кооперация (на 1/X—27 г. по РСФСР было—39,8%, на 1/X—28 г. 54,2%, 1/X—29 г. по плану 69,6%). Кооперированность по СССР почти совпадает [2]). Сельскохозяйственная кооперация сильно отстает (на 1/X—27 г. по РСФСР 29,5%, 1/X—28 г., 35,1%, 1/X—29 г. по плану 46,7%). В нее вовлечена только ⅓ крестьянства, почти две трети крестьянства стоят еще

---

[1]) Точных данных о росте с.-х. кооперации по всему СССР за последний год мы не имеем. Союз Союзов по не вполне проверенным данным считает, что к 1/X 1928 г. все виды с.-х. кооперации СССР имели 11.377 тыс. членов, что к имевшимся на 1/X 1927 г. 9.468,2 тыс. чел. дает прирост членов за истекший год в 1.909 тыс., темп прироста 21%, т.-е. значительно ниже темпа прироста по РСФСР (окраинные республики еще более отставали в росте с.-х. кооперации, чем РСФСР). По плану предположено к 1/X—1929 г. иметь 14.431 т. чел., что дает годовой прирост в 3.054 тыс. чел. или 26,8%, при чем в прирост новых членов в период 1927/28 и 1928/29 гг., когда бурно росли специальные системы с.-х. кооперации, входит и повторное членство (одно и то же хозяйство одновременно состоит членом и в с.-х. кооперативе универсального типа, и еще в каком-либо специальном).

[2]) По СССР кооперированность по потребительской кооперации почти такая же, как и по РСФСР, а именно: на 1/X—27 г.—39,5%, на 1/X—28 г.—55,3%, на 1/X—29 г. по плану 69,1%.

вне кооперации. Даже через год не будет кооперировано еще и половины хозяйств (46,7%). По всему СССР Союз Союзов считает несколько большую кооперированность (на 1/X—28 г.—44,6%, к 1/X—29 г.—55,3%, куда вошло и повторное членство). Из специальных систем наиболее высокая степень кооперированности достигнута в старых районах молочной и картофельной кооперации (60, 70, 80, 90%), но очень небольшая, местами даже ничтожная в новых районах. (Даже в Архангельской губ. охват в 1927 г.—10% дворов, в Белоруссии в 1928 г.—2%, ЦЧО еще меньше). Кооперированность по табаководческой и льноводческой кооперации надо признать крайне недостаточной (по районам махорки в 1927 г.—25%, в 1928 г.—33,6%, по льноводным районам Ярославской губ.—28,1% — Рыбинский район, по наиболее же льноводным волостям еще ниже—16% в Некоузской и 18,3% в Лацковской). Низкая кооперированность наблюдается также по линии Плодовинсоюза [1]).

Как по темпу прироста членов, так и по имеющейся степени кооперированности достижения по с.-х. кооперации в целом хотя и значительны, но все же определенно недостаточны. Сельскохозяйственная кооперация в этом отношении значительно отстала от потребительской кооперации. Запроектировка контрольными цифрами Союза Союзов на 1928—29 г. прироста членов во всей с.-х. кооперации по РСФСР на 1.885 тыс., в то время как потребительская кооперация по РСФСР проектирует прирост на 3.065 тыс. чл., в 1½ раза больше, свидетельствует о минималистской установке руководящих органов с.-х. кооперации для роста на будущее (не только запроектировано понижение темпа на 2,4%, но и абсолютное увеличение прироста по сравнению с предыдущим годом невелико—на 300 тысяч, и это при кооперированности по плану на 1/X—29 г. на 46,7%, в то время как потребительская кооперация будет иметь 69,1%). При таком темпе в течение пятилетия (считая с 1927—28 г.) мы не будем иметь полного кооперирования бедноты и основной массы середняков. О том, каковы причины более быстрого развертывания потребительской кооперации и причины замедленного, недостаточного темпа роста с.-х. кооперации, а также об имеющихся возможностях к повышению темпа развертывания последней мы будем говорить дальше. Прежде же мы вынуждены остановиться на изменениях в социальном составе кооперации, так как данные о последнем, также властно требуют таких мероприятий, которые, улучшая социальный состав, одновременно будут действовать и в сторону более ускоренного роста сельскохозяйственной кооперации.

II. Динамика социального состава членов и выборных органов.

Вовлечение в кооперацию нескольких миллионов новых крестьянских хозяйств, несомненно, укрепило и усилило бедняцко-середняцкий характер кооперации в целом. Но одновременно с этой общей тенденцией, мы имели значительное укрепление капиталистической верхушки деревни в ряде существенных пунктов, в ряде случаев даже завоевание новых позиций кулаком.

---

[1]) Степень кооперированности по отдельным районам была ниже среднего: по потребительской кооперации в Тамбовской губ. (36,7%), отчасти в Сталинградской (52,5%) и национальных окраинах. По с.-х. кооперации опять-таки низка кооперированность по Тамб. губ. (28%), Ярославской губ. (28%), по Бийскому округу (33,6%) и в некоторых национальных окраинах. На эти отстающие районы надо обратить особое внимание. Значительного под'ема кооперированности достигли на Северном Кавказе (в 1927 г. было 27%, в 1928 г. стало 43,9%). Заметный под'ем произошел по Вологодской губ. (с 34% на 1/X—27 г. до 42% на 1/X—1928 г.).

На последнее должно быть обращено внимание всей партии. Это будет видно из характеристики положения по отдельным кооперативным системам (особенно по линии специальных систем).

Наиболее благоприятно в смысле социального состава обстоит дело по потребительской кооперации. Доля зажиточных[1]) в составе пайщиков, которая по подавляющему большинству районов была небольшой и до 1928 г. (см. данные ЦСУ), еще более снизилась, доля бедноты и середняков поднялась. По Воронежскому союзу доля зажиточных с 1/Х—27 г. по 1/VII—28 г. снизилась с 5 до 4%, по Козловскому союзу до 4,5% по Полтавскому с 2,9% до 2,6%. Доля бедноты по Воронежскому союзу уже составляла 42%, Козловскому 39%, Полтавскому 63,1%. Остальная часть падала на середняков. Такая же картина примерно в большинстве других районов.

Но и по сети потребительской кооперации есть отдельные районы, где процент зажиточных продолжает оставаться высоким, например, по Средне-Волжскому союзу—11,3%, Сталинградскому—8,1%. О небольшом увеличении прослойки кулаков в составе пайщиков потребительской кооперации в материалах обследования есть данные только по одному Хоперскому округу (с 2,1% он поднялся в 1928 г. до 2,8%). В целом же, массовый приток новых членов в потребительской кооперации еще более усилил ее бедняцко-середняцкий характер. В составе правлений потребительских обществ беднота увеличила свой удельный вес с 27,2% до 32,6%, зажиточные снизили с 1,8% до 1,3%.

По с.-х. универсальной и кредитной кооперации в целом тоже произошли сдвиги к улучшению социального состава членов.

Социальный состав пайщиков с.-х. кредитной кооперации в %%

	По скольк. районам и волостям показатели	Бедняки		Середняки		Зажиточные	
		1927 г.	1928 т.	1927 г.	1928 г.	1927 г.	1928 г.
Нижне-Волжская обл.	15	64,4	65,3	31,2	31,6	4,4	3,1
Тамбовская губ. . .	11	35,7	36,4	56,7	69,3	7,6	4,3
Бийский округ . . .	весь	52,1	54,6	44,9	43,0	3,6	2,4
Полтавский округ .	„	59,9	63,1	32,7	30,1	2,9	2,6
Хоперский „ .	„	37,0	42,0	44,0	49,5	19,0	8,5

В с.-х. универсальной и кредитной кооперации за последний год решительно преобладал процесс значительного потеснения зажиточных. Он шел в ряде мест главным образом за счет выхода из с.-х. кредитной кооперации кулака или стабилизации абсолютного числа его, при одновременном вовлечении новых пластов бедноты и середняков. Но все же, во многих районах процент кулачества стабилизировался на довольно высоком уровне, а в отдельных местах даже повысился. Так, например, по Вологодской губ. кооперированность зажиточных групп увеличилась на 13%, а бедноты всего на 8%. По Сталинградскй губ. по ряду обследованных кредиток мы имеем сокращение бедноты и увеличение зажиточных (так, например, по Н.-Чирскому району за период с 1/Х—27 г. по 1/VII—28 г. беднота в составе пайщиков сократилась с 54 до 52%, зажиточные увеличили свою долю с 5 до 7%, во Фроловском районе процент зажиточных поднялся с 8,7 до 9, бедноты снизился с 52 до 50%). По Кубанскому округу по Ладожскому с.-х. т-ву группы зажиточных и кулаков увеличились за это время с 3,6 до 12,1%. И как правило, по с.-х. кредитной кооперации степень кооперированности зажи-

[1]) Термин «зажиточные» мы будем употреблять во всем дальнейшем изложении, как общий для капиталистической верхушки деревни, так как в материалах обследований и в данных кооперативных центров нет особых подразделений на «зажиточных» и «кулаков».

точных остается выше, чем бедноты и середняков. На 1/Х—27 г. по всей системе кооперированность бедноты Союзом Союзов определялась 35,8%; зажиточных—42,8%. Ряд данных за 1928 г. говорит, что во многих районах это положение сохранилось. В Тамбовской губ. степень кооперированности в с.-х. кооперации бедняков—13%, середняков—28%, а зажиточных—34%. По Рубцовскому округу (Сибирь) кулацких хозяйств в населении 9,5%, в составе пайщиков 14%, маломощных в населении 24,6%, среди пайщиков с.-х. кредитной кооперации 18,8%. По 5 обследованным летом с.-х. кредитным т-вам Вологодской губ. на 1/VII—28 г. кооперированность бедноты была 38%, середняков—46%, зажиточных—48,7%. Сравнительно редки случаи, когда степень кооперированности бедноты в с.-х. кредитной кооперации выше, чем зажиточных. Данные на этот счет имеются по Полтавскому округу, где на 1928 г. по сравнению с 1927 г. кооперированность бедноты и без того высокая, поднялась с 62,9% до 79,8%, середняков с 43,7% до 48,6%, а зажиточных всего с 10,4% до 11,5%. Последний случай не является, однако, характерным для всей системы с.-х. кредитной кооперации.

Несмотря на случаи сравнительно высокого удельного веса зажиточных в составе членов с.-х. кредитной кооперации по ряду районов и большего коэффициента кооперированности их, чем бедноты и середняков, по абсолютному большинству районов мы имеем за 1927—28 г. дальнейшее укрепление преимущественно бедняцко-середняцкого состава с.-х. кредитной кооперации. В этом ее коренное отличие от дореволюционной кооперации, которая являлась преимущественно кулацкой. Так, по данным за 1908 г., в с.-х. кредитных товариществах Уфимской губ. было зажиточных около 40%, в Оренбургской губ.—57%. И почти всюду с.-х. кредитная кооперация обслуживала прежде преимущественно интересы зажиточных.

В выборных органах с.-х. кредитной кооперации снижение зажиточных за 1927—28 г. произошло более значительно, чем в составе пайщиков, а именно с 7,2% до 2,9%[1]), беднота подняла его до 41,2%, середняки до 55,9%. Но все же есть отдельные районы, где доля зажиточных выше средней (в Вологодской губ. 5,3%, Ярославской—3,4%). За последний год произошло значительное оздоровление кооперативных кадров деревни от чуждых элементов. (До 30% работников по низовой сети снято во время хлебозаготовок, как чуждые, разложившиеся и неспособные). Но процесс оздоровления кооперативных кадров далеко не закончен[2]).

Задача полного вытеснения кулака из выборных органов кооперации близка к своему осуществлению по линии потребительской и с.-х. кредитной кооперации, но полностью еще нигде не решена

Подавляющее большинство данных отмечает, что кооперированность середняка поднялась и даже во многих случаях поднялся его удельный вес за счет зажиточных. Но ряд данных по некоторым районам говорит о частичном вымывании середняка из состава пайщиков и выборных органов (главным образом с.-х. кредитной кооперации) Ничего не было бы странного в том, что удельный вес середняка при росте его кооперированности несколько понизился в результате значительного под'ема удельного веса бедняка. Но прямым искривлением партийной линии следует считать то, что в некоторых районах происходило абсолютное вытеснение середняка или падение его доли в составе пайщиков при некотором росте зажиточных, или очень сильное падение этого веса в выборных органах, или стабилизация, незна-

[1]) 3-лошадники и выше.

[2]) Это видно хотя бы из того, что из проверенных комиссией ЦК ВКП 1905 освобожденных работников из крестьян по кооперативной низовке около 9% падает на группу, владеющую 3 головами и выше рабочего скота.

чительный рост его кооперированности. Так, например, в Кубанском округе по ст. Платнировской в составе с.-х. кредитной кооперации числилось в 1927 г. середняков 1.425, на 1/VII 28 г. их осталось 1.009 ч., сокращение на 416 ч. В Ладожском с.-х. т-ве % середняков сократился с 42 до 36,6. В Хоперском округе по потребительской кооперации удельный вес середняка сократился с 45,3 до 43,6% при некотором росте зажиточных. В одном из районов Донского округа в с.-х. кредитной кооперации в выборных органах доля середняков сократилась с 50% до 10%. Этот перегиб, который хотя и не является сколько-нибудь широко распространенным явлением, все же надо немедленно исправить, ибо более повышенный темп кооперирования бедноты должен происходить не на почве понижения или стабилизации кооперированности середняка, а одновременно с ростом кооперированности середняка. Таковой и была общая картина роста кооперированности отдельных групп за истекший год. Беднота и середняки в большинстве случаев по потребительской и с.-х. кредитной кооперации подняли удельный вес за счет зажиточных.

Во многом отличную картину мы имеем в отношении социального состава членов и выборных органов по специальным системам. По самой большой из них наилучше обследованной—молочной кооперации, которая занимает 60% общего числа членов спец. систем (на 1/X—28 г.) по основным районам ее деятельности (Сибирь, Вологодская губ.) и по некоторым новым районам (Сев. Кавказ, Башкирия, Акмолинская губ. и т. д.)—наблюдалось или повышение удельного веса зажиточных при понижении удельного веса бедноты, или стабилизация зажиточных групп на довольно высоком уровне. То же наблюдалось и в ряде важных районов животноводческой кооперации, где в некоторых местах удельный вес кулачества огромен (к примеру, на Сев. Кавказе). А молочная и животноводческая кооперация вместе взятые среди специальных систем составляют на 1/X—28 г.—70,8% общего числа их членов. Некоторое повышение удельного веса капиталистической верхушки происходило и в ряде мест плодоовощной кооперации. Кулак по этим системам в важнейших пунктах укрепил свои позиции. Этот вывод подкрепляют следующие данные.

Состав пайщиков молочных артелей (по обеспечению коровами).

По Бийскому округу [1]	1926 г.	1927 г.	1928 г.
Бескоровных	0,8	0,7	1,2
С 1 коровой	33,3	30,9	28,7
„ 2 коровами	34,2	35,1	34,2
„ 3 и 5 коровами	28,7	30,0	31,7
„ 6 и более	3,0	3,3	4,2

По Рубцовскому округу.	1926/27 г.	1927/28 г.
Бескоровных	0,76	0,53
С 1 коровой	40,25	41,19
„ 2 коровами	35,04	33,6
„ 3 и 5 коровами	22,33	22,63
„ 6 и более	2,25	4,84

Таким образом, наблюдается снижение низших групп, небольшой рост средних и очень значительный рост верхних групп. По Рубцовскому округу верхние группы увеличили свой удельный вес более чем вдвое, по Бийскому округу—на 40%.

[1]) Данные окружных маслодельных союзов, проверенные плановыми организациями.

Обследование по Северному Кавказу, произведенное Союзом Союзов, дает такие данные [1]):

	1927 г.	1928 г.
Бедняки	46,0	38,0
Середняки	45,0	50,0
Зажиточные	9,0	12,0

Удельный вес бедноты сократился на 17,4%, зажиточных вырос на 33,3%. По Сальскому округу удельный вес зажиточных даже выше, он поднялся с 17,0% в 1927 г. до 22% в 1928 г., в то время как не только бедняки, но и середняки понизили свою долю с 66,0% до 54%. Обследование Маслоцентром Архангельского молсоюза летом 1928 г. показало, что степень кооперированности бедноты за последнее время сократилась, а зажиточных в большой степени выросла [2]).

Группа 3-коровников составляла в 1926 г. в составе пайщиков 3,9%, в 1927 г. уже 9,8%, группа 4-коровников и выше в 1926 г.—0,9%, в 1927 г.—5%; обе группы составляли среди населения в 1927 г.—7,9%, в кооперации 14,8%, т.-е. в 2 раза выше. «Бедняцкая часть крестьянства не только не вовлекается в кооперацию, а уходит частично из последней». (Из доклада тов. Купцова). К сожалению, мы не имеем данных по этой губернии за 1928 г., но по мнению обследователя Маслоцентра, эта тенденция решительно еще не переломлена.

По Башкирскому молсоюзу состав членов изменился в %% [3]):

	На 1/I—28 г.	На 1/VII—28 г.
Беднота	44,9	25,0
Середняки	47,3	66,3
Зажиточные	7,8	8,7

Беднота не только понизила свой удельный вес, но сократилась и абсолютно (с 920 до 514), т.-е. произошло значительное оттеснение бедноты. Коэффициент кооперированности бедноты в два раза ниже кооперированности зажиточных. По артелям акмолинского маслосоюза % верхних групп (5-коровников и выше) год от года растет (с 6,1% в 1926 г. поднялся до 8% в 1927 г.). По 5 казакским артелям эта группа составила в 1927 г. 45,2% среди всех членов.

По наиболее кооперированной Вологодской губернии мы располагаем пока материалами обследования т. Зыкова по одной, правда, крупной по маслоделию Володарской волости. Они подтверждают также эту тенденцию, правда, менее выразительно, так как в этом районе почти 90% крестьянства вовлечено в молартели.

[1]) Краевой мол. союз к беднякам в условиях Северного Кавказа относил хозяйства без коров и с 1 дойной коровой, к середнякам от 2 до 5 дойных коров и к зажиточным—владельцев 5 и более дойных коров.

[2]) Коэффициент участия различных групп крестьянства в молочных артелях Архангельской губернии:

	1926 г.	1927 г.
Бескоровных	86	68,3
Однокоровных	128,2	92,3
2-коровных	81,8	100,4
3-коровных	47,0	155,5
4 и более	39,1	312,5

Степень «участия многокоровных групп определенно и резко за год повышается и тем интенсивнее, чем многокоровнее группы».

[3]) По данным самого союза, доставленным Маслоцентру.

По крупнейшей Домнинской молартели, группы пайщиков по признаку доходности, облагаемой с.-х. налогом, составляли:

	Освобод. от налога	Дох. 150 р.	150—250 р.	250—400 р.	500 р.	Свыше 500 р.
На 1/X—27 г.	9,8	12,9	27,9	39,7	8,3	1,4
„ 1/VII—28 г.	7,9	11,6	29,9	40,4	9,0	1,2

Но зато гораздо выразительнее изменения сказались в племрассаднике той же артели.

% кооперированности хозяйств в Домнинском племрассаднике:

1/X—27 г.	6,7	14,8	18,8	26,6	40,3	35,4
1/VII—28 г.	4,6	11,5	11,5	28,0	42,2	40,3

Беднота и часть середняков (первые 2 группы) значительно снизила свой удельный вес, зажиточные его увеличили, особенно заметно понижение кооперированности низших групп в племрассаднике.

Мы взяли важнейшие районы и часть новых районов молочной кооперации, и данные по ним подтвердили тенденцию снижения удельного веса бедноты и роста зажиточных групп. Причем в районах с массовым охватом молочной кооперации крестьянства (Сибирь, Вологда) эта тенденция сказывается в ослабленной форме и наиболее ярко в районах молодой молочной кооперации (Сев. Кавказ, Архангельская губ., национальные районы), где выгоды кооперативной организации использует в большей степени кулак, чем беднота и середняки. Только в ряде районов Центрально-Промышленной области, которые имеют небольшой удельный вес в общей системе молочной кооперации, по имеющимся данным самих союзов, в 1928 г. наблюдалась тенденция к снижению доли зажиточных. Так, по артелям Рязанского молсоюза % зажиточных к 1/VII—28 г. по сравнению с 1/I—28 г. снизился с 9 до 6,1, по Калужскому молсоюзу — до 5%, Костромскому—до 3,2% (к 1/I—28 г.), но степень кооперированности зажиточных и здесь значительно выше, чем бедноты.

Отмечая тенденцию значительного увеличения зажиточных групп по ряду районов молочной кооперации, мы не отрицаем ее бедняцко-середняцкого характера. Даже в ее наиболее уязвимых районах подавляющее большинство в составе членов падает на бедноту и середняков. В этом смысле она имеет коренное отличие от дореволюционной молочной кооперации [1]. Но наличие большинства бедняков и середняков в советской молкооперации все же не может не заставить нас насторожиться к опасности укрепления капиталистической верхушки тем более, что это нашло себе выражение и по некоторым другим системам.

Ряд данных по другим системам (менее обследованным) также вскрывает тенденцию или повышения удельного веса кулачества, или стабилизации его на высоком уровне. По данным обследования Союзом Союзов, на 1/VII—28 г. социальный состав членов в животноводческих товариществах на Северном Кавказе был [1]):

	В коневодческих т-вах		В овцеводческих т-вах	
	Сальский округ	Терский	Терский	Ставропольский
Бедняки	19,5	9,8	15,0	16,9
Середняки	45,6	45,6	60,4	35,5
Зажиточные	35,9	40,6	24,6	50,0

Здесь мы имеем уже явное засилье капиталистической верхушки. Здесь уже почти нет разницы в социальном отношении от дореволюционной кооперации. По 166 животнов. т-вам центральной полосы РСФСР (по данным самого Животноводсоюза) зажиточных было 11%. Тоже велика прослойка зажиточных.

По новому обследованию самого Животноводсоюза (произведенному по поручению отдела по работе в деревне ЦК ВКП в X—28 г.) овцеводческие т-ва в других районах имели сильную прослойку зажиточных.

Состав овцеводческих т-в в %%.

Группы владельцев	ЦЧО Члены	ЦЧО У них овец	Сев. Осетия Члены	Сев. Осетия У них овец	ДАССР Члены	ДАССР У них овец
0—5	28,0	7,5	2,0	0,02	—	—
5—10	46,2	41,8	2,0	0,1	—	—
10—20	22,8	41,2	1,5	0,18	8,0	1,5
20—35	3,0	9,5	8,0	1,5	21,0	8,0
35— 5	—	—	18,0	5,6	24,0	17,0
75—150	—	—	37,0	20,0	14,0	21,0
150—300	—	—	18,0	22,0	8,0	21,0
300 и выше	—	—	13,5	50,7	5,0	31,0

Для ЦЧО две последние группы, составлявшие в кооперации 25,8% членов, несомненно, в подавляющем большинстве являются зажиточными (эта группа имела 50,7% всех кооперированных овец). В Северной Осетии 31,5% хозяйств низших групп имели всего 7,4% овец, в то время как 13,5% кулацкой верхушки владели 50,7% овец. В Дагестанской АССР две верхние группы, составлявшие 13% членов, имели 52% всех кооперированных овец. Данные приведенного обследования показывают, что в овцеводческих товариществах капиталистическая верхушка деревни (аула) занимает фактически господствующее положение, кооперация обслуживает главным образом овцеводство этих групп. А так как картина в смысле социального состава одинаково неутешительна и по коневодческим товариществам, то все это говорит о том, что в животноводческой кооперации мы имеем в социальном отношении самый опасный участок нашей кооперативной работы. На этот участок надо обратить серьезнейшее внимание, чтобы в ближайший период добиться здесь решающего перелома.

По линии Плодовинсоюза были случаи, когда окопавшиеся в некоторых кооперативах кулаки держали курс на полную изоляцию кооперации от бедноты. Сарплодсоюз пишет: «В одном товариществе зажиточные пытались отказать в приеме новых членов из бедняков, боясь влияния этой части на результаты перевыборов, в другом товариществе отказывались увеличить число членов за счет бедняцко-середняцких слоев, решив ограничить состав товарищества». Неудивительно, если повышение удельного веса зажиточных в ряде районов Плодовинсоюза нашло себе отражение в повышении

---

[1]) В Сибири состав членов молартелей по коровности был в %:

	1907 г.	1926 г.
С 1 коровой	7,3	32,4
„ 2—3 коровами	35,5	52,7
„ 4 и более	57,2	14,9

[1]) Группировки Союзом Союзов проводились по признаку посевности и лошадности.

верхушки в выборных органах (Московский Огородсоюз, Крым). В подстоличной огородной кооперации зажиточные имеют командующее положение, что признает и сам Плодовинсоюз.

Если в целом в льноводной кооперации зажиточные не занимают большого места (по обследованию Льноцентра за 1924/25—1925/26 гг. около 5%) [1]), то встречаются отдельные районы, где процент зажиточных очень большой. Так, например, по обследованию 1928 г. льноводной Ермаковской волости Даниловского уезда Ярославской губ. обнаружилось, что зажиточных в районе насчитывалось 9%, а в коперации их 29,2%, т.-е. в 3 раза выше, чем удельный вес в населении. Как общее правило, мы имеем в льноводной кооперации в несколько раз более высокий коэффициент коопериpованности верхушки деревни, чем бедняцких и середняцких групп.

Коэффициент кооперированности по 9 союзам (данные Льноцентра).

	Беспосевных и с посевом до 2 га	2—4 га	4—6 га	6—8 га	Более 8 га
1926 г.	0,73	0,91	1,51	2,05	2,95
1927 г.	0,78	0,90	1,37	1,93	2,65

По рабочему скоту.

	Без рабоч. скота	С 1 голов.	С 2-мя голов.	С 3-мя голов.	С 4-мя и более
1926 г.	—	0,59	1,05	1,39	3,83
1927 г.	0,64	1,05	1,23	2,75	3,20

Повышение коэффициента кооперированности низших групп произошло, но не на много. По линии льноводной кооперации придется еще очень многое сделать, чтобы решительно усилить степень кооперированности бедняка и середняка.

Значительное потеснение кулака при сохранении довольно высокого его удельного веса наблюдалось по линии семеноводческой и табаководческой кооперации. Так, например, в Семеновской кооперации на Северном Кавказе доля зажиточных в составе пайщиков к 1/VII—28 г. по сравнению с 1/X—27 г. снизилась с 36,9% до 20% доля бедноты возросла с 6,6% до 12%. Кулак потеснился, но мало. По саратовскому семеноводсоюзу беднота в 1928 г. по сравнению с 1927 г. подняла свой вес с 49% до 58,5%, зажиточные снизили с 7 до 5,2%, по АССР Немцев Поволжья беднота подняла с 18,4 до 25%, зажиточные снизили с 33,5 до 25,4%.

Переход семеноводческой кооперации к созданию крупных массивов семеноводческих хозяйств, охватывающих сплошь целые районы, несомненно, должен содействовать дальнейшему улучшению социального состава этой системы.

Процент зажиточных в *табаководческой кооперации* снижается, но продолжает оставаться высоким—в районах желтых табаков 11,7%, махорки—13% [2]). Процент зажиточных велик даже в районах производства махорки (ЦПР и ЦЧО), где % кулачества в населении в несколько раз меньше, чем в составе табаководческой кооперации.

Из всех специальных систем в отношении *социального состава наиболее благоприятно по имеющимся материалам обстоит дело в хлопководческой, птицеводческой и картофельной кооперации*, где процент зажиточных небольшой и все

[1]) По 4-м наиболее льноводным районам: Бежецкому, Краснохолмскому, Ржевскому и Гжатскому.

[2]) Данные самого Табаководсоюза.

время понижается (4,3 и меньше %) [1]) и состав систем преимущественно бедняцко-середняцкий.

В отношении выборных органов специальных систем мы имеем значительное потеснение капиталистической верхушки (по большинству из них), хотя во многих случаях недостаточное, не ведшее к значительному повышению удельного веса бедноты. Кулаку часто удавалось или стабилизировать свое положение или сохранить свой удельный вес довольно высоким (выше, чем он в составе пайщиков). Но, что особенно заставляет обратить внимание, так это то, что в ряде районов по некоторым системам (молочной кооперации, Плодовинсоюзу и др.) верхушке деревни удалось завоевать новые позиции, поднять свой удельный вес и даже захватить новые командные позиции председателей кооперативов) — и это при наличии небольшой партийной прослойки в составе выборных органов. Правда, мы должны оговориться, что действующие в 1927—28 г. выборные органы многих специальных систем были переизбраны до XV с'езда (в конце 1927 года), перед началом решительного наступления на кулачество. Это может несколько об'яснить причину общего фона, но не может умалить серьезности положения с кооперативными кадрами на ряде важных участков. Так, например, при снижении доли зажиточных по сети Маслосоюза в целом мы имели по молартелям Бийского округа увеличение кулаков в правлениях артелей с 7,1 (1927 г.) до 7,2% (1928 г.) с увеличением кулацкой прослойки в составе председателей артелей. Увеличение доли председателей артелей из среды зажиточных наблюдалось и по сети агентств Сибирского Маслосоюза с 2,2% до 3,3% при понижении их доли среди членов правлений с 3,5 до 3,3% (агентств насчитывается 148 на 986 союзных артелей). По Рубцовскому округу молочной кооперации мы имели небольшое снижение зажиточных в правлениях (с 5,52 до 5%) [2]). Характерно отметить, что по Бийскому и Рубцовскому округам зажиточных в составе правлений больше, чем в составе пайщиков.

По молартелям Северного Кавказа в 1928 г. по сравнению с 1927 г. наблюдалось большое понижение зажиточных в составе правлений (с 21% до 6%), но с небольшим повышением бедноты (с 30 до 33%) [3]).

По линии Плодовинсоюза увеличение зажиточных произошло по многим районам. В Московском районе % зажиточных в правлениях поднялся до 12,6% (Плодовинсоюз не сообщил, с какой цифры стало это увеличение). По Крымспецсоюзу процент зажиточных в рев. ком. удвоился — поднялся с 3,70% до 6,99%. При чем по всей системе по 163 кооперативам на перевыборных собраниях зажиточных присутствовало 3,5%, а избрано было 4,3%. Но это число, несомненно, преуменьшено, так как помимо бедняков, середняков и зажиточных числится еще 11,8% прочих, среди которых значительный процент капиталистических элементов, не являющихся служащими (промышленники, духовенство и т. п.).

По линии *Животноводсоюза* картина еще более неутешительна. Там есть районы, где в правлениях животноводческих т-в господствует кулачество, а беднота в ничтожном проценте. Так, по Сальскому округу в составе правлений животноводческих т-в по данным Союза Союзов в 1928 г. было 43% зажиточных, 32% середняков и только 25% бедняков. По отчету

[1]) Только по Долгоруковскому району, Елецкого округа, в птицеводческих т-вах % зажиточных высок (8%).

[2]) Данные самих окружных маслосоюзов, приведенные обследованиями.

[3]) Данные Союза Союзов.

Животноводсоюза (24/IX—28 г.) по 36 коневодческим товариществам в результате перевыборов мы имеем: бедноты—0,92%, середняков—98,10%, зажиточных—0,98%. Последним данным, очевидно, ни в каком случае нельз доверять, так как в коневодческих товариществах в составе пайщиков зна чительная прослойка кулачества и не может быть, чтобы в правления т-в они не провели своих представителей. Сам Животноводсоюз признает, что ест отдельные коневодческие т-ва, которые исключительно в руках зажиточных. Но характерно то, что сама кооперативная организаци констатирует почти полное отсутствие бедноты в органах управления коневодческих т-в. Остается загадкой, как такого рода т-ва могут помочь безлошадным обзавестись лошадьми. По Табаководческой кооперации в таком важнейшем районе, как Кубань, сокращение зажиточных произошло в правлениях незначительно—с 8,2% до 7,8%.

В Белоруссии по всем специальным системам (кроме молочной) после перевыборной кампании 1928 г. зажиточные в правлениях и ревизионных комиссиях заняли 10%, в то время как в правлениях сел.-хоз. кредитной кооперации их всего 2,3%, в рев. ком. 4,6%.

Нижегородский губком констатирует ухудшение состава выборных органов всех видов сел.-хоз. кооперации за счет снижения удельного веса бедноты.

Таким образом, неудовлетворительный социальный состав по многим районам ряда важнейших специальных систем отразился и на составе руководящих органов низовой сети. С другой стороны, наличие значительной кулацкой прослойки в руководящих органах ряда районов некоторых специальных систем обнаруживает огромный недостаток в партийных и кооперативных кадрах из бедноты и середняков. На селе у нас еще и по сие время очень тонок слой коммунистов, знакомых с работой той или иной кооперативной системы. Партийная прослойка в выборных органах кооперации продолжает оставаться тонкой, распределена она к тому же неравномерно, большинство низовок специальных систем не имеет ни одного коммуниста в составе правлений [1]. Это еще больше усугубляет положение при неудовлетворительном во многих случаях социальном составе. Компании по перевыборам руководящих кооперативных органов должно теперь быть уделено внимания со стороны всех парт организаций не меньше, чем компании по перевыборам советов.

(Окончание следует).

---

[1]) По молочной кооперации процент коммунистов увеличился в числе члено правлений с 9,2 до 12,8, среди председателей правлений с 14,8 до 25,9. По лини Плодовинсоюза увеличение произошло до 18% (данные по 163 первичкам), в Орловском союзе имеется всего 12 коммунистов на 42 первички, в Тулсаде 13 29, в Моссемогородсоюзе 4 на 16 первичек.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 6 30 МАРТА № 6

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 9

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ

„ПРАВДА“

Главлит № А—26652. Москва. Тираж 70.000 экз.
Типография газеты «Правда», Москва, Тверская, 48.

На ленинских позициях.

Наша партия подходит к шестнадцатой всесоюзной конференции.

Что характеризует нынешнюю политическую обстановку? Мы имеем за последнее время некоторые успехи в области внешней политики. Мирная политика советской власти, удачное разоблачение военных планов международного империализма, несомненно, принесли известные результаты, дающие нам некоторую гарантию от внешней интервенции на ближайшее время. Мы имеем непрекращающийся быстрый рост промышленности и всего хозяйства.

Однако, этот рост продолжает наталкиваться на ряд серьезных затруднений. Положение со снабжением страны хлебом и вообще сельскохозяйственными продуктами является весьма напряженным и останется таким до нового урожая. Мы имеем определенные недочеты в области проведения снижения себестоимости и поднятия производительности труда. Обострение классовой борьбы, совершенно неизбежное на данном этапе социалистического строительства, влечет за собой рост активности антисоветских, особенно кулацких элементов, усиление попыток с их стороны влиять на промежуточные слои (середняцкое крестьянство, кустари, интеллигенция) и даже на наиболее отсталые слои рабочего класса и крестьянской бедноты. Органической составной частью активности антисоветских элементов является работа троцкистских организаций: окончательно скатившийся к меньшевизму, троцкизм превращается на наших глазах в фактор не только внутренней, но и международной контрреволюции, с тех пор как статьи Троцкого появились на страницах наиболее реакционных органов капиталистической прессы Западной Европы и Америки. Однако, гораздо сильнее, чем оживление антисоветских элементов, дает себя знать *дальнейшее сплочение вокруг партии и партийной линии рабочих масс, крестьянской бедноты и середняцкого крестьянства.*

Партия ищет выхода из трудностей, связанных с быстрым ростом социалистического хозяйства, по пути *дальнейшей мобилизации трудящихся масс во главе с пролетариатом.* Партия добивается в этих целях усиленного вовлечения масс во всю работу советского государства, во все дело строительства социалистического хозяйства. Партия беспощадно ломает те бюрократические преграды, которые стоят на пути к этому вовлечению, которые

мешают надлежащему развертыванию активности масс. Партия добивается более энергичного участия профессиональных союзов в преодолении трудностей и в разрешении положительных задач нашего хозяйственного строительства. Партия организует огромную работу очистки всего госаппарата от чуждых, разложившихся и примазавшихся элементов. Наконец, путем усиленного вовлечения рабочих и батраков, путем очистки собственных рядов партия стремится добиться улучшения своего социального состава и поднятия активности и самодеятельности партийных масс.

Только опираясь на растущую активность рабочих масс во главе с их коммунистическим авангардом, только развертывая и развивая эту активность дальше, только поднимая неустанно широкие рабочие массы, особенно новые слои, приходящие из деревни, в политическом и культурном отношении, партия сумеет обеспечить проведение того темпа снижения себестоимости и поднятия производительности труда, которые неразрывно связаны с намеченным ноябрьским пленумом темпом индустриализации.

Важнейшей ударной задачей нынешнего периода, которая должна мобилизовать вокруг себя силы и энергию всей партии во главе десятков миллионов трудящихся, является задача поднятия и реконструкции сельского хозяйства. Нам во что бы то ни стало нужно добиться выполнения всех планов весенней посевной кампании, добиться уже в этом году значительного увеличения наших сельскохозяйственных, особенно зерновых ресурсов как по линии обобществленного сектора сельского хозяйства (совхозы, колхозы), так и по линии тех десятков миллионов мелких и мельчайших индивидуальных бедняцких и середняцких хозяйств, которые еще значительный период времени будут являться основными поставщиками хлеба для нашего советского государства. Имея это в виду, партия делает и будет делать все возможное для хозяйственного стимулирования широких бедняцких и середняцких масс.

Еще и еще раз мы повторяем, что партия может разрешить стоящие перед ней задачи в области расширения промышленности и в области поднятия и социалистической реконструкции сельского хозяйства только путем всемерного поднятия и развертывания активности масс, только путем усиления руководящей роли пролетариата во всех областях государственной и хозяйственной жизни. При этом, однако, мы должны систематически преодолевать сопротивление классового врага, в первую голову деревенского кулачества, являющегося в настоящее время внутри страны самым серьезным нашим противником, который пытается срывать хлебоснабжение страны, будет пытаться срывать посевную кампанию, а следовательно, все дело индустриализации страны, неразрывно связанное с поднятием сельского хозяйства.

В то время, как линия партии ищет выхода из трудностей, переживаемых нашей страной, по пути развертывания активности и самодеятельности трудящихся масс во главе с пролетариатом, линия правого уклона ищет этого выхода по пути уступок капиталистическим и прежде всего кулацким элементам. В этой тенденции правого уклона отражается глубокое неверие в силы трудящихся масс успешно строить социалистическое хозяйство, вопреки сопротивлению капиталистических элементов. Исходя из заранее предвзятой идеи уступок, сторонники правого уклона предлагают свернуть темп индустриализации и об'являют совхозы и колхозы музыкой будущего, а для сегодняшнего дня только дорогой игрушкой. Поскольку отказ от широкой индустриализации по существу означает отказ от широкой производственной смычки социалистической промышленности с массами крестьянских хозяйств в том числе и индивидуальных, отказ от широкого машиноснабжения деревни, постольку об'ективным логическим и политическим выводом отсюда делается ставка на кулацкое хозяйство при обречении на действительную, а не мнимую деградацию (измельчание, обестоваривание) десятков миллионов середняцких и бедняцких хозяйств.

Уроки хлебозаготовок со всей очевидностью показывают, что свои ресурсы кулак тратит не на мирное сотрудничество с советской властью, а на политическую борьбу с ней, на попытки срыва ее политики. Эти уроки подчеркивают как нельзя более ярко капитулянтский характер предложений правых уклонистов об уступках кулачеству вопреки линии пятнадцатого партийного с'езда.

Наши условия весьма существенно отличаются от условий капиталистических стран, в которых работают другие секции Коминтерна. Но есть одна общая особенность, которая связывает правый уклон в нашей партии и правый уклон в других секторах Коминтерна. Она заключается в смазывании факта обострения борьбы между рабочим классом и капиталистической буржуазией, между империалистическими и колониальными странами, между капиталистическим миром и Советским Союзом. Как известно, правые элементы в Коминтерне переоценивают капиталистическую стабилизацию, превращают лозунг рабочего правительства в парламентскую комбинацию с левыми социал-демократами, скатываются по всей линии к левой социал-демократии и проповедуют сотрудничество с ней (а это значит об'ективно сотрудничество с буржуазией), проповедуют единый фронт с амстердамскими профсоюзными бюрократами, отказываются от работы среди неорганизованных масс против буржуазии и социал-демократии и открывают бой по всей линии против решений VI конгресса Коминтерна. За последнее время в целом ряде партий (Германия, Чехо-Словакия) правые элементы оказались за пределами Коминтерна.

Правый уклон в Коминтерне явно скатывается к социал-демократии. Совершенно несомненно, что аналогичную тенденцию он имеет

также и у нас. Не даром «Социалистический Вестник» так горячо приветствовал экономическую платформу правого уклона и обещал ей горячую поддержку всех «живых элементов страны». Правда, Дан и К° ставили в упрек нашим правым уклонистам некоторую аполитичность. Вот если к экономической платформе правого уклона прибавить бы еще политические лозунги троцкизма (тайное голосование и т. д.), меньшевики считали бы себя вполне удовлетворенными. И на самом деле, экономическая платформа правого уклона—платформа уступок капиталистическим элементам внутри страны—плюс еще политические лозунги троцкизма, скатившегося не только к антипартийной, но и к антисоветской деятельности, по содержанию ничем не отличающейся от меньшевистской, дают в сумме нечто очень близкое к меньшевизму.

Глубокая пропасть, которая отделяет генеральную линию партии, линию XV с'езда и последующих пленумов ЦК, от линии правого уклона, совершенно ясна. Абсолютно очевидно, что правый уклон логически и политически ведет к срыву всего социалистического строительства и к возврату капитализма. В этих условиях, само собой разумеется, партия не может терпеть колебаний между своей генеральной линией и линией правого уклона, между развертыванием и свертыванием индустриализации, между политикой наступления на кулака и теорией врастания кулака в социализм, между признанием и замазыванием обострения классовой борьбы в стране, между осуждением и поддержкой правых и примиренческих элементов в Коминтерне.

В нынешней обстановке такого рода колебания между линией партии и линией правого уклона, как сказано в резолюции московской губернской конференции по отчету ЦК, неизбежно ведут в оппортунистическое болото. В нынешней обстановке такого рода колебания, характеризующиеся формальным признанием линии партии и фактическим скатыванием от нее к линии правого уклона, играют неизбежно роль поддержки и прикрытия правых уклонистов в их борьбе против партии.

Это особенно наглядно видно на двух примерах. Не так давно к политике нашей партии в деревне были припутаны разговоры о военно-феодальной эксплоатации крестьянства. Об этом шла речь на нескольких ячейках московской организации. Товарищи, позволившие себе говорить о военно-феодальной эксплоатации в связи с политикой партии, на словах отмежевывались от правых. Но пускание в обиход положения, что политика партии в деревне определяется не резолюциями с'езда и пленумов, а не имеющей ничего общего с коммунизмом теорией «дани», теорией военно-феодальной эксплоатации (в момент, когда кулак из кожи лезет вон, чтобы натравить на партию широкие слои крестьянства), не только льет воду на мельницу правым элементам партии, оно прямо дает в руки оружие кулаку против партии и против рабочего класса. Мы считаем, что разговоры о военно-феодальной эксплоатации крестьянства абсолютно ничем не отличаются от разговоров троцкистов о термидорианском перерождении партии. Об'ективным результатом троцкистских разговоров могло быть только натравливание на партию рабочих масс под тем лживым, клеветническим предлогом, что якобы партия переродилась, срослась с новой буржуазией, изменила делу рабочего класса и т. д. Об'ективным результатом разговоров о военно-феодальной эксплоатации крестьянства может быть только натравливание крестьянства на партию под тем лживым и клеветническим предлогом, что она якобы продолжает дело свергнутых Октябрьской революцией царских помещиков и чиновников, в течение ряда веков, как известно, занимавшихся военно-феодальной эксплоатацией крестьянства.

Каждый политический деятель должен быть ответствен за свои слова. И когда начинают шумиху о дани военно-феодальной эксплоатации на весь Советский Союз и за границу, ставят это в связь с тем, что мы вынуждены продавать продукты промышленности по повышенным ценам в интересах индустриализации и поднятия сельского хозяйства, то если перед нами не простая безответственная болтовня, то политический вывод может заключаться в отказе от политики индустриализации, в проведении «восстановительных цен» на хлеб, в отмене монополии внешней торговли и таким образом в капитуляции не только перед капиталистическими элементами внутри страны, но и перед международной буржуазией.

Вот почему безответственным и абсолютно недопустимым разговорам о военно-феодальной эксплоатации партия должна дать самый твердый отпор.

Другим примером всей опасности и вредности колебаний между линией партии и линией правого уклона является начавшееся за последнее время вытаскивание на свет божий и разогревание троцкистских словечек о бюрократизации партии, о режиме, зажиме и т. д. — и это в тот момент, когда небывалый рост активности во всех звеньях партии бьет в глаза каждому, кто имеет глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать.

Нужно отдать себе совершенно ясный отчет, что подобного рода разговоры, способны сыграть роль только своего рода артиллерийской подготовки фракционной работы. Кто говорит, что партия превратилась в казарму, где душится самокритика, свободная мысль и что это стало системой, тот об'ективно (хочет он или не хочет) призывает своих единомышленников к фракционной работе и фракционной борьбе против существующего в партии режима, о который разбила себе лоб троцкистская оппозиция и который, как известно, был установлен Владимиром Ильичем Лениным. Не случайно, что вытаскивание на свет божий отравленного троцкистского оружия о режиме и зажиме совпало с вопиющими нарушениями партийной дисциплины, к которым не привыкла большевистская партия.

Разумеется, партия не может удовлетвориться достигнутыми на сегодня результатами в области проведения внутрипартийной демократии и самокритики. Как ни значительны эти результаты, было бы вреднейшим самообольщением успокаиваться на них. Разрешение задач, стоящих перед партией, требует дальнейшего роста активности партийных и пролетарских масс. Оно возможно только на основе развития и углубления самокритики, энергичнейшего развертывания внутрипартийной демократии.

Здоровая, деловая критика и самокритика на основе генеральной линии партии необходима партии, как свет и воздух. Партия будет решительным образом бороться против того, чтобы кому бы то ни было в наших рядах за такую критику «пришивались» уклоны. Но партия в то же время никому не позволит использовать оружие самокритики против своей генеральной линии и против элементарных основ большевистской дисциплины.

Нынешние условия требуют от всей партии максимальной сплоченности, железного единства. В нынешней обстановке партия более решительно, чем когда-либо, даст самый твердый отпор всякому, кто попытается создавать внутри нее фракционные группировки, всякому, кто будет нарушать партийную дисциплину.

Опасность правого уклона и колебаний в сторону правого уклона является в нынешних условиях главной внутренней опасностью для партии. Однако, из этого не следует, что партия может хотя бы на минуту забыть о том, что в отдельных звеньях ее еще и поныне существуют троцкистские тенденции, существует недооценка контрреволюционной сущности троцкизма.

Именно теперь, когда троцкизм превратился в прямое орудие подготовки войны против Советского Союза, когда для троцкистской клеветы против Коминтерна, ВКП и СССР открыты страницы реакционнейших органов буржуазной прессы, когда перо Троцкого, когда-то служившее рабочему классу, об'ективно превратилось в наемное перо худших врагов рабочего класса, наша партия не может потерпеть в своих рядах ни малейшего примиренчества к троцкизму.

В условиях нынешнего периода, когда укрепление союза с середняком, беспощадный отпор всем попыткам враждебных элементов поколебать этот союз являются необходимейшим условием разрешения тех задач поднятия сельского хозяйства, которые партия ставит себе, партия не может допустить какой бы то ни было неясности в коренном вопросе об отношении к середняку. Партия никому не позволит под прикрытием борьбы с правой опасностью контрабандным путем протаскивать гнилой антисередняцкий троцкистский товар.

Партия будет решительнейшим образом бороться со всеми попытками подрыва смычки с середняком, со всеми извращениями своей политики по отношению к середняку, со всеми фактами применения чрезвычайных мер, нарушения революционной законности и т. д. Партия организует самую широкую популяризацию нового закона о сельскохозяйственном налоге среди крестьянских масс. Партия приложит все усилия, чтобы еще теснее об'единить вокруг себя бедняцко-середняцкие массы для поднятия сельского хозяйства и для борьбы с кулаком.

Московская губернская конференция и целый ряд других краевых, областных, губернских и республиканских конференций нашей партии прошли под знаком решительного одобрения генеральной линии нашей партии, под знаком решительной борьбы на два фронта с заострением главного внимание на правом уклоне и на колебаниях в сторону правого уклона.

Партия дала единодушный и решительный отпор этим колебаниям.

Итоги выборов в советы показывают, что широкие рабочие и крестьянские массы идут сплоченными рядами за партией и за ее генеральной линией. Все это дает твердую гарантию, что, сохраняя ясность социалистической перспективы, не теряя хладнокровия, не поддаваясь панике, укрепляя свое единство и сплоченность, укрепляя свою связь с массами, партия преодолеет все затруднения и сумеет обеспечить тот темп социалистического переустройства страны, который является жизненно необходимым для нас и который диктуется нам как интересами социалистического строительства внутри страны, так и неразрывно связанными с ними интересами революции в международном масштабе.

Е. Варга.

Десять лет кризиса капитализма.

Три теории существуют в оценке характера современного периода истории человечества: буржуазная, реформистская и марксистско-ленинская.

Буржуазная теория рассматривает капиталистический общественный строй как высшую, окончательную и совершенную форму общественных отношений. Поскольку при этом «наилучшем» общественном строе существует нужда и нищета, то они являются или следствием естественных и неискоренимых путем какого-либо изменения общественных форм причин (закон убывающего плодородия) или следствием того обстоятельства, что капиталистический общественный строй не охватил еще в чистом виде всего мирового хозяйства, существуют еще остатки феодального общественного строя (Оппенгеймер: крупное землевладение, как нечто чуждое в рамках капиталистического способа производства) и т. п.

Реформистская теория: капитализм не является совершенной и окончательной формой общественных отношений. Но раньше, чем капитализм сможет быть заменен высшей общественной формой—социализмом, весь земной шар должен быть охвачен капитализмом. Капиталистический общественный строй далеко еще не развил всех производительных сил, для чего он исторически предназначен. Поэтому предстоит еще длительный период расширения и под'ема капиталистического способа производства.

Марксистско-ленинская теория: капиталистический общественный строй уже выполнил свою историческую миссию. Развитые им производительные силы находятся в постоянном зияющем противоречии с капиталистическим способом производства, превратившимся в оковы для дальнейшего общественного развития. Достигнутая ступень развития производительных сил создает достаточный об'ективный базис для построения социализма. Свержение капиталистического общественного строя является актуальной задачей пролетариата.

Если мы будем рассматривать эти три теории с точки зрения практического действия, то исчезает разница между буржуазной и реформистской теорией, и друг другу противостоят только две теории: контрреволюционная и революционная теория. Это тем более верно, что между чистым видом буржуазной и реформистской теории существует бесчисленные промежуточные ступени. Общим для таких теорий является тот ход мыслей, что между капитализмом и социализмом нет резкой разницы, что в нынешнем состоянии капитализма содержатся элементы социализма, что эти элементы будут развиваться в лоне капитализма без революции и в конце концов будет иметь место мирное врастание в социализм.

В соответствии с противоположным характером реформистской и марксистско-ленинской теории в корне отлична и оценка в них мировой войны, обусловившей общий кризис капитализма. Буржуазно-капиталистическая теория рассматривает мировую войну как

историческую случайность, вызванную неправильной политикой монархов и милитаристов. При правильной политике никогда больше не будет войны. Гарантией против будущих войн является увеличивающееся переплетение экономических интересов всех стран, на основе чего создана Лига Наций, якобы международная организация мира. Место разбойнического империализма занимает мирный сверхимпериализм. Это не мешает, однако, капиталистам и реформистам быстрейшим темпом готовиться к новой мировой войне под предлогом необходимости защиты отечества. Есть и другая разновидность буржуазных теорий, которая утверждает открыто, что война является неизбежным средством осуществления национальных интересов, независимо от любого общественного строя.

Марксистско-ленинская теория рассматривает мировую войну, как выражение кризиса капитализма, как неизбежное следствие развития империалистических противоречий, как событие, которое раньше или позже должно было наступить при капиталистическом общественном строе даже при самых лучших суб'ективных намерениях государственных деятелей. Мы считаем неверной и лицемерной реформистскую теорию сверхимпериализма, будто на основе растущего международного переплетения интересов капитала может быть создана международная надгосударственная организация (Лига Наций), которая была бы в состоянии предотвратить войны. Эта идея находится в резком противоречии с законом скачкообразного и неравномерного развития капитализма.

Наиболее резко и практически действенно выступает различие между буржуазно-реформистской и марксистско-ленинской теорией в оценке нынешнего периода общественного развития. В соответствии со своей основной точкой зрения, что капитализму предстоит еще длительный период развития, капиталисты и реформисты рассматривают послевоенный период как простое «нарушение спокойствия», как последствие «случайного» события—мировой войны. Эти последствия, в том числе и создание диктатуры пролетариата в России, являются преходящими, случайными явлениями, по устранении которых будет продолжаться нормальный ход капиталистического развития. Отсюда отрицание социалистического характера общественного строя СССР. Революция в СССР рассматривается как крестьянская революция (Отто Бауер) или как господство насильнического меньшинства (Карл Каутский). Соответственно этому предсказывается или перерастание советской системы в капитализм, или насильственное свержение «захватнической власти большевиков». Из подобного мировоззрения неизбежно вытекает,—несмотря на попытки делать иногда обратные заверения,—контрреволюционная, антисоветская политика. Можно сказать и обратно: классовое положение сросшейся с буржуазией реформистской верхушки неизбежно ведет к созданию общего с буржуазией мировоззрения, лишь внешне облекаемого марксистской фразеологией, чтобы не вызвать раздражения рабочего класса.

Мы стоим на той точке зрения, что «умирающий капитализм», как Ленин охарактеризовал империализм, уже вошел в период своего общего кризиса, что с тех пор, как в России было свергнуто господство буржуазии и создана диктатура пролетариата, мы находимся в периоде заката капитализма, который в недалеком будущем приведет к полному свержению господства буржуазии и созданию социализма. То обстоятельство, что имеются еще обширные пространства земного шара с докапиталистическими общественными формами, еще мало затронутые капитализмом, ничуть этому не противоречит. Утверждать, что до свержения капиталистического общественного строя и начала строительства социализма весь мир должен стать равномерно-капиталистическим,—это значит извращать марксизм. Не

остатки старого, а элементы нового, идущего к господству общественного строя в первую очередь определяют характер того или иного периода. Когда Маркс 80 лет назад охарактеризовал тогдашний общественный строй как капиталистический, и как таковой его изучал, буржуазия находилась у власти лишь в одной части мира, и очень незначительная часть населения земного шара была охвачена непосредственно капиталистическим способом производства: подавляющее большинство составляли «независимые производители»—крестьяне, ремесленники. Тем не менее, было совершенно правильно и теоретически и с точки зрения классовой борьбы пролетариата определять эту историческую эпоху, как эпоху капитализма.

Точно так же теоретически совершенно правильно характеризовать переживаемый нами период, как период общего кризиса капитализма, хотя власть капитала свергнута лишь в одной стране и хотя в некоторых областях земного шара эта власть лишь развивается. История учит, что свержение одной общественной формы и замена ее другой не является одновременным актом на всем земном шаре.

Возьмем ближайшую аналогию: в 1649 г. в Англии произошла буржуазная революция. С полным правом можно поэтому говорить об этом периоде, как о периоде краха феодального общественного строя, хотя этот общественный строй еще до сих пор, спустя триста лет, господствует в некоторых областях земного шара. Само собой разумеется, эта историческая аналогия не должна быть истолкована в таком смысле, что и переход от капитализма к диктатуре пролетариата—социализму—потребует столетий. Ритм исторического развития ускоряется. Переход от феодального к капиталистическому общественному строю происходил гораздо скорее, чем переход от античного к феодальному строю. Переход от капитализма к социализму произойдет еще быстрее.

Стратегия буржуазии и реформистов в подготовке стабилизации.

Непосредственный опыт показывает нам, что, несмотря на общий кризис капитализма, многие миллионы пролетариев, которые по своему классовому положению должны принадлежать к лагерю революции, находятся в лагере реформистов, разделяют их мировоззрение и активно или пассивно поддерживают их контрреволюционную политику.

Идеологическая отсталость является достаточно общим явлением. Идеология изменяется соответственно изменению экономического базиса, но это изменение происходит не одновременно, а с более или менее длительным опозданием. Хотя изменение экономического базиса требует новой идеологии, старая идеология владеет большинством умов и превращается в контрреволюционную силу, мешающую революционному преобразованию соотношения производительных сил.

В нынешнем периоде мешает победе пролетарской революции прежде всего укоренившаяся идеология реформизма, имеющая свою базу в высоком материальном уровне рабочей аристократии, но держащая в своих сетях и широкие круги рабочего класса.

Потрясение господства буржуазии было наиболее глубоким непосредственно после окончания войны. Стихийное восстание широких народных масс против неслыханных страданий войны, глубокое потрясение народного хозяйства и развал государственного аппарата в побежденных странах глубоко потрясли капиталистический строй на европейском континенте. Реформисты, которые вместе с буржуазией, как активные контрреволюционеры, успокаивали восставшие широкие массы, опираясь на отсталость их идеологии, и вместе с буржуазией силой оружия сломили сознательный революционный авангард, изображают теперь результат их общей измены, состоящий во временном укреплении капиталистического господства, как доказательство правильности их контрреволюционной теории о том, что капитализму предстоит еще длительный исторический период под'ема. То обстоятельство, что после победы буржуазии над пролетариатом жизненный уровень некоторых слоев рабочего класса несколько улучшился по сравнению с ужасными лишениями военного и революционного периода, выставляется как успех реформистов и как доказательство того, что и при капиталистической системе возможен под'ем материального уровня рабочего класса.

Основа сотрудничества буржуазии и реформистов, направленного к спасению капиталистической системы, в первые годы всеобщего кризиса заключалась в том, чтобы путем проведения уступок избегнуть стихийного восстания масс и выиграть время для восстановления аппарата власти, с помощью которого мог бы быть разбит сознательный революционный авангард пролетариата [1]). Буржуазия всех стран приносила «жертвы» для успокоения стихийного недовольства масс: введение 8-часового рабочего дня во Франции (в качестве пробной «премии» против социальной революции, как писал «Тан») и 7-часового рабочего дня в горной промышленности в Англии, общее страхование от безработицы в Англии и т. д. Наиболее далеко в этих уступках должна была итти буржуазия побежденных стран. Буржуазия этих стран, где капиталистический общественный строй был потрясен сильнее всего, следовала тактике: временно «принести в жертву» все, лишь бы сохранить капиталистическую систему. Она «жертвовала» монархией, она отказывалась даже от непосредственного распоряжения властью и выдвигала к власти социал-демократию. Старые политические требования пролетариата—всеобщее, равное, тайное избирательное право во все представительные учреждения, отмена верхней палаты, право союзов, собраний, свобода печати и т. д.—выполнялись или обещались, равно как и социальные требования—8-часовой рабочий день, социальное страхование, обратный прием на службу демобилизованных рабочих в те предприятия, где они раньше работали, независимо от того, имелась для них работа или нет. Рабочим на производстве предоставлялись большие права (фабзавкомы). Буржуазия проявляла большую уступчивость по отношению к требованиям об увеличении зарплаты. Буржуазия отказывалась временно от привычных форм эксплоатации, лишь бы сохранить самую предпосылку эксплоатации в лице капиталистической системы. Она успокаивала восставшие массы созданием «комиссий по социализации» и т. п. Идеологическая отсталость рабочих масс, которая была самым усердным образом использована изменническими лидерами реформистов, облегчила успех маневра буржуазии. «Социализм шагает»,—таков был лозунг плакатов и речей реформистов. Огромные массы пролетариата, которые видели свои давнишние (но в период общего кризиса капитализма и тогдашней непосредственной революционной ситуации совершенно устаревшие) требования осуществленными, а своих вождей сидящими на министерских постах, верили реформи-

---

[1]) Господство буржуазии в различных государствах было потрясено в различной степени. Меньше всего в САСШ и нейтральных государствах, сильнее в странах-победительницах и наиболее сильно в побежденных странах, где повсюду имели место политические перевороты—свержение монархий, уменьшение остатков феодализма. В некоторых государствах произошла пролетарская революция, которая, как в России (а временно также в Венгрии, Баварии и прибалтийских государствах) привела к свержению буржуазии.

стам, об'являвшим, что они осуществили победоносную бескровную революцию.

Но внешней форме нехватало классового содержания. *Реформистские лидеры находились у руля правления, но пролетариат, как класс, не был у власти.* Социал-демократы управляли, но служили буржуазии. Основа капитализма, частная собственность на средства производства—осталась неприкосновенной. Надломленный в результате поражения государственный буржуазный аппарат не был сломлен: наоборот, он был оживлен и укреплен путем включения в него реформистских лидеров, использовавших в интересах буржуазии влияние стоящих за ними рабочих организаций. То, что рабочим массам казалось победой,—ее лидеры были президентами, министрами, статс-секретарями,—в действительности, было победой буржуазии. Лидеры буржуазии и их реформистские лакеи об'единились, чтобы предупредить создание диктатуры пролетариата.

Совместный маневр буржуазии и реформистов оказался успешным. Буржуазия не напрасно принесла жертвы. Реформисты выиграли необходимое время, чтобы направить стихийное недовольство широких масс в «установленное русло». Буржуазия выиграла необходимое время, чтобы восстановить свой разгромленный аппарат власти опять-таки при активной помощи реформистов.

Они могли совместно приступить к задаче ликвидации уступок, сделанных буржуазией, чтобы снова сделать возможным использование капитала, получение прибавочной стоимости, которое являлось и является основной целью буржуазии. В этом деле буржуазия поступала с большой осторожностью. Общая схема ее борьбы против пролетариата заключалась в следующем: вместе с реформистами буржуазия подавляла попытки революционного авангарда, руководимого коммунистами, превратить кажущуюся победу пролетариата в подлинную пролетарскую революцию. *После каждого частичного поражения пролетарского авангарда, буржуазия брала обратно часть уступок, сделанных в период окончания войны, чтобы удержать восстание пролетариата. Она брала их обратно по частям, чтобы не дать вспыхнуть с новой силой скрытому общему недовольству пролетариата.*

Общая причина победы буржуазии над пролетариатом в период непосредственной революционной ситуации, победы, создавшей базу для частичной стабилизации, заключалась в полном отсутствии и слабости компартий, которые не были достаточно сильны, чтобы преодолеть питаемую реформистами идеологическую отсталость и организованно повести большинство рабочего класса в бой под своим руководством.

Об'ективные и суб'ективные предпосылки революции развиваются противоречиво и неравномерно. Об'ективные предпосылки имелись в максимальной степени в момент военного краха. Но важнейшая суб'ективная предпосылка победоносной пролетарской революции—компартия—находилась в организационном и идеологическом отношении в стадии образования. Она быстро окрепла в борьбе с буржуазией. *Но ее укрепление ни в один из моментов этого исторического периода не шло настолько быстро, чтобы перегнать одновременно происходившую консолидацию сил буржуазии и чтобы повести революцию к победе при ухудшившихся об'ективных предпосылках.* Таким образом, буржуазии при помощи реформистов удалось справиться с непосредственной революционной ситуацией, разгромить авангард пролетариата и создать тем самым классовую основу для стабилизации. *Но*

стабилизация не означает окончания общего кризиса мирового капитализма, а лишь временный перерыв в той непосредственно революционной ситуации, при которой возможна была сулящая успех борьба за завоевание власти.

Кризис капиталистического мирового хозяйства.

Механизм, при помощи которого буржуазии удалось преодолеть непосредственный революционный кризис после окончания войны и создать основу для стабилизации, как мы видели, сравнительно прост и ясен. Гораздо труднее выявить основные черты изменения экономической базы этого периода. Это настолько трудно, что даже Зомбарт, один из выдающихся буржуазных экономистов, отказывается от попытки дать анализ послевоенного периода. Он пишет:

«Если бы я подверг исследованию и военные и послевоенные годы, то моя работа распылилась бы, растеклась бы по песку, потонула бы в тумане, ибо она не могла бы завершиться никаким определенным выводом. И прежде всего: всякая цифра, всякие данные, относящиеся к 1926 г., не имели бы уже никакого значения в 1927 г. После 1914 г. каждый год является совершенно произвольно взятым моментом, при чем с тем же успехом за исходный пункт можно было бы взять любой другой год» [1]).

Мы, борющиеся марксисты, разумеется, не можем стать на такую ликвидаторскую по отношению к экономической науке позицию. Анализ, данный Коммунистическим Интернационалом на его шести конгрессах, дает нам возможность взглянуть ретроспективно на картину мирового хозяйства в период заката капитализма. Это действительно быстро меняющаяся картина.

Структуру капитализма XIX века легко обозреть. Вокруг западноевропейского ядра промышленных мастерских мира группируются остальные части земного шара, отстающие в своем социальном развитии. Западная Европа снабжает остальной мир промышленными товарами и капиталом и получает в обмен средства питания и сырье. Она владеет обширными колониальными территориями. Полученная там сверхприбыль служит отчасти для создания рабочей аристократии, которая является опорой капиталистического владычества. Иманентные противоречия капитализма выражаются в периодически возвращающихся, более или менее равномерно охватывающих все капиталистические страны экономических кризисах. Эти кризисы разрешают временно противоречия в рамках капитализма таким образом, что после каждого кризиса становится возможным более высокое развитие и распространение капиталистического способа производства [2]).

Это относительно мирное и относительно (по сравнению с империализмом) равномерное развитие капитализма сменилось в начале XX столетия скачкообразным развитием капитализма прежде всего Германии как империалистической державы. (Такое же скачкообразное развитие Соед. Штатов не стало тогда осью столкновения, так как оно протекало еще по преимуществу в форме капиталистического захвата естественных богатств собственной страны). Попытка германской буржуазии создать себе колониальную мощь, соответствующую ее экономическим силам, выразившаяся в стремлении проникнуть в Переднюю Азию (жел.-дор. линия Берлин—Багдад), между

[1]) См. стр. 12 вступления к «Позднему капитализму», Дункер и Гумбольдт, 1927 г.

[2]) Принципиальная разница между периодически возвращающимися кризисными фазами в промышленном цикле, сопровождающими жизнь капитализма с момента его рождения до полного заката, и общим кризисом капитализма, вызванным войной, заключается именно в том, что последний не нашел разрешения внутри капиталистической системы и привел к взрыву капиталистического фронта, к свержению власти буржуазии в России.

северо-азиатским царским империализмом и южно-азиатской английской колониальной империей, привела к союзу этих двух обычно враждебных друг другу империалистических держав, об'единившихся с целью разбить развивающийся германский империализм до того, как он окончательно окрепнет. Во время мировой войны эта цель действительно была достигнута, но ценой свержения власти буржуазии в России и глубокого потрясения этой власти в других европейских странах.

Отдельные национальные экономические системы вышли из мировой войны в различном состоянии. С.-А. Соед. Штаты, Япония и некоторые нейтральные государства—с укрепившимся производственным аппаратом, увеличившимися запасами золота, но с уменьшившимися запасами товаров, что, понятно, не означает, что они не подчинены всеобщему кризису капитализма. Из воевавших государств страны Антанты, сохранившие связь с мировым рынком, хотя и сильно пострадали от неимоверного непродуктивного потребления во время войны, однако, были спасены от непосредственной нищеты заокеанскими поставками. Центральная и Восточная Европа, вплоть до Азии, полностью обнищала. Запасы товаров и средств питания совершенно иссякли, и возможность дальнейшего их производства была весьма проблематичной в виду восстания трудящихся масс. Ситуация была следующим образом определена первым конгрессом Коминтерна:

«Уничтожение капиталистического порядка и капиталистической дисциплины труда делает невозможным при данном соотношении классовых сил восстановление производства на прежней основе. Колоссальная борьба рабочих всех стран за увеличение зарплаты и т. д.» [1]).

«Разложение капиталистической системы и капиталистической трудовой дисциплины делает невозможным при данных междуклассовых отношениях восстановление производства на прежнем базисе...

Энергичные бои рабочих за увеличение заработной платы в странах, положение которых явно безнадежно, благодаря своему стихийному ожесточению и тенденции к превращению во всеобщие делают невозможным развитие капиталистического производства...

Чтобы поднять производительные силы хозяйства, чтобы как можно скорее сломить сопротивление буржуазии, которая затягивает агонию старого общества и тем самым создает опасность полного разрушения хозяйственной жизни, пролетарская диктатура должна осуществить экспроприацию крупной буржуазии и дворянства и сделать средства производства и транспорта общественной собственностью пролетарского государства.

Коммунизм рождается теперь из развалин капиталистического строя; другого выхода история не дает человечеству». (Платформа Коммунистического Интернационала, принятая I конгрессом Коминтерна).

Это противоречие было непосредственно после войны частично преодолено путем поставки в кредит товаров С.-А. Соед. Штатами Европе. Но, когда в начале 1920 г. Соед. Штаты приостановили предоставление кредитов, то следовавшая непосредственно после войны мнимо высокая кон'юнктура пришла к быстрому концу, и внутри общего кризиса капитализма возникла новая кризисная фаза, охватившая весь капиталистический мир и отличавшаяся такой глубиной и силой, какой никогда не испытывал «нормальный» капитализм. Вздутые во время войны цены упали в золотом выражении наполовину. Накопление приостановилось. Потребление превысило сократившееся производство, что выразилось в колоссальной инфляции, охватившей всю Европу. Инфляция привела к краху как национальной, так и международной кредитной системы. Внешняя торговля сократилась. Выявились

[1]) См. тезисы Ком. Интернационала, принятые I конгрессом в Москве (2—6 марта 1919 г.).

тенденции возвращения к натуральному обмену и к докапиталистическим формам хозяйства: крестьяне частично вернулись к замкнутому домашнему хозяйству, они производили лишь то, что потребляли, и лишь столько, чтобы удовлетворить свои домашние нужды. Капиталистическое мировое хозяйство, как целое, распалось. Капиталистические связи ослабли [1]), между классами воздвигались баррикады.

Многие коммунисты утверждали тогда, что наступил конец господству буржуазии, так как буржуазия не может найти никакого выхода из кризиса. Ленин поднял свой предостерегающий голос против переоценки значения благоприятного об'ективного положения и подчеркнул величайшее значение суб'ективного фактора, в особенности работы коммунистов. Он сказал: «...Иногда революционеры стараются доказать, что кризис абсолютно безвыходный. Это ошибка. Абсолютно безвыходных положений не бывает. Буржуазия ведет себя, как обнаглевший и потерявший голову хищник, она делает глупость за глупостью, обостряя положение, ускоряя свою гибель. Все это так. Но нельзя «доказать», что нет абсолютно никакой возможности, чтобы она не усыпила такое-то меньшинство эксплоатируемых такими-то уступочками, чтобы она не подавила такое-то движение или восстание такой-то части угнетенных и эксплоатируемых. Пытаться «доказывать» наперед «абсолютную» безвыходность было бы пустым педантством или игрой в понятия и в словечки. Настоящим «доказательством» в этом и подобных вопросах может быть только практика. Буржуазный строй во всем мире переживает величайший революционный кризис. Надо «доказать» теперь практикой революционных партий, что у них достаточно сознательности, организованности, связи с эксплоатируемыми массами, решительности, уменья, чтобы использовать этот кризис для успешной, для победоносной революции» [2]).

Мы видим: раньше, чем кто бы то ни было, Ленин предвидел возможность стабилизации.

Историческая роль инфляции в подготовке стабилизации.

Одним из наиболее интересных проявлений диалектики в экономике является тот факт, что инфляция, вызванная расстройством мирового хозяйства—элемент общего кризиса капитализма—в то же время стала важным элементом в подготовке стабилизации.

Мы видели, что буржуазия с целью избежать стихийного восстания пролетариата шла на столь далеко идущие уступки, что «нормальное» производство прибавочной стоимости временно приостановилось.

Историческая функция инфляции заключалась в том, чтобы сделать возможным получение прибавочной стоимости особым путем. Инфляция привела к новому распределению прибылей в пользу крупной буржуазии за счет пролетариата, рантье и мелкой буржуазии.

Инфляция автоматически снизила реальную зарплату пролетариата. Материальные достижения революции отнимались у пролетариата путем инфляции. Одновременно при помощи реформистов внимание пролетариата отвлекалось от больших революционных проблем к ставшим необходимыми в виду инфляции ежедневным переговорам о зарплате: «Революция растворилась в движении зарплаты», как охарактеризовал Гильфердинг исторический смысл событий, не понимая их, или не желая их понять.

Инфляция означала экспроприацию имущества и доходов рантье в пользу крупной буржуазии, превращавшей свое состояние в материальные

[1]) См. Е. Варга. «Кризис капиталистического мирового хозяйства». 1921 г.; Е. Варга, «Период заката капитализма», 1922 г.

[2]) Речь о международном положении на втором конгрессе Коминтерна (XXV, стр. 340).

ценности. Промышленный капитал освободился, таким образом, непосредственно от необходимости отдавать рантье часть своих прибылей в виде процентов на ссудный капитал; а посредственно—благодаря обесценению государственных и коммунальных ценных бумаг, от необходимости уплачивать из своих прибылей налоги для оплаты процентов, долгов, и, таким образом, от необходимости содержать рантье [1]).

Одновременно происходил процесс экспроприации мелкой буржуазии (ремесленников, мелких торговцев). В то время, как крупные капиталисты продавали товары по ценам, исчисленным в золоте и иностранной валюте, мелкая буржуазия по старой привычке продавала по покупной цене плюс средняя прибыль, исчисленная в бумажной валюте, а потому с каждым оборотом своего капитала она становилась все беднее и беднее [2]).

Крупные капиталисты переложили таким образом бремя кризиса в значительной части на средние слои, на независимых производителей, заставляя их продавать по ценам ниже золотого паритета. Присвоение прибавочной стоимости капиталом было, таким образом, путем инфляции восстановлено хотя и на «ненормальной», временно колеблющейся основе. Таким образом, при помощи инфляции крупная буржуазия могла обеспечить себе значительно большую долю ежегодно уменьшавшейся продукции, чем при стабильной валюте.

Инфляция позволила одновременно буржуазии вовлечь в борьбу против пролетариата новые элементы. Раздражение последовательно экспроприируемых рантье, мелких буржуа и чиновников (жалованье которых еще менее шло в ногу с инфляцией, чем зарплата рабочих) направлялось путем искусной пропаганды против «нуво-ришей», военных спекулянтов, против «еврейских спекулянтов», против «ленивых, постоянно бастующих рабочих». Так инфляция положила начало организации фашистского движения, дала возможность буржуазии организовать, помимо государственного аппарата власти, классовую армию против пролетариата, с помощью которой она в союзе с реформистами сперва в ряде боев разгромила революционный авангард пролетариата, а последовавшим затем угнетением всего рабочего класса создала социальную предпосылку для стабилизации.

Само собой разумеется, что в обогащающей крупную буржуазию инфляции имеется диалектический поворотный пункт, когда инфляция становится опасной и для буржуазии. Если рента уже экспроприирована, независимые производители или разорены или перешли по примеру крупной буржуазии к исчислению цен в золоте, то преимущество инфляции для буржуазии исчерпано. Остается лишь ущерб: дезорганизация капиталистических отношений, непрекращающаяся борьба рабочих и т. д. Поэтому, после победы над рабочим классом, которая составляет социальную предпосылку стабилизации, буржуазия приступает к стабилизации валюты, являющейся необходимой (но не единственной и достаточной) предпосылкой нормального обращения, а тем самым и продукции.

---

[1]) При этом мы имеем дело с огромными суммами. По моему подсчету, приносящий ренту капитал в Германии (займы общегерманские, отдельных государств и общин, облигации акционерных о-в и земельных кредитных учреждений, вклады в сберегательные кассы) составлял до войны 69 млрд. марок, а доля прибылей ссудного капитала 3—4 млрд. ежегодно. Доход от рентного капитала был экспроприирован в Германии, Польше, Австрии и Венгрии почти полностью, во Франции на 50%, в Италии на 75%. Лишь Англия и маленькие нейтральные государства пошли по пути ревалоризации, восстановления номинальной стоимости золота в валюте, из специальных соображений, на которых мы здесь не можем останавливаться. Дефляционная политика играла немалую роль, как причина хронического кризиса английской промышленности.

[2]) Крупная буржуазия, как бы считаясь с возмущением масс по поводу лихорадочно скачущих цен, вынуждала путем соответствующего законодательства мелкую буржуазию применять это абсурдное при падающей валюте исчисление цен.

Стабилизация капитализма.

Немедленно по окончании войны в мировой экономике обнаружились силы, приступившие к преодолению кризиса. Уже в 1922 году я сделал попытку систематизировать эти силы [1]). Я писал тогда:

«Исследуя хозяйственные условия последних трех лет, мы устанавливаем наличие определенных тенденций и стремлений преодолеть мировой хозяйственный кризис. При этом мы можем различать две категории: имманентные тенденции и сознательные хозяйственно-политические стремления. Под имманентными тенденциями я подразумеваю действия, совершаемые отдельными суб'ектами капиталистического хозяйства в их частнохозяйственных интересах. Эти действия в своей совокупности составляют тенденцию к преодолению хозяйственного кризиса... Под сознательными же стремлениями я подразумеваю такие действия государства и отдельных хозяйственных групп, такие требования последних, которые сознательно преследуют цель преодоления кризиса».

Отдельные частнохозяйственные элементы таковы:

Сокращение продукции в районах перепроизводства, где нет достаточного сбыта для продуктов чрезмерно развитого производственного аппарата; расширение продукции в районах недостаточного производства, как только первое поражение рабочего класса делает возможным получение прибыли. Обе эти меры в совокупности выражаются в тенденции преодолеть распад мирового хозяйства на район перепроизводства и район недостаточного производства.

Огромнейший рост государственных долгов вызвал к жизни гигантское противоречие между формально гарантированными правами владельцев государственных облигаций на доход, размер которого превышал величину всего общественного продукта, и между вызванным войной обнищанием. Обесценение валюты в результате инфляции устранило это противоречие и заставило прежних рантье снискивать пропитание собственным трудом.

Недостаток капитала в обедневших странах и избыток его в богатых районах перепроизводства делали выгодным для отдельных капиталистов переносить капитал в обедневшие районы, где процентная ставка, а после поражения рабочих и норма прибыли были выше. Это вызванное различием в норме прибыли и продиктованное частнохозяйственными интересами отдельных капиталистов перемещение капитала сильно содействовало возможности стабилизации.

Конкуренция на мировом рынке влекла за собой анархическое частичное уничтожение излишних средств промышленного производства, сокращение сельскохозяйственной продукции в богатых заокеанских странах (С.-А. Соединенные Штаты) [2]) и расширение сельскохозяйственной продукции в Европе благодаря тому, что вследствие инфляции ввозные американские продовольственные продукты, обходились очень дорого. Это создавало тенденцию к восстановлению нового, хотя и весьма неустойчивого равновесия в мировом капиталистическом хозяйстве.

Из сознательных хозяйственно-политических стремлений и мероприятий по преодолению острого кризиса наиболее важным явился план Дауэса и содействие американского и английского капитала в деле стабилизации сперва германской, а затем всех прочих

---

[1]) Второе издание моей книги «Кризис мирового капиталистического хозяйства», главы VIII—IX.

[2]) Аграрный кризис был последствием того обстоятельства, что после заключения мира продукты сильно развившегося во время войны сельского хозяйства Америки не находили сбыта в обедневшей Европе. Кризис американских фермеров был вызван тем, что земельная рента была установлена на высоком военном уровне.

европейских валют. С частнохозяйственной точки зрения это «содействие» явилось блестящей сделкой для предоставивших заем капиталистов. Для капиталистического же общества в целом оно представляло собою средство обороны против дальнейшего распространения пролетарской революции, в то же время расширение возможностей сбыта товаров в Европе, которая, благодаря оздоровлению своих финансов, стала вновь платежеспособной, и, наконец, содействие развитию продукции в Европе [1]). Что же касается отдельных государств, то для них главную роль сыграли запреты вывоза и ввоза, запретительные пошлины и т. д.

С теоретической точки зрения, однако, важно не содержание отдельных стремлений и мероприятий, но тот факт, что параллельно борьбе против пролетариата, переплетаясь с нею, со времени окончания войны в направлении преодоления остро-революционной ситуации действуют и экономические силы.

В начале этого процесса не все были в состоянии провести последовательное разграничение между общим кризисом капитализма и тяжелым, но, по существу, кон'юнктурным кризисом, последовавшим за периодом высокой кон'юнктуры, имевшим место непосредственно по окончании войны и в значительной степени являвшимся лишь периодом мнимой кон'юнктуры. Хозяйственный кризис и сопутствовавшее ему огромное падение цен повели, с одной стороны, к массовой безработице, а с другой—в странах со стабильной или относительно устойчивой валютой ко временному сильному повышению реальной заработной платы рабочих, поскольку последние вообще имели работу. Этим путем единая армия пролетариата была расчленена. Хотя хозяйственный кризис и повлек за собой роковые экономические последствия для более слабых в хозяйственном отношении предприятий, но в социальном отношении он укрепил позиции крупной буржуазии. В тот момент, однако, казалось, что хозяйственный кризис поведет непосредственно к свержению буржуазии.

Отождествление хозяйственного кризиса с общим кризисом капитализма проявилось наиболее резко в работах III конгресса Коминтерна. Что касается самых тезисов, то они, ссылаясь на поражение Красной армии под Варшавой, на поражение итальянских рабочих осенью 1920 г. и германских в марте 1921 года, ставят основной вопрос вполне правильно [2]):

«В какой мере новое политическое взаимоотношение буржуазии и пролетариата соответствует более глубокому соотношению сил? Действительно ли буржуазия близка к восстановлению социального равновесия, нарушенного войной? Есть ли основания полагать, что на смену эпохе политических потрясений и классовых боев идет новая длительная эпоха восстановления и роста капитализма? Не вытекает ли отсюда необходимость пересмотра программы или тактики Коммунистического Интернационала?»

На основании анализа мирового положения в 18-м пункте дается отрицательный ответ на этот вопрос:

«В области производства, торговли и кредита, — притом не только в европейском, но и в мировом масштабе, — нет, следовательно, никаких оснований говорить о восстановлении сколько-нибудь устойчивого равновесия после войны».

---

[1]) В соответствии с антагонистическим характером капиталистического способа производства это обстоятельство впоследствии—в «третьем периоде»—превратилось в свою собственную противоположность и обострило новые противоречия периода упадка.

[2]) Тезисы о мировом положении и задачах Коммунистического Интернационала. Пункт 3.

В противоположность этому целый ряд товарищей защищал «левую» точку зрения и доказывал, что тогдашний хозяйственный кризис являлся конечным кризисом капитализма и должен был быть использован для немедленного наступления и завоевания власти [1]). Напротив, тезисы устанавливают (40-й пункт) возможность фазы под'ема капитализма:

«... Этот факт ни в каком случае еще не означал бы наступления «органической» эпохи. До тех пор, пока капитализм существует, циклические колебания неизбежны. Они будут сопровождать его в агонии, как они сопровождали его в молодости и зрелости».

Лишь 4 года спустя, в начале 1925 года, процесс преодоления буржуазией непосредственно революционной ситуации был уже настолько очевиден, что расширенный пленум Исполкома Коминтерна открыто констатировал это и определил вновь создавшееся положение как «стабилизацию капитализма», сопроводив, правда, слово стабилизация различными ограничительными эпитетами, в роде «временная», «частичная», «неустойчивая», «гнилая».

Необходимость применить столько различных ограничительных эпитетов показывает, что само это выражение—«стабилизация капитализма»—неудачно. Имелась и имеется опасность смешения стабилизации со «стабильностью», с устойчивостью, а также опасность того, что стабилизация будет воспринята или истолкована, как конец периода упадка капитализма, в то время, как она является лишь одной из фаз последнего. Капиталистический строй и при «нормальных» условиях принципиально несовместим с «устойчивостью». С экономической точки зрения капиталистическому способу производства всегда присущи противоречия, которые находят временное разрешение в периодически возвращающихся хозяйственных кризисах, но немедленно начинают развиваться на новой, более высокой ступени. С социальной точки зрения капиталистический способ производства вовсе не является стабильным, устойчивым, сохраняющим наличное соотношение классовых сил. Напротив, он является таким общественным строем, который с самого своего начала ведет к своей собственной гибели, ибо в процессе своего развития, вследствие экспроприации независимых производителей, централизации и концентрации, он неизбежно суживает круг слоев общества, заинтересованных в его существовании, и в то же время увеличивает численность, организует и концентрирует в гигантские армии массы эксплоатируемых пролетариев, своих «могильщиков». В то же время существует огромное различие между довоенным периодом и еще гораздо более противоречивым периодом так наз. стабилизации. «Стабилизация» часто ошибочно воспринималась и истолковывалась как конец периода упадка, как безоговорочное возвращение к условиям довоенного времени. Такой взгляд совершенно неправилен. Он упускает из виду огромные изменения, происшедшие в мировом капиталистическом хозяйстве (позднее мы будем говорить о них подробно).

В чем отличие фазы стабилизации от предшествовавшей фазы?

Остро-революционная ситуация миновала. Позиция буржуазии, как господствующего класса, укрепилась. Социальной предпосылкой стабилизации, как мы уже указывали, явились неоднократные поражения революционного авангарда, который не был в состоянии мобилизовать под своим руко-

---

[1]) От имени «левых» выступали главным образом Тальгеймер, Фрисланд, Фрелих, Вольфштейн и др. Все эти лица стоят в настоящее время вне Коминтерна, а некоторые, как, например, Фрисланд уже несколько месяцев спустя очутились в соц.-дем. лагере. Это далеко не случайность! Отрицая возможность какой бы то ни было временной стабилизации, эти лица показали, что они готовы бороться за революцию лишь при наличии надежды на быстрый успех. В противном случае они предпочитают вернуться в ряды с.-д. хотя бы лишь идеологически

водством большинство рабочего класса против буржуазии. Экономической предпосылкой явилось восстановление присвоения капиталом прибавочной стоимости, а тем самым накопления и расширенного воспроизводства; с другой стороны, стабилизация валюты и в результате последней быстрое повышение, по сравнению с периодом инфляции, жизненного уровня той части пролетариата, которая находит применение в трудовом процессе. Это повышение жизненного уровня шло рука об руку с удлинением рабочего дня, с восстановлением капиталистической дисциплины в предприятии, с ростом интенсивности труда, с повышением нормы эксплоатации, несмотря на повышение реальной заработной платы. Все это создавало условия для отхода широких пролетарских масс от непосредственной борьбы за завоевание власти.

Когда Коминтерн установил наличие стабилизации капитализма, все эти социальные и экономические процессы еще совершались. Стабализация была названа «частичной», ибо консолидация господства капитала не совершилась еще во всех странах, ибо продукция не везде еще достигла довоенного уровня и т. д. Она была названа «временной», «неустойчивой», «гнилой» для того, чтобы в противовес реформистской теории о предстоящем длительном мирном под'еме капитализма подчеркнуть противоречия и ослабление капиталистической системы.

„Третий период“.

Шестой конгресс пошел в своем анализе еще дальше и установил, что общий кризис капитализма вступил опять в новую фазу, для которой характерны как положительные, так и отрицательные моменты. Наиболее важные положительные для капитализма моменты таковы:

В области техники: быстрое развитие техники, «которое в нескольких странах: в С.-А. Соед. Штатах, в Германии, принимает характер технического переворота». С этим связан огромный рост производительности труда.

В области продукции: продукция капиталистической части мирового хозяйства (подобно продукции Советского Союза) перешагнула довоенный уровень.

С организационной точки зрения: огромное развитие национальных и международных монопольных организаций (картелей, трестов, концернов) и тенденций к государственному капитализму.

С экономической точки зрения: сильное накопление и расширенное воспроизводство при одновременном распространении капиталистического способа производства на отсталые раньше области—Южную Америку, Китай, Африку. Позиция Европы, являвшейся раньше очагом революционного кризиса, относительно укрепилась в рамках мирового хозяйства [1]). Норма эксплоатации повысилась в результате связанного с рационализацией повышения интенсивности труда.

Мы не намерены подвергнуть здесь эти положительные моменты более детальному рассмотрению. Но для того, чтобы иллюстрировать рост продукции, мы приведем сводную таблицу, которая характеризует весь исторический период со времени окончания войны. К сожалению, в виду различий в качестве, нет статистики производства готовых изделий, а существует лишь статистика продукции сырья. Точность этих статистических данных невелика, но они дают все же в общем и целом правильную картину развития. Можно предположить, что продукция готовых изделий развивается параллельно производству сырья, хотя и с небольшими различиями во времени; далее, в настоящее время, в результате рационализации и скачкообразного развития химической промышленности, из одинакового количества сырья, топлива и вспомогательных материалов добывается бо́льшее количество готовых изделий одинаковой потребительной стоимости, чем до войны, так что действительный рост продукции предметов потребления, по сравнению с довоенным временем, выше, чем об этом можно было бы судить на основании приведенной ниже таблицы.

[1]) Идея Троцкого о том, что «С.-А. Соединенные Штаты посадят Европу на паек», оказалась совершенно ошибочной.

Таблица эта такова:

Важнейшие данные о мировой продукции [1]).

		В миллионах единиц				
		1909—13	1921	1920—24	1925—27	1928 [6])
		В среднем в год				
Предметы продовольствия:						
Пшеница [2])	тонны	82,2	75,2	88,7	92,3	**100,8**
Рожь [2])	тонны	26,1	13,8	21,1	22,8	**23,4**
Ячмень [2])	тонны	28,7	16,7	27,6	30,4	**35,8**
Овес [2])	тонны	52,1	39,2	52,0	54,8	**57,6**
Маис [2])	тонны	102,9	87,4	108,0	109,4	**114,0**
Рис	тонны	77,5	74,2	83,2 [4])	85,1	—
Картофель [2])	тонны	128,6	67,8	128,8	137,1	**141,0**
Свекловичный сахар [2])	тонны	69,7	48,8	57,0	72,8	**77,2**
Тростниковый сахар	тонны	96,0	115,5	139,0	160,8	**166,0**
Текстильное сырье:						
Хлопок	тонны	4,84	3,0	4,33	5,6	**5,1**
Шерсть	клгр	1463,0	—	1249,0 [5])	1367,0 [7])	—
Шелк	клгр	29,2	—	38,2	47,3	—
Искусственный шелк	клгр	14,1 [3])	—	49,4 [5])	105,5	**158,0**
Каучук	клгр	114,0 [3])	298,0	303,0	578,6	**620,0**
Топливо:						
Каменный уголь	тонны	1098,0	993,0	1126,0	1215,6	**1238,0**
Нефть	баррели	385,0	766,0	869,0	1137,0	**1279,0**
Металлы:						
Чугун	тонны	68,3	38,0	58,9	80,3	**86,5**
Сталь	клгр	65,2	44,4	68,4	94,8	**107,2**
Медь	клгр	1030,0 [3])	552,9	1015,0	1481,3	**1692,0**
Свинец	клгр	1194,0 [3])	898,0	1084,0	1584,6	**1620,0**
Цинк	клгр	976,0 [3])	434,0	760,0	1227,0	**1404,0**
Олово	клгр	133,0 [3])	94,5	128,0	152,0	**180,0**
Алюминий	клгр	63,0 [3])	75,6	122,0	201,0	—
Золото	клгр	768,0 [3])	497,0	525,0	597,6	**606,0**
Серебро	клгр	6964,0 [3])	5334,0	6467,0	7474,0	—
Судоходство:						
Тоннаж спущенных на воду судов	тыс. тонн	3333,0 [3])	4452,0	3312,0	2051,3	**2693,0**

Для хлебов учтена лишь продукция тех государств, которые обладают сельскохозяйственной статистикой. Поэтому в таблицу не вошли данные о Китае, играющем особенно крупную роль в продукции риса. Вообще, данные о продукции хлебов несравненно менее надежны, чем цифры, относящиеся к промышленной продукции.

[1]) Источники таблицы: «International Statistical Year-Book», 1927 г.; «International Year-Book of Agricultural Statistics», 1926/27. Для 1928 г., а частично и для 1927 г.—журналы и газеты. 2) Без СССР. 3) 1913 год. 4) 1912/13 г. 5) 1922/24 г. 6) Предварительные данные. 7) 1925/26 г.

Мы видим следующее:

а) В то время как до стабилизации, в период 1920—24 гг., продукция важнейших товаров (хлопок, шерсть, чугун, медь, свинец, олово, цинк) была еще ниже довоенного уровня, за последние годы она повсюду превысила уже довоенный уровень. Успех стабилизации обнаруживается наиболее ярко, если сравнить данные о производстве в 1921 году с данными за 1928 год.

б) За последние годы особенно возросла продукция сырья для отраслей, производящих средства производства. Так, производство стали и меди на 60% превысило в 1928 году довоенный уровень. Этот факт свидетельствует о сильном расширении производственного аппарата в процессе рационализации.

в) По сравнению с довоенным временем, население земного шара возросло на 6—8%. Поэтому, если считать на голову населения, то рост продукции продовольствия и текстильного сырья меньше, чем показывают абсолютные данные приведенной выше таблицы.

Переходим к наиболее важным *отрицательным* (с точки зрения капитализма) моментам «третьего периода». Эти моменты отличают капитализм сегодняшнего дня от довоенного капитализма и придают первому характер периода упадка, несмотря на превышение довоенного уровня в области продукции, несмотря на быстрое развитие германского капитализма за последние годы, несмотря на все еще продолжающийся под'ем капиталистического хозяйства в С.-А. Соед. Штатах, несмотря на развитие капитализма во многих осталых странах.

С точки зрения методологии мы должны здесь прежде всего подчеркнуть следующее: все неизбежно ведущие к свержению капитализма внутренние противоречия капиталистического общества вообще, как их установил Маркс, и периода империализма в частности, как их установил Ленин, продолжают свое дело попрежнему и в период упадка. Всех этих моментов мы касаемся здесь лишь в тех случаях, когда обострение приняло такие размеры, что его можно считать качественно новым, характерным именно для периода упадка капитализма. С этими оговорками можно установить следующие главные моменты кризиса капитализма в «третьем периоде»:

1) Продолжающееся социалистическое строительство в Советском Союзе.

2) Продолжающаяся борьба колоний против империалистического гнета и эксплоатации.

3) Обострение противоречий между возможностями продукции и сбыта.

4) Продолжающееся распространение структурной хронической безработицы.

5) Обострение империалистических противоречий, неизбежно ведущее к новой мировой войне во имя передела земного шара.

Теперь коснемся каждого из этих моментов в отдельности:

1) Мы указывали уже, что кризис, развившийся во время мировой войны, отличался от всех прежних кризисов тем, что он не нашел разрешения внутри капиталистической системы, но взорвал эту систему и повел к свержению буржуазии в России, к пролетарской диктатуре в СССР. Но в первые годы пролетарской власти, когда в СССР к последствиям войны присоединились издержки революции, когда наступил голод и хозяйственный развал, тогда враги могли еще утверждать, что, хотя пролетариат в исключительных случаях достаточно силен для того, чтобы свергнуть власть буржуазии, но он не способен овладеть созданными капитализмом современными средствами производства, не говоря уже о том, чтобы построить социализм; поэтому диктатуру пролетариата в СССР следует, якобы, рассматривать лишь как преходящее последствие войны, которое будет ликвидировано

тем или иным образом. Ныне, после великих успехов социалистического строительства нельзя уже оспаривать способности пролетариата овладеть и развивать современные средства производства. Если принять за исходный пункт год наибольшего упадка хозяйства, то ни одна капиталистическая страна не показала такого под'ема, как СССР. *Если имеются трудности, то источник их коренится именно в той отрасли народного хозяйства, в сельском хозяйстве, в которой средства производства находятся не в распоряжении рабочего класса, а в распоряжении крестьянства!* Эти затруднения вовсе не являются доводом против творческой силы пролетариата в деле построения социализма. Они свидетельствуют лишь о трудности перевести особенно сильные в СССР остатки частного крестьянского хозяйства на рельсы созидающегося планомерного социалистического хозяйства. Несмотря на бешеную кампанию клеветы со стороны реформистов, правильное представление об СССР проникает во все более и более широкие слои мирового пролетариата. Существование Советского Союза является поэтому фактором, революционизирующим широчайшие слои пролетариата, томящегося еще под властью капитала.

Для мировой буржуазии наиболее актуальным лозунгом явилась бы поэтому война против СССР, предпринятая общими силами во имя свержения пролетарской диктатуры и восстановления власти буржуазии. Действительно, буржуазия готовится к этой войне самым энергичным образом. Но она колеблется перейти в наступление, ибо она боится, в связи с войной, пролетарской революции в своих собственных странах. Ибо существует опасность, что на государства, ослабленные войной против СССР, могут напасть оставшиеся нейтральными другие империалистические хищники. Ибо находящиеся в непосредственном соседстве с СССР небольшие государства опасаются, что восстановление капиталистического режима в России повлекло бы за собой для них новый гнет со стороны российского империализма...

2) *Антиимпериалистическая борьба колониальных народов за свободу* колеблет основы классового господства буржуазии в метрополиях, затрудняет возможность подкупа части рабочего класса за счет колониальных сверхприбылей. Эти факты известны всем читателям, мы не будем поэтому распространяться о них.

3) Противоречие между производительной и потребительной силой общества составляет общее явление капиталистического строя, а не характерную особенность периода упадка. *Но никогда еще противоречие это не было столь глубоким, как в настоящее время!* До войны это противоречие преодолевалось путем расширения капиталистического рынка сбыта. На внутреннем рынке это происходило путем вовлечения в сферу капитализма независимых производителей, в первую очередь крестьянства, путем замены продуктов домашней крестьянской промышленности (прядение, ткачество, дубление, изготовление домашной утвари и т. д.) изделиями капиталистических фабрик. Этот процесс давал возможность единовременно, так сказать, притом весьма значительно, расширить на внутреннем рынке сбыт капиталистических товаров. Но в наиболее передовых капиталистических странах он почти уже закончен [1]). Это не значит, конечно, что расширение внутреннего рынка в этих странах совершенно невозможно, но оно затруднено. На внешних рынках расширение сбыта капиталистических товаров совершалось путем вовлечения в сферу капитализма колониальных народов. Этот процесс все еще продолжается, но наталкивается на растущие затруднения. Все аграрные страны пытаются создать

[1]) В С.-А. Соед. Штатах фермеры потребляют в собственном хозяйстве менее 20% сельскохозяйственной продукции.

собственную промышленность путем таможенной охраны, при чем крупную роль играют соображения военного характера: без собственной промышленности страна бессильна в случае войны. Колонии и полуколонии точно так же пытаются ослабить свою хозяйственную зависимость от империалистических держав при помощи разнообразных средств (пошлины, бойкот иностранных товаров). Этот момент составляет важную составную часть антиимпериалистической борьбы за свободу. Таким образом, быстро растущим производственным возможностям не противостоит соответственно быстрое расширение общественного потребления. Вот почему противоречие становится все глубже и глубже, а борьба за сбыт—все более и более острой.

Рационализация является последствием этого противоречия, но в то же время и причиной дальнейшего его углубления. Отдельный капиталист-предприниматель усматривает причину затруднений со сбытом в первую очередь в чрезмерно высокой себестоимости своих товаров. Если бы он мог продавать свои товары дешевле, то он вытеснил бы своих конкурентов с рынка и увеличил бы свой сбыт. Вот почему стихийной реакцией на трудности сбыта является стремление к удешевлению продукции—«рационализация». Рационализация—это новое слово, обозначающее старое, характерное для капитализма в целом явление, а именно сокращение количества общественно-необходимого рабочего времени, приходящегося на единицу продукта. Это достигается путем повышения производительности (технический прогресс) и интенсивности труда (сдельная работа, система Тейлора, конвейер и т. д.). Однако, методы рационализации могут быть применены лишь при условии одновременного расширения производственного аппарата и производственных возможностей. Поэтому рационализация, проводимая каждым отдельным капиталистическим предпринимателем для того, чтобы устранить для самого себя противоречие между продукцией и сбытом, в результате общего расширения производственных возможностей ведет к обострению противоречия для капитализма в целом [1]). Это проявляется в форме хронического бездействия значительных частей производственного аппарата.

4) Продолжающееся распространение структурной хронической массовой безработицы является одной из наиболее важных черт общего кризиса капитализма. Буржуазия не в состоянии более давать работу своим наемным рабам: буржуазная идеология, провозглашающая, что каждый работоспособный и желающий работать человек может снискать себе пропитание «честным трудом», наглядно опровергается фактом хронической массовой безработицы.

Хроническая массовая безработица составляет последствие обостренного рационализацией противоречия между производительной и потребительной способностью общества. Количество продуктов, производимое одним рабочим, возросло чрезвычайно сильно в результате повышения производительности и интенсивности труда [2]). То же число рабочих производит значительно большее количество товаров. Расширение сбыта отстает от повышенной продукции. Вот почему «высвобожденные» рационализацией рабочие не находят вновь применения в производственном процессе. Последствием этого является:

а) Массовая хроническая безработица в наиболее развитых капиталистических странах, не исчезающая даже в периоды высокой кон'юнктуры.

[1]) В более широком смысле к рационализации относится и повышение прибылей путем создания монополий, путем устранения прибылей торгового капитала и т. д.

[2]) За пять лет, с 1923 по 1927 г., продукция одного рабочего возросла в промышленности С.-А. Соед. Штатов круглым счетом на 20%. Подробно см.: Е. Варга, «Экономика капитализма в период упадка после стабилизации», гл. III.

б) Сокращение количества рабочих, занятых в сфере производства, и переполнение рабочей силой сферы обращения и так называемого «личного услужения»—в руководящей капиталистической стране, в С.-А. Соединенных Штатах.

Приведем несколько цифр.

Германия. Число полностью безработных членов профсоюзов составляло в среднем за год (в процентах к общему числу членов профсоюзов) [1]).

1907—13	1923	1924	1925	1926	1927	1928	1923—1928
2,4	9,6	14,7	9,1	18,3	9,1	8,0	**11,1**

Итак, мы видим, что даже в 1925 и в 1927 гг., в периоды высокой кон'юнктуры процент безработных был в 3 раза выше среднего довоенного уровня.

Англия [2]). Процент полностью безработных среди членов профсоюзов составлял:

1907—13	1923	1924	1925	1926	1927	1928	1923—1928
4,5	11,3	8,1	16,5	12,0	9,7	10,9	**10,4**

Массовая хроническая безработица в Англии до сих пор вызывалась главным образом неспособностью английской промышленности к конкурентной борьбе на мировом рынке. В ближайшем будущем в связи с усиленной рационализацией безработица еще более повысится.

Для С.-А. Соединенных Штатов нет данных о безработице [3]). По интересующему нас вопросу можно использовать до некоторой степени данные периодических промышленных переписей. Для периода 1919—1925 гг. получается следующая картина:

Рабочая сила и размер продукции с 1919 г. [4]).

	Число рабочих в 1000-х		Индекс для 1925 г. (1919 = 100)		
	1919	1925	Число рабочих	Размер продукции	**Продукция на 1 рабоч.**
Сельское хозяйство [5]) . .	11.300	10.500	93	108	**118**
Горное дело	1.065	1.065	100	133	**133**
Индустрия	10 689	9.772	91,5	128,5	**140**
Желдороги	1.915	1.744	91	104,5	**115**
	24.969	23.081	93	120.0	**129**

Итак, в период 1919—25 гг. число рабочих сократилось в С.-А. Соед. Штатах на 7%, а в то же время размер продукции возрос на 20%. Но и после

[1]) «Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich» 1928, стр. 386. Средняя годовая вычислена нами.

[2]) «Abstract of Labour Statistics», 1915—26. Для 1927 и 1928 гг. приведены данные о проценте безработных по отношению ко всему числу застрахованных на случай безработицы, так как после 1926 г. профсоюзы не публикуют данных о безработице среди своих членов, считая это излишним, в виду почти полного совпадения этих данных с официальными данными о безработице среди застрахованных.

[3]) Данные Американской федерации труда охватывают лишь безработицу среди ее членов в незначительном числе крупных городов. Обобщать эти данные не следует. То же относится к данным единственного штата Массачузетс, ведущего статистику безработицы.

[4]) «Commerce Year-Book», 1926 г., т. I, стр. 18.

[5]) В эти числа включены не только наемные рабочие, но и фермеры. Но это обстоятельство не меняет общего вывода.

1925 г. развитие шло в том же направлении, о чем свидетельствуют нижеследующие данные, относящиеся к заводской промышленности [1]):

	1924	1925	1926	1927	1928 [2])
Индекс продукции . . .	95	104	108	106	111
Индекс числа рабочих .	95	95	96	92	89,8

Мы видим, следовательно, что на протяжении пяти лет, с 1924 по 1928 г., размер продукции возрос на 16%, число же рабочих уменьшилось на 5,2%! Рост продукции, приходящейся на одного рабочего, огромен. При таких условиях в С.-А. Соед. Штатах неизбежно должна была возникнуть грандиозная армия безработных, насчитывающая уже миллионы человек. Эта армия была бы еще больше, если бы сферы обращения и потребления, не создающие непосредственно прибавочной стоимости, не привлекли часть высвобожденной из сферы производства рабочей силы. Торговля, обслуживание автомобилей, гостиницы, рестораны и места развлечений, государственная и коммунальная служба, а также свободные профессии поглотили несколько миллионов трудящихся. Кроме того, в строительной промышленности, являющейся единственной отраслью промышленного капитала, в которой технический прогресс до сих пор совершался относительно медленно, число рабочих возросло в круглых цифрах—на 700 тыс. И тем не менее в этой руководящей, богатейшей стране капитализма, находящейся еще в полосе под'ема, имеется грандиозная, из года в год возрастающая, армия безработных. Эта хроническая структурная безработица составляет один из наиболее важных фактов в период упадка капитализма.

Последствием этого факта является обострение классовой борьбы. Норма эксплоатации повышается из года в год. На свою заработную плату пролетариат в состоянии приобретать все меньшую и меньшую часть производимого им продукта. (Это не исключает, конечно, повышения реальной заработной платы занятых рабочих, ибо благодаря росту производительности труда цены товаров понижаются, поскольку монопольные организации не препятствуют этому падению цен). Неуверенность в завтрашнем дне становится все больше и больше вследствие хронической массовой безработицы. Конвейер делает работу на фабриках все более интенсивной и убийственно однообразной. Реформистские лидеры ратуют за капиталистическую рационализацию, вся тяжесть которой ложится на рабочие массы. Именно это обстоятельство составляет основу полевения масс.

Наиболее характерным проявлением обострения внутренних противоречий является тот факт, что в целом ряде государств Европы место парламентской демократии, являющейся замаскированной диктатурой буржуазии, занял режим буржуазного террора. Парламентаризм и «демократия» открыто отменены (Италия, Испания, Польша) или же при помощи террора превращены в комедию (Балканы). Парламентская демократия, свободная деятельность любой политической партии—это идеология и форма господства развивающегося капитализма той эпохи, когда буржуазия верила еще, что она представляет интересы большинства населения. Фашистское государство, систематический террор в интересах капиталистов, запрещение коммунистических партий—это форма правления буржуазии в период упадка, когда над властью буржуазии нависла серьезная опасность.

[1]) «Federal Reserve Bulletin», январь 1929 г., стр. 19. Этих чисел нельзя непосредственно сравнивать с предшествующими, т. к. они относятся лишь к некоторому числу типичных крупных предприятий, в которых, правда, занято в общей сложности 3 млн. рабочих. В индексе продукции за 100 принята средняя годовая за 1923—25 гг., индексе безработицы—1919 г. Вследствие различия основ обоих индексов, расхождение между размером продукции и числом рабочих в действительности больше, чем его рисуют приведенные цифры.

[2]) Данные за первые 11 месяцев.

5) К концу войны буржуазия, учитывая настроение масс, выступила с идеей «вечного мира». Реформисты подпевали ей при помощи своей теории о мирном «над-империализме», органом которого является Лига Наций. Но «демократически-пацифистская эра» быстро миновала. Со стабилизацией и рационализацией противоречие между продукцией и возможностью сбыта становится все глубже и глубже, а взаимная борьба буржуазии отдельных государств за рынки сбыта—все острее и острее. Борьба колониальных народов за свободу сокращает колониальные сверхприбыли. Стремительное развитие экономической базы империализма в С.-А. Соед. Штатах и Германии все более и более обостряет противоречие между потребностью капиталистов этих государств в монопольных рынках сбыта и отсутствием, либо недостатком колоний. В порядке дня стоит вопрос о переделе земного шара. Гигантские вооружения показывают, что подготовка к неизбежному столкновению находится на полном ходу. Нам предстоит пережить не эру мирного «над-империализма», но эру величайших междоусобных войн империалистов, войн капиталистических государств против Советского Союза, войн колониальных народов против их империалистических угнетателей, гражданских войн в отдельных капиталистических странах и самых разнообразных комбинаций всех этих разновидностей войны.

* * *

Капиталистический строй—это исторически преходящая форма общества, сама создающая элементы своей гибели. Период империализма является уже периодом умирающего капитализма. В нынешнем периоде заката эта смерть уже началась: на ряду с обреченным на гибель капиталистическим строем существует уже первая основа будущего общественного строя—занятая социалистическим строительством пролетарская диктатура в СССР. Буржуазии и реформистам удалось оттянуть крушение капиталистического строя, временно укрепить господство буржуазии. Но этот факт свидетельствует не об окончании общего кризиса капитализма, а лишь о временном его смягчении. Об'ективное развитие и сознательная деятельность коммунистического авангарда приведут в ближайшее же время к новой остро-революционной ситуации, и господство буржуазии будет свергнуто в ряде новых стран.

А. Бубнов.

Военные планы и военная действительность современного империализма[1]).

Развитие военного дела империалистических государств представляет в настоящее время большой интерес не только с точки зрения военной опасности, которая является осью нынешнего международного положения, но также и с точки зрения установления того, куда растет военное дело современного империализма.

Капитализм бьется в тисках неразрешимых для него противоречий, которые находят свое отражение и в военной области. Эти противоречия обнаруживаются в самых различных направлениях и, между прочим, в расхождении военных планов некоторых наиболее «смелых» в своих выводах военных писателей с той военной действительностью, которая воздвигается практической деятельностью капиталистических генеральных штабов.

Но по логике капиталистических противоречий эти военные планы отдельных военных писателей, пытающиеся дать «гипотетический образец будущего» и расходящиеся с официальным военным курсом, в то же время отражают скрытые стремления современного империализма.

С этой точки зрения эти военные планы, граничащие подчас с «военными утопиями», представляют для нас интерес в том смысле, что они-то именно с величайшей наглядностью вскрывают то, куда толкается военная мысль современного империализма в своем стремлении избежать тех противоречий, с которыми неизбежно встречается в настоящее время капиталистическое военное дело. Но интерес их не ограничивается только этим, так как, вскрывая сокровенные намерения военных деятелей современного империализма, эти планы в то же время совершенно по-новому освещают перед нами и то, что в действительности, в повседневной практике военного дела осуществляется генеральными штабами капиталистических армий.

В силу этого, они не только наглядно вскрывают противоречия империализма в их отражении в военной области, не только обнаруживают тот путь, на который под давлением ряда обстоятельств хотелось бы капитализму повернуть развитие военного дела, но и в известной мере, конечно, с большими поправками на действительность, говорят нам также и о том направлении, куда имеет тенденцию расти военное дело современного империализма.

Три главнейших группы обстоятельств толкают в настоящее время военную мысль капиталистических армий в одном и том же направлении.

П е р в а я группа обстоятельств — это изучение опыта империалистической войны 1914 — 1918 годов. В т о р а я группа обстоятельств — это

[1]) Настоящая статья представляет собой доклад А. С. Бубнова, прочитанный им в Промышленной Академии и на Курсах марксизма при Ком. Академии. Доклад подвергся некоторой переработке и сокращениям.

тот гигантский кризис и сопровождавшее его широчайшее революционное массовое движение, которое было пережито империализмом после окончания войны. И т р е т ь я группа обстоятельств — это новые явления в послевоенной экономике капитализма. Сюда должен быть отнесен и весьма неприятный для империализма «опыт» нашей гражданской войны 1918—1921 годов, а также и не менее для них неприятный «опыт» революционных войн колониальных народов против империализма, которые имели место за последние годы в целом ряде колоний и полуколоний.

Вот эти главнейшие группы обстоятельств всей своей тяжестью толкают военную мысль в капиталистических армиях в одном направлении, вскрыть которые прежде всего и является моей задачей.

Мировая война 1914 — 1918 годов со всей тщательностью изучается современными генеральными штабами. И это делается не только в интересах изучения прошлого, но главным образом в интересах использования этого прошлого для грядущих военных столкновений.

На ряду с этим мы видим, что изучение опыта первой империалистической войны привело целый ряд военных писателей Западной Европы к мысли о том, что период империалистической войны был периодом банкротства военного искусства.

Я возьму для примера двух военных писателей: буржуазного французского журналиста, по всей вероятности, офицера военного времени, Жана де-Пьерфэ и полковника английского генерального штаба Джона Фуллера.

Жан де-Пьерфэ написал ряд книг, которые в чрезвычайно острой форме касались именно этого вопроса о банкротстве военного искусства, как выводе из учета опыта мировой войны. В своей книге «Плутарх солгал» (очерки из истори мировой войны) он пишет так: «Бег к морю (это та операция, которая явилась заключительным моментом после марнских военных действий на франко-бельгийском фронте. *А. Б.)* закончился установлением некоторого устойчивого положения—непрерывного фронта. Это совершенно новый факт в анналах истории, и можно сказать, что с этого момента военного искусства больше не существует». Далее, он пишет: «Армии, расстянувшиеся друг против друга на протяжении сотен километров и растреливающие друг друга почти в упор, — вот к чему сводится теперь военная действительность», и заканчивает эти рассуждения таким характерным выводом: «После этого остается только закрыть военные училища и доверить землекопам оборону страны».

Но это лишь «штатские» мысли французского журналиста, а вот вам умозаключение английского кадрового офицера.

В 1923 году в книге «Преобразование войны» Фуллер пишет: «Военное искусство пришло в упадок. Армии невероятно разбухли, снабжение материальной частью и снарядами отнимало столько людей, что боевые части оказались почти задавленными тылом, призванным заботиться об их нуждах; армия превратилась в организм с огромным брюхом и гороховыми мозгами». А в 1926 году в статье «Идеальная армия артиллерийского цикла» тот же самый вывод он повторяет в следующих словах: «В действительности в течение последнего столетия мы видим постоянный упадок военного искусства, несмотря на громаднейшее улучшение оружия, и, наконец, в мировой войне окончательно исчезает искусство, там действует только грубая сила».

Фуллер упорно ищет выхода из этого кризиса капиталистического военного дела, он стремится восстановить подвижность армии. Он пишет так: «Армии превратились в человеческие стада; они жевали жвачку за своими изгородями и время от времени рычали друг на друга. Перед ними встал вопрос о том, как восстановить свою подвижность». Какими путями пытается он добиться этого, мы увидим ниже.

Эти выводы об упадке военного искусства исходили из того, что армии были прикованы к земле своей гигантской численностью, что их задушила «злоба количества» и что они были невероятно перегружены материально-техническими средствами борьбы. Численность армии империалистической войны измерялась десятками миллионов. Накопление материально-технических ресурсов было грандиозно. За время империалистической войны во французской армии число артиллеристов более чем удвоилось, число пушек почти утроилось, а количество батарей с 5 на километр, в начале войны возросло до 40 батарей. Во время германского наступления 1918 года на один километр приходилось 100 орудий. Количество автотранспорта, количество действующей авиации, химические средства борьбы увеличивались в чрезвычайно широком масштабе. За время империалистической войны количество простроенных самолетов увеличилось в 80 раз, а количество построенных моторов — в 81 раз.

М. Шварте в книге «Техника в мировой войне» указывает, что «мировая война дала в позиционном периоде огромное накопление инженерно-технических средств борьбы» и приводит следующий пример: для оборудования одной только дивизии убежищами необходимо было иметь 31 тысячу куб. м. железобетона или 57 тысяч тонн щебня или гравия, 12 тысяч тонн цемента, 3 тысячи тонн железа и 6.300 куб. м. отрывки земли. Для этого требовалось 9.300 железнодорожных вагонов и 3 тысячи рабочих.

Именно эта сторона в развитии военного дела периода империалистической войны толкает военную мысль капиталистических армий на поиски выхода из этого тупика. Эти поиски направлены в сторону восстановления маневренной подвижности современных армий при условии мощной нагрузки их техническими средствами борьбы. В чрезвычайно резкой форме это стремление находит свое выражение у Фуллера, который является наиболее энергичным проповедником механизации современных армий. Он мечтает о полной замене мускульной силы механической тягой.

«Война, — говорит он, — ясно доказала, что большие армии, основанные на мускульной силе, страдают двумя существенными недостатками: чрезвычайной уязвимостью в виду размеров занимаемой ими площади и чрезвычайно малой подвижностью, вытекающей из их численности. Первый заставляет искать убежища под землей, что еще усиливает неподвижность армии, привязанной к шоссейным и железным дорогам».

Исходя из положения, что «в прошлом войны часто решались живой силой, в будущем они будут решаться механической силой», Фуллер пытается, на основе анализа «тенденции развития», построить «образцовую армию 1946 года», которая, по его мнению, является не чем иным, как попыткой предвидеть «гипотетический образец будущего» или «идеальную армию артиллерийского цикла».

В дальнейшем мы увидим, как и в какой мере эта «военная утопия» английского полковника, безусловно отражающая одну из важнейших тенденций в современном капиталистическом военном деле, находит свое реальное отражение в весьма реальной работе генеральных штабов, лихорадочно подготовляющих будущую кровавую бойню.

К слову сказать, Джон Фредерик Чарльз Фуллер является довольно-таки типичной фигурой кадрового офицера английской армии. Он имеет все добродетели этого слоя людей и в должной мере награжден всеми пороками своей среды.

Он восторгается «средним англичанином», который «делит человечество на два класса — англичан и «арапов» и ко второму классу относит не одних только чернокожих. От вторых ему нечему учиться, презрение к ним он возвел в высшую добродетель и на этой добродетели основана Британская империя».

Он звериной ненавистью ненавидит послеоктябрьскую Россию, так как он смертельно боится, что «призрак разрушительной пропаганды, исходящей из этого трупа, может преодолевать все границы и нападать на самые основы военной мощи, а именно на патриотизм и гражданскую мораль». Он с пугливой опаской оглядывается на Индию, на Афганистан и на весь поднимающийся против империализма Восток, так как, по его «просвещенному» мнению, «в Азии извращенный национализм взрывает нации, благодаря брожению, вызванному алкоголем свободы. Мы отчетливо видим это в Китае и Индии, хотя ни один человек не может ясно предвидеть, каков будет конец».

В своей книге «Преобразование войны» он тщательно занимается вопросом «защиты внутреннего порядка». Для Англии он намечает организацию сети полицейских постов «достаточно сильных, чтобы выдержать нападение, и достаточно подвижных, чтобы оказывать помощь друг другу». При чем здесь он приводит в движение свою идею механизированной армии.

Для Индии, «обеспечение спокойствия которой, как он об этом свидетельствует, является важнейшей военной задачей Великобритании», он намечает организацию армии, построенной по тому же типу.

Этот полковник знает, откуда угрожает опасность «его», фуллеровской Великобритании, Великобритании банков, циничного грабежа колоний, тюрем и вышколенных военных профессионалов, которые по воле самодержавной лондонской Сити на всем земном шаре автоматическим пулеметом и скорострельной пушкой устанавливают и охраняют начала так называемой «европейской цивилизации».

Он в той же книге в маленьком абзаце, названном им «Задачи внутренней безопасности», с заслуживающей всяческого одобрения откровенностью заявляет: «Внутренний мир обеспечивается вооруженной силой, и поддержание спокойствия внутри страны является более важной задачей, чем вторжение в неприятельскую страну. Если распустить английскую армию, то придется увеличить в пять раз полицию и в о о р у ж и т ь ее, или правительство может быть в любую минуту свергнуто революцией».

Рабочим всего мира полезно знать, что, по авторитетному свидетельству полковника английского генерального штаба, внутренняя безопасность правительства его величества короля английского настолько «прочна», что стоит только разоружить английскую наемную армию, как правительство «может быть в любую минуту свергнуто революцией».

Вторая группа обстоятельств, мимо которой не смогли пройти политики современного империализма, а также и генеральные штабы, это тот гигантский послевоенный кризис, который охватил почти все крупнейшие страны Западной Европы и который подземными толчками громадной силы напоминает и ныне всем капиталистическим владыкам о том, что они живут в эпоху пролетарской революции.

Совершенно очевидно, что тот громадный массовый поток революционного движения, который потрясал основы капитализма в течение первых лет после окончания мировой войны, который и в настоящее время в условиях возрастающих классовых противоречий империалистической системы продолжает обнаруживать свою гигантскую мощь, — этот массовый поток революционного движения не мог не пересечь и капиталистических армий.

Я не имею возможности дать картину этого движения, но я позволю себе привести только одну иллюстрацию, которая является весьма характерной для понимания всей этой группы явлений. Я возьму Черноморское восстание 1919 года, в котором принимала участие довольно большая масса французских, румынских, польских и сербских войск, а также довольно значительная французская эскадра, крейсеровавшая в 1919 году в водах Черного моря.

Это восстание было описано Андре Марти в его интереснейшей книжке «Красный флаг над французским флотом». Эти факты нашли также себе место и в его замечательном письме, которое в свое время он адресовал маршалу Фошу.

Черноморское восстание интересно и типично именно потому, что мы имеем дело здесь с движением совершенно стихийным, в котором по сути дела не было и намека на организованное участие какого-либо руководящего начала. Это было стихийное восстание, которое само в своем развитии рождало вождей, расширяло свой размах и создавало громаднейший резонанс в целом ряде портов Средиземного моря.

Это восстание состоит, если можно так выразиться, из трех частей.

Первая часть это момент, когда 5-го апреля 1919 года при эвакуации Одессы союзными войсками 19 артиллерийский, 2-й саперный и 1-й пулеметный полки устроили перед Одесским советом демонстрацию. Марти в своей книге описывает этот момент таким образом: «Союзные войска без помехи эвакуировали город. Они уходили в большом беспорядке, мелкими отрядами, большей частью без офицеров. 5 апреля проходившие мимо думы французские солдаты устроили совету восторженную манифестацию. Часть, проходившая первой, заметив красный флаг над входом, проходила с пением «Интернационала». Солдаты следующих частей выходили из рядов, забегали в совет и просили у рабочих что-нибудь на память, главным образом красные ленточки, которые они прикрепляли к своим курткам. Многие поднимали кверху приклады винтовок, кричали: «Да здравствуют большевики!» Последними проходили 12 танков, и, когда они поравнялись со зданием совета, часть команды кричала «до свидания!», а другая «задайте им хорошенько!»

20-го апреля восстала Севастопольская эскадра в составе следующих судов: «Франс», «Жан Барт», «Вернио», «Жюстис» и др. Марти описывает этот момент в следующих словах: «Пробило 8 часов — час поднятия флага. И вот на фоне безмятежного утра разыгралось незабываемое зрелище. Команды «Жан Барт» и «Франс» почти в полном составе выстроились на громадном баке и вместо того, чтобы приветствовать трехцветный флаг, подымавшийся сзади на корме, все они обратились лицом вперед и, стоя неподвижно, с обнаженными головами, запели «Интернационал», между тем как на носу обоих кораблей подымался красный флаг».

В тот же день была организована демонстрация с 5 тысячами участников, в том числе 800 — 900 иностранных матросов. Марти говорит: «Французские патрули, обходившие город, наталкиваясь на шествия, бросали оружие и братались с товарищами». Демонстрация была расстреляна французскими офицерами и греческими патрулерами. «Первыми стали стрелять,— пишет Марти,—молодые мичманы с крыш, затем полувзводы морской пехоты с «Жан Барта» и несколько взводов греческих солдат, которые залпами стреляли с колена со стороны часовни, расположенной приблизительно в 25 метрах от аптеки в том месте, где улица обрывается крутым склоном в 5 метров высотой».

Необходимо отметить, что, как указывает Марти, «адмирал не осмелился прямо отправить «Жан Барт» во Францию, а оставил его на некоторое время в Константинополе»; в Константинополе же матросы «Жан Барта» устроили демонстрацию с пением «Интернационала» и «Молодая гвардия». Это — вторая часть восстания.

И третья часть восстания — это восстание под Одессой 27-го апреля крейсера «Вальдек Руссо». Марти пишет: «Вальдек Руссо» в состоянии открытого мятежа пошел в Константинополь, прошел через Дарданеллы и вместо того, чтобы итти в Тулон через Мессинский пролив, поднялся по Адриатическому морю в Каттаро. На вторую ночь стоянки в Каттаро на

борт крейсера вошли солдаты-мальгаши и без дальних слов арестовали 32 матросов».

При чем Марти указывает, что в апреле 1919 года на Черноморском побережье действовали не больше, не меньше, как 100 тысяч солдат сербов, румын, поляков, русских добровольцев и французов, поддерживаемых 60 военными судами.

Таким образом, мы имели здесь дело не с маленькими отрядами, а с настоящей большой экспедиционной армией, которая была поддержана мощной эскадрой. И мы имели картину того, как эти солдаты империализма, у которых сзади находился взбудораженный империалистической войной «тыл», а впереди — батальоны рабочих, крестьян и солдат, воевавших против капитализма, — маршировали по Черноморскому побережью под красным флагом пролетарской революции.

Это есть такой факт, который очень «ощутительно» действует и на капиталистические генеральные штабы, которые, конечно, не могут не учитывать и действительно учитывают подобные обстоятельства, ибо они знают, что ежели не учесть этих обстоятельств, то в будущей войне придется иметь дело с результатами для них более чем плачевными.

Если капиталист на фабрике, скажем Форд, принимает целый ряд мер для того, чтобы удержать в своих эксплоататорских руках заводы и фабрики, и если мировой империализм уже не на отдельной фабрике, а в значительно более широком масштабе имет в качестве подсобного инструмента для удержания своей власти фашистскую социал-демократию, то естественно, что такой острый инструмент, как армия в капиталистическом государстве, не может строиться без учета указанных выше обстоятельств.

Какие же выводы делаются военными писателями из фактов этого рода? Полковник Фуллер утверждает: «Коллективная выносливость армии тесно связана с ее численностью, и, как это ни странно звучит, чем больше армия, тем меньше ее психологическая выносливость». Это заявление весьма характерно для кадрового офицера, живущего в эпоху пролетарской революции.

И далее он ту же мысль повторяет в следующих, еще более резких словах: «человек на поле сражения является помехой как с физической, так и с психологической точек зрения; поэтому выносливость не следует искать в увеличении численности».

И Фуллер не одинок в этом своем парадоксальном выводе, ему вторит немецкий майор Георг Зольдан в своей брошюре «Человек и битва будущего».

«Человеческая масса в материальном сражении, — пишет он, — уже ничто; более того: она — зло».

Майор Зольдан является наглядным примером того, в каком клубке неразрешимых противоречий бьется военная мысль армий современного империализма.

Он ставит крест над «человеческой массой» в будущих сражениях и открыто выступает против массовой армии.

Но, придя к заключению о необходимости организации «небольшой качественной армии», он рядом логических рассуждений приходит к выводу «об общем банкротстве узко-военного ведения войны».

Стремясь преодолеть громадное давление современной военной техники, он, вместо восстановления маневренной подвижности армии, снова загоняется в тупик вывода о том, «что и в будущем типичной формой современного сражения сделается позиционная борьба, т.-е. чрезвычайно медленная и ограниченная подвижность действующих армий».

Отрицательно относясь к массовым армиям, мечтая о небольшой армии вышколенных наемных профессионалов, он в то же время не может не признать, что с такой армией «ни одна страна не могла бы выдержать современной войны», а отсюда он совершенно неизбежно приходит к выводу о

необходимости многомиллионной «армии тыла». И если бы он это последнее положение взял снова за исходную точку своих рассуждений, то, само собой разумеется, что он опять бы оказался в замкнутом кругу совершенно неразрешимых для него противоречий. И он мог бы повторять это десятки раз, и десятки раз с одним и тем же результатом.

Его рассуждения настолько показательны, что я считаю необходимым подробно рассмотреть важнейшие из его умозаключений.

«В век материального сражения, — говорит Зольдан, — массовая армия это пережиток». С этого, повторяю, начинает он цепь своих выводов. Это скептическое отношение к массовой армии основывается у Зольдана на весьма низкой оценке «внутренних качеств» такой армии, а она, в свою очередь, исходит из того, что нынешняя массовая армия не может быть надежным инструментом в руках современного империализма.

Зольдан ставит под большой вопрос и целесообразность массовых призывов на военную службу и действительность такого испытанного средства установления палочной дисциплины, как муштровка, он побаивается связи армии со своим собственным тылом и т. д., и т. п.

О массовых призывах он говорит прямо, без обиняков, что «ухудшение внутреннего качества армии явилось естественным последствием массовых призывов». Из опыта мировой войны он вынес убеждение, «что не массы, непрерывно бросаемые командованием в огонь, решали дело, но отдельные бойцы... Ими, а не массами держались боевые армии мировой войны».

Зольдан весьма высокого мнения о «воспитательной школе» германской армии. Но и здесь он, опять-таки на основании опыта войны, приходит к выводу, что «даже муштровка не помогла. Возлагавшиеся на нее надежды оправдались менее всего».

Это очень интересное признание кадрового немецкого офицера, в «воздействии» которого на солдата муштровка занимает первое место. Конечно, не следует представлять себе капиталистических армий в таком виде, что единственным инструментом овладения солдатской массой является палка и палочная дисциплина. Способы этого овладения в настоящее время более сложны, тонки и изворотливы, но во всяком случае «муштровка» была, есть и будет основным инструментом, с помощью которого империализму удается держать солдат своих армий в надлежащем виде и в надлежащем повиновении. И вот Зольдан свидетельствует, что этот инструмент превращения солдата капиталистических армий «в подобие машины» оказывается недействительным. От этого вывода Зольдан шарахается в сторону, ставит крест над массой и провозглашает культ «крепких парней», которыми, по его мнению, «держались боевые армии мировой войны».

В своей книжке Зольдан приводит мнение Муссолини, высказанное им в 1918 году, что в нынешнюю эпоху «нельзя рассчитывать на мобилизацию пригодного населения, но лишь на призыв тех, кто готов добровольно выступить на защиту данного дела».

Но это еще не все. Зольдан не только проникнут скептицизмом в отношении «массы», в отношении «массовых призывов» и даже в отношении такого испытанного средства, как «муштровка», он начинает сомневаться и в командном составе массовых «народных армий». Он говорит: «Новые войска нуждались и в новых людях на командных постах». Он склонен думать, что, «как армии народные, они в целях своего внутреннего укрепления должны были быть тесно связаны с тылом при посредстве своего командного состава, вышедшего из всех слоев народа». И вот этого-то именно и начинает опасаться майор Зольдан, — «их боевая ценность, — продолжает он, — отчасти пострадала бы от этого». Это тоже весьма характерное признание, в основе которого лежит опасение, что связь с тылом действует в сторону понижения «боевой ценности» армии.

Весь этот анализ и приводит Зольдана к общему выводу «о банкротстве миллионных армий». Но одновременно с этим он отлично понимает, что вести современную войну с небольшой действующей армией невозможно, как бы эта армия ни была хорошо обучена и вооружена. Попутно он ставит вопрос о «создании условий возможности сопротивления человека действию материальных сил», считая, что именно в этом состоит «проблема будущей войны». А отсюда он возвращается к признанию того, что при нынешнем развитии военной техники никакой иной формы сражения, кроме как сражения позиционного, не может быть. Отсюда же он прямым путем идет к выводу «об общем банкротстве узко-военного ведения войны», т.-е. об устранении «военного разрешения проблемы войны».

Таким образом, характерным для будущего явится, по его мнению, «совокупное ведение войны», т.-е. сочетание «войны военной» с «войной моральной» и «войной экономической».

Эти выводы, в которых уже нет ничего нового, приводят Зольдана к декларации «народной войны» и признанию необходимости «армии тыла».

Вот в каких противоречиях бьется мысль буржуазного военного писателя, который хочет во что бы то ни стало выскочить из тягостной для него «обузы» массовой армии, так как он имеет все основания опасаться, говоря словами Энгельса, что массовая армия в современных условиях имеет все данные для того, чтобы из «войска государей» превратиться «в войско народа».

Анализируя проблему будущей войны, Зольдан говорит и о так называемой «моральной войне». При чем он эту войну понимает, по его же собственному признанию, как «войну лжи и обмана». И участь именно такого понимания «моральной войны» Зольдан разделяет со всеми буржуазными писателями, которые занимались этим вопросом.

Кембель Стюарт в своей книге «Тайны дома Крю», которая посвящена описанию организации английской пропаганды во время войны, под руководством лорда Нордклифа, пишет, что «в той стадии своего развития, которой она достигла в конце войны, пропоганда являлась, несомненно, новым и могучим орудием ведения войны».

Ф. Шенеман в специальной книге, посвященной «Искусству воздействия на массы Соединенных Штатов Северной Америки», приводит определение пропаганды английского писателя Джемса Брайса, который характеризовал американскую пропаганду в таких характерных словах: «Искусство пропаганды — путем ловкой и деятельной подачи ложных или односторонних представлений обмануть или одурачить тех, которые не имеют средств или времени составить себе собственное убеждение в данных фактах».

Тот же Шенеман приводит иллюстрации американской пропаганды среди рабочих, которая целым арсеналом ловких приемов (соответствующие лозунги, надписи, рисунки и т. д.) приводила к тому, что, как он отмечает, «прежде всего мешала возникновению «классового чувства».

Шенеман останавливается в своей книге и на «пропагандистской работе» Вудро Вильсона.

«Особенно ловко и успешно, — пишет Шенеман, — обрабатывал Вильсон рабочих».

«Военное бюро труда,—рассказывает он,—нечто в роде национальной примирительной комиссии, удерживало от стачек и ловкой пропагандой держало большинство рабочих в порядке и патриотизме. Сам президент использовывал каждую малейшую возможность, чтобы взывать к совести и национальной гордости этих масс, и работал при этом, естественно, рука об руку с их вождями, прежде всего с Самуэлем Гомперсом. В 1917 году он даже лично явился на рабочий конгресс в Буффало и наобещал золотые горы. Конечно, большая часть его прогрессивных законов осталась на бумаге, но

успех стоил всех усилий: американский рабочий класс сохранил фактически национальное настроение во все время войны».

Вопрос о «пропаганде» интересует и полковника Фуллера. Особенно его беспокоит наш Советский Союз, ибо, по его мнению, «Россия установила смертельную форму психологической войны». Опасения его увеличиваются в силу того, что, как он это сам утверждает, «каждая страна имеет теперь врага в своих пределах».

Итак, целый ряд фактов, указанных мною выше, толкает буржуазную военную мысль в вопросе о принципах построения современной системы вооруженных сил империализма в определенном направлении.

Целый ряд военных писателей говорит о том, что надо итти к построению небольшой наемной профессиональной армии. А как только они сказали это, они немедленно впадают в противоречие, потому что знают, что с небольшой армией, даже состоящей из преданных наемников и вооруженной до зубов, нельзя вести современной войны, ради которой они живут и которую они сами же и подготовляют. И тогда они возвращаются к мысли о том, что нужно иметь «армию тыла», что надо иметь за собой всю страну. Тут они опять наталкиваются на то же противоречие современного империализма, который чувствует, что почва под ногами у него с каждым годом становится все более и более зыбкой. И таким образом получается клубок противоречий, из которого сам собой напрашивается такой «выход»,—нельзя ли все же выбраться из этого положения с помощью построения наемной профессиональной армии.

Конечно, в таком «голом» виде этот выход практической военной программой для империализма явиться не может, но он очень наглядно показывает, во-первых, то противоречие, в котором в настоящее время находится капиталистическое военное дело, а, во-вторых, то, о чем «мечтают» кадровые офицеры капиталистических армий, куда хотели бы они повернуть организацию военного дела.

Характерно, что многие из них, как бы они ни ходили вокруг да около, в конце концов приходят к выводу, что нынешнему капиталистическому государству необходимо в той или иной форме переходить к организации армии наемных профессионалов.

«До великой войны, — пишет Фуллер в своей книге о танках, — я твердо верил в воинскую повинность и в вооруженную нацию; в 1870 году я был солдатом. Мое пребывание в корпусе танков изменило эти понятия. Теперь я верю в механическую войну, т.-е. в армию, снабженную машинами, которая потребует мало людей и сильные машины».

Ему вторит Зольдан, который утверждает, что «по опыту мировой войны путь строительства вооруженных сил будущего ведет к небольшой действующей армии, отлично снабженной технически и впитавшей в свои ряды лучший человеческий материал».

И, наконец, о том же пишет в своей книге «Мысли солдата» генерал фон-Сект, правда, в более осторожных выражениях, но суть дела от этого, конечно, не меняется.

«Я вижу, — пишет он, — таким образом особенности ведения будущей войны в применении высокоценных и сильно мобильных (армий), следовательно, малых армий, которые приобретают повышенную эффективность благодаря содействию воздушного флота и при одновременном приведении в боевую готовность остальных сил страны, будет ли это для поддержания сил нападения, или же для жертвенной защиты родины». К этому он добавляет, что «армия прикрытия» должна состоять из солдат, «проведших длительную действительную службу», и «по возможности из добровольцев».

Я не считаю возможным входит здесь в подробности организации подобной армии, как она представляется Фуллеру и Секту. Моя задача — лишь

вскрыть основную тенденцию этих планов и показать, что современный империализм, лихорадочно вооружаясь, непрерывно увеличивая свои армии, в то же время хотел бы повернуть назад колесо истории и возвратиться к наемным профессиональным армиям, вооруженным до зубов «механическим оружием» («мало людей и сильные машины»).

Теперь я перехожу к третьей группе обстоятельств, о которых я говорил выше, — именно к тем изменениям, которые мы имеем в экономике послевоенного империализма, которые оказывают определенное воздействие на военные планы и военную действительность империализма.

Так называемый третий период в развитии международного рабочего движения после мировой войны характеризуется, как известно, тем, что налицо имеется «выход экономики капитализма за довоенный уровень», быстрый рост техники, рост тенденции к государственному капитализму и т. д., а наряду с этим выросла целая система разнообразных средств для закрепощения масс рабочего класса, подкупа социал-демократических и профсоюзных верхушек и целый арсенал орудий для систематической борьбы с растущим коммунизмом и массовым революционным движением. Из фактов этой области я возьму лишь то, что имеет прямое и непосредственное отношение к той теме, которую я сейчас рассматриваю.

В современной мировой экономике обращает внимание рост так называемых «новых» отраслей промышленности (химической, автомобильной, электр. машиностроения и т. д.). В 1924 — 1925 году удельный вес этих отраслей промышленности в Англии равнялся по числу занятых рабочих — 11% и по валовой продукции — 10,2% ко всей промышленности, а в Америке—по числу занятых рабочих 15,7% и по валовой продукции—20,3%. При чем некоторые из этих отраслей промышленности обнаруживают весьма высокий темп развития.

За послевоенные годы в Америке и в крупнейших странах Западной Европы (Англия, Франция, Германия, Италия) крупное развитие получила автомобильная промышленность и моторостроение.

В Америке производственная мощность автомобильных предприятий измеряется в 7,3 миллионов машин в год, а произведено за последний год — 4,6 миллионов машин. В Англии продукция автомобильной промышленности возрастала таким образом—в 1913 году—73 тысячи машин, в 1922 году—153 тысячи, в 1926 году — 180 тысяч и в 1927 году — 230 тысяч.

Наличное количество автомобилей возросло с 1924 по 1927 год в Англии с 643 тысяч до 1.024 тысяч, в Германии — с 193 тысяч до 319 тыс., во Франции — с 445 тысяч до 891 тысячи, в Италии — с 75 тысяч до 138 тысяч, в Чехо-Словакии—с 9 тысяч до 27 тысяч и в Северо-Американских Соединенных Штатах—с 15 миллионов до 22 миллионов.

Чрезвычайно быстро растущий автомобильный транспорт требует колоссального количества горючего. В настоящее время наличное количество находящихся в эксплоатации автомобилей требует 46 миллионов тонн бензина в год, а из общего количества потребляемого бензина около 30% получается в результате применения так называемого крекинг-процесса.

Рост новых отраслей промышленности (химической, автомобильной, моторостроительной, электр. машиностроения и проч.) создает новую материально-техническую базу для развития военной техники.

Военная авиация и военная химия перед и в начале мировой войны находились еще в зачаточном состоянии. За годы войны они значительно продвинулись вперед. После войны, за последние годы, они делают новые успехи в своем развитии.

Если за годы империалистической войны количество самолетостроительных заводов увеличилось в 15 раз, моторостроительных заводов в 9 раз, а общее количество рабочих на этих заводах увеличилось в 100 раз, то в

настоящее время авиационная промышленность в целом ряде стран Западной Европы представляет собой мощную материально-техническую базу для развития современного воздушного флота.

Самолет и танк представляют собой продукцию высокоразвитой индустрии. В свою очередь развитие «новых» отраслей промышленности, высокосортное сырье, усовершенствование конструкторской работы и гигантское расширение научно-исследовательской базы (в Америке ежегодный расход на научно-промышленные исследования выражается в 200 миллионах долларов),—все это создает новые материальные предпосылки для дальнейшего развития военной техники.

Необходимо здесь же отметить, что в результате столь быстрого индустриального развития начало получать осуществление то, что находит свое выражение в термине «автоматическая машинерия», а в результате этого вырастает «новая» организация труда на капиталистической фабрике. Одним из наиболее ярких примеров этого являются заводы Форда.

Все эти обстоятельства и вызвали в жизнь идею механизации и моторизации армии, инициатором и энергичным проповедником которой является Джон Фуллер.

Необходимо иметь в виду, что штабы и армии в настоящее время переживают полосу большого интереса к этому плану.

Фуллер говорит о том, что надо и можно построить такую армию, в которой мускульная сила движения была бы заменена механической тягой. Фуллер набрасывает план организации такой армии, в основе которой будут лежать танк и двигатель внутреннего сгорания.

Таким образом, фуллеровские планы являются проекцией в военную область последних достижений промышленной экономики.

В своих подчас весьма фантастических планах Фуллер исходит из тех общих предпосылок, которые мною были уже приведены выше и прежде всего он стремится, как он об этом говорит, преодолеть неподвижность современных капиталистических армий.

«Чтобы преодолеть эту неподвижность,—пишет он,—армиям пришлось прибегнуть к механическим средствам передвижения без дорог, и, что бы ни говорили противники этих средств, можно наверняка предвидеть полную замену движения, основанного на мускульной силе людей, движением при помощи механических средств».

Фуллер, как артиллерист и танкист (Военную Академию он окончил в 1915 году и в конце войны был начальником штаба корпуса танков), является, как он сам говорит об этом, «энтузиастом» танковых войск.

В своей книге «Танки в великой войне 1914—1918 годов» он пишет: «Так и с танком: он пришел не только для того, чтобы упрочиться, но и совершить переворот; и я сам, как энтузиаст, ни одной минуты не сомневаюсь, что мои самые смелые мечты относительно его будущности не только осуществятся, но будут превзойдены и что из его неловких потуг во время Великой войны возникнет совершенно новое направление в самом искусстве ведения войны».

И во всех своих последующих книгах и статьях он занимается, по сути дела, лишь тем, что развивает, детализирует, уточняет и конкретизирует это положение, провозглашенное им в конце 1919 года.

Свою мысль о том, что танк произведет переворот в военном деле, Фуллер развивает и в своей книге «Преобразование войны» (1923 год).

«Таким образом,—говорит он,—мы можем предсказать, что танк произведет быстрый переворот с у щ е с т в у ю щ и х способов ведения войны. Конница, вероятно, исчезнет, сохранив разве обязанности конной полиции; пехота, быть может, станет «царицей крепостей», но на поле сражения она, лишившись своей наступательной силы, потеряет свою корону. Артиллерия

приобретет двойное значение и, так как ей будет придана скорость, то на суше повторится происходящая на море борьба между пушкой и броней. На смену пехотного танка придет тяжело-вооруженный и бронированный сухопутный линейный корабль—артиллерия будущего; кавалерийский же танк более легкий и быстроходный, сделается сухопутным линейным крейсером».

Отсюда он делает вывод (в статье «Идеальная армия артиллерийского цикла»), что «высшим оружием будущего будет артиллерийское оружие, высшим солдатом—артиллерист-танкист, а высшей армией—армия, состоящая главным образом из механически двигающейся артиллерии. Сегодня мы стоим на пороге третьего великого тактического цикла (эпохи)—артиллерийского».

Фуллер намечает и тот путь, по которому должна пойти эта реорганизация армии.

По его мнению, следует «начать с механизации транспорта», затем необходимо «механизировать артиллерию», и, наконец, приходит очередь «механизировать пехоту», посадив одну часть ее в танки, предназначенные для атаки позиций, а другую—в гусеничные «автобусы», назначение которых удерживать позиции».

В 1926 году, в цитированной мною выше статье, он устанавливает «состав идеальной армии 1946 года», при чем он не «сомневается» в том, «что если бы существовала армия, организованная по моей схеме, мы разбили бы все эти армии-орды» .

Этот, как говорит сам Фуллер, «гипотетический образец будущего», не являясь какой-либо практической программой реорганизации английской армии, представляет для нас большой интерес, ибо эта «военная утопия» английского полковника с максимальной наглядностью вскрывает одну из важнейших тенденций в развитии современных капиталистических армий.

Империализм хочет иметь такую «армию прикрытия», которая состояла бы из «крепких парней», рекордсменов, циркачей, профессионалов, наемных солдат, которые были бы куплены со всеми своими потрохами и являлись бы послушным инструментом в руках своих господ. При этом условии на ряду с такой армией он допускает существование «армии тыла» или «войск второй линии», т.-е армии «пушечного мяса», самое которую нужно держать под угрозой расстрела и истребления в случае малейшего неповиновения.

Это в известной степени напоминает организацию труда на фордовских заводах, где рабочие являются автоматическим придатком к системе машин, где количество квалифицированных рабочих сравнительно незначительно и где громадная масса состоит из «подученных» рабочих. Одновременно с этим Форд целой системой мероприятий стремится выделить из рабочей массы наиболее для него подходящих, купить их, воспитать в своем фордовском духе и сделать из них надежный инструмент для того, чтобы держать всю рабочую массу на заводе в своих руках. Форд имеет дело только с отдельными рабочими, он не признает ни заводских комитетов, ни профессиональных союзов. Он окружает рабочего и вне завода целой системой контроля и сыска. Фордом разработаны специальные предписания «об образе жизни» рабочих его заводов, для проведения которых была организована специальная инспекция. Когда-то у американских рабочих существовала такая поговорка о системе Тейлора: «Есть ложь, есть подлая ложь, и есть система Тейлора». Система Форда—есть система Тейлора, возведенная в куб, она есть система крепостнического закабаления рабочих «усовершенствованными» методами современного империализма.

Сравнение этой системы с военными планами некоторых военных писателей устанавливает между ними несомненное сходство.

Полковнику Фуллеру рисуется в будущем механизированная танковая армия, которая будет иметь «мало людей и сильные машины». Помимо этого он предполагает, что всеобщее введение механического оружия должно принести с собой конец малым войнам, а может быть, и гражданским мятежам».

Он тщательно разрабатывает систему полицейской охраны и подавления «беспокойного района длиной в 600 миль и шириной в 300 миль». Эти же «расчеты» он пробует «приложить», как он сам говорит об этом, и к Индии, давая схему построения специальной армии из англичан и индусов, вооруженной до зубов современным механическим оружием».

В 1927 году он опубликовал статью, в которой в довольно-таки откровенной форме изложил ряд соображений о той «тактической области», которую, по его мнению, «мы будем вынуждены разработать».

Он дает картину тех изменений, которые произошли за последние 13 лет (1914—1927 годы) «в политических, стратегических и тактических условиях войны».

«Стоимость войны,—пишет он,— и то разрушение, которое она вызвала, привели к социальной революции, захватившей все страны, и в России установился новый режим, идеалы которого антипатичны западной цивилизации и симпатичны беспокойному подпольному миру в каждой стране».

Он рекомендует итти «путем устранения социальных болезней, которые развились внутри нашей цивилизации». Он заявляет, что «эта чистка общества» не является «обязанностью солдата», но он недвусмысленно рекомендует не забывать, «что первым назначением военной силы является поддержание закона и порядка при помощи постоянной угрозы применения физической силы».

Исходя из этих предпосылок, Фуллер ставит вопрос об изменении организации «военной силы» и высказывает мнение, что ежели армия не в состоянии выполнить задачи, о которой он говорил выше, то «или должна быть изменена ее организация, или должен быть создан новый аппарат, который бы справился с этим».

«Россию» он изображает в качестве нападающей стороны, которая ведет войну «против нас в течение последних девяти лет»—и от лица «военной силы» он требует «лойяльности» от английской нации.

«Война,—пишет он,—начатая при наличии бунтующей и разделенной на части базы, в скором времени привела бы к параличу любое правительство».

А в заключение этих своих размышлений он заявляет, что «фактически главной причиной, об'ясняющей оттягивание правительствами об'явления войны нападающему на них противнику, является то обстоятельство, что правительства желают быть уверенными, что нации, которые они представляют, от всего сердца поддержат их».

Эти поучительные размышления кадрового английского офицера не требуют, как это ясно для каждого, никаких комментариев,—они целиком и полностью обнаруживают те скрытые пружины, которые так настойчиво толкают капиталистическую военную мысль на путь рассмотрения способов такого изменения организации военной силы империалистических государств, которое обеспечило бы полную гарантию выполнения ею своего «первого назначения», т.-е. поддержания капиталистического закона и эксплоататорского порядка «при помощи постоянной угрозы применения физической силы».

В эпоху гигантского революционного движения масс, взрывающего основы империализма, военные слуги капитала неизбежно наталкиваются на эту новую «тактическую область», которая со всей остротой ставит перед ними задачу сохранения их военной силы в качестве надежного орудия в руках капитализма для беспощадного подавления «малых войн» и «гражданских мятежей».

Они пытаются изобразить «Россию» нападающей стороной. Этот номер не пройдет, ибо каждый просто честный гражданин любого капиталистического государства знает, что мы строим Красную армию не для нападений, а для обороны и что политика мира есть, не на словах, а на деле, наша политика.

В противовес организации армий гибнущего капитализма государство побеждающего социализма строит свою систему вооруженных сил на совершенно иных принципиальных основаниях.

Красная армия имеет «открыто классовый характер». Основой ее является территориально-милиционная система, которая в максимальной степени связывает армию с миллионами трудящихся. «Организующей силой» армии является наша партия—авангард рабочего класса, над которым развивается знамя мировой пролетарской революции. Важнейшим проводником руководящего влияния партии в армии являются политорганы. Военное обучение и воспитание Красной армии ведется на основах «классового сплочения» и «социалистического просвещения». Командный и политический состав Красной армии не отделен непроходимой классовой пропастью от рядовой красноармейской массы; он работает на основе крепчайшей революционной дисциплины и теснейшего боевого товарищеского единения с красноармейцами, имея в качестве опорных пунктов в армии коммунистическую ячейку, комсомол и массовые добровольные организации, широко охватывающие как красноармейский, так и начальствующий состав. В Красной армии осуществлена «тесная связь военных формирований с фабриками, заводами, профессиональными союзами, организациями деревенской бедноты». Дисциплина Красной армии есть «новая дисциплина». Наш Дисциплинарный Устав говорит: «Чем более сознателен воин Красной армии, тем он лучше выполняет свои революционные обязанности перед социалистическим государством, тем более боеспособной является Рабоче-Крестьянская Красная армия».

К подготовке красноармейцев мы пред'являем такие требования, «чтобы в соответствии с основными задачами партии вырабатывать из них сознательных бойцов для вооруженной защиты пролетарского государства и подготовлять их к роли активных организаторов социалистического переустройства деревни».

Красная армия ни в малейшей степени не пренебрегает военной техникой, но и не «преклоняется» перед ней, как бы высока она ни была по своему развитию. И, пожалуй, даже чем выше техника, тем меньше имеем мы основания «преклоняться» перед ней. Мы знаем, что техника есть производный результат победоносных усилий человеческого общества над силами природы, а военная техника есть лишь производное от общей материально-технической базы страны.

Пролетарское государство и его военная организация, каковой является Красная армия, используют военную технику для максимального повышения своей боеспособности, как массовой социалистической армии, являющейся не чем иным, как только вооруженным авангардом миллионов трудящихся.

Даже кадровые офицеры армии современного империализма в целях ее сохранения ищут путей изменения «ее организации» и даже создания «нового аппарата», который был бы в состоянии справиться с задачей охраны и поддержания капиталистического строя.

Мы же непоколебимо уверены в силе нашей Красной армии, которая является вооруженной опорой пролетарской диктатуры.

Рассмотренные нами военные планы достойны внимания не только потому, что они обнаруживают некоторые тенденции в капиталистическом

военном деле нынешнего дня, но также и потому, что эти тенденции находят свое реальное отражение и в нынешней капиталистической военной действительности.

Немецкий генерал Сект в книге, которую я уже цитировал, между прочим, рассматривает «те выводы, которые сделали главные державы из опыта войны для организации своих армий», и приходит к заключению, что, по первому впечатлению, «будто при практическом использовании опыта войны не произошло особенно больших изменений против основ, положенных в довоенное время». Но в то же время он считает необходимым подчеркнуть, что, «однако, начинают сказываться новые точки зрения».

Сект отмечает, что «Америка и Англия вернулись по существу к своей довоенной организации». К этому надо добавить, что ряд армий (Австрия, Венгрия, Болгария, Германия) по Версальскому договору комплектуется на началах добровольной службы. Громадное же большинство капиталистических стран и после империалистической войны организует свои армии на началах всеобщей воинской повинности.

Но в рамках всеобщей воинской повинности начинает находить свое отражение то, что генерал Сект называет «новыми точками зрения». Тенденция—это не практическая программа, и практическое отражение данной тенденции может итти разными путями,—все же в настоящее время мы наблюдаем эволюцию капиталистической военной системы именно в том направлении, которое столь наглядно выступило в рассмотренных мною военных планах ряда кадровых офицеров капиталистических армий.

Капитализм бьется в тисках гигантских противоречий. Открыто классового характера своим армиям он придать не может. Классовую сущность своей армии он пытается тщательно прикрыть фразами о «всенародной», «национальной» армии, «вооруженном народе», «об организации нации во время войны» и т. д., в то же время он хочет гарантировать себя от «ненадежных» масс, и в системе массовых армий, комплектуемых на началах всеобщей воинской повинности, он предпринимает в этих целях ряд мер.

Все они идут по линии внедрения в армию элементов наемничества и внеармейских формирований фашистского типа. Конкретно же эта линия выражается: во-первых, в повышении в армии удельного веса кадра профессионалов (офицеры, унтер-офицеры); во-вторых, в организации специальных частей, целиком комплектуемых на началах наемничества, и, в-третьих, в создании фашистских формирований и фашистских военно-общественных организаций.

Для примера возьмем Францию, где под прикрытием фраз об «организации нации» происходит внедрение в армии самых настоящих элементов наемничества.

И в нашей военной литературе совершенно правильно уже отмечалось, что «вся реорганизация французской военной системы пронизана идеей возвращения к наемничеству, к армии профессионалов».

В 1911 г. во Франции было 8,4% профессионалов ко всей армии, а в 1928—40,3%.

Колониальные войска составляют, примерно, около одной трети французской армии. Создан специальный сорокатысячный корпус (5 дивизий), комплектуемый исключительно из наемников-туземцев. Во французских военно-общественных организациях насчитывается 1.185 тысяч членов (в 1928 году).

Регулярная армия Франции равняется 730 тысячам, а буржуазные фашистские организации насчитывают 1.185 тысяч, т.-е. армия, если даже взять всю ее численность (с кадрами профессионалов), составляет лишь 61,6% численности фашистских организаций.

Сект в своей книге говорит об Италии: «Италия, повидимому, рассчитывает на применение фашистской милиции в помощь своей армии и ведет чрезвычайно активное военно-фашистское воспитание молодежи».

Регулярная итальянская армия насчитывает в настоящее время 407 тысяч, фашистская милиция—не менее 300 тысяч, а фашистские военно-общественные организации—1.860 тысяч (по приблизительным данным). Таким образом, если взять общую численность сухопутной армии и фашистской милиции, то 57,5% падает на армию и 42,5%—на фашистскую милицию.

Фашистские организации в настоящее время составляют неот'емлемую принадлежность любого буржуазного государства. За последние годы они растут чрезвычайно быстро. Я приводил уже их численность во Франции и Италии,—в Англии они насчитывают 778 тысяч членов, а в Северо-Американских Соединенных Штатах—1.896 тысяч.

Если взять военные организации Эстонии, Латвии, Финляндии и Польши, то за последние пять лет (с 1923 по 1928 год) их численность возросла в пять раз.

Так обстоит дело с реализацией тенденции к наемным профессиональным армиям в буржуазных армиях, организованных на началах всеобщей воинской повинности.

Теперь рассмотрим, находят ли какое-либо отражение в нынешней работе капиталистических генеральных штабов фуллеровские планы создания механизированных армий, и если находят, то как и в какой степени.

В английском боевом уставе танковых и автоброневых частей мы находим официальную точку зрения английского командования по вопросу о боевом применении этих новых формирований. Предисловие к русскому переводу устава называет его «знаменательным историческим документом». Знаменательность его, между прочим, и стоит в том, что он показывает степень отражения фуллеровских планов в официальном английском уставе.

«Свойства, присущие всем бронеповозкам», устав определяет следующим образом: они соединяют в одной машине «силу огня (вооружение)», «подвижность (двигатель)» и «защиту (броня)» (§ 10). Устав также указывает, что «танки являются преимущественно орудием наступления» (§ 51). В § 26 английский устав считает необходимым отметить, что «мнение, что танки и бронеавтомобили должны в течение операции находиться в тесном физическом соприкосновении со своей кавалерией или пехотой, устарело».

В § 13 устав дает общие указания о значении танковых войск в английской армии.

Устав подчеркивает, что «организация сухопутных сил Британской империи в общем и целом не основана на механической базе» и что «число соединений танкового корпуса в настоящее время ограничено и является лишь незначительной частью всей армии».

Устанавливая из этих общих положений «руководящие тактические принципы» по боевому применению танков и бронеавтомобилей, устав указывает, что «танки обязаны содействовать другим войсковым частям, а иногда действовать также и самостоятельно».

Отсюда можно сделать вывод, что фуллеровские планы находят уже свое отражение и в практической работе английского командования.

Известно, что танки имели свое применение в конце империалистической войны. За последние годы внимание к ним, а также и их численность в капиталистических армиях возросли. Но этим ни в какой мере не разрешается еще тот вопрос, который был поставлен мною выше.

Идея механизации и моторизации войск возникла в капиталистической армии после мировой войны, в нашу эпоху на основе общего расширения материально-технической базы современной промышленности, и ее реализация мыслима лишь как результат общего роста военной техники.

Громадный рост военной техники имел место во время мировой войны, что нашло свое выражение в росте артиллерии, авиации и военной химии.

Накопление и усовершенствование военно-технических средств происходит и в настоящее время. Оно идет по следующим основным направлениям: первое—усиление огневой мощи пехоты и кавалерии (станковые и ручные пулеметы, мелкокалиберная артиллерия), второе—усовершенствование артиллерийского вооружения (увеличение дальности, скорострельности, мощности и подвижности артиллерийских средств), третье—развитие броневых и танковых частей, четвертое—рост авиации, пятое—механизация и моторизация войск (моторизация транспортов и обозов, моторизация артиллерии и создание специальных моторизованных частей). К этому надлежит добавить развитие активных химических средств борьбы и работу над новыми техническими средствами истребления. Основное в развитии военной техники за последние годы заключается в том, что на ряду с усилением технических средств обороны во всех армиях наблюдается стремление к максимальному развитию технических средств наступления, подавления и прорыва. Это направление в развитии военной техники нынешнего дня является прямым продолжением того, что имело место в годы империалистической войны и военно-технические усилия в настоящее время направлены на разрешение той проблемы, которую не удалось разрешить во время мировой войны, в силу чего она и получила позиционный характер.

В нашей военной литературе из общего обозрения нынешнего развития военной техники делались уже преждевременные выводы такого рода, что «мы сейчас подходим к новой исторической эпохе в деле организации армии» или «развитие танкового дела в настоящее время дает серьезные основания последователям Фуллера говорить о замене основных родов войск соответствующими видами танков». Эти выводы преждевременны и слишком поспешны.

В то же время необходимо тщательно учитывать тот рост военной техники, который безусловно имеет место за последние годы, особенно в части, касающейся технических средств наступления.

В связи с этим стоит, несомненно, значительное продвижение вперед моторизации и механизации войск.

В американской, английской и французской армиях прежде всего происходит перевод на механическую тягу корпусных и дивизионных тылов; имеет место уже частичная моторизация и полковых обозов.

Моторизация энергично проникает и в артиллерию (например, во Франции переведена на механическую тягу большая часть артиллерии резерва главного командования, в Америке моторизирована артиллерия главного командования, частично корпусная и дивизионная артиллерия).

В стадии опытов находится механизация войск, т.-е. создание специальных механизированных войсковых соединений различных родов войск. В Англии в 1927 году был создан специальный механизированный отряд, который в 1928 году был переформирован в отдельную бригаду, а в конце 1928 и в начале 1929 года бригада была расформирована, и двум стрелковым дивизиям были приданы особые механизированные соединения (бригада).

В Северо-Американских Соединенных Штатах в 1928 году был также сформирован один механизированный отряд из различных родов войск.

Таким образом, от практического осуществления механизаторских планов Фуллера еще очень далеко, но все же несомненно, что работа в этом направлении в капиталистических армиях уже началась.

Капиталистические военные планы и их реализация в практике генеральных штабов должны тщательно учитываться в работе Красной армии, в частности и в той ее области, которая носит название «политического обеспечения» действий войск.

Б. Маркус.

Необуржуазные и мелкобуржуазные установки в вопросах труда.

I. Позиции противника.

«От курящего табак нередко пахнет духами», — размышлял Козьма Прутков. Наши классовые враги, иногда выступающие настолько откровенно, что достаточно их показать, чтобы тем самым разоблачить их, большей частью все же предпочитают пахнуть советским духом. Более того, часть из них готова обижаться на то, что ее подозревают в курении табака: ведь они «политикой не занимаются», они — не более чем скромные совслужащие, благонамеренные члены профсоюза, которые только вносят свои «практические предложения», «варианты», «критические замечания», «поправки» — не более. По вполне понятным причинам они сравнительно мало пишут, но их устные выступления, их «умные речи подобны строкам, напечатанным курсивом». В центре несколько десятков человек: Кондратьев, Макаров, Каценеленбаум, Альб. Вайнштейн, Юровский, Железнов, Соколов, Огановский, Никитский, Дезен, Герчук и прочие выступают спаянным коллективом пишущих и говорящих идеологов, сыгранным оркестром, исполняющим национальные, почти-что «истинно-русские» мотивы. На местах же мы видим практическую деятельность их единомышленников, которая не менее выразительна и ощутительна.

Буржуазные элементы, однако, отнюдь не только витают на теоретических и идеологических высотах: желая по-своему переделать нашу действительность, буржуазия — нэпман, кулак — ищет в нашей среде проводников ее воли. В определенной прослойке рабочего класса, среди тех, кто связан с деревней, среди служилой интеллигенции она находит подчас этих исполнителей.

Именно отсюда, через эти ручейки просачиваются чуждые влияния и в органы советской власти и даже в ряды классового авангарда—в партийные ряды. Бюрократические извращения в работе соваппарата, губящие иной раз в угоду чуждым и во вред нашим классовым интересам самые правильные начинания; открытая и стыдливая ревизия основных решений партии в области классовой политики и линии экономического развития, — преувеличение трудностей, предложения об уступках кулаку и т. д. и т. п. — об'ективно все это разновидности того же буржуазного влияния, разновидности, между которыми существует ясная, видимая невооруженным глазом неразрывная цепочка логической связи. Это обязывает к тому, чтобы брать под обстрел буржуазные установки не только в их идеологическом оформлении, но и в практическом преломлении через те бюрократические извращения, которые против нашей воли смещают вправо результаты нашей работы.

Общая концепция взглядов и пожеланий наших классовых врагов не изложена в одном каком-нибудь документе, но она вовсе не представляет

собой груду разбросанных кирпичей, балок, цемента и прочих строительных материалов: их здание построено, и достаточно снять леса, чтобы вся его архитектура была видна каждому. Программа их выражена в сумме различных выступлений весьма четко и выпукло. Она встретила своевременный должный отпор со стороны ряда наших товарищей [1]). Не возвращаясь поэтому к критике общей системы взглядов и установок необуржуазных идеологов, мы ограничим себя более узкой темой — разбором их программы лишь в области проблемы труда или, — как иной раз не вполне правильно выражаются, — в области так называемого «рабочего вопроса».

Наличие целой системы буржуазных взглядов в области регулирования труда в условиях СССР по сей день отрицается или кажется сомнительным многим нашим товарищам. Даже специально посвященные этим вопросам журналы, напр., «Вопросы Труда» и газеты (взять хотя бы профсоюзную печать) ни единым намеком не обмолвились на эту тему за все время их существования [2]). В лучшем случае, соглашаясь с наличием такой системы буржуазных взглядов, наши добродушные Маниловы считают себя и свои аппараты застрахованными от их идеологического влияния.

Наши задачи здесь заключаются в том, чтобы 1) на конкретных примерах выявить наличие и формы легального проявления в СССР буржуазных и мелкобуржуазных установок и тенденций в различных областях регулирования труда, 2) показать их отражение на работе советского аппарата и даже отдельных членов партии, противопоставляя эти установки нашим партийным установкам, 3) разоблачить их содержание, чуждое идеям и направлению социалистического строительства.

Буржуазные тенденции в области вопросов труда проявляются в двух направлениях:

1) Лево-звучащие, а по существу типично мелкобуржуазные хвостистские установки, в виде предложений добиться т а к о г о быстрого роста материального благосостояния рабочего населения, который нам не по силам и попытка достижения которого могла бы лишь задержать намеченный темп индустриализации или привести к столкновению и подрыву союза с основными массами крестьянства повела бы в конечном счете к с н и ж е н и ю нынешнего уровня благосостояния.

2) Открыто-буржуазные установки, которые заключаются в стремлении, исходя из интересов кулака и нэпмана, всячески уменьшать тот уровень благосостояния рабочего населения, который достигнут сейчас и может быть обеспечен при дальнейшем росте народного хозяйства, который является предпосылкой успешности самой индустриализации и социалистического строительства.

Обе эти установки одинаково неприемлемы для пролетариата, ибо в конечном счете означают — первая через короткий промежуток времени, а вторая прямо и непосредственно — потерю завоеваний революции.

---

[1]) Общий критический разбор взглядов необуржуазных идеологов дан в печатных выступлениях многих наших партийцев-экономистов; мы отсылаем интересующихся хотя бы к следующим работам: А. Л е о н т ь е в, «Социалистическое строительство и его критики», ГИЗ, 1928 г.; Н. А. К о в а л е в с к и й, «На новую ступень», «Плановое Хозяйство» № 4 и 5, 1927 г.; С. Г. С т р у м и л и н, «Индустриализация СССР и эпигоны народничества», ГИЗ, 1927 г.; М. Б р о н с к и й, «Проблемы экономической политики СССР», ГИЗ, 1929 г.; М. К у б а н и н, «Буржуазная программа в земельном вопросе», сбор. «Основные положения землепользования и землеустройства», 1927 г.; Г. З и н о в ь е в, «Манифест кулацкой партии», «Большевик» № 13, 1927 г.; А. С и л о н о в, «О критике справа», «Эконом. Обозр.» № 3, 1928 г.; А р с л а н, «Двойная бухгалтерия коммуноидов», «План. Хозяйство» № 6, 1928 г.; Г. К р у м и н, «В борьбе за рост производительных сил», «Эконом. Обозр.» № 4, 1928 г.

[2]) Во время печатания настоящей статьи в «Вопросах Труда» (№ 1 за 1929 г.) появилась небольшая статья на эту тему, которая ни в какой мере не исчерпывает вопроса.

Первой установки придерживается в своих выступлениях ряд группировок, исключенных из коммунистической партии (троцкисты, сапроновцы, «децисты»), ту же позицию поддерживают и меньшевики.

Мелкобуржуазный демагогический характер этой меньшевистско-троцкистской установки рассчитан на «потребительские» настроения хвостистской прослойки пролетариата: внося предложения об уменьшении норм и повышении расценок, пытаясь вызвать забастовки против напряженного под'ема производительности труда, расшатывая трудовую дисциплину, мелкий буржуа идет против индустриализации в целом, подрубая тот сук, на котором укреплено все благосостояние рабочего класса.

Все они требуют, чтобы немедленно и значительно был поднят уровень зарплаты, хотя бы для этого пришлось повысить промышленные цены и взять таким путем средства у основной массы бедняков и середняков-крестьян. Уменьшая средства советского государства, вложенные в торговлю, сельское хозяйство, увеличивая налоги на середняцкое крестьянство, троцкисты предлагают таким путем резко увеличивать наши вложения в индустрию, на этом пути ища разрешения проблемы безработицы.

Их путь — не наш: рабочий класс не смотрит на середняцкое крестьянство, как на колонию, из которой можно только качать средства, через увеличение цен и налогов; развитие промышленности, мы не мыслим оторванно от роста других отраслей хозяйства. Сельское хозяйство и торговлю мы не отдадим на благоусмотрение частного капитала, хотя бы все эти пути и могли привести к временному повышению зарплаты и расширению индустрии. Рабочий класс не поддастся на предложения проесть свою диктатуру и союз с основными массами крестьянства.

Не трудно предсказать, в какое болото катятся сейчас троцкисты и пр. их «левые сподвижники». Мы видим уже на деле, до чего договариваются откровенные меньшевики, стоя на этом пути. Начиная с «лево»-звучащего требования более решительного повышения заработной платы, чем это имеет место у нас, и большего изживания безработицы, — «Соцвестник» выбалтывает до конца свои выводы: «в русских условиях попытка построить плановое хозяйство — утопия, которая должна быть сорвана стихией» [1]). «В современных русских условиях невозможность для государства снабдить промышленность необходимыми капиталами и все растущая безработица ярко говорят о том, что государству не по силам существующий сейчас об'ем национализации промышленности» [2]). Особую слюну бешенства вызывает у меньшевиков «новейший припадок совхозно-колхозного безумия». В противовес этому они выставляют четкий тезис о том, что «только «преодоление диктатуры и создание экономических, культурных и политических условий свободного развития крестьянского хозяйства» (т.-е. «прежде всего товарного хозяйства», как поясняет сам автор абзацом выше), «является основной предпосылкой действительного изживания массовой безработицы» [3]).

Денационализация промышленности, свободное развитие кулака и преодоление диктатуры — вот какую цену назначают меньшевики за призрачное обещание чечевичной похлебки, повышения заработной платы в будущем [4]).

Одновременно с фланговыми, чисто маскировочными стычками меньшевиков буржуазия ведет на нас лобовую атаку, выставляя откровенную про-

---

[1]) А. Ю г о в, «Основные проблемы советск. народн. хоз.», «Соцвестник» № 20, за 1927 г.

[2]) То же, в № 21 за 1927 г.

[3]) С. Ш в а р ц, «Страусова политика», «Соц. Вестник» № 13 за 1928 г.

[4]) Мелкобуржуазный характер троцкистско-сапроновских программ в области регулирования вопросов труда был подробно разобран мной в ряде статей, помещенных в «Большевике» в 1927 г (№№ 17, 19—20, 21). Предложения и лозунги, выбрасываемые ими в последнее время, не отличаются по существу от того, что они провозглашали в своих платформах перед XV с'ездом.

грамму ограничения благосостояния рабочего класса и, в частности, снижения заработной платы, сокращения соцстраха, отказа от 7-часового дня и т. д. Здесь сосредоточиваются главные силы противника: Кондратьев и все приверженцы его «школы», которые тянут на буксире менее откровенных наших беспартийных попутчиков и даже некоторых из коммунистов, бессознательно поддающихся влиянию буржуазных тенденций. На этой лобовой атаке классового врага мы и хотим сосредоточить сейчас внимание читателя.

Стремясь политически к свержению пролетарской диктатуры, экономически к срыву нашей линии на индустриализацию, наших темпов развития промышленности, осуществляемого нами ленинского плана кооперирования крестьянства, ратуя за аграризацию страны, за всемерное развязывание кулака, частника, — наш классовый враг подбирается по существу к экономически-центральному узлу — к перераспределению национального дохода в пользу буржуазии за счет пролетариата. Проблема благосостояния различных классов населения становится поэтому той фокусной точкой, в которой собираются и классово преломляются все отдельные предложения по вопросам труда.

Уровень благосостояния пролетариата определяется в основном, следующими моментами:

1) Его доходами (которые слагаются из индивидуальной и обобществленной части заработной платы), той реальной массой промышленных, сельскохозяйственных товаров, жилища, коммунальных, социально-культурных и иных услуг, которые он может получить (в обмен на денежные доходы, или бесплатно).

2) Условиями его труда (продолжительностью рабочего времени и отдыха, нормами охраны труда женщин и подростков, степенью изнашивания рабочей силы, санитарными условиями труда, техникой безопасности и пр.).

3) Размерами безработицы среди индустриальных рабочих и уровнем помощи безработным (регулированием рынка труда, воспроизводством рабочей силы, смягчением тягот безработицы).

Все эти моменты являются мишенью, по которой направлен огонь наших противников.

II. Проблема благосостояния рабочего класса, взятая в целом.

Линии нашей конкретной политики в области регулирования благосостояния рабочего класса определяются решениями XV с'езда ВКП(б). В основе роста социалистического хозяйства лежит всемерное повышение производительности труда в промышленности, в сельском хозяйстве и в других отраслях хозяйства. Этот рост дает нам все основания для дальнейшего повышения жизненного уровня рабочего класса и заработной платы, «в то же время, понижая расход заработной платы на единицу изделий, уменьшая тем самым их себестоимость и давая прочную базу для снижения цен».

«Правильное решение центральных проблем 5-летнего плана обусловливает такое возрастание народного дохода и его распределение, которое обеспечивает рост благосостояния рабочего класса, беднейшего и среднего крестьянства при сохранении максимально возможного темпа развития всего народного хозяйства.

Растущая численность рабочего класса и повышающаяся производительность труда в обстановке коренной реконструкции промышленности, резко увеличивающей выпуск продукции на одного рабочего, приводит в условиях пролетарского государства к сокращению рабочего дня до 7 часов, усилению мер охраны труда, направленных к оздоровлению обстановки труда на предприятиях, и к дальнейшему росту заработной платы, особенно интенсивному в реальном выражении. Общий под'ем народного хозяйства обеспечит возможность дальнейшего увеличения расходов на другие материальные и культурные нужды рабочих масс, в первую очередь на жилищное строительство, постройку школ, техникумов, клубов, организацию общественного питания, детских яслей, детских домов и общего благоустройства рабочих поселков».

Нашим взглядам на необходимость, при наступлении на буржуазию, увеличения доли рабочего класса в распределении национального дохода Кондратьев, Макаров, Огановский, Вайнштейн и др. противопоставляют двуединую формулу: необходимость роста накопления кулака при одновременном ограничении потребления пролетариата.

«Препятствия к поднятию благосостояния наиболее крепких (!) слоев крестьянства служат задерживающим фактором в деле накопления»,—пишет А. Дезен [1]).

Профессор Макаров ратует за урезку доходов и потребления города во имя «целостного интереса народного хозяйства».

«Примат производства, а не потребления неизбежен на данной стадии развития народного хозяйства СССР. Доходы и потребление города должны быть подчинены целостному интересу народного хозяйства. Индустриализация страны требует жертв, хотя и при них в каждом новом году благосостояние городских масс улучшается, но более сдержанным темпом» [2]).

Проф. Огановский, спорящий с Макаровым и Кондратьевым относительно некоторых их установок, в этом коренном вопросе — с ними: он — за «общий под'ем производительных сил и благосостояния всей крестьянской массы» и специально оговаривает «необходимость устранения препятствий на пути роста верхних слоев» [3]).

«Мы полагаем,—аргументирует Вайнштейн,—что нельзя держать народное хозяйство все время в напряженном состоянии, пытаясь осуществить капит. строительство в намеченных размерах и даже увеличивать его, а также одновременно повышать благосостояние городского населения» [4]).

Дезен говорит то же самое, что Макаров и Вайнштейн, но другими словами. Он за «правильно понятый режим экономии, за усиление производительного расходования средств, сравнительно с удовлетворением личных потребностей». Он не за «жертвы», а за рабочие «сбережения», без которых «и самое проведение индустриализации страны невозможно».

По странной, однако, случайности Дезен, заявлявший о сомнениях в высоком уровне непроизводительного потребления буржуазии в царской России, счел возможным обратиться с призывом к ограничению потребления почему-то только к... рабочим. Вот где истинные расточители, угрожающие росту хозяйства!

«Потребительский уклон нашего народного хозяйства,—пишет он,—когда всякий рабочий хотел поесть в волю, одеться, обуться, теперь представляет значительную угрозу для дальнейшего роста нашего хозяйства».

Как видит читатель — откровенность полная, удивляться приходится лишь тому, что при режиме пролетарской диктатуры ученые экономисты заговорили таким понятным языком. Еще более удивительно, что они ухитряются подцепить на свою удочку членов нашей партии, которые начинают, по сути дела, перепевать те же песни. Вот, что пишет т. Фрумкин:

«При стремлении советской власти дать трудящимся максимум материальных благ, потребности страны беспредельны... В капиталисти-

[1]) А. Дезен, «Развитие промышленности» и т. д., «Эконом. Обозр.» № 5, за 1927 г., стр. 65.

[2]) Н. И. Макаров, «Несколько замечаний о «перспективах развертывания нар. хоз. СССР», «Плановое Хозяйство» № 5, за 1927 г., стр. 57.

[3]) Н. Огановский, «Равновесие сельского и нар. хозяйства СССР в аспекте 5-летнего плана», «Эконом. Обозр.» № 7, за 1927 г., стр. 71.

[4]) Альб. Вайнштейн, «Итоги и основные экон. показ. нар. хоз. СССР в 1926/27 г.», «Эконом. Бюлл. Кон'юнктурн. Ин-та» № 11—12, за 1927 г.

ческих странах кризисы нарастают благодаря усиленной эксплоатации, ведущей к неудовлетворению потребностей широких масс трудящихся, отсюда к перепроизводству. В Советском Союзе кризисные явления могут вырастать на почве удовлетворения потребностей без должного учета наших возможностей» [1]).

Тов. Фрумкин слишком однобоко трактует «почву», на которой «могут» вырастать кризисные явления в Советском Союзе. Выставленное им положение, может быть, годится для того, чтобы бить по «левым» установкам в вопросах труда. Но оно не только упускает из виду откровенно правые установки, — автор фактически сам становится на почву этих установок. Словно невдомек, что расширение потребления является одним из основных принципов пролетарской революции, которая для того и нужна, чтобы вывести из нищеты и обеспечить рост благосостояния рабочих, крестьян—бедняков и середняков, что активное расширение возможностей для удовлетворения этих потребностей, т.-е. под'ем производительности труда в первую очередь, при одновременном ограничении эксплоататоров, является основной задачей нашего строя и что мы от этого никак не откажемся.

Характерно, что основными предлогами для нападения на намеченный рост благосостояния рабочего класса идеологи новой буржуазии избирают 1) необходимость роста накопления, 2) необходимость сближения уровня благосостояния в городе и в деревне во имя уменьшения отхода в города.

Рассмотрим их аргументы по существу. Мы знаем, что чем больше средств уходит на личное потребление населения, тем непосредственно меньше идет на накопление, на расширенное воспроизводство в народном хозяйстве. Но внутри населения есть классы, а в производстве тоже есть социалистический и необобществленный сектор. Конечно, «лучшим каждому кажется то, к чему он имеет охоту». У нас грешных есть склонность обратиться с предложением урезки роста накопления и потребления к городскому и деревенскому капиталисту. И это нам дает кое-что. Пролетариат не мало жертв приносил и будет приносить во имя индустриализации, в этом смысле мы имеем достаточно доказательств. Но приносить жертвы на алтарь капиталонакопления кулака и во имя обрастания жирком нэпмана—за это, г-да профессора, простите, покорно благодарим.

Располагая фондами социалистического сектора хозяйства, мы понимаем, конечно, что нельзя исходить из максимальной цифры производства и потребления одновременно, приходится, очевидно, интересы потребления частично подчинять, ограничивать несколько, заботясь об успешности разрешения наших классовых задач в области расширения социалистического производства. Но совершенно ошибочным немарксистским было бы голое, схематическое противопоставление расширенного производства и потребления, ошибочная постановка нашими критиками вопроса в плоскости решения диллеммы: либо то, либо другое. Противоречивость этих моментов весьма условна. Они находятся в тесной зависимости; их надо рассматривать диалектически, ибо в развитии, на длительный срок интересы эти в общем совпадают.

«Рост социалистической промышленности—констатирует ноябрьский пленум ЦК ВКП(б) 1928 г. — сопровождается и не может не сопровождаться ростом рабочего класса и повышением его материального и культурного уровня».

У наших критиков—еще аргумент в запасе. Оперируя средними цифрами роста дохода на душу населения, наши критики говорят, что в городе этот доход будет расти быстрее, чем в деревне (что вполне правильно, ибо производительность труда в городе растет гораздо быстрее, чем в деревне), а этим-де

[1]) М. Фрумкин, «К контрольным цифрам ВСНХ на 1928/29 г.», «Финансы и Народное Хозяйство», 1928 г., № 40. Курсив мой. *Б. М.*

будет углубляться разрыв в уровне дохода и будет увеличиваться тяга крестьянского населения в города. Но и тут они делают слишком наивный вид [1]). Ведь за средними цифрами потребления крестьянства, скрываются большие колебания уровня благосостояния различных групп деревни.

При достаточном ограничении роста благосостояния верхних групп и при активной политике кооперирования и коллективизации, повышения производительности труда и доходности индивидуальных бедняцко-середняцких хозяйств, может быть достигнут значительно более высокий, чем в средних цифрах, рост уровня жизни беднейших и менее обеспеченных и середняцких групп. Таким образом, наша задача некоторого сближения уровня жизни этих слоев деревни с доходами рабочего может быть успешно решена отнюдь не за счет задержки роста уровня жизни пролетариата.

II. Уровень заработной платы.

Профессор Н. Д. Кондратьев в своих тезисах «Задачи в области сельского хозяйства в связи с общим развитием народного хозяйства и его индустриализации» пишет [2]):

> «Необходимо осуществить политику зарплаты в городах так, чтобы движение зарплаты не служило фактором повышения промышленных цен и не препятствовало их снижению. В связи с этим номинальная заработная плата должна быть приостановлена в своем росте. Что касается реальной заработной платы, то в связи с проектируемым снижением промышленных цен, а следовательно, и общего уровня цен она возрастает автоматически».

Еще более четкую позицию занимает Вайнштейн, который в июле 1927 года высказывался не только за стабилизацию зарплаты, он просто требует ее снижения. Правда, делает это под видом милостивого согласия «повысить» номинальную заработную плату, но только за 5 лет... на 5—6% по сравнению с ее уровнем в 1925 — 26 году (то-есть практически, по сравнению с нынешним уровнем — снизить). Учитывая снижение цен, он «разрешает», чтобы зарплата «механически повысилась в реальном выражении на 15 — 16%». Этот коэффициент повышения благосостояния — по его мнению — является предельным за 5 лет» [3]).

Снижение зарплаты, в лучшем случае — прекращение ее роста, — вот суть буржуазной программы. Так расшифровываются и читаются на деловом языке все их разговоры о «жертвах» для индустриализации, о бережливости, о «режиме экономии».

Что же противопоставляем этому мы?

Основная установка партии в вопросах зарплаты нашла свое преломление в проектировках Госплана в следующем виде: первый вариант центральной комиссии по пятилетнему плану предусматривал рост номинальной зарплаты по промышленности на 33%, а в реальном выражении примерно на 50%. В среднем же для всего наемного труда намечалось повысить реальный заработок на 45% [4]).

В этих цифрах, однако, недоучтено значение для реального бюджета рабочего намеченного неизбежного повышения квартплаты, которое несколько

[1]) Мы уже не говорим о том, что капиталистический «рай», который грезится буржуазным профессорам, связан с гораздо большим, чем у нас, разрывом между доходами города и деревни.

[2]) Цитирую по статье тов. Зиновьева «Манифест кулацкой партии», «Большевик» № 13 за 1927 г.

[3]) Альб. Вайнштейн, «К критике пятилетн. плана развертывания народн. хозяйства СССР» «Эконом. Обозрение» № 7, 1927 г., стр. 66 и 67.

[4]) «Персп. разверт. нар. хоз. СССР на 1926/27 г.—1930/31 г.», изд. Госплана 1927 г., стр. 12—13.

снижает итоговые цифры роста реального дохода (примерно до 40%) для всего наемного труда.

В следующей перспективной ориентировке Госплана, захватывающей новый год, был дополнительно учтен возможный рост производительности промышленного труда (он определен с безусловным преуменьшением в 57%); из новой пятилетки выпал вместе с тем 1926—27 г., давший около 12% прироста номинальной оплаты труда; одновременно были внесены поправки в перспективы снижения цен.

В результате, в этом варианте пятилетки намечается денежную зарплату повысить на 26%, а реальную с учетом снижения рыночных цен — на 57%. Внося и в эту цифру необходимую поправку на повышение квартирной платы и стоимости коммунальных услуг, Госплан исчислил увеличение реального дохода рабочего в 45% [1]).

Однако, и эта проектировка страдает, как показал опыт двух последних лет, недоучетом возможного темпа роста производительности труда. По последним исчислениям ВСНХ рост производительности труда, учитывая ожидаемый эффект наших капитальных вложений, может быть исчислен для пятилетия 1928/29 — 1932/33 (здесь опять сдвиг на один год вперед) не менее чем на 94,9% (сейчас имеются даже более оптимистически расцениваемые, оптимальные варианты, исчисляющие рост производительности труда в 107%), это позволяет ВСНХ запроектировать еще более высокий рост номинальной заработной платы — на 35,9%, а повышение реальной зарплаты исчисляется более чем в 50% [2]).

При росте уровня номинальной заработной платы доля зарплаты вместе с накидными расходами на нее на единицу продукции уже по первому варианту снижается на 17,8% благодаря более высокому росту производительности труда [3]). Последующие варианты не изменяют направления этой проектировки.

Темп повышения заработной платы, при котором она в реальном выражении повысится на 50%, надо признать минимальным. Такой темп по существу означает возможность ежегодного повышения реальной зарплаты в среднем примерно на 8% по отношению к предыдущему году, а в номинальном выражении — в среднем около 6% [4]). В пределах этой средней цифры, во-первых, должно проводиться подтягивание зарплаты отсталых по зарплате групп (1 — 2% ежегодно). Во-вторых, при таком темпе роста зарплаты должно быть обеспечено проведение такого повышения индивидуальной оплаты, которое сможет материально заинтересовать рабочего в гораздо более быстром повышении производительности его труда. Для одного лишь осуществления этих двух задач, среднее ежегодное 8% повышение реальной заработной платы и около 6% повышение номинала является скромным минимумом.

В условиях, когда заработная плата является не только измерителем потребления рабочего, но и могучим рычагом под'ема производительности труда, обеспечение такого минимального роста номинала является экономически совершенно обязательным в интересах самой индустриализации [1]), и пренебрежение этим приводит к отрицательным результатам.

[1]) «Перспект. ориентировка на 1927/28—1931/32», изд. «План. Хоз.» 1928 г., стр. 19

[2]) См. материалы к докладу т. Куйбышева на VIII с'езде профсоюзов «О пятилетнем плане развития промышленности», изд. «Торг.-Пром. Газеты», декабрь 1928 г., стр. 25. Тов. Куйбышев указывает рост реальной зарплаты на 56%, но он не учитывает при исчислении реальной зарплаты неизбежного роста квартплаты и коммунальных услуг и преувеличивает падение бюджетного индекса за счет преуменьшения цен на сел.-хозяйственные продукты. С внесением соответствующих поправок его цифра не будет превышать 50%. Именно поэтому, надо думать, VIII с'езд союзов по докладу т. Куйбышева и принял цифру в 50% увеличения реальной зарплаты, как директиву для профсоюзов.

[3]) «Перспект. развития нар. хоз. СССР на 1927/28—1931/32 гг.», стр. 154.

[4]) Речь идет о применении наращенных процентов.

Следующий пример наглядно говорит об этом.

В практике проведения нашей линии в области заработной платы благодаря перегибам в области технического нормирования имеются весьма существенные извращения, «об'ективно идущие в сторону удовлетворения цеховых, групповых интересов в ущерб общеклассовым. В результате этих извращений не только не выполнены партийные директивы в этой области, но, что еще важнее, об'ективно получаются затруднения на пути развития тяжелой индустрии. Дело в том, что уровень заработной платы, в абсолютных цифрах более высокий в тяжелой индустрии, в темпе роста, особенно у горняков и металлистов, значительно отстал по сравнению с быстротой роста зарплаты в легкой индустрии. Директивы партии сводились к необходимости смягчить этот разрыв и осуществить более быстрый рост зарплаты в тяжелой индустрии. Контрольные цифры и промфинпланы правильно отразили эту директиву. Однако, на местах минувший год был закончен с совершенно иными — противоположными — итогами, не уменьшив, а увеличив разрыв в темпе роста зарплаты по отдельным отраслям промышленности. Так, например, намечавшееся по кожевенной промышленности увеличение зарплаты на 3,6% оказалось выполненным со значительным превышением и достигло 10,2%, по пищевкусовой промышленности зарплата повысилась вместо намечавшихся 4,1% на целых 15,6%, полиграфическая промышленность вместо намечавшегося прироста в 6,8% дала увеличение на 13% [2]). Все это имело место при среднем росте зарплаты по всей промышленности на 11% и при росте зарплаты в горной промышленности — лишь на 6,3%. Сопоставьте с этим общеизвестные факты весьма пониженной производительности труда горняков за прошлый год, и ясно будет, что эти извращения, идущие по линии чрезмерного удовлетворения частных интересов рабочих легкой индустрии, противоречат общеклассовым интересам, ибо увеличивающийся разрыв в темпе роста зарплаты рабочих тяжелой индустрии и легкой создает ненужные и лишние затруднения в стимулировании повышения производительности труда в тяжелой индустрии.

IV. О социализированной части зарплаты.

Небезынтересны установки наших противников и в других частях дохода рабочей семьи. Мало того, что им хочется срезать заработную плату. Исподтишка они протягивают руки, чтобы урвать кое-что и по линии тех благ, которые рабочий получает через каналы соцстраха и целого ряда бесплатных услуг.

Дезен печется о необходимости увеличения сбережений рабочего. Его огорчает то, что такое стремление к индивидуальным сбережениям подрывается у нас не нравящейся ему «системой социального обеспечения, осуществляемого целиком за счет государства и его органов» [3]).

[1]) Надо сказать, что и в нашей партийной среде (см., например, стенограмму IV С'езда Советов СССР) раздавались предложения о прекращении прироста номинальной зарплаты и улучшении положения занятых рабочих только за счет снижения цен. Но там это ошибочное предложение мотивировалось гораздо более добрыми намерениями: оно связывалось с одновременным предложением немедленного перехода всей промышленности на 6-часовой рабочий день и массового вовлечения в производство безработных рабочих. Автор этого неприемлемого предложения исходил, таким образом, не из интересов чуждых классов, и было бы ошибочным механически об'единять его предложение с кондратьевско-вайнштейновскими.

[2]) См. «Контр. цифры по труду на 1928—29 г.», изд. «Вопр. Труда» 1929 г., стр. 32.

[3]) А. Дезен, цит. ст., стр. 66.

Вайнштейн, предлагавший, как мы видели, понижение зарплаты, высказывается в другом месте за «развитие» доли индивидуальной оплаты труда, но это не более чем фиговый листок для прикрытия предложения об уменьшении той части зарплаты, которая идет рабочему «косвенным образом в виде медицинских, социально-культурных и других услуг через начисления на зарплату. Последние достигли у нас уже настолько больших размеров, что приходится думать об их сокращении, а не увеличении» [1]).

Не трудно расшифровать всю антипролетарскую установку этих предложений. Социальное страхование, являющееся частью советской «системы социального обеспечения, осуществляемой за счет государства и его органов», бесплатная помощь и прочие социально-культурные услуги, рассматриваются нами не как «благотворительность» по ведомству какой-нибудь императрицы, а как система экономических мероприятий, неразрывно связанных с методами пролетарского ведения народного хозяйства.

Человек, мало-мальски знакомый с эффектом всех этих мероприятий в отношении роста самой производительности труда, знает, что все социальные расходы с народнохозяйственной точки зрения экономически оправдывают себя. Исключительная напряженность бюджета социального страхования, заставляющая уже сейчас, в начале пятилетия, ставить вопрос о повышении среднего тарифа взносов на соцстрах, позволяет скорее бросить Госплану упрек обратного порядка: он недоучел в прежних вариантах необходимость и целесообразность расширения доли обобществленной части заработной платы. При реконструкции народного хозяйства в силу одного лишь усиления удельного веса тяжелой индустрии, строительных работ и других отраслей, платящих взносы по льготному тарифу, средний тариф соцстраха придется увеличивать даже для сохранения нынешнего уровня услуг соцстраха. Но одновременно перед социальным страхованием стоит ряд серьезнейших новых задач; в частности мы должны будем перевести до 200.000 стариков на страховую пенсию, дав возможность реконструируемой промышленности безболезненно омолодить рабочий состав за счет переростков и создав этим предпосылку для повышения производительности труда и быстрого усвоения новых приемов работы.

Если основные устремления наших противников сводятся к откровенной урезке обобществленной части заработной платы и к уменьшению уровня соцстраха, то на практике мы имеем буквально десятки и сотни скромных «деловых» предложений, исходящих из страхового аппарата, предложений, маскирующихся проведением режима экономии, а по существу сводящихся к повседневному мелкому бюрократическому ущемлению интересов и к урезке прав застрахованного. Вслед за Вайнштейнами и Дезенами враг посылает в наш стан других агентов, которые, исходя из ведомственного усердия вносят различные предложения об изменении нашего страхового законодательства в сторону уменьшения пособия за первые дни болезни, в сторону общего прекращения выдачи дополнительных пособий и т. д. Какими бы благими намерениями эти предложения ни были продиктованы, мы должны их назвать своим именем — это тенденции, идущие вразрез с интересами рабочего класса.

Со стороны маленького чиновника страхкассы мы тоже нередко видим стремление выслужиться, пролезая в щели недомолвок страхового законодательства. Мы наблюдаем факты бездушного отношения к человеку, придирки к букве, затеивание сложнейших, запутанных и безобразно распухших бумажных дел, во имя весьма сомнительной грошевой экономии на рабочем.

[1]) А. Вайнштейн, «Заработная плата и уровень благосостояния различных слоев населения по пятилетнему плану»,—«Финансы и Нар. Хоз.» № 28, за 1927 г., стр. 314.

Только человек, сознательно не желающий сводить концы с концами, может благодушно отмахиваться от таких извращений, относя их за счет «маленьких недочетов механизма». Надо понять, что здесь дело идет именно об утере классовой чуткости в отдельных ржавых звеньях аппарата. Здесь дело идет о чуждом, буржуазном влиянии на наш аппарат, который не покладая рук надо чистить, чистить и чистить железной метлой. Упростить систему обжалования неправильных решений, максимально децентрализовать систему рассмотрения индивидуальных жалоб, гораздо смелее, чем сейчас, привлечь к этому делу рабочий актив и орабочить аппарат служащих в страхкассе,— вот пути увеличения нашей сопротивляемости этому чуждому влиянию.

Знакомясь с критикой и установками в проектировании других отраслей строительства, которые связаны с улучшением быта рабочих, то и дело натыкаешься на недооценку их значения для под'ема производительности труда и для внедрения социалистических, коллективных и культурных навыков в жизнь рабочего. Прежде всего, сталкиваешься с недооценкой необходимости расширения вложений государственных и кооперативных средств в жилстроительство. На ряду с этим мы встречаемся здесь с предложениями «максимального вовлечения частного капитала».

Первая проектировка Госплана была построена из расчета некоторого снижения жилищной обеспеченности городского населения (в первые четыре года в домах обобществленного сектора намечалось снижение средней жилплощади с 6,1 кв. м на человека до 5,65 кв. м [1]). Начало роста душевого размера жилплощади намечалось лишь с 1931—32 года. Это было безусловной ошибкой, и XV с'езд партии дал установку на «такое увеличение жилищного рабочего строительства, которое обеспечило бы на протяжении ближайших пяти лет повышение обеспечения жилищной площадью рабочего населения».

В «Перспективной ориентировке» Госплан уже признал эту свою ошибку и указывает, что «душевая норма площади для пролетарских групп городского населения может быть заметно повышена».

Проектировка НКТ СССР, со своей стороны, предусматривает такое увеличение вложений в жилстроительство, которое обеспечит рост за пятилетие душевой нормы жилища рабочего с 4,8 кв. м. до 6 кв. м., т. е. на 25% [2]). Однако и эта цифра безусловно недостаточна и может служить тормозом индустриализации. Ее надо повысить.

Сравнительно небольшое увеличение (против запроектированных размеров хотя бы на 1%) обобществленной части заработной платы с целевым назначением на жилстроительство было бы, безусловно, посильно нашему хозяйству, между тем оно позволило бы гораздо решительнее продвигаться к достижению санитарной нормы жилища для рабочих.

В печати нашли свое освещение имевшие место извращения классовой линии в распределении нововыстроенной жилплощади. С каждым днем все чаще встречаются образцы обнаглевия буржуазных элементов в жилтовариществах. Все это красочно говорит о том, что далеко еще не завершена борьба за завоевание рабочим просторного, удобного и дешевого жилища,— предпосылки здорового отдыха, культурного и материального роста благосостояния пролетариата.

К обобществленной части заработной платы можно отнести, кроме страховых отчислений, целый ряд «накладных расходов и начислений на

[1]) «Перспект. разверт. нар. хоз. СССР 1926/27—1930/31», стр. 309.

[2]) И. А. Толстопятов, «Перспективы труда в свете развития нар. хоз. СССР», изд. «Вопросы Труда», 1929 г., стр. 61. Примерно ту же норму наметил ВСНХ СССР (см. тезисы т. Куйбышева к VIII с'езду профсоюзов), см. также сообщение в «Эконом. Жизни» от 14 февраля 1929 г.

зарплату», идущих на спецодежду, снабжение рабочих вредных профессий мылом, жирами, нейтрализующими веществами, содержание фабзавуча и сети школ профтехнического образования, расходы на культнужды, стипендии, ясли, аренду коек в санаториях, домах отдыха и т. п.

Идеологи буржуазии, как мы видели, устами Вайнштейна высказываются прямо за необходимость сокращения всех этих расходов. Но Вайнштейны не остаются без отклика в нашей практике. При перезаключении колдоговоров мы наблюдаем целый ряд необоснованных конфликтов, возникающих на почве бюрократических попыток многих хозяйственников вести наступление на достигнутый уровень услуг путем проведения мелочной экономии за счет урезки рабочего.

Стремление к огульному снижению норм спецодежды, к лишению рабочих так называемого «спецпитания» без устранения самих вредностей; вызывающих необходимость этих мероприятий, стремление к сокращению расходов на профтехническое образование, сужение сети школ ФЗУ и т. п., наблюдавшееся со стороны некоторых кругов хозяйственников, идет вразрез с общей линией пролетарского государства в этих вопросах. Прикрывание этих предложений мотивами ложно понятого «режима экономии», «выравнивания» условий труда и борьбы с цеховщиной и т. п. не может изменить по существу нашего отношения к этим извращениям. Партийная установка здесь ярко отражена в известном письме СНК и ЦК партии «о режиме экономии», письме, клеймившем, как «безобразия» и «прямое преступление», всякие попытки ухудшения материального и культурного уровня рабочего класса, в роде «ухудшения качества спецодежды», прекращения подачи воды в кипятильники, прекращения освещения рабочих клубов, сокращения школ ФЗУ, замаскированного понижения зарплаты и т. д.». Мотивировка всего этого необходимостью снижения доли зарплаты в стоимости продукции не выдерживает критики. Оно должно быть достигнуто не путем урезки той или иной части зарплаты, а соответствующими мерами по социалистической рационализации производства: ее основными составными частями являются введение новой техники, улучшение организации труда, повышение квалификации рабочей силы, уплотнение рабочего дня с одновременным его сокращением. Все, что укрепляет силы рабочего, делает его более работоспособным, технически - грамотным, обученным, культурным, все это ни в какой мере не должно подлежать урезке, как мероприятия, органически связанные с индустриализацией страны.

Более того, нам кажется, что в дальнейших проектировках Госплан должен гораздо смелее продиктовать хозяйству расширение вложений в те области, которые обслуживают быт рабочего. Путем частичного вовлечения средств заинтересованного рабочего населения на кооперативных началах (с повышением взносов для более высоко оплачиваемых) при одновременной дотации государства из обобществленных фондов зарплаты может быть значительно расширена ныне намеченная сеть домов отдыха, общественных столовых, детских яслей, детсадов и др. подобных начинаний, организующих досуг, освобождающих работницу от привязанности к домашнему хозяйству. Все это значительно приблизило бы нас к внедрению социалистических начал в быт.

(Окончание следует).

Я. Никулихин.

О темпе роста и социальном составе кооперации в деревне [1]).

III. Причины слабой кооперированности бедноты в сел.-хоз. кооперации.

Слабая кооперированность бедноты и сравнительно высокая кооперированность зажиточных, с тенденцией стабилизации или дальнейшего роста удельного веса последних по ряду районов важнейших специальных систем, должно обратить сейчас к себе большое внимание партии. Два обстоятельства подчеркивают актуальность этого вопроса: 1) в 1927-28 г. прирост членов в с.-х. кооперации шел главным образом по линии специальных систем, плюс колхозы и простейшие об'единения; 2) в дальнейшем, в связи с реконструктивными процессами в сел. хоз. (индустриализация, специализация) рост сел.-хоз. кооперации пойдет преимущественно по линии специальных систем, простейших об'единений, колхозов (по контр. цифрам на 1928—29 г. спец. системы дают прирост 48,6%, при общей средней 27,4%). Поэтому очень важно вскрыть причины обнаружившегося положения с социальным составом специальных систем и крайне слабой кооперированности бедноты по многим районам универсальной и сел.-хоз. кредитной кооперации. Только тогда будут ясны и меры, которые помогут радикально изменить дело к лучшему.

Чем об'яснить, что по некоторым кооперативным системам, особенно по таким важным, как молочная и животноводческая кооперации, замечалось за последнее время усиление удельного веса верхних групп? Конечно, известную роль в этом деле сыграла передвижка вверх середняцких групп, которые при помощи кооперации, при отсутствии глубоких процессов коллективизации, экономически поднимаясь, увеличивали прослойку зажиточных. Но не эта причина имела решающее значение, определяя тенденцию повышения в составе кооперации групп зажиточных и кулаков. Оно об'яснялось главным образом фактом недостаточного роста кооперированности бедноты, при далеко опережающем росте кооперированности зажиточных. По Рубцовскому округу число коров в 1928 г. по сравнению с 1927 г. увеличилось всего на 7%, а зажиточная группа увеличила свой удельный вес на 110,5%. По Бийскому округу число коров увеличилось за год на 5%, а зажиточная группа свой удельный вес повысила на 40%. По Архангельской губернии число коров в 1927 г. по сравнению с 1926 г. сократилось

---

[1]) Окончание. Начало ст. см. в пред. номере.

на 6,8%, а в кооперации удельный вес двух верхних групп вырос в 3 раза. Повышение доли зажиточных в составе пайщиков по ее старым районам происходило на фоне медленного роста кооперации. (В целом молочная кооперация в 1927—28 г. по числу членов дала прирост 22,8%, в то время как средняя прироста по специальным системам 94,7%). По старым районам темп прироста еще ниже.

Процент кооперированности хозяйств в молочной кооперации:

	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Бийский округ (Сибирь) . . .	—	50,2	50,6
Рубцовский округ (Сибирь) . .	74,6	76,8	79,9

В новых районах молочной кооперации темп роста кооперированности шел много быстрее, чем в старых районах, но вследствие того, что степень охвата кооперацией крестьянских хозяйств пока в новых районах небольшая, обслуживание зажиточных происходило в еще большей мере по сравнению с беднотой, чем в старых районах (по Белоруссии, например, за последние два года ежегодно происходило удвоение молочных артелей, но все же на 1/IV—28 г. население в молочной кооперации было кооперировано всего на 2%). Подобная же картина наблюдалась и по ряду других систем. Темп роста по многим из них был велик только по отношению к небольшим исходным величинам (ряд специальных систем только-что создавался), но в абсолютных цифрах не так значителен, и степень охвата населения во многих районах достигнута еще крайне небольшая. Зажиточные же в связи с процессами интенсификации сел. хоз., более благоприятным индексом на ряд технических культур и продуктов животноводства делали попытки опереться на специальные системы кооперации, использовать их в своих интересах. Очень часто, как мы видели, это им с успехом удавалось.

На общем фоне слабой кооперированности населения по большинству специальных систем, медленного роста кооперированности в 1928 г. по молочной и с.-х. кредитной кооперации мы имели еще ряд причин, которые обусловили низкую кооперированность бедноты.

Прежде всего надо отметить слабую работу самой кооперации по кооперированию бедноты. Если потребительской кооперации удалось создать в 1927—28 г. фонд кооперирования бедноты в 6.770 тыс. руб. и кооперировать только за счет этого фонда 1½ млн. бедняков, то с фондами кооперирования по сел.-хоз. кооперации дело обстояло очень плохо. Они выделялись в небольших размерах и, как правило, были ниже 10%, установленной Союзом Союзов нормы (фонд по 8 общ. с.-х. кред. кооп. РСФСР достигал на 1/X—27 г. всего 258 тыс., по Украинскому сел.-хоз. банку 160 тыс. руб.). При чем при многих кооперативах и союзах они не создавались вовсе. Созданные фонды расходовались несвоевременно и очень часто не по назначению, часть их застревала в оборотах кооперации, часть шла не на кооперирование бедноты, а служилого элемента, середняков и иногда даже зажиточных. Наблюдались часто случаи, когда в результате этого середняк выжидал с вступлением в кооперацию, пока его не кооперируют за счет бедняцкого фонда.

Рассрочка паевых взносов применялась, но дело с диференциацией паевых взносов дальше общих разговоров в кооперативных центрах не двинулось, еще в жизнь по сети не проводилось. Кооперативные доплаты за исключением Льноцентра также не использовывались на это дело.

В понимании самой работы со стороны кооперативных кадров наметился ряд искривлений. Большая часть кооперативных кадров кооперирование бедноты осуществляла *кабинетным путем*, без привлечения к этому делу самой бедноты, без проведения бедняцких собраний, без пробуждения бедняцкой самодеятельности. Поэтому часто не знали, сколько в своем районе бедноты, не знали кого кооперировать (если бедноту где и собирали, то обычно для выбора делегатов и раз'яснения проводимых кампаний). Еще более серьезная часть искривлений шла по линии *формальной отписки*, будто что-то «сделано», по линии забвения, а в некоторых местах молчаливого саботажа этой работы со стороны части кооперативных кадров. Поэтому часто не было инициативы и доброй воли. Если ее и проводили, то под давлением кооперативных центров и партии. В ряде случаев кооперативные кадры не увязывали работу с беднотой с *классовым подходом* ко всей работе советской кооперации, которая должна укрепить ее социалистический характер, а рассматривали эту работу, как неизбежную, вынужденную со стороны кооперации дань, ее ослабляющую. При этом забывалось, что кооперация работает на средства, в огромном своем большинстве одолженные пролетарским государством. По всем этим искривлениям надо теперь серьезно ударить.

Отсутствие четкой классовой линии в агротехнической работе кооперации служит также причиной слабого вовлечения бедноты. Кооперацией по линии многих специальных систем обслуживается в большей степени зажиточная часть деревни, чем беднота. Особенно характерным это является по линии самой большой системы—молочной. *Контрольные т-ва ориентируются главным образом на хорошую корову зажиточного. В составе контрольных т-в % зажиточных неизмеримо больше, чем в составе молочных артелей.* Так, по Сев. Кавказу их 34,3% (они использовали 55% госуд. средств), по Башкирии в Бакалдинском районе их 80%, в Шаровском 20%, даже в Калужской губ. их 15½%, в то время, как в составе пайщиков по Калужской губ. зажиточных 5%. *В деле снабжения жмыхами, в финансовом отношении к кооперации зажиточные опять-таки в большинстве случаев лучше поставлены, чем беднота.* В Терском округе на Сев. Кавказе кулаки жмыхов получили в 1½ раза больше, чем беднота. По Вологодской губ. по укрупненной Доминской маслодельной артели зажиточные получали жмыха на одно хозяйство в кредит на 17 руб. 30 коп., беднота на 11 руб. 69 коп.—11 руб. 72 коп.; за наличные зажиточные покупали на 33 руб. 86 коп., беднота на 2 руб. 9 коп.—10 руб. 3 коп., середняки на 15 руб. 84 коп. Задолженность кулацких групп кооперации, как правило, много выше, чем бедноты. Так, по той же артели Вологодской губ. задолженности на одно хозяйство зажиточных приходилось 14 руб., бедноты 3 руб. 75 коп.—6 руб. 45 коп. По В.-Чехчерумской артели Архангельской губ. задолженность кулацкой группы была 81 руб., середняцкой — 45 руб., бедняцкой — 35 руб. Выдача премий на выставках падает главным образом на скот зажиточных. Зажиточные при помощи кооперации в большинстве случаев скорее улучшают породу скота, повышают удои, чем беднота и середняки. Это потому, что в агротехнической работе кооперации не было четкой классовой линии, обслуживание пайщиков проходило или по линии пропорциональности коров у них, или в первую очередь зажиточных групп. Агрономический и технический персонал делал накрен именно на более крепкие хозяйства. Примерно такое же положение с агротехнической работой обстоит и по ряду других систем. При чем там, где развивалась за последние годы частная переработка с.-х. продуктов (особенно в области молока в Сибири, Архангельской губ.), кулак, используя агротех-

ническую помощь кооперации, однако, в некоторых районах (ряд пунктов Сибири) уменьшил заносы молока на корову, предпочитая значительную или большую часть его перерабатывать на собственных сепараторах или на частных заводах (т.-е. налицо происходит обман кооперации: записываются в члены для получения сильных кормов, а полученное при их посредстве молоко перерабатывают по-капиталистически).

По многим системам, в том числе по молочной, льняной, с 1928 года начался известный перелом в агротехнической работе кооперации, начался известный накрен в сторону большего обслуживания бедноты. Но этот перелом только пока в начальном своем этапе. Многие решения кооперативных центров в этом смысле еще не проведены в жизнь.

Для этого нужна основательная проверка, нужна переориентировка и перемена в личном составе значительной части кооперативных и агрономических кадров, особенно из тех, кто уклон на обслуживание бедноты расценивает как угрозу развала кооперации. Необходимо сломить всякое противодействие проведению четкой классовой линии в работе всей кооперации, проверяя на ее осуществлении кооперативные кадры. Только при этом условии агротехническая работа кооперации станет могучим стимулом к вступлению бедноты в кооперацию.

Отсутствие широкой работы по производственному кооперированию и коллективизации, особенно по линии специальных систем, было одной из главнейших причин слабого вовлечения бедноты в кооперацию. Выгоды кооперативной переработки будут слабо ощутимы беднотой, если она не будет поставлена в одинаковое положение с другими группами в области условий производства сырья для переработки, что достижимо при коллективизации сначала отдельных производственных процессов, а затем и всего производства в целом. Начать надо с обобществления по линии строительства утепленных кооперативных скотных дворов, кооперативных телятников, кормушек, птичников, с кооперативных участков кормовой базы, чтобы итти дальше по линии общественных запашек вообще и к обобществлению остальных производственных процессов.

Надо прямо сказать, что процессами производственного кооперирования, коллективизации до 1928 года специальные системы почти совершенно не занимались. В 1928 году произошел только небольшой сдвиг в этом направлении, и главным образом он пока выразился в обслуживании, в помощи существовавшим, возникшим в этом году колхозам (организация при колхозах случных пунктов, рассадников племенного скота и птицы, снабжение сильными кормами, семенами, выдача повышенных авансов, организация пасек, садов и т. п.). При чем активное участие в создании колхозов принимали главным образом четыре системы: Семеноводсоюз, Свеклоцентр, Хлопкбюро и Табаководсоюз. Работа по обслуживанию колхозов, конечно, очень важная, она поднимает специализацию колхозов, товарность их продукции, их эффективность. Но не менее важна, а в смысле широты охвата крестьянских масс для многих систем еще более важна работа по коллективизации отдельных производственных процессов вокруг кооперативной с.-х. индустрии. К этой работе специальные системы сделали небольшой приступ только в 1928 г. Теоретические и практические вопросы коллективизации, связанные с с.-х. индустрией, проработаны кооперацией очень слабо (не выработаны организационные формы, типовые уставы, не намечены источники финансирования и т. д., массовой пропаганды за коллективизацию—нет). Существует также большой разрыв между намечаемыми планами коллективизации и их фактическим выполнением (большое недовыполнение предположений). Но и сами-то планы коллективизации по линии с.-х. индустрии не выходили еще из круга минимальных предположений. Но и они, благодаря недостаточному вниманию к этому делу, слабой работе (или отсутствию ее) по привлечению к процессам

производственного кооперирования самой кооперативной общественности—часто не выполнялись. К примеру, в старом районе молочного земледелия,—Бийском округе,—летом 1928 г. числилось всего 3 коллективных двора, а отпущенные Госторгом кредиты на постройку подобных дворов в размере 55 тысяч рублей были закрыты за неиспользованием. В других районах Сибири по имеющимся данным строительство кооперативных скотных дворов идет крайне медленно, плохо, стройка их часто приостанавливается, задерживается по возведении фундамента. В районе Архангельского Молсоюза до лета 1928 г. и вопросов об этом совершенно не ставилось. Это факты по молочной кооперации, которая, как известно, стоит далеко не на последнем месте. В отношении универсальной и с.-х. кредитной кооперации по данному вопросу имеются очень скудные материалы как в данных обследований (отдела по работе в деревне ЦК), так и у Союза Союзов. Но имеющиеся данные говорят, что с.-х. кооперация и в 1928 г. не повернулась сколько-нибудь значительно от сбытово-снабженческих операций к работе по производственному кооперированию.

Большинство вновь возникших простейших об'единений и колхозов создавалось стихийно, не по инициативе, не при помощи с.-х. кооперации. С этой помощью она приходила им только впоследствии. Такие зачаточные формы коллективизации, как прокатные, случные, зерноочистительные пункты, разного рода предприятия деревни (ремонтные мастерские, молотильные и пр. установки) не были в должной мере использованы. Это и было главной причиной медленности роста с.-х. кооперации. Там, где в редких случаях с.-х. кооперации удавалось привлечь внимание населения к созданию важнейшего для населения предприятия, она в высшей степени поднимала кооперированность населения, на много увеличивала паи. Так, в С.-Бардинском районе, Бийского округа на строительстве электромельницы с.-х. кооперации удалось вовлечь 85,5% населения и увеличить пай до 9 руб. 98 к., в то время как по всему Бийскому округу из-за слабой работы по производственному кооперированию годовой план с.-х. кооперации выполнен всего на 34,2%.

IV. Основные рычаги по усилению темпа кооперирования бедноты и середняков.

На большой размах в росте членов по потребительской кооперации села на ряду с более энергичной работой ее по вербовке членов, лучшей работой среди бедноты оказал свое влияние и такой важный стимул, как отпуск дефицитных товаров только пайщикам. С.-х. кооперация не могла в такой степени использовать последний стимул для вовлечения бедноты и значительной части середняка, так как многие с.-х. машины и орудия и прочие средства производства непосильно было приобрести в индивидуальной форме для маломощных слоев деревни. При чем сама степень дефицитности по ряду основных средств производства была в истекшем году и остается на ближайшее время много выше, чем дефицитность по предметам потребления промышленного происхождения. Характерно в связи с этим отметить, что рост сбыта через с.-х. кооперацию растет неизмеримо быстрее, чем рост снабженческих операций. (Так, например, если с 1925/26 г. по 1927/28 г. общая сумма сбыта выросла примерно в 2½ раза, то снабжение только в 1½ раза). Последнее обстоятельство лишний раз подчеркивает задачу, с одной стороны, более усиленного направления средств производства по линии с.-х. кооперации и, с другой стороны, более рационального и отвечающего задачам социалистического строительства использования поступающих средств производства. Все вместе взятое является основным фоном, на котором обеспечен дальнейший рост с.-х. кооперации во всех ее видах.

Но, чтобы на этом фоне пойти быстро вперед, с.-х. кооперации необходимо, не забывая о развитии своих сбытовых операций, центр тяжести своей работы все более переносить на вопросы производственного кооперирования, коллективизации. Именно последнее является, и чем дальше, тем больше будет являться, основным методом под'ема производительных сил в сельском хозяйстве экономического под'ема бедноты и большинства середняков, поскольку производственное кооперирование идет по линии уничтожения огромных ножниц между издержками производства, между условиями труда в бедняцких и в большинстве середняцких хозяйств, с оодной строны, и хозяйств крупных (в том числе зажиточных, кулацких),—с другой стороны. Кооперирование только сбыта и переработки, как бы полно оно ни было, но при сохранении неравенства в вооруженности средствами производства в различных группах крестьянства, без коренной технической и социальной реконструкции сельского хозяйства, не даст бедняку через вхождение в с.-х. кооперацию необходимого эффекта и не устранит большей степени использования с.-х. кооперации зажиточным, не приостановит роста капитализма в сельском хозяйстве. Процесс кооперирования новых массивов бедноты и середняков должен теперь одновременно все более совпадать с процессами их производственного кооперирования и коллективизации через с.-х. кооперацию и вокруг кооперативной сельскохозяйственной индустрии.

В это упирается сейчас дальнейшее развитие кооперативной с.-х. индустрии главным образом по линии сырья. Постоянный недостаток сырья, недогрузка заводов в старых районах ее деятельности довольно остро все время чувствуются по ряду специальных систем, некоторые из них (молочная) переживают даже кризисное состояние. В тех районах, где кооперирование переработки и сбыта товарной продукции достигло уже больших размеров (70, 80, 90%), переход к кооперированию самого процесса производства сырья назрел с насущной необходимостью.

Для широкого развертывания работы по производственному кооперированию и коллективизации по линии с.-х. кооперации есть несколько путей. В основном они сводятся к трем:

а) Организация при с.-х. универсальной и с.-х. кредитной кооперации зачаточных форм производственного кооперирования (прокатных, зерноочистительных, ремонтных пунктов, тракторных колонн и т. п.); б) организация по инициативе и при помощи с.-х. кооперации простейших форм производственных об'единений и колхозов; в) широкое кооперирование производственных процессов вокруг с.-х. индустрии (вокруг разного рода предприятий по переработке с.-х. продуктов).

Большие государственные средства, которые отпускаются теперь по линии с.-х. кооперации, при этом условии получат наиболее рентабельное применение и дадут высокий народнохозяйственный эффект. Средства населения в таком случае удастся привлечь в неизмеримо большем размере, ибо крестьянин будет заинтересован увеличивать пай, вносить дополнительные сборы и вклады, когда убедится, что деньги нужны на такие хозяйственные мероприятия, которые коренным образом улучшают его хозяйство. На примере Бардинского района мы уже видели, насколько глубоко захватывает интерес деревни строительство необходимых кооперативных предприятий.

На усиление роста с.-х. кооперации по линии ее специальных систем будет иметь огромное влияние более широкое развертывание кооперативной с.-х. индустрии в новых для нее районах, чем это имеет место до сих пор.

Знакомство с материалами за истекший год и с контрольными цифрами Союза Союзов на 1928/29 г. приводит к выводу, что кооперативные центры строительство с.-х. индустрии сосредоточивают преимущественно в старых насыщенных ею районах и ничтожное внимание уделяют таким новым районам, где она имеет значительные условия для своего развития. Между тем, эффективность каждого вновь выстроенного завода по его реконструирующему влиянию на сельское хозяйство, по выпуску товарной продукции на каждый рубль оборудования значительно выше в новых районах, чем в большинстве старых, уже насыщенных ею, районах [1]). Сам темп роста кооперации в новых районах идет в несколько раз быстрее, чем в старых районах (например, по Сибири и Вологде прирост кооперативной сети по маслоделию небольшой и очень большой по ЦЧО, Средне-Волжской, Нижне-Волжской, Западной области, Башкирии; по картофельной кооперации больший темп по Западной и Средне-Волжской обл., чем в ЦПР).

Крайняя сдержанность в строительстве с.-х. предприятий по новым районам не поспевает за развертыванием сети кооперативных первичек, мало используется, как могучий стимул по широкому охвату кооперацией огромных крестьянских массивов ЦЧО, Средне-Волжской, Нижне-Волжской, Западной области, Белоруссии. И в отношении привлечения средств населения по этим районам (в % к затрате государственных средств) дело обстоит не хуже, а во многих случаях лучше, чем в старых районах. Между тем, строительство сосредоточивали главным образом в старых районах и, по свидетельству тов. Каминского, в Сибири, «где был бы нужен и мог получить нагрузку один завод, их понастроили несколько», в результате большая недогрузка большинства вновь выстроенных маслозаводов, а в новых районах их огромный недостаток. При чем в районах с ничтожной с.-х. индустрией как раз и степень кооперированности по всем видам с.-х. кооперации является очень низкой. Чтобы поднять ее по всей стране, надо, кроме всего прочего, максимально подогнать отстающие районы. На ряду с колхозами и простейшими производственными об'единениями с.-х. индустрия должна явиться одним из самых могучих средств к усилению темпа кооперированности. С этой целью в плане капитального строительства с.-х. индустрии по всем кооперативным системам необходимо прежде всего сделать большее ударение на новые районы. Необходимо вообще усилить строительство с.-х. индустрии по всему Союзу, так как народнохозяйственный эффект ее огромен [2]), в ускорении же темпа кооперированности крестьянских хозяйств она будет иметь первостепенное значение.

В области специальных мероприятий по кооперированию бедноты необходимо устранить все обнаружившиеся недочеты: неполное отчисление из прибылей в фонды кооперирования, несвоевременное и часто не по назначению расходование данных фондов; вопрос о диференциации паевых взносов вывести из плоскости только разговоров и директив в плоскость действительного проведения в жизнь данного решения. Кооперативным центрам и союзам необходимо орга-

[1]) Так, например, по линии Маслоцентра на каждый рубль оборудования по контрольным цифрам Союза Союзов выпуск продукции предполагается на 1р. 26 коп. по Сибири, по Сев.-Зап.—42 к., а в ЦЧО—на 1 р. 85 коп., в Башкирии—20. По картофельной кооперации в плане нет строительства крахмало-паточных и сушильных заводов в Зап. обл., где условия очень благоприятны для этого. По линии Плодовинсоюза совершенно нет строительства сушильных пунктов в ЦЧО, Средне-Волжск. Подобные недостатки есть и по другим системам.

[2]) Строительство предприятий с.-х. индустрии «происходит настолько быстро, что в большинстве случаев уже к концу того года, когда постройка начинается, предприятия поступают в эксплоатацию и дают первую продукцию». На единицу оборудования с. х. индустрия дает в несколько раз больше продукции. На 1 рубль продукции она требует в среднем затрат на оборудование в 25 к. («План. Хоз.», № 7, 1928 г., ст. Вишневского).

низовать проверку выполнения первичной сетью и союзами имеющихся решений в области фондов кооперирования и паевых взносов. Необходимо усилить вовлечение хозяйств, возглавляемых женщинами (женами погибших солдат, красноармейцев, партизан), как преимущественно бедняцких (таких 15% среди всех хозяйств по СССР). Во всей работе по кооперированию бедноты необходимо решительно изжить обнаружившиеся искривления: кооперирование бедноты кабинетным путем, без организованного участия и самодеятельности самой бедноты, рассматривание этой работы, как вынужденной, ослабляющей кооперацию, неувязывание ее со всей ролью советской кооперации, как основного рычага по социалистическому переустройству деревни; необходимо сломить саботаж этой работы со стороны значительной части кооперативных кадров.

Необходимо заострить четкость классовой линии во всей агротехнической работе с.-х. кооперации, особенно ее специальных систем.

Надо всячески поощрять и расширять на все системы и все звенья кооперации начавшийся по некоторым системам и районам плановый подход к кооперированию бедноты (учет некооперированной бедноты, учет всех средств и возможностей по максимальному кооперированию бедноты как на каждый год, так приблизительный расчет срока полного кооперирования бедноты). Это придает работе по кооперированию бедноты больше систематичности, мобилизует лучше силы и средства, обеспечивает ей больший эффект.

В деле усиления роста с.-х. кооперации и улучшения ее социального состава большое значение будет иметь вопрос о кадрах. Он приобретает особую остроту в связи с большими перспективами развития с.-х. кооперации по линии специальных систем, когда потребуется целая армия специалистов и руководителей кооперативами с.-х. индустрии. Смотря по тому, как успешно будет создаваться и кем будет создаваться эта армия, от этого в значительной степени будет зависеть вопрос о технике и социальном направлении деятельности с.-х. кооперации. Вот почему необходимо выделить на этот участок кооперативной работы целый слой коммунистов не только из деревенских организаций, но и городских (это сделать теперь легче, в связи с районированием), провести их через сеть специальных кооперативных курсов, школ, заставить всерьез специализироваться по отдельным отраслям кооперативной работы, итти на нее на длительные сроки, без дерганий и частых перебросок. Необходимо заострить вопрос о подготовке работников через с.-х. техникумы, вузы. Без этого теперь нельзя занять руководящие посты по линии с.-х. кооперации вообще, и особенно по линии ее специальных систем, обеспечить четкую классовую линию в их работе.

Мы далеко не исчерпали всех возможностей по усилению темпа кооперирования бедноты и середняков. Мы остановились только на некоторых основных путях к этому. Но и на основе их можно заключить, что возможностей для усиления темпа у нас, безусловно, имеется много. Все будет зависеть от наших усилий и продвижения вперед в области производственного кооперирования, строительства с.-х. индустрии, широкой подготовки кооперативных кадров, от серьезности и размаха всей работы по кооперированию бедноты и основной массы середняков.

Г. Маленков.

Повышение производительности труда и задачи низовой партийной работы[1]).

В своей организационной работе наша партия всегда исходит из того, что очередные организационные задачи целиком связаны с очередными общеполитическими и социально-экономическими задачами, что формы и методы работы всецело определяются условиями конкретной обстановки переживаемого периода. Вот почему для того, чтобы правильно наметить в настоящее время задачи, формы и методы партийной работы на производстве, необходимо их рассмотреть в свете основных особенностей первого этапа социалистической реконструкции.

Реконструктивный период есть прежде всего период качественного преобразования нашего хозяйства. На настоящем этапе пролетарской революции рабочий класс в союзе с крестьянскими массами «приступает по всему фронту, включая и отсталую деревню, к выкорчевыванию корней капитализма, питающихся почвой мелкого товарного хозяйства» (ноябрьский пленум ЦК). К требованиям дальнейших количественных увеличений в реконструктивный период гораздо полнее прибавляется требование качественных достижений.

Социалистическая реконструкция есть тот путь качественного преобразования народного хозяйства, идя которым партия стремится обеспечить дальнейшее успешное разрешение коренной задачи пролетарской революции — повышения производительности труда. «Во всякой социалистической революции, — писал Ленин, — после того, как решена задача завоевания власти пролетариатом и по мере того, как решается в главном и основном задача — экспроприировать экспроприаторов, выдвигается необходимо на первый план коренная задача создания высшего, чем капитализм, общественного уклада, именно: повышение производительности труда, а в связи с этим (и для этого) его высшая организация» (Очередные задачи советской власти).

Два основных условия повышения производительности труда неоднократно подчеркивал Ленин. «Под'ем производительности труда требует, прежде всего, обеспечения материальной основы крупной индустрии... Другим условием повышения производительности труда является, во-первых, образовательный и культурный под'ем массы населения... во-вторых, ...повышение дисциплины трудящихся, умения работать, спорости, интенсивности труда, лучшей его организации». (Оч. з. соввласти).

[1]) Обработанная стенограмма доклада, сделанного автором 26 янв. 1929 г. в кружке партийного строительства при Коммунистической Академии.

На первом этапе социалистической реконструкции борьба за дальнейшее поднятие производительности труда требует преодоления особых трудностей. Рассмотрим кратко, чем обусловливаются эти трудности и какие задачи они выявляют для партийной работы на производстве.

Укрепление материальной основы крупной индустрии, т.-е. выполнение **первого условия** повышения производительности труда, в дальнейшем неизбежно связано: во-первых, с исключительной напряженностью наших хозяйственных планов; во-вторых, с перераспределением материальных ресурсов в пользу тяжелой индустрии; в-третьих, с решительным развертыванием рационализаторской работы.

Напряженность наших хозяйственных планов с достаточной ясностью характеризуется теми заданиями, которые ставит перед собою партия в отношении промышленности на ближайшее пятилетие: рост продукции более чем в $2\frac{1}{2}$ раза, снижение ее себестоимости на 32%, повышение производительности труда на 85—107% (отправ. и оптим. планы). Уже в текущем году необходимо снизить себестоимость на 7% и поднять производительность труда на 17%. Осуществление такого плана означает, что промышленность будет давать продукции почти в три раза больше, чем в довоенное время. В то же время этот план требует от 13,3 до 15,6 (отправной и оптимальный планы) миллиардов капиталовложений («Э. Ж.» № 59, 60). Такая напряженность целиком вытекает из задачи в кратчайший исторический срок экономически догнать, а затем и перегнать передовые капиталистические страны. Задача же эта в свою очередь обусловлена невозможностью длительного мирного сосуществования советского государства с капиталистическими. «Мы живем,— писал Ленин,—не только в государстве, но и в системе государств, и существование советской власти рядом с империалистическими государствами продолжительное время немыслимо. В конце концов либо одно, либо другое победит. А пока это наступит, ряд самых ужасных столкновений между Советской Республикой и буржуазными государствами неизбежен». (Доклад на VIII с'езде партии). Таким образом, мы связаны сроками в выполнении задач, возложенных на нас историей. Нам необходимо иметь максимально возможный быстрый темп хозяйственного развития, нам необходимо выполнять чрезвычайно напряженные хозяйственные планы. Но максимально возможный быстрый темп и напряженные планы базируются целиком на внутренних ресурсах страны. Это необходимо подчеркнуть, во-первых, для того, чтобы резче определилась теснейшая зависимость между уровнем производительности и возможностями под'ема материального благополучия трудящихся (намечаемое 5-леткой повышение зарплаты рабочих на 41—45% должно явиться результатом полного осуществления производственных заданий пятилетнего плана), а во-вторых, для того, чтобы была ясной неизбежность известных ограничений в темпе поднятия материального уровня трудящихся, в том числе и рабочего класса. Рабочий класс временно вынужден самоограничивать себя в целях более успешного и быстрого преодоления трудностей хозяйственного строительства и обеспечения таким образом в дальнейшем большей планомерности и прочности в под'еме материального уровня. Однако, в условиях роста народного хозяйства, в условиях благоприятных в общем показателей под'ема промышленности, отдельные слои рабочих и в первую очередь отсталые труднее усваивают необходимость самоограничения, необходимость более медленного, чем на первый взгляд кажется возможным, под'ема материального уровня. В части рабочих масс неизбежно обнаруживаются отрицательные настроения.

Процесс **перераспределения** материальных ресурсов в пользу тяжелой индустрии характеризуется хотя бы тем фактом, что в предстоящее пятилетие по тяжелой промышленности предполагается рост продукции на 175—235% (отпр. и оптим. планы), по легкой же на 109—144%. Такое перераспределение целиком вытекает из задачи качественного преобразования народного хозяйства путем укрепления ведущей роли крупной индустрии. Но поскольку оно имеет своим результатом некоторое ограничение на первых порах роста продукции широкого потребления и связано с перекачкой прибылей из легкой промышленности в тяжелую, постольку естественно появление среди отдельных, в особенности отсталых, слоев рабочих настроений недовольства.

Социалистическая рационализация производства приводит в целом к численному росту рабочего класса и оказывает огромное положительное воздействие на все стороны его жизни. Бесспорным является тот факт, что на базе развертывающейся рационализации происходит под'ем материального и культурного уровня рабочих, а также значительно вырастает их политическая сознательность. Об этом с большой наглядностью свидетельствуют результаты реконструкции и рационализации нефтяной промышленности, которая прошла почти полный цикл своей перестройки. Заработная плата в этой отрасли промышленности за период реконструкции и рационализации непрерывно росла и в общем увеличилась с 1924—25 г. по 1-е полугодие 1927—28 г. более чем на 50%. На жилстроительство для рабочих нефтяной промышленности затрачено 23 миллиона рублей. Таких рабочих поселков, какие теперь имеются в Баку, еще не было нигде в нашем Союзе. При отсталом составе рабочих партийная прослойка в нефтяной промышленности является самой высокой (18%) сравнительно со всеми другими отраслями,— резкое увеличение ее произошло именно в результате коренной перестройки на базе высшей техники всей нефтяной промышленности. Однако, поскольку процесс рационализации связан с некоторым перераспределением рабочей силы, а следовательно, и с временным вытеснением, сокращением рабочих на отдельных участках производства, с отмиранием ряда квалификаций, поскольку рационализация неизбежно предполагает уплотнение рабочего дня, поднятие интенсивности труда — постольку проведение ее не может не сопровождаться болезненными явлениями. Об этом особенно красноречиво говорят трудности проведения рационализации в текстильной промышленности. В той же нефтяной промышленности в течение 1924 г. (начало реконструкции) отмечалось серьезное недовольство среди отдельных групп рабочих, вызванное отмиранием некоторых квалификаций и перебросками в связи с рационализацией.

Выполнение **второго** из указанных Лениным условий повышения производительности труда связано с задачей преодоления известного обострения в настоящее время проявлений **противоречия** между культурным уровнем масс, умением работать, организацией труда, состоянием дисциплины трудящихся, с одной стороны, и качественно усложнившимися, в связи с реконструкцией, задачами, с другой стороны. Каждый шаг продвижения по пути реконструкции все острее ставит вопрос о большей культурности, о лучшей организованности в работе, вопрос об умении работать. По существу, в целях дальнейшего поднятия производительности труда мы обязаны пред'являть и начинаем уже пред'являть к нашему рабочему, в смысле умения работать, требования, все более приближающиеся к уровню умелости рабочих передовых стран. Между тем, несмотря на огромные достижения в этом отношении за истекшие годы, еще до сих пор в некоторой мере справедливым остается замечание Ленина о том, что «русский человек — плохой работник по сравнению с передовыми нациями».

О наличии некоторого обострения проявлений указанного выше противоречия свидетельствует такой крупный факт, как серьезное падение за последнее время трудовой дисциплины на фабриках и заводах. В специальном постановлении Совета Народ-

ных Комиссаров (6 марта 1929 г.) по этому поводу отмечено следующее: «Одной из главных причин, задерживающих рост нашей промышленности и всего хозяйства, является ослабление трудовой дисциплины среди некоторых отсталых групп рабочих на предприятиях промышленности и транспорта. В результате этого возросли прогулы, увеличилось число опозданий на работу, наблюдается небрежное обращение с машинами и материалами, невыполнение распоряжений администрации и другие нарушения правил внутреннего распорядка».

Следует подчеркнуть, что и до этой волны падения с трудовой дисциплиной на предприятиях дело обстояло далеко не благополучно. За календарный 1927 год по неуважительным причинам всеми рабочими было прогуляно 14 миллионов 557 тысяч дней; по разным причинам (без отпусков) один рабочий в среднем пропустил в 1927 году—26 дней, тогда как в 1913 году на одного рабочего приходилось 9,8 пропущенных дней [1]). В свете такого состояния трудовой дисциплины факт ее падения за последнее время, несомненно, приобретает прямо угрожающее значение.

Несомненно, что в основе падения трудовой дисциплины лежит значительная культурная отсталость некоторых, главным образом новых, слоев рабочих и слоев, связанных с деревней, непонимание ими задач социалистической рационализации, недостаточность классовой и политической сознательности. За последние пять лет на наши предприятия по одной только промышленности ВСНХ пришло 1.057 тысяч новых рабочих. По трем губерниям (Ив.-Возн., Владим., Москов.) из 520 тысяч текстильщиков—179 тысяч (34%) проживает в деревне [2]). В уже цитированном выше правительственном постановлении о мерах к укреплению трудовой дисциплины в государственных предприятиях было отмечено: «Эти ненормальные явления в значительной мере вызваны притоком на предприятия новых слоев рабочих, в большинстве связанных с деревней, не прошедших школы производственной фабрично-заводской дисциплины».

Падение трудовой дисциплины в настоящих трудных условиях есть не что иное, как частью бессознательное, а частью и сознательное *сопротивление отсталых* слоев рабочего класса проведению рационализации производства, уплотнению рабочего дня, лучшей организации труда.

Сказанное выше о том, как обстоит в настоящее время дело с двумя основными условиями повышения производительности труда, характеризует трудности партийной работы на производстве и, вместе с тем, ярко подчеркивает ту основную задачу, которая встает в текущий период перед производственными ячейками.

Центральной задачей партийной работы на производстве является мобилизация масс на всех участках работы на сознательное и активное преодоление трудностей перехода на новую, более высокую ступень производительности труда.

Открыто и ясно ставя перед рабочими вопрос о трудностях, низовые организации должны добиться ясного понимания со стороны всей массы рабочих необходимости максимально быстрого проведения реконструкции, сознательного отношения к трудностям, связанным с этим темпом, с перераспределением средств в пользу тяжелой индустрии, с проведением рационализации производства. Ячейки на предприятиях должны уделить исключительное внимание вопросам производства, вовлечению масс в их разрешение, поднятию производственной квалификации рабочих, борьбе за трудовую дисциплину. На партийных и массовых пролетарских организациях лежит обязанность

[1]) См. брошюру тов. Т. А. Тирзбанурта, «За трудовую дисциплину».

[2]) См. брошюру Н. Семенова, «Лицо фабричных рабочих, проживающих в деревнях».

обеспечить со стороны всей массы рабочих активную поддержку мероприятий по рационализации, проявление инициативы в деле улучшения производства. Сейчас более, чем когда бы то ни было, нужна смелая и решительная общественная борьба с отсталыми настроениями, с элементами, дезорганизующими производство. Самое страшное, самое вредное в настоящее время может заключаться в том, что под влиянием трудностей и под напором отсталых слоев низовые организации сдадут и вместо выполнения авангардной роли в борьбе за повышение производительности труда окажутся плетущимися в хвосте, т.-е. по существу окажутся пассивным проводником влияния на все производство наименее культурных групп рабочих.

Производственный эффект участия масс в хозяйственном строительстве, активная поддержка рабочими практических мероприятий по преодолению трудностей перехода на высшую ступень производительности труда, — *вот что должно являться важнейшим критерием успехов и недостатков низовой партийной и массовой работы.*

Непосредственно из указанной выше центральной задачи вытекает необходимость самого **чуткого и внимательного** отношения к справедливым требованиям рабочих и возможно более полного удовлетворения их культурно-бытовых запросов. Как никогда, важно к этим вопросам подойти именно с точки зрения обеспечения непосредственных интересов производства, с точки зрения практического *облегчения рабочему перехода на новую ступень производительности труда.*

Правильной постановкой партийной и массовой работы на предприятиях мы обязаны полностью предупреждать оформление отрицательных настроений. *Ни одной волынки, ни одного конфликта на производстве из-за невнимательного отношения к настроениям рабочих, к их справедливым запросам,*— таков один из важнейших лозунгов повседневной партийной и массовой работы на производстве.

Коренную задачу социалистической революции — повышение производительности труда, — рабочему классу приходится решать в условиях известного **обострения классовой борьбы,** связанного с развертыванием наступления на капиталистические элементы, и при наличии **бюрократизма в госаппарате.** Рост активности слоев социально враждебных и полувраждебных пролетарской диктатуре, а также тот факт, что рабочий класс в своей «лихорадочной работе над переделкой страны» «встречает на своем пути злейший бюрократизм своего госаппарата, его громоздкость, его косность и возмутительную волокиту»,—все это выдвигает перед ячейками ряд новых задач, по-новому ставит вопрос о методах партийной работы. В этих трудных условиях в огромной степени вырастает роль производственных партийных ячеек в общей системе рычагов, которыми располагает партия для преодоления трудностей социалистического строительства. Ячейки должны стать в гораздо большей мере, чем до сих пор, боевыми органами мобилизации масс на преодоление социально враждебных нам настроений, а также боевыми органами привлечения рабочих к практической борьбе с бюрократизмом в госаппарате. В настоящее время с особой остротой выступают задачи — всей системой и методами работы обеспечить *более быстрый,* сравнительно со всеми слоями населения, рост политической активности рабочих масс, всей системой и методами работы обеспечить *массовый приток* в госаппарат передовых пролетариев из кадров рабочего класса.

Вместе с тем, усиление, под влиянием трудностей социалистического строительства, давления мелкобуржуазных влияний на рабочий класс и на ряды нашей собственной партии делает исключительно важной задачу *спло-*

чения партийных рядов в борьбе за правильную партийную линию, на базе отпора влияниям на рабочий класс и на нашу партию враждебных диктатуре мелкобуржуазных слоев. На всех этапах социалистического строительства находили свое конкретное политическое проявление (нередко в чрезвычайно резкой форме) трудности, вытекающие из нашей культурно-экономической отсталости. Каждый раз при трудностях в рядах самой большевистской партии находились элементы, готовые отступить перед трудностями, готовые пожертвовать «коренными интересами, выгадывая временные частичные выгоды» (Ленин).

Преодолевая трудности социалистического строительства, партия вела решительную борьбу с колебаниями в своих собственных рядах. На крутых поворотах истории большевики умели выделить важнейший для данного этапа вид оппортунизма, умели направить все усилия на борьбу с конкретными проявлениями его. Отклонения от правильной партийной линии уже в самом зачаточном их состоянии подвергались жесткому идейному обстрелу. Сила большевистской партии всегда заключалась в том, что она, определив генеральную линию развития для данного исторического этапа, воспитывала всю массу своих членов в духе активного действия именно в этом решающем направлении, в духе непримиримого отношения даже к самым слабым попыткам отклониться от намеченного пути. Решающая роль в работе по преодолению проявлений оппортунистических шатаний всегда выпадала на долю производственных ячеек.

В настоящее время оппортунистические колебания под давлением трудностей реконструкции находят свое проявление, с одной стороны, в троцкизме, и с другой—в правом уклоне. Партия ведет борьбу с этими уклонами. При чем в связи с разоблачениями в основном контрреволюционной сущности троцкизма, заостряет особое внимание на борьбе с правой опасностью. Задачей производственных ячеек является консолидировать партийные силы на базе генеральной линии партии, на базе решительной борьбы с отклонениями от этой линии.

Как мобилизуются массы на борьбу за повышение производительности. Что показал опыт перехода на 7-часовой день.

Ход кампании перевыборов в советы на предприятиях с наглядностью свидетельствует о росте политической активности рабочих. Массы целиком приемлют генеральную линию партии. Об этом говорит и тот факт, что производственные ячейки, давая решительный отпор антипартийным и антисоветским троцкистским настроениям, находили полную поддержку среди основной части беспартийных.

Важнейшим достижением работы партии в массах является возросшее среди рабочих стремление участвовать в руководстве хозяйственной жизнью предприятия и активно бороться с недостатками в производстве. Передовые рабочие понимают трудности социалистического строительства. Лучшие из них умеют призывать массу на преодоление этих трудностей. Типичным в этом смысле является выступление рабочего на одной из трестовских производственных конференций. «Мы забываем, что мы много пролили крови, чтобы получить эти ценности в руки рабочих и крестьян, поэтому нужно пролить и много пота, чтобы восстановить свое хозяйство, и для этого нужно беречь те ценности, которые у нас имеются». Первые итоги самокритики показывают, что огонь критики масс в основном направляется по линии борьбы с недостатками в хозяйственном строительстве. Можно сказать, что основной запрос передового рабочего заключается в том, чтобы продвинуться

на ступеньку выше по пути укрепления его роли хозяина в производстве. Важно подчеркнуть, таким образом, что между основной задачей—мобилизовать массы на сознательное и активное преодоление трудностей перехода на новую, более высокую ступень производительности труда—и основным запросом лучшей части рабочих не только нет разрыва, но успех разрешения основной задачи обеспечивается активным стремлением рабочих бороться за улучшение производства.

Успешное проведение работы по организации активности масс вокруг производственных задач обеспечивается также наличием тех коммунистических сил, которыми располагает партия в самом рабочем классе, и наличием значительных кадров беспартийного рабочего актива. По данным на январь 1929 года коммунистов-рабочих на производстве было 600 тыс., коммунистическая прослойка в составе фабрично-заводского пролетариата равнялась в октябре 1928 г.—12%. В это же время беспартийный профессиональный актив исчислялся, примерно, в один миллион человек. Рабочих-комсомольцев на производстве было 650 тысяч. Делегаток-работниц—100 тысяч. Активистов из беспартийных рабочих, работающих в кооперации, в советах—несколько десятков тысяч.

И вот, в условиях роста активности всей массы рабочих, при наличии значительной партийной прослойки на предприятиях и значительного слоя беспартийных активистов, при весьма развитой общественной системе на производстве,—при всем этом чрезвычайно **плохо решается задача мобилизации масс на преодоление трудностей перехода на высшую ступень производительности труда.** Ряд показателей свидетельствует о серьезных недостатках в партийной и массовой работе. Рассмотрим основные из этих недостатков на примере подготовки рабочей массы к переводу предприятий на 7-часовой рабочий день. Мы выбираем этот пример именно потому, что перевод промышленности на 7-часовой рабочий день является мероприятием, непосредственно связанным с проблемой повышения производительности труда. Таким путем пролетарское государство, ставя перед рабочим классом сложную и трудную задачу перехода на более высокую ступень производительности труда, всемерно облегчает ему этот переход.

По данным за 1927—28 г. и 1-й квартал 1928—29 г., на 7-часовой день переведено 125 предприятий с числом рабочих в 211 тысяч. По удельному весу основную группу переведенных предприятий составляют текстильные: 38 предприятий—140 тысяч рабочих. В течение II, III и IV кварталов 1928—29 хоз. года всего намечено к переводу 178 предприятий—172 тысячи рабочих. Наибольшее число рабочих среди переводимых на сокращенный день приходится на металлическую промышленность: 23 предприятия—54 тысячи рабочих. Из крупнейших предприятий намечены к переводу, а частью уже и переводятся: Днепропетровские заводы, Лысьвенские заводы, Харьковский паровозостроительный завод, Люберецкий завод, «Красный Треугольник», «Красный Богатырь», Б. Дмитровская мануфактура; Ленинград. ф-ка «Рабочий», «Красный Перекоп»—прядильно-ткацкий отдел.

Приведенные данные показывают, что вопрос о подготовке нескольких сотен тысяч рабочих к переходу на 7-часовой день по праву должен занять важнейшее место в работе как руководящих партийных и профессиональных организаций, так и низовых организаций тех предприятий, которые перешли или намечены к переходу на сокращенный день. Между тем, ЦК партии дважды в своих решениях [1]) отмечал, что одним из главнейших недостатков в деле подготовки является: «крайне недостаточная раз'яснительная работа

[1]) См. директиву ЦК от 7 мая 1928 г. и резолюцию ноябрьского пленума ЦК.

о значении 7-часового рабочего дня для рабочего класса, при чем широкая рабочая масса, как правило, не привлекалась к проработке практических условий перевода на 7-часовой рабочий день».

До сих пор, несмотря на то, что в общем подготовка к переходу после директивы ноябрьского пленума ЦК происходит несколько лучше, в этой работе все еще имеют место весьма существенные недостатки.

Многие партийные и профессиональные организации в своей повседневной раз'яснительной работе не имеют ясной и четкой установки. Ноябрьский пленум ЦК отметил, что проведение в жизнь 7-часового рабочего дня, помимо важнейшего принципиального значения для дела охраны труда рабочего класса и поднятия его культурного уровня, представляет собой огромной важности экономическую проблему. Успешное разрешение этой экономической проблемы, будучи обусловлено сохранением уровня зарплаты и выполнением заданий по снижению себестоимости, сопряжено со значительными трудностями. Между тем, при обсуждении вопроса о переходе перед рабочими далеко не всегда ставится вопрос о 7-часовом раб. дне, как о мероприятии, непосредственно связанном с осуществлением социалистической рационализации и проводимом в целях облегчения рабочему классу скорейшего перехода на более высокую ступень производительности труда. *Не подчеркиваются с должной четкостью трудности, связанные с переходом, не выясняются перед рабочими те конкретные мероприятия по рационализации производства, лучшей организации труда, поднятию трудовой дисциплины, лучшему использованию оборудования, которые необходимо провести на данном предприятии для того, чтобы переход на 7-часовой день обеспечил выполнение производственной программы, программы по снижению себестоимости и сохранению уровня заработной платы.*

Именно, в значительной мере результатом недостаточного выяснения перед рабочими до перехода на 7-часовой день конкретных мероприятий по лучшей организации труда, по поднятию труддисциплины, по лучшему использованию оборудования является то обстоятельство, что нередко *массы оказываются неподготовленными к трудностям* перехода и болезненно реагируют на эти мероприятия, когда они начинают проводиться в жизнь.

В результате замазывания до перехода предприятий на 7-часовой день трудностей даже *коммунисты и передовые беспартийные рабочие* не всегда уясняют себе значение этого перехода и трудности, связанные с ним. Показательным и притом далеко не исключительным является сообщение [1]) представителя металлозавода «Борец»: «На нашем предприятии не было достаточного понимания со стороны партийцев значения перехода. Во время подготовки к переходу это ясно обнаружилось на производственных совещаниях. Беспартийные рабочие задавали такие вопросы, что мы порой не могли на них ответить. В частности не могли в достаточной степени осветить выгодность перехода на 7-часовой день, никак не могли доказать этого. У нас есть производственный актив, который именно этого требовал. Рабочие говорили, что им понятна выгодность перехода в текстильной промышленности, но непонятно, насколько выгоден переход в металлопромышленности. Один рабочий так и поставил вопрос. Я, говорит, хозяин, я знаю, что у меня нехватает того, другого, третьего. А сейчас мне говорят—работай поменьше, может быть, я, как хороший хозяин, должен работать больше, чтобы дать

---

[1]) На совещании при оргаспреде ЦК партии.

больше продукции. Мы доказать выгодность для промышленности 7-часового рабочего дня не могли потому, что у нас на партийном собрании не было соответствующего доклада. Был только общеполитический доклад». На большинстве предприятий, в связи с переходом на 7-часовой день, парторганизации далеко не сумели еще добиться такого положения, чтобы коммунисты и передовая часть беспартийных рабочих являлись *образцовыми* в отношении выполнения своих производственных обязанностей, подавали всей массе рабочих пример дисциплинированности, инициативы в улучшении производства, бережного отношения к оборудованию.

Отсутствие во многих случаях правильного подхода в массовой работе к вопросам перевода предприятия на 7-часовой день, неумение опереться при подготовке к переходу на всю массу коммунистов и на передовые слои беспартийных рабочих приводит к тому, что партийные и профессиональные организации чрезвычайно *неумело ставят работу по преодолению отрицательного отношения к переходу, а иногда и прямого сопротивления* со стороны отсталых групп рабочих. Это особенно резко обнаруживается на текстильных предприятиях, где при сравнительной отсталости рабочей массы и преобладании женского труда приходится проводить значительное уплотнение рабочего дня, вводить третью смену.

Рассмотренный пример с подготовкой масс к переходу предприятий на 7-часовой день наглядно вскрывает основные недостатки в партийной и массовой работе, препятствующие разрешению задачи мобилизации масс на преодоление трудностей перехода на более высокую ступень производительности труда. Этот пример ярко показывает, что **организовать активность масс немыслимо без поднятия качества партийного руководства, без поднятия качества всей партийной работы** на предприятиях. В полном соответствии с качественным усложнением в связи с реконструкцией задач, встающих на производстве, остро стоит в настоящее время проблема качества партийной работы.

Успешное разрешение этой проблемы требует, *во-первых*, поднятия качественного состава производственных ячеек и осуществления ими авангардной роли прежде всего в качестве передового отряда образцовых производственников. *Во-вторых*, решительного улучшения методов связи ячеек с массами, полного устранения элементов казенщины и формализма в подходе к массам. *В-третьих*, взаимоувязки всей системы рычагов партийной и массовой работы на предприятиях, слаженности всего чрезвычайно развитого и разветвленного партийного и общественного механизма, в целях сосредоточения его усилий на основных задачах, стоящих перед данным предприятием. *В-четвертых*, поднятия организаторской квалификации кадров низовых работников на предприятиях. *В-пятых*, всемерного повышения руководства партийной работой на производстве со стороны партийных комитетов.

Партийная ячейка—передовой отряд образцовых производственников.

Чтобы итти во главе масс, необходимо самим коммунистам *образцово* выполнять то, что требуем от всей массы рабочих. Партия призывает рабочий класс на преодоление трудностей повышения производительности труда. В текущем году активность масс организуется вокруг задачи снижения себестоимости на 7% и повышения производительности труда на 17%. За семь и семнадцать!—является боевым лозунгом, который должен быть подхвачен всей пролетарской общественностью. Нужно действительно крепко подвинтить гайки, чтобы претворить этот лозунг в жизнь. Предпосылкой успехов должно явиться *осуществление ячейками на предпри-*

тиях своей авангардной роли прежде всего в качестве передового отряда образцовых производственников. Необходимо, чтобы коммунисты шли впереди, подавали пример дисциплинированного труда, активного отношения к устранению производственных недостатков, полной поддержки рационализаторских мероприятий, подавали пример в работе над повышением своей производственной квалификации. Коммунист на предприятии должен быть сознательным и стойким бойцом на производственном—этом важнейшем—участке фронта социалистического строительства, коммунист должен быть застрельщиком рационализаторской работы.

Можно ли сказать, что производственные ячейки должным образом выполняют эту свою роль? Далеко нельзя. Есть примеры действительно образцового воздействия партийной организации и передовых слоев рабочих на всю массу рабочих. Один из таких блестящих примеров был описан в «Правде» от 21 марта (Каменская писчебумажная фабрика, Тверской губернии). Но до сих пор еще многочисленными являются факты другого порядка—расхлябанного отношения к производству как со стороны отдельных коммунистов, так и со стороны (что реже, конечно) ячейки в целом. Самым опасным является х в о с т и з м коммунистов в отношении к отсталым слоям рабочих. Различным образом проявляется этот хвостизм. Многочисленны факты недисциплинированного поведения коммунистов на производстве. Об этом свидетельствует немалое количество выговоров коммунистам за невыполнение правил внутреннего распорядка, встречаются члены партии и среди злостных прогульщиков. Нередко коммунисты возглавляют отсталые группы рабочих, выполняя в отношении к ним «авангардную» роль. Администрация и технический персонал далеко не всегда находят общественную поддержку в борьбе за поднятие трудовой дисциплины. Типичным является в этом отношении сообщение директора Выксунского завода. «Недавно я собирал мастеров и проводил с ними беседу по вопросу, что мешает мастерам правильно администрировать и поддерживать дисциплину. Мастера заявили: «Быть хорошим мастером—будешь плох рабочим, поэтому против тебя поведут кампанию—и вылетишь с завода. Быть хорошим для рабочих—падает дисциплина. Нам нет помощи со стороны организаций, верят только рабочим, а на нас не обращают внимания и не поддерживают». Заведующие цехами откровенно заявили, что они боятся к коммунистам применять взыскания, так как можешь напороться на такую неприятность, что потом не отделаешься».

Вопрос о к а ч е с т в е н н о м с о с т а в е партийной ячейки на предприятии именно с точки зрения поведения коммунистов в проводимой под руководством партии борьбе за преодоление трудностей перехода на более высокую ступень производительности труда — является важнейшим вопросом. Под этим углом следует также вести работу по отбору в партию новых членов из рабочих от станка. Линия на увеличение до 50% рабочего ядра в составе партии ни в каком случае не означает ослабления качественных требований к принимаемым в партию рабочим. В рабочем классе есть достаточное количество самоотверженных, передовых элементов, проверенных на трудностях. Надо уметь взять их в партию, а не итти в отношении вовлечения в партию по линии наименьшего сопротивления (количество во что бы то ни стало!), не ориентироваться на самотек.

Перед партийными ячейками на предприятиях стоит задача воспитать своих членов в направлении образцового отношения к производственным обязанностям.

Надо добиться такого положения, чтобы каждый член партии и беспартийный рабочий понимал, что высокое звание коммуниста не может носить рабочий, получающий выговоры за безобразное отношение к производству,

«гуляющий» в то время как партия призывает к напряженной работе по преодолению трудностей. Вопрос о прогулах, поведении коммунистов на производстве должен выноситься на обсуждение партийных собраний. Здесь, на этих собраниях, на конкретных примерах ячейки должны воспитывать членов партии. В повседневной работе бюро ячейки, групповые организаторы обязаны внимательно изучать поведение коммунистов на производстве и во-время помогать исправлению товарищей, во-время ставить вопрос перед партийной организацией. В необходимых случаях не должно останавливаться перед исключением из партии. Прогульщикам, лодырям на производстве, недобросовестно относящимся к производству, нет места в партийных рядах. Если член партии не поддается исправлению—он должен быть исключен.

Однако, совершенно очевидным является, что не быть прогульщиком и лодырем, это—лишь самое элементарное требование. Всякий понимает, что от члена партии нужно требовать значительно б о л ь ш е г о. Коммунист должен активно бороться с недостатками в производстве, проявлять инициативу в организации трудового соревнования, систематически работать над поднятием своей производственной квалификации. Чем лучше поставлена партийная работа, тем больше должно выделяться из членов партии организаторов и активных участников образцовых бригад, кружков по повышению производственной квалификации, лучших производственников, инициативных проводников рационализаторской работы.

Производственные совещания, при всех недочетах в их работе, являются важнейшей формой привлечения масс к работе по улучшению производства. Между тем, многочисленные факты говорят о том, что коммунисты не принимают достаточно активного участия в производственных совещаниях. ЦК неоднократно отмечал это по докладам местных парторганизаций. Даже на передовых предприятиях участие коммунистов в производственных совещаниях не превышает 50% к общему составу партийных ячеек. В качестве задачи ближайшего же времени ячейки должны поставить поголовное вовлечение коммунистов в активную работу производственных совещаний. Эту последнюю необходимо считать одной из важнейших партийных обязанностей.

Т о л ь к о п р и у с л о в и и у п о р н о й и р е ш и т е л ь н о й р а б о т ы н а д п е р е д е л к о й с а м и х с е б я к о м м у н и с т ы с м о г у т в о з г л а в и т ь в с ю м а с с у р а б о ч и х в б о р ь б е з а в ы р а б о т к у с о ц и а л и с т и ч е с к и х о с н о в т р у д о в о й д и с ц и п л и н ы, с м о г у т о к а з а т ь д е й с т в е н н о е в л и я н и е н а в с ю м а с с у р а б о ч и х и в п р о в е д е н и и б л и ж а й ш е г о л о з у н г а о б о р ь б е с п р о г у л ь щ и к а м и, л о д ы р я м и и р а з г и л ь д я я м и н а с о ц и а л и с т и ч е с к и х п р е д п р и я т и я х.

Пути привлечения масс к преодолению трудностей.

Вопрос о связях производственных ячеек с беспартийными массами есть в настоящее время вопрос об использовании о п ы т а всей массы рабочих и об организации действительной п р о в е р к и ч е р е з б е с п а р т и й н ы х работы партийных, о чем неоднократно писал Л е н и н. Пути укрепления связей с массами есть в то же время пути самого широкого использования творческой инициативы масс и привлечения их к осуществлению общественного контроля за всей грандиозной строительной работой.

Элементы казенщины и формализма, недопустимые вообще в отношениях с массой, в условиях настоящих трудностей являются совершенно нетерпимыми.

Решительное развертывание самокритики является основным условием успешной мобилизации масс на разрешение задач хозяйственного строитель-

ства и на борьбу с недостатками в работе всех организаций. Ячейкам необходимо взять на себя руководство и возглавление критики масс. На них ложится задача смело вскрывать перед рабочими от имени партийной организации недостатки в работе различных органов, отказываясь от огульной их защиты. Они должны выполнять роль организаторов и инициаторов осуществления избирателями-рабочими их права отзыва выборных лиц и досрочных перевыборов местных органов, вызывающих своей работой справедливое недовольство масс. Массы должны широко привлекаться к контролю за работой различных органов, к проверке выполнения предложений рабочих, решений рабочих собраний. Последовательное проведение лозунга самокритики требует решительной борьбы со всеми, кто тормозит и препятствует ее развертыванию, защиты от преследований всех активно выступающих с здоровой критикой с тем, чтобы критикующий рабочий чувствовал за собой организованную силу коллектива.

Для того, чтобы самокритика на предприятии не превратилась в пустое говорение, нужно в кратчайший срок *проверять* целесообразность каждого предложения рабочих, проверять правильность каждой жалобы и заявления рабочего и по проверке немедленно *реагировать*. В этом сейчас гвоздь действительного проведения в жизнь лозунга самокритики. Желание бороться с недостатками может крепнуть у рабочих лишь при уверенности в том, что указания и выявления недостатков будут иметь *действенный эффект*. Опыт показывает, что даже такое сравнительно элементарное мероприятие, как организация проверки всех замечаний, предложений и заявлений, высказываемых рабочими на собраниях, совещаниях и конференциях, с последующим докладом рабочих о результатах проверки и о принятых мерах в огромной степени повышает активность масс.

Надо взять за правило (и добиться того, чтобы каждый рабочий был уверен в его выполнении)—в случае повторного заявления со стороны рабочего на тот или иной непорядок и недостаток, организации и лица, не принявшие мер к его устранению в первый раз или не об'яснившие причин невозможности устранения, несут за это ответственность.

Само собой разумеется, что тем более важно во всей системе руководства решительно устранить возмутительно небрежное отношение к решениям рабочих собраний, конференций, производственных совещаний. В отношении последних надо прямо провести постановление о возможности привлечения в советском порядке к ответственности хозяйственников за невыполнение *принятых ими* предложений производственных совещаний. Пора в самом деле положить конец варварскому разбазариванию творческой инициативы масс. Ни один капиталист не допустит того, чтобы целесообразное предложение рабочего, с которым он, капиталист, согласен и которое можно провести, осталось не проведенным или затягивалось в проведении. А у нас на многих предприятиях дело обстоит именно таким образом. «Удивительное дело: у вас русских посовещались—ровно и дело уж сделали»—так метко охарактеризовал всю нашу безалаберность немецкий рабочий, работающий на одном из московских заводов. Работа кончается там, где она собственно лишь должна начинаться. Здесь дело не в неумении работать, а именно в *безответственном отношении* к инициативе рабочих.

В связи с задачей наиболее полного использования творческой инициативы масс исключительно важное значение приобретает в настоящее время вопрос о правильной организации здорового **соревнования и поощрения.** Во всей системе и методах работы по вовлечению масс в дело социалистического строительства принцип социалистического соревнования должен

занять особо выдающееся место. Ленин неоднократно писал, что именно в наших условиях открывается дорога для соревнования действительно в массовом масштабе. Надо всемерно развивать практику производственных смотров, конкурсов и перекличек, создание образцовых бригад и т. п. Решающее значение при этом приобретает вопрос об умении *организационно закрепить результаты* проводимых соревнований. Положительное воздействие массового соревнования на производство будет обеспечено лишь в том случае, если оно окажется не временным напряжением воли масс, но его результат будет закреплен, как исходная позиция для дальнейших достижений. При ином положении соревнование не только не принесет пользы, но может даже вредно отражаться на производстве, поскольку вслед за известным под'емом будет происходить ослабление усилий, падение производственного эффекта, достигнутого в результате соревнования. Вопрос о соревновании непосредственно связан с организацией коллективного и индивидуального поощрения. Практика показывает, что мы являемся кустарями в деле организации поощрения. Достаточно указать, например, на ограниченные фонды премирования сравнительно с огромным ростом изобретательства и всякого рода предложений об улучшении производства, на далеко не полное и неумелое использование и этих ограниченных фондов. Еще более разительным в этом отношении является слабое развитие коллективных форм премирования. Но вопрос стоит не только относительно материального поощрения. Во всей работе по выдвижению рабочих на хозяйственную, партийную, профессиональную и др. работы необходимо занять твердую линию на то, что руководителем может быть только рабочий, проявивший себя сам образцовым производственником, сумевший обнаружить себя, хотя бы в малом масштабе, как организатор общественного воздействия на повышение производительности труда окружающих рабочих. В этом же направлении должна быть широко и полно использована печать и гласность.

На ряду с развитием поощрения перед рабочими организациями на производстве стоит задача—опираясь на лучшие и сознательные слои рабочего класса, усилить методы **общественного принуждения** в отношении отсталых элементов, в отношении прямых дезорганизаторов производства. Надо широко ввести в практику товарищеские суды. Практика должна найти и другие подобные формы активного общественного воздействия организованной силы передовых элементов. В очередных задачах советской власти *Ленин* писал: «Надо вместе с тем, идя к повышению производительности труда, учесть особенности переходного от капитализма к социализму времени, которые требуют, с одной стороны, чтобы были положены основы социалистической организации соревнования, а с другой стороны, требуют применения принуждения так, чтобы лозунг диктатуры пролетариата не осквернялся практикой киселеобразного состояния пролетарской власти». Вся пролетарская общественность должна помочь проведению в жизнь этого указания *Ленина*.

Осуществление задачи наиболее полного охвата активности и инициативы масс требует в настоящее время всемерного **укрепления непосредственных связей ячеек с массами,** укрепления связей коммунистов с беспартийным. В этом отношении мы имеем не мало недостатков. Необходимо создать решительный перелом в вопросе непосредственной связи ячеек с массами. Как правило, следует практиковать созыв открытых партийных собраний с широким привлечением на них беспартийных рабочих, приучить беспартийных к выступлениям на собраниях ячеек. Опыт показал, что полезной является практика докладов ячеек о своей работе перед рабочими собраниями. Точно так же необходимо сейчас добиться укрепления политических связей ячеек с беспартийным активом, созывать последний для бесед по важнейшим вопросам, волнующим массу беспартийных рабочих. В отношении индивидуальных

связей надо со всей решительностью поставить вопрос так, как ставил его ЦК партии в труднейший период первых шагов преодоления трудностей по восстановлению хозяйства. «Тот не коммунист, кто не сумел сгруппировать вокруг себя нескольких честных беспартийных рабочих, войти с ними в повседневные сношения, бывать у них дома, помогать им в повседневном быту, снабжать их газетой, выдвигать из их среды работников в профсоюзы и советские органы и т. п.».

О слаженности общественного механизма на предприятии.

На всех предприятиях мы имеем чрезвычайно развитой и разветвленный партийный и общественный механизм. Каждая из многочисленных организаций выполняет свои особые функции. Но перед всеми ими стоят и общие задачи, вытекающие в первую очередь из производственных заданий данного предприятия. Однако, при внимательном изучении работы партийных и массовых организаций на одном и том же предприятии резко выступает отсутствие сосредоточения усилий всего общественного механизма, как единого целого, на разрешении основных задач. На каждом предприятии остро стоит в текущий период задача мобилизации масс на преодоление трудностей повышения производительности труда. Если же присмотреться, над чем работают разные звенья партийных и массовых организаций, то чаще всего приходится убеждаться в разбросанности в смысле выбора задач. Разнобой в содержании работы, отсутствие единой целеустремленности, в основном определяемой задачами предприятия как производственного организма — является типичным недостатком.

Неотложным требованием в настоящее время является слаженность всего партийного и общественного механизма. На партийной ячейке лежит обязанность *об'единить усилия всех организаций в направлении разрешения коренных вопросов, связанных с задачей повышения производительности труда*. По существу в основе работ всех общественных организаций на данный плановый период должен быть единый по своей целеустремленности план работы.

Партийные ячейки, профсоюзные организации, комсомол, клубные организации, добровольные общества—все должны, в соответствии со своими особыми функциями, содействовать успешному разрешению указанной основной задачи. Примерно, в связи с тем, что перед предприятием особо остро стоит в настоящее время задача поднятия трудовой дисциплины, на ячейке лежит обязанность, исходя из конкретной обстановки, определить, какое именно участие должна принять в этой работе каждая из организаций. Основную роль, несомненно, должны сыграть профессиональные организации. Однако, комсомол обязан наметить и провести определенную работу среди молодежи; клубные организации—организовать серию соответствующих докладов, сеть кружков по повышению квалификации, просмотр соответствующих кинофильм и пр.; шефское общество должно помочь профсоюзам охватить пролетарским влиянием новых рабочих; антиалкогольная ячейка должна разработать и провести конкретный план общественной борьбы с пьянством на производстве и т. д.

Особо следует остановиться на вопросе о *взаимоотношениях партийных и профессиональных организаций с хозяйственным органом*. Тут надо добиться ясного понимания партийными, профессиональными и хозяйственными работниками смысла и значения указаний о полной ответственности администрации за всю оперативную работу, о единоличии в области административного управления. Эти указания ни в коем случае не могут и не должны быть поняты как ослабляющие участие масс в хозяйственном строительстве. Почему остро поставлен вопрос о поднятии ответственности хозорганов на предприятии? Потому, что в падении трудовой дисциплины существенную роль играет ослабление административно-технического руководства. За последний период накопилось большое количество фактов, свидетельствующих о том, что со стороны администрации отсутствует должная настойчивость в установлении трудовой дисциплины, имеет место не мало случаев хвостистского отношения к рабочим со стороны хозяйственников. Нечеткость же во взаимоотношениях парт., проф. и хозорганов обеспечивала поддержание такого безответственного отношения. Потребовались решительные указания о необходимости точного проведения в жизнь данных ранее директив партии о полной ответственности заводоуправления за состояние производства. Парт. и проф. организации должны всемерно помочь проведению в жизнь этих указаний. Ячейки и фабзавкомы имеют достаточно много возможностей без вмешательства в оперативную работу оказать воздействие на хозорган в случаях бюрократических извращений. Парт'ячейки должны мобилизовать массу в помощь хозоргану при проведении им директив высших партийных и хозяйственных организаций. На ячейки же ложится обязанность своевременно ставить перед вышестоящими парторганизациями вопрос о невыполнении администрацией директив партии и высших хозорганов. Нельзя допускать, например, таких фактов, чтобы невыполнение очень многими предприятиями приказа № 914 (о создании рационализаторских бюро) становилось известным лишь в результате организации массовой проверки.

Поднять квалификацию низовых руководителей

Успешное выполнение организующей роли партийных ячеек в деле мобилизации масс для разрешения сложных задач, встающих на производстве, не в малой мере упирается в качество кадров низовых партработников. Из общего количества 9.845 секретарей рабочих ячеек — 65,7% имеют партийный стаж с 1924 года. (Нужно отметить, что этот процент более высок, чем соответствующий процент коммунистов среди всех членов партии: по данным партпереписи среди всех членов партии со стажем после 1924 года было—59,1%). Уже этот один факт показывает, насколько острым является вопрос об организации систематической работы над поднятием квалификации низового партийного работника. Выросшие и вновь подрастающие кадры низовых партработников должны быть поставлены в такие условия, чтобы они могли наиболее легко овладевать громадным накопленным опытом организационной массовой работы, доведя до минимума учебу исключительно на собственных ошибках!

Если по всей линии партийного руководства мы плохо проводим важнейший ленинский лозунг—учиться, то в отношении кадров низовых работников это делается исключительно плохо. Нужно подчеркнуть, что Ленин никогда не придавал лозунгу учиться академического характера. Учиться—это значит уметь воспринять и использовать все ценное из прошлого опыта, внимательно изучать каждый шаг своей практической деятельности, учитывать все ошибки, уметь начинать с азов, неоднократно переделывать раз начатое в соответствии с учетом ошибок. Учиться, чтобы быть культурным, т.-е. для организатора и руководителя уметь руководить.

Чем дальше, тем с большим основанием можно утверждать, что отсутствие умения работать у руководителя об'ясняется тем, что он плохо учится. Бесспорно, что всякий руководитель, не умеющий сочетать практической повседневной работы с учебой в ленинском понимании этого лозунга, отстает от потребностей времени, отстает от растущих запросов масс и неизбежно тормозит, становится препятствием на пути осуществления задач, стоящих перед организацией. Это одинаково относится и к большим и к малым руководящим работникам.

В отношении низовых партработников партийные комитеты обязаны организовать учебу, обязаны научить их сочетать учебу с практикой. Пора от кустарщины перейти к систематической работе. Надо практически поставить вопрос об особых, постоянно действующих курсах секретарей производственных ячеек, наладить систематическую и квалифицированную консультацию, не ожидать выпуска добровольцами литературы по вопросам партийной работы, а выделять квалифицированных партработников для выполнения специальных поручений в этом отношении, включить в систему партпросвещения изучение вопросов практики оргработы.

На ряду со всем этим необходимо расширить начатую за последнее время (после решения ЦК от 7 января 1929 г.) практику посылки в помощь низовым организациям на предприятиях хорошо проверенных и имеющих опыт кадров руководящих работников.

Особо стоит вопрос о всемерном укреплении кадров партийных работников на крупнейших предприятиях. На этих последних в качестве партийных руководителей партия должна иметь квалифицированных партийных работников, по качеству своему являющихся работниками масштаба секретаря губернского или окружного комитета.

О качестве руководства парткомов работой производственных ячеек.

Важнейший принцип политической и организационной работы заключается в умении сосредоточиться в каждый отрезок времени, на каждом участке работы на основном и главном. В заключительной речи на IX с'езде партии Ленин говорил: «Мы должны твердо помнить, что источником успехов, чудес, которые мы проявили в военном деле, было то, что мы всегда сосредоточивались на главном, на основном...».

Что значит уметь сосредоточиться на главном и основном? Это значит, во-первых,—уметь, исходя из директив партии и учитывая все своеобразие конкретной обстановки, правильно определить, в условиях данной организации и на данный отрезок времени, центральные задачи, основное содержание и направление работы. Во-вторых, все организационные усилия направить в сторону разрешения этих задач, успеху разрешения их подчинить и методы работы.

Два требования необходимо строго выполнять для того, чтобы принцип главного оказался практически действенным и давал наибольший эффект.

Первое. Необходимо, чтобы правильно намеченные основные задачи оказывали свое решающее влияние на все участки работы. Выделение некоторой центральной задачи ни в каком случае не означает, что все остальные должны ускользать от внимания. Эти остальные задачи должны быть теснейшим образом увязаны с главной, основной задачей. Так, если на всех предприятиях в настоящее время центральной задачей, определяющей все направление и методы работы, является мобилизация масс на преодоление трудностей повышения производительности труда, то с тем большей остротой выступают вопросы чуткого и внимательного отношения к нуждам и запросам рабочих на производстве, вопросы поднятия культурного уровня, обслуживания бытовых нужд. Точно так же ни в каком случае не следует, что выделение в качестве основных некоторых организационных путей должно приводить к забвению всех остальных возможностей. Это выделение необходимо делать как раз для того, чтобы вся организационная система успешнее заработала в направлении разрешения основных задач. Так, если в конкретных условиях данной организации основным является подбор и подготовка кадров низовых руководителей, то это есть лишь важнейшее из мероприя-

тий, без которого немыслимо обеспечить сосредоточение всех организационных усилий.

Второе. Нельзя искусственно выбирать главное и основное. «Нельзя искусственно выбрать себе то звено, за которое хочешь зацепиться»,—говорил Ленин на XI с'езде партии. Выбор главного должен явиться результатом самого тщательного изучения конкретных условий, конкретной обстановки.

На примере руководства работой производственных ячеек можно видеть, что рассмотренный принцип далеко не достаточно внедрился в практику работы партийных комитетов.

Прежде всего о выборе задач. В качестве важнейшего недочета в работе всех промышленных организаций, заслушанных в ЦК в течение последнего года, отмечалось недостаточное внимание к делу вовлечения масс в хозяйственное строительство, т.-е. недостаточное внимание к основному вопросу партийно-массовой работы на предприятии. Артемовск. — «ЦК отмечает, что окружком в своей работе по снижению себестоимости промышленной продукции не уделил необходимого внимания делу вовлечения масс в проведение рационализации производства». Свердловск.—«Окружком в руководстве своей работой по развертыванию промышленности в округе уделял совершенно недостаточное внимание делу снижения себестоимости промпродукции, а также вовлечению рабочих масс в проведение связанных с этим мероприятий по рационализации производства, удешевлению капитального строительства, режиму экономии, удешевлению работ по заготовке топлива и т. д.». Моск.-Нарвский район. — «...РК не использовал еще в должной мере растущую активность рабочих масс в деле хозяйственного строительства и в массовой работе». Днепропетровск. — «Необходимо, чтобы работа руководящих органов партийных и профессиональных в руководстве промышленностью базировалась в большей степени на действительном вовлечении всей партийной и рабочей массы в обсуждение коренных вопросов реконструкции и рационализации производства». Николаевский окружком. — «При высокой политической активности рабочих масс... вовлечение рабочих в производственное строительство недостаточно».

В организационном отношении в руководстве имеет место распыленность внимания. Перед партийной ячейкой данного предприятия на плановый период стоит ряд определенных задач. В то же время, если проследить руководство сверху этой ячейкой (обследования, директивы, запросы и т. п.), то оказывается, что, во-первых, — нередко все это руководство сосредоточено на других задачах и, во-вторых, различные звенья этого руководства сосредоточивают свое внимание на разных задачах. Таким образом, если одно из звеньев руководства или сама ячейка сумели правильно выделить основные задачи, то остальные в своем «руководстве» бьют мимо цели, дергают и мешают, не содействуют выполнению основных задач.

Уметь выделить главное по всей линии партийного руководства в отношении каждой конкретной организации на данный плановый период, уметь сосредоточивать внимание на одних и тех же, действительно важнейших задачах во всех звеньях руководства,—вот что является самым насущным требованием в настоящее время. Задач много, работы непочатый край—разбросанность, распыление сил в таких условиях есть наиболее отрицательное качество руководства.

Другим существенным требованием в организационной работе является конкретность организационного руководства. Это в одинаковой мере относится как к партийным комитетам, так и к низовым руководящим организациям. Партийная директива должна не только четко и ясно намечать

задачи, но и указывать пути и методы их выполнения. В этом именно и заключается конкретизация партийного руководства. Нет нужды приводить фактический материал в доказательство того, что организационные директивы страдают общностью. Этот недостаток в основном является прямым результатом плохого изучения нашего собственного богатейшего опыта и невнимания к вопросу о создании положительного опыта.

Во всей системе руководства со стороны партийных комитетов важнейшее место должны занять показ в работе, изучение и создание положительного опыта, создание образцового примера. По линии положительного опыта, по линии образцовых примеров должна выравниваться вся практика повседневной работы. Ленин писал, что именно в наших условиях «сила примера впервые получает возможность оказать свое массовое действие». Основной метод создания положительного опыта заключается в сосредоточении крупных квалифицированных сил на небольшом участке работы и в выделении отдельной организации под особое, систематическое и повседневное наблюдение партийного руководства. В целях наибольшего воздействия образцовых примеров на повседневную практику было бы не вредно многие директивы заменить толковым изложением положительного опыта.

Только-что рассмотренные основные недостатки в практике организационной работы—неумение сосредоточиться на главном и неконкретность руководства — являются главной причиной неумения во всей системе работы наладить как по линии руководства, так и в низовой работе п р о в е р к у в ы п о л н е н и я партийных директив. Еще Ленин на XI с'езде партии выдвинул задачу—во всей работе «центр тяжести перенести на подбор людей, на проверку фактического исполнения». С тех пор прошло 6 лет. За это время в партийных директивах не раз подчеркивалось решающее значение лозунга о проверке выполнения. Тем не менее, опыт показывает, что работа больше всего страдает именно от отсутствия этой проверки. В чем тут дело? Изучение практики позволяет сделать вывод о том, что решающим препятствием является тут неумение в наших директивах и во всей нашей работе выделить главное, основное на данный плановый период и неконкретность партийных директив. Именно вследствие этого происходит метание от одной задачи к другой. «Времени нехватает» для того, чтобы всерьез сосредоточиться на основных вопросах. «Некогда» заниматься проверкой. «Вновь и вновь» встающие задачи отвлекают внимание от ранее данных директив. Тов. Сталин в одной из своих речей говорил, что нужно не только проверять выполнение директив, но и проверять также п р а в и л ь н о с т ь данной директивы. Изучение организационных директив местных партийных комитетов обнаруживает всю важность этого замечания. Надо заняться проверкой правильности директив и на конкретном опыте научить партийные организации не распылять своего внимания, правильно намечать узловые проблемы для данного района на каждый отрезок времени и строить организационную практику в соответствии с этими проблемами. Только таким путем возможно действительно подвести прочную базу под дело проверки исполнения.

Необходимо раз'яснить.

(Письмо в редакцию).

Уважаемые товарищи!

Я, член партии, получил задание от редколлегии стенной газеты своего учреждения написать передовую статью по поводу перевыборов в Московский и районные советы.

В одном месте своей статьи я написал:

«В результате семилетнего существования нэпа мы на основе незыблемости диктатуры пролетариата д о б и л и с ь к о л о с с а л ь н е й ш и х у с п е х о в. Выросли и окрепли с о ц и а л и с т и ч е с к и е элементы нашего хозяйства и общества. Вырос и окреп пролетариат—гегемон нашей социалистической революции. Выросла и развивается наша социалистическая индустрия. Растет и крепнет кооперация—потребительская и сельскохозяйственная. Последняя достигла колоссальнейших успехов в деле кооперирования и обобществления индивидуального крестьянского хозяйства.

Но н а р я д у с н а ш и м и у с п е х а м и на базе той же новой экономической политики, на базе индивидуального мелкого и мельчайшего крестьянского хозяйства несколько выросли и враждебные нам силы—нэпман в городе и кулак—в деревне».

Слова «несколько выросли» редколлегия газеты выбросила, заменив их словом «обнаглели».

Не споря по поводу того, что враждебные нам силы (нэпман и кулак) действительно обнаглели, я стал выяснять, почему же, однако, нельзя писать, что о д н о в р е м е н н о с р о с т о м с о ц и а л и с т и ч е с к и х э л е м е н т о в «на той же базе (нэп), на базе индивидуального мелкого и мельчайшего крестьянского хозяйства несколько выросли враждебные нам силы—нэпман в городе и кулак в деревне».

Каково же было мое удивление, когда я узнал от партийного члена редколлегии, что приводимая фраза не могла-де быть допущена потому, что она... троцкистская.

Не вдаваясь в споры о сущности троцкизма, я неофициально поставил этот вопрос перед секретарем ячейки, некоторыми членами бюро и др. коммунистами из ячейкового актива. И что же выяснилось?

Оказалось, что о д н и товарищи полностью присоединились к данной мною формулировке и считают ее абсолютно правильной, д р у г и е считают ее троцкистской, т р е т ь и поставили вопрос в той плоскости, что у нас-де не только не растут, но не могут «вообще» расти враждебные нам социальные группы,—почему и приведенная формулировка неправильна; ч е т в е р т ы е—что этот спор—пустяшный и не стоит о нем говорить и т. д. и т. п.

Короче,—оказалось, что по совершенно, как будто, ясному вопросу среди достаточно политически развитых коммунистов имеются такие разногласия. И, очевидно, разнобой по этому вопросу имеется среди коммунистов не только одной нашей ячейки.

Считая возникший между нами спор чрезвычайно важным, а не пустяшным, как думают некоторые мои товарищи, я прошу редакцию «Большевика» дать по этому вопросу исчерпывающее раз'яснение.

Почему я ставлю этот вопрос на страницах ЦО нашей партии и почему я настаиваю на правильности своей формулировки?

1. Если при всех наших внутренних и внешних затруднениях, при слабости нашей промышленности, отсутствии достаточно больших резервов и т. д.,—кулак и нэпман в результате 9-ти лет нэпа на базе индивидуального мелкого и мельчайшего крестьянского хозяйства не выросли (на ряду с колоссальным ростом социалистического сектора) и, как некоторые иные думают, даже и не могут расти (!),—то совершенно правы в таком случае сторонники правого оппортунистического уклона, которые, «не видя в деревне классов», усыпляют нашу бдительность по отношению к нашим классовым врагам, выступая против генеральной линии нашей партии и ее цека. В самом деле: какой смысл предупреждать партию и привлекать ее внимание к опасностям, идущим от нэпмана и кулака, раз кулак не растет и вообще не может расти?

И совершенно не случайно некоторые наиболее умные сторонники правого уклона пытаются оспорить возросшую опасность со стороны наших врагов и защитить себя от обвинений их в оппортунизме, сводя эти обвинения к... троцкизму, думая, что, если они приклеят ярлык троцкизма к ленинским формулировкам, то тем самым партийная масса, раз она не поддерживает троцкизма, «по совокупности», так сказать, отбросит и формулировки, даваемые сейчас партией.

2. Приведенная формулировка абсолютно правильна и вполне соответствует всему тому, чему учил нас Ленин и что было сказано в последнее время руководящими органами и руководителями нашей партии, так что, если троцкизмом является приведенная формула, то в троцкизме надо обвинить и Ленина, и цека нашей партии, и «Правду», и тов. Сталина, и некоторых других товарищей.

Что писал по интересующему нас вопросу Ленин?

В преддверии, так сказать, новой экономической политики, Владимир Ильич видел и привлекал внимание всей партии, всего рабочего класса к тем опасностям, которые несет с собою мелкое производство, к тем опасностям, которые вырастают из самой сущности нашей крестьянской экономики.

«Пока мы живем в мелкокрестьянской стране, для капитализма в России есть более прочная экономическая база, чем для коммунизма. Это необходимо запомнить... Мы корней капитализма не вырвали, и фундамент, основу у внутреннего врага не подорвали» (Том XVII, стр. 427).

Опираясь на учение Маркса и Энгельса, Ленин, в отличие от мелкобуржуазных обывателей от революции, считал и привлекал наше внимание к тому что «мелкое производство рождает капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе» (т. XVII, стр. 116).

Приведенные здесь цитаты из Ленина с чрезвычайной ясностью и убедительностью показывают, насколько антиленинским является утверждение, по которому у нас на ряду с гигантским ростом социалистических элементов совершенно якобы не происходит и даже не возможен,—пусть временный и пусть незначительный,—это вопрос другой,—но все же рост капиталистических элементов.

В нашем споре с товарищами, некоторые из них пытались оспаривать правильность ленинских формулировок для настоящего времени, ссылаясь на диалектику. «Надо,—говорят эти товарищи,—быть диалектиком. Ленинская формула была-де правильна в 1920 году, когда наш социалистический сектор был чрезвычайно слаб. Сейчас это положение резко изменилось, почему и нельзя теперь ссылаться на то, что говорил когда-то Ленин» (!).

Такая «диалектическая» постановка вопроса, однако, нисколько не спасает наших «диалектиков». Хотя за 8 лет, прошедших с тех пор, когда сказал это Ленин, социалистический наш сектор и колоссально вырос,—об этом

никому не следует забывать,—все же приведенная формула Ленина, как и большинство его других формулировок, верна и по сей день.

Следует таким «диалектикам» вообще напомнить, что многие и многие формулировки Ленина не только не устарели, но сохранят свою свежесть, остроту и злободневность и в будущем.

Обращаясь к существу вопроса, надо сказать, что ленинское утверждение «о ежедневном, ежечасном, стихийном рождении капитализма в массовом масштабе из недр мелкого производства» могло бы устареть лишь в том случае, если бы вместо все еще имеющегося в деревне господства мелкого производства превалирующей формой хозяйствования в сельском хозяйстве стало крупное коллективное хозяйство.

Иначе: ленинская формула могла бы устареть лишь в том случае, если бы в результате количественного нарастания коллективных форм в сельском хозяйстве, которое сейчас происходит, произошло уже и его качественное изменение и мы бы уже имели не 25 миллионов мелких индивидуальных крестьянских хозяйств, как сейчас, а, скажем, только 3 или 5 миллионов, еще не успевших об'единиться и влиться в господствующие уже крупные коллективные хозяйства, об'единенные единой системой управления и руководства и базирующиеся на высокой машинной технике и электрификации.

Но этого мы сейчас—об этом надо сказать ясно и недвусмысленно—не имеем. Мы теперь идем к этой цели, но, чтобы ее достигнуть, нам нужны годы величайшего напряжения всех своих сил по пути дальнейшего строительства социализма, развертывания нашей индустрии, кооперирования и коллективизации сельского хозяйства и т. д. и т. п.

Вот почему ленинские слова о выделении капитализма в массовом масштабе на базе мелкого производства, сказанные им в 1920 г., верны и сейчас—через 8 лет.

Вот почему партия, проводя ленинскую линию и помня его слова о том, что кулака «никогда нельзя примирить с рабочим классом», зорко следит и ограничивает рост кулака, проводит «усиленное социалистическое наступление», в мероприятиях которого (соц. наступления. *Р. Г.)* борьба с кулаком сопровождается усилением помощи и организации бедноты, укреплением союза с середняком, усиленным строительством совхозов, колхозов и т. д.

3. В полном соответствии с Лениным поэтому в передовой статье в «Правде» от 15 февраля 1928 г. («Первые итоги хлебозаготовительной кампании и задачи партии») было сказано:

«Из ряда причин, определивших затруднения в хлебозаготовках, следует отметить следующее:

Выросла и разбогатела деревня. Вырос и разбогател прежде всего кулак».

Мысль о том, что рост кулака оказался одной из немаловажных причин в затруднениях с хлебом, зафиксирована и в резолюции апрельского пленума ЦК и ЦКК о хлебозаготовках. В резолюции сказано:

«В основе этих затруднений лежало резкое нарушение в рыночном равновесии, при чем обострение диспропорции в рыночных отношениях... об'ясняется повышением доходности деревни, в особенности ее зажиточных и кулацких элементов»...

Формулировки абсолютно точные и недвусмысленные. И даны они были именно потому, что, как говорил тов. Сталин на октябрьском пленуме МК и МКК, в связи с весенними затруднениями в хлебозаготовках прошлого года выяснилось, что

«целый ряд коммунистов в волостях и селах выступал против политики партии, ведя дело на смычку с кулацкими элементами».

Анализируя социально-экономические основы правого уклона, обосновывая свою мысль, что правый уклон представляет для нас наибольшую опасность, тов. Сталин в той же речи говорит:

«Правая опасность... теперь выступает более выпукло в виду усиления мелкобуржуазной стихии».

Отрицание известного «усиления мелкобуржуазной стихии» и самых возможностей к этому усилению, которое происходит пока на ряду с колоссальным усилением нашего социалистического сектора, совершенно недопустимо для большевика. Забвение или замазывание этого факта находится в прямом противоречии с основами ленинизма и ведет (сознательно или бессознательно, это вопрос другой) к оппортунизму и примиренчеству с ним, ведет к «смычке с кулацкими элементами» под прикрытием того сладенького комвранья, с которым боролся Ленин.

И именно никто другой, как Ленин, так не бичевал тех коммунистов, кто это забывал или не понимал.

«В нашей программе каждый параграф есть то, что должен знать, усвоить и понимать каждый трудящийся. Если он не понимает, что такое капитализм, если он не понимает, что мелкое крестьянское и кустарное хозяйство неминуемо и обязательно рождает этот капитализм постоянно,—если он этого не понимает, то хоть бы он сто раз объявлял себя коммунистом и блистал радикальнейшим коммунизмом, этому коммунизму грош цена. Мы ценим коммунизм только тогда, когда он обоснован экономически» (т. XVI, стр. 13).

Эти ленинские слова необходимо теперь еще раз напомнить!

Р. Гринберг.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Судя по приводимым тов. Гринбергом материалам, в споре с товарищами из редколлегии стенгазеты он занимал в общем правильную позицию: совершенно неправильны утверждения в роде того, что «у нас-де не только не растут, но не могут «вообще» расти враждебные нам социальные группы» (?!—*Ред.*). Подобные утверждения, действительно, являются (в данном случае, повидимому, не осознанным) отражением идей правого уклона.

Однако, пытаясь иллюстрировать слова Ленина о корнях капитализма и социализма в стране «арифметическим» примером, т. Гринберг сам впадает в ошибку, противоположную ошибке его оппонентов, не видящих корней капитализма. Он рассматривает деревню совершенно вне связи с социалистическим городом, между тем как этот последний играет все же крупнейшую роль при подобном «подсчете сил» капитализма и социализма. Цифры тов. Гринберга («3», «5» и «25 миллионов хозяйств») явно нуждаются в коррективе: если в самой деревне корни капитализма и социализма, например, будут только равны по силе и прочности, то и тогда,—при наличии мощных экономических высот социализма в городе — социализм уже будет иметь в стране гораздо более прочную базу, чем капитализм.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

«ЧУВАШСКОЕ ХОЗЯЙСТВО», журнал хозяйственного и соц.-культ. строительства. Издание Госплана ЧАССР. 1928 г. № 3—4.

В этом журнале наше внимание привлекла одна статья: «К вопросу о постановке проблем пятилетнего перспективного плана народного хозяйства Чувашской Республики». Она дана в качестве передовой, редакционной статьи. Статья эта прежде всего очень путанная, во многом резко расходящаяся с содержанием других статей, помещенных в этом же номере журнала. Но главное, что и заставляет нас заняться ее разбором, заключается в том, что она содержит в себе ряд крупнейших политических ошибок. Помещенная без подписи автора и безо всяких оговорок со стороны редакции журнала, являющегося руководящим экономическим журналом Чувашской Республики, она может дать местным работникам совершенно неправильную ориентировку в вопросах огромной важности.

К чему сводятся основные положения этой статьи?

Автор ее, совершенно правильно указав, что колониальная политика царизма является причиной хозяйственного оскудения Чувашии, длящегося в течение десятков лет, и вырождения населения, вслед за этим заявляет:

«К сожалению, и революция пока-что не могла поставить что-нибудь реальное для противодействия этому процессу: земли чувашский крестьянин никакой не получил, лишь налоговые льготы несколько облегчают положение крестьянина, но они не могут ни в какой степени приостановить ужасного процесса. Крестьянское хозяйство продолжает дробиться, размеры землепользования из года в год все уменьшаются, и на наших глазах население мельчает во всех отношениях».

Вывод же, к какому приходит автор статьи, таков:

«Факт основных диспропорций народного хозяйства Союза, направляет исключительной силы удар по хозяйству Чувашии, он выбивает его из общей орбиты хозяйственного развития и приковывает к рутинному натурально-потребительскому хозяйству, оставляя в стороне от столбовой дороги к социализму».

И дальше:

«В настоящее время Чувашия... благодаря натурализации сельского хозяйства, вследствие дробления и измельчания, начинает выпадать из системы общественного разделение труда в Союзе. Задача заключается в том, чтобы вместо ускользающего звена зернового хозяйства ухватиться за другое звено цепи и через это звено включить Чувашию в общую систему общественного разделение труда Союза».

Звено цепи, за которое нужно ухватиться,—это индустриализация Чувашии:

«Центральным местом в работе должна быть, само собой разумеется, индустриализация края; индустриализация—это единственный якорь спасения для чувашского хозяйства и крестьянства». Основным же вопросом индустриализации края, по мнению автора, является разрешение «проблемы дуба». «Если проблема дуба не найдет разрешения в ближайшее пятилетие, то не будет преувеличением, если мы скажем, что дело индустриализации Чувашии встретится с большими препятствиями и значительными затруднениями. Проблема дуба—это гвоздь проблемы индустриализации».

Приведенных цитат достаточно для характеристики основных положений автора разбираемой статьи. Эти цитаты с полной очевидностью показывают, что ее автор считает, что Октябрьская революция «пока-что» ничего не изменила в том положении, в котором Чувашия находилась при

царизме, что наличие диспропорций в хозяйстве Союза по существу обрекает Чувашию на положение колонии, оставляя ее «в стороне от столбовой дороги к социализму», что на зерновом хозяйстве нужно поставить крест и что выход из того оскудения, в каком находится чувашское хозяйство, нужно искать не столько в под'еме сельского хозяйства, сколько в индустриализации края. Вся установка статьи такова, что вопросы сельского хозяйства, которым в Чувашии занято 95% населения, целиком отодвигаются на второй план.

Конечно, **все** эти положения сугубо неправильны. Их отстаивание представляет собой крупную политическую ошибку.

Верно то, что чувашское хозяйство и в настоящее время проявляет признаки оскудения, что констатировал и Совнарком РСФСР в своем постановлении по докладу Совнаркома ЧАССР 30 августа 1928 г., сказавши:

> «Народное хозяйство на территории Чувашской АССР отстает от общего уровня, проявляя признаки оскудения, что выражается в отношении сельского хозяйства в одностороннем зерновом направлении полеводства с ничтожным развитием интенсивных культур в неустойчивости и падении урожайности полей, в малоземелье и перенаселенности, в мелких размерах крестьянского хозяйства, в плохом качестве скота, при значительном недостатке кормов, в ничтожном проценте индустриализации сельского хозяйства, в неземлеустроенности крестьянских земель при весьма значительных недостатках землепользования и в крайне незначительной роли промышленности в хозяйстве Чувашской АССР».

Верно и то, что сельское хозяйство Чувашии не достигло еще (по размерам урожайности) довоенного уровня. Однако, довоенного уровня сельское хозяйство, в своей зерновой части, не достигло и по всему Союзу в целом. Является ли это основанием для того, чтобы и в отношении всего Союза говорить о зерновом хозяйстве, как об «ускользающем звене цепи», а тем более, чтобы противопоставлять задачи под'ема зернового хозяйства задачам индустриализации страны?! Верно то, что в Чувашии налицо процесс дробимости крестьянских хозяйств. Но разве этот процесс не свойственен и всему сельскому хозяйству Союза? И разве из этого процесса дробимости крестьянских хозяйств правильно умозаключать относительно деградации сельского хозяйства? А ведь постановка вопроса у автора разбираемой нами статьи сводится именно к такому умозаключению. Он стоит на той точке зрения, что сельское хозяйство Чувашии **деградирует**. Иначе нечем об'яснить такие его заявления:

> «О зерновом хозяйстве и говорить не приходится, оно не только не разрешит проблемы, но даже может направить наши мероприятия по совершенно ложному пути. Ведь при таком катастрофическом малоземелье даже переход на многопольный севооборот не поможет делу товаризации, сельскохозяйственная продукция и в этом случае не будет в состоянии удовлетворить личные потребности сел.-хоз. населения».

Ясное дело, что такая ультра-пессимистическая оценка перспектив зернового хозяйства в Чувашии может принести лишь громадный вред делу изживания чувашским хозяйством тех признаков оскудения, которые в нем сейчас еще имеются. Задачей всего Союза является всемерная помощь таким отсталым республикам и областям, как Чувашия, в целях скорейшего изжития хозяйственного оскудения, являющегося наследием царизма. Но совершенно очевидно, что для таких ярко выраженных сельскохозяйственных районов, как Чувашия, это изживание хозяйственного оскудения должно итти по линии под'ема зернового хозяйства и интенсификации сельского хозяйства. Предложение ставить крест на зерновом хозяйстве здесь есть не что иное, как парение в облаках.

Вне всякого сомнения, сельское хозяйство Чувашии находится в тяжелом состоянии, даже сравнительно с состоянием его в других районах СССР. Однако, и здесь наш автор чрезмерно сгущает краски. Вот пара примеров.

Приводя данные о действительно огромном аграрном перенаселении Чувашии, автор приводит цифры относительно плотности населения Чувашии. Указав на **четыре** района с плотностью свыше 60 человек на кв. километр, он заявляет:

> «В других районах эта цифра колеблется от 48,22 до 58,72 чел. на кв. километр. Только в двух районах она равняется 23,22 и 35,61 чел. Плотность приведенных в табличке районов является характерной для Чувашии».

Но он забывает прибавить, что в табличке им приведена плотность населения 4 районов, а их в Чувашии 17 и средняя плотность населения по Чувашии в том же номере журнала «Чувашское Хозяйство», в статье инженера Д. И. Джуся, приводится такая: 53,25 человек на кв. килом., а в докладе Совнаркому РСФСР А. М. Михайлова (одного из редакторов этого же журнала)—и еще меньшая (49,6 чел. на кв. килом.), т.-е. как раз приведенные 4 района характерными считаться не могут. И тем не менее, наш автор, указав, что плотность населения ЦЧО выражается в 51,9 чел., заявляет: «Центрально-Черноземная Область по плотности отстает от Чувашии в круглых цифрах на целых 20 чел.». Хорошие «круглые цифры!»

Второй пример. Наш автор утверждает, что отхожие промыслы для чувашского крестьянина никогда не играли и не могут играть сколько-нибудь заметной роли, сравнительно с той ролью, какую они играют для русского крестьянина, из-за незнания чувашами русского языка. Он пишет:

> «Если разоряющийся русский крестьянин (дело идет о временах царизма) во многих случаях мог рассчитывать перейти на другую работу, то такой путь выхода из тупика для разоряющегося чувашского крестьянина был заказан: незнание русского языка приковывало его к клочку земли».

И дальше:

> «Что же касается Центрально-Черноземной области, то аграрное перенаселение там смягчается отходами сельского населения в промышленные районы и в южные сельскохозяйственные районы. Этого никак нельзя сказать относительно Чувашии: здесь хозяйство зерновое, трехпольное, а отходы весьма ограничены: незнание или плохое знание русского языка в особенности служит большим к этому препятствием».

Наш автор, видимо, считает свой аргумент, основанный на незнании чувашами русского языка, настолько убедительным, что и не пытается каким-либо фактическим материалом подтвердить свою мысль о том, что отходы в Чувашии весьма ограничены. Между тем опять-таки в том же номере «Чувашского Хозяйства» помещена статья И. Риманова «Отхожие промыслы в Чувашской республике», в которой не только черным по белому написано, что «бывшая Казанская губерния, в состав которой входила и Чувашия, по количеству отхода сельскохозяйственного населения на заработки сравнительно с соседними губерниями занимала **первостепенное** место», но и приведены соответствующие цифры, подтверждающие эту мысль. И. Риманов указывает также, что сравнительно с 1913 г количество отходничества значительно снизилось (на 24,5%). Чем это об'ясняется?

> «Такой значительный процент снижения уходящих на отхожие промыслы по сравнению с довоенным временем об'ясняется, во-первых, тем фактом, что процесс диференциации крестьянского хозяйства в условиях советской действительности происходит неизмеримо слабее, чем это имело место в дореволюционное время... Во-вторых, ростом доходности крестьянского хозяйства...».

Все эти данные, приводимые в статье И. Риманова, целиком опровергают выставленный автором разбираемой нами статьи тезис.

Мы остановились столь подробно на вопросах о сравнительной плотности населения в Чувашии и на отходничестве для того, чтобы показать, насколько легкомысленно автор статьи «К вопросу о постановке проблем» и т. д. обращается с фактами, насколько он поспешно делает выводы.

Сельское хозяйство СССР развивается чрезмерно медленным темпом сравнительно с развитием промышленности, сравнительно с потребностями индустриализации страны. Этот замедленный темп развития особенно остро дает себя знать в отдельных районах, в том числе и в Чувашии. Но тем не менее, оно идет вперед и во всем СССР и в частности в Чувашии. Глупо говорить о его деградации и в СССР и в частности в Чувашии. В Чувашии до революции всего 7% хозяйств применяли плуг. В 1928 году плуг применяется уже в 23% хозяйств. Это уже значительный шаг вперед сравнительно с прошлым, хотя он и очень мал сравнительно со стоящими перед нами задачами социалистического переустройства сельского хозяйства. До революции Чувашия не знала ни многополья, ни удобрений, ни протравливания семян ни других видов агропомощи. А вот что пишет М. Спиридонов в статье «Весенняя посевная кампания в Чувашской республике» все в том же номере того же журнала:

«Если в деле социального и технического переустройства сельского хозяйства мы разовьем такой же темп, как в текущем году, то в ближайшие 5—7 лет будет покончено с трехпольем, и значительная часть деревни будет организована в коллективы и переведена на социалистические рельсы».

Мы, конечно, не можем с полной категоричностью утверждать, что М. Спиридонов в данном случае не переоценивает перспектив, но для всякого ясно, что, во-первых, на будущие годы темп технического и социального переустройства сельского хозяйства должен быть еще более напряженным, чем в истекшем году, о котором пишет М. Спиридонов, а, во-вторых, такие перспективы (не взятые под сомнение редакцией журнала «Чувашское Хозяйство») находятся в вопиющем противоречии с основной установкой передовой статьи этого журнала, ибо они не дают никаких оснований утверждать, что Чувашия оказывается «в стороне от столбовой дороги к социализму», что она «начинает выпадать из системы общественного разделения труда Союза». Автор этой злосчастной передовой утверждает, что даже при полном переходе на многополье «сельскохозяйственная продукция не будет в состоянии удовлетворить личные потребности с.-х. населения», т.-е. не даст товаризации сельского хозяйства. Но ведь в уже цитированном нами выше докладе Совнаркому РСФСР А. М. Михайлова приводится такая таблица товарности сельского хозяйства Чувашской республики:

	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
Коэффициент товарности	14,7	16,4	12,9	15,2

Это мало чем отличается от коэффициента товарности сельского хозяйства ряда других районов СССР. Значит ли это, что и они «выпадают из системы разделения труда», «стоят в стороне от столбовой дороги» и т. д.? Конечно, ни в какой мере не значит. Это говорит лишь о том, до какой степени передовик из «Чувашского Хозяйства» потерял всякие перспективы перед лицом тех признаков оскудения чувашского хозяйства, которые до настоящего времени в нем действительно продолжают сказываться, до какой степени он способен впадать в панику перед действительно трудной, но разрешимой проблемой поднятия зернового хозяйства. И это говорит о том, что у нас еще очень часты случаи самого пустого прожектерства, вместо обсуждения конкретных путей преодоления трудностей, стоящих на пути социалистического строительства.

Нет никакого сомнения, что «проблема дуба» имеет для чувашского хозяйства первостепенное значение. Но пустым прожектерством является утверждение, будто для выхода из того оскудения, которое продолжает сказываться в чувашском хозяйстве, нужно выпустить из рук «ускользающее звено зернового хозяйства» и схватиться за новое звено, каким является

проблема дуба. С таким же успехом в отношении ЦЧО можно сказать: оставим задачу под'ема зернового хозяйства или отодвинем ее на второй план, а на первый план поставим задачу индустриализации ЦЧО и при составлении пятилетнего плана по ЦЧО будем особенно нажимать на отпуск средств для разработки Курской магнитной аномалии. Иначе-де ЦЧО окажется «в стороне от столбовой дороги к социализму» и «начнет выпадать из системы разделения труда в СССР».

Нет никакого сомнения в том, что одной из причин наличия признаков оскудения в хозяйстве Чувашии следует признать слабое развитие в ней промышленности. Вопрос о развитии промышленности, базирующейся на переработке местного сырья (в том числе и дуба) и в первую очередь сельскохозяйственных продуктов, имеет весьма важное значение для Чувашии.

Но значит ли это, что правилен лозунг «индустриализация Чувашии»? Этот лозунг абсолютно неправилен. Когда партия выдвинула лозунг индустриализации страны, то на местах часто ставили вопрос об индустриализации своей республики, области, губернии, края, округа, уезда и т. д. Это неправильно, так как лозунг индустриализации, как неоднократно говорилось и подчеркивалось, не равнозначен простому развитию промышленности. Он означает такое развитие промышленности и развитие таких ее отраслей, при котором наша страна в экономическом отношении превращается из аграрного дополнения к мировому хозяйству, из далекой окраины капиталистического мира в страну, врезывающуюся в сложившееся на мировом рынке разделение труда, так изменяющую его, что она становится страной экономически самостоятельной, центром, вокруг которого будут группироваться отпадающие от капитализма страны.

При таком единственно правильном понимании лозунга индустриализации СССР совершенно бессмысленными становятся лозунги местных индустриализаций для всех без различия областей, и поскольку они выдвигаются, они в той либо другой мере становятся отражением националистических, мелкобуржуазных и буржуазных давлений на отдельные слои партии. Конечно, возможность таких давлений особенно велика в национальных республиках и областях, особенно хозяйственно отсталых.

Необходимо самым напряженным образом работать над осуществлением директивы XV с'езда партии, выраженной в словах: «Пятилетний план должен уделить особое внимание вопросам под'ема экономики и культуры отсталых национальных окраин и отсталых районов, исходя из необходимости постепенной ликвидации их экономической и культурной отсталости, соответственно предусматривая более быстрый темп развития их экономики и культуры».

Забвение этой директивы было бы величайшим проявлением великорусского шовинизма. Но отпор должен даваться не только великорусскому шовинизму, но и национализму местному, не видящему и не желающему видеть общих задач строительства. А что именно такого рода национализмом попахивает от разбираемой нами статьи, это вне всякого сомнения. Ведь, в самом деле, мы видели, что автор ее усмотрел единственный плюс от Октябрьской революции в том, что она несколько облегчила налоговое бремя для чувашского крестьянства. Но она-де не приостановила его вырождения. Он забывает упомянуть о том, что до революции процент охвата чувашских детей школами едва достигал 30, а сейчас он поднялся до 78, о значительном понижении процента смертности как всего населения, так и детей, о широких мероприятиях в области медицинской помощи населению, о мероприятиях по борьбе с трахомой — этим бичем чувашского населения, наконец, о том, что местный бюджет в Чувашской республике свыше 70% своей доходной части получает из общереспубликанских и союзных средств, о том, что за время существования Чувашской республики на чувашском языке

издано несравненно больше книг, чем за все время существования чувашской письменности и т. д., и т. п. Его точка зрения, по сути дела, сводится к тому, что Чувашия как была русской колонией, так и осталась. Когда он пишет,— «итак, четыре момента — индустриализация, товаризация сельского хозяйства, транспорт и проблемы культурной революции—должны быть конкретно разработаны и поставлены в пятилетке, как первейшая и очередная задача, ибо если эти задачи не будут поставлены и по силе возможности не разрешены (явная опечатка, следует читать: «разрешены»), то теряет, по сути дела, всякий смысл существование автономии», — то как можно это понять? Только так, что до сих пор существование автономии не имеет никакого смысла, что она является лишь прикрытием колонизаторской великорусской политики в отношении Чувашии, что социализм в СССР строится за счет отсталых национальных республик, а они остаются в стороне от столбовой дороги к социализму.

Несомненно, что такого рода настроения, довольно явственно звучащие у автора разбираемой нами статьи, не являются чем-то чисто случайным, не являются просто индивидуальной ошибкой автора этой статьи. Они являются, как и всякие проявления национализма, продуктом давления на отдельные звенья госаппарата и партии подрастающей новой чувашской буржуазии, которая свою борьбу против диктатуры пролетариата в СССР ведет под прикрытием жалоб и намеков на то, что хозяйство Чувашии развивается слишком медленно или даже деградирует по той причине, что за ее счет идет социалистическое строительство в других районах. Несомненно, что кое-что от таких националистических влияний имеется и в данной статье, чем и об'ясняются допущенные в ней крупные политические ошибки.

Чем скорее редакция журнала «Чувашское Хозяйство» на своих страницах исправит их, тем лучше.

По имеющимся у нас сведениям, основные положения этой статьи встретили дружный отпор со стороны актива чувашской партийной организации.

Борис Ольховый.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 7 15 АПРЕЛЯ № 7

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 9
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
„П Р А В Д А"

Главлит № А—26677. Тираж 70.000 экз.
Тип. газ. „Правда“, Москва, Тверская, 48.

К XVI всесоюзной партийной конференции.

Открывающаяся XVI всесоюзная конференция будет играть в истории нашей партии доподлинно громадное значение. Не многим более года прошло со времени XV с'езда — но этого времени оказалось достаточно, чтобы продемонстрировать всю правильность принятых тогда партией решений, чтобы подготовить на основе именно этих решений план величайшей реконструктивной работы ближайшего пятилетия. Нужно прямо сказать, что партия подходит к конференции окрепшей, выросшей, способной ясно видеть и намечать перспективу, не поддаваясь влиянию трудностей, не подчиняя преходящим задачам дня общие и длительные интересы строительства социализма. Нужно прямо сказать, что партия идет на конференцию с полной готовностью дать решительный отпор тем, которые проявили колебания в сторону от решений XV с'езда и пленумов ЦК, дать отпор прямым проявлениям правого уклона и примиренчеству по отношению к нему. Трудности переживаемого времени, четко по-ленински намечаемые перспективы могут и должны лишь обязывать каждого коммуниста к сознанию исключительной ответственности, которая на него ложится, к большевистской дисциплинированности, а отнюдь не к размагниченному неверию в дело дальнейшего успешного строительства. Тот факт, что на конференции стоит конкретно разработанный план пятилетки, свидетельствует о нашем значительном продвижении вперед. Этот план уже подвергся широкому обсуждению советской общественности. В процессе обсуждения выявились отдельные точки зрения по ряду основных вопросов пятилетки. Их учтет партийная конференция, когда будет выносить свое окончательное решение.

Пятилетка ставит чрезвычайно много весьма существенных по своему значению вопросов. Однако было бы ошибкой за грудой этих вопросов просмотреть основное. В решениях XV партийного с'езда «о директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства» мы имеем следующее чрезвычайно важное место: «При составлении пятилетнего плана народного хозяйства... необходимо стремиться к достижению наиболее благоприятного сочетания следующих элементов: расширенного потребления рабочих и крестьянских масс; расширенного воспроизводства (накопления) в государственной индустрии на основе расширенного воспроизводства в народном хозяйстве во-

обще; более быстрого, чем в капиталистических странах, темпа народнохозяйственного развития и непременного систематического повышения удельного веса социалистического хозяйственного сектора, что является решающим и главным моментом во всей хозяйственной политике пролетариата». Дальше в решениях с'езда говорится о том, какую печать на пятилетку должно наложить то своеобразное положение Советского Союза, которое он занимает, находясь в капиталистическом окружении; специально детально расшифровывается, что значит установление правильных взаимоотношений между производством и потреблением, что значит определенный темп развития, каково должно быть соотношение между развитием тяжелой и легкой индустрии; наконец, решение говорит о социально-классовой стороне пятилетки — «пролетариат, преодолев противосередняцкий уклон в среде своей партии, на основе достигнутого укрепления рабоче-крестьянского блока, вместе со всей бедняцкой и середняцкой массой имеет теперь возможность перейти к дальнейшему, более систематическому и настойчивому ограничению кулака и частника. Такова должна быть основная классовая установка пятилетнего плана народного хозяйства». «План должен исходить из основной классовой установки партии, а именно: из политики опоры на бедноту, прочного союза с середняком и наступления на кулака».

Все эти решения с'езда нашли себе широчайшую поддержку со стороны всей партии. Конкретное преломление этих директив за истекший год в решениях пленумов ЦК не вызывает сомнений, ЦК ни на йоту не отступил от линии с'езда. Колебания вправо проявили отдельные товарищи ровно тогда, когда нужно было проявить максимальную стойкость и выдержку, — трудности, связанные с хлебозаготовками и хлебоснабжением, привели их к постановке в той или иной форме кардинальных вопросов соотношения в развитии различных отраслей народного хозяйства, сельского хозяйства и промышленности, внутри промышленных отраслей производства и т. д., словно эти вопросы не решены партией, словно партия готова пересмотреть свои решения XV с'езда; словно отправные позиции рабочего класса — его союз с основной массой крестьянства, наступление на капиталистические элементы города и деревни — вызывают какие-либо сомнения.

Крайне низкий уровень сельского хозяйства, особенно зерновой его отрасли, техническая отсталость, распыленность, отсюда — малотоварность лежат в основе современных трудностей. Июльский пленум ЦК с исчерпывающей полнотой и ясностью в полном соответствии с решениями с'езда говорит о тех способах, которые обеспечивают партии их преодоление. Несомненно, что в пятилетке найдут себе отражение эти решения. Однако было бы величайшей ошибкой всю пятилетку подчинять только этой задаче, противопоставляя ее общим задачам индустриализации страны; было бы в корне неправильно пятилетку перекраивать таким образом, чтобы из нее получилась особая

двухлетка, специально приспособленная для быстрейшей ликвидации имеющихся затруднений. Такого рода предложения с очевидностью вскрывают давление кулацкой идеологии на отдельные партийные кадры, вскрывают подоплеку и нутро правого уклона. XV с'езд говорит об установлении правильных взаимоотношений всех элементов хозяйства страны, которые бы шли по пути индустриализации страны определенным темпом, имея в виду, прежде всего, развитие тяжелой промышленности, предполагая соответствующее перераспределение накоплений в хозяйстве, укрепляя социалистический сектор, проводя систематическое наступление на капиталистические элементы. Всякое умалчивание о темпе индустриализации по существу является расхождением с линией партии. Правоуклонисты исходят из того отвергнутого всей партией положения, что сельское хозяйство у нас деградирует, что кривая развития сельского хозяйства есть кривая, идущая вниз. Только эта совершенно ложная оценка может привести к тому, что решения пытаются ставить на голову — вместо пятилетки, учитывающей общие задачи индустриализации страны, ставятся задачи «2-летки», учитывающей интересы отдельных отраслей хозяйства; вместо распространения оптимального варианта на те отрасли народного хозяйства (в первую очередь тяжелую индустрию), ведущая роль которых является политически решающей — распространять его только на все то, что относится к земле. Это и значит отступить от решений с'езда, пересмотреть их под углом сдачи позиций рабочего класса его классовым врагам; это значит фактически вместо систематического наступления на кулака держать курс на мирное сожительство с ним, на его органическое врастание в социализм. Резолюция XV с'езда говорит:

> «... Должна быть отвергнута общая установка на «временное» форсированное кредитование сел. хоз. и максимальное расширение хлебного экспорта за счет индустриальных вложений. Эта политика... противоречила бы политике индустриализации страны, задерживала бы рост нашей индустрии и хозяйственно разоружила бы нас перед лицом внешнего капиталистического мира».

XVI партконференция останется на позициях XV с'езда в этом основном и решающем судьбу пролетарской революции вопросе — она твердо скажет свое слово за определенный темп индустриализации Союза, с тем соотношением отдельных отраслей хозяйства, которое обеспечивает ведущую роль промышленности. Конференция отвергнет правоуклонистские предложения, как предложения, в своей основе противоречащие линии партии.

Те колоссальные средства, которые будут брошены в народное хозяйство Союза, действительно преобразуют во многом лицо и промышленности и сельского хозяйства. Собственно, могучая полоса реконструктивной работы только начинается. За ближайшее пятилетие

будет вложено вдвое больше средств против истекшего пятилетия (54 — 66 млрд. руб. и 25 млрд. руб.). Промышленность (13 — 15 млрд. р.), электростроительство (3 млрд. р.), транспорт (8 — 9 млрд. р.) получают 24 — 27 млрд. рублей, сел. хоз. — 22 — 24 млрд. р. Это — невиданные цифры, за которыми скрываются процессы, в корне преобразующие хозяйство страны, укрепляющие позиции рабочего класса.

Производство чугуна вырастет с 4 млн. до 10 млн. тонн, добыча угля с 36 млн. до 75 млн. тонн, электроэнергия с 5 млрд. до 22 млрд. клвч.; химических удобрений — с 5 тыс. тонн до 7 млн. тонн; производство с.-х. машин с 125 млн. руб. до 600 млн. руб. В сельском хозяйстве расширяется посевная площадь, повышается урожайность, значительно продвинется разрешение проблемы энергетики. Развитие производительных сил сельского хозяйства, его товарности, при под'еме бедняцко-середняцких индивидуальных хозяйств — пойдет особенно быстро вперед в обобществленном секторе. Его посевная площадь возрастет с 2 млн. га до 27 млн. га; 40% товарной массы зернокультур будет давать этот сектор. До 20 млн. сельскохозяйственного населения будет охвачено коллективными формами производства.

Реконструктивная полоса по-новому ставит проблему взаимоотношений города и деревни, форм смычки рабочего класса с основной массой крестьянства. Громадное напряжение сил и средств будет сопровождать величайшую строительную работу. Совершенно очевидно, что в первые же годы пятилетки не удастся разрешить задачу устранения товарного голода в стране. Важно иметь в виду, что мы будем иметь огромный рост удовлетворения спроса деревни на те товары, которые служат средствами производства. Именно в этом основа новых форм смычки рабочего класса с крестьянством. Значение производственной кооперации возрастает на исключительную высоту. Все процессы, которые обобществляют производство или подготовляют крестьянское хозяйство к этой высшей производственно-технической его организации, получают самое широкое распространение. Проблема энергетики разрешается благоприятно в первую очередь для колхозных об'единений, для новой организации производственного обслуживания крестьянских масс в виде межселенных машино-тракторных станций, для крупных хозяйств — совхозов.

Контрактация широко прививает производственную агрикультуру, подготовляя крестьянство к колхозам. Вопреки разговорам о том, что партия якобы становится на троцкистский путь отрицания смычки с середняцким крестьянством, смычка рабочего класса и бедноты с середняком получает свое дальнейшее развитие на технико-производственной основе, и в этом ее решающее значение. Попыткам ограничительно толковать кооперативный план Ленина, сводя его только к обороту, партия даст самый решительный отпор. Три истекших года, связанных с первыми шагами по реконструкции хозяйства в целом, коснулись и деревни. Кривая медленно, но идет вверх. Реконструктивные моменты понимаются массами крестьянства, создают для

них определенные перспективы. Также понятно, что с периодом реконструкции связывается доподлинное выкорчевывание элементов капитализма в деревне, активное наступление на кулака. До известных пределов мы будем иметь обострение классовой борьбы в деревне — важно перед лицом этой обостряющейся борьбы занять твердую линию наступления на кулака. Всякие попытки в настоящий момент сгладить, попридержать наступление на кулака льют воду на мельницу последнего, укрепляют его и в партии могут об'ясняться лишь недооценкой и замазыванием сил нашего классового врага.

XVI конференция, на повестке дня которой стоит специальный доклад о развитии сел. хоз. под углом облегчения налогового обложения середняка, своими решениями обеспечит еще большее сплочение основной массы крестьянства вокруг единственно правильных лозунгов партии. Никаких отступлений, ни малейших уступок антикоммунистической идеологии троцкизма в коренном вопросе союза с середняком партия не допустит.

Фрумкинским разговорам, разговорам тех, которые сползают, приближаются к т. Фрумкину, проповедуя теорию деградации сел. хоз., неверие в строительство колхозов и совхозов, недооценивая их роль для современной полосы развития; которые не понимают кооперативного плана Ленина, проповедуют теорию постоянных уступок; всему тому, что «на деле является идеологическим отражением напора на советское государство капиталистических элементов, стремящихся повернуть деревню на капиталистический путь» — необходимо положить конец. Перед партией стоят сложнейшие задачи, на осуществление которых она бросает все свои силы — так пусть не мешают партии в осуществлении этих задач. Партия умудрена при жизни Ленина и после его смерти громадным опытом борьбы с теми, кто становится на ее пути. Партия сильна, чтобы с ленинской последовательностью проводить намеченную линию, опираясь на поддержку подавляющих масс рабочих, пользуясь доверием своей опоры и союзника в деревне.

В полосе современных затруднений проходила кампания по перевыборам советов. Ее основным политическим итогом, очевидным для всех, является рост активности масс, их сплоченности вокруг партии и советов. Союз рабочего класса с крестьянством скреплен перевыборной кампанией советов. Намечаемые пятилеткой и ближайшие мероприятия, уже проведенные в части сел.-хоз. налога, могут лишь закрепить этот союз, ни в коем случае не ставя его под сомнение. Это ясно.

Сложнейшие задачи выполнения производственной программы текущего года, снижения себестоимости, повышения производительности труда через решительную борьбу с прогулами подняли целую волну рабочей инициативы, изобретательности. Социалистическое соревнование, захватившее громадные пласты рабочих, горячо взявшихся за дело — лучший показатель силы и мощи, которые могут быть на-

правлены на боевые участки нашего строительства, которые способны преодолевать громадные трудности.

Однако следует со всей решительностью сказать, что есть элементы, которые как раз в этой части могут замедлять наше продвижение вперед. Такими резко значимыми элементами являются недостаточная культурность широких масс рабочих и крестьян, бюрократизм советских, хозяйственных и профсоюзных органов, отсутствие необходимого числа и качества специалистов.

Пятилетка в отношении культуры масс должна предусматривать значительные сдвиги, которые бы обеспечили нам—через решительное распространение грамотности, установление 7-часового рабочего дня, улучшение материально-бытового положения рабочих — еще большее участие последних во всех звеньях социалистической великой стройки. Только систематическое и неуклонное поднятие культурности масс, смелое выдвижение передовых рабочих на ответственную работу поможет постепенно преодолевать и бюрократические наросты на здоровом теле.

Необходимо, чтобы пятилетка обеспечивала заметное улучшение в части подготовки специалистов. Их роль в период реконструкции вырастает на громадную высоту. Если мы не будем в решающих местах иметь преданных делу строительства специалистов и в промышленности и в сельском хозяйстве — мы не будем иметь гарантий выполнения всех тех планов, которые развертываются в качестве реальной перспективы второго десятилетия существования Советского Союза.

XVI всесоюзная партийная конференция собирается в ответственный момент для того, чтобы разрешить ребром поставленные вопросы жизни и перспектив партии, рабочего класса, Советского Союза.

Не подлежит сомнению, что XVI конференция сумеет справиться с поставленными перед ней задачами, сумеет еще тесней сплотить партию на основе ее генеральной линии, сумеет дать решительный отпор попыткам колебать большевистскую дисциплину, сумеет укрепить ленинское единство партии.

М. Мудрик.

К вопросу о природе современных рыночных затруднений.

Огромные неудовлетворенные потребности многомиллионных масс нашей страны и та сложная международная обстановка, в которой находится Советский Союз, выдвигают чрезвычайно остро задачу обеспечения максимальных, но тем не менее устойчивых, несрывающихся темпов развития нашего хозяйства. Решение этой задачи предполагает, разумеется, постоянное до крайности напряжение всех живых сил и материальных ресурсов, достаточно полное и целесообразное их использование, правильное сочетание в развитии отдельных элементов хозяйства. Прямо-таки решающим условием при этом является установление тесных и прочных хозяйственных отношений между сельским хозяйством и промышленностью, между городом и деревней, имея в виду, что «по линии регулирования в з а и м о о т н о ш е н и й м е ж д у г о р о д о м и д е р е в н е й лежат основные трудности и основные проблемы хозяйственной политики пролетариата» (XV с'езд).

В современных условиях советского хозяйства хозяйственные отношения между национализированной, относительно концентрированной промышленностью и распыленным сельскохозяйственным производством неизбежно выливаются в форму рыночных отношений. Рыночные связи в их простейшей форме купли-продажи в наших условиях не являются единственной формой связи между государственным хозяйством и крестьянством. С каждым годом усиливается значение иных связей, возникающих на почве производственных кредитов, либо непосредственного производственного обслуживания крестьянского хозяйства. Однако, и рыночные формы сохраняют свое и притом немалое значение. Кроме того, исключительное значение сохраняет рынок для установления хозяйственных связей внутри сельского хозяйства, индивидуальных крестьянских хозяйств между собой. Поэтому, анализ процессов, протекающих в области рыночных явлений, представляет большое значение.

Уже в течение полутора лет страна испытывает серьезные затруднения на хлебном рынке. По сути вещей, всякая попытка рассматривать явления, лежащие в области рыночных отношений, приводит к анализу процессов в области производства. И в данном случае кризисное состояние хлебного рынка подводит нас к выявлению как некоторых экономических процессов, протекающих в сел.-хоз. производстве, так и особых черт в отношениях между городом и деревней, присущих данному отрезку времени. Правильная оценка характера современных затруднений делает необходимой постановку двух вопросов: 1) каковы основные причины затруднений на хлебном рынке; 2) являются ли эти затруднения результатом ошибочной политики, промахов и просчетов, или же для данной стадии развития нашего хозяйства они в о с н о в н о м являются совершенно неизбежными.

Прежде чем перейти к анализу причин современных затруднений по хлебозаготовкам и хлебоснабжению, остановимся кратко на характери-

стике фактической стороны дела за последние 3—4 года. Достаточно показательными являются следующие данные в % %:

	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.
Движение посевных площадей под зерновыми хлебами	100	107.3	109,2	107,2
В том числе по ржи и пшенице	100	107,5	110,6	109,4
Движение валовых сборов зерновых хлебов	100	105.4	98,7	99,8
В том числе по ржи и пшенице	100	110,7	103,0	95,1
Рост населения городского и сельского	100	102,3	104,6	107,0
В том числе городского	100	105,6	109,6	113,7
Потребление городского населения, армии и промышленности	100	103,6	112,0	—
Расход деревни на обсеменение, прокорм скота и продов.	100	105,8	106,5	—

Следовательно, за последние три года при росте всего населения на 7%, а городского на 13,7% и при росте потребления хлеба городом (за 2 года) на 12% валовые сборы, напротив, уменьшились на 0,2%, а по двум основным продовольственным культурам почти на 5%, при чем тенденция расхождения между движением валовых сборов продовольственных хлебов и ростом потребления выявляется с урожая 1927 года. Эта картина станет еще более убедительной, если принять во внимание, что наибольшее падение валовых сборов по продовольственным культурам имело место в двух наиболее товарных районах—Украине и Сев. Кавказе,—т.-е. тех районах, производство которых имеет первостепенное значение для хлебного рынка в целом: по Украине сборы ржи и пшеницы составляли в 1925 г.: 9,62 млн. тонн, в 28 г.—5,475 млн. тонн,—снижение на 43%; по Сев. Кавказу в 25 г.—5,21 млн., в 28 г.—2,69 млн. тонн—снижение около 50%. Следует к тому еще учесть отставание современного зернового производства от довоенного: по данным Госплана производство зерновых хлебов в 25—26 г. составляло около 84% от производства 13 года, а за последние 3 года, как мы видели, оно не возросло. Если мы обратимся к цифрам заготовок, то увидим следующее (в тыс. декатонн):

	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Плановые заготовки	841,4	1059,0	1038,1
Неплановые заготовки и закупки непосредств. населен	359,6	254,3	170,7
Импорт	12,7	4.4	7,9
	1213,7	1317,7	1216,7
Экспорт	201,7	260,2	51,8

На ряду с естественным ростом потребностей в 27/28 г. произошло, вместо роста, снижение плановых заготовок при резком снижении цифр неплановых и так называемых прочих закупок, что не могло не ухудшить положение на хлебном рынке. В 28/29 г. тенденция падения хлебозаготовок продолжается: за 8 месяцев сел.-хоз. года (на 1-е марта) цифра плановых заготовок составляет 792,9 тыс. декатонн вместо 901,7 тыс. декатонн соответствующего периода прошлого года. Снижение произошло за счет ржи и пшеницы, давших пониженный урожай в 28 г. Это обстоятельство должно было заметно отразиться на продовольственном снабжении городского населения. В результате заминки в снабжении хлебом, несмотря на полное прекращение экспорта хлеба.

Таковы, кратко, данные, рисующие фактическую сторону дела. Каковы причины этих хлебозаготовительных затруднений, какова их природа?

Некоторые товарищи пытаются представить дело таким образом, будто причины этих затруднений целиком лежат в недочетах и ошибках нашей хозяйственной политики. Корни их, будто бы, отнюдь не заложены в об'ективных противоречиях данного этапа социалистической реконструкции, подготовленных всем предшествующим историческим развитием хозяйства страны. Концепция этих товарищей сводится в общих чертах к следующему.

1) Хлебозаготовительный кризис есть результат грубого нарушения пропорций в с.-х. производстве; 2) это нарушение вызвано неправильной политикой цен, выразившейся: а) в огромном разрыве цен на зерно и другие продукты сельского хозяйства и б) в систематической недоплате крестьянству за зерно благодаря тому, что заготовительная цена ниже издержек производства, и 3) хлебозаготовительного кризиса можно было бы избежать.

Прежде всего по вопросу о неизбежности кризисных явлений в советском хозяйстве. Конечно, если в капиталистическом хозяйстве неизбежность кризисных явлений вытекает из самой природы этого хозяйства, из «бесплановости и анархичности процессов производства в целом», из «противоречия между обобществленным характером труда и частным характером присвоения» (программа Коминтерна), то для советского хозяйства, хозяйства переходного периода, такая постановка вопроса исключена. Но это положение, правильное в общей, абстрактной постановке, было бы неправильно *механически* переносить на конкретные условия нашего хозяйства на данном конкретном этапе его развития. Допущение возможности кризисных явлений лишь как результата относительной бесплановости нашего хозяйства совершенно недостаточно. Неизбежность кризисных явлений, *независимо от плановых просчетов и ошибок*, может явиться результатом определенной конкретной хозяйственной обстановки в той мере, в какой эта обстановка подготовлена всем предшествующим развитием хозяйства страны, особенно на той стадии развития новых хозяйственных форм, когда столкновение нового с унаследованным старым рождает ряд противоречий. Мы находимся сейчас лишь на первой стадии реконструктивного процесса. Отличительная, характернейшая черта данного исторического этапа заключается в том, что развитие реконструктивного процесса *отправляется* от целого ряда диспропорций исторически данных. Наличие этих диспропорций, их влияние на наше развитие подчеркнуто XV партийным с'ездом: «При построении пятилетнего хозяйственного плана нужно исходить из разрешения задач, которые связаны с основными диспропорциями нашего хозяйства: диспропорция между промышленностью и сельским хозяйством... диспропорция между ценами на продукты промышленности и сельского хозяйства (рыночные ножницы); диспропорция между спросом на промышленное сырье, являющееся продуктом сельского хозяйства, и его предложением; наконец, диспропорции между количеством рабочих рук в деревне и реальной возможностью их хозяйственного использования (так называемое аграрное перенаселение)». Вопрос сводится к следующему: на данном этапе развития реконструктивного процесса возможно ли избежать влияния этих диспропорций? Очевидно, невозможно, пока в ходе реконструктивного процесса эти диспропорции не будут преодолены. К чему же в таком случае сводится влияние этих исторически данных диспропорций? К тому, что в условиях напряженных темпов развития постоянно возникает ряд конкретных несоответствий между отдельными

материальными элементами производства, несоответствий, часто неизбежных преодоление которых и составляет задачу реконструктивного процесса. Такие несоответствия не только не должны являться обязательно лишь результатом плановых просчетов и ошибок, но, напротив, могут быть предусмотрены заранее и войти в качестве составного элемента в хозяйственный план. Конкретный пример: по хлебофуражному балансу 28/29 года, являющемуся составной частью контрольных цифр, цифра потребления городским населением хлебных продуктов запроектирована несколько ниже цифры прошлого года, несмотря на запроектированный там же рост городского населения, рост заработной платы и вообще бурный темп роста промышленного производства и строительства. Это несоответствие является выражением разрыва некоторых материальных элементов народнохозяйственного плана, чреватого для текущего года рядом затруднений и кризисных явлений. Такое несоответствие является об'ективным выражением противоречия, присущего данному этапу развития нашего хозяйства, противоречия между высокими темпами развития промышленного производства и крайней отсталостью нашего сельского хозяйства. Подобно тому, как рост производительных сил в советском хозяйстве, рост обобществленного сектора и тем самым укрепление экономических и политических позиций пролетариата, означая движение всего хозяйства по пути социалистического переустройства, вместе с тем не исключает на определенной стадии этого движения обострения классовой борьбы и роста сопротивления враждебных рабочему классу сил, подобно этому продвижение вперед по пути реконструкции хозяйства не только не исключает, но иногда предопределяет на определенном этапе развития рост трудностей. Задача экономической политики сводится к тому, чтобы путем удачного маневрирования и своевременного предвидения эти затруднения сводить к минимуму, всячески смягчать и во всяком случае не дать им вырасти в затруднения такого масштаба, которые могли бы угрожать прочности политического и экономического союза рабочего класса с основной массой крестьянства, имея в виду основное положение ленинизма, что «в нашем социальном строе не заложены с необходимостью основания такого раскола». Нам представляется, что трактовка проблемы неизбежности кризисных явлений в условиях советского хозяйства могла бы быть сведена в основном к следующему: 1) диктуемые необходимостью высокие темпы развития хозяйства в условиях отсталой техники, недостаточного культурного уровня основной массы населения, сопротивления капиталистических слоев деревни и города и наличия унаследованных от старого строя ряда хозяйственных диспропорций вызывают целый ряд противоречий в нашей экономике на данной стадии ее развития и вытекающие из них кризисные затруднения; 2) возможность этих затруднений усугубляется относительной бесплановостью хозяйства переходного периода, в основе которой лежит существование мелких хозяйств со всеми свойственными природе этих хозяйств элементами стихийности; 3) в нашем распоряжении нет достаточных ресурсов для *немедленной* ликвидации этих затруднений; устранение их возможно лишь постепенно в течение относительно длительного периода, по мере перестройки социально-экономической и технической структуры нашего хозяйства; 4) однако, и для данного периода развития нашего хозяйства остается в полной своей силе положение Ленина о том, что в нашем социальном строе не заложены с необходимостью основания для разрыва между рабочим классом и крестьянством.

Разумеется, такая постановка вопроса о неизбежности затруднений и кризисных явлений на данной стадии развития нашего хозяйства отнюдь не должна давать оснований для выводов, что *все* переживаемые хозяйственные затруднения неизбежны, что многие из них нельзя об'яснить частично или полностью ошибками, просчетами, извращениями при практическом проведении в жизнь намеченной партией линии экономической политики и т. д., словом, что все существующее разумно.

Это было бы, конечно, вреднейшим, казеннейшим оптимизмом, тормозящим борьбу с возникающими трудностями. Трудная и ответственная задача правильного экономического анализа сводится именно к тому, чтобы в каждом конкретном случае возникновения хозяйственных затруднений выявить корни этих затруднений, их природу: в какой мере данное затруднение неизбежно связано с ходом реконструктивного процесса и тем самым является выражением кризиса роста и в какой мере и в чем затруднения являются результатом просчетов, ошибок, нецелесообразных мероприятий. Именно, с таким анализом необходимо подойти к выяснению природы наших хлебозаготовительных затруднений.

Следует прежде всего иметь в виду, что современное сельское хозяйство развивается на значительно измененной, по сравнению с довоенным временем, социальной базе. Уничтожены помещичьи хозяйства, которые в довоенное время производили до 10 млн. тонн хлеба, при товарной продукции в 5 млн. тонн. Крупные советские хозяйства не могут еще сейчас сколько-нибудь заметно заместить на рынке бывшие помещичьи хозяйства: их зерновая продукция достигает (в 26/27 г.) лишь 1,31 млн. тонн при товарной 0,62 млн. тонн. Резко упал удельный вес кулацких крестьянских хозяйств, являющихся, по сравнению с прочими крестьянскими хозяйствами, более товарными. С точки зрения устойчивости хлебного рынка для настоящего периода развития нашего хозяйства мы имеем следующее положение: при восстановленности, по сравнению с довоенным, городского спроса (не говоря уже о деревне, как факторе спроса на хлеб, о чем речь будет в дальнейшем) и росте этого спроса из год в год, старая социально-экономическая база *товарного* зернового производства в значительной своей части разрушена, новая же база в лице коллективного хозяйства и совхоза, единственно могущая служить прочной опорой *устойчивого* хлебного рынка, лишь только по существу начинает создаваться, но еще не создана. Если в отношении промышленности можно уже сейчас говорить о серьезных достижениях, то в области сельского хозяйства, в части коллективизации, достигнутые результаты можно рассматривать лишь как подготовительные к реконструктивному процессу. Это обстоятельство с достаточной определенностью было подчеркнуто на XV с'езде в докладе тов. Сталина: «Все наши мероприятия по ограничению капиталистических элементов сельского хозяйства, развитию социалистических элементов в деревне, вовлечению крестьянских хозяйств в русло кооперативного развития, плановому воздействию государства на деревню по линии охвата крестьянского хозяйства как со стороны снабжения и сбыта, так и со стороны производства,—все эти мероприятия являются мероприятиями, правда, решающими, но все же подготовительными для перевода сельского хозяйства на рельсы коллективизма». Вот эта диспропорция между относительно развитым хлебным рынком, являющимся об'ективным выражением и следствием процесса развития нашего хозяйства, и производственной базой товарного хлеба, которая только начинает по-настоящему перестраиваться, но еще не перестроилась, создает мощные предпосылки для развертывания затруднений в области хлебозаготовок и хлебоснабжения.

На ряду с этим следует подчеркнуть и другой мощный фактор, действующий в том же направлении: *изменение структуры с.-х. производства в сторону снижения удельного веса зерновой продукции за счет более быстрых темпов роста других отраслей сельского хозяйства.* Этот процесс за

последние годы (25—28 гг.) характеризуется следующими данными (в %% к 25 г. = 100):

	26 г.	27 г.	28 г.
Зерн. культ. пос. пл. . .	107,3	109,2	107,2
Техн. „ „ „ . .	92,7	98,9	116,0
Проч. культ и пос. трав. .	98,1	105,1	131,1
Зерн. „ вал. прод. . .	105,4	98,7	99,8
Маслосемена вал. прод. .	77,9	96,9	36,3
Лен-волокно „ „ .	86,0	79,8	94,2
Конопля „ „ „ .	89,3	105,9	102,7
Хлопок-сырец „ „ .	99,0	127,1	152,3
Сах. свекла. „ „ .	72,2	114,7	119,7

	26 г.	27 г.	28 г.
Мясо	111,1	120,5	—
Масло.	107,3	112,9	—
Яйца	112,2	129,3	—
Кожи крупные	107,1	119,5	122,9
„ мелкие	107,0	115,4	119,0
Шерсть.	105,8	109,8	117,9
Лошади.	108,8	117,6	123,0
Крупный рог. скот. . .	105,7	110,6	112,0
Свиньи	99,9	107,2	120,5

За последние 3 года особенно быстрые темпы роста дает животноводство. Продукты животноводства в общей товарной продукции крестьянского хозяйства играют доминирующую роль. По данным крестьянских денежных записей за 27/28 г., удельный вес продуктов животноводства в общей массе отчуждаемой крестьянством продукции на рынок достигает 50—60%, (а в некоторых районах и выше), в то время как роль зерновых продуктов определяется цифрами в 10—30%. Изменение структуры с.-х. производства резко подчеркивается и при сопоставлении с довоенными данными. Если принять всю продукцию сельского хозяйства за 100, удельный вес зернового производства и животноводства определяется следующим образом:

	1913 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Зерновое производство	37,6	27,2	25,5
Животноводство (без прир. скота) .	25,6	31,6	33,0

Этот совершенно явно наметившийся процесс изменения структуры с.-х. производства имеет огромное значение как для крестьянского хозяйства, так и для всего народного хозяйства в целом и не может не оказать влияния на состояние хлебного рынка. Очень часто именно эти структурные изменения расцениваются как «относительное бегство из области зерновой продукции» под влиянием неправильной политики цен, выразившейся в разрыве цен на зерно и на другие продукты сельского хозяйства, тем самым расценивая эти структурные изменения как процесс регрессивный. Такая постановка вопроса представляется нам в корне ошибочной. Отличительным признаком исторической отсталости нашего сельского хозяйства являлась гипертрофия зернового производства над другими отраслями сельского хозяйства, и поэтому наметившийся за последние годы перелом в сторону повышения удельного веса других отраслей с. х. следует рассматривать, как явление в основе своей прогрессивное и притом тесно связанное с общим реконструктивным процессом. В самом деле, ведь наблюдающиеся изменения в структуре с.-х. производства происходят под влиянием изменения структуры спроса на внутреннем рынке, в свою очередь обусловленного как быстрыми темпами развития легкой, работающей на с.-х. сырье, индустрии, так и ростом потребительского спроса на квалифицированные с.-х. продукты питания в связи с общими высокими темпами развития хозяйства, ростом зарплаты и т. д. Ссылка на изменение в соотношении цен на различные продукты сельского хозяйства по существу ничего не об'ясняет и подменяет анализ констатацией факта, ибо изменение в соотношении цен не в пользу хлебных продуктов является лишь отражением и неизбежным следствием сложного процесса развития внутреннего рынка. Разумеется, в советских условиях государство регулирует цены не только на промышленные продукты, но и на сельскохозяйственные. Но нельзя представлять себе эту функцию регулирования, как проявление «свободной воли»: чего хочу, то и делаю.

В основном имевшая место политика цен, устанавливавшая определенные ценностные соотношения различных продуктов с.-х. производства, диктовалась в отношении ряда продуктов определенными производственными программами легкой индустрии, работающей на с.-х. сырье. Конечно, и на основе данных производственных программ возможны были бы те или иные отклонения от установившихся фактически ценностных отношений, но решающую роль эти отклонения не смогли бы сыграть. Установление иных (качественно отличных) соотношений могло бы происходить лишь на основе пересмотра темпов развития работающей на с.-х. сырье легкой индустрии и общих темпов индустриального развития.

Помимо того, что изменение ценностных соотношений на хлеб и другие продукты сельского хозяйства является результатом изменения структуры спроса на внутреннем рынке, следует еще предостеречь от преувеличенного представления о происшедшем за последние годы изменении в этих ценностных соотношениях. Если обратиться к материалу о движении заготовительных цен в целом по СССР, то за последние 3 года сдвиги в соотношениях цен имеются действительно большие. Приведем краткую табличку, составленную по данным Наркомторга:

Индексы заготовительных цен (по заготовкам 3 последних лет).

	1925/26	1926/27	1927/28
Зернопродукты	132,0	104,1	112,7
Технические культуры	130,1	128,3	135,1
Животное продовольствие.	157,2	174,1	172,5
Животное сырье	163,1	171,3	174,8

Необходимо, однако, иметь в виду, что для крестьянского хозяйства в конечном счете имеет значение та средняя фактическая цена, по которой крестьянин отчуждает продукты, а эта средняя получается в результате продажи как по заготовительным, так и по так называемым базарным ценам. Эти последние обычно выше заготовительных, а масса продуктов, отчуждаемая крестьянином не по линии государственных заготовок, весьма велика: по хлебным культурам она составляет, вероятно, больше половины всего крестьянского отчуждения. Если взять такие средние фактические цены отчуждения и проследить их изменение диференцированно по районам в отношении тех с.-х. продуктов, которые между собою в данном районе конкурируют, то картина получится более благоприятная для хлеба, чем это рисует приведенная выше таблица заготовительных индексов.

Индексы цен по данным Кон. Инст. (цены 1913 г. = 100).

	25/26		26/27		27/28		Измен. в %% к 25/26 г. 26/27		27/28	
	I/X	1/I	1/X	1/I	1/X	1/I	1/X	1/I	1/X	1/I
Западная Сибирь										
Пшеница	145	132	128	131	144	146	—12	—	—	+10
Мясо	188	196	199	184	215	193	+ 6	— 6	+14	— 2
Молоко	150	142	112	145	135	162	—25	+ 2	—10	+14
Масло	208	209	166	195	200	232	—20	— 7	— 4	+11
Северный Кавказ										
Пшеница.	142	149	129	126	139	145	—10	—15	— 2	— 3
Мясо говяжье	187	184	227	204	188	209	+21	+10	—	+ 8
Степь Украины										
Пшеница.	140	166	118	120	127	130	—16	—28	—10	—22
Мясо говяжье	130	140	185	173	201	201	+42	+24	+54	+46

Наиболее резкое перемещение в ценностных соотношениях имеется по степной Украине, но в известной мере оно об'ясняется тем, что в 25/26 г.,

соотношение цен на пшеницу и мясо там было исключительно неблагоприятное для последнего. В общем же отчуждение крестьянством части своей продукции по базарным ценам смягчает в пользу пшеницы сдвиги в соотношениях цен.

Мы имеем существенные сдвиги в структуре сельскохозяйственного производства в сторону снижения удельного веса зернового производства за счет роста других отраслей сельского хозяйства. Эти структурные изменения нельзя рассматривать, как результат неправильной политики цен; они обусловливаются определенным направлением в развитии нашего хозяйства за последние годы и в этом смысле являются не только необходимыми, но и прогрессивными. Но благодаря тому обстоятельству, что эти структурные изменения происходили при совершенно недостаточных общих темпах развития сельского хозяйства, влияние их крайне неблагоприятно отражалось на состоянии хлебного рынка: они не только влияли сдерживающим образом на темпы развития зернового производства, но сверх того создавали дополнительный платежеспособный спрос на хлеб со стороны самого крестьянства. Дело сводится не только к тому, что крестьянство, *производящее хлеб*, потребляет его больше, чем до революции, снижая тем самым свои товарные излишки, но повышает свое потребление хлеба и та часть крестьянства, которая его не производит или производит в незначительных размерах, во всяком случае, в размерах, далеко отстающих от фактического потребления. И эти слои крестьянства благодаря отчасти промыслам, а в значительной мере развитию других отраслей с.-х. производства обладают достаточной покупательной способностью, чтобы пред'явить реальный спрос на хлеб. Этот фактор значительно осложняет обстановку на хлебном рынке.

Итак, в основе напряженного состояния хлебного рынка и связанных с этим затруднений лежат два обстоятельства: 1) изменение социально-экономической структуры деревни, 2) изменение производственной структуры с.-х. производства, при чем эти изменения происходят в обстановке высоких темпов развития всего народного хозяйства в целом при недостаточных темпах в самом сельском хозяйстве. К этому следует еще прибавить влияние неблагоприятных метеорологических условий 27 и 28 гг. Несмотря на то, что посевная площадь в 27 году под зерновыми культурами повысилась по сравнению с предыдущим годом на 1,7 милл. га (+ 1,8%), валовые сборы понизились на 4,8 милл. тонн (—6,3%). В 1928 г. гибель посевных площадей, главным образом на Украине и Сев. Кавказе, вызвала сокращение посевных площадей под зерновыми культурами на 1,8 милл. га (—1,9%) при росте валовых сборов на 800 тыс. тонн (+ 1,1%). Таким образом, если глубокие социально-экономические и производственные процессы порождают *относительную* недостаточность зернового производства по сравнению с развивающимися потребностями народного хозяйства и падение его (зернового хозяйства) удельного веса, то неблагоприятные метеорологические условия вызвали *абсолютное* снижение или приостановку роста зернового производства.

Имеются ли какие-либо достаточные экономические основания считать, что задержка в росте зернового производства вызвана в основном несоответствием рыночных цен на зерно и издержками производства последнего? Вопрос этот имеет огромное значение. Освещение же его представляет особые трудности в виду неизбежных условностей, которые представляют всякие расчеты издержек производства зерна. Так как в крестьянском хозяйстве зерновое производство переплетается тесно с рядом других отраслей сельского хозяйства (животноводство и др.), то отнесение части общих расходов на зерновое производство, определение размеров этой доли неизбежно должно страдать искусственностью и некоторым произволом.

Эту оговорку необходимо иметь в виду при использовании расчетов издержек производства зерновой продукции, рассматривая эти расчеты как приблизительную ориентировку. Для освещения вопроса о современных размерах издержек производства мы используем последние данные бюджетной статистики ЦСУ [1]). В расчет издержек вошли все производственные расходы с полным учетом стоимости затраченного труда как наемного, так и своего, но не включены расходы по налогам. Урожайность с гектара взята по 25 году.

Себестоимость ржи и пшеницы и их рыночная рентабельность.

	Себестоим. 1 центн. в руб.	Разница между ценой и себестоим. в %% к себест.
Пшеница озимая.		
Сев. Кавказ	4,0	+ 55,6
Украина степн.	5,1	+ 44,8
„ лебобер.	5,7	+ 61,1
„ правобер.	5,9	+ 55,4
„ Полесье	6,5	+ 49,2
Пшеница яровая.		
Юго-Зап. Сибирь	3,5	+ 70,6
Сев. Кавказ	3,7	+ 29,6
Сред. Волга	4,5	+ 87,4
Башкирская АССР	5,0	+ 62,5
Нижняя Волга	5,5	— 3,3
Украина степн.	5,6	+ 35,5
Украина левобер.	5,1	+ 74,0
„ правобер.	6,3	+ 114,9
„ Полесье	6,8	+ 49,2
Рожь.		
ЦЧО	5,3	+ 23,0
Сред. Волга	4,6	+ 30,6
Украина степн.	4,0	+ 11,1
„ левобер.	4,2	+ 31,7
„ правобер.	5,3	+ 32,0
„ Полесье	5,2	+ 13,8
Цен.-Пром. Обл.	9,6	— 19,8
Ленинград. „	9,6	— 23,1
Вятский район	6,5	— 19,2
Сев.-Восточ. „	9,6	— 7,4

Рыночные цены в этих расчетах приняты по сообщению крестьянских корреспондентов; они, обычно, несколько ниже базарных цен. Приведенные расчеты, дающие хотя бы грубую ориентировку в интересующем нас вопросе, выявляют определенную картину. Низкие (относительно) издержки производства пшеницы и ржи наблюдаются в производящих районах, т.-е. в районах, играющих решающую роль в производстве соответствующей культуры. Пшеница является культурой более рентабельной, чем рожь. В районах потребляющих, как Ленинградская область, Центр.-Пром. область и другие, издержки производства ржи превышают рыночную крестьянскую цену, следовательно, в этих районах производство хлеба нерентабельно. Анкетное обследование, проведенное на эту тему в 1913 году министерством земледелия (правда, анкета была заполнена главным образом помещичьими хозяйствами), в общем дает такую же картину меньшей рентабельности ржи по сравнению с пшеницей. Конечно, необходимо иметь в виду, что по ряду районов урожай 1925 г. был выше среднего и что здесь не приняты во внимание налоги (влияние которых на издержки производства центнера хлеба, впрочем, не может быть особенно велико, имея в виду, что налоги относятся не только к зерновому производству, но и ко всем прочим доходным статьям крестьянина); внесение таких поправок уменьшит коэффициент рентабельности, показанный в приведенных исчислениях, но картина в основном сохраняется та же. Если эти издержки производства, особенно по пшенице, сопоставить даже только с заготовительными ценами за последние 3 года, т.-е. до их повышения, когда заготовительные цены колебались в пределах, приблизительно, от 5,5 до 7 руб. за центнер пшеницы, то и в этом случае для производящих районов нельзя говорить о нерентабельности производства. Кроме того, в свете этих данных совершенно очевидно, что

[1]) Данные эти опубликованы в «Статистическом Обозрении» № 8 за 1928 г. в статье Литошенко «География себестоимости важнейших полевых культур».

намечающаяся для ближайших лет стабилизация заготовительных цен на повышенном их уровне 1928—29 г., при успешном проведении ряда мероприятий, способствующих повышению урожайности (зяблевая вспашка, применение сортовых семян, очистка и протравливание семян, увеличение применения минеральных удобрений и проч.), представляет более надежный путь к дальнейшему повышению рентабельности зернового производства, чем политика резкого повышения цен.

К вопросу о выгодности зернового производства, об изменениях, происшедших в этой области за последние годы (повысились или понизились с этой стороны стимулы крестьянства)—можно еще подойти с другого конца: со стороны изменения покупательной способности зерновых культур по отношению к приобретаемым крестьянством промышленным товарам. Смыкались или размыкались «ножницы» цен на зерно и на промтовары за последние 3 года? Цены на зерно следует опять-таки брать средние фактические, а цены на промтовары те, по которым приобретает крестьянин. Проследим движение лезвий «ножниц» по трем пшеничным районам: Западной Сибири, Сев. Кавказу и Степной Украине.

Индексы цен на пшеницу по отношению к индек. покуп. цен на промтовары (данные Кон. Инст.).

	1926/27 г.		1927/28 г.		1928/29 г.	
	1/X	1/I	1/X	1/I	1/X	1/I
Западная Сибирь . . .	0,64	0,66	0,80	0,81	0,84	0,97
Сев. Кавказ	0,53	0,52	0,63	0,66	0,85	1,05
Степь Украины. . . .	0,50	0,52	0,62	0,63	1,07	1,07

Из года в год мы видим постепенное смыкание ножниц. Ненормально резкий рост базарных цен на пшеницу в текущем году, а также повышение заготовительных цен на пшеницу при почти стабильных ценах на промтовары привели к такому положению вещей, при котором пшеничное лезвие ножниц перекрыло в 1928—29 г. промышленное лезвие. Быть может, не лишним будет подчеркнуть при этом, что такое смыкание ножниц отнюдь не решает в основном проблемы ножниц между с.-х. продуктами и продуктами промышленности, не решает даже проблемы ножниц между зерновыми продуктами и промтоварами, так как смыкание происходило в 1928—29 году на основе ненормально взвинченной базарной цены на зерно. Следует не забывать, что нормальное (с точки зрения интересов народного хозяйства) и прочное смыкание ножниц возможно лишь на основе снижения цен на промтовары.

Приведенные данные, освещающие вопросы рентабельности в современных условиях зернового производства, с достаточной убедительностью, как нам кажется, показывают, что говорить о том, что крестьянство «систематически не получает обратно издержек производства плюс известную надбавку, соответствующую части прибавочного труда и могущую служить источником расширенного воспроизводства», нет оснований.

Тщательный анализ всей совокупности условий, в которых протекают хлебозаготовительные затруднения, должен привести к иным выводам. «Первопричинами» этих затруднений следует считать: 1) начавшийся, но далеко еще не завершенный процесс социально-экономической реконструкции деревни, 2) кризис роста сельского хозяйства, связанный с прогрессивным процессом ломки структуры с.-х. производства в сторону снижения удельного веса зерновых культур за счет других отраслей сельского хозяйства, 3) эти два процесса протекают в обстановке недостаточных общих темпов развития сельского хозяйства в целом, с одной стороны, и повышенных требований к сельскому хозяйству со стороны других отраслей хозяйства, вытекающих в свою очередь из высоких темпов их развития,—с другой, 4) влияние неблагоприятных метеорологических условий последних

двух лет, усугубляющее положение. Это нисколько не умаляет значения затруднений и связанных с ними для народного хозяйства последствий, напротив, этим резко подчеркивается неслучайный характер переживаемых затруднений, их относительная устойчивость для данного этапа развития нашего хозяйства. Актуальным при этом становится вопрос о мерах борьбы с такими кризисными затруднениями, которые являются об'ективно неизбежным продуктом противоречивых условий развития нашего хозяйства на данном этапе его развития.

Хлебозаготовительные трудности вызвали чрезвычайное напряжение на хлебном рынке, наблюдающееся уже второй год. Это напряжение, в свою очередь, вызвало целый ряд ненормальных явлений. Рыночные аномалии, порожденные хлебозаготовительными затруднениями, поскольку они сделались устойчивыми, сами превратились в источник дополнительных трудностей. К числу таких ненормальностей современного хлебного рынка следует отнести огромные разрывы цен заготовительных и базарных крестьянских. Если проследить эти разрывы в динамике за несколько лет, получается следующая картина:

Превышение базарных цен над заготовительными в %%.

	1925/26 г.		1926/27 г.		1927/28 г.		1928/29 год		
	X	I	X	I	X	I	X	I	II
Пшеница.									
Сибирь	8,0	17,9	12,2	14,9	15,8	21,7	36,0	37,0	35,0
Сев. Кавказ	16,7	18,2	9,8	13,4	20,0	32,6	87,0	—	133,0
Украина.	22,1	21,1	19,2	17,8	10.9	17,7	91,0	145,0	178,0
В т. числе Степ. пол.	—	—	—	—	—	—	169,0	263,0	340,0
Рожь.									
ЦЧО	33,6	34,6	13,0	12,7	7,0	14,3	42,0	137,0	214,0
Украина.	36,9	28,2	13,0	14,8	17,2	31,0	94,0	145,0	191,0

В неблагополучных по урожайности районах—Украина, Сев. Кавказ и Ц.-Ч. область—установились в текущем году огромные разрывы, достигающие 200—300 и более процентов, при чем начало этим разрывам было положено еще в прошлом году. На первый взгляд может показаться необ'яснимым тот факт, что государство, в лице заготовительных организаций, являясь почти монопольным организованным заготовителем крестьянского хлеба, покупающим в течение года до 10—11,5 млн. тонн хлеба, не сумело справиться с задачей экономического регулирования цен на заготовительном рынке, не в состоянии было продиктовать последнему *свои* цены, в результате чего на хлебозаготовительном рынке установились две цены, сильно разнящиеся друг от друга. Об'яснение этого явления лежит в своеобразных условиях нашего хлебного рынка. Что касается частного торговца, то вряд ли его удельный вес в хлебозаготовках как в 1927—28 г., так и в текущем году превышал 3—5%. Помимо того, следует иметь в виду, что ограниченный в возможности использования ж.-д. и водного транспорта для переброски на более или менее далекое расстояние своих хлебных грузов, частный торговец хлебом фактически может принимать участие сейчас почти исключительно в местном товарообороте, поскольку для него (торговца) сохранилась возможность использования гужевого транспорта. Поэтому говорить сейчас о сколько-нибудь значительном влиянии частного капитала на состояние хлебного рынка не приходится. Но зато на ряду с государственными и кооперативными заготовителями на хлебном рынке выступает в качестве покупателя распыленный потребитель, и не столько горожанин, сколько крестьянское население. *Деревня представляет собою мощный фактор на хлебном рынке не только в качестве продавца, но и покупателя.* Попытка исчисления размеров крестьянских покупок хлеба по данным денежных крестьянских

записей дала цифру этих покупок для 1927—28 г. в 800 млн. руб. Вряд ли эта цифра является преувеличенной, во всяком случае она дает хотя бы грубую ориентировку в размерах этого явления. Если крестьяне потребляющей полосы значительную часть своей потребности в хлебе удовлетворяют из фонда государственно-кооперативных заготовок, то в производящих районах минимум 50—60% покупаемого крестьянством хлеба приобретается непосредственно у крестьян же. Наличие огромного вольного рынка в условиях общего недостатка хлеба создает условия для резких разрывов между заготовительной ценой и крестьянской базарной. Такие разрывы в свою очередь сильно затрудняют хлебозаготовки, ибо создают обстановку, об'ективно благоприятствующую уходу товарного хлеба из русла плановых заготовок на распыленный рынок, поскольку там имеется платежеспособный спрос по повышенной цене. Разумеется, наличие в руках государственно-кооперативных организаций значительных промтоварных фондов, реализуемых по нормированной цене, связь кооперации с местным крестьянским населением и проч. значительно смягчают эти тенденции, но не в состоянии их целиком парализовать. В качестве неблагоприятного фактора того же порядка, влияющего на хлебный рынок, следует признать также резкие ненормальные сдвиги в соотношении цен на зерно и другие продукты сельского хозяйства, сдвиги н е н о р м а л ь н о повышающие покупательную способность хлебных продуктов. Иллюстрацией в данном случае могла бы служить таблица, показывающая различные количества хлеба, которые в прежние годы и сейчас эквивалентны одному центнеру говядины:

За один центн. говядины можно было бы получить центнеров хлеба:

	1/I 1926 г.	1/I 1927 г.	1/I 1928 г.	1/I 1929 г.
Ленинградская обл.	5.0	6,2	7,5	1,8
Московск. промышлен.	4,9	7,4	7,8	2,7
ЦЧО	4,3	9,0	11,2	3,3
Уральская обл.	7,5	9,0	10,4	5,7
Сев. Кавказ	6.4	7,6	6,6	3,0
Украина	4.0	10,7	9,5	3,6

В текущем году стоимость хлеба по отношению к мясу повысилась в 2, 3 и 4 раза. Независимо от наличия больших или меньших хлебных запасов у крестьянина, такое взвинчивание хлебных цен, по сравнению с другими продуктами сельского хозяйства, превращает в глазах крестьянина хлебные продукты в особую ценность, чуть ли не в особый род т о в а р н о й в а л ю т ы, что не может не влиять отрицательно на товарность хлебной продукции.

При построении хлебофуражного баланса на 1928—29 г. пришлось, в виду недопроизводства хлеба, чтобы свести баланс, запроектировать цифру снабжения городского населения несколько пониженную по сравнению с прошлым годом, несмотря на рост городского населения и рост потребности в хлебе. Но сведение баланса на бумаге еще не означает действительного сбалансирования, не означает приведение в соответствие с возможным предложением хлеба реального платежеспособного спроса. Такое «сбалансирование», какое в этом году получилось по хлебофуражному балансу ЦСУ, лишь сигнализирует степень напряженности городского хлебного рынка. На ряду с напряженностью городского хлебного рынка в текущем году в виду недопроизводства хлеба на Украине, Сев. Кавказе и ЦЧО должен был возрасти спрос на хлеб и со стороны сельского населения тех районов и групп, которые при нормальных урожаях рыночного спроса не пред'являют или пред'являют его в минимальных размерах. Эти обстоятельства породили для текущего года ту форму снабжения, которая носит название мешочничества. Каковы экономические корни современного мешочничества? В недостаточном обслуживании торговым аппаратом потребительских нужд населения, в первую очередь крестьянства. Достаточно отметить,

что из 10 миллионов тонн заготовленного по плановым заготовкам хлеба в 1927 — 28 году приблизительно 3,3 миллиона тонн ушло обратно в деревню в порядке обслуживания ее товарного спроса. По мере свертывания частной торговли на хлебном рынке об'ем задач кооперативно-государственного торгового аппарата по обслуживанию потребностей населения значительно возрос. С другой же стороны, недозаготовка по сравнению с намеченными м и н и м а л ь н ы м и планами должна была прежде всего отразиться на торговом обслуживании крестьянского потребителя. Предоставленная в значительной части самой себе, лишенная обслуживания каким бы то ни было торговым аппаратом, эта категория потребителей прибегает к мешочничеству, как к единственно для нее в данных условиях доступной форме приобретения хлеба. Но на ряду с потребительским мешочничеством неизбежно вырастает и торговое мешочничество, питающееся неудовлетворенным спросом населения и территориальными разрывами цен.

При оценке современной кон'юнктуры хлебного рынка следует иметь в виду и то влияние, какое не может не оказывать на нее обострение классовой борьбы в деревне. Значение этого фактора не следует недооценивать тем более, что об'ективная обстановка (разрыв цен, напряженность спроса на хлебном рынке, недостаток хлеба у определенных слоев крестьянства и т. д.) дает возможность капиталистическим элементам в деревне использовать ее для борьбы против политики партии. Как сильно может быть это влияние в общей системе факторов, вызывающих нынешние затруднения,— определяется в значительной мере тем удельным весом, каким эти группы обладают в товарном хлебе страны. Если грубо исходить из того, что удельный вес капиталистических и примыкающих к ним групп в товарном хлебе составляют во всяком случае 20—30% (если не больше), то совершенно очевидно, что влияние этих групп на хлебозаготовительные затруднения все же весьма чувствительно для народного хозяйства. Известно, что в качестве реакции на классовую линию, проводимую партией в деревне, кулацкая верхушка отвечает не только сдержанным отчуждением хлеба, но и сокращением своих посевов. Разумеется, что преодоление влияния этого фактора не в политике компромиссов. Путь компромиссов означал бы об'ективно путь постепенной капитуляции партии перед крестьянской кулацкой стихией. Это с достаточной определенностью было подчеркнуто в решениях XV партс'езда. Для партии, очевидно, нет иного пути, как проведение ряда мероприятий, направленных к усилению обобществленного сектора народного хозяйства и под'ему бедняцко-середняцкого массива, который мог бы с лихвою возместить брешь, образующуюся в результате свертывания производства и товарности капиталистической верхушки деревни.

Устойчивый характер современных хлабозаготовительных затруднений, то обстоятельство, что источники их коренятся в своеобразных условиях развития нашего хозяйства, с особой остротой выдвигает перед партией вопрос о мерах борьбы с этими затруднениями. Это по существу один из наиболее актуальных узловых вопросов нашего времени, имеющий большое экономическое и политическое значение. Очевидно, что мероприятия, направленные против этих затруднений, могут итти по двум направлениям одновременно: по линии регулирования потребления и спроса и по линии регулирования производства и предложения. В качестве организационной меры по регулированию городского потребления и спроса является проведение системы заборных книжек или карточек. Назначение этого мероприятия заключается не только в регулировании городского потребления, но и в прекращении с т и х и й н о г о оттока хлеба из городов в деревни благодаря относительно низким регулируемым ценам на печеный хлеб. За последние месяцы отток хлеба из города в деревню стал повсюду фактором, весьма чувствительно влияющим на снабжение хлебом городов. Введение такой системы регулирования городского потребления вряд ли носит характер

кратковременной меры. В той мере, в какой борьба с хлебозаготовительными затруднениями будет носить длительный (относительно) характер, введенную систему регулирования потребления придется сохранить на более или менее продолжительный срок. Быть может, систему регулирования следовало бы расширить, распространив ее и на некоторые другие продовольственные продукты сельского хозяйства. Неправильно было бы представлять положение вещей таким образом, что в отношении удовлетворения потребительского спроса у нас в минимуме один лишь хлеб. Тот внутренний механизм развития нашего хозяйства, который подвел его вплотную к хлебозаготовительным затруднениям, а именно: отставание темпов развития сельского хозяйства при быстрых темпах роста спроса внутреннего рынка на продукты сельского хозяйства, в большей или меньшей мере действителен и для целого ряда других сельскохозяйственных продуктов, в отношении которых проблема удовлетворения внутреннего спроса переплетается с проблемой экспорта.

Однако, не в этих мероприятиях, регулирующих и ограничивающих потребление и спрос, центр тяжести. При большей или меньшей длительности их они все же являются и должны являться мерой *временной*. Решающими должны стать мероприятия в области организации производства. Разумеется, огромное значение имеет обеспечение условий, максимально благоприятствующих *усилению заинтересованности основной массы крестьянства* в развитии с.-х. производства. Следует ли для достижения этой цели пойти по пути дальнейшего и заметного повышения хлебных цен? Несмотря на то, что в такой прямой форме предложения повышения цен на зерновую продукцию не поступает, эта линия неизбежно логически вытекает из всей постановки вопроса у некоторых товарищей, неверно учитывающих хозяйственную обстановку. Борьба с затруднениями такими средствами в конечном счете привела бы к усилению трудностей. Повышение цен на зерновую продукцию при стабильности цен на прочие продукты сельского хозяйства, вызывая серьезную ломку в соотношениях цен, поставило бы хозяйство перед кризисными затруднениями в области производства с.-х. сырья. А так как с.-х. сырье и сейчас является тем минимумом, в который упирается развитие ряда отраслей легкой индустрии, такое мероприятие могло бы задержать темпы развития последней и тем самым неблагоприятно отразиться на товарном балансе города и деревни не в пользу города. А это, в свою очередь, привело бы к сокращению темпов развития товарности сельского хозяйства.

Перспективы дальнейшего развития спроса на внутреннем рынке (не говоря уже о проблеме внешней торговли) с особой остротой выдвигают вопрос об обеспечении значительно более быстрых темпов развития сельского хозяйства в целом, в том числе зернового производства. Имеются ли об'ективные основания для расчетов, что такие темпы фактически окажутся выполнимыми? В отношении всего минувшего периода развития необходимо уяснить себе, что отставание сельского хозяйства являлось вынужденным. Быстрые темпы роста сельского хозяйства возможны лишь на основе организации крупных хозяйств (а в условиях советской формы хозяйства—коллективов и совхозов), на основе решительного под'ема техники сельского хозяйства (химизация и машинизация). Дробность, распыленность и разбросанность крестьянского хозяйства являются величайшим препятствием для достижения быстрых темпов. В условиях нашей действительности—монополии внешней торговли, экономической полублокады и проч.—техническая реорганизация сельского хозяйства, а в связи с последней и социально-экономическая его реконструкция возможны в основном при наличии более или менее мощной, развитой советской индустрии. Минувшие годы в этом отношении для сельского хозяйства являются годами *подготовительными*. Значительные темпы в развитии индустрии, на первый взгляд кажущееся «однобоким» развитие хозяйства с его индустриального конца при отставании сельского хозяйства об'ективно для последнего *означают накопление тех минимальных производственных резервов*, при помощи которых в дальнейшем должны быть соответственно развернуты производительные силы сельского хозяйства. Историческое оправдание отсталых темпов сельского хозяйства и вытекающих отсюда для настоящего периода кризисных затруднений заключается именно в этом стратегическом хозяйственном маневре. Как бы болезненно на данном этапе развития ни отражался на хозяйственном организме этот маневр, это все же единственный путь, реально обеспечивающий рабочему классу и основной массе крестьянства не только «длительно наиболее быстрый темп развития», но и тот *тип* развития, который необходим для *социалистического* строительства. Несмотря на то, что наша промышленность, при всех высоких темпах ее развития, далеко еще не догнала и не перегнала промышленность передовых капиталистических стран, можно ли считать, что мы вступаем уже в ту *переломную* полосу развития нашего хозяйства, когда накопленные и накапливаемые резервы производительных сил дают возможность двинуть быстрыми темпами развитие сельского хозяйства, когда исторически сложившиеся диспропорции между сельским хозяйством и промышленностью пойдут постепенно не в гору, а под гору? Ответом на этот вопрос могут служить последние наметки пятилетнего плана развития нашего хозяйства, которые должна будет обсудить предстоящая партийная конференция. В отношении сельского хозяйства пятилетка намечает чрезвычайно высокие темпы развития, если даже брать так называемый отправной вариант (который ниже второго варианта—оптимального). За пятилетие 1927/28 г. — 1932/33 г. намечается рост посевной площади под зерновыми культурами на 15% при росте продукции на 35,4% и росте товарного хлеба на 109,0%; рост посевной площади под технические культуры—51,2% при росте продукции на 93,7%, хлопка—на 133,5%, сахарной свеклы—на 66,5%; рост продукции животноводства намечается: по мясу на 32,5%, по яйцам—на 76,3%, по шерсти—на 26,7%, по кожам—на 15—22% и т. д. К концу пятилетия намечается значительное возрастание удельного веса обобществленного сектора в сельском хозяйстве, который должен дать около 40% всего товарного зерна; количество сельского населения должно даже несколько сократиться в индивидуальном секторе при приостановке роста числа индивидуальных хозяйств. При соблюдении таких темпов развития сельского хозяйства изживание кризиса хлебного снабжения страны намечается через два года и создается возможность, кроме того, возобновить экспорт зерна. Для достижения таких результатов намечается довести годовое потребление удобрений к 1932—33 г. до 5 млн. тонн, бросить в деревню в течение пятилетия 188 тыс. новых тракторов, добиться больших сдвигов по переходу на многополье, по применению сортовых семян и т. п. Проведение в жизнь программы пятилетки потребует огромного напряжения всех производительных сил страны, ставит, в частности, перед промышленностью огромной трудности задачи, превращает ее действительно в *ведущую* отрасль хозяйства. Самая возможность постановки в качестве практической программы таких наметок дает наиболее убедительную оценку всему предшествующему этапу развития нашего хозяйства и должна внести ясность и определенность относительно путей дальнейшего развития. В настоящий момент, когда хозяйство страны испытывает огромные затруднения, потребность в правильной ориентировке как в отношении оценки прошлого, так и уяснения перспектив предстоящего этапа развития ощущается с особой силой каждым членом партии, каждым сознательным пролетарием.

Г. Дукор.

Себестоимость, производительность труда и трудовая дисциплина.

Ноябрьский пленум Центрального Комитета партии в своей резолюции по контрольным цифрам на 1928—29 г. отметил, что хозяйственный план текущего года «является посильным, но крайне напряженным». Вместе с тем он указал, что условием выполнения хозяйственного плана является решительный перелом в сторону повышения качества работы всех звеньев хозяйственной системы. И это вполне понятно, ибо диктуемый нам быстрый темп индустриализации требует максимально полного использования всех материально-технических ресурсов нашего хозяйства; ограниченность же об'ема последних с особой настойчивостью выдвигает задачу качественно лучшего их использования.

Если «восстановительный» период характеризовался преимущественно бурным ростом количественных показателей промышленности и всего народного хозяйства в целом, то в реконструктивный период проблемы количественного порядка находятся в прямой зависимости от повышения качества работы. Это относится ко всем сферам народного хозяйства. Но особенно выпукло эта взаимная обусловленность и переплетение вопросов количественного и качественного порядка обнаруживается в промышленности.

Общеизвестно, что мы не сможем выполнить план роста валовой продукции текущего года без соответствующего роста производительности труда, лучшего использования рабочей силы, сырья, топлива и оборудования и т. д. В целом ряде отраслей мы ощущаем резкий недостаток сырья и полуфабрикатов, а при ограниченности наших импортных возможностей размеры производства могут быть расширены только за счет рационального и лучшего их использования.

Экономическим выражением улучшения качественных показателей работы промышленности является снижение себестоимости. Уже одно это обстоятельство выдвигает проблему себестоимости, как центральную проблему промышленности. Вопросы себестоимости привлекают наше внимание еще и потому, что уровень издержек производства определяет размеры внутрипромышленного накопления. Финансовый же план промышленности построен с учетом этих накоплений. Недовыполнение плана по линии себестоимости означает поэтому прорыв финансового плана промышленности. Это ставит под угрозу план капитального строительства, т.-е. по существу весь хозяйственный план текущего года. Ведь нельзя забывать, что размер капитальных вложений—это вопрос темпа индустриализации страны. Не даром все критики осуществляемого партией курса на быструю индустриализацию страны сосредоточивают свой огонь на плане капитального строительства.

Но все значение проблемы себестоимости этим не исчерпывается. Издержки производства являются основой политики цен, а уровень цен это—вопрос смычки рабочего класса и крестьянства, это вопрос наших взаимоотношений с мировым рынком. Поэтому, не боясь преувеличения, можно

сказать, что все основные проблемы социалистического строительства связываются в один узел с заданием по снижению себестоимости, в котором, вместе с тем, как в фокусе, отражаются все трудности, связанные с выполнением хозяйственного плана.

Хозяйственные трудности текущего года не могли не отразиться на условиях работы промышленности. Рост цен на некоторые виды с.-х. сырья, рост бюджетного индекса, продовольственные затруднения и т. д.,—все это факторы, чрезвычайно осложняющие работу промышленности и ставящие значительные преграды на пути снижения себестоимости.

В прошлом году себестоимость была снижена на 5,5%, при этом мы имели стабильность или даже снижение цен на сырье и некоторые материалы. В этом году условия в корне отличны. Жесткое задание по снижению себестоимости на 7% должно быть осуществлено в условиях повышения цен на с.-х. сырье, роста налогов, пошлин и т. д.

Если, таким образом, расходы, не зависящие от промышленности, влияют в текущем году на себестоимость удорожающим образом, то центр тяжести задания по снижению себестоимости переносится на факторы внутрипроизводственного порядка: улучшение всех технико-экономических показателей, рост производительности труда и т. д.

В этом отношении представляет большой интерес ориентировочный подсчет К. Ц. ВСНХ по той экономии, которую должна была получить промышленность от факторов внутрипроизводственного порядка, чтобы осуществить снижение себестоимости в пределах 6%. Эта экономия должна была составить сумму в 792 млн. руб., и распределяется она по предельным элементам следующим образом:

	Сумма (в млн. р.).	Экономия в %%	Сумма эконом. в млн. р.
Сырье с.-х. происхождения	2.800	2,0	56
„ и матер. пром. происхожд.	1.000	5,0	50
Топливо и энергия	600	10,0	60
Зарплата	3.000	13,0	390
Соц. расх. и накладн. расх. на зарплату	800	15,0	120
Попенная плата (акциз, налоги и пр.)	500	—	—
Амортизация	800	2,0	16
Прочие расходы	500	20,0	100
Итого	10.000	7,92	792

Из этой таблицы видно, во-первых, что промышленность за счет лучшего использования сырья, топлива, роста производительности труда и т. д. предполагала снизить себестоимость почти на 8% и, во-вторых, решающим моментом в этом снижении должен был явиться рост выработки на рабочего. Так, из экономии в 792 млн. руб. 390 млн. руб. получаются в результате роста производительности труда и 120 от уменьшения в связи с этим социальных и накладных расходов на зарплату. Но благодаря росту расходов, не зависящих от промышленности, в пользу внутрипромышленного накопления идет только часть экономии, получаемой от факторов внутрипроизводственного порядка. Другая часть должна была поступить частью (56 м. р.) в сельское хозяйство через повышение цен на с.-х. сырье и частью (204 м. р.) на повышение зарплаты рабочих и связанных с этим социальных и накладных расходов. В итоге только около 532 млн. руб. остается в пользу промышленности, что, примерно, должно было бы дать снижение себестоимости на 5,5%. После сверстки К. Ц. выявился целый ряд новых расходов, не предусмотренных К. Ц.: больший рост цен на с.-х. сырье импортного и туземного происхождения, повышение налогов на 40 м. р., пошлин—на 28 м. р. и т. д. Плановое же задание по снижению себестоимости было доведено до

7% против 6%, намечавшихся К. Ц. ВСНХ. Это еще в большей мере повысило требования к промышленности по улучшению показателей внутрипроизводственного порядка, и рост производительности труда был запроектирован в 17% против 15%, намечавшихся К. Ц. ВСНХ. Все это в достаточной степени характеризует те трудности, которые стоят на пути снижения себестоимости в текущем году. Но предпосылки для преодоления этих трудностей у промышленности имеются. Капитальные вложения предшествующих лет позволили значительно повысить материально-техническую базу промышленности. Пущенные в прошлые годы реконструированные и новые предприятия должны уже начать давать свой эффект в текущем году.

В первом квартале промышленности не удалось преодолеть трудности, стоящие на пути снижения себестоимости. Более того, выявился ряд отрицательных моментов, ставящих под угрозу выполнение плана. По предварительным данным, охватывающим 75% продукции, в первом квартале промышленности удалось снизить себестоимость только на 2% против 6,8% годового задания по учтенной группе предприятий. По группе средств производства это снижение составляет — 4,04%, а по группе средств потребления только—0,9%... По целому ряду отраслей имеет место даже повышение себестоимости. Так, по хл.-бум. промышленности это повышение составляет+1%, по сахарной+5%, махарочной+0,7%, маслобойной+3% и т. д.

Отрывочные сведения, которые поступают от отдельных трестов, свидетельствуют о том, что сдвига в деле снижения себестоимости во 2-м квартале еще не наступило. Более того, в ряде случаев (Уралмет, Югосталь, Донуголь) отмечается в январе повышение себестоимости по сравнению с 1-м кварталом. Все это заставляет обратить самое серьезное внимание на причины, обусловившие столь неблагоприятную динамику себестоимости в истекшем отрезке хозяйственного года.

Каковы же причины, обусловившие такие результаты? Исчерпывающего ответа на этот вопрос при том состоянии материалов, которым мы располагаем, пока дать трудно. Но анализ элементов себестоимости отдельных отраслей говорит о том, что решающим фактором является недостаточный рост производительности труда и вздорожание сырья. Здесь, в первую очередь, следует отметить, что в целом ряде отраслей неблагоприятное влияние на динамику издержек производства оказывали затруднения и перебои в снабжении сырьем и полуфабрикатами как туземного, так и импортного происхождения. В этом году наблюдается значительное ухудшение сырьевого снабжения против плановых предположений, что в одних отраслях вело к сокращению сезона производства и неполной загрузке заводов (сахарная, крахмало-паточная и винокуренная), а в других—к увеличению простоев сверх намеченных планом (льняная, хлопчатобумажная). Кроме того, неблагоприятное влияние оказывало на динамику себестоимости повышение цен и ухудшение качества сырья (льняная, маслобойная, крахмало-паточная). Отчасти в связи с этим план в части снижения себестоимости в названных отраслях не был выполнен. Но даже в этих отраслях легкой индустрии, сильно зависящих от сырья сельскохозяйственного происхождения, было бы глубоко ошибочным относить недовыполнение плана по снижению себестоимости целиком за счет сырьевой кон'юнктуры. Нужно сказать, что значительную роль в этом отношении сыграли и факторы внутрипроизводственного порядка.

Характерен пример с хлопчатобумажной промышленностью. В последней повышение издержек производства в 1 квартале произошло за счет вздорожания импортного хлопка. Стоимость сырья в 100 метрах ткани повысилась в 1 кв. 1928—29 г. на 4,8%, а стоимость обработки снизилась только на 4,1% против 8%, предусмотренных планом. Если бы хлопчатобумажная промышленность выполнила план по снижению стоимости обработки, что зависело от улучшения качества работы самой промышленности, то в результате 1-й квартал был бы в этой отрасли промышленности значительно более благоприятным. Аналогичная картина имеет место и в других отраслях, связанных с вздорожанием сырья. Если, таким образом, даже в этих отраслях неблагоприятный итог нельзя об'яснять исключительно факторами, не зависящими от промышленности, то тем более этого нельзя делать по отношению к целому ряду других отраслей. В этих случаях об'яснение недовыполнения плана по снижению себестоимости приходится искать внутри самой промышленности. Здесь решающим является недостаточный рост производительности труда.

Это очень наглядно видно на примере каменноугольной промышленности. Снижение себестоимости по Донуглю составило в первом квартале 2,1% против годового задания в 4,6%. Себестоимость тонны угля составляла в первом квартале 10 р. 44,5 коп., против 10 р. 15 коп., предусмотренных сметой. Этот перерасход в 30 коп. почти полностью обусловлен недостаточным ростом производительности труда, вследствие чего зарплата составляла в себестоимости тонны угля 5 р. 55,4 к. против 5 р. 30 к. по смете.

Выше мы видели, насколько выполнение плана по снижению себестоимости всей промышленности в текущем году зависит от соответствующего роста производительности труда.

В истекший же отрезок хозяйственного года наметилось явное нарушение плановых заданий по труду. Количество рабочих, занятых в промышленности, растет из месяца в месяц, несмотря на то, что в промышленности накопились известные излишки рабочей силы. План предусматривал прирост рабочей силы на 3,8%, т.-е. в размере 82 тысяч человек по сравнению с среднегодовым за прошлый год. В первые 5 месяцев текущего хозяйственного года этот прирост составляет уже 5,8%, т.-е. около 145 тыс. чел. В целом ряде отраслей излишки достигают значительных размеров. Так, в одной текстильной промышленности они исчисляются в размере 25 тыс. человек. Наличие излишней рабочей силы затрудняет проведение ряда рационализаторских мероприятий.

Если в этих условиях промышленности не удастся несколько рассосать излишнюю рабочую силу, то даже при стопроцентном выполнении производственной программы выработка на одного рабочего возрастет к концу года только на 14% против 17%, предусмотренных планом.

В среднем за истекшие 5 месяцев выработка на одного рабочего возросла по сравнению с соответствующим периодом прошлого года на 10,5%. Номинальная же заработная плата возросла за этот период на 8,8% против 6,9%, предусмотренных планом. В этом разрыве между ростом производительности труда и номинальной заработной платы лежит основная причина недовыполнения плана по снижению себестоимости в I кв.

В истекший период текущего хозяйственного года мы имеем систематическое из месяца в месяц снижение аккумулированных приростов выработки на одного рабочего (см. табл. на след. стр.).

В то время, как за 2 месяца октябрь—ноябрь прирост месячной выработки на 1 рабочего составил 13,7%, за 4 месяца этот прирост составляет уже 11,1%, а за 5 месяцев только 10,5%. Такая динамика об'ясняется условиями развертывания производства в прошлом и в настоящем году. Во-первых, первый квартал прошлого года имел пониженный уровень производства, и, во-вторых, на пять месяцев прошлого года падало большее количество рабочих

Таблица аккумулированных[1]) суммированных приростов за 5 месяцев 1928—29 г.

В среднем за:	Валовая продукция в дов. руб.		Численность рабочей силы		Месячная зарплата в черв. руб.		Мес. выработ. на спис. рабоч. (в дов. руб.)	
	В %% к соответ. периоду пр. г.	В %% к средн. месячн. пр. г.	В %% к соответ. периоду пр. г.	В %% к средн. месячн. пр. г.	В %% к соответ. периоду пр. г.	В %% к средн. месячн. пр. г.	В %% к соответ. периоду пр. г.	В %% к средн. месячн. пр. г.
Октябрь	126,7	117,6	109,2	104,6	113,3	110,4	116,0	111,7
Окт.—Ноябрь .	124,2	114,8	109,2	104,9	113,3	105,9	113,7	108,9
Окт.—Декабрь .	121,8	116 2	109,2	105,2	109,7	105,0	111,5	109,6
Окт.—Январь . .	121,1	117,6	109,0	105,6	108,9	105,2	111,1	110,7
Окт.—Февраль .	120,1	117,6	108,8	105,8	108,8	105,0	110,5	110,5

дней, чем в этом году. Эти два обстоятельства обусловили понижение аккумулированных приростов валовой продукции из месяца в месяц, что при росте рабочей силы приводило к понижению приростов выработки на 1 рабочего. Эти же причины действуют и в марте, в результате следует ожидать в ближайший месяц дальнейшего понижения прироста выработки на 1 рабочего по сравнению с соответствующим периодом прошлого года. Все эти данные говорят о том, *что план роста производительности не выполняется и необходимо наметить ряд мероприятий, которые должны выправить положение в остающуюся часть года.*

Сами мероприятия и их эффект зависят от выяснения причин, обусловливающих столь неблагоприятную динамику выработки на 1 рабочего. На одну из этих причин мы указывали—это наличие излишков рабочей силы. И вывод, который здесь напрашивается, очевиден. Необходимо хозорганам и профсоюзам взяться за энергичное проведение в жизнь соответствующих постановлений на этот счет. Нужно освободить наши фабрики и заводы от накопившейся на них излишней рабочей силы.

При этом следует подчеркнуть, что на хозорганах, профсоюзах и органах Наркомтруда лежит обязанность изыскания путей наиболее безболезненного решения этого вопроса.

Но вопрос этим не решается. Производительность труда, как известно, зависит, с одной стороны, от производительной силы труда, т.-е. от улучшения техники и рационализации производственных процессов, с другой—от интенсивности труда. Истекший период времени как раз характеризуется тем, что технические возможности на наших фабриках и заводах не используются полностью. Это, с одной стороны, об'ясняется факторами об'ективного порядка: рядом затруднений в области снабжения сырьем и полуфабрикатами, недостатком квалифицированной рабочей силы, а с другой—факторами суб'ективного порядка, тем падением трудовой дисциплины, которое все больше становится моментом, нарушающими нормальный ход производственного процесса.

Можно привести много примеров, когда самые лучшие предприятия, оборудованные по последнему слову техники, не дают соответствующего эффекта потому, что мы не научились как следует работать и использовать те возможности, которые открываются перед нами благодаря повышению технического уровня нашей промышленности.

[1]) Приведенные в настоящей таблице данные характеризуют для каждого месяца года отношение размеров производства, числа рабочих, месячной зарплаты и месячной выработки 1 рабочего за истекшую часть года, начиная с октября, к размерам их за соответствующий период прошлого года и среднегодовой за прошлый год.

XV с'езд партии, поставив снижение себестоимости как центральную проблему промышленности, вместе с тем указал, что главным методом ее разрешения является социалистическая рационализация производства. Вот этот основной рычаг снижения себестоимости используется нами еще крайне слабо. Промышленность располагает огромными резервами, но основное зло в том, что эти резервы иммобильны, что они не реализуются, что в производственной и иной деятельности наших фабрик и заводов ряд крупнейших недочетов не изживается с необходимой интенсивностью. Наши газеты пестрят бесчисленным множеством вопиющих фактов невнимательного, нерадивого, бюрократического отношения к делу улучшения качества работы промышленности. Бесхозяйственность, неумение рационально использовать силы и средства, брак и т. д., к сожалению, еще очень часто встречаются на наших заводах и фабриках. На некоторых заводах брак достигает огромных размеров, ложась огромным накладным расходом на нашу промышленность. Так, по ЮМТ убыток от брака в 1927—28 году составил 2.346 тыс. руб. что составляет 2,8% себестоимости. По отдельным заводам, как, например, по Луганскому, убыток от брака составил даже 4,5% себестоимости продукции, по Харьковскому—3,2% и т. д.

Можно привести факты из целого ряда других фабрик и заводов, которые дают не менее неутешительную картину. Так, по Златоустовскому механическому заводу по центрально-инструментальному цеху за 4 м. 1928—29 г. брак составил 13,14%. На Трехгорной мануфактуре убыток от брака в прошлом составил 661 тыс. руб. Было забраковано почти 10 млн. метр. ткани.

Не меньшим злом являются простои. В прошлом году по всей цензовой промышленности на 1 рабочего приходилось 1,7 простойных дня, что дает потерю около 5 млн. рабочих дней. В отдельных случаях простои достигают огромных размеров. Так, на Лысьвенском заводе простои составляли в первом квартале тек. года 2,4% от всего отработанного рабочего времени, и рабочим выплачено за простойное время 1,24% фонда зарплаты. На Златоустовском заводе простои за этот период времени составляли 4,4% от всего отработанного времени. Но особенно рекордными являются цифры простоя по обогатительным фабрикам Благодатского рудника. Так, в первом квартале текущего года по дробильной фабрике на 391 тыс. час. полезной работы было простоев 508 тыс. час., по магнито-обогатительной на 824 тыс. час. работы—простоев 609 тыс. час., по агломерационной фабрике на 658 тыс. час. работы—простоев 725 тыс. часов. Все эти факты свидетельствуют о том, что на наших фабриках и заводах сделано еще чрезвычайно мало для того, чтобы добиться действительного улучшения качества работы. Здесь открываются значительные возможности, которые можно и должно использовать.

Но, к сожалению, дело изучения и выявления этих возможностей поставлено на наших предприятиях из рук вон плохо. В большинстве случаев отсутствует планомерно поставленное изучение и борьба с потерями в производстве, которые обходятся нашей промышленности в миллионы рублей.

Здесь обращает на себя внимание то обстоятельство, что улучшение организационных форм и методов работы, перевод их на более высокую ступень у нас отстает от темпа технического перевооружения промышленности. Это отставание организационных форм производства от уровня нашего оборудования видно хотя бы из того, что «между временем, *потребным* на технологический процесс производства того или иного вида продукции, и временем *фактического* нахождения его в производстве—очень большая диспропорция» [1]). Этим об'ясняется чрезмерное накопление на наших

[1]) См. статью тов. Рухимовича «Важнейшие звенья производственной работы» «Правда» 26/III—28 г.

предприятиях полуфабрикатов, материалов, незавершенного производства и т. д. Отсюда увязка лишних средств в производстве, медленная оборачиваемость капитала и удлинение производственного цикла.

Следует также признать, что планирование непосредственно производственного процесса на наших предприятиях поставлено слабо, в результате чего,—как отмечает тов. Рухимович,—цех с цехом, операция с операцией, подготовка производства и исполнение — недостаточно увязаны, и работа идет не планомерно и бесперебойно, а толчками. Все это с особой настойчивостью выдвигает задачу взяться всерьез за дело изучения и улучшения организационных форм и методов работы на наших фабриках и заводах.

В одном только устранении отрицательных моментов в работе фабрик и заводов кроется источник огромных резервов для достижения более высоких темпов количественного роста и более успешной работы по снижению себестоимости. Об этом свидетельствует работа комиссий ВСНХ, обследовавших важнейшие отрасли промышленности и промышленные районы. Несмотря на напряженность наших планов, комиссии в целом ряде случаев с согласия руководителей трестов и предприятий повысили плановые задания по снижению себестоимости. Так, украинские комиссии, работавшие под руководством тов. Рухимовича, нашли возможным повысить для обследованных ими предприятий задания как по выпуску продукции, так и по снижению себестоимости.

По Краматорскому заводу путем пересмотра программы, анализа технико-производственных моментов комиссия нашла резервы для дополнительного выпуска 33 тыс. тонн чугуна, 10 тыс. тонн мартеновской болванки (до 120 т. т. против первоначальных 110 т. т.), 8,7 т. т. проката. Задание по снижению себестоимости увеличено в среднем по заводу на 1,5%.

На Луганском заводе задание по снижению себестоимости увеличено на 0,5%.

На Харьковском электромеханическом (ХЭМЗ) задание по выпуску увеличено на 3%, дополнительное задание по себестоимости дано на 2% (уже с учетом роста цен на потребляемые заводом сырье и материалы).

На Константиновском химическом задание по серной кислоте увеличено на 2,5 т. т., а по снижению себестоимости увеличено на 1%.

На стекольном заводе «Фурко» задание по снижению себестоимости увеличено до 17,5% вместо ранее намеченных 12,5%, а программа увеличена на 10%.

Не меньшим злом, чем брак и простои, являются аварии, которые участились в последнее время. Это учащение аварий связано, с одной стороны, с перенапряжением на некоторых предприятиях основного капитала, плохим качеством сырья, а с другой—с тем падением трудовой дисциплины, о котором так много пишут в нашей печати.

Характерно, что в предпраздничные и послепраздничные дни количество простоев из-за выхода из строя оборудования резко повышается. В целом ряде случаев непосредственной причиной аварии является пьянство или сон на работе.

Так, на одном из заводов Югостали сон машиниста на водокачке привел к остановке ее, вследствие чего стал весь завод. Это обошлось в полмиллиона рублей. На Лысьвенском заводе (Урал) в ноябре 1928 года мастер эмалировочного цеха проспал 40 минут дежурства, в результате чего произошла авария, обошедшаяся заводу в 50 тыс.. рублей.

Одним из важнейших факторов недостаточного роста производительности труда является ослабление трудовой дисциплины.

Некоторые профсоюзные работники несколько месяцев назад пытались даже отрицать самый факт падения трудовой дисциплины, ссылаясь на то, что нет соответствующих статистических материалов, которые могли бы лечь в основу тех или иных выводов.

Обычно основным показателем состояния трудовой дисциплины считают самовольные прогулы рабочих, но, как мы увидим в дальнейшем, это не совсем верно, так как при этом упускают из виду, что наблюдающиеся в промышленности формы падения трудовой дисциплины далеко выходят из рамок прогульности. Гораздо более неблагоприятно отражаются на производстве такие формы падения трудовой дисциплины, как приход на работу в нетрезвом виде, употребление спиртных напитков на работе, невыполнение распоряжений администрации, сон на работе, оскорбления и грубое обращение, драки, курение в огнеопасных местах, небрежность в работе, а иногда простая порча оборудования и инвентаря и т. д.

Все же размер прогулов, если его брать в связи с целым рядом других показателей, в известной мере характеризует состояние трудовой дисциплины.

Как же обстоит дело с прогулами в нашей промышленности? Учет использования рабочего времени ведется ЦСУ по всей цензовой промышленности и за последние два года рисуется в следующем виде:

На одного рабочего приходится в среднем дней

Годы	Пропущенных по разным причинам	В том числе					
		Работа в орг.	Очередные отпуска	Отпуска по болез.	Прогулы	В том числе	
						Уваж.	Неуваж.
1926/27	39,7	1,5	14,1	14,8	9,3	4,0	7,3
1927/28	38,8	1,6	12,2	15,0	7,9	1,9	6,0

Как видно из этой таблицы, в истекшем году (1927—28 г.) количество рабочих дней, пропущенных одним рабочим, по сравнению с 1926—27 г. уменьшилось на 0,9 дня. Еще в большей мере уменьшились прогулы по неуважительным причинам, составив 6 дней на одного рабочего в 1927/28 году против 7,3 дней в 1926/27 году. Несмотря на некоторое уменьшение прогулов, все же они достигают значительных размеров, почти вдвое превышая довоенную норму. Так, в 1913 году на одного рабочего приходилось 4,6 прогульных дней, а в 1927—28 году—7,9. Такое положение с прогулами причиняет нашей промышленности огромный вред. В истекшем году по всей промышленности, вследствие только прогулов по неуважительным причинам, потеряно было 18.096 тысяч рабочих дней, что повлекло недовыработку продукции на 225 млн. руб.

Если по всей промышленности в целом мы все же имеем некоторое уменьшение прогулов, то в целом ряде отраслей прогулы достигают значительных размеров, когда вследствие невыходов останавливается работа целых цехов, чем создаются перебои в производстве, основанном на согласованной работе цехов. Так, напр., на заводе им. Дзержинского (Югосталь) в дни религиозных праздников в отдельных цехах на работу не выходит до 26% рабочих, а в дни после получек—12%. На Коломенском заводе в «николин день» 19/XII 28 г. не вышло на работу 562 рабочих, в то время как в среднем в декабре прогуливало всего 83 человека.

На заводе «Серп и Молот» (Харьков) после получек невыходы по кузнечному цеху составляют 10%. Если же один кузнец не выходит—3 слесарям делать нечего. Останавливается конвейер, прекращается производство борон. В день старого рождества в доменный цех завода им. Петровского (Югосталь) не явилось 250 рабочих—полный штат, обслуживающий домну. На Сталинском заводе (Югосталь) для замены невыходящих в дни получки содер-

жится специальный штат в 500 человек, но его нехватает, и приходится производить временный набор рабочих на 1—2 дня.

Количество прогулов растет в предпраздничные и послепраздничные дни, что особенно наглядно можно видеть из нижеследующей таблички, характеризующей прогулы рабочих Донугля в 1 кв. текущего года, распределенные в % по дням недели [1]).

	Понедельн.	Вторник	Среда	Четверг	Пятница	Субб.	Итого
Невыходы по неуважит. причинам	20,5	15,7	14,3	14,5	14,0	21,0	100
Невыходы по уважит. причинам	17,3	16,6	17,4	16,8	15,8	16,6	100

Мы уже отмечали, что падение трудовой дисциплины проявляется не только и не столько в прогулах, а в самых разнообразных формах. Так, по 8 заводам Югостали нарушения правил внутреннего распорядка за 1927—1928 год составило 103.568 случаев, из них прогулы—77.828; невыполнения распоряжений администрации—5.276; пьянство — 1.025; хулиганство—1.351; оскорбление техперсонала и администрации действием и словами—1.052; симуляция — 1.753; сон на работе — 2.178; порча оборудования — 1.468; порча материалов — 145; преждевременный уход с работы — 2.950; драка между рабочими—137; несвоевременная явка на работу—2.087; игра в карты—64; кражи—262; прочие—5.992; всего 103.568 случаев. Эти цифры не полностью охватывают действительные нарушения трудовой дисциплины, так как не все нарушения своевременно учитываются. Можно привести аналогичные примеры из целого ряда других трестов и предприятий. Но и этого вполне достаточно. Все эти примеры говорят за то, что состояние трудовой дисциплины не может быть признано удовлетворительным.

Понятно, нельзя найти точного количественного показателя уровня трудовой дисциплины: здесь приходится преимущественно опираться на качественную характеристику, оперируя рядом фактов и примеров. Было бы, однако, крупнейшей ошибкой думать на основании этого, что на наших фабриках и заводах только и имеют место факты нарушения трудовой дисциплины. Если бы это было так, мы не имели бы тех достижений в области промышленности, какие мы имеем за последний год. На ряду с фактами нарушения трудовой дисциплины можно привести не меньшее, а большее качество примеров самопожертвования и героизма, проявленного как отдельными рабочими, так и группами рабочих в деле нашего строительства. Но потому, что в настоящее время резко выявилось неблагополучие с трудовой дисциплиной, необходимо заострить внимание на этой стороне дела. Здесь нужно признать, что уровень трудовой дисциплины на наших фабриках и заводах не соответствует как поднятию промышленности на более высокую организационно-техническую ступень, так и тем задачам, которые поставлены перед промышленностью всем ходом социалистического строительства. Замазывать этот факт не следует, это принесет только вред, а нужно наметить ряд мероприятий, чтобы создавшуюся диспропорцию изжить. Это обстоятельство и вынудило ВЦСПС обратиться к рабочим со специальным воззванием, а СНК и НКТ издать специальное постановление, усиливающее ответственность за ряд нарушений правил внутреннего распорядка.

Если факт падения трудовой дисциплины в настоящее время ни кем не оспаривается, то все же возникает вопрос о тех условиях и предпосылках, которые привели к расшатыванию нормальной производственной обстановки на наших фабриках и заводах.

Бесспорно, что фоном, на котором начали усиленно развиваться эти отрицательные явления, являются наши хозяйственные и продовольственные

[1]) По данным Кон'юнктурного Института ЦСУ.

затруднения. Не случайно то обстоятельство, что больше всего падение трудовой дисциплины дает себя чувствовать в Донбассе и других районах Украины, которые в связи с недородом больше других испытывают продовольственные затруднения текущего года. Связанные с этим простаивание в очередях, рост бюджетного индекса не могли не оказать влияния на известную менее устойчивую часть рабочих, не прошедших фабричной школы и связанных с деревней.

Общеизвестно, что в промышленность за последние годы влилось огромное количество новой рабочей силы, главным образом выходцев из деревни. Количество рабочих по цензовой промышленности с 2307,3 тыс. человек в I полугодии 1926—27 года увеличилось до 2616,2 тыс. человек, во II полугодии 1927—28 г., т.-е. на 308,1 тыс. человек.

Если в восстановительный период рост рабочей силы происходил преимущественно за счет возвращавшихся в производство старых рабочих, то за истекшие 2 года реконструктивного периода основным источником пополнения фабрично-заводского пролетариата являются выходцы из деревни, никогда раньше не работавшие на фабриках и заводах.

Эти в большей части, как говорится в резолюции XIV с'езда партии, «молодые крестьяне прямо из деревни совершенно незнакомы с фабрикой, борьбой рабочего класса, его задачами и организациями. Эта часть новых рабочих, еще больше связанная с землей, чем с фабрикой, целиком проникнутая крестьянскими интересами, полуграмотная или совсем неграмотная, в своем большинстве склонна держаться в стороне от основной пролетарской массы, ее интересов и общественности и рассматривать себя как случайных, временных гостей фабрики, завода, города».

Эти новые кадры рабочих, не прошедшие фабрично-заводской школы, по своему культурно-классовому уровню стоят значительно ниже основных масс пролетариата. Не пройдя школы крупного фабричного производства, требующего определенного уровня трудовой дисциплины, не осознав еще задач и значения развертывающегося в нашей стране социалистического строительства, эти слои подчас «рвачески» относятся к социалистической фабрике и заводу. Наши профессиональные союзы не обратили достаточного внимания на перевоспитание этой, не осознавшей еще своих классовых интересов массы. Более того, профсоюзы не поспевают даже вовлечь полностью всех рабочих в члены союза. Так, на 1/IV—28 г. по группе союзов промышленных рабочих союзным членством было охвачено 94,1% всех занятых в промышленности рабочих. Остаются неорганизованными около 6% всех рабочих, что в абсолютном выражении дает внушительную цифру в 200 тысяч человек.

К сожалению, нет статистических данных, на основании которых можно было бы судить о тех сдвигах, которые произошли в социальном составе пролетариата за последние годы. Поэтому большой интерес представляют данные ЦК союза металлистов, полученные в результате выборочного обследования новых кадров на 20 крупнейших заводах металлопромышленности. На обследованных заводах количество выходцев из деревни и связанных с нею рабочих весьма значительно. Так, на Балтийском заводе по корпусному цеху 85,0% рабочих связано с деревней, по Нижнему заводу Приокского района—69,0%, на зав. им. Дзержинского (Днепропетровск)—46,7%, на заводе им. Ленина (Днепропетровск)—54,3%, на Мытищинском заводе (Москва)—30% и т. д.

Не менее интересными представляются данные, характеризующие состав этих рабочих, связанных с деревней. Оказывается, что среди них имеется значительный % имеющих хозяйства с применением наемной рабочей силы.

По Балтийскому заводу из 93 обследованных хозяйств 10,8% применяют круглый год наемную силу, а 6,5% во время сезона.

По заводу им. Ленина в Днепропетровске—1.067 чел. владеют 3.850 га земли, 232 лошадьми, 400 коровами и т. д.

На зав. им. Дзержинского 3.327 рабочих имеют 10.830 га земли, 514 лошадей, 997 коров и 175 волов.

Очень характерны следующие отдельные факты: Никитин Н. Ф. имеет 8,7 га земли, 2 лошади, 2 коровы, одного постоянного работника и еще 2 работников во время сезона.

Алапаевский завод—Михеев, Я. А., не член союза, имеет пашни 10,9 га, сенокоса—10,9 га, полный с.-х. инвентарь, 7 лошадей, 2 дома.

Златоустовский механический завод—Миронов, П. С.—на заводе 5 месяцев, в союзе с мая 1928 г., имеет 23 га земли, 2 лошади, 2 коровы и 10 голов мелкого скота.

Топчий, В. М.—производственный и союзный стаж по одному году, имеет 10,9 га земли, 2 лошади, 1 корову, 2 вола.

По заводу им. Петровского индивидуальные хозяйства на выборку по отдельным цехам представляются в следующем виде:

Фамилия	Цех	Хозяйство						Произв. стаж	Союзный стаж
		Земли в га	Лошадей	Коров и волов	Овец	Свиней	Молодняка		
1. Старков. . .	Домен.	22,8	3	2	—	—	2	VI/23	III/24
2. Агапов . . .	„	20,5	1	--	—	—	1	VII/24	V/24
3. Моргов . . .	„	13,1	5	4	—	—	1	VII/27	X/27
4. Онищенко .	„	19,9	7	2	2	—	1	VII/25	—
5. Аубин . . .	„	13,3	6	2	—	—	—	VI/24	V/26
6. Оглобля. . .	Мостов.	15,8	2	1	—	—	3	VIII/26	IX/26
7. Чалый . . .	Механ.	20,6	3	5	10	2	—	VIII/25	X/25
8. Вотченко . .	Мартен.	15,9	2	1	10	—	—	V/24	X/24
9. Масляный. .	Прокат.	21.8	4	2	—	—	1	не выя	снено
10. Цимбал . . .	„	25,6	4	1	—	—	1	VIII/23	X/24

ЦК союза металлистов устанавливает, что «хозяйства отдельных рабочих носят ярко выраженный кулацкий характер (применение наемного труда, аренда и т. д.): благодаря отсутствию достаточного контроля за наймом рабочей силы на предприятия просачиваются также и зажиточные и явно кулацкие элементы, работа на предприятии для которых носит временный характер с целью получения побочного дохода к крестьянскому хозяйству».

Аналогичная картина наблюдается и в других отраслях промышленности. Так, например, из 4.000 рабочих Донсоды 1.200 чел. живут в селе. Их имущество оценивается в 1 млн. рублей. По 14 крупным текстильным фабрикам Москвы и Ив.-Вознесенска процент рабочих, связанных с деревней, очень велик, достигая в отдельных случаях 90.

Наличие такой значительной части рабочих, связанных с деревней, не привыкших к производственному режиму крупного производства, отрицательно отражается на трудовой дисциплине. Будучи недостаточно связаны с производством по своему бытовому и материальному положению, они труднее поддаются фабрично-заводской обработке. Специальная разработка по Енакиевскому заводу им. Рыкова показала, что «деревенщики», составляющие всего 30% общего числа рабочих, участвуют в самовольных прогулах на заводе в размере 75%. По Краматорскому заводу в течение года 75% выговоров получили рабочие с производственным стажем от 1 до 3 лет; 21%—со стажем от 3 до 10 лет и только 4%—свыше 10-летнего стажа.

Зажиточная прослойка среди рабочих, связанных с деревней, рассматривающих фабрику как временный источник добавочного дохода, подчас и

активно расшатывает трудовую дисциплину на наших фабриках и заводах. Хотя удельный вес ее незначителен, но деморализующее влияние, которое она оказывает на менее устойчивую часть рабочих, неизмеримо больше.

Не следует также забывать, что на наши фабрики и заводы попало много «бывших» людей: бывших домовладельцев, торговцев и т. д. Можно привести много таких примеров. На это обстоятельство указывал и Ленин. Поэтому он настаивал на необходимости определить понятие «рабочий» таким образом, чтобы под это понятие подходили только те, кто на самом деле по своему жизненному положению должен был усвоить пролетарскую психологию.

Проникшие в ряды рабочего класса за последние годы социально чуждые элементы в условиях обостряющейся классовой борьбы в стране становятся источником расхлябанности, недисциплинированности, подрывая изнутри наше социалистическое строительство.

«...Буржуазная и мелкобуржуазная стихия,—говорил Ленин,—борется против советской власти двояко: с одной стороны, путем прямых вооруженных восстаний, а с другой стороны, эта стихия действует изнутри, используя всякий элемент разложения, всякую слабость для подкупа, для усиления недисциплинированности, распущенности, хаоса».

Это выдвигает перед нами задачу, с одной стороны, более внимательного изучения тех социальных сдвигов, которые произошли в составе рабочего класса, а с другой—нужно более внимательно отнестись к самому процессу найма рабочей силы. Нужно добиться такого положения, чтобы был закрыт доступ кулацким и другим враждебным элементам на наши социалистические фабрики и заводы.

Неблагоприятное влияние на трудовую дисциплину оказывает огромная текучесть, которая имеет место на наших фабриках и заводах. Есть заводы, где состав рабочих за год меняется 2—3 раза. Эта текучесть рабочей силы связана главным образом с теми неблагоприятными жилищными условиями, которые существуют на многих наших предприятиях. Следующие данные по некоторым заводам Урала характеризуют остроту жилищного вопроса. Так, на Лысьвенском заводе на живущего приходится 3—2 кв. м., на Уфалейском—2,8 кв. м., на Бакольских рудниках—2 кв. м. и т. д. При этом следует иметь в виду, что в целом ряде случаев эта жилая площадь очень далека от благоустроенного жилища.

Падение трудовой дисциплины находится также в связи с ростом алкоголизма. Ряд грубейших нарушений трудового режима, драки обычно совершаются в нетрезвом виде. Поэтому рост потребления алкоголя среди рабочих в последние годы также является одной из причин нарушения трудовых процессов в промышленности. Рост потребления алкоголя среди рабочих по данным ежегодных (ноябрьских) бюджетов семейных рабочих, ведущихся ЦСУ, рисуется в следующем виде[1]):

Израсходовано на спиртные напитки в %%:

	1922	1923	1924	1925	1926	1927
К расходной части бюджета .	0,4	0,4	0,9	2,1	2,4	2,8
„ зарплате	0,4	0,5	1,3	2,4	2,9	3,9

Доля расходов на алкоголь в зарплате с 1922 по 1927 г. выросла свыше чем в 9 раз.

Потребление алкоголя больше распространено среди общественно пассивных и культурно отсталых групп рабочих. Это видно из следующей группировки, проделанной МГСПС по данным бюджетов 100 семей московских рабочих.

[1]) Материал этот приведен в № 5—6 «Путей Индустриализации» за 1929 год.

Расход семьи на алкоголь в черв. руб. в 1927 г.

1. Политически активные	48,3
2. Беспартийные активисты	52,0
3. Мало активные, но культурно развитые	60,0
4. Культурно отсталые	84,6

Рост невыходов на работу, аварий, простоев и т. д. в предпраздничные и послепраздничные дни связан с ростом потребления алкоголя в связи с праздниками. Усиление потребления алкоголя в праздничные периоды выявляется из следующей таблицы (для 1927 г.) совершенно отчетливо:

Группы по активности	В апреле	В декабре	В средн. за остальн. мес.
1. Политически активные	7,45	7,05	4,29
2. Беспартийн. активисты	6,15	7,62	5,17
3. Мало активн., но культ. развит.	7,55	7,47	5,56
4. Культурно отсталые	8,90	11,23	6,63

Апрель (пасха) и декабрь (рождество) дают во всех группах повышение расходов на алкоголь, при чем отчетливо выявляется тенденция к увеличению амплитуды колебания расходов в праздничные периоды по сравнению с будничными по мере перехода к группам отсталых рабочих.

Кой-кто пытался смазать вопрос о падении трудовой дисциплины, об'ясняя недостаточный рост производительности труда исключительно неполадками в производстве, авариями, плохим хозяйствованием и т. д. Смешно было бы отрицать наличие этих отрицательных моментов в работе промышленности и их неблагоприятное влияние на производственную обстановку наших фабрик и заводов. Бесспорно, что простои из-за недостаточного снабжения, аварии оборудования благодаря его изношенности и т. д. приводят к нарушениям трудовых процессов и отрицательно отражаются на трудовой дисциплине, хотя, с другой стороны, как мы видели, сами аварии подчас являются результатом небрежного отношения к работе. В последнее время усилились несчастные случаи в нашей промышленности. Это связано, с одной стороны, с изношенностью оборудования, а с другой—с недостаточной работой по охране труда. Это также является одним из факторов, неблагоприятно влияющих на трудовую обстановку наших предприятий.

Но констатирование всех вышеуказанных обстоятельств не может освободить нас от признания того факта, что наши партийные, профессиональные и советские организации не приняли своевременно мер борьбы против той расхлябанности, которая имеет место на наших фабриках и заводах. Это обстоятельство играло не последнюю роль в том, что падение трудовой дисциплины, давшее себя чувствовать прежде всего в Донбассе, постепенно распространилось и на другие промышленные районы. Вместо *активной* борьбы против нарушителей трудовой дисциплины, вместо мобилизации основных кадров рабочих для этой борьбы в целом ряде случаев имели место случаи недопустимого хвостизма как со стороны хозяйственников, так и со стороны органов профсоюзов на местах.

В этом отношении неблагоприятное влияние на производственную обстановку наших предприятий оказало то ослабление единого хозяйственного руководства на предприятии, которое замечалось в последнее время. Нет четкого разграничения функций, линий работы и пределов ответственности между отдельными частями треугольника. Речь идет не только о согласовании вопросов принципиального порядка, но часто имеют место случаи вмешательства низовых профсоюзных и партийных органов в оперативные распоряжения руководителя предприятия, вопреки тем партийным решениям, которые имеются на сей счет.

Кой-где на местах забывают решение XIV партийного с'езда, которое обязало профессиональные союзы «повести решительную борьбу с попытками своих органов и представителей непосредственного вмешательства в управление и администрирование предприятий и их об'единений, влекущего за собой смешение союзных функций с хозяйственными и внесение вредной двойственности и безответственности в дело управления народным хозяйством» (рез. XIV с'езда ВКП(б)).

Принятие мер против нарушителей трудовой дисциплины не всегда поддерживалось соответствующими органами Наркомтруда и профсоюзов. Так, например, на заводе им. Рыкова, вследствие протеста профсоюза, увольнение заменено выговором за поломку станка, за хулиганство после пяти предварительных выговоров, за избиение десятника, за систематическую кражу оцинкованного железа и т. д. Там же имеются случаи, когда предложения об увольнении за разные проступки делались администрацией до пяти раз и все время рабочая часть РКК не соглашалась на увольнение.

На заводе «Кр. Треугольник» рабочий за пьянство и избиение сторожа (в течение суток последний не мог работать) был представлен к увольнению, но РКК согласия на увольнение не дала. В целом ряде случаев органы НКТ не утверждали решений администрации, согласованных с профсоюзами. Так, напр., шахта № 19 Рутченковского рудоуправления опасна по газу. Рабочий был уволен за курение. РКК дважды постановила уволить его. Отдел труда восстановил его на работе. На Божедарском руднике ЮРТ рабочего, уволенного по предложению шахткома и парт'ячейки за избиение другого рабочего, инспекция труда восстанавливает на работу, а трудовая сессия выносит постановление об уплате за прогульные дни. Можно значительно умножить факты безнаказанности при самых грубых нарушениях дисциплины.

Мы много говорим о классовой борьбе, об обострении сопротивления капиталистических элементов наступающему социализму, но «разве классовая борьба в эпоху перехода от капитализма к социализму не состоит в том,—говорил Ленин,—чтобы охранять интересы рабочего класса от тех горсток, групп, слоев рабочих, которые упорно держатся традиций, привычек капитализма и продолжают смотреть на советское государство попрежнему: дать «ему» работы поменьше и похуже, содрать с «него» денег побольше».

Нужно твердо помнить эти слова Ленина.

Всякое попустительство нарушителям трудовой дисциплины, осуществляемое под флагом защиты рабочих, нетерпимо. Это есть забвение классовых интересов пролетариата.

Недисциплинированность, которую приносят с собой на предприятие новые рабочие, впервые вступающие в производство, не встречая твердого и организованного отпора, постепенно заражает и остальных рабочих. Но это значит, что кой-где на наших фабриках и заводах известная часть хозяйственников, профессиональных и партийных работников вместо отпора сама подпадает под влияние этих отсталых слоев, не прошедших фабричной школы и легко поэтому поддающихся колебаниям мелкобуржуазной стихии.

А падение трудовой дисциплины есть не что иное, как усиление мелкобуржуазных тенденций среди тех слоев пролетариата, которые еще не осознали своих классовых интересов. Мелкобуржуазная стихия через разные каналы проникает в ряды пролетариата, и одной из форм ее проявления бесспорно является падение трудовой дисциплины. *Поэтому борьба за трудовую дисциплину означает не только борьбу за производительность труда и снижение себестоимости, но и борьбу против мелкобуржуазной стихии, которая является нашим главным врагом, как об этом неоднократно говорил Ленин.*

Приходится обратить внимание и на положение инженерно-технического персонала на производстве. Здесь нужно признать, что это положение в последнее время ухудшилось. Имеет место ряд ненормальностей во взаимоотношениях инженерно-технического персонала с рабочими и с администрацией. Имеет место в ряде случаев необоснованное привлечение инженерно-технического персонала к ответственности, вмешательство в его деятельность, «дерганье», недостаточная поддержка со стороны администрации и т. д. Все эти обстоятельства привели к упадочническим настроениям среди известной части специалистов, ослаблению технической инициативы, боязни ответственности, ослаблению административных функций и т. д.

Среди инженерно-технического персонала в связи с этим распространяются примиренческие отношения к той расхлябанности и недисциплинированности, против которой они в первую очередь должны бороться. Спецеедство, одно время несколько затихшее, снова возросло. Понятно, что не все работники инженерно-технического персонала стоят на высоте пред'являемых к ним требований. Приходится признать, что и среди инженерно-технического персонала, не говоря о вредительских группировках, в известной мере пала трудовая дисциплина, и к ним можно пред'явить ряд требований. Но это нужно делать в таких формах, которые укрепляли бы положение специалистов на производстве и вели бы к установлению нормальных отношений между ними и рабочими.

Ненормальное положение инженерно-технического персонала на фабриках и заводах усиливает их текучесть и ведет к тому, что удельный вес инженерно-технического персонала среди рабочих уменьшается. Так, если соотношение числа инженерно-технического персонала к числу рабочих в фабрично-заводских предприятиях в январе 1927 г. принять за 100, то в июне того же года это соотношение составляло 99,5, а в сентябре—95,5. В те же месяцы 1928 г. это соотношение уже составляло: в январе 92,4, в июне—84,3, в сентябре—83,7. Это уменьшение удельного веса инженерно-технического персонала связано также с интенсивным ростом количества рабочих, занятых в промышленности.

Такое положение вещей является одним из существенных тормозов к проведению ряда рационализаторских мероприятий. Ведь рационализация производства требует кадра технически подготовленных работников. Насколько незначительна инженерная прослойка на наших фабриках и заводах, видно хотя бы из того, что на Лысьвенском заводе (Урал) на 500 рабочих приходится только один инженер.

Описанное выше состояние трудовой дисциплины, не совместимое с все повышающимся технико-организационным уровнем нашей промышленности, если оно не будет улучшено, может стать одной из причин невыполнения промышленного плана. Ведь мы знаем, какое место занимает план снижения себестоимости в хозяйственном плане текущего года. Недовыполнение же плана по себестоимости обусловливается в большей своей части недостаточным ростом производительности труда. Последнее обстоятельство в свою очередь связано с падением трудовой дисциплины. П о э т о м у б о р ь б а з а т р у д о в у ю д и с ц и п л и н у е с т ь б о р ь б а з а х о з я й с т в е н н ы й п л а н, у т в е р ж д е н н ы й ЦК н а ш е й п а р т и и, э т о е с т ь б о р ь б а з а о с у щ е с т в л я е м ы й н а м и б ы с т р ы й т е м п и н д у с т р и а л и з а ц и и с т р а н ы, э т о е с т ь б о р ь б а с м е л к о б у р ж у а з н о й с т и х и е й и м е л к о б у р ж у а з н о й р а с х л я б а н н о с т ь ю.

Б. и К.

Итоги плана Дауэса.

В эти же недели и месяцы пять лет назад рождался план Дауэса. В апреле 1924 г. союзники преподнесли обессиленной и хозяйственно разрушенной стране всеисцеляющий план американского генерала, который обещал снова поставить Германию в ряд культурных государств и гарантировать все платежи без ущерба под'ему ее положения до уровня передовых стран Запада. Осенью 1928 г. закончился намеченный планом четырехлетний «переходный» период к «нормальным» ежегодным платежам на основе полного восстановления хозяйственного положения Германии и ее платежеспособности. Задача работающей в настоящее время в Париже комиссии экспертов заключается в том, чтобы подвести итоги этому периоду и «окончательно» ликвидировать все остатки последствий войны, вводя дальнейшие платежи в русло «нормальных» коммерческо-финансовых отношений, превратив тем самым репарационную проблему из «политической проблемы» в «чисто-финансовую операцию». Генеральный агент по репарациям г. Паркер Гильберт дал себе труд в свою очередь подвести итоги «переходного» периода. Его доклад от 22 декабря 1928 г. [1]) содержит не только отчет за 2-ю половину четвертого года репарационных платежей, но и общий обзор всего четырехлетия, долженствующий обосновать ту основную и единственную мысль, что «Германия может платить», что в результате выполнения плана Дауэса она пришла к «нормальным» довоенным отношениям, а в ряде пунктов превысила этот уровень. Совсем иной тон у буржуазной и социал-демократической печати Германии. Ее пессимизм в отношении итогов плана Дауэса не идет ни в какое сравнение с теми радостными и светлыми перспективами стабилизации и процветания, какие ожидались от «американского чуда». В своем месте мы займемся выяснением источников этого пессимизма. Но сначала нам нужно взглянуть в свою очередь на эти итоги, связанные неразрывно с вопросом о стабилизации капитализма вообще.

I. Итоги восстановления хозяйства.

Если взять общий размер продукции, то можно утверждать, что в целом здесь достигнут довоенный уровень с превышением по тяжелой промышленности и с особо значительным превышением по линии новых или более молодых отраслей (см. табл. на след. стр.).

Наибольшее отставание мы видим по текстильной и обувной промышленности, т.-е. по отраслям, опирающимся в основном на личное потребление народных масс внутри страны. Этот момент важен для дальнейшего.

По таким отраслям, как химическая промышленность, автомобильная, электроустановки, налицо резкий скачок против довоенного уровня

[1]) Deutschland unter dem Dawes—Plan. Der Bericht des Generalagenten vom 22 Dezember 1928. Berlin 1929.

Общий размер продукции [1]).

Годы	Добыча каменного угля		Добыча бурого угля		Производство чугуна		Производство сырцовой стали		Ввоз хлопка	Ввоз шерсти	Потребление сырой кожи
	В млн. тонн.	В %	В млн. тонн.	В %	В млн. тонн.	В %	В млн. тонн.	В %	В тысячах тонн		
1913 г. в новых границах	140,8	100	87,2	100	10,9	100	12,2	100	439	206	298
1924 г.	118,8	84.4	124,6	142,9	7,8	71,7	9,7	79,7	333	137	249
1925 „	132,6	94,3	139,7	160,2	10,0	92,4	12,1	99,0	368	127	258
1926 „	145,3	103,2	139,2	159,5	9,6	88,3	12,2	100,4	292	140	206
1927 „	153,6	109,1	150,5	172,9	13,1	120,0	16,3	133,6	447	182	279
1928 г. (за 8 мес.)	101,4	—	108,4	—	11,9 [2])	108,5	14,5 [3])	119,2	206	131	—

В 1913 г. вся продукция автомобильной промышленности составляла 214 милл. марок., в 1928 г. она перевалила за миллиард [4]). Если даже принять во внимание более высокий общий индекс послевоенных цен, то и в этом случае налицо огромная разница.

Мощность электроустановок достигла (кругло) в 1925 г. 8,7 млн. кв., а в 1926 г. более чем 9,5 млн. кв. [5]). Здесь мы видим рост даже в такие годы, как 1926 г., когда все хозяйство находилось в состоянии тяжелой депрессии. Общеизвестны, наконец, цифры огромного роста производства искусственного шелка.

Одновременно с общим под'емом шел процесс рационализации. Так как ряд данных уже приводился в нашей печати, ограничимся некоторыми иллюстрациями.

Общие итоги технического перестроения нашли отражение в под'еме производительности рабочего.

Производительность рабочего в 1927 г. [6]).

Отрасли	В % к 1925 г.	В % к 1913 г.
Автомобильная	172	260
Черная маталлургия	142	—
Машиностроение	140	—
Добыча калия	130	172
Цементная промышленность	124	144
Железорудная „	112	126

На железных дорогах производительность труда поднялась с 1925 г. по 1928 г. почти на 25% [7]).

Этот большой под'ем на протяжении 3—4 лет связан, конечно, с огромным переоборудованием за этот же промежуток времени. Так, например, к сентябрю 1928 г. с сентября 1924 г. число существующих доменных печей уменьшилось с 216 до 184. В то же время средняя мощность домны поднялась с 342 тонн в сутки до 485 тонн. При этом существенно заметить, что фактическая нагрузка составляла в сентябре 1928 г. лишь 336 тонн, т.-е. почти третья часть производственной мощности оставалась неиспользованной. Если взять даже месяцы наиболее высокого под'ема хозяйства в 1927 г., то и в этом случае остается более 20% недогрузки производственного аппарата [1]).

[1]) Der Bericht des Generalagenten, стр. 496.
[2]) За весь 1928 г. «Frankfurter Zeitung» 19/I—29 г.
[3]) За весь 1928 г. «Berliner Tageblatt» 18/I—29 г.
[4]) «Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich», 1928, стр. 123. «Belastungsprobe» von Erich Welter. Frankfurt. 1929, стр. 25.
[5]) Jahrbuch. 1928, стр. 125.
[6]) Deutschlands wirtschaftliche Lage an der Jahreswende 1928/29. Uberreicht von der Reichs-Kredit-Gesellschaft, стр. 16 и 17.
[7]) Там же.

Такой резкий технический сдвиг произошел и в производстве кокса. Еще в 1926 г. существовало 16.200 коксовых печей с производственной мощностью в 28 млн. тонн кокса в год. К 1928 году построено более 2.700 новых печей. В результате этого менее чем 7.000 печей при нагрузке лишь 70—72% их производственной мощности могли покрыть 82% всей добычи кокса в октябре 1928 года. Это привело к тому, что 6.300 старых печей совсем прекратили производство. Остро стоит вопрос о выводе из строя еще сотен устаревших печей. И при всем этом недогрузка производственного аппарата остается огромной (30—35%) [2]).

Быстро растет снабжение газом городов и предприятий путем дальних проводок. В этом году длина газопроводной сети у крупнейшего предприятия, Рурской области (акционерное общество «Рур—газ» в Эссене), специализирующегося на добыче газа, достигнет 700 клм. [3]). Это предприятие является детищем совокупных усилий рурской тяжелой индустрии.

Химический концерн повысил производство азота и азотистых веществ с 350 тыс. тонн в 1925 г. до 550 тыс. тонн в 1928 г., имея в то же время производственную мощность в 700 тыс. тонн и увеличивая ее в этом году еще на 80 тысяч тонн. Производственная мощность по искусственному шелку достигает у этого же концерна 16 тыс. клгр. в сутки, а с окончанием в ближайшее время новых построек она подымется до 22 тыс. клгр. Производственная мощность по искусственному бензину (из угля) достигает 100 тыс. тонн в год, а к концу 1929 г. будет поднята до 200 тыс. тонн, т.-е. удвоена благодаря окончанию новых установок и построек [4]). А, как известно, эта последняя область производства является целиком детищем последних лет.

Налицо, таким образом, под'ем хозяйства на основе резкой рационализации техники производства. 1924—25 гг. заполнены лихорадочными усилиями по замене в значительной части потрепанного после войны и послевоенных лет производственного аппарата страны. Общим результатом этого процесса явился тот факт, что Германия снова выдвинулась в ряды самых передовых по технике производства стран.

К 1929 году Германия занимает по мощности ее металлургии точно так же, как и по добыче кокса, второе место в мире после С.-А. Соединенных Штатов, перегоняя и Англию и Францию, по каменному углю—третье место после С.-А. Соединенных Штатов и Англии. По калию Германия дает 75% мировой продукции, занимая первое место. По бурому углю она также занимает первое место. Огромный рост его добычи связан с потребностями химической промышленности и электростанций. По потреблению хлопка Германия занимает второе место в Европе после Англии.

На ряду с техническим прогрессом шел не менее напряженный рост и укрепление монополий. В результате войны и инфляции сильно выросла централизация капитала. Так, например, удельный вес чисто угольных и, в особенности, железорудных предприятий (угольных шахт и железных рудников, существующих как самостоятельные предприятия) значительно пал, и преобладающая роль принадлежит металлургическим концернам, включающим и шахты и рудники. Централизация капитала принимает более «трестообразные» формы, формы прочных полных слияний (фузий) вместо разнообразных договорных об'единений (Interessengemeinschaft). Все руководители крупнейших монополий в один голос признают необходимость и целесообразность

[1]) Der Bericht des Generalagenten, стр. 495.
[2]) «Frankfurter Zeitung» № 79 от 30/I—29 г.
[3]) «Deutsche Bergwerks-Zeitung» № 29, 3/II—29 г.
[4]) Der Farben-Konzern, 1928. Das spezial Archiv der deutschen Wirtschaft, стр. 39.

перехода к этой более высокой форме организации, которая обеспечивает большой успех в рационализации производства, в овладении внутренним рынком и в борьбе на внешнем рынке [1]). Правда, теперь нет таких «грандиозных» монополий, как концерн Стиннеса, разбухавший одновременно с разбуханием массы бумажных денег, но теперь Германия является в большей мере, чем когда бы то ни было, страной монополистического капитализма.

«Знамением времени» в этом смысле являются стальной трест («Акционерное общество об'единенных стальных заводов») и химический концерн (I. G. Farbenindustrie). Стальной трест образовался в 1926 г. из слияния пяти мощных концернов немецкой металлургии, функционирует как единое предприятие и охватывает половину продукции стали Германии, т.-е. около 7 млн. тонн из 14 млн. в 1928 г. В 1925 г. образовался химический концерн из слияния шести крупнейших предприятий Германии. Он является в своем производстве полным монополистом, подчиняя себе одновременно ряд смежных отраслей (напр., взрывчатые вещества). Два концерна (Сименс и АЕГ), охватывающих немецкую электротехническую промышленность, не только восстановили, но и укрепили свою позицию.

Немецкая металлургия, за исключением второстепенных видов продукции, охвачена целой системой специальных картелей во главе с картелями по сырцовой стали (Rohstahlgemeinschaft) и по чугуну (Roheisenverband), как ведущими и головными. Такая картина, правда, в более слабых формах, характерна для всей немецкой промышленности.

Такая система монополий позволяет держать очень высокие цены внутри страны, давая тем самым огромное внутрипромышленное накопление и создавая основу для борьбы на мировом рынке путем низких цен.

II. Германия, как империалистическая страна.

Те тенденции, которые стали намечаться уже в 1925 г., развернулись ныне во всей полноте: восстановление Германии означает, что на арену мирового хозяйства выступает страна с таким производственным аппаратом, с такой монополистической системой, которые рассчитаны на мировой рынок, которые должны и могут служить базой для борьбы за овладение солидными секторами мировой арены, которые не могут развиваться на основе внутреннего рынка, так как вся система хозяйства довоенной и в еще большей мере послевоенной Германии рассчитана с самого начала на этот мировой рынок. Для борьбы Германия имеет не меньшую, а в ряде важнейших отраслей индустрии более мощную технико-производственную базу, чем Франция и Англия.

В то же время послевоенные перегруппировки и сдвиги существенно изменили положение Германии. Прежде всего Германия основательно оттеснена с внешних рынков. Если до войны вывоз Германии составлял 13% мирового вывоза, то в 1925—27 г. лишь 8%. Очень показательна в этом отношении следующая табличка [2]):

Доля вывоза Германии в отношении ко всей продукции данной отрасли в стране.

	До войны	1925—27 гг.
Железо и сталь	23%	17%
Химическая промышлен.	38%	31%
Электротехника	25%	17%
Уголь.	28%	20%

[1]) См. показания руководителей концернов в государственном комитете по изучению хозяйственного положения Германии. («Ausschuss zur Untersuchung der Erzeugungs- und Absatzbedingungen der deutschen Wirtschaft. Wandlungen in den wirtschaftlichen Organisationsformen, 1928).

[2]) «Strukturwandlungen der deutschen Volkswirtschaft» herausgegeben von Harms, 1929, I том, стр. 401.

См. также Vierteljahrhefte zur Konjunkturforschung, 1928 г.

Из всех этих данных следует, что Германия имеет возможность вывозить меньшую часть своей продукции, чем до войны. В то же время внешняя торговля приобрела для Германии исключительное значение, неизмеримо большее, чем для других империалистических стран. Это об'ясняется целым рядом причин.

Платежный баланс Германии остается пассивным все эти годы стабилизации. Пассивность непосредственно торгового баланса в результате превышения ввоза товаров над вывозом измеряется следующими цифрами: в 1925 г. 2. 400 млн. марок; в 1927 г.—2.854 млн. м.; в 1928 г.—2.000 млн. м. Только 1926 г. вследствие резкого падения цен внутри страны, английской забастовки и усиления по этим причинам вывоза дал активный итог в 837 млн. марок [1]). Пассивность торгового баланса (но, конечно, не в таких размерах) является характерной для империалистских стран. При чем превышение ввоза покрывается доходами с вложенных за границей капиталов. Так было с Германией до войны. Но проиграв войну, она потеряла примерно 28 мрд. м. вложений за границей и 1½—2 мрд. м. ежегодного дохода с них. Она потеряла к тому же ряд колониальных и завоеванных рынков. Поэтому дефицит в платежном балансе можно покрывать собственными средствами лишь в меру роста вывоза, лишь в меру превышения вывоза над ввозом, а до этого его приходится покрывать привлечением иностранных вложений и кредитов, прежде всего из САСШ. Вопрос о восстановлении своей экономической самостоятельности упирается у Германии в проблему экспорта тем более, что характер (а в известной мере и размер) ввоза определяется структурой всей производственной системы Германии. (Основная доля ввоза падает на продукты питания и сырье) [2]). С отнятием же Эльзас-Лотарингии зависимость от ввоза, например, по линии железной руды увеличилась значительно.

Положение обостряется тем обстоятельством, что налицо сужение внутреннего рынка, особенно, если взять его в соотношении с возросшей мощностью производственного аппарата. Заработная плата возросла по официальным данным в среднем реально на 7% против довоенной. Но одновременно с этим еще резче возросла тяжесть государственного и местного бюджета. Если в 1913 г. все налоги составляли 4,1 мрд. м., то в 1928 г. они достигли суммы в 12,8 мрд. м. [3]). Если даже снизить эту цифру сответственно более высокому индексу цен (40—45%), то и в этом случае окажется повышение почти на 75%. Налоги на душу населения составляли в 1913 г.—71 марку, а в 1925—26 г. почти—170 м. [4]), с тех пор происходило неоднократное повышение налогов. На 1929 г. намечается дальнейшее повышение, при чем п р и р о с т против существующих налогов, падающих на широкие массы, измеряется суммой около 500 млн. марок. Если в 1913 г. совокупный бюджет в 7,3 мрд. м. падал на годовой народный доход в 43 мрд. м., то в 1928 г. бюджет в 15,6 мрд. (сюда нужно прибавить 900 млн., которые платят промышленность и жел. дороги по плану Дауэса, т.-е. в общей сумме 16,5 мрд. м.) падает на годовой народный доход в 60 мрд. м. [5]). В 1913 г. бюджет составлял шестую часть, а в 1928 г. значительно более четверти народного дохода. И все же государственный бюджет не вылезает из дефицита; в 1926—27 г.—

[1]) Der Bericht des Generalagenten, стр. 244.

[2]) В упомянутой коллективной двухтомной работе о структурных изменениях немецкого народного хозяйства («Strukturwandlungen des deutschen Volksvirtschaft») исчисляется, что, если до войны 11 млн. человек зависели от затраницы (от отношений во-вне) в отношении питания и основ их производственной деятельности, то после войны от этого зависит 15—16 млн. человек вследствие потери ряда собственных областей, колоний и возросшего значения внешней торговли (см т. I, стр. 401).

[3]) «Belastungsprobe», стр. 38.

[4]) Jahrbuch, 1928, стр. 541.

[5]) «Belastungsprobe», стр. 38.

471 млн. м., в 1927—28 г.—296 млн. м., в 1928—29 г.—ориентировочно 188 млн. м. [1]). Фактически дефицит на последний год выясняется значительно больший, чем, собственно, и обусловлено прежде всего проектируемое повышение налогов.

При самом одностороннем отношении к приведенным цифрам можно все же утверждать, что внутренний рынок в настоящее время еще менее соответствует производственной мощности индустрии, чем это было до войны.

Все эти обстоятельства лишь усиливают нажим германской индустрии по линии экспорта. Она вынуждена во чтобы то ни стало пробиться на внешний рынок, ставя тем самым задачу бороться с конкуренцией не только Франции и Англии, но и САСШ, ставя задачей преодолеть барьеры таможенных пошлин и пробиться на рынки новых индустриальных стран, а равно и попытать счастья на рынках чужих колоний.

Поэтому центральным пунктом всех устремлений германской индустрии является под'ем своей экономической боеспособности. Для нее это важно тем более, что никаких гарантированных рынков в виде колоний или договорных стран у нее нет. Рассмотренная нами выше напряженная рационализация вызвана прежде и больше всего стремлением добиться снижения себестоимости для успешной конкуренции на внешнем рынке. А для подобной рационализации, требующей огромных средств и выгодной лишь при огромном росте производства, возникает потребность в монополиях такого масштаба, как стальной трест и химический концерн. С другой стороны, необходимость более прочного охвата монополиями внутреннего рынка обусловливается необходимостью обеспечить «у себя дома» путем высоких цен и общей монополии в производстве огромную сверхприбыль и укрепить исходные позиции для борьбы на мировом рынке; для этого нужно выжать из внутреннего решительно все, что он способен дать. Монополизация усиливается тем более, что при отсутствии колоний и полузависимых стран в этом единственная опора для международной борьбы.

Мы подошли теперь к вопросу о том, на основе каких средств произошел рост Германии. Одновременно с этим нам предстоит рассмотреть и вопрос о том, на что же рассчитывает германский империализм в своем дальнейшем развитии.

III. Размеры иностранных вложений и внутреннее капиталонакопление Германии.

Общеизвестным является тот факт, что в первый период после введения плана Дауэса, особенно в 1924 году, роль иностранного капитала, прежде всего американского, была решающей для всего развития Германии. Но и в последующие годы с ростом внутреннего капиталонакопления эта роль оставалась огромной. За четырехлетие 1925—1928 гг. ввоз иностранного капитала (сальдо) составил 14 мрд. марок; из них 6,3 мрд. в виде долгосрочного и 7,7 мрд. в виде краткосрочного кредита. Из этой общей суммы 2,1 мрд. пошло на нужды укрепления валюты [2]). При этом нужно иметь в виду, что к краткосрочным кредитам отнесены суммы, направленные на биржевые операции по покупке акций и т. п., т.-е. тем самым размеры капитала, направленного на более прочное помещение в немецком народном хозяйстве, значительно больше размеров чистого долгосрочного кредитования. Если добавить 1924 г., то размер долгосрочного кредита превысит 7 мрд. марок. Из них 4½ мрд. предоставлены САСШ [3]).

Не даром Германию пытаются именовать «европейской страной Соединенных Штатов». Последние являются основным и решающим источником

[1]) Der Bericht des Generalagenten, стр. 58.
[2]) «Deutschlands Wirtschaftliche Lage», стр. 24.
[3]) Der Bericht des Generalagenten, стр. 245.

долгосрочного кредита для Германии. САСШ являются посредником и для многих других стран, помещающих капиталы в Германии в виде долгосрочных займов и вложений. В отношении краткосрочного кредита в последний год сильно выросла роль Франции, вследствие того обилия капиталов, которое оказалось на парижском рынке после стабилизации франка и более низкого процента, чем в Лондоне и Нью-Йорке.

В настоящий период роль иностранного капитала, несмотря на рост внутреннего капиталонакопления, остается огромной, а в отношении покрытия дефицита в платежном балансе—решающей.

Этим обусловливается тот факт, что немецкие банки вынуждены держать более высокий процент сравнительно с Парижем, Лондоном и Нью-Йорком и даже в период состояния дел, близкого к депрессивному, как в конце 1928 г. и начале 1929 г., не могут снижать его ниже этого уровня, хоть такое снижение, несомненно, облегчило бы положение дел. Но тут приходится оглядываться на иностранный капитал, от которого зависит покрытие пассивного итога в балансе, а следовательно, и положение валюты [1]).

Поэтому нельзя снижать процент, чтобы не вызвать отлива иностранных кредитов [2]).

Рост внутреннего капиталонакопления за годы стабилизации несомненен. Приводимые в этой области исчисления или очень приблизительны, или лишь косвенно отражают положение дел в этой области, но общий рост они все же обозначают. Общая сумма накопления исчисляется в размере 7—9 мрд. марок ежегодно в 1927 и 1928 гг. [3]).

Другим показателем является рост накопления у крупнейших предприятий. Приведем лишь несколько примеров [4]). Резервные фонды химического треста возросли с 1926 по 1928 г. с 104 млн. до 176 млн. марок. За трехлетие 1925—27 гг. он получил 242 млн. чистой прибыли при акционерном капитале 1.100 млн. (при этом очень разрозненном).

Стальной трест при основном капитале (земля, постройки, оборудование) в более чем миллиард марок получил за 2½ года своего существования 132 млн. чистой прибыли и произвел 198 млн. м. списываний из валовой прибыли для восстановления основного капитала и новых вложений в производство.

AEG—концерн (Всеобщая электрическая компания) при акционерном капитале в 185 млн. м. получил за последние три года около 40 млн. м. чистой прибыли. Все это—данные балансов, в которых, несомненно, преуменьшена величина накоплений.

Нужно, конечно, учесть благоприятное положение подобных монополий. Но процесс внутреннего накопления в немецкой промышленности они, несомненно, отражают тем более, что они имеют большой удельный вес в совокупной промышленной продукции Германии.

Во избежание перегрузки, не будем приводить данных о росте оборотов немецких банков, страховых обществ и сберегательных касс. Одно несомненно, что нельзя ставить весь рост Германии в исключительную зависимость от иностранного капитала, несмотря на все значение последнего.

[1]) См., напр., «Berliner Tageblatt» № 57 за 1929 г. и также Bericht des Generalagenten, стр. 250.
[2]) Снижение, произведенное в январе 1929 г., обусловлено не обилием капитала вообще, а скоплением краткосрочных вкладов, которые не могли найти размещения, т. к. промышленность нуждается больше всего в долгосрочном кредитовании.
[3]) «Belastungsprobe», стр. 48; Bericht des Generalagenten, стр. 257—60 «Deutschlands wirtschaftliche Lage».
[4]) Отчеты в издании «Das Special-Archiv der deutschen Wirtschaft»; «Farben-Konzern»; «Vereinigte Stahlwerke»; «Der EEG-Konzern». 1928.

В полемике, которая развернулась в немецкой печати вокруг отчета агента по репарациям, аргументация против благоприятных выводов Гильберта шла в основном по следующей линии: нельзя в оценке положения Германии оставаться только на видимой поверхности положения вещей, как ее дает статистика в отношении роста продукции и производственного аппарата. Необходимо вскрыть ряд неблагоприятных процессов, находящих лишь косвенное отражение в статистике или совершенно в ней не отражающихся. Об этом же говорил в своем последнем выступлении министр народного хозяйства, этому же посвящена речь главы Рейхсбанка Шахта на протекающей сейчас конференции экспертов. И здесь, на ряду с тяжестью переобложения хозяйства, в один голос указывается на бедность капиталами. Этот последний пункт ставится в центр об'яснения всех трудностей в развитии Германии.

Нам предстоит сейчас разобраться, о чем здесь, собственно, идет речь: об абсолютном недостатке капиталов, или о чем-то совсем ином. Прежде всего нужно ответить на вопрос о том, на какие цели нехватает капиталов германской индустрии.

IV. На какие цели Германии нехватает капиталов?

Один из уже цитированных нами авторов дает совершенно ясный ответ на этот вопрос:

> «Усиленная рационализация была тем необходимее и потребность в капитале тем более, чем более Германия должна была вступать в конкуренцию в международном товарообороте с индустрией других стран, вызванной к жизни во время войны и вслед за ней, и чем более эта конкуренция должна была бороться с высокими пошлинами именно в той стране, которая является главным получателем военных платежей, т.-е. в Соединенных Штатах. Только в высшей степени рационально работающий производственный аппарат может дать возможность перепрыгнуть эти таможенные стены без угрозы жизненному уровню населения.
>
> К этой возросшей потребности в капитале, вытекающей из обострения международной конкуренции и протекционизма, прибавляется еще вынужденная необходимость увеличенного кредитования экспорта, которое обусловлено изменившимися методами внешней торговли. Этого не избежать и Германии, если она хочет закрепить и расширить свой экспорт» [1].

По существу тут выражено все основное: речь идет не об абсолютном недостатке капитала для развития народного хозяйства Германии, а о недостатке средств для такого развития индустрии, чтобы сделать ее боеспособной на поле борьбы за мировой рынок с «ведущими» империалистическими странами мира, в том числе и с САСШ. Нужны средства и для соответствующего масштаба рационализации и расширения производства, которое не стоит ни в какой связи с потребностями внутреннего рынка, а с самого начала рассчитано на завоевание внешних рынков; и для финансирования экспорта по значительно более низким ценам сравнительно с ценами внутри страны (дэмпинг); и для предоставления покупателю таких же условий кредита, как это делают, например, Соединенные Штаты; и, наконец, для завоевания необходимых позиций в производстве в других странах (зависимые, «дочерние» общества) и т. п. Словом, нехватает капитала для империалистской политики мирового масштаба. В этом «гвоздь» положения.

В этой связи представляют интерес некоторые примеры. Между «Rohstahlgemeinschaft» и об'единением немецких машиностроительных заводов существует договор, по которому сырцовая сталь и ряд других про-

[1]) «Belastungsprobe», стр. 55.

дуктов металлургии отпускаются машиностроительным заводам в определенном количестве по ценам мирового рынка, т.-е. процентов на 15—20 ниже внутренних цен, чтобы одновременно увеличить свою долю вывоза и укрепить позиции машиностроения на внешнем рынке и устранить опасность внедрения в Германию иностранной металлургии, прежде всего французской и бельгийском, путем того же дэмпинга. Кроме того, стремясь пробиться на внешний рынок, немецкая металлургия платит огромные штрафы европейскому стальному картелю за систематическое превышение долей участия, правда, сравнительно низких для Германии. Но тут есть значительная доля сознательной политики· завоевывать внешний рынок во что бы то ни стало.

Химический концерн реорганизовал в начале этого года одно швейцарское предприятие с капиталом в 16 млн. м. и, затрачивая на эту операцию 200 млн. м. в течение ближайших двух лет, превращает это предприятие в мощное общество для финансирования всех иностранных дел и предприятий концерна [1]). Ярким примером масштаба этих иностранных дел является тот факт, что дочернее предприятие немецкого химического концерна в Соединенных Штатах поставило в 1928 г. 40% из 230 млн. метров, потребляемой в САСШ кинопленки. Весной этого года вступит в производство еще одно предприятие с годовой производительностью в 55—60 млн. метров кинопленки [2]).

По поводу этой операции химического концерна со швейцарским предприятием, равно как и аналогичной хотя и менее значительной операции другого концерна «Франкфуртская Газета» замечает:

> «Оба эти случая показывают, как наши крупные предприятия должны изыскивать особые пути и средства, чтобы получить капитал в таком размере, какой соответствует силе их технической и предпринимательской экспансии. Немецкое капиталонакопление не может итти в ногу с техническим прогрессом и индустриально-предпринимательскими устремлениями. Немецкий рынок недостаточно емок для эмиссий такого об'ема, какой был бы необходим для крупных концернов» [3]).

Совершенно очевидно, что речь здесь идет о расширении на мировом рынке, об империалистической экспансии.

Последний пример из автомобильной промышленности. Число предприятий в ней уменьшилось с 1924 г. с 86 до 19, а число производимых моделей с 146 до 40 (к 1927 г.). Однако, это не сделало ее конкурентноспособной против автопромышленности САСШ. Для дальнейшей борьбы у нее нехватает средств. Не случайными в этом свете выглядят переговоры владельца крупнейшего автомобильного предприятия «Opel» с американской «Всеобщей моторной компанией» (группа Моргана) о продаже предприятия за более чем 100 млн. м., или о привлечении американцев к солидному участию. В печати даже промелькнули сведения о предположении американцев превратить «Opel» в сборочную мастерскую для американских машин.

Нехватает капиталов для борьбы на мировом рынке. А бороться приходится не только с Францией и Англией, но и с Соединенными Штатами, что усугубляет положение.

> «Соединенные Штаты являются той страной, которая достигла более высокого вывоза за счет Германии...
>
> Дело не в том, что мир стал менее емким... Я вижу причину в том, что Германии недостает чего-то, что Соединенные Штаты имеют в избытке. Это—не общие способности, не предпринимательский дух, не мощность в области торговли, но нечто иное, что в нашем современном

[1]) «Frankfurter Zeitung» № 84 от 1/II—29 г.
[2]) «Deutsche Bergwerks-Zeitung» № 16 от 19/I -29 г.
[3]) «Frankfurter Zeitung» № 84.

мире только и составляет основу расширения мировой торговли: Германии недостает капитала... Эта сила капитала означает одновременно усиление вывоза. Мы не хотим обманываться на сей счет: вывоз, который Германия и другие европейские государства имели перед войной, покупался одним очень важным обстоятельством, а именно: финансированием всей мировой торговли в Европе и за морем... Употребляя слова Шейлока [1]), трудность состоит для Германии в том, чтобы класть золото, т.-е. капитал не только в собственный кошелек, как этого хотел Шейлок, но и в чужой кошелек, чтобы этим дана была возможность снабжать товарами другие народы» [2]).

Так пишет один берлинский профессор.

При отсутствии вывоза капитала, при огромной зависимости от иностранного капитала у германского империализма есть лишь одно средство укреплять свою самостоятельность и уменьшать зависимость от иностранного капитала: максимальное развитие вывоза. Германские промышленники прекрасно сознают этот факт:

> «Для Германии нет в настоящее время выбора в том смысле, чтобы хотеть или не хотеть вести активную политику экспорта. Она в большей мере вынуждена следовать за своими более мощными конкурентами. Если не с равными средствами, то с равными целями. Если мы будем медлить и дальше, то будет слишком поздно» [3]).

Заявивший это представитель союза немецкой индустрии имеет прежде всего в виду возможность перелома в нынешней благоприятной кон'юнктуре САСШ, когда последние вынуждены будут в поисках выхода резко устремиться на внешний рынок.

Чувствуя под ногами мощную производственную базу, германский империализм полон дерзаний. Стремление стать на собственные ноги заставляет его со всей силой устремляться по тому единственному пути к мировому рынку, какой открыт перед ним:

> «Если немецкий народ хочет существовать... он должен вывозить, он должен вывозить промышленные товары, он должен вывозить!» [4]).

А несколькими строками выше уже упомянутый берлинский профессор, изменяя немного девиз любекской судоходной гильдии, восклицает:

> «Можно и не жить, но вывозить необходимо» [5]).

В последних двух отрывках уже не рассуждения, а, что называется, «крик души». Наш читатель по опыту старого лозунга русских помещиков: «недоедим, а вывезем» отлично знает, кто недоедал, а кто вывозил. И здесь нет надобности раз'яснять, кому необходимо вывозить, а кому во имя этого жить не так необходимо. Впрочем, о положении и перспективах германского рабочего класса мы скажем ниже.

Но для мировой политики такого размаха, которая вынуждается всем существом производственной системы Германии, у нее нехватает капитала. И весь крик о недостатке капитала, как центральной проблеме развития Германии, заключается именно в этом.

В послевоенной Германии мы имеем своеобразное явление, неизвестное до войны: одна из самых передовых стран мира по уровню техники и монополизации производства, вынужденная всем своим положением развивать империалистическую политику, лишена колоний и не имеет собственного

---

[1]) Ростовщик, герой одной из пьес Шекспира

[2]) «Strukturwandlungen», том I, стр. 415—416.

[3]) «Berliner Tageblatt» № 59, 4/II—29 г.

[4]) «Strukturwandlungen», там же, стр. 421.

[5]) Там же, стр. 420. Буквально: «exportare necesse est, vivere non est necesse».

экспорта капитала. Наоборот, ее империалистская политика и ее развитие в этом направлении зависят в огромной мере от импорта капитала, прежде всего из Соединенных Штатов. В результате выполнения плана Дауэса оказался восстановленным огромный аппарат для империалистской экспансии, который в то же время служит средством эксплоатации Германии, ее рабочего класса, как основной производящей силы, не только собственной буржуазией, но через нее и буржуазией победивших стран, в том числе и САСШ, как основного кредитора Германии.

V. Противоречия стабилизации капитализма.

Особенность положения Германии, как империалистской страны, приводит к тому, что не только ее собственное развитие, но и возмещение кредитов и платеж более высоких процентов по ним, равно как и выполнение репарационных обязательств, которыми мы еще займемся подробнее ниже, зависят от возможностей ее расширения по линии вывоза товаров. При недостатке капиталов немецкие трестовики строят различные проекты:

> «Тяжесть репараций зависит не только от того, будет ли дальше развиваться индустриальная продукция Германии, но и от того, будет ли расти одновременно экспорт. Но здесь встает проблема, какая страна должна вместить увеличенный немецкий экспорт. САСШ, которым в конечном счете при посредстве межсоюзных долгов служат на пользу немецкие репарации, не могут принять потребное увеличение экспорта немецких товаров. Единственную возможность для сбалансирования мировых хозяйственных отношений, быть может, можно создать лишь тем, что Соединенные Штаты подняли бы свой вывоз капитала особенно в Южную Америку и Дальний Восток, а эти страны в свою очередь стали бы покупателями увеличенного немецкого экспорта промышленных товаров. Эти страны способствовали бы, следовательно, собственной индустриализации при помощи американских займов, но с помощью машин, железнодорожных материалов, электротехнического оборудования и т. д. из Германии... Соединенные Штаты должны не только допускать, но и прямо поощрять конкуренцию Германии на иностранных рынках» [1]).

На эти «радужные» планы генерального директора Северо-немецкого Ллойда, редакция трезвой буржуазной газеты замечает:

> «Эта конструкция оставляет, впрочем (!!!), открытым тот вопрос, что и в САСШ происходит усиление нажима индустрии по линии экспорта и что существует тенденция применять экспорт капитала для прокладывания путей товарному экспорту» [1]).

Тут газета не только «деликатно» указывает на утопичность всей конструкции, но и подходит к нащупыванию противоречий в положении германского империализма. И не только его одного, а и всей мировой системы по этой линии. Общеизвестен факт потери Англией ее довоенных позиций на мировом рынке и ее лихорадочные усилия эти позиции восстановить, или, по меньшей мере, сохранить те огромные сферы влияния, какие еще остались. Франция благодаря послевоенному переделу превратилась в одну из мощных индустриальных стран с большим экспортом, особенно по линии черного металла. Наконец, рост индустриализации отсталых стран. Стремление Германии завоевать позиции поставщика оборудования для этих стран не может не итти в разрез прежде всего с Англией и САСШ, а затем и Францией. Выполнение всех военных платежей, а также платеж высоких процентов по кре-

---

[1]) «Berliner Tageblatt» № 57, 2/II—29 г.

дитам и возврат самих кредитов зависят от развития Германии на внешнем рынке. Лишить Германию кредитов или иным способом подорвать развитие Германии—значит отказаться от плана Дауэса и разрушить в корне достигнутую стабилизацию. Страны-победительницы не только вынуждены допускать это развитие, но и поддерживать его. А это означает обострение экономической борьбы на европейском материке и на заокеанских рынках. С другой стороны, иных путей развития, кроме как по линии экспорта товаров, для Германии нет, и она их не получит без нового передела мира, если Германия окажется тогда в блоке новых победителей. Стабилизация капитализма по этой линии (не говоря об англо-американской борьбе и др.) завязывает тугой узел противоречий и не дает путей его мирной развязки.

В качестве иллюстрации того, насколько серьезна эта борьба на мировом рынке, интересно рассмотреть соотношение вывоза из САСШ, Англии и Германии в Южную Америку, представляющую «новый» континент, в котором особенно значителен рост капитализма после войны. Кроме того, Южная Америка была значительным внешним рынком довоенной Германии. Вывоз в Аргентину и Бразилию составлял в миллионах марок [1]):

	1925 г.	1926 г.	1927 г.
Из Ангии	924	—	845
„ САСШ.	991	1.004	1.058
„ Германии.	469	462	459

Эти цифры показывают, насколько серьезно сами Соединенные Штаты заинтересованы в некоторых внешних рынках и с какими могучими конкурентами Германии приходится считаться. С другой стороны, позиции Германии достаточно серьезны, чтобы опасаться ее конкуренции, прежде всего Англии.

VI. Платежи победителям.

Необходимость форсировать экспорт товаров, как единственный источник не только завоевания самостоятельности, но и расплат по иностранным кредитам, усиливается обязательствами по репарационным платежам.

Платежи по плану Дауэса начались с 1 сентября 1924 года. Первые четыре года были «переходными» с возрастающей из года в год суммой платежей, которые лишь в 1928—29 году достигают их «нормального» уровня в 2½ млрд. марок.

За предыдущие четыре года Германия выплатила всего 5.470 млн. марок, из них 1.960 млн. по государственному бюджету непосредственно (считая и иностранный заем 1924 г.); 2.835 млн. из средств железных дорог и налога на перевозки и 675 из средств промышленности. Нужно иметь в виду, что платеж из сумм железных дорог и промышленности идет сверх всех общегосударственных налогов, как 5% доход и 1% погашения на 11 мрд. м. специальных обязательств, лежащих на железных дорогах, и 5 мрд.—на промышленности.

«Нормальная» годовая сумма в 2½ мрд. (неизвестно еще как она будет выглядеть после протекающей конференции экспертов) составляется из 1.250 млн. марок взносов по бюджету; 660 млн. из средств жед. дор.; 290 млн. специального налога на перевозки и 300 млн. из средств крупной промышленности [2]).

Эти ежегодные платежи в 2½ мрд. м. при указанном выше внутреннем капиталонакоплении в 9 мрд. составляют заметную тяжесть на народном хозяйстве. При прочих равных условиях эта дополнительная сумма еще более усиливает зависимость от иностранного капитала, так как Германия не только не получает доходов от экспорта капитала, не только расплачивается по иностранным кредитам, но должна еще извлекать из своей народнохозяйственной системы почтенную сумму ежегодно в виде «постоянных издержек». Тем труднее «залатать» эту дыру развитием экспорта, тем больший натиск вынужден развивать германский империализм на внешнем рынке в поисках путей к ослаблению своей зависимости от иностранного капитала и к восстановлению своей самостоятельности.

Генеральный агент видит самое слабое место выполнения платежей в отсутствии равновесия в гос. бюджете. И он «советует» здесь пойти прежде всего по линии сжатия местных бюджетов. Это сжатие в связи с упомянутым уже повышением налогов ударяет прежде всего по жизненному уровню широких масс.

[1]) Die Wirtschaft der Auslandes 1900—1927 г., изд. герман. статист. управления, стр. 36 и 529. Jahrbuch 1928, стр. 237.

[2]) Der Bericht, стр. 197.

VII. Внутренние противоречия Германии.

Возможность расширения на внешнем рынке связана для Германии с целым рядом фактов, действие которых не зависит от германского империализма, в отношении которых он является в большой мере об'ектом политики для капитализма стран-победительниц. Вряд ли есть какие-либо основания ожидать снижения общей суммы репараций, независимо от финансовых комбинаций, которые могут быть придуманы на конференции экспертов. Это—фактор внешнего порядка, из которого Германии нужно исходить как из данного. Возможности по линии иностранных кредитов зависят опять-таки прежде всего от положения дел внутри самих стран-кредиторов. Единственной базой, на которую германский империализм может реально опираться и которой он всегда располагает, это—внутренний рынок и внутрипромышленные возможности. Тем большим поэтому становится нажим по этой линии для обеспечения успешной борьбы во-вне.

Нажим идет здесь по двум линиям: 1) по линии дальнейшего укрепления монополий и более основательного использования внутреннего рынка путем высоких монопольных цен и сверхприбылей, как средства борьбы во-вне собственными силами, 2) по линии дальнейшего снижения издерек производства, прежде всего в той части, где не нужны дополнительные вложения на рабочую силу, и удлинения рабочего дня. Все эти мероприятия составляют то, что называется «рационализацией без капитала».

В отличие от других империалистских стран перед Германией стоит задача повышения конкурентоспособности на мировом рынке в таком размере, чтобы, помимо всего прочего, перекрыть ряд постоянных, «фиксированных издержек». Они вытекают из того факта, что существует более высокий железнодорожный тариф и обложение перевозок, чтобы железные дороги были в состоянии давать в общей сложности 950 млн. м. по «нормальным» репарационным платежам, что сверх всего 300 млн. м. выкачивается ежегодно из самой крупной промышленности. Эти добавочные, сравнительно с другими передовыми странами, издержки вытекают, наконец, из того, что приходится платить более высокий процент по кредитам. Нажим по двум указанным направлениям, особенно по линии рабочего класса, от этого только усиливается.

Процесс укрепления монополий выражается прежде всего в том, что происходит борьба внутри самих картелей за дальнейшую концентрацию производства и «очистку» производственного аппарата от малоустойчивых и маложизненных предприятий. По этой же линии идет борьба и вне картелей. Все это создает возможность завинтить крепче аппарат монопольных цен и более основательно выжимать внутренний рынок. Но все это не может не привести к дальнейшему сужению внутреннего рынка.

Со всем этим связан нажим монополии на государство с требованием активной поддержки индустрии на внешнем рынке, а для этого—прежде всего уменьшение налоговых тягот, тарифные льготы на транспорте и т. п. Углепромышленники, например, указывают при этом на политику субсидий английского правительства для поощрения вывоза английского угля. Они говорят, что из области промышленной конкуренции борьба перешла по существу в состязание в сфере государственного могущества в прямом смысле слова.

По другой линии борьба прорвалась в ряде локаутов и стачек в конце 1928 и начале 1929 г. (металлургия, текстиль, верфи).

О чем здесь мечтают трестовики, можно ясно видеть из «Немецкой Горнопромышленной Газеты».

В передовой под заглавием «Кризис» она пишет [1]:

> «Банкротство парламентаризма в той форме, в какой им одарила немецкий народ Веймарская конституция, слишком очевидно, чтобы еще можно было строить на этот счет какие-либо иллюзии».

По мнению газеты, если поговорить с глазу на глаз даже с демократически настроенным государственным деятелем, то и он скажет:

> «Так дальше продолжаться не может! Необходимо, собственно говоря, изменение системы. Самое лучшее было бы—это человек, который знает, чего он хочет, который с пониманием дела сочетает железную силу воли, чтобы провести то, что принесет пользу немецкому народу».

Но тут же газета замечает, что мечта о диктатуре в Германии утопична по международным причинам. Нас интересует, однако, не этот вопрос, а другое: что заставило органы трестовиков заговорить таким языком? Сюда прежде всего нужно отнести тяготы, которые, по мнению газеты, падают на промышленность вследствие беспорядка в государственных финансах, вследствие того, что слишком велики расходы.

> «Должно пройти время безответственных расходов, расточительности и ложно направленных социальных затрат. Ныне должно наступить время железной бережливости—иначе горе нам!».

Смысл этого восклицания недвусмысленно раскрыт в заметке, идущей под передовой и называющейся: «Деморализация вследствие обеспечение безработных», которая заканчивается следующими словами:

> ...«Социальное обеспечение не должно итти настолько далеко, чтобы делать безделье более доходным, чем работу»...

Понизить во что бы то ни стало издержки производства. А для этого снижать заработную плату, разгружать промышленность даже и от тех крох, которые она платит на поддержку безработных (далеко не всех), так как все это «непосильно» для народного хозяйства, так как это уменьшает капиталонакопление внутри страны и делает промышленность менее конкурентоспособной на мировом рынке.

Во имя этого же удлинять рабочий день.

Парламентская система, по мнению трестовиков, не дает для этого всех нужных предпосылок, какие могла бы дать железная рука диктатуры. Но так как диктатуры не потерпят победители, то выход один: жать на республику, вынудить ее самое на осуществление той же программы.

В этой связи выполняет свою «историческую миссию» германская социал-демократия. Опираясь на то положение, что германский империализм, так сказать, «необычный» империализм, что нет соответственной военной силы и колоний, что солидная доля прибавочной стоимости германского рабочего и общего народного дохода уплывает благодаря кредитам и репарациям в руки буржуазии стран-победительниц, социал-демократия этим прикрывает империалистскую сущность развития Германии. Реформизм исходит в оправдании своей нынешней политики из того положения, что Германия является обделенной и угнетенной страной. Отсюда ее новая программа вооружений, обосновывающая рост германского милитаризма, отсюда ее нажим на рабочий класс, т. к. тяжелое положение страны обязывает к жертвам и лишениям всех, чтобы облегчить и без того тяжелое положение народного хозяйства.

[1] «Deutsche Bergwerks - Zeitung» № 37, 13/II—29 г.

Проведя при вступлении в правительство незначительное снижение налога на зарплату в отношении главным образом привилегированной части рабочего класса, социал-демократия намечает увеличение налогов на массовое потребление, напр., резкое увеличение налога на пиво.

Нажим на рабочий класс в стачках и забастовках конца 1928 г. проведен руками социал-демократов. Чтобы несколько сгладить впечатление от этих событий, социал-демократы внесли в рейхстаг законопроект с рядом мероприятий по улучшению положения безработных, надеясь на то, что он будет отвергнут буржуазным большинством.

Тогда социал-демократы получат козырь для своего оправдания и удержания левеющих рабочих масс. Последнее обстоятельство оказалось в конце 1928 г. очень важным по той причине, что в октябре 1927 г. при поддержке социал-демократов был проведен закон, резко ухудшающий обеспечение безработных. Но т. к. это совпало с большим под'емом в хозяйстве и небольшой безработицей, то рабочий класс тогда мало реагировал на этот закон. В конце 1928 г. при быстром росте безработицы этот закон вызвал рост негодования в рабочих массах. Социал-демократы решили тогда маневром с законопроектом свалить с себя ответственность перед рабочими массами. Но когда партия центра, понявшая эту игру, заявила, что она будет голосовать за законопроект, т.-е. этому закону было обеспечено прохождение, социал-демократы через три дня после внесения взяли его назад, т. к. прохождение закона вызвало бы обострение борьбы со стороны буржуазии и ее резкое недовольство, в то время как социал-демократы стремятся жертвами за счет рабочих сохранить нынешнюю коалицию. Они хотели в этом ходе получить лишь агитационный козырь, а вовсе не борьбы за улучшение положения рабочего класса. Это отражает полностью тактику с.-д.: осуществление программы буржуазной республики и удержание рабочих масс всеми мерами и всеми способами.

Общую линию политики очень ясно выразил Зеверинг, социал-демократ, министр внутренних дел, заставивший в качестве третейского судьи капитулировать рурских металлистов и горняков:

> «Я горд тем, что я рабочий. Но я борюсь против культа рабочего, против культа мозолистого кулака. В демократическом государстве рабочий не лучше, чем всякий другой, и законы существуют для того, чтобы защищать всякого в его правах, в том числе и буржуа».

Нет, напрасно сердятся на республику господа горнопромышленники. Она вовсе уж не так плоха. И социал-демократы, как говорится, «могут соответствовать» их запросам. И в республике, право, «жить можно».

Стабилизация капитализма неизбежно толкает к обострению классовой борьбы внутри страны. Все внешние противоречия, все трудности для германского империализма на внешнем рынке заставляют его со всей силой нажимать на собственный производственный аппарат, нажимать на рабочий класс, чтобы компенсировать по этой линии все преграды и создать себе

большую возможность для борьбы на мировом рынке. Все грандиозное скопление противоречий давит всей своей массой в конечном счете на рабочий класс и тем самым обусловливает растущее обострение классовой борьбы, которая становится сгущенным отражением внутри страны всех тех противоречий, которые имеет германская буржуазия в ее борьбе за расширение империалистских позиций в мировом хозяйстве.

В то же время наступление на жизненный уровень рабочего класса на ряду с закреплением монопольных цен и сверхприбылей еще более суживает возможности внутреннего рынка и делает его еще более недостаточным с точки зрения растущего производственного аппарата. Стабилизация приводит к углублению несоответствия между производственным аппаратом и емкостью внутреннего рынка.

Сюда нужно отнести также и тот важный момент, что сельское хозяйство Германии находится в состоянии затяжного кризиса. Налицо обеднение крестьянства и рост задолженности крупных хозяйств. По данным главы Reichsbank'а Шахта на конференции экспертов сельское хозяйство имеет 7 мрд. м. задолженности, из них один мрд. м. пошел на мероприятия по рационализации, а 6 мрд. м. на покрытие убытков и долгов. В области рационализации сельское хозяйство еще не сдвинулось с мертвой точки. Это является в свою очередь серьезным показателем узости внутреннего рынка, т. к. растущей мощности в области индустрии противостоит погрязающее в трясине задолженности и убыточности сельское хозяйство.

VIII. Особенности немецкой послевоенной кон'юнктуры.

Все противоречия стабилизации капитализма Германиии и развития германского империализма находят свое отражение в характере немецкой послевоенной кон'юнктуры. Налицо резкая зигзагообразность развития в течение четырех «стабилизационных» годов—1925—28.

Приведем краткие важнейшие данные.

По исчислению кон'юнктурного института промышленная продукция развивалась следующим образом (рост или уменьшение в % сравнительно с прошлым годом):

1925	1926	1927	1928 [1])
+ 29	— 9	+ 28	— 0,1

В том числе отдельно по чугуну:

+ 28,8	— 4,4	+ 33,2	— 3,1

Количество получающих пособие по безработице в конце января (в тысячах) [2]):

1925	1926	1927	1928	1929
593	2.031	1.965	1.561	2.400

Число конкурсов предприятий:

1926	1927	1928 [3])
12.238	5.644	8.071

Итак, из четырех лет 1925 и 1927 гг. были годами роста, особенно резкого в 1927 г.—роста производства и уменьшения числа безработных и конкурсов. 1926 г. был годом резкой депрессии. 1928 г. был в первые 2—3 месяца еще благоприятным, но последние три четверти года показали сниже-

[1]) Во всех годах взяты лишь первые 9 месяцев.

[2]) «Deutschlands Wirtschaftliche Lage», стр. 14, а 1929 г.—по газетам. При этом нужно иметь в виду, что по закону 1927 г. ухудшены условия обеспечения безработных, так что цифры 1928 и 1929 г. еще менее отражают истинную величину безработицы, чем прежние.

[3]) «Deutsche Bergwerks - Zeitung» № 4, 5/I—29 г.

ние по всей линии за исключением химической, электротехнической промышленности и производства искусственного шелка. Особенно резкое снижение дали отрасли широкого потребления. Текстильная промышленность дала около 15%, а обувная почти 30% снижения против 1927 г. Снижение по сырцовой стали в октябре 1928 г. составило 7,6% против октября 1927 г. Но нужно иметь в виду, что внутренний рынок сжался еще значительней, так как отрасли, производящие средства производства, дали в 1928 г. значительный рост вывоза сравнительно с 1927 г. (Вывоз железа и стали в октябре 1928 г. 416 тыс. тонн против 353 тыс. тонн в октябре 1927 г.) [1]). Тяжелое положение продолжалось весь январь 1929 г., при чем цифра безработных почти достигла рекордных цифр 1926 г. Вторая половина 1928 г. и начало 1929 г. дают несомненный спад волны, хотя и менее резкий, чем в 1926 г., после примерно года резкого под'ема.

Облегчающим обстоятельством является использование благоприятной кон'юнктуры других стран, когда уменьшается их экспорт и растет ввоз вследствие роста сбыта внутри страны. Это позволило, напр., в 1928 г. значительно повысить экспорт против 1927 г. Но сами капиталисты, как мы видели, отлично понимают всю опасность их зависимости от кон'юнктуры других стран и всю ненадежность положения на этой основе.

Составители уже указанного обзора «Reichs - Kredit - Gesellschaft» об'ясняют такое укорочение кон'юнктурных волн тем обстоятельством, что германское хозяйство потеряло свою довоенную эластичность вследствие зависимости от иностранных кредитов. В действительности причины лежат глубже: они заключены во всей сумме указанных внешних и внутренних противоречий стабилизации капитализма Германии, связанных с обострением других основных противоречий мирового хозяйства. Резкие и короткие скачки являются лишь отражением этих противоречий, они показывают узость тех границ, на которые наталкивается германский капитализм в своем развитии.

Составители упомянутого уже обзора исчисляют, что для развития собственными средствами Германия должна увеличить свою нынешнюю продукцию на 170% против довоенной годовой продукции Германии в ее прежних границах, тогда как нынешняя продукция составляет, по их мнению, примерно ⅔ продукции довоенной Германии. Только при этом условии Германия сможет и возместить потерю доходов от капиталов, вложенных за границей, и платить репарации. Все это, конечно, при соответствующем росте экспорта и активного торгового баланса. Таковы планы и аппетиты германского империализма. Уже приведенный нами анализ положения Германии показывает, какое дальнейшее обострение противоречий и на мировом рынке и внутри страны должно вызвать стремление осуществлять этакий план расширения.

Сопротивление и преграды, какие Германия встречает со стороны более мощных империалистских стран при проникновении на внешние рынки, зависимость всей ее империалистской политики от притока иностранного капитала, растущее несоответствие между мощностью производственного аппарата и емкостью внутреннего рынка — все это, несмотря на огромный технический прогресс, не открывает перед ней новой «эпохи» стабилизации и роста, как ни мечтают об этом социал-демократы. Стабилизация остается и временной и частичной.

[1]) «Belastungsprobe», стр. 7—8.

Беннет.

К итогам X с'езда английской коммунистической партии.

Маленькая английская коммунистическая партия прошла через большую и весьма напряженную дискуссию («первая развернутая дискуссия, которая когда-либо происходила в рядах партии») [1]. Она развертывалась и становилась все более напряженной по мере приближения к самому с'езду. На с'езде происходила острая борьба между различными течениями по вопросу о тактике английской коммунистической партии вообще, о ее специфических задачах в отношении к рабочей партии и к левому крылу в особенности.

По результатам голосования по самым острым вопросам легко убедиться, что с'езд ни в коем случае не был разделен на оформившиеся группы, боровшиеся за определенные платформы. Результаты голосования по двум наиболее спорным вопросам,—о политическом взносе и об отношении к национальному движению левого крыла,—были совершенно различны. Предложение ЦК продолжать уплачивать политический взнос, но бороться за право местных организаций распоряжаться этим взносом было принято подавляющим большинством с'езда (100 против 22 голосов). Резолюция же Центрального Комитета продолжать принимать активное участие в «национальном движении левого крыла» была провалена 55 голосами против 52. Была принята противоположная резолюция, на практике означающая полный разрыв с «национальным движением левого крыла» и рекомендующая активную помощь левым группам на местах под руководством местных и окружных организаций партии. По этим двум вопросам одни и те же делегаты с'езда голосовали разно.

В дискуссии, которая велась на страницах периодической партийной печати, выявились самые противоположные позиции. Рядом с предложением отказаться от новой тактики, сформулированной IX пленумом Коминтерна (см. «Уоркерс Лайф» от 19 октября 28 г., письмо Лоу и Мартина), мы имеем предложение совершенно воздержаться от всякого участия в парламентских выборах и представлять собою единственную партию, которая может сказать рабочему классу: «Мы не просим ваших голосов» (см. письмо Хобсборна в «Уоркерс Лайф» от 26/X—28 г.). Вся дискуссия в целом показывает, что партия упорно и напряженно работала над тем, чтобы найти правильный путь успешной борьбы против мощной коалиции господствующих классов с их реформистскими лакеями, которая (коалиция) в течение вот уже двух лет систематически проводит дело укрепления и стабилизации английского капитализма за счет усиления эксплоатации английских пролетариев. Одновременно дискуссия показала наличие довольно большого разброда в рядах партии как по общим тактическим вопросам, так и по вопросам повседневной борьбы в профсоюзах и в левом крыле.

---

[1]) См. «Коммунистический Интернационал» № 1, 1929 г., стр. 16.

Чтобы понять весь смысл этой дискуссии, надо обратиться к тому моменту, когда новая тактика вырабатывалась на основе тех колоссальных сдвигов, которые произошли в расстановке классов в Англии и в взаимоотношениях между различными слоями внутри рабочего класса.

Резолюция IX пленума заканчивается пунктом, гласящим: «В виду важного значения происшедших в Великобритании сдвигов и в целях организованного проведения новой тактики, ЦК КП Великобритании проводит широкую дискуссию по всем проблемам и вопросам, связанным с этой тактикой». К сожалению, ЦК английской компартии целиком и полностью присоединившийся к резолюции IX пленума, не учел важности и значения этого заключительного пункта. Дискуссии за IX пленумом не последовало, а между тем необходимость в ней чувствовалась настолько остро, что VI конгресс Коммунистического Интернационала считал необходимым в тезисах о мировом положении и задачах К. И. подчеркнуть, что «конгресс Коммунистического Интернационала о б я з ы в а е т (разрядка моя. *Б.*) партию развернуть широкую дискуссию о тактическом повороте в политике партии и о методах проведения новой тактики».

Эта острая формулировка VI конгресса вполне оправдалась характером той дискуссии, которая предшествовала X с'езду английской компартии. Сама дискуссия показала, что она была жизненно необходимой для сплочения партийных рядов и для действительного обеспечения единства действия. Мы, однако, должны попытаться ответить на вопрос, что заставило VI конгресс так резко подчеркнуть необходимость дискуссии в английской коммунистической партии. Для этого надо бросить взгляд на состояние английской компартии накануне IX пленума Коминтерна и в тот период, который непосредственно следовал за IX пленумом.

С разгромом горняков (конец 1926 года) для английской компартии наступают тяжелые, критические дни. Во время всеобщей забастовки и в особенности во время шестимесячной героической борьбы горняков малочисленная английская коммунистическая партия сумела стать в авангарде происходившей борьбы. По сути дела английские коммунисты действительно руководили горняками против всего аппарата английского рабочего движения, а подчас и против непосредственных, «законных» лидеров горняков, включая и архилевого Кука. Поражение горняков вызвало тяжелую депрессию в рабочем классе. Этой депрессией поспешила воспользоваться коалиция консервативного правительства с реформистской бюрократией с целью нанести удар той революционной партии, которая сумела выступать в роли смелого вождя борющихся масс. Удары, обрушившиеся на партию, в известной степени застигли ее врасплох. Мы вряд ли ошибемся, если скажем, что весь 1927 год и первые месяцы 1928 года были отмечены серьезнейшими колебаниями в рядах коммунистической партии, способствовавшими усилению позиции реформистов и потере коммунистической партией ряда позиций, завоеванных ею в бурные месяцы напряженной борьбы 1926 года. Тактическим колебаниям соответствовала серьезная путаница в общей оценке политического положения в Англии после поражения горняков.

Основная задача резолюции IX пленума в том и заключалась, чтобы положить конец путанице и разброду и наметить новую линию, соответствующую новой обстановке и могущую обеспечить коммунистической партии усиление ее влияния в борьбе за руководство пролетарскими массами.

XI пункт резолюции IX пленума гласит:

«Ни в коем случае нельзя смешивать положения, которое было в 1918—1920 гг., когда Ленин выдвигал тактику поддержки рабочей партии и подталкивания ее к власти, с теперешним положением.

В 1918—20 гг. правительство рабочей партии могло сыграть роль правительства Керенского со всеми его колебаниями. Нельзя его сравнивать с положением в 1922—23 гг., когда рабочая партия включила в свою программу требования, встречавшие резкий отпор со стороны капиталистов (налог на капитал, безработица, СССР). Нельзя его сравнивать и с ситуацией в 1924 г., когда правительство Макдональда было вынуждено уйти в отставку по двум об'ективно-революционным вопросам. Теперь так называемое рабочее правительство с самого начала будет явным орудием наступления на рабочих. Опыт правительства Макдональда, предательство всеобщей стачки и стачки горняков, изменившаяся позиция лейбористской и трэд-юнионистской верхушки в вопросе о войне, об отношении к СССР, к Китаю, Индии и Египту, изменившаяся позиция в основных внутренних вопросах (рационализация, профсоюзный билль, «мир в промышленности» и пр.),—все это выдвигает перед коммунистической партией необходимость отчетливее и резче выступить в качестве независимой политической партии, изменить свою позицию по отношению к рабочей партии и «рабочему правительству» и, следовательно, заменить лозунг рабочего правительства лозунгом революционного рабочего правительства».

Весь этот пункт, содержащий в себе основную новую директиву по вопросу о рабочей партии и о рабочем правительстве, сформулирован полемически. Полемика заострена против резолюций, которые были приняты IX (октябрьским 1927 г.) с'ездом английской коммунистической партии, и тех постановлений, которые за этим с'ездом последовали.

В резолюции IX с'езда английской коммунистической партии мы читаем: «Основные задачи нашей партии в нынешний период заключаются в мобилизации рабочих: 1) для борьбы с опасностью войны; 2) для организации отпора возобновленному капиталистическому наступлению на заработную плату... 3) для борьбы с правительством Болдуина, за его смену правительством рабочей партии, находящимся под контролем рабочего класса» (разряд. моя. *Б.*). В той же резолюции имеется пояснение формулы—«контроль рабочего класса»: «осуществление контроля над будущим рабочим правительством со стороны исполкома рабочей партии, действующего по инструкциям внеочередного конгресса, и избрание рабочего кабинета министров исполкомом рабочей партии».

Обе эти формулы вместе взятые (борьба за рабочее правительство и осуществление контроля через исполком рабочей партии) показывают, что партия в резко изменившейся обстановке по существу повторяла старые лозунги в ухудшенном издании.

Через пару месяцев Центральный Комитет партии делает робкую попытку исправить ошибочные формулировки октябрьского с'езда. В тезисах пленума Центрального Комитета (январь 1928 г.) мы читаем: «Хотя и было ошибочным такое выставление лозунга лейбористского правительства, находящегося под контролем рабочего класса, которое создавало впечатление, будто бы это—центральный лозунг в нашей политике на выборах, мы все же считаем, что, поскольку базой рабочей партии являются профсоюзы, члены которых в отличие от вождей, левеют, в случае прихода к власти лейбористского правительства, лозунг контроля рабочего движения над лейбористским правительством будет еще иметь известную ценность, хотя форма контроля, которую мы должны оставить, это—контроль со стороны рабочих организаций, а не бюрократии». Мы видим, таким образом, что и в этих тезисах поправка внесена только в форму контроля, но отношение к рабочему правительству (стало быть и к рабочей партии) остается таким же, каким оно было и в резолюции октябрьского с'езда.

Эти тезисы не были приняты единогласно. Против них выступало меньшинство, которое в свою очередь было разделено на две части. Одна часть этого меньшинства (Датт и Поллит) впоследствии формулировала свои собственные контртезисы, которые были опубликованы в «Коммунистическом Обозрении» за март 1928 г. Если мы проанализируем эти тезисы в свете резолюции IX пленума, то мы увидим, что по сути дела они содержат в себе ту же оценку происшедших сдвигов и намечают ту же новую тактическую линию как в отношении рабочей партии, так и в отношении рабочего правительства, какую дал IX пленум ИККИ; иными словами, эти тезисы, являющиеся развитием статей тов. Датта в «Лейбор Монсли» за январь и февраль 1928 г. и в «Коммунистическом Интернационале» от 10 февраля 1928 г., представляют собой обоснование необходимости резкого тактического поворота и уже намечают формы этого поворота. Только в некоторых вопросах тезисы, представленные Даттом и Поллитом, отличаются от резолюции IX пленума. Так как именно эти вопросы и стали впоследствии предметом страстных споров, мы остановимся на них несколько подробнее.

Начнем с вопроса об агитации за вхождение в рабочую партию. 8 параграф резолюции февральского пленума ИККИ гласит: «Представляется нецелесообразным пока-что отказываться от лозунга вхождения в рабочую партию, поскольку последняя еще не превратилась окончательно и в полной мере в социал-демократическую партию по своей организационной структуре. Тем не менее борьба за вхождение в Лейбор Парти должна быть превращена в наступательную борьбу против ее изменнического руководства».

Тезисы же Датта и Поллита исходят из того предположения, что с переходом на новую политику независимой борьбы против рабочей партии основа для кампании за прием в рабочую партию исчезает. Они вместе с тем допускают, что можно еще за этот лозунг бороться только до следующего с'езда рабочей партии. По существу они оказались правы. Решения Бирмингамского с'езда рабочей партии,—программа капиталистической рационализации и резолюция о лойяльности по отношению к этой программе,—раз и навсегда похоронили нашу борьбу за прием в рабочую партию. Несомненно, однако, что формула IX пленума, которая, не указывая сроков, подчеркивала, что борьбу за вхождение в рабочую партию надо превратить в наступательную борьбу против предательского руководства рабочей партии, имела свои тактические преимущества, так как она наметила новые формы борьбы и за старые лозунги.

Не вполне сходятся также формулы по вопросу о политическом взносе. Девятый параграф резолюции IX пленума гласит: «В местных организациях профсоюзов надо организовать энергичную кампанию за осуществление контроля над расходованием поступлений от взносов на политические цели для того, чтобы можно было финансировать кандидатуры, одобренные рядовыми членами организации». В тезисах же Датта и Поллита мы читаем: «Политический взнос представляет собой отчисление из профсоюзных фондов на политические цели. Мы вполне за это и должны поэтому продолжать кампанию за уплату взноса и против всяких тенденций к воздержанию. Мы должны раз'яснить, что хотя мы целиком поддерживаем политические взносы профсоюзов, мы против того, чтобы они передавались реформистской рабочей партии, которая только предает рабочих, и мы должны агитировать за то, чтобы эти взносы передавались в коммунистический избирательный фонд, так как только коммунистические кандидаты безоговорочно борются за интересы рабочих и профсоюзов». Принципиального различия между этими двумя формулировками нет. Несомненно, однако, что формула IX пленума создавала более благоприятную базу для борьбы на почве политического взноса против предательской рабочей партии.

Резолюция IX пленума не занималась вопросом о левом крыле. Тезисы Датта и Поллита содержат специальный пункт, посвященный национальному левому крылу (п. 25). Датт и Поллит предостерегали партию против тенденции левого крыла развиться в независимую политическую партию, которая может стать между коммунистической партией и официальной рабочей партией. На основании этого они настаивали на необходимости специального изучения работы левого крыла с тем, чтобы выработать линию, обеспечивающую правильные взаимоотношения между коммунистической партией и теми элементами, которые, разочаровываясь в реформизме, медленно двигаются в направлении к коммунистической партии. К сказанному необходимо прибавить, что в отличие от этих тезисов в процессе дискуссии т. Поллит более определенно формулировал свое критическое отношение к национальному левому крылу, высказываясь за полную его ликвидацию.

Иную точку зрения развивал и защищал тов. Мерфи, который также представил свои тезисы. Вместе с тов. Поллитом он голосовал против вышецитированных январских тезисов большинства ЦК, но он исходил из того, что вся обстановка созрела для раскола рабочей партии и для создания новой антикапиталистической федеративной рабочей партии, в которой коммунистическая партия могла бы играть еще более руководящую роль, чем, скажем, независимая рабочая партия определенное время играла в рядах рабочей партии. На страницах «Большевика» (см. № 3—4 за 1928 г.) тов. Мерфи следующим образом сформулировал свою основную мысль: «Нужно считаться с логикой этого движения в пользу раскола. Из всей этой политики исключений и раскола, которую ведет в последнее время общенациональная рабочая партия, вытекает неизбежно создание новой антикапиталистической федеративной рабочей партии. Это—единственная тактика, которую я считаю возможной в отношении этих массовых организаций, не являющихся еще коммунистическими, но предпочитающих бороться под коммунистическим руководством, так как это является причиной их исключения». Соответственно тов. Мерфи разрешил также и вопрос о приеме в рабочую партию и о политическом взносе. Мы вступаем в новую рабочую партию (антикапиталистическую) и ведем борьбу за то, чтобы политический взнос шел в избирательный фонд этой новой рабочей партии.

Таково было положение к моменту IX пленума. Резолюция IX пленума была утверждена единогласно всем Центральным Комитетом английской коммунистической партии. Казалось, что все споры разрешены и заложена основа для об'единенного действия. Если мы, однако, обратимся к тем событиям, которые последовали за IX пленумом, то мы увидим, что разногласия отнюдь не исчезли, а только облеклись в новую форму.

24 февраля английская компартия опубликовала на страницах своего еженедельника «Уоркерс Лайф» резолюцию IX пленума. В коротенькой передовой, посвященной этой резолюции, высказывалась надежда, что те, которые поддерживали политику Центрального Комитета до IX пленума, поддержат также и резолюцию IX пленума. Иными словами, читателям внушалась мысль, что резолюция IX пленума является продолжением и развитием тех идей, которые Центральный Комитет защищал в своих важнейших политических документах, п р о т и в которых резолюция IX пленума была заострена. В том же духе действовала партийная конференция в Глазго, которая одобрила как тезисы Центрального Комитета, так и тезисы IX пленума. Сие означает, что по крайней мере на первых порах партия не усвоила того нового—принципиально нового—курса, который наметился в решениях IX пленума. Еще хуже обстояло дело с непосредственным практическим проведением в жизнь резолюций IX пленума. Центральный Комитет честно и искренне стремился к тому, чтобы последовательно проводить все решения IX пленума, несомненно, однако, что он недостаточно учел все трудности

перехода на новые рельсы и не принял всех необходимых мер для того, чтобы как в области идеологической работы, так и в области тактической правильно ориентировать и направлять партию в духе решений IX пленума. В результате получились загзаги и колебания как в области профсоюзной работы, так и в отношении к левому крылу, партия же в целом—об этом убедительно свидетельствует вся дискуссия, начавшаяся 12 октября прошлого года и закончившаяся на с'езде в конце января текущего года—не усвоила полностью всей сущности новой тактической линии.

Не случайно предс'ездовская дискуссия заострилась на вопросах о политическом взносе и о левом крыле. Отсутствие твердой линии в борьбе против профсоюзной бюрократии, особенно в союзе горняков, с одной стороны, и явно невыдержанная политика в отношении так называемого левого крыла имели своим последствием нарастание серьезного недовольства всей политикой ЦК.

В процессе дискуссии тов. Мерфи формулировал следующие пункты, которые он назвал «ответом оппозиции» (см. «Коммунистическое Обозрение» янв. 1929 г.): 1) отказ от борьбы за прием в рабочую партию; 2) борьба за выход профсоюзов—местных и национальных—из рабочей партии; 3) неплатеж политического взноса, уплата которого равносильна членству в рабочей партии; 4) прямое рекрутирование в партию, финансовая и моральная поддержка союзов и их членов коммунистической партии; 5) единый фронт партии с союзами или с местными организациями, которые восстают против рабочей партии; 6) прием союзов и местных организаций в движение меньшинства, руководимое коммунистической партией; 7) образование коммунистических рабочих избирательных комитетов во время выборов для поддержки кандидатов коммунистической партии.

Отвечая на эту программу, тов. Кемпбелл от имени секретариата ЦК (см. «Уоркерс Лайф» от 18 января) писал: «Пункты 1, 2, 4, 5 и 7 являются политикой ЦК, пункт 6 был политикой партии с момента организации движения меньшинства». На этом основании тов. Кемпбелл приходил к выводу, что дискуссия по существу касается только двух вопросов—неплатежа политического взноса и выхода из состава левого крыла. Если обратиться к дискуссии, то мы увидим, что тов. Кемпбелл действительно прав: вокруг этих двух вопросов была сосредоточена вся борьба как до с'езда, так и на самом с'езде. Раньше, чем перейти к анализу разногласий по этим двум вопросам, мы только отметим, что предложение о выходе профсоюзов из рабочей партии является также новшеством, которое было принято Центральным Комитетом без всякой предварительной дискуссии и без всякой попытки обосновать, каким образом он намеревается этот лозунг провести в жизнь. Верно, что X с'езд несколько смягчил формулу Центрального Комитета. Согласно решению, принятому с'ездом, идея выхода профсоюзов из рабочей партии ставится только как лозунг пропаганды, а не непосредственного действия. Несомненно, что это решение о выходе профсоюзов из рабочей партии находится в противоречии с решением о политическом взносе. К тому же оно может породить вредное предположение, будто Томасы и Персели чем-нибудь отличаются от Макдональдов и Макстонов.

Начнем с вопроса о левом крыле. В защиту ликвидации левого крыла выступал не только тов. Мерфи, но и тов. Поллит. На страницах «Уоркерс Лайф» от 11 января Поллит высказывался за немедленную ликвидацию этой организации. «Я думаю,—писал он,—что движение, как оно теперь организовано, должно быть ликвидировано. Оно было организовано после Ливерпульского с'езда в 1925 году, чтобы бороться против определенного постановления (речь идет о постановлении Ливерпульского с'езда исключать коммунистов из рабочей партии). Это пройденная фаза. Теперь существует опасность, что мы будем пытаться поддерживать национальную организацию

с особым аппаратом и со своей программой в противовес программе рабочей партии. Это явится базой новой партии, которая станет между нами и массами». Об этой опасности пишет также и тов. Датт на страницах «Коммунистического Обозрения» (январь 1929 г.). Но как Поллит, так и Датт выражаются более осторожно по вопросу о левом крыле, чем тов. Мерфи. Они не предлагают заменить левое крыло избирательными комитетами. Датт только пишет, что «национальное движение левого крыла, как оно существует теперь.., приняло характер национально-политической организации со своей собственной программой между рабочей партией и коммунистической партией». Нет никакого сомнения в том, что и Поллит и Датт были правы в своей критике тактики партии по отношению к левому крылу вообще, по отношению к национальному движению левого крыла в частности. Но они не сумели сделать правильных выводов из критического анализа.

Национальное движение левого крыла было организовано не только в противовес рабочей партии, но и в противовес так наз. левым—Лэнсбери и К°, которым хотелось позировать в роли левых, оставаясь верноподданными Макдональда. Национальное движение левого крыла с самого начала стало на путь резкой и решительной борьбы не только против откровенных реформистов, но и против так называемых левых. В этом было его преимущество перед английскими центристами, руководимыми Макстоном, Лэнсбери и др. Несомненно вместе с тем, что общая неправильная позиция в отношении к Макстону и Куку, а также поддакивание некоторым элементам внутри «национального движения левого крыла» имели своим последствием настороженное отношение большого числа членов партии к тактике Центрального Комитета по отношению к левым элементам вообще. Центральный Комитет партии не понял всей серьезности этого настороженного отношения партии. «Особенно комична,—писал Кемпбелл (см. «Уоркерс Лайф» от 18 янв.),—попытка пугать партию страшным жупелом, будто левое крыло может представлять собою новую центристскую партию». Развенчивая этот «жупел», тов. Кемпбелл писал, что каждый член партии знает, что не найдется ни одного члена левого крыла среди 50, которые были бы защитниками новой партии». Тов. Кемпбелл явно не понял той опасности, от которой специально предостерегали Датт и Поллит. Суть не в том, хотят или не хотят отдельные члены левого крыла создавать новую партию. Опасность заключается в том, что при неправильной тактике промежуточная организация, которая обзаводится своим аппаратом, своей организационной сетью и своей программой, может об'ективно обратиться в барьер между коммунистической партией и левеющими рабочими. Правильный выход из этого положения заключался бы в том, чтобы критически пересмотреть всю тактику коммунистической партии по отношению к левому крылу вообще, к национальному движению левого крыла в частности. Неудачная защита политики партии в отношении к левому крылу имела своим последствием решение большинства с'езда (правда, незначительного большинства) совершенно ликвидировать левое крыло, которое при нынешних условиях и в нынешней обстановке при правильной тактике могло бы служить определенным рычагом в борьбе против партии Макдональда и Томаса, становящейся все более и более откровенно буржуазной.

Мы уже отметили, что предложение ЦК по вопросу о политическом взносе было принято подавляющим большинством. По этому вопросу члены Центрального Комитета английской коммунистической партии оперировали разными аргументами, но они все выступали одинаково решительно за продолжение платежа политического взноса, подчеркивая, что наша оппозиция направлена не против политического взноса, а против передачи его в распоряжение рабочей партии. По этому вопросу в рядах Центрального Комитета тов. Мерфи остался в ничтожном меньшинстве. Сторонники прекращения политического взноса потерпели также поражение и на самом с'езде.

Мы отметили только решения по спорным вопросам. Но независимо от тех или иных резолюций, принятых с'ездом, необходимо отметить, что сам с'езд был первым с'ездом, проходившим на основе широкой самокритики, как мощного орудия партийного развития. С этой точки зрения X с'езд означает собою переломный пункт в истории английской коммунистической партии. Он свидетельствует о большом под'еме активности членов партии. Эта активность является порукой в том, что английская коммунистическая партия сумеет *коллективными* усилиями преодолеть все те трудности, с которыми она сталкивается, и разрешить все сложные и запутанные задачи, вытекающие из своеобразных условий развития английского рабочего движения.

Правые и левые уклоны в английской компартии.

Мы не станем подробно останавливаться на тех своеобразных трудностях, на которые работа коммунистической партии в Англии наталкивается. Нам представляется, что характеристика общего экономического положения Англии, а равно и роли предательского реформизма, данная IX пленумом Коминтерна, сохраняет полную силу. Если мы попытаемся проверить нынешнее положение в Англии в свете резолюций IX пленума, то мы неминуемо придем к выводу, что англичане до известной степени нарушили свою неизменную традицию «постепенности и преемственности» и проявили некоторую склонность к более быстрым переменам как в направлении проведения рационализации, так и в деле сплетения аппаратов рабочего движения с аппаратами буржуазного государства. Вместе с тем несомненно, что было бы жесточайшей ошибкой об'яснять все те испытания, которые выпали на долю коммунистической партии в последние годы, одними лишь об'ективными трудностями. Особенно ошибочно было бы приписывать падение числа членов и сокращение тиража коммунистической прессы той депрессии, которая последовала за разгромом горняков. В процессе предс'ездовской дискуссии было в достаточной мере убедительно показано и доказано, что и суб'ективные факторы—колебания и ошибки руководства—играли немалую роль и оказали неблагоприятное влияние на развитие коммунистического движения в Англии. Мы поэтому обязаны глубже проанализировать содержание и сущность тех ошибок, которые отмечались в процессе дискуссии, и таким образом постичь природу и характер тех разногласий, которые проявились в рядах английской коммунистической партии.

Само собой понятно, что в процессе дискуссии делались попытки выяснить, в какой мере в английской коммунистической партии проявилась та опасность правых уклонов, которую VI конгресс Коминтерна признал важнейшей опасностью в нынешний период. Возражая своим оппонентам, тов. Кемпбелл уже в цитированном нами заявлении от имени секретариата ЦК заявил:

«В ходе дискуссии некоторые товарищи высказывали мысль, что большинство ЦК проявило значительные колебания в деле полного применения новой линии. Это обвинение основано на том, что ЦК еще попрежнему высказывается в пользу политического взноса и за участие, для ограниченных задач и в ограниченных областях, в национальном движении левого крыла.

Нам говорят, что это составляет «правую» опасность и ликвидаторскую тенденцию. Следует об'яснить, что ЦК, когда он говорит о новой линии, имеет в виду резолюцию IX пленума, которая признала необходимость уплаты политического взноса в настоящее время и предположила наше дальнейшее участие в левом крыле.

Классический правый уклон от этой новой линии (кроме отказа полностью применить ее) заключается в предложении организации рабочей политической федерации (тов. Кемпбелл имеет в виду ту антикапиталистическую рабочую партию, которую предлагал тов. Мерфи). «Левый» уклон заключается именно в проповедывании неплатежа политического взноса и выхода из левого крыла».

Нам представляется, что тов. Кемпбелл чрезмерно упростил вопрос о правых и левых тенденциях в английской коммунистической партии. В первую очередь нет никаких оснований об'являть предложение тов. Мерфи единственным воплощением правых уклонов в английской компартии. Надо иметь в виду, что предложение тов. Мерфи об организации 2-й рабочей партии совпало с тем моментом, когда большинство ЦК предлагало продолжать старую линию в отношении ныне существующей рабочей партии. В коммунистической прессе правильно отмечали, что обе эти крайности являются разными сторонами одного и того же пессимистического отношения к коммунистической партии. Но совершенно независимо от оценки предложения тов. Мерфи (от которого он отказался во время обсуждения этого вопроса в английской делегации на VI конгрессе Коминтерна) необходимо отчетливо отметить, что правые ошибки были отмечены в английской коммунистической партии д о и п о с л е IX пленума. Вряд ли кто-нибудь будет теперь отрицать, что сопротивление большинства ЦК новой тактической линии до IX пленума представляло собой выражение правых оппортунистических настроений. Но и после IX пленума все те ошибки, которые были отмечены в процессе дискуссии, являются по существу правыми ошибками.

Начнем с вопроса о самой дискуссии. Мы уже отметили последний заключительный пункт резолюции IX пленума, мысль коего была еще резче выражена в резолюции VI конгресса. То обстоятельство, что Центральный Комитет не счел необходимым своевременно развязать широчайшую самокритику в целях вовлечения всех членов партии в активную работу по проведению новой тактической линии, является доказательством неправильной оценки сущности новой линии и всех тех грандиозных трудностей, с которыми ее проведение сопряжено.

Если мы обратимся к непосредственным тактическим ошибкам английской компартии, то мы также неминуемо придем к выводу, что эти ошибки являлись отрыжкой старой тактики, стало быть, при нынешних условиях должны быть расцениваемы как оппортунистические ошибки.

Мы остановимся только на ошибках, относящихся к профсоюзной тактике и к левому крылу.

Вся работа проффбюрократов, ставших откровенными лакеями Монда, сосредоточена на том, чтобы обеспечить английской буржуазии возможность безболезненной стабилизации загнивающего английского капитализма. Английские господствующие классы, развращенные и деморализованные длительной эпохой своего господства на мировом рынке, стремятся укрепить свои пошатнувшиеся позиции не столько развитием и совершенствованием техники, сколько усилением эксплоатации рабочих масс. Крайне характерно, что именно в Англии оборотная сторона капиталистической рационализации выступает так резко и так ярко. «Старая веселая Англия» наполнена теперь районами, в буквальном смысле слова поверженными в нищету. В целях проведения таких стабилизационных операций капитал нуждается в мощной профсоюзной бюрократии, которая связывает по рукам и ногам пролетариев, поднимающихся для борьбы против усиления методов и системы эксплоатации. Само собой понятно, что в этих условиях английские коммунисты обязаны в профсоюзах вести самую беспощадную борьбу против агентов Монда. Особенная ответственность ложится на коммунистическую партию

по отношению к тем профсоюзам, в которых коммунисты занимают руководящее положение. Казалось бы, что именно в этих союзах коммунисты должны были бы непосредственно связывать борьбу против предателей-реформистов с борьбой против продолжающегося и принимающего самые жестокие формы капиталистического наступления. Вместе с тем мы замечаем, что и в Файфе, где коммунисты и примыкающие к ним работники левого крыла занимают все руководящие посты, и в Ланкашире, где коммунисты занимают важнейшие руководящие позиции, компартия не проявила достаточно решительности и реформистам удалось—особенно в Ланкашире—нанести рабочему движению ряд тяжелых ударов.

Английская коммунистическая партия также не учла того обстоятельства, что в нынешней обстановке она вынуждена противопоставить себя всей реформистской бюрократии и ни в коем случае не доверять тем, которые готовы изображать собой революционеров на словах, но у которых нехватает мужества и энергии решительно пойти на борьбу с коалицией предпринимателей и профсоюзных чиновников, которые, особенно в нынешний период, ни в коем случае не содействуют связи компартии с массами, а, наоборот, ослабляют кампанию подготовки пролетарских масс к надвигающимся экономическим битвам. Не надо быть ни оптимистом, ни пророком, чтобы с максимальной уверенностью утверждать, что уже в ближайший период «неофициальные» забастовки (т.-е. забастовки, происходящие вопреки воле профсоюзных бюрократов) будут играть огромную роль в классовой борьбе в Англии. И в былые годы, когда профсоюзная бюрократия не была столь тесно связана и переплетена с аппаратом предпринимателей, рабочим приходилось прибегать к «неофициальным» забастовкам для защиты своих самых элементарных интересов. По сути дела, все важнейшие битвы между трудом и капиталом в Англии имели своей исходной точкой так называемые неофициальные забастовки. Теперь против этих забастовок мобилизованы все силы буржуазии. Знаменитый билль, правильно названный «хартией стачколомов», об'явил вне закона целый ряд забастовок. Генеральный совет открыто заявил на последнем конгрессе, что он предпочитает забастовкам «конструктивное» участие в деле рационализации капитализма. «Оно (профсоюзное движение) не только заинтересовано в процветании промышленности, но оно хочет иметь свое суждение о методах управления промышленностью для того, чтобы оно могло оказывать влияние на то новое развитие, которое теперь происходит» [1]). «Вожди» отдельных профсоюзов тоже только тем и занимаются, чтобы срывать забастовки, и предпочитают вести мирные беседы за «круглым столом» с представителями капитала. Все маленькие забастовки, которые происходили в последнее время, наталкивались на самые свирепые преследования со стороны всей профсоюзной бюрократии. Ясно, что в нынешних условиях важнейшая задача коммунистической партии заключается в том, чтобы подготовить рабочий класс к неминуемым боям и п о д г о т о в и т ь н е о б х о д и м о е б о е в о е р у к о в о д с т в о, к о т о р о м у п р и д е т с я с т о л к н у т ь с я н е т о л ь к о с х о з я е в а м и, н о и с о с в о е й п р о ф с о ю з н о й б ю р о к р а т и е й. Для этой цели «левые» профсоюзные бюрократы являются очень слабыми и очень ненадежными союзниками.

Энергичная подготовка к предстоящим боям, конечно, не может и не должна быть истолкована в смысле необходимости на данной ступени развития приступить к организации новых профсоюзов. Наоборот, основная задача коммунистической партии заключается в том, чтобы напряженно бороться за каждую позицию, которую она имеет в профсоюзном движении, усиливать эти позиции и завоевывать новые позиции. Но борьба должна

[1]) См. стенографический отчет 60 конгресса английских трэд-юнионов, стр. 209.

вестись с развернутыми знаменами. Разоблачение предателей должно итти рука об руку с организацией сопротивления наступлению и с подготовкой к контрнаступлению.

Докладчик ЦК на X с'езде по профсоюзному вопросу отмечает три опасности: 1) неумение приспособить тактику к наступлению капиталистов и бюрократов на рабочих; 2) ослабление внимания к профсоюзной работе и 3) разговоры о создании новых союзов. К сожалению, и докладчик не отмечает, что третья опасность (разговоры о создании новых союзов) является в первую очередь результатом невыдержанной тактики в тех профсоюзах, в которых коммунисты занимали руководящие позиции. Иными словами, эти разговоры являются реакцией против той неправильной политики, которая проводилась партией в профсоюзном вопросе.

Такую же примерно картину мы наблюдаем при изучении тактики партии в отношении к левому крылу. Теперь вся партия единодушно оценивает выступление Макстона и Кука с программой «социалистического возрождения», как попытку овладеть движением пробуждающихся к активной борьбе пролетарских масс. Все это движение окончилось фарсом. Плохо, однако, то, что на первых порах коммунистическая партия не только не разоблачала этих левых болтунов, но пыталась помогать им мудрыми советами. Эта тактика мудрых советов продолжалась и после того, как герои «социалистического возрождения», пользовавшиеся советами коммунистов, открыто отмежевались от коммунистов, чтобы не дать повода Макдональду прибегать к репрессивным мерам против них. А в самое последнее время один из героев этого «социалистического возрождения» — Уитли — провел свое собрание под охраной полиции, при чем полиция охраняла его от «коммунистических смутьянов», и среди арестованных на этом собрании был не кто иной, как Вильям Галахер, к которому Уитли, Макстон и Кук бегали за советами, когда они начинали свой «левый поход».

Такое отношение к левым реформистам является типичнейшим выявлением правой оппортунистической политики. Реакцией против этих правых ошибок являются сектантские разговоры о полном разрыве не только с героями левой фразы в роде Макстона и Уитли, но фактически и с левыми рабочими, которые мучительно и напряженно работают над тем, чтобы эмансипироваться из-под влияния реформистов разных цветов и разных оттенков.

Поэтому мы полагаем, что и в английской коммунистической партии важнейшей опасностью является правая опасность.

Отмеченные выше ошибки были в огромной мере исправлены. Худо, однако, то, что в тезисах, представленных X с'езду, Центральный Комитет партии, не счет необходимым подвергнуть мужественной самокритике эти свои ошибки. Верно, что в самом конце с'езда тов. Белл от имени политической комиссии заявил: «Одной из первых задач нового ЦК будет назначение комиссии, которая подвергнет критическому анализу историю партии с момента ее образования. Изучению будут подвергнуты также ошибки прошлого».

К этому заявлению надо прибавить, что хорошо было бы, если бы членами комиссии фактически стали все те активные члены партии, которые энергично участвовали в пред'ездовской дискуссии.

Можно двояко изучать ошибки прошлого. Секции Коминтерна мало занимались изучением своей собственной истории. Теперь в связи с десятилетием Коминтерна правильно, уместно и своевременно, чтобы каждая партия подвергла критическому анализу путь, пройденный не только Коминтерном в целом, но и данной партией, и в частности подвергла критическому анализу те ошибки и частичные поражения, которые сопутствовали развитию революционного движения в данной стране. Это—одна из форм самокритики. Но есть и другая, не менее необходимая. Мы говорим о коллективной самокритике, в которой участвуют не только рудоводители и профессиональные журналисты, а вся партия в целом. В Англии мы имели такую массовую дискуссию накануне с'езда. Она, несомненно, принесла огромную пользу партии. Этот второй путь самокритики—массовой, коллективной—в данный момент не менее важен, чем первый. Он приобретает особую ценность в обстановке относительной стабилизации, когда реформистское влияние сказывается не только вокруг нас, но и в наших собственных рядах.

* * *

«Мы вышли из с'езда об'единенными и укрепленными как партия, готовая проводить следующие задачи: 1) бороться энергично за новую линию, которая является не только новой избирательной политикой, но борьбой за руководство английским рабочим классом во всех сферах деятельности; 2) выдвинуть партию вперед как вождя и организатора рабочего класса в великих экономических битвах, которые надвигаются; 3) развить наши фабрично-заводские ячейки и укрепить влияние нашей партии на предприятиях всеми возможными способами; 4) применять энергично тактику единого фронта снизу».

Так резюмирует итоги с'езда центральный орган английской коммунистической партии «Уоркерс Лайф» (см. № от 25 января). К сказанному можно только прибавить, что все эти задачи будут выполнены лишь в том случае, если партия действительно станет на новые рельсы и попытается дружными усилиями осуществить на деле генеральную линию VI конгресса. Для этого партии придется не только провести решительную кампанию против право-оппортунистических настроений, но и преодолеть примиренческое к ним отношение. Одновременно партии придется повести самую решительную борьбу против всяких рецидивов сектантства, которое довольно отчетливо проявилось в последней партдискуссии.

Б. Маркус.

Необуржуазные и мелкобуржуазные установки в вопросах труда [1]).

V. Трудовое законодательство.

Трудовое законодательство, определяющее уровень условий труда, является мощным рычагом регулирования благосостояния рабочего класса. Идеологи буржуазии противопоставляют и здесь свои позиции, им нужно добиться здесь уступок капиталу. Они склонны об'являть, что якобы на путь таких уступок мы уже встали сразу после об'явления нэпа. Исходя из этого, они подсказывают лазейки и щели в недомолвках законодательства, которые позволили бы на деле ухудшать условия труда. Так, например, проф. Варшавский видит первое наше грехопадение в принятии Кодекса Законов о Труде 1922 г. Давая общую характеристику Кодекса Законов о Труде, этого основного закона, которым победивший рабочий класс регулирует минимальный уровень условий своего труда — он убеждает расценивать этот закон, как акт, «менее прямолинейный и принципиальный, чем КЗоТ 1918 года», как акт компромиссного характера, не становящийся исключительно на защиту трудящихся.

«Законодатель имел, конечно, в виду необходимость в связи с новой экономической политикой, открывшей пути частному капиталу, закрепить за трудящимся право на сносные условия существования... но он должен был в то же время учитывать необходимость создать такие условия, при которых могла бы развиваться хозяйственная жизнь страны, при которых в особенности частный промышленный капитал нашел бы достаточные стимулы для выступления на арене хозяйственной жизни» [2]).

Уважаемый профессор допустил здесь маленькую ошибку—так сказать, аберрация зрения — свое пожелание он принял за факт: действующий сейчас Кодекс Законов о Труде 1922 года является отнюдь не уступкой частному капиталу, а дальнейшим укреплением наступательных позиций пролетариата. В этом можно легко убедиться не сравнением отдельных абзацов и букв текста Кодексов Законов о Труде, изданных до и после перехода к нэпу, а сравнением реального улучшения условий труда после перехода от декларативных норм эпохи военного коммунизма к новым нормам, соответствующим всей хозяйственной обстановке и ресурсам обобществленного сектора народного хозяйства. Если обратиться к проверке фактами того, в каком направлении развивалось за эти годы проведение Кодекса, то мы

[1]) Окончание. Начало статьи см. в предыд. номере.

[2]) Варшавский, «Трудовой договор по КЗоТ СССР», изд. «Academia», стр. 16; см. также К. Варшавский, «Трудовое право СССР», изд. «Academia», 1924 г., стр. 21—22. Он получил в свое время должную отповедь от тов. И. С. Войтинского «Трудовое право СССР», 1925 г., и от тов. А. Е. Семеновой.

убедимся, что он—отнюдь не «уступка частному капиталу», а наше новое завоевание. Глубоко прав был в своей оценке Кодекса Законов о Труде 1922 года Владимир Ильич Ленин, когда в речи на сессии ВЦИК 31 октября 1922 г. говорил:

> «Я думаю, это громадное завоевание советской республики, если мы в такое время, когда все страны ополчаются на рабочий класс, выступаем с кодексом, который прочно устанавливает основы рабочего законодательства» [1]).

Из своей общей оценки Варшавский делал, конечно, свои практические выводы, протаскивая целую вереницу таких определений и толкований трудового договора и др. понятий (связь между трудовым и гражданским законодательством), которые, будучи применяемы на практике, могли бы привести к безусловному ухудшению условий труда.

Эти оценки проф. Варшавского можно было бы сейчас не шевелить, если бы они не повторялись и в наше время в целом ряде новых вариантов.

Перед нами лежит об'емистая книга П. Д. Каминской [2]), в конце 1928 года вышедшая уже третьим изданием, посвященная вопросам советского трудового права. Книге предпосылается пространное теоретическое введение, в котором автор — типичный эклектик — на протяжении 30 страниц не меньше 15 раз пытается опереться на Маркса и Энгельса и тем не менее здесь же провозглашает такие истины, которые, мягко выражаясь, никуда не годятся.

Так, например, буржуазное законодательство по рабочему вопросу Каминская рассматривает не как завоеванное пролетариатом право; ставя вопрос на голову она расценивает его, как «идущее по пути уступок (чьих? не «надклассового» ли государства? *Б. М.)* господствующему буржуазному классу». Отбивая поклоны перед Марксом, Каминская в одном и том же абзаце предоставляет цитате из «Капитала» уютное соседство с правильным, по ее мнению, определением Дешанта о том, что в капиталистических предприятиях в результате заключения колдоговора достигается «коллектив в примиренном состоянии взамен коллектива в состоянии борьбы». Минуя целый ряд других путанных определений Каминской, мы видим, что и она в конечном счете вслед за Варшавским повторяет, что предпосылкой издания нового Кодекса Законов о Труде явилось возрождение частного капитала.

Правда, Каминская не решается вслед за Варшавским повторять старые утверждения и перепевы юристов - цивилистов о том, что к вопросам трудовых отношений, не охваченных законодательством о труде, применяются начала гражданского кодекса, который-де здесь имеет «субсидиарное значение» (восполняет пробелы Кодекса Законов о Труде). Но, если этого вывода не повторяет Каминская, то зато юристы-«практики», несущие защитную службу у концессионеров, да и многие сторонники режима экономии за счет урезки прав рабочего не минуют случая, опираясь на высокую теорию проф. Варшавского и пролезая в поры нашего бюрократического законодательства (12.000 постановлений!), добиваться именно такой постановки вопросов [3]).

При наличии таких вылазок мы должны призвать себя к бдительности.

> «Точное выполнение как администрацией, так и рабочими законов о труде, договоров и правил о труде и производстве (КЗоТ), колдоговоров, правил внутреннего распорядка, постановлений примирительных инстанций и третейских судов и т. д.—должно являться необходимой предпосылкой правильной организации труда и здоровой трудовой дисциплины» (XV партконференция ВКП (б)).

[1]) В. И. Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 80.

[2]) П. Д. Каминская, «Советское трудовое право», — «Вопр. Труда», 1928 г., стр. 471.

[3]) Необходимую отповедь в этой части Варшавский получил у тов. Стучки в его «Курсе советского гражданского права».

Надо осознать, что за многотомным законодательством стоят живые люди и трудовые отношения. Ищущие смычки с бюрократом частник, концессионер, деревенский кулак — вот те силы, которые всячески использовывают наши упущения, чтобы исходя из своих классовых интересов урвать у рабочего хоть пядь того, что ими потеряно в Октябре.

В этих условиях недостаточная настойчивость профсоюзов в их защитной работе, нечеткость работы инспекции труда, трудпрокуратуры, трудсудов—является прямым извращением нашей классовой политики в области регулирования труда. Шахтинское дело наглядно убедило в том, что слабость профработы и работы органов НКТ не только в частных и концессионных предприятиях может быть приравнена к сползанию с классовых позиций, но и внутри наших советских государственных предприятий неуменье во-время одернуть бюрократа и вредителя может привести к потере классовой ориентировки. Нельзя не упомянуть в этой связи об особой опасности бюрократического перерождения тех клеточек наркомтрудовского аппарата, которые обслуживают рабочие массы. А эта опасность есть, и она вполне ощутима, она растет, во-первых, из наличия в аппарате чуждых элементов, засидевшихся старых чиновников, бывших фабричных инспекторов и т. д.; во-вторых, из недостаточного вливания в каналы аппарата НКТ лучших элементов рабочего класса; в-третьих, здесь повинен и наш общий низкий уровень грамотности, культурности, квалификации. Решительное вовлечение новых активистов-рабочих и молодых красных специалистов, сменяемость и подотчетность выборного состава, непрерывная подготовка резервов для выдвижения, на основе подлинной самокритики — являются единственными средствами для изживания бюрократизма.

Не даром Владимир Ильич делал такое ударение на необходимости подбора исполнителей и проверки исполнения. «Искать людей, проверять работу — в этом все» [1]).

Наглядное доказательство того, как правильная политическая директива может быть искривлена, как эти искривления могут быть на-руку классовому врагу, дает законодательство о применении наемного труда в крестьянских хозяйствах.

В свое время XIV парконференцией и XIV партс'ездом было одобрено издание закона, направленного к облегчению найма подсобного труда батраков в индивидуальных бедняцких и середняцких крестьянских хозяйствах. Закон был издан и предусматривал значительно льготные условия найма для хозяйств, где наемный труд является подсобным, то-есть главным образом для части середняков. Само собой разумеется, что распространение этих льгот на кулацкое хозяйство было бы резко ошибочно, вело бы к усилению эксплоатации батраков.

Когда закон этот был издан, сменовеховец Лежнев в устряловском журнале «Новая Россия» с нетерпением толкал нас под руку, требуя его распространения на все, в том числе и кулацкие, хозяйства. Вдохновляясь, он писал чуть ли не стихами: «Город повернулся лицом к деревне, начал развязывать ее производительную силу, но развязывающие руки трясет лихорадка кулакомании, город хочет развязать середняка и связать кулака сразу. А граница между кулаком и середняком смутна и расплывчата. Какой межевой инженер установил ее»? [2]).

Местные органы власти: обл-, крайисполкомы, совнаркомы автономных республик, должны были взять на себя ответственную роль, «межевого инженера», издав постановления, точно определяющие и выделяющие круг крестьянских хозяйств «промышленного типа», на которые льготы не распространялись и где наем должен был происходить на основе общего законодательства о труде (КЗоТ). Не говоря уже о том, что самое издание этих постановлений происходило с огромным запозданием, дошедшим в отдельных местах до 2 лет и более, самые постановления, изданные исполкомами оказались в ряде случаев настолько «резиновыми», что любое кулацкое хозяйство могло себя чувствовать «охраненным». Наркомтруд РСФСР представил в Совнарком очень показательную сводку этих постановлений [1]).

[1]) В. И. Ленин, «Об улучшении госаппарата и борьбе с бюрократизмом и волокитой», ГИЗ, 1929 г., стр. 65.

[2]) «Новая Россия» № 2, стр. 26.

Она богато иллюстрирует то положение, что отдельные исполкомы «дали маху», просчитавшись весьма существенно и отнюдь не в пользу батрака. Не даром кулацкий профессор Кондратьев высказался за законодательное уточнение понятия кулак, «из'яв из этого понятия на практике случаи аренды земли и найма сельскохозяйственного труда в размерах, допускаемых для трудового (!) хозяйства» [2]).

Практика показала, что кое-кто невольно оказался в плену этих поправочек к решению партии.

Достаточно указать, что правительство автономной республики Немцев Поволжья в своем постановлении (ныне отмененном и исправленном) указывало, что все хозяйства, имеющие одного постоянного или одного сезонного и двух временных рабочих, вне зависимости от остальных признаков (доходности, наличия промпредприятий, торговли и т. д.) нанимают батраков на основе «временных правил». В Марийской области «временные правила» не распространяются лишь на те хозяйства, где работа ведется исключительно с помощью наемной рабочей силы. Стало быть, достаточно, чтобы в кулацком хозяйстве работал на ряду с батраками сам хозяин или члены его семьи, чтобы наем батраков происходил на основе «временных правил». В Карельской республике все хозяйства, нанимающие менее 3 рабочих на отхожих промыслах (лесозаготовки, рыболовство), независимо от доходности хозяйства относятся к числу тех, на которые распространяется льготное законодательство. Рязанский ГИК установил порядок, при котором даже такие «середняки» в кавычках, как арендаторы садов меньше 3 десятин, хотя бы имеющие при этом еще свой немалый садовый участок, будут относиться к числу попадающих под «временные правила». Астраханский ГИК мудро и «понятно» для широких масс установил единственный признак: хозяйство относится к промышленному типу только тогда,

> «когда число трудоспособных, считая в том числе и наем, равняется числу нетрудоспособных членов двора, т.-е. когда на одного трудоспособного приходится один нетрудоспособный, но при этом число наемных лиц в хозяйстве не должно превышать единовременно 2-х человек по 9 месяцев каждый, при поденном найме единовременно при общей сумме денщин не выше 100, но не более пяти лиц единовременно. Хозяйства, у которых соотношение между собственными трудоспособными и малолетними членами семьи таково, что хозяйство лишено предыдущих условий при превышении 30 денщин в году при краткосрочном найме в «страдную пору».

Если эту издевательскую абракадабру (а она, видимо, рассчитана на то, чтобы ее поняли батраки, сельсоветы и т. д.) перевести на русский язык, то можно сказать, что астраханский ГИК решил, что любой торговец, мельник, даже попадающий под индивидуальное обложение архикулак, если он будет прибегать к найму только двух человек, работающих по 9 месяцев, то он сможет пользоваться льготным законодательством.

[1]) Она использована в статье т. Венде «Кто является кулаком», которая в ближайшее время появится в журнале «На Аграрном Фронте» за 1929 г. (со статьей я знакомился в рукописи).

[2]) Напомним, что тов. Ленин давно уже разоблачил всю фальшь понятия «трудового» крестьянства. Ведь трудовым может быть любое архикулацкое хозяйство, в котором его владелец, наниматель-эксплоататор, трудится.

Такие примеры можно умножить, но и приведенного достаточно для того, чтобы сделать вывод о весьма ярко выраженных отклонениях от классовой линии партии, которые сквозят в приведенных установках.

VI. Вопросы рабочего времени и другие проблемы охраны труда.

Длина рабочего времени на ряду с заработной платой является одним из основных показателей уровня благосостояния рабочего. Переход на 7-часовой рабочий день поэтому является одним из наиболее ярких свидетельств о характере нашей экономической политики. Конечно, классовому врагу этот орех не по зубам. Но с какой стороны подойти к нему. Откровенно выступать против манифеста — трудновато. И вот они изощряются.

Немедленно после издания манифеста Вайнштейн «подводит идеологию» и пытается доказать невыгодность для хозяйства... даже 8-часового дня. Он пишет:

> «Повышение интенсивности труда и производительной силы труда не компенсировано недовыработкой, проистекающей от уменьшения рабочего дня, несмотря на значительные капитальные вложения в промышленность в течение последних лет» [1]).

Нужды нет, что по цензовой промышленности дневная выработка рабочего уже в 1926—27 г. превысила довоенный уровень 1913 года (на 2,4%) [2]). Вайнштейну необходимо свое утверждение отнюдь не для фактической справки. Он бьет здесь в 7-часовой день.

Конечно, жалкое положение — прятаться в кусты, но что поделаешь, иного пути нет. Ему могут посочувствовать меньшевики: они, даже пользуясь за границей полной «свободой слова», не сразу могут сказать, что они против 7-часового дня. Что называется «не выговаривается». Они сначала сообщали, что их отношение к этому вопросу «не может не быть очень сдержанным». Потом они ищут защиты у ученого Липмана (и зря запутывают его в свое вранье), который - де научно доказал, что именно 8-часовой день является «средней для оптимумов всех отраслей промышленности». И только спустя месяц после этих статей выбалтывают, наконец, свою позицию, до конца и ясно говорят, что, по их мнению,

> «введение трех смен и семичасового рабочего дня, как массовое явление, как новое завоевание пролетариата (выражение манифеста), в Советской России неосуществимо» [3]).

Ну, как не пожалеть их, когда сама жизнь их бьет и к тому же быстрее, чем можно было ожидать. Сравнительно короткий срок первого опыта осуществления 7-часового дня доказал уже на практике, что при надлежащей подготовке перевода на 7-часовой день мы извлекаем из этого мероприятия целый ряд экономических плюсов (увеличение об'ема производства, рост числа рабочих, при сохранении и повышении дневной производительности труда и зарплаты и при одновременном понижении себестоимости [4]).

В области других вопросов охраны труда чуждые нам тенденции проявляются в ряде моментов. Характерен прежде всего типично предпринимательский подход со стороны хозяйственников, а в литературе со стороны ряда авторов к оценке причин травматизма.

[1]) Альб. Вайнштейн, «Итоги и основные эконом. показатели нар. хоз. СССР в 1926/27 г.». «Эк. бюллет. Кон'юнкт. ин-та» № 11—12 за 1927 г., стр. 5.

[2]) А. Рабинович, «Проблема труда в СССР»,—«Эк Обозр.» № 10 за 1927 г., стр. 162.

[3]) «Соц. Вестн.», передовая № 4 за 1928 г.

[4]) Подробные показатели приведены в моей статье «На семь часов», помещенной в журнале «Коммунистическая Революция» № 22 за 1928 г.

В буржуазных государствах, у капиталиста прямой материальный расчет относить все несчастные случаи к вине рабочего: это освобождает нанимателя от ряда материальных обязательств по отношению к пострадавшему или страховому товариществу. Каждый здравомыслящий человек понимает, конечно, что только спятивший с ума рабочий мог бы сам действительно искать несчастного случая, каждому ясно, что, если отдельные случаи травматизма и вызываются изредка «неосмотрительностью или небрежностью» работающего, то и этой «неосторожности» не могло бы быть, если бы наниматель во-время устранил или оградил опасности, связанные с профессией. Очевидно, несчастные случаи вызываются или ненормальными санитарно-техническими условиями труда, или несоблюдением со стороны нанимателя правил техники безопасности, или, наконец, необученностью, неопытностью рабочего, но и эти обстоятельства, в конечном счете, надо отнести за счет упущений нанимателя. В буржуазных условиях, однако, отнесение несчастных случаев за счет «вины рабочего» в порядке вещей, ибо оно подводит подобие идеологического фундамента, подобие оправдания нецелесообразности для капиталиста расходовать средства на охрану труда: действительно, если рабочий сам виноват, то никакие затраты на технику безопасности этой причины не устранят.

Но вот мы переносимся в наше советское предприятие. И что же мы видим здесь? В поте лица своего не только некоторые хозяйственники, но и чиновники Наркомтруда (технические инспектора) расследуют несчастные случаи, чтобы в конечном счете притти к выводу, что добрая половина несчастных случаев вызывается неосторожностью рабочего. Более того находятся люди, которые выступают в печати с отождествлением неосторожности рабочего с его в и н о в н о с т ь ю и договариваются в своем усердии даже до необходимости мер воздействия по отношению к... потерпевшему [1]).

Эта типично буржуазная установка заставляет ставить вопрос в буквальном смысле слова на голову, и все это ради того, чтобы обосновать снятие ответственности за несчастные случаи с хозяйственника или нанимателя, «логически» доказывая вместе с тем нецелесообразность затрат на технику безопасности.

В практике два года под ряд, несмотря на недвумысленные директивы партии, правительства, центральных хозорганов мы наблюдаем на местах, что при общем росте уровня несчастных случаев, средства, ассигнованные по плану на оздоровление условий труда, оказываются использованными по назначению к сроку в среднем лишь на 80—85%. Этим извращением интересы пролетариата явно ущемляются во вред делу индустриализации и во вред здоровью рабочего.

Отдельные мелкобуржуазные установки в области охраны труда проявлялись еще в предложениях пойти на отказ от ряда норм правил охраны труда во имя облегчения и удешевления найма рабочей силы в мелких частных хозяйствах и тем самым во имя смягчения безработицы. Эти предложения концентрируются главным образом вокруг вопросов об условиях труда учеников у кустарей (требование бесплатного ученичества), об удешевлении женского труда, об установлении более льготных условий труда квартирников и т. п. Расширение найма за счет снижения или отказа от завоеванных Октябрем условий труда для нас неприемлемо. В условиях СССР в противоположность капиталистическим мы не пойдем на рассасывание нашей преимущественно аграрной безработицы за счет ухудшения условий труда работающих. Наши методы борьбы с безработицей совсем иные.

[1]) См. ст. инженера Уникеля и мой ответ в № 12 журнала «Охрана Труда» за 1928 г., стр. 13—15.

VII. Проблема безработицы и регулирования рынка труда.

Среди явлений, обуславливающих наши трудности, не последнее место занимает так называемое «аграрное перенаселение», заключающееся в разрыве между предложением рабочих рук в деревне и возможностью их поглощения в народном хозяйстве.

Аграрное перенаселение представляет собой явление, которое было бы ошибочно рассматривать в статике: порожденное чрезвычайной отсталостью сельского хозяйства и вытекающим отсюда обнищанием части крестьянских масс во времена помещичье-капиталистической России, аграрное перенаселение представляет собой одно из тяжелых наследий прошлого, которое не могло и не может быть изжито в короткий срок.

Разница между сравнительно низким уровнем доходности от ведения сельского хозяйства или кустарного промысла в деревне и заработком черного рабочего или малоквалифицированного рабочего в городе представляет собой притягательную силу для относительно (при данном уровне производительности труда и доходности) избыточных рук в деревне.

Чем больше эта разница в доходе, чем менее обеспечивает доход от ведения своего хозяйства или промысла, чем большую притягательную силу имеет город (особенно для молодежи), чем более доступно (по расстоянию, по средствам передвижения, наличию жилищ и т. д.) место нового заработка и чем более определен, длителен, широк спрос на рабочие руки,—тем эта тенденция к передвижению относительно избыточной рабочей силы проявляется более открыто. «Непрерывность течения сельского населения к городам предполагает, что в самой деревне постоянно имеется скрытое перенаселение, размеры которого становятся заметными, едва лишь открываются исключительно широкие отводные каналы», — говорил Маркс [1]).

Путь использования относительно избыточных рабочих рук в деревне лежит, конечно, прежде всего через под'ем производительности труда, а вместе с тем и доходности тех масс крестьянства, хозяйство которых сейчас отталкивает от себя рабочую силу, т.-е. бедняцких и середняцких. Устраняя экономическую основу тяги в город (одновременно выравнивая разницу в культурном уровне жизни города и деревни), мы тем самым уничтожаем корни, питающие аграрное перенаселение. Правда, на первый взгляд может

---

[1]) «Капитал», т. I, ГИЗ, 1923 г., стр. 635.

К слову сказать, аграрное перенаселение отнюдь нельзя измерять количеством жителей, входящих в группу бедняцких хозяйств. Из практики мы знаем, что значительная часть хозяйств, отпускающих рабочие руки в город, принадлежит к числу середняцких, отход является здесь некоторой вынужденной самозащитой от дальнейшего дележа хозяйства, кроме того, в многосемейных дворах он вызывается наличием для данного хозяйства относительно избыточных рук, ибо на данном уровне техники хозяйства и уровне его доходности заработок в городе более выгоден и для них. В малосемейных бедняцких хозяйствах, в которых мало работоспособных членов семьи, уход на заработки был бы равносилен разрушению хозяйства, из этого следует, что и таких бедняков нельзя считать избыточными в деревне.

Все это, а особенно наличие перенаселения в скрытой форме, размеры коего выявляются лишь при определенных благоприятных для отхода условиях, позволяет считать, что с исчисленной Госпланом по балансу труда сельского населения цифрой аграрного перенаселения—около 7 млн. дворов—можно считаться весьма и весьма условно. Точно так же мы относимся к указываемой т. Лариным цифре аграрного перенаселения, исчисленной специальной комиссией СНК, в 6 с лишком млн. дворов (или 26,5 млн. человек). Если мы ее и называем здесь, то понимать это следует лишь как примерную, но весьма и весьма неточную иллюстрацию об'ема того зла, которое мы должны преодолеть, если не в этой пятилетке, то хотя бы в дальнейшем.

(См. Ю. Ларин, «Социальная структура СССР и судьбы аграрного перенаселения», ГИЗ, 1928 г., стр. 37).

показаться, что увеличение производительности труда, достигаемое интенсификацией и машинизацией сельского хозяйства, будет освобождать лишние рабочие руки. Но это было бы верно лишь в том случае, если считать, что наше сельское хозяйство может развиваться только по капиталистическому пути. Но мы видим и знаем другой путь развития деревни — путь кооперирования и коллективизация крестьянских хозяйств и расширения государственных совхозов. Именно здесь и лежит генеральная линия изживания аграрного перенаселения. Наша аграрная политика всячески поощряет рост доходности в коллективных хозяйствах, которые могут расти и интенсивно и экстенсивно. Те рабочие руки, которые освобождаются здесь благодаря введению машин, могут быть с успехом использованы в другой части расширяющегося коллективного хозяйства, которое под контролем и при поддержке государства может и должно развивать целый ряд трудоемких отраслей хозяйства. Достигаемое на этом пути общее повышение доходности должно повлечь за собой сокращение рабочего времени, которое достигает сейчас в сельском хозяйстве весьма высоких цифр. Общий закон сокращения рабочего дня при повышении уровня жизни, который исторически проявил себя во всех отраслях труда, не может не сказаться и в сельском хозяйстве. Его действие должно повлиять на более равномерное распределение трудовой нагрузки в деревне и тем самым на вовлечение большего количества рабочих рук, ныне отпускаемых на побочные заработки в города.

Госпланом РСФСР еще в июле 1928 года намечалось доведение % коллективных хозяйств за 5-летие с 2,9 до 5,5. Насколько нам известно, соответствующие предположения сейчас значительно изменены в сторону повышения этой цифры до 12—15%.

Правда, и этот об'ем коллективизации не обеспечит еще решительного сдвига в текущее 5-летие в сторону изжития относительного аграрного перенаселения, но важно то, что существенные шаги в этом направлении уже твердо намечаются. Плоды эти мы пожнем и реально ощутим уже в следующем пятилетии.

Принимая меры по рассасыванию аграрного перенаселения, мы не должны, конечно, ограничиваться только коллективизацией крестьянских хозяйств. Все прочие мероприятия нашей экономической политики, направленные к повышению доходности бедняцких и середняцких масс, действуют в том же направлении: сюда относятся развитие кустарных промыслов, все мероприятия по поднятию урожайности, развитию технических культур и животноводства, переселение на новые земли с организацией там при поддержке государства жизнеспособного сельского хозяйства, развитие дорожного строительства и т. д.

Аграрное перенаселение частично и немало смягчается ростом наемного труда во всех отраслях народного хозяйства и особенно в индустрии, но надо прямо сказать, что даже наиболее благоприятные темпы развития промышленности не могут создать таких условий, чтобы на ближайший период именно этим можно было изжить аграрное перенаселение. С этой точки зрения нам представляются совершенно реакционными раздающиеся кое-где предложения о том, чтобы развитие индустрии, транспорта, строительства и др. отраслей хозяйства в их целом, во имя смягчения аграрного перенаселения и безработицы, было направлено по линии наиболее трудоемких вложений. Такие ноты звучат в целом ряде выступлений буржуазных экономистов, но они находят подчас сочувственный отклик и в нашей среде. Такая точка зрения означает, по существу, предложение об искусственной задержке внедрения в наше хозяйство наиболее современной техники: ведь чем выше уровень техники, тем менее трудоемки вложения. Но снижение возможного уровня техники равносильно снижению темпа индустриализации

страны, а тем самым означает уменьшение роста благосостояния трудящихся масс города и деревни. Это, конечно, не исключает того, что практически те трудоемкие вложения, которые мы вынуждены при наличных технических средствах производить, являются одним из методов изживания современной безработицы.

Равным образом неприемлемыми мы считаем предложения, раздающиеся со стороны некоторых товарищей, о необходимости во имя ликвидации безработицы расширения индустрии за счет тех фондов, которые мы сейчас тратим на ежегодный под'ем заработной платы.

Предлагающие это не учитывают, что безработица, основанная на аграрном перенаселении, отнюдь не будет изжита поглощением в промышленности лишних нескольких сот тысяч человек, а между тем, задерживая рост благосостояния рабочих кадров и уничтожая стимул к повышению производительности труда, такие мероприятия могли бы лишь сорвать успешность осуществления наших планов индустриализации.

В противовес нашей генеральной линии изживания безработицы и аграрного перенаселения буржуазные экономисты выдвигают свою программу рассасывания безработицы в деревне путем усиления найма в наиболее «крепких» хозяйствах. Они ставят общую ставку на решительное развитие производительных сил в сельском хозяйстве «вообще», прямо говоря о необходимости для этого жертвовать нашими социально-политическими намерениями поддержки бедняка и союза с середняком. При этом любопытно, что рост кулацкого хозяйства оправдывается ими как... форма помощи бедноте: «Фаворизируя бедноту и сдерживая рост хозяйственно мощных слоев деревни,—печалится Кондратьев,—мы не только задерживаем развитие сельского хозяйства, не только подрываем возможность индустриализации страны, но и лишаемся возможности оказывать реальную помощь самой бедноте». В целом ряде других формулировок экономисты кондратьевской школы и вместе с ними и меньшевики убеждают нас прямо, что развитие верхних слоев крестьянства означает и соответствующее расширение найма и—стало быть—уменьшение безработицы. Ясно, однако, что для нас развитие капитализма в деревне означает: 1) безусловное усиление эксплоатации бедноты и батрачества; 2) не повышая реальной доходности беднейшего и среднего крестьянства, усиливая пролетаризацию и обнищание маломощных слоев деревни, рост кулачества означал бы усиление аграрного перенаселения. Выталкивая из хозяйств новые сотни тысяч рабочих рук, такая политика привела бы в лучшем случае к занятию в качестве батраков лишь десятков тысяч, остальные вынужденно оседали бы на рынке труда, увеличивая городскую безработицу.

Оседание деревенской рабочей силы, приходящей из деревни в город, Госплан исчислил в 1924—26 г. величиной порядка около 700 тысяч человек в год [1]). Наша городская безработица представляет собой картину, совершенно отличную от безработицы в капиталистических странах, складывающейся из индустриальных рабочих: из 1,5 млн. безработных, зарегистрированных на биржах труда СССР (а их каталоги засорены самым безобразным образом лицами, не нуждающимися в работе), мы имеем лишь около 200 тысяч квалифицированных и полуквалифицированных рабочих среди безработных. Это значит, что у нас в основном безработица носит не индустриальный, а аграрный характер. В соответствии с этим и должны намечаться пути ее изживания. При таких условиях основная идея регулирования городского рынка труда заключается в том, что мы должны осуществлять,

[1]) См. «Контр. цифры нар. хоз. СССР на 1927/28 г.», изд. Госплана, стр. 215

если можно так выразиться, политику «государственного протекционизма» в отношении преимущественного предоставления работы действительному пролетарию. Иначе и быть не может: человек, живущий исключительно за счет заработной платы, за счет применения своей рабочей силы, не имеющий своего сельского хозяйства, больше нуждается в работе и представляет вместе с тем наиболее ценную для промышленности рабочую силу. Исходя из этого принципа, мы сознательно всемерно ограничиваем приток и регистрацию на бирже труда и оседание на городском рынке труда тех социальных элементов, которые ранее существовали и в силу своих хозяйственно-экономических связей могут и дальше существовать не за счет труда по найму.

Выделение на бирже труда так называемых действительно безработных, в отличие от ищущих труда, имело смысл как предоставление первым определенных преимущественных прав в посылке на работу через биржу труда.

На первый взгляд такое ограничение может показаться излишним, ибо обычно предусмотрено по колдоговорам обязательство нанимателя принимать на работу лишь через биржи труда, которые посылают на работу преимущественно членов союзов. Эта гарантия оказывается, однако, недостаточной: на работу лишь через биржи труда производится посылка от 20% до 30% нечленов союза (демобилизованные, одинокие женщины с детьми и пр.) [1]).

Таким образом, именно регистрация и связанная с этим посылка биржей труда, а не только правила приема на работу, является ключем к регулированию рынка труда и оказанию преимуществ рабочему. Но именно эта принципиальная позиция и подвергается нападению. Обстрел здесь ведется со стороны одного из наших попутчиков.

З. Мохов выступил в печати с рядом статей, направленных против нашей политики ограничения регистрации на биржах труда в отношении лиц, ищущих труда [2]). Видя большую засоренность бирж труда лицами, отнюдь не нуждающимися в работе, однако, держащимися за «звание безработного», автор с энергией, достаточной лучшего применения, твердит о необходимости «решительного отказа от всяких искусственных рогаток при регистрации» на бирже труда. Он убеждает читателей на слово поверить ему, что неизбежный при отмене ограничений усиленный приток новых лиц, ищущих труда или звания безработного, почему-то должен будет быстро схлынуть, усилив ныне слабый отсев на биржах труда.

Вся аргументация Мохова основана лишь на одном: он констатирует слабый отсев безработных на биржах труда за последние 1½ года и приписывает его нашей политике. Ему словно и невдомек, что слабый отсев, «не мудрствуя лукаво», легко об'яснить почти полным прекращением в Москве и Ленинграде той чистки каталогов бирж труда, которая обычно проделывались при неявках безработных на отметки. Такая «техническая мелочь» говорит об исключительной негодности, преувеличенности и засоренности официальных цифр безработицы этих городов. Но эта же «деталь» разбивает все построения Мохова.

Видя действительно слабый эффект тех ограничений в праве на регистрацию на бирже труда, который имеет место сейчас, Мохов не только не задумывается над изысканием более действительных мер освобождения бирж труда от засоряющих их элементов. Наоборот, всемерно ратует за полное освобождение бирж труда от «бессмысленной заградительной работы»,

[1]) См. Я. Гиндин, «Регул. рынка труда и борьба с безработицей», изд. II, вып. 1928 г., стр. 70.

[2]) См. его статьи в «Труде» 20/XI 1928 г., № 269, в «Торг.-Пром. Газ.» от 14 июня 1928 г., № 136, «Вопр. Тр.» № 2 за 1929 г. (с последней статьей я знакомился в рукописи).

призывая тем самым превратить их «в хороший барометр нашего рабочего рынка».

Никакие баррикады словесных нагромождений и аргументов не могут скрыть того, что под шапкой-невидимкой своих предложений автор протаскивает отнюдь не простое неудачное деловое предложение. Речь идет об открытии дверей биржи, а тем самым и ворот фабрики, для текущих сюда социально чуждых элементов, об отмене государственного протекционизма в подыскивании работы потерявшему ее рабочему. Это—тенденция, чуждая рабочему классу и вредная. Не даром и меньшевики тоже в согласии с Моховым ругательски ругают нас за то, что, «скованные официальной доктриной, руководители коммунистической политики... ищут выхода из тупика на путях искусственного стеснения притока рабочих из деревни в города», не даром наш закон от 4 марта 1927 г., лежащий в основе регулирования рынка труда, они считают «реакционной утопией» [1]). Вскормленные на хлебах мелкой буржуазии, они с пеной у рта и откровенно защищают именно ее интересы.

Мохов делает то же самое, но значительно более робко. В этом вся разница.

VIII. Воспроизводство рабочей силы.

В вопросах воспроизводства рабочей силы борется за свое право на существование одна гнилая теоретическая установка. К автору и творцу ее—тов. Гастеву—мы питаем заслуженное им уважение, как к человеку, который практически не мало пользы принес в деле разработки простых, сравнительно дешевых, быстрых методов технической подготовки рабсилы, необходимой нашему социалистическому строительству. Но все это не может лишить нас права и обязанности критиковать ту вредную и социально опасную «философию» воспроизводства рабочей силы, которую он проводит. Правда, тов. Гастев призывает на VIII с'езде комсомола ставить вопрос в плоскости: «что ты делаешь, а не как ты рассуждаешь». Пожалуй, эта мерка лучше всего подходит для отпущения ему его собственных грехов по части рассуждений. Но все же мы ведь не так пренебрежительно относимся к идеологиям, чтобы отрицать их значение.

Тов. Гастев дает следующую установку: «Нужно добиваться того, чтобы рабочий был придатком машины» [2]). По его мнению, «ключ к новой трудовой культуре, ключ к серьезной культурной революции» заключается в элементарных отрезках производственного поведения, к которым он относит маневры и хождение около станка, сосредоточенность внимания, распределение внимания, движения рук, положения тела. «Такая трудовая культура, доведенная до силы инстинкта, будет решающей в нашем хозяйственном, а вместе с тем и в социалистическом развитии» [3]).

В соответствии с этим, воспевая в стихах и в прозе только «поэзию рабочего удара», тов. Гастев понимает этот удар в самом буквальном смысле слова, трудовая и производственная тренировка для него—все, прочее—в том числе социалистическое воспитание и образование молодежи, марксистско-ленинская грамотность, общекультурное развитие рабочего—для т. Гастева—явный балласт в подготовке рабсилы. Логически рассуждая, тов. Гастев идет дальше—ему дела нет до социального лица формируемого рабочего. «Придаток к машине» должен быть покрепче: не годится для этого пролетариат, тем хуже для него. И с легким сердцем тов. Гастев отодвигает городскую рабочую силу от ряда профессий, считая, что «серьезным надо признать вопрос

[1]) См. статью Шварца «Страусова политика», «Соц. Вестник» № 13 за 1928 г.
[2]) «Бюллетень VIII с'езда ВЛКСМ», 14, стр. 16.
[3]) «Установка рабочей силы» № 1—2, 1928 г., стр. 17.

комплектования рабочей силы при обучении из крестьянского населения, как более крепкого, в таких профессиях, как кузнечное дело, прокатное, вообще так называемые горячие цеха, строительное дело» [1]). Заодно уже выставляется тезис о вовлечении в производство призывных возрастов вместо подростков, отказ от брони подростков и, наконец, во имя расширения подготовки по методам и формам ЦИТ выставляется в противовес ясной директиве XV с'езда ВКП(б) положение о сужении подготовки рабсилы по формам фаб.-зав. ученичества (ФЗУ) [2]).

Гастевская теоретическая установка тут же переводится на практический язык: промышленность, справедливо критикуя ряд ошибок в работе школ ФЗУ, сокращает число занятых подростков (на 1 января 1927 г.—139.000 подростков, на 1 января 1928 г.—122.000 при росте общего числа рабочих с 2,48 млн. чел. до 2,65 млн.). Ведется общее наступление на ФЗУ, которому пытаются отвести роль школы только для высококвалифицированных и квалифицированных рабочих; массовая подготовка рабочей силы намечается к осуществлению через цеховое обучение.

В чем же неприемлемость и гнилость гастевской принципиальной установки. Конечно,—не в проповеди трудовой дисциплины, тренировки и культуры. Они нам необходимы, как воздух для дыхания, в этом тов. Гастеву должна быть обеспечена всемерная поддержка и помощь партии и союзов.

Ошибка тов. Гастева начинается с другой «изюминки»—с попытки превратить живого рабочего, строителя социалистического хозяйства, в немой «придаток машины», она начинается с отождествления рабочего с механической рабочей силой, с пренебрежения к культурному развитию рабочего, с проповеди замены пролетария более здоровой крестьянской рабочей силой, более отвечающей гастевским идеалам придатка машины.

Неприемлемость этих идей особенно четко проявляется в свете перспективы потребностей промышленности в рабочей силе. Внедрение высокой техники, как показывает опыт наиболее совершенных предприятий, ведет к двоякого рода изменениям спроса на рабочую силу. С одной стороны, значительная часть нынешних сложных профессий распадается на более мелкие, простые и массовые операции, требующие для своего усвоения очень небольшой подготовки. Эти простые операции в свою очередь будут постепенно заменяться новыми механизмами, замещающими живых рабочих; последние вследствие этого вынуждены будут менять свою профессию. Определенная высота общего культурного уровня рабочего должна являться необходимой предпосылкой для успешного и быстрого усвоения навыков новой профессии. Общая культурность массовой рабочей силы является, таким образом, не только не роскошью, не только политической необходимостью для подготовки рабочего—хозяина государства, но и чисто экономической необходимостью; жертвовать ею во имя дешевизны подготовки рабочей силы было бы весьма недальновидно.

Одновременно с расщеплением трудового процесса новая техника вызывает потребность в относительном увеличении числа высококвалифицированных рабочих, наблюдающих за действием и исправностью усложняющихся механизмов. В этой части промышленность прямо пред'являет спрос на высоко развитого и технически весьма квалифицированного рабочего.

Таким образом, социалистическое хозяйство (о том же говорит и программа Коминтерна) повелительно диктует, в противовес тов. Гастеву, не упрощенное производство людей-автоматов, придатков машины, а «социалистическую рационализацию труда молодежи путем сочетания материаль-

[1]) Из тезисов Гастева «Реконструкция производства», «Подготовка рабочей силы и политехнизм».
[2]) См. тезисы Гастева в «Устан. раб. силы» № 11—12 за 1928 г.

ного производства с общим и политическим образованием». Наша партийная программа требует также не только для избранных, а для всех детей обоего пола до 17 лет «проведения бесплатного и обязательного общего и политехнического образования, знакомящего в теории и на практике со всеми главными отраслями производства». Взгляды Маркса, Энгельса, Ленина на вопросы социалистической подготовки рабочей силы, высказанные ими неоднократно, находятся также в резком противоречии с теоретической установкой Гастева [1]).

Все это ясно говорит о практических выводах, которые напрашиваются из неприемлемости гастевской философии: 1) ФЗУ есть единственная форма, которая сочетает изучение производственных навыков с теоретическим образованием. За ним должна быть обеспечена будущность, как за основной формой подготовки всех видов обученной рабочей силы. Развитие, а не сужение сети ФЗУ должно найти свое отражение в плане развития народного хозяйства. Недостатки нынешних школ ФЗУ необходимо всемерно исправлять, всячески охраняя самые школы ФЗУ, как подлинное завоевание Октября. 2) Другие формы обучения: базы ЦИТ, бригадное и индивидуальное ученичество—должны быть сохранены на ближайший период времени, поскольку школы ФЗУ не могут еще обеспечить всех потребностей народного хозяйства в рабочей силе. Однако, им надо отводить роль второстепенных и постепенно отмирающих форм подготовки рабочей силы.

IX. Выводы.

Рассмотрение отдельных, разрозненных предложений в области регулирования труда убедительно доказывает наличие целой системы буржуазных взглядов, противопоставляемых решениям нашей партии в этой области. Отдельные, на первый взгляд разрозненные, «лоскутные», мозаические кусочки составляют законченный, выпуклый профиль. Если снять с него фиговые листочки, придется признать, что на глазах у нас легально выросла и оформилась целая необуржуазная программа по рабочему вопросу применительно к условиям СССР, программа, ставящая своей целью срыв систематического улучшения положения рабочего класса.

Открытым идеологам буржуазии, как мы показали, нередко удается взять на буксир некоторые элементы из наших аппаратов и организаций, которые часто, не договаривая до конца, вносят целый ряд «деловых» предложений, осуществление коих об'ективно означало бы, даже против суб'ективной воли их авторов, торможение нашего социалистического строительства. Наличие же бюрократических извращений в нашем советском аппарате удесятеряет эту опасность.

Призвать себя к бдительности, усилить разоблачение вредных идеологий и отпор им, трижды проверять самих себя и наших помощников, помнить, что «сознательный пролетариат должен уметь критически относиться к становящейся на его сторону интеллигенции, должен научиться беспощадной борьбе с оппортунизмом в политике» (Ленин, т. VII, ч. 2. стр. 94),—таков вывод из всего сказанного.

---

[1]) См. Ленин, т. II, стр. 301, изд. 1926 г., также брошюру «Маркс и Энгельс о детском труде», изд. ЦК РКСМ, 1923 г.

Я. Бумбер.

Межселенные энерго-технические центры.

Потребности страны в продовольствии и сырье из года в год быстро возрастают. С другой стороны, быстрый размах индустриализации и связанный с этим импорт требуют такого же быстрого роста экспорта. Однако, вследствие отставания развития сельского хозяйства от общего темпа индустриализации мы переживаем в последние годы по линии удовлетворения этих потребностей ряд серьезнейших затруднений. Совершенно очевидно, что только исключительно смелая и напряженная реконструкция сельского хозяйства может консолидировать работу по индустриализации страны и предотвратить рецидивы продовольственных и сырьевых затруднений на еще более широкой базе.

Меры, направленные к усилению под'ема бедняцкого и середняцкого индивидуального хозяйства,—один путь к этому, но как бы на них ни налегать, они являются по неизбежности паллиативными. Они не могут подвести под нашу социалистическую индустриализацию той мощной сырьевой и продовольственной базы, в которой она нуждается. Потребности города в сырье и продовольствии из года в год растут примерно тем же темпом как сама индустрия, одновременно быстро растет деревенское потребление, а мелкое и мельчайшее крестьянское хозяйство не в состоянии усвоить этого темпа, даже если поставить его в идеальные, так сказать, «тепличные» условия.

Необходимость самого форсированного строительства социалистического сектора сельского хозяйства, способного образовать мощную сырьевую и продовольственную базу индустриализации страны, поэтому совершенно очевидна. Но как раз реальность установки на ближайший солидный народнохозяйственный вес социалистического сектора, в частности колхозов, берется под сомнение. Насаждайте, мол, в деревне колхозы и колхозики, они соответствуют нашим социальным установкам, как модус хозяйственной помощи бедноте, как социально-экономическое мероприятие против процесса дифференциации деревни и т. д., но не говорите о их народнохозяйственном значении в качестве продовольственной и сырьевой базы индустриализации. Таково мнение некоторых товарищей, не говоря о лицах, враждебных самой идее социалистического переустройства сельского хозяйства.

Да, до сего времени колхозы, действительно, не могли похвастаться ни высокой эффективностью своего производства, ни массовостью его, т.-е. ни тем, ни другим из основных условий народнохозяйственного веса.

Развернутая в 1928 г. на основе постановлений XV с'езда партии работа придала впервые колхозному строительству характер массовости. Но эта, усвоенная в 1928 г. в колхозном строительстве массовость все же не является массовостью того порядка, который нам нужен, исходя из властных требований плана индустриализации страны, из директивы XV с'езда партии: догнать и перегнать в развитии производительных сил передовые капиталистические страны.

Равным же образом обстоит с эффективностью производства. Средняя колхозная урожайность выше, чем у кулака. В этом несомненное и полное оправдание того типа колхозного строительства, который пока-что преобладает. Но перед лицом колоссальных задач, стоящих ребром в разрезе пятилетия, этого больше чем недостаточно. Ведь критерий—кулацкое хозяйство с точки зрения его производственного уровня само стоит на весьма низком уровне. Кулацкая эксплоатация в отличие от западного и американского капиталистического земледелия построена в значительной мере на ростовщичестве и торговой прибыли.

Итак и с эффективностью колхозного производства и с массовостью его, т.-е. с основными факторами его народнохозяйственного веса, пока-что обстоит недостаточно благополучно.

Спрашивается, на чем же тогда основаны наши плановые установки и уверенность в их реальности? Нет ли в них диспропорции между элементами желаемого и возможного? Лучшим ответом на эти вопросы является ознакомление с одной замечательной работой, недостаточно еще известной в широкой партийной и рабочей среде.

Она освещает совершенно особым светом ряд установок пятилетнего плана и лишний раз доказывает, как верна все же установка на форсированное строительство социалистического сектора сельского хозяйства, несмотря на заботливые окрики «осторожных» людей и несмотря на то, что из прошлого колхозного и в значительной части и совхозного строительства действительно нельзя почерпнуть прямых доказательств громадного народнохозяйственного веса их в недалеком будущем.

Работа, о которой идет речь,—опыт 1-й машино-тракторной станции на Украине, изложенный ее директором тов. Маркевичем на ряде заседаний и в на-днях появившейся посвященной этому опыту книге[1]). Она еще раз ярко продемонстрировала, как мало известны нам свои потенциальные возможности и как мало у нас еще своей, в настоящем смысле социалистической, пропитанной марксистско-ленинским духом опытной работы по реконструкции сельского хозяйства. Он же—этот опыт—продемонстрировал пока-что на одном примере, как много совершенно новых, неожиданных перспектив и возможностей открывается, когда пытливые, преданные делу и свободные от неонароднических идей и земских традиций люди берутся за дело реконструкции сельского хозяйства.

* * *

Одной из основных побудительных причин, стимулировавших опыт строителей 1-й машино-тракторной станции, является тот прискорбный факт, что реконструкцию нашего сельского хозяйства ограничивает не только недостаток технических средств, в частности, тракторов, но и неумение их наиболее эффективно использовать.

Рационализация производства включает не только введение лучшей, усовершенствованной техники, но в равной мере и ее рациональное использование. При отсутствии второго — рациональной организации использования — технические плюсы зачастую перекрываются частично или полностью организационными минусами, больше того, не исключено и отрицательное сальдо, т.-е. убыточность.

Тяжелое несчастье коллективного сельского хозяйства состоит как раз в том, что оно, знаменуя по замыслу переход от ненаучного прадедовского, кустарного, в значительной части натурального производства к научному, специализированному, товарному, в огромном большинстве своем

[1]) Агроном А. М. Маркевич, «Межселенные машино-тракторные станции», изд. «Плановое Хозяйство», Москва, 1929 г.

фактически на деле продолжает оставаться по сей день сугубо кустарным. Правда, наши технические возможности ограничены. Но ведь тем более нелепо, что эти ограниченные материально-технические средства используются низкоэффективно.

Не является случайностью, что такое положение прежде всего и наиболее остро выявилось и обратило на себя внимание в тракторном хозяйстве. Трактор—наиболее нужный нам для под'ема зернового хозяйства и обобществления полеводства технический рычаг. На трактор как двигатель обобществления сельского хозяйства была сделана основная ставка. Внедрение его в сельское хозяйство связывалось с особыми надеждами. Осечка в этом деле поэтому неизбежно дала себя чувствовать наиболее остро. К тому же тракторoснабжение базируется пока-что преимущественно на ввозе, т.-е. требует величайшего народнохозяйственного напряжения.

Что же привело к кризису тракторного хозяйства?

При поверхностном подходе, непонимании тесной связи, существующей между техникой и формами организации,—разочарование зачастую относили за счет трактора, пошли разговоры о проверенных опытом преимуществах животной тяговой силы перед механической и т. д. и т. д. Но от более глубокого и вдумчивого взгляда не могло, конечно, ускользнуть то обстоятельство, что передовой технике отвечает не всякая полукустарная организационная форма, что именно тут-то следует искать причины кризиса тракторного хозяйства. Осознание этого и направляло к поискам таких организационных форм, которые дали бы не помножение передовой рациональной техники на иррациональную, отрицательную организацию, а, наоборот, помножение ее на рациональную организацию.

Первым результатом этих поисков явились широко теперь известные тракторные колонны, работа тракторов группами, отрядами. Уже эта форма организации ознаменовала некоторый шаг вперед. Но колонна являлась все же в сущности переходной формой, проверкой самых основ идеи создания компактных машино-тракторных кулаков, кочевым, чрезвычайно несовершенным прообразом оседлых машино-тракторных станций, составляющих постоянную органическую составную часть определенного массива хозяйств и включающих и производственное руководство ими. Величайшее значение опыта строителей 1-й машино-тракторной станции состоит именно в том, что они, продолжая опыт поисков рациональной организации механизированного полеводства, начатый в самом зачаточном виде в форме тракторных колонн, подняли его на совершенно новый качественный уровень.

Первая машино-тракторная станция организована Украинским об'единением совхозов (УСХО) в совхозе им. Шевченко в Одесском округе. Вследствие отсутствия достаточного технического оборудования, в частности тракторов, формирование станции еще не закончено, точнее говоря не доведено до оптимальных размеров. Но и теперь уже она обслуживает и об'единяет 26 сел с общей площадью в 24.000 га земли, имеет больше 100 тракторов, свою прекрасно оборудованную ремонтную мастерскую, кадр агротехнического персонала и провела сплошное обобществление полеводства обслуживаемых сел.

Чрезвычайно яркий опыт двухгодичной работы станции в совхозе им Шевченко, дополненный опытом 46 других совхозов УСХО, и позволяет тов. Маркевичу дать новую модель организации коллективного крупного сельского хозяйства, обоснованную четкими подробными расчетами и соответствующим технико-экономическим анализом. Значение этой модели, выработанной «в поле действительного сельскохозяйственного труда» (из предисловия тов. Кржижановского), трудно переоценить. Она действительно указывает способ извлечения максимальной реконструктивной зарядки из наших ограниченных материальных возможностей и безусловно должна лечь в основу наших дальнейших плановых наметок по реконструкции с. х.

Модель тов. Маркевича основана на принципе технической концентрации средств с.-х. производства по типу фабрично-заводской концентрации с единым энергетическим центром. Принцип оптимума земельной площади тут в значительной части перекрывается, обусловливается принципом оптимума машинного комплекса, организации ремонта, управления, инструктажа и снабжения.

Если по старой традиционной практике тракторизации тракторы давались по одному, по два—три на хозяйство, если тракторные колонны частично сняли эту распыленность, собрав в отряды по 10—60 тракторов, то модель тов. Маркевича определяет оптимум их концентрации в размере 250—350 тракторов.

Такому энерго-техническому комплекту, конечно, должен соответствовать совершенно другой оптимум земельной площади. По модели тов. Маркевича он действительно определяется в 40—50 тыс. га. Так как такую гигантскую компактную массу можно создать лишь путем об'единения вокруг станции многих сел и деревень, то станция—энерго-технический центр—и может существовать только, как межселенный центр.

Такой хозяйственный гигант, конечно, не может существовать в виде единой интегральной усадьбы. В этом случае внутрихозяйственный транспорт как и расходы, связанные с построением единой интегральной усадьбы, свели бы на-нет преимущества крупного обобществленного полеводства, больше того их бы нехватило на покрытие непроизводительных накладных расходов. Но и построение рациональной диференцированной усадьбы на первых порах невозможно, ибо это требует громадных вложений, недоступных в первые годы. Проект тов. Маркевича поэтому предусматривает некоторый неизбежный временный компромисс: оставление на первых порах жилищ, скотных дворов и других хозяйственных построек на старом месте и в старом виде. Задача их переделки этим не снимается, а лишь отсрочивается. Она может и должна быть разрешена в некоторый более продолжительный срок по мере накопления на основе значительно более рентабельного обобществленного полеводства новых элементов обобществления. На первых порах все средства должны итти на создание самих межселенных энерго-технических центров, как основной технической базы группы коллективов.

Машино-тракторная станция берет на себя проведение всех полевых работ, начиная от вспашки и кончая молотьбой. Все эти работы механизируются и проводятся самими крестьянами под руководством агротехнического персонала станции. В целях создания сплошного земельного массива все межи, отделяющие индивидуальные участки отдельных дворов, сносятся, земельная площадь обезличивается.

Как же обстоит дело с вложениями, потребными на такого типа строительство? И какова эффективность производства в массиве, об'единяемом станцией в одно сложное хозяйственное целое? Это коренные вопросы. Ответ на них является решающим для оценки практического значения этого грандиозного начинания.

Опыт первой станции, как и подробные, тщательные подсчеты тов. Маркевича, показывает, что именно в этом отношении обстоит чрезвычайно благополучно. Применительно к районам парового зернового направления создание машино-тракторных станций вышеуказанного типа требует лишь 30 рублей капитальных вложений и 9 р. 30 коп. операционных расходов (в том числе амортизация) на 1 га. Урожайность же полеводства обслуживаемых ими сел поднимается до 40—45% выше средней крестьянской.

Сопоставляя наши теперешние вложения в колхозное строительство по линии одного лишь госбюджета и кредита с их эффектом, приходится констатировать, что размер вложений в станцию при указанной средней урожайности является с технико-производственной стороны чрезвычайно эффективным.

Если взять все вложения двух последних лет в колхозное строительство по линии лишь госбюджета и кредита и сопоставить их с приростом колхозных пос. площадей, то оказывается, что на каждый новый гектар посевных площадей приходится около 100 рублей новых вложений. Эффективность производства в обычных старых колхозах в среднем на 25—30% выше средней крестьянской, т.-е. ниже, чем в селах об'единяемых машино-тракторной станцией. Правда, в колхозах часть средств идет на обобществление животноводства. Верно, но мы ведь не считали той части вложений, которая производится самим крестьянством. А кроме того общеизвестно, что прирост последних двух лет следует отнести преимущественно за счет роста простейших форм, т.-е. обобществления одного полеводства.

В свете этих данных выявляется вся чудовищная низкоэффективность обычных вложений в колхозы. Строительство машино-тракторных станций обходится в 2—3 раза дешевле, чем колхозное строительство старого типа. Если даже учесть вложения в животноводство (как уже сказано, они в последние годы чрезвычайно незначительны), и то по самым осторожным расчетам остается внушительная разница.

Эти цифры должны иметь величайшее практическое приложение. Они указывают на чрезвычайно огромное государственное значение вопроса, поднятого тов. Маркевичем. Пятилетний план предусматривает вложение в колхозное строительство около миллиарда рублей государственных средств (по линии госбюджета и долгоср. кредита). Исходя из опыта прошлого, нашей первейшей заботой должно стать чрезвычайно внимательное взвешивание тех форм, в которых эти крупные средства расходуются. И тут, как показывают вышеприведенные расчеты, двух мнений быть не может. В своей основной массе они должны быть направлены на строительство наиболее эффективного типа — на образование межселенных энерго-технических центров. Помимо всех указанных доводов за это говорит и то обстоятельство, что только в таком случае эти новые крупные государственные вложения будут гарантированы от распыления и утечки, образуют по мере погашения неделимые фонды коллективизации.

Опыт первой машино-тракторной станции развертывался на юге Украины. Расчеты тов. Маркевича составлены для хозяйства парового зернового направления применительно к условиям УССР. Так как проблема развития зернового хозяйства стоит в настоящее время особенно остро, то уже в таком конкретном приложении этот опыт имеет непереоценимое значение.

Но мы считаем особенно необходимым подчеркнуть, что модель тов. Маркевича имеет величайшее значение как прообраз построения и других стандартов крупного коллективного сельского хозяйства. Конкретные расчеты будут иные, но принципы построения ее могут и должны лечь в основу и других районных моделей. Поэтому и следует говорить о межселенном энерго-техническом центре, как понятии перекрывающем более конкретную районную форму приложения его. В ряде районов набор прицепных орудий к тракторному массиву будет иной, в других местах и двигатель внутреннего сгорания отойдет на второй план, уступая первое место электродвигателю. Но организационной сути и основных установок это не меняет.

Во многих районах чрезвычайно велико потенциальное значение индустрии первичной переработки. Говорить приходится именно о потенциальном значении ее, как технического стержня обобществления, ибо наличные индустриальные установки этого рода в огромном своем большинстве являются заведениями типа «дяди Макара». Они своим жалким существованием скорее дискредитируют, чем популяризируют идею индустриализации сельского хозяйства через установки первичной переработки. Чтобы это дело поставить по-настоящему, недостаточно выстроить отдельные новые заводы. И тут необходимы свои районные типы межселенных энерго-технических центров,

конкретнее говорят, типы межселенных комбинатов предприятий первичной переработки, охватывающих целый комплекс родственных, взаимно связанных процессов первичной переработки, построенных по принципу группировки вокруг одного энерго-центра. Тогда окажется рентабельным содержание своей ремонтной мастерской, своего автогрузового транспорта, своего высококвалифицированного инструктажа и т. д., словом, будет система машин, высокоэффективная концентрация техники по типу фабрично-заводской. В ряде районов наиболее рентабельным типом межселенного энерго-технического центра безусловно окажется смешанный, т.-е. построенный на сочетании электродвигателя и двигателя внутреннего сгорания и т. д.

Опыт строителей первой машино-тракторной станции—событие величайшего народнохозяйственного значения. Если еще недавно приходилось констатировать, что у нас отсутствует не только крупное в настоящем смысле слова коллективное сельское хозяйство, но и рабочие модели его построения,—то теперь положение стало иным. Первая модель, притом чрезвычайно удачная, дана.

Брешь пробита. Строители социалистического сельского хозяйства встретят эту работу с величайшим восторгом. Конечно, не потому, что в ней все представляет верх совершенства,—нельзя забывать, что это фактически первая солидная работа в этом направлении,—а прежде всего потому, что тронулся лед инертности, творческой скудости и чаяновских оптимумов, что вся дальнейшая работа этим опытом поднята на совершенно новый уровень.

Процесс практической проверки, конечно, внесет еще не одну поправку в расчеты тов. Маркевича. Больше того, мы считаем, что кое-какая доделка модели, данной тов. Маркевичем, необходима и на данной стадии. И именно величайшее практическое значение и ценность ее обязывают к такой тщательной проверке и доделке.

В частности мы считаем необходимым поднять вопрос о социально-экономическом профиле межселенных энерго-технических центров. Тов. Маркевич разбирает три модуса социально-экономического существования межселенного энерго-технического центра: 1) в виде самоуправлющейся кооперативной производственной единицы, принадлежащей непосредственно группе сел, обслуживаемых данным межселенным центром, 2) в виде предприятия, принадлежащего единому кооперативному центру, осуществляющему руководство работою его и привлекающему обслуживаемые села к участию в управлении и покрытии расходов по его организации, и 3) в виде предприятия, принадлежащего смешанному акционерному обществу и им же руководимому, при чем пайщиками его являются и кооперация и государство.

Первый вариант, конечно, отпадает. Такой модус существования машино-тракторных станций мыслим, но совершенно нереален. Правда, в дискуссии о машино-тракторных станциях, развернувшейся в украинской экономической литературе, такие голоса раздались [1]). Но им трудно придать сколько-нибудь серьезное значение. Совершенно очевидно, что такой сложный и тонкий инструмент реконструкции с. х., как межселенные энерго-технические центры, должен функционировать с той же четкостью и бесперебойностью, как крупная фабрика, его снабжение техническим оборудованием, топливом и кадрами должно стоять на таком же уровне. А если так, то совершенно очевидно, что его следует строить и руководить именно в централизованном порядке.

Централизация является тут одним из основных залогов успеха. Дело совершенно новое и весьма сложное. Перебои будут и так. Дискредитировать это величайшего значения начинание в неумелых руках не составляет никакого труда. При партизанском подходе к строительству более чем вероятны перебои (неувязки в снабжении техникой, кадрами и т. д.) и при более или менее умелом руководстве. Поэтому совершенно прав т. Маркевич, когда говорит, что, «если бесчисленное количество организаций кооперативных, государственных, центральных и местных начнет всяк по своим силам, разумению, средствам и возможностям строить станции, то все это дело пойдет по верному пути своей гибели» (274). Совершенно правильно, модус социально-экономической формы станции необходимо увязать с ее технико-экономическим типом.

[1]) См. «Хозяйство Украины», 1928 г., № 11.

Фактически сколько-нибудь серьезного обсуждения заслуживают лишь две последних формы: смешанная акционерная и кооперативная. Тов. Маркевич склонен отдать предпочтение первой из них, т.-е. смешанной акционерной. Вот этот-то выбор нам кажется неправильным и чреватым последующими крупными организационными неувязками, а потому требующим внимательного взвешивания и обсуждения. Точно так же необходимо уточнение места межселенных центров в случае их включения в кооперативную систему.

Межселенные энерго-технические центры, в частности машино-тракторные станции должны стать могучими рычагами коллективизации. Мощная техническая реконструкция сельского хозяйства, носителем которой они являются, должна быть теснейшим образом увязана с социальной реконструкцией его в форме коллективизации. На этом положении сходятся как будто все, кто вообще не отрицает значения станций. Об этом говорит первый опыт их работы, опыт первой машино-тракторной станции.

Почти все об'единяемые ею села перешли на устав товариществ по совместной обработке земли; не перешедшие подготовляются к переходу, вся организация труда и производства в системе хозяйства, образуемой станцией совместно с обслуживаемыми селами, построена так, что переход к коллективизации полеводства является совершенно предрешенным.

Работа тракторных колонн, предтечей тракторных станций, как известно, тоже была увязана с задачами коллективизации. Но это была коллективизация со стороны, а для машино-тракторных станций принцип коллективности является органической основой того производственного целого, в который они входят. Разница здесь большая. В частности ее можно проиллюстрировать на следующем примере. Имея дело с временным договором на тракторную обработку полей, крестьянское хозяйство сохраняет почти прежний состав животной тяговой силы. Создается то нелепое положение, когда преимущества тракторизации в значительной части не реализуются, ибо перекрываются сопутствующим отрицательным моментом — наличием рабочего скота. Совершенно другое с постоянным межселенным энерго-техническим центром. Тут налицо все предпосылки не только для мощной механизации и коллективизации полеводства, но и устойчивости ее и связанных с этим выводов и последствий, ибо станция и весь комплекс об'единяемых хозяйств, взятые в целом, представляют одну устойчивую систему. Межселенный энерго-технический центр по своему предназначению и социально-экономической природе является, следовательно, колхозным центром.

Тут нельзя не вспомнить, что идея создания межколхозных центров, правда, не в таком зрелом виде и ориентированная на значительно более скромный размах и эффективность производства, выдвигалась колхозниками неоднократно. Имела место и кое-какая практика в этом направлении. Ряд колхозов напряженно искал выхода из создавшегося положения крайней распыленности, пытаясь подойти к решению задачи через кустование. Партизанское кустование снизу, однако, не дало сколько-нибудь заметных результатов. Оно натолкнулось на ряд исключительно трудных препятствий, прежде всего на невозможность создания компактного кулака территориально примыкающих друг к другу колхозов с единой земельной площадью.

Опыт первой машино-тракторной станции, как и обстоятельные расчеты тов. Маркевича, показывает, что возможен совершенно иной подход к строительству колхозного куста, именно организация кустового центра как исходного момента, а не завершения сплошной коллективизации окружающих сел. Связывая строительство кустового центра с моментом образования сплошного или почти сплошного массива колхозов, фактически никогда не дойти до мощного куста, как массового явления. Если же одновременно повести работу и в направлении создания кустового центра и организации его перефирии, как это предусматривает модель тов. Маркевича, создание сплошного колхозного кустового массива чрезвычайно облегчается, ибо перспектива непосредственного, совершенно явного значительного повышения эффективности производства при одновременной полной доступности связанных с этим мероприятий действует на самого отсталого крестьянина с неотразимой силой призыва. При этом, конечно, не исключено, а даже желательно, чтобы первые работы по созданию межселенного энерго-технического центра и организации вокруг него колхозного куста опирались на уже существующий в этом районе колхоз или группу их.

Но, может быть, межселенный энерго-технический центр является только сосредоточием технико-экономического управления обобществленного полеводства? Несостоятельность такого подхода к их организации явно очевидна. Совершенно ясно, что отрыв, своего рода абстрагирование технического управления от руководства по линии оформления и обслуживания социально-экономического роста об'единяемых в куст сёл-колхозов на деле в повседневной практике был бы совершенно невозможен. Ведь речь идет о разных разрезах одной и той же работы.

Точно так же совершенно безжизненна идея создания межселенных центров, рассчитанных на сохранение за их деятельностью чисто полеводческого характера. На первых порах тот конкретный вид межселенного энерго-технического центра, образец которого дан тов. Маркевичем, действительно будет центром обобществления полеводства. Но на третий, четвертый год начнется нарастание новых элементов обобществления. Больше того, мы должны всемерно форсировать их нарастание. И что же: для обслуживания, руководства и организации сел-колхозов по этим другим направлениям организовать новые центры? Или же накопление новых элементов обобществления и организацию новых отраслей коллективного производства предоставить «самотеку»?

Совершенно ясно, что ответы на эти вопросы могут быть только отрицательными. Вмешательство в такой сложный производственный организм, как межселенный колхозный куст, еще какого-либо другого организующего начала было бы совершенно недопустимым и нелепым: ведь это фабрика—завод; оставление же происходящих в нем процессов перерастания в положении беспризорности—непозволительная роскошь и мотовство. Вывод один: *межселенные энерго-технические центры должны стать сосредоточием полного технико- и социально-экономического руководства колхозным кустом, через них должен быть направлен и организационно оформлен любой процесс роста об'единяемых в кусте сел-колхозов.*

Если это так, а это действительно так, тогда и управление (центр) межселенных энерго-технических центров, будучи организационно обособлено от существующей колхозной системы, неизбежно логикой вещей превратится в новый параллельный колхозный центр. Спрашивается: для чего создавать эту новую организацию, дублирующую уже существующие? Будь то смешанное акционерное общество или специальный центр внутри сельскохозяйственной кооперации—и тот и другой вид его организационного обособления означают насаждение параллелизма, распыление средств и организаторских

сил, содержание лишних аппаратов. Организационное обособление управления межселенных энерго-технических центров от существующей колхозной системы было бы также оформлением того совершенно неверного положения, что наличные колхозы не следует ориентировать на постепенное переключение в сеть межселенных кустов-гигантов.

Находясь в составе единой колхозной системы, центр межселенных энерго-технических центров, наоборот, неизбежно повлияет изнутри на всю работу ее, поднимая ее на уровень действительно крупного планового строительства. Существующая старая система нуждается в этом реорганизующем влиянии. Организационное распыление и дублирование извне привели бы лишь к еще большему ослаблению ее работы и систематическому выхолащиванию ее содержания.

Товарищи, предлагающие образование специального обособленного от существующей колхозной системы центра внутри сельскохозяйственной кооперации, забывают, что сельскохозяйственная кооперация напряженно ищет выхода из уже создавшегося параллелизма и организационной распыленности. Выявление модуса ликвидации этой организационной распыленности является одной из основных проблем ее пятилетки. А между тем существование наличных специальных систем с.-х. кооперации действительно имеет под собою веские основания. Перед лицом такого положения было бы явно нелепо пойти на создание еще одной системы (и центра), которая по своей природе заведомо предназначена для дублирования работы другой, уже существующей.

Сторонники смешанной акционерной формы аргументируют ее необходимость участием материальных ресурсов государства в этом строительстве. Правильно, без помощи государства этого дела не поднять. Но ведь общеизвестно, что и существующая колхозная система развивается, опираясь на государственную помощь. Почему же распыление этой государственной помощи между двумя системами и вкладывание в одну из них в форме покупки акций, в другую же—в форме долгосрочного кредита предпочтительнее консолидации их в одних руках, с забронированием, конечно, определенной части исключительно на строительство межселенных энерго-технических центров?

Необходимость акционерной смешанной формы аргументируется еще необходимостью усиления руководства пролетарского государства. Но разве теперь колхозная система работает без самого тесного контакта и вне руководства органов пролетарского государства? Если не говорить о форме, а о существе, то не секрет, что партийное руководство в руководящих звеньях колхозной системы гораздо крепче, чем во многих наркомземовских аппаратах.

Попытка перевести этот вопрос в плоскость принципиального противопоставления кооперации и государства поэтому совершенно не состоятельна. Вопрос по существу чисто организационный. Но как таковой он заслуживает величайшего внимания, ибо неправильное решение его неизбежно вызовет дальнейшие организационные неувязки, а в результате их переделки и ломки[1]).

---

[1]) Первая машино-тракторная станция вышла из недр совхоза. Нисколько не исключена возможность перерастания ряда других совхозов в машино-тракторные станции. Больше того, эту задачу необходимо перед ними настоятельно ставить, особенно в тех районах, где опереть ее на колхоз или группу колхозов невозможно. В этом же смысле открыто широчайшее поле деятельности для разных специальных видов с.-х. кооперации, особенно в направлении комбинирования с.-х. индустрии переработки по принципу межселенных энерго-технических центров. Но эти вполне жизненные пути образования новых межселенных энерго-технических центров нисколько не ставят в порядок дня создание нескольких параллельных центров или из'ятие основной работы в этом направлении из рук колхозной системы. Как в первом, так и во втором случае образовавшийся таким путем колхозный куст должен войти в состав колхозной системы, чтобы в ее составе и под ее руководством подняться с элементарных, первичных ступеней обобществления на высшие.

* * *

Владимир Ильич говорил, что кооперация должна преследовать цель действительного кооперирования действительных масс и что строительство социалистического хозяйства следует направлять по пути, доступному широким слоям трудящегося крестьянства. Строительство по модели тов. Маркевича может чрезвычайно ускорить реализацию этих ленинских заветов.

Такого типа строительство социалистического сектора сельского хозяйства действительно доступно широчайшей крестьянской массе. Что стоит один тот факт, что в течение двух лет работы создан устойчивый компактный массив из двадцати с лишком сел-колхозов. Знакомство с постановкой работы станции и практикуемыми ею методами коллективизации убеждает, что этот результат отнюдь не случайность, что на такой же примерно успех можно рассчитывать и в дальнейшем. Технико-производственные преимущества, свойственные межселенному колхозному тарану того порядка, что доходят до сознания самого отсталого крестьянина.

Точно так же обстоит с действительным кооперированием действительных масс. Если мелкий колхозник, может быть, зачастую и бывает лжеколхозом, если проблема лжеколхозности при прежних формах строительства не могла найти кардинального разрешения, то в гиганте—межселенном колхозном кусте—она совершенно снимается. Здесь может итти речь о чуждых, разлагающе действующих единицах, подлежащих удалению, но не может быть речи о маскирующих свою сущность чуждых организациях.

Само собой разумеется, что здесь же, в этом мощном колхозном кусте, открываются величайшие возможности развертывания самодеятельности масс. Здесь действительно открыто широчайшее поле для выработки и воспитания цивилизованных кооператоров—реконструкторов сельского хозяйства, соединяющих в себе американский технико-производственный и советский социально-реконструктивный размах.

Актуальнейшей проблемой колхозного строительства с точки зрения социально-экономического роста их является проблема накопления неделимых фондов. Крупный неделимый фонд, на ряду с крепкой технико-производственной организацией,—первейшая гарантия устойчивости колхоза. Им же измеряется достигнутый уровень обобществления. И в деле форсирования накопления неделимых фондов значение межселенных колхозных энерго-технических центров чрезвычайно велико. Межселенный энерго-технический таран обобществления по своей природе таков, что с самого начала может и должен стать неделимым фондом коллективизации. Если в мелком колхозном строительстве часть долгосрочных кредитов просачивается в частнособственническую индивидуальную часть, то тут с самого начала это исключено. Создание межселенных энерго-технических центров и включение их в состав колхозной системы поднимает и это дело на совершенно новый уровень.

Кончаем. В одной статье трудно охватить весь комплекс вопросов, получающих совершенно новое освещение в свете опыта первой машинно-тракторной станции. Резюмируя вышесказанное, еще раз подчеркиваем—значение этого опыта трудно переоценить. Он внушает твердую уверенность в полной реальности намеченных в пятилетке темпов коллективизации сельского хозяйства. На этом пути никаких ножниц между желаемым и возможным не создастся. Правильность ставки партии на форсированную коллективизацию находит в нем новое блестящее подтверждение. Можно пожелать, чтобы талантливая работа строителей первой машинно-тракторной станции стала исходным пунктом ряда новых поисков в этом направлении и в этом же стиле применительно к условиям других районов.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

А. ГАЙСТЕР. «Достижения и трудности колхозного строительства». (Дискуссия в аграрном институте Ком. Академии). Изд. Ком. Ак., 1929, стр. 96.

В основе книжки лежит доклад т. Гайстера, сделанный в конце 1928 г. в аграрном инстуте Комакадемии. Кроме того, в ней приведены стенограммы речей товарищей, выступавших по докладу. Вся дискуссия посвящена итогам и выводам из всесоюзной переписи колхозов, произведенной ЦСУ в мае—июне 1928 года.

Сейчас, когда колхозное строительство стало для нас тем очередным звеном, за которое партия берется в интересах выкорчевывания корней капитализма в деревне, в интересах преодоления корней хлебных и всякого рода других трудностей, связанных с фактом дробности, распыленности и технической отсталости мелкобуржуазного крестьянского производства,—сейчас к проблемам колхозного строительства не может оставаться равнодушным ни один член партии. Вот почему мы должны отмечать и рекомендовать читателям эту книжку, заключающую в себе попытки обобщить основные факты и данные из области колхозного движения и указать на ряд его очередных задач.

Напомним приводившиеся в печати данные о росте колхозов за первую треть 1928 года. В 1927 году мы имели 13.507 колхозов, которыми было об'единено 164.335 семей и одиночек, с посевной площадью в 774.728 гектаров. Майская перепись 1928 г. дала цифры: 32.506 колхозов, 375.377 семей и одиночек, 1.300.000 гектаров посевов [1]). Таким образом, решительный поворот, произведенный партией в колхозной политике, поворот, оформивший тягу к колхозам в среде крестьянства,—привел уже весною 1928 года к росту числа колхозов на 140%, семей и одиночек, об'единенных колхозами—на 136% и посевной площади—на 61,1%. (Тов. Гайстер называет цифру— почти 2 млн. всего населения, входящего в колхозы).

Массовый приток в колхозы повел к значительному абсолютному росту всех групп колхозов, в том числе и самых высоких по типу—коммун. % прироста за время с 1 января 1928 года до 1 июня составляет для коммун 47,4%, для артелей—66%, для товариществ—187,4%. Соотношение отдельных групп внутри колхозного движения, таким образом, изменилось в пользу более простых форм колхозов, о чем дает представление след. табличка (в %):

	Комм.	Арт.	Тов-ва.
Организ. до 1 янв. 1928 г.	11,2	36,6	52,2
» в 1928 г.	4,2	18,9	76,9
Все колхозы к 1 мая 1928 г.	7,8	26,3	65,9

Чрезвычайно интересны (хотя недостаточно полно разработаны) картограммы географического распределения колхозов по территории СССР. Большая часть колхозов приходится на районы производящей полосы. По РСФСР первое место занимает Северный Кавказ (34,8% всех колхозов РСФСР), затем идет ЦЧО (11,3%), Сибирь (11%), Урал (9,7%). Эти четыре области дают 66,8% колхозов РСФСР.

По всей РСФСР число колхозов — 20.903 с посевной площадью 942.053 га. Украинская ССР дает 9.807 колхозов с площадью 320.852 га.

На карте, иллюстрирующей насыщенность колхозами отдельных районов европейской части СССР, наиболее густым (черным) пятном выделяется

[1]) Последние две цифры без Узбекистана и Закавказья. Надо сказать, что к настоящему моменту количество колхозов возросло приблизительно до 42.000, а их посевная площадь подошла к 4 млн. га (расширение произошло за счет увеличения запашек в старых и образования новых колхозов).

УССР, на втором месте—Северный Кавказ; на третьем месте по густоте колхозов—Центр.-Пром. область, Крым и Казакстан. Несколько бледнее заштриховано Поволжье, Северный Урал и Западная Сибирь; более бледно—остальные районы (стр. 8).

Посевная площадь колхозов в процентах к посевам индивидуальных хозяйств также представлена картограммой, из которой видно, что наиболее благоприятное положение в этом отношении имеется на Северном Кавказе и Нижнем Поволжье (свыше 1½%); затем идут Украина и Северный Урал (1,1—1,5%). Менее благоприятные соотношения показывает северо-западная половина картограммы (стр. 10).

Докладчик сделал попытку тем же иллюстративным методом выяснить экономические причины неравномерного роста колхозов по районам. Он приводит картограмму, показывающую районы с наибольшим % крестьянских хозяйств без пахотного инвентаря. Вся юго-восточная половина карты европейской части СССР дает наиболее густую заштриховку (свыше 40%). Северный Урал и Ц.-Пром. область на втором месте (30—40% хозяйств). И главным образом северо-западный угол картограммы дает наименьший процент безынвентарных хозяйств (20—30 и до 20%). Получается некоторое соответствие между степенью распространения колхозов и безынвентарностью, однако, соответствие лишь самое общее и неполное. В прениях т. Назимов указал и на другой фактор роста колхозов—«развитие товарности в сельском хозяйстве» (стр. 65). Районы наибольшего роста колхозов в общем совпадают также с районами наибольшей товарности сельского хозяйства. В этих районах до революции быстрее развивался сельскохозяйственный капитализм,—после революции расслоение тоже пошло сравнительно дальше, чем в других районах; но зато здесь быстрее стали расти и социалистические элементы хозяйства. Докладчик в заключительном слове признал, что высота товарности сельского хозяйства в данном районе также является фактором развития колхозов (стр. 93). Приводимые в его докладе данные также наглядно показывают, что развитие колхозов стимулируется не только *потребительскими* нуждами безынвентарной бедноты, но и, в значительной степени, интересами развития *товарности* хозяйства. Колхозы возникают, говорит докладчик, «в известной мере под влиянием развития рынка, как предприятия более организованные для *рынка*», в связи с чем они и становятся, «с точки зрения внутренней организации хозяйства, более передовым звеном развития в сравнении с верхушкой, капиталистическими элементами деревни» (стр. 16).

Мы не станем загромождать изложения пересказом данных доклада, но отметим, что из сравнительного рассмотрения товарности трех групп крестьянских хозяйств и колхозов [1]) мы видим ясные тенденции к развитию большей товарности в колхозах по сравнению с крестьянским хозяйством, а внутри колхозов к повышению товарности по мере перехода от простейших колхозов к более сложным формам (коммунам) (см. стр. 16—18).

Однако, и *безынвентарность* бедноты, и развитие *товарных* отношений в сельском хозяйстве еще не исчерпывают собою тех условий, при которых ускоряется темп развития колхозов в наших условиях. Необходимо еще наличие *машин*, применимость их в данной отрасли с. х., определенная степень снабженности ими района и пр. Например, молочное хозяйство пока чрезвычайно слабо поддается коллективизации именно потому, что в этой области у нас слабее всего развита техника (на это указали тт. Вольф и Назимов, стр. 67 и 82). Полеводство же, притом в его производящих, т.-е. наиболее товарных и наиболее снабженных подходящими с.-х. машинами районах дает наиболее быстрый темп коллективизации.

[1]) К сожалению, докладчик оказался несколько скуповат на такого рода данные, которые сравнивают колхозы с различными по мощности группами крестьян отдельно. В других местах большей частью он сравнивает колхозные показатели с показателями, относящимися ко всем группам крестьянства вместе.

Таблицы сравнительной урожайности в колхозах и в единоличных хозяйствах говорят о том, что урожай в колхозах в общем всюду выше (данные о ржи и озимой пшенице), за исключением одной Средне-Волжской области, где средние урожаи у единоличников еще остаются более высокими. К сожалению, докладчик не привел здесь более детальных данных о том, насколько колхозы обгоняют по урожайности кулацкие хозяйства.

Технические преимущества колхоза перед хозяйством единоличника связаны с более *крупным размером* колхоза. В настоящий момент, однако, колхозы далеко еще не проявили всех своих преимуществ перед крестьянским хозяйством потому, что они по своим размерам часто не стали еще подлинными крупными хозяйствами. Вопрос об *укрупнении* колхозов поэтому во всей дискуссии, напечатанной в рецензируемой книжке, стоял как боевой практический вопрос.

... «Данные о размерах посева в существующих колхозах и стоимости их средств производства говорят о том, что перед нами укрупненные крестьянские хозяйства, но далеко еще не крупные с.-х. предприятия,—говорит т. Гайстер.—Более крупных размеров достигают коммуны. Средний размер посева у коммуны по РСФСР—119,08 га, УССР—151,86 га и БССР—71,34 га. С.-х. артели более чем вдвое мельче. Средний размер с.-х. артели по РСФСР равен 44,13 га, по УССР—68,05 га и БССР—38,68 га. Самые мелкие об'единения—товарищества по общественной обработке земли: по РСФСР—39,11 га, УССР—19,11 га и БССР—37,37 га. Размеры товариществ и артелей не выходят далеко за пределы крупных крестьянских хозяйств, а подчас находятся и в этих пределах». При этом «колхозы, бурно росшие в 1928 году, представляют в значительной своей части далекие от крупных размеров об'единения. Средний размер посевной площади колхоза равен по РСФСР—49,27 га, по Украине—32,66 га и Белоруссии—41,95 га» (стр. 21—22). «Больше четверти товариществ, создавшихся в 1928 году, не имеют коллективных средств производства. Почти половина товариществ имеет средства производства стоимостью до 1.000 руб. Аналогичная картина и в артелях. Конечно, это все коллективы, не отвечающие указаниям XV с'езда о создании крупных хозяйств. Лишь половина коммун и небольшая часть артелей и товариществ перешагнули пределы крепкого крестьянского хозяйства и, имея в своем хозяйстве машины, действительно перешли к ведению более или менее крупного хозяйства». «Колхозы, ранее организованные, крупнее колхозов нового призыва [1]). Почти половина из числа коммун обладает средствами производства стоимостью свыше 15 тысяч, что говорит о крупности этих коммун» (стр. 23).

В соответствии со всем этим следует признать правильным тот вывод докладчика, что «в качестве основной задачи» внутри колхозного движения перед нами стоит *укрупнение* колхозов, связанное с увеличением в них количества машин, с большей общей рационализацией постановки колхозов, с об'единением, «кустованием» части колхозов, привлечением новых членов и т. п.

Проблема практических *путей* этого укрупнения является крупнейшей проблемой для колхозного строительства. Одним из таких путей является путь более полного обобществления хозяйств членов колхозов. Участники многих колхозов, в особенности простейших форм, еще сохраняют вместе с тем и индивидуальное хозяйство. В среднем по СССР на один колхоз приходилось посева (в гектарах):

	Индивидуального	Коллективного
Коммуны	135,8	0,3
Артели	56,4	11,2
Тов-ва	47,0	32,7

[1]) В кампанию 1928 года ранее организованные колхозы, как правило, еще укрупнились. Сейчас процесс укрупнения пошел уже еще дальше. Имеются колхозы с посевом в 2—5 тыс. га и даже в отдельных случаях с 12—15 тыс. га.

Докладчик указывает, что

«Среди хозяйств членов колхозов, организованных до января 1928 года, 1% членов коммун, 22,6% членов с.-х. артелей, 58.2% членов товариществ имели индивидуальные посевы. Еще выше процент хозяйств с индивидуальными посевами у новых об'единений. 3,3% членов коммун, 40,9% членов с.-х. артелей и 69,9% членов товариществ имели индивидуальные посевы» (стр. 25).

Докладчик правильно связывает наличие индивидуальных посевов у членов колхозов именно с

«мелким размером колхоза, не охватывающего всесторонне хозяйства колхозника. Привлечение сложных машин, трактора и т. д. вызывает тягу земли к колхозу. Подведя техническую базу под колхоз, мы тем самым закрепляем его существование и способствуем дальнейшему производственному укрупнению колхоза» (стр. 25).

Не редки явления, когда мелкий собственник рассматривает пребывание в колхозе (большей частью в простейшей колхозной организации), как подсобное средство поддержать свое мелкое хозяйство, и через некоторое время, подкрепив это хозяйство, выходит из колхоза. Это особенно ярко наблюдается у хозяйств, ведущих кроме полеводства молочное хозяйство. Тов. Лозовый привел данные УССР о степени обобществления скота в колхозах на 1 янв. 1928 г. В артелях степень обобществления скота лишь в отношении овец доходила до 43,8% (коров—34,5% и т. д.), а в товариществах процент обобществления скота был совершенно ничтожным: свиней—1,8%, коров—1,1%, остальных видов скота и того менее (стр. 52). О том же явлении и необходимости его преодоления путем развития в колхозах техники животноводства и т. п. говорили тт. Вольф, Назимов, Куликов.

Хотя явления «перекачки части обобществленных средств в индивидуальную часть членов коллектива» и имеются, докладчик все же совершенно правильно сделал, отмежевавшись от тех «скептиков колхозного строительства», которые на этом основании склонны рассматривать колхозы «лишь как проходной двор». Подобные явления до известной степени неизбежны при массовом движении, которое постепенно «перемалывает» мелкособственническую натуру крестьянина и его хозяйство на общественно-социалистический лад,—в особенности на первых порах этого движения. В общей линии развития колхозов эти явления ничего не изменят, поскольку, к тому же, упорное преодоление их является одной из главнейших задач нашей колхозной политики.

Некоторые участники дискуссии упрекали докладчика в том, что он остановился преимущественно на трудностях колхозного движения. Мы допускаем, что он вполне мог больше сказать о достижениях. Но при общей оценке колхозного движения как безусловно здорового и жизнеспособного, указания на трудности и противоречия, проявляющиеся в колхозной работе, не только не вредны, а, наоборот, сугубо полезны, потому что они указывают пути, по каким должно итти дальнейшее улучшение колхозов.

Колхозам при своем зарождении и развитии приходится преодолевать огромные трудности и прежде всего, кроме рутины и недоверия к новому в мелкособственнической среде вообще, еще и бесчисленные враждебные выступления кулачества. Последнее затевает вокруг колхозов обостреннейшую классовую борьбу, правильно чуя в колхозах направленное против него смертельное оружие. Насилия, избиения, поджоги, убийства, подкупы, агитация, «поповские проповеди»,—все это еще не исчерпывает кулацких средств борьбы с колхозами [1]).

[1]) Докладчик приводит из журнала «На Агр. Фронте» классификацию всех этих форм борьбы на «четыре» основных группы: 1) когда кулак открыто выступает против строительства коллективных хозяйств; 2) когда кулак сам входит в коллективы с прямой целью их развала; 3) когда кулак вместе с зажиточными организует мелкие родственные колхозы по социальному или семейному признаку («лжеколхозы») и, наконец, 4) когда кулак использует самые колхозы для своих эксплоататорских целей» (стр. 5).

Ораторы (напр., т. Кабулов, стр. 87) обращали внимание на то, что надо быть заранее готовыми к известной вспышке классовых противоречий в таких низших формах коллективизации, в которые вовлекаются поголовно целые селения. В составе колхозов 1928 год, вообще говоря, еще более усилил основные бедняцко-середняцкие элементы. Но, например, «в потребляющей полосе основную массу вновь организовавшихся хозяйств составляют об'единения середняцких и части более крупных хозяйств» (стр. 36). Очевидно, что и в таких колхозах должны проявляться классовые противоречия.

Вместе с тем, элементы неоднородности колхозов видны и из данных о стоимости средств производства у отдельных колхозников, о найме рабочей силы и аренде земли, к которой прибегают члены колхозов (перепись охватывала также и индивидуальные хозяйства колхозников). Не будем приводить всех этих данных (см. табл. на стр. 37 и след.), укажем лишь, что к найму рабочей силы прибегают 2,4% членов артелей и 2,1% членов товариществ, а к аренде земли—9% чл. арт. и 11,95% чл. тов—в. 1% членов артелей и 0,7% членов товариществ имеют даже свои торгово-промышленные заведения. Отсюда—«возможность эксплоатации одной части колхоза другой частью членов, с одной стороны», «появление элементов перерождения самих колхозов»,—с другой (стр. 39).

Имеются также случаи, когда отношения колхозов к окружающему населению «содержат элементы эксплоатации» («молотьба за десятый центнер» и пр.—речь т. Власова, стр. 63). Но это — единичные случаи. Положительная социально-культурная роль колхозов для окрестного населения характеризуется, например, данными т. Лозового об Украине:

«Каково же влияние колхозов Украины на окрестную крестьянскую массу? Достаточно указать, что в 1927 году было распределено коммунами 1.652 тонны семенной сортовой озимой пшеницы, артелями—2.785 тонн. Колхозами было распространено 15.000 штук племенных свиней. Зерноочистительные пункты колхозов в 1927/28 г. очистили 8.198 тонн зерносемян. Эти подсчеты вряд ли являются полными. Нельзя забывать также о подсобных предприятиях колхозов, о переработочных предприятиях; на них было переработано до 114.660 тонн разного зерна и на маслозаводах и на мельницах. Несомненно, что коммуны являются важнейшим опорным пунктом в агрикультурном отношении и что они в значительной степени влияют на реконструкцию крестьянского хозяйства. Возьмем хотя бы такое явление, как тракторные колонны. Коммуна, которую я посетил, имеет 10 тракторов, и она совершенно бесплатно запахивала 300 га земли окрестным беднякам. Коммуна имени Ленина сумела завоевать доверие крестьян, и она обросла пятью новыми колхозами благодаря работе членов коммуны» (стр. 48).

Мы не ставим себе задачей касаться здесь всех наболевших практических вопросов колхозного движения, задетых в рецензируемой книжке: вопрос о роли так называемых «простейших с.-х. об'единений», тракторных колонн, об «интенсивных» и «экстенсивных» колхозах, об использовании машин, о «текучести» в колхозах, о «неделимых капиталах», о роли коммунистов и комсомольцев в колхозах и т. д. Из ряда этих вопросов подчеркнем лишь один, который партия обязана срочно разрешить в широком масштабе: это—подготовка организаторов и руководителей колхозов. То, что мы имеем сейчас в области организации такой подготовки, до смешного ничтожно: кажется, всего лишь курсы на несколько сот человек, в то время как у нас имеется больше 40.000 председателей колхозов, из которых значительная часть неграмотна и в буквальном, и в агрономическом смысле (а они должны быть руководителями крупного коллективного хозяйства!). Вопрос о кадрах колхозного движения прямо-таки «вопиет» и требует срочнейшего разрешения на практике.

* * *

В заключение коснемся кратко той теоретической полемики, которую вызвало главным образом выступление Н. Суханова.

Суханов решается «рекомендовать себя, как сторонника колхозного движения в квадрате»; по его словам, он «никогда не видел иных путей, кроме как обобществление сельского хозяйства посредством колхозного движения—тогда, когда для него наступит время. Это время наступило», и наступило «с момента социалистической революции» (выступление Суханова, см на стр. 74—78).

Оратор признает нашу революцию социалистической, заявляет себя ярым сторонником колхозного движения,—казалось бы, это не плохо. Но он хочет доказать, что будто бы он является более верным «сторонником колхозного движения», чем марксисты— и притом уже давно, «вот уже примерно четверть века».

> «Вот уже 20 с лишним лет, еще с тех времен, когда многие из самых авторитетных представителей марксизма утверждали, что сельскохозяйственная эволюция имеет примерно те же формы, что эволюция индустриальная, когда виднейшие представители марксизма настаивали на том, что сельское хозяйство будет обобществлено капиталом и крестьяне, превратившись в батраков, будут организованы им в процессе сельскохозяйственного производства,—еще с тех времен я не уставал в печати настаивать на том, что для обобществления сельского хозяйства немыслимы никакие иные пути, кроме органического срастания мелких хозяйств между собой, кроме коллективизации их, об'единения в обобществленное и крупное хозяйство. Вы помните, что в те времена марксистская литература квалифицировала крайне низко то движение, которое сейчас на нашем новом языке мы называем колхозным» —И т. д.

Оказывается, что быть «сторонником колхозного движения в квадрате»—это значит не только видеть в этом движении для крестьянина единственный, открывшийся при диктатуре пролетариата путь к избавлению от капиталистической эксплоатации и к высвобождению от «идиотизма деревенской жизни», но и сверх того: во-первых,—отвергать марксистские положения о капиталистической концентрации («обобществлении», как выражается Суханов) сельского хозяйства, во-вторых,—воспевать «колхозное движение», как «единственный» путь к «обобществлению» сельского хозяйства при капитализме.

Словом, это значит быть певцом технических и экономических «преимуществ» мелкого хозяйства перед крупным капиталистическим. Но ведь таких певцов буржуазия в капиталистических странах в изобилии держит для того, чтобы они убаюкивали крестьян сказками о том, как хорошо живется мелкому производителю в мирном соседстве с капиталистами! До сих пор это Суханову все еще не стало ясным.

Н. Суханов в той же речи пытается утверждать, что ему «никогда не мыслились формы обобществления сельского хозяйства и доведение их до социализма в пределах буржуазного строя». Нам не интересно здесь сейчас «уличать» оратора в противоположном и напоминать ему то, что он странно «позабывает» из своих прежних писаний. Все помнят, однако, что Ленин бил Суханова именно за «теорию некапиталистического развития сельского хозяйства в капиталистическом обществе». А разве то, что мы процитировали из речи Суханова, не доказывает, что он является певцом некапиталистического пути развития в земледелии при капитализме? Капиталистического пути развития крестьянского хозяйства он до сих пор не видит; но ведь развивается же сельское хозяйство при капитализме каким-то путем [1])? Очевидно, для Суханова этот путь и есть «некапиталистический» путь (не «колхозный»-ли?..).

Отрицая капиталистическое развитие в земледелии при капитализме, теория Суханова, конечно, закрывает глаза и на развитие капитализма в

[1]) Отвечавшие Суханову ораторы ссылались на новые исследования американских экономистов, доказывающие факты интенсивной капиталистической концентрации в фермерском земледелии С.-А. С. Ш.

сельском хозяйстве СССР. Иными словами, она есть теоретическое прикрытие кулака и процессов его роста в советской деревне. В этом ее особый, специфический вред для наших условий.

Характерно, что, признавая чисто формально «социалистическую революцию» «рубежом», с которым связано развитие колхозного движения, Суханов в то же время скатывается к отрицанию экономически-руководящей роли диктатуры пролетариата в этом движении, без чего его слова о «социалистической революции» остаются пустышкой. «Сторонник (?) колхозов в квадрате» ничего лучшего не находит, как ополчиться на ту помощь, которую оказывает колхозам советское государство!

По мнению Суханова,—

> «колхозное движение пока-что не стоит на необходимом прочном базисе»... Колхозы создавались не на основе новых средств производства, независимо от них, за счет государства, в результате нужды населения и его погони за кредитами».

Это «не»—«а» (не «новые средства производства», а «погоня за кредитами») не выдерживает критики уже потому, что встает вопрос, зачем же нужны «населению» кредиты и неужели на кредиты колхозы не приобретают «новых средств производства», а приобретают одну «мануфактуру»?

Никто не станет спорить с Сухановым о том, что техническая база колхозов еще чрезвычайно низка, — ведь ее повышение партия признает одной из основных своих задач. Но к чему же такое горячее нападение на государственные «кредиты», к чему крики о «бесплодных (?) жертвах государства» на колхозы? Бывают, конечно, в отдельных случаях «бесплодные» затраты (в каком деле этого не бывает?), но так ли они «бесплодны», эти жертвы в их целом, как это хочется показать Н. Суханову?

Они «бесплодны», быть может, с точки зрения кулака. И здесь практический вывод из «теории» Суханова, как видим, вполне соответствует социальному содержанию всей его теории.

Во всем подходе Суханова к колхозам чуждое пролетариату классовое содержание теории протаскивается под прикрытием оголенно-технического момента, при полном игнорировании момента социально-классового, на что правильно было указано теми товарищами, которые в дискуссии в аграрном институте отвечали Н. Суханову.

Из теоретических неряшливостей, допущенных другими ораторами, следует отметить слова т. Куликова, который, комментируя цитату Ф. Энгельса о крестьянах, подводимых к социалистическому преобразованию в качестве мелких собственников, почему-то заявляет:

> «Вообще, в марксистской литературе считается установленной истиной, что диференциация крестьянских хозяйств ведет не к развитию, а к торможению производительных сил» (?).

Конечно, по сравнению с социалистическим путем развития, диференциация (т.-е. развитие капитализма) есть «торможение» производительных сил. Но по сравнению с мелким хозяйством развитие капитализма означает вместе с тем и развитие производительных сил. Потому-то нам и трудно победить капитализм, что он постоянно «соблазняет» мелкого производителя маячащей перед ним перспективой—пусть болезненной, пусть менее эффективной, но зато «старой» и «испытанной» перспективой — известного развития производительных сил.

Второе место, которое, пожалуй, следует отметить, это — слишком «угловатую» формулировку, допущенную т. Гайстером, который сказал следующее:

> «Путей освоения машины в сельском хозяйстве есть три. С одной стороны машину осваивает капиталистическое хозяйство, с другой стороны, ма

шину осваивает предприятие социалистического типа (совхоз), с третьей—машину осваивает при диктатуре пролетариата основная масса деревни—бедняцкие и середняцкие массы—через коллективное хозяйство» (стр. 93, разрядка моя. *В. А.*).

Автор противопоставил совхозы, как «предприятия социалистического типа»—«коллективным хозяйствам», колхозам, которые для него как бы не являются социалистической формой предприятий (хотя и имеющей свои особенности). Эта формулировка т. Гайстера требует исправления тем более, что и в других местах автор иногда без должных оговорок называет колхозы «об'единениями мелких собственников» (стр. 14). На стр. 91 та же формулировка у т. Гайстера выступает уже в несколько исправленном виде: «движение мелких собственников, преодолевающих как индивидуальную собственность на средства производства, так и мелкий характер своего производства». Но отсюда—необходимость недвусмысленно подчеркнуть социалистический характер колхозного движения.

В. Астров.

От редакции.

Редакция выражает товарищескую признательность ячейкам, приславшим свои приветствия по поводу пятилетнего существования журнала «Большевик».

С коммунистическим приветом

Редколлегия „Большевика“.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 8 30 АПРЕЛЯ № 8

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 9

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ

„ПРАВДА"

Главлит № А—26693. Тираж 70.000 экз.

Тип. газ. „Правда", Москва, Тверская, 48.

За новую, социалистическую организацию труда.

«Именно в настоящее время в России при тех основах политической власти, которые созданы Советской республикой, при тех экономических свойствах, которые характеризуют Россию с ее необ'ятными пространствами и гигантским разнообразием условий,—именно теперь у нас организация соревнования на социалистических началах должна представить собою одну из наиболее важных и наиболее благодарных задач реорганизации общества».

(В. И. Ленин, «Очередные задачи советской власти», «Правда» № 86 (4220) от 14/IV—29 г.).

Грандиозные задачи преобразования всего экономического уклада Советского Союза, направленные к превращению СССР из страны с преобладанием мелкотоварного производства в страну крупной машинной индустрии, требуют такой организации труда в промышленности и в сельском хозяйстве, которая обеспечивает, с одной стороны, достаточно быстрый темп социалистического накопления для нужд народного хозяйства и, с другой — систематическое повышение материального и культурного уровня трудящихся масс. Такая организация труда предполагает не только сознательное отношение масс к производству, но и активное участие их в организационно - техническом преобразовании промышленных предприятий, зерновых фабрик, совхозов, колхозов и т. п. Следовательно, это должна быть такая организация производства, которая, укрепляя в каждом рабочем сознание ответственности за общее состояние и развитие предприятия, — сознание, вытекающее из акта «смены труда подневольного трудом на себя» (Ленин), — должна одновременно открыть широкий выход творческой инициативе рабочих масс в деле рационализации производства и во всем многосложном процессе реконструкции народного хозяйства.

Буржуазные публицисты, склонные видеть все корни прогресса в «благотворном» действии, оказываемом на человеческое общество капиталистической конкуренцией, продолжают иронически отзываться о социалистических утопиях коммунистов, которые при уничто-

жении частной собственности, якобы, не в состоянии будут создать сколько-нибудь значительных стимулов к дальнейшему развитию производительности труда. Еще в «Коммунистическом Манифесте» Маркс и Энгельс вскрыли всю нелепость и беспочвенность утверждений, будто «с уничтожением частной собственности прекратится всякая деятельность и воцарится всеобщая лень». Эти прогнозы апологетов капитализма ничем не отличаются от убеждений рабовладельцев, аристократов и крепостников, утверждавших, что рабы и крестьяне могут работать только под палкой и что уничтожение феодализма повлечет за собой безделье, отказ от труда, развал общества. Психология всех обреченных классов, сходящих с исторической арены, одинакова.

В этих рассуждениях буржуазных политиков сказывается и эгоизм класса, борющегося за свое господство, и действительное непонимание природы и внутренней организации социалистического хозяйства, раскрепощающего творческие силы широчайших масс и дающего возможность развернуться пролетарскому почину и самодеятельности в самых различных областях хозяйственного строительства. Уничтожение капитализма и, следовательно, уничтожение капиталистической конкуренции не только не убивает стимулов к дальнейшему трудовому и производственно-техническому под'ему, но, наоборот, мобилизует придушенную капитализмом творческую энергию миллионов рабочих и крестьян, поднимая их на уровень сознательных борцов за лучшую, образцовую организацию производства и выдвигая взамен буржуазной конкуренции принцип социалистического соревнования.

«Социализм, — писал Ленин, — не только не угашает соревнования, а, напротив, впервые создает возможность применить его действительно ш и р о к о, действительно в м а с с о в о м размере, втянуть действительно большинство трудящихся на арену такой работы, где они могут проявить себя, развернуть свои способности, обнаружить таланты, которых в народе — непочатый родник и которые капитализм мял, давил, душил тысячами и миллионами». («Как организовать соревнование», ГИЗ, 1929 г.).

Только в нашей стране, освободившейся от капиталистической эксплоатации, возможны такие явления, как производственные конкурсы, переклички, смотры и соревнования, возможна такая форма участия масс в управлении хозяйством, как производственные комиссии, производственные совещания, производственные конференции и другие формы организации масс вокруг задач повышения производительности труда, пришедшие на смену хищной капиталистической конкуренции.

Вся организация нашей промышленности, обобществленного сектора сельского хозяйства, госаппарата, культурных учреждений и всей советской общественности такова, что по самой своей структуре она рассчитана на активность и инициативу масс и всячески стимулирует организаторскую предприимчивость рабочих и крестьян. Социалистическое соревнование должно эту инициативу и активность поднять еще выше и втянуть в социалистическое строительство еще более широкие массы рабочих и крестьян, помножив почин отдельных рабочих и цехов на тысячи и миллионы творческих воль. Именно потому, что наша страна сейчас совершает крупнейший и труднейший перевал на пути реконструкции народного хозяйства, требуется такая внутренняя организация сил рабочего класса, которая стянула бы вокруг задач социалистического переустройства народного хозяйства самые широкие массы трудящихся, в том числе и наиболее отсталые, пассивные и сырые слои рабочего класса.

По мере развития социалистического строительства соревнование станет активнейшим и в то же время неот'емлемым атрибутом всей промышленной и общественной жизни масс. На данной же стадии нашего хозяйственного развития соревнование начинает постепенно входить в жизнь фабрик и заводов, как наиболее действенная форма мобилизации активности рабочих масс в деле реконструкции промышленности и крестьянских масс—в деле социалистического преобразования сельского хозяйства, а также как метод социалистического воспитания самых широких слоев трудящихся.

Социалистическое соревнование, начинающее в данный момент приобретать характер всесоюзного состязания фабрик, заводов, шахт и рудников на образцовую, подлинно-революционную организацию производства, постепенно проникает и в деревню — в совхозы, колхозы и в кооперативные об'единения. Бесспорно, сейчас мы подходим гораздо более близко и в гораздо более широком масштабе к той же проблеме вовлечения миллионных масс в дело повышения производительности труда, к которой мы подходили неоднократно при посредстве «коммунистических субботников», общественных производственных смотров, перекличек предприятий и т. п. Основное назначение комиссий и совещаний—создать и развить трудовой героизм не одиночек и не отдельных коллективов, а м а с с. Привести в движение массу, вызвать в ней революционный производственный энтузиазм — в этом Ленин видел «фактическое начало коммунизма».

«Коммунизм начинается там, — писал Владимир Ильич в брошюре «Великий почин», — где проявляется самоотверженная, преодолевающая тяжелый труд забота р я д о в ы х р а б о ч и х об увеличении производительности труда, об охране каждого пуда хлеба, угля, железа и других продуктов, достающихся не работающим лично и не их «ближним», а «дальним», т.-е. всему обществу в целом, десяткам и сотням миллионов людей, об'единенных сначала в одно социалистическое государство, потом в союз советских республик».

То, чего удается достигнуть благодаря начинающему сейчас разворачиваться соревнованию, свидетельствует о возможности значительно более глубокого, чем когда бы то ни было, сдвига в широчайших массах, — о том, что партия и вся страна находятся пред началом обширного и последовательного продвижения широким

фронтом рабочих масс на подступах социалистического преобразования не только промышленности, но и сельского хозяйства. О масштабе этого массового под'ема можно судить по тому, что социалистическое соревнование, предпринятое комсомолом и рассчитанное только на рабочую молодежь, на всех крупнейших предприятиях страны стихийно захватило всю рабочую массу и превратилось из движения молодежи в общерабочее дело. К 15 апреля в соревновании находилось уже свыше 100 крупнейших предприятий Ленинграда, Москвы, Донбасса, Днепропетровска, Урала, Нижегородской, Брянской и друг. губерний и всего текстильного района. Соревнование начинает делаться основной формой организации масс, дающей выход одновременно и их производственно-творческим устремлениям и их революционному негодованию против элементов, срывающих этот мощный созидательный порыв. Соревнование способствует созданию образцовых методов работы, образцовых ударных бригад, образцовых цехов и в то же время созданию обстановки организованного коллективного преследования лодырей, прогульщиков, пьяниц, расхитителей заводского имущества и т. п.

Соревнование, как мы видим, с самого начала развивается по тому пути, который Ленин считал единственно соответствующим задачам взращивания «ростков коммунизма», т.-е. по пути энергичной пропаганды лучших образцов работы и решительной травли негодных. Десять с лишним лет назад Ленин подчеркивал ту роль, которую должны играть передовые и сознательные пролетарии по отношению к отсталым, не усвоившим разницы между старой капиталистической и нынешней социалистической фабрикой слоям рабочих. Эта роль состоит не только в повседневном систематическом перевоспитании отсталых полушкурнических элементов, но и в беспощадной борьбе с неисправимыми «жуликами, тунеядцами и хулиганами», а также со всеми теми, которые «теперь хотели бы относиться к народной фабрике, к фабрике, перешедшей в собственность народа, попрежнему с точки зрения единственного помышления: «урвать кусок побольше и удрать».

Формы, в которые начинает выливаться нынешнее соревнование, обнаруживают именно эти здоровые тенденции решительной переделки старых рабьих навыков в производстве, воспитания нового сознательного, «хозяйского» отношения рабочих масс к фабрике, к средствам производства, к рационализаторским мероприятиям, ко всей внутренней жизни и организации цеха и предприятия, и настойчивой борьбы со всеми элементами, срывающими революционный темп работы и вносящими в производство разнузданность, расхлябанность, воровство и разложение. Соревнование будит в рабочей массе лучшие инстинкты класса — строителя и руководителя пролетарского государства. Благодаря этому довольно быстро ударные бригады перерастают в ударные цеха и даже в ударные фабрики и заводы. Благодаря этому начинает быстро развиваться особо бережное отношение к станкам, машинам, оборудованию, сырью, вообще заводскому оборудованию, выражающееся в частности в шефстве над станками и в шефстве - контроле над отсталыми цехами. Благодаря этому начинает нарастать пролетарское возмущение прогульщиками, бюллетенщиками, хулиганами и другими «уродами в собственной рабочей семье» и усиливаться борьба с ними. Благодаря этому начинает развиваться рабочая инициатива в деле рационализации производства, проведения экономии, лучшего использования внутризаводских ресурсов, изобретательства и т. п.

Соревнование переводит инициативу и активность масс на очень высокую ступень сознательного участия их в руководстве производством. Соревнование в таком обширном размере, в каком оно начинает выявляться сейчас, возможно потому, что ему предшествовал ряд массовых мероприятий, подготовивших эту высшую форму организации масс. Социалистическое соревнование молодежи переросло во всесоюзное общерабочее соревнование потому, что ему предшествовали многочисленные общественные производственные смотры, в частности всесоюзный смотр производственных совещаний, давшие невиданную раскачку пролетарскому почину в деле организации производства. О размере этой возросшей рабочей активности можно судить по тому, например, что во время смотра на крупнейших предприятиях посещаемость производственных совещаний выросла с 10—30% до 70 — 100%, а число внесенных рабочими предложений о рационализации производства достигло невиданных цифр. Так, например, в Луганске общее число предложений, внесенных рабочими в течение всего истекшего года, составляло 9.500, а во время смотра производственных совещаний, т.-е. в течение трех только месяцев, было внесено 68 тысяч предложений.

Такой исключительный под'ем активности, так сказать, естественно подготовил социалистическое соревнование, как мощное общепролетарское движение за оздоровление производства и в частности за выполнение наиболее важных и актуальных задач, обеспечивающих осуществление народнохозяйственных планов. Социалистическое соревнование, начавшее в своей первоначальной стадии развиваться на довольно широком и разбросанном фронте (при этом некоторые органы печати призывали к организации соревнований между столовыми, кооперативами, школами, клубами и т. п.), отчего ослаблялась ударность этого метода организации масс, впоследствии сконцентрировалось на основных злободневных лозунгах хозяйственного строительства — на лозунгах снижения себестоимости, повышения производительности труда и укрепления трудовой дисциплины. Сосредоточение усилий рабочего класса именно на этих задачах вполне целесообразно. Наибольшего эффекта можно добиться только концентрированным ударом масс по так называемым «узким местам», а в настоящих условиях от выполнения плана снижения себестоимости и повышения производительности труда зависит общее выполнение

промфинпланов. Поэтому необходимо и в дальнейшем социалистическое соревнование в промышленности развивать только вокруг этих основных задач улучшения производства.

Это, конечно, не исключает возможности и целесообразности развития соревнования также и в сельском хозяйстве. Предпринятый комсомолом на ряду с социалистическим соревнованием в промышленности поход за урожай в деревне не нашел такого широкого отклика, какой вызвало соревнование фабрик и заводов. Тем не менее, борьба за образцовую постановку совхозов, за примерное ведение сельскохозяйственных коммун, за лучшую организацию труда в колхозах, за наиболее целесообразное использование машин, инвентаря, удобрений и т. п. должна также принять форму настойчивого соревнования в деле социалистического переустройства деревни.

Надо при этом иметь в виду, что соревнование открывает возможность применения новых форм смычки между городом и деревней. Эти новые формы начинают сказываться и в производственно-политических договорах между заводами и деревнями, и в перекличках, и, наконец, опять-таки в соревнованиях. Так, например, ленинградские заводы «Красный Выборжец», им. Карла Маркса, «Светлана», «Красная Заря» и др. вступили в производственное соревнование с подшефными сельсоветами Великолуцкого округа, поставив себе условием в конце года подсчитать, какие заводы лучше выполнят задания по снижению себестоимости и по повышению производительности труда и какие подшефные села больше повысят урожайность.

Метод соревнования, таким образом, может и должен стать основным во всех областях социалистического строительства. Применяя его сейчас особенно интенсивно на различных участках хозяйственного строительства, мы не отказываемся впоследствии использовать его и в области культурного строительства и в общественной работе и т. п. Однако, в настоящих условиях было бы ошибкой распылять силы рабочего класса, отвлекая их от основных лозунгов социалистического преобразования народного хозяйства. Именно потому, что соревнование является методом активизации широких масс, надо ставить пред ними конкретные и ясные задачи.

Борьба за крепкую социалистическую дисциплину труда, обусловливающую и снижение себестоимости и повышение производительности труда, дает эту конкретность в постановке задачи, понятную и доступную самым широким слоям рабочих. А конкретность задания обеспечивает и реальный результат. Достижение реального результата должно стать основным мерилом правильности организации соревнования. Тут нужно решительно изгнать все элементы маниловского прекраснодушия, болтовни, очковтирательства, трескотни,—всего того, от чего так энергично предостерегал Владимир Ильич в своих статьях о соревновании и что он называл «интеллигентскими побасенками». Надо решительно бороться с подменой участия масс в соревновании перекличкой и обменом шумными и пышными декларациями между

отдельными верхушечными организациями. В соревновании нужно избегать беспредметной шумихи и рекламы, обеспечивая главным образом упорную повседневную работу по действительному вовлечению самых широких масс в борьбу за высокую производительность труда, за хорошую организацию производства.

Соревнование только начинает разворачиваться, оно еще в стадии нащупывания путей и каналов, которые будут способствовать его развитию. При этих условиях опасными и прямо вредными были бы попытки внести в это дело элементы централизации и забивать его в колодки определенных организационных схем. В соревновании ценно именно то, что оно способствует разворачиванию широкой пролетарской самодеятельности, и всякие тенденции бюрократически регламентировать эти творческие устремления масс неизбежно будут душить и ломать их самодеятельность. Вот почему, всячески поощряя соревнование заводов, фабрик, шахт, совхозов, коммун и т. п., партийные организации должны решительно оберегать его от всяких проявлений казенщины и чиновничьей опеки.

В то же время эту неограниченную самодеятельность масс необходимо сочетать с максимальной эффективностью и реальностью борьбы за осуществление лозунгов соревнования. Каждый завод, каждый цех, каждый рабочий должны знать, какие задания в процессе соревнования они должны выполнить для того, чтобы получить право итти в ряду лучших, работающих по-революционному, какие задания ставит пред ними на данный отрезок времени, на сегодняшний день задача «догнать и перегнать» капиталистический мир. Это то, что единственно может обеспечить дальнейшее движение вперед «сплошной массой», а не тоненькой шеренгой выдвинувшихся вперед одиночек. И это то, что позволит достигать прочных и серьезных успехов, а не кратковременного внешнего эффекта в деле рационализации производства, систематического развития и повышения технической базы промышленности и последовательного реального улучшения материального положения рабочих.

Социалистическое соревнование способствует созданию того невиданного героизма масс в борьбе за новую подлинно социалистическую производительность труда, о котором Ленин сказал, что это «начало коммунизма». Всемерно поддержать, всячески развивать соревнование — задача и долг всей советской общественности и в первую очередь наших партийных организаций.

Л. Эвентов.

Пятилетний план народного хозяйства в свете развития мирового хозяйства.

I.

XV с'езд партии сформулировал основные регулятивные идеи и дал нашим плановым органам ряд четких директив для руководства при построении пятилетнего перспективного плана, который во многом определит судьбы развития социализма не только у нас, но и во всем мире. Социально-экономическая установка с'езда состоит в том, чтобы после произведенной перегруппировки и расстановки сил в закончившийся восстановительный период начать форсированное наступление социалистического способа производства на более широком и развернутом фронте и обеспечить условия для подлинной реконструкции общества на новой основе. Но не только о внутренних сдвигах думал с'езд. Памятуя о нашей огромной технико-производственной отсталости от передовых капиталистических стран, унаследованной от прошлого, и о том, что мы вступили в эпоху соревнования и борьбы в мировом масштабе двух систем—капиталистической и социалистической,—с'езд с присущим авангарду пролетариата сочетанием социального оптимизма и трезвого реализма подчеркнул необходимость такого движения нашей хозяйственной системы, при котором мы могли бы сначала нагнать, а затем и обогнать передовые капиталистические страны.

Впервые в истории человечество берет на себя столь смелую, столь захватывающую задачу, притом в грандиозном масштабе—на территории, занимающей почти ⅙ земного шара и насчитывающей свыше 8% его населения, и несмотря на бешеное сопротивление внутри и во-вне. Во избежание ошибок и в целях максимального снижения «социальных издержек», необходимо воспользоваться накопившимся историческим опытом капиталистического развития, исходя из указания Маркса о том, что передовые страны обычно указывают путь молодым и отсталым странам, хотя в данном случае это указание, по понятным причинам, терпит ряд существенных ограничений.

Опубликованный Госпланом СССР пятилетний план народного хозяйства перевел, по выражению авторов плана, общие политико-экономические установки и директивы партии на язык конкретных экономических и технико-экономических расчетов и превратил их в конкретную программу хозяйственного строительства на предстоящее пятилетие. Ниже мы полагаем рассмотреть основные установки плана на фоне развития и достижений мирового хозяйства, так сказать, через «окно на Запад», чтобы, с одной стороны, под этим аспектом проверить правильность взятого н а п р а в л е н и я развития и, с другой стороны, оценить план с точки зрения партийной директивы — нагнать, а затем и перегнать передовые капиталистические страны, — т.-е. м а с ш т а б о в развития.

Пятилетний план берет резкий курс на индустриализацию, усиливая удельный вес промышленности в народном хозяйстве за счет сельского хозяйства, при одновременном значительном росте последнего, а в промышленности усиливая тяжелую индустрию за счет легкой и особенно форсируя отрасли, связанные с механизацией и энергофикацией производственных процессов. Он предусматривает вместе с тем определенные прогрессивные сдвиги в сельском хозяйстве, которые должны обеспечить промышленность сырьем, а население—продовольствием. Это предполагает определенную зависимость и связь между ростом народонаселения и сельского хозяйства, с одной стороны, и между всеми отраслями народного хозяйства в целом, с другой стороны.

Для выявления обнаруживающихся в этой области закономерностей и связей обратимся к историческому развитию С. Штатов. Сопоставление с этой страной диктуется рядом соображений. Едва ли какая-либо другая капиталистическая страна имеет столько сходств с СССР (разумеется, речь идет только о естественных и технико-производственных аспектах), как С. Штаты, несмотря на различия современных у р о в н е й обеих стран. Характер территориальной экспансии, темп роста народонаселения, структура продовольственной и сырьевой базы, соотношение сельского хозяйства и промышленности, движение от аграрно-индустриального типа развития к индустриально-аграрному, тожество производственно-технических проблем в связи с размерами территории и населения (проблемы районирования, товарооборота, транспортной системы и т. д.), соотношение внешнего и внутреннего рынка—все это крайне сближает обе страны в том условном смысле, на который указано выше.

Для сопоставления мы воспользуемся данными с 1879—1880 г., во-первых, потому, что с этого периода имеются систематические экономические показатели, характеризующие хозяйственное развитие С. Штатов, во-вторых, еще потому, что по важнейшим народнохозяйственным измерителям, как национальный доход, установленная мощность первичных двигателей, добыча угля, выплавка чугуна и т. д., этот период близко подходит к начальным годам пятилетки. Это даст нам представление не только о путях развития, но и о масштабе нашего отставания, которое мы должны пройти, чтобы стать рядом с самой передовой капиталистической страной.

С 1879 г. имеются сопоставимые показатели темпа роста населения, сельского хозяйства и горного дела, которые мы сопоставим также и с отдельными репрезентативными сельскохозяйственными культурами—пшеницей и хлопком, а из горнодобывающей промышленности—с добычей угля и нефти и выплавкой чугуна.

Индексы физического об'ема различных отраслей американского производства по сравнению с индексом населения [1]).

Годы	Население	Сельское хозяйство	Пшеница	Хлопок	Горное дело	Уголь	Чугун	Нефть
1879	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
1914	199,9	230,5	198,5	294,5	854,6	1.114,5	849,0	1.331,5
Средний геометрический прирост в год за период 1879—1914	2,0	2,4	2,0	3,1	6,3	7,1	6,3	7,7

[1]) Данные проф. Эдмунда Дэя и Уоррена Пирсонса, см. Harvard's Review of Economic Statistics and Supplements, 1920. «An index of the Physical Volume of Production» Последующие данные, если нет оговорки, также принадлежат этим авторам. Приросты исчислены нами.

Приведенные данные показывают прежде всего крайне быстрый рост населения в С. Штатах, удвоившегося за рассматриваемые 34 года. Средний геометрический прирост составлял в год 2%, что немного уступает запроектированному в «пятилетке» приросту населения в 2,3%, но при этом следует учесть большую роль иммиграции в С. Шт., достигавшую в довоенное десятилетие 800 тыс.—1 млн. человек в год и увеличивавшую естественный прирост, а также значительную разницу в абсолютных цифрах обеих стран. Далее легко заметить из таблицы, что сельское хозяйство развивалось в уровень с ростом населения, слегка обгоняя его, при чем пшеница (а из технических культур—табак, льняное семя) шла немного ниже общего сельскохозяйственного индекса, но в уровень с ростом населения, а хлопок был выше не только пшеницы, но и с.-хоз. индекса. Более быстрое развитие производства хлопка, чем пшеницы, об'яснялось не одним только спросом американской текстильной индустрии, но главным образом растущей емкостью внешнего рынка, который поглощал около 50% всего производства хлопка. Общей характерной чертой американского сельского хозяйства за рассматриваемый период как в области производства технических, так и в области зерновых культур является экстенсивный тип развития, т.-е. главным образом за счет освоения новых площадей и в незначительной степени за счет повышения урожайности.

В области горнодобывающей промышленности мы видим рост, значительно обгоняющий (в 2,5—3 раза) рост населения и сельского хозяйства, что указывает на быстрый темп индустриализации. В пределах всего горного дела выплавка чугуна шла в ногу с индексом всей отрасли в целом, добыча же угля и нефти развивалась более высоким темпом, так как к топливной промышленности пред'являлся все повышающийся спрос со стороны железнодорожного транспорта, а с начала XX века—и со стороны автомобильного транспорта.

Чтобы дать представление о динамике обрабатывающей промышленности и ее важнейших отраслей, приводим ниже сопоставимые данные физического об'ема обрабатывающей и добывающей промышленности и отдельных промышленных отраслей по сравнению с индексом сельского хозяйства и населения за период 1899—1919 гг.

Индексы физического об'ема обрабатывающей и добывающей промышленности по сравнению с индексом сельского хозяйства.

Годы	Население	Сельск. хоз.	Добывающ. промышл.	Обрабатыв. промышл.	Железная и стальная промышленн.	Цементная промышл.	Автомобил. промышл.	Текстильная промышл. (потребление хлопка)
1899	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
1919	139,7	137,6	228,4	195,3	223,5	1.419,5	313.225,5	171,4
Средний геометрический прирост в год за период 1899—1919	1,7	1,6	4,2	3,4	4,1	14,2	49,6	2,7

Как показывает приведенная таблица, рост населения в С. Штатах за период 1899—1919 гг. значительно замедлился по сравнению с периодом 1879—1914 гг., составив в год 1,7%. В этом уменьшении сказалось резкое ограничение иммиграции, введенное после мировой войны, и падение естественного прироста. Темп роста сельского хозяйства также замедлился, сохраняясь в общем на уровне прироста населения, что косвенно свидетельствует о продолжающемся процессе индустриализации страны. Для последнего особенно характерно, что промышленность резко обгоняет обоих, при чем

темп добывающей промышленности, хотя и весьма замедленный по сравнению с предыдущим периодом, но более высокий, чем обрабатывающей, а в последней—легкая индустрия (текстильная, а также обувная) ниже среднего уровня промышленного развития и только немного превышает прирост населения, поэтому в результате такой динамики продукты широкого потребления указанных отраслей почти не дают прироста на душу населения; тяжелая промышленность идет темпом, значительно обгоняющим средний промышленный темп. Бросается в глаза высокий темп цементной промышленности (а также стекла и других стройматериалов), достигающий в среднем 14% в год, при чем в течение первой половины рассматриваемого периода прирост составлял в год 30—40%, но к концу периода уже ощущались признаки перепроизводства цемента. Это указывает на крупное развитие строительства, в особенности связанное с быстрым ростом городов. Рекордный темп обнаруживает автомобильная промышленность и все, что с ней связано, особенно нефтеперегонная и производство резиновых шин.

Вытеснение ручного производства механическим в С. Штатах достигло почти предела. На базе электрификации и химизации преобразована энергетическая база страны. Сельское хозяйство вслед за промышленностью быстро индустриализуется, захватив переработку масла, сыра, конденсированного молока, промышленную переработку мяса, использование отбросов и т. д. Только свежее молоко и свежие растительные продукты являются в настоящее время единственными продовольственными продуктами, которые доходят до потребителя без промышленной обработки. Другой сферой, в которую все больше вторгается в настоящее время фабричная промышленность, является домашнее хозяйство. Особенно большую роль в этом отношении играет распространение электрических приборов: стиральных машин, пылесосов, холодильников и т. п., вытесняющих домашний труд.

Крайне существенные тенденции наметились в динамике американской обрабатывающей промышленности за самый последний период, что обнаруживается из следующего сопоставления:

Динамика американской обрабатывающей промышленности 1899—1927 гг. [1]

Процентный прирост или уменьшение (—)	1899—1925 гг.	1919—1925 гг.	1923—1925 гг.	1925—1927 гг.
Индекс физического об'ема	174,6	28,5	5,3	1,0 [2]
Среднее количество рабочих	79,9	— 6,8	— 4,4	— 0,4
Мощность первичных двигателей (лош. сил)	256,5	22,0	8,2	9,1

За 26 лет мощность основного капитала, выражающаяся в механической силе двигателей, увеличилась на 256%, значительно опередив увеличение производства, которое составило за этот же период 175% при росте населения на 54%, что дает на душу населения рост продукции на 80%. Темп производства, в свою очередь, опередил прирост рабочей силы, достигший всего лишь 80%, при чем с 1919 г. происходило систематическое вытеснение живой силы из производства. Динамика промышленного производства замедлилась. Пятилетка 1923—1928 гг. является самой низкой из всех предыдущих, за исключением 1909—1914 гг. Замедленный темп производства, снизившийся с 4,0% в год за период 1899—1925 гг. до 2,6% в 1923—25 гг.

[1] The Growth of Manufactures 1899—1923 by Edmund Day and Woodlief Thomas, Census Monographs VIII; 1925—1927 гг.—предварительные данные промышленного ценза за 1927 г.

[2] По данным Федер. Рез. Совета.

и до 0,5% в 1925—27 гг., оказывается недостаточным для поглощения рабочих, «освобождаемых» процессом механизации и автоматизации, и фермеров, бросающих свои фермы. С другой стороны, условия обостренной конкуренции, стимулируя потребность в повышении производительности труда, толкают к ускоренной моральной амортизации и к росту основного капитала—количественному и качественному—более быстрому, чем рост производства. Мы видим, из таблицы, что темп ежегодного прироста капитала составлял 5%, т.-е. обгонял темп роста продукции, в результате чего между мощностью основного капитала (производственной способностью) и реальным уровнем производства углубляется диспропорция. Это противоречие внешне проявляется в недостаточной нагрузке основного капитала, в уменьшении его эффективности, в расхождении между потенциальными и реальными возможностями производства, с одной стороны, и в устойчивом высоком уровне безработицы, с другой. В результате, несмотря на быстрый рост производительности труда на 1 рабочего, продукция на единицу капитала падает.

Обрисованные нами противоречия и расточительство не являются исключительным достоянием американской промышленности. Эти болезни еще легче обнаружить в других капиталистических странах, где этот процесс начался гораздо раньше и развивается интенсивнее.

Интересно отметить динамику структуры американского хозяйства в связи с уже известной нам динамикой производства и населения.

% распределение продукции сел. хоз., обрабатывающей и горнодобывающей промышленности [1]).

Годы	Всего	Стоимость сел.-хоз. продукции	„Прибавленная" стоимость (value added) обрабатывающей промышл.	Стоимость горной продукции
1850	100	71,5	26,5	1,9
1870	100	56,3	40,1	3,5
1899	100	45,6	46,7	7,7
1919	100	42,6	51,0	6,4

Приведенные данные вполне подтверждают наши предыдущие производственные показатели. Процесс индустриализации отражается в систематическом снижении удельного веса сельского хозяйства и в возрастающем значении обрабатывающей промышленности, которая в конце XIX в. впервые опережает продукцию сельского хозяйства. Также соответствует этапам индустриального развития более быстрый темп горной продукции, чем обрабатывающей промышленности, в ранний период капиталистического развития и обратное соотношение—в позднейшую эпоху, когда труд, благодаря механизации, в значительной степени преодолел ограничения органического мира.

Сопоставление распределения населения по занятиям обнаруживает аналогичные сдвиги.

% распределение самодеятельных в Соед. Штатах [2]).

Занятия	1910 г.	1920 г.
Сельское хозяйство	33,2	26,3
Обрабатывающая и горная промышл.	30,3	33,4
Торговля и транспорт	16,4	17,6
Прочие	20,1	22,8

[1]) Thorp., Willford L—The Integration of Industrial Operation (Census Monograph, № 3), Washington 24.

[2]) 14-ый ценз, 1923 г.

Приведенные данные показывают, что по числу занятых промышленность лишь с 1920 г. заняла первое место и опередила сельское хозяйство. Интересно также, что более ⅖ населения было занято в 1920 г. в непроизводственных занятиях.

II.

Рассмотрим теперь, отвечает ли пятилетний перспективный план выявленному нами выше характеру индустриального развития передовой капиталистической страны. Это видно из следующей краткой сводной таблицы:

Показатели пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР.

(% приросты за 5 лет—1932/33 г. к 1927/28 г.).

	Отправной вариант	Оптимальный вариант
Население	11,8	11,8
Прирост занятых	18,2	—
Валовая продукция планируемой промышленности (в неизменных ценах)	135	181
в том числе гр. А (средства производства)	175	235
„ „ „ Б (предметы широкого потребления)	109	144
Продукция земледелия (в неизмененных ценах)	142	154,5
Национальный доход (физич. об'ем)	79,7	101,6
На душу населения „ „	60,7	—

Одной из предпосылок хозяйственного развития является динамика населения, служащего резервуаром рабочей силы и фактором рыночного равновесия. Мы видим из приведенных данных, что ожидаемый прирост в среднем за год в 2,3% почти вдвое выше довоенной России и в 3½ раза превышает средний прирост по всей Западной Европе, при чем абсолютный годовой прирост (3,5 млн. душ) на целый миллион обгоняет абсолютный прирост стран Западной Европы. Повидимому, тут также оправдывается положение Маркса, что всякому историческому способу производства свойственны свои особенные, имеющие историческое значение законы населения. Нет сомнения, что для переживаемого нами переходного периода—от капитализма к социализму — постепенно выкристаллизовывается своя специфическая динамика народонаселения, хотя новое пока еще густо перемешано со старым, при чем, как известно, сдвиги в этой области народного развития происходят крайне медленно. Все это несет с собой дополнительные трудности для «современного» момента, являясь в то же время зарядом для бурного развития в будущем.

Сопоставляя верхнюю строчку приведенной таблицы со следующей, мы должны зафиксировать крайне существенный прогрессивный сдвиг, запроектированный пятилеткой. Несмотря на огромный прирост населения в 11,8% за 5 лет, число занятых опережает эту цифру, давая к концу пятилетия прирост в среднем по всем группам в 18,2%, а одних только производственных групп даже 20,9%. Это служит масштабом строительства народного хозяйства в течение 5 лет, обеспечивающего заметное снижение безработицы в городе и деревне (аграрное перенаселение).

Сопоставление темпов продукции по группе А и Б свидетельствует, что курс на индустриализацию взят прочно. Этому соответствует и направление капитальных вложений, в результате чего структура основных фондов обнаруживает следующую динамику:

Структура фондов в %% к итогу к концу года.

Отрасли народного хозяйства.	1927/28 г.	1932/33 год	
		Отправн.	Оптим.
Промышленность	13,6	20,9	22,5
Электрификация	1,4	3,7	4,0
Транспорт	16,7	17,1	17,1
Сельское хозяйство	41,0	32,3	29,6
Жилфонд	17,1	13,2	12,6
Прочие	10,2	12,8	14,2

Какие сдвиги произойдут в народном хозяйстве за 5 лет, еще более отчетливо видно из динамики структуры народного дохода, которую мы сопоставляем с С. Штатами и Германией.

Структура народного дохода САСШ, Германии и СССР (в %% к итогу) [1].

Отрасли народного хозяйства.	С. Штаты		Германия		СССР.		
					1927/28 г.	1932/33 год	
	1918 г.	1923 г.	1913 г.	1925 г		Отпр.	Оптим.
Сельское хозяйство	29,2	17,2	23,4	23,2	46,1	40,5	39,3
Промышленность и строительство	48,2	53,4	51,9	58,1	37,8	42,2	42,7
Транспорт и связь	11,0	13,6	10,4	18,6 (транспорт и связь и торговля вместе)	5,1	5,8	6,0
Торговля	11,6	15,8	14,3		11,0	11,5	12,0

Мы видим, что и у нас, по примеру передовых индустриальных стран, промышленное производство займет первое место в балансе народного труда, но в более короткий срок, при чем в самой промышленности центр тяжести перемещается в сторону руководящей роли тяжелой индустрии. Табличка в то же время обнаруживает отставание транспорта в общем народном балансе по сравнению с развитыми капиталистическими странами.

III.

Итак, оценивая пятилетний план с точки зрения намеченного им направления хозяйственного развития, следует констатировать в свете опыта передовых капиталистических стран, что этапы индустриального развития СССР намечены правильно и соответствуют механизированному и автоматизированному характеру современного массового стандартизованного производства. Но, с другой стороны, нас интересует вопрос о том, каковы масштабы движения нашей хозяйственной системы по намеченному пути, иначе говоря, как обеспечивается пятилетним планом партийная директива «нагнать, а затем и обогнать передовые капиталистические страны».

Для ответа на поставленный вопрос мы должны сопоставить обе хозяйственные системы—социалистическую и капиталистическую—в их движении. Скорость движения измеряется темпом. Сопоставляя фактические темпы развития производства в СССР, запроектированные пятилетним планом, с темпами С. Штатов — самой передовой капиталистической страны,— мы обнаруживаем огромное превосходство социалистической формы хозяйства, обеспечивающей даже на отсталой технической основе в среднем пятикратное развитие производительных сил по сравнению с капиталистической формой.

[1]) Данные для Соед. Штатов—National Wealth and Income, 1926; для Германии—Prof. Wagemann—Die Konjunkturlehre, 1928.

Но в экономическом соревновании решающую роль играют массы продукции, поэтому темпы хотя и необходимое условие, но недостаточное. Для правильного учета движения сравниваемых хозяйственных систем следует сопоставить не только их темпы, но учесть и уровни достигнутого развития производительных сил. Только при том условии, когда достаточен уровень и хороши темпы, обеспечена возможность «нагнать», ибо произведение темпа на уровень дает абсолютный прирост, что и является решающим при сопоставлении за данный отрезок времени народного хозяйства различных стран. История показывает, что Соед. Штаты и Германия только тогда нагнали, а затем и обогнали Англию, когда уровень состояния производительных сил обеих стран достиг значительной высоты.

Из нашего недавнего прошлого легко усмотреть, что, несмотря на очень хорошие темпы, мы все же отставали от передовых капиталистических стран. Воспользуемся сопоставлением Лиги Наций, которая исчислила развитие мирового производства по индексу производства важнейшего промышленного сырья и продовольствия. В 1924 г. индекс производства важнейших видов сырья и продовольствия (это отражает в свою очередь развитие производства) для Европы без СССР по отношению к довоенному времени, принятому за 100, составлял 92, а с СССР—89, т.-е. СССР снижал европейский уровень, что свидетельствовало о нашем отставании в то время. В 1925 г. Европа без СССР дает 101, Европа с СССР—102, следовательно, мы уже нагоняли; в 1926 г. Европа без СССР—92, Европа с СССР—98. Тут мы нагоняли еще быстрее, но при этом следует учесть, что при больших темпах в СССР в этом году в капиталистических странах темпы значительно замедлились вследствие забастовок в Англии и промышленного кризиса в Германии, хотя это отчасти компенсировалось ростом в Соед. Штатах и Франции. Для 1927—28 г. данных Лиги Наций еще не имеется, но сопоставление добычи угля, выплавки стали, чугуна и т. д. показывает, что этот процесс продолжается. Так, добыча угля в Европе без СССР составляла в 1926/27 г. в %% к мировому итогу 43,6%, а включая СССР—46,1%; в 1927/28 г. цифры соответственно составляли 47,4% и 50,5%; выплавка стали в 1926/27 г.—46,3% и 50,2%, в 1927/28 г.—46,5% и 50,7%; выплавка чугуна в 1926/27 г.—46,8% и 50,5%, в 1927/28 г.—49,1% и 53,2%. Таким образом, мы догоняем, хотя еще в очень скромных пока размерах.

Сопоставление с передовыми странами обнаруживает крайне низкий уровень состояния производительных сил в СССР, что является наследием прошлого. Наиболее неблагоприятным моментом является структура нашего трудового баланса. В статье «Энергетика и социалистическая реконструкция» («План. Хоз.» кн. 1, 1929 г.) тов. Кржижановский правильно выдвигает как генеральную линию нашего строительства обобществленную энергетику, т.-е. гармоническое сочетание живого труда и механической силы. И вот, если с точки зрения обобществленной энергетики взглянуть на структуру нашего трудового баланса, то мы увидим огромное преобладание живой силы над механической, что ставит нас в разряд таких отсталых стран, как Китай, Индия и т. п.

Наше отставание в области энергетики видно из следующих цифр. По исчислениям Лоу, редактора американского журнала «Поуэр», мощность первичных двигателей (со включением автомоторов) по главнейшим странам распределяется следующим образом (л. с.): С. Штаты — 704 млн., Англия — 175 млн., Германия — 175 млн. и Франция — 70 млн., всего 1.124 млн. Вся

же мощность СССР в 1927/28 г. равнялась примерно 33,5 млн. Интересно при этом сопоставление мощности в отдельных отраслях хозяйства в СССР и С. Штатах.

	С. Шт. (1923)	СССР (1927/28)	
	В миллионах лош. сил		
Автомобили	507,3	0,3	
Ж.-д. транспорт	74,6	8,2	
Электр. центр. станции	22,0	1,2	(район. и местн. станции).
Промышлен. (обрабатыв. и горная) без тока со стороны .	24,7	1,7	
С. хоз. (скот и мех. двигат.) .	18,3	21,3	
Суда.	10,3	0,8	
Электрич. ж. д.	4,1	—	
Орошение	1,3	—	
Итого	662,6	33,5	

Даже без автомобилей мощность С. Штатов в 5 раз выше, чем в СССР, а за вычетом сельского хозяйства, в котором огромную роль играет скот, даже в 11 раз.

Сопоставляя данные энергетики с численностью населения в сравниваемых странах, мы получаем еще менее благоприятную картину для СССР.

С другой стороны, структура живой силы также крайне неблагоприятна. Подавляющая масса живой силы сосредоточена у нас в сельском хозяйстве, т.-е. в той сфере, где труд менее производителен. По переписи 1926 г. из общего числа самодеятельных (вместе с помогающими членами семьи) около 83% было занято в сельском хозяйстве, которое дало в 1927/28 г. только 48,7% национального дохода. По произведенным нами подсчетам производительность сельскохозяйственного труда у нас, примерно, в 5 раз ниже производительности промышленного труда, исходя из расчета произведенной чистой ценности на одного трудящегося.

Сопоставляя же производительность нашего как сельскохозяйственного, так и промышленного труда с трудом американским, мы получаем, что в С. Штатах труд в сельском хозяйстве в 2 раза, а в промышленности в 3 — 3,5 раза соответственно выше, чем у нас; соотношение же с.-х. и промышленного труда в Соед. Штатах составляет 1 : 2,7. Конечно, при сопоставлении СССР и САСШ следует учесть значительные колебания в отдельных отраслях. Так, производительность труда углекопа в С. Штатах в 6 раз выше, чем у нас, в нефтеобрабатывающей же промышленности — только на 20%.

Технический уровень нашей цензовой промышленности также крайне отстает в количественном отношении от передовых стран, что видно из следующей таблицы:

Страны	Мощность в млн. лош. сил	Число занятых в млн.	Мощность мех. двиг. на 1 занятого	Удельный вес эл.-моторов в механ. силе	Удельный вес эл.-моторов чужого тока в общей сумме электромот.	Механизация угледобычи
С. Штаты (1925 г.).	35,7	8,3	4,3	73,0	63,9	80,8
Англия (1924 г.) .	16,0	7,6	2,0	50,8	28,6	25,3
Германия (1925 г.).	18,1	12,7	2,1 [1])	65,3	40,0	80,8
СССР (1926/27 г.).	3,4	2,4	1,4	55,0	50,0	29,0

[1]) Для цензовой промышленности; для всей промышленности—1,4.

Из приведенной таблицы видно, что установленная мощность в обрабатывающей промышленности С. Штатов (со включением горной мощность ее достигает свыше 40 млн. лош. сил) в 11 раз превышает мощность двигателей в нашей цензовой промышленности, а по числу занятых превышение составляет около 3,5 раз. По отношению к другим странам разница понижается, но все же она довольно значительна. Однако, в качественном отношении, т.-е. с точки зрения структуры, наша промышленность отстает уже значительно меньше, в особенности по сравнению с западно-европейскими странами. В то время как в Германии мощность механических двигателей на 1 занятого в цензовой промышленности составляет 2,1 лош. сил, в Англии — 2 лош. сил, у нас — 1,4 лош. сил. Удельный вес электромоторов в механической силе: в С. Штатах — 73,0%, в Англии — 50,8%, в Германии — 65,3%, в СССР — 55%. Удельный вес электромоторов чужого тока (с районных электростанций): С. Штаты — 63,9%, Англия — 28,6%, Германия — 40% и СССР — 50%. Но распределение мощности первичных двигателей в промышленности и электростанциях общественного пользования к общему итогу мощности первичных установок у нас менее благоприятно.

Удельный вес мощности двигателей в суммарной мощности первичных установок (в %).

	В промышленности	В электростанциях обществ. пользования
СССР (1925/26 г.)	77	23
С. Штаты (1925 г.)	37	63
Англия (1924 г.)	64	36
Канада	36	64

Эти данные в общем показывают, что план электрификации, начатый по замыслу Ленина, уже обеспечил повышение технического уровня нашей промышленности, хотя в этом отношении еще предстоит огромная строительная работа.

Если сопоставить капиталистические страны с нами с организационной стороны, то тут перевес целиком на нашей стороне. В СССР достигнута максимальная централизация, ибо все формы «капитала» у нас об'единены и составляют единое целое, тогда как в капиталистических странах они обособлены и антагонистичны, сливаясь только в форме финансового капитала, но и в последнем случае противоречия между различными ответвлениями капитала остаются, ибо сохраняется противоречивая основа капиталистической частной собственности. Если еще учесть, что наше хозяйство ведется по плану, который даже при имеющихся ограничениях обеспечивает рационализацию хозяйственной деятельности в неслыханных размерах и более эффективное использование народных ресурсов, чем в капиталистических странах, то с этой стороны мы, несомненно, стоим на передовом месте, и это открывает перед нами большие возможности в виде резервов для роста производительных сил. Эти перспективы еще более раздвигаются благодаря тому, что плановое хозяйство обеспечивает использование производительных сил не только в функциональном, но и в территориальном отношении, распространяя путем районирования сознательное общественное воздействие и на естественные силы.

Если сопоставить уровень производства в СССР и капиталистических странах по сравнению с 1913 г., то оказывается, что Англия еще не достигла довоенного уровня, отставая от него в 1928 г. примерно на 10%. Германия, несмотря на свои огромные рационализаторские достижения и на неслыханный прилив иностранного капитала, достигла всего 104% от довоенного уровня, Франция — 126%, в Америке добывающая промышленность — 148%, а обрабатывающая — 167% с превышением.

В отраслевом разрезе наиболее депрессивной отраслью в мировом хозяйстве является судостроение, которое стоит лишь на уровне 76% от довоенного; уголь стоит примерно на довоенном уровне, дальше идут в последовательном порядке и с значительным превышением над довоенным уровнем хлопок, чугун, олово, свинец, цинк, сталь, медь, алюминий, автомобили и искусственный шелк. При этом для правильной оценки, кроме того, следует иметь в виду, что с 1913 г. мировое народонаселение возросло на 7%, что еще более увеличивает отставание капиталистических стран от довоенного уровня.

В СССР индекс физического об'ема производства составляет примерно около 120% от довоенного. Но если сопоставить по основным отраслям производства, то положение СССР окажется менее благоприятным. За исключением угля, который составляет 118% от довоенного, такие отрасли, как выплавка чугуна и стали, у нас еще не достигли довоенного уровня, при чем довоенный уровень России был очень низкий. Если сопоставить наши показатели за 1927/28 г. по национальному доходу и мощности капитала с С. Штатами, чтобы дать представление о том, какое расстояние нас отделяет в настоящее время от передовых стран, то окажется, что мы отстаем от С. Штатов на 50 лет. Вот расстояние, какое мы должны пройти, чтобы стать рядом с самой передовой капиталистической страной!

Как же теперь обстоит с перспективой «нагнать и обогнать»? Для ответа на вопрос мы должны получить измерители хозяйственного развития капиталистического мира, что требует от нас *качественного* и *количественного* прогноза ближайших судеб мирового хозяйства.

Что касается качественного прогноза, то он базируется на выявленной послевоенной динамике хозяйственного развития как С. Штатов, так и более старых капиталистических стран. Эта динамика указывает, что при оценке мирового хозяйства следует исходить из предпосылки *замедления темпа роста производительных сил капитализма в крупнейших индустриальных странах.*

К такому прогнозу присоединяются и наиболее проницательные буржуазные экономисты. Так, на с'езде «Союза социальной политики» в Цюрихе осенью прошлого года Зомбарт, «приподнимая завесу будущего» перед многочисленной аудиторией ученых, исходил, в свою очередь, из предпосылки замедленного индустриального развития наиболее передовых капиталистических стран, в том числе и С. Штатов. Только в соответствии со своей апологетической сущностью Зомбарт полагает, что капитализм вступил в «спокойную и ровную» старость, в бескризисное существование. Однако, не приходится долго доказывать, что намеченная им перспектива капиталистического развития как раз предполагает обратное, так как она ведет к накоплению под капиталистической оболочкой огромного взрывчатого материала в виде расширенного воспроизводства классовых противоречий. Оппоненты Зомбарта из буржуазного лагеря, настроенные более оптимистически, не решались отрицать основное положение Зомбарта — о замедленном развитии производительных сил в капиталистических странах — и доказывали только, что «у капитализма есть еще возможности».

Этот процесс в старых капиталистических странах (Англия, Франция) начался еще в последней четверти XIX в., а в более молодых странах (С. Штаты) только в последние годы. Единство этого процесса, накладывающего свой отпечаток на все мировое хозяйство в целом, выражается в тенденции к «американизации Европы и европеизации Америки». При чем различные перемены экономической погоды в виде колебаний кон'юнктуры ничего не изменяют в происходящем процессе, так как кон'юнктурные под'емы сопровождаются кон'юнктурными же падениями, что в конце концов уравновешивает противоположные колебания капиталистической динамики. Тенденция замедленного темпа роста производительных сил мирового капитализма также не нарушается и действием закона неравномерного развития как отдельных стран, так и отдельных отраслей. Ссылка на перемещение центра тяжести капитализма в виду индустриализации отсталых стран, как на фактор, способствующий более ускоренному росту производительных сил мирового капитализма, не может быть признана основательной. Будет ли капитализм «цветным», как думает Зомбарт, или он останется «белым», наше утверждение от этого не колеблется. В действительности индустриализация отсталых стран, развившаяся во время войны очень быстро, с 1920 г. замедлилась. Кроме того, по своему удельному весу и типу своей индустриализации (развитие главным образом текстильной индустрии за счет вытеснения домашней промышленности) развитие этих стран не может существенно изменить общее состояние мирового хозяйства.

Но *качественный* прогноз требует дополнения в виде *количественного* прогноза для того, чтобы стало возможным сопоставление мировых показателей с проектировками пятилетнего плана СССР. Сочетая поэтому экономическую экспертизу, основанную на изучении отдельных отраслей и основных тенденций капитализма в целом, с методом экстраполяции, т.-е. условно допуская, что существующие условия капиталистического развития будут воспроизведены, и соединяя таким образом работу экономиста с работой статистика, мы получаем количественное выражение интересующих нас процессов. При этом мы отдаем себе ясный отчет в приближенности цифровых величин, однако, по совокупности имеющихся у нас данных склонны считать их скорее преувеличенными, чем преуменьшенными.

Пятилетний отправной план намечает такие темпы и отправляется уже от такого уровня, что директива «нагнать», а затем и «обогнать» в *первой* своей части становится вполне реальной. Что касается намеченных темпов, то они превышают темпы крупнейших капиталистических стран и средний мировой в несколько раз. Это видно из следующей таблицы:

Темпы производства за 5 лет в СССР и капиталистических странах. 1933 г. в %% к 1928 г

Страны.	Горная (добыча каменного угля)	Металлургия (выработка стали)	Текстильная (потребление хлопка [1])	Транспорт (погрузка железных дорог)	Электроснабжение	Нефтепромышленность (добыча нефти)	Химическ. (выработка азота без включения чилийской селитры)
Соед. Штаты	105,0	111,0	108,0	107,0	147,0	162,0	—
Англия	105,0	105,0	104,0	105,0	—	—	—
Германия	115,0	127,0	} 111,0	105,0	138,0	—	—
Франция	129,0	140,0	}	108,0	—	—	—
Весь мир	112,0	118,0	111,0	—	—	153,0	183,0
СССР [2] Отпр. вар.	193,8	199,8	173,0	167,3	450,0	167,0	7.086,9
СССР [2] Оптим. вар.	216,9	250,4	188,8	186,6	583,3	191,5	11.434,8

Из приведенных данных видно, что темпы производства за 5 лет не только по оптимальному варианту, но и по отправному превысят темпы указанных в таблице стран по перечисленным отраслям. Но как мы уже указывали, проблема «нагнать и перегнать» решается не одними только темпами. Необходимо принять во внимание также и уровни. В отношении довоенного уровня динамика видна из следующего сопоставления:

[1] Потребление хлопка дано за 1927/28 и 1932/33 хлопковые годы (с 1/VIII по 31/VII); Германия и Франция об'единены в целях устранения влияния границ.

[2] По СССР 1927/28 и 1932/33 хоз. годы.

Индексы важнейших отраслей.

Страны.	Добыча угля		Выработка стали		Потребление хлопка	
	Процентные отношения					
	1928 г. к 1913 г.	1933 г. к 1913 г.	1928 г. к 1913 г.	1933 г. к 1913 г.	1927/28 г. к 1913 г.	1932/33 г. к 1913 г.
	1913 г. = 100				1927/28 г. = 100	
С. Штаты	99,9	105,0	164,6	182,0	117,1	127,0
Англия	82,7	87,0	111,2	118,0	67,9	71,0
Германия	107,2	123,0	123,2	157,0	101,0 [1] (Германия и Франция)	112,0 [1] (Германия и Франция)
Франция	117,4	152,0	134,8	189,0		
Весь мир	100,4	112,0	145,0	170,0	111,3	123,0
СССР Отпр. вар.	119,0	230,6	97,8	195,4	105,1	181,0
СССР Оптим. вар.	—	258,2	—	244,9	—	198,3

Страны.	Погрузка ж. дорог		Электро-снабжение	Добыча нефти	
	Процентные отношения				
	1928 г. к 1913 г.	1933 г. к 1913 г.	1933 г. к 1913 г.	1928 г. к 1913 г.	1933 г. к 1913 г.
	1913 г. = 100		1928 г. = 100	1913 г. = 100	
С. Штаты	131,6	138,0	147,6	361,3	567,0
Англия	75,4	79,0	—	—	—
Германия	109,6	115,0	138,0	—	—
Франция	120,4	126,0	—	—	—
Весь мир	—	—	—	324,2	496,0
СССР Отпр. вар.	113,7	190,0	450,0	123,0	205,0
СССР Оптим. вар.	—	211,9	583,3	—	234,9

Из приведенных данных видно, что по отношению к довоенному уровню индексы СССР, за исключением индекса нефтедобычи, выше всех остальных стран. По нефтедобыче С. Штаты окажутся впереди.

Еще более отчетливое представление о динамике соревнования обеих систем — социалистической и капиталистической — дают абсолютные приросты, в которых резюмируется совокупное влияние темпов и уровней.

Абсолютные размеры производства в СССР и капиталистических странах.

Страны.	Горная—добыча камен. угля			Металлургия—выработка стали		
	Производство		Абсолютн. прирост от 1928 г. до 1933 г.	Производство		Абсолютн. прирост от 1928 г. до 1933 г.
	1928 г.	1933 г.		1928 г.	1933 г.	
	В тыс. метрич. тонн					
Соед. Штаты	516.620	542.700	26.080	50.650	56.000	5.350
Англия	241.547	253.050	11.503	8.727	9.163	436
Германия	150.835	173.460	22.625	14.502	18.450	3.948
Франция	52.427	67.640	15.213	9.398	13.157	3.759
Весь мир	1.180.573	1.320.000	139.427	109.209	128.876	19.667
СССР отправн. вар.	34.574	67.000	32.426	4.154	8.300	4.146
СССР оптим. „	—	75.000	40.426	—	10.400	6.246

[1]) Германия и Франция об'единены в целях устранения влияния границ.

Страны.	Текстильная—потребление хлопка			Транспорт—погрузка ж. д.		
	Производство		Абсолютн. прирост от 1928 г. до 1933 г.	Производство		Абсолютн. прирост от 1928 г. до 1933 г.
	1927/28 г.	1932/33 г.		1928 г.	1933 г.	
	В тыс. кип			В тыс. метрич. тонн		
Соед. Штаты	6.770	7.330	560	1.274.767	1.364.000	**89.233**
Англия	2.904	3.014	110	310.672	326.207	**15.535**
Германия	2.765 [1]) (Германия и Франция)	3.063 [1]) (Германия и Франция)	298 [1]) (Германия и Франция)	437.280	459.144	**21.864**
Франция				234.314	253.059	**18.745**
Весь мир	25.540	28.233	2.693	—	—	—
СССР отправн. вар.	374	645	271	150.600	252.000	**101.400**
СССР оптим. „	—	706	332	—	281.000	**130.400**

Страны.	Электроснабжение			Нефтепромышленность—добыча нефти		
	Производство		Абсолютн. прирост от 1928 г. до 1933 г.	Производство		Абсолютн. прирост от 1928 г. до 1933 г.
	1928 г.	1933 г.		1928 г.	1933 г.	
	В мрд. килоуатт-часов			В тыс. метрич. тонн		
Соед. Штаты	83	122	39	119.464	193.133	**73.866**
Англия	—	—	—	—	—	—
Германия	13	18	5	—	—	—
Франция	—	—	—	—	—	—
Весь мир	—	—	—	174.133	266.660	**92.533**
СССР отправн. вар.	2,4	10,8	8,4	11.333	18.933	**7.600**
СССР оптим. „	—	14,0	11,6	—	21.700	**10.367**

По абсолютному приросту каменного угля и погрузок железных дорог СССР опередит все страны, в том числе и С. Штаты. Почти четверть мирового прироста добычи каменного угля приходится в 1932/33 г. на СССР. Абсолютный прирост выработки стали в СССР в 1932/33 г. будет выше прироста каждой из европейских стран, но ниже прироста С. Штатов. Из всего мирового роста на долю СССР приходится в 1932/33 г. почти ⅕ всего мирового прироста выплавки стали. Абсолютный прирост потребления хлопка будет выше в 1932/33 г. прироста Англии и весьма близко подойдет к абсолютному приросту Франции и Германии, но будет вдвое ниже прироста потребления хлопка в С. Штатах. По отношению к абсолютному приросту мирового потребления прирост СССР составит 10%. По электроснабжению абсолютный прирост в СССР в 1932 г. составит 8,4 млрд. квт.-часов, что превысит абсолютный прирост Германии в 5 млрд. квт.-часов, но будет в пять раз ниже, чем абсолютный прирост С. Штатов. Химический уклон получает в пятилетке яркое выражение, но в этой отрасли наши исходные позиции настолько слабы, что сравнение со странами, достигшими крайне высокого уровня химизации, нецелесообразно. Добыча нефти запроектирована как по темпу, так и по абсолютному приросту в относительно умеренных размерах. Хотя абсолютный прирост СССР составит в 1932/33 г. примерно 8,5% всего мирового прироста, но будет гораздо ниже абсолютного прироста С. Штатов. Учитывая, что запасы нефти в СССР составляют свыше 13% мировых запасов, в то время

[1]) В целях устранения влияния границ Германия и Франция соединены.

как запасы нефти в С. Штатах составляют несколько более 16%, а также относительно высокую производительность труда в нашей нефтеобрабатывающей промышленности и роль нефти, как международного товара, следует признать, на фоне этих данных, сравнительно небольшой размах проектировки в области жидкого топлива.

Большие производственные показатели опираются, в свою очередь, на крупные сдвиги в технике. По проектировке пятилетнего плана в 1932/33 г. в СССР на одного занятого в промышленности уже приходится 2,73 лош. силы, вместо 1,4 л. с. Это дает почти удвоение (плюс 84%) или около 17% в год, в то время как в Англии за 17 лет (1907—1924) соответствующий прирост составлял 34,6%, т.-е. 2% в год, а в Германии за 18 лет (1907—25) — 124%, т.-е. около 7%.

Таким образом, пятилетний отправной план позволяет нам значительно приблизиться к передовым европейским странам, но от С. Штатов мы еще будем отставать, хотя это отставание будет происходить в замедленных темпах.

Оптимальный вариант, естественно, дает еще больший разгон. По этому варианту по выработке черного металла СССР займет после С. Штатов, Германии и Франции четвертое место в мире, оставив позади себя Англию, а по углю по обоим вариантам — четвертое место. Но фактическое потребление этих продуктов в старых капиталистических странах ниже показателей производства, так как значительная доля продукции экспортируется. Таким образом, даже по отправному варианту СССР, например, по потреблению черных металлов, обгонит Англию, которая непосредственно перед войной потребляла только около 8 млн. тонн чугуна. Обогнать в течение 5 лет почти полуторавековое развитие английского капитализма — событие всемирно исторического масштаба, равное по своему значению геологическому перевороту и бесспорно утверждающее примат социализма как высшей формы хозяйства!

Что касается сельского хозяйства, то мы можем привести только один показатель — по пшенице, при чем, в виду характера данных, сопоставление можно сделать только по оптимальному варианту. Мировой прирост потребления (или производства) пшеницы на предстоящие пять лет составит, вероятно, около 6%, что соответствует нормальному приросту пшеницы в период 1913 — 28 гг., составившему около 16%. В абсолютном размере это дает прирост в 78 млн. квинт., что будет равняться предполагаемому экспорту в 1932/33 г. по оптимальному варианту. Это свидетельствует о том, какой масштаб прироста товарной продукции пшеницы запроектирован по оптимальному варианту. Удельный вес нашего производства пшеницы увеличится с 18,7% в мировом производстве до 34%. Качественный сдвиг в сельском хозяйстве в связи с пятилетним планом коллективизации, как и другие социальные сдвиги, мы оставляем вне поля нашего рассмотрения.

Однако, одно обстоятельство, которое до сих пор мы сознательно игнорировали в нашем изложении, перемещает свет и тени в менее благоприятную для нас сторону. Если рассчитать продукцию на душу населения, то хотя по сравнению с нынешним уровнем национального дохода мы получаем к 1932/33 г. рост на 61% на душу, но при сопоставлении с капиталистическими странами приведенные выше темпы заметно снижаются. Происходит это потому, что ежегодный мировой прирост народонаселения составляет всего 0,5% при запроектированном приросте по отправному варианту в 2,3% в год, т.-е. почти в 5 раз ниже. С точки зрения динамического развития народного хозяйства бурный рост народонаселения является, при крупном росте материального производства, залогом мощи и преуспевания страны, но в кон'юнктурном отношении, как мы уже отмечали, он несет с собой ряд затруднений, которые мы и испытываем в настоящее время.

Переходя к сопоставлению цен у нас и в иностранных государствах, мы приходим к следующим результатам.

Отношение оптовых цен в заграничных странах к ценам в СССР, принятым за 100 за соответствующие годы.

		Сел.-хоз. товары	Промышл. товары	Все товары
Англия	1913	140	62	93
	1928	140	39	74
Германия	1913	143	55	89
	1928	132	42	75
Франция	1913	157	67	102
	1928	134	37	71
Соед. Штаты	1913	142	59	91
	1928	129	43	74

Приведенные данные показывают, что тотальный индекс в заграничных странах был в довоенное время ниже русского индекса на 7 — 10%; в 1928 г. «ножницы» раздвинулись, при чем раствор составляет в настоящее время, примерно, 25%. Что касается групповых индексов, то индекс с.-х. товаров в довоенное время был у нас значительно ниже, чем в вышеприведенных иностранных государствах, при чем в настоящее время это расстояние несколько уменьшилось. Что касается промтоваров, то здесь раствор «ножниц» значительно возрос как вследствие роста цен у нас, так и в силу падения цен на промтовары за границей, так что в настоящее время заграничный индекс промтоваров примерно в 2½ раза ниже, чем у нас. Однако, сопоставление цен у нас и в капиталистических странах ограничивается спицифическими условиями ценообразования в советских условиях, что в известной степени снижает показательность приведенных данных.

Что касается прогноза мировых цен, то в виду сложности факторов мы можем дать прогноз только качественный. В этом отношении имеются разные прогнозы, но во всяком случае можно сказать, что преобладают прогнозы в сторону снижения цен. Такая перспектива неизбежно вытекает из данной нами выше оценки производственных и рыночных условий мирового хозяйства. Фактически цены снижаются, особенно цены на промышленные товары. По мировому индексу это снижение с 1925 г.—года стабилизации валюты — составляло примерно 3 пункта в год. Но если взять английские цены, которые наиболее показательны для мировой динамики цен, так как Англия—страна свободной торговли, мировой торговый и финансовый центр, то там средне-годовое снижение составляло примерно 6 пунктов. Поэтому, если исходить из таких цифр, то следует полагать, что в течение пяти лет снижение мировых цен будет, вероятно, больше, чем у нас намечено по отправному варианту (13%).

Что мировые цены будут снижаться, это признают даже такие экономисты, которые раньше утверждали, что цены будут повышаться. Можно сослаться на известного английского экономиста Кейнса, который из Савла превратился в Павла. Можно назвать также и Ал. Юнга, бывшего председателя американского статистического о-ва, а также недавно вышедшую солидную работу американского экономиста Миллса, который также ставит прогноз на снижение цен. Следует ожидать, что это снижение будет итти более медленным темпом, чем до сих пор, поскольку в настоящее время влияние денежной сферы на цены в известном смысле элиминировано.

Исходя из того, что цены будут снижаться, можно предвидеть некоторый рост заработной платы в капиталистических странах в той мере, в какой снижение цен затронет бюджетный индекс. Поскольку капитализм,

как правило, развивается на основе относительной прибавочной стоимости, и, как исключение, на основе абсолютной прибавочной стоимости, можно с известным основанием ожидать также и некоторого роста номинальной заработной платы, о размерах которого, понятно, судить в настоящее время трудно. Но и этого пролетариат сможет добиться только в упорных классовых боях. Во всяком случае, относительное положение пролетариата в виду выкачивания относительной прибавочной стоимости и роста безработицы будет ухудшаться, что должно будет обострять и расширять классовую борьбу как экстенсивно, так и интенсивно.

Совершенно несопоставимым является с о ц и а л ь н ы й прогресс в СССР по сравнению с капиталистическими странами. Намеченное расширение производства государственная промышленность должна осуществить по отправному варианту при росте занятой рабочей силы на 26% за пятилетие и при росте реальной зарплаты на 56%, а по оптимальному соответственно на 32% и 71% (со включением строителей цифра рабочих возрастет на 40 — 50%). На ряду с этим предполагается доведение средней продолжительности рабочего дня с 7,71 часа в 1927—28 г. до 6,86 ч. в 1932—33 г., при чем ожидается смягчение безработицы как в городе, так и в деревне (аграрное переселение). В Соед. Штатах — стране самой высокой заработной платы, — чтобы довести реальную зарплату до современного уровня, т.-е. повысить ее на 38,1%, потребовалось 14 лет. Индекс реальной зарплаты по отношению к довоенному составлял в 1928 г.: в С. Штатах—138,1, в Германии—квалифицированные рабочие — 95,4 и неквалифицированные — 109,2, в Англии — 108,4, а в СССР в 1927/28 г. (включая и коммунальные услуги) — 122,5%, а в 1932 — 33 г. по отправному варианту — 192,3%. Что касается продолжительности рабочего дня, то при продолжительности рабочей недели в 1927—1928 г. — 44,6 часа и в 40,2 часа к концу пятилетия в СССР, в С. Штатах продолжительность в фабрично-заводской промышленности составляет в настоящее время 49,6 часа, в Англии — 47 — 48 часов, в Германии — 47 — 52 часа в различных отраслях.

Для сопоставления темпов социального прогресса у нас и в передовых капиталистических странах можно сослаться на замечание последнего тома отчета Бальфура о состоянии английской промышленности (Final Report of the Comittee on Industry and Trade, p. 103), из которого явствует, что в течение двадцатилетнего периода перед войной рабочая неделя в Англии была сокращена всего только на 1 час. Автор не упоминает, что это было достигнуто в результате упорной классовой борьбы. Что касается зарплаты, то исследование ее динамики в Англии, Франции и С. Штатах за XIX ст. показывает, что для удвоения реального уровня зарплаты в этих странах в среднем потребовалось около века. В связи со всем вышесказанным можно сделать еще один поучительный вывод — именно, что относительный темп социального прогресса, взятый пятилетним планом, не только не отстает, но обгоняет производственный и технический прогресс.

В области наших т о р г о в ы х связей с заграницей намечается восстановление довоенного уровня экспорта с некоторым превышением. Это—большой прыжок, так как в настоящее время экспорт достиг только около 40% этого уровня, и даже крупнейшая торговая страна — Англия — восстановила к 1928 г. только 71% своего экспорта. Таким образом, измышления буржуазной печати о стремлении к автаркии этим решительно отметаются. По оптимальному варианту, который ориентируется среди прочих благоприятных факторов и на увеличение иностранных кредитов, хозяйственные связи должны будут еще более возрасти. Особенностью экспортного плана является восстановление х л е б н о г о экспорта. В связи с тем, что материальный рост производства запроектирован в еще более высоких темпах, чем экспорт, наши торговые связи относительно не вырастут. По отношению к валовой продукции 1932/33 г. экспорт составит приблизительно около 3%, что близко к современным соотношениям. Этим самым и определяются небольшие сдвиги в нашем удельном весе в мировом товарообороте, хотя, повторяем, абсолютные масштабы заметно увеличиваются.

Подводя итоги, не следует скрывать от себя огромных трудностей, которые связаны с выполнением взятой на себя задачи по пересозданию огромного участка мирового хозяйства на началах социализма. Но пятилетний план ярко освещает перед нами исторический лабиринт и облегчает предстоящий путь, а партия, опирающаяся на мощные массовые рычаги—профсоюзы, советы и кооперацию,—вооруженная надежным компасом ленинизма, является испытанным мобилизационным центром, который сорганизует и воодушевит огромные человеческие резервы для осуществления исторического дела. Успешное выполнение пятилетнего плана, превращающегося, как в свое время план ГОЭЛРО, во «вторую программу партии», будет историческим приговором для пережившего себя капиталистического строя, который несется бесцельно, «без руля и без ветрил» по пути к своей гибели.

В. Шемятовский.

Топливно-энергетическая проблема в пятилетнем плане.

Наступившее пятилетие, 1928/29—1932/33 гг., является для страны пролетарской диктатуры полосой великого строительства и великих задач.

«Социалистическое хозяйство Советского Союза должно в сравнительно короткий исторический срок догнать и перегнать высокоразвитые, передовые капиталистические страны». В кратчайший исторический срок надо будет выровнять фронт нашей экономики в уровень с достижениями нашего социально-политического строя.

Каковы же руководящие вехи и конкретные пути социально-технической реконструкции? Если политико-экономическое содержание пятилетнего плана народного хозяйства заключено в проводимой нами генеральной линии «индустриализации страны», то генеральной линией технической реконструкции народного хозяйства является энергетика.

Первый единый народнохозяйственный план ГОЭЛРО был создан на энергетическом фундаменте, на этом же фундаменте мы строим и пятилетний план развития социалистического хозяйства. Прошедшая полоса социалистического строительства и весь мировой опыт технического прогресса производительных сил с еще большей убедительностью подтверждают, что энергетика есть руководящее звено в общей цепи технической реконструкции.

Абсолютные величины потребления электроэнергии и топлива становятся универсальными показателями степени индустриализации страны и уровня технического прогресса.

В абсолютных цифрах потребление топлива и электроэнергии в СССР пока еще незначительно. В сравнении с мировыми странами мы сейчас стоим на предпоследнем месте. Но тем более лежит ответственность перед пролетариатом нашего Союза выровнять экономический фронт. Эту задачу в значительной мере и берет на себя пятилетний план народного хозяйства.

Особо значительную и ответственную роль в общей проблеме энергетики должна занять топливная индустрия. Если одним из технически совершенных и экономически рациональных путей использования энергии является электрическая энергия, то основным источником получения механической энергии, включая и электрическую, является все-таки топливо: уголь, нефть, торф и др. Современная техника не нашла еще целесообразных методов и способов использования в крупных масштабах других громадных источников энергии в природе, за исключением гидроэнергии. Для этого можно бы было привести следующую иллюстрацию. Возьмем всю мощность

энергетического аппарата послевоенной промышленности ряда государств и посмотрим, какими источниками энергии этот аппарат питается:

	САСШ	Англия	Германия	Швеция	СССР
1. Мощность тепловых установок в %% к общ. мощн. . .	79,6	98,8	90,0	31,0	96,5
2. Мощность гидроустановок в %%	20,4	1,2	10,0	69,0	3,5
Итого . . .	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

За исключением тех стран, где слабы топливные ресурсы и, наоборот, богаты водные ресурсы, все остальные имеют свою энергетическую базу в топливе. Очевидно, и наш СССР при форсированном использовании гидроэнергии в основе будет базироваться на тепловой, топливной энергии.

Кроме того, механическая энергия в промышленности при полной ее электрификации составит в топливном балансе промышленности не более 30—35%. Остальные 65—70% заполняются топливом на технологические процессы. Отсюда видно, что электрификация не разрешает целиком топливной проблемы, но является самым совершенным методом использования топливной энергии и технической реконструкции всего энергобаланса.

Если проблема электрификации прямым образом упирается в топливную проблему, то в эту же самую проблему упираются и такие отрасли промышленности, как металл, химия, стройматериалы, составляющие основной костяк индустриализации страны. Отсюда не удивительно, что, если взять только указанные четыре отрасли: электростанции, металл, химию, стройматериалы, то их удельный вес в потреблении энергии, переводя на условное топливо, выражается по отношению ко всей промышленности в 1927—28 г.—55,5%, в 1932—33 г.—63%. Проблемы индустриализации страны и энергетической реконструкции могут быть разрешены одновременно с разрешением топливной проблемы. В частности будущие индустриальные комбинаты мыслятся как единые производственные комбинаты в сочетании, например, угля, металла, химии, электроцентралей. Достаточно отметить, что основной базой для химии является коксовый газ. А такие низкосортные угли, как подмосковный, являются для химии и энергетической базой и сырьевой.

Из приведенной иллюстрации уже достаточно видно, что топливно-энергетическая проблема проходит красной нитью во всей нашей хозяйственной концепции, во всей хозяйственной системе, занимая роль ведущего и переобразующего начала.

Надо думать, что приведенные выше данные дают возможность с большей ясностью определить основные задачи топливной индустрии в пятилетнем плане развития народного хозяйства. Эти задачи должны преследовать достижение одной цели: обеспечить прочную топливно-энергетическую базу под развитие социалистической индустрии. Топливоснабжение страны должно быть прежде всего устойчивым и бескризисным, базироваться исключительно на развитии и использовании собственных ресурсов Союза, не прибегая к импорту топлива. Топливо не должно стать ограничивающим фактором в индустриальном развитии Союза. В соответствии в этими основными установками и запроектированным ростом народного хозяйства страны по оптимальному варианту основные элементы топливного плана можно было бы выразить в следующих показателях, беря в расчет группу промышленно-технических потребителей:

	1927/28 г.		1932/33 г.		32/33 г. в %% к 27/28 г.
	Колич.	%%	Колич.	%%	
I. Внутр. потребление в млн. тонн усл. топл.					
а) Трансп. ж. д. и водн.	16,30	30,3	23,50	24,7	152,0
в) Промышл. и электроцентр.	34,14	63,5	66,40	69,5	195,0
В т. ч. электроцентрали	2,41	4,5	7,40	7,7	307,0
г) Коммун. потребл. и проч. груп.	3,88	6,2	5,50	5,8	163,0
Всего потребл. внутри страны	53,82	100,0	95,40	100,0	177,0
д) Превышение экспорта над импортом	1,78	—	4,60	—	257,0
Всего с превыш. экспорта	55,60	—	100,0	—	180,0
II. Добыча в натуральн. единицах					
1. Дров милл. куб. мтр.	50,49	—	59,80	—	118,5
2. Торф милл. тонн	7,21	—	16,00	—	222,0
3. Камен. уголь милл. тонн	35,37	—	75,00	—	212,0
В т. ч. Донбасс в милл. тонн	27,26	—	53,00	—	195,0
4. Нефть сырая милл. тонн	11,72	—	21,70	—	185,0
В т. ч. выход нефтетоплива в милл. тонн	8,25	—	12,54	—	152,0
Всего в милл. тонн усл. топл. (7000 кал.)	57,49	—	105,00	—	182,5
III. Абсол. велич. запас. в милл. тонн усл. топ. к концу года	24,60	—	41,50	—	168,5
IV. Обеспечен. запасами в месяцах общая	4,95	—	4,70[1]	—	—
В т. ч. каменн. угля	2,30	—	3,15	—	—

Останавливаясь пока на расходной части баланса, необходимо отметить характерные сдвиги в нем. Прежде всего, громадный рост потребления до 95,4 милл. тонн условного топлива внутри страны и 100,0 милл. тонн с экспортом. Величина этих цифр говорит сама за себя. Лишь полтора года назад в опубликованных официальных материалах по генплану расход условного топлива внутри страны на 1940—41 г. намечался в 100,0 милл. тонн. Такова суровая действительность! К концу пятилетия расход топлива внутри страны достигнет 191,0% от 1913 г. Этот бурный рост потребления топлива сопровождается значительным структурным изменением по видам топлива, участвующим в балансе. Доля участия отдельных видов топлива по расходу внутри страны в %% к общему расходу выразится:

	1913 г.	1927/28 г.	1932/33 г.
Древесное топливо	24,8	17,6	11,4
Торф	1,7	4,8	7,1
Каменный уголь весь	57,0	59,4	65,3
В т. ч. Донбасс	51,0	48,4	49,2
В т. ч. проч. бассейны	6,0	11,0	16,1
Нефтетопливо	16,5	18,2	16,2
Итого	100,0	100,0	100,0

[1]) Устойчивость топливоснабжения страны определяется не столько общими запасами топлива, сколько запасами кам. угля, а конкретно у нас донецкого. Вот почему незначительное снижение общих и значительное повышение в части кам. угля не ухудшает общее состояние плана, а несколько улучшает.

Качественная сторона расходного баланса изменяется в сторону значительного улучшения. Резко снижается удельный вес древесного топлива, как малоценного и не имеющего особых перспектив на его рациональное техническое использование. Снижается доля участия и нефти, но уже по другим причинам—в результате значительного расширения переработки ее на светлые нефтепродукты. На нефть в наше время нельзя уже смотреть, как на топливо. Каменный уголь и торф—вот основная наша топливная база и настоящего и тем более будущего. На эти виды топлива мы и делаем в пятилетнем плане основную ставку, повышая резко их удельный вес. И, что необходимо подчеркнуть—это бурный рост удельного веса углей прочих районов с 6% в 1913 г. до 11% в 1927—28 г. и 16,1% в 1932—33 г. В связи с изменением промышленной географии страны и успехами техники использования низких сортов топлива мы все более вовлекаем в орбиту нашего индустриального развития новые энергетические центры и новые сорта топлива. Этим нисколько не умаляется огромная роль Донбасса.

Значительное изменение претерпевает потребление топлива среди основных потребителей промтехнической группы.

Экономико-техническая отсталость нашей страны особенно ярко вырисовывается тогда, когда мы рассматриваем характер потребления топлива по основным группам потребителей. Например, распределение топлива в развитых капиталистических странах и СССР так складывается в % к общему итогу:

	Промышленн. и электростан.	Транспорт ж.-д. и водн.	Прочие потребит.
Германия	75,0	17,0	8,05
Англия	82,0	14,5	3,5
САСШ	75,0	20,5	4,5
СССР 1913 г.	59,0	35,0	6,0
„ 1927/28 г.	63,5	30,3	6,2
„ 1932/33 г.	69,5	24,7	5,8

Отсюда видно, что мы все ближе по структуре потребления топлива подходим к развитым индустриальным странам Запада и Америки. Удельный вес промышленности и электрификации быстро растет, и сглаживается диспропорция между расходом промышленности и транспорта при одновременном росте и сети транспорта и его работы. Из отдельных отраслей промышленности особенно бурно растет потребление энергии за пятилетие: электроцентрали—307,0%, металл с электротехникой—200%, химия—415%, стройматериалы—210%, вместо средней по СССР—177,0%.

Тот факт, что мы в 1932—33 г. израсходуем 100,0 милл. тонн условного топлива, что в переводе на натуральное топливо, благодаря низкому теплотворному коэффициенту нашего топлива, составит около 130,0 милл. тонн, заставляет подумать о формах и путях использования этого топлива, и в особенности о транспортировании этой колоссальной массы. В особенности этот вопрос приобретает актуальное значение в условиях нашего хозяйства, развивающегося в значительной степени (до 40%) на дальнепривозном топливе, с продвижением около 40,0 милл. тонн топлива от мест добычи до районов потребления на расстояния от 500 до 2.000 километров.

Те колоссальные средства, которые мы вкладываем в основной капитал нашей промышленности и транспорта в наступающее пятилетие, дадут возможность поднять технический уровень нашего хозяйства на значительную высоту, и этим самым создаются благоприятные предпосылки для рационального и более эффективного использования топливной энергии. К концу пятилетия снижение удельных расходов топлива на единицу продукции в про-

мышленности выразится в 32,5%, а по транспорту—в 15,0%. На этом участке разрешается вся топливно-энергетическая проблема пятилетнего плана, в особенности в условиях наступающего пятилетия, характеризующегося чрезвычайным напряжением топливного фронта.

Здесь опять мы приходим к прежнему положению, что основным и технически более совершенным путем в использовании топлива остается электрификация. В наступающее пятилетие мы должны достигнуть значительных результатов в комбинировании производства электроэнергии с производством тепла для технологических целей, что должно найти особенно широкое применение в металлургической промышленности, химической и др.

Преимущества нашего планового хозяйства дают нам возможность развить такие темпы электрификации СССР, каких не знает ни одно из крупных государств капиталистических стран.

Основные показатели производства и потребления электроэнергии в наступающее пятилетие можно выразить в следующих цифрах:

	1927/28 г.		1932/33 г.		32/33 г.
	Колич.	%%	Колич.	%%	в %% к 27/28 г.
1. Мощность всех электростанц. Союза в тыс. квт.	1.685	100,0	4.843	100,0	273,0
В т. ч. район. станции . . .	580	34,5	2.550	53,0	440,0
2. Выраб. электр. энергии всеми станц. Союза в милл. квтч.	5.136	100,0	17.230	100,0	340,0
В т. ч. район. станции . . .	1.866	36,0	10.500	61,0	563,0
3. Потреблен. электр. энергии только промыш. в милл. квтч.	3.308	100,0	11.600	100,0	351,0
В т. ч. от районн. станций .	1.130	33,5	6.823	59,0	605,0

При росте валовой продукции за пятилетие в 2,75 раза, топлива — 1,91 раза, электроэнергия растет в 3,4 раза. Если по количеству вырабатываемой электроэнергии мы теперь стоим позади высокоразвитых капиталистических государств мира, то к 1932—33 г. мы займем уже 6-е место и будем стоять примерно на одном уровне с Англией. Мы считаем, что это есть минимум достижений, ибо по металлу мы будем занимать 4-е место, в первых рядах мы будем стоять и по добыче нефти.

Если мы в количественном выражении к концу пятилетия по выработке и потреблению электроэнергии не займем еще передовых позиций среди крупнейших стран мира, то по структуре нашего энергетического аппарата, по качеству его, мы, несомненно, будем стоять на этих передовых позициях. Доля участия электроэнергии в общей выработке механической энергии повышается с 56% в 1927 — 28 г. до 83,5% в 1932 — 33 г. Коэффициент электрификации промышленности у нас повысится с 56% в 1927 — 28 г. до 77% в 1932 — 33 г. по отправному варианту и до 82% по оптимальному варианту, в то время как он теперь достигает в С.-А. С. Ш. 73%, в Германии — 67%, а в Англии — даже 50%.

Нельзя не отметить еще одного из важнейших показателей высоты уровня нашего энергетического аппарата, это — централизации выработки электроэнергии на станциях районного значения к общей сумме выработки электроэнергии. Здесь мы подымемся с 36% в 1927 — 28 г. до 61 — 62% к 1932 — 33 г. против современных цифр по С.-А. С. Ш. 71,5% и Англии 47%. Здесь мы можем твердо отметить, что тенденция реконструктивного процесса идет к тому, когда центр тяжести энергетики в нашем хозяйстве вплотную подходит к системе плановых мощных, экономически и технически выгодных для страны электроцентралей. Благодаря мощной электрификации энергетического аппарата промышленности коэффициент использования топлива в промышленности значительно повышается.

В условиях современного энергетического хозяйства нашей промышленности топлива потребовалось бы в 1932—33 г. не 66,0 млн. тонн, а около 90 млн. тонн. Таким образом, предполагаемое энергетическое перевооружение в промышленности дает экономию в 24 млн. тонн условного топлива. Те сдвиги, которые произойдут к концу пятилетия по линии усиления роли мощных электростанций в общем энергетическом аппарате, дадут экономию в 9,0 млн. тонн условного топлива. Удельный вес электроэнергии в переводе на топливо в расходном топливном балансе страны повышается с 9,0 до 18,0%. Таким образом, 18,0% топливного баланса в 1932—33 г. будет замещать электроэнергия, как один из технически совершенных и экономически рациональных видов энергии. В топливном балансе С.-А. С. Ш. электроэнергия занимает в настоящее время около 15%.

Очередная проблема, стоящая перед народным хозяйством, заключается в том, чтобы найти применение электроэнергии не только для нужд силовых процессов и освещения, но и для технологических, производственных процессов. На технологические нужды, которые составляют в промышленности 65% расхода топлива, идет электроэнергии теперь около 1—1,2% от всей потребляемой промышленностью электроэнергии. Современная техника дает уже образцы разрешения этой проблемы, когда электроэнергия идет и на технологические цели в производстве в металлургических процессах и электрохимических процессах, в особенности в странах с дешевой гидроэнергией. Так, например, в Норвегии на долю означенных отраслей промышленности падает 37% мощности электрических установок в промышленности. Во Франции на эти нужды в 1924 г. пошло около 1.200 млн. квч., что равно около 1,0 млн. тонн условного топлива. Мы тоже можем пойти по этому пути, в частности с постройкой Днепростроя. По грубым расчетам расход электроэнергии на эти цели к 1932—33 г. достигает около 15,0% всего расхода электроэнергии, вместо, как мы указывали выше, 1—1,2% 1927—28 г. Этим самым мы уже заменяем около 1,8 млн. тонн условного топлива.

Но этим еще роль электрификации в рациональном использовании топлива и реконструкции топливного баланса не кончается. Одним из важных моментов влияния электрификации на топливное хозяйство является использование под котлами крупных электроцентралей низких сортов топлива, как местное топливо торф, штыбы и всякие низкие сорта углей и отбросов.

Использование низких сортов топлива электроцентралями достигнет таких размеров:

Мощность районн. станций по отношению к общей мощности работающих:	1927/28 г. в %%	1932/33 г. в %%
1. На торфу	7,0	25,5
2. На штыбе и проч. низких сортах углей	4,0	23,0
3. Гидроэнергия	2,0	22,0
Итого . . .	13,0	70,5

Таким образом, наши мощные электроцентрали сберегут нам к концу пятилетия около 5,0—5,5 млн. тонн условного топлива лучших сортов благодаря потреблению худших.

Таковы в общих чертах пути реконструкции, рационального построения топливного баланса на базе электрификации и методы технически совершенного использования топлива в пятилетнем плане.

Энергетическое районирование страны в условиях планового хозяйства есть основной принцип, положенный еще в основу первого генерального плана (ГОЭЛРО). В этом вопросе разрешается ряд существеннейших проблем социалистического строительства, например, проблема транспорта, местных топлив и проблема географического размещения промышленности.

Характерной чертой нашего хозяйства на данной стадии является диспропорция между общим уровнем и темпом развития хозяйства и его энергетической базой, и в особенности если мы подойдем к этому с точки зрения положения отдельных районов. В смысле территориального расположения энергетических ресурсов, имеющих промышленное значение, наш Союз находится в менее выгодном положении по сравнению с другими индустриальными странами, как Германия, Англия, С.-А. С. Ш. Самые основные топливные базы нашего Союза—Донбасс, Кузбасс, Баку находятся на колоссальном расстоянии от таких высокоразвитых промышленных районов, как Ленинградский район, Урал, ЦПО и др., не имеющих своей достаточной энергетической базы. Таких перевозок топлива, как на расстояние от 500 до 2000 километров внутри страны, не имеет ни одно капиталистическое государство.

Эта диспропорция в народном хозяйстве до войны в основном смягчалась колоссальным импортом иностранного угля и хищническим истреблением лесов на древесное топливо.

Надо прямо отметить, что при значительных сдвигах в этом деле, все-таки в наступающее пятилетие мы еще будем далеки от более удачного разрешения районной энергетической проблемы. При всем форсировании местных топлив, как торфа, каменных углей местного значения, мы к концу пятилетия не только не освобождаемся от дальнепривозного топлива, но даже увеличиваем от него свою зависимость. Если в 1927—28 г. в общем расходном топливном балансе страны на долю дальнепривозного топлива падало 33,5%, то к 1932—33 г. оно возрастет до 35—37%. В особенности это ярко чувствуется при анализе отдельных районов, дефицитных по топливу. По ЦПО расход условного топлива к концу пятилетия повышается на 73,7%. При этом роль местного топлива торфа и подмосковного угля повышается с 23,8% от общего баланса до 34,7%. Но при значительном снижении дровяного топлива доля участия дальнепривозного топлива повышается с 50,5% до 52,3%. По Ленинградскому району при росте расхода топлива на 67% роль дальнепривозного топлива к общему расходу стабилизируется на уровне 68% при значительном росте роли торфа с 3,4% до 10,6% и сокращении дров.

По Уралу при росте расхода условного топлива к концу пятилетия на 128% зависимость от кузнецкого топлива повышается с 23% до 29,3% при значительном росте расхода местного топлива, каменных углей и торфа, кроме древесного топлива. Надо отметить, что древесное топливо, игравшее для Урала когда-то доминирующее значение, теперь все более начинает исчерпываться и к концу пятилетия будет составлять 23,5% вместо 40,7% для 1927—28 года. Теперь уже становится совершенно ясно, что при всех благоприятных условиях развития на Урале местной топливной базы его будущее индустриальное развитие мыслимо только в комбинировании с Кузнецким углем.

Несколько благоприятнее обстоит дело с Белоруссией, Средней Азией, Сибкраем и некоторыми другими районами, где усиленное развитие местных топливных ресурсов несколько смягчает зависимость от дальнепривозного топлива. Но из приведенных выше данных по трем основным районам: Ленинградский, Урал и ЦПО, составляющим к концу пятилетия по расходу топлива около 32,0% к общему расходу страны, а по расходу электроэнергии от районных странций 47,0%, видно, что их зависимость от дальнепривозного топлива к концу пятилетия несколько даже возрастет. Удельный вес в расходе топлива к концу пятилетия к общей цифре страны выразится по ЦПО 16,5% вместо 16,8% в 1927—28 году, соответственно по Ленинградскому району 6,7% и 6,2%, по Уралу—10,6% и 8,5%.

Очевидно, вывод пока напрашивается такой: если мы проблему использования местных топлив блестяще разрешим в применении к электрификации, то все же это будет частичное разрешение проблемы. Широкое использование

местного топлива в народном хозяйстве страны мы в пятилетнем плане еще не разрешили, несмотря на жесткую экономическую необходимость в скорейшем разрешении этой проблемы. Ни торф, ни подмосковный уголь широко рыночным топливом еще не являются.

Помимо электрификации, политика использования местного топлива, не терпящего дальних транспортных перевозок, могла бы быть разрешена рациональным географическим размещением вновь создающейся промышленности с точки зрения увязки вновь строящихся предприятий с дешевой и мощной энергетической базой. Но в наступающее пятилетие значительных сдвигов мы еще иметь не будем ни в смысле генеральной передвижки индустрии из одних районов в другие, ни в смысле более рационального размещения внутри самого района. В первом случае линию на высокие темпы развития старых индустриальных районов, не имеющих достаточной энергетической базы, можно еще в известной мере в текущем пятилетии оправдать, считаясь с тем, что на их долю выпадает роль создать новые районы, помочь новым индустриальным районам не только своей материальной базой, но и научно-техническим и организационно-практическим опытом. Но нельзя ничем, кроме как местным консерватизмом, об'яснить такую политику, когда новостроящиеся промышленные предприятия не оседают на месте энергетической базы, как торфяном массиве и других источниках, обязательно группируются в до предела насыщенных промышленностью городских центрах, например, Москва, Ленинград, Иваново-Вознесенск и т. д. Этим самым на данном периоде мы создаем несомненные затруднения в вопросе максимального использования местых низкосортных топлив.

При таких условиях в пределах текущего пятилетия проблема экономического районирования энергетического хозяйства не может получить законченных и совершенно четких форм. Кроме того, при громадном росте потребления топлива в решении конкретно поставленной задачи бездефицитности топливного баланса вопросы количественного порядка часто будут играть доминирующую роль и вынуждать к мероприятиям, далеко не всегда целиком оправдываемым экономическими соображениями.

Во всяком случае, одно должно быть решено уже в пределах текущего пятилетия, это—подготовка транспорта к громадной перевозке топливных грузов. Для ближайшего периода могли бы быть поставлены такие транспортные проблемы, как сверхмагистрали: 1) Донбасс—Москва—Ленинград, 2) Донбасс—Волга—Дон, 3) Кузбасс—Урал—Волга.

Разрешение этих проблем могло бы повести к полному решению топливной проблемы для целого ряда районов и вызвать, так сказать, переоценку ценностей в ряде моментов топливной экономики. Если в отношении сверхмагистрали Донбасс—Москва—Ленинград существуют некоторые неясности в учете будущих перспектив развития экономики ЦПО, Северо-Западной области и других районов, то сверхмагистрализация пути Кузбасс—Урал—Волга становится уже задачей дня. По отношению к ней можно было бы определенно сказать, что каждый день промедления несет большой вред для народного хозяйства. Надо определенно усвоить, что урало-кузнецкая проблема далеко выходит за рамки районной проблемы и становится всесоюзной проблемой. Речь идет о всесоюзном индустриальном комбинате, всесоюзном энергетическом центре. Вне разрешения транспортной проблемы перспектив для Кузнецкого бассейна на ближайшее время больше не может быть, несмотря на то, что Кузбасс является единственным по мощности энергетическим центром не только в СССР, но и в мире.

Задачи, которые ложатся на топливную индустрию в пятилетнем плане, чрезвычайно трудны и ответственны: дать стране к расходу 100,0 млн. тонн условного топлива в 1932—33 году, увеличить накопление запасов

в стране, создать необходимые производственные резервы, гарантирующие бесперебойное развитие хозяйства, и подготовить топливную промышленность для следующего пятилетия.

В результате изложенных требований, которые пред'являет народное хозяйство к топливной промышленности, размер добычи условного топлива к концу пятилетия запроектирован в сумме 105,0 млн. тонн против 57,5 млн. тонн 1927—28 г.

Основная ставка в развитии добычи топлива, как это видно из приведенных выше цифр, основных показателей баланса, делается на каменный уголь, добыча которого доводится до 75,0 млн. тонн (увеличение на 93,7%) и на торф с добычей к концу пятилетия в 16,0 млн. тонн (увеличение на 122,0%). Значительно ниже рост заготовок древесного топлива (на 18,2%) и нефтетоплива (на 53,0%).

Чтобы понять об'ем и сложность поставленных перед топливной индустрией задач и ответить на вопрос о реальности намеченной программы добычи, надо несколько уяснить себе ту топливную ситуацию, те реальные предпосылки, с которыми мы вступаем в пятилетие.

Первый год пятилетки застает нас в весьма напряженной топливной обстановке, характеризующейся:

1) чрезвычайным напряжением в работе топливной промышленности и особенно каменноугольной; достаточно отметить, что четвертый год мы работали без производственных резервов;

2) недостаточным обеспечением страны топливными запасами, в частности каменноугольными.

3) В области нового строительства значительно запоздали и не шли по намеченному ранее пути крупного строительства, так что на этом участке мы стоим в первоначальной стадии приступа к крупному строительству.

4) Текущий 1928—29 год и предшествующий 1927—28 год недостаточно использованы, как «годы разбега».

Иллюстрацией, подтверждающей приведенные положения, может особенно ярко служить закончившийся 1927—28 год. Топливный фронт обнаруживает отставание от общего темпа развития народного хозяйства: при росте промышленности за год на 23,0% и расхода топлива на 13,5% добыча топлива повысилась всего на 4,5%. Не выравнивает целиком это положение и 1928—29 год. Все эти обстоятельства накладывают на нас особую ответственность за судьбы топливного фронта.

Основные тяжести в развитии добычи топлива должны пасть на каменноугольную промышленность—дать стране 75,0 млн. тонн при капитальных затратах в 1250 млн. руб. Нельзя недооценивать громадного размаха и громадных трудностей в решении этой задачи. При всем этом пред'являемые к каменноугольной промышленности требования со стороны народного хозяйства являются минимальными и абсолютно твердыми.

Производственное участие основных каменноугольных бассейнов в общей добыче угля по СССР должно выразиться:

	1927/28 г. млн. т.	%	1932/33 млн. т.	%	1932/33 в % к 27/28 году.
1. Донбасс	27,26	77,0	52,60	70,1	+ 92,5
2. Кузбасс	2,46	7,0	6,00	8,1	+ 144,0
3. Урал	2,00	5,6	6,10	8,1	+ 205,0
4. Подмосков.	1,18	3,3	4,20	5,6	+ 256,0

Несмотря на бурный рост новых каменноугольных районов и на некоторое снижение удельного веса Донбасса в общей добыче угля, все-таки в 32—33 г. и, надо полагать, еще долгие годы Донбасс останется основной топливной базой страны, занимая в 32—33 году 70,1% в добыче угля по СССР

и 49,0% в добыче всего топлива страны. Поэтому решающую роль в нашем топливном плане, конечно, должен сыграть Донбасс.

Строительная программа Донецкого бассейна определяется в сумме 845 млн. рублей или 67,5% от всех затрат по каменноугольной промышленности. Характерной чертой в развитии Донецкого бассейна должно явиться то положение, что весь прирост добычи за пятилетие должен быть получен с новых производственных единиц и частью с реконструированных старых шахт, которые по существу будут переделаны заново. Донецкий бассейн вступает в новое пятилетие с полной исчерпанностью своей производственной мощности, без всяких резервов в старых шахтах.

В предшествующие годы в Донецкий бассейн было вложено около 330,0 милл. рублей, которые в основном пошли на форсирование текущей добычи старых производственных единиц без сколько-нибудь заметной и существенной реконструкции их. Запоздав с новым крупным строительством, не накопив необходимого организационного и практического опыта в крупном строительстве, Донецкий бассейн этим самым оказывается перед особо трудными задачами. Конкретная строительная программа Донбасса должна выразиться в том, чтобы полностью закончить находящиеся сейчас в проходке 17 крупных шахт, в коренной реконструкции 30—40 старых крупных шахт и немедленной закладке ежегодно от 10 до 12 новых крупных шахт. Для Донецкого бассейна не лишне подчеркнуть, что генеральный путь его развития есть крупное новое шахтное строительство и всякое отклонение от него, всякое замедление темпа чревато более серьезными последствиями, чем это было до сих пор. И если мы в текущем пятилетии вынуждены искать некоторых паллиативных мер, в роде реконструкции 30 — 40 старых шахт, а по проекту самого Донбасса даже 50 шахт, то таких выходов перед нами, очевидно, уже не будет, когда мы будем стоять на пороге следующего пятилетия, когда в старом Донбассе уже нечего будет расширять. А посему в отношении дальнейших лет мы не можем рассчитывать на паллиативные меры и не имеем права дальше запаздывать.

Урал и Кузбасс должны быть рассматриваемы в перспективе развития, как единый энергетический комбинат. Темп роста добычи по этим бассейнам далеко опережает средний темп роста по Союзу. По Кузбассу в числе 8 новых крупных шахт впервые будут заложены 2 шахты масштаба до 1 милл. тонн добычи. Таких гигантов не только не видал еще Кузбасс, но и вообще не видал наш Союз.

Значительное развитие получает Подмосковный бассейн, как внутренняя энергетическая база нашей страны. Несмотря на это, Подмосковный бассейн недооценен еще с точки зрения обороны страны, внутренней мобилизационной базы. Весь рост Подмосковного бассейна по существу обусловлен значительным развитием электрификации и химизации страны. Найти же применение на широком рынке Подмосковный уголь в наступающем пятилетии в значительном размере не может, хотя имеет на это все технические и экономические предпосылки. Отсюда стоит задача продвинуть Подмосковный уголь на широкий местный рынок.

Главные трудности в развитии каменноугольной промышленности будут заключаться не столько в технических моментах, сколько в организационных. Основным сковывающим лимитом в этой колоссальной работе будет время. Но как бы велики эти трудности ни были, они, несомненно, преодолимы и будут разрешены. Для этого необходима особо сильная воля и энергия, для этого, очевидно, необходим и здоровый хозяйственный риск.

Несколько другое положение получается в развитии торфодобычи. Несмотря на колоссальный рост его добычи (к концу пятилетия 16,0 милл. тонн, что составит 220% к 1927/28 г. и 1070,0% к 1913 году), мы все-таки основ-

ные трудности здесь имеем не на стороне производства, не на стороне техники и времени, а на стороне потребления его, размещения его по потребителям. Получив блестящее разрешение в развитии электрификации, торфяная проблема на широком рынке еще не разрешена. Единственным путем к облегчению топливного баланса повышением участия в нем торфа является разрешение задачи придания торфу транспортабельности (брикетирование, газофикация) и вообще удешевление его добычи. Большой сдвиг здесь мог бы произойти при выделении и оформлении торфяной промышленности в самостоятельную отрасль народного хозяйства, об'единенную в тресты. Существующие формы развития торфяной промышленности, как подсобного хозяйства, становятся уже препятствием для развития добычи и потребления торфа. Задача сделать торф рыночным топливом имеет колоссальную важность, и разрешение ее внесло бы значительные сдвиги в наш энергетический баланс. При затратах на торфяную промышленность в 196,0 милл. руб. реальность добычи торфа в 16,0 милл. тонн является больше обеспеченной, чем его использование.

Еще меньшие сомнения вызываются в реальности программы дровозаготовок в пятилетнем плане.

Ведь причина запроектированного роста дровозаготовок на + 18,2% к концу пятилетки заключается не в том, что нехватит производственно-технической возможности выполнить больший план, а в том, что здесь взята целевая установка сознательно на большее сокращение удельного веса древесного топлива в топливном балансе страны в связи с тем, что этот вид топлива является малоценным и, главное, проводится политика полного отказа от рубки леса в истощенных лесосеках.

При добыче нефти в 21,7 милл. тонн на 32/33 год, намеченный выход нефтетоплива в 12,5 милл. тонн не составляет сколько-нибудь серьезных затруднений. Включая нефтяную промышленность в топливную группу, нужно сразу подчеркнуть, что задачи, стоящие перед ней, значительно шире и сложнее. Пред'являемые к нефтяной промышленности требования главным образом направлены на получение от нее высокоценных нефтепродуктов. Скорее можно было бы ожидать трудностей в самой добыче 21,7 милл. тонн сырой нефти. Но принимая во внимание высокий организационно-технический уровень нашей нефтяной промышленности и громадные средства в 1.350 милл. рублей, отпускаемые на капитальные работы, нужно думать, что нефтяная промышленность эту задачу разрешит.

Суммируя всю изложенную обстановку и условия, в которых должна развиваться топливная индустрия, мы должны констатировать, что намеченная в 105,0 милл. тонн добыча гарантирует не только нормальный ход развития народного хозяйства, но и накопления топливных потребительских резервов, которые будут более нормальны в части каменного угля. Помимо этого, выполнение грандиозной задачи строительства создаст к концу пятилетия даже некоторый производственный резерв, которого мы до сих пор не имеем. Основные трудности выполнения добычи и строительной программы, как мы видели, будут сосредоточены в каменноугольной промышленности, на долю которой, кроме общих трудных задач, ложится еще обязательство наверстать потерянный за предшествующие годы темп развития добычи и в особенности строительства крупных шахт. Программу развития топливной индустрии и всей энергетики мы считаем напряженной. Эта напряженность в энергетике, как и во всем пятилетнем плане народного хозяйства, вытекает из всей целевой установки плана, преследующего разрешение великих задач, и об'ективно-исторической обстановки классовой борьбы на внутреннем и внешнем фронтах.

Если со стороны производственно-технической, а отчасти и организационной, создающееся напряжение на топливно-энергетическом фронте

позволяет пятилетний план назвать максимальной программой, то со стороны тех требований, которые пред'являются к энергетике всем планом народного хозяйства, и той преобладающей роли, которую должна оказать энергетика на развитие реконструкции народного хозяйства, эта программа является минимальной. Тот индустриальный костяк плана, который выражается в сочетании энергетики, металла и химии, не может быть выдержан и устойчив, если какой-либо один из этих элементов не выполнит своей роли.

Основным, решающим фактором устойчивости нашего энергетического плана явится план электрификации и в особенности строительства крупных районных электроцентралей. Электрификация не только повышает технический уровень нашего энергобаланса, не только сберегает нам миллионы тонн высококалорийного топлива, но, в свою очередь, явится самым мощным производственно-техническим фактором в выполнении всей грандиозной и трудной программы строительства топливной индустрии. Программа выработки 17,2 млрд. квч. электроэнергии в 32/33 г. является минимальной программой. Напряженность в снабжении электроэнергией красной нитью проходит в течение всех пяти лет. В особенности мы недопустимо запоздали в развитии электрификации Донбасса и Урала. В области электрификации и электростроительства мы больше подкованы в пятилетнем плане, чем в области топливной индустрии. Здесь мы выступаем с ясной перспективой, подтвердившейся всем ходом истории социалистического строительства, здесь мы выступаем во всеоружии организационно-технического опыта.

Энергетический фронт, и в особенности топливо, не может явиться ограничивающим фактором развития социалистического хозяйства в пятилетнем плане. Самое худшее, что нас могло бы ожидать со стороны топлива, это некоторое изменение в структуре добывного топливного баланса по линии некоторого снижения роли каменного угля и повышения других видов топлива.

Конечные годы пятилетнего плана развития народного хозяйства совпадают с исторической революционной датой—последними годами первого генерального плана (ГОЭЛРО), того плана, который Ленин назвал второй программой партии, который был основан на энергетическом костяке.

На этом же энергетическом костяке будет развиваться и пятилетний план народного хозяйства, который не только блестяще закончит этот великий путь, но и опередит его в конечном результате.

Вот основные показатели развития, предусматриваемые планом ГОЭЛРО и пятилетним планом в последние годы:

	План ГОЭЛРО (как максимум)	По пятилетке.
1. Мощность районных электроцентралей тыс. квт	1755.	2550
2. Добыча минерального топлива, включая торф, мил. тонн условного топл.	81,0	93,5
В том числе Донбасс	50,0	53,0
„ „ торф	7,3	8,0
3. Металл—чугун (мил. тонн)	8,0	10,0

Вот как выглядят основы перестойки социалистической экономики, намечавшиеся ГОЭЛРО и намечающиеся пятилетним планом.

Вторая программа партии, программа строительства социалистической экономики (план ГОЭЛРО) будет превзойдена Советским Союзом.

Занять к концу пятилетия шестое место по выработке электроэнергии среди передовых стран мира, а по качественной структуре энергоаппарата стать в первые ряды;

занять четвертое место по выработке металла;

занять передовые места по добыче нефти и механизации угледобычи;

в то же время обогнать капиталистические страны в 2—3 раза и больше в темпе развития нашей индустрии,—вот ставка пролетариата в пятилетнем плане.

Одной из организационных предпосылок успешного разрешения программы энергетического строительства, энергетического укрепления страны, является необходимость создания единого энергетического центра Главэнерго. Энергетика в своей технической и экономической природе не терпит рассыпного организационного фронта. Во всем нашем изложении мы не могли бы при всем желании оторвать, например, проблему топлива от проблемы электрификации и обратно. Руководство энергетическим фронтом должно быть едино, как едина сама энергетика.

В заключение можно было бы еще раз подчеркнуть, что нашим самым опасным врагом может быть потеря времени, темпов и организационно-плановой дисциплины.

Можно было бы закончить наше изложение особенно важными мыслями, которые были вложены в свое время в план ГОЭЛРО:

Для нашей страны нет выхода вне вполне определенного, жесткого и вместе с тем лишенного педантизма единого государственного плана народного хозяйства.

Не забывать следующих основных правил:

1) прежде всего не терять времени, т.-е. не откладывать на завтра то, что необходимо сделать сегодня, и не терять темпа в ходе самой работы.

2) Начатое дело доводить до конца, не отступая от трудностей, потому что ничто так не дезорганизует работу, как беспомощное метание из стороны в сторону.

Этот принцип мы не забывали, когда проводили в жизнь план ГОЭЛРО. Мы эти принципы не забудем и впредь при проведении пятилетнего единого народнохозяйственного плана, являющегося отрезком и победным завершением первого генерального плана.

Эти принципы особенно следовало бы напомнить тем, кто болеет неверием, кто боится трудностей, кто не прочь бы отложить эти трудности на завтрашний день.

С. Бессонов.

Проблема районирования и транспорт.

Господствующее представление о транспорте сводится к следующему кругу мыслей. Транспорт является предприятием, обязанным возможно дешевле выполнять перевозки, пред'явленные к нему промышленностью, торговлей и сельским хозяйством. Чем успешнее выполнит транспорт эту работу, тем меньше будет накладной транспортный расход на общественное производство, тем дешевле будет обходиться производство товаров, тем скорее будет совершаться поступательное наше движение по социалистическому пути.

Подобное представление о транспорте покоится на той совершенно правильной мысли, что транспорт, как и всякое другое производственное предприятие социалистической системы, обязан выполнять свою работу с минимальными и непрерывно уменьшающимися издержками на единицу своей работы (тонно-километр). В этом отношении для транспорта, как и для промышленности обязательна директива XV партс'езда о неуклонном снижении себестоимости, как об основной задаче ближайших лет.

И тем не менее задачей снижения себестоимости перевозок, достигаемой рационализацией и реконструкцией транспортного хозяйства, отнюдь не исчерпываются отношения транспорта к общественному производству. Необходимо не только снижать себестоимость каждой отдельной перевозки, необходимо также *стремиться к тому, чтобы общая сумма перевозок в масштабе всего общественного производства была минимальной*. В противном случае рост бесполезных перевозок может лишить всякого народнохозяйственного эффекта мероприятия по удешевлению самих перевозок, как таковых. Экономия, достигнутая на удешевлении необходимых перевозок, может быть с избытком перекрыта издержками по совершению излишних перевозок.

Говоря о транспорте, мы ни на одну минуту не должны забывать, что «транспортная промышленность представляет из себя самостоятельную отрасль производства и является *продолжением производственного процесса в процессе обращения и для процесса обращения*» (Маркс). Этим сказано многое. Если процесс производства уже в рамках капиталистического общества достигает высокой степени совершенства вследствие того, что он совершается на базе кооперации, машин и разделения труда, то совсем иначе дело обстоит с процессом обращения. Капиталистическое общество ни при каких условиях не может рационализировать общественного процесса обращения товаров, так как последнее по самой своей природе покоится на анархии общественного разделения труда, на принципе полной бесплановости в распределении производства и производительных сил. Вследствие этого капиталистическое общество в состоянии революционизировать лишь *технику* транспорта, как важнейшей сферы производительного труда в процессе обращения, но никогда оно не будет в состоянии подойти к проблеме рационализации перевозочного дела в *целом*. Последняя задача, как и вообще вся проблема упорядочения товарного обращения, выпадает целиком на долю планового общества.

Плановое общество, как мы знаем, раскрывает неизмеримо более широкие рамки развития производительности труда, нежели капиталистическое общество. Это требует расшифровки. «Производительная сила труда,—писал Маркс,—определяется многочисленными обстоятельствами, между прочим, средней степенью искусства рабочего, уровнем развития науки и ее технических применений, общественной организацией производственного процесса, размерами и дееспособностью средств производства и, наконец, естественными условиями». Из всех этих факторов в центре внимания советского общества до сих пор стояли главным образом мероприятия, связанные с повышением средней степени искусства рабочего, с увеличением количества, размеров и дееспособности орудий труда, и, наконец, в последнее время, мероприятия по развитию науки и ее технических применений. Совершенно бесспорны достижения советской хозяйственной системы во всех этих областях. Однако, основной сферой, где раньше и больше всего должны были бы сказаться преимущества плановой системы перед стихийно-капиталистической, является сфера общественной организации производственного процесса. Именно по этой линии должны были бы быть одержаны первые решающие победы на хозяйственном фронте.

При всех бесспорных успехах СССР в области планирования производства едва ли подлежит сомнению тот факт, что в деле планирования товарного обращения мы сделали еще очень мало. Прежде всего и раньше всего это сказывается в общественной организации той отрасли материального производства, которая является вещественным костяком процесса обращения,— т.-е. в области транспортного и складского дела в СССР. Несмотря на то, что каждую отдельную перевозку мы совершаем ныне с гораздо меньшей затратой труда и материальных средств, чем в довоенное время, тем не менее общая организация перевозочного дела в СССР не только не улучшилась, но, несомненно, ухудшилась по сравнению с царской Россией.

При росте в 1927/28 году народного дохода на душу населения на 2% по сравнению с 1913 г. размер грузооборота по ж. д. увеличился на душу населения на 5,8%, а вся работа ж.-д. транспорта по сравнению с 1913 годом возросла на 28%. В переводе на более грубый язык это значит, что мы возим теперь товары по жел. дор. гораздо чаще и на гораздо более далекие расстояния, чем прежде. Средняя дальность пробега грузов по железным дорогам возросла с 496 км. в 1913 г. до 601 км. в 1926/27 году и до 581 км. в 1927—28 году. Так как каждый лишний километр, пробегаемый всей массой грузов по ж. д. обходится стране не менее чем в 2,3 миллиона рублей, то увеличение средней дальности пробега грузов на 100 километров по сравнению с довоенным обходится Советскому Союзу не менее чем в 230 миллионов рублей ежегодно, не считая того, что на обслуживание одного этого удлинения пробега затрачивается ⅛ огромного основного капитала транспорта, стоимостью не менее 2 миллиардов рублей, не менее 2.000 паровозов и около 80.000 вагонов круглый год. Таковы самые грубые итоги неурегулированности нашего процесса обращения, поскольку она отражается в работе транспорта.

Само собой разумеется, что увеличение средней дальности пробега грузов об'ясняется целым рядом об'ективных обстоятельств. Однако, имея в виду колоссальную стоимость перевозочного дела в целом, следовало бы полагать, что общественная организация производственного процесса прежде всего и должна была бы заключаться как раз в устранении или смягчении влияния этих неблагоприятных об'ективных обстоятельств, столь серьезно удорожающих транспортное дело в стране.

Важнейшими причинами современного удлинения пробегов являются, как известно, следующие: а) выпадение из топливного баланса импортных углей, вследствие чего северо-запад страны перешел на снабжение донецким топливом с его типично дальними пробегами, б) выпадение из лесоснабжения страны западных лесных массивов с их короткими пробегами древесины и усиление роли северо-восточных и северо-западных лесных районов с их дальними расстояниями от районов потребления леса, в) выпадение из хлебофуражного баланса южно-русского и центрально-черноземного помещичьего хозяйства, вследствие чего сократился экспорт хлеба на коротких пробегах и увеличился экспорт крестьянского хлеба на дальних пробегах из Сибири, г) длительная депрессия поволжского земледелия, д) минерализация топливного баланса Урала, требующего дальнепробежных кузнецких углей, е) изменение тарифной системы, поощряющей дальние пробеги резкой диференциацией тарифных ставок, ж) связанное отчасти с тарифной политикой, отчасти с экономическими особенностями советской хоз. системы сокращение дальних пробегов грузов по внутр. водным путям, з) концентрация производства в немногих предприятиях и центрах с более медленным развитием мелкой промышленности, обслуживающей местный рынок, и) сокращение товарного запаса в стране, к) неравномерность восстановительного процесса, л) неразвитость планового начала.

Как видно из изложенного, главнейшая доля участия в удлинении среднего пробега падает на весотеряющие грузы—уголь и лесные материалы[1]). Достаточно сказать, что на перевозках только четырех из весотеряющих грузов (угля, нефти, лесных материалов и дров) СССР перерасходовал в 1926—27 году 113 миллионов рублей по сравнению с 1913 годом.

Между тем всемирно-исторический опыт промышленного развития свидетельствует о том, что по отношению к весотеряющим грузам характерна скорее противоположная тенденция—не к увеличению, а к сокращению средней дальности пробега. Пробеги весотеряющих грузов, в отличие от всех остальных, принадлежат к числу наименее рациональных с точки зрения общественного обмена веществ. Вагоны, приходящие с весотеряющим грузом, неминуемо бегут в обратный путь порожняком, потому что наполнявший их груз исчез в месте потребления, ничего или почти ничего не прибавив к весу обрабатываемых продуктов. Отсюда неустранимая тяга предприятий, перерабатывающих весотеряющее сырье, к расположению или непосредственно в местах добычи этого сырья (металлургия, энергетическая промышленность, химическая и др.) или в районах с оптимальными транспортными соотношениями. С другой стороны, транспортировка энергии все более и более отходит от первоначального грубого способа вагонной перевозки угля, торфа, нефти и т. п. и переходит к более совершенным способам непрерывного транспорта источников энергии в газопроводах, нефтепроводах, электропроводах.

В силу указанных выше причин дальность пробега весотеряющих грузов непрерывно сокращается в капиталистических странах, несмотря на то, что доля этих грузов в общей массе погрузки остается стабильной или в некоторых странах даже растет. Впрочем, в последние годы в связи с громадными успехами теплотехники в ряде стран намечается отчетливая тенденция не только к сокращению пробегов весотеряющих грузов, но и к абсолютному и относительному уменьшению их роли в погрузке вообще, не говоря уже об уменьшении их доли в общей работе транспорта в целом. Казалось бы, что эта глубоко прогрессивная тенденция историко-географического развития должна была бы с наибольшей силой проявить себя в условиях Советского Союза, хозяйственная политика которого ставит перед собой прямую задачу всесторонней рационализации общественного производственного процесса. И тем не менее, как мы видим, транспортная практика СССР показывает

[1]) Под весотеряющими грузами понимаются грузы, теряющие значительную долю своего веса при обработке.

совершенно обратное. Мы не только не рационализировали дела перевозок весотеряющих грузов, мы значительно ухудшили эти перевозки по сравнению с довоенным временем. Перевозки важнейших весотеряющих грузов (уголь, нефть, лес, дрова) обошлись нам в 1926—27 году на 113 млн. рублей дороже, чем они стоили бы в 1913 году. По плану перевозок на конец пятилетия перевозки тех же четырех грузов в 1932/33 году обойдутся СССР на 248,3 миллиона рублей дороже, чем они обошлись бы царской России. Другими словами, удлинение средней дальности пробега весотеряющих грузов к концу пятилетия приобретает настолько большое значение и начинает обходиться стране настолько дорого, что пора сосредоточить на этом вопросе общественное внимание.

Важнейшей причиной, препятствующей делу рационализации общественного процесса обращения в СССР, является ныне действующая система тарифов по платежеспособности, благодаря которой цена на перевозки не стоит ни в каком необходимом отношении к реальным издержкам перевозки. В силу этого действительные издержки процесса обращения выступают перед советской промышленностью и торговлей в извращенной форме платежеспособных тарифов, питающих и поддерживающих у промышленности вреднейшие народнохозяйственные иллюзии. Так, например, существование исключительных тарифов на уголь для московской, ленинградской и уральской промышленности питает и поддерживает в соответствующих районах вреднейшую иллюзию дешевизны привозного топлива сравнительно с топливом местным. Общеизвестен, хотя и глубоко печален, тот факт, что донецкий уголь благодаря исключительным тарифам обходится в Ленинграде дешевле всех других видов топлива, даже дешевле ленинградского торфа, а кузнецкий уголь, привезенный за 4000 клм., стоит около Москвы дешевле подмосковных дров. Немудрено, что московская, ленинградская и уральская промышленность при всех своих симпатиях к местным видам топлива предпочитает в своих перспективах опираться на дешевое привозное топливо, забывая о реальных расходах транспорта по его доставке.

Между тем, стоит только на место исключительных тарифов (установленных кстати сказать в 1924 году для смягчения временного кризиса сбыта донецкого угля и по инерции оставшихся неизменными до сих пор) поставить реальные издержки по перевозке угля, как тотчас же обнаружится действительное соотношение. Привозное топливо, как это естественно вытекает из природы вещей и как оно есть на самом деле, немедленно окажется значительно дороже местного топлива, и промышленность должна будет существенно видоизменить перспективы своего собственного развития в соответствии с реальными условиями производства и транспорта в данном районе. Таким образом, действительные перспективы районного развития затушевываются и искажаются действующей системой платежеспособных тарифов, открывающей широкие рамки далеким перевозкам весотеряющих грузов, серьезно удорожающим наше производство. Действительные, не иллюзорные перспективы развития промышленности в том или ином районе определятся только тогда, когда критерием этих перспектив станет не только перспективная себестоимость производства, но и перспективная стоимость транспорта, понимая под последней реальные затраты труда и материальных средств на переброску сырья, топлива, материалов и изделий.

Совсем иначе складывается дело при системе платежеспособных тарифов. Уже в 1925/26 году ЦПО и СЗО сожгли слишком 3 миллиона тонн донецкого топлива по причине его «дешевизны». Для 1932/33 года потребление донецкого топлива в указанных выше областях намечается около 10 млн. тонн. В переводе на денежный язык это означает, что страна будет затрачивать к концу пятилетия не менее 100—120 миллионов рублей ежегодно на подвозку донецкого топлива в ЦПО и СЗО. Мало того, громадный угольный поток с юга на север, вызываемый и обусловливаемый ныне действующей системой платежеспособных тарифов, ставит перед самими ж. д. ряд труднейших технических задач по овладению этим потоком. Три железнодорожных направления общим протяжением около 3.500 клм., не менее 500 паровозов и свыше 25.000 вагонов заняты сейчас перевозкой донецкого угля с юга на север. Идут упорные разговоры о необходимости постройки специальной сверхмагистрали стоимостью в 400—500 миллионов рублей для облегчения и удешевления этих угольных перевозок. Оказывается, что недостаточно того, что огромный основной капитал 3-х железнодорожных направлений стоимостью около 700 млн. рублей почти сплошь занят уже сейчас нерациональными перевозками угля на север. Недостаточно того, что ежегодно на эти перевозки затрачивается около 100 миллионов рублей. Чудовищную сумму в полмиллиарда рублей и огромную массу металла (не менее 1½ млн. тонн) предполагается затратить на то, чтобы увековечить и закрепить навсегда бесплодный перегон угля к северу. Этих денег хватило бы на то, чтобы в течение нескольких лет залить ЦПО и СЗО электроэнергией на местном топливе, окружить потребляющие центры кольцом электро- и газопроводов и навсегда освободить наш центр и наш запад от привозного донецкого топлива. Излишне прибавлять, что вместе с этим освободились бы значительные материальные ресурсы (паровозы, вагоны) и в самом транспорте—ресурсы, столь необходимые для развития наших восточных окраин. Существующая ныне система платежеспособных тарифов задерживает эту назревшую историческую перестановку производительных сил, запутывает и затрудняет составление рационального и экономного топливного и энергетического баланса страны, чудовищно гипертрофирует дальние перевозки топлива, питая у промышленности и в хозяйственных кругах вреднейшую иллюзию дешевизны привозного топлива. Рациональный план топливоснабжения страны может быть составлен лишь тогда, когда все виды топлива будут перевозиться за плату, твердо и решительно приведенную в соответствие с реальной стоимостью их перевозки. Никакого иного способа упорядочить и удешевить энергетическое хозяйство СССР нет и быть не может.

Совершенно так же, как в случае с угольными перевозками, обстоит дело и с перевозками лесными. СССР перевез в 1927—28 г. по ж. д. 17 миллионов тонн лесоматериалов против 12 млн. тонн в 1913 году на расстояние, на 160 клм. превышающее довоенное (660 клм. против 499 клм. довоенных). Действующая тарифная система поощряет и развивает это удлинение и увеличение железнодорожных перевозок леса, задерживая одновременно перевозки леса по воде. К концу пятилетия промышленность предполагает перевезти по ж. д. 36 миллионов тонн лесных материалов. Не вдаваясь в оценку этой цифры, следует лишь отметить, что сильный рост дальних ж.-д. перевозок леса об'ясняется не только ростом потребности в лесоматериалах, но не в меньшей степени также и действующей системой тарифов, создающей у потребителей леса иллюзию относительной дешевизны дальнепривозных лесных материалов. Между тем, действительная стоимость древесины такова, что, если бы потребитель леса полностью оплачивал все расходы, связанные с ее доставкой, он в ряде случаев предпочел бы бесспорно отказаться от этого вида строительных материалов.

Для увеличения добычи леса в предстоящее пятилетие предполагается, например, построить свыше 3.000 километров лесовозных линий, стоимостью в 380 млн. рублей. По подсчетам, произведенным ЦОС, эти новые линии будут давать в среднем около 2—2½ миллионов тонн новой древесины в год. Считая, что новые капитальные вложения, производимые между прочим за счет займов индустриализации, должны окупить себя не позже как через 15 лет, мы получим около 10 рублей одних только процентов на капитал на каждую перевезенную тонну древесины. Учитывая,

что реальные расходы по перевозке древесины достигают также суммы порядка 9—10 рублей на тонну, мы получаем для этих новых дорог действительную стоимость 1 тонны лесоматериалов не менее, как в 60 рублей тонна, считая стоимость тонны на месте производства 40 рублей и определяя действительную стоимость перевозки в 20 рублей. Между тем, потребитель леса платит за перевозку тонны древесины не 20, а 5 рублей. Древесина поэтому *представляется* ему примерно на 25% дешевле, чем она обходится стране на самом деле, благодаря чему строительная промышленность не видит особенного интереса в развертывании производства иных строительных материалов. Однако, иллюзии строительных организаций, вызванные применением платежеспособных тарифов, ни в какой мере не уменьшают действительных расходов по доставке древесины. Не подлежит сомнению, что новые 2 миллиона тонн древесины стоимостью в 60 руб. тонна (а не 45 р., как думают строительные организации) потребуют от страны 380 миллионов рублей капитальных вложений. Этой суммы достаточно для того, чтобы построить 2 гигантских металлургических завода, могущих выбросить на рынок свыше 1 миллиона тонн чугуна стоимостью 35 рублей тонна, или создать заново и целиком мощную промышленность строительных материалов *минерального* происхождения, заменяющих древесину. Это не значит, что лесовозных дорог не следует строить. Может быть, они нужны и по строительным, и по другим соображениям. Важно лишь отметить, что действующая система платежеспособных тарифов не дает нам никакой возможности ориентироваться в действительном экономическом значении предпринимаемых нами вложений капитала.

Чрезвычайно ярко искажающее действие платежеспособных тарифов сказывается в экономическом обосновании двух крупнейших строительств нашего времени Магнитогорского металлургического завода и Волго-Донского канала. Магнитогорский завод скалькулировал стоимость производства тонны чугуна в 31 р., исходя из тарифа на перевозку кузнецкого угля в 0,38 к. с тонно-километра. Между тем, реальные издержки по перевозке угля (без обратного потока руды) при наличии ряда благоприятных обстоятельств исчисляются около 0,68 коп. с тонно-километра. Поэтому действительная стоимость чугуна на Магнитогорском заводе будет не 31 рубль за тонну, а *больше*. Разумеется, это ни в какой степени не ослабляет позиций Магнитогорского завода, но стране и партии нет никакой необходимости видеть вещи лучше или хуже, чем они есть на самом деле. Особенно, если речь идет о больших капитальных вложениях.

Совсем иначе, но с аналогичной ошибкой, обосновывается Волго-Донское строительство. Крупнейшим дефектом в экономическом обосновании канала является тот факт, что в основу всех расчетов по сравнению водной магистрали с железными дорогами, положены ныне действующие железнодорожные тарифы на массовые грузы, ни в какой степени не отражающие реальных издержек народного хозяйства по транспортировке этих грузов. Вместо того, чтобы определить народнохозяйственное значение В.-Д. магистрали естественным методом сравнения издержек ее перевозки с издержками перевозки по железным дорогам, экономическое обоснование в основу своего расчета кладет ныне действующие платежеспособные тарифы железных дорог и применительно к ним искусственно строит специальную схему водных фрахтов по образу и подобию железнодорожных. Тем самым решение огромной народнохозяйственной проблемы о Волго-Доне поставлено в зависимость от целого ряда исторически-наслаивавшихся, нередко случайных и почти всегда уже отживших обстоятельств, определявших в свое время нынешние железнодорожные тарифы на массовые грузы. В результате народнохозяйственное значение магистрали в значительной степени затемнено, район тяготения магистрали искусственно сужен, непра-

вильно определен грузооборот, и неточно исчислены финансовые результаты эксплоатации магистрали.

Не подлежит сомнению, что вся вообще проблема пространственного размещения новых капитальных вложений не может быть удовлетворительно разрешена при нынешней системе платежеспособных тарифов, не отражающих реальные издержки по транспортировке грузов. Районы и области СССР не могут установить перспектив своего собственного развития по той простой причине, что соотношения между районами, определяющие эти перспективы, выражаются не в реальных издержках транспорта, а в платежеспособных тарифах. Суть же платежеспособных тарифов в том именно и заключается, что они выражают собой не отношения стоимости, а отношения силы и влияния. Поэтому каждый район строит свои перспективы не на основе реального учета издержек производства и издержек транспорта, а на основе издержек производства и таких тарифов по транспорту, каких он хотел бы добиться в меру своего влияния и силы. Отсюда крайняя неопределенность районных перспектив, крайняя случайность в их определении. Дело производственного районирования СССР, дело пространственного размещения новых производительных сил только тогда будет поставлено на прочные рельсы, когда в основу размещения будет положен не суб'ективный признак силы и влияния, характерный для монополистической стадии капитализма, а об'ективный признак себестоимости производства и *транспорта*. Тогда, и только тогда будет ясно, что межрайонный обмен должен заключаться не в обмене весотеряющими грузами, как это имеет место сейчас и как это мыслится многими и для будущего, а в обмене главным образом фабрикатами и изделиями с переработкой подавляющей массы весотеряющего сырья на месте его добычи и производства. В противном случае наши восточные окраины навсегда останутся поставщиками сырья, топлива и хлеба для индустриального запада СССР.

Основной вывод из всего сказанного выше заключается в том, что параллельно с рационализацией и реконструкцией траспортного хозяйства, как такового, мы должны не меньшее внимание посвятить рационализации перевозочного дела в СССР в целом. Подобно тому, как отдельное предприятие современной индустрии строится по принципу минимального транспорта и основной задачей конструктора является такое пространственное размещение элементов производства, при котором продукт труда пробегал бы наименьшее расстояние (принцип конвейера, непрерывного потока, ротации и т. д.), так точно и социалистическая хозяйственная система должна располагать свои производительные силы таким образом, чтобы при прочих равных условиях иметь минимальное количество перевозок. Естественным условием такого расположения производительных сил является отчетливое представление у всех хозяйственных организаций не только о себестоимости производства в том или ином районе, но и о себестоимости транспорта из района в район. Другими словами, социалистическая хозяйственная система требует для себя тарифной политики, опирающейся не на принцип платежеспособности, а на принцип себестоимости. Старая тарифная система представляет собою поэтому важнейшее препятствие делу рационализации перевозок в СССР и делу социалистической организации транспорта.

Громадный вред, приносимый стране существующей системой платежеспособных тарифов, отчетливо выступает наружу, когда мы вглядываемся в картину того перераспределения средств, которое производится ныне через тарифную систему. Благодаря тому, что действующие ныне тарифы не находятся ни в каком необходимом отношении со стоимостью перевозки, они почти по каждому грузу отклоняются то вверх, то вниз от действительной стоимости перевозки. Все, что транспорт недобирает по одним грузам, он

перекладывает на грузы другие, заботясь о том, чтобы общая выручка по перевозкам покрывала совокупные издержки транспорта в целом. Благодаря этому транспорт уже в настоящее время перераспределяет не менее чем 200 миллионов рублей ежегодно между различными отраслями нашего хозяйства. Никакого плана этого перераспределения, никакой сознательной политики в этом деле тарифный комитет не имеет и иметь не может. Перераспределение этих громадных сумм, доверенное тарифному комитету, производится случайно и стихийно, при чем нередко единственным опорным пунктом для перераспределения является довоенное соотношение тарифных ставок. Приходится удивляться, каким образом в СССР, где перераспределение каждой общественной копейки имеет тенденцию совершаться под строжайшим общественным контролем, олицетворенным в высших государственных органах, могло до сих пор сохраниться столь бесплановое перераспределение сотен миллионов рублей в тарифном комитете. Только гипноз платежеспособных тарифов мог заставить принять за сознательную политику нынешнюю практику тарифных органов.

Едва ли может подлежать сомнению тот факт, что цены товаров на ряду с бюджетом и кредитом являются орудием перераспределения народного дохода в СССР. Однако не менее бесспорен и тот факт, что цена является пока-что перераспределителем народного дохода лишь в отношениях между обобществленным и необобществленным секторами народного хозяйства и до известной степени в отношениях между отдельными отраслями обобществленного производства. В пределах же и внутри каждой отрасли производства, перераспределяющая роль цены сводится к нулю, и все товары одного рода оцениваются по средним общественно-необходимым издержкам производства с прибавлением общественно-установленной нормы накопления. Нелепо было бы оценивать тонну чугуна по разной цене в зависимости от того, идет ли она на изготовление мостовых ферм или на выделку консервных жестянок. А между тем именно такой способ расценки считается законом ценообразования на транспорте, вследствие чего транспорт не только узурпирует права госбюджета на народнохозяйственное перераспределение налогового типа, но и внутри самого себя теряет истинное представление о соотношении между издержками производства и их финансовым результатом. Две железных дороги, одинаковые по своим издержкам, могут, как небо от земли, отличаться друг от друга своими финансовыми результатами, если по одной из них возится уголь, а по другой — мануфактура. А между тем для железной дороги, как транспортного предприятия, товары перестают быть товарами и превращаются в грузы, ничем не отличающиеся друг от друга, кроме об'ема, веса, способа погрузки и расстояния пробега. Поэтому бессмысленно и теоретически неверно возлагать на транспорт роль перераспределителя народного дохода применительно к с т о и м о с т и товара, т.-е. применительно к такому общественному свойству товаров, с которым транспорт, как таковой, меньше всего имеет дело. Поэтому перераспределение народного дохода налогового или полуналогового типа, каким фактически является нынешнее тарифное перераспределение, должно быть исключительным делом бюджета. Тарифная система советского транспорта должна опираться на себестоимость перевозки и ни на что больше, понижая тарифы по мере и вместе с понижением себестоимости перевозки, каковое понижение должно составлять важнейшую задачу управления транспортом. Перераспределение же дохода между отраслями промышленности и народного хозяйства должно стать целиком делом госбюджета.

Изменение тарифной системы в направлении отражения тарифами реальных издержек транспорта по перевозке тех или иных грузов оздоровляет не только народнохозяйственную организацию перевозочного дела, но и самый транспорт. Народнохозяйственная организация перевозок не отделена китайской стеной от технической организации транспорта. Сохранение, например, угольного потока с юга на север потребует рано или поздно сооружения сверхмагистрали, т.-е. наиболее совершенного с технической точки зрения железнодорожного пути. И, наоборот, сооружение сверхмагистрали, ежели оно произойдет, увековечит и закрепит навсегда угольный поток с юга на север. Из этого примера видно, что народнохозяйственная и собственно техническая организация перевозочного дела теснейшим образом связаны друг с другом и определяют одна другую. А так как регулирующим началом народнохозяйственной организации транспорта является тарифная система, то совершенно очевидно, что изменение тарифной системы не может остаться без влияния на техническую сторону транспортного дела.

При существующей системе платежеспособных тарифов между себестоимостью перевозки и тарифной ставкой не существует никакой необходимой связи. Поэтому на транспорте вполне возможно положение, когда себестоимость перевозки понижается, а тарифная ставка повышается. Такое положение было, например, в истекшем 1927/28 году. Столь же возможно на транспорте и обратное положение, когда себестоимость перевозки повышается или остается стабильной, средняя же тарифная ставка, вследствие ухудшения состава грузооборота и увеличения дальности пробега, понижается. Таким образом, даже по отношению к общей массе перевозок транспорт не может установить необходимого соотношения между технической организацией перевозок и их финансовыми результатами. По отношению же к отдельным перевозкам благодаря системе платежеспособных тарифов о каком-либо соответствии между издержками перевозок и их финансовыми результатами и речи быть не может. В силу этих обстоятельств современный ж.-д. транспорт имеет крайне смутное представление о калькуляции собственной работы и не имеет особых причин заниматься ею. Поэтому рационализация в железнодорожном транспорте страдает некоторым отсутствием той целеустремленности, которая характеризует рационализаторскую работу во всех тех случаях, когда ясен финансовый эффект рационализации. С другой стороны, эффективность капитальных вложений в железнодорожный транспорт никогда не сможет быть определена с достаточной степенью точности, пока между себестоимостью перевозки и тарифной ставкой не будет установлено отношение прямой зависимости. Следовательно, рационализаторская и реконструктивная работа на транспорте имеет в действующей тарифной системе одну из главных своих помех.

Наконец, не в малой степени особенности действующей тарифной системы сказываются и на той бесплановости и хаотичности, которая характеризует перевозки ряда крупнейших наших грузов. Перепробеги хлебных грузов сравнительно с 1913 годом определились в 1926/27 году в 8,2 миллиарда тонно-километров, что составляет для страны излишний расход не менее, чем в 100 миллионов рублей. На ряду с целым рядом об'ективных причин значительную долю вины за хлебные перебеги несет наша тарифная система.

По подсчетам Металлосиндиката ежегодный перерасход на излишние и вполне устранимые перепробеги металлогрузов определяется в несколько миллионов рублей. Аналогичные результаты дали подсчеты Сахаротреста и Резинотреста. Одна переадресовка грузов, составляющая у нас, к сожалению, бытовое явление, обходится стране в несколько десятков миллионов рублей ежегодно. Не приходится уже и говорить о том, что такой кардинальной важности факт, как падение роли водного транспорта в деле массовых перевозок, серьезно удорожающее транспортное дело в СССР, не

в малой степени обязано именно особенностям нашей теперешней тарифной системы.

Все эти явления и факты могут быть вполне устранены и изжиты лишь тогда, когда планы распределения промышленных и сельскохозяйственных товаров, составлять которые под контролем Госплана обязаны все производящие и торгующие организации, будут иметь в своей основе не нынешнюю систему платежеспособных тарифов, а тарифы, основанные на себестоимости железнодорожных и водных перевозок.

Из всего сказанного следует, что с точки зрения транспорта важнейшим условием успешности народнохозяйственного развития в ближайшие годы является более целесообразное географическое размещение новых капитальных вложений с тем, чтобы совокупность реальных издержек производства и транспорта товаров в СССР была минимальной. Для того, чтобы такое целесообразное размещение капитальных вложений осуществить, необходимо твердо решиться на радикальное изменение ныне действующей тарифной системы, покоящейся на буржуазном принципе платежеспособности грузов. Тарифная система СССР должна и может покоиться только на другом принципе, на принципе себестоимости перевозок.

Но нельзя располагать новые капитальные вложения по принципу реальной себестоимости перевозок, а тарифы для старых капитальных вложений строить по принципу платежеспособности грузов. Тарифная система СССР должна быть единой.

Поэтому единственным выходом из положения является признание неизбежности перестройки тарифной системы в ближайшее пятилетие с тем, чтобы пятилетний и генеральный планы всех без исключения отраслей народного хозяйства строились впредь на основе реальных издержек транспорта, а не на основе теперешних платежеспособных тарифов.

Только в таком случае СССР сможет построить такой план своего хозяйственного развития, в котором развитие производительной силы труда найдет себе выражение не только в увеличении количества, размеров и дееспособности новых орудий труда, но и в более целесообразном, более экономном распределении их по огромной территории СССР.

С. Игнат.

Наши задачи в борьбе с бюрократизмом.

I. Против терпимого отношения к бюрократизму.

Известно, что работников, не умеющих вести борьбу с бюрократизмом или бессознательно тормозящих ее, у нас чрезвычайно много. Ленин в свое время считал, что даже среди коммунистов таких «неумеющих» не меньше половины; он не раз подчеркивал ту мысль, что управляющему слою коммунистов нехватает культурности. Но на ряду с неумеющими бороться имеется не мало бюрократических элементов в госаппарате и в партии, которые не желают вести борьбу с бюрократизмом. Эти элементы считают, что мы переусердствовали в развертывании самокритики и в борьбе с бюрократизмом, что мы этой борьбой разрушаем государственный аппарат, что это мешает работать и т. д. [1]).

Не приходится доказывать, что такая неправильная, вредная постановка вопроса характеризует полное непонимание необходимости и политической сущности нашей борьбы с бюрократизмом. Ошибочность такой позиции заключается в том, что упускают из виду, что работа по изживанию бюрократизма—это форма классовой борьбы, что это—борьба с напором мелкобуржуазной стихии, давящей на наш аппарат. Отвлекаться от этой политической стороны вопроса—значит смазывать классовый смысл и революционное содержание нашей борьбы за улучшение госаппарата, борьбы, которая, конечно, не может и не должна быть сведена только к задаче технико-административного улучшения советских учреждений.

Пассивное отношение к борьбе с бюрократизмом, нетерпимое отношение к самокритике—одна из черт правого уклона. Это вовсе не исключает того, что правые сами обвиняют партию в том, что она насаждает бюрократизм вместо борьбы с ним. На эту сторону правых у нас обращают недостаточно внимания.

Недооценка классовой сущности борьбы с бюрократизмом, оппортунистическое толкование этой борьбы у правых элементов нашей партии вытекает из неправильного представления о расстановке классовых сил в нашей стране в настоящий момент. Совершенно естественно, что люди, находящиеся в плену у мелкобуржуазной стихии, не видящие классов и отрицающие обострение борьбы классов в нашей стране, относятся пассивно, терпимо к бюрократизму, который связан с давлением чуждых нам классов на аппарат.

Пассивное отношение к бюрократизму является составной частью взглядов представителей правого уклона не только потому, что оно органи-

[1]) Характерным в этом смысле является отношение ряда работников госаппарата к проведенному в Москве в марте с. г. «налету» 1.500 рабочих на московские учреждения с целью выявить отношение к посетителям. Отрицая самую идею «налета», эти работники неоднократно подчеркивают, что зря раздули дело из-за каких-то пустяков. Это показывает, что бюрократизм стал настолько распространенным явлением, что у многих работников госаппарата притупляется чувство восприятия этого зла и они примиряются с ним, считая отдельные его проявления — в частности издевательство над посетителями—мелочью.

чески вытекает из всей их установки, из всей их оценки современного положения в стране. Это терпимое отношение к бюрократизму со стороны правых нужно также об'яснить и тем, что непосредственные представители правого уклона рекрутируются в значительной части из бюрократизирующихся элементов госаппарата. Сказанное, конечно, не исключает того, что в тот или иной период правые элементы, в интересах маскировки и маневрирования, могут выдвигать радикальные программы и преувеличивать рост бюрократизма. Такой радикализм является более показательным для способов борьбы правых, чем для характеристики их подлинных взглядов на этот вопрос.

Интересно, что нежелание активно бороться с бюрократизмом часто подкрепляется «научной» мотивировкой и сылками на Ленина являющегося якобы защитником таких взглядов. При этом ход рассуждений следующий: все дело сводится к об'ективным условиям, к нашей отсталости; до преодоления этой отсталости борьба с бюрократизмом не может дать положительных результатов. Преодоление нашей отсталости—дело длительное, поэтому не следует увлекаться борьбой с бюрократизмом. Не лучше ли вместо борьбы с бюрократизмом, с отдельными конкретными носителями бюрократизма направить наше внимание на изживание нашей отсталости, и тем самым будет изживаться бюрократизм. Не нужно вести какой-то специальной борьбы с бюрократизмом.

В приведенных рассуждениях совершенно неправильно противопоставляется борьба с бюрократизмом борьбе с отсталостью, а из длительности и трудности борьбы делается оппортунистический вывод о пассивности по отношению к бюрократизму [1]).

Разберемся в этих рассуждениях. Ленин действительно неоднократно указывал на длительность борьбы с бюрократизмом, предупреждал, что в этом труднейшем деле самым вредным было бы ожидать быстрых, скоропалительных успехов. Ленин считал, что «борьба с бюрократизмом потребует десятилетий. Это труднейшая борьба, и всякий, кто будет говорить вам, что мы освободимся сразу от бюрократизма, если примем платформы антибюрократические, будет просто шарлатаном, охочим до хороших слов» (т. XX, ч. 2, стр. 443).

Эта совершенно бесспорная мысль Ленина целиком увязывается с его оценкой корней и источников нашего бюрократизма. Определяя корни последнего в нашей отсталости, Ленин приходит к выводу, что бюрократизм является длительным явлением для советской страны и что решающие сдвиги будут итти здесь на ряду с успехами социалистического строительства. Нужно ли опровергать вздорное утверждение, будто из этой ленинской установки и вытекает пассивное отношение к бюрократизму? Такой вывод был бы издевкой над ленинизмом.

Заявлять о том, что в борьбе с бюрократизмом мы ничего не добьемся, поскольку весь вопрос заключается в нашей технико-экономической отсталости, что все дело в непреодолимых, об'ективных, вне нас находящихся условиях,—это значит решать вопрос не по-марксистски, не по-ленински, а подходить к делу упрощенно-меньшевистски; это значит умалять роль и значение энергии и инициативы революционного класса, сбрасывать со счетов рабочий класс, как действующую историческую силу, забывать, что

---

[1]) Между прочим, заявление о том, что мы должны вести борьбу за изживание отсталости, а не с бюрократизмом, как это легко видеть, является не более, как ширмой, как предлогом для отказа от борьбы с бюрократизмом. В самом деле, когда предлагается конкретная программа изживания нашей отсталости, когда речь идет о темпе индустриализации страны, тогда правые заявляют о необходимости его снижения, мотивируя как раз нашей отсталостью.

об'ективные обстоятельства сами могут изменяться в большой мере под воздействием этой силы. Здесь сказывается обычное для оппортунизма выхолащивание действенной, революционной стороны в марксизме. Такой подход не содержит и грана ленинизма и является чистейшей воды «сухановщиной», примененной к вопросу о бюрократизме.

Также неверно противопоставлять борьбу с бюрократизмом борьбе с нашей технико-экономической и культурной отсталостью.

Положение таково, что бюрократизм является серьезнейшим тормозом, помехой для социалистического строительства, и борьба с бюрократизмом является необходимым условием, без которого невозможна успешная работа по изживанию технико-экономической отсталости. Верно, что успехи социалистического строительства подрывают корни бюрократизма, но также верно и то, что каждый, даже малейший реальный шаг в борьбе с бюрократизмом содействует нашему продвижению вперед в области хозяйства и культуры, что в свою очередь становится базой для дальнейших успехов в борьбе с бюрократизмом. Таким образом, связь и зависимость между борьбой с бюрократизмом и ликвидацией нашей отсталости далеко не является автоматической, и было бы грубой ошибкой представлять себе схематически, упрощенно соотношение этих двух фронтов и противопоставлять их.

В конечном счете, успехи борьбы с бюрократизмом упираются в нашу индустриализацию. Но с нашей стороны было бы меньшевистским упрощением вопроса, если бы мы упустили из виду необходимость нашей активности в борьбе с бюрократизмом, необходимость привлекать широчайшие массы для борьбы с этим злом уже сейчас, во время изживания и, в первую голову, для изживания этой отсталости. Точка зрения, сводящая все к об'ективным обстоятельствам, закрывает возможность действительной борьбы с бюрократизмом, т. к. она отбрасывает значение и участие масс в этой борьбе. Это—не наша точка зрения.

Надо ударить и в корне пресечь всякие попытки оправдать пассивное отношение к бюрократизму нашей отсталостью, а тем более всякие попытки «доказать» эту оппортунистическую идею ссылкой на Ленина. Лучшим доказательством, полностью опрокидывающим все эти измышления в отношении Ленина, является страстная, бичующая оценка и та непрестанная подлинная война с бюрократическими извращениями, которую Ленин вел как вождь партии и руководитель советского государства.

Связывая бюрократизм с нашим прошлым, он тем не менее неустанно десятки и сотни раз обращал внимание партии на необходимость борьбы с бюрократизмом, считая, что «мы должны были сказать в программе, в таком документе, как программа партии, что бюрократизм возродился и нужна систематическая борьба против него» (том XVIII, ч. 2). Более того, «надо, чтобы мы поняли, что борьба с бюрократизмом есть борьба абсолютно необходимая и что она так же сложна, как задача борьбы с мелкобуржуазной стихией» (т. XVIII, ч. 1).

Ленин обращался не только ко всей партии, но и требовал от каждого коммуниста активной борьбы с бюрократизмом. Достаточно вспомнить следующие слова Ленина, что «с ними (бюрократами и вредителями) нужно воевать по всем правилам военного искусства и привлекать к ответственности тех партийных товарищей, которые ходят и жалуются или рассказывают анекдоты о том, что в таком-то учреждении сделана такая-то гадость, ходят по всей Москве и рассказывают анекдоты про бюрократические происшествия» (XVIII, ч. 1, 277).

Без изживания вредных, неправильных, антиленинских представлений о природе бюрократизма и нашем отношении к нему нельзя вести практи-

ческой борьбы с этим злом. Отбрасывая утопические иллюзии о быстром «изгнании» бюрократизма, нужно самым решительным образом бороться против оппортунистического выжидания и пассивности в борьбе с бюрократизмом. Эта задача становится особо актуальной в настоящий период.

II. Особенности бюрократизма на данном этапе.

Партия ведет борьбу с бюрократизмом в течение всех лет революции. Ленин ставит вопрос о необходимости борьбы с бюрократизмом еще тогда, когда советская власть насчитывает несколько месяцев своего существования. На всех переломных этапах развития советской страны вопрос о бюрократизме становился в центре внимания. Далеко не случайным является тот факт, что Ленин говорит о бюрократизме при обсуждении программы, при переходе к нэпу. Последние работы Ленина также показывают, что именно этому вопросу он посвящал наибольшее внимание.

Несмотря на то, что мы успешно вырешили крупнейшие задачи гражданской войны и восстановительного периода, нужно сказать, что мы во все время революции сталкивались с определенным несоответствием между состоянием и качеством государственного аппарата и очередными задачами, которые стояли перед нами в каждый период. Это об'ясняется чрезвычайно напряженной обстановкой, особыми условиями создания аппарата и опять же недостатком культуры.

Известно, какую отрицательную характеристику давал Ленин нашему госаппарату в течение всех лет и особенно в своих предсмертных работах. Ленин не скупился на крепкие слова, он неоднократно подчеркивал, что «центральный аппарат у нас за 3½ года настолько уже сложился, что успел приобрести известную вредную косность» (т. XVIII, ч. 1, 208—209), что наш госаппарат «представляет из себя пережиток старого, в наименьшей степени подвергнутого сколько-нибудь серьезным изменениям» (XVIII, ч. 2, 121 стр.), что он, этот аппарат, «страдает весьма многими недостатками, который раздут гораздо больше, чем вдвое, который очень часто работает не для нас, а против нас» (XVIII, ч. 2, 84 стр.).

Несмотря на то, что за последние годы мы добились некоторых успехов в деле улучшения нашего госаппарата (сокращение штатов, уменьшение управленческих расходов, сокращение отчетности, уничтожение параллельных и ненужных учреждений и т. д.), тем не менее нужно со всей определенностью сказать, что ленинская харектеристика нашего госаппарата продолжает в основном сохранять свою силу и для сегодняшнего дня.

Мы добились ряда крупных успехов во всех областях нашего строительства. Но нужно прямо сказать, что наименьшие успехи нами достигнуты в труднейшем деле, в деле борьбы с бюрократизмом. Здесь мы добились незначительных результатов по сравнению с теми гигантскими задачами, которые перед нами в этой области стоят. В самом деле, о чем говорит чрезвычайная слабость выдвиженчества за последние годы, о чем свидетельствует почти полное отсутствие повседневного фактического контроля широчайших масс над работой госаппарата и в силу этого имеющие место частые искривления классовой линии пролетарского государства? Приступили ли мы с достаточной решительностью к выполнению требования нашей программы о том, что для борьбы с бюрократизмом необходимо «постепенное вовлечение всего трудящегося населения поголовно в работу по управлению государством»?

И если, несмотря на все это, мы справились с нашими задачами, то это нужно отнести не за счет значительного улучшения нашего аппарата, а об'яснить правильностью и твердостью нашей политики, преимуществами советской системы, упорством и активностью трудящихся масс, которые, несмотря на слабость, а местами и сопротивление аппарата, преодолевали стоявшие перед нами трудности.

Несоответствие качества аппарата нашим требованиям, которое являлось характерным для всех прошедших лет, с особой силой сказывается в настоящий момент. Вступление в период социалистической реконструкции, когда мы приступаем к решительной переделке и перестройке нашего хозяйства на новой технической базе, когда мы смелее приступаем к выкорчевыванию корней капитализма и начинаем делать решительные шаги в сторону действительного изживания нашей отсталости, с большей ясностью, чем когда-либо, выявляет отрицательные стороны нашего госаппарата и больше, чем когда-либо, ставит вопрос о необходимости усиления работы по улучшению аппарата и нашей борьбы с бюрократизмом.

Строить новые заводы, крупнейшие станции, перенимать иностранную технику, использовывать опыт передовых капиталистических стран в под'еме сельского хозяйства, усиливать планирование, организовывать новые совхозы, создавать укрупненные колхозы, — все эти новые задачи требуют новых методов, знания, умения, другого темпа работы, другого подхода, всего этого нельзя достигнуть без энергичнейшей борьбы с бюрократизмом.

Усиление борьбы диктуется не только возросшей диспропорцией между качеством и новыми усложнившимися строительными задачами реконструктивного периода. Надо иметь в виду, что на работу госаппарата в настоящий момент имеет большое влияние обострение классовой борьбы в нашей стране. Это обстоятельство не может не усиливать попыток давления враждебных классов на ряд звеньев нашего аппарата. В некоторых местах это давление перерастает со стороны мелкобуржуазной стихии в попытки овладения нашим аппаратом. В последнем случае мы имеем дело не только с чуждым влиянием, с отдельными искажениями линии пролетарского государства, а с попыткой поставить аппарат на службу чуждых нам классов. Активизация враждебных нам элементов не может не усиливать бюрократизм в нашем госаппарате. Это обстоятельство, усложняющее нашу борьбу с бюрократизмом, настойчиво требует всяческого усиления ведущейся нами борьбы с бюрократизмом.

Необходимо отметить, что рабочий класс в силу культурного и политического роста за последние годы воспринимает сейчас бюрократические извращения гораздо сильнее, чем в прежние годы. Обострилась чувствительность, восприятие и реагирование рабочего на недостатки госаппарата. Это явление, будучи в основном положительным показателем роста рабочего класса и некоторых успехов самокритики, становится вполне реальным, дополнительным требованием к усилению и усложнению нашей борьбы с бюрократизмом.

Наконец, не следует забывать, что и при правильной проводимой политике первые этапы реконструктивного периода (когда еще полностью не могут сказаться результаты наших капитальных вложений, когда значительная доля ресурсов страны, направляемая на дело индустриализации отвлекается от использования их для удовлетворения непосредственных нужд трудящихся, когда усиливается активность кулацко-капиталистических элементов) неизбежно связаны с наличием хозяйственных затруднений.

Таким образом, с одной стороны, мы не добились за прошлый период больших успехов в деле улучшения госаппарата. С другой стороны, новые условия, связанные с реконструктивным периодом, не могут не усиливать напора враждебных элементов на аппарат, новые задачи пред'являют к нашему аппарату новые, более высокие требования. Все это делает в настоящий

момент бюрократизм, оторванность аппарата от широких масс, факты извращения классовой линии, преступную волокиту, нечеткую работу, издевательство и невнимание к трудящимся — особо вредными, особо опасными. Без самой решительной, беспощадной борьбы с этим злом — мы не сумеем вырешить основных задач настоящего периода.

III. Проверка исполнения и борьба с безответственностью.

Одним из самых актуальных вопросов в деле борьбы с бюрократизмом является проверка исполнения. «Самый коренной недостаток Совнаркома и СТО, — писал Ленин, — отсутствие проверки исполнения. Нас затягивает поганое бюрократическое болото в писание бумажек, говорение о декретах, писание декретов, и в этом бумажном море тонет живая работа» [1]). Этот основной недостаток относился, конечно, не только к Совнаркому и к СТО. В основном, нужно сказать, что мы далеко не изжили этот недостаток и по сей день. Невыполнение советских законов, искривление линии партии и пролетарского государства стало у нас довольно распространенным явлением.

Мы не говорим уже о злостном искажении нашей линии, когда в ряде частей госаппарата, особенно в его низовых звеньях, отдельные элементы противятся выполнению советских законов и используют его в интересах чуждых нам классов. Мы имеем сплошь и рядом невыполнение решений в результате нашей неповоротливости, неумелости, косности и некультурности. Способствует этому отсутствие какого-либо сносно постановленного контроля. Возьмем для примера центральные учреждения. НК РКИ РСФСР, проверяя в 1928 году выполнение постановлений правительства нашими наркоматами, пришел к выводу, что «коллегия Наркомзема не вела систематического контроля за выполнением поручений правительства аппаратом Наркомзема, руководители отдельных частей аппарата не проявляли достаточной активности при разрешении этих вопросов». Это же обследование обнаружило, что со стороны «Президиума ВСНХ РСФСР не имеется систематического контроля за выполнением заданий правительства». Точно такие же решения имеются по Наркомвнуделу, Наркомюсту, Наркомфину и другим наркоматам.

Не приходится говорить о том, что задания, которые и выполняются, заканчиваются с большим запозданием, напр., из 131 задания Наркомторгу РСФСР за 1926—27 год, обусловленных сроком, выполнено в срок только 21,3%, с просрочкой до 2 мес.—30,2%, до 4 мес. — 12,9%; из 76 заданий за 3 квартала 1927—28 г. остались невыполненными на 1/IX 1928 г.—11,9%.

О чем говорят эти факты? Они показывают, что наши центральные учреждения всерьез еще не подошли к важнейшей работе — к постановке контроля.

Мы пишем уйму хороших законов и совершенно не заботимся об их судьбе. Ленин неоднократно подчеркивал, что надо «перенести центр тяжести с писания декретов и приказов (глупим мы тут до идиотства) на выбор людей и проверку исполнения. В этом гвоздь [2]). Как правило, до самого последнего времени во всей системе госаппарата отсутствовал постоянный фактический контроль над исполнением.

Все организации, и в первую голову партийные и советские, обращая самое серьезное внимание на исполнение директив партии, должны взяться за организацию систематического контроля, проверки.

---

[1]) Из письма к А. Цюрупе о новой постановке работы СНК и СТО Сборник В. Ленин «Об улучшении госаппарата и о борьбе с бюрокр. и волокитой», стр. 60.

[2]) Сборник Ленин «Об улучшении госаппарата и о борьбе с бюрократизмом и волокитой». Записки Цюрупе по поводу проекта директивы М..ому СНК. Стр. 65.

Необходимо отметить, что отсутствие проверки исполнения является не только следствием недостаточного внимания непосредственно к этому делу. В большой мере это связано с неправильной системой работы наших учреждений, системой, которая делает невозможным фактический контроль. Обратимся к случаю с сульфатом, который описан в «Листке РКИ» [1]). На Карабугазском заливе, на Каспии, на промыслах добывали примитивным порядком 60.000 тонн сульфата в год. В конце 1927 г. Главхим ВСНХ РСФСР с согласия трех добывающих организаций взялся за создание единого треста «Карабугазсульфат». Бесчисленное количество инстанций обсуждали этот вопрос, везде давали свое согласие на организацию всесоюзного треста. В ноябре 1928 года Совнарком СССР утверждает этот трест. Старые добытчики сульфата, пока оформляли создание треста, без конца требовали средств, ждали нового хозяина, запрашивали, где находится оргбюро треста.

ВСНХ РСФСР не захотел финансировать добычу, так как постановили создать всесоюзный трест, который будет в ведении ВСНХ СССР. А ВСНХ СССР отказался финансировать, так как Президиум ЦИК СССР еще не утвердил постановления о создании треста. Наконец, в феврале ЦИК утвердил проект, даже директора подыскали в президиуме ВСНХ для нового треста, но пока все это проделывали и ждали утверждения треста... прошел сезон добычи сульфата. Волокита с'ела экспортный сульфат, и наша химическая промышленность осталась без сульфата.

Пример этот чрезвычайно показателен. Все ведомства, организации отделы, связанные с этим делом, обсуждали, соглашались, вырешили. А когда решение надо было провести в жизнь, на сцену выступили ведомственные интересы. Какой же смысл принимать все эти согласованные, междуведомственные решения, если ведомство, которое должно взяться за их выполнение, прячется за формальность, ссылается на междуведомственность решения и губит дело? Этот пример с погибшим сульфатом в результате отсутствия проверки исполнения, контроля над исполнением принятого решения, показывает, что у нас отсутствует точное разделение функций и ответственности каждого исполнителя, каждой организации за определенное дело.

Вместо ответственности определенного лица, определенного органа в пределах предоставленных ему прав и обязанностей у нас развита система разделения ответственности между многими, между рядом организаций. Фактически не с кого спросить. Вместо конкретных ответчиков имеются безответственные междуведомственные, внутриведомственные комиссии, которые фактически ничего не решают, хотя и много заседают.

Как на пример нежелания брать на себя ответственность за порученное дело можно указать имеющиеся многочисленные факты, когда директора заводов и трестов, несмотря на то, что последнее решение Совнаркома предоставляет им широкие права, не пользуются этими правами, бегут от ответственности. Дело доходит здесь даже до курьезов. Директор N-ой фабрики без разрешения треста не решается снести уборную, поправить коровник. Или такой случай. Директор другой ф-ки, входящей в I Хлоп.-бум. Трест, запрашивает председателя треста, как ему быть, можно ли разрешить пользоваться фабричной баней рабочим, не занятым на данной ф-ке.

Каждый спешит запастись бумажкой, что не он один приложил руку к тому делу, которое ему поручено, непосредственный исполнитель старается приобщить побольше подписей, чтобы в случае какой-либо ошибки он не был одинок. Чего стоит хотя бы следующий пример. В НКПС проводится вопрос об изменении таксы оплаты судами санитарных мероприятий в портах СССР [2]). Казалось бы, такой маленький вопросик о повышении оплаты за де-

---

[1]) Трест всесоюзного значения, «Правда» (Листок РКИ), апрель 1929 г.

[2]) По материалам группы РКИ, работающей под руководством тов. Е. Ф. Розмирович.

зинфекцию можно было поручить одному-двум работникам в административном порядке, закончить это дело в 2—3 дня, ну, скажем, в недельный срок. На деле же, чтобы решить вопрос о повышении оплаты за уничтожение вшей, клопов и мышей на пароходах, работают 2 комиссии, было 3 заседания, 7 междуведомственных совещаний. Этим занимались целый год! Шла междуведомственная переписка, которая только в одном НКПС заняла больше 100 листов. Дождались пароходные клопы, что вокруг них организовали такую грандиозную мышиную возню в наркоматах. Сюда, кроме НКПС, притянули Наркомздрав, Наркомфин и, конечно, Наркоминдел; кроме того, привлекли еще представителей трех республик: РСФСР, ЗСФСР, УССР. В самом НКПС на внутренней бумаге этого приказа имеется 11 подписей.

Не ясно ли, что такая система, когда отсутствует точная ответственность в пределах точно установленных функций, прав и обязанностей делает невозможным фактический контроль. В любом деле нет виновных, а имеются согласованные решения огромного числа лиц и учреждений.

Вряд ли нужно добавлять, что такой способ согласования часто не является деловым, а только затягивает решение дела, что согласование внутриведомственное сводится очень часто к пустой формальности, когда шесть уже проставленных подписей заведующих другими отделами автоматически притягивают новую седьмую визу со стороны седьмого зава, который часто даже не читает бумаги, которую он подписывает. На первый взгляд может показаться, что речь идет о технических деталях управления. На деле это, конечно, не так. Это серьезнейшая проблема.

Такой порядок работы создает в аппарате атмосферу безответственности, питает чувство безнаказанности, плодит волокиту и разлагает аппарат. Автоматизм, казенщина, отстутствие подлинной ответственности за порученное дело препятствуют росту наших работников, мешают им учиться работать всерьез, так, чтобы действительно отвечать за свою работу.

Кроме перечисленного крупнейший дефект этой системы заключается в том, что она затрудняет и делает невозможным привлечение масс к контролю и проверке исполнения, так как фактически не с кого спрашивать.

Надо для того, чтобы проверка исполнения действительно стала возможной, провести в жизнь прямую директиву Ленина: вести «наблюдение за тем, чтобы ответственность в первую голову членов коллегий и важнейших совработников, а затем и всех совработников была совершенно точно и индивидуально установлена, беспощадная борьба против господствующей расплывчатости и неясности в вопросе о том, что каждому отдельно поручено, и против вытекающей отсюда полнейшей безответственности» [1]).

IV. Массы и борьба с бюрократизмом.

Было бы совершенно неправильным думать, что мы сумеем добиться необходимых успехов, если в борьбе за выполнение решений и законов мы ограничимся проверкой, поставленной только одними силами госаппарата. Нужно со всей определенностью сказать, что, если к этому делу не будут привлечены самые широкие массы трудящихся, из всей проверки исполнения ничего не выйдет.

Мы ведем борьбу за четко, дешево и аккуратно работающий аппарат. В этой области перед нами стоят невыполненными огромные задачи. Но тем не менее дешево работающее, правильно распланированное и структурно хорошо слаженное учреждение не может нас удовлетворить, если классовое

[1]) «Из постановления о работе замов». Сборник, стр. 77.

содержание и методы его работы не соответствуют нашим социалистическим задачам, если это учреждение не вовлекает в свою работу и не организует массы. Продолжая работу по улучшению аппарата, мы обязаны успехи в этом деле расценивать не только с точки зрения технико-административного улучшения. Для нас является обязательной при оценке работы аппарата постановка вопроса о том, насколько данное учреждение опирается и связано с массами, проводит свою работу при посредстве масс. Эта связь с массами является особенно важной в настоящий момент.

В самом деле, как можно строить колхозы, проводить рационализацию промышленности, поднимать урожайность без активного участия широчайших масс трудящихся. Размах, об'ем и новизна нашей строительной работы, трудности, связанные с первыми этапами реконструктивного периода — все это требует самого энергичного участия масс в управлении государством и контроле над работой госаппарата.

Расширение участия масс в управлении и контроле самым настойчивым образом диктуется особенно в период обострения классовой борьбы в стране. Борьба с активизирующимся классовым врагом была бы явно недостаточной и часто даже безуспешной, если бы мы не дополняли административное воздействие по отношению к врагу усиленной организацией пролетарской общественности, расширением пролетарского контроля снизу.

Взять, например, борьбу с кулаком, наступающим на общественные элементы деревни. Если в этом деле ограничиться только административными мерами и не обратиться к организации бедноты и батрачества, не поднять их политического удельного веса в деревне, то совершенно ясно, что от такой борьбы получится чрезвычайно малый результат.

Из всей обстановки вытекает повелительная необходимость сделать ряд решительных и энергичных шагов в деле привлечения масс к борьбе с бюрократизмом, к борьбе за улучшение нашего госаппарата.

Надо помнить, что подлинная борьба с бюрократизмом начинается только тогда, когда в ней принимают участие массы.

За прошедшие годы революции мы накопили не мало человеческих ресурсов, которые делают вполне возможным более смелое и последовательное привлечение трудящихся к управлению и контролю.

За эти годы на основе культурного и политического роста рабочего класса, на основе роста материального благосостояния дело определенным образом сдвинулось в лучшую сторону. Не учитывать этого обстоятельства было бы, конечно, упущением.

У нас имеется не мало «степенных» «государственных людей», которые обычно на всякие предложения о широком привлечении масс к действительному управлению и контролю отвечают: не увлекайтесь, из этого дела ничего не выйдет. Надо об'явить и повести решительную борьбу с такими скептиками, маловерами, которые проявляют вреднейшую косность, массобоязнь и недоверие к творческим возможностям рабочего класса.

Это важнейшее дело нельзя откладывать до каких-либо лучших времен. Надо твердо помнить, что привлечение к управлению рабочих и крестьян «дело исключительно трудное, но в то же время такое, без постоянного развития которого советская власть неминуемо осуждена на гибель [1]). Поэтому мерилом успешности нашей борьбы с бюрократизмом должна быть степень участия масс в этом деле. Эту сторону в борьбе с бюрократизмом необходимо особенно резко подчеркнуть, так как

[1]) Н. Ленин. Сборник «Об улучшении госаппарата, о борьбе с бюрократизмом и волокитой». Из постановления о работе замов. Стр. 81.

у нас нередко пытаются теперь бороться с бюрократизмом бюрократическими методами.

В связи с этим необходимо широко развертывать и всемерно укреплять особенно те формы, способы и организации, которые содействуют вовлечению масс в управление и привлечению их к контролю (выдвиженчество рабочих на ответственные должности, временные контрольные комиссии во всех учреждениях и предприятиях, экономсовещания, секции РКИ, производственные совещания, добровольцы бюро жалоб РКИ, легкая кавалерия комсомола, рабкоры, специальные группы содействия, «налеты» на учреждения, массовые обследования, суды рабочих заседателей и т. д.).

Опыт проведенного внезапного «налета» на московские учреждения с целью выявить отношение к посетителям показал, что массовая проверка со стороны рабочих дает самые ощутительные и полезные результаты. Почему бы не поставить вопрос о проверке сотнями рабочих и работниц для начала отдельных отраслей, обслуживающих непосредственные нужды рабочих, например, общественного питания, пекарен, прачечных, кооперативов, страхкасс, больниц [1])? Обследователи участвовали бы затем в выработке мероприятий по устранению выявленных недостатков и через некоторое время снова проверили бы, как выполняются принятые ими предложения.

Что плохого было бы, если бы, например, рабочие ряда заводов, входящих в трест, не только заслушали отчет директора треста, а взяли бы на себя фактическую проверку работы треста? Ведь они-то знают все слабые и положительные стороны работы, они чувствуют ее на собственном опыте, лучше любой контрольной организации.

Контроль над работой госаппарата не должен носить эпизодический характер. Надо начать усиленно обволакивать наши аппараты тесным кольцом рабочей общественности и добиться такого положения, чтобы каждый участок государственного аппарата был под неослабным контролем трудящихся. Каждое звено госаппарата должно быть окружено контролирующей и одновременно помогающей группой рабочих, сопрягающих свою работу с усилиями РКИ, при поддержке «легкой кавалерии», печати и т. д. В деревне эту работу должны вести группы бедноты.

Только такая массовая, постоянная проверка, сочетающаяся с контрольной работой самого аппарата, может дать результаты в деле борьбы с бюрократизмом.

За последнее время в деле массового контроля замечается определенный сдвиг в сторону улучшения.

Вряд ли нужно добавлять, что в этой области мы делаем только первые шаги. Сейчас нужно во сто крат увеличить работу в этой области. Если мы подойдем к этому делу с необходимой смелостью и революционностью, можно заранее сказать, что на этом пути нас ожидают крупнейшие успехи.

V. Чистка аппарата и выдвижение новых кадров.

Коренным образом переделать государственный аппарат, решительно обновить состав его работников нельзя, конечно, в короткий срок. Это требует длительной, упорной работы. «Тут ничего нельзя поделать нахрапом или натиском, бойкостью или энергией, или каким бы то ни было лучшим человеческим качеством вообще...» [2]).

Эта переделка требует значительной и упорной работы, и достижения в области настоящей реорганизации и решительного обновления людского

[1]) Конечно, этими учреждениями нельзя будет ограничиться. Они названы потому, что с них надо начинать, потому, что они ближе затрагивают и скорей заинтересуют рабочих.

[2]) «Лучше меньше, да лучше», 1923 г., XVIII, ч. 2, стр. 126.

состава госаппарата связаны с нашими успехами в области культурной революции. «Нам надо во что бы то ни стало поставить себе задачей для обновления нашего госаппарата: во-первых — учиться, во-вторых — учиться, и в-третьих — учиться и затем проверять то, чтобы наука у нас не оставалась мертвой буквой или модной фразой (а это, нечего греха таить, у нас особенно часто бывает), чтобы наука действительно входила в плоть и кровь, превращалась в составной элемент быта вполне и настоящим образом...» [1]).

Нисколько не преуменьшая первостепенного значения учебы и развертывания культурной революции, мы должны уже теперь, не дожидаясь, не откладывая этого дела, энергичнее вести работу по переделке нашего аппарата, опираясь на уже накопленный опыт и на некоторый, хотя и незначительный и недостаточный, наш культурный рост.

Состояние государственного аппарата, несмотря на некоторые успехи, которые мы имеем за последние годы, в настоящий момент таково, что необходимо принять помимо обычной работы по его рационализации и улучшению ряд особых мер. Мы не сумеем разрешить новые усложнившиеся задачи, связанные с новым периодом, если не предпримем в настоящий период ряд таких мероприятий, которые должны подтянуть аппарат, освободить его от таких элементов, которые мешают проводить нашу линию. Мы должны констатировать значительную засоренность аппарата чуждыми, враждебными и негодными элементами. Перед нами стоит задача не только подготовки и выдвижения новых кадров. В данный момент с особой остротой выпячивается необходимость освобождения аппарата от этого враждебного и негодного балласта.

В связи с этим большое значение приобретает вопрос о чистке. Чистка стала настоятельной необходимостью. Ноябрьский пленум ЦК по этому поводу указал, что «бюрократические извращения, невнимание к нуждам трудящихся, вопиющая косность и преступная волокита нередко подрывают работу госорганов. Отдельные звенья государственно-кооперативного аппарата доходят до прямого разложения и срастания с буржуазно-капиталистическими элементами населения, вызывая необходимость коренной чистки этих органов».

В настоящее время эта чистка проводится в 30 местах Советского Союза. На опыте уже проведенных чисток в этих районах необходимо вырешить вопрос о способах и приемах работы в предстоящей повсеместной чистке аппарата.

Необходимо отметить, что при проведении чистки государственного аппарата был допущен ряд дефектов. Остановимся на важнейших.

Наблюдается погоня за большим числом вычищенных. Вполне понятно, что при такой неправильной установке значительно возрастает число неизбежных при всякой чистке ошибок. И самая чистка направляется по неправильному руслу. Наша задача заключается вовсе не в том, чтобы выбросить из аппарата возможно больше народу; выбросить нужно только тех, кто действительно является нетерпимым сейчас в советском аппарате. В погоне за большим числом вычищенных, естественно, исчезает необходимая тщательность, комиссии устремляются по линии наименьшего сопротивления, начинают изгонять из аппарата исключительно по формальным мотивам, вычищают исключительно бывших дворян, белых офицеров и т. д. Нередко дело доходит до курьезов.

При таком подходе не обращают внимания на качество работы каждого работника, а руководствуются только анкетными данными, социальным происхождением и прежней работой. Так, из 16.970 человек, вычищенных в 24 местах Союза, по данным на 15 февраля 1929 г., за бюрокра-

[1]) Там же.

тизм изгнано всего несколько сот человек, большинство же остальных приходится на бывших белых офицеров, бывших крупных чиновников, бывших владельцев, дворян и т. д.

Конечно, большая часть всех этих остатков бывших командующих классов совершенно непригодна к работе в нашем аппарате, многие присосались к нему, немалая доля среди них сознательно искривляет нашу линию,— *их изгонять из аппарата необходимо.* Но совершенно ясно, что если чистка пойдет только по линии изгнания «бывших», то мы оставим в стороне, не затронем огромный слой настоящих бюрократов новой формации, не принадлежащих к старому чиновничеству, офицерству и т. д. По этому поводу совершенно правильно сказал на комсомольском с'езде (май 1928 г.) тов. Сталин: «Если бы дело шло только о старых бюрократах, борьба с бюрократизмом была бы самым легким делом. Беда в том, что дело не в старых бюрократах. Дело, товарищи, в новых бюрократах, дело в бюрократах, сочувствующих советской власти, наконец, дело в бюрократах из коммунистов. Коммунист-бюрократ—самый опасный тип бюрократа. Почему? Потому, что он маскирует свой бюрократизм званием члена партии. А таких коммунистических бюрократов у нас, к сожалению, немало».

Не гоняясь непременно за большим числом вычищенных, надо изгонять не по формальным признакам, а независимо от происхождения, очищать государственный аппарат от людей, не желающих и не могущих проводить линию пролетарского государства, разложившихся, переродившихся, срастающихся с кулацкими, нэпманскими элементами.

Работа по проверке людского состава в ряде мест ведется совершенно *оторванно, без всякой связи с характером работы учреждения.* Для того, чтобы чистка не была механической, только анкетной, чтобы она обнаружила тех, кого действительно нельзя сейчас оставить на работе, необходимо увязать чистку с недостатками и болезненными явлениями в работе данного учреждения. Такой единственно-правильный подход требует проведения серьезной подготовительной работы, которая не везде имела место.

Крупнейшим недостатком является также и то, что чистка не везде проходила *открыто, гласно.* Без широкого привлечения масс к очищению аппарата, без предварительного широкого раз'яснения ее задач, только на основе документов и отдельных опросов одни контрольные и проверочные комиссии без связи с массами будут бессильны выявить именно тех, кого надо вычистить. В самом деле, как можно при негласной чистке обнаружить виновников искривления классовой линии? Такие «секретные» чистки представляют благодарную почву для использования чистки в интересах склоки. При этом неизбежны необоснованные решения и тем самым умаление авторитета чистки.

Опыт показывает, что там, где к чистке были привлечены массы, последние оказали большую помощь делу. Так, например, на Северном Кавказе от беспартийных рабочих и крестьян Черноморского округа поступило свыше 5.000 заявлений и жалоб.

Крупнейшим дефектом является недостаточное участие в ряде мест партийных и профессиональных организаций в подготовке и проведении чистки. Ячейки в ряде случаев стоят в стороне от чистки. Отдельные коммунисты проявляют недостаточную активность. Не везде имеется необходимая мобилизация партийной общественности вокруг чистки.

В связи с чисткой возникает вопрос о том, как оградить аппарат от *обратного приема вычищенных.*

В ряде мест такие явления далеко не единичны. Понятно, что возвращение на работу изгнанных из госаппарата грозит свести на-нет всю проделываемую работу по очищению аппарата и подрывает доверие рабочих масс

к чистке. Необходимо принять ряд мер, которые оградили бы аппарат от обратного приема вычищенных, например, *опубликование списков тех вычищенных,* которым навсегда запрещена работа в советском аппарате, *отметка в трудовых списках* в случае запрещения работы на срок или для определенного круга должностей, *издание специального закона,* ограждающего госаппарат от проникновения вычищенных и засорения чуждыми, вредительскими и показавшими свою полную непригодность к работе в соваппарате элементами.

Совершенно ясно, что одних этих организационных мероприятий недостаточно. Чуждый и враждебный элемент найдет при поддержке отдельных работников госаппарата немало лазеек, чтобы вернуться снова на работу в советские учреждения. На ряду с организационными мероприятиями необходим систематический контроль над приемом на работу со стороны самих служащих, со стороны профессиональных и партийных организаций, со стороны рабочих, осуществляющих контроль над работой госаппарата.

На ряду с чисткой необходимо в данный момент обратить особое внимание на выдвижение новых кадров на государственную работу из пролетарской среды.

Нет необходимости пояснять, какое огромное значение имеет для обновления людского состава государственного аппарата и коренной его переделки вопрос о выдвижении рабочих и крестьян на постоянную, руководящую работу в госаппарат. *Новые силы, приходящие снизу из пролетарской среды, должны внести свежую струю в работу госаппарата, должны содействовать усилению борьбы с бюрократизмом, разгильдяйством, бесхозяйственностью и т. д.*

Необходимо признать, что за последние годы в области выдвижения, на этом важнейшем участке фронта борьбы с бюрократизмом, мы не имеем требуемых результатов. В этом деле у нас отсутствует необходимая смелость, настойчивость и решительность. Этому делу не было уделено достаточно внимания. В аппаратах центральных учреждений до сего времени выдвиженцы насчитываются единицами, они здесь представлены крохотными, незаметными группками.

Приведем таблицу, напечатанную в «Листке РКИ» («Правда» от 7 марта 1929 г.) под заголовком «Позорные цифры»:

Картина выдвижения в центральных аппаратах[1]).

Названия учреждений	Число опер. отв. работников в учрежден.	Сколько выдвинуто рабочих в аппарат			Сколько удержалось в аппар.
		В 1924 г.	В 1925/27 гг.	В 1928 г.	
Наркомторг СССР .	600	2	—	—	1
Наркомюст РСФСР .	120	4	7	—	Ни одного
Наркомпрос РСФСР .	250	3	—	4	7
Наркомфин РСФСР .	200	6	—	3	9
Госбанк СССР. . .	250	22	11	4	13
Центросоюз	450	20	—	12	22
Наркомфин СССР . .	500	15	9	8	22

В аппарат ВСНХ СССР за пять лет (1924—1929) влилось всего 2 выдвиженца, в ГЭТ—3, в Наркомзем—1 батрак-выдвиженец, в Росгосстрах—1, в Мосгубстрах—2, в Резинотрест—4.

[1]) По данным ЦК ВКП. Записки тт. Орлова, Арбузова, Новина.

В ВСНХ РСФСР, в Союзе Союзов с.-х. кооперации, в Третьем Хлопч.-бум. тресте ни одного выдвиженца нет.

Картина не требует пояснений. При этом надо иметь в виду, что вообще рабочая прослойка в центральных учреждениях также мала. Например, в Наркомтруде СССР—16,2%, в Наркомземе—6%, Наркомвнуделе—8,4%. Среди ответственных работников НКФ СССР—7,2%, ВСНХ СССР—3,8%, Сельхозбанк СССР—8,4% [1]).

Такое же приблизительно положение имелось до самого последнего времени на местах. Выдвинутые в аппарат одиночки часто затираются, наталкиваются на косность, недоверие и нередко даже на враждебное отношение со стороны отдельных частей аппарата. Связь выдвиженцев с предприятиями, откуда они пришли, чрезвычайно слаба; плохо поставлена учеба, наблюдается отсев выдвиженцев и проч. Профсоюзы зачастую стоят в стороне от выдвижения. Руководители учреждений, за редким исключением, не интересуются вопросами выдвижения. Большею частью они неохотно заполняют несколько единиц в своем штате за счет выдвиженцев, примиряясь с этим, но почти никто из них не считает, что выдвижение действительно может помочь их работе.

Если иметь в виду засоренность наших учреждений классово-чуждыми, негодными и враждебными элементами и наличие значительного числа рабочих, выросших за годы революции и вполне пригодных к работе в нашем аппарате,—то нужно признать, что *темп выдвижения и работа по выдвижению являются крайне недостаточными*.

Ряд партийных, советских и профессиональных организаций недооценили всей важности и значения выдвижения в борьбе с бюрократизмом, в борьбе за улучшение госаппарата.

Необходимо добиться решительного перелома в деле выдвижения. Надо сломить сопротивление бюрократических элементов нашего госаппарата, противящихся притоку новых пролетарских сил в аппарат.

Надо твердо помнить слова Ленина о том, что «организаторских талантов в «народе», т.-е. среди рабочих и не эксплоатирующих чужого труда крестьян, масса; их тысячами давил, губил, выбрасывал вон капитал, их не умеем еще найти, ободрить, поставить на ноги, выдвинуть—мы. Но мы этому научимся, если примемся со всем революционным энтузиазмом, без которого не бывает победоносных революций, учиться этому» (т. XV, стр. 212—213).

Уметь найти, подобрать и с большей энергией и решительностью, чем мы это делали до сих пор, выдвигать тысячами в госаппарат из среды выросших на фабриках и заводах, а также и низовой советской работе—сейчас одна из основных задач в борьбе с бюрократизмом.

Вопрос о выдвижении приобретает особо актуальное значение в настоящее время в связи с чисткой аппарата. Чистка не даст тех результатов, которых мы ждем от нее, если мы не свяжем ее с выдвижением новых кадров. Надо уже теперь немедленно взяться за работу *по отбору и подготовке* выдвиженцев. Надо организовать *обучение* выдвиженцев, имея в виду характер их будущей работы.

Одним из крупных недостатков практиковавшегося до сих пор выдвижения является *недостаточно общественный характер отбора кандидатур*. К обсуждению этих кандидатур не всегда привлекались широкие рабочие массы. Такое положение приводило часто к тому, что отдельные кандидатуры были неудачными, самое выдвижение в таких случаях проходило незаметно для предприятия и создавало предпосылку для отрыва выдвиженца от фабрики и завода, откуда он был выделен. В связи с этим необходимо отнестись со всей серьезностью к подбору, выделяя тех, кто действительно подходит к этой работе. Надо к подбору и выдвижению кандидатур привлечь широкие рабочие массы.

[1]) Бюллетень ЦКК ВКП(б)—НК РКИ СССР и РСФСР, № 2—3, февраль—март 1929 г., стр. 9.

Среди выдвинутых в госаппарат имеется *чрезвычайно мало женщин*. На эту сторону надо обратить серьезное внимание. Работниц и крестьянок необходимо выдвигать гораздо смелее, чем мы это делали до сих пор. Не надо забывать, что среди работниц и крестьянок имеется во много раз больше, чем нам известно, *организаторских талантов*, людей, обладающих уменьем наладить практическое дело с участием большого числа работников и еще большего числа потребителей, без того обилия фраз, суетни, свары, болтовни о планах, системах и т. п., чем «болеет» постоянно мнящая о себе непомерно много «интеллигенция» или скороспелые «коммунисты». (Ленин, т. XVI, стр. 257).

Особое значение приобретает в настоящее время вопрос о выдвижении работников в низовой аппарат в деревне из среды *бедняцкого и батрацкого актива*.

Мы уже приступили к практическому выполнению тех больших задач социалистического строительства, которые намечены в пятилетнем плане развития народного хозяйства нашего Союза. Успешная реализация поставленных в плане задач находится в тесной зависимости от того, как будет нами разрешена проблема кадров. Нам надо добиваться такого положения, чтобы наш государственный аппарат целиком и полностью отвечал тем задачам, которые возлагаются на него пятилетним планом. И здесь на первое место должен быть поставлен вопрос о выдвижении рабочих и крестьян.

Чтобы двинуть вперед дело выдвижения, необходимо приковать к нему внимание партийных, советских и особенно отстающих профсоюзных организаций. Надо перейти от случайного выдвижения одиночек к постоянной, планомерной работе в этой области. Надо с величайшим вниманием относиться к самому отбору выдвиженцев.

Надо создать деловую, товарищескую обстановку для выдвиженцев в учреждениях, которая способствовала бы их росту и работе. За этим делом должны следить парт'ячейки и месткомы. Они обязаны оказывать всяческую поддержку и помощь выдвиженцам и добиться чуткого, бережного отношения к ним. Руководители учреждений должны *лично отвечать* за состояние выдвиженчества в аппарате, которым они руководят.

Надо добиться того, чтобы выдвиженец не был одиноким, заброшенным в учреждении. Он должен стать активным участником улучшения советской работы, он должен иметь возможность повышать свою теоретическую и практическую квалификацию и держать самую тесную связь с предприятием, откуда он был выдвинут.

Нужно понимать, что без борьбы с бюрократическими элементами, сопротивляющимися притоку свежих сил в аппарат, мы необходимого перелома в деле выдвижения не добьемся. Надо дать решительный отпор таким настроениям, которые считают, что пролетарии, пришедшие от фабрик и заводов, не способны заняться руководящей работой в госаппарате. Надо начать большую, систематическую, планомерную работу по энергичному пополнению госаппарата новыми кадрами из пролетарской среды. Это должно стать одной из самых боевых, неотложных наших задач.

Мы имеем достаточно годных для выдвижения сил. Если мы подойдем к этому делу со всей серьезностью и проявим необходимую смелость и решительность, то мы, несомненно, добьемся больших успехов.

Ан. Троцкий.

Как подготовляют „размычку“.

(Против правой ревизии ленинского учения о союзе пролетариата и крестьянства).

Вопрос о союзе пролетариата с основными массами крестьянства вновь становится в центре внутрипартийных споров.

Вновь уклонисты, но теперь уже правые, принимаются за «разработку» проблемы отношений пролетариата и крестьянства, за «истолкование» ленинского учения о союзе этих двух классов, за «изложение» ленинских «заветов» и «завещаний» по этому основному вопросу.

И в этом, пожалуй, нет ничего случайного, ибо проблема союза рабочих и крестьян, проблема руководства рабочего класса основными массами крестьянства является главнейшей проблемой диктатуры пролетариата, и то или иное решение этой проблемы немедленно сказывается на всей нашей хозяйственной и политической практике, немедленно ощущается самыми широкими кругами трудящихся нашей страны. Тем внимательнее должна партия присмотреться и тем решительнее и нетерпимее она должна отнестись ко всяким попыткам ревизии ленинского учения о союзе пролетариата и крестьянства, какими бы кричащими фразами и клятвами в верности ленинизму эти ревизионистские попытки ни были прикрыты.

Тот факт, что правые уклонисты и колеблющиеся в их сторону усиленно ратуют з а союз пролетариата с крестьянством, снабжая свои речи и статьи многочисленными цитатами о важности этого союза и вставая в позу ярых защитников союза, тот факт, что они (правые) обвиняют партию и ЦК в политике, противоречащей идее союза, в политике «размычки»— этот факт иногда смущает отдельных, слишком доверчивых к словам товарищей, склонных даже думать, что в лице правых партия будто бы имеет лучших друзей, хранителей и поборников ленинской идеи союза пролетариата и крестьянства.

Однако, чем громче правые кричат о союзе пролетариата и крестьянства, тем резче обнаруживается, ч т о и м е н н о о н и-т о и р а з в е н ч и в а ю т л е н и н с к и й л о з у н г с о ю з а о б о и х к л а с с о в, ч т о и м е н н о о н и-т о и я в л я ю т с я х у д ш и м и н а р у ш и т е л я м и э т о г о с о ю з а.

Мало и недостаточно встать в позу защиты союза пролетариата и крестьянства, мало и недостаточно ратовать за «крепчайший союз рабочих и крестьян», надо четко и недвусмысленно определить — к а к о е классовое содержание вкладывается в ленинское понятие союза, к т о руководит в этом союзе, в о и м я ч е г о и на решение к а к и х з а д а ч руководящий в этом союзе класс ведет своего союзника и к а к, при помощи к а к и х форм и методов он его ведет на данной, исторически определенной, вполне конкретной ступени социалистического развития.

Без ответа на эти вопросы, без расшифровки по этим основным линиям, формула соглашения пролетариата и крестьянства остается «совершенно неопределенной».

А правые и колеблющиеся к ним как раз и не дают сколько-нибудь удовлетворительного ответа на эти р е ш а ю щ и е, о с н о в н ы е в о п р о с ы.

II. Смычка по Дану и смычка по Ленину.

Вл. Ильич неоднократно подчеркивал всю недостаточность общих, не расшифрованных соответственным образом формул о соглашении рабочих и крестьян. Он говорил, что такую о б щ у ю формулу о союзе, формулу, еще очень мало говорящую, поддерживают и «проводят в своих взглядах» самые заклятые враги советской власти и даже «очень часто пускают ее против нас», ибо «сама по себе эта формула совершенно неопределенна» (т. XVIII, ч. 1, стр. 257).

Лучшим подтверждением этой мысли Ильича, мысли о том, как даже открытые враги советской власти «проводят в своих взглядах» общую формулу союза с крестьянством, является последнее выступление в меньшевистской прессе господина Дана.

В «Социалистическом Вестнике» от 4/XII—28 г. Дан, высказываясь за поддержку и развертывание программы правых уклонистов в нашей партии и за «обеспечение условий буржуазно-демократического развития России», выдвигает в качестве «основного вопроса» и очередной задачи для меньшевиков борьбу за «политическую демократию», т.-е. за буржуазную демократию.

Решить эту задачу, по его мнению, меньшевики могут лишь на основе союза, соглашения рабочих и крестьян.

«Эта задача (т.-е. задача борьбы за буржуазную «демократию» и вообще за «обеспечение условий буржуазно-демократического развития России». *А. Т.),*—говорит Дан,— исторически вполне осуществима, ибо весь ход русской революции создал возможность д л и т е л ь н о г о с о ю з а п р о л е т а р и а т а и к р е с т ь я н с т в а».

В «Соцвестнике» от 24 января с. г. и в мартовском номере австрийских меньшевиков «Der Kampf» (за 1929 г.) меньшевик Дан полемизирует против меньшевика Троцкого.

Оба они (и Дан и Троцкий) одинаково убеждены, что «России» не миновать возврата к буржуазно-капиталистическому режиму, но Троцкий считает, что формой этого режима будет фашистская диктатура, Дан же более оптимистичен, нежели Троцкий, и полагает, что это будет буржуазная демократия. Дан призывает всех меньшевиков бороться за путь к этой буржуазной демократии, при чем добиться своей меньшевистской перспективы Дан надеется при помощи «р а б о ч е-к р е с т ь я н с к о г о с о ю з а», который, — по его мнению, — «только и может быть основой политической (читай буржуазной. *А. Т.)* демократии в пореволюционной России».

В журнале «Der Kampf» Дан прямо пишет, что

...«преследуемая русской соц.-демократией политика сознательно направлена на компромисс, н а с о г л а ш е н и е (e i n e V e r s t ä n d i g u n g) п р о л е т а р и а т а и м е л к о б у р ж у а з н о г о к р е с т ь я н с т в а, на смену (die Ablösung) большевистской диктатуры, которая на словах тоже именуется «рабоче-крестьянским правительством», через действительное коалиционное правительство рабочей и крестьянской партий, которое по своему существу возможно лишь на демократических основах» (стр. 132, подчеркнуто нами. *А. Т.).*

Дановская формула «соглашения пролетариата с крестьянством», как видим, означает «смену большевистской (= пролетарской. *А. Т.)* диктатуры», «обеспечение условий буржуазно-демократического развития», возврат к капитализму. Такое содержание в эту формулу рабоче-крестьянского союза Дан вкладывает совершенно открыто, придавая контрреволюционную определенность общей и до тех пор еще «совершенно неопределенной» формуле.

В 1921 г. Ленин, упоминая о меньшевистских формулах союза рабочих и крестьян, подчеркивал, что в их руках и при их меньшевистском толко-

вании эта формула «означает не что иное, как восстановление капитализма». (Том XVIII, ч. 1, стр. 326).

Мы же,—продолжал Вл. Ильич,—«когда мы об этом (т.-е. о соглашении пролетариата с крестьянством. *А. Т.)* говорим, то мы понимаем под этим усиление и укрепление пролетариата» (там же).

Для нас, учил Ленин, соглашение это «лишь тогда является допустимым, когда оно поддерживает диктатуру рабочего класса и является одной из мер, направленных к уничтожению классов» (т. XVIII, ч. 1, стр. 257), т.-е. к построению социализма.

Как видим, классовое содержание формулы соглашение пролетариата с крестьянством в понимании контрреволюционеров-меньшевиков и в понимании Ленина и его партии диаметрально противоположно. Да иначе и быть не может.

Для меньшевиков союз с крестьянством есть возврат к капитализму, есть средство для укрепления диктатуры буржуазии, есть форма руководства буржуазии.

Для ленинизма союз с крестьянством есть движение к социализму, средство для укрепления диктатуры пролетариата, форма руководства пролетариата.

Классовое содержание формулы соглашения пролетариата с крестьянством у Дана и у Ленина непримиримо противоположно.

И, однако, Дан оперирует этой же общей формулой.

И потому сугубо важно и для каждого ленинца абсолютно обязательно, когда перед ним жонглируют общей формулой «соглашения», «союза», ставить всякий раз перед собой вопрос: а какое классовое содержание вкладывают в эту формулу? Кто, во имя чего и каким образом руководит в этом союзе?

Равным образом и теперь, когда правые элементы и колеблющиеся к ним тт. особенно любят выдавать себя за настоящих, «стопроцентных» сторонников, друзей и хранителей ленинской формулы союза пролетариата и крестьянства, теперь в особенности уместно поставить этот вопрос и попытаться выяснить, какой же ответ на этот вопрос дают правые уклонисты.

И вот, на проверку выходит, что никто так грубо и так бесцеремонно не искажает ленинскую теорию союза пролетариата с крестьянством, как эти товарищи, выдающие себя за стопроцентных хранителей ленинских идей; никто так не изощряется, чтобы ясное ленинское содержание формулы союза низвести до уровня худшего оппортунизма.

Теория союза пролетариата и крестьянства, которую пытаются развивать правые и колеблющиеся к ним, на проверку решительно расходится с теорией союза в ее ленинском понимании и прежде всего тем, что она (эта теория) сводит на-нет роль пролетариата, как руководящей силы в этом союзе.

Это обнаруживается уже в факте борьбы правых против линии партии, против линии, которая является прямым осуществлением ленинского лозунга союза рабочих и крестьян.

Две идеи теснейшим образом связаны с ленинским пониманием этого лозунга, если мы говорим о лозунге союза рабочих с основными (середняцкими) массами крестьянства на этапе социалистического строительства:

во-первых, руководящая роль пролетариата, что в свою очередь предполагает, что пролетариат, крепящий союз с середняком, опирается в деревне на бедноту и наступает на кулака, и,

во-вторых,—линия на уничтожение классов, которая предполагает не только решительную борьбу против элементов капитализма (кулака и пр.), но и активную перестройку мелкокрестьянской экономики в социалистическую.

Нельзя не видеть, что политика нашей партии полностью соответствует именно такому содержанию лозунга союза.

В самом деле.

Курс партии на индустриализацию страны, на высокий темп строительства промышленности, в первую очередь тяжелой, на внедрение в сельское хозяйство новой высокой машинной техники, на массовое производственное кооперирование и организацию крупных совхозов, на под'ем индивидуальных хозяйств бедноты и середняков с тем, чтобы все больше и больше направлять этот под'ем в русло производственного об'единения, на всестороннее наступление против капиталистических и особенно кулацких элементов — укрепляет социалистические высоты и в городе и в деревне, способствует вытеснению капиталистических элементов и подводит деревню к уничтожению корней капитализма, таящихся в мелкотоварном характере крестьянского производства. Тем самым этот курс политики укрепляет руководство пролетариата и подготовляет на деле уничтожение классов, т.-е. осуществляет как раз те идеи, которые вложены Ильичем в формулу соглашения пролетариата и крестьянства.

Между тем, правые элементы утверждают как раз обратное, а именно, что курс партии не только не осуществляет ленинской идеи союза пролетариата и крестьянства, но, наоборот, будто бы противоречит этому союзу и ведет к его неизбежному нарушению, к «размычке».

Видимо, они (правые) иначе понимают союз пролетариата с крестьянством, видимо, они вкладывают иное содержание в ильичевскую формулу этого союза.

Какое же классовое содержание и какие идеи вкладывают правые уклонисты в формулу союза рабочих и крестьян? Несмотря на то, что наиболее искушенные представители правого уклона не решаются открыто высказать всю систему своих взглядов, все же находятся среди правых и такие, которые по своей простоте откровенно и обстоятельно излагают свое особое, специфически «правое» понимание лозунга союза рабочих и крестьян.

Наиболее ясно, как мы знаем, такое «свое» толкование лозунга союза рабочих и крестьян в духе правой позиции дал т. Лядов.

Напомним его слова: ...«каждый раз, в зависимости от того, в какую сторону середняк колеблется, определяется тактика партии. На этом именно колебании построено учение о смычке с середняком; уловить, чутко прислушаться, в какую сторону середняк колеблется, — в этом большевистская тактика должна заключаться, — не пропустить того момента, когда середняк начнет резко колебаться в сторону кулака» (разрядка наша. *А. Т.*).

То же самое, но в замаскированной форме хотят сказать правые, когда они провозглашают: «смычка во что бы то ни стало», «смычка любой ценой», что попросту означает: смычка ценою любых уступок, не глядя даже на то, укрепляют или подрывают эти уступки руководство пролетариата.

Такое понимание союза рабочих и крестьян, вошедшее в железный инвентарь уклонизма в качестве «теории уступок» никак не может быть примирено с ленинским пониманием союза рабочих и крестьян. Конечно, пролетариат в интересах сохранения и укрепления своего руководства должен делать в те или иные периоды борьбы и строительства те или иные уступки мелкой буржуазии, но всегда—уступки в определенных пределах, уступки, укрепляющие диктатуру рабочего класса.

По теории же уступок выходит, что пролетариат теряет вовсе самостоятельность своей линии, что пролетариат теряет вовсе свою руководящую роль в союзе, что он (пролетариат) слепо и послушно плетется в хвосте за

мелкой буржуазией, непрерывно давая ей уступку за уступкой и непрерывно колеблясь вместе с мелкой буржуазией и вслед за ней.

Ясно, что такая трактовка вопроса означает, во-первых, потерю самостоятельности пролетариата, этой единственной силы, последовательно и до конца ведущей борьбу за социализм. А это означает ослабление, обессиление пролетариата. «Пролетариат обессилит себя, — говорил Владимир Ильич, — если позволит своей партии колебаться так, как колеблется мелкая буржуазия» (статья «Поражение Росссии и революционный кризис»).

Ясно, во-вторых, что пролетариат согласно этой трактовке из руководящей, ведущей силы в союзе становится силой руководимой и ведомой, силой, идущей в хвосте за мелкой буржуазией. Но мелкая буржуазия, как это не раз подчеркивал Ленин, не может быть самостоятельной руководящей силой; она по самой своей природе идет либо под водительством пролетариата, либо под водительством буржуазии. Поэтому, если (как учит «теория уступок») пролетариат теряет руководство над основной массой крестьянства, то этим руководством над крестьянством неизбежно овладевает буржуазия. Ясно, что ни о какой линии на уничтожение классов, т.-е. линии на строительство социализма, при таких условиях, при руководстве буржуазии и речи быть не может.

Такова логика лядовской ошибки. Осуществленное на деле, такое понимание смычки ведет неминуемо к победе буржуазии, к восстановлению капитализма.

Не получается ли, что вне зависимости от своих добрых суб'ективных намерений авторы «теории уступок», сторонники правого уклона, об'ективно льют воду на мельницу господина Дана?!

Не получается ли, что собравшиеся с благим намерением защитить ленинизм, правые, сами того не желая и не ведая, попадают в идейный плен к меньшевикам?

Не получается ли, наконец, что, желая удержать крестьян-середняков в союзе с пролетариатом, они (правые) на деле отпихивают крестьян в лагерь и под руководство буржуазии?!

Уже одна такая перспектива должна заставить как всю партию, так и самих заблудившихся товарищей поставить со всею резкостью и большевистской непримиримостью следующую дилемму:

или с Лениным и за ленинскую трактовку союза рабочих и крестьян, т.-е. за руководство пролетариата в этом союзе и за линию на уничтожение классов,—и тогда непримиримая борьба с «теорией уступок»;

или с Даном и за меньшевистскую трактовку союза, т.-е. за отдачу руководства буржуазии, за буржуазную реставрацию,—и тогда—шире дорогу «теории уступок»!

Третьего не дано.

Кто встает на позицию «теорию уступок», кто настаивает на этой оппортунистической теории, как на краеугольном камне учения о смычке, тот фактически рвет с ленинизмом и попадает в плен к меньшевикам, отрицая и губя пролетарское руководство внутри союза рабочих с основными массами крестьянства.

II. „Крестьянская война“ или социалистическое наступление на кулака?

Иногда, употребляя слова Маркса, сказанные им в 1856 г., именуют союз пролетариата и крестьянства на этапе строительства социализма «сочетанием пролетарской революции и крестьянской войны».

При этом усиленно подчеркивают, что социалистическая революция держится на этом «сочетании пролетарской революции и крестьянской войны», что это сочетание надо удержать «во что бы то ни стало» и что, если

этого сочетания мы лишимся, то выпадет вся основа социалистической революции в нашей стране.

Итак, получается, что сочетание пролетарской революции и крестьянской войны и есть «основа социалистической революции в нашей стране».

Надо прямо сказать, что ничего, кроме вреда, от такого толкования формулы союза рабочих и крестьян для этапа социалистической революции на ее строительной стадии не получается.

В самом деле, под «крестьянской войной» марксисты привыкли понимать войну всего крестьянства в целом против феодального гнета, против средневековья, против помещичьего землевладения, против монархии и пр.

«Крестьянская война» это движение всего крестьянства, в том числе и его кулацкой, верхушечной части за преодоление и слом феодальных преград и за расчистку пути для буржуазного, капиталистического развития.

Содержание «крестьянской войны», таким образом, не выходит за рамки буржуазно-демократической революции.

Уж если употреблять это выражение Маркса, то такое «сочетание пролетарской революции и крестьянской войны» получилось у нас в первые месяцы Октябрьской революции и уже к середине 1918 года себя полностью изжило.

Пролетариат, захватив власть и начав социалистическую революцию, в этот первый период на ряду с решением чисто-социалистических задач довершал в деревне дело буржуазно-демократической революции, вычищая остатки крепостничества, помещичьего землевладения и полуфеодального гнета над всем крестьянством.

«На эту борьбу против помещиков не могли не подняться и поднялись в действительности все крестьяне. Эта борьба об'единила беднейшее трудящееся крестьянство, которое не живет эксплоатацией чужого труда. Эта борьба об'единила также и наиболее зажиточную и даже самую богатую часть крестьянства, которая не обходится без наемного труда.

Пока еще наша революция была занята этой задачей, нам приходилось еще напрячь все силы на то, чтобы самостоятельным движением крестьян, при помощи городского движения рабочих, власть помещиков была действительно сметена и окончательно уничтожена,— до тех пор революция оставалась общекрестьянской и поэтому не могла выйти из рамок буржуазных» (Ленин, т. XV, стр. 590, подчеркнуто нами. *А. Т.*).

К этому периоду, и только к этому периоду, в известном смысле применима формула «сочетание пролетарской революции и крестьянской войны».

«Союз» пролетарской революции с движением всего крестьянства, в том числе и его «наиболее зажиточной» и даже «самой богатой части», мог удерживаться лишь постольку, поскольку пролетариат, начавший социалистическую революцию, еще не внес в деревню борьбы за непосредственно социалистические мероприятия, и, следовательно, постольку, поскольку революция в деревне еще не выходила за рамки буржуазно-демократической.

Коль скоро, однако, революция в деревне эти рамки перешагнула и пролетариат поставил в деревне на очередь решение задач непосредственно социалистической революции (экспроприация кулаков и пр.), постольку (примерно к середине 1918 года) союз пролетариата со всем крестьянством или, говоря образно,—«сочетание пролетарской революции с крестьянской войной» себя исчерпало и стало невозможным.

На очередь, на ряду с довершением задач буржуазно-демократической революции, в деревне встало решение задач непосредственно социалистической революции, а решение этих задач неизбежно раскалывало фронт всего крестьянства, усиливало, заостряло и поднимало на небывалую вы-

сату борьбу внутри крестьянства, борьбу пролетариата и бедноты против кулака.

«Деревня перестала быть единой. В той деревне, которая, как один человек, боролась против помещиков, возникли два лагеря, — лагерь трудящегося беднейшего крестьянства, которое вместе с рабочими твердо продолжало итти к осуществлению социализма и переходило от борьбы против помещиков к борьбе против капитала, против власти денег, против кулацкого использования великого земельного преобразования, и лагерь более зажиточных крестьян.

Эта борьба, отколов окончательно от революции имущие, эксплоататорские классы, перевела нашу революцию на те социалистические рельсы, на которые рабочий класс городов твердо и решительно хотел ее поставить в октябре, но на которые он никогда не сможет победоносно направить революцию, если не найдет сознательной, твердо сплоченной поддержки в деревнях». (Ленин, т. XV, стр. 590—591. Подчеркнуто нами. *А. Т.).*

Союз пролетариата со всем крестьянством неминуемо должен был бы превратиться в совместную борьбу пролетариата и бедноты против зажиточной, кулацкой, эксплоататорской части крестьянства, сначала при нейтрализации середняцких слоев деревни, а затем и при постепенном привлечении их на почву соглашения, на почву прочного союза с пролетариатом и беднотой. Классовое содержание «союза пролетариата и крестьянства» коренным образом изменилось.

Можно ли после этого первую формулу — формулу союза со всем крестьянством, иначе—формулу «сочетания пролетарской революции и крестьянской войны», переносить автоматически с первого периода социалистической революции на последующие периоды, когда она уже вышла в деревне за рамки буржуазно-демократической революции и, тем более, когда она уже вошла в фазу непосредственно-социалистического строительства? Можно ли сказать, что основой социалистической революции в нашей стране и на этом этапе является «сочетание пролетарской революции и крестьянской войны»?

Очевидно, что нельзя. Какой об'ективный смысл должно иметь, что должно означать такое применение уже исчерпавшей себя, уже изжитой формулы к новому этапу революции?

Оно должно означать либо признание того, что мы в деревне еще не вышли за рамки буржуазно-демократической революции; но это коренным образом противоречит Ленину и всему фактическому положению вещей. Либо оно, это применение старой формулы для нового периода, должно означать, что пролетариат проводит социалистическую революцию и осуществляет построение социализма вместе со всем крестьянством, т. е. в том числе и вместе с кулаком.

III. Союз как форма переделки среднего крестьянства.

Союз пролетариата с средним крестьянством правые и колеблющиеся к ним стараются всячески представить как такой союз, внутри которого отсутствуют всякие противоречия, всякая борьба (об особом характере этой борьбы мы скажем ниже).

Для правых элементов дело решается просто и несложно: раз налицо имеется союз между двумя классами, какие же тут возможны еще противоречия, какая возможна здесь борьба?!

В московской организации один из правых так, примерно, и заявил: «Вот как стоит вопрос в отношении пролетариата и крестьянства. или крестьянство должно быть с нами, или борьба. Вот почему все другое представляет опасную путаницу» (Ячейка ИКП).

Как видим, постановка вопроса очень не сложна: если с крестьянством имеется соглашение, значит нет места для противоречий, нет места для борьбы, пусть даже борьбы особого типа, особого характера.

Это, правда, подкупающе просто. Однако, далеко не все, что просто, то и истинно.

Ленин учил, что пролетариат и среднее крестьянство суть два «разных класса» (т. XVII, стр. 433), которые соединяет глубокий общий интерес трудящихся, об'ективно заинтересованных в построении социализма, и которые в то же время раз'единяет «глубокая рознь экономических интересов» как пролетариев и как собственников.

Середняк есть класс, который колеблется, который имеет «две души»: с одной стороны—он трудящийся, и постольку между ним и пролетариатом нет классовых противоречий, с другой стороны—он собственник, и постольку между ним и пролетариатом известные классовые противоречия, правда, противоречия, примиримые и преодолимые, неизбежны.

Если не видеть обех сторон в отношениях этих классов, то нельзя понять ленинского учения об их союзе в эпоху социалистического строительства.

Ленин всегда исходил из того факта, что середняк есть, во-первых, труженик и, во-вторых, собственник. Отсюда, он заключал о возможности и прямой необходимости для пролетариата создать, удержать и постоянно укреплять прочный союз рабочего класса и бедноты с середняцким крестьянством, ибо середняк в массе своей, по сути дела, от социализма лишь выигрывает и в социализме кровно заинтересован.

Но Ленин отсюда же устанавливал и неизбежность противоречий, а следовательно, и известной борьбы внутри этого союза, всегда, однако, резко подчеркивая, что эта борьба имеет особый характер, особые черты, особые приемы, что эти противоречия есть противоречия примиримые, преодолимые и что окончательное уничтожение этих противоречий лежит на путях обобществления с.-х. производства, на путях (очень сложной и длительной) переделки мелкотоварной экономики крестьянского хозяйства в социалистическую. Сама эта переделка, само развертывание и строительство обобществленных форм хозяйства должно происходить и происходит у нас не путем «пожирания» мелких крестьянских хозяйств, не путем борьбы с ними как с непримиримыми врагами, коих надо разорить и изничтожить, а путем экономического их под'ема и постепенного подтягивания их к высшим формам техники и организации.

После свержения буржуазии, говорил Ильич в своем конспекте брошюры о диктатуре пролетариата, и после установления диктатуры пролетариата классовая борьба, вообще говоря, не исчезает; она, эта борьба, принимает еще более жестокий, чем до этого, характер и приобретает все новые и новые формы. Ильич различал далее два основных типа классовых отношений и две основных формы классовой борьбы в эпоху диктатуры пролетариата.

Во-первых, «подавление сопротивления эксплоататоров (и всякого рецидива, возврата к капитализму и капиталистическим традициям)»,

и, во-вторых, «систематическое руководящее воздействие (тоже = борьба, но особого рода, преодоление известного, правда, совсем иного сопротивления и совсем иное преодоление) на всех трудящихся,

кроме пролетариев» («Ленинск. Сб.» № 3, стр. 494). Эту мысль Ильич повторяет неоднократно и в позднейших своих работах.

Нас интересует как раз эта вторая форма классовой борьбы. Вл. Ильич, во-первых, указал, что воздействие пролетариата на трудящихся (в первую очередь, конечно, на середняцкое крестьянство), воздействие в смысле переделки экономики и перевоспитания масс, воздействие, встречающее известное сопротивление и требующее преодоления этого сопротивления, есть своеобразная борьба, есть особая «форма классовой борьбы».

И, во-вторых, Вл. Ильич указал с неменьшей силой, что эта борьба не есть такая же борьба, как и по отношению к сопротивляющейся буржуазии, что эта борьба совсем «особого рода», что сопротивление трудящихся (в первую очередь, крестьян) есть «совсем иное сопротивление», нежели сопротивление буржуазии, и что преодоление этого сопротивления должно иметь также «совсем иной» характер.

Этого второго ряда замечаний Вл. Ильич не уставал повторять все время. Например, при введении нэпа, говоря, что главный вопрос революции теперь заключается в борьбе против класса мелких товаропроизводителей, Вл. Ильич всегда подчеркивает, что «здесь борьба должна вестись иначе» (см. т. XVIII, ч. 1, стр. 325).

Сам характер борьбы, по Ильичу, состоит в систематическом руководящем «воздействии», и уже одно это кладет коренное, принципиальное отличие в отношениях пролетариата к буржуазии, которую пролетариат стремится «скинуть» и «подавить», и в отношениях пролетариата к трудящейся мелкой буржуазии, которую пролетариат должен переделать, перевоспитать.

Правые не видят и не хотят видеть этих, вполне преодолимых и примиримых противоречий, имеющихся внутри союза, между пролетариатом и середняками, как собственниками, они видят только общность интересов пролетариата и крестьян,—отсюда они совершенно забывают настоятельную и решающую задачу переделки крестьянской экономики и перевоспитания середняцких масс.

С другой стороны, троцкисты не видят вовсе общности интересов рабочих и средних крестьян, как трудящихся, сводя отношения этих двух классов к непримиримым противоречиям.

Троцкисты, исходя из этой ложной и вредной предпосылки о непримиримости противоречий между пролетариатом и средним крестьянством, забывают, что сам характер преодоления известных противоречий, имеющихся между пролетариатом и средним крестьянством, формы этого преодоления и результат его глубоко и принципиально отличаются от характера, форм и результатов преодоления противоречий между пролетариатом и буржуазией, ибо противоречия между пролетариатом и середняком суть примиримые противоречия; противоречия же между пролетариатом и буржуазией непримиримы.

Троцкисты переносят чисто механически характер и формы борьбы против буржуазии на наши отношения с средним крестьянством. Примером к тому служит теория Преображенского о «пожирании» и «эксплоатации» пролетариатом мелкой буржуазии, теория, абсолютно чуждая ленинизму.

Ленинизму чуждо представление о непримиримости противоречий пролетариата и среднего крестьянства, т.-е. чужда троцкистская трактовка вопроса.

Ленинизму чуждо также и представление о союзе пролетариата и среднего крестьянства, как о союзе, лишенном каких бы то ни было противоречий, т.-е. чужда трактовка вопроса, даваемая правыми оппортунистами.

Сотрудничество, прочный союз пролетариата и середняков, но союз, не избавленный от противоречий, союз, как особая оригинальная форма борьбы, и в то же время союз, как средство преодоления классовых различий пролетариата и среднего крестьянства, — так учил Ленин, так учит наша партия в отличие от уклонистов обоего толка.

IV. Против новой ревизии ленинского кооперативного плана.

Союз рабочих с основными массами крестьянства есть форма преодоления классовых различий между пролетариатом и середняцким крестьянством, средство уничтожения классов.

Поэтому вся установка «союза», весь смысл союза на этапе социалистического строительства сводится к тому, чтобы, ухватившись за личный интерес крестьянина-середняка, об'единяя, кооперируя его сначала как торговца со стороны сбыта и снабжения, все больше и больше переходить к об'единению, кооперированию, обобществлению его производства, стирая тем самым на деле классовые различия между пролетариатом и основной массой крестьянства. И в этом последнем состоит заветная цель союза рабочих и крестьян в эпоху строительства социализма.

С тех пор, как с 1921 года союз пролетариата, опирающегося на бедноту, с средним крестьянством перестроился на экономических основах, приняв форму «смычки» между экономикой социалистической и экономикой мелкотоварной, с тех пор осью, сердцевиной, сущностью союза рабочих и основных масс крестьянства стало постепенное кооперирование на первых порах торгового оборота между социалистическим городом и мелкотоварной деревней, а затем все в большей и большей степени и кооперирование с.-х. производства, приобретающее на данной ступени социалистического строительства особое значение.

То-есть осью, сердцевиной, душой «смычки» стал ленинский кооперативный план.

Почему именно кооперирование явилось душой смычки? Потому, что кооперирование в условиях роста социалистической индустрии и особенно электрификации является таким путем для мелкокрестьянского хозяйства, который, исходя из личной заинтересованности бедноты и середняков, и на основе самых простых, понятных и выгодных для каждого крестьянина приемов дает возможность постепенной переделки, и переделки в массовом масштабе, этих мелкокрестьянских хозяйств в хозяйства коллективные, социалистические. Эта последняя задача, задача «перепахивания почвы, чтобы на ней вовсе не могла расти никакая буржуазия» (Ленин), как сказано выше, является заветной целью союза рабочих с основными массами крестьян в эпоху социалистического строительства. Она же (задача эта) является и основным ядром ленинского кооперативного плана.

Однако, подходы к массовому практическому решению этой центральной задачи ленинского кооперативного плана не могут не требовать достаточных сроков для того, чтобы сами массы на своем каждодневном опыте под руководством и при постоянном экономическом и культурно-политическом воздействии со стороны пролетариата подошли вплотную к ее решению.

И по мере того, как растут и укрепляются социалистические командные высоты, эти рычаги социалистического воздействия в руках пролетариата (индустрия, электрификация, транспорт, кредит и пр.), а также по мере того, как широкие массы бедноты и середняков на своем собственном опыте все ближе и ближе подводятся к этой «центральной задаче» кооперативного плана, — по мере этого и параллельно этому должны изменяться

и изменяются и сами формы и приемы смычки, выдвигаются новые и новые «очередные звенья» кооперативного плана, за которые надлежит уцепиться строящему социализм пролетариату, подчеркивается все ярче и ярче конечное звено кооперативного плана — кооперирование, обобществление производства.

Если в начальный, первый, по преимуществу восстановительный, период нэпа преобладали формы и приемы смычки, сцеплявшие на почве торговли экономику социалистической промышленности с экономикой крестьянского хозяйства, если в этот первый период доминировали соответствующие такой задаче лозунги («учитесь торговать», «кто кого» в области оборота, «торговля—центральное звено» и пр.), то с укреплением позиций социалистических командных высот, с усилением возможностей преобразующего воздействия на с. х., с переходом главным образом к реконструктивным задачам строительства, наряду со старыми формами и приемами смычки, наряду со старыми лозунгами, должны быть подчеркнуты, выдвинуты, должны получить все возрастающее значение новые формы и приемы смычки и новые лозунги, отвечающие требованиям этой новой полосы строительства.

Этими новыми формами и приемами смычки являются мероприятия по коллективизации, обобществлению самого с.-х. производства, а лозунгами, соответствующими этим новым формам, лозунги кооперирования производства и перенесения формулы «кто кого» в область с.-х. производства.

Это, конечно, не означает, что в этот второй, реконструктивный период задача кооперирования оборота в какой-либо мере снимается или может быть предана забвению. Это также не означает, что в первый, по преимуществу восстановительный период нэпа задача кооперирования с.-х. производства отсутствовала или не признавалась важнейшей задачей.

Речь идет только о том, что среди различных форм и приемов, коими осуществляется смычка, в один период одни, в другой период—другие приобретают значение особого, очередного звена, за которое необходимо уцепиться, чтобы выдернуть всю цепь.

Ленин предвидел такой необходимый переход от одного звена кооперативного плана к другому.

Прежде чем показать это более конкретно, отметим следующую общую постановку вопроса Ильичем, постановку очень важную для разбираемого нами вопроса.

Ленин говорит: «Бывают исторические моменты, когда для успеха революции всего важнее накопить побольше обломков, т.-е. взорвать побольше старых учреждений; бывают моменты, когда взорвано достаточно и на очередь становится «прозаическая» (для мелкобуржуазного революционера «скучная») работа по расчистке почвы от обломков; бывают моменты, когда заботливый уход за зародышами нового, растущего из-под обломков на плохо еще очищенной от щебня почве, всего важнее. Недостаточно быть революционером и сторонником социализма или коммунизма вообще. Надо уметь найти в каждый момент то особое звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь» (т. XV, стр. 222—223, разр. наша. *А. Т.*).

Ленин считал, что наступит, а мы видим как сейчас уже наступил, этот третий момент, когда «заботливый уход за зародышами нового», социалистического в деревне «всего важнее», когда этот «заботливый уход» становится тем «особым звеном», за которое надо всеми силами ухватиться.

Но Ленин и более конкретно предвидел и очерчивал такой переход.

«Если крестьянское хозяйство может развиваться дальше (а общие условия для этого партия создала, и крестьянское хозяйство «может развиваться дальше». *А. Т.*),—говорил В. И.,—необходимо прочно обеспечить

и дальнейший переход, а дальнейший переход неминуемо состоит в том, чтобы наименее выгодное и наиболее отсталое мелкое, обособленное крестьянское хозяйство постепенно об'единилось, сорганизовывало бы общественное, крупное земледельческое хозяйство» (т. XVIII, ч. 1, стр. 189, разр. наша. *А. Т.*).

И Вл. Ильич в статье «О кооперации» развивал эту же мысль, отмечая, что кооперировать крестьянское производство,—вот все, что нам осталось, дабы добиться социализма, ибо кооперативные предприятия на национализированной земле при власти пролетариата на средства производства тождественны социализму.

Правые элементы в нашей партии как раз и не видят этого намеченного Ильичем и ставшего задачей текущего периода перехода от одного звена кооперативного плана к другому: от задач кооперирования оборота, как преимущественных задач первого, восстановительного периода, к задачам кооперирования производства, как задачам, по преимуществу характерным для второго, реконструктивного периода.

Пытаясь конкретизировать вопрос, на какой же организационной базе должна получиться смычка между растущей индустрией и мелкими и мельчайшими крестьянскими хозяйствами, они, правые, приходят к выводу, что смычка может получиться «через кооперативный оборот».

И эту мысль они пытаются выдать за стопроцентную мысль Ильича.

Мы уже видели, что «план смычки», «кооперативный план» Ленина не покрывается и не исчерпывается только «кооперированием оборота», что он включает в себя как основное звено и как «дальнейший переход» и кооперирование производства.

Когда нам говорят, что значение колхозов, совхозов и др. новых форм смычки ничтожно, и когда пытаются огромное значение этих форм смычки свести на-нет, — то мы в праве обвинять таких товарищей в явно оппортунистическом уклоне. В самом деле: что означает недооценка сейчас, на данной ступени нашего развития, когда значительно выросла мощь нашей индустрии, когда усилились возможности ее воздействия на с. х., когда основные массы деревни на опыте миллионов хозяйств (а это крайне важно) видят беспросветность мелкого, раздробленного крестьянства и убеждаются в выгодности крупного производства, когда кулак на этой почве пытается «предложить» свой, капиталистический путь развития к крупному производству, стараясь организовать крестьян на борьбу за этот путь,—что означает в этих условиях недооценка колхозов и совхозов?

Она означает: 1) отказ от заветной идеи социализма—от социалистической переделки с. х.—в то время, когда возможности такой переделки сильно возросли и растут с каждым днем;

2) отказ от выкорчевывания самых глубоких корней капитализма, рождаемого мелким товарным производством;

3) потерю смычки, союза с основной массой крестьянства, ибо уже нельзя вести эту массу за собой без все возрастающего строительства обобществленных крупных форм хозяйства, ибо, если эту массу мы не сумеем поднимать к нашему крупному социалистическому производству,—ее поведет к капиталистическому производству кулак, капиталист, который в этом случае установит свою, своеобразную «смычку» с середняком.

Вопрос стоит только так: именно тот, кто теперь недооценивает колхозы и совхозы, как бы он ни кричал о важности смычки, именно тот губит дело смычки, способствуя установлению и укреплению смычки кулака, капиталиста с миллионами мелких крестьянских хозяйств.

Ленин дал необычайно точную, «триединую» формулу наших отношений с крестьянством для данного периода, в которой (в формуле) он говорит,

что руководящий пролетариат должен уметь достичь соглашения с средним крестьянством,—ни на минуту не отказываясь от борьбы с кулаком и прочно опираясь только на бедноту» (см. т. XV, стр. 564).

Из этой ленинской формулы правые выхолащивают все классовое содержание.

1) Руководство пролетариата они сводят на-нет, подчиняя пролетариат колебаниям мелкой буржуазии.

2) Опору на бедноту они подменивают паллиативной помощью бедноте [1]).

3) Союз с середняком они превращают в союз со в с е м крестьянством и, наконец,

4) борьбу с кулаком — в соглашение с ним.

Если троцкисты, которые переоценивали силы классового врага вообще, и кулака в частности, триединую, сложную и богатую формулу Ленина превращали в ошибочную формулу сплошной борьбы со всем крестьянством, распространяя нашу политику по отношению к кулаку и на середняка, то правые, наоборот, эту формулу Ильича превращают в ошибочную, опять-таки сплошную и плоскую, формулу союза со всем крестьянством, распространяя нашу политику по отношению к середняку и на кулака. Если троцкисты берут из триединой формулы Ленина «наступление на кулака» и из него делают универсальный и исчерпывающий принцип нашей политики в деревне, игнорируя вовсе союз с середняком, то правые берут из триединой Ильичевской формулы только «союз с середняком» («превращая» все крестьянство в середняков) и делая из этой части формулы также универсальный и исчерпывающий принцип для нашей политики в деревне, забывая при этом вовсе задачу наступления на кулака.

Однако, в о-п е р в ы х, никакое успешное наступление на кулака не возможно без союза с середняком. И потому троцкисты напрасно полагают, что они (троцкисты) есть лучшие борцы против кулака. Содействуя разрыву союза с середняком, они тем самым укрепляют позиции кулака и об'ективно являются пособниками последнего.

В о-в т о р ы х, и союз с середняком невозможен без наступления на кулака и без опоры на бедноту. И потому смешны правые в их попытках изобразить себя лучшими поборниками и защитниками этого союза, в то время как они (правые) отказываются от наступления на кулака. После того, как правые своей «теорией уступок» отказались от руководящей роли пролетариата, предоставив середняка самому себе, после этого правые отказываются от наступления на кулака, укрепляя тем самым его (кулака) позиции в борьбе за союз с середняком.

Всем этим, т.-е. ослаблением позиций пролетариата и укреплением позиций кулака в их борьбе за руководство, за союз с середняком, правые способствуют «размычке» между рабочим классом и средним крестьянством и «смычке» этого последнего с кулаком.

[1]) Правые говорят, что партия чрезмерно много уделяет внимания делу перевода бедноты на рельсы производственного об'единения (колхозы), тратя на это слишком большие средства, и что следует вести не столько политику усиленной организации колхозов, сколько политику коллективной «помощи бедноте». Не являются ли подобные рассуждения прямым перепевом небезызвестного проф. Кондратьева, который проповедует, что «необходимо строго разграничивать линию помощи бедноте и линию ставки на бедноту». «Первая линия, говорит он, вполне отвечает задачам советской власти, безвредна и безопасна. Вторая— по самому существу своему безнадежна и противоречива». Не есть ли это голос кулака, который не прочь на крайний случай «помочь» бедноте, лишь бы откупиться от угрозы «вредной» и «опасной» для него коллективизации производства!!!

* * *

Владимир Ильич учил, что союз пролетариата с основными массами крестьянства есть высший принцип диктатуры пролетариата и что тот, кто подрывает этот союз, подрывает и диктатуру пролетариата.

До сего времени распространено представление, будто только троцкистского толка уклонисты способствуют разрыву союза рабочих с основными массами крестьянства, правые же в этом отношении, будто бы, являются верными блюстителями этого союза.

Это представление глубоко ошибочно.

И правые, как и троцкисты, об'ективно подрывают, рушат союз рабочих с средним крестьянством.

В самом деле, мы имели возможность видеть, что позиция правых и в вопросе о руководящей роли пролетариата, и в вопросе о наступлении на кулака, и в вопросе о самом характере союза с середняком есть позиция подрыва ленинского союза рабочих с основными массами крестьянства.

Разбор позиции правых показывает, что они

1) сводят на-нет руководящую роль пролетариата, сдавая руководство крестьянством в руки буржуазии;

2) прикрашивают кулака, отказываясь от наступления на него и укрепляя тем самым его позиции;

3) отказываются от активной переделки, перестройки мелкокрестьянской экономики в социалистическую.

Не ясно ли, что при таких условиях неизбежно создастся действительная размычка между рабочим классом и крестьянством и произойдет всамделишная смычка мелкого крестьянства с буржуазией, с кулаком?

Не ясно ли, что смычку, союз можно сохранить и укрепить лишь: 1) сохраняя и укрепляя руководящую роль пролетариата, опирающегося в деревне на бедноту; 2) сохраняя и развивая наступление на кулака, и 3) усиливая и развертывая социалистическую перестройку мелкокрестьянской экономики.

Только линия и политика партии, направленная на решение этих задач, обеспечивает сохранение и укрепление смычки. Линия же и политика правых и колеблющихся к ним этот союз ослабляет и подрывает.

История оставила нам многочисленные примеры своих жестоких шуток, когда отдельные политики и руководители рабочего класса, обуреваемые искренним стремлением добиться определенной цели в интересах рабочего класса, н а д е л е выполняли заказ другого класса, совершая все возможное и невозможное, чтобы разрушить все подступы к осуществлению этой, ими же преследуемой, цели. То же происходит теперь и с правыми уклонистами. Вместо укрепления смычки, о которой они так усердно заботятся, их собственная линия и политика ведет с неумолимой логикой к размычке.

Более того, в развертывании товарооборота и в кооперировании его процессов Ильич видел лишь средство, которое нам полезно «в той мере, в которой поможет бороться с распыленностью мелкого производителя» (т. XVIII, ч. 1, стр. 234), средство перехода к «дальнейшим мерам», т.-е. к обобществлению производства и к установлению социалистического продуктообмена.

Кооперирование оборота в плане Ильича не есть исчерпывающее его содержание; оно должно служить первым звеном копеaccount ративного плана, переходом к следующему, более высокого типа звену — кооперированию производства.

После этого представить ленинский план без этого второго и конечного звена, сказать, что план Ильича состоит только в кооперировании

оборота, превратить кооперирование оборота из средства в самоцель—это означает выхолостить все ленинское, коммунистическое, революционное содержание кооперативного плана и встать обеими ногами на почву худшего ревизионизма и опошления ленинизма!

Итак, правые не видят основного ядра ленинского кооперативного плана и не понимают того, что «дальнейший переход», о котором неустанно говорил Ленин и который состоит в том, чтобы наименее выгодное и наиболее отсталое мелкое, обособленное крестьянское хозяйство постепенно об'единялось, организовывалось в общественное крупное земледельческое производство, что этот «дальнейший переход» уже стал основной задачей текущего периода, уже стал основным лозунгом современного этапа социалистического строительства.

Задача кооперирования оборота уже недостаточна, уже не исчерпывает задач нашего экономического строительства в деревне на данном этапе. Она (эта задача) должна быть дополнена задачей массового производственного кооперирования и обобществления с.-х. производства вообще.

С одной стороны, возросшая мощь индустрии значительно расширяет наши возможности реорганизующего воздействия на сельскохозяйственное производство.

С другой стороны, хозяйственные затруднения, отражающие в первую очередь чрезмерную отсталость раздробленного производства деревни, настоятельно напоминают нам о том, что только на основе под'ема индивидуальных бедняцко-середняцких хозяйств без массового обобществления и социалистического укрупнения с.-х. производства максимально и радикально ускорить темп развития сельского хозяйства невозможно.

С третьей стороны, наконец, и сами крестьянские бедняцкие и середняцкие массы усиленно ищут путей дальнейшего развития, все больше ставя перед собой и перед партией вопрос: куда же расти дальше?

На этой основе еще больше разгорается и обостряется наша борьба с кулаком из-за середняка, ибо кулак всячески пытается «соблазнить» середняка и повести его по пути капиталистического развития.

Таким образом, сами интересы руководства середняком требуют, чтобы мы развернули перед середняком иную, некапиталистическую перспективу, притом перспективу, показанную в массовом масштабе. А такой перспективой, показом новых путей в массовом масштабе, может быть лишь развертывание массового колхозного и совхозного строительства, организация тракторных колонн, развитие контрактации, с.-х. перерабатывающей индустрии и пр.

Эти формы—«новые формы смычки»—приобретают теперь огромнейшее и все возрастающее значение. Они служат делу смычки постольку, поскольку, во-первых, открывают ищущему путей развития середняку новые и новые перспективы развития, во-вторых, постольку, поскольку оказывают социалистическую помощь окрестному крестьянству; в-третьих, постольку, поскольку являются средством наиболее радикальной помощи вступающему в производственное об'единение крестьянину.

Всем этим они (эти формы) служат дальнейшим продолжением и социалистическим завершением помощи, которую партия и советская власть оказывают бедняцкому и середняцкому индивидуальному хозяйству. Таким образом, развертывание этих новых форм не только не противоречит, не только не умаляет задачу под'ема индивидуальных хозяйств бедноты и середняков, но, наоборот, во-первых, предполагает усиленную помощь этим индивидуальным хозяйствам, ибо под'ем их есть обязательное условие для широкого развертывания самих новых форм смычки, и, во-вторых, завершает, увенчивает и придает ярко социалистическое направление всей работе по помощи этим индивидуальным крестьянским хозяйствам. Без развертывания этих новых форм (колхозы и пр.) помощь индивидуальным хозяйствам основной массы деревни (помощь, которую партия и совласть будут и впредь усиленно проводить в жизнь) остается незавершенной, по-социалистически еще незакрепленной и с точки зрения прочного установления смычки незаконченной.

Таким образом, и с этой точки зрения указанные новые формы должны получать все возрастающее значение.

Но самое основное, они (эти новые формы) служат делу смычки в особенности тем, что они способствуют выкорчевыванию корней капитализма и, следовательно, наиболее прочному закреплению крестьянских масс под руководством рабочего класса.

Все это вместе взятое ставит на неизмеримую высоту роль колхозов, совхозов, тракторных колонн, контрактации и пр. в современных условиях. Лишь успешное развертывание этих форм смычки в современных условиях способно действительно привлечь на сторону пролетариата «прочно и настоящим образом миллионную крестьянскую массу» (см. Ленин, т. XVI, стр. 392).

Однако само успешное развертывание этих форм смычки, как и вообще успешное движение сельского хозяйства вперед, стало невозможным без энергичного развертывания индустрии вообще, тяжелой индустрии в особенности, с.-х. машиностроения, химического производства и электрификации в частности, упираясь в развитие этих отраслей.

Отсюда центральное значение с точки зрения укрепления ленинской смычки приобретает развитие индустрии, и в первую очередь тяжелой.

Отсюда же лишний раз обнаруживается, что правые, выступая против взятого партией высокого темпа индустриализации, и особенно против быстрого развертывания тяжелой индустрии, выступают об'ективно как вредители делу смычки, как пособники «размычки».

Партия же, развивая высокий темп индустриализации, ведет тем самым к укреплению смычки, к тому, чтобы ее построить «прочно и настоящим образом».

С. Новиков.

Антисоветская военная программа германской соц.-демократии.

1. Проект форштанда.

На официальном проекте военной программы почиет дух австромарксизма. Нестор австро-марксизма К. Каутский, бывший военный министр в кабинете Реннера Юлиус Дейтч и сам О. Бауэр приложили свою руку к этому благому делу: Каутский, как теоретик, Дейтч, как военспец, а Бауэр, как суперарбитр. Они, правда, не участвовали в военной программной комиссии, но были запрошены, и их мнения были приняты во внимание. Дейтч выступил с своим мнением в печати еще в декабрьской книжке «Гезельшафт» за прошлый год, Каутский в специальной брошюре со свойственным ему «лаконизмом»... на 64 страницах, а Бауэр, как и полагается суперарбитру, лишь к концу дискуссии, чтобы сказать свое последнее слово и примирить все крайности в высшем синтезе, в духе так называемого «марксистского центра». Достаточно сопоставить принятые форштандом «Основные линии политики обороны» (Richtlinien der Wehrpolitik) [1]) с набросками военных программ в статье Дейтча и брошюре Каутского и с поправочками О. Бауэра в мартовском номере «Кампфа» [2]), чтобы признать духовыми отцами и авторами социал-империалистской военной программы германской соц.-демократии названную троицу: Каутского, Дейтча и Бауэра. Австро-марксистское происхождение наложило специфический отпечаток на всю «революционно»-пацифистскую словесность проекта, который был подвергнут обсуждению в военной программной комиссии при участии правых (Брейтшейд, Штампфер и др.) и «левых» (Кюнстлер, Тони Зендер, Штрейбель).

Поэтому неудивительно, что в программе социал-патриотическое содержание облечено в пацифистскую и местами даже в «революционную» фразеологию, переписанную из брюссельской резолюции о разоружении. Уже в 1 разделе декларируется, что социал-демократическая партия Германии отвергает войну, как средство политики, требует мирного разрешения всех интернациональных конфликтов путем обязательного третейского разбирательства, демократизации Лиги Наций и ее превращения в инструмент мира. За этим пацифистским абзацем тут же следует «революционный» абзац, взятый напрокат из Брюссельской резолюции о разоружении: «она (СДПГ) готова... оказать самое сильное давление д а ж е р е в о л ю ц и о н н ы м и с р е д с т в а м и [3]), на всякое правительство, которое откажется подчиниться

[1]) Richtlinien der Wehrpolitik, «Vorwärts» 28/XII 1928.

[2]) I. D e u t s c h, «Zum neuen Wehrprogramm», «Gesellschaft», 1928, № 12. K. K a u t s k y, «Wehrfrage und Sozialdemokratie», SS. 62—64. O. B a u e r, «Wehrfrage und Sozialdemokratie», «Der Kampf», 1929, № 3.

[3]) Напоминаем читателю, что в Брюссельской резолюции сказано: «даже в самой революционной форме», а в проекте Брюссельской резолюции: «даже в форме насилия». На пути от «разоружения» в Брюсселе к вооружению в Магдебурге Криспины опорожняются от давления... «революционной словесности».

третейскому решению и прибегнет к войне». На всякое, кроме немецкого, и прежде всего на СССР, который принципиально и практически не может довериться и подчиниться арбитражу империалистической Лиги Наций.

Во II разделе декларируется, что, «как член Рабочего Социалистического Интернационала, СДПГ за полное разоружение». За этим радикально-пацифистским абзацем следует оговорочка, позаимствованная из Брюссельской резолюции, а именно: «Разоружение только тогда будет служить миру, когда оно будет не односторонним обязательством, которое было навязано победителями побежденным в мировой войне. Длительный мир достижим только между равноправными нациями». После такой умеренно-пацифистской оговорочки, означающей только то, что полное разоружение невозможно, следует сильный пацифистский жест с недвусмысленными социал-патриотическими последствиями: «Германской республике выпала историческая миссия быть передовым борцом за интернациональное разоружение». Но... «эту миссию она только тогда сумеет выполнить, если она не перейдет через принудительно-навязанные ей односторонние ограничения вооружений и попытками их обхода или нарушения не даст основания или повода другим державам для отклонения интернациональных соглашений о разоружении и к еще более сильным вооружениям». Другими словами, Германская республика выполнит свою историческую миссию ангела мира и передового борца за полное разоружение, если она будет... вооружаться,—правда, в рамках Версальского договора. Впрочем, тут же следует оговорочка, что с.-д. партия не признает за Германской республикой обязанности исчерпать эти нормы. По счастливому, хотя и неосторожному, выражению члена воен. комиссии Гаубаха — вообще следует говорить не о разоружении, а о «нормированном вооружении» [1]).

После всей этой ни к чему не обязывающей радикально и умеренно-пацифистской подготовки к разоружению в форме «нормированного вооружения» следует III, самый важный пункт, утверждающий, что пока Германия находится в империалистическом и фашистском окружении, ей угрожает опасность нарушения ее нейтралитета в случае контрреволюционных интервенций—не указано, к у д а, но предоставляется догадаться, что в СССР. «Пока такие опасности существуют и пока они не могут быть устранены социалистическими правительствами, по меньшей мере в важнейших странах, Германская республика вынуждена для защиты самоопределения ее народа сохранить вооруженную силу». Родив после стольких разоружительных пацифистских потуг нужный социал-патриотический тезис о необходимости нормированного вооружения под предлогом оборонительной войны для защиты нейтралитета, программа с облегчением заявляет, что «вооруженная сила может выполнить свою задачу только когда она в своих мыслях и чувствах связана с народом и подчинена, как служебный орган, демократической республике». Для совершения этого чуда превращения рейхсвера в республике Гинденбурга в народную, надклассовую армию программа выдвигает целый десяток военных реформ, которые должны демократизировать рейхсвер, воспитать его в республиканском и пацифистском духе и подчинить парламентскому контролю.

IV пункт высказывается за гуманизацию войны, а V, последний пункт, средактирован в сугубо пацифистских выражениях о воспитании и просвещении пролетариата в духе мира, «чтобы подготовить также и моральное разоружение». Под конец н е з а б ы т а и «социалистическая конечная цель», которую «образует общество.. без классов и классовой борьбы... без вооружений и без войн».

Правые охотно ублажили левых пацифисткими и социалистическими общими местами в виде компенсации за весьма конкретную социал-патриоти-

[1]) H a u b a c h, «Die Richtlinien zur Wehrfrage», «Gesellschaft», 1929, № 2, s. 101.

ческую конструктивную программу по укреплению рейхсвера и флота. На основании этой программы нормированного вооружения Гильфердинг сумеет отпустить все нужные средства не только на достройку крейсера А, но и на постройку следующих крейсеров В, С, D и так далее, в нормальном порядке букв социал-патриотического и социал-империалистского алфавита, — не опасаясь нового партийного или кабинетского кризиса.

Шовинистическая тенденция этой программы так грубо прет из каждой строчки проекта, что даже «интернационалистам», в роде П. Леви и др. левых с.-д., ничего не стоило обнаружить «буржуазно-республиканский, демократически-пацифистский», «социал-патриотический», и даже социал-империалистский характер всей стряпни Каутского, Дейтча, Брейтшейда, Штампфера и К° и мобилизовать против официального проекта значительную оппозицию во многих организациях германской с.-д. партии [1]). Настолько значительную, что форштанд оказался вынужденным отсрочить магдебургский партейтаг до мая, чтобы в оставшееся время несколько утихомирить взбаламученные массы рядовых с.-д. рабочих, у которых проект встретил довольно серьезное сопротивление. Официально партейтаг отложен по климатическим и политическим мотивам: 1) в марте Магдебургу угрожало наводнение; 2) с.-д. министры и депутаты должны были в это время быть заняты обсуждением бюджета и итогов парижских репарационных переговоров. В действительности воротилы форштанда и с.-д. фракции рейхстага преследуют этой отсрочкой очень ясную цель: 1) состряпать, наконец, коалиционное правительство, 2) протащить гильфердинговский бюджет со 2-й ассигновкой на броненосец А и 3) поставить партейтаг перед этими совершившимися фактами. К тому же форштанд намерен поставить военную проблему *даже в мае* не на *окончательное решение*, а на *предварительное обсуждение* магдебургского партейтага. Ясно, что Мюллер, Гильфердинг и К° опасаются не наводнения на Эльбе, а *политического* наводнения в своей партии. Нельзя читать без улыбки печальные размышления по этому поводу редактора «Классенкампф'а» Зейдевица: с одной стороны, он горько шутит, что до тех пор, пока с.-д. будут в коалиции, можно будет любой партейтаг отложить в любое время, ибо у с.-д. министров всегда найдутся важные государственные дела: «остряки могли бы отсюда сделать вывод, что пора отозвать с.-д. министров из общегерманского правительства, чтобы с. д. партейтаг мог свиднуться с места». С другой стороны, он горько жалуется, что форштанд нарушает элементарные основы внутрипартийной «функциональной демократии», «демократического права соопределения» (Mitbestimmungsrecht) [2]), собираясь поставить партию и партейтаг пред совершившимися фактами. Да, слабовато обстоят дела с внутрипартийной демократией в хваленой соц-*демократической* партии, когда функционеры в роде Зейдевица должны жаловаться в стиле юмора висельников (Galgen-Humor) на грубое нарушение «функциональной демократии». Германскому неоимпериализму, очевидно, достаточно, если в «соопределении» его военных дел будут «функционировать» одни Штампферы, без участия арлекинов из «Классенкампф'а», в роде Зейдевица.

2. Комментарий Штампфера.

Как участник военной программной комиссии, редактор «Форвертс'а» Штампфер дал исчерпывающий комментарий к выработанному ею проекту [3]).

---

[1]) M. Adler, «Die Richtlinien der Richtlosigkeit», «Der Klassenkampf», 1929, № 4, S. 103. «Die Richtlinien der Wehrpolitik», «Leipziger Volkszeitung», 29/XII 1928.

[2]) Seydewitz, «Der vertagte Porteitag», «Klassenkampf», 1929, № 5, S. 134—137.

[3]) Stampfer, Wir und die Wehrmacht. Der Entwurf der Programmkommission. «Vorwärts», 28/XII 1928.

Он рассказывает, что пред комиссией стоял кардинальный вопрос: должна ли с.-д. партия *признать или отвергнуть необходимость вооруженной силы* для германской республики? Из многочисленных проектов, лежавших пред комиссией, ни один (стало быть, и левые в том числе. *С. Н.*) не ответил на этот вопрос ясным и недвусмысленным *отрицанием*. Комиссия ответила решительным *да* не по соображениям *внутренней* безопасности (для этого достаточно полиции), а по соображениям *внешней* безопасности. На случай войны, хотя в ближайшем будущем она мало вероятна,—говорит Штампфер,—«ни одна партия, сознающая свою ответственность, не возьмет на себя риск полной безоружности страны. Будет ли партия к тому времени в правительстве или в оппозиции — это безразлично».

Комиссия считалась с необходимостью защитить границы Германии от нападений бандитов в случае распада государственной власти в соседних странах (очевидно, в СССР). Дальше, Германия согласно статуту Лиги Наций обязана при известных обстоятельствах участвовать в санкциях (очевидно, против СССР). И самое важное—это опасности фашизма и контрреволюционных интервенций. Германии нужна вооруженная сила, чтобы защитить себя против этих опасностей, особенно для защиты своего нейтралитета в случае контрреволюционной интервенции в СССР (подумать только, какие советофилы сидели в комиссии!).

Новую войну Штампфер считает маловероятной. А доказательства? «Программа даже не затрагивает проблем, которые сами собою встанут в таком случае». Какие еще нужны доказательства, что неизбежность новой империалистической войны есть выдумка Коминтерна? Если Штампфер и К° о чем-нибудь не размышляют, то это, стало-быть, не существует. К сожалению, эта картезианская философия наизнанку г. Штампфера нисколько не уменьшает об'ективной опасности новых империалистских войн. Но так как Штампфер и К° не опасаются близкой войны, они решили быть скромными в своих военных аппетитах. Поэтому их программа удовлетворяется сохранением минимальной вооруженной силы, которая, при известных обстоятельствах, может быть меньше даже версальских норм. Штампфер понимает, что с такой силой нельзя вести войну против тяжело вооруженных соседей Германии. Но, утешается он, для новой европейской войны существуют две возможности: либо война будет задушена в самом начале народным восстанием, либо, если война развернется, она захватит все население воюющих стран. На второй случай Штампфер считает образцовой и последовательной программу обороны французской республики, выработанную Поль Бонкуром, ибо «она устанавливает обязанность участвовать (в обороне) по силе и способностям для всех без различия пола». Военная программа германской социал-демократии, скромничает Штампфер, не делает таких последних выводов, ибо это «не программа-максимум, а *программа-минимум военной политики*».

И Штампфер совершенно прав—программа, рассчитанная на вооружение каких-нибудь 100.000 солдат рейхсвера и 6 крейсеров в 10.000 тонн—это скромный минимум для оперяющегося германского неоимпериализма и социал-империализма. Надо надеяться, что, когда силы германского неоимпериализма это позволят, например, после отмены Версальского договора, а с ним и военных ограничений для Германии, или еще раньше, когда это понадобится локарнским державам для нападения на СССР, немецкие социал-пацифисты поневоле охотно перепишут военную программу-минимум и превратят ее в военную программу-максимум, еще более последовательную, чем бонкуровская программа обороны Французской республики.

Штампфер подымается до поддельного и предельного пафоса, на какой только способно перо редактора «Форвертса», когда он комментирует пресловутый пункт о защите нейтралитета Германии. Это место в программе

гласит, что военная политика империалистических и фашистских государств грозит контрреволюционными интервенциями и новыми войнам, в которых Германия может быть использована как проходная зона и вовлечена против воли в кровавые осложнения. Пока существуют такие опасности, германская республика-де вынуждена сохранить свою военную силу, чтобы защитить свой нейтралитет и самоопределение своего народа. Штампфер авторитетно раз'ясняет, что в этом—гвоздь программы и что он направлен всем своим острием против контрреволюционных интервенций в СССР. На этом основании Штампфер клеймит с деланным негодованием «идиотскую выдумку» (Blödsinn) коммунистов, будто германская соц.-демократия за войну против СССР. Версию Штампфера поддерживают и другие комментаторы, например, Гаубах и Тони Зендер. Послушать их, выходит, что военная программная комиссия германской соц.-демократии только и пеклась, что о соблюдении невинности Германии, чтоб Германия не была изнасилована и вовлечена против воли в антисоветскую войну. Это же настоящее зрелище для богов: Штампфер и К° в роли защитников СССР от контрреволюционных интервенций!

3. Меморандум Гренера.

Бедняги не знали, что через две недели антисоветский секретный меморандум генерала Гренера, одобренный соц.-демократическими министрами, станет достоянием гласности. Любопытно, что могут сказать Штампфер и другие «советолюбы» в этом положении, которое хуже... идиотского. Как они будут комментировать пунктик Гренера (и стало быть, Гильфердинга и Мюллера), что броненосцы должны «нейтрализовать превосходство даже крупных боевых судов России». Не скажет ли г. Штампфер, что эта нейтрализация советского флота нужна... для защиты СССР от контрреволюционных интервенций? Но это было бы не просто, а сверх-идиотством. У Штампфера осталось два выхода: либо молчать, либо прокомментировать пунктик Гренера—Гильфердинга в том смысле, что броненосцы должны нейтрализовать превосходство советского флота в случае нападения СССР на Германию. Это был бы, конечно, не только идиотский, но и подлый комментарий. Но... на ряду с этими двумя качествами этот комментарий обладал бы по меньшей мере тем достоинством, что он находился бы в полном согласии с бесчисленными идиотски-подлыми передовицами Штампфера, которые должны доказать недоказуемое, будто СССР и Коминтерн готовят всемирную войну для развязки всемирной революции. Такой комментарий имел бы еще одно достоинство: он доказал бы, что когда генерал Гренер писал свой меморандум, он вдохновлялся не только передовицами Штампфера, но и «знаменитыми» брюссельским манифестом и речью О. Бауэра, в которых доказывается, будто программа Коминтерна есть теория пессимизма, связывающая все надежды на мировую революцию с новой всемирной войной... подготовляемой СССР. Там, где Бауэр аргументирует против СССР и программы Коминтерна жалкими австро-марксистскими софизмами, германская социал-демократия, за спиной которой стоит бравый генерал Гренер, аргументирует жалкими броненосцами (в какие-нибудь 10.000 тонн). Впрочем, у г. Штампфера и его хозяев может быть утешение, что в случае интервенции в СССР, на помощь жалким софизмам О. Бауэра и жалким броненосцам германской социал-демократии придут куда более убедительные аргументы в виде комбинированных усилий морского и воздушного флота Англии и Франции, безразлично, будут ли к тому времени Макдональд и Бонкур (или Ренодель) в правительстве или в «оппозиции».

Из двух возможных выходов Штампфер предпочел выбрать первый и... помолчать. На «случай Гренера» «Форвертс» откликнулся неподписанной передовицей под заглавием «Шум вокруг Гренера», в которой тщательно анализируется немецко-франко-польская проблема, но н и з в у к а н е т о г е р м а н о - с о в е т с к о й проблеме. Передовик «Форвертса» доказывает, что, собственно, никакой сенсации меморандум Гренера не содержит: в нем-де нет никаких военных тайн или агрессивных планов. Правда, там идет речь о возможности сооружением 4-х броненосцев воссоздать превосходство Германии на Балтийском море и таким образом задушить в самом зародыше какие бы то ни было нападательные планы Польши. Но «Форвертс» не согласен в этом вопросе с генералом Гренером и журит его за увлечение в переоценке боевых возможностей проектируемого германского флота—и по целому ряду соображений: во-первых, Германия скована ограничениями Версальского договора и не может поэтому состязаться в морских вооружениях со своими соседями; во-вторых, из 4-х проектируемых броненосцев в постройке находится только один; в-третьих, вряд ли когда-нибудь рейхстаг ассигнует средства на остальные броненосцы. Вывод отсюда: Польша и Франция не должны брать всерьез меморандум Гренера и отвечать на него расширением своих программ флотского строительства. Народы Германии, Франции и Польши, глаголет «Форвертс», нуждаются в мире. А для этого необходимо ограничить вооружения держав-победительниц. «Германская социал-демократия борется против нового флотского строительства (?—*С. Н.*). Она за то, чтобы Германия в своих вооружениях спустилась даже н и ж е (ограничений?—*С. Н.*) Версальского договора. Но она убеждена, что р е ш а ю щ е е в вопросах разоружения должна сделать не Германия, и так разоруженная, а тяжело-вооруженная другая сторона» [1]).

Как угодно, но эта передовица ниже редакторского таланта г. Штампфера—так грубо она сработана. 14 ноября 1928 г. с.-д. фракция рейхстага голосовала против опубликования меморандума Гренера, как с о д е р ж а щ е г о военные тайны, по заявлению г. Мюллера,—теперь же оказывается, что в нем н е т никаких военных тайн. В официальном проекте военной программы нет ни з в у к а против постройки броненосцев—теперь же «Форвертс» уверяет своих читателей, что германская соц.-демократия п р о т и в нового флотского строительства. В том же проекте говорится, что «германская социал-демократия не признает о б я з а т е л ь с т в а германской республики исчерпать навязанные ей версальским договором нормы вооружения безотносительно к их политической и военной целесообразности»,—а «Форвертс» утверждает, будто германская социал-демократия уже стоит за с н и ж е н и е этих норм (а это совсем, совсем другое, ибо одно дело отказ от о б я з а н н о с т и, а другое—от п р а в а исчерпать эти нормы). Левонастроенная участница военной комиссии Тони Зендер рассказала на страницах «Гезельшафт», что комиссия отвергла ее поправку, требовавшую, чтобы Германия по доброй воле свела свои вооруженные силы ниже ограничительных версальских норм [2]). Наконец, самое главное: в комментарии Штампфера к военной программе утверждается, что Германии нужна вооруженная сила для защиты своего нейтралитета в случае контрреволюционной интервенции в СССР, а здесь, в специальной передовице о меморандуме Гренера, одобренном 4 с.-д. министрами, нет ни слова о самом пикантном тезисе, что броненосцы «должны нейтрализовать превосходство даже крупных боевых судов России». Г. Штампфер должен ответить германским с.-д. рабочим на следующие вопросы: 1) почему «Форвертс» обходит этот скандальный тезис, как вор место последней кражи? 2) Для чего нужна «нейтрализация» советского флота: для защиты германского нейтралитета, для борьбы с контрреволюционной интервенцией в

[1]) Alarm um Groener, «Vorwärts», 20/I 1929.

[2]) T o n y S e n d e r, «Kritik an den Richtlinien der Wehrpolitik», «Gesellschaft», 1929, II, S. 118.

СССР, или же для помощи контрреволюционным интервентам в их нападении на СССР? Штампфер должен «об'яснить», на каком основании он утверждает, что в меморандуме Гренера нет агрессивных, наступательных планов, когда в тексте, опубликованном в «Форвертсе», сказано весьма многозначительно, что Германия обязана «суметь защитить свои многосторонние экономические и культурные интересы, лежащие также и за немецкой границей»? [1]. Не есть ли это открытое, циничное признание воли к войне; к захватнической, империалистической, наступательной войне? Не об'яснит ли г. Штампфер, как он с Гренером собираются вести оборонительную войну для защиты немецкого нейтралитета за... немецкой границей?

Мягко выражаясь, передовица «Форвертса» стоит в кричащем противоречии с общеизвестными фактами и документами. Вся эта грубая стряпня из прямой лжи и умолчаний об истине понадобилась, чтобы заглушить «шум вокруг Гренера» (весьма и весьма компрометирующий растленную германскую социал-демократию), выставить бравого генерала чем-то средним между увлекающимся военспецом и невинным пацифистом и, самое главное, взять под защиту военную программу генерала Гренера чисто иезуитским приемом, а именно: мнимым доказательством... ее нереальности. Как бы г. Штампфер ни изворачивался, никакими иезуитскими ухищрениями ему не удастся опровергнуть тот факт, что в навороченной им путанице и куче противоречий историческая и логическая нить ведет от меморандума Гренера к военной программе германской социал-демократии и к комментарию Штампфера, а от них снова к меморандуму Гренера и его агрессивной военной программе.

Буржуазно-соц.-демократическая коалиция имеет свою логику, которая с принудительной властью заставляет служить себе грубую и лживую софистику растленного редактора растленного центрального органа растленной германской социал-демократии. Тождество военных программ Гренера и германской социал-демократии простирается не только на их общую тенденцию—на восстановление военной мощи германского империализма, но и на частности «оборонительной» аргументации в меморандуме Гренера и в комментарии Штампфера к социал-демократической программе. У обоих повторяются одни и те же аргументы «оборонительной» идеологии: Германии нужна вооруженная сила для оборонительной войны, для защиты нейтралитета, для охраны границ и т. д. и т. п., но, упаси боже, не для наступательной войны. Единственная «разница» в том, что Гренер в секретном меморандуме открыто говорит о «нейтрализации» советского флота и защите немецкого нейтралитета за... немецкой границей, а Штампфер и К° в передовицах «Форвертса», конечно, не смеют сказать это вслух, не рискуя вызвать возмущение всех германских рабочих и социал-демократических в том числе.

Лишь через полтора месяца, когда «случай Гренера» обсуждался в рейхстаге, по интерпелляции коммунистической фракции, гг. Мюллер и Штампфер изволили высказаться по вопросу об антисоветском содержании меморандума. Рейхсканцлер и шеф-редактор «Форвертса» с одинаковым бесстыдством взяли под свою защиту Гренера, утверждая, что в его меморандуме не содержится никаких агрессивных планов против СССР, ни каких бы то ни было планов вооружения, ибо при постройке броненосца А речь идет только о замещении устаревших судов [2].

Не только «Форвертс», но даже «Лейпцигер Фольксцейтунг», понимающая, что меморандум Гренера есть открыто выраженная воля к империалистической войне, тщательно обходит антисоветские места этого меморандума. «Лейпцигер Фольксцейтунг» расценивает меморандум Гренера, как невольный вклад «для выяснения позиции социал-демократии в военной проблеме». «А именно в том смысле, что он показывает неуклонным защитникам позитивной военной политики (т.-е. официальной военной программы.—*С. Н.*), как они прямым путем стремятся в об'ятия Гренера, а с ними и к новой империалистической войне» (разрядка автора. *С. Н.)* [1]. Передовику «Л. Ф.» не приходит только в голову, что, умалчивая об антисоветском заострении гренеровского меморандума, он вместе со всей левой соц.-демократией ковыляет вдогонку за Штампфером и К° «прямым путем в об'ятия Гренера, а с ним к новой империалистической войне» против СССР!

Председатель берлинской с.-д. организации, тоже «левый», Кюнстлер, высказался в комиссии при окончательном голосовании против проекта на том основании, что, по его мнению, вооруженные силы можно ограничить минимумом, необходимым для «защиты границ» [2]. Правый с.-д. Лебер, член программной комиссии, очень хорошо возразил, что разница между открытыми сторонниками защиты отечества и стыдливыми «защитниками границ» та, что одни хотят защитить границы государства, а другие—государственные границы [3]. Это сказано не в бровь, а в глаз. Действительно, стыдливый оборонец Кюнстлер ничем другим не отличается от бесстыдного социал-патриота Штампфера. Любопытно, что даже Каутский может позволить себе роскошь такой левизны. Он считает кавалерию и флот роскошью. Для защиты границ достаточно, по его мнению, одного рейхсвера. Он, так сказать, «сухопутный» оборонец, тогда как Штампфер и К° готовы оборонять любезное отечество Гинденбурга на суше, на воде, под водой и в воздухе, т.-е. во всех стихиях.

(Окончание следует).

---

[1]) Groeners Geheime, Flottondenkschrift, «Vorwärts», 16/I 1929.
[2]) Panzerkreuzerdebatte, «L. V.» 27/II 1929.

[1]) Der Wille zum Krieg, «L. V.», 16/I 1929.
[2]) Künstler, Grenzschütz genügt, «Vorwärts» 3/I, 1929.
[3]) Leber, «Zur Klärung der Wehrhaftigkeit», Gesellschaft», 1929, II, S. 128.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

«ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ (ЕЕ СУЩНОСТЬ, ПУТЬ И ЦЕЛЬ)». Берлин, 1928, стр. 192.

„Wirtschaftsdemokratie (ihr Wesen, Weg und Ziel)". Berlin, 1928 s. 192.

Наличия кризиса буржуазной демократии почти никто из буржуазных теоретиков не отрицает. И современные либералы и социал-демократы одинаково ретиво ищут путей к преодолению этого кризиса. Из среды современных либералов несется тоскующий вопль о новом содержании для демократических понятий. Это содержание ищут повсюду: вновь заглядывают в природу человека, еще раз проверяют систему воспитания, пачками составляют проекты реформ той или иной стороны государственного устройства и управления, мечтают о возвращении старых, «домонополистических» времен, тоскуют по «неиспорченным» нравам и стойкой морали. В поисках мероприятий по преодолению кризиса буржуазной демократии напрасно бьется худосочная мысль современных буржуазных теоретиков. На помощь им спешат услужливые теоретики из социал-демократического лагеря.

Новое содержание для опустошенной демократии найдено. Это—хозяйственная демократия. Нужно сказать, что это понятие социал-демократами взято целиком из арсенала немецкой демократической партии, которая выдвинула хозяйственную демократию, как панацею от всех зол, в своих листовках при выборах в Национальное Собрание (1919 г.). Бессилие современного либерализма сказалось в том, что сам он оказался неспособным полностью использовать свое «открытие». Историческая миссия социал-демократов выразилась в ретивом проведении платформы демократов. Они расчистили себе таким образом почву для постоянного сотрудничества с буржуазией. Теоретически это выразилось прежде всего в смягчении учения о классовой борьбе, в признании солидарности классов. В настоящей книге [1]), подводящей итоги хозяйственной демократии к Гамбургской профсоюзной конференции, эта теория солидарности классов нашла свое лапидарное выражение в определении государства. «Государство,—пишут теоретики социал-демократов,—есть воплощающая общую волю общественная организация, стоящая над всеми другими отдельными публичными об'единениями» (15). Здесь, как в капле воды, отразилось все теоретическое предательство социал-демократов. Все современные буржуазные атрибуты государственности (народный суверенитет, общность интересов всех публичных об'единений, подчинение личности (!) государству и т. д.)—вошли в теорию государства немецкой социал-демократии. Последняя отмечает это с гордостью, считая особенным достижением в своей теории разрешение проблемы взаимоотношений личности и государства (18). Классовая борьба заменена целиком борьбой индивидуума и общества! Итак, нет никаких различий между современным либералом и социал-демократом.

[1]) Эта книга написана несколькими авторами с.-д. под общей редакцией Нефтали.

Эта замена произведена на «научном основании». Социал-демократические теоретики действуют во всеоружии знаний о развитии капитализма. История развития капитализма дает основу для такой замены. Раньше,—рассуждают авторы «Wirtschaftsdemokratie»,—в период свободной конкуренции капитализм был неорганизованным. В это время было безнадежно и бесцельно думать о том, чтобы изменить капиталистические отношения постепенно, под сенью «деспотии капиталистической системы». Наиболее правильное рассуждение в этот период: пусть «все остается так, как оно есть до насильственного переворота всего общественного порядка». В последующем, однако, выяснилось, что «капитализм сам по себе изменяется»; постепенно было установлено, что «капитализм, прежде чем он будет с л о м а н, может быть о б о й д е н (gebogen werden kann) кружным путем» (12, курсив авторов). Это—первая предпосылка для замены революционного марксизма современным либерализмом. Второй предпосылкой является следующий вывод: «Организованные усилия рабочего предпринимательства (Arbeitnemerschaft) означают значительные ограничения капиталистического произвола». Все это привело к тому, что «стало возможным ограничить капиталистическую деспотию и в известной мере обеспечить также свободу в хозяйственной сфере» (13). Так исторически вырос и окреп лозунг: «через демократизацию хозяйства к социализму!».

С этой точки зрения мимоходом разрешается вопрос и о диктатуре пролетариата. Во всей книге диктатуре пролетариата посвящено буквально несколько строк, при чем это понятие изображается, как «господство меньшинства пролетариата». Авторы книги уверены, что «теперь нет нужды серьезно спорить о том, что это (господство меньшинства пролетариата. *А. А.)* есть утопия, не разрешающая преблемы. Каждая попытка провести разрешение проблемы таким образом (насильственным путем. *А. А.)* ведет к чудовищному уничтожению производительных сил и в конечном счете означает определенный проигрыш рабочего класса» (9). Так социал-демократические теоретики расправляются с диктатурой пролетариата. Пути к соглашению с буржуазией расчищены, и почва для пресловутой хозяйственной демократии распахана.

Что же представляет собой хозяйственная демократия? «Хозяйственная демократия,—отвечают на это авторы,—есть, с одной стороны, такой вид демократии, который дополняет политическую демократию, а с другой—это есть форма хозяйственной демократической конституции в противоположность хозяйственной автократии. Критика политической демократии устанавливает, что последняя одна ни в коем случае не является полной демократией, что она не означает окончательного освобождения трудящихся масс и что она, наконец, не устраняет наихудших форм эксплоатации. Но эта критика не ведет, однако, к отрицанию политической демократии. Наоборот, для развития хозяйственной демократии демократия политическая является необходимым исходным пунктом и неизбежной предпосылкой» (14). Итак, это, во-первых, дополнение, а, во-вторых, противопоставление. Дополнение идет по линии вливания нового вина (хоздемократии) в старые меха (политдемократии). Противопоставление означает не больше не меньше, как устранение господства... предпринимателей. «Демократизация хозяйства,—заявляют дальше с.-д.,—ведет к устранению всякого господства и к превращению руководящих институтов хозяйства из органов, обслуживающих интересы капиталистов, в органы, предназначенные для обслуживания интересов всего народа» (15). Так найден мирный путь для осуществления социализма в капиталистических условиях.

Но этим не ограничиваются теоретические выкладки глашатаев хозяйственной демократии. Гарантии мирного преобразования капитализма в со-

циализм они видят в изменившемся положении отдельного рабочего. Давно уже отошло в прошлое классическое время «свободного рабочего договора», соответствующего эпохе «свободной конкуренции». Если в этот период «отдельная личность полностью зависела от свободного рынка», то теперь наступило время «правовой защиты», коллективного напора на капиталиста со стороны профсоюзов. «Социальная история последнего столетия,—философствуют авторы книги,—наполнена борьбой рабочего класса за право коллективного волеобразования, гарантирующего право соучастия рабочих при регулировании и проведении вопросов заработной платы и условий труда на предприятиях и учреждениях. Это право соучастия на коллективной основе признано теперь законом. По статье 165 имперской конституции оно стало основным правом рабочего класса» (138). Необходимо отметить, что гарантию права соучастия авторы книги видят в изменении функций... собственности. Останавливаясь на историческом развитии собственности, они пишут: «Власть собственности отступает перед трудом. Если раньше собственность господствовала над людьми, как суб'ект, то теперь она потеряла это свое значение. В понятие вещи не входит больше понятие человека. Одновременно она потеряла все атрибуты, свойственные ей, как суверену. Однако, современное право собственности все еще остается частным правом. Все ее прежние публичные права перешли к государству. Осталось лишь одно социальное насилие. Теперь, однако, это насилие не является уже неограниченным» (139). Развитие идет «от суб'екта собственности к суб'екту права». Рабочий, бывший раньше «вещью», достигший затем положения личности, становится теперь через рабочее право человеком» (146). Право, оторвавшись от собственности, стало неразрывным признаком человека. В заключение самовлюбленные теоретики с.-д. восклицают: «Какое правовое преобразование: от рабства к организованным рабочим нашего времени!». И с этой точки зрения «хозяйственная демократия включает в себя два основных понятия: свободу и общность».

Довольно! Мы уже и так привели более чем достаточное количество выписок для характеристики идейного багажа с.-д., выступающей на спасение одряхлевшей буржуазной демократии. Содержание этого идейного багажа показывает, что вожди с.-д. продолжают углублять, развивать, дополнять и совершенствовать свою теорию предательства, оправдывая ее историческими справками и ссылками на изменившуюся обстановку. Больше того. Временами они даже пытаются еще сохранить видимость революционной фразеологии. Пара примеров. Анализируя современное состояние демократии, авторы пишут: «Ясно, что лозунг «буржуазной демократии» фальшив. Он фальшив потому, что для буржуазии демократия никогда не была идеалом и не является им в настоящее время. Только под нажимом борющегося пролетариата принуждена она удовлетворяться демократией» (9). Кивнув в сторону «лицемерной» буржуазии, авторы книги показали, что для них демократия, во-первых, идеал, а во-вторых, вполне удовлетворительная форма существования. В другом месте, описывая прогресс монополий при империализме, авторы не удержались от игривой «революционности». «Там,—заявляют они,—где регулирующая сила свободной конкуренции устранена, там для частнокапиталистического способа производства нет больше никакого оправдания» (56). Верно сказано. Но позвольте спросить, чем же занимаются сами авторы этих строк, как не оправданием «частнокапиталистического способа производства», который они берут под свою защиту против «насильственной революции».

Фактически содержание книги хорошо доказывает это положение. Монополии растут непрерывно. Государственная статистика Германии на 31 октября 1927 г. показывает, что 12.008 акционерных обществ об'единено

в 2.106 концернов, располагающих более чем 60% всех средств народного хозяйства. Даже с.-д., авторы книги, принуждены признать, что эти монополистические организации «не имеют в себе ничего общего с демократизацией хозяйства» (29). Очевидно, в этой области народного хозяйства нет никаких оправданий для «частнокапиталистического способа производства». Свою защиту монополий с.-д. мотивирует тем, что все это послужит «побудителем к развитию демократизации». Картина в действительности получается весьма ясная: вожди с.-д., подкормленные буржуазией, верят и ждут, а рабочие подвергаются локаутам, страдают от безработицы, впадают в нищету и вымирают от холода и голода.

Так обстоит дело с капиталистическими монополиями. Но у авторов книги есть еще в запасе так называемые некапиталистические предприятия. Сюда относятся государственные предприятия, товарищества и собственность профсоюзов (53). Как обстоит дело в этой области. Оказывается, империя, государства и общины перед войной имели в общей сумме немецкого народного хозяйства приблизительно 10%. К 1925 г. эта часть увеличилась до 20% (60). При чем $^5/_6$ этой суммы падает на разного рода сберегательные кассы, мобилизующие сбережения мелких вкладчиков в интересах крупного капитала, т.-е. современного немецкого империализма. Так, «некапиталистические предприятия» буржуазного государства обслуживают капиталистический мир, помогая его стабилизации и рационализации. Буржуазное государство выступает в роли главного организатора. Путем тарифов, через почту и телеграф оно помогает крупной буржуазии освободиться от тяжести репарационных платежей и поднять еще к тому же норму и массу своей прибыли. Нет необходимости останавливаться на активной роли с.-д. вождей во всем этом грандиозном издевательстве.

Демократизация хозяйства,—утверждают авторы книги,—идет не только путем усиления роли государства в хозяйственном процессе, но и путем участия рабочих в управлении промышленностью. Смехотворность и надувательство этого утверждения доказывают цифры самой книги. В угольной промышленности в комиссии из 21 человека—7 представителей от рабочих и служащих; в калийной промышленности в совете на 30 человек — только 9 человек представителей рабочих и служащих (39—40). Остальные—фабриканты, финансисты, спецы. Но более любопытным является то, чем занимаются эти комиссии и советы. На поверку оказывается, что они занимаются, во-первых, рационализацией, во-вторых, еще раз рационализацией и, в-третьих, установлением цен (43). Авторы книги, стыдливо описывая задачи комиссий, принуждены, вздыхая, отметить: «представители рабочих и служащих, работающие в органах самоуправляющихся корпораций, несмотря на то, что они не могли достигнуть еще (!) общехозяйственных целей, все же научились рассматривать задачи практического руководства хозяйством с точки зрения интересов всего народа» (52). Это все. Думается, что это «все» хорошо говорит само за себя, и во всяком случае не в пользу хозяйственной демократии и ее творцов, с.-д. Не даром на решения гамбургского с'езда профсоюзов, подчеркнувшего «неразрывную» связь между хозяйственной демократией и социализмом, предприниматели Рейна ответили локаутом ¼ миллиона металлистов. Они имели для этого не только право по конституции, но и силу фактического господства.

Все убожество достижений «хозяйственной демократии»—этой об'единенной программы современного либерализма и социал-демократии—показывают 12 требований, выставленных авторами книги в качестве «основных» мероприятий по превращению капитализма в социализм. В числе этих 12 требований (177—179) входят: создание паритетного представительства рабочих, служащих и предпринимателей во всех предприятиях, обеспечение пра-

фабрично-заводских советов, преобразование рабочего права, охрана пра[ва] материнства, реформа самоуправляющихся предприятий, борьба с монополией образования и т. д. Мы привели это перечисление для того, чтобы показать бедность и утопичность конкретной программы с.-д. На самом деле, что может означать требование «борьбы с монополией образования», когда высшая школа целиком захвачена реакционными профессорами, когда материальная часть подготовки научных работников находится полностью в руках католической партии (центра), когда в школах царит антисемитизм, поощряемый учителями, когда, наконец, сама конституция разрешает и охраняет систему привилегированного и религиозного образования.

Выводы: хозяйственная демократия—общая платформа современного либерализма и социал-демократии—покоится на тощих теоретических предпосылках и приводит на деле к укреплению монополистического капитализма, на службу которому ставятся массы мелкой буржуазии и некоторых слоев пролетариата, увлеченных надеждами на мирное демократическое преобразование капитализма в социализм.

А. Ангаров.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 9—10 31 МАЯ № 9—10

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 9

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

Главлит № А—37019. Тираж 70.000 экз.

Тип. газ. „Правда“, Москва, Тверская, 48.

Итоги XVI партконференции.

XVI партийная конференция наметила задачи партии на большой отрезок времени. Вместе с тем она дала полную и законченную характеристику правому уклону внутри ВКП, оформлявшему постепенно после XV с'езда свою политическую линию в отличие от партийной линии.

Еще на XV с'езде тов. Сталин отметил некоторые психологические настроения внутри партии, в основе которых лежало непонимание и недооценка трудностей, стоявших на пути нашего социалистического строительства. Апрельский пленум сказал уже прямо об элементах партии, не видящих классов в деревне и не желающих ссориться с кулаком. Еще яснее высказался июльский пленум, отметивший в своей резолюции, что партия в своей политике должна прежде всего исходить из решительной борьбы с теми элементами, которые являются выражением буржуазных тенденций в нашей стране и пытаются обойти решения XV с'езда—развивать дальше наступление на кулака. Между июльским и ноябрьским пленумами произошли такие важные события, как VI конгресс Коминтерна и «восстание» части бывшего московского руководства против политики партии. Исходя из этих фактов, ноябрьский пленум мог дать уж гораздо более определенную оценку правому уклону. После ноябрьского пленума мы имеем усиление колебаний в некоторых прослойках нашей партии между генеральной линией партии и линией правого уклона при одновременном сплочении подавляющего большинства партии вокруг ЦК на почве партийной линии.

А перед конференцией политическая линия правых уклонистов уже по всем сколько-нибудь важным вопросам противопоставляет себя линии партии. Когда мы приступаем к анализу решений XVI партконференции и тех оценок правого уклона, которые даются в решениях конференции, то перед нами совершенно ясно вырисовываются две противоположные политические линии: линия партии, с одной стороны, и линия правого уклона — с другой.

Несколько слов о той обстановке, в которой происходили работы конференции. Международная обстановка характеризовалась и продолжает характеризоваться развертыванием противоречий внутри

капиталистической системы и во взаимоотношениях этой системы с единственным в мире пролетарским государством. Мы имеем обострение противоречий между господствующими империалистическими кликами, главным образом по линии англо-американского соперничества; мы имеем обострение противоречий между буржуазией и рабочим классом, начало широкого контрнаступления рабочего класса против капитализма; мы имеем ряд противоречий между империализмом и угнетенными народами (широкое стачечное движение в Индии, не прекращающаяся борьба в Китае), и, наконец, мы имеем обострение противоречий между империалистическим миром и СССР, нашедшее себе за последнее время наиболее яркое выражение в новом отклонении наших предложений о разоружении и в той бешеной кампании травли СССР, которая ведется в западно-европейской буржуазной, особенно германской, печати после первомайских событий.

Из развертывания противоречий капиталистической стабилизации вытекает обострение классовой борьбы, рост военной опасности, необходимость активизации и боевизации коммунистических партий и решительного преодоления внутри них тех элементов, которые сковывают революционную активность рабочего класса и революционную инициативу его авангарда — коммунистических партий. Период после VI конгресса Коминтерна был особенно богатым по части сдвигов внутри партийного руководства целого ряда крупнейших коммунистических партий по линии их активизации и боевизации, по линии приспособления всей их политики, тактики, организационной системы к надвигающимся новым боям. Чрезвычайно острый период внутренней борьбы пережила коммунистическая партия Германии после VI конгресса. Этот период закончился устранением оппортунистических правых элементов из состава партии и фактическим устранением примиренческих элементов из партийного руководства. Крупнейшие изменения произошли в руководстве чехо-словацкой партией, в которой были наиболее сильны социал-демократические привычки и традиции. Мы имели некоторые изменения, хотя и не столь крупные и радикальные, в составе руководства коммунистической партии Франции по той же линии, и, наконец, довольно острый кризис руководства пережила коммунистическая партия Америки, имеющая перед собой колоссальные исторические задачи и огромное будущее.

Что характеризовало и характеризует нашу внутреннюю обстановку? Быстрый рост нашего хозяйства, серьезные трудности, которые нужно преодолеть для дальнейшего роста, и крайнее обострение классовой борьбы на почве сопротивления капиталистических элементов нашему социалистическому наступлению. Вот, что говорил т. Рыков в своем докладе о 5-летке на XVI партийной конференции: «Когда мы подошли к этому переломному моменту, многие из нас считали, что мы не только не в состоянии будем итти такими семимильными шагами, как раньше, но даже, например, такие темпы, как 20% ежегодного прироста едва ли будем в состоянии обеспечить. Мы ориентировались на 10—12%».

Происходящий в настояще время рост нашей промышленности превосходит все до сих пор имевшие место темпы. Расходящиеся с линией партии правые уклонисты очень часто любят ссылаться на цитату из доклада Ленина на II с'езде, где Ленин сказал, что мы должны сомкнуться с крестьянской массой и начать двигаться вперед неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали, но зато так, что действительно будет двигаться вся масса за нами. Но они забывают прочитать несколько строк дальше. Между тем, сейчас же вслед за этими словами, которыми злоупотребляют все те, кто выступает против нынешнего напряженного темпа индустриализации во имя, якобы, смычки с крестьянством, — а на самом деле во имя уступок кулаку, — Ленин говорит: «Тогда ускорение этого движения в свое время наступит такое, о котором мы сейчас и мечтать не можем». Есть все данные считать, что это предвиденное Лениным в 1922 году ускорение нашего движения, о котором тогда и мечтать было невозможно, — сейчас наступило.

Однако, наше напряженное и быстрое движение вперед характеризуется целым рядом трудностей и обострением классовой борьбы. Является ли неожиданным это обострение? Зависит ли оно от недостатков нашей политики, от нашего, якобы, отступления от заветов Ленина, или оно является совершенно неизбежным спутником нынешней эпохи социалистического строительства, когда мы взялись за выкорчевывание самых корней капитализма? На этот счет тоже кое-что можно прочесть у Ленина. В том же докладе на II с'езде, который мы выше цитировали, Ленин говорил о последнем и решительном бое не с международным капитализмом — там еще много будет последних и решительных боев, — нет, а вот «с русским капитализмом, с тем, который растет из мелкого крестьянского хозяйства, с тем, который им поддерживается: тут предстоит в ближайшем будущем бой, срок которого нельзя точно определить».

Мы имеем все данные считать, что дело как раз подошло к тому последнему решительному бою с русским капитализмом и его остатками, о котором говорил Ленин. Выиграв этот последний бой, сломив сопротивление кулачества, добившись решительных сдвигов в деле реконструкции с. х., укрепив позиции социалистического сектора там, — мы уже сможем считать себя окончательными победителями над капитализмом и его остатками внутри страны (но, конечно, еще не над международным империализмом). Однако, для этого необходима огромная работа, для этого необходимо преодоление колоссальных трудностей. Партия мыслит себе преодоление этих трудностей, коренящихся в нашей вековой экономической отсталости и некультурности, только путем дальнейшего напряженного движения вперед, только путем развертывания промышленности, социалистической реконструкции с. х., укрепления союза с основными массами кре-

стьянства, при чем решающее значение в этом союзе приобретают сейчас новые формы смычки, и путем беспощадного подавления сопротивления эксплоататоров. Для преодоления трудностей партия должна добиться огромнейшего повышения активности масс, должна укрепить свою связь с рабочим пролетариатом, должна привести в движение огромные, еще мало использованные ею в деле социалистического строительства, колоссальные резервы пролетариата и полупролетариата в деревне.

В отличие от этого пути активного преодоления трудностей линия правого уклона ищет выхода из трудностей путем уступок враждебным капиталистическим элементам: она хочет протянуть им пальмовую ветку мира, или — лучше сказать — белый флаг капитуляции. И именно поэтому важнейшим условием преодоления трудностей, мобилизации партии вокруг задач этого преодоления и мобилизации масс вокруг партии является преодоление правого уклона, который своим капитулянтством пытается внести разложение в ряды партии и в ряды трудящихся, который хочет навязать партии и рабочему классу свою ликвидаторскую тактику — тактику сдачи на капитуляцию.

Таковы характерные моменты внешней и внутренней установки, в которой происходили работы XVI партконференции. В чем заключаются ее важнейшие решения? Конференция прежде всего приняла 5-летний план строительства социалистического хозяйства. Темп этого строительства, предусмотренный 5-летним планом, диктуется нам всей внешней и внутренней обстановкой: он позволяет нам в сравнительно короткий исторический срок догнать и перегнать капиталистические страны. Он в сильнейшей степени укрепляет нашу независимость и обороноспособность, улучшает положение рабочего класса и всех трудящихся (рост зарплаты на 70%) и ликвидирует острый недостаток сырьевых и продовольственных с.-х. ресурсов, представляющий одно из коренных препятствий на пути индустриализации. Мы не только должны обеспечить полностью удовлетворение потребности страны в с.-х. ресурсах, но восстановить в широких размерах экспорт с.-х. продуктов. Мы должны уже к концу 5-летнего срока добиться колоссальных результатов в области реконструкции всей структуры нашего отсталого сельского хозяйства: 40% его товарной продукции должно даваться обобществленным сектором. Таковы основные показатели принятого конференцией 5-летнего плана.

Черновые наметки 5-летки, представленные XV с'езду еще не предусматривали такого напряженного темпа развития промышленности, который принят теперь партией. Точно так же в этих черновых наметках не получила своего достаточного отражения и выражения линия партии на социалистическую реконструкцию сельского хозяйства, хотя на том же XV с'езде в докладах тт. Сталина и Молотова эта линия была намечена совершенно ясно. Еще не так давно, накануне ноябрьского пленума, очень видные представители правого уклона критиковали госплановских спецов (а на самом деле партийную линию), которые, якобы, слишком широко размахнулись в цифрах 5-летки, не учитывая «узких мест». Однако, в своем нынешнем виде 5-летка не встретила прямых возражений даже со стороны представителей правого уклона. Но в кругах, расходящихся с линией партии, возникла идея противопоставления 5-летке—при формальном согласии с нею — плана так называемой рабочей двухлетки, точнее говоря, — ряда экономических уступок капиталистической верхушке деревни, плана, который должен был послужить базой для намеченного партией 5-летнего плана. Товарищи хотели добиться осуществления 5-летнего плана на базе уступок кулаку, не желая видеть того элементарного факта, что на этой базе можно получить только срыв 5-летнего плана, а никак не его осуществление. Вот почему партия решительно отвергла их предложения.

По вопросу о путях развития с. х. и укрепления союза с крестьянством конференция дала ясный ответ на ряд вопросов, во всей остроте поставленных перед партией, в особенности после XV с'езда. Вопреки ликвидаторско-капитулянтской теории правых уклонистов о деградации сельского хозяйства конференция установила бесспорный факт под'ема сельского хозяйства (хотя и чрезвычайно медленного) по линии перехода от трехполья к многополью, развития технических культур, машиноснабжения и т. д., и т. д. Конференция выдвинула решающее значение в деле дальнейшего под'ема с. х. и укрепления союза рабочего класса с основными массами крестьянства новых форм смычки (контрактация, тракторные колонны, совхозы и колхозы), что ни в коем случае, конечно, не должно означать, что мы отказываемся от так называемых старых форм смычки в области оборота: от задачи ликвидации товарного голода в деревне и систематического снижения розничных цен. Характерной особенностью постановлений XVI конференции в области под'ема сельского хозяйства является увязывание мероприятий по поднятию бедняцкого и середняцкого индивидуального крестьянского хозяйства с мероприятиями по социалистической реконструкции сельского хозяйства. Партия исходит из того, что основная крестьянская масса придет к социализму не через разорение и пауперизацию, как мыслили себе троцкисты, не через превращение индивидуальных бедняцких и середняцких хозяйств в зажиточные и кулацкие, не через развитие кулацких кооперативных гнезд и их врастание в социалистическую систему, а через массовое производственное кооперирование и коллективизацию при дальнейшем вытеснении капиталистических элементов. Конференция ясно подчеркнула необходимость продолжения дальнейшего наступления на кулака при укреплении союза с середняком и опоре на бедняка. Конференция признала, что в нынешний момент, когда кулак оказывает ожесточеннейшее сопротивление советской власти, организует в широких размерах саботаж хлебозаготовкам, когда кулаки и подкулачники применяют такие «чрезвычайные меры» против советских работников и передовых крестьян, как убийства и поджоги, — партия не может отказаться

от решительных мер принуждения по отношению к самому кулаку, организуя эти меры путем мобилизации бедняцко-середняцких масс вокруг их проведения по линии хлебозаготовок. Эти общественно-принудительные меры воздействия на кулака (при проведении хлебозаготовок), в которых правые паникеры увидели чуть ли не ликвидацию нэпа и возврат к военному коммунизму, конференция одобрила со всей решительностью. Что противопоставляли и могли противопоставить основной линии XVI конференции правые уклонисты? Курс на поднятие индивидуального хозяйства при совершенно явной недооценке и замазывании его социалистической реконструкции — фактически курс на развитие индивидуального товарного, т.-е. кулацкого хозяйства. В этом они видели основную базу нашей индустриализации. Отсюда — попытки об'яснить наши трудности нажимом на кулака, отсюда — лозунги нормализации рыночных отношений (немножко ослабить государственное регулирование торговли, немножко больше свободы дать кулаку и спекулянту), отсюда — разговоры о поквартальных ценах, что означает повышение цен весной, когда хлеб остается главным образом у кулаков, а покупать его вынуждены не только рабочие и трудящееся население города, но и деревенская беднота.

Партия стремится использовать кулацкие ресурсы в интересах социалистического накопления, держа неуклонный курс на вытеснение кулачества, на выкорчевывание остатков капитализма. Правые уклонисты в противовес этому предлагают меры облегчения кулацкого накопления фактически за счет рабочего класса и деревенской бедноты. Правые уклонисты ищут выхода из трудностей, переживаемых страной, путем развязывания капиталистических отношений в стране, особенно в деревне, не желая видеть того, что это развязывание поведет к увеличению ресурсов и возможностей давления кулачества на советскую власть, не желая видеть того, что мы в результате такого рода капитулянтской политики были бы блокированы не только международной буржуазией извне, но и капиталистическими элементами внутри страны.

Конференция приняла важные решения по вопросам борьбы с бюрократизмом и чистки партии. Обострение классовой борьбы в стране означает обострение сопротивления чуждых элементов в нашем госаппарате, означает рост опасности их воздействия на колеблющиеся элементы. Чрезвычайно характерно, что правые уклонисты, стоящие на точке зрения уступок капиталистическим элементам по всей линии, пытались брать нашу партию за фалды при проведении лозунга самокритики, направленной своим острием прежде всего против враждебных и чуждых элементов, против шахтинцев в нашем государственном и хозяйственном аппарате. Для нынешнего правого уклона в рядах партии является характерной не только недооценка борьбы с бюрократизмом, на что указал еще ноябрьский пленум, но также недооценка и непонимание всей той перестройки работы нашего аппарата (хозяйственного, советского, профессионального и в некоторой степени даже партийного), которая связана с задачами реконструктивного периода и обострением классовой борьбы. Особенно характерным образчиком такого непонимания и недооценки является позиция правых уклонистов в вопросах политики профсоюзов, их попытки помешать четкой партийной постановке вопроса об активизации роли союзов в деле социалистического строительства, о мобилизации через союзы масс на борьбу с трудностями, их цепляние за элементы трэд-юнионизма, отчужденности от партии, бюрократизма и нечуткости к запросам и потребностям масс в профессиональном аппарате.

Необходимо несколько слов сказать о позиции правых уклонистов в вопросах политики Коминтерна. Мы в праве говорить о ближайшей идеологической связи между правыми и примиренческими элементами ВКП и Коминтерна. Тенденция правых уклонистов в иностранных партиях — это тенденция к сотрудничеству с социал-демократами (совсем на-днях брандлерианцы при саксонских выборах выставляли лозунг поддержки коммунистами с.-д. правительства), а стало быть с буржиазией. Та же тенденция к сотрудничеству с капиталистическими элементами, соглашательство с ними, является самой характерной чертой наших правых уклонистов. Поэтому не случайно, что, когда на IV конгрессе Профинтерна германские правые, которые тогда еще были в партии, выступили против намечавшейся тогда новой профсоюзной тактики, — они встретили поддержку со стороны некоторых работников аппарата ВЦСПС. Не случайной также была шаткая и по существу неправильная, нечеткая позиция некоторых товарищей на VI конгресс Коминтерна (по вопросу о капиталистической стабилизации), целиком совпавшая с позицией германских примиренцев. Не случайной была дипломатическая поддержка со стороны правых элементов ВКП германских правых и примиренцев в разгар той борьбы не на жизнь, а на смерть, которая разгорелась внутри германской компартии после VI конгресса Коминтерна. И не случайно, что часть руководства коммунистической партии Америки, которая была склонна на VI конгрессе и после него к переоценке капиталистической стабилизации, к недооценке полевения масс, которая пыталась борьбу с правой опасностью свести к борьбе с троцкизмом, — выступила с прямой оппозицией мероприятиям Коминтерна, направленным к дальнейшей большевизации компартии Америки. Правый уклон ВКП не только является одним из серьезнейших препятствий для разрешения очередных задач социалистического строительства внутри Советского Союза, — он превращается также в идеологический центр, вокруг которого группируются все оппортунистические и примиренческие элементы Коминтерна, пытающиеся сорвать линию VI конгресса, пытающиеся помешать компартиям капиталистических стран выполнить огромные исторические задачи, стоящие перед ними в развертывающейся борьбе с буржуазией.

Правый уклон внутри ВКП имеет не только характер политического течения, отличающегося от партии и противопоставляющего себя ей, он имеет также некоторые черты чисто фракционной группировки. Фракционная деятельность правых уклонистов развивалась по мере расширения и углубления их разногласий с партией. Чрезвычайно ярким проявлением этой фракционности были всем известные верхушечные комбинации, направленные к созданию фракционного блока против партийной линии и партийного руководства. Эти комбинации не носили случайного, эпизодического характера. Летом прошлого года накануне и после июльского пленума мы имели широкое развертывание фракционной работы против ЦК внутри Московской организации, имели далее политику отставок и т. д. И, наконец, обвинение партии в военно-феодальной эксплоатации крестьянства, в скатывании к троцкизму, в разложении Коминтерна, крики о бюрократическом режиме и зажиме в партии,—нельзя было и нельзя теперь расценивать иначе, как прямой призыв к фракционной борьбе против линии партии и партийного руководства. Невозможно одновременно считать, что линия партии скатывается к троцкизму, и всерьез обещать не вести против этой линии никакой борьбы, подчиняться всем партийным постановлениям. Тут конец с концом не вяжутся. И поэтому партия должна проявить максимальную бдительность против возможных дальнейших попыток фракционной разлагающей работы в ее рядах со стороны правых уклонистов, в особенности в обстановке нынешних трудностей. Она должна быть готова дать этой работе самый беспощадный большевистский отпор.

Партия ни на одну минуту не может забывать, что правый уклон является одним из главнейших препятствий на пути к разрешению задач, которые перед ней стоят. Вот почему дальнейшее решительное преодоление и разоблачение правого уклона во всех его проявлениях—при борьбе на два фронта, при добивании остатков троцкизма—является абсолютным условием для сплочения партии, для дальнейшего ее наступления сомкнутым фронтом против твердынь врага и для решительной победы над этим врагом не только внутри страны, но и на международной арене.

И. М—ин.

Политический смысл первомайской борьбы.

Первомайская демонстрация рабочего класса, демонстрация его международной классовой солидарности, переросла в революционное столкновение с буржуазией. Буржуазную реакцию, империалистическую контрреволюцию возглавила социал-демократия. Демонстрация рабочего класса превратилась в международное революционное выступление. Рабочий класс выступил, чтобы продемонстрировать свою верность своему классу. Он выступил с красным знаменем интернациональности, чтобы показать господствующим, эксплоатирующим классам, что могучие отряды международного пролетариата не признают интересов «своего» империалистического отечества, чтобы показать, что интересы своего класса, интересы интернациональные, несмотря на все государственные и неизжитые идеологические перегородки, для него являются высшим законом. Что означает такая демонстрация интернационализма в эпоху, когда уже существует, хотя и единственное еще, государство, воплощающее во всем своем существовании и развитии, во всей своей внутренней и внешней политике принципы пролетарской интернациональности? Что означает такая демонстрация в период, когда социал-демократия, как часть капиталистической системы, как верный слуга буржуазии, стала активно участвовать в подготовке войны против этого первого пролетарского интернационального государства, против СССР? Что может означать такая демонстрация на таком этапе развития капиталистической стабилизации, когда ее все растущие противоречия расшатывают все ее основы, когда все меньше, мизерно мало остается места для реформистского маневрирования буржуазии и социал-демократии, когда каждое мало-мальски крупное экономическое столкновение рабочего класса с буржуазией перерастает в политическую борьбу? Такая демонстрация, будучи международным политическим выступлением рабочего класса, не могла и не может не противопоставить пролетариат буржуазии и ее государству, не могла не противопоставить пролетариат надежнейшему отряду империализма—социал-демократии. Такое политическое выступление рабочего класса не могло не перерасти в революционное столкновение пролетариата с буржуазным государством. И первое мая вылилось в эту революционную борьбу на всех важнейших участках классового фронта.

Центром борьбы стал Берлин. На улицах Берлина несколько дней шла баррикадная борьба. Берлин принял «вид осажденного города». Социал-демократы Цергибель, Гржезинский, Зеверинг мобилизовали 13 тысяч полицейских. В гражданской войне, развернувшейся на улицах рабочих кварталов Веддинга и Нейкельна, со стороны социал-демократической контрреволюции были пущены в ход все богатства военно-полицейской техники: винтовки, стрельба разрывными пулями, ручные гранаты, пулеметы, бронированные автомобили,

установленные на крышах прожекторы, «искавшие в темноте врага», обстрел найденного врага с крыш пулеметами, пожарные отряды,—словом, в дело было пущено все, чтобы продемонстрировать рабочим, что их классовое выступление на улицу есть вопрос жизни и смерти капиталистического строя.

Гражданская борьба на улицах Берлина 1 мая не была случайностью. Она не была «стычкой» между полицией и рабочими во время обычной демонстрации. Первые баррикады были сооружены ночью 1 мая. Социал-демократия стреляла в рабочих первая. Пролетарские отряды не отступили, они ответили баррикадами. Первые баррикады были захвачены полицейскими. Рабочие не уступили поля борьбы, не сдались. 2 мая баррикадная борьба стала еще более ожесточенной. Полиция мобилизовала все силы. Она действовала на улицах по-военному. Улицы стали полем военных действий. Полиция стреляла в женщин, детей и вообще всех, кто смел высунуть нос во фронтовую полосу. Только после жестокой борьбы с десятками убитых и раненых социал-демократическая полиция вернула буржуазному Берлину «спокойствие». 3 и 4 мая полиция действовала, как вымуштрованные пожарные после большого пожара: она обыскивала все углы, заглядывала во все закоулки, открывала огонь по каждому подозрительному пункту, производя аресты, избиения, из'ятия и т. д.

Социал-демократические тушители революционного пожара во владениях своего господина поработали здорово!

Берлин наиболее ярко отразил смысл первомайских событий. Он был высшим пунктом революционного напора и отпора пролетариата. Но Берлин не один. Во всем мире в майские дни прозвучало эхо приближающихся революционных раскатов. Демонстрации, столкновения с полицией имели место почти по всей Германии. Революционные демонстрации пролетариата имели место во всем мире. В центре Франции, в Париже, полиция произвела массовые аресты тысяч пролетариев, но «предупреждение» не подействовало. Несмотря на настоящее военное положение, тысячи рабочих манифестировали в различных пунктах Парижа. Полиция разгоняла демонстрации. Помещения ЦК партии, редакции «Юманите» были окружены полицией. В провинциях Франции имели место крупные уличные демонстрации, сопровождавшиеся столкновениями с полицией. В Лилле 4.000 манифестантов сопротивлялись атакам кавалерии. В Париже в металлической промышленности не работало около 80%, в окрестностях Парижа фабрики пустовали. Полиция всюду пустила в ход грузовики для массовой облавы на демонстрантов и массовых арестов. «Социалисты», реформисты из профсоюзов в меру сил сотрудничали с полицией. Социалистический мэр Бордо запретил демонстрации рабочих. Настоящие бои между полицией и рабочими развернулись в фашистской Польше. 10-тысячная демонстрация рабочих во главе с коммунистами выступила в Варшаве. Накануне было произведено несколько сот обысков и арестов. Было мобилизовано 2½ тысячи пеших полицейских и 2 эскадрона конной полиции. Пешей полиции не удалось сломить сопротивление демонстрантов, и отряды конной полиции врезывались в ряды рабочих. Десяток тяжело раненых, многие десятки раненых вообще. Во всех крупных рабочих центрах Польши произошли кровавые стычки между манифестантами и полицией. Политические заключенные в тюрьме Павяк устроили демонстрацию с пением Интернационала, который был подхвачен собравшимися вокруг тюрьмы несколькими стами рабочих. ППС в демонстрации не участвовала. В Англии, где рабочий класс снова начинает по-новому строить свои боевые ряды после поражения 1926 года и последовавшей бешеной реакции консерваторов в союзе с реформистами, 5-тысячная демонстрация рабочих шествовала по улицам Лондона под руководством коммунистов и вопреки бойкоту «рабочей» партии. В центре могущественнейшего среди империалистических разбойников американского империализма, в Нью-Йорке, впервые больше чем через десяток лет под руководством малочисленной и молодой компартии на улицу выступила 20-тысячная демонстрация пролетариев. В стране, где работает самая коррумпированная архибуржуазная и архиимпериалистическая профбюрократия,—профбюрократия, для которой империализм и строй эксплоатации являются высшим идеалом, для которой агрессивная империалистическая политика является делом и долгом рабочего класса, в этой стране, несмотря на бешеную борьбу этой профбюрократии против всяких классовых выступлений пролетариата и особенно выступлений интернациональной солидарности, в обстановке, когда кон'юнктура обманывает некоторых своей внешностью «процветания», 20 тысяч рабочих во главе с делегацией бастующих текстильщиков из южных штатов, где господствуют традиции времен рабства, выступают на улицу с лозунгами интернациональной солидарности, против империалистической войны, чтобы заявить всему миру, всем, кто имеет уши, способные слышать, и глаза, способные видеть, что в стране «расцвета» происходит «мощная революция», но в умах рабочих, идет и еще больше нарастает жестокая классовая борьба. Под знаменами Коминтерна шествовали и пролетарии Латинской Америки. Китайский пролетариат, обескровленный в тяжких боях и поражениях, несмотря на бешеную гоминдановскую реакцию, выступил под лозунгами международной солидарности. 50 тысяч рабочих бастовало в Шанхае. В Индии, где «коммунистическая угроза», т.-е. сознание пролетариатом своих классовых задач, задач возглавления национально-революционной борьбы против британского империализма и национальной буржуазии, становится все более реальной, 130 тысяч бомбейских текстильщиков еще накануне выступили на героическую борьбу с об'единенными силами индийской буржуазии и британского империализма. В столкновениях с полицией в эти дни в Бомбее насчитывалось 9 убитых и 106 раненых.

Таковы итоги международной сороковой маевки. Что характерно для этой маевки? Во-первых, сороковая маевка, маевка 1929 года, была маевкой массовой и революционной. На обоих полушариях впервые во всей истории первомайских выступлений ясно очертился этот характер маевки. Совершенно ясно, совершенно недвусмысленно в могучем и стройном марше миллионов этот характер маевки выявился в единственной пока стране пролетарской диктатуры—в СССР. Миллионы рабочих и трудящихся крестьян СССР, миллионы участников социалистического строительства выступили на своих улицах своих городов, в своих клубах, на площадях под знаменами социалистической реконструкции, социалистического соревнования, под знаменами великих работ пятилетнего плана, социалистической реконструкции деревни, под знаменем «догнать и перегнать» технически высокоразвитые капиталистические страны,—словом, под знаменем наступления на капиталистические элементы, их «вытеснения» как внутри, так и вне страны. Менее ясно, но совершенно отчетливо этот революционный характер маевки выявился во всем капиталистическом мире. С ясностью, не допускающей никаких сомнений, языком баррикадных боев этот характер маевки заявил о себе в Германии, особенно в центре ее—в Берлине. Об этом же говорят тысячи арестованных и десятки раненых во Франции, где буржуазия работала против маевки в союзе с «социалистами» и реформистскими профбюрократами. Совершенно недвусмысленным языком об этом же говорят десятки тяжело и легко раненых на маевке в Польше, проходившей исключительно под руководством коммунистов. А что иное говорят раненые и убитые на улицах Бомбея, где пролетариат борется против империализма и национальной буржуазии под руководством революционного союза «Красный Флаг», в обстановке полной измены буржуазии, колебаний и предательства мелкобуржуазных вождей?

За этими передовыми первомайскими отрядами во главе с пролетариями СССР и Берлина тянутся со всех уголков мира резервы международного пролетарского революционного фронта, все теснее смыкая свои ряды, все ближе подтягиваясь к передовым отрядам.

Если на одной стороне баррикад, баррикад революции, во главе стояли коммунисты, то наибольшую активность на контрреволюционной стороне баррикад проявила международная социал-демократия. Контрреволюционная активность социал-демократии была прямо пропорциональна степени революционного натиска пролетариата на буржуазное государство и участию социал-демократии во власти. Первомайские выступления пролетариата и ярче всего и прежде всего первомайская баррикадная борьба в Берлине для международной социал-демократии стали фактом всемирно-исторического значения. Накануне 40-летия основания довоенного II Интернационала, провозгласившего 1 мая днем международного смотра революционных сил пролетариата, днем демонстрации его решимости бороться за социализм, ведущая партия послевоенного II Интернационала выступила с демонстрацией полной своей готовности бороться любыми средствами за сохранение и укрепление расшатывающейся стабилизации капиталистического строя. Так ярко в международном масштабе, в «мирной» обстановке был подчеркнут и выявлен новый этап контрреволюционного, фашистского перерождения социал-демократии.

Таковы две самые яркие особенности первомайской демонстрации. Эти особенности говорят об определенном этапе расшатывания капиталистической стабилизации, об определенном этапе обострения классовой борьбы пролетариата, изменении ее форм, эволюции социал-демократии и буржуазного государства и росте влияния компартии. Первомайские демонстрации проходили в общем и целом под лозунгами коммунистов, под лозунгами боевого интернационализма и против социал-демократов. Первомайские демонстрации были массовыми революционными демонстрациями под руководством отрядов Коммунистического Интернационала и против буржуазии и, что важней и характерней, против социал-демократического фланга международного империализма. Это обстоятельство указывает на то, что первомайская борьба есть определенный этап в развитии классовой борьбы пролетариата, требующий тщательнейшей и всесторонней оценки.

Баррикадная борьба на улицах Берлина не является случайным событием на международном фронте маевки. Берлин был лишь высшим пунктом борьбы. От этой революционной вышки к демонстрациям в далеких странах Латинской Америки ведет целый ряд переходных ступенек в напряжении и широте классовых выступлений пролетариата. Ситуация в Берлине, породившая баррикадные бои, связана теснейшими нитями с самыми разными событиями и в самых разных уголках земного шара. Здесь и репарационный торг в Париже и социалистическое соревнование в СССР. Здесь и разбойничье ограбление Китая и Индии и социалистическая индустриализация далеких окраин Советского Союза. Растущие противоречия между Англией и Америкой, их подготовка к войне и заигрывание Америки с Германией, желание германской буржуазии и социал-демократии показать, что они могут справиться с рабочими, здесь также играют свою роль. Растущее сопротивление пролетариата стран-победительниц повышающейся норме эксплоатации, растущее сопротивление колоний и полуколоний империалистическому грабежу точно так же играют свою роль в повышении активности германского пролетариата. Берлин, Германия—не случайность, не исключение. На данном этапе, в данный период здесь сконцентрирован лишь весь сгусток растущих и обостряющихся противоречий гнилой стабилизации капитализма. То, что «прорвалось» в Берлине, «прорвалось» под давлением всей международной обстановки, вы-

являя характер и сущность, как и перспективы развития расшатывания капиталистической стабилизации. Все международное первое мая—тоже не случайность. Нет необходимости говорить о его не столь далеком предшественнике и прежде всего предшественнике Берлина—Вене 1927 г., Гамбурге 1928 г. Всего-на-все лишь после VI конгресса мы имеем Лодзь, Рур, сплошную волну экономических боев во Франции, Чехо-Словакии, революционные выступления пролетариата в Индии, никак не могущую установиться стабилизацию в Китае, растущую классовую борьбу в Соединенных Штатах. Первое мая и Берлин—лишь последующее звено, звено международное в прямом и непосредственном смысле этого слова, в цепи этих событий, в цепи этой растущей и обостряющейся классовой борьбы. Первомайские события еще раз ярчайшим образом подтвердили всю правильность большевистской основной установки VI конгресса в вопросе о характере так называемого третьего периода и вытекающих отсюда задач и перспектив борьбы пролетариата во главе с Коммунистическим Интернационалом, подтвердили против правых и примиренцев, против социал-демократии, против троцкистов. Первомайские события, кроме этого, поставили ряд новых проблем коммунистического движения.

Основной установкой VI конгресса является перспектива дальнейшего расшатывания капиталистической стабилизации. Только из этой основной общей установки насчет дальнейшего развертывания третьего периода вытекает ряд частных и важнейших линий развития, установленных конгрессом. С этим же тесно увязано видоизменение тактической линии партий Коммунистического Интернационала. Расшатывание капиталистической стабилизации обусловливается и в свою очередь обусловливает огромный рост мировых противоречий. Здесь прежде всего растут и обостряются основные противоречия капитализма—между пролетариатом и буржуазией. Это сказывается непосредственно и острей всего в отношениях между империализмом и СССР, это сказывается далее в обостряющейся классовой борьбе самого пролетариата в капиталистических странах, это, наконец, сказывается во все большем обострении борьбы колониальных народов против империализма. Всеобщий характер обострения этих противоречий вытекает из самой их природы—всеобщего кризиса капитализма. Эта всеобщность капиталистического кризиса особенно подчеркивается в третий период его развития. В этот третий период по самому его характеру в орбиту движения кризиса капитализма все тесней и ближе втягиваются самые отдаленные и самые «благополучные» его уголки. Основное противоречие капиталистического строя—противоречие между движением производства и чрезвычайно отстающим от этого движения развитием потребления,—именно в третий период на основе превышения довоенного уровня производства выступает на первый план как актуальное и все определяющее противоречие. Именно каждый маленький шаг вперед в области производства сопровождается бешеным минированием этого противоречия. Каждый шаг вперед в области производства означает обострение кризиса на новой основе, более тесное втягивание в него «отстающих» (и отстающих прямо в революционном смысле) участков мирового капитализма. Это развитие происходит на основе неравномерности. Именно этим определяется все растущий всеобщий характер расшатывания капиталистической стабилизации. Это сказывается и во всеобщем характере полевения рабочего класса, в остроте классовой борьбы в Германии, в растущем давлении мирового кризиса на империализм САСШ, в растущем революционном движении в Индии, в неудающейся стабилизации Китая и т. д. и т. п. Наконец, это сказывается в растущей военной опасности против СССР. Этот всеобщий характер кризиса сказывается и в империалистических отношениях. Именно, известная найденная и своеобразная «стабильность» в этих отношениях в виде

борьбы между Англией и Америкой, разделившей весь империалистический мир на два военных лагеря, подчеркивает и всеобщий характер кризиса капитализма и расшатывания его стабильности.

В основе всего этого лежит обострение основного противоречия капитализма между производством и потреблением, между хотя и слабым ростом производства и огромным отставанием в развитии и расширении рынков. Их совместное движение, но неравномерное, отставание второго от первого приводит к расширенному воспроизводству и обострению этого самого и всех других противоречий. Процесс этого обострения есть неравномерный процесс. Эта неравномерность определяется и факторами классовой борьбы и факторами об'ективными, экономическими. Индустриализация юга САСШ, колонизация Южной Америки смягчают временно и в известной мере темп роста этого противоречия. Поражение китайской революции, поражение всеобщей стачки в Англии приводят к тому же результату. Но с точки зрения тех всемирных размеров, которых достигло это противоречие в современном капитализме, указанные явления лишь небольшие «светлые» пятна на фоне кризиса капитализма, отнюдь не могущие изменить основной характер и перспективу развития, и, наоборот, после маленькой передышки они становятся отправным пунктом для огромного, развернутого обострения об'ективных и суб'ективных противоречий капитализма. Но эти обстоятельства подчеркивают неравномерность движения, неравномерность самого темпа расшатывания капиталистической стабилизации. Отсюда вытекает несколько выводов в отношении основ развития классовой борьбы пролетариата.

Во-первых, в общем и целом ускорение темпа расшатывания капиталистической стабилизации. И, во-вторых, возможность и неизбежность при этом общем ускорении темпа расшатывания известных периодов замедления. Эта возможность временного замедления, чем дальше, тем будет меньше, но она не исключена. Суб'ективный фактор, фактор классовой борьбы пролетариата, в этом развитии играет все большую роль. Об этом говорит весь опыт капиталистической рационализации, как фактора стабилизации капитализма, и сопровождающих ее параллельных острых классовых боев пролетариата. Отсюда усиление роли Коминтерна, изменение функций с.-д., ее фашизация, как и фашизация капиталистического государства.

Все развитие после VI конгресса показало ярче всего именно это ускорение темпа расшатывания капиталистической стабилизации. После Лодзи и Рура первое мая показало это нагляднейшим образом. Только филистеры и люди, ничего общего с марксизмом не имеющие, могут здесь приводить два возражения, что, во-первых, есть все же известный под'ем производства, а, во-вторых, что, хотя борьба в Руре и Лодзи, но разве можно это сравнить с китайской революцией или всеобщей стачкой.

Так именно мыслят—иногда вслух, иногда про себя—правые и примиренцы и иже с ними и около них. Что касается известного роста производства, то эти люди здесь не понимают, что решает вопрос не вообще движение и не одно данное движение, взятое изолированно, т.-е. вопрос решает темп движения. На «ефтом самом месте» правые и примиренцы спотыкаются в капиталистических странах так же, как и в СССР. А темп роста капиталистического производства сейчас прямо-таки черепаший и то непостоянный, неуверенный, сугубо непрочный. При этом и этот медленный и непрочный рост сопровождается и дается ценою бешено быстрого роста социально-экономических противоречий. Этот рост, его характер если о чем-нибудь и говорит (а он говорит), то только о все растущей гнилости и непрочности капиталистической стабилизации.

Уж совершенно антимарксистское и антиленинское второе соображение. Здесь люди не видят самого характерного в современной классовой ситуации. А тут характерны целых четыре вещи, именно подчеркивающие установку Коминтерна, указывающие на более высокие формы, более высокий тип классовой борьбы в данный период. Во-первых, классовая борьба пролетариата и угнетенных народов принимает все более самостоятельный характер, они освобождаются от реформистских иллюзий, руководство все больше переходит к нашим партиям, при этом сами выступления не теряют, а, наоборот, принимают все более массовый характер.

Мы, действительно, вступили в период сочетания массового пролетарского движения (выступлений) с его революционным, т.-е. коммунистическим по своему смыслу характером. Этим и определяется то обстоятельство, что пролетариат в своей борьбе переходит в контрнаступление. Отсюда и, во-вторых, это развертывание борьбы рабочего класса и угнетенных приобретает все большую организованность и известную равномерность, идет ее систематическое нарастание. Это имеет и суб'ективные и об'ективные корни. Об'ективные корни—в растущем расшатывании капиталистической стабилизации. Отсюда суб'ективные—втягивание все больших масс пролетариата и во все более сознательную и организованную революционную борьбу: освобождение от реформистских иллюзий и руководства, в частности и потому, что сами реформисты покидают и не могут не покинуть, оставаясь в рамках капитализма, поле борьбы за реформы, открыто переходя на сторону империалистической реакции. Поэтому сейчас менее возможны такого характера стихийные движения, как всеобщая стачка и китайская революция.

Такие движения сейчас, прежде всего, возможны и неизбежны, но уже под руководством коммунистического авангарда, т.-е. более организованные, подготовленные и с несравненно большими шансами на успех. Поэтому уже и такие грандиозные предательства и тяжелые поражения, как были в Англии и Китае, сейчас гораздо менее возможны. Вот это систематическое нарастание классовой борьбы пролетариата и угнетенных, ее организованности и массового характера есть вторая характернейшая особенность современного ее этапа, неуклонно приближающая нас к великим боям, к которым принадлежат уже и бои первого мая.

В-третьих, обострение классовой борьбы (как и вообще всех противоречий империализма) становится сейчас все более всеобщим, мировым. Неужели умникам из правых и примиренцев непонятно, что это есть предвестник мировой бури, что буржуазии и с.-д. остается все меньше поля для маневрирования, что дело идет к большим битвам, что надо усиленно готовиться и готовить массы к ним? Или эти люди совсем потеряли обоняние революционного пороха?

Отсюда и, в-четвертых, мы видим известную равномерность в распределении классовых фронтов, большую их устойчивость. Как раз характерно сейчас то, что на ряду с под'емом в Индии, неизбежным под'емом в Китае, мы видим явственно быстрый под'ем движения в сердцевине мирового капитализма: в Германии, Франции, Америке. В Европе опять пахнет большой революционной борьбой, идет дело к большим боям. Это сейчас самое характерное в мировой обстановке. После небольшой передышки рабочий класс Европы все большими массами вступает на революционный путь...

Вот этого всего правые и примиренцы понять не могут и нутром своим не могут приять. Но это все Коммунистическому Интернационалу

говорит о необычайно быстром темпе расшатывания капиталистической стабилизации и обострении классовой борьбы пролетариата и военной опасности. Первомайские бои и выступления были крупнейшим международным звеном в этой цепи событий. Они еще раз показали такое *ускорение* темпа развития, какого мы во время VI конгресса не могли даже ожидать на ближайшее время. В такой ситуации наша задача не отставать никоим образом, но и не опережать хода событий.

В обстановке такого обострения классовой борьбы, расшатывания капиталистической стабилизации совершенно понятен *быстрый темп фашизации буржуазного государства*, ограничение рамок буржуазной демократии рамками все больше лишь самой формальной и показной демократии, уничтожение вообще всякой демократии. Классовая борьба после VI конгресса в такой короткий промежуток времени показала всю быстроту этого процесса. Это сказалось и в сращении предпринимательских аппаратов с государственным аппаратом, и в тенденциях к своеобразному госкапитализму, когда политический аппарат буржуазии—государство—становится *непосредственно и прямо и открыто полицейским* аппаратом предпринимательских организаций. Тут дело не столько в том, что государство все больше становится предпринимателем, тут как раз нет особенно значительных, по сравнению с прошлым, явлений даже в области военной промышленности. Дело в том, что государство все более откровенно обнаруживает себя как *политическая* организация господствующих классов, т.-е. как организация классового угнетения, поддержания классовой эксплоатации. Это все больше сказывается в самой общей форме, именно в совокупном процессе фашизации этого государства, т.-е. как в непосредственном ограничении рамок буржуазной демократии, уничтожении всякой демократии, так и в перенесении центра тяжести функций этого государства в область непосредственно полицейскую в прямом смысле слова, в самом грубом и открытом виде. Государство все более откровенно подчиняется кучке крупнейших предпринимателей. Государство все шире и откровенней, прямо и непосредственно становится *главным орудием* в экономической борьбе предпринимателей с рабочим классом. Экономическая борьба все шире решается с помощью полицейского оружия, с помощью милитаристского аппарата. Поэтому мало-мальски крупные экономические столкновения перерастают в политическую борьбу, а *политическая борьба в свою очередь перерастает в революционные столкновения*. То на том, то на другом участке классовой борьбы, где накопляются очаги противоречий расшатывающейся стабилизации, вспыхивают эти революционные огни и огоньки, угрожая раздуться в большой революционный пожар. *Это не есть борьба за власть, ибо нет еще всеобщей революционной ситуации, и центр тяжести* лежит в новых формах *повседневной* борьбы пролетариата и завоевания компартиями большинства рабочего класса, *но возможность перерастания этих столкновений в революционную борьбу за власть не исключена*.

Задача партии состоит в том, чтобы, с одной стороны, учесть этот неизбежный новый исторически выдвинутый характер классовой борьбы пролетариата, ее *повседневную напряженность*, необычайную сложность, понять, что от этих форм убежать нельзя, наоборот, эту борьбу надо организовывать, становиться во главе ее. Надо понять, что это не случайные «стихийные» вспышки, а неизбежная, массами выдвигаемая форма высшего напряжения *повседневной* классовой борьбы пролетариата, определяемая всем характером расшатывающейся капиталистической стабилизации. Лодзь, Рур, 1 мая—эти последовательные ступени классовой борьбы—показали именно эту повседневную чрезвычайную напряженность классовой борьбы пролетариата. С другой стороны, мы должны понять, что это еще не есть революционная борьба в узком смысле слова, хотя одна и может перерасти в другую. Враг здесь пытается спровоцировать революционный авангард на забегание вперед, чтобы разгромить его. Здесь встает сложнейшая задача сочетания революционных уже форм борьбы с *решающей* на данном этапе проблемой *завоевания большинства рабочего класса*, которая кое-где, и прежде всего в Германии, придвинулась уже *вплотную*. Новизна задачи заключается в том, что пролетариат, идя на революционные столкновения с буржуазией, не ставит еще широко проблему власти. Компартия никакой хитрой тактикой увильнуть от этих форм борьбы не может. Она этим сразу же стала бы партией «левой» социал-демократии, партией правых «коммунистов». В эту точку мы должны бить особенно в виду того, что кадры наших партий в широком масштабе, впервые встают перед этой проблемой. Но партия, если бы она забежала вперед, сделала бы как раз то, что нужно врагу. Проблему завоевания большинства она подменила бы проблемой замены большинства класса его революционным авангардом и была бы неизбежно жестоко бита. Поэтому направление главной силы огня против правой опасности и примиренчества в данной обстановке особенно подчеркивается. И первомайские выступления показали значительную неподготовленность и известную непригодность части кадров партий к руководству новыми напряженными формами классовой борьбы пролетариата. Кадры кое-где не выступали организаторами этой борьбы, избегали ее и даже выступали против нее.

Важнейшим звеном фашизации буржуазного государства стала фашизация социал-демократии. И тут правые и примиренцы обанкротились вполне. Они не поняли неизбежности этой фашизации. И первомайская борьба обнаружила здесь все их теоретическое и политическое банкротство. Правые в плохом положении пытаются делать хорошую мину. В «открытом письме членам ГКП и Коминтерну» они заявляют, что «партия 1 мая изолировала себя от широких масс рабочего класса». Жалкие предатели и лгуны! Не от правых ли «масс» партия «изолировала» себя,—от правых, шедших открыто в едином фронте с социал-демократией. Нет, никакими софизмами изменников не удастся скрыть всемирно-исторический факт, что особенно в этом вопросе правые и примиренцы обанкротились первого мая, как никогда. Изоляция от масс, от революционных масс,—вот что было их уделом. Под знаменами компартии на улицы Берлина выступило двести тысяч рабочих. Последовавшие за первым мая кое-где выборы в завкомы показали, что за партией шла и все больше идет *масса рабочего класса*. В Берлине, в центре баррикадной борьбы, у лучшего отряда пролетиариата—у металлистов—на перевыборах завкома в «Бергман-Верк» список революционного крыла профсоюзов получил 2.105 голосов, а реформисты собрали всего 1.008 голосов. Это ли, господа правые, «изоляция»? Изоляция от масс, но не компартии, а правых и реформистов!

Фашизацию с.-д. первое мая показало *на новой ступени*. Первое мая—не 4 августа. 4 августа было *обманом* не осознавшего своих задач рабочего класса социал-империалистами. Этот обман рабочий класс, шедший за оппортунистами, осознал на жестоком опыте войны. 1 мая было *открытым выступлением социал-демократии против рабочего класса* как раз по такому вопросу, где проходит *ясная историческая граница*, выдвинутая 40 лет назад самим, хотя и довоенным, II Интернационалом, *между рабочим классом и буржуазией*. *Нигде* в исторической традиции международного рабочего движения эта грань между двумя классами не проходит столь ясно и резко, как в вопросе о праве рабочих на первое мая. И первого мая с.-д. именно здесь стали активно,—больше, чем сама буржуазия когда-либо,—

против рабочего класса. Роялисты больше, чем сам король,—такова была позиция с.-д. Как царизм 9 января расстреливал веру рабочих в себя, так с.-д. первого мая стреляли в рабочих. И здесь у с.-д. нет никаких других обманных ходов, кроме одного, что они стреляли... в рабочих-коммунистов...

И вопрос о коммунистической партии становится центральнейшим вопросом всей исторической борьбы рабочего класса на данном периоде развития.

Вопрос о компартии сейчас становится по-иному, по-новому. Это—не постановка 1918—1920 гг., когда по существу неорганизованные еще в партию коммунисты становились во главе революционного под'ема и не могли организовать эту борьбу. Это—не постановка 1921—1927 годов, когда партии наши подходили к массам, завоевывали их у реформистов тактикой единого фронта. Сейчас вопрос о компартии стоит как проблема нарастающей борьбы за власть, борьбы организовывающегося решающего революционного большинства рабочего класса, под нераздельным и несомненным руководством коммунистической партии. В разных странах этот вопрос стоит на разных этапах, но, несомненно, в исторической актуальности вопрос так именно стоит в общем и целом. Вопрос о компартии становится, и кое-где почти стал, в общем, как вопрос революционного большинства рабочего класса.

В этом и об'яснение первомайских действий социал-демократии и тактики Коммунистического Интернационала. Отсюда встает и ряд важнейших новых проблем.

Да, верно, что с.-д. расстрельщики стреляли в коммунистов. Но огромной исторической важности факт состоит в том, что и стрельба в коммунистов в разные этапы развития классовой борьбы, сознательности и организованности пролетариата имеет разное значение и смысл. Одно дело, когда коммунисты—кучка, другое дело, когда коммунисты—лишь авангард, не связанный еще идейно с широкими массами, и совершенно иное дело, когда за коммунистами, несмотря на все угрозы с.-д. Цергибелей, несмотря на угрозы расстрелов, выступают с готовностью на баррикадную борьбу 200.000 рабочих, об'единяемых лишь одним сознанием общности своих классовых интересов, — сознанием, которое организованно представляет лишь партия коммунистов. Это совсем иное дело. Тут «стрельба в коммунистов» неизбежно означает и становится стрельбой в массы рабочего класса, в рабочий класс, подходящий и приближающийся сейчас к своему последнему решительному бою. В этом суть. Это уже есть борьба прямо и непосредственно против организующегося, хотя не организованного еще, почти большинства, хотя еще не вполне большинства, революционного рабочего класса. Первое мая было непосредственно борьбой за улицу. Но кого? Организующегося большинства рабочего класса против соц.-демократических защитников улицы для капиталистической реакции. Какой борьбой? Борьбой в форме гражданской войны. Но борьбой за улицу никак не исчерпывается и не обнимается значение первомайских событий. Для социал-демократии за этой борьбой и в этой борьбе встает исторический вопрос пролетарской революции—утеря большинства рабочего класса, угроза, «фатально» надвинувшаяся на социал-демократию. В последнее время в связи со всем характером исторического развития нарастает кризис в реформистских массовых организациях и в том числе и в соц.-дем. партии. Растет недовольство с.-д. рабочих социал-фашистскими вождями. Этому соответствует то обстоятельство, что с.-д. партия все больше ищет свою опору в мелкобуржуазных массах мещанства, склонных к фашизму. А для буржуазии это—вопрос власти, вопрос ее классового господства. Первое мая поэтому стало вопросом о компартии. Поэтому концентрированное выражение эти оба, а по существу один вопрос, приобретают в проблеме компартии, организованного и организующего авангарда, вплотную подошедшего к завоеванию большинства рабочего класса.

И здесь первомайские события в новой, высшей форме политической борьбы подтвердили всю правильность тактической линии VI конгресса, подтвердили против правых и примиренцев. Вопрос о самостоятельном выступлении наших партий во главе классовой борьбы пролетариата получил здесь революционную проверку. Первого мая партия выступила именно в этой роли. Понятно, что эта тактика неизбежно вытекает из всех условий и характера классовой борьбы пролетариата в рамках расшатывающейся стабилизации капитализма. В настоящий период вопрос стоит так: или компартия выступает самостоятельно—и тогда она развивается как авангард большинства рабочего класса, или же она идет по пути правых и примиренцев—и тогда плетется в хвосте с.-д., изолируя себя от революционизирующегося большинства рабочего класса. Третьего не дано. Всякие разговоры о третьем есть «мелкобуржуазная ламентация» (Ленин). И компартии первого мая пошли смело—может быть, недостаточно смело—по первому, большевистскому пути. В этой мере они были во главе масс. В этой мере социал-демократия и буржуазия потерпели поражение. Первое мая было международной проверкой тактики К. И., революционным испытанием для наших партий. И репетиция в общем оказалась удачной. Борьба развернулась с «замечательной силой» (Ленин) Опыт первого мая мы еще будем изучать, но общая положительная оценка несомненна. Для социал-демократии и буржуазии первое мая было контрреволюционной репетицией, прекрасно подготовленной. И эта репетиция показала, что с.-д. вплотную стала перед проблемой нарастающей борьбы против революционного большинства рабочего класса. Необходимость самостоятельных выступлений для нашей партии сейчас должна быть ясна даже для слепых. Эта необходимость выдвинута и проверена самой борьбой. И с.-д. это видит и делает из этого все надлежащие выводы.

Первомайская борьба выдвинула ряд новых проблем, но центральнейшая проблема есть вопрос о революционном существовании нашей партии, как авангарда, завоевывающего большинство революционизирующегося рабочего класса. Уже на «второй день» после первого мая буржуазия и с.-д. поставили вопрос о постепенной делегализации коммунистической партии. Но этот вопрос нельзя сейчас разрешить так, как можно было когда-то. Конечно, Троцкому вольно разводить лакейскую философию о том, что господствующий класс «может сделать» все. Но диалектическая революционная действительность имеет законы более сильные, чем законы с.-д. и буржуазного государства. И первое мая показало это. Показали это и последующие события. Нарастающее и организованное массовое революционное движение невозможно загнать в подполье. Это показала вся история революционных движений. Запрещенный всюду союз красных фронтовиков существует, ибо это организация революционных масс. Можно загнать в подполье кучку революционного меньшинства, но загнать в подполье в обстановке нарастающей революционности масс массовую революционную организацию—как наша партия в Германии—невозможно без исключительно жестокой борьбы в исключительной обстановке, когда на карту действительно станет вопрос о власти, когда этот вопрос будет совпадать с вопросом борьбы за власть и исход его будет исходом борьбы вокруг вопроса о власти. Такая возможность мыслима как один из результатов борьбы в военной обстановке, когда тоже все поставлено на карту. Но, несомненно, и в этом втором случае его нельзя разрешить по-старому. И здесь перед нашими партиями встает сложная проблема, во-первых, борьбы

за открытое, легальное существование, во-вторых, борьбы за существование как открытой массовой революционной партии в условиях формального и фактического ограничения этой легальности или формального ее уничтожения.

Это есть проблема существования массовой революционной партии, которая встает сейчас во весь рост перед всеми нашими партиями в том числе и партиями стран фашистского террора. Противоречие состоит здесь в том, что как раз в меру массового революционного под'ема будет усиливаться давление буржуазии на легальность наших партий. Коммунизм — вот враг—это сейчас вопрос нарастающей революционной борьбы, которая перерастет в борьбу за власть. Призрак коммунизма не бродит над Европой, коммунизм становится центром растущих революционных сил рабочего класса, организатором его борьбы за власть! Компартия из партии массовой пропаганды, из партии повседневной борьбы вплотную подходит к превращению в партию революционной борьбы рабочего класса. И здесь со всей силой надо подчеркнуть и выдвинуть центральное звено во всей этой проблеме — работу на предприятии, работу ячейки, и прежде всего подчеркнуть новый характер этой работы. Ячейка должна стать организатором, революционным авангардом на предприятии.

С этой точки зрения становится и проблема кадров снизу доверху, очищение состава кадров от всех остатков правых и примиренческих элементов и настроений. Первомайские события поставили этот вопрос еще резче, чем он стоял до сих пор. Слабый отклик на призыв к забастовке после баррикадных боев указывает на то, что партийные кадры стояли не на достаточной высоте. После такой высочайшей формы борьбы, как баррикадные бои, слабая удача призыва к забастовке. Что здесь дело не в изоляции партии, показывает хотя бы тот факт, что трамвайщики, давшие на выборах в завкомы ⅔ голосов коммунистам, на демонстрацию и забастовку почти не пошли. Поэтому и улучшение всей работы партии, особенно работы на предприятиях, подготовка выступления, подготовка к реализации результатов этих выступлений «на второй день» после них есть важнейшая проблема. Партия должна показать всю силу организации не только в самом выступлении, но и в работе после выступления. Только эта вторая работа может превратить такие высшие пункты под'ема классовой борьбы пролетариата в исходный пункт для нового этапа его развертывания, этапа большей организованности, большей массовости, большего натиска.

Первомайские события, берлинская борьба как в капле воды отразили все противоречия нынешней стабилизации капитализма. В самом деле— в Берлине идет баррикадная борьба, происходит революционизирование рабочего класса, а в Париже богатейший империализм в мире—американский— накладывает на плечи Германии, ее рабочего класса 2-миллиардную ежегодную контрибуцию. Разве в этом противоречии не получает исключительно яркое подтверждение все учение Маркса—Ленина о неравномерности капиталистического развития, его смертельной анархии, не терпят крах все россказни Каутских и Гильфердингов об ультра-империализме и Лиге Наций, все толки правых об устойчивости стабилизации? Разве здесь не ясна вся правильность постановки Ленина о революционной эпохе, как разрывающей империалистический фронт с отдельных участков, концентрирующих в себе главные сгустки нарастающих противоречий? Или падающая Англия выплачивает Америке ежегодно 330 млн. руб. прямой военной «контрибуции». Или сильнейшая в мире с.-д. первая и наиболее открыто с оружием в руках выступает против рабочего класса, показывая путь, по которому завтра пойдут и другие ее собратья, если они станут у «власти». Весь этот клубок противоречий другое свое выражение получает в военной опасности. Если обострение классовой борьбы пролетариата с буржуазией есть одна сторона, то военная опасность есть другая сторона расшатывающейся стабилизации капитализма.

Первомайская борьба и в этом вопросе подчеркнула кое-что. Она показала, что нарастание классовой борьбы пролетариата все более направляет острие военной опасности против СССР и делает ее актуальней. Конечно, понятен весь обман с.-д. и буржуазии, что, якобы, СССР, ее «агенты» являются прямыми организаторами революционной борьбы пролетариата. Это наглая ложь. Это все равно, если бы вздумали Маркса посадить сейчас за решетку, как главного виновника и организатора катастрофы капитализма. За этим обманом буржуазии и с.-д. скрывается та мысль, что пример СССР, его существование и об'ективно и суб'ективно есть важнейший революционизирующий фактор мировой обстановки. Поэтому с.-д. и буржуазия в исступлении кричат, что баррикады надо начинать ликвидировать из Москвы: там их центр, корни. Германская с.-д. и буржуазия тут имеют и особые соображения: продажа одного германского пролетариата победителям — еще недостаточная плата за разрешение состязаться в империалистической политике; с.-д. и буржуазия заявляют, что они согласны были бы за хорошую плату положить на карту и судьбу СССР. Руки коротки, но зарегистрируем. Но понятно центр тяжести не в этом соображении. Основное заключается в том—и это показал пример Англии, Франции, Китая, Индии,—что обострение классовой борьбы, расшатывание капиталистической стабилизации в общем все острей ставит вопрос о военной опасности против СССР. И тут установка правых и примиренцев в связи с первомайскими событиями получила еще один (какой по счету?) жестокий удар.

Здесь в связи с этим надо подчеркнуть несколько моментов. Во-первых, вся первомайская демонстрация проходила под лозунгом борьбы против империалистической войны, за защиту СССР. Борьба показала готовность рабочего класса выступить под этим знаменем. Рабочий класс показал международную революционную солидарность. Демонстрация стала генеральной репетицией к грядущей жестокой борьбе против войны, за защиту СССР. Она показала, что для с.-д. второе 4 августа не удастся. Рабочий класс в таких формах и размерах не удастся потащить за империалистической колесницей. Буржуазия и с.-д. ясно увидели это из первомайской репетиции. Тем тщательней и суровей будет борьба.

Это надо учесть и нам в отношении предстоящего 1 августа Красного дня.

Во-вторых, во весь рост, еще шире надо поставить вопрос об интернациональности в воспитании наших партий, интернациональности дисциплины, в выступлениях. Боевой интернационализм растет в рабочем классе. Наши партии должны стать во главе этой интернациональности. Это в неменьшей мере относится и к СССР, к нашей партии—ВКП(б). До сих пор у нас на этом участке далеко не все обстоит благополучно. Надо, наконец, вывести вопрос из плоскости общей агитации и пропаганды о необходимости интернационального воспитания масс партии и трудящихся в какие-то организационные рамки, обеспечивающие выполнение этой задачи. Надо взяться за эту задачу вплотную. Судьба нашей революции все время неразрывно связана с судьбой мировой борьбы пролетариата. Сейчас эта зависимость как и в годы гражданской войны опять приближается к тому этапу, когда она выступит во всей своей непосредственности. Понимания этого еще далеко нет. И это опасно. Здесь надо много и настойчиво работать.

Первомайская борьба открывает новый этап во всей нашей международной революционной борьбе. Она целиком подтвердила все основные прогнозы Коммунистического Интернационала. Исто-

рия работает за нас. Мы включились в великий исторический революционный поток. Чем дальше, тем больше обнаруживается, что те, кто становятся в «критическую позу» по отношению к этому великому движению, отбрасываются рабочим классом к ногам буржуазии и с.-д. Мы не обманываем себя ни на счет своих сил, ни на счет сил буржуазии и реформизма. Враг еще силен, еще предстоит довольно долгая и жесточайшая борьба. Мы еще лишь на пороге решающих боев. Успех борьбы зависит от революционного завоевания большинства рабочего класса. Но все дело в том, что Коммунистический Интернационал наметил путь восхождения на революционные высоты с большинством рабочего класса, и путь оказался правильным. Он получил тройную проверку: в Руре—в борьбе прежде всего против предпринимателей; в выборах в фабзавкомы — в борьбе против с.-д.; первого мая—в борьбе против об'единенной организации и предпринимателей и с.-д. — капиталистического государства. Он получил проверку как в борьбе экономической, так и в широкой политической и революционной борьбе. Другие—правые, в иной форме примиренцы—идут «испытанным путем» с.-д., оставаясь с обманутыми еще реформизмом массами и поддерживая этот обман.

Этим первым, большевистским, революционным путем мы пойдем и дальше.

Такова директива первомайской борьбы.

Ем. Ярославский.

Как „отвечает“ Троцкий и как рабочие отвечают Троцкому.

Опубликование статей Л. Троцкого в буржуазной, реакционной фашистской и бульварной печати Европы и Америки нашло уже достойную оценку на страницах всех коммунистических органов, в рядах рабочего класса всех стран. Но и на многих сторонников Троцкого впечатление от этих статей было прямо ошеломляющее. Троцкисты совершенно растерялись в первые дни. И в настоящее время нет никакого сомнения в том, что это выступление Троцкого в новом свете показало его перед многими его сторонниками. Эти сторонники вчера еще колебались,—сегодня они рвут с оппозицией, и многие из них переходят на партийную линию. Впрочем переходят и такие сторонники Троцкого, которые вчера безоговорочно шли за этим «пролетарским революционером», за которого они искренне принимали Троцкого. Бывает так, что больному нужно какое-то резкое потрясение, чтобы разбудить деятельность тех или иных органов; бывает, что нужна резкая хирургическая операция, чтобы прорвать нарыв. Такой операцией для больных троцкизмом была высылка Троцкого. Она поставила вопрос до крайности резко об отношении к тому, что делает Троцкий. Найдут ли троцкисты в себе мужество открыто признать, что они не согласны с Троцким, или они прикроются этой высылкой, как обстоятельством, которое им-де «мешает» реагировать должным образом на антиреволюционные, антикоммунистические шаги Л. Троцкого? Появление статей Троцкого в реакционной печати поставило вопрос еще более ясно. С кем мы имеем дело? Есть ли хоть какое-нибудь оправдание в делах Троцкого его словам, что он является «большевиком-ленинцем» или это название служит прикрытием для идеологии, ничего общего не имеющей с большевизмом, с ленинизмом, как это решили XIV и XV с'езды партии?

Но, вместе с тем, надо признать, что развращающие проповеди троцкизма сделали свое дело по отношению к многим сторонникам Троцкого. Ведь Троцкий под своим знаменем сумел собрать не только и не столько некоторых бывших большевиков, но значительную часть людей, которые, нося партийный билет ВКП(б) в кармане, на самом деле ничего общего с большевизмом не имели. Эти троцкисты-«белышевики» восприняли легко развращающие проповеди Троцкого, который, начав «новый курс», в котором он повторил свои старые ошибки, закончил прямым сотрудничеством в реакционной буржуазной печати. Интересно все же остановиться на том, как реагировала на выступления Троцкого и эта часть троцкистов.

Сначала в произведениях и в речах троцкистов мы услышали отрицание самого факта выступления Троцкого в реакционной печати. Это, дескать,

«фальшивка»,—не может быть, чтобы Троцкий стал сотрудничать в буржуазной печати,—Ярославский все это выдумывает. А некоторые даже договаривались до того, что, вероятно, ГПУ устроило напечатание какой-нибудь фальшивки в буржуазной реакционной газете «Дэйли Экспресс» и в других органах буржуазии. Троцкисты нас забрасывали запросами: почему вы не напечатаете целиком статей Троцкого? Мы отвечали и отвечаем на это: советская большевистская печать—вовсе не свободная трибуна для всех контрреволюционных произведений.—Вы боитесь,—уверяли троцкисты наивно. Напечатайте статьи Троцкого, раз они контрреволюционны, и пусть все увидят, что они именно таковы: а вы приводите лишь небольшие выдержки из его статей.

Но когда же это они видели, чтобы Ленин, например, полемизируя с меньшевиками, эсэрами, кадетами, анархистами или с кем угодно, печатал целиком произведения этих партий, которые он критиковал, которые он резко бичевал? В свое время, например, и Ленин и Троцкий ответили Карлу Каутскому по поводу его ренегатских статей и книг. Кто же требовал от нас, кроме меньшевиков, чтобы мы напечатали эти статьи и книги Каутского? Меньшевики, эсэры и другие обвиняли Ленина в том же самом: дескать, Ленин боится свободы печати, Ленин недобросовестно критикует своих противников.

Стара штука! Ни одного сознательного рабочего сейчас на этом поймать нельзя.

Затем, когда скрывать или отрицать факт выступления Троцкого в буржуазной печати было уже невозможно, началась оборона этого выступления,—сначала осторожная, а затем все более и более наглая «принципиальная» защита. Перед нами несколько подпольных произведений троцкистов, в которых делается такая попытка реабилитации ренегатского шага Троцкого. В первом из них говорится о том, что Ярославский «согласен поставить свою подпись под клеветнической фальшивкой Чемберлена, одурачивающей английский пролетариат». Листовка эта подписана: «Большевики-ленинцы. Оппозиция ВКП(б)» и выпущена 29 марта 1929 г., т.-е. на другой день после появления в «Правде» статьи «Мистер Троцкий на службе у буржуазии». Следовательно, троцкисты вначале сами считали, что статья в «Дэйли Экспресс» является «фальшивкой Чемберлена, одурачивающей английский пролетариат». Здесь еще сказывается некоторый стыд, который не допускал и мысли о том, что Троцкий может сотрудничать в реакционной печати. Эти троцкисты считали тогда, что Чемберлен, видите ли, напечатал «фальшивку для одурачивания английского пролетариата», а Ярославский поверил этому и «согласен поставить свою подпись». Очень хорошо. Следовательно, троцкисты считали, что такого рода статьи могут быть напечатаны только с целью одурачивания пролетариата. Мы с ними готовы согласиться в этом. Никакого другого назначения статьи Троцкого, печатаемые буржуазной печатью, не могли иметь и не могут, кроме попытки оказать прямую услугу буржуазии. Точно так же в этой листовке отрицается возможность того, чтобы Троцкий вел какие бы то ни было переговоры с буржуазными журналистами о гонораре, чтобы он согласился принять на какие бы то ни было цели от буржуазии деньги и проч. и т. п. Все это, по мнению листовки, «вымыслы и легенды мировой буржуазной прессы». Но вот прошло несколько дней—и откуда-то эти наивные исполнители махинаций троцкистского центра получили указания. Тон сразу меняется. В следующих произведениях уже не отрицается факт сотрудничества Троцкого в буржуазной и реакционной печати. Но троцкисты пытаются вывернуться. Послушайте только, как они выворачиваются.

«Вопреки утверждениям Ярославского,—читаем мы в листовке троцкистов,—статья эта была передана не буржуазной газете, а американскому телеграфному агентству, обслуживающему все крупные газеты мира»... Прямо, что называется, убили. Как по-украински: «Не вмер Данила, болячка его задавила». Таков первый аргумент. Аргумент № 2. «И советское правительство пользуется услугами иностранных телеграфных агентств». Но ведь советское правительство, кажется, пользуется для защиты советского государства и для нападок на буржуазию, а не для нападок на советское государство и на коммунистическую партию, как это сделал Троцкий в данном случае. Неужели вы не заметили этой «маленькой разницы»? Какие наивные простаки, подумаешь! Аргумент № 3. Этот аргумент прямо сногсшибательный... Оказывается, и Ленин сотрудничал в буржуазной печати. Не верите? «По той же причине,—пишут троцкисты,—сотрудничал Ленин при выпуске энциклопедии в буржуазном издательстве Гранат». Сравнивать энциклопедический словарь Граната с боевым органом реакционной буржуазии, как «Дэйли Экспресс», или фашистский орган—«Корьере де ла Сера», или с фашистским бульварным «Журналь» могут только круглые идиоты или бесчестные мошенники, потому что Ленин писал для энциклопедического словаря статью о марксизме, научную, об'ективную марксистскую статью, которая была направлена к тому, чтобы дать в словаре правильную информацию о том, что такое марксизм. А Троцкий в боевых органах реакционной буржуазии напечатал клевету на коммунистическую партию, на Коминтерн, на Советский Союз, на ГПУ и т. п. на потребу буржуазии в боевых органах буржуазии.

Почему напечатала буржуазия статьи Троцкого? Потому, что ей было выгодно политически напечатать эти статьи, или потому, что она соблазнилась какой-нибудь материальной выгодой? Троцкисты пытаются уверить, что это дело свелось для буржуазии к тому, чтобы нажить лишних 10—20 тысяч долларов. Так троцкисты и об'ясняют: «Жажда коммерческой наживы оказалась сильнее классовой ненависти к вождю большевизма»... «История знает не один такой случай». Допустим, что буржуазные газеты нажили на этом 30—40 тысяч долларов, но ведь всякий мало-мальски грамотный человек знает, что доходы этих газет исчисляются десятками миллионов, что для них никакого значения не имеют лишние 30—40 тысяч долларов, что если они печатали эти статьи, то они печатали потому, что они были им политически нужны. Ссылка на историю по меньшей мере странная. Да, история знает, конечно, не один такой случай... ренегатства, предательства, но таких циничных об'яснений, подобного ренегатства, пожалуй, история еще не знает. Оказывается, «чистое золото» —вот стимул, заставляющий буржуазную газету давать «свободу высказывания ненавистному пролетарскому революционеру». Уж будто бы только чистое золото! Уж будто материальное положение буржуазной печати настолько печально, что буржуазия соблазнилась 30—40 тысячами долларов прибыли от статей Троцкого! Да, где же есть такие дураки на свете, которые этому поверят!! Всякий понимает, что политический интерес для буржуазии—тоже «чистое золото».

Выражаясь словами троцкистского произведения—«не понимать этого могут лишь величайшие идиоты, а лицемерно восклицать по этому поводу—такие же негодяи». (Я не беру на себя ответственности за выражения троцкистской листовки).

Наконец, стоит еще остановиться на «открытом письме» некоего Кузнецова. Этот, как и одна из листовок троцкистов, взялся доказать не больше не меньше, как то, что Маркс и Энгельс были сторонниками участия в буржуазной печати. Рекомендуем эти изыскания троцкистов вниманию Института Маркса и Энгельса. Тов. Рязанову надо иметь в виду, что троцкисты пытаются изобразить Маркса и Энгельса сотрудниками буржуазной печати, защитниками такого сотрудничества. Если одни троцкисты уверяют, что Ленин участвовал в буржуазной печати и приводят в доказательство энциклопедический словарь Граната, статью Ленина о марксизме, то гражданин Кузнецов считает, что таким участием в буржуазной печати Ленина является участие в газете «Новая Жизнь». «Новая Жизнь» в настоящее время перепечатана в издании «Прибоя». Всякий грамотный человек может в предисловии к изданию в статье «Как возникла «Новая Жизнь» прочесть о том, как составлялась первая редакция «Новой Жизни». И всякий поймет, что большевики допустили тогда, в условиях подполья, чтобы несколько небольшевиков (Минский, Чириков, Бунин), прикрывали своими именами, имея разрешение на издание газеты, большевистский орган. Ну, конечно, если мистер Троцкий надеется превратить в ближайшую неделю или дни «Дэйли Экспресс» и «Корьере де ла Сера» в орган своей партии,—тогда дело другое. Но подумайте, как должен быть политически развращен человек, чтобы договориться до таких сравнений—Троцкого и Ленина! Надо потерять всякое уважение к Ленину и к большевистской партии, чтобы допускать такие сравнения.

Стоит ли останавливаться на других произведениях отдельных троцкистов, в большинстве похожих одно на другое, как две капли воды, как-будто бы они писаны под диктовку одного и того же человека разной рукой. Среди аргументов, которые встречаются в этих произведениях, интересен только один. Это указание на то, что Ленин в свое время проехал через Германию в пломбированном вагоне, и что, дескать, у Троцкого положение сейчас примерно такое же. Однако, интереснее другое. Факт участия Троцкого в реакционной печати расценивается, как это ни странно, некоторыми сторонниками Троцкого, как доказательство того, «что в буржуазных странах существует свобода печати, которой нет в Советском государстве». Вот этот «наивный» вывод имеет, несомненно, гораздо большее значение, чем все лицемерные оправдания троцкистов. Под влиянием проповеди троцкистов кое-кто из их сторонников пришел к «логическому выводу»: если этакий страшный «пролетарский р-революционер», как Троцкий, имеет возможность печататься в реакционных органах, стало быть эти реакционеры допускают свободу печати. Так пытались доморощенные троцкистские вожди и рядовые троцкисты дать ответ за выступление Троцкого в реакционной печати. Потом договорились и до того, что Ленин тоже брал деньги у буржуазии на революционное дело. Если свести все аргументы троцкистов в одно, то получится, что ничего зазорного, неправильного нет в том, что Троцкий печатает свои статьи в реакционной печати; не буржуазия использовала Троцкого, а Троцкий буржуазию; Ленин «тоже» принимал участие в буржуазной печати, Ленин «тоже» брал деньги у буржуазии, Ленин ездил в пломбированном вагоне. Троцкий «тоже» пользуется буржуазной печатью, (по методу аналогии: «в огороде бузина, а в Киеве дядько»). Троцкий использует полученные деньги на издание троцкистской литературы.

Мы еще вернемся потом к этим аргументам. Но мы хотели бы отметить, что ни малейшей попытки у этих людей, считающих себя большевиками-ленинцами, претендующих на то, чтобы вернуться в партию и в Коминтерн (о, конечно, «через реформу»)—ответить: как же относятся они к решениям партии на этот счет, запрещающим такое сотрудничество? Эти решения не существуют для троцкистов, они не обязательны для них. Мы хотели бы этим людям напомнить то, что совсем недавно, еще на IV конгрессе Коминтерна (правда, это было при жизни Ленина, когда Троцкий еще не стал ренегатом) Троцкий громил оппортунистов Фабра и Бризона из французской коммунистической партии за их сотрудничество в буржуазно-демократических органах масонов, выступая в защиту резолюции Исполкома Коминтерна о контроле над печатью: «Надо раз навсегда покончить с представлением о печати, как о поприще для упражнения талантов журналистов. Очень хорошо, когда тот или иной журналист обладает талантом, но печать есть не что иное, как орудие борьбы»... «Возьмите эти резолюции,—какая из них угрожала партии? Может быть, и резолюция о контроле над печатью, принятая по поводу Фабра и Бризона, которые прикрывались авторитетом членов партии для того, чтобы обделывать чисто материальные дела, компрометирующие партию. Разве не пора было прекратить эту манеру сотрудничать в буржуазных газетах, отравляющих народные массы?..» [1]).

Не писал ли Троцкий в 1920 году в своей книге «Терроризм и коммунизм»: «Печать есть орудие не отвлеченного общества, а двух непримиримых, вооруженных и враждующих лагерей. Мы разрушаем печать контрреволюции так же, как мы разрушаем и укрепленные позиции и склады ее коммуникации, ее разведок. Мы лишаем себя кадетско-меньшевистского обличения коррупции рабочего класса, зато мы победоносно разрушаем основы капиталистической коррупции».—Как выглядит эта «капиталистическая коррупция» теперь, когда Троцкий является сотрудником этой печати, сам поддался этой коррупции? Как выглядит эта контрреволюционная печать, когда на ее страницах красуются статьи Троцкого, который передает свои статьи в эти органы печати буржуазии? Что общего имеет сотрудничество Троцкого в «Дэйли Экспресс», «Корьере де ла Сера», «Чикаго Трибун» и проч. с разрушением печати контрреволюции? Мы еще надеемся на то, что не все троцкисты потеряли воспоминание о своем родстве с большевистской партией и с Коминтерном не так, как те, кто вместе с Троцким без зазрения совести оправдывает такое сотрудничество.

Троцкий долго не отвечал по поводу тех вопросов, какие поставила ему рабочая общественность. Сын Троцкого, как мы на это указывали, в беседе с сотрудниками буржуазной печати говорил, что Л. Троцкий не думает извлекать личные выгоды из гонорара за статьи, что он использует этот гонорар на издание троцкистской литературы. 10/IV—29 г. в «Фольксвилле» Троцкий, наконец, ответил. Оказывается, дело обстоит так: «Я обратился к буржуазной прессе для того, чтобы защитить интересы Советской республики»... Странная защита, необычайно странная! В трех статьях вчерашний народный комиссар, высланный из пределов советского государства за антисоветскую деятельность, выступает на страницах реакционных органов печати, в которых клеймит нынешнее руководство ЦК коммунистической партии, в которых изображает в самых мрачных красках существующий в СССР режим, издевается над ГПУ, изображает строй СССР, как термидорианский, доказывает, что нынешнее руководство партии означает «неустойчивое и переходное положение страны» и т. п. И все это называется на языке Троцкого «защитой интересов Советской республики». Нельзя ли подальше с такой защитой?!—скажет всякий рабочий, всякий трудящийся крестьянин.

---

[1]) IV Всемирный конгресс Коминтерна. Стр. 334—349.

Как же об'яснил Троцкий это свое обращение, именно к буржуазной печати? Повидимому, к этому времени Троцкий узнал уже, как его сторонники об'ясняют это его участие. Он не захотел ставить своих сторонников в трудное положение. Он взял почти целиком их аргументы. Слушайте: «Весной 1917 года Ленин был заключен в Швейцарию, как в клетку, воспользовался пломбированным вагоном Гогенцоллернов, чтобы добраться до русских рабочих»... «Запертый термидорианцами в клетку Константинополя, я использовал пломбированный вагон буржуазной прессы, чтобы сказать всему миру правду». Итак, Ленин ехал в пломбированном вагоне Гегенцоллернов в Россию весной 1917 года, Троцкий ездит в пломбированном вагоне буржуазной прессы. Ведь до какой низости падения надо дойти, чтобы додуматься до такого сравнения! Ленин в 1917 г. прорвался из плена к русским рабочим, матросам, солдатам и крестьянам. Он вернулся в страну революции для того, чтобы руководить величайшей в мире, революционнейшей в мире большевистской партией, созданной им. Он приехал для революционной работы. Он сделал это с ведома и согласия партии для того, чтобы подготовить и победоносно провести величайшую в мире революцию. Только прикоснувшись к мостовой революционного Петрограда, он обратился через «Правду» к партии, к рабочим, солдатам, матросам и крестьянам со своими «апрельскими тезисами». В этих тезисах был динамит, взорвавший временное правительство Керенского, сплотивший на революционнейших лозунгах большевистскую партию. Произведения Ленина насыщены глубочайшим революционным пафосом, они организуют общественное мнение пролетариата для борьбы против буржуазии.

А Троцкий? Из страны пролетарской диктатуры, из единственного в мире социалистического отечества, Троцкий был изгнан за то, что он боролся против этого пролетарского государства, за то, что он наносил ему подлые предательские удары, за то, что он стал строить другую партию против ВКП(б). И, очутившись в буржуазных странах, Троцкий обратился за помощью к классовым врагам пролетариата, воспользовался их услугами и со страниц буржуазной печати выпустил свои гнуснейшие, полные инсинуации статьи против ВКП(б), против Страны Советов. Эти статьи насыщены ренегатством. Они организуют общественное мнение буржуазии против компартии и против советов. Имеют ли они хоть что-нибудь общее со статьями Ленина? На что они направлены? Против кого они направлены? Против единственного в мире советского государства. Против революционнейшей коммунистической партии, какая есть в мире. Если «тезисы» Ленина были наполнены динамитом, взорвавшим временное правительство, то статьи Троцкого начинены ядовитыми, вонючими газами, отравляющими атмосферу ложью и клеветой. Троцкий любит себя сравнивать с Лениным. Но что общего между Лениным и сегодняшним Троцким? — Ничего!

Теперь о деньгах. Послушаем Троцкого. «Мои статьи,—пишет Троцкий,—я передал американскому агентству печати в Париже... Агентство рассчитывало на хороший заработок, оно предложило мне половину дохода. Я ответил, что я лично не возьму ни гроша за это, но что агентство должно обязаться половину дохода от моих статей передать по моему назначению и на эти деньги будет издан целый ряд произведений Ленина (его речи, статьи и письма) на русском языке и других иностранных языках»... «Равным образом я на эти деньги издам целый ряд важнейших партийных документов (протоколы конференций, парт-с'ездов, письма, статьи и т д.)». Итак, оказывается, Троцкий обогатил буржуазное агентство печати — не больше не меньше. И так как это было очень выгодно и соблазнительно в денежном отношении для агентства, то оно предложило ему половину дохода. Мы никогда не утверждали, что Троцкий на эти деньги шьет себе брюки или пьет шампанское. А когда сын Троцкого об'яснил, что на эти деньги будет издаваться троцкистская литература, мы указали на то, что русские и иностранные рабочие коммунисты по достоинству оценят этот источник и не станут пить из него. У нас в СССР существует Институт Ленина. Если Троцкий утверждает, что «институт Троцкого» будет иметь больше доверия, чем фабрики фальшивок г-на Дружеловского или Орлова в глазах западно-европейских и русских рабочих, то он очень ошибается. Буржуазия будет покупать произведения «института Троцкого»,—в этом можно не сомневаться. Но кто поверит, что «протоколы конференций, партс'ездов, письма, статьи» и т. д. компартии, нужно печатать за границей? Если это верно, тогда Троцкий ведь говорит этим самым всему миру, всем западно-европейским рабочим: «в советском государстве нельзя печатать даже протоколов партс'ездов и конференций. Я, Троцкий, принужден брать деньги у буржуазии и печатать все это, пользуясь буржуазной свободой печати». Это тоже, может быть, называется на языке троцкистов «защитой советского государства»? А мы уверены, что сознательные революционеры-рабочие, рабочие-коммунисты с негодованием отвергнут эту новую троцкистскую клевету.

Свой ответ Троцкий помещает в газете масловцев в «Фольксвилле». Почему же он не помещает этот ответ в «Дэйли Экспресс», если верно, что «Дэйли Экспресс» есть не что иное, как «пломбированный вагон» для того, чтобы из этого вагона говорить рабочим? Тогда почему же Троцкий ответ свой помещает в органе бывших коммунистов? Да потому, что Троцкий обзавелся уже двойной бухгалтерией. В «Дэйли Экспресс»—все, что выгодно и интересно для буржуазии—в «коммунистической» и даже лево-коммунистической «Фольксвилле» Троцкий помещает свои статьи для обмана рабочих [1]). Ведь рабочие не читают «Дэйли Экспресс», — читает его буржуазия. Правда, «русские» рабочие не читают и «Фольксвилла», да его мало или совсем не читают и германские рабочие, так как это орган взбесившейся «мелкой буржуазии», как называл таких господ Ленин Нам, однако, давно знакома эта нестерпимая двойная бухгалтерия Троцкого по его прошлому, в особенности по периоду августовского блока. Когда Ленин организовал популярный орган «Правду», получивши на это средства частью от германской с.-д. партии (в выдаче этих денег участвовала Клара Цеткин), Троцкий обвинял Ленина в том, что он пользуется «темными деньгами». «На темные деньги, перехваченные у Каутского и Цеткиной, Ленин поставил орган, захватил для него фирму популярной газеты и поставил «единство» и неофициальность ее знаменем, привлекая читателей из рабочих»,—писал Троцкий Н. Чхеидзе. Об этих «темных деньгах», которыми будто бы пользовался Ленин, Троцкий говорил и писал не однажды. Он всюду ездил, всюду выступал, чтобы добиться того, чтобы большевикам не давали денег на издание литературы. Ленин называл тогда Троцкого «Балалайкиным» и указывал на эту двойную бухгалтерию Троцкого [2]). «Люди, подобные Троцкому,—писал Ленин,—с его надутыми фразами о Р. С.-Д. Р. П. и с его раболепием перед ликвидаторами, ничего не имеют общего с Р. С.-Д. Р. партией, являются ныне болезнью времени»... «Красивыми фразами прикрываются действительные ликвидаторы, и делаются всяческие по-

[1]) Впрочем: «наш пострел везде поспел». Троцкий умеет праздновать и на Фому и на Ерему. Свои статьи он теперь одновременно помещает в буржуазной «Нейе Фрейе Прессе», обывательском «John of London», «левом» масловском «Фольксвилле» и правом «Контр-ле Куран», издаваемом группой Паза и К°.

[2]) Собр. сочин., т. XI, ч. 2, стр. 446—448.

пытки мешать работе антиликвидаторов (т.-е. большевиков)... Троцкий и подобные ему троцкисты и соглашатели вреднее всякого ликвидатора, ибо убежденные ликвидаторы прямо излагают свои взгляды, и рабочий легко разоблачает их ошибочность, а господа Троцкие обманывают рабочих, прикрывают зло, делают невозможным разоблачение его и излечение от него. Всякий, кто поддерживает группу Троцкого, поддерживает политику лжи и обмана рабочих, политику прикрывания ликвидаторства». Трудно прибавить в настоящее время что-нибудь к этим строкам Ленина. С тех пор, как написаны эти строки, Троцкий проделал такую эволюцию, которую он не проделывал даже за прошлые годы. Правда, он и раньше сотрудничал в буржуазной печати, но до такой низости, до какой он дошел в 1929 году, он еще не доходил. Жалкая попытка Троцкого доказать теперь, что буржуазия была материально заинтересована в том, чтобы поместить его статьи и потому их напечатала. Буржуазия использовала Троцкого, как использовала в этот период пролетарской диктатуры больших и маленьких Бадьянов, Бажановых и т. п.; но то ведь были козявки. У нового ренегата более громкое имя, можно щедрее заплатить. А по Троцкому выходит, что он заплатил буржуазии, поделился с этими миллионерами и миллиардерами половиной дохода со статей и «использовал» таким образом буржуазию. Странное «использование»!!!

* * *

Мы спрашивали, когда появились статьи Троцкого,—что же ответят на это троцкисты? Мы ждали, что те самые люди, которые находили горячие слова для протеста против высылки Троцкого, найдут не менее горячие слова для протеста против выступления Троцкого в реакционной печати. Мы почти напрасно ждали. Мы должны признаться, что мы были лучшего мнения о троцкистах. После долгих колебаний, шатаний, некоторые троцкисты (Радек, Смилга) выступили с заявлением, в котором странно «отмежевываются» от Троцкого по поводу того, что в «мировой буржуазной печати появился ряд статей тов. Троцкого, посвященных его высылке и положению в СССР и в партии».

Начинается это заявление с ругани по моему адресу—без этого не может обойтись почти ни один фракционный документ. Ярославский «развертывает неслыханную травлю», «он пытается изобразить Троцкого человеком, продающим свою политическую совесть мировой буржуазии». Авторы заявления считают, что «это клевета не только на тов. Троцкого, но и на ВКП(б). Что стоила бы партия, которая в продолжение стольких лет ставила на свои передовые посты способного продавать свои убеждения классовому врагу». Никаких доказательств, что мы неверно изложили обстоятельства дела, Смилга и Радек не приводят, они замазывают контрреволюционный смысл выступлений Троцкого, в этом главная роль их выступления. Они потеряли настоящее мужество революционера, которое должно было подсказать им иные слова по отношению к безобразнейшему выступлению Троцкого. Но они стали косноязычны, как только потребовалось отбросить дипломатические ходы и политиканство: как же они это сделают, ведь они тогда перестанут играть хотя бы и маленькую роль в лагере троцкистов. Напрасно боятся они за репутацию партии—партия не виновата, если из ее рядов выходят ренегаты. Вот те, кто прикрывает ренегатов, делают очень плохую услугу партии.

Однако, даже эти вожди троцкистов заявляют: «мы не имеем никакого права скрывать перед товарищами, что считаем политической ошибкой помещение тов. Троцким статей, посвященных внутрипартийному положению в буржуазной печати». Радек и Смилга ссылаются на то, что большевики

вместе со всем левым крылом во II Интернационале «решительно отвергали сотрудничество в буржуазной печати». Радек и Смилга понимают что «возникновение Советской России изменило положение в том смысле, что представители совласти многократно были принуждены пользоваться буржуазной печатью для раз'яснения политики советского правительства. Это делалось всякий раз на основе решений парторганов и под их контролем». Радек и Смилга даже допускают для оппозиционеров право на обращение к буржуазной печати для «изложения позитивного положения нашей революционной точки зрения» и «для спасения товарищей». «Но мы отрицаем,—заявляют Радек и Смилга,—возможность печатания в буржуазной печати статей против большинства партии, в которую хотим вернуться». Авторы заявления выражают уверенность в том, что «Троцкий поймет ошибочность своего поступка и прекратит всякую связь с буржуазной печатью». Они заявляют, что «содержание статей т. Троцкого... не может считаться изложением взглядов оппозиции».

Все эти оговорочки, которыми обставлено заявление троцкистов, недовольных выступлением Троцкого, компрометированных этим выступлением, характерны для оппортунистов. Настоящие «герои оговорок», как называл таких людей Ленин!

Мы должны решительно заявить, что в данном случае дело идет не о некоторых «ошибках», совершаемых людьми, которые хотят вернуться в коммунистическую партию и не хотят, не умеют признать, что наделали глупостей, ошибок и преступлений по отношению к партии. Более чем странно то, что они не хотят признать, что самый факт такого обращения к сотрудничеству с буржуазией, свидетельствует о полном идейном банкротстве, о полном идейном перерождении. Это им очень трудно сделать. Не так поступают рабочие. Мы имеем в настоящее время целый ряд заявлений рабочих о разрыве с троцкистами. Выступление Троцкого в реакционной печати их подтолкнуло к этому. В Харькове, например, рабочие Ильинский и Знахаренко, примкнувшие с конца 1927 г. к троцкистской оппозиции, ведшие нелегальную работу в организации троцкистов, в процессе работы, в процессе нелегальной деятельности «убедились в том, что эта деятельность так же, как и деятельность всей троцкистской организации по существу является антисоветской и что троцкистская организация превратилась в нелегальную партию со своими организационными центрами и дисциплиной, которая ведет борьбу с советской властью... Мы тщательно продумали наш путь с контрреволюционной троцкистской группой и порываем всякую идейную и организационную связь с нею, призывая тех рабочих, которые принимали вместе с нами участие в подпольной работе, последовать нашему примеру»[1]). В том же номере О. Симанович заявляет о том, что порывает «все связи идеологические и организационные с группой троцкистской оппозиции, по существу своему глубоко контрреволюционной, и призывает всех тех, кому дороги интересы мирового пролетариата и завоевания Октября, отряхнуть со своих ног эту грязь, которая налипла в виде всяких групп и группировок». Из Тифлиса бывший член партии с 1911 г. М. Жаков порывает с троцкистской оппозицией. Грамитон Сванидзе, бывший партиец с 1917 г., заявляет, что «оппозиция против руководства ВКП(б) превратилась в борьбу против ВКП(б) и советской власти и приняла об'ективно контрреволюционный характер»[2]). Рабочий Абрамов с Богородско-Ленинской фабрики, исключенный за участие в троцкистской организации, «порвал с оппозицией, откровенно признав подпольно-фракционную работу вредной ошибкой, а все последующие события, в частности постепенное скатывание самого Л. Троц-

[1]) «Харьковский Пролетарий», 17 марта 1929 г.
[2]) «Заря Востока», 30 марта 1929 г.

кого в социал-демократическую предательскую яму, подтверждают еще раз, что выбранный мною путь оказался неправильным» [1]). Бывший рабочий из Лакокраски (Ярославль) сказал: «С последней работой Троцкого за границей, которая дает козырь в руки всем соглашательским партиям и даже буржуазии, я, как рабочий, с этим примириться не мог, и я отхожу от оппозиции навсегда» [2]). Бывшие члены партии Ильин, Лакаев, Булаев, Катков, Мининов и Певзнер (рабочие трампарка в Саратове) подали заявление в краевую контрольную комиссию об отходе от троцкизма, в котором клеймят поступки Троцкого [3]). Они пишут: «Порывая организационно и идеологически с троцкизмом, мы клеймим позором предательство Троцкого». В Тифлисе подали заявление об отходе от оппозиции Каталия Баги, Эджидия Боград, Пачуашвили, Сохеишвили, Мавабеишвили, Гасвиани, Гасвиани Кассия, Учаниишвили Илья, Начеушвили Ивниан [4]). В Днепропетровске Г. Власов, С. Гапонов, Михель, Г. Могилевич заявляют о своем разрыве с троцкистами [5]). Бывший член троцкистского центра на Днепропетровске Готлиб (бывший член ВКП(б) с 1917 г.) заявил о тех директивах, которые он получил от троцкистов в последнее время — срывать колдоговорную кампанию, срывать подписку на заем индустриализации, расправляться с теми, кто отходит от оппозиции, следить за ГПУ, дискредитировать всячески коммунистов [6]). В Полтаве 11 полтавских рабочих подали заявление в партийную организацию о разрыве с оппозицией под влиянием того, что убедились в контрреволюционной сущности троцкизма. Ушли из троцкистской организации почти все до одного рабочего полтавской организации. Всего было в троцкистской организации 4% р а б о ч и х. Это, между прочим, бросает свет на рассуждения троцкистов о составе н а ш е й п а р т и и, в которой 62% рабочих. Рабочие, даже примкнувшие к троцкистам, долго в этой организации не остаются, они возвращаются снова в партию, убеждаясь, что ВКП(б) есть единственная партия, выражающая интересы передовых рабочих, интересы рабочего класса в целом. Целый ряд других заявлений поступил за последние дни в ЦКК ВКП(б). Бывший оппозиционер Белинский (бывший член партии с мая 17 г.) пишет: «Мне, рабочему-коммунисту, получившему воспитание в рядах коммунистической партии, в дальнейшем с троцкистской политикой и его единомышленниками итти не по пути. На основании этого порываю всякую связь с действиями и установкой оппозиции, которая скатилась к организации второй партии антиленинской, ничего общего с большевизмом не имеющей». Блувберг, рабочий, исключенный за участие в подпольной организации троцкистов, пишет: «Окончательно и бесповоротно порывая с оппозицией, я прошу о восстановлении меня в рядах ВКП(б)». Его также толкнуло на это, как и многих троцкистов, письмо Троцкого от 21 октября 1928 г., о котором мы писали в статье в «Правде» («Докатились») и в «Большевике». Бывший член ВКП(б) Коржачкин, рабочий завода № 22, рабочий Рийс. И здесь опять-таки большую роль сыграло выступление Троцкого в реакционной печати. Бывший член партии с 1919 г., бывший троцкист М. Кабанов: «Резко отмежевываюсь от документа Л. Троцкого от 21 октября 1928 г., а также и осуждаю его сотрудничество в буржуазной печати, к а к я в н о н а п р а в л е н н о е п р о т и в С С С Р и п р о т и в п а р т и и ВКП(б). Бывший член партии Горчаков, бывший оппозиционер В. Кудрявцев, бывший участник троцкистской организации С. Баранов, бывший член ВКП(б) с 1913 г.,

[1]) «Голос Рабочего», 4 апреля 1929 г.
[2]) «Северный Рабочий», 4 апреля 1929 г.
[3]) «Поволжская Правда», 7 апреля 1929 г.
[4]) «Известия ЦИК», 12 апреля 1929 г.
[5]) «Звезда», 16 марта 1929 г.
[6]) «Красный Север», 16 марта 1929 г.

бывший сапроновец Э. Дунэ, бывший сапроновец Слидовкер, бывший член оппозиции М. Богданов, М. Жданов, Н. Емельянов, М. Бейзеров, А. Величкин (рабочий), П. Грингауз (харьковский рабочий), А. Швенковский, В. Лукин, Р. Васильева, А. Волин,—все они заявляют о полном разрыве с группой троцкистов и сапроновцев и просят возвратить их в партию.

В самые последние дни в ЦКК (и в президиум XVI партконференции) поступило заявление 38 бывших троцкистов и сапроновцев: Ищенко, Белбея, Браво Патриарка, Сорокина, Феликса Вольфа и др. К этому заявлению присоединилось в последние дни около двух десятков подписей. Ведь это тоже—ответ на выступление Троцкого.

Нет никакого сомнения в том,—да и сами они об этом пишут,—что на их решения оказало значительное влияние выступление Троцкого. Троцкий п о м о г им отойти от оппозиции, встать на партийный путь. Они увидели, как далеко зашел Троцкий. Они не хотят итти в лагерь буржуазии, не хотят быть использованными так, как дает себя использовать Троцкий. И мы убеждены в том, что это движение последних недель будет нарастать неудержимо. Троцкистская организация потеряет всех тех, кто ушел от партии, сбитый с толку демагогическими речами, кто не понял в свое время, насколько правилен путь партии и насколько партия имеет силы преодолеть всякие колебания и шатания в своих рядах, всякие отклонения от ленинской линии, кто не понял пути социалистического строительства, намеченного с'ездами партий.

Эти отходы, эти протесты не случайны, как не случайны и выступления Троцкого. Выступления Троцкого вовсе не «кон'юнктурный» выпад. Логика вещей толкала его на этот шаг, логика вещей толкала его на такое обострение отношений с партией, что он очутился вне партии. Логика борьбы толкала его на то, что он должен был бороться с советской властью и очутился в Алма-Ата. Логика борьбы привела его теперь к тому, что он продает интервью буржуазным реакционным органам. Логика борьбы привела его к сотрудничеству с «Дэйли Экспресс», с «Корьере де ла Сера». И эта же логика борьбы поведет его дальше по этому пути. То обстоятельство, что он очутился за границей, ускорило этот процесс, самовыявления, самоопределения. Недавно сторонниками Троцкого в Голландии было устроено собрание. На этом собрании присутствовали представители буржуазной печати. Они рассказывают о том, как докладчик вызвал «возгласы возмущения у молодых людей, которые были на этом собрании». Они передают содержание этого доклада: точь в точь корреспонденция «Социалистического Вестника» от собственного корреспондента из Риги. В заключение орган буржуазии спрашивает читателей: «Может быть, вы думаете, что это происходило на собрании фашистов? О, нет, это было собрание сторонников Л. Троцкого». Что же делать, если грани стираются, если трудно становится различить, говорит ли это о советском государстве фашист или говорит... Троцкий. Логика борьбы к этому ведет. После этого, казалось, и Троцкому должно быть ясно, что его упражнения не встречают единодушного одобрения даже у его сторонников-троцкистов.

Хотя Троцкий уверяет простаков, что статьи его в печати буржуазной печатаются в таком виде как это хочет он, Троцкий, однако, «Нейе Фрейе Прессе» печатает статью Троцкого с аншлагом: «Против большевистского правительства»...

Может быть, это тоже—с согласия Троцкого? Буржуазия знает, что делает: ее аншлаг и с т о л к о в ы в а е т, р е к о м е н д у е т статью так, как это нужно ей, буржуазии. Она знает, под каким соусом подать статью Троцкого. Она не обманывает, что статьи эти об'ективно «против большевистского правительства».

Троцкий выступил со статьей в «Нейе Фрейе Прессе». Эта статья называется «Куда ведет советская революция. Великий вопрос для России и мира». И вот в этой статье мы встречаем этакие рассуждения. Оказывается, нынешний период существования советского государства «характеризуется неоспоримо ослаблением непосредственного участия масс. Река вернулась в свое русло. Над массами опять возвышается централизованная машина директории! Советское государство и армия становятся бюрократическими». Вероятно, Л. Троцкий кого-то уговаривает, что это тоже есть «защита советской республики». Невиданный энтузиазм масс развертывается на наших глазах в деле социалистической перестройки нашей страны. В социалистическом соревновании участвуют и рабочие и крестьяне. Никогда не было таких оживленных выборов в советы. Никогда не было такого активного участия масс в деятельности советов. Все новые и новые формы самодеятельности масс развертываются в советском государстве, а Троцкий уверяет, что «сейчас имеем неоспоримое ослабление непосредственного участия масс».

Огромные сдвиги происходят в стране. Вырастает удельный вес рабочего класса в социалистической перестройке. Для всех ясно, что мы вступили в полосу реконструктивного периода, подводящего новую экономику и технику под все советское хозяйство, а для Троцкого (и кое в чем ему вторят правые) «река вернулась в свое русло». Если верно, что «советское государство и армия становятся бюрократическими», какой дурак станет защищать такое государство?! А Троцкий уверяет, что выступает в буржуазной печати «для защиты советской республики».

Что он говорит о нашей партии? Оказывается, «с 1923 года партия стала расплываться в бесформенную массу, которая была призвана играть роль мягкого теста в руках аппаратчиков».

Зелен виноград—вот в чем дело. Троцкий и его друзья не раз разбивали себе головы именно потому, что партия—не бесформенная масса, что она умеет понять и раскусить всякие хитроумные лозунги и платформы троцкистов и иных меньшевиков. С каким удовольствием троцкисты использовали бы эту партию, если бы она действительно была мягким тестом. Но в том-то и дело, что об эту стальную стену расшибали головы троцкисты. Что остается им теперь, как не дискредитировать эту партию в глазах рабочего класса СССР и других стран, рассказывать всякие сказки на страницах буржуазной прессы о том, что партия расплылась в бесформенную массу и проч., и т. п.? В этой же статье, как это ни странно, Троцкий пытается уверить «общественное мнение Западной Европы (буржуазное общественное мнение), что «служащие, которые возвысились над массами, в своем большинстве безусловно консервативны. Они склоняются к мнению, что делается все, что необходимо для человеческого счастья, и тот, кто это оспаривает, является в их глазах врагом. Эти элементы питают органическую ненависть к оппозиции»... Странная информация! Кто же не знает, что подавляющее большинство троцкистов, это—служащие, а не рабочие. Кто не знает, что среди троцкистов очень большой слой самой настоящей бюрократии. Да и сами вожди-троцкисты, кто они? Бывшие наркомы, полпреды, бывшие директора трестов и синдикатов, журналисты, студенты, советские служащие. Почему же, если, в самом деле, «служащие питают органическую ненависть к оппозиции»,—почему они пошли за троцкистами? Да потому, что троцкисты и выражали недовольство служилого слоя, который тяготился слишком для него нестерпимой дисциплиной.

Когда мы писали первые две статьи о выступлениях Троцкого в реакционной печати, мы думали, что этим дело все-таки и ограничится, что Троцкий создаст себе какой-нибудь журнальчик (наверное создаст!) и будет поливать помоями советское государство, коммунистическую партию и Коминтерн из своей «собственной» газеты. Мы не думали, что сотрудничество Троцкого в буржуазной печати станет перманентным. А так как Троцкий теперь придумал и теорию, «оправдывающую» это участие, то, повидимому, это только «первые шаги». Ну, что же. Пусть Троцкий и троцкисты воображают, что они «едут в пломбированном вагоне», что «Дэйли Экспресс», «Корьере де ла Сера» и «Нейе Фрейе Прессе»—это пломбированный вагон. Пусть едут, где-то они остановятся. Во всяком случае поезд, который называется «Дэйли Экспресс», относит их все дальше и дальше от пролетариата, все дальше и дальше от Советского Союза.

P. S. Статья эта запоздала к № 8 «Большевика», для которого она была предназначена. После ее написания мы имели: отход 38 троцкистов (заявление в «Правде» от 28/IV — 29 г. за № 98); заявление еще нескольких десятков троцкистов об отходе. А главное — ответ, который дал Троцкому в день Первого мая организованный пролетариат. Да, в известном смысле, портрет Троцкого царил на первомайской демонстрации. В карикатурные плакаты и маски, которые смастерили к 1 мая рабочие организации, они вложили всю свою классовую ненависть к ренегату, всю свою боль за то, что их прежнее доверие к Троцкому сам Троцкий так оплевал.

Когда Ленин вернулся в 1917 г. в Россию, его встретила ненавистью буржуазия, восторженной любовью—пролетариат.

Троцкого приютила на страницах своей печати буржуазия.

А о восторгах пролетариата что-то не слышно ниоткуда.

Е. Я.

Л. Шанин.

К сельскохозяйственной пятилетке[1]).

(Вопросы коллективизации).

Общие вложения в народное хозяйство на пятилетие намечались по отправному варианту в 64,6 мрд. руб. Из них вложения в сельское хозяйство (без построек) должны были составить 23,2 мрд. руб., т. е. около 36%. Этим определяется одна из основных черт пятилетнего плана.

В сельское хозяйство намечалось вложить примерно в два раза больше, чем в промышленность. Вес наших вложений в сельское хозяйство огромен. Это заставляет в величайшим вниманием отнестись к вопросу о рационализации конкретного использования этих средств. Получают ли эти десятки миллиардов рублей максимально эффективное использование, не абстрактно возможное, а конкретно для нас возможное использование?

Чистая продукция на рубль вложений составит в сельском хозяйстве 3,17 руб. В промышленности она составляет 4,57 руб. Чем вызвано это неблагоприятное соотношение в сельском хозяйстве между вложениями и создаваемой этими вложениями чистой продукцией? Неизбежно ли оно связано с самим характером сельского хозяйства или же оно определяется намеченным направлением использования этих средств? Можем ли мы изменить направление использования этих средств, а с изменением последнего достигнуть более высокой эффективности? Эти вопросы являются центральными для всей с.-х. пятилетки, а в связи с этим и для народнохозяйственного плана в целом.

Из общих (без построек) вложений в сельское хозяйство в 23,2 мрд. руб. организованные вложения (в той или другой мере регулируемые органами обобществленного сектора) составят около 8—10 мрд. руб., т.-е. несколько больше одной трети. Остальные две трети остаются вне регулируемого оборота ресурсов. Было бы крайне важно проанализировать, действительно ли это соотношение является предельным. И далее: насколько рационально используется каждое из этих слагаемых: регулируемая треть ресурсов, с одной стороны, и нерегулируемые две трети—с другой? Действительно ли невозможно повысить рациональность и эффективность использования той и другой части? А если можно, то как к этой задаче приступиться, как организовать ее решение? Проблема эта по-настоящему еще не поставлена.

Если взять новые, предусматриваемые пятилеткой вложения (без перераспределения возвращаемых средств, ранее нами вложенных), составляющие по отправному варианту неполных 3 мрд. руб., то обобществленный сектор получает из них 60%, а индивидуальный сектор 40%. Если взять все сред-

[1]) В порядке обсуждения. См. примечание редакции на стр. 55.

ства бюджета и кредита (вместе с возвратом), что составит несколько больше 5 мрд. руб., то из них в обобществленный сектор идут 48%, а в индивидуальный — 52%. Если взять всю регулируемую часть вложений, составляющую по отправному варианту свыше 8 мрд. руб., то на обобществленный сектор и мероприятия, на него направленные, идут 42%, а на индивидуальный сектор (и государственные мероприятия в отношении его) идут 58%. Правильно ли это соотношение? Чем и как оно обосновывается?

В нынешней стадии работы над с.-х. пятилеткой, несмотря на большие достижения, в особенности же в госплановской работе, все же нет еще самого элементарного, нет сравнительного анализа того, какие капиталы будут вложены в колхозы, в МТС (машино-тракторные станции), в совхозы, в простейшие кооперативные об'единения, в индивидуальные крестьянские хозяйства, и какого рода эффект в смысле валовой, чистой и товарной продукции, себестоимости и скорости оборота дает каждый рубль вложений в каждой из этих форм. А между тем в недрах наших учреждений, несомненно, накопился немалый материал о капиталоемкости разных типов сельскохозяйственных предприятий и эффективности вложений в них. Вероятно даже, что по разным поводам были проделаны более или менее полные сопоставления этих данных.

Недавно, например, в «С.-х. газете» были опубликованы данные Наркомзема РСФСР об эффективности вложений в крупные хозяйства совхозных и колхозных об'единений. Согласно этим данным в настоящее время более всего капитала вложено в совхозы Госсельсиндиката — 52,9 млн. руб. Затем идут колхозы и производственные товарищества — 50,3 млн. руб., «Овцевод» — 38,1 млн. и Сахаротрест — 33,1 млн. руб. К концу пятилетия картина сильно меняется. На первое место выдвигается Зернотрест. На его долю придется 273 млн. руб. Второе место займет Госсельсиндикат — 163,4 млн. руб. На колхозы и производственные товарищества падут 127,5 млн. руб. А между тем ценность товарной продукции, полученной на 1 затраченный в хозяйстве рубль, определяется к 1932/33 г. по совхозам Сахаротреста в размере 1 р. 05 к., Госсельсиндиката— 78 коп., Зернотреста—30 коп., «Овцевода»—4,8 коп.

Таковы случайно промелькнувшие данные. Материал этот не привлек к себе необходимого внимания, он не был повторно тщательно проверен, чтобы сделать из него то кардинальное употребление, то решающее использование, которое должно было бы быть сделано, если бы он подтвердился. Наш план реконструкции должен быть в весьма существенной части (не целиком, конечно) построен в свете такого рода данных, обнимающих все типы хозяйств: индивидуальные (где коэффициент, конечно, еще хуже), кооперативные, мелкие колхозы, МТС, разного вида совхозы. Результаты этих сравнительно-аналитических работ должны были бы получить значение одного из определяющих моментов для всего построения с.-х. пятилетки и всего плана реконструкции.

Надо попытаться подсчитать, во что обойдется Союзу законченная коллективизация, если мы пойдем к ней «органическим» путем, от кооперирования и мелкой коллективизации к укрупненной коллективизации, а затем к хозяйству в 50 тыс. гектаров типа МТС (машино-тракторных станций), и во что обойдется эта реконструкция, если мы в возможных размерах прямо пойдем к этой последней форме; насколько стоимость одного пути выше другого и на какие сроки при каждом из этих вариантов растягиваются нобходимые вложения. Ибо для нас имеют решающее значение оба момента: и суммарная стоимость и сроки вложения.

Все наши 32,5 тыс. колхозов СССР охватывают на 1/V—28 г., например, площадь в 1.300.000 тыс. с лишним гектаров, т.-е. равны площади, примерно 26 МТС. Если приводимые нами данные сопоставимы, то в колхозы

вложено свыше 50 м. р., а 26 МТС потребовали бы вложений в 39 м. р. И какая вместе с тем была бы огромная разница в продукций, в себестоимости, технической высоте предприятия, в интенсивности накопления, в способности служить исходной точкой дальнейших далеко идущих реконструктивных процессов.

Для нас до сих пор остается неясной не только эффективность отдельных видов вложений, но и конкретная роль, отводимая отдельным формам в общем плане обобществления и реконструкции.

Недостаточно отчетливы роль кооперации, формы и пределы нашей помощи индивидуальному хозяйству, рациональность нынешних пропорций этой помощи и нынешнего соотношения разных методов реконструкции сельского хозяйства. У нас нет продуманного плана сжатой, концентрированной реконструкции. Даже нынешний наш план есть скорее план широкого, экстенсивного наступления, все еще слабо подготовленного и недостаточно концентрированного.

Это положение вещей надо скорейшим образом преодолеть. Надо поставить свою задачу в более определенных терминах и на этой основе более отчетливо построить организацию дела снабжения, подготовку кадров организаторов. А сейчас даже «идеология» этого наступления недостаточно оформилась. А в связи с этим не может быть и правильной подготовки ни организационной, ни снабженческой, ни людской. Несмотря на очень большие достижения, нынешний план все еще является планом неуверенным, боящимся заангажироваться на определенный организационный тип продвижения. Если бы это положение вещей сохранилось, это значило бы, что масса сил, средств и времени будет непроизводительно растрачена.

Конечно, начатое беспримерное дело преобразования сельского хозяйства не может быть проведено без больших ошибок и без большой растраты ресурсов. Но мы обязаны сделать все, чтобы эти потери по возможности сократить. А потери эти могут быть сокращены, социальная и производственная эффективность вложений может быть поднята. Для этого нужно только, чтобы наши агрономические, инженерные и экономические круги развернули в этой работе больше творческой инициативы, больше рельефности подхода и больше требовательности ко всему тому, что делается всеми нами, участниками этой работы.

Мы должны развивать технически высшие типы обобществления в более ускоренном темпе, чем это намечено сейчас, а конкретные формы этих высших типов мы должны выбирать более удачно и последовательно, чем это мы теперь делаем. Иначе мы искусственно снизим темп обобществления и не используем реальных наших возможностей коллективизации.

Наши агрономические круги не сумели во-время дать решениям XV с'езда конкретного оформления (одним из немногих очень ценных исключений является опыт Маркевича). В результате инициатива выбора даже конкретных форм обобществления должна была пасть на политические инстанции (взять хотя бы пример Зернотреста). Огромной исторической заслугой политических инстанций является то, что они (хотя бы и не всегда в технически самых целесообразных формах, но все же достаточно высоких и бесконечно более дешевых, чем, например, индивидуальное переселение) дали делу социально-технической реконструкции сельского хозяйства мощнейший толчок. Слабой стороной нашей работы в этой области является то, что наши агрономические круги, в частности партийно-агрономические круги, недостаточно энергично и своевременно выступают с технически разработанными предложениями по осуществлению взятого партией курса. Несмотря на большой сдвиг в этом отношении, они и сейчас до известной степени идут позади политических инстанций. Правда, мы довольно быстро изживаем это положение. Но партии и сейчас приходится подталкивать соответственные круги, притом не только в деле выбора **общего** направления нашего сельскохозяйственного развития, но подчас и в выборе конкретных его форм. Если первое в какой-то мере естественно, то надо сказать, что второе навряд ли допустимо.

Намечаемые планом формы нашего с.-х. развития все еще недостаточно определены, все еще слишком многообразны, разрозненны и не представляют собою последовательных этапов в деле приближения к основной с.-х. форме ближайшего периода. А между тем можно считать установленным, что мы идем к исчерпывающей реконструкции нашего сельского хозяйства на основе 2.500—3.000 крупных сельскохозяйственных предприятий в 40—50 тыс. га каждое, сплошным массивом обобществляющих крестьянские хозяйства.

Нельзя в 22 миллионах индивидуальных крестьянских хозяйств установить тот режим, организованность и рационализацию, которые можно установить в 2.500—3.000 крупных предприятий. Нельзя их установить и в 2 миллионах мелких колхозов. Необходимую реконструкцию мы можем провести только в сравнительно небольшом числе действительно крупных предприятий. Мы должны поэтому выработать оптимальные для каждого района типы крупных обобществленных хозяйств, репродуцировать их затем в покрывающих всю территорию области 200—300 обобществленных предприятиях, продолжать затем все время экспериментировать и искать улучшений постановки дела в них и после опытной проверки сразу же проводить их во всех 200—300 более или менее однотипных хозяйствах области.

Наше строительство колхозов, кустов и т. д. находится сейчас примерно в той стадии, на которой промышленность находилась в 1920/21 г., когда отдельные самоснабжающиеся и самостоятельно выходящие на рынок предприятия стали об'единяться в тресты. Затем последовала огромная работа по формированию трестов, об'единению их в синдикаты и установлению внутренних взаимоотношений между трестом и предприятием, которое и до сих пор еще не закончено.

В колхозном движении процесс этот идет в значительной мере самопроизвольно и стихийно. Твердой организации и руководства в этом деле до последнего времени не было. Процесс этот шел главным образом снизу вверх и лишь в очень слабой мере, по крайней мере до XV с'езда, был руководим сверху.

Но в отличие от промышленности, этот органический процесс перерастания, вероятно, и не будет завершен, а будет перекрыт процессом экстенсивного распространения технически высших форм (например, МТС), которые доведут начатое простейшими обобществительными формами дело до конца, но уже на другой основе и несколько иными методами. Колхозы, кусты, перерастание последних в крупное машинизированное и индустриализированное предприятие, это—медленный, органический путь роста снизу вверх. Он должен быть на основе экономных вложений широко поддержан. Но на ряду с этим должен быть организован встречный поток сверху вниз в виде, скажем, МТС и т. п. При чем более чем вероятно, что страна будет покрыта крупными с.-х. предприятиями, организованными вокруг МТС, на много раньше, чем процесс перерастания низших форм в высшие будет хотя бы наполовину завершен [1]).

---

[1]) В этом отношении очень показательно, что по первоначальной наметке Союза Союзов с.-х. кооперации из предположенного на конец пятилетия общего числа технически высоко организованных колхозов **одна четверть** намечалась к созданию в порядке **перерастания** низших форм, а на **три четверти** они намечались к созданию за счет **непосредственной** организации этих более высоких форм.

Нынешний план исходит не из максимального использования наиболее целесообразных и дешевых форм социалистического преобразования. Он делает, правда, огромный сдвиг в эту сторону,— и это крупнейшая заслуга авторов пятилетки,—но сдвиг все же недостаточно решительный. У нас до сих пор слишком сильно представление, что в деле коллективизации мы обязательно должны пройти всю лестницу последовательных фаз обобществления: кооперирование торгового оборота, кооперирование некоторых производственных сфер, простейшие формы коллективизации, интенсивное обобществление неохваченных раньше частей и отраслей коллективизированных уже хозяйств, затем переход нынешних мелких и средних колхозов к организационно высшим формам (коммунам). Следующее за этим перерастание колхозов в крупный и технически высший тип коллективизированного хозяйства нами не был продуман. Завершенный тип крупного обобществленного хозяйства отчетливо рисовался нам лишь в форме совхозов. В области же коллективизированного крестьянского хозяйства нам представлялся лишь постепенный органический процесс перерастания низших форм в высшую, при чем последняя в своей конкретной характеристике оставалась неопределенной и неясной. Данные последних лет заставляют считаться с возможностью перепрыгивания через некоторые промежуточные фазы, с возможностью более прямого перехода к технически высшим и даже к высшей форме коллективизации. Это, конечно, не означает, что мы можем на данной стадии отказаться от промежуточных форм, но это означает переоценку этих промежуточных форм с точки зрения их обязательности, всеобщности и длительности. В соответствии с этим у нас должно выработаться новое отношение к отдельным фазам обобществления, мы должны иначе определять удельный вес их, взаимоотношение этих форм, темп перехода из одной фазы в другую.

Один из основных дефектов сельскохозяйственной пятилетки заключается в том, что в ней нет определенной установки в вопросе о том, каково должно быть, с одной стороны, внутреннее соотношение различных форм обобществления и, с другой, соотношение обобществленной и частно-кооперативной формы. Общий подход пятилетки еще слишком близок к прежнему нашему подходу, когда мы считали, что «всякое (кооперативно-коллективистическое) даяние—благо», и дальше этого в сущности не шли.

Утверждение это не нужно брать слишком буквально. За последнее время мы усвоили сдержанное отношение к мелким колхозам и стали определенно расценивать крупные колхозы, как основную нашу форму. И все же общее настроение пятилетки приходится характеризовать, как благожелательно-толерантное ко всем вообще формам коллективизации, свободное от категорического требования определенной экономически обоснованной пропорции в соотношении различных форм обобществления.

Мы недостаточно критически относимся к отдельным колхозным формам, у нас нет необходимой требовательности к ним. И опять-таки и это утверждение не надо понимать слишком широко. Ибо в последнее время мы стали пред'являть к колхозам требования более устойчивого состава, неделимого общего капитала и т. д. И тем не менее слабая наша требовательность бесспорна. Ибо мы до сих пор недостаточно критически взвешиваем отдельные формы колхозов с точки зрения эффективности капиталовложений в них и с точки зрения приближения их к той конкретной форме обобществления (МТС), которая на ближайшее время явится, повидимому, оптимальной.

Мы всемерно стимулируем обобществление сельского хозяйства, но недостаточно связали нашу работу по обобществлению с этой «основной» формой его. Мы и сейчас ведем наше обобществление в основном так, как будто эта оптимальная форма еще не определилась. А между тем, форма эта на деле уже сложилась. И очевидно, что с того момента, как она установлена, для нас важен уже не только процесс коллективизации «вообще», а коллективизации под углом зрения максимально быстрого и экономного продвижения к этой конкретной форме ее. Вот почему, хотя, вообще говоря, мы нашу требовательность к колхозам в последнее время и подняли, но требовательности определенного качества у нас все еще нет. Определенной оценки соотношения отдельных форм обобществления, к сожалению, нет и в госплановской пятилетке, по крайней мере она не отражена в ней с той последовательностью и рельефностью, с какой это необходимо. Это не значит, что мы должны быть несправедливы к Госплану. Огромной его заслугой является то, что он помог осознать значение машино-тракторных станций. И все же он недостаточно последовательно и полно использовал то, что в этой форме создано и правильному пониманию чего Госплан посодействовал, быть может, больше, чем кто-либо другой в Союзе.

Надо решительно стать на точку зрения перехода к 2.500—3.000 крупных сельскохозяйственных предприятий. Все проводимые нами мероприятия надо расценивать с точки зрения интересов этого перехода. Это не значит, что вопросы индивидуального крестьянского хозяйства утрачивают свое значение. Их роль остается на пятилетие решающей. Но вопросы эти должны быть умещены в программу указанного строительства. Мы должны подчинить их задаче скорейшего перехода к тем 2.500—3.000 с.-х. предприятий, которые составляют нашу большую цель. Всякий шаг в сфере индивидуального и обобществленного хозяйства должен определяться и быть оправдан его значением (прямым или косвенным) для скорейшего и наиболее эффективного осуществления основной нашей программы индустриализации и обобществления.

К этой задаче мы не можем итти путем одного лишь прямого строительства крупных предприятий. Такой радикализм погубил бы дело. Такая политика была бы пустыми бреднями, ибо разрешить эту задачу мы можем лишь сочетанием прямых и косвенных (обходных) путей. Но, работая над индивидуальным хозяйством, мы должны строить все относящиеся сюда мероприятия, как переходно-подготовительные (хотя бы и обходные) к решению основной, по-новому конкретизированной задачи, которой все эти мероприятия должны быть решительно подчинены.

В этом же порядке нам не обойтись и без широкой программы мелкого и среднего колхозного строительства. Но и здесь все многообразные формы должны строиться лишь в меру планомерной подготовки развернутой сети МТС.

В противоположность этому мы ведем нашу социальную и техническую реконструкцию довольно случайно. Сознательно мы выбрали только общее направление нашего с.-х. развития в сторону коллективизма на основе кооперативного плана Ленина. Но самые конкретные формы этого продвижения нами еще недостаточно регулируются. Нынешние многообразные формы складываются довольно бессистемно в надежде, что конечный тип нашего социалистического сельского хозяйства каким-то пока еще не совсем ясным путем сложится позже. «Каким он конкретно создастся, это— дело будущего, предугадывать сейчас эти формы было бы преждевременно и бесполезно». Таково обычное отношение к этому вопросу. Между тем мы не в праве мириться с такой расплывчатой установкой, ибо она обрекла бы нас на огромные растраты народнохозяйственных ресурсов и потерю темпа.

Необходимо притянуть все распыленные и рассыпанные опилки коллективистических форм к тому магниту высшей формы (МТС и ее дальнейшие перерастания), который мы сейчас вставляем в самую гущу с.-х. коопе-

рирования и коллективизации. Все эти распыленные формы остаются в наличности, но они располагаются в определенной перспективе в отношении этого стержневого метода строительства.

Но дело не сможет ограничиться одним только изменением перспективы. На ряду с этим нам необходимо и другое. Нужно изменить и пропорцию развертывания одних и других форм и меньше базироваться на процессе перерастания нынешних низших форм в высшие.

Это не означает отказ вообще от перерастания низших форм в высшие. Это означает лишь, что перерастание должно в большей мере иметь своей исходной точкой не мелкие колхозы, а МТС. Ибо социально и с точки зрения полноты охвата отдельных отраслей хозяйства (полеводства, животноводства и т. д.) и МТС является в сущности простейшей формой обобществления, только технически весьма высокой. Отставаясь основным методом нашего движения, перерастание должно в значительно большей мере, чем до сих пор, начинаться с МТС, как своей первой и исходной формы.

* * *

В нашей колхозной практике в одном крайне существенном пункте до сих пор нет ясности, хотя такая ясность сейчас совершенно необходима для практических целей. В связи с отсутствием ее у нас нет и правильной линии.

Мы развенчали технически слабые колхозы и ставим вопрос о сравнительно крупном колхозе в 500—1.500 га, куда собираемся бросить основную массу технических ресурсов, направляемых в обобществленный сектор крестьянского хозяйства. Эта тенденция вдвойне неправильна. Во-первых, колхоз в 500—1.500 га все еще весьма далек от оптимального размера предприятия, технически хорошо вооруженного. Последний измеряется примерно в 50.000 га. А поскольку это так, то, очевидно, неправильно концентрировать наши технические ресурсы на недостаточно высоком типе обобществленного хозяйства, даже если он покрывает площадь в 500—1.500 га.

Мы должны быть крайне экономными в распоряжении материальными ресурсами. Мы должны быть строгими в материальном снабжении индивидуального сектора. Мы должны быть весьма разборчивы в снабжении нынешних типов колхозов и должны сосредоточить высокоценное снабжение на МТС и совхозах. Мы должны давать индивидуальному крестьянскому хозяйству и мелкому и среднему колхозу то, что может быть в этих хозяйствах использовано более эффективно или со скорейшим эффектом, нежели в МТС и в совхозах. В остальном наше техническое снабжение должно быть приспособлено к требованиям оптимального предприятия и сюда в первую очередь и в максимальной мере направлено.

Но на ряду с этим неправильно из-за нерациональности вложения крупных технических средств в обычного типа колхозы развенчивать их во всех вообще отношениях. Наша установка должна быть прямо противоположной. Утвердив определенный технико-организационный максимализм, сосредоточив наши снабженческие усилия и возможности на самых высоких формах обобществленного хозяйства (МТС и совхозах), мы должны на другой основе вновь повернуться лицом к колхозам.

Раз навсегда отказавшись от оценки их, как высшей формы обобществленного хозяйства, пред'являя им совершенно иные, значительно более скромные требования, сосредоточив наши основные реконструктивные усилия на действительно крупных, технически совершенных предприятиях, мы должны в отношении мелкого, среднего и даже сравнительно крупного колхоза взять другую установку. Мы развиваем их не как высшую форму,

а сознательно как низшую, технически слабо вооруженную, как особый тип, целесообразность которого состоит в том, что на него не бросаются ценные технические средства, что он дает повышенный по сравнению с индивидуальным крестьянским хозяйством эффект при слабом техническом снабжении за счет коллективного использования обычного крестьянского инвентаря и энергичного проведения некоторых легко доступных мероприятий (устранение дальноземелья, установление многополья, правильного севооборота, чистосортные семена и т. д.).

Мы хорошо знаем дефекты крестьянского хозяйства: слабое использование инвентаря, дальноземелье, разбросанность полей, отсутствие многополья, неудовлетворительный севооборот, низкосортные, засоренные семена, вредители и т. д. Многие из этих дефектов могут быть устранены коллективизацией и доступными реконструктивными мероприятиями и без значительного и дорогостоящего снабжения, в частности без высокоценного машиноснабжения (тракторы, прицепные орудия, сложные машины, комбайнеры и т. п., которые могут быть более целесообразно использованы в МТС и совхозах). Надо поэтому обычные наши колхозы строить прежде всего на такой более скромной технической основе, приберегая основные массы высокоценного снабжения для МТС и совхозов. Но одновременно мы должны оказать образующимся средним и крупным колхозам всемерную поддержку безотлагательным землеустройством, семеноснабжением, энергичной организационной и агрономической помощью и т. д. Ибо и без высокоценного снабжения, при помощи определенной, хорошо продуманной комбинации доступных мероприятий, этим последним может быть обеспечен достаточный перевес над индивидуальным хозяйством и тем самым предотвращена текучесть их состава.

Из того, что колхозы обычного типа далеки от технического и хозяйственного оптимума и что они по справедливости должны быть развенчаны в былой своей претензии на оптимальность, ни в какой мере не следует, что они должны быть развенчаны и в других отношениях. Наоборот, развенчав их в одном отношении, мы должны решительно утвердить их как целесообразный тип технически слабого обобществленного хозяйства, позволяющего вести широкое строительство концентрированно снабжаемых крупных хозяйств (МТС, совхозы).

Наша ошибка заключается в том, что мы склонны переоценивать технические возможности колхозов, даже крупных, которые на деле очень далеки от оптимального размера. А в связи с этим мы склонны бросать сюда больше средств, чем этот тип того заслуживает. Но на ряду с этим мы допускаем и другую ошибку: мы недооцениваем целесообразности колхозного строительства, технически слабо вооруженного и строящегося на коллективном использовании ординарного инвентаря и некоторых легко доступных мероприятиях.

Наше справедливое разочарование технически слабым колхозом получило в своей положительной «резолютивной» части неправильное выражение. Из относительной (по сравнению с оптимальным типом хозяйства) слабости такого колхоза не следует ни того, что такой колхоз надо строить на основе полного и высокого снабжения, ни того, что если мы его не снабжаем в такой мере, то он и вовсе не представляет ценности для нашего строительства. Наоборот, его и надо развивать как слабо снабжаемую низшую форму хозяйства, именно в этом своем построении крайне целесообразную.

В результате опыта прошлых лет у нас склонны взять курс на крупный колхоз. В этой передвижке в сторону крупного хозяйства выражена правильная тенденция. Но правильно в ней только направление движе-

ния, а не тот конкретный отрезок пути, который мы сейчас склонны отмерить. Последний явно недостаточен. Мы не должны остановиться там, где собираемся остановиться. Нам надо решительнее двигаться вперед. Нам нужно пойти дальше нынешнего типа крупного колхоза и одновременно ради этой задачи пойти несколько назад и легализовать тип технически слабо вооруженного и соответственно целесообразно конструированного колхоза.

Если бы мы в строительстве обобществленного сектора ограничивались одними лишь колхозами низкой технической структуры, это было бы губительно для дела коллективизации, перспективы обобществления навряд ли были бы тогда очень радужны. Но если колхозы низкой техники строятся рядом с технически высоко организованными МТС и совхозами, хорошо преуспевающими, и если колхозы эти строятся с перспективой поглощения такой более высокой формой, то слабость технической основы колхозов не сможет иметь решающего отрицательного значения для общего развития обобществления. Наоборот, массовое развитие такого типа колхозов, идущее в сочетании с более энергичным строительством МТС и совхозов, даст процессу коллективизации в целом несравненно более мощный толчок.

Пониженное вооружение одной формы во имя усиленного вооружения другой более эффективной формы обещает не только мощное развитие самой этой высшей формы, но и несравненно больший размах всего обобществления.

Говорят, что наш опыт МТС еще сравнительно мал и что нельзя поэтому «сразу» же широко его воспроизводить. Если в отношении ряда районов и отраслей хозяйства опыт МТС действительно почти отсутствует, то в отношении степного зернового хозяйства этот опыт уже имеется. Поэтому в отношении этого района более смелое воспроизводство опыта МТС и решительная концентрация машинизированного строительства на этом типе во всяком случае обязательны. Но кунктаторская повадка была бы и вообще неправильной. Наша социалистическая практика будет характеризоваться тем, что, получив хотя бы небольшой, но достаточно проверенный опыт, мы вместо медленной раскачки, которая характерна для капиталистического сельского хозяйства, сразу же будем его множить в сотни раз. Если позже на трех-четырех хорошо проверенных случаях будет достаточно твердо установлен более продуктивный тип, нежели МТС, мы столь же мало будем растягивать применение этих опытов на остальные сотни и тысячи сельскохозяйственных предприятий. Растягивать применение этих достижений вместо решительного массового воспроизводства значило бы проиграть один из основных наших шансов в соревновании с капитализмом. Типом нашего технического развития будет путь перманентных массовых технико-организационных перестроек. На основе непрекращающегося научного экспериментирования, тщательно проверенного опыта и продуманной подготовки сразу же в массовом масштабе — сотнями и тысячами — воспроизводить удачно нащупанное, — таков будет наш метод.

Говорят, что у нас в минимуме организационно-технические силы. Это, конечно, так, если исходить из нынешнего уровня и нынешней организации использования этих сил. Но почему считать этот уровень предельным? В наших условиях суб'ективный фактор становится наиболее эластичным.

Мы имеем огромный опыт развертывания армии во время войны, подготовки в течение какого-либо года миллионов рядовых и соответственных кадров командиров. Думать, что мы в наших условиях не можем решить указанной людской задачи,—значит непозволительным образом недооценивать совершенно реальных возможностей. Накануне вступления в реконструктивный период наша способность быстро и энергично решать задачу реконструкции казалась также крайне малой. Все мы в большей или меньшей мере преуменьшали наши возможности в этой области. Теперь, когда в другом вопросе находимся в преддверии аналогичной большой полосы, когда мы подходим к задаче развертывания новых людских кадров, встающая перед нами новая задача нас снова пугает своей неизвестностью. Но не пройдет и двух-трех лет, и мы и здесь нащупаем технику быстрого и эффективного решения. Решающее значение в этом вопросе имеет хорошо продуманный и слаженный план работы, тщательно корректируемый в ходе работы. Мы сумеем благодаря правильно поставленной технике в 5, 10, 20 раз повысить эффективность использования тех исходных людских кадров, с которыми мы начинаем это дело, мы создадим соответственный организационный (удесятеряющий эффект) передаточный механизм (курсы, производственная практика, книги, специальные журналы, повторные курсы и т. д.).

Опыт строительства МТС показал, что лимитом является пока не материальные ресурсы, а люди. Но отсюда отнюдь не следует, что этот лимит менее преодолим и менее эластичен, нежели другие. Опыт же покажет, что в правильной организации подготовки кадров мы в ближайшие же годы создадим себе новый огромный фактор ускорения темпа нашего развития.

* * *

Каковы критерии допустимого форсирования технически высших форм коллективных хозяйств. Из экономических критериев главнейшими являются: 1) себестоимость продукции, 2) размер потребных вложений и 3) наличие в натуре технических элементов, необходимых для организации этого типа хозяйства (тракторы, комбайнеры и т. д.).

Совершенно очевидно, что наименьшая себестоимость обеспечивается предприятием оптимального типа. Оптимальная форма дает меньшую себестоимость, чем средняя форма коллективного хозяйства, а эта последняя меньшую, нежели индивидуальное хозяйство.

Но минимальная себестоимость единицы продукции не единственный критерий для сравнительной оценки различных форм. Существенным является и размер потребных капитальных вложений. Мы хорошо знаем из опыта промышленности, что оптимальное, т.-е. обеспечивающее наименьшую себестоимость, предприятие сплошь и рядом требует таких капиталовложений, которые в наших условиях являются крайне тяжелыми, а нередко и недоступными. Мы вынуждены поэтому искать той формы предприятия, которая обеспечивает не минимальную себестоимость его собственной продукции, а минимальную себестоимость совокупной продукции при данных доступных нам средствах. Для нашей хозяйственной практики этот критерий имеет доминирующее значение.

Надо поэтому дать ответ, не потребует ли большая программа коллективизации в технически наиболее совершенных формах более значительных вложений, чем развитие сельского хозяйства на основе индивидуальных предприятий и упрощенных форм коллективизации [1]).

Прежде всего потребует ли колхоз невысокой технической организации и слабо механизированный, более крупных вложений, нежели соответственное число индивидуальных хозяйств? Можно наперед сказать, что нет. Совершенно очевидно, что та же посевная площадь в 100—200 га может быть при коллективной обработке, даже и без особой машинизации, обслужена с меньшими вложениями, нежели в том случае, если она раздроблена

[1]) Состояние материалов, к сожалению, не позволяет дать на этот вопрос исчерпывающего, обоснованного цифровыми данными ответа. Приходится ограничиться поэтому лишь общими соображениями, подкрепляющими вероятность того или другого ответа.

между 15—30 индивидуальными хозяйствами. Правда, при построении обобществленного хозяйства без крепкого машинно-технического костяка, трудно рассчитывать на создание крупного колхоза в тысячу или несколько тысяч гектаров, т.-е. поселенного, а тем более межселенного колхоза. Кроме того, при слабой технической вооруженности колхоз будет менее заманчив для устойчивых середняцких хозяйств. Но совершенно ясно, что слабо механизированный колхоз потребует меньших вложений, нежели соответственная группа индивидуальных хозяйств. Поэтому такая программа коллективизации может сорваться из-за чего угодно (вследствие недостатка организаторов, руководителей и обслуживающего персонала, землеустроителей и т. д.), но только не из-за отсутствия ресурсов.

А как обстоит дело с технически высоко организованным, укрупненным колхозом, скажем, типа МТС в сравнении с слабо механизированным мелким или средним колхозом?

Если средний колхоз, а тем паче группа индивидуальных хозяйств, организуется на новых землях в порядке, скажем, переселения, и требует мобилизации новых средств производства, то не может быть сомнения, что технически высоко организованное крупное хозяйство будет иметь перед ними в отношении вложений значительные преимущества.

Сложнее положение в том случае, когда новое, технически совершенное хозяйство требует *нового* оборудования и *нового* обзаведения, а средний колхоз или соответственная группа индивидуальных хозяйств может быть построена за счет одной только мобилизации и более полного использования *наличных* средств производства. В этом случае вложения в технически высшие формы могут оказаться более значительными, чем дополнительное вложение, требующееся для образования мелкого или среднего колхоза. А в связи с этим встает вопрос, целесообразно ли форсировать переход к этим высшим формам, требующим новых вложений, если они оставляют неиспользованным наличное в сельском хозяйстве оборудование.

Тип нашей реконструкции, пока мы бедны ресурсами, должен быть, конечно, таким, чтобы позволить максимально использовать наличную техническую базу. Если высшая форма с.-х. предприятия не позволяет ее использовать, то нам, как общее правило, не следует форсировать переход к ней. В этом случае народнохозяйственно правильно его производить только в меру законченного снашивания старого оборудования. Ведь основным дефектом индивидуальной формы сельского хозяйства является именно то, что она не позволяет использовать наличных производственных ресурсов. Для нас было бы непосильно форсировать переход к высшим формам коллективизации, если бы эти последние вынуждали нас оставлять неиспользованными значительные массивы наличных производственных ресурсов.

Сказанное отвечает на вопрос об использовании *исходного* оборудования, но не определяет еще путей его *воспроизводства* (в меру амортизации) и расширенного воспроизводства (в меру накопления). Между тем здесь встает проблема кардинальной важности, имеющая совершенно исключительное значение для всей нашей политики реконструкции.

Должно ли расширенное воспроизводство сосредоточиваться целиком и монопольно на обслуживании технически высших форм коллективизации или может быть использовано также и в низших; и каково в таком случае должно быть соотношение между обоими направлениями?

Благодаря неравномерному технико-организационному построению предприятий и наличию в них, на ряду с большими запасами производственной мощности, узких мест, закрывающих возможность использования этих запасов мощности, известная часть средств производства используется крайне недостаточно. Преодоление этих узких мест открывает возможность исполь-

зования всей производительной силы предприятия. Такое же положение мы имеем и в сельском хозяйстве, в частности в крестьянском хозяйстве. Сравнительно незначительные затраты (на борьбу с вредителями, очистку зерна, развитие сортового семеноводства, применение простейших видов удобрений и т. д.) могут дать совершенно несоразмерные с затратами результаты. Производительность вложений на преодоление ряда узких мест поэтому чрезвычайно велика. Совершенно очевидно, что соответственная часть воспроизводимых средств производства должна быть направлена прежде всего в эту сторону. А это значит, что должна быть решительно отброшена всякая попытка строить наши новые вложения в сельское хозяйство по типу монопольного сосредоточения их в технически высших только формах коллективизации.

Но какой линии следует держаться за пределами такого высоко эффективного преодоления узких мест тогда, когда этот шанс уже исчерпан? Должны ли мы и дальше возобновлять снашиваемые средства производства на прежнем техническом уровне или уже теперь должны вести более энергичную политику реконструкции и непосредственного перехода к высшим формам?

Соблюдая принцип полного использования наличного оборудования в низших формах, мобилизуя прибыли и амортизацию для текущего и капитального ремонта и для высокорентабельного преодоления узких мест, *мы должны тем энергичнее все остальное сосредоточивать на технически высших формах коллективизации.*

Хотя оборотные ресурсы в сельском хозяйстве оборачиваются много медленнее, чем в промышленности, но оборот *основных* ресурсов совершается в с. х. быстрее, нежели в промышленности, в соответствии с чем роль амортизации в сельском хозяйстве выше. По абсолютным размерам производственный годовой износ в сельском хозяйстве составляет примерно 700 млн. руб. (с включением износа рабочего скота, но без износа жилищного фонда, годовой размер которого равен 470 млн. руб.), в то время как износ госпромышленности составляет примерно 350 млн. руб., а ж.-д. транспорта—285 млн. руб. Как это ни парадоксально звучит, но *этот* момент позволяет (*при прочих равных условиях*) реконструкцию сельского хозяйства вести *более энергично, чем в промышленности.* Огромные амортизационные средства сельского хозяйства следует энергично использовать для реконструкции его.

Если техническая база производства остается неизменной, то его расширение может совершаться только за счет нового накопления (прибылей). Но если расширение производства проходит на базе технической реконструкции, то оно может совершаться как за счет добавочного накопления так и за счет амортизации. Задача заключается поэтому в том, чтобы использовать быстрый оборот ресурсов в сельском хозяйстве, для его быстрой реконструкции. Основная задача будет при этом заключаться в концентрированном использовании прибылей и амортизационных сумм, хотя их высвобождение совершается постепенно и рассеяно в десятках миллионов хозяйств. Отсюда огромная роль правильного организационного подхода в деле *фактического* (хотя бы и не формального) обобществления прибылей и амортизационных средств сельского хозяйства и их интенсивного перераспределения.

В условиях индивидуального хозяйства постепенно накапливающиеся прибыли и амортизация не могут быть использованы для коренной реконструкции, так как они, во-первых, слишком малы, а во-вторых потребности производства не позволяют длительно накапливать их в денежной форме. Ибо если плуг износился, то он должен быть либо немедленно заменен более сложным пахотным орудием, либо возобновлен в прежней натуральной форме. Но обойтись без него и пахать денежными накоплениями хозяйство

не может. Широкая возможность задержать замещение данной машины другой и высвободить амортизационные суммы создается только при интенсивном обобществлении и более полной, чем до сих пор, эксплоатации коллективизированного оборудования. Доиспользование нынешнего инвентаря живого и мертвого на основе упрощенной коллективизации позволит свести к минимуму возобновление снашиваемого капитала на прежнем техническом уровне и позволит в максимальной мере бросить накопление прибылей и амортизации на создание фонда высокой реконструкции. Усиленная мобилизация накоплений в сельском хозяйстве для коренной его реконструкции в технически высших формах предполагает поэтому усиленную массовую коллективизацию в низших и средних формах ее. Если последняя не будет совершаться достаточно интенсивным темпом, то не сможет энергично осуществляться и первая. Обе формы коллективизации поэтому не только не конкурируют друг с другом и не только дополняют друг друга, но широко проводимая малая реконструкция является условием энергичного темпа проведения большой реконструкции. Все это так, однако, лишь при том условии, что малая реконструкция проводится на основе минимальных дополнительных вложений и что прибыли и амортизация низших форм обобществленных предприятий в возможных размерах используются для крупной технической реконструкции.

В этой связи низшие формы коллективизации важны не столько как формы органически и непосредственно перерастающие в высшие, а как условие создания и высвобождения ресурсов (прибылей и амортизационных сумм) для перекачки их в интенсивно идущее строительство технически высших форм.

Процесс нашего обобществления пойдет главным образом не таким путем, что низшая форма будет внутри себя и для себя подготовлять ресурсы, необходимые для непосредственного своего перерастания в высшую. Масса низших форм будет создавать и высвобождать ресурсы для развертывания в их среде более ограниченного числа других, технически высоко организованных хозяйств. А на ряду с этим последние в свою очередь будут служить источником для перекачки ресурсов для позднейшего экстенсивного воспроизводства этой высокой формы на территории колхозов, ранее питавших ее своими ресурсами. Вместо развития по прямой линии и прямого перерастания низших форм и высшие между ними будут создаваться значительно более сложные взаимоотношения, будет итти интенсивное кругообращение средств из одних форм в другие и обратно для расширенной реконструкции рядовых хозяйств и колхозов, являющихся первоначальным источником этих средств. Мы идем к тому, чтобы организовать своего рода «плодосменный севооборот» коллективных форм, при котором каждая предыдущая фаза будет питать собой повышенный урожай на следующей и прирост ресурсов в одной форме будет использован для развертывания другой формы.

Для этого нам надо не только обеспечить перекачку средств из низших форм в высшие, но и найти такой способ использования повышенных результатов высшей формы хозяйства, при котором известная часть его достижений не локализировалась бы в этом только хозяйстве, а целесообразно распространялась (скажем, в порядке государственного или кооперативного перераспределения) на часть других хозяйств, непосредственно не участвовавших в первом туре высокой реконструкции.

В непосредственном своем виде интенсивное развертывание высшей формы означает концентрацию повышенной продукции в меньшем круге хозяйств, но так как такое исходное распределение повышенной продукции политически неприемлемо, то надо внести коррективы в распределение, этой повышенной продукции, но не отказываться от оптимального направления производственных вложений.

Могло бы показаться, что перед нами стоит дилемма: либо итти экстенсивным, но технически неглубоким прогрессом, либо быстрым и интенсивным, но зато на ограниченной территории. На деле эта дилемма необязательна. Технически высокая форма не обязательно является типом интенсивного под'ема в противоположность экстенсивному. Будет ли иметь место это противопоставление, будет зависеть только от политики последующего распределения результатов высшей формы. При определенной политике распределения именно технически высокоорганизованное производство становится мощнейшим фактором экстенсивного под'ема крестьянского хозяйства, притом несравненно более мощного, нежели при технически низшем типе вложений.

Строительство высшей формы крупного с.-х. производства может поэтому производиться не в порядке его противопоставления массе крестьянских хозяйств, а на базе непосредственного под'ема последнего и как средство этого под'ема, притом под'ема более быстрого и ощущаемого, чем при другом типе реконструкции.

* * *

Указанная схема предполагает определенную организацию оборота ресурсов хозяйства. Между тем в этой части у нас еще совершенно нет плана. Мы даже не приступили к его составлению, даже самая задача нами не сформулирована. А между тем только постановка этой задачи и экспериментальная ее разработка (аналогично экспериментальной разработке Маркевичем типа МТС) может дать реконструкции сельского хозяйства тот размах и те результаты, которые нам дозарезу нужны для осуществления нашего большого народнохозяйственного плана.

Каждый округ должен разработать свою программу реконструкции, постепенно целиком его охватывающей. Такой план должен предусматривать основные относящиеся сюда технические, социально-политические, организационные и финансовые проблемы. С чего начать, к чему затем переходить, как использовать накопления, что оставить в произведших его хозяйствах, что из'ять в фонд реконструкции округа, как и в какой форме возвращать неорганизованным пока или слабо организованным хозяйствам ресурсы, которые были у них извлечены, чтобы за счет возвращаемых ресурсов реконструировать эти последние хозяйства; как организовать кругооборот этих средств. Нужен план оборота ресурсов (амортизации и прибылей), их перераспределения, нужен организационный план. План должен в основном рассчитывать на собственные (по экономическому существу своему) ресурсы округа, хотя бы они технически и проводились как госбюджетные. Дополнительные вложения государства могут форсировать этот процесс, но в основном он должен быть обеспечен независимо от них.

План реконструкции округа, скажем в 1 млн. га, должен предусматривать постепенную организацию на этой территории примерно 20 МТС. Должна быть подготовлена мобилизация ресурсов всего населения округа как работающего пока еще в порядке индивидуального хозяйства, так и втянутого уже в обобществленные хозяйства. От организации отдельной МТС, исходящей из того, что нужные средства будут государством привнесены извне, надо перейти к организации округа, проводящего весь обобществительный цикл в основном за счет собственных ресурсов (экономически собственных, но не бюджетно-технически).

Нужно, чтобы была разработана соответственная совокупная окружная схема, чтобы она была проведена на окружном и районных с'ездах советов и производственных конференциях крестьян и крестьянских организаций (кооперации, колхозов), чтобы соответственные договора с крестьянскими обществами были составлены, чтобы сроки взносов и платежей, сроки и типы временных мероприятий (упрощенная предварительная коллективизация) были установлены так же, как сейчас устанавливаются сроки и очереди проведения районной землеустроительной программы. Должна быть составлена программа охвата отдельных частей района последовательными стадиями обобществления.

Финансово-организационная схема должна базироваться на использовании средств низших хозяйственных форм для строительства высших; и, наоборот, на использовании накопления высших для расширенного воспроизводства и умножения числа этих высших форм. Большие достижения технически высоких форм не должны целиком локализироваться в тех хозяйствах, в которых они созданы. Ведь не обязательно, чтобы достижения, полученные в области полеводства, и возросшие на этой базе доходы данного об'единения-оазиса были использованы в нем же для немедленного обобществительного охвата остальных отраслей данного хозяйства (животноводство, садоводство, огородничество, жилища, потребление и т. д.). Если мы раньше производили перекачку ресурсов из частного сектора с. х. в обобществленный, то начинающееся сейчас накопление ресурсов обобществленного сектора позволяет использовать часть этих ресурсов для образования в округе новых об'единений высокой технической структуры.

Нет надобности, чтобы обобществленные крупные хозяйства типа МТС оставляли об'единяемым ими крестьянским хозяйствам столь большие приросты доходов, создавая экономически резко выделенные случайные и изолированные оазисы в округе. Было бы правильнее, оставляя им ощутительную часть приростов, в остальном использовать их для перекачки во вновь организуемые об'единения. Надо сделать всю калькуляцию совершенно прозрачной для участников об'единения, но одновременно изымать из об'единения (в счет того, что привнесено в него государственной организацией и окружающим населением) больше, чем это делается сейчас, используя эти из'ятия для усиления процессов обобществления в непосредственно примыкающем окружении, на глазах у об'единения, у которого из'ятие сейчас производится.

Договора с крестьянством, организованным МТС, должны предусматривать из'ятие некоторой части на амортизацию самой МТС, другой — на обобществление хозяйств ближайшего района, и выделение третьей для коллективизации необобществленных пока отраслей хозяйства, например, животноводства. За счет этой третьей части должен быть в свою очередь начат новый обобществительный кругооборот с тем, чтобы достижения (в частности и финансовые) в области животноводства данного об'единения были затем использованы для продолжения этого обобществительно-реконструктивного цикла во всех об'единениях данного округа.

Мы ставим уже вопрос об использовании накопления обобществленного полеводства для обобществления животноводства того же об'единения. Мы должны сейчас поставить вопрос об использовании накопления одного об'единения для форсирования обобществительного процесса в полеводстве вновь организуемых межселенных об'единений. Нам нужна интенсивная миграция ресурсов. Она должна производиться в наиболее (социально и экономически) продуктивном направлении независимо от того, в каком хозяйстве или в каком об'единении эти ресурсы были созданы.

Таким образом, перед нами стоят две задачи: 1) расширять регулируемую часть оборота ресурсов за счет нерегулируемой (амортизации и прибылей индивидуального сектора, колхозов и т. д.) и 2) дать регулируемой части более продуктивное направление, концентрируя ее в направлении высших форм. Такой подход позволит настолько же ускорить темп роста сельского хозяйства, насколько фактическое (хотя и не формальное) об'единение ресурсов промышленности позволило беспримерно поднять темп и эффективность промышленного строительства.

* * *

Вернемся к тому третьему критерию при выборе наиболее целесообразной формы коллективизации, который был назван, но не рассмотрен вначале. Дело идет о наличии в натуре специального технического оборудования, необходимого для того или иного типа коллективизации.

Общая сумма потребных натуральных ресурсов получает свое денежное выражение в сумме капитальных вложений. Мы видали, что она ниже при намеченном сочетании низших и высших форм и сосредоточении подавляющей массы высокоценного технического снабжения в хозяйствах высокой технической структуры. Таким образом, и в отношении потребной общей массы натуральных ресурсов вариант этот является более экономным. И все же в отношении отдельных видов натуральных ресурсов могут, конечно, возникнуть трудности в смысле организации их производства и, следовательно, снабжения ими образуемых коллективных хозяйств. Однако, потребные для организации этих новых производств капитальные вложения не могут служить препятствием для выбора оптимального типа коллективизации, так как потребность в новых промышленных производствах возникает при любом типе коллективизации, а при менее рациональном потребность эта не ниже. Следовательно, и с точки зрения капитальных вложений в организацию новых промышленных производств более высокие формы коллективизации сельского хозяйства оказываются скорее более экономными. Препятствием может служить поэтому только фактическая невозможность организовать такое производство вследствие ли отсутствия необходимого сырья, технической неподготовленности, отсутствия опыта и подходящих кадров и т. д. Если к тому же производство это не может быть заменено импортом, то в этом случае мы действительно можем оказаться вынужденными поставить другие производства и, следовательно, перейти к несколько иному типу коллективизации, требующему более крупных вложений и дающему меньший народнохозяйственный эффект. Конкретный анализ относящегося сюда материала, рассмотрение которого завело бы нас слишком далеко, показывает, что в основном этого положения на деле нет. И во всяком случае,—поскольку намечаемый тип коллективизации построен на сочетании высших и низших форм и сосредоточении высокоценного (дефицитного) снабжения в меньшем числе высоко организованных, а потому с максимальной полнотой использующих его хозяйствах вместо распыления его по большому числу хуже организованных,—этот тип коллективизации является оптимальным и со стороны дефицитного снабжения.

Нам нужна великая схема социалистической реконструкции сельского хозяйства. Разработать такую схему и затем на протяжении ближайшего десятилетия[1]) до конца провести ее—составит нашу пионерскую, всемирно-историческую задачу. Эта схема пока еще не разработана. А между тем некоторые существенные элементы ее за последние годы уже наметились. Они должны быть больше, чем до сих пор, осознаны, в большей мере, чем до сих пор, выдвинуты в свет, и включены в качестве стержневого метода в цело-

---

[1]) Любопытно отметить, что Баллод (Атлантикус) намечал в своем плане социализации Германии закончить социалистическую реконструкцию германского сельского хозяйства в три года.

стную схему великого преобразования. Без большой инженерно-экономической схемы этой задачи не разрешить. Завершена ли эта работа? Далеко еще не завершена. У нас есть план поднятия урожайности и обслуживания индивидуального сектора. Разработана пятилетка по кооперации, которая с качественно-организационной стороны включает в себя некоторые новые черты и представляет определенный шаг вперед. Есть количественная программа коллективизации, нащупана новая исключительно продуктивная форма обобществления — МТС. Она в пятилетней программе коллективизации значительно выдвинута вперед. Есть широкая программа развертывания совхозного строительства, при чем есть основания думать, что форма эта сделает очень ощутительный шаг вперед. Но целостной схемы все еще нет.

Даже МТС которым, повидимому, суждено сыграть очень видную роль, не завоевали того места, которое им по праву принадлежит. У нас, правда, брошена уже многозначительная фраза, что МТС это наш сельскохозяйственный ГОЭЛРО. Это чрезвычайно ценное заявление. Его не хочется ничем ослабить. Но его нужно уточнить. МТС это еще не с.-х. ГОЭЛРО. Это элемент будущего ГОЭЛРО, правильно нащупанный, почти центральный элемент его. Сельскохозяйственный же ГОЭЛРО еще только должен быть построен. Он будет построен в первую очередь на МТС, как своей основной форме, как на стержне всей программы коллективизации. И тем не менее этот целостный план социалистической реконструкции будет создан не тем, что все остальное в нем будет поставлено рядом с МТС, не тем, что МТС будет дано количественно очень крупное место, а тем, что все остальное будет поставлено во внутреннюю технически-экономическую и организационную и финансовую связь с МТС, а весь план будет проникнут единой технико-экономической идеей. Всю нашу работу в области сельского хозяйства надо как можно скорее привести в законченную систему, так чтобы каждое сколько-нибудь крупное мероприятие входило в нее подчиненной составной частью и проводилось, как элемент широко намеченной схемы. Нам нужно реконструировать несколько самую реконструктивную нашу работу в области сельского хозяйства. Нам нужна известная магистрализация нашей сельскохозяйственной реконструкции.

* * *

Сказанное представляет собою только общую технико-организационную линию. Наша конкретная политика не может, естественно, определяться одной только общей установкой. В зависимости от конкретных условий эта общая линия будет при своем проведении видоизменяться. На основную канву ее будет накладываться конкретный узор, исходя из необходимости маневрирования, учета всего многообразия реальных условий и необходимости уступок живому сознанию основной массы крестьянства. Но делая те или иные уступки, мы должны точно знать, в чем заключается наша основная технико-организационная линия, от которой мы в каждом отдельном случае вынуждены делать те или иные уступки. Вопрос о некоторых существенных чертах этой технико-организационной линии мне и казалось нужным поставить на обсуждение.

От редакции.

Помещая на страницах «Большевика» статью т. Шанина с целью заострения внимания партии на затронутых в ней важнейших проблемах социалистического переустройства сельского хозяйства, редакция считает необходимым указать на ряд неверных положений, занимающих в статье центральное место.

Тов. Шанин подходит к задаче обобществления сельского хозяйства с односторонней точки зрения технико-экономических расчетов, совершенно оставляя в стороне социально-классовые проблемы, связанные с процессом обобществления. Этот односторонний подход т. Шанина лучше всего иллюстрируется тем, что в его статье, посвященной вопросам коллективизации, отсутствует даже упоминание о классах деревенского населения, о классовой борьбе, об усиливающемся сопротивлении кулачества. Нисколько не отрицая важности технико-экономического подхода, редакция, однако, считает, что в своей односторонней «надклассовой» форме он неминуемо приводит к серьезным ошибкам.

Совершенно правильно подчеркивая огромную, еще недооцененную, роль МТС, как технически наиболее высоких форм обобществления полеводства в масштабах оптимального крупного хозяйства, тов. Шанин делает неверные выводы, которые он сам называет позицией «технико-организационного максимализма». (Стр. 44, второй абзац снизу). Он предлагает сосредоточить «наши снабженческие усилия» и «основные реконструктивные усилия» исключительно на крупных совхозах и предприятиях типа МТС, колхозы же развивать, как форму «низшую, технически слабо вооруженную» (та же стр., следующий абзац), которая должна удовлетвориться лишь более целесообразным использованием обычных крестьянских средств производства. «Мы должны быть весьма разборчивы в снабжении нынешних типов колхозов и должны сосредоточить высокоценное снабжение на МТС и совхозах. Мы должны давать индивидуальному крестьянскому хозяйству и мелкому и среднему колхозу то, что может быть в этих хозяйствах использовано более эффективно... нежели в МТС и совхозах». Учитывая последствия такого курса в отношении колхозов, тов. Шанин прямо отказывается от их укрупнения и предлагает держать курс на колхоз в 100—200 га.

При этом он сам чувствует, что его предложения означают не что иное, как ликвидаторство в отношении массового колхозного движения «Правда,—пишет он,—при построении обобществленного хозяйства без крепкого машинно-технического костяка трудно рассчитывать на создание крупного колхоза в тысячу или несколько тысяч га... Кроме того, при слабой технической вооруженности колхоз будет менее заманчив для устойчивых середняцких хозяйств». (А для неустойчивых, для бедняцких, не имеющих почти никакой «вооруженности»?).

Рекомендуемый т. Шаниным курс на технически слабые, мелкие колхозы на деле был бы не чем иным, как дискредитацией массового колхозного движения, выдачей его с головой кулачеству, ведущему против колхозов ожесточенную борьбу. Предложения т. Шанина расходятся с постановлением XVI партконференции, которое гласит: «обеспечить все расширяющееся снабжение коллективов сложными машинами и особенно тракторами», содействовать «развивающемуся процессу укрупнения старых колхозов путем вовлечения в их состав новых членов, организации колхозных кустовых об'единений, как агропроизводственных и организационных центров колхозов соответствующих районов».

Другой ошибкой т. Шанина является недооценка (если не полное игнорирование) необходимости перерастания низших групп колхозных об'едине-

ний в высшие. Он предлагает «меньше базироваться на процессе перерастания нынешних (разрядка автора. *Ред.)* низших форм в высшие» (стр. 44, второй абзац сверху). Для него низшие формы колхозов являются лишь об'ектом для «перекачки» средств в крупнейшие организации типа МТС. Низшие формы должны быть «поглощены» высшими. Что касается самих МТС, обобществляющих, как известно, в первую очередь полеводство, то он предлагает не спешить с обобществлением других отраслей охваченных МТС крестьянских хозяйств. «Ведь не обязательно, чтобы достижения, полученные в области полеводства, и возросшие на этой базе доходы данного об'единения были использованы в нем же для немедленного обобществительного (?) охвата остальных отраслей данного хозяйства (животноводство, садоводство, огородничество, жилища, потребление и т. д.)».

Ошибка т. Шанина заключается в том, что он не видит опасности «перекачки» накопления обобществленного хозяйства в необобществленные отрасли хозяйства колхозников (или крестьян, охваченных МТС). Эта опасность неизбежна при частичном обобществлении, свойственном низшим формам колхозов. Отсюда неизбежность расслоения внутри колхоза и его распад, если только он не развивается быстро по пути перерастания в высшие формы. Позиция т. Шанина, игнорирующего необходимость перерастания, и в этом случае об'ективно сводится к ликвидаторству в области массового колхозного движения. Вопреки т. Шанину XVI партконференция постановила: «усилить работу по обобществлению производственных процессов в товариществах по общественной обработке земли, стремясь всячески содействовать мерами финансовой, материальной и организационной помощи их переходу в высшие формы коллективного движения (артели, коммуны)».

И. Верменичев.

О расслоении деревни.

Гвоздь вопроса в понимании существа развития строя мелких производителей в деревне заключается в понимании воздействия и влияния на это развитие со стороны господствующей в данном обществе системы общественных отношений. Капитализм прежде всего возникал не в сельском хозяйстве, а в промышленности, и уже вслед за этим капиталистически развивалось и сельское хозяйство, при чем именно здесь все остатки докапиталистических отношений были чрезвычайно живучи, и в целом ряде самых развитых стран докапиталистическая деревня входила в общую систему народного хозяйства, являясь придатком капиталистического общества. В самом развитии капитализма в сельском хозяйстве и разложении крестьянства на классы капиталистического общества основным фактором являлось и является влияние на это развитие капитализма вне сельского хозяйства. Это обстоятельство было некогда подчеркнуто Марксом в его исследовании о ренте, где он прямо констатировал, что развитие капитализма в деревне обусловлено развитием капитализма вне сельского хозяйства.

Таким образом, для развития возникающих в сельском хозяйстве предпринимательских отношений, для превращения сельского простого товарного хозяйства в капиталистическое, необходимо воздействие капитализма вне сельского хозяйства, иначе возникающие спорадически капиталистические отношения в деревне, иначе возникающая дифференциация среди мелких простых товаропроизводителей не может еще привести к широкому развитию капитализма. Здесь влияние промышленного капитализма на сельское хозяйство, прямая его поддержка (в частности финансовая) становится важнейшим фактором разложения простого товарного хозяйства. Деревня в таких условиях неизбежно и необходимо будет разлагаться на классы капиталистического общества, и в таких условиях мелкие собственники средств производства в полной мере являются потенциальными пролетариями и капиталистами, а наиболее обеспеченная средствами производства часть их, прибегающая к частичной эксплоатации других менее обеспеченных средствами производства групп, имеет все возможности и прямую поддержку для превращения в собственно капиталистических предпринимателей.

В России влияние несельскохозяйственного капитализма на разложение деревни и на ее капиталистическое развитие являлось также основным фактором, но быстрому развитию капиталистических отношений в дореволюционной деревне препятствовало крупное помещичье землевладение и пережитки крепостнических отношений последнего с крестьянством.

Октябрьская революция, уничтожившая помещичье хозяйство, в определенной степени ликвидировавшая капиталистические предприятия и в сельском хозяйстве, передала крупную промышленность и транспорт в руки пролетарского государства. Т.-е., таким образом, вне сельского хозяйства господствующими отношениями являются не капиталистические, а отношения на базе государственной промышленности, отношения, складывающиеся как социалистические.

В результате налицо совершенно определенное и совершенно бесспорное явление: уничтожение такого решающего фактора в капиталистической эволюции деревни, как воздействие, влияние и прямая поддержка этого пути развития деревни со стороны капитализма вне пределов сельского хозяйства.

Больше того, крупная государственно-социалистическая промышленность и транспорт растут и к настоящему времени значительно усилились и укрепились. Усилилось положение государственной и кооперативной торговли, которая во многих отраслях становится монополистом.

Эти реальные факты означают не что иное, как дальнейшее укрепление господствующей у нас системы общественных отношений. А вместе с укреплением и расширенным воспроизводством этой системы все более укрепляется база для воздействия и влияния на экономику сельского хозяйства в сторону его некапиталистического развития и в сторону вытеснения сельскохозяйственного капитализма. Это основной и решающий факт современной экономической действительности.

В таких условиях мелкотоварное хозяйство получает возможность свернуть с капиталистического пути развития на некапиталистический, на путь превращения в коллективное хозяйство. В настоящее время процесс кооперирования и коллективизации деревни, все более расширяющийся, отображает собой этот путь некапиталистического развития мелкого производства. Таким образом, под'ем всей массы мелких земледельцев, возможный при переходе их к кооперации и коллективизации, осуществим только в условиях пролетарского государства, в условиях ликвидации вне сельского хозяйства капитализма, как господствующей системы общественных отношений, в условиях создания и беспрерывного роста социалистической промышленности. Поэтому глубоко реакционной, вздорной и утопичной являлась теория о том, что при капитализме мелкое хозяйство (при помощи кооперации) могло развиваться. При капитализме ничто не спасало и не спасает основные массы мелких товаропроизводителей от разорения и пролетаризации при росте кулацко-капиталистических слоев. При капитализме под'ем сельского хозяйства был под'емом буржуазно-капиталистического хозяйства, какими бы сладенькими теориями ни прикрашивался этот процесс, каким бы самообманом и обманом других ни занимались всевозможные теоретики народнического толка. Эти теоретики считали, что крестьянин может «хорошо устроиться» и при капитализме. Один из виднейших наших народничествовавших ученых (ныне доподлинный сторонник кулацко-капиталистического развития советской деревни), проф. Макаров, писал, например, следующее:

«Если рабочий в светлой мечте о будущем социалистическом строе стремится разрушить современный строй; если рабочий, проникнутый идеями социализма, ждет того времени, когда погибнет современное капиталистическое общество; если рабочий верит, что в современном мире он не получит ничего хорошего,—то крестьянин не живет мечтой о социализме, о разрушении современного экономического общества; крестьянин верит в то, что и в современном обществе он может хорошо устроиться, если только будут созданы соответствующие условия (даны земля, знания и т. д.) (разрядка *моя. И. В.*). Если и крестьянству суждено дойти до сознания, что социалистический строй есть строй лучшего будущего, то оно очень и очень нескоро может дойти до этого сознания, ибо и в этом капиталистическом мире оно может «хорошо устроиться»—если только будут увеличиваться доходы крестьянского хозяйства» (разрядка *моя. И. В.*) [1]).

Тут же он дает и рецепты, как «хорошо устроиться» крестьянину при капитализме. Нужно только получить землю, использовать рационально рабочую силу, увеличить капиталы, увеличивать рабочий скот, инвентарь; надо интенсифицировать производство, усовершенствовать технику, надо получить хорошую агрономическую помощь, развивать сельскохозяйственное образование и т. д., и т. п. Все это может быть достигнуто, если разовьется кооперация. Вся эта сладенькая, глубоко реакционная теория, замазывавшая наличие и рост классовых противоречий в крестьянстве, замазывавшая классовую борьбу в деревне, замазывавшая процесс разорения и пролетаризации основных масс крестьянства, выдававшая прогресс кулацко-капиталистических слоев за прогресс всей массы крестьян, являлась явным обманом крестьянства. Общий под'ем крестьянского хозяйства может осуществиться только с ликвидацией капитализма в народном хозяйстве и в сельском хозяйстве в том числе. Без этого условия (а это достижимо только при установлении пролетарского государства) под'ем производительных сил в сельском хозяйстве происходит на капиталистической основе, т.-е. на основе обогащения небольшой группы кулаков-капиталистов и разорения и пролетаризации огромных масс мелких производителей-крестьян.

Октябрьская революция, установившая диктатуру пролетариата, ликвидировавшая помещичье землевладение, а вместе с этим и помещичий капитализм, в значительной части подрезавшая кулацкое хозяйство, создала предпосылки для такого под'ема основных масс крестьянства.

Развитие мелкого производства после революции происходило в противоречивых формах. Общий процесс осереднячения деревни с начала нэпа сменился развитием крестьянского хозяйства в условиях роста рыночных отношений. Капиталистические тенденции крестьянства получили оживление, и мы были свидетелями роста капитализма в нашем сельском хозяйстве, продолжавшегося до последнего момента. В таких условиях классовое расслоение деревни являлось одним из основных процессов, происходящих в крестьянстве. Однако, восстановление сельского хозяйства, происшедшее в годы нэпа, не сопровождалось восстановлением дореволюционного капитализма в земледелии. Сельское хозяйство сохранило мелкотоварную форму производства, середняк остался «центральной фигурой» в земледелии, несмотря на рост капитализма. Из этого факта необходимо сделать надлежащие выводы. Именно, восстановление нашего сельского хозяйства в основном произошло на базе середняцкого простого товарного хозяйства при участии в этом восстановлении капиталистических слоев и, повторяем, при их росте. К особенностям восстановительного периода, помимо того, что восстановление произошло при участии капиталистических слоев, но в основном в рамках простого товарного хозяйства, относится то обстоятельство, что это восстановление произошло, как правило, на базе старой техники. А эта техника—техника мелкого производства, смогшего освоить землю в значительной мере прежними приемами, путем имевшихся средств производства, путем применения рутинных приемов земледелия. Естественно, что дальнейший прогресс сельского хозяйства упирается в прямую необходимость технической реконструкции. Техническая же реконструкция в рамках мелкого производства возможна лишь в ограниченных пре-

[1]) Н. Макаров, «Крестьянское хозяйство и его интересы», Москва, 1917, стр. 14.

делах. Эти возможности имеются, и **задачей пролетарского государства в данное время является создание таких условий, которые бы позволили использовать все те возможности, которыми в советских условиях располагает мелкое хозяйство для под'ема производительных сил.**

При этом вовлечение все большей массы крестьян в обобществленное хозяйство будет противодействовать капиталистическим тенденциям, **будет вступать в ожесточенную борьбу с этими тенденциями. Борьба капиталистических и социалистических тенденций в развитии сельского хозяйства,** пока социалистические тенденции не получат решительного перевеса, будет являться основным противоречием предстоящего ближайшего периода в экономическом развитии нашего земледелия.

Таким образом, новое в современных путях развития крестьянского хозяйства заключается в таком сочетании технической революции с одновременным преобразованием мелких производителей в производителей крупного обобществленного хозяйства, которое обеспечило бы социалистическую перестройку всего сельского хозяйства и оставило бы далеко позади все возможности и тенденции развития капиталистических отношений. Следовательно, в ближайшие годы эволюция крестьянского хозяйства должна еще больше изменить свое направление. Если до настоящего времени это развитие характеризовалось консолидацией и укреплением индивидуального середняцкого хозяйства при одновременном росте капиталистических хозяйств и переходом в тех или иных размерах бедняцких слоев в середняцкие, на базе также мелкого индивидуального производства, то в ближайшее время усилия пролетарского государства должны быть направлены в сторону превращения индивидуального бедняцкого и середняцкого хозяйства все более в общественное, коллективное хозяйство, в сторону такой трансформации существующих общественных отношений в сельском хозяйстве, которая вела бы к уничтожению в конечном счете вообще всякой эксплоатации.

* * *

Выяснение классовой структуры сельского хозяйства у нас страдает недостаточной точностью. Мы до сих пор еще не имеем законченной методологии статистического учета классов и в сущности говоря находимся в стадии предварительных исследований. В силу этого о классовом составе нашей деревни мы имеем лишь очень **грубые данные**, позволяющие получить только общую ориентировку в этом вопросе. Для того, чтобы дать общий ответ на вопрос о классовых соотношениях в сельском хозяйстве, воспользуемся материалами комиссии СНК СССР по изучению тяжести обложения населения; при этом мы сохраняем принятую комиссией терминологию. Эти данные опубликованы в книге «Тяжесть обложения в СССР» — издание НКФ (Москва, 1929 г.).

Социальный состав сельскохозяйственного населения по этим данным представляется в следующем виде (1926—27 г.):

Численность населения

	Самодеятельное			Все население		
	В тыс.		В %%	В тыс.		В %%
I. Пролетариат	2.560	или	11,3	4.713	или	4,2
а) рабочие	2.444	„	10,8	4.374	„	3.9
б) служащие	116	„	0,5	339	„	0,3
II. Беднота	5.037	„	22,1	21.106	„	18,7
III. Середняки	14.280	„	62,7	81.045	„	71,9
IV. Предприниматели	896	„	3,9	5.859	„	5,2
Итого	**22.773**		**100**	**112.723**		**100**

Из этой таблицы мы видим, что капиталистическая часть деревни составляет относительно небольшую величину и главная масса падает на мелких простых товаропроизводителей: середняки вместе с беднотой составляют 84,8%. Однако, подобное простое сопоставление численности отдельных социальных групп ни в какой степени не дает ответа на вопрос об экономической роли классовых прослоек. Если взять удельный вес разных слоев в доходе сельскохозяйственного населения, то по материалам той же комиссии СНК мы получим для 1926 — 27 г.:

I. Пролетариат	4%
в том числе:	
а) рабочие	3,2%
б) служащие	0,8%
II. Беднота	13,0%
III. Середняки	72,0%
IV. Предприниматели	11,0%

Однако, и эти данные еще недостаточно показательны для характеристики экономической роли разных слоев. Для того, чтобы полнее учесть экономическую роль отдельных классов, необходимо взять данные о количестве сельскохозяйственной продукции, производимой различными группами, и данные о товарной продукции, выбрасываемой этими группами.

Наконец, важнейшим показателем экономической роли различных социальных слоев являются данные о распределении по разным группам основных средств производства. В настоящее время мы не имеем сколько-нибудь точных общих для страны расчетов в этом направлении, но несомненно, что экономическая роль капиталистических, например, слоев по этим показателям будет характеризоваться значительно более высоким процентом. Иллюстрацией к сказанному может служить следующая таблица о распределении средств производства по группам хозяйств, расчлененных по общей стоимости основных средств производства на одно хозяйство:

Группировка хозяйств по стоимости средств производства

(динамическая перепись 1927 г.).

Группы хозяйств по размерам средств производства на 1 хозяйство	Ср.-Волжская обл.			Северный Кавказ			Центр.-Черноземн.		
	% хозяйств	Стоимость инвентаря	Общ. стоимость всех ср. произв.	% хозяйств	Стоимость инвентаря	Общ. стоимость всех ср. произв.	% хозяйств	Стоимость инвентаря	Общ. стоимость всех ср. произв.
До 50 руб.	9,3	0,0	0,4	16,6	—	0,5	10.0	—	0,4
51— 200 руб.	19,1	1,6	5,9	17,0	1,1	4,2	18,5	2,1	5,4
201— 400 „	28,3	12,5	20,4	19,0	7,5	11,0	26,6	15,6	18,1
401— 800 „	29,5	31,4	39,4	24,8	23,6	27,0	31,6	39,3	39,8
801—1600 „	11,5	35.2	21,8	16,7	34,9	34,7	11,5	32,0	27,3
Свыше 1600 руб.	2,3	19,3	12,1	5,9	32,9	22,6	1,8	11,0	9,0
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Если в этой таблице взять группу самых мощных хозяйств, со стоимостью средств производства свыше 1.600 руб. на хозяйство, то оказывается, **что 2,3% этой высшей группы в Средне-Волжской области концентрируют у себя 19,3% стоимости всего инвен-**

таря и 12,1% от общей стоимости всех средств производства по всем хозяйствам.

По Северному Кавказу 5,9% высших групп концентрируют в своих руках 32,9% стоимости всего инвентаря и 22,6% общей стоимости всех средств производства. По ЦЧО — 1,8% концентрируют в своих руках 11% стоимости всего инвентаря и 9% от общей стоимости всех средств производства по всем хозяйствам. Этот процент не характеризует концентрации средств производства кулаками, ибо взятые нами наиболее мощные группы хозяйств не характеризуют еще классовые группы в районе, но эта таблица дает представление о том, что экономическая роль высших групп значительна и что простое сопоставление численности хозяйств, либо населения, является вовсе недостаточным показателем.

Важнейшим условием при изучении классового соотношения является рассмотрение данных во времени. Материалы той же комиссии СНК по тяжести обложения позволяют нам дать ориентировочную характеристику динамики классовых отношений за три года: за 1924—25, 1925—26 и 1926—27 годы.

Рассмотрим динамику каждой группы.

С.-х. пролетариат.

Число самодеятельных в %% к итогу всего самодеятельного сел.-хоз. населения.

	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
Рабочие	9,3	10,4	10,8
Служащие	0,4	0,5	0,5
Всего. . .	9,7	10,7	11,3

Из этой таблицы мы видим, что удельный вес пролетарского населения в деревне непрерывно увеличивается. Этот рост сельскохозяйственного пролетариата свидетельствует о росте классового расслоения деревни, о переходе части бедноты на положение рабочих.

Темпы роста пролетариата весьма значительны, как видно из следующих данных о % прироста по годам:

	1925/26 г.	1926/27 г.	За 2 года (1926/27 г. в % к 1924/25 г.)
Рабочие.	+12,1	+4,5	+17,2
Служащие	+17,2	+0,0	+17,2
Итого	+12,4	+4,3	+17,2

Сильный скачок (на 12,4%) в 1925—26 году отчасти об'ясняется улучшением статистического учета наемного труда в результате легализации отношений по найму и отпуску рабочей силы в сельском хозяйстве, которая произошла в этот период.

Вместе с этим по материалам той же комиссии повышается экономический уровень с.-х. пролетариата, при чем рост дохода у пролетарских слоев происходил более быстрым темпом, чем у всех прочих групп сельскохозяйственного населения.

% прироста дохода с 1924/25 г. по 1926/27 г.

	На одного самодеятельного	На душу всего населения
Пролетариат	+29,3	+29,4
В том числе:		
а) рабочие.	+27,2	+27,4
б) служащие	+38,9	+38,8
Беднота	+16,9	+21,3
Середняки	+28,7	+29,2
Предприниматели	+22,5	+22,5
Все сел.-хоз. население	+28,7	+30,0
Все несел.-хоз. население . .	+36,4	+37,8
В том числе:		
а) рабочие.	+36,3	+44,1
б) кустари и ремесленники .	+21,8	+24,1
в) мелкие и полукап. предпр.	+48,8	+50,3
г) капиталисты	+25,4	+25,6

Среди сельскохозяйственного населения наибольший прирост доходов имеет пролетариат, при чем темп роста дохода рабочих в промышленности значительно превышает рост доходности с.-х. рабочих. Вместе с этим рост доходности бедняцких слоев в деревне наименьший не только в сравнении с остальными группами с.-х. населения, но и в сравнении со всеми группами всего населения СССР.

Интересно поставить вопрос, из каких слоев крестьянских хозяйств выходят сельскохозяйственные рабочие. Рядом исследований установлено, что наибольшая масса батраков черпается из состава бедняцкого населения. Следующая таблица, составленная по материалам выборочного обследования труда и быта сельскохозяйственных рабочих, дает отдельные интересные цифры по вопросу о том, из каких слоев вышли сельскохозяйственные рабочие [1]):

Число рабочих, вышедших из хозяйств (в %% к итогу по строке).

Годы	Без земли	С землей					
		Без рабочего скота			С рабочим скотом		
		Без посева	С посевом	Итого	Без посева	С посевом	Итого
1926 г.	35,4	5,5	30,2	35,7	0,4	28,5	**28,9**
1927 г.	29,5	8,5	30,0	38,5	0,6	31,4	**32,0**

Анализ этой таблицы позволяет сделать следующие выводы: 1) Значительная часть батраков и пастухов вышла из хозяйств безземельных, при чем удельный вес этого типа рабочих в 1927 году по сравнению с 1926 годом уменьшается и соответственно растет удельный вес батрачества, вышедшего из хозяйств, обеспеченных землей.

2) Значительная часть батраков (28,5%) является выходцами из хозяйств, имевших и рабочий скот и посевы, при чем удельный вес этого типа батраков в 1927 году повысился.

---

[1]) См. ст. Мельникова в журн. «На Аграрном Фронте» № 11 за 1928 г.

3) Хозяйства, из которых выходят батраки в случае, если они обеспечены землей, в подавляющем числе имеют посевы (из 64,6% хозяйств с землей в 1926 году 58,7% оказались с посевами). Причиной пролетаризации является необеспеченность отдельных групп крестьянства средствами производства, ибо имеющие посевы крестьянские хозяйства не превращались бы в батрацкие хозяйства, если бы они были обеспечены инвентарем и скотом. Землю они получают на равных правах с другими.

Именно невозможность для бедноты освоить землю, невозможность расширить посевы за отсутствием основных средств производства и является основной причиной пролетаризации бедняцких слоев нашей деревни.

Конечно, и землеобеспеченность, трудные условия освоения земли, ее дальность, неравномерность во многих местах распределения между отдельными группами хозяйств, наблюдающаяся в ряде мест концентрация земли кулачеством и т. п. играют свою роль. Но основное противоречие современной деревни—это противоречие, основанное на распределении главнейших средств производства (машины, орудия, скот и т. п.) между разными экономическими группами деревни. Именно это противоречие ведет к образованию классовых противоречий, ведет к классовому расслоению крестьянства.

Чтобы закончить характеристику сельскохозяйственного пролетариата, приведем данные о составе его по характеру работы:

Группы сел.-хоз. пролетариата	Самодеятельные		
	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
Рабочие	2.085	2.338	2.444
В том числе:			
1. В крест. хоз. и сельск. общ.	1.469	1.634	1.714
2. В совхоз. и друг. сельск.-хоз. предпр.	289	351	371
3. На рыбных промыслах	23	32	32
4. В лесничествах	60	61	63
5. На лесозагот. и лесосплаве	174	193	193
6. В сельск. хоз. городов	60	67	71
Служащие	99	116	116
В том числе:			
В сельских местностях	67	78	78
В городах	32	38	38
Итого с.-х. раб. и служ.	2.184	2.454	2.560

Мы видим, что наибольшая часть сельскохозяйственного пролетариата занята в крестьянском хозяйстве и в сельских обществах. Следующей по многочисленности группой являются рабочие совхозов и других сельскохозяйственных предприятий; на лесозаготовках и лесосплаве занято, примерно, около 7,5% сельскохозяйственного пролетариата, остальные категории рабочих исчисляются небольшими цифрами. Служащие в сельскохозяйственных местностях также представляют небольшую, сравнительно, величину.

Рассматривая динамику различных групп сельскохозяйственных рабочих, необходимо отметить, что удельный вес рабочих, занятых в совхозах, несколько повысился от 1924—25 г. к 1926—27 г.

Отмеченное в этой таблице падение темпа роста сельскохозяйственного пролетариата в 1926—27 году об'ясняется отчасти тем обстоятельством, что в предшествующие годы бурный рост сельскохозяйственных рабочих вызван был проведенной легализацией найма рабочей силы.

Перейдем к характеристике численности и динамики мелких простых товаропроизводителей, включающих в себя неоднородные группы крестьянства, различающихся между собой экономической неоднородностью и наличием различных антагонистических производственных отношений, которые являются зачатками капитализма в сельском хозяйстве.

Эволюция бедноты по материалам той же комиссии по тяжести обложения представляется в следующем виде:

	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
Число самодеятельных в тыс.	5.803	5.317	5.037
В %% к итогу населения	25,9	23,7	22,1
В %% к предыдущему году	—	91,6	94,7
% убыли	—	8,4	5,3

С 1924—25 г. по 1926—27 год беднота по этим данным сократилась на 13 с лишним процентов! Куда уходит беднота и что с нею делается?—таков первый естественный вопрос.

Мы можем себе представить следующие «пути» бедноты: переход в несельскохозяйственное население, забрасывание своего, с позволения сказать, «хозяйства», пополнение кадра сельскохозяйственного пролетариата, занятого как в частном, так и в обобществленном секторе сельского хозяйства, переход, наконец, в высшие группы, улучшение своего индивидуального хозяйства и превращение в середняцкие группы.

Исчерпывающего материала, который со всей достоверностью освещал бы этот вопрос, мы не имеем. Можно лишь применить самые грубые и упрощенные приемы расчетов. Подобные расчеты и были произведены комиссией по тяжести обложения. После вычисления естественного прироста в каждой группе были получены следующие данные о движении всего сельскохозяйственного населения (в тыс. душ.):

	Все с/х. насел.	Пролетар.	Беднота	Середняки	Предприниматели
Прирост + или убыль — за 1925/26 г.	— 854	+ 507	— 2.581	+ 669	+ 551
То же за вычетом ест. прир.	— 3.541	+ 410	— 3.186	— 1.200	+ 436
Прирост + или убыль — за 1926/27 г.	+ 1.633	+ 181	— 1.558	+ 2.506	+ 504
То же за вычетом ест. прир.	— 1.144	+ 68	— 2.125	+ 543	+ 370

Из этой таблицы мы видим, что в 1925—26 году не произошло никакого увеличения средней группы, более того, она сократилась в своем числе. Вместе с тем сократилась и беднота, увеличились лишь группы пролетариата и предпринимателей. Общее количество всего сельскохозяйственного населения сократилось на 854.000, если прибавить к этой цифре 2.687.000 душ естественного прироста, то сокращение выразится цифрой 3.541.000 душ. Несомненно, что сильное сокращение бедноты в этом году прежде всего об'ясняется уходом в города, превращением в рабочих промышленности. 1924—25 год в этом отношении характеризовался двумя обстоятельствами, во-первых, значительным набором рабочих в промышленность, и во-вторых, этот год был неурожайным. Таким образом, значительная часть бедноты была поглощена нашей промышленностью. Другая часть бедноты пополняла кадры сельскохозяйственного пролетариата. Если теперь мы суммируем количество ушедшего из сельского хозяйства населения и прирост батрацкого населения (за вычетом естественного при-

роста), то получим цифру в 3.951.000 душ, вышедших из бедноты и середняков. Если из этой цифры вычтем количество населения, на которое уменьшилась беднота, то остается еще 765.000 душ, которые, очевидно, вышли из среды середняцкого населения. Эти 765.000 душ характеризуют процесс пролетаризации середняка.

Суммируя эту цифру — 765.000 душ — с приростом предпринимательской группы, мы получим 1.201.000 душ, на которые сократились по двум направлениям середняцкие группы. Отсюда видно, что у середняка были два пути: в промышленность, в сельскохозяйственный пролетариат и бедноту с одной стороны, и в предприниматели—с другой.

И тот и другой путь середняки в 1925—26 году «с успехом» использовали. Этот «путь» середняка является выражением общего процесса классового расслоения деревни: превращения в пролетария, с одной стороны, и в капиталистического предпринимателя—с другой. Однако, приведенные расчеты являются самыми общими. Действительность гораздо сложнее. Вся сложность эволюционных процессов в крестьянстве представлена в книге Коврайского и Нусинова «Классы и классовые отношения в современной советской деревне». В нашей деревне наблюдаются процессы перехода бедноты в средние группы.

Что переход бедноты в середняцкие группы вместе с под'емом середняцкого хозяйства в действительности имел место, можно проследить по материалам упомянутой комиссии по тяжести обложения, относящимся к 1926 — 27 году.

Изменение в группах за вычетом естественного прироста к 1926—27 г. (в тыс. душ).

Все сельскохозяйственное население	— 1.144
С.-х. пролетариат	+ 68
Бедняки	— 2.125
Середняки	+ 543
Предприниматели	+ 370

Конечные результаты показывают, что значительная часть бедноты перешла в середняцкие группы на ряду с превращением в с.-х. пролетариат и уходом из сельского хозяйства. Пополнение середняцких слоев со стороны бедноты (несомненно, более «обеспеченной» ее части) компенсировало и переход середняков в предпринимательские группы и обратный переход середняков в низшие группы (который, конечно, происходил).

Рассмотрим динамику «предпринимательской» группы.

Число самодеятельных в предпринимательской группе по годам (в тыс.)

	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	3 и 2 года
Абсолютн.	728	816	896	—
В %% к итогу	3,3	3,7	3,9	—
Прирост в %% за год	—	+ 12,1	+ 9,8	+ 23,1

Мы видим довольно значительный прирост предпринимателей, при чем темп роста их в 1926 — 27 г. ослабился.

Таким образом, необходимо, констатировать, что за последние годы неизменно происходил рост капитализма в нашем сельском хозяйстве. Для сравнения с ростом капитализма вне сельского хозяйства приведем следующую табличку:

Динамика самодеятельного населения в предпринимательских слоях вне сельского хозяйства.

	Процент прироста		
	1925/26 г.	1926/27 г.	3 и 2 года
Мелкие полукапиталистические предприним.	+ 11,5	— 2,1	+ 9,1
„ капиталистические „	+ 18,1	+ 3,4	+ 22,0
Средние и крупные капиталист. „	+ 28,6	— 4,2	+ 23,2

Мы видим, что в 1926 — 27 г. наблюдалось более резкое падение темпа роста капитализма вне сельского хозяйства, при сокращении численности самодеятельного населения в так называемой полукапиталистической группе.

В заключение—о ближайших перспективах в смысле изменения классовой структуры сельского хозяйства. В течение предстоящего пятилетия мы будем иметь быстрый рост коллективизации. По проектировке Госплана к концу пятилетия в колхозах будет об'единено до 20 миллионов с.-х. населения. Мы видели, что в 1926—27 г. бедноты насчитывалось 21 с лишком миллион. Если принять, что в колхозах бедняцкое население будет составлять половину всего населения, то колхозы поглотят до 10 миллионов человек бедноты.

Далее, если принять весьма условно, что весь естественный прирост бедняцкого населения (а также прирост вследствие пополнения из середняков) будет поглощен нашей промышленностью (Госпланом запроектировано к концу года уменьшение всего сельскохозяйственного населения), а также совхозами, то бедняцкое население будет исчисляться десятью миллионами. Однако, и из этого количества определенная часть сможет подняться и в определенной степени, так сказать, выйти из «бедняцкого состояния».

Таким образом, можно предполагать, что усиленное колхозное строительство, рост нашей промышленности, рост совхозов, а также поддержка мелкого и среднего индивидуального крестьянского хозяйства, приведет уже в ближайшее пятилетие к довольно значительному рассасыванию бедноты, этого глубочайшего пережитка прошлого, доставшегося пролетарскому государству в «наследство». Середняк же в ближайшей перспективе сохранит свое преобладающее положение, сохранит в подавляющей своей части индивидуальное производство, а следовательно, сохранит еще и тенденции капиталистического развития. Классовое расслоение деревни и выделение капиталистических элементов еще будет продолжаться, ибо под'ем мелкобуржуазного хозяйства неизбежно сопровождается и развитием капиталистических элементов. При этом необходимо иметь в виду два обстоятельства, резко ограничивающих тенденции капиталистического развития: во-первых, политику, направленную на борьбу с капитализмом, политику вытеснения капитализма, и во-вторых, все усиливающийся процесс роста всевозможных простейших производственных об'единений, роста производственного кооперирования и коллективизации, который все более должен будет охватывать середняцкие слои. Если политика пролетарского государства непосредственным образом влияет на задержку капиталистического развития и стимулирует некапиталистический путь развития современной деревни, то возникающие в результате этой политики, в результате воздействия и поддержки социалистического города, формы товарищеского земледелия означают реальный процесс постепенной трансформации существующих в мелкотоварном хозяйстве производственных отношений в производственные отношения коллективистического способа производства. В результате должно неизбежно происходить постепенное затухание капиталистических тенденций, существующих в крестьянском хозяйстве.

Предпринимательские слои в наших условиях подвержены неустойчивости и довольно значительному распаду. Если исходить из того, что пополнение капиталистических слоев из среды среднего крестьянства будет происходить беспрерывно замедляющимся темпом, при чем это пополнение будет лишь компенсировать распад кулацких хозяйств, то можно ожидать стабилизации сельскохозяйственного капитализма в ближайшее пятилетие. В ме-

стее этим экономическая роль сельскохозяйственного капитализма будет резко падать, эта экономическая роль будет падать даже в случае относительного роста численности капиталистических предпринимателей, *ибо их удельный вес в средствах производства*, *в продукции, в товарной продукции будет резко падать вместе с быстрым ростом обобществленного сектора*, *с ростом совхозов и колхозов*.

Совершенно иное положение получилось бы *при проведении политики правых уклонистов*: с сокращением программы колхозно-совхозного строительства, с прекращением наступления на капиталистические элементы кулачество значительно выросло бы и абсолютно и относительно. Крестьянская буржуазия в таком случае превратилась бы в гегемона в нашей советской деревне, а кулачество получило бы возможность сделать реальную попытку разорвать союз пролетариата со средним крестьянством и повести наступление на социалистический город.

Остановимся в заключение на социальных отношениях, существующих в нашей деревне и выражающих капиталистические тенденции мелкой буржуазии.

* * *

Отношения по найму и сдаче средств производства в нашей деревне весьма распространены. Для того, чтобы проиллюстрировать распространенность, приведем следующие цифры: по РСФСР процент хозяйств, обрабатывающих пашню наемным скотом, равнялся в 1925 году 25,6%, в 1926 г.—24,6%, 1927 г.—23,6%. Процент хозяйств, обрабатывающих пашню наемным инвентарем, из года в год изменялся следующим образом: в 1925 г. было 24,5%, в 1926 году—23,5%, в 1927 году—24,4%.

Познакомимся с данными об этих отношениях по районам РСФСР (по данным весенних опросов). (См. верхнюю табл. на след. стр.).

Данные позволяют сделать следующие выводы: как общее правило, происходит падение % хозяйств с обработкой пашни чужим скотом и инвентарем при возрастании удельного веса хозяйств с самостоятельной обработкой пашни и удельного веса хозяйств с частичным наймом средств производства (либо скот, либо инвентарь). Вместе с этим наблюдается (Сев. Кавказ и Сибирь) увеличение супрягающихся хозяйств при падении % хозяйств с самостоятельной обработкой, и в двух районах (Западный и ДВК) мы имеем падение % хозяйств с самостоятельной обработкой при одновременном росте хозяйств с обработкой земли и чужими скотом и инвентарем.

Все это является следствием известного под'ема мелкобуржуазного крестьянства, переходящего в определенной степени к самостоятельной обработке земли, а также супряге—типичным отношениям для мелкой буржуазии. На ряду с этим, рассмотренные данные характеризуют и рост отношений по найму и сдаче инвентаря в некоторых районах. Все вместе взятое свидетельствует о противоречивости эволюции современной деревни.

Однако, рассмотренные данные весенних опросов не позволяют еще сделать *устойчивых выводов*, ибо эти переписи отношений по найму и сдаче инвентаря уменьшают крайне грубо, к тому же материалов для характеристики *найма сложных машин*, а также *сдачи средств производства* они вовсе не дают. В действительности наймом и сдачей средств производства охвачена подавляющая часть крестьянских хозяйств. Рядом исследований установлено, что к найму инвентаря прибегает до ¾ и выше всех крестьянских хозяйств. Различными исследованиями установлено также, что из года в год количество хозяйств, как нанимающих, так и сдающих средства производства, *беспрерывно росло*. Чтобы не быть голословными, приведем следующую табличку из работы тов. Каврайского и

% хозяйств, обрабатывающих пашню:

Районы		Наемным скотом и наемным же инвентарем	Наемным скотом и своим инвент. или своим скотом и наемным инвентарем	Супрягой	Своим скотом и своим инвентарем	**Смешанным образом**
Северо-Восточн.	1926 г.	20,6	2,9	0,6	72,3	**3,6**
	1927 „	20,3 (—)	3,3 (+)	0,2 (—)	72,3 (=)	**3,9 (+)**
Ленинградская область	1926 „	14,4	3,9	1,8	73,5	**6,4**
	1927 „	14,6 (—)	3,2 (—)	1,4 (—)	78,0 (+)	**3,8 (—)**
Западный	1926 „	8,9	1,3	0,9	82,8	**6,1**
	1927 „	10,1 (+)	1,6 (+)	3,8 (+)	81,5 (—)	**3,0 (—)**
Центрально-Промышл.	1926 „	27,2	2,1	1,1	65,8	**3,8**
	1927 „	26,9 (—)	2,8 (+)	1,5 (+)	65,8 (=)	**3,0 (—)**
Центрально-Чернозем.	1926 „	35,6	2,0	3,6	53,1	**5,7**
	1927 „	33,2 (—)	2,1 (+)	4,3 (+)	56,9 (+)	**3,5 (—)**
Вятский	1926 „	14,3	2,9	0,9	76,4	**5,5**
	1927 „	14,3 (=)	3,4 (+)	1,0 (+)	78,6 (+)	**2,7 (—)**
Урал	1926 „	15,2	2,2	13,6	58,3	**10,7**
	1927 „	14,2 (—	2,6 (+)	12,4 (—)	63,1 (+)	**7,7 (—)**
Башкирия	1926 „	21,8	2,0	19,8	44,7	**11,7**
	1927 „	19,5 (—)	2,6 (+)	23,7 (+)	46,5 (+)	**7,7 (—)**
Ср.-Волжский	1926 „	31,8	1,9	6,8	53,2	**6,3**
	1927 „	28,0 (—)	3,5 (+)	9,2 (+)	53,7 (+)	**5,6 (—)**
Нижн.-Волжский	1926 „	28,4	2,0	27,5	33,0	**9,1**
	1927 „	27,0 (—)	2,7 (+)	26,7 (—)	36,7 (+)	**6,9 (—)**
Крым	1926 „	29,0	2,7	47,5	17,3	**3,5**
	1927 „	24,9 (—)	2,0 (—)	38,6 (—)	17,3 (=)	**17,2 (+)**
Сев. Кавказ	1926 „	29,6	—	42,1	23,4	**4,9**
	1927 „	26,4 (—)	2,0	47,4 (+)	15,4 (—)	**8,8 (+)**
Сибирь	1926 „	10,7	3,7	17,0	57,6	**11,0**
	1927 „	10,3 (—)	5,0 (+)	21,3 (+)	56,7 (—)	**6,7 (—)**
Д.-В. К.	1926 „	11,2	2,7	19,9	50,0	**16,2**
	1927 „	12,4 (+)	3,5 (+)	25,0 (+)	48,5	**10,6 (—)**

Нусинова «Классы и классовые отношения в современной советской деревне», исследовавших этот вопрос по данным динамической переписи в 1927 и 1928 годах:

% хозяйств ко всему итогу.

	1927 г.	1928 г.
Всех нанимающих средства производства	74,8	78,0
Нанимающих сложные машины	62,1	67,1
„ простой инвентарь	25,1	32,6
„ рабочий „	2,4	3,5
„ рабскот с простым инвент.	11,5	13,1
Всех сдающих средства производства	32,6	46,6
Сдающих сложные машины	18,4	25,6
„ простой инвентарь	6,8	12,8
„ рабочий скот	3,3	4,9
„ рабскот с прост. инвентарем	5,9	12,9

Мы видим возрастание количества хозяйств, прибегающих к найму и сдаче средств производства. Это с несомненностью свидетельствует о росте классового расслоения деревни, росте антагонистических отношений, о росте, следовательно, классовых противоречий в нашей деревне. Эти данные относятся к 1927—28 году, т.-е. году усиленного наступления на капиталистические элементы, что еще более подчеркивает текучесть капитализма в нашем сельском хозяйстве, *подчеркивает живучесть капиталистических тенденций в развитии крестьянского хозяйства.*

Лишний раз необходимо отметить, что изживание этих тенденций может быть реально достигаемо лишь процессом коллективизации деревни.

Под'ем мелкобуржуазного хозяйства, коль скоро он происходит в основном в форме индивидуального хозяйства, неизбежно сопровождается выделением капиталистических элементов и ростом классовых противоречий в деревне.

Рассматривая распространенность найма и сдачи инвентаря по различным группам крестьянских хозяйств, мы прежде всего должны констатировать, что в большей степени наем инвентаря свойственен назшим группам крестьянских хозяйств, и, наоборот, сдача инвентаря растет вместе с ростом экономической мощности крестьянских хозяйств. Подобные материалы получены рядом исследований советской деревни. Это свидетельствует о том, что высшие группы крестьянских хозяйств, располагающие определенным количеством машин, орудий и рабочего скота, не используя этих средств производства в своем собственном хозяйстве, прибегают к эксплоатации их в чужих хозяйствах и прежде всего в хозяйствах бедноты. Беднота, не обладающая достаточным количеством средств производства, для того, чтобы поддержать свое хозяйство, вынуждена прибегать к найму средств производства у обеспеченных групп. Таким образом, этот тип производственных отношений в сельском хозяйстве выражает в данное время основное противоречие, свойственное современной деревне и заключающееся в том, что основные факторы сельскохозяйственного производства—средства производства — концентрируются еще в значительном числе в руках относительно небольших слоев деревенской буржуазии при необеспеченности бедноты.

Что наем рабочего скота и инвентаря свойственен в наибольшей мере именно низшим группам, можно проиллюстрировать следующими данными:

Количество хозяйств, обрабатывающих пашню чужим скотом и чужим инвентарем в %% к итогу.

	% х-в для всех районов	Северо-Восточный район	Ленинградская область	Западный	Центр.-Промышленный	Вятский	Уральская область	Башкирская АССР	Центрально-Черноз.	Средне-Волжский	Нижне-Волжский	Крым
Низшие группы	30	57,6	74,7	66,7	52,7	61,1	72,0	66,4	57,8	55,9	63,4	45,2
Высшие группы	5	0,2	0,2	0,3	6,0	0,2	0,0	0,1	0,2	0,2	0,1	0,0

Таким образом, на *почти одну треть* низших посевных групп, среди которой наибольшее число безлошадных и безынвентарных, *всюду приходится значительно более половины всего* числа хозяйств, обрабатывающих землю чужим скотом и чужим инвентарем, при чем во многих местах эта цифра доходит до двух третей и больше.

Это показывает, что нанимают скот и инвентарь преимущественно низшие, бедняцкие группы, и в этом заключается «гвоздь» вопроса в отношениях по найму и сдаче скота и инвентаря. Если взять % хозяйств среди этих низших групп, которые обрабатывают землю и чужим скотом и чужим инвентарем, то оказывается, что подобные хозяйства составляют до ⅔ всей бедноты, а местами и значительно выше.

% хозяйств, обрабатывавших весной 1927 г. пашню при помощи наемного скота и наемного инвентаря.

	Среди 30% низших групп	Среди 5% высших групп
Северный Кавказ	59,2	1,7
Крым	47,4	0,3
Нижне-Волжский	63,1	0,5
Средне-Волжский.	58,8	1,0
Ц. Ч. О.	70,4	1,7
Башкирия	48,7	0,5

Мы видим, что у высших групп только 1 хозяйство из 100 по тем или иным причинам пользовалось чужими средствами производства для обработки своей пашни, в то время как у низших групп подобное количество хозяйств во многих случаях превышает половину всего их числа.

Среди некоторых исследователей существует воззрение, что отношения по найму и сдаче инвентаря не являются показателем капиталистических производственных отношений. Одним из ходячих аргументов при этом является ссылка на то, что наем и сдача инвентаря распространены и в средних группах, а не только среди полярно-противоположных групп бедноты и кулака. Мы в действительности наблюдаем подобное явление. Действительно, распространены случаи, когда к найму сложного инвентаря, например, прибегает подавляющее большинство крестьянских хозяйств данного села, либо округа. Это значит, что огромная часть середняков, а частично и кулацкие группы, пользуется в своем хозяйстве чужими средствами производства; с другой стороны, имеется определенная группа и середняцких хозяйств, которая сдает свои средства производства в чужие хозяйства. Однако, из этих фактов было бы нелепо делать выводы о том, что указанные социальные отношения не носят капиталистического характера. Прежде всего нужно подчеркнуть, что подобный же вывод можно было бы сделать и в отношении к найму и отпуску рабочей силы. Если просмотреть соответствующие статистические данные, то окажется, что из общего количества с.-х. рабочих на долю середняцких хозяйств падает не менее половины, а по утверждению некоторых товарищей — и значительно больше. Помимо этого, среди середняцких же хозяйств имеется некоторый процент хозяйств, которые отпускают рабочу юсилу на сторону. Эти факты отнюдь не опровергают капиталистической природы отношений по найму и продаже рабочей силы в частных хозяйствах. Равным образом, наличие отношений по найму и сдаче инвентаря в средних группах не опровергает капиталистической природы этих отношений, как их основной сущности. Эти отношения являются капиталистическими именно потому, что в основе их лежит то же противоречие, которое свойственно отношениям по найму и продаже рабочей силы. Это противоречие заключается в том, что значительная масса бедняцких крестьянских хозяйств либо лишена основных средств производства и вынуждена продавать свою рабочую силу, либо пользуется чужими средствами производства в порядке их найма. Другая часть — крестьянская буржуазия — концентрирует в своих руках значительную массу этих средств производства и использует их либо в порядке привлечения путем найма рабочей силы в свои хозяйства, либо использует эти средства в порядке сдачи их в чужие

хозяйства. Ко всему этому необходимо прибавить, что в советских условиях капитализм не может беспрепятственно развиваться по пути «чистых» капиталистических форм, ибо организация собственного капиталистического хозяйства затруднена: крестьянская буржуазия ограничена в возможностях расширения землепользования, ограничена в возможностях организации крупных собственных предприятий. Располагая же определенными средствами производства, крестьянская буржуазия устремляется по пути примитивных форм капиталистических отношений — по пути извлечения прибавочной стоимости путем эксплоатации при сдаче средств производства в аренду. Отрицание капиталистического характера найма и сдачи инвентаря, как основной сущности этих отношений, является непосредственным замазыванием имеющихся в деревне классовых противоречий, классового расслоения крестьянства и уменьшением бдительности пролетариата к росту классовых врагов в деревне. «Теория», ведущая к замазыванию капиталистической природы отношений по найму и сдаче инвентаря, есть несомненное проявление правого уклона, пытающегося затушевать классовые противоречия и классовую борьбу в деревне.

До 1927—28 года наблюдался рост арендных отношений, при чем в ряде районов этот рост был довольно значительным. В 1928 г. произошел перелом, и мы имеем падение аренды. По данным весенней кон'юнктурной анкеты, посевная площадь на арендованной земле в РСФСР в 1928 г. составляла 86,3% от площади 1927 г. Почти повсеместное сокращение посева на арендованной земле в 1928 г. явилось в основном результатом освоения земли беднотой, сократившей сдачу земли в аренду. По Европейской части СССР в 1926 г. количество земли, находящейся в аренде, приближалось к 10 миллионам га (в четыре раза меньше довоенного), в 1928 году это количество арендованной земли, по всей вероятности, сократилось процентов на 10. Характер арендных отношений по разным районам различен, но повсеместно преобладающую роль играет денежная аренда. Для того, чтобы иллюстрировать это, приведем нижеследующие цифры:

% арендующих за деньги к итогу арендующих (1927 г.)

Район	%	Район	%
Северо-Восточный	63,5	Нижне-Волжский	76,2
Ленинградский	72,7	Крым	67,2
Западный	76,8	Сев. Кавказ	62,1
ЦПО	55,6	Дагестан	30,2
ЦЧО	55,9	Сибирь	68,9
Вятский	46,0	Бур.-Монгол.	53,3
Урал	70,5	Д.-Восток	55,2
Башкирия	51,9	РСФСР	65,5
Ср.-Волжский	81,8		

Во многих местах распространена натуральная и издольная аренда, особенно в окраинных районах с незаконченной аграрной революцией, где сохранились еще пережитки крепостнических земельных отношений (Казакстан, Дагестан и др. республики).

В наших условиях основным типом сдатчика земли является беднота, сдающая землю зажиточным слоям и кулачеству, которые этим путем мобилизуют землю в своих руках. Яркой иллюстрацией к сказанному могут служить следующие, например, данные [1]:

[1] Взяты районы с экстенсивным земледелием, где группировка по посеву примерно характеризует и размеры хозяйства.

% арендованной и сданной пашни ко всей арендованной (1927 г.).

	У 30% низших		У 5% высших	
	Арендовано	Сдано	Арендовано	Сдано
Ц. Ч. О.	2,3	69,8	41,5	1,3
Средне-Волжский	2,9	50,0	54,4	3,3
Нижне-Волжский	2,4	52,5	53,5	2,7
Крым	7,4	—	53,8	—
Сев. Кавказ	9,1	37,4	45,7	1,8
Сибирь	9,7	36,0	45,5	2,6
Башкирия	3,2	49,5	44,6	1,8
Урал	2,9	36,6	43,6	3,1

Только 5% высших групп арендуют до половины и больше всей арендованной земли и обратно 30% низших групп сдают до половины всей сданной земли. Данные достаточно показательны и не нуждаются в комментариях.

Нужно добавить, что аренда-сдача земли распространена и в средних группах, но основной причиной этих отношений является подчеркнутое выше главное противоречие в деревне: неравномерность в распределении средств производства между разными слоями деревни, сосредоточение значительного количества их в руках крестьянской буржуазии и необеспеченность или слабая обеспеченность средствами производства низших групп деревни.

Выше мы уже характеризовали количество с.-х. пролетариата, живущего на доходы от продажи своей рабочей силы. Общая же распространенность хозяйств с наймом рабочей силы видна из следующих данных (1927 г.):

	Процент хозяйств с наймом сроковых рабочих (весенний опрос)		Процент хозяйств с наймом всех видов сроков., поден., сдельн., отработки (данные динамической переписи)
	х-в имеющих наемн. рабоч.	в том числе с.-х. рабочих	
Сев.-Восточный	5,28	3,68	19,3
Ленинградский	3,53	2,02	14,1
Западный	2,67	2,01	12,3
ЦПО	4,59	2,77	15,1
ЦЧО	0,81	0,67	6.3
Вятский	2,07	1,44	23,5
Уральская обл.	3,28	2,61	32,0
Башкирская АССР	2,19	1,42	20,6
Средне-Волжский	1,08	0,91	15,8
Нижне-Волжский	2 34	1,80	—
Крымская АССР	7,54	7,08	—
Сев. Кавказ	3,81	2,59	29,9
Дагестан	4,72	4,13	12,3
Сибирский край	4,31	3,48	33,7
Бур.-Монголия	3,97	3,07	—
Д. В. К.	3,99	3,41	20,6
РСФСР	3,04	2,15	—

В 1928 году, судя по некоторым данным, произошло уменьшение числа хозяйств с наймом рабочей силы.

По материалам динамической переписи в Сибири динамика наемного труда от 1927 к 1928 году была следующей [1]:

Процент хозяйств с наймом		Проц. хозяйств с отпуском вообще		Человеко-дней Нанято		Человеко-дней Отпущено	
1927 г.	1928 г.	1927 г.	1928 г.	1927 г.	1928 г.	1927 г.	1928 г.
34,4	32,9	37,8	38,5	58	50	114	88

[1] См., напр., Каврайский и Нусинов «Классы и классовые отношения», стр. 86.

Усиление наступления на капиталистические элементы, проводимое после XV партс'езда, вызвало уменьшение найма рабочей силы и, как мы видели, аренды-сдачи земли.

Однако, было бы преждевременно делать вывод о том, что капиталистические отношения тем самым вообще сократились. Мы констатировали по материалам той же динамической переписи 1928 г. в Сибири, что отношения по найму и сдаче инвентаря выросли, а в результате кулацкие элементы в той или иной степени также выросли. Это видно из следующей динамики капиталистической группы, исследованной в вышецитированной нами книге Каврайского и Нусинова [1]).

Число кулаков.

В 1927 г.	В 1928 г.	Сальдо
605	654	+ 49 или + 8 %

Таким образом, очевидно, что в 1928 г. наблюдался рост капиталистических элементов. Классовое расслоение продолжалось, но в несколько изменившихся формах: при сокращении наиболее ярких капиталистических отношений (наем рабочей силы), выросли более примитивные, более замаскированные капиталистические отношения в виде сдачи инвентаря и скота. Все это лишний раз свидетельствует о живучести капитализма в современной деревне об устойчивости капиталистических тенденций мелкой буржуазии.

Лишь при последовательном и неуклонном строительстве социалистических форм, радикально вытесняющих капиталистические производственные отношения, мы будем итти по пути выкорчевывания сельскохозяйственного капитализма; лишь быстро развивая социалистическую индустрию, являющуюся материальной базой диктатуры пролетариата и предпосылкой социалистической перестройки нашего земледелия, мы сможем твердо стоять на пути превращения нашей страны из нэповской в социалистическую. Именно при этих условиях открываются широкие перспективы для развития нового, коллективистического способа производства, ведущего к уничтожению в конечном счете всякой эксплоатации человека человеком.

---

[1]) См. стр. 37.

А. Гайстер и А. Левин.

О составе деревенских партийных организаций.

Вопрос о составе нашей партии является основным и решающим как в отношении четкости политической линии, так и крепости партийной организации. Мелкобуржуазное окружение, в котором приходится нашей партии возглавлять пролетарскую борьбу за социализм, находит не мало каналов, через которые просачиваются непролетарские настроения в партию. Партия ограждается от них огромным размахом социалистического строительства, активной пропагандистской работой среди своих членов. На ряду с этим партия принимает решительные меры к улучшению своего социального состава (повышение удельного веса пролетарских групп), тем самым сводя к минимуму возможность непролетарских влияний на отдельные слои партии.

На возможность без этих решительных мер перерождения партии указывал тов. Ленин в своем письме к тов. Молотову.

«Все умные белогвардейцы,—писал тов. Ленин,—вполне определенно учитывают то обстоятельство, что, якобы, пролетарский характер нашей партии на самом деле нисколько не гарантирует ее от возможного перевеса и притом в самый короткий срок, элементов мелкохозяйских» [1]). Отсюда пристальное внимание партии к своему составу, отсюда все усиливающееся регулирование социального состава партии.

Тем более пристальным должно быть наше внимание к партийной организации в деревне. Эта часть партии не только постоянно находится под давлением мелкобуржуазной среды, среды, пока еще непрерывно выделяющей элементы капитализма, но и сами члены партии в деревне в большей своей части сами участвуют в общественном производстве в качестве мелких производителей—собственников средств производства. Поэтому партийная организация в деревне в отдельных своих частях легче подвержена перерождению. Если общим условием возможности утери в некоторых звеньях партии ясности партийной линии и даже перерождения является для большинства партии буржуазное и мелкобуржуазное окружение внутри и вне нашей страны, то для деревенской части партии имеются новые усложняющие условия, коренящиеся в способе производства большей части деревенских коммунистов.

Условия развития мелкобуржуазного хозяйства сказываются и на хозяйстве деревенского коммуниста. Оставаясь мелким собственником на средства производства, деревенский коммунист при росте его индивидуального хозяйства вступает в социально-противоречивые отношения с другими хозяйствами, и в ряде случаев его хозяйство *перерастает в зажиточное или даже предпринимательское хозяйство*. Такое *перерастание* хозяйства вызывает стремление «жить в мире с кулаком», приводит к недооценке значения пролетарской опоры в деревне—бедноты, к не-

---

[1]) Записки Института Ленина, т. I, стр. 61.

пониманию значения батрачества в борьбе за социализм в деревне, а иногда и к явной или скрытой поддержке кулака. Естественен поэтому интерес партии к хозяйственному и социальному положению деревенской части партии.

В гнездовом динамическом обследовании, произведенном ЦСУ в 1927 г., при опросе была зарегистрирована партийность членов крестьянских хозяйств.

По заданию ЦК ВКП(б), данные о хозяйстве коммунистов были разработаны ЦСУ СССР. Ниже приводятся предварительные итоги этой разработки [1]). Процент хозяйств коммунистов, разработанных нами, не настолько велик, чтобы мы могли полученные результаты распространять на всю деревенскую партийную организацию. Они могут служить только показателями положения и тенденций, обнаруживаемых в ряде деревенских партийных ячеек. От этого они, разумеется, не теряют своего интереса.

I. Мощность хозяйств деревенских коммунистов.

Мощность крестьянского хозяйства определяется размерами его средств производства. Последний (размер) правильней всего определяется через стоимостную оценку основных средств производства.

В каких группах по мощности располагаются хозяйства деревенских коммунистов?

Распределение хозяйств деревенских коммунистов и всех крестьян в группах по мощности.

Группы по стоимости средств производства	Р. С. Ф. С. Р.		У. С. С. С.		Б. С. С. Р.	
	% хоз. дерев. коммун.	% всех крест. хоз-в	% хоз. дерев. коммун.	% всех крест. хоз-в	% хоз. дерев. коммун.	% всех крест. хоз-в
До 200 рубл. . . .	24,2	25.3	27,3	23,9	11,1	17,6
201— 800 рубл. .	50,8	58,8	51,9	54,0	63,2	70,2
801—1600 „ .	20,3	13,0	16,3	18,2	25,0	10,6
Свыше 1600 руб. .	4,7	2,9	4,5	3,9	0,7	1,6

На ряду с низшими и средними слоями, составляющими основную массу членов партии, в партии значительно представлены слои выше средних и крупных хозяйств. Удельный вес высших п о м о щ н о с т и хозяйства слоев крестьянства в партии [2]) даже больше, чем среди всех крестьянских хозяйств.

Чем об'ясняется такое положение? Имел ли здесь место быстрый рост хозяйств членов партии, имевших прежде бедняцкое, маломощно-середняцкое хозяйство, или вместе с тем недостаточное внимание при приеме в партию к принадлежности вступающих к верхним группам деревни.

---

[1]) Среди переписанных по РСФСР—616.400, по УССР—154.300 хозяйств—оказалось хозяйств с членами и кандидатами ВКП(б) по РСФСР 3.516, по УССР—615. Зарегистрировано около 3% всех крестьянских хозяйств. Процент зарегистрированных деревенских коммунистов еще ниже.

Нами разработаны хозяйства членов и кандидатов деревенских и отчасти хозяйства членов и кандидатов городских и прочих ячеек, т. к. во время переписи не было зарегистрировано, в какой ячейке состоит коммунист, глава или член семьи данного хозяйства.

Не отражены нашими данными коммунисты совхозов, коммун и часть служащих, не имеющих в деревне собственного или принадлежащего их семье хозяйства. По данным партийной переписи 1927 г., в коллективных хозяйствах состояло 2,6% членов и кандидатов деревенских ячеек; с.-х. рабочие составляли 5,0% их числа, связанными с с. х. были 48,5%, служащих 39,8% из них 44% связанных землей.

[2]) По своим социальным отношениям, как это будет видно ниже, большинство хозяйств коммунистов в 2-х группах — особенно в группе со стоимостью средств производства от 800 до 1.600 р. на хозяйство — являются середняцкими хозяйствами.

Более быстрый рост хозяйств коммунистов, по сравнению со всеми крестьянскими хозяйствами несомненен. Мы располагаем данными о хозяйствах коммунистов только за один год и поэтому не можем подкрепить это утверждение цифровыми материалами. Предпосылками для такого утверждения являются: больший по сравнению с остальными хозяйствами процент хозяйств коммунистов, получающих кредит у кооперации, больший средний размер получаемого ими кредита, более культурное ведение хозяйства, большие побочные заработки, позволяющие им вкладывать некоторую долю их в хозяйство [1]). Но несомненен также и недостаточно тщательный отбор вступающих в партию.

Рассмотрим раздельно хозяйства, где коммунисты являются главами семьи и где они являются лишь членами семьи. При этом получается более отчетливая картина состояния деревенской организации партии.

Распределение хозяйств коммунистов по группам.

Группы по стоимости средств производства	Р. С. Ф. С. Р.		У. С. С. Р.		Б. С. С. Р.	
	Главы	Члены	Главы	Члены	Главы	Члены
0— 200.	33,9	10,5	36,4	12,2	22,7	6,0
201— 800.	49,9	52,2	52,0	51,3	70,5	60,0
801—1600.	13,9	29,2	9,5	27,8	6,8	33,0
Свыше 1600 . . .	2,3	7,4	2,2	8,7	—	1,0

Отчетливей становится состав членов деревенской организации. Среди коммунистов, являющихся г л а в а м и хозяйства, в значительно большей степени представлены деревенские н и з ы. Почти одинакова среди коммунистов, глав и членов семьи, группа средних слоев деревни. Высшие группы в большем числе представлены среди коммунистов, членов хозяйств. Хозяйства, в которых коммунисты являются членами его, имеют во всех группах значительно большие семьи [2]), чем число работников [3]). Но помимо этого большая мощность хозяйств коммунистов, членов семей, об'ясняется тем, что партийные организации были менее внимательны к связям с верхними слоями деревни вступавших в партию членов хозяйств, чем глав хозяйств.

Последнее особенно отчетливо выступает в некоторых, оказавшихся неблагополучными по составу партии и партийному руководству, районах. Так, например, по Западному району (Смоленская и Брянская губ.) хозяйств со средствами производства до 200 руб. было среди коммунистов—глав хозяйств—32,4%, среди коммунистов—членов хозяйств—лишь 3,4%. Со средствами производства от 201 до 800 было среди коммунистов—глав хозяйств—58,8%, среди коммунистов—членов хозяйств—44,0%. Как видим, среди деревенских коммунистов Западного района—не глав, а членов хозяйств, низшие и средние группы деревни не занимают решающего значения.

Зато много резче представлены в этом районе среди деревенских коммунистов верхние слои крестьянства. Среди коммунистов-глав было со стоимостью средств производства 801—1.600—10,8%, среди коммунистов—членов хозяйств—со стоимостью средств производства 801—1.600 р.—целых 42,4% и свыше 1.600 р.—10,2%. Это в то время, когда среди всей массы западной деревни хозяйств со стоимостью средств производства в 801—1.600 р. было 10,4%, а свыше 1.600 р.—только 1,3%. Приведенные сопоставления являются

---

[1]) Специальной работой средневолжского статбюро, опубликованной в журнале «На Аграрном Фронте» (№ 2 за 1929 г.), установлен быстрый рост хозяйств деревенских коммунистов.

[2]) Средний размер семьи по РСФСР у всех крестьянских хозяйств 5,2 ч., у хозяйств коммунистов-глав 4,9, у хозяйств коммунистов, членов семьи—7,5 ч.

[3]) Больший размер семьи и числа работников в этих хозяйствах об'ясняется самым группировочным признаком. Наличие в семье коммуниста, члена хозяйства, означает в подавляющем большинстве случаев наличие еще одного работника.

лучшей иллюстрацией к вопросу о социальных корнях «смоленского гнойника». Во время предстоящей чистки партии должна быть тщательно проверена связь с хозяйством коммунистов, членов их, характер хозяйства, с которым связан коммунист.

II. Занятия деревенских коммунистов.

Хозяйства деревенских коммунистов распадаются на ряд групп, определяемых по первому источнику денежных доходов хозяйства.

Какова доля остальных из числа этих групп в деревенской части партии [1]?

	Р. С. Ф. С. Р.		У. С. С. Р.	
	Среди коммунистов	Среди всех крест. хоз.	Среди коммунистов	Среди всех крест. хоз.
Сельскохоз. рабочие	1,09	4,74	1,0	5,6
Рабочие и низшие служ. вне сельского хоз-ва	16,97	9,77	15,5	7,4
Служащие	37,58	3,20	39,5	2,8
Сельскохозяйств. товаропроизводит.	33,89	60,57	38,7	72,7

Прежде всего бросается в глаза ничтожный процент членов партии—сельскохоз. рабочих. Следует напомнить о возможности некоторого недоучета батраков. Но даже приняв эту поправку, следует отчетливо подчеркнуть всю недостаточность батрацкой прослойки в деревенской части партии. Эта часть партии занимает в ней много меньше места, чем даже среди всей массы крестьянских хозяйств. Значение и вес батрацкой части партии должны быть во что бы то ни стало значительно повышены.

По данным Статотдела ЦК за время с 1/VII—27 г. по 1/VII—28 г. число батраков в партии выросло с 14.399 до 24.119—на 67,5%. Но и это не на много повысило вес батраков в партии. Необходимы значительные усилия для увеличения как абсолютного числа батраков в партии, так и значительного поднятия их удельного веса.

Ноябрьский пленум ЦК поставил перед партией задачу «добиться решительного и скорейшего сдвига в деле приема в партию с.-х. рабочих и батраков». Задача вовлечения батраков в партию ставит на очередь вопрос о создании батрацкого актива в советах, профессиональных организациях и кооперации. Задача увеличения батрацкого ядра в партии является вместе с тем задачей увеличения батрацкого ядра в деревенском активе. Из среды этого актива может и должна вливаться в партию наиболее сознательная часть батрачества. Поэтому внимание к вовлечению батрачества в партию должно вместе с тем означать повышение организованности и активности батрачества в советах, профессиональных организациях и кооперации. Батрачество, работающее в индивидуальных крестьянских хозяйствах, страшно распылено, это значительно усложняет работу. От профсоюза и партии это требует значительного усиления этого участка работы средствами и работниками, и соответствующего приспособления самих методов работы.

Значительно легче развернуть партийную работу среди батрачества в совхозах. Поэтому решение ЦК ВКП(б) об усилении ячеек и их работы в совхозах необходимо предполагает особое внимание к вовлечению наиболее активной и передовой части батрачества совхозов в партию.

[1] В таблице не приведены менее значительные группы, по которым разнесены хозяйства. Поэтому сумма их не дает 100%. Т. к. здесь дана социальная характеристика хозяйства, а не социального положения отдельного коммуниста, то она естественно не совпадает с другими данными о социальном составе деревенской части партии. В тех случаях, когда коммунист тесно связан со своим хозяйством или хозяйством родных, правильнее его социальное положение определять в зависимости от социального характера его хозяйства.

Большое место, гораздо большее, чем среди всех крестьянских хозяйств, занимает среди деревенских коммунистов прослойка рабочих и низших служащих вне с. х. Здесь сказывается связь с деревней индустриальных рабочих города. С другой стороны, большинство этой группы составляют рабочие индустрии и транспорта, расположенных в сельских местностях. Среди этой части партии имеются как хозяйства с малыми размерами своих средств производства, так и с более крупными размерами своего сельского хозяйства.

Так, по РСФСР из всего числа коммунистов, рабочих и низших служащих вне сельского хозяйства, на группы хозяйств со стоимостью средств производства до 200 р. приходится 35,2%, на группы хозяйств свыше 800 р.—15,5%, по УССР—на низшие группы (до 200 р.) приходится—44,6%; доля хозяйств со средствами производства свыше 800 р.—11,7%. Очевидно, что и среди хозяйств рабочих и низших служащих имеется значительная доля хозяйств средних и высших по своей мощности. И среди них значительную долю имеют хозяйства выше средних размеров. Здесь необходимо вспомнить слова т. Ленина о том, что «сплошь и рядом в категорию рабочих попадают самые настоящие мелкие буржуа, которые случайно и на самый короткий срок превратились в рабочих» [1]).

Эта весьма важная постановка т. Ленина, очевидно, была кое-где в партийных организациях не замечена. В результате при приеме в партию отмечалась связь вступающего рабочего с деревней, но не выяснялось, с каким хозяйством он связан. Отсюда и в пролетарскую часть партии просачивались влияние и настроения верхушки деревни. Очевидно, что партийные комитеты должны учесть это обстоятельство при приеме в партию в дальнейшем и заняться этим вопросом при проверке и чистке рядов партии.

С другой стороны, необходимо перед деревенскими организациями выдвинуть задачу большего внимания к рабочим отдельных промышленных предприятий, имеющихся в деревне. Следовало бы также обсудить вопрос о том, как добиться того, чтобы ячейки на предприятиях, расположенных в деревне, были больше связаны с деревенскими ячейками. Это могло бы усилить пролетарское влияние в деревенской ячейке и усилить ее работу.

Служащие, т.-е. имеющие от службы первый денежный источник дохода, занимают первое место в составе деревенских коммунистов. Из всей деревенской части партии на долю хозяйств со служащими приходится по РСФСР—37,6%, по УССР—39,5%. Среди хозяйств с коммунистами—главами хозяйства—процент служащих еще выше: по РСФСР—43,5%, по УССР—47,1%. Меньше служащих среди хозяйств с коммунистами, членами хозяйств: по РСФСР—29,2%, по УССР—26,7%.

Среди служащих мелкие хозяйства со стоимостью средств производства до 200 р. составляют по РСФСР 28,8%, по УССР—33,0%. Хозяйства выше среднего (801—1.600) составляют по РСФСР 11,7%, по УССР—17,0% и хозяйства крупные, свыше 1.600 р., по РСФСР—2,89% и по УССР—2,93%.

Среди служащих, как это видно из приведенных цифр, имеется довольно большое количество связанных с высшими группами деревни. Проверка кадров кооперативных работников, проверка кое-где советского аппарата на местах полностью это подтверждает.

Засоренность кадров служащих нашей деревни требует более решительного выдвижения батрацких, бедняцких и середняцких слоев в наш государственный и кооперативный аппарат.

Вместе с тем необходимо отметить, что основные кадры служащих—членов партии—являются главами или членами мелких и мельчайших хозяйств. Очевидно, партии удалось выдвинуть довольно значительные группы

[1]) Записки Института Ленина, т. I, стр. 61.

бедняцких и середняцких хозяйств для управления советами, кооперацией. Активность значительной части бедняцко-середняцких слоев партии перевела их в ряды служащих.

Что представляют собою доподлинно крестьянские слои партии, имеющие первый денежный источник дохода от своего сельского хозяйства?

Распределение с.-х. товаропроизводителей по группам в %%.

Группы по стоимости средств производства	Р. С. Ф. С. Р. Коммунисты	Р. С. Ф. С. Р. Все крест. хоз-ва	У. С. С. Р. Коммунисты	У. С. С. Р. Все крест. хоз-ва
0— 200 руб.	12,7	28,3	14,9	17,0
201— 800 „	52,2	62,9	53,9	56,6
801—1600 „	26,7	15,4	23,9	21,7
Свыше 1600 руб.	8,4	3,4	7,3	4,7

Среди сельских хозяев-коммунистов мы имеем явно неблагоприятное для партии соотношение отдельных групп: меньшую, в сравнении с составом всех хозяйств деревни, долю низших групп, большую долю высших групп. Мы слишком мало вовлекали в партию бедняцкие слои деревни, и привлечение в партию наиболее активной части бедноты продолжает стоять в качестве недостаточно разрешенной задачи.

Увеличение удельного веса бедноты в деревенских организациях партии может быть достигнуто при усилении и улучшении всего нашего хозяйственного и культурного обслуживания бедноты, при усилении ее коллективизации, кооперирования, кредитования [1]), усилении ее организованности и активности. Нужно уделить большое внимание созданию бедняцкого актива, из коего можно было бы черпать кадры для партии. Наши приводные ремни в деревне должны больше впитать активную часть бедноты, чтобы, переварив ее в котле советской общественности, подготовить сознательные кадры партии. Второе необходимое следствие из приведенной таблицы—необходимость освободить партию от засорившей ее части крупных хозяев.

Следует еще раз подчеркнуть, что засоренность деревенской части партии имеет место в первую очередь за счет членов крупных хозяйств и в меньшей мере за счет коммунистов—глав хозяйства. Так, по РСФСР среди хозяйств с.-х. товаропроизводителей с коммунистами-главами было хозяйств со стоимостью средств производства от 801 до 1.600 р.—19,8%; среди коммунистов—членов хозяйств—целых 33,4%. Со стоимостью средств свыше 1.600 р. в хозяйствах с коммунистами во главе—4,3%, с коммунистами—членами хозяйств—12,3%. То же имеет место и на Украине.

Надо принять во внимание, что члены крестьянского хозяйства очень часто сохраняют с ним свои связи и продолжают жить его интересами.

Ноябрьский пленум ЦК констатировал, что «в составе деревенских организаций... в некоторых случаях значительна доля зажиточных крестьян, иногда и элементов, сблизившихся с кулачеством, разложившихся, совершенно чуждых рабочему классу. Это делает совершенно неотложной задачу решительного улучшения, коренной чистки и значительного обновления этих организаций».

III. Аренда, наем рабочей силы, агрикультурный уровень, кооперированность хозяйств коммунистов в деревне.

Являясь в значительной части хозяйствами мелких товаропроизводителей, хозяйства деревенских коммунистов, воспроизводят противоречия и отношения, характерные для разных групп деревни.

[1]) Ниже мы приводим данные о значительном отставании кооперирования бедноты и ее кредитования по сравнению с средними и высшими группами деревни.

Чтобы более отчетливо видеть характер этих противоречий, рассмотрим аренду и сдачу земли, сдачу и наем средств производства, наем и продажу рабочей силы в хозяйствах коммунистов.

Начнем с найма рабочих.

% хозяйства с наймом и число дней найма на 1 хозяйство.

Группы по средствам производства	Р. С. Ф. С. Р. Хозяйства коммунистов: % хозяйств с наймом	Р. С. Ф. С. Р. Хозяйства коммунистов: Число дней найма на 1 хозяйство	Р. С. Ф. С. Р. Все крестьянские х-ства: % хозяйств с наймом	Р. С. Ф. С. Р. Все крестьянские х-ства: Число дней найма на 1 хозяйство	У. С. С. Р. Хозяйства коммунистов: % хозяйств с наймом	У. С. С. Р. Хозяйства коммунистов: Число дней найма на 1 хозяйство	У. С. С. Р. Все крестьянские х-ства: % хозяйств с наймом	У. С. С. Р. Все крестьянские х-ства: Число дней найма на 1 хозяйство
0— 200 руб.	14,0	37	8,1	19	17,2	39	10,5	16
201— 400 „	22,4	39	15,0	22	33,8	49	16,5	26
401— 800 „	31,3	59	22,1	36	46,7	51	24,3	35
801—1600 „	34,1	82	33.1	60	59,8	67	33,5	48
Свыше 1600 руб.	46,8	98	50,0	116	53,8	171	45,9	85
Итого	26,6	62	18,6	43	39,8	60	21,8	40

Хозяйств, нанимающих рабочую силу среди деревенских коммунистов больше, чем среди всех крестьянских хозяйств. По РСФСР среди коммунистов нанимает 26,6%, по УССР—39,8% хозяйств, среди всех крестьян—18,6% и 21,8%. Средний размер найма хозяйствами коммунистов в полтора раза выше, чем у остальных крестьян.

Распределение наемных рабочих по группам среди коммунистов несколько иное, чем среди всех крестьян. В низших группах у коммунистов по сравнению со всеми крестьянскими хозяйствами этих же групп, выше доля хозяйств с наймом и выше средний размер найма. В высшей группе по РСФСР среди коммунистов несколько меньше хозяйств с наймом и меньше средний размер найма. Эта особенность группового распределения найма говорит о том, что у коммунистов наем только *замещает* рабочую силу, отвлекаемую из хозяйства другой работы. Особенно это становится очевидным при рассмотрении найма на фоне отпуска рабочих и служащих. Для этого сравним данные об отпуске рабочих и низших служащих [1]).

Распространенность продажи рабочей силы среди коммунистов почти совпадает с распространенностью продажи рабочей силы у всех крестьянских хозяйств. По РСФСР среди коммунистов 36,8% хозяйств с отпуском рабочих и низших служащих, среди всех крестьян 34,6%, по УССР—37,4% и 39,2%. Но продолжительность работы у рабочих, отпускаемых хозяйствами коммунистов почти вдвое выше. По РСФСР на одно хозяйство, отпускающее рабочих, приходится дней отпуска: среди коммунистов 212, среди всех крестьян—123. По УССР—175 и 97.

Бóльшая продолжительность продажи рабочей силы в хозяйствах коммунистов говорит о том, что здесь имеет место главным образом постоянная работа.

К данным об отпуске рабочих и низших служащих надо прибавить данные об отпуске средних и низших служащих. Среди коммунистов

[1]) Высшие и средние служащие в нижеприводимые данные не вошли.

РСФСР 55% хозяйств отпускают служащих. Процент хозяйств с отпуском служащих почти неизменен во всех группах.

Таким образом, можно отметить, что мы имеем среди коммунистов большее число хозяйств с наймом и больший средний размер найма, чем у всех крестьянских хозяйств при значительно большем отпуске, главным образом служащих.

На ряду с наймом для замещения оторванной от хозяйства своей рабочей силы часть нанимающих хозяйств высших групп укрепляет и расширяет товарное хозяйство, использует наемных рабочих для ускорения индивидуального накопления [1]). Эта часть коммунистов явно чужда партии, и от них в первую очередь необходимо ее (партию) очистить.

У хозяйств коммунистов имеет место, как и среди всех крестьянских хозяйств, сдача средств производства.

По РСФСР в группе хозяйств коммунистов со стоимостью средств производства до 200 р. сдают 1,9% хозяйств, получая в среднем на 1 сдающее хозяйство 9 рублей. В группе со стоимостью средств производства свыше 1.600 р. сдают 34,6% хозяйств, получая 46 р. на одно сдающее хозяйство.

Наем средств производства у коммунистов по нашим данным развит больше, чем у всех крестьянских хозяйств.

Среди хозяйств с коммунистами арендует пашню почти такая же часть, как и среди всех крестьянских хозяйств. По РСФСР среди коммунистов арендуют пашню 15%, среди всех крестьянских хозяйств—16,3%, по УССР—21,0% и 21,5%.

Доля хозяйств, арендующих пашню, закономерно повышается и среди коммунистов от низших групп к высшим. Однако, среди коммунистов в высших по мощности группах ниже % арендующих хозяйств и значительно ниже размер аренды, чем у соответствующих групп деревни. В группе со стоимостью средств производства свыше 1.600 руб. по РСФСР среди коммунистов арендуют 30,1% хозяйств, на одно арендующее хозяйство приходится 4,2 гектара арендуемой пашни. Среди всех крестьянских хозяйств в этой группе арендуют 38,3%, средний размер арендуемой пашни—7,6 га.

Сдача пашни у коммунистов распространена значительно шире, чем у всех крестьян. По РСФСР сдают пашню—15,9% хозяйств деревенских коммунистов и 8,9%—всех крестьян, по УССР—29,3% и 16,3%—почти в два раза меньше. Более высока сдача пашни среди коммунистов в низших и средних группах. Большее отвлечение с.-х. рабочей силы в части хозяйств коммунистов, преимущественно глав хозяйств, ведет к уменьшению у них размеров своего сельского хозяйства.

Все материалы, которыми мы располагаем, указывают на то, что среди деревенских коммунистов существуют не только различия в размерах их хозяйств, но и социальные различия. Однако, в хозяйствах деревенских коммунистов высших групп по сравнению со всеми крестьянскими хозяйствами этих же групп меньше распространен наем рабочих, меньше число дней, проработанных наемными рабочими в нанимающем хозяйстве, реже и в меньших размерах арендуется земля. Социальная диференциация среди деревенских коммунистов меньше, чем среди всего крестьянства. Но она все же существует. Часть хозяйств коммунистов в высших группах прибегает к предпринимательскому найму рабочей силы, сдает средства производства в чужое хозяйство, эксплоатируя его при этом. При укреплении, расширении своего индивидуального хозяйства в высших по мощности группах начинается перерастание части их из середняцких в мелкокапиталистические хозяйства. Даже в тех случаях, когда растущее хозяйство деревенского коммуниста продолжает оставаться середняцким хозяйством,—коммунист часто так поглощается им (хозяйством), что отрывается от общественной жизни, от партии, начинает жить только интересами своего хозяйства. В «Брусках» Ф. Панферова в лице К. Ждаркина дан этот тип деревенского коммуниста.

[1]) Это нередко происходит и при одновременном уходе отдельного члена семьи на более или менее высоко оплачиваемую службу, или даже на работу в качестве квалифицированного рабочего.

Необходимо переключить энергию части деревенских коммунистов с индивидуального накопления, расширения своего хозяйства на создание, укрепление коллективного хозяйства. На этом пути деревенский коммунист должен выступать в качестве одного из организаторов и руководителей нового общественного строя, в качестве активного проводника линии партии на социалистическое переустройство деревни.

Заинтересованы ли деревенские коммунисты непосредственно в создании колхозов? Является ли для них создание колхозов наиболее благоприятным путем создания крупного хозяйства, повышающего производительность их труда и уровень жизни?

Рассмотрим обеспеченность хозяйств коммунистов средствами производства, чтобы установить, насколько условия хозяйствования большинства деревенских коммунистов сами толкают к коллективизации. Среди хозяйств, указавших главным источником существования свое сельское хозяйство (они составляют ¾ всех анализируемых хозяйств), 21,5% по РСФСР и 38,8% по Украине не имеют рабочего скота. По УССР 35,7% хозяйств коммунистов не имеют пахотного инвентаря. По РСФСР пахотного инвентаря нет у 26,2% хозяйств и 18,4% имеют лишь примитивные орудия пахоты. Свыше ⅖ деревенских коммунистов не могут вести самостоятельного хозяйства за отсутствием необходимого пахотного инвентаря. К ним относятся хозяйства без средств производства, не менее $^9/_{10}$ хозяйств со стоимостью средств производства до 200 рублей, ½ хозяйств со стоимостью средств производства 201—400 руб.

В первой группе (1—200 руб.) по РСФСР 80% без рабочего скота, 90% этой группы не обеспечены инвентарем. По УССР в этой группе 90,9% хозяйств без рабочего скота, 89,4% без пахотного инвентаря. В следующей группе (201—400 рублей) по РСФСР 31% безлошадных, 40% безынвентарных и 22% с примитивными орудиями пахоты [1]); 62% хозяйств, не обеспеченных минимально необходимым инвентарем. Лишь 10% хозяйств этой группы имеют в индивидуальной или хотя бы в узко-групповой собственности машины. По УССР в этой группе 56% без рабочего скота и 59% без пахотного инвентаря. Хозяйств с с.-х. машинами—8%.

Более обеспеченными для ведения самостоятельного сельск. хозяйства являются хозяйства последних двух групп. В группе со стоимостью средств производства от 800 до 1.600 руб. на хозяйство имеют машины 44% хозяйств по РСФСР и 69% хозяйств по УССР. В последней группе, со стоимостью средств производства свыше 1.600 рублей, машины имеются у 60% хозяйств по РСФСР и 92% хозяйств УССР.

Около ¼ хозяйств деревенских коммунистов по РСФСР и около ⅓ по УССР имеют машины (4,6% всех хозяйств коммунистов по РСФСР и 8,4% по УССР имеют в единоличной или узко-групповой собственности более 3-х машин, т.-е. подходят уже к созданию необходимого комплекта машин). Среди хозяйств, имеющих свои машины, распространен наем чужих машин, что говорит о недостатке своих машин у многих владеющих ими для ведения хозяйства. Около ⅓ хозяйств деревенских коммунистов, имеющих машины, по РСФСР и около ½ по УССР также нанимают машины. Около ¼ хозяйств по РСФСР и около ⅓ по УССР употребляют только чужие машины, нанимаемые у крестьян. Употребляют их при современных условиях найма

[1]) Сохи, косули и т. п.

машин не во-время, нерационально, очень высоко оплачивая возможность пользоваться ими.

На той земельной площади, которую обрабатывает большинство крестьянских хозяйств и в том числе хозяйства коммунистов, невозможно достаточно рациональное использование машин. А без машин не может быть создано сколько-нибудь культурное хозяйство, особенно в районах, где главными товарными культурами являются зерновые хлеба.

Для всех хозяйств со стоимостью средств производства до 200 руб., для большинства хозяйств со стоимостью их 201—400 руб. и для значительной части хозяйств со стоимостью средств производства 401—800 р., т.-е. для большинства коммунистов—сельских хозяев—*коллективизация является насущнейшим условием наиболее быстрого под'ема своего материального и культурного уровня.*

Представляя собой наиболее активную и организованную часть деревни, коммунисты в значительно большей мере, чем остальные крестьяне, вводят агрикультурные улучшения. В то время, как лишь 8,5% всех крестьянских хозяйств по РСФСР указали на наличие таких улучшений, среди коммунистов таких хозяйств оказалось 16%. По Украине из всех хозяйств указали на наличие агрикультурных улучшений 5,8%, среди коммунистов — 14,9%. Интересна таблица, показывающая степень распространения агрикультурных улучшений по отдельным группам в деревне.

% хозяйств с агрикультурными улучшениями.

Хозяйства	Группы по стоимости средств производства					
	До 200	201—400	401—800	801—1600	Свыше 1600	Итого
Р. С. Ф. С. Р.						
Коммунистов	4,[illegible]	12,5	21,5	23,2	24,4	16,[illegible]
Всех крестьян	3,5	7,7	11,2	15,3	18,0	8,9
У. С. С. Р.						
Коммунистов	7,1	9,6	18,1	22,5	42,3	14,9
Всех крестьян	1,9	3,9	6,5	10,1	14,8	5,8

Среди агрикультурных улучшений значительное место занимает переход к четырехпольному и многопольному севообороту, травосеяние, посев отсортированными семенами (реже чистосортными), отдельные мелиоративные работы и проч. Большинство проводимых агрикультурных улучшений носит лишь частичный характер.

Многие из деревенских коммунистов поняли лозунг партии о том, что коммунист должен быть не только активным общественным работником, но и примерным культурным хозяином, как ставку партии на крепкое индивидуальное хозяйство, идущее впереди в применении агрикультурных улучшений. Необходимо раз'яснить деревенским коммунистам, что требуя от них активного участия в под'еме сельского хозяйства, того, чтобы и здесь коммунист был передовиком, партия далеко не беспристрастна к тому, в какой форме оно проявляется: направлено ли оно к увеличению своего индивидуального или к созданию и расширению коллективного хозяйства.

Освоение беднотой и середняками результатов аграрной революции повело, по окончании гражданской войны и переходе к нэпу, к под'ему мелких крестьянских хозяйств и в том числе хозяйств бедноты. Под'ем бедняцких и середняцких хозяйств будет происходить и дальше, партия и советы должны оказать ему всемерную поддержку. Но теперь развитие бедняцких и середняцких хозяйств все чаще и сильнее упирается в необходимость значительного их укрупнения. Партия указала для основной бедняцкой и середняцкой массы деревни пути этого укрупнения,—производственное кооперирование, колхозы. Вот почему на XV с'езде было принято решение, что «в настоящий период задача об'единения и преобразования мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективы должна быть поставлена в качестве основной задачи партии в деревне».

Деревенские коммунисты должны стать примером организации, укрепления, под'ема крупного коллективного хозяйства. Носителями социалистического способа производства в сельском хозяйстве, проводниками социалистической реконструкции сельского хозяйства деревенские коммунисты, ведущие сельское хозяйство, становятся постольку, поскольку они сами непосредственно участвуют в создании коллективных форм хозяйства. Коммунист в деревне должен твердо знать, что от него партия требует *почина* в создании и личного участия в коллективном хозяйстве. *Поскольку коммунист еще сохраняет свое индивидуальное хозяйство, он должен быть примером применения доступных и мелкому индивидуальному хозяйству агрикультурных улучшений. Но основная его задача сводится к организации коллектива, вхождению со своим хозяйством в коллектив, применению культурных приемов хозяйствования в коллективе и распространению агрикультурных достижений коллектива на все крестьянство.*

Мы должны напомнить нашим деревенским коммунистам, сделать одним из основных лозунгов работы деревенских ячеек следующее в высшей степени важное и сейчас особенно своевременное решение XI с'езда партии: «*Участие коммунистов в сельскохозяйственных кооперативах и коллективах своего района или общества безусловно обязательно. Равным образом, обязателен для них почин создания этих организаций, если таковых не имеется*»[1]).

За последний год—полтора быстро развивались различные формы государственного воздействия на производство и особенно сбыт индивидуального крестьянского хозяйства: контрактация, машино-тракторные станции и др. Они ускоряют коллективизацию крестьянства, и что особенно важно, так как процесс коллективизации неизбежно длительный процесс, они увеличивают возможность развития индивидуального крестьянского хозяйства, *влияния* на него со стороны государства, использования его в интересах развития всего социалистического хозяйства. Деревенские коммунисты должны выступать, как активные проводники этих мероприятий в своем *и в массе* крестьянских хозяйств.

По кооперированности хозяйства деревенские коммунисты стоят гораздо выше, чем хозяйства всей массы крестьян.

По некоторым районам (Средне-Волжский, ЦЧО, вместе с Рязано-Тульским подрайоном) кооперированность коммунистов превосходит кооперированность всего крестьянства в два раза, а по Дагестану и Башкирии почти в три раза. Особенно важно отметить гораздо более высокую кооперированность хозяйств коммунистов низших имущественных групп по сравнению со всеми крестьянскими хозяйствами тех же групп. В низшей группе—со стоимостью средств производства до 200 руб. на хозяйство,—кооперированность хозяйств коммунистов *больше чем в два раза превышает* кооперированность всех крестьянских хозяйств той же группы как по РСФСР, так и по УССР. Отставание кооперированности низших групп крестьянства очень велико.

---

[1]) Подчеркнуто нами.

% кооперированных хозяйств.

Хозяйства	Группы по стоимости средств производства					Итого
	До 200	201—400	401—800	801—1600	Свыше 1600	
Р. С. Ф. С. Р.						
Коммунистов	81,7	84,4	87,9	88,8	91,0	86,0
Всех крестьян	—	45,9	55,4	66,1	73,4	48,8
У. С. С. Р.						
Коммунистов	88,2	91,9	86,3	98,0	92,3	90,2
Всех крестьян	35,1	48,4	56,6	68,8	76,3	52,7

Гораздо большая кооперированность крестьян-коммунистов (особенно низших групп) по сравнению со всеми крестьянскими хозяйствами есть прежде всего результат более высокого участия их в потребительской и кредитной кооперации. Но и в производственной кооперации процент хозяйств коммунистов выше, чем среди всех крестьянских хозяйств.

По пяти районам РСФСР [1]) и по УССР кооперированность деревенских коммунистов превышает кооперированность всех крестьянских хозяйств в кооперации по переработке и сбыту в 1½ раза, а в производственной и в подсобно-производственной больше чем в 2 раза. Проявившаяся тенденция такова: *чем выше тип кооперации, тем больше превышение кооперированности коммунистов по сравнению со всеми крестьянскими хозяйствами.* Но сама по себе кооперированность хозяйств коммунистов в производственной кооперации и в кооперации по переработке и сбыту невысока. Даже в хозяйствах с главным источником существования от своего с. х. в производственной кооперации состоит по РСФСР 5,4%, по УССР—4,0%, в кооперации по переработке и сбыту—по РСФСР 10,9%, по УССР—6,8%.

Мы имеем сильное отставание производственного кооперирования от кооперирования потребительского и кредитного, особенно в низших по мощности группах хозяйств. Это относится как к коммунистам, так еще больше ко всем крестьянским хозяйствам. Если в отношении всех хозяйств деревенской бедноты и середняков мы добиваемся сейчас полного кооперирования хотя бы в одном из видов кооперации, то по отношению к коммунистам, ведущим *сельское хозяйство, мы должны выдвинуть лозунг полного производственного кооперирования их.*

Одним из важнейших наших рычагов воздействия на крестьянское хозяйство является кредит.

Процент хозяйств, получивших кредит у кредитной кооперации среди коммунистов, примерно, в 2 раза выше, чем среди всех крестьянских хозяйств. По РСФСР из числа хозяйств коммунистов кредитовалось 27,0%, из числа всех крестьянских хозяйств—12,3%. По УССР получали кредит 41% хозяйств коммунистов и 16,7% всех крестьянских хозяйств. Средний размер кредита на одно кредитовавшееся хозяйство у коммунистов, по сравнению со всеми крестьянскими хозяйствами выше: по РСФСР на 31%, по УССР—на 28%. Сокращение индивидуального кредитования за счет увеличения коллективного должно, разумеется, относиться и к хозяйствам деревенских коммунистов, иначе у них стремление к сохранению и увеличению своего индивидуального хозяйства может оказаться сильнее, чем в остальных крестьянских хозяйствах [2]).

[1]) Сибири, Уралу, Ср. Волге, Моск. Промышленному и Ленинградскому.

[2]) С наблюдающимися случаями использования положения члена партии, стоящей у власти, положения советского, кооперативного работника для создания и увеличения крепкого индивидуального хозяйства партия должна вести решительную борьбу.

Средние и высшие группы хозяйств коммунистов кредитовались гораздо сильнее, чем низшие группы.

% хозяйств коммунистов, получивших кредит у кредитной кооперации и средний размер полученного кредита.

		0—200	1.600 3.200	Итого
% получивших кредит хозяйств	РСФСР	14,7	34,7	27,0
	УССР	27,3	54,2	41,0
Средний размер кредита, полученного кредитовавшимся х-ством	РСФСР	55,0	110,1	75,4
	УССР	63,3	123,2	95,2

Мы не приводим здесь данных по всем крестьянским хозяйствам, но среди них мы обнаруживаем ту же картину большего кредитования средних и высших групп, выраженную не менее резко.

По данным, имеющимся у нас, в 1926—27 году степень вытеснения частного кредита кооперативным была выше в средних и особенно в высших группах. Роль частного кредита по сравнению с кооперативным была сильнее в высших группах. Таково было распределение кредитов в 1926—27 г. За прошедшее после XV парт'съезда время в этом отношении произошли значительные сдвиги в сторону повышения коллективного кредитования, повышения как в коллективном, так и индивидуальном кредитовании доли бедноты. Привели ли они, однако, к окончательному устранению указанных недостатков, мы не можем пока судить за отсутствием соответствующих материалов.

Слабость работы среди бедноты об'ясняется во многих местах слабым, по сравнению с реально возможным обслуживанием ее хозяйственных нужд, в частности более слабым по сравнению с другими группами деревни обслуживанием ее кредитом, неправильным распределением между отдельными группами средств, отпускаемых для поднятия производительных сил в сельском хозяйстве.

IV. Общественная работа коммунистов

Обратимся к общественной работе коммунистов. Для этого рассмотрим участие коммунистов в выборных органах советских и кооперативных учреждений.

Коммунисты участвуют в выборных учреждениях во много раз больше, чем вся остальная масса крестьянства. Так, из числа коммунистов 27,2% хозяйств, а из числа всех крестьян 3,6% по РСФСР участвуют в выборной работе в советских органах управления. В выборных органах кооперации участвуют 6% хозяйств коммунистов и 0,3% всей массы крестьянских хозяйств. Значительно большая активность коммунистов в советской и кооперативной работе несомненна. Если рассмотреть общее распределение количеств выбранных в советские и кооперативные органы между отдельными группами хозяйств, то легко видеть, что основная масса среди коммунистов приходится на бедняцко-середняцкие слои. Так, по РСФСР на две низшие группы приходилось 41,3% всех хозяйств с выбранными в советы, на среднюю и на вышесреднюю группы—53,5% и на высшую группу—5,2% всех членов советов. По Украине на те же группы: 45,3%, 50% и 4,7%. Больше всего представлена верхушка деревни среди выборных работников кооперации: по

РСФСР 8,0% и Украине—8,7% от всего числа выборных работников кооперации. На две низшие группы приходится: по РСФСР 33,9% и по Украине—34,7%. По степени активности различных слоев крестьянства выделяются верхние группы. Это в особенности относится ко всей массе хозяйств, где степень участия в выборных органах управления непрерывно повышается от низших слоев к высшим. В меньшей мере, но ту же тенденцию, мы имеем и среди коммунистов.

% хозяйств с членами советских органов управления от всего числа их в данной группе.

	Р. С. Ф. С. Р.		У. С. С. Р.	
	Коммунистов	Всех крест. хозяйств	Коммунистов	Всех крест. хозяйств
0— 200 руб.	24,4	1,7	33,7	2,0
201— 400 „	27,0	2,9	36,0	3.4
401— 800 „	26,7	4,4	41,8	4,2
801—1600 „	30,6	6,2	40,2	6,0
Свыше 1600 руб.	32,0	7,9	38,5	6,8
Итого	27,2	3,6	37,9	3,9

% хозяйств с членами органов управления кооперацией.

	Р. С. Ф. С. Р.		У. С. С. Р.	
	Среди коммунистов	Среди всех крест. х-ств	Среди коммунистов	Среди всех крест. х-ств
0— 200 руб.	5,2	0,1	5,3	0,1
201— 400 „	3,9	0,2	5,1	0,2
401— 800 „	6,6	0,4	7,1	0,3
801—1600 „	10,9	1,2	15,4	1,0
Итого	6,0	0,3	7,5	0,3

Приведенные таблицы показательны в двух отношениях. С одной стороны, они говорят об активных попытках верхних слоев деревни проникнуть в выборные советские и кооперативные органы. Так, по РСФСР активность высшей группы в 4,5 раза больше, чем активность низшей по участию в советах. По Украине активность участия в советах высшей группы больше активности низшей группы в 3,4 раза. По степени участия в выборных органах кооперации активность высшей группы хозяйств еще больше. Частью это связано с меньшей кооперированностью низших групп.

В заключение несколько слов о культурном уровне деревенских коммунистов. Процент грамотных взрослых мужчин среди деревенских коммунистов больше, чем среди всех крестьян (по РСФСР 92,6%). Однако, среди партийцев есть хотя и небольшой процент неграмотных. Высок процент неграмотных женщин. Среди женщин—членов семей коммунистов—процент неграмотных равен 38,7. Выше он в низшей группе, где неграмотных женщин 47,2, ниже в высшей группе, где неграмотных женщин 31,2. То же и в отношении учащихся детей в хозяйствах коммунистов. Процент учащихся детей и подростков [1]) в низшей группе равен 32,8, в высшей группе—44,6. Процент неграмотных детей и подростков в низшей группе равен 31,1, среди детей и подростков в высшей группе равен 9,5.

Следует обратить особое внимание на то, как идет подготовка обученных кадров среди коммунистов и комсомольцев деревни.

[1]) По отношению к общему числу детей и подростков с 8 лет до рабочего возраста.

Группы по стоимости средств производства	% учащихся коммунистов к общему числу их	
	РСФСР	УССР
0— 200 руб.	1,9	1,2
201— 400 „	3,3	2,6
401— 800 „	2,8	4,5
801—1600 „	5,9	6,1
Свыше 1600 руб.	13,0	3,3

Значительное повышение процента учащихся коммунистов от низших к высшим группам говорит о том, что активность высших групп в получении образования и квалификации много больше, чем низших групп. Вовлекая деревенскую часть партии в вузы, рабфаки и в другие учебные заведения, мы недостаточно внимательны к первоочередному выдвижению батрацкой и бедняцкой части партии. Необходимо добиться не только абсолютного преобладания батрачества, бедноты и середняков, но и увеличения их активности в борьбе за знания, по сравнению с другими группами деревни.

V. Выводы.

Основным выводом из рассматриваемого материала является недостаточное количество батраков в составе деревенской части партии. Ни по абсолютному своему весу, ни по относительному своему значению батрацкая часть партии еще не занимает того места, которое ей следовало бы занимать в деревенской организации нашей партии. Удельный вес батраков в составе партии даже меньше, чем в составе всех крестьянских хозяйств. Ноябрьский пленум ЦК в резолюции о регулировании роста партии подчеркнул, что «в составе деревенских организаций все еще незначителен удельный вес пролетарских элементов и прямо ничтожен кадр колхозников». Перед партией стоит задача—усилить привлечение батраков в партию.

При приеме индустриальных рабочих в партию, в том случае, если они имеют постоянную связь с деревней в форме хозяйства как своего, так и своей семьи (ближайшие родственники)—вопрос о мощности деревенского хозяйства должен быть со всем вниманием учтен при рассмотрении заявления, поданного в партию. С другой стороны, надо усилить влияние коммунистов-рабочих, живущих в деревне, на работу деревенских ячеек.

В деревенской части партии значительное место занимают служащие. Основная часть служащих—членов и кандидатов ВКП(б)—связана с мелкими и средними хозяйствами деревни, но среди служащих, входящих в деревенскую часть нашей партии, имеется также часть, связанная с хозяйствами выше среднего и крупных размеров. При проверке советского аппарата следует внимательно изучить положение партийной части нашего советского аппарата в деревне.

В среде сельскохозяйственных товаропроизводителей (занятых в основном крестьянским хозяйством) необходимо констатировать недостаточное вовлечение бедняцких слоев и повышенное значение вышесредних и крупных крестьянских хозяйств. Необходимо поставить перед партийной организацией задачу большего вовлечения бедняцкого актива в состав партии и освобождения партии от засоряющих ее членов крупных предпринимательских хозяйств [1]).

[1]) Следует отметить, что произведенная выборка среди выше средней и крупной групп хозяйств с предпринимательскими элементами (сюда относились хозяйства, имевшие свои средства производства свыше 800 руб. и наемную рабочую силу свыше 50 дней или сдачу средств производства свыше 20 руб., и хоз-ва, имевшие свои средства производства свыше 1.600 руб., при условии найма рабочей силы и при сдаче средств производства) показала по РСФСР 4,5%, по Украине 5% таких хозяйств с коммунистами. Это еще более подчеркивает необходимость освобождения партии от засоряющих ее членов крупных хозяйств.

Ноябрьский пленум указал на необходимость добиться решительного и скорейшего сдвига в деле приема в партию «лучших активистов из бедноты и колхозников. При этом необходимо коренное и скорейшее улучшение, чистка и обновление состава деревенских организаций».

Чтобы добиться коренного улучшения состава деревенской ячейки, необходимо будет провести большую работу по выявлению и укреплению батрацкого и бедняцкого актива в наших профессиональных, советских, кооперативных организациях. Опираясь на активность бедноты и батрачества в этих организациях, мы сможем обновлять и укреплять кадры деревенской партийной организации.

Выдвижение на советскую и кооперативную работу, являющееся одной из основных задач партийной ячейки в деревне, необходимо проводить так, чтобы не только абсолютное число выдвинутых, но и степень активности бедняцкой и батрацкой части выдвиженцев на много превышали активность других слоев.

Выдвигая деревенских коммунистов на учебу, необходимо сугубо относиться к их хозяйственному положению и хозяйственным связям, создавая условия для действительного выдвижения на учебу в первую очередь батрацких и бедняцких слоев партии.

Перед партийной организацией деревни стоит задача стать на деле авангардом развивающегося колхозного движения. Коммунисты деревни должны значительно опережать движение основных масс деревни в деле коллективизации. Выполнение решения XI партийного с'езда о том, что каждый коммунист обязан участвовать в сельскохозяйственных кооперативах и коллективах своего района и должен брать на себя «почин создания этих организаций»,—должно стать одной из основных задач каждой партийной ячейки. Внимание коммунистов деревни должно быть переключено от увеличения своего индивидуального хозяйства к созданию колхозов, к внесению большей организованности в колхозное строительство. Вопрос о направлении дальнейшего развития хозяйств коммунистов должен быть поставлен всеми деревенскими ячейками с достаточной четкостью.

Л. Мадьяр.

Куда идет Китай?

1. Китай и империализм.

Китай в настоящее время занимает уже важное место в системе мирового империализма в качестве рынка сбыта для товаров, источника сырья и хозяйственной территории для экспорта капиталов. Из всего экспорта Соединенных Штатов—2,7%, Японии—28%, Германии—1,5% и Англии—2,5% составляет вывоз товаров в Китай. В импорте в Соединенные Штаты—3,6, в Японию—17, в Германию—2 и в Англию 1% составляет импорт из Китая. В настоящее время ввозимый в Китай английский капитал не превышает 1,5—2 миллиардов рублей, но вся сумма английских «интересов» в Китае достигает 4—5 миллиардов рублей. Японские «интересы» в Китае равняются 2,5—3 миллиардам иен. Кроме того, Китай является чрезвычайно важным полем деятельности для крупнейших английских, японских, американских, французских и бельгийских колониальных банков и на ряду с Индией важнейшим поставщиком рабочих рук для колониального рынка труда. Китай каждый год вывозит в разные колонии и полуколонии империализма около полумиллиона рабочих, в том числе и десятки, и десятки тысяч контрактных рабочих, т.-е. полурабов. Борьба за Китай обостряется по мере того, как неравномерность развития капитализма обостряется в период империализма. Если в 1913 году доля Соединенных Штатов составляла во внешней торговле Китая 9,5%, в 1921 г.—17,3%, в 1926 г.—14,6% и в 1927 г.—14,8%, то доля Японии за соответствующие годы составляла 19,7%, 25%, 23,7% и 25,8%, доля Англии—11,4%, 11,8%, 7,4% и 6,8%. Но в так называемый третий период всеобщего кризиса капитализма вместе со всеми основными противоречиями империализма чрезвычайно обостряется и борьба за китайскую полуколонию империализма. САСШ наступают, и в 1928 г. заняли уже первое место в торговле с Китаем. Английский капитал делает отчаянные попытки, чтобы завоевать обратно свои утерянные позиции в Китае и в 1928 г. имел в этом отношении некоторые успехи за счет японского капитала. Япония упрямо отстаивает свои позиции на китайском рынке и в то же время необычайно резко наступает для того, чтобы овладеть важнейшими источниками сырья в Китае. Только Ю.-Манчжурская ж. д. вкладывает около 100 млн. иен в ближайшие два года в добычу угля, железной руды, нефти, чугуна и стали в Китае. В то же время японский капитал скупает акции горных предприятий в Шаньдуне и в долине Янь-Цзы. Теперь уже 95% добычи железной руды и выплавки чугуна находится под японским контролем. Характерный факт: в 1925 г. китайский капитал контролировал 46% добычи угля, а иностранный—54%, а в 1929 г. китайский капитал контролировал 28%, а иностранный капитал—уже 72% добычи угля. Другой не менее характерный факт: в 1925 г. китайский капитал контролировал 58% всех паровых ткацких станков в стране, а иностранный 42%, а в 1929 г. китайский капитал контролировал 44%, а иностранный капитал—56% всех паровых ткацких станков. В последние годы империализм расширяет свои экономические позиции в Китае.

Однако, значение Китая вовсе не исчерпывается в третий период послевоенного развития империализма теперешним удельным весом Китая в системе мирового империализма. Империалисты ищут рынков сбыта. А Китай все еще является крупнейшим потенциальным рынком сбыта. Ведь подушное участие каждого китайца во внешней торговле составляет 3,30 доллара, а подушное участие каждого жителя Филиппинских островов—21, Японии—34, САСШ—77, а Австралии—233 доллара. Если довести об'ем торговли Китая хотя бы до уровня Индии, это значит, чуть ли не утроить внешнюю торговлю Китая. При этом следует учесть, что ряд провинций Китая (Сычуань, Гуй-чжоу, Ганьсу, Шаньси, Сынцзян) еле-еле втянуты в международный товарооборот. А с точки зрения экспорта Китай представляет собой огромнейшие возможности. Сун Ят-сен мечтал о том, что международный капитал предоставит 10 миллиардов долларов для создания элементарнейших предпосылок для индустриального развития страны. Если это и является мечтой мелкобуржуазного революционера-фантазера, то теоретически и практически вполне возможно довести китайскую железнодорожную сеть (7.000 миль) до уровня Индии (40.000 миль), китайскую текстильную промышленность (3,5 млн. веретен и 29.700 ткацких станков) до уровня Индии (8,7 млн. веретен, 159.000 ткацких станков) и создать в Китае такие же оросительные сооружения, как в Индии. При этом следует иметь в виду, что борьба за сферы приложения капитала между империалистами в первые послевоенные годы не была особенно остра, ибо острейший недостаток капиталов чувствовался во всем мире, а за последние годы темп и размер экспорта капитала из решающих империалистических стран возрастает. (Вывоз капитала из Англии в 1925 г.—77,9, в 1926 г.—101,6, в 1927 г.—148 и в 1928 г.—149 млн. ф. ст. Вывоз капиталов из САСШ в 1926 г.—1.359, в 1927 г.—1.387 и в 1928 г.—1.575 млн. амер. долларов). Временный кредитный кризис в начале 1929 г., повышение учетной ставки во всех решающих странах навряд ли изменят основную тенденцию, заключающуюся в усилении вывоза капиталов не только из САСШ и Англии, но также из Франции, Голландии, Швейцарии и, может быть, из Германии. В обострении борьбы за китайскую сферу для экспорта капиталов некоторую роль играет, и немаловажную роль будет играть, повышение таможенных пошлин. Уже начиная с февраля 1929 г. Китай имеет так называемую «тарифную автономию», но именно так называемую и именно в кавычках. Вместо настоящей тарифной автономии в Китае введена семишкальная тарифная система, т.-е. все привозные товары распределены на семь категорий и разные категории обложены пошлинами от 7,5% до 27,5% по стоимости товаров. В Индии, где текстильные изделия облагаются пошлинами на 16% и ряд других товаров пошлинами в размере 25% по стоимости товаров, это обложение не оказалось достаточным для таможенной защиты, хотя, конечно, способствовало в некоторой мере процессу индустриализации страны. В Китае куцая таможенная автономия в теперешнем виде не достигает даже уровня таможенных ставок в Индии и оказывает весьма слабую защиту промышленности, находящейся на территории Китая. Чан Кай-ши сам признал, что тарифная автономия пока еще неполная, но он же обещал, что начиная с 1 февраля 1930 г. Китай будет иметь полную таможенную автономию. Насколько эта автономия будет «полна», это зависит от соотношения сил между разными империалистическими державами, от степени сопротивления со стороны разных империалистических стран и в первую очередь Японии, от силы нанкинского правительства и т. д. Но новое повышение таможенных пошлин в начале будущего года стимулирует ввоз капиталов в Китай. Один из руководителей крупнейшего японского концерна Мицуй г. Ясукава уже заявил, что на повышение таможенных пошлин японский капитал ответит увеличением числа японских фабрик в Китае.

Приближение нового повышения таможенных ставок обостряет борьбу за китайский рынок сбыта. А борьбу за Китай, как сферу приложения капиталов, обостряет весьма важное с этой точки зрения событие, а именно приближение срока истечения договора о международном консорциуме банков.

2. Международный консорциум банков и Китай.

Международный финансовый капитал делал уже неоднократно попытки подразделить Китай как сферу для экспорта капиталов, устранить конкуренцию между разными империалистическими странами и созданием единого фронта осуществить полную монополистическую диктатуру финансового капитала в Китае с устранением конкуренции. Первый консорциум международного финансового капитала был создан договором от 18 июня 1912 г., с участием крупнейших банков (Гонгконг-Шанхайский банк, Немецко-Азиатский банк, Индокитайский банк, Русско-Азиатский банк, Иокогама Спэши банк, Моргэн и К°, Кун, Лэб и К° и т. д.) шести крупнейших держав (Англия, Франция, Япония, Германия, Россия, САСШ).

Каутский, Гильфердинг и прочие теоретики II Интернационала тогда еще не сочли нужным провозглашать этот факт, как новую эру в истории человечества, как начало эры ультра-империализма, интернационализации мирового хозяйства и международного переплетения национальных капиталов. И на самом деле САСШ скоро вышли из консорциума, и прочие члены консорциума скоро постарались в мировой войне перерезать друг другу горло. Первый консорциум без САСШ успел лишь руками Юань Ши-кая задушить революцию 1911—1912 гг. и предоставить для этой цели заем в размере 25 млн. фунт. стерлингов. Договор о первом консорциуме предусматривал распределение всех правительственных и гарантированных правительством займов между банками, составившими консорциум. Промышленные займы не были включены в соглашение.

Чтобы положить конец наступлению японского капитала на Китай, после окончания мировой войны САСШ предложили заключить новый договор о консорциуме. После длительных переговоров договор о втором консорциуме был заключен 15 октября 1920 г. между Гонгконг-Шанхайским банком, Индокитайским банком, Иокогама Спэши банком и группой 31 американских банков с одобрения правительств Англии, САСШ, Японии и Франции. Договор этот предусматривал, что всякие правительственные, гарантированные правительством и промышленные займы, предназначенные для Китая, должны быть распределены в одинаковой мере между банками четырех стран. Договор этот был заключен на пять лет, но в 1925 г. продлен на дальнейшие пять лет. Итак, договор истекает 15 октября 1930 года.

Нанкинское правительство или вообще какое бы то ни было крупное предприятие в Китае могли бы получить до 15 октября 1930 г. заем только через консорциум четырех держав. Но и в данном случае международное соглашение между крупнейшими банковыми об'единениями является лишь передышкой для более обостренной борьбы. Формально договор о консорциуме еще соблюдается. Представитель банкирского дома Моргана, небезызвестный Ламонт заявил на собрании Американско-Китайского общества, что «консорциум ожидает предложений китайского правительства относительно создания крупных предприятий общественного значения в Китае, при чем в течение некоторого времени Китай должен еще благоразумной и умеренной политикой доказывать, что он заслужил доверие мировых инвесторов». И когда возникли первые слухи о намерении американской биржи предоставить железнодорожные займы Китаю, Чемберлен на заседании палаты общин от 8 марта заявляет:

«Железнодорожное строительство в Китае во всех случаях, когда дело касается выпуска новых займов, должно проводиться в соответствии с соглашением о консорциуме от 15 октября 1920 г. Банковые группы Англии, Франции, Японии и САСШ должны участвовать с совершенно одинаковыми правами».

Устами Чемберлена английский капитал здесь заявляет о своих «правах» на участие в китайской добыче. Но в то же время орган лондонской биржи «Файнаншел Таймс» неоднократно указывал на то, что против попыток САСШ монополизировать китайский рынок займов все европейские державы должны об'единиться и под фирмой Лиги Наций предложить свои «услуги» Китаю. И представитель Лиги Наций Авеноль, недавно побывавший в Китае, на банкете, устроенном в честь его нанкинским правительством, заявил, что «Лига Наций готова оказать моральную и материальную помощь старейшей цивилизованной стране». А Международная Торговая Палата на своем общем собрании в июле текущего года обсудит китайскую проблему.

С точки зрения международного финансового капитала вопрос обстоит именно таким образом: или делить Китай в смысле экспорта капитала—и тогда можно начать грабеж сейчас, или же выждать окончания договора о консорциуме и тогда начать борьбу за Китай.

3. САСШ наступают.

Мы считаем продление срока договора о консорциуме, т.-е. соглашение о совместной эксплоатации Китая, маловероятным. Все данные указывают на то, что финансовый капитал САСШ попытается монополизировать Китай. Дипломатия доллара наступает изо всех сил в Китае, чтобы оттеснить всех возможных конкурентов. САСШ признали изо всех империалистов впервые, хотя бы на словах, тарифную автономию Китая. Вашингтон признал впервые нанкинское правительство. Когда японская разведка организовала восстание Чжан Чун-чжана в Шаньдуне против нанкинского правительства, САСШ послали демонстративно крейсер в шаньдунские воды. На просьбу Нанкина начать переговоры об отмене экстерриториальности и консульской юрисдикции, Келлог, будучи еще руководителем внешней политика САСШ, дает положительный ответ заявляя, что «САСШ тем самым желают доказать, что они являются наилучшим другом Китая». «Американские советники» экспортируются уже в Китай в массовом масштабе. В Нанкине работает уже комиссия Кэммерера. Кэммерер сам участвовал в выработке планов финансового «оздоровления» Мексики, Гватемала, Колумбии, Польши, Южно-Африканского союза и был одним из главных экспертов комиссии Дауэса. Под его руководством работают весьма компетентные по своим делам эксперты по финансам, общественному кредиту, налоговому обложению, железнодорожным финансам, тарифам, бюджету, банковому и валютному делам и финансовому контролю. Американские эксперты должны строить железнодорожные мосты, перестроить город Нанкин, выстроить порт Вампу в Кантоне против Гонгконга. Наконец, Нанкин назначил американца Мантеля советником по железнодорожному строительству, и Гувер и новый статс-секретарь Стимсон демонстративно принимают Мантеля на прощальный визит. В то же время американский капитал нащупывает почву и непосредственно. Форд строит монтировочный завод в Шанхае. Форд предлагает выстроить шоссейную дорогу между Шанхаем и Кантоном (8.000 миль), если он получит право на беспошлинный ввоз автомобилей в Китай. Американская фирма строит радиостанции по всему Китаю. Американская фирма Куртис получает концессию на организацию авиосообщения по линиям Ханькоу—Нанкин—Шанхай, Нанкин—Пекин, Нанкин—Кантон. На случай войны на Тихом океане САСШ имеют уже радиостанции, авиобазы и воздушный флот в Китае. В то же время по всему Китаю довольно большим темпом идет дорожное строительство. В Гуаньдуне выстроили 6.000 миль, в Гуаньси—3.000 миль в течение одного года и почти во всех провинциях идет напряженным темпом строительство шоссейных дорог. А агенты Форда и Дженераль Моторс понимают, что это им будет хорошо. Вновь назначенный советник по железнодорожному строительству Мантель после приема у Гувера заявляет, что «САСШ должны снабжать рельсами, паровозами и железнодорожными материалами Китай». В тот же день распространяются газетные сообщения, что американский банкирский дон Кун, Лэб и К° подготовляют заем в размере 400—500 млн. долларов для Китая.

Все эти факты и вся международная обстановка указывают на то, что САСШ не желают делить китайскую добычу, а хотят превратить Китай в колонию американского капитала. Этому, разумеется, не противоречит, что по вопросам неравных дороговоров САСШ занимают среди империалистов наиболее «либеральную» позицию.

4. Англо-японское соглашение против наступления САСШ.

Другие империалистические державы не только не отступают без боя, а, наоборот, они не только отстаивают свои старые позиции, но стараются завоевать новые. Япония, несмотря на предстоящую военную эвакуацию Шаньдуна, попытается укрепить свои и без того сильные позиции на железных дорогах и в горной промышленности Шаньдуна. В долине Янь-цзы японский капитал также ищет железнодорожные и горные концессии, строит новые текстильные фабрики не говоря уже о Манчжурии. Для Англии 1928 г. был годом наступления. Образовался синдикат текстильных фабрик специально для завоевания обратно китайского рынка (Истерн Текстайл Синдикат). И если наступление САСШ на Западе привело к возобновлению англо-французского союза, то на Востоке, в ответ на наступление САСШ состоялось англо-японское сближение, что, конечно, не исключает резкой конкурентной борьбы на китайском рынке между Англией и Японией. Мы не знаем рамок и об'ема англо-японского соглашения, которое, повидимому, направлено и против СССР, и против Китая. Мы можем допустить, что формально даже прежний союз не восстановлен. Около 50% японского вывоза направляется в САСШ и около 80% этого вывоза состоит из шелка. Япония должна осторожно окружать САСШ, и кроме того, конечно, она пытается всякими шантажами набивать цену своего союза с Англией. Но империалистическая Япония не может терпеть под боком Китай, как американскую колонию. Она сама нуждается в китайской колонии. И если для САСШ Китай будет только одной из колоний, то для Японии Китай важнейшая полуколония. Не напрасно утверждал Ленин, что участие САСШ в мировой войне было своего рода подготовкой к войне против Японии. В то же время и для Англии не так-то просто возобновление японского союза. Важнейшие английские доминионы—Канада, Австралия—против японского союза. Но английский империализм подчиняет эти вопросы интересам борьбы против САСШ. Иные товарищи считают, что нет англо-японского сближения, что более вероятный вариант—сближение между САСШ и Японией. Подобный взгляд нам кажется ошибочным. Не случайно, что японские текстильные фабриканты ищут сближения с Ланкаширом, что какой-то английский принц как раз сейчас едет к японскому императору, что по целому ряду мелких вопросов в Китае английская, французская и японская дипломатия выступила единым фронтом.

Само собой разумеется, что по мере того, как американский капитал будет выступать все более открыто в Китае, по мере того, как он через

нанкинское правительство все более будет подчинять себе Китай, противоречия между САСШ, с одной стороны, и Англией и Японией, с другой,—будут обостряться. Война между гуансийцами и Нанкином была формой проявления обострения англо-американских противоречий в Китае. Когда Чан Кай-ши арестовал Ли Цзи-сина, то по сути дела, агент Гувера арестовал агента Чемберлена, и когда из Кантона «тихим переворотом» прогнали сторонников гуансийцев, то САСШ нанесли удар позициям английского капитала на Юге Китая.

Обострение противоречий между империалистами—вот та международная обстановка, в которой будут решаться судьбы Китая в ближайшее время. Но такова уже судьба полуколониального Китая, что обострение противоречий между империалистами обязательно усиливает остроту противоречий и внутри страны.

5. Экономическое положение в Китае или о степени „стабилизации".

Насколько обострение противоречий между империалистами будет влиять на внутреннее положение страны, это зависит от экономического положения в самом Китае и от соотношений классовых сил внутри страны.

Несомненно, что после глубочайшего кризиса 1925—1927 гг. на фоне поражения рабочего класса и на фоне острейшего товарного голода в стране, китайская промышленность заработала. Угольная промышленность и в первую очередь японские и английские предприятия увеличили добычу угля. Мучительно медленно восстанавливается работа на доменных печах. Ввоз железа возрос. Текстильная промышленность имела в 1928 г. и в начале 1929 г. хорошую кон'юнктуру, и ткацкая промышленность увеличила не только продукцию, но и свой производственный аппарат. Вывоз шелка-сырца фабричного производства возрос с 89 тыс. кип до 101 тыс. кип, и было создано около 10 новых фабрик. Заработали и ханькоуские заводы. В Манчжурии бурным темпом идет колонизация, и посевная площадь увеличилась на 10% за год. Промышленность Манчжурии развивается более быстрым темпом, чем в Собственном Китае. Мукден становится одним из важнейших пролетарских центров. Внешняя торговля восстановилась почти до уровня рекордного 1926 г. Несмотря на тяжелый кризис всего железнодорожного транспорта, грузооборот по целому ряду железнодорожных линий Центрального Китая и Шаньдуна удвоился. Начались работы по продлению Лунхайской ж. д. Дорожное строительство почти во всех провинциях делало значительные успехи. Были созданы банки для поощрения промышленности, выпущен заем для восстановления валюты. Всекитайская выставка в Шанхае была событием в экономической жизни страны. Английский бойкот улучшил кон'юнктуру для китайских фабрик, хотя он не мог помешать росту завоза японских товаров в Китай. Улучшились курсы китайских ценных бумаг на иностранных и китайских биржах, хотя в марте и апреле, когда намечалась перспектива войны между Нанкином и гуаньсийской группой, курсы ценных бумаг снова упали. Нанкин получил даже небольшой иностранный заем под обеспечение Лунхайской ж. д. в размере 5 млн. долларов. После многочисленных крахов провинциальных банков и обесценения бумажных денег даже финансово-валютный хаос проявился в менее острых формах. Было бы ошибочно не замечать этих явлений. Представители иностранных банков, работающих в Китае, остались довольными кон'юнктурой за последнее время.

Председатель «Chartered Bank of India, Australia and China («Привилегированного банка Индии, Австралии и Китая»), Тэрнер на общем собрании акционеров говорил: «В прошлом году (1928 г.) в Китае имело место заметное восстановление дел».

Председатель «Коммерческого банка для Индии» Райри заявил на общем собрании акционеров банка: «Условия торговли в Китае в прошлом году улучшились».

А наиболее компетентный в китайских делах председатель Гонгконг-Шанхайского банка, Комптон заявил: «Политическое положение заметно улучшилось. Китайские пошлины являются умеренными и благоразумными. В стране наблюдается возвращение к нормальным условиям, что и следует приветствовать».

Английский журнал «Экономист» от 3 марта считал, что даже война между Нанкином и гуаньсийцами не может значительно ухудшить положение, и экономический журнал, представляющий интересы иностранного капитала в Китае, «Фар Истерн Трэд энд Кэпитэл» заявляет: «В стране чувствуется прочность и устойчивость. Необходимо радикально снизить заработную плату рабочих».

Это, коночно, язык опьяневших от временной победы контрреволюции банкиров и дельцов. Почтенный председатель Гонгконг-Шанхайского банка, говоря о возвращении к «нормальным условиям», ни словом не обмолвился о том, что китайский национальный капитал оттесняется иностранным, что важнейшие китайские предприятия переходят в иностранные руки, что восстановление торговли сопровождается разорением сотен и сотен тысяч ремесленников, что рост Шанхая, Тяньцзина, Мукдена и Нанкина сопровождается катастрофическим упадком Пекина и ряда других городов, что дорожное строительство лишает хлеба сотни тысяч кули, что кули уже во многих местах сжигают автобусы, что миллионные армии милитаристов не демобилизованы. Повидимому, к возвращению к «нормальным условиям» следует отнести страшнейшее обострение кризиса сельского хозяйства, рост ввоза пищевых продуктов и ужасную массовую голодовку, которая в девяти разных провинциях охватывает не то 20, не то 30 миллионов человек. До нового урожая погибнет в Китае несколько миллионов человек с голоду! Глубочайший кризис сельского хозяйства отражается в росте бандитизма, в непрекращающихся крестьянских восстаниях, в продолжающейся партизанской войне, в росте эмиграции, в наплыве разорившихся крестьян в город. Голод в деревнях, недород вызвали вздорожание цен в городе, а вздорожание цен вызвало ряд рабочих стачек. И забастовки стали уже нормальным явлением не только в первоклассных промышленных центрах, как в Шанхае, Ханькоу, но также и в забитых промышленных центрах, как Таньшан, Пиннян, Цзин Дэ Чжен, и в городах с новой промышленностью как Суйчжоу, Ханьчжоу, Нантунчжоу. А если после всего этого спрашивают, есть ли стабилизация, хотя бы временная, шаткая, гнилая в Китае, то мы можем отвечать замечательно метким заявлением китайского министра торговли, промышленности и труда, Кун Сян-си: «Китай достиг той степени стабилизации, которая нужна для процветания иностранных фирм». Это сказано замечательно ясно и замечательно правильно. На самом же деле Китай не достиг той степени стабилизации, которая нужна для процветания национального капитализма. Наоборот, временная победа контрреволюции выявила полностью тот факт, что при буржуазной власти Китай все больше закабаляется империализму. Но временная победа контрреволюции создала предпосылки к укреплению и процветанию иностранного капитала в Китае. И в этом заключается и ближайшая перспектива экономического развития Китая. Если революционный взрыв не разорвет оковы, наложенные на самостоятельное развитие страны, то в ближайшее время Китай превратится из полуколонии все больше и больше в колонию международного капитала, вероятнее всего, в колонию американского финансового капитала. Позиции иностранного капитала все более укрепля-

ются в стране, и зависимость страны от иностранного капитала становится все более глубокой, пока взрыв революционной волны не сметет империализм с лица китайской земли.

6. Развал единого фронта контрреволюции и новые классовые сдвиги в стране.

Какие сдвиги происходили и происходят в соотношении классовых сил при данной международной обстановке и при тех экономических процессах, которые мы попытались вкратце характеризовать?

Борьба рабочего класса за гегемонию над крестьянством и за руководящую роль в буржуазно-демократической революции в 1927 г. привела к созданию единого контрреволюционного блока. Советское восстание в Кантоне завершило этот процесс и создало единый фронт национальной буржуазии, помещиков, компрадорской буржуазии и империалистов, при чем значительные слои городской мелкой буржуазии перешатнулись в лагерь контрреволюции. Гоминдан является весьма кривым зеркалом тех социально-политических сдвигов, которые происходят в Китае, но даже это кривое зеркало отражало постепенный отход мелкой буржуазии от единого лагеря контрреволюции, и V пленум ЦК Гоминдана (ноябрь 1928 года) знаменовал собою уже переход мелкой буржуазии в оппозицию и оформление блока между правыми и центром в первом правительстве сун'ятсеновского типа. В основном блок между помещиками и разными слоями буржуазии тогда еще сохранился. В то же время продолжалось оттеснение левого крыла Гоминдана и оттеснение Фын Юй-сяна, пытавшегося опереться на левое крыло, представляемое Чжен Гуй-по, Ван Цзин-вей, Сун Цзи-лин, Юй Жен-чжен и т. п. В этом отношении в Гоминдане повторялось историческое развитие Индийского Национального Конгресса. Национальный Конгресс из массовой политической организации мелкой буржуазии стал органом в руках крупной буржуазии. Ван Цзин-вей еще не решил полностью капитулировать перед Чан Кай-ши, как Ганди капитулировал перед Мотилал Нэру, но дело идет к этому. К III с'езду Гоминдана левые были уже так слабо представлены, что Чан Кай-ши мог даже пустить из милости их представителей в ЦК. А Фын Юй-сян был изолирован уже на конференции генералов по разоружению и на с'езде даже не присутствовал. Гоминдан, как он появился на своем III с'езде стал уже в основном партией крупной буржуазии, оставляя лишь из агитационных соображений некоторые мелкобуржуазные элементы в составе партии. В наиболее развитой промышленной провинции, в Цзянсу, Гоминдан имеет только 14.274 членов, при чем в крупнейших промышленных центрах провинции, как-то: в Шанхае он имеет 542, в Уси—392 и в Нантунчжоу—392 членов. Ясно, что эта партия об'единяет в себе отборных чиновников, высших офицеров армии, нескольких банкиров, крупных ростовщиков и представителей торговых палат.

Однако, оттеснением мелкобуржуазных элементов не исчерпываются те социальные сдвиги, которые происходили и происходят в нанкинском правительстве и в Гоминдане. В нанкинском правительстве все больше проявляются процессы буржуазного перерождения. Конечно, здесь нужна большая осторожность, чтобы не впасть в преувеличения. Китайская буржуазия сама землевладельческая, в ней количественно преобладает торговец, ростовщик и скупщик, ее связь с промышленностью сильнее по линии скупщика и раздатчика, чем через крупного фабриканта. Но все же по мере восстановления торговых путей, внешней торговли и промышленной деятельности буржуазные элементы оказывают все больше давления на нанкинское правительство, и представители этой буржуазии в правительстве—

министр путей сообщения Сун Фо, министр финансов Сун Цзе-вен, министр торговли и промышленности Кун Сян-си—начинают играть все более видную роль. Буржуазия все громче требует сокращения армии, демобилизации, об'единения финансов, отмены внутренних пошлин, отмены системы отдачи налогов на откуп, создания бюджета, введения всекитайской валюты, введения единой системы мер и весов,—словом, минимума буржуазных преобразований для создания национального рынка. Эта буржуазия чувствует поддержку нью-йоркской биржи, и ее тон становится все более крепким по отношению к Нанкину. Гуаньсийцы, опираясь на английскую поддержку, противопоставляли себя ряду буржуазных требований насчет об'единения финансов, сокращения армии, собирания пошлин и введения налогов. В этой группе влияние помещика, деревенского джентри и чиновника, влияние английского компрадора и ростовщика преобладало. И Нанкин победил гуаньсийскую группу почти без единого выстрела не только потому, что генералы перебежали к Чан Кай-ши, что в финансовом и экономическом отношении Нанкин был сильней, а потому, что в долине Янь-цзы, и в особенности в Ханькоу, буржуазия заняла позицию против гуаньсийцев. И надо сказать, что Нанкин старается всячески подчеркивать свою буржуазную сущность. Он отменяет старый китайский календарь и, оружием подавляя местные восстания против этой меры, силой запрещает празднование китайского нового года. Деревенские кумирни превращаются во многих местах в лекционные пункты. Проводится регистрация монастырей, а местами конфискация помещений монастырей. Нанкинское правительство работало в дни старого китайского нового года. Гоминдан подстрекает к разрушению старых городских стен. В Чжецзяне делается попытка создавать в деревнях «комитеты самоуправления», которые по замыслу Гоминдана должны постепенно втягиваться в дело управления деревни. Из Хубея и Цзянсу имеются сведения о борьбе в уездах и деревнях между гоминдановскими комитетами и между джентри, тухао, откупщиками налогов, словом, старой верхушкой деревни.

В борьбе между Нанкином и гуаньсийской группой обнаружился развал единого контрреволюционного фронта. Борьба шла не вокруг основных проблем революции, как принципиальное отношение к аграрному вопросу или империализму. В этом отношении принципиальных разногласий не было, если не считать, что Нанкин ориентируется на САСШ, а гуаньсийская группа на Англию. А борьба шла за гегемонию в лагере контрреволюции. И в результате борьбы крупная буржуазия сделала значительный шаг к овладению гегемонией. Может быть, даже весьма вероятно, уже в ближайшее время будет новая война между Нанкином и Фын Юй-сяном. Может быть, английскому империализму удастся взорвать нанкинское правительство изнутри. Англия же имеет свою ячейку в нанкинском правительстве (Ху Хан-мин). Возможен раскол даже в ядре нанкинского правительства. Но в основном весенний поход 1929 г. и III с'езд Гоминдана обозначают собой, что буржуазия не только крадется, но, хотя и медленно, шагает к власти.

7. Весенний поход 1929 года и об'единение страны.

Но у буржуазии еще нет власти, и нанкинское правительство еще вовсе не об'единило Китай. После взятия войсками Чан Кай-ши Ханькоу, английская газета «Таймс», весьма скептически относящаяся к нанкинскому правительству, все же заговорила о том, что об'единение Южного Китая под властью Нанкина стало реальной возможностью. Нам кажется, что и это утверждение является преувеличением. Власть Нанкина распространяется в настоящее время весьма условно и ограниченно на восемь провин-

ций Южного Китая. Гуаньси, Юнань, Гуйчжоу и Сычуань даже формально не подчинены Нанкину. А на севере Китая пока Фын Юй-сян и Ян Си-шан делят власть, и в Манчжурии властвует мукденская группировка. Нанкин об'единил восемь капиталистически наиболее развитых провинций Юга под своей властью. И чем дальше, тем труднее будет процесс настоящего об'единения страны. Нанкин опирался на капиталистически наиболее развитые приморские провинции (Цзяньсу, Чжецзян) и, опираясь на них, завоевал Хубей, Хунань и по сути дела и Гуаньдун, где буржуазия относительно довольно сильна. Но в самом Китае капитализм в отдельных провинциях страны развивался чрезвычайно неравномерно. В отсталых провинциях помещик, ремесленная мелкая буржуазия, мелкий купец и ростовщик несравненно сильнее и современная промышленная буржуазия несравненно слабее, чем в передовых приморских провинциях. Не случайно, что социальное содержание власти в провинциях Чан Кай-ши, Фын Юй-сяна, Ян Си-шана, Чжан Сюэ-ляна и т. д. отличается соответственно хозяйственно-социальному развитию этих провинций. Власть каждого генерала отражает более или менее соотношение классовых сил в провинциях данного генерала. Само собой разумеется, что Нанкин, опираясь на Шанхай, Нанкин, Ханькоу, Ханьчжоу и т. д., располагает экономическими командными постами в стране. Резумеется, стихийный ход развития, железнодорожное и дорожное строительство, возникновение или развитие промышленности могут относительно быстро изменить характер отдельных провинций. Но в ближайшее время процесс об'единения будет тем более затруднительным, чем менее капиталистически развиты незавоеванные еще провинции.

В этом отношении значительные осложнения может вызвать национальный вопрос. Мусульманское восстание в Гансу уже показало все значение этого вопроса. Но несомненно, что нанкинское правительство размышляет о контрреволюционной интервенции в Монгольскую Народную Республику либо под своим собственным знаменем, либо под ширмой монгольских князей во Внутренней Монголии. Нанкин, вероятно, попытается восстановить власть китайских ростовщиков, земельных спекулянтов и монгольских князей и лам в революционной Монгольской Народной Республике. Несомненно, что предстоит попытка снова приобщить к хозяйственной территории китайского торгово-ростовщического капитала и Тибет. А подобные авантюры могут вовлечь страну в опаснейшие кризисы.

8. Гоминдан и аграрный вопрос.

Для разрешения аграрного вопроса Гоминдан не имеет серьезной программы. Но под давлением крестьянских выступлений Гоминдан вынужден искать пути к разрешению аграрного вопроса. В прошлом году в провинции Чжецзян имели место массовые крестьянские выступления. Провинциальное правительство издало декрет под давлением крестьянского движения о снижении арендной платы на 20%. Оказывается, декрет это был проведен в жизнь в ряде округов, и его проведение привело к временному успокоению крестьянства. Но помещики весной 1929 г. уже восстановили арендную плату до прежнего уровня. Провинциальное правительство в Цзянсу издало декрет о том, что ростовщический процент не должен превышать 0,8% за месяц, т.-е. 9,6% годовых. Владельцы ломбардов резко опротестовали этот декрет, и провинциальное правительство согласилось на увеличение ростовщического процента до 2% за месяц. У нас нет данных, проводится ли этот декрет в жизнь. Но у нас имеются сведения о том, что «учреждения для на-

ставления арендаторов», т.-е. тюрьмы для арендаторов, не уплативших арендную плату, переполнены. В Гуаньдуне провинциальные власти распорядились о собирании налоговых недоимок с 1916 г., при чем за недоимки после 1920 г. взимается пеня в размере 25%. В то же время провинциальная конференция Гоминдана в Цзянсу вынесла постановление о том, что поземельный налог не должен превышать 1% стоимости земли в год и местные добавочные налоги не должны превышать 20% основного налога, а все остальные сборы с землевладельцев должны быть отменены. В Чжецзяне учреждается Кооперативно-Кредитный банк с основным капиталом в 500.000 долларов, а в Цзянсу делались попытки разрешить арендаторские конфликты путем арбитража.

В период контрреволюции, когда помещики, купцы, ростовщики и джентри организовали вооруженные отряды против революционного крестьянства, кулак местами активно перешел в лагерь контрреволюции и помог душить крестьянские выступления. В стихийных крестьянских восстаниях типа Союза Красных Пик кулак часто проводит реакционнейшее влияние джентри и тухао. Китайские товарищи сообщают нам о случаях, когда кулак шел с крестьянским движением пока основным лозунгом была борьба против налогов, и повернулся против крестьянского движения, когда выдвигался лозунг о борьбе с ростовщиком. В тех областях, где создавались временные советские очаги, как в Хайфыне, сначала как-будто удалось нейтрализовать кулака, но по мере того, как основная масса крестьянства выдвинула лозунг уравнительного передела земли, усиливалось и сопротивление кулака. В китайских условиях кулак является и ростовщиком, часто сдает и землю в аренду, и поэтому несомненно, что он повернется против революции, хотя в качестве налогоплательщика и арендатора помещичьих земель его можно некоторое время нейтрализовать. Несомненно, что лозунг союза с кулаком, выдвинутый некоторыми китайскими товарищами, глубоко ошибочен и по существу является оппортунистическим лозунгом, ибо замазывает классовую борьбу. Несомненно, что глубоко ошибочна и установка на то, чтобы не заострять борьбу против кулака. Но в то же время прямо-таки смехотворным является утверждение Л. Троцкого о том, что кулак является главным врагом китайского крестьянства и поэтому социально-экономическое содержание китайской революции есть социалистическая, пролетарская революция. В стране, где 60—70% всей земли находится в руках помещиков, где подавляющая масса крестьянства состоит из голодных арендаторов-испольщиков, где капиталистическая предпринимательская аренда слабо развита, где основной метод эксплоатации в деревне идет по линии выжимания ренты, а не по линии эксплоатации наемного труда батрака, где над батраком еще довлеют общекрестьянские бедствия, об'явить кулака главным врагом крестьянства это значит замазывать один из основных вопросов революции, вопрос о помещике.

Этот вопрос о помещике не могла и не сможет поставить партия китайской буржуазии, Гоминдан. Основным методом разрешения аграрного вопроса являются для Гоминдана карательные экспедиции против революционной деревни. Мы уже указали на то, что были отдельные попытки к подходу к крестьянскому вопросу и «реформистским» путем.

Но это были именно местные попытки к улучшению или ухудшению положения крестьянства. Но руководящие круги Гоминдана в настоящее время вырабатывают план для «разрешения аграрного вопроса» во всекитайском масштабе. Речь идет об «осуществлении» плана Сун Ят-сена. В чем этот план заключается? Мечтатель и фантазер Сун Ят-сен слыхал кое-что о Генри Джордже и о том, что Генри Джордж в нетрудовом увеличении дохода с земли искал источник всяких бедствий. И Сун Ят-сен предложил

налоговой политикой отнять от помещиков это нетрудовое увеличение дохода с земли в пользу государства. Сун предложил, что помещики сами должны указать цену на свою землю, и если они укажут цену очень высокую, то государство должно их обложить по высокой оценке, а если они укажут цену слишком низкую, то государство должно выкупить их землю по низкой оценке. На основании этой наивной мечты под руководством Ху Хан-Мина вырабатывается какая-то реформа земельного обложения. Суть этой реформы—на основании сведений, имеющихся в нашем распоряжении,—заключается в следующем:

1) Проводится новая перепись всех земель и на основании нового кадастра устанавливается поземельный налог в размере 1% цены земли.

2) В случае купли и продажи земли и в случае перехода земли по наследству будет взиматься налог с нетрудового увеличения дохода с земли.

Даже предполагая, что эти реформы будут проведены архиправильно (чего нельзя предполагать при нынешнем состоянии государственного аппарата), даже предполагая, что безобразия с обложением крестьянства и с системой отдачи налогов на откуп прекратятся, и то эти «реформы» нисколько не разрешают аграрного вопроса. Эти реформы нельзя назвать даже карикатурой на столыпинщину. Агрономические улучшения, насаждение кооперативного движения и тому подобные меры проводятся в Индии уже два десятка лет, а аграрный вопрос только обострился. Китайские земельные отношения и соотношения классовых сил в Китае исключают сколько-нибудь серьезную попытку к разрешению аграрного вопроса в духе Столыпина. Снижение арендной платы, снижение ростовщического процента, упорядочение налоговой системы, даже все вместе взятые, не могли бы заменить столыпинщину в условиях Китая. Столыпинские реформы все же привели к тому, что из помещичьего земельного фонда около 6 млн. десятин земли перешло в руки кулака. В Китае это невозможно. А опыт четырехлетней борьбы показывает, что даже снижение арендной платы и ростовщического процента и уменьшение налога тоже не проводится в жизнь, даже если декрет сверху об'являет эти мероприятия. Все данные указывают на то, что китайская буржуазия не выступит даже с карикатурой на столыпинщину.

А кризис сельского хозяйства все больше углубляется. И на фоне разорения деревни не прекращаются крестьянские выступления. На Юге Цзянси и Фуцзяни героические партизаны под руководством коммунистов Мао Цзе-Дуна и Чу Дэ окружены сочувствием крестьянских масс. На Юге Хунани революционер Хо Лун руководит партизанами. Они не могли бы удерживаться, если бы не поддержка крестьянских масс. На Северо-Западе в Гансу все еще продолжается мусульманское восстание. В провинции Цзянсу под Шанхаем уволенные шанхайские рабочие руководят крестьянской борьбой. И эти восстания в Цзянсу происходят под лозунгом компартии, под лозунгом «тройного отрицания», т.-е. не платить арендную плату, не платить долг ростовщику, не платить налога. В то же время крестьянские организации типа Красных Пик, Малых Ножей и т. д., очевидно, также находятся в оппозиции против гоминдановских порядков. Деревня бурлит, несмотря на карательные экспедиции, на купеческие отряды самообороны, на рост числа мынтуаней и несмотря на то, что местами даже кулак поддерживает гоминдановскую контрреволюцию. Китайская деревня остается пороховым погребом.

9. Рабочее движение и Гоминдан.

Однако, крестьянство может победить лишь в том случае, если рабочий класс возглавляет крестьянство как гегемон революции. А после поражения революции 1925—27 гг. на рабочий класс обрушились удары белого террора, физическое истребление части коммунистического авангарда, уничтожение профсоюзного актива, массовые увольнения и вообще все, что может обескровить пролетариат. Компартия в глубочайшем подполье. Партия сама пережила тяжелые кризисы. За последнее время оживляется работа партии, чувствуется новый приток сил. Но Гоминдан в течение почти двух лет все же успел создать и развивать, опираясь на свою власть, на монополию легальности и временную слабость компартии, свои желтые зубатовские профсоюзы. И гоминдановские профсоюзы научились кое-чему из опыта китайской революции и европейского реформизма и фашизма. Гоминдан применяет для подавления революционного рабочего движения самые жестокие методы белого террора, но не только методы белого террора. Ведь китайская зубатовщина осуществляется после того, как пролетариат прошел школу революции. Поэтому желтые гоминдановские профсоюзы применяют не только полицейский арбитраж, пропаганду сотрудничества между трудом и капиталом и тому подобные мало привлекательные учения, но они возглавляют стихийные стачки для того, чтобы обезглавить их; они иногда призывают к забастовке, чтобы помешать стихийным взрывам, они руководят петиционными кампаниями к Гоминдану, они возглавляют рабочие делегации к правительству, к с'езду Гоминдана и т. д. Они даже социальным законодательством пытаются втирать очки рабочим. В Шанхае издан декрет, запрещающий детский труд младше 12-летнего возраста и предписывающий, что до 16 лет дети могут выполнять лишь легкую работу. Беременным женщинам полагается шестинедельный платный отпуск. Фабрикант обязан содержать школу для детей рабочих. На случай увечия и болезни предприятие обязано оказывать врачебную помощь, и социальное бюро Гоминдана имеет право рассматривать случаи увольнения рабочих. Не трудно предсказать, что из этого декрета осуществится немногое. Не трудно предсказать, что демагогическое обещание о предоставлении пенсии, если рабочему исполнилось 50 лет, а приказчику 60 лет, не будет претворено в жизнь. Но эти факты указывают на то, что Гоминдан в крупных промышленных центрах на крупных промышленных предприятиях старается удержать рабочее движение в рамках гоминдановской легальности. За последнее время чувствуется уже работа коммунистов в гоминдановских союзах. Забастовки стали более упорными. Гоминдану становится более трудным возглавлять рабочее движение, чтобы обезглавить его. Труднее становится втиснуть рабочее движение в рамки гоминдановской легальности. Положение рабочих ухудшается в результате вздорожания продуктов. На шанхайских фабриках проводится также известная реорганизация и рационализация, и ткачей, например, заставляют работать вместо прежних двух на трех станках. Снижается заработная плата. Завоевания революционного периода отняты у рабочих.

Ленин неоднократно указывал, что рабочее движение в России быстро перерастет зубатовские рамки, и он же отметил, что подготовка 9 января 1905 г. началась как раз в одном из зубатовских союзов. В Китае уже чувствуется, как рабочее движение все сильнее давит на гоминдановские рамки. Гоминдан все чаще должен итти на довольно крупные маневры в роде того, что он призывал к прекращению работ 1 мая. Крупного прорыва еще нет. Но революционное рабочее движение как будто уже перешло через самый глубокий пункт нисходящей волны, последовавшей после поражения революции. Рабочие массы переваривают опыт генеральной репетиции 1925—27 гг. Неизвестно, когда последует новый взрыв, но рабочий класс и его коммунистическая партия

будут другими, чем в 1925 г. Пролетариат закаляется, и коммунистическая партия зреет, растет, крепнет внутренне.

10. Возможна ли „кэммэрэризация“ Китая?

Вот, в основных чертах, позиции борющихся классов в Китае.

Каковы же ближайшие перспективы? Перед Китаем два пути развития на ближайшее время: путь рабочего класса и крестьянства под руководством рабочего класса, путь революции, путь революционного об'единения страны, свержения империализма и плебейского разрешения аграрного вопроса. Другой путь, путь буржуазии, идет через превращение страны из полуколонии империализма экономически в колонию империализма. Этот путь развития может быть осуществлен либо через раздел страны между крупнейшими группами банков или же через подчинение решающих областей страны американскому финансовому капиталу. Американец Кэммэрэр является теперь официально советником Нанкинского правительства. Если осуществится подчинение Китая американскому капиталу, то Кэммэрэр станет диктатором Китая. Это не будет «дауэсизация» Китая. Германия сама была империалистической страной, имеет гигантски развитый производственный аппарат, прекрасную технику, т.-е. целый ряд предпосылок для того, чтобы вырваться из закабаления. Это будет «кэммэрэризация» Китая, т.-е. в смысле экономическом наиболее жестокая колониальная эксплоатация китайских рабочих и крестьян, при чем китайская буржуазия выполняет ту же роль, как надсмотрщик на шанхайских фабриках. Это вовсе не исключает некоторые уступки в области неравных договоров. Но зато вся экономика страны будет отдана финансовому капиталу на откуп.

Многие данные указывают на то, что Нанкинское правительство и финансовый капитал С.-А. С. Ш. вступят на путь осуществления «кэммэрэризации» Китая. Может быть, С.-А. С. Ш. в порядке маневра с целью расшатывания англо-японского соглашения предложат кое-какие крохи Японии. Но в основном американский финансовый капитал хочет сохранить за собой весь Китай в качестве колонии.

Осуществим ли этот путь на более или менее длительный исторический период?

Россия была империалистической страной, и после 1905—6 гг. все же понадобились иностранные займы, столыпинщина и более или менее «спокойная» международная обстановка (спокойная в смысле внешних потрясений), чтобы отвоевать некоторую передышку для победившей контрреволюции. Китай—полуколониальная страна. Столыпинские попытки в Китае маловероятны. Таким образом, остается ускорение накопления китайского капитала путем усиления эксплоатации рабочих и крестьян (если вообще возможно повышение нормы эксплоатации в Китае) и ускорение капиталистического развития страны путем ввоза иностранного капитала. Этот путь обозначал бы собой разорение, острое, быстрое, резкое вытеснение десятков миллионов ремесленников из производственного процесса. Это обозначало бы собой полное вытеснение, острое, быстрое, резкое вытеснение десятков миллионов кули из сферы производства и транспорта. Это обозначало бы собой чрезвычайно острое ускорение процесса разложения крестьянства, разорение и пауперизацию десятков и десятков миллионов крестьян. При этом лишь весьма небольшая часть ремесленников, кули и крестьян могла бы устроиться в промышленности в качестве пролетариев. Этот путь обозначал бы собой воспроизводство противоречий между самостоятельным развитием страны и между империалистическим закабалением на более высокой ступени развития. Гильфердинг в 1909 г. в своей работе «Финансовый Капитал» провозгласил не только «деколонизацию» Китая, но предсказал даже попытки колониальной экспансии со стороны Китая. Но жизнь показала, что этому предсказанию грош цена.

И все эти процессы происходили бы в сопровождении острейшей борьбы между империалистами. Попытка раздела Китая на сферы влияния точно так же трудно осуществима без новой мировой войны, как попытка монопольного овладения Китаем со стороны С.-А. С. Ш. Все эти процессы происходили бы в стране, где рабочий класс и крестьянство уже проделали генеральную репетицию революции, где вспыхивают рабочие выступления, где уже сейчас бурлит деревня. Все эти процессы происходили бы и отчасти уже происходят в период, когда СССР уже существует, когда Коминтерн уже существует, когда революционная борьба на Западе и национально-революционная борьба на Востоке обостряется, когда, например, в Индии усиливается революционное брожение. И если китайская революция ускорила под'ем новой революционной волны в Индии, то под'ем новой волны в Индии может значительно ускорить новый под'ем в Китае. Поэтому мы считаем, что попытка «кэммэрэризации» Китая может дать лишь весьма краткосрочную передышку контрреволюции.

Кэммэризация не может разрешить основные проблемы, поставленные ходом исторического развития перед Китаем.

Эти проблемы разрешит революция рабочих и крестьян под руководством рабочих.

С. Новиков.

Антисоветская военная программа германской соц.-демократии [1]).

4. Мнение Каутского.

Но если Штампфер и К° старательно прячут срамоту своей агрессивной, антисоветской военной программы под различнейшими фиговыми листками, то Каутский не стесняясь обнажает все срамные места. Он открыто заявляет, что версальские нормы ниже минимума, необходимого для защиты отечества. Он с неподражаемым цинизмом говорит, что Интернационал не должен брать на себя безусловное обязательство ответить на об'явление войны такими революционными актами, как всеобщая забастовка в военной промышленности, ибо это осуществимо не в начале войны, а лишь в конце ее, когда измученные массы жаждут мира. Гарантию действительной борьбы с опасностью новых войн он видит в сотрудничестве двух инструментов и ангелов мира—II Интернационала и Лиги Наций. Они-то и призваны бороться с главными военными опасностями: 1) с национализмом балканизированной Восточной Европы и колониального Востока, 2) с фашистскими диктатурами (в России (sic!), Италии, Польше и Венгрии) и 3) с конкуренцией вооружений.

Для старого, изолгавшегося софиста Каутского очень характерно, как он протаскивает СССР в список фашистских диктатур. Он не смеет п р я м о утверждать, что в СССР—фашистская диктатура. Он «только» начинает свой обзор фашистских диктатур с... СССР. Прямого утверждения, что СССР фашистская страна с фашистской диктатурой как будто и нет, но все же оно есть. Каутский не утверждает, что советская власть фашистская диктатура, он только намекает, что советская власть, первая среди фашистских диктатур. Каутский настолько «об'ективен», что главную военную опасность он видит даже не в СССР, а в фашистских режимах Италии, Венгрии и Польши: нашу мирную политику он об'ясняет разрухой всего народного хозяйства в Советском Союзе и вытекающей отсюда неспособностью СССР вести какую-бы то ни было войну, ни оборонительную, ни наступательную. СССР хотел бы, но не может воевать» [2]).

С национализмом колониальных народов Каутский советует правительствам и социалистам Англии, Франции и Голландии бороться заменой военной экспансии цивилизаторской, мирно-экономической и культуртрегерской колониальной политикой по примеру Германии и С.-А. Соед. Штатов в Китае. Против конкуренции вооружений он проповедует пацифистское воздержание (постепенное разоружение и интернационально нормированное вооружение). Для борьбы с самой главной военной опасностью, с диктатурами—Каутский, имея в виду СССР, уполномочивает Лигу Наций наказать ослушников ее воли к миру внешней интервенцией и внутренней гражданской войной. Зато, предупреждает он, было бы преступлением апеллировать к оружию в демократических странах как в классовой борьбе, так и в междугосударственных конфликтах.

[1]) Окончание. Начало ст. см. в предыд. номере.
[2]) K. Kautsky, «Wehrfrage und Sozialdemokratie», SS. 30—32.

Старый доносчик жалуется, что большевизм хочет противопоставить Лиге Наций и ее борьбе за мир всемирную революцию и всемирную войну: вторую для развязки первой. Как «знаток» ленинизма, он раз'ясняет, что под мировой революцией большевики понимают «не развитие в направлении к социализму, т.-е. необходимо постепенный процесс, а одновременное (?!), неожиданное (??!) свержение всех существующих в мире правительств, за исключением русского, которое таким образом пришло бы к мировому господству и сумело бы продиктовать всем порабощенным народам свои условия мира» [1]). Для развязки мировой революции большевики проповедуют мировую войну, а для развязки мировой войны они разжигают во всем мире национальные противоречия и конфликты. «Мировую революцию, которая должна заменить Лигу Наций, они рассматривают не как средство для изгнания войны, наоборот, они нуждаются в войне, как прологе революции» [2]).

Мы не станем унижать читателя полемикой с этими поистине сумасшедшими пустяками, которые в такой нелепой форме могли зародиться только в голове пережившего себя ренегата, потерявшего давным-давно стыд, совесть и разум. Но в этом безумии есть своя логика! Это—логика О. Бауэра и всей К° II Интернационала, болтающих о «защите» СССР и одновременно подготовляющих антисоветскую войну распространением гнусной легенды о советском империализме и смакованием софизма о спекуляциях СССР и Коминтерна на мировую войну для развязки мировой революции. Бауэр и левая с.-демократия делают это более тонко, чем Каутский и правая соц.-демократия, но это делают в с е, каждый по силе и способности, каждый в своем стиле: Бауэр в форме тончайшей дипломатии, Каутский—в форме топоумных острот (напр., о мировой революции, как одновременном и неожиданном свержении всех существующих в мире правительств, кроме русского...).

Когда апостол демократической постепенности и мира для капиталистических стран, когда проповедник интервенции и гражданской войны для СССР К. Каутский болтает и лает, что м ы готовим всемирную войну для развязки всемирной революции, он разоблачает не только себя, но и весь II Интернационал, что о н и готовят антисоветскую войну, для развязки контрреволюции в СССР. Военная программа германской социал-демократии, меморандум Гренера, антисоветский военный пасквиль Каутского, передовицы Штампфера и брюссельский манифест О. Бауэра, — все это документы из одной и той же серии фальшивок, которые международная буржуазия и ее с.-д. агентура фабрикуют для идеологической подготовки интервенции в СССР.

Когда К. Каутский говорит, что СССР хотел бы воевать, но, благодаря разрухе всего народного хозяйства, он теперь неспособен к наступательной и даже к оборонительной войне [3]), то во всем антисоветском контексте его пасквиля это местечко звучит, как обнадеживание будущих интервентов, что война с СССР не сопряжена для них с особыми опасностями. Сделав такое допущение, Каутский и его хозяева просчитаются: они могут быть уверены, что пролетарии Советского Союза и всех стран соединятся для обороны первого в мире социалистического отечества. И мы победим, потому что это единственное отечество, которое международный пролетариат обязан и будет защищать.

[1]) Там же, 26.
[2]) Там же, 27.
[3]) Там же, 31—32.

Защиту буржуазного отечества в будущей антисоветской или вообще империалистической войне Каутский заранее оправдывает двоякого рода софизмами: новыми и старыми. Во-первых, во всей военной брошюре Каутского пасквиль на СССР является побочным продуктом апологии послевоенной Германии: ее демократического и республиканского устройства, ее техники и культуры, ее науки и морали, ее международной политики, основанной «на моральных, интеллектуальных и экономических ценностях», ее мирно-цивилизаторской экспансии и торговли, ее исторической разоружительной миссии и ее высокого положения в концерте держав.

Для славословия германского неоимпериализма Каутский находит в своей обычно тусклой палитре необычайно яркие краски: «Германия вводит в историю новый тип государства, новый род политики». «10 лет существует великое государство... в сердце Европы, в центре мировых сношений, гранича с вооруженными до зубов государствами. Вопреки всему этому, оно в такой ситуации, без достойной упоминания армии удержалось, утвердило свою независимость и из глубочайшего унижения даже поднялось к относительному благосостоянию и высокому положению: это великое государство—Германия!». «Ее купцам, напр., в Китае, отдают предпочтение... Ее научные достижения пользуются всеобщим признанием. Германия снова занимает выдающееся место в совете народов». «Мир может спастись, если он последует примеру, который демократическая, резоруженная Германия дает остальным народам» [1]).

Этот лакейский панегирик германскому неоимпериализму показывает, как прав был Ленин, когда он еще в 1915 г. писал, что «Каутский превратил марксизм в самую отвратительную и тупоумную контрреволюционную теорию, в самую грязную поповщину», что «Каутский довел марксизм до неслыханного проституирования и превратился в настоящего попа». «Поп **уговаривает** капиталистов перейти к мирной демократии»... «Поп **утешает** угнетенные массы»... «Поп должен рисовать им перспективы смягчения бедствий при сохранении классового господства, а тем самым примирять их с этим господством, отваживать их от революционных действий, подрывать революционное настроение, разрушить их революционную решительность» [2]). Каутский делал это с большим искусством в годы империалистической войны и послевоенные годы, он делает это и сейчас и будет делать с еще большим усердием, если не с большим искусством, в случае новой войны. Со свойственной ему, по выражению Ленина, «цивилизованной манерой ползать на брюхе», он славословит демократическую республику Гинденбурга, чтобы вплотную подвести германских рабочих к убеждению, что такое благословенное, примерное, образцовое и любезное отечество нельзя не защищать в будущей войне с недемократическими, фашистскими государствами, среди которых на первом плане у Каутского фигурирует.. СССР.

К этим **новым** софизмам Каутский двигает на подмогу свои **старые** софизмы, пущенные им в ход для оправдания защиты отечества еще во время империалистической войны 1914—18 гг. Каутский утверждает, что империалистские войны между европейскими державами почти невозможны. По его мнению, «**из империализма до сих пор произошли только многие колониальные войны, но ни одна война между европейскими державами** [3]). Даже мировая война не была непосредственно (direkt) империалистической» [4]). В феврале 1915 г. он писал, что война «все же такая (империалистическая), но в последнем счете» [1]). В мае того же года он утверждал, что она «не чисто империалистская», что она еще и национальная [2]). Теперь же он уверяет, что она «не была непосредственно - империалистской». Каутский тогда увиливал от прямого и ясного ответа на вопрос о конкретном характере данной войны общими «диалектическими» ссылками на бесконечно - разнообразную действительность, на национальные настроения народных и пролетарских масс и империалистские тенденции господствующих классов [3]). Теперь же он тщится доказать, что империалистские войны между европейскими державами вообще не бывали и не будут (колониальные войны этот слащавый поп за войны не считает!).

Если в 1914—15 гг. он осторожно допускал **возможность** мирного, разоруженного ультра - империализма, хотя и не ручался за его **осуществимость**, то теперь он считает эту возможность осуществившейся **действительностью**. «Мы уже вступили в период интернациональных картелей и интернациональных трестов, интернациональных организаций финансового капитала», которые для своего преуспеяния нуждаются в мире. Одним словом, «мы» уже вступили в эпоху **мирного** ультраимпериализма. Поэтому, «со времени мировой войны угроза миру империализмом еще более уменьшилась» (по сравнению с 1915 г.). К тому же «колониальный мир поделен и все более подымается против европейских господствующих наций» [4]). Европейские державы не станут воевать теперь друг с другом из-за колоний, ибо риск и издержки такой войны больше возможного выигрыша в случае победы. Они предпочитают разрешать свои империалистические конфликты мирным образом на конференциях.

Итак, империалистские войны (между европейскими державами) маловероятны или даже невозможны. Однако, страницей раньше Каутский утверждает, что «империализм не оттесняет других причин войны, но присоединяется к ним, как новая «причина». Вопрос о характере каждой отдельной войны не упрощается им, а усложняется [5]). «Как и прежде, каждая война остается сложным явлением, которое мы обязаны исследовать» [6]). Подменяя диалектику самой подлой и низменной софистикой и эклектикой, Каутский ставит рядом два несколько противоречивых и сбивчих решения одного и того же вопроса о характере империалистской войны 1914—18 гг. и будущих империалистических войн. Он нагромождает один на другой ряд софизмов, чтобы скрыть империалистический характер прошлой и будущей мировой войны, чтобы оправдать таким образом защиту буржуазно - демократического отечества. Война «все же **в последнем счете** империалистская» (одно решение); война «не **чисто** империалистическая» (другое решение); война не была «**непосредственно - империалистической**» (третье решение); «**из империализма** до сих пор между европейскими державами не произошла **ни одна война**», стало быть, война 1914—18 гг. не была империалистской ни непосредственно, ни косвенно (четвертое решение); империализм присоединяется к старым причинам, как новая причина (стало быть, война в некоторой **степени империалистская** (пятое решение). В конечном счете он склоняется к решению, что «угроза миру со стороны империализма ничтожна» [7]). Последний вывод из всей этой электической каши: «война—сложное явление

---

[1]) Там же, 60, 61, 62.
[2]) Ленин, «Крах II Интернационала», гл. V (т. XIII, изд. 1924, стр. 156).
[3]) Курсив наш. *С. Н.*
[4]) Kautsky, «Wehrfrage und Sozialdemokratie», 27, 17.

[1]) Kautsky, «Nationalstaat etc.», S. 64.
[2]) Его же, Nochmals unsere Illusionen, «Neue Zeit» № 9 28/V 1915, II B., S. 274.
[3]) Там же, 273.
[4]) «Wehrfrage und Sozialdemokratie», S. 17.
[5]) Там же, 16.
[6]) Там же, 17.
[7]) Там же, 37.

которое мы обязаны обстоятельно исследовать», чтобы... как-нибудь оправдать защиту отечества.

Каутский пространно цитирует о характере войны свою брошюру о «Национальном государстве» и подтверждает свое старое утверждение, что глубочайшей причиной войны была конкуренция вооружений и порождаемая ею атмосфера взаимного страха и недоверия. В этой брошюре он писал, что война в последнем счете империалистская. «Империализм постольку виноват в военной катастрофе, поскольку он был движущей силой конкуренции вооружений» [1]). Теперь он готов внести поправку: «империализм был одной, но не единственной движущей силой этих вооружений» [2]). Каутский не смеет отрицать, что эта одна, хотя и не единственная причина была, есть и будет самой главной причиной, экономическим основанием прошлой и будущей мировых войн, но он всячески старается подсунуть читателю именно такое убеждение, что империализм одна из многих, но отнюдь не главная причина этих войн: «Он ни в коем случае не образует самую значительную из причин войны» [3]).

«Воображали, что дают материалистическое, марксистское об'яснение противоречий между Англией и Германией в течение последних десятилетий перед мировой войной, когда сводили эти противоречия к промышленному соревнованию, к возмущению англичан ростом германской индустрии» [4]). По Каутскому такое об'яснение противоречит историческим фактам: несмотря на промышленную конкуренцию, Англия не относилась враждебно к С.-А. С. Ш. до и во время войны, а теперь она враждует не с Германией, а с С.-А. С. Ш. Дело не в промышленном соревновании, а в конкуренции вооружений, в соотношении флотов: Англия до войны опасалась не американского, а германского флота, а теперь наоборот. Каутскому не приходит в голову задать себе вопрос: а чем же вызывается конкуренция вооружений? Или в лучшем случае он на этот вопрос ответит: многими, разными, сложными причинами, империализм среди них одна, но не единственная причина и т. д. и т. п. Скорее всего он готов ответить: конкуренция вооружений и военные соглашения вызываются взаимным страхом и недоверием. А взаимный страх и недоверие? Конкуренцией вооружений и военными соглашениями [5]). Киты на воде, вода на земле, земля на китах...

Итак, империализм почти или совсем никакой роли не играет, как движущая сила прошлой и будущей мировых войн. Каутский имеет более «материалистическое» об'яснение: все дело в конкуренции вооружений, в военных соглашениях и атмосфере взаимного недоверия и страха. Скатившись, таким образом, к непроходимо эклектической и идеалистической позиции, согласно которой глубочайшая причина прошлой и будущей мировых войн коренится не в экономических противоречиях империализма, а в политико-психологических антагонизмах и переживаниях современных государств и их правительств, Каутский приступает к исполнению своих прямых социальных функций... попа: «Это будет самая страшная, распространенная и бессмысленная из всех войн, и притом самая неизбежная, если не удастся приостановить политику вооружений» [6]). «Нет сомнения, что теперешние государственные мужи нигде этого не хотят. Все честно хотят мира». [7]). «Указать народам путь к спасению— самая возвышенная, всемирно-историческая задача международной социал-

[1]) Там же, стр. 37.
[2]) Kautsky, «Nationalstaat», S. 64.
[3]) Его же, «Wehrfrage und Sozialdemokratie». 16.
[4]) Там же, стр. 40.
[5]) Там же, 37.
[6]) Там же, 41.
[7]) Там же, 40.

-демократии [1]). Поп славословит своих хозяев за их мирные и честные намерения. Поп на крайний случай пугает их страшным судом — война «будет самая страшная» и т. д. Поп, наконец, утешает народные массы софизмом: «нет ничего ошибочней утверждения, что длительный мир может наступить лишь, когда будет завоеван социализм», что «пока господствует капиталистический способ производства, войны время от времени неизбежны». Не только пролетариат, но и другие классы и слои народа нуждаются в мире и демократии, как необходимых условиях своего освобождения. Отсюда, говорит Каутский,—необходимость коалиции для совместной борьбы за мир и демократию. «Они (мир и демократия) предвестники» социализма, «и их достижение и сохранение порою гораздо более принадлежит к нашим непосредственным практическим задачам, чем преодоление капитализма, хотя мы уже теперь должны также подготовлять и преодоление капитализма социально-политическими мероприятиями там, где для этого существует возможность» [2]) Поп уговаривает пролетарские народные массы: вечный мир возможен и при капитализме, «преодоление» капитализма мы будем по возможности подготовлять соц.-политическими реформами, пока же нужна коалиция с буржуазией для борьбы за мир и демократию. А хозяевам поп говорит: мы обязуемся защищать отечество и докажем свою коалиционоспособность.

Такова «одна» из причин, хотя и не «единственная», но безусловно главная причина, побудившая Каутского написать свою военную брошюру с отвратительным пасквилем на СССР и подлейшей апологией германского неоимпериализма. Теоретическое обоснование и принципиальная часть проекта соц.-империалистской военной программы германской социал-демократии принадлежат прежде всего К. Каутскому, апостолу интервенции в СССР и мира капитализму. Каутский выполнил социальный заказ своих хозяев. Он всегда готов к услугам, как «Mädchen für alle». Эта суровая характеристика Каутского, принадлежащая перу Р. Люксембург и Ф. Меринга, теперь более верна, чем когда бы то ни было.

5. Поправочки О. Бауэра.

В своих старых военных писаниях, направленных против открытых соц.-империалистов Кунова, Ленча и Давида, и в многочисленных антисоветских пасквилях Каутский проявил себя первоклассным лицемером и виртуозом в проституировании марксизма. До Марсельского конгресса он был главным поставщиком центристских теорий для оправдания контрреволюционной, соц.-реформистской и соц.-империалистской, и в частности антисоветской, политики международной соц.-демократии. С Марсельского конгресса эта роль перешла к О. Бауэру. За 10 лет проституирования марксизма, от начала мировой войны до Марселя, Mädchen für alle Каутский настолько износился, что он перестал удовлетворять II Интернационал. Его некогда тонкая софистика выродилась в самую грубую и низменную пошлятину, нашедшую свое высшее выражение в его знаменитом Марсельском доносе II Интернационалу о Советской России. После Марселя Каутский - политик вышел в тираж. Вслед за Куновым он ушел из большой политики в «науку». Политически Каутский занял место Кунова, а Бауэр место Каутского. Теперь так называемый «марксистский центр» и, стало быть, проституирование марксизма персонифицируется О. Бауэром, теперь уже не Каутский, а Бауэр должен нести высокое звание Mädchen für alle... для всех социал-империалистов II Интернационала. И надо сказать, что своим ремеслом священной австро-марксистской проституции О. Бауэр занимается с таким достоинством

[1]) Там же, 41.
[2]) Там же, 19.

и виртуозностью, на которые одряхлевшая Mädchen für alle № 1—старушка Каутский — уже неспособен.

Будучи первым лицом во II Интернационале, Бауэр в военную дискуссию германской соц.-демократии публично вступает последним, чтобы сказать свое веское слово и подвести итоги к сведению и руководству спорящих сторон правого большинства и левого меньшинства [1]). Он прежде всего констатирует, что между большинством и меньшинством нет разногласий по вопросу о всеобщем разоружении, о всемирно-исторической миссии Германии в деле разоружения и в практических требованиях по демократизации и республиканизации рейхсвера и введению парламентского контроля над военным ведомством. Остается лишь одно разногласие: большинство стоит за сохранение вооруженной силы для защиты нейтралитета Германии и самоопределения ее народа, меньшинство за устранение этой вооруженной силы еще до всеобщего разоружения, считая, что при капитализме всякая война носит всегда характер господствующего империализма и что поэтому социал-демократия должна быть против всякой войны, даже оборонительной или войны для защиты нейтралитета. О. Бауэр принимает всерьез «революционный» (а на самом деле чисто-словесный) пацифизм левых. Он просто не замечает кричащего противоречия между словесным радикализмом принципиальной части левой программы и весьма позитивным, реформистским характером левой «программы действия» в военном вопросе, хотя он сам же утверждает, что в существенном — в практических вопросах — между правым большинством и левым меньшинством нет разногласий. Итак, существует коренное принципиальное противоречие, которое он, О. Бауэр, и призван разрешить в высшем синтезе, примирив крайности реформистского большинства и «революционного» меньшинства.

О. Бауэр решительно высказывается за сохранение вооруженной силы германской республики по целому ряду соображений исторических, политических и стратегических:

1) Германская социал-демократия до войны боролась с немецким милитаризмом под лозунгом: «Этой системе ни одного солдата, ни одного гроша». Но никогда социал-демократия не требовала устранения всякой вооруженной силы в капиталистическом государстве, а лишь замены постоянного войска милицией. Как истый софист, О. Бауэр незаметно протаскивает своей исторической справочкой скрытый тезис, что германская соц.-демократия всегда — и до войны — стояла за защиту отечества при всяких условиях. Простак Зеверинг говорит такие вещи совершенно открыто [2]), со ссылками на Бебеля, а дипломат Бауэр делает то же самое, но почти незаметно. Бауэру совершенно не приходит в голову сказать своим читателям, что в отличие от довоенной соц.-демократии, не только правое большинство, но и левое меньшинство расквитались со старомодным лозунгом: «Этой системе ни солдата, ни гроша», правые без всяких стеснений, а левые с жеманством: в принципиальной части они «отнимают» у буржуазии все средства вооружения, чтобы в «программе действия», т.-е. на практике, «вернуть» их той же буржуазии, голосуя «за снижение расходов по военному бюджету», а не против всяких военных кредитов [3]). Дипломатическое умолчание Бауэра об'ясняется очень просто— он сам стоит за военные кредиты своему настоящему отечеству — демократической республике Зейпеля. Как же он откажет в таких кредитах своему

[1]) О. Bauer, «Wehrfrage und Sozialdemorkatie», «Kampf», 1929, № 3.
[2]) Severing, «Randbemerkungen zu den Richtlinien», «Gesellschaft», 1929 г., III, SS. 199—201.
[3]) Vorschläge für Programmformulierungen zum Wehrproblem, «Klassenkampf», Sonderheft «Sozialdemokratie und Wehrproblem», S. 3—4.

будущему отечеству, демократической республике Гинденбурга — Гильфердинга?

2) Полное разоружение Германии до всеобщего разоружения изменило бы не только соотношение сил немецкой буржуазии и немецкого пролетариата, но и все соотношение сил между европейскими государствами в пользу держав-победительниц против Германии и СССР. Бауэр, в отличие от нас грешных считает маловероятной интервенцию в СССР, но «если советский режим будет потрясен тяжелыми хозяйственными кризисами, такая война станет вероятной» [1]). В случае такой войны разоруженная Германия могла бы стать проходной зоной для интервентов. Международный и немецкий пролетариат не может желать, чтобы контрреволюционная война против Советского Союза и нарушение немецкого нейтралитета были облегчены разоружением Германии. По этим политико-стратегическим соображениям Бауэр считает, что требование левых о разоружении Германии и их отрицательное отношение к вооруженной защите германского нейтралитета было бы равносильно «дружественному приглашению тяжело вооруженных держав, чтобы они не стеснялись использовать немецкую территорию, как этап и проходную зону, когда она им понадобится для контрреволюционной войны» против СССР [2]). О. Бауэр не чета какому-нибудь Каутскому, он против интервенции в СССР, он еще в Брюсселе «защищал» СССР, говоря, что Коминтерн и Советский Союз готовят всемирную войну для развязки мировой революции; он и теперь «защищает» СССР, очень осторожно предупреждая мировую буржуазию, что интервенция в СССР станет вероятной (и с вероятным успехом? *С. Н.*), «когда советский режим будет потрясен хозяйственными кризисами».

Этот ход мыслей Бауэр изложил еще в своем мнении, представленном военно-программной комиссии. «Соцвестник» понял Бауэра таким образом, будто он за то, чтобы Германия нарушению ее нейтралитета в случае франко-польской войны против Советского Союза «противопоставила вооруженное сопротивление». Бауэр спешит раз'яснить, что это ошибка. Он-де не настолько глуп, чтобы заранее писать рецепты для поведения в таких ситуациях, относительно которых он не может знать, как они сложатся конкретно. Он не хотел сказать и не сказал больше, чем выше изложено (что разоружение Германии было бы поощрением интервенции в СССР и нарушения германского нейтралитета). Бауэр совершенно прав, герои «Соцвестника» не поняли своего героя — О. Бауэра. В самом деле, он хотел сказать, что интервенция в СССР станет вероятной и с вероятным успехом в случае потрясения советского режима хозяйственными кризисами, а его поняли, что он за вооруженное сопротивление нарушению германского нейтралитета «вероятными» интервентами.

С софистами часто так бывает: не они господствуют над своей софистикой, а софистика господствует над ними и ведет их к саморазоблачению. Германии нужна вооруженная сила для защиты своего нейтралитета в случае контрреволюционной войны против СССР! — лгут все софисты, начиная со Штампфера и кончая Бауэром, но как раз тончайший из всех софистов, О. Бауэр, пробалтывается, что вооруженное сопротивление нарушению германского нейтралитета в случае интервенции СССР маловероятно: «Будет ли государство в этом случае в состоянии отразить вооруженной силой ворвавшихся на его территорию и выступит ли германская соц.-демократия за то, чтобы государство это сделало, зависит от конкретных исторических обстоятельств, которых нельзя предвидеть». Разумеется, что диалектика требует приспособления политики к конкретной ситуации. Но только

[1]) Bauer, «Wehrfrage und Sozialdemokratie», «Klassenkampf», 1929, № 3, S. 111.
[2]) Там же, стр. 112.

подлый софист может на этом основании требовать сохранения вооруженной силы Германии для защиты ее нейтралитета в случае контрреволюционной войны против СССР и одновременно заранее отрекаться от вооруженной защиты этого нейтралитета. Изолгавшийся и запутавшийся софист О. Бауэр сказал больше, чем он хотел. «Соцвестник» его не понял, зато м ы его понимаем. Его гнусная истинно-каутскианская болтовня о потрясении советского режима тяжелыми хозяйственными кризисами, его предупреждение, что с.-демократия вряд ли будет за вооруженное сопротивление нарушению германского нейтралитета в случае интервенции в СССР есть не что иное, как плохо замаскированное, но весьма «дружественное приглашение тяжело вооруженных держав, чтобы они не стеснялись использовать немецкую территорию, как этап и проходную зону, когда она им понадобится для контрреволюционной войны» против СССР!

Итак, Бауэр за сохранение вооруженной силы Германии, поэтому он против контрпроекта левых. Он за проект комиссии форштанда, но вносит три поправочки:

1) Следовало бы сильнее подчеркнуть готовность Германии в частичному разоружению, не дожидаясь всеобщего разоружения; его (как и Тони Зендер) не удовлетворяет отрицательная формулировка, в которой проект отмежевывается от распространенной в Германии и германской соц.-демократии теории исчерпания версальских норм вооружения (Ausschöpfungstheorie).

2) Проект высказывается за сохранение вооруженной силы для защиты нейтралитета Германии и «самоопределения ее народа». Бауэр предпочел бы выбросить опасное слово «самоопределение», которое может быть истолковано, что Германии нужна армия для того, чтобы в случае европейской войны «самоопределиться» в пользу одной из воюющих сторон. Он предпочел бы сказать так: «Германии нужна армия, чтобы в случае войны с другими державами организовать защиту своей границы для соблюдения своего нейтралитета». Одним словом, приближаясь к «левому» Кюнстлеру, Бауэр хочет защиты г о с у д а р с т в е н н ы х г р а н и ц, тогда как откровенные «защитники отечества», по остроумному раз'яснению правого Лебера, хотят защиты г р а н и ц г о с у д а р с т в а.

3) Проект требует сохранения армии, пока опасности войны в Европе «не могут быть устранены социалистическими правительствами, по меньшей мере в главнейших странах». Бауэр говорит, что он бы не дожидался образования социалистических правительств в соседних странах и он бы иначе поставил вопрос о разоружении Германии при изменении отношений западных держав к Советскому Союзу, а это мыслимо и при буржуазных правительствах во Франции и Польше. Стало-быть, О. Бауэр готов частично разоружить свое будущее отечество, как только реакционные режимы Пуанкаре и Пилсудского сменятся более демократическими режимами. Он бы предпочел сказать, что «Германии нужна армия до тех пор для защиты своего нейтралитета, пока существует опасность, что капиталистические и империалистические державы могут злоупотребить ее территорией, как этапом и проходной зоной в империалистических и контрреволюционных войнах». В основе этой поправочки лежит каутскианская теорийка ультраимпериализма и надежда филистера, что «демократический» капитализм снимает опасность империалистских и контрреволюционных войн. Во всяком случае, при образовании более демократических кабинетов в Польше, Франции и Англии О. Бауэр, очевидно, готов частично разоружить Германию, чтобы... германская соц.-демократия с легким сердцем могла отказаться от вооруженного сопротивления нарушению нейтралитета Германии в случае «демократической» интервенции западных держав в недемократический СССР.

Но О. Бауэр не был бы самим собою, если бы он не обставил своей полемики с обоими крыльями соц.-демократии существенными оговорочками, которые должны примирить крайности и выставить в наилучшем свете возможный синтез военных позиций правого большинства и левого меньшинства. Он говорит, что левые имеют некоторое право на основании опыта 1914—18 гг. опасаться, что программа большинства при военных осложнениях в Европе может быть использована для повторения ошибок «социализма большинства (Mehrheitssozialismus) военного времени» (т.-е. «ошибок» соц.-империализма). Но... так как проект форштанда воспринял из брюссельской резолюции о разоружении готовность оказать «возможно сильнейшее давление»... «даже революционными средствами»... «на всякое правительство», которое будет зачинщиком войны, то для софиста О. Бауэра этих пустых словечек совершенно достаточно, чтобы утверждать, будто этот проект означает для немецких соц.-демократов не обязанность и право «защиты отечества», а лишь обязанность и право совершить революцию против виновного правительства; обязанность и право защиты отечества возникли бы только в том случае, если бы Германия подверглась нападению. Коротко говоря, по Бауэру, проект форштанда дает немецкой соц.-демократии право на революцию в случае наступательной войны и право на защиту отечества в случае оборонительной войны со стороны Германии, как будто в империалистической войне 1914—18 гг. соц.-империалистические негодяи всех стран не прикрывали свою защиту отечества отговоркой, что их отечество ведет оборонительную войну!

После всего сказанного О. Бауэру остается сделать еще один шаг и открыть нужный синтез: к праву на революцию в одном случае и на защиту отечества в другом случае он предлагает добавить в проекте право на революционную защиту отечества в случае оборонительной войны. Будущая война будет индустриальной войной. Успех такой войны будет зависеть от напряжения сил рабочего класса, а пролетариат будет работать и драться только для защиты с в о е г о о т е ч е с т в а. Поэтому О. Бауэр для превращения проекта форштанда в образец совершенства предлагает дополнить идею защиты отечества в оборонительной войне идеей защиты отечества даже в такой войне лишь под руководством пролетариата, т.-е. идеей революционной, якобинской защиты отечества в духе Маркса, Энгельса и Розы Люксембург. (В скобках надо заметить, что все эти идейки О. Бауэр позаимствовал у П. Леви и из военных программ левой соц.-демократии, особенно из лейпцигского проекта) [1]).

Итак, синтез правой и левой программы открыт О. Бауэром на 3 месяце дискуссии. Штампфер и Леви об'единены в высшем синтезе революционной, якобинской защиты отечества. Профессиональные жирондисты Штампфер, Леви, Бауэр (с Каутским в придачу) в роли якобинцев XX века! Можно ли придумать более злую карикатуру? О Бауэр, оказывается, не только блестящий дипломат, но и авто-карикатурист. Если бы военная программа О. Бауэра осуществилась, мы были бы свидетелями такой всемирно-исторической картины: Австрия присоединяется к Германии. О. Бауэр становится министром иностранных дел, а П. Леви военным министром Великой Германии, Каутский придворным историком, а Штампфер шеф-редактором правительственного лейб-органа. Квартет этих революционных оборонцев-якобинцев «разоружает» великогерманскую армию по рецепту «нормированного вооружения», чтобы удержать германский пролетариат от вооруженного сопротивления нарушению германского нейтралитета в случае интервенции западных держав в СССР. С.-д. программа защиты германского «нейтрали-

[1]) Ср. P. Levi, «Wehrhaftigkeit und Sozialdemokratie», особенно предлож. по 2-му изд. «Unser Wherprogramm». «Leipziger Volkszeitung», 28/I—1929.

тета» и «защиты» СССР была бы выполнена до конца. Но... за конец мы еще поборемся с господами жирондистами II Интернационала. Будущее принадлежит международной коммунистической партии—III Интернационалу, об'единяющему в своих рядах подлинных якобинцев XX века—коммунистов всего мира. Будущее принадлежит Международному Союзу Советских Республик и его предтече—СССР.

Рабочий философ Иосиф Дицген, самостоятельно открывший диалектический материализм, любил говорить, что в философии и политике партия середины самая гнусная партия. О. Бауэр видит призвание австро-марксизма и всего т. н. «марксистского (т.-е. лжемарксистского) центра» в стоянии между реформизмом и большевизмом. В военном вопросе О. Бауэр стоит посредине между ренегатом Каутским и ренегатом Леви. Военная позиция О. Бауэра самая гнусная, ибо она самая лицемерная; это гнусность К. Каутского, помноженная на гнусность П. Леви.

ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ

Х. Баскаев.

О вопросах, которые для марксистов должны быть бесспорными[1]).

(По поводу статьи тт. Греблиса, Коровая и Степанова) [2]).

Дискуссия, вызванная выходом в свет книги И. Рубина «Очерки по теории стоимости Маркса», продолжается уже несколько лет. Разногласия, порожденные этой работой, давно уже вышли за пределы теории стоимости и распространяются ныне на все основные проблемы марксовой экономической теории. Глубина и степень этих разногласий уже не позволяет более считать их частными расхождениями между отдельными экономистами. Если и нельзя согласиться с утверждением тт. Греблиса, Коровая и Степанова о «наличии размежовки на два направления», то только в том отношении, что фактически наметилось уже не два, а три более или менее оформившихся направления: 1) идеалистическое (Рубин со своей группой), 2) физиологическое (Шабс, Дашковский и др.) и 3) последовательно-марксистское. В основном же мысль о том, что мы имеем дело не со случайными единичными разногласиями, а с различными системами взглядов, несомненно, верна. С появлением в свет 3-го издания «Очерков», эта полемика не только не прекратилась, но еще более «обогатилась» новыми более сложными проблемами, переходя в дальнейшую стадию своего развития. Если раньше полемика разгорелась вокруг спорных вопросов теории стоимости, абстрактного труда и т. д., то в настоящее время центр тяжести ее переносится главным образом в область методологии марксовой теоретической экономии. В третьем издании «Очерков» И. Рубин под ударами критики тов. А. Кона, С. Бессонова и др. вынужден был отказаться от ряда антимарксистских положений, развиваемых им в предыдущих изданиях. Если раньше на протяжении многих страниц своих «Очерков» автор в поте лица своего доказывал, что «абстрактный труд появляется только в действительном акте рыночного обмена»; «он рождается в акте рыночного обмена»; без акта обмена не существует абстрактного труда и т. д., то теперь он признает, правда, с оговоркой, что, «конечно, труд приобретает (предварительно и идеально) характер абстрактного труда до акта обмена, но лишь через посредство обмена, поскольку уже в фазе производства предвосхищается обмен и продукт приравнивается известной сумме денег» (стр. 327); «до акта обмена» характеристика труда как общественного и абстрактного является

---

[1]) В виду того, что статья была написана нами до дискуссии в Институте Красной Профессуры, в ней не затрагивается ряд проблем, выдвинутых этой дискуссией. *Х. Б.*

[2]) См. «Большевик» № 3 за 1929 г., ст. «К спорным вопросам теории стоимости».

лишь предварительной, «идеальной», «скрытой», потенциальной характеристикой (стр. 323).

Далее, если раньше И. Рубиным, как правильно отмечают его комментаторы, содержание стоимости отождествлялось с материально-техническим процессом производства, а не выступал абстрактный труд, то в 3-м издании он коренным образом исправил точку зрения на содержание стоимости, исправил это уязвимое место его концепции, совершенно правильно отмечавшееся рядом экономистов (74), имена коих авторы почему-то умалчивают.

Наконец, Рубин отказался от прямого утверждения, что труд, занятый в сфере обращения, создает стоимость и прибавочную стоимость (см. предисловие к 3-му изд. «Очерков»).

Таковы в общих чертах те изменения, исправления «формулировок» и «замечаний», которые сделаны И. Рубиным в новом издании его «Очерков».

В рамках настоящей статьи нет возможности полностью подвести итоги прошлой дискуссии, важно подчеркнуть, что автор, несмотря на ряд отступлений, не в формулировках, а по существу остался в основном на старых позициях. Теперь после появления 3-го издания «Очерков», становится совершенно очевидным даже тем, кто ошибки И. Рубина считал случайными, что речь шла не об ошибочных формулировках, а о системе взглядов, о немарксистской концепции, от которой автор не только не отказался, но еще больше ее завуалировал утонченной марксистской фразеологией.

Для того, чтобы выяснить сущность этой концепции, нам придется вкратце остановиться на основных методологических принципах марксовой экономической теории.

Прежде всего о предмете политической экономии. Свое знаменитое «Введение к критике» Маркс начинает со следующей фразы:

«Предмет исследования это—прежде всего материальное производство». «Если речь идет о производстве,—говорит он далее,—то всегда о производстве на определенной общественной ступени развития—о производстве индивидов, живущих в обществе... мы имеем дело с определенной исторической эпохой с современным буржуазным производством, которое собственно является нашей темой (стр. 2). «Предмет моего исследования,—пишет он в предисл. к I т. «К»—является капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и обмена».

Отношения непосредственного процесса производства, Маркс исследует в I т. «Капитала». «В первой книге,—говорит он,—были исследованы те явления, которые представляют капиталистический процесс производства, взятый сам по себе, как непосредственный процесс производства. Но этим непосредственным процессом производства,—продолжает он,—еще не исчерпывается жизненный путь капитала. В действительном мире он дополняется процессом обращения, который составляет предмет исследования второй книги». («К», III, ч. I, стр. 1).

Наконец, задача третьей книги заключается в том, чтобы «найти и описать те конкретные формы, которые возникают из рассматриваемого как целое процесса движения капитала». (Там же). Здесь, капитал «из своей внутренней органической жизни вступает в отношения внешней жизни. Действительный процесс производства, как единство непосредственного процесса производства и процесса обращения, порождает все новые образования, в которых все более утрачивается нить внутренней связи, отношения производства приобретают взаимно-самостоятельное существование, и составные части стоимости фиксируются в самостоятельных одна по отношении к другой формах». («К.», III, ч. 2, стр. 298).

Мы привели так много цитат из работ Маркса для того, чтобы не оставить никакого сомнения в том, что предметом экономической теории является материальное производство в его буржуазной (капиталистической) форме. Это не значит, конечно, что политическая экономия изучает процесс материального производства, как технологический процесс. Марксистская политическая экономия изучает исторически-ограниченную исторически-определенную форму общественного производства, капиталистический способ производства, или капиталистический общественный строй производства в его возникновении, развитии и упадке (Ленин). И столь вульгарным и нелепым является утверждение, что политическая экономия изучает не буржуазную форму производства, как форму заполненную живым материальным содержанием, а только социальную форму без материального производства.

Итак, повторяем, политической экономии, как науке социальной, нет дела до технологических процессов материального производства: это — область технологии и товароведения. Маркс, высмеивая г. Прудона в «письме к Анненкову», писал, что машина представляет экономическую категорию не в большей мере, чем бык, который тащит плуг... Но способ пользоваться машиной есть нечто совершенно отличное от самих машин» («Нищета философии»).

В своей теории капиталистического хозяйства Маркс дал лучший образчик диалектического исследования. Он применил диалектику Гегеля в ее развитой форме к политической экономии (Ленин) и блестяще показал, как в реальной действительности процесс количественного изменения производительных сил капиталистического общества вызывает качественные изменения и появление новых категорий.

Рассматривая процесс капиталистического производства, как единство противоположностей, материального процесса производства и его общественной формы, Маркс не ставил вопроса в метафизической плоскости: или материальный процесс производства служит об'ектом политической экономии, или его общественная форма. «Капиталистический процесс производства,—пишет он,—есть исторически определенная форма общественного процесса производства вообще. Этот последний есть одновременно и процесс производства материальных условий человеческой жизни и протекающий в специфических историко-экономических отношениях производства процесс производства и воспроизводства самих этих отношений производства, а следовательно, и носителей этого процесса—материальных условий их существования и взаимных их отношений, т.-е. определенной общественно-экономической формы последних, потому что совокупность этих отношений, в которых носители этого производства находятся к природе и друг к другу, отношений при которых они производят, эта совокупность как раз и есть общество, рассматриваемое с точки зрения его экономической структуры» («К.», III, 290).

Таким образом, под экономической структурой, об'ектом экономического исследования, Маркс понимает не производительные силы и даже не производственные отношения сами по себе. (Производственные отношения взятые вне своего материального содержания, вообще перестают быть производственными отношениями), а более богатое определение, вытекающее из реального процесса взаимодействия тех и других факторов материального воспроизводства, из диалектической связи и противоречия между ними.

Метафизический рассудок не в состоянии понять приведенное место из III т. «Капитала». Ему (метафизику) представляется, что последняя часть этой цитаты противоречит «социальному» методу Маркса. Он приходит

к заключению, будто здесь Маркс в понятие экономической структуры включает технику как таковую. Этим в сущности и об'ясняется, что И. Рубин, в своем стремлении «уберечь марксизм от искажения» скрыл конец этой цитаты от читателя, что, цитируя Маркса, он оборвал цицату как раз на том месте, где начинается эта сакраментальная мысль, «противоречащая всему духу марксизма».

Однако, едва ли кто-нибудь из марксистов согласится, что этим умолчанием Марксу его комментатором оказана услуга. Наоборот, для всякого непредубежденного марксиста станет совершенно очевидным, что между Марксом и И. Рубиным здесь намечается глубокая трещина, именно в понимании экономической структуры. В то время как Маркс под экономической структурой буржуазного общества понимает реальный процесс производства, который «производит не только материальные продукты, но и непрерывно воспроизводит те производственные отношения, в которых эти продукты производятся» («Капитал», III т., стр. 339), И. Рубин под совокупностью производственных отношений, как мы увидим дальше, понимает общественную форму материального производства, взятую вне самого процесса производства.

Для понимания этого противоречия между Марксом и И. Рубиным необходимо выяснить хотя бы в кратких чертах многообразие взглядов последного на предмет теоретической экономии.

В согласии со всеми марксистами, во введении к своим «Очеркам», автор отмечает идейное родство теории исторического материализма и экономической теории Маркса. «Предмет изучения у них обоих—один и тот же: изменения производственных отношений людей в з а в и с и м о с т и от развития производительных сил» (стр. 10). Экономическая теория,—продолжает автор,—«изучает производственные отношения людей в капиталистическом обществе, процесс их изменения в з а в и с и м о с т и о т и з м е н е н и я п р о и з в о д и т е л ь н ы х с и л» (стр. 11). Это—совершенно правильное марксистское определение предмета теоретической экономии. Однако оно понадобилось автору с самого начала для того, чтобы сейчас же незаметно, со свойственной ему «тонкостью» мысли перейти к дальнейшим более сложным определениям «подлинного» предмета нашей науки.

Приведем еще несколько определений для того, чтобы читатель мог убедиться, какой исключительной способностью обладает автор, с каким мастерством он может подменить метод исторического материализма Маркса, рубинским «социологическим» методом. На той же самой странице, где дано марксистское определение, мы находим следующую несколько измененную формулировку: «Политическая экономия изучает н е м а т е р и а л ь н о - техническую сторону капиталистического процесса производства, а его социальную форму, т.-е. совокупность производственных отношений людей, образующих «экономическую структуру» капитализма. Техника производства и производительные силы входят в область исследования экономической теории т о л ь к о к а к п р е д п о с ы л к а, как исходный пункт, который привлекается постольку, поскольку он необходим для об'яснения подлинного предмета нашего изучения, а именно производственных отношений людей» (11).

Но автор и на этом не останавливается. На стр. 48 «Очерков» имеем определение политической экономии, «которая изучает ряд усложняющихся» экономических форм, вещей или «определенностей формы» (Formbestimmtheit), соответствующих ряду усложняющихся производственных отношений людей. Еще дальше—на стр. 51—политическая экономия определяется как наука, которая изучает производственные отношения людей, т.-е. с о ц и а л ь н ы е ф о р м ы п р о и з в о д с т в а в отличие от его материально-технической стороны. И, наконец, на стр. 53—«Марксова экономическая теория,—пишет

И. Рубин,—изучает именно различия форм (социально-экономических форм) производственных отношений». Таким образом, политическая экономия из науки, изучающей свойственные капиталистическому хозяйству производственные отношения людей в и х в з а и м о д е й с т в и и с п р о и з в о д и т е л ь н ы м и с и л а м и общества (10), процесс изменения производственных отношений в зависимости от изменения производительных сил и нарастающих между ними противоречий (11), с какой-то волшебной быстротой превращается в науку, которая изучает социальные формы, «экономические формы», «определенности форм» и прочие «формы» в кавычках. Как видит читатель, в обработке Рубина от подлинного предмета марксовой экономической теории остались «рожки да ножки». Логика нашего почтенного автора примерно такова: сначала для отвода глаз предметом теоретической экономии признаются производственные отношения в их взаимодействии с производительными силами, затем производительные силы из фактора взаимодействия превращаются в предпосылку, исходный пункт постольку, поскольку вместе с тем экономическая структура, без кавычек у Маркса, включается у его комментатора в кавычки. Наконец, материальное производство, как реальный об'ект исследования, совершенно исчезает, и на его месте остаются одни чистые социальные формы вещей.

И вот в защиту этой ревизионистской концепции выступили в поход тт. Греблис, Коровай и Степанов в третьем номере «Большевика», в статье «К спорным вопросам теории стоимости».

«Прежде всего,—читаем мы там,—И. Рубин, строго и последовательно устанавливает об'ект или предмет теоретической экономии. Он определяет последнюю, в полном соответствии с традиционно-марксистской постановкой вопроса, как науку, которая имеет предметом своего изучения свойственные капиталистическому хозяйству производственные отношения людей в их взаимодействии с производительными силами общества (10)». Авторы настолько некритически отнеслись (как это свойственно ученикам) к своему учителю, что даже не делают попыток проследить, как «развивает» он это определение на дальнейших страницах своей книги. Они не желают замечать того, что это «первоначальное» определение служит Рубину лишь в качестве «отправного пункта» на пути развития его собственных далеко не марксистских взглядов, что оно служит ему лишь ширмой для прикрытия собственных его взглядов, для придания им квази-марксистской видимости.

Вслед за Рубиным его ученики повторяют совершенно не марксистское положение, согласно которому допустимо разрывать процесс производства в его общественной форме на две самостоятельных стороны: процесс производства и общественная форма его, из которых каждая сторона представляет об'ект особой науки. Они не желают понять, что проводить различие внутри единства—вовсе не значит разрывать это единство. Общественная форма производства получает свою характеристику только в единстве и посредством него, и рассматривать эту форму вне единства, отрывая ее от материального процесса производства,—значит изменять характеристику самой этой формы. Если производственные отношения, рассматриваются как одна из сторон единства, они выступают как форма с определенным материальным содержанием, как материальные отношения. Но если, те же самые отношения рассматриваются изолированно от единства, они выступают, как пустые формы и перестают быть производственными отношениями. Такие «производственные отношения» ничем не отличаются по своему типу и по своему содержанию от тех социальных отношений, которыми оперирует социально-органическая школа.

Не даром самый метод рассечения единого об'екта на разные части, на разные «стороны», которым Рубин и его последователи подменяют

марксово установление различных точек зрения на единый об'ект, позаимствовано ими из арсенала той же социально-органической школы.

Вот как излагает этот метод один из вождей социально-органической школы—Альфред Амонн.

«Логически овладевая эмпирическим об'ектом, научное мышление,—пишет он,—в состоянии усматривать в нем лишь различные отдельные «стороны», закрывая глаза на все остальные, чтобы последние не служили помехой в предпринимаемом изолированном исследовании». «Из непосредственно данного в опыте многообразия выделяется элемент или ряд одинаковых и связанных между собой для определенного мышления элементов, будучи выделены из связи, в которой они только и могут быть даны в опыте, становятся сами по себе предметом. Начиная с этого пункта, научное мышление имеет дело уже не с эмпирическим об'ектом, не с непосредственно данной сложной действительностью, но с целесобразно созданным им об'ектом познания». Как видно из всего изложенного, Рубин и его сторонники следуют именно по этому пути построения «об'екта познания» отличного от «об'екта опыта».

И после этого торжественно заявляют, что это основное положение И. Рубина «следует признать правильным и строго-марксистским». Почему, спрашивается, «следует признать строго-марксистским» определение политической экономии как науки, которая изучает социальные формы вещей, а не материальные общественные отношения людей,—социальную форму материального производства, а не материальное производство в его общественной форме? С каких пор стало «бесспорным традиционно-марксистским» определение политической экономии, которая изучает экономическую структуру капитализма в кавычках, когда Маркс без всяких кавычек пишет, что «совокупность этих отношений, в которых носители этого производства находятся к природе и друг к другу, отношений, при которых они производят, эта совокупность как раз есть общество, рассматриваемое с точки зрения его экономической структуры» («Капитал», т. III, стр. 290)? Здесь ссылки на Ленина не помогут, дорогие друзья! Различие между материальным процессом производства и его социальной формой, «проведенное Марксом в своем экономическом учении,—утверждаете вы,—поставило политическую экономию на строго научную почву» (65), в то время как Ленин совершенно ясно пишет, что «анализ материальных общественных отношений сразу дал... возможность перейти от описания (и оценки с точки зрения идеала) общественных явлений, к строго научному анализу их» и что «только сведение общественных отношений к производственным, а этих последних к высоте производительных сил дало твердое основание для представления общественных формаций естественно-историческим процессом. А понятно само собой, что без такого воззрения не может быть общественной науки (Ленин, т. I, стр. 62, 3-е изд.). Приводя известную цитату из Ленина о том, что предметом политической экономии является «вовсе не «производство материальных ценностей», как часто говорят (это предмет технологии), а общественные отношения людей по производству» (т. II, стр. 64, изд. 3-е), авторы заявляют: что, «следовательно, можно видеть у Ленина строгое проведение различия между материально-техническим процессом производства («производство материальных ценностей»), как об'ектом «технологии», и «производством, т.-е. общественными производственными отношениями между людьми, как предметом политической экономии» («Большевик», стр. 65). Поистине, только рубинцы, которые материальное производство рассматривают только как технический процесс создания материальных ценностей, следовательно, как об'ект технологии, могут подобным образом исказать совершенно правильную мысль Ленина. Всякий, кто внимательно прочитает соответствующие места в II и III т.т. его сочинений, легко убедится

в том, что он под производством материальных ценностей понимал производство потребительных ценностей и, конечно, в этом смысле он прав, говоря, что это предмет технологии. Ленин в полном согласии со взглядами Маркса утверждает, что политическая экономия занимается вовсе не «производством» (понимая последнее как производство потребительных стоимостей. *Х. Б.*), а общественными отношениями людей по производству, общественным строем производства (т. III, стр. 34, изд. 3-е).

Из этих определений Ленина, вовсе не вытекает противопоставление пустой общественной формы материальному процессу производства, как пытаются изобразить рубинцы, а вытекает необходимость противопоставления процесса материального производства, рассматриваемого с точки зрения его общественной формы, тому же самому процессу производства, рассматриваемому в качестве технического процесса.

Они не желают понять, что противопоставление материального (а не технического) [1]) процесса производства его общественной форме предполагает представление о форме, как оторванной от производства, бессодержательной форме, и представление о материальном процессе производства, как только техническом процессе. Подобное противопоставление свойственно не Ленину, а Струве, не Марксу, а представителям социального направления буржуазной политической экономии: Штольцману, Амонну, Петри и др. Напрасно Рубин и его последователи полагают, что «совершенно новая методологическая постановка экономических проблем, которая составляет великую заслугу Маркса и отличает его учение от теории его предшественников («Очерки», стр. 53), заключается в том, что он «провел точное различие между материально-техническим процессом производства и его общественной формой» («Очерки», стр. 82).

Маркс, конечно, различает материально-технический процесс производства и его общественную форму, производительные силы и производственные отношения. Он рассматривает капиталистическое хозяйство как противоречивое диалектическое единство материального процесса производства и его общественной формы, производительных сил и производственных отношений. Но проводя различие внутри этого единства, он в то же время не мыслил себе их раздельного существования. С точки зрения Ленина основное в диалектике—«охватить противоположности в их единстве» (IX, стр. 51). Рубин и его последователи не в состоянии охватить противоположности в их единстве и свою слабость в области диалектической логики приписывают Марксу.

Совершенно справедливо указывает тов. А. Кон, что «Маркс всегда рассматривает материальное производство в определенной общественной форме. Для него поэтому вся система буржуазного производства и отдельные звенья этой системы одновременно являются категориями и материальными и социальными. Для Рубина же, изгоняющего всю совокупность общественных отношений в область обмена, производство представляется только техническим процессом, производственные же отношения только социальным, но не материальным явлением. Производственные отношения представляются ему не имманентной формой производства, но самостоятельным явлением, которое лишь связано с производством, как с технической предпосылкой, но не является определенной стороной производственного процесса. (А. Кон. Курс полит. эконом. 2-е изд., стр. 72).

Поскольку в концепции И. Рубина все материальное об'является несоциальным, и обратно все социальное—нематериальным, постольку он проводит не различие внутри единства, а рассекает это единство на две противоположные стороны.

---

[1]) Рубинцы отождествляют материальное производство с производительными силами (стр. 66).

Если А. Богданов не в состоянии был связать материальный процесс производства с его общественной формой и рассматривал производство вне общественной формы, то И. Рубин, как раз впадает в другую крайность, рассматривая общественную форму производства вне самого материального производства. «Догматизм (т.-е. метафизика) всегда допускает только одно из двух противоположных определений... Истинная спекулятивная (т.-е. диалектическая. *Х. Б.)* мысль не имеет только одностороннего определения и не исчерпывается им; она цельна и совмещает те определения, которые догматизм признает законченными и истинными в их раздельности» (Гегель, «Энциклопедия», § 32, приб. 1). Но при чем же здесь И. Рубин, который рассматривает производственные отношения и производительные силы в их взаимодействии?—говорят рубинцы. На это мы им отвечаем, что признание взаимодействия между элементами единого целого еще не означает правильного представления об единстве. «Недостаток в применении отношения взаимодействия заключается в том, что это отношение, вместо того, чтобы быть эквивалентом понятия, само должно быть понято. Для этого не должно оставлять обе стороны отношения как непосредственные... их должно признать моментами третьего, более высокого определения». (Гегель).

Приводя эту цитату из «Науки Логики», Ленин тут же замечает, что «только взаимодействие—пустота» (IX, стр. 169). И. Рубин ограничился констатированием взаимодействия в такой пустой, бессодержательной форме и в дальнейшем метафизически рассекает единое отношение взаимодействия на две различные стороны, материальное производство и его общественную форму, из коих, по его мнению, непосредственно каждая имеет свою логику, свою науку. И. Рубин и его последователи не желают понять того, что капиталистический процесс прозводства Маркс рассматривал не только как технический процесс производства материальных условий существования, но одновременно и как процесс производства общественных отношений, в которые вступают люди в процессе материального производства. «Как те условия, так и эти отношения,—говорит он,—являются, с одной стороны, предпосылками, с другой стороны, результатами и продуктами капиталистического процесса производства; они производятся и воспроизводятся последними». («Капитал», т. III, стр. 290). Эту тесную связь между материальным процессом производства и общественными отношениями Маркс неоднократно подчеркивает и в «Критике», и в «Капитале», и в др. своих работах. Он критикует г. Прудона за то, что последний «очень хорошо понял, что люди выделывают сукно, полотно, шелковые ткани и проч. при определенных отношениях производства. Но он не понял того, что эти общественные отношения так же точно произведены людьми, как полотно, лен и т. д. Производительные силы тесно связаны с производственными отношениями». («Нищета философии», стр. 92).

Оставаясь на точке зрения метафизической логики, И. Рубин и его последователи не могут понять этой тесной связи между материальным процессом производства и его общественной формой, производительными силами и производственными отношениями. Но позвольте, заявляют рубинцы, «провести различие между этими двумя сторонами общественного производства—вовсе не означает сделать разрыв между ними. Критики И. Рубина особенно напирают на то, что различие у него означает отрыв социального от материального» (стр. 66)... «Что означает отрыв социальной формы от материального процесса производства?—спрашивают они. «Отказ рассматривать производительные силы, как движущую причину развития производственных отношений». (Там же). Помилуйте, разве И. Рубин, не говорит о тесной связи и взаимодействии между производительными силами и производственными отноше-

ниями, разве он не утверждает, что «движущий толчок к изменению всей системы стоимостей исходит из материально-технического процесса производства»? («Очерки», стр. 78). «Но такая точка зрения, продолжают авторы, обязывает провести различие между материально-техническим процессом производства и его социальной формой». (Там же).

Подобной аргументацией рубинцы думают отвести всякие упреки критиков, которые пытаются «сблизить» И. Рубина с социальным направлением буржуазной политической экономии, «основной порок которого, по их мнению, состоит в том, что они якобы отказываются поставить в причинную связь социальные или более непосредственно определяемые экономические явления с материальным производством» (66).

Здесь авторы обнаруживают незнакомство с подлинными взглядами представителей социально-органической школы в буржуазной политической экономии, в чем они с видом «ученых» мужей, упрекают критиков И. Рубина. Не кто иной как Франц Петри в известной своей работе «Социальное содержание теории ценности Маркса» утверждает, что «техника остается последним определяющим фактором, с развитием которой связано развитие общества и развитие общественных отношений производства... Однако, следует строго отличать самые производственные отношения, как определенные формы общественной жизни, от их технической основы». (Стр. 34 русск. перев. указ. работы).

Читатель видит, что попытка комментаторов И. Рубина отгородить своего учителя от социального направления буржуазной политической экономии болтовней о причинной обусловленности, взаимодействии и пр. не удалась. Достаточно приведенной цитаты, чтобы показать не только сближение, но и полное совпадение взглядов И. Рубина со взглядами Петри. Впрочем стоит ли об этом долго распространяться, когда сами последователи И. Рубина утверждают, что «у Штольцмана, Петри и др. встречаются иногда правильные замечания, подчеркивающие социальное содержание категорий политической экономии» (66).

Мы должны констатировать, что И. Рубин в своих критических «Очерках», посвященных «современным экономистам на Западе», делает неудачную попытку отмежеваться от Штольцмана, Петри, Амонна и др., отделываясь указанием на то, что последние рассматривают производственные отношения в идеалистическом смысле и разрывают тесную связь, существующую между производственными отношениями людей и развитием материальных производительных сил. («Совр. экономисты на Западе», стр. 230). С другой стороны, он признает «огромную бесспорную заслугу Штольцмана» в том, что его определения «подчас особенно с внешней стороны (если особенно с внешней, стало быть, также и с внутренней! *Х. Б.)* совершенно совпадают с точкой зрения Маркса» (там же, стр. 109), а также восхваляет Амонна, поскольку он «приходит к правильному положению, что политическая экономия есть наука о социальных отношениях» (172).

Одно из двух: либо Штольцман, Амонн и др.—идеалисты, кантианцы, — тогда они не могут давать правильных определений, совпадающих с точкой зрения Маркса, либо дают правильные определения предмета политической экономии—и тогда они не идеалисты. Здесь концы с концами у И. Рубина не связаны.

Но как можно обвинят И. Рубина в отрыве социального от материального, с возмущением еще раз спрашивают рубинцы, «когда вся его задача, которую он блестяще (!?) решил, состояла в том, чтобы показать эту связь»? (стр. 67). Повидимому, чувствуя это «уязвимое» место концепции своего учителя, они на протяжении нескольких страниц повторяют, что И. Рубину лучше, чем кому бы то ни было из комментаторов Маркса, удалось увязать стоимость с материально-техническим процессом производства (66).

и потому удивляются «научной» смелости тех, кто приписывает ему отрыв социального от материального. Подумайте, что стоит, например, следующий классический образчик этой рубинской «увязки»: «Маркс не только постарался развить грандиозную систему связанных друг с другом экономических форм,—пишет Рубин,—но и постарался всю эту систему прикрепить (дословно!—*Х. Б.*), к лежащей в их основе материально-технической базе, к процессу производства». («Абстр. труд и стоимость», стр. 87). Это ли не стопроцентная марксистская ортодоксия! Как же после этого можно, иметь научную смелость приписывать И. Рубину отрыв социальной формы от материального производства?

Однако, вопреки категорическим предостережениям авторов мы полагаем, что, несмотря на неоднократные указания в работах И. Рубина о «связи», «увязке», «прикреплении» между материальным производством и его социальной формой, по существу его концепция является насквозь идеалистической. Достаточно приведенных двух цитат, где связь между материальным процессом производства и его общественной формой, с одной стороны, понимается как «толчок» («Очерки», стр. 78), с другой стороны, как «прикрепление», чтобы показать идеалистическую сущность этой концепции. Это метафизическое понимание единства материального производства и его общественной формы ничего общего не имеет со взглядами Маркса. Не механические «толчки» от производительных сил к производственным отношениям, не метафизическое «прикрепление» их друг к другу, а диалектическое противоречивое единство, их тесная связь, как различных моментов внутри этого единства—вот что характеризует подлинные взгляды Маркса. Именно такая трактовка проблемы отличает его как от классиков, которые это единство сводили к формальному тождеству, так и от современного социального направления в политической экономии, которое единство материального процесса производства и его социальной формы понимает по Канту, а не по Гегелю. Согласно метафизической логике И. Рубина «Маркс сначала построил систему между собою связанных экономических форм, а потом «прикрепил» к материальному производству. Спрашивается, откуда взялись эти экономические формы и каким образом они связаны между собою до их прикрепления к материально-техническому процессу производства?

И. Рубин и его последователи не в состоянии решить эту задачу, поскольку они остаются в плену у метафизической концепции Петри, Амонна и др. Основной закон диалектического мышления, закон единства противоположностей, для них является книгой за семью печатями. «О том, как могут быть и как бывают (как становятся) тождественными противоположности, при каких условиях они бывают тождественными, превращаясь друг в друга, почему ум человеческий не должен брать эти противоположности за мертвые, застывшие, а за живые, условные, подвижные, превращающиеся одна в другую» (Ленин, т. IX, стр. 69),—на эти вопросы концепция И. Рубина не может дать ответа. Разумеется, не следует понимать эту замечательную интерпретацию основного закона диалектики, в том универсальном смысле, в каком понимает его формальная логика. Ленин там же говорит, что «всесторонняя гибкость понятия, гибкость, доходящая до тождества, вот в чем суть. Эта гибкость, примененная суб'ективно, равна эклектике и софистике. Гибкость, примененная об'ективно, т.-е. отражающая всесторонность материального процесса, есть диалектика» (стр. 7).

Маркс, исходя из реального процесса производства, как единства производительных сил и производственных отношений, выводит более богатое определение экономической структуры капиталистического общества. Понятие экономической структуры или общественного строя производства—более

гибкое понятие, чем непосредственно материально-технический процесс производства или общественные отношения, коими раздельно оперируют Рубин и его последователи.

Они решают этот вопрос метафизическим «или—или».

Известно, как Маркс высмеивал г. Прудона за то, что последний не мог примирить в экономических категориях их противоположные стороны—«дурную и хорошую»... «Г. Прудон,—писал он,—заимствовал из диалектики Гегеля только язык». Эти слова в известном смысле применимы и к Рубину, который в политической экономии не может «примирить» производительные силы и производственные отношения и устраняет «дурную сторону», т.-е. производительные силы. И. Рубин и его последователи не желают понять, что только существование взаимно-противоречащих сторон, их борьба и их слияние «в новую категорию» составляют сущность диалектического движения. В концепции И. Рубин, где производительные силы оказались за бортом политической экономии, нет этого движения, поскольку устраняется (в голове Рубина, конечно, а не в действительности) основное противоречие между производительными силами и производственными отношениями.

«Противоречие капиталистического способа производства заключается именно в его тенденции к абсолютному развитию производительных сил, которое постоянно вступает в конфликт с теми специфическими условиями производства, в которых движется и может двигаться капитал» («Капитал», т. II, стр. 239). Тот, кто, при изучении капиталистического способа производства будет игнорировать это основное противоречие между безграничным развитием общественных производительных сил и ограниченной целью капитала, тот ничего не поймет в экономической системе Маркса.

Рубинская политическая экономия, изучающая социальные формы вещей вне связи с материальными производительными силами, не в состоянии раскрыть механизм движения нормы прибавочной стоимости и нормы прибыли, как процессов связанных с изменением органического состава капитала. Она не может также решить проблемы расширенного воспроизводства, а следовательно, и накопления, проблему кризисов и ряд других кардинальнейших проблем марксовой политической экономии. Нечего и говорить, что политическая экономия, которая изучает только социальные формы, не дает возможности понять внутреннее противоречивое движение, совокупный процесс капиталистического воспроизводства и потому лишена того революционного содержания, которое свойственно учению Маркса. Рубин сознательно или бессознательно отбрасывает это революционное содержание экономической теории Маркса, заявляя, что «задача исследования взаимодействия между производительными силами и производственными отношениями людей должна быть выполнена марксистами-социологами, а не экономистами» [1]).

Излишне доказывать, что такая политическая экономия не может показать, каким образом, «достигнув известной ступени зрелости, данная историческая форма совлекается и уступает место более высокой», когда приобретают особенную широту и глубину противоречие и противоположность между распределительными отношениями, а следовательно, и исторически определенной формой соответствующих им отношений производства, с одной стороны, и производительными силами, производительной способностью и развитием ее факторов,—с другой стороны; и, наконец, как «разражается конфликт между материальным развитием производства

[1]) Рубин. «Абстрактный труд и стоимость в системе Маркса», стр. 87.

и его общественной формой». (Маркс, «Капитал», т. III, ч. 2, стр. 343).

За недостатком места, мы не можем остановиться на дальнейших рассуждениях последователей Рубина. Совершенно ясно, что неправильное, немарксистское определение предмета политической экономии логически приводит к неправильному пониманию всей экономической системы Маркса. Необходимо подчеркнуть, что вопреки утверждению Маркса о том, что «действительная наука современной экономии начинается лишь с того времени, когда теоретическое исследование переходит от процесса обращения к процессу производства» («Капитал», т. III, ч. 1, стр. 32), Рубин переносит центр тяжести экономического исследования от процесса производства к процессу обмена, от материального производства к его социальной форме. Поэтому его концепция не может проникнуть в сущность экономических явлений. Оставаясь на поверхности явлений, эта концепция бессильна об'яснить то специфическое, что отличает одну общественную формацию от другой,—именно способ материального производства. Тем самым она превращается в удобное оружие в руках с.-д. критиков нашего хозяйства, которое по форме пока сохраняет черты менового хозяйства, по существу же принципиально и глубоко отличается от товарно-капиталистического хозяйства. Равным образом эта концепция может служить оружием для всех тех, кто подобно К. Реннеру признает основой социализации не отношения внутри материального производства, а отношения обмена [1]).

Таким образом, ревизия учения Маркса под знаком его защиты представляет гораздо большую опасность, нежели открытая ревизия Ф. Петри, Струве и др.: внешняя марксистская окраска идеалистической концепции Рубина ослепляюще действует на неискушенного читателя, она может свернуть с правильного пути даже некоторых марксистов, как это и случилось с нашими красными профессорами тт. Греблисом, Короваем, Степановым с их единомышленниками.

---

[1]) К. Реннер. «Теория капиталистического хозяйства и проблема социализма».

А. Леонтьев.

Об одной теоретической дискуссии и ее уроках.

Мы полагаем, что за последнее время дискуссия в области теоретической экономии приняла такие формы, что крайне необходимо передать ее на суд партийного общественного мнения. Нынешняя фаза этой дискуссии [1]) властно требует вмешательства общественного мнения хотя бы для того, чтобы фаза эта поскорее закончилась и отошла в область прошлого.

1. Кое-что из области истории.

Иногда историю этой дискуссии начинают с момента появления первых критических отзывов на рубинские «Очерки по теории ценности Маркса», вышедшие первым изданием в 1923 г. В этом отношении некоторые товарищи проявляют более чем странную «забывчивость», которая об'ясняется отнюдь не случайными причинами. «Забывается» при этом одно маленькое обстоятельство. Новые слои учащейся молодежи, лишь сейчас приступающие к углубленной работе над теоретической экономией, могут, естественно, не знать, что первое издание «Очерков» И. И. Рубина вышло в тот период, когда происходила борьба за преодоление богдановщины в области политической экономии. Связь рубинских «Очерков» с этой борьбой отнюдь не ограничивается совпадением хронологических дат.

Напомним в двух словах тогдашнюю обстановку. Как известно, в годы гражданской войны, когда на первом месте стояла самая насущная и элементарная пропаганда против вооруженной контрреволюции, партия не имела времени и возможности в достаточной мере заниматься более тонкими идеологическими проблемами. Ряд бесспорно вульгаризаторских течений в области высоко-надстроечного порядка не получал иногда достаточного отпора.

Политическую экономию мы все тогда проходили (и других обучали) по Богданову, или же по полному «Курсу» Богданова и Степанова. Все отлично помнят, что именно эти книги, ныне исчезнувшие из наших учебных заведений, печатались тогда многотысячными тиражами. Популярные учебники Богданова («Краткий курс» и «Начальный курс») выдерживали десятки изданий, перепечатывались на самой разноцветной бумаге того времени в провинции, на фронтах и применялись в партшколах, кружках и т. д.

Лишь с окончанием гражданской войны, с переходом значительных кадров к учебе назрела необходимость и появилась возможность переоценки ряда идеологических ценностей в более высоких областях идеологии. Вредное влияние богдановской теории — прежде всего в области философии—стало обнаруживаться довольно явственно. Нелегальная группа богдановцев, присвоившая себе название «Рабочей Правды», пыталась играть

---

[1]) Настоящая статья написана в феврале с. г.; автор исходит в ней из того состояния дискуссии, какое сложилось к тому времени.

роль меньшевистской агентуры в наших рядах. Естественно, что о теоретической беспечности в отношении богдановщины тогда не могло быть и речи. Сугубая настороженность ко всему, что родственно общетеоретической концепции Богданова, диктовалась тогда непосредственно политической обстановкой.

Наступает время и для переоценки богдановской экономической системы с ее общими специфическими особенностями: «расширительной» трактовкой предмета политической экономии, внеисторической характеристикой основных экономических категорий, подменой марксовой диалектики вульгарным механизмом, принижением значения абстрактно-теоретического анализа и т. д. О производных отклонениях богдановской экономической концепции от марксизма мы уж и не говорим; достаточно вспомнить немарксистскую теорию ренты Богданова, его представления о переходном строе и т. п.

Преодоление богдановщины в области экономической теории прошло, в основном, чрезвычайно быстро и дружно. Этой быстроте следовало бы, пожалуй удивляться, если принять во внимание распространенность богдановских произведений в тогдашнюю пору. Та легкость, с которой богдановщина в политической экономии преодолевалась и изгонялась, находит себе об'яснение на наш взгляд и в том обстоятельстве, что тогда ясно обнаружился враждебный нам политический характер богдановской концепции. Это само по себе неприятное явление имело, однако, то положительное следствие, что о т к р ы т а я проповедь богдановщины в политической экономии, как и в философии, исчезла почти совершенно. Однако, в области философии мы имеем ряд лет после исчезновения богдановщины с идеологической арены многочисленные попытки ч а с т и ч н о г о протаскивания ее отдельных элементов. Борьба сторонников диалектического материализма с механистами продолжается до сих пор, хотя широким партийным слоям уже совершенно ясно, какая из двух сторон представляет собою марксизм и какая носит, напротив, явный ревизионистский характер. Несравненно сложнее дело обстоит в области теоретической экономии. Естественно, однако, что и тут отдельные рецидивы богдановщины наблюдаются много лет спустя после генерального преодоления богдановской системы в целом. Почва для подобных рецидивов, вообще говоря, имеется. Не удивительно также, что эти рецидивы столь же отличаются от прежних изданий богдановской теории, как современный механизм отличается от старых эмпириомонизма и тектологии.

Кстати, легкость преодоления богдановщины не следует понимать чересчур буквально. Достаточно упомянуть, что еще в 1924 г. имело место выступление тов. Гожанского [1]), собравшего вокруг себя одно время не малое количество сторонников. Вокруг выпущенной им книжки, представлявшей собою отказ от марксизма в ряде важнейших пунктов, разгорелась довольно страстная полемика на страницах «Правды». Далее, официальным концом богдановщины в теоретической экономии можно считать, пожалуй, лишь дискуссию Коммунистической Академии в 1925 г. по вопросу о предмете и методе политической экономии [2]).

Основной раздел экономической теории, где преодоление богдановщины было насущнее всего, составляли, естественно, проблемы предмета и метода, с одной стороны, и проблемы теории ценности, с другой. Как каждому совершенно ясно, эти области экономической теории чрезвычайно тесно связаны и переплетены между собой.

[1]) См. С. Гожанский. Политическая экономия, вып. I—Заработная плата, изд. «Кр. Новь», М. 1924.

[2]) См. «Вестник Комм. Академии» № 11.

Каков был арсенал средств в этой борьбе против вульгаризации и искажений марксизма? Здесь колоссальную услугу оказала та углубленная разработка проблем теории ценности и методологии теоретической экономии, которая была начата в довоенные годы Гильфердингом (в ряде статей в «Neue Zeit») [1]) и продолжена т. Бухариным (см. «Политическую экономию рантье», «Экономику переходного периода»,—страницы, посвященные вопросам предмета и метода теоретической экономии, а также отдельные статьи). Тщательное изучение экономических работ Л е н и н а давало, разумеется, неоценимо много для правильного понимания марксистского метода в теоретической экономии. Вышедшая в 1923 г. работа И. И. Рубина (ее основные положения были еще раньше известны довольно широкому кругу товарищей, работавших под руководством И. И. Рубина над изучением проблем теоретической экономии) была воспринята как попытка дальнейшей разработки основных проблем экономической теории Маркса в т о м ж е н а п р а в л е н и и. В обстановке, когда на первом плане стояла борьба с богдановщиной, внимание читателя привлекли, разумеется, прежде всего те стороны рубинского произведения, которые имели непосредственное отношение к спорным проблемам и которые могли быть использованы в процессе этой борьбы. Под этим углом зрения подходило к работе И. И. Рубина большинство читателей в тот период. Смешно было бы ставить вопрос: хорош такой подход или плох? Совершенно ясно, что этот подход тогда был весьма естественен.

Что же нашел читатель в работе И. И. Рубина под этим углом зрения? Прежде всего чрезвычайно резкое подчеркивание исторически-преходящего характера экономических категорий; это решительно порывало с богдановской трактовкой ценности и проч., как вечных категорий, логически присущих каждой хозяйственной формации. Далее, с этим непосредственно связано понимание теоретической экономии, как науки о законах товарно-капиталистической формы хозяйства в ее возникновении, развитии и гибели, в противовес богдановско-степановскому «расширительному» пониманию предмета нашей дисциплины. Вместо поверхностной «популяризации» и явного искажения марксовой теории товарного фетишизма у Богданова мы здесь встретили попытку восстановления того истинно глубокого смысла, который эта теория имеет у Маркса. Наконец, мы здесь видели искреннее желание применить к области теоретической экономии марксову д и а л е к т и к у, изгнанную из нашей науки Богдановым, считающим диалектику ненужным пережитком средневековой схоластики. Все остальные затронутые в работе И. И. Рубина вопросы, в том числе и ныне «знаменитый» вопрос об абстрактном труде, далее — проблемы производительного труда, общественно-необходимого труда, вопрос о форме ценности—тогда представлялись подчиненными частями концепции, центр тяжести которой усматривался в перечисленных выше коренных и узловых пунктах. А в этих решающих пунктах, повторяем, работа Рубина являлась непосредственным продолжением той антибогдановской (и антикаутскианской—можно было бы прибавить) разработки основных вопросов экономической теории Маркса, которая связана с прежними работами по методологии и теории ценности Гильфердинга и Бухарина в первую очередь.

Этот исторический экскурс совершенно необходим, думается нам, для того, чтобы уберечь от ошибок тех товарищей, у которых иногда неожиданно отшибает память в самых нужных случаях.

Теоретические произведения И. И. Рубина чрезвычайно быстро завоевали себе выдающееся место в нашей научной экономической литературе.

[1]) См. сборник «Основные проблемы полит. экономии», под ред. Ш. Двойцкого и И. Рубина, Гиз. 1922.

Причины этой популярности не скрывают в себе ничего мистического. Совершенно естественно также, что по мере роста интереса к произведениям И. И. Рубина усиливалось и критическое к ним отношение. Рубин проявил почин в деле детальной углубленной разработки ряда чрезвычайно абстрактных и уже по одному этому весьма сложных категорий марксовой экономической теории. Перед такого рода работой всегда стоит весьма серьезная опасность сползания в область бесплодной схоластики. Однако, необходимость разработки ряда частичных сторон, некоторых определений, многих логических связей, относящихся к марксовой теории ценности—этой самой основной, самой важной и в то же время предельно-абстрактной части марксовой экономической системы—диктовалась в известном смысле жизнью. Вульгаризация как раз этой наиболее абстрактной части марксовой экономической теории со стороны Богданова и его теоретических единомышленников, а также, в менее яркой форме, со стороны ряда других теоретиков (достаточно назвать Каутского) поставила эту задачу во весь рост. Ясно, однако, что успешное выполнение этой задачи предполагает оживленный критический обмен мнений среди марксистов, берущихся за ее разрешение.

По мере того, как произведения Рубина все больше читались и штудировались, росло и количество критических выступлений вокруг поднятых и поставленных в этих произведениях проблем. Появилось некоторое количество журнальных статей; был устроен ряд публичных диспутов (в Институте экономики, в Институте народного хозяйства, в Институте красной профессуры в 1928 г.). В этих дискуссиях, естественно, проявилась довольно пестрая гамма настроений и отношений к рубинской интерпретации марксовой теории ценности. Обычно спор вертелся вокруг отдельных формулировок Рубина; даже критики, утверждавшие о непригодности всей работы Рубина в целом, ссылались, естественно, для доказательства своей правоты, на отдельные принадлежавшие ему формулировки. Вопрос о пригодности или непригодности рубинской работы в целом, вопрос о положительной или отрицательной ее оценке, короче—вопрос о марксистском или немарксистском (и, стало-быть, антимарксистском) ее характере неизбежно свелся в этих условиях к вопросу об оценке отдельных формулировок. Дело сводится, стало-быть, к тому, являются ли вызывающие сомнение или прямое отрицание формулировки более или менее частичными неудачами, всегда возможными в такой большой и серьезной работе (вряд ли кто-нибудь станет отрицать наличие т а к о г о рода недостатков в работе Рубина); или эти неприемлемые утверждения характеризуют всю работу в целом, раскрывают перед нами ее антимарксистское нутро, которое автор сознательно или бессознательно скрывает за марксистской внешностью.

Сразу ответить на этот коренной, кардинальный вопрос, когда мы имеем дело со столь сложной абстрактно-теоретической областью, весьма нелегко. Однако, как подойти к решению этого вопроса?

По нашему мнению, следует прежде всего характеризовать в общих чертах те формулировки в рубинских произведениях, которые сделались и были (по крайней мере до сих пор) центральными мишенями критических атак более или менее немилосердного свойства. Во-вторых, после того, как эти пункты будут установлены, следует взглянуть, что именно предлагается со стороны критиков на место отвергаемых ими взглядов и изложения Рубина. Следует поставить, выражаясь чуть-чуть вульгарно, иной раз несколько щекотливый, но в интересах дела абсолютно неизбежный вопрос: «а судьи кто?». Этот вопрос должен быть понят, разумеется, не буквально. Чрезвычайно интересно, что предлагается критиками взамен отвергаемой ими концепции. Этот вопрос менее всего является личным вопросом каждого критика. Напротив, этот вопрос стоит в самой непосредственной связи с оценкой самой критики. Пусть посему не посетуют на нас критики Рубина, если мы в статье, посвященной дискуссии вокруг произведений последнего, никак не сможем обойтись без самой краткой хотя бы характеристики собственных взглядов части критиков. Речь идет, естественно, как раз о той части критиков, которая начисто отвергает концепцию Рубина, называя ее антимарксистской. Серьезность сего утверждения дает нам полное право полюбопытствовать насчет собственной амуниции этой части критики.

Мы считаем возможным избавить читателя от приведения текста тех формулировок Рубина, которые вызвали наиболее дружный натиск критики. Интересующийся найдет эти формулировки в бесчисленных повторениях во всей литературе этой дискуссии. Здесь важно лишь выделить решающие пункты, которые большинству критиков представлялись наиболее уязвимыми. Чрезвычайно многочисленные возражения, основанные на более или менее очевидных и элементарных недоразумениях, мы считаем возможным оставить в стороне и с самого начала исключить из нашего поля зрения, дабы не осложнять картины. (Заметим в скобках, что как раз этот сорт возражений подвержен действию своеобразной разновидности закона Вебера—Фехнера: степень их распространенности обычно равняется квадрату их нелепости). Повторяем: читатель, желающий насладиться всей панорамой дискуссии, в ее, так сказать, натуральном виде, легко найдет этот сорт идеологического творчества в соответствующей литературе.

Мы не претендуем на роль историка освещаемой нами дискуссии. Задача, которая встала бы перед этаким историком, будет не из легких. Отделение немногочисленных зерен пшеницы от обильных масс плевел потребовало бы не мало труда.

Повторяем, мы не беремся за выполнение этой задачи. Наша задача гораздо скромнее: путем небольшого введения мы стремились дать читателю ту историческую перспективу, которая необходима для правильного подхода к интересующей нас дискуссии.

2. Кое-что из области теории.

Итак, если от явных недоразумений отвлечься, тогда можно было бы основные более серьезные критические замечания и возражения свести к д в у м решающим п у н к т а м. Это, во-первых, вопрос о социальном и материальном; во-вторых—вопрос о производстве и обмене. Мы обязаны оговориться, что сама формулировка пунктов менее всего претендует на какую-либо точность. Формулируя эти пункты, мы хотим дать читателю лишь примерное представление о том к р у г е вопросов, который оказывается в центре дискуссии. Этот-то круг вопросов, на наш взгляд, группируется в основном вокруг названных выше пунктов.

Попытаемся дать общую характеристику этих двух проблем, менее всего претендующую на полноту. Прежде всего, вопрос о характеристике социального явления. Маркс различает, с одной стороны, бытие, с другой стороны, сознание; с одной стороны, материю, с другой стороны, дух; с одной стороны, об'ективный реальный мир, с другой стороны, идею. Маркс различает далее, с одной стороны, общественное бытие, с другой—общественное сознание. Возникает вопрос: куда относится социальное явление, если понимать под ним общественное отношение людей? В такой общей форме вопрос разрешается довольно легко. Общественные отношения людей относятся, очевидно, к области общественного бытия; в области общественного сознания, напротив, пребывают всевозможные о т р а ж е н и я общественных людских отношений. Стало быть, общественное отношение людей относится к области общественного бытия; но общественное бытие есть лишь часть бытия вообще, часть реального, об'ективно существующего, материального мира. Мир материи, мир бытия может быть разделен на две большие

группы явлений. Мы имеем в виду: 1) природу и 2) общество. Исторический материализм рассматривает общество так же, как и природу, лишь как составную часть материального мира. В этом—общее между обществом и природой; в этом отношении общество и природа сходны, едины. Исторический материализм, однако, выделяет область общественного бытия, отделяет его в качестве об'екта изучения от остального мира явлений, от природы. В этом отношении общество противопоставляется природе; в этом—противоположность, различие между обществом и природой.

Отсюда ясно, что для марксиста не может быть и речи о противопоставлении социального явления (если под этим понимать не общественное сознание, а реальные общественные отношения между людьми)—материальному. Но социальное явление может и должно противопоставляться натуральному явлению. Социальное и натуральное представляют собою в свою очередь две части, две стороны материального мира; между этими областями налицо диалектическая взаимосвязь.

В такой общей постановке разрешение вопроса представляется довольно несложным. Главные трудности, однако, выступают перед нами, когда мы от этих общих и довольно тощих положений переходим к характеристике основных категорий политической экономии вообще, к разрешению проблем теории ценности в частности и в особенности. Здесь дело чрезвычайно усложняется. Если вышеизложенные общие положения и тут остаются, на наш взляд, бесспорными, то они в то же время становятся явно недостаточными. В теории ценности мы имеем дело с о в е щ е с т в л е н и е м общественных отношений. Получается, таким образом, своеобразное п е р е п л е т е н и е социальных отношений людей и вещественных, натуральных элементов производства. Социальное явление выступает в виде вещной категории. Общее принципиальное разграничение социального и натурального, оставаясь и здесь необходимым, становится в то же время явно недостаточным. Следует конкретно и детально исследовать взаимозависимость и взаимоотношения этих переплетающихся между собою кругов. В этом вся задача, в этом и вся трудность. Применительно к характеристике отдельных детальных категорий теории ценности можно в самом деле сказать, что здесь истина становится острее лезвия ножа. Требуется достаточно последовательное применение диалектического метода, чтобы с этого лезвия не свихнуться в какую-либо сторону. Отказ от диалектики, замена диалектического подхода к явлениям формально логическим, механистическим неизбежно приведет либо к скатыванию в об'ятия идеализма, либо к сползанию в сторону вульгарно-фетишистического натурализма.

Вторая группа спорных вопросов теории ценности Маркса вращается вокруг отношений между производством и обменом. Здесь мы наблюдаем такую же картину, как и в первой группе проблем. Легче всего дать общую характеристику этого соотношения. Эта общая характеристика сводится для каждого марксиста, разумеется, к безоговорочному признанию примата производства. В то же время примат производства, как это ясно для каждого диалектика не исключает, а предполагает взаимодействие между производством и обменом, если речь идет, как в данном случае очевидно, о хозяйстве менового типа. Эти положения вряд ли могут вызвать хоть малейшие сомнения.

Дело, однако, весьма усложняется, когда мы от общего положения перейдем к попытке разрешения конкретных и детальных проблем, встающих перед исследователем марксовой теории ценности. Этот исследователь, если он хочет оставаться диалектиком, должен последовательно проводить принцип историчности. Категория ценности относится не к производству вообще, а к определенной исторически-преходящей форме общественного производства. Стало-быть, речь идет не о последней абстракции производства, а о таком производстве, которое в «противоположности своих определений охватывает как само себя, так и остальные моменты» (Маркс). Под остальными моментами Маркс здесь, как известно, подразумевает распределение, обмен и потребление. Именно в этом смысле Маркс в том же месте говорит, что «обмен, таким образом, во всех своих моментах или непосредственно заключен в производстве или определяется этим последним».

И в этом отношении, при переходе к углубленному анализу проблемы, истина представляется подчас тоньше, чем острие бритвы. И тут всякая неточность, всякий формализм, всякое забвение диалектики легко ведет к серьезнейшим недоразумениям. Если же на неточности настаивать, то легко очутиться за пределами марксизма. Встающие здесь две опасности совершенно ясны. С одной стороны, ошибочными являются формулировки, могущие возбудить сомнение в примате производства. С другой стороны, исключение обмена из характеристики ряда важнейших категорий теории ценности может означать отказ от историчности, рассмотрение этих категорий как вечных логических категорий всякого хозяйства вообще.

Стало быть, и в отношении второй группы вопросов требуется весьма последовательный диалектический подход к углубленной разработке проблемы.

Чрезвычайно характерно, что этого довольно простого обстоятельства совершенно не понимал покойный А. А. Богданов. Если не ошибаемся, он первый выступил с аргументацией, которая впоследствии несравненно менее ярко и последовательно повторяется всеми решительными уничтожателями теоретической работы Рубина. Именно Богданову первому принадлежит обвинение Рубина в умерщвлении (ныне говорят еще о выхолащивании) Маркса. Богданов же совершенно справедливо отмечал связь работы Рубина с теми произведениями марксистов-экономистов, которые использовывались как раз для преодоления богдановщины. Всю эту работу Богданов чрезвычайно презрительно именовал «хроническим семинарием по Марксу, который десятки лет ведется». С другой стороны, Богданов также справедливо ставил работы этого «семинария», куда он относил и Рубина, в непосредственную связь с работами «философского семинария», под которым естественно подразумевается школа диалектического материализма, ведущая решительную борьбу со всякими извращениями революционного учения Маркса, в том числе и с богдановской философией и ее менее последовательными рецидивами.

Поэтому крайне любопытно, что свое основное обвинение по адресу Рубина Богданов формулировал примерно таким образом. У Рубина, дескать, филигранная работа, он мастерски производит работу ювелира, между тем как Маркс был не ювелиром, а кузнецом, и работа Маркса была вообще грубовата. Привыкший грубо-механистически истолковывать Маркса, издевавшийся над диалектическим методом как над пережитком средневековой схоластики, Богданов, естественно, не замечал и не воспринимал тех сторон марксовой теории, которые по самому своему характеру носили чрезвычайно тонкий, отнюдь не грубый характер. Тонкое диалектическое различие отдельных категорий, установление весьма сложных взаимосвязей и взаимозависимости,—все это Богданов считал ненужной филигранной работой, приводящей к превращению Маркса в схоласта-попа.

Совершенно естественно, что критика рубинских произведений обнаружила целый ряд отдельных дефектов в формулировках, в различных детальных определениях и т. п. При сложности проблем, с одной стороны, при попытке их столь глубокой и детальной проработки с другой,—это представляется абсолютно неизбежным. Критика побудила Рубина отказаться от ряда формули-

группы явлений. Мы имеем в виду: 1) природу и 2) общество. Исторический материализм рассматривает общество так же, как и природу, лишь как составную часть материального мира. В этом—общее между обществом и природой; в этом отношении общество и природа сходны, едины. Исторический материализм, однако, выделяет область общественного бытия, отделяет его в качестве об'екта изучения от остального мира явлений, от природы. В этом отношении общество противопоставляется природе; в этом—противоположность, различие между обществом и природой.

Отсюда ясно, что для марксиста не может быть и речи о противопоставлении социального явления (если под этим понимать не общественное сознание, а реальные общественные отношения между людьми)—материальному. Но социальное явление может и должно противопоставляться натуральному явлению. Социальное и натуральное представляют собою в свою очередь две части, две стороны материального мира; между этими областями налицо диалектическая взаимосвязь.

В такой общей постановке разрешение вопроса представляется довольно несложным. Главные трудности, однако, выступают перед нами, когда мы от этих общих и довольно тощих положений переходим к характеристике основных категорий политической экономии вообще, к разрешению проблем теории ценности в частности и в особенности. Здесь дело чрезвычайно усложняется. Если вышеизложенные общие положения и тут остаются, на наш взляд, бесспорными, то они в то же время становятся явно недостаточными. В теории ценности мы имеем дело с овеществлением общественных отношений. Получается, таким образом, своеобразное переплетение социальных отношений людей и вещественных, натуральных элементов производства. Социальное явление выступает в виде вещной категории. Общее принципиальное разграничение социального и натурального, оставаясь и здесь необходимым, становится в то же время явно недостаточным. Следует конкретно и детально исследовать взаимозависимость и взаимоотношения этих переплетающихся между собою кругов. В этом вся задача, в этом и вся трудность. Применительно к характеристике отдельных детальных категорий теории ценности можно в самом деле сказать, что здесь истина становится острее лезвия ножа. Требуется достаточно последовательное применение диалектического метода, чтобы с этого лезвия не свихнуться в какую-либо сторону. Отказ от диалектики, замена диалектического подхода к явлениям формально логическим, механистическим неизбежно приведет либо к скатыванию в об'ятия идеализма, либо к сползанию в сторону вульгарно-фетишистического натурализма.

Вторая группа спорных вопросов теории ценности Маркса вращается вокруг отношений между производством и обменом. Здесь мы наблюдаем такую же картину, как и в первой группе проблем. Легче всего дать общую характеристику этого соотношения. Эта общая характеристика сводится для каждого марксиста, разумеется, к безоговорочному признанию примата производства. В то же время примат производства, как это ясно для каждого диалектика не исключает, а предполагает взаимодействие между производством и обменом, если речь идет, как в данном случае очевидно, о хозяйстве менового типа. Эти положения вряд ли могут вызвать хоть малейшие сомнения.

Дело, однако, весьма усложняется, когда мы от общего положения перейдем к попытке разрешения конкретных и детальных проблем, встающих перед исследователем марксовой теории ценности. Этот исследователь, если он хочет оставаться диалектиком, должен последовательно проводить принцип историчности. Категория ценности относится не к производству вообще, а к определенной исторически-преходящей форме общественного производства. Стало-быть, речь идет не о последней абстракции производства, а о таком производстве, которое в «противоположности своих определений охватывает как само себя, так и остальные моменты» (Маркс). Под остальными моментами Маркс здесь, как известно, подразумевает распределение, обмен и потребление. Именно в этом смысле Маркс в том же месте говорит, что «обмен, таким образом, во всех своих моментах или непосредственно заключен в производстве или определяется этим последним».

И в этом отношении, при переходе к углубленному анализу проблемы, истина представляется подчас тоньше, чем острие бритвы. И тут всякая неточность, всякий формализм, всякое забвение диалектики легко ведет к серьезнейшим недоразумениям. Если же на неточности настаивать, то легко очутиться за пределами марксизма. Встающие здесь две опасности совершенно ясны. С одной стороны, ошибочными являются формулировки, могущие возбудить сомнение в примате производства. С другой стороны, исключение обмена из характеристики ряда важнейших категорий теории ценности может означать отказ от историчности, рассмотрение этих категорий как вечных логических категорий всякого хозяйства вообще.

Стало быть, и в отношении второй группы вопросов требуется весьма последовательный диалектический подход к углубленной разработке проблемы.

Чрезвычайно характерно, что этого довольно простого обстоятельства совершенно не понимал покойный А. А. Богданов. Если не ошибаемся, он первый выступил с аргументацией, которая впоследствии несравненно менее ярко и последовательно повторяется всеми решительными уничтожателями теоретической работы Рубина. Именно Богданову первому принадлежит обвинение Рубина в умерщвлении (ныне говорят еще о выхолащивании) Маркса. Богданов же совершенно справедливо отмечал связь работы Рубина с теми произведениями марксистов-экономистов, которые использовывались как раз для преодоления богдановщины. Всю эту работу Богданов чрезвычайно презрительно именовал «хроническим семинарием по Марксу, который десятки лет ведется». С другой стороны, Богданов также справедливо ставил работы этого «семинария», куда он относил и Рубина, в непосредственную связь с работами «философского семинария», под которым естественно подразумевается школа диалектического материализма, ведущая решительную борьбу со всякими извращениями революционного учения Маркса, в том числе и с богдановской философией и ее менее последовательными рецидивами.

Поэтому крайне любопытно, что свое основное обвинение по адресу Рубина Богданов формулировал примерно таким образом. У Рубина, дескать, филигранная работа, он мастерски производит работу ювелира, между тем как Маркс был не ювелиром, а кузнецом, и работа Маркса была вообще грубовата. Привыкший грубо-механистически истолковывать Маркса, издевавшийся над диалектическим методом как над пережитком средневековой схоластики, Богданов, естественно, не замечал и не воспринимал тех сторон марксовой теории, которые по самому своему характеру носили чрезвычайно тонкий, отнюдь не грубый характер. Тонкое диалектическое различие отдельных категорий, установление весьма сложных взаимосвязей и взаимозависимости,—все это Богданов считал ненужной филигранной работой, приводящей к превращению Маркса в схоласта-попа.

Совершенно естественно, что критика рубинских произведений обнаружила целый ряд отдельных дефектов в формулировках, в различных детальных определениях и т. п. При сложности проблем, с одной стороны, при попытке их столь глубокой и детальной проработки с другой,—это представляется абсолютно неизбежным. Критика побудила Рубина отказаться от ряда формули-

ровок, которые давали повод к недоразумениям. В предисловии к третьему изданию своих «Очерков» автор по сему поводу замечает, что им «устранены формулировки, которые давали нашим критикам повод приписывать нам мысли, ни в малейшей мере нами не разделявшиеся, например, о примате обмена над производством, о перенесении абстрактного труда в фазу обмена и т. п.». В отличие от некоторых чрезвычайно рьяных критиков мы не считаем самый факт отказа Рубина от тех или иных своих прежних неудачных формулировок большим преступлением. Попытка «утилизации» этого отказа для доказательства отхода Рубина от марксизма, должна представиться, по меньшей мере, весьма странной; такая попытка могла бы свидетельствовать лишь о чрезвычайно некультурном подходе к вопросам научной работы и о полном непонимании принципа коллективности, который уж среди марксистов должен в области научной работы применяться во всяком случае. Прав не тот, кто не делает ошибок; прав тот, кто умеет свои ошибки во время исправить, кто на них не настаивает, кто их не углубляет.

Мы не думаем, чтобы в настоящем своем виде работы Рубина были абсолютно безупречны. Можно сказать, заранее не сомневаясь, что внимательная и добросовестная критика может обнаружить еще ряд подлежащих исправлению формулировок, еще немало подающих повод к недоразумениям определений. В этом можно не сомневаться, ибо самый предмет исследования чрезвычайно сложен, и исследование носит притом весьма тонкий, детальный и углубленный характер.

Как, однако, следует оценивать эти отдельные погрешности? Являются ли они частичными ошибками, почти неизбежными в работе такого характера, или же они свидетельствуют о порочности всей работы в целом, о предпринимаемом в этой работе «умерщвлении Маркса», выражаясь словами Богданова? На этот вопрос следует попытаться ответить. Мы полагаем, что нынешняя стадия дискуссии предоставляет уже возможность ответить на этот вопрос в том или ином смысле.

Следует заметить, что на первых стадиях этой дискуссии вопрос в сущности ставился только в первом смысле. Шла речь об отдельных формулировках, подлежащих устранению. Нападали,—иногда чрезвычайно ожесточенно,—на те или иные отдельные положения рубинской работы. Ныне мы являемся свидетелями далеко не божественной комедии. Как раз тогда, когда Рубин демонстрирует свою готовность устранить формулировки, подающие повод к недоразумению, на сцену выступает уже иной метод критики, пытающийся перевести спор от отдельных частностей к осуждению всей работы в целом, как немарксистской и антимарксистской.

Непосвященному человеку нелегко разгадать смысл сей загадки. Нам представляется, что получить некоторую ясность в этом отношении, поднять завесу над этим на первый взгляд абсолютно непонятным явлением можно лишь одним путем. А именно: следует на минуту оставить Рубина в покое и полюбопытствовать насчет того оружия, с которым выступает против него эта в данном случае нас интересующая часть критики.

Повторяем: выражаясь словами крыловской басни, следует поставить несколько щекотливый вопрос: «а вы, что сделали такое?» Менее всего этот вопрос может считаться праздным. При отрицании всей работы Рубина в целом вовсе не безразлично, ч е м предлагается заменить эту разработку. Марксистская теория ценности исследуется, популяризируется и разрабатывается уже не первый год. Если рубинская интерпретация, основанная на работе ряда других марксистов, отвергается, как негодная, то естественно, встает вопрос, какую разработку—старую или новую—предлагают взамен. Это вопрос в значительной степени решающий для судьбы занимающей нас в данной связи части критиков рубинских произведений. Короче говоря:

следует полюбопытствовать, как выглядит тот марксистский «Рим», который наши уважаемые «гуси» собираются спасти от Рубина.

Если по содержанию дискуссия ведется,—возможно, что это не вполне ясно даже для части ее активных участников,—вокруг упомянутых нами двух групп проблем, то по форме атаки направляются до сих пор главным образом (если не исключительно) против рубинских определений абстрактного труда [1]). Поэтому наилучшей лакмусовой бумажкой для определения марксистской выдержанности рубинской критики (мы имеем в виду лишь упомянутую ее часть, разумеется) являются ее собственные представления насчет абстрактного труда.

Можно считать, что в этом отношении мы имеем все необходимое и достаточное для того, чтобы характеризовать взгляды того, пока еще не оформившегося направления, которое на нынешней стадии дискуссии заслуживает вообще самого пристального внимания.

В дискуссии в Институте экономики тов. Кону во время его выступления был задан с места вопрос: «является ли абстрактный труд исторической категорией?»—Тов. Кон ответил на этот простой и ясный вопрос следующим образом: «На вопрос о том, является ли абстрактный труд исторической категорией, я отвечу так: труд, создающий ценности, является исторической категорией, однако, не потому, что это есть абстрактный труд, а потому, что этот абстрактный труд общественно организован определенным образом» [2]).

Если эту формулировку можно было бы еще до известной степени считать уклончивой, то в первом томе «Малой Советской Энциклопедии», проредактированном по экономическому разделу тем же тов. Коном, мы находим гораздо более ясную формулировку в специальной заметке об «абстрактном труде». В этой статейке мы читаем следующее: «...из того, что в товарном обществе происходит сведение конкретного труда к абстрактному, совершенно не следует, что абстрактный труд является исключительно категорией товарного хозяйства». И далее: «При капитализме абстрактный труд находит свое выражение в ценности, выступает как товарная ценность, а в организованном общественном хозяйстве, каким явится коммунистическое, он выступит, так сказать, открыто, при подсчете всей рабочей силы общества и ее распределении по разным отраслям производства» [3]).

Здесь мы имеем утверждение, смысл которого совершенно ясен. Эта формулировка не оставляет места для каких-либо сомнений. И также несомненно, что данная точка зрения весьма существенно отличается от взглядов Маркса.

Как известно, Маркс писал однажды: «Самое лучшее в моей книге («Капитале»): в п е р в о й же главе подчеркнутая особенность д в о й с т в е н н о г о х а р а к т е р а т р у д а, смотря по тому, выражается ли он в потребительной или меновой ценности». И Маркс добавлял к этому: «На этой теории о двойственном характере труда покоится в с е понимание фактов» [4]).

То, что Маркс подчеркивал, как самое лучшее в «Капитале», не пользуется никакой популярностью у некоторых товарищей. Ведь, в самом деле, об'явить абстрактный труд внеисторической, логической категорией хозяйства, значит свести на смарку все учение Маркса о двойственном характере труда.

[1]) Статья написана, повторяем, в феврале с. г.; с тех пор состоялся ряд печатных (статьи тов. Бессонова) и устных (дискуссия в ИКП) выступлений, которые продвинули нас далеко «вперед» по части превращения абсолютно бесспорных элементарных положений марксистской теории, в «проблематичные» и «спорные».

[2]) И. Рубин. Абстрактный труд и пр., дискуссия в Институте экономики, стр. 57.

[3]) Малая Советская Энциклопедия, т. I, стр. 40—41.

[4]) Маркс и Энгельс. Письма, изд. Адоратским, стр. 144.

Абстрактный труд, по совершенно очевидному мнению Маркса, имеет смысл лишь в своей связи и противопоставлении труду конкретному. Противоположность между абстрактным и конкретным трудом, предполагающая, разумеется, их единство, выступает у Маркса в «Капитале» не только в первой главе, но и на всем протяжении работы. Эта противоположность появляется каждый раз, когда характеризуются важнейшие противоречия капиталистического хозяйства. Эта противоположность составляет необходимую основу («на этой теории... покоится все понимание фактов») при анализе каждого из этих противоречий, влекущих капитализм к гибели.

Об'явить абстрактный труд логической категорией,—значит считать внеисторическим явлением противоположность между абстрактным и конкретным трудом. Повторяем, никакого иного смысла это утверждение не имеет, ибо для Маркса абстрактный труд,—это вовсе не какое-либо понятие «вообще», не пустая игра воображения, а лишь категория, получающая свое основное определение в своей противоположности труду конкретному. Вне теории относительно двойственного характера труда нет и понятия абстрактного труда. Стало быть, внеисторичность категории абстрактного труда означает внеисторичность двойственного характера труда.

Но как Маркс определяет то, что по его словам составляет самое лучшее в «Капитале»?—Он говорит о «двойственном характере труда, смотря по тому, выражается ли он в потребительной или меновой ценности». Маркс, таким образом, с неподдающейся никаким лжетолкованиям ясностью считает двойственный характер труда непосредственно связанным с формой ценности. Впрочем, это совершенно ясно для каждого, кто прочтет первые главы «Капитала».

Двойственный характер труда неразрывно связан с формой ценности. Противопоставление, противоположность между абстрактным и конкретным трудом неразрывно связаны с противоречием между потребительной и меновой ценностью. Признание внеисторичности абстрактного труда означает признание внеисторичности двойственного характера труда. А признание внеисторичности двойственного характера труда означает трактовку категории ценности, как логической категории всякого хозяйства.

Не даром цитированная выше статейка об абстрактном труде, как две капли воды напоминает рассуждения Богданова и Каутского насчет судьбы категории ценности в социалистическом хозяйстве. То, что автор статейки говорит об абстрактном труде, Каутский, например, утверждает насчет ценности. В социалистическом, мол, хозяйстве ценность будет действовать в еще большей степени («открыто», выражаясь в духе приведенной выше цитаты), нежели при капитализме; ценность будет действовать прямо, без всяких отклонений и т. п. [1]). В таком же духе высказывается и А. Богданов.

Малейшая уступка в вопросе об исторически-преходящем характере категории абстрактного труда ведет, если быть последовательным, к весьма серьезным следствиям. Также ясна вся слабость формулировки тов. Кона, сводящейся к тому, что труд, создающий ценность, есть историческая категория, а абстрактный труд сам по себе—категория логическая. Здесь уж поистине следует выбирать цвета, как говорят немцы. Либо исторической категорией является тот и другой труд, либо то и другое понятие следует рассматривать внеисторически. Иначе получается разрыв, непроходимая пропасть между абстрактным трудом и трудом, создающим ценность. Менее всего на свете этот разрыв соответствует духу марксовой теории ценности. Этот разрыв лишает марксову категорию абстрактного труда ее исторической определенности. Этот разрыв превращает противоречие между абстрактным и конкретным трудом в невинную игру ума. Реальная противоположность этих двух сторон труда превращается в пустую логическую конструкцию, оторванную от экономической действительности. Диалектическое противоречие, вскрываемое учением о двойственном характере ценностеобразующего труда, чудесным образом превращается в формально-логическое различие точек зрения исследователя. Если, мол, наблюдаем одну сторону, то перед нами конкретный труд; если нас интересует другая сторона, то мы получим абстрактный труд. Специфически-исторический смысл и значение учения о двойственном характере ценностеобразующего труда довольно грубо подменяется абстрактно-логической конструкцией, пригодной для всех времен и народов. Революционная марксова диалектика в этом теоретически весьма важном пункте уступает место механистическому, формально-логическому подходу.

[1]) К. Каутский, Пролетарская революция и ее программа, изд. «Волна», Берлин, 1922.

Сторонники внеисторического понимания категории абстрактного труда находятся, таким образом, между Сциллой отрыва абстрактного труда от ценностеобразующего труда, отрыва, полностью ликвидирующего марксово учение о двойственном характере труда, и Харибдой открытого скатывания к тому, чтобы признать внеисторический характер за категорией ценности. Последний путь—явный путь Богданова, Каутского и др. Первый путь, однако, не многим лучше. Относительно этих двух зол можно уж поистине сказать, что «оба хуже».

Маркс дал нам теорию о двойственном характере труда, на которой покоится все понимание фактов, в том числе коренных противоречий капитализма, ведущих к его гибели. Теперь нам предлагают отказаться от самого сокровенного смысла этой теории. Маркс дал прожектор, освещающий невероятно сильным светом основные противоречия капитализма: ныне, ad majorem gloriam марксизма, предлагается этот прожектор выключить.

3 Кое-что из области публицистики.

Мы видим таким образом, что часть рубинской критики, и притом наиболее решительно настроенная, предлагает со своей стороны разрешение основного спорного вопроса, которое по меньшей мере должно быть признано абсолютно неудовлетворительным. Уж это обстоятельство само по себе показывает, что нынешняя дискуссия по спорным вопросам марксовой теории ценности менее всего может быть признана приближающейся к благополучному концу, победному для решительных уничтожателей работы Рубина. К сожалению, некоторые из числа последних как будто до сих пор не понимают этого простого обстоятельства, несмотря на наличие ряда чрезвычайно убедительных признаков.

К числу этих признаков следует прежде всего отнести ответ Рубина критикам, данный в виде приложения к третьему изданию его «Очерков». Как бы ни относиться к отдельным положительным формулировкам Рубина, следует признать, что его ответ критикам носит весьма уничтожающий характер. Это обстоятельство вынуждены признать многие, относящиеся безо всякой симпатии к собственным построениям Рубина. В особенности легко и изящно Рубин разделывается с критическими попытками и построениями тов. Кона. Последний интересует нас в данной связи лишь потому, что он в отличие от других критиков Рубина (Дашковский, Шабс), успел уже высказаться печатно после появления третьего издания работы Рубина.

После того как мы ознакомились со способом положительного разрешения основного спорного пункта со стороны тов. Кона, нас менее всего должна удивлять легкость, с которой Рубин опрокидывает критические конструкции этого автора. В чрезвычайно сдержанной форме, все более выходящей ныне, к сожалению, из моды в абстрактно-теоретических дискуссиях,

без малейшего крика и визга, Рубин вскрывает неприглядную картину того, как тов. Кон заблудился меж трех сосен, как он дает три противоречивых ответа на один простой сравнительно вопрос («Очерки», стр. 354) и т. д.

Можно было ожидать, что после столь явной неудачи своей уничтожительной попытки тов. Кон попытается всерьез заняться самокритикой в какой-либо форме и степени, что он попробует критически подойти к своим собственным определениям и утверждениям. Этого, к сожалению, не случилось. На выход нового издания «Очерков» тов. Кон откликнулся в пространной рецензии в «Правде» (№ от 25 января 1929 г.).

Другая рецензия, посвященная тому же третьему изданию «Очерков», принадлежит тов. С. Бессонову («Известия» от 30 ноября 1928 г.), который впервые печатно выступает в этой дискуссии. Авторы обеих рецензий сочувственно ссылаются друг на друга. Во многих случаях их аргументация совпадает, кое-где даже способ выражения одинаков; сходны также своеобразные методы полемики, заключающиеся главным образом в том, что положения критикуемого автора «излагаются» своими словами, при чем дело не обходится без ряда, мягко выражаясь, «неточностей». Этой своеобразной «методологией» полемики отличается в особенности рецензия тов. С. Бессонова, вследствие чего мы на ней подробнее останавливаться не будем.

Напрасно мы стали бы искать в рецензии т. Кона стремления выправить недостатки своего положительного разрешения вопроса. Напротив, старая ошибка здесь повторяется в подчеркнутом виде. Тов. Кон утверждает, будто Маркс под абстрактным трудом понимает «простейшую абстракцию всякого труда», т.-е. труда при любой структуре общества. Внеисторичность категории абстрактного труда здесь, таким образом, еще раз подчеркивается.

Зато тов. Кон чересчур буквально понимает тактический прием, сводящийся к тому, что лучшим средством обороны является наступление. Притом методы, при помощи которых это наступление осуществляется, заслуживают того, чтобы на них несколько задержаться.

Тов. Кон заявляет: «Рубин, конечно, не материалист. Вместо того, чтобы вслед за Марксом исследовать мир реально существующих производственных отношений, он удаляется в царство теней». Обвинение, как видим, не из числа легких. Читатель в праве ожидать, что и аргументация будет обладать достаточным весом. В виду важности вопроса проследим ход доказательства шаг за шагом.

Свое доказательство ухода Рубина от материализма в царство теней тов. Кон начинает следующим образом: «Поклявшись уже на первых страницах своей работы, что и для него, как для Маркса, производство представляет собою единство материальных и социальных элементов («материально-технического процесса производства и его общественной формы, т.-е. совокупности производственных отношений людей»), Рубин немедленно рассекает это единство на две части, две «стороны». Одну из этих «сторон»—материальную (или «материально-техническую», как называет ее теперь Рубин)—он отдает в ведение технологии, политической же экономии предоставляет изучать лишь социальную форму производства, взятую без самого производства».

Здесь перед нами образец настолько своеобразного метода полемики, что представляется настоятельно необходимым оценить его по достоинству.

Прежде всего оказывается, что Рубин в согласии с Марксом толкует о единстве «материально-технического процесса производства и его общественной формы, т.-е. совокупности производственных отношений людей». Против этого тов. Кон, насколько можно судить, не возражает. Преступление Рубина начинается с того, что он рассекает это единство на две стороны, распределяемые между политической экономией и технологией.

Итак, можно говорить о единстве, но никак нельзя это единство «рассекать». Тут с первого же взгляда бросается в глаза недиалектический, чисто механистический подход. Для диалектика взятое единство является в то же время источником противоположностей, различий. Иначе рассуждает наш автор: раз единство, то никакого «рассечения»! Мы сейчас увидим, куда такой подход приводит.

Всякий грамотный читатель должен понять даже из текста рецензии тов. Кона (стало быть, даже в том случае, если он книги Рубина не читал), что на долю технологии приходится при «рассечении» «материально-технический процесс производства», в то время как на долю политической экономии Рубин, повидимому, отдает «общественную форму производства, т.-е. совокупность производственных отношений людей». Поняв это, читатель будет поражен и попытается, следуя прутковскому завету, «не верить глазам своим». Прочитав текст рецензии еще раз, он вынужден будет—увы!—поверить тому, что ему сначала показалось совершенно невероятным.

Читатель не может не вспомнить, что он где-то такое уже встречал попытку «рассечения» данного «единства» между политической экономией и технологией. Можно вспомнить, например, такое место: «Технология раскрывает активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а следовательно, и общественных отношений его жизни и вытекающих из них духовных представлений» [1]). В другом месте тот же автор говорит: «Производство всегда представляет собой особую отрасль производства или некоторую совокупность их: земледелие, скотоводство, мануфактура и т. д. Однако, политическая экономия — не технология»... [2]). Этот неисправимый «нематериалист» продолжает еще в одном месте: «Предметом моего исследования в настоящей работе является капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и обращения» [3]). Наконец, тот же автор понимает «способ производства» следующим образом: «Совокупность этих производственных отношений образует экономическую структуру общества» [4]). Другой не менее злостный «нематериалист» следующим образом пытается «скрыться в царство теней»: «Ее (политической экономии. *А. Л.*) предмет вовсе не «производство материальных ценностей», как часто говорят (это—предмет технологии), а общественные отношения людей по производству» [5]).

Выражаясь словами скверного анекдота, получается—«невероятно, но факт»! В своем полемическом пылу тов. Кон, сам того не подозревая, свирепо разделался с Марксом и Лениным. В качестве смертного греха Рубину вменяется формулировка, дословно повторяющая Маркса и Ленина.

Теперь читатель может по достоинству оценить утверждение тов. Кона, будто Рубин предоставляет политической экономии изучать «лишь социальную форму производства, взятую без самого производства». Казалось бы, формулируя столь тяжкое обвинение, надо было потрудиться привести собственные слова критикуемого автора. Тов. Кон «забыл» это сделать... Вместо доказательства—голая «словесность». Нам остается предполагать, что именно повторенную Рубиным (и приведенную в рецензии) марксову формулировку насчет «совокупности производственных отношений людей» тов. Кон презрительно величает «социальной формой про-

---

[1]) K. Marx, «Das Kapital», Volksausgabe, B. I, 1923, S. 317; русск. пер., ГИЗ. М. 1928, стр. 281.

[2]) «К критике полит. экономии», введение.

[3]) «Das Kapital», B. I. S. XXXVII; русск. перевод, стр. XXXII.

[4]) «Zur Kritik usw.», Dietz 1922, S. LV.

[5]) Ленин, т. II, изд. 1923 г., стр. 220; это место совершенно справедливо приводят в своей статье тт. Греблис, Коровай и Степанов, см. «Большевик» № 3, за 1929 г.

изводства, взятой без самого производства». Таков печальный исход первого критического «тура».

Еще больше облегчает себе задачу тов. С. Бессонов, выставляющий в своей рецензии на рубинские «Очерки» аналогичное обвинение. Рубин пишет черным по белому: «Хотя политическая экономия изучает производственные отношения людей, но она всегда предполагает неразрывную связь их с материльано-техническим процессом производства» (стр. 10; подчеркнуто нами). Эта мысль повторяется неоднократно. Тов. С. Бессонов «излагает» и «популяризирует» взгляды Рубина на сей предмет следующим образом: Рубин «отрывает социальное от материального», Рубин «органически не понимает значения и роли материального производства», «Рубин никак не может найти мостика от материального к социальному». Все эти утверждения не сопровождаются ни одним подлинным утверждением Рубина; имеются лишь ссылки на страницы «Очерков», где самый предубежденный читатель не найдет ничего похожего; точнее—найдет нечто совершенно противоположное, как мы видели выше.

Далее, по мнению тов. Кона, оказывается, что «наибольшей резкости это противопоставление социального материальному достигает в вопросе об абстрактном труде. Рубин пишет: «Абстрактный труд, образующий ценность, должен быть понимаем как категория социальная, в которой мы не найдем ни одного атома материи. Одно из двух: если абстрактный труд представляет затрату человеческой энергии в физиологическом смысле, то и ценность имеет вещественно-материальный характер. Или же ценность есть явление общественное, и тогда абстрактный труд тоже должен быть понимаем как явление социальное, связанное с определенной общественной формой производства».

Последняя часть рубинской фразы так понравилась тов. Кону, что он ее выделил курсивом. Именно на этом основании делается в категорической форме весьма серьезное заявление о том, что «у Рубина материальное не социально, а социальное не материально». Легко заметить, что вышеприведенная цитата, с каким бы пристрастием к ней ни отнестись, во всяком разе не дает достаточных оснований для этого вывода.

В самом деле, прежде всего Рубину инкриминируется утверждение о том, что абстрактный труд есть категория социальная, в которой мы не найдем ни одного атома материи. Эта фраза принадлежит к числу излюбленных об'ектов критики Рубина. По нашему мнению, это происходит потому, что в такой форме это утверждение действительно может подать повод к недоразумениям. Как известно, Рубин при этом ссылается на одно место из первой главы «Капитала», где Маркс утверждает: «Im geraden Gegenteil zur sinnlich groben Gegenständlichkeit der Warenkörper geht kein Atom Naturstoff in ihre Wertgegenständlichkeit ein» («Das Kapital», B. I, S. 14). Рубин переводит: Kein Atom Naturstoff—ни одного атома материи. Нам представляется, что во избежание всяческих недоразумений следовало бы в данном случае придерживаться более точного буквального перевода: ни одного атома природного (или естественного) вещества; именно так переведено это место в наиболее распространенном базаровско-степановском переводе (см. ГИЗ., 1920 и ГИЗ. 1928). При этаком способе перевода каждому даже не очень догадливому критику сразу станет ясно, что об отрыве социального от материального нет речи, что речь идет лишь о противоположности между социальным и натуральным, о различии между общественным и природным, естественным.

Однако, контекст, в котором т. Кон приводит эту фразу Рубина, не оставляет сомнений насчет того, что именно в этом смысле здесь дается противопоставление. В следующей же фразе Рубина подчеркивается, что в случае физиологической трактовки понятия абстрактного труда, «ценность имеет вещественно-материальный характер». В противовес этому далее говорится, что абстрактный труд есть явление социальное. Таким образом, каждому, даже не особенно догадливому человеку, должно быть совершенно ясно, что социальное здесь противопоставляется и отделяется не от материального вообще, а от вещественно-материального, т.-е. от области натурального, естественного, природного. Но в этом случае мы имеем не что иное, как дословное повторение азбучных положений марксистской теории. Так, например, Маркс видит «двойственный характер» товаров в том, что «они одновременно и предметы потребления и носители ценности». По поводу потребительных ценностей он говорит, что «это их (товаров) доморощенная натуральная форма», в то время как «субстанция их ценности имеет... чисто общественный характер».

Таким образом, и во втором своем критическом «туре» тов. Кон, целясь в Рубина, попадает, к сожалению, гораздо дальше.

«Рубин оказывается совершенно неспособным также правильно поставить вопрос о соотношении формы и содержания»,—продолжает тов. Кон. К счастью для судеб марксизма, он пытается дать тут же классический образец правильной постановки этого вопроса. Этот образец стоит привести полностью. Вот что он пишет по сему поводу.

«Вещная, т.-е. товарная форма проявления производительных [1]) отношений об'емлет собою, как известно, целых три эпохи—простое товарное хозяйство, капиталистическое хозяйство, советское хозяйство. Если мы скажем вслед за Рубиным, что суть марксизма заключается в подчеркивании «социальных форм вещей», то мы легко придем (как уже указывалось тов. Бессоновым и др.) к затушевыванию различий между этими экономическими формациями во имя их формального сходства. Подобное затушевывание, хочет или не хочет Рубин, целиком роднит его с современными буржуазными и социал-демократическими критиками советской хозяйственной системы. Концепция Рубина есть, на наш взгляд, теоретическая база для отрицания социалистического характера советской системы хозяйства, раз отношения в ней принимают, как и в капитализме, вещный характер». Это место со всех точек зрения заслуживает того, чтобы на нем несколько задержаться. Здесь сформулировано, в сущности, обвинение, чрезвычайно резкое по своему содержанию. Рубина можно в данном случае оставить в покое. Получается, однако, что каждый коммунист, несогласный со способом «разноса» Рубина со стороны тов. Кона и его единомышленников, попадает в прямое родство «с современными буржуазными и социал-демократическими критиками советской хозяйственной системы». Таким образом, если не сила теоретической аргументации, то, во всяком случае, тяжесть обвинения, выставленного к тому в высоко авторитетном месте, заставляет нас внимательнейшим образом разобрать это положение.

Прежде всего внимательный читатель обратит внимание на следующее обстоятельство. Тов. Кон говорит о «социалистическом характере советской системы хозяйства». Мы до сих пор полагали, что в советскую систему хозяйства входят «предприятия последовательно социалистического типа», составляющие в своей совокупности обобществленный, социалистический сектор, существующий наряду с сектором необобществленным. Поэтому, что касается «советской системы хозяйства» в целом, то она носит не «социалистический характер», а переходный к социализму. Разница между переходным и социалистическим характером хозяйственной системы в целом совершенно очевидна. Одно определение в сущности исключает другое. В самом деле, если система хозяйства носит

[1]) Очевидно, должно быть: производственных.

«социалистический характер», то ее уже нельзя назвать переходной; переход, очевидно, уже завершился. С другой стороны, переходный характер хозяйственной системы означает, что элементы социализма в ней существуют на ряду и бок-о-бок с несоциалистическими, что вся система в целом еще не носит вполне социалистического характера.

Утверждение насчет «социалистического характера советской системы хозяйства» затушевывает элементы противоречий и борьбы, в частности, — особые формы классовой борьбы, присущие советской системе хозяйства, как переходной. Известна та разновидность правого оппортунистического уклона, которая утверждает, будто у нас «кругом социализм», и на этом базисе строит свои практические оппортунистические предложения. Эта разновидность, очевидно, известна и тов. Кону; мы полагали, что он никаких симпатий к этой концепции не питает. И если он, тем не менее, допускает столь скользкую оговорку, то дело здесь, очевидно, далеко не случайно. Тов. Кон слишком опытный литератор, чтобы не понимать, какая разница между переходным и социалистическим характером советской системы хозяйства, или между социалистическим характером обобществленного сектора и советской системы хозяйства в целом.

Ларчик здесь довольно просто открывается. Выше мы уже привели удивительное утверждение, делаемое тов. Коном с поражающей скромностью. По его словам оказывается, что «товарная форма... об'емлет собою, как известно, целых три эпохи—простое товарное хозяйство, капиталистическое хозяйство, советское хозяйство». Сейчас мы увидим, кому, собственно, такие вещи известны. Так как тов. Кон далее говорит о «социалистическом характере советской системы хозяйства», то на проверку выходит, что «товарная форма об'емлет собою целых три эпохи»: простое товарное хозяйство, капитализм и социализм.

Нельзя сказать, что подобное положение является абсолютно новым. Некоторое время назад мы могли у одного автора читать: «Может быть, в порядке классификационном не следует говорить, что товарно-капиталистическое хозяйство есть последняя форма товарного хозяйства, а следует поставить вслед за ней (выделив в ней монополистический подвид) товарно-социалистическую форму» [1])...

Таким образом, новейшие достижения теоретической мысли тов. Кона на проверку оказываются лишь перефразировкой положения, выставленного три года назад антимарксистом профессором Юровским. Разница лишь в том, что профессор Юровский не брался при этом оберегать чистоту марксизма от Рубина и не выступал против «современных буржуазных и социал-демократических критиков советской хозяйственной системы». Напротив, мы до настоящего времени считали (и не без основания) проф. Юровского одним из значительнейших и теоретически наиболее интересных представителей этой критики.

Попробуем поставить вопрос, почему с тов. Коном постоянно происходят неприятности: когда он возражает, то его критические стрелы попадают в Маркса и Ленина, а когда он пытается дать что-либо положительное, то он лишь повторяет проф. Юровского? На наш взгляд это происходит из чрезвычайного пренебрежения к элементарнейшим требованиям диалектики. На разбираемом нами здесь примере это выступает особенно отчетливо.

Оказывается, «вещная, т.-е. товарная форма проявления производственных отношений об'емлет собою три эпохи», в том числе и советское хозяйство, понимаемое как социализм. Если даже отбросить последнюю подробность, если даже брать советское хозяйство с его обычной характеристикой переходного хозяйства, то и тогда приведенное утверждение поражает своим недиалектическим, чисто механистическим подходом. В самом деле, разве можно без дальнейшего утверждать, что переходное хозяйство, как и капитализм, характеризуется тем, что производственные отношения принимают вещную, т.-е. товарную форму проявления? Разве не ясно, что в **этом отношении** между «тремя эпохами» существует огромное принципиальное различие? Разве не ясно, что переходное хозяйство как раз тем и характеризуется, что в нем происходит процесс «линяния» вещной товарной формы проявления производственных отношений? Этот диалектический процесс **уничтожения** товарной формы, характеризующий переходную экономику в **отличие** от капитализма, тов. Кон вычеркивает одним мановением руки. Место диалектики занимает чисто механистическое представление о форме, как о чем-то извне приклеенном и неизменном. К сожалению, тов. Кон своим новейшим выступлением лишь подтвердил правоту своих критиков, которые еще несколько лет назад утверждали следующее: «понятие о форме и содержании взято тов. Коном не у Маркса, и даже не у Гегеля, а у Канта. Для Канта форма накладывается на содержание как непроницаемый покров, форма лежит на содержании, облекает его, как скорлупа орех. Форма не относится к сущности самого содержания...». Отсюда и обратный вывод. Изменения формы не затрагивают содержания, содержание безразлично к переменам формы [1]).

Эта довольно резкая характеристика целиком и полностью определяет новейшие изыскания тов. Кона и его единомышленников насчет соотношения между формой и содержанием.

Этот же вопрос затрагивает в своей рецензии и тов. С. Бессонов. При этом он умудряется на протяжении десятка строк упрекать Рубина в двух совершенно противоположных и взаимно исключающих друг друга грехах. «Вывести форму из формы,—пишет он,—вот замкнутый круг схоластической мысли Рубина. Вывести социальную форму из отличного от нее содержания—таков действительный ход мысли Маркса. Рубин думает, что подобный оборот мысли не гегельянский, а кантианский, так как только по Канту форма извне присоединяется к содержанию, в то время как у Гегеля она содержится в самом содержании и из него развивается. Нам кажется, что Рубин здесь не понимает Гегеля. Но не в этом дело».

Да, действительно, дело не в том, что «кажется» тов. Бессонову. Но совершенно ясно, что Рубин обвиняется в том, что 1) он выводит «форму из формы», вместо того, чтобы вывести форму из содержания, и 2) он «думает», что форма «содержится в самом содержании и из него развивается». Перед нами поистине закоренелый преступник! То он не хочет вывести форму из содержания, то он развивает ее именно из содержания. И все это преподносится на протяжении десятка строк!

Спор насчет соотношения формы и содержания ведется у нас, к сожалению, таким образом, что он уже давно стал, по меткой характеристике одного виднейшего экономиста, и бесформенным и бессодержательным. Наш краткий экскурс в эту область имел лишь целью дать читателям возможность судить, какие глубокие основания имеют некоторые критики к тому, чтобы подчеркивать «совершенную неспособность» Рубина к правильной постановке этой проблемы.

Мы далеко не исчерпали, как принято говорить в таких случаях, всего богатого содержания разбираемого критического выступления. Да это, в сущности, и не входит в наши задачи. Мы вполне могли бы ограничиться приведенными образцами (немцы называют подобные образцы — Kostproben). Оставим на долю самого Рубина малоувлекательное занятие: доказывать, что

[1]) «Вестник Финансов» № 12 за 1926 г., стр. 17, статья профессора Юровского; ср. нашу статью «К вопросу о природе хозяйства СССР». «План. Хозяйство» № 4 за 1927 г.

[1]) См. И. Рубин. Абстрактный труд, дискуссия, стр. 65.

он не верблюд. Можно не сомневаться, что Рубин это сделает со свойственным ему блеском и основательностью. Среди прочего ему придется доказывать, что он не солидарен с «Амонном, Шпанном и др. представителями социально-психологической школы», как выражается тов. Кон, пользуясь одному ему известной классификацией щкол в теоретической экономии. Рубину придется признаться в своем грехе, который заключается в том, что, написав очерки об Амонне[1]), он не успел ничего написать про Шпанна и оставил таким образом своих критиков без всякого, даже приблизительного представления об этом экономисте, лишив их наиболее удобного источника познания.

Приведенных примеров, на наш взгляд, достаточно, чтобы оценить, к чему приводит попытка тов. Кона взять реванш в связи с тем ответом, который был дан ему И. И. Рубиным. Неудача чьей-либо неудачной попытки реванша могла бы нас мало трогать. Здесь есть, однако, одно обстоятельство, которое заслуживает особой оценки.

Рецензия говорит о родстве рубинской работы с теориями буржуазных и социал-демократических противников марксизма. И заканчивается рецензия громкин и настоятельным призывом к «последовательной борьбе с рубинщиной».

К не менее решительному выводу приходит и другая рецензия. «Новое издание с помощью прежней фразеологии продолжает дело выхолащивания Маркса, начатое вторым изданием». «Мы действительно имеем перед собой не изложение Маркса, а расширенное воспроизведение прежней ревизионистской попытки изобразить Маркса под Аммона и Штольцмана... Будем надеяться, что на этот раз ревизионистский номер Рубину не удастся». Рубин обвиняется, стало быть, сперва в уголовном преступлении (попытка выхолащивания Маркса), затем в художественном подлоге (изобразить Маркса и т. д.)...

Мы полагаем, что даже наш краткий разбор этих двух рецензий дает основание утверждать следующее. Ни критические замечания, ни попытки положительных формулировок данных критиков Рубина не могут претендовать на общее признание среди марксистов. Как бы ни оценивать каждый из его аргументов в отдельности, одно совершенно ясно и бесспорно. Речь у них не идет о чем-то таком, что может считаться сколько-нибудь окончательно выясненным. Напротив, большинство их положений носит во всяком случае дискутабельный характер. Содержание этих двух рецензий является во всяком случае не менее, ежели не более, спорным, чем содержание той «рубинщины», которой рецензенты об'являют «последовательную борьбу».

При таких обстоятельствах правильнее всего было бы, разумеется, продолжать обсуждение спорных вопросов в научно-марксистских специальных журналах, не поддаваясь искушению заклеймить враждебную точку зрения перед всей общественностью. Наши рецензенты, к сожалению, не устояли перед этим искушением. Каждый несогласный с их, по меньшей мере, своеобразным пониманием некоторых проблем марксовой теории признает, что ими совершена большая ошибка. Эта ошибка не увеличивает теоретической силы позиции, защищаемой данными товарищами. Зато, наоборот, она заставит очень многих товарищей гораздо резче отнестись к этой позиции, чем это имело место до сих пор.

4. Некоторые выводы.

Наши беглые заметки дают возможность, думается, сформулировать некоторые выводы насчет интересующей нас дискуссии вообще и ее нынешней стадии в частности.

[1]) И. Рубин, «Современные экономисты на Западе». ГИЗ. 1927. Ср. нашу рецензию на эту книгу Рубина, «План. Хоз.» № 12 за 1927 г.

1. Прежде всего не приходится отрицать, что оживленная дискуссия даже по столь абстрактным проблемам может оказаться весьма плодотворной, что такая дискуссия в состоянии способствовать углублению наших теоретических познаний, росту интереса к теории и т. д.

Такого рода дискуссия не только желательна, но необходима. Нет сомнения, что в частности работа И. И. Рубина в результате такой дискуссии может освобождаться от тех недостатков, которые в состоянии несколько умалить ее ценность. Поправки, вносимые автором в результате такой дискуссии вокруг его произведения, могут свидетельствовать лишь как о плодотворности дискуссии, так и о способности автора к дальнейшему росту.

Есть, однако, совершенно необходимые условия, которым подобного рода дискуссия обязательно должна удовлетворять. Вдумчивое и серьезное отношение к разбираемым проблемам, постоянное выправление обнаруженных ошибок, стремление не забить, а прежде всего понять оппонента,—таковы основные из числа этих условий.

2. Следует признать, что в развернувшейся дискуссии помимо этих положительных элементов встречались также элементы иного порядка, которые чем дальше, тем больше продвигаются на авансцену. Резкость тона, находящаяся в явной диспропорции к силе теоретической аргументации, несколько странные методы полемики, бесплодность положительных формулировок на ряду с большой полемической крикливостью—вот отличительные черты той части критики, которая взяла курс на полное уничтожение работы Рубина. Именно эта часть критики подогревает нездоровый, преувеличенный интерес к данной дискуссии, интерес, основывающийся нередко не столько на желании разобраться в существе вопроса, сколько на ожидании дешевых сенсаций и т. п. Искусственно гипертрофированный интерес на ряду с положительным бесплодием заставляет оценивать эту часть критики скорее как отрицательное явление. К этой же категории относится бесплодно-казуистическая и схоластическая часть критики (Шабс).

3. В процессе дискуссии, начали обнаруживаться теоретические тенденции, против которых следует на данном этапе особенно заострить борьбу. В самом общем виде эти тенденции могут характеризоваться, как попытка,—повидимому, несознательная,—частичного воскрешения ошибок богдановщины. Эти тенденции проявляются в неумении пользоваться марксовым диалектическим методом, в склонности к механистическому подходу к экономическим проблемам, в отходе от марксова историзма при характеристике некоторых экономических категорий (абстрактный труд), в уступках грубо-натуралистическому пониманию общественных отношений.

4. Наконец, необходимо подчеркнуть следующие простые истины. Работы Рубина, несмотря на обнаруженные и, возможно, еще необнаруженные частичные недостатки, помогают нам в изучении марксовой теоретической системы в несравненно большей степени, нежели работы его критиков-«уничтожателей». С другой стороны, недостатки рубинской интерпретации представляются детской игрой по сравнению с теми ошибками, которые допускаются частью критики. Эти чрезвычайно простые соображения должны заставить каждого решительным образом осудить всякую попытку заменить серьезное, деловое и вдумчивое обсуждение теоретических вопросов—приклеиванием ярлычков и безапелляционным осуждением от марксизма интереснейшего теоретика со стороны товарищей, к этому абсолютно не призванных.

От редакции:

Помещая статьи тт. Баскаева и Леонтьева, редакция считает целесообразным перенести дальнейшее обсуждение вопросов, связанных с оценкой книги И. И. Рубина, в специальные журналы.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Классовая борьба в китайской истории.

(О новой книге тов. Г. Сафарова).

Недавно ГИЗ выпустил новую работу тов. Г. Сафарова «Классы и классовая борьба в китайской истории», в которой автор пытается восполнить существующий в нашей марксистской литературе пробел по вопросам марксистской историографии Китая и особенно по таким важным проблемам, как проблема феодализма и путей капиталистического развития этой важнейшей по своим революционным возможностям страны.

Обширная работа автора, обнимающая около 25 печатных листов, бесспорно является незаурядным явлением нашей научноисследовательской жизни и заслуживает того, чтобы ей было уделено внимание партийно-советской общественности.

Автор начинает свою работу с довольно рискованного утверждения:

> «До сих пор,—говорит он,—в области китаеведения почти абсолютной «царицей наук» была ф и л о л о г и я (разр. автора), и она старалась решать все вопросы прошлого, настоящего и будущего»... (Стр. 12—13).

Это—абсолютно неверное утверждение, ибо, если под «китаеведением» понимать круг вопросов, в разрезе которых «до сих пор» изучался Китай, то литература по этим вопросам имеется весьма внушительная. Слов нет, мы можем оспаривать методологию этой литературы, но отрицать наличие солидных исследований по древнему Китаю Шаванеса, Ростгорна, Мен-Цзе, а по новейшей истории и экономике Китая Бар. Рихтгорна, В. Коха, В. Морзе, Э. Паркера, С. Вагеля, Вен-Сен-лина и многих других буржуазных исследователей,—было бы крайне не осторожно. Такое утверждение накладывает определенный отпечаток на исторические изыскания автора. Огульно забраковывая обширную литературу вопроса, он тем самым лишает с е б я возможности пользоваться ею часто как единственно реальным источником документации. Надо думать, что именно поэтому в ряде весьма оригинально изложенных глав касательно древней и средней истории, характеристики различных этапов феодального строя Китая в отмеченном периоде времени автору приходится пользоваться весьма парадоксальными положениями и догадками, а зачастую и так называемыми «публицистическими инкрустациями». Например, цитируя из старых китайских сказаний (о 722—481 гг. до нашей эры) совет одного подчиненного своему феодальному князю о переводе беспокойных кочевников на оседлость,—вместо детального анализа наш автор отделывается следующим рефреном: «Виден усердный чиновник, пекущийся о барской выгоде» (стр. 25).

Подобный метод, а он применяется автором в ряде мест его работы, вместо и с т о р и з м а вносит элемент дидактики и э к л е к т и з м а.

Однако, невзирая на этот, не совсем подходящий для солидного исторического исследования, публицистический налет, автор рецензируемой нами работы в ряде ее глав (особенно от 1 и до 16) дает целостную «классовую историю народа» древних и средних веков и весьма добросовестно обосновывает свой основной тезис: **н а в с е м п р о т я ж е н и и к и т а й с к о й и с т о р и и и д о м о м е н т а к и т а й с к о й р е в о л ю ц и и, в о**

п е р в ы х, в ы я в и л а с ь р е ш а ю щ а я р о л ь р о с т о в щ и ч е с к о г о к а п и т а л а, в о - в т о р ы х, и з в е с т н о е п р е в р а щ е н и е ф е о д а л ь н ы х у с т о е в в о с н о в у р о с т о в щ и ч е с к о й э к с п л о а т а ц и и, д а ю щ е е н о в о е с о ч е т а н и е и з р о с т о в щ и ч е с к о г о и т о р г о в о г о к а п и т а л а.

> «Сотрудничество между торговцем и ростовщиком в форме паевого товарищества,—говорит автор,—сохранилось до настоящего времени. Феодальной бюрократии было зазорно непосредственно участвовать в торговле, тем более, что денежное богатство всегда находилось под угрозой конфискации. Поэтому была избрана такая форма, которая гарантировала получение ростовщических процентов и в то же время не бросалась в глаза, не роняла сословного достоинства феодального чиновника»... (Стр. 192)

В этих утверждениях автор уходит далеко от предвзятых утверждений другого современного исследователя Китая—К. Радека, который ведь еще недавно доказывал, что феодализмом в китайской деревне уже давно не пахнет, он назвал его «несуществующим» [1]).

В этом последнем смысле работа тов. Г. Сафарова—прямая противоположность историческим экскурсам К. Радека и его учеников.

Уже не парадоксальной, а глубоко ошибочной мы считаем приводимую автором периодизацию истории экономического развития Китая средних веков. У автора такое деление:

а) Об'единение Китая монгольским завоеванием породило торговый капитализм (глава 20).

б) Последующие завоеватели Китая—узбеки (Теймур)—снова отбросили страну развившегося торгового капитализма к состоянию изоляции и застойности, или, как автор фигурально выражается, к «новой феодализации Китая» (гл. 22).

Таким образом, получается, что «монголы создали территориальный фундамент для развития китайской торговли в международном масштабе, расширили ее внутренние рамки», но «диалектика сыграла злую шутку с торговым капитализмом в Китае», который (заметьте, это в XIV-то столетии!), «придя к власти через труп феодализма», другими завоевателями—полукочевниками-узбеками—был отброшен к застойности, разрушив «основные предпосылки торгового развития Китая». (Начало 22 главы).

В действительности дело обстояло не так упрощенно-схематически, не так грубо-обрублено, как это изображает тов. Сафаров, обособляя один процесс от другого, ибо иначе была бы непонятна та легкость, с которой узбекские завоеватели смели и заменили «новым феодализмом» более высоко развитые (торговый капитализм) общественные отношения.

Однако, уже в последующих главах автор, связывая разорванную им нить исторической канвы рецензируемой работы, снова и довольно содержательно рисует расцвет в предыдущем изложении чуть-чуть не похороненного им феодализма, снабжая свой анализ обильной документацией. Отмеченная выше попытка автора на фоне XIII и XIV веков изобразить борьбу и полную с м е н у расцвета торгового капитализма его у п а д к о м и н о в ы м р а с ц в е т о м средневекового феодализма является научно не обоснованной, а методологически наиболее уязвимым местом его работы.

Другим дефектным местом книги тов. Г. Сафарова является диспропорция ее частей. В то время, как изложению истории древних и средних веков посвящено свыше 15 печатных листов, главам, трактующим вопросы классовой борьбы в период новейшей истории и в современном Китае, уделено всего лишь около 4 печатных листов. Эта неравномерность имеет не только количественное, но и качественное выражение. В то время, как автор лю-

---

[1]) См. его статью в газете «Известия» за 1927 г., посвященную второй годовщине смерти Сун-Ят-Сена.

бовно копается в седой старине феодализма доевропейской, ранне-европейской эры и средних веков,—характеристике феодальных отношений и влиянию пережитков феодализма на историю и экономику современного Китая автор не считает нужным уделить достаточного внимания и места.

А между тем в работе имеется ряд положений, которые могли бы служить прекрасной характеристикой именно громадного наличия остатков феодально-крепостнических отношений не только в современной китайской деревне, но даже и в китайском городе.

Но и в этом последнем случае т. Г. Сафаров старается истолковать эти положения в том смысле, что китайская деревня (какие классы?) «блокирована империализмом». (Только ли одним им?).

> «Подобно средневековым феодалам,—говорит он,—иностранные капиталисты держат свои кордоны на большой дороге, и достаточно появиться на рынке крестьянским продуктам, как они тотчас же попадают под неумолимое действие «законов» колониальной эксплоатации».

Здесь и в других частях книги, прохаживаясь вокруг да около подлинно не абстрактной, подлинно конкретной и научной темы—об остатках феодализма в китайской деревне, наш автор затрагивает ее только как-то вскользь, например, следующим довольно туманным положением:

> «... империализм «солидаризируется» со всеми традиционными представителями туземного паразитизма, используя их в качестве своей главнейшей опоры. Ему выгоднее подчинять своим интересам эти, наполовину докапиталистические, полуфеодальные и ростовщические формы эксплоатации вместо того, чтобы добиваться подчинения себе уже вполне оформленного туземного капитализма».

А раз это так, то, казалось, чего проще,—надо бы автору ясней и конкретней очертить эти «полуфеодальные формы», их роль и место на ряду с ролью и местом торгового капитализма Китая. Тогда исчезла бы та туманность позиции, которую автор занимает в этом актуальном вопросе современного китаеведения. Что вопрос этот актуален, это ясно из того, что непонимание роли феодализма в Китае было связано с ошибками троцкистской оппозиции в вопросах китайской революции. Выше мы отметили, что автор рецензируемой нами работы, в отличие от «школы» К. Радека, выявляет наличие феодализма в древнем, средневековом и (довольно глухо, впрочем) в современном Китае. Но здесь надлежит оговориться: чем ближе к современности, тем меньше определенности обнаруживает автор в характеристике социальных формаций китайского общества. В этой связи надо считать неправильной попытку автора запутать анализ классовых сил, вызвавших движение тайпингов (1850—1865 гг.), и затемняющей его смысл.

В то время, как К. Маркс, получив весть о начавшейся тайпингской революции в «неподвижном» Китае 31 янв. 1850 г., восторженно приветствует ее за то, что там... «из среды возмутившегося народа (Plebs) выступили люди, которые стали указывать на бедность одних и богатство других и потребовали—и сейчас требуют—другого распределения собственности и даже полной ее отмены» [1]), современный марксистский исследователь «классов и классовой борьбы в китайской истории» буквально смазывает эту главнейшую позитивную сторону тайпингского восстания и суживает его величайший исторический смысл только до негативных и в принципиальном отношении близоруко урезанных и противоречивых положений. В основном он их сводит к следующему:

[1]) Из «Литературного наследства К. Маркса и Ф. Энгельса», немец. изд. Ф. Меринга, Штутгарт, 1920 г., т. III, обзор за 31 января 1920 г.

1. «... Тайпингское восстание—крупный шаг на пути сближения правящей феодально-бюрократической верхушки с захватническим феодализмом, напирающим извне» [1]).

2. Тайпингское восстание—это, «с одной стороны, взрыв подлинной мужицкой ненависти к своим угнетателям и притеснителям, с другой стороны, уничтожение идолов во имя плохо переваренного (?!—*Б. Ш.*) и непопулярного христианства» [2]), (т.-е. религии, импортированной в Китай империалистами).

3. «Крестьянская масса не могла выдвинуть своей массовой идеологии и вождей, и она была вынуждена—и на этот раз, как и раньше—прибегнуть к помощи безработной и недовольной бюрократии и ее родственников из торговой среды»; по словам европейца Линдлея, бывшего военачальника тайпингов, среди повстанцев «много лиц более высокого общественного положения».

Спрашивается: при такой характеристике движущих сил что же «мужицкого» остается в восстании тайпингов? А между тем Маркс именно этой плебейской стороне вопроса уделял тогда главнейшее внимание.

Пересказывая рассказы вернувшегося из Китая и долго жившего там немецкого миссионера Гюцлафа о «чудесах» плебейской революции, Маркс красочно писал:

> «Когда (заметьте, на рубеже 1850 г.! *Б. Ш.*) господин Гюцлаф после 20-летнего отсутствия вновь оказался в среде цивилизованных людей и европейцев, то услышал разговоры о социализме и спросил: что это такое? Когда ему это об'яснили, он испуганно вскричал: так я, значит, никуда не могу уйти от этого гибельного учения! Как раз это самое проповедуется с некоторого времени в Китае многими лицами из черни. (Aus dem Mob)» [3]). (Разр. наша. *Б. Ш.*).

Вот этого-то слона т. Г. Сафаров и не заметил в восстании тайпингов. Поставив на одну доску его плебейский характер со стремлением повстанцев «сочинять молитвы и новые обряды... во имя плохо переваренного и непопулярного христианства», он—Г. Сафаров—оказал плохую услугу изучению этой главнейшей полосы «классовой борьбы в китайской истории» и, несомненно, смазал ее эпохальную, классовую, революционную суть.

Становится поэтому вполне понятным, почему т. Г. Сафаров, говоря о тайпингском восстании, не проникся и перспективами Маркса, утверждавшего, что

> «китайский социализм может также относиться к европейскому, как китайская философия—к гегелианской. Но факт, что старейшее и наиотважнейшее государство на земле ситцевыми ярдами английских буржуа приведено в течение (каких-нибудь) 8 лет к кануну общественного переворота, который во всяком случае должен иметь важнейшие последствия для цивилизации и воспитателен (ergotzlich). Когда европейские реакционеры на предстоящем им вскоре беге через Азию, наконец, прибегут к китайской стене, к тем фортам, которые ведут к убежищу пра-реакции и пра-консерватизма (Urreaktion und Urkonservatismus), кто знает, не прочтут ли они на них надпись: Республика Китая, свобода, равенство и братство!» [4]).

Недостаточно углубленно разработан автором вопрос о конфуцианстве и его связи с общественными формациями старого и нового Китая.

[1]) Сафаров. «Классы и классовая борьба в китайской истории» Москва, ГИЗ, изд. 1928 г., стр. 328.

[2]) Там же.

[3]) Из «Литературного наследства К. Маркса и Ф. Энгельса». Немецк. изд. Ф. Меринга, Штутгарт, 1920, т. III, обзор за 31 января 1850 г.

[4]) Там же.

После появления работы покойного М. Рейснера «Идеология Востока» [1], в которой, несмотря на некоторые ее методологические шероховатости, все же проблема конфуцианства разработана в социологическом разрезе, мало обоснованной является попытка Г. Сафарова в своей исторической работе построить исследование конфуцианства в разрезе его изучения главным образом как проблемы идеологической, как проблемы феодального «культа», как проблемы «кодификации феодальных обычаев», проблемы «естественной религии». Давая такой угол зрения, автор не помогает раз'яснению сути конфуцианства и его живучести в условиях до- и послереволюционного Китая.

В качестве вывода из сказанного в основном должно быть признано:

1. Книга Г. Сафарова весьма интересно задумана, и, хотя автор немного пренебрежительно отнесся к литературе вопроса, тем не менее он не мог обойтись без нее и, использовав массу интереснейших источников, дал им оригинальное марксистское толкование.

2. Отдельные части книги т. Г. Сафарова не равноценны по своему научно-теоретическому и политико-общественному значению, при чем как раз главы, характеризующие классы и классовую борьбу Китая, близкую к современности, тем более ту же борьбу сегодняшнего дня,—разработаны поверхностно и без достаточной методологической четкости, а такие благодарные для историка темы, как вопрос о классовой борьбе в средние века, как вопрос о сущности азиатского способа производства и остатках феодальных отношений, несмотря на наличие ряда предпосылок к тому у автора (обильный фактический материал по эволюции общественных форм в древнем и среднем Китае и проч.)—им просто обойдены. На эти вопросы его книга, к сожалению, ответа не дает.

3. Учитывая отсутствие марксистских разработок истории Китая древних и средних веков (краткий исторический этюд Витфогеля не в счет) и приняв во внимание наши критические замечания по поводу отдельных частей работы Г. Сафарова,—необходимо признать ее весьма ценным вкладом в литературу о Китае.

Борис Шумяцкий.

ПОПРАВКИ:

В статью тов. Ан. Троицкого «Как подготовляют «размычку», напечатанную в предыдущем номере, автор просит внести следующие исправления:

Конец статьи начиная от слов: «Более того, в развертывании товарооборота» (стр. 79) и до 81 стр. включительно должен итти за следующим абзацем на стр. 77: «Мы уже видели, что «план смычки» и т. д.

Таким образом, часть статьи от абзаца: «Когда нам говорят»... (77 стр.) и до абзаца: «Более того, в развертывании»... (79 стр.) должна быть концом статьи.

В примечании на стр. 78 в 8-й стр. снизу напечатано: «...коллективной помощи бедноте...» должно быть: «...паллиативной помощи бедноте...».

---

[1] М. Рейснер, «Идеология Востока. Очерки восточной теократии». Изд. ГИЗ, 1927 г.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 11 15 ИЮНЯ № 11

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 9
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
„ПРАВДА“

Главлит № А—37049. Тираж 70.000 экз.

Тип. газ. „Правда“, Москва, Тверская, 48.

Осенняя посевная кампания.

Истекшая весенняя посевная кампания показала, что путем мобилизации воли и активности широких масс деревенской бедноты и середняков, мы можем добиться значительного ускорения темпа развития и социально-технического переустройства сельского хозяйства. В период этой кампании нам удалось впервые организовать и поднять производственный энтузиазм крестьянских масс и направить его по руслу широкого применения простейших приемов агротехники и производственного об'единения распыленных крестьянских хозяйств. За сравнительно короткий период, прошедший со времени принятия декрета об урожайности, удалось добиться, что декрет не только дошел до деревни, но и осознан широкими массами крестьянства, а в течение весны получил свое применение. По предварительным подсчетам к настоящему времени принято не менее 100.000 приговоров о введении простейших приемов агротехники в обязательном порядке. Мы уже имеем такие края и области (Ср. Волга, С. Кавказ), где трудно найти селение, которое в течение истекшей весны не ставило перед собою вопросов повышения урожайности. Поход за урожай принял широкий массовый характер, и дальнейший успех работы в этом направлении целиком и полностью зависит от того, насколько нам удастся и впредь сохранить и расширить тот опыт работы, который был достигнут весной. Меньше всего теперь следует говорить об агрономической косности крестьянских масс. Практика истекшей весны показала, что агрономическая наука и техника являются самыми желанными гостями деревни. В то же время достигнуты крупные успехи не только в области технического под'ема деревни, но и его социального переустройства. Еще в прошлом году наметился решительный перелом в развитии колхозного движения. За прошлый год количество колхозов удвоилось. В период весенней посевной кампании вновь грандиозной волной развернулось движение по производственно-коллективному строительству. Предварительные данные показывают, что по одной РСФСР организовалось не менее 10.000 колхозов, при этом нередки случаи, когда в колхоз об'единяются целые селения, насчитывающие по нескольку сот дворов.

Не будет преувеличением, если скажем, что великая социальная и техническая перестройка деревни проникла в гущу крестьянской

массы. Достижения весенней посевной кампании прежде всего зиждутся на том, что ей был придан широкий общественный характер, что она стояла в центре внимания партийных, советских и кооперативных организаций. Такое концентрированное внимание всех организаций к кампании дало возможность активного привлечения к ней широких масс деревенской бедноты и середняков.

При подходе к осенней посевной кампании необходимо прежде всего озаботиться, чтобы придать ей характер массовой политической и хозяйственной кампании. До последнего времени укрепился такой порядок (правильнее непорядок), что осенней посевной кампании уделялось гораздо меньше внимания, чем весенней, и в значительной мере она проходила «самотеком». Такое невнимательное отношение совершенно не соответствует тому значению, какое озимые хлеба занимают в разрешении зерновой проблемы. Удельный вес озимых во всей посевной площади составляет для ржи в 1928 г. 22,4% и для пшеницы 5,7% или в общей сложности 28%. Занимая менее одной трети всего посева, озимые хлеба составляют около 40% площади зерновых хлебов и еще более солидное место в отношении продовольственных хлебов. Успешное проведение осенней посевной кампании в значительной степени предопределяет положение с продовольствием в предстоящем году в особенности, если принять во внимание, что урожаи озимых, как правило, являются более высокими и более устойчивыми.

Вот почему совершенно недопустимо прохладное отношение к посеву озимых. Уже сейчас необходимо, чтобы местные партийные, советские и кооперативные организации поставили в центре своей работы подготовку к осенней посевной кампании, используя ее как для борьбы за расширение посевных площадей и дальнейшего расширения системы агромероприятий, так и дальнейшего развертывания работ по социальной реконструкции сельского хозяйства. Нельзя ни на одну минуту забывать, что выполнение пятилетнего плана в целом будет зависеть в значительной степени от выполнения намеченных проектировок в области сельского хозяйства. А это предполагает и требует систематической, напряженной и энергичной, отнюдь не носящей характера очередной «кампании», работы по под'ему сельского хозяйства и его материально-технической, агрономической и социальной реконструкции. И в этой работе осенняя посевная кампания должна будет явиться одним из важнейших звеньев.

С другой стороны, ход осенней посевной кампании приобретает крупнейшее значение и с точки зрения преодоления тех затруднений, под знаком которых проходило наше развитие последних лет, затруднений, имевших своим источником чрезвычайную отсталость сельского хозяйства и, как следствие, недостаточность в первую очередь хлебоснабжения городов и промышленных центров.

Все это делает сугубо ответственной и совершенно обязательной задачу выполнения намеченных планов в осенней посевной кампании роста посевных площадей (6% по РСФСР), дальнейшего роста строительства совхозов и колхозов и решительного качественного улучшения работ сельского хозяйства — усиления агромероприятий, роста урожайности и т. д.

Надо сказать, что возможности освоения новых земель весьма велики. В частности, возможность освоения новых земель в так называемых потребляющих губерниях является совершенно реальной, и наша беда заключается в том, что к разрешению этой важнейшей задачи мы подходим слишком медленно. Противоестественным является тот факт, что в Московской губернии под посевом находится около 18% земельной площади. Ценнейшие и плодороднейшие земли, расположенные вокруг таких рынков сбыта, как Москва, Ленинград, Иваново-Вознесенск, остаются неиспользованными, а между тем для их эксплоатации требуются сравнительно небольшие мелиоративные и корчевальные работы. К разрешению этой задачи следует приступить еще с осени текущего года, и расширение озимого клина в потребляющих районах должно пройти под лозунгом одновременного освоения новых земель.

Для производящих районов, в особенности там, где сохранилась переложная система полеводства, задача расширения озимого посева имеет не только значение количественного расширения площади, но и агрикультурное, поскольку урожаи озимых хлебов являются более высокими и более устойчивыми. Для этих районов необходимо добиться максимального расширения посевной площади (для С. Кавказа — 20%, Казакской Республики — 27%, Крымской — 12,5% и т. д.). При этом особое внимание должно быть обращено на такие районы, как Казакстан, Сибирь, где посевы озимых составляют всего несколько сот тысяч га, несмотря на то, что озимые вполне могут произрастать в этих районах. Проникновение в эти области озимых посевов имеет огромное значение в деле технической реконструкции хозяйства.

В связи с быстрым развертыванием колхозного строительства имеются все основания предполагать, что посевная площадь колхозов значительно возрастет. Прежде всего озимый посев должен в колхозах сопровождаться дальнейшим расширением обобществленных посевов. Одним из крупнейших недостатков современного колхозного строительства является то, что значительная часть посевов остается необобществленной. Такое двойственное положение члена коллектива, когда на ряду с обобществленным посевом у него иногда имеется не меньшая площадь индивидуального посева, чрезвычайно болезненно сказывается на росте и укреплении колхозного строительства. За счет дальнейшего охвата обобществленным посевом крестьянских земель, а также их лучшего использования необходимо расширить посевную площадь в существующих колхозах на 30%, а одновременно со строительством новых колхозов вся посевная площадь коллективного сектора возрастет на 119%. Гигантскими шагами вперед пойдет в осенний период совхозное строительство. Общее расширение посев-

ной площади в совхозах предполагается на 91%, а по отдельным трестам:

	1928 г.	1929 г.	%%
Госсельсиндикат	92,6 т. га	152,6 т. га	164 8
Сахаротрест	51,2 „ „	59,8 „ „	116,8
Зернотрест	15,6 „ „	126,5 „ „	810,9
Овцевод	3,0 „ „	6,2 „ „	306,6
Нетрест. совхозы	41,6 „ „	44,1 „ „	106,0
Итого	204,0 т. га	389,2 т. га	190,8

Исключительно быстрое развертывание получают посевные площади Зернотреста и Овцевода. Одновременно с этим решительный сдвиг происходит в старых совхозах. За последние годы совхозы Госсельсиндиката не имели такого значительного расширения посевной площади, какое предположено для предстоящей осени.

Итак, план осенней посевной кампании построен на основе дальнейшего значительного укрепления и расширения социалистического сектора сельского хозяйства на ряду с быстрым под'емом и расширением посевной площади в индивидуальных крестьянских хозяйствах. При этом в осенний период особое внимание должно быть обращено на укрепление и укрупнение существующих колхозов. Коллективное движение приняло такие грандиозные размеры, что мы не успеваем в ходе возникновения колхозов правильно их организационно и хозяйственно обслуживать. Большое количество колхозов продолжает существовать, не имея организационных и производственных планов. В течение осенней посевной кампании необходимо прежде всего обслужить создавшиеся весною колхозы, заботясь о том, чтобы обеспечить их средствами и орудиями производства, внедрением в хозяйство приемов агротехники, переводя их на многопольные севообороты и т. д. Одновременно с этим осенняя кампания развернет дальнейшее строительство новых колхозов. В частности, начиная с осени, начнется работа крупных машино-тракторных станций. Машино-тракторные станции уже завоевали себе достаточно прочное положение. За весну на территории РСФСР организовалось около 50 машино-тракторных станций (колонн), в большинстве своем пока еще состоящих из 30—40 тракторов в каждой. За короткий период эти небольшие тракторные колонны зарекомендовали себя настолько, что многие из них могут быть в течение ближайшего времени развернуты в мощные энергетические центры в 200 — 250 тракторов.

Одним из важнейших моментов осенней посевной кампании является дальнейшее развертывание работы по повышению урожайности. В первую очередь в этом направлении немедленно следует развернуть кампанию ранних паров. Как показывают данные опытных станций, применение ранних паров может вполне обеспечить повышение урожайности на 20—30%. Между тем, размеры применения ранних паров до последнего времени являлись крайне незначительными и колеблются в пределах 20% озимого клина, повышаясь до 50% на С. Кавказе. Такое незначительное распространение ранних паров об'ясняется не только, правильнее не столько, тем, что крестьянство не понимает значение пара, а в значительной степени неурегулированностью землепользования, необеспеченностью в ряде районов пастбищами, неорганизованностью крестьянских масс в использовании тяговой силой и т. д. Мы можем себе поставить совершенно реальную задачу в текущем году добиться удвоения площади ранних паров с тем, чтобы по всем основным производящим районам посевы озимых производились не менее как на 60—70% по культурным парам.

Другим не менее эффективным мероприятием по повышению урожайности является расширение посевов чистосортными семенами и зерноочистка. В настоящее время под чистосортными посевами находится всего-на-все около 3% озимых. Однако, при внимательном отношении к сбору их, при полном и целесообразном использовании их в качестве посевного материала посевная площадь под сортовыми хлебами может быть увеличена в 3 — 4 раза. Особенное внимание следует уделить важнейшему массовому мероприятию — зерноочистке. В этом направлении нами в весенний период были достигнуты кое-какие успехи. Не следует, однако, упускать из виду, что для работы зерноочистительных машин в осеннем периоде имеется гораздо меньше времени. Как правило, посевы озимых проводятся семенами нового урожая, а между уборкой хлеба и посевом нередко остается всего-на- все несколько дней, а в лучшем случае несколько недель. Только исключительная четкость в работе может гарантировать выполнение намеченного плана зерноочистки.

Однако, все эти мероприятия могут быть и будут проведены при условии действительной активности широчайших масс деревенской бедноты и середняков, ясного понимания с их стороны стоящих перед нами хозяйственных и политических задач, при условии дальнейшего развертывания наступления на капиталистические элементы деревни. Ни на одну минуту не следует забывать, что вокруг проведения этих мероприятий будет развертываться обостренное столкновение классов в деревне, что за срыв всех мероприятий, направленных к расширению посевных площадей, росту урожайности, проведению агрикультурных мероприятий и социальной реконструкции, ведет свою борьбу кулачество и подкулачники. Каждый успех в области под'ема материально-технического и агрикультурного уровня сельского хозяйства, каждое продвижение вперед в деле обобществления сельского хозяйства означает ограничение кулачества, означает ослабление его хозяйственной и политической мощи, и, естественно, своих «прав» на эксплоатацию, на порабощение, на кабалу бедноты кулак без боя, без ряда жестоких и упорных боев не отдаст.

И здесь в первую очередь необходимо расширить и углубить работу по организации бедноты, оживить работу производственных совещаний, обеспечив за беднотой решающую в них роль, оживить работу агроуполномоченных, провести созывы беспартийных бедняцко-середняцких конференций и с'ездов по поднятию урожайности и т. д., и т. п. Надо сказать, что производственные совещания при сельсоветах в ряде районов уже в настоящее время имеют огромное значение в деле организации сельского хозяйства. После весны наметился некоторый спад в их работе, который должен быть немедленно ликвидирован. Производственные совещания при сельсоветах не являются временными организациями для периода весенней посевной кампании (на практике кое-где так и получилось), а постоянными организациям, действующими в течение круглого года и вовлекающими широкие массы крестьянства в дело под'ема и реконструкции сельского хозяйства. Недостаточно удовлетворительно поставлена работа агрономических уполномоченных. Между тем они представляют огромную культурную силу, насчитывающую около 200—250 тысяч агроуполномоченных. В значительной части это представители наиболее передовых бедняцких и середняцких хозяйств, применяющие в своем хозяйстве приемы агрономической техники. Эта армия является столь значительной, что при правильной ее организации она может привести в движение миллионы крестьянских хозяйств. С этой целью необходимо установить еще более тесную связь агронома с агроуполномоченным, а также контроль со стороны сельсовета и производственных совещаний за работой уполномоченных. Теперь же необходимо еще и еще раз проверить состав агроуполномоченных как с точки зрения их активности, так равно и классовой принадлежности. Нам надо сколотить прочный актив культурных передовых крестьян из бедноты и середняков, с помощью которых мы будем переустраивать деревню. Производственные совещания агроуполномоченных в этом деле могут оказать неоценимую услугу.

Важнейшим разделом работ в период осенней посевной кампании явится контрактация. Контрактация стала одним из важнейших методов воздействия на сельское хозяйство, наиболее полно обеспечивающим возможность втягивания крестьянского хозяйства в русло планового хозяйства. В отдельных производственных районах контрактацией будет охвачено до 50% озимого клина. При таком широко массовом характере контрактации она может иметь совершенно исключительное значение в деле повышения урожайности и производственного кооперирования. Несмотря на то, что контрактация все еще производственно обслуживается недостаточно, а в некоторых районах носит явно торговый характер, мы имеем возможность с помощью контрактации в массовом порядке провести такие агрономические мероприятия, которые обеспечивают значительное повышение урожайности. Одним из наиболее существенных недочетов в современной работе по контрактации является то, что выдаваемые авансы не

используются в организованном порядке на производственные цели, и нередки случаи, когда выдаваемые авансы идут на удовлетворение потребительских нужд хозяйства. Перед кооперацией стоит задача найти пути наиболее целесообразного использования авансов на производственные цели как отдельными хозяйствами, так в особенности группой хозяйств или целым земельным обществом. Только в том случае, когда выдаваемые авансы пойдут на производственные цели, когда кооперация найдет пути организованного использования их, контрактация полностью сможет выполнить свою роль в деле переустройства сельскохозяйственного производства.

Осенняя посевная кампания должна быть также направлена по линии дальнейшего развития социалистического соревнования в деревне. До настоящего времени деревня все еще недостаточно втянута в социалистическое соревнование, а между тем в этом направлении может быть развернута колоссальная работа. При этом следует заботиться о том, чтобы соревнование носило наиболее конкретный характер и в нем могли участвовать широкие массы крестьянства. С этой целью особое значение приобретают мелкорайонные соревнования, когда несколько селений-колхозов, расположенных недалеко друг от друга, соревнуются между собою. При этом на первое время соревнование должно охватить такие мероприятия, которые понятны широким массам крестьянства и в которых могут принимать активное участие бедняки и середняки. Нельзя начать соревнование с таких мероприятий, которые требуют значительной затраты средств, ибо такое соревнование может оказаться не под силу деревенской бедноте. В тех районах, где соревнование началось весною, целесообразно теперь, в период междупарья, когда крестьянство наиболее свободно, подвести первые итоги, используя для этого беспартийные конференции, мелкорайонные с.-х. выставки и т. д.

В период осенней кампании так же, как и весной, нам придется встретиться с новым приливом волны кулацкой агитации. Кулаками используется каждый момент для того, чтобы задержать рост и укрепление позиции партии в деревне. Разбитый на фронте хлебозаготовок, он сделает попытку закрепиться на осенней посевной кампании. Агитация за сокращение посевной площади, против контрактации, открытый поход против колхозов, — вот на чем сосредоточит кулак свое внимание. Этой агитации мы должны противопоставить четкую классовую линию во всех мероприятиях осенней посевной кампании, направляя их на решительную поддержку и помощь деревенской бедноте и середнякам. Осенняя посевная кампания, являясь одним из ответственнейших участков развертывающейся борьбы с кулачеством, должна привести к дальнейшей мобилизации воли и активности широких слоев крестьянства по социально-техническому переустройству деревни.

Б. Борилин.

К вопросу о теоретическом изучении советской экономики.

Теоретическое изучение нашей экономики, представляющей первый в мире образец переходного к социализму строя, имеет колоссальнейшее значение. Об'яснять это значение, само собой разумеется, совершенно излишне. Еще в 1919 г. именно по этому поводу Ленин говорил: «Теперь можно сказать без всякого преувеличения, что нигде, ни в какой другой стране не интересовалось так трудящееся население вопросом о превращении капитализма в социализм, как теперь у нас. Об этом думают гораздо более, чем в какой-нибудь другой стране. Неужели же партия не должна дать ответа на этот вопрос? Мы должны научно (разрядка моя. *Б. Б.)* показать, как эта коммунистическая революция пойдет». (XVI, стр. 132).

Ленину самому не удалось написать специальной теоретической работы, посвященной закономерностям экономики нашего хозяйства. У него имелось намерение написать к двухлетнему юбилею советской власти брошюру на тему «экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата». Но «сутолока повседневной работы», по его собственному выражению (т. XVI, стр. 347), не позволила ему выполнить это намерение. Зато Ленин оставил нам богатейшее наследство разбросанных в разных статьях, речах, письмах теоретических мыслей, замечаний, суждений о нашей экономике, показывающих, с какой научной глубиной, тщательностью, неутомимостью он подходил к изучению нашей экономики. Конечно же, в работе Ленина мы можем найти все главное, принципиальное, что нужно для понимания общих проблем существования и развития нашей экономики.

Важно, однако, при этом особенно подчеркнуть—и это имеет еще на продолжительное время актуальнейшее значение для вопросов изучения переходной экономики—тот общий подход к изучению переходной экономики, который был у Ленина и который глубочайшим образом отличает его методологию от методологии социал-демократических теоретиков.

Ленин вообще был величайшим противником «застывших догм», того «книжного», «мертвого» квази-марксизма, который под маской научной ортодоксии всегда отрывает теорию от практики, от революционной жизни. Никто из марксистов не умел так бороться за революционную теорию, как это делал Ленин. Но основным отличием ленинизма от социал-демократического «марксизма» нужно считать гениальное сочетание теории и практики. Высший критерий для теории Ленин видел всегда в революционной практике. И в этом отношении Ленин был последовательнейшим из всех учеников Маркса и Энгельса. Разве не также думали Маркс и Энгельс? Разве признание в этом смысле примата практики над теорией не есть основная истина их учения? «Мы не идем доктринерски навстречу жизни с новым принципом: в этом и заключается истина, перед ней стань на колени! Мы из принципов мира развиваем миру принципы», — пишет Маркс Арнольду Руге. Поэтому «ка-

ждый шаг действительного движения важнее дюжины программ». (Письмо Маркса к Браке. 5 мая 1875 г.).

Непонимание этого Ленин считал важнейшим недостатком социал-демократического марксизма. Именно это непонимание он считал их величайшим преступлением. «Наша теория не догма, а руководство к действию»—говорили Маркс и Энгельс, и величайшей ошибкой, величайшим преступлением таких «патентованных» марксистов, как Карл Каутский, Отто Бауэр и т. п. является то, что они этого не поняли, не сумели применить в самые важные моменты революции пролетариата. «Политическая деятельность—не тротуар Невского проспекта» (чистый, широкий, ровный тротуар совершенно прямой главной улицы Петербурга), говаривал еще русский великий социалист до Марксова периода Н. Г. Чернышевский» (XVII, с. 159).

Этот общий подход, который вообще отличает Ленина от социал-демократических марксистов, приобретает особенную важность в отношении изучения и понимания переходной экономики. Представление об экономическом строительстве и политической деятельности в эпоху диктатуры пролетариата, как о «чистом, широком, ровном тротуаре совершенно прямой, главной улицы Петербурга», особенно вредно, особенно губительно. Понимание эпохи революции и диктатуры пролетариата, которое абстрагируется от необходимости беспрерывной проверки теоретических положений на непосредственной практике революционного преобразования жизни, на опыте обостреннейшей, ни на минуту не прекращающейся борьбы со старым миром, само собой разумеется, ничего общего не имеет с доподлинным марксизмом. Вот почему Ленин был особенно требователен по части учета практического опыта в отношении изучения, анализа, выводов в вопросах переходного строя и нашего экономического строительства.

Интересно противопоставить в этой плоскости прямые высказывания, которые по вопросам нашей экономики и нашего экономического строительства делались социал-демократическими теоретиками, с одной стороны, Лениным, с другой.

Первые, конечно, третируют наш метод экономического строительства, как образец революционного импрессионизма, как надругание над теорией. «Русский метод: «сначала решись, а потом взвесь», привел к невеселым хозяйственным результатам», потешается и поучает К. Каутский (K. Kautsky, «Was ist Sozialisierung», 1920. Berlin. с. 23). «Как бы ни был плодотворен сам по себе революционный темперамент... он делается преступлением, если он не руководится и не ограничивается научной теорией». «Не слепо штурмующая храбрость, при полном пренебрежении ко всем трудностям нашей задачи, должна одухотворять дело экономической революции пролетариата»... (K. Kautsky. «Proletarische Revolution u. ihre Programm», 1922, с. 174). Конечно, все это говорится по поводу русской революции. Все эти «грехи» русской революции Каутский, как и следует ожидать, обосновывает тем, что большевистская партия России «беспомощна по отношению к экономическим проблемам», в то же время «тратит все свои духовные силы на подготовку путчей, на талмудическое толкование цитат из Маркса и т. д.» (там же, с. 158—159). Другое дело, если бы русские большевики послушались совета Каутских, восстановили поруганную честь научной теории, составили точный план движения к социализму и по этому выработанному плану мирно и спокойно врастали в новое общество!

Иначе к вопросу о составлении плана движения к социализму, о выработке теории переходного строя подходил Ленин.

В нижеследующих строках именно представителями пошлейшего и подлейшего «марксизма» Каутских отвечает Ленин: «Масса людей обвиняла нас,

и до сих пор все социалисты и социал-демократы обвиняют за то, что мы взялись за дело, не зная, как довести его до конца. Но это обвинение людей мертвых. Кто когда-нибудь мог делать величайшую революцию, зная заранее, как ее делать до конца? Откуда можно взять такое знание? Оно не почерпается из книг. Таких книг нет. Только из опыта масс могло родиться наше решение» (XVI, с. 103) «... В таком гигантском деле мы никогда не могли бы претендовать, и ни один разумный социалист, писавший о перспективах будущего, никогда и в мыслях не имел того, чтобы мы могли по какой-то заранее данной указке сложить сразу и составить одним ударом формы организации нового общества. Все, что мы знали, что нам точно указывали лучшие знатоки капиталистического общества, наиболее крупные умы, предвидевшие развитие его, это то, что преобразование должно исторически неизбежно произойти по такой-то крупной линии, что частная собственность на средства производства осуждена историей, что она лопнет, что экспроприаторы неизбежно будут экспроприированы». «Это мы знали, когда брали власть для того, чтобы приступить к социалистической реорганизации, но ни форм преобразования, но ни темпа, быстроты развития конкретной организации мы знать не могли» (XV, с. 304—5). «А если взять вопрос по существу, разве бывало в истории, чтобы новый способ производства привился сразу, без долгого ряда неудач, ошибок, рецидивов?» (XVI, с. 253). «Мы не подражали никому из тех, кто слово «революция» пишет с большой буквы... Мы можем повторить слова Маркса, что во время революции делается не меньше глупостей, а иногда и больше» (XVIII, ч. 2, с. 15).

С необычайной силой Ленин подчеркивает величайшую трудность социалистического строительства и необходимость постоянной проверки «серой теории» на опыте жизни. Больше, чем кому бы то ни было, Ленину было чуждо представление о готовенькой заранее, чистенькой и законченной теории движения к социализму. Только на опыте самого движения, в результате отбора все новых и новых форм, ростков и т. д., а не из книг, «которых нет», можно взять эту теорию.

Для всякого очевидно, что между этим подходом Ленина к изучению, уяснению переходного строя и подходом Каутского и К° существует непреодолимое различие. Это—различие между книжным, изувеченным, мертвым марксизмом и марксизмом революционным, преобразующим мир.

Правильно ли все это и в настоящее время, и правильно ли это и теперь в отношении интересующей нас темы, вопроса изучения нашей экономики?

Конечно, было бы в высшей степени глупо считать, что наши знания в отношении экономического строительства социализма, в отношении переходной экономики сейчас ничуть не больше, чем они были в начале нашей революции. Многие и притом кардинальные вопросы нашего строительства партия уже разрешила, уяснила себе. Поворот от военного коммунизма к нэпу, который был совершен партией, опыт самого нэпа были практическими этапами, когда партия сознательно определила основные вехи своего движения вперед, вехи, с которых она, конечно, не позволит никому сбить себя. Теоретическое изучение нашей экономики пошло так далеко, как это, может быть, и не мыслилось в начале революции. Мы имеем ряд опытов в смысле систематизации теории переходного хозяйства. И все-таки мы еще не имеем общепризнанной теоретической работы, систематически раскрывающей закономерности переходной экономики. И все-таки еще и до сих пор совершенно правильным остается положение, что в вопросах «форм преобразования», «темпа» и «быстроты развития конкретной организации» мы очень многого еще не знаем, не можем знать и можем узнать только из тщательнейшего изучения практического опыта нашего строительства.

Было бы в высшей степени ошибочным, более того, прямо губительным, если бы мы успокоились на достигнутом. Процесс развития нашей экономики

есть процесс непрестанного усложнения хозяйственных форм, выдвижения новых методов строительства, беспрерывной ликвидации и накопления противоречий между элементами нового и старого. Вместе с тем все развитие переходной экономики представляет собой целую сумму переходов, целую гамму периодов. Каждый новый период выдвигает новые задачи и новые стороны в нашем развитии, в нашей борьбе. Поэтому нельзя уяснить себе существа и получить полное представление о нашей экономике, исходя из условий одного какого-нибудь узкого исторического отрезка времени. Такие периоды, как Брест, военный коммунизм, переход от военного коммунизма к нэпу, восстановительный период в нашем хозяйстве, переход от восстановления к социалистической реконструкции,—приносили с собой неисчислимое количество особых проблем и условий, освещали разные и новые стороны в нашем строительстве и развитии. Полное понимание нашей экономики может быть результатом только всестороннего изучения всех этих периодов и беспрерывного учета новых вырастающих на наших глазах моментов и задач.

Не может быть никакого сомнения, что, например, новый, реконструктивный период, в который вступило наше хозяйство, дает возможность еще полнее, глубже, монистичнее взглянуть на закономерности нашего развития, нежели это можно было сделать только на основе прошлого опыта. Ряд моментов, которые выплывали и освещались ранее, в свете беспрерывно возрастающего опыта приобретает особый смысл и особое ударение. И далее, ряд новых моментов, выплывающих только теперь, еще более обогащает наше понимание эпохи.

* * *

Что является об'ектом изучения теории переходной экономики?

Это вопрос, в отношении которого далеко нет установленного единого ответа. По этому вопросу существуют немалые разногласия.

Ответ на него должен зависеть, в основном, от ответа на другой вопрос: для чего нужно существование особой теоретической экономической науки, в то время как уже больше десяти лет назад в нашей стране пробил час гибели капиталистической частной собственности, а вместе с ней, казалось, и час смерти теоретической (политической) экономии? Капиталистический способ производства нуждался в такой теоретической науке. Но нуждается ли наш переходный строй также в особой теоретико-экономической дисциплине?

В данном случае ответить отрицательно можно было бы только при одном условии, если бы мы стали на ту точку зрения, что мы имеем полную, законченную социалистическую систему производственных отношений, что производственные отношения в нашем строе полностью перестали быть стихийными, помимо сознания людей вырастающими и воспроизводящимися общественными отношениями. Только в этом случае действительно не было бы нужды в специальной теоретической науке, вскрывающей специфические закономерности существования и развития этих производственных отношений, за движением «вещей» в производстве и обмене обнаруживающей многосторонние социальные связи между людьми. Но в том-то и дело, что наша экономика еще не тождественна с социализмом, но есть только экономика, переходная к социализму, на ряду с социалистически организованными элементами сохраняющая (на продолжительное время) и стихийно воспроизводящиеся производственные отношения. Получается своеобразная система смешанного переходного хозяйства, находящегося в процессе неустанной борьбы и трансформации разнородных элементов. Поэтому потребность в теоретической науке, изучающей этот процесс трансформации, качественной переделки производственных отношений,—приобретает большое познавательное и огромное прикладное значение, как основа для экономической политики пролетариата.

Производственные отношения в любом обществе находятся в своем развитии в зависимости и связи с развитием производительных сил. И только в этой связи производственные отношения могут быть познаны в их движении. Однако, именно система производственных отношений составляет самостоятельный и существеннейший об'ект изучения в капиталистическом обществе, об'ект специальной теоретико-экономической дисциплины. Именно раскрытие существа этих производственных отношений в капиталистическом обществе в их диалектическом развитии составляет главнейшую заслугу политической экономии Маркса. В отличие от буржуазных экономистов, сводящих свою «теорию» к изучению отношений между человечеством и природой, Маркс с необычайной силой вскрыл отношения между людьми, которые составляют экономическую формацию общества, базирующуюся на определенном уровне развития производительных сил. Там, где буржуазные экономисты видели вечное отношение человека к природе, Маркс обнаружил исторически-обусловленное производственное отношение между людьми. И это ослепительно ярким светом озарило исторически определенный и преходящий характер капиталистической системы. «Раз понята связь вещей—рушится вся теоретическая вера в постоянную необходимость существующих порядков, рушится раньше того, чем они развалятся на практике»,—писал Маркс (Письма. Маркс и Энгельс, с. 154).

В нашем переходном строе зависимость производственных отношений между людьми от уровня и развития производительных сил, конечно, не может не быть подчиненной тем же законам, как и во всей человеческой истории. Однако, здесь следует отметить некоторые дополнительные обстоятельства. Если в любом обществе производственные отношения ни в какой степени не представляют собой просто пассивного отображения развития производительных сил, но обладают способностью самостоятельного обратного влияния на производительные силы, то особенно следует это иметь в виду в отношении нашего хозяйства. Сознательно регулируемые нами отношения между людьми служат одновременно мощным рычагом нашего воздействия на движение производительных сил. Между управлением движением производительных сил и организацией и регулированием общественных и классовых отношений произошло такое сближение, которое мыслимо только для организованного хозяйства. В той мере, в какой растет и крепнет плановое начало в нашем хозяйстве, движение вещей перестает управлять отношениями между людьми. Наоборот, и то и другое устанавливается и регулируется сознательной волей. Поэтому, конечно, величайшей ошибкой было бы считать, что у нас овеществление общественных отношений остается такой же характерной чертой нашего хозяйства, как и капиталистического.

Но должны ли мы поэтому в нашем хозяйстве отказываться от выделения производственных отношений в их специфике, как особого, самостоятельного об'екта изучения для особой теоретической науки, в отличие от общественной технологии? Ответ на этот вопрос должен быть безусловно отрицательным.

Переходная экономика вообще, и советское хозяйство в частности, еще в меньшей мере, чем какое бы то ни было другое хозяйство, может быть представлена, как система отношений между людьми, пассивно развивающаяся по фаталистическим законам воздействия производительных сил. Развитие переходной экономики это есть одновременный процесс борьбы за утверждение данной системы производственных отношений, процесс переделки производственных отношений. Особенно для первого периода переходной экономики ясно, насколько неверно утверждение, что производственные отношения являются простым пассивным рефлексом производительных сил. Ведь в этот первый период речь идет именно о том, какой системе производственных отношений утвердиться при данном уровне развития производительных сил, — капиталистической или переходно-социалистической. Борьба идет за определенную социальную форму производительных сил. Понятно, что такая борьба неизбежно предполагает ясное представление того, что отличает именно данную «социальную форму», как таковую. Именно в этой «социальной форме», в ее особенностях (уровень производительных сил первое время остается даже неизменным) заключается существо переходной экономики. И именно в изучении процесса утверждения новой социальной формы и заключается существеннейший об'ект теории экономики переходного периода.

В последнее время в экономической теории кое-где начало воскресать смешение экономических и технических категорий. В то время, как Маркс подчеркивал всюду, что экономические категории представляют собой выражение определенных типов производственных отношений между людьми, а не их отношений к природе, кое-кто это различение Маркса считает — увы! — устаревшим. По этой «мудрой» новой теории, для того, чтобы определить, что такое социализм с экономической точки зрения, недостаточно сказать, что это есть общественная собственность рабочего класса на средства производства, нужно сказать еще, какая техника находится в обладании рабочих. Для того, чтобы сказать, что такое капитал, недостаточно ответить, что это есть стоимость, создающая прибавочную стоимость посредством эксплоатации наемного труда. Нужно еще сказать, что капитал есть машина и т. д. и т. п. Применение такого рода «марксистской» теории к изучению экономики переходного периода было бы особенно губительным.

В самом деле, согласно этой теории, социализм это — электрификация. Там, где нет электрификации — нет и социализма. Допустим, что это так. Но какую социальную характеристику мы в таком случае должны дать нашему государственному обобществленному хозяйству? Что это—социализм или капитализм? Мы до сих пор привыкли думать, что наша государственная промышленность есть социалистическая промышленность, хотя она еще не имеет (но будет иметь) широкой базы электрификации. Но по означенной теории этого признать, конечно, никак нельзя. Наоборот, капиталистическая Америка, имеющая гораздо более высокую технику и широкую базу электрификации, должна быть признана прямо «социалистическим раем» по сравнению с нами.

Согласно этой теории, где трактор в сельском хозяйстве — там и социализм. Увы, в капиталистическом сельском хозяйстве гораздо больше тракторов, чем у нас, а социализмом не пахнет.

Согласно этой теории, где соха и лошадь, там мелкое трудовое хозяйство, а где машина, там капитализм. Увы, и здесь жизнь дает немалое количество опровержений. Мы знаем, что и первобытная техника нашей деревни обладает «таинственной» способностью порождать доподлинный (или кулак есть жупел?) капитализм. Не видеть в ряде случаев роста капитализма, хотя техника имеет здесь и первобытный характер, значит действительно уподобляться той самой девице, которая отрицала рождение человека по той причине, что «ребенок был ведь совсем маленький».

Нет, экономические категории отличаются одна от другой непосредственно по тому типу производственных отношений между людьми, выражением которых они являются. Только опосредственно разные экономические категории отражают и разные технические уровни. Для определения данной экономической категории поэтому вполне достаточна характеристика типа отношений между людьми без привлечения моментов техники, отношений человека к природе. Именно этого-то и не понимали буржуазные экономисты, когда «поражались» марксовым определением экономических категорий, как отношений между людьми. Этого не понимают и те «марксисты», которые

никак не соглашаются с тем, что кулацкое хозяйство есть капиталистическое, ибо капитал, видите ли, есть не только отношение между людьми, но и... машина (sic)!

Как раз по поводу таких людей в свое время писал Ленин: ««Друзья народа», впрочем, никогда не смогут вместить того, чтобы в крестьянском промысле, при общей его мизерности, при ничтожной сравнительно величине заведений и крайне низкой производительности труда, при первобытной технике и небольшом числе наемных рабочих был **к а п и т а л и з м**. Они никак не в состоянии вместить, что **к а п и т а л** — это известное отношение между людьми, отношение. остающееся таковым же и при большей и при меньшей степени развития сравниваемых категорий. Буржуазные экономисты никогда не могли понять этого: они всегда возражали против такого определения капитала. Помнится, в «Р. Мысли» один из них, говоря о книге Зибера (о теории Маркса), приводил это определение (капитал—отношение), ставил восклицательные знаки и негодовал» (т. I, стр. 139).

И далее, по адресу тех же, кто был недоволен определением капитализма, как «**о т н о ш е н и я** между меньшинством, монополизировавшим средства производства, и большинством, продающим свою рабочую силу», и только, Ленин говорил: «А если вы не согласны с тем, что признаками, необходимыми и **д о с т а т о ч н ы м и** (разрядка моя. *Б. Б.*) для этого понятия, являются монополизация средств производства в руках меньшинства, освобождение от них большинства и эксплоатация наемного труда (говоря общее,—присвоение частными лицами продукта общественного труда, организованного товарным хозяйством — вот в чем суть капитализма),—тогда потрудитесь дать «свое» определение капитализма и «свою историю его» (т. I, стр. 140).

Все это имеет непосредственное отношение и к проблеме изучения экономических категорий нашего советского, переходного хозяйства. И здесь игнорирование **п р о и з в о д с т в е н н ы х о т н о ш е н и й м е ж д у л ю д ь м и**, являющихся специфическим об'ектом теории переходного периода, мстит за себя. Существующая система производственных отношений не может быть просто «сведена» к уровню производительных сил, хотя только во взаимозависимости с производительными силами она может быть понята; производственные отношения являются предметом sui generis, подлежащим тщательному исследованию теории переходного хозяйства. За движением производительных сил, за движением и накоплением богатства, за движением вещей экономист, изучающий советское хозяйство, должен с величайшей тщательностью раскрывать **с о ц и а л ь н ы е, п р о и з в о д с т в е н н ы е, к л а с с о в ы е о т н о ш е н и я л ю д е й**. Обогащение и накопление в советском хозяйстве еще не тождественны с усилением именно данного (социалистического) типа производственных отношений. А приори этого установить никак нельзя. Количественный рост богатства, производительных сил сопровождается появлением и развитием тех или иных качественных изменений в общественных отношениях между людьми. Именно эти качественные изменения в общественной структуре должны составлять специальный об'ект теоретического изучения [1]).

---

[1]) В данном случае тоже находит себе применение следующее положение Гегеля: «Определенное количество, поскольку оно принимается за безразличную границу, есть та сторона, с которой существование подвергается неожиданному нападению и подрывается в корне. В том и состоит **л у к а в с т в о** понятия, что оно схватывает бытие с той стороны, с которой не имеет значения его качество, и при том в той мере, что увеличение государства, имущества и т. д., составляющее несчастие государства, собственника. прежде всего кажется даже его счастьем» (Гегель, Наука Логика. Первая часть. Учение о бытии, стр. 231).

* * *

Одним из условий правильного анализа и понимания каждой эпохи для марксиста является изучение этой эпохи в ее историческом своеобразии. Каждое производственное отношение, как и вся система производственных отношений любого общества, представляет собой исторически обусловленное и потому преходящее явление. Это требование понимания исторического характера изучаемых явлений с еще большей силой должно быть подчеркнуто в отношении переходного хозяйства, в отношении переходной экономики. Марксистский анализ переходной экономики предполагает кропотливейшее изучение всех исторических особенностей того перехода, который составляет существо этой экономики.

Переходная экономика не может не быть принципиально отличной от экономики капитализма, ибо она содержит в себе переход от капитализма к социализму, включает в себя, в качестве ведущего начала, социалистически организованную промышленность. Поэтому принципиально безграмотным, а политически вредным было бы некритическое перенесение экономических категорий и законов капитализма в переходное хозяйство, особенно в его социалистический сектор.

Об этом само собой разумеющемся положении, казалось бы, и не стоило бы упоминать, если бы в области экономической теории не встречались и до последнего времени попытки это принципиальное различие между различными общественными формациями смазать, затушевать, если бы иногда и в настоящее время не встречалось непонимание характера наших общественных отношений по сравнению с капитализмом.

Уже несколько лет прошло с тех пор, как была отвергнута в дискуссии о советском хозяйстве точка зрения тех (Сокольников, Смилга и т. д.), кто считает закон стоимости законом, господствующим в наших отношениях. Однако, такие взгляды можно встретить иногда и поныне даже в рассуждениях о нашем социалистическом секторе. Понятно, что подобное представление о том, что стоимость управляет нашим социалистическим сектором, находится в очень почтенном отдалении от марксистских положений на этот счет. Ведь отношения внутри социалистического сектора и не только внутри его, складываются не на основании господства стихийного закона стоимости, а совсем иначе, в огромной части на основе планового, сознательного регулирования, учета а приори общественных потребностей и т. д.

Непонимание этого отличия может проистекать только из двух вещей: из полного непонимания существа производственных отношений нашего хозяйства или из полного непонимания существа отношений в неорганизованном товарном хозяйстве. Здесь, в этом пункте, таким образом, встречаются и те, кто рисуют наше хозяйство на манер товарно-капиталистического, и те, кто подкрашивают капитализм под цвет организованного хозяйства. Не случайно социал-демократы, не намеренные признавать плановых черт нашего хозяйства, имеют такую поразительную склонность петь дифирамбы организованности капиталистического хозяйства. К сожалению, подобное прикрашивание капитализма приходится встречать и в нашей советской экономической литературе. Так в одной довольно распространенной экономической книге [1]) мы читаем такого рода изображение прелестей организованного хозяйства капитализма: «Учет потребностей общества лежит в самой основе (капиталистического) производства»... «Каждый товаропроизводитель заранее подчиняет свою производительную деятельность общественной потребности»... «Его труд а приори отнесен к труду общества»... Он определяет свою функцию в обще-

---

[1]) С. С. Шабс. «Проблема общественного труда в экономической системе Маркса». ГИЗ. 1928 г. Стр. 48, 49, 99, 61, 53 и др.

стве а приори, «ориентируясь на потребность общества, следовательно, как функцию общественную»... «Каждый частный товаропроизводитель подчиняет направление своей индивидуальной производительной деятельности осознаваемой им общественной необходимости». (Значит, мы узнаем от автора, что товарное общество есть общество «индивидов, действующих согласно осознанной общественной необходимости»!)... После такого изображения такого «общественного», «социализированного» производства в капиталистическом обществе, естественно, в капитализме остается только одно противоречие—между уже непосредственно общественным производством и частно-правовой надстройкой, между хозяйством и правом. С другой стороны, с точки зрения такого изображения капиталистического хозяйства не остается никакой принципиальной разницы между товарно-капиталистическим хозяйством и, предположим, социализированной частью нашего советского хозяйства. Подобного рода взгляды, поддерживаемые—увы!—иногда и некоторыми марксистами, само собой разумеется, не менее вредны, чем прямое перенесение категорий стоимости и т. д. из капиталистического хозяйства в советское.

Нередко встретить далее и такое мнение, что если закон стоимости, как форма стихийного регулятора, отмирает в советском хозяйстве, то *количественные пропорции* в хозяйстве, которые определялись этим законом, как законом трудовых затрат, остаются и при этом устанавливаются только в наиболее чистом виде. Согласно этой точке зрения ничего иного наши плановые органы не делают, кроме повторения новыми методами установления тех же количественных отношений между отраслями, частями хозяйства и т. д., которые без них устанавливал закон стоимости. Здесь только происходит предварительная антиципация того, что при господстве закона стоимости устанавливалось бы пост фестум. Такая точка зрения особенно распространена среди наших специалистов. Под ее влиянием находится и немалое количество коммунистов. Теоретически эта точка зрения наиболее полно выражена покойным А. Богдановым, утверждавшим, что закон трудовой ценности (в советском хозяйстве) не только проводится, «но проводится еще больше, чем при капиталистическом хозяйстве, а именно с возможной планомерностью» (выступление А. Богданова по докладу Е. Преображенского «Закон стоимости в советском хозяйстве»).

Но правильна ли такая точка зрения? Нам думается, что нет. Наш планово-социалистический сектор ведет борьбу с товарной стихией не только за форму регулирования. Ежедневно и ежечасно идет, напр., борьба и за другое, за количественное распределение продукта общественного труда между отраслями нашей промышленности и между промышленностью и сельским хозяйством. В промышленности мы против тенденций рыночной стихии, толкающей нас на расширение легкой индустрии, производим перекачку средств из легкой индустрии в тяжелую. И в отношении сельского хозяйства мы еще вынуждены определенное время осуществлять неэквивалентный обмен города и деревни, хотя наша линия, в отличие от линии троцкистских идеологов, не может не направляться на осуществление эквивалентного продуктообмена. Таким образом, с точки зрения нашего опыта экономического строительства мнение о том, что мы должны осуществлять плановым порядком только то, что без нас осуществлял бы закон стоимости (как закон трудовых затрат), означает не что иное, как теоретическое обоснование политики т. н. «восстановительных цен».

Но это мнение неправильно не только с точки зрения нашего опыта экономического строительства. Оно противоречит и правильно понятой марксистской теории. В противовес тем, кто пытается абсолютизировать количественные пропорции, устанавливаемые между отраслями хозяйства на основе закона рыночной или общественной стоимости, которому подчинены все продукты капиталистического хозяйства, и представить эти пропорции,

как железный неизменный закон природы,—Маркс писал, что «ложно утверждение, что стоимость продуктов при замене капиталистического способа производства ассоциацией осталась бы прежняя» (Маркс, т. III, ч. 2, с. 201). Ибо величина стоимости в капиталистическом обществе определяется законом *рыночной стоимости* и не может иначе определяться. Само собой понятно, что в организованном хозяйстве количество общественного труда, право на которое признается за данной отраслью, зависит совсем не от рыночной стоимости, которой вообще нет, а от признания обществом необходимости развития в определенных темпах различных отраслей при условии соблюдения максимальной пропорциональности в воспроизводстве.

Гораздо чаще, чем с вышеотмеченными ошибками в отношении качественной и количественной стороны закона стоимости в нашем хозяйстве, приходится сталкиваться с меньшей, но также принципиальной ошибкой в вопросе о *внешней форме* производственных отношений в нашем хозяйстве. Сплошь и рядом приходится слышать такого рода суждение, что, если производственные отношения людей в нашем социалистическом секторе совершенно иные по своему типу, чем в товарно-капиталистическом обществе, то внешняя форма их совпадает целиком и полностью с товарно-капиталистической. Так, в одной распространенной книге о советской экономике [1]) мы читаем: «В нашем плановом хозяйстве тоже существует цена. *Эта цена так же, как и в обществе меновом, по существу является формой проявления регулирования общественных отношений.* Так же, как и там, она остается орудием этого процесса».

...«*Обмен и у нас* (а не только в капитализме. *Б. Б.*) *является единственной формой связи*... и... поэтому *овеществление общественных отношений не устраняется*». Из этих цитат видно, что, если верить автору, у нас, как и при капитализме обмен есть единственная форма связи, а цена единственная форма регулирования производственных отношений. Нужно ли доказывать, что такое представление о полном тождестве внешней формы производственных отношений при капитализме и у нас совершенно неправильно? Нужно ли напоминать о том, что производственные отношения устанавливаются у нас в социалистическом секторе и до обмена? Нужно ли об'яснять, что у нас вещи не играют той роли в установлении производственных отношений, какую играют они при капитализме? Нужно ли доказывать, что овеществление общественных отношений, эта об'ективная основа товарного фетишизма, серьезнейшим образом подорвано в советской системе хозяйства? И нужно ли говорить о том, что подобное представление о полной неизменности, хотя бы и внешней, формы, несмотря на радикальное изменение содержания, ни в какой степени не мирится с элементарными представлениями о диалектике и насквозь механистично.

И такое представление о тождестве внешней формы далеко не единичный случай. Иные углубляют его, считая, что не просто внешняя форма проявления, но социальная форма «вещей» при капитализме и у нас одна и та же. Получается, что «и там и тут вещи обладают одной и той же «социальной формой» стоимости и денег» [2]). Очевидно, по их мнению, то же относится и к капиталу, как «социальной форме» вещей, и к другим категориям. Но что мы понимаем под экономическими категориями политической экономии? Общепринятым в марксистской среде является представление о том, что эти категории суть «социальные формы» вещей. Так в учебнике полити-

---

[1]) А. Кон. «О «Новой экономике» Е. А. Преображенского». ГИЗ. 1927 г. стр. 29, 32.

[2]) См. тезисы т. Бессонова по его докладу «Диалект. метод в экономическом учении Маркса» в ИКП, стр. 9.

ческой экономии А. Кона мы читаем такое совершенно правильное определение капитала: «Капитал есть не вещь, но социальная форма, приобретаемая вещами в меновом классовом обществе» [1]). Так неужели же «социальные формы» вещей — капитал, стоимость, деньги — одни и те же в капиталистическом и советском хозяйстве? Может ли быть что-нибудь более чудовищно-безграмотное, чем это глубоко-механистическое, немарксистское перенесение категорий капитализма в советское хозяйство?!

Всякий об'ективный наблюдатель нашего советского хозяйства, таким образом, должен притти к выводу об историческом своеобразии того типа общественных отношений, который характерен для него.

Это уже не капитализм. В нем уже не господствует ни закон стоимости, ни капитал, ни прибавочная стоимость и т. д. Плановое хозяйство ведет борьбу с законом стоимости, как стихийным регулятором; организует количественные отношения между частями хозяйства, которые могут совпадать с количественными пропорциями, диктуемыми законом стоимости, но могут и должны от них отличаться; использует форму регулирования, унаследованную от товарного хозяйства, но обязательно создает и новую форму и т. д., и т. п. В этом и выражается то строительство социалистического организованного хозяйства, которое характерно для переходного строя.

Но это еще не социализм. Нельзя назвать, охарактеризовать наш строй социалистическим в pendant к характеристике довоенной России, которую мы называли капиталистической, несмотря на наличие там так же, как и у нас, большого количества некапиталистических, мелкотоварных и даже натуральных элементов. Это означало бы опаснейшее непонимание того, что наше хозяйство совершает только сложнейший и мучительный переход к социализму, который еще не создан, в смысле фундамента, хотя будет создан в переходный период.

Следует отметить особо вопрос, касающийся моментов единства и борьбы в нашей экономике. Троцкизм игнорировал элементы единства в нашей системе (заложенные в союзе рабочего класса и крестьянства), рисовал противоречия в нашем хозяйстве на манер капитализма. Из этого вытекало неверное представление о первоначальном социалистическом накоплении, об эксплоатации крестьянства и т. д. Партия отвергла такую идеологию. Однако, кое-кто не прочь это использовать для затушевывания той борьбы между разнородными элементами, которая свойственна нашей экономике, которая присуща ей по природе. Кое-кто склонен приписать нашей системе то механическое единство, которого она не имеет, как и ни одна переходная и непереходная система в мире. Ошибочно было бы считать, что наличие обмена, рынка механически создает гармоническое единство всей системы. Наличие обмена еще не создает предустановленной гармонии между разнородными по существу элементами. Борьба между ними не устраняется наличием обмена и рынка, она ведется и через рынок и помимо него. Вообще в высшей степени антимарксистским было бы такое представление, будто наличием рынка и обмена ликвидируются или уменьшаются противоречия разнородных элементов. Формы обмена оставлены нами потому, что они наиболее удобны для связи с мелким и мельчайшим крестьянским хозяйством, но этим само собой, разумеется, ни в какой мере не обеспечено «мирное» врастание в социализм без борьбы с капиталистическими элементами, без обязательного использования и нерыночных методов борьбы и движения и т. д.

Точно так же, конечно, неверно думать, что один только факт наличия социалистических командных высот изменяет всю картину экономики страны так, что противоречия, порождаемые благодаря существованию несоциалистических элементов хозяйства, превращаются в свою противоположность, ликвидируются. С этой точки зрения, куда ни глянь, всюду социализм. И кулак есть не кулак. И капитализм есть не капитализм. А все по установленным законам движется к социализму. Нет нужды доказывать, что такое представление о механическом единстве, якобы заложенном в нашей системе наличием социалистического сектора, является насквозь ошибочным и антиленинским.

[1]) А кон. Курс полит. экономии». 2 изд., стр. 268.

Наша система представляет диалектическое единство. Неправы были троцкисты, которые рисовали себе нашу систему по образу и подобию капитализма. Наша система, в противоположность капиталистической, идет в своем развитии в конечном счете к ликвидации этих противоречий, а не к их обострению. Но неправы и те, кто выбрасывают элементы борьбы, противоречий, свойственные нашей системе, как системе, где происходит беспрерывная трансформация, переделка общественных отношений. Наличие социалистического сектора и обмена не только не устраняет этой борьбы, но делает ее абсолютно неизбежной.

Раз необходимо теоретическое изучение советской экономики, возникает один в высшей степени трудный, но и важный вопрос. В какой мере применим в отношении ее изучения метод абстракции, какова предельная абстрактная классовая модель этой экономики и какова ее значимость для теории?

Нет никакого сомнения в том, что основными классами нашей экономики являются пролетариат и крестьянство. Нет также никакого сомнения в том, что основным отношением нашей экономики является отношение между социалистическим и мелкотоварным секторами. И с этой точки зрения, совершенно ясно, что нельзя определить генеральной линии нашего движения к социализму, не выведя прежде всего из специфической связи ее между этими двумя секторами, т.-е. из так называемого двухсекторного или двухукладного хозяйства. В самом деле, как вывести закономерность наличия рыночных отношений у нас, закономерность нэпа, роль кооперативного плана, основную проблему индустриализации и т. д., как, прежде всего, не из существа отношений именно между этими двумя укладами? Спор с Преображенским шел главным образом по вопросу именно о понимании этого генерального отношения, господствующего в нашей экономике. Преображенский и троцкисты именно роли этих двух секторов в нашем хозяйстве не понимали, недооценивали. Поэтому, конечно, не может быть никакого сомнения в том, что теоретический анализ нашей экономики может и должен опираться на изучение этой абстрактной двухсекторной модели.

Если в такой общей постановке вопрос о возможности применения предельной двухклассовой абстрактной модели при изучении нашей экономики более или менее ясен, то значительно сложнее дело обстоит при дальнейшем исследовании этого вопроса, именно при выяснении того, обладает ли изучение этой двухклассовой абстрактной общественной модели для советского хозяйства *такой же точно* значимостью, как изучение двухклассового общества, состоящего из буржуазии и пролетариата, для капитализма, или же здесь мы должны установить некоторые *дополнительные условия* для пользования этой абстракцией, которые нам не приходится устанавливать при пользовании методом абстракции в отношении капитализма? Ведь абстракция чистого двухклассового капиталистического общества вполне достаточна для выведения *всех основных* закономерностей существования, развития и гибели капитализма. Маркс (если отвлечься от учения о земельной ренте) дает в «Капитале» нам в основном именно такую теорию чистого капитализма. Но можем ли мы на основании анализа только двухсекторного хозяйства вывести также *все основные* закономерности развития нашего советского хозяйства?

Подойдем к проблеме следующим образом. Возьмем для сравнения проблему изучения империализма. Допустима ли при изучении империализма та

ступень абстракции, которая нами применяется в отношении капитализма вообще? Конечно, допустима. Однако, не имеет ли применение предельной абстракции при изучении империализма гораздо более узкие границы, чем при изучении капитализма вообще? Безусловно. Мы были бы не в состоянии вывести всех основных закономерностей империализма, если бы мы ограничились анализом «чистого империализма» или «чистого монополистического капитализма». Мы не поняли бы основных закономерностей империализма, если бы не учли существования на ряду с империализмом и широкой базы капитализма вообще, колоний, некапиталистической среды. В основном при анализе империализма мы исходим из как бы «трехукладного» хозяйства: монополий, капитализма свободной конкуренции и мелкотоварного хозяйства. Против теории «чистого империализма» как раз и возражал, как известно, Ленин. В спорах о теоретическом введении к нашей партийной программе Ленин говорил: «Чистый империализм, без основной базы капитализма, никогда не существовал, нигде не существует и никогда существовать не будет. Это есть неверное обобщение всего того, что говорилось о синдикатах, картелях, трестах, финансовом капитализме, когда изображали финансовый капитализм так, как будто никаких основ старого капитализма под ними нет». Это—«книжное изложение финансового капитализма». «Описать такую систему это значит написать систему, оторванную от жизни и неверную», и т. д. и т. п. (т. XIV, стр. 112, 114).

Значит, уже в отношении изучения империализма применение метода изучения строя в виде предельной абстракции дает уже некоторую «осечку». Прямое перенесение этого метода при изучении империализма уже дает по выражению Ленина «неверное обобщение», «систему, оторванную от жизни и неверную». Вспомним, насколько вредно теоретически и практически применение такого метода чистой абстракции в отношении единого мирового треста. Как безжалостно бичевал Ленин такую теоретическую «абстракцию»!

Ленин называл империализм «переходным» строем в условном смысле слова, так как в нем уже имелось соединение разных «начал»—монополии и свободной конкуренции, так как в нем уже наметился «переход» к какому-то новому общественному строю. В этом последнем между прочим об'ективная основа того, что империализм является кануном социалистической революции. Этот «переходный» характер империализма, очевидно, прежде всего служил причиной того, почему Ленин не считал возможным в отношении империализма изучение монополий, империализма в «чистом виде», оставляя в стороне широкую базу капитализма, колониальную периферию, неравномерность развития разных стран и т. д.

Теперь перейдем к проблеме изучения нашей экономики. Наше советское хозяйство является не переходным в условном смысле, как империализм, а доподлинно переходным. Все существо этой экономики состоит именно в переходе от империализма к социализму. Поэтому то ограничение, которое применимо в отношении метода предельной абстракции при изучении империализма, конечно, не менее действительно, если не более, в отношении нашей экономики. Плох был бы тот экономист, который построил бы такую теорию чистого переходного периода для нашей страны, в которую не были бы включены все основные элементы, составляющие этот переход. Вот тут мы и подошли к вопросу о том, является ли включение социалистического и мелкокрестьянского сектора вполне достаточным для учета всех основных элементов перехода от капитализма к социализму в абстрактной теории нашей экономики. Мы думаем, что на этот вопрос нужно ответить отрицательно.

Так же, как и в отношении империализма применение абстрактной модели, в которую не включены все три уклада (монополии, капитализм свободной конкуренции, мелкотоварное и колониальное хозяйство), является в

достаточной мере ограниченным и не дает возможности раскрыть все основные закономерности империалистической эпохи, так и в отношении нашей советской экономики изучение двухклассового общества не дает возможности обнаружить всех основных закономерностей нашего движения к социализму. Иначе говоря, применение двухклассовой модели возможно даже в абстрактной теории, только в определенных границах.

В настоящей статье, конечно, мы не в состоянии наметить конкретно, где точно кончаются границы применения двухклассовой модели. Мы остановимся только на нескольких отдельных моментах и примерах, иллюстрирующих это положение. И для этого снова обратимся к сравнению с империализмом.

Можно ли, напр., разрешить теоретически проблему монопольной цены при империализме, если привлечь к анализу только момент монополии и отвлечься от капитализма свободной конкуренции и от мелкотоварного хозяйства? Каждый должен будет ответить, что нет. Ибо если взять чистую монополию, то никакой монопольной цены не будет, не будет цены вообще, ибо мы будем иметь организованное, хотя бы и в антагонистической форме, хозяйство. Но если взять только монополию и мелкотоварное хозяйство и абстрагироваться от капитализма «диких» или капитализма свободной конкуренции, может ли быть построена теория монопольных цен? Тоже не может, или может быть построена в высшей степени однобокая теория. Не будет конкуренции между трестами и дикими и т. д. Будет один мировой трест, возвышающийся на хребте мелкобуржуазной стихии, т.-е. неверная картина империализма. Только если мы включим и капитализм свободной конкуренции, монопольные цены могут быть поняты в их своеобразии, ибо для империализма характерно не просто наличие монополий, но «соединение противоречащих друг другу «начал»: конкуренции и монополии» (т. XIV, ч. 1, стр. 121). «Не чистые монополии, а монополии рядом с обменом, рынком, конкуренцией, кризисами,—существеннейшая особенность империализма вообще». (Там же).

Значит нельзя разрешить проблемы монопольной цены при империализме, не беря все три «уклада»: монополии, капитализм вообще и мелкотоварное хозяйство.

То же самое мы обнаружим, если возьмем проблему ультраимпериализма, войн, закон неравномерности развития при империализме. Попробуйте разрешить любую из этих важнейших проблем без привлечения трех «укладов», характерных для империализма. Жизненной, правильной теории не получится.

Могут сказать, что таким включением всех трех «укладов» мы смазываем специфическое в самом империализме, как особой стадии капитализма, забываем про коренные вопросы, определяющие существо империализма, превращаем империализм в «один из трех» укладов и т. д. Нужно сказать, что во время споров о партийной программе, кое-кто пытался в действительности выдвинуть такое обвинение в недооценке коренных особенностей империализма против Ленина. Ленин, дескать, изображает империализм, как некоторую незаметную «скорлупку» над старым капитализмом. Но такое обвинение, конечно, ни на чем не основано. Правильно, что «старый капитализм в целом ряде областей дорос до империализма». «Тенденции (капитализма)—только империалистические». «Нет ни одного крупного вопроса внутренней или внешней политики, который мог бы быть решен иначе, как с точки зрения этих тенденций» (т. XVI, с. 115). Все это безусловно правильно. Все это Ленин понимал гораздо больше, чем кто бы то ни было другой. И тем не менее Ленин всегда был против «мертвых абстракций», общих аргументов, т.-е. касающихся империализма вообще (т. XIII, с. 424), против «шаблонного употребления понятия империализма» (с. 440). И тем не менее Ленин со всей

силой подчеркивал: «Империализм есть надстройка над капитализмом». В действительности существует громаднейшая подпочва старого капитализма. Есть надстройка империализма, которая привела к войне, и из этой войны вытекло начало диктатуры пролетариата. Из этой фазы вы не выскочите. Этот факт характеризует самый темп развития пролетарской революции во всем мире и останется фактом на много лет». «В тот переходный период, который мы переживаем, мы из этой мозаичной действительности не выскочим. Эту составленную из разнородных частей действительность отбросить нельзя, как бы она изящна ни была» (т. XVI, стр. 115).

То, что говорил Ленин об империализме, о «разнородных частях действительности», о сложной «мозаике» «укладов» и т. д., имеет, конечно, отношение не только к империализму. Требование поменьше находиться в эмпиреях «чистых абстракций» относится, конечно же, в равной мере и к нашей переходной советской экономике. Не случайно Ленин, как видно и из уже приведенных цитат, увязывал так тесно вопрос о правильном понимании империализма с правильным пониманием закономерностей переходной экономики. Это переплетение высказываний Ленина по обоим вопросам в этот период споров о партийной программе настолько велико, что иногда буквально трудно даже разобраться, идет ли речь у Ленина об империализме или об экономике, совершающей переход от капитализма к социализму.

«В этой действительности как раз такой цельности (какую требовали некоторые в отношении программы.—*Б. Б.),* нет, — говорил Ленин. — Программа, составленная из разнородных частей — это, конечно, неизящно. Но с этим ничего не поделаешь. Из этой разнокалиберности, из этого построения из разного материала, как это ни неприятно, мы не выскочим в течение очень долгого периода. Когда выскочим, тогда создадим другую программу. Но тогда мы будем жить уже в социалистическом обществе» (XVI, с. 113).

«Выскочить из этой печальной действительности посредством создания гладкой и цельной программы, значит выскочить в нечто безвоздушное и заоблачное, написать программу неверную... Тот капитализм, который был обрисован в 1903 г., продолжает оставаться и в 1919 г. в советской пролетарской республике как раз благодаря разложению империализма, как раз в силу его краха. Такой капитализм можно найти, напр., и в губернии Самарской и в губернии Вятской, не слишком далеких от Москвы». «Надо сказать то, что есть: программа должна заключать абсолютно непререкаемое, фактически установленное. Только тогда она—программа—марксистская». (т. XVI, с. 114)

«Чтобы быть международной, наша программа должна учитывать те классовые моменты, которые экономически характерны для всех стран. Для всех стран характерно, что капитализм в массе местностей еще развивается. Это верно для всей Азии, для всех тех стран, которые переходят к буржуазной демократии это верно для целого ряда частей России. Вот тов. Рыков, который в области хозяйства факты знает очень хорошо, сказал нам о новой буржуазии, которая у нас существует. Это правда. Она рождается не только из наших советских служащих — ничтожным образом она может нарождаться и оттуда—она нарождается из среды крестьянства и кустарей, освобожденных от ига капиталистических банков и отрезанных теперь от железнодорожного транспорта. Это факт. Каким же образом вы этот факт хотите обойти? Вы этим только тешите свои иллюзии, или вносите недостаточно продуманную книжку в действительность, которая гораздо сложнее. Она показывает нам, что в России капиталистическое товарное хозяйство живет, действует, развивается, рождает буржуазию, как во всяком капиталистическом обществе» (XVI, стр. 132—133).

Как видно из всех этих приведенных мест, Ленин, так сказать, «заодно» нападал и на тех, кто в теории империализма, и на тех, кто в изображении советской экономики, пытались абстрагировать от базы капитализма.

Повторяем, мы считаем не случайной такого рода связь в высказываниях Ленина.

Резюмируя, следует отметить следующие моменты, которые делают необходимым обязательное включение в абстрактную теорию советского хозяйства, на ряду с двухклассовой абстрактной моделью, и трехклассовой абстрактной модели.

Во-первых. Мелкотоварный крестьянский сектор в течение продолжительного времени не может не порождать буржуазии и буржуазного способа производства. Мероприятия социалистического сектора по кооперированию и коллективизации сельского хозяйства не могут разом изменить мелкособственнический характер крестьянского хозяйства. Поэтому на продолжительное время нельзя не считаться с неизбежностью выделения «капиталистиков» и капиталистов из мелкобуржуазной стихии. В этом, между прочим, существенное отличие «второго» класса абстрактной модели нашего хозяйства, от «второго» класса в абстрактной модели капитализма. Класс рабочих в капиталистическом обществе не владеет средствами производства и не порождает из себя новый способ производства, отличный от капиталистического, вплоть до самой социалистической революции. Крестьянство, этот «последний капиталистический класс», неизбежно порождает из себя буржуазию, поскольку оно предоставлено само себе. Но этим самым, на ряду с двумя основными классами, в абстрактной теории вырастет и некоторая «дробь». От нее нельзя абстрагироваться.

Во-вторых. Техническая и экономическая отсталость нашей индустрии не дает нам возможности отказаться от «сотрудничества» буржуазии так быстро, как это будет возможно для более развитой страны, и ликвидировать ее питательную базу с такой же быстротой. Это особенно делает необходимым учет «дроби» в абстрактном анализе.

В-третьих, наконец. Строительство социализма происходит пока только в одной нашей стране. Это означает, что буржуазные элементы в стране опираются на поддержку всего мирового капитализма так же, как советская страна испытывает на себе огромное давление со стороны мирового капитализма.

И в отношении советской экономики, как и в отношении империализма, неправильно было бы по этому поводу сказать, что включением трехклассовой модели в «чистую» теорию советского хозяйства мы замазываем специфическое в советской экономике, союз между двумя основными классами — пролетариатом и крестьянством, как решающий момент. Совершенно правильно, что пролетариат и крестьянство являются основными решающими классами нашего общества, что именно отношение социалистического и мелкокрестьянского сектора прежде всего определяет генеральную линию нашего развития. И тем не менее, исходя из особенностей переходного хозяйства, мы не можем абстрагироваться в теории от «дроби» капиталистических элементов, от капитализма, постоянно порождаемых мелкособственнической средой. Конечно, развитие советской экономики со временем должно дать и даст решающий, абсолютный перевес сил социалистическому сектору промышленности и коллективистическому сектору сельского хозяйства. Тем самым «дробь» — капиталистические элементы — будет сведена до минимума. Равное действие может и должно произвести включение в советскую экономику ряда других передовых стран или всех стран вообще.

Но еще на большое количество лет абстрактная теория переходной экономики не сможет быть такой «цельной и гладкой», как этого некоторые хотят.

В. Карпинский.

О колхозах и кулаке[1]).

Обсуждение вопроса о массовой коллективизации и кулаке, начатое в «Сел.-Хоз. Газете» и в «Комсомольской Правде», развернулось на партконференции в очень оживленную дискуссию о колхозах и кулаке вообще. На этом вопросе останавливался т. Калинин в своем докладе и заключительном слове, этого вопроса касались почти все ораторы.

Спор разгорелся главным образом вокруг вопроса, возможно ли допускать в колхозы кулаков, и если возможно, то в каких случаях и на каких условиях. Партконференция не дала по этому вопросу прямых директив. Но в резолюции о путях под'ема сельского хозяйства содержится указание о «всемерной поддержке инициативы перехода целых сел и деревень к коллективным формам труда» на основе машино-тракторных станций и колонн, массовой контрактации и при условии преодоления кулацкого сопротивления (гл. III, п. 5в). Таким образом, возможность оставления кулаков в коллективе при сплошной коллективизации целых селений не исключается, но не дается и прямого указания на этот счет. О возможности приема кулаков в небольшие колхозы обычного типа никаких указаний в резолюции не содержится.

Однако, мы имеем старую партийную директиву, принятую XIV партконференцией, следующего содержания:

«В целях наибольшего охвата со стороны кооперации всех процессов хозяйственной жизни деревни необходимо предоставить *всем* слоям населения, занимающимся сельским хозяйством, право участия в кооперации. Для обеспечения же руководящего влияния в кооперации за большинством крестьянства кооперативные организации *всех* видов должны внести в свои уставы ограничения, гарантирующие недопущение в правления обществ явно кулацких элементов» (подчеркнуто мною. *В. К.*).

В соответствии с этой директивой, относящейся, несомненно, и к колхозам, приняты соответствующие постановления в советском порядке. Наконец, в последнее время ряд местных партийных организаций дал указания в смысле допущения кулаков в колхозы на определенных условиях, обезвреживающих их участие в коллективе.

Таково положение вопроса. Очевидно, необходима дальнейшая его разработка. Необходима тем более, что массовое развитие колхозного движения и обострение классовой борьбы в деревне требуют вполне конкретных указаний по вопросу.

Подойдем к вопросу прежде всего с принципиальной, теоретической стороны. Возражения против допущения кулаков в колхозы, примерно, таковы.

Кулак — наш классовый враг. Кулак ведет на нас наступление. Кулак жжет колхозы, убивает из обрезов колхозников. Кулак проникает в колхозы и взрывает их изнутри и т. д. Как можно даже ставить вопрос о допущении кулаков в колхозы, об «об'единении в колхозах двух антагонистических классов» и т. п. «Оппортунизм»! «Врастание»! «Правый уклон»!

[1]) В порядке обсуждения.

Как видим, обвинение формулировано достаточно четко. К сожалению, в нем, — как выразился т. Калинин на партконференции, — очень много «молодого задору», «затверженных на-зубок азбучных истин», много «шаблону и трафарету», но мало умения по-марксистски, по-ленински применить теорию к практике.

Ну, а как же все-таки с определенной партийной директивой, допускающей включение кулаков в коллективы? Правильна она или неправильна? Если правильна, тогда к чему же все эти «громы и молнии»? Если неправильна, то тогда почему эти товарищи молчали четыре года, не поспешили вразумить партию, что у нее есть кулацкая директива, основанная на «теории врастания»? Если эта директива устарела, была правильной в 1925, перестала быть правильной в 1929 году, то почему эти товарищи не попытались доказать нам это? Может быть, действительно в 1925 году, когда у нас почти не было тракторов и когда мы только что начинали бросать в деревню машины, — допущение кулаков в коллективы было правильной директивой? А теперь, когда в деревне более 30.000 тракторов, когда в деревне несколько десятков машино-тракторных станций и тракторных колонн, когда мы повысили в несколько раз производство с.-х. машин, — теперь, быть может, допущение кулаков в коллективы стало как раз совершенно неправильной директивой?

Наши оппоненты не дают никаких об'яснений на этот счет. Они обходят этот вопрос сторонкой. Они стараются лишь кричать как можно громче об «оппортунизме», тем только доказывая, что страдают «детской болезнью «левизны».

А между тем разбираемая директива покоится на прямых указаниях Ленина. Еще в марте 1918 года Владимир Ильич ставил вопрос о включении в кооперативные организации *всех* граждан, как о способе окончательного преодоления буржуазных элементов в советском обществе, перестраивающемся в социалистическое. Вот что он писал:

«Задача советской власти, *после* того, как буржуазия экспроприирована политически и экономически, состоит явным образом в том, чтобы *распространить кооперативные организации на все общество*, чтобы *превратить всех граждан данной страны поголовно в членов одного общенационального, или, вернее, общегосударственного кооператива*... Какие практические, непосредственно осуществимые переходные меры нужны для этого, это — вопрос другой. *Но надо ясно осознать и непререкаемо решить, что все дело теперь именно в этом практическом переходе, что пролетарская государственная власть должна за него взяться, всякие реформы его на опыте проверить и во что бы то ни стало этот переход осуществить*». (Цитирую по «Правде», от 14 апреля 1929 г. Подчеркнуто мною. *В. К.*).

И в одной из своих последних статей, в статье всем известной, «О кооперации», Владимир Ильич точно так же прямо выдвигает задачу «полного кооперирования»: «достигнуть через нэп участия в кооперации *поголовно всего населения*» (XVIII, ч. 2, стр. 141, 145).

На ряду с этим Ленин, само собой разумеется, не забывал и о классовой борьбе. Он находил «нечто романтическое, даже пошлое в мечтаниях о том, как простым кооперированием населения можно превратить классовых врагов в классовых сотрудников и классовую войну в классовый мир» (та же статья «О кооперации»). Ленин много раз подчеркивал, что «классовая борьба не исчезает при диктатуре пролетариата, а лишь принимает иные формы... классовая борьба поднимается на более высокую ступень, подчиняя себе все и всякие формы» (XVI, 354—355).

И тем не менее Владимир Ильич писал: «Чтобы достигнуть через нэп участия в кооперации поголовно всего населения,—вот для этого требуется целая историческая эпоха. Мы можем пройти на хороший конец эту эпоху в одно—два десятилетия». (XVIII, ч. 2, стр. 141—142).

Как же, товарищи, правильно все это или нет?

Быть может, теоретически это верно, но Ленин ошибся, поставив эту задачу на ближайшую историческую эпоху? Быть может, Ленин не предвидел возможности обострения классовой борьбы в деревне, а это обострение как раз и отменяет начисто всю установку Ленина в данном вопросе на ближайшую эпоху?

К сожалению, наши оппоненты и не пытаются прикоснуться к этой основной теоретической установке ленинизма в вопросе о кооперировании в переходную к социализму эпоху. Но *мы на эту установку именно и опираемся*. Перед нашими оппонентами на выбор два выхода: либо отказаться от обвинений нас в «оппортунизме», в уклоне от партийной линии, от ленинизма в данном вопросе, либо попробовать заняться ревизией ленинизма в этом вопросе.

Едва ли есть надобность доказывать, что Владимир Ильич, составляя свой кооперативный план, конечно, *предвидел* возможность обострения классовой борьбы, усиления сопротивления со стороны разбитой, но еще не уничтоженной до конца буржуазии. Можно, напр., указать, что Ленин в набросках о диктатуре пролетариата, написанных во второй половине 1919 или в начале 1920 года, ставил одной из основных задач советской власти «*подавление сопротивления эксплоататоров и всякого рецидива, возврата к капитализму и к капиталистическим традициям*» («Ленинский Сборник», III, 494). И в то же, приблизительно, время Владимир Ильич выдвинул свою мысль о поголовном кооперировании всего населения.

Противоречие? Нет, нисколько!

Взятый нами со введения нэпа и совершенно необходимый, при переходе и для перехода к социализму, общий курс на охват кооперативными организациями всего населения нисколько не отменяет ни подавления эксплоататоров вообще, ни самого решительного отпора попыткам их вернуться к «капиталистическим традициям». Этот курс нисколько не исключает временного обострения классовой борьбы. Более того: именно успешное осуществление этого курса, ведя к обобществлению процесса распределения и производства в среде мелких производителей, как раз и вызывает усиленное сопротивление сохранившихся в нашем строе мелких капиталистов.

Обратно: временное обострение классовой борьбы (наступившее теперь в деревне) нисколько не отменяет общего курса на кооперирование всего населения на основе нэпа. Более того: именно это усиленное сопротивление кулацких элементов нашей политике требует от нас особенно настойчивого и усиленного развертывания работы по кооперированию, ибо только осуществление ленинского кооперативного плана в корне решит вопрос о буржуазии в нашем Союзе. И само собой разумеется, что развертывание работы по кооперированию, вплоть до включения всех граждан, отнюдь не должно означать какого-то примирения с кулацкими элементами, — наоборот, оно должно происходить *на основе дальнейшей классовой борьбы с ними*, но только в иных формах, иными методами.

Обратимся теперь к теории «мирного врастания». Основные ее черты таковы.

Любое крестьянское хозяйство заинтересовано в развитии кооперации всех видов. Возможны кооперативы бедняцкие, середняцкие, кулацкие. Основную массу крестьянских кооперативов составят организации трудового типа. Но *и кулаки организуют свои особые кооперативы* по сбыту, снабжению, кредиту, производству, возможно, даже свои банковские организации и постараются сделать их своими опорными пунктами. Однако кооперативы трудового типа, при поддержке пролетарского государства, получат преобладающее распространение, они будут врастать в систему государственных организаций, будут становиться ячейками единого социалистического хозяйства. *Кулацкие кооперативы*, хотя и останутся до известной степени чужеродным телом, но *точно так же будут врастать в ту же систему единого социалистического хозяйства* главным образом через посредство наших кредитных органов. Окончательное преодоление кулацких элементов, врастающих в нашу социалистическую систему, вполне обеспечено наличием в руках пролетариата экономических «командных высот» и более быстрым ростом социалистического сектора по сравнению с частным сектором.

Достаточно напомнить эту «теорию врастания», чтобы сразу уловить существенное отличие ее от ленинского кооперативного плана. Ленин, действительно, считал, что кооперация при советской власти может и должна стать путем к социализму для крестьянства, в отличие от кооперации в капиталистических государствах. Но Ленин имел в виду *бедняцко-середняцкую* кооперацию. Он советовал «научиться практически строить социализм так, чтобы всякий *мелкий* крестьянин мог участвовать в этом построении» (XVIII, ч. 2, 140). Ленину была совершенно чужда мысль об особых кулацких кооперативах, «врастающих в социализм» через систему советских государственных органов. «Теория врастания» полагает, что советская власть будет относиться терпимо к возникновению особых экономических организаций капиталистической верхушки крестьянства, а эта верхушка будет пользоваться своими организациями, своими накоплениями не для борьбы с советской системой, а для сращивания с нею подобно тому, как в капиталистических государствах кооперация срастается с капиталистической системой. Эта мысль как нельзя более чужда ленинизму. Это было бы возможно только при прямом вырождении советской системы в буржуазную. Ленин тысячу раз нам твердил, что ни завоевание власти пролетариатом, ни наличие в его руках экономических «командных высот» *отнюдь не отменяет классовой борьбы*, а только дает пролетариату новое оружие, новые методы для продолжения классовой борьбы вплоть до полного преодоления буржуазных элементов и переустройства советского общества в бесклассовое, социалистическое. «Теория врастания» *выхолащивает из ленинского кооперативного плана классовую борьбу*, допускает включение кулацких хозяйств в советскую кооперативную систему *на основе классового соглашения с особыми кулацкими организациями*. Ленинский план допускает включение кулацких элементов в общие кооперативные организации *с подавляющим бедняцко-середняцким большинством в них, на основе продолжающейся классовой борьбы с этими элементами*,—допускает, *как один из способов их окончательного преодоления*.

Мы приходим, таким образом, к выводу, что ни обострение классовой борьбы в деревне, ни наше отрицательное отношение к теории врастания не дают нам никаких оснований к ревизии ленинского кооперативного плана и основанных на нем партийных директив с принципиальной стороны.

Но принципиальный спор занял в дискуссии лишь небольшое место. Главное внимание было уделено практической стороне вопроса.

Два обстоятельства придают исключительно важное практическое значение вопросу о колхозах и кулаках в настоящее время. С одной стороны,— *обострение классовой борьбы в деревне*, усиление сопротивления кулачества социалистическому строительству вообще, колхозному

в особенности. С другой стороны—наше усиленное наступление на кулачество и в ряде мест наш весьма серьезный успех в этом наступлении, подрывающий самые корни эксплоататорского слоя деревни.

В основе усилившегося сопротивления кулачества лежит несколько возросшая за годы нэпа экономическая сила кулацких хозяйств (увеличившиеся средства производства, хлебные запасы и т. п.). Кулачество искусно пользуется своими возросшими экономическими возможностями для попыток срыва государственного регулирования, нашей политики цен и проч. Недостаток в Союзе товарного хлеба усиливает позиции кулака, а наше наступление особенно обостряет борьбу.

В основе нашего усиленного наступления на кулачество лежит весьма значительно выросшая экономическая мощь пролетарского государства, давшая возможность укрепить наши позиции в деревне, завязать новые, производственные связи с бедняцко-середняцкой массой и приступить вплотную к разрешению, по словам Ленина, основной задачи Октябрьской революции,—«созданию таких условий, при которых бы не могла ни существовать, ни возникать вновь буржуазия» (XV, 198). Отсюда—вся ярость кулацкого сопротивления.

В общем вопрос о колхозах и кулаках превратился сейчас, очевиднейшим для всех и острейшим образом, в вопрос о том, каким путем пойдет дальше деревня: социалистическим или капиталистическим?

Перед лицом этого основного факта дискуссия обнаружила полное единодушие. Ни малейших «примирительных» тенденций. Продолжение и усиление классовой борьбы с кулачеством по всем линиям и всеми способами. Дальнейшее вытеснение капиталистических элементов деревни со всех их позиций. Необходимая перестройка рядов и изменение методов борьбы со стороны всех наших органов и организаций. Широчайшая мобилизация пролетарских рядов для сплочения и руководства борьбой бедняцко-середняцких масс против кулачества.

В части практических директив, вытекающих из такой оценки положения, необходимо подразделить колхозные организации на два разряда. Первый: подавляющая масса существующих и вновь возникающих небольших колхозов, организуемых обычно путем выделения из деревни группы дворов. Второй: крупнейшие коллективы, организуемые путем перехода к коллективным формам труда целых деревень.

По отношению к небольшим колхозам обычного типа общее мнение таково, что в такие колхозы кулаков допускать не следует. Наоборот, необходимо провести решительную чистку колхозов от кулацких элементов и ликвидацию тех из них, какие окажутся лжеколхозами. Необходимо всемерно облегчить доступ в колхозы бедноте и батрачеству, чтобы усилит в них наиболее надежный в классовом отношении элемент. Необходимо усилить руководство колхозами и обобществление в них средств производства, отраслей хозяйства, труда и быта, дабы уменьшить и устранить возможности внутреннего разложения и перерождения колхозов в предприятия с эксплоататорскими тенденциями.

Такова должна быть общая линия партии в колхозном движении. Лишь в отдельных случаях, в порядке исключения из общего правила, возможен прием кулака, но при следующих непременных условиях: 1) при строгом соблюдении требования закона о том, что ни в учредители, ни в выборные органы колхозов кулаки не допускаются; 2) при обеспечении подавляющего большинства и твердого руководства за беднотой и середняками; 3) при сдаче кулаком своих средств производства в обобществленные, еще лучше—в неделимые фонды колхоза.

Так, примерно, формулируют основные и непременные ограничительные условия для приема кулаков все товарищи и некоторые парторганизации, уже давшие соответствующие директивы.

Однако этим вопрос далеко не исчерпывается. В колхозном движении за самое последнее время возникло новое явление, мимо которого никак пройти нельзя. Это—сплошная коллективизация целых деревень и даже групп деревень на основе машинно-тракторной базы, тракторных станций и колонн.

В РСФСР этой весной работают уже 46 тракторных колонн, организованных сел.-хоз. кооперацией. Они берут под сплошную обработку от 3 до 23 деревень в каждом массиве. На Украине к настоящему времени уже образовалось 208 коллективов путем сплошной коллективизации целых деревень. В Тульской губернии коллективизируется целый Воловский район со всеми деревнями, со всей землей в количестве 83.580 га и с населением свыше 60.000 человек. Район делится на 14 гнезд, по 5—7 тыс. га в каждом, во главе движения идут существующие крупные колхозы—«Красивомеченское т-во», коммуна «Авангард» и др. В основу коллективизации кладутся машинно-тракторные станции и индустриальные предприятия по переработке с.-х. продуктов.

Достаточно этих примеров, чтобы понять, что мы подошли к новому этапу в колхозном движении, что мы нашли новые способы массовой коллективизации деревни. Глубоко неправильно изображать дело так, будто кулак везде и всюду наступает, а наши органы обороняются, колхозы обороняются, распадаются, вновь возникают и если чем берут, то исключительно своим массовым стихийным ростом и поддержкой власти. Колхозы в общем уже окрепли. В целом ряде мест колхозное движение, в лице крупнейших машинизированных колхозов, уже перешло в решительное наступление на кулачество широким фронтом. Материальную основу для такого наступления создала наша машиностроительная индустрия. А возможность подвести машинно-тракторную базу под колхозы изменяет самый характер колхозного движения, ставит по-новому и вопрос о борьбе с кулаком при организации крупнейших колхозов.

Правда, тракторов и других крупных машин у нас еще очень и очень недостаточно. Колхозное движение в основном идет еще по старому руслу организации сравнительно небольших колхозов на базе живой тяговой силы и мелкого или среднего машинного инвентаря, реже—единичных тракторов. Но все же мы имеем уже сотни случаев сплошной коллективизации целых деревень, и практика требует определенного разрешения в ту или иную сторону вопроса о кулаках: оставлять или нет кулаков в таких коллективизирующихся деревнях? Неправы те товарищи, которые считают, что вопрос этот «надуман», «искусственно заострен» и т. п. В корне неверно. Вопрос выдвинут самой жизнью. Уклониться от его разрешения невозможно. Наоборот. Чем больше будет проникать в деревню крупная машина, трактор, тем больше возможностей будет для организации машинно-тракторных станций и колонн, тем чаще будут случаи сплошной коллективизации целых деревень, групп деревень и целых районов, и тем настоятель-

нее будет требовать своего разрешения вопрос о кулаках при такой сплошной коллективизации.

Дискуссия наметила два способа его разрешения. Первый: кулаков оставлять в коллективизирующейся деревне при соблюдении определенных условий. Второй: кулаков исключать. (О промежуточных способах, сводящихся к предложению отложить вопрос до массовой или повсеместной организации машино-тракторных станций, говорить нет смысла).

Какие же аргументы у противников оставления кулаков?

Главный аргумент состоит в том, что, оставляя кулаков, мы тем самым, будто бы, прекращаем классовую борьбу с ними, заключаем с ними сделку, вводим в социалистическую ячейку классового врага, не разоружив его, не лишив этого врага материальных возможностей бороться с нами и причинять нам вред. Отсюда предложение исключать кулаков из коллективизирующейся деревни, продолжать с ними борьбу вне организуемого коллектива на почве соревнования крупного коллективного предприятия с мелкими капиталистическими, подрывать таким образом экономические корни кулацкой эксплоатации, уничтожать кулацкие хозяйства как таковые и только после этого ставить вопрос о приеме кулаков в коллективы.

Правильна ли эта аргументация? В корне неправильна. Во-первых, никто из товарищей, выступавших за возможность оставления кулаков при сплошной коллективизации при соблюдении определенных условий, не ставил вопроса так, что это должно означать прекращение борьбы с кулаками. Наоборот, все эти товарищи подчеркивали, что оставление кулаков они не мыслят себе иначе, как в форме продолжения борьбы с кулаками в целях окончательной победы над ними. Здесь со стороны наших оппонентов явный перегиб, полемическое искажение взглядов противника.

Но со всей серьезностью мы должны рассмотреть такой вопрос: может быть, оставление кулаков, несмотря на ставящиеся при этом цели борьбы с ними, тем не менее, в силу об'ективных условий, неизбежно должно повести лишь к вредным последствиям, к смазыванию, к прекращению борьбы с кулаками?

Нет, и это в корне неверно. Возможно, конечно, извращение всякой правильной директивы, даже при самых благоприятных для ее выполнения условиях. Но в общем именно наличие солидной машинотракторной базы, какую мы выдвигаем непременным условием оставления кулаков при сплошной коллективизации, как раз и создает обстановку, обеспечивающую в основном дальнейшую успешную борьбу с кулаками.

На самом деле. Оставляя кулаков, мы включаем их надельную землю в обобществленный клин. Это—раз. Но что гораздо важнее—мы включаем также в обобществленный клин и всю ту землю, которую кулаки до того арендовали у бедноты и маломощных. Т.-е. кулацкую эксплоатацию за счет земли, в пределах земельной площади данного селения или селений, мы полностью ликвидируем. Это—два. Обрабатывая общественным инвентарем земли бедняков и маломощных, мы делаем почти невозможной, в пределах данного земобщества, кулацкую эксплоатацию за счет сдачи в наем лошадей и машинного инвентаря. Это—три. Обусловливая в договоре сдачу государству или кооперации части продукции в покрытие расходов по содержанию тракторной станции или колонны и в накопление средств на расширение дела, обусловливая в договоре коллективную реализацию по крайней мере части остальной продукции,—мы тем самым значительно сокращаем для кулаков возможности спекуляции хлебными излишками. Это—четыре. Обобществляя полностью всю землю, мы радикальным обра-

зом разрешаем все вопросы землеустройства и ряд связанных с ним агротехнических вопросов. Это—пять. Наконец, мы подчиняем кулаков непосредственному производственному и иному контролю коллектива.

Ниже мы разберем, насколько эта благоприятная для борьбы с кулаком обстановка изменяется в худшую сторону в случае исключения кулаков из коллективизирующейся деревни. А пока заметим, что единственным отрицательным условием при оставлении кулаков является предоставление им права голоса на собраниях коллектива, — конечно, с теми ограничениями, какие законом для них установлены. (Само собой разумеется, что общие мероприятия нашей классовой политики в деревне сохраняют свою силу).

Огромное положительное значение перечисленных выше обстоятельств явным образом недооценивают товарищи, возражающие против оставления кулацких дворов. Они не видят и не понимают, что одно дело—небольшой колхоз, об'единяющий на нескольких десятках гектаров несколько лошадей и орудий или даже имеющий один-два трактора. Такой колхоз должен еще отстаивать свое право на существование в борьбе с крепким кулацким хозяйством, и нередко это ему, такому колхозу, удается лишь с большим трудом. Но совсем другое дело — крупное коллективное предприятие, об'единившее в себе многие сотни и тысячи дворов на основе машино-тракторной базы. Тут решающий перевес сразу получает такой колхоз-гигант. Вот чего не могут понять товарищи, опасающиеся оставления кулаков в таких случаях.

Разумеется, возможны ошибки и недочеты при организации этого дела, на которых кулаки и могут выехать. Никак нельзя начинать такое дело без предварительной самой тщательной подготовки и обеспечения за собой твердой поддержки всей бедняцко-середняцкой массы. Лучше браться за него пока только в тех деревнях, где есть крепкие парт'ячейки, где хорошо налажена работа советских органов и общественных организаций, где уже есть ряд колхозов и проч. И, повторим еще раз,—при непременном условии машино-тракторной базы.

Полным непониманием существа дела является тот довод, что, дескать, кулак никак не пойдет на «самораскулачивание», что ожидать этого—значит сеять иллюзии, что у класса могут быть только отдельные перебежчики, что это «белые вороны» и т. п. Рассуждения эти прямо смехотворны. Какое тут «самораскулачивание», когда факт организации машино-тракторной базы отнимает у кулака основные возможности эксплоатации! Какие тут «иллюзии» насчет «самораскулачивания», когда очевиднейшим для всякого непредубежденного человека образом «раскулачивает» кулаков крупная машина—трактор, подрезая корни кулацкой эксплоатации! Какие там «белые вороны», когда речь идет о целом социальном слое, начинающем терять возможности дальнейшего эксплоататорского существования!

Мы нисколько не закрываем глаза на то, что,—как это отмечал и докладчик на партконференции т. Калинин,— оставление кулаков в деревне при сплошной ее коллективизации сопряжено и с отрицательными сторонами. При организации общественной обработки земли на основе машино-тракторной базы не происходит еще сразу полного обобществления всех средств производства, всех отраслей хозяйства. За это еще надо бороться. Средства производства остаются у кулаков и притом — лучшие средства из числа крестьянских (лошади, коровы, строения, семенные и продуктовые запасы и т. п.). Некоторые возможности эксплоатации этих средств с целями наживы остаются у кулаков. Например, сдача в наем лошадей, как вспомогательной силы к механической тяге базы, сдача помещений, переброска средств в животноводство, спекуляция хлебом и т. д. Нужно найти способы ограничить и уничтожить эти возможности, что вполне осуществимо при

оставлении кулаков и контроле над ними коллектива. Само собой разумеется, что кулаки, будучи оставлены в коллективизировавшейся деревне, окажут всяческое сопротивление дальнейшему обобществлению средств производства и труда, что они попытаются вообще всеми мерами развалить дело. Но никто ведь и не утверждает, что на этой *первой* стадии борьбы за обобществление все дело и кончается. Наоборот, борьба будет продолжаться, ее надо продолжать до полной победы. Возможны и частичные неудачи, как во всякой борьбе. Но важно установить, что наличие машино-тракторной базы, при надлежащей организационной постановке дела, *в основном обеспечивает нам успех и создает новые громадные возможности массового наступления на кулачество.*

Посмотрим теперь, какое положение получается при противоположном решении вопроса. Главный вопрос тогда — как же быть с кулаками, если их исключать из земобщества при его сплошной коллективизации? Надо признать, что на этот вопрос сторонники исключения кулаков не дают ясного ответа. Практически же возможны три способа его разрешения. 1) Выселение на отруба, т.-е. оставление кулацких усадеб на месте с выделением им земель в одном общем клину. 2) Выселение на хутора, т.-е. полное выделение из деревни с отводом для каждого хозяйства отдельного участка. 3) Выделение кулаков в отдельный кулацкий поселок. Других способов землеустройства выделяемой из деревни части хозяйства ни наш закон, ни наша практика не знают. Предложения согнать кулаков с земли вовсе или переселить их на пустующие окраины либо на необитаемый остров мы не слышали. Наши указания на явную неудовлетворительность каждого из этих способов и на прямое противоречие их с партийными директивами не встретили никаких опровержений. Сторонники исключения кулаков, видимо, склоняются к отрубам,—так по крайней мере можно заключить из их невнятных ответов на прямо поставленный вопрос. Посмотрим, что означает это разрешение вопроса (или любое из остальных двух).

Во-первых, земля остается у кулаков в частном пользовании. Во-вторых, наличие частного землепользования, вклинивающегося между коллективизирующимися деревнями создает ряд серьезных агротехнических затруднений (холостые перегоны машин, борьба за сортовые посевы, борьба с вредителями и т. п.). В-третьих, сами кулаки остаются в деревне (или вблизи нее), что, следовательно, нисколько не улучшает дела в смысле обеспечения от возможного вредительства со стороны кулаков и вообще ослабления кулацкого влияния. В-четвертых, все средства производства кулаков (включая и землю) и вся продукция их хозяйств не только остаются в полном частном распоряжении кулаков, но, кроме того, исключаются из-под контроля со стороны коллектива, и у коллектива отнимаются возможности дальнейшего вовлечения их в кооперативный оборот.

Все эти обстоятельства имеют явно *отрицательное* значение и только затрудняют борьбу с кулачеством. Положительное значение (как и при оставлении кулаков) остается за из'ятием арендных (бедняцко-середняцких) земель у кулачества и за обработкой этих земель общественным инвентарем. Единственная выгода, получаемая специально от исключения кулаков, состоит в том, что кулаки формально лишаются права присутствовать и выступать на собраниях перешедшего на коллектив земельного общества. (Но в деревенских условиях это, конечно, не лишает еще кулаков возможности выступать и вообще влиять на дела коллектива, а права решающего голоса они все равно лишены даже на собраниях земельного общества). В общем предложение исключать кулаков практически сводится к тому, чтобы—по справедливому замечанию т. Беленького,—при обобществлении индивидуальных хозяйств целыми деревнями «*на деле не трогать кулацких индивидуальных хозяйств*». Точнее говоря: нам предлагают, сохраняя для кулацких хозяйств возможности эксплоататорского существования и не подчиняя их непосредственному производственному контролю, бороться с ними исключительно путем соревнования, каким обычно борется крупное производство с мелким.

Эта точка зрения выражена особенно ярко, доведена до абсурда одним из сторонников метода исключения, который, соглашаясь на «обработку кулацкой земли тракторными колоннами за соответствующую плату», решительно возражает против «включения кулаков в уставные колхозные об'единения». Что означает на деле это предложение предоставлять обобществленный инвентарь к услугам изолированных кулацких хозяйств? Не что иное, как абсолютно ничем не оправдываемое освобождение частного кулацкого инвентаря для эксплоатации его на стороне при одновременном отказе от какого-либо контроля над этими кулацкими хозяйствами!

Мы считаем, что исключение кулаков при сплошной коллективизации приводит лишь *к явному ограничению мер и способов борьбы с кулачеством, к сужению размаха этой борьбы.* Такой результат ничего неожиданного не представляет, раз люди, хотя бы и с весьма левыми лозунгами на устах, не умеют применить их на практике, раз по сути дела они отступают перед трудностями новых форм борьбы и, вместо развертывания дальнейшего наступления, остаются на старых позициях или плетутся в хвосте событий.

В настоящий момент, когда мы только что приступили к сплошной коллективизации целых деревень, когда мы только еще налаживаем массовое производство тракторов и прицепок, практика не дала еще нам достаточно материала, чтобы выработать вполне точные конкретные директивы по вопросу, охватывающие всю массу случаев. *Следует испробовать и проверить на опыте всевозможные способы разрешения задачи.* Мы не исключаем и возможности выделения кулаков на отруба, как худшего способа, который может оказаться, однако, необходимым в известных случаях. Заслуживают всяческого внимания практические предложения, направленные к тому, чтобы, после включения кулацкой земли в общественную обработку, ограничить возможности использования частного инвентаря с целями наживы, провести дальнейшее обобществление производства и труда, увеличить обобществленные фонды коллектива, ввести отчисление в них прибылей и внесение паев натурой и деньгами, создать неделимые фонды, коллективизировать полностью сбыт и снабжение и т. д.

Общая же директива по данному вопросу может быть формулирована пока так. Всемерно поддерживать инициативу перехода целых деревень к коллективным формам труда. Проводить сплошную коллективизацию деревень с оставлением в них кулацких хозяйств лишь при следующих условиях:

1) *при наличии солидной машино-тракторной базы;*

2) *при наличии в данном месте достаточно крепких парт'ячеек и хорошо налаженной работы советских органов и общественных организаций и не иначе, как обеспечив себе твердую поддержку всей бедняцко-середняцкой массы;*

3) *разрешать всю эту задачу не путем примирения с кулачеством, а путем продолжения, усиления борьбы с ним старыми и новыми методами во время организации коллектива и после его основания, путем развертывания наступления на кулачество сплошным бедняцко-середняцким фронтом.*

Э. Бронштейн.

Проблема безработицы в пятилетнем плане.

Аграрное перенаселение—основной источник безработицы СССР.

Безработица СССР—преимущественно городская безработица. По данным переписи ВЦСПС число безработных в городах составляет 80% всей массы безработных. По данным демографической переписи — 86%. Однако, при изучении безработицы в ее динамике нельзя рассматривать город изолированно. Общеизвестно, что город подвергается постоянному напору со стороны аграрно-перенаселенной деревни, которая по мере расширения «отводных каналов» (Маркс) выявляет свои скрытые резервы рабочей силы. В течение восстановительного периода каналы эти были особенно широки, и число переселившихся из деревни в город составило значительную величину (около 3 млн. за период между двумя переписями по Европейской части СССР).

Аграрное перенаселение — явление, унаследованное советской системой хозяйства от дореволюционного социального уклада деревни. Форсирование индустриализации, поднятие крестьянского хозяйства, его коллективизация,—одним словом, вся система советской экономической политики, ставящей себе целью максимально быстрый рост производительных сил страны, является вместе с тем наиболее действительным средством борьбы с аграрным перенаселением. Но само собой разумеется, борьба эта не может быть завершена в течение немногих лет, а потому на протяжении ближайшего пятилетия нам приходится считаться с аграрным перенаселением как неоспоримым фактом.

Каков размер аграрного перенаселения СССР? Различные исследователи дают различные ответы на этот вопрос, в зависимости от источника и методов учета. Так, по данным С. Г. Струмилина, количество избыточного населения деревни составляет в 27/28 г. 8 млн.; Н. Огановский в 1924 г. исчислил размер аграрного перенаселения в 19,9 млн.; исчисление Л. И. Лубны-Герцика дает для 1923 года по 4-м районам 7—10 млн. избыточного населения. Госплан УССР определил в 1925 г. в 6—7 млн. количество избыточного населения по Украине. Исследователи довоенного времени называли еще более крупные цифры, характеризующие аграрную перенаселенность нашей деревни.

Однако при изучении городской безработицы для нас не столь важен размер скрытой безработицы деревни, сколько перспективы превращения скрытой безработицы в явную, размер отхода избыточного сельского населения в города.

Изучение материалов отдельных районов о размере аграрного перенаселения в сопоставлении с размерами отхода в города показывает, что решающую роль в деле стимулирования отхода играет наличие в районе промышленных центров тяготения.

В самом деле на 100 душ населения отход составляет:

ЦПО	Вятск. р.	ЦЧО	Зап. р.	Урал	С. Кавк.	Сибирь	Казакстан
58,7	38,0	29,0	29,0	23,9	7,9	6,4	4,2

По сравнению с этим главным фактором влияние диференциации деревни совершенно стушевывается. Как видно из нижеследующей таблицы, показатели расслоения деревни для районов с ничтожным отходом (Сибирь, Сев. Кавказ и Казакстан) выше, чем для районов с большим отходом.

Распределение районов по размерам средств производства и степени расслоения [1]).

Районы	Число хозяйств со стоимостью средств производства на 1 хоз-во (в %% к итогу).					Число хоз-в, нанимающ. рабсилу на ср. св. 50 дн. в %% к итогу
	0—200 р.	200—400 р.	400—800 р.	800—1600 р.	Свыше 1600 р.	
Казакстан	59,0	25,7	16,0	6,1	1,3	1,84
Сев. Кавказ	35,5	18,5	23,1	16,1	6,8	6,07
ЦЧО	29,1	26,1	31,2	11,8	1,9	1,15
Урал	28,3	31,7	28,9	9,8	1,3	5,27
Сибирь	25,0	28,0	29,7	14,5	2,8	7,31
Западн.	20,9	33,8	33,8	10,7	1,8	2,84
ЦПО	20,5	23,2	37,4	16,4	2,5	1,46
Вятский	19,5	35,7	35,4	8,8	0,6	1,24

Каким темпом пойдет рост городов в предстоящем 5-летии?

Анализ вышеприведенных данных показывает, что перспективы механического роста городов нужно ставить в связь с перспективами роста индустрии, с размером спроса на рабочую силу со стороны городов. Эта взаимозависимость, установленная Марксом для капиталистического общества, должна тем исключительнее проявляться в СССР, что здесь отталкивающие силы деревни относительно слабее. Как уже было отмечено выше, система советской сельскохозяйственной политики является фактором, существенно смягчающим давление избыточного населения деревни на город. В этом же направлении будут действовать предполагаемое в течение пятилетия упорядочение организации найма рабочей силы и повышенное требование к ее качеству.

Исходя из всего вышеизложенного, Госплан запроектировал меньший темп роста городов, чем имели до настоящего времени, снизив его с 4,7% в 1927 году до 3,6% в 1932—33 году. В среднем за все пятилетие города растут на 4% (округленно) в год при росте населения на 2,3% ежегодно. Механический рост городов составляет в среднем 780 тыс. за пятилетие вместо 798 в 1928 году. Все население городов по отправному варианту растет за пятилетие на 20,8% или на 5,8 млн. чел. в абсолютном выражении, а по оптимальному варианту на 22,6% или 6,3 млн. абсолютно. Сельское население растет на 9,8% за все пятилетие по отправному варианту и на 9,4% по оптимальному. Опережение роста городского населения приводит к изменению соотношения между городским и сельским населением к концу пятилетия.

	1928 г.	1933 г. Отправн.	1933 г. Оптимальн.
Все население	100	100	100
Городское	18,4	19,9	20,2
Сельское население	81,6	80,1	79,8

Приведенные выше цифры красноречиво говорят о той роли, какую играет деревня в образовании трудовых ресурсов города. Если городское населеия растет за пятилетие в среднем за год на 4%, то из них на долю деревни приходится 2,3%, а на долю города 1,7% (в порядке естественного движения населения). Из 3,6 млн. прироста городского работоспособного населения по отправному варианту на долю деревни приходится 2,4 млн.

[1]) Матер. дин. обслед. ЦСУ от 1927 г.

По оптимальному варианту прирост городского населения в работоспособном возрасте составляет 3,9 млн., в т. ч. 2,7 млн. из деревни.

Различие темпов роста городского и сельского населения сопровождается различием возрастной структуры городского и сельского населения. В то время, как работоспособное население (в возрасте 16—59 лет) составляет среди сельского населения 52% (округленно), процент этот среди городского населения поднимается до 63 (округленно). Такое различие коэффициентов об'ясняется относительно высоким удельным весом работоспособного населения среди всего населения, притекающего из сельских местностей; по исчислениям Б. Н. Бобынина указанная возрастная группа составляет 72% в общей массе притока из деревни.

Такие значительные темпы роста городского населения капиталистические страны знали лишь в начальный период своего промышленного развития: Англия—в XVIII веке, Германия—в XIX веке. Крупные города Германии росли за период 1871—1885 гг. на 5,99% ежегодно. В 1885—1900 гг.—на 4,91% ежегодно, в 1900—1905 гг.—на 4,76%. Все города Германии в 80-х годах давали 2,7% роста ежегодно. У нас нет массовых статистических данных о росте городов Англии периода XVIII в., но те отрывочные данные, которые имеются в нашем распоряжении, говорят о чрезвычайно бурном росте городов. Так, за период 1740—1801 гг. город Бирмингам увеличил свое население с 25 тыс. до 73, т.-е. втрое. Манчестер в 1727 г. насчитывал 9—10 тыс. жителей, через 50 лет (1777 г.) в нем жило уже 20 тыс., в 1790 г.—50 тыс., в 1800 г.—95 тыс. (удвоение за десятилетие).

За последнее время рост городского населения в капиталистических странах замедлился, достигая в среднем за год [1]):

		Население всех городов	В т. ч. больших городов
Для Германии	1919 — 1925 гг.	1,05	2,83
„ Англии с Уэльсом	1901 — 1911 „	1,04	1,77
„ Соедин. Штатов .	1910 — 1920 „	2,56	3,05

Мы остановили внимание читателя на проблеме роста городов, так как в свете этой проблемы процесс превращения скрытого аграрного перенаселения в явную безработицу выступает со всей очевидностью.

Характерные черты советской безработицы.

Характерные особенности советской базработицы выступают с особой рельефностью при параллельном анализе корней безработицы в капиталистических странах и у нас. Известно, что крупные капиталистические страны насчитывают значительное количество безработных, увеличивающееся за последние годы в связи с проводимой рационализацией с головокружительной быстротой.

Безработица в Германии, насчитывавшая в 1925 г. в месяцы наибольшего под'ема безработицы (декабрь—апрель) 40—500 тыс. человек, достигает в 1926 г. за соответствующие месяцы 1½—2 млн. чел., удерживаясь на этом уровне почти весь 1926 год и начало 1927 года. Последние месяцы 1927 г. дают некоторое снижение безработицы, доходя до 600.000 в декабре. Зимние месяцы 1928 года опять дают рост до 1—1,3 млн., а в январе—марте 1929 г. число безработных поднялось до 2—2,6 млн. [2]). Еще более резкое повышение безработицы имеет место в САСШ. Систематический учет безработицы в САСШ не ведется, но по исчислению самих американцев число безработных достигает 4 млн. чел.—при чем больше половины падает на так

[1]) «Wirtschaft und Statistik» № 9, 1926 г.

[2]) Эти данные надо считать преуменьшенными, так как источником их являются материалы органов страхования, неполностью охватывающие трудящихся по найму.

называемую «структурную» безработицу, являющуюся следствием реконструкции, в отличие от «кон'юнктурной», связанной с сезонными колебаниями и цикличностью развития капиталистического хозяйства.

Об абсолютном снижении рабочей силы в САСШ свидетельствуют следующие данные:

Индексы продукции и индексы занятости рабочей силы обрабатывающей промышленности САСШ[1]).

Годы	Физический об'ем продукции	Рабсила
1923	100	100
1924	93,0	90,3
1925	104,1	91,2
1926	107,0	91,9
1927	105,0	88,5
1928	110,0	86,1

Надо оговорить, что в торговом аппарате и обслуживающих отраслях наблюдается обратный процесс; там число занятых лиц растет, однако, не настолько, чтобы поглотить громадные резервы рабочей силы, образующиеся в результате естественного прироста населения и абсолютного сокращения количества индустриального и сельскохозяйственного пролетариата.

Реконструкция промышленности в условиях здорового, бескризисного развития социалистического хозяйства СССР никогда не может привести к таким результатам, к каким приводит капиталистическая рационализация.

Маркс писал: «Если бы завтра труд повсюду был ограничен до рациональных размеров и для различных слоев рабочего класса были введены градации сообразно возрасту и полу, то наличного населения оказалось бы абсолютно недостаточно для того, чтобы продолжать национальное производство в теперешнем его масштабе». Политика советской власти в области труда предусматривает все вышеприведенные Марксом моменты. Ограничение женского труда и труда подростков было введено с самого начала возникновения советской власти. На протяжении ближайшего пятилетия, в виду расширения сети учебных заведений и создания социализированного фонда зарплаты, предназначенного главным образом для обеспечения учащихся подростков, представляется возможным дальнейшее ограние труда подростков. Мы приступили к дальнейшему сокращению рабочего дня, и к концу пятилетия мы будем иметь рабочий день длительностью в 6,86 час. вместо 7,71 в настоящее время. Кроме того, промышленность переходит на большее количество смен, увеличивая свою трудоемкость. Рост физического об'ема в производстве идет таким темпом, какого не знает ни одна капиталистическая страна. Все эти мероприятия не только гарантируют нас от абсолютного снижения рабочей силы, но и вызывают значительный спрос на дополнительную рабочую силу. Число лиц наемного труда у нас увеличивается из года в год за истекший период. Оно будет расти и в перспективе. Однако, несмотря на неуклонный рост рабочей силы, безработица за истекшие годы также растет, обгоняя в своем темпе рост занятых.

Число безработных членов союзов по данным ВЦСПС составляло [2]):

	25 — 26 г.	26 — 27 г.	27 — 28 г.
Число безработных членов союзов в тысячах (без с.-х. рабочих)	931	1250	1535
В том числе в городе . .	745	1000	1225
В °/₀°/₀ к предыдущему году	—	134	123

[1]) Заимствовано из материалов сектора мирового хозяйства Госплана СССР.

[2]) Данными бирж труда мы не пользуемся в виду их несопоставимости.

Если к учтенной массе безработных членов союзов прибавить количество нечленов союзов, зарегистрированных биржами труда, мы получим всю учтенную массу безработных, насчитывавшую в 1927—28 г. 1,7 млн. человек. Эту цифру надо признать преувеличенной, главным образом за счет преувеличения профсоюзной безработицы.

Если при капиталистическом режиме, тормозящем рост профсоюзных организаций, численность безработных, измеряемую численностью безработных членов союзов, надо признать преуменьшенной, то в условиях советского строя, где тяга в профсоюзы, в виду предоставленных членам союзов прав, очень велика, измерение общей безработицы масштабом профсоюзной безработицы неизбежно ведет к преувеличенному представлению о численности безработных. Общеизвестно, что среди безработных СССР, в частности, среди безработных членов союзов, находится значительное количество мнимых безработных. К ним могут быть отнесены безработные, нашедшие работу, но не снятые с учета (явка на регистрацию обязательна раз в три месяца), члены союза, не ищущие работу, но регистрирующиеся в качестве безработных в целях поддержания связи с союзом и сохранения за собой связанных с союзным членством прав, безработные сезонники, возвращающиеся в период сезонного затишья обратно к своему сельскому хозяйству, и, наконец, безработные, работающие в коллективах безработных; в группе фиктивных безработных значительное место, в частности, занимают «безработные» домашние хозяйки.

У нас нет прямых данных, дающих возможность судить о размерах фиктивной безработицы, но некоторые косвенные данные, проливающие свет на это явление, мы находим в материалах обследования безработных членов союзов, проведенного ВЦСПС в ноябре 1927 года.

Это обследование выявило 10—15% «мертвых душ», совсем не явившихся на регистрацию: это, очевидно, те безработные, которые оторвались от профсоюза и совершенно утеряли связь с ним.

Среди фиктивных безработных мы встречаем значительное количество квалифицированных профессий, о чем свидетельствует высокий процент застойных безработных среди тех профессий, на которые промышленность пред'являет большой спрос.

По металлу, например, в числе застойных групп безработных (с длительностью безработицы свыше 1½ лет) мы встречаем такие профессии, как электромонтеры (13,7% безработных с длительностью безработицы свыше 1½ лет), слесаря-сборщики (11,5% с длительностью свыше 1½ лет), разметчики-наметчики (14,1%) и проч. Все эти профессии требуют большой квалификации, и спрос на них со стороны промышленности очень велик. Если эти категории рабочих остаются такой длительный срок безработными, очевидно, они имеют удовлетворяющие их источники дохода и не ищут труда по найму.

Обращает на себя внимание значительная застойность безработицы среди женщин. При средней длительности безработицы для обоих полов в 9,1 месяцев, средняя длительность безработицы среди женщин достигает 12,4 месяцев, а среди мужчин—6,3 мес. Если разбить всех безработных мужчин и женщин на группы по длительности безработицы, мы получим следующее:

Группы по длительности безработицы в %% к числу безработных.

	Мужчин	Женщин	Обоего пола
От 1 до 6 месяцев	68,0	46,3	58,0
„ 6 „ 12 „	16,0	16,6	16,2
„ 1 г. до 2 лет . . .	11,5	19,5	15,2
Свыше 2 лет . . .	4,5	17,6	10,6

В то время как безработные мужчины насчитывают в своем составе группу безработных с длительностью 1—2 года и свыше 2-х лет в размере

16%, среди женщин эта группа достигает 37%, т.-е. больше ⅓ всего количества безработных. Это явление стоит в связи с малой активностью женщин в подыскании работы вследствие их загруженности домашним хозяйством, а также в виду относительно большей материальной обеспеченности безработных женщин. Из всего количества безработных женщин 29% приходится на одиночек, 22% имеют семьи на своем иждивении, а остальные 49% безработных женщин являются членами семьи, находящимися на иждивении. У безработных мужчин мы видим обратную картину: при 23% одиноких и 77% семейных только 17,8% безработных являются иждивенцами. Из всего числа семейных безработных процент имеющих доход составляет среди женщин 73, а среди мужчин только 42.

Связь между длительностью безработицы и степенью материальной обеспеченности выявлена не только среди безработных женщин, но и среди всех безработных; она становится особенно очевидной при сопоставлении размеров доходов семьи с длительностью безработицы. Так, средний размер дохода на семью (в рублях) среди семейных безработных, имеющих доход, составляет:

Для групп с длительностью безработицы до 6-ти мес.	47,35 р.
„ „ „ „ „ 6 м.—1 г.	49,56 р.
„ „ „ „ „ 1 г.—2 г.	62,02 р.
„ „ „ „ „ свыше 2-х лет	71,18 р.
В среднем по всем группам	54,36 р.

Помимо указанной закономерности эти данные дают возможность выявить и материальный уровень безработных. Мы считаем, однако, более показательным уровень душевой нормы дохода, установленный материалами переписи. Приведем данные по некоторым союзам.

Распределение семейных безработных по размеру дохода на члена семьи в октябре—ноябре 1927 г.

Союзы:	Из числа семейных % имеющих доход в размерах[1]: до 5 р.	5—10	10—20	20—30	Свыше 30 р.
По 21 союзу	13,5	11,0	13,0	7,5	8,6
в том числе:					
Индуст. союз	15,0	12,7	14,2	7,5	7,7
Металлисты	15,8	16,3	14,9	7,5	8,2
Печатники	11,8	17,3	18,1	13,5	17,8
Текстильщики	10,6	14,3	26,1	12,8	11,4
Химики	6,1	14,2	16,5	10,2	10,3
Швейники	12,6	13,1	19,4	12,4	12,8

Из приведенной таблички видно, что в общей массе семейных безработных, составляющих около 80% всех безработных, 16% приходится на семьи, имеющие доход в размере 20—30 руб. и свыше 30 руб. на члена семьи. По некоторым индустриальным союзам этот процент поднимается до 20—30. Иначе говоря, 12—13% всех безработных материально обеспечены, так как их доход не только не отстает от среднего уровня дохода работающих, но даже превышает его в известной степени[2]). Эти цифры получены в результате учета не всех доходов безработной семьи, а лишь доходов от работы по найму, пенсий и пособий. Нет сомнения, что если бы можно было учесть прочие источники дохода (ремесло, торговля и проч.), численность материально обеспеченных групп безработных была бы выше.

---

[1]) Безработные, имеющие доход, распределены в отношении всех семейных безработных.

[2]) По данным бюджетных обследований 1927 г., доход на члена семьи в среднем для всех семейных рабочих составляет 22,21 руб.

Эти небольшие выборки из обильного и очень интересного материала переписи безработных указывают на то, что среди безработных членов союзов имеются мнимые безработные и безработные материально обеспеченные. Последнее свидетельствует об относительно слабой напряженности давления на рынок труда со стороны безработных.

О том, что данные нашей текущей статистики дают преувеличенное представление о безработице в СССР, говорят и цифры безработицы, выявленные демографической переписью (895 тыс. безработных в городах) [1].

По данным балансовых расчетов Госплана избыточное количество труда в работоспособном возрасте (16—59 лет) составляет в 1927—28 г. 1,1 млн.— на 20 с лишним проц. больше, чем в 1926—27 г.; 28—29 г. в свою очередь предполагает рост на 16% по сравнению с 1927—28 годом. Мы видим, таким образом, что и по балансовым расчетам безработица идет по растущей кривой.

Чем вызван такой рост безработицы? Об'яснение этому надо искать прежде всего в исторически сложившейся экономической обстановке Советского Союза. СССР представляет собою страну с громадным аграрным перенаселением, выбрасывающим ежегодно, как мы видели выше, колоссальное количество избыточного труда в город. Недочеты в организации найма труда, обильное применение временных работ и текучесть рабочей силы дают возможность крестьянскому населению легко проникать в производство, вытесняя подчас основные кадры городского пролетариата. О размерах давления крестьянского населения на городской рынок труда свидетельствует большой удельный вес крестьян в общей массе предлагающих труд и высокий процент среди нанимаемых промышленностью рабочих. По данным бирж труда пришельцы из сельских местностей составляют в общей массе предложения труда 24% в среднем за 1927—28 г.; такой же, примерно, процент мы имеем в 1926—27 г. Больше всего привлекают жителей сельских местностей следующие отрасли труда: горная (35,2% в общей массе предложения), строительство (54% из общей массы предложения труда), сахарная промышленность (24%), железнодорожный транспорт (18,5%) и т. д. В отраслях индустриального труда удельный вес выходцев из деревни ниже, составляет для металла 13,2%, в том числе 19,7% среди неквалифицированных профессий; для текстилей 11,7% (14,5% по неквалифицированным профессиям), для химиков — 11,7% (14,7% среди неквалифицированных) и т. д. В общей численности нанимаемой промышленностью рабочей силы на долю выходцев из сельских местностей приходилось в 25—26 г. 34%, а в 26—27 г. — 29%. Эти цифры с достаточной убедительностью говорят о значении деревни, как основного источника городской безработицы СССР. В крупных капиталистических странах деревня такой роли в формировании городской безработицы, конечно, не играет.

Говоря об относительном перенаселении, Маркс указывал, кроме аграрного перенаселения, еще две формы: 1) текучее перенаселение, возникающее в результате относительно замедленного роста занятого населения, изнашивания и вытеснения старших возрастов рабочих и замены их молодыми и 2) застойное перенаселение, образующееся преимущественно из рабочих отсталых отраслей, вытесняемых крупной промышленностью, и отживающих профессий. В капиталистических странах низкие темпы развития народного хозяйства и капиталистическая его рационализация усиливают роль этих двух форм перенаселения в образовании безработицы. В СССР, наоборот, значение этих форм перенаселения относительно невелико: текучее перенаселение смягчается сокращением рабочего дня и переводом на пенсию престарелых возрастов; для борьбы с застойным перенаселением проектируется реорганизация в плановом порядке мелкой и кустарно-ремесленной промышленности и дальнейшее развитие системы переподготовки рабочих отживающих профессий.

[1]) Перепись не относила к числу безработных работающих в коллективах для безработных и тех, кто работал не по специальности или на временных работах.

К числу специфических причин, обусловливающих рост безработицы в СССР, надо отнести относительно высокую активность женской трудящейся массы. Об'ективные предпосылки усиленного стремления женщин к самодеятельности заложены в политике советской власти, признающей за женщиной право на труд наравне с мужчиной; в размере оплаты женского труда, не уступающей зарплате рабочего-мужчины, в системе охраны женского труда и т. д. Реконструкция народного хозяйства, в частности, промышленности, увеличивающая конкурентоспособность женского труда, рост культурности женщин и социализация домашнего быта еще больше увеличат в перспективе тягу женщин к самодеятельности. Роль этого фактора в образовании безработицы, следовательно, возрастет.

Преспективы безработицы.

Перспективы развития народного хозяйства открывают большие возможности в части использования накопившихся трудовых ресурсов. Промышленность увеличивается по численности рабочей силы за пятилетие на 25% по отправному варианту и 32,2%—по оптимальному, строительство—на 145,0% по отправному и 200% по оптимальному варианту, культурные учреждения—на 34,8% и т. д., общая численность лиц наемного труда без сельского хозяйства увеличивается в абсолютном выражении на 2,7 милл. по отправному и на 3,4 милл. по оптимальному варианту. Из общего прироста лиц наемного труда без сельского хозяйства на города приходится 2 м. по отправному варианту и 2,5 милл. по оптимальному варианту. Кустарно-ремесленная промышленность вырастает за пятилетие на 33% по числу занятых лиц по отправному варианту и на 51% по оптимальному. Абсолютный прирост кустарей в городах выражается числом 224 т. по отправному и 373 тыс. по оптимальному варианту. Таким образом, только лица наемного труда и занятые в кустарно-ремесленной промышленности дают за пятилетие прирост в размере 2,2 млн. без сельского хозяйства и 2,4 милл. с сельским хозяйством по отправному варианту и 3 милл., включая и сел.-хоз. рабочих, по оптимальному варианту.

Особого внимания заслуживают мероприятия в области сельского хозяйства, направленные к смягчению аграрного перенаселения советской деревни и к уменьшению размера отхода в города. К этим мероприятиям относятся интенсификация сельского хозяйства, коллективизация, сближение уровней дохода между городом и деревней и т. д.

Баланс труда городского населения, составленный Госпланом с учетом проектировок хозяйственного развития и перспектив роста работоспособного населения, выявляет возможность снижения безработицы за пятилетие с 1.133 тыс. чел. (неиспользованный остаток по балансу) в 1927—28 г. до 835 тыс. в 1932—33 г. по отправному варианту и 511 тыс. по оптимальному. В процентах к 1927—28 г. это соответственно составляет 73,7 и 45,1. Удельный вес безработных среди работоспособного населения понижается с 6,4% в 27—28 г. до 3,9% в 32—33 г. по отправному варианту и 2,4% по оптимальному. Среди лиц, работающих по найму, удельный вес безработных снижается с 16,6% в 27—28 г. до 9,6% в 32—33 г. по отправному варианту и 5,6% по оптимальному.

Среди занятого городского населения заметно повышается удельный вес пролетариата, достигая 42,7% в 32—33 г. по отправному варианту и 43,4% по оптимальному вместо 41,4% в 27—28 г. Удельный вес нетрудового населения снижается с 1,0% в 27—28 г. до 0,8% в 32—33 г. по оптимальному варианту.

Необходимо оговорить расхождение в цифрах, характеризующих безработицу за отчетный период, по данным баланса труда и материалам текущей статистики. Число безработных, полученное методом баланса (неиспользованный остаток труда), меньше, так как в трактовке баланса безработными считаются лица, не имеющие занятий и ищущие таковых, в то время как безработные, зарегистрированные органами статистики, как мы видели выше, сплошь и рядом имеют занятия (временные или не по специальности).

Есть основание предполагать, что расхождение, существующее ныне между численностью действительных и зарегистрированных безработных, будет существовать в известной мере и впредь. Таким образом, численность зарегистрированных безработных может быть несколько выше сальдо баланса. С точки зрения баланса труда это обстоятельство не имеет существенного значения. Нам важно выявить тенденцию развития хозяйства СССР на ближайшее пятилетие: идет ли оно по линии смягчения диспропорции между спросом и предложением или в перспективе будет иметь место дальнейшее накопление безработных. Несмотря на всю свою ориентировочность, наш баланс ясно и отчетливо говорит о падении кривой безработицы, выявляя тем самым преимущества развивающегося социалистического хозяйства перед загнивающим капитализмом, плодящим «кон'юнктурную и структурную» безработицу.

Нельзя обойти молчанием отрадной перспективы, выявленной при построении баланса труда для молодежи (15—24 г.). Расширение сети учебных заведений, создание фонда социализированной зарплаты, идущего главным образом на пособие учащейся молодежи, даст возможность значительной части молодежи не искать заработка, а обучаться в школах, повышая свой культурный уровень и приобретая соответствующую квалификацию. По ориентировочным подсчетам Госплана число занятых в различных отраслях труда подростков (15—17 л.) в 1932—33 г. понизится абсолютно, примерно, на 100—200 тыс.

Рассмотрение баланса труда в разрезе по полу указывает на необходимость форсированного вовлечения женщин в различные отрасли труда. Эта необходимость вызывается следующим обстоятельством.

Неравномерность развития отдельных отраслей народного хозяйства приводит при неизменных коэффициентах участия женщин в различных отраслях труда к снижению удельного веса женщин среди лиц наемного труда на 1,2%. Если исходить из этого пониженного коэффициента участия женщин, число безработных женщин составит подавляющее большинство в общем количестве балансового остатка. Такое положение надо считать совершенно ненормальным, и мы должны поставить себе задачей всемерное расширение сферы применения женского труда.

Механизация производства и поднятие квалификации трудящихся женщин дадут возможность последним внедриться в те отрасли и профессии, которые фактически сейчас для них закрыты.

Ориентировочные расчеты Госплана показали, что при условии форсирования общего и профессионального обучения трудящихся женщин удельный вес работающих женщин в сфере наемного труда может быть поднят с 27% в 27—28 г. до 31,2% в 32—33 г. по отправному варианту и 32,5% по оптимальному.

Осуществление запроектированных темпов снижения безработицы требует, помимо вышеуказанных хозяйственных мероприятий (развитие индустрии, сельского хозяйства и пр.), целого ряда организационных мер. Основными из них являются: организованная переброска рабочей силы наибольшего спроса, переквалификация застойных групп безработных и ослабление текучести рабочей силы.

Проектировки в области заработной платы, предполагающие ослабление разрыва в уровне благосостояния отдельных категорий труда и групп рабочих, и развитие жилищного строительства, устраняя главную причину текучести рабочей силы, дают основание рассчитывать на возможность значительного снижения текучести, способствующей, как мы видели выше, росту численности безработных. Что касается первых двух мероприятий, то осуществление их связано со значительными денежными ассигнованиями, предусмотренными в финансовом плане борьбы с безработицей.

Общая сумма ассигнований на борьбу с безработицей запроектирована на пятилетие в размере 1.067 милл. руб., из коих 851 милл. приходится на социальное страхование, остальные суммы проходят по государственному и местному бюджетам и прочим источникам. Из общей суммы ассигнований 308 милл. запроектировано на трудовую помощь безработным: организацию коллективов безработных, переподготовку, переброску их в другие районы и т. д.

Вся сумма ассигнований на борьбу с безработицей вырастает за пятилетие на 160%, при чем расходы на трудовую помощь безработным увеличиваются вдвое. Среди статей расхода на трудопомощь больше всего вырастает расход на переподготовку рабочей силы (120%).

Значительный рост ассигнований на борьбу с безработицей, при абсолютном снижении числа безработных, обеспечивает нам максимальный охват безработных пособиями, при одновременном росте нормы пособия на 84%, и более правильное распределение избыточного труда по районам, нарушаемое неравномерным развитием в перспективе отдельных отраслей хозяйства и районов.

Многим эти проектировки кажутся чрезмерно оптимистичными. Трудно верится в возможность такого значительного снижения безработицы в течение одного пятилетия, в то время как до сих пор мы имеем рост безработицы из года в год. При этом забывают, что безработица настоящего времени, отражая в известной мере диспропорцию между спросом и предложением, является в то же время результатом целого ряда организационных непорядков, вполне устранимых при надлежащей постановке дела регулирования рынка труда. Ослабление текучести в результате устранения пестроты зарплаты, смягчения жилкризиса и упорядочения найма временных рабочих; переподготовка рабочей силы и своевременная их переброска в районы наибольшего спроса—все это на ряду с проектируемыми темпами вовлечения рабочей силы, безусловно будет способствовать уменьшению числа безработных. Работа эта, конечно, потребует большого напряжения со стороны соответствующих государственных органов и общественных организаций. Она потребует также, как мы видели выше, и больших денежных средств, но ее нужно и можно осуществить.

А. Гриневич.

Основные вопросы массовой работы на текстильных предприятиях.

«Пролетариат везде и всегда рекрутируется из мелкой буржуазии, везде и всегда бывает связан с нею тысячами переходных ступеней, граней... Историческая роль пролетариата—переваривать, переучивать, перевоспитывать все элементы старого общества, которые оно оставляет ему в наследство в виде выходцев из мелкой буржуазии. Но для этого нужно, чтобы пролетариат перевоспитывал выходцев, чтобы он влиял на них, а не они на него». (Ленин, т. XI, стр. 329).

Линия партии на социалистическую реконструкцию нашего хозяйства, нашедшая наиболее четкое отражение в пятилетнем перспективном плане народного хозяйства, встречает живейший отклик и получает активнейшую поддержку со стороны широчайших масс рабочих. Сейчас, когда лозунги социалистического соревнования подхватываются одной фабрикой за другой и перекатываются по всей стране, когда сотни и тысячи рабочих на каждой фабрике напряженно думают и работают над тем, как бы не уронить честь своей фабрики в производственном отношении,—доказывать это нет необходимости. Мы имеем примеры, когда в результате соревнования на ряде фабрик и заводов стремительно падают прогулы, брак, повышается производительность и т. п. Факты последнего времени из этой области с полной наглядностью опрокидывают все рассуждения нытиков, думающих, что мы чуть ли не зашли в тупик, что мы зарвались, что трудности непреодолимы, что линия партии не популярна в массах.

Но реконструкция хозяйства страны вносит ломку не только в производство; выражая собой наступление социалистических элементов, она неизбежно вызывает и обострение классовой борьбы в стране и известные колебания в отдельных группах рабочих, связанных в той или иной степени с деревней.

* * *

В массе рабочих - текстильщиков мы имеем твердую поддержку линии партии на реконструкцию хозяйства. Те изменения, которые произошли в результате революции в положении рабочих, создали здоровую основу для дальнейшего движения вперед. Революция дала значительное улучшение материального положения текстильщиков, в особенности основных групп рабочих. В среднем реальная зарплата таких групп, как ткачи, банкаброшницы, ватерщицы, сноваля, прядильщицы—повысилась на 40—50% против довоенного уровня. При все еще вопиющей нужде, несомненно, имеется улучшение жилищных условий, культурного обслуживания и т. п.

Не меньшее значение имеет систематический рост производства, строительство новых фабрик, переоборудование ряда предприятий. Какие размеры

принимает работа по переоборудованию—показывает, к примеру, фабрика им. Ногина, где за 1927/28 г. по прядильной было пущено 35% нового оборудования, проведено коренное переоборудование ткацкой. Реконструкция охватила 30% рабочих прядильной и всех рабочих ткацкой. От желающих работать на новых фабриках, на новых усовершенствованных машинах—нет отбою. На ряду с этим проведена и ведется огромная работа по улучшению условий труда. Увеличиваются проходы между станками, количество света, об'ем воздуха на работающего, совершенствуется вентиляция.

Весь этот размах строительства увлекает все, что есть передового среди текстильщиков, активно поддерживающих переход на уплотненные работы, охотно переходящих на опытную работу, связанную с рационализацией производства.

Однако, на ряду с этим задача перевоспитания отсталых слоев рабочих в условиях текстильной промышленности особенно сложна, и потому на передовые слои рабочих выпадает здесь исключительная ответственность. Надо иметь в виду, что текстильная промышленность как по своему удельному весу во всей промышленности Советского Союза, так и по количеству рабочих является в настоящее время самой крупной отраслью промышленности. Она дает 35% стоимости продукции всей цензовой промышленности, а по количеству рабочих составляет 34%.

Особенности социального состава рабочих текстильных предприятий—в том, что мы имеем здесь в среднем около 40% рабочих, живущих в деревне. Данные Владимирского губкома, собранные по 56 предприятиям, показывают, что из 76 тыс. рабочих 33.500 или 44% связаны с крестьянским хозяйством, из них ежедневно уходят в деревню 21.370 чел., остальные—по праздникам. По отдельным предприятиям удельный вес рабочих, живущих в деревне, еще выше:

На	Нижне-Середской ф-ке (Иваново)	55%
„	Красно-Волжской м-ре „	80%
„	им. Либкнехта (Влад. губ.)	92%
„	Ленской (Московской губ.)	80%

Если к этому прибавить, что и многие рабочие, живущие в городе вокруг фабрики, также так или иначе связаны с деревней, станет ясно, как велико влияние деревни на настроение рабочих-текстильщиков.

Надо сказать, что революция, создав более благоприятные условия для развития крестьянского хозяйства, способствовала укреплению связей с землей значительной части рабочих, живущих в деревне.

В крестьянском хозяйстве рабочих идет два процесса: часть не справляется с хозяйством и забрасывает его, но значительная часть укрепляет свое хозяйство и часто гораздо больше, чем это было до революции, связана с деревней. И хозяйство рабочих в деревне сплошь и рядом более культурно, чем крестьянское. Налоговое обложение их значительно выше крестьянской группы. Работа же по организации сельскохозяйственных коллективов в текстильных районах поставлена чрезвычайно скверно. Причиной этого являются трудности вовлечения рабочих, живущих в деревне, в колхозы и недостаточное внимание к этому вопросу со стороны наших организаций. Поэтому рост хозяйства рабочих в деревне идет по линии индивидуального хозяйства. Часть из них, хотя и небольшая, вырастает в кулацкие хозяйства. Отсюда та «критика» политики партии в деревне, которую мы иногда слышим на предприятиях в виде замечаний о поощрении советской властью «лодырей» в деревне, о неправильности обложения кулацких групп и т. п. Отсюда же—и настроения против индустриализации, практически выражающиеся в борьбе против уплотнения и рационализации, улучшения техники предприятий и т. п. Моментом, задерживающим в деревне рабочего, являются и жилищные трудности, недостаток квартир вокруг фабрик. При этом надо иметь в виду, что

рабочие сейчас значительно культурно выросли, и поэтому многие рабочие, ранее сдававшие углы и комнаты приходящим, сейчас предпочитают сами использовать всю имеющуюся у них жилищную площадь.

С жилищным вопросом у нас во многих отраслях промышленности положение тяжелое. Жилищное строительство не поспевает за развертыванием промышленности. По текстильной же промышленности мы имеем особенно резкое отставание. При этом надо иметь в виду, что положение особенно ухудшилось на фабриках, работающих с наибольшей нагрузкой, перешедших на три смены и 7-часовой рабочий день. Треть текстильщиков, проживающих в фабричных домах, живет по 2—3 семьи в одной комнате, а по отдельным предприятиям процент сожительствующих гораздо выше (по Гусю 75%). При работе в три смены никакой возможности выспаться нет. Еще хуже в казармах. К этому надо добавить, что очень редко где в общежитиях поддерживается хотя бы примитивный порядок. Положение с банями, прачечными, яслями, детскими садами еще более трудное. Есть ряд предприятий, где совершенно нет бань, а на тех предприятиях, где они есть, добрая половина—в неудовлетворительном состоянии. Большинство их стары, грязны, с сырыми, холодными раздевальнями. Теснота часто бывает невероятная. Лишь на пяти предприятиях Владимирской губ. имеются прачечные (из 56). В других—стирают в банях. До половины же рабочих-текстильщиков не имеют никаких прачечных. В прачечных приходится простаивать часто по нескольку часов в очереди.

В то же время за последние три года, в связи с значительным расширением производства, происходил большой приток новых рабочих (около 20%). Этот приток шел не равномерно, а концентрировался на группе предприятий, где в особенности сильно расширялось производство, происходил переход на 7-часовой рабочий день и три смены. В особенности это относится к крупнейшим и лучше оборудованным предприятиям (на В.-Середской ф-ке, например, за один лишь 1927/28 г. количество рабочих выросло с 4.814 до 6.396, т.-е. на 1.582 чел., или на 33%). На этих фабриках приток новых рабочих значительно больше средних 20% по всей текстильной промышленности и иногда достигает 40—50%. При этом сюда еще не входят те новые рабочие, которые сменяют естественную убыль.

Третьим моментом, представляющим особенности состава рабочих текстильной промышленности, является наличие среди них в среднем 54% женщин-работниц, что усиливает роль бытовых вопросов в настроениях рабочих.

Культурный уровень рабочей массы чрезвычайно низкий. На 800 тыс. текстильщиков около 150 тыс. неграмотных и не меньшее количество малограмотных, грамотность которых сводится к умению кое-как подписать свою фамилию.

Таковы особенности состава рабочих текстильной промышленности.

Особенности реконструктивного процесса в текстильной промышленности.

В деле реконструкции своего производства текстильная промышленность также имеет свои особенности, играющие первостепенное значение для всей массовой работы. На ряду с большой работой по строительству новых предприятий, переоборудованию старых, специализации фабрик на производстве определенных сортов продукции, основной работой во внутренней реорганизации производства было за последние два года уплотнение труда, переход на 3 и 4 станка, 3 и 4 сторонки.

Следующие цифры показывают, какой огромный размах принял этот процесс внутренней реконструкции производства в текстильной промышленности.

Уплотнение машин в текстильной промышленности (в % к общему числу машин).

	Прядение.			Ткачество.				
	2 стор.	3 стор.	4 стор.	2 стан.	3 стан.	4 стан.	6 стан.	Более 6 авт.
Хлопч.-бумажн. пром.								
1-й Гострест 1/X—26 г.	62.0	38,0	—	61.2	38,8	—	—	—
1/X—27 г.	45,5	54,5	—	38.9	61,1	—	—	—
1/X—28 г.	22,3	68,7	9,0	26.1	48,6	25,3	—	—
2-й Гострест 1927/28 г.	21,6	58,3	19,4	33,2	29.3	20,4	1,4	13,9
1 кв. 27/28 г.	24,8	71,3	3,0	39,3	42.2	2,9	0,5	13,7
IV „ 27/28 г.	19.4	50,6	29,4	28,6	23,7	30,0	1,8	14,7
3-й Гострест 1/X—27 г.	50.0	32,2	17,8	Свед.	54.5	—	Сведений нет.	
1/X—28 г.	33,4	31,2	35,4	нет.	38.2	30.4		
Тверской Трест 1926/27 г.	Сведений нет.			44,1	51,2	2,9	—	1,8
1927/28 г.				35,0	38,6	21,3	0,1	5,0

За 1927/28 г. по 1-му Государственному шерстяному тресту 54% ткацких станков перешли на уплотненную работу (на одного рабочего три станка).

Необходимо с полной отчетливостью представить себе, какую необычайную, колоссальную ломку должно было внести этот весь процесс производства, в организацию труда, в обычный уклад труда на фабрике, в установившиеся привычки. Сдвиги в рабочей массе в результате таких изменений весьма велики и выходят за пределы фабрики, в быт, и мы еще сами не в силах оценить происходящих изменений.

Одновременно с этим идет работа по упрощению и механизации ряда процессов производства. Перестройка и рационализация производства повели к изменению в положении отдельных групп рабочих, к падению роли тех или иных групп рабочих в производстве. Мюльные машины заменяются ватерными, вводятся нортроповские машины. Механизация процессов в набивном деле ведет к упадку роли набойщиков. Части рабочих приходится переходить на другие работы, иногда на другие фабрики. При общем повышении зарплаты в отдельных группах бывают случаи снижения. Приходится менять навыки старым работницам, десять лет работавшим на паре, при переходе на тройки и четверки, менять станки, переквалифицироваться. Вся эта ломка представляет чрезвычайную сложность и отражается на настроениях рабочих. К этому присоединяется вопрос об избыточных рабочих руках как в фабричных поселках, так и в окружающих деревнях. При огромном впитывании расширяющейся промышленностью новых рабочих это расширение не может поглотить всех ищущих работы.

Уплотнение и рационализация непосредственно замедляют рассасывание свободных рабочих рук. И надо добавить, что улучшившиеся после революции условия труда и зарплаты способствуют тому, что старые возрасты дольше задерживаются в производстве. Отсталый рабочий видит только это непосредственное влияние уплотнения. Пристроить члена семьи на фабрику для многих бо́льшая выгода, чем получить прибавку в заработке от перехода на 3 и 4 станка. Вливание же больших масс новых малоквалифицированных рабочих иногда влияет понижающе на заработок старых рабочих.

Огромные трудности, которые создавали эти условия для массовой работы, не даром вызывали сомнения среди отдельных неустойчивых коммунистов. Трудности эти действительно велики, и они еще осложнялись общехозяйственными затруднениями. Однако, сейчас уже можно сказать, что ряд трудностей в этом отношении уже преодолен и притом с бо́льшей легкостью, чем можно было ожидать. Это происходит потому, что мы опираемся на

крепкое ядро в рабочей массе и имеем неиссякаемое доверие и поддержку со стороны всего передового, что есть в рабочих массах.

Тем не менее, вся эта перестройка создавала и создает условия для роста цеховых настроений среди отсталых слоев рабочих, является причиной колебаний в их среде. В связи с перебоями в снабжении в отдельные моменты эти колебания охватывали и более широкие слои рабочих на отдельных предприятиях, приводили к резкому недовольству работой партийных, профсоюзных и хозяйственных организаций. Такие случаи были на «Красном Перекопе», на В.-Середской ф-ке и некоторых других предприятиях, где в момент резкого недовольства руководство и влияние на массы выпадало из рук наших организаций.

В связи с уплотнением растет напряженность работы, которая нервирует рабочих, живущих в деревне и связанных с крестьянским хозяйством, в периоды сельскохозяйственных работ.

Навстречу этим цеховым настроениям идут другие, иного происхождения. Эти другие источники кроются в довольно значительном количестве выходцев из разложившихся классов, которые сейчас попадают на производство: бывших торговцев, служащих, интеллигенции, а то и бывших фабрикантов, помещиков или их родственников.

Упадочнические настроения захватили и кое-кого из коммунистов.

Вот какие выступления отдельных коммунистов имели место:

«Налог на крестьянство тяжел, прижали среднее крестьянство, поэтому получилась не смычка, а размычка. Крестьяне клянут коммунистов за недостаток продуктов и товаров». (Чл. партии Скоркин, Зарядье, Ив.-Вознесенск).

«Затрата на тяжелую индустрию—мертвый капитал, и поэтому товарный голод. При наличии голода мы будем иметь 60% недовольных». (Мартьянов, чл. партии).

На фабрике им. Зиновьева в Иванове были поставлены опыты с приборами Виттекера к платтовским станкам. Работа протекала трудно, шла сплошная рвань, опыт долго не удавался. Недовольство охватило много ткачих. Не только отдельные члены партии, но и ячейка в целом не выдержала и вместо раз'яснения рабочим важности опыта стала требовать от администрации прекращения его.

Там, где имеется такая размагниченность и пассивность перед трудностями, неумение связаться крепче с массой оказывалось больше, разложившиеся группы, троцкисты пытались выступать открыто, сделаться центром притяжения для всех отсталых элементов на фабрике. К этому прибавляется разлагающее влияние наличия в составе администрации фабрик лиц враждебных рабочему классу. На Старо-Павловской ф-ке (Богородского уезда), например, среди администрации ф-ки обретается 27 чел. бывших фабрикантов, их ближайших родственников и торговцев.

Таким образом, *сложность всей нашей массовой работы на текстильных предприятиях упирается сейчас в два основных момента: 1) трудности и противоречия в связи с переустройством текстильной промышленности и 2) социальный состав рабочих и изменения, происходящие в этом составе за последние годы.*

Отсюда вытекают и условия успеха всей нашей работы: 1) не избегать этих трудностей, не стараться как-нибудь перетерпеть, переждать, когда они пройдут (такие настроения есть), а *повернуть всю массовую работу лицом к этим трудностям и противоречиям* и 2) направить ее в основном по линии *воспитания новых слоев рабочих, подтягивания их к уровню основного пролетарского ядра и перевоспитания всей рабочей массы в соответствии с задачами реконструкции производства.*

Многие работники наших местных организаций ищут разрешения задач массовой работы на текстильных предприятиях в новых организационных формах. Тут выдвигаются и вопросы перенесения работы в цех, организации цеховых и сменных ячеек и т. п. Все это безусловно необходимо и отвечает назревшим острым потребностям работы. Организационно мы чрезвычайно отстаем от потребности жизни.

Однако, решающее значение имеет не то, наделено ли цехпрофбюро теми или иными формальными правами, или другой подобный вопрос, а то, *насколько соответствует центральной задаче линия и вся работа местных организаций,* насколько четко эта задача поставлена перед всей рабочей массой, насколько мы сумели сплотить вокруг этой задачи все передовые слои рабочих.

В том, что этого нет на деле, и заключается слабость работы партийных организаций на текстильных предприятиях. Как правило, партийные организации не предупреждали того недовольства, колебаний, которые возникали в связи с продовольственными затруднениями или с трудностями перехода на уплотненные работы, а занимали оборонительную позицию, ожидая, пока стихия подопрет. Тогда раз'ясняли, собирали собрания, успокаивали.

Ряд затруднений производственного порядка таков, что мы не можем через них перескочить. Возьмем, например, производство подсобных материалов и деталей. Отовсюду несутся жалобы на недостаток и их плохое качество. Основная же причина этого в том, что в дореволюционное время производство этих материалов было поставлено из рук вон плохо, и значительная часть их ввозилась из-за границы. И только сейчас мы приступаем к коренному переустройству производства подсобных материалов. Таких независящих от нас моментов в текстильной промышленности немало. Их придется известное время терпеть. И эти вопросы надо прямо ставить перед рабочими.

Беда именно в том, что мы их не ставим со всей остротой перед рабочей массой, а иногда неправильной информацией дезориентируем рабочих.

Не меньше затруднений с техническим персоналом как высшим и средним, так и низшим.

Состав подмастерьев на текстильных предприятиях отсталый, малоквалифицированный, иногда безграмотный, со старыми навыками, иногда противящийся нововведениям. Среди среднего и высшего техперсонала очень много так наз. «практиков». На ткацких фабриках Ивгостреста, например, об'единяющих 46 тыс. рабочих, имеется лишь один инженер с высшим образованием. Выработка новых специалистов длительна и трудна. Да эти новые специалисты еще и не имеют опыта и практики. Часто же вместо того, чтобы получить поддержку в своей работе, эти новые специалисты забрасываются руганью за то, что они не так опытны еще, как старые.

Необходимо перед рабочими ставить вопрос о задачах и трудностях выработки нового состава техперсонала. *Необходимо воспитывать массы на трудностях нашего строительства и в первую очередь воспитывать на этом актив, передовых рабочих.* Все члены партии уже усвоили то, что в связи с индустриализацией нам предстоят большие трудности. Но когда дело доходит до конкретных трудностей на каждой отдельной фабрике, когда рабочие спрашивают, почему мало хлеба, почему плох хлопок, много рвани, почему плохи челноки, погонялки, подсобные материалы, то вместо прямой постановки вопроса часто получают обещание улучшить или ссылку на высшие органы. Не только широкая масса членов партии, но и актив, а часто и руководящие организации на фабрике не знают конкретных причин трудностей, с которыми сталкивается фабрика. Перед такими вопросами коммунисты иногда пасуют, не

знают, что ответить. Отсутствие ясной ориентировки в конкретных трудностях порождает неуверенность в своей работе, сомнения среди отдельных рабочих и отдельных членов партии как по вопросам практики у себя на производстве, так иногда и насчет линии партии.

Для того, чтобы преодолеть мелкобуржуазные шатания, нужна прежде всего в самой партийной организации твердость и четкость, знание причин трудностей на своей фабрике, умение разобраться в них и твердо поставить перед рабочей массой вопросы трудностей со всей резкостью, сплачивая на этой линии всех передовых рабочих.

Многие ищут все новых и новых форм работы, чтобы охватить массу, пускают в ход все новые методы агитации, применяют постановки кино, спектаклей, чтобы оживить рабочие собрания, но упускают основное. А основное заключается в том, чтобы *привести в движение, в действие тот огромный рабочий актив*, который имеется на ф-ках. Если только пролетариат может выполнить задачу перевоспитания выходцев из мелкой буржуазии, то повести за собой массы для выполнения задачи реконструкции производства, оживить все наши собрания, всю массовую работу может только рабочий актив. Никакое построение и перестроение ячеек, цехпрофбюро не может заменить собой этого основного узла всей работы на предприятиях.

Нужно ли для того, чтобы проделать огромную работу по воспитанию новых слоев рабочих и повышению уровня основных кадров, искать и выдумывать новые формы работы? Кое-что тут нужно (именно то, что способствует нашему проникновению в самую гущу рабочих, приближению нашей работы к отсталым слоям, приспособлению ее к специфическим условиям производства и быта). Но основные формы даны, надо их только уметь использовать.

В этом отношении одной из основных болезней массовой работы на текстильных предприятиях является недооценка роли нашей выборной системы, отчетных и выборных собраний различного рода. Если в капиталистической стране выборы являются одним из способов одурачивания и развращения избирателя, то наша советская система является могучим орудием классового воспитания. Но эти средства воспитания отсталых слоев рабочих становятся действительными, лишь когда в выборные формы вкладывают серьезное содержание, когда к ним подходят не формально. Если исключить выборы в советы, которые происходят обычно более организованно, то остальные выборы проходят на предприятиях весьма часто наспех и формально. При выборах на фабконференции обычно не ставится перед рабочими вопрос, какие задачи стоят перед этой конференцией, не ведется подготовка к ней, раз'яснение этих задач. Суть выборов часто сводится к технике намечения и голосования кандидатов. Поэтому часто на эти конференции приходит элемент случайный, более свободный, кому есть время и т. п. Часто по этому признаку и происходят выборы на конференцию. Так же происходят и выборы делегатского института. Вопрос о повышении сознательности рабочих масс и их активности в выборах зависит сейчас от того, насколько мы самый процесс выборов сумеем использовать для раз'яснения и отстаивания линии партии. Для этого *необходимо, чтобы собрания рабочих стали местом обсуждения основных, боевых вопросов жизни предприятия.*

Формальное отношение к выборным институтам на фабрике сказывается и в том, что постоянное вовлечение новых слоев рабочих в управление, в работу выборных органов иногда превращается в простую смену людей.

Огромное количество актива на фабриках не закрепляется вследствие колоссальной текучести состава выборных организаций. На Нижне-Середской фабрике пленум фабкома на последних выборах в 1928 г. обновлен на 10 чел. из 15. Эти 10 нигде прежде на профсоюзной работе не работали, не были ни

делегатами, ни сборщиками, ни в цехпрофбюро, ни в каких низовых профсоюзных звеньях. Весь рабочий аппарат также был обновлен (председатель ФЗК, председ. РКК, руководитель культкомиссии).

Цехделегатский институт в марте 1928 г. был обновлен на 172 чел. из 258,—на следующих выборах был снова обновлен на 235 чел. из 316. Из всего состава цехпрофбюро в количестве 9 чел., 8—в первый раз на профсоюзной работе, и только один был раньше профуполномоченным.

На фабрике им. Абельмана за 1928 г. сменилось 6 председателей фабкома, 7 секретарей фабкома и 4 председателя производкомиссии.

Это лишь более яркие примеры. Огромная текучесть состава—общее явление для профсоюзных организаций текстильщиков.

В связи с огромной работой по перестройке хозяйства вопрос о воспитании рабочих масс к иному отношению к производству является коренной задачей профорганизации.

Поэтому значение такой организации, как производственные совещания, исключительно возрастает. *Производственные совещания* не должны оставаться хотя и необходимым и важным, но все же придатком к системе организаций, охватывающих фабрику. Они *должны стать одним из основных рычагов в работе по реконструкции производства*. Необходимо и соответствующее отношение к ним.

Как правило, на производственных совещаниях присутствуют ответственные руководители фабричного управления и цехов, руководители профработы, техперсонал, партработники. И тем не менее, принимают большое количество безответственных, расплывчатых, ничего не говорящих решений, которые только вводят в заблуждение рабочих, неправильно их ориентируют. Например: «Улучшить положение с сырьем, улучшить качество материалов», в то время как ни фабрика, ни даже трест этого сделать не может, или может лишь в далеком будущем. На фабрике им. Ногина были такие решения: «Предложить администрации повести всяческими способами борьбу с широй на хлопке»,—«производить через каждые две недели перезаправку 14—16 номеров на других машинах». Или такие: «Обратить внимание на машину № 36». В таких случаях администрация в сводках о принимаемых мерах к выполнению решений пишет: «меры принимаются», «устраняются», «внимание обращено», и постановление считается выполненным. Беда еще в том, что расхлябанность и разгильдяйство часто бывают так велики, что производственные совещания иногда бывают вынуждены заниматься такими вопросами, как рекомендовать администрации поддерживать чистоту в ткацкой фабрике (выметать полы и промывать окна) и т. п.

В ряде мест на производственные совещания выносятся вопросы тарификации, расценок, выдача спецодежды и т. п.

На ряду с решительным изменением содержания работы п. с. и метода разрешения на них вопросов необходимы и организационные мероприятия, направленные к приспособлению их работы к охвату широких масс рабочих. В значительном большинстве на текстильных предприятиях производственные совещания об'единяют огромные цеха, иногда с тысячами рабочих. Конечно, там нельзя и высказаться, не говоря уже о том, что обсуждаются вопросы, интересующие небольшую группу рабочих, остальных же совершенно не касающиеся. Интересен опыт разукрупнения производственных совещаний на Родниковской фабрике «Большевик». Приведем следующие цифры о посещаемости производственных совещаний на этой фабрике:

1927 год.

По ткацкой ф-ке—11%; по прядильной ф-ке—6%.

1928 год.

По ткацкой ф-ке—4,6%; по прядильной ф-ке—4,6%.

В 1928 г. произошло понижение интереса к производственным совещаниям. После разукрупнения картина посещаемости резко меняется:

По ткацкой ф-ке: шпульный отдел—25%, подмастерья—61%, ткацк. автоматич. станков—63%.

По прядильной ф-ке: рабочие на ватерах—22,5%, на трепальных и чесальных машинах—42%.

Этот ценный опыт, который подтверждается данными по другим отраслям промышленности, необходимо распространить на все фабрики.

Крупнейшим отрицательным моментом в нашей работе на текстильных предприятиях является то, что система всей культурно-просветительной работы не увязывается с современными хозяйственными и политическими задачами, с задачами реконструкции хозяйства.

Культурные запросы рабочего-текстильщика огромны. На это указывает хотя бы рост читаемости книг. На середских фабриках в 1927 г. в месяц в среднем выдавалось 2.836 книг; в 1928—6.142. Это явление не единственное и не случайное. Основным читателем является молодежь до 25 лет. Она составляет 70—80% читателей. При этом в значительной мере этот рост идет за счет молодежи, вновь вступающей в производство. Одним из важнейших вопросов в деле культурного обслуживания является вопрос о помещениях. Расположенные в большинстве в деревенских районах, фабрики находятся в этом отношении в крайне тяжелом положении. Рассчитывать на то, что в ближайшие годы этот вопрос может быть разрешен хоть в какой-либо мере, нельзя. При нынешних условиях на первой очереди, безусловно, должен стоять вопрос о постройке прачечных, бань, жилых домов.

При таких условиях необходимо на первый план в работе клубов выдвинуть вопрос о методах клубной работы. Это тем более важно, что на текстильных предприятиях массовую работу на производстве, особенно в основных отраслях,—ткацком и прядильном отделах,—по условиям производства вести почти невозможно. Все твердят партийцам и профактиву, работающим на производстве, чтобы они вели работу в цеху, у станка. Но «у станка» вести ее невозможно, можно только в уборных, и то лишь отрывая рабочего от производства.

Клубы же замыкаются в своих стенах. Они развернули колоссальную культурную работу, создали свой актив в виде кружков, насчитывающих, примерно, на каждой фабрике от 200 до 700 чел. Для этого-то актива клуб является клубом, для остальных рабочих он является только театром. И поэтому при некотором росте кружков членство в клубах повсеместно падает, и даже многие члены кружков не являются членами клуба.

В большей мере, чем в какой-либо другой отрасли, на текстильных предприятиях необходимо культурно-политическую работу переносить в казармы, общежития, рабочие поселки. Удачный опыт такой работы дает фабрика «Коммунистический Авангард» (Владимирской губ.). По решению ячейки, там все ответственные работники прикреплены к коридорам. В каждом коридоре имеется парторганизатор, женорг, организатор молодежи, созданы домовые комитеты, культкомиссии, санитарные тройки и т. п. После совещания с интеллигенцией, прикреплены врачи, учителя, технический персонал. И кружки организуются по коридорам. Тут же устраиваются вечера, с выступлениями коридорных кружков, удачно проходящие. Стихийно возникают звенья пионеров в коридорах. Необходимо суметь оценить такие удачные опыты, всколыхнувшие и втянувшие в общественную жизнь массы рабочих, развертывающие подлинную самодеятельность.

Клубная работа не используется для производственного просвещения, для раз'яснения политических и хозяйственных задач, для выявления тех настроений, которые складываются в рабочей массе. К этому надо добавить, что в клубах главным образом молодежь. Взрослый рабочий принимает мало участия в работе клуба. В большинстве клубов кружки организуются по шаблону: физкультура, стрелковый, драматический, музыкальный, струнный, хоровой, фото-изо. Эти кружки именно определяют лицо всех клубов. Затем, идут: рабкоровский, кройки и шитья.

Работники клубов иногда жалуются, что их заставляют к выборам в советы делать часто агитпостановки, писать лозунги и плакаты, вообще спускаться с высот искусства к политическим событиям, что их заставляют отдавать помещения под собрания, намекают, а то и прямо говорят, что следует платить за их постановки, плакаты, музыку и пр., а им хотелось бы «более глубокой работы». Некоторые стремятся, хотя и неудачно, сделать из своих любителей драмкружков артистов.

Хозяйственное строительство, очередные задачи партии стоят в стороне от клубов. Громадные средства расходуются на клубную работу (около 7 млн. руб. в полугодие). Из этой суммы только 23.000—на производственное просвещение.

В то время как женщины составляют 54% рабочих, почти никаких затрат не делается, чтобы создать работницам условия для работы в клубе, посещения его. В то время как 40% рабочих живет в деревне, на обслуживание этих слоев перепадают крохи, обычно даже не предусматриваемые в сметах клубов. А между тем вопрос о политическом и культурном просвещении рабочих в деревне имеет решающее значение.

Борьба с мелкобуржуазными настроениями на текстильных предприятиях будет успешна лишь тогда, когда мы сумеем охватить нашим политическим воздействием основной массив отсталых слоев рабочих—рабочих, живущих в деревне. Эти рабочие на деле очень мало принимают участия в жизни предприятия и в работе общественных организаций на фабрике. В деревне они также мало принимают участия в работе деревенских организаций. Этот рабочий на деле предоставлен самому себе. Те формы политической работы, которые представляет работа красных уголков в деревне, открываемых профсоюзными организациями, ни в малейшей степени не отвечают задачам подтягивания этих слоев рабочих. Помимо того, что эти уголки часто имеют такой жалкий вид, что, например, один председсельсовета не нашел лучшего способа использования его, как поместить туда овец (все равно пустует!), работа их сводится к постановкам спектаклей, кино-картин, реже лекций, бесед. Эти лекции и беседы общи, не затрагивают непосредственных интересов, связанных с работой на фабрике. Средства, расходуемые на это дело, ничтожны, четкой установки, какую же именно работу вести с этими рабочими, нет. Деревни, близко расположенные к текстильным предприятиям,—не обычные крестьянские деревни. Во многих местах это по существу прифабричные поселки, где интересы зачастую определяются фабрикой. Поэтому и отношение к работе в этих деревнях должно быть иное. Все это нужно изменить. Больше средств, большая четкость в постановке политической и культурной работы среди рабочих, живущих в деревне.

Всю нашу культурно-просветительную работу необходимо повернуть лицом к трудностям нашего хозяйственного строительства, к задачам реконструкции хозяйства, к задачам воспитания отсталых слоев и в особенности новых рабочих и рабочих, связанных с деревней, к бытовым условиям женщин-работниц. Только при этом условии культурно-просветительные организации на предприятиях смогут выполнить свою роль.

Однако, думать, что большим количеством выездов докладчиков, лекций и т. п. мы решим вопрос о политическом воспитании отсталых слоев

живущих в деревне рабочих, неверно. Лишь воздействием рабочего актива на фабрике и подготовкой кадров актива из самих рабочих, живущих в деревне, можно разрешить этот вопрос.

И здесь важнейшим моментом является создание таких условий на фабрике, которые бы в наибольшей мере обеспечивали влияние передовых рабочих, основных рабочих кадров на всю рабочую массу. Для этого надо, чтобы основные кадры эти четко чувствовали эту свою роль. Нужно основные вопросы производства и общественной жизни решать не кабинетным порядком, в порядке согласования вопросов в «треугольнике». Нужно, чтобы эти вопросы решались активом, чтобы актив играл первую роль в борьбе с трудностями. Тогда вопросы организационных форм, их приспособления к новым условиям будут разрешены легче.

Если на новом этапе нашего хозяйственного строительства задача подтягивания, воспитания в пролетарском классовом духе новых отсталых слоев рабочих выдвигается как первостепенная, то особенное значение имеет разрешение этой задачи среди рабочих-текстильщиков. И выполнить ее можно, лишь опираясь всеми силами на передовые слои рабочих, создавая такие условия, чтобы они влияли на отсталых, а не наоборот.

Н. Ленцнер.

Магдебургский с'езд социал-фашистов.

I. Обострение классовых противоречий и подготовка фашистской диктатуры.

Состоявшийся в Магдебурге 26—31 мая с'езд немецкой с.-д. является, несомненно, событием интернационального значения, крупнейшей вехой в истории борьбы классов Германии, рабочего движения в особенности. Подготовка к грядущей гражданской войне в Германии, подготовка к войне империалистической, к войне против СССР в особенности — таковы те политические проблемы, которыми занималась реформистская бюрократия, собравшаяся в Магдебурге.

Чтобы об'яснить почему Магдебургский с'езд занимался этими вопросами, нам необходимо отметить основные тенденции третьего периода как в области международной, так и в применении их к Германии. Анализируя третий период, VI конгресс указал на следующие его основные тенденции: обострение противоречий капиталистической стабилизации (на основе известного технического прогресса и роста производства) и вследствие этого все большее ее расшатывание. При растущей неравномерности экономического и политического развития отдельных стран противоречие между ростом производства и сузившимися рынками сбыта крайне обостряет противоречия между отдельными империалистическими странами, вызывает поэтому стремительный рост вооружений—преддверие войны. Одновременно резко обостряются противоречия между капиталистическим миром и СССР, становится все более угрожающей опасность войны империалистов против СССР. Указанное противоречие между ростом производства и сужением рынков сбыта внутри империалистических стран резко обостряет классовые противоречия. Буржуазия каждой страны стремится стать конкурентоспособной путем рационализации своей промышленности (результат: растущая хроническая безработица, потогонная система, снижение жизненного уровня пролетариата и при этом значительной части квалифицированных рабочих) путем прямого понижения доли рабочего класса в народном доходе (увеличение рабочего дня, в ряде случаев снижение зарплаты, снижение расходов на безработицу и социальное страхование, увеличение налогов для трудящихся, пошлин на продукты массового потребления и т. д.). Это наступление капитала все чаще встречает отпор пролетариата, переходящего в контрнаступление. В условиях обострения кризиса капитализма, эти классовые бои в ходе своего развития в конечном счете перерастут в гражданскую войну, в непосредственную борьбу за власть.

Все противоречия третьего периода с особенной быстротой и четкостью выявляются в современной Германии. Разбитый в первой империалистической войне, германский капитализм сумел при активной помощи реформистской бюрократии в течение какого-нибудь десятилетия встать на ноги. Германский капитализм возродился как активная империалистическая сила. Но этот рост германского империализма происходит в «тяжелых» условиях. Германская

буржуазия должна отдавать известную — и немалую — часть прибавочной стоимости, выколачиваемой из пролетариата, буржуазии других стран. Понятно, что германская буржуазия, взявшая курс на отвоевание соответствующего места под «солнцем», стремится возместить репарационные платежи дополнительным нажимом на рабочий класс. Еще на-днях вождь партии «центра» и католических профсоюзов—Штегервальд [1])—с неслыханной откровенностью развил программу наступления на рабочий класс.

«В хозяйственном и налоговом отношении мы стоим перед социальной политикой форсирования хозяйственного развития страны и отметания всех излишних задач в частном и государственном хозяйстве. Необходима основательная проверка и рациональная организация бюджетов в республике, на местах и в общинах; широкая реорганизация германской налоговой системы; упрощение и удешевление социального страхования.

Ежегодный ввоз продовольствия из-за границы должен в непродолжительном будущем снизиться на 1 — 1½ миллиарда марок. Это будет возможно лишь в том случае, если население временно будет нести жертвы в форме более высоких пошлин на определенные товары и в форме других внутриполитических льгот сельскому хозяйству.

Далее министр заявил, что социальное страхование подлежит упрощению и удешевлению. С этой целью должна быть произведена реформа страхования безработных. Цель реформы—добиться, чтобы на хозяйство не ложились большие тяготы, чем это абсолютно необходимо. Страхование безработных должно ограничиться в своем действии теми безработными, которые потеряли работу не по своей вине. Страхование инвалидов также не может оставаться в своей теперешней форме. Мы не можем обойтись без реорганизации этой области страхования. Важнейшие социальные задачи современности—дать работу безработным и жилище тем, которые лишены его. Осуществление этих задач должно быть делом не социальной политики, а хозяйственной».

(Иначе говоря, безработные должны получить помощь, став... работающими. Яснее не скажешь).

Комментарии к этой программе излишни.

Но германская буржуазия знает, что одной экономической мощи для империалистического соревнования, для подготовки к участию в новой войне за передел мира, недостаточно. Надо вооружаться.

Надо вооружаться, надо брать за горло рабочий класс. Но германский пролетариат не склонен быть пушечным мясом для новой империалистической войны, тем более для войны против СССР, не склонен приносить в жертву свои классовые интересы во имя конкурентоспособности империалистической Германии. Экономические бои последнего года, огромные успехи компартии на выборах в фабзавкомы, массовая демонстрация берлинских рабочих, несмотря на запрет Цергибеля, майские баррикады—все это говорит о том, что на наступление капитала пролетариат отвечает контрнаступлением, что германский пролетариат сплачивается вокруг компартии и готовится к прямому широкому наступлению на буржуазию и ее государство.

II. Социал-фашисты как организаторы буржуазной диктатуры.

Буржуазия отчетливо осознает перспективу гражданской войны. Берлинская маевка пролила яркий свет на грядущее Германии. О необходимости диктатуры буржуазная Германия в лице Штреземана, Вирта, Штегервальда

[1]) Цитируем по отчету, помещенному в Ц. О. католической партии «Германия» от 27/V.

заявляла еще до майских событий. После берлинских событий буржуазная Германия заговорила об опасности керенщины, о перспективе гражданской войны. «После берлинских баррикад преступно играть в демократию. Нужна твердая власть, нужна диктатура,—так говорит основная печать [1]) немецкой буржуазии, так говорят Штегервальды. Но тут встает вопрос: какие формы должна принять диктатура? Как создать строй диктатуры, чтобы он не слишком разоблачил себя в глазах широких масс? Провести этот переход руками одних буржуазных партий, это значит создать пропасть между ними и рабочими массами (а ведь у одного центра свыше 1½ млн. избирателей среди промышленных рабочих и работниц), это значит крайне ускорить гражданскую войну. Провести этот переход по итальянскому методу, т.-е. поручить фашистам произвести переворот — это значит способствовать сплочению всего германского пролетариата (силу которого германская буржуазия не недооценивает) в борьбе с буржуазной диктатурой. Тем более, что германская буржуазия не забыла уроки капповского путча. Германская буржуазия не хочет полностью ломать парламентскую систему. Она по-своему правильно считает, что в Германии диктатура прикрытая, хотя и урезанная парламентской системой, более удобна, чем диктатура итальянского типа.

Германская буржуазия стремится, таким образом, эволюционным путем перестроить известные части политической надстройки, стремится ввести такую диктатуру, которая, громя пролетарский авангард, в то же время стабилизировала бы наличный раскол в рабочем классе, помогла бы укрепить сотрудничество классов, не дискредитировала бы буржуазные партии в широких массах. Ясно, что такая диктатура может быть установлена лишь с помощью и при самом активном участии реформистов. Зачем же—чего никак не могут понять такие «великие диалектики», как Тальгеймер—германской буржуазии предпринимать крайне опасный в германских условиях итальянский эксперимент, когда в Германии можно создать режим диктатуры с помощью реформистов? Ведь реформисты пока еще имеют за собой 9 мил. избирателей, из них 5—6 миллионов рабочих, ведь в их руках мощный аппарат профсоюзов, могучая организация «республиканского флага». Ведь у реформистов — огромный политический опыт по части обмана масс, и им книга в руки по вопросу о том, как создать режим диктатуры, прикрываясь всякими демагогическими лозунгами.

Германская буржуазия, понятно, всячески укрепляет свои фашистские кадры. Но германская буржуазия в лице ее основной партии—народной партии—не считает целесообразным пойти по пути итальянской буржуазии. Она социально и политически достаточно сильна, имеет достаточный опыт в использовании коррумпированной верхушки пролетариата против революционного движения, чтобы не передоверять фашистским кадрам политической власти, чтобы создавать режим диктатуры с помощью социал-фашистов. Она знает, что Вельсы и Северинги будут создавать режим неприкрытой буржуазной диктатуры, ибо иным путем они не спасут и свое влияние в рабочем классе. Укрепляя фашистские кадры, развивая деятельность фашистских организаций, буржуазия пока использовывает эти «факты» для шантажа социал-фашистов, для давления на Вельсов и Северингов в том направлении, чтобы они энергичнее и тверже держали курс на разгром революционного движения, на подготовку империалистической войны, на «мир в промышленности».

[1]) Демократическая печать («Франкфуртская газета», «Берлинер Тагеблатт») не характерна, ибо она отражает настроения малочисленных и не влиятельных кругов либеральной буржуазии, у которой поджилки трясутся при мысли о грядущей гражданской войне.

Ставя ставку на режим диктатуры с помощью реформистов, германская буржуазия готовится к такой гражданской войне, при которой одна часть рабочего класса боролась бы на буржуазных баррикадах, при чем одновременно весь аппарат реформистских профсоюзов работал бы для более усиленного выколачивания прибавочной стоимости из рабочего класса. Ставя ставку на режим диктатуры с помощью реформистов, буржуазия создает и более благоприятные условия для подготовки к империалистической войне. Вести подготовку войны, тем более самую войну после проигрыша первой империалистической войны, крайне трудно. Зная симпатии широчайших масс германского пролетариата к СССР, германская буржуазия понимает, какие трудности сопряжены с участием Германии в антисоветской войне. Участие реформистов в коалиции, в создании диктатуры в некоторой мере облегчает решение этих задач, ибо реформисты, выдвигаясь на передний план в деле идеологической и организационной подготовки войны, особенно войны против СССР, сделают все возможное, чтобы скрыть империалистический характер войны.

Своеобразие нынешней обстановки Германии (по сравнению, напр., с Италией 1922 г.) состоит таким образом в том, что фашистский режим буржуазия хочет установить и начинает устанавливать прежде всего[1]) руками реформистов. Этого своеобразия не видят ни правые, ни примиренцы, с пеной у рта критикующие тезис о социал-фашистском перерождении реформизма. Но германская буржуазия уже сказала свое решающее слово. Она лишь требует, чтобы реформисты были тверды и впредь, чтобы они не стеснялись в мероприятиях по удушению революционного авангарда. О линии трестовского капитала мы можем судить, напр., по следующей выдержке из передовой «Рейнско-Вестфальской газеты» — органа рурской тяжелой индустрии:

«Наименьшее, чего можно от них (с.-д. *Н. Л.)* потребовать — это роспуск коммунистической партии и всех подчиненных ей организаций, прежде всего красного союза фронтовиков (уже выполнено. *Н. Л.),* не оставляя при этом сомнения, что об отмене этого запрещения нечего мечтать в ближайшие годы.

Вот краткий минимальный перечень тех мероприятий, которые должны быть проведены государственной властью. Если имперское и прусское правительства, и прежде всего социал-демократия, занимающая в этих правительствах видное место, захотят уклониться хотя бы в какой-нибудь мере от этих мероприятий, то это будет тяжелый проступок перед государством. Они стоят сейчас у власти, и жаждущее порядка население должно и может ждать от них, что они сделают все возможное и не допустят развития берлинских событий.

На этих господах теперь лежит ответственность, которой они сами добивались. Пусть они покажут, что они в состоянии управлять государством и что у них есть необходимое для этого мужество» (из статьи «Что же дальше?» в № от 4/V).

Крупная буржуазия может быть спокойна. Социал-фашисты не «подгадят». Достаточно вспомнить то, что они сделали за последний год. Год коалиционной практики показал, что именно реформисты являются наиболее хорошими проводниками политики буржуазной Германии. Его результаты были столь выразительны, что даже одна с.-д. газета (плауэнская) однажды не выдержала и отметила, что «коалиция прокладывает путь к фашизму». «Левые» болтуны единственный раз сказали правду. Коалиция готовит фашистский режим, ибо для этого реформисты и были взяты в коалицию [1]). Махровый черносотенец Кейдель (будучи минвнуделом буржуазного блока) не сумел провести запрещения Союза Красных Фронтовиков. Зато это теперь сделали Гржезинский и Зеверинг, хотя их партия перед выборами в рейхстаг лицемерно критиковала действия националистического минвнудела. Черносотенный минвнудел не решался лишить пролетариат завоеванного права на улицу. Зато «социалистические» минвнуделы достаточно решительны, чтобы отнять это право у пролетариата.

Правительство буржуазного блока не решалось провести декрет о постройке броненосца. Зато это сделало правительство, возглавляемое социал-демократами [2]), хотя вся избирательная кампания с.-д. велась под лозунгами борьбы с постройкой броненосца [3]).

По признанию Пауля Леви [4]) буржуазный министр финансов не решился бы вести такую открыто-буржуазную финансовую политику, какую ведет Гильфердинг. Составить бюджет, перекладывающий сотни миллионов с буржуазии на плечи пролетариата, выпустить заем, дающий буржуазии неслыханные льготы, дарящий ей 50 млн. марок, возвестить о предстоящей «реформе» социального страхования, действительно, решился бы не всякий буржуазный министр в обстановке столь обостряющихся классовых противоречий.

Буржуазные партии постарались сплавить реформистам портфель министра труда, ибо основная функция этого министра состоит в том, чтобы принудительными законами заставлять рабочих отказываться от всех своих требований, выставляемых ими в стачках, чтобы вести курс на снижение расходов по «социальной политике» (т.-е. на пособия безработным, инвалидам и т. д.).

В своей готовности служить буржуазии реформисты решались даже на такие «подвиги», как голосование в рейхстаге против собственных же законопроектов (что имело место с законом о пособиях безработным).

Венцом годичной коалиционной практики реформистов была кровавая баня, устроенная ими в Берлине в майские дни. Берлинские расстрелы, заранее подготовленные и политически взвешенные, показали реформистов в их новой роли, роли социал-фашистов. Политическая цель берлинских расстрелов не была достигнута. Социал-реформистам не удалось ни спровоцировать пролетарский авангард на преждевременный изолированный бой, ни запугать широкие массы. Зато сами реформисты перешли Рубикон, открыто встав на путь фашизма. Устраивая бойню, провоцируя пролетарский авангард на преждевременный (ибо большинство класса еще не завоевано, хотя эта задача встала уже вплотную) бой, социал-фашисты видят в этом единственный путь и своего спасения, как буржуазной рабочей партии. Год коалиции рассеял многие иллюзии масс. Реформисты рисовали массам коалицию, как средство завоевать государство по частям, как наиболее мирный и лучший путь улучшения жизненного уровня

[1]) Мы говорим: «прежде всего», ибо на ряду с социал-фашизмом существуют «чистые» фашистские кадры, которые буржуазия укрепляет и которые будут играть соответствующую роль при режиме диктатуры.

[1]) Этого не понимала в свое время примиренческая группа в ЦК (Эверт, Герхардт и др.), расценивая перспективу создания большой коалиции как перспективу ослабления фашистской опасности.

[2]) В связи с этим интересно отметить признание Мюллера на с'езде, что с.-д. министры голосовали на заседании кабинета за постройку броненосца, хотя знали, что они могли бы иметь большинство против постройки.

[3]) У Мюллера хватило наглости заявить на с'езде, что он уже до выборов знал, что броненосец придется строить и что с.-д. партия-де пересолила, агитируя на выборах против постройки броненосца. Нужно далеко зайти в своей социал-фашистской и социал-империалистской эволюции, чтобы так плевать в лицо многомиллионным избирателям с.-д. партии.

[4]) См. передовую в журнале «Классовая Борьба» от 15/V.

пролетариата, как инструмент мира. Коалиционная же практика показала массам, что эта коалиция является орудием укрепления классового господства буржуазии, орудием более усиленной эксплоатации масс, орудием подготовки новой войны.

Кризис с.-д. партии в связи с голосованием с.-д. министров за постройку броненосца, катастрофическое поражение профсоюзной реформистской бюрократии на выборах в фабзавкомы были результатом годичной коалиционной практики. Но реформистская бюрократия превосходно понимает, что нужно ожидать еще более худшего. Социал-фашистский путь, на который встали реформисты, является для них путем борьбы за удержание влияния на большинство рабочего класса.

Социал-фашистский путь реформистов отражает прежде всего всю серьезность кризиса немецкого капитализма. У последнего нет материальных резервов для компромисса с рабочим классом. Он коррумпировал часть рабочей аристократии, но одновременно снизил жизненный уровень значительной части квалифицированных рабочих, этой былой опоры оппортунизма. Он создал новый слой чиновничества из рабочих аристократов, посадив их в полицейские управления, но одновременно он срезает социальные пособия миллионам безработных, инвалидов и т. д.

Реформисты вросли в буржуазное государство, но зато сузился их социальный базис в рабочем классе и крайне расширился мелкобуржуазный базис (эти передвижки в социальном базисе реформизма отчетливо выявились на майских выборах 1928 г.). Они уже не могут демократическими методами удержать за собой большинство рабочего класса. Не помогает и политика исключений из профсоюзов и др. массовых организаций. Нужно поэтому поставить последнюю ставку: на фашистские методы разгрома революционного пролетариата, на фашистскую систему сотрудничества буржуазии и рабочей аристократии. Социал-фашистское знамя реформизма — это знамя подготовки диктатуры, это знамя подготовки новой империалистической войны, войны против СССР. И это знамя немецкая с.-д. подняла на своем с'езде в Магдебурге.

III. Проблема диктатуры на Магдебургском с'езде.

Политическая линия с'езда была четко формулирована уже во вступительной речи Вельса—этого Цергибеля периода 1919 г. и мастера по устройству кровавых бань, а ныне председателя партии. «Если бы врагам республики удалось нанести столь тяжелый вред демократии, что единственным исходом осталась бы диктатура, то с.-д. и профсоюзы, действуя с полным сознанием ответственности и с сохранением непоколебимой дисциплины, вынуждены были бы прибегнуть к методам диктатуры. Право диктатуры принадлежит социал-демократии и никому другому, ибо только при социал-демократии существовала бы также и гарантия возвращения к демократии. Социал-демократия отклоняет всякую ответственность за кровавые события в майские дни. (В отчете, помещенном в вечернем выпуске «Форвертса», весь отрывок дан жирным шрифтом) [1]). В этом тщательно взвешенном заявлении дана полная программа социал-фашизма.

В речи Вельса, во-первых, дан ответ буржуазии на вопрос о том, готовы ли реформисты взять на свои плечи дело создания диктатуры. Вельс, председатель партии, на ее с'езде публично дает положительный ответ. Из речи Вельса, во-вторых, вытекает, что вопрос о диктатуре уже обсужден и решен в среде реформистской бюрократии. Вельс говорил не только от имени ЦК и не только от имени с.-д. партии. Он ведь говорил и от имени профсоюзной бюрократии. Он выступил как уполномоченный и партийной и профсоюзной бюрократии. Всякому ясно, что без тщательного предварительного обсуждения вопроса Вельс не решился бы выступить с таким ответственным заявлением. В речи Вельса, в-третьих, указаны и те методы, которыми социал-фашисты будут организовывать диктатуру. Социал-фашисты будут создавать режим диктатуры под лозунгом защиты демократии. «Коммунисты и фашисты хотят похоронить демократию. Мы хотим ее сохранить. Но сделать это можно лишь диктаторскими мерами». Таков, примерно, тактический трюк Вельсов. Вельсы не были бы социал-фашистами, если бы они не прикрыли свое фашистское дело знаменем демократии. В этом, между прочим, и заключается одно из различий между фашизмом и социал-фашизмом. Первый готовит диктатуру, дискредитируя демократию. Второй готовит диктатуру якобы для защиты демократии. Первый это делает потому, что он опирается прежде всего на националистическую реакционную мелкую буржуазию города и деревни, на отсталые деклассированные элементы пролетариата, второй — потому, что все еще ведет за собой широкие массы пролетариата, рассматривающие демократические права, как результат демократии.

Первый (напр. в Италии) устанавливал диктатуру, громя всю парламентскую систему, всю систему партий, ибо имел рядом с собой лево-реформистскую партию (каковой была итальянская социалистическая партии в 1922 г.), лево-реформистские профсоюзы, многочисленную лево-реформистскую парламентскую фракцию; второй выдвигается буржуазией там, где особенно силен реформизм, сильна коррумпированная рабочая верхушка и рабочая бюрократия, где сильны еще демократические иллюзии рабочих масс революции.

Диктатура, о которой говорит Вельс, будет опираться на профсоюзы. Т. о. не только с.-д. партия становится социал-фашистской, но этот же процесс проделывает и профсоюзная бюрократия. Она хочет сделать реформистские профсоюзы фашистскими. Зная программу «хозяйственной демократии», принятую последним гамбургским с'ездом профсоюзов, не трудно понять, что профсоюзная бюрократия хочет превратить профсоюзы в орудие предпринимателей по более усиленному выколачиванию прибавочной стоимости [1]). Конечно, Вельсы, Зеверинги, Брейтшейды не были бы социал-фашистами, если бы, подготовляя этот новый, превосходящий по своим размерам все предшествующие, удар против рабочего класса, не кричали о том, что они «ни пяди» не уступят в защите социальных интересов пролетариата. Делая доклад от имени парламентской фракции, Брейтшейд патетически заявил, что вопрос о социальном страховании—это вопрос коалиции. «Если вы посмеете сократить расходы на социальное страхование, коалиция будет взорвана»—так, примерно, грозил буржуазии Брейтшейд. Ясно, что вся эта шумиха рассчитана прежде всего на то, чтобы успокоить бунтующие с.-д. массы, требующие ухода с.-д. министров из коалиционного правительства, успокоить массы реформистских профсоюзов, требующие, чтобы профсоюзы организовывали контрнаступление.

Все заявления Брейтшейда и др. о борьбе за существующий порядок в социальном страховании, заявления Зеверинга и др. о борьбе за «респу-

---

[1]) В своем отчете «Форвертс» отмечает, что на это заявление с'езд ответил бурными аплодисментами.

[1]) Как высоко котирует буржуазия фашистские способности реформистской профсоюзной бюрократии, видно из одной статьи в «Горнозаводской Газете», органе тяжелой индустрии, заявляющей, что реформистские вожди «гораздо лучше понимают обстановку, чем даже католические профсоюзы».

бликанизацию» рейхсвера и все прочие демагогические заявления были лишь весьма прозрачным маневром, предназначенным для успокоения масс и торговли с буржуазией о цене предательства. Буржуазия, несомненно, не уступит. Социал-фашисты же будут не за страх, а за совесть гнуть рабочих в бараний рог.

Опыт сотрудничества социал-фашистских диктаторов с профсоюзной и партийной бюрократией уже имеется. Выступая на собрании берлинского актива с.-д. партии, Цергибель публично заявил: «Я находился в непрерывной связи с руководящими товарищами из партии и профсоюзов». Берлинские выстрелы производились, стало быть, с ведома и благословения бюрократии партии и профсоюзов. О тесном сотрудничестве этой троицы в будущем Вельс и заявил на магдебургском с'езде [1]).

Социал-фашистская программа, сформулированная Вельсом, не встретила возражений ни от одного из делегатов с'езда, ни один «левый» делегат не выступил с критикой заявлений Вельса. «Левые» с.-д. своим молчанием подтвердили свою солидарность с социал-фашистской программой Вельса.

Под социал-фашистскую программу, сформулированную Вельсом, на с'езде был подведен и соответствующий теоретический базис. Во всех выступлениях партийных вождей красной нитью проходила мысль о том, что современное государство Германии *не* является классовым государством, что оно является государством *и* рабочего класса. Более глупый, чем другие, Дитман в своем докладе о военной программе заявил даже, что в Германии происходит уже... строительство социализма.

«Мы больше уже не живем в чистом капиталистическом обществе, а в переходном периоде к социализму... Старое государство мы расценивали как управление делами господствующего класса. Теперь государственная власть дается народом... Критики заявляли, что для социалистического государства они допускают военную силу. Но я уже указал, что мы находимся в периоде развития к социализму. Мы должны теперь защищать уже социалистические требования. Кто разрешает России иметь военную силу, потому что там якобы нужно защищать социалистический строй, тот должен разрешить и Германии, ибо здесь мы должны защищать социалистические достижения, в десятки раз превосходящие достижения русских» [2]) (курсив отчета. Цитирую по «Лейпцигер Фольксцейтунг» от 29 мая).

Можно не сомневаться в том, что завтра Дитманы об'явят социалистической ту фашистскую диктатуру, которую они установят. Заявление Дитмана показывает, что социал-фашисты в своей демагогии ушли вперед даже по сравнению с Муссолини.

---

[1]) Одно это заявление вдребезги разрушает все теоретические фокусы-покусы г. Тальгеймера, который весьма кичится своей «ученостью», критикует редакторов партийных газет, пишущих о социал-фашизме. По мнению Тальгеймера, понятие «социал-фашизм» заключает в себе внутреннее противоречие. По мнению Тальгеймера, нелепо говорить о социал-фашизме, ибо фашизм уничтожает реформистскую партию и профсоюзы. После речи Вельса Тальгеймер должен будет умерить свой полемический пыл. Оказывается, что «неученые» молодые редактора печати КПГ лучше разбираются в диалектическом ходе классовой борьбы, чем «ученый диалектик» Тальгеймер.

[2]) В унисон этим социал-фашистским теориям была теория, развитая Зольманом: «Как преимущественно политико-экономическая партия с.-д. не может взять курс лишь на атеизм. Атеизм в такой же мере широкое понятие, как и вера в бога. К социализму можно притти как через атеизм, так и через христианство. В рядах с.-д. есть атеисты, монисты, философские идеалисты, философские материалисты, неокантианцы, протестанты, католики, а также (!) иудеи». Разве такая партия—плохая социал-фашистская партия?

IV. Программа подготовки империалистической войны и войны против СССР.

Теория «надклассового» государства была положена и в основу военной программы (или — как нечаянно остроумно заметил Пауль Леви,— программы войны), принятой с'ездом. Современное государство — наше государство. В то время, как реакционные фашистские государства вооружаются, демократическая Германия не может быть безоружной. Вооружения Германии нужны не для наступательной войны (ибо, как заявил Брейтшейд, «Германия далека от того, и не в состоянии вести империалистическую политику, если бы даже она этого хотела»), а для обороны, для защиты своей нейтральности — таковы были аргументы социал-фашистов. Весь смысл этой теории, как и всей военной программы, сводится к тому, чтобы оправдать в глазах масс (переживших ужасы мировой войны, в которой германский империализм потерпел поражение) новые вооружения, подготовку новой империалистической войны. Социал-фашисты с большим искусством использовывают «особое» положение Германии, как побежденной страны, доказывая массам, что Германия «не может» быть империалистической страной.

Решение о разработке военной программы было вынесено ЦК с.-д. партии в связи с кризисом партии, вызванным голосованием с.-д. министров за постройку броненосца. Тот стихийный бунт, который поднялся в рядах с.-д. партии (в одних случаях, принимавший форму отказа от выполнения партийных нагрузок, в других — требования исключения с.-д. министров из партии, в третьих—требования поддержки лозунга коммунистов о плебисците), показал с.-д. верхам, какую огромную работу нужно проделать, чтобы оправдать в глазах масс политику империалистических вооружений, чтобы подготовить их к новой войне.

Военная программа с.-д. рассматривается и буржуазией и реформистской бюрократией, как крупнейшее идеологическое орудие в обработке масс для новой войны. Германская буржуазия, сама усердно играющая по пацифистским нотам, меньше всего беспокоится о том, что с.-д. программа «принципиально» отвергает войну как «орудие национальной политики», что с.-д. программа «угрожает» принять все меры в том числе и (не шутите) «революционные» для наказания виновников наступательной войны. Огромное—с точки зрения империалистической Германии—значение с.-д. военной программы состоит в том, что с.-д. партия, впервые после войны развернула отчетливую социал-империлиастскую программу. Впервые после 10 лет со времени окончания первой империалистической войны, партия, ведущая за собой 9 млн. избирателей, из них по меньшей мере (в мае 1928 г.) 5 млн. пролетарских избирателей, поставила на своем знамени лозунг вооружений. При чем эта милитаристская программа с.-д. имеет — с точки зрения обработки масс для войны — то преимущество перед программами фашистов-националистов, что она не идет «против течения», против пацифистских настроений масс, а весьма ловко эксплоатирует эти пацифистские настроения для милитаристских задач. Социал-фашисты оказались достаточно ловкими (правда, с помощью австро-марксистского обер-фокусника Бауэра), чтобы военную программу, своим острием прежде всего направленную против СССР, представить в глазах масс, как программу защиты нейтральности Германии в случае войны других стран против СССР. Социал-фашисты хотят выиграть время. Их основная задача состоит в том, чтобы усыпить внимание масс на период подготовки войны. Когда же подготовка будет совершена, задача оправдания участия Германии в войне против СССР, — думают реформисты — явится делом менее сложным и трудным.

Но военная программа, принятая магдебургским с'ездом, является не только программой вооружения для войны во-вне. Она является также программой вооружения для гражданской войны внутри страны[1]). Только с этой точки зрения можно понять то исключительное внимание, которое уделил с'езд вопросу «завоевания» рейхсвера. Социал-фашисты готовятся к диктатуре. Но диктатуре нужна вооруженная сила. Этой вооруженной силой является рейхсвер, в своей командной верхушке—в значительной мере и в рядовой массе—монархический. Социал-фашисты, готовя диктатуру для подавления рабочего класса, настаивают на том, чтобы буржуазия вверила им рейхсвер. Буржуазия, конечно, этого не сделает, но та забота, которую проявляют реформисты в отношении рейхсвера — этой наемной армии германского империализма — ярко характеризует их социал-фашистскую суть.

V. „Левые" на Магдебургском с'езде.

Программа магдебургского с'езда — это программа подготовки диктатуры (против рабочего класса) и империалистической (прежде всего против СССР) войны. Эта программа знаменует собой новый этап—именно социал-фашистский—в развитии немецкого реформизма. Эту программу с.-д. партия намечает после годичного опыта коалиции, балансом которого является резкое падение влияния с.-д. в рабочем классе. Понятно поэтому, что на с'езде—как он ни был профильтрован — должны были выявиться некоторые колебания, должно было отразиться, хотя как в кривом зеркале, недовольство с.-д. низов. Линия основного ядра бюрократии (Вельс, Зеверинг, Мюллер, Гильфердинг, Браун и т. д.) ясна и четка. Никаких колебаний в деле перехода к социал-фашизму у них нет. Никакого «похмелья» после года коалиционной практики они (по заявлению Гильфердинга) не чувствуют. Их курс—это продолжение коалиционной политики, подготовка гражданской и империалистической войны[2]). Но баланс года коалиционной практики был столь отрицателен, перспективы столь незавидны, что даже среди части сторонников линии ЦК царили пессимистические настроения. Уже в своей вступительной речи Вельс вынужден был говорить о наступлении ожидавшихся разочарований, о том, что «находясь в коалиции, мы чувствуем себя в тяжелом состоянии оборонительной борьбы», что «с.-д. всегда имеет мужество быть непопулярной». (См. «Абенд» от 27 мая). Правда, в своей речи Гильфердинг старался подогреть с'езд, уверяя, что самый тяжелый период — позади. Но его речь, холодно принятая с'ездом, не развеяла настроений похмелья (Katzenjammer'a) и беспокойства. В своем заключительном слове Фогель призывал делегатов не представлять дело так, что «наша коалиционная борьба была совершенно бесцельной и смешной. Этим мы уменьшаем пропагандистскую силу (в этом-то собака и зарыта. *Н. Л.*) наших действий в будущем». («Л. Ф.» от 31 мая). Такой матерой реформист, как Ландсберг, отразил эти колебания «переходного периода», спрашивая: что же будет дальше? «При обсуждении политики нынешнего коалиционного правительства выявился всеобщий пессимизм... В нас всех живет чувство неуверенности. Что мне придется еще пережить?». (Цитирую по отчету «Лейпцигер Фольксцейтунг» от 31 мая).

[1]) Зеверинг—наиболее яркая фигура социал-фашизма, не только поддерживал лозунг завоевания рейхсвера как орудия в гражданской войне, но открыто высмеивал непоследовательных «левых», «которые заявляют, что военная сила в капиталистическом государстве служит не только внешне- но и внутренне-политическим интересам буржуазии, и в то же время требуют в своей программе действия, чтобы военные силы не применялись при конфликтах между государством и трудом». («Л. Ф.» от 29/V).

[2]) «Кельнская Газета», орган народной партии, с удовлетворением отмечала, что «нельзя говорить, что ЦК боялся создать ясность о будущей линии и предложил бы туманную линию. Фогель поставил вопрос о броненосце с твердой ясностью и решительностью». (См. утрен. вып. 28/V).

Никаких выводов болото с'езда, конечно, не делало. Никаких выводов не делала и «левая» оппозиция, представлявшая собой в отношении сплоченности полную противоположность руководящей группе партии. Численно оппозиция была значительно сильнее, чем на Кильском партейтаге. По вопросу о военной программе она получила 147 голосов против 244. Если выделить голоса делегатов с мест (без парламентской фракции), тогда удельный вес оппозиции повышается до 43% [1]) (167 и 122). Если же взять промышленные районы (Берлин, Нижний Рейн, Саксонию), тогда оппозиция превращается уже в большинство. Нам достаточно отметить этот факт, чтобы стало ясным, что в с.-д. низах происходит большое брожение.

Волна недовольства соц.-дем. массы, большая часть которой все более становится в оппозицию к социал-фашистскому курсу ЦК, подняла на верх «левых» фразеров, являющихся составной частью социал-фашистской бюрократии. Численно большая оппозиция была идейно-политически абсолютно импотентна. Если в Киле оппозиция выступала с «принципиальной» критикой, то в Магдебурге она полностью капитулировала в основном вопросе, разделявшем «правых» и «левых» с.-д.—вопросе о коалиции.

Вся прежняя «левая» — Зейдевиц, Розенфельд и др. открыто заявили, что они не являются принципиальными противниками коалиции. «Дискуссия на с'езде показала, что налицо крепкое единство партии. Никто теперь не является уже больше принципиальным противником всякой коалиции»,— заявлял «левый» Розенфельд.

Но капитулировав перед ЦК в основном разделявшем ее от ЦК вопросе, оппозиция не могла противопоставить ему никакой другой линии. Все ее выступления сводились к «покорной просьбе» вести более успешную коалиционную политику, вести такую политику, которая не дискредитировала бы столь резко с.-д. партию. Представители большинства с правом отмечали, что оппозиция отступила со своих кильских позиций, и хвалили умеренность ряда ее представителей. «Форвертс» особенно хвалил саксонских «левых», в частности, лидера дрезденских с.-д. — Флейснера. Выступавший от имени ЦК Шеллинг приветствовал выводы Зейдевица и призывал всех делегатов «сердечно приветствовать эти выводы». (Цитирую по дрезденскому «Голосу Рабочего» от 29/V).

Может быть, с несколько большим треском, но политически столь же импотентно выступала оппозиция по вопросу о военной программе. Ее проект, весьма «левый» в принципиальной части, в разделе практических требований — по справедливому замечанию Зеверинга—ничем не отличался от проекта большинства. С шумом заявляя, что они против вооружений капиталистического государства, что они за политику, намеченную... К. Либкнехтом и Р. Люксембург, «левые» болтуны не решались даже требовать отклонения военных кредитов.

Их единственный «практический» пункт — требование контроля над производством военных материалов — сближая их с брандлерианцами, выдавал «левых» с.-д. с головой, как сознательных спекулянтов «левой фразой». Грозно возвещая, что «левые» считают борьбу с войной борьбой за социализм, эти болтуны в своих комментариях к программе (см. статью Штре-

[1]) См. «Л. Ф.» от 29/V.

беля в этом сборнике) выдвинули, как практическую программу борьбы за мир... Женевский протокол Макдональда и Эррио.

На самом с'езде эта «левая» оппозиция военной программе была особенно жалка. Светило оппозиции—Пауль Леви—выступил с социологическими обобщениями о сущности войны, о том, что с.-д. отвергает войну и т. д., а в конце чижика с'ел: как заметил Криспин, Леви «стыдливо закончил свою речь требованием реорганизации рейхсвера». При голосовании о военной программе оппозиция получила относительно наибольшее число голосов (147 в сравнении с 135 за резолюцию оппозиции о коалиции). За эту резолюцию голосовали даже те, которые по всем остальным вопросам твердо идут вместе с ЦК. Это голосование показывает, во-первых, насколько непопулярна военная программа с.-д. даже в их собственной партии, насколько сильно давление с.-д. низов, заставляющее 43% делегатов прикидываться противниками вооружений «в принципе», во-вторых, насколько бессодержательна и безответственна позиция оппозиции, если даже самые прожженные правые считают возможным голосовать за резолюцию.

Подводя итоги с'езду, «Форвертс» с правом мог сказать, что с'езд был более сплоченным, чем кильский. Та «левая» — в рамках дозволенного—критика, которая раздавалась на с'езде ни в малой степени не противоречит этому факту. Критика, не развязывающая движение против социал-фашистского курса, а помогающая прикрыть этот курс «левыми» занавесами, весьма ценна для социал-фашистской бюрократии. Заправилы с'езда бешено нападали на Экштейна, когда тот заявлял, «что кличка «предатель отечества» является почетной для нас (с.-д.)», ибо т[illegible]ая левизна уже переходила грани дозволенного и играла с огнем. Но такое «необдуманное» выступление было одиноким. И ЦК и «левые» ушли со с'езда довольные друг другом, довольные «товарищеской полемикой».

Магдебургский с'езд показал, что в обстановке обостряющихся классовых противоречий, «левая» с.-д. все больше вынуждена разоблачать себя, как составную часть социал-фашистской бюрократии.

Майские расстрелы сыграли огромную роль в ускорении этого процесса консолидации с.-д. бюрократии. Майские расстрелы кровью рабочих скрепили союз Цергибеля и «левого» Кюнстлера. Именно Кюнстлер стал раз'ездным защитником действий Цергибеля, защищая его социал-фашистский террор перед с.-д. массой Франкфурта, Кельна и др. «левых» городов.

Известную роль в консолидации с.-д. бюрократии играет и предстоящая коалиция в Саксонии. Могли ли саксонские с.-д.—эти патентованные «левые» — выступать на магдебургском с'езде за взрыв коалиции, когда на-днях им самим придется участвовать в создании коалиции?

Но майские расстрелы и предстоящая коалиция в Саксонии являются результатами одного и того же процесса — обострения борьбы классов. Обостряющая классовая борьба заставляет «левых» вместе с Цергибелем устраивать кровавые бани, сидеть вместе с представителями трестовского капитала в одном кабинете. Это ли не саморазоблачение «левых», не показатели их социал-фашистской эволюции?

Было бы, конечно, неправильным думать, что «левые» совсем откажутся от спекуляции с «левой фразой». Кюнстлеры, Флейснеры, Либманы будут сотрудничать с Цергибелями и сидеть в министерских креслах. Зато Леви и Зейдевицы будут болтать о классовой борьбе в своей «Классовой Борьбе» (орган «левых»). Но основной итог Магдебурга состоит в том, что произошел известный процесс консолидации «правой» и «левой» бюрократии и что этот процесс будет развиваться и в дальнейшем. Этот итог важно подчеркнуть для того, чтобы можно было правильно оценить роль брандлерианцев в развертывающейся решающей

борьбе между реформизмом и коммунизмом. В обстановке «правения» «левых» социал-демократов, их саморазоблачения в глазах масс роль брандлерианцев, как барьера против коммунизма, несомненно, увеличивается. Брандлерианцы имеют то преимущество перед «левыми» с.-д., что они выступают под коммунистическим знаменем, что они имеют известное прошлое, что они не несут ответственности — подобно «левым с.-д.» — за коалиционную практику Гильфердингов и Мюллеров, за социал-фашистскую деятельность Цергибеля. Чем больше будет обостряться классовая борьба, тем «ответственнее» будет роль брандлерианцев, как орудия реформизма в борьбе с коммунизмом. «Левые» социал-демократы критикуют лишь коалицию. Брандлерианцы же агитируют за рабочее правительство. «Левые» соц.-демократы предлагают лишь реформировать рейхсвер. Брандлерианцы же предлагают создать милицию. «Левые» соц.-демократы сваливают вину за майские расстрелы на коммунистов, брандлерианцы же на Цергибеля и... коммунистов.

Помешать делу создания единого фронта под руководством компартии, приложить все усилия к тому, чтобы компартии не удалось мобилизовать массы для борьбы за власть, сбив последние на путь создания «рабочего правительства», на путь борьбы за «рабочий контроль» — такова та роль дезорганизаторов революционного движения, которую предназначает для брандлерианцев реформизм. Чем больше будут леветь массы, тем «сердечнее» будет становиться блок между «левыми» типа Леви и брандлерианцами, тем все быстрее будут исчезать те небольшие перегородки, которые отделяют брандлерианцев от «левых» с.-д. Реформисты и брандлерианцы, конечно, просчитаются, если рассчитывают, что ренегатам «Спартака» удастся внести какой-либо серьезный разброд в ряды революционного пролетариата. Но ясно в то же время, что брандлерианцы в ходе обострения классовой борьбы будут всячески использованы реформистами для борьбы с компартией. Было бы неправильно недооценивать опасности с этого конца.

VI. Кризис немецкой с.-д. и задачи борьбы за массы, идущие за с.-д.

Если магдебургский с'езд отразил процесс консолидации социал-фашистской бюрократии, то вместе с тем, с'езд показал, что в соц.-демократической партии развертывается глубокий кризис. Показателем этого, во-первых, была неслыханная для с.-д. с'ездов послевоенного периода численность оппозиции, во-вторых, те бешеные нападки, которые делала бюрократия на молодые кадры своей партии. Эта тревога «отцов» не напрасна. Антиброненосная кампания показала, что с.-д. молодежь не гарантирована от коммунистического влияния.

Если верхи с.-д. молодежи являются лишь филиалом «левой» с.-д. бюрократии, то широкие массы с.-д. молодежи идут гораздо дальше партийной массы. Во время антиброненосной кампании был ряд случаев перехода групп с.-д. молодежи в комсомол.

Социал-демократические низы, особенно молодежь, несомненно, находятся в состоянии брожения.

Обострение классовых противоречий, наступление капитала, контрнаступление пролетариата, развертывающееся под руководством компартии, не только оторвали от с.-д. значительные массы рабочих, но и внесли глубокое разложение в ее собственные ряды. С.-д. рабочие низы охвачены глубоким недовольством. Они еще не осознали (известная часть, никогда не осознает, ибо она — отряд коррумпированной рабочей аристократии и поэтому поддерживает социал-фашистский курс ЦК), что политика с.-д. партии — это буржуазная политика, но они уже выходят из состояния пассивного сопротивления линии партийной бюрократии. Они требуют выхода из коалиции и реаль-

ной борьбы против наступающего капитала, они требуют отказа от поддержки империалистической политики, борьбы с этой политикой. Поправение «левых», открытая социал-фашистская линия, взятая на магдебургском с'езде, ускоряет процесс отхода масс от реформизма. Многое зависит и от нашей партии. Сейчас больше, чем когда бы то ни было, необходим твердый курс на создание единого фронта внизу и с соц.-дем. настроенными рабочими. Сейчас больше, чем когда бы то ни было, необходимо главный огонь направить по «левым» фразерам из лагеря реформистов, по их брандлерианским союзникам. Но одновременно нужно дать отпор разглагольствованиям о том, что массы, идущие за соц.-демократией, являются наиболее сознательно-реакционной частью пролетариата. Если бы такие настроения проникли в партию, они имели бы лишь один результат — торможение дела создания единого фронта с соц.-дем. рабочими против буржуазии и реформистской бюрократии.

Магдебургский с'езд проходил под знаком бешеных нападок на нашу партию и СССР. Реформистская бюрократия чувствует, что почва уходит из под ее ног. «Лейпцигер Фольксцейтунг» «наивно» спрашивала, почему на с'езде так много говорят о коммунистах, если они,— по заявлению ораторов,— накануне развала. «Левая» газета напрасно прикидывается дурой: она превосходно знает, что бешеные нападки Вельса и К° на компартию вызваны именно тем, что компартия растет, что растут силы пролетарской революции.

Магдебургский с'езд социал-фашистов дал программу подготовки диктатуры, подготовки империалистической войны, своим острием направленной прежде всего против СССР. Предстоящий с'езд КПГ даст социал-фашистам достойный ответ. Он развернет программу борьбы за сплочение и организацию большинства пролетариата, за подготовку к грядущим великим боям за диктатуру пролетариата.

Г. Смолянский.

К профсоюзным проблемам „периода третьего“.

(К предстоящему пленуму ИККИ).

Профсоюзные проблемы, тактика наших партий в нарастающих экономических боях рабочего класса приобретают все большее значение, как один из центральных вопросов нашей работы. В частности, этот вопрос будет в центре работ предстоящего X пленума ИККИ.

VI конгресс Коминтерна и IV конгресс Профинтерна наметили генеральные черты «третьего периода» и особенности современных классовых боев. С того времени прошел почти год. Развернувшиеся за это время экономические бои, перебросившиеся почти во все части капиталистического мира, не только целиком и полностью подтвердили анализ конгрессов Коминтерна и Профинтерна о нарастании классовых противоречий, но и явились экзаменом на большевистскую зрелость коммунистических партий, на их способность к проведению в жизнь тактики «класс против класса», на самостоятельное возглавление экономических боев, на роль собирателя и руководителя масс в обстановке «третьего периода».

Новая полоса экономических боев не только подтвердила генеральную линию Коминтерна, но целый ряд проблем, претворенных в опыте практической борьбы, уточнила, поставив в связи с этим перед компартиями и новые тактические задачи. На VI конгрессе Коминтерна еще ранее, на IX пленуме ИККИ, где впервые намечались основные тенденции современных экономических боев, вопрос стоял о недооценке в наших рядах возможности частичных экономических боев при трестифицированном капитале, о хвостизме в отношении реформистского профсоюзного аппарата («Zwingt die Bonzen!»—«толкайте профбюрократов!»). Компартии и революционное профдвижение захватывались стачечным движением врасплох. Доминирующим моментом в работе компартий и революционного профдвижения был агитационно-пропагандистский, а не организационный. Еще далеко не для всех даже вполне искренно голосовавших за резолюции VI конгресса Коминтерна был ясен смысл нарастающей активности масс (и в первую очередь—неорганизованных). Опыт последнего года развернул эти проблемы. Перед нами проблема неорганизованных, как одна из важнейших проблем нашей эпохи. Перед нами задача охвата неорганизованных в новом освещении—через «комитеты борьбы», стачкомы, антилокаутные комитеты и т. д., создаваемые не из недр профессиональных союзов, а всей борющейся массой пролетариата. Перед нами новая тактика на перевыборах фабзавкомов. Наконец, самая борьба с социал-империалистической профсоюзной бюрократией, как и вытекающие отсюда тактические проблемы (что делать с исключенными из реформистских профсоюзов членами революционной оппозиции, отношение к «реверсам» и т. д.) не стояли тогда с такой исключительной остротой, с какой они

стоят в настоящее время. Вот почему, прежде чем перейти к этим основным тактическим проблемам, необходимо предварительно ознакомиться с общей обстановкой борьбы.

Обстановка борьбы.

Особенности теперешнего под'ема рабочего движения отражают *дальнейшее* обострение основных капиталистических противоречий «третьего периода», отмеченных VI конгрессом Коминтерна. Экономическая политика современного капитализма, раздираемого основным противоречием между возрастающими производительными силами и суженными рынками, направлена на усиление эксплоатации пролетариата путем капиталистической рационализации. Эта капиталистическая рационализация означает дальнейшее понижение жизненного уровня пролетариата, усиленную безработицу, чудовищную интенсификацию труда. Не случайным является то явление, что наибольшее ожесточение и заострение экономических боев мы имеем как раз в тех странах, где процесс капиталистической рационализации зашел дальше всего и особенно где период наиболее *бурной* капиталистической рационализации уже в *значительной* степени *исчерпал* себя (Германия). В Англии, более *отставшей* в темпе капиталистической рационализации, мы имеем лишь *начальный* период накопления экономических конфликтов.

Через три—четыре года капиталистической рационализации рабочий класс начинает сбрасывать с себя иллюзии, прививавшиеся ему социал-демократической и профсоюзной бюрократией о возможности в результате капиталистической рационализации повышения жизненного уровня пролетариата. Еще только в конце прошлого года, на гамбургском конгрессе германских профсоюзов реформисты распространяли легенду о повышении реальной зарплаты в Германии. Известный меньшевистский статистик Войтинский писал в мае 1928 г. в «Форвертсе»: «Для рабочего класса речь идет о двойной задаче: выровнять... возрастающую дороговизну и обеспечить себе *справедливую долю* в плодах рационализации. Профсоюзам удалось, в общем и целом, эту задачу разрешить». А в начале 1929 г., в февральской книжке «Геверкшафтсархив», даже этот теоретический орган германских реформистов вынужден был поставить вопрос о том, что «теория реальной зарплаты происходит от тех, которые зарплату *выдают*, но не от тех, которые на нее должны существовать».

Насколько соответствуют действительности утверждения меньшевистского статистика, видно даже из официальных данных германских статистических органов. Если не считать быстрого повышения реальной зарплаты в первый послеинфляционный период, как результат стабилизации валюты, то с января 1926 г. до июля 1928 г., т.-е. как раз в период рационализации, реальная недельная зарплата квалифицированных рабочих увеличилась только на 2,7%, а у неквалифицированных—на 5,1%. Уже эти самые цифры показывают, какие «плоды» капиталистической рационализации выпадали на долю рабочего класса. Но к этому следует прибавить, что за последние три года интенсивность труда увеличилась не менее чем на 40%. Безработица достигает сейчас свыше двух миллионов человек, а с работающими сокращенную неделю—около $3\frac{1}{2}$ млн.; в отдельных отраслях промышленности, главным образом, в старых, реальная зарплата стоит на чрезвычайно низком уровне. Так, например, в текстильной промышленности квалифицированный рабочий получает в среднем даже менее средней реальной зарплаты неквалифицированного германского рабочего вообще. Мечта предпринимателей—не увеличение доли рабочего класса в «плодах» рационализации, а дальнейшее безостановочное понижение жизненного уровня германского пролетариата. Об этом открыто говорит капиталистическая печать. Пожалуй, никогда так цинично предприниматели не излагали своей «рабочей программы», как именно сейчас, потому что они чувствуют за собой поддержку всего реформистского профсоюзного аппарата. Реформистское профдвижение стало опорой «общенационального хозяйства».

Стоит только проследить за выступлениями крупнокапиталистической прессы, чтобы убедиться в открытых вожделениях «рационализированного» капитала. Во время рурского конфликта «Дейче Бергверксцейтунг» (от 12 октября 1928 г.) писала: «Пора подумать о пресечении борьбы за зарплату, о стабилизации зарплаты... Вполне возможно, что в течение зимы или весной мы будем свидетелями дальнейшего снижения кон'юнктуры почти до степени экономической депрессии... *Следовало бы серьезно поставить вопрос о понижении зарплаты*».

Та же газета в номере от 28 декабря прошлого года так формулировала стратегию предпринимателей (речь шла опять-таки о рурской борьбе):

> «Предприниматели стоят перед пропастью абсолютного хозяйственного non possumus! («не можем!»)... При этом здесь решает не специфическое положение тяжелой индустрии, но *всего капитала*... Это обстоятельство обусловливает непоколебимую стойкость ее позиций. И здесь лежит *стратегический центральный пункт* всей борьбы».

Наконец, совсем недавно, в конце апреля этого года, «Газета работодателей» обобщает всю эту «принципиальную» установку:

> «Мы *не терпим* никаких бесплодных экономических и социальных боев, *нам нужен покой* и снова покой для того, чтобы построить наш экспорт... Этот покой нарушается новыми требованиями в области зарплаты»...

Таким образом, перед нами законченная программа предпринимателей. Такую же программу, как и такую же картину в общем положении рабочего класса, мы имеем и в других странах капиталистической рационализации. Во Франции, несмотря на хозяйственный под'ем последнего года, происходит понижение жизненного уровня рабочих. Не только вследствие капиталистической рационализации, но и в силу необычайного и все продолжающегося роста дороговизны. Реальная зарплата французских рабочих сейчас составляет не более $\frac{3}{4}$ довоенного времени. В Англии почти нет той крупной старой отрасли промышленности, где бы не произошло прямого снижения реальной зарплаты или удлинения рабочего дня. В 1928 году у железнодорожников проведено при решительной поддержке председателя союза, пресловутого Томаса, $2\frac{1}{2}\%$ снижения зарплаты. У горнорабочих в совершенно планомерном порядке, округ за округом, велась кампания за снижение зарплаты. У металлистов либо шел прямой нажим на уровень зарплаты, либо квалифицированные рабочие массами переводились в низшие разряды. Наконец, в самые последние дни в ответ на «победу» «рабочей» партии текстильные предприниматели пред'явили требование о снижении зарплаты на $12\frac{1}{2}\%$.

Характер экономических боев.

Таким образом, перед нами *новый характер экономических боев*. Рабочий класс в своем стремлении к повышению или даже к сохранению своего жизненного уровня встречает *об'единенный* капиталистический фронт. В связи со сращиванием современного крупно-монополистического капитала с буржуазным государственным аппаратом борьба за повышение жизненного уровня пролетариата перерастает в борьбу против *основ капиталистической системы*. Новые условия экономических боев пролетариата придают им ярко выраженный *политический* характер. Накануне войны, когда стал развиваться

трестифицированный капитал, — особенно в Германии, — еще нынешние теоретики II Интернационала (Каутский, Гильфердинг, Бауэр) заметили эту отличительную черту экономических боев при концентрации капитала. Тогда стали говорить о «границах» профессионального движения. Если в прежнее время конкуренция мелких предпринимателей давала возможность частого наступления профсоюзов, то чем дальше, тем все больше и сильнее, в связи с ростом трестификации и могущества магнатов капитала, становится их стремление вынуждать профсоюзы переходить от наступления к обороне. Именно в этот период особенно ясно выступает значение профессионального движения, как части всеоб'емлющего движения к социализму. Перед профсоюзами встает дилемма: либо «внедрение» в капитализм, либо революционная классовая борьба против капиталистической системы; или «хозяйственная демократия»—или борьба за диктатуру пролетариата. Каутский, Гильфердинг, Отто Бауэр, которые поставили проблему, но испугались революционных выводов, капитулировали перед капитализмом. Для них учение о «границах профдвижения» явилось не импульсом к революционной перестройке тактики рабочих организаций в смысле создания из профсоюзов подлинных массовых рычагов пролетарской революции, в смысле концентрации и политизации стачечного движения, преодоления в профсоюзах цеховой ограниченности и пренебрежения к неорганизованной и неквалифицированной массе, реорганизации по производственному принципу, правильного взаимоотношения профсоюзов и вождя пролетариата — его революционной политической партии,—а переходной ступенью к тому, чтобы после войны, в эпоху социальной революции твердо ограничить деятельность профсоюзов рамками капиталистического строя и самим применить и углубить ревизионистскую теорию «внедрения», против которой они раньше так рьяно боролись.

Но этот новый характер современных экономических боев («класс против класса!»), получивший особое заострение при нынешнем сращивании монополистического капитала с буржуазно-государственным аппаратом, на начальном этапе «третьего периода» вызвал было и в наших собственных рядах оппортунистическую тенденцию недооценки возможности сейчас частичных экономических боев пролетариата. Между тем, опыт последнего года показал как раз противоположное. Частичные экономические бои пролетариата имеют сейчас не меньшее, если не большее, чем раньше, значение. Именно в настоящий период роль революционного профдвижения заключается прежде всего в организации борьбы за частичные требования—под углом зрения перспективы борьбы за политическую власть. Эта оппортунистическая недооценка явилась следствием непонимания «третьего периода» вообще, непонимания развертывающегося кризиса капиталистической стабилизации. Новая волна экономических боев рассматривалась лишь как партизанские оборонительные и ариергардные выступления пролетариата, как отзвуки революционных боев достабилизационного периода.

В действительности же широкие рабочие массы, которые не могли долго оставаться пассивным об'ектом безудержного разгула проводимой в интересах рационализации капиталистической эксплоатации, которым 3—4 года капиталистической рационализации принесли лишь массовое снижение жизненного уровня и миллионные кадры «структурной безработицы», т.-е. отработанного машинного мяса капитала, не могли не усилить своего отпора наступлению предпринимателей, переходя все чаще и смелее в контрнаступление. Стоит только проследить развитие стачечной борьбы в последние годы, чтобы наглядно в этом убедиться (см. табл. на след. стр.).

Мы берем только те крупные капиталистические страны (а также Индию), о которых имеются хотя бы частичные данные за последний

1928 г. Эти цифры показывают, что 1926 и 1927 годы (а для Англии и 1928 г.) были временем наибольшего упадка стачечного движения. Количество стачек в Германии и Англии было самое низкое более чем за 30 лет. Бросается в глаза бурное нарастание темпа движения и ожесточенный характер боев (длительность потерянных рабочих дней). В Германии за 9 месяцев 1928 г. по сравнению с экономическими боями всего 1927 г. потеряно на $2\frac{1}{2}$ млн. больше рабочих дней при меньшем количестве участвующих в движении на 100 тысяч человек. В Англии за те же 9 месяцев, при том же количестве бастующих, что и за весь 1927 год, число потерянных рабочих дней больше на 84 тыс. Во Франции цифры вообще несравнимы: за один октябрь 1928 г. в стачечное движение было вовлечено большее количество рабочих, чем за весь 1927 г. Наконец, в Индии только за первые три месяца 1928 г. число потерянных рабочих дней составляло половину всей цифры 1927 г., а в провинции Бомбей за 9 месяцев 1928 г. эта цифра была в 140 раз выше цифры всего 1927 г. (не включая, таким образом, последней бомбейской стачки текстильщиков).

Годы	Германия: a) Число конфликтов	Германия: b) Число бастующих (в тысячах)	Германия: c) Число потерян. рабоч. дней (в тыс.)	Великобритания: a) Число конфликтов	Великобритания: b) Число бастующих (в тысячах)	Великобритания: c) Число потерян. рабоч. дней (в тыс.)
1925	1.766	777,9	17.114	603	441	7.590
1926	365	96,5	1.405	323	2.734	162.230
1927	851	499,6	6.005	308	108	1.170
1928	621	399,7	8.581	232	110	1.254
	(9 месяцев)			(9 месяцев)		
				283	121	1.375
				(11 месяцев)		

Годы	Франция: a) Число конфликтов	Франция: b) Число бастующих (в тысячах)	Индия: a) Число конфликтов	Индия: b) Число бастующих (в тысячах)	Индия: c) Число потерян. рабоч. дней (в тыс.)	Провинция Бомбей (Индия): a) Число конфликтов	Провинция Бомбей (Индия): b) Число бастующих (в тысячах)	Провинция Бомбей (Индия): c) Число потерян. рабоч. дней (в тыс.)
1925	890	241	134	271	12.578	69	176	11.388
1926	1.782	338	128	187	1.098	57	29	78
1927	443	120	129	132	2.020	54	28	165
1928	532	310	58	84	1.005	47	1.562	22.749
	(6 месяцев; июнь—ноябрь 1928 г.)		(3 месяца)			(9 месяцев)		

Надо иметь в виду, что наибольший рост стачечного движения приходится на последние месяцы 1928 г. и на 1929 г., о которых вообще еще нет точных статистических данных. Все крупнейшие стачки последнего периода имели место именно в это время (Рур, Лодзь, З. Словакия, Сев. Франция, Бомбей и т. д.). Оживление стачечного движения в Англии также началось только в конце 1928 г. и особенно в 1929 г. «Sunday Worker» в статье о перспективах экономических боев в Англии в конце декабря 1928 г. писал: «В каждой отрасли производства и в каждом районе имеются показатели, которые говорят о том, что период наибольшей депрессии уже позади и что мы находимся на под'еме новой волны рабочих боев»... «Налицо боевой дух, который, несмотря на репрессии и трудные условия... находится, несомненно, в процессе роста».

Характерным во всех этих боях явился тот факт, что, несмотря на открытую штрейкбрехерскую роль социал-империалистической профсоюзной бюрократии, несмотря на предательскую роль правых ренегатов и тактику примиренцев, которые рассматривают всю новую тактику Коминтерна, как политику «авантюр» и «ультра-левого сползания», несмотря даже на ряд ошибок самого коммунистического авангарда, который делал лишь первые шаги в проведении в жизнь постановлений VI конгресса Коминтерна и далеко не научился еще самостоятельно руководить статечными боями, боеспособность борющихся рабочих масс даже в случаях материального поражения забастовки нисколько не уменьшалась. Рабочий класс целиком сохранял свою способность к дальнейшей мобилизации сил для новой борьбы. Реформисты и правые утверждают, что даже в тех случаях, когда рабочие «формально» наступают, на деле все экономические бои современного периода являются исключительно оборонительными. Между тем, действительное положение таково, что даже в тех случаях, когда предприниматели ведут прямую атаку на рабочих, эти оборонительные со стороны рабочего класса бои носят в себе существеннейшие черты обратного контрнаступления.

Но самым главным и симптоматичным в экономических боях последнего периода является все возрастающая активность неорганизованных рабочих. Во всех без исключения боях последнего года неорганизованные рабочие играли не только активную, но, в большинстве случаев, и первенствующую роль. Во время рурского локаута из 213 тыс. локаутированных рабочих было свыше ¾ неорганизованных. В Лодзи при общем числе 80—85 тыс. бастующих текстильщиков число организованных в ППС'овский союз составляло не более 4.500 человек. Во Франции и Соед. Штатах профсоюзы вообще об'единяют ничтожную часть рабочего класса. И даже в Англии отличительная черта нынешних стачек заключается в массовом участии неорганизованных рабочих (стачка в автомобильной промышленности и др.) и в «неофициальном» (по терминологии английских трэд-юнионистов) характере этих стачек, т.-е. они ведутся без и против трэд-юнионистской бюрократии. Эта высокая степень активности неорганизованных рабочих является, в первую очередь, выражением направления нынешних экономических боев, обращенных непосредственно против капиталистической рационализации. Благодаря рационализации произошли глубокие структурные изменения в самом рабочем классе: основную массу современной рационализированной фабрики, при механизированном процессе труда и контроля, составляют неквалифицированные и так называемые подученные рабочие. Реформистские профсоюзы всегда были и до сих пор в основном остались организациями верхушечных слоев пролетариата. С другой стороны, эта растущая активность неорганизованных, несомненно, выражает процесс развертывания и нарастания классовых боев вообще. В моменты упадка движения неорганизованные рабочие, несомненно, легче поддаются депрессии. Но при нарастающих классовых боях активность неорганизованных является тем термометром, по которому измеряется степень заострения классовых противоречий.

Реформистские профсоюзы и экономические бои.

Чем больше нарастают экономические бои, тем резче выявляется сращивание реформистского профсоюзного аппарата с крупным монополистическим капиталом и буржуазным государством. Это именно обстоятельство является источником все более углубляющегося кризиса реформистского профдвижения. С одной стороны, социал-империалистическая профсоюзная бюрократия вынуждена занять позицию и выступить открыто

на защиту капиталистической рационализации, отстаивая принудительный арбитраж и «промышленный мир». С другой стороны, для рабочих организованных в реформистских профсоюзах, становится все более и более невыносимым то положение, при котором им приходится вести экономические бои под руководством штрейкбрехерского аппарата. В каждой капиталистической стране реформистский профсоюзный аппарат стал сам себя рассматривать как один из опорных столбов «общенационального хозяйства». И именно грандиозные по размахам и чрезвычайно острые по форме экономические бои последнего периода вызвали практическое и теоретическое углубление сращивания реформистских профсоюзов с буржуазным государством.

Известно, например, что в Англии 1928 год был годом пропаганды лидерами английских трэд-юнионов «промышленного мира». Как только выявилось начало новой волны экономических конфликтов, эти лидеры поспешили даже не возглавить это движение для того, чтобы по славной традиции Перселей и Хиксов его обезглавить, а стали торопить предпринимателей... к скорейшему осуществлению «промышленного мира», обвиняя их в непонимании ими значения «промышленного мира» для британского империализма. В декабрьском номере «Индэстреаль Копартнэршип» Бэн Тернер выступил буквально со следующим заявлением: «То, что две важнейших предпринимательских организации (Союз британских предпринимателей и Ассоциация британской промышленности) до сих пор молчат, является, безусловно, плохим предзнаменованием. Быть может, предпринимательским кругам текстильной, машиностроительной и судостроительной промышленности все же удастся убедить других своих коллег, что они должны признать организованных рабочих, как фактор промышленности, если они хотят сохранить мировые позиции Великобритании. Если преследуемое профсоюзным руководством сотрудничество будет разбито, то это может иметь роковые последствия для всей нации».

В таком же тоне высказываются и германские реформисты. В январской книжке «Геверкшафтсархив» «левый» теоретик германских профсоюзов, Карл Цвинг, пишет о перспективах немецкого профдвижения и итогах за 1928 г. «Профсоюзы стоят у порога 1929 г. внутренне и внешне укрепившимися... Внутренняя консолидация выразилась в дальнейшем развитии их идеологии... С'езды больших союзов, как и конгресс АДГБ, ясно показали, что германские профсоюзы серьезно вошли в новую эру, имеющую целью соучастие в управлении и ответственности в хозяйстве. Без сомнения—с большей целеустремленностью и ясностью, чем в первый период»!!.

Во Франции, где мы имеем, пожалуй, наиболее быстрый темп развертывания экономических боев в Европе, вся политика реформистской конфедерации труда была направлена к удушению стачечного движения. Это особенно ярко было видно во время всеобщей забастовки текстильщиков в Северной Франции. И чем быстрее нарастает темп массовых стачечных боев, тем более открыто реформисты берут на себя роль организаторов штрейкбрехерства.

Таким образом, процесс сращивания реформистского профсоюзного аппарата с буржуазным государством, являющегося одним из показателей «третьего периода», со времени IV конгресса Профинтерна и VI конгресса Коминтерна зашел еще глубже. С другой стороны, для определения действительного соотношения сил в международном профессиональном движении важным является отметить переходное состояние сегодняшнего соотношения классовых сил вообще. Рабочий класс уже от обороны перешел в контрнаступление, но он еще не настолько силен, чтобы

повести самому широкое наступление. В то же время социал-империалистические профсоюзные бюрократы усиливают и еще больше будут усиливать свой курс на фашизацию профессиональных союзов, а тем самым и на раскол этих союзов. Чем больше происходит полевение рабочих масс, чем больше коммунистам и революционному профдвижению удается развертывать массовые экономические бои вопреки и против воли реформистского профсоюзного аппарата, тем сильнее становятся репрессии против коммунистического и революционного профсоюзного авангарда, выражающиеся в массовых исключениях революционных элементов из реформистских профсоюзов и в уничтожении последних остатков профсоюзной демократии.

Все это поставило перед коммунистами и революционным профдвижением целый ряд новых и сложных тактических задач: как охватить неорганизованные рабочие массы; какие найти формы и методы самостоятельного руководства экономическими боями; как быстрее преодолеть социал-демократические традиции и профсоюзный легализм в наших собственных рядах; что делать с исключенными и как отвечать на репрессии социал-империалистической профсоюзной бюрократии; наконец, как уберечь себя от упрощенного разрешения вопроса—по линии наименьшего сопротивления—путем простого ухода из реформистских профсоюзов, а также от оппортунистической боязни создания новых, революционных профсоюзов, когда это диктуется об'ективной обстановкой.

Охват неорганизованных: комитеты борьбы.

Анализ характера современных классовых боев ясно показывает, что охват неорганизованных составляет важнейшую боевую задачу компартий и революционного профдвижения на ближайший исторический этап. Здесь же коммунистические партии встречают наибольшее сопротивление со стороны правых и примиренцев, которые демагогически обвиняют компартии в ставке на «деклассированные», «люмпен-пролетарские» элементы и в превращении в «партию неорганизованных». Это вытекает прежде всего из отказа от организации боевого революционного руководства нарастающими экономическими боями. Правые и примиренцы, как и социал-демократы, рассматривают неорганизованных, как несознательных рабочих и кандидатов в штрейкбрехеры. Между тем, в руках компартий и революционного профдвижения организованное вовлечение широких неорганизованных масс в экономическую борьбу должно явиться могучим орудием борьбы против действительного штрейкбрехерского реформистского профсоюзного аппарата. Сейчас нет никакого сомнения в том, что полное завоевание современного профсоюзного аппарата коммунистами и революционным профдвижением возможно будет лишь вместе с пролетарской революцией. Социал-империалистическая профбюрократия не отдаст нам аппарата даже при наличии у нас подавляющего влияния среди реформистских профсоюзных масс. Компартиям и революционному профдвижению необходимо поэтому повести длительную осаду реформистского профсоюзного аппарата, окружая его различными формами смычки активно участвующих в экономических боях неорганизованных рабочих с организованной членской массой реформистских профсоюзов. В этом отношении опыт последнего года дал такие новые формы охвата неорганизованных, которые помогли, подымая все новые и новые пласты неорганизованных до сих пор пролетариев, направить их в русло активной классовой борьбы. Эти новые формы—всевозможные боевые комитеты, стачечные и антилокаутные комитеты борьбы, которые избирались всей массой бастующих или охваченных локаутом рабочих без различия политической и профсоюзной ориентации—как организованных, так и неорганизованных. Эти комитеты борьбы впервые были выдвинуты в Руре. И затем со все большим и большим успехом стали применяться не только в Германии, но сделались международным достоянием тактики компартии и революционного профдвижения. Создание боевых комитетов позволяет нам преодолевать стихийность движения, поскольку огромная масса участвующих сейчас в экономических боях состоит из неорганизованных рабочих. Здесь именно ведется непосредственная борьба за руководство экономическими боями. Именно на путях наилучшего охвата неорганизованных через комитеты борьбы возможно сломить монополию руководства реформистского профсоюзного аппарата. Комитеты борьбы, таким образом, являются сейчас основными органами руководства экономическими боями. Наконец, комитеты борьбы, об'единяя всю заводскую массу, представляют собою естественную форму единства рабочего класса, единства снизу—на базе боевой политической и экономической платформы.

Но, с другой стороны, в наших собственных рядах в процессе организации комитетов борьбы и развертывания самой экономической борьбы появляются тенденции к извращению действительного смысла и функций комитетов борьбы. Комитеты борьбы избираются со специальною целью подготовки и проведения экономического конфликта. Будучи мощными рычагами мобилизации масс для борьбы, они все же являются организациями временными, приспособленными для нужд определенного экономического конфликта. Комитеты борьбы после стачки должны проводить еще самую широкую отчетную кампанию среди участвовавших в конфликте рабочих. Комитеты борьбы не должны также ограничивать поле борьбы, а стремиться к расширению территории экономического конфликта и превращению экономической борьбы в политическую. Но по окончании всех этих функций комитеты борьбы должны быть распущены. Комитеты борьбы не могут быть ни подчинены профессиональным союзам, ни противопоставлены им, ни превращаться в искусственные, «переходные» к профсоюзам формы организации. Некоторые товарищи предлагали превращать комитеты борьбы в постоянно функционирующие организации, в роде «обществ взаимопомощи от стачек и локаутов». Это означало бы бюрократизировать их, превращать их в безжизненные организации, выхолостив этим основное содержание комитетов, которые являются прежде всего органами борьбы. Самая возможность таких предложений свидетельствует о еще недостаточном осознании значения комитетов борьбы и их места на нынешнем этапе развития рабочего движения, а в конечном счете о еще недостаточном осознании самого характера экономических боев и значения проблемы неорганизованных.

Таким же непониманием является представление о том, что в странах с расколотым профдвижением, где существуют самостоятельные революционные профсоюзы, комитеты борьбы будто бы вообще излишни. История революционных профсоюзов показала, что и они до сих пор не в состоянии были организовать огромного большинства пролетариата. По существу такое решение вопроса означало бы подмену проблемы неорганизованных, бюрократическое разрешение вопроса, ту же цеховую трэд-юнионистскую ограниченность перед революционной проблемой.

Охват неорганизованных: фабзавкомы.

Нарастающие экономические бои и полевение рабочего класса со всей силой выдвинули вопрос о завоевании коммунистами и революционным профдвижением фабрично-заводских комитетов и создании фабзавкомов там, где, несмотря на все постановления конгресов Коминтерна и Профинтерна, их до сих пор еще нет. Фабзавкомы представляют собой другую форму охвата неорганизованных. Они являются естественными

органами классового единства в предприятии. Но в отличие от комитетов борьбы они постоянно функционирующие, а не временные органы. С другой стороны, так же, как и комитеты борьбы, они не могут ни заменять, ни быть замененными профессиональными союзами. Последнее возможно только в случае полной реорганизации профессиональных союзов по производственному принципу, при которой фабрично-заводский комитет представляет собою первичную ячейку профессионального союза. Но как раз опыт всего послевоенного периода показывает, что чем дальше реформистский профсоюзный аппарат отходил от позиций классовой борьбы и сращивался с буржуазным государством, тем сильнее реформистские профсоюзы обрастали цеховщиной и тем труднее становится такая реорганизация. В последние годы реформистский профсоюзный аппарат совершенно задушил фабзавкомы, превратив их постепенно в вспомогательные органы капиталистической рационализации и предпринимательского надзора на предприятии. Самые перевыборы фабзавкомов сделались функцией реформистского профсоюзного аппарата, который отстранил от участия в перевыборах всю неорганизованную массу завода. Именно поэтому перевыборы фабзавкомов при возрастающей активности неорганизованных должны и могут стать рычагом охвата неорганизованных и боевой мобилизации масс вообще.

Последние перевыборы фабзавкомов в Германии блестяще подтвердили эту новую роль фабзавкомов на нынешнем этапе. Тактика «класс против класса» заключалась в том, чтобы, отказавшись от коалиционных списков с реформистским профсоюзным аппаратом, подготовить перевыборы через всю избирательскую массу и выступить самостоятельно с революционными кандидатскими списками. Таким образом, эта тактика предполагала демократическое голосование всей заводской массы. Сама избирательная кампания предполагалась через специальные избирательные комиссии, выдвигаемые на предварительных общезаводских собраниях. Эта новая тактика острием своим была направлена против традиций верхушечных комбинаций и методов дипломатии, практиковавшихся до последнего времени между революционными профсоюзами и революционной оппозицией реформистских профсоюзов, с одной стороны, и реформистским профсоюзным аппаратом — с другой. И применение этой новой тактики дало германской компартии и революционной оппозиции громадные достижения. Нужно сказать, что только такое самостоятельное выступление революционной оппозиции на перевыборах фабзавкомов выявило действительную степень полевения германского пролетариата. Но в то же время следует подчеркнуть известное отставание компартии и революционной оппозиции (так же, как и при выборах комитетов борьбы—уже не только в одной Германии) от активности масс. Здесь, как и там, корни этого отставания лежат в глубоко укоренившихся остатках профсоюзного легализма. Далеко не по всей Германии решительно и своевременно проводилась эта новая тактика. Предварительные комиссии по перевыборам вообще почти нигде не избирались. В ряде мест к самостоятельным спискам приступили только после того, как не удались переговоры с профсоюзной верхушкой. И самым показательным явился тот факт, что наибольшие успехи революционной оппозиции пришлись на те заводы и фабрики, где новая тактика проводилась наиболее последовательно. Более того, мы видим, что там, где коммунисты не оправдали доверия неорганизованных масс, где они выступали в комбинированных списках с реформистами, имели относительно наибольшие успехи христианские и гирш-дункеровские профсоюзы.

Первомайские демонстрации показали, — в частности, во Франции,— какую роль может сыграть организация фабзавкомов. Участие в первомайской забастовке 60% металлистов Парижа могло иметь место только потому, что за несколько дней до первомайской демонстрации, буквально накануне первого мая, в Париже состоялась конференция заводских делегатов металлической промышленности для создания фабрично-заводских комитетов. Эта конференция постановила призвать металлистов в день первого мая к забастовке.

Вместе с тем, опыт работы по созданию фабзавкомов во Франции уже выявил, что и в этом вопросе компартиям приходится преодолевать оппортунистические тенденции в своих собственных рядах. За последнее время во Франции был целый ряд выступлений, в частности на с'езде французской компартии (тов. Крозе), свидетельствующих о характерном для этой страны парламентском извращении задачи компартии в связи с организацией фабзавкомов. Фабзавкомы рассматриваются как какое-то парламентское представительство, которому предстоит «защищать интересы рабочих перед предпринимателем». Это типичный парламентский кретинизм, перенесенный на предприятие. Другие французские товарищи попытались даже протащить пресловутую «хозяйственную демократию», для которой фабзавком должен стать первичной основой под флагом компартии и Унитарной Конфедерации Труда. Фабзавкомы — заявляют они — не имеют политических задач, а только то, что предписано им государством. Наконец, тоже специфическим французским явлением, несомненным синдикалистским пережитком являются выступления других товарищей, которые вместо конкретной постановки вопроса о том, каким путем быстрее осуществить организацию фабрично-заводских комитетов во Франции, переносят центр тяжести на абстрактные рассуждения о том, что будут представлять собою фабзавкомы в эпоху непосредственно-революционной ситуации. Это есть типичное синдикалистское бегство от революционного решения практических, конкретных проблем рабочего движения.

Революционная оппозиция и реформистский профсоюзный аппарат. Исключения и реверсы.

В связи с ускорением темпа классовых противоречий и все увеличивающимся ростом политического влияния компартий и революционного профдвижения усилилась раскольническая деятельность социал-империалистической профсоюзной бюрократии. Это нашло свое выражение в попытках массовых исключений из профсоюзов (Германия и Англия) и в ультиматумах, пред'явленных коммунистам и членам революционной оппозиции, в виде требования подписывать «реверсы» о борьбе против политической линии компартии и революционного профдвижения (Германия). В одном союзе горняков в течение шести недель за март и апрель 1929 г. было исключено 379 чел. В Берлине председатель местного союза металлистов пригрозил исключать членов революционной оппозиции «десятками тысяч». Это может вызвать в свою очередь в некоторых прослойках компартии и революционного профдвижения опасные тенденции к отказу от работы в реформистских профсоюзах. Такие тенденции, если бы они действительно получили распространение, были бы только на руку реформистам и правым ренегатам.

Никакая провокация реформистского профсоюзного аппарата не должна вынуждать коммунистов отступить от работы внутри реформистского профдвижения, от работы по завоеванию реформистских профсоюзов через завоевание профсоюзных масс. Все более тесное сращивание в наше время реформистского профсоюзного аппарата с буржуазным государством делает особенно соблазнительным сравнение реформистского профсоюзного аппарата с буржуазным государственным аппаратом. В истории Коминтерна такое сравнение уже имело место. В частности, на втором конгрессе Коминтерна английские и американские делегаты отрицали необходимость работы в существующих реформистских союзах. «Говорить о завоевании профсоюзов изнутри — утверждали они, — такая же бессмыслица, как

и мечтает о завоевании капиталистического государства изнутри». Неправильность этого сравнения происходит от того, что ставится знак равенства между профсоюзной бюрократией и членской массой профсоюзов. В момент *под'ема* революционного движения, какой бы ни была предательской роль профсоюзной бюрократии, членская рабочая масса через голову профбюрократии сама определит характер профсоюзов. Резолюция, принятая вторым конгрессом Коминтерна, приобретает остро-актуальный характер как раз на нынешнем этапе. «Коммунисты должны во всех странах входить в профессиональные союзы для того, чтобы сделать из них сознательные органы борьбы за низвержение капитализма и за коммунизм... Всякое добровольное устранение от профессионального движения, всякая искусственная попытка создания особых союзов без вынуждения к тому исключительными актами насилия профессиональной бюрократии... или ее узкой аристократической политикой, закрывающей широким массам малоквалифицированных рабочих доступ в организацию,— представляет собою громадную опасность для коммунистического движения».

В основе всех тенденций извращения основной линии, намеченной целым рядом конгрессов и постановлений Коминтерна, несомненно, лежит опять-таки непонимание «третьего периода», непонимание роли *неорганизованных* и *расстановки* отдельных отрядов пролетариата, ведущих *с разных* сторон осаду реформистского профсоюзного аппарата (*изнутри* и *извне*), своеобразный *организационный фетишизм*, выражающийся в стремлении *к искусственному насаждению* «переходных» к новым профессиональным союзам форм организации.

Большое значение, в связи с этим, приобретает вопрос об *исключенных*. Боязнь исключений, как известно, всегда являлась *подоплекой оппортунизма* в рядах компартий и революционной оппозиции. Исключенный ныне из германской компартии Эндерле, в бытность его в прошлом году профсоюзным редактором «Роте Фане», саботировал кампанию против исключений под тем предлогом, что в противном случае ему самому грозит исключение из профсоюза. Таким образом, борьба против исключений стоит сейчас *в центре* внимания компартий и революционной оппозиции,—в частности в Германии и Англии. Но в то же самое время эта борьба не может вестись созданием «переходных», полупрофессиональных форм организации— путем регистрации, например, исключенных при революционной оппозиции, с получением от них *регулярных членских взносов* или же путем организации исключенных при массовых революционных организациях, например, при Межрабпоме.

Рядом с этим стоит вопрос о *«реверсах»*. *«Реверсы»* не новость в рабочем движении. До войны гирш-дункеровские профессиональные союзы в Германии заставляли своих членов подписывать «реверсы» о непринадлежности к социал-демократической партии. Для социал-демократических рабочих, имевших *свои* социал-демократические профсоюзы, это был вопрос принципа, а не тактики. Но когда сейчас социал-империалистические профбюрократы вводят «реверсы», как *средство удушения* нарастающих экономических боев и осуществления своей политики классового сотрудничества, то для членов революционной профсоюзной оппозиции, *не* имеющей своих революционных профсоюзов и стремящейся *к завоеванию большинства* членской массы реформистских профсоюзов, это вопрос *тактики, а не принципа*. Поэтому при вопросе о подписании «реверсов» следует исходить из единственно правильной предпосылки: облегчает ли это подписание завоевание и революционизирование рабочих масс или затрудняет, может или нет подписание «реверса» внести замешательство в ряды рабочих (что, собственно, и является целью профсоюзной бюрократии). В во-

просе о подписании «реверса» не может быть *схематического* решения. Для оппортунистов и ликвидаторов вопрос стоит в плоскости необходимости *всегда и при всех условиях* оставаться в реформистском профессиональном союзе (Вальхер). Для коммуниста ответ лежит совсем в другой плоскости. Подписание реверса зависит от *общего положения*, от революционной целесообразности, от того, *насколько поймут* массы тактику коммунистов.

Допустимо ли создание новых профсоюзов?

Уже самая постановка такого вопроса говорит о его происхождении. Если, с одной стороны, раскольническая деятельность профсоюзной бюрократии вызывает тенденции *легкого* отношения к *труднейшей* задаче работы *внутри* реформистских профсоюзов, то, с другой стороны, она питает *махровый оппортунизм, капитулянтство, отказ от борьбы*, которую нужно вести вплоть до создания новых революционных профсоюзов, если об'ективные обстоятельства это диктуют. Коммунисты никогда не были и не могут быть *принципиальными* противниками раскола. Конгрессы Коминтерна определенно высказывались по этому поводу. Резолюции II и V конгрессов Коминтерна гласят, что коммунисты *обязаны* раскалывать реформистские профсоюзы, *если отказ от раскола означал бы отказ от революционной работы в профессиональных союзах*.

История Коминтерна и в этом отношении дает достаточно богатый опытный материал. Само создание Красного Профинтерна вызвало наступление против него ликвидаторов с Паулем Леви во главе, как против «организатора международного раскола». Это было тотчас же после первого конгресса Профинтерна в 1921 г. Леви прямо заявил, что благодаря первому поражению революции ближайшее будущее принадлежит не коммунистам и революционному профдвижению, а реформистам и социал-демократии. На иенском партейтаге КПГ в августе 1921 г. группа ликвидаторов внесла резолюцию о том, что коммунисты должны признать, что лозунг «Москва» внутри профсоюзов «не имеет никакого другого смысла, как *пропаганда* идей коммунизма». Отсюда, как естественный вывод, был отказ от *организационного* противопоставления Амстердаму. Этот искусственный антиленинский разрыв организационной и политической сторон должен был неизбежно убить *самую идею коммунизма*. Не прошло и полугода, как вся эта группа очутилась по *ту сторону Коминтерна*.

Характерно, что исходная позиция и нынешних правых—переоценка капиталистической стабилизации и мощи социал-демократии. Каковы могут быть сейчас об'ективные условия, при которых создается необходимость создания новых профсоюзов? Такой шаг, как создание новых профессиональных союзов, должен быть проведен с величайшей осторожностью, после десятикратной проверки настроения масс. Коммунисты должны решительно бороться с формальным, *механическим* насаждением новых профсоюзов, против *установки* на раскол. Но сейчас имеется *нарастание* экономических боев, политическая борьба становится все более *заостренной*, углубление процесса сращивания социал-демократии и реформистского профсоюзного аппарата все более *отрывает* и будет отрывать от них рабочие массы, в некоторых местах целые профессии остаются *неорганизованными* из-за сопротивления профсоюзной бюрократии. И в ряде стран создаются предпосылки для необходимого и возможного создания новых профсоюзов. Реформисты, вдобавок, начинают угрожать исключениями *целых организаций*. Вот почему, например, еще VI конгресс Коминтерна в такой стране, как Соед. Штаты, поставил перед компартией задачу создания новых профсоюзов в ряде отраслей производ-

ства, поскольку эти производства, благодаря деятельности реформистов, вообще лишены профсоюзов или же существовавшие там профсоюзы были разгромлены. В Польше во время лодзинской стачки, перед лицом ничтожного влияния пепеэсовского профсоюза и раскола ППС (и пепеэсовских профсоюзов) должна и могла быть проведена организация нового союза. То, что это не было сделано, явилось следствием профсоюзного легализма, господствовавшего в лодзинском комитете партии. Но в то же время польские коммунисты сделали бы величайшую ошибку, если бы взяли генеральную установку на раскол.

Таковы некоторые важнейшие профсоюзные проблемы «третьего периода». Этими вопросами далеко не исчерпываются все проблемы, но это, несомненно, важнейшие, вызывающие наибольшие дискусии в наших собственных рядах. X пленум ИККИ должен будет дать на них точный и исчерпывающий ответ. Переведение нынешних экономических боев на революционные политические рельсы под руководством компартий в огромной степени зависит от правильного, большевистского разрешения профсоюзных проблем. Вот почему эти профсоюзные проблемы стоят сейчас—более, чем когда бы то ни было раньше—в центре внимания Коминтерна.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Об одном важном, но мало изученном участке внутрипартийной борьбы.

(По поводу «Ленинских Сборников» V, VII и X).

> Только история большевизма за весь период существования может удовлетворительно об'яснить, почему он мог выработать и удержать при самых трудных условиях железную дисциплину, необходимую для победы пролетариата.
>
> **В. И. Ленин.**

> По отношению к господину Бернштейну надо быть как можно более неуступчивым, а по отношению к товарищу Мартову надо быть уступчивым как можно более. Неужели все это не просто? Неужели все это не ясно? Неужели все это не понятно само собой.
>
> **Г. В. Плеханов.**

Борьба на два фронта, которую ведет сейчас партия против правого и левого уклона, исходит совершенно правильно из необходимости и важности в настоящее время сосредоточить огонь направо. При этом партия подчеркивает важность борьбы не только с открыто выраженными уклонами, но и примиренческим отношением к ним. Помимо всех прочих условий и причин примиренчество вызывается между прочим своеобразием форм борьбы направо, выражающимся в необходимости сочетания идеологических и организационных методов борьбы на различных этапах развития этого уклона. С этим примиренческим отношением к правой опасности должно вести беспощадную борьбу и разоблачать как опаснейший вид для прикрытия откровенного оппортунизма. Что именно эту роль выполняет такое примиренчество при наличии того или иного уклона, к сожалению, у нас еще далеко недостаточно освещено в литературе. Больше того. Иногда думают, что борьба на два фронта и борьба с примиренчеством вовсе не связаны глубоко с историей большевизма, являясь в значительной степени, если не целиком, «продукцией» наших дней. Увы, такая точка зрения была бы глубоко неверна, являясь в лучшем случае результатом «неудовлетворительного» знания истории большевизма. Широкая партийная масса должна отдать себе отчет в том, что в сущности большевизм вырос и закалился как в борьбе на два фронта, так и с примиренческим отношением к проявлению откровенного, либо так или иначе скрытого оппортунизма. Едва ли будет преувеличением сказать, что наличие примиренчества и примиренческих настроений в рядах партии всегда мешало и мешает итти к победе и без борьбы с ним не могло бы быть и нет ленинского большевизма. К сожалению, до сих пор в нашей популярной литературе по истории партии, да и не только популярной (кроме сочинений В. И. Ленина) о таких настроениях внутри большевизма в различные периоды партийной истории, как и о различных методах борьбы с ними В. И. Ленина, писалось совсем мало. Проследить эти настроения, тактику примиренчества, методы его борьбы, установить связь не только с сущностью, но и с методами борьбы против партии, между примиренчеством и оппортунизмом, наконец, дать ленинский подход к оппортунизму и примиренчеству—имеет в настоящее время актуально-политическое значение. Не имея возможности в рамках одной статьи набросать хотя бы

схему такой борьбы за весь период партийной истории (в частности и в особенности, например, в революции 1905—1907 гг., в эпоху реакции и под'ема и т. д.), мы позволим себе обратить внимание читателя на один особенно слабо изученный период, ярко обрисовывающий тактику В. И. Ленина в борьбе за партию, за партийность—именно на эпоху раскола после II с'езда, точнее, на один из наиболее интересных этапов этой эпохи, охватываемых материалами X «Ленинского Сборника» (декабрь 1903 г.—март 1904 г.), при чем нас интересует освещение этого периода для понимания ряда мероприятий, принимаемых партией в борьбе с правой опасностью и примиренчеством как по линии идеологической, так и организационной. Само собой разумеется, что здесь было бы только вредом для дела вульгарными аналогиями проводить параллели между борьбой того времени и нашей эпохой. И мы, конечно, и не собираемся делать этого. Наоборот, мы всячески подчеркиваем основную особенность эпохи раскола: 1) совершенно отличную социально-экономическую и политическую обстановку, 2) своеобразное положение «одной» партии, состоящей из б-ков и м-ков, 3) молодость, незрелость партии, 4) слабое развитие партийной дисциплины и т. д. и т. п. Но именно учитывая все эти особенности, мы тем не менее позволяем себе провести ряд аналогий, так как следующие моменты сближают эпоху раскола с современностью: 1) борьба за партию, за партийность и организационные принципы большевизма; 2) борьба за партийную дисциплину, партийный устав для всей партии, а не только для низов, 3) борьба за руководящие кадры; 4) вопрос об уступчивости, компромиссах во внутрипартийной борьбе, 5) вопрос о сочетании идеологических и организационных методов борьбы; 6) вопрос об освещении перед всей партией тех или иных разногласий и мобилизации всей партии для их преодоления. Все эти моменты стоят, *правда, в иных совершенно условиях* в настоящее время перед партией и Коминтерном; таким образом, изучая эту эпоху, мы собираемся *не механически переносить опыт борьбы в тот период на наши внутрипартийные разногласия*, но лишь подчеркнуть важность и актуальность уроков этой эпохи для наших дней, ибо... «только история большевизма за *весь* период его существования может удовлетворительно об'яснить...» и т. д.

У нас мало занимаются и изучают эпоху раскола после II с'езда РСДРП. Об'ясняется это отчасти тем, что документы, относящиеся к детальному освещению этой эпохи, мало известны широким партийным кругам, несмотря на то, что В. И. Ленин в своих больших работах и статьях, относящихся к этому периоду, касается наиболее важных моментов и этапов раскола (см. «Шаг вперед два шага назад», Собр. соч., т. V, изд. 1-е, см. также «Пора кончать», «Первый шаг» и др. Собр. соч., т. VII, изд. 2-е), отчасти потому, что все же картину внутренней механики борьбы В. И. Ленин не давал, считая, повидимому, преждевременным опубликование всех материалов, как не сделал этого и в отношении материалов программы, ставших известными для партии только после выхода в свет II и III «Ленинских Сборников», т.-е. уже в наше время. Что же касается меньшевиков, то они сделали все возможное (статья Мартова, Аксельрода, Плеханова, Потресова и др., брошюра Троцкого «Наши политические задачи»), чтобы исказить, извратить фактическую и принципиальную картину борьбы.

Опубликованные, хотя еще и не полностью, материалы и документы, характеризующие эту эпоху, в особенности материалы Института Ленина, позволяют не только покончить со всякими и всяческими легендами и проследить всю механику раскола, но и восстановить картину, разбив всю эпоху от II и III с'езда на этапы, представляющие собою определенные моменты в борьбе, со специфическими особенностями для каждого. Такая разбивка, позволяющая детально схватить развивающуюся борьбу, важна тем

более, что именно в этот период мы имеем по словам В. И. Ленина оформление большевизма. При этом мы оставляем в стороне анализ общепринципиальных теоретических разногласий с меньшевиками и Г. В. Плехановым в том числе. Нас будет интересовать лишь самый подход В. И. Ленина к меньшевизму (в то время—формальному уклону в партии) и примиренческому к нему отношению. Эта периодизация в общем вполне соответствует той, какую мы находим и у В. И. Ленина для этого периода в проявлении гибкой большевистской линии.

Известно, что меньшевики не только не подчинились решениям II с'езда партии, но немедленно же после с'езда начали бешеную полемику против решений II с'езда по организационным вопросам. «В партии осадное положение. Казарменный режим. Нас заезжают»—прямо-таки вопили меньшевики. Кампания против большинства с'езда сопровождалась бойкотом центров, отказом от какой бы то ни было работы со стороны меньшевистских «генералов» и «сподручных» и в Ц. О. и по поручениям ЦК. *Бойкот был излюбленным, прямо-таки классическим методом меньшинства* в борьбе против партии и партийности, методом, с которым мы сталкиваемся не раз на протяжении последующей партийной истории. На это обстоятельство не мешает обратить внимание читателя, поскольку коекто из весьма видных представителей правого уклона пытался выступить против партии с аналогичными методами бойкота—в форме отставок, отказа от работы под крики о зажиме, диктатуре лиц и т. д. Быть может, это обстоятельство прольет свет на то, куда же в конце концов ведет линия правого уклона. Пользуясь связями старой «Искры», меньшевики посылали на места «своих» людей, дезорганизующих местную работу и восстанавливающих местные организации против Ц. О. и ЦК. Меньшевики организационно оформляют «фракцию», имевшую негласный центр — «бюро меньшинства». В то же время меньшевики ведут переговоры с Лениным и Плехановым, ставя себе определенную задачу захватить в свои руки центральные учреждения партии и дезавуировать В. И. Ленина во имя изменения всей линии II с'езда партии. Хотя Плеханов и Ленин не знали в это время о планах и фракционной деятельности меньшинства, однако, В. И. Ленин по характеру переговоров понял истинные намерения меньшевиков. В письме к А. М. Калмыковой Ленин писал: «Именно в том и безвыходность, полная безвыходность положения, что за сумму личных обид, личных недовольств они требуют корректива политического... Теперь дилемма стоит неумолимо: *либо* расхождение в вопросах о лицах—тогда смешно из-за этого политич(еский) скандал делать и работу бросать. Либо расхождение политич(еское)—тогда еще более смешно «поправлять» его навязыванием определенных лиц иного, скажем, нюанса» («Ленин. Сб.» VI, стр. 252). А это «политическое» в требованиях меньшинства Ленин отметил себе тотчас же после с'езда. В неопубликованной заметке «Противоречия и зигзаги Мартова» Ленин, как бы резюмируя политическую линию Мартова на II с'езде партии, отмечал эту «двойственность» меньшевизма, этот «шаг вперед — два шага назад», означавшие не что иное, как «два шага назад» от старой «Искры» к блоку с бывшими экономистами различного толка, а через них и к идеологам «освобожденческого» либерализма, т.-е. струвизма. Нужен был поистине ленинский слух, чтобы уловить всю эту линию в меньшевистской музыке и ее разоблачать,—но разоблачать не механическим отсевом, а очень длительной и своеобразной борьбой, особенности которой следует разобрать.

Стараясь привлечь к работе меньшинство, зная и ценя их как крупных работников, боровшихся не без отдельных, правда, колебаний, против хвостизма и оппортунизма в русском и не только русском (Плеханов) революционном движении, В. И. Ленин вместе с тем видел, что сохранить подобный

«капитал» для партии можно не беспринципными уступками, а только давлением на них растущей и развивающейся партии, которая должна будет положить конец дезорганизаторской работе зарвавшихся генералов. Вот почему в отличие от Плеханова, недооценившего силу партии, видевшего партию только в лице «заграничных вождей» и боявшегося больше всего на свете потери их, Ленин, ведя переговоры с меньшевиками, в то же время в переписке с членами ЦК и работниками с мест все время настойчиво подчеркивает необходимость укрепления рядов партии сверху и донизу по линии организационной, агитационно-пропагандистской, транспортировки литературы, укрепления комитетов и т. д. с целью противопоставления положительной работы партии дезорганизаторской деятельности меньшинства, заставив последнее подчиниться либо уйти. Опубликованная в настоящее время переписка между Мартовым и Аксельродом целиком подтверждает и оправдывает ленинскую точку зрения. Однако, в этот период Ленин еще вовсе не считает необходимым доводить до сведения всей партии о разногласиях внутри руководящих органов, надеясь, что если меньшинство сумеет понять и исправить ошибки, поняв логику их развития и подходя к вопросу по партийному, вовсе не нужно будет ни излишней растраты энергии партии, ни колебания авторитета руководства перед партийными массами. Плеханов не сумел сделать для себя таких же выводов, какие сделал В. И. Ленин. Больше того, новое событие, еще больше укрепившее правильность позиций В. И. Ленина и большинства в оценке дезорганизаторской работы меньшинства, окончательно бросило Плеханова в об'ятия меньшинства, так и не понявшего смысл раскола. Событие это было с'ездом заграничной лиги РСДРП.

С'езд протекал весьма и весьма бурно. Отсутствие на с'езде местных практиков-профессионалов, преобладание главным образом партийных литераторов, эмигрантской интеллигенции, оторванных от массовой партийной работы и шедших за меньшевиками, наложил соответствующий отпечаток на работу с'езда. Лига открыто брала реванш за поражение меньшевиков на с'езде партии. Это было в сущности открытым восстанием против партии и партийности: «мы соль земли», и потому нам все дозволено, для нас не существует партии и партийной дисциплины,—таков был стиль всей работы с'езда Лиги, выступившего против важнейших решений II с'езда.

Итоги работ с'езда Лиги даже слепого, казалось бы, могли убедить в том, какими путями и способами только и можно ликвидировать раскол. Ясно было, что меньшевики идут организованным походом против партии. Ленинские заметки насчет «политического нюанса» находят свое подтверждение полностью и целиком, и особенностью данного этапа борьбы с меньшевиками для Ленина как раз и являлась подготовка партии, в особенности ее передовых кадров и Плеханова в том числе, к тому, что в лице меньшинства партия имеет много более глубокую, чем это кажется на первый взгляд оппортунистическую струю, с которой придется бороться и притом бороться серьезно, быть может, даже вплоть до исключения из рядов партии, но делать это нужно не грубо, а подготовив всю партию, привлекая всю партию следить за развитием и своевременной ликвидацией этой весьма опасной болезни. При чем нужно иметь в виду, что особая трудность в такой борьбе заключалась в то время еще в том, что тогда, как известно, большевизм только оформлялся, и сама ленинская гвардия только-только начинала закаляться, даже она была не всегда по-ленински «тверда», и потому требовался особой тщательности, особого такта подход. В этом духе В. И. Ленин после с'езда Лиги и повел среди руководящих кадров тогдашнего большинства соответствующую кампанию. Однако, уже на другой день после с'езда Лиги Плеханов в самой категорической форме заявил, что необходимо итти на максимальные личные уступки, чтобы избежать раскола, при чем еще раз подчеркивал, несмотря на все происшедшие внутрипартийные события, что видит преобладание личных моментов во всех спорах. В. И. Ленин все еще надеялся убедить Плеханова в ошибочности такого взгляда, в необходимости твердо стоять на своих принципиальных позициях, продолжать начатую работу на местах, укреплять партию и тем заставить меньшинство сдаться, что уступки, о которых говорит Плеханов, в настоящее время только углубляют борьбу, мешают развитию роста партии и как раз сохранению этих людей для партии. В письме от 1/XI 1903 г. В. И. Ленин писал: «Я, право же, вполне и вполне понимаю ваши мотивы и соображения в пользу уступки мартовцам. Но я глубочайше убежден, что уступка в настоящий момент — самый отчаянный шаг, ведущий к буре и буче гораздо вернее, чем война с мартовцами. Это не парадокс... Да это будет полная компрометация с'езда, полная смута и скандал в России, в сто тысяч раз страшнее и опаснее пасквильной заграничной брошюры.

Надоел разброд,—вот что пишут и вопят из России. А отдать мартовцам—значит именно узаконить теперь разброд в России, ибо в России не было еще и тени неповиновения и бунта. Никакие мои и ваши заявления не удержат теперь делегатов большинства на партийном с'езде. Эти делегаты поднимут ужасное нечто.

Ради единства, ради прочности партии—не берите вы на себя этой ответственности, не уходите и не отдавайте всего мартовцам» («Лен. Сб.», т. VIII, стр. 198—199). Однако, Плеханов стоял на своем. 1 же ноября Ленин подает заявление о выходе из Ц. О. и из совета партии, как представитель ЦО, при чем оговаривает, что не отказывается от посильного сотрудничества и работы, этим Ленин подчеркивает, что, выходя из редакции, он вовсе не нарушает воли с'езда партии, так как дает возможность Плеханову, все еще преуменьшающему суть разногласий, не желающему видеть их принципиальной стороны, добиться мирного разрешения конфликта. Ценя Плеханова, понимая его роль и значение в то время не только в русском, но и в международном движении, Ленин надеялся, что если только у Плеханова действительно имеет место добросовестное примиренчество, т.-е. он действительно добивается по-партийному подойти к разрешению раскола и думает, что меньшевики с ним согласятся, он либо на деле убедится, наконец, в истинных намерениях меньшинства, либо открыто перед ними капитулирует, но дальше после с'езда Лиги так продолжаться не могло. Одно из двух: партия, либо они. И, чутко подходя к такой важной проблеме, как проблема сохранения и укрепления руководящих кадров партии, Ленин решил сделать еще один шаг в деле партийного разрешения вопроса—именно не «меньшевистская отставка» и тем самым грубое нарушение партдисциплины и устава, а в рамках того и другого, сохраняя все свои принципиальные позиции, ни грана не уступая здесь, сделать еще одну попытку убедить товарища в его ошибке, исправить ее и сохранить его для партии. Насколько своим отказом от поста редактора Ленин далек был от мысли «генеральского бойкота» на меньшевистский манер, показывает тот факт, что когда он (Ленин) имел против себя весь ЦО во главе с Плехановым, в обстановке дрязг, сплетен и оскорбления, на которое Ленин лишен был возможности отвечать, он еще раз в письме к В. И. Засулич категорически подчеркивал, что намерен продолжать свое сотрудничество в «Искре». А ведь это были в сущности уже тогда чужие люди, враги, и все же условия, обстановка требовали того, что с этими людьми еще нельзя было разговаривать так, как разговаривают с врагами. Молодая партия этого еще не понимала. Как же после этого нужно квалифицировать тактику тех «правых», которые внутри своей ленинской единой партии бросают в исключи-

тельно трудных условиях социалистического строительства работу. Много ли здесь ленинского?.. Между тем Ленин ясно понимал, куда приведет Плеханова его требование «единства во что бы то ни стало», если только он все еще будет оставаться при своем старом убеждении о принципах раскола. Но Плеханов не только не собирался менять своих старых убеждений, не только не понял ленинского шага, как шага, который должен был многому научить Плеханова в уяснении природы меньшевизма, но приступил к переговорам с меньшевиками, уже прямо как капитулянт предложивши без всяких условий кооптацию в ЦО. При этом уже сам Плеханов старается убедить меньшинство в том, что вся суть разногласий в личности Ленина. И в то же время в статьях принципиального характера («Чего не делать») явно подчеркивает необходимость уступок ревизионизму, ратуя против непримиримости, проповедуя единство во что бы то ни стало.

В письме в ЦК и отдельным членам Ленин категорически выступает против той, с позволения сказать, «примиренческой» линии, которую занял Плеханов, требуя обсуждения создавшегося положения и решительного осуждения шатаний. И здесь В. И. Ленин оказался целиком и полностью прав, когда своим выходом из ЦО дал возможность колеблющимся не только еще раз убедиться в истинной физиономии меньшевизма, но и показать, куда приводит т. н. «примиренчество» во что бы то ни стало Г. В. Плеханова, которое на самом деле оказалось тем же меньшевизмом. Переход Плеханова на сторону меньшинства был, конечно, не случаен. Здесь не место разбирать причины этого перехода. Для Плеханова партия существовала прежде всего как верхушечные интеллигентски настроенные кадры по преимуществу, без которых Плеханов никак не представлял себе партию и партийные кадры. Мы видели, что собой представлял по составу с'езд Лиги, а между тем именно боязнь потерять этих людей заставила Плеханова сдаться на капитуляцию, ибо без них он себе не мыслил партию, как не представлял себе, что эти кадры могут быть заражены оппортунизмом. Но, если так относился Плеханов к «верхушке», то совсем другое отношение было у него к широкой партийной массе, именно той массе, которая выносила на своих плечах всю тяжесть настоящей большой работы. Об этом у Н. К. Крупской сообщаются интересные подробности ее деловых бесед с Г. В. Плехановым.

«Когда мы переехали в Женеву, я пробовала показывать Плеханову корреспонденцию и письма, и удивляло меня, как он на них реагировал: точно почву он под ногами терял, недоверие у него какое-то появлялось на лице, никогда не говорил он потом об этих письмах и корреспонденциях. Особенно недоверчиво стал он относиться к письмам из России после II с'езда» (подчеркнуто мною. *Н. Э.*).

Настолько глубоко различно было отношение Ленина и Плеханова к партии.

В то время как после II с'езда В. И. Ленин все больше и больше ориентируется на укрепление партии в России, Плеханов, видя партию только в лице «интеллигентско-эмигрантских кружков за границей, именно в этот период относится к «корреспонденциям из России особенно недоверчиво». Что же удивительного после этого, если Плеханов в переговорах с меньшинством уверял последнее, что Ленин в конце концов тоже согласится, как и Плеханов, на кооптацию меньшинства в редакцию «Искры». Насколько Плеханов не понимал своеобразия разногласий, показывает, например, следующий факт. В то время, как Ленин ждал с большим нетерпением выхода в свет протоколов с'езда партии, чтобы положить конец сплетням и осветить истинную картину разногласий, Плеханов в письме к Потресову от 16/II—1903 г. предлагает выбросить из протоколов заседания, на которых происходили выборы в центральные учреждения, так как это может повредить престижу партии. А в следующем письме к тому же Потресову, настаивая на своем предложении, Плеханов подчеркивает, что имеет в виду также и соображения конспирации, но и это было только уверткой, на самом же деле, забыв, как он сам совсем недавно проповедывал, что не всегда худой мир лучше доброй ссоры и что не всякое единство похвально и приводит к добру, Плеханов фактически лишний раз играл на руку меньшевикам, так как под видом «конспиративных соображений» не давал возможности вскрыть на документах дезорганизаторскую работу меньшинства. Мало того, как раз меньшевики-то и добивались, всячески старались скрыть от партийных масс документы, освещающие разногласия. Так на попытку меньшевиков, собиравшихся фальсифицировать протоколы с'езда заграничной Лиги из-за боязни разоблачений перед широкой партийной массой и прикрывавших такую фальсификацию желанием устранить из протоколов все «личное», В. И. Ленин отвечал: «Сокращать что бы то ни было в протоколах с'езда, удалять кое-кого никто не имеет ни формального, ни морального права» («Лен. Сб.» X, стр. 19). Меньшевики лучше Плеханова понимали и представляли себе, что победой на с'езде Лиги еще не решается вопрос о том, за кем идет и пойдет партия, что предстоит еще очень серьезная борьба и что изучение этой борьбы по документам едва ли будет в пользу меньшинства. Эта тактика оппортунистов—фальсифицирование документов, помогающих уяснению принципиальных основ спора, сознательное выпячивание личных моментов и в то же время под прикрытием примиренцев развитие оппортунистической платформы — также характерна для методов борьбы против партии со стороны правых. К этому еще следует прибавить всякие «тайные переговоры», которые ведутся с носителями антипартийных настроений, хотя и осуждаемых на словах правыми, как в эпоху раскола тайные переговоры, примиренческого ЦК с меньшевиками. (Носков и т. д.). Как же В. И. Ленин отнесся к плехановской кооптации меньшинства? Из имеющихся документов видно, что В. И. Ленин предполагал сначала на «переворот», произведенный Г. В. Плехановым, кооптировавшим без всяких условий меньшевиков, ответить «контрпереворотом», так как Плеханов явно нарушил решения с'езда и грубо исказил смысл отставки Ленина, как шаг к мирной ликвидации конфликта в рамках партийных постановлений. Смысл «контрпереворота» должен был свестись к роспуску кооптированной Плехановым редакции и взятию «Искры» в руки ЦК.

Однако, В. И. Ленин, отчасти под нажимом примиренчески настроенного ЦК, а главным образом в силу слабой подготовленности партии в целом, в частности даже наиболее передовых ее кадров из большинства, к такому перевороту, решил заменить такой метод более длительной, осторожной (в рамках как устава, так и существующих центральных учреждений партии) борьбой. Суть этой борьбы выражалась в двух-трех словах: необходим новый с'езд, за созыв которого нужно бороться. В этот период разногласия, вступая в новую фазу, обнаружили серьезное расхождение между линией Ленина и линией примиренчески настроенного ЦК партии.

Дело в том, что «уступчивость», поскольку здесь, вообще говоря, применимо это слово, Ленина была совсем другой, чем «уступчивость» ЦК. Для Ленина уступчивость, как мы видели выше, означала в сущности уступчивость, исходящую из большевистского принципа—«твердокаменность—но гибкость» и при том гибкость в зависимости от конкретных условий и обстоятельств борьбы. Она сводилась к попытке ликвидировать на основе партийных решений в пределах руководящих учреждений партии разногласия без вынесения их за эти пределы. Эту принципиальную допустимость такого типа уступок и компромиссов и условий, на которых они возможны, В. И. Ленин прекрасно показал в «Детской болезни «левизны» в коммунизме».

Но учет условий означал именно «у ч е т у с л о в и й в ц е л о м в интересах партии, а не в интересах того или иного лица или группы, пусть даже и играющих очень видную роль в партии. Если момент требовал покамест и сохранения меньшевиков в партии и пока что даже на руководящих постах, то это, конечно, не означало прекращения борьбы или беспринципную уступчивость. Именно такова и была линия В. И. Ленина. Что означала «уступчивость» ЦК? Как и у Плеханова — непонимание это вытекало из недооценки глубины разногласий, характера разногласий, рассматривания их почти исключительно сквозь призму личного. При этом из суживания глубины разногласий и того факта, что по вопросам принципиальным меньшевики пока что высказывались мало, ЦК не сумел по-ленински уловить связь меньшевизма с экономизмом и освобожденчеством, а позиция Плеханова внесла еще большее смятение, а отсюда непонимание этой ленинской «гибкости». Да, раз В. И. Ленин склонен «итти на уступки», значит, действительно, можно «помириться» и без особых «чрезвычайных мер». Но, как мы видим, бывают уступки и «уступки». Одно дело линия В. И. Ленина, другое дело позиция Г. В. Плеханова. Это непонимание характера борьбы, вытекавшее из очерченных выше условий, затруднявшееся еще тем, что формально речь шла о «компромиссах» внутри «одной» партии—особенно резко сказалось у ЦК как раз в период разрыва В. И. Ленина с Плехановым, перехода последнего на сторону меньшевиков и ленинской борьбы за созыв с'езда. Это был период ярко выраженного беспринципного примиренчества в рядах ЦК. Ленин был абсолютно прав, когда поставил вопрос о необходимости борьбы за подготовку нового с'езда, долженствующего положить конец разброду на новый лад, внесенному меньшевизмом в партию, ибо знал, что после «шагов» Плеханова меньшевики перейдут к еще более решительной атаке. И действительно. Меньшевики разработали целый план кампании, которая должна была закончиться полной капитуляцией большевизма и даже исключением В. И. Ленина из партии.

28—30 января 1904 года собралась сессия состава ЦО партии, на которой должен был обсуждаться внесенный по инициативе нового состава ЦО вопрос о согласовании деятельности ЦК и ЦО по изданию партийной литературы, а фактически под видом такой невинной формулировки с целью превращения ЦО и ЦК для более успешной реализации своего «плана». Совет в то время в результате плехановской кооптации состоял из пяти лиц: Аксельрода, Мартова, Плеханова, Ленгника и Ленина. Ясно было, что большинство на нем обеспечено за меньшевиками, и потому заранее можно было догадываться о его решении по этому вопросу. Нужно было обязательно разоблачить игру меньшевиков, противопоставить ей свой план ликвидации раскола—необходимость партийного с'езда, склонив к такой борьбе всех тех, кто еще колебался между признанием разногласий серьезными и принципиальными и признанием их личными, а на деле все больше и больше отдавал партию на с'езде оппортунистическому меньшинству. В. И. Ленин внес поэтому предложение о внеочередном обсуждении внутрипартийного положения, имея в виду, во-первых, склонить Плеханова к борьбе за с'езд, во-вторых, как и в предыдущем этапе борьбы, п о к а з а т ь, если Плеханов не согласится на такую борьбу, примиренчески настроенному ЦК, что Плеханов никакой «третьей» стороны не представляет и ориентироваться на него в деле достижения мира, как это делал кое-кто из ЦК—нельзя. Все это Ленин подробно обосновал в выработанном проекте обращения совета партии, в котором, отмечая дезорганизаторскую деятельность меньшинства, требовал безусловного, безоговорочного подчинения партийной дисциплине и осуждения антипартийных методов борьбы против партии. «Никакие разногласия,—писал В. И. Ленин,—между членами партии, никакое недовольство личным составом того или иного центра не могут оправдать бойкота и тому подобных приемов борьбы, свидетельствующих именно об отсутствии принципиальности и идейности, свидетельствующих о принесении в жертву интересов партии интересам кружка, интересов рабочего движения интересам узкого местничества. Но было бы совершенно непозволительно и недостойно революционеров проявлять свое недовольство в бойкоте или отстранении от поддержки всеми силами всей положительной работы, об'единяемой и направляемой обоими центрами партии. Поддержка общих центров, дружная работа под их непосредственным руководством есть наш общий и прямой партийный долг».

Ленин предвидел, конечно, что проект провалится, так как знал, что Плеханов уже с меньшевиками, но этот шаг должен был еще раз показать, что никакими методами партийного воздействия меньшинство кризиса разрешить не хочет, что призвать к порядку меньшинство сможет только вся партия в лице партийного с'езда. Чтобы ослабить впечатление от ленинского проекта, Плеханов, к которому присоединились и остальные члены совета из меньшинства, заявил: «То, что прочитано тов. Лениным, имеет характер воззвания, из которого трудно понять, какие именно конкретные практические предложения Ленин имеет в виду». Призыв к подчинению партийной дисциплине на основе решений II с'езда партии был уже для Плеханова только воззванием общего характера.

В свою очередь Плеханов, неоднократно подчеркивающий, что он не принадлежит ни к меньшинству, ни к большинству, внес резолюцию, означавшую не только переход совета, но и ЦК, т.-е. фактически всех центральных органов партии в руки меньшинства. Таков был итог «примиренческой» позиции Г. В. Плеханова. Не случайно именно он, а не меньшевики, внес такую резолюцию. Внеси ее меньшевики, все было бы ясно, но Плеханов ведь стоял н а д обеими фракциями, и его позиция, к о е-ч т о значила для того, чтобы все еще вводить в заблуждение колеблющихся. Эта резолюция и прошла меньшевистским большинством совета.

Теперь момент требовал уже быстрых и решительных действий со стороны ЦК. Меньшевики делали все возможное, чтобы захватить партию в свои руки, но захватить, замазывая, извращая разногласия, пряча от партии документы, дающие возможность разобраться в сущности борьбы, действуя, пользуясь молодым и слабым пока еще опытом партийных кадров, нечестными и демагогическими приемами. Тем более важна была широкая раз'яснительная работа перед партийной массой. В X «Ленинском Сборнике» напечатаны сохранившиеся два неопубликованных ленинских документа,—один, написанный до январской сессии совета: «К членам партии»,—другой после него «К партии» и, кроме того, письмо к рабочему-партийцу Н. Е. Вилонову, как ответ на запрос этого товарища. Все эти документы, излагающие сущность разногласий в их истинном свете, показывают, что В. И. Ленин твердо решил апеллировать непосредственно к партии с призывом положить конец работе меньшинства. Однако, разногласия уже зашли настолько далеко, путь меньшевизма и примиренчества настолько обозначился, что одних общих обращений было уже недостаточно, и отчетливо выявилась необходимость более подробно аргументировать перед партией свою позицию. В результате В. И. Ленин осуществляет еще ранее задуманную брошюру о сущности разногласий и пишет «Шаг вперед—два шага назад».—Это была первая попытка серьезно и принципиально обосновать как свои позиции, так и позиции противника. Впервые на широкий партийный суд выносилась оценка меньшевизму, как экономизму на новый лад, как оппортунистическому крылу русского рабочего движения, т.-е. в п е р в ы е констатировалась «степень и «глубина» маленьких разногласий». Вполне понятна поэтому та встреча, какая была оказана ленинским «шагам» меньшевиками, но не только меньшевиками.

Итак, в необходимости апелляции непосредственно к партии не последнюю роль сыграла для В. И. Ленина все более обрисовывающаяся примиренческая позиция Центрального Комитета.

Но одной раз'яснительной кампании теперь после меньшевистских дел, после двух измен Плеханова (в ЦО и Совете), после обозначившихся примиренческих настроений в ЦК было уже недостаточно. Как «генеральный лозунг»—сама по себе раз'яснительная кампания должна была подкрепляться соответствующими организационными мероприятиями в ответ на дела меньшинства. Но ЦК оказался явно не на высоте положения. Примиренческая болезнь Плеханова оказалась явно заразительна для ЦК, а тот факт, что выступал в совете именно Плеханов с резолюцией, а не меньшевики в ответ на ленинское предложение, только укрепил эту болезнь, так как меньшевистских фокусов в этом ходе ЦК явно не уловил. А примиренчески настроенный ЦК не только не собирался принципиально проанализировать разногласия, но, укрепляясь в своем убеждении о личном характере разногласий, доходил в своих письмах до советов Ленину уехать на время и этим разрядить якобы разногласия. Такие советы естественно вызывали возмущение В. И. Ленина, требовавшего прямого и ясного освещения позиции ЦК.

«Эти глупенькие советы,—писал В. И. Ленин,—ч(то)бы я уехал отсюда. Я еще понимаю, когда их дают семейные (люди) родственники, но писать ту же ахинею из ЦК. Да именно теперь и начинается литературная война».

А 30 декабря Ленин еще более определенно высказывает эту мысль,—требует от ЦК полного и ясного «самоопределения». «Нас поражает и возмущает ваше молчание о боевых вопросах и ваша неаккуратность переписки... Мы категорически настаиваем на необходимости вполне выяснить себе позицию в борьбе с мартовцами, спеться нам между собой и взять вполне опред(еленную) линию». В результате этих настойчивых требований ЦК, наконец, самоопределился в том направлении, что отказался повести работу по организации с'езда, считая его несвоевременным, считая, что он еще более углубит раскол, и явно выражая свое неудовольствие позицией Ленина, якобы мешающего консолидации партии.

Намеки на «несолидарное выступление и крамолу» внутри самого ЦК имели в виду явно Ленина, что подтверждается и откровенным замечанием в письме ЦК с принятым решением: «Все умоляем старика бросить склоку и начать работу». Решение ЦК явно бросало его в об'ятия меньшевизма, как в свое время Плеханова. Отказ от с'езда был отказом от партийного способа ликвидации раскола, ибо другой путь был путем меньшевистским. И путь, на который стал ЦК, был путем очень и очень опасным. Урок Плеханова был не за горами. Беспринципное примиренчество грозило разложить даже большевистскую верхушку, нужно было решительно положить конец дальнейшему распространению разложения партийных рядов и ликвидировать раскол. Потерей центральных учреждений еще не решался вопрос о самой партии. Меньшевистскому плану построения партии на экономистско-оппортунистический хвостистский лад нужно было противопоставить борьбу за дальнейшее развитие принципов старой «Искры». Однако, и сейчас принятие организационных мероприятий еще не означало механического разрыва: последний мог бы только повредить делу. Речь шла еще пока не о подготовке двух партий, а о двуединой партии, завоевании лучших кадров, не сумевших еще разобраться в сущности борьбы и на деле, на опыте могущих в конце-концов убедиться, в какое болото ведет партию меньшевизм. 13 февраля 1904 года В. И. Ленин следующим образом отвечает на отказ ЦК подготовить с'езд: «... Получив сообщение о вашем коллективном решении большинства ЦК против с'езда и о желательности прекратить «склоку» и обсудив это сообщение втроем (Курц, Зверь и Ленин), мы единогласно приняли следующее решение:

1) Курц и Ленин слагают с себя временно должность членов совета (оставаясь членами ЦК), впредь до выяснения истинного характера наших разногласий с большинством ЦК. (Мы заявили в совете, что абсолютно не видим иного честного выхода из склоки, кроме с'езда, и вотировали за с'езд). Подчеркиваем, что уходим временно и условно, отнюдь не отказываясь вообще и очень желая выяснения по-товарищески наших разногласий и недоразумений.

2) В виду (а) необходимости нахождения за границей членов совета от ЦК; (б) необходимости личного совещания с русскими членами ЦК; (в) необходимость иметь за границей члена ЦК после от'езда Курца, Зверя и Ленина (Курц и Зверь уезжают в Россию, Ленин берет формальный и полный отпуск не менее, чем на два месяца); (г) необходимости устроить так, чтобы здешние дела, порождающие «склоку», велись теми членами ЦК, которые несогласны с нами, ибо мы не в силах иначе бороться со склокой, чем мы боремся,—в виду всего этого мы настоятельнейшим образом просим ЦК прислать сюда немедленно и непременно по меньшей мере одного из русских членов».

Борьба вступила в новую полосу — подготовку с'езда вопреки и против центральных учреждений партии. Как известно, партия живо откликнулась на призыв Ленина, и эти «успехи» меньшевиков вызвали решительный отпор с мест, и разлагающая партию работа имела успех главным образом лишь за границей, среди верхушек партии. Но здесь новых материалов пока еще нет. Они войдут в следующие сборники. Нам нет надобности освещать картину борьбы со стороны фактической по имеющимся материалам, так как она и так хорошо известна. Отметим только, что ЦК в конце-концов стал на путь кооптации в ЦК меньшевиков, хотя и скрывая это от партии и таким образом, как и Г. В. Плеханов в свое время, лучше всего разоблачив свою «добродетельную» «примиренческую позицию» и свои рассуждения о том, что сущность разногласий в «личностях». Подведем теперь некоторые итоги.

В чем же отличие ленинского подхода от подхода плехановского и примиренцев-большевиков из ЦК?

Во-первых, Ленин сразу же прослеживает тенденцию возможного развития уклона, определяя глубину и принципиальность разногласий, очищая их от всех и всяческих привходящих элементов личных дрязг.

Во-вторых, Ленин в зависимости от состояния разногласий подготовляя и мобилизуя для их ликвидации партию, вовсе не считает необходимым и нужным сразу же раскрывать эти разногласия в руководящих органах перед всей партией.

В-третьих, допуская «уступки» и «компромиссы», сочетая идеологические методы воздействия с организационными, все время остается на принципиальных позициях партии и партийности, резко осуждая антипартийные методы борьбы против партии (тактика бойкота партийной работы, личных дрязг и др.), как мешающие разобраться в принципиальной сущности разногласий.

В-четвертых, требует безоговорочных «оргвыводов» тогда, когда «товарищ по партии» не только не исправляет своих ошибок, но старается их замазать, преуменьшая под тем или иным соусом.

В-пятых, привлекает к ликвидации разногласий всю партию, разоблачая, «невзирая на лица», шатания и колебания таких товарищей (Плеханов и др.).

В чем особенности подхода Плеханова и примиренцев, в чем их беспринципность и поддержка оппортунизма?

Во-первых, в том, что они и не думают поставить вопрос на принципиальную основу, стараясь свести к «личностям», к необходимости сохранения «единства» во что бы то ни стало и любым безудержным уступкам во имя такого мнимого единства.

Во-вторых, на основе такой беспринципности скатываются к антипартийным методам борьбы (на словах говорят о необходимости осуждения меньшинства, на деле в то же время ведут с ним (меньшинством) тайные переговоры, пытаясь заключить беспринципные блоки против «личностей», а на деле начиная сдавать оппортунизму свои позиции (Плеханов, «Чего не делать»).

В-третьих, буквально плюют на партийную дисциплину, партийный устав; третируют партию, считая, что им, как «верхам», «все дозволено», что без них партия не обойдется и что недопустима даже постановка вопроса о возможности их ската к откровенному оппортунизму.

Таковы итоги и уроки борьбы за партию в эпоху раскола. Излишне подчеркивать важность и необходимость тщательного изучения этих уроков для «руководства к действию» в наши дни.

Николай Эльвов.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 12 30 ИЮНЯ № 12

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 9
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
„ПРАВДА“

Главлит № А—37080. Изд. газ. „Правда" Тираж 70.000 экз.
Типография газеты „Правда". Москва, Тверская, 48.

К пленуму ИККИ.

X пленуму ИККИ приходится работать в весьма сложных и ответственных условиях мировой обстановки.

Если экономические черты третьего периода — все растущее противоречие между известным развитием производства и чрезмерным отставанием рынков на основе превышения довоенного уровня и капиталистической рационализации—уже достаточно выявились перед VI конгрессом Коммунистического Интернационала, если уже к этому времени обострение империалистических противоречий выдвинуло опасность новой полосы грабительских и контрреволюционных войн империализма, как стержень всего международного развития, то со всей замечательной силой классовая борьба пролетариата развернулась после VI конгресса. В этом отношении год, протекший со времени конгресса и подтвердивший очень убедительно всю генеральную установку VI конгресса, особенно достоин внимания всего международного коммунистического движения. Все это развитие классовой борьбы международного пролетариата, — эта новая ступень развития всемирной пролетарской революции, быстрое созревание ее суб'ективных условий,—выдвигает вопрос о наших коммунистических партиях, как решающий вопрос для исхода борьбы между трудом и капиталом, между диктатурой пролетариата и диктатурой империализма.

Тактика «класс против класса», положенная в основу решений VI всемирного конгресса, означает приближение решающих боев в классовой борьбе между пролетариатом и буржуазией, она означает, что произошли большие сдвиги в классовых отношениях во всем мире и коммунистическая партия практически и конкретно становится единственным руководителем всех форм борьбы рабочего класса за свои частичные и конечные цели и требования, она означает поэтому, что коммунистическая партия, как таковая, а не вообще вопрос о партии, становится решающим фактором классовой борьбы в всемирно-историческом значении; классовая борьба после VI конгресса со всей очевидностью выявила это. Она показала новую ступень развития Коммунистического Интернационала, рост его влияния в рабочих массах и консолидацию его рядов, рост его ответственности за ход борьбы рабочего класса. Это означает, что мы творим новую ступень международной пролетарской революции, ступень в общем непосредственной подготовки, а кое-где и кое-когда — и это общее для всей эпохи войн и революций — и развертывания, или завязки решающих классовых битв.

Речь идет именно о новой ступени.

Ленинская политика есть пролетарская политика, строящаяся на почве фактов и тенденций развития. Поэтому мы против как всякого выдумывания и сочинительства «новых ступеней», «новых фазисов» и «новых черт» и т. д., так и особенно такого же выдумывания навыворот, т.-е. замазывания действительно нового, действительно особенного и конкретного для данного времени, данной страны, данной исторической полосы развития борьбы рабочего класса. Общей для правых и примиренцев является именно эта вторая черта, когда политикой хвостизма, отражающей также настроения и цеховые интересы наиболее отсталых в классовом отношении слоев рабочего класса, защищаются и представляются — сознательно или бессознательно — интересы классовой борьбы буржуазии. Но хвостизмом для коммунистического авангарда является и забегание вперед, заскоки, которые могут превратиться в уклон, оппортунизм наизнанку, если пытаться превратить их в систему стратегии и тактики, в политическую линию. Это также есть хвостизм, ибо такие тенденции или такая линия показала бы, что коммунистический авангард или часть его перестает быть авангардом, организатором и руководителем всей классовой борьбы пролетариата и вместо этого отражает лишь, плетется в хвосте забегающих вперед, невыдержанных, нетерпеливых, отсталых в смысле классовой сознательности прослоек рабочего класса, не стряхнувших еще с себя полуанархический, мелкобуржуазный прах, склонность к быстрому переходу от уныния к увлечению и наоборот. И та и другая политика является хвостизмом.

Но сейчас, как и в общеисторическом масштабе борьбы рабочего класса вообще, особенно опасен хвостизм откровенно-оппортунистический.

Единственной политикой революционного авангарда является ленинская политика, организующая всю борьбу рабочего класса, подчиняющая всякую тактическую задачу основной стратегической установке — завоеванию большинства рабочего класса для завоевания власти, диктатуры пролетариата, достижения конечной цели. Эта политика со всей решительностью отвергает и «левый» и, особенно, раньше всего, правый хвостизм.

Эти вопросы встают при всяком историческом повороте в борьбе рабочего класса. Со всей решительностью разбивая хвостистскую линию правых и примиренцев, Коммунистический Интернационал чужд и всякой тенденции— как бы она слабо ни проявлялась — к заскокам и забеганиям вперед. Эта постоянная истина ленинской внутрипартийной тактики, связанная неразрывно с общей линией коммунистической партии, сохраняет свою силу для наших партий как в третий период вообще, так и для текущего и ближайшего его этапа в частности. В этом—при беспощадной борьбе против основного, правого хвостизма—гарантия того, что коммунистические партии смогут успешно очиститься от правых, до конца преодолеть примиренчество и, превращаясь все больше в массовые революционные партии, будут способны выполнить свою решающую роль на нынешнем этапе развития борьбы рабочего класса против буржуазии.

Развитие после VI конгресса наполнило конкретным содержанием

те общие формулировки, которыми Коминтерн охарактеризовал тогда третий период развития всеобщего кризиса капитализма. Эта конкретизация формулировок VI конгресса прежде всего замечательно быстрым под'емом классовой борьбы пролетариата подтвердила правильность характеристики современной стабилизации капитализма как гнилой, временной, неустойчивой, расшатывающейся.

Правым и примиренцам ужасно не нравятся эти прилагательные к стабилизации, вошедшие в резолюции XV с'езда нашей партии и VI всемирного конгресса К. И. и в программу Коммунистического Интернационала. Иначе как с социал-демократическим смешком и пренебрежением они не могут говорить и писать об этом характере стабилизации. Правые при этом выступают открыто против VI конгресса, но защитниками якобы ленинского, «трезвого» анализа стабилизации. «Трезвый» анализ означает оценку мирового положения, свободную от революционных элементов и перспектив. «Трезвый» анализ означает социал-демократическую оценку мирового положения, разбавленную марксистской и «диалектической» водицей. «Трезвый» анализ означает такую оценку мирового положения, которая говорила бы рабочему классу: ты еще очень слаб, не смей переходить в контрнаступление против буржуазии, буржуазия еще должна тебя бить, а ты обороняясь должен отступать. «Трезвый» анализ говорит компартии: ты еще совсем слаба, и куда тебе самостоятельно выступать против могучей с.-д. во главе рабочего класса, ты должна в едином фронте с «левыми» с.-д. «нажимать» снизу на правых с.-д.— большее запрещено «законами истории». «Трезвый» анализ говорит об укреплении капитализма, революционные перспективы маячат где-то вдали, и к ним нет никакого практического мостика от сегодняшнего дня. С такими трезвенниками большевизму приходится сталкиваться не впервые на своем историческом победном пути. Все дезертиры из лагеря революции в лагерь контрреволюции начинали с этой проповеди антиреволюционной трезвенности. У всех у них «да здравствует трезвенность» означало «долой революционность». Отражая нажим буржуазии и с.-д., эта трезвенность является знаменем, под которым капитулянты переплывают от берега революции к берегу контрреволюции. Большевизм под руководством Ленина вырос и растет в исторической борьбе против этой трезвенности капитулянтов перед буржуазией, перед слугами буржуазии.

Если правые борются за прочную стабилизацию капитализма, стоя на внекоминтерновской почве, на почве с.-д. и фашизма, и открыто выступают против линии VI конгресса, изображая ее как ультра-левую, то примиренцы хотят бороться против линии VI конгресса, якобы стоя на почве Коминтерна и даже его VI конгресса. Они изображают линию VI конгресса как ужасно «умеренную» и «трезвую». Если правые говорят, что нет различия между вторым и третьим периодами, ибо капитализм и тогда укреплялся и укрепляется сейчас, то примиренцы «стоят целиком» на почве решений VI конгресса и заявляют, что есть различие между вторым и третьим периодом. В третий период мы имеем, видите ли, «экономическое усиление нынешней базы относительной стабилизации, а тем самым и политической власти буржуазии». И, мол, для того и введен третий период, чтобы подчеркнуть это усиление и укрепление капитализма. Как видим, тут есть определенное «различие» между пра-

выми и примиренцами. Правые говорят, что не только третий, но и второй период был периодом укрепления и ликвидации кризиса капитализма, а примиренцы,—они более «левые», они, молча о втором периоде или трусливо говоря о том, что мы тогда якобы «преувеличивали известные реальные факты» кризисных сторон капитализма, — заявляют, что третий период есть период экономического и политического укрепления и реконструкции капитализма. Понятно должно быть для каждого, что в лучшем случае это есть различие между вчерашними и сегодняшними капитулянтами перед давлением буржуазии. Политические выводы из этой позиции примиренцев в лучшем случае вытекают те же, что и у правых. Поэтому так легко примиренцы в Коминтерне заняли очищенное место правых, поэтому так естественно они стали кристаллизационным пунктом всех правых настроений и элементов в Коммунистическом Интернационале. И правые и примиренцы стоят на почве и исходят из перспективы укрепляющейся стабилизации капитализма.

Еще шаг—чисто формальный для одних, более значительный для других—и социал-демократы братски примут их всех в свои об'ятия.

Действительное развитие опрокинуло всю установку правых и примиренцев в пользу линии VI конгресса. Наиболее характерное и важное для периода развития после VI конгресса—это как раз ускорение общего темпа развития всех основных мировых антагонизмов. Это означает быстрое назревание решающих противоречий капитализма. Это накладывает решающий отпечаток на все развитие. Это развитие, будучи ускоренным и протекая неравномерно, делает исключительно напряженной всю мировую обстановку. Кто не поймет этого основного момента—ускоренного темпа расшатывания капиталистической стабилизации—не увяжет с ним все прочие вопросы, тот навряд ли будет способен на дело революционного авангарда развертывающейся борьбы рабочего класса. Это ускорение темпа развития сказалось по линии обострения борьбы между империалистами, борьбы между империализмом и колониями, между рабочим классом и буржуазией, между империализмом и СССР, и, наконец, по линии развития противоречий между социал-демократией и рабочим классом и развития внутрипартийных отношений в Коммунистическом Интернационале. Дельнейшее расшатывание капиталистической стабилизации, о котором говорят решения VI конгресса — и что особенно не нравится правым и примиренцам — ускорилось.

Это нарастание напряженности мировой обстановки целиком выявилось за прошедший год.

Уже после конгресса развернулся новый этап борьбы между британским империализмом и империализмом Соедин. Шт. Возобновление англо-французской Антанты, фактическое восстановление англо-японского союза, усиление программы больших вооружений всех родов и прежде всего морских Англией и Америкой — все это указывает на то, что империалистический мир твердо вступил на путь стремительной подготовки военной борьбы, в которой уже достаточно ясно вы-

кристаллизовалась основная линия мирового капиталистического размежевания. Ультра-империалистические и пацифистские разговоры, россказни о растущем, якобы, мировом тресте, который устранит неизбежность военных конфликтов, опрокидываются историческим развитием с замечательной быстротой. Никогда угроза новой всемирной империалистической войны не была так остра, как в настоящее время. В этом грядущем столкновении не останется ни одного нейтрального уголка в капиталистическом мире

Лига Наций—орудие англо-французского империализма—активно подготовляет эту войну. Пакт Келлога есть система военно-политической борьбы С. Штатов. Мирная политика СССР наталкивается на глухую стену растущего милитаризма. Вокруг СССР ведется бешеная военно-политическая подготовка с Запада и Востока для интервенции империалистов в страну строящегося социализма. Ряд малых войн, отражающих основные противоречия империализма и переплетающихся с элементами гражданской войны, идет постоянно (Мексика, Марокко, Колумбия, Китай, Парагвай, Боливия, Афганистан, Южная Персия и т. д.). Все это показывает, что империалистические отношения и отношения между классами доходят до крайней степени остроты.

При всем этом противоречие между СССР и капиталистическим миром как двумя классово-противоположными общественными системами, несмотря на огромное обострение противоречий в империалистическом лагере, является осью всего мирового развития. Как раз расшатывание капиталистической стабилизации при бурном социалистическом росте СССР, при всех кон'юнктурных изменениях все больше выдвигает это противоречие на первый план, как общую направляющую мировых отношений.

Капиталистическая стихия не во власти определить ни сроки, ни очереди нарастающих рядов конфликтов в грядущую решающую новую полосу войн и революций. «Малые» внешние и внутренние «войны» могут разрастись и в прямое и непосредственное вооруженное столкновение двух империалистических лагерей, они могут переключиться и в великую гражданскую войну пролетариата против буржуазии, они могут перерасти и в решающую борьбу между угнетенными рабоче-крестьянскими массами колоний и полуколоний и империализмом, они могут привести и к новой полосе военной борьбы между мировым империализмом и советской страной и дать самое разнообразное сочетание всех этих элементов. Коммунистический авангард должен усвоить ясно одно, что все эти конфликты в эпоху кризиса капитализма неразрывно увязаны и вытекают из роста и обострения решающих и коренных противоречий между пролетариатом и буржуазией, что малая борьба между двумя классовыми способами разрешения мировых противоречий быстрым темпом вследствие нарастающего кризиса капитализма ведет к великой решающей борьбе. Это — борьба между капиталистическим способом и пролетарским. Буржуазия мобилизует всю свою систему для войн и контрреволюций — это ее исторический способ «разрешения» растущих противоречий капитализма. Международный пролетариат организуется для гражданской войны против буржуазии, для действительной ликвидации всех противоречий современного капиталистического общества.

Какая из этих двух противоположных систем «разрешения» (т.-е. развертывания) и действительного и окончательного разрешения мировых противоречий развернется раньше, или каково будет их основное историческое переплетение и сочетание, решит лишь борьба между пролетариатом и буржуазией, между коммунизмом и империализмом.

Задача Коммунистического Интернационала мобилизовать все силы рабочего класса для борьбы за второй путь, для победы этого пути в исходе всей борьбы.

Такова стратегическая установка Коммунистического Интернационала по этому важнейшему вопросу о войне и революции. Коминтерн поэтому решительно отвергает право-оппортунистическую установку и всякую тенденцию, пытающуюся поставить вопрос так, что без войны или контрреволюции революция невозможна, что гражданская война является законным продуктом лишь войны империалистической и т. д. Эта установка неразрывно увязывается с правой оценкой (т.-е. переоценкой) стабилизации капитализма, оппортунистической постановкой вопроса о внутренних и внешних противоречиях империализма (вторые, якобы решающие) особенно неправильной в эпоху начавшихся пролетарских революций, в эпоху кризиса капитализма, в эпоху существования и роста страны пролетарской диктатуры, и по существу она сводится к отрицанию всеобщего кризиса капиталистической системы. Эту оппортунистическую установку пассивного выжидания революции (авось капиталисты ее развяжут)—отвергая одновременно тенденцию к недооценке роли и места особых войн, войн империализма в эпоху кризиса капитализма, их тесной связи с условиями пролетарской революции—сейчас надо разоблачать со всей решительностью, ибо она имеет достаточно массовую базу и питается социал-демократическими пережитками, провинциализмом, национальной ограниченностью, слабостью боевого интернационализма, капитулянтством перед буржуазией и реформизмом, фаталистически-хвостистским пониманием силы и роли рабочего класса в историческом перевороте и т. д. Без борьбы против этой установки и настроений, без их беспощадного разоблачения и преодоления невозможна действительная и успешная мобилизация рабочего класса для решения его всемирно-исторических задач.

Главный вопрос сейчас заключается не в том, что эта установка Коммунистического Интернационала верна вообще (с этим могли бы согласиться, пожалуй и правые с примиренцами), главный вопрос заключается в том, что обострение классовых противоречий, организация сил революции, полевение рабочего класса, обострение капиталистического кризиса идет таким ускоренным темпом, что мы в своих тактических установках ставим перед собой как решающую задачу подготовку и организацию борьбы за власть, как реально-возможный путь—в настоящей исторической обстановке — к уничтожению империализма и предупреждению его войн, что в ином случае станет единственно правильной подготовкой к превращению войн империализма в гражданские войны пролетариата против капитала. Вот с этим правые и примиренцы совершенно не согласны.

А условия решения этой задачи нарастают с каждым днем. Установка VI конгресса о полевении широких масс рабочего класса подтвердилась быстрей и лучше, чем мы, может быть, могли ожидать. Со времени VI всемирного конгресса резко обозначился ускоренный темп полевения международного рабочего класса и нарастание под'ема революционного рабочего движения. За прошедший незначительный период со времени конгресса мы были участниками ряда крупнейших выступлений и упорной и широкой борьбы рабочего класса: Лодзинская всеобщая стачка, показавшая большую активность и революционную сознательность пролетариата; борьба в Руре, где рабочие под руководством нашей Германской компартии дали стойкий и единодушный отпор наступлению тройственного союза капиталистического государства, предпринимателей и реформистской бюрократии. Во всем капиталистическом мире поднимается стачечная волна. Эта волна проходит как в высоко развитых империалистических странах, так и в отсталых колониях, временами и кое-где переплетаясь с элементами упорной революционной борьбы и гражданской войны. В борьбу втягиваются и активно выступают массы неорганизованных, большие массы сел.-хоз. рабочих, кое-где борьба перебрасывается и на наиболее низко оплачиваемых государственных служащих. Рост недовольства и полевения масс захватывает и миллионные толщи с.-х. рабочих и угнетенного крестьянства. Достаточно перечислить наиболее крупные из этих движений, чтобы увидеть, как гнилая стабилизация капитализма подрывается со всех сторон растущей классовой борьбой: в Германии—борьба в Руре, стачка портовых рабочих; в Польше—всеобщая стачка в Лодзи, забастовка сел.-хоз. рабочих; во Франции—стачка горняков, текстильщиков, докеров, почтовиков; в Чехо-Словакии—огромное стачечное движение сел.-хоз. рабочих; в Греции—всеобщая стачка; в Болгарии—стачка табачников; расшатывается стабилизация империализма Соед. Штатов—1928 год, год «просперити», был свидетелем огромного под'ема стачечного движения в САСШ, рабочий класс САСШ побил мировой рекорд, дав 32 млн. потерянных рабочих дней в своей упорной борьбе с капиталом; даже молодой капитализм Австралии втягивается в орбиту обостряющихся противоречий всемирного кризиса капитализма, здесь тоже происходит огромное забастовочное движение. Забастовочные движения последних месяцев превзошли по количеству дней и участников забастовок ряд последних лет.

Вся эта борьба выявила четыре характерных черты: во-первых — высокое боевое настроение борющихся масс, их стремление, а временами и переход в контрнаступление против буржуазии и социал-фашизма; во-вторых—самостоятельное руководство этими боями против социал-демократии и реформистского профсоюзного аппарата нашими секциями, коммунистические партии становятся единственными руководителями всех форм и все нарастающих боевых форм борьбы рабочего класса; в-третьих—миллионные массы неорганизованных все шире вовлекаются в это движение, по своей активности и боевому настроению нередко оставляя позади организованных в реформистских профсоюзах рабочих; в-четвертых — борьба все больше ширится, вовлекая в свою орбиту все новые массы, стремясь об'единить отдельные участки движения в мощное контрнаступление про-

тив тройственного союза эксплоататоров. В процессе этой борьбы создаются новые формы единого фронта рабочего класса на основе классовой борьбы, новые боевые организации руководства выступлениями рабочих масс. Сознательность, организованность, боевая активность растет неизменно. Дело идет не о «ряде заострений», как вынуждены под давлением фактов писать германские примиренцы в своей последней платформе на XII с'езде германской компартии, а о резком полевении и революционизировании всей классовой борьбы пролетариата. Это есть действительность, и об этом идет речь.

Характер современной борьбы рабочего класса неразрывно связан с процессами развития буржуазного государства и социал-демократии, их все большей фашизации. Это определяется тем, что темп развития кризиса капитализма в третий период, острота этого кризиса оставляет все меньше места для реформистско-демократических маневрирований буржуазии и социал-демократии. Процесс сращения предпринимательских организаций, реформистского профсоюзного аппарата и социал-демократии с буржуазным государством пошел в силу этого настолько далеко, что экономическая борьба рабочего класса при мало-мальски крупных размерах этой борьбы переплетается или перерастает в борьбу политическую. Борьба направляется против всего капиталистического строя, буржуазия пускает в ход все средства политической борьбы вплоть до вооруженного отпора и подавления движений. У рабочего класса отнимаются все социально-политические завоевания. Это толкает рабочий класс, в свою очередь, на политизацию своей борьбы, на развертывание ее вширь. Это ставит перед рабочим классом и коммунистическими партиями, как ближайшую решающую проблему и метод борьбы и мобилизации рабочего класса, политические массовые забастовки. Первомайские выступления рабочего класса во всем мире и прежде всего баррикадные бои в Берлине были крупнейшим этапом перерастания экономической борьбы рабочего класса в политическую, носящую сугубо революционный характер. Таким следующим международным пунктом должно стать выступление рабочего класса в Международный Красный День 1 августа. Та подготовленность, с которой германская буржуазия и социал-фашизм, как и государственные организации буржуазии в других странах (Франция, Польша и т. д.), встретили первомайские выступления рабочего класса, подготовив и мобилизовав весьма удовлетворительно свой государственный аппарат, полицию, армию, социал-демократию (социал-фашизм), буржуазные партии, фашистские организации, те известные политические и организационные недочеты в подготовке и проведении первомайского выступления, которые обнаружились со стороны секций КИ, показывают, что перед нашими партиями встает серьезнейшая задача изучать условия и опыт, изучать и применять искусство массовых политических выступлений рабочего класса, его политических забастовок. Это важнейшее искусство надо изучать так же, как большевистская партия изучала и изучает искусство самой высокой формы классовой борьбы пролетариата, без такого тщательного изучения опыта и условий подготовки и проведения как и реализации результатов политических стачек пролетариата

в наступивший период борьбы рабочего класса, невозможно успешное завоевание большинства класса, выступление во главе его масс против буржуазии и социал-фашизма, подготовка пролетариата к более грандиозным и решающим битвам в борьбе за диктатуру пролетариата.

Это стремительное полевение рабочего класса капиталистических стран сопровождается подтягиванием, а кое-где мощным под'емом, колониальных революционных резервов. Капиталистическая стабилизация в Китае никак не может установиться. Китайская буржуазия перешла в лагерь империалистических врагов независимости Китая. Беспрестанная внутренняя борьба различных клик буржуазии, феодалов и милитаристов, отражающая, прежде всего, борьбу империалистов за раздел и колониальную эксплоатацию Китая, показывает, что об'единение Китая и освобождение его от империализма неразрывно связаны и могут быть разрешены лишь рабоче-крестьянской революцией под знаменем советов. Могучее революционное движение развертывается в Индии, где трудящиеся классы под руководством пролетариата все более самостоятельно берут в свои руки дело национального и социального освобождения сотен миллионов угнетаемых хищным и издыхающим британским империализмом. Буржуазия здесь уже на прошлых этапах борьбы и до под'ема нового широкого революционного движения перешла в лагерь империализма под знаменем трусливой оппозиции и борется против революционных классов и революционного движения. Вновь разворачивается революционная борьба в ряде других колониальных стран, как Латинская Америка, Марокко, Конго и т. д. В отличие от прошлого этапа эта борьба с самого начала принимает все более характер самостоятельного движения рабоче-крестьянских масс, выковывающих свое революционное руководство, проходит при систематическом и значительно более организованном и ускоренном под'еме рабочего движения в метрополиях, при несравненно большем укреплении СССР — опоры международной пролетарской революции.

Навстречу этому росту сил революции за пределами страны пролетарской диктатуры идет поток могучей и широкой социалистической реконструкции в СССР. Невиданный и немыслимый при капитализме темп развития народного хозяйства, рост крупной ведущей индустрии, коллективизация сельского хозяйства и его под'ем на новой технической основе, трудовой под'ем масс и социалистическое соревнование, огромное культурное строительство,—все это создает из СССР все более могучий опорный центр растущей борьбы рабочего класса против буржуазии, вырывая с корнем остатки капитализма на $1/6$ части земной суши и создавая плацдарм для уничтожения загнивающего капитализма во всем мире.

Таким образом, силы международной пролетарской революции все больше организуются и растут, все больше зреют условия для решающих столкновений с капиталом. Темп этого роста неравномерен, — тут возможны и неизбежны и известные кон'юнктурные замедления, — он распределяется неравномерно на различных участках мировой борьбы, и такая всемирно-историческая подготовка к решающему перевороту всего векового исторического развития и не может проходить иначе. Буржуазия и социал-фашизм терпят жестокое фиаско по всем решаю-

щим линиям: разговоры о пацифизме, о «мире для мира» сопровождаются бешеным ростом военной опасности; на политику мира в промышленности, т.-е. на попытку принудить пролетариат к безропотной и все растущей и самой беспощадной эксплоатации рабочий класс отвечает все большим отпором, все лучшей революционной организацией своих рядов; на попытки раздавить национальное революционное движение рабоче-крестьянские массы колоний и полуколоний отвечают новой и самостоятельной организацией революционно-освободительного движения; на политику окружения СССР, принуждения его к капитуляции, политику его капиталистического перерождения рабоче-крестьянские массы Союза отвечают мощным трудовым под'емом для дела социалистической перестройки страны, для вырывания из ее почвы всех побегов и оставшихся корней капитализма.

Наконец, потерпели фиаско надежды буржуазии и социал-фашизма на закат Коминтерна, на отрыв коммунистической партии от масс рабочего класса. Коминтерн за последние годы вырос, его ряды прошли процесс дальнейшей консолидации. Фашизация с.-д., контрреволюционное перерождение троцкизма, социал-демократическое ренегатство правых показывают, что класс действительно становится против класса, что вне коммунизма нет никакой другой, даже оппозиционной силы капитализму. Это показывает вместе с тем, что Коммунистический Интернационал стал и становится действительно авангардом класса в его борьбе за свержение капитализма, за пролетарскую диктатуру. Это показывает дальнейшую и быструю поляризацию классовых отношений.

Как раз обратной стороной этого процесса и является фашизация социал-демократии.

Вопреки утверждениям правых о том, что современная социал-демократия ничем существенным не отличается от с.-д. 4 августа, вопреки утверждениям правых и примиренцев, что левые с.-д. представляют какое-то существенно оппозиционное течение, «реформизм» (т.-е. реакционный реформизм) проделал значительнейшую эволюцию не только до VI конгресса, но и после него за истекший после конгресса год. Дело, разумеется, не в том, что не изменилась классовая сущность реформизма, как пытаются ставить вопрос правые, а в том, что—в связи с развитием и обострением всего кризиса капитализма, в связи с обострением классовых противоречий, нарастающим новым революционным под'емом в рабочем классе, ростом военной опасности, ростом влияния Коммунистического Интернационала, утерей влияния с.-д. в рабочих массах—изменились соотношения и отношения двух основных классов современного общества и поэтому изменилась существенно политика и функция, а в связи с этим несколько и сама социал-демократия. Постановка правыми и примиренцами вопроса о социал-демократии показывает именно, что они не хотят и не видят вот этого развития кризиса капитализма. Не видеть существенной разницы между рабочей партией и реформистскими профсоюзами в 1924—1925 году, времени всеобщей забастовки, времени Англо-русского комитета с тогдашними Перселями, Хиксами, Ленсбери, Куками и рабочей партией сегодня, проводящей активно политику «промышленного мира», политику рационализации, политику агрессивного империализма и милитаризма, политику, ничем существенным не отличающуюся ни от программы либералов, ни от программы консерваторов, не видеть известной разницы между социал-демократией 2—3 года назад и американизирующейся социал-демократией, уничтожающей все остатки демократии во всей своей деятельности и организациях, социал-демократией, активно организующей и участвующей в подготовке войны и особенно войны против СССР, строящей броненосцы, вносящей законы о военизации всего населения, для которой война и ее организация будет не какой-то неожиданностью, а активно подготовляемым контрреволюционным империалистическим делом, не видеть, наконец, еще дальнейшей эволюции социал-демократии после VI конгресса, когда на Магдебургском конгрессе влиятельнейшей партии II Интернационала ее вожди после майского расстрела мирной демонстрации рабочих заявляют, что если нужно будет в борьбе против рабочего класса и коммунизма, то они — с.-д. — вместе с профсоюзами «прибегнут к методам диктатуры», когда открытая фашистки-буржуазная диктатура становится новой программой с.-д. — не видеть всей этой эволюции международного «реформизма» можно лишь при одном условии — если самому скатываться от коммунизма к социал-демократии, социал-фашизму во всех основных вопросах классовой борьбы пролетариата и оценки международного положения.

Классовая сущность буржуазного государства точно так же не меняется: оно было органом классового господства и до империалистической войны, и во время ее, и во все последовавшие два периода кризиса капитализма и в наступивший третий период. Оно является органом классового господства буржуазии, ее диктатуры и в Германии, и в Англии, и в Японии, и в Америке, и в Италии, и в Польше. Однако, мог бы отрицать существеннейшую эволюцию этого государства, существенную разницу в этом вопросе в разные времена и в разных странах только тот, кто сам эволюционировал бы параллельно с этим государством. А фашистская эволюция этого государства и есть функция развития и обострения кризиса капитализма, а фашистская эволюция международного реформизма и есть функция развития и обострения того же кризиса капитализма и фашизации буржуазного государства.

Социал-демократия и до войны была по существу лишь партией реформ и классовой борьбы в рамках капитализма. После 4 августа социал-оппортунизм перерос в социал-шовинизм. После войны и с началом пролетарских революций социал-демократия играла роль контрреволюции. Во «второй период» она начала быстрей развиваться к социал-империализму. Уже до VI конгресса в связи с обострением противоречий капиталистической стабилизации и развитием тенденций с своеобразному госкапитализму, тенденций, связанных прежде всего с обострением кризиса капитализма, в ней начали проявляться фашистские тенденции. После VI конгресса социал-демократия начала быстро оформляться в социал-фашистскую партию. Роль международной социал-демократии в майские дни, берлинские расстрелы, Магдебургский с'езд—были поворотным этапом на этом

пути. Не только война и революция, но и всякое классовое выступление пролетариата ни сейчас, ни в будущем не застанут социал-демократию врасплох, они встретят ее с готовой и оформленной контрреволюционной, фашистской и империалистической «программой действий» и *организацией*. Эволюцию, которую проделала социал-демократия в отношении капитализма, проделала *примерно* и «левая» с.-д. в отношении «правой» социал-демократии.

В повседневной классовой борьбе пролетариата во всех уголках капиталистической земли заметно и незаметно, в разных формах и размерах растут идеологические и политические баррикады нарастающей конечной борьбы. Все мало-мальски существенные грани в лагере контрреволюции стерлись и стираются. Словесные различия рассыпаются и отбрасываются, как ненужная шелуха. *Кто не видит этого, тот этим самым показывает, что незаметно, но верно сам скатывается по ту сторону баррикад.*

Было бы совершенно не ленинским представлением думать, что все это международное развитие совершается и идет по какой-то прямой линии, равномерно по странам и в разные периоды. Это совершенно не так. Правда, чем дальше, тем все меньше возможности у капитализма в разных странах и в разные периоды не задержать, но хотя бы несколько смягчить это обострение классовых противоречий, маневрировать, смягчить процесс все растущего переплетения и перерастания экономической борьбы рабочего класса в политическую, переплетения экономической и политической борьбы с элементами революционной и гражданской войны, с элементами войн и революций национальных, с все растущей руководящей революционной ролью СССР. Но эти возможности есть, они далеко не исчерпаны, большинство рабочего класса идет еще не за комунизмом, и завоевание масс, *завоевание — но революционное, для пролетарской революции — большинства решающих слоев пролетариата остается первейшей и главнейшей задачей, определяющей всю нашу повседневную работу и тактику.*

Поэтому такое *новое* и несравненно более важное политическое значение приобретают проблемы организации наших партий. Отсюда огромное новое значение проблем профсоюзной тактики, которые будут в центре внимания пленума ИККИ.

Победа рабочей партии в Англии не меняет этой международной обстановки. Выборы в Англии показали полевение рабочего класса. Это выявилось *в разных* формах, отражая *разные ступени* этого процесса. Начало несомненно массового революционизирования и радикализации пролетарского движения обнаружилось в десятках тысяч голосов, собранных компартией при тактике «класс против класса», по существу в каких-нибудь десяти—пятнадцати округах из 615. Удельный вес этих голосов несравненно больше, чем при прочих выборах. Эти голоса были голосами почти безоговорочно за диктатуру пролетариата. Полевение масс сказалось в большом поражении консервативной партии. Массы избирателей отходили от откровенно-консервативной капиталистической политики. Часть из них с преобладанием

мелкой буржуазии и буржуазии отошла к либералам. Часть с преобладанием пролетарских элементов отошла к рабочей партии. Здесь процесс значительно сложнее. Здесь есть и недовольство консервативно-капиталистической политикой, но не капиталистической политикой вообще. Здесь есть и недовольство капиталистической политикой, но еще не капитализмом. Здесь есть желание свергнуть во что бы то ни стало консерваторов и поэтому голосовать за рабочую партию. Здесь есть и усталость, депрессия надеющихся получить от рабочей партии хотя бы какую-нибудь передышку. Здесь есть и желание в последний раз испытать рабочую партию. Наконец, здесь есть большая масса элементов рабочей аристократии, которые голосуют против всеобщей стачки, за «промышленный мир», за мондизм. Рабочее правительство есть, прежде всего, правительство рационализации, «классового мира», т.-е., как показал уже исторический опыт, его период правления будет периодом роста экономической борьбы рабочего класса, периодом ускоренного обострения классовой борьбы в Англии, периодом обостренной организации английского реформизма. Совершенно неправильно говорить сейчас в связи с приходом к власти рабочей партии о какой-то новой демократически-пацифистской эре. Это значит обнаруживать непонимание радикального отличия теперешнего периодиа от 1924 года. Тогда был период после поражения революционного под'ема 1923 года, период начинающейся стабилизации капитализма, период «оппозиционного» реформизма, период *начала* большевизации коммунистических партий. Сейчас период расшатывающейся стабилизации капитализма, роста и обострения международных и внутренних противоречий капитализма, огромного социалистического роста СССР, фашизации с.-д. и утери ею влияния в рабочих массах, перехода рабочего класса в контрнаступление. Сейчас реформистские партии есть полностью партии классовой борьбы против пролетариата, есть партии активной подготовки и организации империалистической войны, войны против СССР, прежде всего войны против колониальных народов. И говорить о демократически-пацифистской даже хилой эре сейчас это значит поставить все на голову. Это могут делать лишь оппортунисты. Это, разумеется, *не означает*, что совершенно нет почвы для пацифистских иллюзий. Наоборот, почва есть, и сеятели пацифизма на этой почве тоже есть, и именно в связи с этим надо сейчас еще больше усилить борьбу и разоблачение «левой» социал-демократии, этого главного орудия обмана рабочих масс, торможения их отхода от социал-фашизма, их перехода к коммунизму. И это еще больше подчеркивает необходимость усиления борьбы против правой опасности, разоблачения правых ренегатов, ликвидации примиренчества.

Но обострение классовых противоречий меняет и *формы* и *методы* классовой борьбы. Одно дело элементарная форма экономической борьбы, другое дело экономическая борьба, перерастающая в политическую, экономические стачки, перерастающие в стачки политические, политическая борьба, перерастающая в революционную, и, наконец, революционная борьба в обстановке непосредственно революционной ситуации, перерастающая в восстание. Обострение и напряженность классовых противоречий в третий период именно таковы классовая борьба все время настолько близко вращается во-

круг революционного пункта обострения противоречий, что она в *повседневном* своем развитии не может удержаться в рамках экономической борьбы, она перерастает в политическую, насыщается революционными элементами, перерастает иногда и кое-где или сочетается в той или иной мере с революционным столкновением. Именно *этим — повседневной напряженностью*—характерна классовая борьба в третий период, и *это* ставит перед компартиями проблему политической массовой забастовки, как решающую проблему для ближайшего периода. Компартия не может избежать, она должна возглавить эти все более высокие формы классовой борьбы пролетариата, вносить больше единства в распыленные экономические выступления рабочего класса, проводить широкую мобилизацию пролетарских масс, быстро увеличивать их политический опыт, подводя их к непосредственной борьбе за диктатуру пролетариата.

Только правильно понимая весь этот ход борьбы рабочего класса, можно разрешать стержневую задачу международного пролетариата, задачу, постоянно подчиненную проблеме завоевания власти, задачу борьбы против военной опасности. Примиренческие элементы любят иногда ужасно щегольнуть, особенно примиренцы в ВКП(б), выпиранием проблемы военной опасности на первый план, как будто в этом состоит основное откровение для ленинца в эпоху войн и революций. Но достаточно ближе присмотреться к этому ужасно теоретически обоснованному выпиранию военной опасности, чтобы увидеть и всю его фальшь и всю его несостоятельность, увидеть за всем этим довольно прозрачно выглядывающие оппортунистические уши. *Нельзя* по революционному ставить вопрос о борьбе с военной опасностью при оппортунистической оценке стабилизации, оппортунистической постановке вопроса о внутренних и внешних противоречиях империализма, оппортунистическом понимании роли и тактики компартии в современной классовой борьбе. В то время как Коммунистический Интернационал, ставя вопрос о военной опасности, как задаче стержневой, но подчиненной проблеме завоевания власти, т.-е. свержению капитализма и установлению диктатуры пролетариата, и потому своим острием направленной против СССР, дает ленинскую установку в этом вопросе, увязывает неразрывно вопрос о борьбе против войны с повседневной и конечной обостряющейся *классовой борьбой* пролетариата, борьбой, в которой пролетариат переходит в контрнаступление и, таким образом подготовляя и подводя пролетариат к проблеме борьбы за власть, за диктатуру пролетариата, *организует* действительную борьбу против военной опасности,—примиренческие крикуны в этом вопросе по самому существу своей позиции по международным вопросам и в вопросах тактики компартии *не могут* ставить вопрос и ставить правильно вообще об обострении военной опасности против СССР и итти дальше чисто пропагандистской и по существу пацифистской постановки вопроса, с которой у них тесно увязано пассивное выжидание революции. Ленинская борьба против военной опасности мыслима лишь при повседневной революционной организации пролетариата под *самостоятельным* руководством компартии.

Прошедший со времени VI конгресса период был столь же напряженным и для развития наших партий. Развитие классовой борьбы требовало весьма

быстрой перестройки наших партий для возглавления этой борьбы. Установка VI конгресса о борьбе против правой опасности как главной линии во внутрипартийной борьбе, увязанная с оценкой классовой международной ситуации, оказалась совершенно правильной. Развернувшаяся борьба пролетариата показала, что без этого наши партии не справились бы со своими задачами, что без твердого проведения курса на борьбу против правой опасности, очищения Коминтерна от правых элементов, беспощадного преодоления примиренчества силы международной революции весьма далеки были бы от того укрепления, которое мы имеем сейчас. Выступления правых и примиренцев в Германии в связи с делом Витторфа, выступления правых в Чехо-Словакии в связи со стачкой текстильщиков. Оценка правыми и примиренцами положения американского капитализма и вся их линия в АКП (Пеппер—Ловстон), позиция правых и примиренцев в ВКП(б) по вопросам об индустриализации страны, социалистической реконструкции с.-х., классовой борьбе и в проблемах Коминтерна, поведение примиренцев в Коминтерне в связи с этими выступлениями показали, куда привела бы политика примиренчества в отношении к правым, политика нерешительности в отношении примиренцев, если бы она имела руководящее влияние в Коминтерне. Такая политика в лучшем случае привела бы на значительное время к весьма существенному ослаблению Коммунистического Интернационала, разводнению его социал-демократическими элементами, к значительному задержанию развития и темпа развития пролетарской революции. Только благодаря твердому проведению линии VI конгресса вопреки и против правых и примиренцев Коммунистический Интернационал укрепил свои ряды, возглавив борьбу рабочего класса, вскрыл в своих рядах *в ходе развертывающихся классовых* боев оппортунистические элементы и гниль, игравшие в этих боях штрейкбрехерскую роль, и очистился от них, ведя решительную линию на преодоление примиренцев, занявших место правых и защищающих их политику внутри Коминтерна. Как раз развитие последнего времени выдвигает в этой борьбе против правых и примиренцев новые задачи, подчеркивающие всю необходимость дальнейшего вскрывания право-оппортунистических элементов в наших партиях. Развертывание социалистической реконструкции в СССР, развертывание классовой борьбы в капиталистических странах выдвинули в ВКП, как и в других секциях КИ, вопрос о борьбе с правой опасностью и *на практике*. В партиях, в партийных кадрах есть еще много элементов, которые, принимая все ортодоксальные резолюции, вместе с тем в практической повседневной работе не проводят, не способны их проводить, не хотят этого делать и образуют резерв правой опасности в Коммунистическом Интернационале. Ликвидация правой опасности и в этой форме становится также одной из *важнейших* задач. Перестройка наших партий к новым задачам отнюдь не закончена. Проблема кадров для руководства выполнением этих задач отнюдь еще не разрешена. Развитие классовой борьбы каждый день выдвигает новые задачи, требующие большей революционной мобилизации, большей четкости, большего развития массовой самокритики и внутрипартийной демократии при железной революционной дисциплине. Разрешить надвигающиеся задачи несравненно трудней, они еще

грандиозней, они потребуют в 10 крат больше революционного напряжения наших партий. Борьба против правой опасности и примиренчества отнюдь не закончена. В этой борьбе каждый день встают новые задачи, новые трудности, выдвигаются новые методы. Беспощадная борьба против правых и примиренцев, как и до сих пор, остается главнейшим внутрипартийным условием для разрешения задач социалистического наступления в СССР, контрнаступления и революционного под'ема пролетариата на Западе и Востоке. Никаких послаблений тут быть не может.

Наибольшую опасность для компартий сейчас представляет возможность отставания их от темпа развития массового революционного движения. Поэтому борьба против оппортунистического хвостизма остается главнейшим условием способности компартий выполнить свою роль авангарда рабочего движения, ведущего рабочий класс к новым боям и победам.

X пленум ИККИ даст революционное, ленинское разрешение этим жгучим вопросам. Он станет этапом на пути дальнейшей мобилизации и подготовки рабочего класса к решающим боям, к дальнейшему и ускоренному расшатыванию капиталистической стабилизации растущей классовой борьбой, за большевистский ленинский путь разрешения исторического вопроса о войне и революции.

В. Ульбрихт.

Проблемы политики КПГ.

В связи с работой и решениями партс'езда КПГ важно выделить некоторые вопросы, имеющие особо важное значение для политики Коминтерна.

1. О характере нынешних боев. К началу 3-го периода в Германии стала нарастать волна экономических стачек. Начав с частичных стачек на отдельных предприятиях, движения стали расти и превращаться в широкие экономические движения и стачечные движения, на которые предприниматели зачастую отвечали локаутом. После того, как кон'юнктура в Германии перевалила через кульминационный пункт, с конца 1928 г. стало наблюдаться частичное снижение кон'юнктуры; экономические бои в более широкой мере стали приобретать политический характер.

Со времени рурской борьбы экономические и политические бои проходят под знаком концентрации сил классовым врагом при одновременном формировании пролетарского классового фронта под руководством КПГ. Бои носят характер встречных боев, и частично рабочие переходят в наступление.

Буржуазия больше прежнего применяет фашистские методы, стараясь разгромить организованные силы рабочего класса, чтобы помешать борьбе пролетариата и подавить эту борьбу. Рабочие массы все больше и больше начинают понимать, что требования пролетариата осуществлять приходится не только в борьбе с предпринимательской организацией, но и в борьбе с капиталистической государственной властью и социал-фашистами. В обстановке политического гнета со стороны государственной власти, орудующей в интересах буржуазии, стремящейся снизить до голодного уровень жизни пролетариата, последний тоже начинает применять высшие формы борьбы. Проведение организованных демонстраций наперекор полицейскому террору, применение орудия политической массовой стачки, баррикадная борьба во время первомайских боев в Берлине, принятие самооборонительных мер партизанообразного характера пред лицом полицейской атаки,—все это свидетельствует об ускоренном темпе обострения классовой борьбы в Германии. Политические массовые стачечные движения, развернутые теми или иными частями пролетариата в Берлине и других важных промышленных округах после 1 мая, служат сигналом не только для германского пролетариата, но и для рабочих всех стран. Орудие политической стачки в настоящее время становится важнейшим орудием рабочего класса в борьбе против господства трестов и соц.-фашизма. Эти политические массовые стачечные движения вначале носили характер частичных стачек. Слои пролетариата, обладающие сравнительно крупным опытом борьбы и сравнительно благоприятными предпосылками для борьбы, первыми вступили в борьбу. Но это залог того, что в грядущих боях все в большей и в большей мере будут участвовать рабочие решающих крупных предприятий командных отраслей промышленности. На ряду с этим широкая международная кампания солидарности, в связи с уличной борьбой и стачечным движением в майские дни,

свидетельствует о росте классового сознания и боеспособности международного пролетариата.

2. Проблема социал-фашизма. По мере того, как капиталистическая стабилизация шатается и загнивает, а классовая борьба обостряется, капиталистическая государственная власть все в большей и в большей мере прибегает к непосредственному вмешательству в экономические и политические вопросы, она расширяет свои полномочия на благо финансовому капиталу и в интересах всех капиталистических сил, вместе взятых. Это находит свое выражение во все более и более тесном сращивании государственного аппарата и предпринимательских организаций и во включении социал-демократического и реформистского аппарата в капиталистический государственный аппарат.

Фашизация капиталистического государства сказывается в централизации капиталистической государственной власти, в борьбе за единое государство, руководить которым финансовому капиталу легче, чем децентрализованным государственным аппаратом; сказывается она и в урезывании избирательного права, в отмене парламентаризма, в изменении уголовного уложения, в издании закона о коалиции, с помощью которого пытаются ликвидировать все некапиталистические рабочие организации, в усилении армии и полиции, усиленном применении арбитража, в отказе от социальной политики при одновременном непосредственном переваливании социально-политических тягот на пролетариат. Эта фашизация государства происходит в Германии шаг за шагом «легальным путем», при руководящем участии соц.-демократии. Специфическая роль соц.-демократии в настоящее время заключается в проведении этого процесса фашизации, так как эти рабочие предатели обладают наибольшим опытом в деле подавления рабочего класса и лучше других умеют маскировать фашизацию республиканскими фразами.

В связи с фашизацией государственной власти социал-демократия и реформистская профсоюзная бюрократия сами эволюционируют в сторону соц.-фашизма. Коалиционная политика и политика так наз. хозяйственной демократии (сотрудничество с представителями предпринимателей в частно-правовых и государственно-экономических органах) суть вехи по пути к соц.-фашизму. Внутри соц.-демократии выражением этого развития служит «политика народного единения» на империалистической основе, программа диктатуры под руководством соц.-демократии, мира в промышленности, уничтожения всех рабочих движений и рабочих организаций, ведущих борьбу против капитализма. Эволюция в сторону социал-фашизма ярче всего сказывается в сращивании с государственным аппаратом, в руководящем сотрудничестве соц.-демократов при реорганизации, т.-е. усилении капиталистической государственной власти, в тенденции к превращению рабочих массовых организаций в организации буржуазные,— орудие капиталистической, экономической и государственной политики. Не случайно Зеверинги, Гржезинские и К° применяют фашистские методы в борьбе с коммунистической партией, рабочими демонстрациями и проч., а профсоюзная бюрократия—в борьбе с профсоюзной членской массой. Фашизация сказывается затем и в сращивании буржуазных и соц.-демократических военных организаций с военными силами государства, в применении сообща насильственных мер—реформистами и государством в отношении бастующих рабочих, в сотрудничестве Стального Шлема и Имперского Флага, в организации подвижных отрядов велосипедных команд для подавления революционных рабочих.

Такое изменение роли соц.-демократии влечет за собой изменение социального состава этой партии. Рабочие все в большей и в большей мере

эту партию покидают (убыль голосов у соц.-демократии на выборах фабзавкомов и на парламентских выборах). По мере сращивания соц.-демократии с госаппаратом растет и удельный вес бюрократии. Прогрессирующая коррупция социал-демократических функционеров, обусловленная возложением на них (или перспективой возложения) государственных или иных бюрократических функций, ускоряет развитие по пути к соц.-фашизму.

Эта эволюция реформизма и соц.-демократии в сторону соц.-фашизма неизбежно требует поворота в применении нами тактики единого фронта и в профсоюзной работе.

3. О применении тактики единого фронта. В борьбе за руководящую роль в рабочем движении решающее значение приобретает большевистское применение тактики единого фронта. Во второй период тактика единого фронта применялась в первую очередь в рабочих массовых организациях. Коммунистические фракции и революционная оппозиция пытались расшевелить рабочие массы в рамках самой организации, чтобы они организованно выносили боевые решения. При удушении движения реформистами делались попытки дать дальнейший толчок движению. Воздействие на неорганизованных и завоевание их происходило преимущественно через голову профсоюзов и друг. массовых рабочих организаций. Функциональные изменения в реформизме, отмена профсоюзной демократии, рост влияния коммунистической партии на рабочие массы, активная, стимулирующая движение роль неорганизованных в переживаемый период нарастания революционного вала, необходимость формирования пролетарского классового фронта в противовес классовому фронту трестовского капитала, государственной власти и реформизма,—все это потребовало изменения форм и методов тактики единого фронта. Тактика единого фронта должна применяться исключительно снизу, как средство мобилизации и организации масс. Разоблачение реформизма не может происходить путем каких-либо обращений к реформистским руководящим органам, а должно происходить путем организации борьбы. Во времена, когда реформисты открыто переходят на сторону классового врага и явно проводят свою штрейкбрехерскую политику, надлежащим методом борьбы с реформизмом является самостоятельная организация пролетарской борьбы в целях прорыва реформистской штрейкбрехерской политики. Сообразно этому в текущий период основной формой применения тактики единого фронта служит образование революционных боевых органов, начиная с предприятий. В последнее время партия прибегает к созыву рабочих делегатских конференций при подготовке и проведении движений. Делегаты избираются на заводских собраниях; на конференциях они намечают лозунги и тактику и, в зависимости от степени развития движения, избирают комитет для подготовки борьбы или комитет борьбы. Эти делегатские конференции являются важным средством мобилизации масс во время подготовки движения; их численность, их состав и существо прений служат сравнительно надежным критерием степени развития движения. На ряду с этим такие делегатские конференции дают наилучшую возможность максимального поднятия боеспособности рабочих, путем коллективного обсуждения и вынесения решения. Комитеты борьбы, избираемые на таких конференциях, пользуются гораздо большим авторитетом, чем те комитеты, которые образуются на основе соглашений между фабзавкомами нескольких предприятий или иным путем.

На ряду с образованием комитетов борьбы проведение выборов в фабзавкомы в Германии тоже служит образцом применения тактики единого фронта. Приняв меры к устранению трещины между организованными и неорганизованными рабочими, путем мобилизации всего заводского рабочего коллектива на основе пролетарской демократии, постаравшись привлечь

массы к обсуждению и ответственности за составление списков, партия этим самым активизировала их, создав более широкий массовый фронт против реформизма. При выборах фабзавкомов необходимо путем создания избирательных комитетов по выборам в фабзавкомы привлекать наиболее активных рабочих к подготовке выборов в фабзавкомы. Эта тактика в процессе подготовки боев пролетариата и при выборах в фабзавкомы наглядно показывает все более и более широким рабочим массам, что коммунистическая партия есть единственная рабочая партия и что только она ведет борьбу за классовое единство пролетариата.

Вышеназванные боевые органы в настоящее время носят характер лишь временных органов. Они не заменяют собою рабочих массовых организаций. Историческое значение этих боевых органов в том, что с их помощью рабочие массы усваивают боевой опыт, который делает их способными в остро-революционный период под руководством коммунистической партии образовать постоянные боевые органы и органы власти—советы.

Таким образом, применение такой тактики единого фронта имеет в виду самостоятельную организацию борьбы и изоляцию социал-демократии и профсоюзной бюрократии. Дело в том, чтобы охватить те широкие круги беспартийных рабочих и те рабочие массы, которые до сих пор на выборах голосовали за соц.-демократию. Поскольку мы вместе с частью организованных рабочих и с более широкими массами беспартийных и неорганизованных рабочих формируем самостоятельный пролетарский боевой фронт, перед массами, сочувствующими реформистской профбюрократии или соц.-демократии, ясно встанет вопрос, какой классовый фронт угодно им выбрать. Организация самостоятельной борьбы, опираясь на определенные части рабочего класса, есть предпосылка для отрыва больших рабочих масс от соц.-демократии.

4. Борьба с полицейским террором. Чем больше обостряются капиталистические противоречия, чем больше растет массовое влияние компартии, тем резче становятся применяемые капиталистической властью меры политического угнетения рабочего класса. Организованную силу рабочего класса всеми средствами стараются разгромить. Этой цели служит в настоящее время в первую очередь воспрещение рабочих массовых демонстраций. Берлинские первомайские бои показали, как можно проводить массовые демонстрации вопреки полицейскому террору; для этого необходимо наличие двух предпосылок: во-первых, основательная агитационная и пропагандистская подготовка на предприятиях и в жилых кварталах, чтобы в демонстрации приняли участие подлинно широкие массы, и, во-вторых, хорошая внутренняя организация демонстрации. Оба эти условия могут быть лучше всего выполнены, если демонстрации будут иметь отправным пунктом предприятия и если в период подготовки на основе предприятий будут образованы пролетарские органы самообороны, в качестве органов единого фронта, для придания демонстрации политического характера, создания внутренней организационной спайки демонстрантов и для обеспечения некоторой маневренной способности в виду мер, принимаемых полицией. Отчеты о происходивших за последнее время демонстрациях единогласно свидетельствуют о том, что полиция наносила самые свирепые удары демонстрантам там, где рабочие меньше всего оказывали организованное сопротивление. Как только полиции удавалось распылить демонстрацию, атаки ее усиливались. Итак, в первую очередь необходимо, чтобы организованные кадры заботились о внутренней сплоченности демонстрантов и препятствовали бы распылению демонстрации маневрами шпиков и использованием несознательных элементов. В этих массовых выступлениях рабочие будут неизбежно прибегать к мерам самообороны, в виду полицейского террора, чтобы по крайней мере ослабить свободу движения и наступательную силу полиции. Таким средством служат препятствия, воздвигаемые на путях сообщения и затрудняющие движение автомобилей, порча полицейских автомобилей, постройка баррикад и пр. При нынешней ситуации такие меры носят партизанообразный характер. Эти боевые меры, принимаемые рабочими против полиции, поднимают боеспособность рабочих, деморализуют противника и внедряют в сознание широких масс тот факт, что полиция не непобедима.

5. Фабзавкомы и революционный делегатский корпус на предприятии. Успехи коммунистической партии на выборах фабзавкомов свидетельствуют о росте в массах сочувствия нашей партии и Коминтерну. Важнейшая задача — претворить эти симпатии в революционное дело. По существу это зависит от того, насколько фабзавкомы под руководством ком'ячеек сумеют вести на предприятиях борьбу за ближайшие требования рабочих, освещать тысячи мелких вопросов заводского характера под углом зрения общей классовой борьбы с капиталистическим строем, поднимать уровень классового сознания рабочих и вовлекать их в политическую борьбу. В целях воспитания фабзавкомов и выполнения этих задач на предприятии необходимо регулярно устраивать конференции фабзавкомов и избирать руководящие органы (комитеты фабзавкомов). Результаты выборов фабзавкомов наглядно иллюстрировали соц.-демократии и реформистской бюрократии опасность изолирования от рабочих масс. Теперь они принимают все меры к тому, чтобы образовать на предприятиях профсоюзный делегатский корпус и очистить его от оппозиционных рабочих, дабы иметь возможность вести снизу борьбу против революционных фабзавкомов и против коммунистического влияния на предприятиях. В ответ на непризнание реформистами оппозиционных рабочих профсоюзными функционерами и назначение реформистских функционеров коммунисты и все революционные рабочие должны избирать революционных делегатов по всем цехам предприятия. Таким образом, друг другу будут противостоять делегаты реформистской бюрократии и делегаты, избранные рабочими. Проблема создания революционного делегатского корпуса не нова. Последние годы в горной промышленности, где профсоюзная демократия была уничтожена раньше всего и беспощаднее всего, делались попытки образования такого делегатского корпуса. Но это удавалось лишь в незначительной мере. Только теперь, после успехов на выборах фабзавкомов и в результате дальнейшей эволюции реформизма в сторону социал-фашизма, проблема организации революционного делегатского корпуса все более и более усваивается рабочими массами.

6. Наша работа в профсоюзах. По мере сращивания профсоюзного аппарата с экономическим и политическим аппаратом государства, по мере уничтожения профсоюзной демократии и роста удельного веса профсоюзной бюрократии, должна несколько видоизменяться и наша работа в профсоюзах. В прежнее время мы, работая в профсоюзных организациях, старались в рамках профсоюзов толкнуть членскую массу на борьбу, а при попытках удушения движения продолжать борьбу и вопреки воле профсоюзного правления. Раньше мы вели общую вербовочную работу по привлечению в профсоюзы, потому что мы имели возможность—на профсоюзных собраниях, в профсоюзном активе и пр.—отстаивать нашу оппозиционную точку зрения, хотя и с помехами, и вербовать рабочих на сторону профсоюзной оппозиции. Ныне реформистские профсоюзы превратились в органы капиталистической экономической политики, их задача заключается в отстаивании общих капиталистических экономических интересов перед требованиями рабочих. Эта задача осуществляется путем коалиционной политики,

арбитража и сотрудничества с предпринимателями в экономических органах. При таких условиях уставы и постановления профсоюзных инстанций есть не что иное, как перенесение законов капиталистического государства на рабочие организации. Борьба рабочих за улучшение условий существования должна в силу этого вестись не только наперекор решениям арбитражных инстанций, но и наперекор решениям реформистской бюрократии. Основная задача в настоящее время заключается в том, чтобы усиливать работу в профсоюзах, вербуя профсоюзную членскую массу на сторону самостоятельного развертывания борьбы и преодоления профсоюзной законности. Такая профсоюзная работа должна расстроить реформистскую штрейкбрехерскую политику. Вербовка в профсоюзы тоже должна служить исключительно цели усиления революционной оппозиции. Раньше работа профсоюзной оппозиции в значительной мере велась на заседаниях профсоюзных правлений, на профсоюзных собраниях и иных профсоюзных выступлениях. Наша профсоюзная работа протекала в рамках профсоюза. Уничтожение профсоюзной демократии, снятие с постов многих профсоюзных функционеров-коммунистов и задача организации борьбы на предприятиях заставили видоизменить метод нашей профработы. Хотя и сейчас необходимо улучшить нашу работу на профсоюзном собрании и об'единять оппозиционно-настроенных членов профсоюзов, однако, центр тяжести в деле вербовки профсоюзных членов должен быть перенесен на предприятия. Главная работа возлагается на ком'ячейки. В связи со всеми этими изменениями профработа нашей партии стала делом партии в целом. Наконец-то дело обстоит так, что парткомы и все парторганы считают организацию экономических боев и профработу важнейшей частью своей политической работы.

В ответ на успешную борьбу КПГ с соц.-фашизмом реформистская бюрократия прибегает к массовым исключениям коммунистических функционеров и целых организаций. В противовес этому профсоюзная оппозиция, в связи с борьбой за ближайшие требования рабочих, мобилизует не только организованные, но и неорганизованные рабочие массы против реформистской политики раскола. Борьба против диктатуры соц.-фашистской бюрократии ведется на заводских собраниях, профсоюзных собраниях, путем сбора подписей, путем бойкота реформистских эмиссаров, путем непризнания исключений и снятия функционеров. В некоторых случаях бюрократия прибегает к исключению таких организаций, где в активе преобладает оппозиция, ведущая за собою массы членов. Оппозиция отвечала на это созданием соответствующей партийной организации, энергичной работой по вовлечению еще неорганизованных рабочих в сферу деятельности соответствующей организации и борьбой за восстановление ее в профсоюзе.

Ем. Ярославский.

Под знаком развертывания борьбы.

(Итоги 2-го с'езда воинствующих безбожников).

Закончившийся недавно второй с'езд безбожников подвел итоги большой полосе работы. С'езд этот показал, что мы с полным основанием считали предыдущий период работы периодом организационного и идеологического разброда, шатаний, нащупывания и выработки правильных методов работы. Этот с'езд подвел итоги большой полосе работы, которая должна была создать первые кадры безбожников и на опыте и практике показать ценность и правильность марксистского ленинского подхода к религии.

Это было тем более необходимо, что у нас с начала революции не было никакого серьезного опыта в этой борьбе. С одной стороны, у нас был опыт борьбы с поповщиной в Великую Французскую Революцию, но этот опыт происходил в иной исторической обстановке, когда действовали другие классы общества и ставились иные цели, чем в советском государстве. Другой опыт — опыт антиклерикальной борьбы западно-европейских капиталистических стран. Но и этот опыт не затрагивает большей частью существенных основ религии. Самые «радикальные» постановки вопроса о борьбе с религией у социал-демократов, у партий II Интернационала мирились и мирятся с тем, что в рядах этих партий благополучно подвизаются попы, получающие свободу религиозной пропаганды даже в рядах членов партии, ибо эти партии II Интернационала понимают дело так, что религия это частное дело даже для члена партии. Мы не говорим уже, что речь идет не только о терпимости по отношению к религиозной поповской пропаганде в рядах западно-европейских и иных «социалистических» партий. Речь идет о том, что сами «социалистические» партии вступают теперь в союз с поповщиной. Германский социал-демократ Отто Браун подписывает соглашение с папой, которое дает еще больше средств потомкам средневековых инквизиторов для духовного закрепощения рабочих масс, ибо это духовное закрепощение является необходимым для того, чтобы капитализм мог и физически закрепостить массы. Германские социал-демократы (и не только германские) состязаются с буржуазными партиями на выборах в церковные советы. Дальше итти некуда. Как исказили и фальсифицировали социал-демократы даже собственные лозунги и принципы партии, которых они некогда придерживались! Когда сейчас читаешь то, что писали Маркс и Энгельс о религии, то, что писал Иосиф Гицген, то, что говорили все время такие старые социал-демократы, как Либкнехт и Август Бебель, становится особенно ясным, что у нынешних социал-демократов нет ничего общего с теми революционными социал-демократами, которые в конце XIX столетия боролись за организацию классового об'единения рабочих.

Второй с'езд безбожников является несомненно серьезным показателем роста безбожия в стране пролетарской диктатуры. Правда, рост этот еще совершенно недостаточен и правильно поступил с'езд, что он вопрос о создании массового союза безбожников поста-

вил как один из важнейших вопросов, как насущную очередную задачу. Но факт тот, что мы смогли собрать около тысячи (956) делегатов от местных организаций, из которых рабочих с производства и бывших рабочих было 319, а крестьян, занятых в сельском хозяйстве, 108. Примерно половину этого с'езда составляли беспартийные. Это значит, что мы имеем уже беспартийный актив безбожников.

Дело идеологической борьбы с религией, конечно, прежде всего дело коммунистической партии и комсомола. Но нелепо было бы думать, что партия одна, опираясь на комсомольскую организацию, может выкорчевать корни религии, может переделать религиозное сознание масс, десятков миллионов крестьян и рабочих. Без втягивания самих масс в союз безбожников, без выработки из беспартийных рабочих, крестьян и красноармейцев кадра пропагандистов-агитаторов, нельзя и думать о серьезной постановке антирелигиозной пропаганды, о серьезной борьбе с религией и с влиянием религиозных организаций.

Следует отметить, что в активе союза безбожников мы уже сейчас имеем довольно большое число работников просвещения—учителей. Так учителей, профессоров и научных работников на этом с'езде было 70, а членов союза рабпрос 343. Это очень важно, если принять во внимание, что до революции в нашей стране (а во всех капиталистических странах и по сегодняшний день) школа являлась серьезным рассадником поповского влияния.

То, что на этом с'езде было 108 делегатов крестьян из деревни, свидетельствует о том, что безбожие проникло и проникает в такие массы, которые до сих пор считались крепостью поповщины. Деревня с ее отсталым хозяйством, с ее подавляющим влиянием стихийных сил природы, с ее индивидуализмом, с ее вековым страхом перед богами, святыми и всякой «нечистой силой», с властью колдунов, шептунов, знахарей, гадалок и всякой поповщины и чертовщины, — деревня приобщается к безбожию. Когда на с'езде с котомкой за плечами и с посохом в руках появилась старуха 63 лет — активная безбожница и прошла «по-хозяйски» смело через краснознаменный зал Дома Красной Армии в президиум, сняла свою котомку и села за стол,—с'езд разразился громом аплодисментов, потому что в лице этой старухи безбожницы крестьянки пришла деревня, которая веками молилась закопченным деревянным доскам с ликами богов и святых, которая поддерживала поповщину. Эта деревня уже освобождается, хотя еще далеко не освободилась, от власти религии и религиозных организаций. Поэтому особое значение имело присутствие на с'езде почтенных стариков и старух, рабочих, крестьян и крестьянок, активных безбожников.

Точно так же следует отметить сравнительно пожилой состав этого актива. Главная масса, по возрасту падает на делегатов от 23 до 40 лет— 579 человек (около 60 проц.). Среди присутствующих 209 человек от 40 до 60 лет и 6 человек свыше 60 лет. Лишь 162 делегата, т.-е. немного более одной шестой части с'езда, были моложе 23 лет. Это, прежде всего, опровергает всякие сказки о том, что безбожники это только комсомольцы. Конечно, среди комсомольцев есть много активных безбожников, само собой разумеется, что мы должны обращать внимание особенно на молодежь, но тот факт, что мы смогли собрать такой взрослый актив безбожников не только коммунистов, но и беспартийных, свидетельствует о том, что мы имеем в рабочем классе, в передовых бедняцко-середняцких массах крестьянства огромный неисчерпаемый запас для создания актива. И надо над этим работать, ибо здесь выравнивается фронт классовой борьбы на одном из участков, где массы особенно отстают.

Идеологические формулы часто бывают необычайно консервативны и особенно консервативны они в крестьянских массах, благодаря отсталости крестьянского хозяйства, благодаря отсталости всего культурного уровня этого хозяйства и благодаря тому, что власть кулака на селе гораздо сильнее, чем власть нэпмана в городе. Здесь выравнивается фронт классовой борьбы потому, что поп, мулла, ксендз в деревне еще имеют возможность оттянуть на свою сторону более или менее значительные массы. Этот фронт выравнивается и в том отношении, что рабочие и крестьяне на безбожном фронте идут плечо к плечу против самой доподлинной «нечистой силы», которую представляют собой религиозные организации.

Однако, надо отметить, что до сих пор еще мы слишком мало втянули этот беспартийный актив. Союз безбожников насчитывает в настоящее время около одного миллиона членов. Беспартийные в нем составляют меньше половины (46,5 проц.). Это значит, прежде всего, что коммунисты и комсомольцы, а их вместе около 4 миллионов, слишком слабо еще участвуют в союзе безбожников. Необходимо, чтобы большее число коммунистов и комсомольцев вступило в этот союз, необходимо, чтобы антирелигиозная пропаганда была делом каждого партийца, каждого комсомольца. С другой стороны, перед нами задача из значительно выросшей безбожной массы рабочих и крестьян, освободившихся от религии, создать массовый союз. Не сотни тысяч членов должен насчитывать этот союз; он должен насчитывать миллионы. И мы ставим себе задачу создать многомиллионный союз безбожников. Каждый успех на социалистическом фронте должен быть успехом и на фронте антирелигиозном, на фронте безбожном.

С этой точки зрения надо также внимательно отнестись к тому, что мало еще вовлечено в союз безбожников женщин, которых в союзе около 200 тысяч (около 20 проц.). Между тем мы знаем, что влияние поповщины на женскую часть населения и через женщину на семью повсюду и во всех странах гораздо сильнее, чем на мужчину. Вот почему было особенно ценно, когда на с'езде безбожников присутствовали и выступали многочисленные делегации работниц и крестьянок.

Всей этой работе надо придать гораздо более широкий размах, чем это было до сих пор. Если сейчас в городе немного более 4 тысяч ячеек безбожников, а в сельских местностях 32.539 ячеек, то надо так раздвинуть работу, чтобы мы имели в ближайшие же годы в городе десятки тысяч ячеек, а в сельских местностях сотни тысяч. Не должно быть села без ячейки безбожников, не должно быть предприятия и учреждения без ячейки безбожников, как не должно быть коммунистов, комсомольцев и пионеров, не ведущих антирелигиозной работы. Вот лозунг, который мы должны выдвинуть.

С'езду предшествовало партийное совещание, организованное Агитпропом ЦК ВКП(б). Это партийное совещание рассмотрело все важнейшие вопросы, стоявшие на с'езде безбожников, и приняло принципиальные решения, которые легли в основу решений с'езда. И правильно поступило партийное совещание, что связало задачи антирелигиозной пропаганды с задачами социалистического переустройства в ближайшие годы. Мы прямо должны связывать все наши работы с развертыванием пятилетнего плана. Поэтому и резолюция об очередных задачах антирелигиозной работы подчеркивает, что «в период социалистического строительства, связанного неразрывно со все развертывающимся наступлением на капиталистические элементы города и деревни, в период напряженной борьбы за культурную революцию, за полное торжество единого революционного пролетарского

мировоззрения, особенно резко проявляется контр-революционная политическая роль всех и всяческих религиозных организаций». Резолюция отмечает, что «нет ни одного мероприятия, проводимого советской властью, против которого не выступали бы в том или другом районе служители культа и представители религиозных организаций, прикрываясь цитатами из библии, корана и из других так называемых «священных книг».

Таким образом и на этом фронте мы должны развернуть наступление. Мы должны всем рабочим и крестьянам раз'яснить, что всякая религиозная организация является только ширмой для капиталистических элементов, что через церковные организации капиталистические элементы ведут замаскированную религиозными лозунгами контрреволюционную политическую работу. Мы должны реагировать на каждый шаг церковников, сектантов и всяких религиозных организаций, который направлен на то, чтобы вмешаться в политическую жизнь страны, в перевыборы советов, кооперации. Мы должны зорко следить за тем, как поповщина борется на деле против строительства колхозов, против перехода на многополье, распространения займов, строительства школ, изб-читален, радиофикации деревни, против нового быта, против социалистической культуры. Мы должны особенно разоблачать попытки «обновленцев» всякого рода подделаться под коммунизм, обмануть кое-какими фразами массы, припрятать реакционную сущность религии в внешне как будто бы революционную оболочку.

Это наступление наше на антирелигиозном фронте должно, конечно, протекать в рамках революционной законности. Религиозным организациям предоставлена свобода религиозного исповедания. Но мы не должны допускать ни одного случая, когда религиозная организация пытается выходить за эти рамки, когда она превращается в воинствующую церковь, когда она пытается мобилизовать массы против того или иного мероприятия советской власти, когда она делает попытки выйти за пределы культа, за пределы религиозных обрядов. Ни на одну минуту мы не должны забывать, что борьба с религией есть классовая борьба.

Во время с'езда некоторые критики линии союза безбожников упрекали нас в том, что мы считаем возможной организацию сектантских колхозов. Конечно, мы имеем в виду не организацию сектантских колхозов по религиозному признаку. Против религиозных колхозов мы должны самым решительным образом бороться. Мы имеем в виду организацию колхозов среди сплошных масс населения, входящих в ту или иную сектантскую религиозную организацию. Но и там и в этих сплошных религиозных массах мы должны организовать колхозы по классовому признаку и здесь противопоставлять сектанта-бедняка сектанту-кулаку, интересы которых различны, противоположны, непримиримы. Здесь борьба классов сталкивается с вопросом религии, здесь борьба классов расшатывает религиозные связи бедняка и кулака. В этом и состоит умение вести антирелигиозную пропаганду: не просто повторять «классовая борьба, классовая борьба», а уметь в каждом данном отдельном случае найти эту линию классовой борьбы.

Большие практические вопросы стояли перед с'ездом и одним из этих больших вопросов является подготовка кадра активных антирелигиозников. За последнее время развернулась сеть семинариев, начали развивать свою деятельность и очень успешно на первых же порах антирелигиозные университеты, вечерние антирелигиозные курсы и т. п. Такие университеты и курсы охотно посещаются рабочими; умело поставленные антирелигиозные кружки привлекают лучший деревенский актив. Однако, до сих пор эта задача еще не была поставлена, как задача большой важности. С'езд принял ряд решений, на основе которых эта работа и будет развертываться.

Здесь на первом плане стоит вопрос о школе. Школьная секция с'езда безбожников поставила вопрос о том, что активно-религиозному просвещенцу не место в учреждениях народного образования и в частности в учреждениях социального воспитания. В самом деле, ведь до сих пор еще не редко поповичи и поповны (не по социальному происхождению, а по своим умонастроению и мировоззрению) держат в своих руках дело воспитания детей и подростков. Наглядный пример этому недавно закончившийся процесс учительницы Лапшиной, где дьяконица Никольская сумела загнать в гроб беднячку Лапшину—активную безбожницу, не встретив противодействия в местных партийных и профессиональных организациях.

С'езд наметил создание при Институте по повышению квалификации педагогов и при других соответствующих организациях антирелигиозных курсов для учительского актива, а также проведение антирелигиозной работы на всякого рода курсах по переподготовке, разработку соответствующих программ, создание целой сети семинариев и кружков для подготовки актива в деревне, развертывание сети антирелигиозных музеев, создание детских секций при советах союза безбожников и пр.

В особенности необходимо обратить внимание на развертывание сети антирелигиозных музеев. Пора прекратить использование попами всякого рода учреждений Главнауки в целях религиозной пропаганды. Кое-где в таких учреждениях горят еще неугасимые лампады перед образами. Не пора ли им погаснуть, хотя бы в учреждениях Главнауки.

С'езд подвел итоги большой рыботы, проделанной союзом безбожников в деле проведения антирелигиозного воспитания в школе. К этому делу до сих пор подходили слишком робко. Еще ни один общественный строй не подходил с такой робостью к ломке прежней системы воспитания в школе, с какой подошел, пожалуй, советский строй. Мы не вдаемся здесь в об'яснение причин этой работы. Она в значительной степени об'яснялась тем, что педагогический состав не был подготовлен к антирелигиозному воспитанию в школе.

Теперь этот вопрос поставлен на иную почву. У нас имеется уже опыт, а главное имеется совершенно определенная установка Наркомпроса. Совершенно ясно теперь, что антирелигиозное воспитание в школе есть неот'емлемая часть социалистического воспитания, что нельзя провести в жизнь социалистическое воспитание в школе, оставив нетронутой такую область, как область религии, где бесконтрольно хозяйничают религиозные организации, а иногда и семья, парализуя своим реакционным влиянием влияние трудовой школы.

Особая секция с'езда разработала вопрос об антирелигиозной пропаганде среди членов профсоюзов, в деревне, в Красной армии, среди женщин и среди отсталых национальностей. Необходимо на основе этих решений тщательно разработать план антирелигиозной работы среди пионеров, дать популярные указания, как вести антирелигиозную пропаганду в семье и т. п. Но это задача не одного союза безбожников. Это задача всей партии, комсомола, профсоюзов, задача всех общественных организаций, которые еще до сих пор недостаточно втянуты в работу.

С'езд союза безбожников несомненно дает серьезный толчок к развертыванию антирелигиозной работы и к активизации членов союза. И с'езд показал, что он ставит ряд вопросов не как вопросы теоретические, а как боевые вопросы антирелигиозной борьбы. В особенности оживленные прения развернулись вокруг таких вопросов, как вопрос о закрытии церквей, отмена религиозных праздников, новое летосчисление, запрещение колокольного звона, ограничение издательской деятельности религиозных организаций, больший контроль над деятельностью церковных советов, отказ от обслуживания культа (электрическим освещением и т. п.).

Вопрос о закрытии церквей особенно волнует активных безбожников, потому что этот вопрос связан с невероятной бедностью всех наших промышленных центров и крупных сельских центров какими бы то ни было культурными учреждениями. Шестидесятилетняя крестьянка говорила с волнением о том, что у них нет школы, а рядом стоит церковь, в которой молятся несколько стариков и старух. Ведь не этим старикам и старухам жизнь строить, а той молодежи, которая идет на смену и которой негде учиться. Любой паршивенький уездный городишко насчитывает полтора—два десятка церквей, но не имеет ни одного хорошего помещения для собраний.

Конечно, в вопросе о закрытии церквей были и есть перегибы, самоуправство, несоблюдение законов. Но есть, несомненно, и другого рода перегибы, когда мы подходим к этому вопросу с непозволительной уступчивостью и робостью по отношению к реакционным элементам. На с'езде приводился пример, когда, несмотря на постановление губернского исполнительного комитета, несмотря на то, что 70—80% избирателей голосовали во время перевыборов советов за закрытие церкви с превращением ее в народный дом или клуб, Главнаука накладывает запрет на это потому, видите ли, что там имеется какой-то венчик, характеризующий эпоху торгового капитала. Можно было бы подарить этот венчик Главнауке, а рабочим дать помещение под народный дом. Такие факты имеют место в ряде случаев.

С'езд дал решительный отпор всякого рода административным увлечениям, которые кое у кого проявлялись и которые особенно сказались в статьях тт. Галактионова и Лунина в «Комсомольской Правде». С'езд подчеркнул, что закрытие церквей предполагает предварительную большую антирелигиозную работу в массах и мобилизацию этих масс не только безбожников, но и верующих вокруг этого вопроса. Однако, нет никакого сомнения в том, что ближайшие годы неизбежно будут годами наступления и на этом фронте.

Так же страстно был поставлен вопрос и о запрещении колокольного звона, особенно в городах, где рабочие работают в три смены и где короткий сон рабочего, короткий его отдых нарушается безумным, бессмысленным и никому не нужным колокольным звоном.

Почему мы должны вести летосчисление «нашей эры» (как пишут теперь) со времени мифического рождества Христова, а не со времени такого революционного, массового, всем близкого, вошедшего в плоть, кровь и сознание масс факта, как Октябрьская революция? Почему при бумажном голоде, когда нехватает бумаги на учебники, должны издаваться поповские издания? Почему церковные советы действуют бесконтрольно и могут на своих заседаниях келейно обсуждать такие вопросы, как выставление списков во время выборов в советы, как попытки сорвать то или иное мероприятие советской власти? Вот все эти и другие вопросы показали, что борьба с религией ведется не в области отвлеченных теорий. Она затрагивает жизненные вопросы существования всякой религиозной организации, показывает, что на этом участке борьбы рабочие и крестьяне не могут не задеть материальную базу существования религиозных организаций.

Конечно, было бы совершенно неправильно, если бы вся борьба с религией была направлена по линии административных мероприятий. Не отказываясь от законных административных мер по отношению к той или иной организации, союз безбожников должен центр тяжести перенести на антирелигиозную пропаганду. На ряду с глубоко научно, по-марксистски, по-ленински поставленной, у м н о поставленной антирелигиозной пропагандой, административные меры, идущие от масс, по почину самих масс, будут иметь совершенно иное принципиальное значение.

Активизация антирелигиозной борьбы сказалась не только в том, что союз безбожников постановил назвать себя союзом воинствующих безбожников. Антирелигиозная пропаганда действительно переходит на новую стадию—активизацию масс. Несомненно, в стране имеется больше десятка миллионов трудящихся, порвавших со всякими религиозными организациями. Однако, этот выход из церкви, отход от церкви до сих пор происходит «втихую», молча. Необходимо, чтобы порывающие с церковью активно, открыто разрывали с ней, чтобы они этим открытым разрывом, заявлением о разрыве с церковью помогали отделиться от церкви тем колеблющимся массам, которых связывают с религиозной организацией не классовые интересы (ибо большинству трудящихся масс социальные классовые интересы религиозных организаций в р а ж д е б н ы). Эта активность должна сказаться в усилении антирелигиозной пропаганды, привлечении к антирелигиозной пропаганде всех общественных организаций, в улучшении и расширении издательской деятельности, в применении все более тщательно продуманных массовых форм антирелигиозной пропаганды. Заинтересовывать массы «и так и этак», как говорил Ленин,—вот в чем задача.

Дискуссия на с'езде безбожников по вопросу о формах и методах антирелигиозной пропаганды представляет большой интерес. Приходится только пожалеть, что открытая за четыре месяца до с'езда на страницах «Безбожника» и «Антирелигиозника» дискуссия не была поддержана ни партийными организациями, ни комсомольскими. Партийная и комсомольская печать осталась как-то в стороне от этой дискуссии, и только в самом начале с'езда в «Комсомольской Правде» появились статьи, которые, однако, по своему теоретическому уровню и содержанию вызвали решительный отпор с'езда. На только что закончившейся конференции комсомола секретарь ЦК ВЛКСМ тов. Рахманов отметил это выступление, как пример расхождения между комсомольской печатью и линией комсомольской организации.

Основная ошибка выступления товарищей Галактионова, Лунина и Бухарцева заключается в том, что даже помимо их воли у них получилось принижение роли культурной политико-просветительной работы, являющейся неот'емлемой частью антирелигиозной пропаганды. Без культурно-просветительной работы немыслима антирелигиозная пропаганда, а в статьях и выступлениях этих товарищей получилось противопоставление этих двух сторон одной и той же работы. Другой ошибкой является их утверждение, что нельзя заменить религиозное сознание сознанием социалистическим. Они выразили это в схоластической формулировке—«не заменять, а разрушать». Самую мысль о том, что можно религиозное сознание заменить социалистическим, «Комсомольская Правда» об'явила пошлой, реакционной, оппортунистической идеей. Между тем, партия и комсомол изо дня в день проделывают эту работу переделки мелкобуржуазного сознания элементами социалистического. Ведь в том и состоит выработка материалистического мировоззрения, что н а м е с т о разрушенного не научного, иногда утопического, иногда мелкобуржуазного оппортунистического сознания вырабатывается сознание марксистское, ленинское. К сожалению, неправильные мысли были поднесены в такой острой форме, что это помешало правильному выяснению вопроса.

Третий вопрос, который был выдвинут в этой дискуссии в «Комсомольской Правде», это вопрос о корнях религии. «Комсомольская Правда» все свела к социальным корням религии и пыталась доказать, что никаких других корней религии нет. Такая постановка вопроса, противоречащая тому, что неоднократно писал и говорил по вопросам религии Ленин, означала бы суживание задач антирелигиозной пропаганды.

Можно сказать, что и в этой дискуссии было кое-что хорошее: она дала повод показать на примере неправильной постановки вопроса, как и какими методами на самом деле должна вестись антирелигиозная

пропаганда. Что в антирелигиозной пропаганде могут быть и правый уклон и примиренческое отношение ко всякой поповщине, в этом сомнений нет. Что надо вести борьбу против таких уклонов — это также для нас азбучная истина. Но такой же азбучной истиной для нас является и необходимость борьбы со всякого рода левизной в антирелигиозной пропаганде и со всякого рода нетерпением в антирелигиозной пропаганде, когда нахрапом хотят заменить серьезную и глубокую антирелигиозную пропаганду. Необходима борьба со всяким упрощенством в области антирелигиозной пропаганды, со всякими антирелигиозными упрощениями в деле борьбы с религией, ибо, как и в других областях нашей идеологической борьбы, и на этом фронте левые уклоны мешают борьбе с правыми извращениями.

Второй с'езд союза безбожников закончился принятием обращения к рабочим и крестьянам, которое является своего рода манифестом союза безбожников. В нем в популярной форме излагаются наши задачи, оно бросает в массу призыв к борьбе с религией и религиозными организациями. Необходимо, чтобы это обращение нашло самое широкое распространение в массах, необходимо, чтобы о с'езде безбожников и его решениях узнали не только все безбожники, но и верующие крестьяне и рабочие, чтобы перед ними поставить вопросы, волнующие пока еще меньшую часть трудящихся, но все более и более проникающие в массы.

Особенно должна обратить внимание на антирелигиозную пропаганду партийная организация. Она должна обеспечить серьезное руководство всей этой работой на местах, должна постоянно иметь перед собой эту задачу, как одну из важнейших задач борьбы на идеологическом фронте, захватывающую самые широкие массы. Путь к социализму есть путь классовой борьбы. Для многих и многих на этом пути классовой борьбы стоит религия. Сотни тысяч и миллионы рабочих и крестьян не могут полностью слиться с задачами коммунистической партии, потому что их связывает по рукам и ногам их религиозное сознание. Разрубить этот узел, распутать эти путы, освободить от религиозного дурмана массы, — это значит помогать новым миллионам трудящихся сомкнуться с передовой частью рабочего класса для социалистического наступления большим широко развернутым фронтом.

Г. Зиновьев.

Верно ли, что новые революции невозможны без войны?

Верно ли, будто Ленин считал, что новые революции вообще невозможны без войны? Верно ли, что, оценивая положение вещей в своих последних произведениях перед смертью, Ильич связывал следующий революционный взрыв «непосредственно» с грядущей войной?

Это вопрос в высшей степени важный, это один из узловых вопросов всей тактики ленинизма.

Ни Маркс, ни Ленин никогда не считали, что революция рождается **только** из войны. Они только считали, что некоторые войны при известных обстоятельствах являются **ускорителями** революционного развития. Движущие силы всякой революции это — классовые противоречия, классовая борьба. Война есть продолжение политики только другими средствами. Войны при известных обстоятельствах могут в известных странах **ускорить** революцию. Но порождают революцию противоречия между классами, борьба классов.

В таком ответственном документе, как ленинские тезисы «Социалистическая революция и право наций на самоопределение» Ленин в 1916 году писал так:

«**Социалистическая революция может разгореться не только из-за крупной стачки, или уличной демонстрации, или голодного бунта, или военного восстания, или колониального мятежа, но и из-за любого политического кризиса вроде дела Дрейфуса, или Цабернского инцидента, или в связи с референдумом по вопросу об отделении угнетенных наций и т. п.**» (Том XIX, стр. 170).

Вот программное заявление Ленина, не оставляющее места никаким кривоистолкованиям. На это заявление ссылался Ленин и во время III конгресса Коминтерна в комиссии, вырабатывавшей тактическую резолюцию. Этой мыслью целиком проникнута тактическая резолюция III конгресса, в составлении которой Ленин принимал руководящее участие.

Социалистическая революция, говорил, таким образом, Ленин, может начаться **не только** из военного восстания, или колониального мятежа, но из крупной стачки, из политического кризиса вроде дела Дрейфуса и т. д. и т. п.

Чем ближе надвигалось подлинное начало пролетарской революции, тем напряженней думал Ленин о том, каким именно будет **конкретный ход** этой революции. Как в 1905 году на III с'езде партии, накануне первой буржуазно-демократической революции в России Ленин напряженнее всего думал о том, каков же именно будет **конкретный ход** этой революции, каковы будут **конкретные формы** движения (соединение всеобщей стачки с вооруженным восстанием и т. п.),—так, накануне 1917 года Ленин все глубже задумывался именно над вопросом о том, каковы будут конкретные формы развития революции социалистической.

«Социальная революция не может произойти иначе, как в виде эпохи, соединяющей гражданскую войну пролетариата с буржуазией в передовых странах и ц е л ы й р я д демократических, революционных, в том числе и национально-освободительных движений в неразвитых, отсталых и угнетенных нациях» (том XIII, 369),—писал Ленин в своей полемической статье «Империалистический экономизм», направленной против «левых» коммунистов того времени (тт. Пятаков, Бухарин и др.).

«Думать, что м ы с л и м а социалистическая революция без восстания мелких наций в колониях и в Европе, без революционного взрыва части мелкой буржуазии с о в с е м и е е п р е д р а с с у д к а м и, без движения несознательных пролетарских и полупролетарских масс против помещичьего, церковного, монархического, национального и т. п. гнета «думать так, значит отрекаться от социалистической революции» (XIX, 219),—писал Ленин в полемике против сторонников Розы Люксембург.

«Социалистическая революция,— раз'яснял неоднократно Ленин, — не один акт, не одна битва по одному фронту, а целая эпоха обостренных классовых конфликтов, длинный ряд битв по всем фронтам, т.-е. по всем вопросам экономики и политики, битв, которые могут завершаться лишь экспроприацией буржуазии» (XIX, 169).

Войны угнетенных наций, восстания в колониях, перерастающие в революционные войны, войны империалистов между собой — все это, разумеется, играло крупнейшую роль в построениях Ленина. Но ни в коем случае в этих классических определениях Ленина нельзя найти той «мысли», будто революции возможны т о л ь к о в связи с войной.

Война есть продолжение политики. Империалистические войны суть продолжение империалистической политики. Эти войны являются важнейшим показателем того, что растут классовые противоречия в национальном и интернациональном масштабе, что обостряется борьба во всем мире, что тесно производительным силам в национальных рамках, что быстро катится капитализм к гибели.

Империалистские войны самым фактом того, что они имеют место, доказывают, что империализм действительно есть последняя стадия капитализма. Империалистские войны сигнализируют быстрое приближение краха капитализма. Развитие пролетарских революций, которые не могут не закончиться экспроприацией капиталистов, неизбежно. Но причина пролетарских революций не только в империалистских войнах. Напротив, сами империалистические войны являются производными от классовой борьбы. Ленин насквозь диалектик. Ленинские формулировки всегда дышат жизнью. Ленин берет всю сумму явлений в целом. Ленин показывает нам действительное нарастание пролетарских революций в результате сочетания ц е л о г о р я д а факторов. Войне среди этих факторов принадлежит не последнее место — н о д а л е к о не единственное.

Война при известных обстоятельствах становится величайшим у с к о р и т е л е м революционного движения.

Наиболее наглядным примером этого можно было бы взять роль империалистской войны в русских революциях 1917 года.

Назревание революционного кризиса в России с 1912 года шло с громадной быстротой. В 1914 году революционный под'ем в России достиг уже очень большой интенсивности. Совсем незадолго до об'явления войны дело доходит уже в Питере до баррикад. Война сначала на время з а д е р ж а л а дальнейший революционный под'ем, но зато потом в чрезвычайной мере у с к о р и л а революционное развитие в России. В 1917 году в России разразилась п е р в а я из больших революций во время войны — именно потому, что уже в 1914 году Россия была ближе всего к революции; именно потому, что Россия была беременна революцией.

Такова живая диалектика, которая не мирится со схоластикой. Ленин впоследствии указывал (в «Детской болезни левизны») на то, что четыре фактора, четыре «специфических условия», как выражался Ленин, помогли России п е р в о й начать социалистическую революцию.

1) Возможность соединить советский переворот с окончанием благодаря ему империалистской войны, невероятно измучившей рабочих и крестьян;

2) возможность использовать на известное время смертельную борьбу двух, всемирно могущественных групп империалистских хищников...;

3) возможность выдержать сравнительно долго гражданскую войну, отчасти благодаря гигантским размерам страны и худым средствам сообщения;

4) наличность такого глубокого буржуазно-демократического революционного движения в крестьянстве, что партия пролетариата взяла революционные требования у партии крестьян... и сразу осуществила их благодаря завоеванию политической власти пролетариатом (ср. Ленин, XVII, 153).

Империалистская война играет в этом анализе Ленина не маленькую роль, — но в о в с е н е и с ч е р п ы в а ю щ у ю. Ленин берет историческое подготовление русской революции во всей его многосложности и многоцветности. В таком подлинно ленинском анализе нет ни грана схоластики.

В той же «Детской болезни» Ленин в классической форме изображает нам, каковы те условия, которые необходимы для революции. Это одно из самых замечательнейших мест в одном из самых замечательнейших произведений Ленина. Ленин формулирует то, что он называет «основным законом революции». Он говорит:

«Основной закон революции, подтвержденный всеми революциями, и, в частности, всеми тремя русскими революциями в XX веке, состоит вот в чем: для революции недостаточно, чтобы эксплоатируемые и угнетенные массы сознали невозможность жить по-старому и потребовали изменения; для революции необходимо, чтобы эксплоататоры не могли жить и управлять по-старому. Лишь тогда, когда «н и з ы» н е х о т я т старого и когда «верхи» н е м о г у т п о - с т а р о м у, лишь тогда революция может победить. Иначе эта истина выражается словами: революция невозможна без общенационального (и эксплоатируемых и эксплоататоров затрагивающего) кризиса» (XVII, 172).

Перечисляя, так сказать, «обязательные», конститутивные признаки революций, Ленин отнюдь не говорит здесь даже, что в числе других признаков о б я з а т е л ь н ы м признаком является война. Ленинская формулировка «основного закона революции», разумеется, о т н ю д ь н е и с к л ю ч а е т (а предполагает), что при известных обстоятельствах война может послужить громадным у с к о р и т е л е м революции. Но нигде у Ленина вы не найдете и намека на то, что т о л ь к о из войны может начаться революция.

Большевизм вошел в империалистскую войну 1914 года с лозунгом демократической диктатуры пролетариата и крестьянства д л я Р о с с и и. Большевизм к концу войны провозгласил с о ц и а л и с т и ч е с к у ю революцию и для России. Роль империалистской войны н е т о л ь к о к а к у с к о р и т е л я, н о и как «у г л у б и т е л я» революции здесь очевидна.

И в 1905 году Ленин, разумеется, отнюдь не проповедывал «самоограничения» революции, как это ему приписывали одно время все меньшевики, вплоть до тогдашнего меньшевика Троцкого. Ленин знал, что ровно в меру своих сил, в меру сил рабочего класса мы будем двигать победоносную демократическую революцию в России к социалистическому перевороту в России, к развязыванию международной пролетарской революции. Это подразумевалось само собой и в 1914 году и в начале империалистской войны, когда д л я Р о с с и и Ленин выдвигал попрежнему для начала лишь программу демократической революции. Но именно изменившееся мировое положение,

в частности, изменившееся положение внутри России, в ходе империалистской войны ускорило приближение и наметило своеобразные пути к социалистическому перевороту в России и привело к тому, что перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую совершилось в России в течение 9 месяцев—с февраля по октябрь 1917 года.

В той же «Детской болезни «левизны» Ленин анализирует не только положение в России, но и положение в Англии. Он говорит: «В Англии... явно нарастают оба условия успешной пролетарской революции» (XVII, 173), т.-е. и то, что низы не хотят старого, а верхи не могут по-старому. Что в Англии нарастают «оба условия успешной пролетарской революции»,— это написано Лениным в 1920 году, когда ни о какой войне, в которой решались бы судьбы Англии, не было и речи. К Англии настойчиво возвращался Ленин, взвешивая дальнейший конкретный ход мировой революции. Ленин пишет:

«Пример: Англия. Мы не можем знать—и никто не в состоянии наперед определить, как скоро разгорится там настоящая пролетарская революция и какой повод более всего разбудит, разожжет, подвинет на борьбу очень широкие, ныне еще спящие массы... Возможно, что «прорвет», что «сломает лед» парламентский кризис; возможно, что кризис, вытекающий из безнадежно запутанных, все более и более болезненно складывающихся и обостряющихся колониальных и империалистских противоречий; возможно, что-либо третье и т. п.» (т. XVII, 183). Ленин явно считает очень опасным, чтобы в рядах коммунистов укоренилась мысль, будто революция возможна только в связи с войной. Он подробно разжевывает вопрос применительно к Англии, выдвигая на видное место «парламентский кризис» и т. п. Ленин не довольствуется примером Англии и берет еще пример Франции. «Не забудем, что, напр., в буржуазной французской республике, в обстановке, которая и со стороны международной и со стороны внутренней во сто раз менее была революционна, чем теперь, достаточно оказалось такого «неожиданного» и такого «мелкого» повода, как одна из тысяч и тысяч бесчестных проделок реакционной военщины (дело Дрейфуса), чтобы вплотную подвести народ к гражданской войне!» (Там же). То, что пишет Ленин об Англии и Франции, теперь еще более применимо к такой стране, как Германия и т. п.

Все это сказано Лениным в «Детской болезни «левизны»—произведении особенно глубоком и особенно зрелом. Ни на иоту этого своего взгляда Ленин не пересматривает и в его предсмертных статьях и записях. Какие же есть основания утверждать, будто Ленин ждал новых революций только «непосредственно» в связи с войной? Никаких! Всеобщая забастовка в Англии в 1926 году могла сыграть гигантскую, прямо таки решающую роль в деле ускорения революции в Англии. А ведь ни о какой войне в 1926 году не было и речи. В настоящее время замечательное по своей силе и размаху развитие стачечного движения в Индии внушает серьезные надежды на значительное ускорение революционных процессов в Индии. А что означала бы революция в Индии для революции в Англии!

Революционное восстание в Индии вызвало бы, конечно, со стороны Англии попытки «усмирить» это восстание кровью и железом. И тем не менее такой вариант развития революции в Англии отнюдь не похож на схоластический антидиалектический тезис: революция может родиться только из войны.

Марксизм ничего общего не имеет с пацифизмом. Марксизм знает, что бывают войны и войны. Марксизм, разумеется, ни на минуту не зарекается от того, чтобы использовать в интересах угнетенных классов ту или другую войну рабовладельцев между собою, а тем более, чтобы поднять наемных рабов против рабовладельцев, пользуясь любой войной. Марксизм ни на минуту не зарекается от революционных войн, когда к этому создаются необходимые

исторические предпосылки. Напротив, марксизм открыто говорит о неизбежности революционных войн. Но сказать «революция может родиться только из войны»—это значит, быть пацифистом наизнанку; это значит в нынешней обстановке подать палец оппортунизму. Оппортунизм возьмет всю руку.

* * *

Большевики говорят, что эпоха, в которую мы живем, есть эпоха войн и революций. И правильно говорят. Возьмем истекшее десятилетие со дня окончания мировой войны. Это десятилетие изображают, как десятилетие «мирного» развития капитализма. Оно действительно «мирное» по сравнению с 1914 — 18 годами, когда кровь лилась рекой, когда на полях империалистской бойни гибли миллионы, когда сжигались села и города и опустошались целые области. Но если сравнить это десятилетие (1918—28) с десятилетием, скажем, довоенным (1904—1914), то станет ясно, каков «мирный» характер десятилетия, истекшего со времени окончания мировой войны. В течение десятилетия 1918—1928 гг. мы видели ряд войн, во всяком случае, ряд крупных военных столкновений не только в Европе, но и в Азии, в Африке, в Америке. Небольшой и очень неполный перечень больших и малых схваток, имевших место за это время, будет достаточно убедителен.

Европа. Борьба Германии с Польшей из-за Верхней Силезии. Вооруженная оккупация Рура и так называемое пассивное сопротивление в 1923 г. Захват Польшей Виленщины и бесконечная цепь вооруженных пограничных столкновений между Польшей и Литвой. Захват Италией провинции Фиумэ, итало-греческий конфликт. Греко-турецкая война, т.-е. на деле англо-турецкая война. Балканская вооруженная борьба из-за территории. Захват Румынией ряда земель, входящих в бывшую Австро-Венгрию.

Азия. Гражданская война в Китае и интервенция империалистов с неоднократным разгромом ряда китайских городов английскими и другими военными судами. Война Франции в Сирии и т. п.

Африка. Войны в Марокко.

Америка. Соединенные Штаты и Мексика. Соединенные Штаты — Никарагуа, Боливия—Парагвай и ряд других.

Мы не говорим уже о величайшей гражданской войне в СССР и о внешней войне против СССР, в которой участвовало, как известно, не менее чем 14 государств. Не говорим уже о войне белой Польши против Советов в 1920 году и т. д.

Каков же итог? В течение последнего «мирного» десятилетия мы были свидетелями ряда военных столкновений почти во всех частях земного шара, ряда колониальных войн, ряда войн против пролетарского государства, ряда схваток между буржуазными государствами. И это — в эпоху вильсонизма, Лиги Наций и проч.

Не может быть ни малейшего сомнения в том, что именно в течение этого «мирного» десятилетия 1918 — 1928 гг. завязаны десятки новых узлов будущих войн. Характерная черта так называемого «третьего периода» в том и заключается, что мировые противоречия обостряются, и приближение новой войны идет на всех парах.

Все чаще и чаще в порядке «внезапности» мир узнает о том или другом военном договоре, заключенном между буржуазными странами друг против друга: договор Англии с Францией, договор Франции с Бельгией, ряд договоров пограничных с СССР государств, — договоров, заключенных под протекторатом англо-французского империализма. Но это еще далеко не все. Самыми опасными договорами являются те тайные договоры, которые несомненно заключаются в изобилии именно против СССР. Против нашего же государства заключается ряд более или менее явных военных договоров.

И в то же время в течение «мирного» десятилетия 1917 — 1927 гг. мы были свидетелями следующих революционных событий:

1917 год — Две революции в России.

1918 г. — Революции в Германии, Австрии, на Балканах; советская власть в Финляндии.

1919 г. — Советская власть в Венгрии и Баварии; спартаковское восстание в Германии.

1920 г. — Национальная революция в Турции; захват фабрик и заводов рабочими в Италии.

1921 г. — Мартовское восстание в Германии.

1923 г. — Восстание в Болгарии; революционные события в Германии.

1925 г. — Восстание в Эстонии; Сирия и Марокко.

1926/27 г. — Революция в Китае; всеобщая забастовка в Англии; восстание в Вене.

В 1928/29 г. особенно ясно намечается революционный под'ем в Индии и Германии.

Мы живем в эпоху войн и революций—это вовсе не означает, что все революции обязательно побеждают сразу, а все конфликты между государствами обязательно сразу выливаются в войны.

Мы живем в эпоху войн и революций. В истории не раз бывало, что война ускоряла революционное развитие, а революция в свою очередь приводила к новым войнам. Да и сами войны не раз меняли, так сказать, «на ходу» свой характер. Основное положение марксистской диалектики состоит в том, что все грани в природе и обществе условны и подвижны, что нет н и о д н о г о явления, которое не могло бы при известных условиях превратиться в свою противоположность. В своих замечательных работах военного периода Ленин приводит несколько блестящих исторических примеров д и а л е к т и ч е с к о г о п р е в р а щ е н и я о д н о й в о й н ы в д р у г у ю.

«Национальная война может превратиться в империалистскую и обратно», — пишет Ленин. Пример: войны великой французской революции начались, как национальные, и были таковыми. Эти войны были революционны: защита великой революции против коалиции контрреволюционных монархий. А когда Наполеон создал французскую империю с порабощением целого ряда давно сложившихся, крупных, жизнеспособных национальных государств Европы, тогда из национальных французских войн получились империалистские, родившие в с в о ю о ч е р е д ь национально-освободительные войны п р о т и в империализма Наполеона (т. XII, стр. 439).

Не менее блестящи другие примеры, приводимые Лениным: Англия и Франция воевали в семилетнюю войну из-за колоний, т.-е. вели империалистскую войну (которая возможна и на базе рабства, и на базе примитивного капитализма, как и на современной базе высоко развитого капитализма). Франция побеждена и теряет часть своих колоний. Несколько лет спустя начинается национально-освободительная война Северо-Американских Соединенных Штатов против одной Англии. Франция и Испания, которые сами продолжают владеть частями теперешних Соед. Штатов, из вражды к Англии, т.-е. из своих империалистских интересов, заключают дружественный договор с восставшими против Англии штатами. Перед нами национально-освободительная война, в которой империалистское соревнование является привходящим, не имеющим серьезного значения элементом и т. д. (см. статью Ленина о брошюре Юниуса, т. XIII, 440).

Эти образчики ленинской диалектики должны мы изучать и изучать.

Когда мы, ученики Ленина, вслед за ним говорим, что мы живем в эпоху войн и революций — это отнюдь не значит, что революция может родиться только из войны. Революция может родиться из большой стачки, говорил Ленин в 1916 году. Революция м о г л а родиться и из большой стачки горняков, из всеобщей забастовки в такой стране, как Англия—в 1926 году. Революция в Англии может родиться из всеобщей стачки, перерастающей в восстание—в Индии. Революция в Австрии могла родиться из Венского восстания. А кто решится сказать, что революция в Германии невозможна без войны? Разве из событий т о г о т и п а, которыми сопровождалась маевка 1929 г., в Берлине не может родиться революция? Кто решится сказать, что революция в Италии,—когда фашизм сгниет,—невозможна будет без войны? Кто решится сказать, что революция в балканских государствах невозможна без войны?

Каждая из таких революций, несомненно, может вызвать и вернее всего вызовет новые войны. Поэтому мы и говорим что мы живем в эпоху войн и революций. Поэтому мы и видим теперь, как облекаются плотью и кровью пророческие слова Ленина о том, из каких струй «складывается» великая река мировой пролетарской революции. Но свести ленинское учение о войне и революции к тому, что революция невозможна без войны, — значит обкарнать, окургузить учение Ленина, значит извратить его в оппортунистическом духе.

Почему в оппортунистическом? Потому что сказать, что революция родится т о л ь к о из войны, на деле значит «немножечко» «откладывать» революцию до войны, немножечко потакать тем, кто хочет с н я т ь «неурезанные» лозунги большевизма (т.-е. всем правым в Коминтерне).

Да, и с.-д. вождям этого только и нужно! Ведь главный «социальный заказ», который ныне получают с.-д. вожди от своих хозяев, капиталистов, заключается в том, чтобы «доказать»: коммунисты ставят-де ставку на новую войну. Посеять это подозрение в рабочих массах к р а й н е н е о б х о д и м о капиталистам, ибо они-то на всех парах готовят войну против СССР. Вожди II Интернационала рисуют ведь весь большевизм, как «продукт войны». Неправильную по существу оппортунистическую формулировку они поэтому постараются использовать вдвойне.

Владимир Ильич «связывал следующий революционный взрыв н е п о с р е д с т в е н н о (!) с г р я д у щ е й в о й н о й!» Это «анализ», это толкование политического завещания Ленина немедленно подхватил с великой радостью пресловутый Устрялов, который, конечно, поспешил «дополнить» его: Ленин связывал следующий революционный взрыв непосредственно с войной; а так как пока нет войны, то надо отложить и «революционный взрыв».

«Без особого риска ошибиться позволительно сказать, что пробудить глубоко задремавшую мировую революцию ныне способна разве лишь новая война. А таковой войны ожидать в доступном обозрению будущем нельзя»,— дополняет указанный «анализ» Устрялов. — Дай врагу большевизма палец — он возьмет всю руку.

На основании этого «анализа» Устрялов уже «доказывает», что «мировая революция растворяется в тумане грядущих десятилетий», что «революция уснула летаргическим сном».

Малейшее отступление от Ленина в таком остром и решающем вопросе, как проблема «война и революция—революция и война», чревато самыми губительными последствиями. Это доказано теперь на живом примере.

С учением Маркса и Ленина о войне (а такое учение существует вопреки мнению многих) надо обращаться особенно бережно. Это необходимо именно потому, что мы живем в эпоху войн и революций; именно потому, что новая война, в которой снова будут решаться судьбы советской власти и судьбы мировой революции вообще, несомненно надвигается.

«История учит нас,—говорил Ленин,—что ни один крупный вопрос, ни одна революция не родились иначе, как в ряде войн. Надо быть готовым к тому, что при малейшем изменении положения империалистские хищники

снова набросятся на нас. Надо быть готовыми к этому. Вопрос именно стоит так: долгий ряд войн до сих пор решал судьбы всякой революции, всякой величайшей революции. Такой величайшей революцией является и наша революция.

Мы кончили одну полосу войн, мы должны готовиться ко второй».

Судьбы нашей революции, судьбы мировой революции вообще решатся в ряде жесточайших схваток, в ряде войн. Сказать так, значит рассуждать по-ленински. А сказать, что революция рождается только из войны или сказать применительно к нынешней обстановке (как она сложилась к 1929 г.), что следующий революционный взрыв связывается «непосредственно» только с войной — значит отойти от Ленина «немножечко» в сторону оппортунизма.

У Ленина война есть одно из слагаемых в числе тех факторов, которые приводят к революции, которые приносят при известных обстоятельствах превращение революционной ситуации в непосредственную революцию. Концентрировать внимание пролетариата СССР и пролетариата всего мира на том, что опасность новой войны становится все больше и больше—дело нужное, дело необходимое. Подменять же это тем, чтобы одно из слагаемых выдавать за всю сумму, не только неправильно теоретически, но практически приводит к тому, что питает правые, оппортунистические настроения внутри коммунизма и политически помогает злейшим врагам международного большевизма: контрреволюционной социал-демократии.

Социалистическая революция может разгореться не только из-за войны, но и из-за крупной стачки или уличной демонстрации, или голодного бунта, или военного восстания, или колониального мятежа, может разгореться из-за любого политического кризиса вроде дела Дрейфуса, из-за маевки «берлинского» типа, из восстания типа венского в 1927 г. и т. п. Вот чему надо учить рабочих, если оставаться верным Ленину.

Новый революционный взрыв в Европе, да и во всем мире, отнюдь не «откладывается» обязательно до новой войны. Уже и нынешнее «мирное»— якобы мирная полоса развития капитализма со всеми его «стабилизациями», «рационализациями», техническими прогрессами и т. д., не только не снимает с очереди революционные взрывы, но приближает их с громадной быстротой.

Кто из всей сложившейся мирной обстановки не видит, не чувствует приближения нового революционного взрыва, у того поистине атрофировано всякое чутье революционера-большевика.

Новые революции возможны и без войн. Но новые войны должны стать невозможны без революций. Так ставит вопрос большевизм.

Мих. Каценеленбоген.

„Социальная мимикрия" кулака.

Сигнал XV партс'езда к развитию дальнейшего наступления на кулачество, к принятию ряда новых мер, «ограничивающих развитие капитализма в деревне и ведущих крестьянское хозяйство по направлению к социализму», — боевой сигнал XV партс'езда услышан и воспринят кулаком с достаточной полнотой и «проработан» им весьма основательно.

Подросший за последние годы кулак сам готовился к наступлению. Срыв хлебозаготовительных цен был наиболее действенным лозунгом, под которым он пытался начать атаку на пролетарское государство еще до XV партс'езда. Не рассчитав, что на ряду с ним, обогоняя его рост, крепнут социалистические элементы хозяйства, растет влияние командных высот пролетарского государства, кулак не ожидал такого мощного удара по всему фронту борьбы. В особенности, в начале, по ряду мест, кулак даже проявил известную растерянность перед лицом развертывающихся сил пролетариата. Он в отдельных случаях доходил до самораскулачивания, действительного свертывания своего хозяйства. Но эти «упадочнические настроения», отнюдь не господствовали в кулацком лагере. Кулак в массе своей, как и следовало ожидать, в панику не бросился, он без боя не собирался сдавать своих позиций. Быстро ориентировавшись в обстановке, он выработал план действий. Хлебный саботаж, как испытанное орудие в борьбе за срыв государственных цен, в борьбе с общей политикой советской власти, — стал проводиться им особо упорно, особо настойчиво.

Не рожденный официальными с'ездами кулачества — ряд тактических кулацких лозунгов, тем не менее, получил достаточно широкую популярность в зажиточной верхушке села. «Продайте нам трактор— -получите хлеб», «что вы нам за хлеб мануфактурку суете, даешь трактор и молотилку», «верните голос — получите хлеб», «не помогайте бедноте, не занимайтесь колхозами, сделайте ставку на крепкого мужика, доброго хозяина— и он отплатит вам сторицей», — эти и подобные им лозунги-требования можно услышать от кулаков любого района страны. Эти лозунги показывают, что кулак борется отнюдь не только за хлебные цены, он пытается продиктовать свои «поправки» к общей политике партии, навязать свою программу реконструкции сельского хозяйства.

Классовое чутье подсказывает кулаку всю значимость нынешнего этапа борьбы, не даром он напрягает все силы на приостановку, торможение наступательного движения социализма.

Кулак хорошо разглядел неразрывную взаимосвязь между все шире развертывающейся положительной программой социалистического строительства (колхозы, совхозы, контрактация машино-тракторные станции и т. д.) и проводимыми мерами непосредственного ограничения роста капиталистических элементов деревни (налог, землепользование, наем рабочей силы и т. д.)—и повел одинаково упорную, отчаянную борьбу против этих обеих форм наступления на него.

Крайне ожесточенная борьба кулака против политики партии характерна многогранностью своей тактики. Открытые удары в роде хлебной забастовки, убийств, поджогов, погромов чередуются с тактикой искусного приспособления, попытками «подстричься под декрет», отнюдь не выпуская при этом рычагов эксплоатации, маскируясь, но не сдавая позиций. Кулак лихорадочно прощупывает весь свой арсенал классового вооружения, он бросает в борьбу все, что есть действенного. Он с бешеной энергией ведет «массовую работу» среди батрачества, бедняков, середняков. Богатством методов своей агитации, организационной гибкостью, умением вербовать сторонников из вражеского лагеря (т. н. подкулачники и т. д.) кулак лишний раз показывает всю сложность борьбы с ним, показывает, что к вековой сноровке эксплоататора он прибавил приобретенную за годы революции большую выучку к приспособлению, искусной маскировке, внешнему перекрашиванию в защитные цвета.

И если, невзирая на отчаянную сопротивляемость, классовый враг все же принужден шаг за шагом отступать под напором растущих сил социализма, — то тем упорнее его борьба за существование, тем гибче и неуловимее становится его тактика. В ряде случаев ему удается при этом, пусть временно, но укрепляться даже на таких участках борьбы, где у нас достаточно сил, чтобы его уже оттеснить сегодня, а затем и вытеснить. Сплошь и рядом ему удается отвести наши удары, выходить сухим из воды. Это прежде всего упирается в далеко не всюду и далеко не всегда достаточное наше умение практически осуществлять наступление на кулака.

Недостатки практической борьбы с кулачеством в значительной мере упираются в плохое знание конкретного лица классового врага. Вместо тщательного прощупывания, изучения тактических приемов врага, его новых методов борьбы[1]), вместо индивидуального изучения его опорных пунктов, командных позиций, у нас все еще подчас оперируют «средними цифрами», все еще продолжают топтаться на общих данных о диференциации села, ограничиваться «соответствующими» достаточно энергичными резолюциями «против кулака». Идущие от известной части низовых работников, деревенских коммунистов, разговоры о том, кто «в нашей деревне (районе) кулака нет»,—далеко не всегда об'ясняются сознательным нежеланием видеть кулака (правда, при существующей засоренности деревенских парторганизаций об'яснение лежит в значительной мере и в этом), но и тем, что выявлять врага, прощупать его замаскированные позиции по-настоящему значительная часть деревенских (да и не только деревенских) организаций не научилась.

Между тем, и сейчас, а чем дальше, тем больше кулак будет прибегать к тактике внешнего осереднячивания, к приспособленчеству, маскировке. Он, судя по целому ряду отрывочных сведений, приступает именно с этой целью, к переустройству, своеобразной «реорганизации», «рационализации» своего хозяйства. Плохое наблюдение за этим крайне важным процессом, слабая осведомленность о том, что делается в кулацком хозяйстве, как кулак практически реагирует на наше усиленное наступление, в особенности по линии направления своего хозяйства, плохое знание конкретного лица врага, подчас приводит к ничем не обоснованным, самодовольным рассуждениям, в роде: кулак уже разбит на-голову, он свертывает свое хозяйство, он больше не опасен и т. д. Подобные настроения, к сожалению, не единичны. Можно привести массу примеров, как иные работники, которые отнюдь не являются правыми уклонистами, все же, обманутые известным сокращением посевных площадей кулака, приходят к мысли о свертывании кулацкого хозяйства и отсюда готовы сделать ошибочные выводы. Это происходит прежде всего потому, что им неизвестны более глубокие процессы, происходящие в кулацком хозяйстве в связи с проводимым на него наступлением.

[1]) Говоря о новых методах борьбы кулака, надо, конечно, иметь в виду, что целый ряд из них (методов) кулак применял и ранее. Новыми они являются постольку, поскольку за последнее время кулак особо широко преимущественно прибегает именно к этим приемам борьбы.

Кстати, если верить исчислениям тов. Ларина («Большевик» № 22, 1927 г.),—две трети нынешнего кулачества—продукт дореволюционной формации. Видимо, на деле процент «сохранившихся» дореволюционных кулаков меньший. Но уж одно то, что значительная часть кулаков удержала средства производства, пронесла свое кулацкое (пусть временно, частично законсервированное) хозяйство через огонь революции, комбеды, гражданскую войну, показывает, что смешно было бы тешить себя мыслью, будто год усиленного наступления может сломать хозяйственную мощь кулака. Требуются годы социалистического строительства, чтобы этого добиться.

Дать полное освещение экономических процессов, происходящих в кулацком хозяйстве и вызванных проводимым на него усиленным наступлением, не представляется возможным. Эти процессы нужному изучению (если не считать отдельных районов, в роде Сибири) не подвергались. Самое большое, на что может рассчитывать эта статья—послужить дополнительным материалом при общей постановке изучения этого в высшей мере интересного вопроса.

Кулак и индивидуальное обложение.

Прежде, чем перейти к разбору самих методов борьбы кулака за сохранение и расширение своего эксплоататорского хозяйства,—полезно хоть вскользь коснуться результатов проведенного индивидуального обложения по ЕСНХ. Это несколько поможет ответить на вопрос — в какой же мере кулаку удаются его маневры, рассчитанные прежде всего на то, чтобы скрыть эксплоататорский характер своего хозяйства, вывести возможно большую часть своих доходов из поля зрения государственного учета (не только чтобы избавиться от повышенного налога, но—что для кулака не менее важно, — чтобы скрыть свое лицо, не лишиться избирательных и прочих прав, льгот, кредитов и т. д.), обратить возможно большую часть своих накоплений в необлагаемые об'екты, сохраняющие, однако, возможность дальнейшей эксплоатации и закабаления маломощных слоев крестьянства. Опыт проведения индивидуального обложения может помочь проверить не только качество нашей налоговой практики, но в известной мере и результаты «маневренной деятельности» кулака.

Как известно, вместо 3% хозяйств, намеченных к индивидуальному обложению, на деле привлеченными оказались только 1,5%, при чем в результате проведенного пересмотра — процент индивидуально обложенных хозяйств еще более сократился. Так, по 21 району РСФСР до пересмотра было привлечено 1,4%, — после пересмотра — 0,7%, по Уралу — соответственно 1,6%—0,6%; по Сев. Кавказу—3%—1,6% (НКФ ориентировочно намечал 4%), отдельно по Кубани, известной достаточно мощной прослойкой кулачества—2,6%—1,6%; по Самарскому округу—1,5% (вместо намеченных 3%)—0,6%; по 23 округам Украины—2,24% (вместо намеченных 3%)—1,1%.

Эти цифры невольно вызывают вопрос: неужели в стране не имеется «в наличности» 2—3% кулацких хозяйств, достойных включения в состав индивидуально обложенных? Если плодом больной фракционной фантазии и предельной демагогии была появившаяся в свое время оппозиционная арифметика, по которой кулак «исчислялся» в десятках процентов, то, ведь, не более серьезным и стоящим не большего доверия будет утверждение, будто 3% кулаков, подлежащих индивидуальному обложению, не имеется. А, ведь, нужно иметь в виду, что учет подлежащих индивидуальному обложению прошел до ноябрьского пленума ЦК, т.-е. до специального указания на необходимость обложения лишь наиболее богатой части кулаков. Из всего сказанного следует, что значительная часть кулаков ухитряется целым рядом маневров, маскировок, приспособления уйти от учета и от индивидуального обложения.

В известной степени отсюда же вытекает об'яснение того факта, что при безусловном недообложении в индивидуальном порядке кулака, оказалось незаконно обложенным некоторое количество середняков, что и вызвало необходимость в серьезном пересмотре и отсеве «индивидуалов». На этом примере (как и на примере самообложения, а также проведенных в прошлую хлебозаготовительную кампанию процессов по 107 статье) легко убедиться в том, что часто перегиб в отношении середняка (а иногда даже бедняка) является прямым следствием или во всяком случае сопровождается явным недогибом в отношении кулака. То, что частенько, на ряду с недовыявлением кулака переоблагается середняк, об'ясняется как недостаточной гибкостью налогового аппарата [1]), наличием прямых злоупотреблений, взяточничества, проявлением чиновнического рвения («главное нагнать свои 3% и раз я кулака не обнаружил, не беда, если середняк поплатится»), так и сознательной деятельностью самого кулака, умело использующего все возможности, чтобы отвести удар от себя и перевести его на середняка или бедняка.

Тот, кто голосует против индивидуального обложения кулака, — должен бы призадуматься над прошлогодним опытом проведения этого мероприятия. Если значительная (чуть не большая) часть кулаков ухитрилась скрыть свои доходы даже при индивидуальном обложении, то как можно надеяться на их действительно полное обложение при обычных налоговых нормах? Если индивидуальное обложение перестанет быть делом одних только органов фиска, если низовая партийно-советская общественность всерьез займется подготовкой, организацией, проведением этой важнейшей политической кампании—она (эта кампания) сможет значительно помочь индивидуальному, достаточно полному изучению кулака, выявлению динамики и конкретных путей развития эксплоататорского хозяйства, нащупыванию конкретных позиций кулака. Все это поможет не только наиболее полно выявить доходы кулака и их обложить, но, что не менее важно, это поможет в местной практике лучше ориентироваться для максимального сосредоточения сил и средств против тех из экономических позиций кулака, где он в условиях данного района особо силен.

[1]) К слову сказать, не совсем хорошо звучит в устах представителя НКФ, каковым является тов. Лившиц, заявление, сделанное им в № 2 «Большевика» (М. Лившиц—«Обложение сельхозналогом в индивидуальном порядке»), о том, что «вряд ли к обложению в индивидуальном порядке в будущем году будет привлечено больше хозяйств, чем в истекшем году». Из директивы пленума ЦК о применении индивидуального обложения лишь в отношении наиболее богатой части кулацких хозяйств и притом не более 3% всех хозяйств, отнюдь не следует, что обнаруженное практикой прошлого года неумение полностью выявить эту группу кулаков можно возвести в добродетель и на этом успокоиться. Следует добиться не только недопущения перегибов в отношении середняка, но и наиболее полного выявления кулака. Разговор о «стабильности» явно неуместен. Тов. Лившиц зря ссылается на решение пленума ЦК.

Переходим к изложению самых методов кулацкого «приспособления».

„Работа" через машину.

С.-х. машина приобретает для кулака то ценное преимущество (перед посевом, скотом), что, являясь в его руках серьезнейшим орудием эксплоатации безынвентарных и малоинвентарных хозяйств, она (с.-х. машина) вместе с тем обычно сравнительно легко внешне принимает вполне «трудовой» вид, скрывая свое эксплоататорское нутро и значительные доходы, которые она приносит своему хозяину. При том положении, когда у зажиточно-кулацкой верхушки села в основных производящих районах сосредоточено до одной трети всех с.-х. машин, в то время как на долю 30% низших групп хозяйств приходится только 5 — 7% всех средств производства (а сложных машин совсем мизерный процент)—одно лишь усиление эксплоатации машин может вполне компенсировать пробел в кулацком хозяйстве, получаемый от сокращения им посевных площадей.

В этой связи значительный интерес представляют данные о перегруппировке в социальном распределении с.-х машин по Сибири за последний год [1]). При сохранении в общем и целом основных пропорций в распределении с.-х. инвентаря—кулацкая группа увеличивает свою долю в молотилках и зерноочистителях, т.-е. наиболее доходных (по крайней мере, в условиях Сибири) машинах. «Обладая «культурной» молотилкой БДО—34..., иной просвещенный сельский хозяин и при средних размерах собственного посева ухитряется «намолотить» в свои закрома 2—3 тысячи пудов полновесной соседской пшеницы. С миру по нитке» [2]). По данным обследования группы кулацких хозяйств Алейского района, Барнаульского округа, от сдачи одной только молотилки на протяжении одного сезона кулацкое хозяйство получает в среднем 400 рублей дохода.

Можно привести еще такие примеры: «Лепешкин—кулак сжал полдесятины бедночке Уткиной, за это она у него 4½ дня молотила и возила» (Средняя Волга). «Ножин живет в Благовещенске, а паровик и молотилка работают на него в селении Волково. Молотит Ножин крестьянам с 13-го пуда. За день ему приходится за обмолот десять кулей». (Амурский округ).

О том, что кулак энергично приналег на рычаги эксплоатации через свои машины и прочий с.-х. инвентарь, ярко свидетельствуют данные гнездового обследования по Сибири. Процент кулацких хозяйств, сдававших сложные с.-х. машины, за последний год возрос с 76,5 до 87,1; сдававших простой с.-х. инвентарь—с 17,7 до 39,9; рабочий скот с простым инвентарем—с 15 до 27,8. Изучение этого вопроса по другим районам (Ср. Волга) показало, что благодаря значительной тяге в особенности маломощных слоев деревни к увеличению своих посевов при их нищенской обеспеченности инвентарем—расширение размеров сдачи кулаком своего инвентаря отнюдь не сопровождается снижением цен за прокат. При том положении, когда, например, по Сибири 65,6% бедноты прибегает к найму сложных машин (в прошлом

[1]) Коврайский и Нусинов—«Классы и классовые отношения в современной советской деревне».

[2]) Там же

году 60,1%) 35% (в прошлом году 27,2%)—к найму простого инвентаря [1]) кулаку жаловаться на отсутствие спроса не приходится.

Успешно маневрировать своим с.-х. инвентарным резервом кулаку (кроме общего недостатка в деревне с.-х. инвентаря) особо помогает крайне медленный темп в развертывании государственно-кооперативного машинного проката, безобразная бесхозяйственность, царящая во многих прокатных пунктах, слабая организация использования не полностью загруженного инвентаря колхозов, совхозов. Вот почему большую ценность приобретает проведенный рядом районов (Средняя Волга, Сев. Кавказ, ЦЧО и др.) в этом году широкий опыт вовлечения в плановое использование всего наличного в деревне с.-х. инвентаря—через супряжный кредит, заключение договоров с владельцами машин и многолошадниками на обработку за установленную плату полей бедноты, обмолот хлеба, заключение договоров между ККОВ и колхозами и т. д.

Сдача в аренду на более или менее продолжительное время с.-х. машин влечет за собой увеличение налога. Однако, скрыть наличие, а в особенности размер сдачи машин, при нынешнем состоянии нашего налогового аппарта, его «гибкости»,—дело уж не такое трудное. Во всяком случае куда более легкое, нежели скрыть часть посева или даже скота. С этой целью, в частности, кулак предпочитает «работать» в чужих деревнях. Если доход со сложной молотилки в той или иной мере учитывается, то сдача в прокат простой молотилки чаще всего—вне налогового контроля. Между тем при умении с 8- и даже 6-конной молотилки «умный хозяин» выколачивает изрядное количество хлеба. Вот пример: по с. Смышляевке (Самарского округа). У Клычкова В. — 3 лошади, 2 коровы, 10 овец, 13 гектар посева, платит налогу 76 р. Имеющаяся у него конная молотилка, нисколько не облагаясь, приносит ему дохода до 13 тонн пшеницы в сезон. Надо учесть, что по установившимся традициям людей и лошадей на молотьбу поставляют **нaниматели**, а не владелец молотилки. Расчет, как правило, производится натурой, **зерном**. Следовательно, излишне не расширяя посевов, Клычков приобретает солидный хлебный запас, особо выгодный тем, что он крайне плохо поддается учету, и поэтому наиболее подходящий для спекулятивного маневрирования.

„Рационализаторская“ деятельность кулака.

В поисках наиболее доходных и вместе с тем наименее поддающихся учету и обложению об'ектов накопления кулак начинает все более энергично разворачивать «рационализаторскую» и «культурническую» работу в своем хозяйстве.

Он в ряде мест проводит твердую линию на породистый скот. «Вместо 6 навозниц—3 породистые молочные коровы», «племенной производитель—вместо крестьянской коняки» и т. д., и т. д. От подобной деятельности кулака приходит нередко в священный восторг иной земотдел, и кулацкое хозяйство получает звание «культурного». Один пример по той же Смышляевке. Кулак владеет племенным производителем, которым обслуживает все село, по 5 рублей за покрытую матку (гос. случного пункта нет во всей округе). Как культурник, этот кулак получает в бесплатное пользование луга, в которых село сильно нуждается, он пользуется и рядом других льгот.

По разным районам пути изменения направления кулацкого хозяйства, разные. Так, напр., по Сибири кулак особо рьяно переходит от коровы к овце; по Средней Волге он усиленно занялся свиноводством; по отдельным

[1]) Данные по Сибири из книги тт. Коврайского и Нусинова. Примерно такой же процент прибегающих к аренде машин, а также простого с.-х. инвентаря показывают **Урал, Средняя Волга, Сев. Кавказ** и ряд других районов.

районам Северного Кавказа он увлекается пчелами. Например, в станице Удобной, Армавирского округа, кулак попродавал скот и приобрел пасеку в 50 рамочных ульев. Очень часто и во многих местах своеобразная «рационализаторская» деятельность кулака выражается в форме систематической спекуляции необлагаемым молодняком скота.

«Некоторые зажиточные перестраивают структуру своего хозяйства путем перехода на животноводство, использование своего инвентаря для обработки земли маломощным, наем в извоз, содержание раз'ездных почт и т. п. Вот интересный тип такого хозяйства: Стекольников из хут. Дарганов, Котельниковской станицы.

Стекольников, сокращая посев (в прошлом году было 35 га — теперь 28), выезжает на скоте и использовании рыночной кон'юнктуры. Разводит молодняк (сейчас у него до 30 телят) и по достижении налогового возраста—продает.

Осенью покупает волов по 70—80 руб., за зиму подкормит, а весной продает по 200 руб. Имеет дело преимущественно с частными закупщиками. Фактическая доходность его в 3—4 раза выше показанной. По округе слывет за самого умного и изворотливого хозяина—«вот с кого нужно пример брать»—говорят даже зажиточные [1]) (Сталинградский округ, из материалов обследования отдела ЦК по работе в деревне).

Видимо, также и с этой точки зрения своеобразной «рационализации» своего хозяйства кулак стремится к увеличению своих хлебных запасов при некотором сокращении посевов. Ограниченный в возможности желаемого расширения своего хозяйства (механизация, аренда, наем и т. д.), пользуясь вместе с тем наличием значительного разрыва между заготовительными и рыночными ценами на хлеб—кулак, естественно, особо широко прибегает к натуральной форме накопления. При этом его хозяйственный лозунг в настоящее время не столько: «больше сей», сколько: «меньше продавай государству». Можно привести массу примеров **скупки** кулаками зерна, в особенности осенью. Имеются даже случаи, когда кулак ухитряется в течение продолжительного времени скупать в кооперации печеный хлеб (Самарский округ).

Если учесть значительный дефицит в хлебе у бедноты (например, данные по Сибири, показывают, что батрацкая группа имеет по зерну дефицит в размере около 42% к валовому сбору), то станет ясной роль хлеба не только как формы натурального накопления, но и отнюдь не последнего рычага в деле хозяйственного и политического закабаления бедноты. И только уверовавший в «мирное» врастание кулака в социализм может думать, что при общей дефицитности зерновой продукции в стране кулак добровольно, «мирно» выпустит из рук такое «убедительное» оружие, как 20—25% [2]) товарной массы хлеба.

Не даром сказано в одном писании: «Мы ему (кулаку) оказываем помощь, но и он нам». И разве не из этой безграничной уверенности в кулацкой помощи исходил тов. Фрумкин, когда на замоскворецком партактиве после ноябрьского пленума ЦК развивал такую мысль: «Мы совхозы должны строить, но не в ударном и сверхударном порядке, а спокойнее. Я думаю, что не будет в этом ни левого, ни правого уклона, если я скажу, что, построив одну фабрику, посмотрим, что из этого выйдет, а **потом года через 2 построим другую**». Разве можно обвинять тов. Фрумкина

[1]) Между прочим, этот Стекольников... коммунист.

[2]) По данным т. Вольфа (брошюра «Пути реконструкции с. х. в пятилетке»),—10% хозяйств, представляющих зажиточную верхушку села, владеют до 40% всего товарного хлеба.

в недооценке роли совхозов и борьбы с кулаком, когда он так решительно настроен за строительство совхозов... Правда, по одному в 2 года, да и то, если они (совхозы) оправдают его (Фрумкина) доверие. Что же касается хлеба, то его даст кулак, заграница и прочие «добрые люди».

Кулак и наем рабочей силы.

Стремление к скрытию предпринимательского характера своего хозяйства заставляет кулака особо тщательно маскироваться на фронте найма рабочей силы. Закон об из'ятии кулацкого найма из общего положения определенного «временными правилами», угроза лишиться избирательных прав и прочие ограничения, вызванные решениями XV партс'езда, все это прежде всего заставляет кулака изменить т и п найма. Там, где не удается укрыть батрака под вывеской примачества («племяша», «сиротки» и т. д.) кулак идет прежде всего на изменение сроков найма. Он сплошь и рядом в течение к р у г л о г о г о д а ухитряется маневрировать временными и поденными батраками. Так, например, по БССР за последний год при общем снижении размеров наемного труда количество поденных увеличилось на 13%. Увеличение поденных дает и РСФСР. Сплошь и рядом с одним и тем же батраком кулак заключает договор в течение м н о г и х с е з о н о в, не числясь при этом хозяйством, прибегающим к постоянному найму [1]). Меняя батраков, но пользуясь ими круглый год, кулак благодаря почти полному отсутствию охвата труддоговорами поденщиков вовсе избегает учета. При этом он особо широко пользуется обусловленным законом 2-недельным испытательным сроком, растягивая его до бесконечности.

О том, как кулак в целом ряде случаев усиленно обходит поставленные рогатки на пути его сверхэксплоатации батрачества, показывают в частности, данные выборочного обследования по Средне-Волжской области. В то время как в кулацких хозяйствах сосредоточено до 40% всей наемной силы,— договорами по КЗОТ охвачено только 10%. Остальная масса батраков, работающих в кулацких хозяйствах, или вовсе не охвачена труддоговорами, или же работает на основе «временных правил». При чем общий охват труддоговорами кулацких хозяйств в д в о е ниже среднего охвата всех крестьянских хозяйств.

Следует также упомянуть, что кулак, в особенности за последнее время, занялся энергичным «омоложением» состава своих батраков, а также усиленной вербовкой женщин, в особенности подростков. Так данные по ряду округов Северного Кавказа показывают, что взрослые батраки, составлявшие в 1927 году 84% ко всему найму, в конце 1928 года составляют уже только 64%. Замещение мужского труда женским выявило, в частности, обследование Бийского округа, где мужской труд составлял в 1927 году—64,2%, в 1928 году только 57%. Подобная тенденция вскрылась при изучении этого вопроса и по ряду др. районов Союза [2]). Расчет кулака ясен: зверски эксплоатировать подростка и батрачку куда легче, нежели взрослого рабочего. Меньше хлопот и боязни излишнего активничания, роста классового самосознания и т. п. «неприятностей».

[1]) В споре с саратовскими статистиками В. И. Ленин в «Развитии капитализма в России» указывает, что поденный наем—«в высшей степени характерный признак крестьянской буржуазии». Нет сомнений в том, что роль поденщика при нашей, ограничивающей рост кулака политике еще более усиливается, между тем, обычно в практике кулака ищут только среди нанимателей годовых и сезонных рабочих.

[2]) Имеется в виду проведенное отделом ЦК по работе в деревне осенью 1928 г. обследование девяти округов и губерний.
См. также «На Аграрном Фронте», № 11—28 г., статья А. Мельникова.

Вот пара примеров о характере сверхэксплоатации. «Подросток Щербаковский за 2½ месяца работы получил 1 рубаху»; подросток Ильин, проработав 4 месяца, получил только портянки» [1]). «У попа Розанова батрачка Антипова работает за 2 руб. в месяц. Поп возит на ней воду, заставляет работать круглые сутки» (Переясл. район).

Если вообще кулак сплошь и рядом не платит полностью обусловленной договором зарплаты батраку, то чаще, безбоязненнее, наглее всего он это делает по отношению к подросткам. Кстати на примере ЦЧО можно проверить внимание сельсоветов к делу найма. На I/VII—28 г. 681 сельсовет области вовсе не регистрировали труддоговоров, кроме того очень часто при регистрации молчаливо оформляли явно кабальные условия. Об этом же говорят данные Вятской губернии, Узбекистана и др. районов.

Кулак и аренда земли.

На участке аренды п р а к т и ч е с к и кулак хуже всего изучен, здесь он особо часто обходит советские законы, в ряде случаев посягая на самые устои национализации земли.

Под'ем бедняцко-середняцких хозяйств, растущее колхозное движение, землеустройство — все это естественно подрезает возможности кулацкой эксплоатации и в этой области, однако, до сих пор еще аренда, как известно, широко распространенное явление, а доля кулака в ней весьма велика. Так, по Сев. Кавказу 5,9% хозяйств со средствами производства свыше 1.600 р. держат в своих руках 33,3% всей арендованной пашни и сенокоса. По РСФСР и Украине—около 20%. Судя по данным ряда районов, последний год дает известное сокращение учтенной кулацкой аренды. Здесь сказываются одновременно—под'ем маломощных хозяйств и более осторожный подход кулака к «излишнему» расширению посевов. Однако, эта осторожность отнюдь еще не означает, что кулак пошел на решительное сокращение аренды. Во многих отношениях кулаку выгоднее сокращать посевы на своей надельной земле, увеличивая при этом аренду. То, что он теряет на арендной плате, кулак часто может компенсировать возможностью более легкого обхода с.-х. налога при «умелой» аренде. При этом, чем более кабальный характер носит аренда, тем легче (так это очень часто в практике) кулаку сохранить внешне «трудовой вид» и скрыть истинный размер аренды.

Невзирая и вопреки специальному положению о том, что «арендованная земля учитывается по хозяйству арендатора» (ЕСХН), сотни примеров показывают, что плательщиком зачастую является сдатчик. Очень часто это— первое и обязательное условие, пред'являемое кулаком при аренде. Если учесть, что основное ядро сдатчиков составляют бедняки, преимущественно вовсе освобожденные от с.-х. налога или платящие крайне незначительный налог, то станет ясным, что за некоторую надбавку к арендной плате кулак легко может доказать хозяйственную выгоду для бедняка, скрыть факт сдачи земли в аренду. Легче всего скрыть следы аренды, конечно, при и з д о л ь щ и н е. Что стоит выдавать это в качестве «супряги» [2]), «добрососедской помощи» и т. д., при этом особо безнаказанно диктуя кабальные условия.

Данные ЦСУ (гнездовое обследование) показывают особое расположение кулака к этой форме аренды. Например, из всех арендующих землю

[1]) Из еще неопубликованных материалов средневолжской облпрокуратуры, обработанных т. Ерихонотовым.

[2]) Для пущей «популяризации» идеи коллективизации в некоторых местах лозунг «вперед, к крупному общественному хозяйству» готовы подменить лозунгом «все в супрягу». Несомненно, имеется необходимость в большем изучении широчайше распространенных супряжных форм и вскрытия элементов закабаления, заложенных в самой супряге (при супряге зажиточного с бедняком, со вдовой и т. д.).

кулацких хозяйств по Украине 51,6% прибегают к издольщине, по БССР—60%, по Закавказью—89,6%, по Туркмении—82,8%. То обстоятельство, что издольщина довольно широко развита не только в отсталых районах Союза (в роде Казакстана, республик Средней Азии), для которых типично сохранение некоторых докапиталистических пережитков, но и в районах, где сравнительно давно и с достаточной полнотой расчищены остатки этих отношений в деревне, то обстоятельство, что удельный вес хозяйств, прибегающих к издольной форме аренды, очень часто выше всего в верхушечных слоях, т.-е. наиболее товарных хозяйствах деревни,—все это показывает, что в поисках путей обхода советских законов, в поисках защитного цвета, кулак не может не использовать такую удобную форму укрытия, маскировки, как издольщину, прибегая местами даже к ее реставрации. Недаром, судя по отдельным данным, последний год дал по ряду мест дальнейший рост издольщины.

Интересно отметить один из тактических приемов кулака, примененный им особо широко за последний год и рассчитанный на снижение арендных цен. Кулаком пускается упорный слух: «налоги заели, хватит с нас своей земли, не станем больше землю арендовать». Попутно (в целях «конкретизации») пускается утка, что в таком-то селе арендаторы уже отказались от ранее арендованных участков, «беднота плачет, вдвое цены сбавила, однако, землю никто не берет». Время идет, кулак упорно отмалчивается. Беднота, подсчитав, что при всем желании ей всей своей земли все же не поднять, начинает серьезно беспокоиться, как бы не лишиться прошлогоднего арендного приработка. Она постепенно подготовляется к значительным уступкам, и тогда кулак легко может продиктовать свои условия. Иногда он действительно отказывается от аренды, даже издольно, это означает, что кулак находит более выгодным в данный момент (кон'юнктура!) выступать не в качестве арендатора земли, а в качестве сдатчика с.-х. инвентаря. Хозяйственное «полнокровие» ему это позволяет[1]). Множество кабальных сделок, вскрываемых по значительному количеству районов в особенности за последнее время (к примеру по одному Илецкому району, Оренбургского округа, недавно вскрыто 200 кабальных сделок, по Пономаревскому району Бугурусланск. окр.—375 и т. д.), красноречиво иллюстрируют характер условий, диктуемых кулаком при обработке им бедняцких наделов.

Недопустимо слабое осуществление низового государственного контроля за арендными отношениями зачастую приводит к прямым и успешным вылазкам кулака против самой национализации земли. За последние месяцы выявлено большое количество случаев купли-продажи земли не только в окраинных, но и центральных районах Союза. Чаще всего под видом «покупки строений не на снос» кулак широко спекулирует землей, покупая и перепродавая земельные наделы под самым носом низовых соворганов. Подобных фактов много по Тверской губ. (Осташковский, Кошкинский уезды), Брянской (торговля хуторами в Столбцах, скупка земли в Бежецком и Клинцовском уездах). О том, что «за последнее время в некоторых округах выявлены массовые случаи скрытой продажи земли», сообщают и с Урала. Подобные сведения идут и с Поволжья, Сибири, Московской, Калужской губерний, с Украины, Ленинградской области и т. д. Характерно, что при этом кулак опять же ухитряется «так сделать, что налог (за эту землю) продолжают платить бедняки» («Тверская Правда»). Проверка уральской прокуратурой соблюдения на местах закона о национализации земли выявила ряд случаев, когда нарушение советских законов механически штемпелюется низовыми советскими органами. Это типично не для одного лишь Урала. Вот образчик: в одном из районов Нижней Волги сельсовет, как ни в чем не бывало, регистрирует следующий документ: «взамен переуступаемого усадебного и огородного участка получено от гр. Военовича 200 руб. денег».

[1]) При изучении этого вопроса в Чапаевском районе, Самарского округа, выявилось, что по установившимся нормам «божеской ценой» считается 30—40 руб. за вспашку (только вспашку) хозяйственной десятины. Однако, сманеврировав на отказе от дальнейшей аренды бедняцких земель, кулак тут же запахивал своим бывшим сдатчикам-беднякам на значительно более кабальных условиях.

При освещении арендных отношений кулака следует также отметить практику сдачи в платную аренду госземфонда. В практическом руководстве госземфондом далеко еще не повсюду изжита крайняя бесхозяйственность и классовая бесхребетность, что, конечно, прекрасно используется кулаком. Взять к примеру Самарский округ. Там свыше 70% всей крестьянской аренды зиждется на государственном земфонде. Зажиточная верхушка, невзирая на усиленное налоговое обложение, продолжает и в этом году расширение аренды на землях госфонда. По округу в целом зажиточные хозяйства в 1927 г. арендовали 18% всей сдаваемой (в платную аренду) площади, в 1928 г.—20,5%. По отдельным районам рост еще больший: по Б. Глушицкому району зажиточные арендовали в 1927 г.—24% всей площади, в 1928 г.—34,6%. Особая любовь кулачества к госфонду об'ясняется прежде всего тем, что это—обычно лучшие по качеству участки земли и при этом сдаются они фактически почти бесплатно. Так, на 1/III—29 года числилось до 70% недоимок, при отсутствии точного учета действительного размера участков, используемых арендатором. Прямой расчет посевы на надельной земле не особо расширять, дать ей «поотдохнуть» и бесплатно попользоваться государственными землями.

Ярким (хотя из ряда вон выходящим) примером того, как кулаку удается иногда захватить фактически почти в постоянное пользование участки госземфонда, может служить не так давно раскрытое дело кулаков-арендаторов в Казакстане. Два брата Гавриленко, Урывский и Пивоваров с 1923 года пользовались 810 гектарами прекрасно орошаемой земли. Они засевали максимальную площадь земли под хлопок, грубо нарушили все основные пункты договора и все же сохранили за собой эту землю до середины 1928 г., и владеть бы им ею дальше, если бы казакстанские парторганы вплотную не подошли, наконец, к этому делу.

Надо заметить при этом, что пять обследований, предшествовавших окончательной ликвидации этой шайки, и все высокоавторитетные комиссии, куда входили даже руководители наркоматов, все в основном находили удовлетворительным. Между тем последнее обследование, проведенное под руководством члена ЦКК т. Манжара, пришло к выводу, утвержденному Казаккрайкомом, что «с помощью беспощадной эксплоатации земли и рабочих арендаторы Гавриленко, Урывский, Пивоваров выросли из кулаков в помещиков, являясь одновременно организаторами и вдохновителями кулацко-байских элементов и экономической скрытой борьбы против сов. власти», «земля обрабатывалась хищнически», «условия договора грубо нарушались», «батраки и чайрикеры (издольщики) зверски эксплоатировались». Интересная деталь: республиканские судебные органы уже после выявления существа всего этого дела не решились на большее, чем конфискацию имущества Урывского и Пивоварова в половинном размере!

Кулак и колхозы.

Изворотливость, предприимчивость, маневры кулака естественно направлены не только на сохранение своего хозяйства, но и на повышение его «качественных показателей», его механизацию, индустриализацию. Острый кулацкий глаз видит, какое огромное поле имеется для эксплоатации по линии сдачи в прокат машин. Кулак подсчитывает, сколько можно нажить на

промышленной переработке с.-х. сырья, кулак видит настоятельную необходимость лучшего землеустройства. Вместе с тем кулак ощущает тяжелые преграды в осуществлении всех этих своих задач в политике всемерного ограничения его (кулака) доли в машиноснабжении, в кредитовании, жесткой классовой линии в землеустройстве и т. д. В растущем колхозном движении он видит основного и наиболее осязательного своего врага, постепенно вышибающего самую почву кулацкой эксплоатации. И наиболее предприимчивый, смелый, дальновидный кулак лихорадочно ищет путей обхода этих преград, не только пуская в ход обрез, поджог, погром, не только по линии лобовой атаки, но и по линии глубокого о б х о д а в тыл. «Передовой» тип кулака ясно видит, что на сегодняшний день лобовая атака ему не выгодна: «плетью обуха не перешибешь», а раз так, где силой взять нельзя, там надобны маневры, гибкость, приспособление.

Тактика кулака в отношении колхоза при всем своем многообразии в основном сводится к следующему. Вначале он все делает, чтобы помешать колхозному строительству. Провокационным слухом, подкупом, угрозой, а то и поджогом, борется кулак с колхозным движением. С бешеной энергией ведет он «массовую» работу среди крестьянства, прежде всего среди стариков, верхушки середняков, обрабатывает земельное общество, использует церковь, и на время подчас добивается своего. Однако по мере того, как он воочию убеждается, что таким образом остановить движение нельзя, кулак пытается использовать его в своих интересах. Кулак сам вступает в колхоз, а чаще пытается создать свой лжеколхоз. Как в первом, так и во втором случае его основная установка — не выпускать из рук своих рычагов эксплоатации, своих средств производства, стать во главе (самому или через своих ставленников) колхоза, тем самым обеспечив его (колхоза) направление. Задача кулака — идя на обобществление лишь в рамках неизбежного — воспользоваться максимально всеми льготами, машинами, кредитами, вывеской колхоза. Эта форма борьбы кулака с колхозным движением отнюдь не носит единичного характера.

Невзирая на все проводимые в колхозах чистки, отборы при оформлении устава, при приеме новых членов, при кредитовании, кулаку зачастую удается достигать посредством этого метода борьбы значительных успехов. В качестве примера массового применения кулаком именно этого о б х о д н о г о маневра может служить недавно обследованный ЦК ВКП Самарский округ. Там лишь в декабре 1928 г. и то благодаря огромнейшей работе, проведенной местными партийными и кооперативными организациями, удалось выявить и ликвидировать до 25% всех колхозов, 44% машин. товариществ, 100% мелиоративных товариществ. Но даже после чистки процент кулаков в колхозах округа не снизился ниже 8. По этому же округу обнаружились многочисленные случаи, когда лжеколхоз, состоящий почти сплошь из кулаков и зажиточных, значительно щедрее соседних настоящих колхозов снабжался машинами и кредитами.

К примеру, кулацкий лжеколхоз «Труд» (Спасский район), состоящий из 28 дворов, получил 4 трактора (они вскоре разошлись по индивидуальным кулацким дворам), жнейки, косилки, молотилки, другие сложные машины, конечно, все в кредит. Этот лжеколхоз получил в аренду по льготной цене землю госфонда (которая была захвачена 10 самыми крепкими из крепких «колхозников»). Артель имела 36 батраков, из них 20 постоянных. На собраниях эти «колхозники» гордо именуют себя «пионерами машинизации». (Увы, за счет советских кредитов). Когда поближе ознакомились с физиономией этих «пионеров» — 25 г л а в с е м е й о к а з а л и с ь л и ш е н н ы м и г о л о с а.

Тут же по соседству имеется другой колхоз «Волна», состоящий из бедняков. Как в отношении машин, так и прочих кредитов этот колхоз на задворках получает все частенько в последнюю очередь. Кстати, несмотря на это бедняцкий колхоз выжил и даже перешел на устав с.-х. коммуны. Характерно, что в описываемом селе (Тростянка), невзирая на большую очистительную работу, приведшую к ликвидации ряда лжеколхозов, все же спустя 2 месяца, при повторном обследовании оказался «незамеченным» и неликвидированным ранее такой «колхоз», как «Новая Деревня», который состоит из 10 дворов, из них 3 брата Блиновых (организаторы, владеют трактором), 2 зятя, сват с сыном и 3 Чернышевых. Получили они в кредит трактор, молотилки и другие машины. Пример с. Тростянки лишний раз показывает эластичность врага, трудность его выявления даже тогда, когда энергии на это дело затрачивается не мало.

Следует привести еще один пример по этому округу из опыта реорганизации хозяйств по типу засухоустойчивому. В свое время (1925—1926 гг.) в отобранные хозяйства для гнездового комплексного кредитования за счет 77-миллионного фонда реорганизации с.-х. в засушливых районах попала известная часть зажиточно-кулацких хозяйств. За эти годы при общем под'еме реорганизуемых хозяйств кулацкая прослойка также значительно выросла. Систематически пользующихся наймом рабсилы было среди реорганизуемых хозяйств 1,6% — стало 7,1%, арендующих землю было 10%—стало 20% и т. д. [1]). Когда местные организации (с конца 1928 года) взяли более четкую линию на усиление коллективизации за счет отпускаемых кредитов и прочей помощи реорганизуемым хозяйствам, когда перед зажиточными хозяйствами тем самым стал вопрос о прекращении их облагодетельствования за счет государства [2]), многие из них, еще недавно срывавшие всякую попытку к коллективизации, переменили тактику. С молниеносной быстротой один за другим наиболее мощные поселки стали создавать «колхозы», конечно, без соответствующего обобществления средств производства. Наиболее ярким примером «механики» этой кулацкой тактики является поселок Алакаевка, Кинельского района. Назвав свой «колхоз» ленинским (в этих местах некогда проживал Владимир Ильич), небольшая группа кулаков - «колхозников» вывески ради приняла в свой состав некоторую часть маломощных хозяйств, получила в кредит 6 тракторов, 6 молотилок, полный набор других сложных машин и, з а х в а т и в в с е э т о в с в о и р у к и, приступила к оголтелой эксплоатации как маломощных слоев собственного поселка, так и окрестного населения. Сущность этого «образцового» колхоза была раскрыта лишь в начале 1929 г. благодаря вмешательству окружных парторганов.

Подобных фактов можно привести в достаточном количестве и по другим районам Союза. В Бугурусланском районе с.-х. артель «Правда» в своем составе имела 9 торговцев, 2-х мельников, 2-х бывш. жандармов, одного знахаря, 11 кулаков и 4-х, вовсе не связанных, с с. х. Артель занималась всем — спекулировала хлебом, мясом, бакалеей, мануфактурой. Ничего обобществленного в ней не было. А получили кредита 4.000 руб. В Орском районе несколько кулаков организовали машин. т-ва, получив в кредит сложные машины. Путем проката в сезон 1928 года нажили за счет крестьян 130 тонн хлеба.

«В Кокоревской волости (Ярославск. губ., Молочн. уезда) организовалось т-во по совместной обработке земли в составе 12 хозяйств, из которых половину необходимо отнести к кулацко-зажиточным. Цель т-ва—об'единить крепких хозяев, имеющих хорошую землю—для удержания ее во время

[1]) На III сессии ВЦИК (ноябрь 1928 г.) подобное явление отмечалось также по Нижней Волге и Северному Кавказу.

[2]) Получается, что на деле лозунг «не мешайте производству кулацкого хозяйства» звучит примерно так: «не мешайте кулаку проглатывать добрую часть государственных кредитов, подыматься на советских кормах».

землеустройства»[1]). Само собой разумется, что наивыгоднейшей формой лжеоб'единения является не сложный тип колхоза, а простейший, в особенности производственно-кооперативный. Недаром чаще всего кулак прячется под вывеской машинного т-ва. Решение Ярославского ГК по итогам обследования машинных товариществ губернии говорит следующее: «Наиболее бурный рост машинных товариществ наблюдается в 1928 г., когда в течение посевной (весенней) кампании их вновь организовалось 139. Незначительное число бедноты в составе товариществ и наличие в них зажиточных и кулаков говорит о том, что зажиточно-кулацкая часть деревни ищет себе выход в получении машин на наиболее выгодных условиях, так как получение их в индивидуальном порядке затруднено». Кулаки с. Барда (Бийский округ) так выразили свое отношение к организации колхоза: «Везде организуются коллективы и всю землю захватить хотят. Нам также нужно организоваться, тем более, что коллективам всюду льготы и поддержка. Нам нужно об'единить только пашню, чтобы ее не отобрали другие колхозы».

Усиление внимания партсоветской общественности к колхозному строительству, усиление борьбы с лжеколхозами все более и более затрудняют возможность создания «чистого» зажиточного кулацкого об'единения. Поэтому кулак не только организует кулацкие об'единения, он в ряде случаев вступает в бедняцко-середняцкий колхоз. Судя по материалам ЦСУ[2]), процент зажиточной верхушки крестьянства в колхозах по ряду районов снизился. Но это еще отнюдь не говорит за то, что нет абсолютного роста кулаков в колхозах. Стихийный рост колхозного движения мог снизить по ряду районов удельный вес кулачества (этой в общем незначительной прослойки села), однако, количество кулаков в колхозах при этом могло увеличиться. Тов. Гайстер в своей работе показывает, что в с.-х. артелях, организованных в 1928 году, процент хозяйств, владеющих торгово-промышленными заведениями, достигает 1%, в то время как в организованных до 1928 г. их было только 0,7%. Хозяйств, сдающих средства производства, нанимающих рабочих и арендующих землю для своих индивидуальных посевов, в составе с.-х. артелей было:

	Отдача в наем скота и инвент.	Наем раб-силы.	Аренда земли.
Организованных до 28 г.	1,4%	1,8%	5%
Организованных в 28 г.	3,5%	2,4%	9%

Конечно, нельзя все эти хозяйства отнести к кулацким, но кое-какую тенденцию эти цифры безусловно показывают. Идя на минимальное обобществление, сохранив значительную часть своих средств производства, зажиточно-кулацкая прослойка стремится, и не без успеха, перенести элементы эксплоатации во внутрь колхозов. При обследовании ряда колхозов Бийск. округа (летом 1928 г.) обнаружился ряд любопытных фактов этой внутриколхозной кулацкой эксплоатации. В колхозе «им. Ворошилова» заправилы зажиточные добились даже того, что роженицы беднячки в отличие от жен зажиточных колхозников не пользовались законным отпуском. Бедноту расселили вдали, в самом худшем месте поселка и т. д. В простейших колхозах эксплоатация бедноты чаще всего идет по линии использования машин (сроки, условия), организации труда и т. д.[3]).

[1]) Из материалов отдела ЦК по работе в деревне (обследование Ярославской губернии т. Караваевым).

[2]) А. Гайстер—«Достижения и трудности колхозного строительства». Издание Комакадемии. 1929 г.

[3]) В этой связи несомненный интерес представляют данные (за 1928 г.) о колхозах Одесщины. До 47% всех товариществ по совместной обработке земли, владеющих тракторами, вовсе не имеют обобществленного посева. И только 21% имеют свыше 50 га посевов.

«Мне пришлось видеть на Кубани, что в целом ряде колхозов обязанность труда со стороны отдельных более богатых слоев, являющихся членами колхоза, выполнялась бедняцкой частью этого же колхоза. Это делалось потому, что беднота не в силах предоставить необходимые средства производства и обрабатывала свою долю своей рабочей силой. В результате создавалось в таком колхозе такое положение вещей, когда по существу у более богатой части колхоза был постоянный рынок труда, при чем этот постоянный рынок труда был легальным»[1]).

Эту мысль с другого конца подтверждают данные о форме распределения доходов между членами колхозов по РСФСР. По работе средств производства распределяют доход 15½% артелей и 23% товариществ, т. е. «социальные противоречия, являющиеся результатом частной собственности на средства производства индивидуальных хозяйств, воспроизводились в самом колхозе».

В то же время необходимо сказать, что крайней отвлеченностью разит от т.т., «принципиально» возражающих против приема кулака в колхоз при любых условиях. Эти товарищи ухитряются не видеть такой простой вещи, что если обусловить прием кулака в колхоз — прежде всего сдачей им средств производства и лишением права быть избранным в органы управления—подобный кулак в значительной мере станет «голым королем». Какими рычагами он после этого будет эксплоатировать остальных членов колхоза. Иные т.т. так ставят вопрос:—«Если вы собираетесь обобществить все средства производства кулака, он не пойдет в колхоз». Если так, то и вопрос поиному ставить следует. Не в «принципиальной» плоскости: принять—не принять, а пойдет ли на этих условиях, и если не пойдет, следует ли итти на то, чтобы организованным давлением бедняцко-середняцких масс всего села при организации сплошного (в масштабе целой деревни) колхоза заставить вступить и кулака. Нельзя забывать и таких фактов, когда кулак посредством своих сложных машин, подчас и не входя в колхоз, эксплоатирует последний, пользуясь недостаточной механизацией колхоза.

Одно надо сказать: вне зависимости от разрешения вопроса о приеме кулаков в колхозы необходимо немедленно добиться, чтобы средства производства кулацких хозяйств, уже состоящих в колхозах, были в ближайшее время обобществлены. Иначе они не должны иметь место в колхозах.

* * *

Основная сила нынешней фазы наступления на кулака—развертывание положительной программы социалистического строительства, выкорчевывание «корней капитализма». Надо отдать должное кулаку—классовое самосознание в нем достаточно высоко развито, и он ясно понимает все значение этого этапа борьбы. Кулак принужден отступать, несмотря на всю свою дьявольскую сопротивляемость, гибкость, беспрерывное маневрирование, спекуляцию на наших трудностях. Однако, именно потому, что наступление социалистических элементов успешно развивается, необходимо со всей остротой поставить вопрос—все ли делается каждой местной парторганизацией, каждым советским и иным учреждением в каждом районе страны для того, чтобы не дать кулаку продержаться ни на один лишний день на той из его позиций, которая, исходя из наших сил и возможностей, должна уже сегодня перейти в наши руки. Все ли де-

[1]) А. Гайстер—«Достижения и трудности колхозного строительства».

ляется для повышения, если можно так выразиться, эффективности, «качественных показателей» наступления.

Пятилетка социалистической реконструкции народного хозяйства—великий календарь классовых боев, до конца продуманный план дальнейшего оттеснения и вытеснения капиталистических элементов в стране. План действий кулака, поскольку инициатива в широком смысле этого слова не в его руках—вывести основные свои силы из-под убийственного огня наступающего противника, сохранив рычаги эксплоатации, маскируясь, без конца приспособляясь, маневрируя. Не все маневры кулака одинаково удачны, не всякий кулак одинаково приспособлен к новым формам борьбы. Однако, практика доказала, что «отсталый» тип кулака в процессе борьбы быстро становится «передовым» или во всяком случае уступает руководство этому «передовому».

Чтобы не дать возможности кулаку обходным путем, путем маневров, удержать лишний час любой из рычагов его эксплоатации, а тем более, хоть на время расширить базу эксплоатации, требуется, кроме всего прочего, хорошее знание каждой кулацкой позиции, не только абстрактно, но, так сказать, «осязательно», тщательное изучение всех процессов, происходящих в кулацком хозяйстве за последнее время, тщательное изучение всех его маневров, всей тактики борьбы. Кулацкое хозяйство имеет ряд общих черт, однако, для каждого района характерен упор кулака на особые «районные» рычаги, местами он «нажимает» на машину, местами на госземфонд, где на переработку продуктов с.-х. сырья и т. д. Задача местных организаций—сопровождать резолюции об «усиленном наступлении на кулака» действительным изучением этих его позиций и сосредоточением сил на атаке, прежде всего, этих его позиций, этих его «командных высот».

Понятно, успех атаки на кулака, например, на «машинном участке» будет зависеть не только от полного учета и обложения его доходов от сдачи машин, но и от лучшей организации машиноснабжения, проката и т. д. Вместе с тем, необходимо индивидиульно изучить не только «порайонные», но и «общесоюзные» черты лица кулака. Учет найма рабсилы, аренды и сдачи земли—эти вопросы должны занять в работе советов и партийных органов особо важное место. Покуда борьба с этими двумя областями кулацкой эксплоатации и сверхэксплоатации остается делом только «соответствующих ведомств», серьезных побед нам здесь не одержать.

В отношении внутриколхозного строительства борьба с кулаком требует, на ряду со значительным усилением процессов обобществления, укрупнения колхозов, лучшей организации труда, также усиления партийно-массовой работы в колхозах, организации бедняцко-середняцких элементов на борьбу со стремлениями кулака перенести элементы эксплоатации внутрь колхозов.

Нельзя себе представить сколько-нибудь умелого наступления на кулака без организации вокруг этого дела широких слоев батрачества и бедноты, между тем, местами еще не изжиты попытки наступления на кулака только... аппаратом. Группы бедноты, несмотря на их количественный и некоторый качественный рост, играют явно недостаточную роль на селе. Надо подумать над мерами по усилению руководства группами и над организационным их укреплением. Усиление влияния бедноты на повседневную работу всех организаций села в частности требует дальнейшего организационного оформления групп бедноты. Не создание комбедов, а повсеместное создание сельских (а быть может, и при районных советских и кооперативных органах, ККОВ) групп бедноты с введением хорошо продуманного уставного положения (может быть, будет даже правильно, наметить круг вопросов работы сельсовета и кооперации, которые обязательно должны предварительно обсуждаться группой) с выделением института постоянных

организаторов (из членов и кандидатов партии) в каждой группе, систематически созывая и инструктируя этих организаторов, с введением специальных инструкторов групп бедноты при парткомах и т. д., и т. д. Вопрос о мерах по усилению работы групп бедноты, слишком большой, чтобы его мимоходом ставить в этих строках, но вопрос, несомненно, назрел, и какие-то мероприятия необходимо провести в этой области в течение ближайшего же времени.

Вопрос о состоянии массовой работы в деревне неразрывно связан с тактикой кулака в области непосредственно политической борьбы. В свою борьбу за овладение низовым государственным аппаратом, за право вести «массовую работу» кулак за последнее время также внес много новых тактических приемов. Однако, эта, если можно так выразиться, «политическая мимикрия» кулака требует специального внимания.

В. Мицкевич-Капсукас.

Положение в компартии Польши.

Внутреннее положение в Польше.

Внутреннее положение в Польше характеризуется сейчас все усиливающимся экономическим кризисом и серьезными политическими затруднениями фашизма. Временная хорошая экономическая кон'юнктура, продолжавшаяся с середины 1926 г., на исходе 1928 г. пришла к концу. Бешеные расходы на армию, поглощающие около половины всего государственного бюджета, и экономическая политика польского фашизма, стремящегося приспособить все народное хозяйство к подготовке будущей войны против СССР, с одной стороны, обеднение широких трудящихся масс Польши и сужение внутреннего рынка, с другой, привели страну к экономическому кризису.

О начале промышленного кризиса прежде всего свидетельствует падение обрабатывающей промышленности. В крупной текстильной промышленности Лодзи, по данным промышленников, около 60% всех рабочих работает только по 3 дня в неделю, только 15% работает полную неделю. В других центрах текстильной промышленности Польши положение нисколько не лучше. Еще хуже обстоит дело в средней и мелкой текстильной промышленности с количеством рабочих от 10 до 300 чел. на одно предприятие. Там рабочий день сокращен до 3—1 дня в неделю, многие тысячи рабочих выброшены на улицу.

Чувствуется застой в строительной промышленности.

Падение производства замечается также в каменноугольной и металлической промышленности. Дневная продукция каменного угля понизилась в феврале по сравнению с январем на 7%, то же самое в металлургической промышленности Верхней Силезии. *Только промышленность, работающая на войну, идет полным ходом и даже расширяется*, увеличивает количество рабочих часов.

Общее количество безработных в промышленности по официальным данным поднялось с ноября п. г. по март с. г. с 78 тыс. до 184 тыс. Правда, в начале летнего сезона количество безработных пошло на убыль: в конце мая насчитывалось только 128 тыс., но это лишь временное, сезонное улучшение.

Курс промышленных акций понизился с 107,3 и 114,3 в январе и апреле 1928 г. до 95,7 и 92,1 в январе и феврале 1929 г.

Наибольшей остроты достиг денежный кризис.

Процент опротестованных векселей поднялся с 2,47 в ноябре 1928 г. до 5,12 в марте с. г.; в период большого кризиса в феврале 1926 г. он равнялся 4,91. Денежный голод дошел до таких размеров, что частный учетный процент достиг 3,5 в месяц, или 42% годовых (в конце 1928 г. — 20%). Однако, курс польского злотого пока удалось удержать на прежнем уровне, но лишь с большим трудом, тем более, что пассив торгового баланса, достигший в прошлом году 854 млн. злотых, с каждым месяцем увеличивается

(в декабре он составлял 29 млн. злотых, в январе — 52 млн., в феврале — 97 млн., в апреле — 107 млн.).

Все польские займы на иностранных биржах испытывают падение. Новых внешних займов, в виду обнаруженных хозяйственных трудностей в Польше, до сих пор не удалось получить; но если они и будут получены, то это еще более закабалит Польшу иностранному капиталу и лишь временно сможет несколько ослабить остроту кризиса, ибо основные причины, вызвавшие его, останутся в силе. Рассчитывать на расширение внешних рынков для польской промышленности не приходится; напротив, дешевые германские фабрикаты вытесняют польские товары даже из тех мест, куда им уже удалось проникнуть.

Все это, конечно, не говорит еще о катастрофическом положении польского хозяйства, а лишь о больших трудностях, о начале серьезного кризиса, переживаемого им в результате падения покупательной способности сел.-хоз. трудящихся масс и городских рабочих и мелкой буржуазии и бешеных военных приготовлений против СССР.

В связи с экономическим кризисом, несомненно свидетельствующим о шаткости и загнивании капиталистической стабилизации в Польше, наблюдаются и весьма серьезные, все усиливающиеся политические затруднения фашизма перерастающие в кризис. Выход из этого положения он пытается найти в создании так называемого полковничьего правительства, состоящего из бывших полковников, верных слуг Пилсудского, правительства агрессивного фашизма и войны против СССР. При этом сейчас нет двух мнений среди польских коммунистов относительно того, что польский фашизм лихорадочно готовится к войне против СССР не только как орудие английских и французских империалистов, но и в интересах своей собственной экономической экспансии на восток, в целях захвата широких украинских и белорусских рынков для польской промышленности и возвращения помещичьих земель.

Будучи выразителем интересов крупного капитала и помещиков, полковничье правительство стремится все тяготы экономического кризиса переложить на плечи рабочего класса и трудового крестьянства. Картелированный капитал пытается понизить заработную плату, систематически поднимает норму выработки, уменьшает сдельные ставки, удлиняет рабочий день; фашистское правительство, идя навстречу капиталистам, пытается ввести на предприятиях каторжные фашистские регламенты и пр.

В деревне при сохранении старых помещичьих имений форсируется развитие капиталистического земледелия; проводится своего рода столыпинская земельная реформа; ставится ставка на кулака, как опору фашизма в деревне. Это усиливает процесс диференциации в деревне. Основные крестьянские массы изнывают от недостатка земли и непосильной тяжести налогов. Сельскохозяйственные рабочие в целях «рационализации» сельского хозяйства десятками тысяч выбрасываются на улицу. Значительные области Польши, особенно Зап. Белоруссии, постигнуты были в прошлом году неурожаем и переживают еще и теперь настоящий голод. Свирепо преследуется национально-освободительное движение в оккупированных областях, разнуздывается звериный шовинизм по отношению к нацменьшинствам и организуются еврейские погромы (Львов).

Все это вызывает рост недовольства и революционных настроений в широких трудящихся массах города и деревни, рост их активности и в отдельных случаях переход в контрнаступление против капитала и фашистского режима. Лучшим доказательством этого служит двухнедельная все-

общая забастовка лодзинских текстильщиков, имевшая ярко выраженный политический характер, затем ряд упорных длительных забастовок, как, например, забастовка на Видзевской мануфактуре в Лодзи, забастовка текстильщиков на фабрике «Воля» в Варшаве и т. д. В деревне мы видели забастовки сельскохозяйственных рабочих и малоземельных крестьян в Зап. Украине, кончившиеся кровавыми репрессиями, в некоторых местах массовые выступления крестьян против принудительного выкупа сервитутов, могучий рост радикальной крестьянской организации «Самопомощь» (за несколько последних месяцев количество ее членов увеличилось с 6.000 до 16.000) и т. д.

Особенно ярко проявилось полевение и активность рабочих и крестьянских масс в день празднования 1 мая в Польше. Несмотря на то, что накануне 1 мая было арестовано в Польше около двух тысяч рабочих и крестьян, первомайские демонстрации в Польше, организованные коммунистами совершенно самостоятельно, имели в этом году такой массовый характер, какого мы давно уже не видели в Польше. Особенно характерным для 1 мая в Польше было во многих местах массовое участие крестьян в первомайских демонстрациях. Крестьянские массы прорывались через сеть полицейских постов и всякого рода преграды и об'единялись с городскими рабочими. По неполным сведениям в первомайских демонстрациях с. г. принимало участие около 30.000 крестьян и около 70.000 рабочих.

При помощи террора и усиления наступления на рабочий класс, трудящееся крестьянство и национально-освободительное движение, с одной стороны, демагогической фразеологии, коррупции и обмана, с другой, польский фашизм пытается задержать рост революционной активности трудящихся масс. Но это уже оказывается недостаточным. Для непосредственного проникновения в рабочие массы с целью борьбы с революционным движением и лучшей подготовки к войне против СССР он создает специальные фашистские организации, проводит раскол реформистских (пепеэсовских) профсоюзов и самой ППС. Создается новая ППС с Яворовским во главе (т. н. яворовщики), которая является прямым проводником идей фашизма в рабочие массы. Одновременно фашизм использовывает и так называемую официальную ППС, которая все более сращивается с фашизмом и его аппаратом и, несмотря на свою «левую», «антифашистскую» фразеологию, на деле является такой же агентурой фашизма, как и отколовшиеся яворовщики, только применяет иные методы борьбы.

Еще в более широком масштабе применяет эти методы борьбы польский фашизм в деревне и среди нацменьшинств.

В результате этого ему удалось не только привлечь на свою сторону всю кулацкую верхушку деревни, все старые крестьянско-кулацкие партии, нацменьшинскую буржуазию и почти всю интеллигенцию, но также отчасти проникнуть в середняцкие слои деревни и увлечь за собой отдельные элементы лучше оплачиваемых рабочих, работающих главным образом на военных заводах и железных дорогах, а также часть наиболее отсталых рабочих города и деревни. При помощи «левой», «радикально-демократической» фразы ППС также удается еще обманывать часть рабочих и держать их под своим влиянием. Однако все это вовсе не отвергает факта общего полевения рабочего класса и трудящегося крестьянства Польши и роста его активности, а указывает прежде всего на те огромные задачи, которые стоят перед компартией Польши, которая должна при общем полевении трудящихся масс вырвать из-под влияния прямых фашистов и социал-фашистов и те массы, которые еще идут за ними.

Борьба КПП за массы.

Работая в этих условиях, ЦК КПП после VI конгресса Коминтерна дал правильную оценку текущего момента, связанного с третьим периодом, правильно указал на шаткость и загнивание капиталистической стабилизации в Польше и чрезвычайное усиление внутренних противоречий. Тезисы январского пленума ЦК КПП говорят: «Хозяйственная политика фашизма все больше выявляет в глазах масс свое крупнокапиталистическое лицо. Она бьет не только по пролетариату и деревенской бедноте, но и по середняку в деревне, по ремесленнику и мелкому торговцу в городе... Прошедший период указывает на растущую активность рабочего класса, который дает все более напряженный отпор наступлению фашизма и даже переходит в контрнаступление». В своей апрельской резолюции Политбюро ЦК КПП правильно указало на новые моменты в положении Польши, выражающиеся в еще большем обострении внутренних противоречий и росте активности рабочего класса и трудящегося крестьянства на основе углубляющегося кризиса всего хозяйства Польши. ЦК КПП в связи с этим совершенно правильно указал на еще большую актуальность для фашизма экспансии Польши на Восток и на еще более лихорадочную подготовку польского фашизма к войне против СССР и в общем и целом правильно наметил основные задачи партии.

Несмотря на все усиливающийся фашистский террор и другие методы борьбы фашистского правительства, о которых мы говорили выше, КПП имеет после VI конгресса серьезные достижения в деле завоевания влияния среди масс и руководства их борьбой, а также в деле организационного закрепления своего влияния (Лодзь, Варшава).

Особенно большое политическое значение имела всеобщая 150-тысячная забастовка в Лодзи, подготовленная и проведенная по призыву КПП в связи с тем, что предприниматели вывесили на фабриках фашистские регламенты. Лодзинская забастовка была большим шагом вперед по пути к осуществлению самостоятельного руководства коммунистами стачечной борьбой. Партия умело разоблачала предательскую роль ППС и руководимых ею профсоюзов; она придала забастовке политический характер, умело соединив политические требования с экономическими. Лодзинская организация КПП сумела и организационно охватить растущее влияние партии как во время, так и после забастовки. Сеть партийных ячеек в Лодзи увеличилась, количество членов партии возросло. Было завоевано партией преобладающее влияние в фабричных делегатских собраниях и в емпееровском профсоюзе (союзе, находившемся ранее в руках Национальной Раб. партии).

Однако, отмечая эти достижения, необходимо указать также, что в практическом руководстве лодзинской забастовкой проявился ряд недостатков и ошибок. Компартия не сумела полностью организационно использовать свое влияние, целиком вырвать руководство забастовкой из рук пепеэсовского профсоюза и создать таким образом самостоятельное руководство забастовкой. Корни допущенных ошибок во время лодзинской забастовки находились в неизжитом еще легалистском отношении к пепеэсовскому профсоюзному руководству, проявившемся не в одной лишь Лодзи, а и в ряде других мест. Это легалистское отношение выявилось и в красной фракции делегатского собрания представителей лодзинских текстильных фабрик, и в партийном активе, и отчасти даже в самом лодзинском окружкоме КПП. Это дало возможность социал-фашистам получить большое влияние на стачечный комитет и облегчило им срыв забастовки.

За последнее время КПП играла руководящую роль во всех важнейших экономических забастовках Польши. КПП руководила упорной заба-

стовкой на Видзевской мануфактуре в Лодзи, на фабрике «Воля» в Варшаве, где были созданы самостоятельные стачечные комитеты, устраивались митинги, организованы были денежные сборы. Партия провела успешную забастовку на фабрике Лильпопа в Варшаве против увольнения революционного рабочего, руководила забастовкой портных в Варшаве и т. д.

В ряде крупных промышленных центров, как Домбровский бассейн, Верхняя Силезия, металлисты в Варшаве и пр., несмотря на усиленную кампанию партии за забастовку, рабочие массы не пошли на нее, и конфликты кончались арбитражем. Не означает ли это, что КПП переоценивает радикализацию и рост активности масс? Такой вывод был бы неверным. Тот факт, что массы важнейших отраслей промышленности оказались еще неспособными пойти на забастовку, свидетельствует лишь о тех огромных трудностях, с которыми сопряжена сейчас всякая крупная забастовка в решающих отраслях промышленности. Против рабочих в случае об'явления забастовки пускается в ход не только весь фашистский режим, все государство со своими органами подавления, но и соглашательские профсоюзы и все соглашательские партии. Поэтому эта борьба неизбежно принимает политический характер и встает вопрос, кто кого. Рабочие решающих отраслей промышленности еще не чувствуют себя достаточно сильными для такой борьбы. Атмосфера еще недостаточно накалилась. Поэтому они не легко идут сейчас на крупные забастовки в решающих отраслях промышленности и транспорта. Но при этом атмосфера все более накаляется. Недовольство широких масс растет и может прорваться раньше, чем мы этого ожидаем. КПП осознает эту возможность, но, к сожалению, не всегда поспевает за развертывающимися событиями.

Все же последние события свидетельствуют о том, что влияние компартии сильно растет, несмотря на некоторые зигзаги, проявившиеся, например, во время выборов в конце п. г. и начале с. г в муниципалитеты и больничные кассы, которые в общем дали значительное увеличение голосов, поданных за ППС, и падение голосов, поданных за коммунистические списки. Лучшим доказательством роста влияния компартии являются массовые самостоятельные первомайские демонстрации этого года под коммунистическими лозунгами, имевшие место, несмотря на огромный террор, в Варшаве, Лодзи, Домбровском бассейне, Люблине, Познани, Львове, Вильне и т. д., большое участие в этих демонстрациях женщин и крестьян. Слабым пунктом оказался 1 мая лишь такой крупный промышленный центр, как Верхняя Силезия, где вовсе не было массовых коммунистических демонстраций. Вовсе не принимали участия в коммунистических демонстрациях рабочие, работающие на военных предприятиях (в Варшаве и в других местах), железнодорожники, сельскохозяйственные рабочие. Это, несомненно, наиболее слабые пункты КПП, на которые она должна обратить особое внимание. Слабее в этом году принимали участие в первомайских демонстрациях рабочие массы Западной Украины и крестьянские массы Зап. Белоруссии. Это об'ясняется прежде всего ослаблением там наших организаций вследствие фашистского террора, слабостью в них пролетарского ядра и недостаточной массовостью существующих левых крестьянских организаций.

Необходимо еще отметить результаты выборов в завкомы на металлических предприятиях Варшавы. Несмотря на террор и демагогию фашистов и социал-фашистов, на важнейших частных предприятиях левые антифашистские рабочие списки получили 15 мандатов, ППС—7. Левые целиком овладели делегациями на фабриках Урсус и Паровоз, увеличили свои голоса на некоторых других предприятиях. Только на предприятиях, работающих на войну, левые вследствие чрезвычайного террора, увольнения рабочих и пр. не получили ни одного места.

По последним данным, на аннулированный список в Люблине, сравнительно небольшом центре, коммунисты получили 6.933 голоса, Бунд—6.486, ППС — 3.224, яворовщики — 601. На выборах в больничные кассы в Пабианицах (лодзинский текстильный район) коммунисты получили 2.368 голосов (14 мандатов — раньше 5), ППС — 604 (3 мандата — раньше 7), яворовщики — 180 (1 мандат), немецкие с.-д. — 250 (1 мандат — раньше 3), «левая» НПР (народная рабочая партия) — 990 (6 мандатов — раньше 8), христ. демократы — 560 (3 мандата — раньше 7).

В области крестьянского движения в коренной Польше имеются серьезные достижения на почве массовых легальных организаций. Этого нельзя сказать о Зап. Украине, где соответствующие крестьянские организации не имеют достаточно массового характера.

В области национально-освободительного движения в Зап. Белоруссии гегемоном остается компартия. Немного хуже обстоит дело в Зап. Украине. Революционное выступление украинских масс во Львове против польских оккупантов 1 ноября не возглавлялось КПЗУ.

Все это говорит о большом росте влияния КПП в рабочих и крестьянских массах, однако организационное закрепление этого влияния, как и в других капиталистических странах, отстает и в Польше.

В виду такого большого роста влияния компартии в Польше во всем буржуазном лагере опять начинается большая тревога. Он начинает разочаровываться в «санации» Пилсудского, которая оказалась неспособной преодолеть коммунистическую опасность. Буржуазия начинает опять направлять взоры на эндэков, которые в связи с экономическим кризисом все выше поднимают голову и громко заявляют, что только они сумеют успешно бороться с коммунизмом и сломить его. Этим об'ясняется большая победа эндэков на выборах в Люблине (они получили увеличение голосов на 55%) и упадок голосов «санации» (с 11.402 при выборах в сейм на 6.672) и ППС (с 9.691 на 3.925 — вместе с яворовщиками). Это начинает вносить разложение в лагерь пилсудчиков и усиливает кризисные явления в фашистском лагере вообще. В связи с полевением масс и ростом их активности усиленным темпом назревают в Польше серьезные события. КПП должна играть в них совершенно иную роль, чем при перевороте в мае 1926 г., но для этого она должна прежде всего освободиться от тех оппортунистических ошибок, которые она допустила, и изжить внутрипартийную фракционную борьбу.

Правые ошибки в КПП.

Открытое письмо ИККИ к членам КПП после VI конгресса Коминтерна указало на то, что правые ошибки и примиренчество с ними, борьбу против которых поставил VI конгресс в качестве центральной задачи всего КИ, в КПП еще более усугубляются вследствие пережитых ею кризисов и тех об'ективных условий, в которых приходится ей работать. Период, отделяющий нас от VI конгресса, полностью подтвердил эти указания ИККИ.

Здесь мы остановимся только на главных, основных ошибках. К ним принадлежат прежде всего многочисленные ошибки, допущенные на местах в связи с недооценкой контрреволюционной и социал-фашистской роли ППС, прибегающей к «левой» фразе. Это, несомненно, центральные ошибки польских коммунистов, имеющие ярко выраженный правый характер. Они особенно опасны в настоящий момент, когда имеются признаки нового оживления в массах демократических иллюзий, с большим успехом используемые ППС и другими соглашательскими партиями. На этой почве на местах отдельные коммунисты, а иногда и отдельные организации, поддавались иллю-

зиям в связи с «левой» фразой ППС, кое-где делались попытки создавать с нею единый фронт против фашизма и т. п.

ЦК партии на январском пленуме раскритиковал эти ошибки, но он запоздал с анализом раскола ППС и оценкой официальной ППС. Первая попытка анализа, данная в центральных органах партии в статьях т. Стефанского, заключала в себе ряд существенных ошибок, которые пошли без всякого примечания от редакции и долго оставались нераскритикованными. Тов. Стефанский дал идеологическое обоснование многочисленным оппортунистическим ошибкам на местах по отношению к ППС, поэтому на его статьях надо несколько остановиться.

Тов. Стефанский по существу присоединился к точке зрения тов. Кощевы, которая еще весной прошлого года высказала взгляд, что фашизм неуклонно стремится к созданию единой, монопольной фашистской партии, что он не может помириться с существованием отдельных политических партий. Он ликвидировал «программу демократического развития» соглашателей, а теперь «забивает и взрывает все партии», ликвидирует соглашательские партии и создает свою монопольную партию, как «пояс спасения для утопающей буржуазии».

Исходя из этой неправильной установки, считающей соглашательские партии носительницами «программы демократического развития» и совершенно не учитывающей тех своеобразных условий, в которых в отличие от итальянского фашизма приходится действовать польскому фашизму, т. Стефанский высказывает мысль, что существование отдельных соглашательских партий по существу несовместимо ни идеологически, ни политически и организационно с фашизмом. Поэтому фашизм «вынужден посягнуть на основы мелкобуржуазной идеологии ППС, не оставляя от нее камня на камне». Отсюда происходит у т. Стефанского «атака фашизма» против ППС и решительное сопротивление ППС фашизму, отстаивание ею своей самостоятельности. Отсюда неправильное утверждение т. Стефанского, что «оппозиционная», «радикально-демократическая» фразеология ППС, по мере нарастания революционного движения, все более будет проявлять обоюдоострый характер, откуда вытекает, что одним своим острием она будет ударять по основам фашистской диктатуры. Отсюда недооценка опасности со стороны ППС, признание, что «левая» фраза ППС может в какой-либо степени играть революционную роль. Такая установка т. Стефанского, несмотря на то, что в других местах своих статей он говорит о срастании ППС с фашизмом, а в выводах предостерегает партию от иллюзий, которые может посеять в массах «радикальная» фразеология ППС, и призывает партию к усилению борьбы не только против явных фашистов — отколовшихся яворовщиков, но и против социал-фашистской ППС, — безусловно способствовала усилению путаницы в рядах партии, но, как впоследствии оказалось, не вполне.

Январский пленум ЦК КПП со своей стороны правильно указал на процесс органического срастания соглашательских партий с фашизмом в силу их внутренней контрреволюционной сущности и целевой политики фашизма. Отражением этого процесса является перерастание псевдо-социалистической идеологии ППС в фашистскую идеологию. Январский пленум правильно, хотя и неполно, указал также на ограничительные, сдерживающие моменты при осуществлении правильно намеченной общей тенденции фашизма к созданию единой, монопольной партии фашизма. В условиях Польши на это влияет прежде всего неустойчивость и загнивание капиталистической стабилизации, крайнее обострение внутренних противоречий и классовой борьбы, наличие многочисленных нацменьшинств, наконец, непосредственное соседство СССР.

Однако, надо сказать, что и формулировка январского пленума ЦК КПП о «сугубой опасности, угрожающей теперь со стороны ППС», была недостаточной, что нашло свое выражение также в статьях после пленума. Только в апрельской резолюции ПБ ЦК КПП, вслед за критикой ИККИ, было признано, что в настоящий момент официальная ППС с ее «левой» фразой представляет главную опасность в Польше. Поэтому необходимо особенно усилить ее разоблачение и борьбу против нее с целью отрыва от нее рабочих масс. Ни о каких соглашениях с ней не может быть и речи. Одновременно должна быть усилена борьба против непосредственного проникновения фашизма в рабочие массы, особенно в тех местах, где фашизм в этом отношении наиболее успел (на военных фабриках Варшавы и в друг. местах).

Нельзя пройти, далее, мимо чрезвычайно тревожных явлений, имевших место в связи с первомайскими демонстрациями. Некоторые организации, поддавшись давлению усиленного фашистского террора, старались сохранить в первомайских демонстрациях легальность и в этих целях замазывали перед массами лицо партии: демонстрировали лишь под знаменами легальных революционных организаций, не выставляли ораторов от имени компартии и пр. Это имело место в Варшаве — пригородной (кое-где коммунисты даже принимали здесь участие в шествиях ППС), Петркове (некоторые руководящие товарищи не допускали пение «Интернационала»), в Верхней Силезии (кое-где здесь коммунисты тоже принимали участие в демонстрациях, организованных социал-фашистами, и вообще обнаружили большую пассивность) и пр. В этих местах коммунисты чаще всего удовлетворялись знаменами ППС левицы, отдельных профсоюзов, фабрик. Иногда прятали знамя партии по настоянию полиции; ораторы не выступали от имени партии, так как полиция не разрешала (Жирардов и некоторые другие места)... Этим, несомненно, ослаблялся боевой характер 1 мая и первомайских демонстраций. Окружной комитет Варшавы — пригородной пытается доказать, что в этом проявилось давление масс, которые якобы проявили упадок боевых настроений и не хотели демонстрировать под знаменами компартии. С этим нельзя согласиться. Напротив, многочисленные столкновения и упорная борьба демонстрантов с полицией и последовавшие после 1 мая демонстрации текстильных рабочих в Лодзи и лодзинском округе и даже баррикады в Пабианицах свидетельствуют о другом. Вернее будет сказать, что наши партийные организации в Польше в некоторых местах отстают от быстро революционизирующихся рабочих масс и идут в хвосте их вместо того, чтобы итти в их авангарде. На это должен обратить ЦК КПП самое серьезное внимание.

Ряд правых ошибок был допущен на местах и некоторыми руководящими органами и в деревенской работе. Эти ошибки выразились в выдвигании требований беспроцентных и дешевых кредитов для крестьян, что усиленно пропагандируется и фашистскими группами, в требовании кое-где частичной конфискации и раздела помещичьей земли («земельная реформа по частям»), в неправильном понимании задач крестьянских комитетов — в присвоении им функций органов мирной, творческой работы и т. д. Во всех этих ошибках проявилось давление зажиточных слоев деревни на некоторые элементы КПП, особенно сильное в Зап. Белоруссии и Зап. Украине. Январский пленум ЦК КПП правильно раскритиковал эти ошибки.

Наконец, необходимо остановиться на ошибках в профдвижении. В связи с лодзинской забастовкой и забастовками в других местах мы видели проявление легализма по отношению к реформистским профсоюзам. После раскола пепеэсовских профсоюзов некоторые коммунисты пошли так далеко, что фактически заключили блок с пепеэсовскими вождями профсою-

зов против яворовщиков. В качестве реакции на эти явно оппортунистические ошибки январский пленум ЦК КПП дал некоторые неправильные формулировки о создании новых профсоюзов, из которых февральское совещание профработников КПП сделало ряд совершенно неправильных выводов. Так, напр., февральское профсовещание, исходя из правильно оцениваемого процесса усиления фашизации всех соглашательских профсоюзов и из необходимости в отдельных случаях итти на создание новых союзов, взяло неправильный курс на создание новых революционных профсоюзов в ближайшее время во «всех важнейших стратегических позициях и важнейших политических центрах». Исходя из этого, решено было создать новые профсоюзы: в Варшаве — союз металлистов, в Лодзи — текстильщиков, в Домбровском и Краковском бассейне — горняков, в Галиции — нефтяников, в Познанском воеводстве — сельскохозяйственых рабочих; решено также итти к созданию параллельного профсоюза железнодорожных рабочих и сельскохозяйственных рабочих во всей Польше. Еще более быстрый темп на создание новых профсоюзов решено было взять взять в Зап. Белоруссии и Зап. Ураине, где условия для этого наименее благоприятны. Решено было не призывать больше ко вступлению в соответствующие соглашательские союзы. Хотя вместе с этим в резолюции профсовещания говорилось и о необходимости продолжать работу внутри соглашательских профсоюзов, но по существу это не могло не усилить бегства из них левых рабочих и вело к ослаблению работы внутри них. В резолюции профсовещания, несомненно, отразились настроения тех левых рабочих, которые в виду огромных трудностей, связанных с революционной работой и проведением самостоятельной линии внутри соглашательских союзов, давно уже стояли за выход из них и создание новых революционных профсоюзов. Резолюция договорилась даже до того, что «в момент загона революционных профсоюзов в подполье они смогут продолжать свое существование, как крепкая, массовая нелегальная профсоюзная организация».

Директивы профсовещания о создании отдельных профсоюзов и существующие в партии настроения привели к ряду серьезных ошибок в разных местах. Между прочим, Варшавский комитет партии и Варшавский комитет КСМ квалифицировали призыв рабочих ко вступлению в существующий социал-соглашательский союз металлистов, как противоречащий решениям IV конгресса Профинтерна и VI конгресса КИ и выражающий оппортунистическую линию.

ЦК КПП уже сам признал ряд перегибов в резолюции профсовещания (организация новых профсоюзов «во всех важнейших политических центрах», возможность существования массовых нелегальных революционных профсоюзов и пр.). «Центром тяжести профработы в Польше, — говорит резолюция ИККИ, — должно быть усиление ее в реформистских профсоюзах и только в исключительных случаях создание новых профсоюзов». При этом особенно должна быть усилена борьба за фабзавкомы и фабричные делегатские собрания, за проведение самостоятельной революционной линии в реформистских профсоюзах. «К созданию новых профсоюзов можно итти только на почве усиленной массовой борьбы (в связи с крупными забастовками) и только там, где реформистские профсоюзы действительно потеряли авторитет и влияние в массах и где левые завоевали фабзавкомы и делегатские собрания рабочих», а также там, «где реформисты выбрасывают целые профсоюзы или крупные их отделения из профсоюзов». Но при этом «вопросы о создании новых профсоюзов должны в каждом конкретном случае решаться ЦК КПП в результате самого тщательного анализа конкретной обстановки».

Внутрипартийное положение.

VI конгресс Коминтерна и открытое письмо ИККИ к членам КПП признали, что основным злом партии, разлагающим ее и мешающим ей выполнить те огромные задачи, которые перед нею стоят, является двусторонняя фракционная борьба, которая раз'едает ее уже в течение двух с лишним лет. Открытое письмо признало, что существующие в партии разногласия не являются столь глубокими, чтобы могли оправдать существование каких-либо фракций. Оно выдвинуло такие основные условия для консолидации партии: 1) правильная политическая линия; 2) борьба против правых ошибок и примиренчества с ними; 3) безусловное уничтожение фракций и фракционной борьбы, решительная борьба против фракционности, вплоть до исключения неисправимых фракционеров из партии и Коминтерна; 4) здоровая товарищеская критика и самокритика, честное признание своих ошибок и критика их; 5) безусловное подчинение ЦК КСМ общему руководству ЦК КПП.

Были ли осуществлены эти условия? Нет.

Правда, открытое письмо ИККИ было хорошо принято в партийных массах. Благодаря его установке, удалось смягчить остроту фракционной борьбы, чуть не доведшую партию летом 1928 г. до раскола. В начале этого года можно было констатировать, что подавляющее большинство решений Краевого Секретариата ЦК принимается единогласно. Решения январского пленума ЦК КПП и пленумов ЦК КПЗБ и ЦК КПЗУ, а также апрельское решение Политбюро ЦК КПП были приняты единогласно. ЦК КПП единогласно принял резолюции, выражающие полную солидарность с ЦК ВКП(б) и ЦК КПГ в их борьбе против правых и примиренцев. Политическая линия ЦК КПП в общем и целом правильная. Несмотря на это, фракционные деления сохранились, и фракционная борьба вовсе не прекратилась. Напротив, несколько притихшая после появления открытого письма, приблизительно с марта с. г. она начинает вновь обостряться.

Где корни этого обострения? Несомненно, в значительной степени они питались старыми фракционными делениями, но при этом весьма большую роль сыграли за последнее время серьезные ошибки, совершенные некоторыми сторонниками бывшего большинства (тт. Кощевой и Стефанским) по вопросу об оценке раскола ППС и так называемой официальной ППС, непреодоление полностью тов. Кощевой ее старых ошибок (взгляд на самостоятельную роль мелкой буржуазии, переоценка капиталистической стабилизации в Польше, в тезисах т. Кощевы и Бранда в 1926 г.), недооценка шаткости и загнивания капиталистической стабилизации в Польше, огромного роста классовых противоречий и полевения трудящихся масс в настоящее время.

Об основных правых ошибках КПП мы уже подробно говорили выше. На местах ошибки по отношению к ППС делались и сторонниками одной группы и другой. То же самое и легалистские ошибки в профдвижении. Эти ошибки выправлялись всем ЦК. Но некоторые сторонники бывшего большинства (тт. Кощева и Стефанский) дали идеологическое обоснование оппортунистическим ошибкам по отношению к ППС и настаивали на своих ошибках. Это, несомненно, обострило борьбу. На последнем пленуме ЦК КПП (июньском) т. Кощева еще углубила свои ошибки. Она выдвинула теорию о трех движущих силах революции в Польше: 1) рабочий класс, 2) крестьянство и угнетенные национальности, 3) трения внутри лагеря буржуазии. Последнее тесно связано с переоценкой трений внутри фашистского лагеря и с возрождением старого неправильного взгляда т. Кощевы на роль мелкой буржуазии, отсюда противопоставление ППС фашизму.

Последний пленум, далекий от того, чтобы всех сторонников быв. большинства считать правыми, охарактеризовал ошибки тт. Кощевы и Стефанского, как сползание с большевистской линии партии, и решительно осудил их, указав также на неопреодоленные ими полностью ошибки прошлого.

По вопросу о профсоюзах июньский пленум полностью принял директивы ИККИ и дал критику ультра-левых тенденций, проявившихся в последнее время в КПП по этому вопросу у обеих групп. Мне кажется, что и по профсоюзному вопросу проявились в КПП по преимуществу правые ошибки, связанные с бегством от огромных трудностей, на которые наталкиваются коммунисты при работе в реформистских профсоюзах.

Что касается самокритики, то при наличии двусторонней фракционной борьбы она страдала у обеих сторон. Несмотря на актуальность брошюры т. Бранда (сторонника б. большинства) об экономическом развитии Польши, переоценивающей способности развития внутреннего рынка Польши и недооценивающей тенденции польского фашизма и промышленной экспансии на восток, и осуждение этой брошюры в открытом письме ИККИ, до сих пор не появилось ее самокритики. Не раскритикована также достаточно брошюра т. Фидлера (сторонника б. меньшинства), давшего неправильный анализ экономической базы фашистского переворота и перспектив экономического развития фашистской Польши. По фракционным соображениям задержалась критика статей т. Стефанского.

Июньский пленум решительно осудил недостаток самокритики и фракционную борьбу, а особенно фракционное отстаивание правых ошибок.

Фракционная борьба в руководящем органе партии иногда парализовала его работу. В связи с нею целые недели посвящались им для согласования предложений и резолюций. При прежнем соотношении сил в ПБ иногда получался паритет, и вопрос вовсе не мог быть разрешен. В результате этого запаздывали ответы на важнейшие политические вопросы. Фракционный подход мешал также борьбе против правых ошибок и примиренчества с ними. Интересы фракции ставились выше интересов партии.

Обострение фракционной борьбы в ЦК переносилось на всю партию. В партии распространялись фракционные документы, устраивались фракционные заседания, велась переписка по фракционной линии. Польская охранка в своих целях использовывает фракционную борьбу.

Такое положение не могло быть терпимо, ибо фракционная борьба превращала КПП из большевистской партии с ее железной дисциплиной в блок борющихся группировок, что вело к ее развалу. В виду этого Политсекретариат ИККИ, еще раз обсудив положение внутри КПП, еще до июньского пленума ЦК КПП пришел к заключению, что «в целях изжития фракционной борьбы необходимо со всей строгостью проводить линию ИККИ, намеченную в открытом письме. Безусловное уничтожение фракций и прекращение фракционной борьбы является и сейчас основной задачей КПП». Конечно, ликвидация фракционной борьбы возможна только на почве правильной линии всей партии по основным вопросам, на почве осуждения правых ошибок, проявившихся в КПП, и борьбы против них и примиренчества с ними, на почве здоровой товарищеской критики и самокритики. Наконец, ИККИ указал, что необходимо во что бы то ни стало добиться того, чтобы руководящие органы партии не запаздывали с ответами на важнейшие политические вопросы дня.

Последний пленум ЦК КПП, чтобы сделать более работоспособным ПБ и обеспечить его от правых ошибок, несколько изменил его состав. При этом необходимо отметить, что тезисы июньского пленума, решительно осуждающие правые ошибки тт. Кощевы и Стефанского, были приняты

единогласно, в том числе и голосами тт. Кощевы и Стефанского. Однако, заявления, которые они сделали по поводу голосования, пленум признал неудовлетворительными, особенно заявление т. Кощевы, которая по существу не признала своих ошибок, а лишь формально присоединилась к тезисам. Это свидетельствует о том, что правая опасность в КПП, даже в руководящем ее органе, вовсе не изжита. Чтобы избежать ее рецидивов нужна решительная критика и преодоление допущенных правых ошибок во всей партии сверху донизу.

Но в общем последний пленум ЦК КПП сделал большой шаг вперед в деле консолидации партии. Он по существу взорвал старые фракционные группировки. Несколько товарищей из сторонников бывшего большинства решительно выступали на нем против ошибочной установки тт. Кощевы и Стефанского. Надо надеяться, что на этот раз вся партия, разодранная фракционной борьбой на две почти равные части и терзаемая ею в течение нескольких лет, не на словах, а на деле начнет искать путей к консолидации на основе правильной линии и борьбы против правых ошибок. Конечно, полное уничтожение фракций и фракционной борьбы, продолжавшейся в КПП в течение нескольких лет, дело нелегкое. Однако внутреннее и международное положение Польши настойчиво требует этого. Партия может и должна сплотиться вокруг линии Коминтерна и повести решительную борьбу против правой опасности и примиренчества с ней, за здоровую товарищескую критику и самокритику, за честное признание своих ошибок и критику их, против продолжения фракционной борьбы, откуда бы она ни исходила.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Отмечая неразработанность отдельных положений настоящей статьи и неточность ряда формулировок, редакция помещает ее в виду актуальности темы.

За большевистскую историю профдвижения.

История профессионального движения принадлежит к числу тех дисциплин, изучение которых долгое время находилось в руках либералов и меньшевиков.

Концепции буржуазных и меньшевистских историков настолько получили свое распространение, что ряд большевистских историков частично воспринял их идеи. Разбор их приобретает в настоящее время насущную потребность.

Родоначальником историков профессионального движения является Прокопович [1]), выпустивший в 1905 году книгу «К рабочему вопросу в России».

Широкий читатель книгу эту почти совсем забыл, но историческая концепция Прокоповича воспринята очень многими историками. Ее можно встретить не только на страницах либеральных и меньшевистских историков, но и некоторых историков—членов нашей партии. Теория его заключается в следующем. Профессиональные организации до первой революции уже существовали, так как функции профсоюзов выполняли кассы взаимопомощи. При этом Прокопович проводит мысль, что кассы взаимопомощи не сразу стали профессиональными союзами, но проделали медленную эволюцию от полухозяйских организаций, защищающих интересы пролетариата.

Эта теория с головой выдает автора и доказывает с глубокой убедительностью, интересы какого класса он защищает.

Буржуазным идеологам, исходя из интересов своего класса, совершенно невыгодно было доказывать, что революционные рабочие организации возникают в процессе революционной борьбы. Им выгоднее было отстаивать мысль, что развитие исторического процесса шло путем эволюции от более отсталых форм к более высшим формам. Отсюда вытекают и тактические выводы для современности. Отказ от революционной борьбы и предпочитание ее классовому миру.

В том же году, когда вышла работа Прокоповича, был напечатан и первый труд Пажитнова «Положение рабочего класса в России». Эта же работа в переделанном виде была им издана вновь в 1924 году.

---

[1]) Прокопович — один из основоположников экономизма. После II с'езда партии он окончательно разрывает с социал-демократами и переходит к либералам. В 1904 г. Прокопович принимал близкое участие в работе «Собрания русских рабочих». Во время возникновения профессиональных союзов он принимал участие в работе питерского центрального бюро профессиональных союзов. В 1917 году он занимал министерский пост в правительстве Керенского. В настоящее время находится в эмиграции.

В своем труде (изд.1924 г.) Пажитнов совершенно не проводит разницы между классовой сущностью государства дореволюционного и советского. Благодаря этому, получается впечатление, что Октябрьская революция не внесла никаких изменений в положение рабочего класса. 8-часовой рабочий день существовал и при временном правительстве, имеется он в западно-европейских странах. Заработная плата сравнительно с дореволюционным временем почти не увеличилась. Следовательно, получается, что никакого улучшения рабочим революция не принесла. Отсюда недалеко до вывода, стоило ли вообще делать революцию.

Рабочими организациями Пажитнов считает артели, кооперативы и профессиональные союзы. Тут сквозит народническая постановка вопроса, которая не видит разницы между пролетариями и мелкой буржуазией, живущей своим личным трудом.

Сравнивая профессиональное движение Англии и СССР, Пажитнов находит, что профессиональное движение в России, несмотря на достигнутые им успехи, все же слабее, чем в Англии: «То, что в Англии явилось результатом долгой неторопливой эволюции, растянувшейся на 150 лет, у нас было проделано наспех на протяжении менее, чем двух десятилетий. Там работа шла от частной к общей, и опыт ряда поколений профессиональных работников на местах медленно выкристаллизовывался в принципы строительства и было сильное централистическое течение, стремление к насаждениям сверху тактики профессионального движения. У нас же с самого начала в последнем было сильное централистическое течение, стремление к насаждениям сверху и увлечение стройными системами. В этом источник силы, но здесь же и слабость нашего движения. Миллионные массы членов могут считаться только лишь состоящими на учете» (Пажитнов «Положение рабочего класса»). Это—по сути дела, утверждение в том, что у нас в стране нет профессиональных союзов, а есть канцелярии по профсоюзным делам, и что профессиональное движение может успешно развиваться только при условии, если оно проходит долгую и неторопливую эволюцию.

В 1906 г. вышла книга по истории профессионального движения в России, написанная В. С. Святловским [1]). В 1924 году она была им переработана и вновь издана.

По вопросу о возникновении профсоюзов и о роли касс взаимопомощи Святловский развивает и углубляет Прокоповича. «Рабочие организации,— пишет Святловский, — первоначально робкие и нерешительные, переходят на открытую легальную позицию—это период создания касс и обществ взаимопомощи. Самодержавный режим встревоженно считается с новой революционной силой» (Святловский, стр. 5).

Следовательно, Святловский общества и кассы взаимопомощи, в которых почетными членами нередко состояли такие от'явленные монархисты, как Победоносцев, Иоанн Кронштадтский и вел. князь Сергей Александрович Романов, зачисляет в разряд крупных революционных организаций.

---

[1]) В. С. Святловский в пятом году был приват-доцентом петербургского университета и одновременно служил в министерстве торговли и промышленности. Когда в 1905 году начали создаваться профессиональные союзы, он принял в их организации активное участие. В своих выступлениях на собраниях Святловский высказывался против 8-часового рабочего дня и против допущения социал-демократов к руководству профессиональными союзами. Повидимому, Святловский проводил политику министерства финансов. Многие профорганизации еще в середине пятого года, когда Святловский только начал выступать в роли организатора, выносили резолюции, в которых говорилось, что со ставленником правительства они не намерены иметь дело. Несмотря на это, он был введен в петербургское центральное бюро профессиональных союзов. Меньшевистское центральное бюро не гнушалось сотрудничать со Святловским. В годы реакции Святловский отошел от работы в профессиональных союзах, участвовал на дворянских с'ездах, на которых выносились верноподданические резолюции.

Классовая подоплека в этом утверждении еще более ярко сказывается, чем в работах Прокоповича. Тут ясно виден буржуа, не сумевший разглядеть истинно-революционных организаций и посчитавший таковыми об'единения, по своему направлению приближающиеся к его идеологии.

Закон о фабричных старостах (в 1903 году), который правительство издало с целью отвлечения рабочих от классовой борьбы, о котором II с'езд партии в резолюции сказал, «что новый закон о фабричных старостах по мысли правительства является средством укрепления полицейской опеки над рабочим классом»,—Святловский считает «первой брешью в гранитной многовековой стене политического бесправия» (стр. 255).

Прокопович, Пажитнов и Святловский в основном составляют по направлению единую группу. Все они предпочитают эволюцию революции и отдают предпочтение таким формам организации рабочих, в которых отсутствует всякая революционность. Прокопович считает кассы взаимопомощи профессиональными союзами, Пажитнов заявляет, что наши профсоюзы слабее, чем английские, и главную причину этого видит в том, что у нас все делалось «наспех», т.-е. революционным путем, а в Англии все протекало медленно, эволюционно. Святловский же считает революционными только такие организации, которые на деле ими никогда не были, — кассы взаимопомощи. В своих работах они все стараются смазать классовую борьбу, подчеркивая с особой старательностью моменты, когда им кажется, что происходит примирение классов.

Из выдвинутых ими положений вполне понятно, идеологию какого класса они отображают. Кому выгодно воспитывать рабочих в необходимости отказаться от всяких революционных действий, пропагандировать такие рабочие организации, которые никаких революционных мероприятий не принимают? Именно буржуазии, но буржуазии передовой, которая поняла, что исторически неизбежно возникновение рабочих организаций.

Ленин в свое время дал блестящую характеристику буржуазных идеологов, стремящихся в интересах своего класса извратить историю: «Организаторское творчество народа, особенно пролетариата, а затем и крестьянства, проявляется в периоды революционных вихрей в миллионы раз сильнее, богаче, продуктивнее, чем в периоды, так называемого, спокойного (гужевого) исторического прогресса. Обратное мнение господ Бланков есть буржуазно-чиновничье искажение истории (разрядка наша). Доброму буржуа и честному чиновнику кажутся «настоящими» организациями только такие, которые хорошенечко зарегистрированы в полицейских книгах и сообразованы тщательно со всякими «временными правилами». Без временных правил он не может себе мыслить планомерности и систематичности». (Н. Ленин, собр. соч., т. VII, часть 1, стр. 136).

Эта характеристика целиком подходит к разбираемым нами авторам.

* * *

Следующей, вышедшей в свет работой по истории профессионального движения после Святловского, является книга Гриневича[1]) «Профессиональное движение рабочих в России» (1908 г.), второе издание которой вышло в 1922 г.

[1]) Автор сначала был экономистом, после раскола партии на большевиков и меньшевиков он примкнул к последним. С момента возникновения профессиональных союзов Гриневич принимал активное участие в их работе. В 1917 году на III всероссийской конференции Гриневич был выбран во временный ВЦСПС, где занял пост председателя. В настоящее время он находится за границей, где выпустил в новом издании историю профессионального движения.

Гриневич по своим историческим взглядам стоит далеко от марксизма. В своей книге он развил и углубил работу Святловского. «Идеализм эпохи великих реформ,—пишет он,—улетучился в рабочем вопросе так же быстро, как и во всех других вопросах социально-политической жизни. Из защитницы эксплоатируемых государственная власть превращается очень скоро даже не в нейтрального наблюдателя отношений между трудом и капиталом, а в страстного защитника и покровителя российского капитализма» (стр. 3). Получается, что крестьянская реформа (1861 г.) проводилась в интересах трудящихся внеклассовым государственным аппаратом, который только впоследствии стал защитником интересов буржуазии. Совершенно неправильное толкование дает Гриневич разногласиям экономистов и искровцев. Последних он обвиняет, что они «отодвигали экономическую борьбу на задний план, умаляя значение ее в пролетарской борьбе», и «вместо организации рабочих на очередь дня была поставлена организация людей, профессионально занимающихся революционной деятельностью». Последние слова относятся и к В. И. Ленину и к взглядам, которые он развил и обосновал в своей работе «Что делать».

Нет нужды доказывать, что Ленин не только не отрицал необходимости ведения экономической борьбы, но одним из первых выдвинул положение, что на ряду с политическими организациями социал-демократам необходимо заняться организацией профессиональных союзов.

Также неверно Гриневич оценивает результат победы искровцев над экономистами. «Проведение знаменитого плана организации партии вокруг газеты,—пишет Гриневич,—как центра с разветвлениями в виде ее «сотрудников» или «агентов» повело к организационным «государственным переворотам» на местах и к целому ряду печальных столкновений между «рабочими организациями» и «комитетами партии». Победителями, по большей части, оказывались комитеты, как сплоченные, опытные, приспособленные к конспиративным условиям организации. Однако, результаты побед оказывались самыми печальными для победителей. Лучшие элементы рабочих уходили из организации». (Гриневич—«Проф. движение рабочих в России», стр. 19).

Так пишет Гриневич, а факты говорят обратное. Стачки 90-х годов доказали рабочим, что одной экономической борьбой они совершенно не улучшат своего положения, и сплошь да рядом даже без содействия социал-демократических комитетов, многие из которых стояли тогда на точке зрения экономистов, от экономической борьбы переходили к политической. Это политическое движение рабочих и заставило многих социал-демократов уйти от экономизма.

Именно в то время наблюдался большой приток в партию и главным образом со стороны рабочих.

По вопросу об отношении большевиков к профессиональным союзам Гриневич пишет: «Недоверие к профессиональному движению рабочих характеризует большевистское направление в русской социал-демократии и в более поздние периоды, почти вплоть до настоящего времени» (стр. 174). Дальше он говорит, что раньше по отношению к профсоюзам большевики были нейтралистами самого худшего сорта, и только надвинувшаяся контрреволюция изменила их взгляды на 180 градусов, превратив их в сторонников партийности профсоюзов. Вождь же партии большевиков Ленин не имел своего определенного взгляда на профсоюзы и постоянно колебался от одной крайности к другой. В доказательство этого Гриневичем даже приводится выдержка из предисловия Ленина к сборнику своих статей «За 12 лет», где говорится: «Только лондонский с'езд РСДРП. и штутгартский международный социалистический конгресс заставили меня притти к выводу, что

нейтральность принципиально отстаивать нельзя». (Н. Ленин, «За 12 лет», г. 1925, стр. 15).

В этих своих суждениях Гриневич представляет в абсолютно искаженном виде сущность ленинского учения о профсоюзах и всю тактику большевиков.

Чтобы доказать неверность утверждений Гриневича, нам необходимо разобраться, что же понимал Ленин под словом нейтральность и можно ли Ленина назвать нейтралистом.

Еще в 1895 году в проекте об'яснений программы с.-д. партии Ленин писал: «Вот в чем должна состоять та помощь, которую может оказать с.-д. партия классовой борьбе рабочих: в развитии классового самосознания рабочих посредством содействия им в борьбе за свои насущные нужды.

Вторая помощь должна состоять, как говорится в программе, в содействии организации рабочих. Та борьба, которую мы сейчас описали, требует необходимой организации рабочих. Организация становится необходимой и для стачки, чтобы успешнее вести ее, и для сборов в пользу стачечников, и для устройства рабочих касс». (В. Ленин, т. I, стр. 467).

Из этой цитаты мы видим, что Ленин считал необходимым, чтобы социал-демократы помогали рабочим организациям, организовывали стачечные кассы и вообще руководили всем рабочим движением.

Нейтралисты говорят как раз обратное и считают, что политические организации рабочего класса не должны вмешиваться в его экономическую борьбу.

В своей статье «Попятное направление в русской социал-демократии» (1899 г.) Ленин развивает свою мысль и говорит, что первое пробуждение масс рабочего класса произойдет в легальных организациях: «Для партии очень важно использовать эту деятельность, направлять ее именно туда, где она наиболее требуется, направлять легальных деятелей на распашку той нови, которую засеют потом социал-демократические агитаторы». (В. Ленин, т. II, стр. 575).

Оформил свою теорию о профессиональных союзах В. И. Ленин в работе «Что делать». Здесь он пишет, что организациями рабочих для экономической борьбы должны быть профессиональные союзы и что социал-демократы должны заняться их созданием. Профессиональные союзы станут весьма важным пособником партии в деле борьбы с самодержавием.

Итак, мы видим, что Владимир Ильич считал необходимой прочную связь партии с профсоюзами и участие последних под руководством партии в освободительной борьбе рабочего класса.

Ничего нейтралистического тут нет.

На 2-м с'езде профсоюзов Ленин, характеризуя нейтралистов, говорил: «Они старались экономическую борьбу, являющуюся основой профессионального движения, сделать независимой от политической борьбы».

Нейтралисты утверждали, что профсоюзы ведут борьбу за улучшение экономического положения в рамках существующих условий, партия же ведет политическую борьбу, при чем обе организации равноправны и не вмешиваются в деятельность друг друга. Но нейтрализм заключается не только в противопоставлении профсоюзов партии, а в противопоставлении членов партии, работающих в профсоюзах всей партии в целом. Например, в Германии, где всегда наиболее сильны были нейтралисты, во главе профсоюзов стояли члены социал-демократической партии. Когда партия считала необходимым празднование первого мая, профсоюзные вожди, те же социал-демократы, боясь репрессий, отказывались от этого. Следовательно, тут не только противопоставление партии профсоюзам, но отказ членов партии профработников выполнить партийную директиву, т.-е. противопоставление себе всей партии в целом.

На такой точке зрения Ленин никогда не стоял.

В связи с вышеизложенным возникает вопрос: почему же Ленин сам себя называл нейтралистом. На этот вопрос в свое время правильный ответ дал Ю. Милонов, который писал: «В чем же состоял нейтрализм, о котором говорит Ленин в предисловии к своей книге «За 12 лет». На этот вопрос дает ответ одна из его же статей, посвященная работам штутгартского конгресса. В ней Ленин пишет, что в начале политического и экономического движения «можно было отстаивать нейтральность союзов, как средство расширить первоначальную базу пролетарской борьбы в эпоху ее сравнительной неразвитости и отсутствия систематического буржуазного воздействия на союзы». Далее, раз'ясняя резолюцию штутгартского конгресса, он доказывает, что конгресс не запрещал «профессиональным союзам об'являть о своей тесной связи с социал-демократической партией или проводить на деле в жизнь такую связь». Из этих двух выдержек ясно, в чем заключался нейтрализм Ленина до лондонского с'езда. Все дело сводилось лишь к вопросу о формальном выражении и закреплении руководящей роли партии в профессиональных союзах, необходимость которой Ленин всегда признавал и доказывал».

Партийность профессиональных союзов, которую защищал Ленин, нельзя понимать, как пишет Гриневич, что большевики чуть не хотели требовать от каждого члена профсоюза признания партийной программы. «Партийность союзов должна быть достигаема исключительно работой с.-д. внутри союзов, что с.-д. должны образовывать сплоченные ячейки в союзах, что следует основывать нелегальные союзы, раз невозможны легальные» (Н. Ленин (В. Ульянов), т. XI, ч. I, стр. 20). Так раз'яснял Ленин смысл партийности профессиональных союзов. Дальше в той же статье он говорит, что партийности союзов не нужно добиваться путем нарушения единства профессиональных организаций.

Остается еще привести выдержку из письма Ленина Гусеву, в котором он о профсоюзах писал следующее: «Теперь, вероятно, как раз начнут скоро возникать профессиональные союзы. Надо не сторониться и пуще всего не давать повода думать, что надо сторониться, а стремиться участвовать, влиять и т. д. Ведь есть особый слой рабочих, пожилых, семейных, которые страшно мало дадут в политической борьбе теперь, но очень много в профессиональной. Надо этот слой использовать, направляя его лишь шаги в этой области. Российской социал-демократии важно в самом начале взять верную ноту о профессиональных союзах, сразу создать традицию социал-демократического почина по этой части, социал-демократического участия, социал-демократического руководства» (разрядка наша). («Ленинский Сборник» V, ГИЗ, 1926 г., стр. 520). Письмо датировано июль—октябрь 1905 года).

По этому письму мы снова можем убедиться, что принципиальной разницы во взглядах Ленина в 1905 и 1908 гг. не существовало.

В корне неправильно также утверждение Гриневича, что большевики в первый период организации союзов не принимали в последних никакого участия и некоторые их считали даже вредными. Факты говорят обратное. В Москве, Одессе и ряде других городов России организаторами профсоюзов сплошь и рядом были большевики.

Вторым видным меньшевистским историком является Колокольников [1]). В своих работах «Профессиональное движение в России», «Профес-

[1]) Б член РСДРП (меньшевиков) в момент возникновения союзов принимал активное участие в их организации. В 1917 г. был товарищем министра труда в одном из составов временного правительства. В настоящее время состоит преподавателем в высших учебных заведениях.

сиональные союзы в Москве», «Первая и Вторая Всероссийская конференции профессиональных союзов» (составили Колокольников и Раппопорт с предисловием Колокольникова)—Колокольников по вопросу о роли партии развивал те же самые взгляды, что и Гриневич, повторяя его утверждение, что у большевиков не было никаких партийных директив насчет профессиональных союзов, и вообще большевики не играли в профдвижении никакой роли.

К историкам-меньшевикам следует еще причислить Ельницкого. Первая его работа была выпущена в 1906 году под названием «Первые шаги рабочего движения». В 1917 году им была издана книга «История рабочего движения», которая переиздавалась в 1923 и 1925 гг.

Все работы Ельницкого представляют летописное изложение фактов без всякого об'яснения причин, вызывающих те или иные явления.

Меньшевистское понимание событий сказывается в его утверждении, что «организационный устав, принятый незначительным бльшинством с'езда (II с'езд РСДРП. *З.* и *Ш.),* был строго централистичен и превращал комитеты в тесные кружки, деспотически управлявшие местными организациями: меньшинство же требовало демократизировать комитеты и приблизить их к рабочим массам» (Ельницкий — «История рабочего движения в России», стр. 151). Приходится только удивляться, как подобные утверждения могли быть напечатаны в 1925 году. Деспотические кружки не могли бы превратиться в миллионную организацию и довести пролетариат до окончательной победы над буржуазией.

По вопросу о роли закона 4 марта Ельницкий стоит на точке зрения буржуазных историков. Он утверждает, что закон 4 марта, который в течение 11 лет тормозил развитие профессионального движения, является большим толчком к развитию профессионального движения. «Опубликование этого закона,—пишет он,—а также наступившее вскоре общественное оживление в связи с созывом первой государственной думы,—вызвали новое оживление в деятельности профессиональных союзов» (Ельницкий—«История рабочего движения в России», стр. 216).

Гриневич и Колокольников являются главными представителями существующей у нас меньшевистской школы историков. Они, в отличие от буржуазных историков, скрывающих свои настоящие взгляды, под ширмой об'ективности открыто выступают в защиту своих политических взглядов и стараются на страницах истории свести счет со своими старыми политическими врагами—большевиками. В основном их взгляд на профессиональное движение заключается в следующем. Профсоюзы возникли в пятом году в результате стачечного движения рабочих. Организаторами же их явились социал-демократы (меньшевики), у которых была стройная теория на задачи профсоюзов. Большевики недоверчиво относились к профсоюзам, считали их ненужными и вредными организациями. Недоверие большевиков к профсоюзам—не случайное явление, а характерная особенность большевистской партии «вплоть до настоящего времени». Во время зарождения профсоюзов партийные инстанции совершенно не интересовались профессиональным движением и не давали соответствующих директив. Рядовые члены партии, не имея соответствующих директив, бросались от одной крайности к другой. Вождь же партии, Ленин, характерен, как показатель непонимания задач профсоюзов большевиками. Он колебался от злостного нейтрализма до признания партийности союзов. Ельницкий по многим вопросам расходится с меньшевистской школой историков и ближе к буржуазным историкам. Общее у него с меньшевиками—это неприкрытая критика тактики большевистской партии. Другими словами,—он служит тем мостиком, который соединяет обе школы историков.

Обособленную позицию от меньшевистских историков занимает Айнзафт [1]), который старается создать «об'ективную историю», свободную от «публицистических искажений». Основным методом работы он считает собирание фактов. Айнзафт свой взгляд на историю сформулировал на последнем научном совещании Истпрофа (февраль 1928 г.), который в основном сводится к следующему: история есть только фактическая история. Главными работами Айнзафта являются: «Первый этап профессионального движения» и «Зубатовщина и Гапоновщина».

Посмотрим, какова «об'ективность» Айнзафта. Вот как он об'ясняет разногласия большевиков и меньшевиков по вопросу о взаимоотношениях профсоюзов с партией: «Присматриваясь поближе, мы видим, что, несмотря на существование будто бы резких разногласий между обеими фракциями в вопросе о взаимоотношениях союзов и партии, фактически никаких существенных разногласий в этом вопросе между ними не было (разрядка наша). По существу же, ратуя—первые за партийность, вторые за нейтральность, они фактически придерживались одинаковых взглядов по вопросу о взаимоотношениях союзов и партии. И те и другие полагали, что союзы должны быть массовыми организациями, по возможности охватывающими всю рабочую массу; и те и другие полагали, что союзы не должны ограничиваться задачами борьбы за пятачок и должны вести выдержанную линию классовой борьбы».

Дальше Айнзафт пишет: «Мы видим, что самый будто бы спорный вопрос в российском профессиональном движении изучаемого периода—вопрос о партийности и непартийности союзов—по существу разногласий не вызвал. Спор по существу шел только о словах—то, что большевики называли партийностью союзов, меньшевики называли нейтральностью и наоборот; одни и те же отношения между союзами и партией одни называли одним именем, другие—другим именем (разрядка наша). И в этом по существу было содержание спора». (Айнзафт «Первый этап профессионального движения», стр. 152—153).

По существу такое об'яснение есть не более, как тенденция смазать основные разногласия между обеими партиями и показать, что меньшевики—такая же революционная партия, как и большевики.

Автор совершенно упускает из вида, что большевики признавали экономическую борьбу чрезвычайно важной, но все же подчиненной задачам политической борьбы. Меньшевики же признавали равноценность экономической и политической борьбы.

Только в одном вопросе Айнзафт стоит на вполне правильной позиции, он в своей работе и на дискуссионных собраниях Истпрофа выступал с опровержением буржуазно-демократического взгляда о происхождении профсоюзов.

Про вторую работу Айнзафта «Зубатовщина и Гапоновщина» в свое время М. Н. Покровский сказал, что по Айнзафту «зубатовщина и гапоновщина суть две фазы стихийного рабочего движения, которое полиция пыталась использовать, но в конечном счете для себя неудачно...

Дальнейшим логическим выводом было бы то, что и революционная рабочая партия в России выросла путем дальнейшей трансформации в том же направлении из гапоновщины, а что большевики лишь так же использовали стихийное рабочее движение, как в первой стадии Зубатов, а во второй Гапон. В большевизме это движение нашло окончательную свою формулировку или, по крайней мере, формулировку наиболее долговечную.

[1]) Б. бундовец, в настоящее время научный сотрудник Истпрофа ВЦСПС.

Всего этого Айнзафт не говорит,—но это логически вытекает из его постановки». («Вестник Социалистической Академии» № 2, 1923 г.).

Из всего изложенного видно, что все работы Айнзафта сводятся к косвенной защите оппортунистических партий и попытке изобразить революцию пятого года завершением этапа полицейского социализма. Все это говорится не открыто, а прикрывается об'ективным изучением фактов и документов.

Приступая к разбору историков-коммунистов, мы считаем необходимым сказать, что большевистской школы историков еще не имеется. Есть ряд историков профдвижения, членов партии, как-то: Чекин-Яроцкий, Антошкин, Милонов, Деготь[1]), Панкратова, Томский и Лозовский, каждый из которых имеет свой собственный взгляд на развитие профессионального движения.

Чекин-Яроцкий является главным образом историком мирового профессионального движения.

В области истории профессионального движения в России он во многих вопросах стоит на позиции мелкобуржуазных историков.

В своем предисловии к сочинениям Ленина о профессиональных союзах он писал: «Но существует ли в учении В. И. Ленина целостная, стройная теория профессионального движения?

Нет. Своих взглядов на профессиональное движение В. И. Ленин не оформил в стройной системе. При изучении ленинизма в профессиональном движении приходится начинать с последних, а не с первых работ» (стр. 9, разрядка наша). Если это так, то совершенно непонятно, откуда же появилась та очень стройная и целостная теория профессионального движения, которую большевики противопоставляли меньшевистским взглядам, начиная с 1905 года. И невольно возникает вопрос, уж не прав ли тогда Гриневич в своем утверждении, что Ленин, как и вся партия большевиков в момент возникновения профессиональных союзов, не имел определенного взгляда на профессиональные союзы и только меньшевики таковой имели.

По вопросу о зарождении профсоюзов он пишет следующее: «Фактически, разумеется, и в России возникновение профессионального движения может быть отнесено ко времени появления наемных отношений в хозяйственном строе. Расслоение натурального хозяйства и соответствующее расслоение классов на новые образования начинается здесь еще в конце XVII — начале XVIII века» (Чекин-Яроцкий, «Введение в изучение профессионального движения», стр. 108). Следовательно, получается, что профсоюзы зародились чуть ли не в XVII столетии. В другом месте Яроцкий пишет: «Необходимо истоки профессионального движения искать не в огне и буре 1905 года, создавшего в конечном счете профессиональные союзы, а в гораздо более раннем периоде, отходящем к моменту появления первых обществ и касс взаимопомощи» (разрядка наша).

Из этого мы видим, что Яроцкий считает, что профессиональные союзы зародились даже не из касс взаимопомощи, а еще гораздо раньше, еще до появления первых обществ и касс взаимопомощи. И вполне был прав Рязанов, когда, критикуя на диспуте точку зрения Яроцкого, сказал: «Источником профдвижения в России является революционное движение рабочего класса. Вы можете самым скрупулезным образом выяснять всякие классы и проч., но это имеет к профдвижению в количественном отношении такое же

[1]) Работы т. Деготя нами не разобраны, так как по всем вопросам истории и теории профессионального движения у нас с ним общие взгляды. Во время составления этой работы он своими советами и указаниями принимал в ней участие. Поэтому, во избежание обвинения нас в пристрастности, мы его преднамеренно пропустили.

отношение, как один соврубль ко всей массе соврублей, выпущенных за все время. Профдвижение, повторяю, является прямым продуктом революционного движения рабочего класса, в этом отношении несравненно рациональнее видеть исток нашего российского профдвижения со всеми его особенностями в русском рабочем революционном движении» (стр. 24 стенограммы дискуссионных собраний, устроенных Истпрофом ВЦСПС 14/28 февраля 1924 г.).

В своей работе «Введение в изучение профессионального движения» Яроцкий заявляет, что историю профессионального движения «в общем и целом» можно разделить на следующие этапы:

1) Зарождение движения (с 20-х до 90-х годов XIX столетия);
2) «Экономизм» и «рабочедельство» (с 1897 по 1903 гг.);
3) Зубатовщина и гапоновщина (с 1902 по 1905 гг.);
4) Упадок движения (с 1906 по 1911 гг.);
5) Революционизирование движения (с 1911 по 1918 гг.);
6) Диктатура пролетариата и союзы (с 1918 г.—1-й с'езд союзов);
7) Союзы во время военного коммунизма (1918 по 1921 гг.);
8) Союзы в условиях новой экономической политики (с 1921 г.).

Выходит, что период с 1897 по 1903 гг. характеризуется работой только экономистов, а между тем это была пора, когда зародилась большевистская партия и впервые выступил со своим учением Ленин и партия отмежевалась от экономизма.

Второй этап также неверен и насквозь пропитан оппортунизмом. Из характеристики второго этапа вытекает, что первая русская революция есть завершение зубатовщины и гапоновщины.

Годы упадка у Яроцкого начинаются с 1906 года, между тем 1906 и начало 1907 года было временем наибольшего развития профессионального движения. Характеристика — «диктатура пролетариата» (с 1918 г. первый с'езд профсоюзов) относится одинаково ко всем ниже упомянутым периодам. Если придерживаться иного определения, то ведь может получиться впечатление, что диктатура пролетариата началась в 1918 г. и кончила свое существование после первого с'езда профсоюзов. Нужно полагать, что Яроцкий так не думает, но логически получается так.

В заключение остается осветить, как понимает Яроцкий деятельность союзов в эпоху диктатуры пролетариата. Он пишет следующее: «Тезис — «строительство союзами всей промышленности» сменился антитезой—выдвиганием на одно из первых мест в союзной работе защиты экономических интересов рабочего у станка» (Чекин-Яроцкий, «Введение в изучение профессионального движения», М., изд. ВЦСПС, 1925 г., стр. 107).

Если понимать термины тезис и антитезис в том смысле, как их употреблял Маркс, т.-е. считать антитезу отрицанием тезы, то выходит, что союзы в период военного коммунизма ставили перед собой исключительно задачу организации и управления промышленности, а в годы нэпа—только защиту экономических интересов рабочих. Это неверно, так как в годы военного коммунизма никогда не выставлялось положения, что профсоюзы занимаются самостоятельно организацией хозяйства. Ленин по этому вопросу писал следующее: «Оставаясь формально самостоятельными организациями, профсоюзы могут и должны, как выражается одно из положений предлагаемой вам резолюции, «принимать энергичное участие в работе советской власти путем непосредственной работы во всех государственных органах, организации массового контроля над их действиями и т. п., создания новых органов учета, контроля и регулирования всего производства и распределения, которые покоятся на организованной самодеятельности самих заинтересованных широких трудящихся масс» (2-й Всерос. с'езд профсоюзов,

стенографический отчет «О задачах профессиональных союзов», доклад В. И. Ленина, стр. 52).

Участие профсоюзов в организации производства Ленин понимал как помощь в этом деле советскому государству. Раз'ясняя на 2-м с'езде профессиональных союзов смысл, вкладываемый в это понятие комфракцией с'езда, он говорил, «что если бы сейчас профессиональные союзы попробовали самочинно взять на себя функции государственной власти, из этого вышла бы только каша». (Н. Ленин. Собрание сочинений, т. XVI, стр. 22).

В условиях новой экономической политики союзы попрежнему не отказались от участия в содействии организации народного хозяйства. Если бы в действительности было так, как выразился Яроцкий, то политика партии не соответствовала бы учению Ленина о профессиональных союзах, который считал, что параллельно с борьбой с бюрократическими извращениями профсоюзы должны принимать участие в организации промышленности. Партия все время боролась против сужения работы профессиональных союзов в рамках защиты экономических интересов, когда эта «защита» рассматривалась как отрицание участия в организации промышленности.

Переходя к разбору другого большевистского историка Антошкина, следует сказать, что он в своей работе является более большевистски выдержанным, чем Чекин-Яроцкий.

Д. Антошкин дал правильный анализ значения касс взаимопомощи. В противоположность ряду историков он считает, что кассы и общества взаимопомощи «ни формально, ни по существу, ни по своему составу, ни по своей деятельности не являлись классовыми организациями, не были организациями классовой борьбы и стояли в стороне от нее». Другими словами, они не только не являлись предшественниками профессиональных союзов, а, наоборот, являлись тормозом их развития.

В своей работе Антошкин опроверг неправильное положение Айнзафта («Первый этап российского профессионального движения»), что профессиональные союзы возникли в крупном производстве позднее, чем в ремесленном, потому что пролетариат в крупной промышленности по своему составу был не однороден. Антошкин же считает, что «как только представилась возможность организоваться, ремесленные рабочие приступили к организации профессиональных союзов, чтобы через них вступить в борьбу с хозяевами за улучшение своего положения. Фабрично-заводские рабочие могли на первых порах развернуть—и развернули — борьбу без профессиональных союзов, пользуясь для об'единения своей борьбы, когда это надо было бы, другими формами организации, в том числе и политическими в лице российской соц.-дем. рабочей партии» (стр. 83).

Антошкин первый заявил, что «меньшевики совершенно напрасно приписывают себе исключительную роль в профессиональном движении на первых шагах» (стр. 154), правда, не доказав это фактами.

Но в одном вопросе автор делает крупную ошибку, — он повторяет меньшевистскую легенду о нейтрализме Ленина. «Владимир Ильич Ленин,— писал Антошкин,—еще до пятого года высказывался за нейтральность профессиональных союзов». Дальше, приводя цитаты Ленина, где он себя называет нейтралистом, он пишет следующее: «Линия партийности союзов решительно и наиболее планомерно проводилась московскими большевиками уже в первый момент возникновения профессиональных союзов, в то время как петербургские большевики воздерживались формально об'являть союзы партийными. В сущности их работа в союзах была направлена к овладению союзами, как и в Москве. Вопрос о партийности союзов окончательно был решен на конференции в Куоккало летом 1907 г., на которой принцип нейтральности был окончательно отвергнут большевиками: точка зрения партийности союзов стала официальной линией партии после Штутгартского конгресса, но проводилась она в жизнь только большевиками» («Вестник Труда» за 1923 г., № 3, статья Ногина, стр. 234).

Из этой цитаты мы видим, какую вторую недопустимую ошибку делает Антошкин. Здесь сквозит попытка отделить деятельность партии от Ленина. По Антошкину получается, что партия стояла на точке зрения партийности союзов, а Ленин—за нейтральность.

Лозовский является историком мирового профессионального движения. По истории профдвижения в России им написана работа «Профессиональные союзы в Советской России» (изд. ВЦСПС, М., 1920 г.). В предисловии к своей работе Лозовский пишет: «Настоящая брошюра есть введение к сборнику «Профессиональные союзы Советской России», написанному всероссийскими профессиональными об'единениями для английских рабочих в связи с приездом в Россию делегации от английских трэд-юнионов».

В своей брошюре Лозовский описывает, как возникли профсоюзы, как протекала первая и вторая Всероссийская конференция, но ни слова не упоминает, какая происходила в союзах до 17-го года борьба между меньшевиками и большевиками, какой взгляд был у партии на задачи профсоюзов в момент их возникновения. У прочитавшего эту работу английского рабочего, наверное, сложилось впечатление, что до 17-го года никаких разногласий между большевиками и меньшевиками не было и что большевики и меньшевики раньше имели один общий взгляд на роль и задачи профсоюзов. Некоторые положения Лозовского, написанные весьма категорически, неверны. Он пишет: «Русские профессиональные союзы имеют отроду 3 года (накануне Февральской революции в России было 3 профессиональных союза с общим количеством членов в 1.385 человек)» (Лозовский, «Профсоюзы в Советской России», стр. 61).

По имеющимся неполным данным, к концу войны существовали профоб'единения в Москве: союз металлистов, золотосеребренников и бронзовщиков, рабочих мануфактуристов, строителей, деревообделочников, печатников, булочников, кондитеров, рабочих по изготовлению обуви, портмонетчиков и сумочников, швейников, рабочих по обработке фарфора и стекла, торгово-промышленных служащих, кооперативных, коммерческих, официантов, товаров и всероссийский союз фельдшеров и акушерок.

Сохранились союзы также в Петрограде, Самаре, Саратове, Киеве, Харькове и т. д.

Во время войны издавалось до 12 печатных профессиональных органов.

Утверждение о том, что профсоюзы вновь возникли только в 1917 году просто не соответствует истине. Можно еще указать на то, что нелегальное Московское центральное бюро профсоюзов после Февральской революции реорганизовалось в Совет Профсоюзов, что организационная комиссия по созыву Всероссийского с'езда, избранная на 2-й конференции, делала отчет на 3-й конференции.

В постановке вопроса, что профсоюзы вновь возникли только в 17-м году, звучит тенденция, имеющаяся у многих профработников, начавших работать в профсоюзах только с 17-го года, представлять, что будто бы только с этого момента началась профсоюзная деятельность. Это смахивает на тенденцию Троцкого, который, начав работать в большевистской партии только в середине 17-го года, проводил в «Уроках Октября» мысль, что история партии начинается с Октябрьской революции.

Глубоко неверна также попытка Лозовского изобразить, что в 17-м году профсоюзы и фабрично-заводские комитеты представляли нечто целое и неразрывное и что они проводили одинаковую революционную тактику. «Ожесточенная война,—пишет он, — между профессиональными союзами и предпринимателями шла, как мы видим, на каждой фабрике, на каждом за-

воде еще задолго до Октябрьской революции. Профсоюзы и органы их, фабрично-заводские комитеты, на опыте, на практике убедились в необходимости насильственного низвержения буржуазии (разрядка наша). Вот почему в октябрьские дни они шли в первых рядах в борьбе против Временного правительства и коалиции» (стр. 21).

Во-первых, в 1917 году фабзавкомы не являлись органами профсоюзов и были во многих местах вполне самостоятельными организациями, имевшими свои центральные советы (только после первого с'езда профсоюзов фабзавкомы были ликвидированы, как самостоятельные организации). Во-вторых, профсоюзы в период Февральской и Октябрьской революций не играли такой революционной роли, как фабзавкомы. В то время как в Петрограде центральный совет фабзавкомов принимал активное участие в октябрьском перевороте, петроградский совет профсоюзов занимал половинчатое положение, и когда революция совершилась, он поддержал требование группы Зиновьева и Каменева о необходимости организации правительства из всех социалистических партий.

Основной работой М. П. Томского является «Принципы организационного строительства профессиональных союзов» (М. 1919 г.). Заслугой тов. Томского является то, что он применил диалектический метод в изучении профессионального движения. До сих пор еще большинство историков профессионального движения придерживаются описательного метода. Тов. Томский изменение тех или иных организационных принципов об'ясняет изменением производственных отношений и политикой предпринимателей и правительства. Причиной организации цеховых союзов он считает: «1) слабо развитый машинный способ производства, при котором основной базой производства являлся ремесленный труд, основанный на ловкости, выучке и ограниченный кругом специалистов, и 2) почти полное отсутствие боевых организаций капиталистов» (стр. 14). Причину перехода от цеховых союзов к производственным он видит в следующем: «В процессе развития экономической борьбы в связи с ростом машинного производства, с вытеснением ремесленного труда и низведением его из основного фактора производства в подсобный, рабочие, наталкиваясь в своей борьбе на сопротивление организованных предпринимателей, принуждены были перевести свою борьбу из области групповых, цеховых забастовок в область общепроизводственную».

Сообразно этому перестраиваются и рабочие союзы, об'единяя разрозненные по разным союзам родственные цеха и профессии и, наконец, охватывая всех рабочих, занятых в данной отрасли промышленности, без различия их профессии.

На этой стадии развития профессиональных организаций рабочие уже вплотную подходят к строению союзов по отраслям промышленности, к тому, что мы теперь называем «производственный союз» (стр. 14).

Но и к теории Томского необходимо внести следующие поправки. Не всюду и везде союзы возникают благодаря слабо развитому машинному способу производства. В России цеховые союзы в 1905 году возникли, главным образом, благодаря сохранившимся у некоторых групп рабочих цеховых традиций и, как указал Томский, в связи с полным отсутствием организаций капиталистов, но не благодаря слабо развитой технике. С возникновением предпринимательских организаций уже в 1906 году начался переход к производственному принципу.

В одном вопросе Томский делает крупную ошибку: «Первые профессиональные организации рабочих дореволюционной России (до 1905 года),— пишет он,—живя в обстановке полицейского гнета, не только не могли ставить себе широких организационных задач, но вынуждены были всячески скрывать и прятать свое истинное лицо, затушевывать свои цели и задачи. Эти слабые ростки будущих классовых организаций, независимо от преследуемых ими «легально» целей, самым фактом своего существования имели для того периода столь громадное воспитательное значение, что самосохранение является для них основной задачей и на это уходит вся их энергия. Наиболее развитый, обычный тип этих организаций—касса взаимопомощи. Слабые силами и средствами, они принуждены прикрывать себя от репрессий полиции и прибегать к покровительству наиболее, «благонадежных» элементов в лице либерально настроенных представителей крупной администрации и т. п., вводя их в свои организации в качестве «почетных членов» (стр. 1). Совершенно неверно, что кассы взаимопомощи имели «громадное» воспитательное значение, что они якобы были вынуждены прикрывать себя от репрессий полиции. Во главе касс и обществ взаимопомощи стояли реакционные элементы, относящиеся враждебно ко всякой революционной борьбе. Царский гимн и приветственную телеграмму царю с'езд обществ взаимопомощи приказчиков посылал не для того, чтобы скрыть свое революционное лицо, а потому, что они были искренними монархистами.

Надвинувшаяся революция 1905 г. толкнула некоторые кассы на революционный путь. Но после того, как революционная борьба спала, они вновь заняли реакционные позиции. Большинство из них относилось враждебно к профессиональным союзам и если играло в нашем рабочем движении какую-либо роль, то только такую, какую выполняют желтые и христианские профсоюзы на Западе по отношению к классовым профессиональным союзам.

Сейчас нам остается осветить работы А. М. Панкратовой и Ю. Милонова. Основные труды Панкратовой: «Фабзавкомы в России в борьбе за социалистическую фабрику», «Роль фабзавкомов в германской революции», «Политическая борьба в российском профдвижении». Первая ее работа является одной из лучших работ по данному вопросу, хотя в ней проскальзывает тенденция умалить значение фабрично-заводских комитетов, как революционного фактора. Это видно из следующего: «Рабочий комитет в России предшествовал профессиональному союзу. Но даже если обе организации возникали и существовали одновременно, то русские профессиональные союзы отличались таким же боевым закалом, революционным характером и социалистическими тенденциями, как и рабочая фабрично-заводская организация. И уже одно это обстоятельство резко отличает русские союзы и завкомы от аналогичных организаций в Западной Европе» (А. Панкратова—«Фабзавкомы в России в борьбе за социалистическую фабрику», стр. 312). Исторически это неверно. В 1917 году многие профсоюзы не имели такого «революционного закала», выражаясь словами Панкратовой, как фабзавкомы. Фабзавкомы в то время выделяли самостоятельные организации со своими центральными советами, главным образом, в тех городах, где в межсоюзных об'единениях стояли меньшевики и колеблющиеся элементы из большевистской партии, как, например, в петроградском совете профессиональных союзов. В Москве же, где во главе профсоюзов еще со времени империалистической войны стояли большевики, фабзавкомы не играли самостоятельной роли.

В своей работе «Политическая борьба в российском профессиональном движении» Панкратова пишет: «Большая часть работников профессионалистов, имевших опыт хотя бы только небольшого прошлого, какое имели русские профсоюзы, были также меньшевиками, ибо во времена глухой царской реакции в профсоюзах могли работать только лишь меньшевики-ликвидаторы, отказавшиеся от нелегальной партийной борьбы» (стр. 24).

Тут Панкратова не критически повторяет меньшевистскую легенду, что в профсоюзах работали одни только меньшевики, в то время как именно во времена глухой реакции большевики работали в профсоюзах. В 1912 и 1914 гг. профессиональные союзы в Москве и Петербурге были завоеваны большевиками. Во время войны в профсоюзах Москвы и Петрограда работали исключительно большевики. Партия с ее вождем Лениным вели активную борьбу с ликвидаторами слева (отзовисты), считавшими ненужным вести работу в легальных организациях.

Слишком категорично также утверждение Панкратовой, что «Февральская революция застала рабочий класс в состоянии полнейшей дезорганизации» (стр. 21). Нельзя назвать класс дезорганизованным, в то время как, начиная с 1915 г., окрепла и усиленно проводила свою работу его партия (большевики). Кроме того, начиная с 1915—1916 годов уже активно работали больничные кассы, профессиональные союзы, издавалась рабочая печать.

Ю. Милоновым написаны работы: «Как возникли профессиональные союзы» и «Партия и союзы», в которой он опроверг меньшевистскую легенду, что Ленин был нейтралистом. Также им была опровергнута другая меньшевистская версия, что в момент возникновения профессиональных союзов партия большевиков относилась к ним недоверчиво, а некоторые вообще считали их ненужными, даже вредными, и что в то время у партии не было общепартийной директивы о работе в профсоюзах. Он привел данные, что с первых дней возникновения профессиональных союзов большевики вели активную работу в последних. Дальше им доказано, что партийная инстанция и центральный орган партии («Вперед») давал на места руководящий материал о работе профсоюзов.

Как историк, Милонов до последнего времени придерживался описательного метода. В своей работе «Как возниклип профессиональные союзы» он это об'ясняет отсутствием достаточного материала для аналитических выводов. Конечно, это не может служить оправданием. М. Н. Покровский писал историю России в более худших условиях, однако, это не мешало ему придерживаться диалектического метода.

Подводя итоги работам историков-большевиков, необходимо еще раз повторить, что большевистской школы историков еще не имеется, но основные вехи ее уже намечаются. В основном они сводятся к следующему: признание единственно правильным методом работы—диалектического метода; борьба против либеральных и меньшевистских историков, в частности, против их взглядов, что профсоюзы возникли из касс взаимопомощи и закон 4 марта удовлетворил желание рабочего класса, послужив в то же время толчком к развитию профессионального движения; разоблачение меньшевистских утверждений, что Ленин был нейтралистом и что партия большевиков не имела своего определенного взгляда на профсоюзы и вплоть до 1917 года не играла в них никакой роли.

Однако, как указано выше, далеко не все историки-партийцы придерживаются таких взглядов.

Ленин хотя никогда специально не занимался историей профессионального движения, но в отдельных своих работах и речах дал единственно верную установку о происхождении профсоюзов. На всероссийском с'езде текстильщиков он сказал следующее: «Многие из вас помнят или знают от своих отцов, как рабочие несколько лет тому назад, попадая на фабрику, говорили, что фабрика «народ кормит», и думали, что фабрикант является их благодетелем. Тогда рабочие еще не понимали эксплоатации их капиталистами. Рабочие всех капиталистических стран так смотрели на дело. От этого первоначального неведения, бессознательности рабочие постепенно переходили к сознанию своего положения. К этому времени относится начало стачек. Рабочие начали чувствовать свою силу, стачки научили рабочих тому, что будучи беспомощными в одиночку, в соединении с другими они являются силой. **Вместе с ростом стачек, росло и профессиональное движение**». (Разрядка наша).

В своей брошюре «Победа кадетов и задачи рабочей партии» он писал: «Возьмем профессиональные организации, и мы увидим, вопреки всем филистерским сплетням об игнорировании их в революционный момент, что в России никогда не создавалось такой бездны профессиональных рабочих организаций, как в эти дни. Страницы социалистических, именно социалистических, газет и «Новой Жизни», и «Начала» были переполнены сведениями о новых и новых профессиональных организациях. Такие отсталые слои пролетариата, которые в течение десятилетий едва удается раскачать в периоде планомерного и систематического мещанского прогресса, в роде домашней прислуги, проявляли величайшую склонность и способность к организации» (Ленин, Собр. соч., т. VII, ч. I, стр. 135).

Из этой цитаты видно, что Ленин считал, что с момента возникновения профсоюзов большевики принимали в их организации активное участие. В другой своей работе «Детская болезнь левизны в коммунизме» Ленин писал, что большевики не только занимались работой в профессиональных союзах, когда они возникли, но что еще раньше, когда не существовали профессиональные союзы, если только представлялась малейшая возможность работать в легальных организациях, члены партии там работали. «При царизме,—писал он,—до пятого года у нас не было никаких «легальных» возможностей». Но когда Зубатов, охранник, устраивал черносотенные рабочие собрания и рабочие общества для ловли революционеров и для борьбы с ними, мы посылали на эти собрания и в эти общества членов нашей партии (я, лично, помню из числа их т. Бабушкина, выдающегося питерского рабочего, расстрелянного царскими генералами в 1906 г.), которые устанавливали связь с массой, изловчались вести свою агитацию и вырывали рабочих из-под влияния зубатовцев». (Н. Ленин, собр., т. XVII, стр. 145).

Итак, мы видим, что большевистская концепция возникновения профессионального движения и роли в ней партии в основных чертах имеется уже в трудах Ленина.

Из всего нами сказанного видно, что несмотря на то, что схема по истории профессионального движения набросана Лениным и что у нас имеется комиссия по изучению истории профдвижения, которая работает уже 9 лет,—марксистско-ленинской истории пролетариата не имеется. Одна из основных причин этого заключается в том, что в истпрофах работали и продолжают еще работать идеологически чуждые нам лица (члены б. соц. партии); коммунисты же, работающие в истпрофах, сплошь и рядом подпадают под влияние чуждой идеологии или же совершенно не занимаются научной деятельностью, выполняя одну только организационную работу. Слабо также работает культотдел ВЦСПС, который до сих пор не только печатает меньшевистских авторов, но и всюду их рекомендует.

Чтобы не быть голословными, приведем следующие примеры: РИО ВЦСПС в настоящее время, издавая серию популярных брошюр по истории профессионального движения, заключает договор ни с кем иным, как с Ельницким, который еще в 1925 году в своих работах писал пасквиль на нашу партию. Б. Мартов в своей книге «Изучение профессионального движения» (издание 4-е 1926 г. РИО ВЦСПС), по курсу истории и теории профессионального движения рекомендует следующих авторов:

1) Прокопович, 2) Пажитнов, 3) Ельницкий, 4) Колокольников, 5) Гриневич, 6) Айнзафт, 7) Гордон, 8) Святловский и др.

При этом небезынтересно отметить, как Б. Мартов дает отзывы об авторах, идеологически нам чуждых.

С. Прокопович.—«К рабочему вопросу в России». Изд. 1907 года, гл. II, III и IV.

Сухо написано. Много цифрового и фактического материала.

К. Пажитнов.—«Положение рабочего класса в России». Изд. 1907 г., ч. I.

Обстоятельная работа, богатая фактическим материалом.

А. Ельницкий.—«История рабочего движения в России», т. I, гл. I—II, изд. ВЦСПС

Довольно популярная, живо написанная работа, охватывающая всю историю.

Перед нами сейчас стоит задача повести энергичную и решительную борьбу за завоевание этой дисциплины. Для этого коммунисты-историки должны обдумать все ими написанное и отказаться от всех своих ошибок.

Президиуму ВЦСПС необходимо приступить к реорганизации истпрофа ВЦСПС, вычистив оттуда идеологически чуждых работников.

Кстати сказать, правильно было бы истпрофы, как и истпарты, слить с Институтом Ленина, так как изучение истории пролетариата без истории партии и ленинизма совершенно немыслимая вещь.

Так же необходимо в Ранионе и в Институте красной профессуры усилить изучение рабочего и профессионального движения.

В. Злотин и И. Щипицын.

Опечатка:

В № 11 «Большевика» заголовок ст. тов. Г. Смолянского напечатан так: «К профсоюзным проблемам «п е р и о д а т р е т ь е г о», должно быть как это напечатано в содержании и в колон-титулах: «К профсоюзным проблемам «третьего периода».

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 13—14 31 ИЮЛЯ № 13—14

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

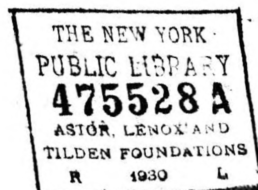
СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 9

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ

„ПРАВДА"



Главлит № А—37105.
Тираж 57.500 экз.
Типография газеты „Правда“, Москва, Тверская, 48.

В борьбе за пятилетку.

Принятие пятилетнего плана развития народного хозяйства нашего Союза, синтезирующего и конкретно оформившего решения партии в деле осуществления задач социалистического строительства, явилось, вне всякого сомнения, одним из крупнейших политических событий последнего времени. Ясная и четкая цель, которая ставится этим планом перед пролетариатом, наметка путей, направления и условий его осуществления позволяют на совершенно конкретных и ясно очерченных задачах мобилизовать волю и энергию рабочего класса, открывают необ'ятнейший простор для вовлечения широчайших масс трудящихся в дело социалистического строительства, будят творческую энергию и изобретательство миллионов, направляя их в организованное русло — выполнение заданий пятилетнего плана. И именно в этом заключается одна из важнейших предпосылок, одно из важнейших условий выполнения пятилетнего плана.

Величайшим пустяком и чудовищным заблуждением было бы думать, что пятилетний план может быть выполнен «самотеком», что особенности нашей системы хозяйства и ее преимущества перед капиталистической «автоматически» гарантируют его выполнение и разрешение поставленной перед нами задачи догнать и перегнать страны передового капитализма. Без мобилизации воли и энергии широких масс трудящихся и в первую очередь рабочего класса, без подлинно творческого энтузиазма этих масс, без величайшей организованности, сплоченности и дисциплинированности, без решительного подавления обостряющегося сопротивления капиталистических элементов, без неуклонной и твердо проводимой борьбы со всякими идейными шатаниями и в первую очередь откровенно-оппортунистическим правым уклоном — выполнение плана будет поставлено под угрозу срыва.

Это в такой же мере бесспорно, как бесспорно, что при наличии всех этих условий пятилетний план не только может быть выполнен, но и значительно перевыполнен. Об этом со всей очевидностью свидетельствуют как ход работ по выполнению заданий первого года пятилетки, так и те новые данные, новые дополнительные факторы, которые не были и не могли быть в должной степени учтены пятилетним планом.

Вовлечение все новых и новых слоев, новых сотен тысяч рабочих социалистической индустрии в социалистическое соревнование,

массовое движение бедняцко-середняцких слоев деревни к коллективным формам земледелия, подлинный творческий энтузиазм широких масс трудящихся, — все это такие явления в нашей хозяйственной и политической жизни, которые могут сделать и делают чудеса, которые обеспечивают такое движение вперед, такие темпы нашего развития, о которых мы раньше и «мечтать не могли». Но именно этого-то упорно не понимали и не понимают те, кто, взывая к «массе», этой «массы» боялись, не верили в ее величайшие творческие силы и возможности и кто упорно утверждает и до сих пор, что «мы для того, чтобы догнать и перегнать, скажем, папу римского, Кулиджа и Гувера, должны раньше «догнать и перегнать» наших попиков и церковников», ибо-де «это задача предварительная», ибо-де не поставив и не разрешив этой задачи, мы не можем хоть сколько-нибудь всерьез ставить задачу «догнать и перегнать» в технико-экономическом отношении страны передового капитализма; ибо-де, — согласно новой «теории» «организованной бесхозяйственности», — капитализм переходит к системе, которая имеет «формальное сходство» с советской системой хозяйства—«плановый капитализм», где уже изжиты противоречия внутри национально-капиталистических систем, где «проблемы рынка, цен, конкуренции, кризиса становятся все более проблемами мирового хозяйства, заменяясь внутри «страны» проблемой организации»; где основным «пороком» национально-капиталистических систем становится «бюрократизм» производственного аппарата (совсем как «у нас»!), где поражает «формальное сходство некоторых организационных проблем» «с проблемами, которые ставит в порядок дня и решает советская практика». Как будто всяческое стремление «причесать» капитализм, замазать раздирающие его противоречия, представить пролетариату стоящие перед ним непосредственные задачи, как «музыку далекого будущего»,—не является выражением откровенного, ничем не прикрытого оппортунизма!

И разве с этой точки зрения, с точки зрения разрешения пролетариатом стоящих перед ним задач, не является свидетельством полного идейного банкротства идеологов правого откровенно-оппортунистического уклона ход работ по выполнению пятилетнего плана?

В самом деле, разве не кричали правые уклонисты о «деградации» сельского хозяйства, о «разрыве», «размычке» союза рабочего класса с бедняцко-середняцкими массами крестьянства, грозящих срывом всего дела социалистического строительства? И разве не лучшим ответом на эти крики и вопли о «гибели» являются результаты истекшего сельскохозяйственного года? Вместо «деградации» мы имеем значительный рост яровых посевных площадей, не только перекрывший недосев озимых, но и обеспечивший по предварительным данным общий прирост посевных площадей на 5,9%, при чем есть все основания полагать, что допущен известный недоучет фактического роста посевных площадей и что директивное задание

семипроцентного прироста посевных площадей будет выполнено. К этому надо добавить характерное социальное содержание этого процесса: рост посевных площадей происходил в условиях сокращения посевных площадей в кулацких хозяйствах и увеличения в середняцких и особенно бедняцких хозяйствах. По отдельным районам бедняцкие хозяйства увеличили посевные площади по сравнению с прошлым годом на 10,3% (Украина), 13,4% (Крым) и 22,4% (Нижнее Поволжье)! Все это с величайшей убедительностью опровергает правоуклонистские басни и о «деградации» сельского хозяйства,—ибо «деградация» и рост посевных площадей вещи несовместимые,—и о «разрыве» и «размычке» союза рабочего класса с бедняцко-середняцкими массами крестьянства,—ибо хозяйства именно этих групп крестьянства дали такой рост посевных площадей, который перекрыл и недосев озимых и сокращение посевных площадей кулацких хозяйств.

Разве не кричали правые уклонисты о несвоевременности курса на форсированное строительство совхозов и колхозов, разве не требовали они «задержать и свернуть развитие совхозов и коллективного движения»? Разве не требовали они свободы кулаку на том основании, что-де основной производитель товарного хлеба—кулак, что-де хлеб «не пахнет» и когда государство терпит недостаток в хлебе, то безразлично, кем произведен нужный ему пуд хлеба—в кулацком ли хозяйстве, или, в хозяйстве середняка и бедняка, или, наконец, в колхозе и совхозе, с той лишь опять-таки разницей, что хлеб совхозов и колхозов—«музыка будущего», а хлеб кулака—это хлеб «реальный»? И здесь истинную цену этих правоуклонистских разговоров и требований со всей беспощадностью вскрывают результаты истекшего с.-х. года. Только год назад партия дала Зернотресту задание в течение 5—6 лет, охватив 6—7 млн. гектаров, довести посевную площадь до 2 млн. гектар с таким расчетом, чтобы к концу этого срока получить не менее 1.640 тыс. тонн товарного хлеба. Между тем уже сейчас Зернотрестом «развернуто 44 совхоза, засеяно 115 тыс. га земли, а за текущий год будет распахано 950 тыс. га, т.-е. почти 1 млн. гектаров», и есть все основания полагать, что «к концу пятилетия можно развернуть вместо 2 млн. гектаров посевов до 4 млн. гектаров и дать товарного хлеба вместо 1.640.000 тонн до 3.280.000—4.000.000 тонн» [1]). Таким образом, вместе со старыми совхозами на государственных хлебных фабриках к концу пятилетия будет производиться не менее 6—6,5 млн. тонн хлеба, что равно потребности городов и рабочих районов текущего года.

Значительнейший сдвиг наметился и в области коллективизации индивидуальных бедняцко-середняцких крестьянских хозяйств. Рост посевных площадей колхозов с 1.380 тыс. га в прошлом году до 4.400 тыс. га в текущем году показывает, что тяга к коллективным

[1]) Тов. А. Микоян. «Проблема снабжения страны и реконструкция народного хозяйства». «Правда» № 144.

формам земледелия уже приняла настолько широкий и массовый характер, что самые оптимистические плановые предположения оказываются превзойденными. И весьма характерен тот факт, что из всех важнейших земледельческих районов сообщают о недостаточности и ограниченности пятилетнего плана в части его проектировки темпов обобществления сельского хозяйства.

Если к этому добавить, что сверх плана, превышая плановые расчеты, проходит и контрактация, что только обобществленный сектор и контрактация обеспечивают получение от нового урожая 7,378 млн. тонн хлеба или половину всего плана хлебозаготовок, то вся реакционность правоуклонистских идеологов, требующих для получения «хлеба насущного» равнения на кулака, свободы кулаку и отказа от форсированного строительства колхозов и совхозов, будет особенно наглядна.

Результаты истекшего с.-х. года: рост посевных площадей, при сокращении посевов кулацких хозяйств, бурный рост колхозного и совхозного строительства, рост контрактации, массовое движение бедняцко-середняцких масс деревни к новым, более совершенным формам земледелия, широким фронтом развернувшаяся борьба за урожай, массовое движение в пользу проведения агроминимума, соревнование на лучшие приемы и методы обработки земли, на лучшие хозяйства и т. д. и т. п.,—все это, являющееся свидетельством правильности политики партии в деревне, укрепления бедноты как опоры рабочего класса в деревне, укрепления союза рабочего класса с середняком, похоронной песней звучит для правоуклонистской болтовни о «деградации» сельского хозяйства и «разрыве», «размычке» союза рабочего класса с крестьянством.

Своей правильной политикой в деревне (наступление на капиталистические элементы и организация деревенской бедноты, форсированное строительство совхозов и колхозов и стимулирование бедняцко-середняцких крестьянских хозяйств) партия уже достигла значительных результатов, результатов, превосходящих по ряду важнейших показателей предположения пятилетнего плана. Но ни на одну минуту не следует забывать, что мы находимся в начале того великого пути, который должен завершиться полным обобществлением сельского хозяйства и уничтожением противоположности между городом и деревней, между рабочим и крестьянином,—построением социализма. И чем успешнее пойдем мы по этому пути, чем больше и значительнее будут здесь наши успехи, тем более будет нарастать сопротивление капиталистических элементов, тем упорнее и настойчивее будут их попытки сорвать дело социалистического строительства и тем решительнее мы должны подавлять это сопротивление, тем беспощаднее должны пресекать всякие попытки помешать, сорвать дело социалистического строительства. Не могло бы быть ничего более опасного, как, успокоившись на первых наших успехах в деле социалистического переустройства деревни и наступления на кулачество, впасть

в маниловщину, предаться самолюбованию и почить на лаврах. Враг опасен и силен, и предстоит еще ряд жестоких боев, прежде чем нам удастся его окончательно победить, окончательно выкорчевать и сам капитализм и его корни.

Неослабным темпом должна вестись работа по мобилизации масс бедняцко-середняцкого крестьянства на борьбу за урожайность, за расширение посевов, за переход к новым формам земледелия; неослабным темпом должна вестись работа по строительству новых совхозов и колхозов и укреплению и усилению старых, строительству новых машино-тракторных станций, неослабным темпом должно вестись дальнейшее наступление на кулачество и организация деревенской бедноты—опоры рабочего класса в деревне, в его борьбе с деревенским капитализмом, в его работе по обобществлению сельского хозяйства. Не мудрствуя лукаво, не фантазируя, не оригинальничая (в худшем смысле этого слова, когда живую творческую работу, работу в рамках существующей системы, пытаются подменить надуманными схемами), мы можем и должны не только сохранить взятый темп работы, но и постепенно его усиливать, ибо, сомкнувшись с крестьянской массой, раскачав ее, пробудив в ней интерес и стремление к новым методам и новым приемам земледельческой техники, пробудив в ней интерес к новым формам земледелия, мы достигнем такого темпа в этом движении, «о котором мы сейчас и мечтать не можем». А что у нас есть все основания к этому, говорит тот массовый характер движения, свидетелями которого мы являемся.

И с тем большей решительностью нужно бороться с правоуклонистскими настроениями, пытающимися сдержать и задержать живые ростки этого движения, с попытками повернуть движение вспять к уже пройденным этапам в социалистическом строительстве, настроениям, являющимся не чем иным, как «идеологическим отражением напора на советское государство капиталистических элементов, стремящихся повернуть деревню на капиталистический путь». Мы можем полностью выполнить и, как это показал опыт истекшего сельскохозяйственного года, перевыполнить проектировки пятилетнего плана в области сельского хозяйства, но при одном непременном условии: при сохранении и постепенном усилении темпа социалистической реконструкции сельского хозяйства, при вовлечении все более широких масс бедняцко-середняцкого населения деревни на путь активного преодоления отсталости с.-х. производства, самостоятельной организации бедноты и беспощадной борьбы с кулачеством, с его попытками сорвать дело социалистического строительства. Производственные совещания в деревне, система агроуполномоченных, наблюдение и контроль за работой по дальнейшему под'ему индивидуальных бедняцко-середняцких хозяйств, проверка выполнения заданий по производственному обслуживаию сельского хозяйства, помощь и организация деревенской бедноты и т. д. и т. п. должны стать в центре внимания нашей общественности и всего партийного, советского и хо-

зяйственного аппарата. Именно здесь сейчас то звено в цепи социалистического строительства, ухватившись за которое мы удержим в своих руках и всю цепь, окончательно выкорчуем корни капитализма и обеспечим окончательную победу социализма. И, повторяем, для достижения этих результатов нам нет нужды выдумывать новые формы работы в деревне, новые формы организации бедноты, создание союзов бедноты и т. п. Мы располагаем всем необходимым и достаточным для того, чтобы осуществить намеченную нами программу работ в области сельского хозяйства как в части организации бедноты, так и социально-технической и агрономической реконструкции сельского хозяйства. Но мы еще не научились полностью использовать даже те формы, систему и организацию, которыми мы в деревне располагаем. Больше того, мы из рук вон плохо используем те возможности, которые нам дает организация групп бедноты, сельскохозяйственная кооперация, совет, комитет взаимопомощи и т. д. И не помощью, а помехой являются предложения, идущие не по линии лучшего использования того, чем мы уже располагаем, того, чем мы еще не научились как следует пользоваться, а по линии выдумывания новых форм, новой системы организации.

О величайших возможностях в деле не только выполнения, но и перевыполнения перспективных наметок пятилетнего плана свидетельствует и работа промышленности. Уже с полной несомненностью установлено, что в ряде отраслей промышленности и отдельных производств задания пятилетнего плана будут значительно превзойдены и выполнены в более короткие сроки. Одним из наиболее, пожалуй, ярких примеров является цветная металлургия, где обнаружилась возможность программу пятилетнего плана выполнить в 2—3 года. Из отдельных производств наиболее красочен пример тракторостроения Путиловского завода, где есть все основания полагать, что производственное задание — десять тысяч тракторов — последнего (32/33) года пятилетки может быть полностью выполнено в 29/30 г. Количество таких примеров, когда задание пятилетнего плана оказывается выполнимым в более короткие сроки, растет и множится, постепенно выявляя все те величайшие возможности, которыми мы располагаем и которые мы до сих пор не научились хоть в сколько-нибудь полной степени учитывать. И с этой точки зрения разговоры правых оппортунистов о непомерно высоких и непосильных темпах индустриализации оказались безнадежно битыми в свете тех новейших данных и новейших фактов, которыми располагает наша промышленность. Широким фронтом развернувшееся социалистическое соревнование на базе углубленной самокритики и возросшей активности рабочего класса, дополнительные возможности развертывания производства с введением непрерывной недели, неучтенные резервы рационализаторской работы и развития научно-технической мысли,—все это вносит существенные коррективы в пятилетние проектировки промышленности в сторону дальнейшего повышения их основных показателей.

Но возможности выполнения и перевыполнения плана еще не означают их выполнение и перевыполнение в реальной жизни. Проектировки пятилетнего плана могут и будут выполнены и перевыполнены, если имеющиеся для этого возможности будут полностью реализованы. Без этого все возможности останутся только «возможностями», только хорошими и благими пожеланиями и не больше. И это особенно относится к промышленности, где на ряду с удовлетворительными количественными показателями работы промышленности, мало удовлетворительны качественные результаты работы: снижение себестоимости, производительность труда, качество продукции. Кон'юнктурные данные о работе промышленности за 8 месяцев первого года пятилетки показывают, что при росте продукции в основном в соответствии с заданиями плана (20,8%), производительность труда отстала от планового задания (15,5% против 17,5% по плану), равно как не выполнено и намеченное снижение себестоимости при некотором ухудшении к тому же качества продукции. Конечно, эти данные еще не являются окончательными, а плановое задание еще может быть выполнено как по линии производительности труда, так и снижения себестоимости, но все же эти кон'юнктурные данные, охватывающие ⅔ хозяйственного года, не могут не внушать тревоги и беспокойства. Выполнение плана в части качественных показателей его работы потребует величайшего напряжения, величайшей энергии и воли как рабочего класса, так и инженерно-технического и административно-хозяйственного персонала. И сюда, на эту сторону работы промышленности должно быть обращено особое внимание. Дело выполнения пятилетнего плана — дело всего рабочего класса и всех его организаций, дело всей партии, всех профессиональных организаций. Общим делом должно быть и выполнение первого годичного отрезка этого пятилетнего плана. Жесточайшим заблуждением было бы думать, что достижение как количественных, так особенно качественных показателей работы промышленности возможно «самотеком», «само по себе», без активного участия самых широких слоев рабочего класса, без его величайшей организованности и дисциплинированности, без активного участия и помощи в этой работе со стороны профессиональных и партийных организаций, без активной помощи всей советской общественности и в первую очередь печати.

Повторяем, у нас нет оснований сомневаться в выполнении годового плана промышленности в целом, но его выполнение потребует добавочных усилий и добавочного нажима на все рычаги, воздействующие на качественную сторону работы всего производственного аппарата. А что эти добавочные источники у нас есть, что этими нужными нам рычагами мы располагаем, об этом свидетельствует в первую очередь та возросшая активность рабочего класса, которая нашла свое выражение в социалистическом соревновании, в новых, социалистических формах организации труда.

Истекший сельскохозяйственный год, ход работ промышленности и в частности капитального строительства со всей очевидностью и убедительностью свидетельствуют, что, несмотря на те трудности, которые перед нами стояли и стоят, у нас есть все основания полагать, что проектировки пятилетнего плана будут не только выполнены, но и превзойдены. Но это потребует величайшего напряжения в работе, решительной борьбы со всякими попытками ослабить взятый темп индустриализации страны и социалистического переустройства деревни, решительной борьбы со всякими идейными шатаниями и в первую очередь с правым уклоном, остающимся нашим главным врагом и главной опасностью, дальнейшего развертывания борьбы с капиталистическими элементами и упорной работы над организацией широких масс деревенской бедноты.

Правильность и дальновидность политики партии с величайшей убедительностью подтверждается всем ходом нашего хозяйственного и политического развития. Под сокрушительным напором фактов окончательно развалилась троцкистская оппозиция, лучшие представители которой вынуждены были признать свои ошибки, признать всю вздорность и необоснованность своей критики политики партии и партийного режима. Такую же участь готовит судьба и правым уклонистам,—откровенно-оппортунистическим настроениям в рядах партии,—и примиренцам. И чем скорее это будет, чем скорее признают они глубочайшую ошибочность и величайший вред их политической позиции, тем лучше будет и для рабочего класса, и для партии, и для дела социалистического строительства. А этого, в свою очередь, мы достигнем тем скорее, чем решительнее и энергичнее, чем беспощаднее мы будем разоблачать ошибки правых уклонистов и примиренцев, чем последовательнее будем вскрывать и разоблачать отрыжки троцкистских настроений.

К новым, социалистическим формам организации труда через социалистическое соревнование двинулись сотни тысяч пролетариев, к новым, социалистическим формам организации земледельческого труда двинулись широкие массы бедноты и середнячества. В движение пришли подлинные массы, охваченные подлинным энтузиазмом в деле социалистического строительства, и в этом лучшая и надежнейшая гарантия того, что все наши самые оптимистические расчеты и предположения будут далеко превзойдены самой жизнью. В движение пришли подлинные массы рабочего класса и трудящегося крестьянства, и наша важнейшая задача заключается в том, чтобы на ряду с вовлечением все новых и новых слоев трудящихся в это великое движение, в эту великую работу социалистического строительства упорно и настойчиво работать над организацией этого движения, над введением его в организованное русло, обеспечивающим ему наивысший эффект, наивысшие результаты.

Д. Петровский.

Международный Красный День и ренегаты коммунизма.

После майских дней социал-демократы поняли смысл и значение антиимпериалистического дня, провозглашенного VI конгрессом Коммунистического Интернационала. На Отто Вельса была возложена тонкая задача—об'яснить, под какими лозунгами необходимо вести борьбу против Международного Красного Дня. Необходимо признать, что Отто Вельс вполне справился с этой тонкой задачей, дав социал-демократии, стало-быть, и всей буржуазной Германии превосходнейший ассортимент весьма убедительных аргументов, помогающих под знаком пацифизма и демократии проводить нагло фашистскую политику в отношении рабочих, подымающихся на борьбу против империалистических войн.

Говоря о 1 августа, Вельс вспомнил обращение немецких социал-демократов после издания исключительного закона против социалистов (1878 г.): «Никаких насилий, не давайте увлечь себя путчем!». Об этих словах вождь немецких социал-фашистов вспомнил после того, как он перед всеми министрами и полицейпрезидентами на магдебургском с'езде социал-демократии обосновал правильность действий Цергибеля и необходимость расправы с берлинскими рабочими, дерзнувшими участвовать в международной пролетарской демонстрации в день 1 мая. Если связать воедино первую часть речи Вельса с заключительной ее частью, то получится, что честные пролетарии должны воздерживаться от всяких выступлений и в особенности от всяких насилий, а социал-демократическая полиция, в свою очередь, должна жестоко карать тех, кто дерзает проявить малейшее неповиновение законным властям. С точки зрения этой философии уже легко было развить и обосновать социал-фашистскую тактику в отношении к Красному Дню. Начал Вельс с того, что «берлинское майское выступление коммунистической партии Германии представляет собой новое звено в цепи боевых мероприятий, которые в своей совокупности называются новой тактикой коммунистической партии Германии и большевистского Интернационала», а закончил он эту часть своей речи следующим заявлением: «Новейшим лозунгом (коммунистической партии Германии) является дальнейшее продвижение «пролетарской революции» в антивоенный день 1 августа с применением политического и технического опыта, накопленного в день 1 мая в Берлине. Это есть открытый призыв к новому путчу».

Всю последнюю тираду вечерний «Форвертс» («Дер Абенд») выделил в особый абзац, напечатанный жирным шрифтом (см. отчет о магдебургском с'езде в газете «Дер Абенд» от 27 мая).

Итак, организация антивоенного дня непосредственно связана с первомайскими боями, и она ставит своей задачей не то пролетар-

скую революцию, не то неподготовленное вооруженное восстание (путч). Министр внутренних дел Зеверин, выступая через неделю на полицейском с'езде, выразил эту мысль короче и проще, приспособляясь более к полицейской аудитории: «Коммунисты об'явили к 1 августа революцию». (См. «Форвертс» от 4 июня с. г.).

Нет надобности особенно распространяться, зачем и почему социал-демократии понадобилась легенда о революции и о путче. Для всякого, кто следил за ходом работы магдебургского с'езда, ясно, что эта интерпретация антивоенного дня составляет важную часть всей программы диктатуры против пролетариата. Но даже после того, как социал-демократы открыто приняли военную программу, они все же не смогли оправдать репрессивные меры против антивоенных демонстраций. Надо было во что бы то ни стало изобразить Красный День, как начало грозного восстания, направленного против всей «демократической цивилизации».

В свете поучений Вельса и Зеверинга рассмотрим теперь высказывания коммунистических ренегатов по вопросу об антивоенном дне.

Перед нами лежат две газеты—двух противоположных ренегатских групп: 1) «Знамя Коммунизма» (от 12 июля с. г.)—орган германских «ультра-левых», называющих себя «ортодоксальными марксистами-ленинцами»; и 2) «Рабочая Политика» от 13 июля — орган саксонских брандлеристов. В названных газетах обе группы пытаются определить свое отношение к антивоенному дню. Характернее всего то, что брандлеристы и троцкисты начинают свои статьи почти одними и теми же словами, а именно указанием на то, что вопрос об антивоенном дне был выдвинут после майских дней. Статья в газете «Арбейтер Политик» начинается следующими словами: «сейчас же после майской акции появилось воззвание западно-европейского бюро Коммунистического Интернационала...», которое «призывает пролетариат к новым демонстрациям в день 1 августа». А статья в ультралевой газете начинается указанием на то, что в день 4 мая в Берлине Реммеле пустил в ход лозунг: «Организуйте антивоенную демонстрацию в день 1 августа».

Несколько странная хронология. Всем известно, что антиимпериалистический день был об'явлен VI конгрессом Коминтерна задолго до майских дней. Известно также, что еще 11 марта в Берлине, т.-е. в столице той страны, где обе ренегатские группы издают свои газетки, состоялась международная коммунистическая конференция, приурочившая антивоенную демонстрацию к 1 августа. При этих условиях, на первый взгляд может показаться непонятным, почему и Брандлер, и Урбанс сочли необходимым опираться на хронологию Вельса, игнорируя всем известные факты. Смысл этой фальсифицированной хронологии станет вместе с тем понятен, если мы обратимся к содержанию статей брандлеристов и троцкистов. Решив воспринять социал-демократическую философию антивоенного дня, правые и левые ренегаты должны были совершенно независимо от своей воли принять также и историю антивоенного дня.

Начнем сперва с органа «ортодоксальных марксистов-ленинцев». В уже цитированной выше статье мы находим следующий перл: «Из этой оценки положения Коминтерном и КПГ вытекают взгляды на 1 августа, какие каждый марксист и ленинист должен считать путчистскими». О какой же такой страшной оценке положения идет речь? Оказывается, что Урбанс нашел отступление от марксизма и ленинизма в статье тов. Реммеле, в которой последний очень убедительно и вполне по-марксистски доказывает, что события последного времени показывают «нарастание новой революционной волны в старых капиталистических странах». С такой оценкой нынешнего положения архилевый Урбанс никак согласиться не может. И он отнюдь не может и не хочет ограничиться одной лишь критикой антивоенного дня. Он обещает всемерно бороться против путчизма. Угроза напоминает почти угрозу Вельса. Разница лишь та, что Вельс располагает реальной полицейской силой, которой он намерен пользоваться во-всю, а Урбанс лепечет жалкие слова о том, что он и его группа постараются направить антивоенную демонстрацию в правильное русло.

Еще дальше по пути, намеченному Вельсом, идет собрат «Знамени Коммунизма»—новый международный журнал, ставящий себе задачу, под руководством Троцкого об'единить в международном масштабе осколки троцкистских группок. Этот журнал еще не вышел в свет. Его редакция, однако, воспользовалась любезными услугами Урбанса, чтобы сообщить миру свои взгляды на антивоенный день.

Само собою понятно, что этот международный журнал начинает свою статью по шпаргалке Вельса: «Западно-европейское бюро Коммунистического Интернационала призвало рабочих всего мира выйти на улицу в день 1 августа». История антивоенного дня начинается, таким образом,—именно тогда, и именно так, как это удобно и выгодно магдебургскому с'езду социал-фашистов. Мы, однако, вряд ли ошибемся, если скажем, что международный троцкистский журнал значительно больше приблизился к Вельсу, чем его более тощий собрат—в лице «Знамени Коммунизма».

Основной лозунг — откровенный и отчетливый — рождающегося троцкистского журнала сводится к тому, чтобы сорвать августовские демонстрации. «Оппозиция должна направить все свои силы, чтобы этой цели (срыва демонстраций) добиться. Необходимо стучаться во все партийные организации, за спиной которых демонстрации организуются. Необходимо обратиться к передовым элементам профсоюзов. Нельзя щадить усилий, чтобы раз'яснить ошибочность и опасность этой новой идеи (антивоенной демонстрации)». Тут уже не лепет подголоска Вельса, а откровенный контрреволюционный призыв к активной помощи социал-фашистам в их борьбе против антивоенной демонстрации. Накануне майских дней полицейский «Форвертс» занимался агитацией, а социал-демократический полицейпрезидент занимался мобилизацией дубинок и винтовок. Теперь президиум социал-фашистской партии в Германии, а равно и весь II Интернационал получили заверение нового троцкистского журнала, что он непрочь разделить лавры «Форвертса».

К сказанному прибавим лишь, что статья подготовляемого международного троцкистского журнала содержит в себе развернутую программу ликвидаторства не только в отношении Коминтерна и его секций, но и в отношении всех и всяких революционных действий рабочего класса. Все и всякие выступления откладываются до того момента, когда широкие массы начнут бурно переходить от социал-демократии к коммунизму. А до того времени задача троцкистов сводится к тому, чтобы... всемерно поддерживать реформистов.

По вопросу о Красном Дне левые «троцкисты» полностью сошлись с брандлеристами. В уже цитированной статье из газеты «Рабочая Политика» брандлеристы пытаются развить и обосновать основной тезис Вельса о путчистском характере антивоенного дня. Анализируя воззвание западно-европейского бюро, газета пишет: «Одновременно указывается на то, что «решительный поворот», начатый 1 мая в Берлине, должен быть подчеркнут в демонстрациях 1 августа

и что опыт майских битв должен быть также использован в «техническом отношении». Так как каждый рабочий знает, что берлинская майская акция представляла собою выражение изолированной путчистской тактики, то рабочий класс умозаключает, что в день 1 августа эта стратегия будет применяться в увеличенном масштабе». Пусть читатель сравнит эту выписку с заявлением Вельса—и он увидит, что по существу брандлеристы только более многословно передают основную мысль Вельса. Отметим также, что передовая в центральном органе брандлеристов («Против течения»—от 13 июля) по существу содержит в себе лишь перепевы основного мотива Вельса: «Вывод тот, что 1 августа, стоящее под знаком обострения ультра-левого курса, может означать только: фиаско, демонстрацию прогрессивной изоляции партии от масс, ее немощи».

На примере Красного Дня мы, таким образом, видим, как правые и «левые» ренегаты ускоренным темпом возвращаются в лоно социал-демократии. Сие обозначает, что коммунистические партии, очистившись от этих социал-демократических элементов, окрепли и стали более боеспособными. Невзирая на единый буржуазный фронт против антиимпериалистического дня, мы наблюдаем, что подготовка к нему вызывает оживление в рабочем движении всего мира. Само собою понятно, что размах подготовки к антиимпериалистическому дню в различных странах обусловлен целым рядом факторов: силой коммунистических партий, остротою революционного положения, степенью очищения партий от оппортунистических тенденций и преодолением примиренчества к уклонам. Несомненно, однако, что все секции Коминтерна сумели развить большую энергию в деле мобилизации рабочих и трудящихся на активную борьбу против войны и военной опасности, в защиту СССР.

Мы уже теперь можем указать на некоторые важные достижения в процессе развития кампаний.

В различных капиталистических странах коммунистическим партиям удалось нанести сокрушительный удар скрытому, а потому и опасному оппортунизму, сказывающемуся в недооценке военной опасности вообще и в отрицании все более обостряющейся военной опасности против первой страны пролетарской диктатуры. Удар по этому виду оппортунизма особенно чувствителен для социал-демократии—и в первую очередь для ее так наз. левого крыла,—призванной маскировать военные приготовления. Скрежет зубовный всей социал-демократии и ее подголосков в лице коммунистических ренегатов против антивоенного дня тем и обусловлен, что кампания по подготовке демонстраций 1 августа уже ребром поставила вопрос о созревающей военной опасности и о ленинских методах борьбы против нее в противовес пацифизму так наз. левой социал-демократии.

Другим важным достижением кампании является действительное осуществление единого фронта снизу. Вся обстановка классовой борьбы создает благоприятные условия для сплочения низовых пролетарских организаций, а равно и неорганизованных рабочих вокруг коммунистических партий. По мере того, как социал-демократические партии, а равно и реформистское руководство профсоюзами все более сращиваются с государственным аппаратом и с экономическими органами финансового капитала, коммунистическая партия становится единственной партией, могущей об'единить рабочие массы—организованные и неорганизованные—в борьбе против капитализма и империализма.

Уже майские дни в Берлине показали нам огромное политическое значение органов единого фронта, создаваемых непосредственно на предприятиях. Берлинский опыт теперь значительно расширяется, выходя далеко за рамки Германии. Органы единого фронта снизу создаются во Франции, в Австрии, в Англии и в целом ряде других стран. Крайне характерно, что именно против этих методов осуществления единого фронта особенно резко выступают немецкие брандлеристы. Они с болью в сердце глядят на то, как коммунистическая партия уничтожает все те мосты, которые брандлеристы хотели бы перебросить между фашизирующейся социал-демократией и готовящейся к решительным битвам мировой коммунистической партией.

Антивоенные кампании играют также огромную роль в деле подготовки коммунистических партий к будущей решающей борьбе за диктатуру пролетариата. Теперь ни для кого не тайна, что борьба против Красной маевки проводилась буржуазией под знаком беспощадной войны против революционного авангарда пролетариата. Германская буржуазия через посредство германской социал-демократии, возглавляющей коалиционное правительство, прибегла к непосредственной военной оккупации революционных пролетарских центров. Французская буржуазия провела, со своей точки зрения, успешную репетицию дезорганизации революционных рядов при помощи предварительных массовых арестов. Учет уроков майских дней в том и заключается, чтобы изучать ту реальную обстановку, в какой буржуазия подготовляет новые империалистические войны и организует свои силы для гражданской войны против рабочего класса. Но «наука побеждать» усваивается не из учебников, а непосредственно на поле битвы. Активная борьба против военной опасности до наступления войны является той школой, в которой рабочий класс подготовляется к практическому осуществлению ленинского лозунга о превращении войны империалистической в войну гражданскую.

К. Розенталь.

Куда растет правый уклон.

Правый, откровенно-оппортунистический уклон об'явлен партией главной опасностью. Борьба с правым уклоном и его преодоление поставлены как одно из важнейших условий в деле разрешения задач социалистического строительства, выполнения пятилетнего плана развития народного хозяйства, темпа индустриализации страны и роста обобществленного сектора в сельском хозяйстве.

Между тем до сих пор в рядах партии есть такие элементы, которые не видят и не понимают всей опасности, грозящей нам со стороны правого уклона, до сих пор в рядах партии есть такие элементы, которые, с удивлением оглядываясь вокруг себя, «тщетно» ищут и не находят признаков правого уклона. Больше того, до сих пор в партии есть такие элементы, которые, *на словах* признавая правый уклон главной опасностью, *на деле* занимают примиренческую к нему позицию, *на деле* являются его проводниками. И надо сказать, что в этом одна из серьезнейших опасностей правого уклона.

Правые уклонисты тщательно маскируют свое несогласие с основными решениям партии, правые уклонисты тщательно маскируют свое несогласие с партией и по вопросам индустриализации страны, и по вопросам обобществления сельского хозяйства и наступления на капиталистические элементы города и деревни. Они не рашаются выступить прямо и открыто с критикой партийного курса и партийной политики, но тем упорнее и настойчивее ведут они борьбу против практического проведения их в жизнь. И именно потому-то и необходимо решительное разоблачение идеологии и практических предложений правых уклонистов.

В чем согласны и в чем несогласны с линией партии правые уклонисты? Откуда начинается их расхождение с партией? Каковы их практические предложения и чем и как они обосновываются? На все эти вопросы с той или иной степенью «откровенности» или вернее «маскировки» представители правого уклона свой ответ дали. Но едва ли не наиболее красочным и ярким документом, воистину откровенной и развернутой платформой правого уклона являются «тезисы» И. Предейна[1] Все скрытое, недоговоренное и замаскированное в выступлениях и документах правых уклонистов здесь блистает во всей своей непривлекательной наготе. Все тайное стало явным, и мы имеем перед собой полную картину не только того, *что* собой представляет правый уклон, но и *куда* он растет, на *чьи* симпатии он рассчитывает, выразителем *чьих* интересов он является.

«*В чем сущность расхождения?*»—этим сакраментальным вопросом начинает свои тезисы И. Предейн и отвечает:

«... В вопросах о том, как дальше вести строительство крупной индустрии, как строить социализм в нашей стране, как использовать классы, какие установить взаимоотношения с крестьянством—продолжать ли политику нэпа в таком виде, как предлагал т. Ленин, нужно ли в настоящий период вести решительное наступление на капиталистические элементы в нашей экономике,—*во всех этих вопросах я расхожусь с большинством партии*».

[1]) И. Предейн — член ВКП(б) с 1920 г., выступивший с этими «тезисами» в Киеве в апреле 1929 г., исключен из партии как последовательный и убежденный сторонник правого уклона, полностью разошедшийся с генеральной линией партии и ведущий против нее борьбу. *Ред.*

Нельзя не признаться, что диапазон разногласий у И. Предейна с партией не мал. Во всех *основных* вопросах партийной политики И. Предейн *расходится* с партией, имеет свою *отличную от партийной* точку зрения; и по вопросу строительства крупной индустрии, и по вопросу путей и методов социалистического строительства, и по вопросу оценки роли классов в этом строительстве, и по вопросу о характере наших взаимоотношений с крестьянством, и по вопросам наступления на капиталистические элементы в нашем хозяйстве. По всем этим вопросам И. Предейн расходится с партией. В чем же он с партией «сходится»? Об этом в тезисах И. Предейна, вообще говоря, не упоминается. Но с тем большим усердием, «добросовестностью» и тщательностью он устанавливает «пункты» расхождения:

«Начну с решений последнего пленума Центрального Комитета партии.

«Вот что решил ноябрьский пленум: «Твердо проводя курс на индустриализацию страны, обеспечив решениями правительства рост капитальных вложений в текущем году, необходимо в то же время принять все меры к тому, чтобы поднять сельское хозяйство вообще, зерновое хозяйство в частности и производство продовольственных хлебов в особенности, всемерно развивая производительные силы деревни, при все возрастающем ограничении капиталистических ее элементов, строя совхозы, поощряя и всемерно поддерживая коллективные формы сельского хозяйства (колхозы, коммуны, артели и т. д.) и всемерно усиливая хозяйственный стимул бедняцких и середняцких масс крестьянства» (Из резолюц. ноябр. пленума ЦК ВКП(б)).

«Как видите,—продолжает дальше И. Предейн, приведя эту ссылку из решений ноябрьского пленума,—прежде всего пленум предлагает обеспечить рост капитальных вложений. Затем «в то же время» поднять производительные силы деревни, все больше и больше ограничивать капиталистические элементы деревни, строить совхозы и колхозы и, наконец, дать стимул развитию бедняцких и середняцких хозяйств.

«Сознательно не *вдаваясь в критику* этого плана, я заявляю, что *этот план неверный*».

Этот заключительный аккорд не может не вызвать восхищения: «не вдаваясь в критику», утверждаю, что «план неверный»...

Почему? Что здесь «неверного»? С чем И. Предейн «не согласен»? Или он действительно «сознательно» обходит эти вопросы, «сознательно» не вдается в критику? Такое предположение было бы, конечно, сущим пустяком. Его «ироническое» раз'яснение решений ноябрьского пленума, его «пункты» «расхождения» с партией, наконец, все дальнейшее содержание «тезисов» свидетельствуют об обратном.

О союзе с середняком и наступлении на кулака.

Центральным пунктом «тезисов» И. Предейна является, натурально, проблема союза рабочего класса с крестьянством. Именно в этом пункте находят самое «слабое» звено партийной политики все правые уклонисты, и именно сюда направлен огонь предейновской критики.

Союз рабочего класса с крестьянством находится под угрозой! Вместо «смычки» мы получили «размычку» с середняком! Середняк об'явил бойкот

неверной политике партии, и в результате вместо под'ема сельского хозяйства мы имеем его деградацию, имеем попятное движение, движение назад! Промышленность оторвалась от своей с.-х. базы, партия ведет страну к тягчайшим потрясениям и кризисам и

«во имя интересов пролетариата, во имя интересов пролетарской революции, я буду бороться,—заявляет И. Предейн,—за то, чтобы изменить политику, которая ведет не только к «деградации» сельского хозяйства, но и к срыву социалистического строительства».

Лозунги и утверждения правых уклонистов находят самое недвусмысленное завершение в угрозе И. Предейна бороться за изменение партийной политики, бороться с решениями партии, ибо они ведут к «срыву социалистического строительства». До таких обвинений партии, до таких прямых угроз по адресу партии не договаривался еще никто из правых уклонистов, но отнюдь не потому, конечно, что это не вытекало из всей их системы взглядов.

Итак, центральным пунктом обвинения партии со сторны правых уклонистов является утверждение, что партия забыла ленинское учение о смычке, союзе рабочего класса и крестьянства. Именно отсюда «танцует» И. Предейн.

«Сомкнулись ли мы вместе с массой трудового крестьянства? Не мечты ли нами овладели снова? — По-моему, в погоне за сверхбыстрым темпом индустрии, мы отрываемся от основной массы крестьянства. И чтобы замазать пропасть этого отрыва, мы изо всех сил потянули бедняцкое и середняцкое крестьянство по пути новых форм смычки (коллективизация).

«С такой силой тянуть крестьянство в коллективы нам приходится потому, что экономической базы для массовой коллективизации сельского хозяйства у нас пока нет.

«Думать теперь о массовой коллективизации сельского хозяйства, теперь, когда только еще начинает строиться крупная индустрия — думать так значит уподобиться народникам 60-х, 70-х годов XIX столетия, мечтавшим о крестьянской общине».

Итак, если верить И. Предейну, мы имеем: 1) «отрыв», «пропасть» между рабочим классом и основной бедняцко-середняцкой массой крестьянства, и 2) насильно тянем эти бедняцко-середняцкие массы крестьянства в коллективы, не имея на то материальных предпосылок.

Надо сказать, что если и раньше утверждение о «разрыве» с основными бедняцко-середняцкими массами деревни не имело под собой никакой почвы и никаких оснований, то теперь болтовня о «пропасти», отделяющей рабочий класс от основных масс крестьянства, не может вызвать ничего, кроме смеха над ее автором, желающим доказать «хоть в детски- поздравительных формах свою причастность делу мысли».

В самом деле, попробуйте уложить в прокрустово ложе правоуклонистского тезиса о «деградации» сельского хозяйства тот факт, что в итоге яровой посевной кампании не только был компенсирован недосев осени 1928 года, но и обеспечен рост всей продуктивной площади по СССР на 5,9%! Попробуйте об'яснить, исходя из наличия «разрыва», «пропасти» между рабочим классом и бедняцко-середняцким крестьянством тот факт, что этот рост посевных площадей был обеспечен расширением посевных площадей бедняцко-середняцких хозяйств, перекрывшим сокращение посевных площадей кулацких хозяйств? А между тем именно об этом свидетельствует динамика посевных площадей по социальным группам.

Рост посевных площадей в %% к прошлому году по социальным группам (по кон'юнктурным данным):

	Без лошадн.	С 1 гол. раб. скота	С 2 гол. раб. скота	С 3 гол. раб. скота
Украина (вся)	+10,3	+ 0,9	+ 4,7	—11,3
Сев. Кавказ—вся пл.	+ 8,5	+ 3,2	— 1,3	— 8,7
„ яровая	+ 6,8	+ 6,1	— 1,4	— 5,5
Нижн. Волга вся пл.	+22,4	+ 7,4	+ 2,9	— 2,7
„ яровая	+29,3	+ 8,9	+ 6,1	+ 0,3
ЦЧО—вся площ.	+ 2,1	—	+ 2,7	—10,4
„ яровая	+ 1,9	—	+ 2,6	— 8,4
Крым—вся площ.	+13,4	+ 4,9	— 6,5	—13,0
„ яровая	+35,2	+15,2	+12,7	+ 2,6
Башкирия—вся пл.	+10,5	+ 5,4	— 2,7	— 9,9
„ яровая	+28,9	+14,1	+ 7,7	— 3,3

С какой-то изумительной закономерностью по всем районам наблюдается один и тот же процесс: при сокращении посевных площадей у кулацких хозяйств, посевная площадь растет у бедняцко-середняцких групп деревни, давая наивысшие цифры прироста у бедняцких и маломощных середняцких групп.

Не этими ли данными будут «доказывать» и «иллюстрировать» свое утверждение правые уклонисты и с ними И. Предейн о «разрыве» рабочего класса с бедняцко-середняцкими массами деревни?

Но успешность и правильность политики партии в деревне подтверждается не только ростом посевных площадей у бедняцко-середняцких хозяйств. Мы являемся в настоящее время свидетелями подлинного производственного энтузиазма широких крестьянских масс, откликнувшихся на призыв партии к широкой агрономической технической и социальной реконструкции сельского хозяйства. По предварительным данным Наркомзема РСФСР за время подготовки и проведения весенней посевной кампании было проведено до 60 тыс. производственных крестьянских совещаний, принято до 140 тыс. агроминимумов, выбрано свыше 51 тыс. агроуполномоченных. По ряду районов развернулось социалистическое соревнование как между отдельными крестьянскими хозяйствами и селениями, так и колхозами и совхозами. В борьбе за хлеб, за расширение посевных площадей, за урожайность, за повышенное качество рабочего и мясного скота двинулись подлинные массы бедняцко-середняцких хозяйств. И какой-то чудовищной нелепицей, какой-то бессмыслицей звучат слова правых уклонистов и их новоявленного апостола Предейна о «разрыве», о «пропасти» между рабочим классом и крестьянством, о «деградации» сельского хозяйства!

Союз рабочего класса с основной массой крестьянства не только крепнет и ширится, но все больше и больше принимает характер производственной смычки, совместной борьбы за переделку основ сельскохозяйственного производства. И здесь опять-таки результаты текущего с.-х. года и особенно весенней посевной кампании дают убедительнейшие примеры, убедительные, конечно, для тех, кто умеет видеть, кто умеет понимать суть происходящих в с. х. сдвигов, у кого не надеты фракционные шоры, мешающие ему видеть и понимать происходящее. Удельный вес сортовых посевов возрос по яровому клину (РСФСР) с 4,2% в 1928 г. до 8,3 % в 1929 г. или почти в 2 раза; размеры машиноснабжения в весеннюю посевную кампанию определялись в 82,2 млн. рублей против 49,5 млн. руб. в прошлом году, дав прирост в 66%; общее количество отгруженных тракторов составило на 15 мая по РСФСР (не считая Зернотреста) 2.370 штук; вновь организовано (по РСФСР) 988 прокат-

ных пунктов и 1.379 зерноочистительных пунктов, в результате чего (по неполным данным НКЗ РСФСР) очищено до 25 млн. центнеров зерна и т. д. Наконец, превосходя всякие плановые предположения, развернулась работа по контрактации продукции сельскохозяйственного производства и в частности и в особенности по зерну. На 1 июня было законтрактовано 15,4 млн. гектар, что составляет примерно одну четверть всей яровой посевной площади, а вместе с озимыми законтрактованная площадь определяется в размере 20 млн. гектар. Контрактация сырьевых культур дает превышение по сравнению с прошлым годом на 54%.

Величайшим пустяком, конечно, было бы думать, что все эти достижения могли бы иметь место в условиях «размычки», «разрыва» союза рабочего класса с бедняцко-середняцкими массами крестьянства, в условиях когда их отделяла бы друг от друга «пропасть», как в этом старается уверить в своих тезисах И. Предейн. Но если бедняцко-середняцкие массы деревни на решения и призыв партии ответили расширением посевных площадей, соревнованием за улучшение методов и приемов хозяйствования, ростом контрактации и т. д, и т. п., демонстрируя тем самым свое полное согласие с этими решениями партии, то для кого же эти решения оказались неприемлемы, кто остался ими «недоволен»? Самый беглый взгляд на табличку, рисующую динамику посевных площадей по социальным группам, дает исчерпывающий ответ. Сократили посевные площади кулацкие хозяйства и в некоторых районах зажиточная, верхушечная часть середняцких хозяйств. Явилось ли это чем-либо неожиданным? Ни в какой мере. В условиях форсированного наступления на кулачество иных результатов мог ожидать только человек, ничего не понимающий ни в экономике, ни в политике.

И если брать за критерий характера взаимоотношений рабочего класса с крестьянством эту динамику посевных площадей по социальным группам, то мы могли бы с полным правом сказать: результатом политики партии в деревне явилось дальнейшее закрепление бедноты в качестве опоры рабочего класса в деревне, дальнейшее укрепление и усиление союза рабочего класса и бедноты с середняцкими элементами деревни, при дальнейшем обострении борьбы с кулаком — носителем и выразителем капиталистического начала в деревне.

«Ошибка» правых уклонистов и Предейна заключается в сущем «пустяке»: они смешали в одну кучу и бедняка, и середняка, и кулака и выразителем воли и настроений всех этих слоев деревни сделали... кулака! И, прикрываясь пустой болтовней о бедняцко-середняцких массах деревни, являясь выразителями интересов, чаяний и надежд кулака, они «во имя интересов пролетарской революции», как это имеет, мягко выражаясь, «смелость» заявить Предейн, требуют «изменить немедленно политику» партии, отменить решения о наступлении на капиталистические элементы деревни, отказаться от строительства колхозов и совхозов, ибо-де, это ведет не только к «деградации» сельского хозяйства, но и к срыву социалистического строительства»!

Изволили просчитаться, почтеннейшие, ибо за «деградацию» сельского хозяйства, приняли деградацию кулака, ибо за срыв социалистического строительства приняли широким фронтом развертывающуюся социалистическую переделку сельского хозяйства! Изволили просчитаться, почтеннейшие: слишком уж явно торчат под вашим колпаком кулацкие уши для того, чтобы кто-либо поверил, что вы печетесь «во имя интересов пролетариата и пролетарской революции».

А что это именно так, что под личиной Предейна скрывается защитник кулачества, лучше всего свидетельствуют те предложения, тот план, который И. Предейн противопоставляет решениям ноябрьского пленума.

«С целью создания более прочной материальной базы для индустриализации страны,—пишет И. Предейн,—нужно прежде всего принять меры для развития производительных сил деревни.

«Эти меры должны быть следующие:

1. Понизить налоги на все крестьянство по линии:

а упразднения процентных надбавок на середняцкие и зажиточные хозяйства с доходностью свыше 500 рублей (с доходностью ниже 500 руб процентных надбавок нет);

б понижения прогрессивности единого сельскохозяйственного налога на все хозяйства с доходом, не превышающим 2.000 рублей в год;

в упразднения индивидуального обложения кулацких хозяйств;

г недопущения взимать самообложение свыше 35% со всех крестьянских хозяйств;

д понижения косвенных налогов, т.-е. снижения цен на промышленные товары широкого потребления;

2. ликвидировать остатки военного коммунизма и внедрять нэп в деревне, особенно в вопросах заготовок хлеба и сырья;

3. предоставить широкое право участия в кооперации всем слоям крестьянства;

4. дать полную свободу развитию частной кустарной промышленности и сельскохозяйственного ремесла, освобождая кустарей и ремесленников от тяжести налогов;

5. больше, чем до сих пор, развивать легкую и тяжелую промышленность, обслуживающую широкие потребности земледельцев и служащую фактором, повышающим культуру земледелия (химпромышленность, производство с.-х. орудий и т. д.);

6. постепенно, но безотступно строить крупную промышленность и проводить индустриализацию страны на базе развивающегося и растущего сельского хозяйства и легкой индустрии;

7. на основе технического роста страны предоставить полную возможность и поощрять развитие коллективных форм земледелия (коммуны, колхозы, артели и т. д.)».

Весь этот план настолько красочен и ярок, настолько убедительнен в характеристике политической физиономии и политических симпатий его авторов, что не заслуживает специального разбирательства. В самом деле, о каких группах деревни хлопочет И. Предейн, когда требует понижения налогов для всего крестьянства? Ведь, не может не знать автор этого предложения, что 35% всех крестьянских хозяйств—бедняцких и маломощных середняцких—освобождены от сельхозналога полностью. Значит его требование понижения с.-х. налога для всего крестьянства лишь прикрытие, лишь маскировка требования снизить с.-х. налог для зажиточных середняцких и кулацких хозяйств! Так и запишем. Наконец, не интересами же бедняцких и маломощных середняцких хозяйств продиктовано требование И. Предейна о снижении прогрессивности с.-х. налога, об упразднении индивидуального обложения кулацких хозяйств? Требование И. Предейна, за которые он обещает и грозит бороться против партии—требования кулака, ущемленного все возрастающим наступлением на него со стороны социалистических элементов нашего хозяйства.

О ком заботится, чьи интересы берет под свою защиту И. Предейн, когда требует «предоставить широкое право участия в кооперации всем

слоям крестьянства»? Разве этого права лишена деревенская беднота, разве не обеспечено «широкое право участия в кооперации» за середняцкими хозяйствами деревни? Достаточно поставить все эти вопросы для того, чтобы убедиться, что и в данном случае «все слои» крестьянства являются для И. Предейна только синонимом кулачества.

Но И. Предейн не ограничивается этой прямой и ничем не прикрытой защитой кулака. Подменив интересы кулака интересами «всех слоев» крестьянства, превратив кулака в выразителя воли и интересов всего крестьянства, отождествив рост сельского хозяйства с ростом кулацкого хозяйства, И. Предейн требует не больше, не меньше, как проводить индустриализацию страны по мере и на базе развивающегося и растущего кулацкого хозяйства! Это ли не апофеоз, это ли не идеал кулацких мечтаний и надежд!

Но надо отдать справедливость И. Предейну. В своих предложениях он не ограничивается требованием предоставления полной хозяйственной свободы кулаку, избавления кулака от налоговых тягот и т. п. Он не возражает и против того, чтобы «предоставить полную возможность и поощрять развитие коллективных форм земледелия»! Какая умилительная картина, какое трогательное зрелище, какой изумительный «об'ективизм»! И. Предейн воплощение справедливости: требуя полной свободы для кулака, он не возражает и даже готов «поощрять» свободное развитие «коллективных форм земледелия»! Свобода—так для всех: и для кулака и для колхоза; равенство—так для всех: и для кулака и для колхоза—пусть свободно соревнуются!

Какая бездна падения для человека, который именует себя коммунистом! И какая железная логика в этом последовательном развертывании ошибок правых уклонистов!

Понимает ли И. Предейн, что означает претворение в жизнь его предложений?

> «Вы видите,—пишет И. Предейн,—что мои предложения дают возможность развития капиталистических элементов города и деревни. Эти предложения, если их провести в жизнь, еще больше укрепят базу капитализма в нашей стране.
>
> «В этом я даю себе полный отчет. Из чего же в таком случае я исхожу, когда выношу такие предложения?
>
> «Из того, что только такой план политики индустриализации страны и строительства социализма обеспечит союз пролетариата с многомиллионным трудовым крестьянством, без которого (союза) немыслима диктатура пролетариата в нашей стране».

Итак, «союз пролетариата с многомиллионным трудовым крестьянством» немыслим вне предоставления кулаку полной хозяйственной свободы, свободы эксплоатировать и угнетать деревенскую бедноту и маломощные слои середнячества, вне снижения налогов на кулака, вне освобождения кулака от индивидуального обложения, вне отказа от методов общественного воздействия, бедняцко-середняцкого крестьянства на кулака, вне предоставления полной свободы кулаку в работе кооперации и т. д. и т. п., короче говоря вне свободного развития капитализма в деревне!

И, рассматриваемый с предейновской точки зрения, «кулак утрачивает свою свирепую, искаженную злобой физиономию и принимает какое-то благодушное, почти ангельское выражение». Кулак—вот оказывается кто выступает в роли благодетеля и покровителя союза рабочего класса с трудовым крестьянством. Не тронь кулака, прекратите безрассудное наступление на кулака—и дело союза рабочего класса с крестьянством будет обеспечено! Иначе—«разрыв», «пропасть» и неизбежная гибель диктатуры пролетариата!

От во имя этой-то «благородной» задачи—за полную свободу кулаку—и призывает Предейн к борьбе с партией!

Но И. Предейн не только требует «во имя пролетариата» свободного развития капитализма. С юношеским темпераментом и энергией он «доказывает» величайшее для «пролетарской революции» значение и пользу свободного развития капитализма, при полной его «безвредности».

> «Экономически окрепнувшие капиталистические элементы деревни,—пишет И. Предейн,—нам не страшны. Смешно было бы думать, что оправившийся кулак может взять под свое влияние бедноту. Кулак лишается и должен будет лишаться избирательных прав при избрании сельских советов. Затем—комитеты крестьянской взаимопомощи, группы бедноты, наши ячейки, коллективизация бедноты,—все это достаточно мощные факторы, чтобы избавить через них бедноту от влияния кулака.
>
> Нелепым было бы также предположение, что преимущественно мелкая частная кустарная промышленность и крестьянское ремесло могут подавить нашу индустрию, если дать им свободу развития. Было ли когда в истории, чтобы мелкая промышленность подавила крупную. Марксизм-ленинизм нам говорят как раз обратное: крупная всегда губит мелкую. А раз это так, то зачем же нам бояться развития в стране частной мелкой промышленности, сельскохозяйственного ремесла? Зачем же устанавливать неимоверно большие налоги на этот частный сектор, заранее зная, что таких убийственных налогов никто не выдержит?
>
> Зачем нам бояться капиталистических элементов вообще, когда мы имеем государственную власть, Красную армию, крупную и мелкую промышленность, транспорт, банки и т. д.?
>
> Зачем нам уничтожать частный сектор с помощью административных мер, коли без этого сектора мы пока жить не можем?»

Что имеет общего эта сладенькая либерально-оппортунистическая болтовня с тем, что говорил и писал, чему учил Ленин? «Экономически окрепнувшие капиталистические элементы нам не страшны», потому что политическая власть находится-де в руках пролетариата,—рассуждает Предейн. И не понимает, что укрепление и усиление капиталистических элементов в деревне означает усиление не только их экономической мощи и силы вообще, но и усиление их влияния на бедняцкие и середняцкие слои деревни, ослабляя тем самым влияние рабочего класса! И. Предейн не понимает, что укрепление и усиление капиталистических элементов означает ослабление элементов социалистических, укрепление и усиление их влияния не только в экономике, но и в политике, усиление их влияния на другие классы, на весь хозяйственный и государственный аппарат. И. Предейн решительно не понимает, что опасность перерождения и заключается как раз в том, что укрепляющиеся и усиливающиеся за счет социалистических капиталистические элементы нашей экономики могут по мере своего нарастания взорвать изнутри всю систему пролетарской диктатуры. И. Предейн решительно не понимает, что опасность перерождения, опасность реставрации капитализма тем меньше, чем сильнее социалистичский сектор нашего хозяйства, чем успешнее он ведет наступление на капиталистические элементы экономики, чем слабее влияние капиталистического сектора на всю экономику страны, а следовательно, и на все классы.

Величайшим пустяком было бы думать, что у нас выкорчеваны корни капитализма. До тех пор, пока мелкое хозяйство играет такую крупную роль в народном хозяйстве, как у нас, капитализм «имеет более прочную базу, чем социализм», капитализм представляет собой реальную угрозу, и

важнейшей задачей пролетарской революции является—лишить капитализм его базы, превратив простое товарное хозяйство в хозяйство социалистических производителей.

Только глупец, ничего не понявший и ничему не научившийся у Ленина может думать, что нам нечего «бояться капиталистических элементов вообще», что практически, на деле вопрос «кто-кого?» уже снят, что классовые бои пролетариата с капитализмом за социализм уже закончены победой рабочего класса.

> «Если эксплоататоры,—говорил Ленин,—разбиты только в одной стране, а это, конечно, типичный случай, ибо одновременная революция в ряде стран есть редкое исключение, то они останутся все же сильнее эксплоатируемых, ибо международные связи эксплоататоров громадны».
>
> «Эта историческая правда состоит в том, что правилом является при всякой глубокой революции долгое, упорное, отчаянное сопротивление эксплоататоров, сохраняющих в течение ряда лет крупные фактические преимущества над эксплоатируемыми. Никогда, иначе как в сладенькой фантазии сладенького дурачка Каутского, эксплоататоры не подчиняются решению большинства эксплоатируемых, не испробовав в последней отчаянной битве, в ряде битв своего преимущества» [1]).
>
> «Уничтожение классов—дело долгой, трудной, упорной классовой борьбы, которая после свержения власти капитала, после разрушения буржуазного государства, после установления диктатуры пролетариата не исчезает (как воображают пошляки старого социализма и старой социал-демократии), а только меняет свои формы, становясь во многих отношениях еще ожесточеннее»[2]).
>
> «Сопротивление эксплоататоров начинается до их свержения и обостряется после с двух сторон. Борьба до конца или «отболтаться», как мелкая буржуазия, социалисты, — писал Ленин в своих тезисах «О диктатуре пролетариата». «Подавление сопротивления эксплоататоров. Об этом, как о задаче (и содержании) эпохи вовсе забывают оппортунисты и социалисты».

Что общего имеет «концепция» И. Предейна, уверяющего нас в «безвредности» и «безобидности» для дела социалистического строительства растущего капитализма, с утверждением Ленина, что:

> «на нашей революции больше, чем на всякой другой, подтвердился закон, что сила революции, сила натиска, энергия, решимость и торжество ее победы усиливают вместе с тем силу сопротивления со стороны буржуазии. Чем мы больше побеждаем, тем больше капиталистические эксплоататоры учатся об'единяться и переходят в более решительные наступления» [3]).

С этой точки зрения уже совершенно комическое впечатление производит довод «от войны», приводимый Предейном для обоснования неверности политики наступления на капиталистические элементы города и деревни.

> Наступление на капиталистические элементы, — пишет Предейн,—«на данном этапе развития нэпа, при сложившейся международной и внутренней политической и экономической ситуации, абсолютно ничем не оправдывается с точки зрения ленинизма», «оно провалится так же, как, например, провалилось наступление на Варшаву в 1920 г.».
>
> Политика наступления на кулачество, есть политика «разжигания классовой борьбы»,—уверяет Предейн,—между тем «нам невыгодно

[1]) Ленин, т. XV, стр. 466—467.
[2]) Ленин, т. XV, стр. 227.
[3]) Ленин, т. XVI, стр. 347.

> разжигать классовую борьбу внутри страны потому, что мы теперь стоим на пороге решающих боев с мировым империализмом».
>
> «Кто будет оспаривать то положение, что для нас будет плохо, если во время войны с империализмом мы будем иметь в нашем тылу врага, готового в любую минуту вцепиться нам в спину?
>
> Кто будет оспаривать, что для нас страшно невыгодно порывать с основной массой середняков в тот момент, когда наша армия во время войны будет состоять наполовину из середняков?
>
> Политика разжигания классовой борьбы внутри нашей страны при данной обстановке таит в себе гибельные для нас последствия».

Как уже неоднократно указывали, кулак у Предейна выступает под разными «марками»: то в качестве «основных масс крестьянства», то в качестве «всех слоев» деревни. Теперь фигуру кулака И. Предейн пытается представить «мирным» середняком. Наступление на кулака превращается у Предейна в наступление на середняка, обострение противоречий с кулаком, превращается в разрыв с «основной массой середняков». Цену разговорам о разрыве союза рабочего класса с середняком мы уже знаем! Да и не середняк, как мы могли видеть, интересует И. Предейна. Он болеет душой за кулака. И с точки зрения все той же «пролетарской революции» он боится обострения классовой борьбы с кулаком на случай... «войны с империализмом»!

Нам «невыгодно» вести политику наступления на кулаков, нам «невыгодно» с ним портить «дружеские» отношения для того, чтобы не нажить себе во время «войны с империализмом» «врага в тылу»! А потому надо «отменить» наступление на кулака—и тогда... тогда кулак из врага превратится, если не в «друга», то во всяком случае в фигуру, соблюдающую «дружеский нейтралитет»!

Кулак, соблюдающий «нейтралитет» в борьбе пролетариата с капитализмом—это либо апофеоз человеческой глупости, либо опять же проявление той разновидности политической невинности, которая знаменует «отчасти отсутствие всякого образа мысли, отчасти же отсутствие того смысла, который дает возможность различить добро от зла».

«Я был однажды свидетелем, — рассказывает Щедрин, — редкого и потрясающего зрелища: я видел взбесившегося клопа». Нужно признаться: как ни потрясающее воистину должно быть это зрелище, оно все же меркнет перед лицезрением тех предложений и доводов в их пользу, с которыми выступает Предейн «во имя интересов пролетарской революции»!

О путях развития середняка.

Надо сказать, что «тезисы» Предейна интересны и поучительны и еще в одном отношении: Предейн договаривает в своем понимании путей развития середняка то, что не договаривает кое-кто из представителей правого уклона.

> «Совсем не по-ленински,—утверждает Предейн,—ставить вопрос о «возрастающем наступлении на капиталистические элементы деревни», не задевая будто бы этим наступлением середняка. Жизнь после после XV с'езда партии показала, что это наступление уже в значительной степени парализовало производственную деятельность середняка.
>
> Тем, что мы об'явили поход с целью уничтожения капиталистических элементов деревни через систему главным образом налогов, этим мы уже в корне подрезали середняцкие хозяйства и лишили их стимула к развитию.

Значит фактически решения ноябрьского пленума по вопросу о стимулировании развития крестьянских хозяйств относятся только к бедняцким хозяйствам.

«В вопросе наших отношений с середняком мы свернули влево с ленинских позиций», ибо «развитие середняцких хозяйств есть развитие капиталистическое».

Мы отбрасываем, как явно обанкротившиеся рассуждения о том, что «производственная деятельность середняка» в результате решений XV с'езда была «парализована». Итоги истекшего с.-х. года со всей очевидностью и убедительностью свидетельствуют, что только совершенно безнадежный человек может утверждать подобную бессмыслицу. Но здесь нас интересует другое: та связь, которую устанавливает И. Предейн между «все возрастающим ограничением капиталистических элементов» деревни и стимулами хозяйственного развития середняка. Ограничение капиталистических элементов деревни означает по И. Предейну, что «мы уже в корне подрезали середняцкие хозяйства и лишили их стимула к развитию», ибо «развитие середняцких хозяйств есть развитие капиталистическое», ибо рост середняка возможен только на капиталистической основе, ибо никаких других путей, кроме перерастания в кулацкое хозяйство у середняка нет. И это чудовищное откровение правоуклонистский Заратустра, единым духом отбрасывающий гениальный ленинский кооперативный план социалистической переделки простого товарного хозяйства, пытается «обосновать» ссылками... на Ленина!

«Вы можете мне не поверить, что развитие середняцких хозяйств есть развитие капиталистическое, — предусмотрительно оговаривается И. Предейн,—поэтому я ниже приведу целый ряд ленинских положений по этому вопросу».

Но вместо «целого ряда» ленинских положений И. Предейн приводит только одно, вообще имеющее отношение к затронутому им вопросу: «Развитие мелкого хозяйства,—писал Ленин в брошюре «О продналоге»,—есть развитие мелкобуржуазное, есть развитие капиталистическое и, разумеется, обмен: это—бесспорная истина, азбучная истина политической экономии, подтверждаемая к тому же повседневным опытом и наблюдением даже обывательским» [1]). Правильно ли это? Безусловно. В капиталистическом обществе нет других путей развития у мелкого хозяйства, как путь капиталистического развития. Но в советском хозяйстве, где политическая власть и командные экономические высоты находятся в руках пролетариата, перед мелким хозяйством середняка открывается возможность принципиально иного пути развития — через кооперацию к социализму, ибо именно в кооперации «мы нашли,—писал Ленин в статье «О кооперации»,—ту ступень соединения частного интереса, частного торгового интереса, проверки и контроля его государством, степень подчинения его общим интересам, которая раньше составляла камень преткновения для многих и многих социалистов» [2]), ибо именно кооперация позволяет «путем возможно более простым, легким и доступным для крестьянина» [3]) перейти «к новым порядкам»—к социалистическим формам хозяйства.

Значит ли это, что в условиях советской системы хозяйства не будет частично и в известной мере происходить развитие мелкого хозяйства, как развитие капиталистическое? Отнюдь нет. Больше того, именно мелкое хозяйство, индивидуальное крестьянское хозяйство является питательной средой для капитализма, именно оно ежеминутно и ежесекундно рождает капитализм. И именно потому-то важнейшей задачей пролетариата в его борьбе

[1]) Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 215.
[2]) Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 139—140.
[3]) Там же, стр. 140.

с капитализмом является уничтожение его корней, лишение его питательной базы. Вырвать же корни капитализма можно, только коллективизировав, обобществив сельское хозяйство, превратив простых товаропроизводителей в производителей социалистических, на основе того самого ленинского кооперативного плана, которого «не заметил», который «проглядел» И. Предейн.

Но всего этого, повторяем, не понял Предейн. Об этом говорит и его защита кулака, и его снисходительное «разрешение» предоставить «полную возможность» развития коллективных форм земледелия, и его утверждение, что к новым формам смычки—коллективизации—«мы изо всех сил потянули бедняцкое и середняцкое крестьянство» только для того, «чтобы замазать пропасть отрыва» «основной массы крестьянства» от «сверхбыстрого темпа индустриализации». От хорошей жизни, — рассуждает кулацкий вождь И. Предейн,—«не потянет» к новым формам смычки, не потянет в коллектив! Тем более, что «экономической базы для массовой коллективизации сельского хозяйства у нас пока нет».

Что можно сказать о человеке, именующем себя коммунистом, который всю проблему коллективизации и обобществления сельского хозяйства, проблему новой, более высокой формы смычки—производственной смычки—представляет себе, как попытку «замазать пропасть» разрыва элементарнейшей экономической формы смычки—смычки в процессе товарооборота?

Что, в самом деле, можно сказать о человеке, «у которого ни назади, ни впереди нет ничего, кроме умственного и нравственного декольте»?

Что общего имеет эта «установка» И. Предейна в вопросах коллективизации и переделки простого товарного хозяйства с тем, что говорил Ленин?

«Под соглашением между рабочим классом и крестьянством можно понимать, что угодно,—говорил Ленин.—Если не иметь в виду, что соглашение с точки зрения рабочего класса лишь тогда является допустим, правильным и принципиально возможным, когда оно поддерживает диктатуру рабочего класса и является одной из мер, направленных к уничтожению классов, то формула соглашения рабочего класса с крестьянством, конечно, остается формулой, которую все враги советской власти и все враги диктатуры в своих взглядах и проводят» [1]).

«Теперь пролетариат держит в руках власть и руководит ею. Он руководит крестьянством. Что это значит — руководит крестьянством? Это значит, во-первых, вести линию на уничтожение классов, а не на мелкого производителя. Если бы мы с этой линии коренной и основной сбились, тогда мы перестали бы быть социалистами и попали бы в лагерь тех мелких буржуа, в лагерь эсэров и меньшевиков, которые являются сейчас самыми злейшими врагами пролетариата» [2]).

Так ставил вопрос Ленин. Но с тех пор в понятие «соглашения» между рабочим классом и пролетариатом было привнесено много неправильного, неверного и глубоко ошибочного. В самом деле, что общего между той идеей, которую вкладывал Ленин в понятие «соглашения», «союза» и «смычки» рабочего класса с крестьянством, и утверждением, что колхоз не является столбовой дорогой к социализму, ибо «колхозы являются естественной формой организации бедняцких хозяйств», но не середняцких, для которых «столбовая дорога пойдет через обыкновенную кооперацию—сбыт, закупку, кредит,—словом через сельскохозяйственную кооперацию».

Производственное кооперирование середняка в этой концепции совер-

[1]) Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 257.
[2]) Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 270.

шенно отсутствует: оно оставлено только бедняку. Середняк же, кооперирующийся только в сфере товарооборота, индивидуальным товаропроизводителем так и остается вечно, навсегда, ибо кооперирование не затрагивает сферы производства, ибо кооперирование не затрагивает основы основ простого товарного хозяйства. Утверждать, что столбовая дорога — это кооперирование в сфере товарооборота и кредита, но не в производстве, что колхозы — это форма кооперации, не свойственная середняцкому хозяйству, это значит держать курс на закрепление мелкого товарного производства, а не на его переделку.

Руководить крестьянством — это значит вести «линию не на мелкого производителя», не на индивидуальное крестьянское хозяйство, а на его кооперирование и коллективизацию, на превращение простого товаропроизводителя в производителя социалистического. И кто сбивается с этой «коренной и основной» линии, кто хочет задачу коллективизации крестьянства задвинуть на задний план, кто требует отказа от форсированного строительства колхозов, кто делает ставку на индивидуальное крестьянское хозяйство, — тот перестал быть коммунистом, тот скатился в лагерь меньшевиков и эсэров. Так ставил вопрос Ленин, и именно так вплотную, практически стоит он перед нами сейчас.

Но свое законченное, логически-завершенное выражение эта концепция находит в «тезисах» Предейна, у которого вся проблема переделки простого мелкого производителя и уничтожения классов превращается в попытку «замазать пропасть» разрыва рабочего класса с крестьянством, у которого вообще отрицается за мелким простым товарным хозяйством другой путь развития, кроме капиталистического, у которого понятие соглашения между рабочим классом и крестьянством естественно и логически становится адэкватным понятию: дорогу кулаку!

Совершенно справедливо, конечно, что пустым болтуном, схоластом и филистером был бы тот, кто попробовал бы эти указания Ленина о переделке простого товарного хозяйства применить без учета конкретной обстановки, кто попробовал бы взять курс на коллективизацию деревни без учета реальной обстановки, без учета того, в какой мере имеются налицо технико-экономические и прочие предпосылки для проведения этой сложнейшей и труднейшей задачи.

Нельзя «нести сразу чисто- и узко-коммунистические идеи в деревню. До тех пор, — говорил Ленин, — пока у нас в деревне нет материальной основы для коммунизма, до тех пор это будет, можно сказать, вредно, это будет, можно сказать, гибель для коммунизма.

Нет. Начать следует с того, чтобы установить общение между городом и деревней, отнюдь не задаваясь предвзятой целью внедрить в деревню коммунизм. Такая цель не может быть сейчас достигнута. Такая цель несвоевременна. Постановка такой цели принесет вред вместо пользы».

Так мудро и осторожно ставил Ленин вопрос в 1923 году, когда советское государство только начало выходить из долгих лет голода, нищеты и разрухи, когда советское государство только начало восстанавливать разрушенное империалистической и гражданской войной народное хозяйство, когда только пускались в ход стоявшие до того фабрики и заводы, когда мы еще не прожили пары лет со времени перехода от военного коммунизма к новой экономической политике, когда еще не были созданы материальные основы для постепенного перевода индивидуального крестьянского хозяйства в обобществленное хозяйство социалистических производителей.

С тех пор прошло шесть лет. Народное хозяйство полностью восстановилось. Промышленность не только догнала, но и перегнала довоенный уровень производства. Страна вступила в эпоху реконструкции и величайшего строительства. Уже построены многие десятки новых фабрик и заводов, уже построен ряд крупнейших районных электрических станций. И на протяжении ближайшего пятилетия будут построены уже не десятки, а сотни новых фабрик и заводов, десятки новых крупнейших электростанций, из которых Днепрострой будет являться одной из крупнейших электростанций мира. Промышленность в последний год пятилетия будет производить 22 млрд. клв.-часов энергии, 75 млн. тонн угля, 10 млн. тонн чугуна, 8 млн. тонн химических удобрений, 65 тыс. тракторов, на 610 млн. руб. различного рода с.-х. машин и т. п.

И естественно, что в этих условиях вопрос о коллективизации деревни встал перед рабочим классом иначе, чем он стоял 6—7 лет назад. Материальные предпосылки для постепенной коллективизации деревни уже имеются и чем дальше, тем больше будут шириться и расти. Рост машинизации, тракторизации и химизации деревни создает именно те условия, которые дают все необходимое и достаточное для социалистической переделки деревни. И тот, кто сейчас, ссылаясь на слова Ленина, сказанные им 6—7 лет назад, попытался бы выступить против курса партии на форсированную коллективизацию деревни, был бы только смешон, ибо воочию доказал бы, что он ничего не понял в ленинизме, что он не способен ни на что другое, как «твердить зады», произносить слова и фразы, не понимая и не вдумываясь в их содержание.

И с этой точки зрения опять-таки факты говорят сами за себя. Лозунг партии о форсированном строительстве колхозов и совхозов подхвачен самыми широкими массами трудящихся, и результаты мы уже имеем налицо. Посевная площадь обобществленного сектора возросла с 2.775 тыс. гектар в прошлом году до 6.106 тыс. гектар в текущем году или на 120%, в том числе посевная площадь колхозов соответственно — с 1.380 тыс. гектар до 4.400, или на 218%, а совхозов — с 1.395 тыс. га до 1.706 тыс. га или на 22%.

Сообщения с мест ярко и убедительно рисуют этот решительный сдвиг в направлении коллективизации деревни.

> «В весеннюю посевную кампанию, — сообщает Сев.-Кавк. край, — площадь посевов социалистического сектора увеличилась вдвое».
>
> «В период весенней посевной кампании, — сообщает тов. Хотаевич, — по Средневолжской области возникло свыше 1½ тыс. новых колхозов против 1.085 намечавшихся по плану. Охватывается этими вновь возникшими колхозами более 35 тыс. крестьянских хозяйств. В числе этих колхозов имеется 22 крупных зерноколхоза, имеющих каждый в отдельности до 22 тыс. га и более посевов. Иных простейших производственно-кооперативных об'единений за этот период возникло 2.880 против 2.100, намеченных по плану».
>
> По Казакстану, — сообщает тов. Голощекин, — «колхозы против 120 тыс. га посева прошлого года, в текущем году засеяли 306 тыс. га. Весь социалистический сектор в прошлом году имел посев в 159 тыс. га, в текущем году — 370 тыс. га. Удельный вес социалистического сектора против 4,2% в прошлом году составит в текущем 8,5% всей посевной площади Казакстана».
>
> «Коллективное строительство в истекшую весеннюю посевную кампанию показывает, — сообщает т. Варейкис из Центрально-Черноземной области, — что темпы, предусмотренные сельскохозяйственной пятилеткой, явно преуменьшены. Нам сдается, что в течение ближайших трех лет будет об'единено крестьянских хозяйств больше 15%.

Темпы коллективизации с каждым годом возрастают. И это естественно, ибо крестьянин все более убеждается на деле в громадных экономических преимуществах коллективного крупного хозяйства.

По плану намечалось организовать 1.025 колхозов — организовано 1.740, об'единяющих 38.912 хозяйств и 258.986 га земли. В ЦЧО насчитывается теперь 4.177 коллективов, об'единяющих 83.762 хозяйства. Земельная площадь колхозов составляет 632.708 га против 328.192 га на 1 октября 1928 года. Посевная площадь колхозов увеличилась в два раза!

Теперь с полным основанием можно заявить: темпы коллективизации, предусмотренные пятилеткой, преуменьшены. Итоги весенней посевной кампании нас в этом еще более убеждают. Работу в области коллективизации можно и необходимо развертывать более решительно, чем это делали до сих пор».

Так говорят факты.

И в этих условиях находятся люди, которые утверждают, что время для строительства колхозов, «еще не приспело», что не созданы еще необходимые для строительства колхозов и совхозов «материально-технические предпосылки», что думать о массовой коллективизации, «значит уподобиться народникам», что лучше синица в руках, чем журавль в небе, что нам нужен «реальный» хлеб, а не фантастический хлеб фантастических совхозов и колхозов, а потому — «во имя пролетарской революции» вперед в атаку против партии, политика наступления на кулака которой ведет «к срыву социалистического строительства».

«Устрашенные и убежденные, брюхопоклонники роют копытом землю, сверкают глазами, скрежещут зубами и показывают кулаки!». Но кого теперь может испугать их воинственный вид? Взяв твердо и решительно курс на коллективизацию деревни, ведя решительно и неуклонно, напряженным и быстрым темпом курс на индустриализацию страны, партия вплотную подошла к выкорчевыванию корней того капитализма, который так дорог и мил сердцу правоуклонистского пророка И. Предейна.

Куда растет правый уклон?

Ответ на этот вопрос едва ли может быть различен. «Тезисы» И. Предейна, являющиеся логическим завершением ошибок правых уклонистов, говорят сами за себя.

И. Предейн не только выступает против наступления на капиталистические элементы нашей экономики, не только выступает противником взятого партией курса на коллективизацию деревни (стране-де нужен хлеб, а не «реставрация» народнических утопий!), не только всячески обеляет и прикрашивает капитализм (и не страшен-то он нам, и «безобиден»-то он!), не только выступает защитником теории: лучше «худой» мир с кулаком, чем «добрая» ссора, но и прямо утверждает капитализм, как извечного пособника, помощника рабочего класса в его борьбе за социализм.

Все это может показаться невероятным, чудовищным, но тем не менее это так. Капитализм в роли извечного пособника социализма — так завершаются откровения правоуклонистского Заратустры.

Было ли у нас такое положение, такое время, когда капитализм выступал в роли пособника социализма? Да было! Это было, то время, когда наша страна переходила от военного коммунизма к новой экономической политике, это было то время, когда были нарушены хозяйственные связи между городом и деревней, когда был нарушен в стране нормальный товарооборот, когда отсутствие этого товарооборота сковывало и подрывало, лишало стимулов развития мелкое хозяйство и в первую очередь крестьянские хозяйства и когда задача оживления товарооборота стояла как важнейшая задача хозяйственной политики партии. Нужно было во что бы то ни стало восстановить нарушенные хозяйственные связи и оживить оборот между промышленностью и земледелием, иначе нам грозило дальнейшее падение производительных сил и земледелия и промышленности, иначе нам грозила полная катастрофа, полный провал и в экономике, а следовательно, и в политике. Так со всей беспощадностью, в упор стояла эта задача перед страной пролетарской диктатуры, едва вышедшей из долгих лет гражданской войны, блокады и интервенций. Все меры были хороши для того, чтобы обеспечить восстановление этих хозяйственных связей, восстановление нарушенного товарооборота, ибо всякий шаг вперед в этом направлении являлся помощью делу социализма. И именно об этом неоднократно говорил и именно эту цель — оживление товарооборота — преследовал Ленин, когда писал в брошюре «О продналоге»:

«Все должно быть пущено в ход для того, чтобы оживить оборот промышленности и земледелия во что бы то ни стало. Кто достигнет в этой области наибольших результатов, хотя бы путем частнохозяйственного капитализма, хотя бы даже без кооперации, без прямого превращения этого капитализма в государственный капитализм, тот больше пользы принесет делу всероссийского социалистического строительства, чем тот, кто будет «думать» о чистоте коммунизма, писать регламенты, правила, инструкции государственному капитализму и кооперации, но практически оборота не двигать.

Это может показаться парадоксом: частнохозяйственный капитализм в роли пособника социализму!

Но это нисколько не парадокс, а экономически совершенно неоспоримый факт» (т. XVIII, ч. 1, стр. 225).

Но посмотрите, какие выводы из этого совершенно бесспорного и полностью оправдавшегося тезиса Ленина делает И. Предейн:

> «Как видите — эти положения Ленина не имеют ничего общего с «политикой все возрастающего наступления» на капиталистические элементы, которую мы теперь проводим в жизнь.
>
> Вы мне скажете, что это положение Ленина в течение 6 лет до 1297 года (т.-е. до XV с'езда ВКП(б) было верно, а в 1927 г. уже устарело. Вы повторите слова т. Сталина, что «ленинизм не догма, а руководство к действию», — но это будет все весьма неубедительные слова.
>
> Вы мне докажите, почему это в 1927 году эти положения Ленина устарели и не годятся в качестве «руководства к действию». Ведь эти положения Ленина есть основа нэпа. Если нам больше не нужен нэп, то ответьте, почему же. Я не могу найти на это ответа. Или потому, что мы стали слишком сильные и богатые, а капитализм стал очень слабый и нам больше не нужен, как «пособник социализму»?
>
> Или же, наоборот, потому, что мы слабые, а капитализм сильный и дальнейшее развитие его слишком опасно для пролетарского государства?
>
> Первое вы мне сказать не можете, так как недавно т. Сталин выдвинул совершенно правильное ленинское положение, что «капитализм в нашей стране имеет более прочную базу, чем социализм». А кто имеет «более прочную базу», тот в любое время может стать сильным.
>
> Остается второе, т.-е. капитализм сильный, а социализм еще слабый. Если мы не уничтожим капитализма теперь же, то он нас уничтожит.

Итак вы отвечаете мне только так, что приведенные мною положения Ленина с 1927 г. не годятся «к действию», потому что капитализм в нашей стране имеет большую потенциальную силу, а мы еще слишком слабы. Нужно наступать на капиталистические элементы уничтожать их.

Но позвольте тогда мне задать вам один вопрос. Почему же т. Ленин допускал свободу развития капитализма в 1921 году? Разве мы тогда были сильнее, чем в 1927 г. или в 1929 г.? Или т. Ленин вел тогда крайнюю отчаянную политику, политику риска.

Нужно ли доказывать, что И. Предейн не понял, решительно ничего не понял в ленинской постановке вопроса о капитализме, как «пособнике социализма».

Нужно ли доказывать, что свою роль «пособника социализма» частнохозяйственный капитализм уже давно сыграл, ибо та задача, которая на него возлагалась в первые годы нэпа — «оживить оборот промышленности и земледелия» — уже полностью разрешена. С тем только «неприметным» для И. Предейна «различием», что теперь в основном и решающем товарооборот страны находится в руках обобществленного сектора — государства и кооперации. Удельный вес частнокапиталистического сектора в торговом обороте страны уменьшился с 49,6% в I полугодии 1923/24 г. до 13,9% в 1927/28 году. Таким образом, за истекшие годы не только был оживлен товарооборот в стране, но и в основном и решающем перешел в руки обобществленного сектора. Частнокапиталистический сектор в товарообороте, сделав свое дело, должен был уйти, отступить перед напором наступающих и вытесняющих его социалистических элементов.

И правоуклонистский пророк просто смешон, когда требует возврата к давно пройденному этапу в социалистическом строительстве, когда требует возвращения капитализму отвоеванных, отнятых у него в упорной и тяжелой борьбе тех позиций, которые он занимал в первый период нэпа!

И. Предейн органически не понимает всего содержания нашей переходной от капитализма к социализму эпохи. Он не понимает, что весь смысл, все содержание нашей переходной экономики как раз и заключается в том, чтобы на основе общего роста производительных сил страны более быстро растущим социалистическим сектором вытеснить элементы капиталистические, социалистически преобразуя и переделывая сектор простых товаропроизводителей.

Или капитализм, или социализм — середины быть не может, и в жесточайшей, упорнейшей и отчаяннейшей схватке этих двух систем — смысл и содержание эпохи переходного периода.

Повторяем, всего этого не понял И. Предейн. Он против наступления на капитализм, если он слаб — «слабого всякий обидеть может»; он против наступления на капитализм, если он силен — «что вы делаете, не зарывайтесь, не ссорьтесь — он такой сильный!» Короче говоря и потому и поэтому, и в том и в другом случае И. Предейн решительно не согласен с политикой наступления на капитализм... «во имя пролетарской революции»...

Конечно, все эти рекламы правоуклонистского либерализма, «не больше, как прыщи, посредством которых разрешается долго сдерживаемое умственное худосочие». Гораздо существеннее, что все эти рассуждения находят кое-где явно выраженные симпатии.

И. Предейн против наступления на капиталистические элементы, против искусственного насаждения колхозов и совхозов, он требует возвращения назад, отступления от попыток «возрождения» военно-коммунистических

методов хозяйствования... И он не одинок. Ему дружным хором подпевает вся белогвардейская пресса и почти в тех же тонах и почти теми же словами.

«До 1925/26 г., — писал Загорский в милюковских «Последних Новостях»,— новая политика, создавшая условия для постепенного восстановления капиталистического хозяйства, продолжала оказывать положительное действие. Она помогла восстановлению сельского хозяйства и промышленности из тех развалин, в которые их обратил коммунистический эксперимент».

«Кризис нэпа, обнаруженный оппозицией, и состоял в том, что нэп в 1926/27 г. оказался исчерпавшим себя, что он перестал давать нужный хозяйственный эффект. Все, что обессиленное, опустошенное, разоренное за годы коммунизма народное хозяйство могло получить от этой ублюдочной системы, оно использовало. Для дальнейшего восстановления и развития производительных сил страны необходимо было дать этим силам свободу, раскрепостить их от последних пережитков коммунизма. Для этого партия должна была иметь какую-нибудь определенную программу. Но именно на это в 1927 году она уже не оказалась способной».

Но ведь именно об этом хлопочет и И. Предейн! И он требует дать «этим силам», сиречь кулаку и капитализму вообще, необходимую свободу. Партия пошла по другому пути и вместо свободы кулаку повела на него решительное наступление. Но опять же о всей «гибельности» этой политики предупреждал И. Предейн и все тот же... Загорский:

«Одного года социалистического наступления было вполне достаточно для того, чтобы привести к кризису, основной причиной которого и является политика произвести полуконтрабандным путем вторичный коммунистический опыт».

«С того момента, когда форсированная индустриализация была об'явлена неот'емлемым заветом веры всякого правоверного коммуниста и в этом лозунге партия нашла на время удобный выход из обступивших ее со всех сторон затруднений, нынешний кризис явился неминуемым».

Нет, в своей критике партийного курса И. Предейн, конечно, не одинок! Он так трогательно поддерживается органом Милюкова! И. Предейн прокламирует и грозит «бороться» с партией за осуществление его «программы» и его «требований»! Он может быть спокоен: в этой своей борьбе он найдет себе достойных союзников в Загорском, Милюкове и иже с ними.

И. Предейн «не согласен» с решениями партии о форсированном строительстве совхозов и колхозов, он не может примириться с их «искусственным» насаждением, насаждением без достаточных для того материально-технических условий и предпосылок. И здесь опять же И. Предейн, не одинок, и здесь он имеет своих союзников.

«Старым», донэповским временем отдает суетливая возня вокруг колхозов и совхозов», — пишет Д. Далин в «Социалистическом Вестнике».

«Искусственное насаждение колхозов не только не подвинуло вперед социалистического строительства в сельском хозяйстве но, несомненно, способствовало понижению производительности и товарности в тех хозяйствах, которые удалось вовлечь в колхозы», — пишет г-н Загорский в «Последних Новостях».

Это ли не достойная компания, это ли не достойные «союзники» в той борьбе «во имя пролетариата и пролетарской революции», которую начал И. Предейн с партией!

«Последние Новости», «Социалистический Вестник» и И. Предейн, — новоявленный апостол правого уклона — единым фронтом и с единой программой, под одним флагом ведут борьбу с партией, с рабочим классом «во имя пролетарской революции».

Что нужно добавить к этой трогательной и умилительной картине?

Чьи интересы выражает и куда растет правый уклон?

«В правом уклоне», — пишет Ф. Дан в «Социал. Вестнике», — выражается всеобщее ощущение, что развитие буржуазно-капиталистических отношений в России есть факт неустранимый как в силу внутреннего развития самой России, так и в силу международной стабилизации капитализма, не дающей возможности самым безудержным фантастам мечтать о «мировой социальной революции» в ближайшие годы. И та платформа «правого уклона», которая сводится сейчас в общих чертах к «замедлению темпа индустриализации», к отказу от нажима на деревню и прекращению «сверхударного» строительства колхозов и совхозов, конечно, представляет собой лишь первый шаг к попытке приспособить политику советского правительства к неустранимым требованиям буржуазно-капиталистического развития и тем создать почву для примирения этого правительства с крестьянами».

«Правый уклон» — это пока лишь неоформленное течение в коммунистической среде с зачаточной платформой»... Представим себе его уже оформившимся в виде организованного движения с продуманной до конца программой. Каковы были бы в этом случае результаты его победы? Обеспечение условий буржуазно-капиталистического развития России при сохранении диктаторского, хотя и буржуазно-переродившегося режима. И все равно совершилось бы это перерождение постепенно и незаметно, или же, что исторически наиболее вероятно, оно было бы отмечено каким-либо «дворцовым» военным переворотом, итог был бы один: завершение экономического «термидора» и увенчание его «термидором» политическим, превращение коммунистической диктатуры в диктатуру откровенно-буржуазную».

Так пишет Ф. Дан, — этот старый и матерой меньшевистский «волк», и потому-то столько «теплого» и «искреннего» сочувствия и похвал расточает правому уклону на своих страницах «Социалистический Вестник».

Куда растет правый уклон? К апологетике и защите капитализма, к отказу от социалистического строительства, к отказу от социализма, в меньшевистско-кадетское болото.

Б. Таль.

Меньшевизм о нашем хозяйственном строительстве.

Советская страна вступила в полосу социалистической реконструкции. Огромный размах социалистического строительства и сложнейшие задачи реконструктивного периода приковывают коллективную мысль нашей партии к многообразным проблемам хозяйственного развития СССР.

Этими же вопросами все больше и больше начинают заниматься деятели зарубежной России № 2. И для проверки нашей линии, так сказать, от противного не вредно посмотреть, что говорят в настоящее время наши враги. Среди них наибольший интерес представляет осторожный меньшевизм, хорошо прошедший оппортунистическую школу II Интернационала и обладающий способностью расшивать наиболее тонкие и хитросплетенные желтые узоры контрреволюции.

Правда, в последнее время даже Керенский хочет вторично увековечить свое имя, провозгласив великий символ веры: «Каждый подлинный революционер прежде всего стремится предотвратить революцию» [1]).

Но меньшевики не уступают пальмы первенства. Последним наиболее крупным литературным явлением на тусклом, пыльном и монотонном небосклоне зарубежного творчества является, несомненно, книжка А. Югова «Народное хозяйство Советской России и его проблемы». (Берлин, 1929 г.). Эта книжка дает сгусток современной меньшевистской философии. Югов— заслуженный столп меньшевистской экономической мысли—обещает не только познакомить читателя с основными линиями развития хозяйства СССР за истекший период, но и намерен дать анализ основных проблем, тенденций и перспектив советского хозяйства.

Прежде чем приступить к разбору этого последнего слова меньшевизма, следует точнее определить позицию его автора. Как известно, среди русских меньшевиков имеется несколько течений, ведущих между собой довольно ожесточенную дискуссию [2]). Югов не принадлежит к «правому» течению, взгляды которого на советскую власть красочно охарактеризовал сам папаша Ф. Дан: «Только застой, упадок, разрушение, обнищание, вымирание могли быть следствием «октября», пока бунт отчаяния опомнившихся масс не положит конец эпилептическому припадку истории и не вернет страну на здоровые пути февраля» [3]). К этой яркой характеристике следует добавить только то, что правые меньшевики вовсе не ограничивались зоологической ненавистью к советской власти на словах, а весьма практически участвовали в интервенции, смыкаясь через «Национальный центр» и «Союз Возрождения» с самыми махровыми черносотенно-монархическими элементами.

---

[1]) «Дни» от 28/IV—29 г. А. Керенский—«Еще раз о ненависти к революции».

[2]) См., например, дискуссионный сборник «Проблемы революции», изд. заграничн. делег. РСДРП.

[3]) Дискусс. сборн. 1 «Проблемы революции», стр. 56, статья Ф. Дана «Наши критики».

Но Югов вовсе не «правый»—нет! Он только состоит с этими самыми правыми в одной партии и хочет показать, какие тяжелые последствия влечет «искусственное насаждение социалистических форм хозяйствования», «какие искаженные формы принимает при этом насильственно прививаемый «социализм», как «утопическая политика» советской власти «вновь и вновь приводит хозяйство страны к кризисам и заводит его в тупик». И Югов намечает свой выход из этого «тупика». Приходится только удивляться, как это меньшевистским «исследователям» не надоело бесчисленное количество раз «вновь и вновь» твердить о том, что советское хозяйство находится в безысходном тупике, с тем, чтобы с каждым нашим шагом вперед повторять октавой выше эту нудную песню сначала. Получается действительно как в песенке:

А старушка смирная
Взяла пук мочала,
Эта песня длинная —
Начинай сначала.

На этот раз меньшевистский экономист пытается выступить во всеоружии теоретического, фактического и исторического анализа, при чем—это специально подчеркивается—статистический материал взят «почти исключительно из советских официальных источников». Правда, у Югова несколько своеобразный подход к этим источникам: так, он именует «советским экономистом» и особенно сочувственно цитирует... пресловутого Альб. Вайнштейна; В. Базарова он об'являет «старым, выдержанным, ортодоксальным марксистом», соответственно развивая некоторые его выводы (особенно по части теории затухающей кривой и т. п.); зато тов. Лященко он характеризует как «л о й я л ь н о г о советского экономиста», рекомендуя соответственно осторожное к нему отношение; а беспартийного тов. В. Свердлова он прямо об'являет «видным коммунистом», очевидно, не будучи в силах представить себе, что беспартийный специалист может быть одним из руководящих работников ВСНХ, Об-ва Варнитсо и т. д.

Но помимо своеобразного отношения к статистическому материалу Югов проявляет совершенно исключительную «свободу» в обращении с историческими фактами.

Он делит всю нашу экономическую политику на два этапа—военный коммунизм и нэп. Он утверждает, что еще «перед октябрьскими днями 1917 года... была намечена вся программа н е м е д л е н н о г о к о м м у н и з м а» [1]).

По Югову не развертывание гражданской войны, интервенция и блокада заставили советскую власть пойти на политику военного коммунизма, а наоборот—и войну и интервенцию, разорение он относит за счет «коммунистических опытов немедленной социализации». Он, захлебываясь, расписывает, как разрушалось хозяйство Советской России (отмечая даже в качестве серьезного преступления большевистской политики, что в городах... исчезли извозчики). Югов злорадно заключает, что «прыжок в царство свободы оказался прыжком в условия дикаря». Эта весьма специфическая меньшевистская история имеет весьма мало общего с действительной историей. Всем известно, что экономическая политика советского государства прошла не два, а три основных этапа: первый этап от октября до развертывания гражданской войны и интервенции (середина 1918 г.), второй этап—военный коммунизм до окончания гражданской войны, третий этап—нэп. Всем известно, что основные принципы первого периода экономической политики советской власти в основном сближались с принципами нэпа. Всем

[1]) А. Югов—«Народное хозяйство Сов. России и его проблемы», стр. 9.

известно, что в полном соответствии с установленными Марксом и Энгельсом основами экономической политики пролетарской диктатуры большевики перед Октябрем специально подчеркивали: «Не «введение» социализма, как наша непосредственная задача, а переход тотчас лишь к контролю со стороны СРД за общественным производством и распределением продуктов» [1]). Всем также известно, что экономическая программа Октября выдвинула принцип национализации наиболее концентрированных участков промышленности (синдикатов и т. п.) и установления рабочего контроля над всей остальной массой промышленных предприятий. Но бешеное сопротивление буржуазии, разжигавшей огонь гражданской войны против пролетарской диктатуры, заставляло советскую власть гораздо быстрее переходить от рабочего контроля к рабочему управлению. Вот пара интересных документов, не укладывающихся в меньшевистскую «историю»: общее собрание Петроградского общества заводчиков и фабрикантов, обсудив 22 ноября 1917 г. изданное советской властью «положение о рабочем контроле», «категорически отвергает классовый негосударственный (!) контроль рабочих над промышленной жизнью страны, декретированный властью, не преследующей в своей деятельности государственных целей и не признанной большей частью населения России». А резолюция представителей Всероссийских торгово-промышленных организаций и Петроградск. о-ва заводчиков и фабрикантов еще яснее: «Обсудив изданное Советом Народных Комиссаров положение о рабочем контроле, собрание признало необходимым, в случае пред'явления в предприятиях требований о введении рабочего контроля, т а к и е п р е д п р и я т и я з а к р ы в а т ь».

В меньшевистской истории имеется один весьма подозрительный из'ян: там очень много говорится о «большевистских утопических экспериментах», но почему-то (очевидно, из чувства соавторской скромности?) очень мало говорится об интервенции, гражданской войне и с о в е р ш е н н о н е у п о м и н а е т с я империалистическая война, нанесшая такие сокрушительные удары хозяйству страны. Между тем только Октябрьская революция могла вывести и вывела Россию из кровавого тупика мировой войны, поставившей хозяйство страны к концу царствования безвременного «временного правительства» на грань полнейшей катастрофы. Большевики, сумевшие разорвать мертвую петлю мировой империалистической войны, почему-то делаются ответственными за ее разрушительные последствия—такова логика меньшевистской истории. Эта логика делает для меньшевиков невозможным понять смысл военного коммунизма и нэпа. Военный коммунизм, по их мнению, это—уродливый продукт безумных большевистских экспериментов по немедленному введению социализма в отсталой России; эта политика свелась к всеобщей потребительской дележке и разорению хозяйства. Высшая мудрость Югова простирается до вывода, что «военный коммунизм... был потребительским коммунизмом» (стр. 112). Соответственно меньшевики оценивают и нэп, как результат катастрофы коммунистической политики, отказ от строительства социализма и возврат на путь «развития производительных сил», с неизбежностью ведущего к капитализму—единственному пути отсталой России.

Меньшевики безнадежно слепы и (по понятным причинам) никогда и не сумеют понять, что «военный коммунизм» был вынужден войной и разорением... Он был временной мерой» [2]). Оценивая период гражданской войны и военного коммунизма, Ленин писал в марте 1921 г.: «Мы жили до сих пор в условиях такой бешеной, неслыханно тяжелой войны, когда ничего, кроме как действия по-военному; нам не оставалось в области экономической». [3])

[1]) См. апрельские тезисы Ленина. Собр. соч., т. XIV, ч. 1, стр. 19.
[2]) Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 214.
[3]) Там же, стр. 141.

Такова действительная историческая оценка военного коммунизма. Вместе с тем этот период был попыткой путем решительного штурма одолеть твердыни капиталистической экономики, попыткой, опирающейся на военно-политический союз пролетариата и крестьянства и закрепившей в ожесточенной гражданской войне основы пролетарской диктатуры. Переход к нэпу—переход от штурма к осаде. Нэп—к глубокому огорчению меньшевиков—не отказ от социализма, а путь непосредственного строительства социализма иными методами через решительное развитие социалистических элементов хозяйства, неуклонное вытеснение капиталистических элементов и активную социалистическую переделку элементов докапиталистических.

Наша новая экономическая политика обманула надежды меньшевиков—она не только не привела к возрождению капитализма, но обеспечила быстрый темп восстановления хозяйства СССР и быстрый темп разрешения задач его социалистической реконструкции.

Меньшевикам, — этим прирожденным оппортунистам, — приходится «приспособляться» к создавшимся в СССР условиям. Отрицать наглядные и весьма упрямые факты, рисующие успехи нашего хозяйственного строительства, невозможно. И меньшевики пытаются по-своему раз'яснить и истолковать эти факты. Этому делу и посвящена в основном книжка Югова.

Расправившись с историей, Югов переходит к анализу состояния, перспектив и основных проблем нашего хозяйства. Сказать по правде, никаких «проблем» и «перспектив» у Югова нет. Книжка его представляет серенькую, скучную меньшевистскую жвачку из таблиц, описаний, ссылок с оговорками, оговорок с ссылками, сомнений и недоумений. На этом бесцветном фоне рассыпаны перлы и адаманты «новейших» меньшевистских идей.

Как же меньшевизм «приспособляется» к условиям социалистического строительства в СССР? Как он «оценивает» хозяйственный строй советской страны и перспективы ее развития? Прежде всего Югов повторяет традиционную меньшевистскую «истину» о том, что «и хозяйственные, и социальные условия России, обрекают ее пройти через стадию капиталистического развития» [1]). Но действительность не спешит оправдать этот стародавний, замшелый меньшевистский прогноз. И тут надо отдать должное свойственному меньшевикам мастерству оппортунистической эквилибристики—Югов начинает давать весьма «тонкие» оценки, иногда даже более «левые», нежели, например, грубые утверждения ортодоксального троцкизма и децизма, с большими основаниями оспаривающих у меньшевиков их исконные права передовых борцов на левом фланге антисоветского фронта. Югов не утверждает, что в СССР уже совершился термидор и т. п. Наоборот, он отмечает, например, что в «сохранении» 8-часового рабочего дня «находит свое выражение еще не совсем растраченная революционная сущность советской власти» [2]). По мнению Югова, в СССР «процесс социального преобразования еще не закончен»; больше того—«он еще даже не вполне оформился, он протекает ломаной, зигзагообразной линией» [3]).

Конечно, Югов приводит эти «утонченные» и «компромиссные» формулировки для того, чтобы как-нибудь свести свои теоретические рассуждения с слишком наглядными фактами хозяйственного развития СССР. Но тут же он доказывает, что в Советской России имеется лишь «бюрократический, плохо работающий государственный капитализм и что неизбежно еще большее расширение частнокапиталистических отношений» [4]).

В свете этой «переходной» оценки советского строя представляет большой интерес отношение меньшевизма к планированию нашего хозяйства.

[1]) Цитир. книга, стр. 249.
[2]) Там же, стр. 207.
[3]) Там же, стр. 251.
[4]) Там же, стр. 252.

Советская власть—по Югову, конечно, ставит себе «утопическую задачу планирования всех хозяйственных процессов страны».

Но тут же — по знаменитой исторической меньшевистской системе «оговорочек» — Югов отмечает, что советской системе планирования «нельзя отказать в стройности», что «многочисленные печатные труды и материалы плановых органов СССР имеют бесспорную теоретическую ценность» [1]).

Еще бы—целый ряд побывавших в СССР весьма почтенных иностранных буржуазных экономистов с большим интересом отзываются о системе нашего планирования. Не могут же меньшевики отстать. И Югов снисходительно заявляет, что «работы советских плановых органов будут впоследствии изучаться всяким серьезным экономистом». Но тут же он помещает эту ложку сомнительного меда в бочку дегтя: «Как работы ассирийских астрологов и средневековых алхимиков (!)... легли в основу современной астрономии и химии, так, несомненно, не будут игнорироваться будущей наукой планового хозяйства и работы советских экономистов, несмотря на весь их утопизм и нереальность» [2]).

Дав эту веселую оценку нашей плановой работы, Югов пускается в собственные рассуждения по существу вопроса. Оказывается, «для марксиста ясно, что законченное плановое хозяйство может быть осуществлено лишь в условиях социалистического хозяйства». Какой может быть план в советском хозяйстве? Ведь даже «то, что в высоко развитых капиталистических странах известно под названием организованного капитализма, является лишь первым приближением к плану» [3]). Откуда же возьмется готовый план в меньшевистском социалистическом обществе? Очевидно, он вырастет путем непорочного социал-демократического зачатия из лона этого самого «организованного капитализма». Не даром Югов утверждает, что «еще в недрах капиталистического строя вырастают и развиваются... элементы социализма» [4]). Таков путь к социалистическому плану. За нашим же хозяйством Югов отрицает всякие права на какой-либо план. Завершением характеристики юговского понимания социализма может служить его утверждение (стр. 245) о том, что при коммунизме будет осуществлено право производителя на полный продукт труда. Эта беспощадно разбитая Марксом (см. критику «Готской программы») лассальянская идейка продолжает украшать собою «истинный социализм» меньшевиков—такова «подлинная» наука. Нашим же печальным уделом является «алхимия и австрология».

Югов не ограничивается общей оценкой хозяйства СССР. Он дает свой «обзор» и по отдельным отраслям.

Ведущее начало хозяйства—промышленность—естественно привлекает особое внимание. Нехотя, скрипя, с бесконечными оговорками Югов все-таки вынужден признать, что наша промышленная продукция превысила довоенный уровень и растет быстрым темпом. Но тут же он добавляет, что использованы последние резервы довоенного наследства и дальнейшее развитие промышленности безнадежно упирается в тупик недостатка капиталов. В результате Югов упрекает советскую власть в том..., что она проводит аграризацию страны.

Советские тресты никуда не годятся—«это организмы, пораженные рахитом с первых дней своего зарождения».

Управление промышленностью никуда не годится, и никакие реформы помочь не могут.

[1]) Там же, стр. 222.
[2]) Там же, стр. 226.
[3]) Там же, стр. 228.
[4]) Там же, стр. 242.

В чем же коренная беда? И тут Югов подходит к главному, самому заветному вопросу вопросов меньшевизма—этот вопрос—«непосильность для отсталой России современного об'ема национализации промышленности». Гвоздь в денационализации.

Чрезвычайно характерно, что меньшевизм не видит, не знает никаких проблем развития советской промышленности: ни проблемы развертывания производства средств производства, ни технической реконструкции и рационализации, ни проблемы себестоимости и т. д. и т. п. Меньшевизм знает только одно — проблему денационализации. Этот вопрос он разбирает с особенной тщательностью и вниманием вплоть до отдельных практических подробностей. Так, например, Югов серьезно доказывает, что, проводя денационализацию, советское государство должно «в одних случаях возвращать предприятия их старым владельцам, обеспечивающим их нормальное функционирование, в других—продавать новым русским и иностранным предпринимателям, в третьих—сдавать в долгосрочную аренду» [1]).

Меньшевистская аргументация в пользу денационализации становится в конце концов просто смешной. Денационализация, оказывается, нужна для национализации. Так, Югов сообщает, что если мы проведем денационализацию большей части промышленности—«это будет лучшей убедительной агитацией (!) за национализацию» [2]). Но позволительно будет спросить: зачем, собственно, агитировать (при посредстве денационализации) рабочих СССР за национализацию, когда они с успехом таковую уже осуществили и добились беспримерного в истории темпа развития промышленности, принадлежащей пролетарскому государству?

Это рассуждение целиком в стиле меньшевистской теории вооружения пролетариата во время восстания: меньшевики считали необходимым «вооружать» не оружием, а «желанием вооружаться», а пока предлагают оружие сложить.

А левый меньшевик Валерианов, постоянно ссылающийся на самого «ужасно левого» Отто Бауэра, говорит не только о необходимости денационализации большей части госпромышленности, но идет еще дальше, утверждая, что «для того, чтобы национализированная часть русской промышленности могла успешно развиваться, необходимо, чтобы и развитие частного хозяйства было поставлено в максимально благоприятные условия» (!!) [3]).

Поистине —

Вот тебе смысл глубочайших книг,
Вот это тебе суть науки всей.

Этот мотив — денационализация, восстановление «в максимально благоприятных условиях» капитализма — красной нитью проходит через все осторожные рассуждения Югова. И в отношении внешней торговли, и в вопросе о финансах и денежной системе — везде Югов ведет к тому же—денационализация—основное условие. «Монопольность государства в промышленной деятельности — одна из самых отрицательных сторон советской национализации индустрии».

Сурово осуждая твердо проводимую в Советской Стране государственную монополию внешней торговли, Югов горячо доказывает, что к этому делу должны быть привлечены «инициатива, активность и капиталы частных лиц» [4]).

Однако, вопрос с госмонополией внешней торговли обстоит сложнее: в программах ряда социалистических партий — товарищей меньшевиков по

[1]) Там же, стр. 61.
[2]) Там же, стр. 60.
[3]) Дискуссионный сборник загр. дел. РСДРП «Проблемы революции», стр. 52.
[4]) Цит. книга, стр. 150.

II Интернационалу — имеется подобное требование (Австрия, Швеция, Швейцария, Германия и др.). Югов находит легкий выход из затруднительного положения — он указывает, что «в государственный орган, руководящий внешней торговлей, предполагается... введение представителей потребителей и частной торговли». Замечательная получится государственная монополия!

Югов недоволен нашей системой внешней торговли. Он считает ее отступлением от нэпа и пережитком военного коммунизма. Он требует, чтобы государство допустило к внешней торговле и «частных лиц», «частные фирмы», и т. д.

Эта теория уничтожения «монополии» советского государства в пользу частника особенно интересно выглядит при разборе вопроса о положении рабочего класса в СССР.

Как и в других областях нашего хозяйственного развития, с грустью, нехотя вынужден Югов признать, что у нас зарплата превысила довоенный уровень. Он вынужден отметить положительные достижения в деле охраны труда, социального страхования, сокращения рабочего дня и т. п. Конечно, все эти «признания» сопровождаются бесчисленными оговорками. Конечно, Югов не указывает, скажем, на то, что положение рабочих в капиталистических странах Европы ухудшается под жестоким давлением наступающего капитала, а положение рабочих в СССР непрерывно улучшается. Многого не указывает почтенный экономист.

Но какие же коренные недостатки нашел он в области положения рабочих?

Оказывается, что решающим недостатком в положении советского рабочего является... «постоянное гнетущее сознание своей полной зависимости от государства-монополиста и в отношении работы, и в отношении жилища, и в отношении пропитания, и в отношении обучения детей» [1]).

Это мрачное рассуждение представляет собою один из самых выдающихся перлов меньшевистской «мысли». Оказывается, что для удовлетворения рабочих СССР необходимо немедленно предоставить им возможность... наниматься в самых широких размерах к капиталистам, снимать квартиры у живоглотов-частников и отдавать детей не в государственные, а в частные школы. Следовало бы предложить А. Югову сунуться с подобной программой к советским рабочим. Можно с уверенностью сказать, что в этом случае «лицо оратора было бы покрыто бурными аплодисментами», и он— в действительно угнетенном состоянии—быстро попал бы в советскую государственную больницу.

В Советской Стране государственная власть принадлежит пролетариату. Это хорошо понимают и чувствуют не только рабочие, но и буржуазия. И в состоянии «угнетения» от растущей мощи советского государства и хозяйства находятся отнюдь не рабочие и идущие за ними массы трудящихся. Развернутое наступление на фронте социалистической реконструкции, проводимое рабочим классом СССР с огромным под'емом, действительно создает кое у кого «гнетущее сознание» безнадежности борьбы против наступающего социализма. Эта паталогическая мысль, очевидно, продиктована Югову его фанатической навязчивой идеей о необходимости денационализации основных командных высот советского хозяйства в целях упрощения возврата к капитализму.

Эта программа постепенной сдачи командных высот пролетарской диктатуры тесно связана с взглядами меньшевизма в вопросе о развитии сельского хозяйства СССР.

[1]) Цитир. книга, стр. 217.

Основной тон Югова в оценке развития советской деревни вполне определенный: из-за политики советской власти «крестьянство нивелируется, лишается всяких стимулов к расширению хозяйства» [1]).

В СССР, конечно, по компетентному заключению Югова, имеет место полная размычка с крестьянством. Наша политика вызывает «острое раздражение» крестьянства. Больше того,—оказывается, что «самые основные интересы крестьянства сталкиваются с современной политикой советской власти» [2]).

В чем же дело? Югов устанавливает три основных группы причин этого явления.

Прежде всего, «товарный голод и неэквивалентные цены сжимают деревню в тисках».

По части ликвидации товарного голода Югов имеет ясную программу—Советская Россия должна быть включена в систему мирового хозяйства без всяких излишних средостений в роде монополии внешней торговли. Уподобляясь Вышнеградскому, прославленному великим принципом — «недоедим, а вывезем», Югов рекомендует нам «равновесие», которое устанавливалось в царской России, где сельская продукция «своевременно и в большом размере экспортировалась, а недостаток в промизделиях пополнялся импортом».

По вопросу о ценах Югов—новоявленный печальник о советском крестьянстве—естественно, считает политику советской власти неправильной. Он против неэквивалентного обмена, он за то, чтобы крестьянство получало «выгодные» [3]) ему цены, обеспечивающие «восстановление» и «расширенное воспроизводство» хозяйства. Хорошо нам знакомая кулацкая теория «восстановительных цен» пользуется большой симпатией меньшевистского экономиста.

Вторая группа причин, задерживающих по Югову развитие сельского хозяйства,—это продолжающееся наступление на капиталистические элементы деревни. Он прямо заявляет, что «борьба против кулака... ударяет по всему хозяйственно самостоятельному крестьянству» [4]). Он с грустью говорит о ведущейся в СССР борьбе с «зажиточным крестьянином», который лишается избирательных прав, облагается высоким налогом, не может свободно покупать сложные машины и т. д. С полной откровенностью Югов заявляет, что «в результате в корне ошибочной политики советской власти по отношению к деревне из сельского хозяйства за последние годы выкачивались все его накопления и одновременно у крестьянина отнимались стимулы к увеличению благосостояния (гонение на «кулака»)» [5]).

В тесной связи с этим находится устанавливаемая Юговым третья группа причин всех наших бед. Она заключается в «утопической» идее, порожденной «левым зигзагом» политики советской власти,—в строительстве совхозов и колхозов. Всю работу в этом направлении Югов считает вредной утопией рецидивом военного коммунизма, который может только очень болезненно отразиться на сельском хозяйстве.

Но меньшевистский пророк не ограничивается категорическими утверждениями о том, что вся эта политика «заранее обречена на провал». Он решительно противопоставляет развитие совхозов и колхозов «всему крестьянству» и доходит в характеристике колхозов до совершенно исключительных, диких формулировок: «Советская власть в форме колхозов снова воскрешает своеобразную кабальную общину» [1a]).

[1]) Там же, стр. 30. См. также стр. 81, 85, 86 и др.
[2]) Там же, стр. 87.
[3]) Там же, стр. 143.
[4]) Там же, стр. 101.
[5]) Там же, стр. 257.

Таковы основные взгляды меньшевизма по вопросам, связанным с сельским хозяйством и его развитием. Это довольно откровенная программа «свободного», т.-е. капиталистического развития деревни, являющегося основой постепенного капиталистического перерождения всего хозяйства СССР. Не трудно увидеть действительную социальную природу этой «аграрной программы» меньшевизма. Это—всесторонне разработанная программа кулака. Наступление на кулака Югов изображает как борьбу со всем крестьянством, работу по социалистической реконструкции сельского хозяйства он об'являет гибельной утопией и т. д., и т. п. Истошный вой кулака, начинающего ощущать первые результаты развернутого социалистического наступления и переходящего в контр-атаку, отчетливо слышен в ламентациях почтенного меньшевистского теоретика.

Вместе с тем следует отметить, что в оценке Юговым положения советской деревни слышится очень много ноток, созвучных с программой правых в ВКП(б). Не даром в вопросе о деградации сельского хозяйства Югов сочувственно ссылается на т. Фрумкина (стр. 257).

Для завершения характеристики меньшевистских взглядов по вопросам хозяйственного строительства в СССР, следует привести вольные размышления Югова на тему о свободе торговли. Конечно,—рассуждает он,—«назвать свободой торговли ту систему, которая установилась в СССР со времени нэпа... можно лишь со многими оговорками». Частник у нас притесняется. И даже «государственные торговые органы не обладают правом на свободную торговлю в обычном смысле этого слова». Югову страшно не нравится наличие у нас регулирования торговли. Но еще больше не нравятся ему проявляемые, по его мнению, в последнее время «зигзаги», «колебания и уклоны в сторону методов военного коммунизма». С этим Югов связывает и проводимую советской властью «политику инфляции», вызванную курсом на «форсирование индустриализации».

Каков же общий итог?

«Политика советской власти,—вещает мудрый Югов,—осложняет и дезорганизует под'ем народного хозяйства, отнимает у населения всякие стимулы к творческому труду». Этот бесподобный вывод выглядит особенно красиво перед лицом хотя бы таких фактов, как развертывающееся могучей волной социалистическое соревнование, увеличение посевных площадей в текущем году примерно на 6% (при сокращении посевов кулацкой верхушки) и совершенно исключительный темп развития промышленности, далеко превышающей и в условиях реконструктивного периода любые исторические примеры развития даже самых мощных капиталистических стран.

Югов же для спасения Советской Страны требует малого: «Нужно примириться с тем, что в России об'ективные условия требуют, чтобы страна развивалась в условиях по преимуществу (?!) капиталистического хозяйства. Нужно свести размеры национализированной промышленности до посильных пределов, нужно создать условия, в которых могли бы развиваться и частная промышленность, и торговля, и крестьянское хозяйство».

Вот и вся «скромная» программа. К ней, конечно, нужно добавить постоянные меньшевистские молитвы о пресвятой демократии.

Характерно, что в программе меньшевизма отчетливо слышны нотки и троцкизма, и правого уклона. Хорошо понимая и чувствуя социальный исток обоих течений, меньшевизм, не боясь расколоться пополам, раскланн-

[1a]) Там же, стр. 106.

вается сразу на два фронта: и направо и «налево»: «Разногласия внутри ВКП, подавление оппозиционных течений в значительной мере являются именно реакцией революционных элементов ВКП на перерождение и коммунистической партии и советской власти» [1]).

Многоопытный меньшевизм выдает аттестат в «революционности» всем оппозиционным течениям в ВКП!

Мало того, Югов прямо берет под свою высокую социалистическую руку все уклоны от линии ВКП(б): «Репрессии против социалистических партий..., отсечение от себя то правой, то левой оппозиции — все более сужали тот социальный базис, на который опирался большевизм» [2]). К этому нечего добавить.

Последнее слово меньшевиков не отличается особо высоким качеством. Разобрав этот «анализ», «критику» и «творческую программу» классового врага, мы только лишний раз путем проверки «от противного» можем убедиться в абсолютной правильности нашей линии социалистического строительства, которую мы будем проводить со всей энергией, решительностью и упорством.

---

[1]) Там же, стр 251.
[2]) Там же, стр. 250.

Н. Датюк.

Практические вопросы коллективизации.

(Опыт коллективизации в Николаевском округе).

I.

Опыт коллективизации в Николаевском округе представляет чрезвычайную ценность в силу того, что в округе очень много целых земельных обществ перешли на товарищества по совместной обработке земли и в настоящее время переходят на более высокие формы коллективов с обобществлением не только обработки земли, но и всех средств производства, а в целом ряде случаев продуктивного скота и живой тяговой силы.

По округу к весне 1929 года насчитывалось свыше 700 различных коллективов (т-ва по общественной обработке земли или СОЗ, артели и коммуны). Эти об'единения осенью 1928 года охватили озимыми посевами 57,7 тыс. га земли, при общем посеве озимых в округе 327 т. га (около 18%). Из указанных 57,7 тыс. га примерно 15—20% являются засеянными пока еще в индивидуальном порядке членами коллективов, что об'ясняется неземлеустроенностью. В весеннюю посевную кампанию из 366 тыс. га земли, предполагаемых к посеву, — коллективы должны охватить 76,4 тыс. га или 22,5% всей площади. В этом числе будет необобществленных тоже около 15—20%. Вся площадь под коллективным сектором в округе составляет в настоящее время 21,5%. При этом имеются все данные для того, чтобы в дальнейшем развивать такой же интенсивный темп коллективизации. Колхозы округа имели 464 трактора с прицепными орудиями, но последних в целом ряде коллективов недостаточно, или они не таких марок, какие необходимы для определенной мощности тракторов. В весеннюю кампанию округу завозится 153 трактора (фордзоны, путиловские, «Ойль-пуль» и «Интернационал»), которые распределяются исключительно среди вновь образуемых кустовых об'единений колхозов и коллективов.

Такой чрезвычайно интенсивный темп коллективизации, в основном, об'ясняется тем, что были приняты все мероприятия для перевода целых земельных обществ на устав товариществ по общественной обработке земли. Основное организационно-техническое влияние на рост коллективов и на их переход в высшие формы имела тракторизация этих коллективов. Попутно с тракторизацией с обобществлением севооборота шло нарастание обобществления и по линии обобществления скота и затем уже труда. Целый ряд земельных обществ (Малиновка, Софиевка и др.), в настоящее время

---

[1]) Отмечая, что в ст. т. Датюка целый ряд важнейших вопросов разработан недостаточно и имеются недостаточно политически четкие постановки вопросов (о борьбе с кулаком в колхозах—III глава, о формах борьбы вокруг массовой коллективизации—глава VI, где автор отказывается от классового анализа некоторых приводимых им форм: «индивидуализм», «сознательность» и «несознательность»), редакция сочла полезным поместить эту статью, так как в ней излагается чрезвычайно ценный опыт на основном участке социалистического строительства — на участке массовой коллективизации крестьянских хозяйств. *Ред.*

перешли фактически на устав артелей, хотя и именуются СОЗ. В этих СОЗ, охватывающих районы целого сельсовета, строятся общественные скотные дворы, амбары и проводится электрификация. Интересно, что в одном СОЗ при обобществлении скота пришлось весь скот продать и купить такое же количество нового скота, дабы не было никакой связи бывшего хозяина с бывшим скотом, так как уход за скотом был различный.

В настоящее время обобществление скота идет следующим образом: каждое хозяйство передает правлению СОЗ свою корову или лошадь и СОЗ ее реализует с тем, чтобы на счет этого члена внести определенный пай. Если, допустим, данная корова стоит 120 руб., а пай определен в 100 руб., то 20 руб. возвращаются крестьянину или зачисляются вкладом в СОЗ этого крестьянина.

Обобществление капиталов и средств производства СОЗ идет с охватом всех членов коллектива. Одновременно СОЗ организуют целый ряд работ по созданию новых общественных предприятий. Так, например, строятся общественные гаражи, общественные скотные дворы и т. д. и, наконец, в последнее время поднимается вопрос о постройке общественных жилищ.

Создание многочисленных коллективов, отстоящих недалеко друг от друга, дало повод к об'единению этих коллективов. Новой формой об'единения коллективов являются кусты. Необходимость наиболее рационального использования тракторов и прицепных орудий дала возможность об'единения в кустах всего тракторного дела, что явилось основной экономической базой кустовых об'единений.

Кустовые об'единения в округе начали создаваться с января. К весне 1929 года в округе уже существуют такие кустовые об'единения:

Наименование кустовых об'единений	Количество колхозов, входящих в кусты	У них		
		Земли в гектарах	Дворов	Тракторов
1. Баштанский	36[1]	12.500	1.207	38
2. Трихатский	6	1.488	161	6
3. Петровск.-Киряковск	3	1.416	156	6
4. Зульцевский	8	3.344	234	5
5. Рорбарский	8	4.760	349	13
6. Парутино	6	2.852	240	8
7. Анчекракский	4	2.760	197	8
8. Бармашовский	13	2.301	312	11
9. Калиновский	5	2.270	400	11
10. Пересатовский	12	4.500	530	18
11. Ингульский	4	2.317	244	5
12. Троицкий	10	2.155	217	9
Итого	114	44.663	4.257	148

Указанные 44.663 га земли составляют 21% площади коллективного сектора округа. Таким образом, кустовые об'единения уже в этом году охватывают значительную площадь и будут обладать достаточно мощными тракторными колоннами, которые впоследствии превратятся в машино-тракторные станции по примеру совхоза им. Шевченко или тракторной станции Баштанского куста.

Так как организация кустовых об'единений была начата в январе и развернулась только в конце февраля и в марте, то в их организации имеется целый ряд недостатков. Во многих кустовых об'единениях не подготовлена

[1]) Кроме того, в Баштанский куст входят три неуставные группы, земля коих и дворы засчитаны в таблицах

земельная площадь, имеется много разбросанных кусков земли, вследствие чего проведение обобществленных севооборотов в этом году будет затруднено. Некоторые кусты еще не освоились с площадью, вошедшей в куст, не знают своих коллективов, их хозяйства, а также размеров и деталей предстоящей работы. В силу того, что округ пострадал в прошлом году от недорода, в кустовых об'единениях и входящих в них колхозах наблюдается слабость конского состава, отсутствие или недостатотк кормов и т. д.

Тракторoснабжение кустов поставлено не всегда удовлетворительно. Тракторы были распределены и завозились в марте, т.-е. за несколько дней до выхода в поле, почему ознакомление с тракторами было слабое. Чрезвычайно большим недостатком является то, что кустовые об'единения не были своевременно снабжены необходимыми прицепными орудиями.

Тракторное дело находится в руках с.-х. кредитной кооперации, которая до сих пор снабжала мелкие производственные об'единения тракторами— по одному или по два. Теперь же, когда тракторы сосредоточиваются большими партиями в кустовых об'единениях, роль тракторoснабжения и, главное, тракторoиспользования решительно меняется. Кустовое об'единение превращается в крупную производственную единицу, и механическая тяговая сила играет у него решающую роль. Снабжение прицепными орудиями, организация ремонтных мастерских и подготовка трактористов составляют одну общую производственную задачу правильного тракторoиспользования. Разрешение вопросов о правильном тракторoиспользовании возможно только путем сосредоточения всего дела тракторoснабжения,—в том числе заготовки и снабжения прицепными орудиями, — в окружных колхозсоюзах. *Колхозсоюзы из своего современного состояния организационных центров должны в интересах коллективизации превратиться в организационно-производственные центры.* Типы тракторов и с.-х. машин для крупного коллективного производства могут быть выработаны только самим производством. Уже к осени 1929 года необходимо по всем южным районам тракторное дело целиком передать колхозсоюзам. Колхозсоюзы должны не только завозить тракторы, но и подготовлять для их правильного использования кустовые об'единения, земельную территорию, организовывать ремонтные мастерские и подготовлять трактористов. Вопрос о ремонтных мастерских должен быть поставлен во всю ширь, так как от правильного и своевременного исправления повреждений тракторов зависит их высокая или низкая производительность.

Массовая коллективизация на юге Украины развивается по двум путям.

Первый из них состоит в создании крупных машино-тракторных станций при совхозах. Эти машино-тракторные станции заключают договора на общественную обработку земли с рядом земельных громад (обществ), находящихся вблизи совхоза, с тем, чтобы создать один общий массив для обработки тракторной станцией [1]).

Государственные машино-тракторные станции, обрабатывая землю ряда земельных обществ, ведут эти общества первоначально к обобществлению обработки полей, а затем к обобществлению и остальных функций хозяй-

[1]) Необходимо оговориться, что машино-тракторная станция и тракторная колонна являются различными организациями. Машино-тракторная станция включает в себя не только тракторы, но и все необходимые ей прицепные орудия, автотранспорт, склады горючего, склады для семян и т. д., и т. п. Тракторная же колонна представляет собою группу тракторов, которые могут впоследствии быть превращены в машино-тракторную станцию. Тракторная станция—это энергетический центр, снабжающий средствами производства отдельные участки охваченного ею массива земли. Тракторная станция должна располагать также необходимым кадром технической силы, агрономами и достаточно мощной ремонтной мастерской.

ства. Чрезвычайно существенным вопросом является обобществление капиталов земельных обществ, охваченных этими станциями. В этом смысле необходимо, чтобы каждое земельное общество обобществляло имеющиеся у крестьян как средства производства, так и остальные функции.

Другой путь, осуществляемый, в частности, в Николаевском округе, заключается в об'единении различного рода коллективов в кусты и создание при них тракторных колонн, которые впоследствии преобразуются в машинотракторные станции. В тех же случаях, когда куст представляет достаточно мощное об'единение, тракторная станция создается при образовании куста.

Наиболее интересным и показательным является развитие Баштанского кустового об'единения, так как при нем создается не тракторный отряд, не колонна, а именно тракторная станция. Организация Баштанского кустового об'единения и станции при нем проходила в необычайно сложных условиях и при большом отпоре со стороны кулацких элементов села.

В коллективах, об'единяемых Баштанским кустом, насчитывается около 51% всего количества хозяйств села Баштанки и колонии Ефингар. Перспективы дальнейшего роста куста чрезвычайно большие. Этот рост произойдет за счет об'единения новых групп населения как в самой Баштанке за счет выселков, имеющихся вокруг нее, так и за счет включения близлежащих сел. Если куст успешно проведет весеннюю посевную и паровую кампанию и если на протяжении ближайших месяцев будет проведена соответствующая подготовительная работа по организации новых об'единений, то к осени можно рассчитывать на доведение куста до 20 тыс. га земли. Баштанский куст получает 26 новых тракторов «Интернационал» и, кроме того, сосредоточивает у себя имеющиеся в коллективах 12 тракторов. Дело с прицепными орудиями в кусте обстоит неудовлетворительно. Кусту было дано 20 однодисковых 28-рядных сеялок (импортных). С точки зрения количества это как будто должно удовлетворить Баштанку, но этого нельзя сказать по отношению к рентабельности использования этих сеялок. Дело в том, что 28-рядные дисковые сеялки могут тянуться одним «Интернационалом». В то время как 19-рядные сеялки «Красная Звезда» прицепляются к трактору по 3 штуки, т.-е. по 57 сошников вместо 28.

Точно так же неудовлетворительно обстоит дело с обеспечением Баштанки букерами. Например, 8-лемешных букеров, которых округом было заказано 65, получено только 11, а Баштанке отпускается только 3. В силу этого куст не будет обладать необходимыми букерами и принужден пользоваться обыкновенными конными букерами, что значительно удорожит работу тракторов и уменьшит их рентабельность.

Расширение других кустов округа подобно Баштанскому кусту вполне возможно, так как рядом с ними расположены коллективы, пока не вошедшие в кусты, а также еще не обобществленные крестьянские земли, находящиеся в неземлеустроенных земельных обществах, не принявших устава СОЗ. Наличие в этих кустах тракторов и перспективы увеличения их тракторного хозяйства дают возможность развертывать кустовое об'единение до каких-то, ныне еще не установленных, новых оптимальных размеров с.-х. предприятия.

Кустовые об'единения создаются не только в Николаевском округе, но и в других округах Украины (Одесский, Херсонский и т. д.), и изучение их является крайне необходимым для наиболее правильного построения крупного коллективного производства. Как видно из вышеприведенной таблицы, в куст входит иногда несколько десятков коллективов. Естественно, что при налаживании хозяйства куста произойдет ликвидация отдельных коллективов и слияние их с другими, а возможно, необходимо будет ликвидировать все коллективы и создать один общий коллектив. Новые средства производства создают полную возможность образования коллективов с большой земельной территорией. Опыт совхоза Шевченко показывает, что оптимальные размеры современного сельхозпредприятия лежат за 50 тыс. гектар. На Северном Кавказе совхоз «Гигант» имеет 117 тыс. га. Видимо, кусты могут развиваться по линии охвата новых территорий, примерно, до вышеуказанных оптимумов. Только при этих условиях можно будет ожидать наиболее рентабельного ведения хозяйства.

II.

Основные условия, на которых построено Баштанское кустовое об'единение, следующие:

1. Полностью обобществляется пользование сложными машинами, в первую очередь тракторами и прицепными орудиями. Для этого тракторы и орудия к ним, имеющиеся в отдельных колхозах, передаются кусту, как паевой взнос колхоза. Новые тракторы приобретаются исключительно в собственность куста.

2. Каждый участник (коллектив) при вступлении в кустовое об'единение вносит вступительный пай в размере 50% взносов, которые должны ему поступить от своих членов и паи в размере полной стоимости сложных машин — тракторов и прицепных орудий. В силу этого с самого начала образования кустового об'единения уделяется большое внимание мобилизации средств отдельных коллективов на приобретение средств производства для обобществленного пользования.

3. При избытке рабочей силы в одних колхозах и недостатке ее в других кустовые об'единения обязаны регулировать этот вопрос, при чем работа в чужом коллективе оплачивается таким же образом, как и в своем.

4. Вся работа производится кустовым об'единением каждому коллективу за соответствующую плату по стоимости данного вида работы.

5. Сбыт продукции членов кустового об'единения должен проводиться исключительно через с.-х. кооперацию или государственные организации.

На этой основе построены договоры между коллективами, образовавшими куст. Необходимо отметить, что отсутствие твердого нормального устава кустовых об'единений колхозов принудило округ и в частности Баштанский куст вырабатывать вышеуказанный договор, который имеет чрезвычайно много неудобств и недостатков. Дело в том, что на основе договора кустовое об'единение формально не становится юридическим лицом и потому создается ряд затруднений по линии приобретения тракторов, орудий, горючего, получения кредитов и т. д., что осуществляется через СОЗ, которые зачисляют стоимость выдаваемых в кредит тракторов и орудий от себя кусту. Следовательно, вопрос об уставе куста должен быть поставлен и разрешен в ближайшее время.

III.

При массовой коллективизации и преобразовании целых земельных обществ в коллективы (с принятием ими устава СОЗ) получается, что не только бедняки и середняки входят в коллектив, но входят в него и кулацкие элементы. Вопрос о кулаках в коллективах одно время на Украине приобрел чрезвычайную остроту. Так как классовая борьба при образовании коллектива и при развертывании его не устраняется, а очень часто усиливается, многие указывали, что наиболее целесообразно выделение кулака из состава земельных обществ, переходящих в коллективы. Но такая точка зрения встречала затруднение, так как при организации машино-тракторных станций наиболее целесообразное использование средств производства возможно при условии сплошной обработки полей. В противном случае чересполосица увеличивает холостые пробеги трактора и очень часто делает нерентабельной работу тракторов.

Исходя из необходимости наиболее рационального использования средств производства, решено было в необходимых случаях допускать в СОЗ кулаков. Это применяется, между прочим, машино-тракторной станцией при совхозе им. Шевченко. Но по отношению к кулакам применен ряд специальных мероприятий: более высокая плата за обработку трактором земли, кулаки не кредитуются, а, наоборот, должны определенную сумму вносить СОЗ, коллектив не дает кулакам никаких новых прав и т. д. При кредитовании СОЗ, где имеются кулацкие элементы, кредит выдается по производственному плану СОЗ с тем, однако, что сумма, падающая на кулацкие дворы, не выдается, а, наоборот, кулаки должны вносить определенные суммы правлению коллектива (примерно не ниже размера кредита, получаемого коллективом на двор). Эти мероприятия будут способствовать тому, что кулацкие элементы вынуждены будут интенсивнее итти на обобществление своих средств производства.

Кулак является продуктом определенных общественно-хозяйственных отношений, имеющихся в деревне, и вырастает из товарного крестьянского хозяйства. При обобществлении земледелия, при условии более высоких форм хозяйствования, самая возможность выделения крестьянскими хозяйствами кулака радикально изменится, потому что не будет необходимой базы для такового. Кулак же современный, при условии вхождения его в коллектив и обобществления средств производства и труда, должен будет или уйти из коллектива или подчиниться коллективным началам. Само собой понятно, что борьба между кулацко-капиталистическими формами хозяйствования и коллективными будет чрезвычайно длительная и серьезная, ее ничуть не стоит умалять. Но она даст положительные результаты, особенно, если во главе коллективного движения и коллективного хозяйства будут стоят подготовленные кадры коллективистов, которые сумеют повести коллективы по правильному пути.

IV.

Кредитование коллективов в Николаевском округе проводится в больших размерах. От 40 до 60% определенных назначений по кредитному плану Николаевского Сельбанка направляется на коллективный сектор. На 1/X 1928 г. задолженность коллективов на гектар по всему округу составляла больше 18 руб., а после весенней посевной кампании этого года поднимется выше 25 руб. Отдельные коммуны («Труд» и др.) имеют задолженность на гектар свыше 120 руб.; в то же время СОЗ имеют задолженность 12—20 руб. на га. Округ по линии с.-х. кредита вместе с весенними кредитами будет иметь задолженность свыше 15 млн. руб. Таким образом, коллективный сектор удовлетворяется кредитами в достаточной степени. Жалоб со стороны коллективов на кредитование имеется очень мало, и то они относятся по преимуществу к срокам кредитов, а также к необходимости увеличения строительных кредитов.

Использование кредитов коллективами не всегда целесообразно. Есть случаи, когда кредиты на средства производства используются на потребительские нужды. С другой стороны, часты случаи, когда кредиты используются на индивидуальные потребности (покупка лошадей, коров в индивидуальное пользование и т. д.). Кроме того, в отдельных колхозах имеется ненормальное строение капиталов: строительные кредиты и средства, затраченные из других источников на строительство, занимают основное место, что приводит к нерентабельности ссуд и невозможности своевременно их погашать. В целях улучшения кредитования коллективов на Украине решено все кредитование колхозов направлять только по линии обобществительных

мероприятий. При этом основная масса долгосрочных кредитов должна итти в обобществленно-неделимый капитал колхоза, который не подлежит уменьшению. Погашение ссуды из этого капитала происходит в соответствующие сроки и при условии, что колхоз должен выделить из общих средств сумму, не меньшую, чем погашаемая ссуда, для восполнения неделимого капитала. Краткосрочные кредиты решено направлять, как оборотные средства колхозов.

Мобилизация средств колхозов и обобществление их капиталов в настоящее время очень часто тормозится различными причинами. Вышеуказанное направление кредитных средств будет стимулировать рост обобществленных капиталов. С другой стороны, в коллективах предпринимается ряд мероприятий по усилению обобществления капиталов.

В связи с образованием кустов, ставится вопрос о порядке дальнейшего кредитования кустовых об'единений и входящих в них коллективов. До сих пор этот вопрос еще не является окончательно разрешенным. Видимо, кредитование на механическую тяговую силу и сложные средства производства, а равно на различного рода предприятия необходимо производить не по линии отдельных колхозов, а кусту.

Строительство как хозяйственное, так и жилищное необходимо осуществлять по преимуществу в кустах, так как это даст возможность более рационального использования такового. Что касается сроков кредитования, то здесь вопрос упирается не столько в длительные сроки кредитов, сколько в их рентабельное использование, дабы создать наиболее быстрый капиталооборот.

Развертывание коллективизации на Украине по пятилетнему плану будет итти очень быстрым темпом. К концу пятилетия предполагается об'единить в коллективы 25% земельной территории Украины. Для отдельных округов этот процент будет значительно выше. Такая коллективизация потребует около 450 млн. р. капиталовложений от с.-х. кредита. Необходимо обеспечить более быстрый оборот средств и более высокие эффекты капиталовложения.

V.

Одним из наиболее существенных вопросов в области организации кустовых об'единений является вопрос о кадрах. При образовании кустов в Николаевском округе уполномоченными кустов были выбраны преданные советской власти и коллективизации работники. Но они оказались совершенно неподготовленными для руководства хозяйством, охватывающим тысячи гектар земли и об'единяющим сотни крестьянских дворов.

Руководить совхозом, по существу, гораздо проще, нежели колхозом. В совхозе имеется определенная земельная территория, необходимый штат постоянных работников, летом нанимаются сезонные рабочие, имеются колдоговора, определенные ставки и т. д. В колхозе же всякий двор представляет собою на первых порах отдельную единицу, которую необходимо переварить и перестроить не только в хозяйственном, но и в бытовом отношении. Такая перестройка — дело необычайной сложности и трудности. На одном из собраний по вопросу об образовании СОЗ после длинных дискуссий единогласно было постановлено перейти на устав СОЗ, но уже на утро было подано заявление с очень большим количеством подписей об отказе входить в СОЗ. При выяснении причин подачи такого заявления было установлено, что главную роль сыграли жены, не присутствовавшие на собрании, которые, по выражению одного из подписавших заявление, целую ночь «пилили» и заставили подписать заявление.

Кроме того, надо принять во внимание, что руководство крупным хозяйством в современных условиях требует и организаторских способностей и

высокой культурности. Тракторное дело заставляет иметь в колхозах таких руководителей, как инженеры-механики.

Все это ставит со всей серьезностью вопрос о выдвижении и подготовке кадров культурных колхозников. В связи с образованием кустовых об'единений и широкой массовой коллективизацией на дальнейшее можно считать, что кадры сыграют решающую роль в деле успешного осуществления коллективизации. Видимо, необходимо колхозсоюзам уже сейчас начать серьезно подбор и подготовку высококвалифицированных организаторов и агрономов для колхозного строительства. При образовании кустов необходимо, чтобы колхозсоюзы совместно с местными партийными и советскими организациями выделяли на руководящую работу в них людей, наиболее подготовленных для этого.

VI.

Борьба за массовую коллективизацию в деревне носит очень сложный характер.

Индивидуальное хозяйство под разными видами (иногда бессознательно) борется за существование, против своего отмирания, тем самым тормозя обобществление. Наиболее яркими образцами подобной борьбы являются следующие выступления:

а) на одном собрании по поводу создания т-ств СОЗ один крестьянин заявил: «Товарищи, до революции я имел две десятины земли, советская власть дала мне за счет помещика еще 8 десятин, но я на них не хозяйничал. В 1921 году был неурожай и голод, в 1924 г.—частичный недород, в 1927—тоже, в 1928—тоже неурожай. Лошадьми обзавестись пока не мог. Я еще не хозяйничал, а меня уже тащат в СОЗ, так дайте же мне похозяйничать».

б) На другом собрании при образовании кустового об'единения один член т-ства СОЗ заявил: «когда обобществляли один клин—я не возражал, когда обобществляли севооборот другого клина—я тоже не возражал, ибо говорили, что у меня есть третий клин, где я смогу пахать и сеять. Но когда теперь ставится вопрос об обществлении третьего клина, так товарищи—извиняюсь—я возражаю».

в) В Парутино Очаковского района на собрании крестьяне говорили, что они хотят не тракторную колонну кустового об'единения, а государственную тракторную колонну (станцию).

Когда я стал выяснять, чем это об'яснить, мне сказали: «государственная колонна—год—два будет работать, а там видно будет, что делать: может, на третий год она уже не понадобится. Когда же трактора будут наши и с нас деньги за них возьмут, тогда уже их никуда не денешь».

Можно привести еще целый ряд примеров сопротивления индивидуального хозяйства коллективизации не только при образовании коллективов, но и в самих коллективах (на кредиты на рабскот приобретаются лошади и раздаются: всем членам коллектива, не имеющим лошадей—по лошади, то же самое—в отношении плугов и т. д.).

Наиболее интересные образцы классовой борьбы вокруг коллективизации дают материалы по организации баштанского кустового об'единения и его машинно-тракторной станции. Приводим выдержки из доклада специальной комиссии от 4 марта 1928 г.

«1. При проведении работ в Баштанке выявлены следующие экономические взаимоотношения между отдельными социальными группами; в Баштанке из 1.156 хозяйств, охватывающих 11.688 га земли, имеется безлошадных—578 хозяйств. Лошадей имеется 875 голов. В 1927 г. аренда земли (исходя из зарегистрированных в райземуправлении договоров) определяется 360 договорами на площадь в 722 га, из коих 139 га за деньги, а остальные испольщина.

В 1928 г. зарегистрировано 292 договора на площадь 584 га, из коих за деньги 83 га, а остальные испольщина.

2. Такая эксплоатация, проводимая не целиком капиталистическим способом, или обмен натурой (землею, урожаем, рабсилой) затемняет классовую сознательность, и кулак ее об'ясняет, как помощь бедноте. Создается психологическое настроение, что зажиточный «поможет». Кроме того, в целях сохранения эксплоатации кулак проводит агитацию против тракторной колонны, пуская разные слухи: «пай в кусте будет с 1 хозяйства 200 руб., и зажиточный дать его сможет, а где возьмет бедняк», «стоимость работы трактора очень дорога — свыше 50 руб. на гектар, и «после урожая дадут только паек, и бедноте придется с котелками ходить на питательный пункт».

3. Данное положение имело соответствующее влияние на отсталую часть бедноты, которая не пошла в товарищества СОЗ и не только колебалась при обсуждении вопроса об организации кустового об'единения с тракторною колонною, как это было с середняцкой частью, но и голосовала вместе с кулаками против колонны.

Вот примеры: 1. При организации СОЗ «Путь к социализму» с бедняцко-середняцким составом четыре раза были собрания, и на всех были колебания при голосовании.

2. В СОЗ «Красный Трудовик» с середняцко-бедняцким составом на двух собраниях окончательного решения не приняли.

3. В СОЗ «Зелений Степ» с бедняцко-середняцким составом (там состоит также 6 кулаков, из них 4 лишено права голоса) беднота высказывалась и голосовала против колонны.

4. Машинно-тракторное т-ство «Прогресс», состоящее из 16 зажиточных хозяйств, которые в свое время были раскулачены, в 1925 году организовались в т-ство и купили трактор «Фордзон», за 3 года ничего в направлении коллективизации не сделало, кроме покупки трактора, который использовался индивидуально, как «батрак» (каждый молотил свой хлеб, а после этого использовал трактор у соседей, зарабатывая для себя деньги).

Постановление правительства о полной нагрузке тракторов и правильном их использовании не понравилось этому т-ву, и оно решило сдать трактор Райземотделу. По вопросу об организации куста т-во постановило: «приветствовать такую организацию», но от вступления в куст воздержалось, поскольку «товарищество имеет собственную тяговую силу и в помощи не нуждается».

К апрелю 1929 г. классовая борьба в Баштанке не только не приостановилась, но и не уменьшилась. Работа кулацких элементов продолжается, и под ее влиянием отдельные члены коллективных об'единений выходят из их состава. Но борьба кулацких элементов не смогла приостановить создание и расширение кустового об'единения, поскольку вместо выбывших в куст вступают новые бедняцко-середняцкие хозяйства как одиночками, так и целыми группами, что в результате увеличивает кустовое об'единение.

Почти аналогичная борьба происходила при образовании других кустовых об'единений. Например, в Анчикраке после длительного собрания записывались сотни хозяйств в СОЗ и куст, а на другой день целая сотня хозяйств подписывала заявления о выходе из коллектива.

Классовая борьба в деревне в связи с созданием коллективов и кустовых об'единений все больше обостряется.

Бывают случаи, когда кулаки действуют через отдельных бедняков. На одном собрании выступил пожилой бедняк, который заявил: «Никаких кулаков у нас нет, у всех не уродило, все—бедные. Я считаю, что государство должно помочь нам засеять, а не заставлять итти в коллектив. Дело тут такое, что каждый должен жить своим умом. А то теперь вводят агромини-

мум, за невыполнение его хотят штрафовать, а на будущий год уже плетками будут гнать на поле. Вот тебе и коллектив». Этот бедняк в комнезаме не состоит.

Небезынтересно привести выступление середняка, осознавшего неизбежность и настойчивую необходимость перехода на коллективные формы хозяйства. «Я за коллектив и куст, потому что не вижу выхода из постоянных недородов, недостатков и не могу расширять свое хозяйство. Если бы была собственность на землю, я прикупил бы земли и вел хорошее хозяйство. Аренда—это не собственность на землю, и тот, кто арендует, хочет просто побольше получить во время аренды, а что дальше, ему наплевать. Так вести расширение нельзя, государству и нам невыгодно. Интенсификация хозяйства упирается в средства, машины, рабочие руки—этого дела в степи одному хозяйству не поднять. Вот почему—я за коллектив. Лесозащитные полосы, мелиоративные работы по обводнению и т. д. могут быть проделаны только коллективом на тысячах и тысячах десятин земли. В этом лежит спасение в степи от новых недородов, нищеты и голода». Этот крестьянин был в Красной армии, учился, выписывает газеты и с.-х. журналы.

В необычайно сложных отношениях и влияниях, действующих во время проведения работы по коллективизации, надо хорошенько разобраться, дабы действуя различными путями привести бедняцко-середняцкие массы к осознанию необходимости коллективизации. Так, например, в той же Баштанке некоторые товарищества СОЗ не входят в кустовое об'единение. Одна из главных причин подобного явления — обеспеченность тяговою силою. СОЗ «3 года» на 25 хозяйств имеет 25 лошадей, СОЗ «Чумак» на 18 хозяйств—14 лошадей. В большой мере это же относится и к индивидуальным хозяйствам: в кустовое об'единение, в первую очередь, входят те группы хозяйств, кои не обеспечены тяговой силой. Таким образом, даже товарищества СОЗ отражают различные тенденции и не хотят входить в кустовое об'единение, которое строится не только на тяговой силе, а должно привести к совместному правильному и выгодному хозяйствованию.

С другой стороны, следует упомянуть о селе «Новый Буг», которое имеет около 3.000 дворов и 33 тыс. га земли. В Н. Буге подготовляется проведние землеустройства, в связи с чем село разбито на 36 земельных громад. Считая такое дробление нецелесообразным, мы усиленно рекомендовали сократить число земгромад до 15, что уже кажется принято Окрземом. При 36 земгромадах получаются некоторые громады с середняцко-зажиточным составом, что политически совершенно не верно, ибо с е р е д н я к будет находится в союзе не с бедняком, а с кулаком.

Бедняцкие громады получают землю вокруг села, а середняцкие и зажиточные за 6,9 и 15 километров от села. Решено к осени втянуть в СОЗ ряд земгромад с площадью в 6,5 тыс. га, при чем соответствующая работа развернута в бедняцко-середняцких земгромадах. Можно надеяться на успех. Между прочим, в период этой работы одна земгромада (середняцко-зажиточная), получающая землю в 10—15 кил. от села, стала сама обсуждать вопрос о коллективе: «Земля наша далеко, ездить туда трудно, работать там тяжело, не лучше ли коллектив образовать, войти в куст и обработку производить тракторами и лошадьми совместно, создав таборные участки?».

Вот в какой сложной обстановке происходит подготовка бедняцко-середняцких масс к коллективизации.

Несмотря на сопротивление кулацких элементов коллективизации, на ряд технических, хозяйственных и организационных трудностей—массовая коллективизация на юге Украины развертывается очень успешно. Опыт перестройки индивидуальных бедняцко-середняцких хозяйств на коллективные

формы ведения сел. хозяйства необходимо изучать, вносить в него поправки и руководить этим движением.

Важнейшими вопросами в коллективах и кустовых об'единениях являются вопросы методов хозяйствования и производительной организации труда.

До настоящего времени этим вопросам уделялось в колхозах большое практическое внимание, но оно не всегда давало положительные результаты. Изучению и научной проработке, к сожалению, эти вопросы не подвергались.

Обследованиями индивидуальных крестьянских хозяйств в различных районах установлено, что при соответствующем строе хозяйством рационально используется от 30 до 60% имеющейся в крестьянском хозяйстве рабсилы, остальная же иногда частично бывает даже занята тяжелым, но непроизводительным трудом. Если в том же интенсивном хозяйстве применить кое-какие машины и рационализировать производство, то можно достичь значительного понижения процента занятости рабочих рук. Если же сотни крестьянских хозяйств, ведущих интенсивное хозяйство, об'единить в коллектив, то картина недостаточной занятости рабсилы будет еще более разительна. В нескольких коллективах с различным строем хозяйств пришлось констатировать следующее:

а) коллектив может дать 35 тыс. рабочих дней, между тем занято у него 15 тыс. рабочих дней, а при интенсификации занятость поднимается максимум до 25 тыс. рабочих дней, следовательно, 10 тыс. рабочих дней в колхозе использовать нельзя. При применении машин и рациональных методов работы избыточных будет около 20 тыс. рабочих дней.

б) в другом коллективе при 48 тыс. рабочих человеко-дней занято 24 тыс. Таких примеров можно привести очень много.

Такое положение совершенно понятно. Одесско-Николаевский совхоз Зернотреста, имеющий около 30 тыс. га будет располагать 51 (сильным) трактором и штатом в 112 чел. с тем, что сезонных рабочих будет около 150 человек; в баштанском кустовом об'единении—12,5 тыс. га, 38 тракторов и с в ы ш е т ы с я ч и к р е с т ь я н с к и х д в о р о в; в пересадковском кусте—4.500 га, 18 тракторов и 530 дворов. Так как совхоз Зернотреста ведет исключительно зерновое хозяйство, то количество рабсилы у него должно быть гораздо меньше, нежели в интенсивном хозяйстве. Но как бы ни организовывать ведение хозяйства даже в степи — будет огромная масса избыточных рабочих рук.

При массовой коллективизации, при организации крупных кустовых об'единений избыточные руки начинают играть чуть ли не решающее значение в отношении перспектив коллективизации. Прежде всего, хозяйство колхоза или куста должно быть построено так, чтобы возможно больше трудоспособных коллективистов было занято производительным трудом. Это предполагает интенсификацию, необычайно широкое развитие садоводства, виноградарства, огородничества, животноводства и т. д. Во-вторых,—все кредиты, обобществляемый капитал и накопление должны итти на мероприятия, дающие быстрый эффект. В ряде колхозов Николаевского округа в 1927—1928 г. были возведены жилые и хозяйственные постройки, рассчитанные на 50 лет, затрачены на них огромные средства, а в 1929 г. началось укрупнение и слияние колхозов, в силу чего ряд строений приходится бросать как ненужные. В ряде случаев надо отказаться от строительства домов, сараев и т. д., ибо в ряде колхозов это—совершенно ненужная затрата средств; строить нужно только в таких колхозах, которые будут превращаться в центры будущих крупных коллективных хозяйств. В этих же последних надо строительство проводить с расчетом его амортизации в кратчайший срок, ибо через 6—10 лет все так сильно изменится, что при всяких условиях придется бросать постройки конструкции 1929 года.

У нас в последнее время господствует такая теория: «укрепить коллектив можно тем, что он будет иметь общий жилой дом». Это и верно и не верно. Верно, что это укрепляет, но далеко не при всяких условиях. Необходимость занять производительным трудом всех членов коллектива является основой всех основ. Отсюда задачи — интенсификация,—с одной стороны, и создание предприятий в колхозах, вернее в кустах,—с другой. Строительство с.-х. переработочных предприятий, строительство даже общего значения крупных предприятий совершенно необходимо. На это нужно в первую очередь затрачивать средства и давать рабочую силу. Целый ряд предприятий, которые намечаются пятилетним планом, могут и должны быть построены в кустовых об'единениях. Сочетание интересов сельскохозяйственных и промышленных в кустах даст мощный толчок развитию и сельского хозяйства и индустрии. Об'единить тысячи колхозников вокруг идей постройки предприятий можно, и они за счет своего труда и своих доходов смогут создать основы этих предприятий.

В связи с этим особое значение приобретает организация труда в колхозах. До настоящего времени имелись такие формы труда и распределения его результатов: а) трудиться «по возможности», получать «по потребности». Эта форма давала низкую производительность; б) еженедельные наряды с одинаковой оплатой в конце года; в) установление фактически тарифной сетки и сдельщины, заключающейся в том, что за единицу берется какой-нибудь об'ем работы и каждая другая работа тарифицируется в единицу, полторы или ¾, ½ и т. д. В конце года результаты распределяются по сумме рабочих единиц. Такой вид организации труда, вызывая заинтересованность, увеличивает производительность и позволяет сохранять в колхозе квалифицированную силу.

Сложность организации коллективного хозяйства и, в особенности, использования рабочих рук заключается в с е з о н н о с т и земледелия. Весенние и осенние работы требуют значительного числа рабочих рук, зато зимой они необходимы в крайне ограниченном числе, летом же тоже есть месяцы минимальной нагрузки. В н е с е з о н н ы е для земледелия периоды года какую-то часть рабочих рук надо занимать на других видах производительного труда. Здесь мы сталкиваемся с необходимостью создания таких предприятий (или такого их функционирования), которые могли бы в периоды повышенного использования труда в земледелии или сокращать свою работу, или вовсе ее останавливать.

Вышеуказанное целесообразное использование рабочих рук влечет за собой определенные последствия. Часть коллективистов будет связана преимущественно с земледелием, часть преимущественно с предприятиями, часть же вообще оторвется от коллектива. Подобное перемещение теперешних индивидуальных крестьянских хозяйств (дворов) приведет их к отрыву от своего надела, от усадьбы, что произведено уже национализацией земли, но за что двор еще руками и зубами держится.

VII.

Массовая коллективизация, в отношении средств производства, базируется, в основном, на тракторах и прицепных орудиях, почему делу наиболее правильного и рентабельного трактороиспользования надо уделить максимум внимания. В ряде кустовых об'единений Николаевского округа тракторы были завезены, а прицепных орудий, тары, горючего, запасных частей (особенно блок-цилиндров для фордзонов) не оказалось. О Баштанском кусте мы выше уже упоминали. Еще в худшем состоянии оказался Рорбаховский куст, где колхозники просто не знали, какие орудия можно

целесообразно использовать к мощным тракторам «Ойль-Пуль». Каждый трактор с прицепными орудиями, в зависимости от его мощности, обходится государству в 5—8 тыс. руб., и необходимо организовать дело так, чтобы трактор дал максимальную производительность. Для этого нужен «единый хозяин» Колхозсоюз, который заботился бы и отвечал за все трактороиспользование.

Другим существенным моментом при массовой коллективизации является з е м л е у с т р о й с т в о. Существующее землеустройство надо приспособить к м а с с о в о й коллективизации.

Можно ли опыт Николаевского округа переносить на другие экстенсивные районы? По-нашему, необходимо, но с той разницей, что роль тракторов в экстенсивных районах не будет такой доминирующей, зато вырастет роль с.-х. предприятий.

Н. Зимин.

О научных кадрах партии.

Развертывающаяся социалистическая реконструкция народного хозяйства страны и обострение классовой борьбы на идеологическом фронте с особой остротой выдвигают задачу овладения партией основными отраслями научного знания для социалистического строительства. Мы имеем за последний период заметные сдвиги в сторону улучшения подготовки кадров коммунистов, научных работников, особенно в связи с укреплением деятельности марксистско-ленинских научных учреждений, выпусками Института Красной Профессуры, улучшением постановки институтов по общественным наукам, организацией института студентов-выдвиженцев на научную работу в вузах. Однако, несмотря на эти сдвиги, общее положение с наличием партийных научных кадров, их подбором, подготовкой и использованием является неудовлетворительным и несоответствующим задачам овладения партией научным знанием для социалистического строительства. В какой мере это так, показывают данные учета научных работников-коммунистов.

I. Основные итоги учета научных работников-коммунистов.

Материалы произведенного учета партийных научных кадров дают следующую картину.

Всего учтено по СССР [1]) 1.590 научных работников-коммунистов.

Судя по данным ЦБ секции научных работников, нам удалось охватить проведенным учетом научные кадры ВКП(б) почти полностью.

Центром сосредоточения партийных научных сил больше чем на две трети является РСФСР (69,3%) и по преимуществу Москва, в которой находится 42% всего состава коммунистов-научных работников. Вторым пунктом по концентрации значительного количества научных коммунистических кадров является Украина, где сосредоточено 23% всего их состава. Таким образом, в РСФСР и на Украине находится 92% всего состава наших научных кадров.

Сравнивая количество коммунистов—научных работников—с общей численностью научных кадров страны (25.286 научных работников в СССР без Туркменистана и Узбекистана), мы получаем партпрослойку в составе научных кадров по СССР в размере 6,3%.

По отдельным республикам удельный вес коммунистов в общей массе научных кадров далеко не одинаков и колеблется в пределах от 12 до 4%.

Белоруссия	12.4%	или на	6.1%	выше среднего по СССР
Грузия	8,4%	„ „	2,1%	„
УССР	7,4%	„ „	1.1%	„
Армения	7,2%	„ „	0.9%	„
РСФСР	5,8%	„ „	0,5%	ниже среднего по СССР
Азербайджан	4,2%	„ „	2,1%	„

[1]) За исключением Узбекистана и Туркменистана.

Следовательно, по удельному весу коммунистов в составе научных работников на первом месте стоит БССР, а на последнем—Азербайджан, где партпрослойка составляет 4,2% (на 499 научных работников — коммунистов 21).

Силы нашей партии по отдельным участкам научного фронта распределяются весьма неравномерно: основная масса наших научных кадров работает в области общественных наук (61,4%), значительная группа коммунистов работает в области медицинских наук (16,5%), и только немного больше одной пятой части наших кадров (22,0%) работает в области прикладных (индустриально-технических, сельскохозяйственных) и точных наук (в области прикладных—13,3% и в области точных—8,7%).

Распределение партийных сил по отдельным отраслям знания в значительной степени отличается от распределения по отдельным отраслям знания всех научных кадров нашей страны. При наличии весьма неравномерного распределения партийных сил, все научные кадры нашей страны распределяются по отдельным отраслям знания более равномерно, что видно из следующей сравнительной таблицы:

	Всего работников	Из них работает в области наук в %% Точных	Приклад.	Медицин.	Обществ.
Коммунисты научные работники	1.590	8.7	13.3	16.5	61,4
Все научные кадры страны .	25.286	20.4	24.2	27.7	31,7

Такое несоответствие в распределении коммунистов по отдельным отраслям знания по сравнению со всеми научными работниками приводит к тому, что мы далеко не в одинаковой степени охватили партийными силами отдельные участки научного фронта. В то время как удельный вес коммунистов среди работников общественных наук равен 12,1%, в составе работников точных наук мы имеем всего лишь 2,7% членов партии, в составе работников прикладных наук—3,5%.

На ряду с этим необходимо отметить, что далеко не одинаково и распределение работников по одним и тем же областям знания в разных республиках.

Если взять группу работников по общественным наукам, то в Грузии эта группа составляет 89,2%, а в Белоруссии—всего лишь 57,9%. Количество коммунистов, работающих в области наук медицинских, колеблется от 19,8% (Москва) до 7% (БССР). В области наук прикладных наблюдаются такие колебания—21,1% (БССР) и 5,4% (Грузия). В области точных наук—21,4% (Армения) и 5,4% (Грузия). В результате такого неравномерного распределения работников одних и тех же отраслей знания по отдельным республикам, одни и те же участки научного фронта в разных местах охвачены весьма неравномерно.

Для полноты представления о том, как распределены партийные силы по отдельным областям знания, приведем более подробные данные о численности научных партийных кадров по основным научным дисциплинам:

	Абс.	В %%		Абс.	В %%
Экономические	383	24,1	Литературовед. и искусствовед.	41	2,6
Исторические	229	14,1	Физико-математич.	28	1,8
Филос. и псих.	120	7.5	Химические	21	1,3
Сельскохоз.	116	7.3	Геологические	16	1,0
Педагог. и педолог. . . .	99	6,2	Языковедческ.	11	0,7
Правовые	87	5,5	Военные	10	0,6
Индустр. технич.	86	5.4	Этнографические	2	0,2
Биологические	73	4,6			

В области целого ряда научных дисциплин: литературоведение и искусствоведение, физико-математические науки, химические, геологические, языковедческие и этнографические—сосредоточены очень незначительные группы работников, не превышающие 2—3 десятков коммунистов при значительной концентрации научных коммунистических сил в двух областях: в области наук экономических и исторических.

В заключение характеристики вопроса в отношении общей численности научных коммунистических кадров необходимо привести данные по полу.

Основную, преобладающую массу научных работников составляют мужчины (87,8%), женщин всего 194 или 12,2%. Вовлечение женщин-коммунисток в научную деятельность отстает от вовлечения в научную деятельность женщин вообще, т. к. женщины в составе всех научных кадров нашей страны занимают большее место—19%.

Подавляющее большинство женщин научных работников (86,1%) сконцентрировано в РСФСР, в частности в Москве и Ленинграде (77,3%), на Украине находится 10%, в БССР—2,6% и в Грузии—1,5%. В составе научных работников Армении и Азербайджана женщин совершенно нет.

Основная масса женщин, как и основная масса мужчин, работает в области наук общественных, хотя женщины на этом участке сосредоточены в значительно меньших размерах (51%), чем мужчины (62,9%).

Вторым характерным моментом в распределении женщин по отдельным отраслям знания является сосредоточение большего их количества на научной работе в области медицинских наук (36,6% всего состава женщин), в то время как в этой области сосредоточены лишь 13,7% состава мужчин.

Третий момент—незначительное число женщин, работающих в области прикладных наук—4,1% (мужчин 14,6%).

Четвертый характерный момент—распределение женщин по основным дисциплинам в группе общественных наук: женщины в значительно большей пропорции, чем мужчины, сосредоточены на научной работе в области педагогических и педологических наук (женщин—16,5%, мужчин—4,8%), и, наоборот, мужчины в значительно большей пропорции сосредоточены на научной работе в области экономических наук (мужчины—25,7%, женщины—12,4%).

II. Характер и темп роста численности научных кадров ВКП (б).

Вопрос о том, в каких размерах наши научные кадры растут за счет вовлечения в партию беспартийных научных работников и в какой мере этот рост происходит за счет притока на научную работу членов партии, представляет несомненный интерес.

Рассматривая настоящий состав научных работников-коммунистов, необходимо констатировать, что почти 81% этого состава начали свою научную деятельность, уже будучи членами партии, только 14% начали научную деятельность до вступления в ВКП(б), т.-е. вступали в партию, уже будучи научными работниками, и 5% вступили в партию и начали научную деятельность в одном и том же году.

Если рассмотреть с этой точки зрения состав работников по отдельным научным дисциплинам, то обращают на себя внимание следующие характерные моменты: группа начавших научную деятельность до вступления в ВКП(б) среди работников точных наук составляет 30%, в частности, среди работников физико-математических наук—54%, биологических—25%.

Эти данные указывают на то, что рост партийных сил в области точных наук происходит в большей степени, чем на других участках, путем вовлечения в партию беспартийных научных работников и в меньшей степени научные коммунистические кадры вырастают за счет притока в эту область членов партии.

Если рассматривать весь состав научных кадров с точки зрения периодов его формирования, то необходимо констатировать, что формирование того состава научных работников, который мы имеем в настоящее время, произошло, в основном, за период времени, начиная с 1923 года. В этот период сформировалось три четверти настоящего состава наших научных кадров.

Начало научной работы	Всего работников	
	В абс. чис.	В % к итогу
До 1920 г. включительно . . .	137	9,0
В 1921—22 г.	139	9,1
„ 1923—24 г.	277	18,2
„ 1925—26 г.	455	29,2
„ 1927—28 г.	515	33,8
Итого . . .	1.523	100,0

Тот факт, что в настоящем составе наших научных кадров мы имеем 33,8% коммунистов, ставших научными работниками в 1927—28 г., а ставших научными работниками в предыдущие два года 29,2% и т. д., несомненно, служит отражением усилившегося за последние годы притока на научную работу членов партии.

В отношении темпа роста численности наших научных кадров нужно отметить, что он происходил с некоторым постепенным ослаблением, о чем свидетельствуют приведенные выше данные: если число начавших научную деятельность 1923—24 г. вдвое превышало число начавших научную деятельность в 1921—22 г., то отношение со следующего двухлетия несколько сократилось (1,6%), а отношение последнего двухлетия сократилось еще больше (1,1).

Из данных в отношении общей численности кадров ВКП(б) было видно, что мы в очень слабой степени охватили партийными силами такие участки научного фронта, как прикладные и точные науки. Поэтому, говоря о темпе роста научных кадров ВКП(б), необходимо показать, как шел приток членов партии по отдельным областям знания:

Начало научной работы	Всего работников	Из них в области наук (в %)			
		Точных	Прикладн.	Медиц.	Обществ.
До 1920 г. включ. . .	137	16,8	7,3	5,8	70.1
В 1921—22 г. . .	139	7,2	2,2	18,7	71 9
„ 1923—24 г. . .	277	4,3	8,0	22,0	65,7
„ 1925—26 г. . .	455	9.0	12.3	19,1	59,6
„ 1927—28 г. .	515	9,5	22,1	14,4	54,0
Итого . . .	1.523	8.7	13,3	16,5	61,4

Таблица довольно определенно говорит о том, что, начиная с 1925 г., усиление партийными силами отдельных участков научного фронта начинает изменяться в сторону большего притока этих сил в области прикладных и точных наук.

III. Квалификация научных коммунистических кадров.

Для определения квалификации научных кадров партии рассмотрим их состав с точки зрения отнесения к следующим четырем квалификационным группам [1]):

---

[1]) Эти квалификационные группы были определены специальной комиссией, проводившей качественный учет партийцев, научных работников, по заданию орграспреда ЦК.

Группа «А»—научные работники, осуществляющие и могущие осуществлять научное руководство в марксистско-ленинских учреждениях и организациях и крупнейших научно-исследовательских институтах.

Группа «Б»—основные научные работники вузов, комвузов и научно-исследовательских институтов и организаций (профессора, доценты, ст. ассистенты, действительные члены и научные сотрудники 1 разряда).

Группа «В»—начинающие научные работники вузов, комвузов и научно-исследовательских институтов и организаций (младшие ассистенты, аспиранты, ординаторы, научные сотрудники 2 разряда и прочие научно-технические сотрудники).

Группа «Г»—научные работники, не ведущие постоянной научной работы, не связанные органически с научной работой, но могущие выполнять работу, соответствующую квалификации «Б» или «В».

Уже на основании данных о начале научной деятельности можно установить, что наши научные кадры молоды и, следовательно, в основной своей массе являются начинающими научными работниками. Такой вывод совпадает с данными, которые мы имеем в отношении научной квалификации наших кадров по определению квалификационной комиссии: две трети всего состава учтенных работников, или 66%, относятся к группе «В», т.-е. к группе начинающих научных работников (1.052), 29% составляют основные научные работники (группа «Б»—468), 3% приходится на группу «Г» и только 2% или 32 научных работника являются работниками высшей квалификации (группа «А»), т.-е. являются работниками, могущими осуществлять руководство в марксистско-ленинских учреждениях и организациях и крупнейших научно-исследовательских институтах.

Научные кадры наивысшей квалификации (группа А) по преимуществу (84%) работают в области наук общественных: 21—в области наук исторических и экономических, 2—философских, 2 правовых и 2 литературы и искусствоведения. В области точных наук работает 4 работника: 2 физико-математические и 2 геологические. В области наук медицинских — 1 работник.

Научные работники других квалификаций распределяются по отдельным отраслям знания также весьма неравномерно, вследствие чего создается далеко не одинаковое качественное овладение партийными силами отдельных участков научного фронта.

В наиболее благополучном положении с точки зрения квалификации наших научных кадров находится состав работников по группе общественных наук, где группа «А» составляет 2,8%, группа «Б»—35,0%, группа «В»—59,2% и группа «Г»—3%.

Качественное состояние наших кадров по отдельным научным дисциплинам этой группы наук (общественных) отличается значительной пестротой: так, по педагогическим и педологическим наукам группа начинающих молодых научных работников доходит до 87%, по философским наукам эта группа составляет—72%, по таким наукам как языковедение, литературоведение и искусствоведение удельный вес группы начинающих научных работников несравненно ниже, чем ее вес в общем составе всех научных кадров ВКП(б).

На втором месте в отношении квалификации находится группа работников в области точных наук, где группа «А» составляет 2,9%, группа «Б»—31,9%, группа «В»—64,5% и группа «Г»—0,7%.

Следующее место занимает группа научных работников в области медицинских наук: группа «А»—0,4%, группа «Б»—19,5% и группа «В»—80,1%.

В группе работников в области наук прикладных состав начинающих работников доходит до 82%.

Остановимся на практическом стаже научной работы научных кадров. Группа «А» вполне естественно характеризуется большим практическим стажем научной работы, хотя и в этой группе мы имеем 2 товарищей, начавших научную деятельность в 1923—24 году, 2—в 1921—22 году.

В составе научных работников группы «Б» основной группой являются товарищи, которые начали научную деятельность в период времени с 1921 года по 1926 год—67,5%.

В составе научных работников группы «В», основной группой являются товарищи, начавшие научную деятельность в период времени с 25 по 28 год—75,3%. Примерно, такое же положение мы имеем и в отношении группы «Г».

Наши научные кадры в большинстве своем (три четверти) окончили вузы, при чем есть небольшое количество работников, которые окончили 2 вуза (88 чел.), 3 вуза (4 чел.) и даже 4 вуза (1 чел.). Кроме того, имеется довольно значительная группа (15,5%) работников, имеющих только среднее образование, и, наконец, 5% имеют только низшее образование. Со стороны обучения в комвузах состав наших кадров характеризуется следующими данными: 15,6% всего состава научных работников обучались и окончили комвузы.

Анализируя состав окончивших комвузы, видим, что наибольшую по численности группу дают «икаписты», которые составляют 46,4% всего состава окончивших комвузы научных работников.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные о научных командировках свидетельствуют о том, что метод повышения квалификации научных кадров путем научных командировок применялся в очень небольших размерах: три четверти всего состава наших научных кадров не были в научных командировках, 12,1% были в научных командировках только внутри страны, 9,0% были в заграничных командировках и только 2,4% имели и внутренние и заграничные научные командировки.

Следует остановиться еще на знании иностранных языков. Правда, это качество не отражает собою научной квалификации работника, однако, оно имеет немаловажное значение для повышения этой квалификации. С этой стороны состав наших научных кадров характеризуется наличием очень небольшого количества работников, которые совершенно не владеют иностранными языками (не говорят и не читают),—наличием большого количества работников (85%), читающих на одном, двух, трех и больше иностранных языках, при чем половина этого состава знает больше чем один язык; и наличием 34% свободно владеющих иностранными языками. Приведенные данные почти в одинаковой степени характерны для всех категорий научных работников.

IV. Партийно-социальный состав научных кадров.

Для характеристики партийно-политического лица научных коммунистических кадров возьмем следующие четыре основных показателя: партийный стаж, социальное положение и социальное происхождение, принадлежность к другим партиям и национальный состав.

В отношении партийного стажа наши научные кадры характеризуются тем, что больше двух третей состава кадров (68%) имеет не менее 9 лет партийного стажа. С дореволюционным стажем имеется 7,3% научных работников, со стажем 1917 г.—9,0%, со стажем 1918 г.—12,5%, со стажем 1919—20 г.—39,2%.

Остальная часть научных работников вступила в партию в более поздние периоды времени: с 1921 по 1924 г.—11,1%, в 1925—26 гг.—9,3% и в 1927—28 гг.—6,8%. Кроме того, имеется 4,5% кандидатов партии.

Нужно отметить, что хотя рост научных кадров в значительной степени происходит за счет партийного молодняка, однако, в основном на научную работу в большей степени передвигаются члены партии из более «взрослых» в партийном отношении групп, что видно из сопоставления данных о партстаже всех членов ВКП(б)—служащих (по данным последней партпереписи) и членов партии—научных работников:

	До 17 г.	1917 г.	1918 г.	19—20 г.	21—22 г.	23—24 г.	25—26 г.
Все чл. ВКП (б) служ.	1,2	4,5	9,2	32,5	7,2	9,8	35,6
Коммунисты научные раб.	7,7	9.5	13,1	41,1	6,8	4,9	9,8

Весьма характерно, что наиболее квалифицированная в научном отношении группа и по партстажу характеризуется наиболее высокими показателям. Больше половины этой группы состоит из членов партии с дореволюционным стажем, хотя в ее рядах мы имеем и молодых членов партии.

Группа основных научных работников (группа «Б») по партийному стажу характеризуется также довольно высокими показателями: так, в этой группе мы имеем 12,2% членов партии с дореволюционным стажем, 10,5% со стажем 1917 г. и 17,3% членов партии со стажем с 1918 г. Примерно, такими же данными характеризуется и группа «Г». Наиболее молодой в партийном отношении является группа начинающих научных работников, где имеется сравнительно большое число кандидатов, а также молодых членов партии, вступивших в партию за последние годы.

В отношении социального состава наших научных кадров, мы приведем две основных цифры: выходцев из рабочих (по социальному происхождению) в составе кадров имеется 16%, выходцев из крестьян—28%, а остальная часть научных кадров приходится на выходцев из других социальных групп. Нужно признать, что такая степень вовлечения в научную работу пролетарской части нашей партии является недостаточной, особенно, если добавить, что рабочих по социальному положению (а не по происхождению) в составе научных кадров имеется всего лишь около 4%.

Для характеристики политического прошлого наших научных кадров необходимо привести данные о принадлежности их к другим политическим партиям. Удельный вес выходцев из других партий в составе наших научных кадров доходит почти до одной трети всего их состава (30,3%), при чем в группе научных работников, начавших свою научную деятельность до вступления в ВКП(б), имеется еще большее количество выходцев из других партий (33,2%).

Среди выходцев из других партий по наибольшему удельному весу в их составе выделяются меньшевики и бундовцы. По времени своего вступления в ВКП(б) научные работники, выходцы из других партий, разделяются на следующие характерные группы: 25,5% приходится на работников, вступивших в период 1917—18 г. и частично (3,3%) до революции, вторая весьма значительная по своим размерам группа (52,3%) состоит из работников, вступивших в партию в 1919—20 гг.

Для большей полноты характеристики партийно-политического лица наших научных кадров необходимо привести данные о степени вовлечения в научную работу коммунистов-националов. В национальных республиках формирование научных коммунистических кадров в значительной степени происходит за счет коренной национальности, хотя в разных республиках мы имеем неодинаковое положение: в УССР украинцы составляют 42%, в БССР белоруссы составляют 40%, в Азербайджане тюрки—33%, в Армении—армяне—100%, в Грузии грузины—24% и армяне—33%.

Это отнюдь не говорит о благополучии с национальными кадрами научных работников, так как абсолютные цифры научных работников-партийцев из националов крайне низки (за исключением Украины).

V. Как используются научные кадры ВКП (б).

Характерным моментом в использовании научных кадров являются весьма значительные размеры совместительства: 1.568 работников занимают (по анкетным данным) 3.454 должности, что в среднем на одного работника составит 2,2 должности.

Фактические размеры совместительства значительно больше, так как при заполнении анкет во время проводившегося учета многие работники указывали лишь свои основные нагрузки, не перечисляя целого ряда добавочных совместительств.

Из всего состава учтенных работников только 29,2% занимают одну должность (или выполняют одну работу), 39,5% занимают две должности, 19,3% занимают три должности, имеются работники, занимающие и пять и шесть, и даже больше должностей.

Характер использования наших научных кадров можно представить в таком виде: основная масса, около трех четвертей (74,2%), научных партийных сил работает исключительно в научных организациях и учебных заведениях, занимаясь там или научной или административной работой, а иногда и совмещая эти два типа работы.

Остальная часть в большинстве своем (22,5%) на ряду с научной и научно-административной работой в научных организациях и учебных заведениях ведет также работу в административно-хозяйственных учреждениях. И только весьма незначительная часть всего состава учтенных научных работников (3,3%) находится на работе исключительно в административно-хозяйственных учреждениях. Данные в отношении этой группы являются безусловно неполными.

Работающие только в научных организациях и учебных заведениях в подавляющем своем большинстве (70,5%) занимаются исключительно научно-преподавательской работой; совмещают научную работу с административной 25,7%, и 3,8% этого состава работников занимаются исключительно административной работой.

Размеры совместительства у работников, находящихся на работе в научных организациях и учреждениях, определяются следующими данными:

	Всего работников	Из них занимают 1 долж.	2 долж.	3 долж.	4 долж.	5 и более
В абсол. числ. . .	1163	422	434	213	57	37
В %%	100,0	36,3	37,3	18,3	4,9	3,2

Эти данные показывают, что только очень небольшая часть состава научных работников данной группы свободна от совместительства и имеет возможность уделять необходимое время своей научной работе. Остальная часть перегружена работой по совместительству, нередко в таких размерах, которые вряд ли оставляют возможность для действительно научной работы.

Еще более загружены работой по совместительству научные работники второй группы, которые на ряду с научной и административной работой в научных организациях ведут работу в административно-советских и хозяйственных учреждениях. Так, если среднее число совместительств по первой группе составляет 2,0, то среднее число совместительств по второй группе—3,2.

Больше половины работников этой группы (53,5%) занимают две должности, 25,5% занимают три должности, 10,8% занимают четыре должности. Среди остального состава работников этой группы (10,2%) имеются работники, занимающие пять-шесть и более должностей.

Подавляющее большинство по основным своим должностям занимается научной работой в вузах и комвузах (71,2%) и в научных организациях (26,6%).

Основная масса научных работников вузов и комвузов занята на преподавательской работе (23,4%), вторую группу составляют аспиранты (21,2%) и мл. ассистенты (16,0%), профессора и доценты составляют 23,3%, остальная часть научных работников является ординаторами, лаборантами и т. д.

Основную массу научных работников в научных организациях составляют шт. аспиранты—61,8%, научные сотрудники первого разряда составляют 6,2% , второго разряда—3,0%.

Группа научных работников, выполняющих административную работу в вузах и комвузах, в основном состоит из ректоров (49,4%), деканов факультетов (19,1%) и проректоров по учебной части (16,3%). Административные работники в научных организациях в основном состоят из заместителей руководителей организаций (34,3%), руководителей организаций (25,4%) и руководителей частей научно-исследовательских организаций—(19,4%).

Выполняемая по совместительству работа в административно-советских, хозяйственных и др. учреждениях характеризуется наличием довольно большой группы научных работников, использовываемых в качестве специалистов (38%). Остальная часть совмещающих выполняет разнообразную работу, начиная от работы руководителей учреждений (16,1%) и до инструкторских и инспекторских функций включительно (4,5%).

Что касается характера учреждений, где работают научные работники по совместительству, то это прежде всего административно-советские органы, в частности органы планово-регулирующие (39,4%), и потом культурно-просветительные учреждения, в частности органы печати (28,9%). Сравнительно большая группа (13,6%) работает по совместительству в промышленно-производственных организациях. Группа в составе 26 человек (7,4%) работает по совместительству в партийных органах.

VI. Руководство подготовкой новых кадров.

Затрагивая вопрос о кадрах коммунистов, научных работников, необходимо остановиться и на причинах, вызывающих недостаточное привлечение партийных сил к научной деятельности.

Один из первых выводов, который необходимо сделать,—это вывод о недостаточном внимании местных партийных организаций. Как правило, местные партийные организации не изучали состава кадров коммунистов, научных работников, и вопросами подготовки новых кадров систематически не занимались, в результате чего целый ряд крупнейших научных учреждений работает без всякого влияния местных партийных организаций при почти полном отсутствии в их составе коммунистов.

Выводы большинства парт. комитетов в области выдвижения и руководства работой научных работников-коммунистов можно свести к следующим двум наиболее характерным решениям:

1. «Констатировать, что учет и изучение кадров партийных и б/п научных работников отсутствовал, что не дало возможности заниматься систематическим и плановым руководством подготовкой научных сил Азербайджана. Признать чрезвычайно недостаточным процент коммунистов, начинающих научную работу» (ЦК Азербайджана).

2. «Делу выдвижения новых научных сил, их подготовки, а также подбору научных работников до последнего времени не уделяли внимания ни окружком, ни фракция правления Ун-та, ни бюро секции научных работников» (Пермский ОК).

Не занимаясь вопросами подготовки новых научных кадров, партийные организации не обеспечивали и правильного использовывания имеющихся кадров, допуская перегрузку их совместительствами на различной работе, в результате чего создавались условия, не дающие возможности постоянной работы над поднятием научной квалификации.

Вывод: необходимо гораздо большее внимание партийных организаций к делу подбора и подготовки новых научных кадров вообще, и в особенности к созданию условий, обеспечивающих подготовку коммунистов, научных работников высокой научной квалификации, продвижение подготовленных коммунистов на научную работу во все научно-исследовательские организации, вузы и втузы и правильное использование кадров научных работников-коммунистов на научной работе.

В этих целях целесообразно создание при краевых и областных комитетах партии постоянных партийных комиссий для руководства в пределах области работой по подбору и выдвижению новых научных кадров, пересмотр существующих нагрузок научных работников с целью наиболее правильного использования по специальности, устранения совместительств, препятствующих научной работе, и направления коммунистов, окончивших аспирантуру в местных вузах и научно-иссл. институтах, на научную работу по специальности.

Второй вывод в отношении руководства подготовкой кадров коммунистов, научных работников, со стороны советских и партийных организаций сводится к тому, что существующая организация руководства подбором и подготовкой новых кадров, научных работников в союзных (отдел научных учрежд. СНК СССР, ВСНХ СССР и др.) и республиканских учреждениях (Наркомпросы, Наркомздравы республик) не удовлетворяет требованиям, пред'являемым к подготовке научных работников в нынешний период социалистического строительства, и не обеспечивает подготовку нужных партии кадров коммунистов, научных работников (за исключением части институтов по общественным наукам).

Отсутствует единая система и порядок в подборе и выдвижении новых научных работников, крайне слабо влияние общественных организаций в деле подбора новых кадров и руководстве научно-исследовательскими институтами, в результате чего количество коммунистов, подготовляющихся к научной работе в аспирантских группах при вузах, втузах и научно-исследовательских институтах, за небольшим исключением (институты по общественным наукам), недостаточно, а в ряде случаев равно нулю. Научные учреждения союзного значения, подчиненные непосредственно СНК Союза, в своем составе не имеют коммунистов, научных работников, и работают без всякого партийного влияния.

В целях устранения такого положения необходимы мероприятия в трех направлениях.

Во-первых, выработка общих для всех вузов, втузов и научно-исследовательских учреждений (в том числе и всесоюзных научных учреждений, находящихся в ведении СНК Союза) положений о порядке подбора и подготовки начинающих научных работников (аспиранты, стажеры и пр.), обеспечивающих устранение имеющегося в настоящее время разнобоя и установление единства в постановке всего дела подбора и подготовки новых научных кадров для всех учреждений, в чьем бы ведении они ни находились; активное участие общественных организаций в выдвижении и подборе новых аспирантов, соблюдение классового принципа в подборе и устранение личного усмотрения профессуры. Необходимо обеспечение коммунистам-специалистам, работающим в производстве, возможности занятия научной работой по специальности в научно-исследовательских институтах.

Во-вторых, необходимо перестроить постановку руководства внутри ведомств (НКП, ВСНХ и др.) работой по подбору и подготовке научных работников, путем создания областных ведомственных органов с участием про-

фессиональных и парт. организаций для руководства работой вузов, втузов и научно-исследовательских институтов в пределах области в части подбора и подготовки научных кадров, обеспечить коммунистическое руководство при окончательном утверждении аспирантов, ускорить нетерпимо длинные сроки прохождения вопросов об утверждении, установить ответственность правлений вузов и научно-исследовательских институтов за подбор и подготовку аспирантов.

Нынешний порядок замещения научных должностей и кафедр должен быть пересмотрен в сторону усиления влияния руководящих организаций для обеспечения более планового распределения оканчивающих аспирантуру молодых научных работников.

Необходимо также пересмотреть существующие положения о научно-исследовательских институтах в сторону усиления роли общественных организаций в комплектовании правлений институтов и обязательного участия представителей их в советах институтов.

В-третьих, отсутствие увязки между темпом развития социалистического строительства, намеченного пятилеткой, и темпом подготовки потребных для этого строительства кадров научных работников, в особенности научных работников-коммунистов, обусловливает необходимость скорейшего проведения в жизнь предложения, выдвинутого конференцией марксистско-ленинских научных учреждений, о создании единого общесоюзного органа, планирующего работу научных учреждений.

Необходимо заполнить пробел в работах Госплана по пятилетке путем выработки плана подготовки научных работников СССР по отраслям знания в соответствии с пятилетним планом развития народного хозяйства и культурного строительства СССР. Ведомства должны иметь контрольные цифры необходимого минимума подготовки научных работников по отраслям знания. На основе общего плана необходимо планомерное направление коммунистов на научную работу по отдельным отраслям знания. Нынешняя система самотека (кроме общественных наук, где наше влияние в подборе достаточно сильно) должна быть заменена систематической работой по подбору новых кадров. Необходимо значительно усилить приток молодых научных коммунистических сил в область точных и прикладных наук.

При разработке плана нужно особо учесть необходимость расширения деятельности существующих и организации новых научно-исследовательских институтов в национальных республиках в целях усиления подготовки коммунистов, научных работников национальных республик, из местных кадров.

В-четвертых, необходимо укрепить в вузах и втузах институт студентов-выдвиженцев на научную работу. Этот молодой институт в ряде случаев уже дает положительный результат: выдвижение на научную работу должно производиться общественными организациями, профессурой и преподавательским составом вузов при обязательном руководстве этим делом местных партийных организаций, при чем выдвижение в первую очередь должно коснуться выходцев из рабочих и крестьян.

Одновременно необходимо выработать подробное положение о выдвиженцах, установив, что прием аспирантуры должен производиться в первую очередь из числа студентов-выдвиженцев, показавших свою пригодность к научной работе.

В-пятых, секция научных работников союза работников просвещения и инженерно-технические секции других союзов должны проявлять гораздо большую активность в вопросах руководства научно-исследовательскими организациями, в вопросах подбора их руководящего состава и в особенности в деле подбора и выдвижения новых научных кадров. Нынешняя роль профессиональных организаций в этом деле ни в коем случае не может быть признана удовлетворительной.

В-шестых, в целях повышения квалификации научных работников-коммунистов необходимо, помимо заграничных командировок, расширить практику научных командировок работников внутри Союза ССР, особенно из провинции в Москву, для работы во всесоюзных марксистско-ленинских учреждениях, в частности в Институте Маркса и Энгельса, в Институте Ленина и Комакадемии.

Последний вывод: нынешняя постановка подготовки новых научных работников, за исключением аспирантуры специальных научно-исследовательских институтов по общественным наукам при Ранионе и партийных научных учреждений (ИКП, Комакадемия), не обеспечивает марксистской подготовки новых научных кадров. Необходимо ко всем вступающим в число аспирантов пред'являть требования обязательной марксистской подготовки.

Гейнц Нейман.

Откровенности генерала Секта.

I.

Во всех странах света множатся очаги конфликтов. Все крупные капиталистические державы лихорадочно готовятся к надвигающейся новой мировой войне. В игре воинствующих мировых сил растущее значение приобретает окрепший германский империализм. Сооружение броненосца служит осязательным симптомом воли германской буржуазии к участию в грядущей мировой войне в качестве издревле зарекомендовавшей себя военной державы. Уже миновали времена инфляции, военной немощи разгромленной Германии. Капкан версальского мирного договора уже прорван, и договор обходится тысячами путей. Новая Германия, Германия капиталистической стабилизации, уже не есть угнетенное государство. Это—империалистический возбудитель войны, целесознательно и планомерно вооружающийся на предмет грядущей вооруженной схватки.

Отражение этого нового об'ективного положения вещей мы находим и в литературе. Первый период после войны характеризовался обилием мемуарной литературы, военных мемуаров, принадлежащих перу побежденных генералов, наполненных сентенциями на тему о военном долге. (Kriegsschuld). В наши дни эти вопросы отступили на задний план, и в порядок дня выдвинута во всем ее об'еме новая проблема—задача Германии в ближайшей войне. «Для будущего, которое гораздо важнее прошлого», составил свою книгу генерал фон-Сект. Эта только что вышедшая книга—«Мысли солдата»—может рассматриваться, как военно-политическая программа нового германского империализма, как один из важнейших документов, выпукло рисующих политику наших классовых врагов.

Генерал Сект принадлежит к числу умнейших, а следовательно, опаснейших врагов германского пролетариата. Он—не только один из руководящих генштабистов Восточного фронта в последнюю войну, но и верховный главнокомандующий германского рейсхвера времен капповского путча и первых лет стабилизации. Сект—подлинный творец рейсхвера. Это он перековал лютые путчиские банды времен Носке в боеспособную армию современного образца. Сект—специалист в деле «внутреннего использования» армии, и он полностью ее использовал осенью 1923 г., на основе соц.-демократического закона о чрезвычайных полномочиях. Сект—заклятый враг компартии; это он в октябре 1923 г. наложил на нее реакционный запрет. Сект—грядущий германский генералиссимус в случае войны и кандидат в военные диктаторы в буржуазной республике.

В начале своей книги Сект заявляет, что ему «ясна сущность войны, ее запросы, требования и последствия»,—как человеку, который «с хорошего обсервационного пункта обозревал поля битв в мировую войну». Его произведение отличается от ходячей литературы тем, что он «мыслит» грядущую войну не как простое повторение войны минувшей, но учитывает весь опыт после 1918 г.,—все военные, политические, социальные и технические особенности новейшего развития. Через военную программу Секта красной нитью проходит учет издавна признанной марксизмом неразрывной

связи между войной и политикой. «Военно-организационные вопросы в общем и целом суть вопросы политического характера». Трактовка военных, политических и экономических вопросов войны, как единого целого, делает программу Секта весьма значительной.

Сект безжалостно разбивает пацифистскую фразеолоигю, пацифистское надувательство Лиги Наций и лживые разглагольствования социал-демократов о разоружении. В качестве сознательного классового представителя германской буржуазии он не верит в мир и проповедует всестороннюю подготовку войны. Ему превосходно известно, что «вопрос о войне и мире решают не князья, не государственные деятели, не парламенты, договоры и союзы, а высшие силы». Эти высшие силы, неизбежно толкающие на путь войны, Сект именует «вечными законами становления и увядания народов». Глядя более трезво и выражаясь яснее, мы усматриваем в них непримиримые конфликты империалистических интересов и непоколебимые законы классовой борьбы.

В ответ на пацифистские заверения и заклинания социал-демократии о разоружении Сект с грубостью германского генерала говорит: «Пацифистов всегда надо пригвождать к позорному столбу—хотя бы морально». Мы не станем здесь разбираться, к моральному или не моральному позорному столбу надо пригвождать убийство из-за угла, выстрел ночью в затылок из ружья фельдфебеля черного рейхсвера. Мы понимаем, что угроза Секта заострена против революционного пролетариата, который «в союзе с враждебными соседями ослабляет свой народ». Социал-демократическим вождям не приходится опасаться позорного столба: они не принадлежат к числу тех, «кто сознательно делает безоружным» германский империализм. Германы Мюллеры, Зеверинги и Гильфердинги голосуют за бюджет рейхсвера и сооружают броненосец «А». Они подерживают военную программу Секта. Место «броненосного социалиста» не у позорного столба, а в правительстве.

Что касается пацифистских разглагольствований, то Сект с едкой иронией заявляет: «Теперь, на некоторое время, слово принадлежит главе пропаганды, который выдает за мировую совесть крик «держи вора». Если бы этого главного проповедника империалистической мировой совести подвергнуть личному обыску, в кармане его, несомненно, оказался бы членский билет социал-демократа и последние резолюции II Интернационала по вопросу о мире.

Сект не просто империалист, но первым долгом империалист германский. Поэтому предметом его рассмотрения является не столько война вообще, сколько специфические военные интересы германской буржуазии; а германская буржуазия заинтересована в своеобразном, специфическом использовании пропаганды всеобщего разоружения, в целях укрепления нового германского милитаризма. Так возникает теория Секта. «Гарантией мира является не столько уменьшение вооружений, сколько равенство вооружений. Равенство вооружений представляется нам первой и достижимой целью на пути обеспечения мира». В чем же заключается эта достижимая цель равенства вооружений? В «установлении токого соотношения между имеющимися наготове силами мирного времени, чтобы ни одно государство не располагало силами... превосходными по сравнению с другими государствами». Рассуждая отвлеченно—такое равенство вооружения может быть достигнуто двояким путем: или иностранные государства разоружатся до восстановления равновесия, или Германия соответствующим образом вооружится. Но, как известно, логика империализма не есть нечто отвлеченное. Это — логика политическая, военная. Отсюда следует, что единственный путь — второй и что на этот путь всемерно вступают: Германия усиливает и приводит в состояние боевой готовности свои «силы мирного времени».

Опыт показал, что разоружаться не хочет ни одно капиталистическое государство. Значит надо вооружать рейхсвер, увеличивать армию и флот, использовать все силы страны, ее богатства, численность ее населения и мощные средства современной промышленности, чтобы достигнуть «равенства в вооружении». Такова теория Секта. Ее практическое осуществление—вся проводимая германским империализмом политика войны и вооружений. Теория равенства вооружения лежит в основе выступлений всех германских представителей — от графа Бернштейна до пацифиста Брейтшейда—на конференциях Лиги Наций. Эта теория целиком совпадает с точкой зрения социал-демократии, считающей, что «мы не должны делать свой народ бесправным», и что «пока не разоружаются другие, мы должны использовать нашу маленькую военную силу для обороны демократической республики». Такова теория и практика броненосца.

Спрашивается, против кого же вооружается германский империализм? Против кого направлена острием выкованная заново германская военная мощь? Против запада или против востока? Генерал Сект,—еще несколько лет назад решительный сторонник восточной ориентации,—и бывший поборник идей сближения Германии с СССР—совершил в этом вопросе крутой поворот. В своей книге он ни единым словом не упоминает об оккупированной Рейнской области и находящейся под угрозой западной границе. Он говорит исключительно об осложнениях в Восточной Европе. Грядущий театр военных действий, о котором он рассуждает в своей книге, расположен на востоке. Ясно намекая на СССР, он в решающей части своей программы говорит:

> «В борьбе с крупными мировыми историческими переворотами Локарно не поможет, и натиску с востока должно противостоять с мечом в руке, как противостояло когда-то западно-европейское рыцарство у Лигница».

Было бы слишком наивным воображать, что генерал Сект считает Польшу Пилсудского «носителем крупного мирового исторического переворота». Говоря о чреватом переворотами натиске востока, Сект не имеет в виду никого другого, как СССР, против которого не поможет Локарно. Старая песня Локарно возведена в стратегический принцип. Устами Секта германская буржуазия еще раз предлагает англо-французской Антанте свой рейхсвер в качестве «западно-европейского рыцарства для интервенционистской войны. Перо Секта пророчествует о том, что суждено свершить армиям Секта. Новый милитаризм, созидаемый совместными усилиями буржуазии и социал-демократии, это—германский меч, занесенный над русской революцией, это—военный меч, готовый опуститься на пролетариат и крестьянство Советского Союза. Сект выявляет эту цель необычайно откровенно. Не скрывает он и того, что меч этот продается очень дорого. Первое, чего требует германский империализм от Антанты, это свободы вооружения в интересах безопасности. И, во-вторых, «с этой целью он, в случае счастливого исхода войны, может желать даже исправления границ».

Оценка современной внешней политики германской республики служит существенным водоразделом между коммунистами и социал-демократией. Коммунисты заявляют, что внешняя политика Штреземана сознательно и планомерно ведет к войне. Социал-демократия утверждает, что политика Лиги Наций и курс Штреземана, хотя и сопряжены с трудностями, однако, обеспечивают мир. Сект подробно анализирует эту проблему под углом зрения буржуазного государства. Он требует «тесного, длительного и построенного на взаимном доверии сотрудничества» между министерством иностранных дел и рейхсвером. Какой цели служит это сотрудничество? Сект коротко и ясно отвечает: «Подготовке к возможной войне». Политическую подготовку войны он совершенно открыто считает подлинной задачей германского министерства иностранных дел. «На случай войны дипломатия должна выполнить свой долг,—сделать все от нее зависящее, чтобы война протекала в наиболее благоприятных условиях». Вряд ли можно говорить языком более наглым, более откровенным. Сект проливает свет на постоянное разделение труда между «миролюбивой» германской внешней политикой и военными подготовками рейхсвера: «Составление плана на случай возможной войны есть дело полководца; но для этого он нуждается в основных директивах политического деятеля». Задача правительства—будь то правительство хотя бы социал-демократическое,—согласно программе Секта, заключается в предпосылаемой войне политике подготовки, т.-е. в заключении союзов, в том числе и военных. Локарнский договор, женевское соглашение, переговоры Штреземана в Лондоне, Париже и Берлине—все это есть не что иное, как «политика союзов, предпосылаемая войне».

Если, согласно этому признанию, внешняя политика Германии есть исключительно орудие войны, то вооруженные силы капиталистической республики в свою очередь служат подсобным орудием внешней политики. «Пока не гарантирован вечный мир, внешняя политика требует формирования военной силы и.... ее калькуляции. Престиж государства все еще зависит от его военной мощи». Для главы государства—сейчас он именуется Германом Мюллером—«весьма желательно, чтобы при проведении своих планов он в последнем счете мог рассчитывать на сильную армию». Сект требует, чтобы политический деятель учитывал, какую роль может он отвести в своей игре военной силе, для полководца он требует указания, в каком направлении должен тот работать над совершенствованием своего вооружения. Германская социал-демократия как раз в последние дни недвусмысленно показала, что она умеет блестяще проводить военную программу самых завзятых милитаристов. Сооружая броненосец при поддержке всей социал-демократической верхушки, Герман Мюллер единым махом разрешает обе задачи, намечаемые планом Секта. Он дает понять, какую крупную роль в игре отводит он военной силе, и подает рейхсверу желанный знак для завершения его вооружения.

Необходимо, чтобы пролетариат вполне отчетливо понял связь между социал-демократической политикой и непосредственной подготовкой войны. Штудирование книги Секта чрезвычайно облегчает это понимание. Сект открыто высказывает то, что социал-демократы делают, что они считают своим долгом и вынуждены делать. Он мотивирует и раз'ясняет их фактическую политику, не называя их по имени.

Мы же назовем социал-демократию по имени, потому что долг коммуниста—накануне грозно надвигающейся убийственной войны сигнализировать пролетариату основную нависшую над ним опасность: бессовестную и безвозбранную военную политику реформистов, маскирующихся в тогу друзей мира.

II.

На книге Секта мы наглядно показали тесную связь между внешней политикой германской буржуазии и военными вооружениями рейхсвера. Оказалось, что внешняя политика Штреземана, безоговорочно поддерживаемая социал-демократами, сознательно и исключительно направлена к созданию политических предпосылок для новой империалистической войны, что внешняя политика германской республики заострена в сторону прямой подготовки вооруженного столкновения.

Теперь наша задача — парализовать внутриполитическую и военно-организационную часть германской военной программы. При этом мы остановимся лишь на следующих основных моментах: вопросе об оборонительной войне и «наступательной обороне границ», современных принципах

построения рейхсвера, госкапиталистической организации германской военной промышленности.

В августе 1914 г. все шовинисты и социал-шовинисты орудовали термином «наступательная война», чтобы затуманить сознание народных масс и развязать дикое военное неистовство. «Враги и завистники вынуждают нас вести справедливую оборонительную войну», говорил Вильгельм II. «Нам приходится оборонять Францию и Бельгию от нападения германского варвара», говорил в свою очередь Пуанкаре. «Мы против войн завоевательных и наступательных, но мы за оборону отечества от вражеских нападений», твердили социал-демократы всех стран, санкционируя военные кредиты и посылая пролетариев в окопы. Ленин с беспощадной иронией бичевал кабинетные и подлые рассуждения Каутского, тщательно устанавливавшего различие между «войной наступательной и войной оборонительной» в оправдание массовой бойне.

В наши дни вновь оперируют лживыми лозунгами войны оборонительной для организации новой империалистической войны. Все «гарантийные договоры» обязывают договаривающиеся стороны ко взаимной вооруженной поддержке в случае «нападения третьей стороны». Знаменитый параграф 16 подписанного Штреземаном устава Лиги Наций возлагает на Германию обязанность всемерно помогать транзиту англо-французских вооруженных сил для интервенции против СССР. Когда вступает в силу эта статья о транзите? «В случае непровоцированного нападения одной из держав, не принадлежащих к Лиге Наций, на какого-либо члена Лиги».

Вне всякого сомнения, английская, французская и германская буржуазия поведут наступление на Советский Союз под видом «оборонительной войны». Уже и сейчас во всей своей агитации социал-демократия судорожно старается изобразить СССР как нарушителя мира, как нападающего зловещего соседа, вечно угрожающего кротким республикам типа Польши и Румынии и таящего в себе опасность для европейской цивилизации.

Представители революционного пролетариата должны самым энергичным образом бороться против этой опаснейшей лжи.

Программа Секта с абсолютной ясностью показывает всякому беспристрастному человеку, как надо понимать «оборонительную войну».

Сект на классическом примере из новейшей истории показывает, как понимает «оборонительную войну» современная германская буржуазия. Он черным по белому пишет: «В 1914 г. наша война была в политическом отношении чисто оборонительной». Мы благодарны генералу за его признание, делающее эпоху. «Оборонительная война», к которой лихорадочно готовится новая Германия, «оборонительная война», во имя которой социал-демократия вновь призовет миллионные массы под знамена буржуазии—эта война будет аналогична войне 1914 г.

Несомненно одно—в 1914 г. Бельгия стала об'ектом нападения, оккупации и опустошения ее германскими армиями. Какое дается этому об'яснение? Очень простое: «Нападение было средством обороны». Сект и в будущем считает «единственно возможной тактикой оборонительной войны», «наступление на решающем участке, как способ быстрого и благоприятного разрешения вопроса».

Наступление, «как средство обороны», лозунг обороны, как средство наступательной войны—такова программа германского финансового капитала в 1918 г.

Сект снисходительно-равнодушно заявляет: «Есть ли данная война—война наступательная,—это вопрос политический, если хотите—вопрос международного права». Ответ на этот кабинетный вопрос «может быть взят под сомнение». Вопрос разрешается стоящим выше теорий и государственно-правовых понятий, ответственным лишь за благо своего народа политическим деятелем. Его словами не запугать». Действительно, Штреземана, как политика, стоящего выше теорий и изо всех сил подготовляющего войну, никакими пацифистскими лозунгами не запугать. Наоборот, эти лозунги—самое действенное средство и надежное прикрытие его политики; именно этим новый германский империализм отличается от старого, давно канувшего в вечность.

Сект считает «желательным предупреждать» грозящее нападение со стороны врага, нападая самому, иными словами, он проповедует военное нападение под маской готовности к миру. «При миролюбивой по существу, задающейся целью только обороны, политике можно вести навязанную (!) войну с р е д с т в а м и в о е н н о г о н а с т у п л е н и я».

Из этой программы вытекают две задачи комбинированного характера: необходимую п а ц и ф и с т с к у ю ф р а з е о л о г и ю в изобилии поставляет правая и левая социал-демократия. Технику в о е н н о г о н а п а д е н и я берет на себя генерал Сект.

Как начать «войну оборонительную»? Ничего не может быть легче: надо защищать «угрожаемые» границы отечества. «Эта задача может быть разрешена как в процессе обороны, так и в процессе **н а с т у п л е н и я**. Оставим в стороне чисто бумажную возможность оборонительной защиты границ. В таком случае оборонительная война начинается так: «Если задачу приходится разрешать путем наступления, — чтобы продвинуть вперед прикрытие,—в таком случае н а д о п р о р в а т ь в р а ж е с к у ю **о б о р о н у** г р а н и ц. Это требует концентрации и п о в о з м о ж н о с т и застигающего врасплох оперирования силами. Для такого внезапного натиска в начале войны особенно пригодны кавалерийские дивизии, операции которых подкрепляются артиллерией с последующим приведением в действие пехоты». Войну можно открыть лишь при помощи более крупных и самостоятельных кавалерийских операций, если предназначаемые для этого единицы готовы в оперативном отношении раньше, чем можно двинуть всю массу армии.

Мы не можем вдаваться в оперативные подробности сектовского плана наступления. Мы ограничимся лишь беглым взглядом на германский рейхсвер, готовый ко внезапному и наступательному разрешению проблемы мира.

Всякому известно, что версальский договор запрещает Германии изготовлять военные аэропланы, тяжелые артиллерийские орудия, танки, удушливые газы и вообще самые современные и действенные средства развертывания войны. Замечательно, что в явном противоречии этому факту программа Секта особенно подробно занимается вопросом об использовании и оперировании этими воспрещенными видами оружия. Так, например, Сект, отчетливо намекая на формирование германского рейхсвера, говорит: «Разнообразные боевые задачи дивизии требуют для успешного их выполнения подвижной и в то же время внушительной по своему действию артиллерии; в данном случае особенно ценен тяжелый орудийный огонь». Он высказывает любопытные соображения по поводу пехотного прикрытия при подвозе дальнобойных артиллерийских орудий к таким существенным пунктам, как железнодорожные узловые пункты врага и проч. Особо важное значение придает он при оперировании дальнобойными орудиями «сотрудничеству с воздушным флотом, соответствующие единицы которого должны быть подчинены кавалерийской дивизии. Он со знанием дела освещает столь конкретный вопрос, как снабжение артиллерийским снаряжением далеко продвинувшихся частей армии с помощью грузовых самолетов. В «безобидной» связи с задачами современной германской кавалерии он выдвигает следующее положение: «Исход сражения решается наличием связи с танковыми дивизиями».

Это звучит как признание того, что германская буржуазия, невзирая на путы версальского договора, осуществляет гигантский план всеоб'емлющего организованного государством вооружения. Это программа, в которой имеется и изготовление военных самолетов, и удушливые газы, и фабрикация крупных танков и тяжелых дальнобойных орудий.

Сект вынужден хотя бы формально маскировать это признание. Под давлением этой необходимости он производит внезапный поворот. На мгновение Сект меняет серый полевой мундир германского генерала на воздушный плащ поэта. Он говорит, что высказываемые им мысли есть не что иное, как «полет» в страну военной фантазии». «Образы фантазии» свободны от пут версальского договора. Таким образом, от весьма материального броненосца мы переходим в царство свободной поэтики. Во всяком случае,—поясняет Сект, — это фантазии, построенные на весьма ральных фактах. Эти фантазии предает он публичной огласке в своем плане войны.

Мы должны проверить теперь реальные факты, лежащие в основе новой грандиозной программы вооружения империалистической Германии.

Сект учитывает весь опыт мировой войны и послевоенный. Он тщательно анализирует реорганизацию армии и новейшие военные законы в важнейших крупных империалистических государствах. Он делает отсюда определенные выводы крупного принципиального значения. При выборе между массовой армией и кадровой армией он решительно высказывается за принцип «маленьких, удобных для оперирования армий мирного времени». Он решительно высказывается против «самого дорогого вида вооружения— крупных армий мирного времени с продолжительным сроком военной службы и обильным снаряжением». Война в будущем представляется ему в виде использования «высокоценных и чрезвычайно подвижных, т.-е. маленьких армий, действие которых существенно усиливается военной авиацией». Образцом такой высокоценной и подвижной армии служит современный рейхсвер: «Армия мирного времени, которую можно назвать армией прикрытия или оперативной армией». Эта кадровая армия «состоит из находящихся долго на военной службе профессиональных солдат, по мере возможности из добровольцев».

К этому присоединяется полная мобилизация обороноспособности страны. Как происходит подготовка массовой вооруженной силы на случай возникновения войны? Центр тяжести в кадровом корпусе «из офицеров, унтер-офицеров и солдат; через их учебные отряды и школы пропускается вся способная носить оружие молодежь; курс обучения краткий, а затем применяются необходимые повторительные курсы».

Так открыто рисует Сект фактическое положение вещей в современной Германии. Официальный рейхсвер играет роль лишь безусловно надежной кадровой армии, ударноспособной, оперативной армии, «кристаллизационного ядра» грядущей массовой армии. Вокруг этого ядра группируются «учебные отряды» в качестве резервов дополнительные отряды, — бесчисленные разновидности неофициальных вооруженных сил германского империализма: черный рейхсвер, Стальный Шлем, фашистские союзы, студенческие и иные тайные организации, заводский спорт и проч. Имперский флаг становится во фронт перед Гинденбургом и соперничает со Стальным Шлемом в патриотизме и травле Советов; Имперский флаг, вместе с летучими отрядами полиции орудует против революционных рабочих, — это численно крупнейшая из всех вспомогательных отрядов грядущей войны.

Сект подчеркивает значительное превосходство германского строя армии—кадровой системы: «Чем мельче армия, тем легче вооружить ее по современному образцу». Таким образом, мы подходим к основному стержню всей военной программы: к вопросу о военной промышленности и экономической мобилизации германского империализма, организующей современное

вооружение грядущих армий. Это для него вопрос—быть или не быть. Вот, где суровая, твердая, материальная почва для всех «военных фантазий» генерала Секта. Подлинную основу германских военных вооружений надо искать не в политической и не в военной надстройке Веймарской республики, а в недрах капиталистической экономики,—в германской промышленности.

Сект, разумеется, враг версальского договора. Он требует снятия пут, наложенных на рейхсвер Антантой. Но он как-то мало сетует на эти путы. Он совершенно честно—и это есть новое и характерное в его программе— намечает практический путь развития современной Германии в первоклассную военную державу, не выходя за рамки версальских определений.

Сект говорит о трудности иметь постоянно наготове современное военное снаряжение для миллионной армии на предмет грядущей войны. Не может быть ничего более неэкономного, чем нагромождение крупных запасов, в особенности в виду сомнительной военной ценности устарелого материала. В качестве примера он указывает на нелепость наличия на складах тысяч аэропланов, которые год спустя зачастую теряют какую бы то ни было ценность в виду появления нового типа.

Для новейшего вооружения германской армии будущего имеется лишь один путь: «Установление типа оружия и параллельно этому подготовка к массовому изготовлению его в случае необходимости. Офицеры рейхсвера совместно со специалистами-производственниками путем длительных изысканий в опытных учреждениях и на полигонах должны установить лучший для данного момента тип всякого вида оружия. Сект избегает характеристики отдельных видов оружия, но, само собой понятно, что он имеет в виду не только винтовки и штыки, но и «лучший для данного момента тип» самолетов, танков, газов и тяжелых артиллерийских орудий.

Сект продолжает: «Необходимо вступать в соглашения с промышленностью, чтобы немедленно можно было наладить в существующих размерах производство оружия данного установленного типа.

Для этого нужна «тщательная подготовка», при которой не обойтись без законодательной основы. Эта военно-организационная подготовка всей германской промышленности заключается в установлении и обеспечении требуемого сырья, в выборе и оборудовании фабрик для изготовления всех видов оружия и снаряжения. В качестве ближайшего требования выдвигается уже в данный момент «подготовка к переустановке фабрик применительно к военным надобностям, наличие наготове материала и машин».

Этот грандиозный военно-организационный план охватывает всю экономическую жизнь Германии. Производство военного материала подготавливается еще в мирное время вплоть до мельчайших подробностей. Этот план превращает всю Германию в единую военную мастерскую и каждую из ее фабрик в военно-промышленное предприятие, уже сейчас обеспечивая вооружение миллионной армии всеми видами современного боевого оружия. От сырья до машин, от первичного производства до транспорта, от промышленного сырья до готового типа оружия проводится в полной мере экономическая подготовка войны. Труднейшей проблемой германского плана вооружения является «срок переустановки»—промежуток времени между моментом возникновения войны и переходом промышленности к обслуживанию потребностей войны. Судьбы всей войны, проектируемой германской буржуазией, будут зависеть от быстроты, с которой ей удастся перейти от массового производства разнотипных предметов к поставке боевого оружия. Вплоть до этого момента рейхсвер должен обходиться тем, что у него есть, своим ограниченным военным снаряжением плюс явные и тайные резервы мирного времени. Сект предвидит этот критический период переустановки. Он надеется его преодолеть методами массового производства, сосредоточения на возможно более простом, коротко говоря,—благодаря успехам капи-

талистической рационализации. «Таким образом, промежуток времени между сдачей заказов и началом поставки можно сократить, и это время надо выиграть, ведя борьбу оперативной армией.

Все эти мероприятия требуют не только максимального единства руководства со стороны руководящего организационного центра, но и, первым долгом, гигантских капиталов. Военный план германского империализма можно осуществить лишь в том случае, если наивысший и наисильнейший орган буржуазного класса, если государственная власть, если государственный орган финансового капитала возьмет в свои руки его осуществление. Военно-промышленные задачи требуют, говорит Сект, «разумеется, уже в мирное время государственных субсидий; но для государства это выгоднее изготовления и содержания на складах больших запасов устарелого вооружения». Это — экономическое дополнение к «законодательной основе», о которой он уже упоминал. Уже в мирное время рейхсвер, как отмечает Сект в другом месте, вынужден сотрудничать с различными гражданскими ведомствами: финансовым, путей сообщения, промышленности, торговли, сельского хозяйства и, не в последнем счете, с министерством иностранных дел.

Вышеизложенного достаточно, чтобы уяснить себе в основных чертах германскую программу вооружения. Ход развития ясен. Военная фантазия приняла осязательную, реальную форму. Идеи Секта служат выражением лишь сущности исторического процесса, развертывающегося у нас на глазах. Финансово-капиталистическая монополия все сильнее и сильнее обнаруживает свои госкапиталистические тенденции, тенденции к гегемонии империалистического государства надо всеми сферами и формами экономической жизни. Госкапиталистическая организация всего хозяйства на случай войны—это частный случай,—чрезвычайно важное и чреватое последствиями выявление давно уже опознанной коммунистами тенденции. Новая программа вооружений германской буржуазии равносильна установлению государственного контроля над производством в целях войны. То, что подробно рисует Сект—есть военная «хозяйственная демократия» или «демократическое» хозяйство войны—назовите, как хотите.

Сект срывает фарисейские покровы и показывает пролетарским массам подлинный лик вожделеющего войны германского империализма. Он рисует то, что есть. Вся Германия, ее неизмеримые производительные силы, чудеса ее превосходной техники, беспримерная производительность ее промышленности, ее новые изобретения, все источники ее мощных сил становятся предметом военной мобилизации, все направлено к единой цели— войне, и, в первую очередь, убийственной интервенционистской войне против СССР. Для достижения этой цели об'единяются все силы и партии буржуазной республики. Тресты и банки поставляют военный материал. Правительство берет на себя политическое руководство, генералы намечают планы и формируют отряды. Фашистские союзы выставляют человеческие резервы. Профсоюзные вожди, проповедуя лозунг хозяйственной демократии, гонят рабочие массы в железное иго государственной системы вооружения. Правые и левые социал-демократы являются главным идеологическим и политическим орудием развязывания войны. Они фабрикуют лживые пацифистские фразы, они измышляют сказки о войне и безмерно травят Советы.

Революционные рабочие, чуждые боязни и иллюзий, противопоставляют себя военной программе германской буржуазии. Генерал Сект в своей книге говорит, что флажки германской кавалерии все еще могут спокойно реять по ветру будущего. В данный момент он, пожалуй, прав; но он и его класс увидят, как красное знамя гражданской войны, знамя пролетарского восстания, высоко и буйно взовьется в грядущей мировой войне над всеми флажками империалистических армий. Под этим знаменем ринется вперед сила, которая превратит в прах все планы вооружения, потому что на ее плечах покоится вся военная промышленность.

ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ

Д. Ловцов и К. Гричик.

К вопросу о регуляторах советской экономики и нарушениях равновесия общественного производства[1]).

Анализ трансформации закона стоимости приводит к выводу о том, что в нашем переходном хозяйстве действуют два способа регулирования. Этими способами регулирования являются план и закон стоимости. Только такой исходный момент, вытекающий из анализа трансформации закона стоимости, гарантирует правильное разрешение проблемы о регуляторе в советском хозяйстве. Между тем, существующие решения этой проблемы, на которой считает долгом остановиться каждый исследователь советского хозяйства, исходят из так называемого закона трудовых затрат, который считается необходимым условием общественного равновесия при всех и всяческих общественно-исторических формациях, который — голенький или в костюме — оказывается обязательным и универсальным регулятором хозяйственной жизни. Этот закон в товарно-меновом обществе действует в форме закона стоимости, в дальнейшем модифицируется в закон цен производства. В советском же хозяйстве происходит процесс сбрасывания законом трудовых затрат своего греховного ценностного белья, т.-е. процесс превращения закона ценности в закон трудовых затрат, процесс дефетишизации основного общественного регулятора. Все экономисты, занимавшиеся вопросами теории советского хозяйства, в своих исследованиях, касающихся проблемы регуляторов в нашем хозяйстве, исходят из вышеприведенных положений.

Подвергая сомнению существование закона трудовых затрат, который лег в основу всех теоретических исканий в области советской экономики, мы ставим вопрос, есть ли данные для того, чтобы утверждать его существование? Между прочим, единственным основанием для декретирования этого всеобщего закона послужило письмо Маркса к Кугельману от 11 июня 1868 г. Для того, чтобы выяснить, действительно ли в этом письме Маркс дал повод для того, чтобы впоследствии, ссылаясь на него, выводили закон трудовых затрат в качестве универсального регулятора, приведем эту выдержку из письма полностью:

«Болтовня о необходимости доказать понятие стоимости покоится лишь на полнейшем невежестве как в области того предмета, о котором идет речь, так и в области научного метода. Всякий ребенок знает, что каждая нация погибла бы с голоду, если бы она приостановила работу, не говоря уже на год, а хотя бы на несколько недель, точно так же известно всем, что для соответствующих различным массам потребностей масс продуктов требуются различные и количественно определенные массы общественного совокупного труда. Очевидно само собой, что эта необходимость разделения

[1]) Настоящая статья представляет собою сокращенную главу из подготовляющейся к печати работы о советской экономике.

общественного труда в определенных пропорциях (курсив наш.—*Авторы)* никоим образом не может быть уничтожена определенной формой общественного производства, изменяться может лишь форма ее проявления (курсив Маркса). Законы природы вообще не могут быть уничтожены (курсив наш). Измениться в зависимости от различных исторических условий может лишь форма, в которой эти законы проявляются, а форма, в которой проявляется это пропорциональное распределение труда, при таком общественном устройстве, когда связь общественного труда существует в виде частного обмена индивидуальных продуктов труда, — эта форма и есть меновая стоимость этих продуктов» [1]).

Большинство интерпретаторов этого места из письма Маркса понимают его в извращенном виде, полагая, что Маркс, подчеркивая материальное содержание производственного процесса, будто бы считал его основным, а способ, которым он осуществляется, чем-то второстепенным [2]). Между тем, Маркс здесь говорит не о материальном содержании закона стоимости, а о само собою очевидной и понятной даже каждому ребенку необходимости пропорционального распределения труда. Эта необходимость является законом природы и как таковая не может быть отменена теми или иными общественными закономерностями. Делать отсюда вывод, как это мы видим почти у всех советских экономистов, что эта необходимость оказывается обязательным и универсальным регулятором производства при всех его способах,— значит смешивать законы природы и законы общества. Не эта необходимость является регулятором общественного производства для Маркса, а способ, которым достигается ее осуществление. В связи с этим, проблемой для Маркса является не эта необходимость, а определенный общественный способ, при помощи которого она осуществляется. Если бы мы занялись изучением этой необходимости, то, будучи последовательными, мы должны были бы приступить к изучению различных врожденных человеческих инстинктов (самосохранение, размножение и питание), так как, очевидно, они лежат в основе этой природной необходимости. Таковы абсурдные выводы, с неизбежностью вытекающие из извращенного понимания приведенного места из письма к Кугельману. Следовательно, Маркс говорит о необходимости, как о законе природы, которая, как таковая, не является предметом марксова анализа; наоборот, предметом его исследования является тот общественный способ, при помощи которого достигается осуществление этой необходимости. Ни о каком законе трудовых затрат не может быть и речи, так как у Маркса не только какого-либо указания, но даже нет намека, который дал бы хоть некоторые основания для выведения такого материального закона. Мало того, закон трудовых затрат, как мы видели, противоречит положениям Маркса. Однако, существуют такие экономисты, для которых факт формулирования Марксом закона трудовых затрат представляется совершенно бесспорным.

Неправильное понимание марксова положения, сформулированного в письме к Кугельману, базируется по существу на извращенном понимании формы и содержания, на отрыве формы от содержания. Согласимся на минуту и признаем, что существует такой вечно-неизменный закон трудовых затрат, который в различных общественных формациях воплощается в различные формы. Логически рассуждая, мы должны будем признать, что эти общественные формы совершенно не связаны с «материальным» содержанием, не вытекают из этого содержания, так как это содержание неизменно. Почему из данного содержания вытекает в одном случае одна форма, а в другом совершенно иная? На этот вопрос нельзя ответить, оставаясь на позиции указанного «своеобразного» понимания письма Маркса к Кугельману, нельзя дать ответа, не сдавая этих позиций. А между тем вопрос о том, почему данное содержание воплощается именно в данной форме, а не в иной, этот вопрос играл громадное значение в политической экономии, и на нем неоднократно останавливался Маркс. В I томе «Капитала», в гл. о товарном фетишизме, Маркс, между прочим, говорит следующее по интересующему нас вопросу: «Правда, политическая экономия анализировала, — хотя и недостаточно, — стоимость и величину стоимости и раскрыла скрытое в этих формах содержание. Но она ни разу даже не поставила вопроса: почему это содержание принимает такую форму, другими словами, почему труд выражается в стоимости, а продолжительность труда как его мера — в величине стоимости продукта труда» [1]). (Подчеркнуто нами).

А между тем, как говорит Маркс в первом русском издании 1 тома «Капитала»: «Самое важное состояло, однако, в открытии внутренней, необходимой связи между формою, субстанциею и величиною стоимости, или, выражаясь идеалистическим языком, в доказательстве того, что форма вытекает из понятия стоимости» [2]).

Этот недостаток классической политической экономии Маркс считал основным ее недостатком, который он об'яснял тем обстоятельством, что классики считали буржуазный способ производства вечной, естественной формой общественного производства вообще. Повторять ошибки и недостатки классиков в настоящее время, после Маркса, является совершенно непростительным, а между тем советские экономисты, повторяют такого же рода методологические ошибки, не видя диалектического соотношения между содержанием и формой. Между прочим в 1-м русском издании «Капитала» имеется следующее замечательное положение Маркса: «Во всякой общественной форме труда работы различных индивидуумов тоже относятся друг к другу, как человеческие, но только здесь (товарное общество. *Авторы)* само это отношение имеет значение специфической общественной формы труда». (Курсив Маркса) [3]).

Очевидно, что «само это отношение, имеющее значение специфической общественной формы труда», подчеркнутое Марксом, и является предметом его изучения, а не необходимость отношений индивидуальных работ друг к другу как человеческих.

Таким образом, признание закона трудовых затрат с неизбежностью связано с игнорированием общественной формы, связано с отрицанием марксова и гегелевского понимания связи формы с содержанием, связано с возвратом к ошибкам классической политэкономии, связано с крахом по существу самого этого закона, а потому мы целиком отрицаем его существование, тем более, что у Маркса нет и намека на такой закон.

Способом осуществления необходимости пропорционального распределения труда между различными отраслями в товарно-меновом хозяйстве является закон стоимости, при чем на капиталистическом и монополистическом этапе в развитии товарно-менового общества стоимостный способ регулирования модифицируется в цену производства и монопольную цену. Хозяйству переходного периода и, в частности, советскому хозяйству внутренне присущи два способа регулирования общественного производства, иначе говоря, два способа осуществления вышеуказанной необходимости. Так как

---

[1]) К. Маркс. Письма к Кугельману, ГИЗ. 1920 г., стр. 62, 63.

[2]) Между прочим это извращенное толкование послужило далеко не маловажным основанием для создания т. н. физиологической версии абстрактного труда, сторонники которой так рьяно сейчас борются с верной в основном концепцией тов. Рубина.

[1]) Изд. 1925 г., стр. 47, 48.

[2]) Изд. 1872 г., стр. 28.

[3]) Там же, стр. 26.

в нашей экономике имеются налицо новые производственные отношения, так как, с другой стороны, сохранились остатки прежних производственных отношений, а определенный способ регулирования соответствует определенному способу производства, определенным производственным отношениям, то способов регулирования в советской экономике должно быть два. Этими способами, как уже говорилось, являются план и закон стоимости. Эти два способа регулирования, будучи принципиально противоположными, не могут длительное время существовать параллельно друг другу, не могут также перерастать друг в друга. Не говоря уже о том, что стоимостный способ регулирования, не может перерасти в природную необходимость пропорционального распределения труда между различными отраслями хозяйства [1]), ибо такое перерастание является «вопиющей чепухой», мы также утверждаем, что этот стоимостный способ регулирования не может перерастать, превращаться в другой, принципиально отличный, общественный способ регулирования производства в наших условиях — в плановый способ регулирования. Речь может итти о переделке в условиях переходного периода простого товарного производства в обобществленное социалистическое производство,—это будет означать сокращение производственной базы закона стоимости, сокращение его сферы влияния на ценообразующий процесс, но это совсем не будет являться показателем перерастания закона стоимости в другой закон, в плановый способ регулирования. Никогда, ни в одну прошлую переходную эпоху от одной общественной экономической формации к другой, мы не имели перерастания старого способа регулирования в новый способ регулирования, превращения одного в другой,—в эти периоды экономического перехода существуют два способа регулирования, поскольку существуют два основных вида производственных отношений (старые и новые), при чем по мере изменения взаимного соотношения между этими производственными отношениями происходит замена, вытеснение одного способа регулирования, принципиально иным, новым способом регулирования общественного производства.

Эта общая закономерность переходного периода вообще, — наличие двух способов регулирования производства, вытеснение старого способа регулирования принципиально новым способом, — эта общая закономерность действительна и в переходный период от капитализма к социализму, и в частности, действительна и в советской экономике. Само собою разумеется, что, говоря действительна, мы не хотим сказать тождественна, так как тождество вообще не бывает без различий. В переходный период от капитализма к социализму мы имеем целый ряд принципиально новых моментов, в частности переход от способа производства, основанного на частной собственности на средства производства, к обобществленному производству, замену стихийных, иррациональных принципов производства, сознательно-плановыми принципами, постепенно охватывающими все народное хозяйство. В связи с этим изменяются закономерности, управляющие заменой одного способа регулирования другим, и сама эта замена совершается значительно быстрее, в более короткий промежуток времени, чем скажем требовалось для этой замены при переходе от феодализма к капитализму. Новый, плановый способ регулирования имеет возможность учитывать вероятные действия стоимостного способа регулирования, в связи с чем ускоряется вытеснение последнего и само это вытеснение происходит значительно безболезненнее, чем в предшествующие периоды экономических переходов от одной общественно-экономической формации к другой, хотя то обстоятельство, что совершается переход от частнособственнической организации производства к обобществленному производству, значительно снижает эту безболезненность, так как усиливает классовое сопротивление представителей отживающих типов производственных отношений.

Из того положения, что необходимость пропорционального распределения труда между различными отраслями производства, в переходный от капитализма к социализму период, в частности, в советской экономике, осуществляется двумя способами регулирования, планом и законом стоимости, из этого положения само собой вытекает и то обстоятельство, что эти принципиально-различные способы находятся в определенном единстве, в определенном соотношении друг с другом [1]). Это единство — соотношение между этими способами регулирования,— является подвижным единством,— единством, которое постоянно изменяется в сторону большей гегемонии плана, и следовательно, в сторону вытеснения закона стоимости. В первых стадиях сосуществования этих двух способов регулирования в советском хозяйстве, т.-е. в период, непосредственно следующий за военным коммунизмом, момент единства этих двух регуляторов, момент, об'единяющий их действие, находился на стороне закона стоимости, так как основной задачей социалистического сектора в то время была задача приспособления стихии, задача удовлетворения требований частнохозяйственной области нашей экономики, требований, вытекавших из господства стоимостного способа регулирования. По мере роста мощи социалистического сектора, роста его удельного веса в нашей экономике происходит изменение соотношения между стоимостным и плановым способами регулирования, при чем момент единства их обоих все более перемещается на сторону плана, который таким образом начинает «обуздывать» действие закона стоимости. В связи с этим, основными элементами такого плана, который у ж е является единством двух способов регулирования, должны быть следующие: учет исходного положения; целевая установка — ниаболее желательное для хозяйствующего суб'екта

---

[1]) На что совершенно правильно обратил внимание т. Брудный в ст. в журнале «Большевик» (№ 19 за 28 г.). Но тов. Брудный, на ряду с этим правильным замечанием, наговорил такую массу ошибочных положений, что указанное замечание тонет в этих ошибках. Приведем в качестве примера один из «перлов» тов. Брудного: «Следовательно, определяя ближе содержание планового регулятора социалистического хозяйства, можно сказать, что этим регулятором будет закон эквивалентности (?) трудовых затрат и натуральной компенсации за них, закон, осуществляемый плановым, сознательным образом. По своему материальному содержанию этот закон совпадает с материальным содержанием товарно-капиталистического закона стоимости. Еще более со стороны своего материального содержания закон стоимости начинает осуществляться только в социалистическом хозяйстве». Большей чепухи совершенно нельзя придумать! Материальное содержание закона стоимости (как будто есть какое-то содержание стоимости отделимое от закона стоимости) будет полностью осуществляться при социализме!!! Цитата из Ленина, которую привел тов. Брудный в подтверждение своей ереси, говорит совершенно о другом, а именно о некоторых остатках «буржуазного права» при социализме. «За равное количество труда—равное количество продуктов»—это положение совсем не является «материальным содержанием закона стоимости». Кроме того, откуда взял тов. Брудный, что при социализме будет действовать закон эквивалентности трудовых затрат. Если понимать эту эквивалентность в том смысле, что продукты, получаемые гражданами социалистического общества, будут эквивалентны их трудовым затратам, то это не верно, так как будет отсутствовать их прибавочный продукт, без которого немыслима ни одна общественная формация. Если понимать это положение так, что обмен между отдельными отраслями производства будет эквивалентным, то это тоже не верно, так как интересы всего хозяйства могут заставить его совершать именно неэквивалентный обмен, скажем, между тяжелой и легкой индустрией.

[1]) Ошибка Преображенского, между прочим, заключалась не в том, что он признавал наличие в советской экономике двух способов регулирования, а в том, что эти способы у него не связаны друг с другом не заключены в определенное, постоянно изменяющееся единство. Отсюда у него механическая смесь закона стоимости и закона первоначального социалистического накопления, которые находятся в непримиримой борьбе между собой, при чем неизвестно, каким же образом достигается осуществление необходимости пропорционального распределения труда.

соотношение между различными отраслями общественного производства; предвидение возможных коррективов со стороны стоимостного способа регулирования и сознательная реакция на эти коррективы.

Однако, наличие такого плана, об'единяющего в себе два способа регулирования, совсем не означает отсутствия борьбы между ними; наоборот, в силу принципиально-различного содержания обоих способов регулирования эта борьба является абсолютно неизбежной, резко обостряющейся на определенных этапах развития нашего хозяйства. Каждому из этих способов регулирования имманентна тенденция занять господствующее положение в нашем хозяйстве. Правда, наличие социалистического сектора, факт политического господства хозяйствующего суб'екта и пр., делают невозможным [1]) но это не исключает того обстоятельства, что этот способ регулирования будет стремиться захватить господствующее положение, а потому будет находиться в состоянии войны с плановым способом регулирования, до тех пор, пока сфера непосредственного влияния закона стоимости не сократится до пределов, не имеющих существенного влияния на всю экономику страны. Вытеснение стоимостного способа регулирования с тех или иных участков нашей хозяйственной жизни, замена его в этих участках плановым способом регулирования неизбежно связаны с нарушением равновесия во всех сферах непосредственного участия закона стоимости в регулирующем процессе, а потому также связаны с тем или иным нарушением общего равновесия нашей экономики. Само собой разумеется, что речь идет о вытеснении закона стоимости из тех сфер общественного производства, которые имеют важнейшее влияние на всю экономику страны, так как подобное вытеснение стоимостного способа регулирования из тех сфер производства, которые не играют более или менее заметной роли во всей нашей хозяйственной жизни, никакого заметного нарушения общественного производства не вызовет. В этом вытеснении стоимостного способа регулирования из важнейших сфер хозяйственной жизни, в этих решающих пунктах столкновения стоимостного и планового способов регулирования нашей экономики, заложена об'ективная *неизбежность* общего нарушения равновесия нашей хозяйственной жизни.

Наличие двух принципиально различных способов регулирования, или иначе, наличие двух противоположных типов производственных отношений [2]),

---

[1]) Говоря о невозможности полного подчинения нашего хозяйства стоимостному способу регулирования, мы имеем в виду определенную политику хозяйствующего суб'екта, такую политику, которая, вытесняя капиталистический сектор нашей экономики, еще больше усиливала бы эту невозможность, а не надеялась на мирное врастание этого капиталистического сектора в социализм, так как в этом случае мы бы имели налицо факт постепенного подчинения нашего хозяйства полному господству закона стоимости, иными словами, имели бы налицо, факт перерастания всей нашей экономики в капиталистическую экономику.

[2]) Говоря о наличии двух противоположных типов производственных отношений, мы имеем в виду, с одной стороны, производственные отношения простого товарного и капиталистического секторов нашей экономики и производственные отношения социалистического сектора, с другой. Само собою разумеется, что производственные отношения простого товарного сектора принципиально отличны от производственных отношений капиталистического сектора. Эти два принципиально различных типа производственных отношений мы при анализе проблемы регуляторов советской экономики об'единяем в один тип производственных отношений, противостоящих новым, социалистическим отношениям, лишь потому, что оба эти типа производственных отношений (простое товарное и капиталистическое) имеют один и тот же, стоимостный способ регулирования производства, который имманентен им обоим. То обстоятельство, что стоимостный способ регулирования ни в одном секторе нашего хозяйства не является *единственным* регулятором, принципиально дела не изменяет, так как в основном и простое товарное производство и капиталистическое характеризуются именно стоимостным способом регулирования. Таким образом, имея три структурных сектора в нашей экономике, мы имеем только два способа регулирования, один из которых (закон стоимости является олицетворением двух принципиально различных типов производственных отношений. Два регулятора советской экономики, представляют собою два совершенно различных способа организации общественного производства: старый товарно-меновой способ (распадающийся в свою очередь на два различных способа организации производства) и прогрессивный социалистический способ. Наличие двух типов производственных отношений в пределах товарно-менового способа организации производства, определяет собою различный характер их замены новыми, социалистическими отношениями, не уничтожая необходимости самой этой замены.

является самым общим, об'ективным основанием для нарушения производственного равновесия советской экономики. Однако, для того, чтобы такое нарушение равновесия произошло, для этого требуется опосредствование вышеуказанного об'ективного основания целым рядом других факторов. Такими факторами, согласно Марксу и Гегелю, должны быть следующие: наличие возможности проявления об'ективного основания; основная причина, или фактор, соединяющий в действии основание и условие, и, наконец, общие условия, соответствующие основанию, но не тождественные с ним, так как в эти условия помимо соответствия с основанием входит также и отрицательный момент явления, чисто случайные обстоятельства, в силу чего условия рассматриваются как внешние моменты, безотносительно к основанию.

Возможность нарушения производственного равновесия в советской экономике или иначе возможность проявления об'ективного основания этих нарушений, заложенного в производственной базе нашего хозяйства, эта возможность вытекает из товарно-денежных внешних форм проявления общественной связи, из возможности несоответствия покупок продажам, т.-е. из возможности разрыва метаморфоз товарно-денежного обращения [1]).

Основной причиной нарушения общественно-производственного равновесия, причиной, вытекающей из сущности экономики переходного периода, является борьба между двумя способами регулирования, вытеснение стоимостного способа регулирования из решающих областей народного хозяйства, что связано с нарушением действия закона стоимости во всех сферах народного хозяйства, где он принимает непосредственное участие в ценообразующем процессе, а это последнее вызывает нарушение равновесия всей советской экономики.

Важнейшими общими условиями нарушения производственного равновесия советской экономики являются следующие: прежде всего плановые просчеты, затем повышательная тенденция в движении цен на товары, выбрасываемые на рынок простым товарным и капиталистическим секторами нашего нар. хоз. и, наконец, различные кон'юнктурные данные.

---

[1]) Некоторым товарищам может показаться, что это наше положение является механическим перенесением абстрактной возможности кризисов при капитализме в советскую экономику. Но такие представления основаны на ошибочном понимании категории возможности вообще. Возможность—это не об'ективное основание, а категория, необходимая для проявления об'ективного основания. Об'ективное основание нарушений производственного равновесия в форме перепроизводства или недопроизводства товаров может проявиться только при наличии товарно-денежного обращения, при наличии противоречий этого товарно-денежного обращения. То обстоятельство, что у нас товарно-денежное обращение является только внешней формой проявления по существу совершенно новых производственных отношений (социалистический сектор), принципиально дела не изменяет, так как это обращение является одной из существенных форм связи между различными секторами нашей экономики. А так как нарушения производственного равновесия в наших условиях могут происходить главным образом только по линии взаимоотношений между секторами нашего народного хозяйства (о чем ниже), то товарно-денежное обращение с его противоречиями, выступающее в качестве внешней связи между секторами, поэтому и является абстрактной возможностью нарушений производственного равновесия, нарушений, идущих по линии взаимоотношений между секторами. Ни в одной общественно-экономической формации не могут иметь место нарушения производственного равновесия, выражающиеся в перепроизводстве или недопроизводстве товаров, если в этих формациях отсутствует товарно-денежное обращение с его противоречиями.

Не останавливаясь на двух последних условиях, не составляющих проблем переходной экономики, мы считаем необходимым более подробно рассмотреть плановые просчеты как в плоскости их соответствия производственной структуре советского хозяйства, так и в плоскости их суб'ективного значения, так как по этому опросу существуют порой удивительно курьезные представления. Плановые просчеты, как одно из общих условий нарушения производственного равновесия, являются случайными, внешними обстоятельствами, и в то же время они в конечном счете определяются об'ективным основанием указанных нарушений. Известная необходимость плановых просчетов на первых этапах реконструктивного периода обусловливается следующими обстоятельствами, непосредственно вытекающими из производственной структуры нашей экономики. Прежде всего, вытеснение стоимостного способа регулирования из важнейших сфер народного хозяйства, происходит и должно происходить в самые начальные стадии реконструктивного периода, когда отсутствует накопленный опыт планирования народного хозяйства, в силу чего план оказывается не в состоянии предвидеть и предотвратить нарушение равновесия производственного процесса. Кроме того, здесь очень важное место занимает и то обстоятельство, что закон стоимости не действует сам по себе, а воплощается в действиях конкретных носителей этого способа регулирования, определяя мотивы их хозяйственной деятельности, к которым присоединяются. резко обостренные в переходную эпоху классовые мотивы этих носителей, в силу чего учесть их возможные выступления становится почти совершенно невозможным. У нас речь идет о капиталистических носителях стоимостного способа регулирования (частные капиталисты в городе, кулачество в деревне), классовая ненависть которых к хозяйственной гегемонии пролетариата обычно превышает все прочие мотивы их хозяйственной деятельности. Но эти носители капиталистического сектора нашей экономики в силу их незначительного удельного веса в общем хозяйстве страны. важны не сами по себе, а потому, что представляемому ими капиталистическому сектору внутренне присуща тенденция возглавить все простое товарное производство нашей страны, повести его за собой против планового способа регулирования общественного производства, при чем в моменты вытеснения стоимостного способа регулирования из важнейших областей нашего хозяйства, эта тенденция имеет шансы на реализацию. Таковы об'ективные причины плановых просчетов, вытекающие из об'ективного основания нарушения производственного равновесия, заложенного в производственной структуре нашего хозяйства.

Но, тем не менее, эти плановые просчеты, взятые сами по себе, все же не перестают быть суб'ективным фактором, случайным внешним условием, безотносительным к содержанию, так как в это условие входит отрицательный момент явления, суб'ективная деятельность хозяйствующего суб'екта, которая может зависеть от различных случайных обстоятельств, не вытекающих из об'ективных данных [1]).

В силу этого, плановые просчеты являются лишь суб'ективным условием для нарушения производственного равновесия, а не основанием и причиной этих нарушений, которые имеют другую, об'ективную основу в нашем хозяйстве.

Итак, в силу наличия целого ряда существенных моментов и внешних условий, в переходной советской экономике заложена историческая необходимость нарушений производственного равновесия хозяйственной жизни, необходимость, которая не является слепым роком, а опосредствуется целым рядом обстоятельств, важнейшими из которых являются: основание, возможность, причина и общее условие. Любая необходимость слагается из этих факторов.

В советской экономике мы, пользуясь категориями Маркса и Гегеля, также выделили все положения, опосредствующие необходимость нарушения общественного производства в начальных стадиях реконструктивного периода. В этом смысле никакой разницы между советской экономикой и капитализмом нет: и там и тут существует необходимость нарушения производственного процесса, необходимость, заложенная в производственной структуре этих формаций, при чем и там и тут эта необходимость слагается из основания, возможности, причины и условий нарушения производственного равновесия. Принципиальное отличие между ними заключается в том, что в качестве этих элементов, из которых слагается необходимость нарушения производственного процесса, выступают совершенно различные факторы: основание кризисов при капитализме дано в коренном противоречии между способом производства и способом присвоения, у нас это основание дано в наличии двух принципиально различных типов производственных отношений, взаимоотношение между которыми постоянно изменяется в сторону победы прогрессивного типа за счет вытеснения отношений производства, присущих отживающим общественно-экономическим формациям; при капитализме основной причиной кризисов, является закон тенденции нормы прибыли к понижению [1]) и перепроизводство капиталов как следствие этого закона, у нас в качестве основной причины нарушения производственного процесса выступает вытеснение стоимостного способа регулирования, замена его планом на важнейших участках хозяйственной жизни; при капитализме в качестве общих условий кризисов выступают специфические формы обновления основного капитала, захват кризисом отраслей производства главных продуктов торговли и, следовательно, специфические отношения между отдельными отраслям промышленности и т. д., — у нас, кроме условий, присущих товарно-денежному обращению вообще, важнейшим из условий являются плановые просчеты, а кроме того, кризисные затруднения идут не по линии взаимоотношений между различными отраслями промышленности, а по линии связи промышленности с сельским хозяйством.

Таким образом, в советской экономике в роли факторов, из которых слагается всякая необходимость, и необходимость нарушений производственного процесса в том числе, выступают принципиально иные обстоятельства, которые обусловливают собой целый ряд принципиальных различий между нарушениями производственного процесса у нас и при капитализме. Важнейшими из этих принципиальных различий являются следующие:

1. Прежде всего, само понятие капиталистического кризиса, кризиса, захватывающего все народное хозяйство, изменяющего соотношения между различными отраслями производства, не применимо к советской экономике. Нарушение производственного равновесия в советской экономике может вы-

---

[1]) Само собой разумеется, что нельзя также недооценивать эти суб'ективные факторы, памятуя, что они в свою очередь влияют на об'ективную необходимость. Так, напр., если бы в партии победила линия правого уклона, то через известный промежуток времени, указанное выше об'ективное основание, изменилось бы в сторону большего господства стоимостного способа регулирования, в связи с чем имели бы место нарушения производственного равновесия, но на другой основе, на основе не вытеснения стоимостного способа регулирования, а на основе вытеснения плана, и следовательно, на основе подчинения социалистического сектора неограниченной стихии.

[1]) Говоря это, мы, конечно, имеем в виду, что закон тенденции нормы прибыли к понижению является лишь одной из закономерностей, возникающих на основе стоимостного способа регулирования, а не представляем себе дело таким образом, что при капитализме существуют несколько «равноправных» законов, один из которых управляет равновесием производства, другой нарушением этого равновесия и проч.

разиться лишь в изменении соотношения между различными секторами народного хозяйства, что неизбежно отразится и на социалистическом секторе, но не в смысле изменения направления его движения, а в смысле осложнения этого движения трудностями различного порядка. В виду этого мы считаем применение термина «кризис» к нашей экономике неправильным и считаем более целесообразным называть явления этого порядка просто нарушением производственного равновесия.

2. Нарушение производственного равновесия в советской экономике, как правило, не может выражаться в перепроизводстве товаров, так как это перепроизводство при капитализме является относительным перепроизводством, в силу того, что принимается во внимание не спрос населения вообще, а только платежеспособный спрос. В виду того, что для социалистического сектора — основного сектора нашей экономики—определяющим мотивом производства является не погоня за прибылью, а интересы социалистического строительства, что в конечном счете означает стремление к удовлетворению потребностей населения, в виду этого перепроизводство в советской экономике немыслимо. Кроме того, тут очень важную роль играет наличие плана и то обстоятельство, что по мере нашего общего продвижения к социализму платежеспособный спрос будет расти значительно быстрее, чем производство товаров. Это будет продолжаться до тех пор, пока вообще категория платежеспособного спроса не будет уничтожена вместе с другими товарно-рыночными формами проявления по существу новых производственных отношений. И именно недопроизводство будет являться *формой нарушения производственного равновесия* советской экономики.

3. Важнейшим принципиальным различием между нарушением производственного равновесия при капитализме и в советской экономике является различный характер закономерностей, управляющих повторением этих нарушений. Основной закономерностью капиталистических кризисов является то положение, что последующие кризисы разражаются на более широком базисе, чем предшествующие, в силу чего эти последующие кризисы значительно болезненнее отражаются на всем капиталистическом хозяйстве.

Об'ективное основание нарушения производственного равновесия советской экономики совершенно другое, чем при капитализме, в силу чего и закономерность, управляющая повторением этих нарушений, принципиально иная. В отличие от капитализма об'ективное основание вышеуказанных нарушений в советской экономике постоянно суживается до таких пределов, когда это основание качественно перестает быть самим собою, уничтожается, хотя еще и будут существовать остатки старых производственных отношений и в связи с этим и сфера стоимостного способа регулирования. Борьба между стоимостным и плановым способом регулирования принимает наиболее резкие формы в начальных стадиях реконструктивного периода, тогда, когда происходит вытеснение стоимостного способа регулирования, вытеснение товарно-капиталистических производственных отношений из важнейших областей народного хозяйства, в силу этого на этот период приходятся и наиболее резкие (резкие не по сравнению с капиталистическими кризисами, а по сравнению с последующими нарушениями производственного равновесия) нарушения производственного равновесия. По мере нашего общего продвижения к социализму, по мере вытеснения и замены стоимостного способа регулирования плановым способом, замены товарно-капиталистических производственных отношений социалистическими отношениями в важнейших участках хозяйственной жизни, — по мере этого нарушения производственного равновесия будут становиться все реже, и их влияние на общую экономику страны все незначительнее, до тех пор, когда качественно они совершенно исчезнут. *Такова основная закономерность, управляющая чередованием нарушений производственного процесса, которая вместе с тем является закономерностью нашего продвижения к социализму.*

Таким образом, советской экономике, так же как и капитализму, присуща необходимость нарушения производственного равновесия на первых этапах реконструктивного периода, при чем эта необходимость опосредствуется теми же элементами, что и при капитализме, а именно—основанием, возможностью, причинами и условиями этих нарушений. Принципиальная разница заключается в том, что в роли этих элементов в советской экономике выступают совершенно иные факторы, в силу чего изменяется характер и сила этих нарушений, а также закономерность их чередования.

Историческое наследство, полученное советской экономикой от старого общественно-экономического строя, наследство, заключающееся в общей экономической отсталости всего народного хозяйства, в чрезмерной отсталости сельского хозяйства по сравнению с промышленностью, в громадной диспропорции между сельским хозяйством и промышленностью — это историческое наследство является лишь усиливающим моментом, а не причиной указанных необходимых нарушений производственного равновесия, заложенных в самой структуре переходного хозяйства.

Между тем все экономисты, занимавшиеся до сих пор вопросами советской экономики и в связи с этим вопросом возможных нарушений общественно-производственного равновесия нашего хозяйства, видели основные причины этих нарушений в специфических особенностях нашей экономики или плановых просчетах, отрицая, таким образом внутреннюю необходимость нарушения производственного равновесия в советской экономике.

Начнем с концепции, исходящей в вопросе о нарушениях общественно-производственного равновесия нашего хозяйства из плановых просчетов.

Эта концепция является совершенно не марксистской, вытекающей из недиалектического подхода к проблеме. Прежде всего, раз «кризисы» имеют место у нас, то очевидно, что имеется их возможность и, следовательно, имеется некое *об'ективное основание* этих «кризисов». Задача марксиста-диалектика при таком положении, очевидно, должна была бы заключаться в анализе тех факторов, которые определяют эту возможность, иначе, в нахождении *об'ективного* основания этой возможности, которое, как это само собой разумеется, для диалектика-марксиста должно находиться в пределах производственного базиса нашего хозяйства, в пределах его производственных отношений. И тогда было бы ясно, что раз капиталистическое основание «кризисов» в нашей экономике уничтожено благодаря Октябрьской революции, а эти «кризисы» все же имеют место, то очевидно их основанием является новая система производственных отношений, наличие принципиально различных типов производственных отношений, их борьба между собой, вытеснение и замена старых товарно-капиталистических отношений новыми, социалистическими отношениями. Между тем, есть попытки итти другим путем, видя *об'ективное* (!) основание указанной возможности в... плановых просчетах. Суб'ективный, не определяющий фактор возводится в об'ективное основание, и это называется... диалектикой. Ведь что бы об этом ни говорили, а плановые просчеты никак нельзя зачислить в производственный базис советской экономики, т. к. они являются суб'ективным фактором, фактором, находящимся на стороне действия хозяйствующего суб'екта. Другое дело, что эти плановые просчеты необходимы на первых этапах развития переходного хозяйства и определяются общими условиями нашей экономики, так что, перефразируя приведенное выше положение Маркса об общих условиях в капиталистических кризисах, можно сказать: «общие условия нарушения производственного равновесия в советской экономике должны быть развиты из общих условий этого типа хозяйства». Но на этом основании сказать, что эти общие условия нарушения равновесия являются об'ективным основанием этих нарушений это значит сказать чепуху.

Нам могут возразить, что так как план—хозяйствующий суб'ект—входит в производственный базис нашего хозяйства, то тем самым и плановые просчеты входят в этот базис, а потому могут быть об'ективным основанием нарушений производственного процесса. Но такое возражение опять-таки было бы результатом отсутствия марксистского подхода к этой проблеме. Прежде всего, понятие план и плановые просчеты совершенно не тождественны: если план означает наличие совершенно новых производственных отношений, социалистических отношений, то плановые просчеты означают недоразвитость этих отношений, недоразвитость, обусловливающуюся целым рядом факторов. Плановые просчеты являются одним из показателей этой недоразвитости, которая заключается (и также обосновывается) в наличии старых типов производственных отношений, с которыми социалистические отношения находятся в состоянии той или иной борьбы, результатом которой является вытеснение этих старых пориздводственных отношений из важнейших областей народного хозяйства. Но эти противоречия, заложенные в структуре советской экономики имеют другой более существенный основной показатель, и этим показателем является само нарушение производственного равновесия нашего хозяйства. В силу этого считать внешний, очень отдаленно связанный с сущностью наших производственных отношений показатель, считать этот показатель об'ективным основанием другого основного показателя противоречий структуры нашего хозяйства, означает полное непонимание марксистского метода. Ведь задача, как раз в том и заключалась, чтобы вывести об'ективное производственное основание для основного показателя противоречивой структуры нашего хозяйства, следовательно, и для всех второстепенных показателей этой структуры, в том числе и для плановых просчетов. И вот решением этой задачи об'является невероятная путаница понятий, согласно которой (путанице) один из второстепенных показателей, одно из общих условий нарушения производственного процесса, а именно плановые просчеты об'являются об'ективным основанием указанных нарушений. Только смутные, путанные представления о диалектическом методе могли привести указанных товарищей к подобным, безусловно неграмотным положениям.

Другая точка зрения, об'ясняющая нарушение производственного равновесия нашего хозяйства историческим наследством, полученным от старого общественно-экономического строя, наследством, заключающимся в громадной отсталости всей экономики, в большой диспропорции между сельским хозяйством и промышленностью, — хотя и является более правильной, все же недостаточна. Недостаточность этой точки зрения заключается в том, что она не понимает того обстоятельства, что эта диспропорция и все наследство в совокупности являются лишь конкретным выражением, определенной эмпирической формой необходимости наличия в переходном от капитализма к социализму хозяйстве двух принципиально различных типов производственных отношений и в связи с этим двух различных способов регулирования общественного производства. Наличие последнего уже является достаточным основанием для нарушений производственного равновесия, тогда как наша конкретная форма сожительства двух принципиально различных типов производственных отношений только делает эти нарушения более острыми, более болезненными и более длительными. Длительными в двух отношениях: каждый конкретный факт нарушения равновесия растягивается на более длительное время, чем если бы у нас не было указанного наследства; уничтожение оснований этих нарушений, т.-е. вытеснение старого типа производственных отношений и стоимостного способа регулирования, — растягивается на значительно более длинный промежуток времени, чем если бы у нас была другая конкретная форма указанного выше сожительства двух типов производственных отношений.

Г. Дукор и И. Капитонов.

О „регуляторах“ и „кризисах“ в советском хозяйстве.

«Правая, левая—где сторона?».

Процесс социально-технической реконструкции нашего хозяйства совершенно неизбежно вызвал повышенный интерес к общим теоретическим проблемам советской экономики. Однако, качество литературной продукции некоторых современных теоретиков стоит на довольно невысоком уровне, и вряд ли здесь недочеты в качестве могут быть оправданы большими количественными достижениями. В печати уже был отмечен ряд таких теоретически-неряшливых выступлений. Печатаемая выше статья тт. Ловцова и Гричика является новым примером подобных незадачливых попыток теоретически осмыслить происходящие в советском хозяйстве социально-экономические сдвиги.

Общим с их литературными предшественниками (Роках, Мудрик, Бялый) отправным грехом для наших авторов является их теоретическая скоропалительность, стремление видеть в каждом зигзаге экономического бытия прямую линию социально-хозяйственного прогресса, развивающегося согласно наиболее общим законам, предустановленным диалектикой общественной жизни и вскрываемым нашими теоретиками. «Не ходи по косогору—сапоги стопчешь» — мудро предостерегал неопытных путешественников Кузьма Прутков. К сожалению, ходить по теоретическому косогору (да к тому же при всем честном народе) становится у нас не только признаком научной изощренности или бесшабашного молодого задора, а и средством доказать свою способность к теоретическому мышлению вообще. А казалось бы, история теоретических обобщений советского хозяйства должна была напомнить предостерегающую сентенцию Кузьмы Пруткова всякому, желающему прогуляться по крутому косогору теории переходной экономики.

Было бы чрезвычайно интересно проследить, как, начиная с самых первых дней революции, под влиянием той или иной хозяйственной обстановки момента, того или иного курса практической экономической политики возникали и отцветали теоретические построения, претендующие дать общие формулировки законов, обязательных для всей экономики переходного периода. Стоит припомнить только хотя бы эволюцию решения отдельных экономических проблем (например, теория денег в переходное время, теория единого хозяйственного измерителя и проч.), чтобы вскрыть тяготеющую над большинством «законов переходной экономики», как они представлены в нашей литературе, печать кон'юнктурности, «злобы дня». Однако, анализ эволюции теоретических обобщений по поводу закономерностей переходной экономики (чрезвычайно интересный и плодотворный по результатам) должен явиться предметом специального исследования. Сейчас же важно установить, что многие современные попытки построения общих законов экономики диктатуры пролетариата, стоящие под знаком текущей хозяйственной кон'юнктуры и возводящие эту кон'юнктуру в ранг основных экономических

законов периода строительства социализма, лишь повторяют «грех отцов своих», не извлекая из ошибок предшественников никаких существенных уроков.

I. О двуедином авторе и о двух регуляторах в советском хозяйстве.

Существенной частью статьи тт. Ловцова и Гричика является их теория кризисов советского хозяйства или, точнее, теория обязательного периодического нарушения равновесия экономической системы переходного времени, которая является предметом специального разбора во второй части нашей статьи. Прежде, однако, мы должны заняться теоретической базой закона «нарушения равновесия» — теоретическими упражнениями наших авторов по поводу «регуляторов» в хозяйстве диктатуры пролетариата и в частности их полемикой с «законом трудовых затрат». «Закон трудовых затрат», или, вернее, закон пропорционального распределения общественного труда, сформулирован Марксом как об'ективная необходимость, обязательное условие существования всякого человеческого общества. Поскольку существование человеческого общества базируется на производстве различного рода материальных благ, постольку разделение общественного труда между отдельными отраслями и видами производства в определенных количественных пропорциях является всеобщим обязательным законом для всякого человеческого общества вне зависимости от исторической формы общественных отношений.

Эта закономерность и является тем общим, что об'единяет переходную экономику с капитализмом, равно как и социалистическим обществом. Различие начинается в специфической общественной форме осуществления этого закона, свойственной каждой особой исторической формации; при этом—оговоримся наперед — историческая форма осуществления пропорциональности распределения общественного труда неизбежно трансформирует как самоё природу этой пропорциональности, так и конкретное количественное ее выражение.

В нашей литературе довольно распространенной является не совсем точная трактовка применимости закона обязательной пропорциональности трудовых затрат общества к советскому хозяйству. Дело изображается так: В товарно-капиталистическом обществе закон пропорционального распределения общественного труда осуществляется в иррациональной, фетишистической форме закона стоимости в силу господства принципа частной собственности и обмена как единственной формы общественно-экономических связей частных хозяйств. С прогрессирующим уничтожением частной собственности на средства производства в условиях переходной экономики закон пропорциональности трудовых затрат все более сбрасывает фетишистический костюм и все более выступает в качестве непосредственного регулятора хозяйственной жизни, пока, наконец, при социализме окончательно не будут сброшены ветхие оболочки ценностного оформления. Неверным здесь является утверждение, будто закон пропорционального распределения труда сам непосредственно становится регулятором хозяйства переходного периода или, затем, социалистического общества. Принятие этого положения означало бы, что об'ективная необходимость распределения общественного труда между сферами производства тем или иным способом начинает непосредственно диктовать каждому отдельному производителю вид и способ его индивидуальной работы. Специфичность проблемы заключается в том, что осуществление важнейшего общественного закона (целесообразное с точки зрения всего общественного производства направление отдельных видов и подвидов труда) должно найти свою реализацию в единичных трудовых актах отдельных работников общества. Отсюда совершенно неизбежно вытекает

необходимость того или иного механизма осуществления тяготеющей над общественным хозяйством об'ективной необходимости распределять трудовые ресурсы в строго определенных количественных пропорциях. В товарном обществе эту роль берет на себя рынок, и общественную директиву о целесообразности того или иного направления его труда индивидуальный производитель получает в цене. Переходное хозяйство, равно как и социалистическое общество, также, очевидно, нуждается в опосредствующем общественном аппарате, учитывающем необходимые для данного времени пропорции распределения общественного труда по отраслям производства и дающем в той или иной форме директивные указания отдельным работникам общества о направлении, способе и месте их индивидуального труда. Для социалистического общества таким регулятором будет деятельность органов учета и хозяйственного руководства. Вопроса о сущности регулятора хозяйства в переходное время мы коснемся еще в дальнейшем, сейчас же важно установить одно: закон пропорциональности трудовых затрат в переходную эпоху (как и при социализме) не может быть признан непосредственным регулятором хозяйства, он еще должен быть опосредствован той или иной формой своего осуществления. Сознательная воля общества, стоимость, та или иная комбинация этих принципов или, наконец, какой-либо специфический аппарат регулирования, не сводимый ни к тому ни к другому, но все же что-то внутренне отличное от самой необходимости распределения общественного труда в известных пропорциях существовать должно. Однако, эта ошибка в формулировке значимости закона пропорциональности трудовых затрат для советского хозяйства, как мы видели, отнюдь не колеблет самой этой значимости. Хозяйство диктатуры пролетариата так же подчиняется действию этого наиболее общего общественного закона, как и всякое общество.

Для всякого не слишком поверхностно знакомого с марксистской политической экономией все эти положения должны показаться лишь пересказом общеизвестных и довольно бесспорных положений. Но тт. Ловцов и Гричик никак не хотят признаться, что к числу их достоинств принадлежит также девственная чистота младенческого неведения, ибо из подстрочного примечания мы узнаем, что их статья является лишь одной из сокращенных глав подготовляемого ими к печати «труда» по советской экономике. В то же время они никак не хотят понять азбучных истин.

> «Подвергая сомнению существование закона трудовых затрат, который лег в основу всех теоретических изысканий в области советской экономики, мы ставим вопрос: есть ли данные для того, чтобы утверждать его существование? Между прочим, единственным основанием для декретирования этого всеобщего закона послужило письмо Маркса к Кугельману от 11 июня 1868 г.» (стр. 79).

То, что авторы делают соответствующую и (общеизвестную) цитатут из этого письма центром своей аргументации по вопросу о законе «трудовых затрат», показывает, что, во-первых, они правильно понимают этот закон как закон пропорционального распределения общественного труда и что, во-вторых, они ничего не поняли в приводимой ими самими цитате из Маркса. Это непосредственно видно из комментариев, сопровождающих цитату из письма Маркса к Кугельману (см. стр. 80).

> «...Маркс здесь говорит не о материальном содержании закона стоимости, а о само собой очевидной и понятной даже каждому ребенку необходимости пропорционального распределения труда. Эта необходимость является законом природы и как таковая не может быть отменена теми или иными общественными закономерностями. Делать отсюда вывод, как это мы видим почти у всех советских экономистов, что эта необходимость оказывается обязательным и универсальным регулятором производства при всех его способах,—значит смешивать законы природы и за-

коны общества... Следовательно, Маркс говорит о необходимости как о законе природы, которая как таковая не является предметом марксова анализа; наоборот (!), предметом его исследования является тот общественный способ, при помощи которого достигается осуществление этой необходимости. Ни о каком законе трудовых затрат не может быть и речи, так как у Маркса не только какого-либо указания, но даже нет намека, который дал бы хоть некоторые основания для выведения такого материального закона» (стр. 80).

Авторы «слышали, очевидно, кое-какой звон» о неправомерности противопоставления материального содержания стоимости ее форме, о выключении Марксом из своего социологического анализа натуралистических закономерностей... Но к чему здесь полемика против теории о материальном основании стоимости? В приводимой нашими авторами цитате из письма Маркса он говорит лишь о том, что над обществом тяготеет постоянный об'ективный общественный закон зависимости существования человечества от трудовых затрат и их распределения и что этот действующий в порядке естественной необходимости общественный закон в товаропроизводящем обществе принимает форму закона стоимости. А наши мудрецы, не поняв Маркса, характеризующего этот закон как закон природы (в смысле естественной необходимости и обусловленности его основными принципами отношений между человеком и природой), понимают его как натуралистическую закономерность и, прикрываясь формой невинного недоумения, пытаются отрицать самые бесспорные вещи. Путаница наших авторов, конечно, не колеблет недвусмысленного положения Маркса, поддерживаемого всеми марксистами, относительно господства во все исторические эпохи обязательного общественного закона распределения общественного труда, принимающего на разных этапах истории человечества различные формы.

Между прочим, непонятая авторами цитата из письма Маркса к Кугельману является вовсе не «единственным основанием для декретирования этого закона» даже в отношении цитат из работ основоположников марксизма. В качестве примера приведем выдержку из письма Маркса к Энгельсу от 8 января 1868 года, где он высказывается по тому же вопросу и дает столь же недвусмысленные, если не более категорические формулировки. «На самом деле, ни одна общественная форма не может помешать тому, чтобы рабочее время, находящееся в распоряжении общества, тем или иным путем не регулировало производство (разрядка наша. *Г. Д.* и *И. К.*). Но пока это регулирование происходит не через прямой сознательный контроль общества над его рабочим временем (это возможно только при общей собственности), а через движение цен товаров, тогда все остается в том виде, как ты вполне удачно изложил еще в немецко-французских ежегодниках». («Письма», 1923 г., стр. 169). Здесь Маркс, как мы видим, как бы предвидя сомнения Ловцовых и Гричиков, говорит прямо о том, что рабочее время регулирует тем или иным способом производство. Как это похоже на «закон трудовых затрат», который наши авторы столь высокомерно третируют!

Авторы, конечно, правы, когда они говорят, что с констатированием «закона трудовых затрат» вопрос о регуляторе в той или иной системе хозяйства только еще поставлен. Специфичность вопроса о «регуляторе» заключается как раз в том особом аппарате, при помощи которого этот общечеловеческий закон осуществляется в тех особых общественных формах, которые свойственные ему на разных исторических ступенях. В отношении к хозяйству диктатуры пролетариата вопрос о хозяйственном регуляторе стоит совершенно аналогичным образом: каков аппарат осуществления пропорциональности распределения труда, как и при помощи чего осуществляется это распределение,— действуют ли здесь стихийные законы товарно-капиталистического хозяйства или они заменены сознательной волей осуществляющего хозяйственное руководство государства, действует ли один, или несколько регуляторов?

Прежде чем решить вопрос о природе регулятора советского хозяйства, необходимо решить общий вопрос: должны ли мы добиваться установления единого принципа регулирования или можем допустить сосуществование двух или нескольких различных регуляторов. Наши авторы в своей статье начинают как раз с этого, при чем сразу «берут быка за рога».

«Анализ трансформации закона стоимости,—начинают они свою статью,— приводит к выводу о том, что в нашем переходном хозяйстве действуют два способа регулирования. Этими способами регулирования являются план и закон стоимости. Только такой исходный момент, вытекающий из анализа трансформации закона стоимости, гарантирует правильное разрешение проблемы о регуляторе в советском хозяйстве» (стр. 79).

«Хозяйству переходного периода и, в частности, советскому хозяйству внутренне присущи два способа регулирования общественного производства, иначе говоря, два способа осуществления вышеуказанной необходимости. Так как в нашей экономике имеются налицо новые производственные отношения, так как, с другой стороны, сохранились остатки прежних производственных отношений, а определенный способ регулирования соответствует определенному способу производства, определенным производственным отношениям, то способов регулирования в советской экономике должно быть два» (стр. 81—82).

Мы привели эту достаточно длинную цитату, чтобы понагляднее показать, насколько она недостаточна для доказательства одного из важнейших положений авторов. Доказательства же черпать мы должны именно из цитированного места, так как это буквально все, что сказано в сокращенном варианте главы из «подготовляемой к печати работы» в защиту тезиса о двойном регуляторе [1]).

По сути дела, вопрос о едином или множественном регуляторе хозяйства решается в зависимости от ответа на вопрос, имеем ли мы в интересующем нас обществе единый процесс воспроизводства или несколько параллельных. В случае, когда мы имеем ряд внутренне замкнутых хозяйственных образований, мы, очевидно, будем иметь и самостоятельность независимых воспроизводственных циклов. Само собою очевидно, что и системы регулирования хозяйства в этих условиях могут быть самыми различными в разных ячейках. Капиталистическое общество в своем конкретном историческом бытии охватывает ряд глубоко различных хозяйственных укладов. Почему же все-таки считается бесспорным, что во всем капиталистическом обществе господствует единый способ регулирования, единый регулятор, подчиняющий себе как государственно-монополистические образования, так и первобытно-натуральные отношения колониальных стран? Это происходит просто потому, что все эти хозяйственные уклады взаимно переплетаются в едином процессе воспроизводства хозяйственного организма, и этот процесс есть процесс воспроизводства капиталистических производственных отношений.

Можно ли сказать, что в советском хозяйстве мы имеем такой единый процесс воспроизводства? Тт. Ловцов и Гричик склонны отрицать такое единство; по их мнению, мы в советских условиях имеем двойственный процесс воспроизводства, когда, с одной стороны, воспроизводятся товарно-капиталистические отношения (под знаком закона стоимости) и с другой — отношения растущего социализма (под эгидой планового начала). Однако, это на деле означает подвергать сомнению единство хозяйственного процесса в переходную эпоху. Изображать дело таким образом, что особо воспроизводятся элементы социализма и особо «капиталистический круг» воспроиз-

[1]) Как известно, подлинным автором теории двух регуляторов является Е. Преображенский, плохим пересказом теории которого и является точка зрения тт. Ловцова и Гричика, несмотря на специальные полемические их замечания против закона первоначального социалистического накопления.

водства — значит не замечать как раз наиболее специфической черты переходной экономики: органического сочетания в едином хозяйственном комплексе, в едином процессе воспроизводства элементов товарно-капиталистической структуры и социалистической экономики. При этом «сочетание» относится вовсе не только к обособленным хозяйственным единицам с разной социальной характеристикой, а и к различным характерным признакам одного типа хозяйственной единицы. Наше социалистическое госпредприятие вовсе не лишено по форме некоторых признаков товарно-капиталистической организации (ценовая форма учета, прибыль и проч.), так же, как не лишено современное крестьянское хозяйство некоторой опосредствованности хозяйственными признаками социализма (земля, кредит, контрактация и проч.). В нашем советском хозяйстве мы безусловно имеем единство процесса воспроизводства всего народного хозяйства в целом—на этом в значительной мере базируется и наша уверенность в успешности борьбы за социалистическую переделку простого товарного хозяйства.

Этим и решается вопрос о регуляторе. Поскольку мы имеем единый процесс воспроизводства, постольку, очевидно, во всем хозяйстве действует единый регулятор, подчиняющий, «вбирающий» в себя все остальные закономерности процесса воспроизводства. Необходимость ради понимания единого процесса воспроизводства хозяйственной системы свести разрозненные «системы регулирования» к единству чувствуют даже наши авторы, но делают они это крайне нерешительно и... невразумительно.

> «Из того положения, что необходимость пропорционального распределения труда между различными отраслями производства в переходный от капитализма к социализму период, в частности (что это обмолвка? *Г. Д.* и *И. К.*) в советской экономике, осуществляется двумя способами регулирования—планом и законом стоимости, из этого положения само собой вытекает и то обстоятельство, что эти принципиально различные способы находятся в определенном единстве, в определенном соотношении друг с другом. Это единство—соотношение между этими способами регулирования является подвижным единством,—единством, которое постоянно изменяется в сторону большей гегемонии плана и, следовательно, в сторону вытеснения закона стоимости» (стр. 83).

К чему может привести так понимаемое единство регуляторов (единство—отношение), авторы торопятся проиллюстрировать тотчас же вслед за процитированным нами прокламированием положения о динамическом единстве.

> «В первых стадиях сосуществования этих двух способов регулирования в советском хозяйстве, т.-е. в период, непосредственно следующий за военным коммунизмом, момент единства этих двух регуляторов, момент, об'единяющий их действие, находится на стороне закона стоимости, так как основной задачей социалистического сектора в то время была задача приспособления стихии, задача удовлетворения требований частнохозяйственной области нашей экономики, требований, вытекавших из господства стоимостного способа регулирования» (стр. 83).

Вряд ли можно нагородить на таком сравнительно ограниченном месте больше чепухи, чем это сделал наш «двуединый» автор! Постараемся однако отвлечься от вопиющей безграмотности формулировок, пройдем мимо невероятного поклепа на «первые стадии», которые будто бы заключались в заботах социалистического сектора (в силу господства стоимостного способа регулирования!) об удовлетворении требований «частнохозяйственной области»... Посмотрим, что же здесь сказано о характере единства двух регуляторов. При обрисованном выше типе отношений между «способами регулирования» становится совершенно непонятными, каким образом до сих пор существует советская власть, или еще более,—каким образом, как дальше развивают авторы, гегемония в «единстве» все больше переходит к плану. В самом деле, в «первых стадиях» момент... находился на стороне стоимости,

стоимостный способ регулирования господствовал и диктовал свою направляющую волю послушному социалистическому сектору—и вдруг далее «по мере роста социалистического сектора»... все становится вверх ногами. Откуда, откуда маститые авторы взяли эту «мощь»? Почему это «частнохозяйственная область» стала использовать свое господство в «моменте единства» в целях собственного сокрушения? К счастью, жизнь советского хозяйства развертывалась не по схемам тт. Ловцова и Гричика, — надеемся, что и дальнейший ее ход будет их игнорировать.

Второй вопрос, который необходимо осветить в связи с теорией регуляторов тт. Ловцова и Гричика, — вопрос о возможности перерастания того или иного способа регулирования (в частности, закона стоимости) в другой, разрешается почти полным исчерпанием первого. Двуединый автор теории о двух регуляторах высказывается по этому вопросу совершенно безапелляционно.

> «Не говоря уже о том, что стоимостный способ регулирования не может перерасти в природную необходимость пропорционального распределения труда между различными отраслями хозяйства, ибо такое перерастание является «вопиющей чепухой», мы также утверждаем, что этот стоимостный способ регулирования не может перерастать, превращаться в другой, принципиально отличный общественный способ регулирования производства— в наших условиях в плановый способ регулирования... Эта общая закономерность переходного периода вообще,—наличие двух способов регулирования производства, вытеснение старого способа регулирования принципиально новым способом,—эта общая закономерность действительна и в переходный период от капитализма к социализму и в частности (опять!) действительна и в советской экономике» (стр. 82—83).

Что касается «переходного периода к капитализму», то мало-мальское знакомство с конкретной экономической историей зарождения капитализма и с трудами Маркса помогло бы вспомнить ту огромную массу переходных, ублюдочных форм и категорий, которые породил возникающий капитализм, при освоении и использовании докапиталистических общественных форм.

Однако оставим историю. Как же дело обстоит с перерастанием закона стоимости в иной способ регулирования в условиях советской экономики? Конечно, с точки зрения двух регуляторов ни о каком перерастании не может быть и речи, здесь господствует лозунг всякого механического столкновения: «иль со щитом, иль на щите».

Правильное разрешение вопроса о перерастании закона стоимости возможно лишь в том случае, если мы отрешимся от неправильного, метафизического взгляда и на план и на закон стоимости. Закон стоимости может превращаться, перерастать в сознательный, плановый способ регулирования только тогда, когда он уже подорван, ущемлен в своей основе, если его модифицированное существование само в известной мере используется для укрепления нового строя общественных отношений. Но как крепостничество уже не является феодализмом в классическом значении этого слова, так и закон стоимости уже в этом случае не будет «стоимостным способом регулирования» в классическом понимании Ловцова и Гричика. Останется ублюдок закона стоимости — типическое дитя переходной эпохи. Следовательно, перерождается, перерастает уже не самостоятельный и равноправный «стоимостный способ регулирования», а попавший под решающее воздействие основного нового закона общественного развития, приспособляющийся к этому новому закону «социально-экономический ублюдок».

Мы уже вплотную подошли к решению центральной проблемы теории регуляторов: к вопросу о содержании и природе регулятора распределения общественного труда в переходную эпоху, регулятора воспроизводства советской системы хозяйства. Точка зрения авторов критикуемой статьи по этому вопросу выяснена. Для полного исчерпания их взглядов необходимо отметить, что они считают возможным такой план, который сочетал бы в себе и план

и закон стоимости и их борьбу. Однако и здесь они остаются верными своему правилу: излагать так, чтобы по возможности меньшее число людей их могло понять.

«*По мере роста мощи социалистического сектора, роста его удельного веса в нашей экономике, происходит изменение соотношения между стоимостным и плановым способами регулирования, при чем момент (?) единства их обоих все более перемещается на сторону плана, который таким образом начинает «обуздывать» действие закона стоимости. В связи с этим, основными элементами такого плана, который уже является единством двух способов регулирования, должны быть следующие: учет исходного положения; целевая установка—наиболее желательное для хозяйствующего суб'екта соотношение между различными отраслями общественного производства; предвидение возможных коррективов со стороны стоимостного способа регулирования и сознательная реакция на эти коррективы.*

Однако, наличие такого плана, об'единяющего в себе два способа регулирования, совсем не означает отсутствия борьбы между ними; *наоборот,— в силу принципиально-различного содержания обоих способов регулирования,—эта борьба является абсолютно неизбежной, резко обостряющейся на определенных этапах развития нашего хозяйства*» (стр. 83—84).

Не будем разбираться в этой абракадабре слов и понятий. К чему же в конечном счете сводится мнение авторов о природе регуляторов советского хозяйства. Советскому хозяйству присущи два регулятора. Они принципиально противоположны по своему содержанию и находятся в непрестанной борьбе между собою за господство в моменте (факт!) единства. Однако план обнимает оба регулятора, учитывая как целевую установку хозяйствующего суб'екта, так и коррективы со стороны стоимостного способа регулирования; несмотря на такой план, междоусобная борьба не прекращается. Уже по отдельным частям это понимание регулятора советского хозяйства было подвергнуто нами критике, в сводном же виде оно представляет такое нагромождение несуразностей и противоречий, что в дальнейших комментариях вряд ли имеется нужда.

Что же следует в конце концов считать регулятором хозяйства переходной эпохи, как умещаются здесь элементы плана и стихии, закона стоимости и сознательного регулирования хозяйства?

Поскольку мы имеем единый процесс воспроизводства хозяйственных отношений общества, переходного к социализму, постольку оно должно иметь единую систему регулирования, в которой, однако, находит свое выражение вся специфичность экономической структуры переходного периода. Характерной чертой переходной к социализму экономики, что отличает ее и от капиталистического общества и от социализма, является динамичность, неустойчивость производственных отношений. Всякое общество характеризуется такой динамичностью, однако, в обществах со сложившейся производственной структурой изменения в производственных отношениях до определенного времени укладываются в рамки данного, сложившегося типа отношений. Переходное хозяйство характеризуется как раз такой ломкой основного типа отношений; принципиальным содержанием переходной экономики и является как раз неустойчивость, изменяемость основного строя производственных отношений. Когда будет закончен процесс переделки частнохозяйственных отношений, когда сложатся в окончательном виде отношения социалистические, тогда переходная эпоха будет окончена. Таким образом, переходное хозяйство характеризуется наличием нескольких принципиально между собою различных типов производственных отношений, из которых еще ни один не достиг значения абсолютной всеобщности. Процесс воспроизводства переходного хозяйства должен поэтому в себя включать и воспроизводство отдельных элементов этого хозяйства совершенно различных в своей социальной характеристике. Однако дело здесь отнюдь не может быть сведено к простому повторению (с тем или иным количественным содержанием)

в очередном хозяйственном кругообороте той социальной картины, какая существовала до этого, — не менее важным, чем неоднородность экономической структуры является для переходного времени обязательность изменений этой структуры с каждым этапом кругооборота. При этом дело вовсе не сводится только к изменению количественных пропорций, определяющих удельный вес той или иной системы производственных отношений. Наряду с чисто количественным ростом социалистического круга отношений должно происходить и происходит изменение природы и формы всех социальных типов. Меняется как природа социалистического сектора переходного хозяйства, так и природа частнохозяйственных отношений в сторону большей подчиненности их плановому воздействию пролетарского государства.

Неоднородность социальной структуры и всеобщая динамичность социальных форм по видимости создают представление о полной неустойчивости всей системы и невырешенности основного вопроса о направлении ее развития. Если видеть только множественность социальных форм и общую их изменяемость, то совершенно неизбежным станет сомнение в конечном превращении всей нашей системы в социалистическую. На чем же с точки зрения социально-экономического анализа базируется наша уверенность в том, что развитие системы диктатуры пролетариата неизбежно (если, конечно, отвлечься от внешних пертурбационных факторов в роде войны и проч.) завершится образованием социалистического общества? Все это станет понятным только после того, когда мы учтем экономическое значение государства победившего пролетариата в едином процессе воспроизводства хозяйственной системы Страны Советов. Несмотря на кажущуюся разнобойность процесса воспроизводства по отдельным секторам и социальным группам, воспроизводство всех частей системы переходной экономики находится под решающим воздействием государственно-социалистического сектора, — ведущим началом переходной экономики является, таким образом, плановое начало.

Частнохозяйственный сектор в силу своей специфической социальной природы приемлет общественные директивы только в форме указаний рынка; в противном случае — в случае прямого директивного распоряжения государства—частнособственническая природа хозяйства была бы нарушена. Поскольку дело перестройки частнохозяйственных отношений неизбежно должно растянуться на целую историческую эпоху, постольку совершенно обязательным является для руководящего этой перестройкой пролетарского государства известное приспособление к товарно-рыночной форме регулирования хозяйства мелкотоварного и капиталистического сектора. Нэп и есть та форма приспособления рыночного рычага регулирования к интересам социалистического строительства, которая через приспособление к рыночной форме частнохозяйственных отношений включает в орбиту своего планового воздействия весь необобществленный сектор советского хозяйства. При этом вовсе принципиально не исключены также и меры прямого регулирующего воздействия государства по отношению к частнохозяйственному сектору,— наоборот, с каждым шагом процесса советской экономической системы все больше нарастает возможность прямого вмешательства.

Закон стоимости, который для товарно-капиталистических слоев советского хозяйства все еще остается «высшим экономическим разумом», оказывается подорванным в своей основе тем, что он сам включен в систему планового регулирования. Оставаясь по видимости «господствующим принципом советского хозяйства», он уже не существует совершенно в своем важнейшем социальном содержании. Нечего говорить, что если до известной степени в нашем хозяйстве все еще остаются принципы ценностной

формы (качественно иного, как мы видели, содержания), то количественные меновые пропорции совсем или почти совсем вышли из подчинения закону ценности. Разумеется, и для планирующего руководства обязателен в той или иной мере учет рабочего времени при установлении пропорций обмена и распределения, но теперь эти пропорции отнюдь не подчиняются отношениям эквивалентности, проистекающим из закона стоимости.

Таким образом, закон стоимости оказывается «кастрированным» и со стороны определения количественных пропорций обмена. С каждым шагом анализа экономики переходной эпохи закон стоимости все более отказывается служить в качестве хотя бы одного из самостоятельных равноправных регуляторов хозяйства. Урезанный, обкарнанный со всех важнейших сторон ублюдок социально-экономического закона не может претендовать на такую роль.

Обреченность закона стоимости в качестве самостоятельного регулятора хозяйства в принципе создана уже национализацией важнейших средств производства и транспорта и выступлением государства в качестве самостоятельной экономической силы. Дальнейший процесс укрепления социалистического сектора нашего хозяйства является лишь конкретным освоением принципиально отвоеванной победы планового начала. Значит ли это, что мы склонны затушевывать значение борьбы за победу социалистического начала, что мы считаем ленинское «кто кого» снятым? Отнюдь нет. Принципиально мы имеем обеспеченной окончательную победу планового начала, однако как и когда будет реализована эта возможность победы и будет ли она реализована вообще, — это зависит целиком от конкретного развертывания классовой борьбы в нашей стране и нашего вмешательства в нее, не говоря уже о событиях международного порядка.

Таким образом, единство процесса воспроизводства всей системы народного хозяйства заставляет нас признать наличие единой системы регулирования хозяйства переходного времени, осуществляемое через сознательное руководство пролетарского государства — план.

Если «сознательное руководство», «план» понимать вульгарно и, следовательно, неправильно, то такое решение проблемы может показаться абсурдным, упускающим из внимания огромные массивы частнотоварного хозяйства (крестьянство и проч.). Однако не трудно показать, что такое заключение может базироваться исключительно на несерьезном, ребяческом понимании плана. Как будет выглядеть «план» (сознательное руководство) социалистического общества? Он будет, очевидно, состоять из трех решающих частей: учет наличных производительных сил как в форме живого труда, так и в виде средств производства; учет потребностей личных и производительных, обусловленных направлением и размерами предполагаемого производства и составом населения с тем или иным уровнем потребностей; наконец, наиболее рациональное для данного отрезка времени распределение наличных производительных сил. Каковы пределы «свободы» (в смысле произвола) в этом плане? Довольно все-таки тесные,—план встречает ограничения как естественного (естественные запасы, метеорологические условия), так и общественного порядка (определенные личные потребности и наличная сумма производительного труда). Только учитывающий эти ограничения план окажется реальным, окажется действительным регулятором общественного производства.

Понятно, что план государства пролетарской диктатуры качественно отличен от плана социалистического общества и имеет гораздо больше ограничений. Прежде всего прежние качественные ограничения приобретают здесь довольно серьезные количественные размеры; кроме того вступают в силу дополнительные, подлежащие обязательному учету ограничения: роль мирового капитализма и частнохозяйственного сектора внутри страны. Важнейшим здесь, разумеется, является вопрос о форме воздействия на план частнохозяйственной периферии,—вопрос о связи советского хозяйства с капиталистическим миром можно устранить из пределов анализа, поскольку, во-первых, эта связь не может изменить природы сознательного руководства и, во-вторых, поскольку этот вопрос заслуживает специального рассмотрения.

План государства переходной эпохи включает в себя совершенно неизбежно не только систему регулирования собственного хозяйства обобществленного сектора, но также и всю систему регулирования других секторов народного хозяйства. Правда, рычаги регулирования будут в отношении разных секторов совершенно различными. Если по отношению к обобществленному сектору народного хозяйства план составляется по преимуществу в форме непосредственного директивного руководства (хотя и здесь, конечно, очень много оговорок), то в отношении различных прослоек сектора частнохозяйственного сознательное руководство осуществляется через соответствующее построение системы налогов, кредита, политики цен и проч. Однако, качество рычагов планового руководства еще не создает принципиальной разницы. В известных пределах элементы подчиненности стихийным закономерностям есть и в регулировании социалистического сектора (ограниченность финансовых, сырьевых и пр. ресурсов, отчасти—политика зарплаты и др.), с другой стороны, и по отношению к частнохозяйственному сектору применяются методы прямого воздействия (заготовительные цены, отобрание земли при злостном сокращении посевов и пр.).

В план, таким образом, включается не только планирующая воля, но и учет той обстановки, в которой приходится хозяйствовать,—а в эту обстановку включаются как элементы естественно-технического порядка, так и социально-экономического. Как никто еще не рискнет требовать от плана независимости при планировании производства чугуна от количества наличных доменных печей, так же нелепо требовать независимого от уровня цен определенной социальной политики и пр. плана хлебозаготовок. Реальный, а не мифический (со «свободной волей») план включает, таким образом, в себя и ценовые, товарные отношения, учитывая их, с одной стороны, как об'ективно данный факт и, с другой—в качестве рычага перераспределения общественного труда в секторе, непосредственно не подчиненном прямому планированию. И как монопольная цена эпохи империализма, являясь по внешности отрицанием закона стоимости, существует на базе этого закона и им в конечном счете регулируется, так же и наличие ценовых отношений, по внешности резко противоположных принципу планового регулирования, по сути дела этого принципа не нарушает,—наоборот, план предполагает их наличие и подчиняет товарно-ценовые отношения сознательному началу регулирования хозяйства.

Какое же место остается здесь для стоимости? Вот здесь уместно вспомнить о «перерастании». Наличие товарных отношений и цены как выражения их вовсе еще не обязательно говорит о господстве закона стоимости. Цена только тогда служит адэкватным выражением стоимости, когда ее образование базируется на всеобщем господстве частной собственности, разделении труда между независимыми производителями и свободной игре экономических сил на рынке купли - продажи. Ни одного из этих важнейших условий нет полностью в советском хозяйстве,—по всем пунктам цена приобретает черты «ненормальности», ублюдочности. Цена в наших условиях постепенно теряет характер рыночной формы проявления закона стоимости — в этом и сказывается пресловутое «линяние» закона. Цена — классическое воплощение анархической рыночной стихии—учитывается в качестве неизбежной предпосылки планом и начинает

на себе ощущать его решающее воздействие, — чем это не перерастание! Но это перерастание стало возможным лишь потому, что уничтожено в значительной части материальное содержание стоимости — соответствующие производственные отношения.

Распределение общественного труда — важнейшее содержание закона стоимости — происходит в эпоху господства этого закона соответственно эквивалентному возмещению индивидуальных трудовых затрат из резервуара общественного труда (при капитализме соответственно определенному уровню прибыли), и это основное содержание закона стоимости видоизменяется в условиях переходной экономики не только для социалистического сектора, не только для отношения между обобществленным и необобществленным сектором, но и для самого частнохозяйственного круга отношений.

Принципиальную возможность и необходимость сознательного нарушения отношений эквивалентности при установлении пропорции обмена, конечно, ограниченного определенными рамками экономической целесообразности, отмечает и XV с'езд ВКП(б), когда он в резолюции о директивах по составлению пятилетнего плана говорит: «Неправильно исходить из требования максимальной перекачки средств из сферы крестьянского хозяйства в сферу индустрии, ибо это требование означает не только политический разрыв с крестьянством, но и подрыв сырьевой базы самой индустрии, подрыв ее внутреннего рынка, подрыв экспорта и нарушение равновесия всей народнохозяйственной системы. С другой стороны, неправильно было бы отказываться от привлечения средств деревни к строительству индустрии: это в настоящее время означало бы замедление темпа развития и нарушение равновесия в ущерб индустриализации страны». (Протоколы XV с'езда, стр. 1293).

Распределение общественного труда в советском хозяйстве идет под знаком сознательного руководства (разумеется, стесненного в своем «размахе» как материальными рамками, так и учетом социальной стихии), а не под знаком подчинения стихийному закону стоимостного регулирования. Все это говорится вовсе не к тому, чтобы недооценить стихийные элементы нашего хозяйства, переоценить степень плановой его организованности. Речь идет пока лишь об изменении структуры нашего хозяйства (в части аппарата регулирования) в ее принципиальном содержании. Принципом регулирования в нашем хозяйстве будет план, но такой план, который «вбирает» в себя закономерности советского хозяйства, под влиянием которых складывается процесс воспроизводства всех укладов. Воздействие стихийных элементов, классовых сил и проч. меняет только практическое содержание плана, а не его принципиальное значение.

Чтобы исчерпать проблему регуляторов переходного хозяйства, необходимо разобрать вопрос о влиянии наличия различных общественных классов и их борьбы на систему регулирования хозяйства и на природу самого регулятора. Авторы критикуемой статьи прямо о влиянии борьбы классов на систему регулирования советского хозяйства ничего не говорят. Однако, из всего их построения вытекает довольно несложная схема: в переходном хозяйстве (и, «в частности — в советском», — сказали бы авторы) существуют принципиально различные системы производственных отношений со свойственными им особыми кругами воспроизводства и особыми системами регулирования. Между этими системами регулирования происходит непрерывная борьба, которая является лишь отражением борьбы классовых сил переходного (и, «в частности», советского) хозяйства. Механическая рассадка классовых антагонистов за спиною того или иного способа регулирования—вот поистине перл «диалектического» мышления! Кроме механистичности всего построения, вызывает недоумение также то положение, будто классовым носителем «стоимостного способа регулирования» является капитализм—и только он. Противного не допускает трактовка планового и стоимостного способов регулирования как непримиримо-враждебных, т. к. в социальном аспекте непримиримо-враждебным антагонистам социалистического начала является только капитализм. Мелкотоварное (напр., крестьянско-середняцкое) хозяйство является — до тех пор, пока оно не изменило своей природы частнотоварного хозяйства — ярким поборником свободы товарооборота («стоимостного способа регулирования») и в то же время отнюдь не может считаться непримиримым врагом победы социалистического сектора. Однако подвергнуть концепцию авторов по данному вопросу более развернутой критике не представляется возможным, так как они избегают здесь прямых формулировок.

Принципиальная обеспеченность победы социализма и наличие планового руководства в качестве ведущего, определяющего начала в переходном хозяйстве не устраняет зависимости нашего строительства от соотношения сил классов и классовой борьбы на каждом данном этапе. Хозяйственный план, в том понимании, как он очерчен выше, сам является результатом определенного сочетания классовых сил в нашем обществе. Опосредствованность плана ценовой формой регулирования проистекает из наличия огромной массы мелких крестьянских хозяйств. Таким образом, само содержание планового регулирования, сама принципиальная структура плана является результатом учета классовых сил общества. То же самое относится и к определенному материальному содержанию планового регулирования. План одной из своих сторон является планом организации классовой борьбы ради осуществления победы социалистического начала. Система сознательного руководства хозяйством пока еще является ситемой, осуществляемой через аппарат борьбы классов. Простейшая материальная директива (тот или иной об'ект промышленного строительства, определенных размеров план хлебозаготовок) может быть осуществлена лишь в процессе классовой борьбы, подчас весьма обостренной. Поскольку аппаратом осуществления тех или иных плановых предначертаний являются различные формы классовой борьбы, постольку и степень реализации этих предначертаний в значительной мере будет зависеть от результатов этой борьбы.

Не совсем умный спор, учитываются ли нашим планом классовая борьба и ее результаты, или же она, извне воздействуя на план, может подорвать, сорвать наши предположения, проистекает из неправильной, насквозь метафизической постановки вопроса. Определенная дислокация классовых сил, несомненно, учитывается системой планового регулирования в качестве об'ективно данного фактора, но эта же классовая ситуация является **активной** средой осуществления плана, и в зависимости от степени организованности и активности той или иной из борющихся сторон она может видоизменить, сорвать выполнение плана, помешать или содействовать его осуществлению.

II. „Регуляторы“ в действии или „закон периодических кризисов“ экономики переходного периода.

Мы уже имели возможность довольно подробно ознакомиться с упражнениями тт. Ловцова и Гричика по вопросу о регуляторах нашей экономической системы. Основательно напутав в этом вопросе, они на этакой «теоретической» основе строят оригинальную теорию продвижения к социализму через периодические «нарушения общего равновесия нашей экономики». Мы узнаем от наших авторов, что процесс воспроизводства в советском хозяйстве неизбежно должен проходить через постоянное «**чередование** нарушений производственного процесса». Оказывается, что уничтожение частной собственности на средства производства, плановое руководство всем хозяй-

ством и т. п. отличительные черты нашей экономики не освобождают нашего хозяйства от железной необходимости «нарушения общественного производства», подобно тому, как это имело место при капитализме. И в этом отношении нет никакой разницы, уверяют нас тт. Ловцов и Гричик, между капитализмом и нашим хозяйством переходного периода, ибо «там и тут существует необходимость нарушения производственного процесса, необходимость, заложенная в производственной структуре этих формаций» (стр. 87). Одним словом, утверждение наших авторов, по существу, сводится к признанию закона периодических «кризисов»[1] для советского хозяйства, закона, вытекающего, якобы, из производственной структуры экономики переходного периода.

За последнее время в нашей печати в более или менее прикрытой форме встречались указания на неизбежность кризисов в нашем хозяйстве[2]. Но никто не удосужился до литературных выступлений тт. Ловцова и Гричика защищать тезис о периодическом характере этих кризисов. Авторство здесь, бесспорно, принадлежит им. Это, понятно, обязывает ко

---

[1]) Наши авторы чувствуют известное неудобство в применении понятия «кризис» по отношению к советскому хозяйству, и они предлагают вместо «кризис», говорить просто «нарушение производственного равновесия». «Понятие капиталистического кризиса,—говорят они,—кризиса, захватывающего все народное хозяйство, изменяющего соотношение между различными отраслями производства, неприменимо к советской экономике. Нарушение производственного равновесия в советской экономике может выразиться лишь (!?) в изменении соотношения между различными секторами народного хозяйства, что неизбежно отразится на социалистическом секторе, но не в смысле изменения направления его движения, а в смысле осложнения этого движения трудностями различного порядка. В виду этого мы считаем применение термина «кризис» к нашей экономике неправильным и считаем более целесообразным называть явления этого порядка, просто нарушением производственного равновесия» (стр. 87—88). Разве дело в термине? Кризис,—говорит Маркс,—есть «нарушение и перерыв процесса воспроизводства». Но утверждение тт. Ловцова и Гричика, что в советском хозяйстве неизбежно «нарушение производственного процесса», «нарушение общественного производства», «нарушение общего равновесия советской экономики», «нарушение равновесия всей хозяйственной жизни», разве не тождественно с тем содержанием кризиса, который дал Маркс. Ведь все эти характеристики не могут не означать ничего другого, как перерыв в процессе воспроизводства. Поэтому, исходя из своего понимания процесса воспроизводства в нашем хозяйстве, тт. Ловцов и Гричик не имеют никакого права отказываться от термина «кризис» по отношению к советскому хозяйству. Их довод о том, что в нашем хозяйстве нарушение равновесия не изменяет направления развития социалистического сектора, свидетельствует больше о теоретическом уровне его авторов, чем что-нибудь может доказать. Ибо разве при капитализме кризис изменяет направление развития капиталистического сектора хозяйства? Не более глубокомысленным является и другой довод, сводящийся к тому, что при капитализме нарушение равновесия происходит между отраслями народного хозяйства, а у нас по линии социальных секторов нашей системы. Нужно обладать большой долей наивности, чтобы верить в то, что нарушение равновесия «всей советской экономики», о котором говорят наши авторы, может не коснуться равновесия между отдельными отраслями народного хозяйства, а «выразиться лишь в изменении соотношения между различными секторами народного хозяйства». С другой стороны, нарушение в конкретном капиталистическом обществе равновесия между отраслями, неизбежно сопровождается известным нарушением равновесия и между простым товарным хозяйством и капиталистическим, как и между различными социальными группами внутри самого капиталистического сектора.

[2]) См. т. Я. Рокак,—«Товарный голод и наша хозяйственная система», «Т.-П. Г.» от 29/VII-29 г.; М. Мудрик—«К вопросу о природе современных рыночных затруднений». «Большевик» № 7 за 1929 г. Бялый—«К вопросу о кризисах в хозяйстве СССР», «Плановое Хозяйство», № 2 и 4 за 1929 г. Хотя все эти авторы по-разному подходят к вопросу, но их роднит признания в той или иной форме не только возможности, но и неизбежности «кризисов» в советском хозяйстве. Взгляды тт. Рокаха и Мудрика подверглись критике в статьях тт. Розенталя и Капитонова, помещенных в №№ 7 и 10 журнала «Путей Индустриализации» за 1929 г.

многому. Во всяком случае, к некоторому обоснованию своей «оригинальной теории».

Но напрасно мы будем искать это обоснование в напечатанной нашими авторами статье. Разве можно считать хотя бы за тень доказательства, неоднократно повторяемое положение о борьбе между планом и стоимостью, борьбе, которая отражает наличие противоположных производственных отношений в нашем хозяйстве, неизбежно приводит, по мнению наших авторов, к общему нарушению равновесия нашего хозяйства.

Мы выше видели, что вопрос о регуляторах советского хозяйства остался для тт. Ловцова и Гричика книгой за семью печатями. Но разве из факта борьбы между стоимостью и планом логически вытекает неизбежность «нарушения общего равновесия нашей экономики»? Это тезис вовсе уж не ясен сам собой, чтобы здесь можно было обойтись простой декларацией хотя бы и таких авторитетных экономистов, как тт. Ловцов и Гричик. Но предположим, что факт наличия борьбы между планом и стихией есть достаточное основание для выводов о неизбежности «общих нарушений равновесия нашей экономики», все же еще остается вопрос о причинах «чередования» этих нарушений. Ведь наши авторы говорят о «закономерности, управляющей чередованием нарушений производственного процесса» (стр. 89)[1]) в советском хозяйстве. Борьба же между планом и стихией есть постоянно действующий фактор, почему же в таком случае у нас нет постоянного «кризиса», а нарушение равновесия носит периодический характер. При капитализме периодичность кризисов связывалась Марксом с условиями воспроизводства основного капитала. Действует ли эта или другая причина в нашем хозяйстве—все это вопросы, на которые никакого ответа мы не находим.

Вскрыть законы движения нашей хозяйственной системы можно только на основе анализа и всестороннего изучения этой системы. Наши же авторы вместо действительного анализа действительных отношений предпочли скрыться за гегелевской терминологией.

> «Наличие двух, принципиально различных способов регулирования или, иначе, наличие двух противоположных типов производственных отношений,—говорят они,—является самым общим об'ективным основанием для нарушения производственного равновесия советской экономики. Однако, для того, чтобы такое нарушение равновесия произошло, для этого требуется опосредствование вышеуказанного об'ективного основания целым рядом других факторов. Такими факторами, согласно Марксу и Гегелю, должны быть следующие: наличие возможности проявления об'ективного основания; основная причина, или фактор, соединяющий в действии основание и условие, и, наконец, общие условия, соответствующие основанию, но не тождественные с ним, так как в эти условия, помимо соответствия с основанием, входит также и отрицательный момент явления, чисто случайные обстоятельства, в силу чего условия рассматриваются, как внешние моменты, безотносительно к основанию» (стр. 84—85).

Пусть читатель скажет, стало ли ему что-нибудь яснее в сущности советского хозяйства, приблизился ли он к познанию закономерностей, управляющих этих хозяйством после того, как он ознакомился с столь «ученой», на первый взгляд, цитатой. Мы здесь узнаем, что наличие принципиально различных регуляторов является об'ективным основанием для нарушения производственного равновесия советской экономики. Но для того, чтобы это нарушение равновесия произошло, говорят наши авторы, необходим целый ряд «факторов». Читатель в праве ожидать, что вот сейчас последует анализ этих «факторов», вытекающих из основных экономических процессов в нашем хозяйстве. Но ничуть не бывало. Оказывается, что этими факторами

---

[1]) Разрядка авторов. «Умные мысли подобны строкам, напечатанным курсивом»,—говорил Кузьма Прутков. К сожалению, этот «закон», очевидно, не имеет обратной силы.

являются гегелевские категории: основание, возможность, причина и общие условия. Как не вспомнить при этом слова Энгельса про тех молодых «гегельянцев», которые свое невежество в области познания действительности прикрывали гегелевскими схемами.

Но посмотрим, какое содержание наши авторы вкладывают в гегелевские категории. Уложив марксову теорию капиталистических кризисов в четырехчленную формулу: основание, возможность, причина и общие условия, они строят по аналогии с капиталистическими кризисами теорию кризисов советской экономики. И здесь и там необходимость кризисов опосредствуется одними и теми же категориями, но содержание этих категорий различное.

При капитализме основанием кризиса является противоречие между способом производства и способом присвоения. В советском же хозяйстве — наличие двух, принципиально различных регуляторов.

Возможность кризиса в советском хозяйстве как и при капитализме одна и та же и дана товарно-денежной формой движения производственных отношений.

Основной причиной кризиса при капитализме является тенденция нормы прибыли к понижению. В нашем же хозяйстве — вытеснение стоимости планом.

Общими условиями кризиса при капитализме выступают: «специфические формы обновления основного капитала, захват кризисом отраслей производства главных продуктов торговли и, следовательно, специфические отношения между отдельными отраслями производства и т. д. У нас же, кроме условий, присущих товарно-денежному обращению, вообще, важнейшим (разрядка наша) из условий являются плановые просчеты» (стр. 87), «повышательная тенденция в динамике цен на товары (откуда она взялась? *Г. Д. и И. К.*), выбрасываемых на рынок простым товарным и капиталистическим секторами нашего хозяйства и, наконец, различные кон'юнктурные данные» (стр. 85).

Вот и вся теория периодических кризисов капиталистического и советского хозяйства. Мы не будем останавливаться над своеобразной интерпретацией марксовой теории кризисов нашими авторами. Перейдем непосредственно к анализу «теории» кризисов в советском хозяйстве. Если отбросить словесную шелуху, то вся «теория» сводится к одному положению: наличие противоположных производственных отношений в нашем хозяйстве неизбежно должно приводить к нарушению общего равновесия советской экономики. Ибо борьба между планом и стихией, которая у наших авторов фигурирует под рубрикой «основной причины», вытекает из факта наличия противоположных укладов в нашем хозяйстве. Плановые же просчеты, которые отнесены к роли важнейшего «общего условия», вытекают из наличия противоположных производственных отношений, об'ективно обусловлены и неизбежны, являясь лишь формой, через которую «об'ективное основание» реализуется. Таким образом, мы видим, что под различными категориями, по существу, фигурирует старый знакомец: борьба между планом и стихией. Поэтому нужно удивляться наивности авторов, когда они думают, что убедительность их аргументации увеличилась от того, что под различными категориями (об'ективные основания, основная причина, общие условия) они с ученым видом повторяют одно и то же.

Разберемся поэтому в основном, решающем доводе тт. Ловцова и Гричика.

Бесспорно, что наличие противоположных типов производственных отношений в нашем хозяйстве кладет специфический отпечаток на форму движения процесса производства в этом хозяйстве. Но отсюда еще далеко до вывода, что это движение неизбежно должно осуществляться через периодическое нарушение общественного производства. Это нарушение, по мнению

наших авторов, обусловливается вытеснением стоимостного способа регулирования плановым. Но это же не может отражать не что иное, как наши успехи в деле вытеснения капиталистических элементов нашей экономики, так и в деле обобществления индивидуального мелкотоварного хозяйства.

Таким образом, по мнению наших авторов, процесс вытеснения капиталистических элементов, или процесс обобществления мелкотоварного хозяйства, неизбежно должен приводить к «нарушению равновесия всей советской экономики». Но это предполагает одно из двух. Либо удельный вес капиталистических элементов в нашем хозяйстве настолько значителен, их роль в общественном процессе воспроизводства настолько огромна, что сила их сопротивления может вывести из равновесия всю систему советской экономики. Либо процесс обобществления мелкотоварного индивидуального хозяйства настолько болезнен, что ведет к нарушениям равновесия хозяйственной системы. Достаточно сформулировать эти предпосылки, которые только и могут лежать в основе построений тт. Ловцова и Гричика, чтобы увидеть, откуда и куда растет их «оригинальная» теория.

Бесспорно, что наступление на капиталистические элементы нашего хозяйства, выкорчевывание корней капитализма в нашей стране неизбежно связано с усилением сопротивления кулацкой верхушки деревни и с обострением классовой борьбы. Но это обострение классовой борьбы происходит не в результате усиления удельного веса капиталистического сектора нашего хозяйства. Мы как раз имели обратную картину. При абсолютном росте капиталистических элементов мы имели еще более быстрый рост социалистического сектора, что и создало предпосылку для форсированного наступления на кулака. Следует ли, однако, отсюда, что обострение классовой борьбы, связанное с усилением сопротивления капиталистических элементов города и деревни наступающему социализму не усугубляет наших хозяйственных затруднений? Отнюдь нет. Общеизвестно, что одной из причин затруднений по линии хлебозаготовок является то сопротивление, которое кулацкая верхушка деревни оказывает нашему плановому регулированию. Этого обстоятельства недооценивают правые. Но отождествлять наши хлебозаготовительные затруднения с общим нарушением процесса общественного производства могут только тт. Ловцов и Гричик.

Если, таким образом, утверждение, что наступление на капиталистический сектор нашего хозяйства неизбежно должно сопровождаться общим нарушением равновесия нашего хозяйства, не имеет под собой никаких оснований, то еще менее соответствует действительности предпосылка, что это нарушение равновесия вызывается усилением процессов обобществления мелкотоварного индивидуального хозяйства. Безусловно, что процесс переделки мелкокрестьянского хозяйства в крупное и обобществленное сопряжен с значительными трудностями, но полным забвением ленинизма будет думать, что эти трудности такого порядка, что неизбежно должны нарушить процесс общественного производства.

Но злоключения тт. Ловцова и Гричика этим не исчерпываются. Необходимость кризисов в советском хозяйстве они аргументируют не только от теории, но и от практики. «Раз «кризисы» имеют место у нас, — говорят они, — то очевидно, что имеется их возможность, и, следовательно, имеется некое об'ективное основание этих «кризисов» (Стр. 89). Таким образом, раз «кризисы» имеют место у нас, то, следовательно, должна быть теория «кризисов» советского хозяйства, а переживаемые нами затруднения подходят под закон «общего нарушения равновесия нашей хозяйственной жизни», прокламированный тт. Ловцовым и Гричиком.

Но не вспомнит ли читатель, кто так оценивает переживаемые нами хозяйственные затруднения, кто утверждает, что мы имеем общее нарушение хозяйственной жизни, кто уверяет, что у нас нарушен производственный

процесс, а в некоторых отраслях нашего хозяйства приостановился процесс расширенного воспроизводства, кто, в конце концов, говорит об общем кризисе, переживаемом в нашем хозяйстве?

Всякий, кто знаком с борьбой, которая имела место в последнее время в партии, знает, что именно правые уклонисты и иже с ними утверждали и утверждают, что, благодаря неправильной политике партии мы ввергли страну в кризис. И вот тт. Ловцов и Гричик, ничтоже сумняшеся, в специальной книге, которая по их замыслу должна быть теоретическим обоснованием генеральной линии нашей партии и дать оружие против правого уклона, в важнейшем вопросе экономической политики, в вопросе об оценке размеров переживаемых нами затруднений, сходятся с этими уклонистами.

Разница между ними лишь та, что одни из этого «факта» делают вывод о необходимости изменения политики партии, а тт. Ловцов и Гричик, из якобы имеющего место общего нарушения равновесия нашей экономики выводят подтверждение правильности этой линии. Ибо эти нарушения, по их мнению, органически присущи нашему хозяйству, так как всякое вытеснение капиталистических элементов и связанное с этим «вытеснение стоимостного способа регулирования с тех или иных участков нашей хозяйственой жизни, замещение его в этих участках плановым способом регулирования, неизбежно связано с нарушением во всех сферах непосредственного участия закона стоимости в регулирующем процессе, а потому также связано с тем или иным нарушением общего равновесия нашей экономики» (стр. 84).

Общеизвестно, что мы имеем серьезные хозяйственные затруднения. Эти затруднения в основном связаны с условиями социалистического строительства в нашей стране на данном этапе нашего развития. Известную роль в обострении этих затруднений в текущем году сыграл и ряд кон'юнктурных факторов. Но все же, несмотря на эти затруднения, текущий год является годом дальнейшего под'ема в с е г о народного хозяйства на базе реконструкции и индустриализации при одновременном росте социалистических элементов нашей экономики. Достаточно ознакомиться с основными фактами текущей кон'юнктуры, чтобы убедиться, насколько, по меньшей мере, нелепо нынешнее состояние нашего хозяйства определять как состояние «нарушенного равновесия всей хозяйственной жизни». Можно ли говорить о хозяйстве, где промышленное производство растет на 22% [1]) в год, где посевные площади в сельском хозяйстве расширяются на 6 — 7%, где доходы в госбюджет растут на 15%, где имеется ряд сдвигов качественного порядка, растет производительность труда, усиливается снабжение сельского хозяйства сортовыми семенами, сельхозмашинами, удобрениями, растет обобществленный сектор и т. д., что оно находится в состоянии «общего нарушения во всей хозяйственной жизни», пусть судит читатель.

Но как могло случиться, что тт. Ловцов и Гричик хотели войти в одну дверь, а попали в другую? Как могло случиться, что в исходном пункте в оценке размеров наших хозяйственных затруднений, они, по существу, солидаризируются с правыми? Все их качества от того, что они «заучились» и вместо анализа действительных отношений нашего хозяйства, исходят из надуманных схем. Но при этом еще не «доучились» до того, чтобы понять

[1]) Не лишне напомнить тт. Ловцову и Гричику, что темп роста промышленности в текущем году у нас значительно превосходит темп роста капиталистических стран. Так, в С.-А. С. Ш. за первые 7 месяцев 1928—29 г. этот рост составил +8,9%, в Англии — +0,4%, во Франции — +16,1%, а в Германии даже уменьшение — 8,7%, у нас этот рост составил 22,6%. Сравнительно значительный рост промышленной продукции в С.-А. С. Ш. и Франции связан с очень высокой кон'юнктурой. А у нас, когда этот рост заметно превосходит и рост Франции и С.-А. С. Ш., тт. Ловцов и Гричик имеют мужество уверять, что наше хозяйство все же находится в состоянии «кризиса».

различие между «затруднением», «диспропорцией», «кризисным явлением» и «нарушением общего равновесия хозяйственной жизни».

Разве наличие хозяйственных затруднений и диспропорций даже при некотором обострении их свидетельствует о кризисе народного хозяйства? Разве кризис — это простое нарушение равновесия? Разве каждое нарушение равновесия означает нарушение равновесия всей экономической системы?

Достаточно поставить эти вопросы, чтобы убедиться, что наши авторы не только ничего не поняли в «советских кризисах», но и в кризисах капиталистических. Только в изображении Туган-Барановского и Кондратьева, Маркс «существо кризиса» видел в «нарушении равновесия».

В капиталистическом обществе в каждый данный момент об абсолютном равновесии говорить не приходится, «ибо при стихийной структуре этого производства равновесие с а м о я в л я е т с я с л у ч а й н о с т ь ю» (К. Маркс). Или, как говорит в другом месте Маркс, «пропорция в применении капиталов по отдельным сферам, правда, выравнивается путем постоянного процесса, но что само постоянное наличие процесса равным образом предполагает п о с т о я н н у ю д и с п р о п о р ц и о н а л ь н о с т ь, которую он (этот процесс) постоянно, иногда насильственным образом должен выравнивать.

Таким образом, при капитализме мы имеем п о с т о я н н у ю д и с п р о п о р ц и о н а л ь н о с т ь, но мы все же не имеем там постоянного кризиса, ибо д и с п р о п о р ц и о н а л ь н о с т ь не тождественна с кризисом. Последний—лишь насильственная форма восстановления пропорциональности.

Естественно, что относительное динамическое равновесие, относительное соответствие отдельных элементов экономической системы друг другу, имеет место при капитализме, ибо иначе невозможен был бы процесс воспроизводства. Но наличие этого относительного равновесия не устраняет постоянного существования «диспропорциональности». К р и з и с н а с т у п а е т т о г д а, к о г д а с у щ е с т в у ю щ и е «д и с п р о п о р ц и о н а л ь н о с т и» н а р а с т а ю т д о т а к и х п р е д е л о в, к о г д а д а л ь н е й ш и й п р о ц е с с в о с п р о и з в о д с т в а с т а н о в и т с я н е в о з м о ж н ы м. «Кризис, — говорит Маркс, — представляет именно момент нарушения и перерыв в процессе воспроизводства». (Теории прибав. стоим., т. II, ч. 2, стр. 173).

Несмотря на принципиально иную природу нашего хозяйства, процесс воспроизводства осуществляется у нас через ряд противоречий и диспропорций и связанных с этим более или менее значительных хозяйственных затруднений. Но в производственной структуре нашего хозяйства не заложена н е и з б е ж н о с т ь такого нарастания этих диспропорций, чтобы единственным способом их разрешения был «кризис», т.-е. нарушение и перерыв в процессе воспроизводства. В этом состоит одно из огромнейших преимуществ советского хозяйства,—преимуществ, которые на ряду с другими дают возможность развивать наше хозяйство темпом, значительно превосходящим темп развития, присущий капиталистическому хозяйству, и тем самым решить задачу догнать и перегнать высокоразвитые передовые капиталистические страны. Наше хозяйство м о ж е т развиваться по восходящей линии без перерывов в процессе общественного воспроизводства, перерывов, которые в капиталистическом обществе сопровождаются колоссальной растратой общественных производительных сил [1]).

«Бескризисное» развитие нашего хозяйства возможно, во-первых, потому, что противоречия нашего хозяйства качественно иного порядка, чем

[1]) Не лишне напомнить тт. Ловцову и Гричику, что не кто иной, как В. Базаров, исходя из с в о е г о понимания природы капиталистического цикла, доказывал неизбежность циклической формы процесса воспроизводства в советском хозяйстве. По мнению В. Базарова, «даже замена капиталистиче-

противоречия капитализма, во-вторых, благодаря новым формам регулирования нашей экономической системы, формам принципиально отличным от форм регулирования, свойственных капиталистическому хозяйству.

Возможность кризиса, вытекающая из товарно-денежной формы движения производственных отношений, превращается в необходимость при капитализме, благодаря противоречию между общественным производством и частным присвоением, противоречию, которое обусловливает и ряд других противоречий, в частности, противоречия между развитием производительных сил и недопотреблением широких масс населения. Нарушение общего равновесия хозяйственной системы в связи с этим находит свое выражение в стремлении капитализма вывести производительные силы за границы общественного потребления, ограниченного капиталистическим характером производственных отношений. Поэтому там кризис выражается в форме перепроизводства, и восстановление равновесия осуществляется через «перерыв в процессе воспроизводства».

В нашем хозяйстве противоречие между общественным производством и частным присвоением отсутствует в социалистическом секторе благодаря уничтожению частной собственности на средства производства, а в мелкотоварном—благодаря индивидуальному характеру производства. Если, таким образом, в решающих участках нашего хозяйства устранено основное противоречие капитализма, с которым связана неизбежность капиталистических кризисов, тем самым для нашего хозяйства вопрос о кризисах, аналогичных капиталистическим, снимается сам собой. Но в нашем хозяйстве, как хозяйстве переходном от капитализма к социализму, имеются специфические, только одному ему свойственные противоречия. Эти противоречия идут по двум линиям. С одной стороны, по линии классовых отношений, по линии различных типов производственных отношений, сосуществующих в нашем хозяйстве, а, с другой, на первых этапах реконструктивного периода по линии некоторого отставания производительных сил от развивающейся системы новых производственных отношений, отставания усугубляемого несоответствием между отсталым уровнем страны и теми структурными и социальными сдвигами, которые произошли в результате революции.

Если при капитализме имеется тенденция выводить производительные силы за пределы капиталистических производственных отношений, то в нашем хозяйстве унаследованные от капитализма производительные силы по уровню развития не находятся в соответствии с вновь созданными и развивающимися социалистическими производственными отношениями. Понятно, что и в нашем хозяйстве существует зависимость между развитием производственных отношений и уровнем развития производительных сил. Но здесь следует отметить дополнительные обстоятельства. Если при всяком социалистическом строе производственные отношения не являются простым пассивным рефлексом развития производительных сил, но обладают способностью обратного влияния на это развитие, то это особенно относится к советскому хозяйству. Так, процесс обобществления сельского хозяйства, осуществляемый нами на определенной материально-технической основе, становится сам могучим фактором развивающим материально-технические основы производства. Сознательно регулируемые нами производственные отношения между людьми становятся мощным рычагом развития производительных сил. Поэтому в нашем хозяйстве на определенной ступени развития в каждый данный момент имеет место некоторое отставание уровня развития производительных сил от развивающихся социалистических производственных отношений. Этим в основном и об'ясняется, что диспропорции в нашем хозяйстве имеют тенденцию проявляться на рыночной поверхности не в форме избытка, а в форме известного недостатка товаров.

Обе указанные выше линии противоречий находятся во внутренней диалектической связи. Но они не такого порядка, чтобы их движение в нашем хозяйстве было возможно *только* через кризис, *только* через общие нарушения всей советской экономики, хотя *возможность* такого нарушения имеется. Но от *возможности* до *неизбежности*—дистанция огромного размера. Это понимают и наши авторы, которые эту брешь хотели заполнить гегелевскими категориями.

Мы уже имели возможность убедиться, почему ошибочным является тезис, что противоречия, идущие по линии различных типов производственных отношений и проявляющиеся в борьбе классов, неизбежно должны в нашем хозяйстве приводить к кризису. Но ряд товарищей совершает ошибки иного порядка, ошибки, недооценивающие роль классовой борьбы в общественном процессе воспроизводства. Эти товарищи отводят этот упрек ссылкой на схемы воспроизводства второго тома «Капитала», с указанием, что схемы Маркса не игнорируют проблему класса. Бесспорно, что схемы воспроизводства включают отношения между классами, так как соотношение между различными частями вновь создаваемой общественной стоимости V и M является экономическим выражением классовых отношений между буржуазией и пролетариатом. Но именно поэтому отношение между V и M, являясь основой, на которой развивается классовая борьба, само может изменяться под влиянием этой классовой борьбы. Последняя, влияя на цену рабочей силы, изменяя соотношение между V и M, тем самым воздействует на те пропорции, которые выражены в схемах воспроизводства.

Ошибка Тугана состоит не в том, что он выпячивал классовую борьбу, а в том, что он игнорировал экономическую основу классовой борьбы, отрывал одно от другого. Ошибкой же обратного порядка является игнорирование классовой борьбы, как момента, воздействующего на экономические пропорции, складывающиеся в общественном процессе воспроизводства, изменения которых в свою очередь влияют на ход классовой борьбы. И в нашем хозяйстве классовая борьба, развиваясь, на базе определенных производственно-экономических отношений, воздействует на экономические пропорции, которые складываются в процессе общественного воспроизводства.

Вот почему составление народнохозяйственного плана вовсе не сводится к простому построению «баланса народного хозяйства» по аналогии со схемами воспроизводства второго тома. Задача здесь сложней. План должен учесть не только материальные ресурсы, которыми располагает наше хозяйство, распределяя их в определенных пропорциях, но и учесть те изменения в этих пропорциях, которые произойдут в ходе общественного процесса воспроизводства в результате вырастающей на основе этих пропорций классовой борьбы. Этим в значительной мере об'ясняется вся относительность наших

ского обращения и кредита плановым распределением продуктов и плановой утилизацией производительного накопления не привело бы *автоматически к полной ликвидации циклов*». (В Базаров, «Капиталистические циклы и восстановительный процесс в СССР», ст. 77). Основным условием цикличности, по мнению В. Базарова, является неравномерность роста производительности труда, что определяет собой соответствующие колебания масштабов производства. Цикличность исчезает только с установлением «плавного эволютарного уровня векового движения». *Но это как реальная тенденция* развития не существует ни в докапиталистическом, ни в капиталистическом, ни в нашем переходном советском хозяйстве» (стр. 79). Для этого нужно вполне развитое социалистическое общество. Поскольку «наша советская плановая система в теперешнем ее состоянии... еще бесконечно далека от этого идеала», поэтому для нас циклическая форма развития сохраняет свою силу. Мы не можем здесь останавливаться на концепции В. Базарова. Взгляды последнего уже подверглись критике на страницах «Большевика» (№ 6 и 7 за 1928 г.) в статье тов. П. Максаковского.

планов, реальность которых будет расти в меру роста организованности в нашем хозяйстве на основе растущего обобществления экономики страны.

Но, несмотря на относительный характер наших планов, «отклонения» и «поправки», которые вносит рыночная стихия, не могут изменить при правильной экономической политике основное содержание плана, сводящееся к поддержанию известного относительного равновесия нашей хозяйственной системы и развития этой системы по направлению к социализму. Мы здесь не говорим о стихийных бедствиях, как, например, неурожай и иных факторах неэкономического порядка, которые хотя и имеют об'ективные основания, все же сами не вытекают из социально-экономической структуры нашего хозяйства, являясь по отношению к этой структуре случайностью. Вполне понятно, что от таких «кризисов» и затруднений не гарантировано и социалистическое хозяйство.

Этим, собственно, и решается вопрос о «кризисах» в нашем хозяйстве. Следует ли, однако, что имеющие место хозяйственные затруднения и диспропорции, в частности, товарный голод, являются чем-то случайным, или результатом только плановых просчетов и т. д.? Понятно, нет. Мы уже выше отмечали, что из социально-экономической структуры нашего хозяйства в свою очередь вытекает ряд диспропорций и затруднений, преодоление которых сопряжено с значительными трудностями. Но необходимо понять, с одной стороны, что об'ем затруднений, который мы имеем в настоящее время, связан также с неблагоприятными факторами кон'юнктурного порядка, а с другой, наличие хозяйственных затруднений и диспропорций не тождественно с общим нарушением равновесия советской экономики. Хотя мы не можем по своему усмотрению сразу преодолеть полностью диспропорций нашего хозяйства, более того, задачи, которые мы себе ставим, сами подчас рождают ряд новых трудностей, но задача планирующих органов сводится к тому, и мы располагаем для этого необходимыми возможностями, — чтобы не допустить такого нарастания этих затруднений и диспропорций, когда разрешение их станет возможным только через нарушения равновесия всей нашей экономики. Поэтому мы и возлагаем на наши планы большую ответственность, поэтому составление народнохозяйственного плана в наших условиях представляет огромные трудности.

Но тов. Ловцов и тов. Гричик создали теорию «безответственных планов», очень удобную для плановых работников, но очень неудобную для нашего хозяйства. Они не более не менее, как создали теорию об'ективной необходимости периодических «плановых просчетов», поскольку «важнейшим» общим условием «периодических» нарушений равновесия всей хозяйственной жизни являются эти просчеты. Да еще какие «просчеты»,— просчеты, которые нарушают равновесие всей советской экономики. Это им понадобилось, чтобы реализовать свою теорию периодических «кризисов» в советском хозяйстве. Они в этом смысле признают за планом, вернее за «плановым просчетом», решающую роль в нашем хозяйстве. Они здесь даже понимают, что план проник так глубоко во все поры нашего хозяйства, что «об'ективное основание» вместе с «основной причиной» неизбежности кризиса в нашем хозяйстве может реализоваться только через наш план. Отсюда и теория «плановых просчетов».

Что наши планы далеко не совершенны, — это общеизвестно, что те или иные просчеты неизбежны — об этом спорить не приходится. На плановые просчеты, как на одну из причин наших хлебозаготовительных трудностей, указывает июльский пленум ЦК партии. Но думать, что «важнейшим» общим условием наших хозяйственных затруднений являются «плановые просчеты» и «ошибки», хотя и об'ективно неизбежные, могут только тт. Ловцов и Гричик. Мы думаем, что должно быть известно пишущим целую книгу о советском хозяйстве, что мы в наших планах подчас сознательно идем на

те или другие затруднения, поскольку решение задач социалистического строительства на данном этапе нашего развития связано с этими затруднениями. Этого не понимают правые, которые собственно являются авторами теории, об'ясняющей наши трудности «плановыми просчетами».

Но будем справедливы. Тт. Ловцов и Гричик пытаются критиковать тех, кто наши хозяйственные затруднения сводят только к ошибкам планирования. При этом они делают ряд открытий. Если правые плановые просчеты сводят к суб'ективным условиям планирования, то наши авторы рассматривают их как форму движения «об'ективного основания» нарушения производственного процесса, т.-е. как форму движения процесса воспроизводства экономики переходного периода. Если бы наши авторы говорили только о том, что мы не можем избегнуть ошибок планирования в связи с наличием стихийных элементов нашей экономики, которые не всегда поддаются точному учету, то они были бы правы. Но тт. Ловцов и Гричик утверждают нечто большее. Они утверждают, что «эти плановые просчеты необходимы»!! Это звучит довольно странно. Но это факт. Дадим слово авторам:

> ...«Эти плановые просчеты необходимы (!!) на первых этапах развития переходного хозяйства, и определяются общими условиями нашей экономики, так что, перефразируя приведенное выше положение Маркса об общих условиях в капиталистических кризисах, можно сказать: «общие условия нарушения производственного равновесия в советской экономике должны быть развиты из общих условий этого типа хозяйства». Но на этом основании сказать, что эти общие условия нарушения равновесия являются об'ективным основанием этих нарушений—это значит сказать чепуху» (стр. 89—90).

Вот именно не чем иным как «чепухой» является утверждение «необходимости» плановых просчетов. Не думаем, чтобы такие утверждения, хотя и возвещенные с невероятным апломбом, нуждались в особой критике, на них достаточно только указать.

Нам придется еще несколько остановиться на вопросе о товарном голоде, ибо и этот вопрос не обойден нашими авторами. Товарный голод является неизбежным спутником развития нашего хозяйства в последние годы. Какова же действительно природа товарного голода? В каком направлении идет развитие нашего хозяйства: в сторону ли обострения товарного голода или в сторону его смягчения? Вот вопросы, которые должны занимать всякого, что приступает к изучению советского хозяйства.

Какой же ответ на этот вопрос мы находим у авторов?

> «По мере нашего общего продвижения к социализму,—пишут они,— платежеспособный спрос будет расти значительно быстрее, чем производство товаров. Это будет продолжаться до тех пор, пока вообще категория платежеспособного спроса не будет уничтожена вместе с другими товарно-рыночными формами проявления по существу новых производственных отношений и именно недопроизводство будет являться формой нарушения производственного равновесия советской экономики». (Стр. 88).

Вдумайтесь, читатель, в ту экономическую мудрость, которая выражена в этой небольшой цитате. Наши авторы здесь утверждают не более не менее, что по мере нашего продвижения к социализму платежеспособный спрос будет расти значительно быстрее производства товаров. Это означает не что иное, что чем больше мы будем приближаться к социализму, разрыв между платежеспособным спросом и предложением товаров будет нарастать. И это будет продолжаться до тех пор, пока категория платежеспособного спроса не будет уничтожена. Нечего сказать, хорошую перспективу нашего «продвижения к социализму» рисуют наши авторы—картину все нарастающего товарного голода. Если в настоящее время товарный голод является фактором, затрудняющим нормальное развертывание процессов воспроизводства, то что будет через 5—10 лет, если развитие будет итти по схеме товарищей Ловцова и Гричика. Мы тогда будем иметь такой грандиозный товарный голод, что и нашим авторам от него страшно станет.

По мере продвижения к социализму, говорят ниже тт. Л. и Г. «нарушения производственного равновесия будут становиться все реже и их влияние на экономику страны все незначительнее, до тех пор, пока они качественно совершенно не исчезнут» (стр. 88). Как совместить процесс нарастающего товарного голода с процессом ослабления и даже уничтожения нарушений хозяйственного равновесия, это секрет авторов!

Но мы в праве также спросить наших авторов, как примирить их утверждение о нарастании товарного голода, по мере приближения к социализму, с директивой ноябрьского пленума ЦК, согласно которой: «Относительное недопроизводство готовых товаров, не покрывающее быстро растущий платежеспособный спрос (несмотря на ежегодный рост промпродукции)... не должно переходить определенной границы, ибо подрыв делу индустриализации может угрожать и с этой стороны. Отсюда курс на смягчение, а в конечном счете, на преодоление товарного голода».

Итог таков. Оба важнейших раздела построений тт. Ловцова и Гричика, как мы успели убедиться, основаны исключительно на теоретической беззаботности авторов. Решающие звенья их теории остаются вообще без всякой аргументации. Очевидно, авторы полагают, что достаоточно их доброго намерения, что нужды в доказательствах уже не встретилось. Тем не менее и здесь оправдалось положение, что чрезмерно легкое отношение может сказаться слишком тягостными результатами. Вряд ли можно оценить результат теоретических изысканий авторов статьи иначе как простую путаницу. Здесь рискованно даже говорить об извращении, вульгаризации теории марксизма-ленинизма, для этого все-таки необходимо членораздельное мышление и хотя бы видимость аргументации.

И все же статья тт. Ловцова и Гричика до известной степени знамение времени. По своей научной наивности они попросту выбалтывают то, что с массой туманнейших оговорок говорят и некоторые другие. Схема тт. Ловцова и Гричика вырисовывает перед нами логический результат той теоретической путаницы вокруг осмысливания современной хозяйственной обстановки, которая, к сожалению, стала довольно нередкой на страницах наших журналов, за последнее время. Теоретической основой оппортунистической политики являются неверные построения по линии об'яснения закономерностей экономики переходного времени. Разбить, доказать ревизионистскую сущность этих построений—задача всякого сторонника ортодоксальной ленинской линии. Однако, очень плохой услугой для линии партии будут такие попытки, если они на деле остаются в теоретическом плену у правого уклона, или скатываются к позициям «Новой экономики», или, наконец, вопиющей безграмотностью своих построений способны только дискредитировать защищаемую ими линию.

Статья наших авторов представляет собою «счастливое» сочетание всех этих трех моментов. В основном она состоит из полуграмотных попыток теоретического важничанья и в этой части может вызвать только чувство соболезнования по поводу постигшей наших товарищей скриптомании; в своей теории регуляторов советской экономической системы авторы находятся целиком в плену концепции «Новой экономики», — правда Преображенский вряд ли будет особенно рад такого рода последователям его идеи, наконец, в оценке размеров современных хозяйственных затруднений статья целиком стоит на позициях теоретиков правого уклона. Таков невеселый итог новой попытки построить систему теории советского хозяйства, исходя только из добрых намерений. Если теория капиталистического хозяйства требует длительного и внимательнейшего изучения, то еще в большей мере это относится к теоретическому освещению проблем советской экономики. И нужно отказаться от попыток кавалерийским наскоком решить сложнейшие проблемы экономики переходного периода.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Вопросы труда.

(„Вопросы Труда", ежемес. орган НКТ №№ 1, 2, 3—4).

1928/29—1932/33 гг. являются годами, кладущими начало новому этапу в деле социалистического строительства. Проектируемый этой пятилеткой рост промышленности, как и всего народного хозяйства, является крупнейшим шагом вперед в деле социалистического преобразования всего народного хозяйства. Но выполнение плана требует колоссального напряжения, строгого подчинения интересам целого интересов отдельных частей, требует проведения на деле четкой, правильной линии, принятой нашей партией в коренных вопросах нашего строительства — вопросах индустриализации страны, вопросах коллективизации сельского хозяйства.

Трудности, связанные с выполнением плана, равно как и ряд других моментов, неизбежно порождают попытки укрыться от этих трудностей, попытки двигаться более медленным темпом. Вот почему ноябрьский пленум ЦК и отметил, что «громадная сложность проблем реконструктивного периода, ряд трудностей, стоящих на пути индустриализации страны, напряжение, которого требует от рабочего класса и крестьянства дело индустриализации, реальный эффект которого начнет сказываться лишь через известный промежуток времени, сопротивление капиталистических элементов и на данном этапе обострения классовой борьбы колебания мелкобуржуазной массы, давление мелкобуржуазной стихии на некоторые звенья советского аппарата и нашей партии питают различного рода уклоны внутри партии. Всплывает правый откровенно оппортунистический уклон, который находит свое выражение в стремлении задержать дальнейшее строительство крупной индустрии».

Таким образом, борьба с правым уклоном — по существу борьба за индустриализацию, борьба за намеченный темп социалистического строительства. «Только упорная, настойчивая и непоколебимая борьба за принятый партией темп индустриализации и за возможное его усиление создает действительные предпосылки для победы социалистического строительства не только в городе, но и в деревне, для выкорчевывания корней капитализма из нашего хозяйства. Поэтому в вопросе о принятом партией быстром темпе индустриализации страны большевики должны проявить максимум твердости, максимум непоколебимости» [1]).

Преодолеть трудности, стоящие на пути осуществления пятилетнего плана, изыскать возможности увеличения темпа намеченного пятилетним планом—такова основная наша задача.

В осуществлении пятилетнего плана важнейшим звеном являются вопросы труда. От того, сумеем ли мы дать намеченную производительность труда, зависит и темп нашего развития, и выполнение задания в области снижения себестоимости, и уровень накоплений, т. е. тем самым темп индустриализации страны и повышение жизненного уровня рабочего класса. Пятилетний план намечает рост производительности труда рабочего на 110%. Это означает, что план социалистического строительства требует решительного сдвига в деле организации труда, ибо только при этом условии может быть обеспечен необходимый рост культурного и материального уровня жизни рабочего класса. Перед партией, профессиональными и хозяйственными организациями стоит задача создания высших форм организации труда, и на этом пути надо преодолеть ряд препятствий.

Пятилетний план предусматривает вовлечение новых значительных кадров рабочих, вербуемых в значительной части из деревень. Но именно эти новые кадры рабочих, связанные с деревней, не порвавшие с мелкособственнической идеологией, эту нездоровую и чуждую рабочему классу идеологию, несут в рабочий класс, заражая ею наименее устойчивые, наиболее подверженные влиянию мелкособственнической стихии слои рабочего класса. Именно через эти кадры проникает в ряды рабочего класса «стихия мелкого собственника, живущего одной

[1]) В. Молотов.

мыслью: «урвал, что можно, а там хоть трава не расти...» [1]). Борьба с этими настроениями, борьба с мелкобуржуазной стихией, борьба за трудовую дисциплину, упорная и настойчивая работа по «переделке» этих новых кадров рабочего класса—одно из условий выполнения пятилетнего плана, одно из важнейших условий успешности социалистического строительства, ибо «успех социализма немыслим без победы пролетарской сознательной дисциплинированности над стихийной мелкобуржуазной анархией» [2]).

Задача печати в деле выполнения плана социалистического строительства и заключается прежде всего в том, чтобы, вскрыв основные трудности, стоящие на пути выполнения плана, вокруг них, на их преодолении мобилизовать внимание, силы и энергию всего рабочего класса. Надо, однако, признать, что некоторые журналы и в частности и в особенности «Вопросы Труда» оказались далеко не на высоте положения в разрешении этих задач. «Вопросы Труда» в особенности, ибо мы в праве были бы ожидать, что руководящий орган Наркомтруда будет стоять во главе борьбы за правильную, лучшую организацию труда, за трудовую дисциплину, будет организатором рабочей передовой общественности в деле преодоления трудностей, стоящих на пути социалистического строительства.

Нынешний хозяйственный год—первый год пятилетки. Партия и правительство поставили перед промышленностью задачу снизить себестоимость на 7%, подняв производительность труда на 17%. Первое полугодие хозяйственного года дало невыполнение этой директивы, первое полугодие создало угрозу невыполнения всего годового плана. Среди ряда причин, приведших к невыполнению плана, значительную роль сыграла расшатанность трудовой дисциплины на ряду с проявлением в отдельных случаях хулиганства на производстве и насилием над техническим персоналом. Но напрасно стали бы мы искать на страницах журнала «Вопросы Труда» (по крайней мере до январского номера) отголосков всех этих явлений. Больше того, *руководящий орган НКТ до сих пор не уделил на своих страницах места такому величайшему явлению в нашей хозяйственной и политической жизни, как социалистическое соревнование*. Передовые рабочие и за ними широкая рабочая масса пришли поистине в невиданное еще в истории движение, вступили в отчаянную борьбу с нашей отсталостью, с нашим неуменьем работать, борьбу с низкой производительностью, устанавливая новые, социалистические формы труда, а «Вопросы Труда», *руководящий* (!) *орган* по вопросам труда, величественно проходят мимо этого величайшего движения, величественно игнорируют его, полагая, видимо, что не пристало *руководящему* органу заниматься такими пустяками!

Нет ничего удивительного, что, проспав, проглядев социалистическое соревнование, «Вопросы Труда» проспали и борьбу с правым уклоном. В то время, как вся партия давала сокрушительный отпор правому уклону, когда это же делала вся печать—вплоть до января—на страницах журнала «Вопросы Труда» эта борьба с правым уклоном не нашла никакого отражения. Спохватившись об этом в январе, «Вопросы Труда» «разразились» редакционной, за подписью двух редакторов из трех, статьей о «правых тенденциях в вопросах труда». И надо сказать, что, если «Вопросы Труда» *проспали* вопрос *о социалистическом соревновании, проглядели* и своевременно не поставили вопрос *о трудовой дисциплине* и причинах, вызвавших ее ослабление, если деликатно *обходили* вопрос *о производительности труда*, до сих пор не поставив вопроса об изменениях в составе рабочего класса, а следовательно, и влиянии на него мелкобуржуазной стихии, то, опять же нет ничего удивительного, что и в вопросе об искривлении классовой линии в вопросах труда «Вопросы Труда» обнаружили весьма своеобразное понимание сути и содержания правого уклона.

Итак, «Вопросы Труда» решили сказать и свое слово в борьбе с правым уклоном. В чем же его редактора (два из трех!) усмотрели «правые тенденции» в вопросах труда, что по их мнению является наиболее характерных для проявления правоуклонистских настроений в вопросах труда? *Во-первых*, «скрытые попытки задержки перевода предприятий тяжелой индустрии, удлинение сроков, оттяжка переводов, особенно металлопромышленности»... на 7-часовой рабочий день; *во-вторых*, «узкое делячество, ведомственный практицизм и мелкобуржуазный индивидуализм, на практике выражающийся в такого рода постановке хозяйственниками и профсоюзами вопроса: «лишь бы было для меня хорошо», «сорвать побольше», «запросить» и т. д.;

в-третьих, «проявление буржуазной идеологии» в области методологии учета и квалификации причин несчастных случаев. *В-четвертых*, правые тенденции, проявляющиеся в деле борьбы за трудовую дисциплину, и, наконец, невдумчивое и неосторожное проведение ряда идей трудового законодательства.

Нужно ли говорить, что мы безусловно не застрахованы от бюрократических извращений самых лучших и политически правильных наших декретов и

[1]) В. И. Ленин, т. XV.
[2]) Там же.

что с этим нужна беспощадная борьба, но свести все проявления правого уклона в вопросах труда к «задержке перевода предприятий» на 7-часовой рабочий день, к методологии «учета и квалификации причин несчастных случаев» и т. п.—это значит не понять основного и решающего в правоуклонистских настроениях в вопросах труда, это значит обнаружить полное непонимание происходящих в стране процессов, это значит не понимать и не видеть роли, значения и влияния мелкобуржуазной стихии в вопросах труда, это значит вольно или невольно, сознательно или несознательно, но прикрывать, замазывать, маскировать опасность мелкобуржуазной стихии, а следовательно, выдать самому себе патент на примиренческое к ней отношение.

Что этакое понимание правых тенденций в вопросах труда не является для «Вопросов Труда» случайным, свидетельствует все содержание первого номера этого журнала за 1929 г.

Мы уже указывали, что, начиная, примерно, с последнего квартала прошлого года, на наших предприятиях начался процесс падения и ослабления трудовой дисциплины, сказавшийся не только в увеличении прогулов и появлений на производстве в нетрезвом виде, но и в ряде дезорганизующих производство поступков. Вот в какие формы вылилось это падение трудовой дисциплины [1]): «пьянство на производстве, прогулы по неуважительным причинам, появление хулиганства, опоздания на работу, сон на работе, случаи избиений и оскорблений специалистов, искусственное снижение производительности труда, невыход на работу в религиозные праздники (как дополнительные праздники), кражи, общие нарушения труддисциплины». Каковы же причины этого явления?

Обратимся к компетентному мнению журнала «Вопросы Труда». В № 1 этого журнала в уже цитированной нами статье замнаркомтруда тов. И. Толстопятова «Труддисциплина и прогулы» мы находим следующие «золотые» слова, дающие об'яснение указанному выше состоянию труддисциплины. «Результаты бесхозяйственности, нераспорядительности, ослабления административно-технического руководства и контроля на производстве сказываются на состоянии труддисциплины, ведут к развитию разгильдяйства и небрежного отношения к работе отдельных групп и группочек рабочих. Поэтому рабочие работают с прохладцей, спят на производстве, не выполняют в отдельных случаях распоряжений мастера, инженера, курят в шахтах, вызывая аварии, и т. д. и т. п. Статья эта не снабжена никаким примечанием редакции; тем самым мы в праве считать, что редакция разделяет все высказанные в ней положения. Так редакция, ползая с лупой в руках в поисках правого уклона, дает по меньшей мере недостаточное об'яснение причин расшатанности трудовой дисциплины. Все дело оказывается в ослаблении адм.-техн. руководства. Едва ли такое об'яснение падения трудовой дисциплины согласуется с пониманием и автора и редакторов журнала всей опасности и значения мелкобуржуазной стихии. И то, что в последующих статьях т. Толстопятов тщательно стремиться эту свою ошибку исправить, свидетельствует только о том, что в то время представление об искривлениях классовой линии в вопросах труда у тов. Толстопятова и у редакторов журнала было, мягко выражаясь, самое «туманное».

А уже кому-кому, как не «Вопросам Труда», следовало бы помнить слова Ленина, что «очень часто, когда говорят «рабочие», думают, что значит это фабрично-заводской пролетариат. Вовсе не значит. У нас со времени войны на фабрики и на заводы пошли люди вовсе не пролетарские, и пошли с тем, чтобы спрятаться от войны, а разве у нас сейчас общественные и экономические условия таковы, что на фабрики и заводы идут настоящие пролетарии? Это неверно. Это правильно по Марксу, но Маркс писал не про Россию, а про весь капитализм в целом, начиная с пятнадцатого века. На протяжении шестисот лет это правильно, а для России теперешней неверно. Сплошь да рядом шли на фабрики в то время не пролетарии, а всяческий случайный элемент».

Забывать об этом, не говорить от этом—значит дать, как это и сделано в статье в «Вопросах Труда», неверную оценку и тем самым наметить неверные методы борьбы за установление трудовой дисциплины.

Наиболее, однако, характерным для понимания журналом «Вопросы Труда» правоуклонистских тенденций и настроений в вопросах труда является помещение «в дискуссионном порядке», в том же номере журнала статьи Айзенберга «Развертывание промышленности и численность рабочей силы в СССР». Автор этой статьи, анализируя выполнимость намеченного в пятилетке плана развития промышленности и останавливаясь на вопросе о производительности труда, приходит к выводу о том, что «качественный анализ и исправление данных ВСНХ дают... рост выработки не 95%, а 16%. *Материальные предпосылки роста производительности труда большего дать не могут* (подчеркнуто мною. **А. Ю.**).

[1]) И. Толстопятов—«Труддисциплина и прогулы».

Остаются факторы, зависящие от самого рабочего, т.-е. повышение интенсивности труда».

Какие же выводы надо сделать из этого положения? Вывод один, либо пятилетка ВСНХ нереальна, тем самым нереален намеченный темп накопления промышленности, нереален весь план индустриализации, либо пятилетка ВСНХ осуществима в части роста производительности труда за счет невероятнейшего нажима на рабочего, за счет невероятнейшей интенсификации его труда. И здесь мы являемся свидетелями трогательного единства Айзенберга с нашими «критиками» из «Социалистического Вестника» и «Последних Новостей». Ибо именно так ставят вопрос и они, именно с этой стороны и такими же доводами «опровергают» они реальность пятилетнего плана! Как же после этого редакторам «Вопросов Труда» не искать проявлений правого уклона в «методологии учета и квалификации несчастных случаев»!

И разве не подлинным пролетарским ответом на эту буржуазную, контрреволюционную галиматью, печатаемую «в дискуссионном порядке», является тот величайший энтузиазм, который охватил рабочий класс в деле выполнения задач социалистического строительства и который нашел свое выражение в широкой волной развернувшемся социалистическом соревновании! Какие только формы не принимает этот производственный энтузиазм! Характерны в этом отношении следующие факты, сообщаемые в одном из последних номеров газеты «Труд» [1]).

«Все те формы обслуживания культработой социалистического соревнования, которые применяются у нас, не выдумывались ни культсовещаниями, ни культотделами союза, а как-то выпирали снизу.

Вот так, как-то незаметно всплыл снизу один из интереснейших методов работы—шефство над плохо работающим уступом.

Зародилось это новое дело в одном из клубов района. 2 месяца клубники вели работу с подшефниками: устраивали вечера вопросов и ответов, организовали школу ликвидации неграмотности для рабочих уступа, обслуживали их всеми видами культработы, ходили беседовать на квартиры. И результат: плохой уступ стал лучшим, получил первую премию»

В борьбе за производительность труда, за трудовую дисциплину лучшие работники подтягивают отстающих.

«Любопытный метод борьбы с прогульщиками применяется в Черенкове (Донбасс). Там из членов клубных кружков организовали патрули будильщиков. По понедельникам и субботам, когда шахтеры в пьяном виде валяются на койках, патрули-будильщики после утреннего гудка обходят квартиры неблагополучных по выходам рабочих и, стуча в окно, покрикивают:

— Эй, товарищ, не забудь сегодня явиться на работу.

На шахте же вывешивается список лиц, разбуженных сегодня патрулем. Действует это замечательно. Может быть, рабочий и сам бы явился на работу, но тот факт, что его кто-то разбудил, действует убедительно» [1]).

В помощь борьбе за себестоимость вступили даже кружки изобразительных искусств:

«Кружки изобразительных искусств при горняцких клубах Луганщины рисуют большие портреты лучших рабочих. Портреты вывешиваются в клубе, под каждым из них ежедневно отмечаются производственные достижения изображенного на нем рабочего. После того, как рабочий в течение определенного времени удерживает за собой первенство, портрет в торжественной обстановке передается в собственность рабочему.

Там же практикуются переходящие призы: художественно выполненные знамена и портреты вождей» [1]).

Передовые рабочие, сами ставят вопрос о снижении им расценков и пересмотре норм, сами ставят вопрос о повышении производительности труда и на деле показывают, какими величайшими возможностями обладает рабочий класс, вступивший в социалистическое соревнование, активный участник социалистического строительства. А «Вопросы Труда» — руководящий (не смешно ли!) орган по вопросам труда—«не заметив», «проглядев» это величайшее движение, охватившее широчайшие слои рабочего класса, не уделивший ни одной строчки этому движению, «в дискуссионном порядке» печатает меньшевистско-кадетскую критику, того самого пятилетнего плана, который и пробудил этот творческий энтузиазм сотен тысяч и миллионов трудящихся!

Непонимание задач, стоящих перед пятилетним планом, перед социалистическим строительством, нашло свое выражение и в статье т. Винника, предлагающего заработную плату в легкой промышленности повышать не в соответствии с ростом производительности.

---

[1]) «Труд» от 14 июля.

Не важно, что по этому вопросу имеются совершенно четкие директивы партии. «Вопросы Труда» еще «обсудят» этот вопрос. Или редакция считает решения партии для нее не обязательными? Или она считает необходимым пересмотреть эти решения?

Что думала редакция «Вопросов Труда» обсуждать в статье Айзенберга? Гнусную клевету на партию, на диктатуру пролетариата о том, что пятилетка построена на выжимании пота из рабочих?!

Что думала редакция, предлагая обсуждать извращающую линию партии статью тов. Винника?

Печатание таких статей с предложением их обсудить есть недопустимое шатание. Это делают лишь тогда, когда не знают, где правая, где левая сторона. И да простит нам редакция, нам кажется, что в данном случае имело место именно это положение. Ибо в противном случае как об'яснить, что та же редакция, которая поместила статьи Айзенберга и Винника в № 1, не отмежевавшись от них, не дав на них ответа и в следующем, втором номере журнала, спустя 2—3 месяца помещает против них статьи со следующими примечаниями: к ст. Ологицкого и гр. Шварц, о том, что редакция согласна в основном с ответными положениями этих авторов, ибо «статья тов. Айзенберга давала по существу политически неверную критику в центральных вопросах пятилетнего плана ВСНХ... Айзенберг допустил ряд теоретических ошибок...»; к ст. Н. В. в ответ на статью тов. Винника, указанную нами выше, редакция дает примечание, что она (ст. Н. В.) отражает точку зрения редакции, а в статье этой черным по белому написано (правильно написано): «Установка тов. Винника политически совершено неправильна, извращает линию партии по вопросам зарплаты и направлена к удовлетворению цеховых интересов во вред общеклассовым интересам и задачам».

По существу правильно. Но разве редакция не обязана была своевременно отмежеваться от статьи, которая «извращает линию партии»? Или у редакции не было точки зрения на эти вопросы до.., выхода в свет 3 и 4 номеров. Мы считаем такое положение совершенно недопустимым и позволим себе надеяться, что в дальнейших номерах редакция вместо того, чтобы плестись в хвосте мелкобуржуазной стихии (как это особенно ярко было выражено в первом номере журнала), будет действительно отстаивать принятую партией генеральную линию строительства социализма в нашей стране.

А. Юрисов.

Л. М. САБСОВИЧ.—«СССР через 15 лет. Гипотеза генерального плана, как плана построения социализма в СССР». Изд. «Плановое Хозяйство», 1929 г.

Книжка Л. М. Сабсовича является попыткой набросать генеральную перспективу развития СССР на 15 лет и уже поэтому заслуживает внимания.

Эта небольшая книжка в 150 страниц «карманного» формата намечает решение вопроса о сроках построения социализма в СССР.

Критика этой книжки началась уже в момент ее «рождения». Сам автор признает, что «такого рода убеждение», как излагаемое им,—«отнюдь не является широко распространенным» и что его расчеты могут показаться «астрономическими», «исключительно грандиозными», «невероятными», беспочвенным фантазерством».

Надо согласиться, что многими ряд расчетов и утверждений Сабсовича будет принят именно как «беспочвенное фантазерство», «проявление темперамента» и т. п. Сила привычки—великая сила. Не так давно было то время, когда теория «затухающих кривых» (исходя из того положения, что резервы для развития тем темпом, каким мы шли до сих пор, исчерпываются с окончанием периода восстановления остановленных во время гражданской войны фабрики и заводов) признавалась едва ли не законом нашего развития.

Л. М. Сабсович решительно противопоставляет этой теории «затухающих кривых» теорию нарастающих темпов развития.

Автор утверждает, что теория «затухающих кривых» нашего развития является «реакционной легендой, вымыслом, ничего общего с действительностью не имеющим», что «это якобы «об'ективное» маловерие специалистов «скрывало» за собой чуждую пролетариату идеологию».

Основа, центральная ось гипотезы Л. М. Сабсовича—это проблема темпов, прежде всего темпов промышленности.

Остаются факторы, зависящие от самого рабочего, т.-е. повышение интенсивности труда».

Какие же выводы надо сделать из этого положения? Вывод один, либо пятилетка ВСНХ нереальна, тем самым нереален намеченный темп накопления промышленности, нереален весь план индустриализации, либо пятилетка ВСНХ осуществима в части роста производительности труда за счет невероятнейшего нажима на рабочего, за счет невероятнейшей интенсификации его труда. И здесь мы являемся свидетелями трогательного единства Айзенберга с нашими «критиками» из «Социалистического Вестника» и «Последних Новостей». Ибо именно так ставят вопрос и они, именно с этой стороны и такими же доводами «опровергают» они реальность пятилетнего плана! Как же после этого редакторам «Вопросов Труда» не искать проявлений правого уклона в «методологии учета и квалификации несчастных случаев»!

И разве не подлинным пролетарским ответом на эту буржуазную, контрреволюционную галиматью, печатаемую «в дискуссионном порядке», является тот величайший энтузиазм, который охватил рабочий класс в деле выполнения задач социалистического строительства и который нашел свое выражение в широкой волной развернувшемся социалистическом соревновании! Какие только формы не принимает этот производственный энтузиазм! Характерны в этом отношении следующие факты, сообщаемые в одном из последних номеров газеты «Труд» [1]).

«Все те формы обслуживания культработой социалистического соревнования, которые применяются у нас, не выдумывались ни культсовещаниями, ни культотделами союза, а как-то выпирали снизу.

Вот так, как-то незаметно всплыл снизу один из интереснейших методов работы—шефство над плохо работающим уступом.

Зародилось это новое дело в одном из клубов района. 2 месяца клубники вели работу с подшефниками: устраивали вечера вопросов и ответов, организовали школу ликвидации неграмотности для рабочих уступа, обслуживали их всеми видами культработы, ходили беседовать на квартиры. И результат: плохой уступ стал лучшим, получил первую премию».

В борьбе за производительность труда, за трудовую дисциплину лучшие работники подтягивают отстающих.

«Любопытный метод борьбы с прогульщиками применяется в Черенкове (Донбасс). Там из членов клубных кружков организовали патрули будильщиков.

По понедельникам и субботам, когда шахтеры в пьяном виде валяются на койках, патрули-будильщики после утреннего гудка обходят квартиры неблагополучных по выходам рабочих и, стуча в окно, покрикивают:

— Эй, товарищ, не забудь сегодня явиться на работу.

На шахте же вывешивается список лиц, разбуженных сегодня патрулем. Действует это замечательно. Может быть, рабочий и сам бы явился на работу, но тот факт, что его кто-то разбудил, действует убедительно» [1]).

В помощь борьбе за себестоимость вступили даже кружки изобразительных искусств:

«Кружки изобразительных искусств при горняцких клубах Луганщины рисуют большие портреты лучших рабочих. Портреты вывешиваются в клубе, под каждым из них ежедневно отмечаются производственные достижения изображенного на нем рабочего. После того, как рабочий в течение определенного времени удерживает за собой первенство, портрет в торжественной обстановке передается в собственность рабочему.

Там же практикуются переходящие призы: художественно выполненные знамена и портреты вождей» [1]).

Передовые рабочие, с а м и ставят вопрос о снижении им расценков и пересмотре норм, с а м и ставят вопрос о повышении производительности труда и н а д е л е показывают, какими величайшими возможностями обладает рабочий класс, вступивший в социалистическое соревнование, активный участник социалистического строительства. А «Вопросы Труда» — р у к о в о д я щ и й (не смешно ли!) орган по вопросам труда—«не заметив», «проглядев» это величайшее движение, охватившее широчайшие слои рабочего класса, не уделивший ни одной строчки этому движению, «в дискуссионном порядке» печатает меньшевистско-кадетскую критику, того самого пятилетнего плана, который и пробудил этот творческий энтузиазм сотен тысяч и миллионов трудящихся!

Непонимание задач, стоящих перед пятилетним планом, перед социалистическим строительством, нашло свое выражение и в статье т. Винника, предлагающего заработную плату в легкой промышленности повышать не в соответствии с ростом производительности.

---

[1]) «Труд» от 14 июля.

Не важно, что по этому вопросу имеются совершенно четкие директивы партии. «Вопросы Труда» еще «обсудят» этот вопрос. Или редакция считает решения партии для нее не обязательными? Или она считает необходимым пересмотреть эти решения?

Что думала редакция «Вопросов Труда» обсуждать в статье Айзенберга? Гнусную клевету на партию, на диктатуру пролетариата о том, что пятилетка построена на выжимании пота из рабочих?!

Что думала редакция, предлагая обсуждать извращающую линию партии статью тов. Винника?

Печатание таких статей с предложением их обсудить есть недопустимое шатание. Это делают лишь тогда, когда не знают, где правая, где левая сторона. И да простит нам редакция, нам кажется, что в данном случае имело место именно это положение. Ибо в противном случае как об'яснить, что та же редакция, которая поместила статьи Айзенберга и Винника в № 1, не отмежевавшись от них, не дав на них ответа и в следующем, втором номере журнала, спустя 2—3 месяца помещает против них статьи со следующими примечаниями: к ст. Ологицкого и гр. Шварц, о том, что редакция согласна в основном с ответными положениями этих авторов, ибо «статья тов. Айзенберга давала по существу п о л и т и ч е с к и н е в е р н у ю к р и т и к у в центральных вопросах пятилетнего плана ВСНХ... Айзенберг д о п у с т и л р я д т е о р е т и ч е с к и х о ш и б о к...»; к ст. Н. В. в ответ на статью тов. Винника, указанную нами выше, редакция дает примечание, что она (ст. Н. В.) отражает точку зрения редакции, а в статье этой черным по белому написано (правильно написано): «Установка тов. Винника п о л и т и ч е с к и с о в е р ш е н о н е п р а в и л ь н а, и з в р а щ а е т л и н и ю п а р т и и по вопросам зарплаты и направлена к удовлетворению ц е х о в ы х и н т е р е с о в в о в р е д о б щ е к л а с с о в ы м и н т е р е с а м и з а д а ч а м».

По существу правильно. Но разве редакция не обязана была с в о е в р е м е н н о отмежеваться от статьи, которая «извращает линию партии»? Или у редакции не было точки зрения на эти вопросы до.. выхода в свет 3 и 4 номеров. Мы считаем такое положение совершенно недопустимым и позволим себе надеяться, что в дальнейших номерах редакция вместо того, чтобы плестись в хвосте мелкобуржуазной стихии (как это особенно ярко было выражено в первом номере журнала), будет действительно отстаивать принятую партией генеральную линию строительства социализма в нашей стране.

А. Юрисов.

Л. М. САБСОВИЧ.—«СССР через 15 лет. Гипотеза генерального плана, как плана построения социализма в СССР». Изд. «Плановое Хозяйство», 1929 г.

Книжка Л. М. Сабсовича является попыткой набросать генеральную перспективу развития СССР на 15 лет и уже поэтому заслуживает внимания.

Эта небольшая книжка в 150 страниц «карманного» формата намечает решение вопроса о с р о к а х п о с т р о е н и я с о ц и а л и з м а в СССР.

Критика этой книжки началась уже в момент ее «рождения». Сам автор признает, что «такого рода убеждение», как излагаемое им,—«отнюдь не является широко распространенным» и что его расчеты могут показаться «астрономическими», «исключительно грандиозными», «невероятными», беспочвенным фантазерством».

Надо согласиться, что многими ряд расчетов и утверждений Сабсовича будет принят именно как «беспочвенное фантазерство», «проявление темперамента» и т. п. Сила привычки—великая сила. Не так давно было то время, когда теория «затухающих кривых» (исходя из того положения, что резервы для развития тем темпом, каким мы шли до сих пор, исчерпываются с окончанием периода восстановления остановленных во время гражданской войны фабрики и заводов) признавалась едва ли не законом нашего развития.

Л. М. Сабсович решительно противопоставляет этой теории «затухающих кривых» теорию нарастающих темпов развития.

Автор утверждает, что теория «затухающих кривых» нашего развития является «реакционной легендой, вымыслом, ничего общего с действительностью не имеющим», что «это якобы «об'ективное» маловерие специалистов «скрывало» за собой чуждую пролетариату идеологию».

Основа, центральная ось гипотезы Л. М. Сабсовича—это проблема темпов, прежде всего темпов промышленности.

Автор считает, что:

«...Мы действительно в кратчайший исторический период догоним и обгоним передовые капиталистические страны... в период, примерно, в 15 лет, мы действительно сможем построить социализм в нашей стране (стр. 8)... основываясь в основном на внутренних ресурсах... сможем окончательно перестроить социальную структуру нашей страны, уничтожить в ней классы (14), сможем преодолеть мелкокрестьянскую форму хозяйства и, заменив ее коллективизированной формой крупного хозяйства,—уничтожим мелкое производство»... за пределами 15-летнего периода Советский Союз будет развиваться уже «в условиях вполне оформленного социалистического строя»... (108)...

Автор показывает далее, что означают такие темпы развития в конкретном цифровом выражении: продукция крупной промышленности к концу 1-го пятилетия должна увеличиться в 2,6 раза (23,5 мрд. руб.), к концу 2-го пятилетия примерно в 8 раз (72 мрд. руб.), к концу 3-го пятилетия в 27,5 раз (244 мрд. руб.), а к концу 4-го пятилетия в 100 раз (885 мрд. руб.) по неизменной себестоимости 1927 года...

«...Мы должны по меньшей мере упятерить нашу сеть или построить за 15 лет не менее 300 т. километров жел.-дор. пути.... а «за четвертое пятилетие мы должны будем построить свыше 500 тысяч км. пути».

«...Урожайность зерновых культур может быть за 15 лет утроена, валовая продукция технических культур может быть увеличена в 100 раз...»

За 15 лет мы сможем осуществить «право на труд», «освободить от общественно-обязательной работы всех лиц моложе 21 года и старше 49 лет».

Вышеприведенные расчеты проектировки Л. М. Сабсовича кажутся грандиозными даже в сравнении с «планом великих работ»,—с пятилетним планом хозяйственного строительства СССР (1928—29 г.—1932—33 г.). Это резко подчеркивается и диаграммой количественного роста производства, помещенной на стр. 33 книжки Сабсовича: вместо «привычной» «затухающей кривой» мы здесь находим «сумасшедший», крутой скачек вверх от уровня 1927—1928 г., принятого за единицу, через (сравнительно) спокойный под'ем первой пятилетки (в 2,6 раза) **к увеличению в 184 раза производства тяжелой индустрии и в 40 раз**—производства легкой индустрии,—к концу двадцатилетия!

Грандиозность этих намечаемых автором задач особо подчеркивается, если вспомнить о том огромном расстоянии, которое отделяет нас от передовых капиталистических стран; о том, что, например, продукция САСШ превышает нашу в 20—25 раз; что реальный уровень жизни американского рабочего все еще превышает уровень жизни нашего рабочего; что производительность труда американского рабочего выше нашего в 6—8 раз; что потребление железа и стали на 1 душу населения составляло в 1925 г. в САСШ 468 клг, а у нас всего 14 клг... и т. д.

Чем же определяются и насколько реальны такие темпы развития СССР? Наши плановые проектировки до недавнего времени строились, как мы уже указывали, исходя из так называемой «затухающей кривой» (для каждого последующего года темп ежегодного прироста продукции снижался),—а практика выполнения этих расчетов неуклонно вносила весьма существенные «поправки» к этой теории; так «ориентировочный перспективный план металлургической промышленности РСФСР», составленный в 1923—1924 г. намечал рост производства чугуна в 3,6 раза,—а фактический рост был в 10 раз; на пороге реконструктивного периода, перед началом 1927—1928 г. рост продукции на этот год по Госплановской проектировке намечался в размере 16,3%, в ноябре этого же года наметку подняли до 18,1%; фактический же рост составил за год 24—25%,—«превысив в полтора раза рост, намеченный первой пятилеткой», на текущий 1928—1929 г. первая пятилетка намечала рост продукции в 13,1%, контрольные цифры намечали 16,6%, а фактически мы будем иметь 21—22%.

Таким образом, опыт минувших лет показывает, что действительные темпы нашего хозяйственного развития далеки от теории «затухающих кривых»,—что они гораздо ближе к определению «нарастающих темпов».

Л. М. Сабсович строит такую таблицу годовых приростов промышленной продукции:

1-е пятилетие	1928/29 г. — 20%;	1932/33 г. — 23,4%
2-е пятилетие	1933/34 г — 23,4%;	1937/38 г. — 26,9%
3-е пятилетие	1938/39 г. — 27,4%;	1942/43 г. — 27,8%
4-е пятилетие	1943/44 г. — 28%;	1947/48 г. — 30%

Можно ли такой темп годовых приростов промпродукции назвать фантастическим? Едва ли.

Едва ли могут быть возражения против такой тенденции в динамике темпов годовых приростов промышленной продукции. Между тем именно эти размеры годовых приростов обеспечивают такой темп развития промышленности, при котором достигается не только увеличение промышленной продукции к концу четвертой пятилетки в 100 раз, но и такое увеличение внутрипромышленных накоплений, которое позволяет значительную часть накоплений промышленности (500 миллиардов за 20 лет!) направить на ускорение развития других отраслей народного хозяйства—сельского хозяйства прежде всего.

При этом необходимо отметить, что такие накопления в промышленности не только не противоречат директивам партии о снижении отпускных цен, об удешевлении промтоваров для деревни, а, наоборот, именно из этих директив и исходят: гипотеза проектирует снижение себестоимости за 20 лет на 75% и отпускных цен на 60%.

Надо отметить, что некоторые расчеты автора утрачивают свою исключительную невероятность при сравнении с Западом и в особенности с САСШ; так, построив в согласии с наметкой автора, за 4-е пятилетие 500 тысяч километров железнодорожного пути, мы (через 20 лет!) по густоте железнодорожной сети не достигнем еще нынешней густоты сети САСШ.

А ведь перед страной не автором рассматриваемой гипотезы, но партией, революцией, историей поставлена задача—в минимальный исторический срок нагнать, а затем и превзойти уровень индустриального развития передовых капиталистических стран.

Здесь нет необходимости повторять расчеты и доводы, которыми автор обосновывает реальность всех его цифровых наметок и проектировок. Дело не в цифрах, условность которых понимает и сам автор, а в тенденциях, иллюстрацией которых являются цифровые наметки и цифровые расчеты гипотезы. И с этой точки зрения едва ли можно возражать против тех предпосылок, которые положены в основу гипотезы Л. М. Сабсовича.

Следует отметить, что проблему темпов автор решает на основе анализа нашего роста за предыдущие годы,—в полном соответствии с принципиальными основами пятилетки хозяйственного строительства.

В то же время следует подчеркнуть, что перед пятилеткой, которая недавно еще казалась почти невыполнимой многим скептикам, уже сейчас открываются новые возможности, гораздо более широкие перспективы. Практика выполнения пятилетки уже в текущем году дает нам ряд иллюстраций, подтверждающих теорию нарастания темпов [1]).

В движение пришли массы рабочего класса и бедняцко-середняцкого крестьянства, и именно в этом залог того, что наши (недавно казавшиеся слишком смелыми) мечты сегодня оказываются превзойденными жизнью. Значение этих моментов прекрасно предвидел Ленин, когда писал:

«Придавленные капиталистическим строем, мы не можем в точности даже представить себе в настоящее время, какие богатые силы.... таятся и могут развернуться при социалистическом устройстве общества» [2]).

«...Сомкнуться с крестьянской массой, с рядовым трудовым крестьянством и начать двигаться вперед неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали, но зато так, что действительно будет двигаться вся масса с нами. **Тогда ускорение этого движения в свое время наступит такое, о котором мы сейчас и мечтать не можем»** [3]).

На основе своих проектировок темпов развития СССР, автор развертывает перед читателями широкую картину развивающегося социализма; в круг рассматриваемых вопросов на ряду с проблемой темпов и роста накоплений в промышленности, снижения себестоимости в более или менее конкретном цифровом освещении входят также основные показатели по труду, транспорт, сельское хозяйство, проблема избыточного населения, культурная революция и обобществление быта, проблема создания нового человека.

Автор «пытается заглянуться в лицо нового человека» и считает, что «вопрос о том, как наиболее целесообразно жить человечеству в социалистическом строе»—пора начать разрабатывать более основательно.

В этой второй части работы Л. М. Сабсовича многое может быть подвергнуто строгой критике; здесь и схоластический оттенок некоторых исчислений и

[1]) См., напр., передовую в этом номере «Большевика».
[2]) См. «Очередные задачи советской власти».
[3]) В. И. Ленин, т. XVIII, ч. 2.

фантастические наброски (например, автор считает, что через 15 лет можно будет «смести с лица земли все существующие города, села, деревни в их теперешнем виде и построить новые поселения...»).

Давая такую гипотезу построения социализма, автор отрывает ее не только в тенденциях, но и в сроках,—от ряда крупнейших факторов, которые (даже не говоря о войне) в действительности имеются и несомненно окажутся налицо еще в продолжение ряда лет; автор ведет страну вперед к социализму ровной и прямой дорогой.

Этот момент отрыва необходимо здесь отметить для того, чтобы подчеркнуть всю условность определенных автором сроков построения социализма в СССР. Отмечает его и сам автор.

Но наличие этого момента ни в какой мере не колеблет правильности решения автором основной, важнейшей части поставленной им задачи—«показать, какими масштабами мы должны измерять наше развитие в течение ближайших 15—20 лет»...

Вполне сознавая наличие ряда недостатков и условностей в своей гипотезе генерального плана, автор все же опубликовал ее, руководствуясь желанием посильно помочь проникновению в массы пролетариата конкретного представления о наших перспективах, о наших действительных возможностях, о темпах нашего развития и тем самым содействовать мобилизации энергии и творческой активности масс на дело социалистического строительства. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал огромную роль печати в деле «экономического перевоспитания масс населения»,—перевоспитания тем более необходимого, что «буржуазные писатели исписали и исписывают горы бумаги, воспевая конкуренцию, частную предприимчивость и прочие великолепные доблести и прелести капиталистического порядка, что основные принципы и приемы своего хозяйничания буржуазия умела хорошо внедрять в массы»... При всей условности ряда расчетов и построений рассматриваемой гипотезы нужно признать, что в разрешении этой задачи, в борьбе за мобилизацию активности и, как говорил Ленин, за «экономическое перевоспитание масс»,—книжка Л. М. Сабсовича будет хорошим бойцом

С. Шапурин.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 15 15 АВГУСТА № 15

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 9

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА"

Главлит № А—37137. Тираж 70.000 экз.

Типография газеты „Правда“, Москва, Тверская, 48.

Итоги X пленума ИККИ.

X пленум Коминтерна дал оценку общему экономическому и политическому положению в капиталистических странах в связи с положением в Советском Союзе и наметил очередные задачи Коминтерна в целом и его отдельных секций.

X пленум целиком и полностью подтвердил основные решения, вынесенные VI конгрессом Коминтерна год назад. Каковы были характерные черты экономического и политического положения капиталистических стран, отмеченные на VI конгрессе? Прежде всего, VI конгресс отметил вхождение послевоенного капитализма в так называемый третий период, характеризующийся обострением всех противоречий капиталистической системы, расшатыванием капиталистической стабилизации и в связи с этим полевением рабочих масс. На почве анализа противоречий капиталистической стабилизации и их роста VI конгресс установил факт увеличивающейся военной опасности, в частности опасности нападения на СССР. Поэтому он специально обсудил вопрос о военной опасности в качестве одного из основных пунктов своего порядка дня. Далее VI конгресс, имея в виду сращивание социал-демократии с буржуазным и буржуазно-фашистским государственным аппаратом, признал необходимым усиление и заострение борьбы с социал-демократией, особенно с ее левой частью. В связи с этим VI конгресс целиком и полностью одобрил решения происходившего за несколько месяцев до него IV конгресса Профинтерна, сущность которых заключалась в необходимости для компартии и красных профсоюзов проводить самостоятельную тактику руководства экономической борьбой рабочего класса, отказавшись от тактики единого фронта с верхушкой амстердамского профсоюзного аппарата. Исходя из факта обострения противоречий капиталистической стабилизации, VI конгресс поставил перед всеми партиями задачу усиленной борьбы со стабилизационными настроениями, с примиренчеством по отношению к социал-демократии и в особенности к ее левой части, с фетишистским отношением к легальности буржуазного классового государства, которые составляли тогда в основном сущность правого уклона от линии Коминтерна. VI конгресс счел необходимым к решению IX пленума, состоявшегося за несколько месяцев до него и поставившего борьбу с правой опасностью во главу угла работы компартий, добавить весьма существенный момент, подчеркнув необходимость преодоления не

только правых уклонов от линии Коминтерна, но и примиренческого отношения к ним. И, наконец, в связи со всей данной им оценкой международного положения, в связи с задачей активизации и боевизации компартий, VI конгресс Коминтерна признал необходимым укрепить идейную и организационную сплоченность и дисциплину внутри своих секций.

Таковы были основные решения VI конгресса. X пленум Коминтерна еще раз констатировал правильность всех этих решений, целиком подтвердил общий анализ международной обстановки, данный VI конгрессом. Но на ряду с этим подтверждением X пленум Коминтерна к анализу, данному VI конгрессом, прибавил ряд очень существенных и важных моментов. Прежде всего, X пленум констатировал факт продолжающегося ухудшения положения рабочего класса, рост безработицы в главнейших капиталистических странах, все более и более широкое проведение капиталистической рационализации за счет рабочего класса. Правда, на пленуме нашлись отдельные товарищи, которые пытались оспаривать факт абсолютного ухудшения положения рабочего класса (т. Варга), слишком некритически восприняв данные буржуазной статистики. Однако, весь пленум в целом дал самый решительный отпор этим, по существу, право-оппортунистическим тенденциям, замазывающим развитие противоречий капиталистической стабилизации и последствия этого развития для рабочего класса. На основании анализа борьбы рабочего класса в главнейших капиталистических странах X пленум констатировал развитие и углубление процессов полевения и революционизирования масс, перерастающего уже в настоящее время в начало революционного под'ема (по крайней мере, в таких странах, как Германия, Франция, Польша).

X пленум констатировал дальнейшее обострение противоречий внутри капиталистической системы обострение борьбы за рынки и рост военной опасности. Он сделал это на основании оценки всех важнейших фактов международной политики за последнее время (англо-американское соперничество, вопрос о межсоюзных долгах, репарации, события на К.-В. ж. д. и т. д.). X пленум констатировал продолжающееся сращивание социал-демократии с буржуазным и буржуазно-фашистским аппаратом. Яркий пример этого сращивания, превращения социал-демократии в прямое орудие подавления рабочего движения дали майские события в Германии. Управляемая правительством, в котором решающая роль принадлежит социал-демократии, Германия все более и более становится образцовой страной социал-фашизма: систематического применения со стороны социал-демократии фашистских методов подавления рабочего движения.

Совсем незадолго до начала работ X пленума на международной арене появилось английское так называемое «рабочее правительство» Макдональда. Еще не имея данных о работе этого правительства, пленум единогласно оценил его, как правительство проведения капиталистической рационализации и подготовки новой империалистической войны. Нечего и говорить, что вся последующая политика правительства Макдональда за короткое время, последовавшее за X пленумом, со всей очевидностью подтвердила эту оценку. Само собой разумеется, что в связи с продолжающимся сращиванием социал-демократии с буржуазным и буржуазно-фашистским аппаратом становится еще более опасной роль левой социал-демократической фразы для масс и опасность правых уклонов для коммунистических партий.

Период от VI конгресса до X пленума был чрезвычайно богатым событиями периодом во внутренней жизни Коминтерна и его отдельных партий. Меньше чем за год, протекший со времени решений VI конгресса, правые в целом ряде партий уже вышли за пределы Коминтерна и открыто выступают против него. В то время, когда Коминтерн говорит о дальнейшем расшатывании капиталистической стабилизации, правые говорят о ее укреплении. Коммунистич. Интернационал стоит на точке зрения роста военной опасности, правые вслед за социал-демократами заявляют, что военная опасность за последнее время стала меньше. Коминтерн подчеркивает фашизацию социал-демократической верхушки, правые решительно выступают против этого, доказывая, что ничто по существу не изменилось внутри социал-демократии. Для Коминтерна из наличия фашистского перерождения социал-демократической верхушки вытекает отказ от тактики единого фронта с социал-демократическими вождями, правые решительно стоят на точке зрения необходимости проведения этой тактики. Поэтому для них является абсолютно неприемлемой новая тактика Коминтерна в области профдвижения. Во всех основных вопросах политики рабочего класса правые ликвидаторы решительно расходятся с Коминтерном. Между ними лежит пропасть. Там, где Коминтерн говорит: «белое», правые вслед за социал-демократами говорят: «черное».

Далеко не бесследно прошел период после VI конгресса Коминтерна и для примиренцев. Если во время VI конгресса Коминтерна так называемое примиренчество формально подчеркивало свою солидарность с основной линией Коминтерна и отступало открыто от этой линии только по вопросу о тактике по отношению к правым, о методах борьбы с правой опасностью, то в настоящее время положение радикальным образом изменилось. Пленум констатировал скатывание примиренцев в целом ряде крупнейших партий, прежде всего в германской, на позиции правых. По вопросу о капиталистической стабилизации примиренцы вслед за правыми настаивают на якобы факте укрепления капиталистической стабилизации; так же решительно, как и правые, примиренцы отрицают новую профсоюзную тактику, так же, как и правые, они до сих пор не желают усвоить основного положения в решениях VI конгресса Коминтерна о том, что левая социал-демократия является наиболее опасной в настоящее время. Если говорить о методах борьбы против партийного руководства, проводящего линию Коминтерна в разных странах, то методы борьбы правых отличаются

от методов борьбы примиренцев только тем, что правые ведут свою борьбу совершенно открыто извне, создавая самостоятельные организации, самостоятельную прессу и т. д., примиренцы пытаются ту же самую борьбу, под теми же самыми политическими лозунгами вести внутри партии, при чем чрезвычайно характерным является то обстоятельство (мы берем типичный пример германской партии), что, направляя всю свою энергию на внутреннюю борьбу с партией, с ее линией, с ее руководством, примиренцы находятся в самых дружественных и добрососедских отношениях с правыми ликвидаторами за пределами партии.

Еще один существенный момент, связанный с внутренним состоянием наших партий, нельзя не отметить, касаясь итогов периода после VI конгресса до X пленума, — процесс **сращивания правых и троцкистских групп**, процесс почти полного стирания грани между правыми и троцкистскими ликвидаторами. По всем основным вопросам политики Коминтерна троцкисты в настоящее время если не формально, то по существу выступают вместе с правыми. Правые отрицают наличие революционного под'ема, стоя на точке зрения укрепления капиталистической стабилизации. На той же точке зрения стоят и троцкисты. В одной из своих последних статей, датированной 12/VI («Еще о Брандлере и Тальгеймере»), Троцкий, высказываясь на словах против правых ликвидаторов, на деле целиком и полностью сходится с ними в общей оценке положения и, пожалуй, идет даже дальше по сравнению с Тальгеймером и Брандлером: «Мы переживаем период огромной реакции, следующий за революционными годами (1917—23),—утверждает Троцкий.—Как показывает вся история, начиная с I Интернационала, подобного рода периоды упадка, реакции являются неизбежными... Так было во время реакции 1907—12 гг. в России (нынешний период небывалого развития социалистического строительства в СССР и крайнего обострения классовой борьбы во всем мире Троцкий сравнивает с периодом самой глухой реакции после поражения революции 1905—07 гг. в России), и так было во время войны во всей Европе».

Однако, приведенные Троцким сравнения кажутся ему недостаточными. Для того, чтобы дать представление о всей глубине и силе переживаемой «реакции», Троцкий прибавляет, что «нынешняя реакция является еще более глубокой, чем предыдущие... Я повторяю снова, что мы являемся теперь только международным обществом пропаганды». Конечно, по человечеству можно понять Троцкого. Полный развал его фракции в международном масштабе, самое очевидное, происходящее у всех на глазах ее разложение Троцкий расценивает как период реакции для всего международного рабочего движения, как период превращения коммунизма в общество международной пропаганды (каким был союз коммунистов, когда Маркс и Энгельс в 1847 г. выпускали свой знаменитый манифест). Но для нас в данном случае важны не психологические переживания Троцкого, а факт совпадения оценки международного положения (отрицание революционного

под'ема) между троцкистами и правыми ликвидаторами. И это совпадение отнюдь не случайно и не касается только одного вопроса. Мы уже говорили, что правые ликвидаторы оспаривают острую военную опасность для настоящего времени. «Мы со всей решительностью заявляем, что нынешний крик об обострении военной опасности полезен только буржуазии и социал-демократии, — заявляет орган правых ликвидаторов «Против Течения» в номере от 13/VII нынешнего года. И дальше он издевается над той борьбой, которую в настоящее время наша германская партия блестяще ведет против военной опасности. «Покушение на зарплату рабочих — приготовление к войне, нападение на социальное страхование безработных — приготовление к войне, прусский конкордат — приготовление к войне и т. д. и т. д., до бесконечности». Правые ликвидаторы считают, что не нужно так много говорить о войне, и в этом вопросе троцкисты не только проявляют полную солидарность с ними, но даже идут дальше. Из номера в номер на страницах троцкистской прессы, почти во всех ее статьях и заметках с упорством и настойчивостью, наводящими прямо на подозрительные размышления, отстаивается тезис, что военной опасности по отношению к СССР в настоящее время нет. «Доказательства (со стороны компартии Германии. *Ред.*), что мы стоим перед интервенционной войной, покоятся на совершенно одностороннем анализе и непомерных преувеличениях»,—утверждает «Фольксвилле» («Воля Народа») в номере от 20/VII. За 10 дней до этого тот же листок на видном месте помещает явно лживую заметку о том, что якобы американское правительство находится накануне признания СССР. Посмотрите, какие выводы делает из этого троцкистский орган: «Предстоящее признание России Америкой доказывает полную бессмыслицу нынешнего крика коммунистической партии Германии о военной опасности. Американский капитализм чувствует себя достаточно сильным, чтобы превратить Россию без всякой вооруженной интервенции в об'ект своей эксплоатации. Этого не видит коммунистическая партия Германии или — лучше сказать — этого она не хочет видеть, ибо политика Сталина целиком идет навстречу американскому капиталу». Такими клеветническими измышлениями, заимствованными у социал-демократов, пытается кормить немецкого рабочего грязный троцкистский листок. Вот еще характерная заметка в номере «Фольксвилле» от 22/VII, которая по своему рекордному цинизму превосходит, пожалуй, не только правых ликвидаторов, но и самые бесстыдные выпады русских меньшевиков или «Форвертса»: «Советский Союз (излагают троцкисты содержание одного из листков коммунистической партии Германии. *Ред.*) — отечество угнетенных и трудящихся—в опасности, буржуазия хочет подчинить эту большую и богатую страну капиталистическому мировому рынку, буржуазия смотрит с ненавистью и завистью на социалистическое строительство, немецкая буржуазия хочет также принять участие в готовящейся разбойнической войне. Советский Союз, где господствуют рабочие и крестьяне, находится вне пределов капиталистической эксплоатации, поэтому Лига народов организует интернациональную войну против

Советского Союза. Во всем свете в индустриальных странах Запада и в колониальных странах Востока поднимайте рабочие массы к революционной борьбе! Такими перлами,— заявляет троцкистский листок,— коммунистическая партия Германии засоряет (!?) мозги рабочих. Мы спрашиваем наемников Москвы (этот термин приобрел полное право гражданства на страницах троцкистской и правой печати. *Ред.*): что это за отечество трудящихся, которое заключает борцов русской революции в тюрьмы, что это за удивительный пример насилия по отношению к буржуазии, если Сталин отдает всю Россию в неограниченную эксплоатацию? Это называется быстрым строительством социализма, когда положение рабочего класса ухудшается, когда у него отнимают все завоевания революции. Может быть, эти люди хотят сказать, что в Советском Союзе, где господствуют кулаки (так и сказано — господствуют кулаки. *Ред.*), капиталистическая эксплоатация еще возможна... Мы напоминаем еще о сотрудничестве Литвинова с Лигой народов». Вот перлы нынешней троцкистской агитации против Советского Союза, которая и в этой области, пожалуй, даже превосходит правых ликвидаторов. И, наконец, последний перл: уже цитированная в «Правде» статья из «Фане Дес Коммунисмус» под названием «Руки прочь от России! Руки прочь от Китая!» Содержание последней статьи настолько выходит из ряда даже обычных троцкистских гнусностей, что напрашивается прямо вопрос о том, какими деньгами оплачена вся эта провокационная агитация, ведущаяся под коммунистическим флагом совершенно в духе самых грязных и гнусных листков желтого Интернационала. «Кроме отдельных вооруженных банд о войне сейчас не думает никто,— пишет жирным шрифтом автор статьи «Руки прочь»,—это знают также русские, ибо если бы сейчас была хоть какая-нибудь военная опасность, они бы никогда не решились выступать так смело»... «Мы должны со всей решительностью заклеймить двойную игру России и показать, как недостойна эта дипломатическая игра государства, именующего себя пролетарским, и так же, как мы говорим: «руки прочь от России», так мы предостерегаем все империалистические силы России «руки прочь от Китая!» Едва ли требуются комментарии к этому примеру троцкистской травли Советского Союза. Нужно отдать справедливость правым ликвидаторам: они в этом вопросе действуют гораздо умнее и осторожнее, не так открыто разоблачают себя, как прямых агентов социал-демократии и буржуазии, подготовляющей войну против Советского Союза и стремящейся убедить рабочие массы, что никакой подготовки войны нет. Правые ликвидаторы по вопросу о Восточно-Китайской дороге не решаются открыто выступать против СССР и брать под свою защиту Китай нынешнего Гоминдана и Чан Кай-ши. Они более осторожно ограничиваются травлей коммунистической партии Германии, которая якобы ведет неправильную политику, кричит о военной опасности против СССР в связи с восточно-китайским конфликтом и тем самым якобы оказывает дурную услугу самому СССР. Мы можем только сказать: поменьше таких друзей СССР, а с врагами мы кое-как и сами справимся! Как бы то ни было, но и пра-

вые ликвидаторы в своих выступлениях по поводу конфликта на К.-В. дороге удостоились иудиных поцелуев желтого «Форвертса», охарактеризовавшего это выступление, как «немногие разумные голоса в коммунистическом лагере».

Какие задачи наметил X пленум Коминтерна в соответствии с данной им оценкой международного положения и внутреннего положения компартий? Констатируя факт нарастающего революционного под'ема, X пленум поставил перед компартиями задачу перестройки всей работы в смысле ее дальнейшей активизации и боевизации. Мы имеем все основания в настоящее время говорить уже не только о полевении рабочих масс. Это полевение на почве дальнейшего обострения противоречий капиталистической стабилизации начинает перерастать в революционный под'ем, по крайней мере, в таких европейских странах, как Германия, Франция и Польша. И отсюда, прежде всего, вытекает задача во что бы то ни стало вырвать из рук социал-демократии и амстердамских профаппаратчиков руководство экономической борьбой рабочего класса, отсюда вытекает курс на перерастание развертывающейся экономической борьбы в борьбу политическую, в прямую революционную борьбу за диктатуру пролетариата. Поэтому вопрос о профсоюзной тактике, о подведении итогов применения этой тактики за время после VI конгресса, о дальнейших задачах в этой области занимал такое большое место в работах X пленума, как самостоятельный пункт порядка дня. Пленум констатировал совершенно очевидные успехи новой профсоюзной тактики вопреки противодействию правых и примиренцев. Это особенно наглядно проявилось на примере Германии. Партия имела наибольший успех перед массами именно там, где она со всей решительностью применяла новую тактику, где она открыто выставляла свои списки на выборах фабзавкомов против реформистов.

Задача нашей партии заключается в том, чтобы вырвать руководство развивающейся экономической борьбой рабочего класса из рук амстердамских профаппаратчиков, создать комитеты борьбы, которые опирались бы не только на организованные, но и на неорганизованные слои рабочего класса и которые действительно могли бы руководить экономической борьбой пролетариата. В связи с этим стоит задача овладения фабзавкомами. Пленум со всей решительностью подчеркнул необходимость дальнейшей работы внутри реформистских профсоюзов, укрепления там коммунистических фракций и организации вокруг них рабочих масс. Задача овладения экономическим движением рабочего класса неразрывно связана с курсом на перерастание этого движения в политическую борьбу за пролетарскую диктатуру, поэтому-то X пленум наметил более частое и систематическое применение методов массовых политических демонстраций и политических стачек. Развертывание этих методов борьбы, все более и более широкое применение их в международном масштабе приведет Коминтерн к высшим, прямым формам борьбы

за власть, к тому, чтобы вырвать эту власть из рук буржуазии. В связи с этим особенное значение пленум уделил подготовке к международному выступлению 1 августа. Это выступление являлось (если не считать традиционных революционных праздников) первым организованным выступлением рабочих и трудящихся масс всего мира в международном масштабе, первой открытой пробой сил Коминтерна перед лицом его врагов. Известно, какой шум подняла международная буржуазия, социал-демократические предатели и их подголоски, коммунистические ренегаты, вокруг выступления 1 августа. Буржуазия пустила в ход абсолютно все средства, какие находились в ее распоряжении, начиная с голого террора, кончая обманом, клеветой и провокацией. Социал-демократия вместе с Троцким и правыми ренегатами в свою очередь сделала все возможное и невозможное для того, чтобы сорвать первоавгустовское выступление рабочего класса. В частности троцкисты и правые ренегаты в своих листках заранее об'явили его сорванным, провалившимся. Ныне мы на основании еще неполных и отрывочных данных можем с полной уверенностью сказать, что первый опыт организованного международного выступления рабочего класса удался. Он удался не только в таких странах, как Франция и Германия, где несмотря на весь полицейский террор, наши организации могли хотя бы некоторую часть работы по подготовке к 1 августа провести в легальных рамках, он удался даже в таких странах, как Польша, где наша партия находилась и продолжает находиться в состоянии глубокого подполья, где фашистская диктатура не остановилась перед арестом тысяч коммунистов и рядовых рабочих, перед оцеплением и заключением в тюрьму целых рабочих демонстраций, что, например, имело место в Варшаве.

Но само собой разумеется, коммунистические партии ни в коем случае не могут удовольствоваться результатами выступления 1 августа. Необходимо продолжать самую интенсивную работу в массах, необходимо неуклонно и систематически отвоевывать эти массы, отвоевывать большинство пролетариата, отвоевывать в частности социал-демократических рабочих на сторону коммунизма. Необходимо со всей решительностью развертывать борьбу с растущей военной опасностью. Это подчеркнул X пленум Коминтерна, и такие выводы вытекают из опыта выступления 1 августа. Это выступление еще раз воочию показало, какая глубокая пропасть отделяет Коминтерн от правых и левых ренегатов коммунизма, целиком и полностью перешедших на сторону социал-демократии, ставших в этот день решающего столкновения классовых сил в международном масштабе по ту сторону баррикад. Разумеется, поведение правых ликвидаторов (не говоря уже о троцкистских) по отношению к 1 августа не было случайным и вытекало из всей их предыдущей тактики. Поэтому совершенно понятно и естественно, что по вопросу о борьбе с правыми X пленум сделал решительный шаг вперед по сравнению с VI конгрессом. Если VI конгресс подчеркнул правую опасность как главную опасность внутри Коминтерна и признал необходимым бороться не только

против правой опасности, но и против всякого примиренческого отношения к ней, то X пленум констатировал необходимость очищения коммунистических партий от оппортунистических, ренегатских, ликвидаторских элементов, имея в виду правых уклонистов. Защиту правых взглядов, переросших в самостоятельную, по существу социал-демократическую идеологию, не имеющую ничего общего с Коминтерном, X пленум признал несовместимой с принадлежностью к Коминтерну. X пленум констатировал также, что еще далеко не все партии после VI конгресса провели достаточно решительную борьбу против правых внутри своих рядов. Есть целый ряд партий, где этой борьбы не было совсем или где она была совершенно недостаточной. Есть целый ряд фактов, когда в руководстве партий делались грубые правые ошибки, не разоблаченные достаточно до сих пор при словесном согласии с линией Коминтерна. Возьмем хотя бы Англию. Есть элементы даже внутри центрального комитета коммунистической партии Англии, которые недостаточно осознали опасность левого крыла рабочей партии и недостаточно решительно с ним боролись во время последних выборов. Коммунистическая партия Италии, являющаяся одной из лучших партий Коминтерна, ведущая героическую борьбу с фашистской диктатурой в самых тяжелых условиях, в лице своего центрального комитета несколько запоздала с началом развертывания борьбы против правой опасности и не проявила в этой борьбе до сих пор достаточной решительности и последовательности по части организационных выводов. Это видно на примере отношения к тов. Серра, который, несмотря на свои явно ликвидаторские взгляды, остается в составе политбюро. Мы имеем дальше пример шведской партии, где до сих пор не усвоена тактика необходимости острой борьбы с социал-демократией, где известные элементы партии не отказались фактически от тактики единого фронта с социал-демократическими вождями. X пленум Исполкома Коминтерна поставил перед всеми секциями Коминтерна задачу продолжения и дальнейшего развертывания борьбы с правыми, задачу перенесения этой борьбы также и в те партии, где до сих пор ее не было или почти не было. Весьма решительный шаг сделан X пленумом и по отношению к примиренцам, которые в целом ряде партий, в частности в германской, по существу скатились к правым и которые до сих пор занимались тем, что вели борьбу с партией, сохраняя самые дружественные и добрососедские отношения с правыми. X пленум ИККИ поставил ультиматум примиренцам о том, что они должны прекратить свою двусмысленную игру, являющуюся на самом деле прикрытием и соучастием в борьбе правых против партии, что они должны сделать решительный выбор между линией партии и линией правых, что они должны вместе с партией повести решительную и беспощадную борьбу против правых, в противном случае Коминтерн вынужден будет поставить вопрос о дальнейшем пребывании примиренцев внутри Коминтерна.

В заключение мы считаем необходимым указать на те выводы, которые вытекают из решений ИККИ для ВКП(б), как крупнейшей секции Коминтерна. Успешный ход социалистического строительства СССР играет колоссальную и все растущую роль в деле революционизирования широких пролетарских масс капиталистических стран. Все коммунистические партии в настоящее время, вступая в период острых и решительных боев с капиталом, равняются по ВКП(б), как по авангарду международной пролетарской революции. Но на ряду с этим все гнилые, оппортунистические, отходящие к социал-демократии, исключенные из Коминтерна, или находящиеся накануне исключения элементы ориентируются на наших правых. Весьма характерным примером в этом отношении является доклад в ЦК итальянской партии тов. Серра, одного из крупных примиренцев, который по примеру других примиренцев целиком скатился в настоящее время на позицию правых. Мы приводим несколько цитат из той части его доклада, которая относится к характеристике положения в СССР и которая является почти буквальным воспроизведением всех тех аргументов, которые выдвинули правые и примиренческие элементы ВКП(б) против генеральной линии партии. «Необходимо стремиться к общему поднятию сельского хозяйства,— пишет Серра,— борьба против кулака не должна вестись в административной области. Кулак должен быть побит на экономической почве» (примерно то же самое говорили наши правые по поводу мер общественного воздействия на кулака. *Ред.*). «Призрак кулака, — утверждает Серра, — терроризировал всех. Нэп проводился в деревне с колебаниями, неуверенно... шаг вперед — два назад, без необходимой твердости. В особенности с 1928 г. стали забывать, что основная потребность заключается в общем поднятии продукции производства в деревне. На XV с'езде ухватились за иллюзию, будто прошел уже момент для внесения глубоких изменений в сельскохозяйственную политику. Согласно XV с'езду основная задача заключается не в преодолении огромной нищеты деревни, а в ликвидации капиталистических элементов. Приходится, следовательно, думать, что общий уровень благосостояния производства в деревне уже таков, что нет более необходимости его повышать. Это неверно. Я думаю, что XV с'езд слишком рано сошел с почвы XIV с'езда. Надо расценивать решения XV с'езда по вопросу о развитии колхозов, имея в виду эту ошибочную оценку». Так и кажется, что тов. Фрумкин водил пером т. Серра, так и кажется, что т. Серра буквально выучил наизусть письма тов. Фрумкина и некоторые другие документы более видных представителей правого уклона. Что говорит тов. Серра о наших мероприятиях по проведению хлебозаготовок? «Кулака не находили—и в результате кулаком был об'явлен середняк». Вслед за правыми Серра повторяет их ходячую клевету, что партия под видом кулака вела и ведет войну против середняка. Правда, Серра готов быть снисходительным по отношению к нашей партии, он делает ей большую уступку и признает, что «кулацкая опасность существует», «но при данном положении, — сейчас же исправляется он,—она есть нечто второстепенное. Кулацкая опасность становится серьезной, поскольку наша политика способствует об'единению вокруг кулака всех недовольных в деревне. Кардинальный способ борьбы с кулаком заключается в усилении размаха деревенской жизни (?!), в содействии преуспеянию деревни в целом» (курсив Серра). «Необходимо,— пишет Серра, — чтобы доход кулака стал средним доходом подавляющей массы крестьянства». Партия, по мнению Серра, должна будет держать курс на превращение всех крестьян в кулаков, тогда, может быть, уже будет своевременно приступить к развитию социалистических элементов сельского хозяйства. Таким предстал тов. Серра перед ЦК итальянской партии, напичканный ходячими аргументами и прогнозами наших правых уклонистов. Как известно, одним из ходячих аргументов правых за последнее время было обвинение партии в скатывании к троцкизму. Не случайно поэтому, что теперь и Серра бросает нашей партии такое же обвинение: «Троцкистская идеология, — пишет он, — в 1928 году была распространена гораздо более широко, чем это думают». Весьма характерно, что понимает Серра под троцкистской идеологией. Оказывается, «о тайном заигрывании с троцкизмом свидетельствуют три документа: сентябрьская речь Куйбышева, письмо ЦК ВКП(б) к московской организации и речь Сталина на пленуме МК». Вот до чего договорились откровенные рупоры наших правых уклонистов за границей! Интересно, что исключенные недавно из Коминтерна чехо-словацкие правые ликвидаторы — пожалуй, из всех правых ликвидаторов наиболее близкие к социал-демократам, прислали недавно в Коминтерн в связи с событиями на К.-В. жел. дор. телеграмму, в которой требуют между прочим от ЦК ВКП изменения политики по отношению к правым в смысле их привлечения. Ориентация правых и примиренческих элементов Коминтерна на правые и примиренческие элементы ВКП(б), конечно, не может быть названа случайной. Начиная с VI конгресса, правые внутри ВКП(б) вели определенную линию дипломатической поддержки правых и примиренческих элементов Коминтерна. Последние общепартийные решения резко осудили за это представителей нашей правой оппозиции. Ренегатство правых уклонистов в Коминтерне и скатившихся к ним примиренцев за последнее время стало совершенно очевидным. Партия в праве была при таких условиях ожидать от представителей нашей правой оппозиции хотя бы запоздалого отмежевания от правых и примиренцев в Коминтерне. Вместо этого мы имеем дело с выступлениями, в которых нынешние взгляды правых и примиренцев на основные вопросы оценки международного положения фактически подтверждаются. Говорят о том, что капитализму внутри отдельных стран удалось ослабить анархию производства и рынка, удается организовать производство и обмен внутри отдельных стран. Это по существу значит, что капитализм может примирить со своим существованием широкие народные массы. Внутренние противоречия капиталистической системы якобы смягчаются, остаются внешние противоречия между господствующими классами отдельных капиталистических государств.

Получается так, что как будто только эти противоречия могут явиться источником революционной ситуации. Остается добавить немногое, т. е. что и внешние противоречия капиталистической системы вслед за внутренними также идут к смягчению—и мы получим законченную социал-демократическую установку, которая абсолютно ни в чем не будет расходиться с Гильфердингом. До этого дело еще не дошло, но и то, до чего договорились, представляет собой разрыв с марксистско-ленинским анализом капитализма и империализма и значительный шаг от коммунизма к социал-демократии.

Правые уклонисты внутри ВКП(б) не прекращают борьбы против партийной линии и линии Коминтерна, несмотря на то, что все их концепции, защищавшиеся в течение последних месяцев, потерпели полный крах, что в настоящее время происходит пересмотр пятилетки в направлении повышения темпов, что реконструкция сельского хозяйства СССР развертывается с такой быстротой, какой не ожидала даже сама партия, что середняк весной вопреки всем предсказаниям правых уклонистов о нашей размычке с середняцким крестьянством увеличил свою посевную площадь. Несмотря на все эти совершенно очевидные факты, давление враждебных элементов на некоторые прослойки нашей партии продолжает давать себя знать, продолжают давать себя знать колебания мелкой буржуазии, передающиеся отдельным элементам рабочего класса и партии, и борьба против партийной линии продолжается. Поэтому тот непосредственный вывод, который должна сделать ВКП(б) из решений X пленума, заключается в том, что наша партия не только не может в настоящее время сложить оружие в борьбе с правым уклоном, но должна со всей решительностью продолжать эту борьбу и довести ее до конца.

А. Микоян.

Новая хлебозаготовительная кампания и задачи партии.

Хлебозаготовительная кампания 1929—30 г. подводит итоги первому году широкой реконструкции сельского хозяйства вообще и его зерновой отрасли в частности. Хлебозаготовительный кризис 1927—28 г. вскрыл с необычайной остротой противоречия между проблемой индустриализации страны, достижения в ближайший исторический срок индустриального уровня передовых промышленных стран, социалистической переделки всего народного хозяйства и чрезмерно отсталым темпом под'ема распыленного сельского хозяйства.

Выход из этого противоречия, обусловленного всем экономическим прошлым отсталой аграрной страны, партия наметила на путях глубочайшей реконструкции всего сельскохозяйственного уклада и перевода мелкого и мельчайшего крестьянского хозяйства на рельсы крупного обобществленного производства.

Опираясь на возросшую мощь социалистической индустрии, партия в течение 1928—29 г. развернула мощный план строительства совхозов, тракторных колонн, машинно-тракторных станций, гигантов-колхозов и коммун. Вовлекая инициативу и активность миллионов бедняков и середняков, партия повела борьбу за расширение посевов, повышение урожайности и увеличение товарности. Вся эта великая стройка экономического фундамента социализма в сельском хозяйстве проходила в непримиримой борьбе с кулацко-капиталистическими слоями деревни, пытающимися хлебной блокадой и бойкотом сорвать классовую политику нашей партии.

Урожай и хлебозаготовительная кампания подведут итоги первому году развернутой борьбы за реконструкцию сельского хозяйства. Этот год практической стройки крупного социалистического хозяйства не только подтверждает правильность взятой партией генеральной линии, вопреки сопротивлению правых элементов нашей партии, но выявляет еще более широкие возможности в строительстве социалистического земледелия. Уже теперь совершенно ясно, что задания партии по строительству зерновых совхозов не только будут вы-

полнены, но на протяжении пятилетия будут превзойдены по крайней мере в два раза. Успехи истекшего года полностью подтверждают правильность пути, намеченного партией для ликвидации продовольственных и хлебных затруднений. Но, несмотря на полный успех проводимой линии партии, мы еще не можем в текущем году полностью ликвидировать хлебозаготовительные затруднения. Глубина причин, вызвавших хлебные затруднения, обусловливает необходимость известного срока для окончательной ликвидации хлебозаготовительных трудностей. Через год-два можно ожидать такого под'ема совхозов и колхозов и вместе с этим всего сельского хозяйства, который будет гарантировать нас от хлебных затруднений не только в годы обычных средних урожаев, но и на случай всяких стихийных бедствий.

Трудности последних двух лет в области хлебозаготовок ярче всего видны из следующей картины хлебозаготовок за последние годы:

Заготовка зерновых хлебов по СССР в кампании 1926/27, 1927/28 и 1928/29 гг.

(В милл. тонн).

	Централиз.	Децентрализ.	Итого
1926/27 г.	10,6	1,02	11,62
1927/28 г.	10,1	1,05	11,15
1928/29 г.	9,45	1,03	10,48

Таким образом за последние два года общие итоги хлебозаготовок систематически снижались, дав в 1928—29 г. недобор по сравнению с 1926—27 г. в 1,14 млн. тонн. Это уменьшение заготовок против 1926—27 г. еще более ярко видно из сравнения цифр заготовок продовольственных культур — ржи и пшеницы.

Заготовка продовольственных культур по СССР за кампании 1926/27, 1927/28 и 1928/29 гг.

(В милл. тонн).

	Централиз.	Децентрализ.	Итого
1926/27 г.	8,30	0,650	8,950
1927/28 г.	8,05	0,598	8,648
1928/29 г.	6,20	0,528	6,728

Таблицы показывают, что в 1928—29 г. заготовлено продовольственных хлебов на 1,92 млн. тонн меньше, чем в 1927—28 г., т.-е. меньше, чем в год серьезнейшего кризиса хлебозаготовок и хлебоснабжения, когда для обеспечения бесперебойного снабжения пришлось ввезти из-за границы 250 тыс. тонн пшеницы накануне нового урожая.

Как же об'яснить, что, заготовив продовольственных хлебов в текущем 1928—29 г. на 1,92 млн. тонн меньше прошлого года, мы вышли к новому урожаю без необходимости импорта хлеба и без перебоев в деле снабжения хлебом внутреннего рынка?

Ключ к об'яснению этого явления надо искать в тех мероприятиях, которые провела партия, своевременно предвидя трудности в деле снабжения. Эти меры заключались, во-первых, в использовании значительного количества ячменя и кукурузы для примеси ко ржи и пшенице. Это дало увеличение продовольственного фонда хлебов за

1928—29 г. на 258 тыс. тонн. Далее путем изменения стандарта помола муки, т.-е. путем увеличения выхода муки из зерна и соответственного уменьшения отрубей, мы увеличили мучные ресурсы на 260—280 тыс. тонн. Эти мероприятия по увеличению продресурсов сочетались со смело проведенными мероприятиями по строжайшей экономии хлебных запасов. Введение хлебных книжек дало возможность прекратить расточительное расходование хлеба, имевшее место в предыдущие годы (на корм скота, для спекуляции и пр.). Эта же мера обеспечила возможность при низких хлебных запасах устранить хлебные очереди и обеспечить планомерное и бесперебойное снабжение пролетарских центров.

Ход хлебозаготовок весной угрожал еще большим невыполнением годового заготовительного плана.

Однако, благодаря широко развернутым партией в мае и июне нажиму на кулака и мобилизации середняцкой и бедняцкой общественности, удалось сорвать кулацкое сопротивление и значительно увеличить годичный итог хлебозаготовок. Все эти мероприятия, как по увеличению хлебных ресурсов, так и по их экономному распределению, опираясь на громадное содействие и сознательность рабочих масс и бедноты, открыли пролетарскому государству безболезненный выход из тяжелого хлебозаготовительного года, более критического, чем предыдущий, благодаря недороду в основных товарных районах Украины и Сев. Кавказа. Только таким путем была предотвращена опасность срыва всего народнохозяйственного плана и обеспечено развертывание индустриализации всего народного хозяйства в темпах, намеченных контрольными цифрами.

Наступившая новая хлебозаготовительная кампания, несмотря на несколько более благоприятные об'ективные условия, не дает никаких оснований демобилизоваться и требует такого же темпа работы и активности в деле заготовок, такой же экономии и жесткости в использовании хлеба, что и в прошлом году.

Опыт двух предыдущих хлебозаготовительных кампаний указывает на совершенную необходимость мобилизации для проведения хлебозаготовок всех сил партии, рабочего класса и деревенской бедноты с первых же месяцев хлебозаготовительной кампании, т.-е. в месяцы наличия у крестьянства наибольшего количества товарных запасов. Эта установка должна обеспечить, не полагаясь на самотек, окончание кампании не позже января—февраля и перевод после того всей энергии на задачу подготовки к весеннему севу.

Каковы же условия новой хлебозаготовительной кампании?

Сравнивая предварительные данные о новом урожае с данными истекшего года, надо отметить более высокий по сравнению с прошлым годом ожидаемый урожай хлебов. Этот рост обязан расширению посевных площадей в среднем на 5,5% по всему Союзу и повышению урожайности в среднем по Союзу на 0,21 цент. с га. Рост посевов и повышение урожайности являются первыми итогами гигантской

мобилизации, проведенной партией в борьбе за под'ем сельскохозяйственного производства.

Эти обстоятельства дают основание добиться решительного перелома в хлебозаготовках по сравнению со всеми предыдущими годами и собрать в первой же половине кампании, кроме продовольственных ресурсов для снабжения страны, государственный неприкосновенный хлебный фонд не менее, чем в 1,64 млн. тонн продовольственных хлебов, т.-е. фонд, обеспечивающий потребность планового снабжения страны более чем на 3 месяца.

Не требуется доказывать необходимость образования резервов вообще, и хлебного в частности. Это было в достаточно ясной форме сказано в директивах XV с'езда партии. Конкретно острейшая необходимость создания этого фонда доказана всей хозяйственной практикой нашего государства, ибо при отсутствии резервов мы лишаемся свободного маневрирования при всяких хозяйственных трудностях. Со всей революционной твердостью необходимо добиться образования этого резерва в новой хлебной кампании, сделав эту задачу вопросом чести всех коммунистов, работающих в хлебном деле. Сохраняя установленный порядок расходования хлеба и мобилизуя все силы для успешного проведения хлебозаготовок, мы обеспечим создание этого неприкосновенного фонда полностью и в установленный срок.

Решительный курс партии на строительство зерновых совхозов и ускорение темпа колхозного строительства уже в текущую хлебную кампанию дают значительные результаты.

Следущая таблица показывает рост валового сбора хлебов у колхозов и совхозов (в млн. тонн).

	Все зерновые			Пшеница и рожь		
	1928 г.	1929 г.	Прирост	1928 г.	1929 г.	Прирост
Колхозы	0,835	2,85	+2,015	0,43	1,45	+1,02
Совхозы	0,965	1,26	+0,295	0,35	0,59	+0,24
	1,8	4,11	+2,310	0,78	2,04	+1,26

Таким образом, благодаря мероприятиям партии, уже в текущем году мы имеем на 32% рост валового сбора совхозов и на 241% — колхозов. Важно еще и то обстоятельство, что рост валового сбора у колхозов в социалистическом секторе произошел в большей степени по наиболее дефицитным и наиболее важным продовольственным культурам — ржи и пшенице, давшим рост против прошлого года на 166%. Валовой сбор совхозов и колхозов вырос благодаря приросту посевных площадей колхозов на 312% и совхозов на 133,4%, а по всему обобществленному полю на 233% против предыдущего года. Если еще иметь в виду, что все совхозы и почти все колхозы применяли агротехнические мероприятия, то отсюда ясны источники этого увеличения валовой продукции социалистического сектора. Отсюда же ясны и дальнейшие возможности развертывания совхозов и колхозов и видно все громадное значение колхозного и совхозного строительства в деле коренного разрешения зерновой проблемы.

Если весь социалистический сектор в валовом сборе хлебов в прошлом году занимал 2,6%, то в новом урожае удельный вес социалистического сектора вырос до 5,4%, т.-е. более чем в 2 раза.

По товарной же продукции удельный вес социалистического сектора с 6,4% в прошлом году поднялся до 11,5%.

	Валовой сбор		Товарная продукция	
	1928 г.	1929 г.	1928 г.	1929 г.
	(в процентах)			
Колхозы	1,2	3,8	2,3	7,4
Совхозы	1,4	1,6	4,1	4,1
Весь обществ. сектор	2,6	5,5	6,4	11,5

Здесь важен не процент, не нынешний удельный вес социалистического сектора, он все еще не высок, но важен громадный скачок в темпе нарастания удельного веса социалистического сектора. Именно поэтому при общем росте посевных площадей, запроектированном на будущий год примерно на 6—7% по всему Союзу, посевные площади по Зернотресту возрастут с 154 т. га до 800 тыс. с лишним га, т.-е. расширятся в 5 раз; по Совхозцентру РСФСР с 300 т. га до 602,5 т. га, т.-е. возрастут в два раза, а по наметке Колхозцентра посевы в будущем году дойдут до 8—10 млн. га, вместо 2 миллионов в этом году. Таким образом, в будущем году значение колхозов и совхозов в хлебном деле возрастет еще в большей степени.

Касаясь товарности зерновой продукции, необходимо отметить резкую разницу между товарностью социалистического и индивидуального секторов. В этом неоспоримое и громадное преимущество крупного социалистического предприятия над мелким индивидуальным хозяйством видно особенно выпукло.

Товарность зерновой продукции в %

	1929 г.	1928 г.
Колхозы	39,0	38,0
Совхозы	50,3	59,0
Индивид. х-ва	18,6	18,3
Общ. ко всем секторг.	29,0	19,0

Таким образом, по товарности первое место занимают совхозы, затем колхозы, а в индивидуальных хозяйствах товарность в среднем составляет менее ⅕ валового их сбора.

При рассмотрении этих цифр необходимо иметь в виду, что возможность выпуска товарной продукции в колхозах и совхозах в действительности выше, чем в приведенной таблице. Если взять простое воспроизводство совхозов, т.-е. не предусматривать дальнейшего рас-

ширения посевных площадей, то товарность их дойдет до 70% всей валовой продукции. Но огромное расширение посевных площадей, требующее дополнительного количества зерна, понижает фактическую товарность совхозов с 70% до 50%. То же самое, хотя и в несколько меньшей степени, касается и колхозов, товарность коих при простом воспроизводстве была бы выше указанного процента.

Касаясь социальных сдвигов внутри индивидуального сектора, необходимо отметить продолжающееся сопротивление кулацких элементов не только в хлебозаготовках, но и в области реконструкции сельского хозяйства, нашедшее отражение в большинстве районов в сокращении посевных площадей кулацко-капиталистических хозяйств. Однако, рост посевных площадей бедняцких и середняцких хозяйств полностью перекрыл сокращение кулацких посевов и дал в среднем увеличение по всему индивидуальному сектору на 2,9%. При чем надо отметить, что при росте посевных площадей бедняцких хозяйств и росте их валового сбора товарная продукция бедняцких хозяйств выросла в несколько меньшей степени, что вытекает из характера мелкого полунатурального хозяйства.

Все эти социальные сдвиги, весь накопленный партией и советской властью опыт предыдущих двух хлебозаготовительных кампаний, усиление значения новых форм смычки с сельским хозяйством, громадный рост контрактации зерновых хлебов, укрепившаяся за истекший год практика натурального помольного (гарнцевого) сбора, — все это дает возможность и требует от нас проведения новой хлебозаготовительной кампании с надлежащей организованностью.

Особое значение в новую хлебозаготовительную кампанию приобретает контрактация хлеба в виду громадного роста этой формы планового охвата продукции мелкого товаропроизводителя. Контрактация зерновых хлебов (авансовая и безавансовая) охватила в этом году 20,3 млн. гектаров яровых и озимых посевов и должна дать 4,75—4,90 млн. тонн хлеба.

Несмотря на ряд недостатков в деле проведения контрактационной кампании, контрактация приобрела громадный размах, охватив в ряде областей целые округа полностью. Эта сплошная контрактация предусматривает сдачу со стороны целых сел и районов полностью всей товарной продукции государству в определенные, оговоренные договорами сроки, в среднем через 2 мес. после уборки урожая.

Контрактация зерновых хлебов имеет двоякое значение — заготовительное и производственное. Кроме охвата товарной продукции — контрактация ставит себе задачей производственное организованное воздействие на индивидуальное крестьянское хозяйство и на колхозы для расширения их посевных площадей и для внедрения в сельское хозяйство минимума агротехнических мероприятий в целях под'ема урожайности и общей производительности сельского хозяйства. Новая хлебозаготовительная кампания должна подвергнуть проверке

всю проделанную нами в этом году работу по контрактации не только с точки зрения производственного, но и заготовительного эффекта наших договоров. Мы должны проверить, в какой степени мы добились повышения урожайности, улучшения сортности, расширения посевов и в итоге — увеличения валового сбора и товарности крестьянского хозяйства. Далее — в какой степени мы сумели в организованном порядке, минуя рыночную стихию, получить в распоряжение государства все товарные излишки контрактованных хозяйств.

Заготовки хлеба по контрактации в новую кампанию приобретают громадное значение в виду роста общих размеров—около 4,9 млн. тонн хлеба—и в виду необходимости при всех трудностях 100% законтрактованного хлеба получить в руки государства в точно обусловленные договорами сроки. Контрактация, развиваясь вширь, охватывает все больше и больше районов и десятки миллионов гектаров посева, развивается и вглубь, включая в орбиту своего действия все больше производственных моментов по под'ему сельского хозяйства и его коллективизации.

Закрепляя все товарные излишки за государством и этим самым устраняя рыночную стихию и частного посредника между государством и крестьянином, переводя крестьянское хозяйство на работу по заказам государства, контрактация этим самым включает миллионы крестьянских хозяйств в круг единого государственного плана. С другой стороны, предусматривая снабжение крестьян средствами производства, кредитом, а также важнейшими товарами широкого крестьянского потребления, контрактация направляет все экономические рычаги государства (кредиты, машины, удобрения, семена, агрономов, налоговые льготы, премирование и т. д.) на целевую задачу производственной переделки и обобществления распыленного крестьянского хозяйства.

Контрактация превращается в двусторонний договор между государством и мелким товаропроизводителем, при котором государство ставит последнему определенные производственные заказы (произвести такую-то продукцию, такого-то качества, сдать в такой-то срок и т. д.), а само берет на себя обязанность удовлетворить заказы села в его снабжении средствами производства и потребления. Двусторонний договор о контрактации, заключаемый государством через соответствующую кооперативную систему, является методом планово-организованного охвата всей товарной продукции и переходом к широкой реконструкции всей толщи крестьянских хозяйств.

Отсюда все принципиальное значение дела контрактации в перестройке рыночных отношений между городом и деревней. Контрактация — мощный приводной ремень к включению миллионов мелких и мельчайших хозяйств в сферу планового и преобразующего воздействия пролетарского государства.

С точки зрения снабжения промтоварами хлебозаготовительных районов об'ективные условия новой кампании складываются более благоприятно, чем в прошлом году. Благодаря росту промышленной продукции и образованным запасам промтоваров, государство вступает в новую кампанию более вооруженно, чем в прошлую. Удельный вес всего сельского товароснабжения в первом квартале хлебозаготовок вырастает с 56,3% до 65% по семи основным товарам, а снабжение хлебозаготовительных районов вырастает против прошлого года по этим семи товарам до 51,9%, а по всем товарам до 38%. В хлебозаготовительных районах необходимо добиться резкого усиления переброски промтоваров за счет города в деревню. При чем здесь имеют громадное значение не только централизованные ресурсы промтоварных фондов, но и мобилизация товарных ресурсов местной промышленности, кустарной кооперации для направления их в хлебные районы, используя промтовары для поощрения хлебозаготовительных районов и сдатчиков хлеба.

Сравнивая предстоящую хлебозаготовительную кампанию с истекшим годом, мы видим громадный рост организованных методов хлебозаготовок, их преобладающее значение в плане хлебозаготовок новой кампании. При заготовке в прошлом году всех зерновых хлебов в 10,5 млн. тонн на будущую кампанию организованные методы заготовок должны дать около 7,4 млн. тонн хлеба.

Совхозы (в том числе колхозы)	625.000	тонн
Контрактация	4.800.000	„
Натуральный помольный сбор в его централиз. части	1.800.000	„
Итого	7.225.000	„

Сверх того организованные заготовки через семеноводческую кооперацию и сбор урожая государственных семенных хозяйств по линии государственного семенного фонда РСФСР должны дать 590.000 тонн.

Эти новые рычаги и методы организации хлебозаготовок придают принципиально иной характер всей новой хлебной кампании. Самотек в хлебозаготовках должен быть исключен не только потому, что он не обеспечивает достаточного поступления хлеба, что он может привести нас к новому кризису в хлебозаготовках, как это имело место в особенности в 1927/28 г. и частично в прошлом году; но он исключается также и фактом громадного роста организованных методов хлебозаготовок, как-то: контрактация, помольный сбор и пр.

Принципиально новый характер теперешней хлебозаготовительной кампании заключается еще и в том, что впервые в этом году мы переходим на организованное вовлечение с самого начала кампании всей сельской бедняцкой и середняцкой общественности и всего сельского советского и кооперативного

аппарата путем доведения годового плана хлебозаготовок до района и села.

Все плановые задания по хлебозаготовкам для района и села, над выполнением которых должна работать вся сельская общественность и весь советский аппарат, определяются с самого начала кампании и пересмотру, как правило, не подлежат. Отсюда требование максимальной осторожности, но в то же время и решительности при определении заготовительных планов для каждого района и каждого села.

Практика хлебозаготовок в весенний период истекшей кампании показала все громадное значение и силу мобилизации сельской общественности для успешного выполнения хлебных заготовок. Поэтому с самого начала новой кампании партия должна привести в полную готовность все советские, пролетарские общественные силы в деревне для дела хлебозаготовок. Решительным образом должна быть поднята организованность бедняцких масс и укреплены группы бедноты. Середняцкие массы должны быть активизированы и сплочены вокруг бедняцких групп для дела помощи выполнению плана хлебозаготовок. Профессиональные союзы индустриальных рабочих в городе должны принять, не в пример прошлым кампаниям, действительно активное участие в развертывании хлебозаготовок путем выделения своих кадров в деревню на хлебозаготовки, путем посылки рабочих бригад, путем использования всех связей городских рабочих с деревней. Профсоюзы, охватывающие в деревне пролетарские и полупролетарские слои и сельскую интеллигенцию, должны играть особенно активную роль в деревне и стать авангардом в организации сельской общественности для выполнения планов хлебозаготовок.

Успех новой хлебозаготовительной кампании в еще большей степени, чем до сих пор, упирается в систематическое руководство всей партийной организации делом хлебозаготовок. Мобилизация пролетарских и полупролетарских слоев при четком проведении генеральной линии нашей партии и систематической решительной борьбе со всеми искажениями этой линии на практике, при решительной борьбе со всеми проявлениями правого уклона и примиренческого отношения к нему — таковы основные предпосылки успешного завершения к январю — февралю новой хлебозаготовительной кампании. Лишь этим путем мы можем обеспечить успешную мобилизацию сельской бедняцкой и середняцкой активности, мобилизацию рабочего класса для наступления на кулака и для успешного выполнения плана хлебозаготовок, этого важнейшего звена всего дела социалистического строительства.

Кроме мер общественного воздействия и борьбы с кулаком и спекулянтом, пытающимся срывать хлебозаготовки, для этой борьбы должны быть использованы все рычаги пролетарской диктатуры и все революционные законы о борьбе с кулаком и спекулянтом. В частности, громадное значение будет иметь изданный недавно ЦИК РСФСР

закон о правах сельсоветов от 28/VI—29 г. в административном порядке накладывать штраф, вплоть до 5-кратного размера, в отношении тех кулацких хозяйств, которые не выполняют плановых заданий по хлебозаготовкам.

Широкий размах контрактации, общественно-политическое давление бедняцко-середняцких слоев на верхушку села и административные права сельсоветов в отношении злостных несдатчиков хлеба—таковы три мероприятия партии (экономическое, общественно-политическое и административное), которые впервые сочетаются в эту хлебозаготовительную кампанию. Поскольку контрактация зерна будет охватывать целые районы, постольку эти мероприятия будут все глубже и шире дополнять друг друга.

Главная задача новой хлебозаготовительной кампании заключается в том, чтобы не растягивать кампании по выполнению годового плана заготовок на весь год и в особенности на весну, т.-е. не повторить того, что имело место за последние два года. Эта оттяжка создавала величайшие трудности для выполнения плана заготовок и приковывала буквально на весь год партийные и советские организации и всю общественность деревни к делу хлебозаготовок. Кроме того, из'ятие товарных излишков весной несравненно труднее, чем в первые месяцы после урожая.

Широкое развертывание кампании по досрочному сбору платежей (с.-х. налога, страховых платежей, ссуд и т. д.), развертывание подписки на III заем индустриализации, усиленный завоз в хлебозаготовительные районы промтоваров и их целевое распределение, наконец, величайшая политическая и организационная раскачка бедняцко-середняцких масс деревни, их организованное давление на капиталистическую верхушку—все эти могущественные политические и экономические рычаги в руках советских организаций должны обеспечить выполнение планов к январю—февралю. Вот почему основная задача — весь годовой план выполнить по южным районам с ранним созреванием хлебов к январю, по всем остальным — к февралю. Вот почему немедленно должна быть развернута организационная партийная работа в связи с предстоящей хлебозаготовительной кампанией, согласно решению ЦК ВКП(б) от 29 июля 1929 года мобилизованы основные кадры партии в деревню на помощь хлебозаготовкам, должна быть приведена в движение сельская общественность. Годовой хлебозаготовительный план должен быть полностью выполнен за первое полугодие кампании, этим самым обеспечивая образование неприкосновенного государственного хлебного фонда и успешное развертывание социалистического строительства промышленности и сельского хозяйства.

И. Краваль.

О социалистическом соревновании.

Гигантского масштаба задача поставлена партией перед трудящимися нашей страны. XVI всесоюзная партконференция следующим образом формулирует эти задачи: «Мы должны в относительно короткий исторический срок догнать и обогнать в технико-экономическом отношении передовые капиталистические страны, осуществляя социалистическую реконструкцию всего народного хозяйства. Мы должны обеспечить быстрый рост индустрии и вместе с тем под'ем сельского хозяйства, все больше развертывая крупное обобществленное хозяйство в деревне (совхозы и колхозы) на основе высокой машинной техники.

Мы должны развернуть широчайшее движение масс за культуру, изгнать все и всяческие элементы излишества, бесхозяйственности, волокиты и бюрократизма из нашего государственного аппарата.

Мы должны повести дальнейшее наступление на капиталистические элементы. Мы должны преодолеть и вытеснить капиталистические элементы не только города, но и деревни.

Мы должны неуклонно укреплять обороноспособность Советского Союза» [1].

Наша партия и правительство СССР, идя по пути практического осуществления этих задач, поставили своей целью в текущем пятилетии добиться огромных сдвигов в деле построения социалистического строя.

В текущем пятилетии мы поставили своей задачей добиться почти утроения основного капитала нашей промышленности, увеличения валовой продукции промышленности, планируемой ВСНХ, с таким расчетом, чтобы к концу 5-летия уровень производства примерно в 3,5 раза превысил уровень производства промышленной продукции в довоенной царской России, при одновременном увеличении производства электрической энергии почти в 11 раз против довоенных размеров.

Мы ставим своей задачей обеспечение этих темпов развертывания промышленности при одновременном значительном улучшении качественных показателей ее работы (снижение себестоимости на 35%, рост производительности труда на 110%, снижение стоимости строительства на 50%), имея своей целью создание материальной базы для ускорения культурного роста и улучшения материально-бытового положения трудящихся Советского Союза.

Разрешение этих труднейших задач возможно только при условии максимального вовлечения самых широких слоев рабочего класса в активную борьбу за обеспечение намеченных темпов хозяйственного развития, практическое осуществление которых только и может обеспечить победу нашей

[1] Воззвание XVI всесоюзной партконференции. См. «Правду» от 4/V.—29.

системы над капиталистической при разрешении основной задачи о том, чтобы догнать и перегнать наиболее развитые капиталистические страны.

Принятые правительством к осуществлению огромные темпы развития народного хозяйства требуют для своей реализации единодушной работы над их разрешением всего работающего коллектива. Социалистическое соревнование должно стать основным рычагом по вовлечению широчайших слоев трудящихся в коллективную работу. Огромным преимуществом социалистического соревнования, как одного из наилучших методов по вовлечению рабочих в управление производством, является также и то, что при правильно поставленной работе по соревнованию коллектив участвующих в соревновании не только выявляет организационные и технические неполадки на производстве, но и сам практически борется за устранение производственных недочетов.

Исключительное значение социалистическому соревнованию в деле построения социализма в нашей стране придавал Владимир Ильич Ленин. Он говорил: «Социализм не только не угашает соревнования, но, напротив, впервые создает возможность применять его действительно широко, действительно в массовых размерах, втянуть большинство трудящихся на арену такой работы, где они могут проявить себя и развернуть свои способности, обнаружить таланты, которых в народе непочатые родники и которые капитализм мял, давил, душил тысячами и миллионами. Наша задача теперь, когда социалистическое правительство у власти, организовать соревнование».

«Одна из самых главных задач, если не самая главная,—говорил Ленин,—развить как можно шире этот самостоятельный почин рабочих и всех вообще трудящихся и эксплоатируемых в деле творческой организационной работы» [1]).

Опыт работы за истекший период по организации социалистического соревнования показал нам, что во многих случаях налаживаемая работа проваливалась у нас из-за того, что мы не умеем во-время рассказать массе рабочих и молодежи о тех конкретных практических задачах, над разрешением которых мы работаем. Мы еще не научились организовывать работу так, чтобы вовлекать в социалистическое соревнование рабочую массу через всю нашу общественную и культурно-просветительную систему. Надо поставить дело так, чтобы каждый наш лозунг, каждый плакат звал к себе, чтобы наши стенгазеты интересовали рабочих, чтобы наши об'явления останавливали их.

Если взять опыт вовлечения рабочих масс в хозяйственное строительство, то мы в этой области имеем много разнообразных форм.

1. Конкурсы на лучшего производственника и лучшее предприятие, проведенные по большим заводам СССР, дали нам форму сочетания личного и общественного, дали нам образцы массового соревнования в зачаточном своем виде.

2. Ударные бригады дали нам образцы коммунистического отношения к труду. По инициативе бригад нередко понижаются расценки и увеличиваются нормы, при чем в результате их лучшей работы заработок не только не понижается, а растет, благодаря значительному росту выработки. Ударные бригады способствуют перевоспитанию отсталых слоев рабочего класса и воспитывают у молодежи и особенно у отсталых слоев рабочих действительно коммунистическое отношение к своему предприятию.

3. Междузаводские переклички, начатые молодежью и подхваченные печатью, стали достоянием всех крупнейших организаций рабочего класса, переклички фактически превратились в межзаводские производственные совещания.

[1]) Ленин: «Как организовать соревнование» (Изд. «Молодой Гвардии» стр. 4).

4. Массовая организация производственных кружков и об'единений изобретателей на предприятиях и в районах.

5. Организация периодических сборов рабочих предложений и организация наблюдений за практическим осуществлением хозяйственно выгодных предложений.

6. Многочисленные формы конкурсов на лучшее предложение, лучшее изобретение, конкурсы между цехами, сменами, отдельными заводами и т. д.

7. Производственные переклички между рабочими разных заводов, связанных единой производственной цепью.

8. Совещания по квалификациям и совместные производственные совещания рабочих разных профессий.

9. Разные формы организации обмена производственным опытом, путем организации обмена делегациями как внутри отраслей производства или отдельных предприятий внутри треста, так и между различными, взаимно связанными отраслями производства (уголь, металл, машиностроение и т. д.).

10. Широкое развертывание работы по организации инициативных групп по рационализации, борьбе с браком, лучшему использованию оборудования, в борьбе с простоями и т. д.

Даже самое краткое перечисление форм, ни в какой мере не охватывающее основных форм вовлечения рабочих в социалистическое соревнование, говорит о тех огромных возможностях, которые имеются у нас в смысле вовлечения широчайших слоев рабочих в ту или другую форму участия в социалистическом соревновании.

Хозяйственные органы, партийные и профсоюзные организации должны подхватывать и активно содействовать проведению в жизнь мероприятий и всякой инициативы, направленной к снижению себестоимости, под'ему трудовой дисциплины и производительности труда.

Значительные хозяйственные трудности, а отсюда и политические колебания в отдельных прослойках нашей партии в текущем хозяйственном году сделали необходимой и обязательной мобилизацию всего лучшего, что есть в рабочем классе, рабочей молодежи и крестьянстве нашей страны, для преодоления этих трудностей, так как сложнейшая задача социалистического преобразования народного хозяйства в наиболее короткий срок может быть разрешена лишь при условии решительной борьбы за улучшение качества работы всех звеньев промышленности, при условии наиболее полного и целесообразного использования всех материальных ресурсов страны и напряжения всех усилий рабочего класса за повышение производительности труда, за укрепление трудовой дисциплины и обеспечение предусмотренного планом снижения себестоимости.

Как общий пятилетний план развертывания нашего народного хозяйства, так и в частности план текущего первого года пятилетки и в первую очередь важнейшая его часть—план снижения себестоимости—не смогут быть реализованы, если мы не сумеем обеспечить вовлечения все новых и новых масс рабочих на решительную и беспощадную борьбу с трудовой распущенностью, прогулами, пьянством, хищничеством на производстве и вообще разнузданным отношением к производству.

Почин комсомола в деле развития соревнования на социалистических предприятиях подхвачен не только молодежью, но и широкими слоями рабочих, благодаря чему соревнование рабочей молодежи превратилось во всесоюзное рабочее соревнование, которому Владимир Ильич придавал особое значение для периода форсированного социалистического строительства.

Основными задачами общерабочего соревнования являются: систематическая борьба за полное выполнение плановых заданий по предприятиям, цехам, отраслям, особенно в части снижения себестоимости и поднятия производительности труда; мобилизация рабочего класса на борьбу с прогулами,

браком и порчей оборудования, на борьбу за интенсивную работу и образцовую трудовую дисциплину; активное содействие всем техническим усовершенствованиям и рационализаторским работам, проводимым на производстве.

Уже в настоящее время имеющие место формы соревнования крайне разнообразны. Соревнование проводится между рабочими бригад, смен и цехов внутри предприятия, между однородными производствами, между предприятиями, связанными друг с другом по ходу производственного процесса (горняки—металлисты, текстильщики—швейники), и между отраслями, взаимно обслуживающими друг друга (металлургия—машиностроение и т. д.).

Опыт истекших месяцев показывает, что наилучшие результаты соревнования имеются только в тех предприятиях, шахтах, бригадах и цехах, где соревнование проводится на основе лучшей организации масс в борьбе с расточительством и за режим экономии (борьба с прогулами, лодырничеством, кражами, волокитой, бюрократизмом, борьба за снижение накладных расходов и др. элементов себестоимости).

Уже на настоящей ступени развития соревнования необходимо поставить своей задачей в дальнейшем улучшить работу по социалистическому соревнованию с таким расчетом, чтобы лучшие достижения ударных бригад и инициативных групп в деле улучшения качественных показателей работы распространить на всю остальную рабочую массу соответствующего производства или предприятия. Особенное внимание при проведении соревнования всеми организациями рабочего класса и особенно хозорганами должно быть обращено на выполнение практических предложений и изобретений рабочих в деле улучшения техники и организации производства и на налаживание быстрейшего обмена опытом между однородными предприятиями соответствующих отраслей промышленности. Необходимо с особой резкостью подчеркнуть, что этой работе, правильное развертывание которой сможет дать исключительные по своей эффективности результаты в деле улучшения качественных показателей работы, до сих пор уделялось совершенно недостаточно внимания. Можно привести сотни случаев, когда крупнейшие достижения на отдельных участках работы предприятия не дали своего полного эффекта только потому, что они остались достоянием отдельных предприятий, притом не всегда самых мощных. Вопросам обмена опытом и результатам производственных достижений в предстоящий период социалистического соревнования должно быть уделено исключительное внимание как одному из таких рычагов, которым не может пользоваться в полной мере любое капиталистическое хозяйство и которым тем в большей степени должны воспользоваться мы, ибо основной целью проводимого общерабочего социалистического соревнования является обеспечение таких успехов в деле хозяйственного строительства СССР, при которых мы в нашем состязании с окружающими нас капиталистическими странами вышли бы победителями и притом в кратчайший срок.

Нужно значительно шире развернуть обмен производственным опытом путем организации посещения заводов делегациями с отчетом последних на собраниях рабочих, производственных комиссиях, стенгазетах и т. д.

В целях получения максимального эффекта при проведении соревнования необходимо привести в значительно большей степени, чем это имело место до сих пор, в движение всю нашу ежедневную и периодическую печать для пропаганды идей и практики соревнования. Центральная, местная и заводская печать должна ежедневно на видном месте давать сводки соревнования, организовывать массовые показательные суды над прогульщиками, небрежно обращающимися с сырьем, машинами, над лицами, тормозящими

успех социалистического соревнования. В газетах должны быть заведены черные и красные доски для поощрения лучших и общественного порицания не желающих принять активное участие в строительстве. Газеты должны давать тон, направлять, организовывать обмен опытом, поощрять успевающих и помогать отстающим, газеты должны поднимать и поддерживать ожесточенную борьбу масс против прогулов, простоев, брака, симуляции, газеты должны жестоко травить, высмеивать прогульщиков, лодырей, симулянтов, по фамилии указывая их, газеты должны стать не только спутником соревнования, но и организатором его. Это значит уметь во-время ставить и выдвигать перед рабочими массами конкретные задачи по снижению отдельных элементов себестоимости. Организуемые газетами, особенно местными и заводскими стенгазетами, смотры цехов, отделов, конкурсы на лучшее предложение рабочих по рационализации, конкурсы на лучшего рабочего-мастера — могут сыграть исключительную роль в деле разрешения практических задач, стоящих во время социалистического соревнования.

Соревнование в заводских цехах, бригадах, в мастерских может быть успешно проведено только в том случае, если промфинплан завода будет аналитически разложен по кварталам, месяцам, дням. Необходимо, чтобы каждый рабочий знал дневную программу и наглядно видел ее выполнение.

Основными показателями для рабочих должны служить качество и себестоимость производимой ими продукции. Соревнование в настоящее время еще в совершенно недостаточной степени сопровождается разработанными показателями, к которым рабочий индивидуально, весь коллектив в целом или завод в процессе соревнования должны стремиться. Для этого необходимо в неизмеримо большей степени, чем это было до сих пор, обеспечить привлечение специалистов: инженеров, техников, мастеров и т. д. Учитывая исключительную роль инженерно-технического персонала в деле введения новейших технических и организационных улучшений на производстве, необходимо обеспечить всем добросовестно работающим на производстве инженерам и техникам всемерную поддержку в их практической работе.

Однако, нужно прямо сказать, что если пролетарская общественность в праве была рассчитывать на исключительную помощь инженерно-технического персонала в организации дела социалистического соревнования, то этих надежд советские инженеры на данной ступени еще не оправдали. Нужно открыто признать, что наш инженерно-технический персонал до сих пор еще недостаточно понял, что соревнование есть такая организация помощи техническому персоналу в деле преодоления производственных затруднений, какая возможна только в условиях пролетарской диктатуры. Еще значительная часть инженерно-технического персонала недостаточно усвоила ту мысль, что в наших условиях, только опираясь на массы и организуя массы по линии преодоления трудностей, можно успешно строить хозяйство.

На ряду с этим при проведении социалистического соревнования, особое внимание должно быть уделяемо делу повышения квалификации всех участников соревнования, так как уровень производственно-технической квалификации является одним из важнейших факторов в деле практической борьбы за снижение себестоимости и улучшения качества продукции. Поэтому в общую систему социалистического соревнования надо в значительно большей степени, чем это имело место до сих пор, вовлечь всю нашу систему профессионального и технического образования: втузы, техникумы, школы ФЗУ, ЦИТ, ВРШ и т. д., при этом особое внимание должно быть обращено на всемерное развертывание внекурсового, внешкольного обучения, форм так называемого заочного обучения, дающих возможность без отрыва рабочих от производства и при сравнительно небольших затратах повышать квалификацию одновременно у огромной массы работающих. Эта работа должна стать в порядок дня в связи с необходимостью усиления социалисти-

ческого соревнования, как одна из важнейших участков работы. Соревнование должно не только содействовать повышению квалификации работающих, не только пробуждать инициативу трудящихся, вызывать желание лучше работать, соревнование должно создать обстановку товарищеского бойкота лодырей, прогульщиков и нарушителей трудовой дисциплины, тем самым воспитывая коммунистическое отношение к труду у всей рабочей массы.

Партия, опираясь на лучших, передовых рабочих, должна организовать критику недочетов внутри пролетарских рядов, перевоспитывая отсталых и беспощадно уничтожая вредителей, прикрывающихся рабочим званием. «Разве классовая борьба,—говорил Ленин,—в эпоху перехода от капитализма к социализму не состоит в том, чтобы охранить интересы рабочего класса от тех горстей, групп, слоев рабочих, которые упорно держатся традиции, привычек капитализма и продолжают смотреть на советское государство попрежнему: дать «ему» работы поменьше и похуже, содрать с «него» денег побольше». «Сколько из них,—спрашивал Ленин,—мы поймали, сколько изобличили, сколько пригвоздили к позорному столбу».

Необходимо сейчас со всей резкостью подчеркнуть, что всякие попытки покрыть, «защитить» тех, кто разлагает производство, кто нарушает нормальный ход производственного процесса, кто вносит в него дезорганизацию, являются прямым преступлением против рабочего класса в целом. Между тем до сих пор мы находим таких людей, которые, прикрываясь именем рабочего класса, действуя в качестве его представителей, защищают не рабочий класс, а изменников и предателей в его рядах. Нередко изменников и предателей защищают от рабочего класса, превращая тем самым, сплошь да рядом, диктатуру пролетариата в такое «киселеобразное состояние пролетарской власти,—как говорил Ленин,—при котором сплошь да рядом в лучшем положении оказываются лодыри и прогульщики, использующие завоевания Октября в своих личных, мелких, эгоистических и корыстных интересах.

Надо создать такую общественную обстановку на предприятии, чтобы каждый комсомолец, каждый член партии и член профсоюза отчитывался перед организациями в своей работе на производстве, обеспечить такое положение, при котором прогулы, симуляция, пьянство на производстве, искусственное снижение выработки, брак и т. д. были бы не совместимы со званием члена профсоюза, ни тем более члена партии или ленинского комсомола.

Опыт хода соревнования в настоящее время показал, что огромную воспитательную роль для отсталых групп как взрослых рабочих, так и рабочей молодежи играют показательные суды над прогульщиками, лодырями, пьяницами и рабочими, искусственно снижающими выработку. Опыт ряда предприятий Москвы, Ленинграда, юга и Урала доказал, что эти общественные методы воздействия практически играют значительно бо́льшую роль в борьбе за изживание этих недочетов, чем меры чисто административного воздействия (выговор, увольнение).

На ряду с этим конкурсы на лучшего производственника, на лучшего рационализатора, при одновременной не только моральной поддержке лучших, образцовых рабочих, но и материальном их поощрении — обеспечивают такое массовое проведение воспитательной работы, при которой, как показывает опыт ряда предприятий, можно достигнуть значительных результатов.

В процессе борьбы за лучшую постановку работы по социалистическому соревнованию значительное внимание должно быть уделено поощрению изобретательства. Среди рабочих изобретательство в настоящее время привлекло огромный интерес со стороны молодежи, при чем ряд даже мелких изобретений молодых рабочих дает значительный экономический эффект, одновременно воспитывая в рабочей массе лучшие образцы отношения к производству. Так, например, на Ленинградском заводе «Красный Гвоздильщик» рабочий-комсомолец Мейндорф поставил по-новому закалку прибора для проволочников. Комсомолец соорудил печь, пропускная способность которой увеличилась в 3 раза при одновременном уменьшении потребления топлива в 2 раза. Другой комсомолец с завода «Красный Путиловец» т. Силин усовершенствовал паровой молот, заменивший трех рабочих. На заводе «Металист» рабочий-комсомолец предложил переустроить пресс, вследствие чего выработка гаек на данном прессе повысилась в 6 раз. Комсомолец Ильин перестроил токарный станок по обделке рычагов для плугов, что увеличило рост производительности этого станка на 80%. Вот несколько на выдержку взятых фактов роста интереса со стороны рабочей молодежи к изобретательству, дающему значительный экономический эффект на производстве. Аналогичные примеры по разным отраслям промышленности можно было бы значительно увеличить. Особую роль в деле борьбы с элементами босхозяйственности на ряду с ударными группами должны сыграть периодически созываемые инициативные группы рабочих, ставящие перед собой на каждом данном этапе определенные задачи, напр., изучение того, как используется заграничное оборудование и какой вид импортного сырья можно заменить своим, организация конкурсов на лучшее предложение по рационализации определенных деталей, изучение вопроса о том, как загружен цех материалом, запасными частями и т. д., на какие суммы ненужного лежит на складе, сколько людей запаздывает на работу и что это стоит предприятию и т. д. Выявление конкретных носителей зла по определенным конкретным, практическим, больным вопросам для данного предприятия с одновременным приданием их общественному порицанию может сыграть в дальнейших мероприятиях по улучшению работы по линии социалистического соревнования значительную роль.

Несмотря на исключительное значение развертывания социалистического соревнования для осуществления пятилетки, опыт работы истекших месяцев показывает, что большинство рабочих еще не участвует в соревновании. Мы нередко значительную часть парадного соревнования принимаем за действительность. К сожалению, нередки случаи, когда в ряде районов и на ряде предприятий ограничились только парадной частью соревнования. Работа по проверке выполнения принятых на себя обязательств поставлена слабо, а в ряде случаев совершенно отсутствует.

Появились первые нездоровые симптомы в среде инициаторов социалистического соревнования, отдельных работников комсомола, заявляющих, что поскольку соревнование переросло в общерабочее дело, мы свое дело сделали, можно успокоиться. Надо этим настроениям дать самый решительный отпор, так как только при условии обеспечения соревнования как длительного метода вовлечения рабочих масс в производство при устранении недочетов, имеющих место на производстве, мы сможем справиться с задачами, стоящими перед нами. На ряду с этим необходимо открыто признать, что ни в печати, ни в организациях, руководящих соревнованием, не поставлена борьба с отдельными грубыми извращениями, имеющими место в соревновании (сокращение за отказ участвовать в соревновании, организация соревнования через головы рабочих, рост выработки при одновременном повышении себестоимости и увеличении процента брака и т. д. и т. п.).

На ряду с положительными факторами и большой инициативностью части рабочей молодежи в деле улучшения производства наблюдается и ряд фактов, сигнализирующих о крупных недочетах. Вот что пишет инструктор ЦК ВЛКСМ, обследовавший Балтзавод: «Громадной опасностью для ударных бригад на Балтзаводе является замыкание некоторых из них в узкие рамки только своего производственного процесса, отсутствие перспективы в работе

и деляческая оценка ударниками своего места и роли в производстве. Ударники еще слабо работают над техническим усовершенствованием производственных процессов, над рационализацией завода. Они пока только хорошие исполнители заданий мастера, а в остальном зачастую беспомощны и безынициативны».

«Недостает еще ударникам революционной смелости в борьбе со старыми цеховыми традициями, с рабским темпом работы, простоями по вине рабочего, разгильдяйством, нерадивым отношением к инструментам и орудиям производства и т. п.».

Ударники клеп.-чеканного цеха подняли вопрос о простоях в связи с тем, что задерживается кран для под'ема тяжестей. Это вызвало резкий отпор со стороны части рабочих: «Что вам больше всех надо, подождать не можете?» Ударники не выдержали напора, и вопрос о кране остался неразрешенным.

Вторая опасность для ударников на Балтзаводе заключается в замыкании некоторых из них в узкую касту высококвалифицированных профессионалов, что неизбежно приведет к отрыву ударников от масс и к постановке ими своих личных интересов выше общезаводского дела.

Среди ударников существуют настроения против включения в бригады взрослых рабочих и беспартийной молодежи. Кое-кто из ударников разговаривает совсем не «ударным языком».

— Зарабатываю хорошо, а будет еще лучше. Сейчас нажимаю на работу потому, что получаю третий разряд, вот доберусь до 5 или 6 разряда, тогда отдохнуть можно.

Неполное использование рабочего дня, прогулы, массовые невыходы на работу в религиозные праздники, пьянка на производстве, сон на производстве, хулиганство и случаи избиения специалистов, порча материалов, машин, оборудования, небрежность и халатность в отношении к правилам техники безопасности, кражи инструментов и т. п. болезненные явления производственной жизни, — хорошо знакомые каждому заводу, каждому цеху, об'единяемые общим определением «упадок трудовой дисциплины», — вот тот круг вопросов, в котором прежде всего начинает развертываться социалистическое соревнование.

И как раз в этом кругу мы наблюдаем в ряде случаев наличие пассивных, хвостистских настроений хозяйственных, советских и профессиональных органов.

«...На «паркоммуне» на шахте № 5 рабочая часть ШРКК отказалась санкционировать увольнение коногона, из-за небрежности которого погибла лошадь...».

«...В Шахтинском рудоуправлении, на руднике № 9, рабочая часть РКК настаивала на обратном приеме уволенного машиниста Пронина, который расплавил подшипник тягальной машины вследствие своего халатного отношения...».

«...Камеронщик Гинжа был застигнут спящим во время работы, при чем мотор был остановлен; согласно прямого смысла § 14 табели наказаний наложено взыскание по п. 3. Нарсудья в своем решении признает факт проступка, но заменяет п. 3 п. 2-м, мотивируя тем, что никаких последствий... от сна Гинжа не могло произойти...».

И т. д., и т. п.

Такие и подобные им факты мы ежедневно встречаем в обилии на страницах массовой рабочей печати. Недаром среди широких слоев рабочих, напр., во многих стенгазетах, «административный выговор» за небрежность на производстве и т. п. проступки, изображается как «пугало», которого никто не боится».

Обилие подобных фактов показывает, что не только профорганы, но подчас и хозяйственники, и соворганы все еще далеко не уясняют себе вред-

подобных пассивных, «добросердечных», а по сути дела хвостистских настроений, — или же, поддаваясь предрассудкам, не имеют смелости начать с ними революционную борьбу.

Что касается профорганов, то надо прямо отметить, — перед ними в этом смысле непочатый край работы; многим из них, прежде всего, надо еще преодолеть самих себя, свое собственное «добросердечие», якобы вытекающее из задачи профсоюзов «защищать интересы рабочих», а по сути дела хвостистское отношение к нарушителям трудовой дисциплины; профорганам прежде всего надо еще преодолеть внутри себя такое понимание своей профсоюзной роли, при котором профорганы подчас оказываются в роли защитников прогульщиков, пьяниц, вредителей из рабочих и проч.

Вторым крупнейшим недостатком практики соревнования (на ряду с наличием широких пассивных, хвостистских настроений наших органов) является все еще широко наблюдающаяся узость в понимании задач соревнования. Многие наши хозяйственники всерьез думают, что задача соревнования ограничивается борьбой с прогулами, с пьянством и т. п. нарушениями рядовыми рабочими труддисциплины. Отдельные попытки вынести соревнование за эту границу нередко прямо ужасают очень добросовестных хозяйственников.

Несомненно, что, не преодолев косности профорганов, работников Наркомтруда, Наркомюста и пр. в отношениях к трудовой дисциплине, не преодолев, далее, расхлябанности отдельных слоев самих рабочих, нельзя двинуться вперед, к победам по пути соц. соревнования. Несомненно, что круг вопросов поднятия трудовой дисциплины есть тот круг, с которым прежде всего сталкивается соц. соревнование. Несомненно, что в этом круге громадное поле работы. Обо всем этом достаточно говорилось выше.

Но возможно ли ограничиться в соц. соревновании этим кругом вопросов (разрешение которых, само собой разумеется, ведет к снижению себестоимости, к поднятию производительности труда, к увеличению выпуска продукции и т. д.).

Такое ограничение, сужение задач соревнования совершенно не соответствовало бы полностью той идее, которую вкладывал в понятие соц. соревнования В. И. Ленин.

Ленин писал (см. ст. «Как организовать соревнование»):

«...«Они» думают, что «простой народ», «простые» рабочие и беднейшие крестьяне не сладят с великой, поистине героической во всемирно-историческом смысле слова задачей организационного характера. Одна из самых главных задач теперь, если не самая главная, развить как можно шире этот самостоятельный почин рабочих в деле творческой организационной работы. Организаторская работа посильна и рядовому рабочему и крестьянину...» (Слова «организаторская» и «рядовому» подчеркнуты Лениным).

И в статье «Очередные задачи советской власти» Ленин с неменьшей ясностью говорил о необходимости позаботиться о том, чтобы ценный опыт «новой организации производства... стал достоянием масс», что результаты соревнования «неизбежно подскажут нам дальнейшие формы строительства...».

Значит, задача рядовых рабочих в соц. соревновании — не только быть честным рабочим, не пьянствовать, не прогуливать, бережно относиться к машинам и т. д. (это само собой разумеется, и на громадность этой задачи перевоспитания рабочего указывал Ленин, когда говорил, что теперь в СССР идет «впервые после столетий труда на чужих... работа на себя»), но и, кроме того, вести организаторскую работу, быть организатором производства, искать

рационализировать, присматриваться к тому, что, какие формы «подсказываются» (научиться «не робеть» в повседневных вопросах организации производства).

А как у нас до сих пор обстоит дело с этой стороной соц. соревнования?

> «...На заводе им. Петровского есть рационализаторское бюро, во главе которого стоит коммунист. Мы спрашиваем, что он думает делать с добровольными рабочими группами по борьбе с браком, по рационализации и т. д... Увы, этот коммунист не только не знает, что есть такие группы на заводе, но и вообще думает, что это не его дело...».

В любом промышленном районе до сих пор не редкость такие хозяйственники-коммунисты, которые думают, что организация,—помощь рабочему соревнованию подняться до задач рационализации, организации производства и т. д. (и тем самым дать им осмыслить, оценить и значение повседневных задач борьбы с прогулами и пр.),—что это «не их дело», да и не дело соревнующихся рабочих.

Против такой узости, такого ограничения (самодовольного, бюрократического) рабочей инициативы надо самым решительным образом бороться с первых же шагов развертывания соревнования. Надо втолковать каждому рабочему, что именно его производственную активность, инициативу имел в виду Ленин, прежде всего, когда он писал, что «рабочие и крестьяне еще робеют», что они «еще не освоились с тем, что они теперь господствующий класс», но что «они от этого должны избавиться и они, несомненно, от этого избавятся».

На ряду с крупнейшей задачей соревнования,—«поднятием трудовой дисциплины»,—надо не забывать (а по мере достижений в разрешении этой первой задачи) все в большей степени, все смелее, энергичнее организовывать соревнования вокруг более широких рационализаторских, а затем и реконструктивных задач промышленности и всего хозяйства.

Надо ни на минуту не забывать, что XVI партконференция ВКП(б) ясно подчеркнула именно эту задачу: «Соревнование и пятилетка неразрывно связаны между собою».

Следующий крупнейший момент, обеспечивающий правильное и успешное развертывание соревнования, — это массовый характер соревнования, отказ с самого начала от канцелярщины, казенного планирования; отказ от «парадного треска, торжественных заседаний, адресов и пр. обычной шумихи, которой подчас увлекается и более широкий актив.

Ленин рассматривал соревнование, как длительный и постоянный метод руководства хозяйством страны в переходный от капитализма к социализму период. Вл. Ильич считал соревнование методом активного привлечения масс к руководству и управлению всем хозяйством страны, наиболее полно обеспечивающим контроль и самоконтроль масс над производством, при одновременном укреплении единоначалия в управлении производством.

Поэтому на ряду с организацией соревнования на этот хоз. год необходимо уже сейчас заняться разработкой методов соревнования и приспособления к нему работы хозорганов и других организаций рабочего класса в будущем хозяйственном году. Уже сейчас на ряду с проведением технических показателей по производительности, расходованию сырья, топлива, электроэнергии и по себестоимости и т. д. для конца текущего хозяйственного года необходимо обеспечить выработку детальных показателей для предстоящего хозяйственного года.

В отдельных отраслях промышленности мы еще будем ориентироваться на лучшие технические показатели нашей страны, но в ряде отраслей промышленности, где была проведена значительная работа по техническому перевооружению, и в особенности на всех новых предприятиях, необходимо уже в настоящее время поставить своей задачей стремиться к показателям передовых западных стран и их техническим коэффициентам.

Культурно-бытовая пятилетка должна проводиться практически с учетом итогов общерабочего соревнования, ставя своей задачей на ряду с проведением общего плана государственного обслуживания нужд и запросов рабочих масс также и поощрение наиболее образцово работающих предприятий. Проведение 7-часового рабочего дня в последующие годы также на ряду с проведением общего плана должно будет учесть необходимость внесения некоторых коррективов в связи с проведением соревнования.

При проведении соревнования необходимо решительно избегать превращение их в пустую трескотню и шумиху или крикливую, бесплодную перекличку. Успех соревнований должен измеряться исключительно реальными производственными результатами на предприятиях, достигнутыми благодаря активному и сознательному участию в соревновании самих рабочих масс.

Соревнование дает положительные результаты только там, где вся рабочая масса принимает активное участие в соревновании.

Учитывая исключительное значение проводимой работы по социалистическому соревнованию для социалистического строительства в нашей стране, необходимо обеспечить компетентное руководство этой работой как в центре, так и на местах, уделяя этому особое внимание. Между тем уже сейчас необходимо признать, что руководство соревнованием отстает от активности масс. Здесь необходимо добиться решительного перелома.

Развертываемое в настоящее время по инициативе масс всесоюзное общерабочее соревнование требует сразу же превращение его из кампании в длительный хозяйственный поход за социалистическое строительство, за обеспечение таких темпов нашего хозяйственного развития, при которых мы в нашей экономической схватке с окружающими капиталистическими странами вышли бы победителями.

Л. Мадьяр.

Генеральная репетиция будущей войны.

(К событиям на К.-В. ж. д.).

Конфликт между СССР и нанкинским и мукденским правительствами лучами рефлектора осветил всю международную обстановку и наглядно показал всю актуальность военной опасности. Огромное международное значение конфликта на К.-В. ж. д. заключается именно в том, что он явился своего рода генеральной репетицией будущей войны. Он показал, с какой молниеносной быстротой может назревать и возникнуть непосредственная военная опасность, с какой быстротой и неожиданностью могут перерасти мировые противоречия в непосредственную военную опасность. Он же выявил не только расстановку классовых сил в международном масштабе, но в общих чертах и тактическую линию разных держав, разных социальных групп и группировок.

Если рассматривать лишь внешнюю сторону, лишь видимость явлений, то оказывается, что достаточно было выступления нескольких взбесившихся китайских генералов, чтобы поставить штыки, танки, бронепоезда и пушки в порядок дня. Но такая постановка вопроса была бы в корне неправильной. Конфликт на К.-В. ж. д. вовсе не случайность, — он вытекал с железной необходимостью из всей международной обстановки, он — звено в цепи тех возрастающих и обостряющихся противоречий, которые определяют международное положение в третьем периоде развития послевоенного империализма. Вовсе не случайно, что непосредственная военная опасность на границах СССР возникла как раз в тот момент, когда международный империализм и его социал-фашистские и социал-империалистические лакеи усиленно стараются пацифистскими иллюзиями усыплять бдительность рабочего класса, когда вооружения и военные подготовления особенно усиленно прикрываются пацифистскими фразами и жестами. Огромное значение кризиса заключается именно в том, что, во-первых, он рассеял дымовую завесу, прикрывающую военные приготовления, и тем самым дал наглядный урок о шаткости, условности, гнилости и противоречивости стабилизации международного положения и, во-вторых, он с поразительной ясностью выявил отношение разных держав, разных социальных групп, партий и идейных течений к империализму, к СССР, к революционно-освободительному движению в колониальных странах. **На основании уроков июльского кризиса на Дальнем Востоке мы можем с полной определенностью предвидеть поведение разных классов и партий в будущей войне.** В этом смысле кризис на Дальнем Востоке явился генеральной репетицией будущей войны. На основании его уроков можно установить не только позицию разных империалистических держав и их приблизительную тактику, но также позицию правых

и левых социал-демократов и их роль в будущей войне и поведение ренегатов коммунизма слева и справа.

Предпосылки конфликта.

Если рассматривать кризис только с внешней стороны, только его видимость, то конфликт возник вследствие захвата К.-В. ж. д. китайскими властями, при чем этот захват сопровождался налетами на советские консульства, арестами советских граждан и издевательствами над ними, роспуском профессиональных, кооперативных, просветительных и т. д. организаций рабочих К.-В. ж. д., организацией белогвардейских банд на территории Китая и их переброской на территорию СССР, арестами и высылками советских представителей и издевательствами над ними, мобилизацией китайских наемных войск, их провокационным продвижением к советским границам и неслыханной кампанией клеветы и лжи на СССР.

Но все это вместе взятое было лишь звеном в цепи политики окружения СССР и подготовки войны против него не только на Западе, но и **на Востоке**. Международный империализм делает лихорадочные усилия, чтобы заставить **Турцию** Кемаля капитулировать перед империализмом; в **Ираке** сооружаются аэродромы, предназначенные на уничтожение нефтяных районов СССР; в Персии Риза-шаха Англия также сооружает аэродромы; в **Белуджистане** подготовляется сооружение железной дороги, долженствующей об'единить транспортную систему Месопотамии и Индии с целью облегчения переброски войск к границам СССР; железная дорога, строящаяся в Персии, может послужить таким же целям; в **Индии** строятся авиобазы и заводы, и в северо-западных пограничных провинциях Индии ведутся такие военные подготовления, такая концентрация войск, как это бывает лишь перед военным кризисом; в **Афганистане** — свержение Амануллы, разгром страны на враждующие между собой части путем использования даже крестьянского недовольства, антикрестьянская, контрреволюционная, антисоветская политика правительства Баче Сакао, переброска контрреволюционных банд на территорию СССР под руководством агента английской разведки, полковника Лоуренса, который после всех своих подвигов вступил в «рабочую» партию; в **Монгольской Народной Республике** подготовляется контрреволюционный переворот буддийских лам и реакционных князей и контрреволюционная интервенция со стороны японского империализма.

В этой цепи нехватало еще Китая.

Китай реакции и контрреволюции неоднократно проявлял свою враждебность к СССР. Налеты в Шанхае, Ханькоу, Кантоне, бесконечные провокации на К.-В. ж. д. должны были доказывать империалистам, что Китай Гоминдана является таким же надежным звеном в антисоветском фронте, как Китай Чжан Цзо-лина.

«**Вы возглавляете союз свободных республик,** — писал в своем предсмертном обращении к ЦИК СССР мелкобуржуазный революционер Сун Ят-сен, — **это наследие, которое оставил угнетенным народам бессмертный Ленин. С помощью этого наследия жертвы империализма неизбежно добьются освобождения от того международного строя, основы которого издревле коренятся в рабовладельчестве, в войнах и несправедливости... Я завещал Гоминдану продолжать дело национально-освободительного движения, вплоть до полного освобождения Китая. С этой целью я поручил партии быть в постоянном кон-**

такте с Вами... Прощаясь с Вами, дорогие товарищи, я хочу выразить надежду, что скоро настанет день, когда СССР будет приветствовать в могучем, свободном Китае друга и союзника, и что в великой борьбе за освобождение угнетенных народов мира оба союзника пойдут к победе рука об руку».

Так писал Сун Ят-сен. Мы знаем, как действовали его эпигоны, его партия. На каждом митинге, собрании, заседании Гоминдана оглашается завещание Сун Ят-сена. Но вся политика Гоминдана по всем вопросам внешней и внутренней политики направлена против основных принципов Сун Ят-сена (борьба против империализма, союз с СССР; борьба против реакции, опора на рабочие и крестьянские массы). Такова уже судьба мелкобуржуазных партий, которые становятся орудием в руках крупной буржуазии и мирового империализма.

Но в Китае борьба идет не только за то, чтобы вовлечь страну в антисоветский фронт. Борьба идет и за то, какая из империалистических держав должна овладеть Китаем. Нанкин долгое время был исключительно орудием в руках американского империализма. Американские советники контролируют все важнейшие министерства в Нанкине. Япония и Англия пытались было сорвать власть Нанкина и тем самым и влияние САСШ. Война между гуаньсийской группой и Нанкиным, попытка вызвать войну между Нанкиным и Фын Юй-сяном были проявлением этих попыток. Эти попытки не были достаточны для того, чтобы уничтожить Нанкин и влияние САСШ на него, но они были достаточны для того, чтобы заставить Нанкин внести некоторые изменения в свою ориентацию. Договор с Англией Макдональда об отдаче китайского флота под контроль английских офицеров был только первым шагом в этом направлении. Факт, что договор об отдаче американскому капиталу в монопольную концессию воздушного сообщения в Китае не осуществлен (английская и японская разведки организовали против договора «массовое движение»), является крупной уступкой со стороны Нанкина по отношению к Японии. Сильнейший нажим со стороны Японии и Англии, опаздывание финансовой помощи со стороны САСШ заставили Нанкин внести некоторые поправки в свою исключительную ориентацию на САСШ. Если правительство Болдуина в Англии и кабинет Танаки в Японии пытались осуществлять свою политику в основном против Нанкина, то кабинет Макдональда в Англии и правительство Хагацуки — Шидехара в Японии пытаются в основном осуществлять свою политику через Нанкин. Формы и методы борьбы между империалистами за Китай претерпели некоторые изменения, но под измененными формами и методами эта борьба обострилась. При кабинете Болдуина — Чемберлена в Англии и при правительстве Танаки в Японии основная тенденция английской и японской политики сводилась к сближению между обеими странами, к созданию англо-японского блока против САСШ. Попытки Макдональда к соглашению с САСШ не сняли англо-японский блок с порядка дня, но на время этих переговоров отодвинули на задний план, чтобы на случай неудачи англо-американского соглашения вернуться к старой англо-японской комбинации. Молодой и жадный империализм САСШ не мог не воспользоваться этой кон'юнктурой для того, чтобы нанести удар Японии. Когда статс-секретарь по иностранным делам Стимсон пригласил к себе послов других держав, чтобы сообщить им о намерении САСШ и Франции выступить «посредниками» между СССР и Нанкином, он «забыл» об этом сказать японскому послу. Тем самым он продемонстрировал, что САСШ не признают «специальных прав и интересов» Японии в Манчжурии. Тем самым он вернулся к старой политике САСШ,

которая настаивала на принципе «открытых дверей» в Манчжурии. В ответ на «забывчивость» Стимсона японский министр иностранных дел Шидехара выступает самостоятельно в качестве «посредника», чтобы продемонстрировать заинтересованность Японии в Манчжурии, и, предлагая непосредственные переговоры между СССР и Китаем, японская дипломатия хотела дать понять САСШ и другим державам, что им нечего искать в Манчжурии, что дела манчжурские их не касаются. Не случайно также, что как раз японская печать разоблачила планы об интернационализации К.-В. ж. д. Ведь план об отдаче железных дорог международному консорциуму возникает не впервые в настоящее время. САСШ предложили такую интернационализацию в порядке борьбы против японского империализма уже в начале XX в., и японскому империализму стоило не мало труда похоронить предложение американского империализма. В то же время французский империализм также пред'явил свои претензии на К.-В. ж. д. Англия Макдональда поддерживает американско-французское выступление за интернационализацию дороги. Все империалистические державы выступили против СССР, но в то же время они вели и ведут отчаянную борьбу и между собой. Все империалистические державы пытались изображать себя в качестве защитников мира и в то же время пытались поставить СССР в роли «нарушителя мира» и подчинить пролетарское государство своему арбитражу. Но в то же время между империалистическими державами шла борьба за власть и влияние в Китае вообще и в Манчжурии в частности.

Все империалистические державы едины в том, что Китай надо вовлечь в антисоветский фронт, что Китай надо подчинить еще более финансовому капиталу. Борьба идет за то, на чьей стороне должен участвовать Китай в антисоветском фронте, и в особенности за то, какому капиталу должен быть подчинен Китай. При этом, конечно, нельзя упускать из виду, что в борьбе против СССР восточные страны являются только вспомогательными отрядами с точки зрения империализма. Основной удар подготовляется с Запада. Восточные границы СССР должны служить лишь второстепенными полями битвы, в качестве «Neben-Kriegsschauplatz», как немцы говорили во время мировой войны. Но восточная политика империализма стоит меньше под контролем общественного мнения рабочего класса. Тем легче вызвать на Востоке авантюру, могущую привести к войне. Поэтому нынешний кризис возник на Востоке. Читатель увидит дальше, что он подготовлялся чрезвычайно тщательно. Ниже мы приводим данные о том, что весь план захвата К.-В. ж. д. открыто обсуждался на страницах китайской печати по крайней мере с апреля текущего года. Все империалистические державы знали об этом плане. В начале июня китайский министр иностранных дел уже публично выступил с заявлением о применении «наиболее драстических мер по отношению к СССР». 11 июня уже официально сообщается о предстоящем захвате К.-В. ж. д., о предстоящем роспуске профсоюзов. Кто же поверит, что Нанкин поступил без совета, подстрекательства империалистических держав? Кто же поверит, что Нанкин поступил без ведома и согласия той или иной группы держав? Кто же поверит, что американские «советники» не знали о планах Нанкина? Все державы были заинтересованы в том, чтобы вопрос о К.-В. ж. д. был поставлен, все державы были заинтересованы в спровоцировании конфликта между СССР и Нанкином и Мукденом. Разногласия между державами начались по вопросу о том, как разрешить вопрос о К.-В. ж. д. после того, когда дорога перестала быть совместным коммерческим предприятием СССР и Китая.

Обострение борьбы империализма против СССР и обострение противоречий в лагере империализма (одно другое не исключает)—вот та международная обстановка, в которой разгорелся кризис.

Внутреннее положение в Китае.

Внутренняя обстановка в Китае чрезвычайно благоприятствовала империалистическим интригам.

В июне еще шли бои в провинции Гуанси. В войне между Нанкином и гуансийской группой Чан Кай-Ши оказался победителем, и в результате войны номинальная власть Нанкина распространилась на провинции Хубей, Хунань, Гуаньдун, Гуанси. Поход против Чжан Цзюн Чжана и эвакуация со стороны японцев подчиняли пров. Шандун формально Нанкину. Но не закончился кризис власти Нанкина, когда разгорелся конфликт между Нанкином и Фын Юй Сяном. Несмотря на то, что военный, финансовый и экономический перевес на стороне Нанкина, конфликт с Фын Юй Сяном и Ян Си Шаном длится уже несколько месяцев. Этот длящийся кризис показал всю условность и ограниченность «об'единения» страны под властью Нанкина. Не говоря уже о том, что на юге Гуочжоу, Сычуань и Юньнань даже формально едва ли подчинены Нанкину, на севере Китая Фын и Ян Си Шан даже условно не подчиняются власти Нанкина. В Манчжурии Чжан Сюэ Лян только на словах признал Нанкин, а на самом деле он сам себе хозяин. Кроме того, он использовал конфликт Нанкина с Фыном для того, чтобы двинуть свои войска даже в Собственный Китай. Сам Гоминдан не знает, что сказать: об'единена ли страна или нет? Чан Кай Ши в своей речи от 15 июня сказал, что «страна еще не об'единена, что положение чрезвычайно серьезное, еще более серьезное, чем во время восстания гуаньсийцев». А ЦК Гоминдана в своем манифесте от 19 июля заявляет, что «об'единение страны теперь уже завершено», и Гоминдан даже решил, что «период опеки и воспитания народа продолжится лишь в течение шести лет», после чего в 1935 г. начнется «конституционный период». Но страна-то знает, что она еще не об'единена по-настоящему, и вся внутриполитическая обстановка указывает на то, что в ближайшее время может создаться блок всех недовольных и обиженных генералов против Чан Кай Ши. Социальный базис Нанкина все более суживается. Мелкая буржуазия находится в оппозиции; наиболее правое крыло Гоминдана также отсечено, и более или менее серьезный базис Нанкин имеет только в крупной буржуазии. Но длительный кризис с Фыном значительно подмочил авторитет Нанкина.

Экономическое положение также ухудшилось. В мае внешняя торговля Шанхая сократилась почти на 60% в сравнении с прошлым годом. Падение курса серебра с 26,5 до 24 пенни за унцию затрудняет импорт. Политический кризис вызвал беспокойство биржи. Катастрофический недород в прошлом году привел к тому, что только в одной провинции Гансу вымерло с голоду 2 млн. человек. Виды на урожай в этом году еще не выяснены, но в ряде провинций ожидается снова недород. В городах — вздорожание жизни.

В области внешней политики отставка Танаки и приход к власти Макдональда вызвали известные надежды на более быстрый темп пересмотра дипломатическим путем некоторых неравных договоров, но конкретных результатов нет. По вопросу об отмене экстерриториальности САСШ дали более чем уклончивый ответ, поставив вопрос о гарантиях и заявив, что они откажутся от экстерриториальности, если все державы откажутся. Наоборот, на конференции Международных Торговых Палат выяснилось, что иностранный и в особенности американский капитал собирается в Китай, хотя и не особенно торопится с инвестированием. А условия, поставленные иностранным капиталом, весьма суровы. Пример: «Дженерал Моторс» готов построить монтировочный завод в Шанхае, если Нанкин снизит и без того невысокие таможенные тарифы. Внутренние войны значительно уменьшили авторитет Нанкина. Похороны Сун Ят Сена должны были бы ознаменовать об'единение страны, а они совпали как раз с кризисом даже номинального об'единения. Несомненно, что Нанкин представляет больше власти теперь, чем год или года два назад. Он имел в области внешней политики некоторые успехи после того, как он капитулировал перед империализмом. Но затруднения увеличиваются, единый фронт контрреволюции распался, и социальный базис Нанкина суживается.

В то же время крестьянский вопрос причиняет все больше беспокойства китайской буржуазии. Пленум ЦК Гоминдана решил снизить арендную плату на 25% в течение четырех лет, но это обещание не успокоило бурлящую деревню. В рабочем движении, несомненно, пройден наиболее глубокий пункт нисходящей волны. Стачки в Тяньцзине и Шанхае уже вышли за рамки гоминдановской легальности. А в день годовщины шанхайских расстрелов, 30 мая, в Шанхае забастовало 30.000 рабочих по призыву компартии и 30.000 рабочих демонстрировало на улицах под лозунгами компартии, и рабочие громили редакции гоминдановских газет!

В такой обстановке выступление против СССР с точки зрения Нанкина казалось положительным шагом по целому ряду соображений.

Перед контрреволюционной китайской буржуазией выступление против СССР могло увеличить авторитет власти. А такое выступление можно изображать перед мелкой буржуазией как борьбу против «красного империализма».

Фын уже давно изображается перед китайской буржуазией как «полукоммунист», как «союзник» СССР. Нанкин отлично знает, что Фын ни в какой связи с СССР не состоит и не меньше Чан Кай Ши преследует коммунистов, но выступление Нанкина против СССР поставит Фына в такое положение, что он не сможет бороться против Нанкина. То же самое относится к Ян Си Шану.

Конфликт с СССР может привести к тому, чтобы Мукден искал опору у Нанкина. Во всяком случае подобный конфликт будет прекрасным предлогом для того, чтобы заставить Чжан Сюэ Ляна перебросить свои войска из Северного Китая в Северную Манчжурию и тем самым избавиться от него в Собственном Китае.

И, наконец, что важнее всего: выступление против СССР улучшит положение Нанкина перед империалистическими державами вообще, а покушение на К.-В. ж. д. улучшит положение перед теми державами, которые уже давно претендуют на дорогу.

Китай, царская Россия и СССР.

Эта дорога имеет уже 30-летнюю историю. План о постройке К.-В. ж. д. возник в середине 90-х годов; договор о постройке и эксплоатации дороги был подписан 27 августа 1896 г. между Китаем и царской Россией. Сооружение дороги началось в 1897 г. и закончилось вместе с южной веткой до Порт-Артура в 1903 г. Постройка всей дороги обошлась в 460 млн. руб., а за вычетом отошедшей в результате русско-японской войны южно-манчжурской дороги—в 378 млн. руб. В нынешнем ее виде общее протяжение дороги составляет 1.727 км. На 1 января 1928 г. на дороге насчитывалось наличных 513 паровозов, 11.259 товарных и 714 пассажирских вагонов [1]).

На службе дороги состояло 30.185 рабочих.

Постройка К.-В. ж. д. являлась одним из крупнейших империалистических предприятий царской России. Не кто иной, как Ленин, в 1900 г. дал постройке дороги и политике царской России следующую оценку:

[1]) Данные взяты из работы Ник. Терентьева—«Советский Союз, империализм и Китай»

«И вот теперь жадные лапы европейских капиталистов потянулись к Китаю. Потянулось чуть ли не прежде всех и русское правительство, которое теперь так распинается о своем «бескорыстии». Оно «бескорыстно» взяло у Китая Порт-Артур и стало строить железную дорогу в Манчжурии под охраной русских войск».

«Бедное императорское правительство! Оно так христиански бескорыстно, а его так несправедливо обижают! Оно бескорыстно захватило несколько лет тому назад Порт-Артур и теперь бескорыстно наводнило пограничные с Россией области Китая сворой подрядчиков, инженеров и офицеров, доводивших своим обращением даже известных своей покорностью китайцев до возмущения. На постройке китайской дороги рабочим-китайцам платили по 10 коп. в день на их содержание,—это ли еще не бескорыстно со стороны России».

«Но чем же об'яснить, что наше правительство ведет эту безумную политику в Китае? Кому выгодна эта политика? Она выгодна кучке капиталистов-тузов, которые ведут торговые дела с Китаем, кучке фабрикантов, производящих товары на азиатский рынок, кучке подрядчиков, наживающих теперь бешеные деньги... Такая политика выгодна кучке дворян, занимающих высокие места на гражданской и военной службе».

К.-В. ж. д. пересекает наиболе важную колонизационную область Китая, население которой растет с поразительной быстротой. (В начале XX в. в Сев. Манчжурии насчитывалось около 2, а в настоящее время около 13 млн. человек). Грузооборот дороги возрос с 1.165 тыс. тонн в 1913 г. до 4.882 тыс. тонн в 1927 г.

К.-В. ж. д. по своему военно-стратегическому и экономическому значению была одной из важнейших позиций империализма царской России на Дальнем Востоке.

После Октябрьской революции дорога перешла в руки Русско-Азиатского Банка, который после национализации банка в РСФСР открыл свою лавочку в Париже под крылышком французского империализма. А фактически дорога находилась во время интервенции под контролем международного комитета по железнодорожным перевозкам, состоявшего из представителей союзных держав, проводивших интервенцию.

В полосе отчуждения К.-В. ж. д. царская Россия содержала войска. Кроме того, царская Россия располагала в Китае концессиями в Тяньцзине и Ханькоу, граждане России имели право экстерриториальности, царская Россия получила известную долю в боксерской контрибуции, и ввоз товаров из Китая в Россию и вывоз из России в Китай подлежали таможенному обложению, не превышавшему 5%.

Советское правительство после победы над Колчаком 25 июля 1919 г. обратилось к китайскому народу и китайским правительствам с декларацией, в которой, изложив основные принципы своей внешней политики, *отказалось от всех завоеваний, которые сделала царская Россия в Китае, от получения боксерской контрибуции, от всех особых привилегий русских граждан, от всех концессий* и предложило заключить договор для урегулирования *всех этих вопросов*. Ответа не последовало.

27 октября 1920 г. советское правительство обратилось с новой декларацией к китайскому министерству иностранных дел, в которой повторялись прежние предложения. Порабощенный империализмом Китай под давлением дипломатического корпуса не дал ответа и на эту декларацию.

Советское правительство и впоследствии Дальне-Восточная республика послали ряд дипломатических миссий в Китай для урегулирования взаимоотношений с Китаем, но Китай был настолько порабощен, что под давлением империалистических держав он не осмеливался принять из рук русской революции даже уничтожение неравных договоров. Лишь 14 марта 1924 г. было подписано соглашение между СССР и Китаем в духе декларации советского правительства. *Это соглашение уничтожило все договоры, заключенные царским правительством и затрагивающие суверенные права или интересы Китая.* Соглашение предусматривает пересмотр всех договоров между царской Россией и Китаем на основе равенства, взаимности и справедливости; отказ от специальных прав и привилегий, касающихся концессии, от прав экстерриториальности и консульской юрисдикции, от русской доли боксерской контрибуции. По вопросу о К.-В. ж. д. соглашение признает эту дорогу исключительно коммерческим предприятием, передает в компетенцию китайских властей все вопросы, затрагивающие права центрального правительства или местной власти, и устанавливает, что будущее К.-В. ж. д. будет определено сторонами без участия третьих государств и что правительство Китая имеет право на выкуп дороги при посредстве китайского капитала, при чем порядок выкупа будет определен на конференции.

В то же время с Пекином и впоследствии с Мукденом было подписано «соглашение о *временном* управлении К.-В. ж. д.», которое предусматривает совместное управление К.-В. ж. д. как чисто коммерческим предприятием.

Не ясно ли, что основной смысл этого соглашения заключался в том, чтобы помешать переходу дороги к «третьей стороне», т.-е. к какому-нибудь империалистическому государству.

В 1924 г. Китай не имел никакого правительства. Пекинское правительство не властвовало даже в Пекине. Оно—это правительство—было игрушкой в руках дипломатического корпуса. Отдача дороги этому правительству означала бы собой передачу дороги империалистам, из цепких рук которых трудно было бы ее вырвать. Отдача дороги Чжан Цзо-лину означала бы собой в тогдашней обстановке передачу дороги японскому империализму. Таково было положение вещей в 1924 г. Отдать дорогу *китайскому народу* даже без выкупа — это соответствовало бы принципам пролетарской политики. Но отдать дорогу прямо в руки империалистов,—это было бы преступлением против китайского народа.

Совместное управление дорогой предусматривалось как временная мера. Ведь соглашение предусматривает созыв конференции для урегулирования всех вопросов. Эта-то конференция никогда не собиралась, ибо Китай не имел правительства. Созыв этой же конференции предлагала нота советского правительства Нанкину, но Нанкин это предложение отклонил.

Таковы вкратце политические, юридические и дипломатические предпосылки конфликта.

Позиция держав.

Позиция и тактика империалистических держав во время конфликта не выявили ничего нового и неожиданного.

СССР и Китай заключили договор, что вопрос о К.-В. ж. д. должен быть разрешен «без участия третьих государств».

Империалисты подстрекали к выступлению Нанкин и, когда убедились в том, что не удалось спровоцировать СССР на войну с Китаем, которая могла бы привести к войне с Японией и тем самым к мировому кризису, выступили в качестве «посредников». Инициативу взяли на себя САСШ, которые изо всех сил стараются превратить Китай в колонию американского капитала. Они пригласили к участию Францию. В то же время они «забыли» о Японии. САСШ и Франция заинтересованы в том, чтобы вопрос о К.-В. ж. д. не разрешился «без участия третьих государств». Они пожелали участвовать в определении будущего К.-В. ж. д.

Посредническое выступление Японии преследовало те же цели. Япония хотела исключить все остальные державы из разрешения вопроса, чтобы продемонстрировать свою исключительную заинтересованность в Манчжу-

рии. Япония сама пожелала быть «третьим государством» в определении судеб К.-В. ж. д. С точки зрения японского империализма, который своим железнодорожным строительством, своими горными, лесными и т. д. концессиями уже не со вчерашнего дня подбирается к К.-В. ж. д., это вполне понятно. Ведь захват Северной Манчжурии и внутренней Монголии является заветной мечтой японского капитала.

Ссылка на пакт Келлога, на сохранение мира и т. п. является обычным приемом империалистической дипломатии, когда приходится прикрывать провокацию и военные подготовления. Ничего удивительного или нового нет в том, что по поводу конфликта буржуазная дипломатия особенно изощрялась этими приемами. На этих попытках и останавливаться не стоит. Следует только отметить, что ни одна из держав не выступила открыто за Китай. Они выступили лишь в защиту своих интересов.

Во многих отношениях новым было выступление социал-демократии. Оно было новым и оригинальным по своей исключительной откровенности. Если социал-демократы хотели бы преднамеренно показать, чего можно ожидать от них в случае войны против СССР, какую роль они будут играть в будущей войне, и то они не могли бы быть более цинично откровенными.

Их первым словом во время кризиса было, что СССР является нарушителем мира, что СССР спровоцировал конфликт.

Кто спровоцировал конфликт?

Социал-демократы и их единомышленники справа и слева из ренегатов коммунизма стараются отравлять сознание социал-демократических рабочих утверждением, что «Москва спровоцировала конфликт», что СССР является нападающей, агрессивной стороной. Это тоже входит в общий план генеральной репетиции будущей войны. Ведь весь устав Лиги Наций и бесконечное множество секретных договоров, заключенных между империалистами, предусматривают выступление Лиги Наций и различных групп держав против «нарушителя мира». А какая именно страна является нарушителем мира, это устанавливается, разумеется, Лигой Наций, т. е. самими империалистическими правительствами. Можно ли сомневаться в том, что в случае конфликта между СССР и любой из капиталистических стран Лига Наций будет констатировать, что именно СССР является нападающей стороной, «нарушителем мира»? Но этого мало. В подготовке и в генеральной репетиции грядущей войны огромное значение имеет настроение масс, общественное мнение рабочего класса и широких слоев трудящихся. А массы хотят мира, массы не хотят войны, и яснее ясного, что они будут настроены против виновника войны. Задача социал-демократии, а в особенности ее левого крыла, заключается в том, чтобы выполнить роль агитпропотдела империализма по этому важнейшему вопросу. Немудрено, что по поводу конфликта на К.-В. ж. д. международная социал-демократия так усиленно старалась изображать СССР нарушителем мира. Москва послала Нанкину ультиматум, Москва же начала концентрировать войска на китайской границе, Москва же прервала дипломатические отношения с Китаем, Москва же отклонила мирные предложения Нанкина — провозгласили социал-демократические органы всех мастей. Господа социал-демократы при этом нарочито обошли молчанием довольно-таки общеизвестные факты. Они набрали в рот воды и ни звуком не упомянули о длинном ряде провокаций со стороны китайской контрреволюции. Не говоря уже о провокациях на самой К.-В. ж. д., в 1927 г. имел место налет на представительство СССР в Пекине, арест команды «Памяти Ленина», налет на шанхайское консульство СССР, неслыханно зверское убийство сотрудников кантонского консульства СССР, налет и обыски в консульстве СССР в

Тяньцзине, Харбине и т. д. и т. п. Но господа социал-демократы и ренегаты коммунизма слева и справа не учли, что китайская контрреволюция еще не научилась более тонким приемам европейской и американской буржуазной и социал-демократической дипломатии, и вовсе не скрывала, что она подготовляет провокацию. Наоборот, Нанкин с полной откровенностью и без социал-демократического и буржуазного ханжества заранее кричал о том, что подготовляется провокация. Китайская печать и выходящая на английском языке в Китае печать прямо-таки провозгласили, что предстоит захват К.-В. ж. д.

Впрочем, безобидный экономический журнал «Chinese Economic Journal» в своем номере от апреля 1929 г. пишет следующее:

«Попытки китайских властей в Харбине к возвращению К.-В. ж. д. снова обратили внимание общественного мнения на конфликт русско-китайских интересов в Северной Манчжурии. 28 декабря 1928 г. китайский начальник радиотелефонно-телеграфной службы захватил телеграфную сеть К.-В. ж. д., затем последовал захват речной флотилии К.-В. ж. д., захват школ, клубов и земель, принадлежащих железной дороге. Китайские власти в качестве подготовки полного захвата К.-В. ж. д. предполагают в ближайшее время захватить коммерческий отдел и отдел по контролю дороги. Хотя русские власти протестовали, китайцы сохраняли за собой контроль над захваченным имуществом. Русские приняли к сведению эти изменения, проведенные в законном порядке, поскольку они были совершены соответствующим путем через соответствующие власти (?). Некоторая сенсация была вызвана, но положение в настоящее время спокойно, и этот конфликт интересов не приведет к серьезным дипломатическим осложнениям».

Вот эта цитата из статьи Л. Е. Цзяо совершенно ясно показывает, что Нанкин и Мукден действовали по предопределенному плану, и автор в своей наивности выбалтывает в апреле 1929 г. те планы китайской контрреволюции, которые были осуществлены лишь в июле 1929 г. Он же выдает всю установку Нанкина, раз все прежние захваты и провокации сошли благополучно, то и полный захват К.-В. ж. д. сойдет благополучно и «не приведет к серьезным дипломатическим осложнениям».

6 июня 1929 г. министр иностранных дел нанкинского правительства, С. Т. Ван, в беседе с журналистами заявляет:

«Взаимоотношения между Китаем и Россией чрезвычайно напряжены (extremely grave), и правительство рассматривает в настоящее время этот вопрос. Национальное правительство, может быть, примет меры наиболее драстического характера (the most drastical nature). Правительство прервало нормальные отношения с Россией, но Россия все еще имеет консульства в Северном Китае, и Китай все еще имеет дипломатических представителей в России».

Кажется, ясно. Нанкинское правительство уже в начале июня рассматривало вопрос о применении «наиболее драстических мер» по отношению к СССР, сообщает об этом журналистам, и агентство Рейтера распространяет эту весть по всему миру.

11 июня уже можно было узнать дальнейшие подробности о решениях Нанкина.

«Из компетентных кругов сообщают, — гласит сообщение «Рейтера», — что правительство решило применять решительные меры в связи с теперешним положением русско-китайских взаимоотношений. Мнения между лидерами правительства разделяются по вопросу о том, должно ли национальное правительство отозвать своих дипломатических представителей и таким образом прервать дипломатические отношения с Россией или же должно оно восстановить дипломатические отношения с Россией. В настоящее время, несмотря на то, что Россия проводит «реакционную» пропаганду в Монголии, в Китайском Туркестане и в других местах, национальное правительство не может протестовать перед российским правительством в виду того, что Китай прервал сношения с Москвой. Лидеры национального правительства полагают, что до возобновления дипломатических отношений Россия должна дать

согласие на два условия: 1) возвращение К.-В. ж. д.; 2) роспуск профсоюзов на К.-В. ж. д.».

«Полагают, что К.-В. ж. д. является центром деятельности III Интернационала на Дальнем Востоке, и утверждают, что доходы дороги используются принципиально для финансирования коммунистического движения в Китае».

Это уже совершенно ясно. За полтора месяца до налета на К.-В. ж. д. Нанкинское правительство уже вынесло решение о захвате дороги и не только не скрывало этого, а, наоборот, провозгласило о предстоящей провокации на весь мир. Мы не знаем, доложили ли те органы, которым надлежит заниматься информацией о предстоящих событиях, советскому правительству, но все империалистические правительства знали о планах Нанкина. Все правительства, которые впоследствии хотели выступить в качестве «спасителей» мира, знали, что Нанкин готовит опаснейшую провокацию. О предстоящей провокации можно было прямо читать в газетах. Начиная от правительства САСШ, через рабочее правительство Англии вплоть до Лиги Наций и II Интернационала, все могли знать и знали, что нанкинская шайка влезает в опаснейшую для мира авантюру. Кто же поверит, что они не могли бы удержать своего лакея Чан Кай-ши? Кто же поверит, что они не подстрекали Чан Кай-ши и его шайку? Факты ведь упрямая вещь, и грубая подготовка провокации со стороны Нанкина до конца разоблачает и социал-демократию, которая со своей стороны старалась изображать СССР в качестве «нарушителя мира». Но таков был социальный заказ империализма и таково будет задание империализма для социал-демократии в грядущей войне.

Чан Кай-ши—герой II Интернационала.

Однако, социальный заказ империализма этим не исчерпывается. Недостаточно доказать, что СССР — нарушитель мира, что Москва «спровоцировала» конфликт. Необходимо было доказать в то же время, что нанкинское правительство — этот агент империализма — было в праве совершить нападение на К.-В. ж. д., на профсоюзы рабочих, на кооперативы, рабочие клубы и т. д. Необходимо было популяризировать Чан Кай-ши и Чжан Сюэ-ляна. Стало быть, задача не из легких даже для социал-демократии. Чан Кай-ши и Чжан Сюэ-лян — всемирно известные палачи рабочих. Рабочие знают хорошо о кровавых подвигах гоминдановских лакеев империализма и контрреволюции. Десятки и десятки тысяч рабочих, сотни и сотни тысяч революционных крестьян пали жертвой кровожадных, зверских расправ печальных героев гоминдановской контрреволюции. Нанкинское правительство, нанкинская военщина ознаменовали свое господство неслыханным белым террором по отношению к рабочим и крестьянам. Чан Кай-ши и Чжан Сюэ-лян все-таки стали героями II Интернационала и, пожалуй, левых коммунистов из лагеря Троцкого. Трудно верить, но это так. Нанкин стал носителем национальной революции в глазах германской социал-демократии, австро-марксизма и троцкистов. «Форвертс» от 30 июля публикует статью под замечательным заголовком: «Пробуждение и освобождение Китая», в котором, между прочим, говорится следующее:

«Старые неравные договоры, которые были заключены в шестидесятых годах прошлого столетия, были об'явлены односторонним актом нанкинского правительства, недействительными. Острый вопрос об отмене наиболее ненавистных концессий иностранцев также приближается постепенно к своему разрешению. С более высокой точки зрения, решающее значение имеет тот факт, что национальная консолидация Китая продвигается неудержимо вперед. Буржуазно-консолидированный Китай в скором времени будет равноправным членом капиталистического мирового хозяйства. Тем самым для капитализма открываются величайшие резервы. Но и социализм получит новый толчок».

Не правда ли хорошо сказано? Оказывается, нанкинское правительство односторонним актом об'явило неравные договоры недействительными. Какие неравные договоры? Так называемая «таможенная автономия» была введена по соглашению с державами, и сам Чан Кай-ши признал, да и все, знакомые с китайскими делами, прекрасно знают, что под названием таможенной автономии, была введена та тарифная сетка, которая была выработана на конференции империалистических держав в 1926 г. Экстерриториальность иностранцев не отменена, и нанкинское правительство пока обратилось лишь к САСШ с предложением начать переговоры по этому вопросу. А Соединенные Штаты ответили на ноту Нанкина вопросом о том, какие гарантии может предоставить Нанкин в случае отказа САСШ от экстерриториальности. Или аппарат Морской Таможни не находится под иностранным контролем? Разве соляная монополия перестала служить обеспечением китайских долгов? Неужели на китайских водах нет уже иностранных военных судов? Разве китайские железные дороги не находятся уже под иностранным контролем? Неужели Южно-Манчжурская ж. д. не составляет государства в государстве? Разве иностранные банки не выпускают больше бумажных денег в Китае? Или Гонгконг перестал быть колонией Англии, в Квантунге и в Южной Манчжурии не находятся японские войска, Франция вернула Индо-Китай, Англия вернула Бирму, Португалия вернула Макао, Япония вернула Формозу, английские, японские, французские капиталисты вернули все горные концессии, империалисты отказались от китайских долгов, 52 крупнейших города Китая перестали быть открытыми портами, одним словом, Китай стал независимой страной? А насчет концессий известно только, что СССР отказался от концессий в Тяньцзине и в Ханькоу, революционные рабочие захватили английские концессии в Ханькоу и Цзюцзяни, Англия «собирается» с 1922 г. вернуть Вей-Хай-Вай, и Бельгия согласилась вернуть свою, ничего не стоящую концессию в Тяньцзине. А все остальные концессии находятся в руках империалистов и более того: Гоминдан и нанкинское правительство вообще не поставили еще вопроса о возвращении концессии. «Форвертс» наврал и обманул социал-демократических рабочих, изображая Нанкин национально-революционным правительством и Китай независимой страной.

Гоминдан уже в ноябре 1927 г. торжественно заявил, что он отказывается от революционных методов борьбы против неравных договоров и вообще против империализма, и торжественно обещал империалистам, что он стремится к пересмотру неравных договоров только дипломатическим путем, методом переговоров. Об этом заявляли правые гоминдановцы, центристы, об этом заявляла и «левая» группа Ван Цин-вея. Не позже чем 18 июля 1929 г. Чан Кай-ши и С. Т. Ван повторяли эти заявления, чтобы успокаивать империалистов. А «Форвертс» изображает Гоминдан партией национальной революции, когда Гоминдан сам давным-давно отказался от этой роли. А берлинский комитет с.-д. партии, состоящий в своем большинстве из левых с.-д. во главе с небезызвестным Кюнстлером, в своем воззвании от 30 июля заявляет следующее:

«Страна, которая хочет освободить себя от чужестранной опеки, страна, которая, наконец, хочет быть хозяином у себя, клеймится коммунистами, как нарушитель мира. Империализм Советской России вызвал этот конфликт».

А лейпцигский комитет с.-д. партии, состоящий из «левых», публикует в «Лейпцигер Фолксцейтунг» от 29 июля воззвание, в котором между прочим говорится следующее:

«В настоящее время наследники Ленина угрожают китайскому народу войной потому, что властители Китайской республики пы-

таются практически осуществлять лозунги Коммунистического Интернационала и антиимпериалистических конгрессов».

Видите ли, Чан Кай-ши и Чжан Сюэ-лян пытаются осуществлять лозунги Коминтерна, а ученики Ленина за это угрожают им войной. Не ясно ли, что нанкинские и мукденские палачи играют революционную, а СССР и ВКП(б) контрреволюционную роль? Не ясно ли, что революционные рабочие должны поддерживать Нанкин и должны бороться против СССР? Не ясно ли, что «империализм СССР вызвал этот конфликт»? Или не ясно ли, что «левые» с.-д. являются еще более опасными врагами рабочего класса, чем правые? Не ясно ли, что воззвания берлинского и лейпцигского левых комитетов с.-д. еще более подлы, еще более позорны, чем писания Штампфера и российских меньшевиков в «Форвертсе». Не ясно ли, что левые социал-демократы и в данном случае выполнили социальный заказ империализма более последовательно, чем правые? Они же прямо об'являют Нанкин революционной и Москву контрреволюционной властью.

Однако, было бы ошибочно предполагать, что только германские правые и левые социал-демократы об'явили генерала Чан Кай-ши и маршала Чжан Сюэ-ляна героями II Интернационала.

Позиция австро-марксистов по существу ни в чем не отличается от позиции германских левых с.-д. «Арбейтерцейтунг» от 25 июля задается следующим размышлением:

> «Если капиталистические государства имеют концессии на китайской территории, то коммунисты первыми осуждают это и призывают китайцев к отнятию этих концессий. Если, однако, Россия господствует на важнейшей линии транспорта, — несравненно более важной, чем концессии в Ханькоу, — то это не империализм».

Ответная нота, в которой Нанкин отклонил предложение о созыве конференции для мирного урегулирования вопроса, печатается в «Арбейтерцейтунг» под заголовком: «Миролюбивая нота Китая» и в комментариях заявляется:

> «Советское правительство не может из-за империалистических позиций, унаследованных от царизма, воевать с Китаем».

Не ясно ли, что по мнению австро-марксистов, советское правительство является империалистическим, а нанкинское осуществляет революционное дело? Не ясно ли, что права «Арбейтерцейтунг», когда выдвигает предложение о том, что «рабочее» правительство Макдональда должно от имени международного пролетариата выступить посредником между СССР и Китаем? Видите ли, правительство Макдональда не является империалистическим правительством. Оно, очевидно, эвакуировало Индию после того, как оно прекратило мирутский процесс и расстрелы бомбейских и калькуттских стачечников? Гендерсон же не заявлял в Палате Общин, что «рабочее правительство» отстаивает в Египте право Англии на защиту Суэцкого канала, прерогативы иностранцев, право Англии на Судан и т. д. Англия рабочего правительства, очевидно, не имеет концессий в Китае, не держит войск в Гонконге, Шанхае и т. д., не контролирует Морскую Таможню, отказалось от экстерриториальности в Китае, Сиаме, не угнетает десятков миллионов негров в Африке, не сохраняет контрактную работу в Малайских Штатах, в Полинезии, в Африке? Видите ли, Макдональд — пролетарская власть, а Москва — империалист. Австро-марксисты также сдали экзамен на три с минусом. Их представитель Отто Бауэр был докладчиком на сессии исполкома II Интернационала, состоявшегося 28 июля по вопросу о конфликте между СССР и Китаем. Можно себе представить, как докладывал Бауэр своим почтенным коллегам по Исполкому. Во всяком случае решение Исполкома до сих пор не было опубликовано. Может быть, даже вероятно, что оно и не состоялось. Ведь в Исполкоме II Интернационала заседают агенты разных империализмов, и не так-то легко столковаться им в этом отношении. Сам II Интернационал является лучшим опровержением теории ультра-империализма.

Все же австро-марксисты взывали к «рабочему» правительству, чтобы оно выступило посредником между СССР и Китаем. А что делало «рабочее» правительство? «Рабочее» правительство его величества поддерживало выступление правительства САСШ, Франции, т.-е. тех империалистических держав, которые своим вмешательством «за мир» хотели разжигать войну на Дальнем Востоке или же, по крайней мере, захватить К.-В. ж. д. для международного финансового капитала, поставить ее под международный контроль. А орган «рабочей» партии «Дейли Геральд» в то же время выступил с изумительно забавным предложением. Надо признать, что «Дейли Геральд» единственная социал-демократическая газета, которая не говорит о «красном империализме». В Англии «приличие», повидимому, соблюдается и при «рабочем» правительстве, и приличие требует, чтобы в доме повешенного не говорили о веревке. Зато «Дейли Геральд» предлагает следующее в своем номере от 15 июля:

> «Мы, со своей стороны, надеемся, что в недалеком будущем Россия станет членом Лиги Наций, будет сотрудничать в работе Лиги Наций, принеся с собой в качестве члена Лиги новый и критический подход к Лиге и предоставляя международные конфликты решению Лиги».

Итак, первое пролетарское государство должно подчиниться об'единению империалистических держав, представительству англо-французского империализма, Лиге Наций. Это предложение является, на самом деле, достойным продолжением позиции австро-марксистов. Австро-марксисты отсылают СССР за «справедливым и беспристрастным» посредничеством к Макдональду, а Макдональд предлагает СССР пожаловаться в Лигу Наций. Лига Наций уже всячески старается стать орудием империализма в Китае. После того как Альбер Тома восторгался «рабочей» политикой Гоминдана, Международное Бюро Труда на своей сессии от 2 июня приветствовало Китай, Чан Кай-ши по поводу похорон Сун Ят-сена. А представитель Лиги, Авеноль, после своего пребывания в Китае заявил 17 мая 1929 г.:

> «Под руководством своих лидеров, которые все знакомы с европейской культурой, модернизация Китая и его открытие для западного влияния и западных возможностей становится задачей огромной важности для всего мира, и я уверен, что Лига Наций будет наилучшим посредником для необходимого контакта. А в настоящее время основная проблема для иностранцев в Китае заключается в том, как делать уступки, которые требуют от них, таким образом, чтобы в то же время обеспечить взамен необходимые гарантии безопасности и справедливости».

Итак, Лига Наций хочет быть проводником влияния западного капитала в Китае против американского, и она желала бы делать уступки Китаю, так, чтобы привилегии иностранцев все же остались. На самом деле, наиболее подходящий посредник между СССР и Китаем!

II Интернационал и национал-реформизм.

Итак, партии II Интернационала заняли позицию за Чан Кай-ши и Чжан Сюэ-ляна и против СССР.

Поскольку Нанкин и Мукден действовали в этом конфликте как агенты империализма, это и вполне понятно. Но нельзя не заметить, что партии социал-фашистского II Интернационала за последнее время вообще в корне пересмотрели свое отношение к национал-реформизму в колониальных и полуколониальных странах. Этот пересмотр начался после поражения китайской революции и теснейшим образом связан с теми социальными сдвигами, кото-

рые происходят в настоящее время в господствующих классах в колониальных и полуколониальных странах. Партии II Интернационала поддерживают Чан Кай-ши не только в качестве агента империализма, но—что по сути дела то же самое—в качестве представителя национал-реформизма.

II Интернационал являлся и является врагом национально-революционного движения в колониях. Это понятно. Национально-освободительное движение рабочих и крестьян подрывает основы империализма и тем самым и тот сук, на котором сидит рабочая аристократия. Макдональд проводил в 1924 г. в Индии массовые аресты, он же грозил кулаком национальному движению в Египте. Французские социалисты поддерживали походы против повстанцев в Марокко и в Сирии и «социалист» Варенн принимал пост губернатора в Индо-Китае. Голландские социал-демократы поддерживают колониальный режим в Индонезии, и германские социал-демократы были бы не прочь получить колониальные мандаты через Лигу Наций. Брюссельский конгресс II Интернационала своей резолюцией по колониальному вопросу возводил в принцип признание империалистической колониальной политики. Но в то же время партии II Интернационала поняли, что необходимо найти в самих колониях те социальные силы, которые способны успешно бороться с возрастающим национально-революционным движением. *Опыты же показали, что социал-демократическое движение в самих колониях не находит почвы.* В рабочем классе колониальных и полуколониальных стран трудно найти рабочую аристократию, основной базис социал-демократии. Французские социалисты попытались создавать в Алжире и Тунисе свои партийные и профсоюзные организации, но они остались организациями французских колонистов и не могли привлечь на свою сторону хоть сколько-нибудь значительных арабских рабочих масс. Организации рабочей партии в Южной Африке также остались организациями белых колонистов, а негритянские массы относятся к ним отрицательно. Голландские социал-демократы, успели в Индонезии организовать несколько сот железнодорожников и служащих государственных ломбардов, но укорениться в рабочих массах не могли. В Китае и в Индии поездки Альбер Тома, Пэрселя, германских текстильщиков и т. д. остались совершенно безрезультатными. Партии II Интернационала напрасно пытались нащупать почву в колониальных странах. Они не могли найти соответствующий социальный базис, они не могли найти и подходящего союзника.

После поражения китайской революции положение резко изменилось. Национальное движение в колониальных и полуколониальных странах быстрым темпом диференцировалось на лагерь национал-реформизма и национальной революции. Как июньское восстание французского пролетариата в 1848 г., по словам Энгельса, оттолкнуло германскую буржуазию и даже английскую мелкую буржуазию в лагерь контрреволюции, точно так же хунанские, шанхайские, кантонские восстания китайских рабочих и крестьян оттолкнули в лагерь контрреволюции Гоминдан и вызвали поправение национал-реформизма в Индии, Египте, в Сирии, Тунисе, в Индонезии, где восстание 1926 г. и без китайских уроков произвело такой же эффект. *Социал-фашисты и социал-империалисты разных стран во-время подметили этот процесс и начали ориентироваться на правеющих национал-реформистов, как на возможных союзников против национально-революционного движения.* Ленин предвидел подобный блок и в колониальной резолюции II конгресса говорит о социал-демократах и национал-реформистах, как о врагах национально-освободительной борьбы в колониях. Разумеется, блок или хотя сотрудничество или взаимная ориентация между социал-империалистами и между национал-реформизмом колониальной буржуазии весьма условная и ограниченная вещь. Слишком уж

глубоки противоречия между интересами буржуазии империалистических метрополий и буржуазии колоний, чтобы этот блок мог быть прочным. И поскольку социал-империалисты представляют интересы буржуазии метрополией, национал-реформизм колониальной буржуазии приходит с ними в столкновение. На этот счет нет иллюзии даже у самых прожженных представителей национал-реформизма. Не кто иной как вождь сваражистов в Индии, Мошилал Нэру, автор «Конституции Нэру» заявил: «*Поскреби вождей рабочей партии или английских профсоюзов—и видны будут империалисты*». Но в борьбе против революции, в борьбе против стремления рабочих и беднейших крестьян уничтожить всякую эксплоатацию в колониях, в борьбе против коммунизма социал-империалисты и национал-реформисты могут создать хотя бы и временный, хотя бы и условный единый фронт. Вовсе не случайно, что «Форвертс» от 23 июля, обсуждая перспективы индийской революции, приходит к следующему выводу:

> «Русские и нерусские коммунисты в конечном итоге будут разочарованы и в своих планах относительно Индии. Индия в конечном итоге получит свое «home rule» (самоуправление) и добьется постепенно также преобразования своих аграрных и социальных порядков. Но для этого нужно, чтобы индийские лидеры резко отмежевались от коммунистов. Правильно говорит один из лидеров индийских профсоюзов, Рао Шива, что «коммунизм должен быть побежден и в Индии».

То-есть: самоуправление «в конечном итоге», преобразование аграрных и социальных порядков, но «постепенно», а пока бейте коммунистов. О независимости, о свержении империализма, об аграрной революции — ни звука, но зато уничтожение коммунизма, как предварительное условие всяких реформ. В этом сформулирована положительная, конкретная политика II Интернационала по колониальному вопросу. История повторяется. Есть два пути к разрешению колониальной проблемы. Первый путь: свержение империализма, аграрная революция, быстрая, решительная революционная ломка империалистических и полуфеодальных устоев, революционная диктатура рабочих и крестьян, перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую и с помощью международной революции сокращение капиталистического пути развития. Это — путь коммунизма. Второй путь: постепенные реформы, мелкие и мельчайшие реформы системы внеэкономического принуждения, одновременно усиление экономических позиций финансового капитала в колониальных и полуколониальных странах, еще более глубокое подчинение этих стран власти финансового капитала, медленное, постепенное приспособление аграрных и социальных порядков этих стран к нуждам финансового капитала, мучительный процесс капиталистического развития с разорением и вымиранием десятков миллионов людей, империалистические войны, кровавые контрреволюционные войны против восстания рабочих и крестьян. Это — путь социал-фашизма, социал-империализма.

Партии II Интернационала встали на второй путь. Надо отдать справедливость голландским социал-демократам, ибо они впервые нащупали этот путь. Когда французский «социалист» Варенн принял пост губернатора Индо-Китая, его еще исключили из партии. Этот «жест» был еще отрыжкой старой идеологии. Когда Макдональд в 1924 г. впервые возглавлял «рабочее» правительство, он *только* душил революционное движение в Индии и только кулак показал националистам в Египте. Это было голое продолжение политики британского империализма. Теперь уже другие веяния во II Интернационале.

Голландские социал-демократы выработали чуть ли не марксистский анализ социальных отношений в Индонезии. Они совершенно правильно констатировали, что развитие капитализма в Индонезии привело к социальной

диференциации яванского общества. Они отбросили прочь никуда негодную и нелепо-народническую теорию о том, что яванское население состоит только из городской мелкой буржуазии и бедных крестьян. (Эта нелепо-народническая теория, к сожалению, все еще имеет сторонников среди коммунистов в Индонезии и в Голландии). Они констатировали, что в Индонезии теперь уже существует не только голландская буржуазия, не только китайская и арабская компрадорская буржуазия, но нарождается и яванская национальная буржуазия.

Эта буржуазия после восстания 1926 г. и после уроков китайской революции решительней повернулась вправо, сближается с империализмом и резко отмежевывается от лагеря национальной революции. Она все более и все быстрее становится на путь реформизма и контрреволюции. И голландские социал-демократы предлагают взять курс на эту буржуазию. Они предлагают ряд реформ. Они предлагают создание комиссий для укрепления японского среднего класса. Они предлагают ввести яванское большинство в псевдопарламент, отмену подушного налога, выкуп феодальных латифундий, легализацию буржуазного национального движения, некоторую реформу контрактной работы. Все эти реформы, вместе взятые, не ослабляют командные высоты голландского империализма, а, наоборот, они приближают яванскую буржуазию к системе империалистического господства и тем самым создают известный социальный базис для системы империализма. Голландский социал-демократ Мюллер назначается статссекретарем по внутренним делам и он проводит эти реформы. Левые социал-демократы в роде Стокуиса поддерживают «этические» реформы Мюллера. А «этический» Мюллер в порядке подготовки реформ арестует всех левых профсоюзных деятелей, содержит участников восстания 1926 г. и подозреваемых в коммунизме лиц на убийственной карательной колонии. Он уже не исключается из партии. Голландская социал-демократия после краха попыток к созданию социал-демократического движения в Индонезии взяла решительно ориентацию на национал-реформистскую буржуазию и на разгром революционного движения.

«Рабочее» правительство Англии также научилось кое-чему. Гендерсон увольняет в отставку английского верховного комиссара в Египте, Джорджа Ллойда. Этот чиновник был представителем политики стального кулака в колониях; он проводил в свое время арест Ганди в Индии, он разогнал парламент в Египте, он загнал партию национал-реформистов, Вафд, чуть ли не в подполье, он создал диктатуру Махмуда паши в Египте, опирающуюся на помещиков, компрадоров и английские штыки. Он оказался в кабинете Болдуина сильнее Чемберлена, ибо кабинет поддерживал его против Чемберлена. Гендерсон демонстративно увольняет его и берет курс на соглашение с Вафдом. Египетские национал-реформисты из Вафда достаточно доказывали, что они «разумные и практические» люди, что с ними можно сговориться. Австро-марксистские пошляки приветствуют увольнение Джорджа Ллойда как «первую победу рабочего правительства над империализмом»! («Арбейтерцейтунг» 27/VII). А Гендерсон заявляет в палате общин, что «четыре резервации (английские войска в Египте, права иностранцев, английское господство в Судане, права национальных меньшинств) остаются в силе, п р и н ц и п ы английской политики в Египте остаются неизменными, н о м е т о д ы изменяются. Гендерсон по всем данным попытается сговориться с Вафдом. А Вафд проделал достаточное развитие вправо, чтобы хотя и временно, хотя и условно сговориться с Гендерсоном. Гендерсон даже не скрывает, что он не откажется от основных позиций британского империализма. Только австро-марксисты хотят его изображать в роли победителя британского империализма. Гендерсон на такую роль и не претендует. Вафд не скрывает, что он ищет соглашения с британским империализмом, хотя он хотел бы сохранить за собой перед массами и роль борца за независимость Египта.

Положение в Индии, конечно, гораздо сложнее, чем в Египте. Свараджисты и национальный конгресс проделали огромное развитие вправо и «Конституция Нэру» признает все командные позиции британского империализма в Индии. «Рабочее» правительство еще не высказалось по вопросу о будущей конституции Индии. Оно не отважилось в ответ на призывы Ганди созвать конференцию между лидерами английского парламента и индийских партий. Но англо-индийское правительство в своей борьбе против революционного движения может уже все более рассчитывать на национальную буржуазию. Только Рой пытается еще изображать индийскую буржуазию, как революционную силу. Свараджисты на такую роль уже не претендуют. Развитие национального конгресса вправо создало уже известные предпосылки к единому фронту для борьбы против революции. По мере усиления рабочей борьбы в Индии, национальная буржуазия все более сближается с империализмом. Мы видели на II конгрессе антиимпериалистической Лиги, что между представителем независимой рабочей партии Мэкстоном и между представителями индийских и яванских националистов состоялся единый фронт против революционной критики их половинчатости, измен и предательств Такой, даже временный, блок года два—три назад был бы невозможен. Она стал возможен вследствие развития буржуазного национализма в колониях вправо.

В Китае эти процессы доведены до логического конца. II Интернационал боролся против Гоминдана, пока Гоминдан вел борьбу против империализма и состоял в блоке с рабочим и крестьянским движением. Но Гоминдан капитулировал перед империализмом, отказался от революционных методов борьбы даже против неравных договоров, подавляет рабочее и крестьянское движение. Гоминдан отказался от революционных методов борьбы против аграрных порядков (правда, Гоминдан никогда не высказывался з а аграрную революцию). Гоминдан стал проводником империалистического влияния в Китае. Гоминдан отказался от политики союза с СССР, завещанной ему Сун Ят-сеном, и вступил на путь борьбы с СССР. Гоминдан открывает еще более широко двери Китая для иностранного капитала. Гоминдан превращает Китай в «огромный резерв капитализма». Поэтому II Интернационал встал на сторону Гоминдана. Нам кажется несомненным, что ориентация II Интернационала на национал-реформизм против революционного движения рабочих и крестьян в колониях будет одной из характерных черт третьего периода. Именно поэтому исключительно важное значение приобретает вопрос о правильной оценке империализма со стороны коммунизма и национал-революционного движения. Мы не только не считаем исключенным, но, наоборот, считаем весьма вероятным, что по вопросу о неравных договорах, системе капитуляции национал-реформизм получит те или иные уступки. Колониальный режим в своей политической надстройке сможет претерпеть те или иные изменения. Повышение таможенных пошлин, преобразование экстерриториальности, реформа системы внеэкономического принуждения, дарение тех или иных «конституций» в роде фолксрада в Индонезии, парламента в Египте, законодательных собраний в Индии, вполне возможны. Вопрос о системе политического насилия в колониях является, по словам Ленина, вопросом «удобства» для империалистов. Если основные экономические командные высоты остаются в руках империализма, то тем самым обеспечено и политическое господство. Идеологи II Интернационала отлично понимают, что финансовый капитал подчиняет себе экономику колониальных и полуколониальных стран даже при преобразовании внеэкономической системы принуждения.

Социал-фашизм и национал-реформизм по этому вопросу могут найти известные точки соприкосновения. По мере того, как национал-реформизм в колониях сближается с империализмом, социал-демократия также сближается с национал-реформизмом. Чан Кай-ши стал агентом империализма и наиболее ярким представителем контрреволюционного национал-реформизма. В тот же момент он стал героем II Интернационала.

Ренегаты коммунизма „слева" и справа.

Однако, в борьбе против СССР и революции в Китае империалисты и Чан Кай-ши нашли союзников и за пределами социал-демократии. «Левые» коммунисты, сторонники Троцкого, выступили еще более подло, еще более предательски по отношению к СССР, чем даже социал-демократы. Их немецкий орган «Die Fahne des Kommunismus» в своем номере от 19 июля печатает статью по поводу конфликта между СССР и Китаем. Мы приводим лишь несколько цитат из этого документа глубочайшего политического падения. Вот, что говорится в статье «левого» коммуниста:

> «В настоящее время Китай уничтожает постепенно империалистические позиции в стране; он расторгнул все неравные договоры и даже осмеливается дипломатически атаковать Англию. В течение пяти лет не должно быть привелегированных иностранцев в Китае. Это является последствием буржуазной революции 1923—27 гг.».

Совершенно ясно, что эта оценка теперешнего Китая вполне совпадает с оценкой «Форвертса». Это — раз. Во-вторых, каждая фраза в этой цитате является ложной. Общеизвестно, что Китай Чан Кай-ши не уничтожил, а укрепил экономические позиции империализма в стране. Общеизвестно, что Нанкин не расторгнул неравные договоры, а признал их. Нанкин признал контроль иностранцев над Морской Таможней, над соляной монополией; Нанкин признал все старые долги, все старые концессии; Нанкин дал новые концессии иностранцам, Нанкин приглашает в страну иностранный капитал. И «левый» коммунист, сторонник Троцкого, врет беспардонно, обманывает рабочих, утверждая обратное. Общеизвестно, что Нанкин по существу отдал все важнейшие позиции государственного бюджета, финансов, валютной системы, железных дорог под контроль комиссии американских экспертов во главе с Кэммерером. Общеизвестно, что Гоминдан добивается пересмотра некоторых неравных договоров лишь путем переговоров. А левый коммунист, сторонник Троцкого, изображает дело так, что Гоминдан завершил буржуазную революцию. Мы вовсе не отрицаем, что в нынешнем Гоминдане возрастает влияние буржуазии и начался медленный процесс буржуазного перерождения власти. Но в том-то и дело, что китайская буржуазия не способна довести до конца даже буржуазную революцию, ибо она связана с докапиталистическими формами землевладения, ибо она сращивается с империализмом, ибо она не может апеллировать к массам. Но, очевидно, Чан Кай-ши является в глазах сторонников Троцкого борцом против империализма, а не агентом его, носителем хотя бы буржуазной революции, а не изменником даже буржуазной революции. Так определяется позиция сторонников Троцкого к Гоминдану.

Посмотрим, какую позицию занимают они по отношению к СССР. Вот, что пишет автор статьи:

> «Однако, фривольность была доведена еще дальше: 13/XI—1927 г. Россия продала дорогу Японии за 40 млн. иен и установила в договоре, что на возвращение дороги Китаем и думать нельзя».

Это утверждение выдумано с начала до конца. «Россия» не продала дороги ни Японии, ни какой-либо другой стране ни за 40 млн. иен, ни за

400 млн. иен, не подписала никакого договора об этом с Японией и в несуществующем договоре нет несуществующего пункта о том, что «о возвращении дороги Китаем и думать нельзя». Откуда все же это утверждение? Оно было распространено органами английской «Intelligence Service» (английская разведка) в Китае для того, чтобы спровоцировать конфликт между Китаем и СССР. И эту пищу предлагает «Die Fahne des Kommunismus» немецким рабочим. Из органа английской разведки «North China Daily News» от 14 июня, из органов Гоминдана эта «информация» прямым путем перекочевала на страницы «Die Fahne des Kommunismus». Но с каких же пор обслуживается английская «Intelligence Service» и агитпропотдел Гоминдана «Под знаменем коммунизма»? Но статья продолжается и дальше «Под знаменем коммунизма»:

> «Ни один китайский рабочий не знает, помогают ли ему коммунисты, но всякий может убедиться в том, что большевистская Россия применяет колониальные методы наихудшего сорта в Манчжурии...».

Итак, «большевистская Россия» стала не только империалистической страной, но, оказывается, что она применяет наихудшие колониальные методы. Надо признать, что это даже «Форвертс» не утверждал. Надо признать, что даже органы «Intelligence Service» Макдональда не утверждают, что коммунисты не помогают китайским рабочим. Надо признать, что даже Гоминдан не утверждает этого. Гоминдан утверждает как раз обратное. Но как же назвать человека, который перед могилами десятков тысяч коммунистов утверждает, что коммунисты не помогают китайским рабочим? Но как назвать «левого» «коммуниста», сторонника Троцкого, который возводит на коммунистов такую гнуснейшую, подлейшую клевету.

Но это еще не все. Коминтерн мобилизует рабочих на защиту СССР, против военной опасности. Империализм с помощью социал-демократии подготовляет новую войну. Именно поэтому «левый» коммунист, сторонник Троцкого, пишет следующее:

> «Однако, за исключением нескольких бандитов, никто не думает теперь о войне».

И дальше в той же статье говорится:

> «Но нельзя утверждать, что это выступление обнаруживает хотя бы малейший признак антисоветского фронта».

Видите ли, мы живем в лучших из миров. Никто не думает о войне. А провокационное выступление Нанкина и Мукдена не обнаруживает ни малейшего признака антисоветского фронта. Именно поэтому задачу революционеров автор статьи, между прочим, определяет в следующем:

> «Одновременно они должны разоблачать двойную игру России и показать, как недостойна эта дипломатическая игра со стороны государства, называющего себя пролетарским».

Так ведут борьбу за защиту СССР и против империалистической войны «слева». Так проводилась кампания «слева» перед лицом военной угрозы и перед Красным днем. Но при чем здесь левизна? При чем здесь коммунизм? А нет ли английской «Intelligence Service» Макдональда или же отдел 1/а Зеверинга в этой двойной игре? Дело сильно пахнет провокацией. И в чем разница между установкой этой статьи и статьи «Форвертса» от 21 июля, в которой говорилось:

> «Нет никакой разницы между националистической печатью, которая до мировой войны натравляла народы друг на друга, и между советской печатью внутри и вне России. Все уроки войны забыты: интриганские лидеры советской политики хотят видеть трупы».

Не империалисты и их социал-демократические и национал-реформистские лакеи, а руководители советской политики хотят видеть трупы. Это

уже физически омерзительно. Но от «Форвертса» нельзя ожидать иного. А «левые» ренегаты коммунизма, очевидно, пожелали лавров «Форвертса».

Но дело не обошлось без «предостерегающего голоса» со стороны правых ренегатов коммунизма. Они более осторожны, чем ренегаты слева. Но все же орган брандлеровцев заслужил похвалу «Форвертса» за следующее предостережение по адресу СССР:

«Не как-будто война между СССР и Китаем за сохранение администрации железной дороги на китайской территории советскими представителями была ли возможна, или не как-будто за такую войну можно было бы взять на себя ответственность. Но если печать, поддерживающая линию Коминтерна в своей болтовне о непосредственной военной опасности при изображении конфликта в Манчжурии допускает возможность войны на такой основе, то это знаменует собой тяжкую дискредитацию СССР. Такая война была бы преступлением против русской, а точно так же и против китайской революции».

По мнению брандлеровцев, оказывается, не было империалистических интриг, не было провокации со стороны Нанкина и Мукдена, и весь вопрос сводится к управлению дорог советскими представителями. Белогвардейские банды орудуют на территории СССР, китайские войска продвигаются к советским границам, Нанкин и Мукден совершают неслыханные провокации, а утверждения о военной опасности — это болтовня. Так защищают брандлеровцы СССР, и так они ведут борьбу против военной опасности. Но все же трудно сказать, в чем отличается эта установка от позиции «Форвэртса», который в своем номере от 17 июля писал:

«Мы возражаем против беспредельной лживости, с которой большевизм возмущается против империализма других потому, что речь идет о собственных империалистических интересах».

Ведь «Форвертс», по существу, совершенно совпадает в аргументации с брандлеровцами: и те и другие утверждают, что речь идет о собственных «империалистических интересах» большевизма.

О красном империализме.

Красной нитью во всех аргументациях правых и левых социал-демократов, правых и левых ренегатов коммунизма проходят вопли о «красном империализме». Чан Кай-ши и империалистическая печать только повторяют эти сказки о красном империализме. Стоит ли останавливаться на этом аргументе?

Теоретически само выражение представляет вершину нелепости. Империализм совершенно определенная категория. Империализм есть монополистический капитализм. Но в СССР нет капитализма, как ведущего хозяйственно-социального строя, и тем более нет монополистического капитализма, как ведущего начала социально-экономического строя. Империализм предполагает господство финансового капитала. А не нашелся еще сумасшедший, который утверждал бы, что в СССР господствует финансовый капитал. Империализм предполагает раздел мирового рынка и источников сырья между капиталистическими об'единениями монополистического характера. До сих пор не нашелся еще идиот, который утверждал бы, что наши советские тресты участвуют в разделе мировых рынков и источников сырья. Империализм предполагает раздел мира между крупнейшими и богатейшими капиталистическими странами и в то же время необходимость передела его. Империализм предполагает политическое господство буржуазии. До сих пор не нашелся еще дурак, который утверждал бы, что у нас господствует буржуазия. Империализм есть последний этап в развитии капитализма. Но в СССР этот этап уже пройден, и началось продвижение к социализму.

Существует ли между империализмом и большевизмом единство? Да, существует! Но это единство есть единство противоположностей. Большевизм родился в период империализма, чтобы уничтожить империализм. Большевизм есть противоположность империализма. Само выражение «красный империализм» является вершиной нелепости. Это прекрасно понимают и социал-демократы.

На практике обвинения по адресу СССР в красном империализме возникали всегда со стороны социал-демократов, когда пролетарская революция задевала интересы крупнейших капиталистических групп. Следует только напомнить о том, ка усердно боролись меньшевики и II Интернационал против советизации Закавказья, сколько слез проливали Каутский и К° за Грузию, т.-е. за грозненскую и, главным образом, за бакинскую нефть. Об'ективно вся эта борьба происходила за передачу нефтяных источников Нобелю, Детердингу, Стандарт Ойль и К° и т. д. Что нефтяные магнаты субсидировали эту кампанию, от этого не становится лучше.

Об'ективный смысл борьбы вокруг К.-В. ж. д. ничуть не отличается от нефтяной кампании II Интернационала.

Троцкий в 1925/26 гг. предложил сдать дорогу Чжан Цзо-лину. Но Чжан Цзо-лин возглавлял тогда китайскую контрреволюцию. Против него революционные тогда еще силы Юга вели борьбу. Отдача дороги в тот момент обозначала бы собой весьма реальную поддержку со стороны СССР для китайской контрреволюции. На практике, в живой действительности акт передачи дороги обозначал бы собой политическое, финансовое и военное подкрепление чжанзолиновской контрреволюции.

Может ли советское правительство отдать дорогу китайскому народу без выкупа и без возмещения? Не только может, но и должно. Но ведь Чжан Цзо-лин не был представителем китайского народа. Отдача дороги Чжан Цзолину была бы равносильной отдачи дороги японскому империализму. Мнимореволюционный акт превратился бы в контрреволюционное действие по своим об'ективным результатам. А чем Чжан Суэ-лян отличается от Чжан Цзо-лина?

После захвата К.-В. ж. д. министр путей сообщения нанкинского правительства Сун Фо выехал в Манчжурию, чтобы взять дорогу под свой контроль. Но за спиной Сун Фо стоит советник по железнодорожным делам, американец Мантель, но Сун Фо является ставленником американского капитала, при чем не только политически, но и суб'ективно, так сказать, «карманно» продажным ставленником американского капитала. Случайно ли, что после захвата К.-В. ж. д. зашевелился французский капитал, который прямо и через своих белогвардейских ставленников претендует на дорогу? Случайно ли, что после захвата К.-В. ж. д. не прошло и двух недель, как возник план «интернационализации» К.-В. ж. д., т.-е. план о передаче дороги международному финансовому капиталу? Да, после захвата дороги возникали всякие и всяческие планы и претензии, которые в основном сводятся к следующим вариантам:

1) Интернационализация дороги, т.-е. отдача ее международному концерну.
2) Японский капитал овладеет дорогой в той или другой форме.
3) Французский капитал овладеет дорогой в той или иной форме.
4) Американский капитал овладеет дорогой.

Только одна комбинация не возникала, а именно, что К.-В. ж. д. остается в руках Мукдена или Нанкина. И ни Чан Кай-ши, ни Чжан Сюэ-лян даже не высказались в том смысле, что Мукден или Нанкин могли бы взять на себя управление дорогой. Реально, в живой действительности вопрос был поставлен вовсе не так, должна

ли остаться К.-В. ж. д. совместным коммерческим предприятием Китая и СССР или должна ли она перейти к Китаю, даже к буржуазно-помещичьему. Такая постановка вопроса существовала только в горячем воображении социал-демократов и ренегатов коммунизма слева и справа. Или вернее: они прикидывались, что существует такая постановка вопроса. Реально, в живой действительности вопрос стоял лишь о том, остается ли дорога совместным коммерческим предприятием Китая и СССР или же она переходит в руки японских, французских или американских капиталистов, или международный концерн овладевает ею. Социал-демократы и ренегаты коммунизма справа и слева выступили в интересах японского, французского и американского капитализма или же в интересах международного консорциума банков, а вовсе не за интересы хотя бы буржуазно-помещичьего, хотя бы контрреволюционного, хотя бы чанкайшистского Китая.

Идеологи и публицисты II Интернационала и ренегаты-коммунисты страшно удивились, что коммунисты, что СССР защищают «собственность». Это просто глупо. Каждый коммунист, каждый рабочий, разумеется, защищает «собственность» пролетарского государства. А что же касается «собственности» пролетарского государства на чужой территории, то мы можем выдать большой секрет интересующимся этим вопросом социал-демократам и ренегатам. Хозяйство переходного периода, пока СССР существует в капиталистическом окружении, имеет различнейшие формы. СССР может допустить на своей территории концессионные и смешанные предприятия и допускает таковые. Но СССР также может создать свои коммерческие и прочие предприятия и на территории других стран создает таковые. В Турции, Персии, Китае и в ряде других стран существуют такие предприятия. Существуют и смешанные предприятия, в которых участвует даже частный капитал соответствующих стран.

Мы до сих пор не знали, что это является проявлением «красного империализма». Понадобился социальный заказ империализма для того, чтобы социал-демократы открывали эту великую истину.

На этой стороне баррикад.

Итак, на другой стороне баррикад оказались не только империализм и китайская контрреволюция, но также правые и левые крылья II Интернационала. На своем марсельском конгрессе II Интернационал еще принял словесную резолюцию о защите СССР. Перед брюссельским конгрессом часть теоретиков II Интернационала еще выступила против пресловутой брошюры Каутского, в которой он высказался за «право» вооруженного восстания и тем самым и империалистической интервенции против СССР. Но надо признать: II Интернационал развивается чрезвычайно быстро. Он теперь уже не прикрывает даже словесными резолюциями свою враждебность к СССР. Он встал открыто на сторону врагов СССР.

На другой стороне баррикады оказались и ренегаты коммунизма справа и слева. Они заняли позицию за агента империализма, Чан Кай-ши, возводя его в национального героя, и целиком приняли аргументацию левых социал-демократов против СССР.

Международный пролетариат выявил свое отношение к СССР 1 августа, когда, несмотря на мобилизацию всех сил буржуазии и социал-фашизма, рабочие массы выступили против империализма и за защиту СССР. Следует отметить, что в Китае, а в особенности в Шанхае, китайские рабочие во

время конфликта неоднократно выступали в демонстрациях, забастовках против «своего» правительства и за солидарность с СССР.

Международный Красный день был ответом рабочих на травлю СССР со стороны буржуазии и социал-фашизма. Небезынтересно будет напомнить, что 10 лет назад Коминтерн впервые призывал пролетариат к международному Красному дню. Тогда Коминтерн призывал рабочих демонстрациями, стачками выступить 21 июля 1919 г. в защиту Венгерской Советской Республики. Тогда еще в ряде стран была непосредственная революционная ситуация. Огромные массы пришли в движение. И все же призыв Коминтерна нашел мало откликов. Во Франции Генеральная Конфедерация Труда по просьбе Клемансо отменила об'явленную уже стачку. В Германии и в Италии состоялось несколько не особенно внушительных демонстраций. А, впрочем, социал-демократам удалось удержать рабочих от выступления. А через десять лет по призыву Коминтерна сотни и сотни тысяч, миллионы рабочих выступили стачками и демонстрациями по всему миру.

И в этом отношении конфликт на К.-В. ж. д. был генеральной репетицией. Он выявил расстановку классовых сил в мировом масштабе.

Он выявил, что в тылу империализма. рабочий класс будет бороться против своего правительства и за СССР, за пролетарскую революцию.

Алекс. Бительмен.

Третий период американского империализма и его перспективы.

Наиболее бьющей в глаза характерной чертой экономики САСШ в их нынешнем периоде развития является все обостряющееся противоречие между производством и потреблением. Американский капитализм жаждет все большего снижения себестоимости производства, все новых рынков для экспорта товаров и капиталов и все новых источников сырья. Отсюда вытекает необходимость рационализации и политика империалистической экспансии. Гувер хорошо олицетворяет собой и то и другое.

Проблема рынков — такова решающая проблема, встающая перед империализмом САСШ. Эта проблема третьего периода империализма САСШ возникла, главным образом, по двум причинам: во-первых, вследствие увеличивающейся диспропорции между производственной мощностью промышленности и емкостью внутреннего рынка; во-вторых, вследствие все усиливающейся и все более действенной конкуренции европейских соперников САСШ.

Рассмотрим обе причины подробно.

Растущая производственная мощность САСШ и перенасыщение внутреннего рынка.

Стальная промышленность САСШ превратилась в наиболее верный показатель экономических условий в стране. Вследствие командного значения этой промышленности в американской экономике ее противоречия имеют решающее значение для всей хозяйственной системы.

Какое же соотношение мы видим в этой отрасли промышленности между производственной мощностью, фактической продукцией и потреблением? С 1923 по 1928 год производственная мощность увеличилась на 14%, фактическая продукция возросла только на 6%. Отношение продукции к производственной мощности далеко не удовлетворительно для американского капитализма. Это видно из следующих цифр, дающих процентное отношение продукции к производственной мощности за три года («Вечернее почтовое обозрение», 3 января):

1926	в среднем ежемесячно	94%
1927	„ „	76%
1928	„ „	85%

При чем необходимо помнить, что производственная мощность в 1928 г. принимается равной производственной мощности сталелитейной промышленности на 31 дек. 1927 г., что значительно ниже действительной мощности 1928 г. Другими словами, эта наиболее «процветающая» промышленность в рекордном во всей своей истории по об'ему производства году несет на себе бремя неиспользования свыше 15% своей мощности. Что это означает для

капиталистической экономики САСШ, видно из следующих слов известного американского банкира:

> «Система фабричного производства, построенная для производства товаров на миллионы, зависит в отношении своих прибылей от эти миллионов. Относительно небольшое уменьшение производства — это должно быть ясно всем, — не просто уменьшает прибыли, не просто снижает сверхприбыли, доводя их только до крупных прибылей, но составляет всю разницу между прибыльностью и убыточностью хозяйства. (Пауль М. Мазур, «Американский расцвет промышленности»). (Разрядка моя).

В общем и целом необходимо подчеркнуть уменьшающийся темп роста производства в САСШ, что наблюдается впрочем во всем капиталистическом мире. Это вызывается относительно замедленным темпом расширения рынков и обостряющимся империалистическим соперничеством, что особенно характерно для нынешнего периода.

Большая часть отраслей хозяйства в САСШ — за такими редкими исключениями, как, напр., производство электрической энергии и искусственного шелка, — показывает значительно меньший темп роста, чем в непосредственно послевоенном периоде или же перед войной. В своем годичном обзоре хозяйственных условий в 1928 году Правление Национальной Индустриальной Конференции заявляет:

> «Согласно сведениям Нью-Йоркского Федерального Резервного Банка общее увеличение хозяйственного оборота за весь год в целом, по сравнению с предыдущим годом, было немногим менее 3%. Это до известной степени ниже нормального или же среднего годичного прироста производства и торговли С.-А. С. Ш. за последние 50 лет и более».

Приближающееся перенасыщение внутреннего рынка в отношении автомобилей (относительно новая промышленность) является показательным примером обострения основных противоречий между производством и потреблением. В течение пятилетия 1924—1928 гг. годичный рост регистрации автомобилей САСШ шел приблизительно следующим образом (в %%): 23%, 17%, 14%, 10% и 5%. Комментируя эти цифры, Роджер В. Бебсон пишет: «Это показывает, что за обозреваемые пять лет кривая проявляет признаки потухания. Достаточно одних этих цифр, чтобы притти к заключению, что главная движущая пружина начинает ослабевать» («Форум» март 1929 г.).

Председатель компании Дженераль Моторс, Альфред П. Слоан, младший, говорит почти то же самое, что и Бебсон; в своем годичном отчете акционерам он заявил:

> «Признано, что кривая развития внутренней экономики С.-А. С. Ш. идет на потухание — по существу это уже выявилось по мере того, как хозяйственный год приближается к концу. Во всех заокеанских странах имеются, однако, возможности для дальнейшего развития; так будет продолжаться во все предстоящие годы» (разр. моя). («Дейли Уоркер», 21 мая 1929 г.).

Заморские страны, иностранные рынки — вот на что указывает Слоан, как на желанную цель для автомобильной промышленности, иностранные рынки, из-за которых идет отчаянная борьба среди самих автомобильных королей САСШ и между ними и их европейскими конкурентами! Дженераль Моторс скупает заводы Опель в Германии, Воксоль Моторс в Англии и добивается решающего влияния у Ситроена во Франции. Форд, главный конкурент Дженераль Моторс, развивает производство в Бразилии, строит фабрику возле Лондона в Англии и на совершенно новой базе подписывает с советским правительством договор, весьма благоприятный для последнего, при чем Форд вынужден это сделать, чтобы поставить своего опаснейшего конкурента в менее выгодное положение.

Говоря о нормальной степени мощности производства Пауль М. Межур заявляет:

«В то время как использование приблизительно на 60% промышленной мощности, созданной для удовлетворения потребностей, считается, на основании опыта ряда лет, нормальным, бизнесмен (деловой человек) считает такую нормальную работу «гнилой» и по его мнению дела только тогда нормальны, если используется 85 — 90% максимальной мощности производства» («Эмерика Просперити»).

По мнению А. Файлена «чрезмерная мощность» превышала в 1928 г. в Соед. Штатах 20%. Он говорит:

«До войны мы, американцы, фактически потребляли все, что производили, но в настоящее время в результате спроса, вызванного мировой войной и для поддержания массовой продукции... мы имеем производственную мощность, дающую на 20% больше товаров, чем мы потребляем. («Эмерикен Федерешенист» 1928 г., стр. 161—163).

Грубо говоря, производственная мощность САСШ в настоящее время на 25% выше того, что может «поглотить» внутренний рынок. И в этом заключается центральное противоречие империализма САСШ в настоящее время. Это одна причина растущего обострения противоречий — диспропорция между производственной мощностью промышленности САСШ и емкостью внутреннего рынка. Перейдем ко второй причине.

Усиление конкуренции европейских соперников САСШ.

Тогда как господствующий класс Англии вполне сознает, что между ним и господствующим классом САСШ идет борьба не на живот, а на смерть, идеологи английского империализма так же, как и идеологи американского империализма, не всегда охотно говорят об этом открыто. В различных актах англо-американского фарса, известного под названием «уменьшения морских вооружений», английские представители пытались доказать правоту своей точки зрения ссылкой на протяжение береговой линии метрополии, которую им необходимо «защищать». Никто не посмел назвать действительную причину — приготовления к войне, — которая должна решить, кто будет обладателем и владыкой колоний, за кем останется привилегия грабить сотни миллионов китайцев, индусов, латино-американцев, африканцев, арабов и т. д.— за английским ли империализмом или же империализмом САСШ.

В своем текущем обзоре Уэстминстер Банк (английский банк) высказывается следующим образом об относительной роли Великобритании и Соединенных Штатов в мировой торговле:

«Тогда как в Америке внешняя торговля все еще рассматривается, как побочная функция американской хозяйственной деятельности, для Великобритании внешняя торговля является вопросом жизни. Великобритания в настоящее время экспортирует 25—30% всей своей продукции, что ниже, чем в довоенное время. Наоборот, американский экспорт составляет 9,6% продукции, пригодной к экспорту. Для Америки экспортная торговля является *скорее желательным побочным делом*, чем *неотложной необходимостью*» (разр. моя).

Такого рода идеи, несомненно, рассчитаны на то, чтобы вызвать моральное возмущение рядового английского капиталиста против его американского соперника, который, мол, готовится к войне против Великобритании, чтобы завоевать ее колонии ради «побочного дела». С другой стороны, американская капиталистическая печать усиленно муссирует мысль, что экспансия САСШ происходит «не за счет других государств». Вся правда, однако, была уже раз высказана, Юлиусом Клейн, директором Бюро для внешней и внутренней торговли. Именно он указал, что от вывоза экспортного излишка

продукции САСШ зависит процветание САСШ, а при невывозе этого излишка неизбежна хозяйственная депрессия. Правда, что САСШ экспортируют в настоящее время только около 10% всей своей продукции, однако экспортные излишки САСШ, т.-е. превышение производственной мощности промышленности над емкостью внутреннего рынка, составляет 25%.

Таким образом империализм САСШ стоит, с одной стороны, перед проблемой размещения экспортных излишков, а с другой стороны, он столкнулся с капиталистической Европой, борющейся самым отчаянным образом за рынки и способной в настоящее время вести борьбу более действенно, чем в период «восстановления». Подгоняемые все обостряющимся противоречием между ростом продукции и сужением рынков, европейские капиталистические державы, как каждая в отдельности, так и путем образования различных об'единений, союзов и соглашений, выступают против американского империализма, ожесточенно конкурируя на всех рынках мира. Развитие мировой борьбы идет по линии борьбы между империализмом САСШ и империализмом Великобритании и на основе этого соперничества развиваются империалистические соперничества других стран.

Показателем того, как американский господствующий класс отнесся к этому явлению третьего периода, является следующий заголовок, данный газетой «Нью-Йорк Таймс» от 31 марта 1929 г., к статье своего парижского корреспондента по этому вопросу: «*Восстановленная Европа скоро выступит против Америки. Старый мир, восстановивший свои силы, вступает в период решительной попытки отвоевать обратно те сокровища, которые отошли к Америке во время войны и после нее*». Что редко встречается в американской печати, текст статьи вполне соответствует заголовку.

Решение Европы отвоевать от Америки «свои потерянные сокровища», дает себя чувствовать капитализму САСШ в области внешней торговли уже в течение значительного периода времени. Начиная с 1923 г., САСШ находятся под сильнейшим напором своих европейских конкурентов: Великобритании, Германии, Франции и т. д. Доля С.-А. С. Ш. в мировом экспорте продолжает уменьшаться за исключением 1926 г., когда английская угольная и всеобщая забастовка дала возможность С.-А. С. Ш. извлечь известную выгоду.

Ярким фактом является падение доли САСШ в мировом экспорте с 16,8% в 1923 г. до 15,4% в 1927 г. Правда, это происходит при постоянном, хотя и медленном абсолютном росте экспорта С.-А. С. Ш. (1928 г. показывает увеличение на 2% по сравнению с 1927 г.), но все же доля других стран увеличилась. Следующая таблица показывает это, как нельзя лучше:

Годы:	1911	1913	1921	1922	1923	1924	1925	1926	1927
Экспорт САСШ в %% к миров. экспорту	12,4	12,4	17,2	16,9	16,8	16,2	15,4	16,0	15,4

Весьма знаменательным является изменение характера экспорта из САСШ. Из страны, экспортирующей продукты питания и сырье, САСШ превратились в экспортера готовых изделий и импортера сырья. Следующие цифры показывают ход этого развития: в 1920 г. готовые изделия составляли 51,52% всего экспорта, в 1925 г.—51,99%; в 1926—55,45%; в 1927 г.—56,34%; в 1928 г.—70%. Этот скачок в 1928 году об'ясняется в первую очередь значительным ростом экспорта автомобилей и сельскохозяйственных машин. В результате возрастающего преобладания готовых изделий в экспорте САСШ за счет продуктов сельского хозяйства и в виду завершения «восстановительного» периода европейского капитализма, внешняя тор-

говля САСШ начинает устремляться все более и более решительно в сторону колоний и полуколоний. Темп роста экспорта САСШ в колонии, за исключением Китая, начиная с 1924 г., был на много скорее, чем темп роста экспорта в капиталистические страны. Важной чертой империализма САСШ в настоящем третьем периоде является концентрация его усилий на завоевании колоний, преимущественно в Латинской Америке и Китае для экспорта капиталов и товаров и для монополизации источников сырья.

Опубликованные министерством торговли САСШ цифры экспорта САСШ указывают на тенденцию развития экспорта к передвижке центра тяжести от европейских стран к странам неевропейским. В то время как доля экспорта САСШ в европейские страны: Великобритания, Германия, Франция, Голландия, Италия, Бельгия, Испания — снизилась с 52,9% в 1921—25 гг. до 48,8% в 1927 г.—доля экспорта в неевропейские страны повысилась с 31,3% в 1921—1925 г. до 36,5% в 1927 г.

Экспорт в Великобританию и в Германию в 1928 году слегка уменьшился, тогда как в Южную и Центральную Америку он увеличился. Это перенесение центра тяжести в экспортной торговле САСШ от высокоразвитых к так наз. менее развитым и «отсталым» странам стало особенно выделяться за последние 12 месяцев. Нет никакого сомнения, что мы имеем перед собой определенную тенденцию империализма напрячь все силы к тому, чтобы проникнуть в колониальные и полуколониальные страны для их завоевания.

Преследуя эту цель, империализм САСШ, конечно, приходит в столкновение со всеми старыми империалистическими державами и в то же время вызывает обострение борьбы колониальных масс против империалистического господства. Но главная борьба разгорается, и это необходимо подчеркнуть, между империализмом САСШ и британским империализмом.

Уже цифры за 1927 г. указывают, что концентрация всех империалистических устремлений САСШ происходит по линии колоний, доминионов и старых сфер влияния британского империализма. Так, мы видим, что наибольший рост экспорта из САСШ в 1927 г. наблюдается в такие страны, как Канада, Британская Южная Африка, Британская Западная Африка, Британская Индия, Аргентина, Бразилия, Венецуэла и т. д.

Латинская Америка и Китай могут рассматриваться как главнейшие цели «экспансионных» устремлений САСШ. Гигантские естественные природные ресурсы и рынки этих стран вызывают особую алчность империализма САСШ.

Установление монополистического контроля над источниками сырья является главнейшей задачей империалистической политики САСШ. Борьба за нефть прекрасно иллюстрирует это устремление САСШ. Пропаганда, исходящая из шовинистических кругов, сильно преувеличивает «опасность» израсходования всех природных запасов нефти, но именно эта пропаганда стремится таким образом оправдать и стимулировать борьбу с Англией за обладание нефтеносными районами в Латинской Америке, на ближнем Востоке и т. д.

Роланд X. Смит, известный специалист нефтяник, пишет по этому поводу следующее:

> «Сознавая, что САШС скоро будут зависеть от Южной Америки в отношении снабжения нефтью, наши крупнейшие нефтяные компании сильно укрепили свои позиции путем приобретения концессий на огромные нефтеносные участки в Венецуэле и Колумбии. Фактически весь нефтеносный район этих двух стран и все земли, о которых предполагают, что в них могут находиться нефтяные источники, перешли в концессионное владение американских компаний».

Вывоз капиталов еще более определенно выявляет, насколько империализм САСШ проник в Латинскую Америку, насколько ему удалось подчинить своей эксплоатации трудящиеся массы этих стран. Капиталы, вложенные капиталистами САСШ в страны Латинской Америки, достигают суммы свыше 5 млрд. долларов. Дань, выкачиваемая банкирами САСШ от трудящихся Латинской Америки, поистине огромна. Говоря словами газеты «Нью-Йорк-Таймс», можно сказать: «каждый американский доллар, вложенный в Южную Панаму в 1912 г., превратился в настоящее время в 10 долларов»— это является минимальной оценкой сверхприбылей американских банкиров.

В «Журнале американских банкиров» (февраль 1929 г.) Гросвенор Джонс, руководитель отдела финансов и капитальных вложений министерства торговли САСШ, высказался следующим образом об «успехах» САСШ в Латинской Америке:

> «Особое значение имеет сообщение о том, что Международная Телефонная и Телеграфная Компания станет владельцем, принадлежащих английскому капиталу телефонных станций Буэнос-Айреса и затем, что Американская и Заграничная Силовая Компания приобрела владения «Уайтхолл Электрик Инвенстмент Лимитед», лондонской фирмы, заключающиеся в ряде предприятий общественного пользования в Чили и Мексике. Фактически в истекшем году не прошло почти ни одного месяца без сообщения о том, что американские капиталисты приобрели новые предприятия в странах южнее САСШ, либо они давали займы правительствам этих стран» (разрядка моя).

Другая сторона медали.

Но в чем же заключается другая сторона медали, которую апологеты империализма САСШ неохотно видят и про которую они еще менее охотно говорят. Другая сторона медали заключается в том, что латино-американские массы, особенно рабочий класс, пробуждаются к революционной борьбе, среди них растет и усиливается организованность, среди крестьян учащаются восстания и усиливается революционная организованность. Накапливается мощная революционная сила под гегемонией рабочего класса и руководством коммунистических партий для свержения как британского империалистического господства, так и господства империализма САСШ, для разгрома туземных империалистических агентов и уничтожения правительств — ставленников империализма, для установления советского правительства в странах Латинской Америки.

«Экспанация» в сторону Латинской Америки, несомненно, облегчает до некоторой степени то страшное напряжение, которое испытывает вся капиталистическая система САСШ вследствие крайнего обострения внутренних противоречий. Но это облегчение только временное. Мы уже видим в настоящее время гигантское обострение антагонизма между империализмом САСШ и между Латино-Американскими народами, подпавшими под его иго. Империалистическое соперничество между САСШ и Англией вступило в новую и более обостренную фазу, что отразилось в последнем столкновении между Боливией и Парагваем. «Облегчение», временно достигнутое империализмом САСШ в странах Латинской Америки, явно превращается в исходную точку для новой и более высокой фазы революционной борьбы рабочих и крестьян Латинской Америки в союзе с революционным движением рабочего класса САСШ для свержения господства Уолл-Стрит как в самом САСШ, так и за границей.

Мы переходим к Китаю. Не представляет ли для империализма САСШ известный выход его проникновение в Китай и подчинение масс этой страны?

Верно, что империализм САСШ рассматривает подчинение Китая под свое господство как средство своего возможного спасения. Господствующий класс САСШ обращает особое внимание на Китай, «ориентируясь» на правительство Чан Кай-ши и Нанкина в том же смысле, как он в свое время ориентировался в сторону правительства Мачадо в Кубе или же на правительств Кайес и Портес Хил в Мексике, т.-е. стремясь создать из этих групп туземное правительство, которое было бы игрушкой в руках Уолл-стрит. Чтобы «выполнить» эту задачу, империализм САСШ должен, однако, сперва преодолеть китайскую революцию и затем разгромить своих империалистических соперников—Великобританию и Японию.

Однако, утверждая это, мы не говорим, что Китай, учитывая все его и произошло, но не может быть совершенно уничтожена, ибо только революция, руководимая коммунистической партией, может освободить Китай от ига феодализма и империализма. До тех же пор, пока гнет обоих продолжается, до тех пор революция будет усиливаться, созревать и, наконец, созреет до окончательной победы. Далее, империализм САСШ пытается, напрягая все свои силы, повести борьбу против Великобритании и Японии, но это приводит непосредственно не к об'единению Китая, не к «нормализации» Китая, не к его умиротворению, но к вспышке новой войны между ставленниками различных империалистических стран в Китае, чем еще больше усиливается опасность мировой войны.

Однако, утверждая это, мы не говорим, что Китай, учитывая все его условия, не представляет собой никакого выхода для империализма САСШ. Весьма незначительного «облегчения» американский империализм может добиться путем ухудшения условий существования китайских масс. Но и это весьма незначительное «облегчение» отличается крайней неустойчивостью, что видно из движения экспорта, в Китай.

За годы 1921, 1925, 1926 и 1927 экспорт из САСШ в Китай исчисляется (миллионы долларов): 104,2; 94,4; 110,2; 83,5 (не включается Гонг-Конг и Гуандунь). Экспорт за 1928 год показывает известное увеличение. Причина этого колебания экспортной торговли САСШ в Китай об'ясняется министерством торговли САСШ следующим образом:

> «Неупорядоченные политические и экономические условия, существующие в Китае, были в значительной степени причиной сильных колебаний как в экспортной, так и импортной торговле Китая за последние годы. Вывоз в Китай (включая Гонг-Конг и Гуандунь) упал с 129.500.000 долларов в 1926 году до 109.100.000 долларов в 1927 г.».

Между тем с тех пор положение как политическое, так и экономическое в Китае не только не улучшилось, но ухудшилось, что видно из все усиливающихся революционных выступлений рабочих и крестьян, с одной стороны, и из возникновения новых войн между генералами, с другой стороны.

Третий период является для САСШ как и для всего остального капиталистического мира периодом величайшего обострения основных противоречий капитализма.

Признаки наступающей бури, идущие с денежного рынка.

Стабилизация мирового денежного рынка и восстановление золотого стандарта в европейских капиталистических странах весьма тесно связаны с империалистической экспансией САСШ. Владея в условиях восстановленной золотой валюты больше чем половиной всего мирового запаса золота, империализм САСШ сумел сильно укрепить свои позиции. «Дешевый денежный кредит» и обильное предложение денег являются в значительной степени

причиной хозяйственного «процветания» САСШ, начиная с 1923 года. В основе кредитной инфляции лежит огромная диспропорция между темпом накопления капитала и темпом индустриальной экспансии.

Характерной для всего положения является оргия биржевой спекуляции. Система Федерального Резерва, которая должна была освободить американский капитализм от финансовых кризисов, показала, что она даже не в состоянии бороться успешно с спекулянтской бурей на бирже. Но, что более важно, «дешевый денежный кредит» повидимому кончается. Учетные ставки повышаются в САСШ, вызывая этим соответствующее увеличение учета и в других странах (Англия, Германия). Всеспасительное «процветание», повидимому, приходит к концу. Нельзя недооценивать дезорганизующее влияние повышения учетных ставок и ухудшения кредитных возможностей на мировую капиталистическую экономику в том числе и на экономику САСШ. Замедленный приток капиталов и ухудшение условий и возможностей «финансирования» должно серьезно обострить главное противоречие между производством и потреблением.

За последнее время проявились новые тенденции в американском финансовом хозяйстве. Следующие цифры, взятые из бюллетеней Правления Федерального резерва, заслуживают внимательного изучения:

Выпуск новых ценных бумаг (исключая выпуск по погашению) в миллионах долларов.

	Для САСШ	Для заграницы		В процентах	
		Для Европы	Всего	Для заграницы ко всей сумме	Для Европы
Год 1927	6,151	564	1,382	18	61
„ 1928	6,728	581	1,247	16	47
I квартал 1928 г.	1,404	178	327	19	55
I квартал 1929 г.	2,227	38	233	9,5	16

Комментируя эти цифры, «Экономист» (английский) пишет (VI—1929):

> «Видно, что за период времени январь—март 1929 года доля иностранных ценных бумаг в общей сумме всех новых выпущенных ценностей не только уменьшилась наполовину по сравнению с прошлым годом, но что доля иностранных ценностей, выпущенных на бирже и предназначенных для Европы, упала по сравнению с первым кварталом 1928 г. с 55% до 16%. Если прекращение американского кредита, предназначенного для Европы, как это указывается цифрами последнего квартала, станет постоянным для ближайших лет, то неизбежно серьезное осложнение на денежном рынке» (разр моя).

Это уменьшение кредита, предназначенного для Европы, несомненно вызвано ухудшением кредитной ситуации, неуверенностью репарационных переговоров, а отчасти является результатом сознательной политики со стороны империализма САСШ, стремящегося таким образом добиться от своих европейских соперников уступок в вопросе о репарациях. В связи с этим полезно припомнить последнюю официальную речь Кулиджа, в которой содержались угрозы по адресу Европы о прекращении американских кредитов, если Европа не откажется «от своих ложных путей».

Необходимо изучить, в какой степени мы имеем здесь начало передвижки экспорта капиталов САСШ от европейских к неевропейским странам—явление, наблюдающееся в области товарного экспорта. Латинская Америка стояла на втором месте в 1928 г. по экспорту капиталов и на первом месте по размещению правительственных займов.

Анархия, присущая капиталистической системе, не была ни уничтожена, ни даже серьезно ослаблена организованным и трестированным империализмом САСШ. Наоборот, последствия этой анархии захватывают все более

широкие области. Наблюдающееся неустойчивое положение денежного рынка в значительной степени обостряет основные противоречия американского капитализма.

Индустриализация юга и положение сельского хозяйства.

Индустриализация Юга и развитие капиталистического производства в сельском хозяйстве совместно с «экспансией» за границей должны, якобы, превратиться в универсальное средство против противоречий капитализма САСШ. Об «экспансии» мы уже говорили. Перейдем к изучению других названных универсальных средств.

В индустриализаци Юга САСШ мы меем типичныи случаи неравномерного развития промышленности в капиталистической стране. Налицо все симптомы и все последствия. Юг растет индустриально, но Новая Англия хиреет. Каменноугольная промышленность Юга растет, но битоминозные каменноугольные районы в Иллинойсе и в Пенсильвании находятся в упадке. Хлопчатобумажная промышленность Юга растет, между тем как хлопчатобумажная промышленность Новой Англии, Пенсильвании, Нью-Йорка и Нью-Джерсе падает.

Чрезвычайню показательными являются сравнительные цифры производства хлопчатобумажных текстильных изделий на Юге и Северо-Востоке.

Штаты:	В процентах к общей продукции хлопчатобумажных изделий САСШ		
	1921 г.	1923 г.	1925 г.
Южные штаты . .	43,9	51,5	54,2
Новая А глия . .	45,0	37,9	35,5
Остальные штаты .	11,2	10,6	10,3

Другим последствием индустриализации Юга, САСШ является рост здесь рабочего класса, рабочих организаций и обострение классовой борьбы. Экономисты и наблюдатели, идеологи капитализма, изучая хозяйственные условия САСШ, учли и всегда учитывали дешевизну и покорность рабочих рук Юга как величайшую выгоду для капитализма. Так было. Но в настоящее время «этот дар божий» пришел к концу, благодаря самому процессу индустриализации (плюс революционная борьба коммунистов и им сочувствующих), от которого империализм САСШ ожидал облегчения.

«Бредстрит» в своем обзоре хозяйственного положения за март говорит: «новым для южной хлопчатобумажной текстильной промышленности являются сведения о забастовках в обоих Штатах Каролины, забастовках, направленных против предложенных новых методов производства». Мы от себя прибавим — против рационализации. 20 мая «Нью-Йорк Таймс» в своем хозяйственном обзоре пишет: «Забастовки на южных текстильных фабриках привлекли много внимания главным образом потому, что этот район был совершенно свободен от подобных явлений за последние годы».

Новые явления на Юге, о которых говорит «Бредстрит» и «Нью-Йорк Таймс», вызваны обострением противоречий настоящего периода и представляют собой новую волну боев рабочего класса, направленных преимущественно против рационализации, являющейся, как известно, осью современной капиталистической экономической политики.

Перейдем к положению в сельском хозяйстве. Аграрный кризис не ликвидирован. Ликвидировано хозяйство нескольких миллионов фермеров, лишившихся своих ферм и перешедших в ряды пролетариата, столько же фермеров, если не больше, превратились в бедняков-арендаторов. Между годами

1920—1929 население ферм уменьшилось не свыше 4 миллионов. «Ножницы» продолжают действовать в том же направлении, нанося неисправимый ущерб фермерским массам.

Основная причина аграрного кризиса — перепроизводство и недостаточность рынков — обострилась за этот период вследствие беспощадного подчинения интересов «аграрных масс» империалистическим интересам монополистического капитала. Вывоз мяса и мясных продуктов уменьшается беспрерывно, начиная с 1921 г. Вывоз свинины и продуктов переработки продолжает падать, начиная с 1920 г. Вывоз пшеницы уменьшается, начиная с 1926 года. 28 мая пшеница на июль предлагалась в Чикаго по 1 доллару за бушель, — цена снизилась таким образом ниже довоенного уровня на целый пункт.

Введение капиталистических методов производства в сельском хозяйстве не устраняет причин кризиса; наоборот, кризис усиливается. В дополнение к этому, развитие крупнейших капиталистических сельскохозяйственных предприятий расширяет процесс пролетаризации и усиливает классовую диференциацию и классовую борьбу в аграрном секторе.

Каково влияние продолжающегося аграрного кризиса на центральное противоречие настоящего времени — на рост производства и сужение рынка? Аграрный кризис, подрывая экономическое благополучие основной части населения, уменьшая ее покупательскую способность, этим самым подрывает внутренний рынок, стимулирует устремление американского империализма в сторону внешних рынков — одним словом, усиливает главнейшие противоречия империализма САСШ и мирового империализма.

О противоречиях рационализации.

Рационализация в Соединенных Штатах в течение последних пяти лет была проведена бешеным темпом. В результате в САСШ наблюдаются значительные технические улучшения, огромный рост эффективности и производительности труда, неслыханный рост органического состава капитала, неслыханный рост массового производства, интенсивная концентрация и централизация производства и капитала и т. д.

Но рационализация дала также в результате и кое-что другое. Она создала ряд противоречий, свойственных рационализации, как таковой, обостряя вместе с тем сверх обычного все противоречия, присущие империализму.

Рационализация была выдвинута капиталистическим классом САСШ для ослабления или разрешения противоречий, созданных огромной производственной мощностью промышленности и несоответствием рынков. Один американский банкир высказывается следующим образом:

> «Накладные расходы превратились в чудовище, пожирающее прибыли коммерсанта; «увеличенный об'ем оборота» должен был превратиться в того благородного рыцаря, предназначенного судьбой стереть с лица земли это чудовище». («Хозяйственное процветание Америки», автор Пауль М. Мазур).

«Массовое производство» стало лозунгом в целях снижения себестоимости и удешевления накладных расходов. Но для этой цели «нормальная скромная хозяйственная деятельность, измеряемая, как это делалось прежде, довоенным мерилом, была бы недостаточной для американской промышленности, перед которой стояла задача побить военные рекорды и вести хозяйство в соответствии с огромной производственной мощностью» (там же).

Каковы достижения после первого фазиса развития рационализации? С огромным ростом постоянного капитала, промышленной организации и аппарата распределения — все они выросли благодаря рационализации, —

опять начали расти «накладные расходы» и излишек производственной мощности. Завоевание рынков стало особенно острым вопросом вследствие усиленной рационализации массового производства.

То явление, которое получило название органической безработицы, непосредственно вызвано рационализацией. Продукция увеличивается, но количество рабочих и служащих в промышленности уменьшается. Это видно из прилагаемых цифр, являющихся индексом.

Год	Число фабрич. рабочих и служащих	Продукция
1914	100	100
1919	129	147
1924	116	158
1927	115	170

Покупательная способность рабочего класса относительно уменьшилась вследствие наличия постоянной армии безработных, исчисляемой от трех до четырех миллионов рабочих. А это в свою очередь вызывает дальнейшее сужение внутреннего рынка.

Рационализация (ускорение процесса труда, усиленная эксплоатация, наступление на организацию рабочего класса и т. д.) является главной причиной полевения американского рабочего класса. Рационализация, охватывающая всю систему технических, организационных, экономических и политических методов, применяемых капиталистическим классом с целью удешевления производства, является доказанной главной, непосредственной причиной для все обостряющихся классовых отношений и классовых боев в Соединенных Штатах. Рационализация, опирающаяся на классовое сотрудничество и развивающая классовое сотрудничество, вызывает острую классовую борьбу все возрастающего числа американских рабочих, становящихся все более восприимчивыми к революционной идеологии.

Война и рационализация — центральные вопросы борьбы.

Война и рационализация стали центральными вопросами классовой борьбы в Соединенных Штатах. Класс капиталистов, хотя он в настоящее время менее сплочен, чем во время первой фазы рационализации, следует за руководством трестированного финансового капитала, продолжая кампанию рационализации и подготовляясь активно к войне.

Из вышесказанного явствует, что опасность войны включает: войну против главного империалистического соперника САСШ, против Великобритании; войну против революции в колониальных и полуколониальных странах—в Латинской Америке, Китае и, наконец, войну против Советского Союза. Наиболее уязвимыми пунктами в англо-американских взаимоотношениях настоящего времени, несомненно, являются Китай и Латинская Америка. Война с Великобританией в любой из этих стран или же в какой-нибудь другой колониальной стране, несомненно, может легко привести к взрыву колониальной революции и, следовательно, к войне империализма САСШ против колониальных масс. Также возможно, что война империализма САСШ или британского империализма против колониальной революции может ускорить войну этих двух империалистических держав между собой.

Война против СССР, конечно, является центром военной опасности. Нельзя давать себя убаюкать ростом торговли между САСШ и СССР. (Экспорт САСШ в Россию в 1928 г. был на 20% больше, чем в 1927 году, и приблизительно в два раза больше, чем в 1913 г.). Стремление руководящих кругов капиталистов САСШ добиться известных позиций на советском рынке (договор между СССР и «Дженерель Электрик» и договор между СССР и

Фордом) вызвано обостряющейся конкуренцией между капиталистами САСШ внутри страны и обострением империалистической борьбы за мировые рынки. Но эти самые условия закрепляют и в значительной степени усиливают решение империализма САСШ подготовиться к борьбе против одной из основных причин современных «смут» капиталистического мира — против социальной революции и Советского Союза.

Кампания за рационализацию будет продолжаться, что неизбежно, так как рационализация составляет один из двух главнейших инструментов империализма САСШ (война является другим инструментом) в его усилиях преодолеть обостряющиеся противоречия. Но с настоящего времени и впредь рационализация встретится с все усиливающимся сопротивлением рабочего класса, который перейдет к революционному наступлению под руководством коммунистической партии.

Полевение рабочего класса САСШ, важной составной частью которого является негритянский пролетариат, создаст благоприятные условия для более быстрого развития революционного освободительного движения негров, особенно на Юге. Лозунг Коминтерна о праве самоопределения негров окажется мощным революционным фактором для негров на Юге, где они проживают компактными массами, особенно в виду аграрного кризиса и общего кризиса старого капитализма.

Крупные бои против империализма предстоят в Китае, Индии, в Латинской Америке и т. д. Революционные пролетарские бои развиваются в капиталистических странах Европы, (майские дни в Берлине, Варшаве и в других местах. Эти бои должны усилить революционное движение Соединенных Штатов и дадут возможность коммунистической партии закрепить все больше и больше свои позиции руководителя американского рабочего класса.

Продолжающаяся в связи с аграрным кризисом классовая диференциация фермерства должна неизбежно дать толчок борьбе сельскохозяйственных рабочих и бедняков-арендаторов при участии значительных групп стонущих под бременем огромной задолженности мелких фермеров-собственников.

Нельзя также пройти мимо решающей революционной роли, которую должна сыграть в ближайшем будущем пролетарская молодежь и пролетарская женщина Соединенных Штатов. Большое, все увеличивающееся число молодых рабочих (в основных отраслях промышленности), революционизирующихся благодаря процессу рационализации, и их роль как связи между рабочими коренными американцами и эмигрантами превращает пролетарскую молодежь в стратегически наиболее важную группу американского рабочего класса.

Фашистские тенденции капиталистического государства и реформизма.

Вследствие увеличивающихся подготовлений к войне и дальнейшего развития рационализации при наличии растущего сопротивления рабочего класса и роста коммунистической партии мы должны учитывать неизбежность усиления существующих тенденций к милитаризации и фашизации правительства САСШ. Более жестокие и систематические атаки на организации революционных рабочих, на новые профсоюзы, на коммунистическую партию и т. д. — все это неизбежно в перспективе и об этом надо помнить и к этому необходимо энергично готовиться.

И действительно, две тенденции все более усиливаются, взаимно дополняющие друг друга. Во-первых, тенденция к фашизации аппарата капиталистического государства. Во-вторых, сращение между руководящими группами

трестированного капитала и руководящими учреждениями правительства. Мы должны подчеркнуть: одна тенденция дополняет и усиливает другую. Финансовый капитал укрепляет свои позиции внутри страны и за границей не только политически, но и экономически, готовясь таким образом к войне. Реформизм в Соединенных Штатах главным образом Американская Федерация Труда уже превратилась в агента социал империализма, начиная с последней империалистической войны. За последнее время АФТ начала проявлять совершенно ясно тенденции к социал-фашизму. Эти тенденции усиливаются все более и более вследствие тех же самых общих причин, вызывающих фашистские тенденции в капиталистическом государстве, но особенно это вызывается ростом волнений среди неорганизованных масс (спорадические забастовки во всей стране и во всех отраслях промышленности), распространением революционного профдвижения (в каменноугольной промышленности, текстильной, швейной, процесс кристаллизации нового революционного профсоюзного центра), и растущим влиянием коммунистической партии. Фашистские тенденции в правительственном аппарате американской буржуазии находят свое отражение в фашистских тенденциях агентов капитала в рабочем движении.

На ряду с этим мы наблюдаем кристаллизацию «левой» тенденции среди социал-реформистов (группа Мэст Томас Лорэ). Причины, вызывающие кристаллизацию так называемой прогрессивной «левой» тенденции в АФТ и в социалистической партии, являются теми же самыми, которые в настоящее время вызывают усиление общих фашистских тенденций — именно борьба против процесса полевения среди масс. Грин и Волл все больше прибегают к фашистским методам. Томас, Мест и ренегат Лорэ действуют левой фразеологией, имея в виду ту же цель. Ясно, что последние названные являются более опасными для рабочего класса и его революционного авангарда. Роль группы Мест—Лорэ в настоящее время заключается главным образом в том, чтобы бороться против революционных профсоюзов.

Из того факта, что реформизм САСШ усиливает свои тенденции к фашизации, что он становится все более и более неот'емлемой частью экономической и политической машины империализма, что он с этой машиной все более и более срастается, нельзя сделать того вывода, что АФТ перестает быть реформистской организацией или, что реформизм сыграл свою роль окончательно. Реформизм претерпевает изменения, которые вызваны изменениями в империализме и в классовой борьбе.

Классический реформизм довоенного времени (в области профдвижения — «чистый и простой» трэд-юнионизм) превратился в социал-империализм времен войны, когда он отказался от своих примитивных представлений и методов «чистого и простого» трэд-юнионизма и создал теорию классового сотрудничества, теорию высшей стратегии труда и т. д., т.-е. относительно зрелую социал-империалистическую идеологию и практику. В третий период послевоенного капитализма социал-империализм превращается в фашизм. Таков процесс настоящего времени. Но через все изменения реформизм остается агентурой капитализма в рабочем движении.

Во всем мире назревают решающие революционные бои. Социалистическое наступление в Советском Союзе, великий пятилетний хозяйственный план, построенный на интенсивном развитии социалистической тяжелой промышленности и на социалистическом сельском хозяйстве с более высокой технической базой, — эти мировые исторические факторы будут продолжать влиять самым мощным образом на широкие рабочие массы САСШ, революционизируя их. Соединенные Штаты уже являются важной частью революционного фронта. Усиление коммунистической партии превратит американский рабочий класс и его революционный авангард в руководящий фактор мировой армии коммунизма.

Марко Гарланди.

Коммунистическая партия Италии в период между VI конгрессом и X пленумом Коминтерна.

Развитие кризиса итальянского капитализма представляет собою зигзагообразную линию; эта линия неуклонно ведет к катастрофическому концу. Констатируя данный факт, мы, однако, не обольщаем надеждами ни итальянских рабочих, ни пролетариат других стран: признание этого факта не содержит в себе обещания, что будущее — наше, независимо от степени наших революционных усилий. Наоборот, следует сказать, что способность к сопротивлению кризису со стороны итальянского капитализма заключается именно в методе, который капитализм должен был избрать и избрал для своей «стабилизации» при фашистском строе, т.-е. в монополизации политической жизни страны. Этот метод итальянский капитализм провел в жизнь. Поэтому, если массы сами не вмешаются для того, чтобы изменить существующее соотношение сил, кризис итальянского капитализма может быть еще отдален на более или менее продолжительный срок.

С другой стороны, фашистская политика и фашистский строй обостряют внутренние противоречия итальянской экономики: фашизм, предоставив итальянскому капитализму условия наибольшей свободы действия, не победил и не побеждает кризис, наоборот—он усугубляет его. Но нельзя думать, что для падения государственного строя Италии будет достаточно того, что подгнивают составные части экономической системы итальянского капитализма. Для того, чтобы фашизм и капитализм распались, нужны другие условия и раньше всего экономический кризис должен породить такие трещины в руководящем капиталистическом блоке и так об'единить и «активизировать» широкие массы вокруг революционного пролетариата, что это повлекло бы за собой разрушение государственного аппарата.

Факты итальянской политической жизни после VI Всемирного конгресса говорят, что об'ективный процесс развития итальянского кризиса протекает относительно ускоренным темпом. Приводим для характеристики положения такое, напр., важное обстоятельство: международный платежный баланс сведен к концу 1928 г. с дефицитом около 10 миллиардов лир. Этого нельзя об'яснить причинами неблагоприятной кон'юнктуры. Причины здесь менее случайны и более глубоки, более органичны.

За последние годы процесс капиталистической концентрации сделал в Италии относительно смелые шаги. В областях индустриальной и банковской этот процесс продолжается, и он сопровождается процессом политической концентрации капитализма. В этот период, и в наибольшей степени

с введением дефляционной денежной политики и после стабилизации валюты, началась реорганизация производства на основе новой техники. Реорганизация производства и «рационализация» стали возможны при вмешательстве иностранного капитала и снижении до неслыханных размеров заработной платы (средняя заработной платы итальянских рабочих одна из самых низких в Европе: она лишь чуть выше средней заработной платы рабочих Варшавы, которая наиболее низка). В 1927 г. итальянские промышленники присвоили себе с заработка рабочих несколько миллиардов лир. Эти деньги по большей части пошли на издержки по рационализации и на подготовительные маневры для получения заграничных кредитов. Следствием этой политики, избежать которой не мог итальянский капитализм, было создание условий для увеличения об'ема продукции в тот момент, когда внутренний рынок, уже ранее сжатый, сокращался все более. Причинами этого являются понижение заработков до «голодного уровня» и аграрный кризис.

Аграрный кризис 1927 г.—это стоит отметить—только отчасти вытекает из снижения цен вследствие ревалютации лиры. На самом деле об'ем аграрной продукции в 1927 г. в общем был ниже средней за десятилетие, а в 1928 г. он соответствовал абсолютному приросту населения. Пищевой баланс еще несколько лет назад был активен, теперь же он имеет дефицит, который составляет 32% дефицита общего баланса. Следовательно—в земледелии застой.

Характер настоящего кризиса зависит от обострения этих противоречий: реорганизация промышленного производства и развитие техники делают неизбежным увеличение об'ема производства, но внутренний рынок сжат до крайности, внешний рынок сокращается. Поэтому налицо кризис в промышленности в тот момент, когда всплывает проблема погашения огромных капиталов, инвестированных для реорганизации и уплаты ростовщических процентов на иностранные капиталы.

Баланс платежей отражает главным образом следующее положение вещей: уменьшение экспорта промышленных изделий, увеличение импорта продуктов питания.

Последствия этого положения ощущались прошлой осенью и зимой. Безработица достигла внушительных размеров. В феврале официальные данные давали цифру в полмиллиона безработных. Однако эта цифра даже не напоминает действительной. Она скалькулирована на основе субсидий, выданных кассами безработных, но эти кассы субсидируют лишь через определенное количество месяцев с момента прекращения работы. В то же время для работников земли не существует касс безработных; поэтому серьезные данные о безработице не могут быть составлены на основе официальных цифр; без боязни впасть в преувеличение можно считать, что безработица достигла в феврале цифры в 800.000 трудящихся.

Фашистская ассоциация промышленников в записке о зарплате 22.000 предприятий, представляющих более миллиона рабочих, установила, что средний часовой заработок рабочего в декабре 1928 г. составлял 2,04 лиры, в январе 1929 г.—2,03 и в феврале—2,02. Средний месячный заработок рабочего за указанные три месяца был, следовательно, 348,84—339,16—335,32 лиры. 100 лир равняются 9,5 рубля. Следовательно, эти средние, переведенные на рубли, дадут 37—36—и 35 рубл. Но из этих сумм следует вычесть удержания, тяготеющие над рабочим заработком: обязательный корпоративный взнос, страховки на случай безработицы и туберкулеза. И затем так называемые «добровольные», но на деле обязательные профсоюзные взносы, случайные подписки, носящие постоянный характер, и—для холостых—налог на холостых. Зарплата после 1926 г. упала на 30 и даже 35%, в то время как стоимость продуктов первой необходимости в общем уменьшилась за этот период на 14% и стоимость продуктов питания упала лишь на 8—10%. Хлеб в среднем стоит 2 лиры за кило. Но в настоящее время наблюдается тенденция нового понижения зарплаты и нового повышения жизненного минимума. Вводимое повышение ввозной пошлины на зерно повысит цену на хлеб. Экономическое положение трудящихся Италии достаточно тяжелое.

Политические результаты этого экономического положения сейчас трудно определить, так как они не проявились еще в ясных и ощутительных формах.

Изучение процесса полевения масс при существующем в Италии положении должно быть произведено при помощи особо чутких инструментов. В Италии не существует ни одной враждебной фашизму партии, как и ни одной конституционально-оппозиционной; не выходит ни одна оппозиционная газета; вообще в настоящее время невозможно легальное существование какой бы то ни было организации, не входящей в организационную систему фашизма; отсюда понятно, что явное полевение масс может лишь совпасть с восстанием. Ясно, однако, что мы не можем удовлетвориться констатированием этого факта, преграждающего нам путь к вмешательству, как активной силе, в процесс расстановки социальных сил,— с целью дать движению революционное и пролетарское направление.

Поэтому необходимо изучить этот процесс, уяснить, в какие формы он выливается; эта трудная работа, которой наша партия занимается уже некоторое время, может быть выполнена с помощью применения метода марксистского анализа.

Сдвиги, проявившиеся в 1928 г. на основе фашизма, продолжаются. Они представляют собой наиболее значительные явления политического положения Италии за последние годы и по большей части и в нынешней ситуации Италии. Органическое или просто политическое отмежевание от фашизма широких слоев городской и сельской мелкой буржуазии является следствием углубления экономического кризиса. Это отмежевание сопровождает социальные сдвиги данных слоев в сторону пауперизации; ускоряется процесс их полупролетаризации и пролетаризации. На ряду с этим происходит относительная активизация рабочих и крестьянских масс, которая проявилась в 1927 г. и в первом полугодии 1928 г. и которая в настоящее время имеет тенденцию к возобновлению. Естественно, что эти явления имеют свое отражение внутри фашистских профсоюзов. Организационные меры, предпринятые фашистской партией по отношению к фашистским профсоюзам прошлой осенью, являются следствием развития классовой борьбы внутри самих профсоюзов.

Политические «отражения» экономического кризиса должны быть «вскрыты» в настоящих событиях итальянской политической жизни. Самые значительные из них: а) учреждение Великого Совета; б) «реорганизация» фашистских профсоюзов; в) Латеранский пакт; г) плебисцит.

Эти события связаны между собой. Они отвечают основным требованиям режима подавления всякого симптома возобновления классовой борьбы, подавления стремлений антифашистских сил внешне легализоваться.

Великий Совет—орган, который осуществляет высшую политическую концентрацию итальянского капитализма. Фашистская партия не имеет никакой внутренней политической активности. Она не обсуждает ни одной проблемы внутренней жизни страны, какова бы она ни была. Великий Совет и правительство «приказывают». Почему? Потому, что обсуждение партией политических проблем вызвало бы расширение трещин, уже существующих на базе классовой диференциации.

Но классовая борьба неизменно проявляется в фашистских профсоюзах, на фабриках и в каждом организме «фашистской» массы. Развитие классовой борьбы перманентно угрожает взорвать «сотрудничество». Корпоративная «легализация» мало по малу отняла все профсоюзные функции у мнимого фашистского синдикализма, доведя фашистские профсоюзы до степени органов «ассистентов», и органов «культуры». Упразднение Всеобщей Конфедерации фашистских профсоюзов и создание шести национальных автономных конфедераций имело целью уничтожить угрозу об'единения интересов трудящихся, уже проявлявшегося в самом факте существования центрального органа синдикализма, несмотря на то, что этот орган находится в руках наиболее испытанных и наиболее преданных режиму и Муссолини фашистов.

Отсутствие широкой опоры в массах и продолжающийся отход последних привели фашизм к политике насилия, принуждения, притеснения масс, к политике отмены всякой свободы организаций и движения, чтобы таким образом найти себе в этом опору и компенсацию за сужение социальной базы. Но фашизм все же старается расширить свою социальную базу, обращаясь в одну сторону, когда терпит поражение в другой. Латеранский пакт должен быть истолкован, как маневр, имеющий целью приблизить к фашизму те слои (мелкая буржуазия, крестьянство), которые от него отдалились или которые были всегда далеки от него и остались таковыми. Несомненно, что Латеранский пакт был вызван и другими соображениями, но, — по мнению Муссолини, — наибольшая выгода для фашизма, за которую стоило заплатить 2 млрд. лир, уменьшением части государственной территории и конкордатом — было получение поддержки всех наиболее реакционных слоев, на которые имеет влияние церковь. Поэтому Ватиканский пакт является не доказательством силы фашизма, но очевидным проявлением его слабости.

Другим событием последних месяцев был плебисцит, акт насилия «аппарата» над населением. Факт, что широкие массы не сумели выразить свое единодушное несогласие с существующим строем—симптом их пассивности и существования благоприятного для фашизма соотношения сил. Но нельзя считать, что это доказательство мощи режима. Плебисцит наглядно показал, что строй держится исключительно на подавлении масс, на насилии и злоупотреблениях.

Несмотря на жестокие удары со стороны фашизма, мы сумели им противостоять. В течение восьми лет фашизм ежедневно об'являет нас истребленными, уничтоженными и в течение восьми лет он нас преследует, мучает, убивает наших товарищей, заполняет каторги коммунистами. Борьба с коммунистами стоит государству десятки и десятки миллионов лир.

Деятельность партии после VI конгресса была преимущественно «внутренней». Партия сконцентрировала свое внимание на изучении и разрешении общих организационных проблем, применяя организационные критерии и методы работы в новой обстановке, выросшей из реакции последних месяцев. Но это не помешало партии вмешиваться в существующее положение политически. Нужно подчеркнуть три момента нашей политической деятельности и нашей агитации: позицию партии в отношении плебисцита, борьбу против военной опасности и борьбу за повышение зарплаты. Две последние кампании проводятся и сейчас, и мы не будем здесь разбирать их. Необходимо лишь указать, что партия, будучи мобилизованной в течение 25—30 дней в марте по случаю плебисцита, смогла наладить контакт с широкими слоями населения и дать им свои директивы. Эти директивы указывали на необходимость борьбы против индиферентности и пассивности. Мы говорили массам, что необходимо принять участие в плебисците и голосовать: «нет!». «Никакой индиферентности, — говорили мы, — необходимо воспользоваться плебисцитом для широкой деятельности против фашизма и для того, чтобы заставить принять участие в этой деятельности наибольшее количество рабочих, крестьян, трудящихся!».

Результаты (расценивая их критически), показывают, что наша позиция отвечает настроению масс и интересам антифашистской борьбы пролетариата.

Необходимость реорганизации масс была поставлена среди существенных задач нашей партии. Массовая работа подымает политический уровень партии. На этой почве мы достигли ощутительных результатов. При наличии политической и профсоюзной концентрации, осуществленной фашизмом, всякая массовая борьба (на фабрике, в деревне, в профсоюзах, среди неорганизованных) есть борьба против фашистского синдикализма и против фашистского строя.

Наша кротовая работа не может дать немедленных и явных результатов. Но работа, завоеванная нами путем каждодневной работы, выражается в способности к сопротивлению, которая явствует из фактов, позволяющих констатировать хотя бы и медленное завоевание групп передовых рабочих, и создание среди них ячеек для руководства массами, на которые наша партия сегодня «скрытно», растворившись в массах, опирается, чтобы всплыть завтра во главе масс и вести их к восстанию.

Мы должны победить не только фашизм. Мы должны также побороть и партии социал-демократические и партию политической концентрации. Было бы большой ошибкой полагать, что если центры этих партий находятся в эмиграции, то они отказались от какой бы то ни было политической деятельности в Италии, что они политически разрушены. Эти партии будут уничтожены лишь тогда, когда мы распространим наше влияние на те слои трудящихся, которые идут за ними. Разложение этих партий начато уже несколько лет назад, часть членов этих партий вобрал в себя фашизм, другая же часть — под давлением непрерывных маневров со стороны Муссолини — склоняется к присоединению к фашизму. Наша партия с ее основания вела борьбу против социал-демократии, и теперь эта борьба также жестока, и некоторые из наших социал-демократов бесстыдно заявляют, что в виду опасности «большевистской диктатуры» предпочтительнее примириться к диктатурой фашистской.

Социал-демократия отрицает, что фашизм — строй капиталистический, и утверждает, что он является болезнью на социальном и политическом теле Италии, от которой и массы и капитализм стараются освободиться. Поэтому перспектива ситуации — возврат к демократии; даже — завоевание «настоящей демократии», ибо только «настоящая демократия» гарантирует защиту от угроз фашизма. Эта концепция итальянского положения, не мешающая десяткам и десяткам социал-демократических лидеров приспособляться к фашистскому строю, дает политическую директиву и идеологическую ориентацию мнения, распространенного среди итальянского населения, что «следует сначала свергнуть фашизм, а затем борьба партий войдет в свое русло». Это мнение отвечает состоянию относительной пассивности масс и даже питает его.

Концентрационистская идеология проникает то здесь, то там в нашу партию, стремясь расшатать ее крепость. Уже на VI конгрессе мы сигнализировали опасность правого уклона в нашей партии, как опасность имею-

щуюся налицо в об'ективном итальянском положении. И в самом деле там, где отсутствует политическая активность, политическое самоопределение масс протекает довольно медленно. Гнет реакции мешает массам видеть что-либо, кроме задачи освобождения от «физического» нажима, угнетающего их. Кампания плебисцита дала нам возможность констатировать, что не вся партия была расположена принять директивы центра и что группы товарищей высказывались за воздержание за индиферентность, чтобы «не придавать значительности фашистскому плебисциту». Нашей партии и в рядах пролетариата необходимо взять решительный внутренний курс в смысле придания большего веса идеологическому и политическому воспитанию ее рядовых членов и курс на укрепление пропаганды, которая в последнее время была принесена в жертву агитации.

Случай показать итальянскому пролетариату, какова концепция партии, каковы пути, по которым она идет, и цели, за достижение которых она борется, будет представлен в связи с «Кампанией за подготовку программы» партии, начатой в апреле. Центр партии решил, что подготовка программы должна развертываться, как политическая кампания против партий, обращающихся к рабочим массам, и против правых и левых группировок, имеющих место в нашей партии. Подготовка программы будет проведена на основе идеологического пересмотра рабочего государства, и к этому пересмотру будут привлечены все активные товарищи, а также те рабочие, которые захотят принять в нем участие.

Позиция т. Серра, опирающаяся на некоторые международные проблемы, которые он систематизирует и развивает в документе на сотне страниц, представленном в ЦК партии в марте т. г., в документе, который представляет генеральный пересмотр позиций VI конгресса, — не выражает точки зрения группы товарищей, ибо об'единенной и «активной» правой идеологии в нашей партии никогда не существовало и не существует в настоящее время; но она могла бы неожиданно выкристаллизоваться завтра же в правую оппозицию, так как об'ективно правая группировка в нашей партии образоваться может. Поэтому борьба против правой позиции т. Серра включена как в программу по поднятию идеологического и политического уровня всей партии, так и в развитие борьбы против социал-демократии и партий концентрации. Там, где партийная масса могла быть информирована, она высказалась за согласие с ИККИ и ЦК партии, решительно осудив позицию тов. Серра.

Фашизм — это война. Это война, начатая уже восемь лет назад против передовых патрулей революции и Советского Союза. Это война, которая подготовляется на более широком и лучше вооруженном фронте. У фашизма осталась единственная возможность разрешить внутренние противоречия итальянского капитализма — это война. Фашизм сам не скрывет своих воинственных настроений. Он выпячивает их при всяком удобном случае, подтверждает их. Он не прикрывается маской пацифизма, он откровенно заявляет, что мирные договоры не имеют никакой цены, он публично высмеивает Лигу Наций, пакт Келлога, Локарно и т. д. Фашизм не имеет стыдливости Бриана, Макдональда, Бонкура. Поэтому нет необходимости разоблачать перед пролетариатом военную политику Муссолини, — она ясна и наглядна. Наоборот, итальянским массам необходимо уточнить революционную линию, которой следует придерживаться в борьбе против империалистических войн, так как среди итальянского населения имеется убеждение, что только война может победить фашизм, что поэтому следует желать войны. Это убеждение распространено не только среди итальянского населения, оно господствует во всех странах, где царит террор, и я не думаю, что вызову скандал, если скажу, что это убеждение процветает кое-где и в некоторых наших нелегальных партиях. В итальянской партии — оно налицо.

В конце концов это «ожидание войны» имеет причины, которые нельзя расценивать, как недостойные внимания: массы, угнетаемые фашизмом, чувствуют горячее желание иметь оружие. Это желание масс «обладать оружием» — минус в деле фашистской подготовки войны. В нашей антивоенной кампании мы должны сказать, что способность «революционно употребить оружие», которое фашизм скоро передаст в руки рабочих и крестьян, будет зависеть от глубины и интенсивности нашей агитации против империалистической войны, среди определяющих ход событий масс.

Итальянская коммунистическая партия в период X пленума КИ находится в лучших органических условиях, чем в прошлом году. Больше того: в возобновленном плане работ, содержащемся в ее программе действия, уже видны в разных отраслях заслуживающие внимания начинания. Мы приближаемся к новому этапу, когда нам придется дать оценку всей работе последних лет.

С другой стороны, события нашей международной жизни, имевшие место в сентябре 1928 г. и в настоящее время, отразившиеся и на нашей партии, требуют учета опыта работы, проделанной нашими секциями за истекший год по указаниям VI конгресса. Перед всеми партиями КИ стоит проблема, требующая немедленного проведения в жизнь — проблема стать массовыми партиями; если мы не сумеем это выполнить, то тем самым мы не используем предпосылок, необходимых для победы. Та же проблема, хотя и в другой форме и требующая других средств для выполнения, стоит перед нелегальными партиями стран, где царит белый террор и фашизм. Для облегчения разрешения вопроса необходимо развивать в наших рядах чувство интернационализма, побороть некоторые пережитки шовинизма, являющегося продуктом социал-демократического мышления, следует пробудить в наших товарищах и в массах, следующих за ними, сознание того, что они являются отрядом мировой армии пролетарской революции. Развить это сознание в массах, угнетаемых реакцией — значит выиграть крупную битву у национальной косности.

Взаимозависимость отдельных факторов международного капитализма требует международной сплоченности наших действий. В Италии, по причинам, которые считаю излишним здесь повторять, пролетариат более интернационален, чем где-либо, но фашизм пускает в действие весь свой аппарат агитации и пропаганды, чтобы уничтожить интернационалистический дух масс. Ему это не удается, но было бы наивно скрывать, что кое-каких результатов фашизм сможет добиться. Когда в течение целого ряда лет читается все та же пресса, слушается все та же пропаганда, при отсутствии каких бы то ни было возражений, то в конце концов можно приобрести привычку верить в то, что читаешь и слышишь. И главным образом это относится к внутренней политике (несмотря на то, что с точки зрения дипломатии, игра Муссолини избита и известна), которую фашистская печать изображает фальшиво и фантастически. В частности по поводу отношений «авиокрестового похода» господ Бальбо и Терруцци — известных убийц рабочих и крестьян—итальянская печать, публикуя одесские речи и приемы во время пребывания там авиоэскадрилий, сумела «открыть» немое присоединение... «одесской толпы» к фашизму и то, что среди рабочих Одессы

стали «популярными» и фашистский салют и фашистский клич «А л а л а». Наши рабочие привыкли к подобным выступлениям печати, но каждый раз остается у них осадок горечи по прочтении официальных итало-советских сообщений. Искусство управлять пролетариат изучает, когда имеет власть в своих руках, — до тех пор оно ему совершенно неизвестно. Но мы должны изменить это. Развивая в трудящихся массах чувство власти, т.-е. развивая и отшлифовывая их чувство интернационализма, и заставляя их осознать, что мы имеем уже в одной части света власть в своих руках и что поэтому наша борьба развивается при более благоприятных условиях, но в то же время требует более сложной политики.

Развитие духа интернационализма в партиях и массах является основным условием для последовательной борьбы против империалистических войн. В специфических условиях Италии это является одним из условий для усиления боеспособности масс в борьбе против фашизма, — так как пролетариат ослабел за время 8-летнего гнета, прошедшего под знаком полицейского и экономического террора, пауперизации и чуждого идеологического воздействия.

ЛЕНИН И ЛЕНИНИЗМ.

Н. Ленин.

О рождающемся направлении „империалистического экономизма“ [1]).

Старый «экономизм», 1894—1902 годов, рассуждал так. Народники опровергнуты. Капитализм в России победил. Значит, о политических революциях думать не приходится. Практический вывод: либо «рабочим экономическая, либералам политическая борьба». Это—курбет вправо. Либо—вместо политической революции всеобщая стачка для социалистического переворота. Это—курбет влево, представленный одною, ныне забытой, брошюрой русского «экономиста» конца 90-х годов.

Теперь рождается новый «экономизм», рассуждающий с аналогичными двумя курбетами: «вправо»—мы против «права самоопределения» (т.-е. против освобождения угнетенных народов, против борьбы с аннексиями,—это еще не додумано или недоговорено). «Влево»—мы против программы-минимум (т.-е. против борьбы за реформы и за демократию), ибо это «противоречит» социалистической революции.

Прошел уже год с лишним с тех пор, как это рождающееся направление обнаружилось перед несколькими товарищами, именно на бернском совещании весной 1915 г. Тогда, к счастью, лишь один товарищ, встретивший всеобщее неодобрение, настаивал до конца совещания на этих идеях «империалистического экономизма» и формулировал их письменно в виде особых «тезисов». Никто к этим тезисам не присоединился.

Затем к тезисам того же товарища против самоопределения присоединилось еще двое (не сознавая неразрывной связи этого вопроса с общей позицией только что названных «тезисов»). А появление «голландской программы» [2]) в феврале 1916 г., напечатанной в № 3 бюллетеня И[нтернац.] С[оциалистич.] К[омиссии] сразу обнаружило это «недоразумение» и вновь побудило автора первоначальных «тезисов» воскресить весь свой «империалистический экономизм» уже опять в целом, а не в применении к одному якобы «частному» пункту.

Является безусловная необходимость еще и еще раз предупредить соответствующих товарищей, что они залезли в болото, что их «идеи» ничего общего ни с марксизмом, ни с революционной с[оциал]-д[емокра]тией не имеют. Оставлять дальше дело «под спудом» непозволительно: это значит помогать идейной путанице и направлять ее в наихудшую сторону недоговоренностей, «частных» конфликтов, неизбывных «трений» и т. д. Напротив, наш долг настаивать самым безусловным и самым категорическим образом на обязательности обдумать и разобрать окончательно выдвинувшиеся вопросы.

Редакция «С[оциал]-Д[емократа]» в тезисах о самоопределении (по-немецки напечатаны, как оттиск из № 2 «Vorbote») нарочно

---

[1]) Настоящая статья В. И. Ленина, до сих пор не опубликованная, получена нами от Института Ленина.

[2]) Речь идет о программном проекте голландского революционно-социалистического союза (председ. Ролланд Гольст) и социал-демократической партии Голландии (SDP—Д. Вайнкоп и др.), представленном февральскому расширенному совещанию Интернациональной Социалистической Комиссии в Берне и напечатанном в № 3 бюллетеня I. S. K. от 29 февраля 1916 г., под заголовком «Ein Programm-Entwurf der R. S. V. und der SDAP (SDP ?) Hollands». *Ред.*

вынесла дело в печать в безличной, но наиболее обстоятельной форме, подчеркивая особенно связь вопроса о самоопределении с общим вопросом о борьбе за реформы, за демократию, о непозволительности игнорировать политическую сторону и т. д. В своих замечаниях на тезисы редакции о самоопределении автор первоначальных тезисов («империалистического экономизма») солидаризируется с голландской программой и этим особенно наглядно показывает сам, что вопрос о самоопределении вовсе не «частный», в его постановке авторами рождающегося направления, а общий и основной вопрос.

Программа голландцев получена была представителями циммервальдской левой 5—8 II 1916 на бернском заседании И. С. К. Ни один из членов этой левой, не исключая и Радека, за эту программу не высказался, ибо она соединяет, в беспорядке, такие пункты, как «экспроприацию банков», и такие, как «отмена торговых пошлин», «уничтожение первой палаты сената» и т. п. Все представители циммервальдской левой единодушно, с полуслова,—даже почти без слов, а только пожав плечами, — пройшли[1] мимо голландской программы, как явно неудачной в целом.

Автору же первоначальных, весной 1915 г. писанных, тезисов эта программа так понравилась, что он заявил: «я по существу ничего большего и не говорил» (весной 1915), «голландцы додумались»: «у них экономическая сторона — экспроприация банков и крупных производств» (предприятий), «политическая — республика и проч. Совершенно правильно!».

На самом деле, голландцы не «додумались», а дали весьма непродуманную программу. Печальная судьба России, что у нас иные люди как раз за непродуманное в самой новой новинке и хватаются...

Автору тезисов 1915 года кажется, что редакция «С[оциал]-Д[емократа]» впала в противоречие, когда «сама» выставила «экспроприацию банков» и даже с добавлением слова «немедленно» (плюс «диктаторские меры») в § 8 («Конкр[етные] задачи»). «А как в Берне меня за это же ругали!»—восклицает, в негодовании, автор тезисов 1915 г., вспоминая бернские споры весной 1915 года.

«Мелочь» забыл и не досмотрел этот автор: редакция «С[оциал]-Д[емократа]» в § 8 ясно разбирает 2 случая: 1—социалистическая революция началась. Тогда, говорится там, «немедленная экспроприация банков» и пр. 2-й случай: соц[иалистическая] революция не начинается — и тогда приходится подождать говорить об этих хороших вещах.

Так как сейчас соц[иалистическая] революция в указанном смысле, заведомо, еще не началась, то программа голландцев и несуразна. А автор тезисов «углубляет» дело, возвращаясь («кажинный раз не эфтом самом месте»...) к своей старой ошибке: превратить политические требования (в роде «уничтожения первой палаты»?) в «политическую формулировку социальной революции».

Потоптавшись целый год на одном месте, автор пришел к своей старой ошибке. Здесь «гвоздь» его злоключений: он не может разобраться в вопросе, как связать наступивший империализм с борьбой за реформы и с борьбой за демократию—совершенно так же, как «экономизм» блаженной памяти не умел связать наступивший капитализм с борьбой за демократию.

Отсюда—полнейшая путаница в вопросе о «неосуществимости» демократических требований при империализме.

[1] Повидимому, описка, следует читать «прошли». *Ред.*

Отсюда—непозволительное для марксиста (и уместное лишь в устах «экономиста», рабочемысленца) игнорирование политической борьбы теперь, сейчас, тотчас же, как и всегда.

Отсюда упорное свойство «сбиваться» с признания империализма на апологию империализма (как «экономисты» блаженной памяти сбивались с признания капитализма на апологию капитализма).

И т. д. и т. д.

Разбирать во всей детальности ошибки автора тезисов 1915 г. в его замечаниях на тезисы редакции «С[оциал]-Д[емократа]» о самоопределении нет никакой возможности, ибо неверна каждая фраза! Нельзя же писать брошюры или книги в ответ на «замечания», если инициаторы «империалистического экономизма» год топчутся на одном месте и упорно не хотят позаботиться о том, о чем прямой их партийный долг позаботиться, если они хотят серьезно относиться к политич[еским] вопросам, именно: об обдуманном, целостном изложении того, что они называют «нашими разногласиями».

Я вынужден ограничиться краткими указаниями на то, как применяет автор свою основную ошибку или как «дополняет» ее.

Автору кажется, что я противоречу себе: в 1914 г. («Просв[ещение]»[1]) писал, что нелепо искать самоопределения «в программах зап[адно]-евр[опейских] социалистов», а в 1916 г. об'являю самоопределение особенно насущным.

Автор не подумал (!!), что «программы» эти писаны в 1875, 1880, 1890 годах!

Дальше по §§ (тезисов ред[акции] «С[оциал]-Д[емократа]» о самоопределении):

§ 1. То же «экономическое» нежелание видеть и ставить политические вопросы. Так как социализм создаст экономическую базу для уничтожения национального гнета в политике, поэтому наш автор не желает формулировать наших политических задач в этой области! Это просто курьез!

Так как победоносный пролетариат не отрицает войн с буржуазией других стран, поэтому автор не желает формулировать наших политических задач в области национального гнета!! Все—примеры сплошных нарушений марксизма и логики: или, если хотите, проявление логики основных ошибок «империалистского экономизма».

§ 2. Противники самоопределения запутались безбожно с ссылками на «неосуществимость».

Редакция «С[оциал]-Д[емократа]» раз'ясняет им два возможных значения неосуществимости и их ошибку в обоих случаях.

Автор же тезисов 1915 г., даже и не пытаясь дать свое понимание «неосуществимости», т.-е. принимая наше раз'яснение, что здесь спутываются две разные вещи, продолжает эту путаницу!!

Кризисы он связывает с «империалистской» «политикой»: наш политико-эконом забыл, что кризисы были до империализма!..

Говорить об экономической неосуществимости самоопределения значит путать—раз'ясняет редакция. Автор не отвечает, не заявляет, что он считает самоопределение экономически неосуществимым; он сдает спорную позицию, перепрыгивая на политику («все же» неосуществимо), хотя ему яснее ясного сказано, что политически и республика совершенно так же «неосуществима» при империализме, как самоопределение.

[1] Речь идет о статье В. Ильина (В. И. Ленина) в № 4, 5 и 6 ж. «Просвещение» за апрель, май, июнь 1914 г. «О праве наций на самоопределение».

Прижатый здесь, автор «прыгает» еще раз: он и республику и всю программу-минимум признает лишь как «политическую формулировку социальной революции»!!!

«Экономическую» неосуществимость самоопределения автор отказывается защищать, перепрыгивая на политику. Политическую неосуществимость он переносит на вопрос о всей программе-минимум. Тут опять ни грана марксизма, ни грана логики, кроме логики «империалистического экономизма [»].

Автор хочет незаметно (не подумав сам и не дав ничего цельного, не трудясь над выработкой своей программы) выкинуть программу-минимум с[оциал]-д[емократической] партии! Неудивительно, что он год топчется на месте!!

Вопрос о борьбе с каутскианством есть опят-таки не частный, а общий и основной вопрос современности. Автор этой борьбы не понял. Как «экономисты» борьбу с народниками превращали в апологию капитализма, так автор борьбу с каутскианством превращает в апологию империализма (это и к § 3 относится).

Ошибка каутскианства в том, что оно реформистски ставит такие требования и в такой момент, которые нельзя ставить иначе, как революционно (а автор сбивается на то, будто ошибка каутскианства есть вообще выставление этих требований, как «экономисты» борьбу с народничеством «понимали» в том смысле, что «долой самодержавие» есть народничество).

Ошибка каутскианства в том, что оно правильные демократические требования оборачивает назад, к мирному капитализму, а не вперед, к социальной революции (а автор сбивается на то, что эти требования неправильны).

§ 3. См. выше. Вопрос о «федерации» автор тоже обходит. Та же основная ошибка того же «экономизма»: неуменье ставить политические вопросы [1]).

§ 4. «Из самоопределения вытекает защита отечества»—упорно твердит автор. Его ошибка здесь в том, что он хочет отрицание защиты отечества превратить в шаблон, вывести не из конкретно-исторической особенности данной войны, а «вобче». Это не марксизм.

Автору давно уже сказано, и он не опроверг этого: попробуйте придумать такую формулировку борьбы с национальным гнетом или неравноправием, которая бы (формулировка) не оправдывала «защиты отечества». Вы этого сделать не сможете.

Значит ли это, что мы против борьбы с нац[иональным] гнетом, если из него можно вывести защиту отечества?

Нет, ибо мы не «вообще» против «защиты отечества» (см. резолюции нашей партии), а против прикрашивания этим обманным лозунгом данной империалистской войны.

Автор в корне неверно, неисторически, хочет (но не может; у него и тут за целый год только потуги...) поставить вопрос о «защите отечества».

Речи о «дуализме» показывают, что автор не понимает, что такое монизм, и что такое дуализм.

Если я «об'единю» сапожную щетку и млекопитающее, будет ли это «монизм»?

Если я скажу, что к цели (а) надо

(в) → а ← (б)

итти от пункта (б) налево, а от пункта (в) направо, будет ли это «дуализм»?

[1]) «Мы не боимся распадов», пишет автор, «мы не защищаем госуд[арственных] границ». Попробуйте дать точную политическую формулировку этого!! В том-то и гвоздь, что вы не можете этого сделать; вам мешает «экономистская» слепота к вопросам политической демократии. (Примечание Ленина. *Ред.*).

автор не понимает, что такое монизм и что такое дуализм.
Если я „объединю" сапожную щетку и млекопитающее, будет ли это „монизм"?
Если я скажу, что к цели а надо
(в) → а ← (б)
идти от пункта (б) налево, а от пункта (в) направо, будет ли это „дуализм"?

Одинаково ли положение пролетариата угнетающих и угнетенных наций в отношении к национальному гнету? Нет, неодинаково, неодинаково и экономически, и политически, и идейно, духовно и т. п.

Значит?

Значит, к одной цели (слияние наций) из разных исходных пунктов одни пойдут так, другие иначе. Отрицание этого есть «монизм», об'единяющий сапожную щетку с млекопитающим.

«Пролетариям угнетенной нации говорить этого» (за самоопределение) «не полагается»—так «понял» автор тезисы редакции.

Это курьез!! Ничего подобного не сказано в тезисах. Автор либо не дочитал[,] либо совсем не подумал.

§ 5. См. выше о каутскианстве.

§ 6. Автору говорят о трех типах стран во всем мире. Автор «возражает», ловя «казусы». Это — казуистика, а не политика.

Вам угодно знать «казус»: «а Бельгия?»

Смотри брошюру Л[енина] и З[иновьева]: там сказано, что мы были бы за защиту Бельгии (даже войной), если бы конкретная война была иная.

Вы не согласны с этим?

Скажите это!!

Вы не продумали вопроса о том, почему с[оциал]-д[емократия] против «защиты отечества».

Мы не потому против нее, почему Вам кажется, ибо ваша постановка вопроса (потуги, а не постановка) неисторична. Вот мой ответ автору.

Назвать «софистской» то, что мы, оправдывая войну из-за свержения национального гнета, не оправдываем данной империалистской войны, ведущейся с обеих сторон ради усиления нац[ионального] гнета, — значит, употребить «крепкое» словечко, но не подумать ни капельки.

Автору хочется «полевее» поставить вопрос о «защите отечества», а выходит (уже целый год) — сплошная путаница!

§ 7. Автор критикует: «совсем не затронут вопрос об «условиях мира» вообще».

Вот так критика: не затронут вопрос, которого мы здесь и не ставим!!

Но ведь здесь «затронут» и поставлен вопрос об аннексиях, в котором запутались «империалистские экономисты», на этот раз вместе с голландцами и Радеком.

Либо Вы отрицаете немедленный лозунг против старых и новых аннексий, — (не менее «неосуществимый» при империализме, чем

самоопределение; в Европе, как в колониях),—и тогда ваша апология империализма из скрытой переходит в открытую.

Либо вы признаете этот лозунг (как сделал Радек в печати), — тогда вы признали самоопределение наций под другим именем!!

§ 8. Автор прокламирует «большевизм в западно-европ[ейском] масштабе» («не Ваша позиция», добавляет он).

Я не придаю значения желанию держаться за слово «большевизм», ибо я знаю таких «старых большевиков», что упаси боже. Могу лишь сказать, что прокламируемый автором «большевизм в з[ападно]-евр[опейском] масштабе», по моему глубокому убеждению, не большевизм и не марксизм, а маленький вариант того же старенького «экономизма».

По-моему, это верх недопустимости и несерьезности, непартийности— целый год прокламировать новый большевизм, и ограничиваться этим. Не пора ли обдумать и дать нечто такое товарищам, что бы связно и цельно излагало этот большевизм в з[ападно]-евр[опейском] масштабе»?

Различие колоний от угнетенных наций в Европе автор не доказал и не докажет (в применении к данному вопросу).

У голландцев [1]) и P. S. D. [2]) отрицание самоопределения не только, и даже не столько, путаница, ибо Гортер фактически признал его, как и Цим[мервальдск]ое заявление поляков [3]), сколько результат особого положения их наций (малые нации с вековыми традициями и претензиями великодержавности).

Верх непродуманности и наивности — перенять, повторить механически и без критики то, что у других выросло десятилетиями борьбы с обманывающей народ националистской буржуазией. Как раз то люди переняли, чего нельзя перенять!

От редакции.

Печатаемая выше статья Ленина является частью дискуссии между редакцией ЦО «Социал-Демократ» и группой Бухарина—Пятакова. Она написана после получения замечаний Бухарина на тезисы редакции «С.-Д.» по вопросу о праве наций на самоопределение и до появления статьи П. Киевского (Ю. Пятакова) «Пролетариат и право наций на самоопределение», т.-е. весной или летом 1916 г. В это время шли переговоры о возможности выпуска общего журнала или сборника между редакцией Ц. О. и издателями журнала «Коммунист», «П. и Е. Киевскими» (Ю. Пятаковым и Е. Б. Бош), сторонниками взглядов Н. И. Бухарина.

Разногласия между Лениным и Бухариным нашли свое выражение впервые на конференции заграничных секций РСДРП (большевиков) в Берне 25 февраля—4 марта 1915 г. Тогда Бухарин, вместе с примыкавшими к нему Е. Ф. Розмирович и Н. В. Крыленко, жили в швейцарском городке Божи, откуда их группа получила название «Божийской группы». У «божийцев» еще и до конференции было стремление к «самостоятельности» от редакции ЦО, тогдашнего большевистского ЦК. Они просили у ЦК разрешения издавать новую газету «Звезда». Конференция осудила эту попытку создания нового центра и выразила надежду, «что все товарищи сплотятся вокруг общепартийных предприятий, намеченных в резолюции

---

[1]) «Голландцами» в данном случае Ленин называет левых голландских с.-д. (Д. Вайнкооп, А. Паннекук, Гортер, Ролланд-Гольст), в 1909 г. отколовшихся от официальной с.-д. партии (SDAP) и основавших соц.-дем. партию Голландии (SDP).

[2]) P. S. D. — социал-демократическая партия Польши. Точка зрения P. S. D. по нац. вопросу была до войны наиболее полно развита Розой Люксембург.

[3]) Речь идет о декларации, подписанной представителями польской социал-демократии и P. P. S. «левицы», предложенной польской делегацией на 1-й Международной социалистической конференции в Циммервальде. В декларации содержался протест против того, что немецкое и австрийское правительства лишают польский народ «возможности решить свою судьбу». Декларация по-русски напечатана в сборнике О. К. РСДРП «Интернационал и война», № 1 за 1915 г.

конференции». Сплочению вокруг общепартийного центра мешали идейные разногласия. Свою позицию божийская группа сформулировала в особой резолюции-платформе, в которой она отстаивала лозунг «борьба за мир», и категорически отвергала... «какое-либо выставление в качестве лозунга для России так называемого поражения России». Таким образом, разногласия касались основных лозунгов того периода. Мотивировочная часть резолюции (см. «Пролетарская Революция» № 40 за 1925 г., стр. 170—172) отличается сбивчивостью и путанностью. Более четкое выражение взгляды Бухарина нашли в его тезисах, представленных конференции, и в его выступлении в прениях по докладу Ленина. Из ленинской записки прений видно, что Н. И. Бухарин критиковал линию ЦО по отношению к мелкой буржуазии. Он считал, что иллюзия, будто мелкая буржуазия может быть против трестов, так как она связана с крупным капиталом в силу того, что мелкий буржуа является совладельцем акций. Таким образом, спор шел о возможности присоединения демократических резервов к борющемуся за власть пролетариату.

В связи с этим встал вопрос о возможности демократии в эпоху империализма, о необходимости сохранения программы минимум. В тезисах т. Бухарина говорится, что «лозунги, вытекающие из конкретной обстановки дел, должны развивать материальное содержание социалистической революции», т.-е. должны носить главным образом экономический характер, подрывать частную собственность и положить начало переходу предприятий (в первую очередь закрытых предприятий и «военно-буржуазных организаций») в руки пролетариата и сосредоточению в руках рабочих организаций дела распределения конфискованных «запасов пищевых продуктов». Таким образом, Бухарин стирает грань между эпохой кануна социалистической революции и между началом ее. Ленин в § 8 тезисов «Социалистическая революция и право наций на самоопределение» различает эти два момента. «Социалистическая революция может начаться в самом ближайшем будущем. Перед пролетариатом в этом случае встанет немедленная задача завоевания власти», «экспроприация» банков и осуществление других диктаторских мер» (т. XIX, стр. 45, разрядка наша. *Ред.*), но возможна и иная перспектива, «возможно, однако,—пишет он,—что до начала социалистической революции пройдет 5, 10 и более лет». Тогда на очереди будет стоять революционное воспитание масс, которое невозможно без использования демократических учреждений и без включения демократических движений в русло борьбы пролетариата против империализма. Этот «перескок» Бухарина (в тезисах) через ступень борьбы за демократию к непосредственной борьбе за социализм и связанное с ним «непозволительное для марксиста (и уместное лишь в устах «экономиста», рабочемысленца) игнорирование политической борьбы теперь, сейчас, тотчас же, как и всегда» (см. выше, стр. 83) Ленин назвал в письме к Шляпникову «полуанархизмом».

На Бернской конференции Ю. Пятаков и Е. Бош не поддержали Н. Бухарина. «Поэтому, пишет Ленин, мы идем временно на максимум поблажек в «Коммунисте», чтобы создать форму, удобную для выяснения дела: удастся ли преодолеть «товарищески колебания Бухарина? («Прол. Рев.» № 7, за 1929 г., стр. 126). «Коммунист» был выпущен весной 1915 г., накануне Циммервальда, когда еще только начиналось собирание революционных элементов, когда Ленин считал возможным для того, чтобы увести колеблющихся из II Интернационала, на худой конец, остаться еще некоторое время «крайней оппозицией Интернационала» (см. 2 изд., т. XVIII, стр. 215, 217). В это время Ленин сблизился с К. Радеком, представлявшим польскую и некоторые круги германской левой оппозиции. «Коммунист», пишет Ленин, был временным блоком нашим с двумя группами или элементами: 1) Бухарин и К°; 2) Радек и К°» («Пр. Рев.» № 7, 29 г., стр. 125). Оба союзника оказались ненадежными. И у Радека, и у Бухарина вскоре проявились колебания по основным вопросам эпохи: у первого по вопросу о расколе с социал-пацифистами и по национальному вопросу, у второго по национальному вопросу, по вопросу о программе-минимум и по вопросу о государстве.

Осенью 1915 г. группа Бухарина, переехавшая в Стокгольм, выпускает тезисы по вопросу о праве наций на самоопределение, подписанные, кроме Н. И. Бухарина, Ю. Пятаковым и Е. Б. Бош. Их имеет в виду Ленин, когда пишет: «Затем к тезисам того же товарища против самоопределения присоединились еще двое». Эти тезисы повторяют ошибки февральских тезисов Бухарина. В февральских тезисах выбрасывалась за борт вся программа-минимум, в тезисах по нац. вопросу (п. 4) говорилось, что лозунг «самоопределения наций не реализуем в пределах капитализма». Это же можно сказать и о других «правах», о демократии вообще, которая так же «неосуществима» при империализме, как и право наций на самоопределение.

Эти тезисы воспроизводят не только ошибки Бухарина, но и ошибки К. Радека, который, как и многие польские с.-д. (в том числе и Р. Люксембург), был против-

ником лозунга права наций на самоопределение. Характерна приписка к тезисам: «Между прочим, ведь все крайние левые, у которых есть продуманная теория, «против» (лозунга права наций на самоопределение). Действительно, большинство сторонников «Циммервальдской левой» было в ряде спорных вопросов ближе к К. Радеку и Бухарину, чем к Ленину. Для них взгляды К. Радека («левый радикализм»—«спартакизм») были шагом вперед от социал-демократизма к ленинизму. Для большевика Бухарина они были шагом назад, шагом от ленинизма к социал-демократизму.

На определенной ступени развития II Интернационала Ленину приходилось вступать во временные блоки с непоследовательными, колеблющимися элементами, которым большевики «помогали двинуться влево» (Ленин). Поэтому Ленин сотрудничал с Радеком и голландскими марксистами (Р. Гольст, Д. Ватикон, А. Паннекук, Гортер), которые в программно-тактических вопросах были ближе к Р. Люксембург, чем к Ленину, а в организационных иногда сбивались на позиции левого центриста Троцкого. Вместе с Радеком и голландскими «левыми» большевики выпускали журнал «Vorbote» («Предвестник»), орган циммервальдской левой. На страницах этого журнала, вышедшего двумя книжками в январе и в апреле 1916 г., были представлены оба течения: большевистское и польско-голландское. Об отношениях внутри редакции «Vorbote» Ленин писал: «Вы наверное знаете, что Радек нас выпер из редакции «Vorbote»? Сначала было условлено, что редакция совместная из двух групп: (1) голландцы (может быть + Троцкий) и (2) мы (т.-е. Радек, Григорий (Зиновьев) и я). Радек интриговал месяцы и добился от «хозяйки» (Ролланд-Гольст) отмены этого плана. Нас перевели на положение сотрудников. Факт!» («Прол. Рев.» № 7, за 29 г., стр. 116). И во время Кинтальской конференции (апрель 16 г.) К. Радек, по словам Ленина, пытался «расссорить» большевиков с Платтеном и одним из немецких «левых».

Разногласия с Бухариным с начала 1916 г., когда германские, голландские и польские левые выпустили ряд программных документов, переплелись с разногласиями внутри циммервальдской левой. Проблема идейного и организационного размежевания внутри циммервальдской левой была чрезвычайно сложной. С одной стороны, необходима была непримиримая борьба с намечающимися уклонами за создание теоретической базы III Интернационала, с другой стороны, надо было собирать вокруг знамени Циммервальдской левой все революционные элементы, даже с недостаточно марксистски-выдержанной идеологией. «Наша тактика, писал Ленин, здесь двусторонняя (этого Юрий + Ник[олай] Ив[анович] Бухарин никак не хотели или не умели понять): с одной стоорны, помочь Радеку двинуться влево, об'единить всех, кого можно для циммервальдской левой, ни на йоту не допускать колебаний в основном» («Прол. Рев.», № 7, за 29 г., стр 118). Под углом зрения взаимоотношений внутри циммервальдской левой Ленин рассматривал и конфликт вокруг ж. «Коммунист». Продолжение «Коммуниста» в старом составе должно было привести, по мнению Ленина, к тому, что Радеку удастся большевиков «поссорить с левыми» (см. «Прол. Рев.», № 7, за 29 г., стр. 123, 124). Под этим же углом зрения Ленин рассматривал и вопрос о вынесении дискуссии с Бухариным и Пятаковым в печать. Весной 1916 г. Ленин считает еще возможным не выносить спора в печать, т. к. «полемика в печати на долгие годы оттолкнет их» («Пр. Рев.» № 7, стр. 120). В марте Ленин пишет А. М. Коллонтай, что «этот раздор должен остаться строжайше в самом тесном кругу...» В письме к Шляпникову 16 июня Ленин предлагает дать дискуссию с Бухариным в сборнике большевиков (без участия Радека и других левых циммервальдцев) или вынести ее в особую брошюру. Печатаемая выше статья написана в последний период. В ней Ленин пишет: «Оставлять дело дальше «под спудом» непозволительно...».

После года переговоров о выпуске общего с группой Бухарина сборника в октябре 1916 г. редакция Ц. О. выпустила «Сборник Соц.-Демократа», на страницах которого были разобраны ошибки Радека и Р. Люксембург в вопросе о защите отечества и праве наций на самоопределение, ошибки голландских, польских, скандинавских и швейцарских «левых» в вопросе о разоружении и ошибки Бухарина (Nota Bene) в вопросе о государстве. В № 3 и 4 предполагалось напечатать статью П. Киевского (Ю. Пятакова) о самоопределении и ответ на нее Ленина, и статью Н. И. Бухарина о государстве и ответ на нее Ленина. Эта полемика так и не была вынесена на страницы печати, т к. февральская революция на время заслонила разногласия. Однако, на апрельской конференции дискуссия по национальному вопросу с Бухариным и Пятаковым вспыхнула вновь, а в 1918 г. в дни Брестского мира разногласия партии с Бухариным в несколько иной форме приобрели большую актуальность и остроту. Настоящий документ освещает пред'историю дискуссии 1918 г. с «левыми коммунистами».

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Ленин и теория диалектики.

(О IX Ленинском сборнике).

I.

Появление IX Ленинского сборника с ленинским конспектом «Науки логики» Гегеля представляет важнейшее событие в истории марксизма-ленинизма за последние десятилетия. На ряду с недавно опубликованными «Диалектикой природы» Энгельса и марксовой критикой гегелевской «Философии права» [1]) ленинский конспект определяет собой новую ступень в развитии марксистской философии, а вместе с тем и марксистско-ленинской революционной теории вообще.

Повышенный интерес к философии, наблюдающийся у нас за последнее время, ни в какой степени не является случайным. В истории нового времени расцвет классической философии всегда был неразрывно связан с революцией. Ранние буржуазные революции в Италии, Голландии и Англии вынесли на своем гребне таких мыслителей, как Дж. Бруно, Спиноза и Гоббс. Французский материализм XVIII века, явившийся результатом об'единения достижений всех передовых философских учений своего времени, был боевой идеологией буржуазии, расшатавшей устои крепостнического мракобесия в предреволюционной Франции. Немецкий классический идеализм от Канта до Гегеля, согласно характеристике, данной ему еще Марксом, был предвосхищением «французской революции на немецкой почве». Философские работы Маркса и Энгельса являлись необходимым составным звеном в подготовке превращения пролетариата из класса к себе в класс для себя. Только философский материализм,—писал Ленин в статье «Три источника и три составные части марксизма»,—дал выход пролетариату из духовного рабства, в котором прозябали до тех пор угнетенные классы. Тесная связь, неизменно существовавшая между философией и революцией, коренится в глубочайших потребностях классовой борьбы. Революционный класс, вновь выступающий на историческую сцену, нуждается в таком миропонимании, которое осознавало бы его способ восприятия окружающего мира и воздействия на него, которое не только освобождало бы этот класс от духовной зависимости от остальных классов, но и указывало бы на его прогрессивную историческую роль. В философии революционный класс обосновывает свой «ордер на мир», утверждает принципы новой науки и новой культуры.

Маркс и Энгельс неуклонно боролись за диалектический материализм как философию пролетариата. Теоретики II Интернационала, на ряду с извращением марксовой теории классовой борьбы, на ряду с забвением учения Маркса о государстве и революции, отреклись и от его диалектического материализма. Эпохе проповеди «малых дел» соответствовали вульгарный эмпи-

[1]) См. «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. 2 и 3.

ризм и позитивизм в философии и теории вообще. Знаменательно, что в России — стране с наиболее остро выраженной революционной ситуацией, — в эпоху II Интернационала сохранялась в наибольшей степени и традиция ортодоксального марксизма в области философии. Даже в самые лучшие годы своей жизни такие люди, как Каутский, не говоря уже о других, готовы были променять в системе своего мировоззрения Маркса и Энгельса на Канта, Маха и даже Шопенгауэра.

Ленину и в этом отношении, как и в ряде других вопросов, принадлежит заслуга восстановления того отношения к вопросам общего мировоззрения и метода, которое отличало основоположников марксизма. Даже Плеханов, блестяще защищая материализм от Бернштейна, К. Шмидта, Богданова и других, очень часто рассматривал философские споры независимо от текущих задач классовой борьбы и потребностей современной науки. Именно Ленин выдвинул идею партийности в философии.

В «Материализме и Эмпириокритицизме» Ленин показал, что философия является таким же орудием классовой борьбы, как и все в классовом обществе, что она неразрывно связана с потребностями общественной практики, с одной стороны, и с борьбой между реакционными и прогрессивными течениями в естествознании, с другой стороны.

Совершенно естественно, что в связи с этим у Ленина было и совершенно иное понимание задач философии, чем у эпигонов II Интернационала. Бернштейн полагал, что философии не место в программе боевой партии, так как ее белоснежные ризы могут быть загрязнены соприкосновением с практикой классовой борьбы. Для Бернштейна философия — область метафизических рассуждений, далеких от всего земного. Каутский всегда полагал, что можно быть хорошим марксистом, не обременяя себя определенным мировоззрением. Историческая и экономическая теория Маркса, по мнению Каутского, вполне могут мириться с каким угодно философским обоснованием. Этому киселеобразному, беспринципному эклектизму Ленин противопоставил единственно революционное и единственно последовательное понимание философии, как мировоззрения, дающего общую методологию знания и действия.

В высокой степени замечательно то поразительное совпадение основных идей, которое мы имеем во всех, — прежних и недавно опубликованных, — произведениях Маркса, Энгельса и Ленина, посвященных проблемам философии. Все они подчеркивают в один голос одну и ту же мысль: решающее в марксизме — его революционная диалектика. В замечательной, к сожалению, не оконченной статье, посвященной переписке между Марксом и Энгельсом, Ленин указывает, что красной нитью, проходящей через всю деятельность Маркса и Энгельса и через все их сочинения является применение метода материалистической диалектики к изучению и оценке различных проблем и событий общественной жизни. В особенности методологическое понимание задач философии выдвигается вперед в период самой революции. Когда массы переваривают опыт невиданной до сих пор по своему размаху революционной борьбы, тогда борьба за революционную теорию становится лозунгом дня. Эти слова Ленина, написанные им после революции 1905 г., с полным основанием можно повторить и сейчас. И в самой революционной теории естественно при этом выдвигается на первый план именно то, что позволяет анализировать новые явления, порожденные революционной эпохой, новые формы борьбы, новый тип отношения между классами — ее метод. Именно в отречении от марксистского метода, от его революционной диалектики Ленин видел основное отличие меньшевистской оценки нашей революции (в заметках о книге Н. Суханова).

Но если интерес к философии в наше время имеет своим самым глубоким основанием стремление к осознанию опыта и путей развития революции, если жизненный нерв марксистской философии составляет ее революционная диалектика, то для того, чтобы овладеть диалектическим методом познания и изменения мира, надо изучать его, разрабатывать, исследовать пути его применения. Для изучения же теории диалектики нужно обратиться к основоположнику ее в истории человеческой мысли нового времени — Гегелю. Однако, Гегель был идеалистом. Его нельзя даже понять по-настоящему, не преодолев. Лишь материалистически переработанные положения Гегеля дают действительное средство познания. И Маркс, и Энгельс, и Ленин указывают пути этой переработки.

В этом отношении ленинский конспект основной работы Гегеля, его «Науки логики», несомненно, составляет эпоху в истории революционного марксизма. Ранние философские работы Маркса относятся к тому периоду, когда Маркс еще не был в полном смысле слова марксистом. После 1848 г. о философии мы находим у Маркса лишь отдельные замечания, которые подобно вспышкам молнии освещают дальнейший путь исследования, но не дают систематического руководства ему. Отчасти поэтому и великий опыт применения диалектического метода к изучению законов развития капитализма в «Капитале» остался, по словам Ленина, во многом не понятым марксистами и 50 лет спустя после появления его в свет. Энгельс успел также разработать лишь отдельные категории диалектики, отдельные ее законы и иллюстрировать их, но не успел, как мы теперь это знаем после опубликования «Диалектики природы», дать связное ее изложение. Плеханов центр своего внимания сосредоточил на борьбе за материализм, вел ее с замечательным блеском, но оставил в тени разработку диалектики, хотя и не раз подчеркивал значение Гегеля для марксизма. Отчасти это об'яснялось неверной политической позицией Плеханова, не давшего правильной, всесторонней оценки революционного и противоречивого характера новейшего развития капитализма.

Ленин сосредоточил свое внимание на изучении диалектической логики именно в то время, когда эти противоречия неслыханно обострились и привели к войне 1914 г.

Конспект Ленина дает именно такое пособие в руки каждого марксиста, которое показывает, как надо изучать Гегеля, чего у него искать, как отбрасывать при этом мусор поповщины и как находить жемчужины истины.

Нашей задачей в этой рецензии будет попытаться вскрыть лишь основные идеи, лежащие в основании конспекта Ленина.

II.

Первый вопрос, на который нужно дать ответ, приступая к изучению диалектического метода, — это вопрос о том, что представляют собою по своему содержанию устанавливаемые им законы, откуда заимствованы и какое значение имеют те категории, которыми он оперирует. Отвечая на этот вопрос, Ленин следует глубокому, идущему непосредственно от Гегеля, Маркса и Энгельса, пониманию задач диалектической логики. Это — не формальная логика, не пустая игра бессодержательными абстракциями, это — наука о всеобщих формах движения в природе, истории и их отображении в человеческом мышлении, опирающаяся на весь опыт человеческого знания, сумма, вывод, итог его истории. Определения ее конкретны, полны жизни, полны содержания. Лишь благодаря этому они позволяют нам улавливать вечно текущую, вечно изменяющуюся, связанную бесчисленными переливами и переходами действительность.

В своей повседневной деятельности человек сталкивается с бесконечным многообразием явлений природы и общественной жизни, подмечает в них сходное, выделяет общее, научается устанавливать порядок и связь явлений. Он научается оперировать создаваемыми им для обозначения этого сходного

понятиями, научается образовывать и соединять их таким образом, чтобы они давали наиболее точную картину действительности и наилучшим образом служили делу ее изменения. В силу этого категории логики оказываются лишь сокращениями «бесконечной массы» «частностей внешнего существования и деятельности». «В свою очередь эти категории служат людям на практике («в духовном обороте живого содержания, в создании и обмене»)» (IX, 35). «Практика человека, миллиарды раз повторяясь, закрепляется в сознании человека фигурами логики. Фигуры эти имеют прочность предрассудка, аксиоматический характер именно (и только) в силу этого миллиардного повторения» (IX, 219, 267). Человеческая практика — источник всего содержания нашего познания. Мировое целое подобно реке, пишет Ленин, в которой в бесконечном взаимодействии находятся бесчисленные капли и струи. Капли—это отдельные явления и вещи, струи—тенденции и законы их движения. Человек стремится уловить движение отдельных капель и струй; но уловить его можно лишь как момент в связи, в сцеплении целого, лишь выяснив взаимоотношения каждой капли с другими каплями, направление ее движения, скорость и т. д. Понятия наши—это «учеты отдельных сторон движения, отдельных капель (= «вещей»), отдельных «струй» и т. д. Категории логики—это «моменты познания человеком природы» (281), «ступеньки познания мира, узловые пункты в сети, помогающие познавать ее и овладевать ею» (41).

Создаваемые нами понятия суб'ективны, так как они представляют лишь отвлечения от действительного мира, лишь порождения нашего мозга в процессе познания природы. Но они в то же самое время и об'ективны, так как они выражают действительные связи в природе, действительно сходное в ней, действительный ритм ее движения. «Логические понятия,—пишет Ленин,—суб'ективны, пока остаются «абстрактными», в своей абстрактной форме, но в то же время выражают и вещи-в-себе. Природа *и* конкретна, *и* абстрактна, *и* явление, *и* суть, *и* мгновение, *и* отношение. Человеческие понятия суб'ективны в своей абстрактности, оторванности, но об'ективны в целом, в процессе, в итоге, в тенденции, в источнике» (249).

Соответствено этому и самые абстракции бывают двоякого рода. Бывают такие абстракции, которые отмечают лишь внешнее подобие явлений, случайно сходные у них признаки, не отражают никаких внутренних связей вещей. Если мы создадим общее понятие «бесхвостой кошки», то хотя оно несомненно представляет отвлечение от действительно имеющих место явлений, оно ничем не обогащает нашего знания законов природы. Оно не выражает никакой реальной совокупности предметов или процессов, а лишь идеальную совокупность чисто внешне отвлеченных нами сходных признаков, могущих иметь самое различное происхождение. Если же мы создаем понятие общественного класса, или понятие капитализма, то оно об'единяет в себе такие предметы и события, которые обладают некоторой внутренней связью, имеют общий закон движения. Такое общее понятие мы будем называть не абстрактным, а конкретно-всеобщим. Именно установление того, как создаются в науке такие конкретно-всеобщие понятия и связи между ними, есть задача диалектической логики.

Поэтому Ленин, ссылаясь на «Капитал», с особым удовлетворением отмечает у Гегеля требование создания такого «общего, которое не только отвлеченно, но включает в себя богатство частностей» (51). Понятие капитализма есть не результат лишь чистого логического выделения одного какого-либо, случайно выхваченного из сопоставления ряда явлений, признака, а заключает в себе все богатство отдельных форм его проявления, выражает реальную связь различных общественных явлений, их внутреннюю основу и закон движения. «Конкретно-всеобщее» может быть раскрыто по своему содержанию лишь в законе движения того предмета, к которому оно относится. Закон конкретен, он представляет собой не отвлечение от отдельного события или процесса, а об'емлет этот процесс, включает его в себя, опирается на него, он сам есть лишь выражение внутренней необходимой связи подчиненных ему явлений. Поскольку диалектика изучает то, как создаются конкретно-всеобщие понятия и как связываются они при изучении действительности, она имеет своим предметом не отдельные вещи, а «наиболее общие законы их движения» (43). Но поэтому же и в познании каждой отдельной вещи нельзя обойтись без тех категорий, которые рассматриваются в логике. Нельзя узнать ни одной вещи, не говоря о ее качествах, величине, мере, сущности, форме, причине—т.-е. как раз о тех самых общих формах развития, которые рассматриваются в логике. «Всякая наука есть прикладная логика»,—повторяет вслед за Гегелем Ленин (239).

Познавая окружающий мир, человек не может удовлетвориться тем, что дает ему непосредственное созерцание. Недостаточно смотреть на вещи, нюхать и ощупывать их для того, чтобы знать, как обрабатывать их, как властвовать над ними. Недостаточно созерцать на рынке, как обменивается товар на товар, для того, чтобы вскрыть те силы, которые ведут к гибели капитализма. Кроме непосредственного созерцания, устанавливающего смену отдельных вещей и явлений, необходимо еще мышление, отыскивающее сущность, законы их смены. Поэтому создаваемые мышлением понятия, абстракции, как будто отрываясь от почвы действительности, на самом деле все полнее и глубже отражают ее содержание. «Мышление,—говорит Ленин,—восходя от конкретного к абстрактному, не отходит—если оно правильное... от истины, а подходит к ней. Абстракция **материи**, закона природы, абстракция стоимости и т. д., одним словом, **все** научные (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, полнее. От живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике—таков диалектический путь познания истины, познания об'ективной реальности» (183—185). И в другом месте: «Стоимость есть категория, которая лишена вещества чувственности, но она истиннее, чем закон спроса и предложения».

Задачей познания является правильное отражение в человеческом мозгу окружающего мира для того, чтобы господствовать над ним. Познание соответственно этому есть вечное, бесконечное приближение мышления к об'екту. Однако, это «отражение природы в мысли человека надо понимать не «мертво», не «абстрактно», не без движения, не без противоречий, а в вечном процессе движения, возникновения противоречий и разрешения их» (227). Итак, сама истина, как и все на свете, не есть готовая и застывшая вещь, а есть процесс. «Жизнь рождает мозг. В мозгу человека отражается природа. Проверяя и применяя в практике своей и в технике правильность этих отражений, человек приходит к об'ективной истине» (237) [1]. Но это значит, что самый процесс познания мы должны рассматривать с исторической точки зрения. «Если рассматривать отношение суб'екта к об'екту в логике, то надо взять во внимание и общие посылки бытия конкретного суб'екта (= жизнь человека) в об'ективной обстановке» (239), т.-е. рассматривать это отношение **конкретно**-исторически.

Кант и его последователи всевозможных толков учили, что, прежде, чем познавать независимо от нас существующий мир, мы должны установить,

[1]) Обращаем внимание читателя на то, что, характеризуя наше познание, Ленин все время говорит об отражении природы в человеческом мозгу, против чего столь резко выступают наши современные философские ревизионисты.

способны ли мы на это, каковы границы нашего познания. Соответственно этому на первый план они выдвинули критику нашей познавательной способности вообще; теорию познания они строили независимо от изучения исторических данных условий самого познания. В ответ на это Гегель и марксисты указывают, что нельзя научиться плавать, не бросившись в воду, нельзя установить границы познания вне самого процесса познания. Лишь познавая, мы открываем, после практической проверки, что было истинно и что ложно в нашем знании. Самую границу предмета мы можем осознать, лишь выйдя за его пределы. А тому, как познавать, все более и более приближаясь к истине, учит нас логика, диалектико-материалистический метод. Таким образом, границы познания не представляют чего-то вечного и неизменного, а постоянно раздвигаются и осознаются нами в изучении истории знания. Поэтому диалектика и есть теория познания Гегеля и марксизма. На этом положении Ленин настаивает с особенной силой, справедливо указывая, что Плеханов (не говоря уже о других марксистах), не учитывая его, очень часто критиковал кантианцев, махистов и т. п. «по-фейербаховски» и «по-бюхнеровски», а не «по-гегелевски», недостаточно диалектично. Плеханов забывал, что недостаточно относиться отрицательно к тому, к чему относятся положительно современные философские эпигоны, а что самая задача познания у Гегеля и Маркса была поставлена радикально отлично от них. Там, где они видят данное, Гегель и Маркс видели историю, процесс, развитие.

«Логика есть учение о познании. Есть теория познания. Познание есть отражение человеком природы. Но это не простое, не непосредственное, не цельное отражение, а процесс ряда абстракций, формирования, образования понятий, законов и т. д., каковы понятия, законы и т. д. (мышление, наука = «логическая идея») и охватывают условно, приблизительно универсальную закономерность вечно движущейся и развивающейся природы. Тут действительно об'ективны три члена: 1) природа, 2) познание человека = мозг человека (как высший продукт той же природы) и 3) форма отражения природы в познании человека, эта форма и есть понятия, законы, категории и т. д. Человек не может охватить = отразить = отобразить природы всей, полностью, ее «непосредственной цельности», он может лишь вечно приближаться к этому, создавая абстракции, понятия, законы, научную картину мира и т. д., и т. п.» (203).

Третий член непрерывно меняется так же, как и два остальные. Углубляясь в изучение природы, расширяется человеческое познание; располагающее более глубокими знаниями мышление находит в природе все новые и новые стороны и явления. Категории, которыми оперирует в процессе познания наше мышление, служат одновременно и орудиями познания природы и выражениями того, насколько глубоко мы в нее проникли. Прогресс человеческого знания и умения, человеческой культуры означает одновременно и углубление, умножение, уточнение тех категорий, которыми оперирует наше мышление. Категории, которыми мы оперируем в нашей деятельности и познании, осознаются в философии. Поэтому история философии должна, опираясь на историю науки и техники, на историю человечества в целом, показать, как углублялось наше познание природы, как углублялись и сменялись принципы этого познания. Существует не только логика истории, но и история логики. Наше познание никогда не может быть завершенным. Природа бесконечна и бесконечен процесс ее познания. Гегель отдавал дань своему идеализму и метафизике, когда мечтал о законченной системе категорий диалектики. Ее не может быть для материалиста. Она должна развиваться в ногу со всем научным знанием.

Но это не значит, что не может быть системы категорий конкретной логики вообще. Наоборот с точки зрения диалектической логики ее категории имеют значение не в их изолированности, а именно как моменты такой системы развивающегося целого.

На каких основаниях она должна строиться? Ленин дает ответ и на этот вопрос.

III.

Диалектическая логика учит, что каждый предмет должен изучаться в его движении и развитии. Но в движении предмет необходимо приходит в соприкосновение с бесконечным множеством других предметов и явлений. Любая форма движения неразрывно связана со всеми другими формами движения. Поэтому и категории логики, отражающие эти различные формы движения, должны находиться во внутренней связи, предполагают друг друга.

В определнии каждого действительно существующего предмета, в каждом научном понятии могут быть вскрыты все важнейшие из них. Диалектическая логика должна показать, какова внутренняя и необходимая связь между этими категориями, как переходят они одна в другую и относятся друг к другу, отражая развитие реального мира. Поэтому категории диалектики не могут быть просто перечислены в беспорядке друг за другом или чисто-внешне классифицированы, «категории надо вывести (а не произвольно или механически взять), не «рассказывая», не «уверяя», а доказывая, исходя из простейших основных» (43). Ибо «движение научного познания—вот суть диалектического метода».

Этот метод есть не что иное, как, говоря словами Гегеля, к которым присоединяется Ленин, «сознание формы внутреннего самодвижения ее содержания» (47).

«Образование (абстрактных) понятий и операции над ними уже включают в себя представление, убеждение, сознание закономерности об'ективной связи мира. Гегель много глубже, следовательно, чем Кант и др., прослеживает отражение в движении понятий движения об'ективного мира. Как простая форма стоимости, отдельный акт обмена одного, данного, товара на другой уже включает в себе в неразвернутой форме все главные противоречия капитализма,—так уже самое простое обобщение, первое и простейшее образование понятий (суждений, заключений и т. д.) означает познание человеком его более и более глубокой об'ективной связи мира. Здесь надо искать истинного смысла, значения и роли гегелевской «Логики». И в добавлениях Ленин замечает: «Маркс применил диалектику Гегеля в ее развитой форме к политической экономии». Плеханов же «критиковал кантианцев, агностиков вообще больше с вульгарно-материалистической, чем с диалектико-материалистической точки зрения, поскольку он лишь просто отвергает их рассуждения, а не исправляет (как Гегель исправлял Канта) эти рассуждения, углубляя, обобщая, расширяя их, показывая связь и переходы всех и всяких понятий» (197).

Каков же тот основной принцип, который должен быть положен в основу диалектической логики, какова та основная форма связи, которая отличает ее от всех других методов познания действительности? Ленин отвечает —это закон единства противоположностей.

Как мы уже отмечали, отличительная особенность диалектической логики — ее конкретность. «Не отвлеченное, мертвое, неподвижное, а конкретное» — вот «дух и суть диалектики», отмечает Ленин (53). Конкретный же предмет отличается тем, что он находится в бесчисленных связях со всеми остальными, окружающими его предметами. Абстрактное понятие, предмет, взятый вне связи с другими предметами, вне времени и пространства, всегда тождествен, всегда равен самому себе, всегда—один и тот же предмет. Но «всякая конкретная вещь, всякое конкретное нечто стоит в раз-

личных и часто противоречивых отношениях ко всему остальному, следовательно, бывает сама собой и другим» (123).

Понятие крестьянства, взятое независимо от условий времени и пространства, есть нечто неподвижное, мертвое, неизменное. Крестьянство, рассматриваемое с конкретно-исторической, а, значит, диалектической точки зрения, есть нечто постоянно меняющееся, находящееся в различные периоды своего развития в различных, подчас прямо противоположных отношениях к другим классам, совмещает в себе противоположные тенденции и признаки.

Изучая любое явление, любую вещь, диалектик не может, однако, остановиться на одном лишь констатировании того, что это явление, эта вещь связаны с бесчисленным множеством других вещей, и что она постоянно изменяется, переходит в другое состояние, «отрицается». Среди бесчисленных различных связей и определений предмета диалектик должен выделить те связи и определения, которые выясняют самую природу предмета, закон внутренне присущего ему движения, существенные различия. Существенные различия, существующие в одном и том же отношении в данном предмете или в связи его с другими предметами, диалектическая логика называет противоположностью. «Мыслящий разум,—пишет Ленин, — заостривает притушившееся различие различного, простое разнообразие представлений, до существенного различия, до противоположности. Лишь поднявшись на вершину противоречия, разнообразия становятся подвижными и живыми по отношению одного к другому,—приобретают ту негативность, которая является внутренней пульсацией самодвижения и жизненности» (153).

Таким образом, диалектик не должен останавливаться на различиях в изучении предмета, а должен искать в нем противоположности, ведущие к противоречиям, должен выделять такие противоположности, которые заложены в самой природе, в самом основании данного предмета. Но диалектик не может останавливаться на простом констатировании этих противоположностей, если не хочет впасть в софистику. Вскрыв их, он должен затем показать, как в действительности, в жизни осуществляется единство этих противоположностей, как единство в противоречиях и противоречия в единстве развивают предмет, движут его вперед (ср. стр. 287). Лишь тогда будут выполнены требования диалектического метода и будет выяснено, как подготовляется и осуществляется переход предмета из одного качественного состояния в другое.

Таким образом, сущность диалектического метода составляет выполнение двух требований в изучении предмета:

а) необходимо установить об'ективную связь всех сторон, сил, тенденций и т. д. данной области явлений;

б) необходимо выяснить, как осуществляется в данном предмете «имманентное происхождение различий»,—«внутренне об'ективная логика эволюции и борьбы различий, полярности», какие противоречия заключены в собственном, внутреннем движении предмета, в его самодвижении (49). В выявлении последнего, по Ленину, суть «гегелевщины», суть диалектического миропонимания (127—129).

Легко показать, что в непонимании идеи самодвижения заключена отличительная особенность механического мировоззрения, подчас очень логично и легко приходящего к боженьке. Если миру, и в той или в другой степени каждому отдельному предмету в нем, не присуще самодвижение, то тогда всякое изменение в предмете имеет своим источником чисто внешнее воздействие среды, т.-е., в конечном счете, какого-то «первого двигателя», бога. На самом же деле движение, изменение внутренне присущи

материи во всех ее формах. Самые общие законы связи и самодвижения предметов при их переходе из одного состояния, из одной формы в другую и формулирует диалектическая логика.

Самодвижение предмета предполагает, что предмет, постоянно изменяясь во всей совокупности своих связей, в одно и то же время является самим собой и другим. Таким образом, ко всякому предмету могут быть приложены прямо противоположные определения. В любом понятии может быть обнаружено наличие противоположностей, сосуществующих в единстве. Когда я говорю: «Иван—человек»,—приводит пример Ленин, здесь уже дано единство противоположностей, так как я утверждаю, что Иван нечто чисто-единичное, особое, есть в то же время человек—общее, нечто такое, что выражает совокупность признаков, характеризующих бесконечное множество людей. Диалектика показывает, как в каждом понятии заключено и ему противоположное, как переходят друг в друга эти понятия, отражая вечное движение действительности. «Всесторонность», универсальная гибкость понятий, гибкость, доходящая до тождества противоположностей—вот в чем суть (диалектики). Эта гибкость, примененная суб'ективно = эклектике и софистике. Гибкость, примененная об'ективно, т.-е. отражающая всесторонность материального процесса и единство его, есть диалектика, есть правильное отражение вечного развития мира» (71). Заслуга Гегеля в том, что он «гениально угадал в смене, взаимозависимости всех понятий, в тождестве их противоположностей, в переходах одного понятия в другое, в вечной смене, движении понятий именно такое отношение вещей, природы» (229) [1].

Поэтому и исходное понятие в системе логики должно быть, с одной стороны, наиболее широким по своему об'ему, выражать универсальную связь всех явлений, а с другой стороны, заключать в себе единство противоположных определений, наиболее существенную форму этой связи. Таково, на наш взгляд, понятие движения, как универсальной формы существования материи, взятого в его наиболее общем виде, как становления, изменения вообще. Понятие движения, становления заключает в себе противоположности, так как оно само есть единство возникновения и уничтожения, равновесия и отрицания его, старого и нового во всяком предмете. Оно — наиболее общее выражение всех связей и взимозависимостей в природе, так как именно благодаря движению различные материальные предметы соприкасаются друг с другом и переходят друг в друга.

Все дальнейшие категории логически являются опирающимися на понятие движения орудиями нашего познания различных его форм. Порядок категорий должен указывать нам путь познания действительности, раскрытия ее связей и законов. Логическая связь должна соответствовать реальному процессу познания, в свою очередь сокращенно и в чистом виде, освобожденном от случайностей, воспроизводящему исторический процесс углубления наших знаний о природе. Человек начинает с описания природы, чтобы затем перейти к ее об'яснению. Он начинает с того, что непосредственно воспринимает ее во всем ее многообразии, а затем уже ищет сущность за преходящей пеленой явлений, их закон. Опираясь на знание законов, затем он воспроизводит действительность, действительные формы движения в природе, начиная с наиболее простых и кончая различными формами самого мышления и человеческой деятельности. Такова же, как отражение этого реального познавательного процесса, направленного на реальный мир, должна быть и связь логических категорий. В основном она намечена Гегелем и нигде не подвергается сомнению со стороны

[1]) Развернутое, крайне важное определение диалектики Лениным см. также на стр. 275—277.

Ленина. Конечно, отсутствие возражений со стороны Ленина не есть еще прямое доказательство его согласия. На опубликованном конспекте нет следов вторичного изучения «Науки Логики». Естественно, что при первом чтении труднейшей книги в мировой литературе многое Ленин оставлял для того, чтобы вернуться к нему еще раз, многие важные места опускал, многое, требующее оговорок, не оговаривал, как это всегда бывает при конспектировании для себя, а не для печати. Но все же с основным замыслом «Науки Логики» он, несомненно, судя по всем его замечаниям, соглашался. Указанные нами выше пути построения диалектико-материалистической логики вытекают из самой ее природы. Но речь здесь идет именно об основных линиях постройки, а не о выполнении отдельных ее частей.

В отношении частей и отдельных категорий работа ныне должна быть сделана после Гегеля заново: с материалистической точки зрения, во-первых, на основе материала всей современной науки, во-вторых.

IV.

Всесторонность и всеоб'емлющий характер мировой связи естественно могут быть выражены лишь при помощи всех категорий диалектики, и ни одна из них не может претендовать на то, чтобы заменить все остальное. В особенности подчеркивает это Ленин, говоря о причинности (стр. 161. 163, 169). То же самое относится и к понятию закона (145—147). «Закон есть отражение существенного в движении универсума» (149), поэтому он не исчерпывает всего богатства явлений, а берет лишь одну его сторону, часть, но часть, определяющую движение данного явления, сохраняющуюся и обнаруживающуюся во всем историческом целом его развития. Поэтому закон и явление, так же как и все остальные понятия, с одной стороны, противоположны друг другу, а с другой — связаны одно с другим, переходят друг в друга. Ленин тщательно отмечает у Гегеля ту глубокую диалектику, связь, взаимные переходы понятий, которые составляют основное богатство «Науки Логики». Излагать в этом отношении все отдельные замечания и блестящие афоризмы Ленина нет никакой нужды. Они несомненно станут предметом тщательного изучения со стороны каждого марксиста. Ленин на протяжении всего конспекта постоянно показывает как же именно нужно в анализе отдельных конкретных понятий трактовать диалектику, — т.-е. «учение о том, как могут быть и как бывают (как становятся) тождественными противоположности, — при каких условиях они бывают тождественны, превращаясь друг в друга, — почему ум человека не должен брать эти противоположности за мертвые, застывшие, а за живые, условные, подвижные, превращающиеся одна в другую» (69).

Обращаем особое внимание читателя на трактовку Лениным соотношения идеального и реального (77), сущности и видимости (51, 105—109), на указание в гегелевской логике также и элементов исторического материализма (217).

Мы не можем себе поставить задачей в неизбежно ограниченной размерами рецензии исчерпать все содержание, все богатство конспекта.

Но совершенно несомненно, что отныне никто более не сможет изучать Гегеля и теорию диалектики, не руководясь конспектом Ленина в своей работе.

То новое, что внес Ленин в своем конспекте в теорию диалектики, есть прежде всего понимание значения закона единства противоположностей, как основного закона диалектики, и возвращение к Гегелю в учении о соотношении логики и теории познания.

Так же как в «Материализме и эмпириокритицизме» именно Ленину удалось наиболее всесторонне и глубоко изложить марксовский материализм в свете новейших достижений естествознания, так же и в конспекте им формулированы основные задачи, стоящие пред диалектическим материализмом в нашу эпоху. Именно борьба за диалектику и разработка ее есть то теоретическое звено, которое соответствует политическим задачам нынешнего этапа классовой борьбы.

Изучение и разработка диалектики Ленина должны пойти отныне по двум, неразрывно связанным друг с другом, направлениям. С одной стороны, необходима разработка теории конкретной логики, опираясь на весь опыт современной науки и классовой борьбы. С другой стороны, необходима разработка той конкретной методологии, анализа форм и лозунгов классовой борьбы, которая отличала политический гений Ленина.

Ленин, вождь нового исторического класса, представлял и совершенно новый тип вождя. Ему органически чужд был пафос прошлого, революционная фраза, столь характерные для героев буржуазных революций. Их заменили пафос будущего, язык революционного дела. Он был прост, как прост каждый член рабочего класса, лишенный суеверий и традиций умерших поколений, кошмаром тяготеющих над умами живых, говоря словами Маркса. Но он вместе с тем был мудр и глубок, как мудра и глубока современная наука и современная техника. Каждый вопрос он рассматривал с точки зрения коллективной классовой практики, под углом зрения увеличения возможности воздействия на окружающий мир и изменения его. Он не был философом, если под философом понимать человека, занятого пассивным созерцанием того, что вокруг него происходит. Но он был философом в единственно истинном значении этого слова — он сказал самому передовому классу своего времени, что он есть и чего он хочет.

«Конспект», вплоть до его стиля, характеризуется теми же особенностями, которые составляют отличительные признаки ленинского гения: он — внешне прост, прозрачен, глубок, обращен лицом к будущему освобожденного от всех фетишей и иллюзий, неуклонно покоряющего себе мир трудового человечества.

Ник. Карев

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 16 31 АВГУСТА № 16

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 9

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

Главлит № А—45277 Тираж 70.000 экз.
Типография газеты „Правда", Москва, Тверская, 48

За развертывание массовой пролетарской самокритики.

Мы вступаем во второй год выполнения «плана великих работ» — пятилетки. Все более уточняются гигантские, сложнейшие задачи социалистической перестройки всего народного хозяйства на базе высшей техники, все более отчетливо вырисовываются классовые сдвиги, связанные с социалистической реконструкцией народного хозяйства.

Уже предварительные итоги 1928—29 хозяйственного года показывают, что темп нашего социалистического строительства, темп индустриализации может быть значительно выше, чем мы предполагали. Действительность еще раз показала несостоятельность панических предсказаний правых оппортунистов о «непосильности» взятого темпа индустриализации. Еще более высокий темп индустриализации оказывается реально выполнимым и необходимым. Основные показатели, запроектированные Госпланом для предстоящего 1929—30, второго года пятилетки служат доказательством, что мы подходим к такому ускорению темпов социалистического строительства, о котором в свое время и мечтать не могли: рост валовой продукции планируемой промышленности на 32—35%, рост валовой продукции тяжелой индустрии на 42—45%, рост производительности труда на 23 — 25%, 3½-миллиардное капитальное строительство в промышленности, расширение площади обобществленного посева до 15—18 миллионов гектаров—таков размах строительных задач, приходящихся на второй год пятилетки.

Практика нашего строительства превышает самые оптимистические плановые предположения. И это превышение плановых предположений отнюдь не случайно. В недрах нашего строя, нашей системы хозяйства таятся такие резервы, такие возможности ускорения темпа социалистического строительства, которые трудно полностью учесть заранее. Высокий темп развития нашей индустрии, успехи коллективизации сельского хозяйства в значительной степени обусловливаются растущей активностью масс, вовлечением все более широких пролетарских и полупролетарских масс в дело социалистического строительства.

Такие факты, как успешное проведение дня индустриализации, мысль о котором возникла по инициативе передовых рабочих, как

досрочная подписка на третий заем индустриализации, коллективная сдача на хранение облигаций прошлого займа, рост рабочего изобретательства, могучая волна социалистического соревнования, требования перехода на непрерывную производственную неделю — все эти факты показывают, что мы вплотную подошли к созданию и развитию «новых общественных связей» (Ленин), что с каждым днем все более широкие массы рабочего класса приобщаются к сознательному, активному участию в строительстве социализма.

Не следует думать, что эти процессы создания новых общественных связей, новой, более высокой организации труда будут проходить гладко, спокойно, без упорной борьбы с остатками старого, с наследием капиталистического прошлого.

На ряду с высокой сознательностью, с трудовым героизмом, с подлинно социалистическим отношением основных кадров рабочего класса к труду и производству, — со стороны наиболее отсталой части рабочих, со стороны чуждых рабочему классу элементов, случайно попавших на производство, наблюдаются попытки дезорганизации, срыва производства. Мы имеем даже отдельные случаи травли передовых производственников; эти случаи нельзя рассматривать иначе, как вылазки классово-враждебных элементов против социалистического строительства.

Грандиозность стоящих перед нами строительных задач, все более возрастающая в условиях реконструктивного периода роль планового начала требуют величайшей сознательности каждого бойца армии пролетариата. Исключительно важной задачей становится дальнейшее вовлечение масс в сознательное, деловое и непосредственное участие в социалистическом строительстве, в выполнении заданий пятилетки.

В связи с этим совершенно по-новому ставится задача руководства массами, требуется коренная перестройка рядов и методов работы всех органов пролетарской диктатуры и всех организаций рабочего класса по линии дальнейшей мобилизации активности пролетарских и полупролетарских масс.

Основным рычагом этой перестройки методов работы, основой мобилизации активности рабочего класса и усиления пролетарского руководства крестьянством является дальнейшее развертывание массовой пролетарской самокритики.

Самокритика мобилизует широчайшие массы рабочих на борьбу с бюрократизмом, с недостатками в работе государственного аппарата и общественных организаций, на борьбу против влияния чуждых классовых сил, за усиление пролетарского руководства. Самокритика является лучшим способом повышения активности и сознательности масс, она воспитывает сознание ответственности за дело социалистического строительства у каждого партийца, у каждого рабочего.

Социалистическое соревнование является новым могучим методом организации масс, методом перестройки рядов пролетариата, методом всестороннего распространения лучших образцов

творческой работы во всех областях социалистического строительства. Воспитывая коммунистическое отношение к труду, как к работе на себя, социалистическое соревнование в то же время знаменует высокий уровень классового сознания рабочего класса. Социалистическое соревнование нужно рассматривать, как «выражение деловой революционной самокритики масс, опирающейся на творческую инициативу миллионов трудящихся» (Сталин).

Чтобы преодолеть трудности, чтобы добиться еще более высокого темпа социалистической реконструкции всего народного хозяйства, партия перестраивает свои ряды, улучшает методы руководства массами, мобилизует активность масс.

Трудности социалистического строительства, обострение классовой борьбы, влияние мелкобуржуазной стихии на известные слои рабочего класса порождают неизбежные колебания в менее устойчивых прослойках рабочего класса и партии. Отсюда возникают оппортунистические шатания, возникает правый уклон, который является главной опасностью на данном этапе, оппортунистические искажения классовой партийной линии в практической работе. Развертывая самокритику, партия разоблачает право-оппортунистические колебания и шатания, активно борется с извращениями классовой линии.

Развертывание и поднятие самокритики на более высокую ступень диктуется всей обстановкой реконструктивного периода, приобретает на данном этапе исключительно важное значение. Только путем развертывания самокритики партия сможет не допускать отставания партийного руководства от роста активности масс, партия сможет всесторонне руководить рабочим классом, обеспечить необходимые нам высокие темпы социалистического строительства, обеспечить проведение четкой пролетарской линии, сможет преодолеть оппортунистические колебания, порождаемые трудностями и обострением классовой борьбы. Самокритика — важнейшее оружие партии в борьбе против бюрократа, вредителя, против оппортунистических искажений классовой линии.

Мы знаем, что обострение классовой борьбы проявляется в самых разнообразных формах. Классовый враг использует и такие методы борьбы, как разложение отдельных звеньев нашего советского аппарата, создание своей агентуры в аппарате пролетарского государства. Ряд фактов показывает, что морально-бытовое разложение, буржуазно-мещанское перерождение целых групп партийцев, советских работников тесно переплетаются с предательством классовой политической линии.

Повышение классовой бдительности пролетариата, усиление партийного руководства советским аппаратом, еще большее сплочение партийных рядов, очищение от всех разложившихся перерожденцев, укрепление боеспособности партии диктуются всей обстановкой реконструктивного периода. Именно в этих целях партия проводит такие важнейшие мероприятия, как генеральная чистка рядов партии, как очищение советского аппарата от классово-враждебных, бюрократических элементов.

Партия беспощадно вскрывает явления разложения, загнивания, отрыва от массы, бюрократические наросты, искажения классовой линии в партийных, профсоюзных, советских органах. Партия мобилизует классовую бдительность пролетариата путем открытого разоблачения самых разнообразных фактов разложения и оппортунистических шатаний.

Партия и рабочий класс извлекут все необходимые уроки из таких совершенно исключительных по своим размерам, по глубине явлений перерождения и предательства классовой линии, смычки с частниками, как астраханские дела. Бакинские события, где разложение и оппортунистические шатания охватили гораздо менее значительные круги работников, также являются наглядным уроком для всех партийных организаций, показывают, к чему может привести отставание партийного руководства от роста активности масс, к чему приводит зажим самокритики. Внимание всей партии, всего рабочего класса через печать привлекается к различным проявлениям правого уклона, правых ошибок в практической работе, которые вскрыты за последнее время в ряде наших советских ячеек (ячейка Госбанка, Наркомфина, Тульского губфинотдела, Нижневолжского крайземуправления и т. д.) и в деревенских организациях партии. Недостаточная классовая чуткость, недостаточное развертывание самокритики приводит к тому, что элементы разложения захватывают даже отдельные рабочие ячейки (ГАЗ № 1), что эти явления долгое время остаются нераскрытыми.

При всем разнообразии болезненных явлений, которые выявились в ряде организаций, общей предпосылкой, общей чертой этих явлений служит недостаточное развертывание самокритики.

Важнейший вывод, важнейший урок, который вытекает из целого ряда болезненных явлений, вскрытых партией за последние месяцы, это — необходимость шире развернуть освежающую волну массовой пролетарской самокритики снизу. Необходимо об'явить решительную войну обывательской пассивности, безразличию, дать жестокий отпор всякому примиренчеству к явлениям разложения и загнивания, неизбежно переплетающимся с предательством классовой линии, с проявлениями правого оппортунизма в практической работе.

Проверить, как проводятся в жизнь те мероприятия, которые указаны в обращении ЦК о самокритике, является партийным долгом каждой организации, каждого партийца.

Самокритика, массовый пролетарский контроль снизу за проведением в жизнь партийных директив, поможет нам не только вскрывать гнойники, бюрократические наросты, но и предупреждать их образование, поможет быстро вскрывать недочеты.

Степень годности партийного руководства будет проверяться тем, насколько оно умеет смело и сознательно проводить на практике лозунг самокритики. Только то партийное руководство не будет отставать от роста активности масс, окажется на высоте неизмеримо усложнившихся задач, которое будет расти на борьбе с недостатками, на преодолении косности, на вовлечении масс в активное социалистическое строительство, на смелом выдвижении новых кадров к руководству.

Ленин не раз предупреждал партию от опасности «зазнаться», от упоения успехами, от самодовольства. В условиях реконструктивного периода нам необходимо почаще вспоминать эти предупреждения Ленина.

Мы знаем, что даже в такой крупнейшей пролетарской организации, как Бакинская, самодовольство, самоуверенность, политическая близорукость мешали партийным руководителям критически отнестись к недостаткам собственной организации. Основой политического банкротства руководителей Бакинской организации явилось отставание партийного руководства от роста активности рабочих в самой организации. Притупление классового чутья, зажим самокритики, боязнь «обидеть», дискредитировать «своих людей», забота о ложно понятном «авторитете» организации приводили к покрыванию, замазыванию случаев искажения пролетарской политики, фактов морального разложения и буржуазно-мещанского перерождения среди руководящих работников.

Последние события в жизни партии, предварительные данные чистки партийного актива показали также со всей очевидностью необходимость самого пристального внимания к проблеме партийных кадров, к проблеме выдвижения новых кадров из рабочего класса на руководящую работу, которые сохраняли бы прочные связи с рабочей массой.

До сих пор в некоторых организациях выдвижение происходит случайным путем, выдвигаются иногда не лучшие, наиболее стойкие, авторитетные рабочие, а люди с карьеристическими тенденциями, внушающие недоверие рабочей массе. Следует отметить, что в ячейке ГАЗ № 1 ряд «активистов», участников разложения, в свое время при выдвижении отводились самими рабочими; но на эти отводы (вполне обоснованные) не было обращено должного внимания. Чистка партии вскрыла отдельные, совершенно исключительные факты, когда в составе руководящих партийных органов оказывались люди, бывшие в прошлом активными белогвардейцами, выдвинутые с предприятий от имени рабочей массы. На этих же предприятиях имелся целый ряд старых пролетариев, прекрасных, проверенных революционеров, которых не замечали руководители партийных организаций. Необходимо решительно привлечь рабочую массу к предварительному обсуждению всех выдвигаемых на руководящую работу кандидатур, самым чутким образом относиться к мнению рабочих, отказаться от бюрократических методов выдвижения. Иначе самая идея выдвижения будет дискредитирована.

Чистка партии до последнего времени еще не везде вылилась в смотр повседневной работы партийных ячеек. Мы имеем факты, когда искажения классовой и партийной линии вскрывались уже

после проверки, когда приходилось назначать вторичную проверку отдельных ячеек, отдельных партийцев (Тульский губфинотдел, ячейка Госбанка).

Больше товарищеской самокритики, беспощадная борьба с элементами семейственности, артельности, «круговой поруки», с обывательским молчалинством — на этом должно быть сосредоточено внимание проверочных комиссий во время чистки, внимание всех партийцев.

Борясь за дальнейшее развертывание внутрипартийной демократии и пролетарской самокритики в своих рядах, «не взирая на лица», партия вместе с тем решительно отметает такую «свободу» критики, которой добиваются правые оппортунистические элементы для защиты своей антиленинской политической линии.

Пролетарская самокритика преследует цели беспощадной борьбы против проявлений правого уклона в повседневной, практической работе партийных, профессиональных, советских, хозяйственных, кооперативных и других организаций. Опираясь на растущую активность рабочего класса, поднимая инициативу рабочих масс, партия сумеет разоблачить скрытые формы правого уклона тех носителей правого уклона на практике, которые под прикрытием официального согласия с решениями партии извращают на деле ее классовую линию.

Партия призывает к порядку и тех «левых» фразеров, которые сбиваются на пропаганду терпимости к уклонам, которые развивают обывательские теории «права на сомнение и колебание». Такую «критику», которая направлена против генеральной линии партии, в защиту уклонов партия будет отвергать со всей решительностью.

За последние месяцы партия беспощадно вскрыла целый ряд болезненных явлений, язв и гнойников. Только обыватели и неисправимые оппортунисты могут впадать по этому поводу в панику, говорить о «дискредитации» партии, о потере «престижа» и т. д. Вскрывая недочеты работы своих организаций, перестраивая свои ряды, перестраивая методы работы в соответствии с гигантскими задачами реконструктивного периода, железной метлой изгоняя из своих рядов всех разложившихся и перерожденцев, преодолевая правый уклон в теории и на практике, партия уверенно и твердо ведет рабочий класс по пути социалистического строительства.

Дальнейшее смелое, решительное развертывание массовой пролетарской самокритики, массового пролетарского контроля снизу, проверка проведения в жизнь обращения ЦК о самокритике становится важнейшей очередной задачей партийных организаций, без разрешения которой невыполнимы напряженные темпы строительства, непреодолимы трудности социалистического строительства, не обеспечивается проведение линии партии. Партия пойдет по тому пути развертывания самокритики и уничтожения всех препятствий мобилизации масс, как это она сделала на примерах Астрахани, Баку, ячейки Госбанка, ГАЗ № 1.

Дм. Бухарцев.

Теоретические оруженосцы оппортунизма.

«Люди тщатся придумать нечто совсем особенное и в своем усердии мудрствования становятся смешными» (Ленин, «Детская болезнь «левизны»).

Всегда у Дон-Кихотов любых наций и эпох находились добровольные Санчо-Панчо — оруженосцы, услужливо подсаживавшие своих рыцарей на Россинант и снабжавшие их копьями для борьбы.

Политические Дон-Кихоты тоже всегда находят своих идейных Санчо-Панчо, выступающих в роли теоретических оруженосцев, вооружающих своих идейных покровителей.

Теоретизирующие Санчо-Панчо обычно не решаются открыто вступать в политические бои, ведущиеся их идейными друзьями.

Под видом абстрактных теоретических уморазмышлений, «невинного» пересказа мыслей буржуазных авторов академических изысканий и «окавыченных» гипотез, они эзоповским языком стремятся обосновать оппортунистическую практику своих друзей.

Брандлеры и Тальгеймеры изгнаны из Коминтерна. Но их идейные друзья: итальянский коммунист Сэрра, германский — Людвиг и иже с ними как в нашем социалистическом отечестве, так и вне его остаются теоретическими оруженосцами правых внутри компартии.

В настоящей статье мы намерены остановиться на оценке «оруженосцами» важнейших проблем современного капитализма в частности «третьего периода». Материалом для этого служат. стенограммы и тезисы доклада Людвига в институте мирового хозяйства при Комакадемии о «преблемах послевоенной экономики империализма», декларация Сэрра в ЦК итальянской компартии и статьи т. Бухарина, посвященные современным буржуазным теориям и так называемой «организованной» бесхозяйственности.

Несмотря на разницу номенклатур тем, трактуемых отдельными авторами, последних все же об'единяет изумительная гармония идей, настроений, оценок и методологии. В этой гармонии есть своя закономерность, присущая ревизионистам всех стран, ибо «ревизионизм есть интернациональное явление» (Ленин).

Всеобщий кризис или консолидация капитализма?

Доклад Людвига о «проблемах послевоенной экономики империализма», прочтенный в начале текущего года, был в то время полезен уже тем, что дал возможность русским товарищам узреть и услышать более или менее развернутую право-оппортунистическую оценку современного капитализма вообще и в частности так называемого «третьего периода».

Задачей доклада Людвига, как это явствовало из его тезисов, было — показать историческое место послевоенного империализма.

Совершенно очевидно, для каждого воинствующего большевика, что эта тема носит в наше время не столько абстрактно-академический характер, сколько актуально-политический. Но Людвиг ухитрился втиснуть ее в узко-академические рамки абстрактно-формальных рассуждений, предупреждая при этом в своем выступлении о «дипломатичном» (?!) и «нейтральном» (?!) характере темы.

Основная проблема, — отметил Людвиг в своих тезисах, — состоит в следующем:

«Обнаруживает ли вообще послевоенный империализм по сравнению с общими признаками империалистической эпохи в качестве «исторически новой формы капитализма» (программа) особые признаки, дающие достаточные основания для того, чтобы рассматривать его, как отдельный этап общего империалистического развития»? (Пункт 1 тезисов).

Людвиг дал на этот вопрос положительный ответ и приступил к анализу своеобразия послевоенного империализма. Но тут, на первых же порах в вопросе методологии анализа этого своеобразия происходит первое оппортунистическое грехопадение Людвига, определяющее его дальнейший строй идей.

Основным положением, из которого исходит Людвиг, является то, что «война явилась одной из основных причин того, что общие признаки империализма, которые до войны сплошь и рядом существовали лишь в виде тенденций, получили полное развитие» (п. 3).

Эта характеристика послевоенного империализма, как периода развившегося монопольного капитализма, проходила красной нитью через весь доклад и тезисы Людвига. А отсюда и логический вывод в области методологии изучения послевоенного капитализма, сводящегося к тому, что:

«Задача состоит именно в том, чтобы выявить особо существенные черты послевоенного империализма на основе его наиболее пока достопримечательных фаз—«относительной стабилизации» и «третьего периода». Именно потому, что в этих фазах непосредственные послевоенные кризисы преодолеваются, пошатнувшиеся экономические, политические и социальные устои империалистических государств укрепляются, потому что кажется будто довоенные условия вновь достигнуты и развитие идет все дальше, — эти фазы являются подходящим об'ектом исследования особых условий существования всего периода послевоенного империализма, его основ и пределов» (п. 5, разрядка наша. *Дм. Б.).*

Мы покуда оставляем без внимания достопримечательные оценки Людвигом «достопримечательных фаз» третьего периода и стабилизации; к этому вопросу мы еще вернемся ниже. Здесь же нас интересует общая методология вопроса, намеченная Людвигом.

Людвиг изучает эпоху послевоенного империализма. Он соглашается признать за этой эпохой характер специфической фазы в историческом развитии империализма. Но где ищет и откуда черпает Людвиг показателей этой фазы? Он их берет в одном из этапов развития послевоенного империализма—в так называемом «третьем периоде», превращаемом Людвигом, вопреки всем фактам и оценкам Коминтерна, в эпоху консолидации капитализма.

Тов. Людвиг не видит основного для послевоенного империализма — всеобщего кризиса, переживаемого капитализмом после войны. О нем тов. Людвиг и не заикается ни в тезисах, ни в докладе.

Отвергая наличие всеобщего кризиса капитализма, Людвиг логически становится на точку зрения буржуазных экономистов, считавших кризисные явления 1919, 1920 и следующих годов не проявлением кризиса капитализма, а обычными капиталистическими кризисами, лишь обостренными войной.

Людвиг так и пишет в 4 пункте своих тезисов:

«С другой стороны, было бы также ошибочно преувеличивать влияние войны, продолжающее сказываться на особых формах развития империализма в послевоенное время, и возводить некоторые, вызванные непосредственными последствиями войны, экономические явления в решающие, характерные признаки всего периода послевоенного империализма. Таковы, например, кризис валюты, упадок продукции, общее обнищание Европы в годы послевоенных кризисов».

Таким образом, органическим для послевоенного капитализма, по мнению Людвига, является консолидация, именуемая «третьим периодом»; все же кризисные показатели — случайные, временные явления, непосредственные результаты войны. Прилагательные: «относительная», «временная» и т. д.—уже относятся, таким образом, не к стабилизации, а к кризисным явлениям.

Совершенно очевидно, что такая постановка вопроса ничего общего с коммунистической не имеет. Основное наше отличие от социал-демократов в оценке послевоенного империализма заключалось в том, что мы расценивали послевоенный кризис, как органический кризис всей послевоенной системы, как всеобщий кризис капитализма, а социал-демократы говорили о временном, «нормальном» капиталистическом кризисе.

Людвиг в своей оценке послевоенного империализма, как и в ряде других вопросов, фактически солидаризируется с социал-демократией. Как и меньшевики, Людвиг упорно замалчивает вопрос о всеобщем кризисе капитализма, первопричины которого заложены в загнивании капитализма, а непосредственным толчком к конкретному развертыванию которого явилась война 1914 года. Вместо этого Людвиг строит теории о благодетельном значении войны, которая развивает (enfalltet) силы империализма. Людвиг пытается, довольно неудачно, перепеть своего senior'а Тальгеймера, который в книге «Теоретический кризис социал-демократии» утверждал, что «война, подобно нормальному кризису, воздействует на экономику, вызывает технический прогресс, концентрацию и расширение производственного аппарата».

Но сам же Тальгеймер в полемике с австро-марксистом Лейхтером писал:

«Но можно ли говорить о накоплении капитала во время войны и посредством войны в рамках всего капиталистического хозяйства, взятого в целом, в рамках всей капиталистической системы? Об этом не может быть и речи. Колоссальное уничтожение ценностей, вызываемое войной, не компенсируется никакими внутренними перемещениями капиталистической системы, никакими изменениями роли отдельных государств и роли отдельных групп внутри тех или других классов каждого государства. Утверждение Лейхтера насчет созданного войной накопления мирового капитала есть лживая видимость, порожденная: 1) вульгарно-экономическим отождествлением мирового капиталиста с частным капиталистом и 2) перемещениями внутри мировой капиталистической системы». (Ст. 90).

Вульгарно-экономическая сущность Людвига характеризуется тем, что он не видит того, что ряд процессов, разворачивающихся **во время** войны, превращается в свою диалектическую противоположность **вскоре после войны**, становясь элементом и причиной невиданного кризиса капиталистической системы.

Еще Энгельс в письме к Зорге писал: «В том случае, если война кончится без внутренних потрясений, то наступит такое истощение, какое Европа уже 200 лет не переживала. Победительницей явилась бы по всей линии американская промышленность и поставила бы всех нас перед выбором: либо вернуться назад к сельскому хозяйству и производить только для собственного потребления (так как всякое другое применение агрикультуры исключается американской конкуренцией на хлебном рынке), либо — социальный переворот».

Многое из этого гениального предвидения Энгельса—особенно в части перенесения центра тяжести мирового хозяйства из Европы в Америку — оправдалось. В остальном же важно, как оценивал Энгельс результаты грядущей европейской войны. В этом письме, как и в ряде других писем и статей, Энгельс подчеркивал, что неизбежным результатом войны явится **всеобщий кризис** капитализма. И вполне естественно, что каждый марксист, приступающий к анализу послевоенного хозяйства, должен исходить из факта всеобщего кризиса капитализма, лишь модифицирующегося в отдельных послевоенных фазах развития этого кризиса.

Людвиг вместо анализа послевоенного кризиса презрительно отмахивается от таких ничего незначащих «мелочей», как кризис валюты, обнищание Европы и т. п. В своем упоении позитивными, с точки зрения капитализма, моментами «третьего периода» он не видит основных процессов, потрясающих «относительную стабилизацию». Людвиг не понимает, что «относительная» стабилизация не является характерной фазой, определяющей весь послевоенный империализм.

Совершенно нелепо и неверно на основании некоторых показателей, характеризующих рост производительных сил капитализма в «третьем периоде», игнорировать все предыдущие показатели всеобщего капиталистического кризиса.

Большинство этих старых показателей, к которым так презрительно относится Людвиг, в той или иной скрытой потенциальной и даже открытой форме продолжают действовать и сейчас, модифицируя лишь свое конкретное проявление.

Разве проблема обнищания масс снята с порядка дня? Разве залечены уже раны, нанесенные как самой войной, так и послевоенной инфляцией? Разве капиталистическая рационализация и связанная с ней органическая безработица не означают прогрессирующего обнищания масс, распространяясь на все большее количество стран, притом — не только одной Европы?

Или возьмем другой процесс, столь характерный для первых послевоенных годов: **расхождение уровня учетного процента в отдельных странах, характеризующее анархию на денежном рынке**. Разве мы, после известного периода сближения учетных «ножниц» в наши дни, не видим снова расхождения их? Разве сейчас не происходит ожесточенная борьба доллара с фунтом? И, наконец, не является ли характерным для послевоенного кризиса капитализма та вялая, но в то же время лихорадочно сменяющаяся, кон'юнктура, которую еще предсказывал Энгельс в своем «Английском десятичасовом билле»?

«На современной высоте своего развития промышленность несравненно быстрее расширяет свои производительные силы, чем она может расширить свои рынки... Английские промышленники, средства производства которых расширяются несравненно быстрее, чем рынок, идут быстрыми шагами к тому моменту, когда их средства помощи будут исчерпаны, когда периоды процветания, разделяющие один кризис от другого, совершенно исчезнут под давлением производительных сил, достигших чрезмерного развития, когда кризисы будут отделены друг от друга короткими периодами вялой, едва оживляющейся промышленной деятельности, когда промышленность, торговля и все современное общество подвергалось бы опасности погибнуть от избытка неиспользованной жизненной силы, с одной стороны, и от полного истощения— с другой, если бы это самое ненормальное положение не заключало в себе средств исцеления, если бы промышленное развитие не создало класса, к которому, естественно, должно перейти руководство обществом — пролетариата, — социальный переворот тогда неизбежен и победа пролетариата несомненна».

На все это Людвиг сознательно закрывает глаза. Он «абстрагируется» от загниваня капитализма, от всеобщего кризиса, предавшись целиком консолидационным восторгам «третьего периода».

Правда, Людвиг кое-где в тезисах указывает на то, что его задача сводится к тому, чтобы показать, что даже консолидированный в «третьем периоде» послевоенный империализм, «находится в состоянии упадка». Но ведь это совершенно бесполезное занятие, ибо, поскольку Людвиг не отрекается еще открыто от ленинской теории империализма, для него должно быть азбукой, что весь империалистический этап капитализма означает, капитализм упадочный, загнивающий, умирающий. И сейчас — **в период всеобщего кризиса капитализма** — глубокомысленные изыскания Людвига на тему: «находится ли империализм в третий период в состоянии упадка» — по своей «социальной полезности» немногим отличаются от борьбы Дон-Кихота с ветряными мельницами.

Третий период.

Вокруг оценки реального содержания термина «третий период» в последнее время, как известно, развернулись большие бои. Установленный на VI конгрессе Коминтерна термин «третий период», правые оппортунисты и примиренцы попытались использовать на предмет оправдания своей меньшевистской оценки современного капитализма и судеб стабилизации. Правые и примиренцы видят лишь одну сторону «третьего периода»: некоторый рост производительных сил капитализма, технические достижения и т. д., но сознательно закрывают глаза на то, что «третий период» «неизбежно ведет через дальнейшее развитие противоречий капиталистической стабилизации **к дальнейшему** расшатыванию капиталистической стабилизации и к резкому обострению общего кризиса капитализма» (Из резолюции VI конгресса Коминтерна). Правые и примиренцы сознательно закрывают глаза на негативные стороны «третьего периода», первопричины которых коренятся в загнивании капитализма, в послевоенном всеобщем кризисе капитализма.

Правые и примиренцы не хотят понять всей остроты и своеобразия капиталистических противоречий именно в «третий период», вызывающих последствия в виде непосредственной опасности второго тура империалистических войн, перерастания экономических боев пролетариата в политические и т. д.

Казалось бы, что **коммунист**, трактующий о «третьем периоде» и к тому же претворяющий этот «третий период» в субстанцию всего послевоенного кризиса, должен был со всей внимательностью и всесторонностью проанализировать **все** элементы третьего периода. Однако, такой анализ отсутствовал у Людвига.

Как определяет Людвиг «третий период»? С аккуратностью немецкого профессора, он приводит ряд показателей и дефиниций «третьего периода».

Но среди них вы не найдете ни одного указания на расшатывание стабилизационных моментов «третьего периода».

«Этап развитого послевоенного империализма, — заявил Людвиг, — является, с одной стороны: а) периодом восстановления («относительная стабилизация»); б) периодом прогрессирующего увеличения производительных способностей до размеров, превышающих довоенный уровень (третий период) в одной части империалистических держав (образец — Германия). С другой стороны — этот этап является периодом все большего расширения империализма, получившего мощный толчок благодаря войне—в другой части империалистических держав (образец — САСШ)».

Таким образом, послевоенный империализм, получивший свое наглядное отражение в «третьем периоде», является не только периодом восстановления довоенного капиталистического величия, но даже прогрессирующего развития капитализма. Это все, что видит Людвиг в «третьем периоде». С одной стороны, растет Германия, с другой стороны, растут Соединенные Штаты Северной Америки, словом, всеобщее благоденствие.

Но где же упадок капитализма, — спросит читатель, — показать который обещает Людвиг? Но «у дядюшки Якова—товару всякого». В идейном багаже Людвига имеется на всякий случай и упадок; но упадок этот какой-то своеобразный, весьма подозрительной природы.

Людвиг указывает, что в силу сужения рынков сбыта, в силу монополии, в силу торговой таможенной политики, в силу индустриализации ранее некапиталистических областей, в силу экономического усиления Советского Союза монопольный капитал вынужден прибегать к основному оружию во всякой капиталистической конкуренционной борьбе — к развитию производительных сил. Но эта борьба осуществляется не в форме свободной конкуренции, а в форме «монополии».

Вот единственное упоминание Людвига о противоречиях современного капитализма. Но эти противоречия ведут к... развитию производительных сил. Какой же это упадок и расшатывание стабилизации, которые помогают капитализму развивать производительные силы и по существу стимулируют его рост и, как видно из других мест доклада Людвига, восстанавливают мировой рынок?

Если бы мы могли с такой легкой совестью, как это делает Людвиг, признать, что современное положение капитализма стимулирует рост производительных сил, то этим самым мы должны были бы согласиться с тем, что капитализм еще имеет необ'ятные возможности для дальнейшего существования как система и что разговоры о загнивании капитализма и всеобщем кризисе являются пустой болтовней!

Если основная проблема современного капитализма—проблема рынка—означает рост производительных сил, то глубоко неправильно было бы для Коминтерна выдвигать эту проблему на передний план, как характерный показатель всеобщего кризиса капитализма. Но каждому логически мыслящему человеку совершенно очевидно, что в своих апологетических потугах оценки «третьего периода», как консолидации капитализма, Людвиг запутался в трех соснах и все его попытки выбраться еще глубже и глубже толкают его в оппортунистическое болото.

Основным, что воодушевляет Людвига на столь патетические оценки послевоенного капитализма, является рост монопольных об'единений. Он приходит в своем докладе к выводу, что послевоенное развитие монополии отличается от довоенного не только количественно, в смысле увеличения количеств и роли монополистических об'единений, но и качественно, перерастая в «организованный капитализм». Послевоенный монополистический капитализм, по мнению Людвига, — законченный, в то время как до войны были лишь тенденции монополистического капитализма.

«Послевоенный империализм — провозглашает Людвиг в своих тезисах, — это эра развития монопольного капитализма. Последняя становится все более и более господствующей формой процесса производства и распределения всего общественного капитала («Организованный капитализм»)».

Это восторженное отношение к номополистическому капитализму в его послевоенной стадии не является лишь случайным фактом из биографии Людвига. Это характерно для целой системы миросозерцания.

Певцы „организованного капитализма".

Вся теоретическая концепция Людвига логически подводит его, равно как и его вольных или невольных идейных друзей, к явно неверной интерпретации основных проблем монополистического капитализма. В первую очередь это относится к кругу вопросов, связанных с достаточно распространенным в социал-демократической литературе термином «организованного капитализма».

Преувеличение «организующих» и «плановых» моментов в монополистическом капитализме, некритическое отношение к термину «организованного капитализма», в лучшем случае его открытая апологетика, в худшем характеризует оппортунистическое восприятие основных проблем современного капитализма и в частности «третьего периода» некоторыми коммунистическими «теоретиками».

Людвиг в своем докладе в Комакадемии так и заявил: «Никаких сомнений: монополистический капитализм не позволяет производительным силам капитала развиваться так анархически, как это имело место во время свободной конкуренции. Он организован. Он стремится сделать созвучным рынок и производство и избежать заминок сбыта и колебания цен».

И, повидимому, для того, чтобы не оставалось сомнений, о чем идет речь, Людвиг в соответствующем пункте тезисов доклада достаточно откровенно повествует о том, что речь идет об «организованном капитализме».

«Порожденная растущими трудностями в деле удовлетворения потребностей капитала в прибыли монополия обозначает последнюю великую попытку капитализма преодолеть это противоречие путем «организованного капитализма».

Таким образом, Людвиг идентифицирует монополию с «организованным капитализмом», скромно забывая о том, что монополия отнюдь не уничтожает капиталистических противоречий. Этим самым Людвиг делает первый шаг по дорожке оппортунизма вслед за Гильфердингом, который в своей характеристике «организованного капитализма» указывает все же на его антагонистический характер. В своей статье «Проблемы нашего времени» («Гезельшафт», 1924, № 1) Гильфердинг писал:

«Разделенные прежде формы промышленного, торгового и банкового капитала стремятся к об'единению в форме финансового капитала. Это означает переход от капитализма свободной конкуренции к капитализму организованному. Обобществление рабочего процесса в крупном производстве развилось в обобществление рабочего процесса целых отраслей промышленности. Благодаря этому растут вместе с тем сознательный порядок и руководство в хозяйстве, они стремятся преодолеть на капиталистической основе анархию, имманентную капитализму свободной конкуренции. Если бы эта тенденция могла беспрепятственно проложить себе дорогу, мы имели бы в результате хотя и организованное хозяйство, но организованное иерархически, в антагонистической форме».

Каждому даже мало искушенному в современных метаморфозах оппортунистов от коммунизма читателю бросится в глаза это поистине удивительное совпадение стиля и мыслей социал-фашиста Гильфердинга и члена коммунистической фракции германского парламента Людвига. И дело не только в совпадении выводов, но и во всей методологии анализа элементов, образующих пресловутый «организованный капитализм». Такими элементами, в первую очередь, являются процессы концентрации капитала и рост монополистических об'единений в современном капиталистическом хозяйстве. Но этого мало, монополистические об'единения существовали ведь и до войны, даже на заре империализма, однако тогда еще не поднимался вопрос об «организованном капитализме». Одним из элементов, явившихся толчком для прокламирования Гильфердингом новой эры экономических и социальных отношений внутри отдельных капиталистических национальных хозяйств является рост тенденций госкапитализма. Усиление государственно-капиталистических тенденций позволяет Гильфердингу не только более решительно ставить вопрос об «организованном капитализме», но и возводить на его базе теоретическую надстройку о перерастании «организованного капитализма в социализм».

Эта оппортунистическая оценка современного развития капитализма явилась исходным пунктом для большинства теоретических установок и практической тактики современного социал-фашизма. И не случайно поэтому Коминтерн не мало энергии посвятил разоблачению подлинного содержания термина «организованного капитализма». Теперь же отходящие от генеральной линии Коминтерна правые оппортунисты не только кокетничают с термином «организованный капитализм», но и в своем анализе современного капитализма придерживаются, по существу, Гильфердинговской методологии.

Основной погрешностью теоретических оруженосцев правого оппортунизма в оценке современного капитализма является преувеличение тенденций госкапитализма, несомненно, имеющихся сейчас в ряде стран.

Загипнотизированные отдельными фактами регулирования государством частных предприятий или даже целых отраслей хозяйства, они смешивают в кучу самые разнообразные явления или формально одинаковые, но проистекающие от совершенно различных причин процессы. Совершенно очевидно, что нельзя смешивать воедино госкапиталистические тенденции в Германии, формально сходные процессы в Японии и стремление фашистского корпоративного государства подчинить себе отдельные отрасли хозяйства.

Наши «энтузиасты» госкапитализма и не пытаются даже индивидуализировать отдельные виды регулирования государством промышленности, происходящего в одних случаях в силу обостренного кризисного положения, в других, как временное мероприятие—результат тех или иных политических комбинаций и т. д. Между тем еще Энгельс в «Анти-Дюринге» указывал, что «многие из производительных учреждений и средств сообщений сами по себе уже так грандиозны, как, например, железные дороги, что исключают всякую другую форму капиталистической эксплоатации, кроме акционерной, но на известной ступени развития и эта форма становится более не по силам капиталистам, и официальный представитель капиталистического общества—государство вынуждено брать на себя управление производством». К этому следует сноска Энгельса следующего содержания:

«Я говорю: вынуждено, ибо только в том случае, если средства производства или сообщения фактически переросли форму акционерных обществ, так что переход их в руки государства стал экономически неизбежен, только в этом случае подобный переход даже в руки современного государства означает экономический прогресс, под'ем на новую ступень, подготовляющую переход всех производительных сил в ведение общества. Между тем, в последнее время, с тех пор, как Бисмарк бросился на путь «огосударствления», появился известного рода лжесоциализм, там и сям вырождающийся даже в своего рода холопство, который об'являет, без дальнейших рассуждений, социалистическим всякий переход коммерческих предприятий в руки государства, даже переход à la Бисмарк. Таким образом, если бы государственная монополия выделки табака была делом социалистическим, то Наполеона и Меттерниха можно было бы причислить к основателям социализма. Если бельгийское государство по совершенно обыденным финансовым и политическим соображениям взяло на себя постройку главных железных дорог и если Бисмарк без всякой экономической необходимости перевел в руки государства главные ж. д. ветви Пруссии с единственной целью лучше приспособить их на случай войны, превратить железнодорожный служебный персонал в стадо, голосующее в пользу правительства, а главное, чтобы создать себе новый источник дохода, не зависящий от парламентских постановлений, то все это ни в каком смысле, ни сознательно, ни бессознательно, ни прямо, ни косвенно не представляет шага по пути к социализму. Иначе пришлось бы счесть за социалистическое учреждение королевский торговый флот, королевскую фарфоровую фабрику и даже ротные швальни в армии». («Анти-Дюринг», стр. 193).

В отличие от современных оппортунистических эпигонов марксизма Энгельс сумел диалектически подойти к анализу процесса огосударствления. Энгельс здесь выдвигает критерий экономической прогрессивности того или иного факта огосударствления отдельных предприятий. Этот критерий у наших «теоретиков» совершенно выпадает. Они благодушно постулируют «законы», констатируют факты и на этом основании считают себя в праве возводить воздушные замки мифического «организованного капитализма».

Процесс роста госкапиталистических тенденций представляется нашим «теоретикам», как некая мирная, постепенная концентрация в руках государства руководства и контроля над всем народным хозяйством страны. Восторгаясь движущими силами госкапиталистических тенденций, они сознательно закрывают глаза на серьезнейшие противодвижущие силы. Они забывают о том, что на ряду с тенденцией регулирования государством тех или иных наиболее важных предприятий наблюдается сопротивление этим тенденциям в виде стремления отдельных предприятий сохранить свою независимость от государства и в виде атак частных предпринимателей на существующие уже твердыни государственного капитализма.

В корне неверно изображать всех капиталистов рвущимися изо всех сил в госкапиталистическую «коммунию» или денно и нощно мечтающими о том, когда их, наконец, начнет регулировать государство.

С одной стороны, действуют, несомненно, факторы, благоприятствующие усилению государственного регулирования частных предприятий. Такими факторами являются особенно жестокие кризисные явления в отдельных отраслях промышленности, недостаточная аккумуляция (накопление) капитала в этих отраслях. В этих случаях предприниматели готовы получать правительственные субсидии, если они даже и связаны с известным ростом их зависимости от государственного аппарата. Наглядным примером подобных процессов может служить организация государственного торгового флота в С.-А. С. Ш.

В 1915 году статс-секретарь Мак Аду написал письмо президенту С.-А. С. Ш., в котором мотивировал необходимость создания государственного торгового флота тем, что в руках частного капитала торговое судоходство будет развиваться слишком медленно, что рентабельность морского капитала недостаточна и пароходные кампании поэтому иногда даже приносят убытки. Перед Соединенными Штатами стояла необходимость преодолеть

конкуренцию английского торгового флота, главным образом, в Южной Америке. Частные общества не могли итти на те убытки, которые неизбежно приносили в то время пароходные компании, и поэтому был создан государственный торговый флот, который во имя интересов всего класса капиталистов в целом шел на известные убытки для преодоления английской конкуренции.

Но в то же время действуют и силы другого порядка. При некотором улучшении положения или при общем благоприятном состоянии той или иной отрасли промышленности она яростно обороняется от бюрократической опеки госаппарата или муниципального «социализма». Капиталистическая конкуренция получает новую модификацию в виде борьбы «свободных монополий» со сросшимися с государством госкапиталистическими об'единениями.

Подобные противоречивые процессы можно наблюдать в Японии, в Германии и особенно наглядно—в Англии. В Англии, например, «Комитет телеграфной связи», состоящий из представителей крупной промышленности, во главе с руководителем известного концерна Хардманом Левером, проводит политику передачи в частные руки всего почтового дела. Глава почтового ведомства Виконт Вольнер выражал как-то свое убеждение, что «если бы управление почтой перешло в частные руки, она не только увеличила бы свою доходность, но и лучше обслуживала бы население» (Цитируем по корреспонденции Т. Сейлора в «Экономической Жизни»).

На опыте английского капитализма можно особенно наглядно наблюдать эту борьбу двух противоположных тенденций. С одной стороны, можно видеть, как государство участвует в развитии капиталистического хозяйства, инвестируя крупные суммы в различные отрасли пормышленности, с другой стороны, буржуазия старается освободиться от государственного влияния. Бешеное подчас сопротивление отдельных предприятий или капиталистических об'единений попыткам государственного регулирования об'ясняется и тем, что предприниматели, находящиеся в лучшем положении, не намерены нивелировать цены. А это и является как раз часто следствием государственного регулирования тем более, что на рынке существует диспропорция между регулируемыми ценами и свободными.

Кон'юнктурный институт в Берлине приводит таблицу, характеризующую расхождение между «вольными» ценами и регулируемыми синдикатскими:

	„Вольные цены"	Синдикатские цены.
	(1925 г. = 100)	
Начало 1926 г.	91,8	98,8
„ 1927 г.	85,7	97,5
„ 1928 г.	93,5	97,9
„ 1929 г.	86,6	101,1

Ежели же регулирующим цены органом является государство, оно в силу ряда причин вынуждено несколько снижать синдикатские цены. Такова, напр., политика, которую проводит английское правительство в отношении электростанций. В случае превышения их дивидендов 8 или 10%, цены отпускаемой электроэнергии понижаются согласно определенной скользящей шкале. То же имеет место в газовых и водопроводных обществах, регулируемых государством.

Нельзя также смешивать воедино различные формы участия государства в различных предприятиях. В Англии, например, можно наметить ряд форм этого участия. Почта, телеграф и телефон принадлежат государству и целиком от него зависят. Сюда же относятся пути сообщения, доки и фабрики военного министерства, монетный двор, земельное имущество, издательства (Стасионери-оффис) и ряд других мелких предприятий.

Другая форма—это участие государства в различных частных обществах. Так, например, английское правительство выступает как владелец меньшинства акций в знаменитой нефтяной компании «Англо-Першн». Английское правительство субсидирует отдельные отрасли промышленности, как, например, сахарную. Большую роль играют также местные самоуправления. В то время, как в САСШ почти все предприятия общественного пользования находятся в частных руках, в Англии они все более и более захватываются муниципальным капиталом. Но это происходит отнюдь не мирным путем, а при серьезном сопротивлении частного капитала, особенно—в области строительства.

Характерно, например, что один из вождей консерваторов—лорд Биркенхед—самым решительным образом выступает в защиту частного капитала и личной инициативы. Оговариваясь, что он понимает, что бывают моменты, когда государство должно вмешиваться в дела отдельных частных предприятий, он все же в основном считает, что конкуренция существует и будет продолжать существовать.

Несомненно, что одной из наиболее серьезных движущих сил роста госкапиталистических тенденций является подготовка буржуазии к новой войне. В Англии, например, мы имеем специальный интерес английского правительства к субвенционированию производства аэропланов. В Польше госкапиталистическая тенденция особенно наглядно отражается в регулировании правительством отраслей промышленности, имеющих непосредственное отношение к войне. В настоящее время польское правительство сосредоточило в своих руках все средства путей сообщения и связи, в том числе и линии воздушного сообщения, добычу каменных и калиевых солей, около 50% нефтепродукции, крупные предприятия (заводы «Скорбоферм») по добыче угля, цинка, свинца и серебра, все оружейные, пулеметные заводы, все снарядные заводы, все заводы пороховых и взрывчатых веществ, все авиационные заводы, все заводы противогазовых имуществ, большую часть заводов инженерно-саперного имущества и имущества связи, ряд металлических предприятий, все производства азота (завод «Хоржев», «Тарнополь» «Азот»), крупнейшие химические заводы, которые в случае войны могут быть переведены на военное производство, как, например, «Зегелмбис», «Стрел», заводы акционерного общества «Химическая промышленность в Польше» и т. д.

Все это своеобразие отдельных проявлений госкапиталистических тенденций следует учитывать при анализе современного капитализма.

Отмирание конкуренции.

Во главу угла всего химерного здания госкапиталистического «организованного хозяйства», возводимого в теоретических опусах некоторых товарищей, кладется явно оппортунистическая теория насчет того, что государственный капитализм означает замирание конкуренции внутри капиталистической страны.

Некоторые «теоретики» пытаются доказать, что об'ективное развитие современного капиталистического хозяйства ведет ко все большей и большей его организации внутри отдельных стран, в то время как анархическая природа капиталистического хозяйства переползает на основные линии международных хозяйственных отношений [1]).

Происходит этот таинственный процесс благодаря тому, что в известной мере исчезает проблема рынка, который сковывают монополистические организации капитала. Господствующей формой цен становится картельная цена, а следовательно, «свободную» игру

[1]) Н. Бухарин. Теория «организованной бесхозяйственности». «Правда» 30/VII-29 г.

цен на рынке заменяет плановая калькуляция, регулируемая соответствующим трестовским и концерновским аппаратом.

Одним словом, без пяти минут социалистическое общество, мирное внутреннее бытие которого не омрачается ни конкуренцией, ни какими-либо другими противоречиями.

Единственное, что несколько омрачает безмятежное существование капиталистического Эдема, это... заботы об организационных проблемах, об «оптимальной» организации в масштабах, выходящих за пределы частного хозяйства, о подборе психотехнически годных людей, кадров руководителей и т. д.

Конечно, имеются и кое-какие противоречия. Это, в первую очередь, бюрократизация хозяйственного строя.

Вот та характеристика экономических отношений современного капиталистического государства, которая преподносится иногда даже на страницах советской печати солидными «теоретиками», как свеженькое научное откровение. И во всей этой явно оппортунистической наукообразной вермишели теряются всякие «аллилуйные» заклинания об оголении классовых противоречий, об их обострении и угрозе капиталистическому строю так же, как у Людвига заверения насчет того, что капитал со всей своей «организацией» терпит неудачу на мировом рынке.

Эти «оговорочные фразы» висят в воздухе и логически отнюдь не вытекают из контекста всей установки.

Не спасает и «теоретическое» утешение авторами удрученного читателя насчет того, что замирание конкуренции внутри капиталистических стран компенсируется обострением противоречий в мировом масштабе.

То, что после войны и в особенности в «третьем периоде» мировые капиталистические противоречия возросли и воспроизвелись на расширенной основе — азбучная истина. Лишь официальная социал-демократия пытается опровергнуть это положение ссылками на мифический «реальный» пацифизм. Но все же и она в своих апологетических увлечениях оценки монополистических тенденций капитализма, в своих пророчествах насчет «ультра-империализма» не доходит до таких геркулесовых столбов простого «внеуклонного» бессмыслия в оценке организации капитализма внутри отдельных стран, как некоторые теоретические Санчо-Панчо оппортунистических Дон-Кихотов.

Имеет ли теоретическая, с позволения сказать, установка правых в вопросе «организованного капитализма» что-либо общего с ленинизмом? Правые «теоретики», в частности, тот же Людвиг, охотно цитируют Ленина насчет того, что «капитализм в его империалистической стадии вплотную подводит к самому всестороннему обобществлению производства». Но они стыдливо проглатывают конец той же фразы, где Ленин подчеркивает, что «Производство становится общественным, но присвоение остается частным. Общественные средства производства остаются частной собственностью небольшого числа лиц. Общие рамки формально признаваемой свободной конкуренции остаются, и гнет немногих монополистов над остальным населением становится во сто раз тяжелее, ощутительнее, невыносимее» (разр. наша. *Дм. Б.*). (Ленин, т. XIII, стр. 254).

Таким образом, Ленин отлично понимал, что каких бы размеров ни достиг процесс монополизации, нельзя говорить о замирании конкуренции, поскольку общественные средства производства остаются частной собственностью. И в этом отношении Ильич продолжает и развивает установку Энгельса о том, что «ни превращение в акционерные общества, ни перевод в государственную собственность не уничтожают капиталистического характера производительных сил». («Анти-Дюринг»).

Рост монополий, в том числе и госкапиталистических монополий, отнюдь не означает безболезненного процесса примирения всех прослоек и групп капитализма, наоборот, «старая борьба мелкого и крупного капитала возобновляется на новой, неизмеримо более высокой степени развития». (Ленин, т. XIII, стр. 269).

Отдельные теоретики, оппортунистические бациллы в идейной конституции которых делают их особенно восприимчивыми к чисто буржуазным обобщениям, поддаются госкапиталистическим восторгам буржуазных экономистов, догоняют и даже перегоняют их в этом отношении. Если, например, буржуазный экономист Лепих характеризует современный период, как «организованную конкуренцию»; если Эккерт считает, что «распыленная конкуренция отдельных предприятий заменяется регулируемой конкуренцией организованных предприятий»; если Адольф Вебер считает картели организациями, «которые превращают разрушительную и потому нецелесообразную конкуренцию в конкуренцию регулируемую» — то наши ретивые «теоретики» почему-то считают необходимым быть «больше католиками, чем сам папа» и характеризовать государственный капитализм как замирание конкуренции вообще.

Подавленные величием буржуазной профессуры типа Шмалленбаха, Бенте, Зомбарта и других, наши отечественные «теоретики» относятся к их идеям значительно менее критически, чем даже социал-демократическая и буржуазная пресса.

В то время, как идеи Шмалленбаха подвергались резкой критике на страницах буржуазных газет, как, например, «Франкфуртер Цайтунг», в советской прессе советские «теоретики» по существу солидаризуются со Шмалленбахом в основном вопросе: в возможности «организации капитализма».

«Франкфуртер Цайтунг» (5 июня 1928 г.) сравнительно резко для почтенной буржуазной газеты критикует Шмалленбаха.

«Связанное хозяйство, как его изображает Шмалленбах, является по существу хозяйством абсолютной внутренней монополии».

«Подлинное развитие не оправдывает, однако, Шмалленбаховского прогноза. Возьмем Америку. Там антитрестовское законодательство далеко не так провалилось, как это полагает Шмалленбах; «Гери Диннерс», на которых собираются представители некартелированных предприятий, не так уж много; в общем Америка, несмотря на ряд обстоятельств, в значительной мере еще находится под властью конкуренций. Обратимся к Германии. Об'единение крупных предприятий в отдельных отраслях хозяйства далеко не означает исключения конкуренций... Большинство отраслей «фертигиндустри» не в состоянии об'единиться в монопольные союзы ни в национальном, ни в интернациональном масштабе».

«Вообще нужно заявить, несмотря ни на что, что сила свободного рыночного хозяйства еще сегодня, и как раз именно сегодня, куда сильнее, чем тенденции связанного хозяйства, о которых нельзя судить лишь по углю и железу».

Со многим из того, что пишет «Франкфуртер Цайтунг», находящаяся во власти иллюзий свободного рынка, конечно, нельзя согласиться. Но несомненно, что в основном ее критика Шмалленбаха поучительна.

Ослепленные госкапиталистическим пафосом наши «теоретики» забывают о том, что монополия есть монополия капиталистическая, «выросшая из капитализма и находящаяся в общей обстановке капитализма, товарного производства, конкуренции в постоянном и безысходном противоречии с этой общей обстановкой». (Ленин, т. XIII, стр. 314).

Наши горе-«теоретики» не понимают диалектики капиталистической монополии, ее противоречивости с одной стороны, как прямой противоположности свободной конкуренции, а с другой — как движущей силы, воспроизводящей эти противоречия на расширенной основе не только в международном, но и во внутригосударственном масштабе.

«Монополии, вырастая из свободной конкуренции, не устраняют ее, а существуют над нею и рядом с нею, порождая этим ряд особенно острых и крупных противоречий, трений, конфликтов». (Ленин, т. XIII, стр. 305).

Самой нелепой оппортунистической сказкой звучат утверждения о том, что капиталистические монополии, даже в их высшей форме — госкапитализма, могут создать нечто в роде планового регулируемого общества, в котором исчезают проблемы рынка, цен, конкуренций и остается некий капиталистический «госплан», капиталистический «орграспред», подбирающий кадры, и капиталистическая «РКИ», борющаяся с бюрократизмом.

Тут опять демонстрируется то же непонимание диалектики процесса развития монополистических тенденций в современном капиталистическом хозяйстве. Верно, что монополия создает подобие плановости в отдельных группах предприятий, в отдельных, наконец, отраслях промышленности. Но следует ли из этого, что монополии могут превратить все народное хозяйство отдельной страны в единый плановый организм? «Устранение кризисов картелями есть сказки буржуазных экономистов, оправдывающих капиталистов во что бы то ни стало.

Напротив монополия, создающаяся в некоторых отраслях промышленности, усиливает и обостряет хаотичность, свойственную всему капиталистическому производству в целом; несоответствие в развитии земледелия и промышленности, характерное для капитализма вообще, становится еще больше». (Ленин, т. XIII, стр. 256).

Монополия отнюдь не устраняет ожесточеннейшей борьбы между картелированными предприятиями и так называемыми «дикими», не входящими в какой-либо концерн или трест предприятиями.

Ведь совершенно очевидно, что как бы ни «развился» империализм, каких бы размеров ни достиг процесс монополизации капитала, он не может изменить природы капитализма.

В своей статье, посвященной проекту изменения программы, Ленин указывал, что «империализм на самом деле не перестраивает и не может перестроить капитализма снизу доверху. Империализм усложняет и обостряет противоречия капитализма, «спутывает» со свободой конкуренции монополии, но устранить обмена, рынка, конкуренции, кризиса и т. д. империализм не может» (Ленин, том XIV, часть 1).

Мы здесь нарочно приводим обильное количество цитат из Ленина для доказательства того, что не может быть разных мнений о том, как смотрел Ильич на проблемы «организации капитализма». Наши «теоретики» пытаются подчас проводить свои взгляды под покровом надерганных цитат из Ленина. В этом вопросе им это удастся меньше, чем в каком-либо ином. Путь к Ленину по вопросам «организованного капитализма» для них закрыт, и им остается взывать к авторитету Бенте и Шмалленбаха.

Но дело отнюдь не только в авторитете Ленина. Достаточно лишь на минутку спуститься с теоретических эмпиреев на грешную землю, чтобы убедиться в том, что конкуренция продолжает существовать во всех капиталистических странах, что борьба внутри и между отдельными монополиями продолжается. На VIII с'езде партии в полемике с тов. Бухариным по вопросам партийной программы Ленин указывал, что немыслим монополистический капитализм без свободной конкуренции в целом ряде отраслей. Точку же зрения тов. Бухарина Ленин характеризовал, как «книжное изложение финансового капитализма».

Современные апостолы «организованного капитализма» как раз блестяще демонстрируют такой «книжный подход» к важнейшим проблемам современного капитализма. Но «книги», откуда они черпают свое теоретическое вдохновение, это отнюдь не Ленин и не Энгельс, а Гильфердинг, Зомбарт, Шмалленбах и др.

Однако, если от «книжности» обратиться к фактам, мы увидим, что по всем направлениям на внутренних рынках современного капиталистического общества разворачиваются самые ожесточенные противоречия. Возьмем хотя бы даже такой серьезный для картелей вопрос, как ценообразование. Несмотря на силу картелей и роль капиталистической монополии на внутреннем рынке, они не в силах воздействовать на кон'юнктурное снижение цен. Конкуренция между отдельными отраслями внутри страны, покупательная способность внутреннего рынка, общий индекс цен, определяющий и издержки производства в той или иной картелированной отрасли, денежный рынок и т. д.,—все эти элементы определяют еще значительную роль свободного рыночного ценообразования. Если к этому еще прибавить колебание цен на мировом рынке, определяющее естественно и ценообразование на внутреннем рынке, то станет совершенно очевидной «книжность» рассуждений об отмирании конкуренции и свободного ценообразования в масштабе национального хозяйства.

Наиболее поддающейся регулированию областью является обычно кредит, влияющий в свою очередь на динамику экономического развития. Недавнее выступление специалиста Нью-Йоркского Федерального Резервного банка Бургеса (цитируем по статье тов. Эвентова в сборнике «Мировое хозяйство на рубеже 1929 г.») явилось блестящим доказательством незначительного влияния кредита на динамику цен. Бургес указал на следующие три фактора, ограничивающие об'ем контроля, который политика Федеральных Банков в состоянии иметь на основные экономические тенденции:

«1. Влияние резервной системы ограничивается международным движением фондов, аккумуляцией капиталов, духом спекуляции, употреблением денег и т. д. На ряду с этим следует помнить, что всякое действие резервной системы вызывает противодействие. Высокий процент вызывает приток фондов со всех концов мира, низкий — отлив золота и кредитную экспансию, следовательно, и повышение учетной ставки.

2. Резервные банки имеют дело с денежным рынком в целом, но не с отдельными формами кредита. Изменение процента или интервенция оказывают влияние на все учетные ставки. Федеральная система не может повышать процент на спекулятивные бумаги, не повышая ставки на коммерческий кредит.

3. Обязательства эмиссионных банков, вытекающие из необходимости сохранения золотых резервов».

Все это в общей сложности показывает полную необоснованность утверждения о замене рыночного ценообразования организованной калькуляцией картелей, логически вытекающей из всей теории «организованного капитализма» регулирующего не только производство, но и цены помимо рынка.

Наши «теоретики», по существу, тут никакого пороха не изобретают. Развернутую картину такого «идеального» положения дал еще Гильфердинг в своей неверной теории «всеобщего картеля».

«Здесь все капиталистическое производство, — писал Гильфердинг в «Финансовом Капитале», — сознательно регулировалось бы из одной инстанции, которая определяет размер производства во всех его сферах. Тогда установление цен становится чисто номинальным и фактически равносильно уже просто распределению всего продукта, с одной стороны, между картельными магнатами, а с другой стороны, — между другими членами

общества. Цена является тогда не результатом вещных отношений, которые устанавливаются между людьми, а просто своего рода расчетным вспомогательным приемом при передаче вещей от одних лиц к другим».

Естественно, что в таких условиях не только не нужен рынок, но и отпадает необходимость в деньгах. Тов. Бухарин в своей критике теории накопления Розы Люксембург предостерегал от ошибок школы Рикардо, а затем и Сея, недооценивавших роли денег.

— Отсюда, — писал Н. И. Бухарин, — ряд грубейших ошибок, отсюда отрицание капиталистических противоречий, а затем и прямая апология капиталистического режима, апология, которая хочет «научно отбрыкаться» wegräsonnieren (как выражается Маркс) от кризисов перепроизводства, нищеты масс и т. д.) [1]).

«Отбрыкнувшись» от денег, неизбежно приходится «отбрыкиваться» и от категории товаров. Из этого неизбежно вытекает исчезновение категорий анархического распределения производительных сил, а следовательно, и анархического распределения рабочей силы. «Снимаются» все законы капиталистического хозяйства, воцаряется всеобщая организация.

Такова железная логика теоретического грехопадения пастырей «организованного капитализма». И невольно вспоминается:

Поменьше пастырей таких,
Полублагих, полуслепых.

В плену организационных панацей.

Опьяненные позитивными моментами госкапитализма наши «теоретики» старательно обходят его негативные стороны, в частности такой вопрос, как монополистическое загнивание. Монополистическое загнивание сводится в их анализе процессов современного капиталистического хозяйства к бюрократизму. Они подробно смакуют описание бюрократизма, даваемое буржуазными экономистами; они преподносят эти описания советскому читателю в таком количестве и такой форме, чтобы вызвать, повидимому, у читателя размышление о том, а есть ли разница между социалистическим и капиталистическим бюрократизмом.

Неверно, однако, выпячивать на передний план проблему бюрократического загнивания и подменять им имманентную для империализма тенденцию экономического загнивания. Наши «теоретики» пытаются уверить читателя, что основная проблема современного капитализма это проблема организации, проблема борьбы с бюрократизмом от разрешения которой якобы зависят судьбы капиталистического хозяйства. Это чепуха. Самая распрекрасная организация не может спасти капиталистическое хозяйство от дальнейшего загнивания, от закономерной тенденции экономического и технического застоя. Это отлично понимают и сами капиталисты, по крайней мере наиболее умные из них.

У американских профессоров в последнее время замечается усиленная тяга к «плановости». На конференции известного тейлоровского о-ва либеральный проф. Брум делал доклад о «необходимости планирования процветания» (цитируем по книге Модеста Рубинштейна — «Противоречия американского капитализма»). Видный профессор Пенсильванского университета считает единственным выходом из тупика растущей безработицы создание национального планового комитета. На это ему возражает побывавший в СССР профессор Колумбийского университета Тогвелл, что, мол, плановую систему нужно изучать не на конференциях Нью-Йорских и Филадельфийских инженеров и экономистов, а в Московском Госплане, где она действительно проводится в жизнь. Но и это не поможет, так как конкурентная система не может быть примирена с плановой.

[1]) «Империализм и накопление капитала», ГИЗ, 1925, стр. 11.

Главный экономист одного из крупнейших предприятий об'единения «National industrial conference board» довольно остроумно отметил, что «американское хозяйство все более и более начинает походить на хронически-больного нервного инвалида, измеряющего каждый час свою температуру и пульс и каждую неделю — свой вес, бегущего от одного статистического психоанализатора или экономического знахаря к другому, каждый день ожидающего нового чуда или катастрофы. Это особенно скверно в настоящее время, когда мы проходим период исключительной неясности и отсутствия веры в хозяйственное будущее».

В то время, как буржуазные экономисты разочаровываются в организационных панацеях, наши «теоретики» оказываются в плену этих организационных восторгов.

Но все это на деле выглядит далеко не так, как это мерещится нашим «теоретикам».

«Найти» твердые принципы и конкретную цель «для» «примирения» монополии со свободной конкуренцией, разумеется, дело безнадежное. Признание практиков звучит совсем не так, как казенное воспевание прелестей «организованого капитализма» его апологетами вроде Шульца-Геверница, Лифмана и т. п. «теоретиками» (Ленин, том XIII, стр. 270).

Весь этот строй идей, охватывающий проблему «организованного капитализма», является в известной мере реставрацией старых ошибочных взглядов т. Бухарина еще периода «левого коммунизма».

В «Коммунисте» (органе «левых коммунистов») от 16 мая 1918 г. была помещена статья т. Бухарина «Некоторые основные понятия современной экономики», направленная непосредственно против Ленина и его понимания государственного капитализма.

В этой статье тов. Бухарин пишет:

«Что такое государственный капитализм? Если рассматривать дело с точки зрения производственно-технической, то здесь мы имеем государственно-урегулированное производство, уничтожение производственной анархии, уничтожение вольного рынка, «учет и контроль» со стороны государственных органов.

Тут мы находим организацию производства и соответствующую организацию распределения. Не только общие условия производственного процесса, но и детали технического распорядка продуманно вставлены в рамки общего организационного плана».

И дальше тов. Бухарин пишет:

«Наконец, если рассматривать дело с точки зрения отношения между странами, то государственный капитализм означает обострение капиталистической конкуренции, хозяйственную подготовку к следующим грабительским войнам («милитаризация хозяйства»), гигантский скачок вверх протекционизма, милитаризма и маринизма, рост военной опасности».

Тов. Бухарин посвящает в указанной статье не мало места доказательству того, что госкапитализм является «потенцированной властью буржуазии» и что это скорее «рабовладельческое хозяйство, чем социализм». Но все же разницу между социалистической системой и госкапитализмом т. Бухарин видит лишь в том, какой класс стоит у власти.

«Государственное регулирование,—пишет там же т. Бухарин,—может принимать две противоположные по своему смыслу и социальному значению формы: социализма и государственного капитализма, и это разное значение целиком зависит от того, какой класс стоит у власти».

Никто не станет оспаривать огромного значения, которое имеет наличие у власти того или иного класса. Но абсолютно неверно предполагать, что в анархии капиталистического хозяйства возможно такое же, хотя бы и «производственно-техническое» регулирование, как в социалистическом хозяйстве.

Еще Маркс писал в одном из своих писем Анненкову:

«В современной экономической жизни вы найдете не только конкуренцию и монополию, но также и их синтез, являющийся не формулой, а движением. И однако это уравнение, не устраняя затруднений современного положения, как то полагают буржуазные экономисты, создает в результате еще более трудное и еще более запутанное положение. Таким образом, изменяя основу, на которой покоятся современные экономические отношения, уничтожая современный способ производства, вы уничтожите не только конкуренцию, монополию и их противоречия, но также и их единство, их синтез, их движение, которое практически уравновешивает конкуренцию и монополию».

Неверная установка т. Бухарина, намеченная в статье в «Коммунисте», была продолжена и развита в его книге «Экономика переходного периода».

Как известно, в этой книге тов. Бухарин, анализируя «современный (1918—1919. *Дм. Б.*) мировой капитализм», писал что «товарное хозяйство здесь вовсе не исчезает окончательно, хотя внутри страны оно либо отмирает, либо значительно сокращается, заменяясь организованным распределением (разр. наш. *Дм. Б.*). Товарный рынок становится лишь действительно мировым, переставая быть «национальным». (Николай Бухарин, «Экономика переходного периода», часть I, Общая теория трансформационного процесса, Москва, 1920 г., стр. 14).

В 1919 г. еще не было в употреблении термина «организованный капитализм». Но несомненно, что термин «организованное распределение», относящийся отнюдь не к специфически-военному времени, в известной мере предвосхитил теорию «организованного капитализма», ибо совершенно очевидно, что в капиталистическом обществе немыслимо организованное общественное распределение продукта при анархическом товарном производстве.

Кое-что «предусмотрел» тогда тов. Бухарин и по части отмирания конкуренции.

В своей «Экономике переходного периода» тов. Бухарин писал: «Централизация капитала поедает конкуренцию, но, с другой стороны, она непрерывно воспроизводит эту конкуренцию на расширенной основе. Она уничтожает анархию мелких производственных единиц, но она обостряет затем анархические отношения между крупными производственными телами. «Трения» в общей хозяйственной системе исчезают в одном месте только для того, чтоб в еще больших размерах появиться в другом: они превращаются в трения между основными частями громадного мирового механизма». (стр. 16).

В Институте Ленина хранится экземпляр «Экономики переходного периода» с пометками В. И. на полях и в конце книги. На стр. 10 этой книги, где у Бухарина сказано, что «финансовый капитал уничтожил анархию производства внутри крупно-капиталистических стран» Ленин подчеркивает слово «уничтожил» и пишет сбоку «не уничтожил».

Повидимому, повторяется не только история, но и «теория», казалось бы, превратившаяся в историю, а формулировки т. Бухарина, как «левого» коммуниста, становятся в наше время теоретическим украшением складывающегося евангелия правого оппортунизма.

(Окончание следует).

А. Стальгевич.

Об одной правой теории советского государства.

Гигантский темп социалистического строительства, решительное наступление пролетариата на классового врага, все большее и большее вытеснение элементов капитализма не смогли не вызвать обострения классовой борьбы как в области практической, так и научной работы. Широко развернувшаяся борьба на идеологическом фронте охватывает почти все основные области научной мысли. Руководящим принципом борьбы и в этой области служит лозунг партии: «Огонь направо!» Под этим лозунгом на протяжении ряда лет Секцией права и государства Комакадемии ведется упорная борьба против буржуазно-юридического мировоззрения, пережитков различных буржуазных теорий, оппортунизма и ревизионистского искажения марксистской теории права и государства. Однако, широкое партийное внимание еще недостаточно мобилизовано на борьбу на этом участке идеологического фронта. Между тем в силу принципиальности разногласий и необходимости полной ясности и четкости политической линии в области марксистской теории права и государства необходимо вести самую решительную борьбу с идеологическими извращениями, привлекая внимание всей широкой партийной общественности.

В данной статье остановимся на работах одного из более характерных в этом отношении представителей советской правовой мысли для того, чтобы показать всю глубину и принципиальность расхождений. Не без основания правовым отделением Института красной профессуры была принята резолюция, подчеркивающая, что «решительный отпор должен быть дан теориям и «теорийкам» (напр., Магеровского, Пионтковского, Энгеля, Гойхбарга, Розенблюма и других им подобных), отражающим оживление мелкобуржуазной стихии» [1]. Не без основания по поводу работ одного из указанных выше представителей, а именно Д. Магеровского, не менее авторитетным и ответственным коллективом отмечается, что «тов. Магеровский как в своей многолетней педагогической, так и обширной в количественном отношении литературной работе проявил явно недостаточную идеологическую выдержанность, отсутствие марксистской установки, капитулянтство перед буржуазными теориями...».

Правда, в своей довольно «обширной, в количественном отношении, литературной работе» он не создал никаких новых теорий. Кроме груды обломков старых буржуазных теорий, механически переделанных на «советский» лад, ревизионистского извращения марксистско-ленинской методологии, оппортунистического искажения политической партийно-классовой линии, абстрактных конструкций, формально-юридического изложения содержания

---

[1]) Резолюция по вопросу о преподавании правовых дисциплин в ВУЗ'ах от 17 января 1929 г. («Рев. Пр.», № 2, 1929 г., стр. 159).

советских законов и инструкций, механически и не всегда по, существу верно «подогнанных» цитат и отвлеченной «фразы», мы почти ничего иного в его работах не находим.

Не удалось ему и организационно создать особую свою школу в теории права и государства. Однако, это не мешало ему стать известного рода центром идеологического притяжения различных квази-марксистских, ревизионистских, просто буржуазно-юридических и оппортунистических тенденций в области теории права, государства и советского строительства. Не так давно Д. Магеровский широко пользовался организационными «возможностями» в деле академической работы со студенчеством на факультете советского права I МГУ и аспирантурой в Институте Советского Права РАНИОН. Его работы в связи с этим широко распространялись среди студенчества в качестве обязательных пособий под видом теоретически ценных, ортодоксально-марксистских и политически безупречных.

Поэтому, в особенности в настоящее время, когда борьба в области идеологии принимает все более и более резкие формы, ярко проявляющиеся ревизионистски-оппортунистические правые тенденции и в области теории права и государства должны встретить самый решительный отпор, ибо наша теория, необходимая для революционной практики— партийна.

Для краткости не будем останавливаться на общей теории права Д. Магеровского, коренящейся в философии неокантианства (по существу идеализма) со всеми ее категориями, «нормально-организованного общества», «долженствования», чистой «цели в себе» [1]), нормативизма, вечности права, как «социальной нормы», вытекающей из отношений «человека к природе» [2]) идеалистического воззрения на фетишистски первунствующее значение суб'ективной нормы, при наличии которой, по его мнению, лишь возможно образование об'ективного правового отношения [3]) и т. д.; не будем говорить об его методологии, базирующейся на формально-логической схоластике и догматическом толковании диалектического метода; оставим пока в стороне и его анализ фашистского государства, являющийся ярким отражением буржуазно-юридических тенденций [4]), так как все эти моменты в достаточной степени разоблачены и осуждены в работах Секции общей теории права и государства Коммунистической Академии [5]). В данной статье ограничимся лишь разбором ряда более конкретных проблем, относящихся к советскому государственному строительству.

В области экономической политики нашей партии у Д. Магеровского нет устойчивости и четкости линии. Его колебания доходят до крайних точек как в одну, так и в другую сторону.

Переход к новой экономической политике Д Магеровским был понят как переход к системе государственного капитализма, по поводу которого он писал, что «при советском строе: 1) буржуазия остается существовать; 2) буржуазия ограничена в своих экономических правах пролетариатом; 3) буржуазия отброшена от аппарата государственной власти; 4) пролетариат, опираясь на национализацию земли, банков, транспорта и отдельных отраслей крупной промышленности, держит в своих руках государственную власть; 5) регулятором интенсивности труда является личная

[1]) См. Магеровский, Д., Социальное бытие и наука права («Научные Известия», I, М. 1922 г.).

[2]) См Д. Магеровский «Советское право и методы его изучения». («Сов. Пр.», № 1, 1922 г.).

[3]) См. Магеровский, Д., Государственная власть и государственный аппарат. М. 1924 г.

[4]) См. Магеровский, Д., Фашистское государство. М. 1928 г.

[5]) См. «Революция Права», № 1, 4, 5 за 1928 г. и №№ 1 и 3 за 1929 г. а также нашу работу «Пути развития советской правовой мысли», 1928 г.

заинтересованность трудящегося». Все эти производственные отношения, в том числе и относящиеся к системе национализаций, государственных предприятий, хозяйства последовательно-социалистического типа, по его учению «являются своеобразными отношениями государственного капитализма» [1]). Из указанных отношений государственного капитализма он выводит диктатуру пролетариата и на их основе строит систему советского права. Его совершенно не интересуют вопросы классовой природы государственного капитализма; он просто не замечает, что хозяйство последовательно-социалистического типа строится не на основе эксплоатации и классовых противоречий и что его нельзя путать с госкапитализмом. Он «юрист», для которого содержание явлений, внутренняя их сущность, никакого интереса не представляет. Ему достаточно изобрести классификацию формальных признаков, распределить по рубрикам отвлеченной схемы и покрыть их поверхность всеоб'емлющей формой. Поэтому, там где ему в силу необходимости приходится обращаться к экономическим и классовым корням, там обычно процветают извращения и политические ошибки.

В своей статье об экономических основах советской власти он выдвигает в качестве руководящего принципа, определяющего политическую линию нашей партии, «зависимость промышленности от крестьянского хозяйства» [2]). «Раз крестьянское хозяйство,—поясняет он,—является основным (разрядка наша. *А. С.*) в нашей экономике, то восстановление этого хозяйства и ориентирование на развитие крестьянского хозяйства (разрядка наша. *А. С.*) должны быть принципом нашего государственного строительства» [3]). Правая установка в этом положении сказывается яснее ясного. Прежде всего, основным ведущим началом в нашей экономике по Д. Магеровскому является не промышленность последовательно-социалистического типа, а крестьянское хозяйство. Поэтому он и предлагает ориентироваться не в сторону развития усиленного темпа индустриализации страны, под'ема крупной машинной индустрии, а рекомендует «ориентирование (разрядка наша. *А. С.*) на развитие «крестьянского хозяйства». Исходя из этой по существу правой ориентации, он явно ограничивает, снижает темп индустриализации страны, поднятия промышленности, нашего роста и строительства слепым и механическим цеплянием за «крестьянское хозяйство», как основное. Полагаем, что дальнейшие более подробные комментарии излишни, ибо капитулянтство Д. Магеровского перед мелкобуржуазной стихией обнаруживается полностью в теории ориентации на крестьянское хозяйство, как основу нашей экономики. Поэтому, осуждая полностью правый уклон, мы решительно должны осудить и политическую установку Д. Магеровского, расходящуюся с принципиальной линией нашей партии.

От своих прежних политических ошибок Д. Магеровский не отказывается и в настоящее время, а наоборот, ранее высказанные положения механически переносит в дальнейшие работы. Так, в своем «Государственном праве» он, повторяя прежние мысли, подчиняет нашу индустриализацию интересам «крестьянского хозяйства» [4]), как основного и обусловливающего фактора. Мало этого. В этой же работе выделен раздел, представляющий особый интерес. Называется он: «Врастание крестьянского хозяйства в социа-

[1]) Д. Магеровский. «Советское право и методы его изучения». («Советск Право», № 1, 1922 г., стр. 32).

[2]) Д. Магеровский. «Экономические основы советской власти». («Советское Право» № 6, 1925 г., стр. 7).

[3]) Там же, стр. 7.

[4]) Д. Магеровский. «Государственное право». («Основы советского права»), сборник статей. М. 1927 г., стр. 12.

лизм» [1]). Как изветно, постановка вопроса о «врастании» крестьянского хозяйства вместе с кулаком в социализм является одним из принципиальных положений правого уклона. Д. Магеровский, как профессор государственного права, его лишь переносит в область теории права и государства. По его словам «мы должны двигаться таким образом, чтобы двигать за собой все крестьянское хозяйство (разрядка наша. *А. С.*), ибо притти к коммунистической организации производства можно лишь при условии, если в этот коммунизм врастает не только промышленность, но и сельское хозяйство» [2]), которое, по его мнению, должно «непосредственно впитываться и входить в систему социализма» [3]), очевидно, вместе с кулаком и всеми эксплоататорскими слоями страны. Следовательно, не реконструкцию сельского хозяйства, не социалистическую революционную перестройку деревни, как предлагает партия, а мирное (т.-е. без классовой борьбы) «врастание крестьянского хозяйства», вползание его в социализм. И эта оппортунистическая теория, проникшая в учебные программы и руководства, без всяких стеснений и оговорок преподносится советскому студенчеству [4]). Нет сомнений, что подобные теории таят глубоко в себе оппортунистическую сущность. Поэтому лишь люди, ничего общего не имеющие с политикой нашей партии, с революционно-диалектическим пониманием сложнейших процессов переходного периода, могут поддерживать и преподносить другим подобные явно оппортунистические мысли.

Вопросу классовых взаимоотношений Д. Магеровским, в основном, посвящена одна статья в журнале «Советское право» под заглавием «Советская власть и взаимоотношения классов» [5]). После эта статья с некоторыми поправками и сокращениями им была включена в его «Государственное право». Вопрос классовых взаимоотношений им в основном трактуется, как вопрос взаимоотношений рабочего класса и крестьянства. Но напрасно читатель будет искать постановку вопроса о диференциации крестьянства. Ни слова о среднем крестьянстве, как центральной фигуре земледелия, ни слова о кулаке... Напротив, для большей точности он несколько раз в своих работах подчеркивает именно «все крестьянство». Правда, его работы пестрят цитатами из Ленина, резолюций партийных с'ездов и конференций. Однако, необходимо заметить, что эти цитаты так «обстрижены» и «причесаны», что часто трудно бывает разобраться, кто же именно дает постановку вопроса о союзе с крестьянством без классовой диференциации, кто оперирует лишь общим мелко-буржуазно-эсеровским понятием «всего крестьянства» т. Ленин или Д. Магеровский. В данном случае недостаточной является формула союза с «основной массой крестьянства» [6]). Без правильной оценки бедноты и середняка, без учета роли кулака и отношения к нему изобретение Д. Магеровского является лишь пустой фразой, смазывающей всю сущность нашей политики.

Безжизненна, пуста и абстрактна вся формула рабоче-крестьянского союза по Д. Магеровскому. На место реальных классовых отношений, классовых противоречий и борьбы, конкретных условий и изменяющейся жизни перед ним лишь абстрактная формула-понятие. На протяжении ряда страниц, разбирая вопрос об этапах пролетарской революции и взаимоотношении классов, он не замечает, что на различных ступенях революции рабоче-

1) Там же, стр. 10.

2) Д. Магеровский. «Государственное право» («Основы советского права», стр. 10; см. его «Экономические основы советской власти» в журн. «Сов. Пр.» № 6, 1925 г., стр. 9).

3) «Основы советского права», стр. 12; «Сов. Пр.», № 5, 1925 г., стр. 11.

4) «Основы советской конституции», М. 1928 г., стр. 4 и 31—32.

5) Магеровский, Д., Советская власть и взаимоотношения классов («Советское Право», № 5, 1925 г.).

6) «Основы советской конституции», стр. 32.

крестьянский союз менял свой характер и формы. Союз пролетариата со всем крестьянством, союз с беднейшим крестьянством, союз со средним крестьянством при опоре на бендоту—все это Д. Магеровский упускает из виду. Он просто не понимает, что союз рабочего класса со средним крестьянством при опоре на бедноту одновременно означает решительный курс на развертывание классовой борьбы, а не притупление ее; наступление на кулака, а не врастание его в социализм; все большее и большее вытеснение элементов капитализма, а не «вхождение» их в социализм; активно-революционные процессы реконструкции и социалистической перестройки деревни, а не пассивное впитывание «всего крестьянского хозяйства» в систему социализма. И эта теория Д. Магеровского союза рабочего класса со «всем» крестьянством, теория притупления классовых противоречий и борьбы в условиях переходного периода, смазывания вопроса о роли кулака в деревне со всей его враждебно-классовой и эксплоататорской сущностью является не менее оппортунистической и правой, чем его размышления о советской экономике.

Вопросам теории государства по существу посвящена одна работа [1]). В ней государственная власть трактуется как «своеобразное отношение между классами, заключающееся в возможности руководства и в руководстве одного класса действиями других классов и социальных групп» [2]). Понятно, что государство после этого логически превращается лишь в организацию, обладающую высшей властью в пределах определенной территории [3]). У Д. Магеровского нет ясного представления о единстве и различии государства и государственной власти. Необходимо напомнить, что ни власть, ни территория не являются основными моментами, определяющими собой понятие государства. Этими категориями кишат старые учебники государственного права и буржуазные теории формальных признаков государства: территории, населения и власти. Что же касается государственной власти, то она Д. Магеровским понимается явно оппортунистически. Теория общего «смягчения» классовых противоречий привела его к постановке вопроса о государственной власти, как отношении «руководства». По этой теории отношение руководства со стороны пролетариата в условиях переходного периода распространяется не только на бедноту и среднее крестьянство, но и на кулака и явно враждебные капиталистические элементы страны. Д. Магеровский боится таких революционно-марксистских понятий, как «классовое господство», «насилие», «угнетение» и т. д. А в этом, ведь, сущность государственной власти.

Стоит лишь представить себе некоторые факты об'ективно развивающегося революционно-исторического процесса, как все теории «руководства» станут смешными и несостоятельными. Необходимо спросить Д. Магеровского, о каком «руководстве» буржуазии напоминают кровавые июльские дни 1917 года, о каком таком «руководстве» буржуазии при ближайшем участии их друзей—«смиренных» социал-демократов—твердят пролетариату майские дни. Нет, теорию «руководства» следует понимать не иначе, как в смысле ревизии марксистско-ленинской теории непримиримости классовых противоречий и классовой борьбы. На самом деле, разве не ясно, что защита теории «руководства» в одно и то же время означает пересмотр ленинской теории красного революционного террора, теории беспощадного подавления классовых врагов; разве не ясно, что по теории Д. Магеровского линия партии на развертывание классовой борьбы, как в городе, так и в деревне, заменяется другой линией, линией «руководства»? Выходит, что вообще не

1) См. Магеровский, Д., Государственная власть и государственный аппарат. М. 1924 г.

2) Магеровский, Д., Государственная власть и государственный аппарат, стр. 29; см. «Основы сов. конституции», стр. 11—12.

3) «Основы советской конституции», стр. 11.

следует итти на развертывание классовой борьбы, а лучше организовать свое «руководство» так, чтобы «все крестьянское хозяйство» вместе с кулаком и другими эксплоататорскими слоями «вросло в социализм». Поэтому и все обострения, затрунения и т. д. по теории Д. Магеровского, очевидно, об'ясняются лишь наличием недостаточного «руководства». Мало этого, Д. Магеровский согласен итти даже не на фактическое руководство. Его государственную власть вполне устраивает наличие отношений, заключающихся лишь в одной «возможности» руководства, руководства в будущем, в потенции, т.-е. в наличии лишь идеи, которая пока «не проявляется».

Такова сущность теории, по которой государственная власть заключается в «руководстве» и «возможности руководства». Для каждого грамотного марксиста ясно, что если можно и даже необходимо говорить о руководстве господствующего класса по отношению к его классовым союзникам, то этого нельзя делать по отношению к классовым врагам.

Концепция Д. Магеровского отвлеченного понятия «руководства», а не классовой борьбы и угнетения полностью воспроизводит на страницах советской печати оппортунистические, социал-демократические представления о государстве, как форме примирения классовых противоречий, классового сотрудничества и мирного реформистского руководства со стороны правящих слоев. Как не вспомнить одно место из последних работ К. Каутского по поводу демократического государства. «Внутри демократического государства,—говорит он,—при обеспеченной демократии вооруженная борьба для разрешения классовых конфликтов не может иметь места. Эти конфликты разрешаются мирным путем через пропаганду и голосование» [1], т.-е. через реформистское «руководство». Понимает ли Д. Магеровский, как глубоки корни оппортунизма в его теории? Если он этого не понимает, то мы все же обязаны подчеркнуть всю вредность подобных теорий, искажающих марксизм.

Ничего общего с диалектическим подходом не имеет и его своеобразная теория «элементов» государственной власти [2]). По этой теории государственная власть складывается из ряда механически соединенных «элементов»: экономических, классовых, идеологических, национальных, международных и др. Разлагая механически государственную власть на составные части, Д. Магеровский, вместо реальных отношений, их движения, революционных изменений, противоречий и процессов становлений замечает лишь юридико-догматические клетки-«элементы» и механически скрепленные из них абстрактные структуры.

Крайнюю путаницу в теорию государства вносит он и по вопросу о соотношении государства и государственной власти. По Д. Магеровскому логически выходит, что государство есть организация высшей власти в пределах определенной территории, а государственная власть—это отношение между классами. Как видно, в этом построении нет ни капли диалектики, так как государство механически отделено от государственной власти. В постановке диалектического материализма, в противоположность Д. Магеровскому, мы под государством понимаем систему или порядок отношений между классами, а под государственной властью—содержание этих отношений, т.-е. классовое господство, насилие и угнетение. В нашей постановке соотношение между государством и государственной властью представляется в виде обычного диалектического соотношения формы и содержания.

---

[1]) Kautsky, K. Die materialistische Geschichtsauffassung, B. II, с. 432. Цитирую по книге Е. Б. Пашуканиса и И. П. Разумовского «Новейшие откровения Карла Каутского», М. 1929 г., стр. 51.

[2]) См. Магеровский, Д., Государственная власть и государственный аппарат.

Все указанные выше искажения основных принципов маркистско-ленинского учения о государстве не могли не чувствоваться при разрешении более конкретных, но не менее принципиальных вопросов советского государственного строительства [1]). Необходимо отметить, что изучение советской системы Д. Магеровский, как юрист-догматик, сводит лишь «к анализу юридических норм», определяющих строение и функции органов власти. «Юридическая структура» советского государства поэтому представляется ему отвлеченно и механически-схематично. Юридико-нормативному изучению, по Д. Магеровскому, подлежат не только проблемы, относящиеся к структуре отдельных органов власти, но и вопросы, связанные с национальной политикой, советским федерализмом и т. д. Кроме параграфов декретов, положений и инструкций, отвлеченно-догматических упражнений, мы ничего иного не находим в этой части его работ.

В результате формального подхода и безразличного отношения к сущности советского строя, у Д. Магеровского получилось своеобразное построение системы советского государственного права и учения о советской конституции. В этой системе не отведено места для городских и сельских советов, низовых с'ездов советов и исполнительных комитетов. Создается впечатление, что сами советы в советской системе по его теории никакой роли не играют. Он, как и многие юристы по профессии, занят лишь догматическим анализом положений о центральных органах советской власти, упуская из виду, что «Советы суть новый государственный аппарат» [2]), верховные органы которого создаются из нижестоящих, образуя, таким образом, единую советскую систему, при которой вся власть «принадлежит Советам» [3]) и на них опирается. Исключение советов и низовых звеньев государственного аппарата, механическое разграничение и отрыв их от центральных органов советской власти неизбежно приводит к рецепции буржуазных теорий государственного права, противопоставляющих местную власть центральной, буржуазное местное самоуправление—центральному управлению, исходя из классовой противоположности центра и мест [4]). Этим смазывается вопрос о классовой сущности советского государства. Д. Магеровский не решается отметить, что советское государство по своей классовой природе—государство пролетарское, хотя без этой постановки вообще нельзя говорить о советской системе, как государственной форме пролетарской диктатуры.

Разбирая отдельные органы власти, Д. Магеровский одевает их в одежду категорий буржуазного государственного права. Так, например, Союзный Совет и Совет Национальностей он любит величать «палатами» [5]). Эта на первый взгляд терминологическая неточность в устах «профессора государственного права» приобретает особое значение. По существу механическим перенесением категорий буржуазного государственного права в советскую систему в работах «юриста по профессии» получается известное

---

[1]) См. Магеровский, Д., Союз Советских Социалистических Республик («Власть Советов», № 6—7, 1923 г.); Магеровский, Д., Союз Советских Социалистических Республик, М. 1923 г.; Магеровский, Д., Центральные органы власти СССР («Власть Советов», № 11—12, 1923 г.); Магеровский, Д., Государственная власть и государственный аппарат, М. 1924 г.; Магеровский, Д., Государственное право («Основы сов. пр.», М. 1927 г.); Магеровский, Д., Конституция пролетарской диктатуры («Сов. Пр.», № 6, 1927 г.); на основе принципиальных положений работ Д. Магеровского построена брошюра методических разработок «Основы советской конституции», М. 1928 года.

[2]) Ленин, Н., Собр. соч., т. XIV, ч. 2., стр. 228.

[3]) Конституция РСФСР, стр. 2.

[4]) Один из учеников Д. Магеровского, В. Беляев, прямо так и делит органы советской власти на центральные и местные по признаку преобладания в них пролетариата или крестьянства («Сов. Пр.», № 1, 1927 г.).

[5]) См. «Власть Советов», № 6—7, 1923 г., стр. 27—28; Союз Советских Социалистических Республик, стр. 37—38; «Основы советского права», стр. 38—41.

сближение советского аппарата с буржуазным парламентаризмом. В общем получается такая же картина, как от механического перенесения категорий политической экономии в советское хозяйство, в особенности в его социалистический сектор. Он не замечает, что в данном случае его устами говорит та часть буржуазной профессуры, которая на советскую власть вообще может смотреть не иначе, как через буржуазные очки. Теория сближения органов советской власти и парламентаризма нам хорошо известна. Одним из ближайших сотрудников Д. Магеровского в свое время был выдвинут тезис о «сближении Совета Народных Комиссаров с кабинетом министров» [1]), по словам которого, если СНК «отступает от Совета министров в отношении демократичности, партийности, ответственности», то именно этим «он приближается к западным кабинетам», «радикальная демократия» которых «оказывается достаточно гибкой, чтобы вместить классовые соотношения близкие и весьма близкие к существующим у нас». Как видно, не только о терминологической близости идет речь. Политическая сторона, — устряловско-термидорианская политика, идеология перерождения советской системы, по которой «новейшая эволюция парламентаризма» является «непосредственной прилюдией к советскому строю» [2]), — выступает со всей ясностью. Эта теория нами была своевременно осуждена. «Нам надо беспощадно бичевать,—писал тогда П. И. Стучка,—покушения наших советских юристов на проведение теорий сближения нашего права с буржуазным» и нашего государства с буржуазным. Это относится не только к профессорам Дурденевским, Тоцким, Понтовичам, Игнатьевым и др., но и к Д. Магеровскому.

К вопросу о государственном аппарате относится проблема его классового содержания. В этой весьма важной проблеме Д. Магеровский смазывает классовый момент. «В природе государственного аппарата, — отмечает он, — важно подчеркивать его людской состав» [3]) и то обстоятельство, что основным «элементом» государственной машины являются «люди». Поэтому и государственный аппарат, по его учению, есть лишь «определенным образом организованная система людей, долженствующая проводить политику господствующего класса» [4]). Вредность этой концепции заключается в том, что ею по существу «снимается» один из основных вопросов ленинской теории, вопрос о «ломке» буржуазного государственного аппарата. Государственный аппарат, который по теории Д. Магеровского, лишь—отвлеченная система абстрактных «людей, долженствующая проводить политику господствующего класса», нуждается не в особой революционной «ломке», а лишь в установлении «руководства» или «возможности руководства», к которому по его учению сводится сущность государственной власти. Отвлеченно представляя себе «людской состав», как механически очерченый «элемент», он выхолащивает все классовое содержание из государственного аппарата. По его концепции допускается механический разрыв между господствующим классом и «системой людей», долженствующей проводить политику этого класса, т.-е. государственным аппаратом, в то время, когда государственный аппарат является организацией господствующего класса, его государственно-организационной формой. В диалектическом развитии об'ективной реальности указанные явления обусловливают совершенно иные связи и взаимоотношения, ибо класс, организуясь в господствующий, превращается в систему органов государственной власти, а государственный

[1]) См. Дурденевский, В., Совет Народных Комиссаров («Сов. Пр.», № 1, 1922 г., стр. 53).

[2]) Тоцкий, Н., Госплан РСФСР и проблема правового строительства («Бюллетень Госплана РСФСР», № 4, 1926 г., стр. 24).

[3]) Магеровский, Д., Государственная власть и государственный аппарат, стр. 92.

[4]) Там же, стр. 93.

аппарат—из формы переходит в содержание, становясь принципом внутреннего построения этого класса и в то же время внешним его оформлением. Для Д. Магеровского важны лишь выхолощенные понятия, абстрактные схемы и механические связи, с неизбежностью логики ведущие в болото бесклассовых буржуазно-государственных теорий и оппортунистического стушевывания классовой сущности явлений.

Функции органов гоударственной власти Д. Магеровский понимает также формально-догматически. В своей теории он предлагает своеобразную классификацию функций, по которой каждый орган государственной власти осуществляет резко очерченный круг различных функций, отличаясь друг от друга «как по количеству функций, так и по об'ему их» [1]). Кроме самого списка функций, явно выдуманного Д. Магеровским (напр., декларационной, конструирующей, координационной, плановой, нормотворческой, административной, контрольной, юрисдикционной, судебной, информационно-учетной и т. д.), большие сомнения вызывает механическое распределение их по отдельным ступенькам лестницы органов советской системы. Сама механика распределения функций по органам власти по схеме Д. Магеровского является лишь в известном смысле формальной переделкой буржуазной теории разделения властей. Совершенно непонятным является, почему судебная функция «приписана» лишь к Президиуму ЦИК'а и почему этой важной функции лишены такие органы, как ЦИК и СНК [2]). Очевидно, Д. Магеровский и в наших условиях находит возможным особо отделить власть судебную (механически заменив ее понятием «функция») от законодательной и исполнительной. Трудно понять, почему ЦИК Союза лишен функции декларационной, а его Президиум и СНК—учетно-информационной. Без всяких оснований Всесоюзный С'езд Советов Д. Магеровским лишен законодательной функции. Почему же у государственных актов, принятых С'ездом Советов Союза, как верховным органом власти в порядке ст. I Конституции Союза, нет и никогда не будет «конкретности, необходимой для закона»? [3]). Несостоятельность всей классификации, не имеющей никакого практического и научного смысла,— очевидна. Она лишний раз подчеркивает несостоятельность абстрактно-догматического подхода Д. Магеровского и перенесения им буржуазных теорий на советскую почву, хотя бы под видом новых классификаций и систем, внешне одетых в марксистские фразы.

Из «абстрактного определения» исходит Д. Магеровский и в своих рассуждениях о демократии. Под демократией он понимает «общественный строй, характеризующийся самоуправлением народа на основе равенства и свободы» [4]). Не приходится долго доказывать, что и в данном случае Д. Магеровский допускает явно оппортунистическую установку. Демократия по Д. Магеровскому потеряла свой классовый характер: она лишь «общественный строй». Необходимо напомнить, что тов. Ленин нам оставил совершенно иное учение о демократии. По Ленину «демократия есть одна из форм государства» [5]), и имеет строго определенный классовый характер. Критикуя абстрактное определение демократии, «демократии вообще», он писал, что «подобная постановка вопроса о вне- или надклассовой течке зрения, как бы с точки зрения всего народа, является прямой насмешкой над основным учением социализма, а именно над учением о классовой борьбе»... [6]). Такой насмешкой над учением социализма, учением о классовой борьбе, является именно теория Д. Магеровского, по которой демократия характеризуется

[1]) «Основы советского права», стр. 22.

[2]) Магеровский, Д., СССР, стр. 37—43.

[3]) «Основы советского права», стр. 36.

[4]) «Советское Право», № 6, 1927 г., стр. 12.

[5]) Ленин, Н., Собр. соч., т. XIV, ч. 1, стр. 61.

[6]) Ленин, Н., Собр. соч., т. XVI, стр. 36.

лишь «самоуправлением народа», а не своей классовой сущностью. Формулировка Д. Магеровского свободно может быть подхвачена представителями социал-демократии, имеющими в виду так называемую «чистую демократию», в которую по их учению врастает буржуазное государство в результате реформистского «руководства» и эволюционного выветривания классовых противоречий. По их теории уже в современном демократическом государстве «использование государственного аппарата для целей эксплоатирующих классов не принадлежит к его сущности и не связано с ним неразрывно» [1]. Д. Магеровский, не замечая социал-демократической сущности своего учения, продолжает мысль логически до конца, заявляя, что эпоха отмирания государства будет эпохой уничтожения классов, эпохой социализма и полного демократизма [2]. Выходит, что демократия, как «общественный строй», а не форма классового господства и угнетения, останется и после отмирания государства. Опять-таки по этому вопросу мы имеем существенное расхождение между учением Д. Магеровского и Ленина. Ленин отчетливо подчеркивал, что «чистая демократия есть лживая фраза либерала, одурачивающего рабочих» [3] и что «уничтожение государства есть уничтожение также и демократии», а «отмирание государства есть отмирание демократии» [4]. Ленинская постановка вопроса возможна лишь при наличии четкого классового, революционно-диалектического подхода, чего мы, к сожалению, не находим у Д. Магеровского. Поэтому и его абстрактно-формальный подход дает богатую почву для сближения его теории с идеологией современной социал-демократии.

Формально-юридически Д. Магеровский подходит к советскому избирательному праву. По его учению советское избирательное право представляется в виде системы «социальных норм». Почему «социальных»? Очевидно, и в данном случае он не решается стать на открыто-классовую точку зрения и, маскируя свою действительную сущность грудой цитат из Ленина и параграфов декретов, заменяет понятие «классовое»—«социальным». Подчеркивая, что «понимание с о ц и а л ь н о й (разрядка наша. *А. С.)* природы государственного аппарата является характернейшей чертой ленинского учения о государственном аппарате» [5], избирательное право он считает лишь «организующим началом, при помощи которого подбирается л ю д с к о й с о с т а в (разрядка здесь и ниже наша. *А. С.)»* [6], и осуществляется стремление «при помощи с о ц и а л ь н ы х норм закрепить те с о ц и а л ь н ы е отношения, которые связывают государственный аппарат с производственными единицами» [7].

Как видно из приведенных выше положений Д. Магеровского, на место классовой теории советского избирательного права преподносится абстрактное, смазывающее классовый характер, расплывчатое учение о «людском составе», системе «социальных норм» и «социальных отношений». Даже там, где в силу необходимости ему приходится говорить о классовом принципе, он все же находит для себя более удобным использовать заимствованный у неокантианцев «ценностный принцип» [8]. При помощи «ценностного принципа», а не об'ективных экономических и классовых причин он об'ясняет различие между рабочим классом и крестьянством, проводимое в избирательных нормах советского права. Необходимо запомнить слова т. Ленина, что «пока остается классовая разница между рабочим и крестьянином, мы не можем

[1]) K a u t s k y, K., Die materialistische Geschichtsauffassung, B. II., стр. 598.
[2]) «Советское Право», № 6, 1927 г., стр. 15.
[3]) Л е н и н, Н., Собр. соч., т. XV, стр. 457.
[4]) Л е н и н, Н., Собр. соч., т. XIV, ч. 2, стр. 363.
[5]) и [6]) «Основы советского права», стр. 20.
[7]) Там же, стр. 21.
[8]) «Советское Право», № 6, 1927 г., стр. 18.

говорить о равенстве» [1]). «Ценностные принципы», как и многие другие неокантианские по существу идеалистические принципы, к ленинскому учению отношения не имеют, а, наоборот, являются по отношению к нему прямо противоположными и враждебными.

Неверно и политически вредно Д. Магеровский трактует вопрос о с у в е р е н и т е т е союзных республик. Допуская, что советские республики, входящие в федерацию «сохраняют свой суверенитет», он делает своеобразную оговорку, по существу «снимающую» суверенитет союзных республик. Этот суверенитет, по его теории, «проявлялся» до заключения договора, «не проявляется» в момент существования федеративных отношений и «может проявиться» в одностороннем акте выхода из состава Союза. «Этот своеобразный характер власти союзных республик,—говорит он,—заставляет нас ввести новое юридическое понятие — понятие п о т е н ц и а л ь н о г о с у в е р е н и т е т а» [2]). Это новое понятие «потенциального суверенитета», по его мнению, «создает юридическое выражение для политического требования на государственное отделение». Суверенитет в этом смысле у союзных республик в настоящее время реально существует, но «не проявляется». Вот и вся новая теория суверенитета. Но какие выводы из нее вытекают? Прежде всего, необходимо ответить на вопрос: что является содержанием суверенитета союзных республик? В данном случае мы вполне присоединяемся к положению Г. С. Гурвича, что «право нации на самоопределение и есть ее суверенитет», который «государства, члены Советского Союза, сохраняют всегда и полностью» [3]). «Право на самоопределение наций, — учил тов. Ленин, — означает исключительно право на независимость в политическом смысле, на свободное политическое отделение от угнетающей нации», а «это требование вовсе не равносильно требованию отделения, дробления, образования мелких государств. Оно означает лишь последовательное выражение борьбы против всякого национального гнета» [4]). В данном случае речь идет «об о д н о й из форм п о л и т и ч е с к о г о гнета...» [5]). Октябрьской революцией этот гнет был уничтожен, «недостаточной политике лжи и недоверия, придирок и провокации» был положен конец. Она была заменена «открытой и честной политикой, ведущей к полному взаимному доверию народов России». Государственно-правовой формой отношений д е й с т в и т е л ь н о г о р а в е н с т в а и с в о б о д ы, в з а и м н о г о д о в е р и я и н е з а в и с и м о с т и н а р о д о в на место н а ц и о н а л ь н о-п о л и т и ч е с к о г о г н е т а я в л я е т с я с у в е р е н н о с т ь с о ю з н ы х р е с п у б л и к. В этом смысле суверенитет понимается и в декларации прав народов России [6]), в этом смысле он существует в советском государстве не формально «на бумаге» и не в «потенции», а на самом деле, реально, фактически, «всегда и полностью». По Д. Магеровскому суверенитет союзных республик «не проявляется», следовательно, он нереален, так как не приходится говорить о реальности отношений, которые никак не проявляются. По логике его учения, суверенитет, как об'ективная реальность, превращается в своеобразную кантианскую «вещь в себе». Конечно, об этом заявить Д. Магеровский не решается, он, ведь, «марксист» и говорит о суверенитете, как о реальности. Но необходимо лишь вспомнить, что об'ективная реальность, которая никак «не проявляется», остается вне времени, пространства, движения и т. д. Д. Маге-

[1]) Л е н и н, Н., Собр. соч., т. XVI, стр. 210.
[2]) М а г е р о в с к и й, Д., Союз Советских Социалистических Республик, стр. 34.
[3]) Г у р е в и ч, Г., Принципы автономизма и федерализма в сов. сист. М. 1924 г., стр. 73.
[4]) Л е н и н, Н., Собр. соч., т. XIX, стр. 171.
[5]) Л е н и н, Н., Собр. соч., т. XIX, стр. 182.
[6]) См. «Декларация прав народов России», С. У., от 4/XII 1927 г., № 2, стр. 18.

ровский в своих рассуждениях, по всей вероятности, допускает лишь движение абстрактных понятий, мыслей, представлений..., хотя оторвать движение от материи, мышление от об'ективной реальности, ощущение от внешнего мира означает по учению тов. Ленина «перейти на сторону идеализма» [1]). С этим необходимо считаться, из этого необходимо исходить. Исходя из этой установки, теорию Д. Магеровского логически можно привести к следующему: суверенитет союзных республик — в потенции, следовательно, сами союзные республики, как суб'екты государственно-правового отношения пока еще—в потенциальном положении и не в состоянии разрешать вопросы своей независимости. Поэтому и их суверенитет—в потенции, в будущем, в «возможности», а в настоящее время остается лишь идея, об'ективная реальность которой «не проявляется», пустой лозунг о равенстве и братстве народов и их обман революционной фразой.

Такова теория советского государства по Д. Магеровскому, скрывающая под вуалью левой фразы гнилые корни оппортунизма.

---

[1]) Ленин, Н., Материализм и эмпириокритицизм, М. 1920 г., стр. 271.

Н. Ежов, Л. Мехлис, П. Поспелов.

Правый уклон в практической работе и партийное болото.

1. Правый уклон на практике.

1.

Борьба с правым уклоном в нашей партии, в особенности с его проявлением в практической повседневной работе, вступает в новую полосу своего развития.

Теоретические положения партии, содержащиеся в резолюциях с'ездов, конференций и ЦК,—представляют собой руководство к действию партийных рядов в деле социалистического строительства. Между тем, как это ни странно, значительные прослойки партийцев не осознали до сих пор, что решения партии о борьбе с правым уклоном не могут ограничиваться только голосованием ими определенной резолюции, осуждающей правых. Принятие резолюции о борьбе с правой опасностью в рядах партии является только предпосылкой к практическим мероприятиям по осуществлению генеральной линии партии.

Основные партийные кадры и партия в целом не только теоретически осознали необходимость борьбы с правым уклоном, но и ведут упорную борьбу за преодоление правого уклона как в области теоретического, так и в области практического его проявления. Однако, давно не везде борьба с правым уклоном в практической работе поставлена на должную высоту. Мы все еще можем встретить партийцев, которые полагают, что их дело проголосовать за резолюцию, а практическое ее проведение в жизнь—дело руководящих органов. Принятие резолюций о борьбе с правым уклоном не гарантирует еще развернутой борьбы с правыми тенденциями в практической работе, поскольку до сих пор не все члены партии мобилизованы на проверку повседневной практической работы под углом зрения осуществления генеральной линии партии и борьбы с правой опасностью. Можно констатировать, что решения организаций, вскрывающие правые ошибки в практической работе, были до последнего времени сравнительно редки. Между тем, ряд фактов, имевших место за последние месяцы, говорит о том, что правые тенденции в практической работе—явление довольно распространенное.

Кстати заметим, что одним из серьезнейших недостатков в проводимой чистке партийных рядов является тот факт, что вопросу о борьбе с правым уклоном в практической работе не всегда уделяется при чистке достаточное внимание.

Чем об'яснить, например, что партийная чистка в Тульском губфинотделе прошла гладко? Что основная болезнь губфинотдела не была выявлена?

Тульский губфинотдел проявлял чрезмерную заботливость о частнокапиталистическом секторе хозяйства. «Еще совсем недавно, — сообщает

«Правда»,—улица Коммунаров цвела вывесками торговцев - галантерейщиков. Они чувствовали себя господами положения, за их спиной стоял губфинотдел. ЦРК выбивался из сил, чтобы закрепить за собой галантерейный рынок, а губфинотдел отвечал: «ЦРК один не справится. Надо удержать рынок, а то будет брешь». Кооперация долго не могла справиться с напором частников, скупавших скобяные изделия. Зав. губфинотделом, он же председатель губплана, Игнатов издал приказ: «На скобянщиков не нажимать» («Правда» № 179). Ко всему этому следует добавить «снисходительное» отношение аппарата губфинотдела к частнику в области налогов, недообложение частно капиталистических элементов и т. п.

Основная язва аппарата Тульского губфинотдела—правая линия в практической работе и связь с чуждыми элементами и т. п.,—оказалась не вскрытой при партийной чистке. Подобные факты—не единичны и подтверждают, что чистка партии во многих случаях *еще не вылилась в смотр повседневной работы партийных ячеек и отдельных членов партии, в проверку проведения генеральной линии партии на практике.*

Правая линия в повседневной практической работе может проистекать в силу целого ряда причин. Эту линию могут вести открыто правые, остающиеся местами на своих руководящих постах; ее проводят скрытые правые,—такие, несомненно, имеются в рядах партии. Болотные прослойки партии, деляческие элементы,—все это на данном этапе преимущественно резервы правой линии в практической работе. Само собой разумеется, что сюда должны быть причислены разложившиеся в морально-бытовом отношении и выполняющие волю враждебных нам классов, как это имело место в Астрахани, Смоленске и др. организациях. Не исключена возможность правых ошибок в практической работе в силу теоретической неграмотности отдельных членов партии, в том числе и из актива. Некоторых коммунистов, недостаточно теоретически грамотных, предохраняет от правых ошибок классовое чутье, но не у всех прослоек нашей партии, имеющей в своих рядах и непролетарские элементы, оно развито.

Трудности борьбы с правым уклоном и его проявлением в практической работе вытекают из того, что иногда отдельные организации, а равно и члены партии, голосуя за генеральную линию партии, на практической работе проводят линию правого уклона. Например, в Астраханской организации по части принятия резолюций против правых, как известно, дело обстояло более или менее благополучно. Окружком и ячейка выносили сотни резолюций о борьбе с правым уклоном, за социалистическую индустриализацию страны, проведение самокритики и т. п. На практике же господствовала система «зажима» и капитуляция перед частным капиталом, сдача ему позиций в Астраханской рыбной промышленности и морально-бытовое разложение значительной части актива.

В Бакинской организации тоже своеобразное положение—руководители «декларировали» за генеральную линию партии, против правого уклона, за самокритику. А на деле господствовала система зажима, самокритику разворачивали в лучшем случае в ячейковом масштабе, не допуская критики ошибок бакинского руководства. По вопросу о положении с самокритикой актив Баку отмечает единогласно резолюцией: «Подлинная большевистская действенная самокритика снизу была развернута далеко не достаточно. Борьба с зажимом самокритики не только слабо проводилась, но иногда этот зажим осуществлялся самим партийным руководством (дело Артака). Актив отмечает, что баиловские товарищи (Артак, Шатуновская, Воронин и др.) своевременно сигнализировали об ошибках руководства в области самокритики, борьбы с правой опасностью, в вопросе о кадрах и т. п. Тем не менее руководство совершенно не приняло во внимание этих правильных указаний, а наоборот, об'явило баиловских товарищей клеветниками и беспринципными склочниками» («Правда», № 178).

Словом, в отдельных организациях и ячейках сложилась довольно своеобразная система: самокритика — критикуй других, но не местное «начальство»; правая опасность—это дело резолюций, говори о правом уклоне вообще, но не о его конкретных проявлениях в повседневной практической работе. Между тем нельзя серьезно говорить о борьбе с правым уклоном, с его проявлением на практике при системе руководства «говори о чем угодно, только не о «домашних» делах губернии, округа и т. п.». Надо считать бесспорно установленным,—таков опыт Смоленска, Астрахани, Баку и др. организаций, что зажим в самокритике является лучшим свидетельством общего неблагополучия в организации, в проведении политической линии партии и т. п. Отсутствие самокритики—*лучшая защитная форма бюрократов, разложившихся элементов и правой линии в повседневной практической работе.*

II.

Возьмем примеры Астрахани, как наиболее яркие в этом отношении и заслуживающие самого тщательного анализа.

Чрезвычайно характерно, что все астраханское дело было вскрыто не нормальными методами самокритики, что партийная и рабочая масса проявила пассивность и замкнутость. Как установлено, всякие попытки критики «начальства» там подавлялись, тотчас же критиков подводили под бузотеров, склочников, привлекая «виновных» на скамью подсудимых. Например, рабочего - коммуниста, члена ячейки Астраханского торготдела, где больше всего было развито взяточничество и работа проводилась под диктовку частника, за попытку бороться с безобразиями в торготделе арестовали, а впоследствии уволили. Подобный факт мог иметь место только потому, что в Астрахани господствовала система круговой поруки верхушки организации, что самокритика там всячески подавлялась. Как говорят, в Астрахани и «вороны» знали о взяточничестве в советском аппарате, о разложении советско-партийной верхушки, но... партийная организация молчала.

Боязнь репрессий, обывательское настроение членов партии—«моя хата с краю»—являются типичными не для одной Астрахани. Пассивность партийных масс в обстановке морально-бытового разложения верхушки организации—показатель и результат слабости партийной организации в целом, ее непролетарского состава, засоренности советского аппарата чуждыми элементами и т. п. Достаточно указать, что в ЦРК из нескольких сот сотрудников рабочих было всего 13 человек, а в горкоммунотделе на 197 сотрудников — ни одного рабочего.

Неудивительно поэтому, что Астрахань является «образцом» извращения классовой линии в практической работе. Вот, например, перед нами ответственная комиссия Астраханского губкома по частному капиталу. Комиссию возглавляла руководящая верхушка организации, голосовавшая против правых и примиренцев. А что делали эти товарищи в своей практической деятельности? Увязывали ли они линию партии по индустриализации страны, борьбе с частным капиталом и т. п. с повседневной своей работой?

В 1926 г. Оргбюро ЦК слушало доклад о состоянии Астраханской организации, и тогда было обращено внимание, что *с ростом частного капитала в рыбной промышленности неблагополучно.* Несмотря на это предупреждение, астраханцы «заботились» о развитии хозяйства вообще. И частнокапиталистические элементы нашли благоприятную почву для своего роста и разложения советского аппарата.

В 1928 г. во время весенней путины классовый враг почувствовал себя настолько окрепшим, наглость астраханских нэпманов приняла такие раз-

меры, что они пред'явили местным органам власти ультиматум—требование увеличения нормы заготовок, угрожая в противном случае уходом с рынка. Совершенно очевидно, что классовый враг был в составе экономических организаций Астрахани на положении «незаменимых совработников».

Какое же решение выносит комиссия губкома по регулированию частного капитала? Заговорила ли в ней классовая совесть? Нет, она капитулирует перед частником, вынося такое постановление:

«В виду того, что практика регулирования торготдела привела к тому, что рыбопромышленные фирмы сдают свои патенты и отказываются от дальнейшей деятельности, в виду того, что фиск пострадает от этого, и в виду еще целого ряда причин—подвергнуть пересмотру методы регулирования в сторону увеличения норм частным рыбопромышленным фирмам».

Отбросим на момент элементы морально-бытового разложения, которое захватило значительную часть актива организации и бесспорно сыграло свою роль в деле капитуляции перед классовым врагом. Бытовое загнивание, пьянство и т. п. в условиях нэпа всегда ведет к смычке с частником, к искривлению классовой линии. Попытаемся разобрать вопрос в целом, отыскать те источники, которые питали этот расцвет капитулянтства перед частнокапиталистическими элементами.

Во всем народном хозяйстве СССР мы имеем быстрый рост социалистического сектора хозяйства. Вытеснение частнокапиталистических элементов идет не только относительно, но на отдельных участках и абсолютно. Анализ данных с 1925/26 по 1928/29 гг. показывает несомненный относительно более быстрый рост обобществленного сектора и падение роли частнокапиталистического. И по линии валовой продукции, и по товарной массе, и по движению фондов, и, наконец, по численности наемного труда идет процесс укрепления позиций социализма в нашей стране. Такова же в основном картина распределения народного дохода—с 1924/25 по 1928/29 гг. доля обобществленного сектора в национальном доходе возросла с 38,8% до 52,4%.

Пятилетний план хозяйственного строительства, утвержденный XIV всесоюзной партконференцией, предусматривает дальнейший решительный рост социалистического сектора города и деревни. В с. х. этот рост будет происходить за счет строительства совхозов, организации бедняцко-середняцких масс в коллективы и вытеснения кулацких хозяйств.

Однако, пока что роль необобществленного сектора не одинакова по различным отраслям хозяйства. Например, в 1927/28 г. по данным Госплана удельный вес секторов в народном доходе распределялся по основным отраслям хозяйства так (в %%):

	Госуд. сектор.	Коопер. сектор.	Частный сектор.
1. Земледелие	2,3	1,2	96,6
2. Рыболовство и охота	48.6	20,8	39,6
3. Крупная промышленность	90.5	8,1	1,4
4. Мелкая промышленность	3,5	27,1	69,4
5. Транспорт и связь	190	—	—
6. Торговая выручка	22,0	57,3	20,7

Наиболее прочно наше положение, как видно, в крупной промышленности, транспорте и связи,—это наши хозяйственные командные высоты. Более слабые участки—рыбная промышленность, земледелие, торговля и мелкая промышленность.

Астрахань, где рыбное хозяйство играет первенствующую роль в экономике края, принадлежит к числу более слабых участков нашего хозяйственного фронта. К тому же в Астрахани процессы хозяйственного развития имели тенденцию, обратную той, которую мы видели во всем хозяйстве СССР. Частный капитал рос не только абсолютно, но и относительно, отвоевывал позицию за позицией в астраханской рыбной промышленности, в главнейшей отрасли астраханского хозяйства. В 1923 г. частник в рыбной промышленности занимал 3,8%, в 1924 г. его роль резко поднялась—до 17,7%, в 25 г. до 25%, в 26 г.—24,4%, в 27 г.—22,3%, в 28 г.—24%.

Быстрый темп индустриализации страны, проводимый партией на основе решений XV партс'езда, укрепляет командное положение социалистических элементов народного хозяйства и диктатуру пролетариата. Но процесс нашего хозяйственного и политического роста протекает в диалектических противоречиях. Отсюда на общем фоне поступательного движения в деле социалистического строительства показываются отдельные темные пятна.

Частокапиталистические элементы расположены неравномерно во всех отраслях народного хозяйства, во всех районах нашего Союза. На целом ряде участков заметен положительный процесс—абсолютное вытеснение частного капитала. Однако, неравномерность распределения и роста частнокапиталистических элементов ведет к тому, что на других участках капиталистические и полукапиталистические хозяйства возрастают и абсолютно и относительно. Развернутое социалистическое наступление на капиталистические элементы города и деревни, обострение классовой борьбы, трудности реконструктивного периода способствуют консолидации, сплочению и революционной закалке партийных рядов.

С другой стороны, при слабости партийного руководства, наличие частного капитала, рост его, а тем более преобладание на том или ином участке, являются одним из источников, которые питают извращения классовой линии, питают разложение среди наименее стойкой, непролетарской части нашей партии. При этом морально-бытовое разложение причудливо переплетается с правой линией в практической работе, с капитуляцией перед классовым врагом.

В такой обстановке—значительного удельного веса капиталистического сектора хозяйства, при слабой пролетарской прослойке, при специфических условиях промысловой работы, при значительном влиянии мелкобуржуазной стихии на известные слои астраханского пролетариата—работал советский и партийный аппарат Астрахани. Из этой об'ективной обстановки отнюдь не вытекали еще с фатальной необходимостью морально-бытовое разложение и капитуляция перед классовым врагом.

Но эта обстановка, на ряду с общей слабостью партийной организации, непролетарским составом ее, отсутствием большевистских традиций, совершенно недостаточной работой по идеологическому воспитанию партийцев, при отсутствии самокритики—способствовала морально-бытовому разложению и расцвету правооппортунистических тенденций в практической работе, создавала предпосылки для потери астраханцами перспектив социалистического строительства.

Характерно, что искривление классовой линии имело место почти во всей рыбной промышленности СССР—в Астрахани, Аральске, Балаклаве и Архангельске. Очевидно, в деле проведения правого уклона в практической работе в рыбной промышленности повинны и некоторые центральные планирующие и регулирующие органы. Прошедший недавно в Москве с'езд уполномоченных ловецкой кооперации показал, что Всекопромрыбаксоюз непосредственно санкционировал правую линию в практической работе, недооценивал обострения классовой борьбы в городе и деревне. Например,

заместитель председателя Совета Всекопромрыбаксоюза, член ВКП(б), уполномоченный НКЗ заявил на с'езде: «Принимая во внимание, что вопросы классового подхода в рыбацкой деревне имеют более глубокое значение, чем в деревне вообще, необходимость развертывания крупного морского рыболовства (в частности, красноловья в Каспийском море, аломанского лова хомсы в Керченском проливе и т. д.) вынуждала к некоторым послаблениям в деле проведения классовой линии». («Правда» № 182).

Неудивительно, что комиссия Астраханского окружкома по регулированию частного капитала, потеряв классовое чутье, обеспокоилась, когда частник пред'явил ей ультиматум об уходе с рынка. Как же, рассуждали члены комиссии,—пострадает фиск. Тот факт, что государственная промышленность терпит ежегодно 2 милл. руб. убытка от недогрузки, комиссию не интересует, она заботится о полной загрузке частника, чтобы... местный бюджет получил 300—400 тыс. рублей.

Деляческие мотивы витают над астраханцами в повседневной работе. Они не хотят видеть, что соотношение классовых сил в результате их забот о местном бюджете изменилось в пользу капиталиста. Какое им дело до «более решительного наступления на капиталистические элементы города и деревни»? При чем тут необходимость борьбы с правым уклоном как главной опасностью и примиренчеством к нему? Это вопросы резолюций, за которые они голосовали. Их не смей заподозрить в правом уклоне!

Другое дело—практическая работа, а не голосование резолюций. Тут местный бюджет противопоставляется общегосударственному, задачи социалистического строительства стушевываются перед «трудностями»... окружного масштаба.

Узкое делячество, то здесь, то там прорывающееся в практической работе, местничество — столь развитое в отдельных организациях, — они являются характерными элементами партийного болота, неизбежно свидетельствуют о потере перспективы социалистического строительства и ведут к правой практике в повседневной практической работе.

Однако, надо помнить, что в наш «век» даже оппортунистическая практика, граничащая с классовым предательством,—даже она пытается теоретически себя обосновать, чтобы «уложиться» в рамки линии партии. В 1928 г. зав. АПО Астраханского губкома при обсуждении вопроса об удельном весе частника в предстоящей весенней путине заявил:

«Очень легко, товарищи, одним росчерком пера снять частный капитал, но нет ни одной директивы ни последнего ноябрьского пленума ЦК, ни в решениях партс'езда о том, чтобы росчерком пера ликвидировать нэп. Поэтому нужно подходить к этому вопросу осторожней, нужно учесть политическую сторону вопроса».

Абстрагироваться от политической стороны вопроса о роли частного капитала в нашем хозяйстве, понятно, не следует. И наш автор выступает в защиту нэпа, полагая, что сокращение роли частника есть отмена нэпа. По этой теории выходит, что наступление на капиталистические элементы возможно вести лишь тогда, когда будет директива с'езда о ликвидации нэпа. Все прочие резолюции партии — о более решительном наступлении на капиталистические элементы, о борьбе с правым уклоном и т. п., не имеют отношения к вопросу об удельном весе частника в рыбной промышленности. И эта теория защиты развития частного капитала подносится под флагом сохранения нэпа. К сожалению, следует отметить, что это выступление не получило на заседании окружкома никакого отпора, наоборот, некоторые солидаризировались с ним. Неудивительно поэтому, что частнокапиталистические элементы, подкрепленные «ленинской теорией» в астраханской интерпретации, чувствовали себя прекрасно, «мирно врастали» в систему советского аппарата Астрахани, подкупив его основные звенья.

Морально-бытовое разложение части актива в Астрахани является тем фактором, который способствовал усилению частного капитала в рыбной промышленности. В условиях зажима самокритики в организации частнику удалось подкупить все важнейшие регулирующие и контролирующие звенья советского аппарата. Торговый отдел, финансовый и суд стали агентурой частнокапиталистических элементов. Необложение частника приняло колоссальные размеры, ему же был открыт госкредит. Частник, по собственному признанию, чувствовал «золотое время».

Астраханское дело является ярким примером, где мещанство в личной жизни и морально-бытовое разложение коммунистов тесно переплетаются с делячеством и открыто-правым уклоном на практике, выливаясь в форму капитуляции перед капиталистическими элементами и предательства интересов рабочего класса. В результате «машина едет не туда, куда ее направляют, а туда, куда направляет кто-то, не то нелегальное, не то беззаконное, не то бог знает откуда взятое, не то спекулянты, не то частнохозяйственные капиталисты, или те и другие». (Ленин, XVIII т., ч. 2, стр. 32).

Оппортунизм в практической работе — распространенное явление, он принимает различные формы. Противоречивые условия нэпа, рост частнокапиталистических элементов в нашем хозяйстве, трудности реконструктивного периода, обострение классовой борьбы, значительная роль мелкотоварного крестьянского хозяйства — способствуют потере менее устойчивыми членами партии перспектив социалистического строительства и скатыванию к открыто оппортунистическому правому уклону или в болото обывателя, ставящего превыше всего вопросы личного благополучия.

Это перерождение совершается не сразу, оно происходит медленно, и незаметно для самих об'ектов. На первых порах они работают честно, стараясь плыть по течению, работая без перспектив. «Результаты ясные: сначала они обкладываются плесенью, потом они становятся серенькими, потом их засасывает тина обывательщины, а потом они превращаются в заурядных обывателей. Это и есть путь действительного перерождения» (Сталин, доклад на XV с'езде).

Партобыватель больше всего дорожит спокойствием в работе, он всячески стремится избежать толчков... «Зачем теснить частника, справится ли кооперация?». «Надо ли обострять отношения с зажиточной частью деревни?» «Нельзя ли получить хлеб без обострения классовой борьбы?». Такова практика значительной части партийного обывателя, такова идеология и практика правых уклонистов.

Партийный мещанин отражает различные уклоны от партийной линии — и правые и «левые». Неправ тов. Л. Шацкин — на прочих ошибках его статьи мы остановимся ниже — в своем утверждении, что партийный обыватель отражает только правый уклон. Он пишет: «Короче говоря, партобыватели в массе своей — не только завтрашние правые. Они и сегодня представляют существенный внутрипартийный резерв правой фракции» («Комсомольская Правда» № 137).

Для партобывателя характерна беспринципность. Хозяйственная и политическая кон'юнктура способны качнуть его в ту или другую сторону. В период троцкистских атак на партию, в период трудностей не мало партийного болота заполнило ряды троцкистов. Опыт показывает, что часто в период особых трудностей партобыватели становятся на крайний фланг той или другой оппозиции. Шацкин явно недооценивает — такова характерная черта его статьи — возможность троцкистских рецидивов со стороны пар-

тийного болота. Однако, на данном этапе партийное болото больше всего переплетается с правым уклоном в повседневной практической работе.

Для партобывателя местничество и делячество — характерные черты. К принципиальным вопросам он относится с отвращением. Но больше всего он ненавидит самокритику, которая-де срывает «спокойную» работу. А отсутствие самокритики, как мы видели, содействует росту бюрократизма, притуплению классового чутья и правой линии в практической работе. Партобыватель в практической работе чрезвычайно часто проводит открыто оппортунистическую линию правого уклона.

Самокритика — важнейшее оружие партии против правого уклона в практической работе, против искривления классовой линии. Зажим самокритики ведет к тому, что ошибки незаметно накапливаются, превращаясь в систему. Самокритика же не только исправляет допущенные ошибки, но дает возможность партии и ее кадрам учиться на ошибках и уже во всяком случае не допускает превращения их в систему.

III.

Осуществление решений XV партийного с'езда о темпе индустриализации и социалистическом переустройстве деревни создает условия для изживания болотных настроений в партии и «астраханщины» в политике и быту. Однако, осуществление этой линии требует смелого вовлечения в дело социалистического строительства миллионов трудящихся и в первую очередь пролетариев города и деревни. Особую роль приобретает воспитание устойчивых партийных кадров, выдвинутых на хозяйственную, профессиональную и пр. работу. Отсюда — борьба за улучшение партийных кадров, за решительное выдвижение рабочих на руководящую работу, за проведение самокритики в жизнь—один из способов борьбы с искажениями классовой линии в практической работе.

Рост частнокапиталистического сектора хозяйства, неравномерность его распределения по районам и отраслям хозяйства, обострение классовой борьбы сказываются особенно чувствительно на сельскохозяйственном фронте. Важность этого участка вытекает из того, что именно здесь основная база капитализма — мелкотоварное хозяйство и что «удельный вес кулачества в деревне во сто крат выше, чем удельный вес капиталистов в городской промышленности» (Сталин. Вопросы и ответы, стр. 12). Тут простор для правых ошибок чрезвычайно велик и тем более, что партийные кадры на селе наименее устойчивы.

Наши щупальцы в деревне до сих пор довольно слабы. Надо сказать, что на этом участке мы встречаем явления, которые по своему социально-экономическому значению должны приковать наше внимание. Слабость партийной прослойки в деревне, засоренность ячеек кулацкими и зажиточными элементами, политическая неграмотность коммунистов на селе, — все это требует максимальной мобилизации всех сил партии по борьбе с извращениями классовой линии в практической работе, какими бы мотивами это извращение ни побуждалось.

Мы имеем значительные достижения в области социалистического переустройства деревни, но они явно недостаточны в обстановке реконструктивного периода, обострения классовой борьбы. Выполнение пятилетнего плана народного хозяйства, в том числе плана по социалистическому переустройству деревни, должно решительно видоизменить соотношение сил на с.-х. участке нашего строительства. Надо отчетливо осознать, что астраханщина стимулируется противоречивыми условиями нэпа, наличием, а тем более ростом частнокапиталистических элементов хозяйства, обострением классовой борьбы и находит себе наиболее благодарную почву там, где сравнительно слаб обобществленный сектор.

Деревня, несомненно, наиболее благодарная почва для искривления классовой линии в практической работе, для перерождения отдельных клеточек партии и советского аппарата. Правых извращений, понятно, не мало по линии городской промышленности, советского аппарата и т. п., их никоим образом нельзя недооценивать. Бюрократизм — основная болезнь нашего государственного, профсоюзного, кооперативного и партийного аппарата... Его экономический корень — мелкобуржуазная стихия.

Расстановка классовых сил в деревне резко отличается от положения в городской промышленности. Середняк продолжает оставаться «центральной» фигурой в деревне, его удельный вес наиболее значителен. Советская экономическая политика способствовала поднятию бедняцких хозяйств и сдерживала рост кулачества, создавая одновременно коллективные формы хозяйства. Однако, как это констатирует Госплан, «до 1927/28 г. положение сельскохозяйственного мелкотоварного и полунатурального производства порождает больше элементов капиталистических отношений, нежели социалистических (колхозы). Производственная база обобществленного сектора еще столь слаба, что она пока не служит сколько-нибудь серьезным противодействием развитию капиталистических отношений» (Контрольные цифры на 1928/29 г., 94, разрядка наша).

За последние годы положение несомненно изменилось в более благоприятную сторону. Создалась об'ективная обстановка для более быстрого, чем в первые годы нэпа, роста обобществленного сектора хозяйства на селе. Колхозное и совхозное строительство нашло колоссальный отклик в бедняцко-середняцких массах деревни. Кулак почувствовал основную силу, которая направлена против него. Посевы его в целом ряде районов сокращаются. Наоборот, посевная площадь обобществленного сектора и бедняцко-середняцких масс расширена. Однако, деревня продолжает оставаться тем участком, где извращение классовой линии наиболее распространенное явление, ибо в мелкотоварном хозяйстве капитализм имеет наиболее глубокие экономические корни, рождаясь ежечасно... Лишь всемерное выполнение темпа индустриализации, развитие колхозов и совхозов — очагов социалистической экономики в с. х. — способно в корне подорвать предпосылки к перерождению партийно-советских клеточек на селе. Эту линию и осуществляет партия на основе решений XV партс'езда. Однако, этот основной рычаг должен, понятно, координироваться и иными способами воздействия в отношении суб'ективных носителей извращения классовой линии в практической работе.

Попытаемся на ряде фактов посмотреть проявления правого уклона в практической работе на селе. К этому участку необходимо особенно приковать внимание в связи еще с тем, что мы вступаем в чрезвычайно ответственный момент — в новую хлебозаготовительную кампанию.

Материалы с мест говорят, что далеко еще не везде воспринята линия партии в отношении кулачества и зажиточной верхушки деревни. Нередко встретить на селе члена ВКП(б) с ярко выраженной кулацкой идеологией.

На открытом собрании в сельской ячейке, с. Заковрящина, Н.-Сибирского округа по вопросу о кулаке имело место такое выступление члена ВКП(б): «Труженика-крестьянина считают кулаком, а как рабочие со служащими получают громадные ставки, держат прислуг, беспощадно их эксплоатируют и они считаются честными гражданами, это в корне не верно, если крестьянин кулак, то служащий в три раза более кулак, нет у нас кулаков, а есть одни труженики».

Кулачество не замедлило устроить ему овацию, об'явив действительным коммунистом. Мы не станем говорить о политической безграмотности

этого выступления, непонимании социально-экономической сущности кулачества, пользующегося наемной рабочей силой для присвоения прибавочной стоимости. Нам важно подчеркнуть полное кулацкое *перерождение* этого члена ВКП(б) и тот факт, что подобные случаи не единичны. Недооценка правыми идеологами кулачества и его социально-экономической мощи на селе, их теория «мирового врастания кулака в социализм» — *это питает классово-чуждые элементы нашей партии.*

Социалистическое строительство не может итти лишь по линии городской промышленности, хотя последняя играет первостепенную роль. Опираясь на успехи социалистической промышленности, необходимо всемерно стимулировать перевод сельского хозяйства на рельсы социализма. С первых дней Октября наша партия стала на путь колхозного и совхозного строительства. Однако, лишь за последнее время мы достигли на этом участке более значительных успехов, опираясь на директивы XV парт'съезда. Недооценка идеологами правых необходимости развития совхозов и колхозов вытекает из их в корне ошибочной установки, что мы не нуждаемся в хозяйственных командных высотах в деревне. Об'ективно они и способствуют перерождению партийно-советских клеточек на селе.

Автор брошюры «Путь к социализму», исходя из свободного развития кулачества на селе, ставит вопрос: «Не будет ли здесь такого положения вещей, что кулацкие элементы окажутся неизмеримо сильнее *экономически*, чем масса остального крестьянства, и тем самым не будут ли они в состоянии перехлеснуть через нас и очутиться, таким образом, заправилами и хозяевами всей деревенской жизни в целом?» И отвечает на него: «на этот, совершенно законный вопрос мы должны дать такого рода ответ: командной высотой по отношению деревенской буржуазии является пролетарский город» (Н. Бухарин «Путь к социализму», стр. 57).

Подобный ответ нас удовлетворить не может — он не полный, а потому ошибочной. Понятно, основой диктатуры пролетариата является крупная промышленность, это—основная социально-экономическая высота. Но успешное социалистическое строительство невозможно, если игнорировать обобществленный сектор в сельском хозяйстве, если исходить, как это имеется в вышеозначенной работе, из того, что такого рода «командные высоты» нам не нужны. Подобная политика — путь к капитализму, а не «путь к социализму», как полагает т. Бухарин.

Теоретическая концепция правых выглядит довольно путано. Когда говорят о строительстве колхозов и совхозов, они кивают в сторону промышленности, как *единственной* командной высоты, отрицая необходимость экономических командных высот в деревне. Отсюда следовало бы, что они хотят сосредоточить внимание на вопросах развития промышленности. Но стоит партии поставить вопрос о быстром темпе индустриализации, о развитии производства средств производства — правые требуют равняться по «узким местам».

Правые в своей с.-х. политике исходят из того, что кулацкие организации должны свободно *развиваться, ибо через банки и пр. они будут врастать в единую систему социалистического хозяйства.* И надо сказать, что, невзирая на специальное постановление XV парт'съезда, предупреждающее о необходимости борьбы с кулацкими лжекооперативами, лжетовариществами и т. п., на местах в целом ряде случаев правые тенденции не получают достаточного отпора.

Капиталистическая и вообще зажиточная верхушка деревни ведет с нами борьбу различными методами. Открытые формы борьбы часто меняются на скрытые. Некоторая часть кулачества *внешне* приемлет нашу форму хозяйства, укрываясь в различных лжекооперативах, машинных товариществах и т. п. Задача — избегнуть налогов, политической изолированности, получить кредит и т. п. В подобные коллективы, состоящие из кулаков и подкулачников, для отвода глаз пускаются иногда несколько бедняков, но в лучшем случае их там только терпят. Казалось бы коммунисты на селе должны выступить застрельщиками в борьбе против кулацких лжекооперативов. Но на практике это не всегда имеет место. Искажение классовой линии на практике принимает иногда такие формы, что чрезвычайно трудно отличить правый уклон в партии от открыто-кулацких настроений.

Вот перед нами выступление председателя Тагильского совета, члена ВКП(б), на пленуме рика по вопросу о колхозе. «Бояться кулаков, — говорит он, — не надо, я в свой коллектив с удовольствием принял бы кулаков, а что толку с бедняков... бояться сельских кулаков нечего, они наши крестьяне».

Что в кулацкое «коллективное» хозяйство выгодно принять не бедняка — доказывать нечего. Подобным колхозам кулак не опасен. Характерна развязность организатора подобного колхоза, как показатель, что директива XV партийного с'езда о ликвидации лжекооперативов и более решительном наступлении на кулака здесь осталась на бумаге. Рост капиталистических элементов в деревне, обострение классовой борьбы, хозяйственное обрастание некоторых коммунистов и их личная связь с зажиточной частью деревни — вот основная причина искривления линии партии и полного перерождения некоторых членов партии в деревне.

Неоднократны, однако, случаи, когда причиной правой линии в практической работе выступает теоретическая неграмотность коммунистов, отсутствие классового чутья или морально-бытовое разложение. Коммунисты Шуйской волости, Вологодского уезда решили повести линию на вытеснение частнокапиталистических элементов хозяйства. Они стали добиваться, чтобы кулак Пальников сдал добровольно органам власти свой кожевенный завод. Переговоры с последним вели непосредственно секретарь волкома партии и судья. Понятно, кулак выдвинул ряд ответных условий: 1) восстановить в избирательных правах, 2) принять в члены союза, 3) не отбирать 40 гектаров земли, 4) дать детям дорогу учиться, 5) пересмотреть вопрос о сельхозналоге, 6) оставить на заводе управляющим, а брата специалистом и т. п.

Эти условия, как сообщает редакция «Красный Север», были полностью приняты шуйскими властями, договор подписал пред. вика Титов, член ВКП.

Просуществовал договор пока до него не докопался селькор. Классовый враг, окрепнув экономически, стал требовать себе на первых порах... равноправия в советской системе, а шуйские коммунисты — верхушка волостных партийных и советских органов — вступают с ним в позорное соглашение. Кстати заметим, что в свое время завод подлежал национализации.

Предстоящая хлебозаготовительная кампания ставит особенно остро проблему борьбы с правым уклоном в практической работе на селе. «Решающим условием успеха предстоящей кампании является, — говорит постановление ЦК от 29/VII с. г., — активное участие в ее проведении каждого коммуниста и каждой парторганизации, борьба со всяческими проявлениями хвостизма, пассивности и спячки, борьба с всякими искривлениями политической линии партии в практической работе, в особенности с проявлениями правого уклона и примиренчества к нему». Опыт истекшей хлебозаготовительной кампании показал, что в ряде случаев члены партии, а иногда и целые ячейки не только не помогали партии в хлебозаготовках, а тормозили их.

Успешное проведение хлебозаготовительной кампании требует активной работы местных партийных организаций и мобилизации бедняцко-середняцкой части деревни. От коммунистов и комсомольцев на селе прежде всего требуется *личным примером* показать крестьянству необходимость продать хлеб государственным и кооперативным органам.

В истекшем году в ЦЧО, на Украине и др. районах многие члены партии и комсомольцы не сдавали излишков хлеба общественным заготовителям, а продавали их частнику. В Проскуровском округе отдельные партийцы открыто называли крестьян, привозивших хлеб для продажи государственным и кооперативным заготовителям, дураками. Подобные настроения захватывали иногда целые ячейки на селе.

Необходимость быть в первых рядах по продаже хлебных излишков государственным и кооперативным органам не осознана многими коммунистами в деревне. На этот счет, понятно, нет писанных уставных норм, но двух мнений тут быть не должно. Те требования, которые партия пред'являет крестьянам, в первую очередь относятся к членам партии и комсомольцам. Аналогично поступают рабочие коммунисты —они идут во главе социалистического соревнования, повышают производительность труда и т. п., они первыми подписываются на займы индустриализации.

Кулацкие и хвостистские настроения не случайное явление в целом ряде сельских ячеек. В Иркутской губ. в 2-х случаях целые ячейки выступили против мероприятий по хлебозаготовкам, там же было не мало случаев выступлений коммунистов на открытых собраниях против хлебозаготовок. В Новосибирском округе некоторые коммунисты сдавали партийные билеты, не желая расставаться с хлебом. В Мариупольском округе ячейка доказывала, что заготовительный план непосилен, а беднота заявила обратное. В Средне-Волжской области и на Северном Кавказе были случаи, когда коммунисты... упрашивали кулаков продавать излишки хлеба.

Мы не будем подробно перечислять другие формы искривления линии партии в работе на селе, проявления кулацкой идеологии у отдельных коммунистов. Они встречаются почти по всем звеньям работы на селе и в особенности распространены по линии земельных и финансовых органов. Извращение классовой линии при проведении налоговой политики (переобложение бедноты и середняка, недообложение кулачества и т. п.) частое явление. В работе земельных органов все чаще встречаются явления, аналогичные Смоленским. Лишь 5/VIII 1929 г. Вологодский окружком выносит постановление: «Учитывая заявление т. Кузнецова о том, что в округе имеется ряд фактов п е р е д а ч и во владение усадеб, угодий помещикам, попам и фиктивного раздела таковых, предложить фракции Окрисполкома в месячный срок выявить все эти факты и из'ять эти угодья-усадьбы на основе существующего законодательства».

Немало случаев, когда работники земельных органов «столыпинизируют» деревню, насаждают хутора и отруба. Наконец, особенно значительные искривления проявились при перевыборах советов. Тут наблюдались случаи восстановлений лишенцев-кулаков, участия отдельных коммунистов в кулацких собраниях и т. п.

Не везде налажена работа по усилению самостоятельной организации деревенской бедноты в соответствии с решением XVI всесоюзной партконференции. В ряде мест она настолько слаба, что беднота не находится под влиянием ячейки [1]). Впрочем, тут могут быть причины иного порядка — сама ячейка состоит из зажиточной части села. Так в с. Сорокомышив, Ново-Сибирского округа, по вопросу об увеличении самообложения коммунисты постановили: «В виду того, что беднота за нами не идет — бедняцкие собрания не проводить, а провести совещание кулаков, которые имеют влияние на

[1]) Кстати заметим, что отдельные товарищи пытаются сделать отсюда «ультра-левые» выводы о необходимости немедленно перейти к организации союза деревенской бедноты. Нечего доказывать, что под этой левой фразой скрывается троцкистская концепция, отражающая чаяния зажиточной части деревни об организации «крестьянского союза».

селе и через которых можно будет провести самообложение». Неудивительно, что подобная ячейка проводит классово-чуждую линию на практике.

* * *

Чистка рядов партии больше чем своевременна. Проведение в жизнь линии партии по борьбе с правым уклоном и его проявлением в практической работе требует в первую очередь, чтобы партия была очищена от разложившихся в морально-бытовом отношении, от чуждых в классовом отношении элементов, от прямых агентов кулачества в наших рядах. Чистка должна превратиться в боевой смотр работы парторганизаций и членов партии по борьбе с правым уклоном на практике. Она, наконец, должна р е ш и т е л ь н о у д а р и т ь п о о б ы в а т е л ь с к и м э л е м е н т а м в н а ш е й п а р т и и.

Борьба с партийным болотом особенно актуальна в связи с тем, как мы указали, что на данной стадии обыватель с партбилетом проводит на практической работе преимущественно линию правого уклона, капитуляции перед классовым врагом.

Осушка партийного болота методами идеологического и организационного воздействия должна вестись одновременно с еще более усиленной борьбой с правым уклоном от генеральной линии партии. Однако, борьба с партийным болотом требует ясности в подходе к проблеме. Статьи тт. Л. Шацкина, Стэна и др., появившиеся за последнее время в «Комсомольской Правде», на наш взгляд допускают в трактовке проблемы ряд п о л и т и ч е с к и х о ш и б о к, мешающих борьбе с правым уклоном и обывательщиной в рядах партии. К рассмотрению этих ошибок мы и перейдем.

2. Либеральная терпимость к уклонам под флагом борьбы с обывательщиной.

1.

Статья тов. Шацкина по своей в н е ш н е й форме направлена на борьбу с партийным болотом. Однако, за этой внешней формой скрываются мелкобуржуазные рассуждения о партийном обывателе и терпимость к уклонам в рядах партии. Шацкин тенденциозно дезориентирует членов партии по вопросу, какие прослойки членов ВКП являются типичными представителями болота. Он направляет огонь, как мы это увидим, не по партийному обывателю, а по рабочей части партии, по партийным кадрам.

С его точки зрения самый лучший, преданный партиец, закаленный в подполье и на фронтах, не имеющий личной жизни, все отдающий партии,— является обывателем, если у него нет расхождений с партией, хотя бы по «частным» вопросам. Раз у него нет «колебаний в пределах генеральной линии»,—значит, он заражен «микробом идейной трусливости», значит, он «мещанин в политике», партийный обыватель, которого нужно вычищать из партии. Такова логика Шацкина.

В своей статье Шацкин пишет:

«Но есть и другого рода обыватель в нашей партии, понять и разоблачить которого гораздо труднее. Труднее уже хотя бы потому, что многие близорукие люди считают его чуть ли не образцовым коммунистом, идеальным партийцем, примером для молодого поколения. С точки зрения узкой, а потому и неправильно понятой коммунистической этики он ведет себя образцово. Предположим даже (к удовольствию рыцарей «коммунистического» ханжества), что он не пьет, не курит, не ругается и до глубокой старости пребудет девственником. П р е д п о л о ж и м д а л е е, ч т о о н н е з а с т р а х, а з а с о в е с т ь п р е д а н р е в о л ю ц и и, р а б о ч е м у к л а с с у, п а р т и и. У н е г о н е т л и ч н о й ж и з н и, и о н ц е л и к о м о т д а е т с я о б щ е с т в е н н о й р а б о т е.

И все же такая добродетельная личность может стать, и нередко становится, партийным обывателем, даже имея за своей спиной подпольный стаж, каторгу и фронты, если этой личности привит микроб идейной трусливости. Ибо, если и такого обывателя очистить от карикатурных преувеличений, то главной его особенностью является безыдейность, беспринципность»[1]).

Вопиющая противоречивость, надуманность этих рассуждений прямо поражает. В самом деле, как можно пред'являть тягчайшее для партийца обвинение в безыдейности, беспринципности товарищам, вся жизнь которых целиком отдана партии, революции, общественной работе, у которых «нет личной жизни», а «за спиной подпольный стаж, каторга, фронты»?

Зачем понадобилось Шацкину обвинять лучшую часть партийных кадров в «идейной трусливости», зачислять подавляющую часть членов партии в партийное «болото»? Почему он пытается возбудить недоверие к старым кадрам партии?

Основной смысл статьи Шацкина, полной трусливых намеков и недомолвок, заключается в защите «права на сомнение и колебание». Вся статья проникнута духом либеральной терпимости к уклонам, к политическим шатаниям и ошибкам. С точки зрения Шацкина—не надо бояться политических ошибок, это обывательщина, не ошибается только тот, кто ничего не делает.

Теория «права на сомнение и колебание» пропагандировалась и другими товарищами в комсомольской печати. Подобная антиленинская, непартийная теория может принести огромный вред делу большевистского воспитания молодежи, внести путаницу в умы известной части молодых партийцев.

Не даром всесоюзная конференция ленинского комсомола дала решительный отпор этой непартийной «теории».

«Создание особой теории «права на сомнение и колебание»,—говорится в резолюции конференции, — нашедшей свое выражение в ряде статей в комсомольской печати, может принести только вред делу большевистского воспитания молодежи, ибо она способствует проникновению чуждой пролетариату идеологии в ряды комсомола, ведет к либеральной терпимости к уклонам от генеральной линии партии. Такая теория может быть на руку лишь оппозиционным элементам к линии партии»[2]).

Общеизвестны вопли правых уклонистов относительно «пришивания» уклонов, клеветнические измышления правых о «казарменном режиме» в партии.

Недовольство партийным режимом, недовольство «морально-политической обстановкой» в партии сквозит и в статье Шацкина. «... Предварительным условием всякой борьбы с политическим болотом является такая морально-политическая обстановка, такая мобилизация общественного мнения коммунистов, при которой никто не мог бы принимать комобывателя за образцового партийца»,—пишет Шацкин.

По Шацкину, «болото», партийный обыватель «пришивает» уклоны выдержанным партийцам. Но мы уже знаем, что Шацкин зачислил в «болото» лучшую часть партийных кадров и подавляющее большинство партии.

Намеки Шацкина насчет «идейной трусливости», которой якобы заражены партийные кадры, насчет «пришивания» уклонов—совпадают с той злостной критикой партийного режима, которую дают самые махровые правые оппортунисты, исключаемые из рядов партии.

Вот, например, откровения исключенного из партии правого уклониста Танина:

[1]) «Комс. Правда» № 137. Подчеркнуто нами.
[2]) Резолюция VI конференции ВЛКСМ, «Комс. Правда» № 168.

«При нынешнем курсе партиец считается образцовым, если он в течение многих лет никогда не расходился с партией, а между тем, ясно, что это может относиться лишь к одной из следующих категорий: 1) честные, искренние партийцы, но лишенные способности критически мыслить; 2) люди, у которых стремление спокойно жить; 3) просто карьеристы» («Правда» № 177).

Разве нет в этих рассуждениях идейной близости с теми поклепами, которые возводит Шацкин на самых лучших, преданных, самоотверженно работающих, дисциплинированных партийцев?

И Шацкин и Танин образцовым партийцем считают, очевидно, такого, который за время пребывания в партии успел побывать во всех уклонах, расходился и расходится с партией, хотя бы по «частным» вопросам. Это, ведь, признак «способности критически мыслить», «идейных дерзаний». Такой партиец уж наверняка не «заражен микробом идейной трусливости».

Шацкин принципиально неверно ставит вопрос о борьбе с обывательщиной в рядах партии, вносит вреднейшую путаницу в этот вопрос.

Он зачислил в «обывателей», в «болото» чуть ли не подавляющее большинство партии, в том числе лучших, преданных партийцев, а борьбу с правым уклоном подменяет борьбой с обывательщиной, с «болотом». По Шацкину выходит, что «болото» в партии может сыграть в нашей революции такую же роль, как «болото» в Конвенте времен Великой французской революции. Отсюда, чтобы избежать судьбы Конвента, открывай огонь по главной опасности—партийному обывателю. По Шацкину выходит, что главная опасность в партии на данном этапе не правый уклон, а «болото»[1]).

Эта грубая политическая ошибка Шацкина совпадает с ошибкой, допущенной некоторыми комсомольскими работниками, которые пытались подменить фронт борьбы с правым уклоном—борьбой с «делячеством».

Шацкин очень прозрачно намекает, что в партии, мол, проводится линия на «мирное сожительство» с «болотом», что партия борется с правой опасностью в блоке, в союзе с «болотом», притом борется непоследовательно...

Шацкин изображает якобы распространенный в партии тип «реального политика», которому приписывает следующие рассуждения:

«В хорошем хозяйстве всегда веревка пригодится. Конечно, партобыватели не идеал большевиков, хотя, с другой стороны, не следует преувеличивать их недостатков. Но в настоящее время надо все силы концентрировать против правых. А люди, которых вы называете обывателями, голосуют против правых. Зачем же создавать себе врагов, а правым—друзей? Не время теперь для размежевания с болотом, нельзя открывать нового фронта. Сначала преодолеем правую опасность, а потом займемся расчисткой мусора. Выносить его сейчас из избы тактически неумно».

И дальше Шацкин поучает партию:

«Нельзя до конца последовательно бороться с правой опасностью в союзе с болотом...».

«Нужна прямая, активная борьба против обывательского разврата в партии, основатель и вождь которой никого так не презирал, как обывателя»[2]).

В замаскированной форме Шацкин перепевает старые троцкистские мотивы о «центризме» партийного руководства. В этом вся соль тезиса о «союзе с болотом», о линии на «мирное сожительство с болотом», намеков Шацкина на непоследовательную борьбу с правой опасностью.

[1]) Мы не говорим о полной теоретической неграмотности этого сравнения.
[2]) Подчеркнуто нами.

Посеять недоверие к партийному руководству, к партийным кадрам,—таков об'ективный смысл статьи Шацкина.

С поистине хлестаковской развязностью Шацкин выступает перед комсомольской аудиторией в роли спасителя партии, в роли застрельщика борьбы против «обывательского разврата» (в политике), который, якобы, процветает в партии...

II.

Клеветнический характер раскиданных в статье Шацкина намеков усиливается тем обстоятельством, что он совершенно умалчивает о борьбе с обывательщиной, с элементами разложения, с «болотными» настроениями, которую проводит партия. Шацкин, очевидно, не замечает этой борьбы, или не хочет ее замечать.

Шацкин умалчивает также совершенно об идейно-политическом росте партии.

Партия напрягает все свои силы, мобилизует активность рабочего класса для преодоления трудностей. Партия проводит беспощадную борьбу с элементами разложения, бытового загнивания, с бюрократизмом, с болезнями советского, профсоюзного аппарата. Все шире развертывается самокритика в печати, на рабочих собраниях. Партия проводит твердый курс на развитие внутрипартийной демократии. Наконец, идет генеральная проверка партийных рядов, проверка активности каждого члена партии.

Все это Шацкин игнорирует.

Непримиримая борьба партии с уклонами от генеральной линии заставляет встряхнуться, подумать над принципиальными вопросами даже те плывущие по течению, равнодушные к вопросам партийной политики элементы, которые заслуживают эпитет «партийного болота».

Лучшая часть этого «болота», в результате непримиримой борьбы партии с уклонами от партийной линии—воспитывалась партией, приобщалась к активной партийной жизни.

Время от времени происходит накопление пассивных, безразличных к партийной политике, теряющих революционную перспективу элементов. Партия борется с накоплением этих элементов «болота», путем беспощадного разоблачения оппортунистических колебаний как в теории, так и в практической работе.

Партия воспитывает и закаляет свои кадры, воспитывает всю массу членов партии в борьбе за проведение классовой линии.

Шацкин не хочет понять, что решительная борьба с правым уклоном, в том числе и с его проявлениями в практической работе, является одновременно борьбой с «болотными» настроениями, которые на данной стадии питают преимущественно правый уклон, переплетаются сплошь и рядом с правым уклоном в практической работе.

Именно поэтому надо заострять внимание партии на борьбе с правым уклоном, с его проявлениями в практической работе. Именно в целях борьбы с «болотом» нужно решительно бороться с пропагандой либеральной терпимости к уклонам, с теориями, возводящими в партийную добродетель «сомнения и колебания»,—хотя бы по «частным» вопросам, и «в пределах» генеральной линии.

За крикливыми рассуждениями Шацкина об обывательщине скрывается полное пренебрежение к железной большевистской дисциплине.

Как известно, мелкий буржуа может впасть иногда в крайнюю революционность, но «не способен проявить выдержки, организованности, дисциплины, стойкости» (Ленин). Ничто так не претит социальной природе мелкого собственника, как дисциплина.

Мелкобуржуазный радикализм Шацкина, пропаганда терпимости к уклонам, содержащаяся в его статье, во-первых, только на руку правым уклонистам, которые все время подобно Шацкину кричат о «пришивании» уклонов, а, во-вторых, открывает дорогу троцкистским настроениям, троцкистским рецидивам в партии.

Об'ективные условия, обстановка реконструктивного периода в гораздо меньшей степени создают предпосылки для накопления элементов «болота» в партии, чем, например, об'ективные условия восстановительного периода.

Все более усиливающийся темп работы дает гораздо меньше возможностей партийцам «успокаиваться», покрываться плесенью обывательщины.

Обострение классовой борьбы, международная обстановка, трудности социалистического строительства, гигантский размах строительной работы, рост активности рабочего класса, активности крестьянства, общее усложнение задач и повышение ответственности партийца,—все эти обстоятельства пред'являют большие требования к партийным кадрам, ко всей партии, к каждому партийцу.

Мы вступили в такой период борьбы за социализм, когда каждый партиец самым ближайшим и непосредственным образом должен участвовать в социалистическом строительстве. Сейчас партиец проверяется не только голосованием на собраниях, но и практическим проведением партийных решений. Вопросы социалистического строительства перестали быть отвлеченными вопросами,—все более они вплетаются в личную жизнь партийца.

Коммунист должен подавать пример беспартийным рабочим и крестьянам, должен нести известные материальные жертвы в интересах социалистического строительства. Деревенский коммунист проверяется в огне классовой борьбы, которая развертывается на селе, проверяется своим участием в колхозном строительстве, в сдаче хлеба государству и т. д. Социалистическое соревнование, поднятие производительности труда, систематическое участие в займах индустриализации, практическая повседневная работа по проведению в жизнь решений партии,—на этих вопросах проверяется партиец в городе.

Организационная политика партии, работа по повышению теоретического уровня,—все это увеличивает монолитность пролетарской партии.

Регулирование социального состава является одним из важнейших методов укрепления боеспособности партии и, вместе с тем, очищения от «болотных» элементов.

Социальной базой «болота», болотных настроений являются определенные прослойки в составе партии—служилый элемент, крестьянство. Давление госаппарата на партийцев приводит сплошь и рядом к перерождению отдельных клеточек и звеньев партийного организма.

«Не следует забывать,—указывает тов. Сталин в политотчете ЦК на XV с'езде ВКП(б),—что во всякой большой партии, особенно в такой партии, как наша, которая стоит у власти, и где имеется известная часть крестьян и служилого элемента, накапливаются в течение известного времени известные индиферентные, равнодушные к вопросам партийной практики элементы, голосующие закрыв глаза и плывущие по течению. Наличие большого количества таких элементов есть зло, с которым надо бороться. Эти элементы составляют болото нашей партии [1]).

[1]) Стенографическ. отчет XV с'езда ВКП(б), стр. 73

Социальный состав партии за годы нэпа коренным образом изменился в сторону усиления пролетарского ядра. В период партийной чистки 1921 г. рабочие составляли в партии немного больше одной трети—37,3%, а остальное приходилось на долю крестьян, служащих и прочих.

На 1 января 1929 г. рабочие составляют в партии 62,4% (вместе с рабочими-коммунистами в Красной армии); крестьяне (вместе с коммунистами Красной армии)—около 21%; служащие (вместе с Красной армией)—15,6% и прочие—1,3%.

Другими словами, рабочие составляют в партии около ⅔, все остальные прослойки—около одной трети. Соотношение как раз обратное тому, которое имело место в период чистки 1921 г. [1]).

Если взять распределение по роду занятий, то соотношение будет менее благоприятное. Всего в партии насчитывалось на 1 января 1929 г. 1.436.160 членов и кандидатов. Из них: рабочих от станка—42,3%, батраков и с.-х. рабочих—2%, крестьян—12,8%, служащих и прочих—42,9%. Значительная часть рабочих по социальному положению превратилась в служащих по роду занятий.

Повышение удельного веса в партии группы рабочих от станка происходит довольно медленно. До сих пор еще не выполнена директива XIII с'езда партии — «добиваться, чтобы в партии было больше половины ее состава рабочих от станка».

Следующие данные показывают, как за последние годы повышается удельный вес в составе партии рабочих на производстве:

% рабочих на производстве в составе партии.

На 1/I 1924 года	15,8
» 1/VI 1924 »	42,3
» 1/VII 1926 »	33,6
» 1/VII 1928 »	40,6
» 1/I 1929 »	42,3

Проблема регулирования социального состава представляет значительные трудности, требует пристального внимания партийных организаций. До сих пор мы имели значительный процент отсева рабочих, вступивших в партию; большинство добровольно выходящих из партии и механически выбывших составляют рабочие.

Недостаточно тщательный отбор при приеме в партию, недостаточное внимание к вступившим в партию рабочим, неумение втянуть их в партийную жизнь, в круг партийных интересов, явления разложения в отдельных организациях, искривления классовой линии в практической работе, зажим самокритики, — все это является причинами отсева рабочих, вступивших в партию. В одной из организаций имел место характерный факт, когда пьянство и разложение секретаря ячейки привело к выходу из партии около 100 рабочих. Но лишь только его вычистили из партии — эти рабочие снова вступили в партию.

Партийная чистка 1929 г. должна еще более усилить роль пролетарского ядра в партии, как за счет очистки от непролетарских мелкобуржуазных элементов, так и за счет привлечения в нее лучших, наиболее стойких пролетариев.

Партия систематически очищает свои ряды от чуждых, искажающих классовую линию, непролетарских элементов, от шкурников, примазавшихся и разложившихся.

Если взять итоги чистки 1921 г. и последующих отдельных проверок, а также итоги систематической работы контрольных комиссий, то всего

[1]) Доклад тов. Ярославского на XVI всесоюзн. партконфер., «Правда» № 102.

с 1921 г. по 1 июня 1928 г. было исключено и выбыло из партии 435.075 человек [1]).

Систематическая очистка партийных рядов уменьшает в партии наличие элементов «болота». В самом деле, подавляющая часть тех, которые исключены за различные проступки, или тех, которые добровольно выходят из партии, — как раз представляет собой элементы, равнодушные к партийной жизни, неустойчивые в политическом отношении.

Очищая свои ряды, вбирая в себя лучшие элементы рабочего класса и воспитывая их, партия становится все более однородной по составу, укрепляя тем самым свою боеспособность.

И прямо чудовищным поклепом на партию, на партийное руководство являются намеки относительно того, что «болото» может стать большинством в партии, что «болото» в нашей партии может сыграть такую же роль, как «болото» в Конвенте в период Великой французской революции. (Шацкин).

В основе подобных рассуждений лежит (осознанное или не осознанное) отрицание монолитности, однородности нашей пролетарской партии, отрицание монолитности партийного руководства.

Одним из важнейших средств борьбы с элементами обывательщины, «болота» в партии является усиление теоретической подготовки партийных кадров, повышение уровня политической подготовки всей партии.

Партийный обыватель характеризуется полным пренебрежением к революционной теории. С точки зрения обывателя разногласия в партии возникают благодаря персональным качествам вождей. Партийный обыватель берет в политических вопросах не линию, не вопросы идейно-политической борьбы, а «лиц» и их взаимоотношения. Он ставит вопрос не о правильности той или другой политической линии, а о том, как примирить, или почему не могут сработаться такие-то.

Обыватель не хочет вникнуть в социально-экономические корни, из которых возникают уклоны и шатания в партии.

Если раньше внутрипартийные дискуссии заставляли многих партийцев в «пожарном» порядке, в порядке встряски заняться ознакомлением с тем или иным теоретическим вопросом,—теперь теоретическая подготовка партийного актива должна принять (и принимает уже в известной мере) все более систематический характер. Это бьет по обывательским настроениям в партии.

Орграспредом ЦК ВКП(б) разработаны данные о составе руководящих работников партийных комитетов (секретарей, заворгов, завагитпропов, председателей исполкомов, советов профсоюзов). Разработка охватывает всего 1.180 работников, от членов ЦК нацкомпартий до окружкомов. Представляют значительный интерес сведения о партийно-политическом образовании этих работников:

Партийно-политическое образование руководящих партийных кадров.

Группы работников.	Всего работников.	% Из них окончивших комвузы.
1. Секретари ПК	257	19,2
2. Заворги ПК	232	22,3
3. Зав. АПО ПК	233	28,8
4. Предс. исполкомов	240	3,2
5. Предс. СПС	221	6,1

[1]) «Правда» № 102, доклад тов. Ярославского.

Наличие в составе руководящих партийных кадров довольно заметной прослойки товарищей, получивших систематическую теоретическую подготовку (окончивших комвуз)—является весьма положительным признаком. Этот признак говорит, насколько беспочвенными являются попытки некоторых зараженных интеллигентским самомнением «теоретиков» огульно заподозривать партийные кадры в теоретической неграмотности, в пренебрежении к теории, в узколобом практицизме.

На этот путь обвинений партии, партийных кадров в пренебрежении к теории, в «ползучем эмпиризме», в «ожирении» теоретической мысли стал, например, тов. Стэн в своей статье «Выше коммунистическое знамя марксизма-ленинизма» [1]).

Он довольно недвусмысленно пишет о признаках «поглупения» коллективного теоретического разума партии, беря под сомнение способность партии и ее руководящих органов находить по-ленински центральное «звено» в политике, предвидеть события и своевременно на них реагировать.

Поэтому он обращается к комсомолу с лозунгом—на собственном опыте проверять генеральную линию партии. Стэн пишет: «Каждый комсомолец должен на своем опыте прорабатывать серьезно все вопросы, и таким путем убеждаться в правильности генеральной линии нашей партии». Скрытое недоверие к коллективному опыту партии сквозит также в призыве Стэна к комсомольцам: «вооружившись теоретически, обезопасить себя от всяких неожиданностей в политике, всегда существующих для ползучих эмпириков».

Коллективный опыт, коллективный теоретический разум партии выражается в партийных решениях. В сложных условиях реконструктивного периода, в условиях нарастания новой волны мирового революционного движения, партия дает принципиальное, теоретическое обоснование своей линии, пользуясь оружием марксистско-ленинской теории, богатейшим идейно-политическим наследством Ленина, ленинским методом.

Партийные решения содержат ряд важнейших теоретических положений, освещающих революционный путь партии и рабочего класса.

Только люди, расходящиеся с генеральной линией партии, неудовлетворенные линией партии, могут в той или иной форме утверждать, что партия идет «вслепую», без перспектив, зигзагами (так, кстати заметим, говорили и троцкисты в своей платформе).

Выступление тов. Стэна, близкое по духу к подобным утверждениям,—на руку правым уклонистам и, вместе с тем, оно открывает дорогу для рецидивов троцкистских настроений в партии.

Приведенные выше цифры о партийно-политическом образовании руководящих кадров, разумеется, не дают оснований считать достаточным достигнутый уровень теоретической подготовки партийных кадров.

Особенно отстает, как мы видели, теоретическая подготовка советских и профсоюзных работников. Это отставание создает кое-где предпосылки для делячесих настроений, для правых ошибок в практической работе.

Но оторвать местных работников на несколько лет для учебы в комвузе, на курсах марксизма,—дело довольно трудное. Есть и другие, более доступные пути повышения теоретической подготовки. За последние годы огромное значение получили летние курсы партийного актива. На 2—3 месяца партиец освобождается от практической работы и получает возможность вплотную «засесть» за Ленина, начинает учиться самостоятельно читать и разбираться в «Капитале» и других первоисточниках марксистской мысли. Опыт летних курсов показывает, что партийцы с исключительной

[1]) «Комсомольская Правда», № 169.

добросовестностью отдаются теоретическим занятиям, с огромным напором преодолевая неизбежные на первых порах трудности.

Результаты работы летних курсов начинают систематически закрепляться организацией постоянной консультации по теоретическим вопросам. Все большее значение приобретает система самообразования партийного актива, система заочного обучения, консультации по теоретическим вопросам, которая организуется вокруг Института Красной Профессуры, курсов марксизма при Комакадемии, комвузов, совпартшкол.

Соединение практической работы хотя бы с минимумом теоретических занятий — все более становится неотложной необходимостью для партийца. И эта необходимость уже осознана членами партии, за исключением неисправимых обывателей, аполитичных, относящихся безразлично к вопросам партийной политики и революционной теории.

Правда, не приходится закрывать глаза и на то обстоятельство, что даже товарищи, настойчиво стремящиеся к пополнению своих знаний, часто настолько перегружены практической работой, «заседательской суетней», что у них не остается времени для чтения.

Ряд постановлений о выделении в распоряжение партийцев минимум одного—двух вечеров в неделю для теоретической подготовки,—до сих пор в большинстве случаев остается на бумаге.

Поэтому, со всей настойчивостью следует ставить вопрос об усилении теоретической подготовки партийного актива, чтобы за счет рационализации партийно-советской работы могло быть реально выделено, «забронировано» необходимое для этого время.

Борьба с правым уклоном и его проявлениями в практической повседневной работе, как главной опасностью в партии на данном этапе; борьба с рецидивами троцкистских настроений, с «левыми» загибами; наконец, беспощадное разоблачение партийного обывателя,—все это требует еще более усиленного внимания к вопросам повышения теоретической подготовки членов партии.

3. Некоторые итоги и выводы.

В настоящей статье мы сосредоточили внимание на искривлениях партийной линии в практической работе, на отрицательных явлениях в жизни партии. Мы почти не касались огромных положительных сдвигов в деле социалистического строительства, огромного идейно-политического роста партии.

Партия со всей решительностью вскрывает различные язвы и гнойники, явления перерождения отдельных клеточек партийного организма, искривления классовой линии, беспощадно бьет по конкретным проявлениям оппортунизма в практической работе.

На уроках Астрахани, Баку, на ошибках профсоюзов, на целом ряде других конкретных примеров разоблачения оппортунистических уклонов, правых ошибок в практической работе учатся все организации, все члены партии.

Своеобразие данного этапа борьбы с правым уклоном в партии заключается в том, что особо важное значение приобретает борьба с конкретными проявлениями правого уклона в практической, повседневной работе, проверка проведения в жизнь партийной линии, партийных директив. Однако, это ни в какой мере не должно ослаблять идеологического разоблачения правого уклона.

Смелое, безбоязненное развертывание самокритики, проверка исполнения партийных директив не только сверху, но и снизу являются важ-

нейшим средством борьбы с правым уклоном в практической работе. Зажим самокритики—излюбленный метод самозащиты бюрократических, оппортунистических элементов.

Ударяя со всей силой по правому уклону в практической работе, одновременно партия борется с элементами «болота», с обывательским безразличием к принципиальным политическим вопросам, с узколобым делячеством, предающим классовую линию (Астрахань), наконец, с элементами обывательской пассивности, мирящейся подчас с любыми безобразиями, которые творятся под носом.

Вместе с тем, партия дает отпор и тем героям «левой» фразы, зараженным комчванством и «революционным» пустозвонством, которые пренебрежительно относятся к лозунгу Ленина о практичности и деловитости в работе, которые смешивают революционную классово-целеустремленную деловитость с «делячеством».

Чистка партии до последнего времени еще не везде вылилась в смотр повседневной работы партийных ячеек, в проверку проведения генеральной линии. Мы имеем факты, когда вопиющие искажения классовой и партийной линии вскрывались уже после проверки, когда приходилось назначать вторую проверку отдельных ячеек, отдельных партийцев.

Актуальнейшей задачей партийной чистки является изгнать из партии тех, кто на деле перешел в ряды буржуазии, кто защищает интересы кулака, выгнать из партии разложившийся элемент,—прямой резерв союзников нэпманов и кулачества. Однако, от этих прямых защитников буржуазных интересов, прямых пособников буржуазии, мы сможем освободиться сравнительно легко. Они слишком заметны. Гораздо труднее разоблачить тех, которые на словах стоят за линию партии, голосуют за партийные резолюции, даже иногда не прочь удариться в «левизну»,—а на деле проводят архиправую линию.

События в Смоленске, Астрахани, Баку, в целом ряде отдельных ячеек, показывают, что в наших советских учреждениях, в наших деревенских ячейках есть много голосующих за линию партии, а на деле проводящих антипартийную линию. Именно здесь наибольшие возможности соприкосновения с интересами кулацко-нэпманских слоев, здесь больше возможностей к такому перерождению, а потому в этих ячейках наибольшее количество фактов прямой смычки с частником и кулаком.

Вычистить прямых проводников интересов кулацко-нэпманских слоев, скрытых правых, разложившихся, исправить ошибки честных, но недостачно устойчивых и подготовленных товарищей, научить их твердо проводить классовую линию, — такова должна быть задача партийной чистки. Партийная чистка поможет партии еще более усилить свою боеспособность, еще более укрепить свои связи с массами, поможет пополнить свои ряды за счет наиболее активных, стойких пролетариев.

Огромное значение в борьбе с правым уклоном в практической работе, в борьбе за проведение партийной линии в повседневной работе наших учреждений приобретает чистка госаппарата. Основным недостатком чистки госаппарата является то обстоятельство, что сосредоточивается слишком большое внимание на формальных моментах пригодности проверяемых в госаппарате. Чистится только явно враждебный нам, вредительский элемент. Проверка существа работы проверяемых почти не проводится. В этом ошибки партийной и беспартийной общественности в наших советских учреждениях.

Развертывающуюся чистку советского аппарата необходимо направить в первую очередь по руслу массовой проверки, насколько наш советский аппарат в своей повседневной практике проводит в жизнь решения партии,

насколько он по своему составу стоит на высоте тех великих задач, которые выдвигаются перед рабочим классом,—вот основная задача чистки.

Смоленские, астраханские дела, сведения о составе земельных органов в ряде других губерний со всей очевидностью подтверждают, что в советский аппарат в значительной мере проникает классово-чуждый элемент.

Хотя руководящие кадры, верхушка советского аппарата состоят из людей, проверенных партией,—это еще не гарантирует от извращений линии партии в повседневной работе советского аппарата. Дело в том, что исполнительное звено, среднее звено советского аппарата часто работает против нас, оказывает сопротивление проведению партийной линии. Чистка госаппарата и должна выявить, насколько состав этого среднего звена соответствует поставленным задачам.

На ряду с процессом прохождения чистки соваппарата необходимо решительно поднять встречную волну выдвиженчества рабочих. Необходимо использовать чистку в целях орабочения нашего госаппарата, в целях приближения его к массам, в целях улучшения его работы вообще и, прежде всего, по линии обеспечения действительного проведения партийных директив.

Эти два важнейшие мероприятия—чистка партии и чистка госаппарата,—несомненно должны сыграть решающую роль в деле борьбы с проявлениями правого уклона в практике, в деле рассасывания «болота» в партии. Однако, параллельно этим двум мероприятиям, необходимо развернуть работу по укреплению наиболее слабых в этом отношении участков достаточно выдержанными и подготовленными силами. Задача укрепления кадров деревенских парторганизаций и задача укрепления исполнительных кадров в важнейших звеньях госаппарата,—является важнейшей задачей. Партия за последние годы много сделала для укрепления деревни работниками; из пролетарских центров в деревню двинуты тысячи людей. Однако, в сравнении с потребностями это является каплей в море. Нужно пополнение деревни работниками продолжать систематически изо дня в день. В первую голову это задача всех промышленных парторганизаций.

Необходимо создать вокруг посылки на работу в деревню такое партийное общественное мнение, что работа в деревне является почетным назначением для партийца.

Выдвижение в госаппарат рабочих, выдвижение молодых специалистов и молодежи вообще является средством действительно овладеть средним звеном советского аппарата и тем самым создать известные гарантии против искажений классовой партийной линии.

Наконец, важнейшей задачей в цепи задач, направленных к борьбе с правым уклоном и с примиренческим отношением к нему является овладение революционной теорией все более широкими кадрами партии. Партия укрепляет свою боевую мощь, увеличивает свою монолитность путем повышения идейно-политического уровня своих рядов.

Рост идейно-политического уровня всей партии, рост теоретической подготовки партийного актива за последние годы совершенно очевиден. Но на этом нельзя успокаиваться. Все возрастающая сложность задач, обстановки реконструктивного периода требует еще большего усиления теоретической подготовки партийцев.

Каждый день выполнения «плана великих работ»—пятилетки, каждый день упорной борьбы за «создание новой общественной связи, новой трудовой дисциплины, новой организации труда, соединяющей последнее слово науки и капиталистической техники с массовым об'единением сознательных работников, творящих крупное социалистическое производство» (Ленин)— ослабляет социально-экономические корни правой опасности.

Пусть правые оппортунисты и страдающие «левыми загибами» фразеры говорят об окостенении, об «ожирении» партийной мысли.

Партия делает все, чтобы усилить т е м п социалистической индустриализации, вопреки паникерам и рутинерам, вопреки подчас сопротивлению известных звеньев госаппарата, изыскивает новые резервы, новые источники индустриализации (социалистическое соревнование, непрерывная производственная неделя). Партия строит крупное социалистическое земледелие, преодолевая бешеное сопротивление капиталистических элементов деревни.

Партия, руководящий авангард рабочего класса, мобилизует силы рабочего класса для преодоления трудностей, партия заражает рабочий класс «самым длительным, самым упорным, самым трудным героизмом массовой и б у д н и ч н о й работы» (Ленин).

И в этом залог победы социализма.

В. Фейгин.

Об эволюции крестьянина в домашнего рабочего социалистич. промышленности.

Глубокие преобразования в экономике советских стран кладут начало изменения классовых типов основных масс крестьянства. Огромные массы бедняцко-середняцких слоев крестьян коллективизируют свою производственную и торговую деятельность, часть превращается в наемных рабочих социалистических фабрик, заводов и совхозов, и, наконец, значительная масса крестьян превращается в домашних рабочих социалистической промышленности. Но если анализу вопроса о превращении крестьян в наемных рабочих и в кооперированные группы посвящено достаточно большое внимание, то вопрос о превращении крестьян в домашних рабочих социалистической промышленности остается совершенно неосвещенным. А между тем процесс превращения значительных масс бедняцко-середняцкого населения деревни в домашних рабочих приобретает огромный размах и вызывает значительное изменение в соотношении и расстановке классовых сил.

Домашний рабочий крупной промышленности это такой тип производителя, который работает не в общей мастерской, а у себя на дому и не на рынок, а на заказ крупной промышленности и который получает сырье, а иногда и основные средства производства от заказчика.

Исходя из этого определения Ленин, анализируя кустарные промыслы Горбатовского уезда Нижегородской губ., различал три типа кустарей.

«35,6% кустарей работают на базар; 46,7% на хозяина и 17,7% состоят в наемниках. Таким образом, мы видим и здесь преобладание домашней системы крупного производства, преобладание таких отношений, когда труд порабощен капиталу» [1]).

Вторую категорию кустарей, работающих на хозяина, но не в общей мастерской, а у себя на дому на заказ, Ленин квалифицировал домашними рабочими крупной промышленности.

Кустари этого типа не являются товаропроизводителями, но вместе с тем они еще не превратились в пролетариев, работающих в общей мастерской и окончательно отделенных от своих средств производства.

Они работают у себя на дому на заказчика и за плату, которая представляет собой сдельную заработную плату.

Но скупщик, выполняя функцию посредника между домашним рабочим и рынком, становился организатором производства разрозненных рабочих домашней системы промышленности. Скупщик являлся организатором разделения труда между мастерскими домашних рабочих, выполнял функции браковщика, ассортиментщика производимой продукции и пр. Самостоятельный кустарь-производитель превращался в домашнего рабочего крупной промышленности.

---

[1]) **Ленин**, том I, стр. 120, изд. 2.

Таких домашних рабочих сохранилось большое количество и до настоящего времени. Но. если в условиях капитализма такой тип производителя является домашним рабочим капиталистической промышленности, то в условиях диктатуры пролетариата, когда основная промышленность принадлежит пролетарскому государству, такой тип производителя в том случае, если он работает на заказ фабрики последовательно-социалистического типа, является домашним рабочим социалистической промышленности.

Это относится не только к кустарям, но и к крестьянам-земледельцам.

Ленин на этот вопрос отвечал следующим образом:

«... Мелкий товаропроизводитель-земледелец более походит на мелкого товаропроизводителя-неземледельца, чем на земледельца-ремесленника... Точно так же работающий на скупщика земледелец более походит на неземледельца, работающего на скупщика,... чем на земледельца-ремесленника» [1]).

Если земледелец. подобно кустарю, работает на заказ, то, в условиях капитализма. он является домашним рабочим капиталистической промышленности, если он работает в условиях диктатуры пролетариата на заказ социалистической или кооперативной промышленности, он, следовательно, является их домашним рабочим.

До сих пор нельзя было говорить о сколько-нибудь серьезных изменениях в формах оборота между городом и деревней

Оборот происходил исключительно на основе рыночных отношений, а, следовательно, крестьянин, не только кулак, но бедняк и середняк являлись, в той или иной мере, товаропроизводителями. Они, несомненно, остаются в основном товаропроизводителями и теперь, но на ряду с производством товаров, значительные массы бедняцко-середняцких слоев деревни, начинают работать на заказ. Начало этому положено системой контрактации.

Контрактация по существу обозначает нерыночный оборот между городом и деревней. Социалистическая промышленность непосредственно или через кооперативного агента вступает в договорные отношения с массами крестьянства. Эти договора направлены к тому, чтобы продукция, производимая в мелком крестьянском хозяйстве, передавалась по цене, определяемой государством, непосредственно заготовительным организациям. В свою очередь государство выполняет функции поставщика средств производства — иногда только отдельных элементов их—посевного материала и пр., а иногда, в зависимости от характера договора, крестьянину предоставляются все элементы средств производства и денежные ссуды. Таким образом, крестьянин начинает работать на заказ, получая средства производства и кредит от заказчика и сдавая заказчику по условленной цене. произведенную продукцию.

Если предположить такой идеальный тип контрактации, при котором вся торговая деятельность крестьянина была бы законтрактована, то при этих условиях последний перестал бы быть товаропроизводителем. Он стал бы домашним рабочим социалистической промышленности, работая не на рынок, а на заказ.

В настоящее время контрактация охватила еще не все стороны торговой деятельности той части крестьянства, которая вступила с социалистической промышленностью на путь договорных отношений. Но роль контрактации все возрастает, сфера ее влияния все больше расширяется, а. следовательно, нельзя не видеть в этом процессе двух тенденций: во-первых, тенденции к изменению классового типа крестьянина-бедняка и середняка в сторону превращения его в домашнего рабочего социалистической промышленности и, во-вторых, тенденции к уменьшению роли рыночных отношений. Сначала остановимся на первом вопросе.

[1]) Ленин, том II, стр. 260, изд. 2-е.

Договоры между массами крестьянства и социалистической промышленностью бывают двух типов. Первый тип договора, который осуществлен совхозом им. Шевченко, основан на том, что социалистическое предприятие становится для крестьян энергетической базой, агрономическим центром, школой обучения управлению усовершенствованными машинами и проч. Полеводственные работы производятся при этих условиях энергетической базой, средства производства противопоставляют в данном случае крестьянину как ему не принадлежащие. Со своей стороны крестьянин обязуется часть произведенной им продукции передать по установленной цене государству. Взамен этого заказчик дает ему средства производства не в постоянное пользование, а лишь на срок, снабжает семенами, обслуживает агрономически и пр.

Но применение усовершенствованных машин возможно лишь при изменении организации производства. Поэтому типовой договор Украинского Об'единения совхозов содержит два главнейших пункта. Об'единение совхозов берет на себя задачу вспашки, обработки почвы, боронования озими, уборки, возки снопов к молотилке, молотьбы хлебов, обучения крестьян управлению машинами, посева площади чистосортными семенами и пр.

Но, с другой стороны, договор предусматривает уничтожение межевых перегородок, установление севооборота об'единением совхозов совместно с уполномоченными от крестьян, безусловное выполнение крестьянами всех требований агронома и механика, подчинение инструкции об организации рабочей силы и пр.

При этих условиях предприятие последовательно-социалистического типа, каким является совхоз Шевченко, становится не только организатором торговой деятельности крестьян, но и организатором их производства.

Энергетическая база берет на себя выполнение всех работ в сфере полеводства, ставя условием обобществление производства. Рамки индивидуальных хозяйств при этих условиях в значительной мере ломаются, изменяется севооборот, изменяется характер землеустроительных работ и пр.

Таким образом, предприятие последовательно-социалистического типа становится организатором торговой и производственной деятельности крестьян, а крестьяне постепенно освобождаются от необходимости работать на рынок.

Когда контрактация основана на этом принципе, следствием ее является обобществление крестьянских хозяйств. Но вместе с тем крестьяне не теряют еще своей индивидуальной самостоятельности.

Что собой представляет при этих условиях классовый тип крестьянина? Это—не кооперированный крестьянин, ибо кооперация предполагает наличие кооперативной собственности на средства производства. В данном же случае средства производства противостоят основным массам крестьянства как им не принадлежащие, чо принадлежащие государственной энергетической базе. При этих условиях крестьянин эволюционирует в сторону превращения в домашнего рабочего социалистической промышленности.

Об этом свидетельствует не только тот факт, что крестьянин начинает работать на заказ, но и то, что он фактически получает не цену за произведенный продукт, а лишь сдельную заработную плату.

Что собой представляет плата за хлеб, получаемая крестьянином при условии, когда ему дается посевной материал, искусственные удобрения и орудия производства? В эту плату уже не входит та часть стоимости средств производства, которая переносится на произведенный продукт. Следовательно, она представляет плату за рабочую силу. Подобно тому как кустарь, работающий на заказ, получает сдельную заработную плату ,подобно этому земледелец, работающий на заказ крупной промышленности, превращается в домашнего рабочего и получает также сдельную плату, имеющую

видимость цены за произведенный товар, но являющейся в действительности ценой за проданную рабочую силу.

Правда, и при том условии, когда энергетическая база завладевает производственными и торговыми функциями основных масс крестьянства, остается еще много уголков, благодаря которым крестьяне продолжают частично оставаться товаропроизводителями.

В районе совхоза Шевченко крестьяне, после того как в полеводственной деятельности роль их свелась лишь к роли рабочей силы, приступили к огородничеству, садоводству и пр. Но такое положение не вносит никакого принципиального изменения в тот неоспоримый факт, что классовое лицо основных масс крестьянства постепенно меняется.

Недостаточный охват производственной деятельности крестьян свидетельствует лишь о том, что энергетическая база не обладает еще полным комплексом средств производства для того, чтобы овладеть всеми сторонами сельскохозяйственной деятельности крестьянина.

Только это является причиной того, что некоторые сферы деятельности крестьянина покоятся, даже в поле действия машино-тракторной станции, на примитивном ручном труде.

Правда, некоторые «знатоки и теоретики» сельского хозяйства об'ясняют это явление другими причинами. Они считают, что моторизация сельского хозяйства невозможна вообще, а тем более производства так называемых интенсивных культур.

«В этих отраслях,—писал проф. Бруцкус,—значение машин минимальное, значение внимательного любовного труда наибольшее. Преобладание крупного хозяйства является в таких условиях тормозом для поднятия сельского хозяйства на высший уровень» [1]).

Известный французский деятель в области сельской электрификации А. Делямарр, очень смелый в намечении перспектив на грядущие столетия, но робкий, как и все представители мелкобуржуазной идеологии, когда наступает процесс ломки старых форм и хозяйственных укладов, пишет о том, что «желание упразднить рабочих животных на ферме с заменой их механическими двигателями это утопия».

Такую же отходную моторизации сельского хозяйства пел в 1928 г. крупнейший сельскохозяйственный деятель Англии Кин и директор Ротамстедской станции Руссель. «Без сомнения,—писал он,—трактор не может заменить лошади, но он может пополнить рабочую силу в хозяйстве, где ее нехватает» [2]).

Германский «теоретик» лошадиной силы Фриц Брутшке пишет следующее: «Ни один разумный сельский хозяин не оставит своих лошадей незанятыми для того, чтобы производить полевые работы при помощи машин» [3]).

Однако, не только сферы производства экстенсивных культур, но и сферы производства интенсивных культур могут быть, при данном уровне развития производительных сил, полностью моторизированы.

В 1925 году появились тракторы, приспособленные к хождению по междурядьям и над растениями, появились кукурузные, хлопковые и каучуковые сеялки и культиваторы, появились рассадочные машины, которые производят железными лапками рассаду растений бережней и тщательней, чем это может сделать человек своей рукой.

Трудоинтенсивные сферы производства перестают быть трудоинтенсивными. Роль человека на индустриализированных хлопковых, рисовых,

[1]) Проф. Б. Д. Бруцкус, Экономия сельского хозяйства.
[2]) The Implement and Machinary Review. Febr. 1928.
[3]) Fritz Brütschke, Sondern d. Deutsch. Somd. Tierzücht. Hannover. 14. VII. 28.

кукурузных, каучуковых и др. плантациях сводится к управлению машиной так же, как в зерновых предприятиях.

Появление универсального трактора «Doall», что обозначает «делаю все» обрекло на безделие романтиков мелкобуржуазного производства, опровергло все их, поколениями сплетаемые, теории и предсказания.

В условиях современной техники машино-тракторные станции, оборудованные всем необходимым комплексом машин, могут охватить все без исключения стороны сельскохозяйственной деятельности крестьянина.

Если контрактация осуществляется на этой основе, она совершенно видоизменяет классовый тип крестьянина.

Крестьянину при этих условиях не нужно никаких средств производства. Они для него теряют всякую ценность так же, как уже потеряли в районе совхоза Шевченко в сфере полеводственной деятельности. Но если бы энергетическую базу Шевченко снабдить тракторами Doall, трансплатерами и другими машинами, приспособленными для производства интенсивных культур, то крестьяне, несомненно, с такой же охотой передали бы и остальные сферы своей деятельности ведению энергетической базы, с какой они передали полеводственную сферу.

В какой классовый тип превращается при этих условиях крестьянин? Он не товаропроизводитель, поскольку он работает на заказ, а не на рынок, он не является вместе с тем кооперативным производителем, поскольку средства производства, которыми он пользуется, являются государственной собственностью, но не собственностью данного коллектива, он не является вместе с тем наемным рабочим, работающим на государственной фабрике или в совхозе, он является при том условии, когда его торговая деятельность целиком законтрактована, классическим типом домашнего рабочего.

Поскольку сеть машино-тракторных станций уже через год овладеет, на основе контрактации, производственной деятельностью крестьянских хозяйств, расположенных на миллионе гектаров земли, поскольку деятельность таких энергетических баз будет все в большей мере расширяться и роль их возрастать, постольку процесс превращения крестьян целых районов в домашних рабочих становится вопросом не отвлеченной теоретической гипотезы, а фактом реальной действительности.

До сих пор речь шла о высшем типе контрактации, базирующемся на организации энергичеких баз, благодаря чему становится легко доступным установление с земледельцами таких отношений, при которых целиком или в значительной мере, они перестают работать на рынок.

Однако, государство не располагает еще достаточными материальными возможностями для того, чтобы этот тип контрактации стал преобладающим на данном отрезке времени.

В большинстве районов контрактация базируется на обслуживании крестьянства лишь отдельными элементами средств производства, но не всей массой средств производства, необходимых земледельцам.

В силу этого установление с крестьянами таких отношений, при которых они работали бы только на заказ, делается более трудным, чем в первом случае. Но и при тех условиях, когда контрактация покоится на обслуживании крестьян лишь отдельными элементами производства, крестьянин в той или иной мере начинает работать на заказ, не переставая вместе с тем быть товаропроизводителем.

В нем уже есть черты домашнего рабочего, но он еще не является классическим типом домашнего рабочего, поскольку он товаропроизводитель.

Однако, мелкому земледельцу чрезвычайно трудно работать непосредственно на рынок. Расходы по сбыту той ничтожной продукции, которая

создается им, часто поглощают весь заработок. При этих условиях земледелец обращается к скупщику, начинает работать по его заказу и превращается в его домашнего рабочего.

Скупщик, завладевая продукцией многих мелких производителей, ставит их от себя в зависимое положение и низводит их до степени домашних рабочих капиталистической мануфактуры.

Хищнической эксплоатации скупщика противопоставляется государственная промышленность, которая через кооперативного агента, предоставляет мелкому земледельцу более выгодные условия сбыта.

Поэтому, даже при том условии, когда социалистическая промышленность предоставляет мелкому производителю не все элементы средств производства, а лишь часть их, крестьянину - бедняку и отчасти середняку выгоднее все же работать на заказ социалистической промышленности, чем на заказ скупщика.

Этим в основном об'ясняется тот факт, что за такой небольшой срок как два года, при чрезвычайно выгодной для продавца рыночной кон'юнктуре на продукты земледелия, развитие контрактации, обозначающей нерыночный обмен, получило все же огромный размах.

Торговая деятельность мелких производителей в сфере производства таких культур, как сахарная свекла, хлопок и кенаф, в настоящем году полностью законтрактована.

В сфере производства зерновых культур контрактацией охвачено 27,5% всей посевной площади, табака—84%, подсолнуха—31,5%, льноволокна—50% и т. д.

Развитие контрактации значительно превысило самые оптимистические плановые расчеты.

В сфере производства зерновых культур плановые предположения превзойдены на 332%, в сфере производства льна-волкна на 130%, льносемян на 139%, махорки на 121%, желтого табаку на 102%, продуктов огородничества на 326% и пр.

Вот почему не будет ошибкой сделать тот вывод, что, хотя развитие контрактации не достигло еще такой степени, чтобы охватить полностью все стороны торговой деятельности мелкого производителя, но тенденция развития идет в сторону возрастания роли контрактации. А в этом факте нельзя не видеть нового явления, несущего серьезные изменения в расстановку и соотношение классовых сил.

Нужно отметить, что впервые вопрос об эволюции крестьянина в сторону превращения в домашнего рабочего социалистической промышленности был поставлен тов. Сталиным в его книге «Основы ленинизма». Анализируя меняющиеся в деревне производственные отношения, он писал следующее: «Крайне интересны в этом отношении некоторые новые явления в деревне в связи с работой сельскохозяйственной кооперации. Известно, что внутри Сельскосоюза народились новые крупные организации по отраслям сельского хозяйства: по льну, картофелю, маслу и пр., имеющие большую будущность. Из них, например, Льноцентр об'единяет целую сеть производственных товариществ-льноводов. Льноцентр занимается тем, что снабжает крестьян семенами и орудиями производства, потом у тех же крестьян покупает всю продукцию льна, сбывает ее в массовом масштабе на рынок, обеспечивает крестьянам участие в прибылях и таким образом связывает крестьянское хозяйство через Сельскосоюз с государственной промышленностью. Как назвать такую форму организации производства. Это есть, по - моему, домашняя система крупного государственно-социалистического производства по аналогии с домашней системой капитализма в области, скажем, текстильного производства, где кустари, получая от капиталиста сырье и орудия и сдавая ему

всю свою продукцию, фактически являлись полунаемными рабочими на дому» [1]).

Контрактация влечет за собой и другого рода следствие. Если миллионные массы крестьянства постепенно переходят от работы на рынок к работе на заказ социалистической или кооперативной промышленности, то, следовательно, должна уменьшиться роль чисто рыночных отношений.

И этот факт не может не внести серьезного изменения во всю систему народного хозяйства.

Возрастают возможности планового давления государства на рыночную стихию, возрастают возможности государственного регулирования призводственной и торговой деятельности индивидуального крестьянского хозяйства, открываются новые пути превращения мелких разрозненных хозяйств в крупные, высоко-технически развитые земледельческие предприятия.

---

[1]) И. Сталин. «Вопросы ленинизма», стр. 124—125.

И. Бобрышев.

К перевооружению на одном из боевых участков.

(К дискуссии по антирелигиозному вопросу).

«Марксист должен быть материалистом, т.-е. врагом религии, но материалистом диалектическим, т.-е. ставящим дело борьбы с религией не абстрактно, не на почве отвлеченной, чисто теоретической, всегда равной себе, равной проповеди, а конкретно, на почву классовой борьбы, идущей на деле и воспитывающей массы больше всего и лучше всего». (Ленин, том XI ч. 1, стр. 255).

Антирелигиозный участок — один из боевых участков общего фронта классовой борьбы. Обострение классовой борьбы в стране сказывается со всей полнотой и силой и на этом участке. Рост активности церковников и сектантов, усиление их борьбы за молодежь, за влияние на массы трудящегося крестьянства и на отсталые группы пролетариата — с несомненностью свидетельствуют о попытках религии, организации которой марксизм рассматривал как органы буржуазной реакции, перейти в наступление. Не понимать и не видеть всего классового характера борьбы на этом участке может только тот, кто крепко вооружился оппортунистическими очками, кто замазывает и отрицает факт обострения классовой борьбы в стране.

В последнее время вокруг положения на антирелигиозном фронте возникли довольно оживленные споры. Эти споры не случайны. Они характеризуют как важность антирелигиозного участка, так и усиление внимания пролетарской общественности к борьбе с религией. И еще об одном говорят эти споры. Они говорят также о том, что не все у нас в порядке на фронте борьбы с религией.

Мы не можем сейчас удовлетвориться прежними формами и методами антирелигиозной борьбы. Обострение классовой борьбы, со всей силой отражающееся на религиозном участке, новые задачи, поставленные перед нами новым периодом, требуют известного перевооружения, требуют максимального повышения классовой бдительности в борьбе с церковниками и сектантами.

Усиливая наступление на нэпмана и кулака, мы, естественно, не можем не усиливать наступления на религию, если будем рассматривать ее роль по-ленински. Сложность механики классовой борьбы, обострение этой борьбы, способность врага маскироваться, действовать тихою сапой—несомненно, требуют от нас соответствующего перевооружения. Перевооружение не должно выражаться в одном голом признании его необходимости, в хороших резолюциях, в переименовании наших безбожных обществ. Не-

обходимо прежде всего добиться перевооружения в практической работе.

Может быть, здесь перевооружение вовсе и не нужно? Может быть, безбожные организации были настолько политически дальнозорки, что перевооружились за несколько лет назад, задолго до нового периода, потребовавшего со всей категоричностью этого перевооружения? Конечно, это не так.

Состояние союза безбожников подтверждает необходимость перевооружения этой организации. Союз безбожников об'единяет всего около миллиона человек. Цифра, вне сомнения, мизерная, ни в какой степени не могущая быть признанной удовлетворительной. Одни сектанты одной молодежи, по некоторым данным, об'единяют около двух миллионов. Насколько в количественном отношении церковники и сектанты опередили нас, видно из сопоставления этих двух цифр...

Ленин говорил о том, что в политике учитываются только миллионы, а цифры меньшие отбрасываются. Можно ли считать сколько-нибудь внушительной силой организованную в союз одномиллионную безбожную армию? В выступлениях как устных, так и печатных, руководителей союза безбожников мы не видели достаточно глубокого и полного анализа медленного роста безбожных рядов. А причины эти представляют несомненный интерес. Нам кажется, что главной из них являются недостаточно живые, недостаточно боевые методы работы союза безбожников. Сплошь и рядом внимание антирелигиозников сосредоточивается на раскопках истории древнего мира, языческих мифах и прочих необходимых, но явно недостаточных вещах. Слишком недостаточна связь работы безбожников с сегодняшним днем классовой борьбы, слишком суха она и непривлекательна для широких рабочих и крестьянских масс.

Не может быть признано удовлетворительным также состояние антирелигиозных кадров. На втором с'езде безбожников преобладающая масса делегатов состояла из служащих (411 человек), рабочие составляли 260 человек, крестьяне—108. Эти цифры—показатель того, что основные массы безбожного актива—не из числа рабочих и крестьян. Как правило, актив союза безбожников составляют антирелигиозные «спецы», умеющие прекрасно обращаться с раскопками языческих богов, но не всегда умеющие антирелигиозную пропаганду связать с конкретной практикой классовой борьбы.

По этим двум условиям (малый количественный состав СБ и узкие кадры актива) организации союза безбожников не оказывают сильно заметного влияния на борьбу, которую ведет вся пролетарская организованная общественность с религией.

Возьмем для примера две крупных кампании, проведенные пролетарской общественностью в боях с религией:

1. Борьба за замену безрелигиозного антирелигиозным воспитанием в советских школах. Застрельщиком этой борьбы выступил комсомол, широко поддержанный рабочими фабрик и заводов. Громкого голоса безбожных организаций в этой кампании не было слышно.

2. Борьба за прекращение печатания религиозной прессы. Эту кампанию вела, в первую очередь, наша печать, втянув в нее широкие массы рабочих полиграфического производства. И опять-таки голос безбожных организаций не являлся здесь громким.

Наконец, возьмем наши обычные антирелигиозные кампании в рождественские и пасхальные дни. Здесь также приходится констатировать тот

факт, что организации союза безбожников не являются организаторами кампаний, проведение которых в основном является делом комсомола.

Не для того приводим мы эти факты, чтобы злорадно упрекнуть союз безбожников: «смотрите как вы мало делаете!». Эти факты приводятся нами лишь с одной единственной целью — показать необходимость подлинного перевооружения на антирелигиозном участке.

Необходимость перевооружения диктуется и другими мотивами. Союз безбожников при правильной в основном политической линии в практике своей работы допускает срывы с этой линии. Четкая классовая установка, как никогда, необходимая сейчас в период обострения классовой борьбы, не всегда и не во всем сохраняется в практике работы союза безбожников.

Не все работники на антирелигиозном фронте четко представляют себе линию партии. Весьма характерной иллюстрацией к этому может служить совещание комсомольцев, делегатов второго с'езда безбожников, проведенное представителями ЦК ВЛКСМ и «Комсомольской Правды». Совещание явилось показателем той большой идеологической путаницы, которая существует в некоторых прослойках антирелигиозного актива. На этом совещании отдельные комсомольцы при явном сочувствии подавляющего большинства и возражениях незначительного меньшинства, возражали против ссылки в наше время на... ленинские цитаты, относящиеся к дореволюционной эпохе, на том основании, что у нас-де сейчас капитализма нет... Участники совещания возмущались утверждениями, что у нас существуют корни капитализма. На совещании же раздавались громкие упреки «Комсомольской Правде» в «голой классовости».

Вот каким идейным багажом, вот какими либеральными мыслишками «обременены» головы некоторых прослоек актива безбожников!

Четкая классовая линия в антирелигиозной борьбе — то основное условие, без которого мы успехов в борьбе с церковниками и сектантами не достигнем. Правые и примиренческие тенденции в постановке антирелигиозной борьбы, в практике работы союза безбожников должны быть решительно выявлены и взяты под обстрел.

«Комсомольская Правда» не зря, не надуманно, не в погоне за фразерством, как это сейчас изображается некоторыми товарищами, поставила все эти вопросы на своих страницах. Выше мы привели один пример, подтверждающий всю неотложную необходимость постановки этих вопросов — совещание комсомольцев-делегатов союза безбожников. Таких подобных примеров можно привести не один. В ряде изданий союза безбожников мы имеем подтверждение того, что не у всех антирелигиозников до конца осознана линия партии в вопросах борьбы с религией, что не всегда антирелигиозная борьба рассматривается, как одна из форм классовой борьбы.

О чем свидетельствует такая мысль, что борьба с религиозным дурманом «это ведь не борьба с нэпманом»? О чем свидетельствуют такие утверждения, что религия—пережиток старого мира, при чем старый мир в этих условиях рассматривается только с точки зрения наличия в нем суеверий и темноты?!

В изданиях союза безбожников религия сплошь и рядом рассматривается вне ее классовых корней и классовой роли. «Учебник для рабочих антирелигиозных кружков», например, утверждает: «Религия держится в трудящихся массах не только благодаря обману со стороны эксплоататоров, но и благодаря самообману трудящихся, к которому они прибегают в своем бессилии перед природой и общественными отношениями».

В книжке Ф. Путинцева «Политическая роль сектанства» (издание 1928 года) мы читаем: «Но было бы слишком упрощенно и ошибочно сводить всю антирелигиозную пропаганду к агитационному разжиганию классовой борьбы и ненависти против кулаков в деревне». Разве эта либеральная мысль не противоречит всей установке партии?

Особо велика путаница в вопросах о роли сектантов. «Мы не против сектантских коммун»... — пишет т. Путинцев в той же своей книжке. — ...Существование сектантских колхозов в данных советских условиях мы считаем полезным, но не ставим себе их в качестве обрзца совершенства».

Примерно такая же мысль была выражена тов. Ярославским в его заключительном слове на с'езде безбожников.

«Пустяки, — говорил он там, — если сектанты будут организовывать колхозы там, где имеется сплошной массив».

Такое утверждение противоречит марксистскому взгляду на религиозные организации, как органы буржуазной реакции, недоучитывает классовых корней религии.

Из таких утверждений вполне естественны выводы о том, что главный упор в борьбе с религией нужно делать на «просветительство».

«Просветительская» программа антирелигиозной борьбы ярче всего выражена в недавно вышедшей «Антирелигиозной Хрестоматии», составленной Г. А. Гуревым и изданной издательством «Безбожник». В предисловии к этой хрестоматии Гурев дает такую программу:

«Первая задача антирелигиозной пропаганды заключается в том, чтобы разбить, опровергнуть религиозное мировоззрение, показать, как наука смотрит на те вопросы, на которые религия старается ответить при помощи представления о боге... С этого и нужно начать антирелигиозную пропаганду. Но, показав, что бог изгнан из научного мировоззрения, что ничего сверхестественного не существует ни в природе, ни в общественности, мы этим еще не разрешаем всей задачи антирелигиозной пропаганды. От естественно научного преодоления религии необходимо перейти к ее социально-историческому преодолению», — пишет Г. А. Гурев. Казалось бы, тов. Гурев сказал верное слово. Но посмотрите, как он представляет себе сущность социально-исторического преодоления религии. Продолжаем цитату: «Ибо без этого все-таки остаются такие важные вопросы: какая разница между верой и знаниями? почему еще сохранилась религия? как и почему возникло представление о боге? как возникло христианство? был или не был Христос? какую социальную роль всегда играла религия? не падет ли вместе с религией и мораль? и т. д. И только тогда, когда вместе с выяснением того, что представление о сверхестественном не имеет под собой никаких оснований, также выяснено, почему именно это представление появилось и почему именно оно до сих пор окончательно не исчезло, — антирелигиозный пропагандист может считать свою задачу в основном выполненной».

В этой «программе», как видим, социальной роли религии отведено самое незаметное место. Нам даже кажется, что об этой социальной роли религии сказано в виде «дани времени». Вся же «программа» есть программа буржуазно-ограниченного культурничества. Такое ограниченное культурничество имел в виду Ленин, писавший

в статье «Об отношении рабочей партии к религии», о том, что «борьбу с религией нельзя ограничивать абстрактной идеологической проповедью, нельзя сводить к этой проповеди, эту борьбу надо поставить в связь с конкретной практикой классового движения, направленного к устранению социальных корней религии. Почему держится религия в отсталых слоях городского пролетариата, в широких слоях полупролетариата, а также в массах крестьянства? По невежеству народа, — отвечает буржуазный прогрессист, радикал или буржуазный материалист. Следовательно — долой религию, да здравствует атеизм, распространение атеистических взглядов есть главная наша задача. Марксист говорит: не правда. Такой взгляд есть поверхностное буржуазно-ограниченное культурничество. Такой взгляд недостаточно глубоко, не материалистически, а идеалистически об'ясняет корни капитализма. В современных капиталистических странах эти корни, главным образом, *социальные*» (Ленин, том. XI, ч. 1, стр. 253).

Не сбиваться на путь абстрактно-идеологической проповеди, на путь поверхностного, буржуазно-ограниченного культурничества — главное требование, которое должно быть пред'явлено каждому антирелигиозному работнику.

Критиков работы союза безбожников часто упрекают в том, что они против научной пропаганды. Эти обвинения не серьезны. Речь идет не о том, что нам не нужна научная пропаганда. Речь идет о том, чтобы, ведя эту пропаганду, при ее помощи, как одного из орудий, борясь с религией, не сбиваться на путь ограниченного культурничества.

Ленин в своей критике буржуазного культурничества, предвидя подобного рода обвинения в недооценке научной пропаганды, так отвечал на них:

«Следует ли из этого, что просветительная книжка против религии вредна или излишня? Нет. Из этого следует совсем не это. Из этого следует, что атеистическая пропаганда социал-демократии должна быть *подчинена* ее основной задаче: развитию классовой борьбы эксплоатируемых масс против эксплоататоров». (Там же, стр. 254).

Непонимание этой ленинской мысли сквозит во всех приведенных нами выдержках из ряда изданий союза безбожников. Как это ни странно, но непонимание этой ленинской мысли проявилось и в заключительном слове тов. Ярославского на с'езде безбожников. Он говорил, что безбожникам подсовывают мысль, что будто бы «мы отрицаем необходимость классовой критики религии. Мы с этого начинаем, но, когда наталкиваемся на некультурность масс, мы говорим, что надо на этом фронте поработать».

Здесь у т. Ярославского сквозит *противопоставление классовой критики религии работе на культурном фронте.* Ясно, что такое противопоставление ничем не оправдано. Ленин в той же своей статье писал о тех непониманиях, которые проявляются в таких рассуждениях: «Как это так? Подчинить идейную пропаганду, проповедь известных идей, борьбу с тем врагом культуры и прогресса, который держится тысячелетиями (т.-е. с религией), — классовой борьбе, т.-е. борьбе за определенные практические цели в экономической и политической области?». «Подобное возражение, — писал Ленин, — принадлежит к числу ходячих возражений против марксизма, свидетельствующих о полном непонимании марксовой диалектики... Отделить абсолютной, непереходимой гранью теоретическую пропаганду атеизма, т.-е. разрушение религиозных верований у известных слоев пролетариата, и успех, ход, условия классовой борьбы этих слоев — значит рассуждать недиалектически, превращать в абсолютную грань то, что есть подвижная, относительная грань, значит насильственно разрывать то, что неразрывно связано в живой действительности». (Т. XI, ч. 1, стр. 254).

Просветительная книжка сейчас, в полосу культурной революции нужна нам, как никогда. Но, естественно, — это азбучная мысль, — что и *сама* просветительная книжка должна быть подчинена интересам классовой борьбы пролетариата.

В возражениях критикам работы союза безбожников часты обвинения в том, что они хотят победы над религией добиться административными мерами. Эти обвинения являются плодом досужей фантазии их авторов.

Критиковавшие работу союза безбожников возражали против той пошлой реакционной идейки о замене религии, которая находит себе выражение в «поэзии» некоего Деда-безбожника: «*вместо бога — молот в кулак*» (кстати эта «поэзия» находит себе место тоже в изданиях союза безбожников). Вместо бога — молот, вместо кулича с крестом — кулич с серпом и молотом, вместо иконы — портрет вождя, — вот против какой замены надо бороться, вот против каких модернизированных богостроительных тенденций надо вести борьбу.

Многие, если не большинство из недостатков работы союза безбожников об'ясняются недостаточным вниманием к этому союзу, недостаточной поддержкой его со стороны партии и комсомола. Но это еще ни в коем случае не может и не должно заставить отказаться от критики ошибок союза безбожников.

В этом перевооружении, которое требуется союзу безбожников так же, как и другим нашим пролетарским организациям, партия и комсомол должны оказать существенную поддержку. Обострение классовой борьбы требует уделения максимального внимания борьбе с религией, требует скорейшего перевооружения той организации, которая стоит на форпостах этой борьбы, которая занимает один из боевых участков классового фронта.

Ем. Ярославский.

Научитесь правильно владеть оружием марксизма.

(Ответ тт. Бобрышеву, Галактионову и другим).

Мысли, которые тов. Бобрышев развивает об антирелигиозной пропаганде, прежде всего, свидетельствуют о том, что эти мысли для него, как и для многих комсомольцев, являются вовсе не выводами из близкого знакомства с антирелигиозной пропагандой и из практики антирелигиозной пропаганды, а выводами человека, наблюдающего антирелигиозную пропаганду со стороны, не знакомого должным образом ни с практикой антирелигиозной пропаганды, ни с ее теорией. Спор с этими товарищами по существу вопроса поэтому чрезвычайно затруднен. В этих спорах приходится бороться с рядом утверждений до последней степени неправильных, наивных, если не сказать больше.

Вопрос о массовости союза воинствующих безбожников.

Так, например, говоря о недостаточной массовости союза безбожников, тов. Бобрышев приводит мысль Ленина о том, что в политике учитываются только миллионы, а цифры меньшие отбрасываются. Мысль сама по себе, безусловно, правильная. Но можно ли на этом основании «отбросить», скажем, германскую компартию или комсомол Германии, потому что они дают цифры меньше миллиона? Конечно, нет. Поэтому нельзя «отбрасывать» и миллион членов союза воинствующих безбожников.

Цифра эта совершенно недостаточная. Я даже согласен с тем, что она «мизерная», и вопрос о массовости союза выдвинут был на антирелигиозном совещании при ЦК и во время предс'ездовской дискуссии, и во время с'езда союза воинствующих безбожников на первое место. В своей речи на антирелигиозном совещании при ЦК я говорил: «Мы не сможем повести правильную борьбу с религией в крестьянстве и рабочем классе, если не обеспечим создание массового союза. Вот на чем должно быть сосредоточено главнейшее внимание в нашей работе на ближайший период». В речи на открытии с'езда СВБ эта мысль также была подчеркнута и выдвинута на первое место. Вопрос о том, как добиться, чтобы союз стал массовым, был поставлен во главу угла всей работы с'езда союза воинствующих безбожников.

Если тов. Бобрышев жалуется на то, что на с'езде СВБ вопрос о причинах недостаточного роста союза был слабо поставлен, то это свидетельствует только о том, что тов. Бобрышев не потрудился даже

ознакомиться с работами и решениями с'езда, о котором он говорит.

Как об'яснял с'езд СВБ слабый размах работы? Вот какие причины выдвинул с'езд: отсутствие достаточной дисциплины, ответственности и плановости в работе СВБ, как результат децентрализованной структуры союза. Тов. Бобрышев не замечает даже, что такие вопросы существуют, а между тем организационный вопрос, несомненно, играл и играет огромную роль в деле правильного роста союза безбожников. Нам пришлось преодолевать огромное сопротивление в этом деле, когда места шли по линии кустарничества, когда был «период шатаний, разброда» и в нашей работе, когда не было централизованного союза, когда еще недавно были такие факты, например, что губкомы запрещали организацию союза безбожников, ссылаясь на то, что у них нет достаточно подготовленных кадров и когда целая республика (Украина), по тактическим соображениям запрещала организацию союза безбожников, пытаясь заменить ячейки безбожников краеведческими и другими научно-просветительными кружками. К этим же организационным неувязкам и недочетам относятся, как результат децентрализации, слабая связь с местами и отсутствие сколько-нибудь удовлетворительной финансовой базы для союза безбожников. В смысле средств беднее этого союза до сих пор нет ни одной общественной организации, а это ведет к тому, что у большинства организаций СВБ почти нет штатных работников, для которых антирелигиозная пропаганда была бы постоянным делом. К этой же организационной стороне относится отчасти слабая поддержка со стороны партийных, советских и общественных организаций и, прежде всего, со стороны комсомола. Об этом лишь вскользь говорит тов. Бобрышев, тогда как это имеет решающее значение в деле создания массового союза.

С'езд СВБ отмечает, прежде всего, необычайно слабую постановку и даже почти отсутствие антирелигиозной пропаганды в самом комсомоле, в то время как за молодежь борются сектантские и другие религиозные организации, когда имеются факты отхода части комсомола к религиозным организациям, когда имеются факты выполнения комсомольцами и даже партийцами религиозных обрядов. С'езд СВБ подчеркнул, что раз'яснительная воспитательная работа по борьбе с религией систематически до сих пор комсомолом не проводилась, что антирелигиозная работа в большинстве комсомольских организаций отсутствует, что комсомольская масса в целом и комитеты КСМ в первую голову еще не осознали важности значения борьбы с религией и почти не предпринимают решительных мер в области антирелигиозной пропаганды и что антирелигиозная работа среди молодежи должна войти в план работ всех комсомольских организаций и организаций СВБ.

Об активе и кадрах.

В числе причин, обусловливающих недостаточную массовость союза, с'езд отметил также слабость работы по воспитанию антирелигиозного актива и по закреплению подготовляемых антирелигиозных кадров на антирелигиозную работу, малочисленность этого актива и недостаточно решительную разгрузку его от других общественных обязанностей.

Неправда, что преобладающая масса безбожного актива состоит не из числа рабочих и крестьян [1]) надо принять во внимание, что служащие, кото-

[1]) В «Комс. Правде» от 13/VIII сообщается, что «актив» вышневолоцких безбожников состоит главным образом из детей духовенства и дворянства. Это надо проверить. Но, конечно, нельзя поручиться за то, что этого нет кое-где.

рые были делегатами на с'езде СВБ, в значительной своей части—недавние рабочие и крестьяне, например, учителя и т. п. Неверно также, что «актив союза безбожников составляют антирелигиозные «спецы», умеющие прекрасно обращаться с раскопками языческих богов, но не всегда умеющие антирелигиозную пропаганду связать с конкретной практикой классовой борьбы», как утверждает тов. Бобрышев. Наша беда заключается не в том, что у нас много «спецов» по антирелигиозной пропаганде, а в том, что у нас этих спецов необычайно мало. Презрительные кавычки по отношению к спецам вовсе не свидетельствуют о том, что тов. Бобрышев и его единомышленники усвоили значение серьезной подготовки к такому делу, как антирелигиозная пропаганда. Только верхоглядством можно об'яснить такую характеристику по отношению к кадрам безбожников, среди которых преобладающее большинство составляют люди, непосредственно ведущие классовую борьбу в городе и деревне. Ведь на фронте религиозной борьбы у нас немало жертв — убитых, подожженных и т. п. рукою кулаков.

Тот, кто ведет антирелигиозную пропаганду, а не только разговаривает о ней, тот не может не связывать антирелигиозной пропаганды с конкретной практикой классовой борьбы. Меньше всего у нас в союзе воинствующих безбожников людей «умеющих прекрасно обращаться с раскопками языческих богов». Их можно перечесть по пальцам одной руки.

Несомненно, одной из причин слабости роста союза являются также недостаток антирелигиозной литературы, недостаток разработанных методических руководств и пособий для конкретной повседневной работы среди разных групп населения и отсутствие систематически налаженного изучения религиозного фронта и методов деятельности противника.

Как создать массовый СВБ.

Мы считаем, что массовый, многомиллионный, на ближайшее пятилетие, по крайней мере, пятимиллионный союз безбожников создать можно.

Такую задачу мы должны поставить перед собой во что бы то ни стало. Основные кадры, хотя и недостаточные, и не всегда доброкачественные, все же имеются. Миллионный актив безбожников может и должен в ближайшие годы организовать по крайней мере еще 4 миллиона из резерва безбожников, которые еще не организованы — из рабочих и крестьян, главным образом. Комсомол должен обязать всех своих членов входить в организацию безбожников точно так же, как партия обязана дать директиву всем партийным организациям и всем членам партии усилить как самую работу СВБ, так и непосредственное участие членов партии в СВБ. Мы должны развернуть работу среди национальных меньшинств, где иногда религиозные организации пользуются еще колоссальным влиянием. Мы должны перейти от чисто стихийного роста СВБ к систематической вербовке трудящихся, обратить особое внимание на вовлечение батрачества и деревенской бедноты, а в городе рабочих, особенно вновь прибывших кадров рабочих. В первую очередь, необходимо развертывать ячейки СВБ там, где больше всего обеспечено влияние партии и комсомола. Не должно быть ни одного предприятия, ни одного совхоза, колхоза и части Красной армии без ячейки СВБ, не должно быть ни одной школы без такой ячейки, не должно быть ни одного пионерского отряда без детской группы безбожников.

Все это вошло в решения с'езда СВБ, и только незнанием или игнорированием этих решений с'езда, незнанием практической работы СВБ можно

об'яснить ту характеристику союза безбожников, которую мы видим в статье тов. Бобрышева и в других статьях в «Комс. Правде» и «Мол. Гвардии».

О методах.

«Мы не можем сейчас удовлетвориться прежними формами и методами антирелигиозной борьбы» — вот мысль тов. Бобрышева, которая в известных пределах является правильной мыслью. С этой точки зрения можно согласиться с постановкой вопроса об «известном перевооружении», если понимать под этим ориентировку на массовую работу. Однако, тут же мы должны оговориться, что дело идет не столько о перевооружении, т.-е. о том, чтобы запастись каким-то новым идейным оружием, пересмотреть все те формы и методы, какими мы пользовались (этим как раз и занимался с'езд СВБ, а не только «переименованием безбожного общества», как это уверяет тов. Бобрышев),—дело идет о правильном усвоении марксистских методов работы, об умении пользоваться методами марксизма в антирелигиозной работе.

По мнению тов. Бобрышева «главной причиной недостаточной массовости союза являются недостаточно живые, недостаточно боевые методы работы союза безбожников». «Сплошь и рядом, — уверяет тов. Бобрышев,— внимание антирелигиозников сосредоточивается на раскопках истории древнего мира, языческих мифах и т. п., необходимых, но явно недостаточных вещах. Слишком недостаточна связь работы безбожников с сегодняшним днем классовой борьбы, слишком суха она и непривлекательна для широких рабочих и крестьянских масс».

Мы этот упрек слышали уже и в дискуссионных статьях в «Комсомольской Правде» во время с'езда. Там это было гораздо резче подчеркнуто в статье тов. Галактионова («Комс. Правда» № 128), где о «Митрах и Адонисах» тов. Галактионов писал: «Этой буржуазной рухлядью, конечно, ничего общего с марксизмом не имеющей, союз безбожников оттолкнул от своей работы молодежь, которая несколько лет тому назад с большой активностью принялась за безбожную работу и нашла здесь вместо живой и интересной массовой работы, какое-то убогое гробокопательство в поповской мифологии».

Прежде всего, верно ли, что СВБ занимается «гробокопательством», то-есть мифологией, и в чем это выражается? Пара фактических справок.

Передо мной перечень всех статей, напечатанных в «Безбожнике» за 1929 год за 6 месяцев. К сожалению, и тов. Бобрышев и другие наши критики не читают антирелигиозной литературы, не знакомы с ней. Только этим можно об'яснить подобного рода упреки. Из 160 статей, помещенных в этих №№ «Безбожника», только 4 статьи относятся (это за полгода!) к истории религии: «Монастыри в России», «Как возникли религиозные посты», «Как сказки о Христе закрепились, как рассказ об исторической личности», «Христианство и рабство». Но неужели же товарищи всерьез думают, что можно заниматься антирелигиозной пропагандой, не занимаясь в такой минимальной степени историей религии? Мне кажется, что более правильно будет сказать, что «Безбожник» слишком недостаточно занимался вопросами истории религии, а не упрекать нас в том, что мы чересчур много занимаемся этой историей.

Если вы возьмете темы, которые мы разрабатывали, то эти темы такие, например: Классовое значение перекрашивания церковников. Церковники залезают в рабочие районы. Антирелигиозная пропаганда — пропаганда со-

циализма. Работа иностранных церковников против СССР. Классовая роль пасхи. Итальянское духовенство помогает фашизму. Контрреволюционная работа мулл. Безбожники, стройте новую деревню. На борьбу с антисемитизмом. Борьба сектантов за молодежь и т. п. То же самое мы увидим, если просмотрим список изданий, выпущенных издательством об-ва «Безбожник», то же самое—в «Антирелигиознике», где мы должны были бы, как в теоретическом органе, давать гораздо больше серьезных статей по истории религии. Где же тут «гробокопательство», где же тут мифология?

Но разве третирование истории религии, которое позволяют себе тт. Галактионов и Бобрышев, сколько-нибудь похоже на то, что писал об этом Ленин? Я вынужден снова напомнить то, что Ленин писал совсем недавно в журнале «Под Знаменем Марксизма» по поводу книги Артура Древса. Ведь книга Артура Древса—книга по истории религии, как раз трактует об этих самых, ненавистных тов. Галактионову и Бобрышеву, «Митрах и Адонисах» и о том, что т. Галактионов называет «буржуазной рухлядью» и «поповской мифологией». Ленин писал: «Известный немецкий ученый Артур Древс, опровергая в своей книге «Миф о Христе» религиозные предрассудки и сказки, доказывая, что никакого Христа не было, в конце книги высказывается за религию, только подновленную, подчищенную, ухищренную, способную противостоять «ежедневно все более и более усиливающемуся натуралистическому потоку» (стр. 238 4-го немецкого изд. 1910 г.). Это реакционер прямой, сознательный, открыто помогающий эксплоататорам заменять старые и прогнившие религиозные предрассудки новенькими, еще более гаденькими и подлыми предрассудками. Это не значит, чтобы не надо было переводить Древса. Это значит, что коммунисты и все последовательные материалисты должны, осуществляя в известной мере свой союз с прогрессивной частью буржуазии, неуклонно разоблачать ее, когда она впадает в реакционность. Это значит, что чураться союза с представителями буржуазии XVIII века, т.-е. той эпохи, когда она была революционной, значило бы изменять марксизму и материализму, ибо «союз» с Древсами в той или иной форме, в той или иной степени для нас обязателен в борьбе с господствующими религиозными мракобесами». (Подчеркнуто мною. *Е. Я.*).

Вы видите, что Ленин говорил как раз противоположное тому, что советуют тт. Галактионов и Бобрышев. Тов. Бобрышев уверяет, что мы «сосредоточиваем внимание на раскопках истории древнего мира, языческих мифах», тов. Галактионов уверяет, что мы «этой буржуазной рухлядью оттолкнули молодежь» и что молодежь находит в СВБ «убогое гробокопательство» и «поповскую мифологию», а Ленин на это ответил Галактионовым и Бобрышевым, что «чураться союза с представителями буржуазии XVIII века, т.-е. той эпохи, когда она была революционной, значило бы изменять марксизму и материализму, ибо «союз» с Древсами в той или иной форме, в той или иной степени для нас обязателен в борьбе с господствующими религиозными мракобесами». Для нас, т.-е. для марксистов-ленинцев, это обязательно, а тт. Бобрышев и Галактионов этого понять не могут. Поэтому они в этом вопросе, выражаясь словами Ленина, «изменяют марксизму и материализму».

Верно ли другое утверждение тов. Бобрышева, что слишком недостаточна связь работы безбожников с сегодняшним днем классовой борьбы? Уже из вышеприведенных тем газеты «Безбожник», а мы могли бы привести десятки таких тем, всякий может убедиться, что антирелигиозная пропаганда СВБ целиком увязана с классовой борьбой

сегодняшнего дня [1], основана на ней. Тов. Бобрышев сумел вспомнить о двух кампаниях: о борьбе за прекращение печатания религиозной прессы и о борьбе за замену безрелигиозного воспитания в советских школах антирелигиозным воспитанием. Других кампаний он не заметил. Он проглядел просто на просто массовую работу СВБ, связанную с классовой борьбой.

Между тем, нет ни одного вопроса, касающегося широких рабоче-крестьянских масс, где бы союз воинствующих безбожников не принимал самого активного участия. Идет ли речь о борьбе с пьяными праздниками в деревне и городе; о борьбе с религиозным изуверством (мусульманский праздник «шахсей-вахсей»); идет ли речь о закрытии церквей; об отмене религиозных праздников; об отказе от приема попа; о борьбе за разрыв с церковью, за выход из церкви, за агроминимум, за колхозы и т. п.,—СВБ целиком отдает свои силы этой борьбе. В решениях с'езда СВБ сказано:

«В своей агитационно-пропагандистской работе союз воинствующих безбожников должен, в первую очередь, разоблачать политическую классовую роль религии, вскрывать контрреволюционную деятельность всех и всяческих религиозных организаций, пытающихся в целях обслуживания враждебных диктатуре пролетариата элементов всячески затормозить социалистическое строительство и, в частности, проведение в жизнь пятилетнего плана. Необходимо показать трудящимся на живых конкретных примерах, какой вред приносит религия хозяйству советской страны, какой тяжестью ложится она на бюджет трудящихся. Пятилетний план должен быть предметом изучения каждого безбожника и являться одной из основ антирелигиозной пропаганды, одним из важнейших элементов ее содержания, способствующим вскрытию в теории и на практике всего глубокого принципиального различия между старым эксплоататорским миром, миром религиозных предрассудков, тьмы и невежества, и миром новым, миром социализма, подлинной свободы и науки. В то же время содержанием массовой антирелигиозной пропаганды должны быть пропитаны и вопросы истории религии, и естествознания»... СВБ должен с особой энергией бороться за осуществление лозунга «религиозные праздники — будни» и стопроцентный выход рабочих, служащих и учащихся на работу в эти дни, мобилизуя вокруг этого вопроса широкое общественное мнение трудящихся. Ячейки СВБ в своей повседневной деятельности должны иметь в виду, что их работа не может ограничиваться исключительно пропагандистскими (в узком смысле слова) формами. СВБ — это массовая общественная организация для практической борьбы с религией. А потому ячейкам необходимо, исходя из местных условий и на основе предварительной широкой агитационной и пропагандистской работы как можно шире использовать такие формы, как например, борьба методами общественного воздействия со всяким вмешательством служителей культа в общественную жизнь, налаживание широкой индивидуальной работы с членами религиозных общин за их выход из этих общин, организация индиферентных к религии кругов трудящихся за отказ от приема попов на дому, за прекращение всяких расходов на религию, организация профсоюзных масс на отказ от хозяйственного и технического обслуживания религиозных организаций (например, от печатания религиозной литературы, отказ строителей от постройки новых молитвенных зданий)».

О заслугах комсомола.

Если взять те два примера, которые привел тов. Бобрышев, то и здесь он обнаруживает незнакомство с вопросом.

[1]) Это не значит, что в отдельных случаях не могут иметь и не имеют места извращения этой линии.

Меньше всего пишущий эти строки когда-нибудь умалял достоинства «Комсомольской Правды» и комсомола. И в деле борьбы с религией у «Комсомольской Правды» есть некоторые заслуги точно так же, как и у комсомола, несмотря на общую слабость антирелигиозной работы, которую они ведут. Но если тов. Бобрышев пишет, что он «не слышал громкого голоса безбожных организаций» в кампании за замену безрелигиозного воспитания в советских школах антирелигиозным, то одно из двух: либо у него в это время болели уши, либо он вообще не поинтересовался тем, что же сделал СВБ в этой области.

Мы утверждаем, что именно СВБ был инициатором в постановке в Наркомпросе, в печати и среди широких масс учительства этого вопроса. Вот факты: мы провели еще в 1927 году в Центральном доме просвещения и печати дискуссию «Антирелигиозное или безрелигиозное воспитание»; журнал «Антирелигиозник» с 1927 года помещает систематически ряд статей в специальном отделе «Антирелигиозное воспитание в школе»; нами выпущен сборник под этим же названием и готовятся к печати еще два таких сборника, совместно с Цекпросом выпущен сборник «Просвещенец на антирелигиозном фронте»; издана инструкция по организации школьно-пионерских секций при советах СВБ, составлена программа для занятий антирелигизоных школьных кружков; вместе с Соцвосом разработан целый ряд указаний и методических писем о том, как проводить антирелигиозное воспитание в школе; выпущен сборник «Мы — безбожники», намечена программа издания (и уже издано к слету пионеров) «За безбожную детвору». Силами СВБ проведен ряд докладов по СССР на учительских собраниях, курсах, конференциях и т. п. Мы не стали бы так подробно перечислять эту работу, если бы тов. Бобрышев не представил действительность «шиворот на-выворот». Что же делать, если редактор «К. П.» «не слышит» обо всей этой работе!

То же самое и в вопросе о борьбе за полное прекращение печатания религизоной прессы в СССР. «Комсомольская Правда» и тов. Бобрышев должны знать, что кроме нашего желания уничтожить все материальные возможности существования религиозных организаций, мы в этом вопросе, как и вообще в вопросе о религии вынуждены считаться с тем, что имеются миллионы (вернее, десятки миллионов) членов этих организаций — рабочих и крестьян, которых мы не можем третировать, как контрреволюционеров. Мы боремся за влияние на эти массы, но именно поэтому мы в ряде вопросов (и в вопросе о закрытии церквей, и в вопросе о разрешении религиозных изданий) допускаем такую постепенность, которая была бы излишней, если бы мы имели дело с организацией, все члены которой просто-напросто контрреволюционеры. Такую организацию мы могли бы и обязаны были бы распустить во что бы то ни стало. Вот почему неправ тов. Бобрышев, выдвигая такое обвинение против СВБ.

О формах.

А если говорить о том, что антирелигиозная пропаганда порой «слишком суха и непривлекательна для широких рабочих и крестьянских масс», то в этом вопросе я целиком соглашаюсь с тов. Бобрышевым. Но это не вина наша, а наша беда.

Мы не можем добиться до сих пор, например, чтобы наши художники, — а мы несколько раз ставили перед ними этот вопрос, — помогли нам созданием хорошего антирелигиозного лубка, плаката. У нас есть люди, претендующие на звание «марксистов-искусствоведов» и обвиняющие одну из больших художественных организаций АХР в том, что она идеологически невыдержана. Но вот больше года назад мы читали декларацию художественного об'единения «Октябрь». Что же создал «Октябрь» в области антирелигиозной пропаганды? Дал ли он хоть что-нибудь? К сожалению,— ничего. Дал ли театр что-нибудь серьезное в области антирелигиозной пропаганды? У нас уже имеется ТРАМ, где молодежь играет такую большую роль, но и там антирелигиозные мотивы звучат слишком слабо. Мы не имеем до сих пор сколько-нибудь значительных антирелигиозных кинофильм. Наши литераторы-беллетристы не дают крупных художественных антирелигиозных произведений. Комсомольские поэты ничего не дали в области антирелигиозной пропаганды. Может быть, и им помешали «Митры и Адонисы»? Кроме тов. Демьяна Бедного никто не дал сколько-нибудь значительных вещей для антирелигиозной пропаганды.

Если все наши художники — художники кисти, резца, слова, художники театра и наше кино — не помогают как следует в этой нашей задаче, то нам трудно сделать антирелигиозную пропаганду более яркой по форме. Это конечно, не значит, что ее нельзя оживить даже при равнодушии этих художественных и других организаций, и СВБ наметил целый ряд мер по оживлению антирелигиозной деятельности.

Вот если бы тов. Бобрышев и другие наши критики остановились на этих мероприятиях, на этих решениях и показали, как можно это дело улучшить, что нового можно тут внести, не фразами, а конкретными предложениями, откликнулись на вопрос об оживлении антирелигиозной пропаганды, это было бы другое дело. Но, к сожалению, ни «Комсомольская Правда», выступившая с рядом статей против практики и линии СВБ, ни статья тов. Бобрышева, ни статья тов. Галактионова в «Молодой Гвардии» не дают ничего конкретного в области новых форм и методов классовой борьбы. Мы не откажемся ни от каких предложений в этой области, если они не грозят срывом антирелигиозной пропаганды; а в вопросе о методах и формах мы иногда встречаемся с такими попытками «оживить», которые приводят нас к прямым столкновениям с крестьянскими и даже кое-где с отсталыми рабочими слоями. Мы против такого «оживления».

О срывах с правильной линии.

Во время с'езда СВБ против нас было выдвинуто тов. Галактионовым такое положение: «не заменять, а разрушать». Тов. Галактионов привел в доказательство неправильности нашей линии подпись «Деда-безбожника» под антирелигиозным плакатом:

> Вместо бога — молот в кулак!
> Крепче ногу! Тверже шаг!
> Вот, товарищ, смотри, выбирай—
> Поповская пасха или красный май.

По поводу этой подписи «Комсомольская Правда» допускает следующее обвинение: «эта пошлая, реакционная идейка о замене религиозных социалистическими настроениями насквозь оппортунистична. Наша задача не заменять религию, а разрушать ее». И на антирелигиозном совещании при ЦК, и на с'езде СВБ мы вынуждены были указать, что это совершенно не диалектическая, не марксистская постановка вопроса, ибо нельзя разрушать, скажем, мелкобуржуазную идеологию, не заменяя ее какой-либо другой, в нашем случае—социалистической. Только анархисты могут ставить вопрос о разрушении, не ставя вопроса о том, чем заменяется разрушаемое. Ни пошлого, ни реакционного, ни оппортунистического в этой идее — о замене религиозных настроений социалистическими — нет. Наоборот, задачей антирелигиозной пропаганды и являет-

ся выкорчевывание, вытеснение остатков всякой буржуазной и мелкобуржуазной идеологии у трудящихся и выработка пролетарского социалистического мировоззрения у трудящихся масс.

И даже сами руководители «Комсомольской Правды» должны были впоследствии признать, что они допустили схоластическую постановку вопроса. Но ведь тов. Бобрышев являлся до сих пор редактором «Комсомольской Правды». Зачем же он допускает такие схоластические, немарксистские постановки вопроса? Это тем более странно, что мы в день индустриализации увидели в «Комсомольской Правде» на первой странице изображение завода и колхоза и надпись: «Наше «преображение», а рядом стихотворение Александра Жарова, в котором рассказывается о том, как раньше Александр Жаров—

«Стоял среди старушек дряблых
У клироса с копеечной свечой,
Над узелком свяченых свежих яблок
И на алтарь крестился горячо».

А теперь он, Александр Жаров, поет

«про города и рощи,
Служа стихом иному «алтарю».

Почему же можно «Комсомольской Правде» заменять алтарь преображенья «алтарем» социалистического строительства и писать «вместо преображения — день индустриализации», а «Деду-безбожнику» нельзя написать под плакатом: «вместо бога — молот в кулак» и «вместо пасхи—наш революционный праздник». Совершенно непонятна, двойная бухгалтерия тов. Бобрышева, по которой одно и то же, появляясь в «Комсомольской Правде», есть проявление революционности и марксистско-ленинской выдержанности, а появляясь в «Безбожнике» — «пошлая оппортунистическая идейка». Запутались вы, дорогие товарищи. Вот в чем дело.

Ленин в статье «Об отношении рабочей партии к религии» ставил вопрос: «можно ли при всех условиях одинаково осуждать членов... партии за заявление: «социализм есть моя религия» и за проповедь «взглядов, соответствующих подобному заявлению?». «Нет, — отвечал Ленин, — отступление от марксизма (а следовательно, и от социализма) здесь несомненно, но значение этого отступления, его, так сказать, удельный вес могут быть различны в различной обстановке. Одно дело, если агитатор или человек, выступающий перед рабочей массой, говорит так, чтобы было понятнее, чтобы начать изложение чтобы реальнее оттенить свои взгляды в терминах наиболее обычных для неразвитой массы. Другое дело, если писатель начнет проповедывать «богостроительство» или богостроительный социализм (в духе, напр., наших Луначарского и К°) [1]). Насколько в первом случае осуждение могло бы быть придиркой или даже неуместным стеснением свободы агитатора, свободы «педагогического» воздействия, настолько во втором случае партийное осуждение необходимо и обязательно. Положение: «Социализм есть религия» для одних есть форма перехода от религии к социализму, для других — от социализма к религии». (Ленин, т. XI, стр. 250—260).

Ясно, что «дед-безбожник» в надписи на плакате и «Преображение» в «Комсомольской Правде» относятся к первому случаю. Ясно, что «Комсомольская Правда» придралась зря, неуместно, забыв или упустив эти указания Ленина.

[1]) Статья относится к 1908 году.

Мы вовсе не считаем, что «Комсомольская Правда» поступила неправильно, напечатав плакат «Вместо преображения — день индустриализации». Да, мы вместо всей этой религиозной рухляди и на ее место поставим другое, наше. «Мы наш, мы новый мир построим». И ничего опасного мы не видим в том, что рабочий, выкидывая из своей квартиры икону, «развешивает» портреты вождей. А вы хотели бы, чтобы рабочий вместо икон развесил картины Рембрандта или какие-нибудь произведения конструктивистов, либо оставил стены совершенно голыми, как это одно время рекомендовала «Комсомольская Правда». Мы же считаем, что если вместо выкинутых икон рабочий «развешивает» портреты вождей и картины, изображающие отдельные эпизоды из истории революции, из истории борьбы классов, то это есть громадный шаг вперед.

Тов. Бобрышев в виде примера срыва с линии приводит совещание комсомольцев, делегатов II с'езда СВБ, где будто бы комсомольцы говорили, что «у нас сейчас капитализма нет, и поэтому ленинские цитаты сейчас не годятся». Это говорили комсомольцы? Да, такие комсомольцы, к сожалению, существуют, как есть комсомольцы, которые молятся богу. Но ведь их политически воспитывает комсомол, и если законно возмущение тов. Бобрышева, то оно законно именно в том смысле, что, вот, как плохо воспитывается теоретически комсомол. Сваливать это на союз безбожников, по меньшей мере, странно.

Четкая классовая линия на антирелигиозном фронте, безусловно, необходима. Но эта четкая классовая линия обязывает нас внимательно присмотреться к тому, какие изменения происходят в социальном составе верующих, какие изменения произошли за 12 лет в верхушке руководящей церковными организациями. Само собой разумеется, что не может быть и речи о каком бы то ни было притуплении классовой борьбы. И мы говорили на антирелигиозном совещании при ЦК: «В ближайшие годы нам придется выкорчевывать в СССР капиталистические элементы иного порядка, чем в 1917 — 1921 гг. Если мы раньше имели дело с несколькими десятками тысяч помещиков и несколькими десятками тысяч капиталистов, то сейчас мы имеем дело... с 3—4 миллионами кулаков, составляющих основной актив современных религиозных организаций... Борьба с ними не легче, чем борьба с помещиком, поддерживающим церковную организацию, а, пожалуй, сложнее».

Следовательно, и речи нет о том, что в ближайшее время мы будем иметь какое бы то ни было ослабление классовой борьбы, и мы это подчеркнули во всех решениях нашего с'езда. Да, четкая классовая линия в антирелигиозной борьбе — основное условие, без которого мы успеха в борьбе с церковниками, сектантами иметь не будем. Об этом мы не спорим с т. Бобрышевым и другими нашими критиками. Мы спорили с ним о другом. Один из предметов спора я уже привел. Это — постановка вопроса о том, что «не заменять, а разрушать», и всякий может видеть, что в этом вопросе «Комсомольская Правда» не права, что должен был признать и тов. Бухарцев в своем выступлении.

Эту неправоту «Комс. Правды» вынужден был отметить на конференции комсомола секретарь ЦК ВЛКСМ тов. Рахманов, который говорил на конференциии: «Недавно, очевидно, вы читали на страницах «Комсомольской Правды» несколько статей, направленных критически против линии союза безбожников. Я считаю, что такая критика, которая была в этих статьях на страницах «Комсомольской Правды»... была безусловной ошибкой... Об'ективно получилось так — и это мое мнение — что наш центральный орган до некоторой степени был использован кучкой людей, недовольных линией

партии в антирелигиозных вопросах». Доводы этих товарищей и повторяет, вернее сказать, перепевает тов. Бобрышев.

О сектантских колхозах.

Возьмем вопрос о сектантстве. Я имею в виду упрек тов. Путинцеву (в статьях тов. Галактионова особенно), что он считает допустимым и даже полезным существование колхозов, состоящих из сектантов, но не ставит эти колхозы в качестве образца совершенства. Тов. Бобрышев по этому поводу цитирует также мое заключительное слово на с'езде СВБ, где сказано: «Пустяки, если сектанты будут организовывать колхозы там, где имеется сплошной сектантский массив». Тов. Бобрышев уверяет, что «такое утверждение противоречит марксову взгляду на религиозные организации, как органы буржуазной реакции, недоучитывает классовых корней религии». Вот это и обнаруживает полное неумение т. Бобрышева владеть оружием марксизма. Почему можно допустить существование организаций, в которые входят одни православные, или одни магометане, или одни евреи (в еврейских колониях), и почему допущение организации колхозов из сектантов («там, где имеется сплошной сектантский массив», т.-е. в местностях, где имеется сплошное сектантское население), — «противоречит марксову взгляду на религиозные организации»? Такой вопрос и не снился тов. Бобрышеву.

Но если бы тов. Бобрышев дал себе труд перед тем, как писать свою статью, познакомиться хотя бы с решениями партии по этому вопросу, он знал бы, что партия считает возможной организацию особых хозяйственных об'единений, состоящих из сектантов (первичных кооперативов и колхозов) в тех случаях, когда сектанты живут сплошной массой (например, в колониях менонитов, духоборов и ново-израильтян), он знал бы, что тов. Ярославский, выступая на с'езд СВБ, проводит партийную линию, и что партийная линия не противоречит марксову взгляду на религиозные организации.

Само собой разумеется, что мы не можем допустить, чтобы какой-нибудь колхоз имел такой устав, по которому не принадлежащие к такому-то исповеданию, к такой-то религиозной организации не могут входить в этот колхоз. Против таких колхозов мы боролись и будем бороться. Но, в то же самое время, мы даем себе ясный отчет в том, что и среди сектантов мы обязаны бороться за создание коллективов, потому что самая организация колхоза означает неизбежность классовой борьбы среди различных прослоек сектантов: середняки и бедняки будут за колхоз, кулаки — против. Организуя колхозы среди сектантов, мы ведем классовую борьбу, мы на примерах сопротивления кулачества раз'ясняем сектантам — бедноте и середнякам — реакционную роль сектантской верхушки.

Еще о социальных корнях религии.

Нас пытаются, как мы видели, упрекнуть за мысль, что кроме социальных корней религии существуют другие корни. Позвольте напомнить: «В современных капиталистических странах эти корни, главным образом, социальные». Так писал Ленин в 1908 г. — 21 год назад. Нам кажется, что тов. Бобрышев, цитирующий эту фразу Ленина, проглядел две оговорки Ленина: 1) в современных капиталистических странах корни религии социальные; 2) они не только социальные, но — главным образом социальные. Если б Ленин думал, что корни религии во все

времена, при всяком строе, только социальные, ему незачем было бы делать эти две оговорки. Конечно, в известном смысле и некультурность масс, их отсталость, невежество — явления социального порядка. Бессилие масс перед стихийными и грозными силами и явлениями природы, порождающими религиозные настроения (во время эпидемий, землетрясений, голода и других стихийных бедствий) — тоже большей частью явление социального порядка. Тем не менее Ленин неоднократно подчеркивает, что социальные корни религии — главные, а не единственные. «Страх перед силой капитала, которая слепа, ибо не может быть предусмотрена массами народа, которая на каждом шагу жизни пролетария и мелкого хозяйчика грозит принести ему и приносит «внезапное», «неожиданное», «случайное» разорение, гибель, превращение в нищего, в проститутку, голодную смерть — вот тот корень современной религии, который прежде всего и больше всего (подчеркнуто мною. *Е. Я.*) должен иметь в виду материалист, если он не хочет быть материалистом приготовительного класса» [1]). И здесь подчеркивает, что социальные корни религии — главные (но не единственные).

И еще одно. Ленин в статье «Социализм и религия» писал: «Бессилие эксплоатируемых классов в борьбе с эксплоататорами так же неизбежно порождает веру в лучшую загробную жизнь, как бессилие дикаря в борьбе с природой порождает веру в богов, чертей, в чудеса и т. п.» [2]).

Ленин также отмечал не раз, что корнями религии являются «бессознательность», «темнота» (в статье «Социализм и религия»).

Почему мы останавливаемся на этих вопросах, на этих определениях Ленина? Да потому, что кое-кто пытается пересмотреть эти взгляды, отрицать их правильность. Эти мысли Ленина дают методологическую установку. «Бессознательность, темноту, бессилие в борьбе с природой» мы преодолеваем ведь иными средствами, чем, скажем, контрреволюционную деятельность религиозной организации. Что эти средства у нас входят в общую систему средств борьбы пролетарской диктатуры, — это не требует пояснений. Эта оценка Ленина корней религии меньше всего позволяет такие формулировки, которые даются в «Комсомольской Правде» и «Молодой Гвардии» — в роде «не заменять, а разрушать», и т. п.

Тов. Бобрышев цитирует мою речь, где я говорил, что мы ставим во главу угла вопрос о классовой критике религии, о вскрытии ее социальных корней, но что, наталкиваясь на некультурность масс, мы говорим: надо на этом фронте поработать. Тов. Бобрышев умудрился увидеть в этом противопоставление задач культурных, научно-просветительных и антирелигиозных

Как же обстоит дело с этим вопросом?

Вот программа партии, пункт 13, где говорится о том, что «партия стремится к полному разрушению связей между эксплоататорскими классами и организацией религиозной пропаганды, содействуя фактическому освобождению трудящихся масс от религиозных предрассудков и организуя самую широкую научно-просветительную и антирелигиозную пропаганду». Если не сказать, что эта выдержка из программы партии, то, наверное, нашлись бы такие умники, которые усмотрели бы в этом противопоставление научно-просветительной и антирелигиозной пропаганды. Между тем, эти стороны нашей деятельности неразрывно связаны. Они дополняют одна другую. Мне остается по этому вопросу повторить то, что я говорил на антирелигиозном совещании при ЦК. Я говорил: «Конечно, заменить нашу критику религии, заменить критику социальных корней ее одним просветительством нельзя, но и противопоставлять нашу гро-

---

[1]) Ленин, том XI, изд. первое, стр. 250—260.

[2]) Ленин, том VII, стр. 48—52. Отметим мимоходом, что Ленин здесь является сторонником «теории страха» по вопросу о происхождении религии.

мадную просветительную работу нашей марксистско-ленинской критике религии ни в коем случае нельзя. Марксистская критика даже требует, как известной предпосылки ведения просветительной работы. Она будет настоящей критикой только тогда, когда предпосылкой ее будет просветительная работа». На с'езде СВБ я приводил мнение Ленина по вопросу о кооперации, когда он указывал на то, что культурная революция является абсолютно необходимой предпосылкой для того, чтобы мы могли путем кооперации выкорчевывать корни капитализма. Я повторяю: и мысли не было ни у кого из нас противопоставлять критику социальных корней религии культурно-просветительной работе.

Но вместе с тем, мы считаем верным то положение, которое мы выдвинули, что на ряду с остающимся влиянием эксплоататорских, капиталистических классов, как одно из наследий этого влияния, остается страшная отсталость масс, некультурность, в которых также коренится влияние религии. Борьба против этой некультурности есть также удар по капиталистическим классам. Мы не отделяем этих задач и не противопоставляем их одна другой. Мы боролись за это подчеркивание задач научно-просветительной работы, потому что тов. Галактионов и другие его единомышленники высмеивали в свое время научно-просветительную работу на антирелигиозном фронте, высмеивали наши попытки усилить борьбу против религии путем распространения правильного материалистического понимания явлений природы. Когда это пытаются протащить теперь снова, мы против этого.

Тов. Бобрышев цитирует Гурьева из его предисловия к «Антирелигиозной хрестоматии». Я не буду спорить о том, удачно составлена эта «антирелигиозная хрестоматия» или нет. Укажу лишь на то, что она составлена из произведений всех, сколько-нибудь относящихся к вопросу о религии, выдающихся теоретиков марксизма. В нее вошли произведения Маркса, Энгельса, Ленина, Плеханова, Степанова-Скворцова, Покровского, Лафарга, Дицгена и друг., в ней приведены отрывки из произведений всех выдающихся антирелигиозных материалистов—Никольского, Кунова, Каутского, Рейснера и др., на ряду с выдержками из таких буржуазных теоретиков, как вышеупомянутый Артур Древс, мнение которых ценил Ленин. Тов. Бобрышев выдернул из этой хрестоматии одну фразу, мало удачную и совершенно не характерную для всей хрестоматии, да и ту привел не полностью. Можно ли так полемизировать в серьезном вопросе? Не говорю уже о том, что тов. Бобрышев цитирует Гурева, произвольно выпуская те места, которые совершенно в другом свете представляют то, о чем пишет тов. Гурьев. Тов. Бобрышев совершенно замалчивает, что в этой хрестоматии существуют такие отделы, как: «классы и религия», «религия в свете марксизма», «религия и рабочий класс», которые целиком посвящены классовому анализу религиозной идеологии и содержат в себе основные марксистские материалы по этому вопросу. Нехорошо, тов. Бобрышев, так полемизировать по столь серьезному вопросу.

Существует ли недооценка реакционной роли церкви и религии?

Мы вовсе не говорим, что у нас нет коммунистов или нет организаций, которые недооценивают контрреволюционного значения религии и значения борьбы на фронте религии, как классовой борьбы. Мы об этом писали, мы на это указывали неоднократно. Ведь иначе, как недооценкой нельзя об'яснить того, что многие партийные и комсомольские организации не уделяют или почти не уделяют внимания антирелигиозной пропаганде, что

до сих пор профессиональные организации уделяли так мало внимания, средств и сил антирелигиозной пропаганде в системе своей культурно-просветительной работы, что до сих пор у нас были возможны такие факты, как постройка новых церквей в районах фабрик и заводов. Даже перегибы, которые имеются в области антирелигиозной пропаганды, как в смысле увлечения административными мерами, как в смысле легкомысленных наскоков в этой области, так и в забвении необходимости борьбы на религиозном фронте, об'ясняются в значительной степени именно этой недооценкой классовой роли религии и религиозных организаций.

Однако, на ряду с этими извращениями мы видим другие, о которых умалчивает тов. Бобрышев: это схоластические «левые» установки, в роде галактионовского тезиса: «не заменять, а разрушать» или лукинского «разрушить очаги религии». В № 184 «Комс. Правды» от 13 августа 1929 г. в статье «Воинствующие безбожники или религиозные примиренцы» мы находим критику деятельности тверских безбожников. Если картина, нарисованная «Комс. Правдой», верна, то что говорить—неприглядная действительность. Но, посмотрите, как изображается в этой картине отношение всех организаций к антирелигиозной пропаганде:

«Не ведут никакой практической антирелигиозной работы профсоюзы. Губком ВЛКСМ сидит под одной крышей с союзом безбожников, но до сих пор (с 1927 года) они не могут договориться о связи. Зав. АПО вышневолоцкого укома ВЛКСМ. в ответ на просьбу союза безбожников о помощи заявил:

У нас есть задачи поважнее, чем ваша безбожная работа.

Ему говорят, что евангелисты строят молитвенный дом, а он отвечает,

— Что же особенного? Пусть строят! Ведь они строят на свои деньги!..

Комсомолка Клюева из ячейки печатников отказалась присоединиться к заявлению о закрытии церкви и превращении ее в пионерский клуб.

— Я в этой церкви крестилась, — оправдывалась Клюева, — здесь наш приход, а потому подписываться не буду.

Дом Красной армии, дома крестьянина, даже губпарткабинет совершенно не участвуют в антирелигиозной пропаганде».

Если бы в активе союза безбожников в Твери сидели самые лучшие работники, они оказались бы бессильными при таком отношении со стороны организаций партии, комсомола, профсоюзов, Красной армии. Да, это религиозные примиренцы—те, кто так относится к борьбе с религией, да, это есть проявление правого оппортунизма, — такое отношение, когда зав. АПО укома ВЛКСМ отвечает, что у него есть задача поважнее, чем безбожная работа. Против этого оппортунизма надо бороться, как против оппортунизма в других областях. Но мы хотели бы подчеркнуть еще раз, что такие «левые» перегибы, как увлечение административными мерами, как попытки заменить систематическую длительную антирелигиозную пропаганду стремлением в короткий срок «уничтожить религию», «уничтожить очаги религии», затрудняют нам, как и в других областях, борьбу с правыми уклонами в этой области, борьбу с недооценкой классовой реакционной роли религии и религиозных организаций.

Что же нужно?

Нужно, чтобы вся партия, весь комсомол вопросам антирелигиозной пропаганды придавали гораздо больше значения. Нужно, чтобы для этого были выделены и силы, и средства. Нужно, чтобы антирелигиозная пропаганда была одним из серьезных участков борьбы на идеологическом фронте, которой партия и комсомол уделяют

серьезное внимание. Нужно, чтобы вопрос об антирелигиозной пропаганде в профсоюзах, в школах, в деревне, на фабриках и заводах был поставлен на большую высоту, чем это было до сих пор. Нужно, чтобы все организации помогли СВБ стать массовой многомиллионной организацией. Нужно поднять качество и количество антирелигиозных изданий. Нужно обеспечить во всех антирелигиозных организациях, во всей антирелигиозной печати серьезное, выдержанное партийное руководство. Нужно, чтобы научные и художественные организации пришли на помощь СВБ. Надо совместно с партией, комсомолом, профсоюзами и другими организациями разработать такие формы и методы антирелигиозной пропаганды, которые захватывали бы массы. Добросовестная критика нам может оказать в этом деле большую услугу, но именно добросовестная критика.

К сожалению, даже в центральном органе партии, в «Правде», только за последний год появился более заметный интерес к антирелигиозной пропаганде. А надо, чтобы не только в «Правде», но и во всей партийной печати, во всех наших партийных организациях этот вопрос стал одним из боевых вопросов, ибо мы имеем дело с врагом, который окопался в религиозных организациях, с классовым врагом, который прикрылся религиозными организациями. Если мы выбиваем его из экономических позиций, то из этой позиции, откуда он обстреливает нас и влияет на десятки миллионов трудящихся, мы должны его выбить в ближайшие годы и десятилетия во что бы то ни стало.

От редакции.

Редакция помещает ответ тов. Беннета на статью тов. Шубина, поскольку эта статья касалась лишь одной стороны дискуссии по национально-колониальному вопросу на VI конгрессе. Со своей стороны редакция, не входя в обсуждение и выяснение всех вопросов спора между тт. Беннетом и Шубиным и, прежде всего, поднятых в статье тов. Беннета, считает необходимым отметить:

1. Тезисы о революционном движении в колониях и полуколониях, принятые VI конгрессом, уже блестяще оправдали себя замечательно быстрым развертыванием национально-революционной борьбы трудящихся масс в колониях и полуколониях. Под растущим самостоятельным руководством пролетарского революционного авангарда массы подымаются на борьбу против блока империалистов и национальных феодалов и буржуазии. Это особенно показывает нарастающий революционный под'ем в Индии, героическая борьба бомбейских рабочих при полном переходе буржуазии в контрреволюционный лагерь. В этой борьбе революционный авангард всемерно использовывает и будет использовывать конфликты и трения внутри контрреволюционного блока.

2. Из статьи тов. Беннета может получиться вывод, что на конгрессе столкнулись две неправильные точки зрения и в результате взаимных исправлений получились правильные тезисы. Это не соответствует действительности. Так как у тов. Беннета речь все время идет о «конгрессе» и группе товарищей, «застрельщиком» выступлений которых был тов. Беннет, то получается, что «конгресс» вначале стоял на неправильной точке зрения по основным тактическим и теоретическим вопросам, поэтому тов. Беннет голосовал против принятия тезисов за основу, после эти основы тезисов, очевидно, изменились, и они были приняты всем конгрессом, в том числе и тов. Беннетом

Это, несомненно, искажает характер работ VI конгресса.

3. Тов. Беннет не совсем ясно толкует пункт принятых конгрессом тезисов относительно «соперничества различных империалистических держав» и связи этого соперничества с колониальным вопросом. Тезисы в этом месте выражают совершенно правильную ленинскую мысль, что колониальная монополия приводит к огромному усилению соперничества империалистических держав, интернациональных трестов и т. д., между собой. Тов. Беннет хочет толковать это положение ограничительно. Именно в том смысле, что, якобы, здесь речь идет об усилении соперничества и борьбы внутри колоний. Между тем, дело обстоит не так просто. Прежде всего, вопрос касается усиления соперничества и борьбы империалистов за монопольное владение колониями, за политический передел мира. Во-вторых, это не исключает, допускает (а в известной обстановке и условиях это неизбежно) конкуренцию (и вмешательство) империалистических соперников и в сферах колониальной монополии (путем вывоза капитала, концессий, демпинга, вооруженного или иного политического вмешательства и т. д.). Одно другое не исключает, одно с другим связано.

4. Тезисы VI конгресса и дискуссия на нем внесли уже ясность в спорные вопросы. Дело не в том, что тов. Беннет якобы проповедывал возможность мирного освобождения колоний. Если бы тов. Беннет (и другие) стоял на этой позиции, то он выражал бы точку зрения стоящих вне рядов Коммунистического Интернационала. Дело же заключается в том, что из постановки экономических и политических вопросов «деколонизаторами», «индустриализаторами» (хотя эта сторона вопроса играла для тов. Беннета не важнейшую роль в его аргументации о контрреволюционности индийской буржуазии и тов. Беннет, разумеется, не шел так далеко в этом вопросе, как, напр., Рой) следует притупление и сглаживание того разделения и противоречия между империализмом и нациями угнетенными, которые, как отмечал Ленин, составляют суть империализма, что легло в основу тезисов II конгресса и является вообще одной из основ нашей программы.

Что эта «деколонизаторская» и «индустриализаторская» позиция крайне опасна (а не столько откровенная теория деколонизации), показывает все развитие борьбы с правыми оппортунистами после VI конгресса. В оценке современной стабилизации, как крепнущей, правые и примиренцы исходят из того же по существу понимания развития в колониях, взаимоотношения империализма и колоний, которое лежит и в основе построений «законченных» «индустриализаторов».

Последняя концепция имеет источником реформистское, а не ленинское понимание монополистических тенденций, составляющих решающую характеристику империалистической стадии капитализма. Это нашло свое пока «высшее» завершение в последних выступлениях примиренцев с теорией, которая по

существу приводит к тому выводу, что современный капитализм перерастает в какой-то новый еще более высший этап «организованного капитализма». Это и есть та теория, которой «левые» с.-д. удерживают еще левеющих рабочих от перехода в лагерь революционной борьбы. И не случайно то, что некоторые теоретики «деколонизации» сейчас открыто перешли в лагерь правых ренегатов. Не случайно и то, что теоретики «организованного капитализма» не совсем были склонны отмежеваться от теории «деколонизации».

5. С другой стороны, то обстоятельство, что ряд товарищей, бывших в группе «деколонизаторов», не находятся в лагере правых и примиренцев, как и их прямые действия и заявления уже на конгрессе и после него по нац.-кол. вопросу, показывает, что они исправили и в общем осознали свои ошибки и ошибочная позиция их на VI конгрессе по вопросу об «индустриализации» об'яснялась недостаточным пониманием ленинской теории империализма и склонностью некритически, поверхностно смотреть на действительное развитие в колониях через оппортунистические очки.

Редакция считает также не случайным, что кое-кто из тех, кто наиболее резко и ретиво выступал против «деколонизаторов» и склонялся к неправильной концепции «аграризации» Индии, сейчас точно так же находятся в лагере правых и примиренцев (Пеппер) или в лагере правых ренегатов (например, Ловстон).

6. Это говорит о том, что на конгрессе были две неправильные тенденции или точки зрения по нац.-кол. вопросу. Одна—«индустриализаторы». Здесь законченный оппортунизм выражался в том, что, с одной стороны, последовательно развивалась концепция, что империализм (хотя и под своим контролем) индустриализирует колонии, и, с другой стороны, менее ясно вначале, но совершенно ясно сейчас (напр., в случае с Роем) предполагалась оппортунистическая линия в отношении буржуазии (ее революционная, якобы, роль, соглашение с ней и т. д.). Но в этой группе были и другие товарищи, которые, исходя в основном из правильной линии о контрреволюционности индийской буржуазии, так или иначе обосновывали свои позиции и оппортунистической теорией «индустриализации».

Другая — «аграризаторы». Здесь в основном примерно такое же переплетение. Здесь законченный оппортунизм выражался в том, что заявляли, якобы никакого по существу капиталистического и индустриального развития в колониях и, прежде всего, в Индии не происходит, империализм властно задерживает это развитие, поэтому противоречия между империализмом и нац. буржуазией растут, поэтому буржуазия еще, может быть, и будет революционной, поэтому соглашение с ней необходимо и т. д. Но и в этой, так сказать, группе были товарищи, которые, исходя из в общем правильного понимания взаимоотношений империализма и колоний, делали не совсем правильные выводы в отношении буржуазии (недооценка ее контрреволюционности или склонность думать, что она еще может быть революционной и т. д.), противопоставляя это несколько упрощенному пониманию «индустриализаторами» тактики в отношении буржуазии (недоучет возможностей и необходимости использовывать трения и конфликты в контрреволюционном блоке). Или товарищи, которые, исходя в общем из правильной линии в отношении буржуазии, в противовес «индустриализаторам» связывали свою позицию так или иначе с концепцией «аграризации».

Отсюда ясно, что на конгрессе дискуссия по экономическим и общетеоретическим вопросам была неразрывно связана с животрепещущими вопросам революционной тактики. При этом замечательно, что оппортунистические элементы (все ли?) в обеих группах уже после конгресса достаточно ясно выявили, что они «едино суть» и в вопросах экономики и в вопросах политики. Сейчас Пеппер и Ловстон являются такими же по существу деколонизаторами, как и Рой, стерлась и разница в тактических вопросах. Уже не один месяц Рой подвизается в органе Брандлера с проповедью о революционности индийской буржуазии и негодованиями против Коминтерна, «отталкивающего» от себя эту хорошую буржуазию.

И основной опасностью в компартиях колоний для революционного движения рабочих и крестьян является неясное, право-оппортунистическое понимание роли национальной буржуазии в революционно-освободительном движении.

7. VI конгресс обе эти оппортунистические линии или точки зрения и в зачаточном и в законченном виде отверг. VI конгресс занимал правильную позицию борьбы с правыми и примиренцами, во-первых, тем, что он исправил некоторые неясные или неправильные формулировки первоначальных тезисов, во-вторых, тем, что мнение конгресса представляли товарищи, выступавшие и против «деколонизаторов» и, прежде всего, против правых и примиренцев вообще и в национально-колониальном вопросе в частности, и, в-третьих, тем, что главный огонь, направленный против правых и примиренцев и в национально-колониальном вопросе, естественно включил в сферу своего действия и «деколонизаторов», поскольку они исходили или связались с этой оппортунистической концепцией.

Беннет.

Революционное движение в Индии и колониальная дискуссия на VI конгрессе КИ.

X пленум ИККИ четко и ясно охарактеризовал важнейшие сдвиги, происшедшие в тот отрезок времени, который отделяет нас от VI конгресса КИ. «Новым со времени VI всемирного конгресса является резко обозначившееся полевение международного рабочего класса и нарастание нового под'ема революционного рабочего движения»—таков итог, подведенный X пленумом. И X пленум дает нам описание основных звеньев нарастающего революционного под'ема, среди которых «мощная революционная забастовочная волна в Индии» занимает далеко не последнее место.

В тезисах X пленума ИККИ «О международном положении и очередных задачах КИ» нынешняя стадия развития революции в Индии характеризуется следующим образом:

> «В нынешний момент могучее революционное движение развертывается в Индии. Героическая стачка бомбейского пролетариата, борьба трудящихся масс против комиссии Саймона, уличные демонстрации и бои, нарастающее аграрное движение—все это говорит о том, что Индия уже становится одним из важнейших плацдармов колониальных революций. Открытая измена индийской буржуазии делу национальной независимости (решение национального конгресса сваралжистов о правах доминиона для Индии) и активное содействие кровавым расправам с бастующими рабочими разоблачают контрреволюционный характер индийской буржуазии. Это означает, что независимость Индии, улучшение положения рабочего класса, разрешение аграрного вопроса могут быть завоеваны только революционной борьбой рабочих и крестьянских масс под руководством пролетариата в борьбе против английского империализма, индийских феодалов и национального капитала. Задачи индийской революции могут быть разрешены только в борьбе за революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства под знаменем советов».

Еще до пленума, а именно в марте текущего года, КИ охарактеризовал движущие силы индийской революции в специальном воззвании к «Пролетариям всех стран, угнетенным народам мира». В этом воззвании мы читаем:

> «С под'емом революционной волны растет, расширяется и укрепляется руководящее влияние пролетариата в боевом антиимпериалистическом фронте. Пролетариат Индии показывает трудящимся, что он не останавливается ни перед какими жертвами, чтобы повести за собой крестьянство, городскую бедноту и всех эксплоатируемых в победоносный бой против империализма. Рабочие Бомбея и Калькутты, Карагпура и Лилуа в своей героической самоотверженной забастовочной борьбе, в своих многочисленных боевых демонстрациях показывают, что они научились на опыте тяжелых поражений революций 1919—21 годов искусству борьбы и победы. Они идут уже дальше: великие уроки Шанхая, Ухана, Кантона не проходят бесследно, и на знаменах индийского пролетариата уже загорается лозунг советов».

На основании этого анализа мартовское воззвание КИ умозаключает, что «только союз рабочей революции с крестьянской войной разобьет на голову империализм и его феодально-буржуазных союзников». Лозунги этого

воззвания заострены не только против английского империализма, но и против сваражистов. («Долой свараджестов и другие буржуазные партии, предателей национальной индийской революции»).

Революционное движение в Индии подводит черту спорам КИ с правыми и примиренцами по вопросу о характере нынешней капиталистической стабилизации. «В условиях нарастающего под'ема революционного рабочего движения в метрополиях и укрепления СССР будут крепнуть и расти гораздо более быстрым темпом, чем до сих пор, революционные движения в колониях, приближая крах всего капиталистического строя» (разрядка моя). Одновременно события в Индии наполняют новым живым содержанием тезисы VI конгресса «о революционном движении в колониальных и полуколониальных странах». В этих тезисах говорилось о том, что «подлинная угроза английскому господству исходит не из лагеря буржуазии, а со стороны нарастающего массового движения индийских рабочих, которое развертывается в форме грандиозных стачек». Стачки индийских рабочих перерастают на наших глазах в мощное революционное движение.

Революционные события в Индии бросают новый свет на те страстные споры, которые велись на VI конгрессе по колониальному вопросу вообще, о судьбах революции в Индии—в особенности.

Основная ценность дискуссии по колониальному вопросу на VI конгрессе заключается в том, что она охватила не только общие проблемы революционного движения в колониальных и полуколониальных странах, но и те животрепещущие конкретные вопросы, которые были выдвинуты ходом борьбы в важнейших колониях и полуколониях. Колониальная дискуссия шла разными потоками. Обсуждались уроки великой китайской революции, перспективы нового под'ема индийского революционного движения, итоги восстаний в Индонезии, характер борьбы в Северной Африке против французского империализма, новые проблемы, выдвигаемые негритянским движением в Южной Африке и в С.-А. Соед. Штатах, и т. д. и т. п. Несомненно, однако, что взоры VI конгресса были в огромной мере прикованы к великой борьбе в Индии, перспективы коей вызвали наиболее страстные прения.

Не дожидаясь даже окончательного текста тезисов VI конгресса, т. Шубин поспешил подвести итоги колониальной дискуссии [1]. Основной недостаток статьи т. Шубина заключается, на мой взгляд, в том, что автор ее взял на себя роль прокурора в отношении тех, кто дерзнул не согласиться с первым наброском тезисов, представленным VI конгрессу. Во избежание недоразумений я здесь же отмечу, что указание грозного прокурора, будто я выступил против тезисов «уже после принятия конгрессом тезисов», является очевидной ошибкой. Колониальные тезисы в том виде, в каком они опубликованы, были приняты единогласно и за них голосовал среди всех прочих делегатов и автор этих строк. Но это второстепенный момент. Важно лишь то, что в статье «Экспорт капитала и колониальная монополия» мы находим очень тщательную и внешне убедительную попытку представить дело таким образом, будто на VI конгрессе Коминтерна было серьезное течение в защиту теории деколонизации. Если бы это было верно, то мы должны были бы в процессе проработки колониальных тезисов провести серьезную и систематическую борьбу против этого откровенно-оппортунистического и крайне опасного уклона в колониальном вопросе. К счастью, это не так. «Деколонизационный заговор», открытый автором статьи, является по существу плодом его собственного воображения. Учитывая, однако, что статья может посеять серьезнейшие недоразумения, необходимо самым подробнейшим образом остановиться на анализе тех обвинений, которые в ней сформулированы.

[1] Свой ответ на эту статью я составил сейчас же после ее появления в печати, так как печатание моего ответа задержалось, я счел возможным добавить ссылки на факты и документы последнего времени. *Б.*

Корень разногласий. Я уже отметил, что наиболее горячие прения вызвал вопрос о перспективах революции в Индии. В этом нет ничего удивительного. Индии предстоит играть огромную роль не только в борьбе против старой британской империи, но и против империализма вообще. Индийская же дискуссия, тесно и неразрывно связанная с уроками китайской революции, в свою очередь заострилась на вопросе о роли буржуазии и соотношении классов в самой Индии.

Индийские споры в Коминтерне начались задолго до VI конгресса. Коминтерн напряженно работал над тем, чтобы всесторонне учесть китайский опыт и правильно применить уроки этого опыта к нарастающему революционному движению в Индии. И в предварительных дискуссиях — как в индийской комиссии, так и в колониальной комиссии, которой было поручено подготовить колониальный вопрос к VI конгрессу — споры в огромной мере вращались вокруг вопроса о роли буржуазии. Я принадлежал к категории тех, которые упорно настаивали на том, что во всех наших тактических начертаниях надо исходить из точного понимания контрреволюционной роли индийской буржуазии в отношении к национально-революционному движению. Попутно я отстаивал ту мысль, что партия Сварадж организовалась, как контрреволюционная партия, еще до черной измены китайского Гоминдана.

> «Сварадж и лидеры конгресса уже показали и доказали, что радикальными резолюциями они маневрировали, а отнюдь не об'единяли и организовывали борьбу. Члены сваражда сознательно, открыто не только саботируют это движение, но выступают против него, сотрудничая с комиссией Саймона» (см. протокол инд. ком. от 10/IV 1928 г.).

В одной из дискуссий, предшествовавших конгрессу, сторонники этой точки зрения следующим образом сформулировали свою мысль:

> «Сбросить с чашки весов индийскую буржуазию здесь хотел бы всякий... Мы прекрасно понимаем, что это не так просто, это можно будет сделать только силой оружия... Можно ли говорить о какой-нибудь революционной роли индийской буржуазии? Те товарищи, которые связаны с работой в Индии, утверждали и будут утверждать, что индийская буржуазия сейчас существует, ее сбросить так легко с чашки весов нельзя, но она существует как прекрасно организованная контрреволюционная сила. Из этого нужно исходить во всех наших расчетах Из этого отнюдь не вытекает, что у этой буржуазии не будет трений и конфликтов с английским империализмом. Конфликты будут. Но даже теперь, когда конфликты в связи с комиссией Саймона достигли сравнительно высоких размеров, мы наблюдаем в Индии такую картину, когда руководители буржуазного движения пытаются совершенно разбить молоденькое и слабенькое коммунистическое движение. Из этого надо исходить... Индия уже прошла через определенный революционный под'ем 1919, 1920 и 1921 гг., когда это движение оборвалось именно на том, что начало вырисовываться широкое крестьянское движение, и на скрижалях буржуазии написано и записано — не допускать никакого такого движения, которое вовлекало бы широкие массы. К тому же индийская буржуазия имеет опыт китайской революции. При этих условиях говорить о революционной роли, а не о конкретной, очевидно и безусловно контрреволюционной роли индийской буржуазии нельзя».

Эти слова были сказаны еще в июле прошлого года. И в дальнейших спорах мы самым решительным и самым энергичным образом эту мысль о безусловно контрреволюционной роли индийской буржуазии всемерно подчеркивали. Нам в данном случае совершенно не важно, в какой мере наши формулировки были верны или неверны. Я привел некоторые цитаты лишь в интересах раз'яснения смысла и сущности того вопроса, который нас волновал больше всего в прениях по индийскому вопросу.

Эти прения — по вопросу о роли буржуазии, — вспыхнули с новой силой на самом конгрессе после появления первого наброска тезисов. Мы не сможем понять ни дискуссии по вопросу о роли буржуазии, ни дискуссии по

всем прочим вопросам — индустриализация, экспорт капитала, «деколонизация», — если мы не будем иметь перед глазами те основные мысли первого наброска тезисов, которые легли в основу страстной полемики на VI конгрессе.

Против каких положений первого наброска тезисов мы в первую очередь ополчились? Достаточно обратиться к нашим выступлениям, чтобы легко найти ответ на этот вопрос.

В первоначальном наброске тезисов в пункте 20 мы читаем:

«Не исключается, что реформистская буржуазия данной колонии вынуждена логикой борьбы, особенно в острой революционной ситуации, до известной степени отказаться от своей политики колебаний между империалистическим и национально-революционным лагерем».

Так начинается 20-й пункт тезисов. А дальше в том же пункте сказано:

«Однако, нельзя с уверенностью утверждать, что во всех этих странах совершенно исключается, что реформистская буржуазия или часть ее в острой революционной ситуации сначала примкнет к национально-революционному лагерю и таким образом некоторое время будет играть об'ективно революционную роль».

В другом месте (пункт 23-й) мы читаем:

«В первый подготовительный период революционного движения этих стран, когда организованность пролетариата и влияние коммунистической партии еще слабы, а буржуазные партии напротив значительно превосходят их в этом отношении, когда они еще занимают руководящие позиции в национальном движении, ибо в колониях претензиями на власть со стороны национальной буржуазии они пока еще демонстрируют свою оппозицию (хотя и колеблющуюся, реформистскую оппозицию) против государственного феодально-империалистического блока, а большинство народа следует за ними — на этой стадии (как, например, в данное время в Индии и в Египте) было бы ультра-левой ошибкой, если бы компартия начала свою агитацию с того, что просто-напросто поставила бы знак равенства между национал-реформистами (свараджистами, вафдистами и т. д.) и господствующим контрреволюционным блоком империалистов и феодалов».

Против вышецитированных мыслей первого наброска тезисов мы и выступили с максимальной резкостью, допуская, отчасти сознательно и отчасти бессознательно, серьезные преувеличения. Я позволю себе привести резюме моей речи, которую автор статьи «Экспорт капитала и колониальная монополия» так своеобразно цитирует. Я обращаюсь к этой речи по той простой причине, что на мою долю выпало быть застрельщиком в борьбе против первого наброска тезисов и что именно меня автор статьи об экспорте капитала избрал главной мишенью для своих нападок.

Вот эта выдержка:

«Теперь разрешите подвести итоги. На основе своего собственного опыта индийская буржуазия знает, что развитие революционного движения в Индии означает начало аграрной революции. На основе опыта в Китае она знает нечто большее, а именно, что это есть начало борьбы рабочих и крестьян за власть. Теперь спрашивается—будет ли буржуазия, вооруженная этими двумя опытами, действительно колебаться между империалистами и национальной революцией. Если вы думаете, что «колебание» их примет форму обращения к империалистам, у которых они получат оружие, чтобы уничтожать революционеров, то такие «колебания» возможны. Если же вы думаете, что они будут колебаться в том смысле, что они не будут знать с кем пойти, то я прошу извинения, но мне предложили сформулировать свои мысли возможно острее, и я скажу, что это чепуха. Национальная буржуазия в Индии никогда колебаться не будет. Она уже действует, и она действует в контрреволюционном направлении. Всякий, который говорит хотя бы о тени возможности для национальной буржуазии играть позитивную активную роль в национальной революции, распространяет иллюзии и распространяет очень вредные иллюзии».

В этом заключался корень вопроса. Верно, что мы в своих выступлениях чрезмерно односторонне подчеркивали контрреволюционную

роль буржуазии и таким путем не развернули полностью смысла и значения всех сложных взаимоотношений между колонией и империей. Эти наши преувеличения исправлены в достаточно четкой и ясной форме в окончательных тезисах VI конгресса. Несомненно, однако, что все споры по всем прочим вопросам были подчиненны этому основному и решающему спору о судьбах индийской революции и о роли классов в этой революции. Всякая попытка отвлечься от этого коренного вопроса будет иметь своим последствием затемнение всей сущности колониальной дискуссии на VI конгрессе Коминтерна.

Индустриализация и деколонизация. Споры об индустриализации и «деколонизации» были переплетены со спорами по вопросу о роли буржуазии. Для того, чтобы лучше понять ход и развитие дискуссии, связанной с индустриализацией и «деколонизацией», необходимо еще раз обратиться к тому наброску тезисов, который лег в основание спора.

В первом наброске тезисов, в главе «о характере империалистической колониальной политики», в пункте 4-м мы читаем: «Опустошительные последствия, к которым капиталистическое развитие ведет, в особенности на первой стадии своего существования, воспроизводятся в колониях в чудовищной степени и ускоренным темпом, благодаря внедрению заграничного капитала; прогрессивные последствия капитализма напротив там большею частью совершенно не ощущаются. Там, где прежде наблюдалось относительное благосостояние народов или существовала старая народная культура, теперь благодаря империалистическому колониальному режиму все это пошло прахом, и трудящиеся массы ввергнуты в глубочайшую материальную и культурную нужду» (разрядка моя). Достаточно только вспомнить гениальные письма Маркса об Индии, чтобы сразу почувствовать, что вышеприведенные слова тезисов звучат явным диссонансом. Маркс говорил о «социальной революции в Индостане». (См. «Летопись марксизма», том III). Маркс, конечно, подчеркивал, что «совершая революцию, Англия руководствовалась самым грубым интересом и проявила тупость в способе ее (революции) проведения». Но Маркс не оплакивал разрушение традиционного хозяйственного строя, а раз'яснял, что «страницы истории британского господства в Индии вряд ли говорят о чем-либо, кроме работы разрушения. Созидательная работа англичан едва видна сквозь груды развалин. Однако, эта созидательная работа началась».

Мы, вместе с тем, могли бы пройти мимо этой сентиментальной фразы или ограничиться коротеньким предложением о том, чтобы ее вычеркнуть. Нас более смутила в той же главе, в пункте 6-м, следующая формулировка основного принципа империалистической экономической политики:

«Можно считать почти общим принципом империалистической экономической политики в колониях,—читаем мы в этом пункте,—стремление все больше и больше превращать отношения между «метрополиями» и колониями в отношения аграрного тыла к промышленному фронту, сельскохозяйственного придатка к колоссально разбухшему организму капиталистической крупной промышленности».

Идея о том, что капитализм стремится все более и более превращать отношения между метрополиями и колониями в отношения аграрного тыла с промышленными центрами, вызвала у нас предположение, что автор тезисов намечает по существу дальнейшую аграризацию колоний и отрицает капиталистическое в них развитие.

Наши опасения еще были усилены трактовкой роли экспорта капитала в колониях. В пункте 7 того же наброска тезисов мы читаем:

«Некоторые отклонения от общего, враждебного индустриализации направления империалистической колониальной политики на практике вытекают из заинтересованности финансового капитала в экспорте капитала».

Предположение, что экспорт капитала создает, вообще говоря, только некоторые отклонения, вызвало у нас опасение, что речь идет о недооценке этого важного фактора в жизни колонии, фактора, ускоряющего развитие капиталистических отношений в колониях.

Таковы те положения первого наброска тезисов, против которых его противники особенно остро и особенно резко выступали. Очевидно, что автор грозной статьи об «экспорте капитала и колониальной монополии» не мог обойти молчанием те положения, которые были главным предметом обсуждения во время колониальной дискуссии. Он должен был четко определить свое отношение к этим положениям. Автор имеет полное право бить нас за вредную и неправильную формулу об индустриализации Индии под контролем Англии. Вместе с тем, несомненно, что, если кто-нибудь делает попытку после конгресса ограничиться только анализом ошибок, допущенных критиками наброска тезисов, то он этим самым берет на себя ответственность за все положения этого наброска. Если это так, то наш грозный прокурор вступает в противоречие не только со мной и не только с большинством английской делегации, но и с теми тезисами, которые единогласно были приняты конгрессом, ибо всех этих положений, которые я только что цитировал, читатель в окончательном тексте тезисов не найдет.

Прежде всего попытаемся определить, под каким углом зрения мы критиковали вышеприведенные места первого наброска тезисов. Если обратиться к той же моей речи, которая упомянута выше, произнесенной на 33-м заседании VI конгресса, то мы там прочитаем следующие строки:

> «Является ли вопрос об индустриализации или вопрос об участии империалистических держав в индустриализации колоний академическим или политическим вопросом? Я лично думаю, что это ни в какой мере не является академическим вопросом, это вопрос политический. Если вы придете к заключению, что Индия представляет собой большую деревню, что она представляет собой аграрный придаток к британскому империализму, тогда, очевидно, вы должны пройти мимо больших классовых битв, которые происходят в Индии, вы должны недооценить роль и значение рабочего класса, вы должны иметь неправильное представление о роли буржуазии, вы обязаны не видеть тех сил, которые ведут к перерастанию буржуазно-демократической революции в социальную революцию. Проблема индустриализации есть проблема, которая непосредственно связана с вопросом о расстановке классов, с вопросом о перспективах революционного движения в Индии».

Всем известно, что Ленин придавал исключительное значение Индии в общей антиимпериалистической борьбе. Я позволю себе полностью восстановить ту цитату, половина которой приведена в статье нашего обвинителя.

Ленин писал:

> «Трудящиеся массы колониальных и полуколониальных стран, составляя огромное большинство населения земли, пробуждены к политической жизни уже с начала XX в., особенно революциями в России, Турции, Персии и Китае. Империалистическая война 1914—1918 гг. и советская власть в России окончательно превращают эти массы в активный фактор всемирной политики и революционного разрушения империализма, хотя этого не видит еще упорно образованное мещанство Европы и Америки, в том числе вожди II и II½ Интернационалов. Британская Индия стоит во главе этих стран, и в ней революция тем быстрее нарастает, чем значительнее становится в ней, с одной стороны, индустриальный и железнодорожный пролетариат, а с другой стороны, чем более зверским становится террор англичан, прибегающих все чаще к массовым убийствам (Амрицар), к публичным поркам и т. д.» (т. XVIII, стр. 312—313).

Тут Ленин ясно связывает судьбу революции с ростом индустриального и железнодорожного пролетариата. Теория же аграризации не оставляет никаких перспектив для роста этого пролетариата и таким путем сводит на-нет все наши рассуждения о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую революцию. Я поэтому и поныне полагаю, что мы правильно поступили, связав вопрос об индустриализации с политическим вопросом о роли пролетариата, и также правильно поступили, выступив против теории, которую нельзя охарактеризовать иначе, как теорией аграризации Индии.

Само собою понятно, что наша борьба против теории аграризации ни на одну иоту не уменьшает нашу ответственность за те неправильные формулировки процесса индустриализации, которые мы защищали на VI конгрессе.

Теперь посмотрим, как расправляется с нами автор обвинительной статьи «Экспорт капитала и колониальная монополия». На стр. 78 он выдергивает сперва цитату из речи тов. Ротштейна [1]), затем цитату из моей речи, затем начинает эти цитаты «пояснять» и приходит к выводу, что «тт., говорящие о деколонизации, готовы подменить ее «исключительной индустриализацией», ибо в таком понимании, как у Ротштейна, индустриализация есть деколонизация». Не буду касаться методов полемики и методов цитирования. Не знаю также, откуда цитируются слова «исключительная индустриализация». Весь вопрос заключается только в том, верно ли, что мы являемся заговорщиками-деколонизаторами, решившими скрыть свой заговор при помощи словечек об индустриализации и при помощи цитат из Ленина. Послушаем сперва еще одну цитату обвинения:

> «Чтобы на этот счет уже не могло быть никаких сомнений, т. Беннет в статье, помещенной в «Коммунистическом Интернационале» уже после принятия конгрессом тезисов заявляет, что «экспорт капитала в корне видоизменяет взаимоотношения между метрополиями и колониями».
>
> Но «корень» взаимоотношения между метрополиями и колониями состоит в колониальной монополии и порабощении. Если экспорт капитала меняет эти взаимоотношения, да еще в корне, у него действительно нет другого выхода, как деколонизировать» («Большевик» № 21/22, стр. 78).

Отмечу сперва, что моя статья появилась не после принятия конгрессом тезисов, а до принятия окончательных тезисов. Вообще говоря, моя статья в журнале «Коммунистический Интернационал» № 33—34 представляет собой докладную записку, составленную одновременно с конспектом речи, произнесенной на 33-м заседании. Но это второстепенная деталь. Важно выяснить, в какой мере наши рассуждения об индустриализации представляли собой замаскированную защиту деколонизации. Очевидно — и на этот счет двух мнений быть не может, — что под теорией деколонизации мы разумеем мирный отход или мирное освобождение колоний из-под колониальной зависимости. Иными словами, теория деколонизации по существу является вредной, оппортунистической теорией. Чтобы проверить нас на этом вопросе, можно было бы обратиться и к той поправке, которую внесла английская делегация, и к тем речам, которые ее представители произнесли на конгрессе, а также к той декларации, которая была представлена английской делегацией конгрессу. Я ограничусь цитатами только из той моей речи и из той моей статьи, которые автор обвинения «цитирует». Прежде всего попытаемся уточнить вопрос о нашем отношении к перспективе мирного отхода колоний. На стр. 6-й моей речи приведена знаменитая цитата Маркса, в которой отчетливо сказано, что никакой иной перспективы, кроме революционной перспективы, не может быть в деле освобождения колоний. В статье же в «Коммунистическом Интернационале» (на стр. 48) я восстанавливаю ту же цитату («Индусы не пожнут плодов новых элементов общества...» и т. д.) и прибавляю: «Ту же мысль читатель найдет и у Ленина (см. т. XIX, стр. 196)». Таким образом ясно, что в обоих документах я исходил только из одной перспективы — из перспективы революционной. Из этой перспективы

[1]) В мою задачу не входит ни раз'яснение, ни исправление ошибок тов. Ротштейна. *Б.*

исходили и все прочие члены английской делегации. Развязные разговоры о том, что я, вероятно, не дочитал мысли Ленина на 196 стр., где он говорит о революционной перспективе, явно несостоятельны и опровергаются вышеприведенной мною ссылкою [1]). Но меня обвиняют в том, что я сказал, что «экспорт капитала в корне видоизменяет взаимоотношения между метрополиями и колониями». Для вящщей убедительности обвинитель подчеркнул слова «в корне», которые в моей статье занимают более скромное место. Но уж таковы методы цитирования с пристрастием. Меня больше интересует, в какой мере цитированная мысль по существу верна. На той же 196 стр. XIX тома полного собрания сочинений Ленина мы читаем:

«Экономическое различие между колониями и европейскими народами— по крайней мере, большинством последних—состояло прежде всего в том, что колонии втянуты в обмен товаров, но еще не в капиталистическое производство. Империализм это и з м е н и л (разрядка не Ленина, а моя). Империализм есть, между прочим, вывоз к а п и т а л а. Капиталистическое производство все более и более ускоренно пересаживается в колонии».

Итак ясно, что Ленин говорит об изменении. Очевидно, моя вина заключается в том, что я употребил слова «в корне». Для выяснения этого вопроса мы обратимся к окончательному тексту тезисов. На стр. 34 мы читаем:

«С одной стороны, об'ективные имманентные противоречия капиталистического развития в колониях усиливаются, и тем самым усугубляются противоречия между независимым развитием колоний и интересами буржуазии империалистических государств, а с другой стороны, новая капиталистическая форма эксплоатации выводит на арену подлинно революционную силу—пролетариат, вокруг которого многомиллионная масса крестьянства все более и более сплачивается для оказания организованного противодействия игу финансового капитала».

Предоставляю читателям судить, следует ли это изменение, внесенное новой капиталистической формой эксплоатации и выражающееся в том, что на сцену в ы с т у п а е т п о д л и н н о р е в о л ю ц и о н н а я с и л а — п р о л е т а р и а т, считать коренным или некоренным. Одно ясно из всего контекста всех наших выступлений, что мы подчеркивали значение экспорта капитала не для того, чтобы открыть щель для деколонизаторских теорий, а только с одной лишь целью, чтобы показать рост и развитие капитализма, что означает также рост и развитие того индустриального и железнодорожного пролетариата, от которого зависит дальнейшая судьба р е в о л ю ц и и, а не мирной деколонизации.

Нас на самом конгрессе били — и мы это заслужили — за то, что мы политику английского империализма в послевоенные годы в отношении к Индии возвели в общий принцип. Но никому в голову не приходило утверждать, что мы отрицаем революционную перспективу, заменяя ее теорией м и р н о й деколонизации.

Но наш обвинитель, очевидно, сам соображает, что его попытка приписать нам деколонизаторскую теорию является в высокой степени искусственной. По существу, единственный повод, который мы дали для этого, и за это я несу ответственность самолично, сводится к тому, что я резко выступил против тех, кто пытался некоторых наших товарищей, неудачно употреблявших слово «деколонизация», зачислить в разряд лакеев капитализма. В этой связи я не очень остроумно сказал, что предпочитаю находиться в одном лагере с э т и м и «деколонизаторами», чем с аграризаторами. Но и сам обвинитель признает, что эта фраза является только ораторским приемом. Естественно, что обвинителю пришлось попытаться выдвинуть против нас более тяжелую артиллерию. Эта тяжелая артиллерия выдвинута в статье в виде обвинения, что мы не поняли разницы между экономической и политической аннексией и что мы попали непосредственно в об'ятия... Каутского. Очевидно, что к этому обвинению нам приходится относиться в высшей степени серьезно. Что же говорит обвинитель?

[1]) В декларации английской делегации мысль Ленина, что отделение колоний осуществимо, по общему правилу, лишь при социализме, а при капитализме или в виде исключения или ценой ряда революций и восстаний как в колонии, так и в метрополии, проведена полностью. Неужели этот документ не был известен обвинителю?

«Но, говорят товарищи-«индустриализаторы», мы совершенно не утверждаем, что индустриализация ослабляет политическую зависимость колоний от метрополий, мы не стираем различия между колониями и метрополиями, и так как упреки в «стирании различия» они понимают в таком смысле, что имеются исключительно п о л и т и ч е с к и е различия, то их контр-аргументация идет в свою очередь по этому одному направлению» (см. «Большевик» № 21—22, стр. 80).

Начать с того, что мы этого никогда не говорили. Более того, мы очень отчетливо и энергично подчеркивали э к о н о м и ч е с к у ю зависимость. В отличие от моего обвинителя я приведу подлинную цитату взамен тех мыслей, которые он нам самовольно приписывает.

Цитированная обвинителем моя статья в «Коммунистическом Интернационале» начинается с известной цитаты Ленина (т. XVII, стр. 245—246), где говорится о капиталистических нитях, которые тысячами сетей связывают предприятия в колониях (железные дороги и т. д.) с частной собственностью на средства производства вообще, которые превратили постройку ж. д. в орудие угнетения миллиарда людей. Очевидно, что речь идет об э к о н о м и ч е с к о й эксплоатации. Далее я своими словами поясняю, что «не менее грубой и столь же непростительной ошибкой было бы не видеть тех нитей, которые существуют между железными дорогами в колониях и системой финансового удушения, осуществляемого метрополией, опирающейся на эти железные дороги».

Итак, уважаемый прокурор, мы ясно и отчетливо говорим о ф и н а н с о в о м у д у ш е н и и. Неужто финансовое удушение можно толковать, как экономическое освобождение? Можно, конечно, как угодно вольно цитировать противников, но истолковывать финансовое удушение, как экономическую эмансипацию колоний, это уж чрезмерно много. Но, может быть, мой обвинитель этой ленинской цицаты и этих моих заявлений не заметил? Я тогда позволю себе привести ему и другую часть той же статьи (см. стр. 45).

«Есть товарищи,—писал я,—которые полагают, что констатирование этих законов или этой исторически конкретной особенности империализма (речь идет о преобладании финансистов над торговцами) влечет за собой признание «цивилизаторской» роли империализма. Эти товарищи, очевидно, думают, что трудно или невозможно показать те нити, которые связывают предприятия, созданные экспортированным капиталом, со всей системой финансового удушения колоний, которую так ярко и так убедительно показал Ленин. Нам представляется, что опасения этих опасающихся товарищей являются явным недоразумением. Вся жизнь всех колоний—и в первую очередь жизнь Индии—с поразительной убедительностью показывает, как золото экспортного капитала превращается в железные обручи угнетенных народов».

Неужто мой обвинитель искренно и серьезно думает, что под ж е л е з н ы м и о б р у ч а м и я имел в виду какую-то ц и в и л и з а т о р с к у ю и о с в о б о д и т е л ь н у ю силу? А между тем эту мысль я подчеркивал и в своей речи. К тому же она повторена в поправке английской делегации, в которой по вопросу о деколонизации сказано, что «пьявка не перестает сосать кровь, пока ее насильно не оторвут от тела ее жертвы». Заметьте: точно сказано: н а с и л ь н о. Думаю, что на основании вышеприведенных цитат (цитат, а не толкований) я имею право отвести все рассуждения о приближении к Каутскому.

Хочу ли я этим сказать, что наши рассуждения и наши формулы по вопросу об индустриализации были верны и правильны? Ничуть. Тезисы VI кон-

гресса содержат в себе достаточно ясное разоблачение тех преувеличений и ошибочных формулировок, которые мы действительно допустили в вопросе об индустриализации. Наша основная ошибка заключалась в том, что мы некритически восприняли формулу об индустриализации Индии под контролем Англии. Но мы вместе с тем сумели показать и доказать, что мы, прежде всего, были заинтересованы в том, чтобы подчеркнуть роль пролетариата-гегемона в национально-освободительной борьбе. Мы ясно и твердо сказали (см. речь на 33-м заседании): «Наша цель заключается в том, чтобы показать те новые силы, те новые пути развития национально-революционного движения в Индии, которые обеспечивают превращение буржуазно-демократической революции в социальную революцию». Само собой понятно, что об'яснить ошибку еще не значит ее оправдать. Но мы от своей ошибки отказались, голосуя за тезисы. Вскользь отмечу здесь также, что свою ошибку признал и тов. Дат (см. «Коммунист Ревью», январь 1929 г.), чью формулу о роли британского империализма в индустриализации колоний я цитировал и неверность которой уже вытекает из тезисов, принятых VI конгрессом. Прибавлю также, что X с'езд английской компартии присоединился к резолюции VI конгресса по докладу тов. Арнота, который на VI конгрессе представил поправку к первому наброску тезисов. Но наши ошибки,—их можно квалифицировать как угодно,—ни в коем случае не дают повода добросовестным оппонентам расценивать нас, как сторонников теории мирной деколонизации.

Экспорт капитала и индустриализация колоний. Я уже привел выдержку из первоначального наброска тезисов по вопросу об экспорте капитала. В окончательном тексте мы находим следующую ясную формулировку: «Вывоз капитала в колонии ускоряет развитие в них капиталистических отношений». Вместе с тем тезисы правильно подчеркивают, что вывоз капитала отнюдь не действует в направлении независимости, а в направлении усиления зависимости колониального хозяйства от финансового капитала империалистических стран. Этим вопрос об экспорте капитала в основном исчерпан. Но наш обвинитель в связи с этим вопросом пред'являет мне два обвинения.

Первое обвинение заключается в том, что я позволил себе, цитируя Ленина «империализм есть, между прочим, вывоз капитала», на свой риск и страх указать, что речь идет о вывозе капитала в колонии и полуколонии. По этому поводу мне бросается ряд упреков в методе цитирования Ленина, которые заканчиваются следующим страшным приговором: «Беннет относит все, что Ленин писал об экспорте капитала вообще, к экспорту капитала в колонии» (разрядка обвинителя). Обвинение грозное, но... неверное. Воспроизведем еще раз эту цитату. У Ленина сказано: «Империализм есть, между прочим, вывоз капитала. Капиталистическое производство все более и более ускоренно пересаживается в колонии». С точки зрения грамотного читателя ясно, что эти две фразы, следующие одна за другой, между собой связаны. Очевидно, что мысль о вывозе капитала в данном случае относится к колониям. Иначе нельзя было бы понять следующую фразу о том, что «капиталистическое производство все более и более ускоренно пересаживается в колонии». Но хуже всего то, что и в этом вопросе наш обвинитель скрыл сущность вопроса и сущность спора. Разве мы спорили на VI конгресс об экспорте капитала вообще? Ничего похожего. Спор шел только о том, экспортируется ли капитал также и в колонии и содействует ли он развитию капитализма в колониях. Сторонники первоначального наброска рассматривали экспорт капитала в колонии и воздействие его на развитие капитализма, как отклонение от общекапиталистического пути. Мы против этого возражали.

Для понимания умонастроений сторонников первого наброска тезисов, мы позволим себе привести одну крайне характерную цитату. В том же номере «Коммунистического Интернационала», в котором напечатана моя статья «Колониальные тезисы и проблемы революционного движения в Индии», имеется еще одна статья под заголовком «VI конгресс Коминтерна против теории деколонизации», в которой мы читаем:

> «Тов. Ленин неоднократно указывал на то, что империализм есть «загнивающий», «умирающий» капитализм, что он, являясь переходной ступенью к социализму, в то же время играет реакционную роль. Товарищ Ленин исходил из этой основной оценки империализма в своей книжке, написанной в 1916 году, и при редактировании резолюции по колониальному вопросу, принятой на II конгрессе в 1920 г. Но между этими двумя документами имеется разница в теме. Книжка Ленина об империализме дает оценку империализма и в метрополиях, и в колониях, и прежде всего в метрополиях. Резолюция же, принятая на II конгрессе, ограничивается описанием роли империализма только в колониях. Соответственно с этим тов. Ленин, исходя из одного и того же основного положения, что империализм есть загнивающий капитализм, в своей книжке уделил много внимания вопросу об экспорте капитала, потому что экспорт капитала в метрополии, как он доказывал в книжке, содействует паразитическому перерождению капитализма, содействует превращению метрополий в государства-рантье. В резолюции же по колониальному вопросу подчеркивались другие проявления империализма, именно те, которые там в колониях свидетельствуют о загнивании капитализма» (см. «К. И.» № 33—34, стр. 36).

Здесь читатель видит очень сложную и очень искусственную попытку доказать, что об экспорте капитала в отношении колоний говорить вообще нельзя. Против этих умонастроений мы и оборолись, подчеркивая, что экспорт капитала относится также к колониям и полуколониям, и этот вопрос VI конгресс разрешил указанием, что «вывоз капитала в колонии ускоряет развитие в них капиталистических отношений».

Второе обвинение сводится к тому, что я в своей статье писал: «Каждая метрополия вынуждена учитывать наличие соперников, которые могут в любую минуту помочь колонии или полуколонии, даже вопреки воле непосредственного хозяина этой колонии». Разрядка повсюду обвинителя. В моей статье и эта фраза выглядит значительно проще. Но в связи с этой цитатой обвинитель властно требует от меня ответа: о каких «чужестранных государствах» идет речь? За этим следует очень долгое и сложное раз'яснение той мысли, что чужим державам в колонии проникать почти немыслимо. Обратимся за справкой по этому вопросу к тезисам, принятым VI конгрессом Коминтерна. Там мы читаем:

> «Общей тенденцией всех метрополий является стремление втянуть колонию и сделать ее составной, подчиненной частью данной империалистической системы в интересах обеспечения ее хозяйственной автаркии, могущей противопоставить ее другим империалистическим системам, с другой стороны—отрезать колонию от непосредственных сношений с мировым хозяйством в целом и взять на себя функции последнего и верховного регулятора всех экономических связей ее с внешним миром. Эта тенденция империалистов к закреплению односторонней зависимости колоний от их стран, приводит к усилению соперничества различных империалистических держав, интернациональных трестов и т. д. между собой» [1]).

Таким образом, эти тезисы допускают указание на одну из особенностей современного империализма (конкуренция нескольких империализмов в отношении колоний). Должно к сказанному прибавить, что даже в старом наброске тезисов эта же мысль, правда, в несколько иной форме, выражена не менее ясно. В старом наброске тезисов, на стр. 8 мы читаем:

[1]) Разрядка моя.

«С другой стороны, тенденция империалистов к закреплению односторонней зависимости колоний от их стран встречает все более сильное противодействие со стороны ею самой порожденных экономических и социальных контрсил, направленных к созданию самостоятельного хозяйства колониальных стран и поддерживаемых не только экономическим процессом все сильнее развивающегося капиталистического разделения труда в колониях, но и соперничеством различных империалистических держав между собой, политикой интернациональных трестов и т. д.».

И в этой цитате о соперничестве различных империалистических держав сказано в не менее резкой и в не менее отчетливой форме, чем в моей статье. Чтобы покончить с этим вопросом, я еще укажу, что в тезисах по колониальному вопросу имеется просто конкретное указание, что «в Индонезии (стр. 10) голландский империализм вынужден во все большей мере предоставлять более могущественным державам — американскому и английскому империализму — возможность ввоза иностранных товаров и иностранного капитала в эти колонии».

В заключение необходимо отметить, что колониальная дискуссия уже в огромной мере получила боевую проверку.

Отрезок времени, отделяющий нас от VI конгресса, окончательно разбил формулу об «индустриализации Индии под контролем Англии». Вся экономическая политика британского империализма в отношении Индии проникнута стремлением во что бы то ни стало п о м е ш а т ь ее индустриализации. Можно не сомневаться в том, что правительство Макдональда будет и в отношении Индии придерживаться политики «преемственности». Тезисы VI конгресса получают, таким образом, новое убедительное подтверждение, которое одновременно разоблачает ошибочность позиции английской делегации — в том числе и автора этих строк — по вопросу об индустриализации Индии.

Одновременно события последнего времени убедительно показывают, что индийская буржуазия все более становится открытым союзником британского империализма в его борьбе против растущего революционного движения, гегемоном коего выступает индийский пролетариат.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

По поводу книжки С. А. Гурвича и В. Н. Позднякова — „Заработная плата“.

Проблемы экономики труда теоретически мало разработаны в марксистской экономической литературе, между тем в условиях реконструктивного периода они становятся особенно актуальными. Даже вопросы заработной платы, занимающие в СССР важнейшее место, еще не подвергались исследованию.

Рецензируемая книжка С. А. Гурвича и В. Позднякова не является исследовательской работой. Авторы ставили себе задачу, как это отмечают в предисловии, дать учебное пособие по заработной плате для вузов и критику «обычного, весьма распространенного изложения теории заработной платы». Однако, С. А. Гурвич и В. Поздняков не пытаются исчерпать все вопросы заработной платы, освещая лишь наиболее важные — теоретические основы и современные проблемы зарплаты в капиталистическом обществе. Некоторое внимание — специальная глава работы и часть методологического введения — уделяется авторами вопросам теории «заработной платы» в СССР.

Появление хотя бы учебного пособия для вузов по вопросам теории заработной платы Маркса с трактовкой этой проблемы применительно к условиям переходного хозяйства нельзя не приветствовать, ибо оно послужит толчком к дальнейшей положительной разработке вопроса.

Теоретические главы рецензируемой книжки написаны В. Н. Поздняковым, прочие С. А. Гурвич.

Авторы совершенно справедливо отмечают неудовлетворительность постановки вопросов теории заработной платы в наших руководствах по политической экономии. В письме к Энгельсу от 8 января 1868 г. Маркс по поводу замечаний Дюринга о «Капитале» подчеркивает, что его учение о заработной плате является одним из трех «важнейших и совершенно новых элементов книги». Это показывает, какое место занимает проблема заработной платы в экономической системе Маркса.

Что нового внес Маркс в проблему заработной платы? В чем основное отличие постановки этого вопроса Марксом от классиков?

Классическая школа некритически перенесла в политическую экономию представление капиталистов, что они оплачивают т р у д наемных рабочих. Не умея об'яснить обмена живого труда на прошлый труд, Рикардо не мог ответить и на вопрос о происхождении прибавочной стоимости. Он, исследуя капиталистическое хозяйство, принимал наличие прибыли как данное. Однако, образование прибыли противоречит его закону трудовой стоимости, поскольку остается неразрешенным вопрос об обмене живого труда на овеществленный труд. Чтобы разрешить проблему, необходимо понять иррациональность категории «цена труда», необходимо видеть скрывающиеся за ней общественные отношения.

Маркс впервые из экономистов показал, что «заработная плата есть иррациональная форма проявления скрывающегося за ней отношения. И это было показано во всех подробностях на обеих формах заработной платы: платы за время и платы поштучно» [1]. Он впервые вскрыл, что понятие «цена труда» так же бессмысленно, как «желтый логарифм». Лишь тогда, отличив форму явления «цена труда» от скрывающегося за ним содержания, — стоимость рабочей силы, представилось возможным дать научную трактовку проблеме заработной платы, соответствующую об'ективной действительности капитализма.

На эту важнейшую сторону теории заработной платы авторы обратили внимание, показав, что в капиталистическом обществе цена рабочей силы «неизбежно принимает форму цены или ценности труда» (стр. 10). В этом положительная сторона рецензируемой работы. Однако, на наш взгляд в теоретической части книги допущены грубые ошибки в трактовке проблемы заработной платы, хотя авторы и претендуют на то, что их работа — «возврат к Марксу». На этих вопросах мы и остановимся.

При определении стоимости рабочей силы В. Н. Поздняков — автор теоретических глав книги — исходит из тезиса, что всякое длительное отклонение заработной платы от стоимости рабочей силы ведет к тому, что соответственно повышается или понижается сама стоимость рабочей силы. Иначе говоря, у него

1) К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма, стр. 169.

цена рабочей силы «тащит за собой ценность». Так, он пишет: «длительное повышение цены рабочей силы влечет за собой и повышение ценности рабочей силы. Но и обратно: длительное понижение цены повлечет за собой последующее падение ценности рабочей силы» (стр. 48).

Вывод, будто заработная плата «тащит за собой ценность» рабочей силы, неизбежно выдвигает вопрос — каков же предел падения стоимости рабочей силы под влиянием длительного снижения заработной платы. На это В. Н. Позняков отвечает: «В капиталистическом обществе существует такой предел, ниже которого не может спуститься ценность рабочей силы: им служит физиологический минимум. Но именно только в качестве предела!» (стр. 48—49).

В капиталистическом обществе рабочая сила является товаром. Своеобразие этого товара заключается, между прочим, в том, что он обладает особым свойством, не присущим другим товарам: он в процессе производства, в процессе его потребления капиталистом создает стоимость — не только эквивалент своей собственной стоимости, но и прибавочная стоимость. Однако, подобно цене прочих товаров, цена товара «рабочая сила» не является величиной произвольной, — она подчиняется определенной закономерности. Как цена любого товара колеблется вокруг его стоимости, подобно этому цена товара «рабочая сила» колеблется вокруг стоимости рабочей силы.

В качестве основного закона, регулирующего высоту заработной платы, выступает закон стоимости рабочей силы, от величины стоимости рабочей силы в конечном счете зависит высота заработной платы. Это не значит, что классовая борьба пролетариата не может влиять на стоимость рабочей силы в сторону ее увеличения. Наоборот, классовая борьба повышает уровень потребностей рабочего класса, следовательно, повышает стоимость рабочей силы. Здесь же мы хотим только подчеркнуть, что в конечном счете стоимость рабочей силы определяет высоту заработной платы, а не обратно.

В. Позняков же, вопреки Марксу, превращает в определяющее, в основное не стоимость рабочей силы, а заработную плату, которая тащит за собой стоимость рабочей силы. Закон стоимости рабочей силы им механически пристегивается к проблеме заработной платы, чтобы вся концепция отличалась от «социальной» теории распределения.

Утверждение В. Познякова, что заработная плата, ее повышение или понижение на длительный период, тащит за собой стоимость рабочей силы, противоречит методологии Маркса, делает совершенно непонятным, к чему, собственно, авторам необходима категория — стоимость рабочей силы. Наконец, именно из критикуемой точки зрения следует, как мы видим, вывод о теоретической возможности падения стоимости рабочей силы до физиологического минимума. Но в этих выводах авторы не оригинальны, они дословно повторяют сторонников «социальной» теории распределения. Так, Туган-Барановский, отрицая совершенно закон стоимости рабочей силы (к этому, собственно, ведет и концепция В. Познякова) и сводя проблему зарплаты к соотношению сил борющихся сторон, на вопрос — каков же предел падения зарплаты, отвечает: «низшим пределом заработной платы является физиологически необходимый минимум средств существования, без которого рабочий физиологически не может работать и поддерживать свою семью» [1]).

Одинаковы также и исходные позиции Познякова и Тугана. Вслед за Туганом Позняков пишет: «Сила, а именно сила двух противоположных классов, т. е. классовая борьба, решает вопрос о цене, а в конечном счете и о ценности рабочей силы» (55). Таким образом, проблема заработной платы сведена Позняковым к «социальной» теории распределения, к формуле: «кто сильней, тот и больше взял».

Утверждение Познякова о теоретической возможности падения стоимости рабочей силы до физиологического минимума вытекает из его концепции, что заработная плата может влиять на стоимость рабочей силы. Однако, подобное утверждение приводит к серьезным оппортунистическим выводам.

В самом деле. Мы не отрицаем, что заработная плата (не стоимость рабсилы, а заработная плата) может в отдельные периоды упасть до физиологического минимума. Но что такое стоимость рабочей силы? Это стоимость необходимых средств существования. Стоимость рабочей силы определяет то, что необходимо рабочему. Под влиянием классовой борьбы уровень потребностей рабочего класса возрастает, увеличивается размер необходимых средств существования рабочего, следовательно, и стоимость рабочей силы. Утверждение же Познякова, что зарплата «в конечном счете» решает вопрос о стоимости рабочей силы, привело его к выводу, что стоимость рабочей силы может упасть до физиологического минимума.

---

1) Туган-Барановский, Основы, стр. 394.

Но в таком случае, если рабочий получает фактически этот физиологический минимум, то его заработная плата будет соответствовать стоимости рабочей силы.

Нельзя также согласиться с трактовкой авторами т. н. теории обнищания пролетариата. Во II-й главе В. Позняков теоретически обосновывает относительное обнищание, повторяя некритически К. Каутского [1]). Маркс же, как известно, не сводил проблему «обнищания» пролетариата при капитализме только к вопросу о тенденции заработной платы. Он доказал, как всеобщий закон капиталистического накопления, что «по мере того, как капитал накопляется, положение рабочего класса должно ухудшаться, какова бы ни была, высока или низка, его оплата» (т. I, стр. 638; разрядка наша).

В главе IX, написанной Гурвичем, трактующей о тенденции заработной платы, на основе эмпирического материала устанавливаются три фазы тенденции зарплаты. На третьей стадии, по данным Гурвича, идущим в разрез с теоретической установкой Познякова (глава II), наблюдается «падение и абсолютной и относительной зарплаты». Подобная противоречивость, не говоря уже о неудовлетворительности разработки теории «обнищания», нетерпима в учебном руководстве.

Цифровые данные по вопросам тенденции заработной платы позаимствованы авторами, как они об этом сообщают, из хрестоматии «Брегель и Кабо» и книжки Шатана — теория заработной платы. Маркс цитируется в IX главе по... Солнцеву (стр. 123).

В рецензируемой работе обращает на себя внимание также трактовка вопроса о заработной плате в СССР, однако, мы сделаем еще пару замечаний, которые вскроют неудовлетворительность понимания В. Позняковым категории стоимости рабочей силы. Он пишет: «Если заработная плата в случае более напряженного труда, видимо, при этом и возрастает, но не в такой степени, в какой она должна возрасти, чтобы обеспечить при этом воспроизводство рабочей силы, то приходится говорить о падении ценности рабочей силы» (стр. 70).

На этот раз у Познякова стоимость рабочей силы падает уже не вследствии длительного понижения заработной платы, а немедленно с падением зарплаты. Между тем, повышение интенсивности труда и невыплата капиталистом рабочему возросших потребностей будет означать не «падение ценности рабочей силы», как думает В. Позняков, а падение зарплаты ниже возросшей стоимости рабочей силы.

Несоответствие между высотой заработной платы и возросшей интенсивностью труда — случай, интересующий В. Познякова, не понижает стоимость рабочей силы, а приводит к тому, что зарплата отклоняется вниз от стоимости. Это явление получило всеобщее распространение в новейшей стадии капитализма, в особенности в послевоенный период, выступая в качестве основной причины преждевременной старости и инвалидности рабочих. Оно-же способствует еще большему росту противоречий капитализма.

Наконец, В. Позняков полагает, что буржуазия империалистических государств подкармливает весь рабочий класс страны. «Часть добавочных прибылей, — пишет он, — и в том, и в другом случае может попасть к рабочему классу страны, находящейся в таких более благоприятных условиях, и повысит их заработную плату» (69). Поскольку у Познякова зарплата влияет на стоимость рабочей силы, «подкармливание» всех рабочих будет влиять на повышение стоимости рабочей силы в империалистических государствах. С этой точки зрения весь рабочий класс Англии, САСШ и т. п. стран заинтересован в эксплоатации колоний. Но подобная точка зрения, очевидно, далека от революционного марксизма.

Перейдем к вопросам теории «заработной платы» в СССР, как они изложены В. Позняковым. Влияние «социальной» теории распределения сказалось на авторе и в трактовке этой проблемы. В методологической главе, где дается обоснование подхода к проблеме заработной платы, В. Позняков пишет: «Не мотивируя, выскажем здесь только свой взгляд на ту основу, выражением которой является заработная плата в обществе переходного от капитализма к социализму типа (включая сюда и первые стадии социализма). Нам кажется, что здесь будет права социальная теория распределения, с тем только весьма существенным отличием, что здесь не будет места борьбе классов» (стр. 12, разрядка наша; авторы говорят о социалистическом секторе).

В. Познякову недостаточно, что у него теория заработной платы Маркса изложена в духе «неосоциальной» теории зарплаты. Он пытается эту оппортунистическую теорию применить к условиям советского хозяйства.

---

1) Эту ошибку допускают и другие марксисты. Например, А. Кон в своей книге «Теория промышленного капитализма» пишет: «ухудшение положения рабочего класса по мере развития капитализма является относительным, но не абсолютным».

В чем основной смысл социальной теории зарплаты?

Ее сторонники исходят из практических задач социальной политики. Реформистскими методами, так наз. «рабочим законодательством», пытаются авторы социальной теории зарплаты разрешить все противоречия капитализма. Как можно утверждать, что подобная теория применима к условиям СССР?

В капиталистическом обществе классовая борьба идет в основном по линии пролетариата и буржуазии. Но в СССР классовая борьба не ликвидирована. Капиталисты свергнуты, пролетариат организован в государственную власть, но корни капитализма не уничтожены. В качестве последнего капиталистического класса выступает крестьянство, о котором нельзя сказать, что оно не имеет никаких противоречий с пролетариатом. Эти противоречия в конечном итоге находят себе отражение в распределении национального дохода, в государственном бюджете, в фонде заработной платы и т. п. Они не могут изменить качественную характеристику «заработной платы» в обобществленном секторе, как принципиально отличной от категорий капитализма. Заработная плата на предприятиях последовательно социалистического типа — это только доля общественного продукта, распределяемого между участниками производственного процесса, ибо тут каждый рабочий вступает в определенные отношения с рабочим государством. Но на величину этой доли расстановка классовых сил в стране безусловно влияет.

Мы не можем также согласиться с тезисом, что о «типичной капиталистической заработной плате в полном смысле этого слова приходится говорить лишь по отношению к тем нелегальным случаям найма, где обходятся все постановления, регулирующие продажу труда, и где поэтому ее величина определяется исключительно спросом и предложением труда, т.-е. степенью нужды рабочего» (стр. 40).

Выходит, что заработная плата батрака в кулацком хозяйстве, рабочего в частнокапиталистическом предприятии или концессионном при условии выполнения кодекса о труде не является типично капиталистической?

Мы считаем, что только на предприятиях последовательно-социалистического типа нет капиталистической категории заработной платы. В частнокапиталистическом же секторе капиталист присваивает себе прибавочную стоимость, оплачивая рабочему в общем и целом лишь стоимость рабочей силы. Соблюдение кодекса о труде на последних предприятиях не вносит никаких принципиальных изменений в качественную характеристику заработной платы, отражающей производственные отношения между капиталистами и наемными рабочими.

Мы остановились только на некоторых вопросах, в которых авторы на наш взгляд отклоняются от марксистской трактовки теории заработной платы. Приведенные нами примеры можно было бы умножить. К этому надо добавить, что и ряд формулировок вызывает большие сомнения. Например, о повременной плате в капиталистическом обществе утверждается, что «она не истощает рабочих» (стр. 80). Или на 78 стр.: «Из изложенного ясно, какая из этих двух форм заработной платы (повременная или сдельная) больше в интересах (!? *Л. М.*) рабочего класса».

Наш вывод: рецензируемая работа в настоящем ее виде не может быть рекомендована учебным пособием для вузов, — она нуждается в серьезной переработке. Внимание марксистов необходимо приковать к теоретическим вопросам экономики труда, приобретающим в реконструктивный период первостепенное значение.

Л. Мехлис.

ЧТО ДАЕТ „ПРОЖЕКТОР“?

МАТЕРИАЛЫ ИЗ ГОТОВЯЩЕЙСЯ К ПЕЧАТИ ИСТОРИИ И ХАРАКТЕРИСТИКИ „ПРОЖЕКТОРА“.

«Прожектор» за сравнительно короткий срок своего существования приобрел широкую известность не только у нас, но и за границей. Из многочисленных отзывов — устных, письменных и печатных — можно установить основные качества «Прожектора».

Первое — это выдержанность журнала в политическом и литературном отношении.

Выдержанности политической и литературной соответствует выдержанность художественная.

Принципы расположения материала рассчитаны на полную ясность и четкость в последовательном и полном изображении событий.

Ни одно, сколько-нибудь значительное, событие не ускользает от испытанного и внимательного аппарата журнала, умеющего во-время, преодолевая всякие трудности, отразить его в ярких фотоснимках .

Комплекты «Прожектора» являются наглядной историей соответствующих периодов нашей революции и являются настольной книгой для всякого, кто хочет оглянуться на пройденный этап.

Кроме всяких причин, разнообразию и насыщенности «Прожектора» способствует и его об'ем — 32 страницы при еженедельном выходе.

«Прожектор»—единственный иллюстрированный еженедельник, имеющий сотрудников, работающих не только в СССР, но специально работающих по заданиям редакции во всех значительных странах за границей. В каждом номере «Прожектора» печатаются корреспонденции, письма и очерки о последних событиях, где бы они ни происходили.

В настоящее время боевая задача «Прожектора» — отображение индустриализации и социалистичеокого соревнования.

«Прожектор» обслуживает кампании, готовит ряд специальных номеров по наиболее актуальным вопросам современности.

Подпишитесь до конца года на журнал «Прожектор».

Подписная цена: на 1 м. — 1 р.; на 3 м. — 3 р.; на 6 м. — 6 р.; на 12 м. — 12 р.

В розничной продаже цена отдельного номера 25 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: в Главной конторе Издательства ЦК ВКП(б) «Правда» (Москва, 9, Тверская, 48), во всех провинциальных отделениях «Правды», почтово-телеграфных конторах и письмоносцами.

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

ПОДПИШИТЕСЬ НА

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

РЕВОЛЮЦИЯ и КУЛЬТУРА

ВЫХОДИТ ПОД РЕДАКЦИЕЙ:

Н. И. Бухарина, А. М. Деборина, А. В. Луначарского, И. К. Луппола, Е. Б. Пашуканиса, Я. Е. Стэна, Л. Н. Чернявского.

ПАРТИЕЦ должен читать **«Революцию и Культуру»**, потому что этот журнал разрабатывает и популяризует теорию Маркса и Ленина и борется за ясное классовое понимание задач культурной революции.

РАБОЧИЙ АКТИВИСТ получит в **«Революции и Культуре»** освещение важнейших вопросов культурного строительства, массовой культработы, быта, семьи.

КОМСОМОЛЬЦА **«Революция и Культура»** вводит в идеологические бои за нового человека, против антипролетарских воззрений, против упадочничества и мещанства.

НАУЧНЫЙ РАБОТНИК И ВУЗОВЕЦ найдет в **«Революции и Культуре»** освещение актуальных вопросов научной жизни, жизни высшей школы и оценку основной литературы по различным отраслям науки и искусства у нас и за границей.

КУЛЬТУРНИКАМ, ОРГАНИЗАТОРАМ БЫТА **«Революция и Культура»** помогает в их практической работе, предоставляя им на своих страницах возможность выступить для обмена опыта.

«РЕВОЛЮЦИЯ И КУЛЬТУРА» подымает и организует обсуждение очередных вопросов советского культурного дня, практических и принципиальных.

В «РЕВОЛЮЦИИ И КУЛЬТУРЕ» находят отражения и подвергаются марксистскому анализу вопросы быта, печати, кино, искусства, литературы.

«РЕВОЛЮЦИЯ И КУЛЬТУРА» содействует сближению научных и культурных работников с трудящимися, организует широкий обмен мнений по вопросам культурного строительства и освещение местной практики в этой области.

«РЕВОЛЮЦИЯ И КУЛЬТУРА» дает систематическую информацию о культурной жизни Запада.

ЖУРНАЛ ИЛЛЮСТРИРУЕТСЯ.

К участию в журнале **«Революция и Культура»** привлечен кадр теоретических и культурных сил партии и широкие круги беспартийных ученых, литераторов, культурников, стоящих на материалистических позициях

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 1 мес.—2 номера **80** коп., 3 мес.—6 номеров **2** руб. **40** к., 6 мес.—12 номеров **4** руб. **80** коп., 12 мес.—24 номера **9** руб. **60** коп.

В розничной продаже цена отдельного номера 50 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: в Главной Конторе Изд-ва ЦК ВКП(б) «Правда» (Москва, 9, Тверская, 48) во всех провинциальных отделениях «Правды», почт. конторах и письмоносцами.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 17 15 СЕНТЯБРЯ № 17

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 9
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
„ПРАВДА“

Главлит № А—45296 Тираж 70.000 экз.

Типография газеты „Правда“, Москва, Тверская, 48.

На пороге нового хозяйственного года.

1928 — 29 хозяйственный год завершен, и народное хозяйство нашего Союза стоит на пороге второго года пятилетки. Общие контуры народнохозяйственного плана и задачи, которые поставлены перед народным хозяйством в наступающем году, наметились и определились в достаточной степени, чтобы, стоя на рубеже первых двух лет пятилетнего плана, проверить и правильность проектировок самой пятилетки и правильность экономической политики партии, и, наконец, правильность предсказаний правых уклонистов.

Уже итоги истекшего года, первого года пятилетки, полностью подтвердили правильность хозяйственной политики партии, разоблачили истинный смысл правоуклонистских «сомнений» и воочию показали всю вздорность правоуклонистских «теорий» о непосильности и нереальности проводимых партией темпов индустриализации страны и темпов развития обобществленного сектора сельского хозяйства. Плановые наметки второго года пятилетки, характерной особенностью которых является решительное превышение проектировок пятилетнего плана для этого года по всем показателям народнохозяйственного развития, окончательно и до конца разоблачают оппортунизм и мелкобуржуазную сущность правых уклонистов.

Величайшей бодростью и уверенностью в нашей победе заражают эти «сухие» цифры — показатели нашего хозяйственного развития в наступающем хозяйственном году.

32 — 35% прироста промышленной продукции! Ни одна капиталистическая страна ни на одном отрезке своего существования не знала и не знает таких темпов развития. И добрый десяток лет потребовался бы какой-нибудь «доброй, старой Англии» для того, чтобы достичь того, что за один год даст промышленность страны пролетарской диктатуры. Лозунг «догнать и перегнать» страны передового капитализма, брошенный нашей партией и подхваченный миллионами трудящихся, оплодотворенный их величайшей активностью и творческим энтузиазмом, чем дальше, тем больше находит свое отражение в повседневной хозяйственной жизни.

3 — 3,5 миллиарда капитальных вложений в промышленность! Программа строительных работ в промышленности возрастет почти

в два раза по сравнению с истекающим хозяйственным годом. Какой грандиозный размах, какой небывалый в истории ни одной капиталистической страны темп строительства! Наш слух как-то «привык», «свыкся» с этими колоссальными цифрами. Но в какое сравнение идут эти «привычные» для нас цифры с теми двумястами миллионов, которыми характеризовался рост основных капиталов промышленности царской России?

7—8% роста посевных площадей, 7—8% роста урожайности, 15—18 млн. га общей площади обобществленного посева! Разве не являются эти «сухие» цифры свидетельством и выражением грандиозных реконструктивных процессов, происходящих внутри сельского хозяйства?

Новые сотни тысяч трудящихся вовлекаются в хозяйственную жизнь страны, и в наступающем хозяйственном году мы будем иметь впервые значительное снижение безработицы, — этого величайшего зла, доставшегося нам в наследие от капиталистического прошлого.

Новый хозяйственный год обещает нам принести серьезнейшие новые победы на фронте социалистического строительства: дальнейшее укрепление и усиление в народном хозяйстве командных экономических высот и в первую очередь социалистической промышленности, дальнейшие и притом значительнейшие сдвиги в сторону закрепления и усиления социалистического сектора народного хозяйства. Бурный темп колхозного и совхозного строительства, значительно превышающий плановые проектировки, рост машинно-тракторных станций, радикально реконструирующих производственно-техническую базу обслуживаемых ими крестьянских хозяйств и тем самым, создающих основу для их полного обобществления, бурный рост, превышающий плановые проектировки, системы контрактации и т. д., и т. п. — все это свидетельствует о том, что уже и в сельском хозяйстве, этом наиболее технически и экономически отсталом участке нашего хозяйства, чем дальше, тем больше укрепляются и растут новые, передовые, технически и экономически наиболее совершенные формы хозяйства, чем дальше, тем больше укрепляется и растет его социалистический сектор. И это, в свою очередь, по новому ставит всю проблему хозяйственных связей между городом и деревней, между рабочим классом и крестьянством, усиливая формы производственной смычки; по новому ставит проблему рыночного товарооборота, сужая его общую сферу действия и меняя его содержание; по новому ставит проблему преодоления противоположности между городом и деревней, проблему аграрного перенаселения и использования свободной рабочей силы и т. д., и т. п.

Но не было бы ничего более вредного, ошибочного и опасного, как дать себя настолько увлечь открывающимися перспективами, чтобы задание вполне реальное и осуществимое, но все же лишь задание, директиву, подлежащие выполнению, принять за уже осуществленное, достигнутое, реализованное, претворенное

в жизнь. Не было бы ничего более опасного, вредного и ошибочного, ибо, предавшись такому «барскому анархизму чувств», мы наверняка сорвали бы намечаемый на 29/30 г. план хозяйственного развития.

Необходима полная ясность, полное понимание всех тех трудностей, которые стоят перед нами в новом хозяйственном году. План нашего хозяйственного развития на 29/30 г. составлен с величайшей напряженностью, и опаснейшим заблуждением было бы думать, что осуществление его — дело легкое, простое, что план может быть реализован «самотеком», «стихийно», «сам по себе». Без действительно величайшего напряжения всех сил и средств, без решительной и коренной перестройки рядов и методов работы, без величайшей и подлинной активности подлинных масс трудящихся всем нашим проектировкам будет грош цена. Мы вступили в ту историческую полосу нашего хозяйственного развития, когда на арену социалистического строительства вышли подлинные массы трудящихся города и деревни. И именно это вселяет в нас глубочайшую уверенность и в правильности нашей хозяйственной политики и в реальности наших проектировок высоких темпов развития. Но не следует забывать, что мы находимся только на первом этапе этого могучего движения, что в социалистическое соревнование вступили лишь первые отряды бойцов за дело социалистического строительства; и перед нами стоит величайшая и благодарнейшая историческая задача вовлечь в это движение весь рабочий класс, всех трудящихся. И чем бо́льших успехов сумеем мы добиться здесь, тем бо́льшие успехи ожидают нас и в деле социалистического строительства. «Организаторских талантов в «народе», т.-е. среди рабочих и не эксплоатирующих чужого труда крестьян, масса; их тысячами давил, губил, выбрасывал вон капитал, их не умеем еще найти, ободрить, поставить на ноги, выдвинуть—мы» (Ленин). И перестройка наших рядов и методов работы и должна заключаться прежде всего и раньше всего в том, чтобы на основе самой широкой самокритики обеспечить максимум проявления инициативы и творчества широчайших масс трудящихся, обеспечить свободное и наиболее полное развитие «организаторских талантов» из их среды, сочетая «вместе бурный, бьющий весенним половодьем, выходящий из всех берегов митинговый демократизм трудящихся масс с железной дисциплиной во время труда, с беспрекословным повиновением воле одного лица, советского руководителя во время труда» (Ленин).

С этой точки зрения величайшее значение приобретает воспитание в трудящихся чувства ответственности за дело социалистического строительства, за выполнение планов народнохозяйственного развития, за работу своего предприятия. «Практически необходимо, чтобы работники профессиональных союзов, начиная с высших и кончая низшими звеньями, перестали заниматься общими фразами об активности масс, а вплотную подошли бы к делу производства, изучали бы все конкретные особенности каждого предприятия, кон-

кретные формы социалистического соревнования, организовали бы руководство заключением договоров о социалистическом соревновании, знали бы каждый день о ходе выполнения этого договора, намечали бы пути исправления выявляющихся недостатков выполнения договоров, вовлекая и заинтересовывая всем ходом и процессом этой работы каждого рабочего данного предприятия» [1]).

Осуществление планов хозяйственного развития, чем дальше, тем больше, должно быть делом всего рабочего класса, всех звеньев его профессиональных организаций, всех звеньев партии. И в порядок дня, как неразрывное целое всего комплекса вопросов, стоящих в центре их внимания, должны войти и вопросы производительности труда и трудовой дисциплины, и вопросы себестоимости и рационализации, и вопросы капитального строительства и т. д., — короче говоря, все те вопросы, от разрешения которых зависит выполнение всего хозяйственного плана. Ближе к производству, лицом к производству—вот тот лозунг, с которым мы должны войти в новый хозяйственный год. И это в равной степени относится как к промышленному производству, так и к сельскому хозяйству, где вопросы дальнейшего расширения с. х., коренной реконструкции агротехнических и социальных условий с.-х. производства стоят в неразрывной связи с общим вопросом индустриализации страны и темпами индустриального развития и социалистического строительства. Опираясь на бедноту, в союзе с середняками, неуклонно и последовательно ведя борьбу с кулаком, мы будем иметь необходимые условия для осуществления дальнейшего под'ема с. х. и его социальной реконструкции.

Нет сомнений, наши успехи в социалистическом строительстве, дальнейшее повышение материально - технического уровня развития всего народного хозяйства, рост и укрепление социалистического сектора, рост творческой активности трудящихся и т. д. при неизбежных трудностях в осуществлении напряженнейших темпов развития, в условиях дальнейшего наступления на капиталистические элементы города и деревни должны будут вызвать еще более ожесточенное сопротивление наших классовых врагов. И к этому мы должны быть готовы. Не могло бы быть ничего более вредного и ошибочного, как думать, что кулак в деревне, нэпман в городе, и вредитель на производстве без боя, без отчаяннейшего сопротивления сдадут свои позиции перед лицом наступающего социализма. Мы должны быть готовы и к тому, что классовый враг, учась на своих поражениях, чем дальше, тем в более замаскированной, в более тонкой и сложной форме, но зато и более энергично будет вести свою разрушительную работу. Кулак, раз'едающий и подрывающий работу колхозов изнутри, как его член; нэпман, подкупом и взятками, «своими людьми», разлагающий работу низового советского аппарата; вредитель, под видом технического руководителя нашего промышленного и транспортного хозяйства подрывающий нашу экономическую мощь, — все они делают одну работу, по своему классовому содержанию подобную прямому нападению белогвардейских банд. И непростительной глупостью, величайшей политической ошибкой было бы неумение за этими формами классовой борьбы проглядеть ее сущность. Нэпман и кулак, «мирно врастающие, — по азбуке правоуклонистской теории, — в социализм», в реальной жизни, прикрываясь социалистическими формами и их используя, пытаются взрывать их изнутри, делая свое классовое дело до конца, не оставляя неиспользованной ни одной возможности, удесятеряя свою ненависть к социализму.

[1]) Из обращения Президиума ВЦСПС.

Не переоценивая силы классового врага и не давая себя застращать, тем меньше мы можем допустить его недооценку, тем меньше мы должны преуменьшать его действительные силы, силу его классовой ненависти, гибкости методов и приемов его борьбы, его умения «приспособляться» и «ориентироваться» в обстановке.

Разве могло бы иметь место в таких размерах вредительство на транспорте и производстве, если бы, как это имело место до сих пор, наука и техника в известной своей части не находились в руках враждебной делу социализма кучки специалистов? Разве могли бы иметь место факты подобного вредительства, если бы научно-технические знания были целиком вырваны из рук враждебных нам классовых сил, если бы техническое руководство нашим хозяйством полностью находилось в руках класса, строящего социализм, и той части (правда подавляющей) специалистов, которая искренне предана делу социалистического строительства? Кто может подсчитать, во что обошелся народному хозяйству тот факт, что научно-технические знания в известной степени были монополией в руках враждебных нам и вредительствующих классовых сил? Эта «монополия» была неизбежна в переходный период, в пору, когда рабочий класс овладевал знанием, опирался на опыт старых специалистов, используя их в интересах социалистического строительства. Теперь пришло время более быстрой и энергичной выработки наших кадров. И самое внимательное, самое заботливое отношение должно быть обеспечено по отношению к тому подавляющему большинству специалистов, которые в противовес вредителям свой опыт и свои знания отдали на службу делу социалистического строительства.

Бурно растущее народное хозяйство, все усложняющиеся задачи, которые выдвигаются в процессе этого роста и требуют своего разрешения, необходимость в кратчайший исторический срок переделать материально-техническую базу нашего хозяйства и догнать и перегнать в технико-экономическом отношении передовые капиталистические страны — все это требует скорейшего овладения передовой научно - технической мыслью, скорейшего перенесения ее на советскую почву. Но мы будем в значительной степени бессильны это сделать, если не создадим своих кадров специалистов, своих ученых, инженеров, техников, агрономов и т. д., ибо наука классова не

только по своему содержанию, но и по тому, к а к и к е м она применяется и используется. Борьба за кадры, борьба за гегемонию в области научно-технической мысли, как это нам показала вся практика вредительства, есть все та же классовая борьба и притом отнюдь не такая «мирная» и спокойная, как это может кое - кому показаться.

Нет сомнений, в наступающем хозяйственном году мы будем иметь дальнейшее обострение сопротивления враждебных нам классовых сил. Успешность преодоления этого сопротивления будет тем больше и тем значительнее, чем более организованным будет рабочий класс, чем более энергично и дружно будет он, неуклонно и последовательно наступая на остатки капитализма, подавлять обостряющееся сопротивление своего классового врага. И здесь особого внимания требуют к себе те процессы в н у т р и самого рабочего класса, которые связаны с вовлечением в производство новых сотен тысяч рабочих, в значительной своей части выходцев из деревень, не порвавших пуповины, связывающей их с мелкособственнической стихией, и несущих с собой настроения этой мелкособственнической стихии в рабочую среду. Опираясь на передовую часть рабочего класса преодолеть рвачество, недисциплинированность этой отсталой части рабочих, преодолеть их пассивность в деле социалистического строительства, решительно ударить по рукам тех, кто, выражая волю враждебных нам классов, пытается сорвать дело социалистического соревнования, перевоспитать эти отсталые элементы, зараженные мелкособственническими предрассудками, — одно из важнейших условий, одна из предпосылок выполнения наших хозяйственных планов.

В этих условиях обострения классовой борьбы тем больше следует ожидать новых попыток нападения на линию партии как со стороны разбитых остатков троцкистов, так и особенно со стороны правых уклонистов, которые, несомненно, захотят взять «реванш» за свое поражение в борьбе против партии. И тем более энергично должен разоблачаться мелкобуржуазный оппортунизм этих элементов внутри партии, тем больше внимания в этой усложненной обстановке должно быть уделено марксистско-ленинской учебе всей партии, в первую очередь—актива партии.

В борьбе за осуществление тех величайших задач, которые ставит перед страной и рабочим классом наступающий хозяйственный год, в борьбе за сохранение тех темпов хозяйственного строительства, которые позволят нам догнать и перегнать уровень развития передовых капиталистических стран в такие сроки, о которых ранее «мы не могли и мечтать», — не должно быть места никаким сомнениям, никаким колебаниям; преодоление правого уклона и примиренчества — одно из важнейших условий, обеспечивающих выполнение и перевыполнение наших планов индустриального развития, п л а н о в под ема бедняцко-середняцкого хозяйства и коллективизации деревни, планов социалистического строительства.

Дм. Бухарцев.

Теоретические оруженосцы оппортунизма[1]).

Проводимая здесь нами оценка монополистических процессов в современном капитализме имеет отнюдь не академический интерес. Это кардинальнейший вопрос, определяющий наши революционные перспективы. Если бы Коминтерн стал на точку зрения казенных певцов «организованного капитализма», ему логически пришлось бы если бы не совсем отказаться от ориентации на революционные потрясения в н у т р и капиталистических стран, то во всяком случае ревизовать свою установку в этом вопросе.

Отсутствие внутренней конкуренции, плановая организованность отдельных капиталистических национальных хозяйств, отмирание проблем рынка, цен, конкуренции, кризисов, переползание анархической природы на основные линии международно-хозяйственных отношений означают по существу о т м и р а н и е в с е х в н у т р е н н и х п р о т и в о р е ч и й к а п и т а л и з м а и «построение организованного капитализма в одной стране».

Апологеты этих, к счастью, м и ф и ч е с к и х п р о ц е с с о в, ничтоже сумняшеся, ставят точку над «и» и в проблеме всех проблем — в с о ц и а л ь н о м в о п р о с е.

«Проблема соотношения классов и классовой борьбы,—пишет т. Бухарин,—является проблемой, в величайшей степени связанной с положением той или другой капиталистической страны на м и р о в о м р ы н к е» [2]). Заграничные же друзья наших «организованных» «теоретиков» переводят все эти ученые рассуждения на простой политический язык.

В своей декларации, поданной Центральному Комитету итальянской компартии, Сэрра подчеркивает «укрепление буржуазии в н а ц и о н а л ь н о м масштабе» (разр. Сэрра. *Д. Б.*), и тут же Сэрра добавляет: «но это укрепление национальной буржуазии создает еще большую борьбу за гегемонию в международном масштабе». Отсюда Сэрра делает, как мы увидим в следующей главе, соответствующие выводы о нереволюционном характере современных экономических боев пролетариата.

Большинство ЦК американской компартии считало, что «американский империализм приближается к своим викторианским временам», сиречь— к ранним этапам развития капитализма, к его расцвету.

Оптимизм большинства руководства американской компартии в этом вопросе отнюдь не уступал, а даже оставлял позади оптимизм буржуазных экономистов. В результате в руководстве американской компартии расцвели правые ошибки, нашедшие яркое выражение у Пеппера и Ловстона в виде следующей концепции: «Кризис капитализма,—но не американского; полевение рабочих масс,— но не в Америке; необходимо заострение борьбы против реформизма,—но не в Соединенных Штатах; необходима борьба с правой опасностью,—но не в американской компартии» (из открытого письма ИККИ от 14/V—29 г.).

---

[1]) Окончание. Начало статьи см в предыд. номере

[2]) «Правда» 30/VIII—29 г.

Ловстон—один из бывших руководителей американской компартии, вернувшись с VI конгресса Коминтерна, повидимому, проникся особым пиететом к тем ошибочным теориям о примате внешних капиталистических противоречий над внутренними, которые кое-кто пытался протащить на VI конгрессе. Эта теория оказалась Ловстону, Пепперу и иже с ними по душе, ибо она оправдывала их оппортунистическую практику в американской компартии.

Исполком Коминтерна, разбирая американский вопрос, вынужден был преподать американской компартии урок ленинской оценки современного империализма. В своих письмах он жестоко раскритиковал теорию «исключительности», подводящую «научную» базу под основные ошибки руководства американской компартии.

Эпоха империализма характерна тем, что мировое хозяйство определяет судьбы отдельных национальных капиталистических хозяйств. Только Советский Союз, отличный по своей экономической и социальной системе от системы капиталистического сектора мирового хозяйства, представляющий собой исторически более прогрессивную, в сравнении с капитализмом, систему, постепенно освобождается от влияния мирового капиталистического хозяйства, развивая свой социалистический сектор. Но совершенно очевидно, что ни о какой автаркии отдельных капиталистических стран в эпоху империализма не может быть и речи. И естественно поэтому, что теоретически неверно представление о том, что в раздираемом противоречиями мировом хозяйстве могут существовать отдельные «организованные» капиталистические оазисы.

Тов. Бухарин в своей книге «Мировое хозяйство и империализм» дал правильное определение мирового хозяйства, как системы производственных отношений и соответствующих отношений обмена. Это определение бьет, однако, по современным «теоретическим» попыткам отделить процессы, происходящие во всей системе, от процессов в отдельных частях ее. Получается «диалектическая» карусель, в которой целое вертится в одну сторону, а части в другую.

Противоречия мирового хозяйства неизбежно рефлектируются и внутри отдельных национальных хозяйств. Поскольку существуют противоречия в мировом хозяйстве, неизбежны противоречия внутри отдельных национальных хозяйств, являющихся органической частью мирового капиталистического хозяйства. Какой бы степени концентрации ни достигло хозяйство в отдельных капиталистических странах, все же картелям и трестам пришлось бы считаться не только с конкуренцией внутренних «аутсайдеров», но и заграничных. А это, в свою очередь, снова отражалось бы на внутренних противоречиях.

Так же, как теория Ловстона и Пеппера об «исключительных» путях развития американского империализма, не зависимых от динамических процессов в мировом капиталистическом хозяйстве, явилась одной из идеологических предпосылок их оппортунистической практики, так и теория замены конкуренции внутри отдельных капиталистических стран «организованным капитализмом», несмотря на обострение противоречий в мировом масштабе, является идеологическим оправданием всей практики правого оппортунизма.

Эту глубокую органическую связь не трудно обнаружить, если из области экономических анализов логически перенестись в область анализа социальных отношений, даваемого нашими «теоретиками». Сторонники «организованного капитализма» уверяют, что проблема классовой борьбы является проблемой, связанной с положением той или иной капиталистической страны на мировом рынке. Эти утверждения и являются как раз дальнейшей интерпретацией теории примата внешней политики над внутренней политикой буржуазии.

Никто, конечно, не станет оспаривать, что проблемы плана Дауэса и Юнга в значительной степени влияют на экономические процессы, развивающиеся в Германии, а следовательно, и рефлектируются на внутренних классовых отношениях. Но жесточайшей ошибкой является сведение корней социальных противоречий лишь к положению той или иной страны на мировом рынке.

В одной из своих статей во время дискуссии Ловстон писал следующее: «Какова связь между внутренними и внешними противоречиями? Ясно, что при современном мировом положении примат, центр тяжести лежит в мировых противоречиях капитализма, например, в САСШ. Почему они нападают на рабочих? Это является частью подготовки войны».

Так анализировать проблему классовой борьбы в Америке — значит ставить вещи на голову. Из этого «анализа» логически вытекает, что не внешняя политика есть продолжение внутренней, а, наоборот, внутренние противоречия определяются внешней политикой. Но Энгельс еще в свое время предусмотрительно указывал, что внешняя политика является функцией внутренних противоречий и внутренней политики капитализма. Никакая «исключительность» оппортунистических извращений у американских правых не оправдывает ревизии Энгельса.

Проблема классовой борьбы в каждой отдельной стране определяется не только совокупностью мировых экономических и социальных отношений, но и связана теснейшим образом с экономическими и политическими процессами внутри каждой страны, с развивающимися капиталистическими противоречиями и их рефлексом на социальных отношениях внутри отдельных национальных хозяйств.

Наши «теоретики» уверяют, что буржуазия в национальном масштабе окрепла [1]), что внутри стран конкуренция замирает, что внутренние противоречия блистательно отсутствуют и их заменяет «организованный» капитализм. И, естественно, тогда невольно встает вопрос: где то чудо, которое родит революцию, поклясться которой готовы в любую минуту оппортунисты всех мастей?

Игнорируя процессы внутренних противоречий, наши «теоретики» переползают на основные линии международно-хозяйственных отношений и связывают все проблемы лишь с интернациональными противоречиями капитализма. Наши теоретики обрекают рабочий класс всех стран на своеобразный исторический фатализм безучастного выжидания того «благословенного» момента, когда потенциальные мировые противоречия капитализма перейдут в динамику. А отсюда вытекает и другая теория, которую те же авторы пытались протащить на VI конгрессе Коминтерна: что новая революция возможна лишь в результате новой империалистической войны. Эту глупость, которую нам усиленно пытаются «пришить» меньшевики, некоторые «теоретики» делают венцом своего идейного миросоздания. Они пытаются доказать хронологическими ссылками, что со всемирно-исторической точки зрения войны и революции связаны друг с другом и, что это положение особенно правильно для эпохи империализма.

Было бы ошибочным, конечно, преуменьшать сейчас значение и остроту мировых капиталистических противоречий, ставящих в порядок дня проблему второго тура империалистических войн. С теорией недооценки опасности новых империалистических войн и в частности войны против СССР, исповедываемой как правыми, так и «левыми» оппортунистами, надо вести

[1]) Ловстон в «Коммунисте» № 1 за 1929 г. писал: «Рабочий класс, быть может, в некотором отношении и одряхлел, но не одряхлела еще американская буржуазия».

самую энергичную борьбу. Но в то же время было бы совершенно ошибочным категорически заявлять, что до того, как вспыхнет империалистическая война, невозможны никакие революционные потрясения и революции в одной или нескольких странах. Такая теория означала бы признание невозможности для рабочего класса прорыва капиталистического фронта без войны. Здесь под видом внешне революционной теории по существу протаскивается самый безнадежный фатализм и фактическое разоружение рабочего класса.

Ленин со всей решительностью подчеркивал, что революция может произойти в результате самых разнообразных причин вплоть даже до парламентского кризиса. Теория же об органической взаимозависимости войны и революции позаимствована из социал-демократического арсенала. В «Нэйе Цайт» в статье «Ледяной Дом» Каутский писал: «Что война и революция, хотя и не непременно социальная, но во всяком случае, связанная с падением существующей системы и устранением господствующих властителей, были тесно связаны между собой в течение всего последнего столетия, — считалось до настоящей мировой войны в рядах социал-демократии общепризнанным тезисом, сделалось даже общим местом».

Наши же «теоретики» реновируют эту теорию, утыкая ее революционными флажками. Но если для «теоретиков», упоенных «организованным капитализмом», перспектива революции логически вытекает л и ш ь из новой войны, то для Коминтерна проблема революции отнюдь не снята с порядка дня, не положена в долгий ящик ad calaendas graecas, сиречь — до новой империалистической войны. Для революционного пролетариата одним из средств предотвращения новой империалистической войны и является революция, под знаменами подготовки которой проходили антивоенные демонстрации первого августа.

Но наши «теоретики» не ограничиваются только всемирно-историческими справками, но и пытаются подвести более глубокий теоретический базис под свои, явно неверные положения. Они аргументируют невозможность революции в отдельной стране еще и тем, что на базе эксплоатации колоний создается известная относительная общность интересов между буржуазией и пролетариатом, которая означает величайший т о р м о з революции, огромную консервативную силу. Эту консервативную силу можно сломать в значительной мере именно войной, наглядно показывающей действительную цену империализма.

Таким образом, вся теоретическая концепция доведена до своего логического конца: с одной стороны—полная организованность капиталистического общества, с другой стороны—общность интересов между буржуазией и пролетариатом. Естественно, что в таких об'ективных условиях ни о какой революции не может быть и речи. Единственным средством остается только «спасительная» империалистическая война.

В своем увлечении теорией неизбежной связи войны с революцией оруженосцы правого оппортунизма сознательно смазывают вопрос о том, что далеко не в е с ь пролетариат, а лишь ничтожная кучка его подкупается за счет колониальных сверхприбылей буржуазии. Они сознательно умалчивают о том, что в эпоху величайшего кризиса резерв подкупа буржуазией даже отдельных слоев пролетариата становится все ограниченнее. В программе Коминтерна четко сказано: «Буржуазия империалистических держав, получая дополнительную сверхприбыль, как в силу своей позиции на мировом рынке вообще (более развитая техника, экспорт капитала в страны с более высокой нормой прибыли и т. д.), так и от грабежа колоний и полуколоний, за счет этих сверхприбылей повышала заработную плату части «своих» рабочих, заинтересовывая их таким образом в деле развития «отечественного» капитализма, в деле колониального грабежа и в преданности империалистическому государству. Этот систематический подкуп практи-

ковался и практикуется особенно широко в сильнейших империалистических странах, находя свое наиболее яркое выражение в идеологии и практике рабочей аристократии и бюрократических слоев рабочего класса — руководящих кадров социал-демократии и профсоюзов, которые оказались прямыми проводниками буржуазного влияния на пролетариат и лучшей опорой капиталистического строя.

Но, вызвав к жизни рост подкупной верхушки рабочего класса, империализм в конце концов разрушает ее влияние на рабочий класс, поскольку углубление противоречий империализма, ухудшение положения широких рабочих масс и массовая безработица пролетариата, огромные издержки военных конфликтов и их тяготы, потеря некоторыми державами их монопольных позиций на мировом рынке, отход колоний и т. д. подмывают базу социал-империализма в массах».

Наши «теоретики» делают весьма дурно пахнущие передержки во имя защиты своих оппортунистических теорий. Все эти изыскания оруженосцев правого оппортунизма являются, по существу, идейным разоружением пролетариата в его классовой борьбе. Они обрекают на полную безнадежность все те политические и экономические бои, которые сейчас ведутся в капиталистических странах. Теоретически оправдывая оппортунистическую практику правых, их оруженосцы готовят оружие, направленное по существу п р о т и в п р о л е т а р и а т а.

Прикрываясь пестрым плащом цитат, за которым не видно, где кончаются мысли «цитатчика» и где начинаются цитаты, наши «теоретики» пытаются ревизовать революционную теорию пролетариата. Певцы «организованного капитализма» шествуют по проторенной стезе... Бернштейна. Выступая в свое время в поход против Маркса, Бернштейн утверждал, что картели и тресты нормируют и регулируют производство, что они в конце концов уничтожат кризисы. От этих «научных» «поправочек» к Марксу, основанных якобы на эмпирике, Бернштейн перешел к лобовой атаке на марксистскую теорию классовой борьбы.

Оруженосцы правого оппортунизма проделывают тот же бесхитростный путь лишь более ускоренным темпом. От «теории» «организованного капитализма» они неизбежно приходят к теории относительной общности интересов буржуазии и пролетариата, а следовательно, и замирания классовой борьбы.

И особенно ярко виден оппортунизм певцов «организованного капитализма», когда они, возвращаясь из глубоких «теоретических» рейдов в страны капитализма, удостаивают своего благосклонного внимания СССР. В этом отношении наиболее характерны рассуждения Сэрра по поводу проблем социалистического строительства.

В своей ставшей «знаменитой» платформе Сэрра со всей откровенностью вступает в защиту к л а с с о в о г о м и р а в СССР. И это вполне логично. Если в капиталистических странах существует общность интересов между капиталистами и рабочими, то тем паче это должно относиться к СССР. И посему Сэрра грозно требует «р а с ш и р и т ь н э п в д е р е в н е», ссылаясь на то, что это, мол, является «о с н о в н о й н о т о й в с е х д о к у м е н т о в п а р т и и». Неизвестно, какие именно документы считает Сэрра основными, возможно, что к таковым относятся различные литературные излияния его идейных друзей в ВКП или их личные письма к нему. П а р т и я же в своих документах еще в 1925 г. резко отмежевалась от лозунга «расширения нэпа в деревне», который впервые пыталась протащить «Комсомольская Правда» доисторической слепковской формации.

Сейчас Сэрра вытаскивает это идейное барахло чуть ли не как основной документ партии, дабы доказать необходимость «относительной общности интересов» кулака и рабочего в СССР.

Сэрра считает, что необходимо стремиться к «общему поднятию сельского хозяйства» и не давать себя терроризировать «призраком кулака».

«Кардинальный способ борьбы с кулаком заключается — по компетентному мнению Сэрра—в усилении размаха деревенской жизни, в содействии преуспеванию деревни в целом».

Все эти глубокомысленные замечания и советы, осуществление которых неизбежно повернуло бы наше хозяйство на путь буржуазной реставрации, логически и политически увязаны со всей теориетической концепцией оруженосцев правого оппортунизма. Во всех этих вопросах законы Аристотелевой логики выдержаны до конца. Грехопадение же против формальной логики начинается в вопросе «организованности» в СССР. Тут уже дело получается как в оперете:

«Bei Tage bin ich Celestin
Doch abends bin ich Floridor».

Наши «теоретики» лезут из кожи вон, чтобы убедить нас, что в капиталистическом хозяйстве дело по части организации обстоит прекрасно. Капитализм организуется. Картели регулируют. Рынок отмирает. Цены пропадают. Как же обстоит дело по этой части в последовательно-социалистической хозяйственной системе Советского Союза? Ведь мы же имеем смелость полагать, что наша хозяйственная система исторически более прогрессивна, чем капиталистическая, и наше хозяйство более организовано, чем капиталистическое. Ведь из этого мы исходим при наметке пятилетнего плана. Это нас вдохновляет для борьбы за то, чтобы догнать и обогнать капиталистические страны. Но как это ни странно, но наши «теоретики», обуянные пафосом «организации» в отношении капиталистических стран, весьма скептически относятся к нашей организованности.

В то время как в капиталистических странах, по уверениям друзей Сэрра, конкуренция отмирает, Сэрра категорически требует, чтобы в СССР не делать никаких ущемлений свободной конкуренции.

«Борьба с кулачеством должна развиваться на почве нэпа, — пишет Сэрра в платформе, — иными словами, на почве конкуренции, с некоторыми гарантиями и ограничениями».

«Борьба против кулака не должна вестись в административной области; кулак должен быть побит на экономической почве».

В то время как в капиталистических странах цены, в том числе и сельскохозяйственные, регулируются картелями, Сэрра всячески подчеркивает значение рыночных цен в нашем хозяйстве. «Политика цен должна учитывать все факторы и в первую очередь то обстоятельство, что цены являются «решающим фактором в балансе крестьянского хозяйства». Сэрра заботится о ценах, главным образом, с точки зрения необходимости содействия накоплению в крестьянском хозяйстве. Он ратует, главным образом, за высоту цены, за ее гибкость. И это характерно для тактики наших правых вообще. Тов. Крумин («Правда», 4 августа) прав, когда он пишет: «Стелят правые мягко: они видите ли заботятся лишь о «более гибкой» и «более эластичной» политике цен. И это все. Но когда начинается расшифровка «этой гибкости», то оказывается, что «гибкость» правых оппортунистов означает не более, не менее как свертывание планового начала и отступление перед рыночной стихией».

Получается поистине возмутительная картина оппортунистического перерождения людей, именующих себя коммунистами. Выступая апологетами плановости в капиталистических странах, оруженосцы правого оппортунизма всячески защищают рыночную стихию в Советском Союзе. Примыкая в оценке капитализма к социал-демократам, они в вопросе развязывания рыночной стихии в СССР смыкаются с Кондратьевыми и другими буржуазными спецами.

Вот выдержка из тезисов Кондратьева, посвященных нашей экономической политике, которые являются логическим продолжением теоретических установок оруженосцев правого оппортунизма: «Необходимо одновременно отказаться от создания искусственных монопольных условий для государственного и кооперативного торгового аппарата на внутреннем рынке, а также от административных методов регулирования рынка, приводящих к его дезорганизации».

Все шаги пролетарского государства, направленные к регулированию экономических взаимоотношений города и деревни, к ослаблению значения рынка и перенесению центра тяжести на контрактацию, доведение плана заготовок до села, встречают самую враждебную критику правых, пытающихся ошельмовать политику, ведущую к усилению плановости, ярлычком ликвидации нэпа и возврата к методам военного коммунизма.

Таков путь оруженосцев правого оппортунизма.

В своем благородном стремлении во что бы то ни стало вооружить своих рыцарей, не способных к самостоятельным теоретическим откровениям, их оруженосцы не останавливаются ни перед чем. Они искажают одни факты, выдумывают другие, отрицают наличие третьих, скатываясь по существу к апологетике капитализма.

«Апологетика — указывал Маркс в «Теории прибавочной стоимости» — состоит... в фальсификации простейших экономических отношений и специально в том, чтобы держаться за момент единства против момента противоположности».

Наши апологеты «организованного капитализма» видят внутреннее единство капиталистического хозяйства и не хотят видеть его противоположности.

„Ловкость рук" Сэрра.

Оппортунистические quasi-научные установки Людвига, Сэрра и наших отечественных теоретиков логически переключаются из сферы спекулятивных изысканий в область стратегии классовой борьбы. Единство идей, об'единяющее наших оппортунистических друзей в области оценки современной капиталистической экономики, сохраняется и в области оценки непосредственных перспектив классовой борьбы.

Общим для всех оруженосцев оппортунизма является игнорирование современных классовых боев пролетариата и оценка роли его в определении судеб капитализма внутри отдельных стран, как некоторой quantité negligeable, сиречь, невесомого и незначащего элемента.

Это логически вытекает из всей установки оппортунистических теоретиков на «организованный» капитализм и отмирание внутри отдельных стран капиталистических противоречий.

У Людвига, например, во всех его сугубо-научных построениях совершенно отсутствует такой «пустячок», как классовая борьба пролетариата.

Этот «суб'ективный» фактор, определяющий судьбы послевоенного капитализма, выпал из поля зрения нашего ученого мужа. Увлеченный своими схоластическими упражнениями, подавленный мощью монополии и «организованного капитализма», он тщательно избегает привлечения в качестве одного из элементов анализа активного воздействия рабочего класса на динамику экономического развития.

Если ученый Людвиг вообще игнорирует рабочий класс, то некоторым образом «политик» Сэрра все же обращает на него свое благосклонное внимание для того, чтобы доказать незначительную роль современных процессов классовой борьбы пролетариата.

В своей декларации на пленуме итальянской компартии Сэрра заявил:

«Тов. Сталин утверждает, что «нынешняя борьба рабочего класса взрывает и разлагает капиталистическую стабилизацию». Это значит затемнить перед коммунистическими партиями представление о той степени развития, которой действительно должна достигнуть под их руководством и благодаря их усилиям классовая борьба для того, чтобы она действительно могла взрывать и разлагать капиталистические стабилизации».

Такая метафизическая постановка вопроса чрезвычайно характерна для мелкобуржуазного оппортуниста. Весь современный этап экономических боев европейского пролетариата, характерный перерастанием экономических конфликтов в непосредственно политические бои, для Сэрра не существует. Экономические бои в Лодзи, Руре, во Франции, в Бомбее, происходившие уже позже событий первого мая в Берлине, Польше, являются, по мнению Сэрра, повидимому, факторами не расшатывания, разложения, взрыва стабилизации, а укрепления ее. Для оппортунистического метафизика характерна постановка вопроса «либо — либо»; либо социальная революция, взрывающая стабилизацию, либо полное игнорирование тех отдельных боев и стычек, а следовательно, укрепление или, выражаясь высоким штилем Людвига, консолидация капитализма.

Повседневная упорная экономическая борьба рабочего класса, являющаяся одним из показателей его радикализации, для Сэрра и Людвига не существует. Сэрра самым беззастенчивым образом, в явном расхождении с подлинными фактами отрицает полевение рабочего класса. В своей декларации Сэрра так и пишет: «Рабочий класс начинает активно реагировать на наступление капитала, проводимое за последние годы. Но эти проявления более ожесточенной классовой борьбы еще не приняли ярко выраженного характера процесса полевения. Экономические движения, которые в той или иной степени вспыхивают везде, имеют характер, главным образом, оборонительный. Если приписать, однако, политический характер экономическим движениям, можно впасть, несмотря на левую фразеологию, в «специфический экономизм», т.-е. в классически-оппортунистическое восприятие событий».

В этой фразе со всей отчетливостью отражается межеумочность политической позиции так называемых примиренцев. Сэрра видит, что рабочий класс начинает активно реагировать на наступление капитала. Это трудно не видеть, ибо факты бьют в нос. Только маститые «гелерте», заседающие в четырех стенах своих кабинетов и ополчающиеся против фактов, срывающих их научные построения, не видят той мощной волны классовых боев, которая катится буквально по всему миру. Но признавая существующие факты, Сэрра старается умалить их об'ективное значение, интерпретируя их самым оппортунистическим образом.

Чем характеризуются современные экономические бои пролетариата? Они характеризуются тем, что разворачиваются в период беспрерывного нарастания классовых противоречий и расширения фронта классовой борьбы, приобретающего международный характер. Если взять сравнительно небольшой отрезок времени, протекший после VI конгресса Коминтерна, мы увидим, какого размаха достигли экономические бои в крупнейших странах. В Германии, помимо ряда крупных экономических боев, прошло огромное движение рурского пролетариата. В Польше—мощная всеобщая забастовка 100 тысяч лодзинских рабочих. Во Франции—массовые экономические конфликты вспыхивают и перебрасываются из одного района в другой. В последнее время во Франции мы имеем не менее 100 конфликтов в месяц. В Австрии—этой вотчине левых социал-демократов—имели место впервые забастовки против проводимой капиталом рационализации и против фашизации фабрик и заводов. В САСШ (южных штатах, где происходит развитие промышленности) наблюдается массовое стихийное стачечное движение. Даже в Англии, где после поражения рабочего класса в 1926 году царила известная депрессия в области стачечного движения, снова начинаются частичные забастовки, которые отнюдь не уменьшаются, а, наоборот, возрастают с приходом к власти «рабочего» правительства. В Чехо-Словакии, Польше, во Франции проходит целая полоса забастовок сельскохозяйственных рабочих. Наконец, нельзя закрывать глаза на то, что на ряду с, так сказать, интенсификацией экономических боев, т.-е. их политическим обострением, мы имеем и экстенсификацию, сиречь, расширение стачечной волны и захват ею колониальных и полуколониальных стран. Стачка 140 тысяч текстильщиков в Бомбее, всеобщая стачка банановых рабочих в Колумбии и т. д. являются показателями подлинно-международного характера современных экономических боев.

Достаточно присмотреться к тем условиям, в которых протекала стачка «бананистов» — поистине одно из величайших революционных событий в мировом масштабе за последнее время, стоящее того, чтобы на нем остановиться поподробнее.

«Юнайтед Фрут» — одна из самых крупных американских компаний, эксплоатирующих страны Латинской Америки. На ее плантациях работают сотни тысяч рабочих. В ее ведении находятся железные дороги, речной и морской транспорт и т. д. «Юнайтед Фрут», таким образом, является серьезным фактором американской экспансии в странах Латинской Америки.

Стачка на банановых плантациях «Юнайтед Фрут» в Колумбии мобилизовала 32 тысячи рабочих, организованных в 70 стачечных комитетов с изумительной, почти военной дисциплиной и организованностью. Армия после начала стачки начала разлагаться. Солдаты братались с рабочими и отдавали свое оружие. Разложение армии достигло таких размеров, что командующий отрядом генерал плакал на коленях перед толпой стачечников и принужден был дать клятву перед красным знаменем, что не будет стрелять в рабочих.

Буржуазия мобилизовала 300 человек «свежих» солдат, которые начали стрелять в рабочих. После расстрела пятитысячная толпа вышла в плантации и, вскоре выросши до 15 тысяч, приняла настоящий бой с полицейскими военными организациями. Является ли эта стачка, по мнению Сэрра, тоже лишь экономической обороной колумбийского пролетариата?

«Классически-оппортунистическим восприятием событий» является как раз восприятие Сэрра современных экономических боев пролетариата лишь как обороны, а отсюда и логичное для него непонимание политической роли этих боев в расшатывании стабилизации.

Характерным для современных классовых боев является то обстоятельство, что в своей борьбе даже за самые скромные экономические требования рабочие сталкиваются с единым фронтом трестированного капитала, госаппарата и социал-фашизированных профбюрократов.

Этим самым об'ективная обстановка создает условия борьбы класса против класса и таким образом политизирует экономические конфликты в различных странах. Закончившийся первый этап капиталистической рационализации в важнейших странах увеличил общую массу продукции, но в то же время усилил безработицу, внес глубокие структурные изменения в социальный состав пролетариата, значительно снизил долю зарплаты в общенациональном доходе и долю зарплаты в продукте труда, несмотря на громадную интенсификацию последнего. Положение рабочего класса, таким образом, вопреки «оптимистическим» оценкам тов. Варги на X пленуме ИККИ, опирающегося в своих математических исчислениях на буржуазную статистику, явно ухудшилось.

Но в то же время капиталистическая рационализация отнюдь не разрубила гордиева узла основной проблемы современного капиталистического общества—противоречия между современными производственными возможностями и емкостью рынка. Наоборот, за последнее время эта проблема стала еще более острой и неразрешимой, одним из доказательств чего является неслыханное обострение международных противоречий.

Экономическое положение капиталистического хозяйства значительно суживает тот резерв уступок, на которые согласилась бы пойти буржуазия для того, чтобы локализовать пожар классовых боев, разгорающихся во всех странах. Отказываясь в известной мере от политики уступок, буржуазия однако отнюдь не отказывается от попыток задушить рабочее движение путем самого неслыханного предпринимательского и полицейского террора.

Все эти условия об'ективно превращают даже самые незначительные экономические конфликты в политические. Выступления рабочих даже с самыми незначительными требованиями невольно приобретают политический характер, перерастая иногда в непосредственную борьбу за политическую власть. Во время последней забастовки горняков Франции угольные бассейны Луары, район Авейрона были превращены в осажденный лагерь. Французский капитализм бросил против бастующих целую армию. Бастующие текстильщики Аллуэна в своих лозунгах на первом месте поставили лозунг защиты СССР от капиталистического нападения. Эта забастовка характерна тем, что она приняла интернациональный характер потому, что к аллуэнцам присоединились текстильщики пограничного бельгийского района Вервик.

Совершенно неверно оценивать современные классовые бои лишь как оборону пролетариата. Как раз характерным для современных классовых боев является переход рабочего класса в наступление. Новый характер экономических боев заключается в том, что эти бои носят все более характер встречных боев и даже зачастую наступления пролетариата. Чем, как не наступлением пролетариата на попытки ввести рационализацию, является всеобщая забастовка текстильщиков в Бомбее?

Для характеристики полевения рабочего класса показательно и то обстоятельство, что, несмотря на крупные ошибки отдельных коммунистических партий, несмотря на ошибки революционного профдвижения, неумелое подчас руководство стачечными боями, боеспособность пролетариата отнюдь не понижается. Огромной политической значимостью современных экономических боев является все более и более увеличивающаяся активность неорганизованных рабочих. Во время локаута в Руре неорганизованные рабочие составляли три четверти участников движения. Во Франции свыше 90% пролетариата вообще не организовано. В Индии, в Бомбее, из мощной стачки в огромной массе неорганизованных текстильщиков вырос сильный левый союз, охватывающий 65 тысяч человек, т.-е. около 40% всех текстильщиков Бомбея. Все это — факты, не видеть которых могут лишь близорукие оппортунисты. И потому самой наглой, мошеннической манерой является попытка Сэрра прикрыть свой собственный оппортунизм обвинениями Коминтерна в «классически-оппортунистическом восприятии событий».

Почему естественное стремление каждого мыслящего марксиста найти «об'ективный политический» характер современных экономических боев является, по утверждению Сэрра, «экономизмом», не понятно ни одному здравомыслящему человеку! Сэрра, повидимому, привлек это словечко для того, чтобы показать свою «образованность» перед итальянскими товарищами. Но эта попытка так же неудачна, как и его научные экскурсы в область анализа проблем социалистического строительства в СССР. Игнорирование политического характера экономической борьбы пролетариата ведь как раз есть наиболее показательная черта оппортунистического экономизма.

У Сэрра получилась неудачная передержка и сорвавшаяся «ловкость рук».

Таковы те картонные мечи, которые теоретические оруженосцы оппортунизма изготовляют для своих друзей по ту сторону баррикад. Эти мечи иногда разрисованы в ярко-красные краски, к их рукоятке прикреплены цитаты из произведений основоположников марксизма вперемежку со Шмалленбахами и Зомбартами.

Но само качество этого оружия заранее определяет судьбы тех, кто попытается его направить против революционного пролетариата и его партии. Их постигнет жестокое поражение.

Оруженосец всегда, как правило, трусливее своего «рыцаря», но в момент решающей схватки он, путаясь между ногами, может затруднить и отдалить победный исход борьбы. Выступив в решительный поход против «рыцарей» оппортунизма, мы должны в первую очередь обезвредить их теоретических оруженосцев.

Надо показать широким рабочим массам качество оружия, изготовляемого оруженосцами оппортунизма, и об'ективный социальный заказ, этим самым выполняемый. Надо показать об'ективную полезность «теоретиков», размахивающих картонными мечами, когда весь революционный пролетариат вступил в грандиознейшие классовые бои

П. Шубин.

Капиталистическая рационализация и жизненный уровень пролетариата.

I.

Прения на пленуме ИККИ—в части, относящейся к характеристике основных черт капиталистической рационализации, — сосредоточились на вопросе о том влиянии, которое она оказывает и окажет в будущем на общее положение рабочего класса, на его жизненный уровень. На X пленуме не было правых или примиренцев, которые выступили бы с развернутой платформой по основным вопросам—о характере стабилизации, об удельном весе в ней «технической революции», о значении интенсификации труда и т. д. Бой, который дал т. Варга по политическим тезисам, сосредоточился на одном вопросе, притом как-будто производного свойства, что придавало его выступлению черты арьергардного, прикрывающего отступление главных сил боя.

Тем не менее было бы ошибочно думать, что вопрос о жизненном уровне рабочих выпятился искусственно или получил непропорционально большое значение за отсутствием (или необнаружением) других спорных пунктов. Этот вопрос прежде всего важен сам по себе, определяя подход коммунистов к широким массам на предприятиях, а также в значительной степени и тактическую линию во всей профсоюзной работе. Но не только это.

Выяснявшиеся расхождения относятся не только к установлению фактов (высота реальной заработной платы, влияние безработицы, влияние неполного рабочего дня, понижающаяся охрана труда и т. п. и т. п.), но и к общей постановке вопроса. Они, таким образом, по существу не могут не вести к основным источникам разногласий в оценке устойчивости стабилизации и ее характера. Необходимо, впрочем, оговориться, что сам т. Варга не обнаруживал никакого намерения возвращаться (в порядке обратного развития) к этим «источникам», подчеркивая, что не может быть и речи о «двух линиях», что констатированные расхождения по частному вопросу исчезнут в результате дальнейшего изучения материалов и т. д.

Все же имеется достаточно оснований, чтобы внимательно присмотреться к той довольно законченной аргументации, которую развивал т. Варга, излагая свою точку зрения еще задолго до пленума в ряде работ. Прения при этом отчетливо подчеркнули существование вопиющего несоответствия между тем значением, которое имеет вопрос о положении рабочего класса и происходящих в этой области изменениях, с одной стороны, и тем местом, которое отводится этому вопросу в исследованиях и обзорах аппарата ИККИ, посвященных характеристике мирового хозяйства,—с другой. Среди участников дискуссии не было ни одного, который—в той или иной форме—не отметил бы не только скудость тех данных, ко-

торые т. Варга кладет в основу своих выводов, но и чрезвычайную подозрительность, а нередко и явную недоброкачественность тех источников буржуазной статистики, из которых он без строжайшей и суровейшей критики черпает эти данные.

С другой стороны, пленум показал, что идеологический рост секций, увеличивающаяся самостоятельность в руководстве классовыми боями, расширяющаяся связь с массами сопровождаются на местах все более пристальным и систематическим изучением положения рабочих масс на основе непосредственных наблюдений на предприятиях, в профсоюзах, в организациях безработных и т. д. Оставляя в стороне практический вопрос о тех формах, в которых может и должно быть привлечено непосредственное, живое и коллективное наблюдение товарищей, находящихся на капиталистической фабрике, для разоблачения, проверки и использования данных официальной буржуазной и буржуазно-реформистской статистики [1]), ограничимся в даной статье характеристикой разногласий (и источников этих разногласий), которые обнаружились между т. Варгой и X пленумом в вопросе об определении жизненного уровня рабочего класса.

II.

В политической резолюции X пленума говорится:

> «Падая всей своей тяжестью на рабочий класс, она (капиталистическая рационализация) понижает его жизненный уровень и, в связи с удлинением рабочего дня и введением конвейерной системы, доводит изнурительность труда до крайних размеров».

Отвергая это положение, т. Варга противопоставляет ему свою точку зрения, изложение которой мы для большей точности приведем по последней его речи на пленуме, проникнутой безусловным стремлением довести разногласия до возможного минимума.

> «Что означает это единодушное отношение (тов. Варга имеет в виду единодушно-отрицательное отношение выступавших делегатов к его точке зрения. *П. Ш.*)? Либо то, что я по содержанию сказал нечто неверное, либо то, что формулировка, в которую я облек свою мысль, была неудачной. В чем, товарищи, нет разногласия между мной с одной стороны и тов. Куусиненом, как главным докладчиком, и другими выступавшими здесь товарищами, с другой? Нет никакого разногласия в том, что положение рабочего класса абсолютно стало хуже. Я отметил это в моем первом выступлении совершенно решительно. Но, с другой стороны, я считаю, что по вопросу о реальной заработной плате, т.-е. о жизненном уровне в узком смысле (подчеркнуто везде мною. *П. Ш.*), как его понимает статистика, аргументы, которые были приведены здесь, недостаточны, чтобы доказать, что рабочие, которые заняты полностью, получают за свою недельную заработную плату меньшую массу средств существования, чем год или два назад. Я этот вопрос буду изучать еще более внимательно. Я думаю, что я прав. Если бы, однако, выяснилось, что это не так, я буду иметь мужество признать свою ошибку».

---

[1]) Задача, которую ставил себе молодой Энгельс при изучении положения рабочего класса в Англии («Я изучал его с самым серьезным вниманием, разбирался в самых разнообразных официальных и неофициальных документах, поскольку мне только удавалось раздобыть их, но все это меня не удовлетворило. Мне нужно было не только отвлеченное знание предмета, я хотел видеть вас в ваших домах, наблюдать вас в вашей повседневной жизни, беседовать с вами о вашем положении и ваших нуждах и лично наблюдать вашу борьбу с социальной и политической властью наших угнетателей. Я так и сделал». Из обращения «К рабочему классу Великобритании»), сохраняет полностью свою силу, разумеется, и для настоящего времени. Но те пути и средства, которыми располагает Коминтерн на одиннадцатом году своего существования для ее разрешения, несравненно богаче, разнообразнее и шире, чем те, которые впервые создавал Энгельс на заре научного коммунизма.

Итак, в результате дискуссии т. Варга продолжает считать, что: 1) понятие жизненный уровень покрывается понятием реальная заработная плата или,—что еще уже,—заработной платой полностью занятого рабочего; 2) реальная заработная плата до сих пор не понижалась в результате капиталистической рационализации, и 3) разногласие между ним и X пленумом заключается только в определении факта (понижается или не понижается...) и не имеет принципиального значения.

В ряде работ до пленума т. Варга говорит не только об отсутствии понижения, но и о повышении реальной заработной платы в ряде случаев, что для него равносильно поднятию жизненного уровня рабочего класса. В некоторых случаях он идет еще дальше, делая на основании этой оценки тактические выводы весьма серьезного значения. Для иллюстрации приведем хотя бы данную им общую характеристику нынешней стадии экономической борьбы и роли реформистов в ее руководстве.

«Со времени стабилизации позиция реформистов до некоторой степени укрепилась. Широкие слои рабочего класса, которыми в результате многочисленных поражений в революционной борьбе овладела временная усталость, вновь обратились к реформистам и прислушиваются к их заверениям, будто капитализм вступил в новую полосу под'ема, в котором пролетариат также примет участие. Повышение реальной заработной платы в некоторых странах за последние годы усиливало эти надежды. (Везде подчеркнуто мною. *П. Ш.).* Тот факт, что реформистские профсоюзы опять ведут отдельные экономические бои — опасности превращения каждого отдельного конфликта в революционную борьбу за власть в настоящее время не существует — укрепляет позицию реформистов в массах»[1]).

Конечно, небходимо учитывать, что эта оценка написана до VI конгресса, до развернувшейся борьбы рурского пролетариата, до забастовки в Лодзи, до выступления бомбейских текстильщиков и т. д. И все же! Вряд ли нужно доказывать, что уже летом 1928 г. новое в экономических боях настолько определилось («каждая стачка приобретает политический, т.-е. общеклассовый характер»,—говорится в тезисах VI конгресса), штрейкбрехерская роль реформистов приняла такие контрреволюционные формы («предательская роль социал-демократии и реформистских профсоюзных вождей во время стачек и политических кризисов... дополняется в настоящее время ожесточенными нападками на коммунистов и революционных рабочих»), процесс полевения масс стал таким решающим фактором («продвигается дальше общий процесс полевения рабочего класса в европейских странах... растут революционные силы в рядах рабочего класса»), что тезисы VI конгресса по всем указанным пунктам отвергли точку зрения т. Варги. Но не только на VI конгрессе: и в некоторых случаях, когда т. Варга переходит,—правда он это делает редко, неохотно и в виде исключения,—к самостоятельным тактическим выводам из своей характеристики жизненного уровня рабочих, они не вполне

[1]) Е. Варга «Экономика капитализма в период заката после стабилизации», 1928 г., стр. 105.

Одно заглавие книги, выпущенной к VI конгрессу, показывает точку зрения тов. Варги на стабилизацию, как на процесс законченный («после стабилизации...»). В обстоятельной рецензии, посвященной этой книге, тов. Бухарцев, отметив отдельные ее недостатки, все же приходит к выводу: «Но за всем этим, — («Большевик» № 21—22, стр. 142), — как мы уже указывали выше, книга тов. Варги может служить хорошим пособием для изучения современных проблем мирового хозяйства, особенно в связи с проработкой итогов последнего конгресса Коминтерна». Надо, впрочем, отметить, что рецензия, напечатанная в журнале «Мировое хозяйство и мировая политика» идет еще дальше в оценке значения этой книги.

совпадают с линией Коминтерна[1]), обнаруживая тенденции отклоняться вправо.

Положение о том, что капиталистическая рационализация не понизила, а в некоторых случаях даже повысила жизненный уровень рабочих, повторяется в ряде опубликованных работ т. Варги и относится к разным периодам и разным странам.

О положении в Соед. Штатах тов. Варга говорит совершенно категорически:

«Уровень жизни рабочего класса САСШ продолжает повышаться и в период развития органической безработицы, хотя соответственные официальные данные по всем признакам сильно преувеличены»[2]).

Дальше мы увидим, как т. Варга «увязывает» повышение жизненного уровня рабочего класса с ростом органической безработицы: сейчас ограничимся констатированием того, что т. Варга говорит об этом повышении как о продолжающемся процессе.

Положение в Англии характеризуется следующим образом:

«Мы можем, следовательно, установить, что под'ем капитализма за последние годы не улучшил (подчеркнуто мною. *П. Ш.)* положения рабочего класса в целом, что рабочие не получили своей доли в возросшей продукции[3]). В Англии существует тенденция падения прожиточного минимума рабочего. За последние два года, по официальным данным, индекс прожиточного минимума понизился на 15%»[4]).

В характеристике уровня заработной платы в Германии тов. Варга проявляет большую осторожность, чем в других случаях, и обнаруживает даже некоторую попытку диференцированной постановки вопроса, на которой, впрочем, он, как мы увидим ниже, не удерживается в своем выступлении на пленуме. Но все же, ставя этот вопрос в связь с репарационной проблемой, он еще к концу 1928 г. приходит к выводу, что «нет никакого острого кризиса плана Дауэса».

«Что касается классового значения репарационного бремени, то не подлежит сомнению, что оно ложится в первую очередь на пролетариат. Пока, однако, оказалось, что и рабочие справляются с этим бременем. Реальная заработная плата германских квалифицированных рабочих немного ниже (на 5 — 10%), а неквалифицированных немного выше довоенной реальной зарплаты. Это значит, что рабочие

[1]) Не случайно поэтому тов. Варга при всей своей осторожности, спотыкается всякий раз, когда он пытается вступить на почву практической профсоюзной работы.

«В период стабилизации должна измениться и наша стратегия экономической борьбы. В момент острой революционной ситуации было правильным углублять, расширять, обострять всякое стачечное движение, в виду возможности превращения его в революционную борьбу за власть. В настоящий момент коммунисты, возглавляя экономическую борьбу, должны стремиться к тому, чтобы борьба закончилась успешно в обычном профсоюзном смысле этого слова, чтобы укрепить доверие рабочих к их руководству» («Новейший реформизм, тресты и профсоюзы», Гиз, 1928 г., стр. 89. Речи в профсоюзной комиссии 9-го пленума Коминтерна). Это противопоставление профсоюзной тактике, которую тов. Варга рекомендует коммунистам «в настоящий момент», той тактике, которая заключается в том, чтобы «углублять, расширять, обострять всякое стачечное движение», тем более показательно, что комиссия 9-го пленума имела, как известно, своей задачей наметить новое в стачечной тактике.

[2]) Е. Варга «Проблемы мирового хозяйства и мировой политики», 1929 г., стр. 51. Отобранные в этом сборнике статьи дают много ценного фактического материала, освещающего те или иные стороны капиталистического хозяйства. Вместе с тем, при собрании статей еще отчетливее выступает чрезвычайная скудость и ненадежность материала по важнейшему вопросу: о положении рабочего класса.

[3]) Там же, стр. 76. Статья относится к концу 1928 г.

[4]) Там же, стр. 147.

нисколько не воспользовались повышенной производительностью труда (der Produktivität der Gesellschaftlichen Arbeit) по сравнению с довоенным временем. Несмотря на это, реальная зарплата германских рабочих является наиболее высокой в Европе, за исключением английских и скандинавских стран»[1]).

Таким образом, как в Германии, так и в Англии влияние капиталистической рационализации на жизненный уровень рабочих выражается, по мнению т. Варги, лишь в том, что они не получают пропорциональной доли возросшей продукции или не пользуются повышением производительности труда, т.-е. в том, что жизненный уровень их не поднимается или поднимается не в такой степени, которая допускается благами капиталистической рационализации... Ниже мы увидим, что не только европейские реформисты, но и руководители американской федерации также в этом видят «несправедливость» в распределении плодов «Prosperity».

Однако, надо думать, что такой достаточно убедительный факт, как план Юнга, побудит, вероятно, т. Варгу отказаться от основного в этой области прогноза, который он сделал в конце 1928 г.:

> «В ближайшее время они (т.-е. переговоры о пересмотре репарационного плана. *Ш.*) не приведут к позитивному результату, и план Дауэса еще будет оставаться без изменений в течение некоторого времени»[2]).

Но изменил ли тов. Варга под влиянием развивающихся боев в Германии и их перехода в более высокую революционную стадию свой взгляд на то, что рабочий «справляется с этим (дауэсовским) бременем»? Сие остается неизвестным. Во всяком случае тот факт, что в основе всех новых репарационных комбинаций лежит дальнейшее, небывалое по силе и решительности наступление на жизненный уровень рабочих, не скрывают и буржуазные экономисты различных стран. В своей последней статье «Новое регулирование репараций в плане Юнга»[3]) т. Варга также говорит о неизбежности этого наступления. Но в какой форме? С какой аргументацией?

Он считает необходимым специально и дважды подчеркнуть, что «уровень зарплаты определяется в процессе классовой борьбы между буржуазией и пролетариатом и ни в каком случае не зависит непосредственно (что в такой форме верно, ибо кто же утверждает, что международные банкиры будут выкачивать прибавочную стоимость из германских рабочих непосредственно, а не через посредство германской буржуазии?) от репарационных обязательств» (что уже неверно, ибо при установлении этих обязательств и международная и германская буржуазия учитывают не только все шансы возможного наступления на германских рабочих, но и готовят средства для этого наступления, при чем отнюдь не исключается, что этот расчет буржуазии, как всякий иной ее расчет, может оказаться, а в случае массовых революционных действий международного пролетариата наверное окажется,—построенным на песке. *П. Ш.*).

> «Но,—продолжает тов. Варга,—репарационные тяготы (хотя заработная плата ни в каком случае от них не зависит!) вынуждают (все подчеркнуто в подлиннике. *П. Ш.*) германскую буржуазию сильнее нажимать на зарплату, чем было бы без них, т.-е. вынуждают германскую буржуазию итти на обострение классовой борьбы».

[1]) «Большевик», 1928 г., № 21—22, стр. 58.

[2]) Там же, стр. 76. Заключительная фраза статьи «Обострение империалистических противоречий и репарационный вопрос».

[3]) «Коммунистический Интернационал» № 26, июль 1929 г.

Слово «вынуждают» подчеркнуто т. Варгой не случайно. Он в дальнейшем снова и снова подчеркивает, что «германская буржуазия должна накоплять»... «должна держать свой производственный аппарат на уровне конкурирующих сил», что она «не может покрывать репараций из прибавочной стоимости» (везде подчеркивание подлинника! *П. Ш.*). Но, увы, никакой акт самопожертвования не может освободить буржуазию от мучительной для нее необходимости усилить нажим на рабочих: «германская буржуазия может ограничиться меньшей роскошью в личном обиходе, но это не имеет решающего значения».

На чем, однако, основана даже возможность предположения, которое делает т. Варга, будто буржуазия намерена пойти на такое самоограничение? Откуда взялось это представление о ней как о казанской сироте, как о великомученице Варваре? Если «Дэйтше Альгемейне Цейтунг» или другая газета трестовской банды изображают буржуазию как жертву в предвидении предстоящего жестокого наступления на рабочих (и того риска, с которым это наступление связано), то это вполне понятно: «медведь корову дерет, и сам же ревет». Столь же понятно, если социал-демократические прислужники готовят оправдание для своего давным-давно предрешенного, на всех парах уже осуществляемого нового предательства, если Гильфердинги, клявшиеся на Кильском партейтаге: «недельная заработная плата есть политическая заработная плата» («женам рабочих надо сказать: когда вы идете на выборы, вы решаете одновременно вопрос о хлебе, о мясе, о высоте заработной платы»), заранее подготовляют себе «об'ективную», вне доброй воли германской буржуазии лежащую необходимость провести резкое ухудшение положения рабочих.

Но тов. Варге,—зачем ему делать ударение и подчеркивание на этой, если не совсем призрачной, то во всяком случае третьестепенной стороне дела? Зачем ему приводить в движение всю эту чужую, более чем сомнительную систему аргументов и соображений? Только ли для того, чтобы заметить в скобках самое по себе правильную мысль, что «в современный период упадка капитализма крупные бои за зарплату легко (?!) перерастают в борьбу за власть и ставят под угрозу господство буржуазии (следовало бы прибавить: при том, конечно, условии, если коммунисты вопреки совету т. Варги будут «углублять, расширять, обострять всякое стачечное движение»)? Стоит ли из-за одной правильной мысли огород городить? Нет ли тут другого умысла? Не возникла ли у т. Варги вся эта легенда о том, что германская буржуазия будет «покушаться» на жизненные условия рабочих только по безысходной нужде своей, только по тяжкой необходимости, потому, что ему нужно свести концы с концами и увязать признание будущих, еще более повышенных и уже совершенно откровенных форм грабежа, с отрицанием более прикрытого, но не менее опасного, систематического и настойчивого подрыва жизненного уровня германского рабочего уже в настоящее время?

В каком виде представляется тов. Варге жизненный уровень во Франции? В 1927 г. он писал [1]):

> «Во Франции инфляция не ухудшила снабжения населения пищевыми продуктами и одеждой, как это в высокой мере имело место в Германии (подчеркнуто автором). Это не является еще вполне убедительным доказательством того, что уровень жизни французского пролетариата тоже повышался. Но если принять во внимание, что в период инфляции мещанство и крестьянство понесли большие потери, что рантье обеднели, что иностран-

[1]) «Проблемы капитализма во Франции и французская компартия», стр. 168

ные рабочие посылали значительную часть своего заработка на родину, то весьма вероятно, что **положение широкой массы французских рабочих не ухудшилось сравнительно с положением** 1913 г.» (подчеркнуто мной. *П. Ш.)*

«Неухудшение положения широкой массы французских рабочих» в настоящее время конпенсируется у тов. Варги прогнозом о предстоящем ухудшений в будущем. В какой форме ожидается это ухудшение? Тов. Варга считает, что жизненный уровень рабочего класса и при рационализации характеризуется исчерпывающим образом показателями заработной платы, длиной рабочего дня и прожиточным индексом. Ухудшение положения рабочих он предвидит только в форме «широкого наступления на заработную плату и 8-часовой рабочий день», которое французская буржуазия предпримет в связи с стабилизацией валюты, именно в связи с наступлением этого рода «надо ожидать с несомненностью грандиозных событий».

Но, обращаясь впоследствии несколько раз к этим показателям, т.-е. к официальному прожиточному индексу, к установленной тарифными договорами заработной плате, тов. Варга, связанный своими методами исследования, не может обнаружить более или менее серьезного понижения жизненного уровня рабочих во Франции. Между тем забастовочное движение не только растет, но и принимает новые революционные формы. Тов. Варга и на этот раз пытается найти об'яснение настоящего (неправильно им представляемого) за счет будущего. После ряда колебаний показательной стрелки—направо, налево,—обнаруживается в последнем квартальном обзоре совершенно неожиданный оборот [1]):

«Можно было бы думать, что при этих условиях (т.-е. при отсутствии массовой безработицы) жизненный уровень пролетариата **улучшится** (!) (подчеркнуто мною. *П. Ш.).* Но это не так. Цены повышаются беспрерывно, заработная плата отстает от этого под'ема **цен**. Широкое движение за повышение заработной платы неизбежно».

Это значит, что перед лицом такого безусловного факта, как рост забастовочного движения во Франции, тов. Варге в конце концов пришлось, правда, контрабандным путем пожертвовать официальными индексами. Пожертвовать—потому, что на основании данных, которые печатает «Бюллетень Котидьен», нельзя еще доказать, что «заработная плата отстает от под'ема цен». Но и этот единичный шаг, который тов. Варга вынужден сделать специально в отношении Франции, конечно, недостаточен и ненадежен. Нельзя выяснить себе и показать французскому рабочему специфические формы понижения его жизненного уровня при рационализации, не разоблачив того, что Маркс называл «капиталистическим обманом», т.-е. роста интенсификации, который не мог бы компенсироваться даже в **случае** повышенной реальной заработной платы — чего тоже нет.

Единственная страна в Западной Европе, для которой тов. Варга делает исключение—это фашистская Италия. Но это такое исключение, которое в действительности только подтверждает правило.

«В то время, — пишет он, [2])—как в прочих странах Западной Европы реальный жизненный уровень всего населения и, вероятно, также и рабочего класса сейчас не ниже довоенного, имеется много данных, свидетельствующих о том, что фашистский режим значительно ухудшил положение рабочих в Италии».

При такой точке зрения т. Варги на уровень реальной заработной платы, проходящей красной нитью через все его статьи, он при всем желании не обострять разногласий не мог—не отказываясь от всего им

---

[1]) Импрекор. Специальный номер 4, стр. 997 (немецкое издание).

[2]) «Проблемы...», стр. [illegible]

написанного в последние годы по этому вопросу—принять утверждения о понижающемся жизненном уровне рабочего класса. Но позвольте,—может спросить читатель,—что же заставляет тов.Варгу утверждать, что реальная заработная плата и жизненный уровень рабочего класса **это одно и то же**?

Но тут мы подходим к основной теоретической ошибке тов. Варги в этой области.

III.

«Не следует смешивать понятия «жизненный уровень» с понятием «положение рабочего класса». Положение рабочего, который сильнее эксплоатируется, который интенсивнее работает, может, хотя он мог бы за свой заработок получить более высокий жизненный уровень, стать индивидуально хуже, чем прежде. Но это другой вопрос. Не следует отождествлять жизненный уровень с положением («Schiksal») **рабочих**. Жизненный уровень — это статистически устанавливаемое экономическое понятие. Вопрос о том, что рабочий в результате **слишком** сильной интенсификации тратит больше рабочей **силы**, чем он может возместить, что он раньше стареет, **раньше** умирает, лежит вне экномического понятия **жизненного** уровня» [1]). (Подчеркнуто мною. *П. Ш.).*

На этой же точке зрения остается т. Варга и в обоих своих выступлениях на X пленуме. «Уточненность», которую он, в порядке отступления, вносит в свое определение, сводится к следующему: в первой речи он говорит уже «о жизненном уровне в узком смысле этого слова», во второй—он идет дальше и прямо ставит знак равенства между «жизненным уровнем» и «реальной заработной платой». Все это, однако, совсем не меняет положения. Остается одно: жизненный уровень по **Варге** заведомо исключает, «элиминирует» такой **пустячок**, как жизнь рабочего, и не только после производства, **но** и в процессе его.

«Если понимать жизненный уровень в тесном смысле **слова**, как это понимает статистика всего мира (подчеркнуто мною. *П. Ш.),* т.-е. то, что нормально занятый рабочий — 48 часов в неделю — может купить за свой денежный заработок, то в этом смысле никакого **понижения** жизненного уровня не происходит. Если кто-нибудь это утверждает, он утверждает то, что не соответствует действительности».

Но если «статистика всего мира» намеренно игнорирует даже воспроизводство рабочей силы (не только здоровье, но буквально жизнь рабочего), то с чьей точки зрения она определяет «жизненный уровень рабочего»? Во всяком случае не с точки зрения пролетариата, как **класса**, не с точки зрения даже отдельного рабочего. Можно ли найти у Маркса, чтобы он говорил о заработной плате, учитывая только ту массу средств существования, которую может купить отдельный, полностью занятый рабочий, не связывая ее с изнашиванием рабочей силы, **с ценой труда**. Для Маркса «общее движение заработной платы» определяется «отношением между рабочим классом, т.-е. совокупной рабочей **силой**, и между совокупным общественным капиталом» [2]). Для тов. Варги, в отличие от Маркса, при определении жизненного уровня заранее исключается вопрос не только о безработице, — как увидим ниже, он дает даже теоретическое обоснование обнаруженной им «пропасти» между ростом безработицы и повышением жизненного уровня рабочих,—но и о «ненормально» работающих, т.-е. занятых неполный **рабочий** день.

---

[1]) Доклад тов. Варги на подготовительной комиссии к X пленуму. Стр. 12 просмотренной автором стенограммы.

[2]) «Капитал», т. I, все указания страниц—по изд. «Пролетарий», 1923 г., стр. 500.

Маркс специально подчеркивает страдания рабочего, вынужденного работать неполное время. («Раньше мы видели разрушительные последствия чрезмерного труда—здесь перед нами раскрывается источник тех страданий, которые грозят рабочему, когда он вынужден работать неполное время» [1]). Тов. Варга — в отличие от Маркса — требует, чтобы эти страдания не учитывались при определении жизненного уровня рабочего, всячески подчеркивая, что речь может итти только о «нормально занятом рабочем», о «48-часовой неделе». (Почему 48 часов — «норма»? «Рационализированные» предприниматели проявляют уже меньше «жесткости» в этом вопросе!).

Для Маркса «поденная или понедельная плата может возрастать (подчеркнуто везде мной. *П. Ш.*), несмотря на то, что цена труда остается неизменной и даже падает» [2]). Это падение цены труда получается не только при удлинении рабочего дня. «Тот же результат получился бы, если бы увеличилась не экстенсивная, а интенсивная величина труда... Существуют методы понижения цены труда, не зависящие от уменьшения номинальной поденной или понедельной заработной платы» [3]). Тов. Варга в отличие от Маркса призывает при определении жизненного уровня забыть об этих методах,—забыть о них в настоящее время, когда они получают решающий характер, когда они являются основным источником, разрушающим и подавляющим живую силу рабочего.

Маркс специально считает необходимым указать, что и повышенная оценка при сверхурочном времени может не компенсировать снашивания рабочей силы, ибо «ее (рабочей силы) дневная стоимость растет в пропорции более быстрой, чем продолжительность ее функционирования». Но то, что относится к сверхурочному времени при экстенсивном увеличении труда, то в той же степени относится и к интенсивному увеличению ее, с той, однако, разницей, что во втором случае это совершается в менее заметной для рабочего, т.-е. более опасной форме. А тов. Варга убеждает рабочего, что то количество хлеба, мяса и т. д., которое он может купить за свой нормальный «заработок», определяет его жизненный уровень.

Маркс специально выделяет поштучную плату, как «обильнейший источник урезывания заработной платы и капиталистического мошенничества». Почему? Потому, что «она дает капиталисту совершенно определенную меру интенсивности труда... Если рабочий не обладает средней работоспособностью, если он не в состоянии дать определенного минимума дневной работы, то он получает расчет». Но капиталистическое мошенничество, которое мог применить капиталист раньше, располагая «довоенными» методами установления «меры интенсивности», является мелким воровством по сравнению с системой конвейеров и контрольных аппаратов, не только устанавливающих, но и систематически, неуклонно, «незаметно» повышающих эту меру интенсивности труда.

Поэтому с точки зрения Маркса «стремления рабочих повысить заработную плату в 99 из 100 случаев представляют собой попытку лишь сохранить существующую ценность труда» [4]). Тов. Варга смотрит на дело несравненно более «оптимистически»: всякое повышение реальной заработной платы для него уже означает повышение жизненного уровня.

Но как же быть тогда со «статистикой всего мира», «десятками тысяч печатных документов», на которых ссылается тов. Варга в своем определении жизненного уровня? Неужели буржуазные экономисты и статистики так-таки ничего не смыслят? Конечно, смыслят и даже вполне правильно! Они правы, но только в известном смысле, со своей точки зрения. Они изображают изменения в жизненном уровне рабочего так, как этот процесс отражается в голове капиталиста—потребителя рабочей силы. Они стараются навязать, внушить это свое представление рабочему; сейчас, в период рационализации они стараются это сделать с особой силой, с особым рвением именно потому, что оно заслоняет, скрывает важнейший источник нынешней специфической формы эксплоатации.

Тов. Варга цитировал на пленуме брошюру тов. Дэна «Работа и автомобильная индустрия», в которой приводятся факты, показывающие, что рабочий после 5—6 лет работы на заводах Форда оказывается до такой степени выжатым, изношенным, отработанным, что ни на какую другую автомобильную фабрику его уже не примут. Но разве «статистика» в десятках тысяч документов не прокричала на весь мир, что именно он, Форд, «открыл секрет высокой заработной платы»? Разве сотни газет, печатающих страницы с рекламой фордовских машин, не помещают в тексте «научных» предсказаний о том, что появление Форда в Европе будет означать «новую эру повышенного жизненного уровня европейских рабочих»? Разве женевское Бюро Труда не открывает уже (на деньги, ассигнованные «неизвестным» американским филантропом!) специального института для изучения той «революции» в заработной плате европейских рабочих, которую несет на своих крыльях фабричная марка Форда? И разве весь этот барабанный бой не оглушает некоторых наших товарищей?..

Секрет высокой заработной платы сочетается, больше того, опирается на другой секрет, а именно: как за 5-летие превращать физически наиболее совершенного, через специальные комиссии отбираемого рабочего в инвалида или полуинвалида, т.-е. употребить, уничтожить, сожрать за 5 лет рабочую жизнь. Но нет ли противоречия между этими обоими секретами? Никакого! Стоит лишь стать на ту точку зрения, что изнашиваемость рабочей силы никакого отношения к жизненному уровню не имеет («то, что рабочий раньше стареет, раньше умирает, лежит вне экономического понятия жизненного уровня»!).

Но в таком случае, что же мешает говорить о поднятии жизненного уровня, например, солдата, который получает стакан вина, плитку шоколада или понюшку наркотического порошка в последнюю ночь перед атакой? Разница, конечно, есть, но только в сроках. Там немедленно, в 99 случаях из 100, оборвана или искалечена жизнь. Здесь те же шансы на безнадежность, отчаяние и позор безработицы одних, на чрезмерные страдания неполной работы других, на преждевременное истребление жизни всех. Но зато здесь и там все это совершается при «повышении жизненного уровня»!

(Окончание следует).

[1]) «Капитал», т. I, стр. 418.
[2]) Там же, стр. 417.
[3]) «Капитал», т. I, изд. «Пролетарий», 1923 г., стр. 424.
[4]) «Заработная плата, цена и прибыль», стр. 47.

К. Розенталь.

Промышленность в 1929—30 году.

Успехи материально-технической реконструкции народного хозяйства, успехи социалистического переустройства сельского хозяйства, повышение обороноспособности нашего Союза и освобождение от капиталистической зависимости, рост материального и культурного уровня жизни трудящихся,— короче говоря, успехи социалистического строительства в решающей степени зависят от успехов и темпа развития нашей социалистической промышленности—ведущего начала в экономике нашей страны. Вот почему именно форсированное развитие нашей промышленности и особенно ее отраслей, производящих средства производства, осуществление максимально возможных темпов развития промышленности партия и рабочий класс поставили в центре своего внимания, мобилизуя все средства и силы для разрешения этой первостепенной важности для дела социалистического строительства задачи.

И пятилетний план развития народного хозяйства, принятый С'ездом Советов и XVI партийной конференцией, в основе своей, в качестве руководящей идеи, исходил из идеи индустриализации страны, обеспечения максимальных возможных, хотя бы и напряженных темпов развития промышленности. Хорошо известно, как был встречен этот пятилетний план со стороны не только враждебно настроенных буржуазных и мелкобуржуазных элементов, но и со стороны отдельных членов нашей партии. Высокие проектировки пятилетнего плана искренне веселили своей «утопичностью», и «фантазерством» обывателей, мещан и буржуазных профессоров, не умеющих видеть дальше своего носа, решительно ничего не понявших в особенностях системы нашего хозяйства, которую они с непостижимым упрямством пытаются рассматривать как систему капиталистическую. Самое отрицательное отношение проектировки пятилетнего плана встретили и со стороны правых элементов нашей партии, пытавшихся под видом «уточнений», «дополнений» и «поправок» к пятилетнему плана протащить подмену пятилетнего плана индустриализации страны двухлетним планом ее аграризации. «Несбыточность», «невыполнимость», «нереальность», «сверхиндустриализм» пятилетнего плана стали ходячей монетой в аргументации правых против партии. Теперь, когда первый год пятилетки в основном завершен и завершен в части количественных показателей (валовая продукция, капитальные работы и т. д.) в рамках плана и когда уже составлены контрольные цифры второго (1929/30) года пятилетки, мы можем с полным правом и основанием проверить «зловещие» пророчества и предсказания правых уклонистов.

Прежде всего надо сказать, что в полном противоречии с тем, что говорилось и писалось правыми уклонистами и примиренцами в их критике пятилетнего плана, характерной особенностью всего плана развития народного хозяйства является решительное превышение проектировок пятилетнего плана по всем его показателям. И если на опыте первых двух лет пятилетки еще нельзя говорить о необходимости пересмотра всего пятилетнего

плана, то нужно все же отметить, что даже при сохранении на будущее темпов развития, запроектированных в пятилетке, весь пятилетний план в целом может быть выполнен в 4—4½ года вместо пяти.

В полной мере и с полным правом эту характерную черту проектировок на 1929/30 год следует отнести и к промышленности. И здесь проектировки пятилетнего плана для 1929/30 года оказываются как в части количественных, так и качественных показателей значительно ниже тех, которые дают контрольные цифры промышленности на этот же год, в основном принятые Госпланом и одобренные ВЦСПС.

Особенно значительно превышение проектировок пятилетнего плана в части роста промышленной продукции.

Валовая продукция в млн. рублей (по ценам 1926/27 г.)

	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	Рост в %% к пред. году 1928/29 г.	Рост в %% к пред. году 1929/30 По К. Ц.	Рост в %% к пред. году 1929/30 По 5-летке
Группа „А“	4.638	6.018	8.560	129,8	142,1	**123,5**
Группа „Б“	6.430	7.703	9.439	119,8	122,5	**117,8**
Всего	11.068	13.721	17.999	124,0	131,2	120,2

Темп роста в 1929/30 г. промышленности, планируемой ВСНХ СССР, более чем в полтора раза превысит темп роста, намеченный пятилетним планом! 31,2% прироста промышленной продукции в условиях, когда ресурсы восстановительного периода уже исчерпаны, когда довоенные размеры производства давно превзойдены,— это лучшее свидетельство величайшей прогрессивности советской системы хозяйства и советских методов хозяйствования. В один год промышленность СССР делает такой прыжок вперед, который не имеет себе равного во всей истории капитализма. Для достижения такого продвижения вперед странам передового капитализма потребовался бы ряд лет, а для некоторых, как, например, Англии, при нынешних темпах ее развития, потребовалось бы не одно десятилетие!

Особенно значителен будет в 1929/30 году рост промышленности, производящей средства производства, где темп роста почти в два раза превышает проектировки пятилетнего плана.

Валовая продукция в млн. руб. (по ценам 1926/27 г.)

	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	В %% к пред. году 1928/29 г.	В %% к пред. году 1929/30 г.
Топливная	995	1.186	1.483,1	119,2	**125,0**
Горнодобывающая	60,8	90,5	140,8	148,7	**155,6**
Металлопромышлен.	1.892,1	2.438,9	3.370,6	128,8	**138,2**
Электротехническая	188,5	271,0	460,4	147,5	**170,0**
Строит. материалы	927,9	1.296	2.082,5	140,0	**160,5**
Химическая	258,8	341,0	495,1	136,7	**145,2**
Первичная обработка волокна	302,8	356,2	479,1	117,5	**135,1**

По всем без исключения отраслям промышленности, производящим средства производства, темп роста производства в 1929/30 году оказывается значительно выше истекающего хозяйственного года. Кривая роста производства по этим отраслям промышленности обнаруживает резко выраженное движение вверх. В результате проектировки пятилетнего плана по всем отраслям промышленности, производящей средства производства, будут превзойдены. Так, например, по топливной группе добыча угля намечена в размере 50,6 млн. тонн против 47,4 млн. тонн по пятилетнему плану, добыча торфа в размере 10,5 млн. тонн против 9,2 млн. тонн по пятилетнему плану, добыча нефти — соответственно в 16,1 млн. тонн против 14,8 млн. тонн.

В результате такого роста топливных отраслей промышленности топливный баланс обеспечивает беспрерывное развертывание народнохозяйственного производства. Подготовка к форсированной добыче каменного угля в настоящее время начата, при чем уже к 20 августа Донуглем переведены на непрерывный производственный год около 20 шахт, а за первое полугодие каменноугольной промышленности дано задание дать 52% годовой добычи каменного угля.

По черному металлу контрольные цифры предусматривают еще более напряженное задание: выплавка чугуна намечена в размере 5,5 млн. тонн против 5 млн. тонн по пятилетнему плану; по выплавке стали дано задание в 5,85 млн. тонн, против 5,21 млн. тонн по пятилетнему плану, и по прокату 4,55 млн. тонн против 4,025 млн. тонн, предусмотренных пятилетним планом. Выполнение этого задания потребует исключительного напряжения от наших металлургических заводов, но оно все же выполнимо и должно быть выполнено, ибо прорыв здесь неизбежно и весьма тяжко отразился бы на всем промышленном плане в целом и прежде всего на программе работ металлообрабатывающей промышленности, рост которой запроектирован в КЦ, исходя из намеченного роста черной металлургии, в таких размерах (в млн. руб. по ценам 1926/27 г.):

	1928/29 г.	1929/30 г.	Рост в %% к 1928/29 г.	
			По К. Ц.	По 5-летке
Общее машиностроение . . .	793	1.145	144,2	128,0
Сельмашстроение	212	371	175,0	124,9
Судостроение	102	170	166,2	120,0
Метиз	332	424	127,3	116,0

Несмотря на всю грандиозность этих проектировок,—75% прироста по с.-х. машиностроению, 66,2%—по судостроению и 44,2%—по общему машиностроению,—продукция машиностроительной промышленности все же далеко не удовлетворит потребностей народного хозяйства и самой промышленности, и мы должны будем ввезти значительное количество машин и станков из-за границы. И здесь особенно важно в возможно более полной мере использовать все те производственные резервы, которыми наша машиностроительная промышленность располагает. А опыт с тракторостроением на Путиловском заводе, где оказалось возможным уже в будущем (1929/30) году дать то количество тракторов (10 тыс.), которое проектировалось производить лишь к концу пятилетия, опыт с котлостроением и производством трансформаторов в Ленинграде и т. д. показывает со всей убедительностью, что эти резервы, несомненно, есть. И было бы прямым преступлением против интересов социалистического строительства, если бы все эти резервы не были полностью использованы.

По цветной металлургии контрольные цифры намечают значительно большую программу сравнительно с пятилетним планом. Так, по выплавке меди дано задание в размере 42,3 тыс. тонн против 34,2 тыс. тонн по пятилетнему плану и 32 тыс. тонн выплавки текущего года. По выплавке свинца дано задание в размере 8,6 тыс. тонн против 6,2 тыс. тонн выплавки текущего года. Однако, и это добавочное расширение далеко не ослабляет голода на цветные металлы, которые являются жестким лимитом для развертывания ряда производств, в особенности электропромышленности.

По электропромышленности дано задание увеличить производство на 70% и довести стоимость продукции в ценах 1926/27 г. до 460 млн. руб. против 350 млн. руб. по пятилетнему плану и 271 млн. р. в текущем году.

Особо значительны проектировки роста продукции по промышленности строительных материалов. Громадный рост капитального строительства во всех отраслях народного хозяйства, крайне напряженное состояние рынка строительных материалов—неизбежный спутник нашего хозяйственного развития последних лет—требовали принятия самых героических мер по расширению производства строительных материалов. Исходя из этого, КЦ промышленности наметили для 1929/30 года рост производства строительных материалов, значительно превышающий не только размеры производства 1928/29 года, но и проектировки пятилетнего плана.

	1928/29 год		1929/30 год		Рост в % к 28/29 г.	
	По К. Ц.	По 5-летке	По К. Ц.	По 5-летке	По К. Ц.	По 5-лет.
Цемент млн. боч. . . .	14,4	14,0	19,1	18,0	132,6	129,0
Кирпич строительный млрд. штук	2,88	2,5	4,7	3,2	163,1	123,0
Пиломат. млн. кб. м. .	11,8	11,5	18,0	14,0	152,5	121,7
Лесоматериалы кб. м. .	9,7	7,8	22,4	9,5	231,0	121,8

Выработка 4,7 млрд. шт. строительного кирпича предполагает, кроме вступления новых заводов, значительное расширение существующих кирпичных заводов, значительное удлинение сезона их работы и перевод их на непрерывное производство (включая воскресные дни и праздники). Громадное увеличение задания по пиломатериалам, выполнимое лишь при крайнем напряжении и максимальных организационных усилиях, должно быть осуществлено путем постройки большого числа небольших передвижных лесопильных заводов и перевода значительной части лесопильных заводов на непрерывный производственный год. По лесоматериалам намеченное увеличение производства в 2,3 раза (на 131%) не только превышает задание пятилетнего плана для 1929/30 г., но и задание, которое по пятилетнему плану было дано для 1932/33 г. (18 млн. куб. м.).

Менее всего благополучным надо признать положение с производством для сельского хозяйства минеральных удобрений, несмотря на общее увеличение производства основной химической промышленности на 46,5%. Производство суперфосфата может быть увеличено в 1929/30 г. лишь до 450 т.т. против 500 т.т. по пятилетнему плану, производство азотных туков—лишь до 35 т.т. против 59 т.т. по пятилетнему плану и добыча калия—лишь до 30 т.т. против 100 т.т. по пятилетнему плану. Это отставание основной химической промышленности по самому важному участку ее работы требует тщательного внимания и быстрейшего изживания этого ненормального явления.

По легкой индустрии, производящей средства потребления, несмотря на стабильность производства сахара и замедленный темп роста хлопчатобумажной промышленности, контрольные цифры намечают все же увеличение производства (22,5%) по сравнению с проектировками пятилетнего плана. Однако, в то время как в тяжелой индустрии все производства дают больший рост производства сравнительно с пятилетним планом, в легкой индустрии продукция ряда отраслей отстает от заданий пятилетнего плана. К этой группе относятся производства: сахара, льняных тканей, растительных масел и некоторых других. В частности возможно, что производство сахара окажется еще ниже, чем это намечено в КЦ, так как, по имеющимся сведениям, вредители местами продолжают уничтожать сахарную свеклу.

Значительное превышение над пятилетним планом дают производства: шерстяных тканей, консервов, спичек, кондитерских изделий, швейная и некоторые другие отрасли легкой индустрии.

В общем, несмотря на большой, сравнительно с пятилетним планом, рост продукции, рост легкой индустрии, несомненно, отстает от роста платежеспособного спроса, вследствие чего положение на рынке товаров широкого потребления останется в 1929/30 г. достаточно напряженным.

Столь значительный рост валовой продукции промышленности предопределил и значительный рост товарной продукции промышленности, намечаемый контрольными цифрами в следующих размерах (в млн. руб. по опт. ценам соотв. лет без акциза):

	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	Рост в %% к пред. г. 1929/30 год: 1928/29 г.	По К. Ц.	По 5-летке
Группа „А“	3.661	4.602	6.295	126,5	136,7	116,5
Группа „Б“	4.729	5.714	6.996	120,8	122,4	114,3
По всей пром.	8.390	10.316	13.291	123,0	128,8	115,3

По сравнению с текущим годом стоимость товарной массы промышленной продукции увеличится почти на 3 млрд. рублей, в том числе по группе А на 1.700 млн. руб. и по группе Б на 1.300 млн. руб. При этом темп роста товарной массы по группе А больше чем вдвое превышает темп роста, намеченный пятилетним планом, а по группе Б— несколько менее чем в 1,5 раза.

Итак, промышленность нашего Союза выходит к новому хозяйственному году с планом увеличения промышленной продукции почти на одну треть. Реальна ли эта проектировка? Безусловно. Но величайшей ошибкой и опаснейшим заблуждением было бы думать, что этот темп развертывания промышленного производства может быть достигнут «самотеком», «стихийно», «сам по себе». Надо со всей прямотой и решительностью сказать, что развертывание промышленного производства в намеченных КЦ промышленности размерах потребует напряженнейшей работы по выполнению тех качественных показателей ее плана (роста производительности труда, снижения себестоимости), которые лежат в основе всего плана и выполнение которых предопределяет и выполнение всего плана в целом, т-е. и его количественных показателей (роста валовой и товарной продукции и плана капитальных работ),—напряженной работы тем более, что и в части качественных показателей контрольные цифры промышленности проектируют более высокие показатели чем это намечалось пятилетним планом.

* * *

Значительный рост производства, введение в действие новых, построенных по последнему слову техники, фабрик и заводов и отдельных агрегатов, форсированный темп проведения мероприятий по рационализации производства, рост активности рабочего класса и вовлечение творческой инициативы масс в строительство, развертывание социалистического соревнования, улучшение качества рабочей силы и ее использования, повышение трудовой дисциплины и ряд других факторов создавали и создают необходимые предпосылки для постепенного роста производительности труда. Из года в год не только повышалась производительность труда, но и, по мере усиления действия всех этих факторов, темп роста производительности труда из года в год возрастал. Так, например, если в 1925/26 году прирост выработки на одного рабочего составил в процентах к предыдущему году—11%, то в следующем году он повышается до 12,9%, в 1927/28 г. до 13,6% и в 1928/29 г. рост производительности труда составит уже 15—15,5%, и хотя плановое задание будет несколько недовыполнено, все же рост номинальной заработной платы будет превышен.

Исходя из учета влияния и роли технико-материальных моментов (введения новых производств, реконструкции и рационализации) на рост производительности труда и роста активности рабочего класса в порядке

социалистического соревнования, рационализирующего производственную жизнь всей промышленности, контрольные цифры промышленности на 1929/30 год предусматривают рост производительности труда на 23,5% против 15—16% по пятилетнему плану.

Рост выработки на одного рабочего по СССР, принятый по КЦ, характеризуется следующими данными:

Средняя годовая выработка на одного списочного рабочего в основных предприятиях на постоянных работах (в рубл.):

	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	29/30 г. в %% к 28/29 г.
Группа „А“	4.213	5.012	6.280	125,3
Группа „Б“	5.772	6.719	8.306	123,6
В среднем по промышл.	5.085	5.848	7.224	123,5

Столь значительный рост производительности труда требует проведения ряда мероприятий, обеспечивающих его полное осуществление. Рационализация производства в более широких масштабах, чем это производилось в настоящее время; повышение уровня технической организации производства в результате производимых капитальных работ, развертывание производства и значительный рост нагрузки предприятий и отдельных цехов; улучшение использования действующего оборудования и рабочей силы; сокращение расхода рабочей силы на единицу изделий; повышение степени механизации отдельных процесов, отдельных работ; уплотнение рабочего месяца и рабочего дня; улучшение труддисциплины; уменьшение невыходов; увеличение коэффициента использования рабочего времени; сокращение простоев; повышение коэффициента производительности рабочего времени; изменение структуры рабочей силы на предприятиях путем некоторого снижения удельного веса вспомогательных и хозяйственных рабочих и младшего обслуживающего персонала; усиление внимания к работе по обеспечению производства квалифицированными кадрами и усиление работы по повышению квалификации наличного кадра рабочих и по подготовке новой рабочей силы; увеличение технического персонала на производстве и усиление технического руководства на предприятиях; сокращение излишней рабочей силы; усиление технико-нормировочной работы и плановый пересмотр норм выработки в соответствии с колдоговорами; проведение ряда работ по улучшению и оздоровлению условий труда и по изменению культурно-бытовых условий жизни рабочих и, наконец, всемерное развертывание социалистического соревнования,—все это должно служить помощью и условием в деле выполнения намеченного роста производительности труда. И здесь, на достижении этого должны быть сосредоточены усилия не только хозяйственников, но и профессиональных и партийных организаций.

В связи со значительным развертыванием производства в 1929/30 г. происходит дальнейшее вовлечение значительного количества рабочих в промышленность.

При росте выработки на одного рабочего в размере 23,5% в среднем по всей промышленности, среднее годовое списочное число рабочих на постоянных работах в основных предприятиях возрастает на 127.908 человек или на 6% по сравнению со средне-годовым числом рабочих 1928/29 г., из которых 120.861 человек падает на отрасли промышленности, производящие средства производства (группа «А»).

Изменение численности рабочих в 1929/30 году по сравнению с предыдущим годом характеризуется следующими данными:

Число рабочих в тысячах.

	1928/29 г.	1929/30 г.	% 1929/30 г. к 1928/29 г.
Группа „А"	1.091,2	1.211,1	111
Группа „Б"	1 042,3	1.050,3	100,8
По всей промышл.	2.133,5	2.261,4	106

т.-е. прирост рабочей силы в среднем падает почти исключительно на отрасли промышленности группы «А», и в среднем по группе «Б» не происходит увеличение количества рабочих. По отдельным отраслям промышленности в группе «А» уменьшение количества рабочих по сравнению с среднегодовым уровнем 1928/29 г. происходит лишь в нефтепромышленности (—1,3%).

Этот рост количества вновь вовлекаемой в промышленное производство рабочей силы, на ряду с увеличением количества рабочих, занятых в строительстве и других отраслях народного хозяйства, создает условия, при которых в 1929/30 году *абсолютное количество безработных должно будет резко снизиться*. По данным Наркомтруда *число безработных в 1929/30 г. должно будет уменьшиться не менее чем на 25%*. Такое положение вещей надо признать нашим крупнейшим достижением, целиком вытекающим из тех поистине грандиозных темпов, которыми развивается все наше хозяйство и в частности и в особенности промышленность. Величайшее бедствие — безработица, этот неизбежный спутник всего капиталистического развития, начинает нами преодолеваться в ходе нашего хозяйственного развития. И, пожалуй, здесь лучше чем где-либо видно принципиально отличное содержание нашей социалистической рационализации от рационализации капиталистической. Там рационализация ведет к увеличению безработицы, к увеличению резервной армии труда, к ухудшению материального положения рабочего, к снижению его заработной платы, *здесь* социалистическая рационализация, повышая производительность труда рабочего, в то же время увеличивая накопления в промышленности и народном хозяйстве, создает условия для такого роста всего народного хозяйства, при котором *усиливается вовлечение в промышленное производство новых десятков и сотен тысяч рабочих*, уменьшается число безработных и повышается материальный и культурный уровень жизни рабочего класса.

При вовлечении в промышленное производство новых 127 тыс. рабочих и росте производительности труда на 23,5% рост заработной платы намечен контрольными цифрами промышленности в 8,1%. Движение среднегодовой заработной платы рабочих, занятых на постоянных работах в основных предприятиях, характеризуется следующими данными (в рублях):

	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1929/30 в %% к 1928/29 г.
Группа „А"	825,2	893,4	967	108,3
Группа „Б"	699,7	769,8	823	107,0
В ср. по промыш.	762,6	832,9	900	108,1

Однако, проектирование роста *номинальной* заработной платы еще не означает увеличения *реальной* заработной платы и соответственно повышения материального и культурного уровня жизни рабочего класса. Как известно, в истекающем 1928/29 году, несмотря на то, что рост номинальной заработной платы составил 9,5%, превысив, таким образом, плановые предположения, реальная заработная плата вследствие роста бюджетного индекса осталась почти на уровне 1927/28 года.

Между тем со всей ясностью и определенностью следует понимать, что в условиях, когда 1928/29 г. при стабильной или незначительно возросшей реальной заработной плате дал повышение производительности труда на 15,0—15,5%, намеченный рост производительности труда на 23,5% в 1929/30 году будет поставлен под сомнение, если нам не удастся добиться значительного роста реальной заработной платы. Исходя из стабильности промышленных и с.-х. цен, необходимо сконцентрировать внимание на организации такого обслуживания рабочего всей кооперативной и государственной сетью, которое позволило бы достигнуть снижения бюджетного индекса за счет увеличения доли обобществленного сектора торговли, сокращения реализации зарплаты в частном секторе с более высокими ценами, удешевления стоимости товаропроводящей сети при сохранении расходов на прочие статьи бюджетного индекса, в том числе на коммунальные услуги, на достигнутом в 1928/29 г. уровне. По расчетам ВСНХ СССР бюджетный индекс может быть понижен против уровня 1928/29 г. на 3,3%, что при росте номинальной зарплаты на 8,2% означает повышение реальной зарплаты на 12%. И необходимо принятие самых решительных мер, чтобы запроектированное снижение бюджетного индекса было полностью обеспечено. Ибо этого требуют и насущные интересы рабочего класса и возможность дальнейшего роста производительности труда.

На ряду с ростом номинальной заработной платы контрольные цифры промышленности запроектировали и значительный рост ассигнований на обслуживание культурно-бытовых нужд рабочих и прежде всего на жилстроительство. Общая сумма затрат на жилстроительство определена для 29/30 г. в 277,6 млн. рублей (плюс 12 млн. кредит кооперации) против 142,8 млн. р. в 1928/29 г., что означает увеличение почти в 2 раза. Однако, несмотря на столь значительный рост ассигнований на жилищное строительство, обеспеченность рабочих жилищной площадью остается все же на весьма низком уровне, особенно в отраслях тяжелой индустрии. Исходя из этого, при распределении общей суммы ассигнований между отраслями промышленности почти 4/5 всех средств (211,3 млн. руб. из 277,6 млн. руб.) направляются в отрасли промышленности, производящие средства производства — гр. «А». Затраты на культурно-бытовое строительство (общественное питание, ясли, клубы, школы, бани и прачечные и т. д.) определены в 44,2 млн. рублей.

Наконец, весьма значительный рост ассигнований предусматривается КЦ промышленности на мероприятия по охране труда (техника безопасности, промсанитария, вентиляция и т. д.).

Общая сумма, затрат по охране труда проектируется на 1929/30 г. в размере 71,4 млн. руб. против 51,2 млн., ассигнованных по плану на 1928/29 г., т.-е. прирост средств, расходуемых на охрану труда, составляет 39,4%. Ассигнования на охрану труда составляют (в млн. руб.).

	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1929/30 г. в %% к 1928/29 году
Группа „А"	26,7	31,3	46,8	146,7
Группа „Б"	17,6	19,9	25,3	128,1
В ср. по всей промышл.	44,3	51,2	72,1	139,4

По абсолютному размеру и по темпу роста ассигнований на охрану труда главное внимание сосредоточено на отраслях промышленности группы «А», где условия труда более тяжелые и травматизм более высок. Анализ затрат на охрану труда по отдельным отраслям промышленности показывает, что из общей суммы затрат большая часть приходится на три отрасли промышленности: каменноугольную, металлическую и текстильную.

Затраты по этим отраслям в 1929/30 хоз. году составляют:

	В млн руб	В %% к общей сумме по всей промышлен.
Каменноугольная	10,3	14,4
Металлическая	20,6	28,8
Текстильная	15,2	21,3
По 3 отраслям	46,1	64,5
Химическая	5,4	7,6
Всего по 4 отраслям	51,5	72,1

т.-е. на четыре основные отрасли промышленности приходится почти ¾ всех затрат на охрану труда, хотя и в остальных отраслях промышленности расходы на охрану труда в 1929/30 хоз. году возрастают по сравнению с предыдущим годом.

На ряду с увеличением размера ассигнований на охрану труда в 1929/30 г. проектируется и более рациональное использование отпускаемых промышленностью на эту цель средств. Это в значительной мере характеризуется намечающимися сдвигами в области направления ассигнуемых средств на технику безопасности, промсанитарию, вентиляцию и вспомогательные постройки. Общая сумма затрат на охрану труда в 25 производствах в %% к общему итогу по отдельным статьям распределяется следующим образом:

Годы	На технику безопасности	На промсанитарию	На вентиляцию	На вспомогател. постройки
1928/29	42,5	22,1	23,1	12,3
1929/30	44,6	28,0	19,0	13,7

Говоря об общем улучшении положения рабочего класса, нельзя не остановиться и на вопросе о дальнейшем переходе промышленности на 7-час. рабочий день. В 1928—29 году 7-час. рабочий день был осуществлен для 393,5 тыс. рабочих, занятых на постоянных работах в основных предприятиях, что составляет 18,7% к общему числу рабочих. В 1929/30 году количество рабочих, работающих 7 часов возрастет до 891,5 тыс. человек, что будет означать переход на 7-час. рабочий день 40,2% всех рабочих, при чем, что особенно важно подчеркнуть, если в 1928/29 г. число рабочих, переведенных на 7-час. рабочий день, составляло по группе «А», т.-е. по отраслям, производящим средства производства, 13,7% от общего числа рабочих, при средней по всей промышленности—18,7%, а в группе «Б» этот процент повышался до 23,9%, то уже в 1929/30 году это соотношение резко меняется. И по группе отраслей, производящих средства производства, процент рабочих, переведенных на 7-часовой рабочий день, повышается до 41,3, при средней по всей промышленности—40,2% и по группе «Б»—39%.

В соответствии с изменением количества рабочих, занятых при 7-час. рабочем дне, изменяется и средняя продолжительность рабочего дня в промышленности

Продолжительность рабочего дня.

1913 год	10 час.
1927/28 год	7,36 час.
1928/29 „	7,24 „
1929/30 „	7,11 „

Иначе говоря, продолжительность рабочего дня в 1929/30 году составит менее ¾ довоенной продолжительности рабочего дня. Открывая новые возможности перед рабочим классом в деле общего улучшения его бытовых условий и под'ема культурного уровня, это сокращение продолжительности рабочего дня позволяет и требует дальнейшего улучшения использования

рабочей силы в самом производстве. Повышение трудовой дисциплины, развитие социалистического соревнования, улучшение организации предприятий, сокращение простоев, уплотнение труда создают необходимые предпосылки для улучшения использования рабочего времени и должны привести при дальнейшем сокращении продолжительности рабочего дня к увеличению фактической продолжительности рабочего года в промышленности. В соответствии с этим коэффициент использования рабочего года в 1929/30 году должен несколько повыситься по сравнению с 1928/29 годом.

Говоря о показателях контрольных цифр промышленности по труду, нельзя не отметить их н а п р я ж е н н о с т и. Выполнение намеченного роста производительности труда потребует максимальной рационализации и механизации трудовых процессов, коренного улучшения трудового режима на предприятиях, более энергичной борьбы с прогулами и нарушителями трудовой дисциплины, более широкого развертывания социалистического соревнования. Отдельные факты роста производительности труда в условиях социалистического соревнования показывают, какими большими возможностями мы располагаем в деле повышения производительности труда. И они могут и должны быть полностью использованы. Принятие ВЦСПС и ЦК профсоюзов намеченного промышленностью роста производительности труда на 23,5% является лучшим свидетельством того, что при достаточном внимании и энергии со стороны хозяйственников, при помощи и поддержке профессиональных союзов и, что особенно важно, при активном, творческом участии широких рабочих масс эта проектировка роста производительности труда может быть и будет выполнена.

* * *

Особое место в плане промышленного развития на 1929/30 год занимает план капитальных работ. И здесь, как и по всем другим показателям КЦ промышленности на 1929/30 год, намечается значительное превышение наметок пятилетнего плана.

Капитальные работы (включая электрификацию) в млн. руб.

	1928/29 г.	1929/30 г. по К. Ц.	1929/30 г. по 5-летке
Группа „А“	1.567,05	2.981,13	2.103,93
Группа „Б“	362,64	531,33	499,46
Всего по промышленности	1.929,69	3.512,46	2.603,39

Таким образом, капитальное строительство промышленности, включая и электростроительство, запроектировано в размерах, на 909 млн. руб. превышающих проектировку пятилетки и на 1,5 млрд. руб. размеры капитального строительства 1928/29 г. Столь значительное превышение плана капитальных работ на 1929/30 год по сравнению с проектировками для этого же года пятилетки об'ясняется в основном теми дополнительными заданиями, которые были даны промышленности как при утверждении пятилетнего плана, так и последующими решениями партии и правительства. С другой стороны, вся народнохозяйственная обстановка и в частности задачи, поставленные перед сельским хозяйством, требовали форсирования строительства ряда как вновь начинаемых, так и особенно продолжаемых строительством промышленных предприятий.

Медленность осуществления строительства, включаемого в планы капитальных работ, является одним из наибольших зол нашего капитального строительства. В то же время уже сейчас имеется достаточный строительный опыт и достаточные материальные ресурсы для того, чтобы добиться резкого перелома в смысле форсирования темпа строительства. Примеры таких строительств, как Сталинградский тракторный завод, с достаточной убедительностью доказывают возможность и необходимость достижения указанных

результатов. Строя поэтому план капитальных работ, КЦ промышленности исходят из того, чтобы строительства, начатые в предшествующие годы, были обеспечены вложением в такой мере, которая позволяла бы рассчитывать на их завершение в минимальный срок.

То же относится и к строительствам, начинаемым в 1929/30 году. Там, где технически, организационно и материально представляется возможным полностью развернуть строительные работы, КЦ промышленности обеспечивают такое их финансирование, которое позволило бы вести строительство максимальным темпом при минимальных, технически возможных сроках строительства. Таким образом, характерной особенностью плана капитальных работ на 1929/30 год является концентрация строительных работ и весьма высокие цифры финансирования отдельных об'ектов строительства. Так, например, финансирование Сталинградского тракторного завода намечено в размере 40 млн. руб. против 25 по пятилетнему плану, финансирование автозавода—в размере 40 млн. руб. против 5 млн. руб. по пятилетнему плану, об'ем строительства Магнитогорского металлургического завода определен в 40 млн. руб., Керченского и Мариупольского—в 32,7 млн. руб., Криворожского—вновь начинаемого—в 27 млн. руб., по Березниковскому химическому комбинату—35 млн. руб. и т. д. и т. п.

Практика текущего года показала еще довольно значительные резервы производственной мощности наличного основного капитала, которые могут быть использованы при осуществлении подчас небольших по об'ему, но дающих значительные производственные результаты мелких работ по устранению узких мест в структуре наличного основного капитала, работ рационализаторского характера и пр. В прошлые годы, авансируя громадные суммы на строительство крупнейших об'ектов, план капитальных работ в ряде случаев не мог обеспечить необходимыми суммами именно эти группы мелких нижелимитных работ. Если учесть необходимость значительного интенсифицирования использования наличного основного капитала и как следствие этого его более быструю изнашиваемость, учесть проектируемый в наступающем хозяйственном году переход на непрерывное производство и введение дополнительных смен там, где это оказывается еще возможным, то необходимость полного обеспечения потребности существующих предприятий в значительной сумме этих мелких работ станет совершенно ясной.

Превышение производственной программы для 1929/30 года, намеченной по пятилетке, в значительной мере базируется на осуществлении этих мелких работ, и совершенно естественно, что план обеспечивает эти работы в полной мере. Всякая их урезка имела бы своим следствием угрозу реальности выполнения программы производства.

Наконец, колоссальный об'ем строительства, запроектированного пятилетним планом, необходимость коренного улучшения технико-производственных показателей работы промышленности требовали и широчайшего развертывания разведочных, исследовательских и проектировочных работ. В результате по своему направлению план капитальных работ промышленности (без электростроительства и ассигнований на втузы) представляется в таком виде:

	Группа „А"	Группа „Б"	Итого
Новое строительство	982,41	190,17	1.172,58
Расшир. и реконструкция	474,86	85,02	559,88
Обязательные работы	276,73	114,86	391,59
Сырьевая база	97,13	26,70	123,83
Проект. и научноисследовательские работы	233,95	10,85	244,80
Мелкие работы	473,15	103,73	576,88
Итого	2.538,23	531,33	3.069,56

Если же к этой итоговой цифре капитальных работ прибавить вложения в электростроительство (443 млн. руб.) и капитальное строительство втузов (358 млн. руб.), то общая сумма капитальных работ промышленности составит 3.548,26 млн. рублей.

Курс на индустриализацию страны и повышение материально-технического уровня развития народного хозяйства и промышленности находит, таким образом, свое выражение как в общем плане капитальных работ на 1929—30 год, так и в распределении капитальных работ между основными группами отраслей промышленности. Не считая электростроительства и вложений в строительство втузов, капитальное строительство по группе отраслей, производящих средства производства, составит в 1929/30 году больше 4/5 (82,7%) от всего капитального строительства в промышленности.

Наконец,—и это нужно особо подчеркнуть, ибо здесь находит свое выражение то обстоятельство, что промышленность полностью вступила в период широкой реконструкции,—две трети капитальных работ идут или непосредственно на новое строительство и реконструктивные работы по существующим предприятиям или связаны с ними (проектирование и научно-исследовательская работа). Удельный вес капитальных работ по новым заводам из года в год возрастая, в 1929—30 году достигнет почти 40%.

	27/28 г.		28/29 г.		29/30 г.	
	Абсол.	В %	Абсол.	В %	Абсол.	В %
Действующие заводы	908,5	69,0	1.074	64,8	1.661,8	54,2
Новые заводы (вкл. проект)	386,7	29,2	520,0	31,3	1.216,9	39,6
Научноисследовательские и развед. работы	23,7	1,80	65,0	3,9	190,7	6,2
Итого	1.318,9	100	1.659,0	100	3.069,4	100

Тенденция неуклонного роста удельного веса вложений в новые заводы и научноисследовательские работы выявляется здесь с полной ясностью. Новое строительство требует все возрастающей доли вложений и в свою очередь становится весьма существенным фактором в выполнении производственных программ.

По неполному и еще неточному подсчету (не учтены отрасли: цветная металлургия, горнорудная, текстильносырьевая, полиграфическая и пищевкусовая) общая стоимость всего нового строительства, которое будет осуществляться в 1929—30 г., составляет громадную сумму в 3.850 млн. рублей, при чем общая стоимость продолжаемого строительства составляет 2.275 млн. рублей и начинаемого — 1.550 млн. руб. Стоимость новых заводов, заканчиваемых постройкой, составляет около 950 млн. руб., т.-е. 124% всего основного капитала промышленности на 1—X—29 г. Общая мощность строящихся предприятий составляет 4.200 млн. рублей, при чем мощность вновь начинаемых заводов—1.160 млн. руб., и мощность заканчиваемых постройкой — 1.150 млн. руб. Отметим, что продукция вновь выстроенных за все последние годы предприятий составила в 1928—29 г. около 480 млн. руб., при их общей мощности в 1.400 млн. руб. Для 1929—30 г. мы имеем новое и значительное повышение общей производственной мощности промышленности за счет окончания постройки ряда новых заводов. Мы еще не имеем подсчета реальной продукции, которую они должны будут дать в 1929—30 г., но уже из приведенных цифр их суммарной мощности, даже при учете того, что они начнут работать не с начала года, не на полную мощность, эта продукция должна быть довольно значительной.

Общие цифры, характеризующие по предварительным подсчетам ввод в эксплоатацию, следующие:

	По балансовой оценке
Основной капитал на 1/X — 28 г.	6.600 млн. р.
" " 1/X — 29 г.	7.650 " "
Будет закончено в 29/30 г. работ на общую стоимость	2.500 " "
Из них не увеличивают стоимости основного капитала	360 " "
Основной капитал на 1/X — 30 г.	9.790 " "

Общая стоимость работ, заканчиваемых и вводимых в эксплоатацию в 1929—30 г., составляет 31,5% от общей суммы вложений, в то время как в 1928/29 г. соответствующий % повышался до 94. Это обстоятельство станет вполне понятным, если учесть, что в 1928/29 г. пришел к своему окончанию целый ряд ранее начатых работ, в то время как 1929/30 г. характеризуется громадным об'емом работ по об'ектам, продолжающимся, но еще не сдаваемым в эксплоатацию, и об'ектам, вновь начинаемым постройкой. Но даже и при этом пониженном проценте ввода в эксплоатацию мы будем иметь прирост основного капитала в течение одного года почти на 30%. Следует оговорить, что в подсчет сдаваемых в эксплоатацию об'ектов попали и такие, по которым будут полностью закончены вложения, но реальный пуск их состоится лишь в начале 1930/31 г. Однако, даже с этой оговоркой темп прироста основного капитала промышленности оказывается весьма значительным. Капитальные работы промышленности все в большей степени обнаруживают свое непосредственное значение для развертывания производства.

* * *

Выполнение намеченных в плане на 1929—30 год количественных показателей—рост валовой и товарной продукции, об'ем капитальных работ,—в несравненно большей степени, чем это было в прежние годы, зависит от выполнения плана в части его качественных показателей—производительности труда и себестоимости. Как мы видели раньше, КЦ промышленности по труду запроектировали рост производительности труда больший, чем это намечалось пятилеткой.

То же самое относится и к себестоимости, являющейся тем фокусом, в котором сходятся и который выражает все качественные успехи промышленности. Вместо 7,5% снижения себестоимости, как это проектировалось по пятилетке, КЦ промышленности намечают для 1929—30 года снижение себестоимости в размере 9,5%—10%.

Нечего и говорить, в какой мере напряженно, трудно и ответственно это задание. Тем более, что, как показывает опыт прошлых лет, прежние проектировки годовых планов промышленного развития, за исключением 1927—28 года, недовыполнялись именно в части качественных показателей—повышения производительности труда и снижения себестоимости.

Снижение себестоимости в %% к предыдущему году.

	25/26 г.	26/27 г.	27/28 г.	28/29 г. ожидаем.
План	5,0	— 5,0	— 6,2	— 7,0
Выполнение	1,7	— 1,8	— 6,2	— 4 — 4,5

Надо, однако, заметить, что условия для выполнения этого задания по себестоимости складываются более благоприятно, чем это было хотя бы в текущем 1928 — 29 хозяйственном году. Ход снижения себестоимости в 1928—29 году был таков, что в последнем, четвертом квартале

себестоимость будет снижена на 2,5—3,0% больше среднегодового снижения себестоимости. Таким образом, если отвлечься от целого ряда кон'юнктурных факторов, воздействующих на динамику себестоимости, то можно было бы сказать, что если бы промышленность только удержалась в темпе снижения себестоимости на уровне последнего квартала 1928—29 года, то мы бы все же имели среднегодовое снижение себестоимости на 2,5—3,0%. Не имея, однако, возможности полностью предусмотреть действие этих кон'юнктурных факторов, следует рассматривать создавшуюся обстановку, как несомненно положительную для разрешения задачи снижения себестоимости.

Второй положительный момент для движения себестоимости в 1929—1930 г.—запроектированный контрольными цифрами громадный размах количественного развертывания производства в 31,3%. Поскольку этот рост производства происходит, главным образом, за счет лучшего использования наличного основного капитала, увеличения сменности, реконструкции, расширения и укрепления существующих предприятий, перевода ряда фабрик и заводов на беспрерывную производственную неделю, постольку он не сопровождается сколько-нибудь заметным увеличением числа производственных единиц и поэтому обусловливает резкое повышение нагрузки предприятий. Больше того. Поскольку в связи с предстоящей реорганизацией промышленности предвидится дальнейшее усиление концентрационного движения и закрытие ряда нерентабельных предприятий, накладные издержки (цеховые, общезаводские, правленские и т. д.), изменения которых в единице продукции являются непосредственной функцией физического об'ема производства и нагрузки, должны будут в 1929—30 году значительно сократиться.

Из чего все же, за счет каких элементов слагается намеченное снижение себестоимости? Об этом лучше всего говорит приводимая ниже таблица:

Слагаемые общего снижения издержек производства на 1929/30 г.

Элементы себестоимости	Удельный вес	Прод. 29/30 г. в ценах 28/29 г.	Влияние на коммер. себестоимость: Всего	За сч. норм	За сч. цен	Экономия от снижения в млн. руб.: Всего	За сч. норм.	За сч. цен
Сырье и материалы с.-х. происхождения	18,0	2030,0	0,56	0,35	0,21	68,0	42,0	26,0
Сырье и матер. пром. происх.	27,5	3100,0	2,27	1,26	1,01	279,0	155,0	124,0
Топливо и энергия	3,0	564,0	0,54	0,45	1,09	66,0	55,0	11,0
Зарплата с начисл. накл. расх.	34,0	3830,0	3,87	3,87		475,0	475,0	—
Акцизы и сборы	5,5	615,0	—		—	—		—
Амортизация	5,5	615,0	0,66	0,66	—	80,0	80,0	—
Прочие денежные расходы	4,5	50[illegible],0	0,62	0,62		76,0	76,0	—
Фабр.-заводская себестоим.	100,0	11261,0	8,52	7,21	1,31	1044,0	883,0	161,0
Обществ. расх., уравн. сбор.	3,7	458,8	—	—	—	—	—	—
Прочие расходы	5,3	656,0	0,98	0,98	—	131,0	131,0	—
Коммерческ. себестоим.	109,0	12375,0	9,5	8,19	1,31	1175,0	1014,0	161,0

Таким образом, снижение себестоимости на 9,5% означает увеличение внутрипромышленного накопления на 1.175 млн. рублей. В условиях ограниченных возможностей финансирования промышленности со стороны народного хозяйства снижение себестоимости превращается в могущественный фактор, предопределяющий возможные размеры капитального строительства в промышленности, темпы промышленного развития.

Второй вывод, который напрашивается из рассмотрения тех элементов, из которых слагается намеченное снижение себестоимости, это — незначи-

тельная роль в этом снижении себестоимости факторов, не зависящих от качественной стороны работы промышленности. Из общего снижения себестоимости на 9,5% за счет изменения цен приходится всего лишь 1,31%, остальное — 8,19% — приходится за счет изменения норм, за счет улучшения использования рабочей силы (3,87%), сырья, материалов, топлива и т. д.

Повторяем, осуществление проектируемого снижения себестоимости, несомненно, трудно и потребует действительного напряжения всех сил и средств, но оно все же может быть выполнено и должно быть во что бы то ни стало выполнено, ибо иначе будет поставлен под угрозу срыва план капитального строительства.

* * *

Таков вкратце план промышленного развития в 1929/30 году, как он представлен в КЦ промышленности. Что характерного в нем? Прежде всего, дальнейшее осуществление курса партии на индустриализацию страны и повышение материально-технического уровня ее развития: обеспечение такого темпа развития промышленности, при котором достигалось бы выполнение директивы «в кратчайший исторический срок догнать и перегнать передовые капиталистические страны»; решительное превышение по всем показателям темпов развития, запроектированных пятилетним планом, и, наконец, обеспечение и на будущие годы больших темпов развития по сравнению с проектировками пятилетнего плана, как результат большего по сравнению с пятилеткой об'ема капитальных работ в 1929/30 году.

С другой стороны, ход выполнения плана первого года пятилетки и КЦ второго (1929/30) года показывают, как безжалостно рушатся в ходе всего хозяйственного развития «пророчества» и «предсказания» правых уклонистов о нереальности и непосильности взятых пятилетним планом темпов развития. А возросшая активность масс, рост их творческой самодеятельности, все более широкое развертывание социалистического соревнования, решительный поворот профсоюзов в сторону участия в производстве служат лучшим свидетельством и гарантией, что и эти более высокие по сравнению с пятилеткой проектировки промышленного развития будут выполнены и перевыполнены.

В. Фейгин.

Контрольные цифры развития сельского хозяйства на 1929/30 год.

Производительная сила труда в сельском хозяйстве может быть поднята на огромную высоту. Организация сельскохозяйственного производства по принципу непрерывности, на основе рассады, увеличила бы производительную силу труда во много раз. В сезон при этих условиях можно было бы получать не менее трех урожаев. На одном гектаре земли можно было бы производить до 30 тонн пшеницы вместо одной тонны, которая производится в настоящее время. Производительная сила достигла бы такой высоты, при которой стало бы возможным на одной лишь территории Советского Союза производить количество продуктов, достаточное для прокормления населения всего земного шара.

И несмотря на эти возможности развитие сельского хозяйства во всех, даже наиболее технически развитых странах, отстает от развития промышленности.

Об'ясняется это явление не естественными условиями, как пытаются об'яснить идеологи особых законов развития сельского хозяйства, но условиями общественной организации. Частная собственность на землю, влекущая за собой раздробление земли, приводит к чрезвычайному отставанию развития сельского хозяйства от развития промышленности. Но такое отставание не дает себя еще остро чувствовать в «нормальное» время и при обычном, нормальном для капитализма темпе развития промышленности.

Диспропорция достигает особой остроты тогда, когда развитие городской индустрии происходит не обычными, а повышенными темпами. Так было и в Германии после 70-х годов прошлого столетия и в период империалистической войны, так было и в Бельгии в конце прошлого и начале настоящего столетия.

В советских странах диспропорция в развитии сельского хозяйства и промышленности сказалась особенно остро в реконструктивный период. Иначе и не могло быть. Мелкое разобщенное хозяйство может развиваться лишь черепашьим шагом, промышленность же сделала огромный скачок вперед. Но советские страны имеют то огромное преимущество перед капиталистическими странами, что в них устранено главное препятствие рациональной организации земледелия — частная собственность на землю. Выйти из затруднений, создавшихся вследствие чрезвычайного отставания развития сельского хозяйства от развития промышленности, у нас несравненно легче, чем в капиталистических странах. При отсутствии частной собственности на землю имеется полная возможность к установлению наиболее правильного соотношения в темпах развития промышленности и сельского хозяйства, на основе превращения разобщенного мелкого производства в крупное обобще-

ствленное хозяйство. Разрешению этой проблемы посвящен план пятилетнего развития сельского хозяйства.

Первый год выполнения этого плана показывает, что самые оптимистические расчеты, казавшиеся некоторым фантастическими упражнениями, значительно превзойдены жизнью. По плану намечалось увеличение посевной площади колхозов на 112%, в действительности же она выросла более чем на 330%. В 1927 г. всего по РСФСР было 11.306 колхозов, к первому октября стало 21.934 и к первому июня 1929 г. число их превысило 35.000. За этот же период времени посевная площадь совхозов увеличилась на 143%, что также превысило плановые предположения. Кроме того, было создано 50 полностью механизированных зерновых предприятий. По размерам своим эти предприятия являются самыми крупными во всем мире. 22 предприятия превосходят по величине своей зерновую фабрику Кемпбелла, 10 предприятий таковы же, как фабрика Кемпбелла, и лишь 18 предприятий несколько уступают ей по своим размерам.

Эти немногие данные вместе с тем отвечают на вопрос большой важности. История хозяйственного развития знала до сих пор лишь один путь выхода из затруднений, создающихся вследствие чрезвычайного отставания сельского хозяйства от развития промышленности. Это — германский и бельгийский путь. Заключается он во всемерном форсировании экпроприации мелких хозяйств и развитии за счет их капиталистических предприятий. Но и этот путь не является радикальным выходом из положения, так как частная собственность на землю ставит границы концентрации земледельческого капитала. Однако, смягчение остроты диспропорции в развитии сельского хозяйства и промышленности этим достигается.

Такой путь выхода из затруднений предлагался и для нашей страны проф. Кондратьевым, Устряловым и др. Такой путь склонны принять и правые элементы партии, утверждающие, что коллективизация и строительство совхозов не являются столбовой дорогой к социализму и что выход из затруднений заключается в том, чтобы не мешать развитию производства кулацких слоев деревни.

Этому обычному для капитализма пути был противопоставлен иной план развития: не экспроприация мелких хозяйств, а коллективизация их, не поддержка капиталистических слоев, а ограничение их. В результате в первый же год выполнения пятилетки мы имеем новых 24.000 крупных коллективных хозяйств при одновременном свертывании производства кулацкими слоями.

Уже в первый год с очевидностью определились новые черты в современном сельском хозяйстве. Посевная площадь индивидуального сектора возросла на 1,8%, и, тем не менее, вся посевная площадь сельского хозяйства возросла на 5 — 6%. Такое увеличение могло произойти лишь благодаря огромному росту посевной площади обобществленного сектора, что сказалось на росте посевной площади всего сельского хозяйства. Этот факт вместе с тем говорит о новом явлении в современном сельском хозяйстве: первый раз за весь период революции обобществленный сектор сельского хозяйства играет в хозяйственном организме страны такую серьезную роль, когда отрицательные явления, являющиеся результатом медленного темпа развития индивидуального сектора, в значительной мере смягчаются быстрым ростом обобществленного сектора. Наконец, огромное развитие получила в 1928 — 1929 году и практика контрактации. И это не только вносит существенные изменения в оборот между городом и деревней, не только значительно влияет на производственную деятельность крестьян, но и открывает новые возможности планирования сельского хозяйства. Государство при этих условиях имеет возможность еще задолго до реализации продуктов крестьянского производства определить размеры той массы продукции, на которую оно может твердо рассчитывать. С другой стороны, возможности планирования увеличились благодаря возросшему значению и влиянию на индивидуальный сектор обобществленной части сельского хозяйства. Крупное обобществленное хозяйство и контрактация являются тем рычагом, посредством которого государство получает возможность в значительной мере осуществлять плановое руководство сельским хозяйством.

Не случайно то, что на Северном Кавказе возникла идея о выработке не только районных, но и сельских годовых планов. Имеющийся опыт. как по составлению, так и по проведению таких планов говорит о том, что, при условии значительного влияния колхозов и контрактации, такие планы получают реальное осуществление.

Это тоже новое явление в современном сельском хозяйстве. В той мере, в какой возрастают возможности планирования, растет мощь и экономическая сила пролетарского государства. Уже в 1928 — 29 г. по зерновым культурам было законтрактовано 27,5% всей посевной площади зерновых, по посеву льна — 47,9%, сахарной свеклы — 76,1% и пр. Плановые предположения оказались значительно превзойденными жизнью. По зерновым культурам превышение плановых предположений выражается 332%, по льну-волокну—130%, по льносеменам—139% и т. д.

Опираясь, с одной стороны, на рычаги обобществленного сектора, а с другой стороны, на контрактацию, пролетарское государство получает бо́льшие возможности, чем когда бы то ни было, осуществлять плановое руководство сельским хозяйством.

Конечно, эти сдвиги в сельском хозяйстве могли произойти лишь благодаря тому, что окрепли экономические командные высоты пролетарского государства в городе. Благодаря этому удалось значительно усилить снабжение сельского хозяйства средствами производства. В 1925 — 26 г. машиноснабжение на 1 гектар посева составляло 1,18 руб., а в 1928—29 г.—1,96 р. Сбыт минеральных удобрений составлял в 1925—26 г. 35,8 тыс. тонн, а в 1928—29 г.—221 тыс. тонн. Чистосортными семенами, полученными сельским хозяйством, была обсеменена в 1925 — 26 г. площадь земли в 60 тыс. гектаров, а в 1928—29 г.—548,8 тыс. гектаров. Распределение этих средств производства производилось таким образом, что в наибольшей мере и в первую очередь удовлетворялись совхозы, колхозы, индивидуальные хозяйства, организующиеся в колхозы, и те индивидуальные хозяйства, которые принимали условия контрактации.

Такая политика распределения средств производства дала осязательные результаты в первый же год пятилетки. По мере того, как будет расти и крепнуть тяжелая промышленность, производящая средства производства, будут возрастать возможности реконструкции сельского хозяйства на базе коллективизации и высокого технического уровня сельскохозяйственного производства. Пока же можно констатировать, что уже в первый год пятилетки в экономике сельского хозяйства произошли крупные изменения в сторону усиленного роста социалистических элементов. Но на ряду с этими положительными явлениями мы имеем ряд отрицательных факторов.

Прежде всего, тревожным фактором является замедление темпа роста, а по некоторым видам и падение животноводства.

Прирост лошадей в 1929 г. по сравнению с 1928 г. должен дать 2,6%, в то время как в истекшем году прирост выразился 4,5%. Прирост рабочих лошадей выразится 1,5%, а в истекшем году—4,7%. По крупному рогатому скоту произошло уменьшение стада на 2,8% и в их числе коров—на 1,8% и молодняка—на 2,1%. Число овец увеличилось лишь на 0,3%, а число свиней уменьшилось на 11,7%.

Замедление темпа роста, а по некоторым видам и падение животноводства об'ясняется, в основном, чрезвычайной раздробленностью крестьянского хозяйства, что делает животноводческое производство мало эффективным, а в наиболее мелких хозяйствах и вовсе не эффективным.

Выход из затруднений, которые создаются фактом замедления темпа роста, а по отдельным видам и падением животноводства, следует также искать на путях усиленной коллективизации крестьянских хозяйств и создания специализированных животноводческих совхозов.

Отрицательным фактором в развитии народного хозяйства является также увеличивающийся разрыв заготовительных и базарных цен по зерновым культурам, что происходит вследствие недостатка в стране зерна. Этот разрыв составлял в ЦЧО по ржи 15,1% в марте 1928 г. и достиг 232,2% к марту 1929 г. В УССР разрыв заготовительных и базарных цен составлял по ржи в 1928 г. 26,3% и по пшенице—17,3%, а к марту 1929 г. он уже достиг по ржи 269,2% и по пшенице—329,8%. Такой же, приблизительно, темп возрастания разрыва заготовительных и базарных цен происходил и по другим районам.

На этом разрыве спекулянтская часть населения города и деревни сумела перехватить значительную часть денежных средств.

Неблагоприятными были также и метеорологические условия в 1928—29 г. Дожди в период осенней посевной кампании в Сев.-Зап. части и засушливая погода на юге привели к тому, что посевы озимых 1928 г. оказались ниже посевов предшествующего года. К тому же сильные морозы в течение зимы, неустойчивый снеговой покров и запоздание весны привели в ряде районов к частичной гибели озимых.

Правда, весенние посевы, проходившие при более благоприятных метеорологических условиях и при лучшей организационной и общественной подготовке, дали сравнительно благоприятные результаты. Тем не менее, недосев и частичная гибель озимых сказались остро на продовольственном положении страны.

В новый (1929—30) год страна вступает, имея за собой ряд серьезных успехов и ряд серьезных затруднений.

Главнейшие успехи заключаются в том, что усилился обобществленный сектор сельского хозяйства, возросла роль контрактации и в связи с этим увеличились возможности планирования сельского хозяйства, увеличилась посевная площадь, несмотря на свертывание производства кулацкими слоями деревни, улучшилась техника сельскохозяйственного производства и возросло снабжение деревни средствами производства.

Главнейшие затруднения заключаются попрежнему в чрезвычайной раздробленности крестьянского хозяйства, что приводит к чрезмерному отставанию развития сельского хозяйства от развития промышленности. Это и является основной причиной недостатка зерна, замедления темпа роста, а по некоторым видам и падения животноводства, недостатка кормов для скота и разрыва базарных и заготовительных цен на основные виды продовольствия.

При намечении плана на 1929—30 год Наркомзем исходил, во-первых, из учета кон'юнктурной обстановки 1928—29 г.; во-вторых, из того факта, что в 1928—29 г.—в первый год пятилетки—программа строительства колхозов и совхозов была выполнена с очень значительным превышением; в-третьих, из того, что значительно возрос вес бедняцко-середняцкого производства в индивидуальном секторе за счет свертывания кулацкого производства; в-четвертых, из того, что экономические командные рычаги пролетарского государства еще более усилились за истекающий год; и, в-пятых, из того, что быстрый темп социалистического строительства создает такой под'ем энтузиазма в пролетарских массах города и деревни, а также в значительной части бедняцко-середняцких масс сельского населения, при котором производительная сила труда не умещается даже в рамки оптимистических расчетов. Учитывая все эти условия, Наркомзем считал возможным взять большие темпы развития обобществленного сектора, чем это предусмотрено программой второго года пятилетки.

По пятилетнему плану предполагалось довести к концу последнего года пятилетки посевную площадь колхозов до 11,4 млн. гект. Контрольные же цифры Наркомзема считают вполне возможным доведение посевной площади колхозов уже на второй год пятилетки до 8,0 млн. гектаров. А если сюда прибавить посевную площадь машинно-тракторных станций, то вся коллективизированная площадь составит уже в 1929—30 г. 10,2 млн. гект.

Отсюда следует, что даже при замедлении темпа роста колхозного строительства в остальные три года пятилетки все же предположения пятилетнего плана будут значительно превзойдены. Если же рост колхозного строительства будет происходить таким же темпом, как в первый год пятилетки, то к концу 1933 г. будет коллективизировано не менее половины всей посевной площади страны.

По пятилетнему плану намечалось коллективизировать по РСФСР 8% крестьянских хозяйств. Между тем уже на второй год пятилетки контрольные цифры считают вполне возможным доведение числа коллективизированных крестьянских хозяйств до 9%.

Таким образом, если план будет выполнен, число коллективизированных крестьянских хозяйств на второй год превысит плановую наметку всей пятилетки.

По отдельным районам это превышение рисуется следующими данными:

Удельный вес числа коллективизированных хозяйств по данным пятилетки и контрольных цифр.

	К 1933 г. по данным пятилетки в % %	К 1930 г. по данным контрольн цифр в % %
С. Кавказ	19,0	21,2
Н.-Волжский край .	11,5	15,2
ЦЧО.	10,3	8,8
Урал	7,8	13,7
Сибирь	9,0	14,6

По всем районам, за исключением ЦЧО, контрольные цифры намечают такой темп развития, при котором пятилетний план коллективизации будет выполнен на второй год пятилетки и к тому же со значительным превышением. Сокращение в сроках выполнения плана получится при этих условиях на три с лишним года.

Кроме того, контрольными цифрами поставлен совершенно новый вопрос—о коллективизации целых районов. Такой сплошной коллективизацией будет охвачено в 1929—30 г., по намечению контрольных цифр, 2,8 млн. гектаров, т.-е. свыше 33% всей площади колхозов.

До сих пор чрезвычайно мало уделялось внимания коллективизации крестьянских хозяйств в районах интенсивного производства. Контрольные цифры намечают на предстоящий год организацию ряда крупных колхозов по интенсивным отраслям производства, в первую очередь в сфере животноводства. Предполагается организация не менее 40 крупных молочных колхозов с 20.000 коров, 25 мясных колхозов с 50.000 голов рогатого скота, 30 овцеводных колхозов с 30.000 овец, 30 огородных колхозов и пр. Стоимость валовой продукции всех колхозов составит при этих условиях 672 млн. руб., из которых на долю товарной части падает 306 млн. руб.

Усиленным темпом будут строиться машино-тракторные станции. Всего в предстоящем году будет организовано 64 машино-тракторных станций,

что составит с уже имеющимися 109 станций. Этими станциями будет обслужено 176,6 тыс. крестьянских хозяйств с посевной площадью в 1.585 тыс. гект. Уже в 1929—30 г. только эти станции сумеют произвести 619 тыс. тонн товарного хлеба.

Величайшие возможности, которые сулит интенсивное развитие машино-тракторных станций, могут быть осуществлены лишь при том условии, если партия и советская общественность уделят достаточно серьезное внимание этому небывалому строительству. Но это серьезное внимание предполагает решительную борьбу с той точкой зрения, которая склонна скептически рассматривать форму реконструкции сельского хозяйства посредством машино-тракторных станций. Эта точка зрения в данный конкретный период представлена рядом деятелей колхозного движения, предлагающих снизить роль машино-тракторных станций до прокатных пунктов отдельных колхозов. Энергичное строительство машино-тракторных станций возможно лишь при том условии, если такого рода вредный скептицизм будет решительно преодолен.

Непонимание роли и значения машино-тракторных станций происходит в основном по двум направлениям. С одной стороны, игнорируется тот факт, что машино-тракторные станции являются типом фабричного предприятия. Разница между индивидуальным крестьянским производством и колхозом такова же, если рассматривать вопрос с технической стороны, как между индивидуальным производством кустаря и мануфактурой. Разница же между колхозом и машино-тракторной станцией такова же, как между мануфактурой и фабрикой.

Но, кроме этого, существует и иного рода различие.

Машино-тракторная станция является предприятием последовательно-социалистического типа, в то время как колхоз не является законченным типом социалистического предприятия. В машино-тракторной станции все средства производства принадлежат государству, т.-е. рабочему классу. В колхозе же лишь один из элементов средств производства—земля—принадлежит государству, машины же и орудия принадлежат данному об'единению крестьян. В этом заключается разница в социальном типе тех и других кооперативных организаций.

Правда, в условиях диктатуры пролетариата колхозы неизбежно перерастут в предприятия последовательно-социалистического типа, тогда как машино-тракторные станции являются уже в настоящий момент предприятиями последовательно-социалистического типа. О таком типе кооперации, каким являются современные машино-тракторные станции, Ленин писал следующее:

«При нашем существующем строе предприятия кооперативные отличаются от предприятий частнокапиталистических, как предприятия коллективные, но не отличаются от предприятий социалистических, *если они основаны на земле, при средствах производства, принадлежащих государству, т.-е. рабочему классу*» [1]).

Таким образом, Ленин не делал различия между социалистическими и кооперативными предприятиями в том случае, если в кооперативных предприятиях средства производства и земля принадлежат государству. Именно таким типом и являются машино-тракторные станции, и в этом их отличие от современного типа колхозов, не являющихся законченным видом социалистического предприятия.

Развитие машино-тракторных станций знаменует собой развитие такого типа кооперации, который не отличается от предприятий последовательно-социалистических.

[1]) Ленин, том XVIII, ч. 2, стр. 143—144.

Одновременно быстрейшим темпом будет происходить строительство совхозов. Земельная территория совхозов составляла в 1927 году 3,2 млн. гектаров. В предстоящем году она должна составить 16,8 млн. гектаров. За два года земельная территория предприятий последовательно-социалистического типа увеличится более чем в пять раз. Посевная площадь совхозов увеличится за 1929—30 год по сравнению с 1928—29 г. на 207%.

Наибольший рост посевная площадь совхозов дает в системе Зернотреста. В предстоящем году предполагается организация новых 66 полностью механизированных совхозов. Посевная площадь предприятий Зернотреста увеличится по сравнению с 1928—1929 г. на 425,6%, акц. о-ва Овцевод— на 220,3%, Совхозцентра—на 81,3% и Сахаротреста—на 3,2%.

В 1929/30 г. намечается, кроме того, начало организации новых полностью механизированных льноводческих совхозов, размер каждого из которых будет составлять 12—15 тыс. гектаров.

По системе Совхозцентра будет организовано в 1929/30 г. 26 новых специализированных совхозов с общей площадью земли в 470 тыс. гект. Число крупного рогатого скота в животноводческих совхозах составит в предстоящем году 248 тыс. голов, что обозначает прирост более чем на 80%, число овец в овцеводных совхозах увеличится не менее чем на 70%, значительный рост даст посевная площадь огородных совхозов.

Вместе с тем план намечает значительное укрупнение совхозов: средний размер совхоза системы Совхозцентра, составлявший в 1928/29 г. 1.960 гектаров, должен быть доведен не менее чем до 3.500 гектаров. На ряду с этим предполагается произвести в совхозах большие рационализаторские работы, что, по предположению контрольных цифр, приведет к снижению себестоимости ржи на 23%, озимой пшеницы на 30%, яровой на 20%, овса на 12%, картофеля на 30% и молока на 13%. Урожайность в совхозах должна повыситься в предстоящем году на 20—30%.

Значительный сдвиг произойдет в организации индустриальных предприятий по переработке продуктов сельскохозяйственного производства. Число силосных предприятий, составляющее в 1928/29 г. ничтожную величину, будет составлять в предстоящем году 12.650, что обозначает 1.462% прироста. Число молочных предприятий увеличится на 35%, по переработке плодоовощей на 198%, по переработке картофеля на 11% и по переработке льна и пеньки на 81%.

Огромная работа будет развернута по кооперированию сельского населения. Число кооперированных крестьянских хозяйств по линии сел.-хоз. кооперации будет составлять в 1929/30 г. 65—70% общего числа крестьянских хозяйств.

Значительно окрепнет и усилится такой рычаг планового воздействия на крестьянское хозяйство, как контрактация. В 1929/30 г. контрактуемая площадь зерновых посевов будет доведена, по намечению контрольных цифр, до 51,2% общей посевной площади зерновых в то время, как в 1928/29 г. контрактация по зерновым культурам охватывала 27,5% посевной площади.

По льно-волокну контрактация охватит 65,7% посевной площади, вместо 46,9% 1928/29 г. По льну на посевное семя контрактация, по сравнению с 1928/29 г., возрастает на 152,8%, по сахарной свекле на 66%, по конопле на 366%, по картофелю на 116,5% и по хлопку на 20%.

В результате выполнения этого плана в экономике сельского хозяйства не может не произойти ряда серьезных изменений. Удельный вес обобществленного сектора в общей посевной площади составит 13,3%. Это обозначает, во-первых, что на огромной площади земли, исчисляемой миллионами гектаров, организуется высший тип рационального сельскохозяйственного производства, где человеческий труд и богатства недр будут ис-

пользовываться наиболее целесообразно. Во-вторых, — что на огромной площади земли будут расположены высокотоварные предприятия, не идущие ни в какое сравнение с хозяйствами индивидуального сектора. В-третьих, это обозначает, что в сельском хозяйстве создается социалистический сектор с таким удельным весом и значением, при которых он может играть ведущую роль. В-четвертых, это обозначает, что значительно возросли возможности планирования сельского хозяйства благодаря наличию крупных обобществленных предприятий и такого рычага, как контрактация. И, в-пятых, это обозначает что меняется соотношение классов в деревне и самые классовые типы мелких производителей.

Последнему вопросу уделено в печати меньшее внимание, чем он того заслуживает, и поэтому на нем необходимо более подробно остановиться.

В период быстрой индустриализации страны с наибольшей остротой проявляется диспропорция в развитии сельского хозяйства и промышленности. В силу этого государство вынуждено проводить ряд мероприятий, основанных на сочетании интересов государства и мелких производителей и направленных к тому, чтобы продукция крестьянского производства поступала непосредственно государству, но не на рынок. Это достигается не мерами внеэкономического принуждения, но мероприятиями экономического характера. Государство договаривается с мелкими производителями о снабжении их кредитом или средствами производства, требуя с их стороны, как компенсации за это, продажи продуктов по установленной цене непосредственно государственным организациям, но не частным лицам. На этом принципе основана контрактация. На этой базе основывается и организация машинно-тракторных станций. При этих условиях крестьянин начинает работать не на рынок, но на заказ социалистической промышленности, сначала лишь частично, а потом все больше и больше, имея тенденцию превратиться в особый классовый тип — домашнего рабочего социалистической промышленности.

С другой стороны, происходит процесс превращения мелкого товаропроизводителя в другой классовый тип — в коллективизированного крестьянина, постепенно теряющего отличительные черты мелкого производителя: индивидуальную собственность на средства производства, хозяйствование на мелком, ему принадлежащем участке земли и сбыт своей продукции на рынке.

В-третьих, происходит процесс кооперирования крестьянина по всем линиям сбыта и снабжения, благодаря чему также нарушается в значительной мере его связь с рынком, что постепенно приводит к тому, что он перестает быть т о в а р о производителем, а становится во все возрастающей мере производителем п р о д у к т о в.

И, наконец, совхозное строительство приводит к тому, что значительная масса крестьян превращается в наемных рабочих.

Контрольные цифры освещают вопрос и о количественных размерах этого процесса. Число коллективизированных крестьянских хозяйств достигнет в предстоящем году миллиона, следовательно, около 2 миллионов человек, если говорить о рабочей силе, имеют тенденцию к превращению в особый классовый тип, теряющий основные черты мелкого производителя, но не являющийся вместе с тем типом наемного рабочего. Свыше 20 млн. мелких производителей начинают работать не на рынок, но на заказ социалистической промышленности благодаря вступлению на путь контрактационных отношений с государством и кооперированию по всем линиям сбыта и снабжения,—следовательно, свыше 20 млн. человек имеют тенденцию к превращению в домашних рабочих социалистической промышленности. И, наконец, число постоянных наемных рабочих в совхозах превысит в предстоящем году 80.000 чел.

Изменения в экономике советских стран приводят, таким образом, к изменению классовых типов деревни. Значительная часть основных масс бедняцко-середняцких слоев сельского населения превращается, с одной стороны, в коллективизированных производителей, а с другой стороны, в домашних рабочих социалистической промышленности. На ряду с этим происходит процесс увеличения числа наемных рабочих сельских предприятий последовательно-социалистического типа. Меняются классовые типы в стране, меняется и соотношение классовых сил.

В индивидуальном секторе сельского хозяйства будет в предстоящем году происходить тот же процесс перемещения производства от кулацких к бедняцким и середняцким слоям населения. Но нужно, чтобы параллельно этому процессу происходило усиленное укрупнение бедняцких и середняцких хозяйств на основе коллективизации. В противном случае выход товарной продукции, даже при увеличении посевной площади и под'еме урожайности, будет ниже плановых предположений.

В предстоящем году положение с зерном будет еще оставаться напряженным. Даже при таком быстром темпе концентрации сельскохозяйственного производства, какой намечается контрольными цифрами, развитие сельского хозяйства будет еще очень значительно отставать от развития промышленности. И это в первую очередь сказывается на основном продукте потребления—на зерне. Посевную площадь всего сельского хозяйства предполагается расширить в предстоящем году на 10%, несмотря на то, что посевная площадь индивидуального сектора возрастет на 2,7%. Если уже в 1928/29 г. обобществленный сектор сыграл огромную роль в увеличении посевной площади сельского хозяйства, то еще более крупную он сыграет в 1929/30 г. Все же, даже при условии роста посевной площади на 10%, доведения удельного веса обобществленного сектора в посевной площади страны до 13% и под'ема урожайности на 7%, затруднения с зерном не исчезнут, так как рост городов, а следовательно, и спроса на продовольственные продукты будет происходить еще более усиленным темпом.

Не исчезнут затруднения и с животноводством. Проблема животноводства может быть в основном разрешена такими же путями, какими разрешается проблема зерна. Мелкое производство ставит границы быстрому темпу развития животноводства, а медленный темп развития не может удовлетворить спроса населения при условии интенсивного процесса индустриализации страны.

Однако, некоторые из «ученых» профессоров этого мнения не разделяют, доказывая, что мелкое производство не только не ставит границ развитию животноводства, но, наоборот, стимулирует его. Доказывают они это положение, исходя из данных Швейцарского аграрного секретариата. Эти данные говорят о том, что насыщенность скотом на гектар площади в мелких хозяйствах большая, чем в крупных. Опираясь на эти данные, некоторые из наших отечественных профессоров утверждают, что мелкое производство в большей мере благоприятствует развитию животноводства, чем крупное, и на этом основании отрицают правильность точки зрения, об'ясняющей причины затруднений с животноводством раздробленностью крестьянского хозяйства.

Данные Швейцарского секретариата действительно говорят о том, что мелкое хозяйство в большей мере, чем крупное, насыщено скотом. Идеологи мелкобуржуазного производства об'ясняют это явление преимуществом мелкого хозяйства перед крупным. В действительности причина кроется в другом. В мелком хозяйстве и скот и машины могут быть использованы далеко не в той мере, как в крупном. Если хозяйство в 50 гект. приобретает 5 лошадей, исходя из того, что норма выработки каждой составляет 10 гектаров, то хозяйство в 2—3 гектара не может исходить из этого критерия.

Оно приобретает 1 лошадь, которая в данном хозяйстве будет значительно меньше использована, чем в крупном хозяйстве, а при суммарных статистических выкладках получается, что мелкое хозяйство в большей мере насыщено скотом, чем крупное. Исходя из этих данных Швейцарского секретариата, некоторые из наших профессоров при анализе причин затруднений с животноводством в 1928/29 г. отвергают факт отрицательного влияния мелкого хозяйства на развитие животноводства.

Но ведь данные Швейцарского секретариата, если их рассматривать не сквозь очки мелкобуржуазного романтизма, а вполне об'ективно, говорят совершенно обратное тому, что рисуется «учеными» профессорами. Если мелкое хозяйство ставит границы использованию скота и машин, то вполне естественно оно ставит границы развитию животноводства и применению машин. Какой смысл мелкому производству увеличивать количество скота и машин, если оно не в состоянии использовать имеющееся? Если исходить из рассуждений, которые преподносятся идеологами мелкобуржуазного производства, то нужно было бы сделать вывод при намечении плана на 1929—1930 г. о том, что выход из затруднений с развитием животноводства лежит в еще большем раздроблении крестьянского хозяйства. Если исходить из того, что мелкое хозяйство ставит границы развитию животноводства, то выход следует искать в противоположном—в усиленной коллективизации крестьянских хозяйств и создании специализированных животноводческих совхозов. На это и взят курс в контрольных цифрах Наркомзема.

Но если радикального выхода из затруднений нужно искать по пути превращения мелких разобщенных хозяйств в крупные обобществленные, то из этого не следует, что на современной базе мелкого хозяйства нельзя достигнуть даже некоторого расширения животноводческого производства. Улучшения можно достигнуть принятием законодательных мероприятий, стимулирующих животноводческое производство в индивидуальных хозяйствах и улучшением кормовой базы.

По линии законодательных мероприятий контрольные цифры считают необходимым понижение норм доходности по сел.-хоз. налогу для крупного рогатого скота во всех районах, а не только в районах промышленного маслоделия, как это было до сих пор, освобождение от обложения налогом на 2 года всего выращенного в хозяйстве крупного рогатого скота, за исключением хозяйств явно кулацких и пр.

С другой стороны, контрольные цифры намечают ряд мероприятий, улучшающих кормовую базу и стимулирующих производство кормовых трав. Эти мероприятия дают возможность рассчитывать на увеличение числа крупного рогатого скота на 5% и на повышение молочной продуктивности скота на 4—5%. Возрастание числа рабочих лошадей произойдет на 3—4% и всех лошадей на 4%, свиного стада на 25% и овцеводства на 6—7%.

В отношении технических культур контрольные цифры намечают расширение посевной площади картофеля на 6,5%, подсолнуха на 12,4%, льна на 8%, конопли на 5%, сахарной свеклы на 42,7% и трав на 22,3%.

Такой темп развития сельского хозяйства нельзя не признать очень высоким. И, несмотря на это, сельское хозяйство будет еще в сильной степени отставать от развития промышленности. Причина этому—не деградация сельского хозяйства, как это пытается об'яснить тов. Бухарин и сторонники его линии. Сельское хозяйство отстает по своему развитию от промышленности не потому, что оно деградирует, но потому, что даже при высоких темпах развития, какие предполагаются во второй год пятилетки, промышленность будет все же обгонять в своем развитии сельское хозяйство.

Но и такое об'яснение не удовлетворяет правые элементы партии. Они не признают целесообразности такого развития, при котором нарушаются некоторые пропорции и принцип «подвижного равновесия». Раз существует плановое хозяйство, то диспропорциям не должно быть места, а если диспропорции возникают, то это явный признак неправильной политики.

Когда-то Маркс классически об'яснил противоречие между промышленностью и сельским хозяйством словами о том, что промышленность не может примириться с сельским хозяйством, если сельское хозяйство не хочет стать промышленным.

Уже в этом факте заложена неизбежность диспропорции в развитии сельского хозяйства и промышленности в том случае, если развитие промышленности не будет соподчинено уровню сельского хозяйства. Требовать такого темпа развития, при котором не нарушалось бы «подвижное равновесие», значит требовать передачи промышленности на аркан сельского хозяйства.

В условиях, если бы сельское хозяйство было само промышленным, это не означало бы задержки индустриального развития, но в условиях нашего крайне отсталого земледелия такое требование обозначает черепаший шаг для развития промышленности. При отсутствии больших кредитов и при отсталом сельском хозяйстве быстрый темп индустриализации страны неизбежно обозначает некоторое нарушение пропорций, но это нарушение пропорций ни в какой мере не свидетельствует о неправильной политике и неправильном плане. Наоборот. Предвидение этих трудностей, сознательное движение в сторону этих трудностей с тем, чтобы, преодолев их, уничтожить экономический фундамент, порождающий эти трудности, свидетельствует о правильной политике и правильном плане. Можно было бы этих трудностей избежать, но это обозначало бы принесение в жертву «принципу» пропорционального развития принципа сохранения диктатуры пролетариата.

Контрольные цифры говорят о том, что при тех темпах развития сельского хозяйства, которые взяты на предстоящий год, можно было бы изжить явления диспропорции между развитием промышленности и земледелия, но для этого потребовалось бы очень значительно снизить темп развития тяжелой промышленности.

По мнению «плановиков» из лагеря правых оппортунистов план хорош тогда, когда основан на таком скреплении всех частей народного хозяйства, при котором не имело бы места отставание одних частей и забегание других. Но если план основывается на том, чтобы путем временных затруднений изжить причину всех затруднений, он плох.

Контрольные цифры идут однако на то, чтобы в предстоящий год были затруднения, но чтоб они исчезли к концу пятилетки на основе установления наибольшего соответствия в характере и типе экономики земледелия и промышленности.

Можно к изживанию временных трудностей итти тремя путями. Во-первых, посредством наибольшего покровительства развитию индивидуальных товарных хозяйств деревни.

Это привело бы к увеличению выхода товарного хлеба и сырья, но это привело бы к укреплению капитализма, к увеличению расслоения деревни, к обострению классовой борьбы на основе размычки пролетариата с основными массами крестьянства, а в конечном счете это привело бы к гибели диктатуру пролетариата.

Можно было бы избрать второй путь развития: при энергичном наступлении на капиталистические элементы деревни, однако, значительно снизить темп развития тяжелой промышленности и передвинуть эти средства на организацию крупных земледельческих предприятий, подчинив этому и импортную политику. При этих условиях гибель наступила бы с другого

конца — благодаря слабости собственной тяжелой промышленности и зависимости от капиталистических стран.

Контрольные цифры, придерживаясь принципиальной установки пятилетнего плана, намечают такие пути развития, при которых максимально-возможные темпы развития сельского хозяйства, не сопровождались бы, однако, замедлением темпа роста тяжелой промышленности, а с другой стороны, происходили бы не путем развития капиталистических элементов деревни, а посредством укрепления и расширения социалистического сектора. Это—путь, который не может устранить в предстоящем году ряда кон'юнктурных затруднений, но который обеспечивает укрепление социализма на основе превращения сельскохозяйственного производства в промышленное производство при ведущей роли тяжелой индустрии.

Этой цели подчинен и план финансирования сельского хозяйства и план распределения средств производства.

Общий об'ем финансирования должен составить по плану Наркомзема свыше 1 млрд. рублей.

Государственные вложения по социальным секторам предполагается распределить следующим образом: государственные сельскохозяйственные предприятия 352 млн. руб., колхозы 230 млн. руб., машино-тракторные станции 23 млн. руб., производственная сел.-хоз. кооперация 168 млн. руб., земельные органы и общие мероприятия 194,4 млн. руб., и индивидуальный сектор сельского хозяйства 200 млн. руб.

Наибольшая сумма вложений предназначается для совхозов и колхозов. В абсолютной величине суммы, предназначаемые для индивидуального сектора, выше вложений 1928—29 г. на 34%, но удельный вес вложений в индивидуальный сектор снижается.

В 1928—29 г. он был равен 27,7%, а в 1929—30 г. он будет равен 16,8%. Удельный вес финансирования обобществленного сектора должен повыситься и составить 50,7% всех государственных вложений вместо 35,9% 1928—29 г. На ряду с этим значительно увеличится снабжение сельского хозяйства средствами производства.

Машиноснабжение должно быть произведено на сумму 282 млн. руб. вместо 171 млн. 1928—29 г., что составляет 65,3% прироста.

Площадь, удобряемая минеральными веществами, должна возрасти с 587 тыс. гект. до 1.527 тыс. гект., что обозначает 160,1% прироста.

Посевы чистосортными семенами, составлявшие в 1928—29 г. 5.484 тыс. гектаров, должны достигнуть в 1929—30 г. 16.800 гектаров, что обозначает прирост на 205,3%.

Все сложные машины будут переданы обобществленному сектору, большая часть минеральных удобрений и сортовых семян также будет передана обобществленному сектору и тем индивидуальным хозяйствам, которые вступают на путь контрактационных отношений с государством.

Такая политика распределения даст новый толчок укреплению социалистических позиций в деревне и вовлечению новых миллионов крестьянских хозяйств на путь рациональной организации производства.

Я. Пайкин.

Коммунисты-крестьяне белорусской деревни.

Вопрос о социальном составе деревенских коммунистов представляет для партии актуальнейший интерес, ибо в прямой зависимости от социального положения отдельного коммуниста-крестьянина находится качество его, как проводника классовой линии партии в деревне.

В связи с этим ЦК КП(б) Белоруссии предпринял летом этого года специальное обследование 4.700 деревенских коммунистов с целью выявления их социально-классового состава и того, в какой мере они действительно являются революционно-передовым элементом деревни.

Однако, не только прямые итоги этой переписи являются характерными с точки зрения выявления физиономии отдельных коммунистов. Весьма характерным является также и проявленное со стороны последних отношение к переписи. Очень многие крестьяне-коммунисты сочли возможным на вопросы, пред'явленные во время переписи, давать весьма «неточные» ответы, скрывая целый ряд показателей и факторов, определяющих экономическую мощность их хозяйства, социальные отношения и пр. Самым характерным в этом отношении является следующий факт:

В Хотимском районе, Могилевского окр., перепись пришлось повторить два раза, ибо первая перепись не дала правдивого отражения фактического положения хозяйств опрашиваемых коммунистов. Как показало произведенное затем со стороны ЦК КП(б)Б обследование этой организации, в ней доминирующую роль играли весьма зажиточные члены партии.

В Витебском округе, например, один коммунист, хозяйство которого отнесено к группе мелкокапиталистической, узнав о предстоящей переписи, накануне приезда регистратора преднамеренно уехал куда-то. Пришлось описывать хозяйство по показаниям членов семьи и соседей.

Один коммунист скрывал наличие у него сбережений в сберкассе на сумму 5.000 рублей.

Отдельные хозяйства обследованных коммунистов являются чрезвычайно показательными с точки зрения выявления социальных связей деревенских коммунистов и главным образом с точки зрения того, «куда многие из них растут». Приводим несколько примеров:

Х. — имеет 9,9 гектаров земли, небольшой садик, кроме того, нанимает землю у крестьян; стоимость скота определяется в 427 р., служит приказчиком в кооперативе и живет со своим отцом, который тут же занимается частной торговлей. Этот коммунист, повидимому, не плохо проводит «сращивание» кооперативной и частной торговли.

У. — живет на хуторе, имеет 9,3 гектаров земли, скота на 400 руб., сад, постройки, оцениваемые в 1.500 руб., и кроме всего является владельцем мельницы, которая приносит ему весьма солидный доход.

Нужно отметить, что вышеописанные хозяйства с точки зрения применяемой здесь классификации хозяйств, несмотря на определенную их состоятельность, не являются все же кулацкими хозяйствами.

Для характеристики кулацких хозяйств деревенских коммунистов приведем следующие примеры:

Д. Г. — имеет хозяйство: 30,5 га земли, в том числе: пахотной 24 га, 6,5 га сенокоса, посев составляет 20,7 га. Имеется сад в 20 деревьев, 3 лошади, 6 коров, 15 свиней и пр. Всего скота на 1.265 руб. Имеется также молотилка, оцениваемая в 200 руб., и промысловый инвентарь (волноческа), оцениваемый в 250 руб. Весь инвентарь оценивается в 850 руб. Хозяйственные постройки оценены в 2.500 руб. Нанимает батрака. Уплатил сельхозналог в сумме 414 руб. Доходность хозяйства определена налоговой комиссией в 1.281 руб.

Ф. Т. — член партии с 1928 года. Хозяйство имеет: земли 17,4 га в том числе — 10,9 га пашни, 6,5 га сенокоса, посева 9,9 га, 2 лошади, 5 голов рогатого скота и проч., всего скота на 465 руб. Имеется также молотилка (120 руб.), зерноочистилка (60 руб.), соломорезка (30 руб.), всего инвентаря на 1.288 руб. Постройки оцениваются в 400 руб. Имеется «промысловый инвентарь», т.-е. мельница, оцениваемая в 1.000 руб., доход от которой по собственной оценке переписываемого составляет 700 руб. Между тем с.-х. налог за текущий год составляет почему-то всего лишь 13 руб. 57 копеек.

Ш. И. — член партии с 1928 года. Имеется земли 26 гектаров посева 13,9 га, скота на 1.095 руб., молотилка и проч. инвентарь на 487 руб. Постройки оцениваются в 7.730 руб. Доходность хозяйства определена налоговой комиссией в 1.117 руб. Уплатил с.-х. налога 113 руб. 87 коп. Член сельсовета.

Возможно, что если рассмотреть указанные хозяйства на фоне экономически более мощного района, нежели БССР, то они окажутся хозяйствами середняцкими. Однако, определенно высокий уровень экономической мощности этих хозяйств, наличие в этих хозяйствах отношений эксплоатации и т. д. характеризуют их как хозяйства мелкокапиталистические.

В общем итоге получается следующая структура социального состава коммунистов-крестьян БССР (параллельно приводим для сопоставления и данные динамической переписи белорусской деревни относительно классового состава всего крестьянства БССР):

Социальные группы	Удельный вес отдельных групп	
	Среди хозяйств коммунистов	Среди хозяйств крестьян вообще
Пролетариат	15,91	6,5
Полупролетариат	23,72	24,9
Простые товаропроизв.	58,85	64,5
Мелкокапиталистич.	1,52	4,1

Из приведенных данных явствует, что *среди обследованных коммунистов превалируют середняцкие хозяйства* (больше половины).

Бедняцко-пролетарские хозяйства составляют меньше 40%. Имеются среди коммунистов и кулацкие хозяйства, наличие которых, хотя бы в небольшом проценте (1,52%), все же должно вызвать недоумение.

К сожалению, отсутствие динамики рассматриваемых хозяйств не дает возможности установить, вошли ли в партию представители этой группы хозяйств, уже будучи кулаками, или их хозяйства переросли в кулацкие в период их пребывания в партии.

Между тем, последнее соображение имеет вполне реальное основание, ибо многие из рассматриваемых хозяйств использовывали свою партийную принадлежность для расширения и укрепления своего хозяйства.

Об этом свидетельствуют хотя бы следующие данные о размерах кредитной помощи, которой пользовались коммунисты, по сравнению с крестьянами вообще (в рублях):

Социальные группы	Средний размер кредита на одно х-во		Средняя задолженность на одно х-во	
	Коммун.	Крестьян.	Коммун.	Крестьян.
Пролетариат	87,42	53,1	75,23	49,5
Полупролетариат	79,02	50,0	69,17	47,6
Простые товаропроизв.	83,52	63,0	73,26	55,0
Мелкокапиталистич.	107,40	67,2	86,49	60,8

Приведенные данные говорят о том, что некоторые коммунисты-крестьяне использовывают кредит шире, нежели крестьяне вообще.

Предположения о возможном перерастании некоторых хозяйств коммунистов в хозяйства более мощного типа уже в период их пребывания в партии не лишены, таким образом, основания.

Отсутствие динамических данных лишает нас также возможности дать исчерпывающий ответ на чрезвычайно актуальный вопрос о том, куда, в частности, растут середняцкие хозяйства деревенских коммунистов. Без ответа на этот вопрос приведенные данные о социальной структуре не дают законченной характеристики деревенских коммунистов.

Чтобы восполнить картину социальной структуры обследованных коммунистов с этой точки зрения, мы разбиваем хозяйства мелких товаропроизводителей на отдельные группы по их экономической мощности, определяемой общей стоимостью их средств производства в данный момент. В результате такой манипуляции мы получаем следующую диференцировку середняцких хозяйств (в % ко всей массе рассматриваемых хозяйств):

Со стоимостью средств производства	до 400 руб.	14,70
" " " "	до 800 "	35,04
" " " "	свыше 800 "	9,11

Приведенные данные значительно уточняют картину социального состава обследованных коммунистов. Преобладают, как мы видим, хозяйства определенно середняцкого типа (35,04%), со средствами производства на сумму не больше 800 руб. (на одно хозяйство).

Анализ хозяйств со стоимостью средств производства свыше 800 руб. позволяет характеризовать многие из них как хозяйства *переходного типа* от середняцких к мелкокапиталистическим хозяйствам. Таким образом, мы в составе крестьян-коммунистов в БССР при сравнительно незначительной прослойке мелкокапиталистических хозяйств (1,5%), *имеем все же весьма значительную прослойку хозяйств* (9,11%), *очевидно, перерастающих в кулацкие*. С другой стороны, выявляется более высокий процент (14,70) середняцких хозяйств со стоимостью средств производства до 400 руб., из которых многие, бесспорно, тяготеют к хозяйствам бедняцкого типа. Но это не может служить основанием к перечислению их в бедняцкие хозяйства.

Для более полной оценки всей приведенной структуры крестьян-коммунистов БССР сопоставим эти данные с аналогичными данными по другим районам СССР. К сожалению, имеются более или менее сопоставимые данные только относительно состава деревенских коммунистов Самарской губ. Опубликованные же в книге Кавращкого и Нусинова «Классовое расслоение советской деревни» данные относительно состава деревенских коммунистов Южной Сибири методологически исчислены иначе и потому поддаются сопоставлению с нашими данными лишь с большой натяжкой.

Приводим данные для этих двух районов (в %%):

Социальные группы	БССР	Самарская губ.	Южная Сибирь
Пролетариат	15,91	7,4	11,6
Полупролетариат	23,72	13,3	30,0
Простые товаропроизвод.	58,85	72,3	51,0
Мелкокапиталистические	1,52	7,0	6,9

Социальный состав деревенских коммунистов в БССР, как видно из всех приведенных выше данных, оказывается, как будто, более положительным, нежели состав деревенских коммунистов в Самарской губ. и Южной Сибири.

В отношении данных, касающихся Южной Сибири, следует отметить, что авторами этого исчисления были введены дополнительные признаки мелкокапиталистических хозяйств в виде высокого земельного ценза, вследствие чего, возможно, понизилась фактическая численность этих хозяйств по Южной Сибири.

Известно, что «в условиях товарного хозяйства рост благосостояния крестьянского хозяйства ведет ко все усиливающемуся противопоставлению его главы — дворохозяина, приобретающего все в большей степени черты предпринимателя, — другим членам двора, все более низводимым на положение рабочих, следовательно, к нарастанию неравенства внутри крестьянского двора...» (Л. Крицман — о внутренних противоречиях крестьянского двора).

Поэтому для оценки социального состава коммунистов-крестьян немаловажным является вопрос о роли коммунистов внутри хозяйств, т.-е. является ли коммунист «членом» хозяйства или его «главой».

Следующие данные отвечают на поставленный вопрос:

	Распределение хозяйств по „главам" и „членам" в %%		
	Главы	Члены	Итого
Пролетариат	82.94	17.06	100
Полупролетариат	62.51	37.42	100
Простые товаропроизвод. со стоимостью средств производства до 400	45.80	54.20	100
401 — 800	35.83	64.17	100
св. 800	15.74	84.26	100
Мелкокапиталистические хозяйства	47.83	52.176	100
Без различия групп	49,47	50,53	100

Итак половина всех обследованных хозяйств представлена в партии своими «главами». Самые высокие проценты «глав» дают хозяйства двух низших социальных групп. Однако, чрезвычайно высокой является также доля «глав» у коммунистов мелкокапиталистической группы. Все это свидетельствует о том, что под этим углом зрения прием в партию крестьян недостаточно регулировался.

Общий вывод, который напрашивается из всех приведенных данных, заключается в том, что с точки зрения социальной состав коммунистов-крестьян Белоруссии не может быть признан в данный момент удовлетворительным. Незначительность бедняцко-пролетарского элемента и наличие мелкокапиталистической прослойки в составе коммунистов не могут быть признаны явлением нормальным. Кроме того, наблюдаются явные тенденции перерастания середняцких хозяйств в более мощные, что, конечно, угрожает классовым их перерождением. Все это свидетельствует о том, что регулированию состава деревенских организаций парторганами уделялось недостаточно внимания и директивы партии по этому вопросу недостаточно активно проводились в жизнь.

II.

Какова же экономическая мощность рассматриваемых хозяйств?

Обратимся к данным об обеспеченности этих хозяйств по важнейшим элементам крестьянского хозяйства.

Обеспеченность посевной площадью рисуют следующие данные:

Социальные группы	На 100 хозяйств приходится хозяйств					
	Без посева и с посевом до 0,01	С посевом (в гектарах)				
		От 0,1 до 2,09	От 2,1 до 4,09	От 4,1 до 6,09	От 6,1 до 16,09	Свыше 16,1
Пролетариат	10,90	71,99	16,50	0,55	—	—
Полупролетариат	0,75	50,61	42,23	5,67	0,74	—
Прост. товаропроизвод. со стоим. ср. пр. до 400 р.	0,30	24,47	56,61	15,92	2,70	—
401—800 „	0,06	20,71	51,52	21,40	6,31	—
св. 800 „	—	6,78	42,13	29,30	21,79	—
Мелкокапитал. хозяйства	—	2,90	40,58	23,19	31,88	1,45
Без различия групп	2,01	35,00	43,42	14,30	5,25	0,02

Итак, решающее преобладание среди коммунистов имеют средние посевные группы (до 6,5 га). Многопосевных хозяйств среди них в общем немного (5,3%).

Средняя обеспеченность хозяйств коммунистов посевной площадью в общем невысокая. Она *ниже средней обеспеченности хозяйств крестьянства вообще*, которая составляет для группы пролетариата — 1,40 га, для полупролетариата — 2,5 га, для простых товаропроизводителей — 4,25 га и для мелкокапиталистической группы — 6,5 га.

Диференциацию рассматриваемых хозяйств по обеспеченности их рабочим скотом показывают следующие данные:

Социальные группы	На 100 хозяйств приходится хозяйств				
	Без рабочего скота	Имеющих рабочий скот			
		1 гол.	2 гол.	3 гол.	4 и больше голов
Пролетариат	72,54	27,18	0,28	—	—
Полупролетариат	27,81	68,66	3,53	—	—
Простые товаропроизвод. со стоимост. средств. производст. до 400 р.	7,81	82,73	9,46	—	—
401—800 „	5,56	69,95	23,36	1,13	—
св. 800 „	3,15	55,10	37,15	4,6	—
Мелкокапиталист. хозяйства	4,35	57,97	34,78	2,9	—
Без различия групп	21,58	63,20	14,36	0,86	—

Наиболее значительную часть составляют хозяйства с одной головой рабочего скота. Хозяйства с тремя и более головами рабочего скота имеются только среди хозяйств двух высших социальных групп и то в небольшом числе.

По сравнению с крестьянством вообще число хозяйств, обеспеченных рабочим скотом, у коммунистов значительно ниже. Число хозяйств, не обеспеченных рабочим скотом,

у коммунистов почти в два раза выше, нежели среди крестьянства вообще (21,5% против 12,5%).

По обеспеченности коровами группировка хозяйств коммунистов характеризуется следующими данными (в %):

Социальные группы	Без коров	С 1 коровой	С 2 коровами	С 3 коровами	С 4 коровами
Пролетариат	21,22	72,26	6,38	0,14	—
Полупролетариат	5,95	64,37	27,63	1,86	0,19
Простые товаропроизводители	1,24	34,50	48,22	12,37	3,67
Мелкокапиталистические хозяйства	—	11,59	57,97	23,19	7,25
Без различия групп	5,52	47,24	36,83	8,10	2,31
Все крестьянство	5,5	49,5	35,3	9,7	—

Больше ⅕ хозяйств группы пролетариата не имеют вовсе коров. В остальных же хозяйствах этой группы превалируют хозяйства с одной коровой. У полупролетариата немного бескоровных. Среди них тоже превалируют хозяйства с одной коровой, но имеется также значительное число хозяйств двухкоровных. У середняков преобладают хозяйства двухкоровные. В мелкокапиталистической группе высок процент хозяйств с тремя коровами.

По обеспеченности коровами диференциация хозяйств коммунистов мало отличается от диференциации хозяйств крестьянства вообще.

Об обеспеченности рассматриваемых хозяйств инвентарем свидетельствуют следующие данные:

Социальные группы	На 100 хозяйств приходится хозяйств: Без всякого с.-х. инвентаря	Без пахотного инвентаря	С инвентарем: Плугами	Машинами вообще	В т. ч.: с 2 и более машинами	Машинами совместного пользован.	На каждые 100 хозяйств с машинами приходится хозяйств с машин совм. пользования
Пролетариат	61,03	64,22	33,98	1,39	—	0,69	100,0
Полупролетариат	14,88	20,0	78,33	6,98	0,65	2,2[illegible]	47,05
Прост. товаропроизводители	1,87	3,50	95,54	29,40	6,22	5,59	23,46
Мелкокапиталистич. хозяйства	—	—	100,0	68,11	28,99	11,59	20,51
Без различия групп	14,34	17,03	81,72	19,77	4,26	4,10	25.47

Абсолютное большинство хозяйств пролетарской группы лишено инвентаря и главным образом пахотного. Даже плугами располагает только одна треть пролетарских хозяйств. Среди остальных социальных групп число хозяйств, обеспеченных плугами, планомерно нарастает, достигая 100% в хозяйствах кулацкой группы.

Хозяйств, владеющих машинами, очень мало в низших группах, причем половина хозяйств пролетарской группы имеет машины только в совместном пользовании.

Среди хозяйств мелкокапиталистической группы наблюдается уже большое число владеющих двумя и более машинами.

Как общее явление может быть отмечена более высокая (в среднем) обеспеченность мертвым инвентарем хозяйств коммунистов по сравнению с хозяйствами всего крестьянства. Об этом свидетельствуют следующие сравнительные данные о средней обеспеченности инвентарем хозяйств коммунистов и всего крестьянства:

Наименование инвентаря	На 100 хозяйств приходится у коммунистов	у всего крестьянства
Молотилки конные	6,34	4,56
Соломорезки	10,93	8,26
Пахотный инвентарь	101,86	106,68

Исключение составляет пахотный инвентарь, по обеспеченности которым хозяйства коммунистов отстают от хозяйств всего крестьянства. Возможно, однако, что это отставание происходит за счет обеспеченности сохами, которых в хозяйствах коммунистов меньше, нежели в хозяйствах крестьянства, а именно: на каждые 100 единиц пахотного инвентаря приходится сох в хозяйствах коммунистов — 11,10, в хозяйствах всего крестьянства — 13,38.

Как известно, решающим моментом в определении экономической мощности крестьянского хозяйства в наших условиях является не наличие земли и рабочей силы, а наличие средств производства.

III.

Показателями экономической мощности хозяйств могут служить также данные об их доходности, приводимые в следующей таблице (по данным налоговых комиссий):

Социальные группы	На 100 обследованных хозяйств приходится хозяйств с доходностью: До 100 р.	От 101 до 200 р.	От 201 до 400 р.	От 401 до 600 р.	От 601 до 800 р.	От 801 и выше
Пролетариат	16,94	38,04	28,41	7,64	4,65	14,32
Полупролетариат	4,35	39,82	41,60	9,98	2,67	1,58
Простые товаропроизвод.	0,96	15,87	59,24	18,01	4,00	1,92
Мелкокапитал. хозяйства	—	1,45	44,93	33,33	13,04	7,25
Без различия групп	3,99	24,45	50,55	14,95	3,97	2,29

Из приведенных выше данных явствует, что наиболее высок из всей массы обследованных хозяйств процент хозяйств, имеющих доходность от 200 до 400 руб. В группе п р о л е т а р и а т а обращает на себя внимание наличие хозяйств с доходностью свыше 800 руб. Они относятся к хозяйствам, члены которых имеют побочные заработки или занимают высокооплачиваемые должности.

Доходность этих хозяйств довольно значительная. Но известно, что решающим моментом для определения классовой принадлежности является не размер дохода, а его происхождение (в данном случае работа по найму). На этом основании эти хозяйства и отнесены к группе пролетариата.

Следует еще отметить наличие хозяйств с необлагаемой доходностью. В группе пролетариата имеется значительный процент таких хозяйств (16,5%). Менее высокий процент подобных хозяйств мы находим также в группах полупролетариата (5,86%) и простых товаропроизводителей (2,5%). В группе же мелкокапиталистической таких хозяйств, естественно, не оказалось вовсе.

В общем средний размер дохода на одно хозяйство составляет у пролетариата—253,84 руб., у полупролетариата—260,72 р., у простых производителей — 335,20 руб. и у мелкокапиталистических элементов — 490,99 руб. В этих доходах — доходы от своего сельского хозяйства составляют: у пролетариата — 49,8%, у полупролетариата — 71,6%, у простых товаропроизводителей — 84,5% и у мелкокапиталистической группы — 78,5%. Эти данные достаточно ярко свидетельствуют, какую роль должны играть для хозяйств отдельных групп занятия вне своего сельского хозяйства вообще, а для низших групп главным образом продажа своей рабочей силы.

Таким образом, анализ экономической мощности рассматриваемых хозяйств показывает картину их глубокого экономического неравенства и резкой диференцированности даже внутри одной и той же социальной группы. При чем диференциация эта происходит по всем элементам крестьянского хозяйства (посев, скот и т. д.) и достигает весьма большого размаха. Для полноты картины этой «внутригрупповой» диференциации приведем еще следующие данные о том, как группируются рассматриваемые хозяйства по размерам налогового их обложения.

Вот соответствующие показатели:

Социальные группы	На 100 хозяйств с показаниями о сел.-хоз. налоге приходится					
	Освобожден. от с.-х. налога	Плативших				
		До 2 р.	От 2 до 10 р.	От 10 до 25 р.	От 25 до 100 р.	От 100 р. и выше
Пролетариат	47,69	4,91	35,06	10,52	1,82	—
Полупролетариат	29,79	4,47	41,15	18,90	5,59	0,10
Простые товаропроизводит.	10,44	2,29	31,10	33,81	21,38	0,98
Мелкокапитал. хозяйства	2,94	—	11,76	32,35	44,12	8,83
Без различия групп	20,81	3,19	33,83	26,56	14,88	0,73

Перед нами картина резкой расслоенности хозяйств даже в пределах одних и тех же социальных групп—картина, не требующая никаких комментариев. Решающее значение для размеров обложения рассматриваемых хозяйств имеют платежи от 2 до 25 руб. В низших же двух социальных группах превалируют платежи от 2 до 10 р., в хозяйствах простых товаропроизводителей от 2 до 25 руб., (с превышением числа хозяйств с платежами свыше 10 руб.) и в хозяйствах мелкокапиталистической группы превалируют платежи от 25 и выше 100 руб. Вовсе освобождена от налога — $1/5$ часть всех рассматриваемых хозяйств. Вызывает недоумение наличие почти 3% освобожденных от сельхозналога в группе мелкокапиталистических хозяйств.

IV.

Изучая социально-классовую диференциацию, недостаточно иметь картину экономического неравенства рассматриваемых хозяйств. Необходимо еще выявить пути превращения этого простого неравенства в неравенство классовое.

Основными показателями классового расслоения деревни будут отношения найма и продажи рабочей силы. И действительно, данные рассматриваемой переписи свидетельствуют о наличии этих отношений среди крестьян, членов КП(б)Б.

Следующая таблица характеризует соотношение продажи и найма рабочей силы в хозяйствах коммунистов отдельных социальных групп:

Социальные группы	% хозяйств с отпуском рабочих	% хозяйств с наймом	В среднем на 1 хозяйство, нанимающее или отпускающее рабсилу	
			Отпущено человеко-дней	Нанято человеко-дней
Пролетариат	48,0	22,5	275,98	**21,41**
Полупролетариат	41,2	17,9	218,58	**43,85**
Простые товаропроизводит. со стоимост. средств. производст. до 400 р.	21,9	14,6	137,78	**43,[illegible]3**
Простые товаропроизводит. со стоимост. средств. производст. 401—800 „	33,1	17,1	191,6	**39,41**
Простые товаропроизводит. со стоимост. средств. производст. св. 800 „	28,7	17,7	189,97	**19,89**
Мелкокапиталистические хозяйства	10,1	97,1	180,0	**191,36**
Без различия групп	34,9	19,0	213,46	**47,58**

Итак, наем и продажа рабсилы широко распространены в хозяйствах коммунистов.

Из приведенных данных совершенно очевидно явствует превышение продажи рабочей силы над наймом таковой в хозяйствах первых трех социальных групп (пролетариат, полупролетариат, простые товаропроизводители), и совершенно обратное явление наблюдается в хозяйствах мелкокапиталистической группы, где наем рабочей силы превышает отпуск таковой.

В хозяйствах групп пролетариата количество отпускных человеко-дней почти в $13\frac{1}{2}$ раз больше дней найма на одно хозяйство. В хозяйствах же всех высших социальных групп это соотношение, естественно, сокращается, и в мелкокапиталистической группе уже имеется отмеченное выше превышение найма рабочей силы над отпуском.

Однако, не всегда «одни и те же по форме социальные отношения могут быть противоположны по своей социальной сущности. Кроме того, для определения социальной сущности крестьянского хозяйства необходим также дополнительный количественный анализ: как далеко зашло в одном хозяйстве применение чужой рабочей силы и какую роль оно играет, насколько характерным, всеобщим и длительным является» [1]).

Необходимо поэтому далее рассмотреть следующие данные относительно продолжительности и характера найма рабочей силы:

Социальные группы	% хозяйств с наймом			
	До 50 дней	51—75 дней	76—150 дней	Свыше 150 дней
Пролетариат	93,83	0,61	3,09	**2,49**
Полупролетариат	83,33	3,13	3,65	**9,90**
Простые товаропроизвод. со стоимост. средств. производст. до 400 р.	80,41	6,19	4,12	**9,28**
Простые товаропроизвод. со стоимост. средств. производст. 401—800 „	83,39	2,95	6,28	**7,38**
Простые товаропроизвод. со стоимост. средств. производст. св. 800 „	94,52	—	2,74	**2,74**
Мелкокапиталистические хозяйства	1,49	—	44,78	**53,73**
Без различия групп	79,58	2,44	7,54	**10,44**

[1]) С. Покровский. «Аграрно-крестьянский вопрос», изд. «Прибой».

Как видно из этих данных, вообще, в хозяйствах коммунистов превалирует наем до 50 дней. Наем от 50 до 75 дней относительно невелик, Свыше 75 дней нанимают почти исключительно хозяйства мелкокапиталистической группы. Эти данные дают основание полагать, что *наем рабочей силы в хозяйствах низших социальных групп носит временный и поденный характер и только в хозяйствах высших социальных групп он принимает уже характер более продолжительный и постоянный.* Подтверждение этой же мысли мы находим в следующих данных относительно характера найма:

Социальные группы	% хозяйств с наймом сроковых рабочих	% хозяйств с наймом поденных и сдельных рабочих
Пролетариат	8,02	93,83
Полупролетариат	18,75	83,85
Простые товаропроизводители	18,82	86,62
Мелкокапиталист. хозяйства	89,55	38,81
Без различия групп	22,27	83,64
Х-ва всего кр-ва	29,4	78,9

Приведенные цифры подтверждают высказанное соображение, что в хозяйствах мелкокапиталистической группы преобладает сроковый наем рабочих.

Из всего этого явствует, что *в хозяйствах низших социальных групп наем рабочей силы имеет подсобное значение и носит сезонный характер,* между тем как *наем рабочей силы в хозяйствах мелкокапиталистической группы безусловно связан уже с расширением накопления в собственном хозяйстве и принимает характер отношений эксплоатации.*

V.

Приведенных выше показателей экономической расслоенности хозяйств коммунистов, равно как и приведенных данных относительно соотношения отпуска и найма рабочей силы в хозяйствах коммунистов, все же еще недостаточно для того, чтобы окончательно определить социальную физиономию рассматриваемых хозяйств.

Для более точного определения социально-классовой структуры рассматриваемых хозяйств, необходимо еще рассмотреть и прочие элементы социальных отношений, как аренда и сдача средств производства, а также аренда и сдача земли.

По аренде и сдаче средств производства рассматриваемые хозяйства характеризуются следующим образом:

Социальные группы	% хозяйств арендовавших средства производства	% хозяйств сдававших средства производства	На 1 хоз., арендующее средства производства, уплачено рублей	На 1 хоз., сдающее сред. произв., получено рубл.
Пролетариат	23,72	0,97	25,49	25,0
Полупролетариат	12.09	0,74	23,33	31,0
Простые товаропроизвод. (все)	8,70	1,80	11,87	29,69
Простые товаропроизвод. со стоимост. средств. производст. до 400 р.	9,91	0,45	12,66	3,50
401—800 „	8,78	1,52	12,15	28,99
св. 800 „	6,30	5,08	8,11	34,23
Мелкокапиталистические хозяйства	11,59	5,80	14,25	14,0
Без различия групп	11,94	1,78	19,16	28,42

Приведенные данные показывают превышение аренды над сдачей средств производства в хозяйствах всех социальных групп, при чем % хозяйств, арендующих средства производства, падает от хозяйств низших групп к высшим группам, а % хозяйств, сдающих средства производства, наоборот, повышается в этом же направлении. Ту же картину мы видим и по приведенным данным относительно размера затрат на аренду и сдачу средств производства.

В отношении сдачи средств производства может вызвать недоумение то обстоятельство, что хозяйствами высшей, мелкокапиталистической группы выручено от сдачи средств производства меньше, нежели хозяйствами нижестоящих групп. Возможно, что здесь сказывается имевшее место при переписи некоторое укрытие действительности. Возможно также, что хозяйства мелкокапиталистической группы использовывают полнее средства производства в собственных хозяйствах и сдают в аренду наименее ценный и наименее полезный для них самих инвентарь, как плуги и сохи, а возможно отчасти также и лошадей.

Что касается сдачи и найма в аренду земли, то об этом свидетельствуют следующие цифры:

Социальные группы	% хозяйств арендовавших пашню	% хозяйств сдававших пашню	На 1 арендующее хозяйство арендовано пашни в десятинах	На 1 сдающее хозяйство сдано в десятинах
Пролетариат	3,38	4,72	0,93	2,27
Полупролетариат	5,86	1,67	1,76	2,15
Простые товаропроизводители	6,04	0,52	1,85	2,48
Мелкокапиталистические хозяйства	5,80	—	2,27	—
Без различия групп	5,65	1,46	1,73	2,28

Приведенные цифры показывают, что по отдельным социальным группам % хозяйств, арендующих пашню, растет от низших социальных групп к высшим. Число же хозяйств, сдающих пашню, наоборот, резко понижается от низших групп к высшим, составляя 4,7% в группе пролетариата и «0»—в группе мелкокапиталистической.

Простые товаропроизводители дают более высокий % хозяйств, арендующих пашню, нежели хозяйства мелкокапиталистической группы. Зато размер арендуемой пашни значительно выше в мелкокапиталистической группе и составляет 2,48 га на одно нанимающее хозяйство при 1 га в пролетарской группе. Размер же сдачи пашни приблизительно одинаков во всех группах хозяйств. Но совершенно отсутствует сдача пашни в хозяйствах мелкокапиталистической группы. Если учесть, что сдача пашни является признаком зависимости хозяйств, то приведенные данные окажутся довольно выразительными.

Итак, хозяйства коммунистов-крестьян характеризуются применением найма и сдачи рабочей силы, найма и сдачи средств производства и т. д.—в общем, *характеризуются всеми теми отношениями, на почве которых вырастают все социальные противоречия в современной деревне, происходит классовое расслоение и т. д.*

Интересно после всего также установить, отличаются ли чем-либо в области указанных отношений хозяйства коммунистов от хозяйств крестьянства вообще.

Сопоставление приведенных данных с соответствующими данными динамической переписи сельского хозяйства 1927 года позволяет дать на этот вопрос следующий ответ:

По продолжительности найма рабочей силы, среди коммунистов выше процент хозяйств, нанимающих до 50 дней (79,58% против 71,1% у всего крестьянства) и от 50 до 70 дней (2,44% против 1,9%), а ниже % хозяйств с наймом выше 75 дней (17,8% против 27% у крестьянства).

По характеру найма — в хозяйствах коммунистов выше процент хозяйств с наймом поденных и сдельных рабочих (83,64% против 78,2% у крестьянства) и ниже процент хозяйств с наймом сроковых рабочих (22,27% против 29,4%).

По найму и сдаче средств производства хозяйства коммунистов отличаются от хозяйств всего крестьянства тем, что у коммунистов ниже процент хозяйств как арендующих (11,94% против 21,69%), так и сдающих 1,78% против 9,08%) средства производства. Но, вместе с тем, хозяйства коммунистов в среднем на одно хозяйство больше затрачивают на наем (19,16 р. против 3,38 р.), равно и выручают больше от сдачи средств производства (28,42 р. против 13,63 р.), нежели хозяйства крестьянства вообще. Это свидетельствует о том, что операции по найму и сдаче средств производства в хозяйствах коммунистов достигают более высоких размеров.

По аренде и сдаче пашни хозяйства коммунистов отличаются от хозяйств крестьянства, примерно, тем же, что и по найму и сдаче средств производства.

VI.

Из общего числа обследованных хозяйств 39,5% хозяйств землеустроены. Число землеустроенных хозяйств отдельных социальных групп достигает: в группе пролетариата 35%, в группе полупролетариата 38%, у простых товаропроизводителей 40,98%, в группе мелкокапиталистических хозяйств—50,72%. Подверглись землеустройству больше всего, следовательно, хозяйства высших социальных групп.

О том, какие формы землепользования больше всего усваиваются коммунистами отдельных социальных групп, свидетельствуют следующие данные:

Социальные группы	% хозяйств с формой землепользования					Из общ. числа хозяйст. % хозяйств зем.-устроен.
	Общинной	Отрубной	Хуторской	Подворно-черезполосн.	Поселковой	
Пролетариат	0,29	6,43	12,57	60,71	19,86	35,00
Полупролетариат	0,37	3,63	13,69	59,22	23,09	38,08
Простые товаропроизводит.	0,30	2,14	18,97	56,32	22,27	40,98
Мелкокапиталист. хозяйства	—	2,90	43,48	36,23	17,39	50,72
Без различия групп	0,31	3,17	17,10	57,38	22,02	39,51
Хозяйства крестьянства вообще	—	0,8	19,5	68,6	2,9	—

Итак, в общем среди рассматриваемых коммунистов-крестьян превалирует подворно-чересполосная форма землепользования. Хозяйства мелкокапиталистической группы в значительном числе (43,5%) устроены на хуторах. Поселковая форма землепользования вообще мало распространена среди рассматриваемых хозяйств, но меньше всех устроились на поселках хозяйства мелкокапиталистической группы. Таким образом, выявляется

определенная связь между социальной принадлежностью коммунистов и применяемой ими формой землепользования.

С другой стороны, из приведенных данных становится яснее, почему хозяйства мелкокапиталистической группы более землеустроены, нежели остальные. Это произошло за счет хуторской формы землепользования, сильно распространенной среди них. Однако, на хуторах устроены коммунисты и низших социальных групп. Среди них распространены хутора с незначительными размерами посевной площади, нищенскими средствами производства и т. д. Пребывание таких хозяйств «на хуторах» свидетельствует лишь о необычайной силе собственнической психологии этих коммунистов, политической их отсталости и т. д. Индивидуализм простого товаропроизводителя довлеет у них над всем...

Между прочим следует отметить, что процент хуторских хозяйств среди коммунистов мало отстает от относительной численности хуторских хозяйств среди крестьянства вообще, а именно: 17,1% хуторских хозяйств среди коммунистов, 19,5%—среди крестьян вообще.

Приведенные данные позволяют констатировать, что в отношении проведения в жизнь решений XV с'езда ВКП(б) о распространении «таких форм землепользования, которые более благоприятны для развития кооперирования и механизации сельского хозяйства»... не все группы коммунистов-крестьян являются носителями живого примера.

VII.

В какой мере это так, свидетельствуют данные переписи об участии деревенских коммунистов в кооперации. Цифры:

Социальные группы	На 100 обследов. хоз. приходится хозяйств с членами кооп. вообще	Члены и кандидаты КПБ члены кооперации к общему числу член. и канд. КПБ в % %
Пролетариат	98,06	94,41
Полупролетариат	97,02	86,92
Простые товаропроизвод.	96,55	78,29
Мелкокапитал. хозяйств.	95,65	81,33
Без различия	96,89	82,85

Самый высокий процент кооперированности показывают хозяйства низших социальных групп. В этом проявляется зависимость общественно-политической организованности и кооперативной сознательности коммунистов от их социальной принадлежности.

По отдельным видам кооперации рассматриваемые члены КПБ распределяются следующим образом:

Социальные группы	На 100 членов кооперации вообще приходится членов кооперации					
	Потребительской	Сел.-хоз. вообще	В том числе			
			Кредитной	Производственной	Подсобн. производ.	По переработке и сбыту
Пролетариат	90,70	50,12	40,94	0,24	2,42	1,69
Полупролетариат	89,51	56,70	43,22	0,30	5,39	3,30
Простые товаропроизводит.	85,48	52,49	36,94	0,38	6,91	4,44
Мелкокапиталист. хозяйства	87,85	57,94	37,38	—	12,15	6,54
Без различия	87,15	53,20	38,91	0,34	6,04	3,84

Больше всего участвуют рассматриваемые коммунисты в потребительской кооперации, меньше всего в производственной.

В отношении участия коммунистов в сельхоз. кооперации приведенные данные позволяют констатировать нарушение партийных директив—в частности постановления XI с'езда партии, которое гласит: «участие коммунистов в сельхозкооперативах и коллективах своего района или общества безусловно обязательно».

Работу по вовлечению крестьянства в колхозы партия велит вести методами пропаганды. Но излишне доказывать, что под пропагандой партия подразумевает не только словесную агитацию.

«Мы должны сейчас с особенным ударением выпятить задачу строительства образцовых колхозов, чтобы самим учиться, чтобы давать пример крестьянам»... говорил т. Калинин на XVI партконференции. Под пропагандой коллективизации следует понимать т. о. в первую очередь живой пример, практический показ. Вполне понятно, что «творцом и носителем» этого «живого примера» в деревне должен быть, прежде всего, коммунист-крестьянин. «Правда» недавно вела на своих страницах дискуссию о том, совместимо ли для крестьянина-коммуниста пребывание в партии с ведением индивидуального хозяйства и пребыванием вне колхоза. Общее мнение высказывавшихся в этой дискуссии свелось к признанию несовместимости этих двух положений.

Крестьянин-коммунист должен состоять членом коллективного хозяйства!.. Между тем только 8,80% хозяйств коммунистов обе'динились в коллективные хозяйства, а от общего числа крестьян, членов ВКП(б), только 8,83% персонально состоят членами колхозов. Такой процент участия крестьян-коммунистов в колхозах является крайне неудовлетворительным. Надо допустить, что материал переписи дал некоторый недоучет фактического участия коммунистов в колхозах—все же общая картина крайне слабого участия коммунистов-крестьян в строительстве колхозов ярко выявлена.

Главными застрельщиками коллективизации среди коммунистов-крестьян являются демобилизованные участники Красной армии. Так, из общего числа коммунистов, членов колхозов, 53,10% демобилизованы из Красной армии, а из них: 69,20% служили в качестве красноармейцев, 23,26%—в качестве комсостава и 3,57%—в качестве политсостава (в отношении 4,02% не выяснена их роль в Красной армии).

Из общего числа коллективизированных хозяйств коммунистов состоят членами коммун—34,59%, артелей—64,16% и товариществ по совместной обработке земли—1,25%; подвергли полному обобществлению свои средства производства—47,12%, частичному—10,78%, вовсе не подвергли обобществлению—2,75% хозяйств и вступили без всяких средств производства—39,35% (преимущественно батраки и т. п.)

Однако, этих количественных показателей еще недостаточно для того, чтобы получить полную картину качественного участия коммунистов в колхозах. Надо заметить, что средняя стоимость на одно хозяйство средств производства, подвергшихся полному обобществлению, составляет 316 р. 07 коп., средняя же стоимость обобществленной части средств производства тех хозяйств, которые не полностью обобществили свои средства производства, составляет 266 руб. 72 коп. В этих хозяйствах сохранились еще средства производства в индивидуальном пользовании на 232 руб. 97 коп. или 46,65% в среднем на хозяйство. Следовательно, хозяйства более мощные при своем вступлении в колхоз, только частично обобществляют свои средства производства. Это со всей очевидностью вытекает из сравнения общей суммы стоимости средств производства хозяйств, полностью обобществивших таковые, и хозяйств, частично обобществивших свои средства производства. В первом случае средняя стоимость их на одно хозяйство составляет 316,07 р., а во втором случае—499,69 р. Однако, интересно еще выявить, в какой части отдельные средства производства обобществляются и в какой, наоборот, остаются в индивидуальном пользовании. Ответ на этот вопрос даст следующая таблица:

Средства производ.	% обобществления средств производст.	% в индивидуальн владении
Скот	64,42	35,58
Инвентарь	42,23	57,77
Постройки	51,44	48,56

Итак, в значительной части все средства производства остаются в индивидуальном пользовании, но обобществляются в меньшей степени постройки и в особенности инвентарь, т.-е. те части средств производства, которые представляют максимальную для сдачи их в аренду ценность и важнейшую основу для ведения индивидуального хозяйства. Но не только средства производства коммунисты, вступая в колхоз, оставляют в индивидуальном пользовании. Из общего числа коллективизированных хозяйств 5,26% сохранили в индивидуальном пользовании землю в размере (в среднем на хозяйство) пашни—3,06 гектара и сенокоса—1,98 га. Два таких колхозника даже сдают эту землю в аренду!.. Пять же хозяйств колхозников применяют наем рабочей силы (правда, на короткие сроки и поденно).

Если подытожить все указанные факты, как сохранение в индивидуальном пользовании земли и средств производства, и если учесть качество оставляемых в индивидуальном пользовании средств производства, остается придти к выводу о том, что у значительной части коммунистов-колхозников еще силен «частнохозяйственный интерес». Последнее подтверждается отчасти еще и тем, что 12,78% всех хозяйств пользуются индивидуальным кредитом. Размер этого кредита составляет 148,62 р. в среднем на одно хозяйство.

На почве всех этих явлений могут (даже и внутри колхозов) возникнуть отношения, которые неминуемо порождают социальные противоречия. Коммунисты-коллективисты обязаны были бы «выкорчевывать» у себя корни подобных отношений.

Суммируя все сказанное, приходится констатировать неудовлетворительное участие коммунистов в колхозах. Носителями «живого примера»—примера действенного, далеко не все коммунисты еще являются.

Следует признать, что это—результат не только мелкособствнническои психологии отдельных коммунистов-крестьян, но, пожалуй, не в меньшей степени результат недостаточно активного отношения к этому делу низовых партийных организаций. Ведь некоторые из них рассматривают дело коллективизации, как принцип, как «идею», быстрое воплощение которой в жизнь является задачей не столь актуальной.

Поэтому приходится иногда наталкиваться и на такие сюрпризы, как, например, решение общего собрания беседовской ячейки по вопросам коллективизации: «прымаючи под увагу, што раен сельсовета еще эканамична адсталы нассельніцва некультурна — поэтому нельзя прымянаць сложных форм коллектывизацыі».

Все изложенное свидетельствует о том, что работа по коллективизации сельского хозяйства в сельских организациях не завоевала еще положения «основной задачи партии в деревне».

VIII.

Выше уже отчасти была охарактеризована политическая активность рассматриваемых коммунистов.

Перепись дает еще целый ряд и других показателей, характеризующих их с этой точки зрения.

Следующие данные характеризуют участие коммунистов в работе по выбору:

Социальные группы	% членов и кандид. КП (б)Б, работ. по выбору	Из общего числа членов и кандидатов КП (б)Б, работающих по выбору в %%					
		С/сов.	Рай-испол.	Проф.	Кооп.	ККОВ	Парторганы[1])
Пролетариат	54,09	32,70	3,13	5,59	9,67	4,77	4,22/1,23
Полупролетариат	55,87	39,77	2,76	2,67	9,16	4,40	2,40/0,36
Простые товаропроизводит.	60,40	42,92	2,92	1,62	10,33	5,34	2,70/0,60
Мелкокапиталист. хозяйства	62,67	38,67	5,33	4,0	17,33	2,67	4,0 /1,33
Без различия	57,8	40,54	2,95	2,51	10,06	4,52	2,89/0,64

В общем, больше половины всех обследованных коммунистов занимают выборные должности. Степень участия в работе по выбору коммунистов отдельных групп повышается от низших социальных групп к высшим. Самый высокий процент выборных лиц дают коммунисты мелкокапиталистической группы, что находится в полном соответствии с выявленным выше фактом большего отпуска «служащих» хозяйствами мелкокапиталистической группы. Только в профсоюзных организациях и отчасти в парторганах участвуют на первом месте коммунисты группы пролетариата.

Указанное явление об'ясняется, очевидно, тем, что коммунисты высших социальных групп отличаются более высокой развитостью—культурной и политической. Но вместе с тем указанные явления свидетельствуют о том, что со стороны парторганов, повидимому, не принимаются активные меры к выдвижению на выборные должности большего числа представителей пролетарских и бедняцких групп.

Об участии коммунистов в общественной жизни вообще свидетельствуют следующие данные:

Социальные группы	Число членов и кандидатов КП (б) Б, членов обществ. орган., в %% к общему числу член. и кандидат. КП (б) Б	Число коммунистов, член. профсоюзов, в %% к общему числу членов и кандидатов КП (б) Б	Число коммунистов, член. ККОВ, к общему числу членов и кандидатов КП (б) Б	Число коммунистов, членов добровольных обществ, к общ. числу членов и кандидатов КП (б) Б
Пролетариат	96,46	90,05	17,19	90,42
Полупролетариат	94,40	78,47	18,33	88.72
Простые товаропроизводители. . . .	89 43	57,92	12, 5	85,59
Мелкокапиталистические хозяйства .	89,33	64,00	17,33	85,33
Без различия . . .	91,67	67,80	14,46	86,88

Итак наиболее общественно-организованными оказываются коммунисты бедняцко-пролетарских групп.

[1]) В числителе обозначены выборные органы — ячейки, в знаменателе— высшие парторганы.

Обращает на себя внимание крайне невысокий процент коммунистов, членов ККОВ.

Нужно еще отметить, что неграмотных среди обследованных коммунистов оказалось мало—всего 9 человек, но выявлено значительное число малограмотных, а именно: 418 человек (84 в группе пролетариата, 117—в группе полупролет., 217—в группе простых товаропроиз.). Но и малограмотность, как явление, тормозящее политическую активность коммунистов, следует признать явлением совершенно недопустимым среди коммунистов. Видимо, ликвидации этого явления не уделялось должного внимания.

Общая мощность партийной прослойки в обследованных хозяйствах характеризуется следующими данными:

Социальные группы	На 100 душ всего населения в обследован. хозяйст. приходится		На 100 членов и кандидат. КП (б) Б приходится членов КП (б) Б
	Членов и кандидат. КП (б) Б	Только членов КП (б) Б.	
Пролетариат	23,53	14,81	62.94
Полупролетариат	20,27	11,58	57,12
Прос ые товаропроизводители . . .	16,87	9,41	55,74
Мелкокапиталистические хозяйства.	16.48	12,75	77,33
Без различия . . .	18,39	10,58	57,51

Как видно из этих данных, сильнее всего партийная прослойка в хозяйствах групп пролетариата и полупролетариата.

Но самый высокий процент членов КП(б)Б оказался в группе мелкокапиталистической. Это об'ясняется, очевидно, более ранним вхождением представителей этой группы в партию, что подтверждается и следующими данными о партстаже обследованных коммунистов:

Социальные группы	На 100 членов КП (б) Б приходится членов с парт. стажем					
	До 1917 г.	От 1917 г. до 1920 г	От 1921 г. до 1924 г.	От 1925 г. до 1927 г.	От 1928 г. и позднее	Невыясн. партстаж
Пролетариат.	0,22	10.82	7.58	52,81	26,62	1,95
Полупролетариат	0,16	9,03	5,14	54 67	27,57	3,43
Простые товаропроизводит.	0,06	8.45	2,77	52,55	29.05	7,12
Мелкокапиталист. хозяйства	—	18,97	5,17	51,72	25,52	8,62
Без различия класс. групп .	0,11	9,20	4,18	53,07	28,01	5,42

Среди коммунистов мелкокапиталистической группы нет коммунистов со стажем до 1917 г. Но среди них мы находим самый высокий процент коммунистов со стажем 1917—1920 г.

Вообще же среди рассматриваемых членов КП(б)Б превалируют коммунисты со стажем от 1925 г. и ниже.

Большинство обследованных коммунистов вступило, т. о., в партию после смерти Ленина. «Эти молодые члены партии требуют к себе величайшего внимания с точки зрения правильного их политического воспитания». (Е. Ярославский—о коммунистах деревни). Между тем, почти все данные переписи говорят, что эта воспитательная работа в должной мере не проводилась.

Связь обследованных коммунистов с Красной армией характеризуется следующими данными:

Социальные группы	На 100 членов и кандидатов КП (б) Б			
	Приходится служивших в Кр. армии	Из них		
		Красноармейцами	Политработниками	Командным составом
Пролетариат	73,50	68,88	3,86	17,6
Полупролетариат	65,21	60.98	2,32	23,6
Простые товаропроизводители	60,17	56,68	2,69	28,78
Мелкокапиталистические хозяйства	64,0	43,75	6,25	39,58
Без различия	61,92	59,46	2,84	25,91

Наивысший процент рядовых участников Красной армии дают бедняцко-пролетарские группы. Лиц командного состава, равно и политработников, показывают больше всего коммунисты мелкокапиталистической группы.

Связь сельских коммунистов с промышленным производством характеризуют следующие цифры:

Социальные группы	На 100 чл. и кандид. КП (б) приходит. работ. на фабрик.	Из 100 работавших на ф-ках приходится лиц с производственным стажем				
		До 1 года	От 1 до 3 лет	От 3 до 6 лет	От 6 лет и выше	не выясненным
Пролетариат	32,83	18,26	22,82	18,26	28,22	12,45
Полупролетариат	25,89	26,46	25,09	16.15	23,71	8.59
Простые товаропроизводит.	15,70	25,73	31,32	14,77	20,81	7.38
Мелкокапиталист. хозяйства	16.0	25,0	—	41,67	33,33	—
Без различия класс. групп	20,73	24,12	27,04	16,36	23,61	8,88

Численно больше всего связаны с промышленным производством коммунисты низших социальных групп. Производственный стаж коммунистов, как видно из приведенных данных, крайне разнообразен. Более высоким производственным стажем отличаются, однако, коммунисты высших социальных групп.

IX.

Какие же из всего сказанного напрашиваются выводы?

Прежде всего тот, что регулированию социального состава крестьян-коммунистов, видимо, не уделялось должного внимания, ибо директивы партии о повышении удельного веса бедняцко-пролетарских элементов деревни в партии не выполнены.

Итоги переписи позволяют констатировать наличие среди деревенских коммунистов целого ряда отрицательных явлений, как-то: применение найма рабочей силы, имеющего не только подсобное значение, но также найма более систематического и продолжительного, преследующего уже интересы расширения хозяйства, интересы накопления;

сдача в аренду средств производства и наем в аренду от крестьян земли, чем фактически практиковалась скрытая эксплоатация зависимых, маломощных крестьянских хозяйств;

содержание кустарно-промышленных заведений явно предпринимательского типа и т. д.

На почве указанных явлений происходит не только перерастание хозяйств коммунистов в хозяйства более высокого типа, но происходит зачастую и полное перерождение этих коммунистов.

Перепись выявила дальше, что значительная часть коммунистов-крестьян не состоит членами кооперативных организаций; участие же их в производственной кооперации чрезвычайно низкое, что является прямым невыполнением партийных директив.

Значительная часть коммунистов-крестьян не является активными проводниками тех форм землеустройства, «которые являются более благоприятными для развития кооперирования и механизации сельского хозяйства», о чем свидетельствует незначительный процент хозяйств с поселковой формой землепользования, высокий процент хозяйств с хуторской формой и абсолютное преобладание подворно-чересполосной формы землепользования.

Наконец, коммунисты-крестьяне слабо участвуют в строительстве коллективных хозяйств.

Крайне неудовлетворительное количественное участие их в коллективных хозяйствах сопровождается еще, к тому же, рядом отрицательных явлений, как-то: неполное обобществление средств производства при вступлении в колхоз, сохранение в индивидуальном пользовании лучшей части таковых; сохранение в индивидуальном пользовании земли, которой пользовался до вступления в колхоз; сдача оставленной в индивидуальном пользовании земли в аренду или наем батраков для обработки таковой.

По линии же ведения индивидуального хозяйства коммунисты-крестьяне не являются носителями более совершенных форм и способов сельхозпроизводства (мало применяют многопольный севооборот; по применяемой ими системе полеводства хозяйства коммунистов почти не отличаются более интенсивным его направлением и т. п.).

Среди коммунистов-крестьян имеется значительное число малограмотных. Затраты же коммунистов-крестьян на культурные нужды (выписка газет и т. п.) крайне незначительны.

Отмеченные явления должны привлечь к себе пристальное внимание партии. При наличии этих явлений сельские коммунисты не в состоянии выполнять в необходимой мере роль коммунистического авангарда в деревне— быть силой, ведущей за собой широкие слои крестьянства по пути социалистического преобразования деревни.

Устранению, изживанию этих явлений, борьбе с ним должен быть поэтому посвящен максимум внимания и энергии.

Происходящая чистка партии достигнет значительных в этом направлении результатов. Но условия мелкого товарного производства, которое «рождает капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе», будут способствовать всевозможным рецидивам. Поэтому все достижения чистки партии потребуют своего закрепления путем широкой, систематической партийно-воспитательной и политико-просветительной работы по усвоению задач партии, правильному осуществлению классовой линии в деревне, поднятию вообще культурного уровня коммунистов и т. д. и т. д.

И. Цекиновский.

Через МТС к обобществлению сельского хозяйства.

I. МТС — крупная энергетическая база.

Энергетическая база коллективизации в Одесском округе представлена, главным образом, двумя машино-тракторными станциями (МТС), приобревшими уже всесоюзную известность: государственная межселенная МТС Укрсовхозоб'единения (при совхозе имени Шевченко) и МТС, принадлежащая с.-х. кооперации (обе станции находятся в Березовском районе). В перечисленных двух машино-тракторных станциях есть ряд моментов, отличающих одну от другой. Происхождение станций: государственная станция, являясь детищем совхоза им. Шевченко, органически связанна и сейчас с ним, кооперативная же—организована на средства с.-х. кооперации и должна быть реорганизована в кустовую колхозную станцию (для выкупа ее колхозами установлен специальный взнос в 2 рубля с га). Технический уровень станций: МТС УкрСО (Шевченковской) значительно выше кооперативной не только численностью наличных тракторов и др. крупных с.-х. машин, но и качеством их. Наоборот, участие населения в управлении станцией и контроль над работой ее больше всего наблюдаются в к о о п е р а т и в н о й станции (совет при станции из представителей союза с.-х. кооперации, с.-х. кредитных т-в и крупных колхозов). Приходится даже отметить наличие у отдельных работников Шевченковской МТС своеобразной «энергетической» теории, считающей, что достаточно изменить характер энергии в сельском хозяйстве, как от этого меняется весь строй сельскохозяйственного производства. Налицо, таким образом, недоучет перестройки производственных отношений, «переделки» человеческого материала, о которой нас Ильич учил никогда не забывать.

Однако, гораздо важнее, конечно, то общее, что есть в этих двух станциях, а именно: к о н ц е н т р а ц и я в с е х т е х н и ч е с к и х с р е д с т в п р о и з в о д с т в а н а о д н о м м е с т е и н а л и ч и е с о в р е м е н н о й в ы с о к о у с о в е р ш е н с т в о в а н н о й т е х н и к и. Именно это сразу поставило станции выше индивидуального даже зажиточного крестьянского хозяйства, в том числе и хозяйства немцев, вполне справедливо считавшегося в Березовском районе наиболее показательным. Только в сочетании техники и удачной в целом организации ее (несмотря на отдельные промахи, как выбор местопребывания кооперативной станции) стали возможны в Березовском районе бурные, не только для Одесского округа, но и для всей Украины необычные темпы реконструкции сельского хозяйства. Больше того, опыт работы этих 2-х станций, существующих меньше двух лет, уже сейчас дает возможность поставить вопрос о необходимости и своевременности полной реорганизации всей о р г а н и з а ц и о н н о й и ф и н а н с о в о й системы в районе.

II. По пути к единому крупному социалистическому хозяйству.

Прежде всего, некоторые итоги работы машино-тракторных станций. Начнем с коллективизации, являющейся, несомненно, показателем реконструкции сельского хозяйства. Под влиянием МТС темп коллективизации в Березовском районе в течение 1½ лет превысил самые оптимистические предположения. Особо ярко это выявится путем сравнения с средне-окружными показателями (по Одесскому округу):

%% коллективиз. х-в в округе			%% коллективиз. х-в в Березовск. районе		
на 1/X-27	1/X-28	1/IV-29	на 1/X-27	1/X-28	1/IV-29
6.2 6.355,0	13.5 14.070,0	17,2 18.098,0	0,8 62,0	23,3 1.556,0	36,2 2.419,0

%% коллективиз. земли в окр.			%% коллективиз. земли в Березов. районе		
на 1/X-27	1/X-28	1/IV-29	1/X-27	1/X-28	1/IV-29
5,7 78.203,0	12,1 166.751,0	15,4 208.873,0	1,2 847,0	30,9 21.999,0	44,6 31.612,5

Больше чем в д в о е хозяйств и почти в т р о е больше земли обобществлено в Березовском районе (в районе деятельности МТС) против средне-окружных показателей, самих по себе достаточно высоких. Изменилась и природа коллективов. Под влиянием МТС коллективизация, перевод земельных обществ полностью или частично на устав СОЗ (т-ва по совместной обработке земли) приобрели массовый характер. Так, из 75 соз'ов в округе, образовавшихся из земельных обществ, 68 падает на Березовский район, или 80% всех соз'ов. Произошло значительное укрупнение колхозов как по числу хозяйств в них, так и земли. В среднем по округу на колхоз приходится (данные на 1/V—29 г.) 21,4 хозяйство, в Березовском районе—35 хозяйств; земли на колхоз по округу—247 га, в Березовском районе—458 га. Если же взять отдельные колхозы в Березовском районе, то данные о них будут особо разительны. Вот, например, отдельные соз'ы (образовавшиеся из земельных обществ), обслуживаемые Шевченковской станцией: «Дорожка Ильича»—162 хозяйства, с земельной площадью в 1.969 га; имени Чубаря—140 хозяйств, 1.377 га; Колосовка—211 хозяйств, 2.075 га; Мариново—104 хозяйства, 1.352 га, и т. д.; обслуживаемые кооперативной станцией: «Напза»—154 хозяйства, 3.200 га, «Победа»—90 хозяйств, 1.967 га, им. Петровского—44 хозяйства, 1.736 га и т. д. Это уже массивы от 1½ до 2 тысяч га, которые приближаются к типу крупных хозяйств и представляют образец подлинной массовой коллективизации.

Во всем этом процессе ведущую роль играют МТС. Это характеризуется данными о размере обработанной ими посевной площади. Шевченковской станцией весной этого года (на 1/V—29 г.) обслужено 3.107 хозяйств с посевной площадью в 37.536 га, а по Березовскому району (станции захватывают отдельные села за пределами Березовки. *И. Ц.*) — 2.513 хозяйств с 29.909 га, или 35,1% ко всем хозяйствам в районе и 47,8% ко всей посевной площади. Кооперативная станция обслужила 1.319 хозяйств с 19.102 га, а по Березовскому району—1.102 хозяйства с 16.363 га или 15,4% ко всем хозяйствам в районе и 26,6% посевной площади. Почти ¾ всей посевной площади Березовского района (точно 74,0%) охвачено машино-тракторными станциями, при чем массивы, обработанные ими (как Шевченковской, так и кооперативной) почти нигде не спускались ниже 200 га. (Забегая несколько вперед, нужно отметить колоссальный разрыв между размерами обобществленной площади и обслуженной МТС; 16½ тыс. га находится во вне-

статутных группах, выделившихся из земельных обществ и организационно еще не оформившихся в соз'ы).

Таким образом, концентрация технических средств производства сопровождается одновременно укрупнением раздробленных индивидуальных хозяйств и их посевной площади и показывает, по какому пути будет развиваться хозяйство в районе. Это путь полного уничтожения крестьянской межи, превращения посевной площади отдельных хозяйств и отдельных даже земельных обществ в один сплошной массив. Это путь создания единого крупного обобществленного хозяйства в районе.

Другим результатом работы МТС является частичная перегруппировка основных капиталов в сельском хозяйстве. Чем вызвана эта перегруппировка—понятно: освободившиеся благодаря МТС свободные рабочие руки (по данным, например, кооперативной станции, в районе ее деятельности все виды земледельческого труда занимают всего только 70 дней в году), рабочий скот и сельскохозяйственный инвентарь крестьяне направляют, прежде всего, по линии развития животноводства и технических культур. Гораздо труднее сейчас определить количественные показатели этой перегруппировки, ибо не следует упускать из виду, что в годы недорода (а Березовский район находится как раз в полосе недорода) все эти процессы происходят в чрезвычайно противоречивых условиях. Пока только можно говорить об отдельных признаках, свидетельствующих о наличии перегруппировки основных капиталов в сельском хозяйстве, которую нужно отнести, главным образом, за счет МТС. Вот, например, отдельные, но весьма характерные показатели: резко уменьшился спрос на с.-х. инвентарь со стороны селян. В Мариновском товариществе (в районе деятельности Шевченковской станции) спрос уменьшился на 75%; в Марьяновском (в районе деятельности кооперативной станции) спрос со стороны индивидуальных хозяйств на с.-х. машины совсем прекратился, и очень остро встает уже сейчас вопрос об организации сбыта с.-х. машин, имеющихся у селянства. Более медленно в районе деятельности МТС происходит сокращение продуктивного скота, чем рабочего. Это иллюстрируется, например, такими данными:

Уменьшилось (на 1/V 29 г. против 1/X 28 г.)

По всему Березовскому району		По трем земгромадам в районе действ. МТС	
Лошадей	Коров	Лошадей	Коров
— 36,8%	— 27%	— 53,5%	— 7,8%

Отсутствие социальных показателей не дает возможности проследить, за счет каких именно групп происходит сокращение рабочего скота. Обследование соз'а «Стежка Ильича» («Дорожка Ильича»), уже раз упомянутого нами, как крупный коллектив, об'единяющий около 2.000 га, свидетельствует о том, что при наличии общей тенденции сокращения продуктивного скота (отсутствие кормов) ряд бедняцких хозяйств за счет продажи лошади («не нужна при обслуживании станцией») приобрели корову.

Как ни недостаточны количественные показатели, но общую тенденцию их можно уловить: МТС разгружают крестьянское хозяйство от некоторых капитальных вложений (рабочий скот, с.-х. инвентарь) и способствуют направлению освобождающихся средств в другие отрасли сельского хозяйства, каковыми являются животноводство и технические культуры. Конечно, более четко выявится перегруппировка основных капиталов в сельском хозяйстве осенью,

в период реализации урожая, который в этом году в Березовском районе значительно выше прошлогоднего. Машино-тракторные станции уже на данном этапе их развития создают новые формы сбыта сельскохозяйственной продукции. Это прежде всего сказалось на коллективных показателях контрактации и особенно природе последней. По всему Березовскому району законтрактованная посевная площадь увеличилась с 5.020 га весной 1928 года до 25.879 га в весну 1929 года, т.-е. обнаружила рост в 5 раз. Больше половины законтрактованной площади (55,4%) падает на с.-х. об'единения. Заложены весной этого года крупные массивы размером до 20.000 га преимущественно чистосортными зерновыми и техническими культурами (85% всей площади). В связи с тем, что уборка урожая и молотьба почти целиком связаны с МТС, мы получаем впервые возможность централизованного сбыта крестьянством своих товарных излишков и, в первую очередь, по контрактации.

МТС подбираются, нужно сказать, удачно ко второй половине своего реконструктивного плана. В этом году Шевченковская станция заложила 100 га общественных виноградников в пяти селах: Завадовке, Фрайгат, Котовском, Даниловке и Нейфельде. Для разведения высших доходных сортов винограда из Франции было выписано 300.000 саженцев. Для руководства развитием виноградарства приглашен специалист этого дела проф. Кипен. Те села, где в этом году разводятся общественные виноградники, очень довольны этим мероприятием. В этом мероприятии чрезвычайно интересны два момента: во-первых, для многочисленных рабочих рук, находящихся в состоянии бездействия, найдена возможность приложения этих рук, и, во-вторых, это одновременно сопровождается обобществлением наименее охваченной нами отрасли сельского хозяйства. Благодаря организующему воздействию станции Нейфельдская колония (еврейская)—по пути к преобразованию соз'а в коллектив, а может быть, и коммуну.

Работа машино-тракторных станций сочеталась с огромной кредитной помощью, оказанной бедняцко-середняцким слоям села. Это достигалось: 1) преимущественным обслуживанием МТС бедноты (по данным кооперативной станции, 83,7% хозяйств, обслуженных ею,—хозяйства бедняцкие), 2) полным обеспечением бедноты семенным материалом, 3) авансированием системой с.-х. кредита МТС за обработку земли (кооперативной станции полностью и частично по Шевченковской), 4) кредитами на скотозалоговые операции. Из общей суммы ссуд, выданных весной этого года, беднота получила 75%.

Таковы в самых общих чертах итоги, пока еще предварительные, работы МТС, которые прокладывают путь к одному крупному обобществленному хозяйству.

III. Классовая борьба вокруг МТС и наши „уязвимые" места.

Те огромные сдвиги, которые произошли благодаря МТС в сельском хозяйстве Березовского района, сдвиги, идущие по линии сочетания технической и социальной реконструкции, не могли, конечно, не вызвать нового взрыва обострения классовой борьбы. На примере МТС лучше всего продемонстрировать — да будет нам позволено сказать — глупость (отчего она не перестает быть преступной) разглагольствований правых о «мирном врастании» кулаков в социализм. Прежде всего, надо отметить, что кулак в районе МТС меняет тактику. Кулак сейчас открыто не выступает и всю свою вредительскую работу проводит в разнообразных формах, не лишенных определенной гибкости. Есть часть кулаков, упорных, но по-своему «честных» и остающихся целиком на своих прежних позициях. Мне пришлось, например, беседовать с такими «потомственными почетными»

кулаками в с. Марьяновке, и они откровенно заявили: «Тут нам нема більш чого робити, треба їхати до Сибіру, кажуть, що там таких д'яволів немає» (тут нам нечего делать больше, надо переезжать в Сибирь, где, как рассказывают, нет таких дьяволов (МТС). Преобладает, однако ж, другая тактика кулака: открыто не выступать, но коллективы взрывать изнутри при помощи... подкулачника—этого широко распространенного в Березовском районе подголоска кулака. В этом отношени чрезвычайно хаирактерно одно собрание членов соз'а «Стежка Ильича» («Дорожка Ильича»), на котором нам пришлось присутствовать и проследить за работой «подкулачников». В этом соз'е работа подкулачников (вернее, кулаков) зашла так далеко, что клин кукурузы, уже обработанный МТС, перераспределили между всеми членами соз'а с целью каждому в отдельности просапать свой участок. Как водится в таких случаях (мы уж не говорим о нарушении устава соз'а), наихудшие участки были выделены наиболее обездоленным хозяйствам вдов. В этой истории характерен один штрих, рикошетом отражающий наши слабости уже по линии руководства, секретарь Балайчукской ячейки (где находится упомянутый соз) поддерживал «собственной рукой» шляпу с жребьями на дележку кукурузного клина... Правление соз'а в этом вопросе было тоже единодушно—«мол, надо итти за массой». И вот, когда на общем собрании членов соз'а был поставлен вопрос об отмене дележки в коллективном просапывании, наиболее упорным противниками отмены его дележки выступили не кулаки—они помалкивали,—а их подголоски-подкулачники, которые в своей значительной части являются бедняками. Когда после собрания я спросил одного из местных кулаков (члена соз'а): неужели он думает, что долго еще удастся морочить голову бедноте и водить ее за нос, — я получил классический ответ, достойный шахтинца: «Звичайно, що довго не вдасться, але пошкодити можна» (конечно, долго не удастся, но повредить еще можно). Есть, наконец, и третья разновидность кулака, который просто ловит рыбку в мутной водице и прекрасно использовывает наши собственные ошибки. Так, например, часть кулаков из немецкого села Пейково, пользуясь тем, что их земли обрабатывает Шевченковская станция, сами со своими лошадьми и инвентарем двинулись в село Окорьевку и за довольно высокую плату обрабатали землю бедноты.

Беднота почти на все вылазки кулака отвечает дружным отпором, но ей часто нехватает руководства, которое достаточно обеспечено в районном центре, но слабеет по мере продвижения к отдельным селам, отдельным земельным громадам, преобразовавшимся в соз'ы. Последнее еще усугубляется тем, что нет еще (и времени было для этого еще мало) выкристаллизованных кадров коллективизаторов в соз'ах, и руководящий состав соз'ов страдает невиданной текучестью, часто совпадающей с хвостизмом, выгодной только кулакам.

IV. О „ножницах“, которые надо устранить.

Всякая новая социальная база, а машино-тракторные станции способствовали созданию этой новой базы (коллективизация) требует и соответствующей «надстройки», проще говоря, требует не только технического, но и организационно-финансового единства.

Имеем ли мы это «единство» в Березовском районе — в районе деятельности Шевченковской и кооперативной станций? На этот вопрос надо со всей откровенностью ответить: нет.

Начнем с основного рычага на селе — с системы сельскохозяйственного кредита. В районе деятельности 2 станций находится 7 кредитных товариществ (три в районе деятельности кооперативной станции и четыре — в районе деятельности Шевченковской) — это при наличии 75% земли в районе, охваченной этими двумя станциями. Если присмотреться к формам и методам их работы, то почти все осталось по-старому. Машино-тракторные станции сами по себе и товарищества, в свою очередь, не отстают. Для иллюстрации возьмем три участка работы, где больше всего переплетаются кредитные товарищества с МТС. М о б и л и з а ц и я с р е д с т в н а с е л е н и я. Мы уже раньше подробно освещали этот вопрос, доказывая, что МТС создают неблагоприятные условия для аккумуляции крестьянских сбережений и возможность направить их в животноводство и технические культуры. Кредитные товарищества не сумели использовать этих условий. Больше того: товарищества даже не ставили перед собой эту задачу, что видно будет из такой таблички (по всем 7 товариществам на 1/IV—29 г.):

	Собрано	
	Сумма (в рублях)	В среднем на 1 пайщика
Паев	34.924	6 — 01
Специальных взносов	10.356	0 — 77
Крестьянских вкладов	7.991	1 — 22
Специальных взносов на выкуп МТС	1.489	—
Всего	54.760	—

Характерно, что в таких товариществах, как Мариновское и Марьяновское, которые находятся «под пупом» обеих станций, хуже всего обстоит дело с мобилизацией крестьянских средств. Природа специальных взносов (не считая мизерных пока взносов на выкуп кооперативной станции) выдает кредитные товарищества с головой. Это почти исключительно взносы на товаро-посреднические операции, в то время, как ничего не сделано по мобилизации средств на конкретные мероприятия, экономически необходимые в этом районе (коровники, предприятия и т. д.).

Возьмем второй, важнейший участок работы: о б с л у ж и в а н и е к о л л е к т и в о в. По линии агрономической мы имеем в районе МТС настоящее вавилонское столпотворение. Кредитные товарищества имеют свою кооперативную агрономию, колхозсекция — свою (при т-вах), МТС — тоже и, наконец, райзу — со своей довольно разветвленной агрономией. Во всем Березовском районе числится 25 агрономов — число вполне достаточное, чтобы обслужить коллективы, а в результате—непрекращающиеся жалобы на недостаточность или даже отсутствие агрономической помощи. Это, несомненно, результат распыленности агрономии, кричаще противоречащей концентрированному характеру машино-тракторных станций.

Третья — контрактация. Кредитование этой весной во всех кредитных товариществах было увязано с контрактацией, но последняя в значительной степени врастает в МТС. В этом отношении чрезвычайно показателен договор, заключаемый Кооперативной станцией с земельными обществами. Вот о чем гласит § 16 этого договора:

«Все товарные излишки с урожая обрабатываемой трактором площади в размере для пшеницы и ржи не менее 50% валового сбора, для ячменя, кукурузы и овса—40% этого сбора и для всех интенсивных культур—30% должны быть реализованы через товарищество по установленной регулирующими органами цене на день сдачи со всеми надбавками за качество. Сдаче этих излишков товариществу производится немедленно после уборки урожая и обмолота».

К сожалению, Шевченковская станция в своем договоре не предусматривает такого обязательства, ограничившись только получением за все произведенные работы 1/4 зерна озимой пшеницы по пару и 1/3 зерна всех остальных озимых и яровых посевов после молотьбы (Кооперативная станция за работу берет только деньгами). Кредитным товариществам в районе дея-

тельности Шевченковской станции пришлось буквально гнаться по пятам за станцией, добиваясь также контрактационных договоров с земельными обществами. А если рассмотреть вопрос о контрактации под углом зрения финансовых расчетов между МТС и земельными обществами и зем. обществ (преимущественно созов) с кредитными товариществами, то становится ясной вся нелепость и почти невозможность стройной системы таких расчетов при наличии семи распыленных, ничем почти не связанных с МТС кредитных товариществ.

Наконец, надо отметить, что меняется и природа (назначение) кредитов. Вот любопытная табличка, дающая возможность об этом судить (по отчетным данным товариществ):

	Одесский округ	Березовский район
	(в рублях)	
В среднем выдано посевных кредитов на 1 га посева всего	7 — 01	5 — 28
В об'единениях	15 — 35	3 — 76
В среднем выдано машин. кредитов на 1 га посева всего	1 — 37	0 — 22
В об'единениях	3 — 66	0 — 27

Эта табличка чрезвычайно показательна тем, что она показывает, как резко снижается нагрузка кредитами на 1 га посева в районе деятельности МТС, особенно по об'единениям, почти целиком обслуженным станциями. Становится также очевидным, что в этом районе, особенно с осени этого года, надо резко изменить направление кредита в сторону стимулирования кредитом обобществления животноводства и технических культур. Этого перелома в кредитной политике системы с.-х. кредита мы пока не имеем.

Еще резче выявляется разрыв между органами специальной кооперации и МТС. Специальные товарищества в Березовском районе (молочарские) совершенно не увязаны с МТС, нет этой увязки даже с окружными центрами. Дело доходит иногда до анекдотов, когда инструктора Молочарсоюза уговаривают крестьянство строить общественные коровники там, где и коров нет!..

Подытожим основные выводы, которые вытекают из всего сказанного нами:

1. Организация машино-тракторных станций на основе концентраций всех технических средств производства вызвала бурный темп коллективизации, придала последней массовый характер, определила пути дальнейшего ее развития к превращению ныне еще разбросанных и не связанных между собой коллективов в единое крупное обобществленное хозяйство.

2. Несмотря на то, что обобществление коснулось пока только полеводства, что даже и этот процесс не закончен полностью, уже сейчас остро чувствуется разрыв между производственным единством энергетической базы коллективизации и организационно-финансовым обслуживанием колхозов со стороны всех организаций, связанных с селом (с.-х. кредитной кооперации, специальной и пр. государственных и общественных организаций на селе).

3. Такое положение создает большую угрозу для дела коллективизации в целом, ибо задерживает обобществление животноводства и технических культур, куда сейчас будут устремлены освобожденные МТС рабочие руки и крестьянские капиталы.

4. Без своевременного и организованного воздействия на обобществление этих отраслей сельского хозяйства можно опасаться форсированного роста «хвоста» индивидуального сектора (животноводства, техн. культур) как раз в тех формах, против которых мы решительно боремся— в формах капиталистических.

5. Устранение этой угрозы требует от нас монистического единства энергетической базы (МТС) и всей ее «надстройки», начиная с кредитной системы и кончая всеми организациями, обслуживающими сельское хозяйство. Прежде всего, реорганизация должна коснуться системы с.-х. кредита как по линии организационного ее строительства, так и направления ее работы.

V. В каком направлении перевооружаться?

Мы наметим только основные вехи той реорганизации, которая уже сейчас, как нам думается, вполне назрела. Машино-тракторная станция, представляющая крупную энергетическую базу, должна иметь рядом с собой: а) мощную с.-х. кредитную организацию, и б) производственное об'единение (кустовое об'единение) всех колхозов и зем. обществ, заключивших договоры с МТС на обработку земли.

Кредитная политика должна стимулировать:

Обобществление полеводства в тех хозяйствах, которые еще не охвачены МТС;

обобществление животноводства и интенсивных культур;

строительство крупных экономически-необходимых в данном районе предприятий;

перерастание низших форм об'единений (преимущественно совхозов) в высшие формы: коллективы, коммуны, с постепенным укрупнением их в одно крупное обобществленное хозяйство.

Все мероприятия, связанные с указанными процессами обобществления и широко финансируемые государством, должны вызвать встречную волну— мобилизацию системой с.-х. кредита свободных крестьянских средств на проведение этих мероприятий.

Особенно должна быть выпячена роль специальных взносов, отчислений в фонды специального назначения на финансирование отдельных мероприятий как-то: мелиорации, с.-х. предприятий -животноводства, интенсивных культур и т. д. Широкое развитие должны получить комиссионно-банковские и фондовые операциии, которые в районе деятельности МТС имеют все предпосылки к росту. Достижения системы с.-х. кредита должны отныне определяться, главным образом, размерами мобилизации крестьянских средств.

Кустовое об'единение колхозов не представляет еще собою одного сплошного массива. Между отдельными коллективами имеется еще земельная площадь индивидуальных хозяйств. Задача такого кустового об'единения:

управление наличными коллективами;

составление единых производственных планов для колхозов;

коллективизация индивидуальных хозяйств, не охваченных еще МТС;

обобществление в колхозах животноводства, садоводства, виноградарства и остальных отраслей сельского хозяйства;

коллективное жилищное строительство, что должно привести к отмиранию отдельных колхозов и перерастанию кустового об'единения в одно крупное обобществленное хозяйство.

Сочетание кредитного и производственного обслуживания населения явится решающим фактором в деле практического осуществления социалистической реконструкции всего сельского хозяйства.

Природой машино-тракторных станций и будет определяться их место в сельскохозяйственном производстве. Сращивание кооперативной станции с кустом, фактически начатое уже, должно быть энергично поддержано Сельбанком и Сельсоюзом в сторону превращения этой станции в энергетическую базу колхозного куста.

Шевченковская станция, как государственная, остается самостоятельной энергетической единицей (это предусматривается и проектом вносимого в СНК декрета об МТС), с которой кустовое об'единение колхозов находится в определенных договорных условиях.

В соответствии с этими задачами и должна быть реорганизована система с.-х. кредита в районе деятельности машино-тракторных станций.

Вместо распыленных с.-х. кредитных товариществ в районе деятельности каждой станции (на первой стадии их работы) должно быть организовано единое мощное банковское учреждение со своим центром там же, где и центр МТС.

Кредитование кооперативной машино-тракторной станции проводится через кустовое об'единение, являющееся и собственником этой станции.

Шевченковская станция непосредственно не кредитуется (за исключением ее собственных нужд); кредитуется население через то же кустовое об'единение, которое полученные кредиты передает МТС за проведенные ею работы в колхозах (мы здесь говорим о принципах, а не о технике дела. *И. Ц.*). До перерастания всех колхозов в единый укрупненный коллектив, каждый колхоз в отдельности получает те кредиты, которые предназначены на мероприятия, проводимые им самим (с санкции и по плану куста).

Организация единого и чистого вида кредитного учреждения (банковского) требует также реорганизации сбыто-снабженческих операций. Долгосрочная контрактация преимущественно в с.-х. об'единениях освобождает нас от необходимости иметь посредников в лице специальных товариществ. Коллективы через свое кустовое об'единение сбывают свою товарную продукцию непосредственно окружным заготовительным организациям. Все расчеты за сданную продукцию проводятся через банковское учреждение при МТС.

Машиноснабжение, как функция кредитного товарищества, или даже специального, отпадает. МТС целиком снимает с порядка дня вопрос о машиноснабжении колхозов, а машины для себя (станция) получает непосредственно с базисных складов или даже с заводов. Снабжение машинами (временное) хозяйств, не охваченных еще МТС, производится на одном-двух складах окружной машиноторгующей организации на узловых станциях в районе.

Реорганизована должна быть и специальная кооперация. Обслуживание специальных отраслей сельского хозяйства должно быть целиком передано кустовым об'единениям Вероятнее всего — и об этом уже говорит небольшой опыт Шевченковской станции, — что развитие колхозов пойдет по пути комбинирования зерновых и специальных культур (колхозы: Вайфельд, Фрайгайт и др.).

Разного рода предприятия (маслодельные, сыроваренные заводы и др. по первичной переработке с.-х. продуктов) должны быть переданы кустовым об'единениям или отдельным колхозам в зависимости от их размеров, местоположения, назначения и т. д.

При кустовых об'единениях организуются производственные отделы, об'единяющие строительство новых предприятий, тоже в отношении сбыта с.-х. продукции.

Все специалисты и организаторские силы вообще об'единяются вокруг куста.

Кредитование специальных отраслей сельского хозяйства проводится сельбанком через кустовое об'единение или через отдельные коллективы, в зависимости от значения этих мероприятий. Увязка работы коллективов в районе деятельности МТС с окружными союзами проводится через кустовое об'единение.

Мы сознательно так долго останавливались на опыте МТС Березовского района, ибо этот опыт выходит не только за пределы района, но и Одесского округа. Сейчас в разных округах строятся новые машино-тракторные станции. Все они обращаются к опыту МТС Березовского района. Учесть этот опыт во всех его направлениях, своевременно и верно, извлечь уроки из этого опыта—значит помочь остальным вновь возникающим станциям с меньшей затратой сил, времени и средств двигаться по пути социалистической реконструкции села.

Письма В. И. Ленина А. Шляпникову.

(Из переписки В. И. Ленина в эпоху империалистической войны).

1.

А. Шляпникову.

[1916 г. март или апрель]

Дорогой Александр!

Вчера написал Вам коротко [1]). Сегодня хочется поговорить еще.

«Условия» японцев меня возмутили до глубины души. Двум редакторам дать право вводить дискуссию сотрудника!! Даже не трем, а двум—значит, издатели не «полагаются» ни на кого, кроме как на себя.

Смысл этого пункта ясен: желание спрятаться за Радека и р а з ж и г а т ь наши разногласия с ним и с P. S. D. [2]). Это не дискуссия, а верх интриганства, верх низости. Это все равно, как если бы в Париже нам протаскивали дискуссию с Раппопортом, или Левой [3]), или Викторенком [4]), или Богдановым [1]) в 1911 году!!! Я вам писал, что польская «Газета Роботнича» [2]) *(ф е в р а л ь 1916 г.)* выступает против нас совсем как эти тогдашние парижане.

Ни в коем случае не пойду я в редакцию с подобным интриганством, прячущимся за дискуссию. Хотите помогать разлагать нашу партию, господа японцы: делайте это за с в о е й ответственностью. У вас мошна полна. Издавайте сами «дискуссию» Радека или «Газеты Роботничей»: тогда р у с с к и е рабочие сразу увидят, что вы интриганы и выгонят вас. А вы хотите п р о в е с т и эту подлость под п р и к р ы т и е м «коллективной редакции». Извините, я на это не пойду и разоблачу вас. Вот мой ответ японцам на этот счет.

Тоже насчет «равноправия» (удаление седьмого или голосование его). Это продолжение старой «игры». При чем тут партийность: мы будем давать «равноправие» людям, проявившим себя о т р и ц а т е л ь н о!!. С какой стати? Равноправие = право портить работу! Во имя чего? для чего? для у в е к о в е ч е н и я склоки?

Нет, если хотят сделать опыт н о в ы й,—возьмем н о в ы й журнал, вернее с б о р н и к, и п о п ы т а е м с я (старое доверие подорвано) выпустить 1 сборник с редакцией из 7. Сделаем *о п ы т:* это максимум уступки, на который я могу по совести пойти. Если опыт не удастся, господа интриганы и капиталисты ничего не теряют, ибо «мошну» отнять всегда можно. А мы тогда выпустим свой сборник. Просто. Ясно. Без склоки.

Очень жму руку и прошу быть терпеливым.

Ваш Л е н и н.

2.

А. Шляпникову.

[Май 1916].

Дорогой А[лександр]!

Конечно, мы дадим Бел[енин]у 300 кр[он], если он уже так твердо решил свой план поездки. Жаль, если он уедет. И во всяком случае, вы должны в с е сделать, чтобы обеспечить его возврат через неск[оль]ко м[еся]цев.

Насчет «японцев» Вы напрасно думаете, что они сделали «значительные уступки» в пересланном вами проекте. Никаких! Напротив, требование дать д в у м право протаскивать несогласных сотрудников есть н о в о с т ь, добавка, surenchère [3]). И эта новость есть явное разоблачение их «политики» в самом худом смысле слова. Если основатели, издатели, молодые сотрудники хотят с е б е свободы мнения, дискуссии, это—законно. Но если люди п р и к р ы в а ю т с я этим законным желанием, чтобы протаскивать «дискуссию» н е с в о ю, а «сотрудников», разве не ясно, что это игра??

Никогда и нигде в свете это не видано. Если д в о е хотят публикации всяких заграничных склок,—пусть валяют и п у с т ь о т в е ч а ю т за это. Я ни прямо, ни косвенно тут н е м о г у у ч а с т в о в а т ь.

Вы спросите, м[ожет] б[ыть], где доказательства, что дело идет о загр[аничных] склоках? Я уже *д а в н о* писал вам об этом, и Вы ни разу не ответили. Доказательство — № «Газеты Роботничей» (февр. 1916 г.), из коей у нас «сотрудники» Радек и Бронский [4]).

---

[1]) Письма, о котором говорит здесь Владимир Ильич, в распоряжении Института не имеется. Видимо оно, как и ряд следующих писем, было посвящено конфликту, возникшему в редакции журнала «Коммунист».

Редакция «Коммуниста» состояла из т. Л е н и н а, П я т а к о в а, З и н о в ь е в а, Е. Б о ш и Б у х а р и н а. Кроме этих 5 товарищей, входящим в состав редакции считался и К а м е н е в, несмотря на то, что он находился в то время в ссылке в Сибири. Голосом Каменева располагали тт. Ленин и Зиновьев. Средства на издание «Коммуниста» находились в распоряжении тт. Е. Бош и Пятакова. Первая книжка «Коммуниста» (№ 1—2) вышла в августе 1915 г. К моменту составления следующей очередной книжки «Коммуниста» (№ 3) в составе наличных редакторов наметились острые разногласия по национальному вопросу. Разногласия обнаружились к этому моменту и между т. Лениным и редактором польской «Газеты Роботничей». Составление очередной книжки на почве этих разногласий и при равенстве голосов в редакции (3 голоса у т. Ленина — его, Зиновьева и отсутствовавшего Каменева, и 3 голоса за другую линию в национальном вопросе—Бухарин, Бош и Пятаков) стало невозможным. Положение осложнилось тем, что тт. Пятаков и Бош потребовали не только права помещения своих дискуссионных статей, но также права помещения дискуссионных статей сотрудников, как, например, Радека, по требованию лишь одной части редакции. Тт. Пятаков, Бош и Бухарин к весне 1916 г. находились в Стокгольме, Ленин и Зиновьев—в Берне. Посредниками между ними выступали тт. Шляпников и, отчасти, Коллонтай.

Соглашения между обеими частями редакции не было достигнуто, очередная книжка «Коммуниста» не вышла, и взамен ее под редакцией Ц. О. (Ленин и Зиновьев) стал выходить сборник «Социал-Демократ».

Тов. П я т а к о в и Б о ш фигурируют в дальнейших письмах под именем японцев — кличка, связанная с фактом бегства т. Бош из ссылки в Европу через Японию.

[2]) P. S. D. — сокращенное название Социал-демократической Партии Королевства Польши и Литвы. Разногласия касались в основном национального вопроса. Противником т. Ленина в этом вопросе был Радек.

[3]) Лева — т. Владимиров.

[4]) Викторенок — Сокольников.

---

[1]) Богданов А. А., исключенный из фракции большевиков в 1909 г.

[2]) «Газета Роботнича» — центральный орган оппозиции С.-Д. Польши и Литвы, редактировавшийся Радеком.

[3]) Surenchère — накидка, надбавка.

[4]) Бронский М. Г. — литератор-экономист, старый член польской с.-д., ныне член ВКП(б).

Факт на лицо.

Эти г.г. первые в Цим[мервальдской] левой пошли на склоку — — — и в какое время?!! Они хотят «играть» на Чхеидзе и Троцком.

И в такой момент двое издателей имеют наглость предлагать *нам*, чтобы *мы* дали *им* «свободу и гарантию» дискуссии для таких сотрудников!! Это безумие или верх бесстыдства.

А равноправие с ними ($6 = 3 + 3$)? ведь это то же самое. Ведь они вам раз дали понять (и Вы же сами это писали), что примут кооптацию двух, *сторонников* Ц[ентрального] О[ргана]. А когда дошло до письменного договора, они на попятный. Разве это не торгашеская игра!

Если люди принципиально и искренне согласны, чтобы журнал или сборник проводил программу партии,— большинство должно быть за нее. Иначе нет искренности, нет принципиальности, а есть одна «мошна».

По-моему, разъясните им это ясно, популярно, если надо письменно, и поставьте ультиматум: или так ($7=4+3$), или Вы свое заключение об их «игре» шлете в бюро [1]. Это будет правильный партийный ответ.

Жму руку. Ваш Ленин.

3.

А. Шляпникову.

Для А[лександра).

23/V 1916.

Дорогой друг! Сейчас только получил от Григория Ваше письмо к нему от 19/V.

Вы пишете, что «ужасно надоела переписка и переговоры с Ком[мунистом]». Я Вас вполне понимаю, но имейте же терпение! Нельзя же, в самом деле, раз вы взялись за переговоры, нервничать и приходить в отчаяние? Это не по-пролетарски, ей-ей.

Вы ставите два вопроса: (1) кооптировать в ред[акцию] еще двоих (стор[онни]ков Ц[ентрального] О[ргана]); (2) поставить «дискус[сионный] отдел» при «К[оммуни]сте».

По первому пункту Вы пишете: «из бесед с ними я уяснил, что против этого они ничего не имеют, ну, конечно, с некоторой болью в сердце».

Я стал думать о Вашем плане. Брать нелитераторов я считаю (особенно после всех печальных опытов) прямо развратом и неоправдываемым перед

[1]) Бюро Центрального Комитета в России действительно разбирало трения внутри редакции «Коммуниста» и вынесло следующую резолюцию: «Заслушав заявление т. Беленина [А. Шляпникова], относительно разногласий в коллегии сотрудников партийной прессы по отдельным пунктам программы и тактики партии, БЦК считает необходимым довести до сведения заграничной редакции ЦО следующее: 1) БЦК в России, заявляя о своей полной солидарности с основной линией ЦК, проводимою в ЦО «Социал-демократ», выражает пожелание, чтобы все издания ЦК редактировались в строго выдержанном направлении, в полном соответствии с линией ЦК, занятой им от начала войны 2) Бюро высказывается против превращения изданий ЦК в дискуссионные. 3) Бюро находит, что расхождение сотрудников по отдельным вопросам программы-минимум с редакцией ЦО не может служить препятствием к участию этих лиц в изданиях ЦК (разрядка подлинника), и предлагает редакции ЦО принимать их сотрудничество по другим вопросам, стоящим вне разногласий. 4) Бюро предлагает для выяснения и ликвидирования разногласий использовать частные издательства (разрядка подлинника) как в России, так и за границей, путем выпуска дискуссионных сборников дискуссионного характера». Шляпников А., «Канун семнадцатого года», ч. 2, изд. 3-е, стр. 72.

партией делом. Литератора одного, пожалуй, удалось бы найти (я имею одного на примете; надо разузнать и подумать еще и еще, чтобы сказать да или нет). Насчет второго—труднее.

Нельзя ли Вам видоизменить Ваш план, в целях практической осуществимости, таким обр[азом]: либо редакция Ц[ентрального] О[ргана] кооптирует (тогда будет 7) двоих *партийных литераторов*, если находит таковых; либо, если она находит только одного, издатели (он и она Киевские) [1]) делегируют в редакцию одного из своей среды? (тогда будет 5: Бух[арин] + издатель + 3 здесь).

(Последнее мне лично особенно бы нравилось, ибо (а) устраняло бы выдумывание редакторов; (б) не умаляло бы «прав» издателей, ибо все равно, один против одного, или два против двух; (в) создавало бы редакцию из литераторов, что крайне важно в партийном смысле, для борьбы с заграничным стремлением в редактора).

Подумайте об этом и ответьте (если неудобно, позондируйте почву у приятелей).

Насчет «дискус[сионного] отдела» Ваш план дискутабелен, если его поставить практично и устранить одну вещичку, которую Вы не могли иметь в виду.

Практично, это значит установить точно, кто имеет право на помещение дискус[сионной] статьи? Все члены редакторской коллегии. Это бесспорно. Довольно ли этого? Думаю, что да. В редакции будет 5—7 человек.

«Вещичка» вот в чем. Дискуссия внутри партии. Бесспорно. Ну, а разжигание разногласий или открывание дверей для заграничных групп, не входящих в партию?? В этом гвоздь. Издатели сделали «К[оммуни]ст» невозможным, ибо они не дискутировать хотели, они не писали и не готовили ничегошеньки для дискуссии,—а играть на стремлении Радека пролезть в щели нашей партии со стороны. И Радек и «нашесловцы» и мн[огие] др[угие] из загр[аничных] групп из кожи лезут, чтобы под видом дискуссии создавать у нас деления, вздувать недовольства, тормозить работу (старая игра заграничников!).

Вы, наверное, не знаете, что Радек нас выпер из редакции Vorbote? Сначала было условлено, что редакция совместная из двух групп: (1) голландцы (м[ожет] б[ыть] + Троцкий) и (2) мы (т.-е. Рад[ек], *Гр[игорий] и я*). Это условие давало нам равенство в редакции.

Радек интриговал месяцы и добился от «хозяйки» (Роланд-Гольст) *отмены* этого плана. Нас перевели на положение сотрудников. Факт! [2]).

Целесообразно ли в награду за сей подвиг дать Р[адек]у право «дискуссии», а издателям право прятаться за Р[адек]а? Это будет не дискуссия, а склока и интрига. (1) «Газета Роботнича» (II/1916), в к[ото]рой участвует Радек, поместила чисто склочные выходки против нас и резолюцию «нашесловского» характера. (2) Теперь в вопросе об оценке ирландского восстания (важнейший вопрос, не правда ли? не голая «теория»!) *и* Радек *и* Кулишер (кадет в «Речи») *сошлись*, тупоумно обозвав его «путчем».

Невероятно, но факт!

Если издатели хотят под видом «дискуссии» давать трибуну всем заграничным группам, желающим бороться с нашей партией, не входя в нее, это не дискуссия, это—игра.

[1]) То-есть тт. Пятаков и Бош.

[2]) Для освещения указанного в тексте инцидента с редакцией «Vorbote» мы не располагаем никаким материалом, кроме сохранившегося в бумагах Владимира Ильича отрывка черновика его письма к Роланд-Гольст.

Рукопись Владимира Ильича написана по-немецки и относится, повидимому, к началу 1916 г.

Если не хотят, почему бы не постановить точно, напр[имер], что *право* на дискуссию ограничивается (1) членами ред[акции]; (2) орг[анизациями] в России; (3) К. З. О., как организацией партии за границей?

«К[оммуни]ст» был *союзом* с голландцами и Радеком. Союз этот *изменен* тем, что нас из голландско-радековского журнала выперли из ред[акто]ров в сотрудники. Не делайте же себе вредных иллюзий, что союз остался по старому!! Вредные иллюзии!! Нам надо самим итти вперед, *не давая* связать себе руки. *Никоим образом*.

Практический вывод: обдумайте (и я обдумаю и спишусь с Гр[игорием]) след[ующие] §§:

1) Изменяется состав ред[акции]: 5 или 7 (см. выше).
2) берется иная фирма («Сборник» и т. п.). ×
3) точная конституция о дискуссии (напр. в духе |).
×
4) Место издания Швейцария (Вы об этом пункте что-то молчите. В чем дело?).
5) Доходы делятся *так-то*. Согласятся ли издатели давать ½ на транспорт и на содержание организатора связей и пр., т.-е. Вас?

Отвечайте! Ваш В. У[льянов]. Тысяча лучших пожеланий и *не нервничайте*. Начальство не имеет права нервничать!!

4.

А. Шляпникову.

[1916 г.—весна].

Дорогой друг! По поводу Вашего письма и упоминания в нем ходячего упрека насчет моей «неуступчивости» мне хочется побеседовать с вами поподробнее.

Что касается Джемса [1]), то он никогда не разбирался в политике, всегда стоял против раскола. Прекрасный человек—Джемс, но *на эти темы* его суждения неверны глубоко.

У нас в России (а теперь и в новом Интернационале) вопрос о расколе *основной*. Всякая уступчивость *здесь* была бы преступлением. Я хорошо знаю, как много добрых людей (Джемс, Галерка [2]), питерские «друзья» из интеллигентов) были *против* раскола думской фракции. Все они были 1000 раз неправы. Раскол был необходим. Раскол с *Чхеидзе и К°* и теперь *абсолютно* необходим. Все колеблющиеся на этот счет *враги* пролетариата, с ними нужна *неуступчивость*.

Кто же колеблется? Не только Троцкий и К°, но и *Юрий* [3]) + Евг. Б. [4]) (они еще летом «закатывали сцены» из-за Чхеидзе!!). Затем *поляки* [5]) (оппозиция). В их «Газете Роб.» № 25 есть их резолюция: снова *завиляние*, как в Брюсселе 3/16 авг. 1914 г.

С ними *неуступчивость* обязательна.

Радек из них лучший; работать *вместе с ним* было полезно (м[ежду] пр[очим] и для Цим[мервальдской] левой) и мы работали. Но *Радек* тоже *колеблется*. И наша тактика здесь *двусторонняя* (этого Юрий+

---

[1]) Джемс — псевдоним т. А. И. Елизаровой.
[2]) Галерка — псевдоним т. М. С. Ольминского.
[3]) Юрий — Ю. Л. Пятаков.
[4]) Евг. Б. — Евгения Бош.
[5]) **Поляки** — оппозиция, т.-е. часть партии с.-д. Царства Польского **и Литвы, стоявшая в оппозиции Главному правлению этой партии, главным руководителем которой являлся в это время Радек.**

Ник. Ив. *никак* не хотели или не умели понять): с одной стороны, *помочь* Радеку двинуться влево, *объединить* всех, кого можно, для Цим[мервальдской] левой. С другой, *ни на йоту* не допускать колебаний *в основном*.

Основное—раскол с О. К., с Чхеидзе и К°.

Поляки *колеблются* и выпустили гнуснейшую резолюцию *после* № 1 «Ком[муни]ста».

Вывод?

Либо держаться за фирму «К[оммуни]ста» и *открыть дверь склоке и колебаниям*: письмам в редакцию (Радека, Бронского, м[ожет] б[ыть] Паннекука и пр.), жалобам, хныканью, сплетням и пр.

Ни за что.

Это вредно для дела.

Это значит помочь мерзавцам из О. К., Чхеидзе и К°.

Ни за что.

«Ком[муни]ст» был временным блоком для достижения определенной цели. Цель достигнута: журнал выпущен, сближение (*тогда* оно было возможно, *перед* Циммервальдом) достигнуто. Теперь надо итти *иным* путем, итти дальше.

«Ком[муни]ст» стал *вреден*. Его надо *прекратить* и заменить *иной* фирмой: «Сборник С.-Д-та» (под *ред. С.-Д.*).

Только так мы избегаем склоки, избегаем колебаний.

В России тоже есть разноголосица? О, конечно! *Но не наше дело ее увеличивать*. Пусть Чхеидзе с К°, Троцкий с К° занимаются (в *этом* их «профессия») увеличением разноголосицы, а наше дело—вести *свою* линию. Плоды *такой* работы на лицо: питерские рабочие во 100 раз лучше питерских интеллигентов (даже «сочувствующих»...).

С «тройкой» (Юрий+Евг. Бо[ш]+Ник. Ив.) мы должны были пойти на *временные* уступки, пот[ому] что *тогда* нельзя было иначе издать журнала (теперь можно); а главное: тогда еще не видали *на работе* Евг. Бо[ш]+Юрия и могли надеяться на то, что *работа* поведет их *вверх*.

А они пошли вниз.

И временный союз *обязательно* распустить. Только так *дело* не пострадает. Только так *и они научатся*.

Мы ведь не против *дискуссии*. Мы против *редакторских* прав у тех, кто проявил непростительные (разве по молодости? тогда подождем: лет через 5 авось выправятся) колебания.

Ник. Ив. занимающийся экономист, и *в этом* мы его всегда поддерживали. Но он (1) доверчив к сплетням и (2) в политике дьявольски *неустойчив*.

Война толкнула его к идеям полуанархическим. На совещании, вынесшем бернские резолюции (весна 1915 г.), он дал *тезисы* (у меня есть!)—верх нелепости; срам; полуанархизм.

Я резко напал. Юрий и Евг. Бо[ш] слушали и остались довольны мной, что я не даю падать влево (они заявили тогда свое полное несогласие с Н. Ив.).

Проходит полгода. Ник. Ив. учится экономике. *Не* занимается политикой.

И вот в вопросе о самоопределении *он* преподносит нам *ту же* ерунду. Евг. Бо[ш] + Юрий ее подписывают!! (Возьмите их «тезисы» у Н. Ив. и мой ответ ему).

А вопрос важный. Вопрос насущный. Неразрывно связан с вопросом об *аннексиях* — злободневнейший вопрос.

Люди не подумали. Не почитали. Не занялись. Послушали 2—3 раза Радека (у того старая «польская» болезнь: он тут запутался)—подмахнули.

Это—скандал. Это—позор. Это не редакторы. Людей надо опровергнуть, разоблачить, дать им время поучиться и подумать, а не спешить ублажать их: вот вам редакторские права, несите рабочим ваш вздор!!

Если так, то они доведут дело до полемики в печати; и я тогда *вынужден* назвать их «империалистскими экономистами», показать их полную пустоту, полную несерьезность и непродуманность. Полемика в печати на долгие годы оттолкнет их.

Если же прекратить «К[оммуни]ст» теперь, то они подумают и бросят вздор: почитают и убедятся. Давайте, мол, милые, напишите серьезную брошюру, если об'являете «разногласия» в политике (которой вы вовсе не занимались, не изучали), давайте-ка! Подумают и не дадут. И через немного месяцев «соскочит».

Так бывало. Так будет.

В вопросе об аннексиях (и о самоопределении) наша позиция (резол. 1913 года) *вполне* подтверждена войной. И вопрос этот стал злободневным. А. Радек+голландцы (Гортер и Паннекук) явно тут запутались. В «Сборнике С.-Д.» мы раз'ясним дело паки и паки.

Надо вести дело к тому, чтобы:

(1) «К[оммуни]ст» прекратить;

(2) в издании сборника о евреях дать Юрию+Евг. Бо[ш] как можно больше поблажек, прав и привилегий (это *здесь* безвредно для дела). Подробные условия в письменном договоре;

3) тоже—насчет транспортной группы их (возьмите у них их устав и наши поправки к нему);

4) мы выпустим «Сборник С.-Д.» под ред. «ред. СД.»

Их позовем в сотрудники. Им скажем: есть разногласия? Готовьте серьезную брошюру! обяжемся напечатать ее. (Не напишут, ибо даже и не начинали они думать серьезно о вопросе; не занимались даже!!).

Вот это будет деловая политика.

Евг. Бо[ш] собиралась все в Россию; там она могла бы принести пользу: здесь *ей нет дела,* она его *выдумывать* будет.

Знаете ли Вы это заграничное *бедствие:* «выдумывание» дела для сидящих заграницей? Ужасное бедствие.

Ну, пока кончаю. Соберите все документы и информируйтесь. Побеседуем еще и еще. Ваш Ленин.

P. S. Прилагаю копию своего ответа Н. И. Б[ухари]ну на тему о значении новых «разногласий».

5.

А. Шляпникову.

16/VI 1916.

Дорогой друг!

Н[адежда] К[онстантиновна] пишет вам о др[угих]делах, а я отвечу на Вашу приписку ко мне.

Вы пишете, что «злостных намерений у нашей публики нет», и добавляете, что для К[оммуниста] «дело идет об одном нац[иональном] вопр[осе] и статьи пишут они сами».

Если бы дело было так, к чему же тогда параграф устава о праве дискуссии для сотрудников по требованию 2-х (заметьте даже не 3-х, а двух, т.-е. недоверие к Бух[ари]ну со стороны японцев)? Тогда этот параграф был бы лишен смысла. И невиданная вещь, чтобы 2-е редакторов из

6—7 требовали «свободы» дискуссии (якобы дискуссии) не для себя, а для сотрудников.

Нет. Лишенных смысла параграфов японка [1]) ставить в устав не может. Смысл в этом параграфе именно тот и только тот, что нам связываются руки, мы оказываемся беспомощны против стремлений поляков внести склоку.

Вы пишете, что не видали «Газ[еты] Роботн[ичей]» (Вам должны были послать и ее и *резолюцию К. З. О.* [Комитета Заграничных Организаций], проведенную при участии Григория (Зиновьева): сейчас же пишу ему и Зине [Лилиной], чтобы послали тотчас). Вы пишете тут же, что поэтому «не знаете в чем дело».

И в то же время каким-то образом добавляете: «я знаю, чувствую, что Вы охладели к Радеку и К°».

Согласитесь, что это немного странно. Ведь мои опасения насчет склоки от Радела и К°, моя уверенность насчет этого идет именно от фактов, касающихся «Vorbote» (я вам писал). Это раз. А два и главное: именно от «Газ[еты] Роб[отничей]».

В этой газете именно Рад[ек] и К° начали склоку против нас, когда мы ни строчки нигде не писали против них!! Ведь это факт. От фактов отмахиваться нельзя. Из «Газ[еты] Роб[отничей]» началась старая «игра» (выражение резолюции К. З. О. [Комитета Заграничных Организаций]). На нашем расколе с Чх[еидзе] и К°, игра тышкинская [2]) застарелая, давно знакомая.

Как же быть? Либо позволить этой игре не только расти беспрепятственно, но и *пролезть в наш журнал.* Вот к этому и ведет параграф устава в проекте японки! Вот это означало бы безнадежную, окончательную войну с Рад[еком] и К°.

Вы пишете как бы против меня, что «нам невыгодно ссориться с Цим[мервальдской] лев[ой]».

Я отвечаю: именно для того, чтобы не поссориться с Рад[еком] и К° окончательно (а через них и с другими, на худой конец), именно для этого надо сделать невозможной «игру» и склоку в нашем журнале.

Вот почему я и отказываюсь итти вместе с дискутирующими «сотрудниками», отказываюсь итти в «К[оммуни]ст».

Одно из двух: если согласиться восстановить К[оммунист], это значит открыть дорогу к развитию этой склоки, самим открыть ворота ей. Это безумная политика по моему убеждению. Понимает ли ее всю японка? Не знаю, да это и не важно: «механика» заграничных отношений сама привела бы к тому, независимо от злостности или ангельской доброты и чистоты намерений японки.

Другая перспектива: К[оммунист] не восстановлять. Издать другой сборник. Дать дискуссию редакторам. Разобрать нац[иональный] вопрос. *Дать отпор игре и интриге «Газ[еты] Роб[отничей]».*

Радек или его друзья напали в «Газ[ете] Роб[отничей]». Мы ответили в нашем сборнике, только в нашем, заметьте, не в общем с Цим[мервальдскими] левыми других стран.

Дело кончено.

Цим[мервальдские] [3]) левые, с которыми *Радек* в Кинтале неудач-

---

[1]) Японка — Евгения Бош.

[2]) Тышкинская — по имени т. Тышко, Лео Иогихесса, виднейшего члена Польской с.-д. партии, убитого немецким социал-предательским правительством в 1919 г.

[3]) Циммервальдская левая. В состав ее входили делегаты ЦК РСДРП, Латышской с.-д., Польской с.-д. оппозиции, Швеции, немецкий делегат и некоторые другие. Группа выпустила два номера журнала «Vorbote» («Предвестник»).

но *пытался* нас поссорить (он перед Платтеном[1]) и др. хотел лишить нас равенства в главной комиссии левых: и *левые* ему *не дали* этого),—эти Цим[мервальдские] левые *ни при чем* в борьбе «Газеты Роб[отничей]» с «Сб[орником С[оциал]-Д[емократа]».

Цим[мервальдские] левые не могут вмешаться в эту борьбу, не могут обижаться и жаловаться: Радек и К° *первые* напали в «Газ[ете] Роб[отничей]», им ответил в «Сборнике С[оциал]-Д[емократа]» или в другом сб[орнике]. Никакие потуги Радека и К°, при таком положении дела, не способны, абсолютно не способны рассорить нас с Циммервальдскими левыми (как в Кинтале Радек *не* рассорил нас, хотя и пытался, ни с Платтеном, ни с немцем левым).

Пока Радек и К° отвечают в след[ующем] номере «Газ[еты] Роб[отничей]» и мы в *другом* сборнике (я настаиваю абсолютно на соглашениях от сборника к сборнику), пройдет не мало времени.

И за все это время при *такой* постановке дела гнусная выходка Рад[ека] и К° в «Газете Роб[отничей]» *не в силах будет* рассорить нас с левыми.

Вот почему я говорил и говорю, что я ни за что не пойду теперь ни в К[оммунист], ни на равенство с японкой, ни *вообще вместе* с Радеком в наш сборник, ибо убежден, что *это* значит сделать неизбежною ссору с левыми.

Если мы выпускаем К[оммунист] № 3, то *и* Рад[ек], *и* Броньский, *и* Паннекук (и широкая публика) вправе ждать и будут ждать *продолжения того же,* вправе ждать и будут ждать каких ни на есть гарантий для сотрудников, вправе, наконец (и это особенно важно), обижаться и вмешиваться, если мы *здесь* отвечаем на гнусности «Газеты Роб[отничей]». Тут настежь открыты ворота склоке.

Тут Радек и К° *наверняка* ссорят нас с левыми, ибо хотя бы Паннекук имеет святейшее право сказать: я не в такой К[оммунист] шел, я не хочу, чтобы нападали на «Газ[ету] Роб[отничу]» (он оборону изобразит нападением: знаете ведь, как это делается).

Тут Радек и К° вправе выпустить любое письмо к публике и по-русски и *по-немецки,* вправе сказать: К[оммунист] был фактически (это факт) общим органом вашим + Пан[некук], + Рад[ек], + Бр[оньский], а вы *в нем* «обижаете» «Газету Роботничу», *вы начинаете* раскалывать левую и пр., и пр. (как он *уже* говорил в Кинтале, это заметьте: эту стратегию он *уже* пустил в ход в Кинтале).

И перед всеми левыми вина ложится на нас!! Мы дали себя поссорить с левыми, мы попались в Тышкинскую ловушку. Вот к чему ведет продолжение К[оммуниста], вот почему я отказываюсь итти туда.

Наоборот, повторяю, если мы в особом, *новом,* сборнике, *без* Пан[некука], Рад[ека], Броньского *отвечаем* «Газете Роботничей», *отвечаем* Бух[ари]ну и кому угодно, это абсолютно не касается Цим[мервальдской] левой, и она ни вмешиваться, ни обижаться не *может.* Радек не может «жаловаться», ни перед Пан[некуком], ни перед немцами, на то, что «Сб[орник] С[оциал]-Д[емократа]» *ответил* «Газете Роботничей».

А к этому еще добавляется вопрос о пораженчестве. *То же самое.*

А к этому еще добавляется вопрос о фракции Чх[еи]дзе. *То же самое.* Ибо *на этом* играла «Газ[ета] Роб[отнича]».

[1]) Платтен—член швейцарской с.-д. партии, участник Циммервальдской конференции, ее левого крыла, в 1917 г. организовал поездку т. Ленина и др. через Германию в Россию, позднее — участник Коминтерна.

Если у японки нет «злостных намерений», она *не может* отказаться от соглашения на 1 сборник (без Радека и прочих), при чем дискуссию с Яп[онцами] и Бух[ариным] мы даем. Согласны и на вынесение ее в особую брошюру (если этого хочет Бухарин, который может тогда *напеpед* посмотреть мой «тон», насчет коего он выражал опасения). Тогда можно отделить споры с Бухариным от общей работы с Бухариным.

Статьи мои и Гр[игория] о пораженчестве, самоопр[еделении], о гнусности «Га[зеты] Роб[отничей]», о Чхеидзе, о «самозащите» и пр., Ваши о «в[оенно]-пр[омышленных] ком[итетах]» и проч., Варина[1]), Сафарова[2]) (иностранцев *нельзя* в этот сборник) и пр. и *что угодно* от Бух[арина] и яп[онцев].

Вот план соглашения об 1 сборнике.

Японка не может отказаться, если у нее нет злостных намерений.

Нельзя настаивать на К[оммунисте], если он распался; нелепо и смешно тащить меня силком в К[оммунист]: не затащут.

Если же японка не идет на соглашение об особом сборнике, *значит* у нее есть злостные намерения или (это все равно для дела) ее политика *ведет* к злостной склоке.

И тогда мы одни выпускаем «Сборник С[оциал]-Д[емократа]».

Крепко жму руку. Ваш *Ленин.*

6.

А. Шляпникову.

[Июнь 1916 г.].

Дорогой А[лександр]!

Видимо в нашей переписке заминка и *целый ряд* недоразумений вызван неполучением Вами 2-го нашего п[ись]ма, посланного в Ст[окгольм]. Иначе не могу об'яснить себе, *как* Вы можете писать, что мы не отвечаем на запросы. Мы на *все* отвечали архи-подробно. Вы нам не отвечали. Н[адежда] К[онстантиновна] пишет паки и паки; придется запастись терпением и повторить кое-что, дабы добиться результатов. Списаться необходимо.

Насчет «К[оммуни]ста» Вы пишете мне, что раскол с Чхеидзе не вызывает сомнений. У кого? У Бух[арина] и К°!

Да ведь я писал, что это относится *не* к Бух[арину] и К°, *а к Радеку* и К°.

«К[оммуни]ст» был временным блоком нашим с двумя группами или элементами: 1) Бух[ариным] и К°; 2) Рад[еком] и К°. Пока можно было итти вместе с ними, это *следовало* делать. Теперь *нельзя;* и надо *временно* разойтись или вернее отодвинуться.

Поляки вынесли *летом* 1915 года (*после* № 1—2 «Ком[муниста]») и напечатали *только* в 1916 году резолюцию, показавшую снова их шатания в вопросе о Чхеидзе. Расчет ли *теперь* давать им *возможность и право* (они ведь сотрудники «К[оммуни]ста»!!) лезть в журнал и портить его склокой??

По-моему—не расчет. Гораздо полезнее для дела взять другую фирму («Сб[орни]к С[оциал]-Д[емократа]») и *переждать,* пока поляки дочатся (или пока они отойдут к Германии) или пока изменится ситуация.

Далее. Насчет Бух[арина] и К°. Я непременно пришлю Вам (хотя и не оч[ень] быстро, ибо это зависит от поездки в Берн) *весенние* 1915 г. «тезисы» Бух[ари]на. Тогда Вы увидите, в чем суть:

1) весной 1915 г. Бух[арин] пишет (на конференции!) тезисы, где катится в *болото* явно. Японцы *против* него. Поэтому мы идем временно

[1]) Варин — Ш. Раппопорт.

[2]) Сафаров — находившийся в эмиграции с.-д. — большевик, журналист.

на максимум поблажек в «Ком[мунисте]», чтобы создать форму, удобную для выяснения дела: удастся ли преодолеть «товарищески» колебания Бух[арина]? поможет ли Е. Б. [1]), называющая себя большевичкой, этому или нет?

2) Летом 1915 г. (или под осень) Бух[арин]+*японцы* уже втроем подписывают тезисы о самоопр[еделении]. Архиневерно, по нашему убеждению, и *повторение* ошибок Бух[ари]на.

3) В начале 1916 года Бух[ари]н по вопросу о «голландской программе» (из № 3 бюллетеня И. С. К.) опять возвращается к идеям весенних тезисов 1915 г.!!!

Вывод? Блока невозможен *и* здесь: надо выждать, пока Бух[аринские] колебания закончатся. Журнал, как орган польско-Бух[аринских] колебаний, вреден. Было бы при таком положении вредно держаться за старую фирму и не суметь выбрать иную фирму («Сб[орни]к С[оциал]-Д[емократа]»).

Непартийность, недобросовестность поведения японцев в том, что они хотят *на нас* свалить ответственность за свои колебания. Извините, любезные, этого мы не позволим вам! Если хотите быть партийными, то Вы поможете частично деньгами изданию «Сб[орника] С[оциал]-Д[емократа]», где мы (мы ведь не колеблемся) товарищески разберем Ваши ошибки, не называя вас, не давая врагам возможности ликовать и злорадствовать.

А кроме того японцы, если бы они относились серьезно к архи-серьезному вопросу о разногласиях за границей il n'y a qu'un pas [2]) до особой фракции!! Поверьте мне (я это ок[оло] 20 лет наблюдаю!!),—они бы заставили себя поработать над разногласием, обдумать, заняться (они *не* думали и *не* занимались, а просто ляпнули). Они бы изложили цельно свои разногласия либо в рукописи для тесного круга руководящих товарищей (которые могли бы помочь не вынесению вопроса в печать), либо в брошюре, если *они* хотят «печататься» (деньги у них есть).

Тогда за свои «идеи» отвечали бы они сами. Это необходимо. Хочешь учить рабочих новым истинам, — *отвечай за них,* а не сваливай ответственность на нас, не прячься (мы-де ничего пусть Ленин и К° отвечают перед партией за «дискуссию», т.-е. за ликование врагов).

Нет, любезные!! Этот № не пройдет!! Я отвечать за Ваши колебания не стану. «Сб[орник] С[оциал]-Д[емократа]» мы издадим даже без Вашей, г.г. японцы, помощи. Мы вам дадим отсрочку: подумайте, разберитесь, *решите* наконец, хотите вы на себя взять ответственность за новую... путаницу или нет. Если вы хотите только «*стравить*» нас в русской печати с поляками и голландцами, этого мы вам не позволим.

Вот положение дела, вот мои соображения; и повторяю, что я непременно пришлю Вам весенние тезисы Бух[арина], чтобы Вы могли судить обо всем положении по документам.

О самоопр[еделении] пишет сегодня Н[адежда] К[онстантиновна]. Мы не за дробление. А вопрос об аннексиях? Бух[арин] и К° (как и Радек с Розой Л[юксембург] и Паннекуком) не подумали, что значит быть «против старых и новых аннексий» (формула в печати, данная Радеком)?? Ведь это *и есть* «самоопр[еделение] наций», только иными словами выраженное!

Ну, пока до следующего раза. Ваш Ленин.

[Приписка Н. К. Крупской].

Высылаем Вам сегодня 200 фр[анков]. Вы писали, что к 15-му деньги кончаются.

---

[1]) Е. Б. — Евгения Бош

[2]) il n'y a qu'un pas — только один шаг.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Печатаемые выше письма Ленина к А. Шляпникову [1]) посвящены главным образом, конфликту редакции ЦО партии по вопросу о редактировании журнала «Коммунист».

В состав редакции ЦО входили в то время Ленин, Зиновьев и группа «левых» во главе с Н. И. Бухариным, Е. Бош и Г. Пятаковым.

Этот конфликт явился отражением глубоких принципиальных разногласий, существовавших внутри Циммервальдской левой между ортодоксальными марксистами во главе с Лениным и группой «ультра-левых», в том числе Н. Бухарина, К. Радека, Г. Пятакова и др.

Основные разногласия между Лениным и «ультра-левыми» сводились 1) к различному пониманию эпохи социалистической революции, 2) к отрицанию «ультра-левыми» ленинского лозунга права наций на самоопределение и вообще борьбы за демократию при империализме, что приводило их к недооценке роли демократических резервов революции, в первую очередь угнетенных колониальных народов и крестьянских масс, и 3) к неправильному взгляду некоторых «ультра-левых» на отношение пролетариата к государству вообще и государству пролетарской диктатуры в частности.

Отрицая закон неравномерности капиталистического развития, «левые» представляли социалистическую революцию, как чистую пролетарскую революцию, механически ставящую социализм на место капитализма. Отсюда вытекало у них отрицание возможности национально-освободительных прогрессивных войн и вообще демократических революционных движений при империализме. Еще в начале 1915 г. так называемая Божийская группа во главе с Н. И. Бухариным выступила против ленинских лозунгов «поражения своего отечества в империалистской войне» и «права наций на самоопределение», выдвинув лозунги «борьбы за мир» и «образования соединенных штатов Европы». Приблизившись таким образом к позиции Троцкого, Божийская группа предлагала блок с его газетой «Наше Слово» и в области организационной. «На совещании, вынесшем бернские резолюции (весна 1915 г.), Бухарин дал тезисы... — верх нелепости, срам, полуанархизм»,—писал про это выступление «левых» Ленин (см. выше стр. 91).

Позднее, в начале 1916 г., Г. Пятаков в своей статье «Пролетариат и право наций на самоопределение», предназначенной для № 3 журнала «Коммунист», выдвинул тезис, что «демократия вообще не осуществима при империализме» и что борьба за демократию при империализме не может играть прогрессивной роли. Этими утверждениями Пятаков отказывался от использования пролетариатом в его борьбе за социализм «демократических резервов революции» и в первую очередь крестьянства и колониальных народов. Выступая против него, Ленин подчеркнул громадное значение борьбы пролетариата за демократию и расценивал его выступление как отказ от руководящей роли пролетариата в революции, переходящий на позиции «империалистического экономизма» (см. статью Ленина «О рождающемся направлении империалистического экономизма» в № 15 «Большевика»). «Как невозможен победоносный социализм, не осуществляющий полной демократии, так не может подготовиться к победе над буржуазией пролетариат, не ведущий всесторонней, последовательной и революционной борьбы за демократию»,—писал Ленин. «Через использование буржуазного демократизма к социалистической и последовательно демократической организации против буржуазии и против оппортунизма иного пути нет» (см. «Пр. Рев.» № 7 (90), стр. 13).

Наконец, по вопросу о государстве, Н. И. Бухарин в статьях «Об империалистском разбойничьем государстве» и «К теории империалистического государства» писал, что наша партия «должна усиленно подчеркивать свою принципиальную враждебность государственной власти», стремиться к «взрыву государствен-

---

[1]) Впервые опубликованы в журн. «Прол. Революция» № 7 (90) за тек. год.

ной машины», смазывая таким образом различие между анархистами и коммунистами в вопросе необходимости установления пролетарской диктатуры (см. Ленин, т. XIX, стр. 296—297).

Итак, «ультра-левые» в целом ряде программных вопросов скатывались то на полуанархические, то на социал-демократические позиции. Эти выступления, про которые Ленин писал, что «ошибки Бухарина могут погубить наше «правое дело» в борьбе с каутскианством» [1]) и привели к конфликту из-за журнала «Коммунист». Пользуясь тем, что в их руках находились деньги, необходимые для издания журнала «Коммунист», Н. И. Бухарин, Г. Пятаков и их группа пред'явили требование помещать в журнале все статьи, проводящие их точку зрения, пытаясь превратить его в организационный центр для связи со своими единомышленниками в Польше (Радек), Германии (Р. Люксембург), Голландии (Роланд-Гольст) и др. Против этого их предложения и выступил, как видно из печатаемых писем, резко Ленин.

Организационная и идеологическая борьба с «ультра-левыми» в годы империалистической войны, одну из страниц которой рисуют печатаемые выше документы, сыграла большую роль в истории нашей партии. Уже после Октября оппозиционеры и справа и «слева» пытались критиковать ленинскую партию с той точки зрения, неверность которой была вскрыта Лениным еще в 1915—6 гг. Таковы, напр., ошибки «левых коммунистов» 1918 г., повторявших в других условиях и при другой обстановке старые ошибки Н. И. Бухарина о недопустимости защиты социалистического отечества, связанные с его старой недооценкой значения организации и укрепления пролетарского государства и неправильным трактованием роли крестьянства в социалистической революции. Изучение конфликта, развернувшегося вокруг выхода № 3 журнала «Коммунист», послужившего поводом и к настоящей переписке, помогает, таким образом, глубже понять корни позднейших уклонов и оппозиций в ВКП(б).

Редакция.

---

[1]) «Ленинский Сборник», II, стр. 283.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

П. В. МАКСАКОВСКИЙ. «Капиталистический цикл». Посмертное издание под ред. и с предисл. А. Мендельсона. 1929 г. Изд. Комакадемии.

Первое впечатление от прочтения книги тов. Максаковского—это сознание невозместимой большой утраты, понесенной марксистской теоретической мыслью и всей партией со смертью автора. Тов. Максаковский уже знаком читателям «Большевика» по своим критическим статьям, направленным против лжемарксистской теории цикла Базарова. Эти статьи являются прекрасным образцом сочетания глубокого знания марксистско-ленинской теории и острого критического ума, разоблачающего тончайшие нюансы ревизионистской мысли. Глубина анализа, боевой, революционный тон критики и строго-научная форма изложения, обнаруженная автором в этой «первой пробе пера», давали все основания возлагать на него значительные надежды в области разработки марксистской теории. Вышедшая книга тов. Максаковского, которая писалась им одновременно с указанными статьями, полностью подтверждает эти ожидания, и тем глубже печаль, что, являясь посмертным изданием, она одновременно их безжалостно обрывает...

В вышеуказанных статьях тов. Максаковский наметил лишь в самых общих чертах, схематично, основы марксистской теории цикла. Главное же внимание автора было сосредоточено в них на критике концепции Базарова. Наоборот, в своей книге, он ограничивается минимумом критических замечаний, перенося центр тяжести на создание положительной теории цикла. При этом он базирует ее не столько на относящихся сюда отдельных высказываниях Маркса, вернее, не только на них, но главным образом, и в этом его основная заслуга, на тех выводах, которые вытекают для теории цикла из метода Маркса, на основе которого, по мнению автора, теория цикла может и должна быть увязана с другими проблемами теоретической экономии.

Чтобы понять то новое, которое вносит книга тов. Максаковского в теорию цикла, необходимо хотя бы в кратких чертах, суммарно охарактеризовать существующие марксистские работы в этой области. Основное, что занимало до сих пор теоретиков-марксистов, это — материальный анализ явлений цикла. Необходимо было об'яснить скрытый движущий механизм причудливой динамики капитализма, причину тех кругооборотов под'ема и упадка, в форму которых она облекается и на рубеже которых происходит кризис. В противоположность «ползучим эмпирикам» из буржуазного лагеря, выводившим эти явления из «маленьких преходящих недостатков капиталистического механизма», либо из самого факта развития производительных сил, как материального процесса вне зависимости от его капиталистической формы, марксисты рассматривали это явление как результат сложного взаимодействия материального процесса производства и капиталистической их оболочки, спорадически сжимающей развитие производительных сил.

Для обоснования этого необходимо было прежде всего найти тот ведущий момент материального процесса производства, который под влиянием противоречий капиталистической системы исключает возможность равномерного развертывания процесса воспроизводства. Этого, однако, еще недостаточно для создания теории цикла. Если основные противоречия системы являются данными для последней, ибо установлены в предшествующих категориях теоретической экономии, то важнейшей задачей теории цикла, как таковой, является проследить развертывание этих противоречий в реальном движении хозяйственного процесса, показать как они синтетически увязываются между собой, и ответить на вопрос, почему эти противоречия об'ективируются в неодинаковых показателях в различные фазы цикла. Специфическая особенность этой проблемы заключается, таким образом, в том, что явления не рассматриваются в ней разрозненно под углом зрения изолирующей абстракции, подобно тому как это имеет место в других частях экономической теории. Наоборот, в теории цикла, отображающей реальное движение капиталистического процесса воспроизводства, мы имеем дело с взаимодействующим комплексом всех составных частей капиталистической экономики. Отсюда исключительная трудность разрешения этой проблемы. Отсюда же вытекает громадная важность, которую имеет для ее разрешения правильная методологическая установка. Коль скоро в движении цикла взаимодействуют все стороны капиталисти-

ческой экономики, теория цикла должна быть не чем иным, как дальнейшей усложненной ступенью анализа законов движения капиталистической системы. Только в этом случае, *когда нити основных законов экономической теории будут протянуты сквозь все извилины цикла*, мы избегнем разрыва и противопоставления этой теории другим частям экономической теории, как, якобы, статическим.

К сожалению, почти во всех марксистских работах уделяется ничтожное внимание методологической части этой проблемы. Отчасти этим следует об'яснить существующий разнобой в интерпретации отдельных моментов цикла, поскольку игнорирование важности методологической установки влечет за собою отсутствие общепринятых исходных пунктов исследования. Целый ряд авторов, например, ограничивается по вопросу о методологической установке декларативным утверждением, что анализ проблемы цикла предполагает предварительный анализ условий равновесия капиталистической системы, не затрудняя себя в дальнейшем доказательством осуществления последних в той или иной форме в движении цикла.

Вот почему следует приветствовать попытку тов. Максаковского поставить во главу угла теории цикла именно методологическую проблему. «Теоретическое освещение проблемы кон'юнктуры,—правильно замечает он,—нуждается прежде всего в правильной методологической установке... Проблема специфической формы динамики капитализма есть прежде всего проблема развернутого действия закономерности капиталистического хозяйства. Вместо отдельных сторон динамики целого, анализ которых дается установлением природы отдельных категорий, об'ектом анализа кон'юнктуры (цикла)[1] является логически обработанное экономическое тело капитализма в целом. Задачи логической обработки отдельных «физиологий» уже решена. Основные процессы «дыхания» и «выдыхания» системы и принципы ее движения уже даны. Больше,—переброшен мост к решению проблемы кон'юнктуры теорией простого и расширенного воспроизводства. Необходимо теперь посмотреть, как работает капиталистическая «физиология» в целом, в координации ее отправлений и не в скрытой глубине своих внутренних процессов, а в реальных рамках пространства и времени,—на исторической поверхности капитализма» (стр. 21).

Мы намерены в дальнейшем ограничиться оценкой того, насколько удалось тов. Максаковскому справиться с поставленной задачей—проследить развернутое действие основных закономерностей в движении цикла.

Разрешение задачи требовало дать ответ на нижеследующие три вопроса. Прежде всего, необходимо было установить место категорий кон'юнктуры (цикла) в системе экономических категорий. Надо было ответить на вопрос о специфичности этой категории в ряду других. Получив этот ответ, можно было перейти к разрешению более сложного вопроса. Речь идет об отыскании того стержня, вокруг которого увязываются все закономерности капиталистического хозяйства в процессе динамики. Для марксиста ясно, что эти закономерности не представляют массу разрозненных факторов, действующих в отдельных сферах буржуазной экономики. Противоречивое единство капиталистического хозяйственного процесса об'ективируется в таком же единстве его закономерностей, являющихся лишь щупальцами основного регулятора всей системы на верхних пластах последней. Сложность ответа на этот вопрос заключается не в нахождении основного регулятора системы, поскольку он известен, а в прослеживании за его развертыванием и модификацией во всех прочих категориях, несмотря на внешнюю обособленность последних.

Наконец, самой трудной частью задачи являлось доказательство того, что основной регулятор капиталистического хозяйства на определенном этапе «обрастания плотью и кровью», т.-е. на определенной стадии развития капиталистических противоречий, неминуемо порождает циклическую динамику, *как единственную форму своего проявления*.

Что касается первого вопроса, то его автор разрешает сравнительно легко. Он верно заключает, что «кон'юнктура» не есть отдельная экономическая категория капитализма в строгом смысле этого понятия. Оно не выражает однотипного производственного отношения—составной части способа производства. *Кон'юнктура—форма выражения действия всех категорий капиталистического хозяйства в их взаимопроникновении и взаимовлиянии, действия, об'ективированного в циклической динамике капиталистического целого»* (разрядка автора. *И. С.*) (стр. 22). Это место кон'юнктуры в системе других категорий автор особенно акцентирует в противоположность распространенному среди буржуазных экономистов взгляду,

---

[1] Во избежание недоразумений, необходимо отметить, что тов. Максаковский не проводит различия между понятиями «цикла» и «кон'юнктуры», на чем настаивают другие марксисты. Поэтому он постоянно заменяет эти понятия одно другим.

что кон'юнктура лежит в иной плоскости экономической теории, нежели другие категории, так как в первом случае об'ектом исследования является динамика явлений, а во втором случае, якобы, те же явления, но в статическом разрезе. Он убедительно доказывает метафизичность двойственного разреза капиталистического целого. Теоретический анализ глубинных закономерностей капитализма под углом зрения изолирующей абстракции неравнозначен его изучению «вне категории изменения во времени», как это утверждает Кондратьев, Первушин и пр. В самых абстрактных законах капитализма уже заложена *возможность* циклической формы динамики, которая реализуется в *неизбежность* на основе развития этих законов, их обрастания более конкретными закономерностями. Никакое механическое сечение капиталистического хозяйственного процесса на верхние и нижние «пласты» недопустимо. «Налицо теснейшее взаимодействие и связь. Как развитие поверхностных экономических процессов направляется действием руководящих сил, так и самое действие последних возможно только при обратном влиянии первых» (стр. 24). Глупо представлять себе дело таким образом, будто, исследуя закон равновесия капиталистической системы—закон стоимости, мы создаем себе гипотетическую конструкцию на манер робинзонады классиков, где полностью игнорируются все специфические черты капитализма, как анархия производства, конкуренция и т. д., которые вовлекаются в анализ лишь затем, на втором этаже теории, при исследовании движения совокупного хозяйственного процесса. А ведь именно отсюда вытекает вульгарная характеристика закона стоимости, как закона «статического равновесия системы». В действительности же ни на одной, даже на самой абстрактной ступени анализа нельзя отвлечься от того факта, что стоимость—непрерывно действующая тенденция к «равновесию»—черпает свою силу в постоянной борьбе с противоположными тенденциями. Действие регулятора немыслимо вне наличия «неорганизованной стихии», которая потенциально содержит в себе все противоречия капитализма, включая кризис, как момент их проявления и разряжения. «Исчезновение неорганизованной стихии,—правильно замечает автор,—которое по сути дела предполагает теория статического равновесия П. Кондратьева, неизбежно будет сопровождаться исчезновением и самой закономерности, представляющей лишь другую сторону этой «стихии» (стр. 25).

Таково разрешение первой части поставленной задачи.

В дальнейшем следовало проследить шаг за шагом, как отпочковывающиеся от закона стоимости другие экономические категории (закон средней прибыли, заработной платы, кредита и т. п.) проявляют его действие в динамике капитализма, хотя и не всегда адэкватно получаемым от него толчкам. Нужно было доказать, что рыночная конкуренция, характер возобновления основного капитала и другие моменты, являясь непосредственной, «видимой» причиной цикличности, имеют своим общим основанием, определяющим их возникновение и развитие, закон ценности, вследствие чего последний в праве рассматриваться, как исходное движущее начало цикла, как главная его «причина».

Автор в основном и пошел по этому пути. Не со всеми аргументами, приводимыми автором в этой части, можно согласиться. Некоторые и зних слабы или просто неверны. Но в общем, отвлекаясь от деталей, мы и здесь находим правильное решение вопроса. Прослеживая модификацию закона ценности и возникающие на этой основе специальные капиталистические отношения «спроса» и «предложения», порождающие в свою очередь межотраслевую конкуренцию, автор увязывает последнюю с характером возмещения основного капитала, стремясь показать, как взаимодействие этих двух факторов является важнейшим условием цикла. На ранней ступени развития капитализма, когда преобладал оборотный капитал, не было, по мнению автора, достаточной почвы для развития конкуренции. Последняя хотя и существовала, являясь «рабочим инструментом закона стоимости», но действовала «просто и прозрачно». «Нарушения, проистекающие из перепроизводства или недопроизводства основного капитала, не принимали затяжного характера, не «консервировались». Отразившись в колебаниях цен, они их же давлением устранялись в следующих этапах воспроизводства» (стр. 41). Совершенно иные формы принимает конкуренция с ростом удельного веса основного капитала: «Только с развитием специфической рыночной конкуренции, когда данное соотношение спроса и предложения перестает правильно отображать пропорциональность общественного производства, непосредственное действие закона равновесия на цены парализуется, рыночная стихия оттягивает цены от ценности и привешивает их «за ниточку» к кон'юнктуре—тогда развертывается цикл. Эту свою определяющую особенность капиталистическая конкуренция приобретает с ростом удельного веса основного капитала, она вытекает из характера его воспроизводства, как оно реально осуществляется» (стр. 41—42).

Здесь тов. Максаковским сделана попытка увязать кажущиеся разрозненными два условия циклической динамики: характер восстановления основного капитала, с одной стороны, и специфические особенности цены производства, как регулятора, порождающего сложные формы рыночной конкуренции, с другой. В

трудах буржуазных теоретиков акцентируется, как известно, главным образом, первый момент, чем игнорируется социальная определенность цикла. Аргументация автора, несомненно, выиграла бы в своей убедительности, если бы он подверг в этом месте критическому разбору теорию кризисов Афталиона, Шпитгофа и других, детально разобравших значение характера восстановления основного капитала в движении цикла. С другой стороны, для большей цельности следовало показать здесь, как располагаются на оси закона «равновесия» такие важнейшие моменты цикла, как противоречие между производством и потреблением и последствия «тенденции нормы прибыли к понижению». Этих вопросов автор касается в другой главс, в иной связи. Вследствие этого в значительной мере «авансовый» характер имеет заключительный вывод первой главы, что «исходным движущим началом кон'юнктуры, ее основной «причиной» является закон ценности, определяющий характер и направление действия конкретных экономических сил, сказывающихся в кон'юнктуре» (стр. 45).

Переходим теперь к анализу разрешения третьей части задачи, поставленной себе автором. Предварительно, однако, необходимо четко сформулировать возникающую в данной связи проблему. Суть ее сводится к тому, что, с одной стороны, «нормальное действие закона ценности»—цен производства — предполагает наличие таких условий, когда всякое отклонение от него рыночных цен является кратковременным, во-первых, потому что оно корректируется через перелив капиталов обратным направлением движения цен, и частичным, во-вторых, ибо повышение цен и прибылей на одни товары сопровождается одновременным понижением цен и прибылей на другие товары. С другой стороны, мы наблюдаем в движении цикла как раз противоположные явления, когда, во-первых, налицо длительное отклонение рыночных цен от ценностей, не корректируемое переливом капиталов, и когда, во-вторых, это отклонение носит солидарный и всеобщий характер.

Подобного рода несоответствие между идеальными условиями действия закона равновесия и реальными условиями циклического движения дает основание большинству буржуазных экономистов резко оспаривать правомерность построения теории цикла на стержне «постулата равновесия» капиталистической системы. «Развитие и равновесие—это противоположности, исключающие друг друга, ибо равновесие хозяйства по сути статично»,—заявляет, например, Шумпетер [1]). Еще более резко формулирует свои выводы Адольф Леве: «Кто хочет разрешить проблему кон'юнктуры,—заявляет он,—должен расстаться с постулатом равновесия, кто хочет сохранить постулат равновесия, должен отказаться от разрешения проблемы кон'юнктуры» [2]). Это же противоречие может быть сформулировано применительно и к кризису, являющемуся важнейшим моментом цикла. Как правильно замечает Гильфердинг, «кризисы не могли бы быть поняты, если бы в период под'ема цены производства регулировали пропорциональное распределение капиталов по отраслям. В этом случае мы имели бы наглядное отображение в движении цен выявившихся диспропорциональностей, а следовательно, и недопущение их созревания до необходимости разрешения в кризисах. «Значит, нарушения пропорциональностей,—пишет Гильфердинг,—следует об'яснять нарушениями в специфическом регулировании этого хозяйства, т. е. такими нарушениями в сфере образования цен, что последние уже перестают быть правильными показателями того, что необходимо для производства» [3]).

Из этой постановки вопроса как будто вытекает, что закон ценности — цен производства, теряет свою значимость в период под'ема, как регулятора системы, вследствие чего его действие не может рассматриваться, как движущее начало, а тем более, как причина цикла. Такова сущность той проблемы, которая встала перед автором при разрешении третьей части указанной задачи.

Что можно противопоставить этому выводу? Главным образом тот аргумент, что все моменты, препятствующие действию закона стоимости в период под'ема, не только не отменяют его, но и не чужеродны ему, не возникают извне, как его антиподы, а им созданы, и, несмотря на кажущееся уничтожение возможности для его действия, они являются лишь формой проявления этого закона. Другими словами, необходимо доказать, что в фазе под'ема закон стоимости лишь скрывается под формой порожденных им противоположных моментов. В этих последних закон стоимости хотя и находит свое отрицание, но лишь для того, чтобы с большей резкостью проявиться в последующей фазе — в кризисе, являющемся «отрицанием отрицания» и одновременно узловым моментом цикла. В кризисе, таким образом, закон стоимости берет «реванш» за свое «унижение» в период под'ема. Во все фазы цикла, однако, явления разворачиваются в зависимости от

[1]) Шумпетер, «Theorie der Wirtschaftlichen Entwicklung», стр. 489.

[2]) Adolf Löwe «Wie ist konjunkturtheorie überhaupt möglich». «Weltwirtschaft Archiw», № 24 за 1926 год, стр. 193.

[3]) Гильфердинг. «Финансовый капитал», гл. 17, стр. 299.

состояния регулятора капиталистического хозяйства. Отсюда — методологическая необходимость базировать теории цикла на «постулате равновесия», а не противопоставлять их, как это делают буржуазные экономисты.

Не трудно видеть, что основа для этого аргумента уже создана предыдущим, поскольку автором была сделана попытка доказать, что рыночная конкуренция, характер восстановления основного капитала и другие моменты, являющиеся основными условиями цикла, суть модификации закона ценности на определенном этапе развития товарного хозяйства. В дополнение к этому здесь надо было детально увязать эту методологическую основу с материальным анализом цикла, выявить механизм смены фаз последнего, обнажая на каждом этапе под всеми извилинами замаскированное действие основного регулятора капиталистической системы.

Так и поступил автор на протяжении второй и третьей главы, в основном справившись с поставленной задачей.

Недостаток места не дает нам возможности остановиться на многих других спорных моментах книги, а также на разборе последних глав, стоящих в ней особняком. Сам автор скромно заявляет в заключении, что «предпринятая им попытка марксистского освещения проблемы кон'юнктуры ни в каком случае не претендует на законченную разработку вопроса». Он рассматривает ее, как «первый наиболее общий абрис проблемы, опирающийся на существующие марксистские фрагменты». Необходимо, однако, со всей определенностью заявить, что тов. Максаковским сделан значительный шаг в деле создания марксистской теории цикла. Ни одна теоретическая работа в этой области в будущем не сможет пройти мимо этой книги, чтобы не использовать методологический путь анализа этой проблемы, который намечен тов. Максаковским.

В заключении тов. Максаковский правильно замечает, что «важнейшей задачей становится развертывание критического фронта против господствующих буржуазных теорий кон'юнктуры как Запада, так и российской разновидности, представленной Кондратьевым Первушиным и др. Разбить в теоретических боях этот фронт означает—выбить буржуазную экономию из ее последнего укрепленного оплота, с одной стороны, и устранить возможность проникновения идей буржуазной экономии в наше советское хозяйственное строительство, с другой. «Выполнение этой правильно формулированной актуальной задачи явится лучшим памятником молодому теоретику-революционеру, вырванному преждевременной смертью из наших рядов.

И. Софронович.

ПОПРАВКА.

В рецензии тов. Мехлиса, помещенной в № 16 «Большевика», на стр. 107, после 2 стр. сверху выпал следующий абзац:

«Налицо полная гармония между заработной платой, соответствующей физиологическому минимуму, и стоимостью рабочей силы, ибо зарплата «тащит за собой ценность». Даже падение заработной платы до физиологического минимума не усиливает по этой концепции противоречий между трудом и капиталом! С критикуемой точки зрения отклонение заработной платы от стоимости рабочей силы вниз на продолжительное время не чревато революционизированием рабочих. Резервная армия, высвобождаемая с ростом органического состава капитала, по Познякову постоянно, путем снижения заработной платы, понижает и стоимость рабочей силы» (стр. 56).

На стр. 106, в строке 6 снизу, вместо слова «определяет» должно быть «показывает»; в строке 2-й снизу, вместо слов «в конечном счете решает вопрос о стоимости» должно быть «влияет на стоимость».

Редакция.

"Пролетарии всех стран, соединяйтесь!"

БОЛЬШЕВИК

№ 18 30 СЕНТЯБРЯ № 18

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 9
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
„ПРАВДА"

Главлит № А—45314 Тираж 70.000 экз.
Типография газеты „Правда", Москва, Тверская, 48.

Выполним важнейшее решение партии.

Ноябрьский пленум ЦК и ЦКК решил вопрос о необходимости проверить ряды нашей партии, о «самой решительной чистке от социально чуждых, примазавшихся, обюрократившихся и разложившихся элементов», от «элементов, использующих пребывание в правящей партии для своих корыстных и карьеристских целей, элементов мелкобуржуазного перерождения, сросшихся с кулачеством и т. п.». Это решение было предусмотрено еще одним из 21 условий принадлежности к Коминтерну, 13 п. которых требует: «Коммунистические партии всех стран, где коммунисты ведут свою работу легально, должны производить периодически чистки (перерегистрации) личного состава партийных организаций, дабы систематически очищать партию от неибежно примазавшихся к ней мелкобуржуазных элементов».

Однако, было бы ошибочным смотреть на генеральную чистку и проверку 1929 г., как на одну, из таких периодических чисток, безотносительно к особым условиям переживаемого периода, в которых существует и работает ВКП(б). Генеральная чистка 1929 г., принятая партией в момент перехода от восстановительного периода к реконструктивному, сама по себе является одним из условий успешного выполнения задач этого периода. Генеральная чистка поставила перед собою поэтому задачу перестройки рядов партии, мобилизации лучших сил передовых рабочих, в особенности крупных производственных предприятий, батрацких и бедняцких сил деревни, привлечение новых кадров в ВКП(б), которые должны заместить потерявшие классовое лицо, чуждые партии, мелкобуржуазные, разложившиеся, примазывавшиеся, обюрократившиеся элементы. Партия поставила перед собой задачу произвести генеральный смотр всех ячеек, генеральную проверку всех членов партии, решительное очищение партии от всего негодного, от всего, что мешает партии двигаться успешно на новом этапе, когда партия совершает труднейшие шаги к социализму.

Эти гигантские задачи, которые ставит перед собою партия в деле социалистического переустройства всего народного хозяйства страны, в деле массовой коллективизации сельского хозяйства требуют, чтобы партия решительно очистилась от таких элементов, которым чужды задачи партии, которые «по-бюрократически, починовничьи относятся к этим задачам, которые не умеют сопроти-

вляться влиянию мелкобуржуазной стихии, не умеют и не желают бороться с классовым врагом».

Настало время подвести первые итоги этой чистки, проверить, насколько правильно партия выполняет решения Ноябрьского пленума ЦК и XVI партийной конференции. Пока проверка еще далеко не закончена, надо учесть все недочеты и ошибки, допущенные до сих пор, в этой проверке, для того, чтобы, пока не поздно, их исправить. Партия имела в виду, что предпринимаемая ею чистка является одним из серьезнейших способов самокритики, что настоящая проверка партии возможна будет лишь в том случае, «если широко будет развернута самокритика и самодеятельность всей партии, если все возможности в этом направлении будут использованы», если будет развернута большая работа на основе внутрипартийной демократии. При чем инструкция, разработанная на основе решения Ноябрьского пленума и XVI Всесоюзной партийной конференции указывала на то, что: «работа контрольных комиссий и проверкомов, как и всяких других партийных органов должна проходить под контролем всей партии и в первую очередь проверяемой организации». Имелось в виду, что партия мобилизует широкие беспартийные рабочие и крестьянские массы. Она руководствовалась при этом указанием Ленина, что чистить партию надо, «опираясь на опыт, на указания беспартийных рабочих и крестьянских масс». Привлекая эти массы к проверке наших партийных рядов, партия ставила перед собою задачу «развернуть широкую массовую работу по раз'яснению основных задач партии и обязанностей коммунистического авангарда». (Инструкция). Партия напоминала в принятом на XVI Всесоюзной конференции решении слова Ленина: «Есть места, где чистят партию, опираясь главным образом, на опыт, на указания беспартийных рабочих, руководясь их указаниями, считаясь с представителями беспартийной пролетарской массы. Вот это—самое ценное, самое важное. Если бы нам действительно удалось таким образом очистить партию сверху донизу, «невзирая на лица», завоевание революции было бы в самом деле крупное» [1]. Ленин считал, что если мы так очистим партию, то этим мы еще сильнее свяжемся с массами. И эта более крепкая связь с массами нашей партии была одной из важнейших задач, которую ставила себе и проверка 1921 г., как и проверка 1929. «Чистить партию,—писал тогда Ленин,—считаясь с указаниями беспартийных трудящихся,—дело великое, оно даст нам серьэные результаты, оно сделает партию гораздо более сильным авангардом класса, чем прежде, сделает ее авангардом, более крепко

[1]) Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 360.

связанным с классом, более способным вести его к победе среди массы трудностей и опасностей» [1]).

XVI Всесоюзная партийная конференция более подробно перечисляя признаки тех, кому не место в партии, указывала: «Чистка должна беспощадно выбросить из рядов партии все чуждые ей, вредные для ее успехов, равнодушные к ее борьбе элементы — неисправимых бюрократов, примазавшихся, связанных с классовым врагом и ему помогающих, оторванных от партии в силу хозяйственного, собственнического обрастания, антисемитов, скрытых сторонников религиозного культа, разоблачая скрытых троцкистов, мясниковцев, децистов и сторонников других антипартийных групп, и очищая от них партию».

Другая, не менее важная, задача, которую ставила себе партия при чистке и проверке своих рядов, была задача вербовки новых членов партии из среды рабочих и работниц, в особенности рабочих и работниц крупных производственных предприятий, батраков и бедняков. XVI партийная конференция прямо ставила задачи использовать открытые собрания для раз'яснения линии партии и привлечения в ряды партии лучших элементом из беспартийных рабочих, батраков и бедняков.

Третья задача, которую ставила себе партия, это была задача «укрепить работу организации, проверить работу ячейки, создать более товарищеские отношения между членами партии, повысить чувство ответственного каждого за политику, за судьбу всей партии, дать толчок к повышению уровня политических знаний, усилить борьбу с бюрократизмом, повысить активность всех членов организации, усилить связь их с массами рабочих и крестьян, усилить активное участие в социалистическом переустройстве деревни, в рационализации производства и управления, в поднятии трудовой дисциплины, в изгнании всякого рода излишеств и т. п. [2]).

Мы считаем необходимым напомнить эти решения, эти задачи, поставленные перед всеми партийными организациями, перед каждым членом партии в отдельности, потому что мы не можем признать, что эти решения полностью выполнены, что все партийные организации отнеслись с должным вниманием к этой важнейшей политической задаче, выдвинутой партией в начале реконструктивного периода,—важнейшей задачей, без решения которой трудно будет справиться и со всеми остальными задачами. Партийные решения подчеркнули,

[1]) Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 360.

[2]) Резолюция XVI партийной конференции.

что вся партия должна обратить внимание на выполнение этой задачи. Само собой разумеется, что к этой задаче должно быть привлечено внимание и других общественных организаций, связанных с партией, на которые партия опирается,—профсоюзы, комсомол. Само собой разумется, что вся печать должна была уделить должное внимание этому, что необходимо было поставить проверку того, как выполняются решения партии, внимательно следить за ходом всей проверки и исправлять на ходу недочеты, недостатки, а главное надо было выполнить огромную подготовительную работу.

Выполнено ли все это? Сделано ли все это так, как этого требуют решения партии, так, как этого требуют интересы рабочего класса? В настоящее время трудно еще подводить окончательные итоги, но кое-какие предварительные итоги уже несомненно намечаются и эти итоги заставляют нас сказать о том, что важнейшая задача, поставленная партией, выполнена недостаточно, что она требует усиления внимания всей партии.

Проверена часть деревенских ячеек, а кое-где проверены деревенские ячейки полностью, при чем по не вполне точным данным мы имеем в деревенских организациях: исключенными [1]) 15,2%, выбывшими добровольно и механически 1,6%. Таким образом, после проверки деревенских ячеек, примерно, на 15% изменяется их состав. Нужно иметь в виду, что апелляция кое-что в этом отношении изменит. Процент исключенных, несомненно, снизится, но пока что деревенские организации изменяют свой состав, примерно, на ⅙.

За что же исключались члены деревенских ячеек? Как чуждые элементы, и за связь с чуждыми элементами исключено 20%, за преступления уголовного порядка, растраты, взятки, подлоги, примерно, 9,2%, за отказы от вхождения в сельскохозяйственные коллективы—6,4%, за использование служебного положения—2,2%, за скрытие хлебных излишков—3,6%, за искривление классовой линии—2,1%, за выполнение религиозных обрядов и антисемитизм—4,6%, за бюрократизм—0,8%. Вот основные поводы к исключению. Если мы обратимся к партийным решениям, и к тем инструкциям, которые давались партией в отношении деревенских ячеек, мы увидим, что в этом отношении партия к чистке в основном подошла правильно, ибо партия ставила себе задачу решительно очистить деревенские ячейки «от проникших в нее элементов,—классово чуждых или сросшихся с кулацкими элементами—торговцами, баями и духовенством,—от членов партии, проводящих политику, отталкивающую от партии батраков и бедняков, от партийцев, непринимающих участия в проведении в жизнь мероприятий по социалистическому переустройству сельского хозяйства, от ее чиновничьих элементов, не повлоняющих директив партии об опоре на бедноту и союзе с середняцкими массами крестьянства, от членов партии, хозяйственное обрастание которых заслонило перед ними задачу коммунистической пропаганды и организации деревни, от злостных нарушителей революционной законности, от злоупотребляющих властью в личных целях».

[1]) На 1 сентября в 2.576 деревенских ячейках и 92 кандидатских группах (по данным 73 райкомов).

Однако, мы должны сказать, что некоторые данные заставляют нас сомневаться в том, что эта задача выполнена полностью так, как этого требуют интересы пролетариата. Правда, чистка деревенских ячеек проходила при огромной активности всей партийной крестьянской массы, в особенности батраков и бедняков, но и кулак активно вел себя во время чистки, мобилизовал все силы для того, чтобы защитить разложившихся, потерявших классовое лицо партийцев и—наоборот,—для того, чтобы опорочить настоящих коммунистов в деревне. Далеко не везде была развернута необходимая подготовка и обеспечена необходимая самокритика, кое-где проверка проходила слишком поспешно, без учета работы коммуниста в деревне и без достаточного внимания к тем жалобам, которые шли из среды беспартийных крестьян. Поэтому партийные организации должны были бы самым внимательным образом отнестись к указаниям на плохую проверку тех или иных ячеек, на оставление в партии негодных коммунистов, которые сумели во время чистки скрыть свои проступки и преступления.

Но в особенности мы считаем необходимым обратить внимание на далеко незаконченную проверку непроизводственных и производственных ячеек в городах. Правильная чистка непроизводительных ячеек может быть обеспечена лишь в том случае, если в этой чистке будут привлечены партийцы и беспартийные рабочие с производства. Правда, состав непроизводственных ячеек за последний год значительно улучшился и проверка этих ячеек после XIII с'езда показала, что рабочих по социальному происхождению в них около 40%, крестьян—37% и служащих—23%. С тех пор непроизводственные ячейки, благодаря выдвижению рабочих, были кое-где еще значительнее орабочены, и социальный их состав еще более улучшился. Несомненно, однако, что именно в непроизводственных ячейках мы имеем наибольший процент примазавшихся к партии коммунистов и проходимцев, «которые назвались коммунистами и надувают нас, которые пролезли к нам, потому, что коммунисты теперь у власти» (Ленин). Ленин в 1921 году советовал нам очистить партию от «рвачей», «авантюристов», от «показных членов партии», «от тех, кто хочет только «пользоваться» выгодами от положения членов правительственной партии, кто не хочет нести тягот самоотверженной работы на пользу коммунизма». Ленин советовал «оставить в партии только сознательных и преданных коммунизму», чтобы в партии остались «добросовестно преданные рабочему государству, только честные труженики, только настоящие представители угнетавшихся при капитализме масс». А между тем первые

итоги чистки приводят к тому, что в непроизводственных ячейках процент исключенных ниже, чем в ячейках производственных.

Это заставляет нас тревожно настроиться по отношению к тому, насколько правильно выполняются решения партии о чистке непроизводственных ячеек и насколько правильно подходят к чистке производственных ячеек. Ибо нет никакого сомнения в том, что здесь есть крупные ошибки, искривления партийной линии, что здесь есть неправильный подход, что здесь, либо недостаточно проведена подготовка к чистке тех или иных ячеек, а в некоторых случаях, слабо развернута или совсем не развернута самокитика при проверке непроизводственных ячеек. Ведь не следует забывать, что в каком-нибудь советском учреждении, где беспартийному служащему предстоит еще пройти чистку гасаппарата, далеко не всегда у этого беспартийного служащего есть мужество вскрыть недостатки и даже преступления коммунистов, работающих в проверяемом учреждении. Проверочные комиссии должны мобилизовать внимание рабочих к проверке этих ячеек, работающих на предприятиях, как связанных с деятельностью данного учреждениях, так затрагиваемых деятельностью данного учреждения, мобилизовать работу стенной газеты и др. элементы, посредством которых можно было бы вскрыть, недостатки и недочеты работы коммунистов проверяемого учреждения. Мы имеем все основания утверждать, что это сделано далеко не всюду, и далеко недостаточно. Чистка партии проходит, поэтому во многих организациях необычайно вяло, к чистке не привлечено внимание комсомола. Комсомол вообще слабо участвует или совсем не участвует в этой чистке. Слабо интересуется этой чисткой и руководители профсоюзов. Партийные организации в целом также мало интересуются чисткой, свалив все дело на проверочные комиссии, как будто бы это не есть дело всей партии. Редко, где организации поставили у себя проверку того, как проводится чистка в районе, на крупных предприятиях, какие недочеты, что надо исправить. На деле нет нужного партии строгого смотра ячеек, нелицеприятной проверки всех членов партии, которая всколыхнула бы всю партийную организацию, заставила бы ее напряженно жить этой проверкой, чтобы действительно, присмотреться к каждому члену партии, к каждой ячейке, очистить их, исправить их и пополнить их новыми членами партии из подросшего актива рабочих, батраков и бедняков. Кое-где мы наблюдаем необычайно поверхностное отношение, и ненужную спешку в этом отношении, — как будто бы это была какая-то несерьезная очередная кампания, которую надо поскорее сбыть с рук. Поэтому самая проверка проходит так, что нередко забывают о тех указаниях, которые давала партия, сбиваются на тон морализирования, а не классовой проверки, на тон легкого анекдотического экзамена, а не поднимают ячейки на более

высокую ступень принципиального и практического подхода к гигантским задачам, поставленным партией. Поэтому-то далеко не везде выявлено классовое лицо проверенных коммунистов. Поэтому чистка партии пока еще не дала тех результатов, каких добивалась и добивается от этой чистки партия.

Партийные организации должны (пока еще не поздно!) решительно перестроить работу чистки. В проверку должна быть втянута вся партия. Печать должна всколыхнуть вновь партийные организации. Партийные организации должны проверить, как идет чистка партии, потребовать отчета от проверочных комиссий, помочь им. Недопустимо, как это имеет место кое-где, когда секретарь или члены бюро ячеек не участвуют в проверке своей ячейки, а тем более недопустимо, когда этим не интересуются руководящие партийные органы. Вокруг чистки должно быть создано гораздо более повышенное требование, должно быть мобилизовано общественное мнение, должна быть подчеркнута и усилена задача вербовки новых членов партии, должны быть мобилизованы лучшие силы для правильного выполнения этой задачи. Партийные организации должны изучить внимательнейшим образом, что дала проверка каждой ячейки для того, чтобы исправить недостатки в работе этой ячейки, для того, чтобы сделать соответствующие выводы. Они не должны успокаиваться на достигнутых результатах. Они должны проверять внимательнейшим образом апелляцию каждого рабочего.

Ошибки, недочеты были и неизбежны в каждой проверке. Они были и в проверке 1921 года, и об этих ошибках писал в свое время Ленин. Ленин писал тогда: «Конечно, не всем указаниям массы мы подчиняемся, ибо масса тоже поддается иногда, особенно в годы исключительной усталости, переутомления чрезмерными тяготами и мучениями, настроениями, нисколько не передовым». Партия предупреждала, что необходимо, во-первых, ни в коем случае не превращать открытые собрания с беспартийными в арену демогагической дискредитации партии чуждыми пролетариату элементами и не допускать на такие собрания нетрудовых или классово чуждых элементов. Во-вторых, ни в каком случае не плестись в хвосте у беспартийной массы там, где дело идет об определении правильности партийной линии того или иного партийца. Но кроме этих возможных ошибок возможны и другие. Возможны политические ошибки, которые трудно будет исправить, когда проверка будет уже закончена. Такой политической ошибкой, совершенно недопустимой, было бы, если процент исключенных из производственных ячеек по большинству ячеек оказался выше, чем в непроизводственных. Это означало бы, что производственные ячейки у нас хуже в отношении коммунистической выдержанности, чем непроизводственные, как это можно было бы неправильно заключить из тех выводов, которые мы имеем теперь в результате далеко, повидимому, неправильного подхода к чистке непроизводственных ячеек. Вот такие ошибки должны быть

теперь же решительно исправлены. Их можно и должно исправить!

Необходимо в остающееся время максимально привлечь внимание всей партии к чистке. Мобилизовать силы партии для проведения чистки производственных и непроизводственых ячеек. Печать должна развернуть снова, как это было в начале чистки, энергичнейшую кампанию, выявляя все недостатки чистки и проверки отдельных ячеек и работы отдельных проверочных комиссий. Комсомольцы должны быть привлечены к активному участию в проверке и чистке. В особенности же внимание должно быть обращено на привлечение беспартийных рабочих и работниц. Внимательнейшим образом партийные органы обязаны рассмотреть апелляции рабочих на неправильные с их точки зрения решения проверочных комиссий. Проверить и выяснить причины неявок на проверку, механических и добровольных выходов, как бы ни были малы цифры добровольно и механически выбывших. Заслушать теперь же доклады о ходе чистки во всех партийных организациях, сделав соответствующие выводы, внимательно прислушиваясь к голосу рабочих масс о недостатках произведенной проверки, решительно исправляя эти недостатки.

В особенности же должно быть обращено внимание на вербовку рабочих, работниц и батраков в партию. Несколько десятков тысяч рабочих, работниц и батраков подали уже заявления о вступлении в партию в период чистки. Партия сделает из них серьезный отбор для того, чтобы укрепить свои ряды. Мы убеждены, что партия взамен исключаемых в настоящее время нескольких десятков тысяч, (а может быть и сотни тысяч) членов и кандидатов, — негодных, разложившихся, социально-чуждых, обюрократившихся и т. п. — примет в свои ряды на место каждого исключенного одного-двух передовых рабочих — общественников, коммунистов с производства или батраков, которые помогут партии выполнять гигантские задачи социалистического переустройства и завершить дело социализма.

Но для этого надо решительно встряхнуться всем организациям, чтобы поставленную задачу генеральной проверки рядов ВКП(б) выполнить, как боевую, важнейшую политическую задачу.

И. Луппол.

К вопросу о теоретических корнях правого уклона.

I.

В настоящее время мы охотно подчеркиваем основные положения азбуки марксизма: положения о том, что теория неразрывно связана с практикой, что только в связи с практикой находит теория свое самооправдание. Эти положения можно было бы варьировать и дальше: от самой «высокой» теории нити умозаключений, иногда невидимые для самого теоретика, ведут к определенным практическим выводам и действиям; с другой стороны, эти практические выводы и действия, видимыми или невидимыми путями ведут к определенным, пусть подчас неосознанным, теоретическим положениям.

Если к этому вспомнить, что «без *революционной* теории не может быть и *революционного* движения», т.-е. революционного *действия*, практики, то следует сказать, что при прочих равных условиях малые ошибки в революционной теории приводят к малым ошибкам в революционной практике, а большие теоретические ошибки к большим же ошибкам на практике, в действии, — с другой стороны, ошибки в революционой практике не могут не быть связаны и с ошибками в революционной теории.

С указанной точкой зрения и право - оппортунистические ошибки на практике связаны, вернее сказать, обусловлены правооппортунистическими же ошибками в теории. Систематически и упорно выдвигаемые правооппортунистические положения означают уже программные разногласия. Последние имеют, конечно, свои социально-классовые корни, а также обусловленные ими корни обще-теоретические или методологические.

Если правый оппортунист — только практик, то он не осознает и не может осознать своих теоретических ошибок, своего теоретического оппортунизма; он просто следует за теми, кто теоретически возглавляет право-оппортунистический уклон. Но если перед нами оппортунист теоретик, то, — хотя суб'ективно он, быть может, и не сознает своих методологических ошибок, — он может и должен их видеть.

Конечно, эти теоретические ошибки и уклоны не так заметны, как практические, их труднее вскрыть, но, поскольку «без революционной теории не может быть и революционного движения», — тем необходимее их вскрыть и тем существенней их показать.

Поскольку мы говорим *о правом уклоне внутри коммунистической партии*, мы не должны ожидать сплошной социал-демократической практики, хотя при известных условиях уклон может перерасти за пределы коммунистической практики, тактики и программы. Вместе с тем поскольку мы говорим об обуславливающих правый уклон шатаниях, блужда-

ниях, заблуждениях и ошибках пока еще внутри марксистской теории, мы не должны ожидать, например, сплошного идеализма, сплошного антимарксизма, хотя при известных условиях эти блуждания и заблуждения могут перерасти вовсе за пределы марксизма и утратить с ним всякую связь.

Однако, практические положения современного правого уклона в ВКП таковы, что не приходится говорить об отдельных, единичных ошибках теоретиков этого оппортунистического уклона по части марксистской теории, по части диалектического материализма. Теоретически вопрос стоит острее, чем можно было бы думать. В теоретических произведениях наиболее крупных представителей правого уклона элементы диалектического материализма плавают в густом настое чуждых марксизму принципов. На философском языке это называется эклектизмом, т.-е. мешаниной из чуждых друг другу, несовместимых теоретических положений. Марксистские слова, термины, утверждения ухитряются уживаться бок-о-бок с чуждыми и даже враждебными диалектическому материализму представлениями. Все это сдобрено общей антидиалектической концепцией и приведено в своеобразную эклектическую систему принципов, — систему, — имеющую лишь отдаленное и притом внешнее сходство с диалектическим материализмом. Само собой разумеется, что в обще-теоретических произведениях наиболее крупного представителя оппортунистического уклона в ВКП — т. Н. И. Бухарина, мы находим все марксистские понятия: общество, производственные отношения, класс, классовая борьба; мы находим как в цитатах, так и в изложении много мыслей, основоположников марксизма; но, как сказано, весь строй мыслей, вся концепция самого автора чужда диалектическому материализму, что и обусловливает эклектический характер всей системы.

В настоящей статье мы и хотели бы на нескольких основных проблемах, имеющих важнейшее значение для революционно-марксистской общественной теории и практики, показать как эклектический характер теоретической концепции т. Н. И. Бухарина, так и связь ряда его немарксистских трактовок этих проблем с оппортунистическими практическими выводами.

II.

Общественные классы, борьбой которых заполнена арена мировой истории, суть категории исторические. Это значит, что было время на заре человеческой истории, когда классов не было (первобытный коммунизм); это значит далее, что будет время, когда не будет общественных классов. Различая таким образом эпохи истории, нужно помнить, что этого деления для уразумения общественных явлений далеко не достаточно. То время, когда существуют, действуют и борются классы, не есть эпоха недиференцированная, сплошная. Сами классы возникают, развиваются, исчезают в борьбе; класс угнетаемый становится господствующим и класс господствующий теряет свое господство. Это движение классов происходит не хаотически, а по определенным социально-историческим законам. Задача исторического материализма и заключается между прочим в открытии и изучении этой закономерности движения классов.

Классы в своей совокупности составляют то, что называется обществом. Конкретное определение общества, определение отражающее об'ективную действительность, входит важнейшей составной частью в марксистскую методологию познания социальных явлений. Уже отсюда видно, что марксистское определение общества не только должно учитывать закономерности движения классов, но должно основываться на закономерности этого движения. Это необходимо тем более, что отдельные периоды в движении классов являются не простыми хронологическими, временными периодами, а представляют собою вполне определенные и исторические последовательные типы, структуры взаимоотношений и борьбы классов.

Такие социально-классовые структуры, об истиной природе которых нам придется говорить несколько ниже, и должны быть отражены в марксистском понятии общества. Только тогда оно будет обладать об'ективной познавательной и действенной ценностью. В противном случае при желании теоретика дать универсальное определение общества, т.-е. такое, под которое могут подойти все люди всего земного шара,—исчезает социально-классовый характер экономических структур, общество становится безжизненным, — превращается в голую и пустую абстракцию. Именно такое бессодержательное и абстрактное определение общества дает т. Бухарин: «Наше определение общества, — пишет он, — будет таково: это есть наиболее широкая система взаимодействующих людей, обнимающих все длительные их взаимодействия и опирающаяся на их трудовую связь. Мы пришли таким образом к вполне материалистическому взгляду на общество. Основа его строения есть трудовая связь точно так же, как основа жизни есть материальный процесс производства» [1]).

Н. И. Бухарин убежден, что в своем определении он пришел «ко вполне материалистическому взгляду на общество». Несомненно, определяя общество как «систему взаимодействующих людей», он дает материалистическое определение. Однако, не всякий материализм есть диалектический материализм, и не всякое материалистическое определение оказывается материалистическим в применении к обществу, т.-е. историко-материалистическим определением.

Французские материалисты XVIII века были материалистами в области истолкования природы, но, перенося свой натуралистический материализм в область понимания общества, человеческой истории и не учитывая специфических особенностей общественных явлений, они оказывались в этой области не материалистами, а натуралистами. Мыслить же в применении к обществу натуралистически значит, как говорил Ф. Энгельс, мыслить неправильно. Равным образом, и Л. Фейербах, материалист в своем мировоззрении не был материалистом в своей трактовке общественных явлений. Понимая их по аналогии с явлениями естественными, он оказывался в области человеческой истории абстрактным метафизиком, не уловившим того, что специфически свойственно обществу. Понадобились тезисы К. Маркса о Фейербахе, вскрывшие созерцательность, абстрактность, антидиалектичность и антиисторичность Л. Фейербаха, чтобы «вполне материалистический взгляд» стал взглядом историческим, шире — диалектико-материалистическим.

Нечто подобное мы видим и в определении т. Бухарина. Определяя общество как «систему взаимодействующих людей» он дает, конечно, материалистическую установку, а не, скажем, психологическую или суб'ективно-идеалистическую. Но этого мало. Вместо того, чтобы итти дальше по пути конкретизации своего определения, он ставит себе задачу дать универсальное определение общества.

Марксистское понятие «всеобщего», конечно, не есть порок или погрешность, но, как требовал В. И. Ленин, всеобщее должно быть не просто абстрактным всеобщим, в котором исчезают все дальнейшие характеристики и признаки, а таким всеобщим, которое содержит в себе все богатства «особенного» и «единичного». Марксистское определение общества, стало быть, должно быть всеобщим, но таким, которое содержит в себе понятие производственных, классовых отношений и через них все единичные явления

[1]) Н. И. Бухарин. «Теория исторического материализма», М., 1921 г., стр. 95

«Всеобщее» же т. Бухарина есть «универсальное» и чем больше это универсальное по об'ему, тем меньше в нем содержания. Давая предельно универсальное определение: «наиболее широкая система», т. Бухарин и приходит не к «вполне материалистическому взгляду на общество», а к совершенно абстрактному взгляду, в котором погибает все специфически-общественное. Под его определение подходят все люди всего земного шара.

Не говоря уже о том, что такое определение не обладает никакой познавательной ценностью, с этим определением «нечего делать», т.-е. в применении к такому «обществу» нельзя выработать никакой нормы поведения, нельзя дать никакого действенного лозунга, нельзя, например, говорить об изменении такого общества, ибо действительное общество неправильно об'яснено. Философы, — писал Маркс — занимаются тем, что так или иначе об'ясняют мир, а дело заключается в том, чтобы его изменить. Но прежде чем выработать тактику изменения мира, а в данном случае общества, нужно правильно, т.-е. в согласии с об'ективной действительностью об'яснить его. Н. И. Бухарин грешит против этого первого марксистского требования.

Один порок влечет за собой другой. Будучи абстрактным, бухаринское определение общества не заключает возможности выработать в отношении к себе какое-либо правило действия; вследствие этого оно является пассивным, созерцательным определением, что опять-таки чуждо марксизму. Но будучи абстрактным и созерцательным, оно является и антидиалектическим, т.-е. метафизическим. В нем не заключена даже в потенции, в возможности борьба противоположностей и их единство.

«Общество» т. Бухарина есть механическая сумма людей, хотя и взаимодействующих. Солнечная система тоже не исключает, — а даже предполагает взаимодействие отдельных входящих в нее единиц, отдельных небесных тел. Всякая механическая система (часовой механизм, наборная машина и т. п.) включает взаимодействие отдельных частей, но строить общество по модели хотя бы и сложнейшего механизма, значит неправильно об'яснять общество, значит не понимать марксистского определения общества.

Являясь механическим, а не диалектическим определением, бухаринское определение антиисторично. Если стать на точку зрения т. Бухарина, то нельзя понять движения общественных структур (хотя сам он и говорит о различных общественных структурах). Последнее свидетельствует лишь об эклектизме т. Бухарина.

В самом деле, абстрактно, механически понимаемое «общество» не может двигаться, изменяться, развиваться, ибо в нем не заложен источник движения. И феодальное общество есть «система взаимодействующих людей, обнимающая все длительные их взаимодействия и опирающаяся на их трудовую связь», и капиталистическое общество также обладает указанными признаками. Конечно, определение общества должно быть таким всеобщим, чтобы оно содержало в себе особенности и феодального общества и капиталистического общества, но содержало диалектически—и сохраняя их особенности, и снимая их, а не формально-логическим, в котором по мере увеличения об'ема уменьшается содержание. Определение общества должно быть таким, чтобы оно в порядке отражения действительности и логически делало бы возможным и понятным не только сосуществование различных обществ, но и смену одного общества другим, короче говоря, определение общества должно быть логически — историческим.

Бухаринское определение общества содержит много слов; не все они в отдельности неверны, но в совокупности они не ухватывают сути марксистского определения. Конечно, общество есть система людей, но речь и идет о человеческом обществе, а, говоря точнее, всякое общество и есть человеческое общество. Конечно, это система взаимодействующих людей, но это, как мы видели, характерно для всякой системы в противоположность хаосу, конгломерату, аггрегату и т. п. Конечно, общество обнимает длительное взаимодействие, но вопрос времени не есть вопрос принципиальный. Где нижняя граница этой длительности и как ее понимать? Феодальное общество в Европе насчитывало почти тысячелетнюю длительность, а капиталистическое — всего несколько десятков лет, — когда Маркс уже «увидел» его гибель. Система «наследственных» пролетариев в капиталистическом обществе весьма длительна, но, скажем, система сезонных сельскохозяйственных рабочих в том же обществе весьма не длительна, что не мешает и в последнем случае говорить о капиталистических производственных отношениях. Наконец, указание на «трудовую связь» также абстрактно и недостаточно, ибо труд и трудовые связи можно усмотреть везде и всегда: и в муравьиных и пчелиных «обществах», и в семье, и в научном обществе.

Н. И. Бухарин пишет, что основа общества есть «трудовая связь, точно так же, как основа жизни есть материальный процесс производства». Странно, что т. Бухарин для жизни, биологического явления, считает необходимым подчеркнуть «материальный процесс производства», а для общества заменяет его («точно так же») гораздо более абстрактным и неопределенным понятием «трудовой связи».

Абстрактное, созерцательное, антидиалектическое, антиисторическое определение общества у т. Бухарина является совершенно посторонним марксизму. Между тем оно составляет «длительное» достояние т. Бухарина. Оно дано последним в развернутой форме в «Теории исторического материализма», оно фигурировало у него и раньше в «Экономике переходного периода». В этом своем произведении т. Бухарин писал, что необходимо «брать натуральную форму вещей и рабочих сил, в этих единицах вести счет и самое общество рассматривать как организацию элементов в их натурально-вещественной характеристике» [1]).

Здесь мы видим все то же чисто механическое, вульгарно-материалистическое понимание общества, совершенно смазывающее основные моменты производственных отношений и связанной с ними классовой структуры общества. Вместо марксистской историко-материалистической точки зрения, видим точку зрения натуралистическую, которая, как мы говорили, в применении к обществу уже перестает быть материализмом. Вполне понятно, поэтому, что при чтении «Экономики переходного периода» против слов «мы брали общество как систему элементов in natura» Ленин на полях написал: «Караул!» [2]).

III.

Для Ленина была совершенно ясна немарксистская установка т. Бухарина. Это тем более понятно, что еще в 1894 г. в «Друзьях народа» Ленин развил непревзойденные в русской марксистской литературе мысли по поводу понятия общества. Полемизируя с народниками, отстаивавшими абстрактно-идеалистический взгляд на общество, Ленин писал:

«Начинать с вопросов, что такое общество, что такое прогресс, — значит начинать с конца. Откуда возьмете вы понятие об обществе и прогрессе вообще, когда вы не изучили еще ни одной общественной формации, в частности не сумели даже установить этого понятия, не сумели даже подойти к серьезному фактическому изучению, к об'ективному анализу каких бы то ни было общественных отношений» [3])

---

[1]) Н. Бухарин. «Экономика переходного периода», ч. I., М., 1920 г., стр. 44.

[2]) Экземпляр «Экономики переходного периода», с пометками В. И. Ленина, хранящийся в Институте Ленина.

[3]) В. И. Ленин. Собрание сочинений, т. I, стр. 74.

Основное, что требует Ленин, — замена абстрактного понятия общества, «общества вообще», понятием общественной формации. Это есть необходимая конкретизация, только при наличии которой можно понять движение, изменение, развитие обществ. Только понятие общественной формации делает определение историко-материалистическим, равно как необходимое понятие общественно экономической формации делает его историко-материалистическим. В бухаринском определении нет ни того, ни другого. Поэтому оно не является ни историческим, ни материалистическим определением.

Ленин пишет, что Маркс «впервые поставил социологию на научную почву, установив понятие общественно-экономической формации, как совокупности данных производственных отношений, — установив, что развитие таких формаций есть естественно исторический процесс».

В самом деле, в «Наемном труде и капитале» К. Маркс дал свое развернутое определение общества:

«Производственные отношения в их целом образуют то, что называют общественными отношениями, обществом и к тому же обществом, находящимся на определенной исторической ступени развития, обществом с своеобразным, ему одному присущим характером. Античное общество, феодальное общество, буржуазное общество являются такими совокупностями производственных отношений, из которых каждая обозначает вместе с тем и особую ступень в развитии человечества».

Такое определение общества является прежде всего конкретным определением. Как понятие оно всеобще, но всеобщность его такова, что в нем сохраняются все особенные типы общества и все единичные их проявления: и феодальное общество, и капиталистическое общество и т. д. Такое определение, далее, является диалектическим, поскольку оно является единством противоположностей, например, феодальных производственных отношений (помещик и крестьянин), капиталистических производственных отношений (капиталист и пролетарий). Основываясь на понятии пориздводственных отношений, такое определение не смазывает, а подчеркивает классовый характер современных общественных формаций, именно их — классовые по природе производственные отношения, а не расплывчатую «трудовую связь» или сумму отдельных людей, или «систему элементов in natura», полагая во главу угла.

Вместе с тем такое определение общества является глубоко историческим определением. В нем подчеркивается «определенная историческая ступень развития», в нем, в порядке отражения или, как Ленин выражался о понятиях, в порядке «сокращения» об'ективной действительности, логически заложены возможности сосуществования одного общества с другим или изменения одного общества в другое, т.-е. движения, а стало быть и революционного превращения одной общественной формации в другую, например., феодального общества в капиталистическое или капиталистического в общество переходного к коммунизму периода.

Ленинский анализ советской действительности, ленинское указание на пять общественно-экономических укладов являются блестящим образцом применения марксистского анализа. Имея перед собой перечисляемые Лениным пять социально-экономических укладов, сложное сосуществование пяти типов совокупностей производственных отношений (1. патриархальное, т.-е. в значительной степени натуральное крестьянское хозяйство, 2. мелкое и товарное производство, 3. частно-хозяйственный капитализм, 4. государственный капитализм 5. социализм), мы видим не только созерцательность логических определений, не только об'яснение укладов, но и заложенный в них действенный момент изменения их.

Поняв действительность, мы, исходя из пролетарской классовой точки зрения, можем изменить ее, приняв и проводя определенную политику, определенную тактику в отношении к тому или иному укладу. Мы, например, всемерно развиваем пятый уклад—социалистический, всемерно уничтожаем третий уклад—частно-хозяйственный капитализм, подтягиваем через кооперацию первый уклад к пятому; новыми формами смычки постепенно приобщаем второй уклад к тому же пятому и т. п.

Все это логически понятно с точки зрения марксистско-ленинского определения общества, но все это никак не может быть понято с точки зрения бухаринского определения, ибо оно бессодержательно, абстрактно и антиисторично.

Мировоззрение должно быть последовательным, единым во всех своих частях; именно таким является марксистско-ленинское мировоззрение. Нельзя последовательно проводить марксистско-ленинские принципы общественной теории в жизнь, оставаясь на точке зрения бухаринского определения общества. Но, действительно, можно с точки зрения этого последнего недоучитывать обострения классовой борьбы в переходный период, ибо в бухаринском определении нет классов, а есть сумма людей, «элементов in natura». Нельзя с бухаринской точки зрения охватить политику пролетариата и его партии в отношении всех пяти укладов, но можно говорить о развитии производительных сил вообще, даже о врастании кулака в социализм, вовсе не замечая за счет роста какого уклада может происходить это «врастание». Нельзя с бухаринской точки зрения говорить о движении и превращении одной общественной формации в другую, одного социально-экономического уклада в другой, но можно эклектически говорить о превращении «как таковом», о трансформационном процессе «вообще».

Как эклектик, впитавший в себя разрозненные элементы марксизма, тов. Бухарин, говорит, конечно, об «экономике переходного периода», но его общетеоретические основы продолжают оставаться абстрактными, метафизическими. В данной связи чрезвычайно интересно, что начав читать «Экономику переходного периода» В. И. Ленин задержался на первой же странице. Уже подзаголовок книги тов. Бухарина «Общая часть трансформационного процесса» своей абстрактностью и бессодержательностью заставил его остановиться и написать на полях «Что такое ? ? ? ? «вобче»? à la Spencer?».

При беглом чтении можно, конечно, не обратить на это особого внимания, но если принять во внимание все, что мы говорили выше, то замечание Ленина встанет во весь свой рост. Очевидно, зная установку тов. Бухарина в общественно-теоретических вопросах, Ленин сразу понял абстрактную постановку вопроса у тов. Бухарина, постановку вопроса о «трансформации» «вобче» и правильно квалифицировал ее как спенсеровщину, как эволюционно-позитивистскую метафизику.

IV.

Но, скажут нам, неужели же у т. Бухарина, в его общественно-теоретической концепции нет понятия производственных отношений? Конечно, есть — ответим мы. В эклектической системе все есть. Есть у тов. Бухарина и производственные отношения, но беда в том, что трактовка этих отношений этой важнейшей категории общественной теории Маркса абсолютно не марксистская. Зато она вполне гармонирует с немарксистским пониманием общества.

Опасаясь как бы не впасть в психологизацию общественного базиса, к которому относятся производственные отношения, и считая самым дельным аргументом в руках антимарксистов то, что «понятие отношения между людьми предполагает их психическое взаимодействие», тов. Бухарин пред-

полагает оказать марксизму большую услугу, решительно и воочию материализовав недостаточно материальные в марксизме производственные отношения. Но вместо того, чтобы развивать положения марксизма дальше в духе того же марксизма и, стало быть, в согласии с об'ективной действительностью, он бросается вспять, в сторону вульгарного, механического материализма.

С тов. Бухариным происходит то, что не раз уже происходило с людьми, желавшими оказать марксизму «дружескую» услугу. Не так еще давно покойный А. А. Богданов писал, что настало время уточнить не точные общественные науки. Благая мысль! Но «уточнять» общественные науки можно лишь на основе того, что дал Маркс, как это и делал Ленин, а не путем вывертов, поворотов вспять и уснащения общественной науки не присущей ей терминологией, взятой из области так называемых естественных и точных наук.

В свое время тов. Н. И. Бухарин в полемике с Э. Енчменом по конкретному случаю показал неосновательность биологизации общественных явлений. Однако, возражая против биологизации, тов. Бухарин сам решительно склонился в пользу механизации этих явлений. Думая материализовать производственные отношения в якобы недостаточной маркистской трактовке, он попросту механизировал их, конструируя их по модели механических систем. Вместо материализации получилась механизация, а вместе с тем снова из общественного понятия было выброшено то, что составляет специфическую сущность данного общественного отношения.

Тов. Бухарину следовало бы отправляться от таких классических положений марксизма: производственные отношения есть такие отношения, в которые люди вступают в общественном отправлении своей жизни; которые далее не зависят от воли самих людей; которые соответствуют определенной ступени развития материальных производительных сил; которые в совокупности своей образуют экономическую структуру общества; которые, по выражению Маркса, в целом образуют то, что называют общественными отношениями, обществом; которые, далее, в классовом обществе не могут не быть классовыми по своей природе, ибо именно классы и являются суб'ектами общественных производственных отношений, которые, наконец, не воспринимаются непосредственно глазом, носом, ухом, руками, а могут быть вскрыты лишь теоретическим анализом, чему в отношении капиталистических производственных отношений лучшим свидетельством являются томы «Капитала».

Вместо всего этого тов. Бухарин, поставивший себе целью материализовать производственные отношения так, чтобы никакому психологисту неповадно было, решил «опредметить», овеществить их настолько, чтобы их можно было ощупать, понюхать и увидеть глазами. Уже по самому заданию видно, что мы имеем дело с механическим, метафизическим, а не диалектическим материалистом.

Как же материализует производственные отношения тов. Бухарин? Он пишет:

«Под производственными отношениями я разумею трудовую координацию людей (рассматриваемых, как «живые машины») в пространстве и «времени» [1]).

Замена производственных отношений распорядком, расстановкой, хотя бы и трудовой, людей, да еще понимаемых как «живые машины», в пространстве и времени и есть механизация, а вместе с тем и вульгаризация диалектического материализма. Конечно, люди материальны, но эти бухаринские материальные люди абстрактны; они еще более абстрактны, чем абстрактней человек Л. Ф. Фейербаха. Ссылка на время и пространство звучит очень учено, но и старые метафизические материалисты до-фейербаховского периода, очевидно, рассматривали людей во времени и пространстве. Указание на пространство не делает еще данного положения материалистическим, равно как и указание на время не делает его историческим. Абстрактная, механическая трактовка производственных отношений остается в полной силе. В отношении бухаринского понимания производственных отношений следует повторить то же самое, что было сказано о его определении общества. Это понимание абстрактно, созерцательно, антидиалектично и антиисторично.

[1]) Н. И. Бухарин. «К постановке проблем теории исторического материализма». Сборник «Атака», М., 1924 г., стр. 121.

V

Суб'ектом общественных производственных отношений являются классы. Суб'ектами феодальных производственных отношений являются помещики и крестьяне; — капиталистических — капиталисты и пролетарии. При бухаринском же механическом определении классы выпадают. Это составляет коренной порок бухаринской концепции, теоретический порок, который невидимыми нитями связан и с его современным недоучетом сложного классового переплета переходного периода, недоучетом обострения классовой борьбы. Но с выпадением классов из производственных отношений натуралистическая трактовка их перестает быть историко-материалистической, оказываясь идеалистической и в лучшем случае позитивистской.

Но, скажут нам опять, вы преувеличиваете. Неужели так-таки у т. Бухарина в его общественно-теоретической концепции выпадают классы? Неужели он не говорит о классовом строении общества? Конечно, тов. Бухарин говорит о классах, конечно, он посвятил этой проблеме целую главу, в которой есть много ценного и верного, но речь идет об общей методологической установке тов. Бухарина. Как эклектик он вобрал в свое учение и положение марксизма о классах и классовой борьбе, но как эклектик же он не переварил этого учения, не освоил его, не подчинил ему свои методологические установки, и поэтому в решающих принципиальных местах его общественная точка зрения дает себя знать.

О классах тов. Бухарин пишет:

«Классы представляют собой прежде всего группы лиц, об'единенных общими условиями и общей ролью в производственном процессе со всеми, вытекающими отсюда, последствиями для процесса распределения» [1]).

В «Теории исторического материализма» он дает следующее определение:

«Под общественным классом разумеется совокупность людей, играющих сходную роль в производстве, стоящих в процессе производства в одинаковых отношениях к другим людям, при чем эти отношения выражаются также и в вещах (средства труда). Отсюда вытекает и то обстоятельство, что в процессе распределения продуктов каждый класс об'единен единым источником дохода, ибо отношения распределения продуктов определяются отношениями их производства» [2]).

Определение распределения продуктов отношениями их производства не является предметом спора. Но кроме этого у тов. Бухарина есть ряд недоговоренностей, который и его определение класса делает таким, что его нельзя назвать марксистским. Прежде всего мы опять встречаемся у него с абстрактной постановкой вопроса. Речь идет о производственном процессе как таковом, о производственном процессе вообще. Это связано с система-

[1]) Н. Бухарин, «Экономика переходного периода», М., 1920 г., стр. 42.
[2]) Н. Бухарин, «Теория исторического материализма», М., 1929 г., стр. 325—326.

тически проводимой сплошной, недиференцированной трактовкой производственных отношений. Часто не знаешь, говорит ли он об общественных производственных отношениях, или о технических производственных отношениях. Последние как бы поглощают первые, что вновь и вновь закрывает ему доступ к — по необходимости тонкому—анализу конкретных общественных явлений. Общественные производственные отношения у тов. Бухарина тонут в технических отношениях, в «трудовой координации» «живых машин».

Равным образом в трактовке класса у тов. Бухарина речь идет и о «производственном процессе» («Экономика переходного периода») и о «процессе производства» («Теория истор. мат.»), но нигде не сказано, об общественном ли, или лишь о техническом процессе производства идет речь. Это может привести к путанице, а для самого тов. Бухарина, желает он этого или нет, осознает он это или нет, приводит к парадоксу— к выхолащиванию классового содержания в самом определении класса.

Возьмем его определение:

«Классы... — группы лиц, об'единенных общими условиями и общей ролью в производственном процессе со всеми, вытекающими отсюда, последствиями для процесса распределения».

Наемные рабочие подходят под это определение? Подходят. Капиталисты подходят? Подходят. Очень хорошо. Однако, с другой стороны, группа рабочих, работающих у станка, поскольку она об'единена «общими условиями и общей ролью в производственном процессе со всеми вытекающими отсюда последствиями для процесса распределения» тоже подходит под это определение. В этом, конечно, также нет ничего удивительного. В то же время скажем, на советской фабрике, мы видим группу заведующих отделениями или их помощников. Они также «об'единены общими условиями и общей ролью в производственном процессе со всеми вытекающими отсюда последствиями для процесса распределения» (более высокий уровень заработной платы). Следует ли отсюда, что группа рабочих от станка и группа заведующих отделениями или их помощников принадлежат у нас к двум различным общественным классам? Конечно, нет, а между тем это следует из бухаринского определения, данного им в «Экономике переходного периода».

Ошибка тов. Бухарина в данном случае заключается в том, что он забыл об одном слове, имеющем однако важнейшее в данной связи значение. Н. И. Бухарин должен был бы сказать, что речь идет об общественном процессе, общественном строе производства.

Определение «Теории исторического материализма» повторяет ту же ошибку. В одном отношении оно однако лучше. Вместо расплывчатых «всех вытекающих отсюда последствий для процесса распределения» там идет речь о едином для каждого класса источнике дохода (например, заработная плата, прибыль и т. д.). Тем не менее и это еще не все для марксистского определения классов. В определении класса не может быть обойден момент классовой эксплоатации, т.-е. эксплоатации одного класса другим. Ничего этого нет в бухаринском определении класса. Оно выглядит очень приглаженно, академично и так сказать беспартийно.

Прочитав определение класса в «Экономике переходного периода», которое мы дважды привели выше, В. И. Ленин написал на полях:

«Классы представляют собой прежде всего «группы лиц» (не точно сказано), различающихся положением в общественном строе производства и отличающихся так, что одна группа может присваивать себе труд другой группы».

В этой заметке на полях Ленин подчеркнул оба момента, о которых мы говорили выше и без которых определение общества не может быть названо марксистским.

Для сравнения приведем ленинское определение классов, данное в «Великом почине».

«Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту, в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большею частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а, следовательно, по способам и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это — такие группы людей, из которых одна может присвоивать себе труд другой, благодаря различию их места в определении уклада общественного хозяйства» [1]).

В нашу задачу не входит комментарий к этому определению Ленина. Следует лишь сказать, что в противоположность бухаринскому определению, оно связывает класс с производственными отношениями и историческими общественными формациями, что оно не только отражает об'ективную действительность, но и делает возможным, логически обосновывает классовую политику пролетариата.

Метафизически—позитивистская установка тов. Бухарина сказывается даже в мелочах. Так в «Экономике переходного периода» он пишет:

«Пролетариат строит фундамент будущего общества. И притом строит его, как классовый суб'ект, как организованная сила».

Получается так, что слова «организованная сила» поясняют слова «классовый суб'ект». Ленин не мог пройти мимо такого «пояснения». Против последних слов: «как организованная сила» он записал на полях: ??? «важнее», чем класс!»

Бухаринское расчленение пролетариата как класса и как организованной силы может иметь тот смысл, что «классовый суб'ект» есть содержание, а «организованная сила» есть форма. Беда тов. Бухарина в данном случае заключается в том, что он способен мыслить содержание раздельно от формы, а форму раздельно даже от такого содержания как классовость пролетариата.

«Задачи, — пишет он далее, — стоящие перед пролетариатом, в общем и целом, формально, т.-е. независимо от социального содержания процесса те же, что и для буржуазии, при расширенном отрицательном воспроизводстве».

Вполне понятно, что и по этому поводу Ленин не мог удержаться, чтобы не сделать, нужно сказать, весьма меткого замечания. «Моя» богдановская Begriffsscholastik (схоластика понятий. И. Л.), есть главный враг «мой»,—записал он на полях, перефразируя известную поговорку: язык мой—враг мой.

Однако, здесь дело не только в языке. По тов. Бухарину возможна такая метафизика, когда форма пролетариата отделяется от его содержания, когда пролетариат ставит задачи формально, независимо от социального содержания общественного процесса. Это и есть теоретическая лазейка, которая допускает практическое соскальзывание с классовых позиций пролетариата, допускает отход от классовой политики.

Теоретически метафизическое разделение формы и содержания может привести к весьма опасным выводам, окончательно порывающим с марксистской трактовкой общественных проблем. Если форма пролетариата, как классового суб'екта есть организованная сила и если пролетариат ставит задачи «формально, независимо от социального содержания процесса», т.-е. если форма мыслится отдельно от содержания, то теоретически и практически возможно, что организованная сила пролетариата, как форма, отделяется от своего содержания, т.-е от него же, как классового суб'екта.

---

[1]) В. И. Ленин, т. XVI, «Великий почин», Собрание сочинений, стр. 249.

Именно эта метафизика приводит тов. Бухарина к следующей формулировке.

«При развертывании революционного процесса в мировой революционный процесс гражданская война трансформируется в классовую войну, которую со стороны пролетариата ведет регулярная «Красная армия».

Проходя мимо заключения тов. Бухариным слов «Красная армия» в кавычки, заметим следующее. Классовая война ведется не Красной армией со стороны пролетариата, а ведется самим пролетариатом, одной из организаций которого является Красная армия. Красную армию нельзя отделять от пролетариата, ибо это тоже будет метафизическое, формальное рассмотрение вопроса «независимо от социального содержания процесса». Во-вторых, говоря о трансформации гражданской войны в классовую войну, которую ведет Красная армия пролетариата, нельзя обходить молчанием факта превращения пролетариата в господствующий класс, т.-е., захвата пролетариатом государственной власти. Иначе получается совершенно нелепая картина: пролетариат ведет классовую борьбу, классовую же войну с его стороны ведет неизвестно откуда пришедшая и неизвестно какая по своей классовой природе «Красная армия» в кавычках. Очевидно, именно это имел в виду Ленин, когда написал по поводу приведенных слов тов. Бухарина: «Уродливая и неверная терминология, смазывающая завоевание государственной власти классом» [1]).

VI.

Классовое содержание систематически выхолащивается тов. Бухариным в его теоретической концепции и притом даже тогда, когда он говорит о классах. Это не может не отразиться и в трактовке проблем строительства социализма во всех его (строительства) формах: будет ли речь итти о социалистической индустриализации страны, о социалистической реконструкции сельского хозяйства, о кооперации как пути к социализму. Мы не хотим сказать, что правые уклонисты против социализма, против социалистического строительства, но ведь и германские социал-демократы не против социализма, они лишь несколько «своеобразно» представляют себе путь к социализму. Равным образом несколько «своеобразно» представляют себе пути и формы социалистического строительства и правые уклонисты.

Выхолащивая классовое содержание из категорий исторического материализма, они выхолащивают классовое содержание и из путей и форм строительства социализма. В первом случае исторический материализм перестает быть историческим материализмом; во втором случае строительство социализма грозит перестать быть строительством социализма. На языке практиков классовый характер и класовая тенденция социалистической реконструкции заменяется словами вообще о народном труде; на языке теоретиков—словами о соотношении людских элементов, о равновесии между абстрактным, метафизическим, почти внеклассовым обществом и внешней средой.

«Прочность, — пишет т. Бухарин, — всякого структурного равновесия, т.-е. равновесия между различными общественно-людскими группировками, людскими элементами общественной системы, опирается на определенное равновесие между обществом и внешней средой» [2]).

Общество переходного периода, т.-е. общество с пролетариатом в качестве господствующего класса во главе, несомненно должно подчиняться тем же законам. Стало быть «прочность равновесия между людскими элементами» этой общественной структуры также опирается на определенное равновесие между ней (структурой) и внешней средой.

[1]) Н. Бухарин, «Экономика переходного периода», М., 1920 г., стр. 98—99. Экземпляр Института Ленина.

[2]) Н. Бухарин, «Экономика переходного периода», стр. 87—88.

Прежде всего, если мы хотим что-нибудь понять, нужно перевести с бухаринского языка на марксистский. По поводу этого языка В. И. Ленин скромно написал: «эта терминология, умышленная замена классов группировками и т. п., не есть ли шаг назад к «социологии» в кавычках», т.-е (необходимо пояснить),—к абстрактным, метафизическим ничего общего с марксизмом не имеющим общественным теориям».

После перевода положение тов. Бухарина будет выглядеть так: прочность общественных отношений, т.-е отношений между различными классами опирается на равновесие между обществом и средой. Ежели равновесие в пользу общества, то и отношения между классами прочны, если равновесие не в пользу общества, то отношения между классами непрочны! Совершено нелепая, поистине чуждая марсизму постановка вопроса. В применении к СССР, это будет звучать еще нелепее: прочность отношений между классами в СССР опирается на равновесие между обществом (и притом бухаринским, совершенно игнорирующим наши общественно-экономические уклады) и внешней средой. В годы массового неурожая, например, когда пролетарское государство, т.-е. организованный в господствующий класс пролетариат оказывает в особенности помощь бедняцкому и середняцкому крестьянству, отношения между этими классами должны быть непрочны. С другой стороны, в годы хорошего урожая, когда, с точки зрения, бухаринских политических принципов, особенно хороши виды на «врастание кулака в социализм» эти отношения должны быть особенно прочны.

Читатель видит, к каким нелепым немарксистским выводам может привести бухаринская теория равновесия. В данном случае в ней выхолащивается не только классовое содержание, но вообще всякое общественное содержание. Механистические принципы и дурной натурализм проявляются в ней во-всю.

Напрашивающиеся выводы чрезвычайно просты: среда дает—строим социализм, среда не дает—не строим социализма. Классовая структура общества переходного периода вовсе исчезает из поля зрения теоретика. Единственный выход: спасай какой-угодно ценой равновесие между обществом и средой, ибо в нем залог прочности равновесия между «людскими элементами», между «различными общественно людскими группировками», развивай какой-угодно ценой, какими угодно путями производительные силы, чтобы равновесие между обществом и средой дало плюс в пользу бухаринского общества, в котором потонули все классовые различия, все социально-экономические уклады.

Немудрено, что такая теория общественного равновесия понравилась и заслужила одобрение у эсерствующего «социолога» П. Сорокина, который писал:

«Наиболее интересными и ценными главами книги гр. Бухарина являются главы, трактующие о равновесии общества с природой и элементов первого друг с другом, а затем глава, посвященная учению о нарушении и восстановлении общественного равновесия. Не скажу, чтобы эта трактовка была новой. В труде буржуазного Парето («Trattato di sociologia generale» мы находим более глубокую трактовку тех же вопросов» [1]).

В настоящей статье в наши задачу не входит ни критика теории равновесия в целом, ни критика всей «Теории исторического материализма» тов. Бухарина, но и из рассмотренных нами бухаринских трактовок общества, производственных отношений и классов ясно, что эта теория предста-

[1]) Рецензия П. Сорокина на «Теорию исторического материализма» т. Бухарина. «Экономист», 1922 г., № 3.

вляет собою одну из разновидностей абстрактно-социологических, механически-метафизических «теорий», которая, поскольку она пользуется марксистской фразеологией и впитала в себя отдельные положения исторического материализма и поскольку сам автор ее полагает, что он—диалектический материалист,—должна быть названа эклектической.

VII.

Метафизичность и эклектизм всей теоретической концепции тов. Бухарина, порывающей с историческим материализмом, метко и иронически были схвачены В. И. Лениным в его общей оценке «Экономики переходного периода». Намекая на пристрастие автора к иностранным ученым терминам Ленин писал:

«Автор рассматривает экономические процессы недостаточно конкретно in actu (в действии), часто впадая в то, что носит название «Terminus Technikus» (технического термина) «Begriffsscholastik» (схоластика понятий), и не давая себе отчета, что многие неудачные формулировки и термины вурцелируют в философии, попадая sub specie Grundgedanken (с точки зрения основных понятий) под линию idealismi philosophici sev agnosticismi (идеализма философского или агностицизма), recht oft und unkritisch von andern übernommen (довольно часто и не критически перенятого от других), отнюдь не materialismi (материализма)».

Метафизичность теоретических взглядов тов. Бухарина сказывается не только в абстрактном определении общества, трактовке его как суммы людских элементов с выхолащиванием классового содржания, но и в особенности в трактовке некоторых проблем эпохи пролетарской революции.

Как эклектик, воспринявший ряд положений марксизма, тов. Бухарин говорит и о пролетарской революции, и о захвате власти. Однако, для него момент захвата власти пролетариатом является не столько значительнейшей вехой в истории классовой борьбы, конституирующей пролетариат в господствующий класс, сколько пунктом, с которого начинается отмирание классовой борьбы. Теоретически и независимо от его желания момент взрыва революции и захвата власти пролетариатом является для т. Бухарина концом революции.

Ленин подчеркивал, что диктатура пролетариата есть продолжение классовой борьбы в новых формах. Н. И. Бухарин подчеркивает прямо противоположные моменты:

«В новом ряде развития, который начинается от рабочей диктатуры (я не говорю о возможности уничтожения рабочей диктатуры извне, как в Финляндии), мы имеем перед собой натуральный ряд, где развитие противоречий с известного времени начинает изживаться, т.-е. мы будем иметь перед собою не расширенное воспроизводство противоречий нашей системы, а все уменьшающееся их воспроизводство, и эволюционным путем это воспроизводство системы превращается в развертывание коммунизма» [1]).

Здесь все характерно: и заключение возможности гибели рабочей диктатуры извне в скобки, как будто это есть нечто случайное, ни в какой связи с содержанием рабочей диктатуры не стоящее, как будто «извне» действуют не определенные классы—противники рабочей диктатуры, а некие нейтральные «людские элементы in natura», и молчаливое утверждение конца революции с заменой ее эволюцией.

Самое революцию т. Бухарин понимает метафизически, как пункт, открывающий собою эволюцию. С его точки зрения, именно в период эволюции, а не революции живем и действуем сейчас мы. В момент захвата власти революция уже закончена и вместо «линии катастроф» начинается «органический период развития». Для т. Бухарина революция—«катастрофа», период «после диктатуры пролетариата»—органическая пора. Эта терминология, смена катастрофических периодов периодами органическими, ничего

[1]) Н. И. Бухарин «Ленин, как марксист», сборник «Атака». М. 1924, стр. 276.

общего с марксизмом не имеет; это—старая позитивистская, метафизическая, надуманная терминология, искажающая действительность и ничего не об'ясняющая. Для марксизма революция не есть катастрофа, как и период после захвата власти и установления диктатуры пролетариата не есть органическая пора. Повторяем, противопоставление катастрофических и органических периодов, не говоря уже о неудачности самих терминов, сугубо метафизично.

Досаднее всего то, что т. Бухарин пытается навязать эту антимарксистскую терминологию В. И. Ленину.

«Особенно,—пишет т. Бухарин,—в своих последних статьях, например, где речь идет о кооперации, он (т.-е. Ленин) прямо говорит, что если в предыдущий период исторического развития осью наших стремлений являлась наша революционная линия, линия катастроф, то теперь в текущий период нашего строительства, осью нашей политики является мирная организационная работа» [1]).

Не говоря уже о том, что у Ленина нет понятия «линии катастроф», по т. Бухарину выходит, что Ленин «мирную организационную линию» противопоставлял « нашей революционной линии». Это чудовищное извращение мыслей Ленина. У Ленина слова «мирная организационная работа» противопоставляются периоду борьбы пролетариата за власть до революции, с одной стороны, и войне, т.-е., вооруженной защите социалистического отечества от капиталистов,—с другой, но отнюдь не «нашей революционной линии», которая, само собой разумеется, продолжается и после захвата власти и после отражения попыток интервентов. Коротко говоря, Ленин «мирную работу» противопоставляет войне, а т. Бухарин борьбе.

Из поля зрения т. Бухарина совершенно выпадает классовая борьба после захвата власти, диктатура пролетариата, как продолжение классовой борьбы в новых формах. На ее место в лучшем случае становится «эволюционная борьба хозяйственных форм», задачей которой является поддержание во что бы то ни стало равновесия между обществом, понимаемым, как «система элементов in natura» и внешней средой.

Немудрено после всего этого, что и «эволюционную борьбу хозяйственных форм» т. Бухарин понимает до-нельзя причесанно, приглаженно и мирно. Как метафизик он рассуждает по формуле: или—или.

«Мы преодолеем нэп,—пишет он,—не путем разгрома лавок в Москве и провинции, а путем предоления его конкуренцией и растущей мощью нашей государственной промышленности и государственных организаций».

Таким образом, дилемма ясна: или разгром лавок, или конкуренция и растущая мощь промышленности. Но так как «разгром» лавок должен быть отвергнут, то остается мирная конкуренция. «Разгром» взят нарочито, ибо не физический же погром имеется в виду. Итак, если «разгром» лавок—позволительно спросить: чьих?—отвергается, то единственный путь преодоления нэпа—мирная конкуренция—позволительно спросить: с кем?

В указанных положениях, высказанных т. Бухариным в речи «Ленин как марксист», содержится отход от классовых позиций пролетариата, отход, который потенциально заключается в теоретических, в лучшем случае, эклектических изысканиях автора и который ныне проявляется на практике в виде оппортунистического уклона.

Концепция т. Бухарина, которую мы проследили лишь на нескольких проблемах, вредна и опасна при своем развитии, ибо она является теоретическим обоснованием правого уклона в ВКП. Будучи не марксистской, а эклектической, порывая с марксизмом в важнейших принципиальных проблемах теоретического обществоведения, она требует решительного отпора, быстрейшего преодоления, если не путем «разгрома», то и не путем мирной «конкуренции».

[1]) Ibid, стр. 275.

М. Иоэльсон.

Монополистический капитализм или „организованный“ капитализм.

I.

В основе оценки современного этапа развития мирового капитализма товарищем Бухариным лежит, безусловно, его теоретическая концепция об организации капитализма в рамках народного хозяйства отдельных капиталистических стран. Эта концепция, получившая свою завершенную форму в последних его известных статьях в «Правде», не является, однако новым, теоретическим открытием тов. Бухарина. Начиная с первых выступлений тов. Бухарина, через все его выступления по вопросам империализма красной нитью проходит теория об организации капитализма «внутри страны». Эта теоретическая концепция базируется на давнишнем специфическом понимании товарищем Бухариным эпохи империализма. Уже в первые годы войны тов. Бухарин совместно с рядом других товарищей расходился с Лениным в оценке империализма. Если Ленин никогда не противопоставлял монополистический капитализм, как эпоху лишающих капитализм его характерных определяющих черт эпохе домонополистической, то для тов. Бухарина и других империализм казался таким периодом, где эти характерные черты капитализма были целиком преодолены в развитии капитализма.

В одном из писем Н. И. Бухарина к Ленину, он высказывает удивление, каким образом Ленин может хоть в какой-либо степени сравнивать империалистическую эпоху с периодом свободного капитализма. «Как это, пишет тов. Бухарин, «для 20-го века» поучительны 60-е годы прошлого века. «Ведь это как раз корень наших разногласий (логических) с Каутским, что они «поучают» нас примерами доимпериалистической эпохи» [1]. Если, с одной стороны, в тогдашней борьбе с Каутским как у Ленина, так и у Бухаринской группы было единое понимание абсурдности рассуждений о возможности возвращения к демократическому «свободному» капитализму, то Ленин не мог согласиться с оценкой тов. Бухарина империализма как «сплошного», достигшим такой высокой ступени развития, что в нем бесследно растворились все остатки промышленного капитализма. Отсюда у тов. Бухарина непосредственно вытекало отрицание необходимости сохранения программы-минимум, неправильные взгляды в вопросе о праве наций на самоопределение, и в вопросе об империалистическом государстве.

Характерно, что Ленин тогда уже ясно видел в чем состоят ошибки тов. Бухарина в вопросе характеристики империалистической эпохи. В письме к тов. Коллонтай, касаясь британской рабочей социалистической партии, Ленин пишет: «Кажись Socialist Labour выкидывает всю программу-минимум. Вот соблазн и опасность для Бухарина, который на «эфтом самом месте» спотыкался у нас с 1915 года» [2].

[1]) Институт Ленина, «Письмо Н. И. Бухарина В. И. Ленину из Стокгольма», ноябрь 1915 года.

[2]) Письмо к Коллонтай от 17/II 1917 г. «II Ленинский сборн.», стр. 282.

Уже тогда основным в оценке тов. Бухариным империалистической эпохи являлось положение об отмирании конкуренции в отдельных странах в эпоху монополистического капитализма. В статье «К теории империалистического государства», относящейся к 1915 году и предназначенной для сборника «Соц.-демократ», но не принятой редакцией, мы имеем первые наметки бухаринской теории. (Статья, как известно была опубликована в СССР в 1925 году в сборнике «Революция права»). «Отдельный капиталист», писал тов. Бухарин, «исчезает, он превращается в Verband kapitalisten, члена организации, он уже не конкурирует со своими «земляками», он кооперирует с ними, ибо центр тяжести конкурентной борьбы переносится на мировой рынок, а **в н у т р и с т р а н ы к о н к у р е н ц и я з а м и р а е т**» [1]).

В той же статье мы имеем уже и отчетливую характеристику бухаринской концепции империалистического государства, которое «обнаруживает тенденцию овладеть всей производственной сферой и всей сферой товарного обращения» и в котором рыночные цены назначаются государством, рабочим же дается паек, необходимый для поддержания рабочей силы» и т.д.[2]). Однако в этой статье т. Бухарин пока еще говорит лишь о «тенденции», о «недалеком будущем», но уже в статьях 1917 года—в период дискуссии по вопросам программы теория «организованного» капитализма выявляется им в весьма развернутом виде. Уже в первом номере, начавшего выходить в мае 1917 года московского журнала «Спартак», в статье «Война и революционный социализм», тов. Бухарин следующим образом формулирует свои взгляды на империалистическую эпоху: «В нашу эпоху конкуренция между капиталистами значительно изменила свой вид. Для передовых капиталистических стран она всецело перенеслась **в о б л а с т ь в н е ш н е й к о н к у р е н ц и и**, т.-е. конкуренция с иностранными капиталистами на мировом рынке» [3]).

Если, таким образом, конкуренция «всецело перенеслась», в область внешнего рынка, то внутри страны она, следовательно, должна была радикально видоизменить свой характер. Действительно, в одной из последующих статей в «Спартаке», тов. Бухарин, рисуя развитие народного хозяйства в эпоху монополистического капитализма, пишет: «экономическое достояние каждой страны превращается все более и более в коллективную (общую) собственность немногочисленного класса крупных капиталистов. Прежний, раздробленный и неорганизованный капитализм заменяется **к а п и т а л и з м о м о р г а н и з о в а н н ы м**» [4]). Можно, таким образом, отметить, что еще задолго до новейшей социал-демократической теории организованного капитализма, этот термин был введен в применении к эпохе монополистического капитализма товарищем Бухариным.

Тезис об организованном капитализме был еще более ярко формулирован в статье «К пересмотру партийной программы». «В области внутренних отношений капиталистического хозяйства,—указывал тов. Бухарин,—место неорганизованных предприятий и «свободной конкуренции» занял организованный монополистический капитализм» [5]).

В чем выражалась эта пресловутая «организованность» капитализма? На этот вопрос тов. Бухарин очень подробно отвечает в статье «Крушение капитализма» [6]). «Не только, почти, вымерла свободная конкуренция (этот процесс зашел далеко еще до войны, благодаря картелированию и трестиза-

[1]) «Революция права», сборн., изд. Коммакадемии, стр. 17.

[2]) Там же, стр. 25.

[3]) «Спартак», орган Московского областного бюро и московск. комитета РСДРП(б), №1 от 20/V 1917 года.

[4]) «Спартак» № 2, статья «Государственный капитализм и социалистическая революция» (разрядка наша. *М. И.*).

[5]) «Спартак», № 4.

[6]) «Спартак», № 10 (разрядка наша. *М. И.*).

ции промышленности, образованию картелированных предприятий и проникновению банковского капитала в промышленность), пишет тов. Бухарин, «но и образовалась сильная тенденция к урегулированию производства путем его огосударствления».

«Организованный» капитализм уничтожает специфические черты капиталистической системы, это есть уже капитализм sui generis. «Уничтожает ли этот новый тип капиталистических отношений противоречия капиталистического общества, уничтожает ли он прежде всего анархию современного способа производства?» спрашивает тов. Бухарин, и отчетливо отвечает: «Если ограничиваться только рамками государственной организации, т.-е. рамками капиталистического отечества, то можно отвечать на этот вопрос в утвердительном смысле».

Следовательно, уже в 1917 году у тов. Бухарина была своя особая цельная концепция империализма. Он и тогда переоценивал организационные способности капитализма, и вместе с тем переоценивал последствия, которые оказывает монополистический капитализм на структуру капиталистических стран. В своем выступлении на VI с'езде партии тов. Бухарин следующим образом характеризовал социальные отношения, создаваемые империализмом: «Промежуточный слой и мелкий производитель исчезают. За первый год войны мелкая буржуазия вымерла на 40%. Все средства производства концентрируются в руках капиталистического государства. Нарастает государственный капитализм, последняя мыслимая форма капитализма» [1])

Исходя из всей своей концепции империалистической эпохи, тов. Бухарин не мог, конечно, согласиться с политикой партии в эпоху Брест-Литовска, политикой, которая строилась на основе реальной обстановки как в Советской России, так и в капиталистических странах. В этот период на страницах органа «левых» коммунистов «Коммунист», т. Бухарин продолжал развивать свои прежние взгляды. Так, например, в одной из статей, он снова указывал, что в эпоху государственного капитализма имеет место «государственное регулирование производства, уничтожение производственной анархии, уничтожение вольного рынка, учет и контроль со стороны государственных органов...» [2]). И если затем, тов. Бухарин должен был признать свои «левые» ошибки в этот период, то в отношении своих теоретических взглядов он остался на своей прежней позиции.

Поэтому выступая на VIII с'езде партии по вопросу о программе т. Бухарин предлагал «вычеркнуть из программы все то, что говорилось о старом капитализме» [3]).

Переоценивая организованность финансового капитала, отрицая, что монополистический капитализм непосредственно связан со старым капитализмом, тов. Бухарин, конечно, не мог согласиться с тов. Лениным, что «финансовый капитализм есть какая-то надстройка над капиталистическим обществом, что свободная конкуренция является реальной сутью дела, а над ней какая-то финансово-капиталистическая скорлупа» [4]). Поэтому, он подчеркивал в своем заключительном слове: «Разве скорлупа или надстройка может быть коренным или основным, ясно, что это — два понятия, исключающие друг друга» [5]).

---

[1]) Стенограф. отчет VI с'езда РСДРП(б), изд. «Коммунист», 1919 г., стр. 92. (Разрядка наша. *М. И.*).

[2]) «Коммунист», 16/X—1918 г.

[3]) Формулировка тов. Ленина в его речи на VIII с'езде партии. Собран. соч. (первое изд., т. XVI, стр. 112).

[4]) Заключительное слово тов. Бухарина по вопросу о программе партии. Стеног. отч. VIII с'езда РКП(б). Изд. Коммунист. Москва, 1919 г., стр. 93.

[5]) Там же. (Разрядка наша. *М. И.*)

Ленин подверг сокрушающей критике всю теоретическую концепцию Бухарина, и с'езд, как известно, не согласился с бухаринской точкой зрения. В период окончания гражданской войны, в период перехода к мирному хозяйственному строительству, тов. Бухарин сделал попытку теоретизации «экономики переходного периода». Мы не входим здесь в обсуждение его теоретической концепции переходного периода. Но она в известной степени базировалась на разобранном нами выше понимании т. Бухариным империалистической эпохи, как эпохи «сплошного» «чистого» империализма. Именно поэтому переходный период рисовался тов. Бухарину в весьма упрощенном и своеобразном виде. Между тем еще Ленин указывал, что «Если перед нами был бы цельный империализм, который насквозь переделал капитализм, наша задача была бы во сто тысяч раз легче. Это давало бы такую систему, когда все подчинялось бы одному финансовому капиталу. Тогда оставалось бы только снять верхушку и передать остальное в руки пролетариата. Это было бы чрезвычайно приятно, но этого нет в действительности. Развитие в действительности таково, что приходится поступать совершенно иначе» [1]) И, конечно, вся политика партии, политика нэпа и являлась принципиально другой политикой «переходного периода», чем та, которую наметил тов. Бухарин в «экономике переходного периода». Вполне понятно, что для того, чтобы обосновать свою концепцию переходного периода, необходимо было еще раз изложить свою теорию империализма. В первых главах «Экономики переходного периода», мы и находим четкое изложение взглядов тов. Бухарина на современную эпоху, взглядов, повторяющих в основном всю его старую концепцию организованного капитализма. «Финансовый капитал, писал т. Бухарин, уничтожил анархию производства внутри капиталистических стран. Монополистические союзы предпринимателей, комбинированные предприятия и проникновение банкового капитала в промышленность создали новый тип производственных отношений, превратив неорганизованную товарнокапиталистическую систему в финансово-капиталистическую организацию» [2]). И дальше тов. Бухарин описывает созданную им самим картину современного капитализма, лишенную всех тех черт в действительности, присущих капиталистическому строю. Достаточно привести несколько известных цитат, чтобы показать, что описываемый товарищем Бухариным капитализм имел мало общего с действительным положением вещей. «Капиталистическое народное хозяйство, писал тов. Бухарин, — превратилось из иррациональной системы в рациональную организацию, из безсуб'ектного хозяйства в хозяйствующий суб'ект [3]) и дальше: «меновая связь, выражающая общественное разделение труда и разрыв общественно-производственной организации на самостоятельные капиталистические «предприятия», заменяется техническим разделением труда внутри организованного «народного хозяйства» [4]).

Наконец, «пределом данной тенденции, является превращение всего «народного хозяйства» в абсолютно сплоченный «комбинированный трест», где все отдельные «предприятия» перестали быть предприятиями, а превратились лишь в отдельные мастерские, в отделения этого треста, где, следовательно, общественное разделение труда превратилось в его техническое разделение, и где все хозяйство стало абсолютно единым предприятием соответствующей группы мировой буржуазии. Общим организационным принципом этой формы капитализма, было

---

[1]) Ленин, собран. соч. (первое изд.), т. XVI, стр. 115. (Разрядка наша. *И. М.*)

[2]) Н. Бухарин, «Экономика переходного периода». Москва, 1920 г., стр. 10. (Разрядка всюду тов. Бухарина).

[3]) Там же, стр. 14.

[4]) Там же, стр. 11.

соподчинение всех экономических организаций (и не только экономических) буржуазии ее государству[1]).

В свете всего предыдущего изложения становится вполне понятным последнее выступление тов. Бухарина по вопросам организованного капитализма. В период 1915—1920 гг., говоря о военном государственном капитализме, тов. Бухарин считал, что налицо имеется только тенденция, которая не получит своего окончательного развития в виду грядущего краха всей капиталистической системы в самом ближайшем будущем. Уже в упомянутой выше статье «К теории империалистического государства», тов. Бухарин, дав вышеприведенную характеристику организованного капитализма, писал, — что это только лишь тенденция,—«недалекое будущее, если только не произойдет социальной катастрофы раньше, чем сложится чистый тип, нарисованных выше экономических отношений[2]). И в другом месте тов. Бухарин указывал, что если не произойдет социальной катастрофы, есть «много шансов», что «капиталистический способ производства получил бы возможность некоторого дальнейшего развития и притом в высшей более централизованной форме, чем до сих пор»[3]).

Теперь, «третий период» развития послевоенного капитализма, в котором правые и примиренцы видят лишь успехи капиталистического хозяйства, рост технических достижений, вполне понятно, что тов. Бухарин на этот капитализм переносит все те черты, которые он считал характерным для государственого капитализма эпохи 1915—1920 гг. Не даром в его статьях в «Правде», он говорит о том, что мировой капитализм переживает теперь второй тур развития тенденций государственного капитализма, что «теперешний государственный капитализм растет на новом базисе[4]). Теперь государственный капитализм, по мнению товарища Бухарина, является более высокой формацией, ибо если раньше это был государственный капитализм «осажденной капиталистической крепости», (военно-государственный капитализм)», то теперь этот государственный капитализм «растет как «нормальная» капиталистическая система»[5]). Поэтому и все черты государственного капитализма получают теперь еще более четкий, более развернутый характер. «Проблемы рынка, цен, конкуренции, кризисов становится все более проблемами мирового хозяйства, заменяясь внутри страны проблемой организации[6]).

И дальше, т. Бухарин указывает, «организационная проблема, проблема наилучшей при данных условиях «оптимальной» организации и при том в масштабах, выходящих далеко за пределы частного хозяйства, все больше и больше становится на первый план... Поскольку речь идет не о мировом хозяйстве, а о «национальных» капиталистических организмах, все ярче и отчетливее пробивается тенденция к рационализации хозяйственного процесса... Проблема иррациональной стихии сменяется проблемой рациональной организации»[7]).

Так же, как и раньше тов. Бухарин считает, что теперешний этап развития государственного капитализма «означает замирание конкуренции

[1]) Там же, стр. 30.
[2]) «Революция права», цитир. изд., стр. 25.
[3]) «Экономика переходного периода», стр. 40. (Разрядка наша. *М. И.*
[4]) Н. Бухарин, «Теория организованной бесхозяйственности». «Правда» от 30/VI 1929 г.
[5]) Там же.
[6]) Н. Бухарин, «Некоторые проблемы современного капитализма у теоретиков буржуазии». «Правда», 26/V 1929 г.
[7]) Там же.

внутри капиталистической страны и величайшее обострение конкуренции между капиталистическими странами»[1]).

Таким образом, «рецидив» бухаринской теории организованного капитализма является логическим следствием всей его старой концепции империалистической эпохи. Если в первый период его теоретические положения вели к «левым» ошибкам, то теперь они ведут к правым ошибкам и фактически сближаются с новейшими социал-демократическими теориями органзованного капитализма, новейшими откровениями мировой социал-демократии. Но в этом и состоит диалектика всех ошибок и уклонов от партийной линии. Независимо от того, являются ли они правыми или «левыми», они вытекают всегда не из марксистских, не из ленинских, а из мелкобуржуазных теоретических предпосылок.

II.

Прежде чем перейти к критическому разбору вышеизложенной бухаринской теории организованного капитализма, необходимо хотя бы бегло рассмотреть социал-демократические теории современного этапа развития капитализма, для того, чтобы показать, те ясные нити, которые вольно или невольно тянутся от бухаринской концепции к теории социал-демократии. Не представляется возможным точно установить дату возникновения социал-демократических теорий организованного капитализма. Нужно сказать, что уже первые буржуазные исследователи новейших концентрационных процессов в народном хозяйстве высказывали гипотезу о возможности уничтожения свойственной капитализму анархии производства, благодаря картелям и трестам. Так, один из первых исследователей картелей Клайнвехтер писал: «Мыслимо слияние картелей и различных предприятий в единое гигантское предприятие. Благодаря этому будет создано регулирование общего производства в зависимости от общего спроса и будут устранены таким путем кризисы перепроизводства и задаржки сбыта»[2]).

Задолго до войны у всех оппортунистов и ревизионистов, начиная с Бернштейна, проскальзывали тенденции переоценивать организационные способности капитализма и выставлять положение о возможности планового хозяйства при капиталистическом строе. Однако, в своем современном виде, социал-демократическая теория организованного капитализма появляется только начиная с 1923—24 года. Это вполне понятно. Непосредственный послевоенный период развития капитализма был даже в оценке буржуазных и социал-демократических теоретиков периодом «развала капитализма». После же поражения пролетариата в Германии в конце 1923 года, капитализм начал несколько выкарабкиваться из трясины полного развала. И социал-демократы не преминули эти первые попытки капитализма к восстановлению своего прежнего положения об'явить совершенно новым этапом развития капитализма. Именно с тех пор они не перестают петь дифирамбы «организационным» способностям послевоенного капитализма.

Уже в одной из популярных социал-демократических работ, изданных в 1923 году, указывалось, что современное «капиталистическое хозяйство, не ограничиваясь акционерными обществами, дает начало социалистической форме: государственному капитализму, который с одинаковым правом можно назвать государственным социализмом[3]).

Но, как известно, наиболее четкую формулу организованного капитализма дал Гильфердинг в первом номере, начавшего выходить в 1924 г. журнала «Гезельшафт». В этой хорошо известной статье—«Проблемы нашего

[1]) Там же.
[2]) Kleinwächler, «Die Kartelle», 1883, стр. 46.
[3]) «Die Theorie des modernen Socialismus», V. Rudolf Abraham, 1923, стр. 117.

времени»,—Гильфердинг указывал, что новейшие процессы концентрации означают «переход от капитализма свободной конкуренции к капитализму организованному» [1]). Однако тогда еще Гильфердинг был сравнительно осторожен. Положение капитализма было еще не таково, чтобы даже социал-демократу представлять его в слишком радужном свете. Гильфердинг указывал далее, «что растущий сознательный порядок и руководство в хозяйстве стремится преодолеть на капиталистической основе анархию, имманентную капитализму свободной конкуренции. Если бы эта т е н д е н ц и я могла беспрепятственно проложить себе дорогу, мы и м е л и б ы в результате хотя и организованное хозяйство, но организованное иерархически, в антагонистической форме» [2]).

Здесь, таким образом, вопрос идет еще о т е н д е н ц и я х, о в о з м о ж н о с т и создания организованного капитализма. Однако, в дальнейшем, Гильфердинг выступает уже с открытым провозглашением новой фазы в развитии капитализма. В своем выступлении на конференции Союза социальной политики в Вене в 1926 году, Гильфердинг уже солидаризируется со взглядами яркого апологета капитализма проф. Гармса, который отрицал высказываемые тогда некоторыми буржуазными учеными опасения о «закате капитализма», и подчеркивал, что капитализм переживает начало своего возрождения. Гильфердинг тогда уже указывал что «в настоящее время капитализм создает организованное хозяйство, в котором большие концерны охватывают целые промышленные отрасли, переходят границы отдельных народных хозяйств и руководят производством» [3]). По мнению Гильфердинга, эта новая фаза капитализма «облегчает» переход к социализму. «Перед нами стоит проблема — говорил Гильфердинг — как это уже без того организованное хозяйство перевести из его иерархической формы в другую, демократическую форму. Для этой задачи мы должны иметь цветущий, а не обедневший декадентский капитализм, так как для наследников очень приятно, когда его наследователь возможно богаче» [4]).

Тут уже довольно ясно выступает характер и цель новой социал-демократической концепции. Социал-демократам необходимо доказать принципиально новый характер современного капитализма для того, чтобы построить теорию врастания капитализма в социализм. В также хорошо известном выступлении Гильфердинга на С'езде германской социал-демократической партии в Киле, в 1927 г. эта концепция была выражена достаточно четко: «организованный капитализм, говорит Гильфердинг, означает в действительности п р и н ц и п и а л ь н у ю з а м е н у к а п и т а л и с т и ч е с к о г о п р и н ц и п а с в о б о д н о й к о н к у р е н ц и и с о ц и а л и с т и ч е с к и м п р и н ц и п о м п л а н о м е р н о г о п р о и з в о д с т в а» [5]). За последние годы теория организованного капитализма становится неот'емлемой частью всех социал-демократических программ и резолюций социал-демократических с'ездов, с'ездов реформистских профсоюзов и II Интернационала. Так, на с'езде германских профсоюзов осенью 1928 года докладчик по вопросу международного экономического положения подчеркивал: «важнейшим явлением последних десятилетий, а особенно последних лет, является изменение капитализма от хозяйства свободной конкуренции к хозяйству монополистической организации» [6]). Можно было бы привести бесчисленное множество цитат из статей и речей современных реформистов и в этом отношении нет никакой принципиальной разницы между «правыми» и «левыми» социал-демократами. Те и другие защищают положение, что капитализм находится не в периоде заката, а что наоборот, он переживает новый под'ем, переживает новую, высшую форму организованного капитализма. Эта мысль выразил в свое время небезызвестный русский меньшевик Биншток, который в настоящее время является одним из «авторитетов» германской социал-демократии по вопросам мирового хозяйства. «М и р», писал Биншток, «н а х о д и т с я н е в к о н ц е, но в середине, а может быть и в н а ч а л е м о г у щ е с т в е н н о г о п р о ц е с с а и н д у с т р и а л и з а ц и и. Прежде всего это относится к таким колоссальным хозяйственным областям, как Россия, (!!!), Китай и Индия, население которых вместе составляет почти половину человечества» [1]).

Наконец, «авторитетнейшее» раз'яснение по вопросу о современном положении капитализма дал в своей резолюции последний Брюссельский конгресс II Интернационала: «Послевоенное десятилетие»,—читаем мы в одной из резолюций,—«характеризуется гигантским развитием могущественных монополистических организаций. Во все возрастающем числе отраслей производства индивидуалистический капитализм свободной конкуренции вытесняется о р г а н и з о в а н н ы м к а п и т а л и з м о м» [2]). Сказанного достаточно, чтобы уяснить теоретическую концепцию современной социал-демократии. В ее основу положена мысль, что современная стадия развития монополий привела к тому, что капитализм из его анархической, бесплановой структуры перешел в новую фазу, фазу организованного капитализма с плановым регулированием, с уничтожением конкуренции и связанной с ней анархией производства. Вместе с тем, этот этап развития капитализма характеризуется усилением госкапиталистических тенденций. Сравнивая эту характеристику современного этапа капитализма, мы видим удивительное внешнее совпадение ее с характеристикой новейшей фазы капитализма, даваемой тов. Бухариным. И в том и в другом случае в основу характеристики новейшей фазы капитализма кладется уничтожение конкуренции, преодоление анархии, замена неорганизованного капитализма организованным.

Правда, для социал-демократии теория оргнизованного капитализма нужна, как своего рода подсобная концепция для двух других теорий, являющихся краеугольными теориями современного оппортунизма. Это: теория «хозяйственной демократии» и теория мирной фазы развития мирового капитализма, она же теория ультра-империализма. Мы уже указывали, что Гильфердинг из своей теории организованного капитализма делал вывод о возможности мирного врастания современного капитализма в социализм, поскольку организованный капитализм означает «принципиальную замену капиталистического принципа... социалистическим». «Хозяйственная демократия» именно должна явиться магическим средством для безболезненного перехода капитализма в социализм. Одним из творцов теории хозяйственной демократии является сотрудник буржуазной «Франкфуртер Цейтунг» Фритц Нафтали, который выпустил специальную работу о хозяйственной демократии. Наиболее интересно его определение демократизации хозяйства, которое он характеризует как «отстранение всякого господства и передачу руководящих органов хозяйства из органов капиталистических интересов в органы всего общества» [3]). И вот, вопреки самым ясным фактам, вопреки бьющей глаза действительности, реформисты считают, что развитие современного капитализма ведет как раз к этой «демократизации» хозяйства. В резолюции

---

[1]) Probleme der Zeit. Die Gesellscheft, 1924, № 1.
[2]) Там же.
[3]) Verhandlungen des Vereins für Socialpolitik in Wien, 1926. 172 Band. Leipzig стр. 112.
[4]) Там же, стр. 115.
[5]) Protokolle d. socialdemokratischen Parteitag. 1927, in Kiel, Berlin, 1927, стр. 178.
[6]) Protokolle der Verhandlung des 13 Kongress der Gewerkschafte Deutschlands, Hamburg, 3—7 Sept., 1928 г., стр. 175.

---

[1]) G. B i n s t o c k Einleitung in die Weltwirschaft., Berlin, 1927, стр. 161.
[2]) Protokolle des Dritten Kongress der Socialistischen Internationale. Brussel, 1928, IX—20 Zweiter Band.
[3]) F r. N a f t a l y. Wirtschaftsdemokratie. Berlin, 1928, стр. 21.

Гамбургского конгресса германских профсоюзов мы читаем следующие великолепные положения: «Современное развитие ясно ведет от единичного капиталистического предприятия к организованному монополистическому капитализму... В ногу со все более ясно видимыми структурными изменениями капитализма идет демократизация хозяйства... Демократизация хозяйства ведет к социализму» [1]). Здесь, перед нами весьма краткая, но в то же время весьма красочная картина «врастания в социализм». Под влиянием, каких обстоятельств, однако, происходит, по мнению социал-демократов эта «демократизация» современного капитализма. На этот вопрос дал уже несколько лет тому назад ответ Гильфердинг, подчеркивавший огромное значение государства в деле регулирования хозяйственной жизни капитализма. «Мы имеем», писал Гильфердинг, «организованное хозяйство, которое в растущей мере подвергается сознательному организованному воздействию со стороны общества, со стороны государства...» [2]).

Государство же, по новейшей концепции социал-демократии, может быть благодаря демократии подчинено воле широких масс населения и проводить политику в интересах последних. Гильфердинг следующим образом, на с'езде в Киле формулировал задачи социал-демократии: «нашему поколению поставлена задача преобразовать с помощью государства, с помощью сознательного общественного регулирования это организованное и руководимое капиталистами хозяйство в хозяйство, руководимое демократическим государством. Отсюда следует, что проблема, поставленная нашему поколению, не может быть ни чем иным, как социализмом» [3]). Получается, таким образом, весьма стройная теория, которая может быть кратко формулирована следующим образом: послевоенная концентрация привела к организованному капитализму и сращиванию последнего с государством. Современное государство есть государство демократическое, выполняющее волю широких масс трудящихся. Последние могут, таким образом, пользуясь своим влиянием на государство преобразовать мирным путем «капиталистически организованное хозяйство» в «социалистически организованное».

Вместе с тем, по мнению современных реформистов хозяйственная демократия проявляется и в том, что рабочие приобретают все большее влияние, через фабзавкомы, благодаря рабочему законодательству, благодаря вмешательству профсоюзов и т. д. на капиталистические предприятия, осуществляя своего рода совместное участие с предпринимателями в области совместного руководства капиталистическим предприятием. Следовательно, как бы с двух сторон происходит процесс «демократизации» хозяйства, процесс постепенного врастания в социализм. С одной стороны, «демократическое государство» все сильнее подчиняет себе капиталистические предприятия, с другой—непосредственно снизу рабочие все больше контролируют в своих интересах деятельность капиталистических предприятий. Мы не будем останавливаться на опровержении этих новейших откровений социал-демократии. Они подвергались у нас уже достаточной критике, которая доказала полную несостоятельность всей этой теории. Никто иной, как Каутский, когда он был еще марксистом, издевался над теориями видящими в росте монополистических организаций постепенное врастание в социализм.

«То что «реформистам» кажется мирным врастанием в социализм, есть лишь рост силы обоих противоположных классов, которые стоят друг против друга в непримиримой борьбе... Врастание в социализм есть только другое

[1]) Protokolle etc. стр. 21.
[2]) Hilferding, Probleme der Zeit. (разрядка наша. *М. И.*).
[3]) Protokolle etc. (разрядка наша. *М. И.*).

выражение постоянного обострения классовых противоречий, врастание в эпоху великих и решительных классовых битв, которые мы называем социальной революцией» [1]). Хорошо писал Каутский 20 лет тому назад!

Тов. Бухарин из своей теории организованного капитализма, не делает вывода о возможности примирения классовых противоречий. Однако, известно, что в свое время правые в Коминтерне (Брандлер, Тальгеймер и др.), исходя из неправильной оценки стабилизации, преувеличивая успехи последней и не понимая наступательного характера теперешних революционных боев пролетариата, выступали с лозунгом «рабочего контроля». По сути говоря, лозунг рабочего контроля сводится к той же идее, что и «хозяйственная демократия». В основе той и другой лежит совершенно неверное представление о возможности для рабочих оказывать какое-либо влияние на управление предприятием в условиях капиталистического строя. Всем, известно, что Ленин категорически подчеркивал, что рабочий контроль возможен лишь в условиях диктатуры пролетариата.

Участие рабочих в контроле над промышленными предприятиями в условиях капиталистического строя «есть лучший способ надувания рабочих буржуазией, лучший способ утонченного подкупа в политическом смысле» [2]). И далее, Ленин подчеркивал: «когда мы говорим: «рабочий контроль», ставя этот лозунг всегда рядом с диктатурой пролетариата, всегда вслед за ней, то мы раз'ясним этим о каком государстве идет речь» [3]).

Таким образом, одна и та же ошибочная переоценка «организованности» капитализма, переоценка возможностей государственного вмешательства при капитализме, ведет к неправильным политическим выводам и в отношении определения задач рабочего класса.

Как мы уже указывали, социал-демократы на основе своей теории организованного капитализма, строят утверждение о наступлении мирной фазы в развитии мирового капитализма. Эта теория ни что иное, как законченный вариант знаменитой теории ультра-империализма Каутского. Как известно, Каутский выступил с этой теорией уже в начале войны. Он указывал тогда на возможность того, что «теперешняя империалистическая политика может быть вытеснена новой ультра-империалистической, которая поставит на место борьбы национальных финансовых капиталов между собой общую эксплоатацию мира интернационально-об'единенным финансовым капиталом. Подобная новая фаза капитализма во всяком случае мыслима. Осуществима ли она, для решения этого нет еще достаточных предпосылок» [4]).

Через несколько лет Каутский писал по этому вопросу уже с гораздо большей определенностью. «Ни в коем случае, указывал он, не исключена возможность, что теперешняя война уже кончится тем, что империалисты руководящих великих держав обоих лагерей сговорятся о совместном разделе и эксплоатации мира» [5]).

Свое утверждение о возможности наступления новой эры в развитии империализма Каутский обосновывал в значительной мере «усиливающимся международным переплетением различных клик финансового капитала». Теперь теоретики организованного капитала выступают с той же теорией, которая, однако, получила уже большую оформленность и законченность. Если, по мнению социал-демократов, внутри капиталистических стран организованность капитализма достигла уже весьма высокой стадии развития, то эта организованность начинает перерастать национальные границы капиталистических стран. Выступая на последнем Брюссельском конгрессе II Интерна-

[1]) Карл Каутский, «Путь к власти», Гиз. 1923 год. стр. 28—29. (разрядка наша *М. И.*).
[2]) Ленин, Собран. соч., издан. 1-ое, т. XIV, ч. II, стр. 230.
[3]) Там же.
[4]) «Neue Zeit» от 30-го апреля 1915 г., № 5, стр. 144.
[5]) «Neue Zeit» от 16 февраля 1917 г., № 20, стр. 473.

ционала, теперешний председатель американской социалистической партии Хилквит указывал: «гигантский рост трестов и монополий начинает разбивать национальные рамки и создает интернациональные экономические силы первостепенной важности» [1]).

Еще более определенно об этом пишет Нафтали: «От развития картелей, синдикатов и трестов в отдельных странах ведет прямой путь к международному переплетению предпринимательских организаций и гигантских предприятий» [2]).

Гильфердинг придает международному переплетению капитала такое значение, что считает его одним из основных элементов организованного капитализма. И так же как в свое время Каутский, теперешние вожди социал-демократии считают, что это международное переплетение капитала, «организация» капитализма в мировом масштабе неизбежно ведет к устранению опасности войн, к уменьшению конкуренции между империалистическими государствами. В одной из своих статей, озаглавленных «Реалистический пацифизм» Гильфердинг прямо подчеркивает: «ложно утверждение, будто сама капиталистическая конкуренция должна вести к противоречиям между государствами» [3]).

Наконец, сам родоначальник теории ультра-империализма Каутский недавно снова выступил с утверждением о наступлении новой мирной эпохи империализма. «Мы, как раз вступили в период международной организации финансового капитала, в период международных картелей и трестов, и они оказывают влияние на внешнюю политику великих держав... Финансовые капиталисты знают теперь другие, менее дорогие и менее опасные, методы для реализации своих стремлений, чем войны между великими державами» [4]).

Все сказанное показывает, что новейшая теория социал-демократии сводится к тому, что наступил новый период организованного капитализма, исключающий неизбежность войн между империалистическими странами и являющийся фазой мирного развития импер[и]ализма. И также, как внутри страны, по мнению реформистов, организованный капитализм все больше подвергается контролю со стороны демократии, так и в мировом масштабе возможно создание демократического контроля над международными капиталистическими организациями, для каковой цели возможно приспособить Лигу Наций.

На первый взгляд имеется явное различие между концепцией организованного капитализма тов. Бухарина, теорией организованного капитализма в отдельной стране, и социал-демократическими теориями организованного капитализма, охватывающего весь мир и незнающего ни внутренних, ни внешних противоречий.

Однако, если встать на точку зрения тов. Бухарина, то этим чрезвычайно ослабляется возможность критики социал-демократических теорий «организованного» капитализма в мировом масштабе. Ведь что означает бухаринская концепция? Она означает, что на мировом рынке сталкиваются крайне немногочисленные, могущественные государственно-монополистические тресты [5]). Немногочисленность числа участников международной конкретной борьбы является одной из предпосылок для того, чтобы между этими конкурентами было достигнуто соглашение.

---

[1]) Protokolle, zweiter Band, VI, 27.
[2]) Fr. Naftaly, Wirtschaftsdemokratie, 1928, стр. 22.
[3]) Die Gesellschaft, 1924.
[4]) Karl Kautsky, Wehrfrage und Socialdemokratie, 1928, стр. 17.
[5]) Например в одной из последних работ «Империализм и накопление капитала» тов. Бухарин подчеркивает, что на мировом рынке «суб'ектами концентрации являются уже не отдельные предприниматели и не отдельные тресты, а консолидированные государственно-капиталистические тресты, т.-е. организованные буржуазией, народно-хозяйственные тела. (Цит. соч., стр. 128).

Ведь уже элементарная теория концентрации учит, что чем меньше число капиталистических предприятий, тем больше шансов, что между ними будет достигнуто соглашение. Действительно, на практике международные соглашения чаще всего создаются тогда, когда имеется на лицо прочное национальное об'единение. Так электрическая промышленность, на международную переплетенность которой указывал еще Ленин, издавна организована была могущественными национальными трестами и это повело к созданию в этой отрасли прочных международных картелей и трестов. Наоборот, в угольной промышленности, которая в важнейшей стране добычи — Англии находилась на чрезвычайно низкой ступени концентрации, никогда не удавалось организовать прочных международных соглашений. И обычно указывается, что причина неудачи организации международных угольных об'единений лежит в наличии многочисленных мелких самостоятельных предприятий в Англии.

Это прекрасно понимают и социал-демократы, которые свою теорию международной организации капитализма выводят также из предпосылки высокой степени организованности капитализма в каждой отдельной стране. Так, упоминавшийся нами меньшевик Биншток, следующим образом излагает условия способствующие образованию «интеримпериалистических союзов». Новая структура капитализма сводится по его мнению «к регулированию производства и цен, к исключению конкуренции между отдельными капиталистами одной и той же страны и выступлению их во вне, как единое целое» [1]). Отсюда, подчеркивает Бинншток, «создаются необходимые предпосылки для того, чтобы эти национальные, борющиеся друг с другом, капиталистические организации пришли к соглашению об экономической эксплоатации мира» [2]). Отсюда только один шаг к тому, что «конкуренция на мировом рынке будет ограничена, будет происходить распределение рынков сбыта товаров, экспорт капитала будет производиться по взаимному соглашению, другими словами— капиталистическое мировое хозяйство организуется» [3]).

Известную неувязку в своей теории чувствовал и сам тов. Бухарин, когда он впервые в развернутом виде создал свою концепцию. В одной из упомянутых выше статей, журнала «Спартак» в 1917 году, тов. Бухарин после того, как он изложил свою концепцию замирания конкуренции внутри страны, замечает: «как это ни странно, но организация внутри страны влечет за собой обострение анархической конкуренции между странами» [4])

В другом месте, тов. Бухарин сам должен был признать, что наличие государственно-капиталистических трестов создает тенденцию к соглашению между ними.

В этом отношении чрезвычайно характерна следующая цитата из «Экономики переходного периода»: «Нам следует упомянуть, указывает тов. Бухарин, говоря об основных тенденциях к организации капиталистической системы, также о синдикатах государственно-капиталистических трестов, о своеобразных синдикатах «второго порядка», которые своими составными частями имеют государственно-капиталистические тресты. Таковы государственные «коалиции», такова «Лига Наций». Предпосылки для этих организаций были созданы финансово-капиталистическими связями, общей суммой взаимного «участия»... Здесь тенденция к организации выступает за пределы от-

---

[1]) G. Binstock, Einleitung in die Weltwirtschaft. Berlin, 1927, стр. 152.
[2]) Там же, стр. 152.
[3]) Там же, стр. 153. (Разрядка наша. *М. И.*).
[4]) Н. Бухарин, «Крушение капитализма, «Спартак», № 10, 1917 г., стр. 7. (Разрядка наша. *М.И.*).

дельного государства. Следовательно, в этих попытках капиталистического мира организующий процесс нашел свое высшее выражение» [1]).

Из таких же предпосылок, как мы видели выше социал-демократы выводят свою теорию ультра-империализма. Поэтому, если теория т. Бухарина говорит лишь об «организации» капитализма внутри отдельных стран, она, благодаря неправильному пониманию структуры современого капитализма, дает оружие в руки прямых защщитников социал-демократической теории империализма и пробивает брешь в ленинской критике «ультра-империализма».

III.

Мы разобрали теорию тов. Бухарина о «замирании конкуренции внутри страны» и теорию «организованного» капитализма современной социал-демократии. И если наши правые не делают из своей теории таких широких оппортунистических выводов, то логическая порочность, лежащая в основе обоих теорий организованного капитализма, неизбежно ведет к одним и тем же ошибочным, по существу глубоко реформистским выводам. И, поскольку та другая теория базируется на концепции о том, что новейшая фаза развития капитализма ведет к уничтожению конкуренции, к уничтожению анархии производства, разоблачение ложности основы этой теории неизбежно должно повести к крушению всех надстроек («хозяйственная демократия», ультра-империализм и т. д.), возведенных над теорией организованного капитализма.

Мы указывали, что Ленин уже в самом начале войны выступал против бухаринской концепции «чистого» империализма. В период 1917—18 гг., как известно, Владимир Ильич с достаточной ясностью подчеркивал неправильность концепции, что монополистический капитализм уничтожает все остатки промышленного капитализма, уничтожает конкуренцию. Наоборот, Ленин настойчиво указывал, что «Соединение противоречащих друг другу начал конкуренции и монополии и существенно для империализма» [2]).

В этой диалектической постановке проблемы монополистического капитализма Ленин целиком опирался на взгляды Энгельса и Маркса. «Монополия», писал Энгельс, «не может остановить поток конкуренции, мало того она сама порождает конкуренцию, в роде того, как запрещение ввоза или ввозные пошлины как раз порождают конкуренцию контрабанды» [3]). Еще более четко эту же мысль выразил Маркс в полемике с Прудоном: «В практической жизни, поучает Маркс Прудона, мы находим не только конкуренцию, монополию и их антагонизм, но также и их синтез, который есть не формула, а движение. Монополия производит конкуренцию, конкуренция производит монополию. Монополисты конкурируют между собой, конкурирующие становятся монополистами. Если монополисты ограничивают взаимную конкуренцию посредством частичных ассоциаций, то усиливается конкуренция между рабочими; и чем более растет масса пролетариев по отношению к монополистам данной нации, тем разнузданнее становится конкуренция между монополистами различных наций. Синтез заключается в том, что монополия может держаться лишь благодаря тому, что она ведет постоянную конкурентную борьбу» [4]).

Критика Лениным бухаринских теорий неоднократно уже излагалась в нашей печати, поэтому нет надобности подробно на ней останавливаться. Мы уже указывали, что Ленин всегда подчеркивал связь монополистической

[1]) Н. Бухарин, «Экономика переходного периода», стр. 35—36 (разрядка

[2]) Ленин, Собр. соч., 2-ое изд., т. XV, стр. 297.

[3]) Ф. Энгельс, «Очерки критики политической экономии». Собр. соч. т. II, стр. 308, 1929 г.

[4]) Карл Маркс, «Нищета философии», Гиз, 1928 г., стр. 144.

эпохи с предыдущей эпохой промышленного капитализма. Представление о том, что при империализме совершенно уничтожаются все остатки до-монополистической эпохи, Лениным категорически опровергалось. «Империализм», писал Ленин, «является продолжением развития капитализма, его высшей стадией. На самом деле империализм не перестраивает и не может перестроить капитализм снизу доверху. Империализм усложняет и обостряет противоречия капитализма, спутывает со свободой конкуренции монополии, но устранить обмена, рынка, конкуренций, кризисов, и т. д. империализм не может» [1]).

Это определение попадает не в бровь, а в глаз всем тем, которые доказывают возможность устранения «организованным» капитализмом конкуренции, рыночных отношений и т. п.

Известно, что Ленин еще с большей определенностью выступил по вопросам конкуренции и монополии на VIII с'езде партии при обсуждении партийной программы. Достаточно напомнить, что Ленин подчеркивал, что «никогда в мире монополистический капитализм без свободной конкуренции в целом ряде отраслей не существовал и не будет существовать» [2]). Это положение вытекало из того, что как подчеркивал Ленин, «Империализм и финансовый капитализм есть надстройка над старым капитализмом» [3]). Поэтому «чистый империализм, без основной базы капитализма, никогда не существовал, нигде не существует и никогда существовать не будет» [4]). Поэтому-то и Ленин отвергал проект программы, защищаемый тов. Бухариным. «Если написать программу», говорил Ленин, «так как хотел тов. Бухарин, эта программа будет неверна. Она будет пожалуй воспроизводить лучшее, что сказано о финансовом капитализме и империализме, но не воспроизведет действительности, потому что в этой действительности как раз такой цельности нет» [5]). В этом сочетании конкуренции и монополии Ленин видел основное противоречие империалистической эпохи, противоречие подготовляющее крах капитализма. Говоря о критике Каутским империализма, Ленин подчеркивал «что эта критика обходит и затушевывает как раз самые глубокие и коренные противоречия империализма: противоречие между монополиями и существующей рядом с ними свободной конкуренцией, между гигантскими «операциями» (и гигантскими прибылями) финансового капитала и «честной» торговлей на вольном рынке, между картелями и трестами, с одной стороны, и некартелированной промышленностью, с другой и т. д.» [6]). И в другом месте Ленин указывал, что это противопоставление конкуренции и монополии «именно... подготовляет крах, т.-е. социалистическую революцию» [7]).

Цитат из высказываний Ленина можно было бы привести еще без конца, но и вышеприведенные с исчерпывающей ясностью показывают, как Ленин относился к возможности создания капитализмом организованного хозяйства. Было бы, конечно, в корне ошибочным сделать из всего сказанного выше вывод, что Ленин недооценивал роль монополии в современную эпоху капитализма. Ведь ни кто иной, как Ленин, подчеркивал, что настоящая эпоха характеризуется «сменой свободной конкуренции монополистическим капитализмом» [8]). В пылу полемики отрицать то значение, которое Ленин придавал всевозможным формам монополистических союзов, это значило бы вместе с водой выплеснуть и ребенка. (Подобная ошибка случилась

[1]) Ленин, Материалы к пересмотру партийной программы. Собр. соч., 2-ое изд., т. XX, стр. 297 (разрядка наша. *М. И.*).

[2]) Ленин, Собр. соч., (1-ое изд.), т. XVI, стр. 114.

[3]) Там же.

[4]) Там же, стр. 112.

[5]) Там же, стр. 113.

[6]) Ленин, Собр. соч. (2-ое изд.), т. XV, стр. 297.

[7]) Ленин, Собр. соч. (1-ое изд.), т. XIV, ч. I, стр. 121.

[8]) Ленин, Собр. соч., (2-ое изд.), т. XIV, стр. 293. Материалы к пересмотру парт. программы.

у тов. Борилина в его статье еще в 1925 г. «Под Знаменем Марксизма» № 5—6 за 1925 г.). Ленин также подчеркивал значение усилившихся госкапиталистических тенденций на последнем этапе развития империализма. «Империалистическая война», писал Ленин, «есть канун социалистической революции... Потому что государственно-монополистический капитализм есть полнейшая материальная подготовка социализма, есть преддверие его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, никаких промежуточных ступеней нет» [1]). Однако, для Ленина монополистический капитализм, даже в его высшем выражении государственно-монополистического капитализма, никогда не переставал быть капитализмом со всеми свойственными последнему чертами анархии производства, бесплановости, рыночных отношений и т. д. Наоборот, чем на более высшую ступень поднимался капитализм, тем больше обострялись свойственные ему противоречия, которые должны неизбежно повести к взрыву капиталистической системы.

Отрицая возможность организованного капитализма, Ленин, конечно, не мог допустить возможности создания длительного соглашения между капиталистами в масштабе всего мирового хозяйства. Вот почему Ленин с особенной беспощадностью критиковал ультра-империалистические взгляды Каутского. Именно Ленин неоднократно подчеркивал, что «ультра-империалистические союзы в какой бы форме эти союзы ни заключались, в форме ли одной империалистической коалиции против другой империалистической коалиции, или в форме всеобщего союза всех империалистических держав—являются неизбежно лишь «передышками» между войнами» [2]). Особенно Ленин подчеркивал несостоятельность тезиса о том, что финансовое переплетение капитала может привести к уничтожению противоречий между империалистическими державами. «Международно-переплетенный капитал,—писал Ленин—дает великолепные дела на вооружениях и войнах. Из соединения и переплетения разных национальных капиталов в единое интернациональное целое выводить экономическую тенденцию к разоружению—значит подставлять добренькие мещанские пожелания о притуплении классовых противоречий на место действительного обострения их» [3]).

Если, таким образом, теории организованного капитализма, в их различных вариантах, в корне противоречат ленинской теории монополистического капитализма, то нужно еще подчеркнуть, что логически завершением теории организованного капитализма является возможность организации в условиях капитализма всеобщего картеля или всемирного треста. Именно, такую возможность рисовал еще Гильфердинг в «Финансовом капитале», когда подчеркивал наблюдающуюся тенденцию к постоянному распространению картелирования. «В результате этого процесса—писал Гильфердинг—должен был бы получиться всеобщий картель. Здесь все капиталистическое производство регулировалось бы из одной инстанции, которая определяет размер производства во всех его сферах. Тогда установление цен становится чисто номинальным и фактически равносильно уже просто распределению всего продукта, с одной стороны, между картелями—магнатами, а с другой стороны,—между другими членами общества... вместе с анархией производства исчезает вещная видимость, исчезает товар в качестве овеществленной стоимости, исчезают, следовательно, деньги... это сознательно регулируемое общество в антагонической форме, но этот антагонизм есть антагонизм распределения. Самое распределение здесь сознательно урегулировано и потому необходимость денег миновала» [4]). Нужно при этом, однако,

[1]) Ленин, Грядущая катастрофа и как с ней бороться, т. XIV, ч. II, стр. 209.
[2]) Ленин, «Империализм», т. XIV (изд. 2-ое), стр. 168.
[3]) Ленин, Крах II Интернационала. Собр. соч., т. XIII, стр. 152.
[4]) Гильфердинг, Финансовый капитал. Петроград, 1918 г., стр. 346.

подчеркнуть, что Гильфердинг считал тогда, что всеобщий картель «был бы мыслим экономически, хотя социально и политически такое состояние является делом невозможным, так как антагонизм интересов, доведенный им до крайних пределов, неизбежно привела бы к его крушению» [1]). Теоретическую возможность создания организованного капиталистического общества в антагонистической форме допускал и т. Бухарин. Он писал что: «Можно себе представить «коллективно-капиталистический строй (государственный капитализм), где капиталистический класс об'единен в единый трест и где следовательно перед нами организованное, но в то же время антагонистическое, с точки зрения классов хозяйство» [2]). Справедливость требует отметить, что тов. Бухарин всюду подчеркивал, что в реальной действительности образование такого всеобщего треста было бы невозможно, поскольку «социально-политические причины не могли допустить даже образование такого всеохватывающего треста» [3]). Здесь, таким образом, против возможности организации капитализма на антагонистической основе выдвигаются социально-политические возражения. С экономической же стороны такая высшая форма организации капитализма вполне допускалась. Между тем, нужно указать, что приписывать капитализму возможность плановой организации хозяйства, это значит ставить на голову все учение Маркса о капитализме. Разве можно себе представить, исходя из теории Маркса, что изменяются условия производства и в то же время остаются неизменившимися антагонистические формы распределения. Ведь еще в «Введении к критике политической экономии» Маркс писал: «Система распределения вполне определяется системой производства. Распределение само есть продукт производства,—не только в отношении предмета, ибо распределяться могут только результаты производства, но и в отношении формы, ибо определенный способ участия в производстве определяет особую форму распределения — форму, в которой каждый принимает участие в распределении» [4]). Вместе с тем, при исчезновении товарного характера производства должна исчезнуть так же рабочая сила, как товар и вместе с тем исчезнет капиталистическая форма присвоения прибавочной стоимости. Следовательно, уничтожение обмена, уничтожение проблемы наемной рабочей силы должно вести к уничтожению и капиталистической системы. Капитализм без анархии производства, не есть капитализм, ибо, как подчеркивал и Ленин «Капитализм есть частная собственность на средства производства и анархия производства» [5]).

Если, таким образом, абсолютно немарксистской является теория об экономической возможности создания всеобщего треста, единого организованного мирового капитализма, то ясно, что и та стадия организации капитализма, которую рисуют современные теоретики организованного капитализма и которая фактически в оценке современных социал-демократов приближается к единому плановому капиталистическому хозяйству, является надуманной, несоответствующей действительности, противоречащей законам капиталистического развития. И, действительно, если мы посмотрим на фак-

[1]) Гильфердинг, Финансовый капитал, стр. 435.
[2]) Н. Бухарин, «Империализм и накопление капитала», изд. 3-е, Гиз, 1928 г., стр. 82. (Нужно, правда отметить, что еще задолго до Гильфердинга и Бухарина подобную возможность рисовал и Туган-Барановский. «Представим себе,— писал он, — что роль акционерных компаний в связи с соединением их в союзы, картели и тресты поведет к полному исчезновению единоличных капиталистических предприятий и об'единению всего капиталистического производства в одно планомерно-организованное колоссальное, национальное предприятие». М. П. Туган-Барановский, «Современный социализм в своем историческом развитии». 1906 г., стр. 7.
[3]) Н. Бухарин, «Мировое хозяйство и империализм», «Московский Рабочий», 1927 г., стр. 133.
[4]) Маркс, «К критике политической экономии», Гиз, 1929 г., стр. 30.
[5]) Ленин, «О лозунге Соединенных Штатов Европы». Собр. соч., 2-ое изд., т. XVIII, стр. 232.

тическую картину развития мирового капитализма даже за последний период, мы нигде не увидим полного замирания конкуренции, ни внутри капиталистических стран, ни на мировом рынке. Современные монополии лишь модифицировали формы конкуренции, но не смогли их уничтожить. В основном новейшие формы конкуренции сводятся:

1. К борьбе капиталистических предприятий внутри картелей. На эту форму конкуренции в свое время указывал и Гильфердинг. В новейшее время это обстоятельство особенно подчеркивал Шмаленбах [1]).

2. К борьбе между отдельными монополистическими предприятиями в одной и той же отрасли между собой. В этом отношении характерна, например, борьба между крупнейшими гигантами американской автомобильной промышленности: Фордом и Дженерал Моторс.

3. Конкуренция между трестами и картелями, с одной стороны, и «аутсайдерами»,—с другой. Как ни затруднено возникновение новых конкурирующих предприятий, высокие монопольные цены, в конечном счете, всегда вызывают появление конкуренции. В настоящее время чаще всего конкурентами выступают не вновь создаваемые предприятия, а другие существующие тресты, организующие у себя новые виды производства для конкуренции с трестами, занимающими до этого времени монопольное положение в производстве того или другого товара.

4. Борьба между монополистическими трестами, производящими заменимые товары. Например: конкуренция между производителями искусственного и натурального шелка, борьба между синтетическим азотом и чилийской селитрой и т. д.

5. Борьба между монополистическими об'единениями за бюджет потребителя. Известно, что в новейшее время этот вид конкуренции достигает огромной остроты. Ведь для того или другого треста чрезвычайно важно, чтобы потребитель имеющиеся у него сбережения истратил на покупку изделий именно данного треста (например, купил бы радиоприемник у Радиотреста, а не граммофон у Граммофононго треста).

Намеченными формами далеко не исчерпываются современные формы конкуренции. Конкретный фактический материал для иллюстрации вышеупомянутого положения можно было бы привести в изобилии [2]).

Из всей вообще правильной оценки Коминтерном «третьего периода», неизбежно должно следовать не замирание конкуренции, а ее обострение. Что является самым характерным для «третьего периода»? Это рост диспропорции между производством и покупательной способностью рынка. Этот рост диспропорции, безусловно, вызывает обострение борьбы за потребителя как на внутреннем, так и на внешнем рынке и, следовательно, к бешеному усилению конкуренции между производителями. Вот почему оценка современного этапа стабилизации абсолютно несовместима с представлением о замирании конкуренции в той или иной форме.

---

[1]) См. его статью «Скованный капитализм» в сборнике «Буржуазные ученые о закате капитализма», Гиз, 1929 г.

[2]) Например директор одного крупного американского банка указывает на пять видов новой конкуренции: 1) «вертикальная» конкуренция — между фабрикантами и оптовиками, оптовиками и розничниками и т. п.; 2) одни отрасли промышленности конкурируют с другими с целью не допускать товаров, могущих заменить друг друга; 3) конкуренция одной отрасли промышленности со всеми другими в целях получения наибольшей доли дохода и использования сокращающейся покупательной способности населения; 4) конкуренция одной местности с другой, охватывающая города, штаты и целые области, и 5) резкое обострение международной конкуренции. (Чез и Ф. Шлинк, Как расстрачиваются деньги потребителя, Гиз, 1928 г., стр. 30—41).

IV.

Теория «организованного» капитализма затушевывает самое центральное в ленинской концепции империализма: то, что монополистический капитализм есть «загнивающий, умирающий капитализм». Если капитализм все время подымается на более высокую ступень развития, если он способен преодолеть внутри ли одной страны или в мировом масштабе свойственную ему анархию производства и ввести плановость, если буржуазия в состоянии создать организованное хозяйство, то из этого неизбежно должно следовать, что в современном капитализме заложено еще много прогрессивных элементов, что неизбежен еще длительный под'ем капитализма. Вот почему идеи организованного капитализма должны были родиться у тех, кто чрезвычайно оптимистично смотрит на будущее послевоенного капитализма, видя в нем лишь наличие технического прогресса, считая, что капитализм переживает чуть ли не «вторую промышленную революцию». И если от грубых социал-демократических апологетов капитализма перейти к правым в Коминтерне, то и здесь имеется ясная логическая связь между переоценкой организованности капитализма и неправильными взглядами на теперешнюю стабилизацию, «как крепкую и крепнущую». Из переоценки успехов капиталистического хозяйства вытекает и теория возможности мирного врастания капитализма в социализм. Раз капитализм уничтожил главнейшие свойственные ему противоречия, следовательно, принципиально это уже не капитализм, это уже есть некий переходный этап, этап к социализму. Эти теории, конечно, ничего общего не имеют с ленинским пониманием империализма, как последнего этапа капитализма. Монополии действительно создают все предпосылки для социалистического строя, но для того, чтобы эти предпосылки могли найти свое осуществление, капитализм, как таковой, должен быть взорван и уничтожен.

Из слишком оптимистической оценки мощи и организованности современного капитализма также неизбежно должны вытекать пессимистические взгляды в отношении возможности и условий революционной борьбы пролетариата в капиталистических странах. Понятно, поэтому, что среди оппортунистов укоренилось мнение о том, что современные классовые бои носят оборонительный, чисто экономический характер. При этом, если придерживаться буквально точки зрения тов. Бухарина о том, что в настоящее время «проблема соотношения классов и классовой борьбы является проблемой, в величайшей степени связанной с положением той или другой капиталистической страны на мировом рынке», то тогда создаются весьма пессимистические перспективы для социальной революции без наличия военного столкновения, без войны между империалистами. Недаром в этом вопросе тов. Бухарин перегибал значение военных столкновений для наступления социальной революции. Между тем, известно, что Ленин считал, что для революции не только не абсолютно необходима война, но «социалистическая революция может разгореться не только из-за крупной стачки или уличной демонстрации, или голодного бунта, или военного восстания, или колониального мятежа, но из-за любого политического кризиса» [1]).

Но, как мы уже подчеркивали выше, постановка вопроса тов. Бухариным об организации капитализма внутри отдельных капиталистических стран, неизбежно тянет к теории о возможности и дальнейшей организации капитализма и в мировом масштабе. Это по существу ведет к перспективе возможности еще дальнейшего беспредельного развития капитализма и отрицанию на ближайший период для рабочего класса революционных перспектив. Поэтому, мы должны категорически отвергнуть всякую, в какой бы то ни было форме, постановку вопроса об организованном капитализме, как концепции, не имеющей ничего общего, не совместимой с ленинской теорией монополистического капитализма, как эпохи социалистической революции.

---

[1]) Ленин, Собр. соч., (2-ое изд.), т. XIX.

Г. Стрельцов.

Борьба за линию партии и оппортунизм на практике.

Что важнейшим условием осуществления тех, поистине грандиозных задач, которые партия и рабочий класс нашей страны поставили перед собою, является преодоление и полный разгром правого уклона — эта истина осознана всей партией. Вся партия в целом и ее руководство сделали уже довольно много для разоблачения политической платформы правых и ее теоретических, антиленинских основ. Разумеется, самая решительная и непримиримая борьба с идеологией правого оппортунизма должна продолжаться и дальше. Это необходимо тем более, что правые оппортунисты во главе со своим лидером т. Бухариным не сдают своих антипартийных позиций, продолжают упорствовать и углублять свои ошибки, несмотря на то, что их платформа единодушно осуждена партией, а их «прогнозы» и пророчества — опровергаются каждодневно самой жизнью.

Факты последнего времени с особой остротой поставили перед партией задачу борьбы с правым оппортунизмом на практике. Обнаружилось,—при том даже в отдельных крупнейших пролетарских организациях (не говоря уже об Астрахани и др. местах),—не мало фактов, показывающих, как весьма часто за обманывающим взгляд прикрытием из статей, речей, резолюций, громких криков о необходимости борьбы с правым уклоном, развертывания самокритики и т. п. скрываются самая доподлинная оппортунистическая практика, грубейший зажим самокритики, явления обюрокрачивания, разложения и перерождения. Борьба с оппортунизмом на практике, как с одной из наиболее зловредных форм оппортунизма,—предстоит упорная, систематическая.

Все это, а также особую опасность и вредоносность оппортунизма на практике мы намерены проиллюстрировать на примере нижеследующих фактов, относящихся к работе одной из наших губернских партийных организаций. Речь идет о Вологодском округе (бывшей до августа м-ца Вологодской губернии).

Вологодский округ — по преимуществу крестьянский, сельскохозяйственный. Основные отрасли хозяйства — животноводство, молоко, масло, лес, лен. Положение в вологодской деревне до сих пор совершенно еще не изучено. Не изучена, например, такая важная сама по себе,—а для Вологодского округа важная тем более — проблема, как проблема классового расслоения деревни.

Однако все данные говорят о наличии в округе довольно значительной количественно и экономически мощной кулацко-капиталистической верхушки деревни. Фактом, который сразу же приковывает к себе внимание, является ожесточенная, доходящая до самых резких форм[1]), классовая борьба в деревне. Кулак громит колхозы, избивает бедноту, батраков, колхозников. Много случаев убийств. Недавно, в быв. Лежской волости, имела место вторая «Лудорвайщина».

Несмотря на это в Вологодском округе до последнего времени был распространен взгляд: «у нас кулаков нет, есть зажиточные». Категория «зажиточный» получила полное право гражданства и встречается весьма часто в официальных партийных и советских документах. Очень часто под этой фирмой «зажиточного» скрывается самый доподлинный кулак.

Разумеется такая извращенная, неклассовая, неленинская постановка вопроса о социально-экономических группах в крестьянстве, отсутствие более или менее точных социальных характеристик крестьянских хозяйств, отсутствие того «разделения», «разграничения» «крестьянина —трудящегося от крестьянина-собственника, крестьянина-работника от крестьянина-торгаша, крестьянина-труженика от крестьянина-спекулянта», в котором (разграничении) Ленин усматривал «всю суть социализма»[1]) и которое является важнейшим условием построения правильной, последовательно —классовой линии в отношении крестьянства — все это не могло не отражаться самым пагубным образом на практической политике в отношении к кулаку и бедняку.

И в самом деле, по линии осуществления решения партии о политическом и экономическом наступлении на кулацко-капиталистические элементы деревни мы имеем в Вологодском округе грубейшие искривления классовой линии партии.

Особенно это обнаруживается по линии налогового обложения. Официальные материалы уже последнего времени говорят об огромном недообложении кулачества и переобложении бедноты. Имеется массовое сокрытие об'ектов обложения по целому ряду районов и недоучет «индивидуалов» (процент привлеченных к индивидуальному обложению мизерный: по б. Вологодскому и др. уездам не достигает 1%). Обложение кулацких хозяйств из года в год снижалось и напр., начисление налога на 1929/30 год, произведенное по семи отдельным быв. волостям и сельсоветам округа (всего 5.463 хозяйства) показывает снижение налога в кулацких хозяйствах на 14,73%![2]).

Все эти факты — среди других причин —находят свое об'яснение в том, что выявление кулацких хозяйств и освобождение бедноты производилось в большинстве районов без участия бедноты, а также в том, что в учетных и налоговых комиссиях (волостных и сельских) сидят кулаки и так наз. «зажиточные». Напр. по б. Вологодскому и б. Кадниковскому уездам процент участия бедноты в комиссиях в 1928/29 г. по сравнению с прошлым годом снижен, а процент участия «зажиточных» — возрос. И вот о работе этих-то комиссий Вологодский УФО отзывался следующим образом: «сельские учетные комиссии работали активно..., доходы по крупным предприятиям выявлены тщательно и полней, чем в прошлом году (?!).., выявление индивидуалов, за исключением некоторых волостей, прошло даже слишком полно (??!)».

Не менее кричащие факты имеются по линии землеустройства. Несмотря на то, что положение в этой области изучено плохо, все же все данные говорят о большом росте после революции отрубов и хуторов при слабом росте колхозного и совхозного строительства. По материалам недавнего обследования, произведенного уже новой ОкрКК ВКП(б), из льготного

---

[1]) Вот далеко не единичные примеры: «В Леденгском районе 20 августа кулаком Секушиным до полусмерти изрублен бедняк Секушин. У него отрублен нос, рука и поврежден бок». В дер. Круглица, Норобовского сельсовета сын зажиточного Бахвалов выстрелом из обреза ранил крестьянина А. Казова. У пострадавшего вышиблены глаза и зубы, оторван язык и сломан нос».

[1]) Ленин, т. XVI, с. 352.

[2]) Вот еще один красочный пример. Недавно (конец августа), в Толшменский район, в котором кулаки избили 25 бедняков, и колхозников и убили двух—выехала Окружная комиссия. Эта комиссия установила следующее: в прошлом году обложение кулаков по району достигало 65.674 р., а в этом году—10.145 р. Таким образом кулак получил подарок в 55 тыс. руб., в то время, как налог на бедноту и середняков снижен на 6—9%!

фонда по землеустройству бедноты значительная часть направлялась на выселки, хутора и отруба, при чем большие льготы предоставлялись хозяйствам «зажиточных». Столыпинщина вместо коллективизации — вот результат вологодской практики. Далее, недавно вскрыт ряд дел о владении бывшими помещиками землею, по несколько десятков десятин, о наделении землею нетрудовых элементов (попы и торговцы).

Грубейшие извращения линий партии имеются и по линии судебной. Как указано выше, в Вологодском округе происходит ожесточенная классовая борьба, кулацкий террор принимает иногда дикие формы. Из практики Вологодского Губсуда можно привести не мало случаев, когда явно-политические, контрреволюционные выступления кулачества квалифицировались органами милиции и суда как простое хулиганство.

Такова политика в отношении кулака. Прежде чем высказывать обобщение, посмотрим, какова же была политика в отношении бедноты. Оказывается, что в целом ряде мест (напр. ряд волостей быв. Кадниковского уезда) совершенно нет групп бедноты. Наша опора в деревне — беднота — не организована как следует — вот общий вывод.

А как обстоит с экономической помощью бедноте? Из материалов обследования, произведенного недавно ОКР РКИ следует: 1) беднота охвачена системой с.-х. кредитной кооперации гораздо слабее, нежели высшие слои деревни, в том числе и «зажиточные». Напр. по Заднесельскому товариществу, при наличии 600 бедняцких хозяйств, не вовлеченных в с.-х. кредитное товарищество, кооперировано за счет бедняцкого фонда только три хозяйства; 2) во многих местах бедняцкие фонды не использованы, а очень часто они попадают в руки середняков и «зажиточных»; 3) размеры ссуд, выдаваемых беднякам, в большинстве случаев ниже ссуд, выдаваемых середнякам и «зажиточным»; 4) льготный фонд на землеустройство бедноты направляется в значительной части на выселки, хутора и отруба. Много фактов, когда бедняк льготу не получает, а получает ее зажиточное хозяйство с 4—5 головами крупного скота, платящее 50 руб. с.-х. налога и т. д.

Такова «практика» — самая доподлинная право-оппортунистическая практика. Но дело не обходится и без соответствующей ей «теории». Подводя итоги кампании по с.-х. налогу за 1927/28 год фракция Вологодского Уисполкома вынесла следующее «интересное» постановление, поистине достойное того, чтобы быть заклейменным на лбах у его авторов. Вот оно:

«Вследствие того, что местами установлены случаи, когда предоставляемое из года в год сложение сельхозналога отдельным бедняцким хозяйствам не отражало преследуемого этим экономического под'ема этих хозяйств по чисто суб'ективным причинам и это последнее являлось и является аргументом для разных нездоровых выступлений со стороны середняцко-зажиточной части (как не лодырей) (!!)...— это обстоятельство диктует, сейчас необходимость заняться вопросом конкретного изучения тех результатов, кои дает нам классовый принцип (!!)... ...с тем, чтобы установить общий экономический под'ем бедняцкой части населения, вместе с этим выявить и тех бедняцких элементов, кои уже себя деклассировали (?!) и которым дальнейшее предоставление льгот не дает реальных результатов».

Трудно придумать, что-либо более, путанное и вместе с тем, более ясное по смыслу, чем это постановление партийной фракции: раз бедняк себя «деклассировал», раз его хозяйство не поднимается до уровня середняцкого и зажиточного (так как только в этом случае помощь бедняку, по мнению

фракции, достигала бы «реальных результатов»), а тут еще недоволен кулак, называющий бедняка лодырем — нельзя ли «изучить» классовый принцип, нельзя ли его пересмотреть?! Ослиные уши правых оппортунистов торчат буквально из-за каждой буквы этого постановления, являющегося, по существу, перепевом мотивов кулака, недовольного политикой партии и власти в отношении бедноты.

Все приведенные выше факты говорят о том, что в б. Вологодской губернии в области проведения классовой линии партии в отношении деревни мы имеем вопиющие, грубейшие искажения и извращения.

Вместо ленинской линии партии, выраженной в известной формуле Ленина: «уметь достигать соглашения со средним крестьянином, ни на одну минуту не отказываясь от борьбы с кулаком и прочно опираясь только на бедноту» [1] — проводилась фактически линия, близкая к линии Фрумкина, выраженной в не менее известной формуле: «мы не должны мешать производству кулацких хозяйств».

Организованного политического и экономического наступления на кулацко-капиталистические элементы деревни (по линии налоговой, судебной, строительства колхозов [2]), организации бедноты и т. д.) — не велось. Всем этим об'ясняется тот факт, что в очень многих местах в органах власти, особенно налоговых сидели (сидят еще и теперь) не только так наз. «зажиточные», но и кулаки. Тов. Сталин, критикуя на Ноябрьском пленуме ЦК прошлого года идеологию правых, в частности, платформу Фрумкина, говорил: «Что значит не мешать кулацкому хозяйству? Это значит дать кулаку волю. А что значит дать ему волю? Это значит дать ему власть» [3]). Вологодская практика (можно привести факты и из других мест) убедительно подтверждает, что дело обстоит именно так: там, где наши организации вместо упорной борьбы с кулачеством на деле сдают пролетарские позиции в руки кулака — там кулаку удается пролезть и в органы нашей власти и творить нужную ему политику.

После всего сказанного у читателя возникает естественно вопрос, где же было и что делало партийное руководство Вологодской организации? Мы ответим на этот вопрос ниже. Пока же приведем еще пару чрезвычайно разительных фактов—фактов существования в губернии до самого последнего времени крупных предпринимателей и целых помещичьих гнезд.

Только недавно (в половине этого года) были вскрыты и преданы широкой огласке нашумевшие в Вологде «Шуйское» и «Кубино-Озерское» дела.

В Кубино-Озерской волости кулак Комиссаров владел мощной водяной мельницей с турбиной в 75 лошадиных сил и пропускной способностью в 1.200 пудов в сутки. В 1918 г. этот кулак открыто вел антисоветскую агитацию и распространял даже среди крестьян напечатанные им антисоветские листовки. Не раз поднимался низами вопрос о национализации мельницы Комиссарова. Возмущенные голоса и требования не приводили ни к чему. В 1925 г. пом. Губпрокурора Васильев постановил требование об отобрании мельницы «как незаконное оставить без последствий» и дело производством прекратить. Президиум Вологодского Уисполкома, рассмотрев указанное постановление, вынес решение: «согласиться с постановлением». С тех пор Комиссаров рос и богател. Налогом Комиссаров облагался как кустарь.

---

[1]) Ленин, т. XV, стр. 564.

[2]) В колхозах, как об этом свидетельствуют многие факты, беспрепятственно принимались «зажиточные» и даже лишенцы. Вся эта публика, попадая в колхозы, старается взорвать их изнутри или подчинить своему влиянию. Вологодская практика лишний раз подтверждает правильность недопущения кулака в колхозы.

[3]) Сталин. Вопросы ленинизма. 6-е изд., стр. 577.

По данным Губ. РКИ, в 1926/27 г. его мельница была обложена промысловым налогом на 1.114 р., а нужно было обложить на сумму в 19 с лишним тыс. р.; в 1925/26 г. обложена на 2.810 р., а следовало 22.378 р.; в 1928/29 г. обложен на 7.069 р., а следовало 26.128 р. Как следует из материалов Комиссаров сам диктовал налоговой комиссии сумму причитающегося с него налога!

С Комиссаровым покончено лишь в начале июля сего года, когда краевая газета забила тревогу о неблагополучии в Вологде. На этот раз вылетели, кому следует вылететь, из Вологодского УИКА, Укома, а некоторые и из партии.

Еще более любопытным является так. наз. «Шуйское» дело. В быв. Шуйской волости до самого последнего времени существовал заводчик Пальников, владевший на правах частной собственности кожевенным заводом, стоимостью (по его собственной оценке) в 150 тыс. руб., водяной мельницей, крупными хозяйственными постройками и землей в количестве 38 гектаров. Еще в июле прошлого года голос некоторых низовых работников и крестьян через Московскую «Крестьянскую газету» докатился до руководящих губернских органов (Губисполком). Докатился, чо безрезультатно: дело Пальникова потонуло в недрах аппарата[1]). Знали о деле Пальникова и Губпрокуратура и милиция. Безобразная эксплоатация Пальниковым рабочих происходила на глазах у местных властей. Государственные организации снабжали Пальникова сырьем.

Все это длилось до половины этого года, когда натолкнулись на Пальникова снова. Как следует из постановления фракции Губисполкома (во главе с новым руководящими товарищами) от 21 июля с. г. некоторые услужливые представители волостного советско-партийного аппарата посоветовали Пальникову сдать завод совласти добровольно (об этом есть прелюбопытное заявление Пальникова), о чем в вике был заключен договор, при чем—самое замечательное в этом деле—Пальникову было обещено: 1) восстановить его в избирательных правах; 2) принять в члены профсоюза; 3) не отбирать землю; 4) дать дорогу детям учиться; 5) самого принять директором завода.

Здесь уже пахло «мирным врастанием в социализм» настоящего заводчика! Вообще следует заметить, что идеи о «мирном врастании кулака в социализм» в вологодской практике (сознательно или несознательно—это другой вопрос) частенько находили практическое применение. Результаты такого рода право-оппортунистической практики начисто опровергают тезис тов. Бухарина, выставленный им в приобретшей печальную известность брошюре «Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз»: «Кулаку и кулацким организациям (даже «кулацким организациям»!! Г. С.) все равно некуда будет податься, ибо общие рамки (!) развития в нашей стране заранее даны (?!) строем пролетарской диктатуры... и т. д.» [2]).

Такая постановка вопроса, полностью исключающая момент упорной борьбы за проведение генеральной линии партии—насквозь ложна, политически грубо ошибочна и вредна, ибо она смазывает всю остроту классовых противоречий и тем самым служит удобной ширмой для защиты и прикрытия политической и экономической борьбы кулака против пролетарской диктатуры. Опыт показывает, что в тех местах, где слабо пролетарское влияние на деревню, где партийные организации извращают классовую линию партии и заменяют ее Бухаринской линией («мирное врастание кулака

[1]) Как и в случае с Комиссаровым, вопрос о национализации завода Пальникова поднимался еще в 1925 г. В отношении от 15 VI—25 на имя Вологодского Уисполкома, Вологодский ГОМХ писал следующее: «ГОМХ сообщает, что ходатайство УИК'а о национализации кожевенного завода гр. Пальникова удовлетворено быть не может за отсутствием достаточных оснований для этого. Документов, подтверждающих правильность вашего требования, в делах быв. Губсовнархоза не оказалось»!

[2]) Указ. брошюра, стр. 49

в социализм»)—кулак находит пути, куда «податься», выигрывающей стороной оказываются капиталистические элементы. Получается не «врастание в социализм», а нарастание экономической мощи кулака, а отсюда возрастание его влияния на деревню.

В этом отношении (как и в отношении всей платформы правых) целиком верны и правильны следующие слова тов. Сталина: «победа правого уклона в нашей партии означала бы нарастание условий, необходимых для восстановления капитализма в нашей стране». (См. речь на VI Пленуме МК).

В такой же мере ложным и политически чрезвычайно вредным оказывается и другой тезис т. Бухарина относительно характера и перспектив классовой борьбы в данный период. В той же брошюре т. Бухарин писал, что случаи обострения классовой борьбы в деревне «бывают обычно там, где еще советский и местный аппарат является слабым. По мере улучшения этого аппарата, по мере укрепления всех низовых ячеек советской власти, по мере улучшения или усиления местных деревенских партийных и комсомольских организаций такого рода явления будут, как это совершенно очевидно (?!), становиться все более редкими и, в конце концов, бесследно исчезнут» (курсив мой, *Г. С.*) [1]).

В этих словах сформулирована вреднейшая и чрезвычайно опасная (если ей следовать) теория притупления классовых противоречий, теория «затухания» классовой борьбы в переживаемый нами период.

По Бухарину получается, что в тех местах деревни, где все идет «гладко», «тихо и мирно» — там наш партийный и советский аппарат стоит на высоте классовых задач партии, случаи же обострения классовой борьбы являются точным показателем сползания этого аппарата с линии партии.

Опыт работы наших деревенских организаций, в том числе и вологодской, говорит как раз обратное. Там, где не велось наступления на кулачество, где имеет место искривление партийной линии, сращивание отдельных звеньев партии и партийного, а также советского, аппарата с кулацкой верхушкой деревни — там кулаку нет нужды стрелять или избивать тех, кто льет воду на кулацкую мельницу. Там же, где кулак чувствует или начинает чувствовать силу пролетарской диктатуры, где организуется беднота против кулака, где вырастает колхоз [2]), словом, где проводится или начинает проводиться последовательно линия партии — кулак стервенеет, бешено сопротивляется, пускает в ход нож и обрез.

Отрицание Бухариным, а вместе с ним всеми правыми, неизбежности обострения классовой борьбы в деревне в данный период не случайно; теория притупления классовых противоречий в данный период является прямым следствием теории «мирного врастания кулака в социализм». Эта теория не имеет ничего общего с ленинизмом и в решениях XVI всесоюзной партконференции по справедливости оценена как теория, «ведущая к разоружению рабочего класса перед классовыми врагами» [3]).

Но пойдем дальше. Мы закончим наш список фактов и перейдем к вопросу о партийном руководстве.

[1]) Бухарин. Названная брошюра, стр. 53—54.

[2]) В Вологодском округе наиболее яркие случаи кулацких выступлений за последнее время были в местах, где организовался колхоз или где делаются попытки к их организации. (Напр., избиение колхозников в Васильевском, б. Шепяковской волости; нападение на членов с.-х. коммуны в Кипеловском районе; погром (с убийством) в колхозе «Громобой» Грязовецкого района; порча ста молочных коров (колотые раны в вымя) в одной коммуне б. Кадниковского уезда; изрублен организатор колхоза в б. Ледeнгской волости и т. д.

[3]) Стеногр. отчет, стр. 303.

* * *

О качестве партийного руководства, а также о руководстве в таких важнейших советских органах (губернских, уездных и волостных), как земельные, финансовые, судебные и др. достаточно говорят приведенные выше факты. Мы лишь укажем, что в б. Вологодской губернии советский аппарат в о г р о м н о й м е р е засорен классово-чуждыми элементами. Руководство этим аппаратом со стороны партийных органов, проверка исполнения им директив партии было поставлено отвратительно плохо.

Что касается партийных органов и организаций, отметим, что уже в последнее время, после тревожных сигналов краевой газеты, вскрыт ряд фактов сращивания целых волостных организаций с кулацкой верхушкой деревни. Значительно обновленному руководству вологодской организации в июле этого года пришлось распустить целый ряд организаций, в том числе Вологодский УКОМ, досрочно ликвидировать Вологодский УИК. Ряд парторганизаций подвергнут досрочной чистке.

Мы намерены остановиться главным образом на качестве с т а р о г о руководства Вологодской организации—Губкома и Губ. КК—измененного на 1-й Окружной партконференции в конце июля с. г. и поставить в связи с этим ряд вопросов, касающихся всей организации в целом.

Как указано выше, положение в вологодской деревне характеризуется наличием обостренной классовой борьбы. Некоторые в Вологде полагают, что классовая борьба началась только теперь, до этого же было «тихо и мирно». В связи с этим каждый новый крупный факт кулацкого террора кажется чем-то неожиданным и вызывает подчас среди партийцев панические настроения. В этом, между прочим, сказывается—и это можно прощупать во всей организации, особенно в ее деревенском секторе—н е п о н и м а н и е неизбежности сопротивления кулачества, неизбежности обострения классовой борьбы в данный период, т.-е., говоря общим словом, непонимание характера переживаемого нами н о в о г о п е р и о д а развернутого социалистического наступления пролетариата и обострения классовой борьбы, и, связанных с ним н о в ы х задач партии. Это обнаружится и ниже, когда мы будем говорить о партруководстве.

Классовая борьба в вологодской деревне была, конечно, и раньше. Все дело в том, что ее как следует не видели, а если и видели, то не замечали.

Вот яркий образчик классовой слепоты партийного руководства. В марте этого года в знаменитую Шуйскую волость выезжала комиссия Губ. КК ВКП(б) во главе с секретарем партколлегии (!) для проведения чистки парторганизации и соваппарата. Эта комиссия по многим селениям установила наличие в сельсоветах, обществах потребителей, молочных артелях, кредитных товариществах—«зажиточных», даже торговцев, при весьма слабом участии батраков и бедноты. Например, по Иванищевскому сельсовету, Шуйской волости комиссия устанавливает, что секретарем сельсовета является «зажиточный», два члена правления общества потребителей—тоже «зажиточные», из них один бывший торговец; председателем молочной артели состоит бывший торговец, имевший маслобойный завод.

И вот по поводу работы всех э т и х организаций, комиссия в своем общем заключении пишет буквально следующее: «работа удовлетворительна», «руководство хорошее», «к л а с с о в а я л и н и я в ы д е р ж и в а е т с я»! Т у т ж е, из рассказов бедноты, которая энергично посещала открытые заседания комиссии, выясняется: засилье кулачества; безобразная эксплоатация никем не защищаемых батраков; отсутствие организации бедноты и помощи ей; товары из кооператива выдаются «зажиточным», но не бедноте; засоренность аппаратов чуждыми элементами, и т. д. А комиссия налагает казенно-бюрократический штамп: «руководство хорошее, классовая линия выдерживается». Надо себе представить, как понимали классовую линию сами участники комиссии Губ. КК? *).

По приезде в Вологду комиссия не сделала н и к а к и х п о л и т и ч е с к и х в ы в о д о в, хотя имела достаточно кричащего материала, чтобы предать все эти дела широкой огласке, мобилизовать организацию, бедноту, батраков на борьбу со всеми этими и подобными безобразиями и искривлениями партийной линии. Наоборот, в своем докладе на президиуме ГКК, (см. протокол от 8 апреля с. г.) комиссия смогла доложить лишь следующее: «В работе комиссии была спешка, а поэтому есть некоторая н е д о р а б о т а н н о с т ь м а т е р и а л о в. Участие массы в работе комиссии было активное, но (!) учесть в с е т о, ч т о г о в о р и л о с ь н а о б щ и х с о б р а н и я х н е б ы л о в о з м о ж н о с т и. Материалу комиссии есть, но т а к о в о й п р о р а б о т а т ь н а м е с т е н е у д а л о с ь.

Этот материал так и остался лежать «непроработанным» в папке ГКК. А президиум ГКК ограничился утверждением протоколов проверочной комиссии—и только! О положении в деревне, о вскрытых там извращениях линии партии—ни звука! Вот вам пример «большевистского» руководства!

Но все же, наконец, «гром грянул», 22 июня с. г. в краевой газете «Правда Севера» появилась статья «Все ли благополучно в Вологде?». В статье вскрывался ряд фактов грубейшего извращения линии партии в Вологодской организации, статья забила тревогу. Руководство организацией, Губком и Губ. КК, з а н я л о с о в е р ш е н н о н е п р а в и л ь н у ю л и н и ю в ответ на эту статью.

Отношение партийного руководства к своим ошибкам является немаловажным показателем его качества. Губком же и ГКК заметили в статье лишь то, что в ней затрагивалась «честь» Губкома. Товарищи, во главе с секретарем ГК, считали статью политически ошибочной и встали на путь самооправдания, самовосхваления и защиты.

Вместо того, чтобы мобилизоваться самим и мобилизовать организа-
цию—они перенесли вопрос в плоскость обсуждения успехов и достижений.
На заседании бюро Губкома один из руководящих товарищей привел следую-
щий, изумительный по своей логике довод: «Если Севкрайбюро ЦК не считает
нужным снимать кого-либо с работы, то о ч е в и д н о (!) оно н е с ч и т а е т
э т у з а м е т к у н а с т о л ь к о с е р ь е з н о й. О ч е в и д н о (слушайте!)
т а к о й в ы в о д м о ж н о с д е л а т ь и н а м (!). Если крайбюро не снимает
никого с работы, з н а ч и т (?) считает, что н е т а к у н а с п л о х о»!
В результате была принята совершенно неправильная резолюция—образчик
самовосхваления и казенного благополучия, отвергнутая потом Севкрайбюро
ЦК ВКП(б).

Любопытно отметить, что занимаясь самовосхвалением, товарищи по-
трясали своими резолюциями, речами, статьями, в которых говорилось и о са-
мокритике, и о правом уклоне, и о кулаке. Этот «аргумент» на многих оказы-
вал действие. Здесь обнаружилось и то, что характерно для всей вологодской
организации — н е д о с т а т о ч н о е п о н и м а н и е к о р н е й и с у щ н о-

---

*) Оценивая работу отдельных парт ячеек, комиссия дает следующие курьезнейшие заключения:

1) «ни одного колхоза не организовано, н о (!) работа по деревням велась, вопрос на ячейковых собраниях обсуждался, члены и кандидаты с м о т р я т н а колхозы с п о л о ж и т е л ь н о й с т о р о н ы.

2) О другой ячейке: «Таким образом, члены партии, имеющие сельское хозяйство, не только не являются организаторами колхозов, а своим примером дискредитируют колхозное хозяйство»

А общее заключение таково: «В о б щ е м (!) а в т о р и т е т в о л я ч е й к и с р е д и к р е с т ь я н и м е е т с я»

3) О третьей ячейке: «работа с беднотой ячейкой также ведется в форме собраний с беднотой по деревням», «при сельсовете работает г р у п п а бедноты в составе о д н о г о ч е л о в е к а».

сти, правого уклона, неумение вскрывать за словесной шелухой правые дела, обнаруживать правый оппортунизм на практике.

Таким образом крупнейшим фактам руководство не придавало того огромного политического значения, какое имели. Дело шло по линии замазывания, как самих фактов, так и политических ошибок. При таком отношении не могло быть речи о правильном, большевистском воспитании партийных масс.

Даже там, где сам Губком обнаруживал явно политические ошибки (например, в случае с Толшменской организацией, где выявилось «наличие в парторганизации и в ее руководстве явно оппортунистического правого уклона) он квалифицировал их как «ряд болезненных явлений». В Вологде вообще не привыкли называть вещи своими именами: кулак величается, частенько «зажиточным», политические ошибки называются невинным словом «недочеты», «болезненные явления», а правый оппортунист на практике—последовательным ленинцем, только за то, что он произносит «выдержанные» слова!

Отметим, наконец, чрезвычайно слабую работу организации и руководства в области мобилизации широких масс к участию в социалистическом строительстве, к борьбе с бюрократизмом и явлениями разложения и загнивания в аппаратах. В организации и ее руководстве наблюдалась определенная недооценка роли масс, отрыв от масс. Отсюда—потеря политического чутья, явления классовой слепоты.

Чрезвычайно плохо обстояло с развертыванием самокритики, много случаев прямого зажима. Только всем этим можно об'яснить тот факт, что безобразнейшие факты, обнаруженные в последнее время, так долго укрывались от взора партийного руководства.

Суммируя все факты, нельзя не притти к выводу, что 1-я окружная партийная конференция, состоявшаяся в конце июля с. г. вынесла ошибочное постановление по докладу Губкома. Это же относится в равной мере и к резолюции Городской районной конференции по докладу ГК. Ответственность за вынесенную оценку деятельности ГК несет и представитель Севкрайбюро ЦК на конференции! В самом деле, городская конференция как положительную сторону в работе ГК отмечает «твердое руководство в деле борьбы с антиленинской идеологией правого оппортунистического уклона и примиренчества».

Резолюция окружной конференции начинается с того, что «признает политическую линию ГК правильной и руководство в основном удовлетворительным», затем переход к констатации положительных сторон в работе ГК (борьба с правым уклоном и примиренчеством и др.) и лишь потом к «недостаткам».

При этом такие факты, как правые дела в Вологодском укоме, Шуйском волкоме, и др. организациях; «срацивание отдельных звеньев партийных организаций с кулацкой верхушкой деревни» (из резолюции) «недостаточное» развертывание самокритики, отсутствие работы по мобилизации масс, «недостаточная» работа по организации бедноты и др., перечисленные в довольно мягких тонах, названы в резолюции «рядом существенных недочетов» (!).

Как будто ничего особенного в Вологде не случилось! О грубейших извращениях классовой линии партии по целому ряду основных вопросов партийной политики (за исключением перечисления отдельных фактов под рубрикой «недочеты»); о зажиме самокритики; о том, что в организации(и, в первую очередь, само руководство)—скверно боролись с оппортунизмом на практике; о недопустимом отношении губкома к обнаруженным фактам искривления партийной линии и о замазывании им политических ошибок в работе организации—обо всем этом—ни слова!

О политической ответственности Губкома за все, что делалось в организации—также ни слова. Наоборот, поскольку политическая линия ГК, безоговорочно признана правильной, а руководство удовлетворительным — эта ответственность с него снята. В резолюции совершенно не говорится о необходимости борьбы с правым уклоном, как главной опасностью в данный период, а это особенно необходимо было подчеркнуть в вологодской организации.

Совершенно ясно, что в свете вышеприведенных фактов резолюция конференции не может считаться примером правильной и четкой политической ориентировки организации, большевистской самокритики и большевистского воспитания партийных масс.

Не сумев дать анализ положения в организации и округе и вынести соответствующую оценку деятельности руководящих органов губернии, конференция не сделала и необходимых организационных выводов. Товарищи из прежнего руководства ушли по добру—по здорову, как будто ничего не случилось, а некоторые из явно обанкротившихся (в качестве руководителей) оказались снова выбранными в руководящие органы.

Таким образом конференция явно недооценила огромного политического значения вологодских дел и не сумела, поэтому, сделать необходимые политические и организационные выводы.

Важнейшей причиной извращений линии партии в Вологодской организации, несомненно, является тот факт, что в отношении изучения и усвоения генеральной линии партии, выраженной в решениях XV с'езда и XVI партконференции, в организации обстоит далеко не благополучно. Напр., решения XVI конференции проработаны по городским ячейкам чрезвычайно слабо, а в деревне—еще хуже. Политический уровень массы членов партии—низок. Более того, даже в руководящем активе наблюдается путаница в основных вопросах политики партии. Например, в беседе с автором этих строк, секретарь одного из крупнейших райкомов партии признался, что «только теперь (через два года!) они начинают понимать линию XV с'езда в отношении деревни». Излагая свою установку в предстоящей лесозаготовительной кампании, этот же товарищ сказал следующее: «Мы постараемся обойтись без особых обострений в деревне, действуя сначала методами раз'яснения и убеждения. Если же (!) кулак попытается оказывать нам сопротивление и сделает попытки сорвать наши планы,—тогда (!) мы начнем организовывать бедноту и середняков для организованного давления на кулачество».

Очевидно, что этого товарища двухлетний опыт заготовок, когда кулак, как правило, оказывает нам бешеное сопротивление, мало чему научил. Недооценка организации бедняцко-середняцкого фронта против кулачества вокруг наших кампаний и планов является, к сожалению, «достоянием» не одного этого товарища.

Как видим, даже у ответственных товарищей, двухлетнее запоздание с пониманием линии XV с'езда, дополняется непониманием основных классовых установок XVI партконференции.

В организации не сумели еще изменить способы и методы работы применительно к новым условиям периода реконструкции, обострения классовой борьбы и социалистического наступления на капиталистические элементы. Организация недостаточно еще вооружена и подготовлена к руководству наступлением на все более активизирующиеся, враждебные нам социально-

классовые силы. Огромную работу предстоит проделать организации в том отношении, чтобы раскачать широкие рабочие и трудящиеся массы и втянуть их в дело социалистического строительства, а для этого необходимо шире развернуть пролетарскую самокритику. Самое же главное — необходимо проделать огромную работу по идейному и организационному вооружению организации на борьбу с правым оппортунизмом, как главной опасностью в данный период, и проявлениями правого оппортунизма на практике.

Ныне происходит обследование Вологодской организации комиссией ЦК ВКП(б). Комиссия, на основе более тщательного анализа положения, представит более полные и исчерпывающие выводы и предложения о состоянии и задачах организации. Нет сомнения, что это обследование поможет организации исправить крупнейшие ошибки и недостатки в ее работе. Нет сомнения, что организация сумеет сделать необходимые политические выводы из нынешнего положения и добьется решительного перелома в деле осуществления основных задач партии.

* * *

Опыт работы вологодской организации снова и снова со всей остротой ставит проблему проблему усиления пролетарского влияния на деревню и деревенские партийные организации, а также — проблему кадров. Опыт показывает, что даже десяток крепких, квалифицированных рабочих-большевиков на округ может дать большие политические и практические результаты. Партийные организации крупнейших пролетарских центров должны и могут помочь укрепить руководящие кадры организаций, аналогичных Вологодской, где слабо пролетарское влияние, чрезвычайно низок политический уровень членов партии, в том числе и части руководящих работников, и где иногда во главе губернских органов сидят люди, прочно связанные с деревней, даже с кулацкими элементами деревни. Необходимо организовать поход квалифицированных партийных сил в деревню, — на это поле классовой борьбы и начавшейся великой социалистической стройки.

Уроки Вологды убедительно подтверждают, что путь, предлагаемый партии правой оппозицией, — есть гибельный путь, — путь ослабления сил пролетарской диктатуры и усиления сил классового врага.

Факты, сообщенные нами, являются также ярким подтверждением того, что борьба за осуществление генеральной линии партии на данном этапе неразрывно связана с борьбой против правого оппортунизма и его проявлениями в практической работе.

Наконец, Вологодский пример, в ряду других примеров, является лишней иллюстрацией поистине огромного значения лозунга самокритики, как постоянного метода нашей работы, способа мобилизации активности миллионных масс вокруг линии партии, а также метода борьбы за линию партии, против всяких уклонов и извращений. Ибо этот пример показывает, что там, где самокритика является пустым словом или развернута лишь в слабой мере, — там неизбежно ослабление классовой бдительности, загнивание, потеря политической перспективы, там возможно длительное осуществление даже таких безобразных явлений, о которых мы сообщили в данной статье.

Ем. Ярославский.

Мертвые шагают быстро.

(Развал троцкизма).

1. Первые шаги.

За последние месяцы накопился огромный и необычайно интересный материал, дающий возможность не только подвести итоги развалу и распаду троцкистской оппозиции, но и заглянуть глубже в самое нутро, так называемых троцкистских кадров: что они из себя представляют, чем дышат, на что надеются, какие у них «перспективы» и планы. Теперь уже не из троцкистского подполья, не из Алма-Ата, а из Константинополя Л. Троцкий получил возможность развернуть свои программные, тактические и организационные планы. Теперь троцкисты умудрены опытом почти двух лет борьбы вне партии.

Все знают, с чего Троцкий начал, очутившись за границей. Можно сказать—неповторимое начало! Попытки троцкистских «историков» сблизить в этом отношении Л. Троцкого и с Марксом, и с другими вождями пролетариата, теперь вызывают у них самих неотвратимую тошноту. Статьи Л. Троцкого в «Дейли Экспресс», в «Нью-Йорк Таймс», в «Корьере де ла Сера», в парижском бульварном «Журналь» и т. п.— это «памятник нерукотворный» троцкизму. Говорить сейчас о «содержании» этих статей по меньшей мере неприлично. Неприличие этих выступлений вошло в сознание миллионов трудящихся, в том числе и значительной части бывших сторонников Троцкого.

Но что произошло после этого? Троцкисты были уверены в том, что Троцкий заграницей сумеет, по крайней мере, организовать «левые группы». Оправдались ли эти ожидания? Увы! И здесь мы имеем вместо об'единения «левых групп» настоящий «августовский интернационал», новый «августовских блок» всевозможных групп и группочек, начиная от самых правых, самых ренегатских, кончая самыми «ультра-левыми» путаниками. Впрочем было бы неправильно относить начало такого беспринципного блока к заграничному периоду существования Л. Троцкого. Его друзья и он сам начали сколачивать такой блок гораздо раньше. Мы уже упоминали в одной из статей [1]) о письме бывшего «красного профессора» Солнцева Л. Троцкому из Америки, в котором Солнцев сообщал в 1928 году об организационных шагах, предпринятых им в Америке, по сколачиванию такого «августовского блока», «августовского интернационала». Вот, что он, например, писал о завербованных им сторонниках: «Теперь, когда я ближе познакомился с Истменом и Лоре, могу подробнее сообщить о них. Истмен, конечно, не коммунист. Это радикальный интеллигент, который занимался бы поверх-

---

[1]) См. «Правда» № 217 от 20 сент., ст. Ярославского «Об одном похабном документе».

ностным восхвалением СССР, как десятки других, если бы случайно не связался с нами. Его связь с нами тоже поверхностна. Если бы мы победили, его связь с нами укрепилась бы». Более убийственной вещи не мог бы написать злейший враг троцкистов. Что же получается? В поисках союзников к работе привлекается радикальный интеллигент Истмен, который выпускает сборник статей — платформу оппозиции со своим предисловием. Перспектива у троцкистов такова: если бы они победили, то подобные радикальные интеллигенты поспешили бы укрепить связь с ними. Что радикальные интеллигенты,— а вовсе не коммунисты,— являются базой, на которую могут рассчитывать троцкисты,— в этом мы никогда не сомневались. Но причем тут «левые» элементы коммунистического движения!? Не ясно ли, что речь идет о том, что у троцкистов в перспективе опора на радикальных интеллигентов? Или вот другой пример, из того же сообщения Солнцева: «Что касается Лоре, то это человек без политического хребта, но именно поэтому его можно тащить и я считаю, что в свое время мы сделали ошибку, не закрепив его за нами... По существу же дело в том, что помимо его бесхребетности, он вынужден сильно лавировать, чтобы не потерять положения. Газета принадлежит немецкому коллективу, который состоит из бывших людей. Это все допотопные старички, которые в молодости принадлежали в Германии к рабочему движению. Здесь они давно уже стали хозяевами всяких булочных и колбасных, но по старой традиции считают себя социалистами. Лоре вынужден к ним применяться, поэтому он до сих пор в редакционных статьях (а по американскому обычаю редакция отвечает только за эти статьи) ни разу не солидаризировался с нами политически, а все больше аргументирует от человечности и т. п. Зато в других статьях можно найти все, что угодно — от откровенно социал-демократических рассуждений до ультр-коршистских. Я пишу частенько, хотя не особенно приятно видеть наши статьи в таком соседстве (помилуйте, что за щепетильность! *Е. Я.*). Приходится писать потому, что другого места нет». Как вам нравится этот «левый» тип, на которого еще с прошлого года опирались троцкисты в Америке? Человек без политического хребта, об'единяющий группу допотопных старичков — хозяев всяких булочных, и колбасных. Вот как сколачивались новые кадры нового об'единения «левых» оппозиционных групп заграницей. Вот как собиралась краса и гордость «левой оппозиции»,—те новые кадры, которые должны заменить впавших в ересь большевиков, «сползающих с рельс», на которые твердо стали хозяева всяких булочных и колбасных, нынешние союзники троцкистов.

Вот этот-то «августовский блок» и сколачивается Троцким заграницей. В редакцию «Большевика» прислано заявление-письмо одного из недавних ближайших сотрудников Троцкого заграницей — Жозефа. Он несколько лет подряд являлся активным оппозиционером. Помимо агитационной и пропагандистской фракционной работы по поручению оппозиции он принимал участие в составлении ее платформы и контр-тезисов о пятилетнем плане народного хозяйства к XV с'езду ВКП(б). Он заграницей непосредственно осуществлял по поручению оппозиции связи с оппозиционными фракциями и группами, был как бы секретарем троцкистской оппозиции заграницей. Убедившись в том, что выступления Троцкого в буржуазной печати (против чего он возражал), не являются случайностью, этот товарищ (тоже бывший красный профессор) порвал с троцкистами и, располагая личной перепиской с Троцким, и многочисленными документами, он излагает подробно, из кого составляется этот новый блок. Мы приводим почти полностью ту часть письма Жозефа, в которой он дает портретную галлерею деятелей этого нового блока.

2. Письмо Т. Жозефа об „Августовском Интернационале“.

«С самого начала своего заграничного бытия Троцкий прежде всего озабочен привлечением возможно большего числа сторонников, и он ищет их повсюду, направо и налево (в политическом смысле, конечно). Эту свою тактику он наиболее отчетливо выразил в письме от 31 марта «О группировках в коммунистической оппозиции». Весьма примечателен общий тон этого письма. Троцкий подчеркивает, что вследствие «незнания» обстановки он откладывает общую оценку оппозиционных тенденций до более позднего времени. На каждом шагу встречаются словечки: «насколько я могу судить», «повидимому» и т. д. Следующая цитата вскрывает причины такой неуверенности, вернее осторожности, Троцкого. «Мы идем навстречу столь трудным временам, что каждый единомышленник, даже каждый возможный (курсив Троцкого) единомышленник должен быть нам дорог. Было бы непростительной ошибкой оттолкнуть единомышленника, тем более группу единомышленников, неосторожной оценкой, пристрастной критикой или преувеличением разногласий». И Троцкий приступает к сугубо осторожной, прямо-таки нежной, критике Брандлера, Тальгеймера, Суварина и др. правых. Конец письма звучит прямым предложением блока: «Если бы оказалось, что, в силу недостаточного знакомства с литературой, я неправильно понял Брандлера, Суварина и их единомышленников, то я, разумеется, потороплюсь внести в свою оценку поправки, вытекающие из фактов и документов, на которые мне укажут». Как будто Брандлер, Суварин и К-° политически существуют со вчерашнего дня, как будто Троцкому неизвестна их политическая биография, как будто он настолько мало разбирается в международных политических течениях, что ему нужна какая-то литература. Троцкий — достаточно опытный политик. Делая двусмысленные предложения, он хорошо знает, чего добивается.

В статье т. н. Г. Гурова «задачи оппозиции», посланной якобы из Москвы (видимо, под своим именем тактически неудобно было выступать), Троцкий подводит своеобразную «теоретическую» базу под свою беспринципную организационную практику. Оказывается, неправильно, будто «под флагом правой оппозиции выступают исключительно и безнадежно оппортунистические элементы. Политические группировки оформляются не сразу. На первых порах всегда бывает много недоразумений. Недовольные партийной политикой рабочие попадают, и нередко, не в ту дверь, какой искали». И далее: «Особенно важно иметь это в виду в настоящий момент по отношению к Чехо-Словакии, где коммунистическая партия переживает чрезвычайно острый кризис... Не сомневаюсь, что нынешняя так называемая правая оппозиция заключает в себе различные настроения и тенденции, которые только в ближайший период будут самоопределяться». Поэтому в одном из писем Троцкий предлагает принять меры к установлению связи с чехословацкой правой оппозицией, указывая с плохо скрытой радостью, что там вся партия в брожении. Стоит напомнить, что в свое время, еще будучи в рядах Коминтерна, Троцкий не находил слов для заклеймения оппортунизма чехословацкой партии. В тот момент, когда руководство Коминтерна вскрывает образовавшийся в чехословацкой партии оппортунистический гнойник, выкидывая вон перекрасившихся социал-демократов, Троцкий пытается подобрать их к себе. Вот куда его завела неумолимая логика фракционной борьбы.

В свое время под флагом «нефракционности» Троцкий принимал активное участие в августе 1912 г. в создании блока самых разнообразных русских с.-д. течений. Этот «августовский блок» всем своим острием был направлен против «сектантов»-большевиков и оказывал явную услугу ликвидаторам. Отсутствие идейно-политической базы привело к тому, что блок не просуществовал и 1½ лет, рассыпавшись на составные части. Ленин на примере

этого блока разоблачал всякого рода интеллигентское комбинаторство оторванных от рабочих масс политиков, защищающих под прикрытием красивых фраз оппортунистов.

Не подлежит сомнению, что Троцкий замышляет новый «августовский блок» против большевистской партии, но на сей раз в международном масштабе и уже после своего пребывания в рядах Коминтерна.

Для того, чтобы читатель себе лучше представил всю беспринципность сколачиваемого Троцким за границей блока, я остановлюсь на характеристике иностранных оппозиционных группировок, которые Троцкий рассматривает как будущие элементы блока.

В письме Троцкому отчетного характера я указал, что если бы правым в СССР нужен был представитель, они навряд ли могли бы найти лучшего кандидата чем Суварин. В правильности такого суждения Троцкий должен был убедиться, ознакомившись хотя бы с т е м ж е номером органа Суварина «Бюллетень Коммунист» (№ 29—30, 30 bis), в котором последний протестовал против высылки Троцкого из СССР. В передовой этого номера Суварин предостерегает Троцкого от его «своего рода бабувизма» и разворачивает программу, которая в конечном счете упирается в левую социал-демократию. Перейду к доказательствам.

Один «осведомленный» приятель Суварина, сообщая о правых настроениях в ВКП и СССР, утверждает, что даже левая оппозиция, если бы она пришла к власти, вынуждена была бы принять экономические меры, предлагаемые правыми. «В конечном счете придется прибегнуть к концепциям правых, с н и м и и л и б е з н и х (подчеркн. осведомленным. *Ж.*), т.-е. предоставить крестьянам свободу производства, платить за их продукцию по полной ценности или около этого, смягчить командование партии над государством, отказаться от чрезмерного форсирования индустриализации и т. д.» (именно: «и так далее»). Редакция сопровождает эти утверждения одобрительной припиской: «Чтобы не видеть этого, нужно сознательно закрывать глаза на действительность» (оппортунисты всегда рядятся в костюм «реальных» политиков. *Ж.*).

Нужно признаться, что Суварин совсем неплохо излагает экономическую программу наших отечественных оппортунистов и, как мы увидим в дальнейшем, со значительно большей последовательностью и откровенностью. (Что у умного на уме, то у Суварина на языке.) Так как Троцкий прилагает особые усилия к привлечению Суварина, я позволю себе подольше задержаться на характеристике политической физиономии последнего.

В статье «Отблески года XII», Суварин презрительно отмахивается от споров, отстает ли в СССР промышленность от сельского хозяйства или наоборот. Ведь та и другая отрасль отстает от соответствующих отраслей «любой цивилизованной (заметьте: цивилизованной, а не капиталистической) страны». Смешно надеяться, что быстрой индустриализацией можно найти выход из положения. Почему? Да, очень просто! «Подготовка рабочей силы, технического персонала, производственного опыта, координация различных отраслей производства, требуют годов и десятилетий». Стало быть, не надо было вообще, при отсталости России, совершать Октябрьский переворот, а обождать несколько десятков годков, нужных для подготовки. И дальше, та же мысль развивается в другой связи: «В России забыли (по «дикости», видно. *Ж.*) ту элементарную (и меньшевистскую, добавим от себя. *Ж.*) истину, что нужно начинать с начала, а не с конца, и что отсталая страна не может догнать более передовые без того, чтобы не пройти соответствующие этапы». Поэтому, строго осуждая нашу «незаконную связь» с американской техникой, Суварин нас поучает: «Американский индустриальный уровень может быть для России завершением, но не исходным пунктом». Да простит меня читатель за это неприятное копание в меньшевистском навозе. Я это делаю из педагогических соображений. Пусть неодумавшиеся оппозиционеры увидят, на союз с кем их тянет Троцкий. Но пусть и наши правые взглянут на свое отражение во французском зеркале.

Не думайте, однако, что Суварин ограничивается только преподанием нам «общих» директив по экономическому строительству. Нет, он не такой бесчувственный человек, чтобы не помочь нам в нашем горе «советами» и по отдельным частным вопросом. Прежде всего Суварин до-нельзя обеспокоен положением нашего сельского хозяйства. Корень зла он усматривает в классовом подходе к крестьянству. Он издевается над попытками определить, что такое кулак. Это, дескать, безнадежное дело, так как отдельные слои русского крестьянства отличаются друг от друга только степенью своей нищеты. Своему «западно-европейскому» читателю он специально поясняет это на прелестном примере. Допустим, говорит он, что, б л а г о д а р я **с в о е й** р а б о т е и п о м о щ и с е м ь и (подчеркн. мной. *Ж.*), «бедняк» улучшил свое положение, стал «середняком» и приобрел двух коров. Достаточно «вышеизложенным» коровам обзавестись каждой по теленку, как «середняк» становится у большевиков «кулаком», «контрреволюционером». Вот как, воистину, гениально, марксистский социологический анализ заменяется рассуждениями зауряд-ветеринара.

Оставьте «кулака» в покое, сердито покрикивает Суварин. Но этого мало. В другом месте он прямо заявляет, что прогресс в сельском хозяйстве невозможен, помимо других условий, также и б е з с в о б о д (подчеркн. Сувариным. *Ж.*). «Если знаменитый (!) «социалистический сектор» не способен доставлять хлеб, то нужно, под угрозой голодной смерти, получать пропитание у капиталистического (тут уж Суварин почтительнее: без кавычек. *Ж.*) сектора». (Насчет «голодной смерти» рекомендуем Суварину не слишком доверчиво относиться к родным его сердцу буржуазным газетам. Долго ждать придется!). А как же оценивает Суварин ставку на зерновые фабрики, совхозы и колхозы? Ерунда! «С ними то же, что с индустриализацией. Их можно много создавать, но только на бумаге». Перед нами разбитной кулацкий подголосок во всей его неприглядности.

Было бы странно, если бы заодно Суварин не прошелся критическим оком и по монополии внешней торговли. Он, боже сохрани, не против принципа монополии, нет. Но монополия должна укреплять внешнюю торговлю, а не «душить» ее. А посему: «Нужно уничтожить нынешний наркомат внешней торговли, организовать монополию на новых началах, комбинируя таможенные пошлины с экспортно-импортными лицензиями: без этой реформы серьезное развитие советского хозяйства «недостижимо». Словом, Суварин хочет нас «укрепить», закинув на нас петлю мировых трестов и синдикатов, которые готовы в любой момент засунуть свои лапы хотя бы в самую маленькую щелку нашего советского хозяйства. А что «улов» для капиталистических магнатов будет изрядный, видно из следующих «пророчеств» Суварина: «В с е с в и д е т е л ь с т в у е т о т о м, ч т о СССР д о л ж е н **б у д е т** в т е ч е н и е д о л г о г о в р е м е н и п р о и з в о д и т ь г л а в н ы м **о б р а з о м** с ы р ь е и п о л у ф а б р и к а т ы (подчеркн. Сувариным. *Ж.*) ...и будет покупать фабрикаты, требуемые его внутренним рынком, в более развитых странах». Напрасно стараетесь, мусье Суварин! Ничего не выйдет из ваших комиссионерских потуг.

Для полноты характеристики Суварина просмотрим бегло его «теоретический» багаж. Какое заношенное ревизионистское белье! До чего мало оригинальны ревизионисты всех мастей и времен! Ленинизм—это «догма, которая душит научный (!) дух и критическую (!) мысль», это «коран». Но ничто, все-таки, не может превзойти по цинизму и наглости следующее заявление: «между ленинизмом и марксизмом та же разница, что между культом и культурой. И если религия есть опиум для народа, то ленинизм есть

водка (vodka) для Интернационала». (Из статьи «Троцкий и Октябрьская революция», «Bull. Comm.» № 29—30). Довольно. Ни одна пролетарская таможня не пропустит сего господина с такой контрабандой. И ее нисколько не обманет его «коммунистическая» вывеска.

Читатель видит, что моя короткая оценка Суварина в письме Троцкому была отнюдь не голословной и грешила скорее преуменьшением. Что же ответил на это Троцкий? «О сотрудничестве с группой Суварина в нынешнем ее виде не может быть и речи. Здесь необходимо ясное идейное размежевание и спокойная, но твердая полемика. Вернется ли в результате такой политики и новых политических уроков Суварин на нашу позицию, этого я не знаю. Мы должны ему всячески это облегчить. Если бы этого не случилось (а это было бы жаль, потому что он человек очень ценный), тогда нам оставалось бы отвоевать у него лучших из его сторонников». Какая тут может быть, к чорту, «спокойная» полемика, какое идейное «размежевание» с человеком, который обеими ногами стоит на враждебной пролетариату почве? И мало ли вообще в различных социальных лагерях «ценных» людей? Погоня за идейно немощными суваринскими сторонниками, горсткой оторванных от рабочих масс интеллигентов, уведет Троцкого далеко от пролетарского пути.

Свое желание во что бы то ни стало «завоевать» Суварина Троцкий выразил не только в частном документе. В письме Суварину от 25 апреля, предназначенном для опубликования и напечатанном позднее в «Fahne des Kommunismus» (кстати, для печати из этого письма предусмотрительно из'яты обращение «дорогой товарищ» и концовка «с товарищеским приветом») Троцкий заявляет: «Я был бы очень рад, если бы вы могли присоединиться к изложенным выше соображениям, так как это дало бы нам возможность работать в одном ряду. А я отдаю себе ясный отчет в том, насколько такое сотрудничество было бы полезно для дела». Очевидно предполагается, что разногласия столь невелики, что Суварину не будет большого труда «присоединиться». К чести Суварина надо признать, что он не откликнулся на беспринципные зазывания Троцкого. Этим об'ясняется, что последний в мае уже как ни в чем не бывало заявляет: «Ведь, кроме марксистской оппозиции, существует и оппортунистическая (Брандлер, Тальгеймер, Суварин и др.)». (Из письма в редакцию американской газеты «Militant»). К слову сказать, на фоне махрового оппортунизма Суварина Брандлер и Тальгеймер представляются почти революционерами.

В том же письме Суварину Троцкий пишет: «Вы сообщаете о колебаниях Радека, Смилги и Преображенского. Я об этом знаю достаточно хорошо. Они колеблются не первый день, не первый месяц и не первый год». В общем, не люди, а маятники какие-то. Нужно обладать, однако, изрядной долей неподдельного юмора, чтобы адресовать это человеку, который *не колеблясь* верным шагом идет к социал-демократии. А пока что, мы запишем, что людям, которые «колеблются» в сторону большевизма, не место в рядах оппозиции.

Такова же тактика Троцкого и в отношении формально более близких к нему французских группировок. Возьмем группу Трена, проникнутую политическим авантюризмом и крикливой беспринципностью, не пользующуюся к тому же никаким влиянием в рабочем движении Франции. От имени группы Трен с неимоверной быстротой стряпает по конвейеру разнообразные политические документы. То он обращается с воззваниями к рабочим всего мира, то к рабочим Франции, то, наконец, к рабочим своего собственного аррондисмана (района). Он теребит фалды Унитарной (революционной) конфедерации труда, пред'являет грозные ультиматумы ЦК французской компартии, настаивая на «выпрямление» ее линии. Но, увы, чем больше он шумит, тем меньше на него обращают внимания.

И не на что обращать внимание. Вся эта политическая мазня Трена, под которой заочно «подмахиваются» два его ближайших соратника Барре и Деглиз, лишена, несмотря на всю свою крикливую «левизну», какого бы то ни было признака марксизма и большевизма. Одно время Трен много занимался вопросами международной политики. Особенное его неудовольствие вызвало поведение Литвинова в Лиге Наций. Он обвинял СССР в сеянии среди рабочих масс пацифистских иллюзий насчет способности Лиги Наций толкнуть вперед дело разоружения. Как будто бы советская дипломатия своим участием в конференциях по разоружению не доказала самым наглядным образом нежелание империалистических держав вступить на путь не только полного, но даже частичного разоружения. Эта пропаганда делом имела больше значения, чем вся трескучая революционная фразеология Трена. Да и сравнивать-то даже неудобно.

Вообще же Трен повсюду провозглашает себя ортодоксальным большевиком, но как-то так случается, что он все время впадает в конфликт с духом ленинского учения. Его это не смущает, как не смущает и то, что все его сторонники умещаются за одним столиком в бистро. Трудно себе представить, существовала ли бы эта группа без Трена. Но одно несомненно: доколе существует Трен, будет и «группа», хотя бы из него одного. Единственным его утешением является то, что он иногда имеет возможность выплакаться на груди своего «богатого родственника» Урбанса, который от поры до времени милостиво печатает «творения» Трена.

В ответ на замечания по поводу группы Трена Троцкий пишет: «что касается Трена, то я не вижу принципиальных (!) мотивов, которые делали бы невозможным сотрудничество с ним... Трен энергичен и стремится выйти из комнаты на улицу, чего нехватает многим из наших единомышленников. Указания на то, что Трен импульсивен, мечется из одной крайности в другую и пр., повидимому, совершенно верны. Но ведь речь идет не о том, чтобы сделать Трена единоличным руководителем оппозиции, а о том, чтобы привлечь его к работе и испытать на деле». Что за беда, если Трен вместо рабочей улицы попадает в мелкобуржуазный тупик. Зато он «энергичен». Этого качества вполне достаточно, чтобы не отпускать его от себя. В другом письме Троцкий по другому поводу возвращается к вопросу о Трене. «Своевременная доставка в Россию моего письма к рабочим имела, конечно, серьезное политическое значение. Трен не только первым издал это письмо, но и сообщил мне, что им было сделано для рассылки этого письма в разные страны и в Россию. (Несомненно, малость приврал, по обыкновению. *Ж.*)... Имеем ли мы при таком положении право отталкивать Трена? Ни малейшего права». Технические услуги Трена стоят того, чтобы не обращать внимания на его политические метания.

От Трена не открещиваться, но и группы «Contre le Courant» (Паза) и Монатта («Revolution Proletarienne») не следует терять из виду (кстати обе эти группы, как и Суварин, и слышать не хотят о совместной работе с Треном). Троцкий пишет: «Основной группой является и остается группа «против течения». Между этой группой и группой «пролетарской революции» нужно установить тесные связи и по возможности *правильное разделение труда* (подчеркн. мной. *Ж.*). Разумеется, это не исключает товарищеской критики. Сотрудничество ни в каком случае не должно основываться на замазывании или смягчении серьезных принципиальных разногласий. Но оценивать эти разногласия надо под аспектом *длительного сотрудничества* (разр. моя. *Ж.*), вплоть до победы рабочего класса и далее» (куда же далее?!). Итак, Троцкий констатирует наличие идейных расхождений у обеих групп. В дальнейшем мы увидим, в чем эти расхождения заключаются и мыслимо ли при их существовании «длительное сотрудничество на основе правильного разделения труда».

Троцкий ориентируется как на основную на группу Паза, хотя и признает (в письме ко мне от 9 мая), что «наши друзья»... «по методам действия являются добрыми социал-демократами». Дело однако не только в методах. Ведь, социал-демократы, несмотря на свои методы, каким-то боком все-таки пытаются подойти к рабочим. Что можно сказать про политическое течение, претендующее на роль авангарда пролетариата и в то же время не откликающееся почти ни на одно более или менее серьезное явление в жизни рабочего класса данной страны?

В идейном отношении группа «против течения» находится на подножном корму у русской оппозиции. Если Суварин благодетельствует нас самоновейшими разновидностями ревизионизма, то Пазу вообще почти нечего пред'явить. Орган группы «Contre le Courant» представляет собой коллекцию всякого рода переводных с русского языка материалов. Иногда в нем появляются поэтические воздыхания сентиментальной писательницы Мадлены Маркс на разные темы — от негритянской проблемы и до открытого письма Анри Барбюсу. Передовицы журнала, выходящие обыкновенно из под пера Паза, поражают своей бессодержательностью. Все это пишется неспеша, на отменном французском языке, без всякой примеси этого «грубого» парижского арго. Словом, мирная заводь, где никакого движения воды незаметно. При таких условиях и не трудно плыть «против течения».

Если внимательно штудировать «Contre le Courant», на что не у всякого хватит решимости, то кое-какие обрывки «идей» в нем можно найти. А именно, по вопросу о роли партии и профсоюзов. В начале 1928 г. на гладкой поверхности пазовской заводи появились небольшие водяные круги. Кто посмел нарушить «противотеченский» покой? А это, оказывается, старик Лорио и его друзья не могли выдержать келейной атмосферы группы и, хлопнув дверью, ушли к Монатту (удивительно, почему они не могли возвыситься до необходимости «длительного сотрудничества» с Пазом). В сердцах Лорио наговорил массу мудрствований по поводу гибельности политических партий для рабочего класса, ссылаясь при этом на опыт русской революции.

Паз геройски вступился в защиту попранной идеи партии (ст. «Ответ Лорио», «Contre le Courant» № 10). «Настоящей, дескать, коммунистическая партия является лишь постольку, поскольку она есть партия пролетариата». Туманно! И как будто похоже на тавтологию. «Защитив» таким образом первый пункт, Паз переходит к толкованию русского опыта. «В течение сравнительно недавнего исторического периода, в 1917 г. и в последние годы, мы имели пример такой партии в лице партии большевиков». Вот это утверждение дает уже нам «ниточку» к уразумению «теории» Паза. Стало быть, партия большевиков до 1917 г. не была «настоящей» коммунистической партией? Отчего бы это могло быть? Не оттого ли, что она до революции была по численности меньше, что подчеркивало ее роль сознательного авангарда класса? А неутомимое большевистское строительство партии, а борьба со всяческими ликвидаторами и оппортунистами ничего не стоят? А организационные принципы Ленина, нашедшие свое практическое выражение в конкретной партии большевиков? Несомненно, что проводя непримиримую революционную линию, партия иногда увлекала за собой только меньшинство, за что удостоивалась клички «секты» (наиболее яркий пример — империалистическая война). Но партия не была бы подлинно большевистской, если бы в погоне за большинством рабочего класса жертвовала конечными интересами последнего. А Паз нам хочет навязать бесформенную «рабочую» партию на манер английской. Благодарим покорно!

Как мы видели, по Пазу наша партия оставалась «настоящей» только до «недавнего прошлого». А с тех пор она уж ею перестала быть. Какие же тому причины? «Нужды гражданской войны привели партию к отказу от применения рабочей демократии, затем, когда эти нужды исчезли, партия прибегла к режиму, который все более и более отделяет ее от рабочего класса». А мы-то думали, что близость партии к рабочему классу определяется умением защищать его интересы против капиталистов, руководством в революционной борьбе за свержение буржуазного государства, в СССР — степенью продвижения социалистического строительства против кулаков, нэпманов и бюрократов. Задачи же оппозиции, по мнению Паза, лежат в другой области: «Троцкий придал классовый (!) смысл борьбе оппозиции, ведя ее под знаменем рабочей демократии». При таких задачах лозунг тайного голосования становится боевым и всеоб'емлющим лозунгом; меньшевизм в организационных вопросах выступает во всей красе.

Другой лидер группы «против течения» Дельфосс высказывается о роли профсоюзов («Contre le Courant» № 7). Профсоюзы, по Дельфоссу, должны себе ставить задачей защиту «наиболее прямых материальных нужд» рабочих. Все, что сверх этого, от лукавого. Но, ведь, реформисты и революционеры по разному понимают материальные нужды рабочего. Это Дельфосса не касается. Он только требует, чтобы и та, и другая сторона отказалась от своей «особенной» политической и социальной теории. Нужно изгнать из профсоюзов всякую политику, довольно «командования» партий над профсоюзами. Опыт руководства партией экономическими боями пролетариата выбрасывается в мусорную корзину истории. И этот чистейшей воды «экономизм» преподается под видом беспристрастного «об'ективизма».

Какая цена этому «об'ективизму», обнаруживается на практических предложениях Дельфосса по вопросу о единстве профсоюзов. «Профсоюзное единство будет (!) осуществлено в старой Генеральной Конфедерации Труда (т.-е. желтой. Ж.). Почему? Потому что создание новой конфедерации было бы поводом для новых разногласий (а как же быть с уже существующей революционной Унитарной Конфедерацией? Ж.). Потому что Генеральная Конфедерация, вследствие длительного существования имеет за собой, тот факт, что она в течение известного времени об'единила в своих рядах большую часть профессионального движения». Следовательно, фактически все-таки одна сторона, и именно революционная, должна подчиниться другой, реформистской.

Другой автор, Дельсоль («Contre le Courant» №№ 18 — 19), хотя и не согласен с полным устранением политики из профсоюзов, но по существу указывает тот же путь, что и Дельфосс. Его аргументация носит более христианский характер. «Так как реформистский штаб не хочет единства, то нужно распустить Унитарную Конфедерацию Труда и, вернувшись в старую ГКТ, показать таким образом, что революционеры являются действительными сторонниками единства». Непротивлением злу почтенный Дельсоль только показывает, что напрасно именует себя революционером. Реформистский штаб ничего не имеет против такого понимания «прямых» интересов рабочих. Планы, которые развивают Дельфосс, Дельсоль и Дель... и иже с ними, ведут прямой дорогой в Амстердам.

Вот каково идейное «лицо» группы «против течения», поскольку удается выжать кое-что из пухлых номеров органа группы. Эта группа обречена на мирное «домашнее» существование без малейшей перспективы стать когда-либо заметным фактором в рабочем движении. Зато в одном отношении она вполне надежна: она вся в жилетном кармане Троцкого. История с молниеносным проведением ею написанной Троцким в защиту Троцкого так наз. резолюции французской коммунистической оппозиции служит лучшим тому доказательством.

О группе Монатта «пролетарская революция» не приходится долго распространяться, так как она существует не первый год и линия ее более или менее известна. Это ее синдикалисты. Они в большинстве вышли из Коминтерна, разочаровавшись в партии и вернувшись к своим старым синдикалист-

ским традициям. Несмотря на свои искренне революционные побуждения, они наносят достаточный вред рабочему движению, ведя неустанную борьбу против политики Унитарной Конфедерации Труда.

Правильное разделение труда» между группами «пролетарская революция» и «против течения», о котором мечтает Троцкий, очевидно должно заключаться в том, что Монатту будет «обслуживать» профсоюзы, а Паз будет пытаться превратить французскую компартию в «настоящую».

Такова действительная и безотрадная картина оппозиционного движения во Франции. Между отдельными течениями, из-за идейной мешанины, нет строгих водоразделов: все они находятся в состоянии «диффузии». Лорио, как упоминалось, перекочевал от Паза к Монатту, а Росмер, например, собирается переходить от Монатта к Пазу и т. д. Некоторые более молодые и, следовательно, менее консервативные ухитряются менять «место жительства» каждые несколько месяцев. Вот, например, какой-нибудь Гурже, Лемир и др. успевают «оборачиваться» с непостижимой быстротой. Да почему бы и нет? Ведь им «нечего терять», кроме... этикетки.

Положение в Германии не в пример яснее, чем во Франции, и в организационном, и в идейном смысле. К Ленинбунду все время пытаются пристроиться «симпатизирующие» ультра-левые ультра-ренегаты коршевского толка. Не даром, «Fahne des Kommunismus» напечатала недавно наглую статью одного из таких молодчиков, в которой последний, в связи с захватом Чан Кай-ши К.-В. ж. д., ставит СССР на одну доску с империалистическими державами, открыто становится на сторону китайской реакции (китайский вопрос в освещении Ленинбунда! *Ж.)*, заявляя нам: «Руки прочь от Китая». Да что и говорить: вегетарианец Паз дает на страницах «Contre le Courant» (см. № 11) приют «самому» профессору Коршу [1]).

Близкое идейное родство Ленинбунда и коршистов несомненно. Это выражается прежде всего в оценке происходящих в СССР социальных процессов, на которой мы уже отчасти останавливались. Урбанс не такой мямля, как Троцкий, чтобы ломать себе голову над вопросом, совершился ли в СССР термидор полностью или в энном проценте. В статье, посвященной XI годовщине Октябрьской революции, «Fahne des Kommunismus» прямо заявляет, что с диктатурой пролетариата в СССР кончено. Вся забота Урбанса сводится к тому, чтобы обеспечить нам закрепление хотя бы на позициях февральской революции. (Как будто бы революции когда-нибудь возвращались в исходное положение). Если иметь в виду, что Троцкий характеризует теперешний режим в СССР «керенщиной наизнанку», то, надо думать, у Урбанса нет оснований быть недовольным. На самом деле это не так. Лозунг тайного голосования хорош, но этого мало. И Урбанс настойчиво советует Троцкому свернуть с пути реформ, независимо от их «глубины», и сделать «соответствующие» изменившейся обстановке выводы. («Fahne des Kommunismus» от 25 I 1929 г.).

---

[1]) Уже после того, как это было написано, мы ознакомились с редакционной передовой за подписью всей группы «Contre le Courant» от 28/VII по вопросу о советско-китайском конфликте. «Противотеченцы» не за Чан Кай-ши, боже сохрани, но они за то, чтобы Советы удовлетворили его притязания на К.-В. ж. д. Больше того, «Contre le Courant» заявляет, что Советский Союз охвачен в Китае империалистическими замыслами. Поэтому рабочие не должны откликнуться на призыв Коминтерна о защите СССР. Все эти гнусности сдобрены рассуждениями о том, что советская власть не является больше рабочей, а представляет «промежуточный (!) и привилегированный класс, который имеет интересы, отличные и зачастую противоречащие интересам рабочего. класса». В том же самом номере группа Паза обращается по частному вопросу с открытым письмом к социалистической партии. Своей статьей о советско-китайском конфликте «Contre le Courant» заслужило себе право обратиться к социалистам с коллективным заявлением о приеме всей группы в социалистическую партию.

В вопросах внутренней германской политики излюбленным коньком Ленинбунда является тактика профсоюзов. Что бы партия ни предприняла в руководстве экономическими боями пролетариата (об'явление стачек помимо воли профсоюзных бюрократов, работа среди неорганизованных, распространение влияния на фабзавкомы и пр.), Ленинбунд неизменно выступает в той или иной форме против. В особенности характерно отношение группы Урбанса к стремлению компартии организовать неорганизованных и тем самым создать реальные опорные пункты против реформистов в профдвижении. Мнение Ленинбунда по этому вопросу («Volkswille» от 15 марта) настолько показательно, что мы приведем его полностью. «Всегерманское руководство Ленинбунда открыто заявляет, что оно категорически отказывается от какой бы то ни было политики создания оппозиционных параллельных профсоюзов на ряду со свободными не из боязни раскола свободных профсоюзов, а в первую очередь потому, что и о п п о з и ц и о н н ы е с о ю з ы п о д р у к о в о д с т в о м к о м м у н и с т о в н е м о г у т з а н и м а т ь с я и н о й п о с у щ е с т в у п о л и т и к о й, ч е м с в о б о д н ы е п р о ф с о ю з ы» (подчерк. мной.—*Ж.*). Ультра-левые, таким образом, подписываются под политикой реформистских профсоюзов. Эта точка зрения настолько понравилась брандлеровцам, что их орган «Gegen den Strom» (от 30 марта) хвалит Ленинбунд за эту статью, из которой видно, что «понимание ультра-левыми проблемы (профсоюзов) во много раз превосходит» понимание ГКП. Та же «непримиримо-революционная» тактика наблюдается и в отношении Ленинбунда к руководимым партией массовым политическим выступлениям рабочих (1 мая, 1 августа). Но пикантнее всего, что именно Урбанс обвиняет при этом партию в ультра-левизне, путчизме и пр. смертных грехах. Конечно же, эти обвинения обосновываются «об'ективным» анализом международной и внутренней обстановки, из которого следует, что куда ни плюнь, всюду реакция, упадок рабочего движения и пр., и пр., и пр.

В вопросах международной политики Ленинбунд не менее последователен и, конечно, оппортунистичен. Урбанс, как и идущий за ним Трен, обвиняет Советский Союз, разоблачающий нежелание империалистических держав разоружаться, в сеянии пацифистских иллюзий. Но как дело доходит до оценки конкретной политики империалистических государств к СССР, до вопроса об угрозе войны СССР, так выявляется истинное лицо Ленинбунда. Излагая речь тов. Тельмана о международном положении СССР, в которой он указал, что правительство Макдональда будет не только способствовать военной политике против СССР совместно с крупнейшими империалистическими державами, но и активно ее проводить,—«Volkswille» от 12 июня со своей стороны заявляет: «Для Тельмана ничего не значит, что правительство Макдональда как раз сейчас заявляет о возобновлении сношений с СССР, как о пункте своей программы». Какая трогательная вера в «пункты» программы Макдональда (у последнего, ведь, есть еще ряд хороших «пунктов»!) Какой гениальный «прогноз», весь блеск которого обнаруживается, «как раз сейчас», когда «рабочее» правительство сорвало немедленное и безусловное возобновление сношений с СССР («англо-русский» вопрос в освещении Ленинбудна!). Однако, Урбанс не останавливается на частном вопросе, он «обобщает». «Его (т.-е. Тельмана) не касается также то, что сейчас почти все империалистические державы, а в особенности Соед. Шт. Сев. Америки развивают свои мирные отношения с Россией». Такая идиллия, что дальше уже некуда. Опасность интервенционной войны против СССР, по Ленинбунду, с каждым днем уменьшается. Поэтому напрасно коммунисты поднимают такой шум. Да ведь это то же самое, что говорят социал-деомкраты. Вот как Ленинбунд, отнюдь не по «пацифистски», подготовляет рабочий класс в связи с опасностью войны. На ряду с прочими оппортунистами он об'ективно помогает империалистическим державам маскировать действительные цели их политики.

Такого рода оценка сближает ультра-левый Ленинбунд с германскими правыми. И совсем неслучайно, что газета Урбанса «Volkswille» откликнулась, не долго думая, на «авансы» Тальгеймера, приглашавшего Урбанса к совместным действиям на базе требования внутрипартийной демократии. «Правые хотят открыто бороться за партию (а не за протаскивание своих оппортунистических взглядов? *Ж.*)... Появляется враг, который вначале выступает как «союзник». До сих пор он позволял Тельману заботиться о своих делах. Сейчас он сам хочет ими заняться. Мы приветствуем в «союзнике» врага (не дурно сказано. *Ж.*) («Volkswille» от 20/X 1928 г.).

Через несколько дней (26/X) «Volkswille» возвращается к вопросу о блоке с правыми, раз'ясняя, для какой цели он понадобился. «Весьма сомнительно (!), имеется ли при этом в виду проведение (правыми. *Ж.*) правильного политического курса. Но это все равно (вот это уже откровенно. *Ж.*): завоевать членов КПГ и рабочий класс для правильного ленинского курса можно будет лишь в том случае, если будут поставлены политические «вопросы, и если на них будут даны ответы». А пока что дадим волю сторонникам «сомнительно» правильного курса.

Но уже 2 ноября «Volkswille» спешит поправиться. Она строго запрашивает германских правых, солидаризируются ли они с правыми СССР. Если да(!), то Ленинбунд будет непримиримо (грош цена этой «непримиримости». *Ж.*) бороться как против своих, так и против русских правых.

Однако, мысль о блоке с правыми не оставлена. В мае «Volkswille» (от 17 мая), давая отчет о докладе Пауля Фрейлиха на открытом собрании правых в Берлине по поводу 1 мая, заявляет: «Он совершенно правильно оценил слабости «красных фабзавкомов», он сказал много неоспоримого о вине КПГ в майском поражении, а также об игре с вооруженным восстанием, которую теперь ведет КПГ». В ответ на нежное похлопывание по плечу Урбанса, орган правых «Gegen den Strom» подтверждает, что ультра-левые предлагали правым создать тактический блок, который правые готовы были осуществить лишь при согласии ультра-левых принять платформу правых. В номере от 25 мая «Gegen den Strom», кроме того, требует от Урбанса отказа от левого прошлого и более полного изложения взглядов Ленинбунда по германскому вопросу. По русскому же вопросу орган правых высказывается против позиции группы Троцкого. А вообще же, заявляют правые по адресу Ленинбунда, мы не очень торопимся об'диняться с вами. Так блок до поры, до времени и не вытанцовывался, в значительной мере вследствие б о л ь ш е й п р и н ц и п и а л ь н о с т и правых.

Поразительно все-таки, до чего точно Урбанс, притом совершенно самостоятельно и независимо, повторил тактику Троцкого в СССР. Да уж они «национальной ограниченностью» не страдают: это сторонники борьбы против партии всеми методами не «в одной стране», а во всех решительно странах.

Ленинбунд в Западной Европе является количественно наиболее сильной оппозиционной группировкой, опирающейся, правда, почти исключительно на бывших партийных функционеров. Для этих функционеров, как, например, для бывшего соратника Урбанса, Бартельса, ничего не стоит сменять редакторский пост в Ленинбунде на такой же пост в соц.-дем. газете. Несмотря на свою относительную силу, Ленинбунд является наиболее чувствительным местом «Августовского» Интернационала. Причина этому, как ни странно, лежит в оценке Ленинбундом положения в СССР. Статья в «Volkswille» от 7 января 1928 г. «Наивность или демагогия», направленная против германских правых, уклоняющихся от разговоров по русскому вопросу, об'ясняет нам, в ч е м д е л о. Автор статьи спрашивает, принадлежит ли е щ е (подч. мной.—*Ж.*) ведущая роль в революции России, или у ж е (подч. мной.—*Ж.*) наступил момент, когда центр тяжести пролетарской революции перемещается о п я т ь (подч. мной.—*Ж.*) в капиталистические высокоразвитые страны. Из всего контекста статьи видно, что автор на первый вопрос отвечает отрицательно, а на второй утвердительно.

Но если это так, то кончается руководящая роль русского рабочего класса, роль, которая оправдывалась наличием в России диктатуры пролетариата. Поэтому, если раньше (до термидора. *Ж.*) ВКП по праву принадлежала руководящая роль в Коминтерне, то при изменившихся условиях, русская оппозиция, по Урбансу, не в праве рассчитывать на такое же положение в «Августовском» Интернационале. Центр тяжести переместился в высокоразвитые капиталистические страны. К числу их, в первую очередь, относится Германия. Следовательно, гегемония в «Августовском» Интернационале должна принадлежать Ленинбунду. Теперь понятно, почему на каждом шагу Урбанс в «Fahne des Kommunismus» покровительственно одергивает Троцкого, давая ему теоретические указания. Печальная картина—Урбанс в роли теоретического наставника Троцкого.

Но русская оппозиция в лице Троцкого не может на это итти с легким сердцем. Предстоит кровопролитнейшая борьба между двумя «братскими» оппозициями. Троцкий ищет в Германии опоры вне Ленинбунда и обращает свои взоры на Вебера и его т. н. Веддингскую оппозицию. Вот что пишет Троцкий по этому поводу в письме от 9 мая: «Дело в том, что их политический конкурент (т. е. Урбанс. *Ж.*) ведет свою газету чрезвычайно поверхностно. Над ним необходим серьезнейший контроль. Установить такой контроль можно только через посредство теоретического органа. Вот такого рода орган, или бюллетень, или немецкое издание интернационального органа я и хочу поставить при ближайшем участии В. Написанное им предисловие целиком говорит в его пользу и показывает, что он гораздо серьезнее, чем его торопливый конкурент. Говорят, что он крайне мало активен. Это большой недостаток в революционере, что и говорить. Но для чисто теоретического органа, выходящего, скажем, раз в месяц, это качество менее ощутительно, чем для другого рода работы».

Что же собой представляет этот самый Вебер? Некоторая характеристика его заключена уже в приведенной цитате. Он, оказывается, мало активный революционер. Но для того, чтобы раз в месяц убеждать других быть активными, он вполне подходит, благо написал на двух страничках предисловие к книге Троцкого. Автору этих строк довелось осенью прошлого года ближе познакомиться с Вебером. Возглавлявшаяся им т. н. Веддингская оппозиция к тому времени почти рассыпалась: одни ушли в Ленинбунд, другие—в личную жизнь, а остальные, в том числе и Вебер, не проявляли никаких признаков жизни. Издаваемая с начала года Вебером в Пфальце ежемесячная газета «Пионер» служит только фиговым листком для прикрытия его политической наготы.

В одной области Вебер обнаруживал некоторую живость: в связях с русской оппозицией. Корни этой «привязанности» имеют, можно сказать, главным образом, хозяйственный характер. Известно, что некоторые лидеры русской оппозиции незаурядные литераторы. Известно, что мировой книжный рынок пред'являет известный спрос на книжки, дающие оценку различных вопросов с оппозиционной точки зрения. Вот Вебер и выступает перед русской оппозицией в роли «толкача» по издательским делам, не без умеренного вознаграждения, понятно. В частности, в этом именно, а не в писании предисловия, была главная забота Вебера при издании на немецком языке «Критики программы Коминтерна» Троцкого. Следовательно, для руководителя «торговым сектором» интернационального органа оппозиции кандидатура выбрана неплохо. Но на роль редактора, а тем более политического контролера Ленинбунда Вебер, право же, не годится.

Немного остается сказать об оппозиционных течениях в других странах. Бельгийская группа Ван-Оверстратена имеет безусловно правые тенденции, что выразилось, например, в ее профсоюзной тактике.

Вопрос о взаимоотношениях партии и профсоюзов решается Ван-Оверстратеном приблизительно в том же духе, что «теоретиками» профдвижения из «Contre le Courant». Необходимо в своей деятельности среди профсоюзов опираться исключительно на свои права и обязанности как членов профсоюзов, не допуская «вмешательства» какой-либо посторонней силы (сиречь партии. *Ж.*) — так поучает Ван-Оверстратен (Ст. «La Lutte Synbicale et les Partis Politiques» в газете «Le Communiste» № 16). Политические партии являются большей частью худшими врагами профсоюзного движения, его разрушителями и развратителями. Более откровенно поведал нам о своих задачах в профсоюзах, некий L. G. («Le Communiste» № 23). Он защищает линию, которая «не имеет ничего общего с коммунистической концепцией завоевания профсоюзов для социальной революции». Поэтому он ставит на одну доску и соц.-демократов, и коммунистов, так как и те, и другие хотят сделать профсоюзы орудием их грязной политики. Как эта «теория» выглядит на практике, видно из поведения бельгийских оппозиционеров в конфликте в профсоюзе служащих в Брюсселе. Реформистское руководство добивалось в течение длительного времени исключения из этого профсоюза ряда его активных деятелей-коммунистов. Революционные элементы профсоюза призывали бороться до конца против незаконных раскольнических действий реформистских лидеров. Представители оппозиции рекомендовали, в целях избежания исключения бельгийского профсоюза, подчиниться постановлению когресса. Иначе говоря, они уже заранее складывали оружие перед реформистами, фактически играя на руку их политике.

Профсоюзной теории и практике соответствуют и взгляды Ван-Оверстратена на роль партии. Тут мы имеем дело со своего рода западно-европейским «коммунизмом». Прежде всего, оказывается, не надо забывать своеобразных условий западно-европейской демократии, которая не имеет ничего общего с режимом царизма до 1917 г. Поэтому, «не нужно смешивать способы, которые могла применять для своего образования русская коммунистическая партия, со способами, которые должна будет применить бельгийская коммунистическая партия для подготовки заметных революционных сил» (Ст. Ван-Оверстратена в «Le Communiste» № 28). Такой учет «местной» обстановки позволит Ван-Оверстратену освободиться от многих, если не от всех, уроков «азиатской» Октябрьской революции. Неудивительно, что бельгийские оппозиционеры питают особо нежные чувства к Суварину.

Любопытно, однако, что и правые бельгийцы, и «левый» Ленинбунд, несмотря на враждебные отношения друг к другу, восприняли одну и ту же тактику в парламентских выборах.

В Австрии копошится правая группа Фрея, а левее от нее «центрист»-одиночка Курт Ландау. В Чехо-Словакии «все находится в брожении». После неудачного опыта с правыми, Троцкий отрекается даже от Нейрата, который в сердцах из левых перебежал к правым. Михалец стоит в сторонке и философски наблюдает, бросая изредка каверзные вопросы в направлении Троцкого. А рабочие резервы, попавшие «не в ту дверь», не подходят. Отдельные любители предлагают Троцкому свои услуги при условии отмежевания от троцкизма («Fahne des Kommunismus» от 1/VII). В Соединенных Штатах мы имеем ультра-правого, но доброго немца Лоре и сомнительно-левого Кеннона, которому понадобилась поездка в прошлом году в Москву, чтобы узнать о существовании русской оппозиции и убедиться в ее правоте.

Последние мероприятия ИККИ по оздоровлению американской компартии и ликвидации правого уклона в ней отвлекут от группы Кеннона наиболее ценные пролетарские элементы.

Вот и все портреты главных героев нового Интернационала.

Попытаемся, все-таки, равняясь по лидерам, определить условно расстановку оппозиционных «сил» в мировом масштабе. На правом фланге окажутся Суварин, Фрей, Лоре; в центр встанет Паз, Курт Ландау, если хотите, Вебер; налево, браво промарширует темпераментный, как полагается «левым», Трен, ну и понятно, величественный Урбанс. Некоторые затруднения будут с «лево-правыми» Монаттом и Кенноном. Ну, ничего: в тесноте, но не в обиде. А в общем «право-лево-лево-право-центристский» взвод, т.-е., виноват, блок.

Но блок трещит по всем швам, не успев еще возникнуть. Слишком различны взгляды, задачи, методы, темпераменты отдельных кандидатов в блок. И вот уже раздается «крик наболевшей души». Трен обращается к Троцкому с патетическим, но почтительным запросом: «Конечно, никто не может запретить, чтобы та или иная группа об'явила себя солидарной с тобой. Но ты, тов. Троцкий, ты не можешь ли сказать, с кем ты единодушен? с кем следует итти» и т. д.(«Fahne des Kommunismus», от 12/VII 1929 г.). — Да совсеми, бедняга Трен, со всеми»!

* * *

Такова характеристика этого «левого» («ужасно левого») блока, который должен возглавлять Л. Д. Троцкий. Нужно ли после всех этих ярких фактов доказывать, что сколачиваемый Троцким блок есть антикоммунистический блок, в котором радикальные интеллигенты, вроде Истмена, должны исправлять нашу партию вкупе и влюбе с держателями колбасных и трактирных заведений, собравшихся под крылышком бесхребетного социал-демократа Лоре, или «доброго социал-демократа» Паза, или путаника Трена, или правого из правых Суварина, или правых чехо-словацких ренегатов и проч.?! Конечно, Солнцевы очень озабочены тем, чтобы не потерять подобных друзей заграницей. Поэтому они склонны оправдать любой шаг Троцкого: и его выступления против антивоенного дня 1-го августа и его гнуснейшие статьи в буржуазной печати и то, что он с е г о д н я продолжает печататься в таких органах, как «Нью-Йорк Америкэн», и в «Нейе Фрейе Прессе». В одном из своих произведений последнего времени этот Солнцев пишет, что у Л. Троцкого «исключительно тяжелое положение человека, который теперь связывает русскую оппозицию с международной: повернется в одну сторону,— потеряет одних, повернется в другую — потеряет других». Мы думаем, что Солнцев напрасно печется об этом. Таких то, как Лоре, таких то как Истмен, как Суварины — ренегатов коммунизма и радикальных бесхребетных интеллигентов — сколько угодно найдется! они всегда готовы будут поддержать блок оппозиции против Коминтерна, против ВКП(б). Но надо, чтобы все видели совершенно ясно, какими иллюзиями питаются и питают других троцкисты, изображая Троцкого в роли нового Калиты, собирающего «левые» элементы рабочего движения заграницей.

3. Блок троцкистов и социал-фашистов против антивоенного дня.

Испытание и проверка троцкистов не кончилась на сколачивании «августовского» интернационала. Сколачивание «августовского блока» есть только один из примеров того, как и куда растет эта группа. На примере антивоенного дня мы видели нечто такое, чего мы не ожидали д а ж е от троцкистов. Против антивоенного дня сплотились все силы реакции, начиная от фашистов и кончая социал-демократами. Именно на примере борьбы против антивоенного дня социал-фашизм выявил свое лицо полностью. И вот

на поведении оппозиционных групп в связи с подготовкой к этому дню можно было видеть ясно расстановку классов и партий, которую мы будем иметь во время войны: кто — с кем, кто — против кого. Где же оказались троцкисты? Мы утверждаем, что они оказались в одном лагере с социал-фашистами. Вся «оппозиционная» печать, начиная с правых (Суварин) и кончая ультра-«левыми», старались доказать, что мы преувеличиваем опасность войны, раздуваем ее и т. п. В этом отношении они пели в один голос с социал-демократами. Органчик оппозиции «Международное Обозрение», в котором участвует Л. Троцкий, так же как «Фане дес Коммунисмус» напечатал статью: «Что предстоит 1-го августа, и в этой статье говорится: «Демонстрацию 1-го августа надо сорвать. Оппозиция должна приложить все силы к тому, чтобы этого добиться. Нужно постучаться в двери всех тех партийных организаций, за спиной которых решался вопрос о назначении демонстрации 1-го августа». Мы не знаем, куда «постучались» эти господа накануне 1-го августа, не исключено, что кое-кто из них постучался в двери полицей-президиумов. Но что они приложили руку вместе с социал-фашистами к тому, чтобы сорвать демонстрацию 1-го августа—это факт. Мы вправе сказать, всем друзьям рабочего класса, всем организованным в Коминтерне и всем сочувствующим коммунизму рабочим: берегитесь этих людей, помните, где будет их место в день об'явления войны! Сегодня они срывают демонстрацию коммунистов, направленную против мировой бойни: в день об'явления войны они станут прямыми предателями, станут в ряды наших врагов. В одной из статей Троцкий писал: «Надо отказаться от манифестации... Теперешняя политика Коминтерна подрывает и уничтожает влияние, завоеванное Октябрьской революцией и первыми 4-мя конгрессами Коминтерна, надо эту политику в основе изменить. Начать надо с отказа от манифестации 1-го августа». Троцкий прекрасно знает, что манифестация решена была VI конгрессом Коминтерна, но для Троцкого существуют решения только тех конгрессов, в которых он сам участвовал, да и то он плюет на них с высокого дерева, когда это ему нужно, как, например, в вопросе об участии в буржуазной печати. А теперь он, прикрываясь якобы тем, что он желает удержать «влияние, завоеванное Октябрьской революцией и первыми четырьмя конгресами Коминтерна», вместе с социал-фашистами борется против выступления, распространяющего свое влияние на широкие массы рабочих, активизирующего эти массы для борьбы за пролетарскую диктатуру, для защиты страны пролетарской диктатуры. Что же удивительного после этого в том, что Троцкий принимает участие в органах, в которых печатаются, например, такие статьи, по поводу К.-В. ж. д., какая напечатана была в органе французских троцкистов «Против течения». В редакционной статье № 35 этого журнала троцкисты писали: «Коммунистическая оппозиция предостерегает пролетариат против всякой сентиментальности в подходе к событиям в СССР. Тот факт, что СССР брошен в конфликт с Китаем, еще не доказывает, что дело СССР в данном случае неразрывно связано с делом пролетариата. Советский Союз в 1929 году это не то, что красная Россия в 1917 году». Кажется, ясно. Чтобы сделать вопрос «еще более ясным», троцкисты доказывают в той же статье, что «Советский аппарат, в котором ныне хозяйничают обуржуазившиеся бюрократы уже имеет очень мало общего с пролетарским государством, выкованным Лениным и большевиками в 1917—23 гг.». Теперь дело совершенно ясно: конфликт на К.-В. ж. д. ни в коем случае не связан неразрывно с делом пролетариата, так как СССР теперь уже не является социалистическим государством. Где тут граница между социал-фашистами и троцкистами мы предоставляем судить всяким Солнцевым и им подобным. А дальше идет в той же статье совершенно неприкрытый призыв к нападению на СССР. Оказывается, что этот конфликт должен показать рабочим, как советская «бюрократия», предавая социализм, вступает на путь национализма и буржуазного шовинизма, не останавливаясь перед ценой войны». Дальше дело уже изображается так, как будто мы пытаемся «силой оружия отстаивать железную дорогу, построенную во времена царизма, с целью проложить дорогу в Манчжурию русскому империализму». Это уже не «тезис Клемансо», — это почище! Это прямое открытое предательство, открытый переход на сторону классового врага, на сторону империалистов, которые пытаются изобразить дело именно так, что русский «красный империализм» хочет проникнуть в Манчжурию. Троцкий пытался поправиться, написал специальную статью для «Фане дес Коммунисмус»—«Советско-китайский конфликт и задачи оппозиции». Он делает попытку отгородиться от подобных взглядов. Как же он отгораживается? Он опубликовывает какие-то выдержки из протоколов какой-то комиссии, в которой он якобы председательствовал, по вопросу о К.-В. ж. д. Он «разоблачает» политику советского государства под видом критики вышеизложенных нападок на СССР. Делает он это для того, чтобы об'яснить, как он сам пишет, почему ВКП (б) в настоящее время «ответственна за провокацию Чан-Кай-ши».

Дополнением ко всему этому служат автобиографические излияния Л. Троцкого, печатаемые изо дня в день до сегодняшнего дня в буржуазных органах. Изо дня в день в «Нейе Фрейе Прессе»—органе австрийско-немецкой буржуазии, весьма сочувственно относящемся к фашистам и фашистскому перевороту в Австрии, поддерживающем «хеймвер»—и сегодня печатаются эти статьи Троцкого. Накануне антивоенного дня статьи Троцкого красовались рядом со статьями, направленными против коммунизма, против антивоенного дня. Это ли не позор для тех, кто считает Троцкого большевиком!

Когда мы перебираем прошлую историю революционного движения, одно имя напрашивается на сравнение — Лев Тихомиров. Лев Тихомиров был одним из видных деятелей партии Народной Воли,— редактором «Вестника Народной Воли». Под влиянием трудностей борьбы он изменил партии, он перешел, правда, не сразу, на сторону врага, он выступил с ренегатскими статьями, которые оплевывали партию Народной Воли. Эта фигура другого Льва — Льва Тихомирова — невольно всплывает теперь, когда следишь за шагами, какими шагает Л. Троцкий. Если имя партии «Народной Воли» и ныне, через 50 лет является именем революционной партии, поднявшей знамя политической борьбы против царского самодержавия, то имя Льва Тихомирова вспоминается, как имя политического мертвеца, ренегата. Вся оппозиция вынуждена и обязана определить свое отношение прежде всего и раньше всего к этим шагам. Допустимо ли не только одобрять подобные шаги, поддерживать их, допустимо ли умалчивать об этих шагах, как это делают некоторые вожди оппозиции? Больше того: можно ли оставаться большевиком, коммунистом и не протестовать против всех этих шагов, как против ренегатских, предательских, изменнических шагов, контрреволюционных шагов?

И эта критика шагов быстро шествующего по пути ренегатства Л. Троцкого идет теперь неудержимо среди бывших сторонников Троцкого, еще вчера остававшихся верными ему. Примерно, месяца три тому назад Е. Солнцев писал своим друзьям о тех процессах, которые происходят среди троцкистов, о той переоценке Троцкого, которая сейчас происходит среди его сторонников.

«Теперь о другом, исключительно важном вопросе — о вопросе о Л. Д. Тут нужны какие-то исключительные шаги, потому что он висит на волоске.

В предыдущем письме я писал Вам, что ему грозит опасность быть преданным собственными кадрами, теперь эта опасность стала реальной... По мере роста капитулянтских настроений растут и настроения, а порой и просто злоба против Л. Д. Одни идут естественно на это, другие искусственно взвинчивают себя... Люди, которые еще недавно не говорили о нем иначе, как с благоговением и для которых цитата из его документов была решающим аргументом, в лучшем случае избегают разговоров о нем, в худшем — ведут разговоры об истерическом троцкизме, о середняке, о сотрудничестве в буржуазной печати, о том, что «он завел нас в тупик» и т. д. У одних «заговор молчания» ...у других — резко враждебное: пусть, мол, сам расплачивается! Его судьба в его собственных руках, если он и его ближайшие друзья не хотят поворачивать вместе с нами, тем хуже для них». Мы держимся за него зубами, отстаиваем, как можем, всюду вопрос о нем выпячиваем, но все чаще натыкаемся на стену настроений такого рода, что «он, мол, человек конченый, надо с ним поскорее развязаться».

Мы убеждены в том, что никаким Солнцевым не удастся задержать этот процесс. Если Троцкий, как политический деятель, даже по мнению его самых близких друзей, висит сейчас на волоске, то, надо думать, ближе к истине те его вчерашние друзья, которые считают, что Троцкий, как коммунист, как большевик — «человек конченый».

Но как же,—спросят некоторые,—разве у Троцкого не осталось уже больше сторонников, разве не посылают еще и сегодня заявления в ЦК и ЦКК оппозиционеры о том, что они считают необходимым восстановление Л. Троцкого в партии? Да, такие заявления делаются.

Мы хотели бы, чтобы в этом деле была полная ясность. Со времени апрельской конференции отошло от оппозиции несколько сот человек. Наибольший отход был связан с заявлениями тт. Радека, Смилги и Преображенского (до настоящего времени вместе с ними отошло более 500 человек). Конечно, Троцкий официально иначе не может расценивать заявления этих трех товарищей, как «жалкий документ», покаянное заявление, «исключительный документ политического и нравственного перерождения» и т. п. Теперь Троцкий пытается утешить себя и своих друзей тем, что «Преображенский, Радек и Смилга давно уже представляют собой мертвые души». Скажите пожалуйста! А мы и не знали, что Троцкий является своего рода Павлом Ивановичем Чичиковым, торгующим мертвыми душами! Когда Троцкий представлял VI конгрессу Коминтерна заявление за подписью этих своих тогдашних товарищей, он ведь знал их очень хорошо. Это ведь только Павел Иванович Чичиков торговал мертвыми душами и записывал давным давно умерших людей в списки купчих актов, которые он заключал при продаже крестьян-крепостных. Троцкий занимается статистическими выкладками и уверяет, что не страшно, если отойдут не только сотни, но и тысячи,— так велика его уверенность в своих «кадрах». И в самом деле: не может быть страшно человеку, если у него за спиной такие кадры, как Лоре с его колбасниками или кондитерами, сам Макс Истмен и сам Суварин на придачу с Вебером, Треном, Пазом и пр., да еще такие большевики, как Тер Оганесов или Гирчик. Как же, спрашивает он: недавно говорили о «сумерках троцкизма», о распаде троцкистской оппозиции, затем о разгроме и, наконец, о том, что «гроб и крышка троцкизму»? Ничего больше не остается делать Троцкому, как изображать веселую мину при весьма дурной игре, хотя он прекрасно знает, что и члены политически мертвой партии, как, например, партии русских меньшевиков издают листовки, журнальчики, пророчат, угрожают — точь в точь, как члены троцкистской партии. Позвольте вам рассказать об этой игре словами того же самого проф. Солнцева. Мы приводим обширные выдержки из документа, написанного Е. Солнцевым. Письмо это относится к тому времени, когда появилось заявление Радека, Смилги и Преображенского. Оно вскрывает полностью то, что происходит в среде троцкистов; оно разоблачает политический смысл тех шагов, которые предпринимаются единомышленниками Солнцевых, подающими коллективные заявления в духе развиваемого им стратегического плана сохранения кадров троцкистов.

4. „Похабный документ" Е. Солнцева.

«То, о чем я писал месяца два назад,—пишет Солнцев,—как о возможной перспективе, стало фактом. Катастрофа разразилась. Господствующее настроение—паника и растерянность, поиски индивидуальных выходов из положения. Исключительно тяжелыми стали повсюду внутренние взаимоотношения, которые и раньше были не особенно хорошими. Неслыханное предательство тройки разорвало все моральные задержки и принципы, которые не позволяли делать некоторых вещей. Полное идейное и моральное разложение, никто больше никому и ни во что не верит. Создалась обстановка взаимного недоверия, групповых обсуждений, взаимной отчужденности и изолированности. Каждый боится, что его предадут, что другой забежит вперед, поэтому каждый сам стремится забежать вперед, чтобы не запозать, чтобы самому по спинам других проскочить в партию. Прорваны все плотины. Даже люди, которые хорошо понимают, что левое крыло еще необходимо, что далеко не все еще сделано, что нужно кому-то оставаться доделывать, предпочитают, чтобы оставались другие. Основное опасение их в том, что, чем меньше людей останется доделывать, тем меньше у них шансов на то, чтобы вернуться в партию, что последние, особенно если их будет мало, падут жертвой... Те немногие, которые не потеряли ни головы, ни взглядов, ничего сами сделать не могут, не могут даже приостановить паники. В Тобольске дрогнула еще одна группа, которая держалась до сих пор стойко, а теперь заявила о своем согласии с Ив. Ник. [1]), который вообще стал дежурным вождем капитулянтов, и точка зрения которого стала промежуточным этапом для тех, кто не может по разным причинам сразу повернуть на позиции тройки. Из этой всей обстановки, на причинах которой я не буду останавливаться, и надо исходить. Чтобы не дать катастрофе завершиться, нужны быстрые решительные и—потому что мы недопустимо запоздали—опасные и рискованные шаги. Еще месяц—два тому назад можно было бы с меньшим риском и на менее тяжелых позициях этот выход найти. Теперь надо итти на большее. То официальное письмо, которое вам посылается, есть то, на чем сегодня удается пока задержать публику. Я не согласен (как и некоторые другие) с рядом мест в письме, но на него пришлось пойти, потому что иначе был бы немедленный раскол. Как я понимаю тот шаг, который в этом письме предлагается и почему я считаю, что нужно на него пойти? Дело не в тех, которые отошли. Дело в тех, которые остались. Если завтра Ив. Ник. или кто-либо другой напишет несколько более приличное заявление, чем тройка, он соберет не меньше трех четвертей оппозиции. Что Ив. Ник. напишет такое заявление, в центре которого будет вопрос о прекращении фракц. работы, почти бесспорно. Если по-

[1]) Речь идет, очевидно, об Ив. Ник. Смирнове, подавшем заявление в ЦКК вместе с Богуславским, А. Белобородовым, С. Мрачковским и др., — заявление, которое ЦК и ЦКК считают, однако, неприемлемым.

чему-либо он этого не напишет, то заявления (индивидуальные и групповые) такого рода посыпятся из колоний. Такого рода шаг—отказ от фракционной работы—будет неизбежно ближайшим шагом, который будет сделан громадным большинством оппозиции. Так как в той форме, в какой это заявление будет написано Ив. Ник. или отдельными группами, оно будет для нас неприемлемым, то мы окажемся маленькой кучкой, отрезанной и изолированной от всего и всех, а для них этот шаг станет кратковременным этапом перед капитуляцией. Задача заключается, по моему мнению в том, чтобы попытаться превратить этот шаг, которого мы предотвратить не можем, в маневр с нашей стороны вроде того, какой был сделан 16 октября 1926 года. Думаю, что этим путем можно было бы временно приостановить или хоть ввести в известные границы нынешнее беспорядочное паническое отступление и взять инициативу в свои руки, хотя бы при помощи этого похабного шага... Я не возлагаю очень розовых надежд. Я вижу все отрицательные и опасные стороны, связанные с таким шагом, но у нас есть лишь два пути—или предоставить дело стихии и дать движению разложиться без остатка, или использовать те небольшие шансы, которые может дать такой шаг. Какие положительные результаты может дать этот шаг в случае, если его удастся проделать? Раньше всего, как я уже говорил, мы хотя и на весьма похабных позициях, берем инициативу в свои руки, а инициатива бывает часто в отступлении важнее, чем в наступлении. Во-вторых, это дает шансы на то, что на этих позициях мы кое-кого сможем удержать. Уже самый факт, что будет сделан какой-то шаг сверху, что есть кто-то, кто думает о движении в целом, несколько ослабит панику и внесет успокоение, а задержать можно лишь на такой позиции именно потому, что мы запаздываем и что дали отступлению зайти так далеко, его можно удержать лишь на очень далеких позициях. Надо задержать хоть здесь. Очень многие подпишут заявление об отказе от фракционной работы, независимо от того, кто его напишет, но одно дело, если оно будет написано Ив. Ник. или будет писаться индивидуальным и групповым путем; и другое дело, если этот шаг сделаете вы, Коссиор, Окуджава, Муралов, Белобородов и т. д. В первом случае оно становится наверняка шагом к ликвидации оппозиции, во втором случае оно может стать исходным маневром для ее сохранения. Какие опасности по этой линии? Основная опасность в том, что оно может быть не понято оппозицией и может, об'единив капитулянтов, оттолкнуть верных платформе. Единственной гарантией может служить лишь то, что этот шаг будет сделан руководителями, которые сохранили доверие. Те, кто сразу не поймет смысла и значения маневра, и подымут крик, как это было с настоящим 16 октября, понемногу подтянутся. Это относится к нашему левому флангу, который витает еще в облаках и в особенности к нашей молодежи, которая, как всегда, в утрированном виде повторяет добродетели и пороки старших... Надо очень бережно и осторожно относиться к ней, тем более, что капитулянты склонны их сделать главными козлами отпущения. Этих мы при некоторой осторожности не потеряем, зато многих удержим, а задержать надо хотя бы до осени. Осенью, несомненно, развернется большая драка в стране, а, следовательно, и в партии. Тогда возможны два варианта в ходе событий: либо... появятся шансы

на то, что нам удастся на более выгодных условиях проскочить в партию всем течением, либо.. мы опять вступим в бой. Именно поэтому нам важно многих удержать... Что касается тех кадров, которых задерживать не нужно, то мы и их ставим в более благоприятное положение, чем это было 16 октября. Мы выводим их из-под ураганного огня, не даем их изолировать, получаем передышку для перестройки рядов, получаем возможность немного выждать. Снова подчеркиваю—в нынешних условиях это опаснейший и рискованнейший шаг, это ход ва-банк, это почти авантюра, которая может ускорить гибель, если мы заранее не предвидим всех отрицательных сторон и не постараемся их преодолеть. Но... если мы этого шага не сделаем, гибель обеспечена. Помимо указанных, надо предусмотреть еще одно важное обстоятельство: мы можем пообещать прекращение фракционной работы и на время замолчать; но этого не могут по своему положению сделать ни Л. Д. ни наши заграничные друзья. Может создаться опаснейший разнобой между ними и именно надо, чтобы и они соответственно изменили свою тактику, приспособив ее к нашему шагу. Не отказываясь от критики, они должны смягчить формы ее, признать левые сдвиги, обещать, как в заявлении VI конгрессу, поддержку левых мероприятий, подчеркивать нашу историческую правоту, доказывать, что жизнь оправдала нас, что мы как раз за это и дрались и т. д. Не знаю, удастся ли вам довести это до их сведения, не знаю также, удастся ли убедить в необходимости этого Л. Д., который очевидно очень слабо осведомлен о положении у нас. Надо сделать все, чтобы уломать его для спасения движения и его самого».

Надо ли добавлять что-нибудь к этому письму? Оно своей циничной обнаженностью говорит само за себя. Однако необходимо остановиться на этом письме потому, что оно освещает ряд шагов со стороны оппозиции последнего времени. Оно дает возможность большевистским элементам, подпавшим под влияние троцкистов, яснее видеть путь, на который привела их борьба против партии. Фракционная дисциплина фактически перестала существовать для троцкистов, как целого, уже давно. С точки зрения партии или фракции, троцкисты раскололись на целый ряд групп и группочек. Известны факты, когда среди двенадцати троцкистов наблюдалось четыре или больше течений. До поры до времени эта фракционная дисциплина удерживала даже тех, кто считал, что оппозиция неправа. Но чем больше развертывалась борьба, тем яснее становились для все большего круга оппозиционеров, что их завели в тупик, что выходом из этого тупика может быть только безоговорочное признание своих ошибок, осуждение фракционной работы, полный организационный и идейный разрыв с троцкистами, осуждение контрреволюционных шагов Троцкого, отказ от платформы, осужденной партией и т. д. Верхушка оппозиции себя утешала тем, что это только Ярославские и Молотовы могут современное состояние оппозиции изобразить, как развал, распад и т. п., как гроб и крышку для оппозиции. Но среди оппозиционеров есть все-таки часть бывших большевиков, которые заблудились, сбились с ленинского пути, но не могут шествовать с Троцким, на всех его путях, не могут поддерживать ни новый «августовский блок», ни его участие в буржуазной печати, ни его контрреволюционные выступления против антивоенного дня, ни его антисоветские лозунги, особенно выдвинутые им в конце 1928 года.

Вопрос о второй партии сыграл здесь совершенно определенную роль. Часть оппозиционеров искренно верила, что создание фракции не есть еще путь ко второй партии. Троцкисты упорно доказывали, что они не хотят

создания второй партии и не замышляют такого дела. А между тем, теперь уже документально можно доказать, что Троцкий в конце 1928 года давал прямые директивы об организации второй партии. Такую директиву получил, например, Буду Мдивани, в декабре 1928 года, о чем в ЦКК имеются заявления от самих оппозиционеров, которые по этому вопросу были осведомлены Буду Мдивани [1]).

Чтобы видеть, какова была установка у Троцкого в кноце 1928 года по этому важнейшему вопросу, достаточно ознакомиться с некоторыми его директивами, относящимися к тому времени. Троцкому тогда казалось, что «капитулянтские и предкапитулянтские настроения (а под ними подразумевались всякие попытки ликвидировать фракционную борьбу признать свои ошибки и вернуться к партии. *Е. Я.*) сочувствия не встречают». Жизнь показала, что это был один из самообманов, которым питал себя и которым обманывал других Л. Троцкий. Но какая была у него самого установка? У Троцкого была установка на неизбежность гражданской войны, на неизбежность ухода его в подполье. Он писал:

«Далеко не все товарищи продумывают создавшуюся обстановку до конца под практическим углом зрения. Нам надо брать установку на худший вариант. Ни в коем случае нельзя считать, что дело само собой поправится, если мы «немножко поможем». Политика дальнего прицела требует преодоления кустарничества и партизанства. Дело надо ставить очень серьезно».

Как же предлагал «серьезно» ставить дело Троцкий, уверяя в официальных документа, что он является защитником «реформы» партии и советской власти? Он рассказывает о том, как он во времена гражданской войны («на всякий случай») запасался фальшивым паспортом. Вот примерно так он оценивал положение в конце 1928 года! Советской власти конец, запасайся фальшивыми паспортами! Это есть последнее выражение паникерства, упадочничества, полного неверия в революцию. Поэтому он советовал своим сторонникам:

«Может наступить момент, — он может наступить сравнительно скоро, — когда нелегальные базы понадобятся для всех пролетарских элементов партии. Такова возможная историческая тенденция нашего подполья. Сейчас на первом месте стоят для нас задачи пропаганды (включая и агитацию)... Но если классовый враг нас опередит, то наше подполье перерастет в подполье гражданской войны против победоносного термидора. Надо готовиться и к этому худшему варианту. Вот почему организационно-техническую работу надо ставить гораздо серьезнее, систематичнее, с большей конспиративностью, с более правильным разделением труда... При более благоприятном ходе развития, это «подполье» растворится в возрожденной партии, при менее благоприятном ходе подлинная партия сплотится вокруг этого подполья»...

Если вспомнить, что термидорианцами Троцкий считал руководящие кадры нашей партии, советской власти и Красной армии, что и самую Красную армию он считал и считает термидорианской и т. п., то постановка в этих директивах вопроса о второй партии и о гражданской войне приобретает совершенно ясный смысл. Троцкий призывал свои кадры готовиться к гражданской войне и для этого создавать свою партию. В этих же целях Троцкий давал ряд указаний, как это дело надо делать. Некоторые из этих указаний также заслуживают внимания. Например, приблизительно, около этого же времени Троцкий дает подробные директивы, в которых советует выставить самые демагогические лозунги, которые только можно придумать для того, чтобы поймать дурачков и сплотить вокруг троцкистов все элементы, какие можно сплотить вокруг враждебной ВКП(б) организации и особенно он рекомендует:

«обратить сугубое внимание на вопросы организационно-практические, строгое разделение труда, соблюдение правил конспирации, с отстранением неосторожных от работы. Связи, связи, связи». «Молодые товарищи, — поучает он, — не соблюдают, повидимому, элементарных правил конспирации (сужу по отдельным частным признакам). Надо бы дать на этот счет краткую инструкцию, использовав из архивов старые материалы; надо бы выделить инструкторов, чтобы подтянуть в этом отношении публику».

Пусть теперь Троцкий «подтягивает» Пазов и Тренов, как троцкисты пытались подтянуть для конспиративной работы против нашей партии и Коминтерна, иногда неплохую молодежь, сбитую с толка демагогическими обещаниями лидеров оппозиции, их бессовестной критикой недостатков и трудностей, которые переживает старана пролетарской диктатуры. Пусть попробуют перед лицом такого факта опровергнуть теперь, что дело шло о создании второй партии, что массу рядовых оппозиционеров их вожди вели с завязанными глазами к барьеру гражданской войны против рабочего класса, против ВКП(б), против советской власти. Удивительно ли, что теперь, когда эти рядовые оппозиционеры многое узнают, они начинают смотреть иными глазами на свой вчерашний день.

А с другой стороны, ведь они видят невиданное в мире развертывание революционной энергии рабочих масс, необычайный энтузиазм масс в деле социалистического строительства. Они видят такой размах социалистического строительства, о котором они и мечтать не могли. Удивительно ли, что эти рядовые оппозиционеры массами начинают покидать своих вождей? И, если вожди не возвращаются с ними в партию, они идут через голову вождей к партии. Плохо, что они это делают иногда непоследовательно, трусливо, еще оглядываясь на какую-нибудь Марию Михайловну или Шуру из оппозиции, опасаясь того, что она, эта Мария Михайловна или Шура, будет осуждать капитулянтский шаг. С такими непоследовательными людьми нам делать нечего. Но с каждым днем размежевание среди самих троцкистов неизбежно будет итти все серьезнее и все полнее. Мы были бы очень уж плохого мнения об умственных способностях и политическом уровне троцкистов, если бы после опубликования вышеприведенного письма Солнцева кто-нибудь поверил Троцкому или кому другому, что среди подлинных троцкистов есть на самом деле сколько-нибудь значительные кадры, имеющие устойчивую принципиально-выдержанную точку зрения. Тем более, что нам известны заявления о готовности подписать любое заявление партии, если это заявление будет исходить от того или иного лидера. Мы сумеем оценить такую беспринципность.

Каждый партиец поймет поэтому цель того маневра, который сейчас пытаются проделать Раковский, Сосновский и др., пославшие заявления в духе той «похабной позиции», о которой пишет в этом письме Солнцев Раковскому. Для чего делается такое заявление? Оказывается для того, чтобы перебить дорогу другому вождю оппозиции, который может собрать три четверти оппозиции на заявлении о прекращении фракционной работы. Плохо они знают партию, если думают, что на этом можно обмануть ее. Партия имеет достаточно опыта, достаточно видела изменнических шагов со стороны оппозиции, нарушения обещаний, чтобы быть обманутой такими маневрами, о которых пишет Солнцев, и которые пытаются проделать сейчас некоторые вожди оппозиции. Несмотря на то, что у оппозиции имеются такие замечательные стратеги, как Солнцев, которые могут разрабатывать замечательные стратегические планы, вроде вышеприведенного, вся эта страте-

---

[1]) Да и Солнцев пишет в цитированном письме, что «генсек» троцкистов подписал документ, от имени «всесоюзного центра» — «может быть и союза»: «Наш милейший старичек, — пишет Солнцев, — конечно подмахнул, не задумываясь, потому что все звучало очень «лево».

«Старичок» этот, как нам известно, Борис Эльцын, бывший в Москве генсеком троцкистов. Вот именно: лишь бы звучало очень «лево»! Ведь в этом вся суть троцкизма!

гия ясна будет теперь каждому рабочему [1]). Эти господа рассчитывают на худшее — на возможность гражданской войны, на возможность драки. Такие люди идут в партию не помогать нам, они идут в расчете на то, что «осенью несомненно развернется большая драка в стране, а, следовательно и в партии». Они могут быть уверены, что классовая борьба пролетариата, которую партия вела в эти годы, будет продолжаться, независимо от того, какое сделают заявление те или иные троцкисты! Если они рассчитывают на драку, то мы им предоставим драться самим между собой сколько угодно! Им не дождаться того, чтобы «проскочить в партию всем течением». Троцкисты, подобные Е. Солнцеву, хорошо делают, что предупреждают нас о своих планах. Мы будем знать, о чем они думают, на что рассчитывают. Если их заявления, которые они делают, по их собственному признанию, являются «ходом ва-банк», почти (!!) авантюрой, которая может ускорить гибель» — то этот ход ва-банк, эта авантюра будет бита так же, как и все другие авантюры троцкистов.

Точно также наивно думать, что нас могут обмануть маневры троцкистов за границей, даже если бы удалось Солнцеву «уломать» Троцкого, чтобы он смягчил формы борьбы, «признал» левые сдвиги и проч. и т. п. Мы можем лишь поблагодарить Е. Солнцева за четкую литературную формулировку тех планов, какие питает головка троцкистов, тех перспектив, которыми они живут. Это — перспективы Тихомировых, это перспективы ренегатов, это перспективы политических мертвецов, которые очень быстро заканчивают свой путь, это перспективы достаточно непривлекательные для того, чтобы они могли увлечь за собой те неокончательно еще погибшие для рабочего класса элементы, которые еще имеются среди троцкистов. Партия не гонится за количеством б ы в ш и х троцкистов, которые возвратятся в ее ряды Рост партии идет за счет других элементов: она растет за счет рабочих с производства, главным образом, а не за счет тех людей, с шатающимися политическими позициями, которые составляли главные кадры троцкистов. Партия поможет вернуться в свои ряды тем товарищам, которые годами связаны были с партией, которые исправили свою ошибку, осознали и открыто искренне осудили эти ошибки. Но партия никому не позволит проделывать маневры с целью протащить в партию целое течение троцкистов. Партия зорко будет присматриваться к каждому, кто, отойдя от партии, вместе с Троцким хочет вернуться теперь в ее ряды. Т р о ц к и с т ы п а р т и и н е н у ж н ы, е й н у ж н ы б о л ь ш е в и к и.

Наш путь.

Партия живет напряженной жизнью, как никогда. Она беспощадно очищает свои ряды от всех негодных непролетарских, некоммунистических обюрократившихся, разложившихся, классово чуждых элементов. Она ведет борьбу на два фронта, она дает беспощадный отпор правым оппортунистам. Пусть не утешают себя иллюзиями троцкисты, что они представляют собой какое-то «левое крыло». В среде троцкистов есть огромный процент самых доподлинных правых, еще недавно ставивших ставку на отруба, на хутора, на богатого зажиточного крестьянина, на кулака, фермера (как и сам Троцкий, а с ним Сосновски и другие в конце 1925 г.). В ее среде имеется целая группа правых националов-уклонистов, взгляды которых были осуждены партией при Ленине. Партия ведет беспощадную борьбу с правыми течениями, и троцкистам ее не обмануть своими «левыми» фразами. Партия дает беспощадный отпор всякой «левой фразе» в собственных рядах, ибо эта левая фраза прокладывает дорожку троцкистким настроениям. Партия воспитывает рабочих на непримиримом отношении ко всяким идейным уклонам от партийной линии, от ленинизма. В партии, как никогда, развернута самокритика. Партия беспощадно борется со всякими элементами разложения, со всякими проявлениями оппортунизма, правого реформистского толка и левых заскоков. Партия никому не позволит возвращаться в ее ряды для того, чтобы,—как это делает в своем заявлении в ЦК и ЦКК группа оппозиции, по-троцкистски, по-меньшевистски, противопоставлять аппарат партии и советской власти—массам, спекулировать на зарплате, возрождать дискуссию по вопросу о строительстве социализма в одной стране, защищать ренегатов, вроде Л. Д. Троцкого, спекулировать на том, что они «помогают» бороться с правыми. Тем более партия не позволит никому протаскивать под видом заявления о прекращении фракционной работы план, изложенный Е. Солнцевым и осуществленный им совместно с целой группой оппозиционеров, приславших свои заявления в ЦК и ЦКК за подписью Раковского, Сосновского и др.

[1]) Даже неопытный читатель обратил, вероятно, внимание, что Солнцев пытается «подражать» в этом документе Ленину в вопросе о «похабном мире». Но то, что большевики допускали по отношению к врагу, Солнцев рекомендует по отношению к большевикам. Такова «маленькая разница» плагиатора!

У нас нет никаких оснований пересматривать решения XV с'езда — правильные решения, абсолютно подтвержденные всем ходом дальнейшей борьбы. Партия, как и раньше, будет требовать от всех, кто, уйдя в троцкистское или сапроновское подполье, хочет вернуться в партию, **п о л н о г о р а з р ы в а с о п п о з и ц и е й, п о л н о г о и д е й н о г о и о р г а н и з а ц и о н н о г о р а з о р у ж е н и я, б е з у с л о в н о г о р а з м е ж е в а н и я о т а н т и п а р т и й н ы х, о с у ж д е н н ы х п а р т и е й п л а т ф о р м, б е з у с л о в н о г о о т к а з а о т н и х, з а я в л е н и я о п о л н о й г о т о в н о с т и б о р о т ь с я с т р о ц к и з м о м, с а п р о н о в щ и н о й, с о в с я к и м и а н т и п а р т и й н ы м и т е ч е н и я м и.** Всякий рядовой оппозиционер поймет, что если вожди оппозиции не могут полностью прекратить свою фракционную борьбу, если они делают маневры для того, чтобы обмануть партию, для того, чтобы снова начать драку, для того, чтобы сохранить свои кадры, то ему с ними не по пути.

Если фракционная группа не идет на необходимые для партии шаги, то сознавший свои ошибки, свою вину перед партией, свою неправоту, может и должен сделать необходимые шаги индивидуально, один с полным, безоговорочным признанием линии партии и Коминтерна, с полным идейным и организационным разоружением. Партия слишком много затратила сил для борьбы с троцкистами, чтобы нуждаться еще в новой дискуссии с остатками троцкистской оппозиции.

У партии четкий ленинский путь. На ближайшие годы он выражен в пятилетнем плане социалистического строительства. Еще недавно один из видных оппозиционеров (И. Н. Смирнов) писал по поводу этой пятилетки, что «ни об'ем затрат, ни их направление не вызывают у нас поправок». Если после этого непоследовательные люди пытаются все же сделать серьезные поправки к этому плану, мы можем пройти мимо них. Путь наш ясен. Он выражен в точных цифрах, в точных политических и практических заданиях. Нам надо мобилизовать все силы рабочего класса и лучшие силы трудовых масс крестьянства для выполнения этого плана. Нам надо твердо держаться генеральной линии партии, четкой линии классовой борьбы, ибо самое выполнение пятилетнего плана невозможно без такой четкой линии классовой борьбы. Но именно поэтому нам нужно дать серьезный отпор всяким идеологическим уклонам. Нам нужно очень внимательно присматриваться к людям, которые против нас вчера боролись, а сегодня хотят нам помогать: видеть и знать, с чем они идут к нам на помощь. Людям, которые идут с «троцкистскими манерами», мы сумеем дать отпор, указать им их настоящее место. И какие бы ни были у нас трудности (а их будет много), мы их преодолеем тем лучше, чем большая четкость будет в нашей идеологической борьбе.

Я. Никулихин.

Темпы развития сельского хозяйства и темпы его обобществления.

Намеченные по пятилетке темпы развития сельского хозяйства далеко превосходят не только дореволюционные темпы нашей страны, но и темпы передовых капиталистических стран. Так, например, в такой передовой капиталистической стране, как САСШ, посевная площадь возрастала по десятилетиям: за 1890—1900 г.—на 15,9%, за 1900—1920 г.—15,4%. В России (по 70 губ. и областям) с 1901—1905 по 1911—1913 г. вся площадь увеличилась, всего на 10,9%. Посевная же площадь СССР за 1927/28 г.—1932/33 г., т.-е. за срок вдвое меньший по плану возрастает на 22,5%. Темп, примерно, в три раза более высокий, чем в условиях капитализма. В области проектировки под'ема урожайности мы также не имеем равного нам примера.

Достижимы ли для нас такие высокие темпы? Не утопичен ли намеченный план? Мы утверждаем, что наш план вполне реален. Больше того, СССР располагает возможностями для достижения еще более высоких темпов. Все основные показатели пятилетнего плана развития сельского хозяйства имеют прямую связь с намеченными темпами развития совхозов, колхозов, машино-тракторных станций и всех видов производственного кооперирования. Если нам удастся в области развертывания обобществленного сектора переступить намечаемые пятилеткой показатели (что уже теперь становится совершенно ясным), если удастся приблизить сроки поголовного охвата производственной кооперацией бедноты и середняков, следовательно, ускорить развитие начальных зачаточных форм коллективизации, если удастся значительно расширить материальную базу для коллективизации,—то окажется возможным значительно превысить намеченные пятилеткой темпы по ряду основных показателей. И чем дальше, тем больше, а потом и целиком, темпы развития сельского хозяйства будут находиться в прямой зависимости от темпов роста обобществленного сектора сельского хозяйства.

В данной статье мы ставим себе задачу показать условия этой зависимости, вскрыть условия повышенных темпов развития сельского хозяйства СССР в сравнении с капиталистическими странами и одновременно показать, как ошибки правых и «левых» уклонистов мешают выполнению высоких темпов обобществления.

Бесспорно, что советская система в сравнении с капиталистической представляет много преимуществ для темпов хозяйственного развития. Но говоря вообще о преимуществах, многие забывают, что в отношении сельского хозяйства в условиях происходящей теперь технической революции в сельском хозяйстве, эти преимущества могут быть реализованы, претворены в действительность, главным образом, при условии высокого темпа обобществления сельского хозяйства. В условиях же исключительного, преобладающего господства раздробленных мелких крестьянских хозяйств, круг наших преимуществ в отношении сельского хозяйства ограничен и он парализуется

целым рядом явлений, характеризующих историческую отсталость развития нашего сельского и народного хозяйства вообще, отражающую следы задержавшегося господства крепостнических пережитков.

Теперь посмотрим, как выглядят преимущества советской системы в зависимости от различных путей развития нашего сельского хозяйства.

Несомненно главнейшим нашим преимуществом является отсутствие частной собственности на землю, абсолютной ренты, цены земли. Средства, которые в капиталистическом обществе идут на оплату ренты землевладельцам и на покупку земли и представляют непроизводительные расходы для с.-х. производителей, у нас получают производительное направление и являются источником больших темпов развития сельского хозяйства. Концентрация всех недр земли и источников энергии, как результат национализации земли, также стимулирует развитие сельского хозяйства (отсутствие монополий в производстве минеральных удобрений, в снабжении сельского хозяйства электроэнергией, в возведении ирригационных сооружений и т. п.).

Однако, надо прямо сказать, что эти преимущества при условиях развития сельского хозяйства, преимущественно в форме мелких хозяйств в значительной степени, парализуются невозможностью применять в сколько-нибудь значительных размерах новую технику. В послевоенный период мы имеем настоящую техническую революцию в сельском хозяйстве. Массовое внедрение трактора, как универсального двигателя в сельском хозяйстве, широкое и разностороннее применение электро-энергии, появление комбинированных с.-х. машин мощного типа, новых машин для всех отраслей сельского хозяйства (включая все интенсивные), развитие автотранспорта и т. п. — открывает победный путь для системы машин и в сельском хозяйстве. Сбывается пророчество Ленина о возможности создания «крупной машинной индустрии в земледелии». Если прежде в центре прогресса с.-х. техники стояли уборочные машины, приводившиеся в движение силой тяглового скота, то теперь, на ряду с появлением новых мощных уборочных машин (комбайны и т. п.), в центре стоят силовые машины: трактор, электромоторы, механический транспорт и т. п. Сельское хозяйство, так долго базировавшееся преимущественно на мускульной силе животных и человека, теперь все более переходит к применению в качестве двигательной силы механической энергии. Эффективность действующих прежде с.-х. машин в отношении ручного труда ни в какое сравнение не идет с эффективностью действующих теперь машинных комплектов (трактор с прицепными орудиями, трактор с комбайном, электромоторы с соответствующим машинным парком и т. д.). Это позволяет теперь, вместо спорадического применения с.-х. машин, и в сельском хозяйстве переходить на систему машин. Если прежде процессы концентрации в сельском хозяйстве шли медленно и мелкие хозяйства могли держаться при известном напряжении (удлинение рабочего дня, ограничение потребностей), могли пользоваться, хотя и менее рентабельно некоторой частью с.-х. машин и орудий, то теперь новая техника властно требует крупного хозяйства, ускоряет процессы концентрации в сельском хозяйстве.

Мы вступаем в эпоху, когда сельское хозяйство будет переводиться на индустриальные рельсы, перестраиваться по промышленному образцу. Новая техника, базирующаяся на системе машин, на ряду с высоким обслуживанием рабочей силы техническими средствами производства, обеспечивает достижение и в сельском хозяйстве того разветвленного разделения труда и ту далеко идущую специализацию производства, которые до сего времени были присущи промышленности. По заявлению Кэмбелля, в сельском хозяйстве крупные предприятия скоро по масштабам своим сравняются с Юнайтед-

стил» и с «Дженерал Моторс» [1]. Совхоз «Гигант» на северном Кавказе является прообразом таких хозяйств. Но надо прямо сказать, что возможностями к максимальному использованию новейших достижений с.-х. техники, а, следовательно, возможностями к ускорению темпа развития сельского хозяйства, воспользуются в большей степени те страны, в которых наиболее благоприятно сложатся условия для процессов концентрации в сельском хозяйстве.

До сего времени впереди по концентрации с.-х. производства в силу целого ряда условий шли САСШ, поэтому и наибольшая степень механизации и машинизации, наибольшая производительность занятой в сельском хозяйстве рабочей силы, замечалась в САСШ. Чрезмерная раздробленность сельского хозяйства в СССР, до решительной ставки на коллективизацию и развертывание совхозов, не только ярко выступала в сравнении с средними размерами хозяйств САСШ, но в значительной степени в сравнении с Францией и Германией [2]).

Число хозяйств в процентах.

Разм. хозяйств	Хозяйств. САСШ	Север Доката	СССР Произв.	Потреб.	Размеры хозяйств	Число хозяйств Франц.	Число хозяйств Герман
До 4 га . .	4.5	0,5	60,1	87,8	До 5 га . .	71,4	76,6
От 4 до 10 .	10,0	0,5	36,4	12.0	От 5 до 10 .	13,8	18,5
От 10 и выш.	85,5	99,0	3,5	0,2	От 10 и выш.	14,8	4,9

Если бы сохранилась такая раздробленность сельского хозяйства СССР (что неизбежно было бы при медленном темпе коллективизации и без широкого развертывания новых совхозов), то все наши преимущества, которые дает национализация земли, были бы перекрыты нашими потерями от крайне ограниченного использования достижений новой техники. По некоторым данным, рента составляет к общим издержкам производства американского фермера 28% [3]). Перестройка же с.-х. предприятий по принципу системы машин, с применением всех новейших достижений техники, понижает издержки производства в значительно больших размерах, часто даже в несколько раз. Так, например, построенное по принципу системы машин хозяйство Кэмбелля в САСШ в 1926 г. имело на акр издержек производства более, чем в 2 раза ниже, чем в среднем по стране, несмотря на высокую степень машинизации и механизации сельского хозяйства САСШ [4]). Если крупная по капиталистическим условиям ферма Кэмбелля (30 тыс. га) дает нам образец преимуществ крупного механизированного хозяйства в полеводстве (в производстве пшеницы, льна и т. п.), то новейшие данные германской статистики подтверждают громадные преимущества и в отношении крупного механизированного животноводства. В контрольных союзах Германии коровы дают 12 литров молока в сутки, в крупных хозяйствах 25, в некоторых же из последних, где применяются американские методы—58,3 литра. Откорм свиней в крупных хозяйствах требует 6 мес., в мелких 8—10 м. [5]). На ряду с высокой продуктивностью животных в крупных механизированных хозяйствах в огромной степени сокращается и количество обслуживаемой рабочей силы. В современном крупном механизированном скотном дворе фабричного типа «двое людей могут подготовить в одном центральном помещении любое количество корма для многих тысяч телят и свиней с большей точностью, быстро, верно и дешево,

[1]) Статья в журнале «Америк. пром. и торговля», VIII — IX 1928 г.

[2]) Г. Гордеев — «С.-Х. Газета», 25 мая 1929 г.

[3]) Варга — «Выступление в ИКП по докладу Пикус».

[4]) Edwin Haernle — Die industrialisierung der Landwirtschaft, 1928.

[5]) Она дошла до 8 долл. на акр, против официально признанной нормы в 16.50 долл. («План. хоз.» № 4—28 г., Боссе А.).

с точностью аптекаря [1]). Все вместе взятое намного понижает в них издержки производства.

Новые усовершенствованные с.-х. машины, которые свое рентабельное применение находят только в крупных хозяйствах, показывают неизмеримо большую эффективность по сравнению с прошлого типа с.-х. машинами. Если прежде, по расчетам Бензинга, жатки и сенокосилки по сравнению с ручной работой давали экономию на 30%, то теперь комбайны по сравнению со снопoвязалками понижают в среднем в 4 раза число затрачиваемых рабочих дней и в 2 раза стоимость уборки урожая, а в наиболее крупных хозяйствах в 4 и более раз. Один человек на тракторе с 2-мя семифутовыми сенокосилками может сделать теперь столько же, сколько 5 человек на 5-ти упряжках по 2 лошади, что в большей степени понижает издержки производства [2]). С появлением трактора, производители картофеля в различных штатах Северной Америки удвоили и утроили число обрабатываемых акров на человека, а в штате Техас довели посевы хлопка до 200 акров на человека [3]). Но если тракторная энергия дает крупные преимущества в сравнении с тягловым скотом, то электроэнергия имеет большие преимущества перед тракторной. В самых крупных хозяйствах стоимость тракторной энергии не опускается ниже 17 коп. за киловатт-час, стоимость же электроэнергии от районных станций имеет в среднем 9 коп. или в два раза дешевле. Мы уже не говорим о других преимуществах применения электроэнергии в сельском хозяйстве [4]). Но применение электропахоты и вообще электроэнергии в полеводстве возможно преимущественно в крупных с.-х. предприятиях. То же самое мы могли бы сказать и в отношении механического транспорта.

Резкое снижение издержек производства в хозяйствах, построенных на системе машин, в хозяйствах с далеко идущей механизацией, повышение урожайности культур и продуктивности животных, благодаря рациональной обработке почвы, кормления, содержания животных, дает огромное преимущество крупным хозяйствам в сравнении перед мелкими. Даже самому компетентному старательному мелкому фермеру в САСШ стало трудно выдерживать конкуренцию крупных хозяйств, он стоит накануне разорения. «Рядовой мелкий фермер... не имеет никаких шансов выжить под напором потока технических усовершенствований и массовой продукции. Его игра сыграна, битва потеряна. Он может прозябать еще несколько лет в тщетной надежде, что случится что-то, что может его спасти, но его борьба с каждым годом будет ослабевать. В недалеком будущем он оставит свою ферму на произвол судьбы и будет искать убежище в рядах наемных рабочих» [5]).

Поэтому, если мы хотим в условиях происходящей в сельском хозяйстве технической революции наши преимущества в отношении национализации земли сделать мощным рычагом для более высокого,

[1]) Karl Blunk — fabrikmässig betriebene landwirschaft. Bereln 1926 s. 34.

[2]) «Farm Mechanich» — May 1929 г.

[3]) Там же.

[4]) «Производительность трактора в 10 раз ниже электроплуга. В то время как трактор запахивает гектар — полтора в рабочий день, электроплуг дает эту цифру за один час работы. Один электроплуг заменяет, таким образом, 10 тракторов, один рулевой — 10 рулевых, 1 рабочий день — вместо 10 дней. Электроплуг допускает вспашку в 5 раз более глубокую, свыше 72 сантиметров» (Мацкевич, «С.-Х. Газета», 6 августа 1929 г.).

Развертывание крупных совхозов, колхозов, МТС дает теперь возможность ставить вопрос о широком внедрении электроэнергии в сельское хозяйство. Первыми намечаются к электрификации 80 крупных старых совхозов, 40 совхозов Зернотреста, 120 крупных колхозов; первая сотня МТС будет строиться с электростанциями.

[5]) Mead and Ostrelenk—The farm problem. «Analist» 1928 г., № 814—820.

темпа развития сельского хозяйства, чем в капиталистических странах, то мы должны встать на путь решительного укрупнения, концентрации с.-х. предприятий. Концентрация в капиталистической форме не только исключается, не приемлема с точки зрения сегодняшних задач социалистического строительства, тем более с точки зрения наших конечных целей, но она в условиях СССР невозможна даже в размерах, какие наблюдаются в капиталистических странах. При произведенной в процессе революции ликвидации большинства крупных помещичьих и капиталистических хозяйств, при произведенной уравнительности земли, при частых переделах земли в земельных обществах, при запрещении продажи и покупки земли, при ограничении аренды,—концентрация в капиталистической форме крайне ограничена. Поле технической реконструкции здесь крайне сужено. Наоборот, концентрацию в социалистической форме мы имеем возможность осуществить в максимальных размерах, мы сможем иметь темп концентрации во много раз более высокий по сравнению с капиталистическими странами.

В условиях новой техники оптимальные размеры с.-х. предприятий все более определяются не оптимальными размерами площади, а оптимальными размерами комплектов машинного инвентаря (одна из ошибок Чаянова и заключалась в том, что он эту особенность послевоенного сельского хозяйства проглядел). Если прежде машинный инвентарь прилагался к каждым данным сложившимся размерам хозяйства и последние определяли степень машинизации, то теперь к определенной системе машин требуется соответствующая земельная площадь. В последнем суть рационального хозяйства индустриального типа. Перестройка сельского хозяйства на основе системы машин требует коренной, всеохватывающей перекройки всех границ с.-х. предприятий, изменения размеров их, по принципу максимальной концентрации. В капиталистическом обществе такая концентрация сельского хозяйства в сильнейшей степени затрудняется наличием частно-собственнических перегородок. Она затрудняется еще и тем, что концентрация в капиталистической форме, неизбежно сопровождается разорением, пауперизацией мелких производителей [1]). Из-за наличия частной собственности невозможно и в сколько-нибудь широких размерах рациональное землеустройство в капиталистическом обществе. В пояснительной записке к закону о землеустройстве, предлагавшемуся германскому рейхстагу в 1919 г. (который, заметим, не был принят), писалось, что на протяжении последних 100 лет нельзя было двинуть ни на шаг землеустройство Германии, ибо нельзя было преодолеть право собственности и косности, что явилось для развития немецкого сельского хозяйства колоссальной задержкой. Ни в одной отрасли народного хозяйства частная собственность не вступает в такое кричащее противоречие с развитием производительных сил, как в сельском хозяйстве. В сельском хозяйстве это противоречие наиболее ярко выявляется.

В условиях СССР, благодаря отсутствию частной собственности, концентрация сельского хозяйства, распланировка хозяйств по принципу рационального, наиболее эффективного сочетания комплектов машинного инвентаря с площадью—чрезвычайно облегчается. Землеустройство становится одним из мощных рычагов в этом деле. Организация подлинно крупных рационально поставленных хозяйств на основе последних достижений техники

[1]) Здесь интересно отметить, что одно из самых крупнейших с.-х. предприятий Америки — знаменитая ферма Кэмбелля возникла в период империалистической войны, главным образом, на земле, отведенной из запаса государственных земель для форсированного производства пшеницы. Организация же такого рода предприятий путем об'единения, слияния отдельных предприятий, путем подчинения и поглощения, сопряжено с большими трудностями.

в СССР становится возможной сразу же в массовом масштабе. Для этого в СССР имеются разнообразные типы укрупнения (совхозы, машино-тракторные станции и крупные колхозы).

Социалистический путь укрупнения, концентрации сельского хозяйства не только является единственным путем, который, делая возможным массовое использование в СССР последних данных науки и техники, реализует наши преимущества в отношении ренты и цены земли, но и дает нам ряд дополнительных преимуществ.

Прежде всего, эти преимущества идут по линии возможности более быстрого темпа концентрации, следовательно, применения технических достижений в ускоренные сроки и в более крупных масштабах. Высокому темпу укрупнения, на ряду с отсутствием частной собственности на землю и иным отношениям между городом и деревней, способствует и то обстоятельство, что развертывание крупных с.-х. предприятий идет по системе трестов и центров (Зернотрест, Сахаротрест, Совхозтрест, Центр МТС, Колхозцентр, центры с.-х. кооперации). Последнее придает их развертыванию плановый характер, страхует в системе треста и центра от случайностей, от ударов в неблагоприятные годы, которые неизбежны для отдельного с.-х. предприятия. Дальше, социалистический путь концентрации позволяет в максимальной степени загрузить двигатели и машинный парк. В машино-тракторной станции при совхозе им. Шевченко мы имели нагрузку на трактор в 450 га, много выше американских и европейских норм [1]). Более высокая степень использования двигателей и с.-х. машин у нас возможна потому, что размеры самих с.-х. предприятий неизмеримо больше (часто по 40—50—100 и выше тысяч га, чего почти нет в капиталистических странах).

Социалистический путь концентрации, индустриализации сельского хозяйства выигрывает на темпе и в том отношении, что при нем средства производства мелких производителей не гибнут, а используются в значительной части, таким образом становятся ненужными многие новые затраты. С разорением мелких производителей при капиталистической концентрации, приходится строить новые постройки для жилья, покупать скот, особенно продуктивный. При об'единении мелких производителей в колхозы это отпадает или сильно сокращается, так как жилищный фонд, скот, транспортные средства и проч. включаются в крупные хозяйства. МТС есть та форма, которая при обобществлении мелких хозяйств требует затрат преимущественно на районный энергетический центр с машинным парком, а потому в сильнейшей степени подымает эффективность затрат. На 1 га обрабатываемой площади требуется затрат в МТС—39 рублей, в новых совхозах, где приходится возводить постройки, обзаводиться скотом и сразу же транспортными средствами—85 руб. на га. Из этого, конечно, не значит, что затраты на совхозы мало эффективны. Наоборот, они очень эффективны с точки зрения народного хозяйства в целом, показывая высокую степень товарности своей продукции и являясь основным средством к расширению посевной площади. Они эффективны и в смысле прибыльности [2]).

[1]) По данным тов. Маркевича, нагрузка на трактор в совхозе им. Шевченко почти в 4 раза выше, чем в С.-А. С. Ш.

[2]) По расчетам с.-х. секции Госплана, себестоимость одного центнера твердой яровой пшеницы в этом году ожидается в 6,5 р. при заготовительной цене в совхозах в 7,5 — 8 р. за центнер, что дает в среднем 1 р. прибыли на центнер. Расчет себестоимости зерна на центнер в совхозах Зернотреста в 1929 — 30 г. составляет уже 5,5 руб. («С.-Х. Газета», 24 августа 1928 г.), что еще более подчеркивает рентабельность затрат на совхозное строительство. Совхоз «Гигант» дает еще более низкую себестоимость, примерно, 4,4—4,5 р. за центн.

Мы уже не говорим о том крупнейшем очевидном преимуществе социалистического пути укрупнения сельского хозяйства, которое вытекает из более легкого разрешения вопросов организации труда.

Темп расширения посевной площади в СССР в дальнейшем будет зависеть преимущественно от развертывания крупных хозяйств социалистического сектора. Здесь, как ни в одном другом вопросе подчеркивается связь между темпом развития сельского хозяйства и темпом его обобществления. Известно, что Госплан по оптимальному варианту пятилетки намечает расширение посевной площади под зерновыми на 15 мил. га. Главная масса вновь освоенных земель будет приходиться на восток и юго-восток нашего Союза. Здесь лежат еще огромные массивы нетронутых земель. Есть три пути к их освоению: переселение мелких крестьянских хозяйств из перенаселенных районов УССР в РСФСР, форсирование развития капиталистических хозяйств в редконаселенных восточных районах и широкое развертывание сети совхозов, машинно-тракторных станций и переселенческих колхозов во всех крупных зерновых районах. Общепризнано, что мелким переселенческим хозяйствам необходимо не менее 5 лет для того, чтобы окрепнуть, встать на ноги. Только после этого они смогут давать товарную продукцию. При чем само-освоение на коняге и примитивном инвентаре будет итти страшно медленно. Менее всего эффективны народохозяйственные затраты по этому пути освоения новых земель. Путь широкого развертывания капиталистических хозяйств в новых районах, не только шел бы в разрез с нашим социалистическим строительством, но он не обеспечил бы необходимого темпа и не дал бы того экономического эффекта, который необходим народному хозяйству Союза от под'ема сельского хозяйства в восточных и юго-восточных районах. Не обеспечил бы темпа потому, что техника капиталистических хозяйств в общем не шла бы дальше довоенного уровня, технические кадры и квалифицированная рабочая сила могли бы быть привлечены в ничтожном количестве, само развертывание предприятий носило бы случайный и хищнический характер. Мы не говорим уже о том, что хлеб в руках капиталистических элементов был бы базой спекуляции, орудием срыва планового регулирования рынка с.-х. продуктов.

Только широкое развертывание предприятий социалистического сектора может обеспечить втягивание в обработку больших массивов новых земель. *Совершенно другими будут выглядеть темпы освоения, когда по девственной земле пойдут не коняги, а тысячи и десятки тысяч тракторов, электроплугов, с соответствующими комплектами прицепных орудий, когда производительность человеческого труда будет приумножена, вооруженная электроэнергией и энергией тракторов.* Только развертывание в плановом порядке крупных хозяйств социалистического типа, может обеспечить преодоление всех трудностей в завоевании новых земель (недостаток рабочей силы, климатические условия, бездорожье и т. п.) при помощи высокой механизации, широкого применения и рационального использования инженерных и агрономических кадров, квалифицированных рабочих, большей увязкой развития сельского хозяйства с развитием транспорта. В наиболее необжитых районах зернового хозяйства это будут преимущественно совхозы, в обжитых районах совхозы, машино-тракторные станции, крупные колхозы, комбинаты и все виды массового производственного кооперирования (включая мелкие колхозы, поселковые товарищества и т. п., как зачаточные формы крупного социалистического хозяйства). Приведем несколько цифровых иллюстраций.

Новые зерновые совхозы начали развиваться только с конца прошлого года. Их развертывание в период пятилетки по пересмотренному варианту выразится следующей табличкой [1]):

Госплан в начале 1929 г. предполагал посевную площадь в совхозах под зерновыми культурами довести до 3,4 м. га. Пересмотренный план развертывания совхозов намечает площадь только в совхозах Зернотреста довести до 7 м. га, что даст немного менее половины всего намеченного пятилеткой расширения посевной площади под зерновыми. География развертываемых зерно-совхозов такова, что огромное большинство их падает на районы востока и юго-запада. Из намеченных в 1930 г. 120 совхозов с площадью в 5 м. га, только 5 приходятся на УССР и Крым с площадью 110 тыс. га [2]). При чем в Казакстане и Средней Волге, в районах наибольшего развертывания совхозов, прирост посевной площади будет итти, главным образом, за счет зерносовхозов. Так, по Казакстану по данным с.-х. секции Госплана, в новом освоенном фонде, совхозы займут 60%, колхозы—12%, индивидуальные хозяйства—28% [3]). В 1928/29 г. совхозы Зернотреста дают свыше 500 тыс. тонн, а в 1929/30 г. около 800 тыс. тонн товарной зерновой продукции [4]). Значительная роль в расширении посевных площадей в районах зернового хозяйства будет принадлежать машино-тракторным станциям, особенно в районах где наблюдается еще значительная ее недовосстановленность (Средняя и Нижняя Волга, Северный Кавказ). С весны 1930 г. решено развернуть 102 машино-тракторных станций с охватом в этом же году не менее 2 м. га крестьянских земель. В пятилетие предполагается развернуть 500 МТС на площади 20 м. га. Колхозы-гиганты, колхозы-комбинаты в районах сплошной коллективизации сыграют также крупную роль в расширении посевных площадей. Уже в 1928/29 г. из общего прироста посевных площадей в 4 м с лишним га, колхозы дали 2 м. га прироста.

До сего времени мы говорили о районах зернового хозяйства, но и в районах интенсивного сельского хозяйства роль социалистического сектора в расширении посевных площадей будет не менее решающей. Все удобные земли, за редкими исключениями, здесь уже почти распаханы. Темп освоения новых земель здесь пойдет неизмеримо слабее, чем в восточных районах, но значительные возможности к расширению есть. Дальнейшее расширение посевных площадей пойдет за счет распашки, так называемых бросовых земель, пустошей, выкорчевки лесных порубок, кустарников. Осушки болот и т. п. Под'ем этих тяжелых для обработки земель, большие расходы по выкорчевке, мелиорированию, удобрению, могут быть оправданы только в крупных рационально-поставленных хозяйствах (совхозах, колхозах, комбинатах).

Когда мы говорим о решающей роли социалистического сектора в расширении посевных площадей, означает ли это что мы отрицаем существование теперь возможностей для расширения посевных пло-

---

[1]) «С.-Х. Газета» — 18 августа 1929 г.

	Число зерновых совхозов	Занимаемая территория (тыс. га)	Площадь запашки (в тыс. га)
1929 г.	51	2.295	950
1930 г.	120	5.000	2.265
193[illegible] г.	180	7.680	4.000
1932 г.	230	10.050	5.500
1933 г.	280	12.000	7.000

[2]) Там же — 22 августа 1929 г.

[3]) Вольф М. — «Пути реконструкции сельского хозяйства в пятилетке».

[4]) «С.-Х. Газета» — 24 августа 1929 г.

щадей у крестьянских хозяйств в индивидуальной форме. Таких возможностей мы не отрицаем, они еще есть, но довольно ограничены (их даже меньше, чем возможностей для под'ема урожайности) и они могут быть реализованы для бедняцко-середняцких масс, главным образом, на путях массового производственного кооперирования, как формы, которая подведет широким фронтом крестьянство к коллективизации. Итоги 1928/29 г. в отношении сельского хозяйства это с достаточной яркостью подтвердили. Только при условии об'единения мелких крестьянских хозяйств в крупные хозяйства, они смогут рационально и производительно использовать те средства, которые прежде шли на покупку земли и арендную плату помещикам. Только при условии широкого совхозного и колхозного строительства, мы сможем реализовать и те наши преимущества, которые дает национализация земли, недр и источников энергии (в лице крупных хозяйств мы создаем массового потребителя электроэнергии и минеральных удобрений).

* * *

Как будут выглядеть наши преимущества, которые лежат по линии иных взаимоотношений между городом и деревней? Размеры государственных ассигнований сельскому хозяйству в СССР намного превосходят имеющиеся ассигнования на эти цели в капиталистических странах. Но при сохранении в дальнейшем раздробленности мелких хозяйств государственные ассигнования сельскому хозяйству мало эффективны. Приобретаемые при помощи этих ассигнований с.-х. машины и орудия могут быть использованы с незначительной или небольшой нагрузкой (как это и наблюдалось ряд лет и еще продолжает наблюдаться). Значительная часть ассигнований вовсе пропадала бы для производительного применения (проедалась бы). Ресурсы, остающиеся внутри бедняцко-середняцких хозяйств, вследствие налоговых льгот, при их индивидуальном применении также дают небольшой, а порою совершенно незначительный эффект. Не даром наркомземовские специалисты, не верившие в успех коллективизации, еще летом 1928 г. продолжали утверждать, что по завершении восстановительного периода, в с.-х. машиноснабжении мы будем иметь большое снижение темпов, возвращение с небольшими поправочками к довоенным темпам с.-х. машиноснабжения [1]), в соответствии с этим и пробовали наметить программы с.-х. машиностроения. Они были бы в значительной степени правы, если бы мы не имели широкого строительства совхозов и колхозов. В действительности мы имеем не снижение темпа, а за последний год даже рост темпов в с.-х. машиноснабжении и машиностроении. Программа с.-х. машиностроения намечалась в 1928 г. с.-х. машинконвенцией к концу пятилетия в 300 м. га, по пятилетке Госплана она увеличена вдвое (610 м. га). В начале сентября коллегия главмашиностроя пересмотрела пятилетку и нашла возможным увеличить выпуск с.-х. машин к концу пятилетия до 950 м. р. За последние несколько лет мы имеем все время острый дефицит на с.-х. машины и орудия, несмотря на быстрый рост их производства.

Самые размеры государственных ассигнований сельскому хозяйству при преимущественно-индивидуальном пути развития крестьянских хозяйств были бы неизмеримо меньше. Меньше прежде всего, из-за отсутствия крупных об'ектов строительства в сельском хозяйстве. Менее дальше потому, что в данном случае, значительная часть из ассигнований перепадала бы кулакам и зажиточным, которые могли бы их эффективнее применить в своих несколько укрупненных, более мощных индивидуальных хозяйствах. Социалистическая индустрия от этого мало бы выиграла, ибо кулак своим хлебом и сырьем срывал бы регулирование рынка, пытался бы срывать высокий темп индустриализации страны. Пролетарское государство не могло бы за счет своих кредитов опосредствовать рост кулаков. Только тогда, когда ассигнования идут на развитие сельского хозяйства в социалистической форме, когда имеются крупные об'екты эффективных затрат в самом сельском хозяйстве, а они могут быть в СССР только социалистическими (совхозы, МТС, колхозы-комбинаты и т. д.), становится возможным быстрый рост ассигнований со стороны государства сельскому хозяйству. Именно в связи с широкой программой развертывания обобществленного сектора мы имеем большой рост финансирования сельского хозяйства со стороны государства за последние два года 1927/28 г. 771 млн., в 1928/29 г.—1.030 млн. р., в 1929/30 г. намечается 1.700 млн. руб.). Государственные ассигнования сельскому хозяйству в 1929/30 г. уже достигли уровня ассигнований на промышленность в предшествующий год.

Против сосредоточения основной массы государственных ассигнований обобществленному сектору, приходится часто [1]) от буржуазных экономистов и правых уклонистов слышать возражения на тот счет, что ассигнования колхозам и совхозам дадут много меньший эффект прироста товарной продукции, чем ассигнования индивидуальным хозяйствам. Такие утверждения обычно обосновываются ссылкой на то, что в индивидуальных хозяйствах государственные средства являются дополнением к внутренним средствам хозяйства, в то время как новые совхозы организуются только на государственные средства, а доля их во вновь организуемых колхозах из маломощных должна быть значительно выше. Подсчеты с.-х. секции Госплана показывают, что производственный эффект затрат в обобществленных хозяйствах так значителен, что для получения единицы дополнительной товарной продукции требуется не больше вложений, чем по индивидуальному сектору [2]) и это при условии, когда реконструктивные процессы не сразу скажутся в обобществленном секторе. Мы закладываем образцы, весь эффект затрат которых скажется в дальнейшем. Действительность показывает, что расчеты Госплана в отношении эффективности затрат в обобществленный сектор были сильно преуменьшены. Так например, на 1 р. государственных вложений в колхозы по пятилетке предположено получить в 1932/33 г. на 85 к. товарной продукции. Между тем по новым данным уже в 1929/30 г. на 1 р. государственных вложений колхозы дают на 1 р. 17 к. прироста товарной продукции. Это уже дает значительное превышение эффективности затрат в колхозы по сравнению с индивидуальным сектором.

Мы справедливо говорим о громадной, руководящей роли промышленности в реконструкции сельского хозяйства. Но надо признать, что в условиях мелкого хозяйства эта роль крайне ограничена. Она ограничена по линии емкости сельского хозяйства на механическую энергию и с.-х- машины. Она ограничена

[1]) Предлагалось запроектировать нам такие темпы с.-х. машиноснабжения, которые шли бы с поправками на превышение довоенных темпов, примерно, в 5—6%. Нам предлагалось взять темп ежегодного прироста машиноснабжения в 7%, а по плану машиноснабжения на 1928—30 г. мы уже имеем запроектированный прирост, примерно, в 70%, или в 10 раз больший.

[1]) В этом деле давно подвизается П. Маслов. В своей книге «Основы кооперации» Маслов защищал тот взгляд, что коммуны и артели являются «наименее жизнеспособными» (стр. 126), что с точки зрения развития произв. сил и темпа накопления — колхозы и коммуны есть регрессивное явление. В своей статье «Оптимальность затрат на мероприятия по развитию сельского хозяйства» («Вестник Финансов», № 12, 1928 г.), П. Маслов резко выступил против перенесения центра тяжести ассигнований на обобществленный сектор, пробовал доказывать неэффективность ассигнований на тракторизацию, электрификацию с. х.

[2]) Вольф — «Пути реконструкции сельского хозяйства в пятилетке».

и тем, что участие промышленности сводит, главным образом, к мобилизации сырья и к авансированию как в деньгах, так и в форме некоторых средств производства, без внесения глубоких реконструктивных процессов в сельское хозяйство. Только при условии развертывания колхозов, совхозов, МТС роль промышленности становится поистине гигантской, не только в смысле громадных возможностей по внедрению средств производства, но и коренной реконструкции сельского хозяйства. Например, по линии сахарной промышленности намечается «создание индустриальных крестьянских свекловичных колхозов-комбинатов вокруг сахарных заводов и призаводских сельхозов, которые должны будут охватить новыми формами хозяйства, электрификации, связи, шоссированными дорожными магистралями, тракторными базами и автотягой основные призаводские радиусы крестьянского свеклосеяния» [1]). По линии других отраслей промышленности, работающей на с.-х. сырье, мы будем иметь также коренную реконструкцию сельского хозяйства под влиянием промышленности, такое сращивание сырьевой базы с перерабатывающим предприятием, что они явятся частями единого хозяйственного комбината. Мы уже не говорим о той бесспорной, громадной роли какую будут играть в реконструкции нашего сельского хозяйства районные электростанции.

Одно из существенных противоречий между городом и деревней в капиталистическом обществе лежит по линии культурного оскудения деревни (сосредоточение всей культурной жизни в городах, бегство культурных сил из деревни в города). Выражением этого противоречия является и тот огромный недостаток квалифицированного труда, который является важнейшей причиной медленного роста производительных сил в сельском хозяйстве. На путях развития мелкого хозяйства мы не изживем этого противоречия. Бегство культурных сил будет продолжаться из деревни, ибо не будет задерживающих притягательных центров. И мы были свидетелями того, как даже крестьянская молодежь, по окончании высшей школы, стремилась не возвращаться в деревню, оседала в городах, окончившие с.-х. вузы студенты, не шли работать по сельскому хозяйству. Тем более, город из своих человеческих ресурсов, при таком положении, мог в самой слабой степени придти на помощь деревне. «Рационализация» мелкого хозяйства через разбивку крупных селений на мелкие поселки, на хутора и отруба, означала бы усугубление «идиотизма деревенской жизни», закрепление консерватизма мелких собственников и находилась бы в кричащем противоречии с требованиями новой техники.

Только выполнение широкой программы обобществления сельского хозяйства может радикально изменить положение. Создание агроиндустриальных и одновременно культурных центров в деревне, вокруг совхозов, машино-тракторных станций, колхозов-комбинатов, не только удержит имеющиеся и растущие культурные, квалифицированные силы самой деревни, но и направит целый поток, десятки тысяч технических, квалифицированных кадров из города на помощь реконструктирующейся деревне. Пролетарский город станет действительной кузницей технических и агрономических кадров деревни. Центры машино-тракторных станций, центры колхозных комбинатов, центральные усадьбы совхозов-гигантов уже в ближайшее время будут превращаться в крупные поселки-города, с целым комплектом необходимых культурных учреждений (больница, школа, клуб, театр и т. д.). Только реконструкция сельского хозяйства может позволить в короткие сроки провести всеобщее начальное обучение. Машина предоставит возможность детям проходить весь срок обучения. На ряду с ликвидацией культурных ножниц, под влиянием технической реконструкции сельского хозяйства, с мощным под'емом производительности с.-х. труда, мы будем иметь и выравнивание материального уровня жизни между городом и деревней. Все это будет подводить стальную основу под смычку между городом и деревней.

[1]) Пятилетка Сахаротреста, стр. 25—26.

Наши преимущества по линии принципиально иных условий образования внутреннего рынка и планового регулирования, также не могут быть в большой степени использованными для сельского хозяйства при развитии последнего преимущественно в мелкой-индивидуальной форме. Не могут быть использованы потому, что рынок по большинству важнейших продуктов является сильно ненасыщенным. Острый дефицит зерна в стране за последние годы(как результат отставания сельского хозяйства), спекуляция хлебом капиталистических элементов срывают специализацию сельскохозяйственных районов (льняных, свекловичных, молочных и т. д.), как одно из важнейших условий к ускорению развития производительных сил в сельском хозяйстве. Именно вследствие общей напряженности нашего хлебо-фуражного баланса, как результата быстрого роста внутреннего рынка и медленного темпа развития сельского хозяйства в мелкой индивидуальной форме, приобретает особую остроту кулацкое сопротивление государственным заготовкам хлеба и сырья. Хотя общая масса излишков кулака и зажиточного, значительно меньше совокупных излишков середняцко-бедняцких масс деревни (40% против 60% по хлебу), но все же излишки у капиталистических элементов необходимо из'ять и сосредоточить их более или менее полностью в руках государства, чтобы удовлетворить потребности городов, армии, крестьянства потребляющих районов, нужды промышленности в сырье. Отсюда актуальность задачи наступления на капиталистические элементы деревни. Для того, чтобы покрыть и перекрыть издержки по вытеснению капиталистических элементов, в сельском хозяйстве, для того, чтобы громадный рост внутреннего рынка оказал все свое стимулирующее влияние в ускорении темпа развитии сельского хозяйства, необходимо ускорить под'ем бедняцко-середняцких хозяйств, что можно сделать преимущественно через массовое производственное кооперирование, через коллективизацию.

Абсолютно бесспорным является тезис, что все преимущества, вытекающие из планового подхода в развитии сельского хозяйства, могут быть реализованы, главным образом, при условии укрупнения, обобществления сельского хозяйства. Это становится ясным, в связи с экономическим районированием. Мы не останавливаемся на таком важнейшем и бесспорном преимуществе, которое начнет действовать только при переходе на крупное хозяйство, как социалистическое соревнование.

От рассмотрения того, в какой степени при различных путях развития нашего сельского хозяйства мы сможем реализовать наши преимущества, остановимся совсем кратко на вопросе о том, в каком случае мы сможем успешно преодолеть и те минусы, те неблагоприятные условия по сравнению с передовыми капиталистическими странами, которые стоят на пути развития сельского хозяйства СССР. Эти неблагоприятные условия для развития сельского хозяйства СССР (как наследство задержавшегося господства крепостнических пережитков и общей исходной отсталости сельского хозяйства) суть следующие: 1) аграрная перенаселенность свыше половины наших с.-х. районов, в размерах, в каких мы не наблюдаем ни в одной развитой капиталистической стране; 2) большие колебания в урожаях, как ни в одной передовой стране; 3) огромный недостаток технических и агрономических кадров.

Когда на земле, при данном уровне техники, при данной структуре сельского хозяйства сидит много больше рабочих рук, чем необходимо, и

наличные рабочие руки используются только частично, то это является крупнейшим препятствием в росте производительных сил в сельском хозяйстве (лишние рты проедают те возможные доходы, которые могли бы получить производительное применение, задерживается развитие техники и т. п.). На путях развития мелкого хозяйства мы не сможем ликвидировать аграрное перенаселение. Рост дробимости крестьянских хозяйств и примитивность техники мешает выполнить эту задачу. Преодолеть аграрное перенаселение мы скажем только на основе высокого темпа индустриализации страны (отвлечения рабочих рук в промышленность) и коренной реконструкции сельского хозяйства (на этой основе повышение его трудоемкости). Известно же, что высокий темп индустриализации требует ускорения темпа развития сельского хозяйства, что не может быть достигнуто без технической и социальной реконструкции сельского хозяйства.

Колебания в урожаях, особенно происходящий часто недород, в наиболее производящих наших районах сильно ослабляет хозяйства основных масс крестьянства. Особенно тяжело отзываются неурожаи на тягловом скоте (абсолютное сокращение количества голов и понижение мощности оставшихся). Гибель же озимых означает еще дополнительную нагрузку для скота на пересев. Обычно после каждого неурожайного года требуется ряд лет для восстановления прежней мощности. Борьба с колебаниями урожаев на уровне примитивной техники мелких крестьянских хозяйств, чрезвычайно затруднена и дает незначительный эффект. Свести к минимуму колебания в урожаях можно только на базе купного хозяйства (правильные севооборот и обработка, своевременный посев, селекционные семена и т. п.). Мы уже теперь имеем в наших совхозах более устойчивый урожай, чем в крестьянских хозяйствах [1]).

Те крайне недостаточные кадры техников и агрономов, которые имеются в нашей стране, при раздробленности сельского хозяйства могли быть использованы крайне нерационально. Использование же их с наибольшим эффектов преимущественно в крупных хозяйствах смягчает дефицит. С другой стороны, образцовые крупные хозяйства являются прекрасной школой для подготовки новых кадров, особенно низшего технического персонала и квалифицированных рабочих. Все, таким образом, упирается в необходимость максимального развертывания крупных с.-х. предприятий, в осуществление широкой программы по обобществлению сельского хозяйства.

Если бы мы с 1928 г. не поставили широкой программы коллективизации и развертывания совхозов, продолжали бы двигаться на рельсах развития сельского хозяйства преимущественно в форме мелких индивидуальных хозяйств, то имели бы чрезвычайно медленные темпы развития. По намечаемой весной 1927 г. в Госплане наметке генерального плана предполагалось, что за 15 лет производительность с.-х. труда возрастет всего на 50% [2]). При таких темпах развития сельского хозяйства мы не могли бы подвести соответствующей сырьевой и продовольственной базы под высокий темп развертывания индустрии, мы не изживали бы исторически сложившихся противоречий между городом и деревней. Теперь мы имеем наметку совершенно других темпов. Достижение под'ема производительности с.-х. труда, примерно, на 50% уже ставится как задача пятилетки (что даст, минимум, утроение темпа). По генеральному плану при обобществлении почти всего сельского хозяйства, при мощных процессах технической реконструкции мы можем ставить в качестве

[1]) Даже помещичьи хозяйства на базе довоенной техники имели значительно меньше колебания в урожаях по сравнению с крестьянскими хозяйствами. Низший урожай к высшему у помещиков относился, как 100 : 153, у крестьян же, как 100 : 228 (Кауфман — «С.-х. промысел в России», изд. 1915 г.

[2]) Н. Огановский — «Социалистическое хозяйство», кн. II, 1927 г.

реальной задачи—повышение в несколько раз производительности труда, занятого в сельском хозяйстве. Мы обязаны ставить эту задачу, без разрешения которой мы социалистически не переделаем деревни, не догоним и не обгоним передовые капиталистические страны. Сабсович по генеральному плану определяет рост производительности труда в сельском хозяйстве в 11,5 раз при сокращении рабочего дня вдвое.

Может ли нас поколебать в этих выводах то обстоятельство, что в первом году пятилетия мы по большинству важнейших показателей пятилетнего плана сельского хозяйства, имеем или его некоторые или значительное недовыполнение (последнее по животноводству). Ни в какой степени не может. Недовыполнение плана на ряду с причинами метеорологического порядка (гибель озимых на Украине и Северном Кавказе), об'ясняется еще теми издержками, которые в первые годы широкого приступа к реконструкции неизбежны из-за перемещения социальной базы в сельском хозяйстве. Если в реконструкции крупной промышленности все дело сводится теперь к технической реконструкции (доля частного сектора ничтожна), то в сельском хозяйстве техническая реконструкция происходит одновременно с социальной реконструкцией и не может происходить иначе. Под'ема бедняцко-середняцких хозяйств и роста социалистического сектора в 1927/28 г. (в обстановке более неблагоприятных метеорологических условий) хватило только на то, чтобы перекрыть сокращение посевов в капиталистическом секторе. В 1928/29 г. рост социалистического сектора и под'ем бедняцко-середняцких хозяйств уже не только перекрыл убыль в капиталистическом секторе, но и обеспечил значительный рост всему сельскому хозяйству, расширение посевных площадей на 5,8% (несмотря на вымерзание около 2 млн. озимых на юге УССР). При чем социалистический сектор в своем развитии сильно превысил намечаемые пятилеткой темпы. В отношении роста посевных площадей в 1928/29 г. с.-х. году хотя мы и не имеем полного выполнения плана, все же стоим на более высоком уровне, по сравнению с последним годом восстановительного периода, когда еще не проводили форсированного наступления на кулака и не приступили к широкой программе совхозного и колхозного строительства (в 1927 г. по сравнению с 1926 г. мы имели прирост посевных площадей на 3,3%). По животноводству мы почти не имеем дальнейшего роста в этом году не только по причине огромного недостатка кормов, затянувшейся зимы, но и в результате того, что обобществленный сектор в области животноводства в этом году получил крайне небольшое развитие, мы не наметили и не проводили в области животноводства и десятой доли тех мероприятий, которые были мобилизованы на под'ем зернового хозяйства. Разрешение проблемы животноводства надо теперь поднять на такую же высоту, на которую нам удалось поставить разрешение зерновой проблемы. В дальнейшем, рост социалистического сектора и под'ем бедняцко-середняцких хозяйств, уже в большинстве кооперированных, не только будет возмещать убыль капиталистического сектора, но и обеспечит тот повышенный темп развития всему сельскому хозяйству, которого требует индустриализирующаяся страна. Те издержки на темпе, которые мы теряем в первые два года форсированного наступления на кулака первого приступа к реконструкции (и которые мы должны, перенести путем жесткого регулирования рынка), с лихвой окупятся огромным ускорением темпа развития сельского хозяйства в последующие годы. Не только соображения социалистической целеустремленности, но и прямой экономический расчет, уже в ближайшей перспективе требуют не капитуляции перед кулаком, не свертывания строительства совхозов, машино-тракторных станций и колхозов, а требуют твердого продолжения курса наступления на кулака и максимального развертывания всех форм крупного социалистического земледелия.

Бурный рост обообществленного сектора за 1928/29 г. и выявившиеся возможности для его роста в 1929/30 г. говорят теперь с полной очевидно-

ностью, что в пятилетие мы, видимо, превысим запроектированные пятилеткой темпы роста обобществленного сектора, примерно, в 2 раза. Уже в 1929/30 г. обобществленный сектор будет иметь 1/16—1/17-ою всей посевной площади, т.-е. столько же, сколько пятилетка определяла для него в конце пятилетия. Для 1932/33 г. мы можем теперь ставить в качестве реальной задачу довести долю обобществленного сектора в посевных площадях до 40—50%. Соответственно этому к концу пятилетия соотношение предельного веса обобществленного и индивидуального сектора должно получить значительно другой облик, чем это мыслилось даже весной 1929 г. Пятилетка Госплана намечала рост удельного веса продукции совхозов и колхозов в общей валовой продукции сельского хозяйства с 2% до 14,6%, в товарной с 4,4% до 25,3%, в зерновой товарной до 40%. Индивидуальный сектор сохранял свою преобладающую долю. Перед колхозами и совхозами ставилась задача заместить долю капиталистической верхушки в товарной продукции. Теперь это будет недостаточно. Обобществленный сектор должен к концу пятилетия поставить уже не менее половины всей товарной продукции сельского хозяйства и не менее 60—70% товарной зерновой продукции. На этом пути мы найдем не только настоящее разрешение наших текущих трудностей, которые лежат по линии сельского хозяйства, но и действительно обеспечим такой мощный под'ем производительных сил в сельском хозяйстве, которой позволит решительно изживать, доставшуюся нам в наследство от буржуазного общества, противоположность между городом и деревней. Мы должны использовать все имеющиеся у нас возможности для широчайшего развертывания обобществленного сектора.

Какие основные рычаги имеются у нас к усилению темпов роста крупного обобществленного сельского хозяйства. Мы не будем останавливаться на таком становящемся все более бесспорном рычаге, каким являются совхозы, роль которых в освоении новых земель, в разрешении зерновой, мясной, овощной, шерстяной и проч. проблемах—очень велика. На ряду с этим, совхозы дают образцы строительства крупного хозяйства.

Программа строительства новых совхозов и расширения старых должна быть выполнена, несмотря на все вопли правых элементов партии. Следует больше остановиться на тех рычагах, которые двигают коллективизацию миллионов раздробленных крестьянских хозяйств, ибо здесь лежит центр тяжести для темпа обобществления сельского хозяйства. По этой линии следует искать разрешения и проблемы середняка в условиях социалистической реконструкции.

Темп коллективизации упирается сейчас в разрешение следующих 4-х задач:

1) широкого вовлечения середняка в колхозы; 2) ускорения темпов массового производственного кооперирования; 3) успешной организации сил бедноты для преодоления сопротивлений кулачества; 4) быстрого расширения производства средств производства для сельского хозяйства.

Значительная часть бедноты в колхозы уже вовлечена. Остальная часть бедноты будет вовлекаться вместе с вовлечением середняка. Вовлечение середняка как центральной фигуры нашего земледелия, как самого многочисленного отряда крестьянства, будет теперь чем дальше, тем больше определять темп коллективизации. Этого требуют также и интересы укрепления руководства рабочего класса крестьянством, ибо курс на решительное вовлечение середняка в колхозы, поголовный охват середняка производственным кооперированием, дает выход хозяйственной активности середняцких масс в условиях наступления на капиталистические элементы. В лице колхозов мы даем середняку другую социалистическую перспективу хозяйственного развития: уже не кулацкое хозяйство маячит перед середняком, как идеал его хозяйственных стремлений, а колхоз, хозяйство социалистического типа. А мы видели из предыдущего, что высокий темп коллективизации определяет собою и высокий темп развития сельского хозяйства, ускоряет процесс изживания, исторически сложившихся противоречий между городом и деревней. Генеральная линия партии и направлена на то, чтобы на ряду с бедняком, вовлечь в колхозы широкие пласты середняка. Решительной ставкой на организацию сил бедноты партия стремится преодолеть то сопротивление, которое выставляет кулак на пути коллективизации, стремится обеспечить руководство рабочего класса. Максимально содействуя коллективизации, партия не забывает, что поголовный охват производственной кооперацией крестьянских масс—подводит широким фронтом бедняцко-середняцкие массы к коллективизации. Поэтому, партия целой системой мер стимулирует рост с.-х. кооперации, стимулирует рост простейших видов производственных об'единений, как зачаточных форм коллективизации. На основе высокого темпа индустриализации страны, гигантски расширяя машиностроение, химическую, промышленность, электростроительство, партия стремится подвести и соответствующую материальную базу под техническую и социальную реконструкцию сельского хозяйства.

Линия правых и «левых» уклонистов направлена к срыву данной генеральной линии, к срыву высоких темпов коллективизации.

Правые и «левые» уклонисты, сходятся в курсе на однородные бедняцкие колхозы. У правых этот курс вытекает из признания того, что колхозы—не главная магистраль, не столбовая дорога, не основной путь, по которому крестьянство придет к социализму. «Колхозы только добавочный путь к тому главному пути, который представляет собой кооперация» (Бухарин). Этот добавочный путь захватит преимущественно бедноту. «Колхозы являются естественной формой организации бедняцких хозяйств... Середняцкие хозяйства, поднимаясь и становясь все более и более прочно на ноги, будут, конечно, организовываться в с.-х. кооперацию по всем трем основным линиям, о которых мы писали выше: «по линии закупок и по линии сбыта, и по линии кредита» [1]). Мы знаем, что это явное искажение кооперативного плана Ленина.

Колхозы есть высшая форма производственного кооперирования, есть стержень кооперативного плана Ленина. Недаром Ленин писал о кооперативных предприятиях на национализированной земле со средствами производства, одолженными государством. Без перерастания простой формы кооперирования (сбыта, снабжения, переработки) к кооперированию самого с.-х. производства, кооперация не выполнит своей роли — столбовой дороги деревни к социализму.

Отделив колхозы от кооперации, правые представляют последнюю преимущественно как кооперирование товарооборота. Поскольку кооперирование крестьянских хозяйств происходит, главным образом, на основе сбыта и закупок, то, естественно, здесь обобществления в производстве нет, производственный процесс продолжает происходить в единоличной форме. А так как до укрупнения бедняцких и середняцких хозяйств в простейшие производственные об'единения и колхозы зажиточные и кулаки находятся в более выгодном положении, с меньшими издержками и больше производят с.-х. продуктов, могут больше продавать и покупать, то, само собой понятно, что и степень использования ими кооперации наблюдается много больше, чем у низших групп крестьянства. Правые не боятся это положение сохранить и расширить, так как они надеются на мирное врастание кулака в со-

[1]) Бухарин — «Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз», стр. 47.

циализм. Поэтому в центре внимания у них стоит стремление расчистить путь для роста зажиточных и кулацких хозяйств в деревне. Но это есть путь не построения социализма, а путь перерождений, путь буржуазной реставрации.

Неудивительно, что колхозы в постановке правых уклонистов являются своего рода собесовскими организациями для бедноты. Развитие же основного массива крестьянских хозяйств, по их мнению, пойдет мимо колхозов, в форме индивидуального производства, с кооперированным товарооборотом.

У «левых» уклонистов ставка на однородные бедняцкие колхозы вытекает из троцкистского или полутроцкистского непонимания проблемы середняка, из неверия в возможность социалистической переделки основной массы крестьянских хозяйств. Отсюда разговорчики на тот счет, что крепкими могут быть только бедняцкие колхозы. С этим же непониманием и игнорированием проблемы середняка связан у «левых» и лозунг союзов бедноты (с постоянными выборными органами, со штатом и т. п.). Вредность идеи союзов бедноты заключается не только в том, что они явились бы по существу организациями второй партии, но привели бы к изоляции бедноты от середняка, к потере руководства середняком. Именно потому, что для «левых» уклонистов не стоят проблемы коллективизации и середняка, что они не связывают темпов коллективизации с необходимостью широкого вовлечения середняка, они недооценивают и роли с.-х. кооперации, как приводного ремня широких середняцких масс к коллективизации. Поэтому со стороны «левых» уклонистов мы часто видим игнорирование роли с.-х. кооперации, невнимание к темпам кооперирования. Позиция «левых» уклонистов ставит громадные препятствия на пути коллективизации, нижает темпы обобществления сельского хозяйства.

Конечно, и в отношении темпов обобществления сельского хозяйства как в других вопросах, правая опасность остается также основной, главной опасностью. Главной потому, что социальная база правых значительно шире в нашей стране. Главной еще и потому, что вся их установка направлена на свертывание строительства колхозов и совхозов. В последних они отказываются видеть серьезных заместителей кулака, уже в данное пятилетие; они мыслят их только в качестве тепличных растений, «музыки будущего». Замазывая обострение классовой борьбы в стране, отказываясь от самостоятельной организации бедноты, правые отказываются преодолеть и то зверское сопротивление кулачества, которое оно оказывает развертыванию совхозов и колхозов (вплоть до поджогов, уничтожения посевов, покушений и т. д.). Высказываясь за снижение темпа индустриализации, правые, таким образом, снижают материально-технические возможности для развития совхозов, МТС, колхозов. Они снижают наши возможности и по линии борьбы с аграрным перенаселением и колебаниями урожаев. Но, направляя главный огонь против правой опасности, нельзя недооценивать и значения ошибок «левых» уклонистов для темпов коллективизации. Особенно, если учесть возвращение в партию большого числа троцкистских кадров. Игнорирование середняка в коллективизации, изоляция бедноты от середняка, перегибы в отношении середняка в практической работе и тем укрепление позиций кулака, перескоки в отношении с.-х. кооперации, попытка осуществлять высокий темп индустриализации без решительного подтягивания основных масс крестьянства, — все это условия, задерживающие рост крупного обобществленного сельского хозяйства.

Вот почему преодоление и правого, и «левого» уклонов от генеральной линии есть одно из решающих условий для достижения высоких темпов развития сельского хозяйства и его обобществления.

П. Шубин.

Капиталистическая рационализация и жизненный уровень пролетариата[1]).

IV.

Но тов. Варга, говоря о жизненном уровне рабочих, «отвлекается» не только от роста интенсивности труда, но и от роста безработицы. Он, который исправляет или дополняет в этом вопросе Маркса, заменяя его эластичный, гибкий закон об относительном уменьшении числа рабочих своим жестким (железным?) законом или, если угодно, тенденцией об абсолютном уменьшении числа индустриальных рабочих [2]), он, который на

[1]) Окончание. Начало статьи см. в предыд. номере.

[2]) «Новый характер безработицы заключается в том, что число используемых промышленным капиталом рабочих рук в Америке показывает абсолютное сокращение. Положение, следовательно, не таково, какое Маркс считал типичным для капитализма...». (Стенографический отчет 6-го конгресса, вып. I, стр. 223). Впрочем, в другом месте, приводя цитаты из Маркса, характеризующие свойственный капиталистическому способу производства закон населения (цитаты, правда, не решающие и делая к тому же из них неправильные выводы), тов. Варга заявляет: «До мировой войны казалось, что эта тенденция (понижение числа рабочих), которая с теоретической точки зрения неизбежно вытекает (везде подчеркнуто мною. *П. Ш.*) из самого механизма капиталистического способа производства, не распространялась на конкретные условия тогдашнего капитализма... В последнее время, со времени стабилизации капитализма наступило абсолютное сокращение числа рабочих, занятых производительным капиталом, на этот раз не только в сельском хозяйстве». Тов. Варга, таким образом, не видит абсолютного сокращения «до стабилизации», т. е. как раз в периоде разрухи, относительно которой тов. Ленин говорил еще в декабре 1921 г. — и в полном соответствии с действительным положением, — что «безработица является главнейшим бедствием передовых стран». (Доклад на С'езде Советов, т. 18, ч. I, стр. 433). Но оставим это. Мы не можем также заняться здесь выяснением того, когда собственно прав тов. Варга: тогда ли, когда он утверждает, что открытый им закон или тенденция не совпадает с тем, что «Маркс считал типичным», или же когда он считает свой закон — неизбежно вытекающим законом Маркса, но «не распространившимся на конкретные условия тогдашнего капитализма». «Потребовалась бы специальная работа, чтобы выяснить ошибочность теоретической попытки тов. Варги придать характер закономерности отдельным фактам абсолютного уменьшения числа промышленных рабочих. (В Соед. Штатах, по его мнению, освобождение «рабочей силы» уже носит окончательный характер). Ограничимся только указанием, что в основе всего теоретического построения тов. Варги лежит:

1) Чрезмерная переоценка роли технического прогресса в капиталистической рационализации («Такой крупный скачкообразный технический прогресс не находит соответствующей возможности расширения внутреннего рынка...». 2) Недооценка значения эксплоатации колоний и вообще отсталых стран в «после стабилизационный период» и осторожное, но настойчиво повторяемая мысль, что империализм близок или подходит к исчерпанию своих возможностей в колониях. («Существовала и другая однократная возможность расширения капиталистического рынка за счет отсталых стран, следовательно, за счет преобразования некапиталистических стран в капиталистические. Этот процесс, разумеется, не завершился. Но расширение рынка сбыта в этом

том же основании исправляет или дополняет Ленина, предлагая говорить не об «умирающем», а об «отмирании капитализма» [1]),— он при всем том не то что не видит—это было бы невозможно, а заставляет себя не видеть безработицу, когда дело касается изображения повышающегося или хотя бы непонижающегося уровня жизни рабочих. Каким путем тов. Варга достигает такой «совершенной» раздвоенности в характеристике положения рабочего класса? Тем же своеобразным применением двойной бухгалтерии, которую мы видели в вопросе о росте интенсивности труда. Да, конечно, безработица существует—тов. Варга тщательно описывает ее в «надлежащем» месте и в «надлежащее» время. Но проходит она у него по «другим статьям», чем жизненный уровень рабочего... Другой счет—только и всего!

Но согласимся с тов. Варга, что безработица «непосредственно» не влияет на жизненный уровень рабочего, что в этот счет она не идет. Остается, однако, еще одна трудность: почему она не влияет через посредство капитала, почему он не пользуется наличием промышленной резервной [2]) армии, чтобы понизить жизненный уровень рабочего. Ведь по Марксу существует отношение и достаточно определенное между колебаниями заработной платы и движением в составе промышленной резервной армии. Тов. Варга знает об этом и принимает, разумеется, все «зависящие меры», чтобы обезопасить свою точку зрения с этой стороны. Но сама-то точка зрения такова, что от тов. Варги «зависит» не очень много...

Маркс, как известно, отнюдь неисключал повышения не только номинальной, но и реальной заработной платы в рамках капитализма. Он отвергал «железный закон» заработной платы Лассаля не только потому, что в основе его лежала мальтусовская теория народонаселения, согласно которой перенаселение при капиталистической системе вызывается не свойствами капитализма, а тем, что рабочих по «законам природы»

направлении наталкивается на совершенно иные крупные препятствия, а именно на индустриализацию этих стран на месте, на установление покровительственных тарифов, затрудняющих экспорт товаров в эти страны». («Коммунистический Интернационал», № 18 ,стр. 41). Ту же мысль мы находим и в статье «Десять лет кризиса капитализма» («Большевик», № 6, стр. 26). 3) Основанное, по существу, на люксембургианской теории реализации утверждение, что «для капитализма довоенного времени существовала однократная и сейчас уже более не повторяющаяся и неповторимая возможность расширения капиталистических рынков сбыта путем превращения крестьян в фермеров. (Там же подчеркнуто автором).

[1]) «Послевоенный капитализм...—это уже не «умирающий» капитализм, а капитализм уже находящийся в процессе отмирания» (nicht mehr ein «sterbouder», sondern ein bereits ine im Prozess des Absterbensbefindlicher»). «Экономика капитализма», стр. 11). Это противопоставление «умирающего» процессу отмирания если имеет какой-либо смысл, то учитывая установившуюся марксистско-ленинскую терминологию, только следующий. Энгельс писал: «Государство не отменяется, оно отмирает...». Ленин показал (т. XIV, ч. II, стр. 310), что «об «отмирании» и даже еще ральефнее и красочнее—о «засыпании» Энгельс говорит совершенно ясно и определенно по отношению к эпохе... после социалистической революции. Настаивая на отмирании в отличие от «умирания», тов. Варга вызывает представление о медленном, постепенном, без революционных потрясений отмирании капитализма в том смысле, в каком Энгельс говорил о «засыпании» и «отмирании» демократии после социалистической революции. Что это не спор о словах, что у тов. Варги намечается склонность в таком виде представлять себе процесс крушения капиталистического общества, читатель может убедиться сопоставив сказанное с предшествующей выноской.

[2]) Резервной—если верить Марксу, что капитал то отталкивает рабочих то снова, вследствие скачкообразного своего расширения, притягивает некоторую новую часть, а не тов. Варге, который утверждает, что «освобождение» рабочей силы имеет окончательный характер.

всегда будет слишком много. Маркс (уже после того как он написал «Нищету философии») доказал, что закон Лассаля, согласно которому нормальная цена рабочей силы совпадает с минимумом заработной платы, т.-е. эквивалентом стоимости средств существования, безусловно необходимых для жизни рабочего и продолжения его расы, по существу, не верен. «Общая тенденция капиталистического производства,—писал Маркс,—клонится (подчер. везде мной. *П. Ш.*) не к тому, чтобы поднять среднюю заработную плату, а, напротив, к тому, чтобы понизить ее, т.-е. в большей или меньшей степени довести ценность труда до ее минимальных границ. Но если в современном обществе существует такая тенденция, то следует ли из этого, что рабочие должны отказаться от борьбы с посягательствами капитала и прекратить попытки использовать в своих интересах случайную возможность временных улучшений? Если бы они так поступили, они превратились бы в безразличную массу безнадежно обреченных на голод людей» [1]). Маркс считал необходимым воспитать партию пролетариата не на ошибочном утверждении, что заработная плата никогда не может быть выше минимума стоимости необходимых для воспроизводства рабочей силы жизненных средств, а на сознании того, что система наемного труда есть система рабства, притом тем более сурового, чем более развиваются общественные и производительные силы труда, все равно, получает ли рабочий лучшее или худшее вознаграждение [2]).

В намеченных выше пределах колебания заработной платы находятся в связи с соотношением между активной и резервной промышленной армией, между работающими и безработными.

«В общем и целом широкие колебания заработной платы (подчеркнуто везде мной. *П. Ш.*) регулируются исключительно расширением и сокращением промышленной резервной армии, соответствующими смене периодов промышленного цикла. Следовательно, они определяются не движением абсолютного числа рабочего населения, а тем изменяющимся отношением, в котором рабочий класс распадается на активную армию и резервную армию, увеличением и уменьшением относительных размеров перенаселения, степенью, в которой оно то поглощается, то снова освобождается» [3]).

Конечно, было бы неправильно упрощать сказанное здесь Марксом («в общем и целом»... «широкий»... и т. д.) и сделать тот вывод, что согласно Марксу исключается абсолютно возможность увеличения заработной платы при росте безработицы. Но если бы это увеличение действительно происходило, то надо об'яснить почему. Об'яснить же это можно двояко.

Первое об'яснение. Обнаружить, в какой иной форме, кроме понижения зарплаты, капитал пользуется растущим давлением на рынок труда резервной армии. Сейчас при капиталистической рационализации совершенно ясно, что не будь увеличивающихся резервов свежей рабочей силы; не будь возможности у капитала терроризовать работающих угрозой в кратчайший срок «обменять» весь состав рабочих на данном заводе (как это делается на наиболее «рационализированных» заводах новых индустрий—радиоустановок, граммофонов и т. д., где в течение года выбрасывается нередко почти весь старый контингент рабочих),—одним словом,

---

[1]) «Заработная плата, цена и прибыль».

[2]) «Замечания на программу германской рабочей партии». Гиз, 1923 г., стр. 54. Тов. Коларов, исключая возможность априорно повышенной заработной платы при кризисе капитализма, не учитывает, между прочим, и этого указания Маркса. Те возражения, которые были сделаны ему тов. Варга в этой части вполне обоснованы.

[3]) «Капитал», т. I, стр

не будь безработицы в ее наиболее тяжелой, хронической форме, капитал не мог бы *так* хищнически, под видом «экономии движений» *истреблять* рабочую силу, ускорять темпы производства и взвинчивать интенсификацию труда. Но для тов. Варги этот путь об'яснения наглухо *закрыт*: он отказывается включать интенсификацию в категорию элементов, определяющих жизненный уровень...

Остается *второй* пункт: доказывать, что капитал *не хочет* или не «заинтересован» и т. д. и т. п. в снижении жизненного уровня рабочих, и *потому* не пользуется теми выгодами, которые дает ему безработица. Тов. Варга знает, что это скользкий и опасный путь. Но что ему делать? Не без опаски и оговорок, но все же пускается он по этому пути—«вперед».

> «Естественно — начинает осторожно двигаться тов. Варга,— возникает вопрос о причинах, в силу которых американский капитализм не использовал наличие растущей резервной армии для снижения зарплаты»? Отвечая на этот вопрос тов. Варга приводит две причины [1]): 1) САСШ переживают «с 1922 г. период благоприятной кон'юнктуры. Попытки снижения заработной платы повели бы к конфликтам и, следовательно, нанесли бы удар особенно высоким в этот период прибылям», и 2) «Между рабочей аристократией и крупным монополистическим капиталом САСШ существует постоянное сотрудничество». Только в связи с будущей депрессией тов. Варга предвидит возможность того, что «*отпадет основной экономический мотив в пользу сохранения высокого уровня заработной платы*» [2]).

Из приведенных двух причин—вторая об'ясняет сохранение высокого уровня заработной платы *только* для рабочей аристократии. Но тем самым еще сильнее подчеркивается, что действие этой причины *не может* распространяться на *основные* массы американского пролетариата. Нельзя же допустить, чтобы тов. Варга относил весь рабочий класс Соед. Штатов или хотя бы значительную его часть к аристократии. Но если это так, то, исходя из этой причины, имеющей действительно некоторый, хотя и ограниченный круг действия, тов. Варга должен был бы *дифференцированно* ставить вопрос о реальной заработной плате в С. Штатах для отдельных групп рабочих, отделяя прежде всего аристократию от основных масс. Между тем он этого *не делает*. Характерный (и вместе с тем наиболее слабый) пункт в варгинской постановке заключается именно в том, что, оставаясь в плену у официальной буржуазной статистики, он устанавливает жизненный уровень рабочего класса *в целом*, основываясь на данных, которые касаются только части, *наиболее обеспеченной части* рабочих.

Если вторая причина, таким образом, отпадает, то остается *единственный* «экономический мотив»—желание капитала избегнуть конфликтов в промышленности, т.-е. готовность его *не использовать* хроническую безработицу в интересах сохранения мира в промышленности. Что капитал в своем *ненасытном* стремлении понижать заработную плату ниже стоимости труда *все же учитывает риск* отпора, который пролетариат может дать этому наступлению, что депрессия в промышленности (*но безработица* при кон'юнктуре) понижает этот риск—это верно. Но было бы непростительным *прикрашиванием* капиталистической рационализации и скрытой формой апологетики изображать дело так, будто *монополистический* капитал, опирающийся на *фашистский* государственный аппарат, на фашизирующиеся реформистские партии и профсоюзную машину, из опасения вызвать экономические конфликты, станет *по-толстовски отказываться* от борьбы и насилия.

[1]) «Проблемы», стр. 51.
[2]) Там же, стр. 52.

Тов. Варга выпячивает это *мнимое* самоограничение монополистического капитала, когда он говорит о «непосредственном» и «посредственном» влиянии репарационных платежей на уровень жизни германских рабочих. Сейчас, говоря о рабочих Соед. Штатах, он идет *еще дальше*. В полном противоречии с фактами—с жесточайшим провокационным, всегда принимающим характер кровопускания наступлением американского капитала, со всей практикой Американской Федерации Труда и кампанейских профсоюзов,—тов. Варга утверждает, что американский капитал «откладывает» конфликты, *воздерживаясь* от них *до* наступления депрессии. Удалось таки найти законченных вегетарианцев: они оказались в Уолл-Стрите!

Но, став на путь конструирования «экономических мотивов» (у монополистического капитала!) в пользу «сохранения высокого уровня заработной платы», тов. Варга не может ограничиться *только* соображением избежания риска. Ему приходится двигаться *дальше*, *в том же* направлении. Оказывается, что капитал уже не только избегая конфликта, отказывается снижать заработную плату. Больше того: в *собственных* своих интересах он *стремится повысить* ее. Тов. Варга, конечно, знает, как *близко* такого рода аргументация подходит к обоснованию «мира в промышленности»: еще один поворот микрометрического винта и произойдет соприкосновение... Он спешит поэтому принять превентивные меры!

> «Одни только социал-демократы могут всерьез ожидать, что капиталисты повысят заработную плату для того, чтобы найти покупателей на свои избыточные товары. Это — бессмыслица...» [1]).

Бессмыслица»? Как будто это не самое подходящее слово для определения центрального пункта гнуснейшего и опаснейшего реформистского обмана... Но дело уже не *в оттенках*. Послушаем, что *по существу* говорит сам тов. Варга по тому же вопросу—о повышении *капиталистами* заработной платы.

> «Тот факт, что имеются и капиталисты, считающие *возможно высокую* (везде подчеркнуто мной. *П. Ш.*) заработную плату *благоприятной для капиталистов* об'ясняется следующим:
>
> 1) некоторые капиталисты производят такого рода товары, которые не составляют предметы необходимости рабочего класса и покупаются поэтому рабочими *лишь при известном уровне* заработной платы. Этот слой капиталистов заинтересован в том, чтобы *все другие* капиталисты платили своим рабочим *возможно высокую* заработную плату... В подобных случаях возможно даже, что отдельный капиталист *повышает* заработную плату в своем предприятии *дабы положить этим начало общему повышению уровня заработной платы в стране*. Мы видели это одно время у Форда, но для класса капиталистов *в целом* подобная политика немыслима.
>
> 2) Второе, имеющее значение *для всего* класса капиталистов основание *для повышения*, либо сохранения высокого уровня заработной платы состоит в том, что *вызванное новейшей техникой* сильнейшее повышение интенсивности труда невозможно при низкой заработной плате. Для того, чтобы беспрерывно выжимать из рабочих огромное количество рабочей силы, их надо хорошо питать и поставить вообще в сносные

[1]) Там же, стр. 58. Повторяя ту же аргументацию в другом месте («Экономика капитализма», стр. 34), тов. Варга ссылается на указание Маркса о существовании «поворотной точки», в которой дальнейшее удлинение рабочего дня и интенсификация труда взаимно исключают одно другое...». Он не замечает при этом, что Маркс говорит о длине рабочего дня (ее то Форд действительно сократил, хотя отнюдь не до размеров, при которых компенсировалось бы снашиваемость рабочей силы в результате повышения интенсификации), но не о реальной заработной плате, тем более не о жизненном уровне. «Отвлекаясь», вопреки прямому указанию Маркса, даже в этой цитате от интенсификации труда, тов. Варге уже нетрудно конструировать, ссылаясь на Маркса, основной экономический мотив капитала к поднятию жизненного уровня рабочего.

условия. В противном случае введение **современной техники** ведет к физическому вырождению рабочего, что мы наблюдаем, например, в Китае. В **развитых капиталистических странах** такое **явление возможно лишь в виде исключения**»[1]).

Но не пошел ли здесь тов. Варга дальше, чем хотел? Не сказал ли он больше, чем ему было нужно.

Ибо если то, что им изложено в вышеприведенной цитате, верно, то возникают следующие вопросы:

Вопрос первый. Почему все это относится только к С. Штатам? Если Форд действительно имеет этот «основной экономический мотив к возможно высокой заработной плате» и средства для осуществления этого мотива, то почему только на родине? Появление его на европейском континенте (почему впрочем только в Европе?) должно сопровождаться повышением жизненного уровня рабочих. Форду нужен или будет нужен массовый покупатель автомобилей. Итак, американский дядюшка приедет, американский дядюшка рассудит «спор» между трудом и капиталом и в Европе.

Вопрос второй. Почему только Форд? Он не единственный праведник в капиталистическом Содоме; не единственный капиталист, продукт которого покупается рабочими лишь при известном уровне заработной платы. Таких капиталистов много. Если все они согласно т. Варга заинтересованы в том, чтобы «положить начало общему повышению уровня заработной платы в стране», то зачем же, собственно, дело стало? Стоит им лишь об'единиться (своеобразный, Лениным непредвиденный монополистический союз капиталистов!) и дружно взяться за работу. Экономических конфликтов с рабочими на этой почве им бояться нечего! Рай не рай, а прогрессивное повышение жизненного уровня рабочих, таким образом, будет обеспечено!

Вопрос третий. Почему даже депрессия должна нарушить эту идиллию? Ведь при депрессии просвещенные капиталисты типа Форда не меньше, а больше заинтересованы в покупательной силе рабочего. Если уже поверить в возможность беспорочного зачатия Фордом высокой заработной платы, то почему не допустить распространения этого чуда и на депрессию в целях преодоления кризиса при помощи повышения жизненного уровня рабочих?

Вопрос четвертый. Почему наконец трактовать как «физическое вырождение» рабочего факты о потреблении заводами Форда целой рабочей жизни в течение одной пятилетки? И где же тут «логика»? Фордам нужны покупатели рабочие, а безработный инвалид—какой же он покупатель? Тов. Варга наблюдает «физическое вырождение например в Китае». Но С. Штаты—не Китай! Откуда в С. Штатах возьмется физическое вырождение рабочего. Наоборот, все планы американского империализма на Тихом океане истолковываются в «десятках тысяч документов» в том смысле, что американская буржуазия стремится перенести Prosperity и в отсталые страны. Одним словом, Китай должен стать С. Штатами!

Мы видим, таким образом, как «основной мотив», открытый т. Варга у капиталистов, при дальнейшем своем развитии, если не сразу, то все же последовательно смягчает, сводит на-нет бешеные атаки трестифицированного капитала на жизненный уровень рабочего. Что же? В добрый час: нашему теленку волка с'есть!

---

1) «Проблема». стр. 58.

V.

Не спасает положения и то, что тов. Варга пытается подменить вопрос о жизненном уровне другим вопросом — о доле рабочего класса в стоимости продукции. В своих поправках президиуму тов. Варга предложил вместо слов о том, что рационализация понижает жизненный уровень, говорить об относительном понижении доли рабочих в общем продукте. На пленуме он этого предложения не поддерживал, но и не отказывался от него. Впрочем и не мог отказаться, не отказавшись от всей своей установки. Ибо мысль о том, что эксплоатация при рационализации исчерпывающим или по меньшей мере решающим образом охватывается понижением доли рабочего в продукции, неот'емлема от варгинского понимания не только жизненного уровня, но и хронической безработицы и даже характера капиталистических кризисов.

> «Итак, — пишет тов. Варга после указания на то, что рационализация в Соед. Штатах сопровождается повышением заработной платы,—в условиях анархии капиталистического способа производства, проводящаяся отдельными капиталистами рационализация, т.-е. **уменьшение количества содержащегося в единице товара рабочего времени и тем самым уменьшение доли рабочего в стоимости производимого им продукта** (подчеркнуто мной. *П. Ш.*) ведут к созданию постоянной резервной промышленной армии, а с другой стороны, к величайшим затруднениям в сбыте товаров и, следовательно, к более частым, более продолжительным и более сильным кризисам»[1]).

Размеры статьи не позволяют касаться той части выставленного тов. Варга положения, которая относится к безработице и кризисам. Ограничимся рассмотрением вопроса, в какой мере предложенный т. Варга суррогат «доля рабочего» может нейтрализовать его основную ошибку в вопросе об определении жизненного уровня.

Что доля рабочего в производимом продукте понижается при капиталистической рационализации—это факт безусловный. Но столь же безусловно и то, что Американская Федерация Труда и комиссия Гувера нисколько не отрицает этого факта и все же это ни в какой мере не мешает им рекламировать рационализацию, и ее благодеяния для рабочих. В чем же тут дело? Конференция Гувера по безработице, отчет которой т. Варга очень кстати процитировал на пленуме, констатирует, что «доля, приходящаяся на рабочего, следовательно на заработную плату, составляла все меньший процент общей суммы продукции». Подсчеты с такими же выводами (Кущинского и др.) систематически печатаются в журнале «Американский Федерационалист» [2]). Неужели буржуазия действительно раскрывает тайну своего специфического накопления при капиталистической рационализации?

Дело в том, что понижение доли рабочего в возросшей продукции (т.-е., понижающийся процент при возрастании суммы) может означать, но может и не означать понижения жизненного уровня, даже в том смысле, как его понимают буржуазные статистики всего мира (т.-е., как

---

1) «Проблемы», стр. 58.

2) Этот журнал, кстати сказать, нисколько не стесняется говорить и даже кричать об абсолютном уменьшении числа рабочих, подобно тому, как министр труда Девис не постеснялся еще года два тому назад забить тревогу по поводу роста хронической безработицы (избрав для этого бума журнал «Уолл Стрит»). Почему американский империализм так бесстрашно обнаруживает свои язвы? Только для того, чтобы поднять в глазах населения вообще, а рабочих в особенности, значение того универсального средства, которое он рекомендует для ликвидации этой и всяких других болезней. Нужно ли говорить, что это средство заключается в завоевании новых рынков, прежде всего колоний, Соединенными Штатами. При рекламе американских лекарств изобретатели всячески разрисовывают ужасы болезни.

уровень реальной заработной платы). Это зависит от *отношения между темпами* понижения процента и возрастания суммы. Так как «статистики» имеют возможность всегда исходить из *более* быстрого роста продукции, то в результате своего подсчета, им нетрудно доказать, что *все* обстоит благополучно: растет накопление капитала, но подымается и жизненный уровень рабочего (с последним, как известно, согласен и т. Варга). Все прекрасно в этом лучшем из рационализированных миров!

Но остается еще один вопрос: не означает ли относительное понижение доли рабочего при сохранении или даже повышении реальной заработной платы рост эксплоатации и невозможность возмещения снашиваемой рабочей силы? О том, как отвечает на этот вопрос Маркс, мы уже видели выше. Совершенно, разумеется, иначе отображается этот процесс в голове капиталиста и его идеолога. Если повышение продукции происходит вследствие роста *производительности* труда, т.-е., усовершенствования *машин*, составляющих священную собственность капиталиста, то какие претензии на свою долю в этом повышении может еще пред'являть рабочий? Сведение капиталистической рационализации к *техническому* прогрессу и происходящему на его основе росту производительности составляет недаром Альфу и Омегу капиталистического обмана при рационализации. «Технический экстаз» *может быть* и «безобидным», основанным на любительском (или обывательском) преувеличении оценки достигнутых технических успехов. Но это, конечно, *исключение*. В *громадном* большинстве случаев этот экстаз есть результат воздействия буржуазной агитации, цель которой приписать спасительному росту производительности то, что в действительности достигается убийственным ростом интенсификации труда [1].

---

[1]) В программе Коминтерна в характеристике развития производительных сил при империализме говорится о «*повышении органического состава капитала*». Это, конечно, совершенно правильно. Опыт, однако, показал (меморандум германских примиренцев осенью 1928 г.; политические тезисы большинства ЦК американской компартии зимой 1929 г.; а также, до некоторой степени, первоначальный проект политических тезисов ЦК к последнему с'езду английской компартии и т. д., — чтобы не заходить *слишком* далеко...), как *расширительно*, т.-е. извращенно оппортунисты склонны толковать эту безусловно правильную характеристику. Отсюда вывод, что при применении этой формулы *к конкретной* обстановке в отдельных капиталистических странах и в отдельные периоды надо проявлять максимальную трезвость. Иначе *под прикрытием* научной формулы может пробраться контрабандой вульгарная переоценка удельного веса технического прогресса в нынешней рационализации. При этом надо иметь в виду следующее. Верно, что повышение органического состава капитала характризуется *всегда уменьшением* доли переменного капитала по сравнению с постоянным, а, следовательно, и по сравнению со всем функционирующим капиталом. Но верно ли *обратное*? Верно ли, что *всякое* уменьшение доли переменного капитала по сравнению с постоянным *есть* повышение органического состава? Разумеется, *нет*. Органическим составом капитала Маркс, как известно, называет его состав по стоимости, *поскольку последний определяется его техническим составом*; (см. «Капитал», т. I, стр. 477 и т. III, стр. 91 и сл.). Поэтому переход *от* конкретной *таблицы*, свидетельствующей об уменьшении переменного капитала по сравнению с постоянным (т.-е. от тех материалов, которые дает буржуазная статистика), *к констатированию повышения* органического состава капитала требует не только величайшего внимания, но *и дополнительного анализа*. В самом деле, если взять две таблицы: движение *продукции* каменного угля в Англии и движение *переменного* капитала за последние годы в этой же отрасли промышленности, то рост постоянного капитала по сравнению с переменным не подлежит здесь сомнению. Но, конечно, в *этом* случае никому и в голову не придет говорить о повышении органического состава: слишком уже очевидно, что понижение переменного капитала в данном случае есть результат не повышения технического состава, а *уменьшения заработной платы или удлинения рабочего дня* (или того и другого вместе). Не так ясно, однако, обстоит дело, когда перемена в отношении между постоянным и переменным капиталом вызвана

Тов. Варга не мало написал о том, месте, которое занимает интенсификация в капиталистической рационализации. Но беда в том, что он не хочет, как мы уже убедились, и слышать про это, когда дело доходит до характеристики *положения* рабочего. В самом деле, *чем* он об'ясняет уменьшение доли рабочего в производимом продукте?

Относительное понижение доли рабочего в общей продукции может произойти в результате *двоякого* рода процессов. *Первый*—доля труда в единице продукта *вообще* понижается; это бывает при росте *производительности* труда, т.-е., когда в результате улучшения техники, *данное* количество труда (*и* в данный промежуток времени) дает *больше* единиц продукта, чем раньше. В этом случае, как уже указывалось, с точки зрения буржуазии, рабочему претендовать не на что: он «меньше» *дает* в продукт и меньше *берет* из него (бог, т.-е. капитал, дал, бог взял, да будет благословенно имя господне!).

Иначе протекает тот же процесс при росте *интенсификации* труда. Она *не* предполагает, что *данное* количество труда дает *больше* единиц продукта. При интенсификации — «*продукт стоит того же труда*». Что же меняется в трудовом процессе? Только то, что *данное* количество труда *выжимается* из рабочего в более *короткий* промежуток времени. Рабочий день может сократиться, а количество труда, который прилагает рабочий, увеличиться. Количество труда в единице продукта *не уменьшается*. Продукция, как и в первом случае, возрастает, но в отличие от первого случая при *возрастнии* влагаемого труда. *Таким образом, доля труда, вложенная в возросшую продукцию, не уменьшается*. Но *рабочий получает меньшую долю из этой общей продукции*. Доля капиталистического грабежа, таким образом, ростет, но это возрастание остается *скрытым* по форме [1]). Буржуазные экономисты должны призвать на помощь все земные и небесные силы, чтобы *охранять* эту тайну. На кой они чорт нужны будут буржуазии, если они не сумеют доказать, что при капиталистической рационализации уменьшение доли рабочего в общей продукции происходит вследствие роста производительности, а не вследствие роста интенсивности труда!

Говорил ли тов. Варга *определенно* (а в этой *определенности* все дело), *какой из двух* вышеописанных процессов он счи-

---

ростом не *экстенсивной*, а *интенсивной* эксплоатации, а *именно*: ростом *интенсификации* труда. Теоретически вряд ли кто-нибудь будет оспаривать и в данном случае, что перемена в составе капитала по стоимости, вызванная ростом интенсификации, *не является* повышением органического состава, ибо основным показателем *этого* повышения является *количество* прилагаемого труда к данной массе средств производства, а это количество уменьшается на единицу продукции *лишь* при повышении *производительости* труда, а не его *интенсивности*. Но так как статистические таблицы обычно составляются так, что из них *прямо* не видно, вызван ли рост продукции на каждого рабочего ростом производительности, или ростом интенсивности (или же в *какой мере* он вызван одним и в какой мере другим), то на основании *этой* статистики, если бы даже она не была фальсифицирована, можно при некритическом отношении легко впасть в ошибку и либо *преувеличить* степень повышения органического состава, либо видеть его там, где *его совсем нет*. Это верно не только для Англии, но даже для столь рекламируемой Америки. Мнение *о стремительном* повышении органического состава капитала в Америке, во *всем* хозяйстве и связанное с этим мнением утверждение, что абсолютное уменьшение числа рабочих вызвано только ростом *техники*, имеет в своей основе эту ошибку.

[1]) Мы не говорим уже о том, что при интенсификации труда даже повышающаяся *пропорционально* этому росту заработная плата не компенсирует более быстро нарастающее снашивание рабочей силы (более высокая оплата при сверхурочной работе является наиболее заметной, но *не единственной* формой этой недостаточной компенсации).

тает причиной происходящего при рационализации «уменьшения доли рабочего класса в стоимости производимого им продукта». Прочтем еще раз это место:

> ...«Рационализация, т.-е., уменьшение количества содержащегося в единице товара рабочего времени и тем самым уменьшение доли рабочего в стоимости производимого им продукта».

Уменьшение количества рабочего времени это в одинаковой степени может быть отнесено, как к росту производительности, так и к росту интенсивности. Рост производительности при введении машин, отчего происходит? От уменьшения количества рабочего времени в единице продукта. Но слова тем самым, т.-е., выведение уменьшения доли рабочего в стоимости продукта из того (из того одного!), что «уменьшается количество рабочего времени в единице продукта», при неупоминании об остальном, при нерасшифровывании основного секрета рационализации, уж очень напоминает чужие формулировки. Да, тов. Варга пишет о росте интенсификации, но когда дело доходит до дела, он забывает о ней. Таким определением рационализации он не разоружает ее апологетов—он протягивает, правда, «один» только палец, этим апологетам.

В самом деле, какие радикальные рулады готовы производить реформисты на тему о «несправедливости» в распределении возросшего продукта при том, однако, условии, чтобы компенсировать этот радикализм затушевыванием интенсификации. Они готовы даже «перераспределить» выгоды на совершенно новых «равных» началах. Послушайте, что, например, говорит такой верный пес капиталистической рационализации, как Вильямс Грин.

> «Если, — говорит он,—увеличилась производительность труда, то этим самым улучшилось положение всего общества и также должно улучшиться положение рабочего класса. А последнее возможно только, если реальная заработная плата будет расти параллельно производительности труда. Если она растет меньше, то это показывает, что социальное положение рабочего ухудшилось, если даже заработная плата остается та же или даже отчасти увеличивается». Отсюда Грин делает выводы о необходимости борьбы за повышение не только номинальной и реальной зарплаты, но и за «социальную зарплату», которая соответствовала бы развитию производительности труда [1].

Та же ложь лежит в основе «хозяйственной демократии» германских социал-домократов. Для них рационализация это бурный рост техники, под'ем производительности труда и рост продукции в результате этого под'ема. Остается отстаивать немногое»: обеспечить рабочему его долю в этом под'еме то, что по мнению Грина, достигается «социальной», по мнению Гильфердинга—«политической» зарплатой. «Хозяйственная демократия»—вот путь к этому обеспечению; уже достигнутая политическая демократия» создает все необходимые предпосылки для движения по этому пути. Или другими словами—рационализация открывает неограниченные возможности для увеличения заработной платы в рамках капиталистического общества.

Одна неправильная формулировка, разумеется, не делает осени, как одна ласточка не делает весны. Но в том-то и дело, что у т. Варги она не одна. Она является производной и в свою очередь основанием того, определения жизненного уровня рабочих, которое отстаивает т. Варга.

[1] М. Кривицкий. Теория заработной платы германской социал-демократии», стр. 28.

VI.

В речи на пленуме тов. Варга, отстаивая свою позицию, упомянул о книге Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». Жаль, что он подробнее не остановился на этом вопросе. Ибо книга Энгельса и последующие предисловия к ней являются образцом того, как пролетарский революционер должен ставить вопрос о жизненном уровне рабочего класса при всех условиях, при всяких колебаниях заработной платы.

Мы не можем, разумеется, говорить здесь о всех сторонах этой книги, которая не только сохранила свое значение, но приобретает особую важность в настоящих условиях. Остановимся только на одной стороне, на дифференциации при постановке вопроса о жизненном уровне для различных категорий рабочих.

В предисловии ко второму немецкому изданию (1883 г.) [1] Энгельс говорит о положении рабочего класса в период с 1850 по 1870 гг. Это, как известно, был период расцвета английского империализма («Все прежние могучие создания пара и механики были ничто в сравнении с огромным под'емом производства за 20 лет, от 1850 до 1870 года, с громадными цифрами ввоза и вывоза, с богатством, накоплявшихся в руках капиталистов и рабочей силой, концентрировавшейся в гигантских городах»). Расцвет и монопольное положение английского капитализма в этот период не мог не влечь за собой и изменения положения рабочего класса. Энгельс с прямотой революционера-ученого констатирует эту перемену. Но как? Именно с прямотой революционера-ученого. Он дифференцирует постановку вопроса по периодам («каково было положение рабочего класса в течение этого периода? Порой наступало улучшение даже для большинства. Но всякое улучшение всегда сводилось на нет...»). Он дифференцирует характеристику положения рабочего класса по отдельным слоям. «Прочное улучшение мы находим только в положении двух привилегированных слоев рабочего класса... Но что касается главной массы рабочих, то для нее уровень нищеты и необеспеченности существования (это и есть жизненный уровень рабочего при капитализме! *П. Ш.* в настоящее время тот же, если не ниже, чем раньше...». Не отказываясь, разумеется, от использования материалов, исходящих от буржуазии и ее организаций, он относится к этим документам еще с большей недоверчивостью, ибо «буржуазия сделала дальнейшие шаги в искусстве скрывать несчастное положение рабочего класса». Он специально подчеркивает, что и для этого периода сохраняет полную силу стремление буржуазии понизить цену рабочей силы ниже ее стоимости. («Закон, ограничивающий стоимость рабочей силы ценой необходимых для нее жизненных средств, и другой закон, понижающий, как правило, среднюю стоимость этой силы до минимума этих жизненных средств, действуют с непреодолимой силой автоматической машины, растирающей рабочих между своими колесами»).

Выше мы познакомились 1) с общей постановкой всей проблемы о жизненном уровне рабочего класса у тов. Варги и 2) с конкретными данными, которые приводились в его работах по этому вопросу в течение последних лет. Остается посмотреть тот фактический материал, который он представил на самом Пленуме. С каким багажом конкретных данных явился тов. Варга, чтобы обосновать свои положения, неприемлемость которых, прежде всего для практических работников, была уже в достаточной степени ясна? Может будет не лишне привести из речи тов. Варга полностью (по стенограмме) весь этот материал.

[1] Энгельс. «Положение рабочего класса в Англии». Гиз. 1928. Стр. 39.

«Как можно это доказать, т.-е. что никакого понижения жизненного уровня рабочих нет. Я не могу привести здесь все цифры всех стран. Беру две страны: Англию — страну хронического кризиса и Германию — особенно обремененную репарациями. Мы имеем для Англии следующие данные: в течение 1928 г. денежная заработная плата английских рабочих в неделю понизилась на 142 тыс. фунтов. Это меньше процента всей суммы заработной платы. Но одновременно упал прожиточный минимум. С июля 1928 г. до июля 1929 г. он упал на 4 пункта, т.-е. на 2,5%. Итак, на 1 процент понижения заработной платы, при 2,5% сокращении прожиточного минимума.

По официальным германским статистическим данным еженедельная заработная плата, выплачиваемя по тарифным договорам, поднялась на 5,7 и 8% для различных групп. Одновременно с этим прожиточный индекс поднялся с 1 мая 1928 г. по 1 мая 1929 г. на 2%. Это означает повышение номинального заработка на 5—8%, а противостоит ему поднятие индекса на 2%».

Если мы не ошибаемся, это в е с ь материал, который привел тов. Варга для подтверждения своей точки зрения. Ни в подготовительной к Пленуму комиссии, ни в президиуме, ни на самом Пленуме других фактических данных, насколько нам известно, не приводилось. Но вот вопрос: приведенные им суммарные цифры о заработной плате и прожиточном индексе для двух стран устанавливают,—если они вообще что-нибудь устанавливают,—даже не понижение, а п о в ы ш е н и е реальной заработной платы, что по т. Варге, равносильно повышению жизненного уровня. Что же мешает ему прямо говорить о п о в ы ш е н и и жизненного уровня английских и германских рабочих: с с в о е й точки зрения он не только имеет право, но обязан это сделать.

Англия и Германия взяты т. Варгой как будто не случайно, а потому, что они должны были бы свидетельствовать п р о т и в него: «В Англии хронический кризис, Германия обременена репарациями» [1]). Читатель с а м должен сделать соответствующий вывод: если в особо неблагополучных странах Англии и Германии поднимается жизненный уровень, то каково же должно быть положение в других местах?

Как же обстоит дело в действительности? Ограничимся данными, приведенными в речах отдельных делегатов и притом той частью этих данных, против которой тов. Варга в последующих выступлениях не привел никаких возражений.

О жизненном уровне рабочих в А н г л и и.

«Если взять промышленность в целом, то можно сказать, что заработная плата в среднем в Англии лишь на несколько фунтов н и ж е довоенного уровня... Но как получается этот средний уровень? Т а к и м образом, что складывают заработную плату, превышающую довоенный уровень с заработной платой рабочих, которые получают меньше, чем до войны. Если мы посмотрим, какая же категория рабочих потеряла в заработной плате, то окажется, что это к а к р а з т е, к о т о р ы е з а н я т ы в о с н о в н ы х о т р а с л я х п р о м ы ш л е н н о с т и и к о т о р ы е д о в о й н ы с о с т а в л я л и о с н о в н о й к а д р р а б о ч е й а р и с т о к р а т и и. Как раз в тех отраслях промышленности, где влияние рационализации скажется о с о б е н н о т я ж к о, з а р а б о т н а я п л а т а с е й ч а с н а и б о л е е н и з к а» (К е м б е л л) [1]).

Тов. Варга придает большое значение тому, что он оказался прав в дискуссии с английскими товарищами по вопросу о в о з м о ж н о с т и проведения широкой р а ц и о н а л и з а ц и английской промышленности. Было бы неправильно преуменьшать значение этого прогноза. Английские товарищи не учли слов Ленина, что «а б с о л ю т н о безвыходных положений не бывает». Слова, сказанные на втором конгрессе для характеристики положения буржуазии, тем более были верны после поражения всеобщей забастовки в Англии. Вопрос о возможности или невозможности рационализации в Англии может быть решен лишь в процессе и на основе классовой борьбы. П о к а он начинает решаться в пользу буржуазии.

С точки зрения влияния рационализации на жизненный уровень рабочего класса характерно, однако, следующее. В 1928 г. одним из трех факторов, б л а г о п р и я т с т в у ю щ и х рационализации в Англии, т. Варга считал сильное понижение прожиточного минимума. В 1929 г. он пишет в огульной форме, что в Англии происходит «в планомерном порядке о с в о б о ж д е н и е промышленных предприятий от с т а р о й з а д о л ж е н н о с т и... и сокращение доли ссудного капитала в прибылях» («Коммунистический Интернационал», № 18, стр. 35). Оба эти утверждения, различные по содержанию, сходны в том отношении, что оба идут в направлении н е д о о ц е н к и о с т р о т ы классовой борьбы в процессе рационализации и большого «о п т и м и з м а» относительно возможности сохранения нынешнего уровня заработной платы при ее проведении. Нам кажется поэтому, что т. Кембелл был прав, подчеркнув в своих возражениях, т. Варге следующее: «Одна из особенностей рационализации в железоделательной и сталелитейной промышленности заключается в том, что многие реорганизованные предприятия берут на себя прежние финансовые обязательства.. Английская промышленность, таким образом, обременена с самого начала тяжелым грузом ссудного капитала и, стало быть, для осуществления действительной рационализации ей придется о к а з а т ь с и л ь н е й ш и й н а ж и м н а р а б о ч и х в т е х о т р а с л я х п р о м ы ш л е н н о с т и, где п р о и с х о д и т р а ц и о н а л и з а ц и я (подчеркнуто оратором).

«Отвлечение» от интенсификации и безработицы при определении жизненного уровня в теории резко расходится с постановкой этого вопроса у Маркса. Оно обнаруживает такое же расхождение (разумеется с точки зрения рабочего класса), и с действительностью.

«Интенсификация труда достигла таких размеров, что то количество средств существования, которое до войны давало рабочему возможность воспроизводит свою рабочую силу, в настоящее время у ж е недостаточно» (К е м б е л л).

«Как быть рабочему, остающемуся в результате рационализации, без работы? В Англии невозможно найти работу на большой фабрике неквалифицированному рабочему, если он старше 35 лет, а квалифицированному, если он старше 40. Таким образом, ц е л а я а р м и я б е з р а б о т н ы х мужчин, старше 40 лет, лишена какой бы то ни было н а д е ж д ы найти работу ни в какой другой отрасли промышленности... Как отражается рационализация на з д о р о в ь е рабочих? В горной промышленности мы видим, что в результате удлинения рабочего дня сильно учащаются н е с ч а с т н ы е случаи, особенно в последние часы работы» (П о л л и т).

Еще более ненадежным оказался материал, на котором тов. Варга строил свои выводы относительно положения в Г е р м а н и и. Упреки, сделанные ему тов. Ремеле, относились не только к недостаточно критическому пользованию буржуазной статистикой, но и н е д о с т а т о ч н о м у з н а к о м с т в у с официальными, притом наиболее серьезными материалами.

«Каким образом т. Варга пришел к утверждению, что жизненный уровень рабочего в Германии растет. Он привел данные статистики тарифных договоров. Предположим, что эта статистика верна, что она составлена в полном соответствии с тарифными договорами, заключенными промышленными организациями и профсоюзами. Но в Германии существует н е т о л ь к о статистика зарплаты, составляемая на основании тарифных договоров, а д р у г а я о ф и ц и а л ь н а я с т а т и с т и к а — статистика всегерманского бюро по страхованию, которая составляется на основе особых марок, наклеиваемых в зависимости от ставок зарплаты. Я рекомендовал бы т. Варге заглянуть в эту статистику. Тогда он увидел бы, что п о с л е в р е м е н н о й с т а б и л и з а ц и и з а р п л а т ы в н а с т о я щ е е в р е м я п р и х о д и т с я к о н с т а т и р о в а т ь е е н е у к л о н н о е с н и ж е н и е. Эта официальная статистика дает полное представление о в с е й заработной плате, в то время когда статистика, основанная на тарифных договорах, охватывает л и ш ь н е б о л ь ш у ю часть рабочих» (К е м б е л л).

---

[1]) Правда, т. Варга совсем недавно раз'яснял, что репарации н е м о г у т оказывать «непосредственного» влияния на положение рабочих и что в Англии официальные утверждения о понижении прожиточного минимума за два года на 15% (не на 2, а на 15) лишь «н е с к о л ь к о п р е у в е л и ч е н ы». Читатель может усомнится в таком случае действительно ли Англия и Германия взяты с целью о с л а б л е н и я аргументов т. Варги, но это было бы излишней подозрительностью: оратор, вероятно, взял те цифры, которые оказались у него под рукой.

Итак, исходя из основной немарксистской точки зрения в определении, «уровень заработной платы», тов. Варга строит дальнейшие свои выводы на неполном статистическом материале, принимаемом без необходимой суровой критики.

VII.

Тов. Варга в качестве последнего аргумента приводит соображения «агитации и пропаганды». Во второй речи он из'явил готовность во имя агитации примириться с тем, что тезисы говорят о понижении жизненного уровня. Во имя той же агитации он в первой речи отказывался принимать это положение тезисов, рисуя те трудности, которые возникнут в нашей работе на предприятиях, если мы выставим утверждение о понижающемся жизненном уровне рабочего.

> «Коммунист-рабочий скажет: жизненный уровень понизился. Рабочий с.-д. ответит ему: это неверно, справься с статистикой (в зале смех). Тогда коммунист должен об'яснить социал-демократу: мы понимаем под жизненным уровнем нечто иное, чем ты понимаешь».

Конечно представление о том, что один рабочий в споре с другим о своем жизненном уровне будет аргументировать официальной статистикой уже очень отдает в свою очередь... «статистикой». Вероятно поэтому замечание т. Варги и вызвало смех. Но известная доля правды есть в том, что он связывает постановку вопроса о жизненном уровне с подходом к широким рабочим массам. Но эта связь совершенно иного свойства, чем он представляет себе и в первой и во второй речи. Связь прежде всего в том, что вся теория т. Варги (как он до некоторой степени и сам признал) могла возникнуть в коммунистической среде в результате отсутствия у некоторых товарищей достаточно широкой связи с массовой работой. С другой стороны, как подчеркивали многие из выступавших недостаточно ясное, отчетливое, на конкретном материале основанное разоблачение буржуазной лжи о влиянии рационализации затрудняет, тормозит, а иногда даже подрывает (Соединенные Штаты) связь с массами, работу по их завоеванию.

Оппортунизм многолик. В нынешней обстановке один из наиболее часто свойственных ему международных «ликов» — это недостаточное понимание неизбежности обострения классовой борьбы во всех формах, которое неизменно развивается в процессе капиталистической рационализации. Оппортунизм навязчив и не лишен своеобразной изобретательности: «Гонят! Что-ж такое? Коль выгонят в окно, так я влечу в другое». Оппортунизм пронырлив, прокладывая себе лазейку там, где он нащупывает наиболее слабый или заброшенный пункт.

Нужно признать, что в исследовательской работе Коминтерна и его печати за последнеее время уделялось важнейшему вопросу—о жизненном уровне рабочего класса,—непропорционально малое внимание. Вот область работы, где в первую очередь должна быть поднята и производительность и интенсивность труда! Не потребность «облегчения агитации» в вульгарном понимании, как демагогического подыгрывания под цеховые настроения рабочих, определяет необходимость постановки вопроса о жизненном уровне рабочих во всем об'еме. Завоевание большинства рабочего класса, сознательное руководство его классовой борьбой, организация (говоря словами Маркса) «планомерного взаимодействия» в этих боях работающих и безработных, подготовка масс для решительной борьбы за власть,—вся совокупность задач, стоящих хотя и в неравной степени созревания, перед коммунистами всех стран, требует марксистско-ленинской ясности в постановке и изучения вопроса о капиталистической рационализации и жизненном уровне рабочего класса.

ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ

Г. Дукор и А. Ноткин.

Как нельзя бороться „против механистических тенденций в политической экономии“.

Механистический материализм нашел себе убежище не только в естественных науках и философии. В своей «экспансии» он попытался овладеть также политической экономией, областью научного знания, наиболее разработанной марксистами. Правда, вылазки механистов против диалектического материализма в политической экономии неизменно терпели поражение, а теоретическая система покойного А. А. Богданова, включая ее экономическую часть, ныне отвергается всеми марксистами, как чуждая и враждебная марксизму. Тем не менее опасность механистической вульгаризации экономической теории Маркса сильна. Симптомы этой опасности наблюдаются в виде механистического уклона группы марксистов, выступающих в дискуссии (тт. Бессонов, Кон и др.), и механистической «критики (марксовой. Г. Д. и А. Н. теоретической экономии», исходящей от А. Финн-Енотаевского [1]).

С точки зрения борьбы против механистических ошибок следовало бы приветствовать появление сборника «Против механистических тенденций в политической экономии» [2]), если бы не собственная позиция его авторов. Последние попытались разрешить двоякую задачу: во-первых, ударить по механистическим ошибкам т. т. Бессонова и Кона, во-вторых, прикрыть идеалистические ошибки И. И. Рубина.

Правда, тов. Леонтьев заявляет: «Мы не думаем, чтобы в настоящем своем виде работы Рубина были абсолютно безупречны» (17) Однако ни тов. Леонтьев ни другие участники сборника не обнаруживают никакого желания нарушить упорное молчание по вопросу о том, в чем же заключаются действительные ошибки Рубина. Они предпочитают отделываться лишь общими заявлениями в роде следующего:

> «Вместо того, чтобы критиковать то неточное и неправильное, что действительно иногда встречается в работах Рубина, вместо того, чтобы помочь ему преодолеть эти неправильности, они (критики) пытаются искажать Маркса в трактовке основных экономических вопросов»... (стр. 113—114).

---

[1]) Возрождение механистических тенденций в политической экономии, разработка проблем которой тесно связана с теоретическим изучением советского хозяйства, естественно, должно было вызвать резкое противодействие. Вот почему авторы настоящей статьи (вместе с т. Абезгаузом) выступили с детальной критикой взглядов А. Кона немедленно же после появления первого издания его «Курса» в конце 1927 и начале 1928 г. См. Г. Абезгауз, Г. Дукор, А. Ноткин «Некоторые вопросы политической экономии в освещении А. Ф. Кона», «Свет марксовой теории в кривом зеркале»—«Вестник Ком. академии» кн.кн. 25/I и 27/III за 1928 г.).

[2]) «Против механистических тенденций в политической экономии» сборник статей под редакцией Б. Борилина и А. Леонтьева. 1929 г.

Конечно, искажение марксизма под прикрытием критики ошибок Рубина должно встретить решительный отпор. Однако, едва ли большую услугу марксизму оказывают те из защитников Рубина, которые, прикрывая ошибки последнего, мешают их преодолению. Беда также и в том, что участники сборника не видят действительных ошибок Рубина. Все содержание сборника доказывает, что заявление об ошибках Рубина является лишь прикрытием, за которым легче отстаивать взгляды Рубина по всем вопросам дискуссии. Лучшее доказательство тому — статья т. т. Греблиса, Коровая и Степанова. В этой статье в самой грубой и неприкрытой форме повторены ошибки Рубина, ошибки, которые в ходе своей «эволюции» декларативно признавал и сам Рубин. Однако, «эволюция» Рубина в основном свелась, по свидетельству тов. Леонтьева, к устранению неудачных формулировок. Но разве внимательное изучение всех трех изданий «Очерков» не убеждает нас в том, что дело не только и не столько в отдельных удачных или неудачных формулировках? Разве ошибки Рубина, обнаруживающиеся то в одной то в другой из его работ, не были всегда ошибками в определенном направлении, не были ошибочной линией? И разве эта линия, основанная на отрыве производственных отношений от процесса производства и на «натурализации» последнего, не продолжает жить и поныне в третьем издании «Очерков»?

Тов. Леонтьев ставит в большую заслугу Рубину его борьбу против богдановщины. Действительно, «Очерки» содействовали преодолению богдановщины. Однако, можно ли сказать, что сам Рубин стоит целиком на почве диалектического материализма? Тов. Леонтьев робко замечает по этому поводу:

«... Мы видим здесь искреннее желание применить к области теоретической экономии марксову диалектику, которая изгонялась из нашей науки Богдановым, считавшим диалектику ненужным пережитком средневековой схоластики» (стр. 10).

Тов. Леонтьев, очевидно, не верит в диалектику Рубина, если он подменяет об'ективный факт применения диалектико-материалистического метода «искренним желанием» его применения.

Рубин обязан своим успехом тому, что выступая с блеском против Богданова и богдановщины, он углубил постановку экономических проблем, удовлетворяя тем самым назревшей потребности. Однако, всякому марксисту ясно, что при оценке того или иного направления важен вопрос не только о том, против кого он выступает, но и как он выступает. Другими словами, дело в том, как решает Рубин поставленные им проблемы. Только в том случае, если борьба против механистических ошибок будет одновременно сопровождаться критикой ошибок Рубина, наличие которых ныне почти никто не решается отрицать, может быть обеспечена победа диалектического материализма в политической экономии.

I. О технологии, политической экономии и „классификации" общественных наук.

Что является предметом политической экономии, какое место занимает политическая экономия в системе наук об обществе—этот вопрос еще не так давно был центральным пунктом политико-экономической дискуссии с А. А. Богдановым и И. И. Степановым-Скворцовым. Дискуссия о предмете политической экономии шла тогда в плоскости решения вопроса об исторической ограниченности об'екта политической экономии. Подавляющее большинство марксистов стало тогда на ту точку зрения, что политическая экономия изучает законы движения исторически-преходящей социально-экономической формации, а именно капиталистической.

В нынешней дискуссии это понимание об'екта политической экономии, как исторически ограниченного рамками капитализма, не подвергается сомнению. Дискуссия переходит на следующую ступень. Речь идет о том, каким образом понимать этот исторически ограниченный об'ект и соотношение его решающих моментов. И в этом вопросе приходится бороться с механистическими взглядами, представляемыми на этот раз группой товарищей во главе с Бессоновым и Коном.

Тов Бессонов вступил в дискуссию с тезисом:

«Обе... стороны материального процесса производства (производительные силы и производственные отношения. *Г. Д. и А. Н.* равноправно входят в предмет политической экономии, потому что они равноправно входят в ее об'ект— материальное производство».

Здесь чрезвычайно ясно выступает основной грех всей концепции тов. Бессонова — механическое об'единение в пределах одной науки производительных сил и производственных отношений как двух различных, обособленных об'ектов, двух разных форм движения. «Равноправие» производительных сил и производственных отношений означает ведь по существу, что в политической экономии исследуются рядом, равноправно закономерности двоякого рода. Сказать — «равноправное» изучение производительных сил и производственных отношений, значит отрицать единство об'екта политической экономии, которое декларирует и тов. Бессонов. Поэтому неудивительно, что под всеобщим напором тов. Бессонов уже в ходе самой дискуссии был вынужден отказаться от своего первоначального тезиса. Но все существо его концепции ведет именно к этой формулировке. По логике мысли тов. Бессонова политическая экономия исследует на ряду с экономической закономерностью развития капитализма и техническую закономерность этого развития. Наряду с миром людских отношений в политической экономии, по его мнению, исследуется и мир вещей. Как будто машина исследуется в политической экономии как вещь, а не как капитал. Ведь, как вещь машина заменяет труд рабочего, а как капитал вытесняет самого рабочего, как вещь машина есть орудие труда, ведь, как капитал орудие эксплоатации, часть—«самовозрастающей стоимости». Спрашивается, как исследует политическая экономия машины: как орудия труда, как вещи, т.-е. технически, или как орудия капиталистической эксплюатации, как средства создания прибавочной стоимости, т.-е. экономически? Беда т. Бессонова в том, что он принимает по существу взгляд Рубина, будто развитие производительных сил и развитие производственных отношений представляют параллельные ряды с разными социальными закономерностями. Он не замечает, что в таком случае закономерность развития производительных сил превращается в техническую закономерность, а производительные силы—в технику [1]). Что техника имеет свою логику развития и закономерность, закономерность отношения людей к природе это не отрицается никем. Маркс недвусмысленно указывает, что эта закономерность изучается технологией. Маркс пишет в «Капитале»: «Технология раскрывает активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а, следовательно, и общественных отношений и вытекающих из них духовных представлений».

[1]) В дискуссии занимал большое место вопрос о том, каким образом «сообщаются» между собою производительные силы и производственные отношения. Приемы этого спора были весьма наивны: сравнивали производительные силы и производственные отношения, с этажами коттеджей и спорили, каким образом эти этажи и коттеджи сообщаются друг с другом. Самая форма спора наглядно показывает, насколько ошибочно изолированное рассмотрение производительных сил и производственных отношений как обособленных сфер с самостоятельными социальными законами.

Итак, обособленно от производственных отношений производительные силы превращаются в **общесоциальную** категорию, в процесс труда, как таковой». Они превращаются в абстрактное и изолированное **экономической** закономерности отношение человека к природе, являющееся об'ектом **технологического** исследования. Поскольку же речь идет об **экономической** закономерности развития производительных сил, то при ее изучении, наоборот, процесс труда со всеми его элементами выступает, как производительная сила **данного** специфического общественного строя, т.-е. в определенном **качестве** [1]). **В этом качестве он может изучаться только под углом зрения развития производственных отношений, специфически свойственных данному обществу.** Поэтому изучение социальной закономерности развития производительных сил и есть изучение производственных отношений. Но тов. Бессонов этого не понял.

Он слепо нападает на Рубина за правильную по существу фразу: «Политическая экономия изучает трудовую деятельность людей не со стороны ее технических приемов и орудий труда, но со стороны ее социальной формы». Он хочет эклектически изучать в политической экономии и то и другое. Он говорит:

«Материальный субстрат производительных сил (т.-е. средства производства *Г. Д. и А. Н.* является основой общественного развития лишь постольку, поскольку он охвачен живым пламенем труда, т.-е. поскольку он он находится в действии Изучение самого субстрата, как такового не входит в политическую экономию. **Взаимное же отношение отдельных элементов этого субстрата**, т.-е. производительные силы в действии, процесс труда «как таковой»— **составляет такую же неот'емлемую составную часть политической экономии**, как и обусловленная им общественная форма производственного процесса» (Пробл. Экономики», № 4—5, стр. 210. Курсив наш. *Г. Д. и А. Н.).*

Не спасается тов. Бессонов своими отговорками о «процессе» и о «пламени» от технологии. «Взаимное отношение отдельных элементов», это или отношение вещей к вещам, или отношение людей к вещам в **процессе труда** «как таковом», то-есть технические отношения — это отношение людей к природе, или технология. Как будто нарочно, чтобы обнаружить свое отличие от Маркса, тов. Бессонов пишет: «Отношения человеческого коллектива к природе (это не энергетический ли баланс между обществом и природой? *Г. Д.* и *А. Н.)* входят в предмет политической экономии так же, как и отношения людей друг к другу в процессе капиталистического производства». Сравните, читатель, эту формулировку со взглядом Маркса, цитированным выше и вы увидите, что всуе тов. Бессонов заявляет: «Маркс не смешивал политическую экономию с технологией»,—всуе, ибо сам тов. Бессонов в этом отношении на Маркса не похож.

Он включает производительные силы в область политической экономии в том же **качестве**, в каком Рубин их исключает, т.-е. в качестве техники, процесса труда вообще, отношения людей к природе [2]). Смешивая политическую экономию с технологией, тов. Бессонов в борьбе с ошибочными взглядами И. И. Рубина наделал тем самым целый ряд грубых ошибок.

---

[1]) По вопросу о качестве в политической экономии см. интересные замечания тов. Келлера «Англо-американская школа», гл. 6.

[2]) Одинаковый принципиально подход Бессонова и Рубина к вопросу о связи производительных сил и производственных отношений наглядно показывает, как идеалистические ошибки ведут к механистической точке зрения. Рубин, как мы увидим ниже, сплошь и рядом скатывается на механистические позиции. Поэтому борьба против механистических ошибок в политической экономии означает борьбу не только против Кона и Бессонова, но и против Рубина и его сторонников, которые являются механистами наизнанку.

Точке зрения Бессонова было противопоставлено старое определение Ленина, который писал о предмете политической экономии: «Ее предмет вовсе не производство «материальных ценностей», как часто говорят (это— предмет технологии), а общественные отношения людей по производству».

Однако участники сборника «Против механистических тенденций в политической экономии», повторяя это ортодоксальное определение Ленина, совершенно упустили из виду, что не только точка зрения Бессонова, но и точка зрения Рубина, которую они защищают, не совпадает с тем смыслом, который вкладывал Ленин в приведенное выше положение.

Как известно, И. И. Рубин относит изучение специфических социальных закономерностей развития производительных сил в особую науку «об общественной технике» капитализма.

Он ссылается при этом на Маркса, цитируя по частям следующее место из «Капитала»:

«Критическая история технологии вообще показала бы, как мало какое бы то ни было изобретение XVIII столетия принадлежит тому или иному лицу. Но до сих пор такой работы не существует. Дарвин направил интерес на историю естественной технологии, т.-е. на образование растительных и животных органов, которые играют роль орудий производства в мире растений и животных. Не заслуживает ли такого же внимания история образования производительных органов общественного человека, история этого материального базиса каждой особой общественной организации? И не легче ли было написать ее, так как по выражению Вико, человеческая история тем отличается от естественной истории, что первая сделана нами, вторая же не сделана нами? Технология раскрывает активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а, следовательно, и общественных отношений его жизни и вытекающих из них духовных представлений» (К. т. I, гл. 13, стр. 317, межд. издание).

Мы привели полностью мысль Маркса, ибо цитирование по частям, к которому прибегает И. И. Рубин, не передает ее адэкватно. Маркс здесь ставит задачу создания истории технологии. Последняя должна показать, как **конкретное** развитие «производительных органов общественного человека» вело с необходимостью к смене общественных отношений и какие социальные потребности влияли на техническую логику развития средств производства, как, например, **технически** была разрешена историей общественная задача создания адэкватной капиталу организации производственного процесса. Неправильно полагать, как это делает Рубин, будто Маркс здесь требует создания новой **теоретической** науки об «общественной технике», которая должна раскрыть социальные законы развития производительных сил капитализма.

Специфически-общественные законы развития производительных сил следует, вопреки Рубину, искать в развитии производственных отношений. Политическая экономия, изучая последние, как форму движения производительных сил капитализма, тем самым раскрывает социальные законы их развития. Это непонятно лишь тому, кто не относит форму к самой сущности содержания, не рассматривает ее «как «закон» предмета, или, лучше сказать, его строения» (Плеханов, Собр. соч., т. XVII, стр. 35). Именно потому, что у Рубина производственные отношения фактически выступают не как форма, не как закон развития производительных сил, он вынужден требовать особой науки для открытия «специфических законов развития производительных сил в капиталистическом хозяйстве» (Рубин). Эта методологическая установка заставляет И. И. Рубина рассматривать производственные отношения в особой сфере, изолированно от производительной деятельности людей в общественном производстве.

По мнению Рубина, «в товарно-капиталистическом обществе отдельные лица связываются непосредственно друг с другом определенными производственными

отношениями не как члены общества, не как лица, занимающие определенное место в общественном процессе производства, а как владельцы определенных вещей, как «социальные представители» различных факторов производства». (Очерки, 3 изд., стр. 30. Курсив наш. *Г. Д.* и *А. Н.*).

Это противопоставление («не как»... «а как») людей, как владельцев вещей, людям, как участникам общественного процесса производства, основана на статическом подходе к производственным отношениям товарно-капиталистического общества. Если рассматривать общественный процесс производства в движении, то окажется, что люди вступают между собою в связь как владельцы вещей, именно, как участники общественного процесса производства. Вместе с тем исчезает та взаимно исключающая противоположность, о которой говорит Рубин.

Статическая точка зрения на производственные отношения имеет глубокие корни во всей концепции Рубина. Как известно, Рубин постоянно подчеркивал и подчеркивает, что производственные отношения «создаются», «устанавливаются» путем перехода вещей. Это верно и неверно. Верно, что производственные отношения товарно-капиталистического хозяйства носят вещный характер, и их движение осуществляется через движение вещей. Если мы станем на статическую точку зрения, если мы будем рассматривать этот переход вещей не как момент общественного процесса воспроизводства, а владельцев вещей не как участников последнего, то действительно может показаться, что переход вещей, купля-продажа, обмен, будучи изолирован от процесса производства, «создает», «устанавливает» производственные отаошения между «владельцами вещей» [1]).

Но если подойти к движению вещей с точки зрения его связи с движением процесса воспроизводства, то мы увидим, что эта способность вещей «создавать» и «устанавливать» отношения между агентами обращения есть лишь форма реализации производственных отаошений и в то же время условие их дальнейшего функционирования в общественном процессе производства.

Если же видеть только эту способность вещей «создавать» и «устанавливать» производственные отношения, то в результате производственные отношения перемещаются в область обмена, при чем оказывается, что каждой «экономической форме вещей», каждой «определенности формы» соответствует особое, «создаваемое» и «устанавливаемое» в обмене производственное отношение. Вполне логичной с этой точки зрения является та скрупулезная классификация меновых сделок, различных видов меновых договоров, которой занимается Рубин в «Очерках». Оказывается, что каждой разновидности меновых сделок соответствует особый тип производственных отношений:

«Каждая социальная функция или форма денег,—говорит Рубин,—выражает иной характер или тип производственных отношений между обменивающимися лицами». (Очерки, 43). «Различным производственным отношениям между продавцами и покупателями,—читаем мы в другом месте,—соответствуют различные функции денег». (Очерки, 46).

Таким образом, Рубин рассматривает, в противоположность Марксу, различные «определенности формы», которые мы наблюдаем в процессе

[1]) Во 2-м изд. «Очерков» И. И. Рубин всюду просто говорил, что вещи создают производственные отношения. В 3-м изд. (см. стр. 15, 16, 20 и т. д.), он в одних случаях заменил термин «создают» термином «реализуют» (будто это одно и то же!). Там же, где он остался при старом термине «создают», «устанавливают», то он большей частью говорит теперь о производственных отношениях между определенными лицами. (См. «Очерки» 3 изд. (стр. 25, 26, 27, 28 и т. д.). Всякому ясно, что здесь дело не только в формулировках. Но в 3-м изд., с одной стороны, на ряду с новыми «формулировками», остались старые, а с другой, весь подход к проблемам полит. экономии свидетельствует, что И. И. Рубин остался по существу на старых позициях.

обращения, не как моменты движения функционирующего в процессе производства производственного отношения, а как застывшие выражения различных отношений обмена.

Поэтому непосредственный процесс производства выступает сплошь и рядом у И. И. Рубина как «материально-технический процесс», непосредственно лишенный производственных отношений, как «известная комбинация технических факторов производства».

Чувствуя несовместимость своей точки зрения с взглядами Маркса, Рубин в последнее время стал утверждать, что он противопоставляет не материальное социальному, а материально-техническую сторону социальным отношениям людей; что он считает материально-технический процесс производства социальным явлением, поскольку этот процесс исторически развивается (См. «Проблемы экономики», № 3).

И. И. Рубин доказывает таким образом лишь одно: что он употребляет термин социальный в разных смыслах. И земля имеет свою историю. Но от этого геология и палеонтология так же мало становится социальными науками, как землетрясение социальным явлением.

Суть концепции Рубина именно в том, что процесс материального производства лишен внутренней специфически-социальной закономерности, что социальная закономерность не относится к процессу материального производства.

Рубин рассматривает отношения рабочиих между собой на капиталистической фабрике вне специфических отношений капиталистического производства, как организованные производственные отношения. Он забывает, что «как независимые личности рабочие являются индивидуумами, вступившими в определенное отношение к одному и тому же капиталисту, но не друг к другу. Их кооперация начинается лишь в процессе труда, не в процессе труда они уже перестают принадлежать самим себе. Вступив в эту область они сделались частью капитала» («Капитал», т. I, изд. 1909 г., стр. 248). Рассматривая процесс производства только как материально-технический процесс, Рубин поневоле подменяет производственное отношение капиталиста к рабочим техническими отношениями сотрудничества. Тем самым, несмотря на термин «производственные отношения» процесс производства рассматривается Рубиным вне производственных отношений капитализма. Он упускает из виду, что Маркс постоянно говорит о совокупной рабочей силе, о кооперации как о «производительной силе», используемой капиталом». Следовательно, привлечение этой совокупной рабочей силы и тех отношений, из которых она складывается, отнюдь не наделяет непосредственного процесса производства чертами специфической «общественности».

Между тем, по Марксу, непосредственный процесс производства есть не только «комбинация технических факторов производства», не только «технические отношения», выступающие как производительная сила кооперации, но он представляет собой также производственное отношение между капиталистом и наемными рабочими. Поэтому Маркс писал:

«Всякому капиталистическому производству, поскольку оно есть не только процесс труда, но и процесс увеличения стоимости капитала, обще то обстоятельство, что не рабочий применяет условия труда, а условия труда применяют рабочего, но только с развитием машины это превратное отношение получает технически осязательную реальность. Благодаря своему превращению в автомат средство труда во время самого процесса труда противостоит рабочему как капитал, как мертвый труд, который подчиняет себе живую рабочую силу и выматывает ее». (Капитал, I, стр. 386, курсив наш. *Г. Д.* и *А. Н.)*.

Рубин, будучи вынужден связать каким-то образом производственные отношения (которые он часто отождествляет с «экономическими формами

вещей»), с производительными силами, которые для него идентичны с техникой, заявляет:

«Маркс не только постарался развить грандиозную систему, связанных друг с другом экономических форм, но и постарался всю эту систему прикрепить (слушайте! Г. Д. и А. Н) к лежащей в их основе материально-технической базе, к процессу производства» («Абстрактный труд и стоимость», стр. 87).

Это заявление Рубина прямо указывает, что процесс производства, по его мнению, тождественен с материально-технической базой и что, следовательно, производственные отношения (здесь выступающие под псевдонимом «экономических форм») пребывают вне непосредственного процесса производства.

В итоге «перенесения» в сферу обмена производственных отношений, понимаемых как отношения между «владельцами вещей», а «н е к а к» отношения между участниками общественного процесса производства, роль обмена выступает в неверном, извращенном виде. Оказывается, что не способ производства определяет способ обмена, а, наоборот, обмен н а к л а д ы в а е т «определенную печать и на фазу непосредственного производства». (Очерки, 3 изд., стр. 18). Обмен, следовательно, рассматривается не как необходимый момент движения производственного отношения, хотя и придающий ему «implicite его специфический характер». Он просто накладывается на производство и, накладываясь, привносит и з в н е в него черты социального, кладет на него «печать» и т. п.

Капиталистический способ производства, как и всякий иной, заключает в себе, как свой момент, также особый, своеобразный **о п о с р е д с т в у ю щ и й м е х а н и з м** своего движения. Капиталистический способ производства имеет, в силу своеобразного распределения элементов производства, в качестве такого опосредствующего механизма обмен товаров, продажу классом рабочих классу капиталистов своей рабочей силы. Функционирование рабочей силы и соединение ее со средствами производства, находящимися в собственности капиталистов, в непосредственном процессе производства в качестве производительной силы к а п и т а л а имеет своим условием, своим моментом покупку-продажу рабочей силы на рынке, обмен товаров.

«**В о т н о ш е н и и м е ж д у к а п и т а л и с т о м и н а е м н ы м р а б о ч и м** д е н е ж н о е о т н о ш е н и е п о к у п а т е л я и п р о д а в ц а с т а н о в и т с я о т н о ш е н и е м, и м м а н е н т н о п р и с у щ и м с а м о м у п р о и з в о д с т в у. Но э т о о т н о ш е н и е в о с н о в е с в о е й з и ж д е т с я н а **о б щ е с т в е н н о м** х а р а к т е р е п р о и з в о д с т в а, а н е с п о с о б а о б м е н а; п о с л е д н и й, н а о б о р о т, в ы т е к а е т и з п е р в о г о. В п р о ч е м, у з о с т и б у р ж у а з н о г о к р у г о з о р а, г д е в с е в н и м а н и е п о г л о щ а е т с я п р а к т и ч е с к и м и о п е р а ц и я м и, к а к р а з с о о т в е т с т в у е т в о з з р е н и е, ч т о н е х а р а к т е р с п о с о б а п р о и з в о д с т в а с л у ж и т о с н о в о й с о о т в е т с т в у ю щ е г о с п о с о б а **о б м е н а, а н а о б о р о т**». (К., В. II, S. 83, нем. изд. 1926 г., стр. 90, рус. пер. Курсив наш. *Г. Д.* и *А. Н.).* «Х о т я п р и с в о е н и е п р и б а в о ч н о й с т о и м о с т и, — **с т о и м о с т и**, п р е д с т а в л я ю щ е й и з л и ш е к н а д э к в и в а л е н т о м, а в а н с и р о в а н н о й к а п и т а л и с т о м с т о и м о с т и — п о д г о т о в л я е т с я к у п л е й-п р о д а ж е й р а б о ч е й с и л ы, о д н а к о, **о н о** п р е д с т а в л я е т а к т, к о т о р ы й с о в е р ш а е т с я в с а м о м **п р о ц е с с е** п р о и з в о д с т в а и о б р а з у е т с у щ е с т в е н н ы й м о м е н т п о с л е д н е г о. (S. 328, р. п. 360; курсив наш. *Г. Д.* и *А. Н.).*

Итак, когда Рубин говорит, что обмен накладывает «определенную печать и на фазу непосредственного производства», то он расходится с Марксом, который заявляет, что именно «узости буржуазного кругозора... как раз соответствует воззрение, что не характер способа производства служит основой соответствующего способа обмена, а наоборот».

Но, быть может, Рубин и его ученики в праве опираться на Ленина? Быть может, его точка зрения совпадает с подлинной точкой зрения Ленина? И здесь мы должны разочаровать сторонников Рубина.

Всем известно, что Ленин сумел разглядеть в советском хозяйстве, несмотря на «обмен», «предприятия последовательно-социалистического типа», сумел из новых производственных отношений, из нового способа производства вывести изменения и необходимость дальнейших изменений в «способе обмена». Обмен в советском хозяйстве иной, ибо здесь иной **с п о с о б п р о и з в о д с т в а**.

Это прямо вытекает из учения Маркса о соотношении между производством и обменом. Нельзя, подобно Рубину, отождествлять обмен в простом товарном хозяйстве и хозяйстве капиталистическом («Очерки», 27). Это принципиальное различие обмена в различные экономические эпохи вытекает из различия способов производства, моментом которых является обмен. Разный характер распределения средств производства между участниками общественного производства и соединения этих средств производства с производителями в производственном процессе обуславливает так же разный характер как всего движения производственных отношений, так и опосредствующего механизма этого движения.

Когда Рубин, таким образом, многократно повторяет определение Ленина, то в его устах это определение перестает быть ленинским, ибо в него вкладывается, как мы показали, совсем не ленинский смысл [1]).

Разыгравшаяся в последнее время дискуссия с полной очевидностью показала, что нет никаких оснований отождествлять с учением Маркса и Ленина не только точку зрения Кона и Бессонова, но и точку зрения Рубина и его учеников. В этом направлении выступал т. Абезгауз в И К П.

Теперь мы спрашиваем участников сборника: почему они выступают с о д н о с т о р о н н е й критикой? Почему они справедливо (но недостаточно) ибо они сами делают механистические ошибки), критикуя Кона и Бессонова, считают ошибки Рубина «неточностями», «детской игрой» и т. д.? Мы думаем, что не из злого умысла. Про англичан когда-то говорили, что с тех пор, как они узнали про гениальность своего Шекспира, они перестали читать не только других писателей, но и самого Шекспира. Сторонники Рубина с некоторых пор начали подражать англичанам: они перестали «читать» не только Маркса и Ленина, но и самого Рубина.

Участники сборника оказывают поддержку И. И. Рубину и в вопросе о к л а с с и ф и к а ц и и общественных наук. И. И. Рубин выдвинул на дискуссии в ИКП, в подкрепление своей точки зрения на предмет политической экономии, следующее положение:

«При непрерывной связи и взаимодействии различных сторон жизни общества, — говорил он там весной этого года, — каждая наука, изучающая одну сторону жизни общества, должна постоянно включать в свое исследование для об'яснения своего об'екта явления соседней области, те явления, которые служат непосредственным предметом исследования других, соседних наук. Например,

---

[1]) В своих статьях против т. Кона мы (вместе с т. Абезгаузом) требовали от т. Кона уточнения понимания предмета политической экономии вовсе не из желания «уточнить» Маркса и Ленина, в чем нас обвиняет Г. Деборин. Для нас было ясно, что за о д и н а к о в ы м и внешне формулами скрывается **р а з н о е** понимание. Поэтому, о п и р а я с ь на Маркса, Ленина и Розу Люксембург, мы требовали от Кона (и косвенно от Рубина) уточнения формулировок путем раз'яснения в духе марксизма-ленинизма общепризнанного положения. Только таким образом было бы возможным противостоять тем влияниям со стороны, которые, благодаря «новой» трактовке основных категорий исторического материализма и теории стоимости Рубиным, с одной стороны, и Коном. с другой, стали проникать в марксистскую политическую экономию. И лишь известная доза наивности могла толкнуть некоторых товарищей на отождествление раз'яснения Рубина и Кона с «уточнением» Маркса и Ленина.

наука, изучающая право, не может понять развитие права, не апеллируя к развитию хозяйства и в частности к развитию материальных производительных сил. В противном случае такая наука о праве не была бы марксистской наукой. Но тем не менее наука о праве не делает предметом своего исследования хозяйство. Политическая экономия для об'яснения производственных отношений людей и их изменений должна апеллировать к развитию материальных производительных сил... Мы привлекаем их в наше исследование лишь постольку, поскольку это нам необходимо для об'яснения закономерностей изменения производственных отношений людей» («Под Знаменем Марксизма», № 4, за 1929 г., стр. 82—83).

Мы привели столь длинную цитату для того, чтобы «новейшее» откровение в области марксистской классификации наук выступило перед читателем во всей своей наглядности. Оказывается, что политическая экономия имеет в принципе такое же касательство к производительным силам, что и наука о праве. А именно — производительные силы суть инстанция, к которой, как к высшему судье, обращаются с «апелляцией» обе эти науки в качестве, так сказать, «равноправных клиентов». Разве не игнорируется в этой марксистской классификации общественных наук принципиальное различие между политической экономией—наукой, изучающей капиталистические производственные отношения, как форму движения производительных сил капитализма, и наукой о праве, изучающей специфический (правовой) способ выражения производственных отношений?

Что может быть более плоским, чем аналогия связи между производственными отношениями и производительными силами в политической экономии, с одной стороны, и правовыми отношениями и производительными силами науки о праве, с другой? Ведь должно быть известно И. И. Рубину, что в то время как в качестве содержания производственных отношений выступают производительные силы, содержанием правовых отношений являются производственные отношения.

Деление наук, с точки зрения диалектического материализма, основывается не на соображениях технического удобства, а на качественном различии форм движения. «Классификация наук, из которых каждая анализирует отдельную форму движения или ряд связанных между собой и переходящих друг в друга форм движения, является также классификацией и иерархией,— как писал Энгельс в «Диалектике природы»,— согласно присущему им порядку самих этих форм движения». Однако отдельные науки изучают различные и связанные друг с другом формы не «формально», не как бессодержательные формы, а как формы специфического содержания. С точки зрения диалектического материализма, это специфическое содержание не привлекается эклектически наравне с производными и косвенно влияющими моментами для об'яснения каждой данной качественно отличной формы движения. Напротив, через изучение специфической формы познается закономерность содержания, ибо форма, по выражению Гегеля, есть то, чем живет и посредством чего движется и развивается специфическое содержание.

Аналогии Рубина и его учеников, теория «апелляции», «привлечения» прекрасно разоблачают то понимание, которое вкладывается Рубиным в изучение политической экономии производственных отношений «в связи» с производительными силами. Эта связь мыслится им отнюдь не как диалектическая связь. Производительные силы у Рубина выступают как «предпосылки», они привлекаются», к ним «апеллирует» и т. д. Но они у него не выступают (не на словах, а на деле!) в качестве содержания того процесса, закономерность которого познается через изучение специфической формы. Политическая экономия имеет, конечно, «предпосылки», она, конечно, не пренебрегает знаниями, завоеванными другими науками. Однако связь и соотношение между производственными отношениями и производительными силами не только

в действительном процессе, но и в политической экономии, иные, чем между об'ектом политической экономии и этими «предпосылками».

Один из участников сборника утверждает, что вообще вопрос о связи между производственными отношениями и производительными силами не имеет никакого отношения к предмету политической экономии».

«Исторический материализм, — читаем мы на стр. 118 — 119 сборника, — интересуется соотношением между производственными отношениями и производительными силами. Связь между последними и является об'ектом его исследования в данной области. В противоположность этому (!) политическая экономия изучает только производственные отношения... В отличие от исторического материализма предметом политической экономии являются производственные отношения и их связи с производительными силами, а не эта связь как специфический об'ект». (Г. Деборин).

Оставим в стороне «глубокомысленные» размышления о соотношении между историческим материализмом и политической экономией, которые сами по себе представляют «откровение». Обратимся к вопросу о предмете политической экономии. Здесь наивный автор в своем увлечении словесными вывертами и подражанием учителю, забывает, что для всякого марксиста связь между производственными отношениями и производительными силами означает вместе с тем противоречие между ними. Тот, кто выбросит за борт исследования политической экономии противоречие между производственными отношениями и производительными силами, во-первых, останется за бортом марксизма, во-вторых, не сможет, конечно, открыть закон существования и движения капиталистического способа производства, не сможет исследовать «производственных отношений данного, исторически определенного, общества в их возникновении, развитии и упадке». (Ленин).

Конечно, связь между производственными отношениями и производительными силами в политической экономии не следует мыслить так, как это делает Бессонов, протаскивающий в политическую экономию технологию, историю техники и т. п. Тов. Бессонов в своем увлечении техникой перестает замечать (по методу: «совсем наоборот») за единством материального производства различия внутри него. В отчаянной попытке противостоять Рубину, Бессонов забывает об'ективное различие натуральных и общественных элементов, различие отношения к вещам и отношений между людьми.

Однако связь между производственными отношениями и производительными силами в политической экономии не может мыслиться также по методу «привлечения» и «апелляции». Исследование капиталистического способа производства и вытекающего из него распределения и обмена есть вместе с тем исследование связи и противоречия между производственными отношениями и производительными силами капиталистического общества. Эта связь и противоречивость постоянно выступает перед нами как полюсы производственного отношения, как единство противоположностей внутри способа производства.

Резюмируем положительные выводы из всего сказанного по вопросу о предмете политической экономии: Политическая экономия изучает производственные отношения товарно-капиталистического общества, как форму (закон) движения производительных сил на определенной ступени исторического развития и обнажает внутренние противоречия этого движения. Исследуя противоречия между производственными отношениями и производительными силами капитализма, противоречия, выражающиеся в борьбе классов капиталистического общества, политическая экономия вскрывает закон возникновения, существования,

развития и гибели капитализма, как исторически преходящей социально-экономической формации [1]).

Марксистская классификация наук построена не по формально-логическому признаку. Не мертвящий формализм лежит в ее основе, а живые реальные формы движения. Открытие общих и специфических законов движения — вот задача марксистских наук, и эта задача должна быть полностью отражена в понимании предмета политической экономии.

II. Об абстрактном труде.

Дискуссия о предмете политической экономии на ее нынешнем этапе является логическим продолжением дискуссии об абстрактном труде. И в этом вопросе позиция участников сборника вызывает большие сомнения.

Нельзя не согласиться с т. Леонтьевым, когда он критикует точку зрения т. Кона, утверждающего, что абстрактный труд есть только затрата физиологической энергии и присущ всем общественно-экономическим формациям.

Взгляды т. Кона по этому вопросу уже были подвергнуты резкой критике. Поскольку т. Кон продолжает оставаться на старых позициях, необходимо продолжать борьбу против его попыток прикрыть их именем Маркса.

Авторы сборника, повторяя приведенную уже в журнальных статьях против т. Кона аргументацию, еще раз показывают непримиримость позиции тов. Кона с системой Маркса. Бесспорно, что т. Кон здесь неправ. Бесспорно, что абстрактный труд есть категория историческая. Вся экономическая система Маркса не оставляет места для каких-либо сомнений по этому вопросу.

«Труд, создающий стоимости, — говорит Маркс, — является специфической общественной формой труда. Например, труд портного в своей материальной определенности, как особая производительная деятельность, производит одежду, а не ее меновую стоимость. Последнюю он производит не как труд портного, но как абстрактно-всеобщий труд, а этот труд зависит от общественного строя, которого портной не произвел» («Zur Kritik...», S. 13. Курсив наш. *(Г. Д. и А. Н.)*.

Здесь Маркс недвусмысленно заявляет, что абстрактный труд «зависит от общественного строя». И т. Кон никак не сможет совместить с этим заявлением Маркса свое утверждение, что «... из того, что в товарном обществе происходит сведение конкретного труда к абстрактному, совершенно не следует, что абстрактный труд является исключительно категорией товарного хозяйства». Не нужно больших усилий, чтобы убедиться в расхождении тов. Кона с Марксом в вопросе об абстрактном труде.

Эта ошибка т. Кона не случайна. Она целиком увязывается с его механистическим пониманием общественного развития, энергетической концепцией исторического процесса, которой проникнуты все его работы.

Однако дискуссия об абстрактном труде далеко не исчерпывается вопросом об историческом характере этой категории. Читатель, который следил за дискуссией, знает, что Рубин, вопреки Марксу, исключает из понятия абстрактного труда момент равенства труда как затраты однородной человеческой рабочей силы, рассматривая это равенство только как предпосылку абстрактного труда. И так как вопрос о соотношении между абстрактным трудом и равенством, труда как затраты однородной человеческой рабочей силы был центральным пунктом дискуссии с Рубиным, то мы вправе спросить тт. Борилина и Леонтьева: согласны ли они с тем пониманием абстрактного труда, которое дается автором «Очерков»? В своих статьях, опубликованных в сборнике, тт. Боролин и Леонтьев не берут учение И. И. Рубина об абстрактном труде под свою прямую защиту. Но чем об'яснить умолчание по основному вопросу политической экономии, особенно в статье, посвященной «урокам дискуссии»? Ведь, как вполне своевременно напоминает т. Леонтьев, «на теории о двойственном характере труда покоится все понимание фактов» (Маркс). Не думает ли т. Леонтьев, что на это положение Маркса можно опереться только при критике Кона, забывая его, когда речь идет в взглядах И. И. Рубина?

[1]) Мы даем более пространное определение политической экономии, чем обычно, ибо, как указывал Ленин, «слишком короткие определения, хотя и удобны, ибо подытоживают главное,—все же недостат[очны]»... Тем более недостаточны, что методология Маркса стала предмето[м о]живленной дискуссии.

Остановимся на взглядах И. И. Рубина по вопросу об абстрактном труде.

Эти взгляды претерпели солидную «эволюцию». Во втором издании «Очерков» Рубин рассматривал, как известно, субстанцию стоимости и абстрактный труд как различные понятия, соотносящиеся друг к другу как содержание и форма. Под субстанцией стоимости Рубин разумел то «материально-технический процесс», то затрату труда в физиологическом смысле (см. Очерки, 2 изд., стр. 59, 88, 105 и др.).

Противопоставление тогда шло по линии: субстанция стоимости (затрата человеческой рабочей силы) — абстрактный труд (производственное отношение между товаропроизводителями). Субстанция стоимости—содержание, абстрактный труд — форма. «Абстрактным трудом,— писал Рубин,— мы называем само производственное отношение между товаропроизводителями» (Очерки, 2 изд., стр. 112). Таким образом, абстрактный труд рассматривается Рубиным во втором издании «Очерков» только как форма организации труда и противопоставлялся субстанции стоимости.

Критика правильно отметила, что в этом противопоставлении Рубин разошелся с Марксом. Маркс неоднократно указывал, что абстрактный труд есть не что иное, как субстанция стоимости. Так, в «критике» он пишет:

«Как меновые стоимости, различной величины, они (товары *Г. Д.* и *А. Н.)* представляют большее или меньшее, больше или меньше количества простого, однообразного абстрактно-всеобщего труда, образующего субстанцию меновой стоимости» (стр. 62 русского перевода И. Рубина, 4 нем. изд. 1924 г., курсив наш. *Г. Д.* и *А. Н.)*.

Общеизвестно, что у Маркса категория абстрактного труда связана с понятием равенства труда как затраты однородной человеческой рабочей силы, хотя характеристика абстрактного труда не исчерпывается этим равенством. Поэтому, исключая из понятия абстрактного труда момент равенства «затрат человеческой рабочей силы в физиологическом смысле», Рубин впадал в явное противоречие с прямыми и не оставляющими никаких сомнений высказываниями Маркса.

Вышеочерченное разграничение абстрактного труда и субстанции стоимости понадобилось Рубину специально для того, чтобы скрыть это противоречие. Этим противопоставлением абстрактного труда субстанции стоимости, Рубин пытался об'яснить общеизвестные места, в которых Маркс включает в понятие абстрактного труда момент равенства труда как однородной рабочей силы в том смысле, что Маркс здесь, собственно, имеет-де в виду не абстрактный труд, а, отвлекаясь от общественной формы, только субстанцию стоимости («Очерки», 2 изд., стр. 105).

Но сам Рубин почувствовал всю искусственность своего построения. Вследствие этого в своем докладе в Ранионе он вступил на путь исправления своих ошибок в этом вопросе. Во-первых, он признал, что субстанцией стоимости является абстрактный труд; во-вторых, он включил в понятие абстрактного труда также равенство труда как затраты однородной челове-

ческой рабочей силы. И. И. Рубин сформулировал свое новое понимание абстрактного труда следующим образом:

«Понятие абстрактно-всеобщего труда включает в себя, конечно, и физиологический труд и социально-уравненный труд, но кроме этих двух признаков он включает еще и социальное уравнение в той специфической форме, которую он имеет в товарном хозяйстве» [1]).

Однако Рубин не удержался на этой позиции, ибо она несовместима, как правильно указал в своем выступлении сторонник Рубина — Б. С. Лифшиц, со всей концепцией автора «Очерков». Вследствие этого уже в своем заключительном слове по тому же докладу Рубин сделал поворот в сторону прежних позиций. Равенство затрат человеческой рабочей силы в физиологическом смысле снова выключается из понятия абстрактного труда и рассматривается как предпосылка последнего.

Эта же позиция сохраняется и в третьем издании «Очерков». Проводя различие между физиологически-равным, социально-уравненным и абстрактным трудом, Рубин рассматривает здесь последний как «социально уравненный труд в той специфической форме, которую он приобретает в товарном хозяйстве». («Очерки», 3 изд., стр. 154). Каково же соотношение между физиологически равным и абстрактным трудом? Первый выступает только как предпосылка последнего (Очерки, 3 изд., стр. 151, 159 и др.).

В третьем издании Рубин все же признает, что абстрактный труд является субстанцией стоимости. Но ведь как раз противопоставление субстанции стоимости и абстрактного труда имело своей целью показать «согласованность» точки зрения Рубина с пониманием абстрактного труда Маркс ом, высказанным последним на первых же страницах «Капитала».

Поэтому, отказавшись сейчас от этого противопоставления, И. И. Рубин вынужден выдвинуть для согласования своего понимания абстрактного труда со взглядами Маркса новую версию.

«Поскольку из труда, — пишет Рубин, — должна быть диалектически выведена стоимость, мы должны понимать под трудом труд, организованный в определенной социальной форме, присущей товарному хозяйству. Пока мы говорим о физиологически равном или даже социально уравненном труде вообще, этот труд не образует стоимости. К иному, более бедному понятию труда можно притти лишь в том случае, если ограничить свою задачу чисто-аналитическим сведением стоимости к труду. Если мы исходим из стоимости, как из готовой, данной социальной форму продуктов труда, не требующей особого об'яснения, и ставим себе вопрос, к какому труду можно свести эту стоимость, мы отвечаем кратко: к равному труду. Иначе говоря, если стоимость можно диалектически вывести только из абстрактного труда, отличающегося определенной социальной формой, то аналитическое сведение стоимости к труду может ограничиться констатированием характера труда, как социально-уравненного вообще или даже, пожалуй, как физиологически равного труда. Возможно, что именно этим об'ясняется тот факт, что во втором разделе первой главы I тома «Капитала», где Маркс при помощи аналитического метода сводит стоимость к труду, он подчеркивает характер труда, как физиологически равного, не останавливаясь ближе на социальной форме организации труда в товарном хозяйстве. Напротив, всюду там, где Маркс хочет диалектически вывести стоимость из абстрактного труда, он в характеристике последнего подчеркивает социальную форму труда в товарном хозяйстве» (Очерки, 3 изд., стр. 162 — 163).

Рубин противопоставляет здесь аналитический метод диалектическому. Это противопоставление с точки зрения диалектического материализма незаконно. Анализ может быть противопоставлен не диалектике, а синтезу, с которым он образует единство. Это единство анализа и синтеза есть основа абстрактного метода Маркса и является составной частью диалектического метода. «Мышление,— писал Энгельс,— состоит столь же в разложении об'ектов сознания на их элементы, как и в об'единении родственных элементов в единство. Без анализа нет синтеза» (Анти-Дюринг).

[1]) И. И. Рубин — «Абстрактный труд и стоимость в системе Маркса», это место из первоначальной стенограммы цитировалось в двух выступлениях: Г. И. Дукора, стр. 44 — 45, и Б. С. Лифшица, стр. 61.

В результате анализа мы получаем «труд вообще», «затрату человеческой рабочей силы в физиологическом смысле». Единство анализа и синтеза предполагает, что результат анализа должен стать исходным пунктом синтеза. Однако результат анализа товарно-капиталистического хозяйства — «труд вообще» по Рубину лишен специфической исторической характеристики. Исходный же пункт синтеза в политической экономии, долженствующей воспроизвести посредством мышления конкретное капиталистическое хозяйство, конечно, должен обладать такой характеристикой.

Рубин пытается найти выход в противопоставлении диалектического метода аналитическому. Результат анализа — «затрата человеческой рабочей силы» отбрасывается, оставляется за бортом политической экономии, об'является предпосылкой абстрактного труда, который, «не заключая в себе ни одного атома материи», выступает перед нами как исходный пункт «диалектического метода». Таким образом, конечный пункт анализа—«труд вообще», не развивается в исходный пункт синтеза «абстрактный труд», а помещается рядом, по соседству, как «предпосылка». Только ценою отрыва синтеза от анализа Рубину удается получить свое понятие абстрактного труда.

В знаменитом месте второго подразделения первой главы I тома «Капитала» речь идет не просто о труде, но и труде социально-определенном, о труде товаропроизводителя, образующем стоимость. Здесь дается характеристика двойственного характера труда в товарном хозяйстве. Маркс здесь не отвлекается от социальной формы труда, как уверяет И. И. Рубин, а, наоборот, предполагает здесь товарно-капиталистический характер производства. Именно поэтому труд выступает у Маркса не просто как затрата человеческой рабочей силы в физиологическом смысле, но как труд создающий стоимость, т.-е. как абстрактный труд! Следовательно, аналитически «сводя» стоимость к труду, как «человеческому труду без всякого дальнейшего качества» и синтетически переходя от труда к стоимости, Маркс имеет в виду «труд вообще», в условиях товарного хозяйства, выступающий поэтому, как труд, образующий стоимость, как абстрактный труд. Таким образом, «труд вообще» или затрата человеческой рабочей силы не остается в качестве результата анализа за пределами синтеза, но в определенных социально-историческихи условиях он становится исходным пунктом синтезна и включается в понятие абстрактного труда. Что это именно так, видно из той роли, которую абстрактный труд играет в товарном хозяйстве. Общество прежде всего выступает как сочетание человеческих деятельностей. Поэтому труд членов общества есть всегда часть общественного труда, который реализуется для общества в продукте труда, представляющем своими свойствами также и специфические особенности создавшего его труда.

В организованном обществе, где производство осуществляется по заранее установленному плану, труд как в самом процессе производства, так и после него в его продукте выступает как непосредственно общественный труд. Поэтому здесь нет общественной формы труда, отличной от его конкретной формы, как нет и формы продукта труда, отличной о тего натуральной формы. Труд выступает в организованном обществе как непосредственно общественный труд во всей своей конкретности. Совершенно иную картину мы имеем в товарном хозяйстве. Здесь труд отдельного товаропроизводителя является непосредственно частным и лишь скрыто общественным. «Общественное рабочее время,—говорит Маркс,—заключается в товарах в скрытой форме и обнаруживается лишь в процессе обмена. Возникает вопрос, каким образом частный (и лишь скрыто общественный труд) входит в общественный «обмен веществ».

С одной стороны труд товаропроизводителя должен удовлетворить определенной общественной потребности, т.-е. выступить как труд конкретный, а с другой — он должен притянуть другие специфические виды труда, которым он должен противостоять, как «равный», «однородный» труд. Он должен быть представлен как всеобщий, не теряя одновременно своей специфической формы.

Только обнаружив свое равенство с различными видами труда в процессе всестороннего отчуждения на рынке, труд отдельного товаропроизводителя реализуется как часть совокупного общественного труда. Поэтому однородность всеобщность труда должна быть свойственна всем видам труда, несмотря на их специфические черты. Но эта однородность не может быть выдумана или искусственно установлена. Она может состоять лишь в том, что есть действительно общего в труде. Что же общего между различными видами труда? То, что они являются затратой однородной рабочей силы [1]. Только обнаружив свое равенство, как затраты однородной человеческой рабочей силы, частный труд принимает форму, в которой он может реализоваться как труд общественный. Именно поэтому в обществе товаропроизводителей общечеловеческий характер труда, всеобщность труда является общественной формой труда.

«В пределах этого (товарного мира),— говорит Маркс,— всеобщий человеческий характер труда есть его специфически общественный характер». Общечеловеческий характер труда существует при всех общественно-экономических формациях, но только в товарном хозяйстве он выступает, как специфически общественная форма труда, т.-е. как абстрактный труд. Под абстрактным трудом, таким образом, Маркс понимает не просто общечеловеческий характер труда, как затрату однородной человеческой рабочей силы,— как думает тов. Кон,— а ее затрату в определенных социально-исторических условиях, при которых «всеобщий характер обособленного труда» выступает, «как его общественный характер» («Zur Kritik», стр. 71).

Тем самым абстрактный труд, т.-е. труд, создающий стоимость, приобретает социально-историческую определенность.

Маркс говорит, что «условия труда, определяющего меновую стоимость, как они вытекают из анализа меновой стоимости, суть общественные определения труда или определения общественного труда, но не просто общественного вообще, а общественного в особенной форме. Эта общественность имеет специфический характер». В чем же заключается специфически-общественный характер труда, определяющего стоимость? «Прежде всего, неразличимая простота труда есть равенство труда различных индивидов, взаимное отношение их труда, как равного, а именно путем фактического приведения всех видов труда к однородному труду». («К критике»..., 1929 г., стр. 65).

И. И. Рубин и его ученики нас уверяют, что когда Маркс говорит о всеобщности и равенстве труда, он имеет в виду не физиологическую однородность труда. Но это же явное насилие над Марксом! Ведь не кто иной, как Маркс неустанно повторял, что в процессе всестороннего отчуждения труда на рынке, труд товаропроизводителей обнаруживает свое равенство как затрата однородной человеческой рабочей силы.

---

[1]) «Сюртук представляет стоимость,—писал Маркс в I изд. I тома «Капитала»,—лишь потому, что он вещественное выражение человеческо[й] рабочей силы, израсходованной на его производство, следовательно, отвердевший или застывший абстрактный человеческий труд; абстрактный потому, что здесь не обращается внимания на определенный, полезный характер его; человеческий — потому что труд считается здесь только, как трата человеческой рабочей силы вообще» (Изд. 1872 г., стр. 663).

«Труд, реализованный в товарной стоимости,— говорит Маркс,— получает не только отрицательное выражение, как труд, от которого отвлечены все конкретные формы и полезные свойства действительных работ, но, кроме того, отчетливо выступает вперед и его положительная природа. Последняя состоит в сведении всех действительных видов труда к общему характеру труда, к затрате человеческой рабочей силы». (Капитал, 1, 34).

Но у Рубина имеется одно возражение против включения физиологического равенства труда в понятие абстрактного труда.

«Маркс не уставал повторять,— пишет Рубин,— что стоимость есть явление общественное, что бытие стоимости (Werfgegenständlichkeit) имеет «чисто общественный характер» и не заключает в себе ни одного атома материи» (К., I, с. 14). Отсюда вытекает, что и абстрактный труд, отражающий стоимость, должен быть понимаем, как категория социальная, в которой мы не найдем ни одного атома материи. Одно из двух: если абстрактный труд представляет затрату человеческой энергии в физиологическом смысле, то и стоимость имеет вещественно-материальный характер. Или же стоимость есть явление общественное,—тогда и абстрактный труд тоже должен быть понимаем, как явление социальное, связанное с определенною общественною формою производства. Также невозможно примирить физиологическое понимание абстрактного труда с историческим характером образуемой им стоимости...» («Очерки», 3 изд., стр. 149—150).

Здесь верное удивительно переплетается с глубоко ошибочным. Верно, что «Маркс не уставал повторять, что стоимость есть явление общественное». Верно, что предметность стоимости (Wertgegenständlichkeit) не заключает в себе ни одного атома природного (натурального), вещества (Naturstoff) Однако, глубоко неверно делать отсюда вывод, что абстрактный труд не за-

---

[1]) Как мы видели из приведенной выше цитаты из Рубина, последний рассматривает абстрактный труд, как нечто нематериальное, где мы не найдем ни одного «атома материи». А. Леонтьев упрекает И. И. Рубина в том, что такое утверждение может дать повод к недоразумениям и покоится у автора «Очерков» на неточном переводе следующей фразы из Маркса: «Im geraden gegenteil zur sinnlich groben gegenständlichkeit der Warenkörper gent kein Atom Naturstoff in ihre Wertgegenständlichkeit ein». (Das Kapital, B. I, S. 14).

«Рубин переводит: «Kein Atom Naturstoff» — ни одного атома материи. «Нам представляется,— говорит Леонтьев,— что во избежание всяческих недоучетов следовало бы в данном случае придерживаться более точного буквального перевода: ни одного атома природного (или естественного) вещества, именно так переведено это место в наиболее распространенном базаровско-степановском переводе (см. ГИЗ, 1920 г. и ГИЗ 1928 г.). При этаком способе перевода каждому, даже не очень догадливому критику, сразу станет ясно, что об отрыве социального и материального нет речи, что речь идет лишь о противоположности между социальным и натуральным, о различии между общественным и природным, естественным» (стр. 24).

Мы здесь привели эти длинные рассуждения тов. Леонтьева, чтобы показать, что, во-первых, он признает «материальность» абстрактного труда, рассматривая его, как социальную материю, и, во-вторых, что он сам неверно понимает смысл приводимой фразы из Маркса. На самом деле, разве в приводимой им цитате из Маркса у последнего речь идет об абстрактном труде или субстанции стоимости? Маркс здесь говорит о Wertgegenständlichkeit, но только Базаров и Степанов переводят Wertgegenständlichkeit, как субстанцию стоимости. Перевод же Базарова и Степанова не точен. С этим согласен и И. И. Рубин. Под «Wertgegenständlichkeit» Маркс понимает вещную форму выражения субстанции стоимости в продукте труда, а не самую субстанцию стоимости. «Овеществление» абстрактного труда (субстанции стоимости) придает продукту труда особую стоимостную форму Wertgegenständlichkeit , которая означает лишь предметное выражение труда в товаре. С точки зрения тех, кто отождествляет труд со стоимостью, вполне «логично» переводить «Wertgegenständlichkeit», как субстанцию стоимости, но мы не думаем, чтобы тов. Леонтьев стал в этом вопросе на позиции тов. Кона, который, как известно, стоимостью называл труд, затраченный на производство товара. Раз тов. Леонтьев взялся исправить неточности перевода И. И. Рубина, то нужно быть последовательным до конца и не пользоваться при этом ошибками, допущенными при переводе Базаровым и Степановым. Правильное понимание понятия Wertgegenständlichkeit, которое Маркс употребляет очень часто и в которое он вкладывает определенное содержание, имеет огромное значение для правильного понимания марксовой теории стоимости.

ключает ни одного «атома материи». Рубин не сможет найти во всех работах Маркса ни одного заявления о том, что труд, образующий стоимость, субстанция стоимости, не обладает свойствами действительной производительной деятельности, траты человеческой рабочей силы. Наоборот, и «К критике» и «Капитал» свидетельствуют, как известно, об обратном. В подтверждение точки зрения Рубина, можно было бы только привести неверный перевод Базарова и Степанова, которые перевели «Wertgegenständlichkeit» как субстанцию стоимости,— в результате чего получилось, что «субстанция стоимости», т.-е. абстрактный труд не заключает в себе ни одного атома «природного вещества». Но сам Рубин признает, что перевод Базарова и Степанова неверно передает мысль Маркса.

Однако, если абстрактный труд по Марксу включает затрату человеческой рабочей силы, однородной в физиологическом смысле, то нельзя ли отсюда сделать вывод, что Маркс был сторонником вульгарного, грубого материализма, в чем его неоднократно упрекали буржуазные критики?

Этот вывод был бы уместен лишь в том случае, если бы Маркс понимал овеществление труда в стоимости, как конденсацию человеческой энергии, если бы Маркс стал на энергетическую точку зрения в теории стоимости. Но ведь этого нет. Ведь Рубин, вслед за Марксом, учил нас не понимать овеществление труда в стоимости «по шотландски». («Очерки», стр. 360—361).

«Однако, нельзя,—писал Маркс,—так «по-шотландски» понимать овеществление труда, как понимал его Смит. Если мы говорим о товаре, как об овеществлении труда,—а в смысле его меновой стоимости,—то речь идет у нас только о воображаемой, т.-е. только о социальной форме существования товара не имеющей ничего общего с его вещественным существованием; мы представляем его себе в виде определенного количества общественного труда или денег. (Теории, I, стр. 179).

Маркс, таким образом, рассматривал стоимость не как конденсацию мускулов, нервов, а как своеобразный, исторически определенный способ выражения общественного труда.

«В действительности,— пишет Маркс,— стоимость представляет собой только вещно выраженное отношение производительных деятельностей». (Теории, т. III). Если бы Маркс отождествлял стоимость с трудом, то И. И. Рубин был бы прав в его выводах. Но как раз у Маркса, как доказывает и сам И. И. Рубин, этого отождествления нет. Поэтому приведенное выше противопоставление Рубина (или абстрактный труд «материален», тогда и стоимость «материальна», или стоимость «нематериальна»,— тогда и абстрактный труд лишен «материальности») покоится на ничем не обоснованной подмене правильного понимания «овеществления», которое по существу развивает И. И. Рубин неправильно, против которого он сам полемизирует.

Но перейдем к авторам нашего сборника. Тов. Леонтьев, раз'ясняя И. И. Рубина, утверждает «материальность абстрактного труда». Поэтому очень странно звучат следующие слова тт. Греблис, Коровая и Степанова:

«Маркс связывал двойственную «природу» товара (потребительная стоимость и стоимость) с двойственной «природой» труда, создающего товар. Он связывал конкретный, особенный полезный материальный труд с процессом создания потребительной стоимости абстрактный труд—с процессом образования «создания стоимости. Труд образующий стоимость, носит чисто общественный характер». (Стр. 49).

Всякий непредубежденный читатель может здесь сделать лишь один вывод, а именно, что наши авторы, подобно И. И. Рубину, противопоставляют материальный характер конкретного труда общественному характеру абстрактного труда, рассматривая последний как нечто нематериальное. Однако, как примирить противопоставление общественного характера абстрактного труда его материальности с правильным рассуждением тов. Леонтьева, «что для марксиста не может быть и речи о противопоставлении социального явления (если под этим понимать не общественное сознание, а реальные общественные отношения между людьми) материальному. Социальное явление может и должно противопоставляться натуральному явлению. Социальное и натуральное представляют собою в свою очередь две части, две стороны материального мира, между этими областями налицо диалектическая взаимосвязь»? (стр. 14). Вы слышите, тт. Коровай, Греблис и Степанов: для марксиста и речи быть не может о противопоставлении социального материальному! А вы упорно продолжаете противопоставлять. Действительно, «гони природу в дверь, она войдет в окно». Понятно, гораздо легче и проще повторять общеизвестные положения диалектического материализма, чем применять их при анализе действительных реальных отношений. Мы не сомневаемся, что тт. Греблис, Коровай и Степанов полностью согласятся с вышеприведенным заявлением А. Леонтьева (еще бы — пропобовали не согласиться!). Но когда они приступают к анализу капиталистической действительности, они почему-то их «забывают». Но и здесь верным остается положение, что критерием истины является практика. Истина для них по правильному выражению А. Леонтьева «становится острее лезвия ножа» (стр. 14).

Но откровение тт. Греблиса, Коровая и Степанова в вопросе об абстрактном труде этим не исчерпывается:

«Тот факт,—говорят они,—что «ряд количественных признаков, отличающих труд с материально-технической и физиологической стороны», оказывает причинное влияние на количественную определенность абстрактного труда, не дает нам основания для отождествления социального равенства трудовых затрах с их физиологическим равенством. Они не совпадают ни качественно, так как одно есть выражение общественного труда, а другое характеризует труд с его естественной стороны, ни количественно, так как количество абстрактного (общественного) труда вовсе не обязательно совпадает с *количеством конкретного труда или физиологической затраты* (курсив наш. *Г. Д.* и *А. Н.)*, хотя само собою понятно, что изменения количества абстрактного труда обуславливаются количественным изменением в затратах конкретного труда» (стр. 54).

До появления статьи тов. Греблиса, Коровая и Степанова, все думали, что физиологическая затрата противоположна конкретному труду. Все исходили из противопоставления конкретного труда — физиологически-равному труду в товарном хозяйстве. Об этом также недвусмысленно многократно говорил и Маркс. Так, например, в I томе «Капитала», на стр. 3 мы читаем:

«Когда продукты труда перестают быть полезностями, то вместе с тем воплощенный в них разнообразный труд утрачивает свой полезный характер, и, стало быть, различие конкретных форм этого труда исчезает: они уже больше не отличаются друг от друга, и все сводятся к равному человеческому труду, выражают абстрактный человеческий труд»

Но что Маркс? Приходят Греблис, Коровай и Степанов и уверяют нас, что конкретный труд тождественен с понятием физиологического равенства труда. Никакого другого вывода из их положения, что «количество абстрактного (общественного) труда вовсе не обязательно совпадает с количеством конкретного труда или (!) физиологической затраты», сделать нельзя. Конкретного труда или физиологической затраты» — вот до чего договорились наши авторы! Как не вспомнить при этом французскую поговорку о словах, которые вопиют при их соединении. Если бы они сказали, что всякий конкретный труд есть физиологическая затрата в определенной полезной форме, и наоборот: всякая физиологическая затрата может осуществиться только в той или иной полезной форме, то они были бы правы. Но они утверждают нечто большее. Они отказываются от различия между полезной формой, в которой физиологическая затрата осуществляется, с самой этой затратой. Однако, отказаться от этого различия—значит закрыть себе путь к пониманию двойственного характера труда в товарном хозяйстве.

Все злоключения наших авторов происходят оттого, что их понимание абстрактного труда, как формы труда, лишенной всякого материального содержания, лишает их возможности придать количественную определенность абстрактному труду. Поэтому количественную характеристику абстрактный труд получает у них от конкретного труда [1]) (см. стр. 54—55). Но если рассматривать различные конкретные виды труда только с количественной стороны, то они выступят перед нами как определенные количества затрат однородной человеческой рабочей силы в физиологическом смысле. Поскольку наши авторы вслед за Рубиным исключают затрату человеческой рабочей силы из понятия абстрактного труда, а количественную характеристику труда они выводят из конкретного труда, то им остается только поставить знак равенства между конкретным трудом и физиологически равным трудом. Вместо того, чтобы рассматривать физиологически равный труд и конкретный труд как различия внутри единства, они отождествляют одно с другим. И это называется диалектикой!

* * *

Сопоставление ошибок И. И. Рубина в вопросе о предмете политической экономии с его точкой зрения на абстрактный труд показывает, что мы имеем здесь дело не с отдельными извращениями теоретической системы Маркса, а с определенной системой извращений, системой ошибок. Правда, наряду с неправильными положениями, И. И. Рубин выдвинул положения, которые способствовали и способствуют усвоению экономической системы Маркса. Однако, неправильная линия И. И. Рубина, подчас теряясь в грудах компромиссных формулировок и правильных самих по себе цитат, снова и снова прорывается наружу в трактовке отдельных проблем политической экономии.

Вся «эволюция» И. И. Рубина по существу имела своей целью прикрыть путем изменения некоторых формулировок, путем компромиссных решений свой конфликт с Марксом. И как не вспомнить в этих условиях характеристику, данную Марксом Шеллингу, что все искусство последнего состояло не в том, чтобы открыть скрытое, а в том, чтобы скрыть открытое.

Позиции диалектического материализма в политической экономии можно отстоять лишь в борьбе как против механистических тенденций Кона и др., так и против идеалистических и механистических ошибок И. И. Рубина, прикрываемых и защищаемых не только им самим, но и участниками сборника «Против механистических тенденций в политической экономии».

---

[1]) В этом они следуют за И. И. Рубиным, который пишет: «количество абстрактного труда определяется количеством действительно затраченного в материальном процессе производства конкретного труда» («Очерки», 3-е издание, стр. 361). При рубинском понимании абстрактного труда нельзя правильно поставить вопрос о количественной характеристике абстрактного труда. Здесь возможно или отождествление конкретного труда с физиологически равным трудом, что делают т.т. Греблис, Коровай и Степанов и которое имеет место у И. И. Рубина, или вращение в порочном кругу, как это особенно ярко обнаружил И. И. Рубин в главе «Равенство товаров и равенство труда», стр. 113. Здесь Рубин, с одной стороны, заверяет, что понятие равенства труда соответствует моменту равновесия. Равновесие же между различными видами труда,—говорит он,—предполагает равенство выгод для товаропроизводителей. Равенство же выгод в простом товарном хозяйстве выражается в равенстве труда. Но что такое равенство труда? Равенство труда, — говорит Рубин, — соответствует состоянию равновесия труда между различными отраслями. Таким образом, тут явный порочный круг: равенство труда выводится из равновесия труда, а равновесие труда из равенства труда .

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

ОБ ОДНОЙ ПОЛИТИЧЕСКИ ВРЕДНОЙ КНИГЕ.

(А. Айхенвальд. Советская экономика. Экономика и экономическая политика СССР. С предисловием Н. И. Бухарина. ГИЗ. 1929 г. Стр. 367).

Книга тов. Айхенвальда «Советская экономика» вышла в настоящем году пятым изданием с пятидесятитысячным тиражем. Общий тираж книги по всем изданиям достиг 100 тыс. экземпляров. Кроме того, она переведена на украинский язык. Несомненно, что это один из наиболее распространенных у нас учебников экономической политики.

Это обстоятельство заставляет отнестись с сугубым вниманием и интересом к политической линии, проводимой автором, к принципиальным установкам книги.

Вооружает ли она своих многочисленных читателей пониманием генеральной линии партии в хозяйственном строительстве? Развертывает ли она достаточно четко план великого социалистического наступления наших дней? Т. Бухарин в предисловии к книге относит к ее достоинствам «последовательность политической линии». Действительно, автору нельзя отказать в последовательности. Но какова та линия, которую он последовательно защищает?

Характерно, что, переиздавая книгу в пятый раз, автор не вносит никаких дополнений и изменений к тому первоначальному тексту, который был написан в начале 1927 года, до XV с'езда партии. Повидимому, автор считает, что решения XV с'езда не вносят ничего существенного в экономическую политику партии и не заслуживают того, чтобы быть отмеченными на страницах его учебника. Или, может быть, автор полагает, что он в своем тексте настолько правильно предвосхитил эти решения, что о них не стоит особо говорить?

Правильно понять и изложить экономическую политику советской власти можно только в том случае, если она рассматривается в свете основной задачи пролетариата в переходный период — задачи построения социализма. В соответствии с этим обычно строится изложение курса в учебниках экономической политики (Сегаль и Таль, учебник шести авторов): сначала освещается генеральная линия партии, курс на индустриализацию страны и коллективизацию сельского хозяйства, и в свете этой генеральной линии рассматривается система экономических мероприятий в отдельных отраслях хозяйства

У тов. Айхенвальда изложение построено иначе Его вводная глава, дающая принципиальное обоснование нашей экономической политики, носит название «Этапы рабоче-крестьянского Союза и развитие советской экономической политики», после чего автор непосредственно переходит к вопросам промышленной, сельско-хозяйственной, торговой и финансовой политики. Проблема индустриализации страны освещена лишь в заключительной главе книги. Такое построение книги не случайно, оно отражает руководящую идею автора, рассматривающего «союз рабочего класса с крестьянством» вне общих задач социалистического строительства.

Между тем, Ленин учит нас, что «соглашение, с точки зрения рабочего класса, лишь тогда является допустимым, правильным и принципиально возможным, когда оно поддерживает диктатуру рабочего класса и является одной из мер, направленных к уничтожению классов».

Азбукой ленинизма является учение о союзе рабочего класса с основной массой крестьянства. Это необходимейшее условие, при помощи которого пролетариат осуществляет свою основную задачу — уничтожение классов и построение социализма. Но у Айхенвальда это средство превращено в самоцель. И отсюда с неизбежностью потускнела, отодвинулась в «туманные дали», потеряла свое действенное значение в изложении автора боевая задача пролетарской диктатуры — построение социализма в СССР.

При постановке проблемы смычки пролетариата с крестьянством в настоящих условиях, автор исходит, прежде всего, из мелкособственнической природы крестьянина. «На основе победы над буржуазно-помещичьим строем рядовой мужик-середняк хочет развернуть свое мелкое хозяйство, хочет избавиться от нищеты, хочет разбогатеть»... «Надо добиться, чтобы была смычка между пролетарским

стремлением к социалистическому хозяйству и стремлением мелкого собственника к богатому хозяйству» [1]).

В другом месте эта центральная идея автора формулирована еще выразительнее и сочнее:

«Стихийную мелкобуржуазную экономическую силу, напор 22 — 24 млн. крестьянских дворов, стремящихся к богатству, к наживе, к торговому интересу необходимо не уничтожать, а направить по новому руслу и использовать эту силу, этот напор, это стремление к наживе, как основу и двигатель социалистического строительства». (Курсив наш. В. Р.) [2]).

Итак — «обогащайтесь»! При этом тов. Айхенвальд совсем не отмечает той существенной стороны дела, что мелко-товарное хозяйство «ежедневно, ежечасно рождает капитализм» (Ленин), что поэтому процесс обогащения индивидуального хозяйства об'ективно и неизбежно является процессом роста капиталистических элементов. Мы увидим дальше, к каким серьезным ошибкам это приводит автора.

Но еще более поразительно то, что автор никак не связывает осуществление лозунга «обогащайтесь» с классовой борьбой внутри деревни. Декларируя необходимость, чтобы «деревня богатела не по-старому, не по-капиталистически, а по-новому, по-социалистически», автор тут же ничтоже сумняшеся, прибавляет «наша задача добиться того, чтобы поднималось все крестьянство». (Разр. наша. *В. Р.*). [3]).

Неужели тов. Айхенвальду неизвестна та азбучная истина, что рост кулацкой верхушки деревни идет за счет бедноты, ее эксплоатации и закабаления, и что, с другой стороны — рост этот усиливает влияние кулака и является поэтому величайшим тормозом социалистической переделки деревни. В бесклассовых построениях тов. Айхенвальда нет места внутрикрестьянской борьбе. У него мирненько, рядышком поднимается все крестьянство (в том числе и кулацкое), и в то же время деревня, по его мнению, «богатеет по-социалистически».

Эта установка совершенно гармонирует с общей позицией книги по вопросу о кулаке. В курсе нигде ничего не сказано о необходимости наступления на кулака. Наоборот, автор считает, что «если бы власть стремилась задавить, обобрать всякого богатого крестьянина, вышло бы то, что личное богатство стало бы преступлением и крестьянин боялся бы поднимать свое хозяйство» [4]).

Вместо борьбы с кулаком, автор стоит на позиции сотрудничества с ним. Он пишет: «Почти все нити, соединяющие мелких сельско-хозяйственных или кустарных капиталистов с широким рынком (переработка, транспорт, хранение, торговля), собраны в государственных руках. Так же обстоит дело с кредитным рычагом. Наконец, новую технику капиталисты получают из социалистических предприятий, в частности, электрическая энергия государственных станций окончательно превратит всякое капиталистическое производство в продолжение государственного хозяйства (!). (Разр. наша. *В. Р.*) [5]).

Для лучшей организации сотрудничества, автор прямо предлагает кулацкую кооперацию. «Крупную роль,—пишет он,—сыграет об'единение мелких капиталистиков в кооперацию. Находясь под руководством кооперативных центров и государственных предприятий, подвергаясь их контролю и регулированию, такие кооперативные об'единения будут являться одним из видов госкапитализма» [6]).

Во многих других местах книги говорится, кроме того, об использовании кулацких накоплений через кредитную систему.

Итак, «капиталистик» тов. Айхенвальда родной брат того, печальной известности, кулака, который, овладевая отдельными кооперативными гнездами, «врастал в социализм». Бухаринская концепция «врастания кулака в социализм» в книге тов. Айхенвальда конкретизирована и развита с полной ясностью. Нет нужды говорить о том, как вопиюще непримиримо противоречит эта концепция решению XV с'езда партии о форсированном наступлении на кулака. Вместо того, чтобы дать развернутое экономическое обоснование этому решению, чтобы вывести необходимость наступления на кулака из борьбы за социалистический путь развития деревни, автор сеет вредную иллюзию мирного сосуществования двух путей развития — капиталистического и социалистического, прикрывая первый фиговым листком госкапитализма

Но как мыслит Айхенвальд самый социалистический путь развития деревни? Этот вопрос приходится ставить, принимая во внимание, что автор предполагает впречь в колесницу социализма стремление к богатству индивидуального крестьянина. Переделка крестьянского хозяйства стоит у Айхенвальда на двух китах. Это торговая смычка деревни с городом и кооперация.

[1]) Айхенвальд. Советская экономика. Стр. 31 — 32.
[2]) Там же, стр. 275.
[3]) Там же, стр. 131.
[4]) Там же, стр. 169.
[5]) Там же, стр. 276.
[6]) Там же, стр. 277.

Крестьянин — мелкий товаропроизводитель руководится исключительно рыночным интересом. Поэтому, наиболее действительны для его хозяйства те влияния, какие идут от рыночной стихии.

«Вместо того, — говорит Айхенвальд, — чтобы по плану приказывать крестьянину засеять побольше земли и провести такие-то улучшения, советская власть стремится, чтобы рынок показал крестьянину, что его же собственная выгода требует большого посева, хорошей обработки, введения севооборота, технических растений и т. д.» [1]).

Это верно. Но неверно, как думает Айхенвальд, что достаточно овладеть рыночными каналами, путями рыночного воздействия на крестьянское хозяйство, чтобы проблема пролетарского руководства развитием сельского хозяйства была уже решена. Между тем, тов. Айхенвальд понимает смычку с сельским хозяйством исключительно как смычку торговую.

«Эта смычка (промышленности и сельского хозяйства) устанавливается тем, что советские предприятия организуются по-торговому и через рынок связываются с крестьянским хозяйством в одно экономическое целое», пишет он.

Признавая необходимым, «чтобы социалистическое руководство охватывало самые корни мелкотоварного развития» (очень хорошо!), — тов. Айхенвальд считает вместе с тем, — «что это стало возможно тогда, когда социалистическое хозяйство сумело перевести свою работу на рыночные начала, сумело овладеть важнейшими торговыми путями и высотами и сделать рыночную связь проводником своего воздействия. Тогда та основная торговая среда, в которой развивается мелкотоварное хозяйство, перестала тянуть его исключительно к капитализму» [2])

Совершенно недостаточно в настоящее время ограничивать путь воздействия пролетариата на крестьянство товарооборотом. В этой постановке вопроса у автора дает себя знать более общая ошибка — непонимание новой фазы в развитии нэпа в связи с вступлением народного хозяйства в реконструктивный период. Сводя все значение нэпа к развязыванию товарооборота, к стимулированию крестьянского хозяйства через рынок, автор не понимает того, что с этого началось наше воздействие на сельское хозяйство. Автор ссылается при этом на указание Ленина, который писал:

«Торговля — вот то звено в исторической цепи событий и в переходных формах нашего социалистического строительства 1921—22 года, за которое надо всеми силами ухватиться нам, пролетарской государственной власти, нам, руководящей коммунистической партии» [3]). (Разрядка наша. *В. Р.*).

Следуя точно этому указанию, мы ухватились за это звено и цепью овладели. Сельское хозяйство, стимулированное развертыванием товарооборота, стало восстанавливаться и развиваться. Но в процессе этого развития наросли новые противоречия, встали новые задачи. Дальнейшее движение уперлось в раздробленность сельского хозяйства, в его мелкотоварный характер. В сельском хозяйстве нельзя быстро двигаться вперед, не идя к его обобществлению. Этому бешено сопротивляется кулачество, которое пытается само возглавить движение крупного хозяйства, повести его по капиталистическому пути. Проблема «кто кого» из области товарооборота перенесена в область сельско-хозяйственного производства и поставлена с небывалой остротой. Социалистическое руководство пролетариата выражается в том, что он мобилизует широчайшие середняцкие массы на переделку самого производства, усиливает непосредственное снабжение деревни сельхозмашинами, помогает крестьянству перестроить энергетическую базу крестьянства, пересесть с лошаденки на трактор. А тов. Айхенвальд не находит ничего лучшего, как выступать в этой обстановке с концепцией узко-торговой смычки и провозглашать рыночную стихию единственным проводником пролетарского воздействия на сельское хозяйство!

С тем же торговым рыночным подходом пытается тов. Айхенвальд разрешить центральную проблему переделки сельского хозяйства — проблему кооперации. Величайшие пиэтет перед мелкособственнической природой крестьянина и его жаждой наживы делает его в этом вопросе сугубым постепеновцем и приводит к подлинному опошлению ленинского кооперативного плана. Эта установка лучше всего отразилась в следующей сентенции автора:

«Прежде всего, нужно начинать переделку сельского хозяйства с доступного, понятного, выгодного, именно среднему рядовому мужицкому хозяйству. Надо не огорошивать крестьянина чем-то новым, неслыханным, чем-то чуждым (например, запрещение торговли, посев по плану и т. д.), надо, наоборот, считаясь с его

[1]) Там же, стр. 135.
[2]) Там же, стр. 279.
[3]) Ленин, т. XVIII, ч. 1.

привычками, с укладом его мелкого частного хозяйства, постепенно показывать ему сначала небольшие, сравнительно мелкие улучшения, в ближайшее же время укрепляющие его хозяйство и приносящее ему очевидную пользу, прямую выгоду, даже попросту прямую наживу» [1]). Здесь нельзя не остановиться, чтобы поставить тов. Айхенвальду такой вопрос: как отнесутся учащиеся, усвоившие из учебника Айхенвальда отвращение ко «всему» новому, чуждому для крестьянина, к таким, например, мероприятиям советской власти как контракционные договора с целыми деревнями, сплошная коллективизация районов; машинотракторные станции, производственное целевое снабжение, общественные меры воздействия на производство и т. д. Тов. Айхенвальд прямо опорачивает важнейшие мероприятия партии и советской власти, подлинно революционирующие советское хозяйство.

При этом Айхенвальд думает, что он в точности следует ленинским заветам, опираясь при этом на отдельные цитаты из известных статей Ленина, относящихся к 21 году. Но неужели автор не понимает, что вопрос о смычке пролетариата с крестьянством надо ставить диалектически во всех связях и опосредствованиях, что совсем иначе стоял этот вопрос, когда промышленность только начинала выходить из тяжелой разрухи и сейчас в реконструктивный период нэпа, когда она может снабжать деревню десятками тысяч тракторов и др. сельскохозяйственных машин.

Исходя из своей выше очерченной установки автор, естественно, ограничивает задачи кооперирования: «Торговые, сбытовые об'единения, таково очередное звено, теперешняя, первая ступенька социалистической переделки основной массы крестьянства,—пишет он [2]).

При этом оказывается, что коллективизация даже в самое понятие кооперации не входит. На странице 165 мы находим такой заголовок: «Роль кооперации в деле коллективизации». Откуда такой странный оборот речи? Ведь вопрос о соотношении этих двух понятий уже ставился однажды в партийной печати и было выяснено, что коллективизация есть составная часть кооперации, ее высшая форма. Но у автора разделение этих двух понятий проходит красной нитью через все изложение, искажая тем самым ленинский кооперативный план.

Размежевание между колхозами и коопрацией автор производит, так сказать, в пространстве и во времени. По первой линии автор отводит колхозам бедняцкий сектор. Что же касается середняков, основной массы деревни, то они должны кооперироваться по линии сбыта, снабжения и кредита.

«Нельзя упускать из вида,—пишет он,—что разные виды крестьянских хозяйств будут существенно разными путями подходить к коллективизации. Если для крестьянского хозяйства путь коллективизации лежит через кооперирование в области обращения, т.-е. в области сбыта и снабжения, то для бедняцких хозяйств такой путь немыслим, им торговать почти нечем, излишки у них слишком невелики и потому их коллективизация начинается с налаживания совместного производства, с артели, коммуны или товарищества по общественной обработке земли» [3]).

Но почему же нельзя проводить коллективизацию середняцких хозяйств? Оказывается, для этого есть следующие« серьезные» экономические обоснования:

«Переработка и торговля уже сейчас могут быть организованы как более или менее крупные предприятия. По другому обстоит дело с непосредственными сельскохозяйственными работами. Чтобы перевести их из области частных обособленных хозяйств в область крупных коллективных предприятий, необходимо создать соответственную техническую базу, которая диктовала бы крестьянам необходимость производственного об'единения [4])».

Отсюда автор делает следующий вывод: до тех пор, пока через снабженческую кооперацию не будет проведено в деревню необходимое количество сельскохозяйственных машин и тракторов, ставить вопрос о коллективизации середняцкого хозяйства несвоевременно.

Вот уже где подлинно рукамиразведешь! Разумеется, коллективизация немыслима без подведения под нее технической базы, без индустриализации страны. Но совершенно непонятно, почему трактора, машины, электрические установки должны притти в деревню через снабженческую кооперацию, а не непосредственно через колхоз. Почему необходимо, чтобы государство сначала передало в руки снабженческой кооперации техническую базу, а уже затем началась под этим влиянием, как это изображено у автора, тяга крестьян к колхозу?

Все вопросы здесь поставлены на голову, ибо только через коллективизацию возможны подведение новой технической базы и техническая революция сельского хозяйства. С одной стороны, об'единение крестьянства в колхозы, с другой, техническая реконструкция—две стороны одного и того же процесса теснейшим образом связанные между собой и взаимообуславливающие друг друга. И если растущая тяга крестьянства в колхозы определяется размерами тех средств производства, которые могут быть им переданы со стороны государства, то с другой стороны сама эта тяга толкает промышленность к усиленному производству сельскохозяйственного оборудования.

[1]) Айхенвальд, «Советская экономика», стр. 136.
[2]) Там же, стр. 179.
[3]) Там же, стр. 165.
[4]) Там же, стр. 165.

«Двухступенчатый» план тов. Айхенвальда — сначала сельхозкооператив, а потом колхоз—таят в себе еще одну опасность: если крупные сел.-хоз. машины пойдут в деревню не непосредственно в коллективные об'единения, то они могут просочиться и в известной мере неибежно должны просочиться под той или иной вывеской в руки кулака, ибо кулак не может не вести бешенной борьбы за овладение новой техникой.

Эта надуманная худосочная аргументация нужна для того, чтобы оправдать скептическое отношение правого уклона к широкой и массовой коллективизации крестьянского хозяйства.

И совершенно естественно, когда из всего предыдущего тов. Айхенвальд делает такой вывод:

«Неправильно было бы ожидать, что мы сможем сейчас же тянуть большинство крестьян в колхозы... Главную массу крестьянства можно подвести к социализму только через предварительную организацию совместной торговли, поэтому—«столбовая дорога к социализму» для массы крестьянства это — кооперация» [1]).

Итак настоящее слово сказано! Не колхозы, а «кооперация». Так извращен ленинский кооперативный план.

Непонимая настоятельной экономической необходимости переделки сельского хозяйства, не видя развертывающейся классовой борьбы в деревне т. Айхенвальд пытается внушить своему читателю, что дело коллективизации надо «осуществить» медленным шагом, робкимз игзагом, не увлекаясь, приспособляясь, что в этом вопросе вместо действенной линии нужна ставка на «самотек». Всякому ясно, непримиримое противоречие между всей этой постепеновщиной и партийной линией, намеченой XV с'ездом и осуществляемой пятилетним планом реконструкции сельского хозяйства.

Итак, оглянемся на пройденный путь, по которому мы следовали за автором. Перед нами раскрывается поистине «идиллическая» картина: сельское хозяйство, оплодотворяемое благотворной жаждой наживы, пышно растет и развивается. При этом «вкупе и влюбе» богатеют все слои крестьянства. Государство выступает «организатором и помощником крестьянского накопления» (стр. 114). Даже накопление кулака через кредитную систему используется социализмом. Кулак, об'единяясь в кооперацию, «врастает в социализм». Однако, основная масса крестьянства от тлетворного капиталистического влияния ограждена, ибо все торговые связи города с деревней находятся в руках государства. Движимая рыночным интересом, крестьянская масса постепенно обобществляет свою торговлю с городом, создает сбытовую и снабженческую кооперацию. Через эту последнюю постепенно движется в деревню новая техника. Ее наличие стимулирует широкие середняцкие массы к производственному об'единению—и так происходит «врастание мелко-товарной ткани в социализм». Все это происходит так плавно, мирно и гладко, что сам крестьянин, пожалуй, не заметит, когда и как он преодолел свою собственническую природу.

При этом автор, разумеется, уверен, что кулак, сам «врастающий в социализм» будет кротким, как агнец, что он не использует свое накопление для закабаления бедноты, что он не будет бороться за овладение середняком, за овладение кооперацией, за овладение новой техникой, что он не использует своего экономического роста для борьбы за капиталистическое развитие деревни.

Вот по существу та внеклассовая утопическая маниловщина, которую преподносит нам автор в качестве перспективы развития сельского хозяйства в СССР.

Такая концепция в области сельского хозяйства предопределяет неправильный подход автора к проблеме индустриализации страны. Задачу индустриализации автор выводит исключительно только из низкого уровня нашего материально-технического развития. Он невидит тех внутренних и внешних классовых условий, которые диктуют необходимость индустриализации страны. Он не понимает, что проблема индустриализации теснейшим образом связана с борьбой социализма с капитализмом внутри страны и вне ее, с проблемой «кто кого». Поэтому вопрос о темпе индустриализации для тов. Айхенвальда не стоит, и в его учебнике совершенно не затрагивается.

[1]) Там же. стр. 166.

Можно еще отметить, что определяя источники средств на индустриализацию, автор ни словом не упоминает о том, что одним из источников является и должно являться,— известное перераспределение накоплений деревни и через систему цен в пользу социалистической индустриализации, в которой заинтересовано само крестьянство.

Совершенно очевидно, что в книге Айхенвальда мы имеем развернутую платформу правого уклона. Все острейшие политические вопросы, по которым развертывается борьба партии с правыми уклонистами — вопрос о темпе индустриализации страны, о борьбе с кулачеством, о коллективизации сельского хозяйства, о двух периодах нэпа, об обострении классовой борьбы в связи с реконструктивным периодом—разрешены у тов. Айхенвальда против линии партии, против решения XV с'езда. Книга Айхенвальда является вредной антипартийной книгой.

В. РЕВЗИНА.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ «БОЛЬШЕВИКА».

С настоящего номера в «Большевике» вводится «Отдел консультации читателей «Большевика».

Отдел ставит целью консультацию читателей «Большевика», на страницах журнала и через почту, по всем возникающим у них вопросам марксистско-ленинской теории и партийной политики.

Запросы направлять по адресу: Москва, Тверская 48. Редакция журнала «Большевик», отдел консультации.

РЕДКОЛЛЕГИЯ.

ПОПРАВКИ:

1) В № 17 «Большевика», на стр. 97-й два первых абзаца даны в искаженном виде. Вместо них, начиная со слов «Печатаемые выше...» и кончая словами «...Е. Бош и Г. Пятаковым», должно быть:

«Печатаемые выше письма Ленина к А. Шляпникову посвящены, главным образом, конфликту редакции Ц. О. партии (в которую входили в то время Ленин и Зиновьев) с группой «левых» во главе с Н. И. Бухариным, Е. Бош и Г. Пятаковым по вопросу о редактировании журнала «Коммунист».

2) На стр. 36 этого номера (4-я строка снизу) ошибочно напечатано: «концентрации», следует—«конкуренции».

3) На стр. 6 этого номера (1-я строка снизу) ошибочно напечатано «не повлоняющих директив партии», следует—«не выполняющих директив партии»; на стр. 27 напечатано: «конкуренция», следует «конкуренции»; на стр. 57 (в подзаголовке) напечатано «2. Письмо Т. Жозефа», следует—«2. Письмо тов. Жозефа»; на стр. 78 (в подзаголовке) напечатано «Наш путь», следует «5. Наш путь»; на стр. 129 (12-я строка сверху) напечатано «еще бы пропобовали», следует «еще бы попробовали».

РЕДАКЦИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 19 15 ОКТЯБРЯ № 19

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 9

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ

„ПРАВДА“

Главлит № А—45339 Тираж 70.000 экз.
Типография газеты „Правда“, Москва, Тверская, 48.

К колдоговорной кампании.

Народное хозяйство нашего Союза вступило во второй хозяйственный год пятилетки, знаменательнейший год для всего реконструктивного периода. Те грандиозные темпы хозяйственного развития, которые еще недавно определялись, как оптимальные, оказались далеко превзойденными в процессе практического выполнения заданий пятилетнего плана. По ряду показателей нашего хозяйственного развития уже во втором году пятилетки мы ставим перед собой задачи, которые пятилетним планом предполагалось осуществить лишь в последние годы пятилетия.

Уже одним этим в значительной степени определяется вся трудность, сложность и исключительная важность тех задач, которые стоят перед нами в настоящем хозяйственном году. Однако, реальность их разрешения не возбуждает сомнения, если будет соблюдено одно важнейшее условие — дальнейшее развертывание самокритики, дальнейший рост творческой инициативы и активности самых широких слоев рабочего класса, дальнейшее развертывание социалистического соревнования. Тот ряд новых факторов, обусловливающих повышенные, по сравнению с пятилетним планом, темпы нашего хозяйственного развития, которые в той или иной степени уже вступили в действие: больший, чем это проектировалось пятилетним планом, рост материально-технического уровня развития и капиталовооруженния и энерговооруженности рабочего, введение непрерывной производственной недели и т. д., — только тогда дадут максимальный эффект, когда будут оплодотворены творческим энтузиазмом широчайших масс трудящихся. Второй год пятилетки должен быть годом нового под'ема активности рабочего класса, нового под'ема социалистического соревнования и новые сотни тысяч трудящихся должны быть вовлечены в это великое движение социалистически соревнующихся масс.

С этой точки зрения исключительную важность и значение приобретает кампания по перезаключению коллективных договоров. Являясь неот'емлемой и составной частью всего хозяйственного плана, коллективные договоры должны служить мощным рычагом и орудием выполнения всего хозяйственного плана в целом.

Содействуя, максимально рациональной организации труда и трудового режима, на ряду с дальнейшим повышением и общим улучшением материального и культурного обслуживания рабочего класса,—

кампания по перезаключению коллективных договоров в тоже время должна служить тем началом, которое будит творческую активность и творческую инициативу рабочего класса и дает им новую зарядку; тем началом, которое, политически воспитывая широкие массы трудящихся,—будет звать их к новым успехам и новым достижениям в деле социалистического соревнования.

Опыт прошлогодней кампании по перезаключению коллективных договоров показал, что, несмотря на возросшую активность рабочих масс, возросший интерес к конкретным задачам социалистического строительства, профсоюзы и хозорганы не учли важного политического значения этой кампании и своевременно не развернули необходимой широкой работы по привлечению внимания рабочих к вопросам: выполнения запроектированного реального повышения заработной платы, повышения производительности труда и трудовой дисциплины, снижения себестоимости, социалистической рационализации производства и т. п. Наконец, сама колдоговорная кампания не была закончена в установленные сроки в значительной степени вследствие проявления на практике в ряде случаев бюрократических извращений хозяйственных органов и узкоцеховых, трэд-юнионистских тенденций в ряде профсоюзных организаций, стремления, как со стороны хозорганов, так и союзных организаций,—снять с себя ответственность по решаемым вопросам и переложить ее на конфликтные органы. Все это усугублялось тем, что партийные организации не проявляли должного внимания и руководства колдоговорной кампанией.

Ошибки прошлогодней колдоговорной кампании должны быть решительно изжиты и устранены, ибо от хода колдоговорной кампании в значительной степени будет зависеть и ход выполнения всего хозяйственного плана в целом. «Профсоюзы и хозяйственные органы должны учесть допущенные ими ошибки в прошлогоднюю колдоговорную кампанию, которая в большинстве случаев была проведена, как узко практическая задача, без должной увязки с общеполитическими, хозяйственными задачами, стоящими перед страной. Предстоящая колдоговорная кампания на ряду с организацией рабочих масс вокруг вопросов их материального и бытового положения должна быть проведена, как широкая хозяйственно-политическая кампания» [1]). Внимание рабочих масс должно быть сконцентрировано на конкретных хозяйственно-политических задачах, связанных с выполнением общих задач, поставленных перед народным хозяйством в 1929—30 хозяйственном году: на вопросах повышения производительности труда и укрепления трудовой дисциплины, повышения реальной заработной платы и общего улучшения положения рабочего класса, снижения себестоимости и рационализации производства, снижения накладных расходов и мобилизации внутрипромышленных ресурсов, проведения непрерывной производственной недели, улучшения качества продукции и т. п. Проведение колдоговорной кампании должно быть поставлено, таким образом, чтобы для каждого рабочего были ясны, как общие хозяйственно-политические проблемы, стоящие перед его предприятием, так и сущность колдоговора и его значение в деле выполнения всего хозяйственного плана и разрешения стоящих перед нами общеполитических задач.

[1]) Директивное письмо ВЦСПС и ВСНХ СССР к проведению колдоговорной кампании.

Только тогда кампания по перезаключению коллективных договоров даст максимальный эффект и максимальный результат, когда для каждого рабочего будут ясны его задачи и его ответственность в деле разрешения задач социалистического строительства. И только при этих условиях мы сумеем добиться максимальных результатов и максимальных успехов в борьбе за новую социалистическую дисциплину труда, в борьбе за повышение производительности труда, в борьбе с прогулами, простоями и халатным, недобросовестным отношением к оборудованию и своему рабочему времени.

Вся работа по перезаключению коллективных договоров должна сопровождаться массовым вовлечением рабочих в обсуждение колдоговоров и вопросов производства, при чем должно быть обеспечено самое широкое и организованное обсуждение на рабочих собраниях всех вопросов, вытекающих из колдоговора, и ознакомление рабочих масс с ходом переговоров по перезаключению колдоговоров. Только такое проведение колдоговорной кампании даст новый толчок для максимального сплочения рабочего класса, повышения его активности, энергии и сил для борьбы за осуществление взятых нами темпов хозяйственного развития, широкого развития социалистического соревнования и мобилизации усилий рабочего класса на преодоление трудностей социалистического строительства. А именно, в этом—условие и гарантия выполнения и перевыполнения планов нашего хозяйственного развития.

Одним из существеннейших недостатков прошлогодней практики колдоговорной кампании являлось слишком общее не конкретное руководство со стороны профсоюзов и хозорганов, как заключением, так и ходом выполнения колдоговоров. В настоящем году этот недостаток должен быть устранен, и профсоюзными и хозяйственными органами должно быть обеспечено конкретное руководство всем ходом и практикой колдоговорной кампании, последующим ходом пересмотра норм выработки (который должен проводиться не «кампанейски», а в соответствии с планами и зарплатой) и коренным улучшением тарифно-нормировочной работы. В соответствии с этим необходимо, чтобы проведению новой колдоговорной кампании пред-

шествовала массовая проверка со стороны профсоюзных и хозяйственных органов выполнения ныне действующих колдоговоров, широкая отчетность на общезаводских и цеховых собраниях и конференциях хозяйственных органов о результатах работы и выполнении производственно-финансовых планов предприятий,—с увязкой результатов работы за истекший год и конкретных производственных заданий на 1929—30 год.

«При проверке выполнения колдоговоров необходимо заострить внимание на том, что колдоговор, как двухсторонний договор, налагает обязательства, как на хозорганы, так и на профессиональные союзы и на самих рабочих, особенно в части соблюдения трудовой дисциплины, повышения производительности труда, бережного обращения с оборудованием и т. д. В процессе проверки должны быть полностью выявлены эти моменты, а также причины невыполнения обязательств со стороны хозяйственных и профессиональных органов и рабочих и разработаны мероприятия по устранению этих причин» [1]).

Улучшая практику заключения дополнительных соглашений между союзами и хозорганами о плане, порядке и сроках пересмотра норм выработки и расценок,—особое внимание, на ряду с выполнением планов в части производительности труда, необходимо уделить вопросам повышения реальной заработной платы в размере 13—14% в среднем по промышленности при повышении номинальной заработной платы на 9%. Обеспечению разрешения этой задачи должно быть уделено особое внимание, как профсоюзов, так и хозорганов. И профсоюзы на деле должны принимать активное участие в практическом разрешении вопросов снабжения рабочих и снижения цен.

Одновременно с этим самая решительная борьба должна быть об'явлена узкоцеховым и трэд-юнионистским тенденциям отдельных профессиональных организаций и бюрократической практике отдельных хозорганов, порождающих недопустимую волокиту в деле заключения коллективных договоров. Заключение колдоговоров лежит целиком на ответственности профессиональных и хозяйственных организаций и они должны уметь (не прибегая к механическому переложению ответственности за те или иные обязательства по колдоговорам на органы третейско-примирительного разбирательства) достигать соглашения, обеспечивающего наиболее благоприятные условия для разрешения, стоящих перед нами общих хозяйственных и политических задач. И руководство со стороны местных партийных организаций должно это обеспечить полностью.

Увязывая колдоговорную кампанию с общеполитическими и хозяйственными задачами, стоящими перед народным хозяйством нашего Союза, необходимо в то же время сделать ее орудием для решительной борьбы с хвостистскими и рваческими настроениями «тех горсток, групп, слоев рабочих, которые упорно держатся традиций, привычек капитализма и продолжают смотреть на Советское государство попрежнему: дать «ему» работы поменьше и похуже,—содрать с «него» денег побольше» (Ленин).

[1]) Директивное письмо ВЦСПС и ВСНХ СССР.

Обострение классовой борьбы в стране, рост сопротивления капиталистических элементов и давление мелкобуржуазной и мелкособственнической стихии находят свое отражение (и своих выразителей) и среди отдельных представителей рабочего класса.

Нашей важнейшей задачей должно быть, опираясь на передовые слои рабочего класса, повести самую решительную борьбу с этими настроениям, несущими в среду рабочего класса разложение, подрыв трудового режима на предприятии и трудовой дисциплины, недобросовестное отношение к оборудованию и материалам, враждебное отношение к социалистическому соревнованию, рвачество и дезертирство. Только при условии самой беспощадной борьбы с этими настроениями и этими элементами, проникающими в среду рабочего класса, мы сумеем сплотить и мобилизовать вокруг вопросов социалистического строительства всю рабочую массу, воспитывая ее на борьбе с конкретными носителями и конкретным проявлением мелкособственнической стихии в производстве.

Одновременно сокрушительный отпор должен быть дан отдельным вылазкам контрреволюционных элементов и остатков троцкизма, сеющих неслыханную клевету на рабочую политику партии и государства и пытающихся под флагом лицемерной «защиты» интересов рабочего класса, протащить свои контрреволюционные идеи о невозможности построения социализма и неизбежности реставрации капитализма.

Тот величайший под'ем и энтузиазм, тот величайший трудовой героизм, который проявляет рабочий класс в деле социалистического строительства, все возрастающее социалистическое отношение к труду,—социалистическое соревнование, «день индустриализации», переход на непрерывное производство и т. д.,—служат лучшей гарантией преодоления всех тех трудностей, которые стоят на нашем пути.

«Новые силы являются... Каждая трудность выдвигала новые силы, порождала новые источники энергии» (Ленин). Перед нами стоит величайшая и благодарнейшая задача суметь в полной степени использовать эти «новые силы» и «новые источники энергии» в деле преодоления стоящих перед нами трудностей и разрешения задач социалистического строительства.

Закаляясь в борьбе с этими трудностями, стоящими и встающими перед нами в процессе социалистического строительства, тем решительнее должны мы вести борьбу с право-уклонистскими, оппортунистическими элементами, зараженными неверием в дело социалистического строительства.

М. Чернов.

На хлебном фронте.

Два прошлых года были годами развития ожесточенной классовой борьбы в деревне вокруг хлебозаготовок. Социалистическое строительство в деревне должно было вызвать дальнейшее озлобление кулака. Новая хлебозаготовительная кампания должна была развиваться в условиях еще более ожесточенного сопротивления кулака. Поэтому в анализе текущих хлебозаготовок представляет особую важность выявление того, как партией в целом и ее отдельными организациями, в частности, усвоены уроки прошлого и в какой степени основная масса крестьянства—беднота и середнячество—мобилизованы для помощи государству на важнейшем для него хлебозаготовительном фронте.

Годовой план хлебозаготовок был построен на основе повышенного против прошлого года урожая и увеличенной товарности хлебов. Увеличение валового сбора произошло преимущественно за счет расширения посевных площадей на 5,5% и в небольших размерах за счет повышения урожайности. Урожайность повысилась незначительно в силу неблагоприятных климатических условий: сильные морозы повели к значительной гибели озимой пшеницы на Украине. Кроме того, озимые пострадали и в других районах—Башкирия, Ср. Волга, Татария и др. Продолжительная засуха летом на востоке резко понизила урожайность в восточных районах: Сибирь, Казакстан, Ср. Волга, Башкирия, Урал. В общем климатические условия предшествующего хозяйственного года никак нельзя признать вполне благоприятными. Несмотря на это урожайность в среднем по Союзу оказалась выше, хотя и немного, прошлогодней—на 0,04 ц. на га. В повышении урожайности при неблагоприятных климатических условиях уже сыграли известную роль совхозы и колхозы, дающие по сравнению с окружающими крестьянскими хозяйствами более высокую урожайность. Главную роль в увеличении урожая сыграло расширение посевных площадей. Благодаря энтузиазму бедняцко-середняцких масс весной удалось перекрыть 5,3 м. га погибших озимых хлебов яровыми и сокращение посевной площади в кулацких хозяйствах и сверх этого получить прирост в размере 5,5%.

В расширении посевов совхозы и колхозы также сыграли крупную роль. Площадь посевов в социалистическом секторе повысилась с 1,9 м. га до 4,9 м. га или на 157,9%; отдельно: в совхозах на 39,7% и колхозах на 250,3%. В общей посевной площади совхозы и колхозы заняли 5,1%. Благодаря росту посевных площадей и большей урожайности социалистический сектор в общем валовом сборе хлебов повысил свой удельный вес против прошлого года с 2,5% до 5,5%. Охват плановыми заготовками валового сбора хлебов у отдельных видов хозяйств составляет: совхозов 38,6%, колхозов 56,3%, индивидуальных хозяйств 16,5%. Поэтому в государственном плане хлебозаготовок удельный вес совхозов и колхозов повысился еще

в бо́льших размерах: с 7,3% до 15,3%. Крупное значение в деле планового охвата хлеба индивидуальных хозяйств имеет контрактация. К текущей хлебозаготовительной кампании было охвачено контрактацией 20,3 м. га или 27,7% общей посевной площади производящих районов вместо 2,6 м. га или 3,7% к предшествующей кампании. Роль контрактованного хлеба в годовом плане была доведена до 22,4% вместо 6,6% в 1928/29 г.

Кроме всего этого большим источником в заготовках текущего года служит гарнцевый сбор. В той части, которая засчитывается в централизованные заготовки, он занимает в годовом плане 12,9%, вместо 10,1% в прошлой кампании. В общем же поступление хлеба в организованном порядке: от совхозов, колхозов, по контрактации и по гарнцевому сбору занимает в годовом плане хлебозаготовок 50,6% вместо 22,8% в фактических заготовках прошлой кампании. Увеличенный общий валовой сбор хлебов, рост товарности и организованных заготовок позволили установить на кампанию 1929/30 г. годовой план хлебозаготовок значительно расширенный по сравнению с прошлым годом на 50,7%.

При установлении годового плана хлебозаготовок со стороны правых элементов в партии и ряда специалистов из статорганов проявлялось полное неверие в возможность осуществления намеченного плана хлебозаготовок.

Результаты заготовок за первый квартал, хотя и не являются решающими, но дают все же достаточные данные как для того, чтобы судить о качестве этих сомнений, так и для вывода о том, что расчет на повышенный против прошлого года урожай, положенный в основание годового плана заготовок, правилен. Заготовки хлеба в текущую кампанию (за I квартал), по сравнени юс прошлым годом, составили (в тоннах):

	Все зерновые хлеба	Продовольствен. (пшеница и рожь).
1925/26 год.	2304690	1605439
1926/27 „	2413623	2013761
1927/28 „	2624286	2322676
1928/29 „	2067699	1495919
1929/30 „	5686850	3185280

По отношению к 1928/29 году заготовки за первый квартал текущей кампании составляют: по всем зерновым хлебам 275% и по продовольственным 213%. Столь значительное увеличение заготовок против прошлого года подтверждает правильность расчетов партии на повышенный урожай, сделанных при построении годового плана хлебозаготовок. Крупное значение в увеличении заготовок имеет, конечно, и тот организационный опыт, который был нами приобретен в результате двух предшествующих кампаний. Однако было бы ошибочно делать ударение именно на этом последнем факторе, определившем успешность хода хлебозаготовок. Увеличение заготовок лишь на основе организационных мероприятий, не подкрепляемое об'ективными возможностями в виде повышенного валового сбора хлебов, возможно на коротком промежутке времени, но и тогда оно достигается при сильном противодействии со стороны крестьянской массы. Опыт первого квартала говорит не о противодействии, а о горячем сочувствии со стороны основной массы крестьянства: бедноты и середняков делу хлебозаготовок. Первый решающий вывод, который следует сделать из итогов I квартала, это — соответствие расширенного годового плана хлебозаготовок на текущую кампанию об'ективным возможностям, т.-е. повышенному урожаю и росту товарности хлебов.

Скептицизм правых элементов бит в самом начале кампании. Утверждения специалистов от статистики о преувеличенных расчетах на урожай разбиваются живой действительностью. Это лишний раз подтверждает всю необходимость серьезно заняться делом коренной реорганизации нашей статистики. Нельзя терпеть такого положения, чтобы статистика, являющаяся одним из коренных орудий планового хозяйства, тянула нас назад, давая неправильное представление о действительности. Подсчеты хлебофуражного баланса на 1929/30 г. и сопоставление их с ходом хлебозаготовок уже сейчас должны привлечь к себе внимание руководящих органов, чтобы начать своевременно разработку всех вопросов, связанных с составлением хлебофуражных балансов к будущему с.-х. году. В противном случае мы опять не будем достаточно вооружены со стороны статистических знаний при разработке вопросов будущей хлебозаготовительной кампании. Это—важный урок, полученный из опыта текущих хлебозаготовок, для новой кампании. Процентное сравнение заготовок I квартала с годовым планом и сопоставление процентного выполнения по прошлым годам позволяет сделать другой решающий вывод. По разным годам выполнение годового плана в течение I квартала составляло:

	Всезерновые хлеба	Продовольственные
1925/26 год	26.6	30
1926/27 „	21.8	24
1927/28 „	20.6	26
1928/29 „	21	22
1929/30 „	43	39

Приведенное сравнение достаточно убедительно, чтобы сделать важный вывод. Твердое задание партии—закончить выполнение годового плана хлебозаготовок на протяжении полугода—выполнимо.

Об'ективные возможности достаточно благоприятны, чтобы выполнить расширенный план хлебозаготовок и выполнить его в целом по СССР к январю месяцу. Внешних препятствий для этого нет.

Все будет зависеть от нашей собственной организованности, четкой работы заготовительного аппарата и прежде всего от нашего уменья поднять бедняцко-середняцкую массу села на дело хлебозаготовок и для решительного наступления на кулацкие и зажиточные слои села.

Мы имеем печальный опыт многих прошлых кампаний, когда успехи первых месяцев кампании многих убаюкивали. Внимание на хлебозаготовках заострялось уже тогда, когда наступал кризис кампании. Запоздание в проведении мероприятий, предотвращающих кризис, приводило к необходимости колоссальной траты сил и отвлечению внимания всей партии от других важнейших вопросов нашей работы.

Первое обязательное условие для успешного завершения текущей хлебозаготовительной кампании заключается в том, чтобы не увлекаться первыми успехами, внимательно анализировать ход хлебозаготовительной кампании, предусматривать неизбежные затруднения, выявлять недостатки и быть всегда готовым к преодолению встречающихся затруднений и своевременному устранению всех замеченных недостатков.

Рассматривая итоги хлебозаготовок за первый квартал, мы обязаны в первую очередь установить, в какой степени достигнутые темпы хлебозаготовок отвечают основному требованию—закончить выполнение годового плана хлебозаготовок на протяжении полугода. В следующей таблице приведено сравнение темпов текущей кампании с двумя прошлыми годами.

Заготовлено (в тоннах):

	Июль	Август			сентябрь		
	за весь м-ц	I декада	II декада	III декада	I декада	II декада	III декада
1927/28	279226	189700	280403	458410	472723	451027	390552
1928/29	96637	82221	160913	264514	353697	494506	592204
1929/30	263510	231119	567951	1010395	1013519	1148734	1422483

По сравнению с прошлыми годами темп развертывания хлебозаготовок в текущей кампании очень сильный, но удовлетворить он нас не может. Достигнутый темп еще не обеспечивает выполнение годового плана заготовок к январю. Не следует забывать, что ноябрь и декабрь—месяцы распутицы в южных и центральных районах. Тогда об'ективные условия будут против нас. Поэтому весь удар должен быть сосредоточен на октябре, который явится решающим для всего годового плана хлебозаготовок. Поэтому и план заготовок на октябрь построен с этим расчетом. Он в 2½ раза превышает фактические заготовки за этот же месяц в 1928/29 г. и в 4½ раза в 1927/28 году.

Характеристика заготовок по отдельным районам показывает, что возможностей к увеличению темпа хлебозаготовок имеется достаточно. Ряд районов, особенно восточных, до последнего времени резко отставали в заготовках. Сохранение достигнутого темпа впереди идущих районов и подтягивание отставших сможет обеспечить необходимый темп ближайших хлебозаготовок.

Выполнение годового плана хлебозаготовок за первый квартал по отдельным районам дает следующую картину (в процентах от год. плана):

	Всезерновые хлеба	Продовольственные
I. Южные районы:		
Украина	58,3	49,2
Сев. Кавказ	40,8	54,9
Крым	71,1	44,6
Н. Волга	48,5	50,0
Закавказье	42,0	65,6
Ср. Азия	47,6	50,8
По всем южным районам	52,2	46,0
II. Центральные районы:		
Ц. Ч. О.	43,3	41,5
Средняя Волга	41,8	41,3
Татреспублика	46,0	51,7
По всем центральн. районам:	43,0	42,0
III. Восточн. и северн. районы:		
Урал	21,6	23,9
Сибирь	9,5	10,2
Казакстан	23,1	23,8
Башреспублика	25,8	30,1
М.-П. область	25,6	15,5
Нижегородский край	15,3	27,7
Ив.-Возн. область	17,8	38,7
Западная область	8,9	12,5
Ленинградская область	31,9	—
Д.-В. К.	0,3	0,4
По всем вост. и сев. районам	11,5	15,8

По установленным срокам южные районы должны выполнить к 1 ноября: Сев. Кавказ—75%, Украина—70%, Крым и Закавказье—100% годового плана. Средняя Азия обязана закончить выполнение всего годового

плана к 1 декабря. Центральные районы должны дать к 1 ноября 65% годового плана. Восточные районы и районы потребляющей полосы РСФСР должны выполнить не менее 70% годового плана к 1 декабря. Сравнивая достигнутые темпы по отдельным районам с установленными сроками, мы должны выделить, как неблагополучные по темпу—Сев. Кавказ, Крым, Закавказье, Ср. Азию, Ср. Волгу и все восточные и северные районы, за исключением Урала. Последний, хотя в квартальном разрезе и дает плохой процент выполнения годового плана, но в последние дни добился перелома в развитии хлебозаготовок и дает приличный темп.

Внушают опасения за состояние организационной работы районы восточные и потребляющей полосы РСФСР и к ним должно быть приковано особое внимание партии. В восточных районах в прошлом году был небывалый по своим размерах урожай. В текущем году урожай ниже. Разница между прошлогодним и нынешним урожаем действительно большая, но не потому, что последний упал значительно ниже средней нормы, а именно потому, что в прошлом году был очень крупный урожай. Эта разница произвела гипнотизирующее действие и создала демобилизационные настроения у местных организаций сверху донизу. Вместо того, чтобы взять живую действительность и в ней искать путей для выполнения задач по хлебозаготовкам, местные организации рылись в ворохах бумаги, занимались статистическим сравнением с прошлым урожаем. При демобилизационных настроениях неизбежен ряд крупных организационных ошибок. Так случилось и в восточных районах. Это резко сказалось в Сибири. Приведу характеристику одного товарища, об'ехавшего Сибирь, специалиста по вопросу о хлебозаготовках. Характеристика относится к сентябрю месяцу:

«По сигналу из края все занимаются составлением хлебофуражного баланса. Балансы составлены не только в округах, но и в районах, селах, а также для каждого двора. Балансы, как правило, выведены дефицитные (Зап. Сибирь). Это стало достоянием всего населения и сразу определило настроение: хлеба нет, неурожай заготовлять нечего. В этом смысле здесь допущена непростительная грубая политическая ошибка.

Край не дожидаясь плана дал наметку (ориентировочно), округам, исходя из своих цифр. Два округа не разобрались и, получив ориентировочный план довели его уже до села и до отдельного двора. Каменский округ, который в прошлом году заготовил около 200 т. ц. хлеба, получив наметку из края довел до села план в 33 т. ц. Я считаю это крупным политическим скандалом. Ограничиться планом для Каменского округа в 33 т. ц. нельзя, нужно дать не менее 57 т. ц. Следовательно, еще раз довести новый план до села.

Не дождаясь директив центра, из края по округам даны указания проверить в какой степени контрагенты в состоянии выполнить свои обязательства. Работа проведена, таким образом, что у населения получилось впечатление полной амнистии».

В то время, когда все занимались балансами, кулаки, пользуясь пестротой урожая, вели свою злостную агитационную работу, использовывая наши ошибки и развивая спекуляцию хлебом.

Нужны большие усилия со стороны местных организаций и крупная помощь им дополнительными кадрами людей из центральных организаций, чтобы быстро исправить положение. Время еще не потеряно. Об'ективные возможности имеются. При надлежаще поставленной организационной работе восточные районы могут добиться необходимых темпов хлебозаготовок. Практика восточных районов в текущем году даст хороший урок для будущей кампании со стороны того, как не следует строить работу по хлебозаготовкам.

В потребляющей полосе РСФСР другая обстановка. В текущем году здесь прекрасный урожай. Это дало возможность установить планы централизованных заготовок и для этих районов. Но местные организации за прошлые годы не приучены к боевому темпу хлебозаготовок. Кроме того, привыкшие жить в отношении хлеба потребительскими нуждами, они были под гипнозом самого названия «потребляющая полоса» и не замечали классового расслоения в окружающих деревнях, где на ряду с большим количеством бедноты, нуждающейся в хлебе, имеется ряд кулацких хозяйств, обладающих большими хлебными излишками. Эти кулаки эксплоатировали вдвойне: деревенскую бедноту, закабаляя ее своими хлебными излишками, и рабочего, спекулятивно вздувая цены на городском рынке. Поэтому установление плана централизованных заготовок для этих районов имеет исключительно важное значение. Местные организации не во всех районах это сразу усвоили. Прошло много времени на раскачку работы, да и сейчас едва ли везде раскачались. Благодаря наличию в этих районах крупных организационных сил, выполнение данных им планов не представляет крупных затруднений.

Сохраняя достигнутый темп хлебозаготовок в благополучных районах и добиваясь резкого повышения заготовок в отставших, мы сможем обеспечить необходимый для окончания кампании к январю общий темп хлебозаготовок. Однако со всей определенностью следует сказать, что разрешение грандиозной задачи, поставленной партией перед страной, может быть обеспечено только путем действительной опоры на силы бедняцко-середняцкой массы села.

Поэтому вопрос организации бедноты и середняка на селе вокруг хлебных заготовок, мобилизация их сил для нажима на кулацко-зажиточные слои села, составляет важнейшую нашу задачу. Опыт первого квартала позволяет с несомненностью установить, что к организационным мероприятиям, намеченным партией для новой хлебозаготовительной кампании, т.-е. к организации бедняцко-середняцкой общественности и давлению на кулацкие и зажиточные слои села, — бедняцко-середняцкая масса села отнеслась сочувственно.

Вместе с тем первый квартал с особенной убедительностью подтвердил указание партии, сделанное всем организациям перед началом хлебозаготовок о роли, какую кулак будет играть в новой хлебозаготовительной кампании. Деревенские кулаки повсюду проявляют упорное сопротивление в продаже своего хлеба государству, всеми мерами стремясь воздействовать на остальную крестьянскую массу с целью внести дезорганизацию в ход заготовительной кампании, сорвать государственную политику цен и государственные планы хлебозаготовок. В своей борьбе против хлебозаготовок кулаки не ограничиваются одной агитацией, а прибегают к средствам прямого террористического воздействия. Уже в самом начале кампании имели место поджоги деревень, бедняцких хат, нападения на колхозы, убийства бедняков, активно помогающих государству в деле хлебозаготовок, порчи сельскохозяйственных машин. В дальнейшем кулаки, недовольные нашими успехами хлебозаготовок, будут несомненно оказывать еще большее сопротивление и противодействие нашей работе.

Правильный учет классовых взаимоотношений в деревне, складывающихся на фоне хлебозаготовок, правильное проведение классовой линии на селе является обязательным условием для достижения успеха хлебозаготовок. Крупнейшей опасностью явилось бы какое бы то ни было стирание классовой разницы между отдельными группами крестьянства. Во всей практической работе по хлебозаготовкам необходимо добиться того, чтобы основная крестьянская масса—беднота и середнячество—составляла из себя сплоченную группу, которая под руководством бедноты ведет наступление на своего классового врага—деревенское кулачество.

Опыт хлебозаготовок первого квартала показал, что в отдельных местах этому основному требованию в новой хлебозаготовительной кампании не уделено должного внимания. Вместе с тем можно утверждать, что именно в тех местах, где отсутствует четкая классовая линия, ход хлебозаготовок идет особенно слабо (Ср. Волга).

Это отсутствие четкой классовой линии в хлебозаготовках особенно сильно давало себя знать в понимании особого характера поселенных планов для различных групп крестьянства.

Формальное сходство между планом, данным сельским сходом кулацкому и зажиточному двору, и планом на середняцкий двор—на местах многих путало. На самом деле между тем и другим коренная разница, умаление которой обязательно приведет к искривлению классовой линии на селе.

План на кулацкий двор—это твердое задание, данное сельской общественностью кулацкому или зажиточному хозяйству. Выполнение его обязательно в определенные, установленные сельсходом сроки и за невыполнение которого этот двор несет судебную ответственность перед рабочим государством. План на середняцкий двор—это исключительно самообязательство самих крестьян перед сельской общественностью. Мерами массовой раз'яснительной работы следует добиваться того, чтобы эти самообязательства не оставались на бумаге, и, действительно, крестьяне — мелкие держатели товарного хлеба—не везли хлеб на частный рынок, а продавали его государству. Путем массовой раз'яснительной работы побудить середняка продавать свой хлеб не на частный рынок, а государству,—задача трудная, требующая колоссальных усилий со стороны местных организаций, но вместе с тем это единственный путь обеспечить успех новой хлебозаготовительной кампании. Там, где идут по линии наименьшего сопротивления, превращая самообязательства крестьян перед общественностью в твердое задание, даваемое сверху, только вредят делу хлебозаготовок.

В первом квартале кампании была проделана значительная работа в большинстве районов по организации бедняцко-середняцких масс вокруг хлебозаготовок. Однако, в этой работе был основной пробел. Организация бедняцко-середняцкой массы шла под лозунгом продажи хлеба государству и в малой степени под лозунгом нажима на кулацкие и зажиточные слои села с целью ослабить сопротивление последних.

Раз'яснительная работа, шедшая под лозунгом продажи хлеба государству, встречалась с сочувствием самой бедняцко-середняцкой массой этому лозунгу и дала крупные результаты. В основном заготовка хлеба в первом квартале произведена за счет маломощных крестьянских хозяйств. Хлеб кулацких и зажиточных слоев села занимает ничтожное место. **Коренная задача** сейчас заключается в том, чтобы повсюду **быстро** переключить работу на мобилизацию всей **бедняцко**-середняцкой общественности на селе для наступления на кулака.

Там, где это своевременно не было сделано, мы имеем кризисное развитие хлебозаготовок. В этом отношении особенно показателен опыт Крыма. Местные работники в Крыму с самого начала хлебозаготовительной кампании развернули широкую раз'яснительную работу среди крестьянства, призвав последнее продавать свой хлеб государству. Широкая раз'яснительная работа, встретившая сочувственное отношение маломощных слоев села, дала крупные результаты. Заготовки в Крыму на протяжении августа развернулись быстрым темпом, и в результате августовский план по хлебу был выполнен с большим превышением, но уже в первую пятидневку сентября произошло резкое падение заготовок. Причина этого падения крылась в том, что главная масса хлеба маломощных слоев села в августе была продана основным заготовителям и нужно было сейчас же переключить свою работу на крепкий нажим со стороны деревенской бедноты и середняков на зажиточные и кулацкие слои села. Это не было сделано и в результате получился срыв заготовок.

После того, как центральными органами крымским работникам было указано на их ошибку, они приняли меры к исправлению положения, но несколько недель было потеряно и заготовки в сентябре нарастали с большим трудом. Кривая крымских заготовок должна быть постоянной иллюстрацией для работников всех районов к той опасности, которую таит в себе увлечение самотеком, и несвоевременное переключение работы на мобилизацию бедняцко-середняцких масс села для нажима на кулацкие и зажиточные слои.

То сочувствие, которое мы имеем со стороны деревенской бедноты и середняков к делу хлебозаготовок, при сохранении твердой классовой линии и правильной системы организационных мероприятий обеспечивает нам сплоченный строй деревенской бедноты и середняка для решительного наступления на кулачество.

* * *

Анализ хлебозаготовок за первый квартал по отдельным культурам вскрывает одну крупную опасность: в общей заготовке зерновых хлебов значительно отстает поступление продовольственных культур. Заготовки всех зерновых культур по отношению к годовому плану в первом квартале составили 43%, в то время, когда заготовки продовольственных культур достигли лишь 39%. В этом деле проявляется определенный кулацкий маневр на селе. Кулацкие элементы, вообще не желающие продавать свой хлеб государству, в тех случаях когда под нажимом бедняцко-середняцкой общественности принуждены выполнять данные им планы по продаже хлеба государству, стремятся отделаться выполнением возложенных на них заданий продажей фуражных культур, особенно упорно задерживая выброску пшеницы и ржи.

Поэтому, **на втором этапе хлебозаготовительной кампании особое внимание должно быть сосредоточено на максимальном усилении заготовок продовольственных культур.**

Давая твердые задания кулацким и зажиточным хозяйствам по продаже их хлеба государству, необходимо отдельно ставить перед ними обязательства по продаже пшеницы и ржи, обязывая их в первую очередь продать именно эти культуры. При проверке выполнения заданий, возложенных на кулаков и зажиточные хозяйства, производить эту проверку не только по тому, как они продают хлеб, но в первую очередь по тому, как они выполняют свои обязательства по продаже продовольственных культур. В деле наступления на кулака должна быть поставлена конкретная цель—заставить кулацкие и зажиточные хозяйства выполнить обязательства, возложенные на них сельской общественностью, обязательно на протяжении октября во всех районах.

Крупнейшее значение в деле наступления на кулака в деревне и успешное развертывание хлебозаготовок имеет устранение внешних условий, которые содействуют кулаку в его борьбе против хлебозаготовок. Пестрота урожая в отдельных районах создает с внешней стороны благоприятную **обстановку** для развития деятельности спекулянтов.

С самого начала кампании деревенские кулаки стремились установить связь с городскими спекулянтами с тем, чтобы путем усиления спекулятивной деятельности сорвать государственные планы хлебозаготовок. Таким попыткам своевременно были противопоставлены противодействующие мероприятия. В **ряде районов в начале кам-**

пании был сделан решительный удар по спекуляции и она не получила развития. Однако, это сделано было не повсюду. В отдельных районах не было проявлено решительной борьбы против спекуляции и последняя продолжает существовать до последнего времени. Терпеть такое положение нельзя. Необходимо самым решительными мерами пресечь спекуляцию во всех районах. Особенно отрицательное значение для настроения крестьянских масс имело в первом квартале отсутствие согласованности и дисциплины в работе наших собственных государственных и кооперативных заготовителей. Наличие между ними конкуренции создавало неуверенность в крестьянских массах в твердость нашей политики цен и тем самым поддерживало злостную агитацию кулака в деревне.

Ряд организационных мероприятий, проведенных в первом квартале на ходу самой кампании: сдача всего хлеба, заготовляемого кооперацией, Союзхлебу, привлечение к заготовкам законтрактованного хлеба в районах массовой контрактации потребительских обществ в некоторой степени смягчил конкуренцию. Однако, полностью ее не устранили. Засоренность заготовительного аппарата требует продолжения решительной борьбы с теми заготовителями, которые в своей работе проявляют торгашеский уклон и тем самым об'ективно помогают кулаку.

При решительном наступлении на кулака, при обязательном разрешении задачи—в октябре собрать весь товарный хлеб от кулацких и зажиточных слоев села, мы не можем оставлять без внимания и хлеб, который должен поступать от основной крестьянской массы—середняков и от социалистического сектора.

Сочувственное отношение деревенской бедноты и середнячества к делу хлебозаготовок позволило в первом квартале путем раз'яснительной работы развернуть практику красных обозов. Красные обозы местами достигли небывало крупных размеров, доходя в один день в одном пункте до нескольких сот тысяч пудов. Никогда в прошлые кампании таких размеров красные обозы не достигали. Это служит дополнительным подтверждением ранее изложенного вывода о том, что маломощное крестьянство действительно с нами в деле хлебозаготовок. Это сочувствие необходимо использовать в дальнейшем, но более организованно, чем это было в первом квартале.

В годовом плане хлебозаготовок в текущем году весьма крупное место занимают организованные заготовки.

Текущая кампания является первой проверкой тех результатов, которые, рабочее государство получает от социалистической реконструкции сельского хозяйства. Мало построить совхоз, колхоз, развернуть контрактацию, нужно чтобы и продукция получаемая этими хозяйствами, действительно попала в руки государству. Поэтому наш подход к этому хлебу должен быть таким, при котором каждый пуд товарного хлеба совхоза, колхоза, и каждый пуд хлеба, оговоренного крестьянским хозяйством на продажу государству, действительно попал бы государственным и кооперативным заготовителям.

Только под таким углом зрения мы должны оценивать разультаты заготовки хлеба по организованным источникам. Между тем первый квартал показывает ряд отрицательных моментов, связанных с заготовкой хлеба по организованному руслу. Поступления хлеба от совхозов и колхозов в общих заготовках первого квартала заняло 11.1% по учетным данным. Правда, учет не дает точной картины действительного поступления хлеба от колхозов. Местами вопросу учета колхозного хлеба не придано нужного значения, в результате чего часть его на ссыпных пунктах обезличивается и попадает в общие заготовки. Однако, если сделать поправку и на этот недоучет, то следует признать поступление хлеба от социалистического сектора в 1-м квартале недостаточным. Совхозы и колхозы должны быть примером для всей остальной крестьянской массы, и все свои товарные излишки хлеба сдать государству раньше других крестьянских хозяйств. Между тем помимо недостаточных размеров общего поступления хлеба от совхозов и колхозов в первом квартале наблюдались случаи совершенно безобразных явлений. Руководители отдельных совхозов под влиянием узко местных интересов преувеличивали действительную потребность совхозов в хлебе, уменьшая тем самым количество товарных излишков, подлежащих сдаче государству. В колхозах наблюдается такое же явление и кроме того отдельные колхозы, попадая под влияние кулацких настроений, продают свой хлеб на частный рынок.

Сейчас необходимо развернуть решительную борьбу как с явным преуменьшением товарных излишков, так и особенно с продажей хлеба на частный рынок. Колхоз, продающий свой хлеб на частный рынок, это лжеколхоз, это кулацкий колхоз. Продавая свой хлеб на частный рынок, колхоз оказывает прямую помощь кулаку. Поэтому он не может рассчитывать ни на какую государственную помощь: ни товарами, ни кредитами, ни с.-х. машинами. Руководители таких колхозов, которые получают помощь от государства в виде кредита и машин и обращают ее на содействие кулаку в его борьбе против рабочего государства, должны понести соответствующую кару.

Задача должна быть поставлена в такой форме, чтобы в октябре весь хлеб совхозов и колхозов поступил к основным заготовителям. Контрактация хлеба в этом году превращается в двухсторонний договор между государством и крестьянскими хозяйствами. В результате практического проведения такого договора рыночная стихия будет постепенно заменяться установлением прямого продуктообмена между городом и селом. Всякий недобор хлеба по контрактационным договорам, всякий случай продажи законтрактованного хлеба хозяйством на рынок, а не государству, расшатывает дисциплину во взаимоотношениях между договаривающимися сторонами и тем самым подрывает идею контрактации. Поэтому в отношении контрактационных договоров не следует ограничиваться средней цифрой поступления хлеба, а добиваться обязательного выполнения каждым крестьянским хозяйством взятого им на себя обязательства.

По гарнцевому сбору в первом квартале поступило 6,9% общих заготовок. Процент совершенно ничтожный. Между тем это хлеб собранный кулаками-мельниками с крестьян. Недобор хлеба по гарнцевому сбору, это определенный правый уклон в практической работе. Нельзя допустить, чтобы мельник, в преоладающей своей части сильный деревенский кулак, имел возможность спекулировать крестьянским хлебом на рынке. Поэтому по заготовкам гарнцевого сбора ко всем нарушителям установленных для него государством правил должны быть приняты самые жесткие меры.

Опыт хлебозаготовок 1-го квартала показал одно больное место в нашей работе. Это неумение использовать комбинированное действие различных рычагов для кампании хлебозаготовок. Раз'яснительная работа на селе, нажим на кулацко-зажиточные слои села со стороны советской общественности не сопровождются в нужной мере одновременным действием других экономических рычагов.

В 1-м квартале кампании было отправлено промтоваров на село в хлебозаготовительные районы на 50% больше чем за тот же период прошлого года. Было уменьшено снабжение городов и нехлебозаготовляющих сел с тем, чтобы лучше обеспечить промтоварами сдатчиков хлеба и деревенскую бедно-

ту, помогающую нам в деле хлебозаготовок. На местах этот важнейший рычаг для усиления хлебозаготовок не был правильно использован. Сдатчики хлеба не получили на практике нужного преимущества в снабжении их промтоварами.

Особенно резко отстала от темпа хлебозаготовок вся работа, связанная с получением от крестьянства причитающихся с них платежей по единому с.-х. налогу, по страхованию, по возврату с.-х. ссуд. Совершенно не уделено было внимания распространению на селе займа индустриализации. При скоплении значительных свободных средств на селе кооперация не сумела развернуть нужной энергии в деле увеличения своей финансовой мощности за счет привлечения крестьянских средств в порядке паев и авансов. Раз'яснительная и организационная работа на селе, не подкрепляемая средствами экономического воздействия, может сорваться. Поэтому—вопрос мобилизации денежных средств крестьян приобретает на решающем этапе хлебозаготовок особо серьезное внимание. Необходимо темп работы в этой области приспособить к темпу развертывания хлебозаготовок.

Развертывание хлебозаготовок в текущем году показало, какими крупными силами мы располагаем для того, чтобы преодолеть затруднения, встречающиеся на пути социалистического развития страны. Необходимо силы советской общественности использовать для преодоления и тех технических затруднений, которые у нас в деле хлебозаготовок имеются. Партийные, комсомольские и профессиональные организации, особенно в потребляющих районах, где размещается основная масса хлеба, должны мобилизовать свои силы для того, чтобы оказать помощь государству. Мобилизация складов, тары, организация быстрейшей погрузки и разгрузки вагонов и увеличение их оборота—таковы конкретные задачи, которые сейчас со всей остротой стоят перед нами. С помощью общественных организаций технические затруднения безусловно будут преодолены.

Решающий этап, в который мы вступили в хлебозаготовительную кампанию требует развертывания во всех отраслях работы, в жизни всех партийных, комсомольских, профессиональных, советских и кооперативных организаций таких темпов, которые отвечали бы поставленному партией перед страной заданию—к январю закончить выполнение годового плана хлебозаготовок.

Трудности большие, но при боевом, большевистском подходе к их разрешению они будут преодолены и план хлебозаготовок к назначенному сроку может быть выполнен.

Г. Стрельцов.

„Политическое завещание Ленина" в изображении тов. Бухарина.

В настоящей статье мы намерены разобрать известный всей партии документ, под названием «Политическое завещание Ленина». Огромнейшее значение этого документа состоит в том, что в нем теоретические основы политической платформы правого уклона нашли свое завершение и обобщение. Мы не собираемся изображать здесь генезис теоретических воззрений автора документа, — тов. Бухарина, — это должно служить предметом самостоятельной работы, — укажем лишь на следующее: то, что писалось когда-то тов. Бухариным в таких работах, как «Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз», «О нэпе», позднее в «Заметках экономиста», а также в некоторых других статьях и речах, — представлено в «Политическом завещании», в виде целого, более или менее законченного построения. В соответствии с характером документа («Политическое завещание Ленина») мы ставим себе задачу показать, что круг идей, развиваемых тов. Бухариным в этом документе, находится, в резком непримиримом противоречии со всем тем, что писал и говорил Ленин по коренным вопросам нашей революции.

I. Что обещает тов. Бухарин.

«Я ограничиваю... тему своего выступления,—заявляет т. Бухарин в самом начале доклада,—политическим завещанием Ленина[1]), т.-е совокупностью мыслей, которые Владимир Ильич оставил как свое последнее, самое мудрое, самое взвешенное слово, как свою последнюю, самую продуманную директиву[2]).

Как явствует из приведенного отрывка, речь идет не просто о «самом последнем» слове тов. Ленина, сказанном им в его последних статьях. Речь идет о всем плане Ленина в целом.

«Изобразить весь план Ильича как целое — вот задача, которую я себе ставлю сегодня»[3]).

А, так как ленинский план построения социалистического общества в нашей стране, развитый им, главным образом, после победы Октябрьской революции, трудно, невозможно, отделить от всего того, что писал Ленин по вопросам нашей революции до Октябрьского переворота, то, очевидно, речь должна была итти о всем ленинизме или, по крайней мере, об основных вопросах ленинизма, касающихся плана построения социализма в нашей стране.

---

[1]) Везде, где не оговорено — разрядка моя. *Г. С.*

[2]) Н. И. Бухарин. Политическое завещание Ленина. Изд. «Правда и Беднота», Москва,, 1929 г., стр. 3.

[3]) Там же, стр. 5.

Так подойти к вопросу собирался, как будто и тов. Бухарин, предупредивший в заключении, что он «попытался не пропустить ни одной важной мысли Ленина»... Более того, тов. Бухарин счел необходимым предупредить для вящшей убедительности, что он «не прибавил абсолютно ничего от себя (!?), кроме некоторых комментариев (!!), которые вытекают из соответствующих статей Владимира Ильича»[1].

Итак, тов. Бухарин, сделал как будто все необходимое, чтобы убедить читателя, что он взял Ленина и ленинский план в целом, не прибавив ничего от себя, почему он, читатель, может рассматривать предлагаемый ему документ, как «Политическое завещание» самого Ленина.

Однако, на деле тов. Бухарин подошел к Ленину не так, как следовало бы, выполняя столь ответственную задачу — «изобразить весь план Ильича, как целое». В самом деле, тов. Бухарин пишет:

«Главнейшее из того, что завещал нам тов. Ленин, содержится в пяти его замечательных и глубочайших по своему содержанию статьях: «Странички из дневника», «О нашей революции», «Как нам реорганизовать Рабкрин», «Лучше меньше да лучше», «О кооперации».

Может быть к этим статьям можно подойти, как к части, при том важнейшей части, ленинского плана? Нет! По Бухарину, сам Ленин «смотрел на них, как на выражение некоторого целостного плана»[2]. Таким образом, по Бухарину, весь ленинский план в целом, все важнейшие политические заветы Ленина заключены в указанных статьях, — и только.

Нет сомнения, что перечисленные выше пять статей Ленина являются не только огромнейшей ценности вкладом в марксизм вообще, но и важнейшими элементами самого ленинизма. В этих статьях дан целый ряд совершенно новых постановок крупнейших теоретических и политических вопросов. Каждая из этих статей, может служить предметом особого изучения.

Но, было бы ошибкой отрывать эти статьи от всего, ранее сказанного Лениным по всем, затрагиваемым в статьях, вопросам, или, тем более, противопоставлять их предыдущим работам Ленина, что фактически делает тов. Бухарин. Между тем, что написано Лениным до 1923 года и в 1923 г. (в указанных статьях) существует органическая связь, которую нельзя прервать никоим образом. Так, например, ленинскую постановку крупнейшей проблемы нашей революции, — о рабоче-крестьянской смычке, — нельзя понять без анализа различной постановки этой проблемы Лениным в различные этапы нашей революции; в частности, нельзя понять без анализа того, что писал Ленин по этому вопросу в знаменитой брошюре «Две тактики», написанной еще в 1905 году.

Нет необходимости доказывать, что Ленина нельзя брать по частям. Ленинизм является целостным учением, монолитным и монистичным от начала до конца. Нельзя судить о ленинизме по какой-либо отдельной работе Ленина или по некоторым, хотя бы важнейшим, его работам. Нельзя и недопустимо, тем более, выдавать отдельную работу — или ряд отдельных работ тов. Ленина—за весь ленинизм в целом. Политическим завещанием Ленина для нашей партии и для рабочего класса является все ленинское учение, во всей многогранности и, вместе с тем, в строгом единстве.

Это положение должно служить исходным пунктом для всякого, кто берет на себя трудную и чрезвычайно ответственную задачу — изложить

[1]) Там же, стр. 30.
[2]) Там же, стр. 3—4.

политическое завещание Ленина. Ибо выхватывание отдельных речей или статей Ленина для суждения о всем ленинском плане в целом, механическое расчленение ленинизма на части, неминуемо должно привести, к извращению, к ревизии ленинизма.

Тов. Бухарин подошел к Ленину по-ревизионистски. Расчленяя механически ленинизм на части, уничтожая органическую связь, существующую между всеми важнейшими работами Ленина, т. Бухарин выбросил за борт ленинского наследства такие кардинальные сочинения Ленина, как «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата», «Тезисы о диктатуре пролетариата», «Государство и Революция», «Пролетарская революция и ренегат Каутский», «Детская болезнь левизны» и др., не говоря уже об отдельных статьях и речах Ленина, в которых затрагивались им основные проблемы переходного периода. Все эти работы Ленина являются важнейшей составной частью политического завещания Владимира Ильича.

Нельзя, недопустимо расчленять ленинизм на части, особенно, если речь идет о политическом завещании, т.-е. о важнейшем и главном, что завещал Ленин нашей партии и рабочему классу. Но если даже взять перечисленные пять статей Ленина отдельно, вне связи со всеми предыдущими, важнейшими работами Ленина (что сделал фактически тов. Бухарин и, что повторяем, является в данном случае, абсолютно недопустимым) — мы придем к совершенно иным выводам, нежели те, которые сделал т. Бухарин. В этом мы убедимся ниже, при разборе важнейших вопросов, затронутых в документе.

Таким образом, уже в самом подходе тов. Бухарина к Ленину и ленинизму обнаруживается величайший порок. Этот порок не является случайным. У тов. Бухарина имеются крупнейшие, программные разногласия с партией по целому ряду основных вопросов генеральной линии партии, своя особая политическая линия. Разбираемый документ является попыткой т. Бухарина обосновать эту свою линию Лениным. Эту попытку необходимо со всей решительностью разоблачить.

II. О пролетарской революции и „крестьянской войне“.

Основной темой разбираемого документа является, несомненно, союз рабочего класса с крестьянством. Это — главный пункт, вокруг которого и с точки зрения которого развертывается т. Бухариным все остальное. Как же решает тов. Бухарин эту сложную проблему? Точнее, как он излагает ее под видом «Политического завещания Ленина»?

Цепь рассуждений Бухарина следующая: наша революция оказалась возможной и победоносной благодаря счастливому стечению ряда обстоятельств: 1) мировая война, 2) начало революционного движения народов Востока, 3) в особенности — крайне благоприятное сочетание классовых сил внутри страны, «которое Маркс еще в пятидесятых годах прошлого века считал самым выгодным, а именно: сочетание крестьянской войны с пролетарской революцией»[1]. Поэтому, — делает вывод т. Бухарин, — «это сочетание пролетарской революции и крестьянской войны» (т.-е. союз рабочего класса с крестьянством под руководством рабочего класса), должно быть продлено (!) и удержано во что бы то ни стало; ибо если лишиться (разрядка автора) этого особо благоприятного сочетания классовых сил, то выпадает вся основа развертывания социалистической (!) революции в нашей стране»[2]. Отсюда — главной нашей заботой должна быть «забота о сочетании «пролетарской революции» с «крестьян-

[1]) Там же, стр. 7, разрядка тов. Бухарина.
[2]) Там же, стр. 8.

ской войной» в новой форме, на этот раз «строительной» форме. Это — главное». В этом — «главная гарантия социалистического строительства» [1]).

Логика рассуждений т. Бухарина как будто бы «безукоризненна». По существу же мы имеем здесь грубейшее извращение ленинизма, заметное с первого взгляда для всякого, кто знаком с постановкой этого вопроса Лениным.

Всем известно, что формула: «сочетание пролетарской революции с «крестьянской войной» — означала союз пролетариата со всем крестьянством. Этот лозунг относится к первому периоду нашей революции, а именно к периоду буржуазно-демократической революции, т.-е. к февральской революции 1917 г. Уже после Февраля, т.-е. в период подготовки социалистического переворота, Ленин и партия выбросили другой лозунг: пролетариат, вместе с беднейшим крестьянством и полупролетариатом против буржуазии, при нейтрализации мелкой буржуазии, за пролетарскую революцию.

Тем не менее, поскольку задачи буржуазно-демократической революции Февралем не были решены, поскольку эти задачи пришлось решать «мимоходом» (Ленин) Октябрьской революции,—пролетариату, совершавшему в Октябре социалистический переворот, удалось потянуть за собой все крестьянство. Произошло таким образом, то сочетание пролетарской революции с «крестьянской войной», которое (сочетание) явилось одним из важнейших условий победы Октябрьского переворота.

Однако, по мере развертывания и углубления социалистической революции в деревне (приблизительно летом—осенью 1918 года), этот «общекрестьянский» фронт с неизбежностью разрывается: кулак открыто выступает как враг пролетарской диктатуры, середняк колеблется, единственной прочной опорой пролетариата в деревне остается полупролетариат и деревенская беднота.

Этому расколу единого, общекрестьянского фронта, направленного в начале революции против помещиков, против остатков крепостничества, Ленин придавал огромнейшее значение. Во-первых, этот раскол выражал собою перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую, окончание перехода от одного этапа революции к другому; во-вторых, в этом расколе деревни обнаружилась зрелость нашей страны для социалистической революции [2]).

Вот что писал Ленин по поводу различных лозунгов партии в различные этапы нашей революции в своей работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский»:

«Запутанный Каутским вопрос большевики уже в 1905 году раз'яснили полностью [3]). Да, революция наша буржуазная, пока мы идем вместе с крестьянством, как целым... Вышло именно так, как мы говорили... Сначала вместе со «всем» крестьянством против монархии, против помещиков, против средневековья (и постольку революция остается буржуазной, буржуазно-демократической). Затем вместе с беднейшим крестьянством, вместе с полупролетариатом, вместе со всеми эксплоатируемыми против капитализма, в том числе против деревенских богатеев, кулаков, спекулянтов и постольку революция становится социалистическою» [4]).

---

[1]) Стр. 21, разрядка т. Бухарина.

[2]) «Вот, если бы,—писал Ленин,—большевистский пролетариат столиц и крупных промышленных центров не сумел об'единить вокруг себя деревенской бедноты против богатого крестьянства, тогда этим была бы доказана «незрелость» России для социалистической революции, тогда кретьянство осталось бы «целым» (т. XV, с. 512).

[3]) Ленин имеет в виду свою брошюру «Две тактики», написанную в 1905 г.

[4]) Ленин, XV, с. 508. Подчерк. Лениным.

По поводу социалистической революции в деревне Ленин там же писал:

«Буржуазная революция была нами доведена до конца. Крестьянство шло за нами в целом. Его антагонизм к социалистическому пролетариату не мог обнаружиться в один момент. Советы об'единяли крестьянство вообще. Классовое деление внутри крестьянства еще не назрело, еще не вылилось наружу.

Этот процесс развился летом и осенью 1918 г. Чехо-словацкое контрреволюционное восстание разбудило кулаков. По России прошла волна кулацких восстаний».

И далее:

«Все знающие дело и бывшие в деревне, говорят, что наша деревня только летом и осенью 1918 г. переживает сама «Октябрьскую» (т.-е. пролетарскую) революцию. Наступает перелом. Волна кулацких восстаний сменяется под'емом бедноты, ростом «комитетов бедноты» [1]).

В другом месте Ленин дает следующую формулировку всего процесса перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую:

«Завершив буржуазно-демократическую революцию вместе с крестьянством вообще, пролетариат России перешел окончательно к революции социалистической, когда ему удалось расколоть деревню, присоединить к себе ее пролетариев и полупролетариев, об'единить их против кулаков и буржуазии, в том числе крестьянской буржуазии» [2]).

В 1919 году, в связи с изменившейся обстановкой, Ленин и партия, от лозунга—союз пролетариата с беднейшим крестьянством против буржуазии (в том числе и кулака) при нейтрализации мелкой буржуазии (в том числе и середняка),—переходят к другому лозунгу «союз с середняком». Уже в марте 1919 года на VIII с'езде партии Ленин говорил:

«Мы вошли в такую стадию социалистического строительства, когда надо... по отношению к среднему крестьянству стать на почву прочного союза» [3]).

С тех пор руководящим лозунгом партии в отношении крестьянства становится этот, третий лозунг, нашедший свое чеканное выражение в следующей формуле Ленина:

«Уметь достигать соглашения с средним крестьянином ни на минуту не отказываясь от борьбы с кулаком и прочно опираясь только на бедноту» [4]).

Этот третий лозунг партии в отношении крестьянства является руководящим и в данный период.

Мы напомнили кратко об этих, известных всем, вещах, чтобы показать полную теоретическую и политическую нелепость, полный отказ от ленинизма, говорить теперь (в разгар социалистического строительства и обострения классовой борьбы на основе развертывающегося социалистического наступления на капиталистические элементы, города и деревни), о сочетании пролетарской революции с «крестьянской войной», да еще в «строительной форме» (?!).

Тов. Бухарин полностью смазал проблему перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Сложную механику переплетения классовых сил при переходе от одного этапа революции к другому, он заменил собственной упрощенной схемой. На чем покоится эта схема? На чем покоится утверждение, что сочетание пролетарской революции с «крестьянской войной» было и остается основой развития нашей революции? На убеждении тов. Бухарина в том, что наша

---

[1]) Там же, стр. 510—511.

[2]) Том XV, стр. 512.

[3]) Том XVI, стр. 94

[4]) Ленин, т. XV, стр. 564.

страна вступила в революцию незрелой, несозревшей для социалистического переворота.

Тов. Бухарин совершенно ясно заявляет:

«С точки зрения всемирной истории проделывать пролетарскую революцию должны развитые (!) страны, страны с чрезвычайной развитой экономической базой, вполне и вполне «достаточной» для перехода к социализму».

Нашу-же революцию тов. Бухарин рассматривает как «*ОСОБОЕ ИСКЛЮЧЕНИЕ* (!!)[1]», вызванное «своеобразием внутренней и внешней обстановки»—и только!

Совершенно ясно, что победа нашей революции обязана этим своеобразным условиям внешнего и внутреннего порядка. Но их (эти условия) ни в коем случае нельзя отрывать от общих закономерностей империализма, на основе которых вышеуказанные специфические условия победы революции в России только и могли оказать свое действие. В то время как Ленин рассматривал революцию, даже в такой отсталой стране, как наша, закономерной с точки зрения закона неравномерного развития капитализма, тов. Бухарин рассматривает нашу революцию как случайный продукт исторического развития, как «выкидыш» истории! Мы утверждаем, что в своем понимании предпосылок нашей революции тов. Бухарин полностью скатился на социал-демократические позиции, разгромленные Лениным в его статье «О нашей революции». Плохо, очень плохо вчитался тов. Бухарин в эту кардинальнейшую статью тов. Ленина!

Тов. Бухарин, далее, делает ту крупнейшую методологическую ошибку, чреватую большими политическими последствиями, что он, одно из важнейших условий победы нашей революции, превратил в основание революции. В самом деле, тов. Бухарин распространяет, «растягивает» формулу, относящуюся к определенному, давно изжитому, этапу нашей революции, на весь период развернутого социалистического строительства. Что это так, становится ясным для всякого, кто ознакомится с разбираемым документом. Тов. Бухарин совершенно недвусмысленно заявляет, что сочетание пролетарской революции с «крестьянской войной», было «основой для всего развития нашей революции».

Именно отсюда тов. Бухарин делает вывод:

«если лишиться этого особо благоприятного сочетания классовых сил (речь идет о сочетании пролетарской революции с крестьянской войной, *Г. С.*), то выпадает вся основа развертывания социалистической революции в нашей стране»[2]).

Нигде, ни одним словом тов. Бухарин не упоминает о том, что приведенная им формула была действительна в исторически ограниченный отрезок времени. Нигде тов. Бухарин не делает, хотя бы, оговорки о том, что он понимает под «крстьянской войной» теперь, о каком крестьянстве ведет он речь. Нет, он берет формулу в том виде, в каком она употреблялась Лениным применительно к первому, буржуазно-демократическому этапу нашей революции и распространяет ее на весь ход нашей революции в целом.

Таким образом, вместо трех[3]) ленинских лозунгов, последний из которых выражен в приведенной нами триединой формуле Ленина—тов. Бухарин преподносит нам, под видом завещания Ленина, один лозунг: «сочетание» пролетарской революции с «крестьянской войной» или, что то же самое, союз пролетариата со всем крестьянством. Этот союз, по мнению тов. Бухарина, служил «основой для всего развития нашей революции», такой союз «должен быть» «во чтобы то ни стало» «сохранен нами и теперь, ибо в противном случае» выпадает вся основа развертывания социалистической революции в нашей стране».

[1]) Полит. завещание; стр. 7. Курсив тов. Бухарина.

[2]) Бухарин «Политическое завещание», стр. 8; разрядка т. Бухарина.

[3]) Вопрос о трех основных лозунгах Ленина и партии в отношении крестьянства с исчерпывающей полнотой разобран т. Сталиным (см. «Вопросы ленинизма», ответ тов. Ян-скому и ответ тов. С. 6-е изд., стр. 614—625 и 635—645).

В свете приведенных нами высказываний Ленина, читатель может судить теперь о том, в какой мере тов. Бухарин «не прибавил ничего от себя». Бесспорным является, что в первом разделе своего доклада тов. Бухарин изложил такую теоретическую концепцию сочетания классовых сил в ходе нашей революции, в которой нет ни атома от Ленина.

Какие выводы следуют из бухаринской концепции? Во-первых, в свете бухаринских высказываний, мы должны изменить свою точку зрения на характер нашей революции.

Ибо, поскольку основой развития нашей революции является союз пролетариата со всем крестьянством, а в союзе с крестьянством вообще, по-Ленину, сказывается буржуазный характер революции[1])—наша революция не являлась и не является ныне социалистической революцией, в нее привносятся, примешиваются элементы буржуазной революции. Но уничтожить грань, разделяющую буржуазно-демократический период революции от ее социалистического периода—это значит смазать на-чисто специфический характер пролетарской революции, ее особые задачи, это значит смазать особое сочетание классовых сил в период социалистической революции, по сравнению с революцией буржуазно-демократической.

Более того, если встать, на точку зрения тов. Бухарина, если принять его расстановку классовых сил (союз со всем крестьянством, как основа развития социалистической революции)—по-иному ставится и вопрос о диктатуре пролетариата. Всем известно, что лозунгу партии «союз со всем крестьянством» соответствовал другой лозунг: «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства». С этими лозунгами наша партия шла к Февралю. Считая лозунг «союз со всем крестьянством» основным для всего хода нашей революции, тов. Бухарин неизбежно должен притти к пересмотру ленинской точки зрения на диктатуру пролетариата. Не случайно поэтому, что в «Политическом завещании Ленина» тов. Бухарин превращает пролетарскую диктатуру в какую-то общенародную власть. «Пролетариат ведет за собой весь трудящийся народ, он отвечает за развитие всего общества (?!) в целом...» — такое путаное определение дает тов. Бухарин. Классовый характер диктатуры пролетариата, ее основа—пролетариат—куда-то исчезли, и это, повторяем, не случайно: на всем протяжении документа все основные вопросы т. Бухарин рассматривает не с точки зрения пролетариата, а с точки зрения крестьянства вообще.

Во-вторых, прямым следствием теоретической концепции т. Бухарина является то, что кулак, как враг пролетарской диктатуры, из нашего поля совершенно исчезает. Более того, из нашего классового врага, с которым необходимо, как это завещал Ленин и как это делает партия, вести решительную борьбу,—кулак в системе тов. Бухарина превращается в нашего союзника.

[1]) Т. XV, стр. 508—512. На стр. 512 Ленин пишет: «Общекрестьянская революция есть еще революция буржуазная».

Ленин учил, что важнейшим условием построения последовательно-классовой линии в отношении крестьянства, является умение «различать», «разграничивать» бедняка от середняка, середняка от кулака. По отношению к каждой этой группе у пролетариата, строящего социализм, должен быть особый подход.

«Революционный пролетарий должен знать, кого надо подавлять, с кем надо,—когда и как—уметь заключать соглашение» [1]).

Это ли «завещает» нам тов. Бухарин? Отнюдь нет! Как мы видели, никакого разграничения для него не существует. В таком важнейшем документе, как «Политическое завещание Ленина» тов. Бухарин ни слова не говорит о необходимости того разграничения, о котором говорил Ленин. Наоборот, как «последнее», «самое мудрое» слово Ленина, тов. Бухарин преподнес нам «крестьянскую войну», союз со всем крестьянством, что уже заранее исключает необходимость разграничения различных социально-экономических групп в крестьянстве и что предполагает необходимость иной политики в отношении крестьянства, чем та, которую проводит ныне партия.

Так оно и обстоит на деле: в то время как партия усиленно напирает на необходимость организации бедноты, решительного наступления на кулачество—правые и их теоретик тов. Бухарин возражают против организации бедняцко-середняцкого фронта против кулачества, отказываются от политики наступления на кулацко-капиталистические элементы деревни, заменяя все это теорией мирного врастания кулака в социализм» (тов. Бухарин) и идеей: «мы не должны мешать развитию кулацких хозяйств» (тт. Фрумкин и Бухарин).

Таким образом то, что предлагает тов. Бухарин под видом важнейшего завещания Ленина, является на самом деле, полным отказом от Ленина. Ибо не кто иной, как Ленин завещал:

«Уметь достигать соглашения со средним крестьянином, ни на минуту не отказываясь от борьбы с кулаком и прочно опираясь только на бедноту».

Это завещание Ленина известно и тов. Бухарину. Однако, он счел возможным выбросить приведенный лозунг Ленина из «Политического завещания»,—лозунг, обязывающий партию организовывать бедноту, решительно бороться с кулачеством, и заменил его другим лозунгом: союз пролетариата со всем крестьянством (следовательно и с кулаком) как основа развития нашей революции и как «главная гарантия социалистического строительства», ибо формула: сочетание пролетарской революции с «крестьянской войной» ничего иного, кроме союза со всем крестьянством, не означает.

Для всякого ясно, что политический смысл этой подмены одного лозунга другим, под видом завещания Ленина, состоит только в одном: в необходимости менять, и притом радикально менять политику партии в отношении крестьянства. К этому и призывает тов. Бухарин партию. Но для всякого ясно также, что попытка тов. Бухарина опереться при этом на Ленина безуспешна. Из приведенных нами слов Ленина с несомненностью следует как то, что тов. Бухарин извратил Ленина самым грубым образом, так и то, что партия в своей политике по отношению к крестьянству стоит целиком и полностью на почве ленинского учения и его важнейших заветов.

Таким образом между политической платформой правых в отношении крестьянства и теоретическими «откровениями» тов. Бухарина существует неразрывная связь. Основой оппортунистической линии правого уклона является неправильная оценка характера нашей революции, а также расположения классовых сил в ходе революции. Антиленинский характер политической платформы правых и ее теоретических основ—не подлежит сомнению.

[1]) Т. XV, стр. 564.

III. Бухарин и Ленин о классовой борьбе.

С точки зрения того расположения классовых сил, которое, по тов. Бухарину, являлось и является основой развития нашей революции, становятся вполне понятными и его рассуждения о классовой борьбе в переходный период, высказанные им, как ранее, так и в «Политическом завещании».

В брошюре «Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз» тов. Бухарин писал, что обострение классовой борьбы в деревне имеет место

обычно там, где еще советский местный аппарат является слабым. По мере улучшения этого аппарата, по мере укрепления всех низовых ячеек советской власти, по мере улучшения и усиления местных деревенских партийных и комсомольских организаций, такого рода явления, будут, как это совершенно очевидно (?), становиться все более редкими и, в конце концов, бесследно исчезнут» [1]).

Примечательным в этом рассуждении является то, что во-первых, в основе классовой борьбы в нашей стране лежат, по-Бухарину, не об'ективные, а суб'ективные факторы (плохой аппарат); во-вторых, в приведенных словах, заключена целая теория непрерывного затухания классовой борьбы, притупления классовых противоречий вплоть до «бесследного» их исчезновения, при наличии хорошего аппарата, несмотря на то, что классы в нашей стране остались и долго еще останутся. Последнее—наличие классов и классовых противоречий—для т. Бухарина не существенно при об'яснении причин классовой борьбы; главное—качество аппарата. Для каждого ясно, что эта «теория» тов. Бухарина является прямым следствием его теории «мирного врастания кулака в социализм», которая, в свою очередь, вполне увязывается с теорией о сочетании пролетарской революции с «крестьянской войной», как основы развития нашей революции. Все это—зненья одной и той же цепи.

Чтобы не возвращаться, тут же заметим, что об'яснение причин классовой борьбы суб'ективными факторами является абсолютно немарксистским. Удивительным кажется, как это тов. Бухарин забыл столь элементарную для марксиста вещь, что классовая борьба является неизбежным следствием существования классов и классовых противоречий и ни в коем случае не может быть выведена из качества государственного аппарата. Наоборот, качество аппарата само должно быть выведено из условий классовой борьбы.

По Бухарину получается, что в тех местах и районах нашей страны, где классовые противоречия не проявляются в форме открытых схваток с нашим классовым врагом, с кулачеством, где все идет гладко, тихо и мирно—там наш аппарат стоит на высоте классовых задач партии; там же, где классовая борьба происходит, принимая иногда самые резкие формы—там мы имеем сползание аппарата с классовых рельс, с линии партии. Между тем, как нам уже приходилось указывать ранее [2]), опыт работы всех наших организаций, особенно факты последнего времени (Смоленск, Астрахань, Вологда и др.) говорят о том, что дело происходит «совсем наоборот». Именно там, где проводится последовательно линия партии, где капиталистические элементы чувствуют на себе растущую мощь социалистического наступления пролетариата—растет и усиливается сопротивление классового

[1]) Стр. 53—54.
[2]) См. нашу статью «Большевик» № 18 за 1929 г.

врага, обостряется классовая борьба, принимая иногда самые резкие формы. То, что непонятно с точки зрения Бухарина, то становится понятным с точки зрения Ленина, который писал:

«На нашей революции, больше, чем на всякой другой, подтвердился закон, что сила революции, сила натиска, энергия, решимость и торжество ее победы усиливают вместе с тем силу сопротивления со стороны буржуазии. Чем мы больше побеждаем, тем больше капиталистические эксплоататоры учатся об'единяться и переходят в более решительное наступление»[1]).

Кто будет отрицать, что минувшие два года обострения классовой борьбы, особенно в деревне, целиком и полностью подтверждают эти слова Ленина?!

Таким образом, по тов. Бухарину закон нашего развития таков: чем больше мы растем, чем лучше наш аппарат—тем слабее классовая борьба, тем больше она приближается к «бесследному исчезновению». Классовая борьба рисуется в виде непрерывно затухающей кривой. Случаи обострения классовой борьбы являются с этой точки, отклонением от закона, результатом плохого качества аппарата и ошибок руководства. Рост кулака и нэпмана (при одновременном росте сил пролетарской диктатуры), с этой точки зрения — «не страшен», ибо «кулаку и кулацким организациям» (даже кулацким организациям! *Г. С.*) все равно некуда будет податься (!?), так как «общие рамки развития в нашей стране заранее даны строем пролетарской диктатуры и уже в значительной степени выросшей мощью хозяйственных организаций этой диктатуры[2]).

И вот этот-то «закон» т. Бухарин старается приписать Ленину! Чрезвычайно интересной в этом отношении является II-я глава «Политического завещания» под названием «Общее направление нашего развития и генеральная установка политики». В этой главе тов. Бухарин приводит следующую цитату Ленина из его статьи «О кооперации»:

«Мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм. Эта коренная перемена состоит в том, что раньше, мы центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т. д. Теперь же центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную организационную «культурную» работу» и т. д.[3]).

Тов. Бухарин выделяет слова «мирная организационная» «культурная» работа жирным шрифтом и комментирует эту ленинскую цитату следующим образом: раньше, дескать, Ленин говорил о политической борьбе; теперь Ленин говорит о «мирной организационной работе». Но

«действительный ход жизни, согласно мефистофельскому изречению: «Теория, друг мой, сера, но зелено вечное дерево жизни» — оказался — сложнее, чем предполагал Ленин (!). Оказалось, что «реально могут быть периоды обострения классовой борьбы и ее форм, связанные с перегруппировками общественных классов. Мы переживаем сейчас один из таких периодов обострения классовой борьбы, когда (слушайте!), мы не можем сказать, что наша работа «сводится» к «культурничеству». Это однако, не меняет того обстоятельства, что «основные положения тов. Ленина о характере нашего развития остаются глубоко правильными. И это должно остаться теоретическим фундаментом при определении нашей большой тактической дороги»[4]).

Верблюд, рассказывая о коне, неизбежно изобразит его горбатым. Так получилось и у тов. Бухарина. Весь смысл рассуждений тов. Бухарина свелся

[1]) Ленин, XVI, стр. 347.
[2]) Бухарин. «Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз», стр. 49.
[3]) Ленин, т. XVIII, II, с. 144.
[4]) Бухарин. «Политическое завещание», стр. 9—10, подчерк. т. Бухариным.

к тому, что когда Ленин говорил о «перемене нашей точки зрения на социализм», и о том, что «теперь центр тяжести переносится на мирную организационную работу» — он исключил политическую, классовую борьбу, а перенес центр тяжести на «культурничество».

Тов. Бухарин далее противопоставил то, что мы имеем в действительности, тому, что писал Ленин. По тов. Бухарину Ленин не предполагал возможности периодов обострения классовой борьбы. Классовая борьба, происходящая ныне, является усложнением к ленинской теории. Именно поэтому «мы не можем сказать (как это, по Бухарину, говорил Ленин, *Г. С.*), что наша работа «сводится» к «культурничеству» (Бухарин). Но эта, не предполагавшаяся Лениным, «поправка» к ленинской теории, внесенная жизнью, не меняет «общего направления нашего развития», указанного Лениным: раньше центр тяжести — политическая борьба; теперь — «мирная организационная работа», «культурничество».

Итак, тов. Бухарин выбросил классовую борьбу из ленинского учения», из «Политического завещания Ленина».

Классовая борьба не вмещается в рамки ленинского плана — вот, что получается, если признать, что прав тов. Бухарин. И не даром в другом месте брошюры тов. Бухарин роняет фразу, что «Вл. Ильич о кулаке вообще не упоминает в этих статьях», (речь идет о перечисленных выше пяти статьях Ленина). В этом тов. Бухарин пытается искать лишнее подтверждение правильности своей политической позиции.

Есть ли во всех этих рассуждениях т. Бухарина, что-либо от Ленина? Ни капли! Это—не ленинизм, это грубейшая карикатура на Ленина и его план, нарисованная рукой ревизиониста. Можно ли толковать приведенную ленинскую цитату так, как ее истолковал тов. Бухарин?

Ленин совершенно ясно говорит о том, что раньше основной, всеподчиняющей задачей партии и пролетариата была политическая борьба за революцию, за завоевание власти, за установление диктатуры пролетариата. В этом—в борьбе за установление пролетарской диктатуры—был центр тяжести раньше. А теперь? А, теперь основной всеподчиняющей себе задачей является борьба за укрепление пролетарской диктатуры, за построение социализма. В этом центр тяжести теперь. В этом и только в этом смысле следует понимать слова Ленина о «перемене нашей точки зрения на социализм».

Нелепо, издевательством над Лениным будет понимать под его словами «мирная организационная работа» — простое «культурничество», повышение грамотности, рост культурного уровня масс и т. д. Ленин ставил вопрос гораздо шире. В той же статье «О кооперации» Ленин писал:

«Для нас достаточно теперь этой культурной революции для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной, но для нас эта культурная революция представляет неимоверные трудности и чисто культурного свойства (ибо мы безграмотны) и свойства материального (ибо для того, чтобы быть культурными, нужно известное развитие материальных средств производства, нужна известная материальная база[1]).

В этой же статье Ленин повторяет ту свою идею, проходящую красной нитью через все его работы, что основным условием строительства социализма является сохранение и укрепление диктатуры пролетариата, руководящей роли пролетариата в союзе с крестьянством, сохранение и укрепление командных высот.

Итак, сохранение и укрепление диктатуры пролетариата, борьба за создание материальной и культурной базы для того, чтобы наша страна могла

[1]) Ленин, XVIII, II, с. 145.

«оказаться вполне социалистической страной» (Ленин)—вот в чем центр тяжести теперь.

Но может ли вся эта великая социалистическая стройка протекать без борьбы? Можно ли именно так понимать слова Ленина о «мирной организационной работе»? Можно ли изображать дело, таким образом, что все ленинское учение о классовой борьбе в эпоху пролетарской диктатуры сводится только к тому, что он «мирную организационную работу» считал «особой формой классовой борьбы»? [1]). Изображать дело так — значит выбросить один из центральных пунктов ленинизма — учение Ленина о классовой борьбе в эпоху диктатуры пролетариата.

Ленин неустанно, во многих своих работах подчеркивал «вбивал в голову» ту мысль, что при диктатуре пролетариата классовая борьба не отменяется, но сохраняется, принимая новые формы. В тезисах «О диктатуре пролетариата» Ленин писал:

«Основной источник непонимания диктатуры пролетариата «социалистами», это недоведение ими до конца идеи классовой борьбы.
Диктатура пролетариата есть продолжение классовой борьбы в новых формах [2]).

В другом месте Ленин писал:

«переходный период не может не быть периодом борьбы между умирающим капитализмом и рождающимся коммунизмом, или, иными словами, между побежденным, но не уничтоженным капитализмом и родившимся, но совсем еще слабым, коммунизмом» [3]).

По Ленину, таким образом, классовая борьба является законом переходного периода.

Классовая борьба существует и неизбежно обостряется в нашей стране не только потому, что страна находится в капиталистическом окружении, что внутри страны существуют остатки старых, свергнутых классов, что растет нэпман и кулак, что в наших аппаратах много еще враждебной нам бюрократии и чиновничества, но и потому, что в нашей стране чрезвычайно сильна база, рождающая капитализм, — мелкое товарное производство. «На этой базе капитализм сохраняется и возрождается вновь в самой ожесточенной борьбе с коммунизмом». (Ленин).

Именно в связи с последним обстоятельством, Ленин всегда с особой силой, выпячивал вопрос: «кто кого?». В брошюре, посвященной «левым коммунистам» (в том числе и тов. Бухарину), Ленин писал:

«Либо мы подчиним своему контролю и учету этого мелкого буржуа (мы сможем это сделать, если сорганизуем бедноту, т.-е. большинство населения, или полупролетариев вокруг сознательного пролетарского авангарда). либо он скинет нашу рабочую власть, неизбежно и неминуемо, как скидывали революцию Наполеоны и Кавеньяки, именно на этой мелкособственнической почве и произрастающие Так стоит вопрос» [4]).

Тов. Бухарин плохо усвоил уроки Ленина, ибо для него вопрос «кто кого» не существует вовсе. А между тем это решающий вопрос, ибо только имея в виду возможный двоякий исход борьбы, только учитывая опасности, кроющиеся в мелком товарном производстве, можно решать вопрос о путях развития сельского хозяйства.

---

[1]) Бухарин. «Полит. завещание», с. 9.
[2]) III Ленинский сборник, с. 511 кур. Ленина. То же самое см. в написанных Лениным тезисах III конгресса КИ о тактике РКП (т. XVIII, I, с. 317).
[3]) Ленин. «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата» т. XVI.
[4]) Т XV, с. 265—266.

Этот же вопрос «кто кого» Ленин ставит и в статье, «Как нам реорганизовать Рабкрин». Ленин пишет:

«в последнем счете судьба нашей Республики будет зависеть от того — пойдет ли крестьянская масса с рабочим классом, сохраняя верность союзу с ним, или она даст «нэпманам», т.-е. новой буржуазии [1]), раз'единить себя с рабочими, расколоть себя с ними. Чем яснее мы будем видеть перед собою этот двоякий исход, чем яснее будут понимать его все наши рабочие и крестьяне, тем больше шансов на то, что нам удастся избегнуть раскола, который был бы губителен для Советской Республики» [2]).

О том, каков по Ленину наиболее действительный, наиболее верный путь для предотвращения второго, худшего для нас исхода борьбы — мы будем говорить ниже. Здесь для нас важно отметить, что в приведенных словах Ленин, по существу, ставит тот же вопрос: «кто кого?», придавая ему при этом чрезвычайно широкое значение и глубочайшее содержание. Речь идет не просто о непосредственной схватке элементов капитализма и сил коммунизма между собою, но сюда присоединяется еще вопрос, кому—пролетариату или «новой буржуазии» — удастся сохранить руководство над основными массами крестьянства и потянуть их в этой схватке за собою.

Но ведь это есть вопрос борьбы, жесточайшей и отнюдь не «мирной» классовой борьбы! Поставленный Лениным вопрос о двояком исходе может быть решен только в упорнейшей борьбе капитализма с коммунизмом. Мы спрашиваем, куда девал тов. Бухарин этот ленинский вопрос? Почему тов. Бухарин заметил у Ленина только «мирную организационную работу», и не заметил классовой борьбы, о которой Ленин говорил постоянно, в том числе, и в цитированных Бухариным статьях? Ответ ясен: тов. Бухарину понадобилось обосновать свою оппортунистическую линию Лениным, ибо выступать открыто против Ленина — рискованно. Отсюда — попытка причесать Ленина... под Бухарина, попытка навязать Ленину свои собственные, бухаринские, схемы.

Выбрасывая за борт ленинское учение о классовой борьбе в переходный период, не вмещая эту борьбу в ленинский план, тов. Бухарин, конечно, вполне логичен. Ибо, как мы видели выше, классовая борьба не вмещается в бухаринские схемы. Если вместо ленинской триединой формулы — союз со всем крестьянством, если вместо борьбы с кулаком — теория «мирного врастания кулака в социализм»; если классовая борьба суть результат суб'ективных факторов (плохой аппарат) — то нет места для классовой борьбы в переходный период, от классовой борьбы остаются «рожки да ножки»... Так получается, по крайней мере, по бухаринской теории. Если же ход действительной жизни опровергает теорию тов. Бухарина— тем хуже для жизни!

Нам нет необходимости больше доказать, что учение Ленина о классовой борьбе в переходный период не имеет ничего общего с «учением» тов. Бухарина, изложенным им в «Политическом завещании». Тов. Бухарин извратил Ленина самым грубым образом и не постеснялся навязать Ленину свои собственные взгляды о классовой борьбе, которые находятся в резком противоречии со всем тем, что писал по этому вопросу Ленин.

---

[1]) Совершенно очевидно, что под «новой буржуазией» Ленин понимает как городскую, так и сельскую, т.-е. не только «нэпмана», но и кулака. Читатель может судить насколько верны слова Бухарина о том, что Ленин «вообще не упоминает о кулаке в этих статьях».
[2]) Ленин, XVIII, II, 124.

IV. Тов. Бухарин об основах экономической политики и ленинском плане.

Мы уже указывали на то, какое огромное значение имеет ленинский вопрос «кто — кого» — вопрос, который т. Бухарин даже не поставил да и не мог поставить, потому что этот вопрос не вмещается в рамки бухаринских схем.

Решая проблему усиления позиций социализма в нашей стране, как с точки зрения международной, так и внутренней, Ленин предлагал партии определенную экономическую политику, определенный план, который партия и рабочий класс всеми мерами осуществляют. Сказанное Лениным по вопросу об основных условиях сохранения и укрепления пролетарской диктатуры в нашей стране, столь ясно и четко формулировано в его многочисленных работах, что, казалось-бы, здесь не должно быть места кривотолкам. Однако, и тут тов. Бухарин умудрился «обработать» Ленина.

Посмотрите, каким выглядит ленинский план под «умелой» рукой нашего «завещателя». Сперва тов. Бухарин говорит о том, что весь ленинский план содержится в его статье «Лучше меньше, да лучше». «Это — план индустриализации и план кооперирования». Расшифровывая затем, что значит индустриализация по Ленину, тов. Бухарин всеми мерами, правда, не говоря об этом прямо, старается доказать, что проводимая ныне партией индустриализации страны происходит на «нездоровой базе», («трата резервов», «выпуск бумажных денег с риском инфляции и товарным голодом», «переобложение крестьянства»).

«Не эмиссия, не проедание запасов (золотых, товарных, валютных), не переобложение крестьянства, а качественное повышение производительности общенародного (кулака и нэпмана тоже? Г. С.) труда и решительная борьба с непроизводительными расходами — вот главные источники накопления. Это есть определенная директива, определенная политическая линия (!) и мудрость ее заключается в том, что это единственная линия, при которой дело хозяйственного строительства, социалистического накопления и пр. будет иметь и на стороне экономической и на стороне социально-классовой настоящую, крепкую, здоровую базу». Далее, исходя, очевидно, из убеждения, что проводимая партией индустриализация ведет к разрыву союза рабочего класса с крестьянством, к «размычке», Бухарин пишет: нужно, «чтобы политика индустриализации не только не разрывала с крестьянством, а, наоборот, сплачивала союз с крестьянством» [1]).

Таким образом, т. Бухарин, полностью исключил необходимость и возможность использования крестьянских средств для дела индустриализации. Что касается того, где и каким образом использовать все накопляемые и высвобождающиеся суммы, т. Бухарин, как известно, дал ответ в «Заметках экономиста»: 1) на смягчение напряженности на рынке и товарного голода; 2) на образование резервов; 3) на сохранение реально достигнутых темпов; 4) на обеспечение бескризисного развития. «Сохранить, (а не раздуть) этот темп» [2]) подчеркивал т. Бухарин. В «Политическом завещании» о необходимости быстрейшего темпа развития индустрии не говорится ни слова; наоборот, для доказательства противного, т. Бухарин самым недопустимым образом использовал слова Ленина: «Надо проникнуться спасительным недоверием к скоропалительно быстрому движению вперед, ко всякому хвастовству

[1]) «Политическое завещание», стр. 17—18, кур. Бухарина.

[2]) «Заметки экономиста», стр. 52—53. Не забудем, что призыв тов. Бухарина успокоиться на «сохранении реально достигнутых темпов» был сделан в конце 1928 года. После этого в отношении ускорения темпа индустриализации мы шагнули далеко вперед, внушая священный ужас правой оппозиции и ее теоретику — тов. Бухарину.

и т. д.» [1]). Эти слова, как без труда может убедиться читатель, были высказаны Лениным в совершенно иной связи, по мнению же т. Бухарина в них заключено все политическое завещание Ленина касательно темпа нашего движения вперед, к социализму.

Мы видим, следовательно, что вместо обоснования ленинского плана индустриализации (или, хотя бы, его пересказа) т. Бухарин употребил все свое «усердие» на доказательство того, какой не должна быть индустриализация, на доказательство того, что проводимая партией индустриализация страны и ее темп происходит «на нездоровой базе» и ведет к разрыву с крестьянством. В этом именно — в решительном возражении против проводимого партией темпа индустриализации страны, в попытке доказать его беспочвенность — заключен основной политический смысл всех соответствующих рассуждений т. Бухарина.

Мы не намерены опровергать фактами заявление т. Бухарина о том, что индустриализация страны происходит на «нездоровой базе», факты всем известны: запроектированные первоначально темпы оказываются не только посильными, но и превзойденными. Обнаружившаяся возможность осуществить пятилетку в четыре года, контрольные цифры на 1929/30 год — являются живым опровержением утверждений правых и их теоретика. Для нас важно показать, что попытки Бухарина опереться на Ленина являются гнилыми. Тов. Бухарин выбросил, скрыл от партии действительное завещание Ленина по вопросу об индустриализации страны и в этом не трудно убедиться.

Еще перед Октябрем 1917 г. Ленин поставил со всей резкостью вопрос о необходимости догнать и перегнать капиталистические страны, как условие победы нашей революции, победы социализма.

«Революция, — писал Ленин, — сделала то, что в несколько месяцев Россия по своему политическому строю догнала передовые страны. Но этого мало. Война неумолима, она ставит вопрос с беспощадной резкостью: либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также экономически... Погибнуть, или на всех парах устремиться вперед. Так поставлен вопрос историей» [2]).

Эта мысль проходит красной нитью через все важнейшие работы Ленина, включая и последние. Тов. Ленин ясно видел внешние и внутренние условия, обязывающие нас максимально развивать нашу крупную индустрию, как условие нашего спасения, нашей победы. В речи на VIII Всероссийском с'езде Советов Ленин совершенно категорически заявляет, что спасением для нас может быть только электрификация, крупная промышленность.

«Пока мы живем в мелкой крестьянской стране, для капитализма в России есть более прочная экономическая база, чем для коммунизма. Это необходимо запомнить... Только тогда, когда страна будет электрифицирована, когда под промышленность, сельское хозяйство и транспорт будет подведена техническая база современной крупной промышленности, только тогда мы победим окончательно» [3]).

В тезисах о тактике РКП, принятых III Конгрессом КИ, Ленин говорит: «Единственной материальной основой социализма может быть крупная машинная промышленность, спобная реорганизовать и земледелие» [4]).

В своих последних статьях, взятых т. Бухариным как выражение ленинского плана в целом, Ленин говорит о сбережениях, об экономии и т. д. Для чего все это нам нужно?

[1]) Ленин, «Лучше меньше, да лучше». XVIII, с. 125.

[2]) Ленин, т. XIV, ч. 2, с. 213.

[3]) Ленин, XVII, с. 427—8.

[4]) Ленин, XVIII гл., стр. 316.

«Для развития нашей крупной машинной индустрии, для развития электрификации, гидроторфа, для достройки Волховстроя и проч.

В этом и только в этом,—продолжает Ленин,—будет наша надежда». Только тогда мы сможем пересесть с обнищалой мужицкой лошади «на лошадь, которую ищет и не может не искать для себя пролетариат, на лошадь крупной машинной индустрии» [1]).

В статье «О нашей революции» Ленин снова ставит тот же вопрос — «на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться д о г о н я т ь д р у г и е н а р о д ы» [2]).

Мы спрашиваем, куда девалась у Бухарина эта руководящая идея Ленина, все эти его п р о г р а м м н ы е заявления? Или они не входят в «Политическое завещание Ленина»?

Если т. Бухарин почти полностью выбросил ленинский план индустриализации страны, сконцентрировав свое внимание на критике партийной линии в отношении индустриализации и ее темпа, то ленинский кооперативный план он извратил до неузнаваемости.

По Бухарину весь ленинский кооперативный план сводится к тому, чтобы научиться «торговать не по-азиатски, а по-европейски».

«Н а м н у ж н о, — пишет он, — з а ц е п л я т ь к р е с т ь я н и н а з а е г о и н т е р е с ы, н е м у д р с т в у я, б е з в с я к и х в ы к р у т а с, н а м н у ж н о и с к а т ь с а м ы е п р о с т ы е п о д х о д ы к н е м у... Ленин учил: зацепить крестьянина за его собственные выгоды и на этой базе, через кооперативный оборот (!), через кооперацию вести его к социализму. А для того, чтобы кооперация привела к социализму, нужна ц и в и л и з о в а н н а я к о о п е р а ц и я, для чего нужно торговать н е п о - а з и а т с к и, а п о - е в р о п е й с к и» [3]).

Итак, «цивилизованная торговля», «свобода оборота» [4]) вот «последнее», «самое мудрое» слово Ленина; «цивилизованная кооперация» — кооперативный оборот — вот в чем заключается ленинский «кооперативный план». Сим победиши!

Заметим что излагая ленинский план в целом, в главе «Основы экономической политики» т. Бухарин н и с л о в а не говорит о коллективизации, о производственной переделке крестьянских хозяйств, — как будто Ленин не говорил об этом также ни слова! У Ленина т. Бухарин счел возможным взять лишь следующую цитату:

(Нельзя) «нести сразу чисто и узко коммунистические идеи в деревню. До тех пор, пока у нас в деревне нет материальной основы для коммунизма, до тех пор это будет, можно сказать, вредно, это будет, можно сказать, гибелью для коммунизма».

«Нет, начать следует с того, чтобы установить общение между городом и деревней и т. д.» [5]).

Эту цитату т. Бухарин поместил в другой главе брошюры, «Вопросы культурного строительства», чтобы еще сильнее оттенить, что Ленин, говоря об основах экономической политики в деревне, брал «за основу» «цивилизованную кооперацию», «кооперативный оборот» — и только

Тов. Бухарин не замечает, что приведенная им ленинская цитата со всей силой бьет его же самого, Бухарина. Ленин отнюдь не возражает против «внедрения коммунизма в деревню» вообще. Он говорит о том, что нельзя внедрять коммунизм в деревню «д о т е х п о р, п о к а у н а с в д е р е в н е н е т м а т е р и а л ь н о й о с н о в ы д л я к о м м у н и з м а». Значит-ли это, что Ленин отказывался от создания этих материальных основ коммунизма в деревне? По Бухарину получается именно так. По его мнению, Ленин полагал, что эти материальные основы создадутся «сами собой», наша-же главная задача — учиться торговать «по-европейски».

[1]) Ленин, XVIII, II, стр. 138.
[2]) Ленин, XVIII, II, стр. 119.
[3]) «Политическое завещание», стр. 20, кур. Бухарина.
[4]) На необходимости «свободы оборота» Бухарин со всей силой настаивал на апрельском пленуме ЦК с. г.
[5]) Ленин, XVIII, ч. II, стр. 116.

На самом же деле нет ничего безобразнее приписывать Ленину такие взгляды и сводить кооперативный план т о л ь к о к кооперативному обороту.

Ленин никогда, даже в начальный период нэпа, не рассматривал свободу оборота, как с а м о ц е л ь. Это — с р е д с т в о для установления п р о с т е й ш и х экономических связей города и деревни, совершенно разрушенных гражданской войной. Даже в момент введения нэпа Ленин, доказывая необходимость перехода к свободной торговле, указывал:

«Продналог есть одна из форм п е р е х о д а от своеобразного «военного коммунизма», вынужденного крайней нуждой, разорением и войной, к правильному социалистическому продуктообмену» [1]).

В приведенном выше отрывке статьи «Странички из дневника», написанной в 1923 году, Ленин писал:

«Н а ч а т ь следует с того, чтобы установить о б щ е н и е между городом и деревней...».

Нэп выполнил эту роль. Но с тех пор прошло 6 лет, произошли огромнейшие изменения в экономике страны. Под влиянием этих изменений должны были измениться и формы нэпа. Партия и рабочий класс получили полную возможность начать осуществление заветов Ленина по коренному социалистическому переустройству самих о с н о в крестьянского хозяйства. М ы н а к о п и л и д о с т а т о ч н о м а т е р и а л ь н ы х у с л о в и й, ч т о б ы п е р е й т и о т п е р в о н а ч а л ь н ы х, п р о с т е й ш и х ф о р м с м ы ч к и с к р е с т ь я н с к о й э к о н о м и к о й — и к н о в ы м, б о л е е с л о ж н ы м, п р о и з в о д с т в е н н ы м ф о р м а м с м ы ч к и

Нелепо изображать дело таким образом, что новые формы смычки — выдумка, нечто — не от Ленина. По Бухарину получается, что Ленин об этом не говорил ни слова. В конце своего доклада Бухарин говорит следующее:

«Перед нашей партией был поставлен за последнее время целый ряд н о в ы х з а д а ч (новых, по сравнению с теми, о которых говорил Ленин. *Г. С.* которые буквами н е н а п и с а н ы (!!) в т е к с т а х з а в е щ а н и я В л а д и м и р а И л ь и ч а. Мы поставили вопросы колхозного строительства... вопросы совхозного строительства, задачи технической реконструкции—вопросы и задачи, к о т о р ы е В л а д и м и р И л ь и ч с т а в и л т о л ь к о в о б щ и х ч е р т а х. (?!)» [2]).

Это явный поклеп на Ленина. Если т. Бухарин показывал до сих пор свою способность неправильно толковать Ленина, то теперь он показывает свое «новое качество» — говорить я в н у ю н е п р а в д у.

Мы уже приводили ленинские цитаты, в которых говорится о необходимости подвести техническую базу современной крупной промышленности под все народное хозяйство, в том числе и под земледелие, о необходимости р е о р г а н и з а ц и и на этой основе и земледелия [3]). Тов. Сталин вполне правильно отметил, что «к организации колхозов Ленин звал партию еще с первых дней Октябрьской революции [4]).

И в самом деле, мысль о необходимости вести деревню к крупному обобществленному хозяйству (ибо только при этом условии может быть уничтожена «база, рождающая капитализм» — мелкое товарное производство) — проходит красной нитью через многочисленные работы Ленина.

[1]) Ленин, XVIII, 1, с. 214.
[2]) Полит. завещание, с. 30—31.
[3]) Ленин, т. XVII, с. 427—428, т. XVIII, 1, с. 316.
[4]) Сталин, Вопросы ленинизма, с. 512.

Еще в 1918 году в брошюре «Пролетарская революция и ренегат Каутский» Ленин говорит о необходимости «перехода от мелкого раздробленного земледелия к крупному обобществленному» [1]). В этом и только в этом стоит выход для крестьянства — подчеркивал Ленин [2]).

В 1921 году, в момент введения нэпа, докладывая X с'езду о продналоге, Ленин говорит:

> «Решить этот вопрос (переработка мелкого земледельца, *Г.С.*)... может только материальная база, техника, применение тракторов и машин в земледелии в массовом масштабе, электрификация в массовом масштабе. Вот что в корне и с громадной быстротой переделало бы мелкого земледельца» [3]).

Тогда же (1921 г.), в момент, когда Ленин с особой силой пропагандировал необходимость введения свободной торговли, он писал:

> «Если крестьянское хозяйство может развиваться дальше, необходимо прочно обеспечить и дальнейший переход, а дальнейший переход неминуемо состоит в том, чтобы наименее выгодное и наиболее отсталое, мелкое, обособленное крестьянское хозяйство постепенно об'единялось, сорганизовало бы общественное крупное земледельческое хозяйство» [4]).

Эти слова являются прекрасной иллюстрацией того, как и по какой линии мыслил себе Ленин движение крестьянства к социализму. В этой формулировке нет ничего застывшего. Уже в первый этап нэпа Ленин считал необходимым сделать это, совершенно ясное указание партии.

В 1923 году, в статье «Лучше меньше, да лучше», которую столь охотно цитирует тов. Бухарин, Ленин пишет, что просто, на одном доверии мелкого и мельчайшего крестьянства «продержаться нам вплоть до победы социалистической революции в более развитых странах не легко, потому что мелкое и мельчайшее крестьянство, особенно при нэпе, держится по экономической необходимости на крайне низком уровне производительности труда». И Ленин ставит вопрос о таких шагах, которые дали бы возможность «с громадной быстротой развить производительные силы, развить все те возможности, которые сложились бы в социализм» [5]). Какие это шаги? Развитие электрификации, крупной машинной индустрии, способной реорганизовать и земледелие, чтобы «пересесть» с лошади крестьянской, обнищалой, на лошадь крупной машинной индустрии.

Итак, техническая и социальная реконструкция сельского хозяйства и всемерное развитие крупной промышленности, как основы этой реконструкции — вот то, что действительно завещал Ленин [6]). Сравните с этим бухаринскую «цивилизованную торговлю» и «кооперативный оборот». В одном случае — программа, грандиозной переделки всего хозяйства страны, программа движения вперед к социализму; в другом случае, — самая неприкрытая попытка потащить партию к давно пройденным этапам, к 1921 году [7]) В одном случае (Ленин), программа превращения «России нэповской в Россию социалистическую»; в другом случае — (Бухарин) попытка как можно дольше оставить нашу страну — нэповской страной.

[1]) Ленин, XV, стр. 516.
[2]) Там же, стр. 597.
[3]) Том XVIII, ч. I, стр. 139.
[4]) Ленин, XVIII, ч. I, стр. 189.
[5]) Ленин, XVIII, ч. II, стр. 135.
[6]) В своей речи на IV конгрессе КИ в 1922 г., Ленин говорил: «Мы знаем, что спасением для России является не только хороший урожай в крестьянском хозяйстве,— этого еще мало,—не только хорошее состояние легкой промышленности, поставляющей крестьянству предметы потребления —этого тоже еще мало, нам необходима также тяжелая индустрия» (т. XVIII, ч. II, стр. 95).
[7]) Здесь Бухарин обнаруживает старый свой, грех, в котором упрекал его Ленин еще в 1918 г., критикуя «левых коммунистов». Ленин писал: «Бухарин смотрит на задачи пролетарской диктатуры, повернувшись лицом к прошлому, а не к будущему (т. XV, стр. 278, курс. Ленина).

Тов. Бухарин исказил Ленина не случайно. Тов. Бухарин попытался подсунуть Ленину свои давнишние взгляды, высказанные им еще в 1925 году. В то время как Ленин неоднократно подчеркивал, что единственным, наиболее быстрым и верным путем, ведущим крестьянство к социализму, является перевод мелких и мельчайших крестьянских хозяйств на рельсы крупного обобществленного хозяйства, (а это и есть производственное кооперирование, колхозы и т. д.), тов. Бухарин писал:

> «неверно, когда утверждают, что это (производственные об'единения и колхозы, *Г. С.*) есть столбовая дорога для продвижения массы крестьянства по пути к социализму» [1]).

На этой точке зрения тов. Бухарин стоит и поныне. Но все дело в том, что в этой точке зрения (как мы видели выше) нет ни атома от Ленина.

V. О гарантиях и о том, какой союз с крестьянством нужен.

Весь разбираемый нами документ пропитан мыслью о том, что союз рабочего класса с крестьянством, благодаря неправильной, не ленинской политике нашей партии, находится под угрозой. Отсюда непрерывный вопль: осторожность, осторожность и еще раз осторожность:

> «величайшая осторожность в тех пунктах политики, которые касаются отношения рабочей власти к крестьянству» [2]).

Как будто это все, что сказал Ленин по вопросу о союзе с крестьянством, как будто действительно главная гарантия — это осторожность!

Нет необходимости доказывать, что партия прекрасно отдает себе отчет в значении следующих слов Ленина о союзе рабочего класса с крестьянством.

> «Высший принцип диктатуры — это сохранение союза пролетариата с крестьянством, дабы пролетариат мог удержать руководящую роль и государственную власть» [3]).

Но ведь весь вопрос состоит в том, какой союз нам нужен, на какой экономической основе этот союз может существовать и укрепляться?!

Нам нужен не всякий союз, ибо о союзе вообще говорят и эсеры и меньшевики. Нам нужен такой союз, который укреплял бы пролетарскую диктатуру, обеспечивал руководящую роль пролетариата в этом союзе и вел бы к уничтожению классов. Это прекрасно выяснено Лениным в речи на III Конгрессе КИ, на примере различного понимания союза меньшевиками и большевиками [4]).

Но такой союз может существовать и укрепляться только при той экономической политике, которая указана Лениным и которую проводит партия. Если бы мы послушали правых с т. Бухариным во главе и: 1) снизили темп развития индустрии; 2) прекратили или ослабили строительство колхозов и совхозов; 3) прекратили или ослабили наступление на капиталистические элементы города и деревни, — мы наверняка ослабили бы силу пролетарской диктатуры в нашей стране и ее способность противостоять империалистам.

Тов. Бухарин, сводя ленинский план воедино, пишет, что «главной директивой» Ленина рабочему классу является «удержать власть над

[1]) Бухарин, «Большевик», № 9—10, стр. 12, 1925 г.
[2]) Бухарин, Полит завещ., стр. 14, курсив Бухарина.
[3]) Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 331.
[4]) Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 326.

мелким и мельчайшим крестьянством [1]). А куда девалась задача переделки крестьянского хозяйства?! Ведь удержать власть над мелким и мельчайшим крестьянством — можно только в том случае, если мы будем переделывать основу, на которой это крестьянство существует. Только в этом случае мы получим достаточную внутреннюю гарантию от реставрации и усилим свои позиции для отпора внешним врагам. Ленин писал:

«Крестьянство осталось собственником в своем производстве и оно порождает новые капиталистические отношения... Мы ведем классовую борьбу и наша цель — уничтожить классы, ибо пока остаются рабочие и крестьяне, до тех пор социализм остается неосуществленным и на практике, на каждом шагу происходит непримиримая борьба» [2]).

Для усиления позиций пролетарской диктатуры необходимо уничтожить базу, рождающую капитализм — мелкое товарное производство. Правые же с Бухариным предлагают, по существу, политику увековечения мелкого производства. Ясно, что на этой основе невозможно создать прочные гарантии.

Укрепление союза рабочего класса с основными массами крестьянства на основе быстрого темпа развития индустрии, технической и социальной реконструкции сельского хозяйства — вот действительная внутренняя гарантия, чтобы с успехом противостоять империалистам.

В рассуждениях т. Бухарина о гарантиях есть еще один, чрезвычайно интересный, пункт, показывающий, что все эти его рассуждения связаны с определенной оценкой им международного положения.

Как известно, т. Бухарин, как и все правые, переоценивает силу капиталистической стабилизации и явно недооценивает растущего революционного под'ема рабочих масс на Западе. По Бухарину, соотношение между капиталистическим миром и СССР все время меняется не в пользу последнего. Капитализм «преуспевает», «организуется», крепнет.

Что-же остается при таком положении делать нам? Для нас остается единственная ставка — ставка на благоприятное сочетание «пролетарской революции» с «крестьянской войной», т.-е. ставка на союз со всем крестьянством, как основную внутреннюю гарантию против военной опасности. Именно этой мыслью проникнуты третья и четвертая главы «Политического завещания». Доверие к рабочей власти всего крестьянства — вот «решающая предпосылка, без которой вся революция существовать не может» [3]). Мы уже приводили слова Ленина о том, что на одном доверии продержаться нельзя. Да и само это доверие есть величина, зависимая от определенной экономической политики пролетарского государства. В резолюции 16 Всесоюзной партийной конференции совершенно правильно говорится:

«Сохранят ли крестьянские массы верность союзу с рабочим классом или они дадут буржуазии раз'единить себя с рабочими — зависит от того, по какому пути пойдет развитие сельского хозяйства: по социалистическому или по капиталистическому, и, сообразно с этим, кто будет руководить развитием хозяйства — кулак или социалистическое государство» [4]).

Что же касается того, что т. Бухарин, говоря о военной опасности, совершенно сбрасывает со счетов такую величину, как мировой пролетариат,

---

[1]) «Политич. завещ.», стр. 29.
[2]) Ленин, т. XVII, стр. 102.
[3]) «Политич. завещ.», стр. 16.
[4]) Стеногр. отчет, стр. 300.

которому предстоит сыграть огромную роль в предстоящей схватке мирового капитализма и СССР, и предпочитает (по принципу: «лучше синица в руки, чем журавль в небе») делать ставку на союз совсем крестьянством, в том числе и на кулака — нам говорить нечего: что-либо более правое и оппортунистичное — трудно придумать.

* * *

В рамках настоящей статьи мы остановили главное внимание на некоторых основных вопросах, затронутых в разбираемом документе. Мы убедились что документ, носящий название «Политическое завещание Ленина» — на самом деле не является таковым. Он с полным правом может быть назван политическим завещанием самого т. Бухарина.

Мы убедились далее в том, что разбираемый документ является с одной стороны — обоснованием оппортунистической линии правого уклона с другой стороны — развернутой атакой на линию партии по всему фронту.

Коренной причиной крупнейших теоретических и политических ошибок т. Бухарина является непонимание им диктатуры пролетариата, ее классовых основ и содержания и недоведение им до конца идеи классовой борьбы. Все основные вопросы нашей политики Бухарин разрешает не с точки зрения пролетарской диктатуры и укрепления ее мощи, а с точки зрения союза рабочего класса с крестьянством вообще, —союза, который у т. Бухарина превратился в какой-то фетиш, самоцель. Именно этот союз, а не диктатуру пролетариата, как мы видели, сделал т. Бухарин центральной осью своего «Политического завещания». Таким образом, т. Бухарин сделал ту же ошибку, которую сделал уже однажды Зиновьев, считавший крестьянский вопрос основным вопросом ленинизма.

Надо сказать, что эту-же самую ошибку — непонимание диктатуры пролетариата, как самого главного в ленинизме, — т. Бухарин делает не впервые. Критикуя тезисы «левых коммунистов», вождем которых был тов. Бухарин, Ленин пишет:

«Крайне характерно, что у авторов тезисов нет ни звука о значении диктатуры пролетариата в экономической области жизни... Пролетарский революционер никогда не мог бы в такой момент «забыть» об этом «гвозде» пролетарской революции, направленной против хозяйственных основ капитализма» [1]).

Лично о тов. Бухарине Ленин писал:

«Бухарин смотрит на задачи пролетарской диктатуры, повернувшись лицом к прошлому, а не к будущему. Бухарин заметил и подчеркнул то, что может быть общего в вопросе о государстве у пролетарского и мелко-буржуазного революционера». Бухарин «не заметил» как раз того, что отделяет первого от второго» [2]).

И на этот раз диктатура пролетариата и ее важнейшие задачи — построение социализма, уничтожение классов, — совершенно потонули в пространных рассуждениях тов. Бухарина о рабоче-крестьянском союзе.

Невозможно сомневаться в том, что разобранный нами документ является ревизионистским от начала до конца. Мы отвлекаемся от личных суб'ективных намерений т. Бухарина, от его личных качеств, — все это, как говорил Ленин, в политике вещь не серьезная. Мы констатируем тот факт, что в «Политическом завещании» дана развернутая ревизия основных вопросов ленинизма.

---

[1]) Ленин, т. XV, стр. 278.
[2]) Там же, кур. Ленина.

П. Китайгородский.

Империалистическая „рабочая партия“ и Египет.

I. Место Египта в колониальной системе английского империализма.

Для английского империализма Египет важен не только с стратегической точки зрения, не только как коммуникационная база, сокращающая через Суэцкий канал путь в Индию, но Египет нужен английскому империализму, как источник сырья. Английский империализм изуродовал египетскую экономику, чрезмерно развив в ней одну отрасль—хлопок—за счет всех остальных отраслей народного хозяйства. Достаточно указать на то, что Египет вынужден ввозить хлеб, когда тучные поля этой плодороднейшей страны могут сами производить его с избытком.

Благодаря английскому империализму, 48 лет господствующему в стране Нила, Египет превратился почти в сплошную хлопковую плантацию. В ряде стран, снабжающих мировой рынок хлопком, Египет занимает третье место. Соединенные Штаты Северной Америки производят 73% мирового хлопка, Индия — 20%, а Египет — 7%.

Английский финансовый капитал, чтобы освободить себя от зависимости Соед. Шт. Сев. Америки, старается интенсифицировать культуру хлопка в Египте, прибрать Верхний Египет—Судан—к своим рукам, сооружает в этом последнем, на средства египетской казны, гигантские плотины и дамбы, расширяет площадь под хлопковые плантации. Овладение Суданом, этим ключом Нижнего Нила, дает возможность английскому империализму контролировать воду Нила и в любое время отрезать Нижний Египет от воды.

Англия почти всецело господствует в Египте не только политически, но и экономически. Египет весь опутан сетями английского капитала. Из 200.000 иностранцев, живущих в Египте, 30.000 англичан составляют самую привилегированную часть.

Удельный вес туземного египетского капитала ничтожен. Национальный банк «Миср», основной капитал которого в настоящее время равняется одному миллиону егип. фунт. (ег. ф. немного больше англ. ф. ст.), является карликом в сравнении с иностранными банками-великанами, в виде «Англо-Егип. банка», «Оттоманского банка», «Банка Лионского кредита», основной капитал которых в Египте составляет 45.000.000 егип. фунтов.

В отношении индустриализации Египта национальный капитал вынужден координировать свои действия с иностранным, преимущественно английским капиталом. Но эта «координация» напоминает собою сотрудничество коня и всадника. Иностранный капитал тормозит индустриальное развитие страны. Он не позволяет, чтобы хлопок-сырье перерабатывался на текстильных фабриках, построенных внутри страны. Почти весь хлопок,

добываемый в Египте, вывозится в Ланкашир и в другие страны. Лишь ничтожный процент перерабатывается на египетских рахитичных текстильных фабриках.

Египет, по замыслу английского финансового капитала, должен служить «гинтерляндом» для Великобритании, сырьевой базой для Ланкашира. Часть сельскохозяйственных продуктов, перерабатываемая египетской промышленностью, оценивается в 40 миллионов ег. ф., однако, стоимость материалов и продуктов, импортируемых в Египет для нужд местной промышленности, равняется 25 млн ф.[1]). В то же самое время 92% египетского экспорта составляют хлопок. Попытка национального египетского капитала индустриализировать Египет, построить национальные египетские фабрики для переработки египетского хлопка на месте, до сих пор, благодаря засилью финансового капитала в стране, не увенчались успехом.

Из 600.000 промышленных рабочих на так называемых, чисто национальных предприятиях занято 200.000 егип. рабочих. Остальные работают на иностранных предприятиях. Девять промышленных обществ, основанных недавно с помощью национального банка «Миср», составляют капитал в 785.000 егип. ф. Эти общества являются сущими пигмеями по сравнению с иностранными, оперирующими в Египте.

Нуждаясь в Египте, как в хлопковой плантации, освобождающей Ланкашир от хлопковой зависимости САСШ, нуждаясь в Египте как в рынке приложения своих капиталов и, кроме того, как в важном стратегическом пункте, прилегающем к Суэцкому каналу, английский империализм никогда не пойдет на добровольный отказ от своего господства в Египте. **Лишь победоносная революция может вырвать Египет из колониальной системы английского империализма.**

Характерно, что за последние годы Англия стала подвергаться серьезной атаке со стороны других империалистических государств, стремящихся ущемить ее экономические интересы в Египте. Английская промышленность страдает от роста конкуренции со стороны Италии, Франции, Японии, САСШ в Египте. Резкое обострение борьбы империалистических держав за колониальные рынки сказалось и в Египте, откуда упомянутые государства начинают вытеснять Англию. Доля импорта Англии в Египте сильно упала[2]). Английские консульские отчеты за последние годы вопиют по поводу оттеснения Англии в Египте более счастливыми конкурентами. Само собою разумеется, что судорожно борющаяся за свое существование, как первоклассная держава, империалистическая Англия, никогда не пойдет на ослабление позиций в Египте, если к этому ее не вынудят силой.

Вся история господства английского империализма в Египте доказывает, что первый, приспособляясь к обстоятельствам, ставил ставку то на одну, то на другую социальную группу имущих классов египетского общества. При чем излюбленным его слоем, как и полагается империализму, был феодально-бюрократический слой. Лишь, по мере роста революционного движения в Египте, английский империализм вынужден был «менять вехи» и начал заигрывать с национальной буржуазией. Но даже заигрывая с последней, он никогда полностью и целиком на нее не ориентировался и всегда стремился либо заставить ее делить власть в стране с феодально-компрадор-

---

[1]) См. L. Economist Egyptien от 7.VII 1929 г.

[2]) В 1913 г. английский импорт в Египет составил 30,5% импорта важнейших колониальных стран, а в 1926 г.—1927 г.—25,6%. В то же самое время Япония увеличила вдвое свой импорт в Египет; точно также увеличилась доля Италии, Франции и САСШ.

Наоборот, Англия в отношении экспорта начинает за последние 3 — 4 года отступать перед другими странами. В 1913 г. английский экспорт из Египта составил 43,1%, а в 1926—27 г.—39,6%.

ским классом, либо попросту отбрасывал национальную буржуазию прочь от власти, предоставляя феодально-компрадорским элементам возможность находиться у государственного руля.

II. Экономическое и политическое положение Египта в 1928—29 г.

По сравнению с прошедшим трехлетием (1925, 1926, 1927 гг.) 28-й год следует признать годом сравнительно благоприятной кон'юнктуры. 92% египетского экспорта состоит исключительно из хлопка и снижение реализации на рынке этого основного продукта египетского производства весьма болезненно отражается на всей экономике страны. 1928 г. тем и благоприятен, что впервые за последние три года дал значительное повышение экспорта хлопка. Это обстоятельство благоприятно отразилось на египетском торговом балансе, который за последние два года был особенно пассивным. Нынешний экономический год поставил торговый баланс Египта на прежнем уровне активности, как указывает следующая таблица:

	Экспорт и реэкспорт в егип. ф. ст.	Импорт в ег. ф.
1923/24 г.	64,109,695+	47.440,590
1924/25 г.	67.952,808+	56,257,511
1925/26 г.	52,855,630—	55,973,075
1926/27 г.	45,823,035—	48.230,223
1928 г.	56,165,256+	52,043,956

Таким образом, мы видим, что тяжелый кризис, переживаемый Египтом в 1926—27 г., выразившийся в уменьшении экспорта хлопка (что обусловило пассивный характер торгового баланса), в 1928—29 г. значительно изжит [1]).

Итак, мы можем констатировать наличие улучшения кон'юнктуры в 1928—29 г., что, между прочим, в известной мере обуславливает отсутствие резкой общественной реакции на государственный переворот, совершенный под диктовку англичан в июле 1928 г. землевладельчески-компрадорской партией «либералов» вместе с придворной кликой «Иттихад», выразившийся в разгоне парламента, отмене конституционных гарантий, свободы печати и собраний и т. д.

О финансовом положении страны говорят следующие данные. Государственный бюджет в этом году сведен с значительным повышением доходных статей над расходными: 38.322.105 ег. ф. дохода против 35.389.036 расходной части, т.-е. сведен с излишком в 2 875.069 ег. ф. Некоторого успеха достиг туземный банк «Миср». В 1920 г. капитал этого банка составлял 175.108 ег. ф., в 1927 г. основной капитал достиг цифры в 1.000.000 ег. ф. В 1920 г. этот банк выплачивал 5% дивиденда, в 1927 г.—8¾% [2]). «Мисру» таким образом, удалось укрепиться, мобилизуя национальные капиталонакопления.

Однако, особенно крупных успехов достигли иностранные банки в Египте.

В отношении индустриализации Египта национальный капитал особенно похвастаться не может. Ему приходится «сотрудничать» с иностранным капиталом. Об этом красноречиво говорит недавно состоявшийся банкет «Ассоциации египетских промышленников». На этом банкете, на котором присутствовал цвет египетских компрадоров и европейских капиталистов и банкиров, оперирующих в Египте, председатель Генрих Наус произнес колоритную речь, в которой нарисовал ближайшую перспективу «индустриализации» Египта—ирригационных работ, электрификации, рационализации транспорта. Но ведь даже партия египетской национальной буржуазии «Вафд» мечет гром и молнии против постройки плотины Джебель-Аулии, которая выгодна только Англии и которая обойдется египетскому плательщику в 18 млн. ег. ф. Кроме того, значительное преобладание во всех этих проектируемых предприятиях будет на стороне иностранного капитала.

[1]) Между прочим, из таблицы явствует, что торговый баланс в предшествовавшие три года уменьшился и в абсолютных цифрах. В 1928 г. мы видим, что весь египетский экспорт (хлопок и папиросы: в Египте табак ввозится в сыром виде и обрабатывается на египетских фабриках) по сравнению с предшествующим 1928 годом возрос на 7,824,753 ег. ф., а импорт в 1928 г. возрос на сумму в 3,358,171 ег. ф. Если же взять один только экспорт хлопка, то увидим, что в то время как в 1927 г. было вывезено всего на сумму 38,999,192 ег. ф., в 1928 г. экспорт хлопка достигает цифры в 45,137,823 ег. ф.

[2]) Данные заимствованы из «Нир-Иста» за февраль 1929 г.

Иностранные капиталисты, помимо всего прочего, находятся в выгодном положении потому, что пользуясь режимом капитуляций, они избавлены от платежа налогов. В то время как египетский феллах платит 28% только в виде земельного налога, банки и компании не платят ничего, хотя владеют значительными земельными фондами.

Весь национальный капитал в египетской промышленности, охватывающий около 200.000 рабочих, составляет 150 миллионов ег. ф., тогда как иностранный капитал охватывает 400.000 рабочих и в несколько десятков раз превосходит национальный капитал.

Если мы установили наличие улучшения экономической кон'юнктуры в 1928—29 г., то отсюда вовсе не следует сделать вывод, будто улучшилось положение трудящегося населения Египта. Индекс жизни, согласно статистического департамента в Каире, все более возрастает, о чем свидетельствуют следующие цифры.

Если довоенный уровень стоимости продовольствия, жилища и одежды принять за 100, то в 1928 г. он достигает 151, а в феврале 1929 г. доходит до 153.

«Кон'юнктура», однако, только кажущаяся: повышение суммы экспорта вызвана только повышением цен на мировом рынке на хлопок в виду неурожая в Америке. Египетское земледелие переживает тот же тяжелый кризис и правительство решило не отменять действия закона об ограничении площади посева хлопка одной третью засеваемой площади. Закон этот, являясь паллиативом в деле урегулирования цен на хлопок, фактически играет на руку хлопко-спекулянтам и стесняет только феллахов, но не крупных землевладельцев, что доказывается хотя бы тем, что площадь, засеваемая хлопком в этом году, повысилась.

Тяжелое экономическое положение трудящихся Египта можно иллюстрировать хотя бы таким фактом, что официальная статистика не стесняется указывать, что треть населения Каира без занятий. Часты также случаи самоубийства на почве нужды.

Тяжелое положение рабочих, рационализация, проводимая на некоторых фабриках, например, табачных и сокращение в связи с этим числа работающих вызывает сопротивление со стороны египетских рабочих. За последние месяцы был ряд забастовок (маслобойный завод в Александрии «Стандарт Ойль Компани», грузчики, шоффера и другие), в результате которых правительство обещало провести рабочее законодательство.

Политическое значение этого законодательства лучше всего характеризовал один из активнейших членов правительственной комиссии, реакционный депутат разогнанного парламента Махмуд Сабет. Описывая в обошедшей всю египетскую прессу статье «примирительную» роль, которую Махмуд Сабет сыграл как при железнодорожной забастовке во время национального восстания 1920 г., так и в забастовке трамвайщиков в 1928 г., он доказывает на этих примерах срыва забастовок необходимость в интересах правительства и предпринимателей существования

контролируемых правительством профсоюзов, «которые смогут противостоять всяким большевистским влияниям на рабочих».

По разработанному этой комиссией законопроекту профсоюзам будет запрещено заниматься политической деятельностью, их кассы будут контролироваться правительством, конфликты между рабочими и предпринимателями обязательно должны быть переданы в примирительную комиссию (с правительственными агентами во главе) и все забастовки об'являются незаконными. Вводится 9-часовой рабочий день (с полной свободой для предпринимателей вводить сверхурочные работы). Минимальный возраст для допущения детей на работу этим законом устанавливается в 8 (!) лет. До 10% заработка может быть удержано в виде штрафа и т. д.

Но и это псевдорабочее законодательство распространяется только на рабочих промышленных предприятий и не распространяется на рабочих сельскохозяйственных, ремесленных и домашнюю прислугу.

Даже и против этого законодательства велась кампания со стороны части прессы («Моккаттам», орган иностранных колоний) в виду того, что введение рабочего законодательства «может подорвать экономическое развитие Египта», и, как уже указано выше, в случае неподтверждения этого закона смешанными судами, действие его не будет распространяться на рабочих иностранных предприятий. Больше того, орган иностранных предпринимателей «Ревью Экономик э Финансиэль» высказался за необходимость **у в е л и ч е н и я** рабочего дня до 9-ти часов для рабочих крупнейших иностранных предприятий, добившихся в результате долгой борьбы 8-часового рабочего дня. Под шумок разговора о введении рабочего законодательства увеличился рабочий день государственных служащих.

Необходимо сказать пару слов о финансово-экономическом грабеже, практикуемом английским империализмом в Египте. По «соглашению» между бывшим верховным египетским комиссаром Джордж Ллойдом и егип. правительством, последнее обязалось возместить военные убытки, понесенные англичанами во время войны в Египте; эти убытки связаны с потопленными пароходами, доставлявшими уголь Египту. (На самом деле Египет больше пострадал во время войны в связи с реквизицией скота, мобилизации крестьян в «трудовую армию», использования египетских ж. д., портов и пр. и пр.).

Кроме того, египетское правительство обязалось делать ежегодные взносы в счет Оттоманского долга, заключенного в 1855 г. Турцией. Всего Египет должен уплатить 1.386.000 ег. ф., из которых 409.659 ег. ф. составляют проценты. Частично этот долг будет покрываться из причитающихся Египту репарационных взносов, на которые, между прочим, Англия целиком наложила свою руку.

Государственный переворот 19 июля 1928 г. (разгром парламента и приостановка конституционных гарантий «на три года») имел целью парализовать противодействие парламента и парламентского правительства грандиозным ирригационным проектам англичан. Согласно этим проектам, течение Нила будет урегулировано до самых истоков. В первую очередь предполагается построить водоем в Джебель Аулии, который даст на 10.000 куб. метров больше воды.

Сооружение это, поскольку оно будет расположено на территории Судана, даст англичанам возможность сокращать подачу воды в Египет, расширяя за этот счет площадь хлопковых плантаций в Судане [1]).

[1]) Уже сейчас английское «Суданское плантационное Об-во» систематически расширяет эту площадь. Так, в 1927—28 г. было засеяно в районе Джезира 106.000 федданов, в 1928—29 г. уже 135.000 федданов, а в следующем году уже предполагается в этом районе довести засеваемую хлопком площадь до 151.000 федданов.

Нынешний премьер-министр Мохаммед Махмуд-паша, совершавший в поисках дискредитации «Вафда» и увеличения своей популярности беспрерывные агитационные поездки по стране, убеждал крестьян, что новые ирригационные сооружения обеспечат водой все возделываемые сейчас поля (последние годы отдельные районы испытывают острую нужду в воде) и дадут возможность расширить обрабатываемую площадь. При этом Махоммед Махмуд в своих выступлениях пытался даже прикрыться авторитетом покойного лидера «Вафда» Заглула, в свое время высказывавшегося за постройку водоема в Джегебель Аулии (когда Судан еще не был оторван от Египта).

В противовес проекту Джегебель-Аулии, вафдисты в первую очередь требовали поднять плотину в Ассуане, что даст, правда, меньшее количество воды, но зато имеет то преимущество, что Ассуан находится в Египте.

Таким образом, чисто технический как будто вопрос упирается в политику, и вопрос **А с с у а н и л и Д ж е г е б е л ь А у л и я** — являлся основным политическим вопросом для национального движения и противостоящего ему блока англичан с помещичье-буржуазной реакцией.

В резолюциях, вынесенных на заседаниях вафдистского парламента, созванного явочным порядком 17 ноября, важнейшее место занимал протест против Джегебель Аулия. Наоборот, посланная правительством интернациональная техническая комиссия (один англичанин, 1 американец, 1 швейцарец), проведшая в спешном порядке осмотр на месте, вынесла в декабре месяце прошлого года решение, что под'ем ассуанской плотины надо отложить, ибо «все предложенные проекты негодны».

В произнесенной речи, направленной против лидера «Вафда» Нахаса-паши, диктатор Мохаммед Махмуд заявил, что агитацию против ирригационных планов правительство будет преследовать, как государственную измену. Для реализации полностью всех этих проектов, потребуется свыше 50 миллионов фунтов. К этой сумме надо добавить срочно требуемые 8 миллионов на ведение всеобщего обучения и 8 миллионов на другие реформы, которые правительство обещает провести (постройка больниц, постройка водопроводов и т. д.). А так как резервы египетской казны (накопившиеся за последние 20 лет в результате недопущения англичанами использования госдоходов для экономического и культурного развития страны) составляют всего 36 миллионов, то ясно, что денег хватит лишь разве на постройку одного только водоема Джебель Аулия, который должен стоить 18 миллионов (при этом англичане идут на «уступки»: если в 1924 г. Суданское правительство требовало компенсации владельцам за земли, которые будут затоплены в размере 3 миллионов фунтов, то теперь оно расценивает эти убытки всего в 800.000 фунтов).

Другим острым вопросом политической жизни Египта были таможенный и вопрос о капитуляции и привилегиях иностранцев.

Ввозимые в Египет товары облагаются, как известно, минимальной пошлиной в размере 8% «ад валорем» при этом, однако, таможенные доходы составляют ⅓ всех правительственных доходов. Так как в 1930—32 гг. истекают сроки таможенных договоров, то общественное мнение требовало перезаключения договоров на более благоприятных для египетской промышленности условиях. Правительственная пресса сильно рекламировала «успехи» в этом отношении правительства, заключившего сейчас новый договор с Персией. Согласно этому договору, Персия отказалась от ряда привилегий для своих подданных, находящихся в Египте. Но, конечно, заключение такого договора с Персией, значение которой во внешней торговле Египта ничтожно (в таблицах импорта-экспорта Персия даже не выделяется и помещается в числе «прочих стран») ни в какой мере не является симптоматичным.

Наоборот, в вопросе о таможенных ставках и капитуляциях крупные империалистические государства особенно непримиримы. Весь 1928 год прошел под знаком борьбы против капитуляций, но если парламент и парламентские правительства осмеливались еще выступать более или менее решительно против капитуляций (выступление бывш. министра финансов на экономической конференции в 1927 г. попытка, сорванная англичанами созвать конференцию всех капитуляционных государств для пересмотра капитуляции. Законопроекты о собраниях, выборности сельских старшин и права ношения оружия египтянами и др.), то правительство феодально-компрадорского блока совершенно отступило и допустило вмешательство англичан во все мелочи внутреннего правления под предлогом защиты интересов иностранцев. Доходило до того, что верховный комиссар, пользуясь своим «правом» покровительства национальных меньшинств, демонстративно вмешался в происшедшие выборы коптского[1]) патриарха и провел на этот пост своего ставленника.

Используя свои капитуляционные права, иностранцы не платят почти никаких налогов. Пресса иностранных колоний вела кампанию как против привлечения к платежу налогов иностранцев, так и против предполагаемого проведения рабочего законодательства, поскольку оно может задеть иностранные предприятия, а так как ни один закон не распространяется на иностранцев, если он не подтвержден так называемыми смешанными судами, то ясно, что и этот закон будет сорван, если капитуляции не будут отменены.

Выступая с демагогическими, явно не выполнимыми при нынешнем режиме обещаниями, правительство стремилось дискредитировать «Вафд», показывая, что он только занимается политикой и ничего не сделал для экономического развития страны. Беспрерывно раз'езжая по стране, премьер-министр на массовых митингах, на которые администрация сгоняла народ, расхваливал «благодеяния» своего правительства.

Одновременно делалось все возможное для разгрома национального движения и «Вафда» в особенности. Все национальные и более или менее независимые газеты и журналы приостановлены (всего нескольких сот названий). В виду того, что в правительственном аппарате очень много сторонников «Вафда», всем правительственным чиновникам было воспрещено «заниматься политикой». Много вафдистских чиновников вплоть до высших (губернаторов и судей кассационного суда) были уволены. От учащих и учащихся и их родителей во всех учебных заведениях тоже взята подписка о том, что они не будут «заниматься политикой» под страхом увольнения. Несмотря на это, были отдельные волнения студентов,—и юридический факультет (в Каире) пришлось закрыть. Даже учащиеся всех учебных средних заведений Каира провели в конце декабря двухдневную забастовку в виде протеста против увольнения трех лицеистов-вафдистов. На общем собрании в Каире в декабре месяце прошлого года демонстративно был избран комитет исключительно из вафдистских кандидатов и прозалены все правительственные кандидаты во главе с известнейшим адвокатом Туффик Доссолипашей.

Всякая попытка демонстраци (например, при похронах Сарвата-паши в Каире, при встречах Нахас-паши во время его агитационных поездок по стране) подавлялась. Наоборот, по улицам Каира ежедневно устраивают «прогулки» войск и полиции также как и демонстративные облеты английских аэропланных эскадрилий. Вафдистские собрания не допускаются, а более или менее видные члены их часто арестовываются (за выпуск «нелегальных» воззваний).

[1]) Копты коренные египтяне, исповедующие христианство составляют около 10% населения и сосредоточены большей частью в Верхнем Египте.

Впрочем вафдисты из этих арестов стараются устроить себе рекламу как национальных героев и мучеников за свободу Египта. Вафдистскими адвокатами организован «комитет защиты прав гражданина» для юридической защиты обвиняемых в борьбе против нынешнего правительства.

Вся борьба «Вафда» сводилась к борьбе за конституцию, при чем «эта борьба» ограничивалась закулисными переговорами и уговариваниями английских парламентариев во вреде для самой Англии отмены египетской конституции и разгона парламента. Вафдисты надеялись на восстановление египетского парламента при победе «Рабочей Партии». С другой стороны — они играли на «противоречиях» между Чемберленом и твердолобыми Хиксом, Черчилем и поддерживаемым ими верховным комиссаром лордом Ллойдом. Со времени переворота в Лондоне были сосредоточены лучшие силы «Вафда» (до конца декабря месяца там был секретарь партии Виллям Маграм Эбейт и др.). В Лондоне же стал издаваться на английском языке вафдистский орган «Egypt». В противовес этой работе правительство Махмуд-паши тоже всячески использовывало английскую прессу, издавая специальные приложения к «Морнинг Пост» и «Манчестер Гардиан», усилив работу своего Бюро Печати раздув до невероятных размеров расходы по секретным фондам, подкупая как египетские газеты, так и арабскую прессу соседних стран.

Противодействие «Вафда» массовому движению об'ясняется боязнью превращения этого движения в классовое: в речи на массовом собрании в Каире 13 ноября (10-летие существования «Вафда») председатель «Вафда» Нахас-паша указывал, что «благодаря существованию «Вафда» мы избегли классовой борьбы, ведущей народы к нищете и гибели», а журналист Туффик бей Диаб, арестованный за речь, произнесенную на этом митинге, печатно утверждал, что он на этом митинге призывал против всяких революционных выступлений.

Выступая против нынешнего правительства, «Вафд» стремился подчеркнуть, что он за сохранение «традиционной дружбы» с Англией, вполне ституционалисты «дискредитируют» «Вафд», главным образом, по линии их верноподданичества королю Фуаду. Вафдистское министерство Нахас-паши было, как известно, сброшено, благодаря «разоблачению», что Нахас-паша и Висса Васеф (б. председатель парламента) взяли защиту дела принца Сейффеддина, заключенного лет 20 тому назад в Англии в дом умалишенных, бежавшего оттуда два года тому назад в Турцию и добивающегося сейчас признания его здоровым и возвращения ему его многомиллионного состояния. Дело о защите Сейффеддина систематически возобновлялось, когда нужно «дискредитировать» вождей «Вафда». Точно так же для опорочения других влиятельных вафдистских депутатов против них возбуждены дела о коррупции и использовании своего положения для получения взяток. Вафдисты вели свою «борьбу» против правительства, как указано, почти исключительно закулисными переговорами в Лондоне и попытками расколоть правительственный блок. Раньше велись переговоры с придворной кликой (партией «Иттихад»), последнее время один из популярнейших членов «Вафда», бывш. министр земледелия Баракат-паша (племянник Заглула), стоявший всегда на правом фланге «Вафда», вел переговоры с компрадовской группой либералов, недовольных Махмудом (во главе с Адли-пашей) и королем.

Что касается другой национальной партии «Хезб-эль-Ватани», то эта мелко-буржуазная партия, имеющая в своей среде много популярных буржуазных интеллигентов, совершенно разложилась. Поддерживая прошлым летом реакцию в ее борьбе против «Вафда» (процесс Сейффеддина) эта партия после разгона парламента совершенно растерялась и в течение многих месяцев не высказывала своего отношения к событиям. В последнее время часть этой партии тяготеет к «Вафду». Большая же часть остается на своих

«принципиальных» позициях: «никаких переговоров с англичанами до их эвакуации» и совершенно бездеятельна; некоторая же часть, связанная со двором продолжала вести борьбу против «Вафда».

Насколько феодально-компрадорский правительственный блок усердно проводил исключительно английскую политику в Египте, можно судить по тому, что правительство в день «декларации независимости Египта» (28 февраля 1922 г. английское правительство провозгласило «независимость» Египта), запретило газетам освещать это событие. Диктатор Махмуд-паша, как креатура английского проконсула лорда Ллойда, всячески старался оправдать доверие своего хозяина. Этот же диктатор поручил выработать закон, лишающий египетского подданства всех египетских студентов, обучающихся в советских вузах. Он же, повинуясь английской бирже, выслал из Египта сотрудников отделения Советского хлопкотреста, производившего закупки хлопка в Египте для нужд советской текстильной промышленности.

III. Империализм „рабочей партии“.

Приход «Рабочей Партии» к власти окрылил надежды «Вафда». Каково же было разочарование последнего, когда получилась телеграмма о тех почестях, которым окружило английское министерство иностранных дел прибывшего в Лондон диктатора Египта Махмуда-пашу. «Вафд» организовал во всех крупных городах Европы, где находятся египетские землячества, выступления и митинги протеста против правительства Махмуда-паши. В Лондоне состоялась демонстрация египетских студентов, обучающихся в английских университетах. Демонстранты оглашали улицы Лондона криками: «Долой правительство Махмуда-паши» и тому подобными лозунгами.

Лидер «Вафда» Нахас-паша отправил телеграмму Макдональду, протестуя против намерений последнего вести переговоры с «узурпатором» Махмудом-пашей и предостерегая, что «египетский народ никогда не будет санкционировать соглашения, проведенного без ведома египетского парламента». Вместо мобилизации масс, лидер «Вафда» мобилизовал телеграфные провода, чтобы протестовать против измены «рабочего правительства».

Тем временем правительство Макдональда отозвало из Египта верховного комиссара лорда Ллойда, с которым не ладил даже Чемберлен. Последний был того мнения, что в Египте следует проводить гибкую политику, в то время как Ллойд, как наиболее непримиримый «твердолобый» из группы английских зубров Хикса-Черчилля, отстаивал политику «твердой руки» в Египте. Трения между Чемберленом и Ллойдом часто происходили на этой почве. Об этом недвусмысленно докладывал Артур Гендерсон в английском парламента 26 июля сего года. При этом Гендерсон воздал должное «либеральной» политике Чемберлена...

Наконец, 3-го августа в результате переговоров с диктатором Махмудпашей за подписью Гендерсона появился «проект» договора между Египтом и Англией.

По сему случаю в стане II Интернационала бесконечная радость и ликование; австро-марксистский орган «Рабочая Газета» от 10 августа захлебывается от восторга. Она бьет в тимпаны, радостно возвещая о блестящей «победе интернационализма «Рабочей Партии», готовой, согласно основным принципам интернационального социализма, предоставить каждому народу право на самоопределение». Не более и не менее. Есть отчего прийти в экстаз. По мановению волшебной палочки Макдональда-Гендерсона английский империалистический гнет, тяготевший над Египтом в течение 48 лет, рухнул. А главное — пусть бунтари из Третьего Интернационала зарубят себе на носу — империалистический гнет в Египте уничтожен не в результате национального восстания, а мирно, по договору.

В этой передовой «левого» органа II Интернационала столько деланного пафоса, восторга, что читатель, незнакомый с текстом договора, начинает в самом деле веровать в «революционный» дух «Рабочей Партии», проникнутой «подлинным» интернациональным социализмом.

Подлый передовик газеты «австро-марксизма» скрывает от читателей содержание текста и сопроводительных нот. Он не сообщает доверчивым читателям-рабочим, что компромисс, предложенный «Рабочей Партией» египетским имущим классом, должен быть совершен на условиях эксплоатации египетских трудящихся масс. Он представляет этот колонизаторский проэкт, как нечто вроде «хартии вольностей», дарованной «Рабочей Партии», пропитанной духом интернационализма». Но ведь достаточно только бегло просмотреть этот проэкт, опубликованный в «Таймсе» от 7-го августа, чтобы увидеть, как он похож на тот проэкт соглашения, который бывший английский мининдел Чемберлен предложил в 1927 г. покойному Сарвату-паша, тогдашнему главе «коалиционного» египетского правительства. Под напором масс египетский парламент отказался в то время рассмотреть и утвердить это соглашение, за что был сурово наказан английским империализмом. И вот это самое соглашение, чуточку подкрашенное в более либеральный цвет, вновь воскресает, а проституированный «австро-марксизм» выдает его за последнее слово «интернационального социализма!»

Но заглянем в самый текст.

> «Военная оккупация Египта силами его величества Великобритании прекращается».

Так гласит первый параграф этого проекта. Не правда ли, как это прекрасно звучит? Английские войска уводятся из Египта. Отныне сам Египет осуществляет свой суверенитет. Никто ему не указ. Вычеркнута самая мрачная страница из 48-летней истории закабаления Египта. Не радуйтесь, читатель! Загляните в 9-й параграф. Он гласит следующее:

> «В целях облегчения и обеспечения его величеству Великобритании защиты Суэцкого канала, как коммуникационного пути, крайне важного для различных владений Британской империи, его величество король Египта уполномачивает его величество Великобритании содержать на египетской территории, в местностях обоими договаривающимися сторонами согласованных, к востоку от 32° долготы, такие силы, которые его величество Великобритании сочтет необходимым».

Довольно, дальше читать не стоит. Военная оккупация Египта прекращается в первом параграфе и восстанавливается в девятом §. Не более и не менее. При теперешнем состоянии военной техники и транспорта перевод военных частей в глубь страны из зоны оккупации, отдаленной от столицы на несколько сот верст, представляется весьма пустячной операцией, это дело нескольких часов. А «его величество Великобритании» выговаривает себе право содержать столько войска, сколько он сочтет нужным. Грош цена такому «выводу войск» из Египта! Это не «вывод» войск, а перемещение их из одной части страны в другую. Точь в точь как в проекте Чемберлена, предложенном египетскому правительству в 1927 г. Разница лишь та, что Чемберлен предложил:

> «По прошествии 10 лет пересмотреть вопрос о месте расположения военных сил».

Гендерсон же предлагает 25-летний срок.

Заглянем в «сопроводилку», специальную ноту, подписанную Гендерсоном в развитие и дополнение проекта договора. Вот что там говорится:

> «Египетское правительство за свои счет должно сооружать в этой зоне казармы и здания равноценные тем, которые построены в Египте. Лишь по возведении всех этих построек английские войска будут выведены из

места их нынешнего расположения. Египетское правительство должно соорудить в этой зоне канализационную систему, заготовить источники питьевой воды, рассадить сады и деревья за свой собственный счет».

Но ведь на всю эту работу должно уйти минимум 3 года, а пока-что английские войска останутся внутри страны.

Но и помимо этого, издевательский характер этого проекта бросается в глаза. Английскому империализму нужно защищать Египет. Вождь «Рабочей Партии» требует, чтобы египетский народ построил для него казармы и др. здания, окружив их комфортом («сады и деревья!»).

Вот это действительно называется «право на самоопределение» по Отто Бауэру!

Эта же нота предусматривает, чтобы впредь инструкторами египетской армии оставались английские офицера, чтобы эта армия была экипирована и вооружена по английскому образцу! Радуйся, Отто Бауэр! Египет «освобожден».

Возмутителен раздел о капитуляциях. Последние отменяются, но...

«иностранные державы могут факультативно передавать смешанным судам дела своих граждан. Налоговое обложение иностранцев в Египте должно проводиться смешанными судами (т.-е. судами, в составе египтян и иностранцев)»...

Одним словом, капитуляции отменяются, но да здравствуют капитуляции! Египетский суд не в праве судить иностранных преступников, воров, мошенников, которые остаются и впредь под покровительством смешанных судов. Это ли не «право нации н асамоопределение»! Mein liebchen, was willst du noch?

Судан, откуда в 1925 г. были изгнаны египетские войска, впредь будет управляться, согласно конвенции 1899 г., т.-е. на основе кондоминиума. Однако, египетское правительство не имеет права содержать больше одного батальона... Кто после этого станет отрицать, что Гендерсон является истинным носителем идей «интернационального социализма»?

Полиция, как и впредь, должна иметь английских инструкторов. Скажите после этого, что Египет не суверенен.

Что же удивительного, что Чемберлен заявил: «Гендерсон сказал сегодня то, что мы сказали вчера» (Намек на проект соглашения 1927 г. *П. К.*). Что удивительного, что «Таймс» оценивает прект Гендерсона, как «заключительный аккорд политики консервативного правительства».

В сопроводительной записке Гендерсон настаивает, чтобы этот проект был рассмотрен египетским парламентом. Но ведь и Чемберлен в 1927 г. предлагал то же самое. «Демократ» Гендерсон ничуть не превзошел «демократа» Чемберлена.

Газета «Дэйли Геральд», орган «Рабочей Партии, заклинает «великую национальную партию «Вафд», основанную Заглулом-пашей», не упорствовать и дать согласие на этот договор, удовлетворяющий национальные стремления». Тут же газета добавляет, что это «предел максимума уступок, сделанных «Рабочей Партией».

По всем данным «Вафд» пойдет на этот компромисс. Национальная буржуазия Египта неоднократно доказывала свою готовность продавать интересы египетского народа. В конце концов, борьба между «Вафдом», представителем национальной буржуазии, и «либерально-консервативной партией», представляющей интересы крупных земледельцев и компрадоров, шла из-за того, какую долю народного пота и крови отдать английскому империализму, при чем «Вафд» стоял за то, что эту долю должен санкционировать парламент, а «либералы» были готовы отдаваться Англии и без парламента. «Вафд» подберет брошенную ему кость, ибо он предпочитает компромисс с английским империализмом союзу с революционными массами.

Партия Макдональда, выступающая как представительница интересов английской «нации», и в своих декларациях, когда она находилась в положении лойяльной оппозиции «его величества» до 1924 г. и в своих актах нашедших себе выражение в нотах и ультиматумах Макдональда египетскому правительству в 1924 г., равно как и в последующих официальных своих выступлениях, достаточно красноречиво засвидетельствовала свое нежелание предоставить Египту действительную независимость. Последний проект договора о дружбе, подписанный Гендерсоном в качествеининдела правительства «его величества» короля Англии, нагляднейшим образом подтверждает преданность английской «Рабочей Партии» интересам империалистической Великобритании. Этот договор является новой утонченной формой колониальной кабалы, которую Артур Гендерсон по поручению «Рабочей Партии» хочет увековечить в Египте.

Макдональд-Гендерсон в египетском вопросе не сочли нужным запрашивать доминионы. Последние недовольны, но они, конечно, сменят гнев на милость. Консервативная печать в общем не особенно возражает против проекта. II Интернационал горячо аплодирует Макдональду. Как ему не аплодировать, когда Египет, благодаря «Рабочей Партии», войдет в Лигу Наций, вместо английского верховного комиссара в Египте будет находиться английский посол. Полное торжество принципа «самоопределения наций»...

Не шутите, «Рабочая Газета» Отто Бауэра обещает, что вслед за Египтом очередь придет за Индией. Не трудно предвидеть, какую «свободу» Генедерсон-«освободитль» преподнесет индийскому народу!..

Вот как империалистическая «Рабочая Партия» проводит в утонченной форме колонизаторскую политику финансового капитала.

М. Каценеленбоген.

Политическая маска кулака.

(Об одном из методов кулацкого сопротивления).

Проводимые за последнее время хозяйственно-политические кампании достаточно убедительно показали, что в ответ на развиваемое социалистическое наступление кулак, на ряду с открытой контрреволюционной деятельностью, террором, вредительством, довольно широко прибегает и к тактике в н е ш н е г о перекрашивания в защитные цвета. Достаточно привести практику проведения индивидуального обложения в текущем году, чтобы убедиться в том, что эта тактика кулаку пока что в значительной мере удается. Вот несколько цифр: по Кубанскому округу привлечено к индивидуальному обложению лишь 1,7% хозяйств, по Донскому округу—1,8%, по Ленинградской области—0,8%, по Западной—1,2%, по Уралу—1%, по Средней Волге—1,4%, по Казакстану—1,3% и т. д. О явно недостаточном умении (а в ряде случаев и явном нежелании) выявить и дезавуировать кулака, о плохом знании конкретного классового врага, его позиций, методов борьбы, о недостаточной классовой зоркости со стороны части организаций и работников сигнализирует, наконец, и хлебозаготовительная кампания. «Шапка-невидимка» все еще верно служит значительной части кулаков.

Если во время чистки госаппарата по ряду районов выявилось, что бюрократизм есть, а бюрократов нет (т.-е. их разоблачить не научились), то в отношении борьбы с кулаком также можно сказать (хотя аналогия и будет весьма относительной), что кулацко-капиталистические элементы на селе имеются, но «осязательных» кулаков подозрительно мало, по ряду мест почти нет (т.-е. тоже не умеют или не хотят найти).

В прошлой нашей статье [1]) была сделана попытка обрисовать э к о н о м и ч е с к и е приемы, к которым прибегает кулак, чтобы скрыть эксплоататорский характер своего хозяйства. Здесь же попытаемся (поскольку позволит материал) разобрать приемы этой, если можно так выразиться, «п о л и т и ч е с к о й мимикрии» кулака.

* * *

Далеко не всегда кулак пытается (и не всегда ему это удается), сразу перекраситься д в у с т о р о н н е, т.-е. не только экономически причесать свое хозяйство под «трудовое», но и политически—принять «сочувствующий», «советский» вид.

Часто кулак ограничивается чем-нибудь одним. Если ему достаточно хорошо удалась экономическая перестройка, если он уверен, что уши эксплоататора надежно прикрыты «трудовой шапкой», он более легко решается на активную непосредственно-политическую борьбу. При этом он широко пользуется, конечно, своей привилегией (в этом гвоздь) выступать «как середняк», «как маломощный» и т. д. Не один сов.-парт.-простак готов принять агитацию подобного нераскрытого кулака за всамделишние середняцкие настроения.

[1]) «Большевик», № 12, 1929 г.

Часто встречается и обратное явление, когда кулак пытается (и порой весьма успешно), уйти из-под огня социалистического наступления исключительно путем внешне-п о л и т и ч е с к о г о приспособления. Он добивается охранной грамоты своему эксплоататорскому хозяйству—своей «советской активностью». При этом он зачастую избавляется от необходимости экономической перестройки своего хозяйства. Он о т к р ы т о ведет свое эксплоататорское хозяйство, широко прибегает к найму рабсилы и т. д., но тем искуснее ведет свою политическую линию. Он примерный общественник, кооператор, первый вступает в Осоавиахим, жертвует «на Мопр», участвует в красных обозах («посильно»). Он умно и «советски» выступает на сходах, приветствует рабочие бригады, партию.

Тип «советского» кулака в печати более или менее подробно освещен. Его характерные черты в общем выявлены. Однако,—несмотря на то, что его портрет тем самым, таким образом, «вывешивается» в назидание излишне доверчивым советским работникам и организациям, новые факты то и дело подтверждают не только его («сов.» кулака) существование, но и зачастую успешную деятельность. Несколько фактов.

У А в т о н о м о в а (Оренб. окр.) явно кулацкое хозяйство, имеется 2 зарегистрированных постоянных батрака и все же он не лишается избирательных прав. Причина? Он оказывается один из виднейших советских активистов, активно участвует в проведении всяческих кампаний, «ну, как же его лишить избирательного голоса, когда он выдвигается даже членом сельсовета». Избирательная комиссия, а равно и сельская парторганизация не могут без страха и подумать о том, чтобы потерять такого активного работника.

В другом месте (Ачинск) в отношении кулака, ведущего явно эксплоататорское хозяйство выносится решение: «В виду того, что Симаков был раньше против советской власти, голоса его лишить, но в виду того, что он уже исправился, лишить только на один год, а на собрания пускать, чтобы проверить». Стоит Симакову год умно себя вести на собраниях и, несмотря на его э к с п л о а т а т о р с к о г о типа хозяйство, он возвратит себе голос. Овчинка выделки стоит...

Или взять, наконец, решение сельячейки Барабинского округа (о кулаке-лишенце): «Парфенов политически благонадежный, ячейка не возражает против восстановления его в избирательных правах».

Нет смысла приводить много примеров по этому поводу. Печать изобилует подобными примерами. Важно в этой связи другое. Более внимательный разбор этих фактов приводит к выводу, что низовые органы, позволяющие кулаку так нагло издеваться над советскими законами, вовсе не всегда засорены в своем руководстве классово-чуждым элементом, сознательно смыкающимся с кулачеством и его покрывающим. О ч е н ь ч а с т о з д е с ь д е й с т в у е т п р о с т о е н е п о н и м а н и е с у щ н о с т и к л а с с о в о й б о р ь б ы, п о л и т и ч е с к а я б е с х р е б е т н о с т ь в о ц е н к е в р а г а. «У н а с к у л а к и ш е л к о в ы е с т а л и», «н а ш к у л а к б е з з л о б н ы й». «О н и (к у л а к и) с е й ч а с н и ч е г о н е д е л а ю т, т и х и м и с т а л и, с н а м и и д у т» [1]).

Эти и тому подобные вредные благоглупости можно еще услышать из уст не одного десятка искренне преданных партии работников, творящих крупные политические ошибки, суть которых они не понимают. Они уверены (и вполне искренно) в своей готовности драться с правым уклоном, больше того, борются с конкретным (о т к р ы т ы м) классовым врагом, но, когда этот конкретный враг не выступает о т к р ы т о против совласти, а, наоборот, агитирует «з а», суетится на заседаниях, участвует в кампаниях, «помогает» тащить тяжелый воз повседневной работы, — у подобных коммунистов возникает сомнение (оформляющееся в соответствующие действия) «а не стреляем ли в д а н н о м с л у ч а е из пушек по воробьям?» «Кулак—

[1]) Данные избиркома по Сев. Кавказу, Татарии, Сибири, Ниж. Волге, Моск., Ивановской обл. и др.

это тот, кто выступает против сов. власти, а раз Ив. Петр. всегда готов поддержать наши начинания, охотно помогает и активный общественник, какой же он после этого кулак». Так, напр., оформил эти настроения секретарь одной из ячеек Сибири.

Примером того, как еще сильны в среде известной части низового актива стремления к «психологическому» подразделению крестьянства на «классы», может служить письмо группы активистов-бедняков, полученное во время обследования Бийского округа Центр. Ком. ВКП(б). Авторы письма несомненно советски настроены, активно поддерживают все основные мероприятия партии и сов. власти, но и они не избавлены от такой путаницы в вопросе о кулаке. «Е ж е л и о н, с к а ж е м, и з а ж и т о ч н ы й, б о г а т е й, н о х о р о ш о о т н о с и т с я к с о в е т с к о й в л а с т и, н а м д у м а е т с я, е г о н а д о с ч и т а т ь к а к б ы с е р е д н я к о м».

Интересно отметить, что излюбленным методом, который применяет кулак, чтобы окончательно размягчить сердце врага, это подавить его своей щедростью. Если вора-совработника кулак подкупает прозаической взяткой, то честного, но недостаточно классово зоркого, малоискушенного работника он берет дарами «на общественные нужды». Со своей стороны иной советский простофиля реагирует на этот кулацкий шантаж аргументом: «зачем отказываться, надо использовать врага».

Кулак — «советский общественник» — распространяет свою благотворительную деятельность, прежде всего, на культурно-просветительную область. Он помогает открытию избы-читальни, радиофицированию деревень, ремонту школ, созданию ликбеза. Он представляет свой дом для «красного уголка», для проведения бесед, лекций. Вот несколько довольно ярких примеров того, как благодеяние кулака ему воистину сторицей возвращается.

«В селе Баши, Кутаиск. у., в Закавказьи, известный кулак, желая поднять свой авторитет, выстроил избу-читальню. К у л а к п о т р е б о в а л, ч т о б ы ч и т а л ь н е п р и с в о и л и и м я е г о у м е р ш е й д о ч е р и. Местные власти и школьные работники требование кулака удовлетворили. В читальне над портретами вождей революции, был повешен портрет умершей дочери кулака».

Другой пример.

«Живет в с. Павлинове, Смоленского окр., крупнейший кулак-заводчик, Саарек, владелец «Трансваааль жернова» (производство кремневых жерновов). У Саарека вплоть до чистки волаппарата (в связи со «Смоленским делом»), было 80 наемных рабочих. У Саарека имеется также мельница. Саарек эксплоатирует целые деревни, целый район. Ему беспрерывно везут камни, кремень,—за гроши, за бутылку водки, а то и просто, уважения ради. Но... Саарек не просто кулак... Саарек,—как он признается в задушевных беседах—«к р е п к о л ю б и т с о ц и а л и з м» [1]). Не только в беседах. Саарек человек «дела». Он щедро помогает культурному перестройству «своих» сел, своего района. Он за свой счет телефонизирует ряд деревень, он вносит 500 руб. на постройку школы, он содержит почту, почтальона, сторожиху, помещение. О н з а с в о й с ч е т р е м о н т и р у е т п о м е щ е н и е д л я с е л ь с о в е т а, что ему обходится в 800 р. Но этого мало. Саарек помогает «наладить агитацию и пропаганду». Он ежемесячно вносит 10 р. волкому комсомола на пионер-работу. В дни с'езда допризывников, когда к нему обращаются из волкома комсомола с просьбой — «ребята требуют кино, организуйте, сами не можем, у нас нет денег», — Саарек с готовностью дает деньги. Он материально помогает и при созыве всякого рода других с'ездов, конференций, совещаний. Избач уныло жалуется — «у нас испортился что-то рупор. Не стало агитации и пропаганды». Саарек ли откажет — «Л а д н о, с д е л а ю в а м а г и т а ц и ю и п р о п а г а н д у». Нет границ благодеяниям кулака Саарека. Но... нет границ и благодарностям. Прежде всего, о налоге. Оказывается, о б о р о т С а а р е к а п р е в ы ш а е т п о л м и л л и о н а (с одного лишь производства жерновов, и по его собственным показаниям), п л а т и т ж е о н н а л о г а... 2.000 р у б. Для сравнения важно привести и другую цифру. Когда лицо Саарека в конце-концов сверху раскрыли и он значительно сократился, оставив из 80 рабочих только 7 — с него по закону исчисляется налог в **8.000** рублей».

[1]) «Комсом. Правда»—«Саарек любит социализм», З. Чаган.

Автор корреспонденции о Саареке (на стр. «Комсомольской Правды», правильно замечает —

— «пусть решают малолетние, сколько Саарек при его оборотах нажил от производства на одних лишь налогах, очевидно, п р е у м е н ь ш е н н ы х, в им же составленном прейс-куранте, сколько нажил при «архикультурном» подходе к делу, путем «культурного строительства», «любви к социализму», «любви к пионерам, допризывникам» и т. д. А ведь это еще не все. Саарек, эксплоататор, предприниматель, Саарек... член сельсовета. А сколько выгод он выжимает из одного своего положения «благодетеля», когда, например, целая деревня ему возила горы кремня бесплатно, за установку громкоговорителя.

Можно ли высчитать сколько материальных благ обеспечено Саареку, благодаря достигнутому им, в результате всей его тактики, общественному положению. В с о з н а н и и э к с п л о а т и р у е м ы х С а а р е к о м б а т р а к о в, б е д н я к о в фигура С а а р е к а н е и з б е ж н о п о ч т и а с с о ц и и р о в а л а с ь с с о в. в л а с т ь ю: С а а р е к — к у л ь т у р н и к, о б щ е с т в е н н и к и т. д., п о ч т и с л и в а л с я с о в с е й м е с т н о й в л а с т ь ю, п а р т и й н о й и с о в е т с к о й о б щ е с т в е н н о с т ь ю. Р а з в е э т о г о м а л о, ч т о б ы о т б и т ь о х о т у у м н о г и х б е д н я к о в ж а л о в а т ь с я, п р о т е с т о в а т ь п р о т и в э к с п л о а т а ц и и. Это относится и к первому примеру.

Пойди жалуйся, тягайся с человеком, которого власть так уважает, что именем его дочери называет избу-читальню, вывешивает портрет его дочери рядом с портретами вождей революции.

Только ли разложившиеся люди прибегали к благодеяниям Саарека? Нет. И секретарь комсомольской организации и ряд других руководящих работников ведь были уверены, что, поскольку они пользуются добровольными подарками врага исключительно в интересах дела — их классовая совесть чиста. «Что плохого в культуре Саарека. Раз дает, почему не брать», рассуждал он.

Корреспонденция «Комсомольской Правды» заканчивается: «Разве использование врага в интересах работы—можно назвать правоуклонистким делом».

Такой законченый тип, с таким размахом «советский» «красный» кулак, «любящий социализм» не часто встречается, но тип этот несомненно не единичен. Надо подчеркнуть, что щедрость Саареков, конечно, не ограничивается подачками на общественные нужды. Саареки не забывают и б е д н о т ы.

Они прекрасно учитывают важность притупления классовой к ним ненависти со стороны бедноты. Печать пестрит фактами о попытках кулака непосредственно подкупить бедноту. Приведем здесь 2 примера, характеризующих более искуссную форму подкупа, форму подкупа Саареков.

— В Ойратской области один из баев, платящий 1.822 р. налогу, в связи с составлением списков лишенцев обратился в кредитное товарищество с таким заявлением: «Желая помочь бедняцкому населению, я предлагаю свои услуги кредитному т-ву. Прошу принять от меня 40 голов скота, который и выдавать в ссуду беднякам. (Дальше идет перечень цен)... Всего на сумму 1.775 руб., каковую сумму прошу внести в кассу товарищества на мой текущий счет, сроком на полтора года. Идя навстречу и принося этим пользу, как государству, так и населению, я д у м а ю, к р е д и т н о е т о в а р и щ е с т в о н е о т к а ж е т в м о е м п р е д л о ж е н и й и п о й д е т н а в с т р е ч у б е д н я ц к о м у н а с е л е н и ю. От расширения их хозяйства будет польза и нашему государству».

— В Барабинском округе кулак Криворотов перед кампанией перевыборов советов у себя повесил вывеску такого содержания: «Сортировка зерна безлошадным бесплатно, однолошадным по копейке за пуд, двухлошадным по 2 копейки» и т. д.

Один вывод в этой связи необходимо сделать. Приведенные случаи показали, что даже лишь одностороннее приспособление (политическое или экономическое) уже значительно облегчает кулачеству его борьбу против проводимого на него наступления. Что особо важно, подобная, даже частичная перестройка дает серьезнейшие козыри в руки кулака, даже там, где

нет *сознательного, злостного* смыкания руководящей советской верхушки с кулачеством, где большинство работников искренне уверены, что осуществляют директиву партии об усиленном наступлении на кулака, только разве... «диференцируя» его. *Подобная тактика кулака рассчитана на притупление классовой непримиримости* (конечно, с нашей стороны, со стороны не особо зорких представителей нашего класса) на сеяние наивно-глупых иллюзий, что «не все кулаки одинаковы», что имеются и «честные», «советские» кулаки. К чести кулака надо сказать, эта тактика ему довольно часто удается. На его удочку попадает не один потерявший классовое чутье простофиля, увы, не всегда даже сельского масштаба.

* * *

Надо определенно сказать, что, *прежде всего, именно отсюда, от этого кулака, «почти что коммуниста по идее», идут сладко-приторные, ядовитые волны идеологического разврата, плодящего настроения примиренчества к кулаку. Здесь один из не последних конкретных источников непосредственного распространения правоуклонистского отношения к кулаку — «труженику». Именно этим методом кулак успешнее всего вышибает у части коммунистов зубы классовой непримиримости, сеет вреднейшие иллюзии классового мира, «врастания»* и т. д. Открыто выступающий враг не всегда самый опасный враг. «Советский» кулак внешне «лойяльный», кулак—крепчайший корень сменовеховской нэонеповской идеологии. *Саарек—корень корней Устряловых, а об'ективно и Фрумкиных.*

Наиболее дальновидный, осторожный и предприимчивый кулак, видя, что односторонняя приспособляемость не гарантирует его полностью от ударов, остерегаясь того, как бы вторую, неокрашенную его часть не заметили, не накрыли, тем самым всего,—в соответствующих случаях идет на более решительную «реконструкцию». *Он весь окунается в защитную краску. Он экономически принимает внешний вид «трудового» хозяйства* (нередко в виде колхозника), *он политически становится «активистом-общественником».* И тогда количество проходящих мимо, совсем близко и вплотную не умеющих распознать его классовое лицо, принимающих его за кого угодно, только не за кулака, — количество обманутых работников умножается. Лучше всего это выявилось при проведении общественных мер воздействия на крупных хлебодержателей в последнюю хлебозаготовительную кампанию. Избранные сходами комиссии начинают выяснять, подсчитывать сдачу государству различными хлебодержателями. «И сколько самых неожиданных вещей обнаруживается для самих односельчан, сколько «активистов» и даже «бедняков» разоблачается так, что дальше итти некуда». (Сибирь).

Наглость надежно, всесторонне замаскированного кулака не знает границ. Подобный кулак иногда проникает не только в состав сельского актива, но и упорно пытается лезть выше. Под видом бедняка, «середнячка», стопроцентно «преданного» советской власти, он ухитряется кое-где даже проникнуть и в такие учреждения, где его искать меньше всего должно было бы. Вспомнить хотя бы б. председателя ЦК *Кошчи* Туркменистана и члена бюро ЦК компартии (б) Туркмении, годами исходившего прекрасными речами в защиту бедноты, именующего себя не иначе, как «представитель батраков и бедноты» и оказавшегося... крупным кулаком, который в течение многих лет, через подставных лиц,

жену, родственников, вел крупное эксплоататорское хозяйство. Взять историю с кулаком Карбач-Сава из Украины, который ухитрился попасть в прошлый состав ВУЦИК и ЦИК СССР. Или историю с кулаком Харьковым, ныне лишенным права голоса, а до сих пор бывшим членом Сибирского Исполкома. Или, наконец, недавно разбиравшееся в уральском суде дело кулака-«общественника» Григорьева (из Тюменьского окр.). Дело стоит, чтобы его осветили.

Григорьев — профессиональный торговец, владелец колбасной фабрики, имел крупное хозяйство в деревне. Лишение избирательных прав и налоговое обложение толкают изворотливого Григорьева на поиски выхода для дальнейшего беспрепятственного развития своего хозяйства. И он находит его. Григорьев ликвидирует свои торговые предприятия, об'являет, что желает стать «культурным хозяином». Одновременно, посредством широко предоставленного ему кооперативом кредита (помог брат-председатель кредитного комитета, а также коммунист-председатель Епо, не распознавший кулака),—Григорьев под маской культурного молочного хозяйства широко торгует скотом, используя на это дело почти весь кредит. Но Григорьев вместе с тем «активист» и, как таковой, избирается председателем ревизионной комиссии ККОВ (в 1928 г.), он селькор окружной газеты, он член редколлегии деревенской газеты, он, конечно, восстановлен в гражданских правах. Деталь — Григорьев даже *отправляется в качестве представителя местной бедноты в Москву на Октябрьские торжества.*

Подобных примеров, к сожалению, можно привести довольно много. Эти факты общеизвестны, в данной связи они приведены лишь для того, чтобы показать типы тех кулаков, которые рядом манипуляций, укрыв свое эксплоататорское лицо, вместе с тем переходят *в политическое наступление.* Самое скверное не то, что в перевыборные кампании известный процент явных (официально - учтенных) кулаков оказался избранным в советы, выборные органы кооперации, ККОВ, а то, что известная, дополнительная часть пролезла под видом середняков, бедняков, «активистов». Опаснее всего, к примеру, то, что в то время, как официально учтенных кулаков среди председателей сельсоветов Бийского округа вовсе нет — при первой же проверке их оказалось до 20% то же по ряду других округов Сибири. Эта же история повторилась при массовой проверке состава избиркомов в текущую избирательную кампанию в советы. Стоило лишь поглубже проверить официальные данные о социальном составе избиркомов, провести массовую проверку состава избиркомов, как оказалось необходимым немедленно вывести около 2000 членов сельизбиркомов по одной лишь Сибири. Массовая очистка потребовалась и по Северному Кавказу, ЦЧО, Средней Волге, Ленинградской области, Казакской АССР, Татреспублике и т. д., и т. п. Протиснуться довольно компактной массой по значительному количеству районов Союза в состав боевых штабов руководства важнейшей политической кампанией — перевыборов в советы — в 1929 г., в момент, все шире развертывающегося наступления на кулака — кулак смог в большинстве случаев лишь, благодаря своему дьявольски ловкому оперированию защитной окраской, «мимикрией».

Борьбу за низовой государственный аппарат, за партячейку, за другие политические и экономические вышки — незаметнее других, а потому и наглее других ведет именно «советский» тип кулака. Ибо он ведет свою борьбу под внешне-легальной личиной. Он не только не открытый враг, он даже не только лойялен, он активный «союзник», «соратник», а потому он в тысячу раз опаснее.

В нашей печати (как уж было упомянуто выше) довольно часто попадаются разоблачительные портреты «советских» кулаков. Обострение классовой борьбы, развертывающееся социалистическое наступление, естественно, усиливают классовую бдительность, классовую зоркость. Это отражает и

печать. Однако, при ближайшем рассмотрении, в подобных «монографиях» о кулаке, а в особенности, в делаемых при этом выводах и обобщениях, частенько встречается серьезный недостаток. Если можно так выразиться, рисунок дает верную фотографию кулака, но очень часто исключительно в «статике». Нередко действительный анализ многообразной тактики кулака подменяется мертвой схемой. В данном случае, говоря о «советском» кулаке, иные товарищи противопоставляют его другим типам кулаков, не понимают, что сегодняшний «советский» кулак завтра может стать террористом (иногда и сегодня, о чем подробнее ниже), открытым антисоветским агитатором, что кулак един при всем многообразии его тактики. К примеру, автор приведенной выше, несомненно интересной корреспонденции о кулаке — Саареке, — вслед за рядом совершенно правильных выводов, пишет: «Враг начал действовать новым оружием. Саарек не возьмется за короткий обрез. Саарек не станет травить селькоров-общественников, Саарек не будет бить бедняка, как кулак Терентьев» и т. д. (подчеркнуто мною. *М. К.*).

Не совсем так! Враг действительно пытается в защитном цвете приобрести новое оружие, сегодня он дерется этим оружием, но в иных условиях, в частности, как только это оружие будет выбито из его рук (а этого мы обязаны добиться), как только он почует, что оружие это уж не имеет прежней силы—Саареки будут прибегать к иным средствам борьбы. Террор, открытая контрреволюционная деятельность, провокация, все эти доспехи классового вооружения, отнюдь не выброшены и из саарековского арсенала. Саареки любовно следят за состоянием своей защитницы — красной «советской» маски, но вместе с тем не забывают смазывать, оберегать от ржавчины и короткие обрезы, и револьверы, и другие, не менее сильно действующие средства.

Тогда ли, когда «советская» маска будет с них окончательно сорвана, или перестанет надежно прикрывать их кулацкие лица, тогда ли, когда настанет соответствующая, общеполитическая ситуация, с безысходного ли отчаяния или обуянные радужной надеждой и уверенности, что «настал момент» смыть с себя защитные краски, — в том или другом случае — Саареки себя еще покажут. В частности, можно привести сколько угодно примеров того, как решительно кулак переходит от «мирных», «лойяльных» методов борьбы к неприкрытому обрезу, как только он учуял, что кто-то непрошенный разглядел из-под маски его истую физиономию, что защитный цвет полинял и не прикрывает больше кулацких одежд.

Вот факты:

В Крестецком районе, Новгородского округа приближаются перевыборы советов. Избачка Сергеева заявляет избиркому: «До меня дошли слухи, что Макаров дает деньги под проценты. Нужно это проверить, и если подтвердится—лишить его избирательных прав». Макаров — активист, советский общественник. Как только он узнает о заявлении Сергеевой, как только он выясняет, что Сергеева энергично готовится к его разоблачению, — Макаров решается на убийство Сергеевой. С топором в руках, он гонится за ней по селу. Лишь случай спасает жизнь разоблачительницы.

Представ перед советским судом — Макаров обиженно заявляет: — Кого вы судите? Я по идее совсем большевик, я был в коммунистическом отряде. Я веду большую общественную работу. Я раз'ясняю крестьянам то, о чем пишут газеты. Я член драмкружка. Я помогаю бедноте, давая им в долг деньги и продукты. Однако на суде маска «активиста» понемногу сползает вниз и обнажается истинное лицо кулака. Сквозь ужасно «красную» краску начинают обнаруживаться махрово-белые предательские пятна. И оказывается, что Макаров—истый кулак. ростовщик; между прочим, оказалось, что он действительно был в коммунистическом отряде, но... оттуда дезертировал и был под судом за дезертирство. Раскрылся и двурушнический характер его активности. Он умел «совместить» открытые выступления

в защиту общей политики советской власти с активной работой исподтишка против проводимых хоз.-политических мероприятий на селе (срыв самообложения и др.).

... Баранов (Моск. обл.) числится середняком. Действительно, если судить по размеру посевов, количеству учтенного скота и т. д., он ведет трудовое хозяйство. С 1921 г. он не устает выступать на сходах, пленумах совета «от имени маломощных и середняков». Но вот... новый председатель РИК'а тов. Кормилицын выявляет, что Баранов несомненный кулак. Оказывается, что Баранов, прежде всего, крупный башмачник, на него постоянно работает 20 кустарей и до 20 учеников. Баранов широко эксплоатирует крестьян, посредством имеющихся у него сложных с.-х. машин (молотилка и т. д.). Тов. Кормилицын добивается полного учета доходов Баранова. И... кулак Баранов, «мирно» уживавшийся с 1921 года с советской властью, «лойяльный» Баранов начинает действовать другими методами. Он вначале пробует запугать Кормилицына, а затем переходит к более действенным угрозам — он поджигает Кормилицына.

Как бы хорошо ни маскировался «советский» кулак, он великолепно понимает, что век незамеченным ему не прожить, не говоря уже о том, что, какие бы привилегии не принесла с собой защитная маска, она все же в состоянии лишь ослабить удары, но не разрешить вопроса о полном устранении, уничтожении установленных пролетарским государством границ развития кулацко-капиталистического хозяйства. Несмотря на азбучность истины, что «примирившихся» с диктатурой пролетариата, «успокоившихся», «прирученных» кулаков (если говорить о кулачестве, как социальной группе) — нет, подобные иллюзии все еще обретаются в головах и таких товарищей, которые уверены, что ни в теории, ни в практической работе они ни на иоту не хромают на правую ногу. Если тов. Чаган в отмеченной статье допускает ошибку, полагая, что Саарек это особый тип, навеки вечные «мирный» кулак, который так сросся со своей маской, что ему и в голову никогда не придет выставить свои собственные (классовые) требования, то в иных случаях допускается не менее ошибочное представление, но другого порядка, будто цель кулацкой борьбы — это исключительно завоевание права на приобщение к политической жизни. В № 3 журнала «Культура и Революция» приводится выступление одного из агитаторов Нижней Волги, который приспособил к кулаку известные пушкинские строчки:

«За голос он оставить рад коня, червонцы, свой уклад».

Предполагается, что кулак согласится на любое обложение, лишь бы получить право приобщения к политической жизни. Немного не так. Восстановление в избирательных правах—отнюдь не самоцель. Кулак, сохранивший «голос», куда легче уйдет от индувидуального обложения (как известно в практике «индивидуалов» прежде всего ищут среди лишенцев), он легче получит доступ к с.-х. кредиту, сократит долю своего участия в самообложении и т. д. Голос не только узко политическая, но и чисто-хозяйственная «выгода». Недаром на одном из своих тайных совещаний кулачье Черноморья выбросило лозунг: «Сумеем провести в советы своих людей—проживем год хорошо, хозяйство сохраним, не сумеем—провал». Если уж обязательно требуются поэтические сравнения, вернее сказать: «За голос спрятать (от советских глаз) он готов коня, червонцы, свой уклад».

* * *

Защитная окраска — не самоцель, а тактический прием, применяемый кулаком в классовой борьбе. Отсюда, как будто бы, ясно, что, когда кулаку удается приспособить свое хозяйство внешне под «трудовое» и в политическом отношении придать себе вполне «советский» вид, то это еще не обозначает, что он на этом успокаивается, «самоограничивается» не только навсегда, но даже на сегодняшний день. Защитный цвет нужен кулаку для более успешного развития своего

эксплоататорского хозяйства, для самосохранения от ударов проводимого на него наступления, для организации контр-атаки, для более успешной экономической и политической борьбы с пролетарским государством. Выше[1]) было показано, как загримированный кулак пытается использовать колхозное движение в своих интересах, как он искусно обходит советские законы в области аренды, найма, фиска и т. д. Подобно тому как из сказанного ранее не вытекает, что «приспособившийся» в экономической области кулак, в какой-либо степени пожертвует, окраски ради, рычагами закабаления и хоть на день откажется от эксплоатации, — так и в области политической борьбы — применение кулаком тактики перекрашивания, конечно, еще не означает, что он не только навсегда, но и на сегодня отказался от активной антисоветской деятельности. Многие наивно принимают экономическую перестройку кулацкого хозяйства за «самораскулачивание», а затем в растерянности беспомощно потеют перед загадочной картинкой: где же кулак, каким образом он так сократился (разительный пример — проведения индивидуального обложения). **Другие, понимая, что «экономическая мимикрия» кулака — это средство, применяемое им в целях сохранения в действии клыков эксплоататора, не всегда понимают, что его «политическая мимикрия» — средство сохранить в действии (не только в потенции) клыки контрреволюционера.** Выше приводились примеры террористической деятельности «советского» кулака. Само собой понятно, что «совместить» роль советского активиста-общественника с прямо контрреволюционной деятельностью, погромом, террором и т. д. — вещь более, чем трудная. Понятно, что на такие, явно антисоветские акты, «советский» кулак пока-что решается не так уж легко. Слишком многим рисковать приходится, тем паче, если учесть, что чаще всего непосредственное выполнение террористических актов приходится выполнять самому кулаку[2]).

На сегодняшний день среди кулаков проводников террористических актов, (о вдохновителях трудно сказать, не так легко их учесть) «советский кулак не занимает решающего места. Авангардом этого движения пока-что является неприкрытый погромщик, черносотенец, не скрывающий своего контрреволюционного нутра, открытый враг. Значительно шире (безопаснее, меньше риску) «советский» кулак участвует в антисоветской агитации, в «мирном» срыве советских мероприятий. Кулак, последовательно придерживающийся тактики внешнего приспособления, конечно, не может себе позволить (сегодня) выступить с открытой контрреволюционной агитацией, не может пойти на хулиганский срыв собраний, грубое горлопанство и т. д. Он внешне ограничен рамками своей лойяльности, ролью совактивиста. Отсюда и необходимость в виртуозном двурушничестве при проведении своей агитационной и организаторской работы в массах. Роль подкулачников здесь, конечно, во много раз значительнее, чем в террористической деятельности. Сколачивание кадров подкулачников кулаку-«примиренцу» должно удаваться значительно легче, чем кулаку, открыто проводящему свою контрреволюционную линию. На роли защитников махрово-монархистских, погромных, открыто контрреволюцион-

---

[1]) В прошлой статье.

[2]) **Если судить по данным, приводимым А. Ангаровым в его работе «Классовая борьба в деревне и сельсовет» — в основном (на 80%) кулаку самому приходится быть исполнителем намечаемых им террористических актов. В этой области роль подкулачников, как исполнителей операций, сравнительна незначительна.**

ных лозунгов перед бедняцко-середняцкими массами крестьянства, конечно, несравненно труднее подыскать охотников, нежели на роли «лойяльных критиков», готовых «помочь» устранению «ошибок», «укреплению» партии, советов и т. д. Наконец, персонально защищать (от налогов, самообложения, в выборный орган и т. д.) оголтелого живоглота, явного кулака — куда труднее, и менее благодарное дело, нежели «советского» активиста, «общественника», ведущего «трудовое — середняцкое» хозяйство и т. д. Любой подкулачник, кулацкий подпевала выберет в качестве патрона скорее второго. Широко маневрируя кадром подкулачников (среди которых сознательно или бессознательно попадают иные советские и партийные работники) «советский» кулак в ряде случаев и сам выступает, одобряя, конечно, линию партии «в общем и целом» с «деловой критикой», «практическими замечаниями», в порядке «критики и самокритики». Вот, хотя бы, весьма невинное «мимикрийное» выступление кулака села Екатериновки, Самарского округа с отводом кандидатуры бывшего красного партизана, выставляемой в совет: «Что и говорить, мужик мы все знаем, он хороший и сознательный, по хозяйству крестьянскому понимает, грамотный, но мы должны учесть, что семья у него малочисленная, работников мало, и отозвав его в совет, мы можем разорить его хозяйство». После такого делового отвода кандидатура легко проваливается. В таком же духе выступали кулаки против коммунистов в селе Озерецком: «Пора бы им отдохнуть, давно работают уж в совете, хозяйство у них разваливается, надо бы их освободить».

Любопытная роль подобного кулака в чистке партии. Он, конечно, не заявляет, как другие кулаки: «Надо вычистить всю партию, она нам не нужна» (Псков), а наоборот, готов положить живот на «укрепление мощи партии». Он высказывает большую активность в деле очистки партии» от негодного элемента».

...В деревне Рудаково, Хоницкого района, Гомельского округа состоялось общее собрание граждан, на котором обсуждался вопрос о чистке партии. После собрания, ряд кулаков, которые в прениях не выступали, обратились с просьбой к беднякам написать заявление о «злоупотреблениях» коммунистов, работающих в сельсовете. Когда бедняки спросили: «Зачем это им нужно» — кулаки ответили: Мы боремся за то, чтобы у нас была справедливость, чтобы коммунисты хорошо выполняли свою работу, чтобы крестьянству жилось легче. От таких коммунистов, которые работают у нас в с/с — толку мало, они не дают свободно развиваться деревне». Всяческими уговорами эти кулаки инспирировали до 30 заявлений. Подоплека кроется в правильной классовой линии, которую проводили эти «плохие» коммунисты, в частности по линии энергичного учета об'ектов обложения («Беднота»).

...В Галушинском районе, Урюпинского округа группа кулаков во время чистки распространила слух про одного партийного работника (которому в этом году исполнилось 22 года), что он был белым офицером, «партия не может терпеть в своих рядах такого коммуниста, нам нужны честные люди. Мы боролись против таких офицеров». Все это оказалось чистопробной провокацией, направленной к дискредитированию хорошего коммуниста. Тактика дискредитирования применяется достаточно широко, в особенности во время избирательных кампаний.

«Советский» кулак свое сочувственное отношение к партии доказывает не только активной «помощью» в очистке ее рядов от «чуждого» элемента, не только «содействием» в оздоровлении госаппарата. Он непрочь поближе подойти к партийной жизни, вмешаться во внутрипартийные разногласия. Он, правда, «немного в оппозиции», он «право-уклонист». Он согласен с Фрумкиным и не его, в самом деле, вина, если рамки фрумкинской платформы на сегодняшний день способны вполне вместить его «лойяльную» программу критики политики партии. Вот образчик «правоуклонистских» настроений кулака:

«Правый уклон в партии — это есть крестьянско-хозяйственный уклон. Сельское хозяйство может строиться, расти и развиваться

только тогда, когда партия выправится, поправеет, восстановит политику 14 партконференции («назад к 14 с'езду». *М. К.*) когда партия перестанет разбивать крестьянство (как мачеха) на сынов и пасынков, одним давая подачки—льготы, привилегии, а других—зажимая всеми способами. Но как вы не затискивайте зажиточные кулацкие хозяйства, все равно этот зажим отзовется на состоянии всего сельского хозяйства, потому что зажиточные крестьяне и кулаки—это есть верхушечный слой в деревне, более развитый, сознательный, умелый, к его словам и советам прислушивается большинство населения. Я удивляюсь, почему компартия так обожает пастухов, батраков и вообще бедняков, а зажиточных презирает. Я думаю, нужно обожать, почитать, превозносить только честность и трудолюбие, не считаясь с классовостью, а плутовство, ложь, лень, распутство презирать. А между тем, партия больше всего напирает на проведение классовой линии, а совсем не уделяет внимания моральному состоянию людей. Вот, к примеру, скажем приближаются перевыборы советов, а партия напирает на то, чтобы в советы как можно больше выбирать пастухов, батраков, вообще бедняков. Разве это справедливо? Разве это хозяйственно? Разве будет пользоваться такая власть, построенная из пастухов и батраков доверием середняков? Нет, не будет.

От такой власти середняки и зажиточные всегда будут ожидать раскулачивания не сегодня, так завтра».

Письмо это (полученное редакцией «Крестьянской Газеты»), довольно длиновато, но поучительно. Приведем теперь еще один документ, касающийся уже не непосредственно кулака, а его идеологических собратьев (если не вожаков) из состава земработников.

В ответ на разосланную анонимную анкету об отношении работников Средневолжского облзу к политике партии в деревне — ряд специалистов ответил довольно недвусмысленно. Приводим содержание одного из ответов.

«Безапелляционно заявить, что политика соввластии по отношению к деревне неправильна, я затрудняюсь, но несколько непонятно стремление к нищете. Нужно поднимать бедняка до середняка и выше, нужно стремиться нашей республике к высокому благополучию и ни в коем случае не к нищете. Все могущество в нашей республике зиждется на с.-х. и его нужно поднять на высокую ступень, делая всякого рода поощрения в смысле увеличения посевной площади всем без исключения бедняку, середняку и зажиточному, чем выше будет производительность, тем больше от этого государство выиграет. Зачем нам, в сущности говоря, бояться богатого крестьянина при нашем социалистическом образе правления? Мы должны его считать частичкой нашего республиканского достояния(!!), и он будет в состоянии дать государству количество продукции прямо пропорционально его доходности. И, таким образом, республика с сельскохозяйственным уклоном будет мощно возрождаться и финансово укрепляться, т.-е. то, к чему должно стремиться каждое государство. Нет ни одного на земном шаре государства, которое бы стремилось к нищете и всячески ее поощряло, а также нет ни одного индивидиума на земном шаре, стремящегося к нищете — это явление, противоречащее основным законам природы человека. Зачем соввласть, так резко проводящая классовую политику, вносит классовую рознь? Может быть, я недопонимаю высших планов соввласти, но я считаю, что политика по отношению к деревне должна быть изменена в корне, мы должны стремиться к тому, чтобы у нас в деревне не осталось ни одного врага. Соввласть должна завоевать 100%-ое доверие у широких масс нашей новой советской деревни».

Самое любопытное в этом ответе — нахально выпирающая «лойяльность» — «наша республика», «при нашем социалистическом образе правления», «нашей новой советской деревни». Анонимный автор этого «сочувственного» нам документа счел нужным в конце анкеты особо остановиться на работе парт'ячейки Облзу, которая «чрезвычайно чутка» к беспартийным и т. д., и излить еще несколько прочувственных «советско-партийных» слов. Точка зрения этого беспартийного специалиста братски родственна (на этот раз без всяких ковычек) по духу не только письму кулака из Смоленска, но и... кое-каким другим, отнюдь не беспартийным писаниям. Вернее, эти последние писания (Фрумкина и др.), вполне приемлемая платформа — минимум для кулака, придерживающегося «обходной» тактики борьбы.

Изречения Устрялова, что пока правые говорят, «мы» (Устряловы) можем помолчать—устряловские корешки из смоленской деревни и из Средневолжского облзу придерживаются в том отношении, что пока-что ограничивают свою агитацию рамками правоуклонистской платформы, благо рамки не так уж узки. Свое контрреволюционное лицо кулак в данном случае скрывает под маской партийного оппозиционера.

* * *

Подведем некоторые итоги.

Законно возникает вопрос, так сказать «биографического» порядка; а когда он нарождаться стал, этот тип «советского» кулака? Ясно, что тактика перекрашивания была известна кулаку и он к ней прибегал еще задолго до 15 партс'езда, поскольку само социалистическое наступление на кулака (вызвавшее надобность в подобной тактике) также началось не с 15 с'езда. Но поскольку послес'ездовский период характеризуется ростом темпа и размаха наступления—именно в этот период кулак шире пытается воспользоваться этим оружием для самозащиты и частичной контратаки. При чем, если прежде кулак чаще прибегал к перекрашиванию лишь политической своей физиономии, то за последнее время он все шире и шире прибегает к экономической перестройке, или к «двусторонней» перестраховке—(грим под советско-настроенного середняка или даже маломощного). В какой же «ступенчатой» связи находятся «социальная мимикрия» и открыто контрреволюционная деятельность кулака, деятельность которого и не думает до последнего времени показывать «потухающую кривую».

Практика показала, что там, где кулак находится в окружении неорганизованной бедноты, не обеспечивающего пролетарской классовой линии, низового аппарата — там кулак чаще всего прямо, открыто управляет рычагами эксплоатации, не тратит сил на излишнюю маскировку. Там же (или вернее тогда же), где (когда) кулаку уже приходится сталкиваться с организованной беднотой, со здоровой партийно-советской общественностью, стремящейся к проведению правильной классовой линии, к осуществлению всех мероприятий, связанных с проводимым на кулака наступлением—там он подчас достаточно решительно переходит к маскировке своих позиций, к тому, чтобы надежной окраской сохранить (в действии) рычаги эксплоатации, а в области непосредственно-политической борьбы он внешне самоограничивается «советскими рамками»,—чтобы избежать изоляции от основных масс крестьянства, обеспечить себе лучшие возможности дальнейшей борьбы за кадры, за смычку с середняцкими элементами.

Когда же степень организованности бедноты и улучшения работы низовых организаций приводят к тому, что маскировка раскрыта или раскрывается, на соответствующем этапе социалистического наступления этот кулак может перейти на ступень открытой контрреволюции (террор, политический бандитизм и т. д. [1]).

---

[1]) Стоит ли лишний раз возвращаться к явно выдуманной, оторванной от жизни формуле, будто особо острые формы классовой борьбы обычно проявляются лишь там «где еще советский местный аппарат является слабым», и что будто «по мере усиления этого аппарата, усиления низовых парткомсомольских ячеек и т. д.» такого рода явления (террористические акты и пр. *М. К.*) будут, как это совершенно очевидно, становиться все

Вот схема одного из вариантов эволюции кулака в период развертывающегося на него наступления.

Однако, схема остается схемой и втиснуть в нее многообразные формы классовой борьбы нельзя. Если к примеру взять вопрос о террористической деятельности кулака, то и здесь обнаружится, что отнюдь не всегда террористический акт «венец» кулацкого дела. Иногда поджог, избиение, угрозы—агитационное средство, профилактический прием, применяемый кулаком, чтобы не дать бедноте организоваться, устрашить ее организаторов и т. д. Или же получив крепкий отпор в ответ на открыто-антисоветскую вылазку кулак перестраивает свою тактику, вступает в полосу внешнего перекрашивания под «прирученного».

Какие же практические выводы вытекают из всего описанного? Выше уже было оговорено, что самое большое, на что рассчитывает эта статья, это послужить лишь частным материалом (освещающим лишь один из многочисленных методов кулацкого сопротивления), к практической постановке вопроса о конкретном и повседневном изучении многогранной тактики кулака. Конечно, это изучение оправдает себя, только в том случае, когда оно будет исключительно целеустремленным, т.-е. когда в практике борьбы с кулаком будет повседневно учитываться, прощупываться то, что делается в кулацком лагере. При подобном положении сократится количество случаев, когда, прежде чем вскрывается тот или иной кулацкий прием, проходит длительнейший срок, во время которого кулак безнаказанно эксплоатирует классовую незоркость иных наших органов.

Знать врага, во всех конкретных проявлениях его борьбы и сопротивления, знать конкретно «в лицо» врага—немаловажное условие для достижения лучших качественных показателей проводимого наступления на кулака.

Для этого требуется прежде всего: решительный сдвиг в повседневной организации бедноты (мобилизация внимания к повседневной работе через бедноту, к ее подтягиванию к практическому руководству работой различных низовых органов, разрешение ряда организационных вопросов, связанных с оживлением деятельности групп бедноты вроде вопроса об институте организаторов этих групп, расшире-

---

более редкими и, в конце концов, бесследно исчезнут». (Н. Бухарин. «Путь к социализму и рабоче-крестьянский блок».

В этом положении бесспорно лишь одно, — что неизбежно настанет момент, когда кулак не осмелится дальше прибегать к террору. Но, это ясное положение становится абсолютно ошибочным, вредным при недиалектическом упускании этапов борьбы. При соответствующем соотношении классовых сил на соответствующем этапе развития социалистического наступления—раздавленный в прах кулак и подумать не посмеет о дальнейшем обострении борьбы. Но пока что кулак не раз еще будет пробовать крепость нашей смычки с середняком, будет пытаться возглавить все недовольное, использовать всякое наше затруднение и будет отвечать (уже отвечает), на наступательный огонь (меткость, которого в значительной степени зависит от укрепления низового аппарата, усиления работы общественных организаций на селе), всем арсеналом своего вооружения выбирая, «что поострее», начиная с мимикрии, вплоть до обреза, организаций «бабьих бунтов» и т. д. и т. п.

Чем, прежде всего, определяется качество работы нашего аппарата, как не уменьем обеспечить твердую классовую линию, то-есть в данном случае готовностью и умением наступать на кулака. На этого-то порядка улучшение работы нашего аппарата—кулак отвечает развертыванием контр-мер и самого острого порядка

нии состава, созыве деловых и систематических совещаний в сельском и районном масштабе, и т. д.); принятие ряда мер, обеспечивающих усиление влияния колхозного актива на общественную жизнь всего села (большее, чем до сих пор вовлечение в совет, кооперативные органы, в налоговые комиссии, в комиссии содействия хлебозаготовкам и т. д.); работа по изменению лица всего бедняцко-середняцкого актива (большее вовлечение батрачества и бедноты, вовлечение лучших, доказавших свою действительную преданность советской власти середняков, организаторов колхозного движения, инициаторов массового кооперирования, борцов за повышение урожайности, актив выявившийся на хлебозаготовках в налоговых кампаниях и т. д.), и перестройка работы с ним в соответствии с новыми задачами, выдвижение этого актива, работа над его систематическим самоочищением (от лжеактивистов) и дальнейшим расширением. Далее, закрепление результатов партийной чистки (в частности, вовлечение батрачества в партию), и неустанное разоблачение право-уклонистских дел на практике (по злой воле или слепоте), воспитывая местные организации на этих уроках. Перенесение борьбы с примиренчеством из области резолюций в живую жизнь, вытравливая «лойяльность» к Саарекам, разоблачая случаи мирного сожительства в частности с «советским» кулаком. В области партруководства, это прежде всего требует взятие линии на воспитание чувства значительно большой ответственности за проведение классовой линии, за результаты полит.-хозяйственной кампании, на самые низовые ячейки партии и Совввласти, в частности в изменении характера работы «уполномоченных» (посылка преимущественно в помощь ячейке, прикрепление к постоянному району, чтобы обеспечить всестороннее изучение района работы).

Следует также улучшить практику шефствования; прекратить случаи бесконечного «перекрепления» шефов, при поездке шефов в деревню, при посылке рабочих бригад необходимо, вовлекая в это дело все новые слои рабочих, вместе с тем «снабдить» каждый выезд, хотя бы небольшим кадром того шефактива, который уже успел узнать подшефный район, уже знаком с обстановкой и людьми. Надо, как-то упорядочить контроль за использованием разоблачительного материала, доставляемого рабочими бригадами и другими работниками выезжающими в деревню. Выявляются многочисленные примеры беззаконий творимых кулаком, но... очень часто они (примеры) используются в докладах, нередко, в анекдотах и вместе с тем очень часто не предпринимается конкретных мер по устранению этих беззаконий.

Кулак слишком серьезный противник, чтобы в борьбе с ним позволить себе плохое знание его тактики и позиций. Успешная борьба с кулаком требует использования всего арсенала пролетарского вооружения, подтягивания всех резервов, лучшей подготовки и расстановки кадров.

Чтобы полностью выявить все приемы кулацкого сопротивления, чтобы сорвать защитные маски с его лица и тем самым вернее направить огонь по нему—требуется прежде всего окончательное изолирование кулака от основных масс крестьянства.

При правильной линии, которую партия проводит, и которая полностью обеспечивает закрепление союза рабочего класса и бедноты со средним крестьянством, решающую роль в деле окончательной изоляции и тем самым полного разоблачения кулака должна сыграть постановка массовой работы на селе, организация бедноты. Это старая истина, которая от многочисленного повторения не становится менее актуальной.

А. Караваев.

От карликовых колхозов к колхозу-гиганту.

(Уральская деревня на социалистической стройке).

Коллективизация уральской деревни дает яркие образцы наших достижений на этом участке социалистического строительства и крах оппортунистических поклепов на линию партии. Об этом свидетельствуют все данные колхозного строительства в Уральской области. С одной стороны, мы имеем, особенно в этом году, чрезвычайно бурный общий рост колхозов на Урале. С другой—Урал в лице районов сплошной коллективизации дает образцы таких темпов колхозного строительства, которые превосходят самые оптимистические расчеты и планы.

Общий рост колхозного строительства на Урале таков:

На какое число взяты данные	Количество колхозов	В %	Крестьянских дворов в них	В %	Какое колич. крест. дворов падает на 1 колхоз
1/X 1927 г. . .	513	100	5.100	100	9,9
1/X 1928 г. . .	2.153	419	25.100	492	11,6
1/VI 1929 г. . .	3.233	613	62.613	1.227	19,3

Цифры, особенно на 1/VI—1929 года, достаточно ярко говорят о бурном росте социализма в деревне. Только за восемь месяцев количество крестьянских дворов в колхозах более чем удвоилось (рост на 149,5%). Охват крестьянских дворов в области с 1,9% на 1/X—1928 года поднялся до 4,9% на 1 июня 1929 года. Посевная площадь в колхозах за тот же промежуток времени увеличилась с 2,5 до 6,8% общей посевной площади. Движение вперед, как видим, очень значительное.

Но 1929 год показывает не только очень быстрый общий рост движения, в этот короткий промежуток времени имеет место и у л у ч ш е н и е к а ч е с т в а к о л х о з н о г о с т р о и т е л ь с т в а. Р а с т е т у д е л ь н ы й в е с б о л е е с л о ж н ы х ф о р м к о л х о з о в и и д е т п р о ц е с с и х у к р у п н е н и я. Так, например, среди колхозов области удельный вес коммун за последние восемь месяцев поднялся с 11,8% до 13,7%. Сдвиг, правда, небольшой, но важен самый факт более сильного роста сложных форм, а не захлестывание их простейшими видами колхозов (товар. по СОЗ) и производственных об'единений (машин. товарищ. и др.). Бедняк и середняк не только перестают бояться сложной формы коллектива с максимальным обобществлением, но они стали все яснее осознавать, что именно эти формы (ком-

муны и артели) на деле обеспечивают рост более рационального крупного хозяйства и приводят к действительному повышению их жизненного уровня. Все это подтверждает растущая тяга в колхозы и, в частности, повторяем, в более сложные формы их. Интересны цифры, которые показывают, что план организации колхозов в области на время весенней посевной кампании выполнен на 182.7%, тогда как в отношении простейших кооперативных производственных об'единений он выполнен только на 37,8%. Планы коллективизации вообще подвергнуты очень серьезной поправке, темпы роста перескочили их, хотя, по мнению многих, в самом плане давались весьма оптимистические цифры.

З н а ч и т е л ь н ы й с д в и г н а м е т и л с я в с т о р о н у у к р у п н е н и я к о л х о з о в. С 9,9 дворов на один коллектив в 1927 году, их число к 1/VI—29 г. поднялось до 19,3 на колхоз, при чем по размерам хозяйства впереди идут коммуны (28,7 дворов), затем артели (19,4) и наиболее мелкими являются товарищества (16,8). Рост чрезвычайно большой. Это можно видеть при сравнении Урала с Северным Кавказом, где в прошлом году на колхоз приходилось 12 дворов, а в этом году—17.

Все эти процессы, начиная с бурного роста колхозного строительства за счет вовлечения в него не только бедняцкой, но и широкой середняцкой массы и кончая увеличением удельного веса более сложных, более лучших форм колхозов с одновременным переходом их от карликовых об'единений к более крупным коллективным хозяйствам—говорят о здоровом и нормальном развертывании великого движения социалистического переустройства деревни.

Не вдаваясь в более подробный разбор приведенных общих данных, мы считаем необходимым особенно остановиться на замечательном и исключительно важном явлении в колхозном строительстве этого года, а именно—на районах сплошной коллективизации. К настоящему времени в области образовалось целых три таких района, в колхозах которых уже об'единено свыше 10 тысяч крестьянских дворов и около 100 тысяч гектар пашни. Эти районы следующие: в Ирбитском округе район сплошной коллективизации образовался на стыке целых трех административных районов: Еланском, Байкаловском и Знаменском, в Ишимском—Армазонский район и в Шадринском—Мехонский район. Все три района находятся в Зауралье.

Р а й о н ы с п л о ш н о й к о л л е к т и в и з а ц и и—я в л е н и е э т о г о г о д а, к о г д а к о л х о з н о е с т р о и т е л ь с т в о д а л о б о л ь ш о й с к а ч е к в в е р х. В тех районах, которые и в прошлом году отличались большей коллективизацией, темп роста оказался значительно более сильным, чем в районах более слабой коллективизации. Само наличие развернутого колхозного строительства действовало на темп, ускоряло его, ибо здесь, наряду со всей суммой прочих факторов, мероприятий и развернутой агитации по колхозному строительству, все это сочеталось с показом самого колхоза, его работы, его успехов. Крестьянин, прежде, чем переходить к новым формам хозяйства, вначале стремится не только увидеть, но и прощупать то, куда его зовут. На это указывает, в частности, то обстоятельство, что крестьянин очень охотно идет на устройство всякого рода экскурсий в лучшие коллективные хозяйства (к сожалению, на организации этих экскурсий у нас еще до сих пор должного внимания не обращено), при чем он их часто устраивает стихийно, или рассылает ходаков, поручая им «в с е р а з у з н а т ь». Хорошие колхозы, имеющиеся на месте, являются, поэтому, чрезвычайно важным условием дальнейшего развития колхозного движения в том или ином районе. На их примере бедняк и середняк убеждаются, что новые формы хозяйства не только не хуже, но много лучше того, к чему они привыкли и во что они часто перестают верить. На этой основе растет

здоровый интерес к новым формам: у бедняка и середняка-крестьянина есть перспектива. Дальше на примере старых колхозов крестьян видит и то, что широкая помощь и внимание партии и советской власти коллективному хозяйству обеспечена. Сознание, что на новом пути ты будешь поддержан,—действует ободряюще и это ускоряет решающий шаг.

Районы сплошной коллективизации наиболее насыщены колхозами [1]. Здесь вполне созрела для практического разрешения задача организации крупного колхоза, через об'единение мелких. Здесь сама земельная площадь обобществленного сектора может быть уже так организована, что она позволяет развернуть крупное машинизированное с.-х. производство. Дальнейший рост коллективизации эти возможности, естественно, расширяет.

Районы сплошной коллективизации есть как бы естественный результат развертывающегося колхозного строительства. Движение, как правило, всюду начинается от карликовых колхозов и идет (не само по себе, конечно, а при наличии всех прочих условий: агитация, организация, помощь и т. д.) через районы сплошной коллективизации к гигантам коллективного земледелия. И наша задача состоит в том, чтобы суметь охватить такое движение, ибо, повторяем, районы сплошной коллективизации с самого начала и всюду выдвигают конкретно—задачу об'единения разрозненных мелких коллективов в крупнейшие коллективные хозяйства. Образованием районов сплошной коллективизации бедняцко-середняцкая масса сама идет навстречу практическому разрешению проблемы крупного социалистического предприятия в деревне. В связи с этим встает очень большой вопрос—о создании машинно-тракторных баз в этих районах, о переводе хозяйства на рельсы высокой техники. Ибо, именно быстрая машинизация, и организация на этой основе крупного хозяйства, является здесь необходимым, закрепляющим массовое движение, условием. Отсутствие этого важнейшего и решающего условия может привести к явно противоположным результатам, ибо ни на одну минуту нельзя забывать тех сил, которые в самой деревне работают над тем, чтобы повернуть «историю» вспять, чтобы, пользуясь трудностями коллективного строительства, разбить и развалить еще окончательно не окрепшее движение.

Чтобы видеть всю грандиозность этого движения, а также и всю сложность обстановки необходимо не только констатировать самый факт образования районов сплошной коллективизации, но и во-время сделать из этого все необходимые выводы.

Мы попробуем обратиться непосредственно к одному из таких районов, кстати сказать, уже ставшему широко известным. Мы имеем в виду район сплошной коллективизации в Ирбитском округе (Урал), где в настоящее время уже организуется крупнейший колхоз «Гигант»

* * *

Район сплошной коллективизации охватывает не полностью три района Ирбитского округа Еланский, Байкаловский и Знаменский. В предварительных границах будущего «Гиганта» имеется 6.938 крестьянских хозяйств, что составляет 12,1% от всех хозяйств Ирбитского округа Из этого числа на 1 июня с. г. было уже охвачено колхозами трех основных форм (коммуны, артели, товарищества по совместной обработке земли)—3.778 хозяйств, или 6,6% от всех хозяйств округа и 54% от общего числа хозяйств, находящихся в районе сплошной коллективизации (в границах «Гиганта»). Всего населения в колхозах около 20 тысяч. Общая земельная площадь этого района равна 134.600 га, при чем пашня занимает 49.779 га. Из этой пашни в колхозах уже имеется 27.312 га, или 55%. Посевная площадь в колхозах равна 20 тыс. гектар. Рабочих лошадей в колхозах 4.944 гол., из числа которых уже обобществлено 3.757 голов. 1.187 голов не обобществленных находятся в товариществах по общественной обработке земли. Коров в колхозах всего 4.820, из которых обобществлено 3.249 голов и не обобществлено 1.571 гол. Всего обобществленного скота в колхозах свыше 20 тысяч голов. В колхозах уже имеется 85 тракторов, из которых 13 были в старых колхозах, а остальные присланы в распоряжение оргбюро «Гиганта».

Уже сам об'ем хозяйства говорит об исключительной важности и огромном значении, которое должен занять «Гигант» в колхозном строительстве вообще. Приведенные цифры, в частности, ни в коей мере не являются окончательными потому, что процесс коллективизации не приостанавливается ни на один день [1]). Нет сомнения, что в течение ближайшего года и максимум двух лет все бедняцко-середняцкое население района будет целиком втянуто в коллективное хозяйство. Предполагается, что уже через год общая площадь района сплошной коллективизации выразится в 275.000 га и вне колхоза не останется ни одного селения.

До самого последнего времени в районе не приостанавливались процессы повышения качества роста внутри имеющихся колхозов—укрупнение колхозов как путем приема новых членов, так и путем слияния отдельных колхозов, а также переход от простейших форм коллективов (тсоз) к более сложным—артелям и коммунам. В течение июля месяца целый ряд товариществ уже перешел на устав артели и обобществили рабочий скот (а в ряде случаев) и рогатый («Колос», «Парижская Коммуна», «Зауралец» и др.). Местами рогатый скот, будучи юридически обобществлен, не обобществляется фактически из-за отсутствия скотных дворов. В связи с развертывающейся работой по организации «Гиганта» все эти процессы ускоряются и их необходимо ускорять.

Район сплошной коллективизации в Ирбитском округе вступил в полосу широкого колхозного строительства, имея семь старых коммун. Само наличие здесь этих образцов нового хозяйства, их, хотя и небольшие достижения в области машинизации его, улучшения полеводства, облегчения труда, и поддержка, которую они получали, не могли не оказать своего действия на передовую, наиболее активную часть бедняцко-середняцкого крестьянства [2]). Но здесь имелись, конечно, и свои социально-экономические особенности, которые способствовали более решительному переходу к новым формам хозяйства.

Прежде всего, район сплошной коллективизации преимущественно земледельческий. Кустарные промыслы и отход на побочные заработки в районе развиты слабо. Дальше, если взять посевную площадь, то оказывается, что в этом районе на одно хозяйство она по размеру выше, чем среднее по округу (по округу 3,8 га на хозяйство. В районе от 4,48 до 5,33 га на хозяйство). С другой стороны—обеспеченность конской тяговой силой дает другие показатели. Так, на 109.25 га полевого посева приходится по округу 45,86 рабочих лошадей, тогда как в этом районе на 109,25 га полевого посева

---

[1]) В этих районах почти нет селений, где бы не было коллективных хозяйств. Так, например, в Ирбитском районе сплошной коллективизации из 100 селений колхозов нет только в 13—15, при чем в 3-х нет потому ,что в них сильно влияние сектантов. Степень коллективизации по селениям различная (от 20 до 100%), для всего района достигала 60%.

[1]) В самое последнее время уже произошел ряд изменений вследствие роста колхозного строительства. Число колхозов на 1 сентября поднялось до 92 и хозяйств в них до 4502. Пашни в колхозах уже свыше 30 тыс. га и посева 22 тыс. га. То же по другим моментам.

[2]) В частности, нельзя не обратить внимания на то, что в первое полугодие в районе возникли, главным образом, более сложные формы колхозов: коммуны и артели, а не такие виды, как товарищества по совместной обработке земли и др.

приходится от 35,21 до 38,48 рабоч. лошадей. Налицо, таким образом, некоторый разрыв между посевной площадью и тяговой силой, который ощущается маломощным и средним крестьянством этого района в отличие от других районов того же округа. Именно этим об'ясняется то, что в ряде пунктов практиковалась супряга, а с другой стороны, в районе было до 40 машинных товариществ.

Но это положение с тяговой силой обострялось еще тем, что в районе имелось до 30—35% безлошадных и однолошадных хозяйств, с одной стороны, и до 20% хозяйств, имеющих три и больше лошадей—с другой. В результате малообеспеченная тяговой силой группа крестьянских хозяйств вынуждена была или часть земли сдавать в аренду многолошадному, или нанимать для обработки своего поля чужих рабочих лошадей, или просто забрасывать землю и итти в батраки, или итти по линии супряги. Имело место и первое, и второе, и третье, и четвертое. Многолошадные эксплоатировали малолошадных и безлошадных по всем линиям. Таким образом, тот разрыв, о котором мы выше упомянули, со всей силой сказывался на довольно большой группе бедноты и маломощных середняков.

Это обстоятельство не могло не делать идею коллективизации особо популярной именно среди экономически слабых групп крестьянства. Именно этот слой и образует, главным образом, состав первой волны коллективизации, которая прокатилась в районе весной (март—апрель) 1928 г.

Итак, определенная социально-экономическая обстановка в районе, реальная помощь и внимание, которое обеспечивала колхозному движению генеральная линия партии, сочетание систематической раз'яснительной работы партии о преимуществах крупного коллективного хозяйства с агитацией показом в лице некоторых старых коммун (но не всех 7, имеющихся в районе)—все это вместе уже в самом начале выдвинуло этот район на одно из первых мест по коллективизации в области. Вхождение же в это движение середняка связало бедноту с середняком в одном общем деле и сделало вполне реальной задачу организации в районе действительно крупного машинизированного коллективного земледелия в лице строящегося «Гиганта».

Грандиознейшее движение бедняцко-середняцкого населения к новым формам хозяйства, которое развернулось на сибирских еланях, совершенно неизбежно протекает в условиях целого ряда трудностей. Эти трудности вытекают из об'ективной обстановки, в условиях которой развертывается строительство новой социалистической деревни, а именно: из недостаточной материальной и пока чрезвычайно еще слабой технической базы на месте, из отсутствия подготовленных кадров организаторов новой социалистической деревни, из слабости партийной организации, из общей культурной отсталости широких бедняцко-середняцких масс, которые еще далеко не расстались с многими предрассудками, привычками, старой мелко-собственнической психологией и т. д., и, что особенно нужно помнить, из сложности тех социально-экономических связей, на почве которых росла и развивалась старая деревня.

В районе кулачество, как и всюду, начало со смешков, с издевательств, со сплетен, с клеветы по адресу поднимающегося молодого движения. Кулак был не один. Ближайший союзника кулака—поп, не отставал от своего патрона. Идут на все. Широкой волной прокатываются обычные и избитые разговоры о войне, о скором конце большевиков, с которыми перережут и колхозников, об антихристе, о том, что «в колхозе все становятся батраками», «войдете в коммуну, у вас все отберут, а потом выгонят» и т. д. Карпунинский кулак Карпов созывает тайно у себя наиболее отсталых колхозников и доказывает «с фактами в руках» непригодность и невыгодность колхозной жизни: «На заработках больше добудете, чем в колхозе, где одна нужда и ничего больше». Кулак ловко использовал всякие затруднения в молодых колхозах, именно ими оперируя в своей агитации среди отсталой массы крестьян и колхозников.

Наряду с прочим, широко применялось оружие травли. При организации коммуны «Восход» кулаки усиленно работали среди неорганизованной бедноты и середняков, доказывая, что коммуна их землю захватывает. Кулак подпаивал бедноту.

Характер агитации сменялся в зависимости от об'екта. С беднотой один разговор, с середняком иной. Если бедноте навязываются мысли, что в колхозе жить будет хуже, чем здесь, т. к. тут, мол, тебе помогают, то середняку кулак шепчет о «лодырях», о «голи перекатной»... Агитация ведется и группами и в одиночку. Кулак местами широко использовал даже легальную трибуну для своей агитации (собрания, сходы).

В глазах еще не организованных крестьян стремятся всеми способами подорвать авторитет существующих колхозов. О неплохой коммуне «Свободный Орел» говорят, что она «проходной двор», что «в ней плохо работают» и «долго страдуют». Об артели «Крестьянин» кулаки заранее создавали отрицательное мнение: «Артель захватила нашу землю, а все равно ее не обработает».

От сплетен, лжи, уговоров, смешков переходили к прямым угрозам. Колхозникам из коммуны «Передовик» угрожали: «Мы все равно коммучу сметем с лица земли»... «Вы все равно разоритесь в ней»... В районе Долматовского с/совета кулаки особенно носились с угрозой—«убьем», «зарежем». К организатору артели «Вольная Поляна» приезжает полупьяный подкулачник и заявляет: «Вы нарушили тишину и порядок и зря поносите на богатых мужиков. Выдумываете такое хозяйство, которое всем вредно. Если ты будешь продолжать это делать, я тебя зарежу».

Борьба обострялась и осложнялась. Сам об'ем средств борьбы сильно расширился. Кулак в полной мере стал исходить из небезизвестного положения—«в борьбе все средства хороши». Если раньше по линии колхозов кулак сравнительно реже прибегал к остро-действующим средствам, то по мере роста колхозного движения в районе, по мере охвата им все более широких масс бедняцко-середняцкого крестьянства, т.-е. по мере того, как интересы кулацкого хозяйства ущемлялись все сильней, кулак становился наглей, смелей, изворотливей. В районе растет кулацкий террор, кулацкое вредительство, кулацкий саботаж.

Если колхозы района в порядке выполнения социалистического плана расширяют посевную площадь, доводя это расширение иногда до 100% (по району сплошной коллективизации в колхозах посевная площадь в среднем расширена на 35%; в соседнем Зайковском районе артель им. Сталина весной этого года расширила посевную площадь даже на 120%), то кулачество района в порядке борьбы с социалистическим планом и в ответ на быстрый рост колхозного строительства шло по линии местами резкого сокращения посевных площадей. «От колхозов хлеба все равно не получите, а у нас его не будет»—говорил один кулак в Байкаловском районе. Но на этом деле кулак не всегда держался до конца. В одном из селений, где организовалась артель, кулаки отказались разрабатывать свои поля. Артель решила немедленно всю землю обработать... но... на утро совершилось чудо. Когда артель хотела приступить к работе, оказалось, что делать было нечего, т. к. земля оказалась вспаханной и засеянной. Кулаки и зажиточные работали всю ночь и землю не отдали—саботаж сорвался.

Террор, вредительство, саботаж особенно усилилось теперь, с организацией «Гиганта», т.-е. когда практически разрешается задача решительного преодоления всех недостатков мелких колхозов и когда вопрос о самом существовании кулачества в районе встал со всей ясностью.

При бурном росте колхозов и находясь под ударами всей политики наступления на кулака, верхушка встает на более длительный и более сложный путь борьбы с растущей социалистической деревней, и с политикой наступления на кулака. Верхушка сама встает в ряды коллективизирующейся деревни. Она проникает и засоряет колхозы не для того, конечно, чтобы разорвать со своим социальным бытием, а для того, чтобы испробовать еще одно средство борьбы за овладение старыми позициями.

К настоящему времени (1/VI) в районе, где еще неколлективизированного населения имеется 40%, зажиточная кулацкая верхушка в колхозах превышает 5%. Есть известные основания полагать, что она даже несколько выше, ибо нередко с вхождением в коллектив зажиточно-кулацкие элементы принимали все меры к тому, чтобы смазать свое социальное лицо (фиктивный раздел, распродажа скота и средств производства и т. д.).

В качестве подтверждения наличия такого трюка со стороны кулачества, мы здесь сошлемся только на два факта, хотя их можно привести десятки.

Обратимся к данным о движении скота в Знаменском районе, т.-е. в одном из тех трех, которые входят в район сплошной коллективизации (данные ВИК'а).

Годы	Рабочие лошади (голов)	Прибыло + Убыло —	Коровы	Прибыло + Убыло —
1926	6.950	—	6 850	—
1927	6.870	— 80	6.832	— 18
1928	6.785	— 85	6.769	— 63
На 1/VI 1929 г.	5.878	— 907	5.967	— 802

Скот в районе, как видим, убывал и раньше, но эта убыль была ничтожна по сравнению с тем, что произошло за полгода 1929 г. Известная часть убыли падает на бескормицу, но большая часть падает на распродажу скота деревенской верхушкой, как в порядке саботажа, так и при вступлении в колхозы (в частности, при переходе к более сложным формам).

Член оргбюро «Гиганта» в своей статье по этому поводу («Гигант», № 5) пишет:

«Сейчас, всвязи с происходящим переходом товариществ по совместной обработке земли на уставы с.-х. артелей, некоторые из хитрых мужичков проделывают такие штуки: прежде старается распродать лошадок и коров, а потом «гол, как сокол» является «подготовленным» вступать в артель. Это же замечается и со стороны отдельных неорганизованных крестьян, желающих вступить в колхозы».

Дело тут, конечно, не только в хитрости. Это хитрость классового врага, желающего смазать свое социальное лицо, желающего принести не пользу, а вред колхозному строительству и желающего сохранить на будущее свою экономическую силу для нового разбега. Кулак и зажиточный, делая это, как бы консервируют на время свое предприятие, переводя ценности в другую форму (главным образом, дефицитных товаров).

Что здесь мы имели дело именно с зажиточным кулацким элементом, на это ясно будет указывать пример, взятый из артели «Вольная Поляна».

В артель вошло 43 хозяйства. Посмотрим, что они представляли собой до организации артели, и с чем они пришли в артель (берется опять рабочий и рогатый скот):

Когда взяты данные о скоте	Количество хозяйств.	Их лошадность					Всего лош.	Их коровность					Всего коров
		Безлош.	С 1 лош.	С 2 лош.	С 3 лош.	С 4 лош.		Безкор.	С 1 кор.	С 2 кор.	С 3 кор.	С 4 кор.	
До организации артели	43	5	17	12	8	1	69	6	14	15	5	3	71
При вступлении в артель (с чем вошло)	43	5	20	16	2	—	58	6	23	11	3	—	54

Лошадей у 43 хозяйств убыло 11, а коров 17. Но как убыло? Количество безлошадных и бескоровных не изменилось, а это значит, что ни один однолошадник, ни один однокоровник, как они ни терпели нужду в отношении обуви и одежды, входя в артель, не пошли по пути разбазаривания того, что имели. Беднота несла в общее хозяйство то, что имела. Так ли поступила зажиточно-кулацкая верхушка, проникшая в артель? Совсем не так. Она вошла после того, как разбазарила скот. Она украла от артели часть общественного богатства (скот в артелях обобществлен). Мы видим, что две последние группы по лошадности и по коровности почти пропали. Из 8 трехлошадников и одного четырехлошадника осталось только два трехлошадника. То же с коровами.

Так вот, кто этот «хитрый» мужичок. Этого мужичка нужно было держать подальше от артели, тем более, что в районе еще есть не мало неколлективизированной бедноты и середняков, а его пустили в артель, да еще пустили с «поправкой», которую он перед этим внес в свой социально-экономический паспорт.

* *
*

Каков же социальный состав колхозов района сплошной коллективизации?

По данным специального изучения, произведенным под руководством инструктора Колхозцентра, мы имеем следующую группировку хозяйств в колхозах по лошадности (данные на 1 июня 1929 г.) [1].

Виды колхозов	Хозяйств в группе по лошадности					Всего хозяйств в колхоз.
	Безлош.	С 1 лош.	С 2 лош.	С 3 лош.	С 4 лош.	
Во всех колхозах хозяйств	516	1732	1302	186	19	3755
В %	13,7	46,1	34,7	5,0	0,5	100%
В том числе						
В коммунах	181	397	298	47	4	927
В %	19,5	43,0	32,0	5,1	0,4	100%
В артелях	190	766	618	99	11	1684
В %	11.3	45.5	36.5	6.0	6.7	100%
В т-вах по с. об. земли	145	569	386	40	4	1144
В %	12,7	49,8	33,7	3,5	0,3	100%

По этим данным мы видим, что бедняцко-середняцкая группа в колхозах составляет подавляющую часть — 94,5%. Тем не менее надо признать, что

[1]) Сведений нет по 21 хозяйству.

зажиточно-кулацкая верхушка в колхозах района сплошной коллективизации все же занимает довольно видное место. Она прицепилась к здоровому движению бедняцко-середняцких масс и засорила колхозы. Все это относится к мелким, пока, а, следовательно, далеко не окрепшим, колхозам, а затем к колхозам более низкой формы — товарищества и, частично, артели. Затем, что особенно плохо, все это имеет место при условии еще довольно большой части неколлективизированного бедняцко-середняцкого населения. К чему все это ведет — мы увидим ниже.

Необходимо отметить одно, чрезвычайно важное явление, заключающееся в том, что зажиточно-кулацкая верхушка в ряде случаев являлась даже застрельщиком и инициатором организации колхозов, преимущественно товариществ по общественной обработке земли (назову такие товарищества: «Об'единение», «Возрождение», в Елани, «Крестьянин» и «Нива» в д. Лариной и др.). Выступая в качестве организаторов отдельных колхозов, зажиточно-кулацкая верхушка решила приспособиться и использовать самую форму коллективного хозяйства для того, чтобы укрыться от политики наступления на кулака, чтобы обмануть бдительность партии и советской власти и чтобы извлечь ряд выгод из этого дела (получение близкой и хорошей земли, кредитов, льгот по налогу и т. п.). Такая активность, проявленная верхушкой в организации отдельных колхозов, в большинстве случаев явилась как бы реакцией на общее движение и желанием противопоставить массовому движению бедняцко-середняцкой деревни к новым формам свои крепости в виде, по сути дела — лжеколхозов. Если, однако, кулакам не всегда удавалось превращать ими созданные коллективы в лжеколхозы, то в этом не их вина, а заслуга деревенских коммунистов и комсомольцев и бедняцко-середняцкой части этих колхозов.

Некоторые товарищи, закрывая глаза на действительность, стараются не замечать этого маневра кулака и отрицают самую возможность появления таких колхозов, созданных инициативой и усилиями верхушки; созданных не для того, конечно, чтобы крепить колхозное строительство, а для того, чтобы нанести ему удар в спину.

Вот один, весьма красноречивый и поучительный факт:

В д. Ларино существует товарищество «Крестьянин». История этого замечательного товарищества ясно видна из следующих документов.

Первый документ. Протокол ирбитской окрколхозсекции № 11 от 11/VI 1928 года.

«Слушали. Отношение Еланского РИК'а от 2/VI с. г., за № 4235 об отклонении в регистрации устава т-ва по общ. обр. земли «Крестьянин» в д. Лариной.

Постановили: В виду того, что организаторами т-ва «Крестьянин» являются лица, лишенные права избирательного голоса [1]), с заключением РИК'а

Второй документ: выписка из протокола президиума еланского райисполкома от 16/VI 1928 года.

Слушали: об утверждении устава т-ва по общ. обр. земли «Крестьянин» (доклад. тов. Вялков).

Постановили: 1) в изменение постановления президиума РИК'а от 25/VI с. г. (протокол № 21, п. 18) и от 26/V с. г. (протокол № 25, п. 27), в виду того, что в т-во «Крестьянин» влились дополнительно новые члены из бедняков и вследствие представления нового материала, гарантирующего жизнеспособность т-ва, устав

---

[1]) В «Гиганте» от 31 июля, № 12, опубликован список этих организаторов. Вот он: 1) Антропов Г. Ив., б. торговец, имеет в настоящее время кирпичное производство, на котором эксплоатирует членов т-ва. До вступления в т-во платил налог 600 руб., а в 1929 г. только 14 руб.; 2) Антропов И. В., б. стражник — бойкотированный при последних хлебозаготовках; 3) Чинов В. С., б. торговец; 4) Чинов И. С.— то же; 5) Галашев П. С.—то же; 6) Галашев В. С.—то же; 7) Бармин Ф. Д.—ст. фельдфебель и полицейский; 8) Чинова, монахиня и 9) Глухих—б. торговец.

последнего утвердить; 2) поручить тов. Брилину выехать на место для согласования вопроса с землеустроителем Б. о прирезке земельного участка указанному т-ву». Окрколхозсекция также утвердила устав.

О чем говорят эти два документа? О головотяпстве и политической близорукости. Кулаки организовали товарищество и им вначале правильно отказали его утвердить, правда, с довольно странной «директивой». Тогда кулаки в самом срочном порядке (буквально в течение одной недели) выполнили «директиву» Окрколхозсекции о «пересмотре состава членов», и увенчали устав несколькими подписями обманутых и зависимых бедняков. Этого было достаточно, чтобы устав товарищества утвердили, где руководящую роль сохранила верхушка. Их и на с'езды делегировали. В октябре того же года Окрколхозсекция «поставила на вид» товариществу за то, что оно «послало на окружный с'езд колхозов лишенного избирательных прав». А кто в этом виноват? Окрколхозсекция и РИК, конечно.

Всю эту группу документов мы считаем необходимым дополнить еще одним, совсем свежим. В газете «Гигант», № 20 от 21 августа 1929 года опубликована маленькая заметка под заголовком: «Букет повял», где читаем: «По заметке «Букет лишенцев», в № 12 газ. «Гигант» — меры приняты. Кулачье — Чинов М. С., Антропов Е. И., Чинова Е. С., Голошевы В. В. и И. С., Антропов П. П., Чинов И. С. и Антропов В. З. из Ларинского товарищества «Крестьянин» исключены.

Итак, потребовался целый год, чтобы букет кулаков, разлагающий колхозное строительство его систематической дискредитацией, наконец, повял. Организаторов и инициаторов с треском выгнали из колхоза. Данная РИК'ом гарантия «жизнеспособности» товарищества была подвергнута серьезной критике.

Но это еще не все. Самое яркое «инициаторы» оставили под конец. В том же «Гиганте», № 22 от 25 августа, т.-е. ровно через 4 дня, читаем: «23 августа под вечер, когда в с. Микшинское собралось около 1000 человек на митинг по случаю слета колхозной молодежи, вспыхнул пожар в д. Лариной. От огня пострадало около 50 дворов. Сильный ветер перебрасывал пламя с одного дома на другой с быстротой молнии».

Так закончилась история с организацией колхоза кулаками, колхоза, в котором «организаторами» были широко применены старые эксплоататорские приемы. Дома кулаков, между прочим, не сгорели.

Это жуткий конец, но он чаще всего имеет место там, где кулака не видят, где кулаку в течение года позволяют водить себя за нос, где кулак успел войти во вкус своей новой роли и где с кулаком не борются так, как нужно. Кулак сам дает урок этой борьбы. Учиться надо, и так учиться, чтобы учитель это крепко почувствовал, а пока в районе действует учитель. «Гигант» пишет: «Красный петух» гуляет по колхозам. За два дня огнем уничтожено около сотни дворов. Это не ошибка, не случайность, а последние судороги обнаглевшего кулачества».

Правильно. Это не ошибка и не случайность. Это борьба кулака за существование. Обязанность каждого коммуниста и каждого бедняка и середняка-колхозника быть на передовых позициях этой борьбы, не позволять заставать себя врасплох и бить врага метко и крепко.

Мы намеренно затянули эту часть, чтобы показать, что кулак в действительности прибегает к таким маневрам, которые на первый взгляд кажутся неестественными. Кулака нужно знать всего, ибо это облегчает борьбу с ним и способствует укреплению колхозного строительства.

Мы знаем, что кулак нередко пробирается к руководству отдельными колхозами, а ведь всякий понимает, что для того, чтобы добиться руководства,

нужно как-то проявить себя, быть активным. Это и делают в ряде случаев зажиточно-кулацкие элементы, а потом, когда руководство при близорукости партийных организаций оказывается в их руках, они его используют в своих, узко-классовых целях. Они тихой сапой работают над разрушением колхоза, они портят его инвентарь, разжигают антагонизм среди членов, творят бесхозяйственность и открытые злоупотребления, добиваются падения трудовой дисциплины, вышибают из колхозов лучших бедняков и середняков, вводят в коллектив эксплоататорские приемы в отношения между членами колхоза и колхоза с окружающим населением и, наконец, если во-время не разоблачат их, приводят коллектив к развалу, к дискредитации и после этого первые спасают свою шкуру, не забывая захватить с собой побольше общественного имущества.

Спрашивается, почему все это возможно? Почему зажиточно-кулацкая верхушка пролезает местами в великое движение, засоряет и подрывает его? Почему возможно, что кулаки иногда берут на себя роль инициаторов в организации колхозов (гл. образом, так назыв. «тузов»), и их во-время не разоблачают? Почему возможно, что верхушка проникает в колхозы и там, сохраняя большую часть своего индивидуального хозяйства самостоятельной, (в товариществах), подчиняет этой части общественное хозяйство? Это возможно было при отсутствии достаточно четкой линии в коллективизации (не в резолюциях, а на деле) у местных организаций (в отношении приема различных социальных групп). Только теперь руководители партийных организаций начинают бить тревогу по поводу этого факта и на это их толкает сама зажиточно-кулацкая коллективизированная верхушка, начавшая вести широким фронтом изнутри свою разлагающую антиколхозную работу. В качестве иллюстрации сошлюсь на выступление тов. Вялкова, секретаря Еланского райкома, на совещании председателей колхозов 17 июля. «Заметка в газете «Гигант», — говорит тов. Вялков, — неверна. Социальный состав в колхозе не тот, какой был указан в газете. Зажиточных в колхозе, наоборот, больше. Например, платящих с.-х. налог от 100 р. до 250 р. в колхозе 34 чел., а единоличников с тем же налогом только 16 человек. Наша ошибка в том, что мы в ТСОЗ допустили больше зажиточных и середняков (нужно было сказать — зажиточных и кулаков. *А. К.*), нежели бедняков и батраков» (протокол совещания).

Сказанное тов. Вялковым подтверждается и документами в отношении с. Елани. А ведь эта, пролезшая в колхозы зажиточно-кулацкая верхушка, делает свое дело, далеко не всегда получая должный отпор.

В связи с начатой работой по организации «Гиганта», а также в связи с мероприятиями по переводу товариществ по совместной обработке земли на устав артели, зажиточно-кулацкая верхушка повела контр-наступление. «Кулак, — говорили товарищи на совещании председателей колхозов 17 июля, — засуетился. Кулак начал усиленную агитацию и против перехода на артель и против «Гиганта». Должного отпора кулак до сих пор не получал и едва ли может получить при данном состоянии партийных организаций, т.-е. без их решительного укрепления. Последние, во-первых, довольно слабы (особенно Еланская после чистки) и, во-вторых, часто не замечают кулацкой опасности в колхозах. Об этой опасности и то неуверенно, не твердо заговорили только теперь... Само понятие «кулак» зачастую как-то обходится... не решаются назвать вещи своими именами. Все смазывается понятием «зажиточный», между тем первое же знакомство со многими из этих «зажиточных» показывает настоящее лицо кулака, эксплоататора, надевшего маску колхозника. Зажиточно-кулацкая верхушка надела маску колхозников именно в весенние месяцы, т.-е. она проскользнула при массовой волне. По Байкаловскому району из общего количества вошедших в марте—

апреле в колхоз, зажиточно-кулацкая верхушка занимает целых 6,1%. Причины мы уже сказали. Нужно было уйти от политики наступления на кулака, и, в частности, не упустить землю и т. д. Угроза упустить землю реально назрела, ибо беднота и середняк пошли в колхозы. Кулак и зажиточный отвели эту угрозу, они сами вошли в колхоз, иногда даже доходя до того, что лицемерно вставали на колени перед общим собранием и со слезами просили о приеме».

Только что приведенные факты достаточно ясно говорят о том, что вопросы классовой борьбы в районе сплошной коллективизации не снимаются. Наоборот, она здесь, как видим, принимает наиболее острые и весьма сложные формы... Окончательный подрыв экономической базы, который несет с собой сплошная коллективизация кулацкому хозяйству, вызывает с его стороны отчаянную попытку помешать этому, остановить движение, развалить его. В районе ирбитского «Гиганта» сейчас имеет место как раз такой период, когда кулачество бьет ва-банк.

Мы уже сказали, что местные партийные организации еще далеко не достаточно подготовлены к тому, чтобы, стоя во главе бедняцко-середняцких колхозных и неколхозных масс, дать решительный отпор кулацкой атаке и укрепить новую деревню. Партийной организации предстоит много сделать для того, чтобы перевооружиться и вооружиться для работы по-новому. Мы уже не говорим о том, что партийные организации во многих случаях еще чрезвычайно далеко стоят от коллективного производства, от задач правильной организации его. Правда, некоторые ячейки и отдельные коммунисты показывают яркие примеры обратного порядка, но это только некоторые. Партийные организации далеко еще не справляются с задачами мобилизации бедняцко-середняцких масс около новых задач. Массовая работа среди неорганизованных бедняцко-середняцких масс (а их 40% в районе) по сути дела выпала из внимания многих местных парторганизаций. Такое положение в этом районе явно нетерпимо. Здесь задача более решительного вовлечения в колхозы еще неорганизованной бедняцко-середняцкой массы назрела с такой же остротой, как и задача чистки колхозов от злостных, антиколхозных зажиточно-кулацких элементов.

С массовой работой дело немного лучше обстоит и в колхозах. Зачастую она отсутствует; многие старые формы работы отпадают в отношении колхозов, тогда как с новыми формами мы запаздываем. Нужно научить партийные организации работать по-новому.

* * *

Вопрос об организации колхозного актива из развитой батрацко-бедняцкой и лучшей середняцкой части колхозников приобретает особое значение. Первоосновой образования актива в колхозах должно явиться социальное лицо того или иного колхозника в прошлом, а не что-нибудь иное. В корне неверно думать, что уже «при вступлении в колхоз классы отмирают», а отсюда делать вывод, что в основу организации колхозного актива нужно класть лишь «отношение к общественному производству». Последнее должно обязательно учитываться, но не оно является первоосновой, главноопределяющим. Мы на ряде примеров видели, что в колхозах продолжается классовая борьба и она здесь в районе и всюду будет успешно завершена полной победой новых общественных порядков, новых отношений, если руководство движением на месте будет находиться в руках тех групп, которые теснее всего связаны с пролетариатом, единственным классом, не на словах, а на деле борющимся за бесклассовое общество. Передовой социалистический пролетариат опирался всегда на батрачество и бедноту в деревне. На них пролетариат опирается и в строительстве новой деревни,

подтягивая все время к ним лучшую часть середняков. Всякая попытка верхушки проникнуть в колхозный актив должна встретить решительный отпор, как бы при этом отдельные представители этой верхушки не рисовали из себя «преданных» архи-колхозников. Никогда и нигде не следует забывать, что от этих «активистов» и «застрельщиков» скорее всего и больше всего нужно ожидать, что при определенной обстановке они становятся из «ярых колхозников», ярыми анти-колхозниками, опасными вредителями. Кулак очень часто идет на все, только для того, чтобы стать активом, чтобы захватить руководство движением. Район сплошной коллективизации дает уже ряд примеров, когда кулак и зажиточный середняк, войдя в коммуну и артель, т.-е. в колхоз с наибольшей обобществленностью, и добившись той или иной роли в руководстве, работал над развалом коллектива или прививал ему эксплоататорскую сущность (коммуна «Красная Звезда», артель «Сигнал», «Новая Жизнь» и др.). Что касается товариществ, то здесь такое положение, к сожалению, можно встретить довольно часто. Положение бедноты в таких колхозах становится временами невыносимо тяжелым. Отношение к ней явно издевательское и все это направлено к тому, чтобы выбросить активную бедноту из колхоза, а затем развалить и самый колхоз [1]).

Как же складываются отношения внутри товариществ и сколь много в них сохраняется от старых отношений. Для этого мы возьмем только соотношение в заработной плате между различными группами членов в товариществах по общественной обработке земли.

Группы хозяйств	Размер месячного заработка, падающий на одно хозяйство по следующим товариществам:															
	„Об'единение №"				„Парижск. Комм."				„Нива"				„Колос"			
	В мае		В июне		В мае		В июне		В мае		В июне		В мае		В июне	
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
Без лошадн.	—	—	2.	15	—	—	1.	17	4.	98	10.	43	—	—	2.	65
С 1 лошад.	20.	03	16.	60	16.	66	5.	88	21.	99	14.	91	12.	84	13.	64
С 2 „	41.	17	30.	43	39.	27	13.	66	48.	41	27.	32	24.	79	27.	83
С 3 „ и больше	69.	04	56	75	49.	34	17.	95	40.	95	37.	75	34.	69	39.	87

[1]) В коммуне «Путеводная Звезда» зажиточные активисты при приеме проводят определенную линию: бедноту в коммуну не принимать, так как у нее нет ничего, а принимать «состоятельных крестьян», которые «укрепят экономическую мощь коммуны» (?). Над имеющимися бедняками издеваются. Одну батрачку зовут «Туринской нищей» и других в этом же духе. Бедноту всячески ущепляют.

«Гигант» в № 22 пишет: «В коммуне «Расцвет», Вязовского сельсовета, беднякам Моденову В. О. и Лашкареву Ф. А. зажиточные прохода не дают. Заведующий хозяйством Лошкарев З. С. иногда не выдает хлеба, говоря, что вы хлеба в колхоз не внесли, так и питайтесь одним воздухом».

Или вот как тот же «Гигант» описывает издевательство над беременной женщиной беднячкой в артели «Прогресс».

Сенокос. Жара. Беременная Прасковья изнемогает. «Литовка» валится из рук, но напрягая последние силы, Прасковья крепится,—нельзя отставать от других.

Вчера была в правлении своей артели «Прогресс»—умоляла:

— Не могу я итти на работу — на-сносях. Последние недели хожу.

В правлении не обратили внимания.

— Брешешь, баба. Работать лень.

Боль внутри усиливается. Нет больше сил, и Прасковья Печеркина, член артели «Прогресс», обессиленная, в изнеможении опускается на траву, а зажиточный член артели Хохлов В. Г. с усмешкой гнусавит:

— Ишь стерва, притворяется.

«Это безобразное издевательство над беременной женщиной-беднячкой, — читаем дальше,—случиться могло только в такой артели, которая замазала лицо классового врага, в такой артели, где грязными ногами кулачества попираются советские законы». («Гигант», № 11 от 28 июля 1929 г.)

В таблице взяты сведения по четырем товариществам и по всем им красной нитью проходит резкий рост месячного заработка на хозяйство от низших групп к высшим. Уже один этот пример достаточно ярко говорит о несовершенстве этой формы и о возможности широкого использования ее деревенской верхушкой в интересах своего частного хозяйства. Недаром верхушка больше всего проникает в товарищества, считая, что в этой форме удобнее всего приспособиться к новым условиям. Именно верхушка сейчас всячески тормозит перевод товариществ в артели и коммуны.

Мы не останавливаемся еще на ряде моментов, но и сказанное достаточно ясно говорит о той роли, которую играет определенная форма коллективного хозяйства, а также социальный состав актива.

То, что мы сказали выше, достаточно ясно говорит о тех трудностях, которые сопровождают могучее движение. Трудности эти очень велики, но они со всей настойчивостью ставят вопрос не об отступлении, как предлагают паникеры из правого лагеря, а о лучшем вооружении для более быстрого преодоления этих трудностей. В районе во весь рост встали задачи мобилизации внимания и сил широких колхозных масс около очередных задач строительства, около задач преодоления всех трудностей. В районе стоит задача более решительного втягивания в коллективное хозяйство еще не втянутой бедняцко-середняцкой массы. Задача оздоровления колхозного строительства путем очистки колхозов от явно антиколхозных зажиточно-кулацких элементов. Закрепление коллективного хозяйства — основная очередная задача. Оно должно итти по линии форсирования полного обобществления средств производства, скота, построек и т. д., а тем самым по линии перевода товариществ по общ. обработке земли («ТУЗОВ») к сложным формам колхозов. Правильная организация общественного производства—исключительно сложная и большая задача в «Гиганте», который разбит на 26 экономий (отдельные производственные единицы), управляемые из единого центра. Задача правильной организации труда и распределения на менее сложная и тут должен быть в полной мере использован опыт лучших колхозов района.

Все это во весь рост ставит вопросы помощи формирующемуся «Гиганту», в первую очередь, по линии машинизации хозяйства.

Со всей остротой встала проблема новых кадров организаторов такого колосса-хозяйства, каким является ирбитский «Гигант». Нужны агрономы, зоотехники, строители, организаторы-администраторы, животноводы, полеводы, групповоды, бригадиры, механики, культурники, массовики-парторганизаторы и многие другие... Сейчас на месте этих кадров, особенно для низовой работы, почти нет. Их нужно дать из города. Их нужно готовить на местах.

По последним сведениям, количество колхозов в районе «Гиганта» поднялось до 92, а крестьянских хозяйств в них до — 4500; количество коммун поднялось с 25 до 31; артелей — с 34 до 44, а число товариществ упало с 25 до 17 вследствие перехода в высшие формы. Бедняцко-середняцкая масса теснее встает около новых форм, преодолевая трудности строительства, преодолевая кулака. Этот процесс необходимо усилить, с одной стороны, оздоровлением колхозного строительства от антиколхозной накипи, и, с другой — ростом новой производственной общественности, вовлекая в нее всю массу, развивая для этого в ней здоровый и широкий интерес к общественному производству, к новым отношениям, к новой культуре.

ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ.

Л. Гатовский.

О народно-хозяйственном плане.

(К вопросу о регуляторе советской экономики).

Вопрос об основных законах, управляющих советским хозяйственным механизмом, представляет огромный интерес для оценки путей развития советского хозяйства, советской экономической политики и различных установок в этой области. Огромная сложность, многогранность, запутанность и неразработанность этого вопроса позволяет лишь в общих чертах осветить некоторые его стороны в данной статье. Наибольший интерес представляет проблема так называемого «регулятора» советского хозяйства, т.-е. основного закона, способа распределения средств производства, средств потребления и рабочей силы в процессе воспроизводства. Советская экономика прошла уже несколько этапов с достаточно четким различием основных черт. Но было бы неправильно отсюда делать вывод о наличии совершенно особого регулятора для восстановительного периода и особого для реконструктивного.

Это, однако, не исключает того, что особенности восстановительного периода, как этапа ф о р м и р у ю щ е й с я системы отношений переходного периода, р а с с т а н о в к и с и л, у с т а н о в л е н и я п е р в и ч н ы х с в я з е й, препятствовали проявлению ряда существенных черт регулятора переходной экономики, как таковой.

Достаточно вспомнить, что не менее половины восстановительного периода прошло при отсутствии такой элементарной предпосылки планового воздействия социалистического сектора на несоциалистические, как более или менее устойчивая валюта.

Восстановительный период характерен не только восстановлением технической базы, но (при реконструкции социально-классовых отношений),— и восстановлением ряда хозяйственных связей: восстановлением товарооборота (обобществление его обозначилось лишь к концу периода), восстановлением денежной системы, известным восстановлением кредитной системы. Период восстановления этих хозяйственных связей (потребовавший немалого срока) именно в такой форме был необходимым п р е д в а р и т е л ь н ы м э т а п о м к социалистическому наступлению на производственные позиции несоциалистических форм, к периоду реконструкции, социалистической трансформации с.-х. производства. Естественно, что и формы обращения, его регулирования значительно меняются в связи с быстрым темпом обобществления, развертыванием классовой борьбы, расширением и углублением сферы действия планового начала.

В восстановительный период ход процесса воспроизводства в значительной мере определялся а в т о м а т и ч е с к и наличием прежних основных фондов. Это определяло в значительной мере распределение средств производства, труда. Действительно плановое, основанное на принципе народно-хозяйственного оптимума, распределение основных фондов, капитальных вложений (при росте их значения), энергетических ресурсов, — то, что составляет материальный костяк народно-хозяйственного плана, — получает свое значение лишь в реконструктивный период. Лишь теперь получила свое настоящее значение ведущая роль социалистической промышленности в отношении сельского хозяйства (техническая и социальная реконструкция последнего), под руководством промышленности, которая приводит к индустриализации сельского хозяйства, т.-е. к процессу уничтожения противоречия между городом и деревней.

Создание собственной с.-х. базы, дальнейшее продвижение по пути обобществления лишь в реконструктивный период приводит к соответствующей степени господства плана по линии товарооборота. Далее, лишь к концу восстановительного периода (1925 г.) удалось добиться единого хозяйственного плана и при том еще в крайне несовершенной форме (контрольные цифры на 25—26 г.). Работа по перспективному планированию с тех пор колоссально шагнула вперед. Таким образом, с наступлением реконструктивного периода возникает ряд новых условий для проявления соответствующей роли народно-хозяйственного плана. Между тем, имеющиеся сейчас установки в области т е о р и и с о в е т с к о г о х о з я й с т в а формировались под впечатлением условий восстановительного периода. Достаточно прочесть, например, стенограмму прений по известному докладу Преображенского в Комакадемии «О законе ценности в СССР», чтобы убедиться, как отстали от современных условий аргументы подавляющего большинства выступавших там ораторов.

Реконструктивный период означает новый четко очерченный этап в системе с о ц и а л ь н о - э к о н о м и ч е с к и х м е р о п р и я т и й.

Грубейшей ошибкой было бы полагать, что восстановительный период отличается от реконструктивного в основном лишь в техно-экономическом отношении. Сводить задачу и результат восстановительного периода лишь к использованию довоенного основного капитала и достижению довоенного уровня продукции, а задачи реконструктивного периода в основном лишь к созданию новой технической базы, — значит упустить из поля зрения коренные проблемы нашей экономической политики, коренные социально-классовые сдвиги, происходящие на различных этапах нашего развития.

Если троцкизм, отвергая генеральную линию партии в целом, выступил против проводимых партией методов решения задач восстановительного периода (1923—25), то правые, по существу, выступили против применяемых партией методов решений социально-экономических задач реконструктивного периода, стремясь распространить положения, приемлемые для практики предыдущего, восстановительного периода, и на реконструктивный.

Уже для нынешнего этапа реконструктивного периода характерно значительное усиление новых, качественно высших методов руководства хозяйственной жизнью. Уровень методов социалистического руководства хозяйством заметно возрастает. Так, например, уже текущий год дал в этом отношении заметные сдвиги: «социалистическое соревнование», размах общественной инициативы в с.-х. производстве, система регулирования товарооборота.

Значительно возросли и резче выявились о б щ е с т в е н н ы е с т и м у л ы производства, при чем все эти сдвиги произошли на почве развертывания социалистического наступления и обострения классовой борьбы. «Социалистическое соревнование» (охватывающее пока, главным образом, социалистический сектор), как система отношения пролетариата к своему производству, тесно связано с развертыванием самокритики, решительной борьбой с бюрократизмом, вне связи с которым оно не выйдет за рамки ударной кампании. «Меры общественного воздействия» в области сельского хозяйства возникли на базе усиленного наступления на капиталистические элементы,

усиления активности бедноты и батраков, привлечения середняка к активной борьбе с кулаком.

Естественно, что в известной степени направляющую роль в этих общественных мерах в области сельского хозяйства играло воздействие пролетарского государства. Эта система общественных мероприятий отнюдь не исчерпывается хлебозаготовками. Конкретные формы проявления этих мер в области хлебозаготовок, имевшие место в текущем году, вовсе не являются обязательными на будущее время, когда острота на хлебном рынке смягчится.

Коллективное обсуждение вопросов расширения посевов, агрономических сдвигов (сейчас все более ясно становится, что наша деревня вступила в полосу великого технического переворота), вопросов обобществления, договоров с государством, особое наблюдение за хозяйствами, сокращающими производство, за спекулирующей верхушкой и т. д., — все это знаменует собой процесс нового качества. Этот процесс означает, что сельский коллектив бедноты, середняков и батраков при активной помощи пролетарского государства, при активной роли социалистической промышленности в известной степени руководит производством и индивидуальных хозяйств. Это движение не может не дать огромного экономического эффекта, привести к под'ему уровня основных масс деревни, отражая одно из важнейших преимуществ советской системы по сравнению с капиталистическими. И уже посевная кампания 1928—29 года в известной мере выявила результаты этого начинающегося лишь сейчас движения.

Характерно, что правые в этом колоссальном социально-экономическом движении, охватившем деревню, усмотрели лишь угрозу рыночным стимулам индивидуальных хозяйств, они проглядели значительную победу народно-хозяйственного плана, охватывающего своим прогрессивным воздействием море индивидуальных середняцко-бедняцких хозяйств и поднимающего их производительность.

В области товарооборота наметились также значительные сдвиги. Взятый темп индустриализации не может быть гарантирован при развернутой системе либерализма в области торговли, в условиях обостренной классовой борьбы. Здесь мы, прежде всего, сталкиваемся с развертыванием классовой общественной инициативы по линии сбыта с.-х. продукции.

Совершенно бесспорно, что текущий год дал огромный сдвиг в смысле экономного планового использования ресурсов, что позволила пройти тяжелый этап значительно легче, чем это было бы при отсутствии жесткого регулирования рынка [1]).

Таким образом, реконструктивный процесс связан с усилением не только производственной смычки, но и с тем, что в характере самой торговой смычки наметились новые моменты. В системе товарооборота организационные сдвиги, элементы планового распределения, вырастающие на основе обобществления, занимают все большее место. Отношения в пределах тяжелой промышленности и жел.-дор. транспорта уже по существу сводятся к плановому распределению. Система заказов, генеральных договоров, контрактации, жесткая концентрация в области заготовок, сбыта, снабжения, плановое территориальное размещение товаров, укрепление системы внутрикооперативного распределения резко видоизменяют качественную характеристику оборота изделиями легкой индустрии и сельского хозяйства.

[1]) Оставляем в стороне вопрос о конкретных нормах снабжения, о распространимости системы заборных книжек и т. д. Здесь многое возникло под влиянием особого напряженного состояния рынка в текущем году, и вовсе не является закономерным для периода реконструкции, но самое усиление контроля над снабжением, учета потребления должно остаться и впредь.

Совокупность всех этих моментов означает известный, пока еще незначительный, шаг в сторону натурализации (по сущности, а не по форме) хозяйственных отношений; не той натурализации, которая являлась причиной и показателем падения производительных сил, а натурализации, связанной с продвижением к социализму на базе роста народного хозяйства.

Этот процесс сопровождается и связывается с организационными сдвигами в области финансов. Здесь уже резко проявилась тенденция к значительной концентрации, к взаимному сближению финансов государства и всего обобществленного сектора. В ближайшем будущем мы будем иметь реальный единый финансовый план (в общих чертах он имеется и сейчас), включающий бюджет, кредит и финансы всего обобществленного сектора (сюда же относится система зарплаты и система цен).

В условиях переходной экономики, — в отличие от системы монополистического капитализма, — это также означает известный шаг к натурализации, так как этот процесс концентрации финансовых отношений отнюдь не оторван от концентрации распределения материальных ресурсов (о котором речь шла выше). Естественно, что эти процессы идут наряду с денатурализацией деревни, как формой внедрения планового начала.

Все эти сдвиги, свидетельствующие о нарастании планового начала, отнюдь не нарушают принципов НЭП'а, если понимать их суть не «по сменовеховски», не как свободу развертывания рыночной стихии, а как социальную реконструкцию мелкотоварных хозяйств, охватываемых плановым воздействием социалистической промышленности через постепенно трансформирующийся рынок в условиях ограничения капиталистического пути развития этих хозяйств.

Реконструктивный период знаменует, конечно, не отмену НЭП'а, а наступление нового его этапа со значительно возросшей ролью планового начала. НЭП, как политика социалистического наступления не только допускает, но и требует преодолевания рыночной стихии и быстрого роста обобществления. На этой основе и должно происходить усиленное развитие товарооборота (что отнюдь не тождественно усилению рыночной стихии).

Так обобществление деревни, усиление планового воздействия на производство индивидуальных хозяйств, усиление общественной инициативы и должно привести к огромному росту товарности деревни.

Основные массы деревни, остающиеся собственниками средств производства, должны получать все больше и больше стимулов к производству и реализации. Естественно, что эти стимулы различны — стимулом является и спекулятивное повышение цен, и, с другой стороны, — снижение себестоимости на основе улучшения техники производства и т. д. Всякое дополнительное рыночное стимулирование должно проводиться с осторожностью, чтобы не вызвать роста капиталистических элементов; стимулирование же по линии производственных улучшений, где легче возможен классовый контроль, должно все более усиливаться.

После этих предварительных замечаний о росте планового начала на новом этапе НЭП'а перейдем непосредственно к вопросу о регуляторе советского хозяйства.

* * *

Вопрос о регуляторе приводит нас к так называемому «Закону трудовых затрат». Общесоциологический «закон» пропорциональности трудовых затрат представляет собой лишь то общее, что лежит в основе регуляторов различных хозяйственных форм, а именно: необходимость пропорционального распределения труда. Неверно было бы предполагать, что материальное содержание этого закона (самые пропорции в распределении производительных сил) одинаковы во все времена, и лишь форма,—стихийная или плановая,—

механически напяливается на это содержание. Для каждой хозяйственной эпохи характерно и изменение формы и самих количественных пропорций (темп, направление развития) вытекающих из иной социальной структуры даже при одном и том же уровне производительных сил. Абсолютно неверна, конечно, точка зрения, «отменяющая» необходимость пропорциональности трудовых затрат для нашего переходного хозяйства, т.-е. иными словами, возводящая в принцип беспочвенное планирование. Но с другой стороны, следует подчеркнуть специфичность этого общесоциологического закона и по форме, и по содержанию в экономике СССР.

Регулятором хозяйства СССР является народно-хозяйственный план, как особая, вытекающая из советской социальной структуры, форма осуществления «закона» пропорциональности трудовых затрат.

Содержанием этого народно-хозяйственного плана является процесс приспособления трудовых затрат к новым, по сравнению с капитализмом, социальным потребностям—пропорциональное размещение их в соответствии с особым отличным от капитализма типом индустриализации, характером распределения народного дохода в соответствии с быстрым темпом индустриализации и обобществления, что и сообщает экономике СССР качество переходной к социализму.

Такому содержанию народно-хозяйственного плана соответствует и его форма, заключающаяся в соответствующем непосредственном управлении хозяйственными процессами (в пределах социалистического сектора) и в их регулировании (в отношении социалистических и несоциалистических форм).

Содержание и форма, естественно, составляют единую социальную сущность народно-хозяйственного плана; они неотделимы друг от друга. Так, без быстрого темпа индустриализации и обобществления (материальное и социальное содержание народно-хозяйственноог плана) немыслимо внедрение планового начала в народное хозяйство и, наоборот, соответствующая степень охвата народного хозяйства плановым воздействием является непременным условием обеспечения соответствующего темпа индустриализации и обобществления.

В народно-хозяйственном плане синтезируется, таким образом, вся советская экономическая политика.

Следует отграничить наш народно-хозяйственный план переходной экономики от социалистического, дающего наиболее оптимальное с точки зрения темпов роста распределение труда, что немыслимо в переходный период (наличие автономных хозяйств и отсюда элементов социальной стихии). Преуменьшение, тем более отрицание отличия нашего народно-хозяйственного плана от социалистического, исходя из того, что социалистический сектор играет в народном хозяйстве ведущую роль—абсолютно неправильно.

Некоторые товарищи аргументируют таким образом: Маркс абстрагировался от некапиталистических форм хозяйства, несмотря на то, что их удельный вес был очень велик. Поскольку капиталистические формы приобретали доминирующее положение, выражали прогрессивные тенденции и т. д., Маркс основным законом общества считал закон движения капитала. Аналогичное положение,—утверждают эти товарищи,—и у нас, поскольку социалистический сектор занимает командное положение и выражает прогрессивные тенденции. Эта установка основана на грубейшей ошибке, на непонимании того, что если и капиталистическое, и мелко-товарное хозяйство (в условиях капитализма) имеют единую форму развития—закон стоимости, то отсюда следует, что ведущая роль капитала возникает совершенно стихийно, сопровождаясь стихийной трансформацией мелко-товарного хозяйства в капиталистическое. Закон движения капитала становится основным законом движения общества еще при количественном преобладании

мелко-товарных форм. Иное дело наше хозяйство,—уничтожение переходности его характера, превращение его в социалистическое мыслимо лишь при уничтожении индивидуального характера хозяйств, т.-е. их раздробленности и автономности.

Но отличаясь от социалистического плана народно-хозяйственный план переходной экономики резко отличается и от стихийного регулятора. Размещение производительных сил на основе равнодействующей, возникающей из столкновения частно-хозяйственных интересов, имеет место лишь при товарно-капиталистической системе и абсолютно противоречит идее народно-хозяйственного плана переходного периода. Эта стихийность характера размещения и производительных сил не меняется, если отдельными представителями принципа частно-хозяйственной рентабельности выступают и могущественные тресты, как это имеет место при монополистическом капитализме.

Планирование хозяйства переходного периода, построенное в основном на улавливании, предвосхищении тех пропорций, которые установились бы при свободной игре стихийных сил и ставящей своей задачей лишь рационализацию способа осуществления этих пропорций, — такое планирование также не представляло бы собой народно-хозяйственного плана (ведь и монополистический капитализм в значительной мере устраняет стихийные рыночные колебания, сохраняя стихийный характер движения народного хозяйства). Это планирование являлось бы внешней формой проявления закона стоимости, т.-е. за ним скрывалась бы стоимостная сущность. Для наличия народно-хозяйственного плана требуется, чтобы в основу размещения производительных сил был положен принцип народно-хозяйственный, а не частно-хозяйственный, что обеспечивает особое размещение производительных сил (коренное отличие в количественных пропорциях по сравнению с теми пропорциями, которые установились бы при том же уровне производительных сил при действии закона ценности, хотя бы в ограниченном виде, как регулятора хозяйства).

Лишь это особое размещение производительных сил гарантирует высокие темпы роста хозяйства и социалистическую трансформацию экономики СССР, т.-е. является ее необходимым основным элементом как переходной экономики. Выше было отмечено, что эти количественные пропорции составляют содержание народно-хозяйственного плана, неотделимые от его сущности.

В регуляторе хозяйства необходимо различать: внешнюю форму проявления, внешнюю его оболочку, противостоящую его социальной сущности, иногда маскирующую эту сущность. В этой сущности регулятора следует опять-таки различать два момента, а именно: социальную форму (ее не следует смешивать с внешней формой проявления) и содержание (количественные пропорции в распределении труда, дохода и т. д. Если внешняя форма может противоречить сущности, то в пределах последней социальная форма и содержание неотделимы друг от друга, составляя единство.

За внешней формой плана скрывается подчас стихийный регулятор (т.-е. иная социальная форма). Наоборот, рыночная внешняя форма в условиях переходного периода зачастую маскирует уже новую социальную сущность, новую социальную форму и новое социальное содержание (напр., ценовая внешняя форма отношений в пределах обобществленного сектора, конечно, не представляет собой проявления господства закона ценности. За ней не скрывается ни содержание, ни форма стоимости за внешней формой зарплаты и прибыли отнюдь не скрывается социальная форма капитала в пределах обобществленного сектора).

В связи с этим следует строго различать противопоставление плана стихии и противопоставление плана рынку. Если рынок может служить

внешней формой проявления народно-хозяйственного плана (регулирование через рынок), то понятие стихии неизбежно охватывает уже не только сферу внешней формы, но и социальную сущность регулятора и тем самым является противоречащим плановому хозяйству началом, с иными социальными тенденциями. Поэтому возможно либо превращение плана в придаток, в форму проявления стихийного регулятора, либо подчинение (путем включения) стихии плановому регулятору. Признавая, что внешняя форма проявления, оставшаяся от прежней социальной сущности, отличается от новой, следует отметить, что наличие той или иной внешней формы не проходит абсолютно бесследно и для сущности регулятора (хотя между ними возможны значительные расхождения). Так, рыночная форма переходной экономики является и препятствием и показателем невозможности непосредственного управления народным хозяйством. Например, воздействие на ту или иную отрасль сельского хозяйства через цену не всегда может быть применено в необходимой степени (опасение за стихийное распространение повышательных или понижательных тенденций на соседние участки).

Внешняя форма, оставшаяся от старой социальной структуры, отмирает последней, но она еще может существовать даже тогда, когда новая социальная структура уже завоевала основные позиции. Дальнейшее ее продвижение вперед сделает уже невозможным наличие этой старой внешней формы

Итак, эту отделимую от социальной сущности внешнюю форму не следует смешивать с социальной формой. Попытка рассматривать социальную форму плана изолированно от содержания (отрицание абсолютной необходимости иных количественных пропорций при осуществлении плана) означает в методологическом отношении чисто формальную трактовку плана, а практически содействует неверным установкам в области экономической политики [1]).

Смешение же рыночной внешней формы с социальной сущностью регулятора, т.-е. признание стоимости регулятором советского хозяйства означает тем самым—отрицание ведущей роли народно-хозяйственного плана (и в частности социальной реконструкции мелко-товарного хозяйства, отрицание социалистического пути развития хозяйства). Те оппозиционеры 1925 г., которые признавали закон стоимости регулятором нашего хозяйства, сделали соответствующие экономико-политические выводы из этой установки. Экономисты же, стоящие на правильной позиции в области экономической политики и тем не менее полагающие, что стоимость является регулятором хозяйства, должны сделать вывод о том, что социалистическая трансформация осуществляется через закон стоимости.

Отсюда, следует. тем самым соответствующая оценка классовых взаимоотношений.

(Окончание в след. номере).

---

[1]) У тов. Бухарина в брошюре «К вопросу о закономерностях переходного периода» несомненно имеет место известный отрыв социальной формы всякого регулятора то социального содержания, которое приобретает тем самым в значительной степени внеисторический характер.

Исходя из того, что «сущность» ценности, как исторической категории состоит в ее фетишистском характере», он подчеркивает, что «нельзя за общественно-исторической формой проглядывать материально-трудовое содержание этого закона» (речь идет о «законе трудовых затрат» с неизменным материальным содержанием. *Л. Г.*).

Этот закон является, по тов. Бухарину, «всеобщим и универсальным законом хозяйственного равновесия» (!?). Отсюда неизбежное затушевывание историчности материального содержания регулятора советского хозяйства, а не только «внешней ценностной оболочки», которая «сбрасывается» законом трудовых затрат (см. 39 стр.).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

ИТОГИ ФИЛОСОФСКОЙ ДИСКУССИИ.

(По поводу 1-го выпуска «Трудов второй всесоюзной конференции марксистско-ленинских научных учреждений»).

На протяжении многолетней истории нашей партии В. И. Ленин неоднократно — и в самой различной связи — подчеркивал колоссальное значение теоретического мышления для практической революционной борьбы пролетариата. «Величайшее в мире освободительное движение угнетенного класса, — говорил Ленин, — самого революционного в истории класса, невозможно без революционной теории. Ее нельзя выдумать, она вырастает из совокупности революционного опыта и революционной мысли всех стран света». Этой революционной теорией пролетариата и является марксизм.

Под марксизмом мы обычно понимаем всю совокупность взглядов Маркса и Энгельса, во всей их полноте и конкретности. Но вместе с тем, мы различаем в этой системе взглядов основоположников марксизма две стороны: во-первых, — ряд частных положений, всецело обусловленных конкретными историческими условиями и уровнем науки того времени; во-вторых, — методологическую основу марксизма, его философию. Эта сторона есть непреходящее в марксизме и вместе с тем, составляет самую его суть. Ленин прямо называет диалектический метод решающим в марксизме. Теория же диалектики, развитая на материалистической основе, есть не что иное, как философия марксизма. Таким образом, философия составляет становой хребет теории марксизма (и ленинизма), без которой невозможна революционная практика пролетариата. Отсюда понятна и та живая, реальная связь, которая существует между философией и политическим движением рабочего класса «Спор о том, что такое философский материализм, почему ошибочны, чем опасны и реакционны уклонения от него, всегда связан «живой реальной связью» с «марксистским общественно-политическим течением» — иначе это последнее было бы не марксистским, не общественно-политическим и не течением. Отрицать «реальность» этой связи могут только ограниченные «реальные политики» реформизма или анархизма» (Ленин, Собр. соч. перв. изд., т. XI, часть II, стр. 207).

Можно показать, что ревизионисты во главе со своим «родоначальником» Бернштейном, начинали отход от революционных позиций пролетариата с критики философских основ марксизма. Напомним и то, что свое основное философское произведение—«Материализм и эмпириокритицизм»—Ленин написал, побуждаемый в первую очередь политическими соображениями. Связь философии с политической борьбой приводит об'ективно к тому, что отход от позиции марксизма в философских вопросах влечет за собой, в конечном счете, политическую измену рабочему классу, оппортунизм и реформизм. Примерами, подтверждающими это положение, полна история классовой борьбы пролетариата, вплоть до наших дней.

После победы диктатуры пролетариата значение теории марксизма-ленинизма — и, прежде всего, его революционной диалектики — не ослабевает, а, наоборот, сильно возрастает. В переживаемое нами время, в период развернутого социалистического наступления, в период решительной и крутой ломки старых форм жизни и нарождения новых форм, новых закономерностей, роль материалистической диалектики, как метода познания и метода действия, не может не быть огромной. Лишь с помощью остро отточенного ланцета, каким является диалектический метод в его ортодоксальной чистоте и последовательности, можно правильно ориентироваться в окружающем нас процессе революционной ломки, правильно оценить отдельные факты и стороны этого процесса, уловить тенденции развития и т. п., и на основе всего этого наметить правильную политическую и тактическую линию.

В связи с этим следует подчеркнуть, что целый ряд положений исторического материализма в настоящее время требует своего дальнейшего углубления и развития. Наша эпоха вносит много нового в теорию классовой борьбы, в теорию базиса и надстроек и т. п., настоятельно требуя теоретического осмысливания происходящих в стране социально экономических процессов. С другой стороны, перед

нами чрезвычайно остро стоит задача внедрения методологии марксизма-ленинизма в теоретическое естествознание. В то время, как до завоевания политической власти проблемы естествознания не могли иметь непосредственно актуального значения для рабочего класса, — теперь, когда речь идет о технической реконструкции всех участков нашего хозяйства, задача диалектико-материалистического охвата результатов современного естествознания стоит перед нами, как боевая задача дня.

Однако, предпосылкой решения всех этих задач является систематическая и углубленная разработка теории материалистической диалектики. И мы можем уже наблюдать, как сознание необходимости этой разработки, сознание того, что разрешение ряда частных, чрезвычайно острых проблем, выдвигаемых современным состоянием отдельных наук, упирается в общую методологию, — это сознание все глубже и глубже проникает в головы наших ученых и специалистов. И поэтому никто не может отрицать колоссального значения той работы в области теории диалектики, которая в годы после Октябрьской революции была проделана марксистами-философами. Громадную помощь в этой работе оказали появившиеся в последний период «Диалектика природы» Энгельса, фрагмент о диалектике («К вопросу о диалектике») Ленина и его же конспект «Науки логики» Гегеля (IX Ленинский сборник).

Но на ряду с несомненным развитием марксизма в СССР мы имеем на протяжении последних лет нарождение и оформление ревизионистского течения, выступающего с защитой механического материализма и против необходимости разрабатывать теорию диалектики; представители этого течения ставят под сомнение все основные положения диалектического материализма. Мы не можем сейчас останавливаться на выяснении социальных корней этого ревизионистского направления. Одно несомненно: течение механического материализма есть отражение того давления буржуазной и мелко-буржуазной стихии, которое последняя оказывает на пролетариат и его партию на всех участках нашей борьбы и строительства.

Дискуссия механистов и диалектиков продолжалась около пяти лет. За это время спор приобретал не раз весьма острые формы, но положительное значение дискуссии заключается в том, что имея своим предметом почти все основные проблемы диалектического материализма, она способствовала уточнению и дальнейшей разработке многих из них. Вместе с тем, дискуссия привела к полному разгрому механистов, обнаружению их беспринципности и теоретической беспомощности.

Весной этого года состоялась вторая конференция марксистско-ленинских научных учреждений, которая первым вопросом своей работы имела подведение итогов философской дискуссии. Конференция заслушала доклад тов. Деборина на тему «Современные проблемы философии марксизма» и еще раз обсудила, в связи с этим, все спорные вопросы дискуссии. Доклад Деборина, дискуссия и основные выводы, к которым пришла конференция, опубликованы в недавно вышедшем первом выпуске трудов конференции, представляющем собою документ, знакомство с которым обязательно для всякого коммуниста, стремящегося занять правильную линию в вопросах философии марксизма.

Мы не можем останавливаться на всех вопросах дискуссии; повторяем — дискуссия охватила все основные вопросы марксистской философии. Началось дело с того, что был выброшен лозунг — «философию за борт»; за ним последовал другой аналогичный лозунг — «наука сама себе философия». Когда же прямая и открытая атака механистов на философию марксизма получила решительный отпор, то, не отказываясь от своих ликвидаторских позиций, механисты решили изменить тактику и стали ревизовать, один за другим, основные принципы диалектического материализма. Было подвергнуто сомнению определение материализма, как оно дано у основоположников марксизма, выдвигалось — в противовес ленинскому — идеалистическое толкование об'ективной истины, выхолащивалась революционная суть основного закона диалектики — единства противоположностей, ревизовалось марксистское определение качества и, в связи с этим, опошлялся закон перехода количества в качество, отрицалась роль синтеза в познании, отрицалось ленинское понимание марксистской теории познания, вульгарно понималась проблема случайности и необходимости и т. д., и т. п. Выступали механисты с ревизией всех этих положений под флагом борьбы с гегельянством, с схоластикой, в сторону которой, якобы, тянули сторонники диалектического материализма, утверждавшие, что разработка всех основных проблем материалистической логики должна строиться на основе материалистической переработки диалектики Гегеля.

Нельзя думать, однако, что механисты представляли собой однородную, сплоченную группу. Это был, с самого начала, блок, об'единявший разнородные элементы на платформе отрицательного отношения к диалектическому материализму. Поэтому с течением времени, под энергичными ударами сторонников диалектического материализма, эта разношерстность механистов, естественно, должна была

обнаружиться. Она и обнаружилась как в форме признания разногласий в собственной среде, так и в форме отступления по ряду вопросов от своих первоначальных позиций и молчаливого принятия по этим вопросам точки зрения противника. Так, в основном, обстояло дело на фронте борьбы с механистами до упомянутой уже нами конференции.

В своем докладе на конференции А. М. Деборин остановился на некоторых узловых вопросах дискуссии, показал антидиалектичность и идеалистичность концепции механистов и, кроме того, очень четко и выпукло сформулировал положение о том, что механисты, выступающие сплошь и рядом от имени современного естествознания, не понимают, что глубочайший кризис естествознания наших дней есть кризис методологических основ, что само естествознание ставит философские вопросы и требует их разрешения. «Механисты не понимают сущности кризиса современного естествознания. Они не понимают того, что основу кризиса составляют противоречия между содержанием естествознания и формами мышления, при помощи которых осмысливается это содержание» (стр. 37). «Смысл кризиса заключается, с одной стороны, в том, что само естествознание ставит все коренные вопросы философии, а с другой стороны, в том, что естествознание подтверждает истинность диалектического материализма» (стр. 18, подчеркнуто в оригинале).

Чем же характеризуются выступления механистов на конференции? Прежде всего, той же беспринципностью и путаницей, которая отличала их и раньше. Это обстоятельство было констатировано в речах многих товарищей, в том числе и в заключительном слове тов. Деборина.

Поскольку же некоторые из механистов пытались в своих речах давать сколько-нибудь четкие, принципиальные постановки по тем или иным вопросам, они обнаружили, как и прежде, свою ликвидаторскую (по отношению к философии марксизма в целом) сущность и сползание к идеализму по отдельным философским проблемам. Первенство по части выступления против философии, против методологического, руководящего значения диалектики, принадлежало, пожалуй, тов. А. Тимирязеву.

> «Даже с таким общим и хорошо известным законом, — говорил тов. Тимирязев, — как закон сохранения энергии, мы должны оперировать так, чтобы каждый раз извлечь его из природы. Тоже самое относится и к еще более общим законам диалектики.» (стр. 52, подч. в оригинале).

Если тов. Тимирязев «извлекает» диалектику в каждом отдельном случае заново, то этим он обнаруживает абсолютное непонимание диалектики, как теории, как руководящего принципа научного исследования и становится на позицию узкого ползучего эмпиризма. Хвостистский характер позиции Тимирязева был хорошо разоблачен в докладе тов. Деборина (стр. 23).

В унисон с выступлением Тимирязева прозвучало на конференции выступление тов. Цейтлина. Последний поставил знак равенства между диалектикой и аристотелизмом, схоластикой.

> «Диалектика тов. Деборина и его учеников, — заявил Цейтлин, — в приложении к точному естествзнанию является не марксизмом, а тем, что в истории философии называют аристотелизмом». стр. 158, подч. в оригинале).

Тов. Цейтлин милостиво разрешает пользоваться диалектикой в обществознании, называя ее «конкретизацией марксистского метода», но приложение диалектики к области естествознания он называет «формализмом», аристотелизмом. Тем самым тов. Цейтлин лишний раз высказал ничто иное, как ограниченную, вульгарно-эмпирическую точку зрения, присущую многим узким специалистам-естественникам.

Что касается идеалистических тенденций у лидеров механического материализма, то в этом отношении показательна точка зрения тов. Сарабьянова по вопросу об об'ективной истине. Ленин справедливо считал, что признание об'ективной, независимо от человека существующей' истины есть основной признак материализма. Ленин боролся против Богданова, отрицавшего существование об'ективной истины и утверждавшего, что истина только идеологическая форма. «Отрицание об'ективной истины Богдановым есть агностицизм и суб'ективизм», писал Ленин (том X, стр. 100). Казалось бы, вопрос этот достаточно ясен и поэтому очень странно было видеть, когда несколько лет тому назад тов. Сарабьянов выступил с ревизией основного положения материализма, став целиком на богдановскую суб'ективно-идеалистическую точку зрения.

> «Прежде всего оговорю, писал тов. Сарабьянов, — что никакой об'ективной истины вообще не существует» (Под знаменем марксизма» № 12, 1925 г.).

На конференции тов. Сарабьянов тщетно пытался замазат идеалистический смысл своей трактовки вопроса.

«Я брал истину,—заявил тов. Сарабьянов,—как идеологическую форму, как отражение в нашей голове, и указывал, что нет истины нечеловеческой, нет истины несуб'ективной, но, поскольку бывает истина, которая соответствует об'ективным процессам, которая более или менее правильно отражает этот об'ективный процесс, мы ее называем об'ективной истиной» (стр. 73).

Такое раз'яснение, никого, конечно, не могло удовлетворить, тем более, что у всех на памяти был следующий тезис тов. Сарабьянова, который он счел удобным обойти молчанием на конференции:

«Сознание, — писал тов. Сарабьянов в 1906 г., — определяется бытием. Исключений вы не найдете. Представление бога соответствует об'ективным процессам. Смешно думать, что мысли, напр., об ангелах, чертях и богах появились сами по себе. Имеются об'ективные процессы, которым соответствуют наши представления». («Под знам. марксизма», № 6, 1926 г.).

Итак, об'ективной истиной является представление бога, ангелов, чертей, ибо эти представления соответствуют, по Сарабьянову, об'ективным процессам! Нужно иметь весьма много смелости, чтобы подобные мысли выдавать за марксизм.

Мы не будем останавливаться на идеалистической трактовке качества, которая связана с только что указанным пониманием об'ективной истины и которую (трактовку) тов. Сарабьянов также пытался выгородить на конференции, взяв в своей речи тон кровно обиженного человека, которого, ни с того, ни с сего, обвиняют в ревизионизме и идеализме. Отметим лишь подчеркнутое некоторыми делегатами конференции характерное для течения механистов в целом обстоятельство, что от этого течения до идеализма — всего лишь один шаг, что это течение легко переходит в идеализм, в силу общей этому течению с идеализмом метафизической, антидиалектической основы.

Эту чрезвычайно существенную сторону дела хорошо сформулировал в своей речи тов. Карев:

«Очень многие современные идеалисты защищают механистические воззрения. На первый взгляд это как-будто странно, но только на первый взгляд. Риккерт защищает в области естествознания чисто механистическую концепцию, считая, что естественные науки должны рассматривать природу, как телесный механизм. Как это теоретически об'яснить? Почему ныне некоторые идеалисты склоняются к механистической точке зрения? Потому что согласно механистическому миропониманию все качественное многообразие мира переносится в суб'ект. Механистическая точка зрения ведет к тому, что носителем всего качественного многообразия мира об'является суб'ект. Следовательно, он творит определенную часть воспринимаемой нами действительности. Механистических воззрений на задачи естествознания держались даже такие философы как Юм, который всю свою деятельность посвятил решительной борьбе с материализмом по всем линиям. Вот в чем заключается проблема. Механизм в наше время не предохраняет против идеализма, а иногда даже способствует ему (стр. 108, подчеркнуто в оригинале).

Нужно далее отметить, как чрезвычайно характерную в настоящее время для механистов их попытку изобразить дело так, что центр тяжести разногласий между ними и диалектиками лежит, будто-бы, не в принципиальных вопросах, а в тактических (см. выступление Перова, Варьяша). Такая позиция механистов лишний раз свидетельствует об их беспринципности, об их отказе защищать прямо и открыто свои взгляды, о стремлении отвести внимание от ревизионистской сущности этих взглядов. Механисты формулировали суть своих разногласий с диалектиками так:

«Центр тяжести современной борьбы на философском фронте нужно направить не против механических материалистов, а против возрождающихся течений махизма и витализма. Механических же материалистов нужно взять под определенный и небольшой обстрел». (стр. 84, подчеркнуто в оригинале).

Механисты обвиняют диалектиков в том, что последние якобы не борются с идеализмом и не входят для этой борьбы в блок с механическими материалистами.

Ответ на эту постановку вопроса был дан в речах многих товарищей, указавших, во-первых, на фактическую неправильность утверждения механистов об отсутствии, якобы, борьбы с идеализмом (см. стр. 186) и отметивших, во-вторых, что подлинная борьба с идеализмом возможна лишь на базе диалектического материализма. Призыв механистов (вместо того, чтобы защищать свои принципиальные взгляды), ослабить борьбу против них и ограничиться лишь «небольшим обстрелом» произвел на конференцию жалкое впечатление

«В своих сегодняшних выступлениях, — правильно заметил тов. Деборин, — тт. механисты так себя разоблачили перед всем честным народом, что, в сущности говоря, даже не нужно было выступлений наших товарищей для того, чтобы всем стало ясно, что представляют собою наши противники. Мне даже жалко было, что их так били. (Смех). Они сами говорили: «ну, хорошо, может быть, материализм наш и плох; может быть, нас и надо бить, — но бейте полегче». (стр. 186)

В связи со сказанным находится и заявление Сарабьянова о том, что «быть одновременно воинствующим антимеханистом и воинствующим атеистом — совершенно невозможная вещь». (стр. 75). Что же выходит по Сарабьянову? Выходит, что активно бороться против религии можно лишь не будучи воинствующим материалистом-диалектиком, не борясь за чистоту марксистской теории, или иначе говоря, борьба за чистоту марксистской теории мешает, по Сарабьянову, антирелигиозной работе. Нужно отдать справедливость тов. Сарабьянову: подобную вещь решится сказать не всякий из механистов!

Немного ниже Сарабьянов заявляет также решительно и недвусмысленно: «Я согласен, что французский материализм XVIII в. — плохой материализм. Но я не хочу быть воинствующим антимеханистом...» (стр. 76). Ясно: Ленин, в свое время, призывал нас быть воинствующими материалистами-диалектиками; Сарабьянов заявляет: «не хочу». Возражать против этого трудно, но мы считаем своим долгом подчеркнуть, что такая установка Сарабьянова не имеет ничего общего с марксизмом и, более того, враждебна ему.

Растеряв все свои принципы, механисты являли собою все более жалкое зрелище после каждого выступления своих представителей. И никого, поэтому, не удивили те новые нотки, которые появились в речах механистов, когда они стали предлагать об'единение вместо «сильной» борьбы с ними. Естественно, конференция отвергла это предложение о беспринципном союзе (см. стр. 119, 138), подчеркнув, что единство рядов является задачей диалектических материалистов, но что это единство возможно лишь на основе выдержанной и четкой марксистско-ленинской платформы.

Чувствуя свое поражение, чувствуя, что дело идет к принятию резолюции, осуждающей их платформу, механисты выставили предложение продолжать дискуссию. И на это предложение конференция дала такой же четкий ответ:

«Всем, кто имеет глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать, ясно, что дискуссия закончена что закончилась она поражением механистов, что теперь нужно итти дальше, а не топтаться второе пятилетие на том же месте» (стр. 119, см. также стр. 113).

И когда председательствовавший тов. М. Н. Покровский, огласив проект резолюции, предложенный диалектиками, спросил—нет ли другого проекта резолюции, механисты на этот вопрос ответили молчанием.

В принятой по докладу тов. Деборина резолюции конференция подчеркивает колоссальное значение материалистической диалектики «в условиях современной эпохи — эпохи умирающего капитализма, пролетарских революций и строящегося социализма» (стр. 196). Отметив упадок и реакционный характер современной буржуазной философии, указав, что и теоретики II Интернационала находятся «целиком под влиянием буржуазного миропонимания», конференция констатирует неуклонно растущее влияние и развитие диалектического материализма в СССР. Конференция отмечает значительные успехи, достигнутые в последнее время в работе «по изучению и разработке философского наследия Маркса, Энгельса и Ленина, материалистической разработке гегелевской диалектики, изучению истории материализма и диалектики», в деле борьбы с идеализмом и ревизионизмом у нас и на Западе и, наконец, в деле разработки проблем современного естествознания с точки зрения диалектического материализма. Вместе с тем, конференция подчеркивает недостаточность достигнутых успехов», по сравнению с потребностями и грандиозностью стоящих перед марксизмом-ленинизмом задач». (стр. 197). Далее, отмечая, что «происходящая в условиях развивающегося социалистического строительства классовая борьба вызывает известное оживление, как открыто враждебных марксизму, ленинизму идейных течений, так и различных ревизионистских отклонений от него», конференция называет течение механистов «наиболее активным философским ревизионистским направлением за последние годы» и расценивает его как «явный отход от марксистско-ленинских философских позиций».

Что касается задач, стоящих перед философией марксизма-ленинизма, то таким задачами с точки зрения конференции являются «дальнейшая разработка

теории диалектики и углубленное проведение метода диалектического материализма как в области общественных наук (в области исторического материализма, экономики, истории, права, литературоведения и т. п.), так и в области естествознания».

В связи с особо важным значением в настоящее время антирелигиозного фронта и в ответ на демагогические выступления механистов (см. выступление Сарабьянова) конференция сочла необходимым включить в резолюцию особый пункт по этому вопросу, в котором указала, что «решительный удар по религиозной идеологии может быть нанесен только распространением диалектически-материалистического мировоззрения среди масс. Положительное содержание антирелигиозной пропаганде может быть дано только тем, что она будет строиться на основе диалектического материализма». (стр. 198)

В заключение, конференция особо подчеркнула необходимость органической увязки работы над теоретическими проблемами философии «с задачами социалистического строительства и борьбой за коммунизм».

Можно ли считать, что поражение механистов на конференции означает окончательную ликвидацию у нас механического материализма? Нет, ни в коем случае, и резолюция, принятая конференцией, не зря призывает «продолжать систематическую критику и разоблачение ошибок механистического направления» (стр. 197).

Сейчас, после конференции, создается такое положение, что вряд ли найдется много охотников открыто выступать против диалектических материалистов. Но под флагом внешнего, словесного согласия с диалектиками может проводиться линия механического материализма в частных, конкретных областях знания, в отдельных науках, как естественных, так и общественных. В этом и заключается опасность завтрашнего дня. Поэтому , задача и состоит теперь в том, чтобы направить борьбу против механистов по линии конкретного выявления и разоблачения механистической методологии в отдельных, частных науках.

Конференция, в лице ряда своих делегатов, квалифицировала современный механистический материализм, как теорию правого уклона (см. стр. 136, 168—169, 187). «Механисты — только авангард тех сил, которые являются врагами марксистско-ленинской идеологии... Механисты являются не группой в 5—6 человек, и сила их измеряется не суммой талантов тт. Варьяша, Тимирязева и т. д., а той силой, которая за ними стоит... Помимо этого механисты являются продолжением международного ревизионистского фронта, как бы они этого ни отрицали» (стр. 168). «Та философская борьба, которая сейчас происходит, есть борьба только на одном участке идеологической борьбы с правой опасностью в целом. Механисты являются представителями тех буржуазных слоев в области науки, которые давят на нас, борются против нас в области философии» (стр. 169).

Правый уклон находит свое отражение в самых различных областях теории. Нужно, конечно, учитывать, что правый уклон в теории не есть еще правый уклон в политической практике. Но не нужно, с другой стороны, забывать тесную взаимную связь между этими уклонами. Не нужно забывать, что уклоны в области теории при известных условиях неизбежно ведут к уклонам в политике. И если мы знаем примеры, когда не марксистские философские взгляды сочетаются у того или иного товарища с правильной позицией в партийно-политических вопросах, то это говорит не об отсутствии реальной связи между философией и политикой, а о непоследовательности самого этого товарища, не продумавшего до конца эту связь. Сама же эта связь выступает во множестве примеров, которыми полна история. В частности, можно (и следует) показать, что политические взгляды тов. Бухарина являются ничем иным как конкретным выражением его обще-методологических механистических взглядов, развитых им в его же «Теории исторического материализма».

В настоящее время, когда в условиях реконструктивного периода партия пред'являет повышенные требования к теоретическому уровню и сознательности своих членов, борьба за чистоту марксистско-ленинской теории становится актуальнейшей задачей. Борьба за диалектический материализм есть один из основных участков этой борьбы на идеологическом фронте. Поэтому дискуссия с механистами должна явиться предметом внимания и изучения самых широких кругов партии. А в деле этого изучения стенограммы второй конференции марксистско-ленинских научных учреждений могут сыграть—и сыграют—большую роль.

Письма в редакцию.

I

В № 16 «Большевика» напечатана статья А. Стальгевича: «Об одной правой теории советского государства». Автор бесспорно писал ее с «воодушевлением», но мастерства ему нехватало. Но приемы А. Стальгевича приходится отнести к области самого топорного ремесла

Рассмотрим примеры этих приемов А. Стальгевича.

1. Приписывание автору того, чего у него в действительности нет. В старом издании «Основ советского права» у меня есть параграф под названием «Врастание крестьянского хозяйства в социализм». По этому поводу А. Стальгевич пишет: «Как известно, постановка вопроса о врастании крестьянского хозяйства вместе с кулаком в социализм является одним из принципиальных положений правого уклона. Д. Магеровский, как профессор государственного права, его лишь переносит в область теории права и государства [1])». Но откуда А. Стальгевич взял кулака? Я ни слова не говорю о врастании кулака в социализм; я лишь излагаю кооперативный план Ленина. «Кооперирование крестьянского хозяйства,—пишу я,—становится мощным орудием по связыванию социалистического хозяйства пролетариата с хозяйством крестьянским, по преобразовании его из индивидуалистического в хозяйство коллективистическое [2])». В 1929 г. вышло 2-е издание этой книги, в котором, в связи с выступлением правых уклонистов, я считал необходимым уточнить отдельные термины. Поэтому вышеприведенный параграф книги носит название: «Врастание трудового крестьянского хозяйства в социализм». В тексте этого параграфа, в ряде мест, где я употребляю слово «крестьянское хозяйство», я ставлю рядом в скобках: «бедняцкое и середняцкое» [3]). Но А. Стальгевичу нужно было приписать мне врастание кулака в социализм и он не постеснялся добыть этого кулака из собственной фантазии.

Из одного места в моей статье «Экономические основы советскй власти» (написана в 1925 г.) А. Стальгевич делает вывод, что я вопрос о строительстве социалистической промышленности подчиняю вопросу о развитии сельского хозяйства и в силу этого крестьянскому хозяйству приписываю ведущую роль. В действительности, в указанном месте этой статьи я излагаю, правда, в неудачной форме мысль Ленина о необходимости в нашем экономическом строительстве учитывать крестьянское хозяйство, продвигаясь вместе с ним вперед. В следующей моей работе, написанной приблизительно в то же самое время (сдана в печать в ГИЗ в декабре 1925 г.), «Государственное право» (в сборн. «Основы советского права» 1-е изд.) я совершенно четко говорю: «Развивать его (крестьянское хозяйство), сохраняя руководящую роль за пролетарской промышленностью» [4]); «для того, чтобы вести крестьянское хозяйство к социализму, необходимо, чтобы темп развития социалистической промышленности был достаточно мощным» [5]). В своей статье А. Стальгевич по отношении к этому месту в моей книге совершает прямой подлог: ссылаясь на эту мою работу и на ту же страницу (12-ю), он говорит: «От своих прежних политических ошибок Д. Магеровский не отказывается и в настоящее время (?) а наоборот ранее высказанные положения механически переносит в дальнейшие работы. Так, в своем «Государственном праве» он повто-

---

[1]) Большевик, № 16, стр. 30.

[2]) «Основы советского права», 1-е изд., стр. 10—11.

[3]) «Основы советского права», 2-е изд., стр. 13—14.

[4]) «Основы советского права», 1-е изд., стр. 12.

[5]) Там же.

ряет прежние мысли, подчиняет нашу индустриализацию интересам крестьянского хозяйства, как основного и обуславливающего фактора» [1]).

II. Отрицание у автора того, что у него есть. О моей статье «Советская власть и взаимоотношение классов» (Советское право, 1925 г., № 5) А. Стальгевич пишет: «Напрасно читатель будет искать постановку вопроса о дифференциации крестьянства. Ни слова о среднем крестьянстве, как центральной фигуре земледелия, ни слова о кулаке» [2]). В действительности, в этой статье я, излагая учение Ленина о середняке, говорю: «Верхний эксплоататорский буржуазный слой крестьянства, который мы имеем в лице кулаков, необходимо четко отделять от среднего и бедного крестьянства. На этом должна основываться и политика Советской власти» [3]).

А. Стальгевич утверждает, что Магеровский в своих писаниях боится таких вещей, как насилие и что насилие у Магеровского выпадает, когда он говорит о диктатуре пролетариата. В «Основах советской конституции», в определении государственной власти мной включается момент как насилия, так и руководства; в книге «Государственная власть и государственный аппарат» вся 4-я глава посвящена учению о насилии, как элементе государственной власти; в книге «Основы советского права», в главе «Советская власть и взаимоотношение классов», параграф второй носит название «Диктатура пролетариата и революционное насилие». Заканчивается этот параграф следующей фразой: «В силу этого насилие по отношению к враждебным пролетариату классам есть один из существеннейших элементов в диктатуре пролетариата» [4]).

А. Стальгевич заявляет, что я не решаюсь назвать советское государство государством пролетарской диктатуры [5]), хотя у меня нет ни одной работы по советскому государственному праву (в том числе и в тех шести, которые он приводит на той же странице в подстрочном примечании), где бы я об этом не говорил.

Приведя мое определение государственного аппарата, как «определенным образом организованной системе людей, долженствующей проводить политику господствующего класса», А. Стальгевич замечает: «вредность этой концепции заключается в том, что ею по существу «снимается» один из основных вопросов ленинской теории, вопрос о «ломке» буржуазного государственного аппарата [6]). Вся шестая глава в моей книге «Государственная власть и государственный аппарат», а также первые два параграфа 5-й главы моей статьи в книге «Основы советского права» посвящены как раз теоретическому обоснованию проблемы ломки буржуазной государственной машины, при чем это обоснование исходит из вышеприведенного определения государственного аппарата. «Из этого понимания природы государственного аппарата,—пишу я,—вытекает лозунг: разбить старую государственную машину, т. е. заменить прежний людской состав государственной машины новым, ибо господствующий класс из своих недр выделяет состав государственного аппарата и организует его наиболее целесообразно по отношению к своим задачам и своей политике» [7]).

III. Прямое искажение цитат. А. Стальгевич говорит, что государство превращается у меня «лишь в организацию, обладающую высшей властью в пределах определенной территории» [8]), при чем ссылается на 11-ю страницу «Основ советской конституции». Возьмем эту книжку и прочтем, что в ней говорится о государстве на 11-й странице [9]). «Государство представляет собою организацию, создаваемую господствующим классом в целях защиты и осуществления интересов господствующего класса и обладающую высшей властью в пределах определенной территории. Ловко выкинув из определения подчеркнутые слова, А. Стальгевич затем посвящает полторы страницы обвинениям меня в оппортунизме и тому подобным вещам.

IV. О невежестве А. Стальгевича. Неудачи А. Стальгевича не случайны. Для того, чтобы пользоваться такими приемами мало быть недобросовестным. Нужно быть к тому же и азбучно безграмотным. Так, А. Стальгевич не только извратил то, что я писал о демократии, но и доказал полное незнание того, что говорил о демократии Ленин. Я привожу определение демократии буржуазных теоретиков и даю критику этого определения и раскрываю лживость его [1]). А. Стальгевич определение буржуазных теоретиков приписывает мне и радуется, что нашел (в силу такой махинации) у меня оппортунизм [2]). Диалектика в учении Ленина о демократии и ее отмирании недоступна А. Стальгевичу. Для А. Стальгевича демократия только одна из форм буржуазного государства. Обратимся к Ленину: «Только в коммунистическом обществе,—пишет он,—когда сопротивление капиталиста уже окончательно сломлено, когда капиталисты исчезли, когда нет классов (т. е. нет различия между членами общества по их отношению к общественным средствам производства),—только тогда «исчезает государство и можно говорить о свободе». Только тогда возможна и будет осуществлена демократия действительно полная, действительно без всяких из'ятий. И только тогда демократия начнет отмирать» [3]). Таким образом, мое положение о том, что демократия получит наиболее полное осуществление в первую фазу коммунизма и в тот же момент начнет отмирать—это положение вытекает полностью из учения Ленина.

А. Стальгевич заучил некоторые фразы, взятые у П. Стучки, но не всегда знает, как и когда надо их применять. Так, он запомнил, что нельзя сближать советского права с буржуазным, но не понял, что это относится к внутреннему содержанию теорий или к социально-классовой природе правового или государственного установления. Когда я называю Союзный совет и Совет национальностей палатами, то в этом еще ничего «страшного» нет, ибо вслед за этим обозначением я раскрываю внутреннее социальное отличие наших палат от палат буржуазного государства.

В одной из своих работ [4]) я определил суверенитет союзных республик, как потенциальный суверенитет, при чем я указывал, что он реально существует и является юридическим выражением для политического требования на государственное отделение. А. Стальгевич мечет по этому поводу гром и молнии, но если бы он хоть немного знал литературу предмета, то нашел бы у одного весьма авторитетного товарища те мысли, коих безраздельное авторство он приписывает мне [5]).

А. Стальгевич видит правый уклон в том, что я употребляю термин «основные массы крестьянства» [6]). При чем самое пикантное заключается в том, что он приписывает мне, будто я изобрел этот термин [7]). Он оказывается настолько безграмотным, что не знает, что этот термин употреблял Ленин, часто употребляет Сталин [8]), что термин этот употребляется в постановлениях наших высших партийных и советских органов (см., напр., постановление XVI партконференции и XIV Всероссийского с'езда советов).

Д. Магеровский.

Примечание редакции. Отмечая, что в работах т. Магеровского имеется ряд принципиально ошибочных положений («врастание» крестьянства, хотя бы и только «трудового» в социализм; признание крестьянского хозяйства «основным в нашей экономике», недостаточно четкая и развернутая постановка проблемы индустриализации, введение явно путанного понятия потенциального суверенитета и т. д.),— редакция одновременно подчеркивает абсолютную недопустимость и нетерпимость допущенных т. Стальгевичем искажений при изложении ряда цитат, тов. Магеровского, чем тов. Стальгевич ввел в заблуждение редакцию.

Сноски к с. 94:

[1]) Большевик, № 16, стр. 29.
[2]) Большевик, № 16, стр. 30.
[3]) Д. Магеровский. «Советская власть и взаимоотношение классов». Советское право, 1925 г., № 5, стр. 13.
[4]) Основы советского права, 1-е изд., стр. 4, 2-е изд., стр. 6.
[5]) Большевик, № 16, стр. 33.
[6]) Большевик, № 16, стр. 34.
[7]) Основы советского права, 1-е изд., стр. 20, 2-е изд., стр. 24.
[8]) Большевик, № 16, стр. 31.
[9]) «Основы советской конституции», изд. 1-го МГУ, стр. 11.

Сноски к с. 95:

[1]) Магеровский. «Конституция пролетарской диктатуры» (Советское право, 1927 г., № 6, стр. 12—16); Основы советской конституции, 2-е изд., стр. 29—32.
[2]) Большевик, № 16, стр. 35—36.
[3]) Ленин, «Государство и революция», 1918 г., стр. 83—84.
[4]) Магеровский, «Союз советских социалистических республик», 1923 г., изд. НКЮ, стр., 34.
[5]) См. Сталин. «Национальные моменты в партийном и государственном строительстве». «Элементы независимости,—говорил он,—остаются безусловно за каждой республикой, ибо каждая республика имеет право одностороннего выхода из состава Союза. Вот где элементы независимости, вот максимум независимости в потенции, который у каждой из республик, входящих в Союз, остается и который она может всегда осуществить». (XII с'езд партии. Бюллетени, стр. 363).
[6]) Большевик, № 16, стр. 30.
[7]) Там же.
[8]) См., напр., Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 57.

2.

В «Ленинском Сборнике» X, в собрании документов «Из эпохи раскола РС-ДРП» вкралась досадная ошибка: письмо В. И. Ленину и Ф. В. Ленгнику из Königsberg'a от 11 февраля 1904 г. за подписью «Г» (документ 179, стр. 321) неправильно приписано «Гансу», — члену Ц. К. первого созыва Г. М. Кржижановскому. В результате дополнительного исследования документа выяснено, что автором письма является В. Л. Кооп («Сюртук»), в то время работавший по транспорту через германскую границу и имевший свою резиденцию в Königsberg'e. Указанная ошибка повлекла за собою также неправильность в комментариях к этому письму.

РЕДАКЦИЯ «ЛЕНИНСКИХ СБОРНИКОВ».

ПОПРАВКА.

В статье т. М. Иоэльсона «Монополистический капитализм или «организованный» капитализм», в № 18 «Большевика» допущены следующие ошибки:

1) На стр. 26 напечатано: «Если Ленин никогда не противопоставлял монополистический капитализм, как эпоху, лишающую капитализм его характерных определяющих черт эпохе домонополистической...» и т. д. Следует читать: «Если Ленин никогда не противопоставлял монополистический капитализм, как эпоху, лишающую капитализм в с е х его характерных определяющих черт эпохе домонополистической...» и т. д.

2) На стр. 39—40 напечатано: «В пылу полемики отрицать то значение, которое Ленин придавал всевозможным формам монополистических союзов, это значило бы вместе с водой выплеснуть и ребенка. (Подобная ошибка случилась у т. Борилина в его статье еще в 1925 г. «Под Знаменем Марксизма» № 5 — 6 за 1925 г.)».

Вторая фраза, совершенно неверно оценивающая правильную статью т. Борилина «Ленин и проблема империализма», была вычеркнута редакцией и попала в текст по техническому недосмотру.

3) На стр. 42 в перечне новейших форм конкуренции пропущен пункт 6-й: «6. Борьба между гигантскими монополистическими союзами чистого и комбинированного типа. Здесь следует иметь в виду прежде всего борьбу между монополистически об'единенными государственными и международными группами капиталистов».

Р е д а к ц и я.

Почта отдела к о н с у л ь т а ц и и.

11/X почтой послан ответ т.т. Темс и Борухман (УССР).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 20 31 ОКТЯБРЯ № 20

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 9
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
„ПРАВДА“

Главлит № А—45352 Тираж 106,000 экз.

Типография газеты „Правда", Москва, Тверская, 48.

О подготовке новых специалистов.

Гигантский размах и превышающий планы исключительно быстрый темп социалистического строительства отчетливо показали, что одним из наиболее узких мест является вопрос о кадрах специалистов в промышленности и сельском хозяйстве.

Еще в прошлом году июльский пленум ЦК ВКП(б) со всей решительностью указал на необходимость радикального разрешения вопроса об улучшении подготовки кадров специалистов, подчеркнув, что «подготовка новых специалистов превращается в важнейшую задачу всей партии».

Истекший год целиком и полностью подтвердил правильность указаний и решений июльского пленума ЦК. В настоящий период стремительного роста нашего хозяйства особенно остро ощущается потребность в новых квалифицированных специалистах. Буквально все участки нашего строительства резко испытывают эту нужду.

Перед нами во весь рост встала проблема кадров в реконструктивный период развития народного хозяйства. Этот период со всей остротой и решительностью ставит вопрос как о количестве новых специалистов, так и об их качестве.

Необходимость развертывания нашей промышленности и сельского хозяйства на основе широкого использования новейших достижений мировой науки и техники, коренная перестройка всего производственного аппарата, сложная обстановка обостренной классовой борьбы,—все это пред'являет совершенно особые требования к кадрам технических руководителей и организаторов строящегося социалистического хозяйства. Нам нужны специалисты, которые сочетали бы глубокую техническую подготовку с широким общественно-политическим кругозором и умением организовать творческую активность миллионных масс трудящихся.

Наличные кадры специалистов недостаточны не только количественно. Они и по своим качествам далеко не всегда способны удовлетворить новым требованиям.

В обстановке обостряющейся классовой борьбы в рядах технических специалистов происходит политическая дифференциация.

По мере успешного развертывания социалистической реконструкции хозяйства СССР, ликвидирующего всякие надежды на восстановление капитализма, контрреволюционная часть специалистов

все активнее переходит на путь скрытой и открытой борьбы против Советской власти. Шахтинское дело было первым сигналом, свидетельствовавшим о наличии прямых попыток классового врага подорвать социалистическое строительство путем вредительской деятельности.

Шахтинское дело отнюдь не было случайным, единичным явлением. За последний период был раскрыт еще длинный ряд вредительских дел, достаточно наглядно показывающих, что «реакционеры не краснобаи, а люди дела», что попытки контрнаступления со стороны капиталистических элементов идут и по линии активного вредительства в области хозяйства. Только правые и примиренческие к ним элементы, упрямо не желающие видеть обострения классовой борьбы, могут пытаться замазывать этот процесс дифференциации среди специалистов и активизации их антисоветской части.

Беспощадно борясь с вредителями и попрежнему используя работающих честно и добросовестно советских специалистов, усиливая работу по их вовлечению в дело социалистического строительства, мы в то же время должны решительно форсировать подготовку новых пролетарских специалистов, на которых мы могли бы всецело опереться в великом деле социалистической перестройки хозяйства и которыми могли бы заменить враждебные нам элементы старых специалистов. Без разрешения этой задачи мы не сможем осуществить пятилетку.

Однако, темп подготовки новых кадров совершенно ничтожен. Его нельзя даже сравнивать с огромными темпами индустриализации и социалистического переустройства сельского хозяйства.

Нам необходимо как можно скорее ликвидировать эти «ножницы», добившись решительного и радикального количественного и качественного перелома в деле подготовки новых специалистов.

Июльский пленум ЦК признал состояние дела подготовки специалистов неблагополучным. Система подготовки специалистов не связана с промышленностью и не приспособлена к ее требованиям, не обеспечивает молодым специалистам усвоение новейших достижений мировой науки и техники. Техническое образование оторвано от производства. Пребывание студентов во ВТУЗ'ах чрезмерно продолжительно (6—8 лет), выпуски крайне малочисленны. Общественно-политическое воспитание студенчества совершенно неудовлетворительно. Наличный кадр преподавателей и профессоров совершенно недостаточен и далеко не стоит на уровне современных требований. Материальное положение ВТУЗ'ов очень тяжелое. Констатировав эти основные недостатки, еще острее проявляющиеся в деле подготовки техников, июльский пленум ЦК наметил пути коренной реорганизации дела подготовки новых специалистов.

Истекший год показал, что,—несмотря на кое-какие достижения в деле улучшения подготовки специалистов: некоторое приближение

ВТУЗ'ов к производству, улучшение социального состава студенчества, улучшение материального положения и т. д.,—решения июльского пленума выполняются совершенно неудовлетворительно. Не только органы Наркомпроса и ВСНХ, но и партийные и, в особенности, профессиональные организации, не осознали всей актуальности и остроты проблемы подготовки новых кадров и не сумели добиться необходимого перелома. Достаточно сказать о том, что все наши органы до сих пор не сумели поставить учет потребности в новых специалистах. Составленные крохоборческие планы подготовки специалистов попросту смехотворны.

Связь ВТУЗ'ов с промышленностью остается формальной. Непрерывная производственная практика лишь с этого года начинает серьезно внедряться в жизнь ВТУЗ'ов. Эффективность ВТУЗ'ов все еще ничтожна — кончают в год 6% состава студентов. Учебная жизнь попрежнему беспорядочна и хаотична, исключительно высок процент второгодничества и т. д., и т. п.

Со стороны парторганизаций и профсоюзов не заметно того усиленного внимания ко ВТУЗ'ам, к руководству работой студенческих организаций, которые особенно необходимы в столь ответственный период коренной ломки старого уклада.

А между тем, во ВТУЗ'ах—в соответствии с общим обострением классовой борьбы в советской стране—также разгорается ожесточенная классовая борьба.

Реакционные элементы профессуры нередко открыто используют вузовскую кафедру для антисоветской пропаганды.

В I Московском Ун-те — профессор доказывает студентам, что «Коммунисты в мировом организме являются тем же, чем в обыкновенном человеческом организме являются некоторые кишечные бактерии: играют ту же отрицательную роль, также размножаются и также вырабатывают продукты вредные для организма». А на Украине профессор математики, об'ясняя решение математической задачи, заявляет: «Скобки—это большевики, нарушившие общий порядок, если бы не было этих скобок - большевиков — задача была бы разрешена». Профессор Казанского Университета глубокомысленно рассуждает о «неспособности рабочих и крестьян заниматься умственным трудом, руководить культурным и хозяйственным развитием страны, т.-к. у них десятками лет воспитывался рефлекс на физический труд и к иному они неспособны.». Тоже доказывает и томский профессор: «Люди пришедшие в ВУЗ от станка и плуга не могут быть научными работниками, их организм к этому не приспособлен и не выдерживает».

Реакционная профессура открыто выступает против нашей политики. Примером могут служить хотя бы характерные выступления профессора Сибирского с.-х. института Стальгани: «Из организации совхозов и коммун вряд ли что получится». Он заявляет, что у нас под'ема с.-х. придется ждать 50 и больше лет, т. - к. «нет у крестьянства заинтересованности». В этом же

институте проф. Соколов доказывает, что «под'ем хозяйства зависит от богатого хозяина», что «у нас неправильно взят курс на бедняка», что «необходимо дать больше льгот зажиточным и тогда в деревне появится стимул», что «индустрия скачет, а сельское хозяйство плетется».

Еще шире распространены в ВУЗ'ах выступления против марксизма, проповедь идеализма и даже прямая религиозная пропаганда, вроде выступлений профессора Иоганзен (Томск), о том, что «естественник начинает возвращаться обратно в церковь, ибо приходит к выводу, что теория естественных наук не имеет под собой достоверной почвы и зависит всецело от высших божественных начал». Или выступление иркутского профессора Спасского о том, что бог «при сотворении мира вынужден был прибегнуть к коллоидным соединениям, как наиболее удобным носителям жизненного процесса».

Реакционная профессура упорно и активно сопротивляется реформе ВТУЗ'ов, сокращению сроков обучения, введению непрерывной производственной практики, разгрузке программ от излишнего и устарелого материала и т. д.

В то же время старые профессорско-преподавательские кадры в значительной своей части отнюдь не обеспечивают приобщения студенчества к новейшим достижениям мировой науки и техники. Новые специалисты готовятся на устарелом материале. Имеется ряд фактов из этой области.

В одном из основных, широко распространенных во ВТУЗ'ах учебников — Фармаковский. — Машиноведение, перепечатанном в 1927 году с дореволюционного издания, говорится: «Дизель может быть пущен в ход сжатым кислородом в случае отсутствия сжатого воздуха»... А вот, что пишет старший следователь Харьк. Окр. прокуратуры Янковская (см. «Вестник Инженеров» № 5/6 за 1929 г., стр. 235) о взрыве на трикотажной ф-ке в Харькове: «...взрыв произошел вследствие того, что главный техник разрешил пустить дизель сжатым кислородом...» Последствия: «...смерть электромонтера, тяжелые ожоги и переломы костей у ст. машиниста, легкая контузия и ожоги у другого машиниста,... убытки 6.000 руб.»... Главный техник в оправдание заявил, что из книги Фармаковского «Машиноведение» ему известно, что дизель может быть пущен в ход сжатым кислородом...» Там же следователь указывает, что «взрывы от кислорода имели место и в других городах Союза («Вест. Инж.» №№ 11 за 1926 г., стр. 493), при чем в одном из случаев указано, что инженер, давая разрешение на пуск дизеля кислородом — сылался также на учебник Фармаковского».

В то же время работа по освежению кадров реакционной и неудовлетворительной профессуры встречает с ее стороны ожесточенное сопротивление—вплоть до фактов об'явления под бойкотом кафедр, намеченных к замене. В ВУЗ'ах развертывается жестокая классовая борьба; и ее проведение ложится преимущественно на плечи

студенческих ячеек без достаточного руководства со стороны партийных организаций.

Решительная реорганизация дела подготовки новых специалистов может быть осуществлена только при том условии, если эта задача будет поставлена в центр внимания партийных, профессиональных и хозяйственных организаций, как задача первостепенной важности.

Пятилетка не может быть выполнена, если она не будет обеспечена кадрами новых пролетарских специалистов. Так стоит вопрос. Совнаркомом принято уже решение о строительстве в течение пятилетия 47 новых ВТУЗ'ов и 172 индустриальных техникумов. Эта огромная сама по себе программа не может удовлетворить полностью потребностей пятилетки.

Необходимо решительно и немедленно на деле перестроить работу всех наших ВТУЗ'ов в соответствии с потребностями и темпами развития промышленности. Нужно широко развернуть сеть ВТУЗ'ов нового типа с резко выраженной специализацией по определенным отраслям промышленности. Сроки обучения во ВТУЗ'ах и с.-х. ВУЗ'ах вообще не должны превышать 4-х лет.

Непрерывная производственная практика должна действительно стать важнейшей органической частью подготовки студентов, планомерно чередуясь с теоретическим обучением и занимая до 40—50% времени. Должна быть проведна всесторонняя рационализация внутренней жизни ВТУЗ'ов с переводом их на непрерывную учебную неделю и непрерывный год.

Вместе с тем необходимо решительное укрепление трудовой дисциплины во ВТУЗ'ах. Это требует установления твердой внутренней организации в ВУЗ'ах, в частности, ликвидации изжившей себя системы выборности правлений.

Студенческие организации должны, как отметил еще прошлогодний июльский пленум ЦК, сосредоточить свое внимание на задачах идеологической борьбы, на общественно-политическом воспитании студенческих масс, на создании условий для повышения специальной подготовки студенчества. Их задачей должна быть работа по развертыванию социалистического соревнования между вузами, по вовлечению в это соревнование широких студенческих масс.

Разрешение задачи реорганизации подготовки новых специалистов возможно только при том важнейшем условии, если это дело будет теснейшим образом связано с хозяйственными органами. Промышленность должна рассматривать все дело подготовки новых кадров, как органическую свою задачу. Все планы строительства промышленности должны включать и планы подготовки новых специалистов. С этой точки зрения необходимо подчеркнуть, что проведенный решением июльского пленума ЦК опыт передачи нескольких ВТУЗ'ов в ведение ВСНХ и НКПС полностью и целиком себя оправдал, несмотря на совершенно неудов-

летворительную работу Главтуз'а. Здесь достигается главнейшее — установление более тесной, непосредственной связи ВТУЗ'ов с промышленностью.

Поэтому, учитывая важность и остроту проблемы кадров, необходимо в ближайшее время значительно расширить круг ВТУЗ'ов и техникумов, непосредственно руководимых ВСНХ, возложив на него и ответственность за строительство новых ВТУЗ'ов.

Новые специалисты должны быть в основной массе пролетарскими специалистами. Поэтому дело дальнейшей пролетаризации ВТУЗ'ов и техникумов остается боевой задачей. Но уже в текущем году мы столкнулись с недостатком подготовленных для ВТУЗ'ов рабочих кадров. Необходимо обеспечить массовую подготовку рабочих, работниц и их детей во ВТУЗ'ы, как путем расширения и радикального улучшения работы рабфаков и школ II-й ступени в пролетарских районах, так и путем отбора и подготовки рабочих непосредственно с производства.

Опыт направления во ВТУЗ'ы «1.000» коммунистов с серьезным стажем руководящей работы вполне себя оправдал. «Тысячники» не только весьма успешно учатся, но и играют большую роль в деле осуществления реформы ВТУЗ'ов. Это дело должно быть продолжено, расширено и (по линии профсоюзов) распространено на широкие массы квалифицированных рабочих.

Само собою разумеется, что дело решительного улучшения подготовки новых специалистов требует расширения материальной базы этой работы.

Проблема кадров — одна из острейших и важнейших проблем реконструктивного периода. Правые и примиренцы к ним не понимают всей остроты и важности этой проблемы. Они не понимают необходимости решительного форсирования подготовки новых пролетарских специалистов, что непосредственно связано с общим курсом правых на свертывание темпов индустриализации и социалистического переустройства сельского хозяйства. Не желая видеть обострения классовой борьбы, правые смазывают значение той борьбы, которую ведет против нас классовый враг через группы вредителей. Они неспособны понять, что задачу подготовки новых кадров специалистов перед нами ставит с исключительной остротой не только непосредственная хозяйственная необходимость, но и процесс политической дифференциации специалистов в обстановке обострения классовой борьбы. Установки правых решительно противоречат всей линии партии.

Партия должна сосредоточить все свои силы на разрешение важнейшей для социалистического строительства задачи подготовки новых кадров пролетарских специалистов.

Ем. Ярославский.

Предварительные итоги чистки рядов партии.

Приступая к генеральной чистке и проверке своих рядов партия ставила перед собою ряд важнейших задач.

Основная и главная задача была—проверить свои ряды в момент перехода к реконструктивному периоду; проверить каждого члена и кандидата партии; проверить всю партию сверху донизу, невзирая на лица; проверить работу каждой ячейки, каждой партийной организации; проверить, как они подготовлены к тому, чтобы выполнить гигантские задачи, поставленные перед партией, перед рабочим классом, перед всей страной. Насколько они усвоили линию партии, ее решения; насколько они проводят эти решения в жизнь; ударить крепко, беспощадно по извращениям классовой линии партии; выкорчевать, вычистить из рядов партии всех шкурников, примазавшихся, обюрократившихся, разложившихся, все чуждые элементы, накопившиеся в партии со времени генеральной чистки 1921 года и со времени тех проверок, которые мы проводили по отдельным категориям ячеек; беспощадно вскрыть болезни и недочеты в работе; втянуть широкие беспартийные массы в эту проверку и чистку партийных рядов; развернуть широчайшую самокритику; показать, что партия беспощадно выбрасывает из своих рядов всех, кто только по партбилету является коммунистом; привлечь в ряды партии из накопившегося пролетарского и батрацко-бедняцкого актива новые, свежие пополнения, вместо исключаемых из партии негодных, некоммунистических, разложившихся, обюрократившихся, чуждых элементов.

Эти гигантские задачи требовали к себе серьезнейшего внимания всей партии. Мы уже отмечали в «Большевике», в чем была коренная ошибка, допущенная многими организациями в этой проверке и чистке рядов партии. Эта коренная ошибка заключается в недостаточном внимании всей партийной организации к поставленной партией задаче. Все дело чистки возложили на проверочные комиссии. Эти проверочные комиссии подбирались далеко не везде достаточно тщательно, подготовительную работу проводили недостаточно, беспартийные массы втянули далеко не в такой мере, как это было нужно.

Принципиальную установку в чистке партии—выявить классовое лицо каждого партийца—сплошь и рядом заменили другими задачами, опошляя чистку партии, принижая ее принципиальное значение до уровня мелкообывательского копания в личной жизни. Конечно, мы говорим здесь об исключительных явлениях. Но порой эти явления слишком уж многочисленны и накладывают свой отпечаток на результаты проверки в целом ряде районов.

В настоящей статье мы хотели бы остановиться на некоторых итогах проверки рядов партии, требующих самого внимательного изучения со стороны всей партии.

Однако, мы с самого начала должны сказать, что, несмотря на ряд серьезных недочетов в проверке партии, эта проверка опровергает предсказания классовых врагов и враждебных партии оппозиционных группировок о перерождении партии и т. д. Мы не имеем еще точных данных проверки. Полученные пока нами сводки касаются только меньшей части проверенных членов партии, но даже самые общие цифры говорят об улучшении социального состава нашей партии. В самом деле,

Состояло членов и кандидатов ВКП(б):

Дата	Всего коммунист. (членов и кандидат.)	Из них по роду занятий: Рабочих	%	Крестьян	%	Служ. и пр.	%
На I/I—28 г.	1.020.836	497.283	40.7	130.088	12,3	573,465	47,0
На I/VII—29 г.	1.554.015	724.646	46,6	200.936	12,9	628,433	40,5
Кроме того в Кр. армии	110.793						
Всего на I/VII—29 г.	1.664.808						

О чем свидетельствует эта табличка? Правда, мы еще не имеем точного выполнения решения партии о том, чтобы число рабочих, занятых в производстве, было не менее 50%, но мы неуклонно приближаемся к этому моменту. Мы имеем совершенно определенный рост рабочих в партии, занятых в производстве, и соответствующее падение служащих и проч. Это особенно видно по таблице приема в кандидаты. С 1/I-28 г. по 1/VII-29 г. принято 427.752 кандидата, т. е. за полтора года около полмиллиона новых кандидатов в члены партии, из них по роду занятий:

Рабочих	318.528	(74,5%)
Крестьян	65.060	(15,2%)
Служащих и проч.	44.164	(всего 10,3%).

Если принять в расчет, что у нас имеются районы с необычайно бедным составом рабочих, занятых в производстве, то надо признать, что значительно улучшается социальный состав партии. Обычная работа контрольных комиссий также содействовала улучшению социального состава. Всего было исключено из партии за это время (с 1/I-28 г. по 1/VIII-29 г.) 52.719 ч., при чем среди исключенных рабочие составляли 29,3%, крестьяне—21,2%, а служащие—49,5%. Другими словами, и при исключении проводился принцип отсева социально-чуждых. Партия исключала из среды рабочих только явно негодных членов партии.

Партия обратила особенное внимание на проверку руководящих кадров. Для проверки руководящих кадров были выделены члены ЦК и ЦКК. Это имело очень большое значение и в том смысле, — что члены ЦК и ЦКК лицом к лицу столкнулись с тем, как подбираются у нас руководящие кадры.

Проверка руководящего состава в самом начале чистки партии имела большое воспитательное значение. Исключение из состава руководящих кадров явно негодных членов партии показало широким массам, что проверка ведется невзирая на лица. А с другой стороны, перед широкой массой, заинтересованной в проверке руководящих кадров прошли лучшие партийцы, которых партия выдвинула на руководящие посты. Следует отметить, что массы, проявившие величайшую активность во время проверки руководящих кадров, в общем правильно усвоили линию партии в отношении проверки. Петроградский райком партии произвел разработку вопросов, заданных на 112 собраниях проверяемым, при чем разработано было

около 6.000 устных и письменных вопросов. Вот каковы результаты этой разработки:

1. Участие в революционной работе до 1917 г. и пребывание в других партиях 18,7%
2. Отношение к троцкизму и правому уклону 10,1%
3. Участие в гражданской войне и служба в Кр. армии . . . 16,8%
4. Отношение к партобязанностям и службе 20,1%
5. Бытовые вопросы: пьянство, многоженство, религиозность . 18,2%
6. Связь с деревней 6,6%
7. Судимость и партвзыскания 7,7%
8. Политобразование 2,4%

Таким образом, подавляющая масса участников по проверке интересовалась тем, что собой представляют руководящие кадры, как участники борьбы партии за пролетарскую диктатуру, как они отстаивают ленинскую линию, и меньше всего, в общем, обращали внимания на бытовые вопросы. Рабочих интересовало, как партиец, поставленный на руководящий пост, выполняет партийные обязанности, как он вел себя в прошлом, как он относится к различным идеологическим уклонам, участвовал ли он в гражданской войне, в подпольной работе, как он проводит трудовую дисциплину.

Само собой разумеется, что вопросы бытовые — как ведет себя партиец в личной жизни, интересовали и интересуют массы. Примерно ⅕ часть вопросов посвящена именно этой бытовой стороне. Как общее правило, следует отметить, что беспартийные рабочие гораздо сильнее и более принципиально критиковали недостатки партийного состава, чем партийцы и проявили бо́льшую активность, нежели партийцы. Беспартийных рабочих интересовало, какое участие принимают руководящие товарищи в руководстве производством, в выполнении планов социалистического соревнования, как они борятся с бюрократизмом, как орабачивают аппарат. Именно с помощью беспартийной массы удалось вскрыть истинную физиономию многих партийцев, которые в течение ряда лет были на лучшем счету. Это была не анкетная проверка, не по бумажкам. Партийцы отчитывались перед массами.

Конечно, неправильно, когда некоторые товарищи из этого делали такой вывод, что «класс чистит партию». Такой хвостизм имел, к сожалению, место, когда партийные организации самоустранялись, когда были допущены такого рода искривления, как устройство отдельных собраний беспартийных, где предварительно проверялись коммунисты, без участия самих коммунистов. Такой хвостизм, к счастью, имел место только в отдельных случаях.

Проверка руководящего состава показала, что подавляющее большинство выдвинутых к руководству является и в самом деле лучшей частью ленинской партии. Однако, вместе с тем, нельзя не отметить того, что даже из этой лучшей части пришлось исключить в каждой организации ряд товарищей. Из членов бюро обл., краевых, республиканских парткомитетов и президиумов К. К. исключено 0,4% общего состава проверенных. Из числа членов губ., парт. комитетов и К. К. исключено 0,9% общего состава, а из числа членов окр. парт. ком. и К. К.—1%. Об'ясняется это, главным образом, тем, что слишком уж поверхностно относится партийная организация к подбору руководящих кадров. Проверка обнаружила, например, такие факты, что членом Таласского канткома (Киргизия) был введен беспартийный; что мандат члена ЦКК Азербайджана получает товарищ, который даже не был выбран. Отмечен ряд случаев, когда после партийной конференции долго и безуспешно ищут владельца фамилии, значащейся в списке членов руководящих партийных органов и никто не может дать о нем сколько-нибудь серьезных сведений. В ЦЧО члена ОблКК нашли только во время самой проверки. Оказалось, что его выдвинула ячейка, но потом, когда секре-

тарь этой ячейки узнал, что этот товарищ недостоин того, чтобы быть выдвинутым, ему стало стыдно за это выдвижение и он прятал выдвиженца. Такие случаи имели место и Московской и в других организациях. Вот что сообщает, например, член ЦКК тов. Швейцер по Вологодской организации:

«Рядовые члены губкома и губКК с предприятий и из деревни были подобраны небрежно, не из лучших партийцев; многие из них безграмотны политически, у большинства низкая производственная квалификация; многие, уже будучи в партии, венчались в церкви и крестили своих детей; получали ряд выговоров; из-за семейных обстоятельств покушались на самоубийство; подавали заявления о выходе из партии, состоя членами губкомов; работы с ними губкомом не ведется; никаких заданий от губкома у них нет; связь с бюро губкома у них слабая, чисто формальная (к пленуму). Они не являются проводниками работы губкома в массы; на предприятиях иногда даже не знают, что они входят в руководящую верхушку организации; узнавали об этом только во время чистки, при чем они были настолько слабы, что беспартийные заявляли: «Какая же это руководящая верхушка, они могут годиться лишь для посрамления верхушки организации».

Член ЦКК по Сибири тов. Ляксукин сообщает:

«Механическое, казенное отношение к подбору руководящего состава со стороны окружного комитета. Товарищи, которые были выбраны — рабочие от станка, машинисты и проч. Их выдвигали для того, чтобы познакомить их с работой и через них влиять на работу, воспитать их в руководящих вопросах. Оказалось так, что их выдвинули и забыли про них, что с ними надо вести работу.

Эти товарищи оказались неграмотными, решения XV партийного с'езда не читали. Отсидят конференцию или пленум, ничего не поймут, так как работа с ними не велась. Никто не считает их за членов окружкомов, у них ничтожный авторитет».

Что же удивительного при этом, что в Иркутске обнаруживается в руководящем составе бывш. стражник с уголовным прошлым, а в составе ярославского губкома — бывш. член союза русского народа.

«Заря Востока» от 2/VI-29 г. ставит вопрос:

«Чем об'яснить то обстоятельство, что в период самокритики в руководящие органы партии были выдвинуты те, которые достойны исключения из партии, которые сегодня выводятся из состава руководящих кадров и т. д. Почему только комиссия по чистке могла обнаружить это обстоятельство? Разве в наших организациях и в первую очередь, напр., в Бакинской организации мало прекрасных рабочих-большевиков, которых можно было выдвинуть в руководящие органы партии».

Конечно, это в первую очередь об'ясняется тем, что нередко выборы производятся не по принципу «отбора,—отбора лучших из лучших», а по принципу представительства той или иной ячейки, того или иного учреждения, той или иной организации. Нередко секретари ячеек или организаций выдвигают единолично и делегаты на конференции буквально дерутся за то, чтобы хоть кого-нибудь да провести «своих ребят»,—и в партийный комитет и в контрольную комиссию. А ячейка, имеющая в своих рядах такого выдвиженца—неудачника ничего не предпринимает, чтобы активизировать его, как члена руководящего партийного органа, или отозвать его, если он безнадежен в этом отношении или дискредитирует партию». (Из сводки ЦКК ИО).

Какой же практический вывод следует сделать из проверки руководящего состава?

Необходимо гораздо более тщательно проверять выдвигаемые кандидатуры при подборе состава руководящих органов. **Каждый выдвинутый к руководству товарищ должен быть проверен на работе.** Бюро партийного комитета или контрольный орган, в состав которого входит товарищ, должен внимательно отнестись к тому, что собой представляет выбранный для руководства товарищ, поставить его в условия, когда бы он это руководство мог осуществлять, когда бы он мог помогать руководству; подымать его политический уровень, воспитывать его, проверять его, требовать от него отчета в его деятельности, как выдвинутого к руководству, иначе не укрепляется связь с массами через таких руководящих товарищей.

* * *

Что показала проверка деревенских ячеек? Мы имеем пока далеко не полные данные по 6.646 ячейкам, в которых проверено 108.000 коммунистов, из них 11% женщин и 10,5% комсомольцев. Следует отметить, что добровольно и механически выбыло во время чистки гораздо меньше, чем во все прошлые проверки—всего 1,4%. Исключено в результате чистки около 14%, при чем,—мы считаем это неправильным,—процент исключенных женщин выше, чем мужчин. Следовало бы добиться как раз обратных результатов. Самое бережное отношение к каждой женщине-батрачке, крестьянке, входящей в состав коммунистической партии,—вот чем должны были руководствоваться проверочные комиссии.

Если мы обратимся к цифрам состава исключенных коммунистов, занятых в индивидуальном сельском хозяйстве, мы увидим, что наименьший процент исключенных составляют бедняки, освобожденные от сельхозналога, или обложенные налогом до 25 руб. Большая часть исключенных падает на зажиточных членов партии. Следовательно, подход к проверке был, в общем, безусловно правильный, классовый подход. Об этом же свидетельствует и состав исключенных из партии по проступкам, за которые они были исключены. Если выделить такие графы, как «чуждый элемент» и исключенные «за связь с чуждым элементом», то эти две категории составляют одну пятую исключенных. За искривление классовой линии, за хозяйственное обрастание, за скрытие прошлого, за отказ от вхождения в сельскохозяйственные коллективы, за выполнение религиозных обрядов, за антисемитизм исключено, примерно, столько же. Таким образом около половины исключенных в деревенских ячейках составляют чуждые социально или чуждые идеологически элементы.

Проверка партии в деревне привела к улучшению социального состава. Это первый и важнейший итог. Нет никакого сомнения в том, что партия будет в деревне расти теперь более усиленно за счет батрацких элементов, хотя следует отметить здесь же, что этой стороне дела,—вербовке рабочих и батраков в партию,—было уделено недостаточное внимание, а местами на это совершенно не обращалось внимания.

Проверка партии в деревне ставила себе задачей выявить, насколько коммунисты принимают участие в проведении партийных директив по коллективизации, по кооперированию населения. Сплошь и рядом коммунисты не только не являются застрельщиками этого движения, но противятся организации коллективов. Поэтому, резкая, четкая постановка этих вопросов во время проверки помогла партии выправить линию партийной организации в деревне в направлении более активного проведения в жизнь пятилетнего плана социалистического переустройства деревни.

Проверка выявила целый ряд недостатков в работе наших организаций в деревне. В самом деле, возьмем хотя бы такой момент, как исключение

из рядов партии в деревне нескольких тысяч членов партии, а среди исключенных— исключенные за выполнение религиозных обрядов составляют 4,3% к общему числу исключенных. О чем это свидетельствует? Не только о том, что недостаточно разборчиво принимают в партию, принимают не порвавших с религией, но и о том, что партийные организации на местах до сих пор не обращают серьезного внимания на постановку антирелигиозной пропаганды. Впрочем, это относится не только к деревне, это относится и к рабочим. И среди рабочих процент исключенных за связь с религиозным культом, за выполнение религиозных обрядов довольно еще значительный —4,4%. по учрежденским ячейкам — 1,8%, по ячейкам смешанного типа — 4% (по отношению к общему числу исключенных).

Газета «Призыв» (Влад. губ.) сообщает, что при чистке на стеклозаводе «Красный куст» обнаружен большой процент религиозных коммунистов, которые имеют иконы, крестят детей и сами платят попу деньги.

Газета «Красные Озера» (Моск. губ.) сообщает, что во время пожара в общежитии рабочих в квартире одного из коммунистов происходило пьяное празднование религиозного праздника Фрола и Лавра, а в Самаре, в ячейке Союзхлеба оказался даже баптист Кузин, «который и сейчас ходит с евангелием и раз'ясняетс женщинам «полезность» баптистского учения».

В Киргизии председсовета села Курмекты одновременно был муллой; другой — кандидат с 1928 г. — также мулла.

Массовая работа в деревне поставлена еще необычайно слабо,—вот вывод почти всех проверочных комиссий. К сожалению, не все проверочные комиссии сделали свои предложения в конкретной форме.

Проверка выявила многочисленые факты правого уклона в деятельности деревенских организаций: неправильное кредитование, неправильное обложение, смычка с кулаком, хозяйственное обрастание, отрицательное отношение к коллективизации и проч.

Так, в Гаринском районе (Урал) в состав райкома входили члены партии, державшие тесную связь с чуждыми элементами. Руководители райисполкомов, председатель и его заместитель, жили в тесной дружбе с кулачеством. Райком на практике проводил явную политику правого уклона, совершенно игнорировал решения партии о коллективизации сельского хозяйства; в кооперативные и общественные организации подбирались чуждые люди. При проверке из партии исключен почти весь руководящий состав района.

Засоренность организации чуждыми элементами наблюдается особенно в национальных окраинах, где классовая борьба осложняется родовыми отношениями. Проверка выявила значительное число чуждых элементов, очистила от них партию, и тем самым, оздоровив ее ряды, дала толчок к вступлению в партию батрацким и бедняцким элементам.

Например, в составе Курахского райкома (Дагестан) из 9 членов райкома 6 ничего общего с партией не имеют. Секретарь райкома Агаев—бывший полицейский, 3 члена райкома, также бывшие полицейские и поддерживают связь с чуждым элементом; остальные двое не порвали связи с религией; один из них состоял даже сельским муллой и, будучи партийцем, продолжал исполнять платные обряды, за 20 коп. читал коран на могилах покойников. Секретарь райисполкома — кулак. Председатель сельхозтоварищества—бывший полицейский, присвоивший партбилет одного умершего коммуниста. Бюро ячейки в селе Курахе состояло из двух бывших полицейских и одного муллы. Контрольная комиссия указывает, что в партию вербовались вместо батраков и бедняков бывшие полицейские, зажиточные кулаки, муллы и т. п.

Следует отметить, что проверка деревенских ячеек явилась одним из моментов, когда выявилась резкая классовая борьба в деревне. Вокруг чистки деревенских ячеек мобилизовалось, с одной стороны, общественное мнение деревенской бедноты, батрачества, которое отстаивало лучших коммунистов, тех, кто стоял на стороне бедноты, тех, кто за коллективизацию, кто проводит правильную классовую линию. С другой стороны, организовались кулацкие элементы, которые очень активно боролись за исключение коммунистических элементов из партии, за оставление разложившихся, искривляющих классовую линию. Были случаи, когда церковные советы специально у себя на собраниях обсуждали, как организовать исключение того или иного коммуниста из партии.

Нет никакого сомнения в том, что если партия теперь сосредоточит внимание на укреплении партийных ячеек батрацкими элементами, она будет иметь в лице своих партийных организаций прочную опору в деревне. Участие коммунистов в коллективах значительно усилилось, благодаря чистке. Вопрос о коллективизации сельского хозяйства встал перед деревенскими коммунистами более четко, чем он стоял до сих пор. Многие деревенские ячейки впервые поставили у себя этот вопрос. Проверка обнаружила заброшенность многих деревенских ячеек. Райкомы иногда по-бюрократически, чисто формально руководят деревенской организацией. Ячейка числится на бумаге, а ее давным давно нет. Ячейка считается образцовой, а она давным-давно разложилась. Таких фактов проверка обнаружила не мало. Живого руководства партийной работой в деревне слишком мало.

Необходимо тщательно изучить выводы проверочных комиссий. К сожалению, некоторые проверочные комиссии стояли далеко не на высоте положения. Проверка прошла чересчур поспешно, поверхностно; далеко не всюду были выявлены имевшие место факты разложения, далеко не везде было прорвано кольцо круговой поруки и взаимной амнистии разложившихся членов партии. Несмотря на огромный, проявленный беспартийной крестьянской массой интерес к чистке, самокритика далеко не везде была развернута и раз'яснительная работа о задачах чистки была проведена недостаточно.

* * *

Проверка производственных ячеек в настоящее время в разгаре. ЦК и ЦКК уже обратили внимание на то, что к этой проверке многие партийные организации отнеслись не с тем вниманием, которое необходимо уделить производственным ячейкам. Факт, что процент исключенных в производственных ячейках в начале проверки оказался выше, чем в непроизводственных ячейках (ячейках советских учреждений), до сих пор еще не исправлен, и по имеющимся данным последнего времени, этот процент еще и до сих пор остается несколько выше, чем процент исключенных непроизводственных ячеек. Точно так же сравнительно высок кое-где процент добровольно и механически выбывших (около 2%).

Основные недостатки, которые обнаружила здесь проверка, сводятся к тому, что члены партии, в особенности кандидаты в члены партии, слишком слабо втянуты в партийную работу. Некоторые так и говорят:

«Когда мы вступали в партию, мы рассчитывали, что в партии с нами будут заниматься, дадут нам возможность поднять политический уровень наших знаний; а оказывается, что нами занимаются в партии гораздо меньше, чем тогда, когда мы были беспартийными. Тогда нами хоть интересовались, а теперь партийные организации интересуются нами гораздо меньше».

Это — очень серьезный упрек партийной организации. Не следует забывать, что среди партийцев-рабочих (а рабочих по социальному происхождению в партии уже теперь около миллиона и больше полмиллиона рабочих, занятых в производстве) мы имеем, примерно, *около половины вступивших в последние 3—4 года*. Среди этих рабочих очень большой слой сравнительно недавно пришедших из деревни. Эта прослойка далеко еще не изжила деревенских настроений. Правые колебания в отдельных звеньях нашей партии, вызываемые, главным образом, трудностями социалистического наступления, *могут* найти почву именно в этих, мало еще подготовленных, слабо политически воспитанных, поддающихся «деревенским настроениям», элементах партии. Вербовка новых рабочих кадров в партию обязывает партию вести среди рабочих, членов и кандидатов в партию массовую партийную работу гораздо более настойчивую и систематическую, чем до сих пор. Партийная организация должна знать каждого своего члена, воспитывать его, заботиться о нем, чтобы он рос, чтобы его горизонт расширялся. Ведь факт, что *в целом ряде организаций выдвижение рабочих на руководящие посты идет необычайно медленно*. Это ведет даже к некоторым прорывам на отдельных участках нашей работы. Цифры исключенных в рабочих ячейках заставляют пристальней вглядеться в ряд недостатков работы. Так, очень большое число (около 15%) исключено за «пассивное пребывание в партии», за партневыдержанность, за нарушение партийной дисциплины, за антисемитизм, за выполнение религиозных обрядов. Как «чуждый элемент» и за связь с чуждым элементом исключено, примерно, столько же. Это свидетельствует о том, что прием в партию происходит нередко без достаточной проверки, а принятые в партию остаются без достаточного внимания к ним партийной организации.

Если сравнить с этой проверкой рабочих ячеек проверку непроизводственных ячеек, то мы должны будем, прежде всего, отметить то, что, повидимому, *самокритика при проверке многих непроизводственных ячеек развернута недостаточно*. Ряд советских ячеек проверяется, так сказать, «в своем кругу». Участие беспартийных там чисто формальное. Попытки привлечь рабочих с производства, связанных с деятельностью данного учреждения, имеют место далеко не везде. Участие беспартийных необычайно слабо, поэтому далеко не во всех учреждениях проверка прошлась железной метлой, которая должна была вымести из партии все разложившиеся, чуждые, примазавшиеся, обюрократившиеся элементы. Правда, впервые при чистке мы имеем довольно значительный процент исключенных за бюрократизм. Это один из положительных результатов проверки. Массы должны видеть, что партия борется с бюрократизмом решительным образом. Тем не менее, от проверки многих непроизводственных ячеек остается впечатление, что проверка там произведена слабо и этим об'ясняется то, что во многих организациях уже после проверки, когда казалось, все в ячейке благополучно, — печать и отдельные члены партии вскрывают ряд недочетов, ряд серьезных прорывов, которые приводят к решению о вторичной проверке и чистке той или иной ячейки. Такими фактами изобилует печать последнего времени. Это, конечно, несколько умаляет авторитет проверки, но, с другой стороны, *нет ничего страшного в том, что тот или иной член партии будет вторично проверен. Лучше еще раз проверить, чем оставить в партии людей, ценность которых для партии весьма сомнительна, или которые уцелели в партии только благодаря тому, что не заметили во-время, что это — люди чужие.*

* * *

Особенно поучительны предварительные итоги проверки коммунистов в Красной армии и флоте. Проверка партийных рядов Красной армии и флота опровергает, прежде всего, клевету оппозиции о руководящем составе Красной армии и о составе Красной армии вообще. *Число исключенных в Красной армии наименьшее.* Процент исключенных самый низкий. Он колеблется от 2,22 (в Каспийском флоте) до 7,59% в СИБВО. Эти колебания находятся в прямой связи с социальным составом партийной организации того или иного округа, об'единения, что видно из следующей таблицы:

	Процент исключенных	Процент рабочих среди проверенных
Каспийский флот	2,22	67,4
Балтийский флот	2,99	68,2
Черноморский флот	3	65,7
УВО	3,94	55,6
ЛВО	3,97	55,3
МВО	4,09	55
ПРИВО	5,8	54
БВО	7,06	48,2
СибВО	7,59	47,7

Не зря исключали в Красной армии из рядов членов партии. Среди исключенных классово и идеологически чуждые составляли 44,3%. Сюда входят кулаки, скрывшие социальное положение и прошлое, скрывшие службу в белых армиях и бандах, поддерживающие связь с чуждыми элементами, участвовавшие во фракционной работе, проявляющие национализм, антисемитизм, партийно-невыдержанные, нарушающие внутрипартийную дисциплину.

Таким образом, проверка партии и здесь, на этом важнейшем участке, очищает партию от чуждых элементов, проникших в нее в прежние годы, скрывших свое лицо. Но особенно мы должны подчеркнуть, что *идеологическое состояние армейской организации является вполне здоровым*. Это, особенно, относится к командному и политическому составу, который является в подавляющей своей массе политически, большевистски выдержанным. Из числа командного состава исключено в среднем 4,7%. 95,3% всех партийных командиров и 97,2% всех политработников армии и флота прошли чистку, показав, что они являются достойными членами партии, заслуживающими того доверия, которое им партия оказывает, поставив их на командные и политические посты. Из 20.000 ответственных партийных работников начсостава только около 200 человек проверочные комиссии предложили снять с ответственной работы. 85% всей партийной организации армии и флота прошли чистку без всяких партийных взысканий.

Перед лицом трудных испытаний, которые еще предстоят Красной армии, мы должны сказать, что проверка партийной организации в Красной армии и флоте показала, что здесь мы имеем ячейки лучшего состава. *Рабочая и партийная прослойка как в командном, так и в составе рядовых бойцов-красноармейцев и краснофлотцев значительно выросла за последние годы.* От троцкистской и сапроновской клеветы на Красную армию давным давно уже ничего не осталось, кроме гнусного воспоминания, точно также, как ничего не осталось от троцкистских настроений, которые в свое время имели место в отдельных частях Красной армии и флота.

Вместе с тем, проверка командного и политического состава Красной армии, которая состоит в большинстве своем из людей, прошедших вместе с рабочими и крестьянами трудный путь гражданской войны, еще больше сплотила командный состав с рядовыми красноармейцами, подняла авторитет командного состава в глазах красноармейцев. Впрочем это не только в Красной армии и флоте. Вся проверка нашего командного состава на фабриках и заводах, в учреждениях и предприятиях, за отдельными исключениями укрепила авторитет командного, руководящего состава партии.

* * *

Эти предварительные итоги проверки рядов партии и чистки ее рядов показывают, что решение партии о генеральной чистке было вполне своевременное и правильное. В оставющиеся месяцы нам надо исправить то, что было упущено в первые месяцы этой проверки. Мы ничего еще не можем сказать о том, насколько были правильны исключения из партии, какой процент исключений должен быть отменен. Апелляции пока еще только начали рассматриваться. Несомненно, что ошибки были, как они были и в 1921 году. Они будут исправлены. Необходимо, однако, исправить не только ошибки отдельных проверочных комиссий, а самое важное — необходимо исправить те недочеты, которые обнаружены во время проверки в работе отдельных ячеек, в работе целых организаций. Только тогда, когда эти общие выводы будут учтены, когда главнейшие недостатки в работе партийных организаций будут устранены, когда будет выполнена вторая задача, поставленная партией— вербовка рабочих и батраков в партию, когда закреплены будут результаты проверки соответствующей перестройкой рядов, лучшим подбором руководящих кадров,— только тогда предпринятая партией генеральная чистка ее рядов будет выполнена так, как это нужно партии.

Б. Борилин.

Ленин об „Экономике переходного периода".

В только что вышедшем XI Ленинском Сборнике опубликованы замечания Ленина на книгу «Экономика переходного периода» тов. Бухарина, представляющие собой огромный интерес для уяснения взглядов Ленина на основные вопросы нашего хозяйства, политики, теории. В них мы имеем целый ряд совершенно новых, исключительных по своему богатству высказываний Ленина. Эти высказывания охватывают целый ряд самых разнообразных проблем, начиная от наиболее общих абстрактных проблем теории ленинизма и кончая конкретными вопросами экономической действительности переходной эпохи.

В настоящее время эти замечания приобретают особенно актуальный интерес, вследствие того, что в них Ленин необычайно ярко вскрывает и прослеживает основные ошибки тов. Бухарина в теории экономики и политики. Теоретические корни ошибок тов. Бухарина можно наиболее полно проследить по этим замечаниям Ленина. Ленину неоднократно приходилось указывать на то, что теоретические корни всех ошибок тов. Бухарина заключаются в его ошибках в области диалектики. Последние не могли не дать себя знать и в целом ряде других областей теории и практики.

Замечания тов. Ленина затрагивают вопросы, касающиеся философии и политической экономии, современного мирового хозяйства и переходной экономики. Мы начнем рассмотрение этих замечаний с основных вопросов марксистской философии, с вопросов диалектики.

I. Материалистическая диалектика или богдановщина.

Корни теоретических и политических ошибок тов. Бухарина нужно искать в нарушении им основных правил марксистской диалектики. Ленин неоднократно говорил о том, что тов. Бухарин не знает диалектики и никогда серьезно диалектике не обучался.

С первых же страниц «Экономики переходного периода» можно увидеть, что эти же серьезнейшие обвинения выставляет тов. Ленин против Бухарина и здесь. Тов. Ленин видит недостаток в самом построении книги тов. Бухарина, считая совершенно неправильным название книги, выраженное в подзаголовке «Общая теория трансформационного процесса».

По этому поводу Ленин считает нужным сделать язвительное замечание на полях книги «Что такое???, «вобче?», á la Spencer??».

Этот же недостаток конкретности в теоретических построениях Ленин констатирует и в общих выводах, которые он делает о книге в целом:

> «Автор рассматривает экономические процессы недостаточно конкретно in actu»[1],—говорит тов. Ленин, подражая «академическому» языку тов. Бухарина.

Отсутствие требуемой конкретности в теории теснейшим образом вытекает из того, что абстрактные положения, выставляемые тов. Бухариным, часто не увязаны с достаточным анализом конкретных фактов реаль-

[1]) В действии.

ной действительности. Но абстракции, которые не отображают в необходимой мере реальную жизнь, превращаются в абстракции тощие, мертвые, бессодержательные, не только иногда не способствующие усвоению закономерностей действительности, но отрывающие теорию от практики, делающие теорию бесполезной и политически вредной. В этом случае диалектика становится формальной, а оперирование понятиями диалектического отрицания, синтеза и пр. превращается в злоупотребление, так как диалектические переходы не обосновываются на фактах реальной жизни.

«Автор злоупотребляет словом «диалектическое отрицание»: нельзя употреблять его, не доказав сначала фактами осторожно» (Ленин).

Целый ряд мест в книге представляют собой сугубо абстрактное, схоластическое изложение предмета. Поэтому тов. Ленин пишет:

«Книга была бы совсем превосходной, если бы автор для 2-го издания выкинул подзаголовок (речь идет о подзаголовке «Общая теория трансформационного процесса» Б. Б.), выкинул страниц двадцать—тридцать схоластики и бессознательно идеалистических (в философском смысле) эклектических упражнений в терминологии, заменил их 20—30 страницами фактов (из цитированной им же богатой экономической литературы). Тогда бы распухшее, нездоровое начало книги выздоровело, похудело, окрепло костьми, убавило антимарксистского жира и, таким образом, крепче бы «фундировало» (ха-ха!) превосходный конец книги».

Игнорирование основного правила диалектики, заключающегося в том, что утверждаемая истина должна быть конкретной, ведет к разрыву теории и практики. Отрыв теоретических положений тов. Бухарина от практической действительности не впервые отмечал тов. Ленин в партийных спорах, и на этот раз в ряде замечаний тов. Ленин указывает на то, что автор недостаточно правильно понимает соотношение между теорией и практикой.

«Автор не ставит диалектически отношения теории к практике» (Ленин). Поэтому очень часто логические переходы в теоретических построениях оказываются не обоснованными, и не соответствуют переходам конкретной жизни. При таком положении, логические упражнения угрожают стать упражнениями идеалистического порядка, имеющими мало общего с материалистической диалектикой.

По поводу одного из таких переходов тов. Ленин пишет, опровергая утверждения тов. Бухарина:

«Нарушение «диалектического материализма» состоит в логическом (не материальном) скачке через несколько конкретных стадий».

Такого рода скачки через ряд конкретных стадий доказывают, что эти ошибки целиком покоятся на неправильном не диалектическом подходе к изучению явлений.

Там, где не хватает диалектики, там, где не хватает конкретных понятий, на смену приходят слова или термины. Поэтому так испещрена книга тов. Бухарина словесными тонкостями, выкрутасами, дефинициями.

Тов. Ленин неустанно указывает на этот «ученый» недостаток книги· «Игра в дефиниции!» — восклицает тов. Ленин.

Серьезное изложение взглядов заменяется игрой в понятия. Отсюда нередко «солидная путаница, проистекающая от чрезмерной любви автора «упражняться в игре понятий, выдавая это за социологию» (Ленин)

Словесные выкрутасы тов. Бухарина вызывают не одно саркастическое замечание тов. Ленина: «Ну и язык! Ну и «социология!» Ну и «организационная наука!»,—восклицает тов. Ленин. Судя по отдельным замечаниям, так и чувствуется, что Ленин почти хохочет по поводу «ученого» языка тов. Бухарина. Приведя одно место, где автор говорит, что налицо имеются «элементы распада социальных связок», которые лимитируются в своих действиях хозяйственной средой» и т. д.—Ленин не может удержаться чтобы не написать на полях:

«Элементы распада лимитируются... Уф! Почему не попроще: «их ограничивает»? О, академизм! О, ложноклассицизм! О, Третьяковский!»

Однако, за этим увлечением словесной ученостью тов. Бухарина скрывается глубокий недостаток во всей философии, которую он преподносит читателю в «Экономике переходного периода». Терминологический пафос оказывается маскировкой для нарушения материалистической диалектики, для замены ее эклектическим соединением теории Маркса и социологической схоластики Богданова. Налицо не просто бравирование или кокетничание с богдановской терминологией. Нет. Налицо факт увлечения Богдановым, не критическое восприятие терминов и понятий Богданова.

«Автор дает ценные новые факты, но ухудшает, verballhornt теорию Маркса «социологической» схоластикой». (Ленин). Он соединяет, марксистский «человеческий язык с организационной тарабарщиной Богданова» (Ленин). Такое же соединение не является диалектикой и может быть расценено только, как эклектицизм.

Материалистическая диалектика есть метод наилучшего и полного познания закономерностей действительности. Поэтому понятно, насколько мало нуждается диалектика в «дополнении» ее богдановскими премудростями. Между тем, «автор ставит его (т.-е. диалектический процесс. *Б. Б.)* рядом (и на втором месте) с Begriffsscholastik [1]) Богданова. Но рядом поставить нельзя: или — или» (Ленин).

Во всех явлениях раскрывается «диалектический процесс. Именно! А не схоластика á la Богданов» (Ленин).

Что тов. Бухарин на ряду с точкой зрения диалектического материализма признает правомерными еще и иные «точки зрения», показывают целый ряд мест из «Экономики переходного периода». Так, мы читаем, например: «Совершенно понятно, что диалектическо-историческая точка зрения, которая выдвигает принцип постоянной изменчивости форм, принцип познания процесса, неизбежно должна быть подчеркнута при анализе эпохи, где происходят с небывалой быстротой, прямо геологического типа, сдвиги социальных пластов» (с. 132—133).

Здесь философский эклектицизм тов. Бухарина выпирает наружу даже внешне весьма и весьма выразительно. Диалектическая «точка зрения» помножается на другие «точки зрения», складывается с ними, и все это вместе выдается за истинный марксизм.

«Из этой фразы, — пишет Ленин, — замечательно рельефно видно, что для автора, испорченного эклектизмом Богданова, диалектическая «точка зрения» есть лишь одна из многих равноправных «точек зрения». Не верно!».

Недостаточное понимание метода диалектического материализма видно и из противопоставления тов. Бухариным диалектической точки зрения точке зрения исторической. Тов. Бухарин пишет: «Диалектическо-исторический метод рассматривает общество в его специфических исторических формах, а общие законы общественного развития в их конкретном проявлении...» и т. д.

Но ведь «диалектика включает историчность» (Ленин), а не просто с ней сопоставляется, как это выходит у тов. Бухарина. Здесь существенное различие.

В то время, как у тов. Бухарина историческая точка зрения стоит рядом с диалектической, по тов. Ленину, диалектика внутренне, органически включает в себя историзм, немыслима без последнего.

Увлечение Богдановым не могло для тов. Бухарина пройти бесследно и в другом отношении. Оно закономерно привело его в сторону фактического признания ряда положений идеалистической философии, ибо филосо-

---

[1]) Схоластикой понятий.

фия Богданова есть не только вульгарно-механистический отказ от диалектического материализма, но и философия идеализма и агностицизма.

Не случайно тов. Бухарин с первых страниц «Экономики переходного периода» подчеркивает, как самое важное в методе Маркса, его познавательную ценность, а не то, что он есть метод материалистической диалектики. «Излишне распространяться о том, что путеводной нитью автора был метод Маркса, метод, познавательная ценность которого только теперь встала во весь свой гигантский рост» (с. 6). Против этих слов тов. Бухарина Ленин пишет на полях: «Только «познавательная ценность»??, а не об'ективный мир, отражающая?, «стыдливый»... агностицизм!»

На этом примере, демонстрируемом тов. Бухариным уже в самом начале книги, сразу становится очевидным, что богдановские симпатии явственно приоткрывают дверь философским шатаниям в сторону от материализма к идеализму. И тов. Ленин не пропускает почти ни одного случая, чтобы не показать, как из-за богдановской терминологии с ее «точками зрения» и пр. выглядывает чуждая марксизму философская установка.

«Ошибка «богдановской» терминологии выступает наружу: суб'ективизм, солипсизм. Не в том дело, кто «рассматривает», кому «интересно», а в том, что есть независимо от человеческого сознания» (Ленин).

А вот еще один «образец» богдановской суб'ективно-идеалистической терминологии тов. Бухарина.

Тов. Бухарин пишет: «Метод приобретает иной логический тон» (с. 131).

Иронизируя, по поводу «тона» тов. Бухарина, Ленин замечает: «Бухарин усвоил дурной тон. Тут не «тон» и не «логика», а материальное».

Таким образом, основной недостаток книги «Экономика переходного периода» Ленин видел в увлечении Бухарина богдановщиной, в отказе в ряде мест от положений диалектического материализма. Этот недостаток книги Ленин считал настолько важным, что ему посвящает, по сути дела, почти весь свой заключительный отзыв о книге.

> «Бухарин»,—пишет в нем Ленин,—«взял «термины» «в том значении», в котором они употребляются у тов. Богданова», (слова тов. Бухарина. Б. Б.) и не подумал, что и термины, и значение их у Богданова «фундированы» (да простит мне академик-автор это смешное гелертерское слово), его философией, философией идеализма и эклектицизма. Поэтому, очень часто, слишком часто автор впадает в противоречащий диалектическому материализму, (т.-е. марксизму) схоластицизм терминов (агностический, юмовско-кантовский, по философским основам) в идеализм, («логика», «точка зрения» и т. п.) вне сознания их производности от материи, от об'ективной действительности и т. п.». «На стр. 131 и 133 ясно «выпячивается» марксизм в отличие от «богдановизма».

И в «академической рецензии» — recensio academica — тов. Ленин снова, на этот раз в «ученой» до смешного форме подчеркивает те же основные недостатки.

> «Превосходные качества этой превосходной книги»,—пишет Ленин,—«испытывают некоторую деквалификацию, поскольку они лимитируются тем обстоятельством, primo, что автор недостаточно фундирует свои постулаты солидным, хотя бы кратким, фактическим материалом, (хотя) владея им в совершенстве по литературе. Большая фактическая фундированность избавила бы книгу от дефектов, аспекта «социологического» или вернее—философского. Но это secundo: автор рассматривает экономические процессы недостаточно конкретно, in actu, часто впадая в то, что носит название — «terminus technicus» — «Begriffsscholastik» [1]), и не давая себе отчета, что многие неудачные формулировки и термины вурцелируют в философии, попадая sub specie «grundgedanken» [1]) под линию idealismi philosophici seu agnosticismi (recht oft unbesehen und unkritisch von anderen übernommen) [2]) отнюдь не materialismi» [3]).

[1]) «Технический термин»—схоластика понятий.

II. Общество и классы у тов. Бухарина.

Посмотрим, как расценивает тов. Ленин проведение тов. Бухариным богдановской «общественно-организационной точки зрения» в роде основных конкретных вопросов общества и экономики. В то время, как марксистский подход к рассмотрению общества, как совокупности общественных, производственных отношений является вполне законной материалистической точкой зрения на общество, тов. Бухарин, находясь под влиянием Богданова, изобретает иной подход к изучению общественных явлений. Для него общество не есть просто совокупность производственных и других общественных отношений, он пробует рассмотреть общество с организационной стороны, с «общественно-организационной точки зрения». Именно поэтому тов. Бухарин допускает у себя такое исключительное по теоретической «ясности» выражение «Общество есть система элементов in natura». «Мы брали общество, — пишет тов. Бухарин, — как систему элементов in natura» (с. 44).

Прочитав эту фразу, Ленин считает нужным на полях написать только одно слово: «Караул!». Очевидно, что такое вульгарно-натуралистическое, сугубо-«материиалистическое» определение общества вряд ли показалось Ленину, выражаясь мягко, соответствующим положениям диалектического материализма.

По поводу же «общественно-организационной точки зрения», которую Бухарин, по аналогии с Богдановым, старается провести в анализе общественных явлений, тов. Ленин бросает не менее красноречивое и язвительное замечание: «А может быть «общественная», не организационная точка зрения?».

Особенно заслуживает внимания схоластическая попытка тов. Бухарина анализировать процесс воспроизводства, независимо от социального содержания. Как известно, излюбленным делом сторонников Богданова является брать хозяйственные явления вне определенной социальной формы или содержания и, таким образом, находить основные общественные законы. Этому правилу следует и т. Бухарин. «Задачи, стоящие перед пролетариатом в общем и целом, формально, т.-е. независимо от социального содержания процесса, те же, что и для буржуазии при расширенном отрицательном воспроизводстве: экономизация всех ресурсов, планомерное их использование, максимум возможной централизации» (с. 59).

Совершенно очевидно, что эта попытка отвлечься от социального содержания (или формы) превращает самый процесс воспроизводства в пустое место. Не даром на полях книги можно прочитать такую оценку приведенного положения: «Моя» богдановская Begriffsscholastik—есть главный враг «мой».

Если марксизм подходит к рассмотрению общества и общественных явлений, выдвигая на первый план социальные, производственные, классовые отношения, то «общественно-организационная точка зрения» Богданова-Бухарина с неизбежностью ведет к игнорированию этого решающего момента. Вряд ли можно признать случайным, что проведение тов. Бухариным «общественно-организационной точки зрения» сопровождается в ряде мест

[1]) Под видом глубокомыслия.
[2]) Философского идеализма или агностицизма (очень часто неосмотрительно и некритически заимствованного у других).
[3]) Материализма.

замазыванием классового момента, классовых отношений. За «социологическими системами», «организационными науками» и другими вещами автор в ряде мест, таким образом, проглядывает не больше и не меньше, как классы и классовые отношения. О «социальной системе», об «общественных формациях» говорится не однажды, но эти понятия, взятые помимо понятия «класс», оказываются мало содержательными. «Социальная система», «общественная формация»,—все это недостаточно конкретно без понятия «класса» и «классового общества» (Ленин).

Опираясь на философскую терминологию Богданова, тов. Бухарин неоднократно говорит о «социально-классовых» отношениях. Интересно то замечание, которое по этому поводу бросает тов. Ленин. Тов. Бухарин пишет:

> «Производственные отношения капиталистического общества суть в то же время и отношения социально-классовые и технически-трудовые».

Тов. Ленин замечает в этом месте:

> «Как раз терминология и не верна: не бывает классовых не социальных. Надо бы сказать проще и вернее (теоретически): забыл классовую борьбу».

Из «организационно-общественной точки зрения» вытекает и попытка тов. Бухарина изобразить класс, как «суб'ект» или «организованную силу»: «Пролетариат строит фундамент будущего общества и, притом, строит его, как классовый суб'ект, как организованная сила» (с. 5). Ленин подчеркивает слово «суб'ект» и пишет на полях: «?? «Важнее», чем класс!».

Наиболее выпукло богдановское понимание классов у тов. Бухарина выпирает в следующем определении класса, которое он приводит на стр. 42. Он пишет:

> «Классы представляют из себя, прежде всего, «группы лиц», об'единенных общими условиями и общей ролью в производственном процессе со всеми вытекающими отсюда последствиями для процесса распределения».

Здесь мы имеем самое доподлинное богдановское определение класса, выводящее это понятие из расстановки людей в процессе производства, которая определяется технической ролью, выполняемой данной группой людей. Для обнаружения глубокой неправильности этого определения достаточно привести классическое определение класса с точки зрения диалектического материализма, которое на полях дает тов. Ленин:

> «Классы представляют из себя прежде всего, «группы лиц» (неточно сказано), различающихся положением в общественном строе производства и различающихся так, что одна группа может присваивать себе труд другой группы».

При сравнении этого ленинского определения классов с определением тов. Бухарина бросается в глаза, прежде всего, то, что, в противовес тов. Бухарину, Ленин подчеркивает, что речь идет не о производстве вообще и не о производстве, как техническом процессе, а речь идет об общественном строе производства, следовательно, о производственных отношениях, которые складываются между людьми на почве производства. В то время, как определение т. Бухарина пытается, для того, чтобы не нарушить верности материализму, изобразить классы, как группы лиц, наподобие систем «живых машин» в производстве, определение тов. Ленина дает блестящую действительно материалистическую формулировку классов, правда, ничего общего не имеющего с механическим вульгарным материализмом, но зато чрезвычайно ясно указывающую на материальную роль, которую играют классы в общественном строе производства, которая определяется типом связи между рабочей силой и средствами производства и ведет

к тому, что каждый класс присваивает определенную часть совокупного общественного труда.

Учение о классах, сводящее последние к группировке в техническом процессе производства, не может быть иначе охарактеризовано, как шаг назад от диалектического материализма к «богдановской социологии в кавычках». Смазывание самого главного, что есть в классе, именно роль класса в общественном строе производства, попытка подойти к определению класса с точки зрения «организационной» приводит тов. Бухарина к игнорированию существеннейших черт борьбы классов в современном обществе, потому что, взамен простого, ясного материалистического понимания классовой борьбы, выступает на сцену богдановская игра в термины и понятия. Тов. Бухарин дошел в «Экономике переходного периода» до следующего, например, «оригинального» определения понятий классовой и гражданской войны. Тов. Бухарин пишет:

> «Социалистическая война — есть классовая война, которую нужно отличать от просто гражданской войны. Последняя не есть война в собственном смысле этого слова, ибо она не есть война двух государственных организаций». (С. 26).

Ленин и по этому поводу на полях написал: «Уф!, ох!, караул!!».

Попытка дать «оригинальное» разграничение понятий классовой и гражданской войны на основе не материалистической богдановской теории красочно иллюстрируется и в формулировке тов. Бухариным тенденций развития гражданской войны в эпоху революции.

> «При развертывании революционного процесса в мировой революционный процесс, рассуждает т. Бухарин, гражданская война трансформируется в классовую войну, которую со стороны пролетариата ведет регулярная Красная армия».

Квалификация подобного «открытия» тов. Бухарина дана в следующей лапидарной фразе Ленина: «Уродливая и неверная терминология, смазывающая завоевание государственной власти классом».

Таким образом, в вопросах «социологических», по которым тов. Бухарин фигурирует в «Экономике переходного периода» специалистом на каждом шагу, мы имеем, так сказать, материальное доказательство неправильного недиалектического, богдановского подхода тов. Бухарина к рассмотрению общественных явлений.

III. Политическая экономия.

Однако, тов. Бухарин применяет организационную точку зрения и в вопросах экономики. И здесь, вместо ясных положений диалектического материализма, тов. Бухарин часто выставляет не марксистские положения. За многочисленным употреблением терминов и понятий вроде «система», «социология», «организационные формы капитализма» и т. д., у автора исчезает из поля зрения иногда самое существенное, прежде всего, в вопросе марксистской теории обобществления.

Ленин в ряде своих произведений указывал, как на огромную заслугу Маркса, на то, что последний выяснил, как производственные отношения капиталистического общества в своем развитии закономерно приводят к такому росту производительности труда и крупного производства, который означает гигантский процесс обобществления производства в рамках капиталистического общества. Этот процесс обобществления производства и создает внутри капиталистического общества материальные основы для социалистической революции.

В чем заключается этот процесс обобществления в капиталистическом обществе? Он состоит в том, что отдельные производители об'единяются в крупных предприятиях, превращаются в часть огромного общественного механизма. Обобществление заключается и в том,—и это самое главное,—

что отдельные предприятия и отрасли капиталистического производства превращаются с развитием капитализма в гигантский совокупный, связанный во всех своих частях, общественный процесс производства.

Так, например, в одной из своих ранних работ «Что такое «Друзья народа» тов. Ленин следующим образом изображал это развитие тенденций к обобществлению.

«Обобществление труда капиталистическим производством состоит совсем не в том, что люди работают в одном помещении. (Это — только частичка процесса), а в том, что концентрация капиталов сопровождается специализацией общественного труда, уменьшением числа капиталистов в каждой данной отрасли промышленности и увеличением числа особых отраслей промышленности,— в том, что многие раздробленные процессы производства сливаются в один общественный процесс производства». «Все производства сливаются таким образом в один общественный производительный процесс, а между тем, каждое производство ведется отдельным капиталистом, в зависимости от его произвола, отдавая общественные продукты в его частную собственность». «Форма производства становится в непримиримое противоречие с формой присвоения» (т. I, стр. 102—103).

Если в вышеприведенных словах ясно рисуется процесс обобществления и дается ему основная экономическая характеристика, то тов. Бухарин, подходя с прославленной организационной точки зрения к этому же процессу, неоднократно забывает как раз об этих основных чертах процесса обобществления, замечая в нем только тенденцию к усовершенствованию и развитию организационных форм капитализма. В этом процессе остается только одно—это прогресс или расцвет «организационных форм капитализма».

Но Маркс отнюдь не сводил обобществление только к развитию организационных форм. «Маркс говорил п р о щ е (без выкрутас с «терминами» и «системами» и «социологиями») и говорил в е р н е е об о б о б щ е с т в л е н и и» (Ленин).

Тов. Бухарин, желая изобразить обобществление в сельском хозяйстве, пишет:

«Здесь мы наблюдаем более отсталый тип развития, начальные стадии о р г а н и з а ц и о н н о г о процесса, который, как и в индустрии, исходной точкой имел именно процесс обращения (корнеры, ринги, синдикаты)». (Стр. 77).

Тов. Ленин на это замечает: «Автор хотел, повидимому, сказать «процесса обобществления», но этой м ы с л и, — а другой нет, — его слово н е выражает».

В одном месте при чтении «Экономики переходного периода», Ленин высказывает, правда, свое искреннее удовольствие по поводу того, что Бухарин, наконец, заговорил правильным языком об обобществлении труда. Там, где Бухарин пишет: «Маркс выдвигает д в а основных момента — ц е н т р а л и з а ц и ю с р е д с т в п р о и з в о д с т в а и о б о б щ е с т в л е н и е т р у д а,—которые расцвели вместе с капиталистическим способом производства и внутри него»,—Ленин, видимо, вздыхает с облегчением. «Ну вот, и слава богу! Наконец, человеческий язык вместо «организационной» тарабарщины! Все хорошо, что хорошо кончается».

Но уже через три страницы, когда снова вытаскивается на свет общественно-организационная точка зрения, Ленин снова восклицает: «Уф! Опять!»

«Организационная точка зрения» и богдановский техницизм, как известно, слишком родственны друг другу для того, чтобы можно было ожидать отсутствия последнего, при наличии первой. Как и следовало ожидать, тов. Бухарин воспринимает в ряде мест и технологическую позицию Богданова.

Ясно, с другой стороны, что Ленин бросает ряд критических замечаний по поводу богдановского техницизма. Тов. Ленин решительно отмечает, например, по вопросу о производительных силах, что производительные силы отнюдь не совпадают с техникой, как это изображал Богданов, и как, вслед за ним, иногда повторяет и тов. Бухарин. Точка зрения, сводящая производительные силы к технике, а последняя изображающаяся в натуралистическом виде, получила развитие не только у Богданова, но и у ряда буржуазных экономистов, в особенности, в настоящее время. Эта точка зрения находится в видимом отдалении от марксизма, ибо производительные силы, во-первых, состоят не только из техники, не только из средств производства, но и из рабочей силы. Уже по одному этому никак нельзя признать производительные силы и технику тождественными понятиями. Но далее. Производительные силы, даже если говорить только о технике, не могут быть сведены лишь к «натуральному». Производительные силы являются общественными производительными силами и, как таковые, представляют собой социальное явление. Поэтому Ленин указывает на то, что неправильно трактовать производительные силы, как «техническое». Так, например, Бухарин пишет: «Тут Маркс под производительными силами разумеет, очевидно, вещественные и л и ч н ы е элементы производства и, с о о б р а з н о с этим, категория производительных сил является категорией н е экономической, а технической» (с. 88); Ленин замечает на полях: «Сообразности» как раз не вышло, ибо «личное» (неточный термин) не есть «техническое».

А по вопросу о натурализации производительных сил чрезвычайно любопытно отметить следующее замечание тов. Ленина. Когда тов. Бухарин приводит цитату из «Нищеты философии» Маркса, в которой говорится: «Машины столь же мало можно считать экономической категорией, как, например, быка, которого впрягают в плуг,—их следует о т н о с и т ь к п р о и з в о д и т е л ь н ы м с и л а м», то тов. Ленин пишет: «Относить не есть отожествлять». Это замечание тов. Ленина предостерегает от сведения производительных сил к «быку» и, наоборот, от натурализации производительных сил. Производительные силы не являются просто природным явлением. Производительные силы—суть социальное явление, изменяющееся с развитием человечества.

Вот почему, когда Бухарин указывает на пограничность понятия производительных сил, когда он в другом месте говорит, что производительные силы «есть п о г р а н и ч н о е понятие, стоящее на рубеже техники и экономики» (стр. 89), то Ленин, не выражая прямо согласия с таким утверждением, замечает, однако: «Вот это лучше, чем страница 88», где производительные силы отожествлены с техникой.

Те места в книге тов. Бухарина, в которых последний упоминает о рабочем классе, как производительной силе современного общества, вызывают вполне понятное неоднократное одобрение тов. Ленина. Слова Маркса, приведенные Бухариным, говорящие о том, что «из всех орудий производства н а и б о л е е к р у п н о й п р о и з в о д и т е л ь н о й с и л о й я в л я е т с я с а м р е в о л ю ц и о н н н ы й к л а с с», подчеркнуты Лениным и на полях против них поставлена NB и следующее замечание: «Вот это забыто автором на страницах 88—90 и следующих».

Таким образом, положение о том, что рабочий класс является величайшей производительной силой современного общества, положение, которое игнорировалось Богдановым в его экономической теории, Ленин считал чрезвычайно важным.

Вывод, который из этого нужно сделать, заключается, конечно, не в том, что не следует отграничивать экономические отношения, производственные отношения от производительных сил. Это было бы карикатурным изображением позиций марксизма. Что экономические отношения суть

общественные отношения производства, базирующиеся на определенном уровне развития производительных сил, но не совпадающие с производительными силами—это ясно для каждого марксиста. В частности, и в замечаниях Ленина чрезвычайно ярко подчеркнуто, что в экономических категориях, изучаемых политэкономией, речь идет именно об общественных отношениях производства, производственных отношениях между людьми, а не об отношениях общества к природе, хотя само собой разумеется, экономические отношения между людьми базируются на определенном уровне развития производительных сил, на совокупности отношений общества к природе. Ленин считал, определение экономических категорий, как выражение общественных отношений производства, классическим, ясным и точным определением диалектического материализма.

Против фразы из Маркса, приведенной у тов. Бухарина: «Экономические категории представляют собой лишь теоретические, отвлеченные выражения общественных отношений производства» (стр. 133),—тов. Ленин пишет:

«Вот это точная, простая, ясная, без выкрутас, формулировка диалектического материализма. Quantum mutatus ab illo эклектицизм [1]) Бухарина!».

Здесь мы имеем по сути дела решительное повторение тов. Лениным положения о политэкономии, как науке, изучающей «общественные отношения производства», а не «производство материальных ценностей», которое он выдвигал еще в своих ранних произведениях. Совершенно очевидно, что такое понимание политэкономии и экономических категорий, Ленин считал чеканной и ясной формулировкой диалектического материализма, не нуждающейся ни в каких «уточнениях» и «изменениях» в сторону дальнейшей «материализации».

Производственные отношения в капиталистическом обществе, как и во всяком другом обществе, базируясь на определенном уровне развития производительных сил, представляют собой то специфическое явление, которое изучается политэкономией и которое получает свое выражение в системе категорий политэкономии. Производственные отношения не могут быть поняты без понимания движения производительных сил, на базе которых производственные отношения развиваются. Между производственными отношениями и производительными силами существует тесная связь. Носитель самого важного производственного отношения современного капиталистического общества—рабочий класс, является одновременно величайшей производительной силой, а с другой стороны, сами производительные силы постоянно выступают в качестве важнейшего экономического фактора. Так, рост производительности общественного труда, вызываемый изменением материального технического процесса производства, превращается в могучую экономическую силу, действующую внутри производственных отношений, в экономическую категорию. Такова диалектика различия связи производительных сил и производственных отношений.

Естественно предполагать, что тов. Бухарин в «Экономике переходного периода» пытается применить богдановский постулат равновесия к изучению экономических явлений капитализма и переходной эпохи. Ведь теория равновесия Богданова, воспринятая Бухариным, представляет собой, в определенной степени, краеугольный камень во всей экономической теории тов. Бухарина.

Исходя из положений этой теории равновесия, тов. Бухарин приходит в настоящее время к сомнениям о правильности экономической политики нашей партии, якобы противоречащей закону равновесия, лежащему в основе развития всякой общественно-экономической формации.

[1]) Несколько отличен от этого.

Всякое общество, в том числе и капиталистическое, и переходное общество, должно иметь определенное распределение труда между отдельными отраслями производства, для того, чтобы все потребности общества были бы удовлетворены. Удовлетворение общественных потребностей, которое должно осуществляться всякой производственной системой, так же, как необходимость пропорционального распределения труда между отдельными отраслями, конечно, не могут быть уничтожены никакой общественной формой и, само собой разумеется, не в этом отличие капиталистической системы от системы социалистической. Отличие между различными формами производства нужно искать не в этой естественной необходимости пропорционального распределения труда и не в этой необходимости удовлетворения общественных потребностей при любом общественном строе. Различие надо искать в самой форме общественного производства, в способах удовлетворения общественных потребностей, ибо эти различные формы и способы создают и различные структуры пропорциональности производства и общественного потребления. Поэтому совершенно безнадежным нужно считать стремление понять специфичность данной экономической системы на основе анализа «закона» пропорционального распределения труда или «закона» равновесия, взятых сами по себе. В эту грубейшую ошибку впадает тов. Бухарин.

Тов. Бухарин противопоставляет капиталистическое производство социалистическому в следующих словах:

«Производство при господстве капитала есть производство прибавочной ценности, производство ради прибыли. Производство при господстве пролетариата есть производство для покрытия общественных потребностей» (с. 14).

Неправильность такого противопоставления, в котором исчезает точное различие в общественных структурах обоих обществ, ярко видно из замечания Ленина: «Не вышло. Прибыль тоже удовлетворяет «общественные» потребности. Надо было сказать: где прибавочный продукт идет не классу собственников, а всем трудящимся и только им» (Ленин).

Момент отличия капиталистической общественной формации от социалистической, который сводится к способу присваивания общественного продукта, а не к тому, удовлетворяются ли в одном случае общественные потребности, а в другом, якобы не удовлетворяются, выпал в определении тов. Бухарина. Всякое общество удовлетворяет общественные потребности, различие заключается в способе удовлетворения общественных потребностей, в форме общественного производства.

Эта ошибка тов. Бухарина весьма родственна с механистическим богдановским пониманием равновесия производства. Тов. Бухарин говорит о постулате равновесия общественного производства.

Если, конечно, не приходится возражать против того, чтобы подходить к изучению экономических явлений и с точки зрения определения того, как возможно равновесие, то следует отметить, что ряд моментов в понимании тов. Бухариным равновесия не может быть признан правильным. Тов. Бухарин абсолютизирует, механически изображает необходимость равновесия.

Так, например, говоря о капиталистическом равновесии, о равновесии стихийного рыночного хозяйства, Бухарин пишет:

«Вся система расширяется, усложняется, развивается, находится в постоянном движении и колебании, но в общем и целом находится в состоянии равновесия».

Тов. Ленин против этого места поправляет: «(Равновесия) приблизительного, грубого, в больших числах, à la longue» [1]).

[1]) С точки зрения длительного периода или продолжительного периода

В противоположность тов. Бухарину Ленин подчеркивает, что когда говорится о равновесии в капиталистическом обществе, то речь не идет об абсолютно данном, неизменном равновесии, а о равновесии, как моменте движения, что игнорирует богдановская теория. Речь идет о приблизительном, грубом, в больших числах, равновесии. А там, где тов. Бухарин точку зрения равновесия хочет применить и в отношении переходного хозяйства, тов. Ленин считает целесообразным заменить даже выражение «точка зрения равновесия» некоторым иным положением. «Это очень хорошо»,— пишет тов. Ленин,— «но не точнее ли говорить о «необходимости известной пропорциональности», чем о «точке зрения равновесия». Точнее, вернее, ибо об'ективно первое, а второе приоткрывает дверь философским шатаниям в сторону от материализма к идеализму».

Таким образом, правильнее говорить вообще не о «постулате», «точке зрения равновесия», как это понимает богдановская теория, а только о «необходимости известной пропорциональности». Правда, формулировка тов. Ленина сбрасывает с категории равновесия костюм абсолютности, неизменности и придает ей сугубо диалектическое значение. Но в том то и дело, что равновесие «всегда относительно» (Ленин). Так же точно, как нельзя сказать, что равновесие всегда является характерным для капиталистического хозяйства, игнорируя таким образом момент движения, так точно нельзя сказать того, что «постулат равновесия» не действителен для переходного хозяйства. Относительное, (но только относительное) равновесие—это «постулат», действительный для всякой хозяйственной системы. Этого в достаточной мере ясно не понимает тов. Бухарин.

Чрезвычайно важны замечания тов. Ленина в отношении понимания предмета самой политэкономии. Ограничение политэкономии рамками только товарного капиталистического хозяйства, которое делает тов. Бухарин (а ныне большинство марксистов в СССР), является, по мнению Ленина, ошибочным и представляет собой шаг назад против определения Энгельса.

Тов. Ленин считает, что политэкономия должна существовать и в чистом коммунизме. Когда тов. Бухарин утверждает: — «Конец капиталистического товарного общества будет концом и политической экономии», тов. Ленин замечает: «Не верно. Даже в чистом коммунизме, хотя бы отношение I v + m ко II c? и накопление?».

«Итак, политэкономия изучает товарное хозяйство»,—пишет Бухарин. «Не только!»,—замечает тов. Ленин. Из этого явствует, что Ленин считал безусловно правильным определение политической экономии, данное Энгельсом в «Антидюринге», и сводящееся к тому, что мы должны различать политическую экономию «в широком смысле слова», изучающую хозяйственные формы в разных обществах и политическую экономию «в узком смысле слова», посвященную изучению законов развития товарно-капиталистического общества.

Само собой разумеется, что необходимость изучения производственных отношений разных формаций, так же, как и все определение, данное Энгельсом, ни в коей степени не только не противоречат, но требуют отчетливого понимания специфических исторических особенностей каждой общественной формации. Диалектика требует познания специфических, исторических законов, свойственных товарно-капиталистическому обществу, законов, которые уничтожаются со смертью товарно - капиталистического общества. В отрицании этого, как известно, и заключается коренной порок богдановщины в политической экономии, решительно расходящейся в этом пункте с марксизмом-ленинизмом.

Все это имеет огромный интерес и важность для разрешения ряда теоретических проблем в современной политической экономии и для понимания метода исследования экономических явлений, который применяет марксизм. Замечания тов. Ленина о предмете политической экономии показывают на чрезвычайную важность, которую изучению экономических явлений в их историческом развитии придает марксизм. Логическое исследование экономических явлений, изучение экономических категорий в их логической последовательности, которая дается в экономической системе Маркса, отображает (не может не отображать) богатейший конкретный исторический процесс развития экономики. Только так мы можем понимать отношение между логической и исторической последовательностью категорий в системе Маркса. Логическая последовательность категорий не может точно совпадать с их исторической последовательностью (такое требование могли бы пред'являть только сторонники механистического и вульгарно-эмпирического метода), но она выражает в себе, как в зеркале, наиболее правильное, разумное, «исправленное», по выражению Энгельса, историческое движение.

IV. Империализм и мировое хозяйство.

Наиболее актуальное значение приобретают ошибки тов. Бухарина тогда, когда мы подходим к изучению экономической действительности современного капитализма и нашего переходного хозяйства. Недостатки тов. Бухарина в области понимания им диалектики приводят в вопросах империализма и мирового хозяйства к целому ряду неправильных, не марксистских положений, сплошь да рядом чреватых опаснейшими политическими выводами.

Недостаток конкретности в теоретических построениях дает себя чувствовать здесь с огромной силой. Уже в самом общем подходе к экономическим явлениям современного империализма тов. Бухарин делает грубейшую ошибку, заключающуюся в игнорировании конкретной сложности и многообразия современного мирового хозяйства. Тов. Бухарин изображает под один цвет всю структуру современного мирового хозяйства. Это неправильное изображение мирового хозяйства.

Тов. Бухарин пишет в «Экономике переходного периода»:

> «Современный капитализм есть капитализм мировой». Это значит, что капиталистические производственные отношения господствуют во всем мире и связывают все части нашей планеты крепкой экономической связью». (С. 8).

В этой фразе дано несомненное затушевывание сложности переплета экономических форм в мировом хозяйстве. Капиталистические отношения господствуют, как пишет в замечании Ленин, «не во всем» мире. И это очень важный момент для понимания современной мировой экономики. Последняя охватывает не только капиталистическое хозяйство, но и целый ряд докапиталистических форм хозяйства.

Если для «чистой теории» тов. Бухарина «совершенно безразличным является, насколько велик об'ем, какова пространственная характеристика данного общественного хозяйства» (с. 8), то для правильного марксистского анализа современного хозяйства и для понимания задач, стоящих перед пролетариатом в современном капитализме, само собой разумеется, это не является безразличным.

Игнорирование конкретных особенностей современного хозяйства приводит далее к тому, что тов. Бухарин очень часто смазывает конкретную экономическую суть империализма, превращение капитализма свободной конкуренции в монополистический капитализм. Главная черта империализма,

это—смена свободной конкуренции гигантскими монополиями. А отсюда отношение между монополией и конкуренцией, как двумя «противоречащими друг другу началами», является основным экономическим отношением империализма, без анализа которого нельзя понять закономерности империалистической эпохи. Нельзя считать случайным то обстоятельство, что именно отношение между монополией и конкуренцией выпало в построениях тов. Бухарина об империализме. Что у тов. Бухарина мы имеем некоторый безусловно иной подход ко всей проблеме империализма и мирового хозяйства, нежели у Ленина, это явствует хотя бы из простого сравнения структуры работы Ленина об империализме со структурой книги Бухарина «Мировое хозяйство и империализм». В то время как Ленин основной исходной чертой берет монополию или, иначе, отношение между монополией и конкуренцией, Бухарин по-иному подходит к изучению империализма. Это может показаться странным, но это факт. Ленин отмечает в одном месте на полях «Экономики переходного периода»: «Автор вообще это (монополистический капитализм. *Б. Б.*) позабывает частенько». Но раз у тов. Бухарина «частенько» исчезает основная черта империализма, его монополистический характер и, следовательно, сложность отношения между монополией и конкуренцией, то естественно, что в анализе империализма тов. Бухарин проходит мимо целого ряда его конкретных экономических особенностей.

Вместо монополии на первый план, как в «Экономике переходного периода», так и в других своих произведениях, тов. Бухарин выставляет силу, силовой метод давления, как самое характерное в империализме.

«Вертикальной и сложной конкуренции сопутствуют методы непосредственного силового давления,—пишет тов. Бухарин,—поэтому система мирового финансового капитала неизбежно ведет за собой вооруженную борьбу империалистических конкурентов. Здесь и лежит основной корень империализма» (с. 15).

Если оставить в стороне неточность выражения «силового давления», ибо речь здесь должна итти не о силовом давлении, т.-е. применении силы, а о насильственном давлении, т.-е. применении насилия, свойственном империализму, то в приведенном положении в оголенном виде формулирован основной тезис тов. Бухарина, выдвигающий в качестве коренной определяющей черты империализма наличие метода силового давления, приводящего закономерно к вооруженным конфликтам. Тезис дает об'яснение империализма с точки зрения слегка обновленной «теории силы». Интересно, что по этому поводу пишет Ленин. Против приведенного места на полях Ленин говорит: «Не «поэтому» и не «здесь». Колонии были и до империализма и даже до промышленного капитализма».

Из слов Ленина ясно, что империализм ведет к вооруженной борьбе, к войнам, не потому, что при империализме господствуют методы насильственного давления и не в вооруженной борьбе и в методах силового давления лежит основной корень империализма. Основной корень империализма лежит в монополиях, в гигантском росте монополистических образований, выступающих на смену капитализму свободной конкуренции. Именно отсюда проистекает и свойственный империализму метод насильственного давления, и неизбежность войн и т. д. Одностороннее выпячивание на первый план вопросов силы, войны, вооруженных конфликтов последовательно приводит к тому, что все противоречия империализма сводятся у тов. Бухарина к войнам, к военным конфликтам. В результате неизбежно затушевывание экономических противоречий империализма, лежащих в основе империалистической системы. С точки зрения неправильной «силовой» или «военной» концепции логически закономерно прийти и к отождествлению понятия «войны» с понятием «кризис». И действительно в системе тов. Бухарина в империалистическую эпоху война выступает, как нормальный кризис капиталистической системы. На смену кризиса, как нормального явления капитализма свободной конкуренции, выступает война. Война же выступает, как основной метод конкуренции, заменяющий собой метод конкурентной борьбы капитализма свободной конкуренции.

Об этом смешении понятий «война» и «кризис» тов. Ленин высказывается в своих замечаниях чрезвычайно неодобрительно. Бухарин пишет: «В результате войны мы видим те же явления, что и в результате кризиса, наряду с разрушением производительных сил и уничтожением мелких и средних мировых группировок, гибель самостоятельных государств и возникновение еще более громадных комбинаций, растущих за счет погибающих групп» (стр. 16).

По этому поводу Ленин замечает: «Игра в аналогии. Иногда создание «самостоятельных» государств означает усиление империализма». Таким образом, утверждение об одинаковых последствиях кризисов и войн оказывается на поверку не чем иным, как «игрой в аналогии». Далее, когда Бухарин в другом месте возводит «войну» в один из методов конкуренции на определенной ступени развития (стр. 94), то Ленин по этому поводу замечает: «Не вообще, не всякую». Следовательно, и здесь простая аналогия не разрешает экономической проблемы.

Наконец, высшее, так сказать, «классическое» свое выражение получает положение тов. Бухарина об экономической тождественности понятий «война» и «кризис», там, где тов. Бухарин определяет войну, как отрицательное расширенное воспроизводство. Тов. Бухарин пишет: «Такой процесс можно обозначить, как расширенное отрицательное воспроизводство. Это есть война, рассматриваемая с экономической точки зрения. Реально проходящий процесс есть, таким образом, расширенное отрицательное воспроизводство». К этому положению тов. Ленин делает примечание. «Уф! караул!»

Неправильно смешивать войну с кризисом, хотя война и может быть определена, как специфическое и очень своеобразное выражение кризиса. Война отлична от кризиса. Мы здесь имеем явления, хотя и сходного, но различного порядка. Это обстоятельство т. Ленин отмечал еще в спорах по вопросу о партийной программе в 1917 году. Как известно, в проекте партийной программы, выставленном тов. Сокольниковым в 1917 году, было предложено соединение кризисов и войн, аналогично тому соединению, которое в «Экономике переходного периода» преподносит тов. Бухарин.

В связи с этим предложением тов. Сокольникова, тов. Ленин писал:

> «Тут дело в принципиальной неверности. Кризисы именно в форме перепроизводства или «остановки сбыта товаров» есть явление, исключительно капитализму свойственное. Войны же свойственны и рабской, и крепостнической системе хозяйства». «Неправильным остается именно соединение кризисов и войн ибо это—явления совершенно различного порядка, различного исторического происхождения, различного классового значения». (Т. XIV. ч. II, с. 158—159).

Если война и является своеобразной формой кризиса, свойственного империализму, то война не заменяет кризиса и война ни в коей степени не может быть отождествлена с экономическим кризисом.

Нет нужды доказывать, что эти теоретические ошибки тов. Бухарина теснейшим образом связаны с нынешним односторонним сведением им всех противоречий послевоенного капитализма к войнам, к внешним противоречиям между капиталистическими государствами. Экономические сложные противоречия империалистической эпохи здесь оказались механически сведенными к одному единственному, хотя и важнейшему, противоречию—к военным конфликтам между империалистическими странами.

В действительности же империалистическая эпоха, конечно, не упраздняет кризисов, механически заменяя их войнами. Кризисы в империалистическую эпоху еще более обостряются. Но к ним прибавляются войны, как неизбежный спутник империализма, как необходимое и периодически единственное средство разрешения противоречий капитализма.

Игнорирование сложности экономической структуры мирового хозяйства непосредственными нитями переплетено у тов. Бухарина и с ошибками по национальному вопросу. Тов. Бухарин продолжительное время не понимал значения национального вопроса при империализме. Какой, дескать, национальный вопрос тогда, когда в порядке дня стоит пролетарская, социалистическая революция? Тов. Ленин во время империалистической войны не раз указывал на эту ошибку тов. Бухарина. Но «история повторяется»,— и в «Экономике переходного периода» тов. Бухарин пишет. «Так называемое «национальное государство» уже в довоенный период было чистейшей фикцией» (стр. 155). Ленин подчеркивает это место и пишет на полях: «Не чистейшей фикцией, а нечистой формой. Нарушение «диалектического материализма» состоит в логическом, не материальном скачке через несколько конкретных стадий. Автор забыл, что, во-первых, наиболее империалистические государства выросли из национальных; во-вторых, что «национальные» государства и в колониях формируются».

Здесь факт нарушения материалистической диалектики тов. Бухариным, можно сказать, «заснят» с фотографической определенностью. Увлечение логическими переходами при игнорировании конкретных стадий развития привело тов. Бухарина к одностороннему, неправильному представлению о национальном вопросе в полосу империализма.

Отсутствие конкретного анализа в качестве последствия имеет и непонимание различных типов войн, которые существуют при империализме. Тов. Бухарин продолжительное время забывал о возможности и необходимости национальных войн при империализме. По Ленину, даже одному типу государства может соответствовать «не один» (Ленин) тип войны, а больше. И империалистические войны могут быть различного значения и масштаба. Поэтому, когда тов. Бухарин говорит, что «война в условиях мирового хозяйства, означая нарушение равновесия в одном месте, превратилась с неизбежностью в гигантское потрясение всей системы, в мировую войну»,— Ленин указывает: «Война» 1914 — 1918 г., но не «война» 1911 — 1912 г. Академик опустил «differentiam specificam». Значит, недостаточно понимать значение «войны вообще» (даже империалистической), нужно еще видеть специфические особенности данной конкретной войны.

Тов. Бухарин чрезвычайно упрощает картину мирового хозяйства, забывает про мозаичную действительность современного капитализма, на которую очень часто указывал тов. Ленин. В результате такого упрощения, естественно, картина мирового хозяйства выглядит, как совокупность нескольких «государственных капиталистических трестов», что и доказывает, что такое изображение современного мирового хозяйства не соответствует конкретной его структуре. Теория нескольких государственно-капиталистических трестов—есть теория чистого империализма, о которой неоднократно тов. Ленин отзывался отрицательно.

«Венцом» сугубо абстрактного, не конкретного подхода тов. Бухарина к изучению явлений империализма является точка зрения его на современный государственный капитализм, изображение современного государственного капитализма, как капитализма организованного. Теория организованного капитализма в государственном масштабе, которую наиболее полно развил тов. Бухарин в последнее время, преподнесена читателю и в «Экономике переходного периода». В связи с современными спорами об «организованном капитализме» правильная оценка взглядов на вопрос о государственном капитализме, выраженных в «Экономике переходного периода», приобретает особый интерес.

Ленин придавал огромное значение правильному пониманию государственного монополистического капитализма. В ряде своих статей Ленин указывал на то, что современный монополистический капитализм, в условиях войны, неизбежно перерастает в капитализм государственно-монополистический, представляющий собой, по его выражению, «полнейшую материальную подготовку социализма». Понятно, что в замечаниях на «Экономику переходного периода» тов. Ленин с большим одобрением относится к тем местам, в которых указывается на необходимость развития государственного монополистического капитализма. Так, в том месте, где тов. Бухарин пишет:

> «В общем и целом, можно сказать, что устойчивость этих (капиталистических. *Б. Б.*) систем была прямо пропорциональна высоте государственной капиталистической организации. Без нее капитализм не выжил бы даже того срока, который отвела ему история». (Стр. 150).

Ленин отмечает на полях: «Верно!».

Там, где тов. Бухарин пишет, что «крах империалистической системы задним числом вгоняет империалистам любовь к содружеству в единых рамках мирового хозяйства...» Ленин замечает «trés bien».

Но если было бы глубоко неправильным недооценивать значения государственно-монополистического капитализма, то нужно отметить, что то изображение государственного капитализма, которое дает тов. Бухарин, является сугубо абстрактным, книжным, несоответствующим «греховной» капиталистической действительности, переоценивающим этот процесс организации капитализма в национальных рамках. Тов. Бухарин переоценивал в течение ряда лет организованность национального капиталистического хозяйства. Это с полной определенностью явствует из замечаний тов. Ленина. На 10 странице тов. Бухарин пишет: «Финансовый капитал уничтожил анархию производства внутри крупных капиталистических стран». Тов. Ленин отвечает на полях: «Не уничтожил».

Неверным таким образом, является понимание государственно-монополистического капитализма тов. Бухариным, как капитализма организованного, где анархия, кризисы и т. п. явления исчезли внутри капиталистических стран. Этого нельзя сказать даже о крупных капиталистических странах.

В противоположность тов. Бухарину, тов. Ленин подчеркивает в своих замечаниях огромную роль, которую играет внутри крупных капиталистических стран, например, «реальный процесс обмена между городом и деревней», на существенное место, которое занимают примитивные формы хозяйства и обмена при государственном капитализме. В самом же определении тов. Бухариным государственного капитализма тов. Ленин находит целый ряд существеннейших недостаков. Тов. Бухарин определяет следующим образом государственный капитализм:

> «Государственный капитализм есть рационализация производственного процесса на базе антагонистических социальных отношений при господстве капитала, получающем свое выражение в диктатуре буржуазии. (стр. 107).

Ленин оставил, к счастью, пространную и чрезвычайно интересную рецензию на это определение. «Едва ли правильно,—пишет Ленин,— будет определение государственного капитализма, капитализма без акций и трестов (и, может быть, без монополий). Автор не дает ни конкретной, ни экономической сути». «Нехорошее определение, необходимого в нем нет. А «рационализация, (которой, кстати тов. Бухарин придает пре-

увеличенно-странное огромное значение и в настоящее время. *Б. Б.*) «не всегда». «Господство капитала» и «антагонистичность» — одно и то же. Диктатура буржуазии была и есть до государственного капитализма».

Из приведенной аннотации т. Ленина видно, что и в определении государственного капитализма, в характеристике национального капиталистического хозяйства т. Бухарин игнорирует ряд конкретных экономических черт этого национального хозяйства. Некоторые основные конкретные особенности национального хозяйства, без которых не может быть понята его структура,—акции, тресты, монополии, обмен между городом и деревней, отношение между монополией и конкуренцией, вообще отсутствуют в определении т. Бухарина. Поэтому и здесь можно сказать, что т. Бухарин делает логический (не материальный) скачек, минуя несколько конкретных стадий. Отсюда даже «радикальный» вывод об отмирании экономических категорий капитализма при государственном капитализме, который делает т. Бухарин по поводу категории прибавочной ценности. Тов. Бухарин пишет:

> «При государственном капитализме процесс производства прибавочной стоимости, попадающей в руки класса есть процесс производства капиталистов, с тенденцией превращения этой ценности в прибавочный продукт».

Ни больше, ни меньше, как отмирание категорий прибавочной ценности в рамках капиталистического хозяйства! В этом месте тов. Ленин пишет на полях. ???? «Чудовищно».

Государственно-монополистический капитализм и в свете теоретических положений марксизма и в свете конкретных экономических фактов современной действительности выглядит совсем не так, как он выглядит в учении тов. Бухарина. Его монополистический капитализм представляет собой организованный капитализм в собственном смысле этого слова, капитализм, уничтоживший анархию внутри капиталистических стран. Тов. Бухарин недопустимо переоценивает организованность национального хозяйства и не видит глубокой противоречивости, анархичности в экономических основах государственного капитализма.

Неправильность такого анализа империализма, который отрывается от конкретной экономической действительности, доказывается, наконец, и на вопросе о кризисе капиталистического хозяйства и крахе капитализма.

«Чисто теоретическое» разрешение вопроса, которое дает тов. Бухарин, вызывает у Ленина целый ряд сомнений. Попытка изобразить крах капитализма, построить теорию конца капитализма на основе «чисто теоретических» аргументов не может быть признана удовлетворительной. Вот почему Ленин еще на 8-м с'езде партии, высказываясь против теории чистого империализма, говорил, что нельзя на основе теории чистого империализма, неправильно изображающей конкретную экономическую картину империализма, построить теорию краха капитализма.

Тов. Бухарин в «Экономике переходного периода», однако, попытался вывести крах капитализма из анализа империализма, как «чисто-империалистической» системы. Вряд ли нужно доказывать, что в изображении краха капитализма у тов. Бухарина имеется целый ряд недостатков.

Ленин бросает одно чрезвычайно ценное и глубокое замечание, имеющее непосредственное отношние к вопросу о кризисе капитализма в результате войны, однако, приобретающее огромный смысл и при рассмотрении целого ряда других вопросов современного империализма. Это замечание говорит о связи между теорией и практикой.

Когда тов. Бухарин «чисто-теоретически» приходит к «революционному» выводу о конце капитализма, когда он пишет: «Раз реально дан распад капиталистических производственных отношений и раз доказана теоретически невозможность их восстановления, то возникает вопрос о решении дилеммы «гибель культуры» или «социализм»,— то тов. Ленин возражает: «Невозможность» доказуема лишь практически. Автор не ставит диалектически отношения теории к практике».

Это замечание Ленина имеет глубокий теоретический смысл. Оно показывает полную невозможность разрешения проблемы краха капитализма с точки зрения «чистой» теории. «Чисто-теоретическое» разрешение этой проблемы, конечно, невозможно, ибо «чисто теоретически» можно доказать так же «легко» и крах капитализма и превращение его в ультра-империализм или единый мировой трест. Ведь «чисто-теоретически» ясно, напр., что капитализм идет к единому мировому тресту. Для того, чтобы определить, подлежит ли эта «чисто-теоретически» найденная тенденция осуществлению или капитализм погибнет задолго раньше до того, как он до этого мирового треста дойдет,—уже недостаточно одного «чисто-теоретического» анализа. Этот вопрос можно решить только при учете конкретных трудностей, конкретной остроты противоречий, через которые капитализму нужно пройти. Только при привлечении конкретного экономического материала, только при анализе экономической практики может быть доказана неизбежность гибели капитализма.

Когда тов. Бухарин пишет: «Конкретное положение дел в экономике Европы 1918—20 г. ясно показывает, что этот период распада наступил и что нет никаких симптомов для возрождения старой системы производственных отношений. Наоборот», — Ленин ссылается только на известную французскую поговорку: «Кто доказывает слишком много, тот ничего не доказывает».

А вот дальше, когда тов. Бухарин говорит о том, что рабочий класс перестает соглашаться выполнять капиталистическую функцию, и с этого момента существование капиталистического общества становится невозможным, тов. Ленин пишет на полях: «Вот это верно». Всякому ясно, что это замечание Ленина по вопросу о крахе капитализма и невозможности дальнейшего существования капитализма, которое доказывается не теоретически, а практически, может быть поставлено в непосредственную связь с высказываниями тов. Ленина на 2-м конгрессе Коминтерна, где тов. Ленин убеждал ряд товарищей в том, что «абсолютно безвыходного положения» для капитализма, вообще, не существует и что капитализм будет низвергнут только тогда, когда пролетариат сбросит власть буржуазии.

«Чисто-теоретическое» разрешение вопроса, которое так «по вкусу» т. Бухарину, может привести в равной мере и к сугубо «революционным», «ультра-левым» выводам о том, что теоретически невозможно дальнейшее существование капитализма и сугубо правым оппортунистическим выводам о том, что капитализму еще предстоит продолжительная пора существования. Как известно, оппортунистические элементы в Коминтерне, не без «чисто-теоретической» поддержки т. Бухарина, в настоящее время скатываются именно ко второму варианту разрешения данной проблемы.

Вопрос о крахе капитализма ленинская теория связывает теснейшим образом и с проблемой пролетарской революции в изолированно взятой капиталистической стране. Первая пролетарская революция произошла не в передовых капиталистических странах, а в стране сравнительно отсталой— в России. Интересно, как этот факт расценивается т. Бухариным в «Экономике переходного периода».

Тов. Бухарин пишет: «Крах империалистической системы начался с наиболее слабых хозяйственных систем, с наименее развитой государственно-капиталистической организацией». И в другом месте: «Мировой революционный процесс начинается с низших по своему уровню частичных систем мирового хозяйства» (стр. 150, 152).

Таким образом, т. Бухарин обосновывает пролетарскую революцию в нашей стране, начало краха капитализма именно в России тем обстоятель-

ством, что Россия представляет собой наиболее слабую народно-хозяйственную систему, самую слабую и низшую по своему уровню систему в мировом хозяйстве.

Так ли это на самом деле? Этим ли или только ли этим нужно об'яснить благоприятный исход пролетарской революции в нашей стране? По этому поводу Ленин замечает: «Не верно: *средне*-слабых, а не наиболее слабых (систем *Б. Б.*). Без известной высоты капитализма у нас ничего бы не вышло».

Значит, победоносный исход пролетарской революции в нашей стране вызывается не просто тем, что мы были самой слабой в экономическом и техническом отношении страной, которой, вследствие благоприятного стечения обстоятельств, удалось вырваться из цепи империалистического фронта. Тогда бы действительно нужно было бы считать нашу революцию только «аномалией», «исключением», как это и склонен думать тов. Бухарин в «Политическом завещании». В действительности, победоносный исход нашей революции стал возможным не только вследствие того, что русский империализм не выдержал испытания мировой империалистической войны, но благодаря известному развитию капитализма в нашей стране, который уже имелся и «без которого у нас бы ничего не вышло», как говорит Ленин. «Чистая теория» т. Бухарина, отвлекающаяся от анализа конкретного экономического уровня развития разных частей мирового хозяйства, дает «осечку» и в этом важнейшем вопросе о причинах утверждения диктатуры пролетариата в России.

V. Переходная экономика.

Мы переходим к исключительным по своему интересу замечаниям тов. Ленина по вопросам переходного хозяйства. Здесь с самого начала следует отметить следующую любопытную «мелочь».

Как известно, тов. Бухарин в «Экономике переходного периода» дал целый ряд однобоких, сугубо «революционных» формулировок по вопросам экономического строительства в эпоху диктатуры пролетариата. То, что «Экономика переходного периода» тов. Бухарина отражает довольно явственно практику и идеологию военного коммунизма, является общеизвестной истиной. И тем не менее (это чрезвычайно важно отметить), у т. Бухарина в трактовке ряда вопросов экономического строительства пролетариата уже в «Экономике переходного периода» имеется ряд неправильных, п р а в о - о п п о р т у н и с т и ч е с к и х положений, имеющих определенную связь с ошибками т. Бухарина и в настоящее время.

Здесь на первом месте стоит вопрос о диктатуре пролетариата. Тов. Бухарин в ряде мест естественно отмечает, что в переходный период политический строй характеризуется диктатурой рабочего класса. Тов. Ленин считает нужным подчеркнуть, однако, что эта мысль о диктатуре рабочего класса о том, что руководящим, ведущим, «господствующим классом» в переходную эпоху является пролетариат, не везде и недостаточно четко выявлена тов. Бухариным. Так, например, когда т. Бухарин пишет: «По сути дела здесь задача экономически «б о е в а я, укрепить рабочий класс, к а к к л а с с, г о с п о д с т в у ю щ и й во всех порах экономической жизни», то тов. Ленин пишет: «Вот суть. Автору следовало больше остановиться на понятии «г о с п о д с т в у ю щ и й к л а с с». Тов. Ленин считает недостаточной трактовку этого вопроса со стороны т. Бухарина и считает целесообразным в большей степени, нежели это имеется в «Экономике переходного периода», эту идею—идею руководства рабочего класса, диктатуры рабочего класса, как класса господствующего, — подчеркнуть.

Ленин сочувственно отмечает следующее место у тов. Бухарина. «В переходную эпоху между государственным капитализмом и коммунизмом,

сознательным хозяйственным суб'ектом является не все общество, а организованный рабочий класс, пролетариат». В этом месте Ленин пишет на полях: «Именно».

Ленин отмечает не только недостаточность развития у тов. Бухарина мысли о том, что рабочий класс является господствующим классом в эпоху диктатуры пролетариата. Ленин подчеркивает в одном месте и то, что тов. Бухарин смешивает процесс утверждения власти рабочего класса непосредственно в результате революции с процессом уничтожения классовых различий и классовой борьбы в результате развития переходного периода. Если пролетарская революция заканчивается, прежде всего, утверждением власти пролетариата, то развитие переходной экономики в конечном счете приводит к ликвидации классов, к установлению бесклассового общества. Однако, этот процесс является чрезвычайно сложным, мучительным процессом. Содержание его и составляет содержание переходной эпохи.

И вот, в этом вопросе чрезвычайно любопытно отметить, что уже в построениях тов. Бухарина в «Экономике переходного пероида» эта сложность процесса в некоторых местах исчезает. Тов. Бухарин подчеркивает, что переходная эпоха должна привести к тому, что исчезнет разница между рабочим классом и остальным населением. Однако, он попутно называет этот процесс ликвидации классовых противоречий и слияния рабочего класса с остальным населением социализацией по аналогии с «социализацией», с которой начинается пролетарская революция в экономической области.

Возражая против термина «социализация» в том его понимании, которое он имеет у социал-демократов, тов. Бухарин принимает этот термин для об'яснения процесса ликвидации классовых противоречий, имеющего место в переходную эпоху.

Бухарин пишет:

> «Поскольку мы рассматриваем весь процесс в целом, начиная с насильственной экспроприации вплоть до отмирания пролетарской диктатуры, что есть также п р о ц е с с, разница между пролетариатом и всей совокупностью общественных работников становится все меньше и меньше и, наконец, исчезает совершенно. Т е м с а м ы м д а н о о п р а в д а н и е и т е р м и н у «с о ц и а л и з а ц и я». (С. 109).

Тов. Ленин решительно возражает: «Нисколько, — пишет Ленин, — «оправдал» смешение «процесса» рождения человека с «процессом» смерти»!

Значит, Ленин обвиняет Бухарина в смешении процесса утверждения власти рабочего класса с процессом ликвидации самой диктатуры пролетариата, ликвидации классовых противоречий.

Такого рода смешение, конечно, является теоретически неправильным и сводящимся по существу к замазыванию основных противоречий, с которыми связано развитие переходной экономики.

То, что дано в «неразвитом виде» в «Экономике переходного периода» в настоящее время видно и «невооруженным глазом». Как известно, в настоящее время тов. Бухарин, как правые вообще, видит действительно в развитии переходной экономики только одну сторону, по преимуществу, а именно то, что переходная экономика должна привести в результате к ликвидации классовых отношений, к бесклассовому обществу. Но они игнорируют другую, чрезвычайно важную сторону, составляющую также «зерно» переходной экономики: это глубокие противоречия, мучительный процесс развития на пути к бесклассовому обществу.

Очень существенно отметить, что эти ошибки в зародыше уже встречаются в неправильном применении понятия «социализация» тов. Бухариным еще в «Экономике переходного периода».

Тов. Ленин указывает и на другую ошибку тов. Бухарина в понимании процесса отмирания аппарата диктатуры пролетариата. Тов. Ленин прямо предостерегает Бухарина в одном из своих замечаний от неправильного изображения преждевременного отмирания некоторых аппаратов пролетарского государства. Тов. Бухарин этот процесс отмирания пролетарского государства изображает таким образом:

> «Внешняя принудительная нормировка начинает отмирать, сперва отомрет армия и флот, как орудия наиболее острого внешнего принуждения; потом—система карательных и репрессивных органов; далее—принудительный характер труда и проч.».

Тов. Ленин делает следующее осторожное замечание на полях: «Не наоборот ли: сначала «далее», затем—«потом» и, наконец, «сперва?».

Такое важное орудие принуждения и орудие пролетарской диктатуры, как армия и флот, вряд ли начнет отмирать так рано, как это изображает тов. Бухарин. Отмирание этого орудия диктатуры пролетариата будет, по предположению Ленина, только заключительным аккордом, заключительным актом в процессе отмирания всего аппарата пролетарского государства, а не его начальным актом, как поспешно думает тов. Бухарин.

И здесь, следовательно, в вопросе об отмирании государства в переходную эпоху тов. Бухарин уже в «Экономике переходного периода» делает по сути дела право-оппортунистическую ошибку.

С большой силой подчеркивает тов. Ленин важность понимания необходимости борьбы буржуазных слоев населения против диктатуры пролетариата. И опять-таки мысль о неизбежности обостренной борьбы буржуазии с диктатурой пролетариата. Ленин выпячивает в гораздо большей степени, нежели это делает «ультра-левый» тов. Бухарин.

Когда тов. Бухарин, перечисляя различные слои буржуазного населения (бывшие помещики, торговые и промышленные капиталисты, рантье, крупные бюрократы, техническая интеллигенция, офицерство, крупное крестьянство, духовенство и т. д.) приходит к выводу, что все эти слои, классы и группы неизбежно ведут активную борьбу «против пролетариата под политической гегемонией представителей финансового капитала и под военной гегемонией генералитета», то Ленин пишет на полях «Верно».

И тем не менее, «ультра-левый» тов. Бухарин прямо не дооценивал уже тогда необходимости решительного отпора кулацко-буржуазным элементам в переходную эпоху. По поводу выступлений кулацких элементов против пролетарской диктатуры и соответствующих мер, которые эти выступления должны вызывать со стороны пролетариата, тов. Бухарин писал: «Если крепкие крестьяне (кулаки) активно борются против мероприятий пролетарской диктатуры, то «концентрированному насилию» пролетариата приходится давать более или менее внушительный отпор кулацкой Вандее».

Тов. Ленин берет слова «более или менее» в скобки и пишет на полях: «Самый» (внушительный), а не более или менее».

Если проблема отношения к крестьянству, в связи с вопросом о торговле, не занимает у т. Бухарина в «Экономике переходного периода» надлежащего места, то вместе с тем следует отметить целый ряд ценнейших мыслей, брошенных тов. Лениным по этому вопросу.

Основная мысль замечаний тов. Ленина по вопросу о крестьянстве сводится к тому, что нужно сильнее, нежели это имеется у тов. Бухарина, подчеркнуть противоположность двух главных тенденций, борющихся между собой в переходной экономике—социалистической тенденции с одной стороны, и товарно-капиталистической тенденции—с другой. Это противопостановление двух хозяйственных тенденций не нашло достаточного освещения у тов. Бухарина. Тов. Бухарин пишет об «организующей тенденции» пролетариата и «товарно-анархической» тенденции крестьянства. В этой формулировке смазано классовое содержание этой тенденции и тов. Ленин делает чрезвычайно резкое замечание к этому месту. Он пишет: «Надо сказать: между социалистической тенденцией пролетариата и товарно-капиталистической тенденцией крестьянства. Подставлять здесь слово «организующей» есть теоретическая неверность, шаг назад от Карла Маркса к Луи Блану».

Эта же мысль относительно того, что развязывание товарной стихии крестьянского хозяйства неизбежно должно привести к развитию капиталистических тенденций в нашем хозяйстве, выдвинуто тов. Лениным и в ряде других замечаний по вопросу о крестьянстве. Там, где тов. Бухарин указывает, что «простое товарное хозяйство есть не что иное, как эмбрион капиталистического хозяйства» и что «борьба вышеописанных тенденций есть по существу продолжение борьбы между коммунизмом и капитализмом»,—тов. Ленин пишет: «Верно и лучше, чем «анархия».

Развивая простое товарное хозяйство, мы имеем в результате не простое развитие рыночной стихии («анархии»), но развитие капиталистических тенденций и соответствующая борьба с рыночной стихией должна расцениваться как продолжение ожесточенной борьбы между коммунизмом и капитализмом в переходную эпоху. Это доказывает, что рынок и товарное хозяйство в переходную эпоху не является только одной «внешней оболочкой» и имеет огромное экономическое значение. И тов. Ленин, в противовес тов. Бухарину, отмечает это следующим образом. Когда тов. Бухарин пишет:

> «Для главной массы мелких производителей втягивание их в организованный аппарат возможно, главным образом, через сферу обращения, следовательно, формально, таким же путем, как и при системе государственного капитализма». (С. 85).

Ленин поправляет: «Не только формально».

Следовательно, развитие отношений с крестьянством через рынок имеет не только «формальное» сходство с подобного же рода отношениями при государственном капитализме, но в известной, конечно, степени и по существу. Рыночные отношения с крестьянством не только формально аналогичны товарным отношениям в капиталистическом обществе, но в определенной мере эти формы порождают и соответствующие существенные изменения в области самой экономики, влияя в этой мере на развитие простого товарного хозяйства в капиталистическое, если этому развитию не будут поставлены соответствующие барьеры ростом социалистических элементов в самом производстве.

Что рынок не является просто «внешней оболочкой», «внешней поверхностью явлений», тов. Ленин отмечает еще и в другом месте. Тов. Бухарин пишет:

> «Поскольку процесс производства отрывается от процесса потребления, постольку даже там, где сохраняется вольный рынок, на поверхность явлений выступают потребительские мотивы». (С. 133).

Тов. Ленин поправляет: «Не только «на поверхности» и не только «явлений».

При глубоком понимании особенностей переходной эпохи, отличающих ее от капиталистического хозяйства, тов. Ленин видит в развитии рынка и рыночных связей, не безразличную форму, в отношении к которой мы можем оставаться равнодушными. Ленин понимал всегда превосходно, что развитие рыночных отношений не есть только формальный процесс, но

процесс, ведущий по существу с определенного момента к развязыванию товарно-капиталистических отношений.

Крестьянство в переходную эпоху, среднее и бедное крестьянство, не может не быть подвергнуто силе колебаний. Если с одной стороны, этот крестьянин является тружеником и, как таковой, заинтересован в союзе с рабочим классом, в строительстве социализма, то с другой стороны, существование его, как частного собственника, ведет его по другому пути, по пути развития его хозяйства в хозяйство капиталистическое. Постолько мы имеем противоречия, а не только союз в отношениях между рабочим классом и крестьянством. Вот почему стремление к свободной торговле, которое свойственно просто товарному крестьянскому хозяйству, на определенной ступени неизбежно перерастает в стремление к капиталистической наживе.

Это обстоятельство «выпирает» в замечаниях т. Ленина в целом ряде мест, и это приобретает сугубо важный смысл в свете нынешних разногласий внутри партии по вопросу о дальнейшем развитии простого товарного хозяйства.

Тов. Бухарин пишет в «Экономике переходного периода»:

> «Массы среднего, а отчасти даже бедного крестьянства, постоянно колеблются, движимые то ненавистью к капиталистическо-помещичьей эксплоатации, ненавистью, которая толкает их к коммунизму, то чувством собственника (а, следовательно, в годину голода и спекулянта), которое толкает его в об'ятия реакции. Последнее выражается в сопротивлении государственной хлебной монополии, в стремлении к свободной торговле, и к спекуляции, которая есть свободная торговля». (С. 146).

Против этого места тов. Ленин сделал два раза замечание: «Верно!».

Приведенные слова т. Ленина по вопросу об отношении к крестьянскому производству, к мелкому хозяйству и к свободе торговли (хотя и высказанные им в период военного коммунизма), имеют, можно сказать, огромное «служебное значение» и для уяснения нашего отношения к крестьянству и к торговле в настоящий период. Нет надобности доказывать, что новая экономическая политика, которая началась с об'явления свободы торговли, только в сознании оппортунистических теоретиков, «сводится» к об'явлению свободы торговли.

Свободная торговля не только не отменяет борьбы с капитализмом в самом производстве, но и предполагает наступление на капиталистические элементы в производственном процессе и преобразование с определенного момента и самых рыночных форм в какую-то иную в принципиальном отношении форму связи с крестьянством.

Судя по ряду замечаний т. Ленина, он придавал огромное значение вопросу организации рабочего класса в период диктатуры пролетариата. В ряде мест тов. Ленин подчеркивает, что организованность рабочего класса является существеннейшим основным моментом, который определяет силу рабочего класса, который определяет и самый процесс трансформации, переделки хозяйственных отношений.

Те места у тов. Бухарина, которые говорят относительно организованности рабочего класса, вызывают у тов. Ленина ряд поправок. Тов. Ленин пишет, что речь должна итти не только об организованности рабочего класса. Надо бы добавить,— замечает тов. Ленин,— численность, роль в экономике страны, связь с массой трудящихся и его организованность.

Там, где тов. Бухарин указывает, какую огромную роль должна сыграть организованность рабочего класса для подчинения и организации трудящихся масс населения, для подчинения непролетарских слоев населения, тов. Ленин отзывается чрезвычайно одобрительно, бросая замечания,

вроде: «Очень хорошо!», «верно!». Колоссальнейшее значение здесь приобретают, по мнению Ленина, такие вопросы, как вопрос о самодисциплине рабочего класса, о руководстве со стороны пролетариата средними и низшими слоями рабочего класса и т. д. и т. п. Против соответствующих мест у тов. Бухарина можно не раз найти замечания Ленина: «Очень хорошо!», «Вот именно!», «Верно!».

Изображение процесса отмирания экономических категорий в переходную эпоху со стороны Бухарина вызывает ряд замечаний у тов. Ленина. Ленин подчеркивает правильность указаний об отмирании таких категорий, как ценность, заработная плата и т. д. Ленин с неоставляющей никакого места для сомнения ясностью указывает в замечаниях, что ценность и другие категории исчезают в переходную эпоху. Тов. Бухарин пишет: «Ценность, как категория товаро-капиталистической системы в ее равновесии менее всего пригодна в переходной период, где в значительной степени исчезает товарное производство». Ленин на полях замечает: «Верно!» А когда т. Бухарин говорит: «При системе пролетарской диктатуры рабочий получает общественно-трудовой паек, а не заработную плату»,—то Ленин снова пишет: «Верно, и хорошо сказано, без выкрутас. Это надо было бы развить в ущерб десяткам страниц с «точками зрения».

Из этого следует, что т. Ленин считал безусловно необходимым в теории тщательно проследить процесс отмирания основных экономических законов и категорий капиталистического общества.

В этой же связи следует отметить одну мысль, высказанную тов. Лениным по вопросу об отмирании категории «товар». У нас сплошь да рядом говорят о «превращении товара в продукт». Интересно, что как раз, по поводу таких же замечаний тов. Бухарина, Ленин пишет: «Не точно: (товар) превращается не в «продукт», а как-то иначе. Etwa: в продукт, идущий на общественное потребление, не через рынок». Здесь, в противоположность обычным утверждениям, тов. Ленин отмечает необходимость указания того, какую общественную форму приобретает продукт в социалистическом обществе. Неверно говорить об отмирании товара и превращении его в простой продукт. Речь идет в превращении товарной формы продукта в какую-то иную, общественную форму продукта, когда продукт, как выражается Ленин, «идет на общественное потребление, не через рынок».

Если вспомнить, что мысль о превращении товара в простой продукт, игнорирующая общественную форму, приобретаемую последним, чрезвычайно напоминает рассуждения т. Бухарина и других, в настоящее время о перерастании закона стоимости в «закон трудовых затрат», то приведенное замечание тов. Ленина проливает яркий свет на теоретическую неправильность теории закона трудовых затрат. Не о «законе трудовых затрат» должна итти речь в социалистическом хозяйстве, хотя трудовые затраты всюду и везде регулировали общественное производство. В социалистическом хозяйстве на смену закона стоимости выступает иная форма регулирования общественного производства — через сознательную организацию, через план. В плановую форму регулирования перерастает закон стоимости, а не в «закон трудовых затрат», равно, как товар перерастает не в продукт, а в продукт, который «идет в общественное потребление, не через рынок».

Наконец, следует отметить еще один недостаток, который тов. Ленин находит у тов. Бухарина в «Экономике переходного периода». Это недостаточно конкретный анализ экономической действительности переходного периода. Выше уже отмечалось, что т. Ленин считал неправильным построение «общей теории трансформационного процесса» независимо от конкретных экономических фактов. В этом он видел большую методологическую ошибку в построении тов. Бухарина. Поэтому он рекомендовал в заключительном отзыве о книге выбросить кое-что из схоластических

упражнений и, наоборот, дополнить теоретические рассуждения рядом фактов. Поэтому же тов. Ленин указывает, что недостаточно в книге освещены такие вопросы, как вопрос об электрификации и т. д. Тов. Бухарин пишет: «Отмена частной собственности на средства производства, отмена патентного «права» и коммерческой тайны,—единство плана и т. д., делают возможным переход на электрическую энергию». Тов. Ленин отмечает: «Об этом надо бы больше».

Следовательно, этому вопросу, вопросу изменения в материальном производстве, вытекающему из изменений в структуре производственных отношений, в отношениях собственности и т. д., тов. Ленин придавал большое значение и считал, что освещение этого вопроса должно безусловно входить составной частью в изображение процесса развития переходной экономики.

* * *

Партия занята сейчас не без основания изучением теоретических ошибок тов. Бухарина. Совершенно ясно, что политические и теоретические ошибки т. Бухарина теперь представляют собой логическое развитие, продолжение тех ошибок, которые тов. Бухарин совершал в течение ряда прошлых лет. Серьезное изучение уклонений от партийной линии такого образованнейшего марксиста, как тов. Бухарин, не может не обнаружить того очевидного факта, что здесь мы имеем дело с целой системой ошибок, об'яснение которых должны искать, начиная с самых «верхних этажей» сознания тов. Бухарина, с вопросов диалектики философии.

Недостатки в применении диалектического метода проходят красной нитью через важнейшие произведения и высказывания тов. Бухарина. Поэтому даже лучшие марксистские его работы носят на себе следы общеметодологических дефектов. Раскрытие ошибок т. Бухарина нужно партии, конечно, не для того, чтобы выбросить за борт то ценное и положительное, что т. Бухарин внес в марксизм-ленинизм. Это ясно само собой. Это раскрытие имеет огромное воспитательное и теоретическое значение для партии и особенно для подрастающего поколения. Партия должна изучить теоретические ошибки т. Бухарина для того, чтобы понять, какую огромную роль играет теория, даже в самых отдаленных, казалось бы, от практической жизни сферах для этой практической жизни, для политики. Партия должна извлечь из этого важнейший урок. Теория неразрывно связана с практикой, так же точно, как коренные проблемы практическо-политической работы обязательно упираются в конечном счете в то или иное (правильное или ошибочное) понимание теоретических положений. Ибо

> «нельзя вполне усвоить себе никакой ошибки, в том числе и политической, если не доискаться теоретических корней у того, кто ее делает, исходя из определенных, сознательно принимаемых им, положений». (Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 57).

Выяснение теоретических ошибок т. Бухарина будет способствовать несомненно в огромной мере разработке основных проблем ленинской теории. Это ясно хотя бы из того, что раскрытие ошибок т. Бухарина должно будет обязательно сопровождаться теоретическим марксистским преодолением этих ошибок. Ясно, что эта задача может и должна быть выполнена усилиями коллективной теоретической мысли партии. Огромное значение, которое в связи с этим имеют только что опубликованные замечания Ленина на «Экономику переходного периода», очевидно. Нет надобности доказывать также, какую колоссальную положительную ценность имеют эти новые материалы ленинского наследства. Задача партии на ближайшее время состоит во встесторонней научной, теоретической и политической их разработке.

С. Бессонов.

Накопление и резервы[1]).

(О „Заметках экономиста“ тов. Бухарина).

На пороге второго года пятилетки во всех отношениях полезно оглянуться на те «сомнения», которые существовали в некоторых прослойках партии год тому назад по вопросу о первом годе пятилетия. На первом месте здесь надо поставить «Заметки экономиста» тов. Н. Бухарина («Правда» 30 сентября 1928 г., № 228). В этих «Заметках», впервые в партийной прессе, были отчетливо формулированы и теоретически «обоснованы» некоторые критические «замечания» по вопросу о характере нашего пятилетнего плана, в связи с первым годом его осуществления. До того времени подобные сомнения высказывались в более или менее завуалированном виде лишь в наших специальных экономических журналах и то лишь непартийными или около-партийными людьми. Тяжелое впечатление, произведенное на партию выступлением тов. Н. Бухарина, об'яснялось, главным образом, этой неожиданной его солидарностью со столь несоответствующей ему компанией.

Центральным по внешности пунктом «Заметок» тов. Бухарина явилась проблема товарного голода. В поисках об'яснений этому явлению тов. Бухарин пришел к известному выводу, что товарный голод, так же как и другие хозяйственные затруднения Советского Союза, отнюдь не лежит в природе советского хозяйства, как такового, а является необходимым следствием «крупных ошибок хозяйственного руководства», которые при огромной роли планового начала в наших условиях, «вызывая нарушение основных хозяйственных пропорций в стране, могут тем самым вызвать к жизни и крайне неблагоприятные для пролетариата перегруппировки классов. Нарушение необходимых экономических соотношений имеет своей другой стороной нарушения политического равновесия в стране» («Заметки экономиста»).

Это положение является решающим для всего построения тов. Бухарина. С точки зрения нашей темы, особенно важно выделить здесь ту мысль тов. Бухарина, согласно которой существуют будто бы некоторые «основные хозяйственные пропорции в стране», некоторые «необходимые экономические соотношения», нарушение которых немедленно приводит к деформации спроса и предложения, к явлениям товарного голода, к кризисам. Государственное плановое начало, по мысли тов. Бухарина, может находиться по отношению к этим «основным хозяйственным пропорциям», к этим «необходимым экономическим отношениям» в двояком положении. Если оно действует, сохраняя эти пропорции и отношения, то это очень хорошо. Если оно действует, нарушая эти пропорции и отно-

---

[1]) Извлечение из этой статьи было в свое время напечатано в журнале «Коммунист. Революция», № 7, за 1929 г., (С. Б.).

шения, то это очень плохо, это ошибка, неизбежно приводящая к кризису и впоследствии к краху.

Дальнейшие разделы «Заметок» тов. Бухарина посвящены конкретному изложению отдельных «нарушений», внесенных будто бы неправильным хозяйственным руководством в «основные хозяйственные пропорции страны», в ее «необходимые экономические отношения», как-то: в соотношение между индустрией и сельским хозяйством, в соотношение между производством и потреблением, в пропорции между накоплением и резервами, в соотношения между отдельными отраслями промышленности и т. д., и т. п.

Серьезный вопрос, который партия в праве пред'явить к тов. Бухарину по поводу этого построения, заключается в следующем: о каких, собственно говоря, «основных хозяйственных пропорциях» и о каких «необходимых экономических соотношениях» идет здесь речь — о тех ли, которые остались нам от буржуазно-помещичьего строя и которые мы хотим сломать, или о тех, которые знаменуют собою переход к социалистическому строю и которые мы хотим создать?

Не нужно даже читать всей статьи тов. Бухарина, чтобы убедиться в том, что тов. Бухарин имеет здесь в виду именно старые хозяйственные пропорции, старые экономические соотношения, потому что его мысль, цитированная выше, становится совершенно непонятной, если применить ее к еще несуществующим хозяйственным пропорциям, к новым экономическим соотношениям, которых пока еще нет и которые мы только еще хотим создать.

Итак, «крупные ошибки хозяйственного руководства» заключаются, по мнению тов. Бухарина, именно в том, что наша политика «нарушает» существующие пропорции и соотношения в стране и тем самым вовлекает трудящихся в кризисы, потрясения и политические неприятности.

К сожалению, ни в одном месте своей статьи тов. Бухарин не ответил на основной политический вопрос, поставленный его выступлением перед партией: каким образом можно построить новое социалистическое общество, не нарушая в корне «основных хозяйственных пропорций» и «необходимых экономических отношений», оставшихся нам от капиталистического строя?

Если высшая мудрость хозяйственного руководства заключается, по мнению тов. Бухарина, в сохранении тех пропорций и соотношений, которые существовали в стране, примерно, в 1925/26 году, то какой же колоссальной ошибкой должен представляться ему тот пятилетний план, который принят XVI партконференцией! Ведь этот план, при его осуществлении, не оставляет камня на камне от хозяйственных пропорций, которые характерны для 1925/26 года и которые в основном унаследованы нами от царского строя.

Одно из двух. Либо стоять на точке зрения необходимости социалистического строительства и тогда не только не надо бояться, но следует прямо стремиться к нарушению и к ломке старых пропорций и соотношений во имя и ради создания новых. Либо считать нарушение старых пропорций хозяйственной и политической ошибкой и тогда нечего рассуждать о социалистическом строительстве и следует прямо высказаться против пятилетнего плана, который весь построен на ломке и прямом отрицании именно этих старых пропорций.

На этот важный вопрос тов. Бухарин, к сожалению, не дал ясного ответа, оставив всю партию в неизвестности насчет своей прямой позиции по отношению к плану социалистического строительства.

В нашей партийной прессе уже было отмечено [1]), что теоретические корни этой неясности в позиции тов. Бухарина уходят с одной стороны к его представлениям об обществе, как о некоей системе тел, находящихся в состоянии равновесия, с другой стороны к его известной трактовке пропорций материального производства, как чего-то вечного, неизменного, безразличного к определенной исторической форме своего проявления.

Эти механистические «устои» концепции т. Бухарина дают себя знать и в данном вопросе. Выше мы уже видели, что тов. Бухарин «сводит» классовые перегруппировки к нарушению «хозяйственных пропорций» и «экономических соотношений» в стране. Казалось бы ничего плохого в этом не должно быть, если, например, в результате произведенных «нарушений» классовые силы прочно перегруппировываются в пользу пролетариата. Однако, тов. Бухарину кажется, что всякое без исключения изменение «хозяйственных пропорций» идет во вред пролетариату, нарушает «политическое равновесие» в стране.

Тезис тов. Бухарина был бы верен только в одном случае, если бы «хозяйственные пропорции» в стране целиком соответствовали интересам пролетариата. Тогда всякое их «нарушение» действительно направлялось бы против рабочего класса. Но не кажется ли читателю, что полное соответствие хозяйственных пропорций интересам пролетариата может наступить лишь в коммунистическом обществе, где самая надобность в пролетариате, как особом классе, исчезает и где, следовательно, тезис тов. Бухарина становится бессмысленным. По отношению же к современному советскому обществу мысль тов. Бухарина не только глубоко неправильна, но и опасна.

Можно ли рассматривать наши теперешние хозяйственные пропорции и соотношения, например, соотношения между промышленностью и сельским хозяйством, между легкой и тяжелой индустрией, между коллективными и индивидуальными хозяйствами в деревне и т. д., и т. п., как удовлетворительные с точки зрения пролетариата? Никоим образом! Эти пропорции были удовлетворительными с точки зрения компрадорской русской буржуазии и кулацкого крестьянства, но для победившего пролетариата эти пропорции суть путы, которые нужно во что бы то ни стало «нарушить», разорвать, сломать, чтобы поставить на их место новые.

Таким образом, мы ничего не поймем в нашей действительности и совершенно запутаем нашу политику, если будем вслед за тов. Бухариным от пропорций итти к классам, а не наоборот. Никаких «внеклассовых» «внеисторических» пропорций не существует, и каждый новый класс, приходящий к власти, неизменно, хотя и в различной степени, устанавливает новые пропорции и ломает старые. Пролетариат в этом отношении отличается от всех ранее господствовавших классов гигантским размахом и своей разрушительной и своей созидательной работы. В то время, как все ранее господствовавшие классы в основном оставляли неизменными хозяйственные пропорции, вытекавшие из эксплоатации одного класса другим, создавая тем самым видимость некоторой «плавности» в развитии классовых общественных форм,—пролетариат ломает до основания все без исключения устои классового общества, нарушая тем самым всесторонне прежние пропорции. Требовать при таких условиях, чтобы пролетариат сохранял пропорциональность «вообще» и во что бы то

[1]) См ст. тов. Луппола в № 18 «Большевика» за 1929 г.

ни стало, это значит требовать, чтобы он перестал быть пролетариатом.

Нельзя сказать, чтобы тов. Бухарин не понимал необходимости новых пропорций материального производства в социалистическом обществе. Полемизируя в свое время с тов. Преображенским, он спрашивал:

«Разве в самом деле в разных общественных структурах мы имеем одинаковые пропорции между различными производственными отраслями? Разве динамика этих пропорций и соотношений одна и та же? Наконец, что означает громаднейшее различие в темпе развития?» [1]).

Казалось бы после столь недвусмысленно поставленных вопросов необходимо перейти к ответу на них, т.-е. к выяснению того, какие же именно пропорции нужны для социалистического общества, какие темпы развития, какая динамика этих пропорций, чтобы, в связи с выяснившимися таким образом специфическими особенностями социалистического строительства, распределить и наши трудовые затраты.

Но напрасно читатель будет искать ответа на поставленные вопросы у тов. Бухарина. Единственно, что смог указать тов. Бухарин в этом отношении, заключается в следующем:

«В социалистическом обществе, — писал тов. Бухарин, — «естественная система потребностей» и ее динамика иная, благодаря отсутствию двухбюджетной системы» (нет классов, отсутствуют разные качественно-потребительские бюджеты общественных слоев)» [2]).

И это все! Таким образом разница в структуре социалистического и капиталистического общества сведена тов. Бухариным к разнице в характер потребления: в социалистическом обществе потребление обладает, видите ли, большей качественной однородностью, чем в капитализме.

Едва ли нужно доказывать неправильность подобного представления. Социалистическое общество отличается от капиталистического не только характером своего потребления, но, прежде всего и раньше всего, характером своего производства, характером своих производственных отношений. Только потому, что социалистическое общество имеет иную структуру производства, иной тип производственных отношений, оно имеет и иную структуру потребления. Новые потребности, о которых, как о движущем мотиве, говорит в своих «Заметках» тов. Бухарин, не падают с неба, а вырастают вместе и вслед за развитием социалистического производства. Поэтому нет ничего ошибочнее указания на потребление, как на единственную сферу различий между капитализмом и социализмом.

Коренные классовые различия, существующие между советским обществом и обществом капиталистическими, оказывают влияние не только на структуру потребления, но не в меньшей мере также и на структуру производства. Больше того! Самые изменения в потреблении происходят здесь лишь на основе изменений в производстве; смешно было бы думать, что мы сможем серьезно изменить характер нашего теперешнего потребления, не перестроив предварительно и в корне всего нашего производства!

Каким же образом тов. Бухарин пропустил столь важное обстоятельство, сосредоточив целиком центр своей аргументации на вопросах потребления?

Причина заключается здесь в том, что, вместо аргументации от классовых задач пролетариата в настоящее время, тов. Бухарин

[1]) «К вопросу о закономерностях переходного периода».
[2]) Там же, 50.

аргументирует от бесклассового и внеисторического [1]) закона пропорциональности трудовых затрат, блюсти который мы должны будто бы пуще зеницы ока. Но так как никакого «внеисторического» и «внеклассового» закона трудовых затрат в действительности не существует и существовать не может, то под флагом этого закона тов. Бухарин рекомендует нам, по сути дела, приспособить всю нашу работу и всю нашу политику к тем самым пропорциям, которые существуют в настоящее время и которые достались нам в основном от царской России.

Но как же быть в таком случае со строительством социализма в нашей стране?

Тов. Бухарин глубоко ошибается, когда думает, что можно развивать социалистические отношения в СССР, сохраняя существующие пропорции и соотношения в системе материальных производительных сил. На пороге второго года пятилетия подобная точка зрения кажется абсолютным анахронизмом. Именно опыт 1928/29 года, больше чем всякий другой, показал, что развертывание системы социалистических отношений в сельском хозяйстве, например, не может происходить иначе, как только на основе прямого изменения и перераспределения материальных производительных сил, прямого нарушения старых пропорций в соотношении крупного и мелкого хозяйства, машинного и ручного труда, кооперированного и индивидуального производства и т. д., и т. п.

Излишне доказывать, что и в области промышленности ни о каком развитии социалистической формы не могло бы быть и речи, если бы мы не подкрепляли развитие этой формы соответствующим развитием ее материального содержания, если бы не создавали одновременно новой системы производительных сил, на которую могли бы прочно опереться социалистические производственные отношения.

Таким образом, теоретические корни взглядов тов. Бухарина покоятся на неправильном представлении о соотношении содержания и формы, на чисто механистическом взгляде на развитие общественных процессов [2]).

Правильное диалектическое соотношение содержания и формы заключается в том, что вслед за изменением социальной формы неизбежно должно было измениться (и действительно изменяется) и все материальное содержание общественного производства. Созданные в условиях буржуазно-помещичьего строя старые пропорции и соотношения материального производства должны рано или поздно уступить свое место иным пропорциям и соотношениям, соответствующим новому социалистическому строю. В противном случае, и сам этот строй, сама новая социальная форма оказались бы висящей в воздухе, неустойчивой и непрочной.

Следовательно, вопреки мнению тов. Бухарина, развитие социалистических отношений в СССР, т.-е. строительство социализма заключается отнюдь не в сохранении и расширенном воспроизведении старых пропорций

[1]) «Надисторического», как характеризовал его тов. Бухарин в своих статьях «К вопросу о закономерностях переходного периода».

[2]) Пропорции общественного производства кажутся т. Бухарину вечными и нерушимыми. Они так сказать, несоциальны и неисторичны. Исторична, изменчива лишь форма их проявления. Форма, таким образом, выступает здесь как нечто совершенно внешнее по отношению к содержанию, механически с ним соединяемое. Общеизвестно, что в полемике с Преображенским тов. Бухарин именно так и обосновывал вечность закона пропорциональности трудовых затрат. Между тем, едва ли стоит доказывать, что каждая социально-экономическая формация имеет свою особую пропорциональность трудовых затрат, свою особую структуру производительных сил, отличную от пропорциональности и структуры других общественных формаций.

и соотношений материального производства, а совершенно напротив — в их коренной ломке и изменении. В этом существенном вопросе взгляды тов. Бухарина оказались, как это ни странно, совершенно противоположными взглядам всей партии.

II.

Из числа вопросов, поднятых «Заметками экономиста» тов. Бухарина, остановимся на одном немаловажном вопросе, имеющем прямую связь с проблемой товарного голода, а именно на вопросе о резервах.

Совершенно очевидно, что, коль скоро все пропорции материального производства оказываются глубочайшим образом связанными с той общественной формой, внутри и под влиянием которой они возникают, то, само собой понятно, что и соотношения между накоплением и резервами не представляют исключения из этого правила. Каждая общественная формация имеет свою особую структуру, свой особый характер существования резервных фондов, отличающийся от характера других общественных формаций. С этой точки зрения едва ли правильно ставить вопрос о резервах так, как поставил его в своих «Заметках» тов. Бухарин, т.-е. безотносительно к той особой исторической форме, в пределах которой наша политика резервов осуществляется.

Какие же особенности отличают постановку проблемы о резервах в наших условиях?

Чтобы ответить на этот вопрос, попробуем проанализировать те пропорции и соотношения, которые необходимо складываются между накоплением и резервами в условиях СССР.

В своих «Заметках» тов. Бухарин писал:

> «Мы должны стремиться к возможно более быстрому темпу индустриализации. Значит ли это, что мы все должны вкладывать в капитальное строительство? Вопрос в достаточной мере нелеп. Но этот нелепый вопрос скрывает в себе другой вопрос вполне «лепый», а именно вопрос о границах накопления, о верхнем лимите для сумм капитального вложения.
>
> Прежде всего при составлении программы капитального строительства необходимо иметь в виду директиву партии о резервах (валютных, золотых, хлебных, товарных)».

Из всего контекста статьи тов. Бухарина видно, что наметка программы капитальных работ должна, по его мнению, начинаться с образования резервов. «Прежде всего» необходимо иметь в виду директиву партии о резервах, а потом уже директиву о накоплении... После того, как образован резерв, можно думать и о капитальных работах и т. д.

Почему же образование резервов представляется тов. Бухарину первоочередным из всех дел социалистического строительства? По очень простой причине. Потому, что тов. Бухарин прямо связывает образование резервов с проблемой товарного голода.

> «У нас не только (курсив мой. *С. Б.*) нет резервов»,—пишет т. Бухарин, «но перебои в снабжении, «очереди» и «хвосты» стали «бытовым явлением» в значительной степени дезорганизующим и нашу производственную жизнь».

Следовательно, программа социалистического строительства представляется тов. Бухарину в следующем виде: 1. Устранение хвостов и очередей. 2. Образование резервов в целях предупреждения этих хвостов и очередей и 3. Капитальное строительство.

Не нужно быть очень большим «экономистом», чтобы «заметить», что подобная программа есть не что иное, как программа развития легкой промышленности в противовес тяжелой, программа развития тяжелой промышленности за счет остатков, освобождающихся от развития легкой промышленности, т.-е. такая программа, которая имеет своей целью сохранение и воспроизведение в расширенном масштабе именно старых (оставшихся от капитализма) соотношений в нашей промышленности. Партия давным-давно осудила эту программу, настойчиво предлагавшуюся нам буржуазными специалистами типа Кондратьева, Вайнштейна, Громана и др. В противовес этой «мирной» программе спокойного воспроизведения старых пропорций и соотношений партия выдвинула и решительно проводит другую боевую программу коренного изменения соотношения между легкой и тяжелой промышленностью в пользу последней.

Совершенно очевидно, что это не могло не изменить (и действительно изменило) всю постановку вопроса о резервах. В то время как у Бухарина формула социалистического строительства выглядит прямолинейно просто: сначала резервы, потом строительство; принцип развития, принятый партией, выглядит гораздо более сложно. Партия не выдвигала и не выдвигает, конечно, противоположной всеохватывающей формулы, сначала-де строительство, а потом резервы. Она разрешает вопрос комбинированно, в зависимости от сферы и области, о которой идет речь. В целом ряде важнейших случаев партия решает вопрос совершенно иначе, чем предлагает тов. Бухарин.

Для всякого экономиста понятно, что резерв может быть создан лишь из того самого источника, из которого берутся вообще фонды расширенного воспроизводства, т.-е. из общественного прибавочного продукта [1]). Никакого другого источника (если отвлечься от иностранных и внутренних займов) нет и не может быть у пролетарского государства.

При таких условиях между политикой социалистической индустриализации и политикой накопления резервов может возникнуть, и практически в некоторых случаях возникает своеобразное противоречие, заключающееся в том, что та и другая политика развертываются на основе одного общего и не поддающегося произвольному и быстрому расширению фонда. [2]). Совершенно ясно, что в пределах данного фонда размер резервов может увеличиваться лишь за счет сокращения размеров социалистической индустриализации и наоборот. Нам приходится поэтому в ряде случаев взвешивать, какое именно направление имеющихся средств в данный момент наиболее целесообразно — по линии ли резервов или по линии индустриализации, и в каком именно размере.

Безусловно ошибочно изображать дело таким образом, что вопрос о размерах средств, направляемых нами по тому или другому руслу, для нас безразличен. А именно так и рассуждает, повидимому, один из соратников

---

[1]) Я оставляю здесь в стороне спор о допустимости отмеченной в тексте терминологии. В соответствии с Марксом, который очень недвусмыслимо высказался по этому вопросу в конце XV гл. I тома «Капитала», я считаю, что в пределах наших предприятий последовательно-социалистического типа, у нас нет ни прибавочного труда, ни прибавочного продукта, ни прибавочной стоимости. Весь труд рабочего является здесь необходимым, но границы этого необходимого расширяются.

[2]) Говоря о «фонде» мы еще раз должны подчеркнуть, что он отнюдь не представляет собой чего-то неподвижного. Мобилизация внутрипромышленных ресурсов, например, жесткая экономия в расходах, повышение производительности труда и т. д. могут значительно изменить размеры этого фонда, но во всякий данный момент он все же представляет из себя величину определенную.

тов. Бухарина по его современным взглядам тов. Фрумкин в № 11 журнала «Финансы и народное хозяйство» за 1929 г. Он пишет там:

«Принципиальное отношение к индустриализации, не измеряется тем или иным вариантом размеров капитального строительства и вложений, а общей компановкой всего плана, в котором первенствующее место отводится тяжелой промышленности, развитию машиностроения, химии, производству средств производства, с переводом сельского хозяйства на более высокую техническую базу».

В устах тов. Фрумкина партийная политика получает такое толкование: неважно, сколько именно средств мы даем на дело социалистической индустриализации,— важно, чтобы в них первенствующее место заняли вложения в тяжелую индустрию. Подобное толкование может быть превращено в полное отрицание политики индустриализации. В самом деле, посмотрим, как выглядит теория тов. Фрумкина в конкретной постановке. Страна, например, в наступающем году предполагает вложить 2902 млн. руб. в собственно промышленное строительство. Из этих сумм 83% (2421 млн. руб.) идет по линии капитального строительства в тяжелой промышленности, а остальные 17% — по линии легкой промышленности. Но вот появляется тов. Фрумкин и заявляет: так как «тот или иной вариант размеров капитального строительства не измеряет нашего принципиального отношения к индустриализации», то предлагаю, вместо 2902 млн. руб., дать на капитальное строительство 2000 млн. руб. Но зато я предлагаю гораздо более «социалистическую» «компановку» всего плана, чем вы, а именно: из 2000 млн. руб. я предлагаю отдать на тяжелую промышленность не 83%, а 90%.

Со своей точки зрения тов. Фрумкин будет вполне уверен в том, что он делает прекрасное дело. Помилуйте, он предлагает более совершенную «компановку плана», чем кто-либо другой. Он предлагает из общей суммы капитальных вложений гораздо большую долю выделить на тяжелую промышленность, чем это предлагает партия. Что же касается общих размеров вложений, то это, как отмечено, вопрос для тов. Фрумкина второстепенный и отнюдь не принципиальный.

Между тем, общие размеры капитальных вложений для нас так же важны, как и взаимное отношение составных частей этих вложений. Дело в том, что общий размер капитальных вложений отнюдь не произволен, а диктуется нам целым рядом обстоятельств. Определение этих обстоятельств служило и служит до сих пор предметом самых оживленных дискуссий в нашей прессе.

Одним из наиболее крайних взглядов, представленных в этой дискуссии, является взгляд того же тов. Фрумкина, согласно которому общий размер капитальных вложений должен определяться сообразно нашим «возможностям». Если не останавливаться на оппортунистическом значении этой «теории», имеющей своей целью замедление темпов социалистического строительства, то перед нами встанет вопрос о том, что же такое «возможности». Являются ли «возможности» чем-то об'ективно непреодолимым или они так же, как и «потребности» изменяются? Совершенно очевидно, что стоит только поставить вопрос таким образом, как тотчас же обнаруживается, что «возможности» определяются производством не в меньшей мере, чем «потребности». Меняя производственные пропорции и соотношения, в результате капитальных вложений, мы меняем и наши «возможности». Следовательно, ссылка на «возможности» есть не что иное, как особый способ вращения в порочном кругу. Капитальные вложения определяются «возможностями», а «возможности» определяются капитальными вложениями.

Другая концепция исходит при определении размера капитальных вложений не из «возможностей», а из потребностей. При этом «потребности» очень часто подразумеваются в двух различных смыслах. Одни понимают «потребности» в узком смысле слова, как платежеспособный спрос широких масс на предметы потребления. Так, например, понимает вопрос тов. Бухарин, когда говорит о противоречии между производством и потреблением, как движущем начале общественного развития.

Но что такое платежеспособный спрос широких масс? Прежде всего это есть спрос рабочих. Платежеспособный спрос рабочих есть, как известно, функция их заработной платы. Заработная плата в свою очередь определяется в СССР всей совокупностью условий общественного производства, в том числе и размерами накопления. Немалая доля наших капитальных вложений превращается, как мы знаем, именно в заработную плату, т.-е. составляет основу для расширения платежеспособного спроса. Таким образом, ссылка на платежеспособный спрос рабочих масс абсолютно ничем не помогает нам в вопросе о необходимых размерах производства и накопления, потому что эти размеры и определяют как раз величину платежеспособного спроса со стороны рабочих.

Если таким образом платежеспособный спрос со стороны рабочих оказывается «функцией» самого производства и стало быть не может служить основанием для определения величины последнего, то нельзя ли требуемый масштаб накопления вывести из размеров крестьянского платежеспособного спроса?

Здесь мы подходим, на мой взгляд, к центральному положению всей бухаринской концепции, а именно к тому, что тов. Бухарин, в самом деле, выводит необходимые нам размеры накопления, а также и все необходимые нам пропорции не из чего другого, как из потребностей крестьянского рынка.

Крестьянский рынок произвел очень сильное впечатление на тов. Бухарина еще в 1923—24 году, когда обнаружились некоторые затруднения в нашем хозяйстве.

«Промышленность, — писал он про этот период — уперлась в тупик, она натолкнулась на крупнейшее препятствие, а именно: на слабость внутреннего крестьянского рынка. Процесс реализации застопорился. Застопорились, следовательно, и воспроизводство и накопление»[1]).

Вопрос о накоплении здесь прямо поставлен тов. Бухариным в связь с вопросом о емкости крестьянского рынка. Чем более емок крестьянский рынок, т.-е. чем больше платежеспособный крестьянский спрос, тем шире возможности капиталонакопления в промышленности.

Мало того:

«Само соотношение («сочетание») внутри госпромышленности определяется соотношением с крестьянским рынком. Тот «план», который бьет мимо этого соотношения не есть план ибо это соотношение и есть база всего плана. Вот что нужно продумать до конца, понять и усвоить раз навсегда»[2]).

Тов. Бухарин действительно навсегда вынес из кон'юнктурных затруднений 1923/24 года некоторую боязнь крестьянского рынка и паническое преклонение перед соотношением с ним.

---

[1]) «К вопросу о троцкизме», 1925, 158.
[2]) Там же, 161.

Вопрос о емкости крестьянского рынка представляется ему в 1927 г. «решающим пунктом» [1]), «определяющим» оптимум накопления (там же 87). С неподдающейся ясностью тов. Бухарин формулировал в 1927 году свою точку зрения: подчеркнув, что «спрос у нас в значительной мере есть крестьянский спрос» (88 стр.), что нельзя «сочинять планы, помимо емкости крестьянского рынка» и т. д., и т. п., тов. Бухарин писал:

«Отсюда следует, что емкость внутреннего рынка, определяющая спрос, есть один из важнейших факторов, непосредственно определяющих размеры легкой индустрии и отчасти металлической и прочей промышленности. А это в свою очередь по «цепной связи» определяет и пропорции между другими отраслями. Никакого плана индустрии, взятой в «себе» построить поэтому нельзя» [2]).

Итак, мы начинаем понимать, что именно в переводе на русский язык означает, наконец, пресловутый закон пропорциональности трудовых затрат, которым не устает клясться тов. Бухарин, что именно означает мысль тов. Бухарина о «моментах кризисного характера», которые «могут лежать лишь в нарушении условий экономического равновесия, т.-е. вытекать из неправильного сочетания элементов воспроизводства (включая сюда и момент потребления)» («Заметки экономиста»).

«Необходимые экономические соотношения», «основные хозяйственные пропорции», которыми оперирует тов. Бухарин, как последним и решающим аргументом, оказываются при ближайшем рассмотрении не чем иным, как соотношением с крестьянским рынком. Емкость крестьянского рынка вот, по Бухарину, исходный пункт, лимит и законодатель всего движения в промышленности.

Расширяется крестьянский рынок, расширяется и промышленность, суживается крестьянский рынок—сжимается и индустрия. Развитие социалистической промышленности выступает перед нами, как функция развития крестьянского хозяйства и последнее превращается таким образом в ведущее звено всего народного хозяйства.

Приспособить развитие промышленности к развитию крестьянского хозяйства вот что в действительности означает, по мнению тов. Бухарина, соблюсти «основные хозяйственные пропорции», выдержать «необходимые экономические соотношения».

Партия совершенно правильно осудила подобную концепцию. В самом деле — приспособить развитие промышленности к развитию крестьянского хозяйства это значит отказаться на деле от строительства социализма в нашей стране. Строительство социализма в том и заключается, что мы приспособляем не промышленность к крестьянскому хозяйству, а крестьянское хозяйство перестраиваем с помощью промышленности на новой социалистической основе. Выпустить из своих рук ведущую и преобразующую роль социалистической промышленности, обречь ее на черепашьи темпы развития вслед за допотопным (и в известной своей части кулацким!) индивидуальным хозяйством деревни—это значит на деле предать социализм капитализму.

Таким образом, единственная последовательная попытка обосновать размер необходимого нам накопления размером платежеспособного потребительского спроса города и деревни закончилась, как мы видим, фактическим отрицанием социалистического строительства.

[1]) «К вопросу о закономерностях» и т. д., 84.

[2]) Там же, 89. Та же мысль повторена, как известно, и в «Заметках экономиста».

Однако, «потребности», как ведущее начало нашего развития понимаются и в более широком смысле слова. Под ними правильно понимают иногда не только потребительский, но и производственный спрос, определяемый всей логикой социалистического строительства.

Эта «логика» включает в себя целый ряд важных моментов. Прежде всего и раньше всего, сюда относится задача социалистической переделки крестьянского хозяйства. Коль скоро мы эту задачу перед собой поставили и к ней приступили, мы оказываемся перед жесткой необходимостью целого ряда крупных капитальных вложений в индустрию сельскохозяйственного машиностроения (тракторы!), в промышленность искусственных удобрений, в транспорт, в металлургию и т. д., и т. п.

Мы стоим, далее, перед необходимостью закреплять социалистические отношения и в пролетарском городе. Разумеется, это достигается, прежде всего, расширением промышленности. Но эта задача требует также перестройки материального базиса всей городской культуры, созданной буржуазией для своих, а не для наших нужд (здания, пути сообщения, жилища и т. д., и т. п.).

Мы окружены, далее, капиталистическими врагами, следовательно, должны в известных размерах развивать и промышленность обороны.

Мы поставили перед собой, наконец, задачу догнать и перегнать по техническому уровню передовые капиталистические страны. Это обязывает нас к определенному темпу, типу и характеру нашего строительства.

Мы получаем таким образом сложную и вместе с тем очень жесткую цепь условий, требующих от нас быстрого развития определенных отраслей промышленности прежде всего и раньше всего по линии тяжелой промышленности, общей праматери всех орудий труда, которые нам необходимы.

Обусловленные, таким образом и прежде всего, социально и классово, вытекая с необходимостью из конкретных задач строительства социализма в одной стране размеры капитальных вложений обусловлены далее до известной степени и технически.

Мы строим тяжелую промышленность. Излишне говорить, что это обязывает ко многому. Прежде всего, это относится к размерам капитальных вложений в каждое отдельное предприятие.

Никто не станет сейчас строить крохотные металлургические заводики на 30—50 тыс. тонн годового производства чугуна. Завод современного типа сразу проектируется на 600 — 1000 тыс. тонн чугуна в год. Следовательно, размер потребных на строительство средств вытекает здесь из технического существа самой задачи. Бессмысленно строить в настоящее время автомобильный завод производительностью в 2000 — 5000 автомобилей в год. Мы сразу проектируем завод с годовой производительностью в 120.000 автомобилей. Меньший размер производства оказывается технически и экономически невыгодным.

Таким образом, в подавляющем большинстве случаев размер капитальных вложений в отдельные предприятия диктуется нам непосредственно техникой производства и сооружения.

Размер вложений определяется, далее, взаимным соотношением отдельных составных частей этих вложений. Тов. Фрумкину кажется, что можно уменьшить общий размер вложений, изменив соотношение отдельных частей в пользу тяжелой индустрии. Это совершенно неверно. Со-

кращение, например, общего размера капитальных вложений с 2902 млн. руб. до 2000 млн. руб. не только не даст нам возможности увеличить долю тяжелой промышленности, но, наоборот, неизбежно сократит ее до значительно меньших размеров.

В самом деле. Между отдельными частями производства существует определенная, и притом тесная, связь. Нельзя, например, увеличивать размеры электростроительства, не увеличивая одновременно электротехнической индустрии. Эту последнюю нельзя развивать, не увеличивая производства высококачественных металлов и цветной металлургии и т. д. Таким образом, в пределах первого подразделения общественного производства (подразделения средств производства) существует определенная тесная связь и взаимная зависимость отдельных отраслей.

Они могут и должны расти лишь во взаимной цепной связи друг с другом. Но как раз эта взаимная цепная связь в тяжелой индустрии неосуществима без больших размеров капитальных вложений. Рост отдельных отраслей, как мы указывали выше, немыслим в настоящее время иначе, как в форме сооружения больших и дорогостоющих заводов и фабрик. Следовательно, развитие тяжелой промышленности в целом выступает перед нами в виде цепи крупных заводов, взаимно связанных друг с другом, строительство которых приходится начинать одновременно и кончать в определенные сроки. Поэтому, по отношению к тяжелой промышленности обязательно следующее правило — либо мы строим всю цепь заводов (горных, металлургических, металлообрабатывающих, строительных и т. д.) более или менее вместе, либо мы не строим вовсе. Едва ли целесообразно начинать постройку Магнитогорского завода, не строя одновременно Кузнецкого завода, так как иначе вагоны, прибежавшие к Магнитной горе с кузнецким углем, побегут обратно пустые, без магнитогорской руды; нельзя его строить, не развивая одновременно добычи угля в Кузнецком бассейне, не приступая к сооружению Свердловского машиностроительного завода и т. д., и т. п.

Следовательно, если сократить программу капитального строительства с 2902 млн. руб. до 2000 млн. руб., то придется отдать на тяжелую промышленность либо всю эту сумму, либо отдать ничтожную ее часть. Всю сумму капитальных вложений на тяжелую промышленность отдать нельзя, так как здесь выступает на сцену другая важная связь и взаимная зависимость общественного производства: между подразделением средств производства и подразделением средств потребления. Мы развиваем тяжелую промышленность не ради ее самой (как думал Туган-Барановский), а ради создания предпосылок для развития промышленности личного потребления. Увеличение потребления масс есть наша первая и последняя задача в деле индустриализации. Но мы стремимся не только разрешить эту задачу в будущем, мы, согласно директивы XV с'езда, должны разрешать ее и в настоящем. Следовательно, известная часть наших капитальных вложений должна направляться и на развитие легкой промышленности. Правда, размеры вложений в легкую промышленность в гораздо меньшей степени обусловлены техникой, чем в случае с тяжелой промышленностью, и в гораздо меньшей степени сцеплены друг с другом, чем в первом подразделении; но тем не менее общая их сумма тоже не может быть произвольно уменьшена.

Давление потребительского спроса является здесь вполне ощутимой внешней границей.

Следовательно, если перед страной и партией будет поставлена проблема сокращения общего размера капитальных вложений с 2902 млн. руб. до 2000 млн. руб., то это фактически будет означать значительное сокращение капитальных вложений в тяжелую промышленность, так как от известных

вложений в легкую промышленность ни при каких условиях отказаться нельзя. Это фактически и имело место в первые годы наших капитальных вложений, когда они были незначительны. Отсюда вывод: при малой сумме капитальных вложений нельзя установить правильного соотношения между ростом тяжелой и легкой промышленности. Приходится выбирать между ними. Излишне говорить, что коль скоро вопрос ставится о такой альтернативе — выбор естественно падает на легкую промышленность.

Из сказанного видно, насколько неправильна и опасна мысль тов. Фрумкина насчет неважности вопроса об общих размерах индустриализации. Напротив, вопросы общих размеров приобретают здесь исключительное значение, именно потому, что только при известном минимуме общих размеров возможно достигнуть правильных соотношений внутри них. Проблема правильного соотношения размеров капитальных вложений в тяжелую и легкую промышленность очень важна и в этом смысле тов. Фрумкин прав, говоря о важности общей компановки плана. Но он забывает, что эта проблема разрешается тем легче и тем правильнее, чем больше общие размеры капитальных вложений в целом. И, наоборот, на известном пределе проблема правильного соотношения частей в границах целого оказывается неразрешимой вследствие недостаточности общей суммы при социально-классовой (а также в известной мере и технической) обусловленности размеров отдельных составных ее частей.

Краткий смысл всего нашего рассуждения заключается в том, что размер капитальных вложений представляет из себя более или менее твердую величину, определяемую классовой логикой социалистической индустриализации и не поддающуюся ни произвольному сокращению, ни произвольному расширению.

Следовательно, одна из составных частей на которые распадается общественно-прибавочной продукт—а именно фонд расширенного воспроизводства, фонд индустриализации — диктуется нам в значительной степени внутренней логикой социалистического строительства и не может быть сужен по произволу.

Поэтому, партия совершила бы величайшую ошибку, если она, последовав совету т. Бухарина, стала бы сначала устанавливать размеры необходимых резервов, а затем уже из остатков общественного прибавочного продукта стала бы кроить фонд индустриализации. Совершенно очевидно, что осуществить таким методом строительство тяжелой промышленности партия не смогла бы. Напротив, путь, на который вступила партия, обязывает к чрезвычайно большим, строго определенным и обусловленным размерам капитального строительства, предрешающим, следовательно, размеры всех остальных расходов из фонда общественного прибавочного продукта. Никакой иной постановки вопроса не может быть при строительстве нового общества с его совершенно иными пропорциями материального производства, чем те, которые остались нам от старого строя.

Здесь мы вновь возвращаемся к скрытому смыслу «Заметок» т. Бухарина, заключающемуся в борьбе против принятого партией курса на ломку старых хозяйственных отношений, унаследованных нами от прошлого.

III.

Говоря о резервах, тов. Бухарин совершенно неправильно подменяет понятие «резерва» понятием «товарного запаса вообще». Между тем это далеко не одно и то же.

Директива XV партийного с'езда по вопросу о резервах гласит следующее:

«В связи с последними обстоятельствами (а именно: «с обострением отношений между капиталистическим миром и СССР, а также возможностью недорода или неурожая».— *С. Б.)* пятилетний план должен отвести крупное место накоплению резервов вообще: натуральных, товарных и валютных. Накопление этих резервов должно быть совершенно необходимой страховкой, оберегающей СССР от крупных колебаний кон'юнктуры международного рынка, возможностей хозяйственной и кредитно-финансовой частичной или общей блокады, неурожая внутри страны, а также и прямого вооруженного нападения на Союз пролетарских республик».

Итак с исчерпывающей ясностью XV партийный с'езд формулирует те цели, для которых предназначаются резервы: резервы выступают перед нами как общественный страховой фонд и притом для следующих случаев: 1. На случай крупных колебаний кон'юнктуры международного рынка. 2. На случай частичной или общей блокады СССР. 3. На случай прямого вооруженного нападения на СССР. 4. На случай недорода или неурожая в СССР.

Из этого отчетливо видно, что XV партийный с'езд главный смысл своей директивы о резервах видел в страховке нашего хозяйства от международных осложнений и от неурожая. Никакого другого истолкования постановления XV партийного с'езда не допускают.

Между тем, как это видно из приведенных выше цитат, тов. Бухарин прямо связывает недостаток резервов с «хвостами» и «очередями», т.-е. отождествляет проблему резервов с проблемой товарного запаса вообще.

Это едва ли правильное понимание директивы XV партс'езда. XV партс'езду не было надобности говорить об этом запасе для целей воспроизводства, потому что без этого запаса невозможно и само воспроизводство. Фабрика останавливается, если у нее нет сырья на складе, магазин закрывается, если в нем нет товаров, железные дороги перестают работать, если определенное количество грузов не находится «на колесах», в состоянии движения от места производства к месту потребления.

Никакое производство немыслимо, если нет запаса в этом смысле. Известная часть общественного продукта всегда должна находиться и находится действительно либо на складах производителя, либо на складах посреднического торгового аппарата (оптового и розничного), либо в состоянии движения на транспорте, либо, наконец, на складах фабрик и заводов, которые данный вид сырья или полуфабриката потребляют. Размер и пропорции нахождения общественного продукта на одной из этих необходимейших стадий общественного процесса воспроизводства (т.-е. либо в стадии производства, либо в столь же необходимой стадии обращения) обусловливаются в пределах данной общественной формации целым рядом обстоятельств: степенью развития путей сообщения, разницей между временем производства и рабочим периодом, характером и сезонностью производственного процесса, общественной его организацией и степенью планового охвата процесса производства и процесса обращения.

Конечно, не об этом запасе говорил XV с'езд, когда давал директивы о резервах. С'езду не было надобности указывать фабрикам, заводам, складам и магазинам на то, чтобы они накопляли резерв сверх того запаса, который необходим для их нормального функционирования. Напротив, тот же самый с'езд дал, как известно, жесткую директиву о всесторонней рационализации процесса производства и обращения. А ведь в состав рационализаторских мероприятий важнейшим звеном входит как раз ликвидация излишних запасов и вообще сведение запасов к техническому минимуму. Следовательно, когда начинают толковать постановление XV с'езда в том смысле, что в нем-де дело идет о запасах вообще, о запасах для целей производства и обращения, то этим хотят приписать XV партийному с'езду совершенно неправильную, в сущности, мысль о необходимости каких-то особых резервов, излишков сверх тех необходимых норм оборотного капитала, которые в каждой отрасли хозяйства обусловлены указанными выше обстоятельствами.

Излишне доказывать, что такое толкование решений XV с'езда неправильно. С'езд ясно и точно говорит о резервах на случай войны, блокады, неурожая и стихийных бедствий. Он говорит о тех резервах, которые Маркс называл общественным страховым фондом, а вовсе не о запасах вообще. Приписывать такую мысль XV партс'езду нельзя.

Слов нет, состояние наших товарных запасов далеко еще от совершенства и не в том пожалуй смысле, что мы имеем недостаточные запасы. Величина общественного товарного запаса в немалой степени зависит, как мы видели, от характера его организации. При вполне плановой организации производства и снабжения общественный товарный запас может быть вообще сведен к техническому минимуму, размер которого в каждый данный момент будет определяться высотой нашей «техники» в этом деле.

Один и тот же размер товарного запаса может выглядеть как недостаточный при одной высоте его организации и может оказаться достаточным и даже чрезмерным при другой более совершенной организации дела. Тов. Бухарину кажется, что «очереди» и «хвосты» суть следствия недостаточности «резервов» [1]). Партия, напротив, считает, что в огромной степени «очереди» и «хвосты» суть следствия недостаточной организации дела распределения. Мобилизуя партийное внимание на этом важном участке хозяйственного фронта решительно реорганизуя систему распределения, дифференцируя ее по классовому признаку, партия добивается серьезных успехов в деле борьбы с «очередями», на деле доказывая относительность понятия о «необходимых» размерах товарного запаса. Таким образом установка партии насквозь действенная, боевая, в то время, как подход т. Бухарина носит на себе черты пассивной приспособляемости, преклонения перед стихийными, «об'ективно» и независимо будто бы от нашей воли складывающимися пропорциями и отношениями.

Совершенно неправильно представляет себе, далее, т. Бухарин соотношение между проблемой резервов и проблемой товарного голода. В «Заметках экономиста» он высказывает мысль о том, что образование резервов есть путь к смягчению товарного голода.

«Вопрос о резервах, пишет т. Бухарин, стоит в ближайшей связи с вопросом о производственном потреблении (в том числе и в капитальном строительстве) и с вопросом о личном потреблении (личном потреблении масс). Общеизвестно, что здесь у нас струна натянута крайне туго. Натягивать ее дальше, еще более обострять товарный голод, невозможно. Острота товарного голода должна быть решительно смягчена и притом не в отдаленной перспективе, а в ближайшие годы. Первые шаги в этом направлении нужно сделать теперь же».

Трудно понять, в каком именно смысле связывает т. Бухарин проблему резервов с вопросом о товарном голоде.

Если т. Бухарин понимает резервы в смысле товарного запаса вообще, то непонятно — причем здесь противопоставление личного потребления про-

[1]) Под которыми тов. Бухарин совершенно неправильно имеет в виду собственно товарный запас.

изводственному? Производственное потребление, например, капитальное строительство, как это известно каждому младенцу, не в меньшей степени нуждается в товарном запасе, чем личное потребление. Известный запас цемента и кирпича является столь же необходимым условием общественного воспроизводства, как и запас хлеба и мануфактуры.

Следовательно, о запасах для целей капитального строительства нужно говорить с не меньшей (с большей!) резкостью и силой, чем о запасах для целей личного потребления. Между тем т. Бухарин весь центр тяжести товарного голода переносит в личное потребление, накладывая тем самым лишний характерный штрих на свою общую концепцию протеста против партийной политики, развивающей, как известно, производство средств производства гораздо более усиленным темпом, чем производство предметов потребления.

Если же т. Бухарин понимает под резервами не товарный запас вообще, а общественный страховой фонд, то тогда совершенно непонятно, каким образом он представляет себе смягчение товарного голода в результате образования резервов. Дело в том, что образование резервов в указанном смысле не смягчает, а обостряет товарный голод.

Общественный страховой фонд (резерв в собственном смысле слова на случай войны, неурожая, стихийных бедствий) не может быть образован ниоткуда, иначе, как только из текущего производительного или личного потребления общества.

Известная часть народно-хозяйственной продукции в ее натуральном (хлеб) или превращенном виде (валюта, золото) изымается из текущего производственного или личного потребления и обращается в неподвижный «неприкосновенный» запас. Общественный страховой фонд тем именно и отличается от товарного запаса, что он не участвует в процессе общественного воспроизводства, а из'ят из него. Следовательно, в той самой мере, в какой увеличивается общественный страховой фонд — в той самой мере сокращается и уменьшается фонд текущего потребления (производственного и личного). Усиленное образование резервных страховых фондов означает поэтому в известных пределах обострение, а не смягчение товарного голода. Очень хорошо в свое время отметил это обстоятельство т. Рыков в своем докладе ленинградскому активу о ноябрьском (1928 г.) пленуме ЦК ВКП(б).

Таким образом, как бы ни понимал резервы т. Бухарин во всех случаях его постановка выражает одну и ту же мысль. Тов Бухарин понимает товарный голод исключительно под углом потребительского спроса и притом, как мы видели выше, главным образом крестьянского.

Следствием этого является плохо скрытое раздражение против генеральной линии партии, находящее себе выход в смутном требовании как общего сокращения капитальных вложений, так и направления, их, главным образом, по линии легкой промышленности.

Как ставит партия проблему резервов и товарного голода? Партия рассматривает явления товарного голода, как неустранимое, до известной степени, следствие перехода от одной системы материального производства к другой. Переход от старых пропорций и соотношений в материальном производстве к новым пропорциям и соотношениям, соответствующим социалистической организации общества, не может быть произведен без огромного напряжения всех наших сил и ресурсов.

С этой точки зрения товарный голод представляет собой во всех отношениях временное явление. Как только начатая партией политика по созданию нового материального базиса для социалистических производственных отношений даст первые серьезные результаты, острота товарного голода, несомненно, должна смягчиться и, наконец, совершенно исчезнуть на основе новых социалистических пропорций и соотношений в нашем материальном производстве.

Само собой разумеется, что при этом дело идет именно о товарном голоде, т.-е. о том, который соотносителен платежеспособному спросу на товары. Что касается отношения между производством и потреблением вообще, то совершенно очевидно, что расхождение между ними останется и при социализме. Производство непрерывно будет порождать новые потребности, новые потребности будут всегда направлять производство. Это диалектическое соотношение между производством и потреблением, превосходно вскрытое Марксом в знаменитом «Введении к критике и т. д.» ничего общего не имеет с той особой проблемой товарного голода, которая специфически характеризует наши затруднения. Эта проблема вытекает, как мы видели, не из потребностей «вообще», а из классово и исторически определенных потребностей социалистического строительства.

Не что-нибудь, а именно логика социалистического строительства заставляет нас направлять все наши силы и средства на развертывание тяжелой промышленности со всеми вытекающими отсюда последствиями, а именно, превышением платежеспособного спроса над предложением, товарным голодом.

Товарный голод можно немедленно изжить лишь ценой отказа от строительства тяжелой промышленности и от монополии внешней торговли. Но эта цена, как понятно, без долгих раз'яснений, есть цена отказа от социалистического строительства.

Перейти от капитализма к социализму, не пройдя через временный этап товарного голода нельзя. Это было бы утопией и притом самого худшего маниловского типа.

Повторяем, партия смотрит на товарный голод, как на нечто, подлежащее изжитию и изживаемое. Основной метод его преодоления она видит в изменении производственной структуры страны, в приспособлении ее к изменившимся социальным отношениям, т.-е. другими словами, в социалистическом преобразовании нашего хозяйства. С другой стороны, партия ни на одну минуту не может забыть, что понятие товарного голода есть понятие в высшей степени относительное. Один и тот же размер товарного запаса, как мы видели, может оказаться и недостаточным и достаточным в зависимости от его организации. Отсюда внимание партии к вопросам плановой организации производства и обращения, к вопросам снабжения и распределения.

Наконец, в тех редких случаях, когда может итти речь о действительной ограниченности товарного запаса в стране (некоторые сферы продовольствия) партия на ряду с производственной переделкой соответствующего «узкого» места берет решительный курс не на распыление данного запаса между всеми потребителями, а на сосредоточение его на решающих важнейших участках социалистического строительства (например, снабжение, главным образом, пролетариата), чтобы, тем самым, скорее достигнуть решающего, конечного результата.

Правильность партийной политики в этом вопросе вполне подтверждается наметками контрольных цифр на будущий год. Несмотря на то, что капитальные вложения в основные фонды на будущий 1929/30 год достигают гигантской цифры в 14.490 млн. руб. против 8.684 млн. рублей прошлого года, общие размеры товарного запаса в стране, вопреки мнению т. Бухарина, не только не сокращаются, а, наоборот, возрастают.

Оборотные фонды промышленности, в ценах соответствующего года, возрастают более чем на 300 млн. руб., оборотные фонды торговых и кооперативных организаций увеличиваются более чем на 600 млн. рублей. В общем, оборотные фонды всего народного хозяйства должны подняться к концу 1929/30 года с 16.764 млн. в настоящее время до 18.721 млн. рублей, т.-е. возрасти на 11,7%.

Если мы учтем, что всесоюзный оптовый индекс должен понизиться в будущем году на 5,3 пункта, а общеторговый розничный индекс на 6,3 пункта, мы получим представление о том большом и серьезном сдвиге, который должен наступить в общих размерах товарного запаса на будущий год.

Эта картина целиком подтверждается состоянием товарных балансов по важнейшим группам товаров. При всей относительности балансовых расчетов мы все же не можем пройти мимо того факта, что балансы всех важнейших товаров показывают серьезное улучшение в будущем году.

Так по группе строительных материалов, которая служила, как известно, «материалом» для целого ряда «построений» т. Бухарина, мы имеем следующее положение.

Процент неудовлетворенной потребности в кирпиче по всем видам строительства, включая и частное строительство, упал с 19% в 1927/28 г. до 11% в 1928/29 г. и должен упасть до 7% в 1929/30 г. По круглому лесу соответствующие цифры равняются 7%, 3% и 2%, по оконному стеклу—28%, 20% и 10%.

Продолжает оставаться серьезным положение с цементом и кровельным железом. Несмотря на большой (по цементу на 53%) прирост продукции, крупные решающие сдвиги в этих отраслях производства, требующих для своего расширения больших капитальных вложений, могут произойти, повидимому, лишь на 3-м, 4-м году пятилетия.

Улучшается несколько положение с топливным балансом страны. Запас всех видов топлива на конец 1929/30 года должен составить 104 млн. тонн условного топлива, против 88 млн. тонн в настоящее время. В месячном расчете это будет составлять 4,78 месяца запаса против 3,95 месяцев в настоящее время.

Переходя к сырью сельскохозяйственного происхождения, следует отметить, что за исключением хлопка и кожсырья, все остальные виды сырья (лен, волокно, пенька, шерсть грубая, шерсть полугрубая, шерсть тонкая) дают сильный рост запасов у промышленности в конце 1929/30 года против настоящего времени.

В области продовольственных продуктов положение с товарными запасами в предстоящем году не ухудшается, а улучшается. Так видимые запасы мяса и сала к концу года исчисляются: в 1927/28 г. в 40 тыс. тонн, в 1928/29 году в 100 тыс. тонн, в 1929/30 году в 150 тыс. тонн. Видимые запасы коровьего масла на конец года составляют: в 1927/28 году 11,9 тыс. тонн, в 1928/29 г.—15 тыс. тонн, в 1929/30 г.—18 тыс. тонн.

Из приведенных примеров видно, что быстрый рост продукции, сопровождающийся плановой и классово направленной организацией распределения, может разрешить (и действительно разрешает) проблему товарного запаса даже в условиях серьезного обострения положения. Второй год пятилетия, знаменующий собою огромный шаг вперед на пути социалистической перестройки нашего хозяйства, означает в то же время, как мы видим, серьезное улучшение и наших товарных балансов.

Переходя к проблеме собственно резервов, следует сказать, что и в этом отношении партийная политика реально разрешает задачу, над которой бесплодно бьется мысль тов. Бухарина.

В предстоящем 1929/30 году партия впервые разрешает задачу создания крупного хлебного резерва в 0,8 млн. тонн, не говоря уже о намеченной на все пятилетие политике создания валютных резервов, продолжающейся и в наступающем году.

Запроектированные в обоих областях успехи окажутся возможными только потому, что партия не пошла по пути «Заметок» т. Бухарина и настойчиво продолжала политику мобилизации всех сил на преодоление первых трудностей социалистического строительства.

Боязнь и паника перед этими трудностями, скрытое опасение быстрого движения вперед, мечта о «неспешных» темпах и борьба за старые пропорции характеризуют, к сожалению, позицию тов. Бухарина.

—

С. Лейкин.

Против оппортунизма в работе МТС [1]).

Недавно некий Писарев—правый оппортунист, исключенный из партии за пропаганду взглядов, несовместимых с большевизмом,—прислал письмо тов. Маркевичу [2]), где он воспевает идею межселенных машинотракторных станций, резко противоставляя ее всей политике партии на селе.

Оппортунист Писарев не только воспевает идею машинотракторных станций и не в этом его грех: он считает, что труды т. Маркевича (речь идет о его книге «Межселенные машинотракторные станции») «дают возможность освободить рабочий класс и селянство от утопической (!) политики ВКП(б), которая блуждает во всех вопросах (!) нашего строительства как промышленности, так и сельского хозяйства»... «Конечно, блуждают не все—продолжает гениально развязный Писарев, явно намекая на себя и ему подобных оппортунистических стратегов, «... но большинство партии».

Тов. Маркевич отмежевался от Писарева, отказался от навязываемого ему стремления «освободить рабочий класс и селянство от утопической политики ВКП(б)». Заявляя о своем согласии с генеральной линией партии, т. Маркевич вполне справедливо отмечает, что сама идея машинотракторных станций ничего общего не имеет с установкой правой оппозиции, так как эта идея является выражением тех новых производственных форм смычки рабочего класса с трудящимся крестьянством, значение которых как раз не понимают правые уклонисты.

Идея машинотракторной станции родилась в живом творчестве масс нашей революции и отражает их стремление ускорить начатый в Октябре процесс формирования социалистической деревни.

Огромное значение машинотракторных станций заключается в том, что они, с одной стороны, толкают обслуживаемые ими крестьянские хозяйства на путь коллективизации, а с другой—под развернувшийся по селам массовый процесс создания коллективных форм хозяйствования — подводят железную энергетическую базу. Они сочетают, в интересах социализма, принцип коллективизма и индустриализации и гигантскими шагами ускоряют дело перевода миллионов мелких частнособственнических крестьянских хозяйств на рельсы крупного, общественного, современного с.-х. производства.

Деятели правой оппозиции, запуганные активностью классовых врагов, не верящие в творческие силы, разбуженные революцией, мешают и будут стараться мешать тому широкому плану строительства машинотракторных станций, который наметила наша партия на XVI всесоюзной конференции. Но среди них имеются элементы, как это видно по поведению Писарева,

[1]) Редакция отмечает, что некоторые моменты статьи тов. Лейкина подлежат дальнейшему обсуждению.

[2]) См. «Правду» от 5 сент. 1929, № 204.

которые будут формально, словесно «соглашаться» с отдельными социалистическими мероприятиями партии, даже такими, как строительство машинотракторных станций, чтобы на деле на практике их срывать. Наша действительность полна такого сорта «двойной бухгалтерии» со стороны оппортунистов.

Надо сказать прямо: «теория», в особенности «практика» тов. Маркевича—бывш. руководителя Шевченковского совхоза и теперешнего зам. нач. центра тракторных станций, дает повод кое-кому из оппортунистов опошлять крупный последовательно-социалистический опыт машинотракторных станций и противопоставлять их коллективизации. Как известно, тов. Маркевич защищает в своей книге идею охвата машинотракторными станциями всех социальных слоев крестьянства. Он является сторонником межселенных станций, т.-е. сплошной массовой тракторизации целых сел. Сама идея эта не противоречит линии партии, а находится в согласии с ней. Однако, защита и реализация этой идеи тов. Маркевичем не может никак удовлетворить партию, т. к. она отдает духом того оппортунизма, против чего на словах восстает тов. Маркевич в своем ответе Писареву.

Идея межселенной машинотракторной станции родилась в совхозе им. Шевченко, на Одесщине. Этот совхоз первый в Советском Союзе организовал тракторные колонны, которые начали не только техническую революцию в способах сельскохозяйственного производства, но и открыли новые перспективы в деле социальной реконструкции деревни. Совхоз Шевченко одержал такие крупные победы в деле социалистического переустройства, села, что пора кому-нибудь, подобно Гарвуду, написать специальное сказание об его успехах. Но самый лучший инструмент,—говорят,—перестает действовать, если его дать в руки плохому мастеру. Значение огромного исторического мероприятия совхоза им. Шевченко, который нашел очень понятные и доступные крестьянской психологии формы обобществления полеводства, может быть подорвано, если во-время не будет положен конец всяким попыткам низвести на ступень деляческого предприятия.

А подобные попытки имеют место,—и грозят они не только «чести мундира» совхоза Шевченко. Машинотракторная станция Шевченковского совхоза есть, по сути дела, тот рисунок, по которому будут строить новые сотни машинотракторных станций, и допущенные в ее работе ошибки могут стать ошибками большого всесоюзного социалистического мероприятия. Это обязывает нас вдвойне отвлечься от сентиментальных соображений и вскрыть все оппортунистические ошибки, получившие развитие благодаря неблагодарной инициативе тов. Маркевича. Это надо сделать, тем паче, поскольку мы ставим своей задачей не дискредитировать работу совхоза, а лишь показать, если можно так выразиться, «пятна на солнце».

Писарев ухватился за Маркевича потому, что в идее машинотракторных станций он увидел отказ от политики революционной, классовой борьбы в деревне, отказ от политики революционного выкорчевывания корней капитализма. Писареву кажется, что машинотракторные станции перестраивают деревню «не через администрированную, революционно-заостренную борьбу за колективизацию, что ведет сельское хозяйство к деградации производительных сил села, а через эволюционный путь со всем селянством, потому что оно является основным базисом общества» [1]).

[1]) См. «Правду» от 5 сент. 1929 г., № 204.

К вопросу о роли о поведении кулака в селах, охваченных машинотракторными станциями, мы вернемся ниже, здесь же мы хотим отметить одно обстоятельство, что работники станции при совхозе Шевченко не далеко ушли от доморещенной писаревской теории «эволюционного пути к социализму». Они создали не ленинскую теорию, будто кулака можно мирно и безболезненно, как они выражаются, «экономически подрезать без всякой борьбы и треволнений, в связи с чем необходимо стремиться всеми мерами вовлечь кулака под влияние станции». Мне пришлось бывать не раз на станции и беседовать с ее работниками по этому поводу. Все они повторяли рассуждение: «раз появился на полях трактор, то победа социализма обеспечена наверняка и думать о проведении классовой линии нет никакой нужды».

Помощник тов. Маркевича, тов. Бабенко на мой вопрос: когда станция начнет наступать на кулака, хотя бы отделять его от других социальных групп при взимании платы за обработку земли, ответил буквально следующее: «Этого вопроса (т. е. вопроса о классовой линии. *С. Л.*) нельзя и подымать»... Ссылки на разговоры,—это могут сказать, не аргумент: «человек не точно выразился», «вы быть может его не поняли», или извратили. Поэтому не лишне рассказать про дела и практику Шевченковской станции.

1. Согласно договора, заключенного с 53 селами, машинотракторная станция берется выполнять все работы по полеводству у всех крестьян на одинаковых условиях, точнее: за одинаковый размер доли собранного урожая. Петровская и Т.-Березинская кооперативные станции несколько серьезнее подошли к директивам партии и установили классовый принцип расчета: у них беднота платит после уборки урожая, середняки вносят вперед лишь 50% того, что с них следует, а с кулаков плата взимается вперед. Как видим, в этом вопросе Шевченковской станцией соблюдается принцип «социального равенства» и кулак уравнен в льготах с бедняком.

2. Шевченковская станция не интересуется совершенно социальным составом обслуживаемой клиентуры. В течение 3-х лет не ведется никакого учета обслуживаемых хозяйств. Никто не знает, сколько станция обрабатывает земли у кулаков, у зажиточных, у бедняков и т. д.

«Більшовик України», № 13, за 1929 год, обвиняя руководителей станции в том, что они допускают отдельные искривления классовой линии, указывает также и на эту ненормальность, выражающуюся, по его словам, в неизучении социального состава обслуживаемых земобществ (буквально: «у невивченні соціяльного складу обслугованих земгрод»).

Отказ от изучения социального облика охваченных станцией сел, вообще ненормальное и странное явление для советского хозяйства, тем паче для станции, которая занимается реализацией плана социалистической переделки индивидуальных хозяйств. При таком положении вещей станция не может следить ни за правильным направлением отпускаемых ею кредитов, ни за составом правлений механизированных земобществ и т. д., и т. п.

3. Тот же «Більшовик України» обвиняет машинотракторную станцию в том, что она не выполнила постановления Экономического совещания при СНК УССР, от 13 марта 1929 года, о соблюдении строгой классовой линии в работе. Вначале приведем дословный текст этого постановления:

«Признать целесообразным охват машинотракторными станциями целых земельных обществ, допуская в их организации и кулацкие хозяйства, обязательно соблюдая при этом в отношении их жесткую классовую линию, путем увеличения платы за обработку земли, взимания увеличенных авансов, мобилизации их средств, сокращения кредитов и другими мерами, которые применяются к кулацким хозяйствам».

Мы утверждаем, что ни одну из этих многочисленных директив Шевченковская станция не выполнила. Как показывают многочисленные наблюдения, в погоне за большим охватом кулацких хозяйств, станция шла кулакам на такие уступки, которые явно нарушали это постановление УЭС'а. Как утверждает уже цитированный нами «Більшовик України», искривления классовой линии совхозом им. Шевченко выражались «в авансировании земельных обществ, не диференцирующих условий, соответственно социального состава земельных обществ»... Это значит, что Шевченковской станцией авансировались кулаки за счет государственных кредитов.

4. Нам известен другой, не менее яркий случай искривления классовой линии. Рядом со станцией расположено 2 села беднякое—Онорьевка, другое с значительным кулацким влиянием—Нейково.

Во время весенней посевной кампании 1929 года, когда из-за ограниченности средств перед машинотракторной станцией совхоза Шевченко стала дилемма с каким из 2-х сел заключить договор, то станция пошла на заключение договора с богатым селом Нейково, оставив бедную Онорьевку без обслуживания. При этом надо заметить, что онорьевцы готовы бы итти на длительное заключение договора, в то время, как в Нейково только часть села приняла условия типового договора, а зажиточные, которые станция особенно энергично привлекала, добились, чтобы станция заключила с ними временное, не практикуемое ею соглашение о поднятии черных паров.

Видный нейковский кулак Гейер, располагающий 13 головами скота, несколькими парами лошадей, виноградным хозяйством, в течение 2-х лет ведет активную борьбу против тракторных колонн. Сейчас этот Гейер пользуется каждым промахом станции, чтобы ее опорочить. Он тоже «согласился», чтобы на его участке были подняты пары. О заключенном договоре Гейер выразился так: почему бы нам не использовать на время богатый совхоз. Хозяевами ведь мы остаемся...

Этот факт был опубликован летом 1929 года в «Черноморьской комуне» (бывш. «Одесские Известия») и не был до сих пор опровергнут администрацией станции.

5. В постановлении Экономического совещания при СНК Украины, машинотракторным станциям дается директива приступить к мобилизации крестьянских средств, в частности, средств кулачества. Это есть уточнение одной из директив ЦК ВКП(б) по докладу Сев.-Кавказского крайкома, что кулака можно принять в мощный колхоз, при условии его экономического и политического разоружения: передача им орудий и средств производства в колхоз и лишение права быть избранным в руководящие органы коллектива.

Директива о мобилизации крестьянских средств специально подчеркивается и в постановлении СТО о создании всесоюзного центра машинотракторных станций. Шевченковская станция не занялась по сей день мобилизацией крестьянских средств, оставив у зажиточных целиком инвентарь, орудия производства, которые они продолжают использовывать для эксплоатации, накопления и естественно для борьбы за свое влияние на бедную часть села.

6. В договоре, заключаемом с земельным обществом, отсутствует пункт, обязывающий крестьян сдавать хотя бы часть хлеба государству. § 11 договора гласит:

«Часть урожая зерна, принадлежащая крестьянам, а также вся солома и полова распределяются между отдельными дворами, пропорционально земельным наделам, числящимся за каждым двором».

Вот и все, что сказано по такому кардинальному вопросу. Тов. Маркевич этот факт сам подтверждает:

«Шевченковская станция в своих рассчетах с крестьянством, как было указано, ограничивается получением из-под молотилки лишь причитающейся ей части урожая. Получение остальной товарной продукции, остающейся у крестьян после расчета со станцией подлежит заботам хлебозаготовительных органов в общем порядке». (Стр. 187 его книги).

Правда, в районе работы станции много посевов законтрактовано, но разве помимо контрактации станция не может обязать, чтобы известная часть хлеба пошла обязательно в руки государства? Ведь партия развертывает массовое строительство машинотракторных станций также и потому, что эти станции должны играть роль важного регулирования накопления хлебных ресурсов в руках пролетарского государства. Могли же кооперативные станции, в том же Одесском округе, обязать по договорам крестьян продавать хлеб не частнику, а кооперации? Петровская и Т.-Березанская станции установили такой порядок: каждый крестьянин, у которого станция обрабатывала землю, обязан 50% всех зерновых культур и 80% технических слать кооперации

Почему не могла завести такой порядок станция совхоза им. Шевченко?

7. Шевченковская станция не всегда подчеркивает социалистический характер своего мероприятия (хотя в договоре такой пункт имеется). Договоры с селами заключались, примерно, так: приезжал представитель станции в село, говорил об отсталости сельского хозяйства, о преимуществах тракторной обработки, демонстрировал на примерах выгодность условий и обещал, что все сделает, все даст сама станция, а крестьянам ни о чем не следует беспокоиться. Во время кампании заключения договоров не всегда подчеркивалось, что здесь, по сути дела, двухстороннее обязательство: станция выполняет по-новому технические процессы, приближает село к коллективизации, а крестьянство должно организоваться немедленно в колхоз и взяться за переход к нового типа отношениям, мобилизовать средства, углублять работу станции в других отраслях хозяйства и т. д.

В Шевченковском совхозе этой очень важной стороной не интересуется, обобществленные села между собою не об'единены, производственные совещания ни разу не собирались,—словом отсутствует серьезная политическая, массовая работа.

Неудивительно, что часть крестьянства смотрит на работу Шевченковской станции, как на новый вид государственной аренды 3 апреля 1929 года состоялось общее собрание селян хутора Кривая Пища, Гуляевского сельсовета, Березовского района. На этом собрании был заслушан доклад о работе тракторных колонн и вынесено постановление: сдать землю всех крестьян хутора в аренду совхозу им. Шевченко... —

Об'ективно такое понимание сущности мероприятия Шевченковской станции дает повод кулакам вести агитацию, что станцией будто бы вводится новая «панщина».

Уступки кулаку Шевченковской станцией, таким образом, свелись: к установлению одинаковых с беднотой условий расчета за обработку

всех полевых работ, и к предоставлению кулаку возможности пользоваться частью государственных кредитов и высокосортными семенами советского хозяйства; к маневрированию оставленным в хозяйстве инвентарем для эксплоатации тех хозяйств, которые еще не перешли на тракторную работу (такие факты имеют место и установлены специальной комиссией Одесского ОПК, под руководством тов. Подкаминского); к предоставлению кулаку права входить в руководящие органы машинизированных сел и вводить в них подкулачников, которые занимаются там разложением трудовой дисциплины и дезорганизацией работы и права, в известной мере, свободно, маневрировать увеличенными, благодаря высокой технике, хлебными запасами.

Недавно «Правда» [1]) писала:

«История каждой станции (речь идет о машинотракторных станциях) воспроизводит в деталях всю, еще далеко не законченную эпопею борьбы с кулачеством, эпопею не менее героическую, чем многие яркие эпизоды гражданской войны...»

«Зазывающей» и компромиссной тактике тов. Маркевича кулачество противопоставило активность и враждебность редкую по своей остроте даже в реконструктивный период, в эпоху обостренных классовых боев за социалистическое хозяйство в деревне.

Постараемся кратко рассказать о тактике кулака, которой он ответил на примиренческую линию Шевченковской станции.

Разумеется, различные социальные слои села относились и относятся по разному к начинанию станции. Беднота в массе своей быстро стала союзником новых методов, пропагандируемых станцией. Середняк некоторое время колебался (а местами еще и посейчас продолжает колебаться), но кулак сразу занял враждебную позицию и переход к массовой тракторизации совершался, и сопровождается по сей день, обостренной классовой борьбой.

Беднота словами резолюций своих собраний так оценивала работу станции.

«... Заслушав доклад об обработке земли тракторной колонной Тарасо-Шевченского совхоза, единогласно постановили, что это очень выгодный выход для бедняцкого населения и что только этим путем можно перейти к более культурной обработке земли. Только это даст возможность стать на путь социализма (поселок Войково).

Иначе отнеслись к этому делу кулаки.

Мы уже упоминали село Нейково. В нем чрезвычайно резко классовое расслоение. 138 хозяйств делятся на 26 бедняцких, 69 середняцких и 43 кулацких.

В селе насчитывается 67 лишенцев.

В 1927 г. в Нейково приехал представитель совхоза и предложил заключить договор со станцией. Убедить собрание сразу не удалось и работники совхоза начали наезжать на Нейково все чаще и чаще. Кулаки энергично противодействовали, резко выступали против общественной обработки: «Мы, всю жизнь сами на своих землях в своем хозяйстве работали,—говорили они,—а тут вдруг нам предлагают перейти на положение батраков». Когда эти аргументы на бедноту перестали действовать, была пущена провокация, что совхоз собирается «отобрать у всех крестьян землю».

Церковь не замедлила притти кулакам на помощь. В молитвенном доме пастор держал проповедь, утверждая, что «сам бог велел каждому немцу вести свое хозяйство отдельно, врозь...».

---

[1]) 5/IX-29 г.

А когда беднота, оставшаяся под влиянием недорода без хлеба и тягловой силы, начала склоняться к предложению совхоза, кулаки решили прибегнуть к прямой дискредитации обещаний совхоза. Они пустили слух, будто совхоз, вопреки своим обязательствам, забрал у крестьян хутора Шевченко (у которого он обрабатывал землю) весь урожай. Тогда на сходе было решено послать специальных делегатов в хутор Шевченко для проверки этого факта. Делегаты побывали на хуторе, убедились в клеветнических измышлениях кулаков и вернулись в Нейково горячими поклонниками тракторной обработки. После доклада делегации, со станцией был заключен договор 50 хозяйствами, среди которых было 34 бедняцких и 16 середняцких.

То, что было в Нейково не является случайным или изолированным событием. В разной форме это повторилось и имело место повсюду в районе станции [1]).

К каким результатам приводит политика станции с целью охвата «всего селянства», показывает история машинизированного колхоза «Стежка Ільіча» в болгарском селе Балайчук. Газета «Червоний Степ у Балайчуці» (№ 1, от 3 августа, 1929 г.) пишет, что «У Балайчуцьких ТСОЗ'ах засіла куркульня», которая разложила в конец их работу. Это наглядно рисует письмо одного селькора, в том же номере газеты, под названием «Геть їх з ТСОЗ'у».

> «Еще с начала организации товарищества по общественной обработке земли «Стежка Ільіча» началась кулацкая работа. Просто можно сказать, что кое-кто вступил для того в ТСОЗ, чтобы не дать ему развиваться и свести на-нет его достижения. Кулаки принимали всякие меры, распространяли провокационные слухи. Очень уж им не по нраву машинотракторная станция. Вот, например, какой слух пустили кулаки:
>
> — Америка уже не обрабатывает землю тракторами, так как она убедилась, что тракторы своими ядами отравляют землю, и потому в Америке начинают обрабатывать землю при помощи коней. Машинотракторная станция своими тракторами доведет нас до того, что земля перестанет рожать.
>
> — А поэтому,—продолжали кулаки свою провокационную агитацию,—отдайте нам кредиты, мы купим коней и лучше поможем вам, нежели машинотракторная станция.
>
> Слышите, куда гнет кулачество? Оно снова хочет господствовать над беднотою, эксплоатировать их с помощью бедняцких кредитов.
>
> Как это ни странно, кулацкая агитация имеет некоторый успех у бедноты. 35 дворов подали заявление о своем выходе из коллектива. Трудовая дисциплина некудышна, среди членов ТСОЗ'а частые ссоры—доходят до драк. Замечаются часто невыходы на работу. Везде, в других ТСОЗ'ах работают обычно два трактора с 4 горбами, а в Балайчуке этого правила не придерживаются. Отношение к машинам скверное, нигде нет столько поломок машин, как в Балайчуке. Распоряжения агрономов не выполняют.
>
> Недавно группа членов ТСОЗ'а своевольно бросила косить овес, ссылаясь на то, что он зеленый, а между прочим овес был спелый и вполне созрел для косьбы. Чья же это рука довела ТСОЗ до такого состояния? Вот они кулацкие вредители: Сирота А., Черномаз, Коньязин и др.
>
> Долой из ТСОЗ'а, ибо, пока они там, ТСОЗ на ноги не станет».

Письмо селькора настолько красочно развенчивает курс станции на «мирное экономическое подрезывание кулака», что нет никакой нужды комментировать его. Сообщению селькора нельзя не верить, так как редакция газеты «Червоний Степ» специально расследовала положение вещей в колхозах Балайчука.

Выездная редакция газеты «Чорноморьска коммуна на селі» в районе другой машинотракторной станции (в Телигуло-Берзанском) собрала богатейший материал, который также показывает, что классовая борьба вокруг работы тракторных станций принимает весьма обостренные формы, перерастая из активной пропаганды кулаков против социализма в бешеные контр-атаки их, в прямое вредительство.

Тому, что «Чорноморська комуна» назвала «священным походом кулака против коллективизации», начинает расти встречная волна отпора со стороны низов колхозников. По данным обследования Наркомзема Украины, несколько машинизированных т-в по своей собственной инициативе исключили 21 кулацких вредителя и дезорганизатора.

Березовский райпартком в ряде сел, охваченных станцией, развернул активное наступление на кулачество и поднял массы бедноты и середнячества на борьбу с ним. Однако эта активность масс, начавшая проявляться в последнее время, не смогла парализовать того вреда, который выразился в частичном срыве плана массового вовлечения середняка на договорные отношения с Шевченковской станцией.

В своей книге т. Маркевич пишет:

> «В истории развития коллективных форм мы впервые имеем случаи масссового перехода целых сел на общественное производство. Не одно село, а десятки близлежащих сел в течение года уничтожили вековые межи отдельных дворов... В районе Шевченковского совхоза можно проехать десятки километров, не встретив мозаики крестьянских индивидуальных посевов... Это обстоятельство нельзя не переоценить» и т. д. (стр. 245).

К сожалению, то, о чем пишет Маркевич—это картина будущего, а не настоящего. Пора сказать, что история о сплошном переходе целых сел на общественную тракторную обработку является наполовину легендой и притом вредной, ибо она замазывает истинное положение вещей.

15 сентября 1929 года инструктор совхоза Шевченко, тов. Гаврилов, прислал мне список 42-х сел, обслуживаемых станцией, с указанием какая часть хозяйств охвачена договорами со станцией.

Оказывается, целиком ликвидировали свои индивидуальные наделы и перешли на общественное производство только 18 сел, при чем большинство из них—это переселенческие хутора и не типичные и не решающие для украинского села, еврейские колонии.

Вот какие села и с каким количеством дворов целиком перешли на общественно-тракторную обработку:

Войково	14	дворов	Нейлебен . . .	27	дворов
Владимировка .	15	„	Ново-Андреевка	24	„
Гринфельд . . .	28	„	Тартькой . . .	47	„
Калинин . . .	26	„	Ульяновка . .	26	„
Косовка	27	„	Красный Хут. .	33	„
Комзетовка . .	59	„	Шевченко . . .	16	„
Нейфельд . . .	40	„	Черн. боговица	24	„

Из более крупных, целиком охвачено четыре села. В остальных охвачена лишь часть хозяйства местами незначительная:

Вот цифры:

Бернардовка	из 176	дворов	перешло	44	или	25%
Виноградовка .	„ 60	„	„	35	„	58,33
Завадовка . .	„ 196	„	„	120	„	61,224
Марино	„ 241	„	„	104	„	43,153
Красный путь .	„ 255	„	„	165	„	62,25
Чигрин	„ 63	„	„	21	„	33,53
Яковлевка . .	„ 217	„	„	135	„	62.21
Балайчук . . .	„ 235	„	„	162	„	68,98

Как видим, живая действительность несколько отличается от той «мозаики», которую рисует (не приводя цифр!) читателям в своей книге т. Маркевич. Мы не собираемся замазывать неизбежных трудностей в таком большом деле, но, что значат приведенные выше цифры. А вот что: если благодаря уступчивости и оппортунистической линии Шевченковской станции удалось привлечь небольшой процент кулаков (в Завадовке—0,9, Колосовке — 0,4 и Викторовке — 2,6%), которые, как мы видели выше, занимаются разложением машинизиро-

ванных колхозов, то зато она потеряла большой процент бедняцких и середняцких хозяйств. (Среди 3.090 дворов середняцких одна треть, а их в районе куда больше). Надо быть «ультра-левым» чудаком, чтобы утверждать, что десятки процентов хозяйств в названных выше селах, являются кулацкими. В Т.-Березовском районе процент кулаков по данным Одесского статбюро равняется 4—5%. Значит, остались в стороне от работы тракторных колонн близкие пролетариату слои.

Правда, некоторые середняцкие и даже бедняцкие хозяйства не заключили договоров и по другим причинам: хотят присмотреться, заражены недоверием к машине, предрассудками в отношении коллективизации и пр. Однако наш политический вывод, что кулак, благодаря неумелой, оппортунистической линии станции частично сбил с толку середняка, остается в силе.

Опыт нашей революции показывает, что колебания середняцкого слоя тем легче и быстрее преодолеваются, чем крепче мы опираемся на бедноту и энергичнее наступаем на кулака. Тов. Маркевич, может сказать, что система уступок, руководимого им совхоза имела целью обеспечить сплошную коллективизацию целых сел. Но, во-первых, как мы видели, на сплошную коллективизацию стали преимущественно бедняцкие поселки; во-вторых, сплошная коллективизация предполагает непременное и массовое вовлечение середняка, при полном обезврежении и изоляции кулака; в-третьих, курс на сплошную коллективизацию не означает вовсе отказа от классовой линии партии, отказа от политики наступления на кулачество, намеченной XV с'ездом и XVI партконференцией.

Вместо признания этих бесспорных вещей, тов. Маркевич пытается обосновать оппортунистические искривления в работе Шевченковской станции не серьезными теоретическими упражнениями.

> «От применения той или иной двигательной энергии,— пишет он,— зависит весь строй производства—организация капиталов, территории, труда, соотношение отдельных производственных отраслей, севооборот, оптимальный размер производства, товарность и проч.» (курсив автора *С. Л.*).

Дальше идут рассуждения, что в наших условиях «применение той или иной двигательной энергии» обязательно рождает строй социалистического производства.

В другом месте т. Маркевич пишет:

> «Все коллективные формы производственных об'единений мыслились и мыслятся, как отдельные укрупненные хозяйственные единицы, с собственным источником двигательной энергии, с собственным техническим оборудованием, т.-е. с собственной интегральной усадьбой» (курсив автора, стр. 18 *С. Л.*).

В одном своем выступлении в Одессе, тов. Маркевич еще резче подчеркнул это его понимание особенностей колхозов, заявив что «колхоз— это та же интегральная усадьба, что и крестьянское хозяйство, но в больших размерах».

Тов. Маркевич берет колхозы в статике, с их пока-что несовершенной техникой, и рассматривает их с одной только стороны, с точки зрения того, какой вид двигательной энергии в них применяется. А колхозы, если следовать методу Ленина, следует рассматривать в динамике, диалектически. Если по господствующим приемам труда многие колхозы пока-что далеки от требований современной агрономической культуры, то по типу складывающихся в них общественно-производственных отношений они являются огромным прыжком вперед и качественное их отличие от обычного крестьянского двора заключается в том, что они закладывают основы обобществления орудий и средств производства, подводят вплотную индивидуальные хозяйства к ликвидации частного владения, ликвидируя этим самым кулацкую аренду и применение наемного труда. Колхозы меняют самую суть сельской экономики, они меняют имущественные отношения, заменяя постепенно частную собственность на средства производства, рождающую «ежедневно и ежечасно капитализм» (Ленин), общественной, артельной, — рождающей социализм.

Этого-то и не приметил т. Маркевич, что и дало повод оппортунисту Писареву ухватиться и противопоставлять машинотракторные станции колхозам как два разнородных пути развития советской деревни, в то время как М. Т. С. должны стать оплотом, основой коллективизации сельского хозяйства.

Тов. Маркевич в своей книге не занимается теоретическими изысканиями, но «энергетические» рассуждения в ней о всемогуществе двигательной энергии, которая определяет собой все и вся, смыкают на прудонистские писания, в которых машина выступает как экономическая категория, наряду с разделением труда, конкуренцией, кредитом и т. п. В письме к Анненкову Маркс писал:

> «Машина представляет экономическую категорию не в большей мере, чем бык, который тащит плуг. Современное применение машин есть одно из отношений нашего современного экономического строя, **но способ пользоваться машинами есть нечто совершенно отличное от самих машин».**

Роль машины в условиях диктатуры пролетариата огромна. «Правда» (от 8.IX 1929 г.), перед открытием всесоюзного совещания машинотракторных станций, подчеркивала, что «машинотракторные станции представляют собой продукт социалистического развития классовой борьбы».

Как видим, наша партия рассматривает строительство машинотракторных станций как сложную социально-экономическую, а не только как узко-энергетическую проблему.

То, что проповедует т. Маркевич, есть механическое понимание марксизма. Род и способ производства, куда входит и техника производства, определяют собою производственные отношения, создают тот или иной строй производства, как выражается т. Маркевич; но процесс изменения общественно-производственных отношений не совершается автоматически, независимо от людей, независимо от поведения классов.

> «По материалистическому пониманию истории, говорит Энгельс, определяющим моментом в истории является, в конечном счете производство и воспроизводство действительной жизни. Более того, не утверждали ни Маркс, ни я. Если же кто-нибудь изменяет эту мысль в том направлении, что экономический момент является единственно определяющим, то он превращает утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, абсурдную фразу. Экономическое положение составляет базис, но различные моменты надстройки: политические формы классовой борьбы и ее результаты, воззрения, к которым приходит класс-победитель после победы и т. д. ...все это оказывает влияние на течение исторической борьбы и, во многих случаях, преимущественно определяет ее форму».

Эта цитата Энгельса дает исчерпывающий ответ и как бы специально написана по вопросу: можно ли сложную проблему социалистической реконструкции села сводить к вопросу о характере применяемой в сельском хозяйстве «той или иной двигательной энергии».

Тов. Маркевич может указать на то, что у нас развитие сельского хозяйства по пути промышленности и массовое применение в нем с.-х. машин, современных двигателей, тракторов не имеет тех препятствий, какие встречаются в капиталистических условиях. У нас нет частной собственности на землю, нет тенденции усиливать противоположность между городом и деревней, нет попыток сохранить политикой разорения дешевые рабочие руки.

Все это верно. Но у нас существуют пять хозяйственных укладов. У нас живут еще классы. У нас идет борьба между ними. У нас еще не снята проблема «кто — кого». Силы аграрного капитализма, сохранившего еще свои позиции в деревне, оказывают бешеное сопротивление нашей политике социалистического наступления.

Появление современной машинной техники и электрической энергии создает предпосылки и ускоряет рождение нового строя производства. Этому содействует сам факт существования у нас диктатуры пролетариата и политики быстрого темпа индустриализации. Однако огромное значение для судеб социализма имеет и то обстоятельство, в какой мере мы будем решительно вытеснять капиталистические элементы.

Трактор в деревне производит революцию в технике сельского хозяйства (и то не всегда—это зависит еще, как им пользуются), но не всегда не при всех случаях укрепляет позиции социализма.

Тов. Маркевичу известен факт, весьма поучительный факт, когда тракторная колонна укрепила не наши, а кулацкие позиции (в с. Сычавке, Одесск. окр.) и окрпартком дал директиву отобрать у Сычавск. сел.-хоз. товарищества тракторную колонну и использовать ее в другом селе, уже в интересах коллективизации, социализма.

Нельзя забывать, что «партия решительно отвергает антиленинскую теорию врастания кулака в социализм, как теорию, ведущую к разоружению рабочего класса перед классовыми врагами». (Из резолюции XVI партконференции).

Партия стоит за «развитие широкой серии государственных, кооперативных машинотракторных станций, как одного из методов обобществления важнейших производственных процессов всей массы индивидуальных хозяйств» (из резолюции XVI партконференции), но не путем политики правых уклонистов, которые стремятся подменить линию партии на усиление наступления на кулака курсом на мирное строительство с кулаком, на «мирное его экономическое подрезывание».

Надо помнить указания XVI партконференции, что «крупное общественное хозяйство не противопоставляется индивидуальным бедняцким и середняцким хозяйствам, как враждебная им сила, а смыкается с ними, как источник помощи им, как пример преимущества крупного хозяйства, как организатор содействия им в деле постепенного об'единения их в крупное хозяйство».

Машинотракторные станции играют и будут играть колоссальную роль, именно, как организатор этого содействия, как инструмент перевода бедняцко-середняцких хозяйств на путь обобществленного производства. Но они эту свою роль выполнят и доведут до конца, если они будут решать свои задачи пролетарскими методами, если они в своей работе «и впредь будут неуклонно проводить ленинский лозунг: «Опора на бедноту, прочный союз с середняком, борьба с кулаком» (из резол. XVI партконференции).

Г. Сафаров.

Брайтон.

I. На путях „рационализации“.

На последнем заседании с'езда Английской рабочей партии в Брайтоне было внесено робкое предложение об изменении одного уставного правила, явно сбежавшего из какого-то средневекового музея и нашедшего, конечно, приют под самым сердцем у Макдональда и К°. Согласно этому правилу, после принятия одним из ежегодных с'ездов рабочей партии резолюции по общей политике воспрещается в течение трех лет ставить на обсуждение последующих с'ездов какие-либо предложения этого рода.

Только в классической стране буржуазной респектабельности и рабочей бюрократии можно было дойти до такого уставного идиотизма. И только на с'езде макдональдовской партии можно было отвергнуть предложение расстаться с этой рухлядью хотя бы в 1929 году! Бравый Крэмп на скорую руку растолковал покорному с'езду, что всегда найдутся смутьяны, которым захочется—каждый год!—писать новые общеполитические резолюции, и предложение было провалено. Внесено оно было, кстати сказать, представителем независимой рабочей партии. Мерилом ее бессилия может служить этот пример. Макдональдам нужны средневековые колодки, однако, дело не в их преданности средневековым традициям,—эта преданность, разумеется, неотделима от лакейства. Тем не менее дело все же не в этикете, а в политике. Простая иллюстрация может это пояснить. Недавно была забастовка шоферов и кондукторов автобусов в Лондоне. Само собой понятно, что она была сорвана профсоюзными бюрократами. Но как ее срывали!—Об этом, захлебываясь от восторга, сообщает «Дейли Геральд»:

> «Ни одного явного коммуниста не подпускали к митингу и, если такой не хотел уходить, член Комитета обращался к помощи полиции» [1].

Удивляться тут нечему. Ведь недаром же Бен-Тиллет об'явил конгресс трэд-юнионов в Бельфасте «рационализацией профессионального движения». Буржуазная рационализация рабочего движения даже в самой респектабельной стране не может обойтись без полицейских дубинок, которые, не будучи прямыми носителями абсолютного духа, все же доставляют относительную безопасность трэд-юнионистскому штрейкбрехерству. А капиталистическую рационализацию министры «рабочего» правительства берут всерьез. В том же номере «Дейли Геральд мы можем прочесть заявление Грэхема:

> «События требуют более быстрого прогресса в деле трестификации промышленности, если Великобритания не хочет довольствоваться второстепенной ролью, а народ не хочет мириться с менее комфортабельными условиями жизни, чем те, к которым он может и должен стремиться».

---

[1]) 8 октября 1929.

Спору нет, что трестификация не похожа даже на самую захудалую буржуазно-парламентскую попытку национализации. С'езд в Брайтоне благословил замену старой програмной формулировки конечной цели новой, еще более бессодержательной и совершенно уже «освобожденной» от всякого социалистического содержания. Вместо «общей собственности на средства производства и распределения» теперь красуется:

«наиболее равномерное распределение результатов промышленности, могущее быть существенным (!) на основе общей собственности на средства производства и распределения, при более целесообразной системе народной администрации и контроля за каждой отраслью» [1]).

Субсидирование отставших отраслей английской промышленности, государственная помощь соответствующим группам капиталистов при рационализации и трестификации, развитие и усиление монополий в целях более успешной борьбы на мировом рынке,—вот что поставлено в порядок дня английским империализмом. *Это* об'являет своей конечной целью английский социал-империализм. Министр *торговли* «рабочего» правительства вынужден быть более откровенным в этом отношении. И потому Грэхем заявляет: трестификация как выход для всех классов населения. Самые густопсовые консерваторы одобрительно похлопывают по плечу лэйбористов за *такую* программу социального переустройства.

«Давно уже стало ясно»,—пишет солидный трехмесячник капитала «Round Table»,—«что *проблемы хлопка и угля, железа и стали, кораблестроения неразрешимы без известного административного и законодательного вмешательства правительства, стоящего у власти.* Крайнее упорство, с которым многие из старомодных и реакционных директоров держатся в важнейших отраслях, едва ли может быть преодолено без известного принуждения. Предшествующее правительство все время проявляло большую неохоту, когда нужно было применять решительные меры. На самом деле, в вопросах промышленной политики оно придерживалось кобденовских принципов [2]), противоречащих традиционным принципам тори. Довольно характерно, что шахтовладельцы, избегая угрозы социалистического (?!) вмешательства, поторопились принять те меры по реорганизации промышленности (слияние предприятий, агентства по сбыту и т. д.), на которые не могло их толкнуть консервативное правительство. То, чему они горячо сопротивлялись в течение трех лет, вдруг сразу стало самоочевидным и желательным. И в других основных отраслях промышленности у нового правительства есть серьезные шансы достичь заметных успехов. Начало у него получилось хорошее; и если оно не спотыкнется о старые обещания или о свое левое крыло, оно в действительности сможет помочь развитию новой индустриальной системы, навстречу которой неудержимо идет Британия. Оно может даже — такова ирония политической жизни — войти в историю, как правительство, спасшее капитализм ради демократии» [3]).

Империалистическая *монополия* как экономическая основа макдональдовской демократии, с застенками в Индии, с расстрелами в Палестине, с перманентной армией безработных, со свирепым сокращением заработной платы и т. д., и т. п.! Хозяйски-издевательский тон этой консервативной «самокритики» бросается в глаза. Но «рабочее» правительство сейчас *необходимо* английскому капиталу,—и не для таких мелочей, как пустяковое комиссионное поручение рассчитать несколько десятков старозаветных директоров. Английский капитализм запоздал, отстал со своей реконструкцией применительно к новому уровню империалистического соперничества. Страны европейского континента рационализировали свое производство и подготовили наступление на рабочий класс *под покровом инфляции.* Англия

[1]) См «Manchester Guardian», 30 сентября.
[2]) Кобден—либеральный идеолог свободы торговли.
[3]) Сентябрь, стр. 802—803.

упустила время, рационализация ей стоит дороже, конкуренты не ждут, общее же положение Британской империи пошатнулось. Рационализация в английской промышленности происходит. Но доля британского экспорта в Европу с 34% в 1913 году пала до 27,9% в 1928; эта же доля в Южной Америке упала с 25% (в 1913 г.) до 17% (в 1928 г.); на Дальнем Востоке — падение с 17 до 8%.

«Ясно, что увеличившаяся острота конкуренции — не преходящая фаза непосредственного влияния последствий войны, но фактор, с которым приходится считаться во всех перспективах на будущее британской торговли. Соединенные Штаты Америки ныне почти такой же крупный экспортер промтоваров, как и сама Великобритания; Германия быстро восстановила свое довоенное положение; Франция, Италия, Япония и Чехо-Словакия заняли совершенно новое положение в мировой торговле» [1]).

За первые девять месяцев 1913 года эмиссия капиталов для заграницы (за пределами Британской империи) равнялась 67,8 млн. фунтов, за девять месяцев 1929 г. она достигла лишь 20 млн. [2]). Сокращение вывоза капитала, естественно, сужает сферу английского влияния на мировом рынке. Английскому капитализму приходится все туже и туже. Даже стабилизация на уровне третьего периода ему дается хуже, чем другим. Именно под влиянием этого он нуждается в усиленной поддержке рабочей партии у власти.

Указывая на то, как получение монопольно-высокой прибыли капиталистами вызывает у них тенденцию к подкупу отдельных слоев рабочих, тов. Ленин добавлял:

«*и усиленный антагонизм империалистических наций из-за раздела мира усиливает это стремление*» [3]).

Английский капитализм теперь борется за *восстановление* и *удержание* своего монопольного положения, расшатываемого и подрываемого со всех концов. В этой своей борьбе он об'единяется с развращенной долголетним подкупом рабочей бюрократией и остатками былой рабочей аристократии для того, чтобы—под знаменем единой империалистической «нации»—перевооружиться для империалистического соперничества за счет рабочего класса, *подавляя и пригнетая его во имя «национального блага».* Рационализация—за счет низведения рабочего класса до нищенского уровня должна обеспечить шансы в борьбе на империалистическом поприще. Если за первые 8 месяцев 1928 г. в конфликты было втянуто 103 тысячи рабочих, то в 1929 г. за тот же срок было вовлечено 480 тысяч [4]). Армия в 1.200.000 безработных уже стала неот'емлемым элементом всего уклада английского капитализма. *Экономические* предпосылки для подкупа значительного меньшинства рабочего класса у английской буржуазии все больше и больше испаряются вместе с ухудшением положения рабочей бюрократии и остатков рабочей аристократии. Отсюда «национальная солидарность» партнеров, отсюда *совместное* государственно-организованное наступление буржуазии и ее рабочего охвостья на рабочий класс во имя империализма. Чем меньше они могут *дать* рабочим, тем больше они должны *взять у них,* все равно, идет ли дело о сокращении зарплаты текстилей на 6,41% или о рабочем дне горняков,—тем больше попыток не путем «убеждения», а путем принуждения «втянуть» рабочие массы в круг интересов империализма, теснимого конкурентами, тем больше попыток *этим* способом прикрыть наступление капитала под знаком рационализации. *Через социал-империализм к мондизму, к* подавлению

[1]) The Times Trade and Engineering Supplement, 5 октября 1929 г.
[2]) The Economist, 5 октября 1929 г.
[3]) Т. XIII, стр. 334, изд. 1924 г.
[4]) The Ministry of Labour Gazette. September, 1929.

всякой классовой борьбы с помощью буржуазного государства и капитала пришла Английская рабочая партия! От «конструктивного социализма» осталась одна капиталистическая рационализация плюс участие в буржуазном государстве. В Гааге, в Нью-Йорке, в Бельфасте и Брайтоне, — всюду Сноудены, Макдональды и Томасы говорят и действуют как представители империалистической «нации», как полпреды рационализирующегося империализма. Рабочая партия, как третья партия буржуазии, в современной Англии призвана перестраховать империализм и капиталистическую рационализацию от классовой борьбы. Бельфаст — «рационализация» профдвижения, Брайтон — «рационализация» политической организации.

И консерваторы, и либералы не только де-факто, но и де-юре признали рабочую партию, как третью партию буржуазии, «гарантирующую» условия буржуазного господства на третьем этапе исторического кризиса капитализма, при расшатывающейся стабилизации.

«Стэтист» от 5 октября пишет:

> «В течение ближайшей сессии парламента международные дела будут почти целиком центром тяжести».

А затем, перечисляя эти «дела» — Гаагу, разоружение, Палестину, Египет и т. д. — «Стэтист» добавляет:

> «ни один из этих вопросов не представляет серьезной угрозы для Рабочего Правительства».

Тут — доверие полное, и такой парламентский порядок дружеского обсуждения общих интересов империализма пред лицом страны, интересующейся также и внутренней политикой, лучше всего соответствует интересам одурачения масс. Как и консерваторы, — и даже еще больше, — либералы также дарят свою поддержку. На недавней конференции либеральной партии в Ноттингаме была принята резолюция Рамзей Муйра:

> «Оппозиция» — гласит резолюция — «уже не может считать устранение существующего правительства своей главной целью, но должна всячески облегчать ведение общественных дел, не упуская своего права на свободную и рассудительную критику. Совет (партии) рассчитывает, что именно такая общественно-целесообразная линия поведения будет усвоена либеральной парламентской партией, независимо от того, какая партия у власти» [1]).

Буржуазия недаром выдвигает рабочую партию на «общенациональные» роли. Ее толкает на это крайняя сложность и острота противоречий рационализирующегося капитализма, необходимость направления основного, решающего удара против рабочего класса Англии. Рабочий класс расплачивается и — еще в гораздо более грандиозном масштабе — должен будет расплачиваться за капиталистическую реконструкцию, которая не может поспеть за темпом мирового империалистического соперничества. Даже интересы значительных слоев рабочей аристократии, вчера еще уверенной в завтрашнем дне, начинают вступать в конфликт с интересами рабочей бюрократии, сросшейся с буржуазным господством и используемой для резкого снижения жизненного уровня всей массы рабочего класса.

Под туго завинченной крышкой начинают проявляться признаки кипения. Надо закупорить все выходы для проявления растущего недовольства, надо отрезать рабочим все легальные пути для классовой борьбы, даже в самой азбучной форме. Вопросы зарплаты, рабочего дня, безработицы становятся вопросами борьбы за власть. Такова антагонистическая природа капиталистической рационализации, в особенности в стране, где капитализм слишком долго благодушествовал на колониальных сверхприбылях, в особенности там, где Ланкашир связан с господством в Индии, где Бирмингам спаян с эксплоатацией Африки, где вопрос об угле и кораблестроении — проблема мировой политики. «Рабочее» правительство допущено к власти на нынешнем этапе не для того, чтобы «сглаживать и примирять» непримиримые классовые противоречия с помощью мелкобуржуазной словесности, чтобы только тушить классовую борьбу, — оно призвано активно подавлять ту классовую борьбу, которую неминуемо разжигает и обостряет капиталистическая рационализация за счет рабочего класса. В качестве проводника этой рационализации, оно должно подавлять движение рабочего класса, подавлять его с тем большей свирепостью, чем меньше у него шансов упрочить капитализм на рационализированном фундаменте.

[1]) Manchester Guardian, 5/X—1929 г.

II. Между Лютером и Сити.

> «...Наши финансисты и ростовщики придумали бросить себе под ноги миллионы населения..
>
> ...Банковский процент — 6½ %, которого добиваются сейчас, — самый разорительный процент из когда-либо имевших место в стране. Наши банки, пользуясь нуждой, выкачивают живые соки из британской торговли и промышленности, разоряя нас к выгоде иностранных капиталистов и международных финансистов. Даже изумительная механизация промышленности стала жертвой игры финансистов, и кредит отнимается у промышленности, испытывающей голод в отношении капитала, отнимается с вычётом многомиллионных процентных накидок... Наша страна не только страна с огромным традиционным преобладанием паразитов в населении по сравнению со всеми другими странами, более того, — даже наш национальный промышленный гений подавляется озлобленной жадностью грязных собак (sordid dogs), кормящихся британской торговлей, банковским делом и ростовщичеством» [1]).

Что это, отрывок из речей Лютера против ростовщиков, цитата из Сен-Симона или отрывок из старой прокламации эпохи раннего чартизма? Ни то, ни другое, ни третье. Это — из речи Бен-Тиллета на митинге в Бристоле 29 сентября 1929 г.

Откуда же тогда этот пафос у «рационализатора» профсоюзного движения?

О, он об'ясняется чрезвычайно просто! На нынешнем рационализаторском этапе рабочая партия из кожи лезет вон, чтобы синтезировать и примирить известные противоречия между промышленным и банковским капиталом. Идет «фракционная» борьба в лагере буржуазии и эта борьба отражает определенно-шаткое положение английского фунта пред лицом побеждающего доллара. Лондон должен уступить Нью-Йорку, который давно обогнал его, давно стал финансовой столицей буржуазного мира. Капиталы уплывают с лондонского рынка. 20 миллиардов долларов достигает долг Европы Америке. Этой стране высокоразвитого капитализма не нужны товары. Европа должна

> «продавать американцам контроль над промышленностью», заявляет «The Annalist» «Жажда власти может расти бесконечно. Она развивалась на военном поприще в дни Александра, Цезаря и даже Наполеона, теперь ее поприще — финансовая власть» [2]).

Американский империализм не шутит, а для рационализации в Англии не хватает капиталов. Поддерживая золотое достоинство фунта стерлингов, ушли консерваторы от власти. Американский капитал явно протягивает лапу

[1]) Manchester Guardian, 30/IX—1929 г.

[2]) 20 сентября 1929 г.

к контролю над английской промышленностью. Может быть, его и следует подпустить, чтобы хоть на время утолить финансовый голод рационализирующегося капитализма? Но он страшно напорист. Он открыто провозглашает финансовый цезаризм. И на его голос отзываются. Только высокий банковский процент может удержать капиталы от бегства из Лондона. Повышение учетной ставки федеральным банком Соединенных Штатов предрешило повышение процентов Английским банком. И вот ответ на причитания промышленной буржуазии, что «так дальше нельзя жить»:

> «Британская торговля ряд месяцев платила за деньги ниже мировой цены,—меньше, чем ее иностранные конкуренты,—уничтожение этой льготы после такого долгого периода было бы абсурдно называть ударом по английской торговле».

Таков ответ не из уст соперников, но из уст «Таймса» [1]).

Патетический обличитель Бен-Тиллет на с'езде в Брайтоне «обернулся» Сноуденом. Сноуден еще недавно восставал против повышения процента. Но в Брайтоне он выступил как адвокат финансовых интересов, хотя и подневольный. На следующий день газеты уже сообщали:

> «В Сити сегодня более счастливые лица, большинству очень понравилась речь мистера Сноудена в Брайтоне... Сегодня он был героем больше чем когда-либо. Все поздравляли друг друга, что социалистический канцлер казначейства мог произнести речь, как будто бы написанную для него Английским банком» [2]).

В речи Сноудена были вздохи по поводу засилья финансов над промышленностью, но они направлялись... по ту сторону океана, вежливо обходя Сити.

> «Что-то не так, что-то требует пристального внимания, если оргия спекуляции в стране за 3.000 миль может расстроить финансовую систему здесь и нанести серьезный ущерб рабочим практически во всех странах мира» [3]).

Только этой фразой и отделался Сноуден, пообещав еще «расследовать обстоятельства».

Стремясь отстоять единство интересов империалистической нации буржуазная Рабочая партия не смеет высказать свое мнение, трусливо и бессильно колеблясь между двумя группами капиталистов. На митинге Бен-Тиллет прикидывался грозным обличителем ростовщичества, на с'езде правительственной партии Сноуден ораторствовал только в рамках приемлемого для Сити.

А между тем, повышение процента самоочевидно обостряет хозяйственное положение и неизбежно повлечет за собой увеличение безработицы, как это признается всеми.

В Брайтоне речь Сноудена вызвала только легкую рябь на зеркально-приглаженной поверхности.

Уайз заметил, что

> «повышение банковского процента, если оно будет сохранено [4]), раз пять перегонит ту экономию, которой добился г. Сноуден для британских налогоплательщиков в Гааге». Бевин сказал, что «в качестве человека, ведущего переговоры о зарплате, он всегда замечал (!), что через короткое время после того, как деньги дорожают, к нему поступают требования от предпринимателей о снижении зарплаты или повышении интенсивности труда [5]).

---

[1]) Supplement, 5/X—1929.
[2]) Manchester Guardian, 5/X.
[3]) Там же, 4/X.
[4]) Процент будет увеличен!
[5]) Manchester Guardian, 5/X.

Независимцы, как и подобает этому отряду особого «левого» назначения для угашения классовой борьбы, не смогли вставить своего слова в обсуждение, ибо председатель «не заметил», когда они просили слова. Когда же они начали протестовать, тот же председатель строго внушил Мэкстону, что «было бы лучше, если бы он лучше держал свою делегацию» [1]).

На этом все и кончилось. Но либеральный корреспондент отмечает:

> «не очень отрадно видеть, что большая часть рядовых членов рабочей партии все еще воображает, будто нужно только завоевать цитадель денег и все будет в порядке» [2]).

Рабочая партия, в лице ее вожаков, рада была бы свалить всю вину за финансовые передряги на цитадель денег, как изволил выразиться вождь желтого трэд-юнионизма Бевин. Всякая задержка с рационализацией грозит неизбежным обострением и революционизированием классовой борьбы. За один год число членов профсоюзов, об'единяемых Генеральным Советом, сократилось на 200 тысяч.

6.505.000 было их в 1920 г., теперь их 3.725.000. Красные профсоюзы в Шотландии — серьезный симптом. А к тому же «рабочее» правительство должно играть роль гильотины, срезающей заработную плату. Текстильный локаут со снижением зарплаты на 6,41% только начало. На очереди снижение на 8,3% в шерстяной промышленности, где предприниматели считают для себя излишним даже арбитраж. Волна недовольства зарплатой разливается по всем отраслям. «Цитадель денежной власти» усугубляет остроту положения. Но разве эта цитадель не цитадель капитализма, как такового? И разве партнеры рационализирующегося — на основе развития монополий, рационализирующегося! — капитализма могут помыслить всерьез о наступлении на эту цитадель?

Ростовщичество «столь вознеслось, что не хочет уже нигде слыть пороком, грехом и позором, но величается добродетелью и честью, словно оно оказывает людям великую любовь и христианскую услугу» [3]). Так мог греметь Мартин Лютер, так как он был убежденным воином за «христианское» отсечение ростовщичества во имя торгово-ремесленного капитализма. Но могут ли быть убежденными ниспровергателями «цитадели денег» те, у кого символ веры социал-империализм?! Ведь империализм неотделим от власти финансового капитала. Самое большее, на что они бы пошли, когда пришлось бы выбирать между классовой борьбой и оппозицией Сити, это— на блокирование с промышленной буржуазией против Сити, но тут не обойдется без вмешательства американского капитала.

А пока они изображают контору по приисканию заказов отечественному капиталу.

Таково было выступление Томаса в Брайтоне.

> — Великобритания—самый лучший покупатель канадской пшеницы. 51 процент канадской пшеницы было куплено непосредственно ею за последний год, 12 или 13% через Соединенные Штаты. В обмен за это и все остальное, получаемое Канадой от нас, Канада на каждый фунт стерлингов, затрачиваемых в Великобритании, тратит 5 фунтов в Соединенных Штатах. Он (Томас) чувствовал, что в качестве представителя наилучших покупателей он вправе спросить Канаду: «А как же быть с этим? Он счел нужным поставить Канаду пред лицом холодных фактов, и Канада не воспротивилась, а приветствовала. Он установил, что Канада покупает 16.250.000 тонн угля в Соединенных Штатах и он завез с собой баржу британского угля» [4]).

---

[1]) Там же.
[2]) Там же, 5 X.
[3]) См. К. Маркс. Капитал, т. III, ч. 2, стр. 152.
[4]) Таймс, 2/X.

Британия—наилучший рынок для доминионов. После войны они бросились со своими товарами на иностранные рынки. Но там отгораживаются от них высокими пошлинами. Будет лучше, если они приспустят свои тарифные барьеры для пропуска английских промтоваров и заключат таможенный блок против общих врагов Британской империи. Рабочая партия повернула к протекционизму. Но успехи самого Томаса в Канаде весьма дешево расцениваются английской буржуазией. Генеральная же идея таможенной консолидации империи не вызывает больших иллюзий. «Для народа» может быть такие речи хороши, по крайней мере, когда нечего сказать о безработице. В Брайтоне Томасу напомнили, что его указание на увеличение общего числа работающих в промышленности — по сравнению с 1914 годом — на 800.000 человек «трижды повторялось мистером Болдуином в Палате общин» [1]).

Поворот лэйбористов к протекционизму английский капитал записывает в свой приход.

> «Но,—предостерегает «Таймс»,—во всяком случае надо признать крайне опасным оптимизм тех, кто во взаимном наибольшем благоприятствовании (метрополии и доминионов) склонен видеть начало имперской свободной торговли. Представление об империи в целом, включая Великобританию, как о цельной производственной и потребительской единице, к счастью (!) не связано с обязательным окружением одним фискальным барьером...
>
> Две крупных британских фирмы недавно слились с двумя австралийскими железными и стальными фирмами, такие же слияния в имперских рамках произошли в промышленности, производящей удобрения, и каучуковой. Подобная унификация производственных интересов совершается и может совершаться, несмотря на существование национальных тарифов» [2]).

— Не торопитесь, Томас! Не слишком увлекайтесь бряцанием своих доспехов государственного капитализма. Рабочим вы можете доказывать, что «организованный» капитализм устраняет внутреннюю конкуренцию. Однако, помните о хозяевах, которые сами прокладывают пути своему капиталу и по-своему используют внутреннюю конкуренцию в пределах империи.

Потише, любезный!

Так строго наставляют Томаса и К° настоящие держатели акций Британской империи.

К хозяйским делам «рабочее» правительство не подпускается даже и в том случае, когда оно жаждет соревноваться с Болдуинами и Чемберленами в отстаивании империалистических интересов. Ему дано «представлять» империалистическую «нацию» в борьбе с рабочим классом и угнетенными колониями Британской империи. Дальше этого ни шагу. Сити есть Сити. «Цитадель денег»—в руках настоящих хозяев.

Брайтон был капитуляцией перед Сити во всех смыслах. На «самостоятельную» роль Томасы и Сноудены могут рассчитывать лишь в борьбе против рабочего класса по точным предписаниям буржуазии. И потому рационализация рабочего движения применительно к потребностям рационализирующегося капитализма становится еще более неосуществимой. Им даже не позволяют сеять империалистические иллюзии!

3. Дела международные и итог.

О делах международных в Брайтоне докладывал Гендерсон. По поводу палестинских событий он прямо отрезал:

> «У правительства нет намерения пересматривать вопрос о британском мандате на Палестину. Не может быть вопроса об изменении положения этой страны в отношении мандатного управления или в смысле изменения политики, установленной декларацией Бальфура в 1917 г. и опирающейся на мандатные права, политики, устанавливающей в Палестине национальное убежище для евреев» [1]).

[1]) Таймс, 2/X.
[2]) Там же, 9/X.

Это заявление стоит сравнить с тем, что говорит даже такой откровенно контрреволюционный вожак 2 Интернационала, его теоретик, Карл Каутский.

> «Евреи явились в Палестину лишь в качестве хвоста империалистической великой державы, как пособники ее колониальной завоевательной политики». — События 1929 г., по мнению Каутского, «должны показать всем друзьям еврейства, что его будущее не на Востоке, не в мире Ислама» [2]).

Обострение империалистического соперничества, положительно, потрясает жидкое здание второго «Интернационала», в котором нет ничего, кроме национализма и злобной контрреволюционности. Только недавно была схватка между Вандервальде и англичанами из-за Гааги, прямое продолжение империалистической склоки в Гааге. А сегодня—не меньший конфуз с Палестиной. Никто не заподозрит Каутского в сочувствии колониальной революции, но этот Мафусаил социал-предательства то же кое-что понимает в империалистическом соперничестве и нет никаких резонов, чтобы третья партия буржуазии в Германии «несла ответственность» за подвиги английского империализма!

Гендерсон очень легковесно прошелся по Ираку и Египту, показав мимоходом великодержавный кулак, и затем сорвал надлежащее количество хлопков за «восстановление отношений с Россией», за один из самых конфузных подвигов. Нет совершенно никакой возможности передавать его слащаво-лицемерные разглагольствования о Гааге, разоружении, арбитраже. С'езду дано было понять, что международные вопросы решаются не на с'ездах рабочей партии, хотя бы даже ставшей придатком империализма. Или, вернее, как раз по этой самой причине. Когда Госсип спросил, почему бы рабочему правительству «не покинуть Египет и предоставить египтянам решать самим дела», он был грубо посажен на место: «Я сделал известные предложения египетскому народу, и ему надлежит решать, что ему делать, а не г. Госсипу» [3]).

Характернее всего выступление помсекретаря по делам Индии, Друммонда Шильса (Shiels) — о мирутском деле.

> «Заключенные по Мирутскому делу были арестованы в марте, раньше, чем рабочее правительство пришло к власти, но правительство целиком принимает на себя ответственность за нынешнее положение дела. Эти люди попали в тюрьму не потому, что они были руководителями профсоюзов; их обвиняют не за то, что они агитаторы или коммунисты, но за то, что они участвовали в заговоре с целью изменения существующего строя в Индии с помощью вооруженной силы, заговора, финансируемого из источников, находящихся вне Индии. Компартия предпринимала все усилия, чтобы захватить профсоюзное движение в Индии. Правительство Индии старалось поощрять истинный трэд-юнионизм и заинтересовано в том, чтобы он избежал нынешних опасных и бунтовщических влияний» [4]).

Предложение отклонить часть доклада, трактующую об Индии, было отвергнуто 1.892.000 из 1.927.000 представленных голосов. Русские белогвардейцы на службе у английского правительства в Индии спасают «здоровый трэд-юнионизм» с одобрения «рабочего» правительства. Рабочая партия не желает вспоминать о своих прошлых обещаниях «дать сразу» конституцию доминиону Индии. Даже эта подачка ей не под силу. Даже

[1]) Таймс, 3/X.
[2]) Форвертс, 6/X.
[3]) Таймс, 3/X.
[4]) Там же, 2/X.

вокруг нее она бессильно топчется. Колонии — опора империализма, а раз дело касается коренных интересов империализма, да еще в Индии, быстро шагающей навстречу революционным боям, то без Скотланд-Ярда не обойтись.

Сдавленное международными противоречиями, «рабочее» правительство стремится отвлечь внимание масс от угрозы новой империалистической войны, прежде всего, пацифистской фразой, раздуванием паломничества Макдональда в Америку, раздуванием «достижений» в Гааге и Женеве. Оно готово прослыть правительством, лучше других поддерживающим «британское достоинство», однако, оно может делать лишь строго размеренные «вольные жесты»; стараясь не задеть американский империализм, но, наоборот, в известной мере подлаживаясь к нему, Макдональд стремится доказать, что лэйбористы лучше консерваторов смогут договориться с Соединенными Штатами по вопросу о паритете в морских вооружениях. Но...

> «Америка согласна уступить британскому флоту известное превосходство по части мелких крейсеров, предназначенных для полицейских целей или охраны торговых путей, тем не менее это, с американской точки зрения, не дает Британии преимуществ в смысле «боевой силы» по отношению к американскому флоту» [1]).

Переговоры — лишь предварительный шаг к конференции пяти держав, с дополнительным участием Франции, Италии и Японии, у которых свои притязания. И потому в Брайтоне Гендерсону пришлось отделаться лишь туманным жестом:

> «Если эта конференция оправдает надежды, она откроет новую эру, когда огромные суммы, ранее тратившиеся на вооружения, найдут лучшее назначение» [2]).

В который раз «новая эра»? Ведь каждый раз, как пара дежурных дипломатических агентов буржуазии повернутся в полоборота друг к другу, об'является «новая эра». Только о советских предложениях по разоружению хранится организованное молчание.

На старую удочку империалистического пацифизма пытаются поймать рабочих, связывая это с иллюзиями to get a job (заполучить работу) при сокращении военных расходов. И здесь, как и в остальном, империалистические махинации изображаются как средство разрешения противоречий рационализирующегося капитализма.

Тем не менее, и тут чертовски не везет. В Брайтоне Уитли констатировал:

> «в то время, как г. Макдональд ведет переговоры в Америке о мире, Великобритания накануне коммерческой войны с Англией» [3]).

Буржуазия не делает тайны из своего презрительного отношения к прыжкам кенгуру, совершаемым на пацифистском поприще Макдональдом.

> «Г. Макдональд не предпринял своего визита до тех пор, пока чисто англо-американская стадия морских переговоров не достигла определенной ступени. Это было достигнуто правильным и обычным путем тайной дипломатии, поскольку таковая возможна между двумя странами в настоящее время... В отношении премьер-министра мы можем быть уверены, что он отправился в Америку вовсе не с намерением вернуться назад с решением какой-либо из проблем» [4]).

Господа буржуа развлекаются барским издевательством над лакеями.

[1]) Evening Star. Цит. из Literary Digest, 28/IX — 1929.
[2]) Таймс, 3/X. Кстати: еще неизвестно — состоится ли эта конференция.
[3]) Таймс, 2/X.
[4]) Таймс, 7/X.

Ведь и вопрос о восстановлении сношений с СССР прошел по заказу Форейн Оффиса, с соответствующим саботажем и затяжками. Рабочее правительство не хочет поссориться с консерваторами. Оно преподносит «восстановление» на блюде для обсуждения Джиксам и К°. «Таймс» сурово тычет пальцем в Гендерсона, чтобы он не смущался большевистской «Правды»: «Правда» забывает, что мистер Гендерсон сидит не в Москве, а в Вестминстере» [1]). Это, разумеется, не подлежит сомнению: чтобы мог делать этот прожженый суб'ект в стране социалистического строительства?!

Саботаж с восстановлением сношений с СССР был связан, кроме всего прочего, с расчетами Макдональда и К° — подольше подержать на кухне это дежурное блюдо, чтобы можно было подольше эксплоатировать его, как «заслугу Рабочего правительства». Дальнейшая линия по отношению к СССР будет определяться желанием оправдать «парламентское» доверие буржуазии. Отношение к СССР так тесно и неразрывно сплетено с отношением к английскому пролетариату, что каждый шаг будет соразмеряться с потребностями единого фронта трех партий буржуазии. СССР не только нельзя «рационализировать» на капиталистический лад. Советский Союз сам является важнейшим фактором расшатывания капиталистической стабилизации. Рабочие и крестьяне всех стран имеют возможность сравнивать нашу социалистическую реконструкцию со всеми видами рабовладельческой «реконструкции» во всех углах земного шара. Английские рабочие, в особенности, в условиях бешеного, поистине империалистического натиска на них, должны сопоставлять наши социалистические успехи с «достижениями» буржуазного «рабочего» правительства.

Международные дела лэйбористов не лучше их внутренних дел.

Однако, что же в итоге всего решил с'езд правительственной рабочей партии?

Уже в вводном слове председателя, министра транспорта Моррисона, участником Брайтона было скороговоркой сообщено, что «антипрофсоюзным законом 1926 г. занимаются и законодательные предложения будут внесены на ближайшую сессию»; что «обсуждается вопрос о рабочем дне горняков»; что «вопрос о пенсиях рабочим свыше 65 лет разбирается»... [2]).

«Занимаются», «обсуждают» и «разбирают»! Неужели это неопределенно?!

Но большего предложить было нельзя.

Свою злость на такое бесцеремонное обращение делегаты сорвали на малопочтенной мисс Бонфилд. 1.027.000 представленных на с'езде голосов было подано за то, чтобы отвергнуть часть доклада, касающуюся страхования безработных. 1.100.000 «голосовали» (не сами голосовали, за них голосовали) в пользу отсутствовавшей мисс.

Можно ли, после всего этого, удивляться тому, что к с'езду рабочая партия пришла с 2.077.199 членами (из них 2.025.139 примыкающих через профсоюзы), утратив 1.216.416 человек с 1927 г. В 1920 г. она насчитывала в своих рядах 4.369.807 членов. Теперь нет и половины этого. Все более плотно срастаясь с буржуазией, рабочая партия, — несмотря на все ухищрения, на погромы и отсечения радикальных элементов профсоюзов, на полицейскую травлю коммунистов, — неудержимо катится под уклон. Ее верхушка все больше фашизируется; в рабочей же среде, вместе с радикализацией масс, растут силы, отталкивающие массы от этой партии. На с'езде в Брайтоне пытались протащить включение в состав партии новой категории членов, не принадлежащих к профсоюзам и примыкающих,

[1]) Таймс, 8/X.
[2]) Manchester Guardian, 1/X.

так сказать, «в национальном масштабе», как national associate members. «Рабочая» партия—для современных своих задач—должна проникать в банковские концерны, в семьи аристократии, в бюрократическую среду. Ей тесно в рабочей блузе не только по существу, — с существом она давно распрощалась! — но и формально. Она предлагает всем карьеристам и парвеню империализма плечи рабочих для прохождения в парламент, в сановники, в правления смешанных обществ и т. д. С этим замыслом партийные «боссы» пришли на с'езд. Однако, провести это не удалось, так как уж слишком перехватили.

И все же было бы ошибочно отсюда заключать, что рабочая партия остается хотя бы в минимальной степени похожей на свой первообраз прежних времен. Весь ее уклад рационализирован для подавления классовой борьбы во всех ее проявлениях. В Бельфасте Бен-Тиллет провозгласил, что «отныне трэд-юнионы составная часть организации промышленности» [1]), то-есть они включены в систему капиталистической эксплоатации. Они — один из из ее приводных ремней. Бевин на вопрос, что же такое рабочая партия, — заданный на том же с'езде трэд-юнионов в Бельфасте, ответил, что ее задача «осуществлять свои функции в парламенте, переводить в законы то, чего мы достигнем на промышленном поприще» [2]). Это — несомненная маскировка тройственного союза предпринимателей, желтых вождей, тянущих к фашизму, и буржуазного государства. Когда профсоюзы были, в основном, организацией рабочей аристократии, рабочая партия была парламентской надстройкой над ними. Теперь — не то. Теперь рабочие массы в профсоюзах (в большинстве своем лишенные прежнего привилегированного положения), пьедестал, а желтые вожди по профлинии и верхушки рабочей партии — решающая сила, которая опирается на капитал и буржуазное государство для подавления всякого действия снизу. Капитализм рационализируется за счет пролетариата, буржуазная рабочая партия централизуется и укрепляет господствующее положение своей верхушки за счет рабочего класса, калеча и обессиливая его. Но чем больше концентрируется буржуазное насилие под «рабочей» маской, тем больше разрыв между социал-империалистской, гниющей верхушкой и массами рабочих, тем быстрее и неудержимей концентрация революционной энергии в массах, тем острее массовая потребность в неурезанной классовой борьбе и революционном, коммунистическом руководстве.

Буржуазное рабочее правительство и его капиталистические хозяева не в силах справиться с противоречиями третьего кризисного этапа капиталистического развития. Обострение империалистического соперничества и перевооружение английского капитализма для этой цели не может дать рабочим ничего, кроме усиления гнета и эксплоатации, угрозы новых войн и безработицы.

Брайтон — гнилой пень. Это был с'езд чужой, враждебной рабочим партии, с'езд, отразивший лишь нежелание «рабочего» правительства разговаривать с рабочими своей партии, с'езд капиталистических «рационализаторов».

На этом гнилом пне рабочее движение не задерживается. Рабочие массы нащупывают и найдут свой путь классовой борьбы, а Английская компартия, пройдя через огонь самокритики и отбросив в сторону все правые и примиренческие шатания, сумеет встать в авангарде борющихся рабочих.

Время назначает свои темпы и требует быстрой мобилизации сил.

---

[1]) Дейли Геральд, 3/IX.
[2]) Manchester Guardian, 6/IX.

ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ.

Л. Гатовский.

О народно-хозяйственном плане [1]).

Совершенно бесспорно, что если бы закон ценности руководил, хотя бы с рядом ограничений, распределением людей и вещей в процессе воспроизводства, мы имели бы совершенно иное размещение труда, иной темп развития, иное классовое распределение дохода, иное социальное развитие деревни. Система цен была бы у нас в корне иной, в результате чего произошла бы колоссальная перекачка средств от тяжелой индустрии, огромное спекулятивное обогащение верхушки деревни и т. д. Мы имели бы резкий общехозяйственный кризис, который потребовал бы иных взаимоотношений с иностранным капиталом, резкую инфляцию, резкое снижение зарплаты, обострение безработицы и т. д.

Наличие промышленности, транспорта, кредита, оптового и 80% розничного оборота в руках социалистического сектора уже позволяет строить и удерживать систему цен, расходящуюся с конкретной рыночной кон'юнктурой (товарный голод), и тем обеспечить необходимый темп индустриализации.

Цена в основном является внешней формой проявления народно-хозяйственного плана. Правда, в форме ценовых пропорций концентрируются и элементы стихии, враждебные народно-хозяйственному плану (об этом ниже). Так непредусмотренные планом колебания цен не могут не вызвать некоторого перераспределения дохода, влиять на состояние рыночного равновесия, оказать известное влияние на с.-х. производство. Все же цена в основном остается плановым распределением ресурсов, не говоря о том, что имеется ряд других плановых рычагов, исправляющих ее результаты.

Стоимостные тенденции ведут народное хозяйство в сторону, противоположную той, куда направлен народно-хозяйственный план. Гегемония стихии означала бы социальную деградацию хозяйства СССР.

Все эти положения противостоят не только сторонникам теории, признающей господство закона ценности в СССР, но и тем, кто занимает промежуточную позицию, отрицая ведущую роль народно-хозяйственного плана, его роль как регулятора народного хозяйства СССР.

Противопоставление закона ценности народно-хозяйственному плану означает не только различие во внешних формах проявления закона пропорциональности трудовых затрат.

Основное здесь в том, что самые пропорциональности уже иные. Труд распределяется пропорционально иным потребностям. В самом деле, если при действии закона пропорциональности трудовых затрат через посредство его стихийной формы (ценность) устанавливаются одни лимиты, нарушение

---

[1]) Окончание. Начало статьи см. в предыд. номере.

которых вызывает хозяйственный кризис, то при действии его (при одном и том же уровне производительных сил) в условиях ведущей роли планового начала, устанавливаются уже иные лимиты, позволяющие и требующие одновременно иных пропорций, иного темпа.

Из различной оценки природы хозяйства вытекает вопрос о лимитах его развития верхних и нижних. Разве ряд ошибок в оценке хозяйственных перспектив, допущенных многими специалистами, не вытекал из смешения капиталистических и советских лимитов? Недаром критика наших перспективных планов со стороны буржуазных экономистов сопровождалась такой оценкой сущности нашего плана, при которой ему отводилась лишь роль прогноза стихийных процессов. Если считать, что в основе нашего планирования лежат стихийно-рыночные закономерности, тогда по-иному следует расценивать возможности известного временного нарушения рыночного баланса, иначе следует расценивать возможности регулирования рынка, возможность быстрого темпа обобществления, иначе должна быть построена финансовая политика (то, что расценивается лишь как напряженность финансовой системы при одном понимании сущности нашей денежной системы, при ином понимании должно было бы расцениваться как значительная инфляция); иначе следовало бы ставить вопрос о стимулировании индивидуальных хозяйств, в ином свете представилась бы проблема соотношения индивидуальных и коллективных хозяйств.

Если наше планирование основывается на гегемонии стихийных закономерностей, то отсюда следует либо вывод о невозможности социалистического пути развития СССР, либо теория «врастания стихии в социализм» и признание нынешней экономической политики в корне неверной. Если же признать, что закон ценности как регулятор не лежит в основе нашего планирования, а, наоборот, его господство противоречит курсу на социализм, то тогда и возможно, и должно вести линию на быстрый темп индустриализации и обобществления. Наоборот меньший их темп привел бы к процессу деградации в сторону капитализма.

В связи с этим требуется особая четкость и ясность формулировок в отношении регулятора советского хозяйства. Тезис о том, что у нас налицо перерастание закона ценности в закон трудовых затрат, нуждается в значительных исправлениях. Прежде всего закон ценности как специфическая социальная форма «закона» трудовых затрат может перерастать также лишь в иную социальную форму этого закона — очевидно в социалистический план. Так, впрочем, обычно и понимают эту известную формулу. Основной ее дефект не в этой ее неточности, а в том, что она дает много поводов к неправильным выводам благодаря ее туманности.

«Отмирание закона ценности», его трансформация не могут быть регулятором советской экономики. Речь идет об отмирающем, трансформирующемся законе ценности. Но здесь-то и возникает вопрос: насколько он трансформировался. Либо, если количество не перешло в качество, он остается еще единым регулятором, хотя бы и ограниченным, либо он остается регулятором наряду с планом, либо, наконец, он, как регулятор, уже не действует, что не исключает учета стихийных тенденций плановым регулятором.

Наибольший повод дает эта формула для неправильного вывода о том, что закон ценности, хотя уже измененный (но ведь и при монополистическом капитализме закон ценности сильно ограничен), является регулятором советского хозяйства.

Опасность неправильного толкования усиливается, если признать, что наша экономическая политика не противоречит материальному содержанию

закона ценности и что необходимый нам темп социалистического накопления совместим с господством закона ценности [1]).

Между тем признание регулятивных функций за законом ценности, хотя бы наряду с планом, означает: либо признание правильной в основном методологической установки Преображенского, либо идеализацию закона ценности, признание возможности гармонического равноправного сожительства двух противоположных начал. Отвергая теорию Преображенского, необходимо признать—либо план, либо стоимость регулятором нашего хозяйства.

* * *

Плановый регулятор советской экономики является переходным в двояком смысле(переходность советской экономики можно рассматривать также в двояком смысле), в смысле статическом и динамическом.

Во-первых, советская экономика является переходной, как особая качественно определенная система (народно-хозяйственный план уже является регулятором, но он еще включает стихийные тенденции). Во-вторых, советская экономика переходит в иную — более устойчивую и качественно определенную систему — социалистическую, необходимость постоянного приближения к которой является жизненным вопросом для переходной системы. Необходимой предпосылкой этого перехода и является роль народно-хозяйственного плана как регулятора. Отрицание последней роли лишает по существу экономику СССР ее переходных черт в обоих смыслах и, наоборот, осуществление новых по сравнению с капитализмом пропорций (возможное лишь при преодолении частно-хозяйственного принципа) размещения производительных сил, распределения дохода, дающее в итоге социалистическую трансформацию, означает не что иное, как осуществление народно-хозяйственным планом своей роли регулятора хозяйства.

Для выяснения роли народно-хозяйственного плана необходимо выявить значение поправок, вносимых стихией в процессе осуществления плана. Не превращают ли они план из ведущего начала в один из элементов стихийно складывающейся равнодействующей.

Невыполнение наших планов возможно благодаря действию следующих моментов (часто комбинированному):

1) Поправок, вносимых «социальной стихией» (например, сопротивлением капиталистических элементов).

---

[1]) Ошибка Преображенского не в том, что он обуславливал необходимость сдвигов в пропорциях распределения производительных сил по сравнению с теми пропорциями, которые устанавливались бы стихийно, а в том, как он обуславливал эти сдвиги и, отсюда, в каких размерах они должны были, по его мнению, осуществляться. Одно дело — изменение пропорций на основе ведущей роли народно-хозяйственного плана и другое дело — на основе резко враждебных двух регуляторов хозяйства и вытекающей отсюда соответствующей политики сверхиндустриализма.

Указанный выше отрыв социальной формы от социального содержания у тов. Бухарина приводит к неверной установке в отношении социального содержания нашего плана, нашей экономической политики.

Так, по его мнению, плановое начало борется лишь с ценностной оболочкой закона пропорциональных трудовых затрат (стр. 39 цитиров. брошюры).

Далее «правильно то, что мы можем находить пропорции своими методами, но неправильно то, что наши методы противоречат материальному содержанию закона ценности» (стр. 43).

Далее «речь не может итти об антагонизме (в наших условиях. *Л. Г.*) по существу материального содержания закона ценности (курсив тов. Бухарина), а речь может итти лишь об антагонизме общественной формы» (стр. 41).

Поскольку материальное содержание закона ценности имеет совершенно определенный социальный характер, трудно не видеть связи этой установки с вопросами о классовых взаимоотношениях, о роли рыночной стихии, о «рыночном равновесии» и т. д.

2) Поправок, вносимых природной стихией (например, неурожаем) и
3) Поправок, возникающих благодаря плановым просчетам.

Заранее оговоримся, что мы исходим из факта правильности генеральной линии экономической политики. Эта предпосылка является вполне законной для данного анализа.

Естественно, что каждый из перечисленных факторов питает другой. Так, например, плановые просчеты усиливают сопротивление «социальной стихии», наоборот, усиление сопротивления социальной стихии увеличивает возможность плановых просчетов, неурожай усиливает спекулятивные тенденции, а ослабление «социальной стихии» (при быстром темпе обобществления и связанном с ним росте производительности) ограничивает природную стихию и т. д.

Особый интерес, конечно, представляет степень воздействия на плане со стороны «социальной стихии». Воздействие природного фактора (речь идет о сельском хозяйстве) при нашем уровне производительных сил конечно может оказать существенное влияние на кон'юнктуру народного хозяйства в отдельный отрезок времени (пример: влияние недорода в южных хлебных районах на кон'юнктуру 1928/29 г.), но вряд ли можно с серьезностью утверждать, что неурожаи могут повлиять на направление развития хозяйства, существенно изменить темп развития за длительный период времени.

Развертывание индустриализации действует в сторону еще большего ослабления роли природных факторов в этом отношении.

Недочеты аппарата также не могут быть в числе причин, меняющих направление развития, хотя значение этой проблемы и огромно (проблема культурной революции, борьба с бюрократизмом, проблема кадров и т. д.).

Улучшение аппарата, его пролетаризация несомненно будут итти усиленным темпом, что должно также еще более ослабить роль этого фактора.

Сложнее вопрос о влиянии «социальной стихии».

Влияние взаимоотношений с мировым капитализмом на к о н ' ю н к т у р у нашего хозяйства бесспорно. Но речь идет о влиянии на направление, на основной путь ее развития. Признавая, что СССР может сохранить свою самостоятельность, несмотря на капиталистическое окружение, мы должны отсюда сделать вывод об отсутствии т а к о г о влияния со стороны «внешней стихии».

Вопрос о степени влияния на выполнение планов со стороны внутренней «социальной стихии» тесно связан с оценкой социальной структуры СССР.

Предпосылкой возможности единого планового регулятора в СССР служит тот факт, что основным производственным отношением у нас является отношение пролетариата и простых товаропроизводителей. При чем надо особо подчеркнуть, что роль простого товарного и роль частно-капиталистического сектора в борьбе народно-хозяйственного плана с законом ценности резко различна.

Если первый направляется плановым воздействием социалистического сектора по некапиталистическому пути (что несовместимо с господством закона ценности), то частно-капиталистический сектор о р г а н и ч е с к и не может быть включен в эту плановую систему. Он противостоит ей, как враждебная сила, стремится создать свой замкнутый круг воспроизводства, расширить сферу вольного спекулятивного оборота.

В капиталистическом секторе и концентрируется в максимальной степени действие стоимостных тенденций, противостоящих системе относительного равновесия, устанавливаемого народно-хозяйственными планом. Затруднения, вытекающие из той или иной диспропорции в этой системе, неизбежно используются частным капиталом, который тогда заметно активизируется.

Признание двумя основными элементами нашей экономики социалистического и товарнокапиталистического начала неизбежно ведет к отрицанию единого планового регулятора, базой которого является наличие элементов единства (что не исключает, а предполагает противоположности) социалистического и мелко-товарного секторов.

Проблема «кто-кого», естественно, нашей постановкой вопроса не снимается. Вывод из этой проблемы, однако, не в признании двух регуляторов или двух основных кругов воспроизводства в СССР, а в об'ективной необходимости правильной классовой политики, при которой (отвлекаясь от последствий войны) ведущая роль народно-хозяйственного плана, а, следовательно, тем самым успех социалистического строительства, обеспечены.

Народно-хозяйственный план воздействует на процесс воспроизводства в крестьянских хозяйствах через посредство значительного количества рычагов. Их можно было бы разбить (крайне условно) на две группы. В первой в значительной степени проявляются н е п о с р е д с т в е н н о организующие моменты (финансирование, целевое кредитование, агропомощь, производственная контрактация, производственное целевое снабжение, общественные меры воздействия на производство и т. д.), во второй эти моменты значительно отступают перед к о с в е н н о организующими, более рыночными с п о с о б а м и (политика цен, снабжение промтоварами личного потребления и т. д.). Первая группа способов воздействия все более усиливается за счет второй.

В общем это воздействие народно-хозяйственного плана, еще в основном (но уже и не целиком) воспринимаемо крестьянством, как рыночная кон'юнктура, проявляется главным образом через деятельность обобществленного сектора по линии заготовок, снабжения деревни (обобществленный сектор здесь доминирует).

Оно является уже основным направляющим началом в развитии крестьянских хозяйств, давая основные стимулы к производству. Направление средств в сельское хозяйство и его отдельные отрасли, осуществляемое таким образом, в основном д о л ж н о и м о ж е т проходить по этому народно-хозяйственному плану. Результат от этого должен также соответствовать в о с н о в н о м намечавшемуся плану. Но, помимо этого основного стимула производства (вернее комплекса стимулов), крестьянство действует на основе стимулов, возникающих по линии вольного рынка и внутридеревенского оборота. Здесь стихийное начало преобладает и воздействует на развитие крестьянского хозяйства уже в ином направлении. Стихия вносит поправки в процесс осуществления народно-хозяйственого плана. Это имеет тем большее значение, что кон'юнктура вольного рынка и внутри-деревенского оборота оказывает известное влияние и на условия плановых заготовок.

Однако, здесь все дело в с т е п е н и, отклонения от плана, в значении этих поправок, могут ли они (при правильной экономической политике) изменить основное направление развития, т.-е. привести к срыву народно-хозяйственного плана. Сфера отношений внутри несоциалистических секторов уже значительно сужена и носит на себе печать косвенного планового воздействия (торговля, кредит, накопление). Не стоимостные тенденции, коренящиеся в этих отношениях, определяют путь развития нашей экономики. Эти стоимостные тенденции, противостоящие народно-хозяйственному плану, проявляющиеся главным образом через посредство вольного рынка, приводят лишь к известным о т к л о н е н и я м от плана. Эти отклонения благодаря воздействию плана не перестают в его срыв, благодаря плановому подтягиванию отстающих отраслей. По этой линии и протекает борьба плана и стихии.

«Борьба плана со стихией» означает по существу классовую борьбу пролетариата за социалистические отношения, борьбу, сводящуюся к вытеснению капиталистических элементов (активных носителей противоположных тенденций) и к переустройству мелко-товарных форм.

Мирное сожительство плана и стихии невозможно. Не исключено, что на отдельных участках временно стоимостные тенденции могут даже совпа-

дать с интересами народно-хозяйственного плана, но в общем и целом—это два социально-враждебных начала. Следует резко подчеркнуть различие роли стоимостных тенденций на разных этапах.

В восстановительный период их роль была большей, чем в реконструктивный, но зато и их «враждебность» плану значительно возросла, как и возможности их преодолевания.

Это отражает развитие классовых отношений: рост и активизацию капиталистических элементов с одной стороны и рост планового охвата мелкотоварных хозяйств—с другой.

Неверно было бы утверждение, что план персонифицируется только в пролетариате, а закон стимости в мелко-товарном (бедняцком и середняцком) крестьянстве и, следовательно, если у нас налицо союз рабочего класса с крестьянством, отражает сожительство, гармоническое сочетание плана и закона стоимости.

Правильно было бы сказать, что осуществление народно-хозяйственного плана, как регулятора, означает осуществление союза рабочего класса с мелко-товарным крестьянством под руководством пролетариата, означает процесс постепенной социальной реконструкции деревни, социалистической трансформации. Господство закона стоимости означает победу противоположных тенденций, при которой—нет места социалистическому переустройству деревни. Следовательно, если отрицать ведущую роль народно-хозяйственного плана, то остается либо признать в той или иной форме стихийный путь развития хозяйства, либо признать наличие двух регулятивных начал. Здесь однако опять-таки возникает трудность: приходится либо стать на неправильный путь отрицания враждебного характера обоих начал, либо, если признать враждебность этих начал, стать на неверную точку зрения борьбы «двух регуляторов», наиболее логично развитую Преображенским.

Конечно, процесс индустриализации проходит при рыночном стимулировании крестьянских хозяйств, не говоря уже, конечно, об общем совпадении интересов пролетариата и основных масс крестьянства, но это отнюдь не означает «соглашение с законом стоимости». Здесь смешивается стимулирование частных интересов основных масс деревни (сочетание частного интереса с общественным) с действием закона ценности; так же как изживание стоимостных пропорций не означает тем самым установления невыгодных для основных масс крестьянства соотношений цен. Тенденция к эквивалентности обмена в наших условиях сводится к тому, что трудовые затраты должны распределяться в основном согласно потребностям народно-хозяйственного плана (переходной экономики), а не согласно стихийным требованиям неорганизованного хозяйства. Эта трансформация принципа эквивалентности не противоречит, а соответствует основным интересам мелких товаропроизводителей. Абсолютно неверно утверждение, что по мере изживания «ножниц» все больше осуществляется закон ценности. Это по существу не марксистская, а механистическая трактовка стоимости (смешение стоимости с степенью эквивалентности «обмена веществ» в обществе). Результат планирующей и регулирующей деятельности пролетарского государства преломляется в сознании мелких товаропроизводителей, зачастую как колебания рыночной кон'юнктуры, большая или меньшая выгодность рыночной реализации динамики цен стимулируют их деятельность. Но, ведь, не суб'ективное восприятие тех или иных явлений является определяющим началом закона ценности. Он представляет собой о б ' е к т и в н у ю з а к о н о м е р н о с т ь, заключающуюся в определенном способе распределения производительных сил в процессе воспроизводства. Если в основе этого распределения положен народно-хозяйственный принцип, а не стихийное сочетание индивидуальных хозяйственных актов, это означает уже **о т с у т с т в и е з а к о н а с т о и м о с т и**, как регулятора хозяйства, даже в измененной форме. Иначе мы вступили бы на путь фетишизации рыночной внешней формы.

Таким образом, голая формула «борьба плана со стихией» ни на иоту не подвигает разрешения вопроса о регуляторе советской экономики, поскольку все многочисленные точки зрения, несмотря на их резкое различие, ею покрываются.

По существу же мы имеем три группы точек зрения, по-разному толкующих взаимоотношения плана и стихии: в основе первой лежит признание гегемонии стихийного начала, в основе второй—господства обоих начал планового и стихийного, в основе третьей—гегемонии плана. Строго говоря и вторая точка зрения (сюда относится теория двух регуляторов, двуединого регулятора, двух основных кругов воспроизводства и т. д.) признает господство стихийного начала. Поскольку план не является единым регулятором, а лишь одним из элементов стихийно складывающейся равнодействующей, которая тем самым не может совпадать с планом (поскольку она возникает под влиянием и другого фактора) — хозяйство по существу управляется стихией, что не может не вызвать социальной деградации. Лишь при плановом регуляторе устраняется гегемония стихийного начала, стихийный путь развития хозяйства, исключающий построение социализма.

Плановый регулятор является единственно возможной формой успешного социалистического строительства. Борьба плана и стихии проявляется в двух моментах. Во-первых в процессе составления плана, когда учет стихийных тенденций, не лишая плана ведущей роли, заставляет отказаться от полного применения принципа народно-хозяйственного оптимума. Во-вторых, при осуществлении плана, когда стихия «стремится к добавочным уступкам» к плану.

Эти коррективы, однако, благодаря социальной структуре СССР не могут изменить направление развития.

Оба эти момента, составляя отличную черту планового регулятора советской экономики от планового регулятора социалистического общества, тем не менее не лишают народно-хозяйственный план его роли регулятора.

Итак плановое регулирование хозяйства может иметь четыре основные формы.

1. Либо план только предвосхищает стихийные тенденции, внося лишь свои коррективы — тогда он является формой проявления стихии, а отнюдь не народно хозяйственным планом, что несовместимо с переходной к социализму экономикой.

2. Либо план, не являясь единым регулятором, результатом хозяйства разделяет свою руководящую роль с законом ценности. Закон ценнности стремится установить свою систему равновесия, народно-хозяйственный план—свою.

При одновременном действии обоих этих регуляторов резкое перманентное нарушение равновесия, вытекающее из столкновения этих двух начал, явилось бы неизбежным спутником переходной экономики. Этот вывод неизбежно вытекает из отрицания ведущей роли какого-нибудь одного из этих двух начал. Успешное социалистическое строительство перестает быть об'ективно обусловленным.

Разделение между регуляторами «сфер влияния» с особыми системами равновесия неправильно.

В отдельном секторе не может установиться никакого обособленного равновесия. В основном мы имеем единый круг воспроизводства народно-хозяйственного целого. Правда, резко выявляется стихийная тенденция капиталистических элементов к созданию особого замкнутого круга воспроизводства. Об этом говорят исследования и о частном капитале в условиях СССР,

в частности работа Ю. Ларина. Яркое подтверждение этому дает ход хлебозаготовок 1928/29 года с характерным «раздвоением рынка» на «вольно-спекулятивный» и планово-обобществленный. В каждом из этих рынков имел место товарообмен (промтовары — хлеб) с резко различным ценовым выражением. Ведущим началом в первом процессе был кулак и частник, во втором — кооперация. Однако, несмотря на наличие подобных тенденций, ни в коей мере неверно было бы утверждать о наличии двух сколько-нибудь равноправных кругах воспроизводства: капиталистическом и социалистическом (в основном эта установка не отличается от теории «двух регуляторов»). Достаточно ознакомиться хотя бы с основным статистическим материалом, чтобы притти к отрицанию этой точки зрения. В основном продукция различных отраслей народного хозяйства, связанных цепной рыночной связью, включается на различных этапах в единый круг воспроизводства, регулируемый в целом народно-хозяйственным планом, хотя влияния его на различных этапах этого процесса неодинаково. Не отрицая необходимости анализировать проявление действия регулятора на отдельных участках народного хозяйства, следует подчеркнуть и необходимость такого синтеза, который дал бы монистическую теорию регулятора.

Ошибка Преображенского, как известно, заключалась в том, что он строил абстрактную схему социалистического плана, затем абстрактную схему развития частного сектора и, наконец, выводил механически (это было неизбежно) равнодействующую обоих элементов. Этой ошибки не могут избегнуть все отрицающие ведущую роль одного начала. Между тем ведущая роль народно-хозяйственного плана проявляется и исчерпывается процессом превращения переходной экономики в социалистическую, процессом вытеснения капиталистических и переделкой мелко-товарных форм.

Развитие последних уже включено в этот процесс, оно взято на буксир народно-хозяйственным планом. Нелепо, конечно, отрицать наличие стоимостных тенденций по линии внутридеревенского оборота, но это еще отнюдь не означает, что стоимость хотя бы в измененном виде или как равноправное с планом начало определяет пути развития хозяйства.

3. Таким образом, третья форма планового регулирования заключается в том, что в основном, но не полностью, принцип народного хозяйственного оптимума осуществляется и народно-хозяйственный план тем самым уже является единым регулятором.

Если бы этот принцип в основном не осуществился, мы имели бы господство стихийного начала и невозможность перехода к социализму.

Если бы он осуществлялся полностью, тогда мы бы уже имели социализм (четвертую форму планового регулирования хозяйства).

Таким образом только третья форма планового руководства свойственна переходной к социализму экономике.

* * *

Диспропорции в нашем хозяйстве вытекают не из наличия двух борющихся регулятивных начал в нашей экономике социалистического и товарно-капиталистического. Они являются следствием противоречия между социальной формой СССР (классовые отношения, распределение дохода, накопление и т. д.) и отстающим от нее унаследованным от царизма уровнем производительных сил. Следовательно, в самой советской системе хозяйства, позволяющей осуществлять быстрый темп индустриализации, заложена возможность их изживания.

Таким образом, основные причины хозяйственных затруднений текущей кон'юнктуры не суб'ективного порядка; они носят глубокий, об'ективный, структурный, а не кон'юнктурный характер, будучи связаны с унаследованным низким уровнем индустриализации. Из такого об'яснения трудностей следует, что основной выход из затруднений—борьба с основными структурными их причинами, отсюда — быстрый темп индустриализации, как предпосылка обобществления и быстрый темп обобществления, как условие индустриализации, намеченный пятилетним планом.

Иная установка у правых, — структурные причины затруднений, вытекающие из противоречия между социальной формой и низким унаследованным уровнем производительных сил, ими значительно преуменьшаются, затруднения текущей кон'юнктуры об'ясняются в основном суб'ективными причинами (соответствующими политическим ошибкам), неправильной политикой, т.-е. осуществлением плана чрезмерно игнорирующего рыночную стихию, создаются новые структурные причины якобы надвигающегося всеобщего кризиса; продолжение взятой линии должно, по их мнению, углубить кризис и вызвать деградацию всего хозяйства. Отсюда в качестве выхода намечается изменение курса политики с ударением на уступки рыночной стихии, дополнительное рыночное стимулирование индивидуальных хозяйств и т. д. Пятилетний план, естественно, при такой установке представляется не связанным с текущей кон'юнктурой, не дающим перспектив для изживания затруднений. Какова же оценка плана правыми и троцкистами? В известном смысле переоценка планового начала характерна для тех и других. Однако, речь идет о различном содержании, которое вкладывается в понятие плана.

У первых имеет место переоценка суб'ективных возможностей устранения хозяйственых затруднений, достижения рыночного равновесия.

Это об'ясняется отрицанием или преуменьшением структурных причин затруднений, недооценкой противоречия социалистических и несоциалистических форм.

Отсюда идеализация такого плана, такой политики, которая в значительной степени пассивно приспособляется к рыночной стихии. Они полагают, что продвижение вперед и изживание трудностей обеспечивается бесперебойным осуществлением такого плана, между тем как результатом его явилась бы социальная деградация и резкое обострение затруднений при попытках борьбы с ней. Недостаточное осуществление такого плана и является, по их мнению, основной суб'ективной причиной этих трудностей. Наоборот, они недооценивают возможностей директивного народно-хозяйственного плана, активно видоизменяющего рыночные тенденции, т.-е. по существу плана, содержанием которого является быстрый темп индустриализации и обобществления.

Троцкисты, преувеличивающие противоречия социалистического сектора и товарного хозяйства, преувеличивающие удельный вес и значение капиталистических элементов, выдвигают иной план, рассчитанный не на построение социализма (что немыслимо при существующем, по их мнению, сопротивлении товарных хозяйств), а на удержании позиций до прихода помощи извне, путем ожесточенной борьбы с товарным хозяйством. Такой план неизбежно приобретает «авантюристический» характер.

Из оценки природы советского хозяйства, из оценки природы плана правыми и троцкистыми следует, что развертывающееся наступление на капиталистические элементы несовместимо с сохранением необходимого для построения социализма союза с середняком, что проводимый быстрый темп индустриализации должен привести к колоссальному развитию противоречий между социалистическим и товарным хозяйством, которые (противоречия) являются препятствием к успешному социалистическому строительству. Однако, выводы, которые делаются из этих положений теми и другими, конечно, различны.

Точка зрения, высказанная выше, признавая наличие народно-хозяйственного плана, как регулятора, вместе с тем отрицает за ним возможность

немедленного устранения наличных диспропорций. Однако, осуществление этого плана идет по пути их изживания к построению социалистического общества.

* * *

Подведем некоторые итоги всему вышесказанному. Вопросы экономической политики, темпа индустриализации, обобществления, регулирования рынка, степени интенсивности классовой борьбы о б о б щ а ю т с я в вопросе о природе нашего плана.

Огромное значение планирования в наших условиях, естественно, не оспаривается никем. Весь вопрос заключается в том, что лежит в его основе. Иными словами, является ли он регулятором воспроизводства, реконструкции, в процессе которой вносятся известные коррективы стихией, или план осуществляет с т и х и й н ы е тенденции, внося лишь те или иные коррективы или, наконец, участвуя, как одна из сторон, в регулировании хозяйственной жизни.

Мы считаем, что закон ценности, хотя бы и измененный, «перерастающий» и т. д. не является регулятором советского хозяйства, не может являться даже одним из о п р е д е л я ю щ и х начал развития советской системы.

Наш план опирается на социальную структуру нашего хозяйства, требующую и вместе с тем предоставляющую возможность установления уже иных пропорций на основе народно-хозяйственного принципа. Но по мере дальнейшей социальной перестройки советской экономики мы будем иметь перерастание нынешнего народно-хозяйственного плана в социалистический. Включение стихии в план будет играть не меньшую роль. Коррективы стихии будут все суживаться. Таким образом, у нас имеет место процесс эволюции народно-хозяйственного плана, а не закона стоимости, как регулятора хозяйства.

Отрицание господства (хотя бы измененного) закона ценности означает не отрицание стимулов к производству для мелких товаропроизводителей, а о с о б о г о капиталистического пути их развития. Лишь при развертывании социально-экономических мероприятий реконструктивного периода полностью выявляются существенные черты регулятора советской экономики.

Признание народно-хозяйственного плана регулятором (новой формой проявления закона пропорциональности трудовых затрат) советской экономики, естественно, несовместимо как с троцкистской, так и с установкой правых. Для первой оно неприемлемо поскольку предпосылкой его является соответствующая оценка взаимоотношений социалистического сектора и мелкотоварного и отрицание диспропорций и кризисных явлений как неизбежного спутника нашей социальной системы.

Для установки правых неприемлемо о с о б о е противопоставление народно-хозяйственного плана стихийному регулятору и то ударение, которое делается на вопросе о возможности и необходимости иных пропорций. Отсюда различие в оценке хозяйственного положения и перспектив, возможного и необходимого для нашей хозяйственной системы, возможностей ограничения рыночной стихии в оценке значения баланса рыночного спроса и предложения для нашей политики капитальных вложений и т. д. Словом, вопросы темпа индустриализации, обобществления, регулирования товарооборота и т. д. имеют теснейшее отношение к проблеме регулятора.

Необходимость тщательного изучения в теоретическом разрезе (на основе анализа конкретного материала реконструктивного периода) вопросов о регуляторе советского хозяйства ощущается сейчас особенно сильно. В задачу данной статьи входила лишь постановка некоторых вопросов из этой огромной области.

Победа марксистского краеведения.

(Первая краевая советская энциклопедия).

В издании Сибкрайиздата вышел из печати первый том Сибирской советской энциклопедии (ССЭ). Он обнимает словник от **А** и до **К** включительно и заключает в себе разработку 1.800 словных обозначений.

И з д а н и е п е р в о й к р а е в о й м а р к с и с т с к о й э н ц и к л о п е д и и является выдающимся явлением мирового характера и величайшим достижением нашей культурно-общественной жизни. Факт издания такой энциклопедии может быть об'ясним только наличием у нас Советской власти и господством марксистско-ленинской методологии и единой идеологии класса-гегемона — рабочего класса.

В самом деле, где кроме как в СССР, имеется еще такой смелый опыт? Нигде! Старая культура капиталистического мира в деле изучения своих окраин в лучшем случае несет свои «ирбуки», т.-е. сводные справочники описательно-прикладного характера, не идущие в классификации своей тематики дальше элементарного индекса обиходных слов (комплексные статьи с алфавитным выделением в них наиболее значимых тем). Таковыми являются индийский и китайский «ирбуки» англичан, корейский — японцев и т. д. Этому легко найти об'яснение; ведя политику колониальной экспансии, буржуазия капиталистических стран-метрополий, не может себе позволить роскоши иметь периферийные энциклопедические издания, трактующие общие вопросы истории, политики, философии и экономики, ибо не имеет общего языка не только с трудящимися массами своих периферий (колоний), но не всегда даже находит этот язык и с широкими кругами их туземной буржуазии (средней и мелкой). В этом отношении не безынтересно вспомнить наше собственное недавнее прошлое — попытку, предпринятую в 1909—1910 г. сибирскими областниками (Потанин, Андрианов и др.) издания общесибирского справочника по типу приближающемуся к энциклопедии. Неудачи этого издания начались с того, что лица, раньше обещавшие финансировать его, отказались от этого, при чем в основе этого отказа лежало противоречие интересов представителей групп сибирской буржуазии, ведущих экспортные операции на внутреннем (российском) и внешнем (заграничном) рынках и интересов т.-наз. туземного купечества, работавшего на местном рынке, томского, по преимуществу. Дело дошло тогда до того, что, вследствие отказа от финансирования, со стороны сильнейшей западно-сибирской (экспортной) буржуазии, предпринятое областниками издание было скомкано и выпущено в свет, как справочник узко-районного характера. Следствием этого же разногласия интересов явился тогда почти одновременный, параллельный выпуск ряда солидных справочных изданий (уральского, западно-сибирского, восточно-сибирского и т. д.), через которые красной нитью прошла борьба разных конкурирующих торгово-буржуазных клик Сибири за влияние в деле железно-дорожного строительства (спор о направлении Омско-Тюменской или Курган-Шадринской ж. д., спор о направлении и выходе южно-сибирской магистрали и ее алтайском варианте, о направлении северо-восточной сибирской магистрали на Томск—Енисейск, или Канск—Енисейск и т. д. и т. п.).

В свете этих фактов не будет преувеличением, если мы скажем, что издание Сибирской советской энциклопедии является завершением целого этапа культурного строительства нашей страны, выражением роста ее районов, колоссальнейшей победой на фронте социалистической культуры. И это тем более так, если мы примем во внимание, что на примере данного издания мы имеем не простую счастливую случайность, не отдельное изолированное начинание удачливых составителей и издателей, а п о и с т и н е в а ж н е й ш и й к у л ь т у р н о - н а у ч н ы й п о ч и н м а с с о в о г о х а р а к т е р а (при тираже в 10 тыс. экз. только одна предварительная подписка достигла 7 тыс. экз.), за которым и по проторенным путям которого тянутся теперь проектируемые издания других краевых энциклопедий: Закавказской, Средне-Азиатской и пр.

Однако, мы бы совершили величайшую ошибку, если упустили из виду отдельные, подчас весьма важные недочеты первого тома ССЭ. А недочеты эти проявляются в нем не только в недостаточной полноте обиходных словных обозначений, о чем речь будет итти ниже, не только в недостаточной увязке

(комплексировании) статей, очерков и заметок по смежным темам, что также имеет место, но зачастую и в неправильности их методологической обработки ряда тем.

В этой связи раньше всего бросаются в глаза непропорциональность словных обозначений по отдельным отделам (отраслям знания) энциклопедии, при чем явно выпирают обозначения слов узко справочного характера по географии, антропологии, этнографии, археологии, за счет неполноты слов по истории классовой борьбы и экономики Сибири. Потому эта диспропорция носит не количественный, а **к а ч е с т в е н н ы й** (методологический) характер. О том же самом свидетельствует и неполнота персоналей (биографий) виднейших участников рабочего движения и партийных организаций Сибири. Под неполнотой персоналей надо разуметь отсутствие в первом томе ССЭ биографий: Авдеева, Бабайлова, Бронштейна, Буртмана, Гершевича, Гольдсобеля, Гордеева, Гусельникова, Джорова, Дмитриевского, Дымова и других виднейших деятелей пролетарской революции в Сибири.

Другая серия недочетов методологического характера касается содержания отдельных статей, очерков и заметок первого тома ССЭ. Наиболее важными из них являются:

1. В заметке «Буфер» происхождение этой переходной (временной) формы организации власти на Дальнем Востоке и борьба за приоритет **с о в е т с к и х** форм «Буфера» (В.-Удинск, Чита),— об'ясняется автором междуусобной борьбой приморской и забайкальской группировок партийцев. Забыто, что идея «Буфера» вытекала из учения Ленина о передышке, что самая организация последнего была осуществлением одного из гениальных маневров Ленина по отношению к империалистам ДВ, что самая организация «Буфера» и борьба за приоритет В.-Удинска, а позже и Читы, производилась по прямым директивам большевистского центра. Поэтому нельзя не признать, что авторы этой заметки явно неправильно ориентируют читателя на счет истории «Буфера» и этого его значения в деле борьбы пролетарской революции с интервенцией.

2. В заметке «Анархисты» авантюристический характер деятельности анархистов об'яснен не причинами классового характера, а тем, что анархисты «жили несколько обособленно от других ссыльных (!!)».

3. В статье «Бурят-монгольская Автон. Советская Социалистическая Республика» самоопределение бурят-монгольских трудящихся масс об'ясняется как «культурно-национальное самоопределение» (?). Политического значения разрешения национального вопроса, а тем более его классового разреза, в статье совершенно не дано.

4. В заметке «Даурское правительство» указывается, что образование этого правительства является попыткой «панмонголистов образовать фантастическое (?) государство с территорией от Байкала до Тибета и от Манчжурии до Туркестана». Давая такое определение, автор и редакция ССЭ упускают из вида основное положение марксизма, что государства образовываются людьми в процессе борьбы классов и то, что еще столь недавно казалось рядовому обывателю фантастическим, на наших глазах становится реальностью, например, образование СССР. Кто, например, может оспорить положение, что если бы, к примеру говоря, на русском ДВ утвердилась власть буржуазии в образе ли меркуловщины или эсеровско-меньшевистской медведевщины, — не приобрела ли бы тогда панмонголистская фантастика вполне реальных очертаний.

5. В заметке о восстании казаков («киргиз») в 1916 г. взята и узаконяется одна из наиболее спорных в отношении марксистской методологии характеристик этого восстания. А между тем мы имеем теперь значительное количество марксистских работ по этому вопросу, которых автор не указал даже и в перечне литературы.

6. В статье «Востоковедение» дается не правильное об'яснение понятия **в о с т о к о в е д е н и я**, как отрасли знаний. Об'яснение это исходит из вульгарных определений «экономического материализма» и видит «базу» этой отрасли только в проникновении торгового капитала на Восток. При этом автор совершенно не замечает всего комплекса отношений к этой проблеме ни со стороны современного капитализма (империализма), ни тем более со сторны марксизма эпохи империалистических войн и пролетарских революций (ленинизма), избирающего «базой» востоковедения, как предмет изучения, взаимоотношения капиталистической метрополии и их колоний с одной стороны, советского центра со своими национальными окраинами — с другой. Автор рецензируемой статьи не видит и **р а з л и ч и я** «баз» изучения Востока нами и нашими антагонистами. По крайней мере, в статье мы не находим прямого указания, что в противоположность изучению империалистами отсталых стран Востока в целях их порабощения (автаркии), марксистско-ленинское изучение колониальных проблем исходит из необходимости нахождения путей, ускоряющих и облегающих ход колониальных революций, а по отношению к Востоку Советскому — путей скорейшей ликвидации остатков хозяйственно-культурного неравенства национальных республик и областей на основе максимальной помощи им со стороны центра, самого тесного их сотрудничества с ним и социалистического разделения труда этих районов в пределах общего плана народного хозяйства СССР.

Вполне понятно, почему при таком подходе автора к трактовке темы из его очерка выпали наиболее красочные факты о востоковедении, как о классовой борьбе, проявляемой в научной форме по отношению к явлениям истории, философии, этнологии и экономики колониальных и полуколониальных стран, например, сведения об обоих снаряженных в 1908—10 гг. в Сибири монгольских экспедициях: профессоров Соболева и Боголепова и москвичей, способствовавших «научному» обоснованию «необходимости» усиления колониальной экспансии русского торгового капитала в Монголию и полной анексии Урянхая (Танна-Тувы).

7. В заметке «Бодайбо» дается довольно подробное описание этого города и значительный перечень литературы о нем. Не находится в ней места хотя бы только для краткого указания **н а и с т о р и ч е с к у ю** роль этого «населенного пункта», как театра величайшей классовой битвы до октябрьского периода (ленская забастовка 1912 г.). Ведь география революции не менее почетная отрасль знания, чем, скажем, география физическая, или экономическая!

8. В заметке «Авксентьев» совершенно непонятная, исторически и политически обеляющая этого социал-белогвардейца, характеристика, указывающая будто бы он после разгона Колчаком «директории» и после своей высылки за границу вел там борьбу с Советской властью только «в печати» (?!).

9. В очерке «Железнодорожники» нет исторического разреза формирования ж.-д. пролетариата Сибири и не даны яркие, в классовом отношении наиболее значимые, факты истории борьбы ж.-д. рабочих за приоритет рабочей части железнодорожников, например, а) борьбы за созыв сибирских ж.-д. с'ездов в центрах сосредоточения главной массы ж.-д. пролетариата Сибири — в Красноярске, Омске и Чите в противовес созыву их в центре нахождения чиновничьих управлений ж.-д. сетью Сибири—Томске и Иркутске; б) всеобщей сибирской ж.-д. забастовки в августе 1905 г., сопровождавшейся ожесточенным полицейским террором: убийством Чальникова в Красноярске и массовыми арестами); в) наконец, борьбы ж.-д. рабочих Средней и Восточной Сибири за перенос управления Сибирской ж.-д. из чиновнического Томска в рабочий Красноярск.

Отсутствие в данном очерке названных фактов лишает его необходимой полноты и насыщенности классовым анализом фактов.

10. В заметке «Ефремов» не дано, одного из ярких проявлений классовой борьбы в революционном движении Сибири, в то же время являющегося и наиболеее яркой характеристикой этого местного буржуазно-радикального публициста. Речь идет о той ожесточенной борьбе, которую он вел в своей иркутской газете с подпольной с.-д. организацией во время выборов во 2-ую государственную думу и во время восстания иркутских понтонеров, приведшую к расконспирированию и провалу ряда ее работников и «профессионалов» (А. Сухорукова и др.).

11. В заметке «Григорьев, В. Ю.» дается какая-то стыдливая ссылка на его работу в качестве комиссара по делам Урянхайского края, **в т о в р е м я к а к о с о д е р ж а н и и э т о й р а б о т ы н е с к а з а н о н и о д н о г о с л о в а**. А ведь она-то изобиловала наибольшим количеством наглядных моментов империалистической политики русского царизма и капитализма в Танна-Туве. Не умаляя достоинства названного деятеля, как ученого исследователя, автор был обязан отметить вышеназванные черты его боевой империалистической деятельности. Не сделав этого, автор заметки, а вместе с ним редакция ССЭ, взяли на себя неблагодарную и не однажды повторяемую и в других заметках роль ретушера негативных черт биографий (Андрианов, И. С., Гольдберг и др.).

Не мало в вышедшем томе ССЭ и погрешностей чисто технического характера. Некоторые из них носят черты простой неряшливости. Например, в заметке «Далемба» указывается, что эта материя поступает в Сибирь из Монголии и ни слова не говрится о политической роли этого фабриката в деле империалистического соревнования русского, американского и японского капиталов в Монголии. Ведь в результате этой борьбы московские текстильные фабриканты в конце минувшего столетия начали вырабатывать далембу **у с е б я** (одно время почти совершенно уничтожив ее кустарное производство в Монголии), а американцы и японцы — у себя. Как видите, в этой заметке, следствием фактической неточности, упущен еще и важнейший социально-экономический момент.

В заметке «Гоштовт» ошибочно указано, будто этот старейший сибирский большевик работал «в последнее время в Москве»; тогда как на самом деле он до последних дней своей жизни работал в Сибири (Красноярске) и лишь умер в Москве, находясь здесь проездом по пути на курорт Сочи—Мацеста.

В статье «Газеты Сибири в годы революции и гражданской войны» указано будто в состав редакции «Сибирской Правды» входил и тов. А. Рогов, чего на самом деле не было, ибо он в это время вел другую ответственно-руководящую работу.

Нельзя пройти мимо и другой серии недочетов рецензируемого издания. Так, в нем совершенно отсутствует значительное количество весьма важных для познания истории, экономики и других отраслей изучения Сибири словных обозначений, а именно: Амурская речная флотилия, Азеф, Академисты, Амурская экспедиция, Алтайская духовная миссия, Архиерейский бунт, Авдеев Н, Артемьев, «Абакан»—акц. о-во, Булацель, Биржи труда (до рев.), Букейханов, Булыгин, Бабайлов И, Благовещенская трагедия (потопление китайцев), Брестский мир, Бойкот, Брюль и Тенгерсен. Восстания: иркутских понтонеров 1906 г., Владивосток. 1906 и 1907 гг. и ряд других, Военно-промышленные комитеты, Военно-революционные организации 1906—1917 г., Вайнштейн И, Гонготская конференция, Гондатти Н. Л., Гей-др. Гинс Г. К., Группа федералистов» (Читы 1906 г.), Гершевич К, Грибанов Н, Грацианов, Дальне-Восточный Секретариат Коминтерна, Демонстрации, Доброхотов, Добровольский, Джоров Ст, Дутов от Дальбюро ЦК РКП, Дмитриевский В, Дже-Лама, Дацков А, «Досуги Заамурца», Епископ Макарий Алтайский, Егерские полки и Желтый труд.

Несмотря на внешние кажущиеся разнообразия и разноценность этих отсутствующих в рецензируемом нами томе словных обозначений, все они идут по одной линии — по линии придания всему изданию более выпуклого классового разреза на конкретном краевом материале — по линии углубления марксистско-ленинского изучения Сибири.

Без включения перечисленных слов в ССЭ она будет не полной по содержанию. Поэтому нельзя не пожелать, чтобы редакция в последнем томе своего издания отвела бы им специальное место.

Касаясь формы изложения даваемого первым томом ССЭ материала, надлежит указать, что в основной своей части она является доступной для того круга пользователей, на который рассчитано данное издание, при чем нельзя также не отметить, что популярность этого изложения в подавляющем большинстве случаев не сбивается на путь вульгарного упрощенства.

В заключение нельзя не отметить выдающейся техники издания первого тома ССЭ (печатано в типографии «Правда»). Даже перевод значительного количества площади его набора на ослепляющую нонпарель, а печатание — тому же содействующую глянцевую бумагу, искупается высокой техникой ярко броского набора, оригинальностью верстки, богатством и великолепием иллюстрационного и графического материала. Роскошный переплет вполне заслуженно дает изданию соответствующую внешнюю оболочку.

В интересах борьбы за качество продукции, нельзя лишь не отметить следующего дефекта техники издания — небрежной приправки и фальцовки, в результате чего косят поля страниц и колонн-цифры.

БОРИС ШУМЯЦКИЙ.

Почта Отдела консультации.

25/X послан ответ почтой т. Волкову, И. (г. Вознесенск).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 21 15 НОЯБРЯ № 21

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 9
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
„П Р А В Д А“

Главлит № А—45389. Тираж 127 000 экз.

Типография газеты „Правда“. Москва, Тверская, 48

От капитализма к социализму.

«России грозит неминуемая катастрофа. Железнодорожный транспорт расстроен неимоверно и расстраивается все больше. Железные дороги встанут. Прекратится подвоз сырых материалов и угля на фабрики. Прекратится подвоз хлеба. Капиталисты умышленно и неуклонно саботируют (портят, останавливают, подрывают, тормозят) производство, надеясь, что неслыханная катастрофа будет крахом республики и демократизма, Советов и вообще пролетарских и крестьянских союзов, облегчая возврат к монархии и восстановление всевластия буржуазии и помещиков» [1]).

Так характеризовал Ленин ту обстановку, которая сложилась к сентябрю 1917 г., после полугодового торжества мелкобуржуазного демократизма и господства мелкобуржуазных иллюзий. Прикрываясь пустыми и бессодержательными фразами об отечестве и революции, бессильные предотвратить надвигающуюся катастрофу, мелкобуржуазные демократы все усилия прилагали к тому, чтобы задержать ход истории, остановить поступательное движение революции. Бесславные марионетки в руках капиталистов и помещиков они решительно не понимали смехотворности своих усилий удержать дальнейшее развитие революции, не понимали, что «середины» между революцией и контрреволюцией — нет. «Стоять на месте нельзя — в истории вообще, во время войны в особенности. Надо итти либо вперед, либо назад» (т. XIV, ч. 2, стр. 208). «...человечество оказалось перед выбором: или погибнуть, или вручить свою судьбу самому революционному классу для быстрейшего и радикальнейшего перехода к более высокому способу производства». «Погибнуть или на всех парах устремиться вперед. Так поставлен вопрос историей» (т. XIV, ч. 2, стр. 212—213).

Или жесточайшая, беспощадная, кровавая реакция, возвращение далеко назад от всего того, что было уже завоевано, или дальнейшее движение вперед, передача власти самому революционному классу, борьба за переход к новым более высоким формам организации общества — к социализму.

Так был поставлен вопрос историей перед рабочим классом России в 1917 году. И рабочий класс в лице своей партии дал на него ответ.

[1]) Ленин. т. XIV, ч. 2, стр. 177.

Сколько иронии, сколько издевательства со стороны всех,—«от кадетов - корниловцев до полубольшевиков»,—вызвало заявление большевиков, что они будут бороться за власть и власть в свои руки возьмут.

> «Лучшим способом на долгие годы освободиться от большевизма, низвергнув его, было бы вручение его вождям судеб страны». «Но несмотря на весь словесный задор, на хвастливые фразы, на демонстрацию самоуверенности, большевики, за исключением немногих фанатиков, храбрецы лишь на словах. Взять «всю власть» они не попытались бы по собственному побуждению. Дезорганизаторы и разрушители..., они, по существу, трусы, в глубине души прекрасно сознающие и внутреннее свое невежество и эфемерность своих теперешних успехов. Так же хорошо, как и все мы, они понимают, что первый день их окончательного торжества был бы и первым днем их стремительного падения». «Ни при каких условиях им недоступна созидательная работа».

Так писала кадетская «Речь».

Недалеко от официального кадетского органа ушел и официальный орган эсеров.

> «Если они (большевики) отдавали отчет в своей агитации, если они не обманывали массы,—они обязаны расплачиваться по выдаваемым направо и налево векселям». «И пусть они не делают бесполезных усилий скрыться за наскоро создаваемые теории о невозможности им взять власть», «в то же время сторонники коалиции должны гарантировать им полную поддержку».

Как «сторонники коалиции» — меньшевики и эсеры — оказывали «полную поддержку» Советской власти,—мы знаем хорошо. Именно они взяли на себя «честь» защищать интересы капиталистов и помещиков от посягательств пролетарской диктатуры. Именно они являлись активными участниками всех без исключения белогвардейских правительств. «Сторонники коалиции», они вступали в «коалицию» только с капиталистами и помещиками и именно им оказывали «полную поддержку» в борьбе с Советской республикой.

Рабочий класс, руководимый партией большевиков, с полным сознанием своей ответственности перед историей, взял в Октябре всю власть в свои руки, ибо не было иного пути предотвратить надвигающуюся катастрофу, не было иного пути предотвратить контрреволюцию и обеспечить дальнейшее развитие революции вперед к социализму.

Первым шагом Советского правительства было, естественно, принятие самых решительных и немедленных мер к ликвидации основной и коренной причины, приведшей страну на порог гибели — ликвидации войны. Неслыханно разоренная, истощенная и измученная страна не могла воевать без того, чтобы не довести народное хозяйство до полной катастрофы и анархии и не хотела воевать. Империалистический характер войны был достаточно ясен широчайшим массам трудящихся.

Следующим решением—о национализации земли и передаче ее в руки трудящегося крестьянства — разрешена была задача окончательного уничтожения остатков феодализма.

Национализация банков, транспорта и крупной промышленности, подрывая экономическое могущество класса капиталистов создали те условия и предпосылки, при которых пролетариат мог перейти к разрешению непосредственных задач, стоящих перед ним — к восстановлению разоренного, дезорганизованного войной народного хозяйства и организации его на новых началах,—к строительству социализма.

В статье «Очередные задачи Советской власти» (написанной в марте — апреле 1918 г.), с непревзойденной простотой, ясностью и четкостью, формулировал Владимир Ильич эти задачи, поставленные в порядок дня работ Советской власти.

«Во всякой социалистической революции, после того как решена задача завоевания власти пролетариатом и по мере того как решается в главном и основном задача: — экспроприировать экспроприаторов, выдвигается необходимо на первый план коренная задача создания высшего, чем капитализм, общественного уклада, именно: повышение производительности труда, а в связи с этим (и для этого) его высшая организация».

А «под'ем производительности труда требует, прежде всего, обеспечения материальной основы крупной индустрии: развития прозводства топлива, железа, машиностроения, химической промышленности» (т. XV, стр. 208), «социалистической организации соревнования» и «применения принуждения так, чтобы лозунг диктатуры пролетариата не оскверннялся практикой киселеобразного состояния пролетарской власти» (т. XV, стр. 210).

Но «социализм не создается по указу сверху. Его духу чужд казенно-бюрократический автоматизм; социализм живой — есть создание самих народных масс» и не подняв этих народных масс, не пробудив их от той спячки, творческой инертности, на которую они были обречены при капитализме, мы не могли бы сколько-нибудь серьезно говорить о социалистическом строительстве. «Организаторских талантов в «народе», т.-е. среди рабочих и не эксплоатирующих чужого труда крестьян—масса; их тысячами давил, губил, выбрасывал вон капитал, их не умеем еще найти, ободрить, поставить на ноги, выдвинуть — мы» (т. XV, стр. 212). Но мы этому должны научиться, ибо «социалистические порядки» мы установим только тогда, когда научимся «соединять вместе бурный, бьющий весенним половодьем, выходящий из всех берегов, митинговый демократизм трудящихся масс с железной дисциплиной во время труда, с беспрекословным повиновением — воле одного лица, советского руководителя во время труда». (т. XV, стр. 220).

И чем решительнее, чем тверже должна быть дисциплина и «диктатура отдельных лиц для определенных процессов работы», «тем разнообразнее должны быть формы и способы контроля снизу, чтобы парализовать всякую возможность извращения Советской власти, чтобы вырывать повторно и неустанно сорную траву бюрократизма» (т. XV, стр. 223—224).

Это тем более необходимо, что эксплоататоры «в течение довольно долгого периода неизбежно будут пытаться свергнуть ненавистную власть бедноты», что «буржуазная и мелкобуржуазная стихия борется против Советской власти», как «заговорами и восстаниями», так и «изнутри, используя всякий элемент разложения, всякую слабость для подкупа, для усиления недисциплинированности, распущенности, хаоса» (т. XV, стр. 214—215).

Только при наличии всех этих условий мы сумеем подойти к разрешению того, что является «нашей общей задачей, нашей общей целью»—переходу «к социалистическому хозяйству, к коллективному землевладению общественной обработки земли» (т. XV, стр. 597).

Что мы могли бы прибавить сейчас, спустя одиннадцать лет после того, как были написаны эти строки, к характеристике стоящих перед нами задач. С исчерпывающей полнотой, с гениальной прозорливостью наметил Владимир Ильич те «очередные задачи», которые, как задачи стоят и сейчас и которые именно теперь приобретают особо актуальное значение.

Гражданская война отвлекла от разрешения этих хозяйственных задач. Мы были «против гражданской войны. Если тем не менее, она продолжается, то что же нам делать». (т. XV, стр. 25). Миллионы пролетариев и трудящихся крестьян пошли на защиту Советской власти, защиту завоеваний Октября от многочисленных белогвардейских полчищ и империалистских банд.

Белогвардейские банды были разгромлены. Но долгие годы империалистической, а затем гражданской войны не прошли бесследно для народного хозяйства. Промышленность сократила свое производство до 18—20% довоенных его размеров, при чем особенно пострадали как раз те отрасли промышленности, продукция которых должна была играть решающую роль в деле социалистического преобразования народного хозяйства. Производство чугуна упало к 21—22 году до 4,1% довоенного производства, мартеновское производство до 7,5% и прокат до 7,4%. Добыча каменного угля и антрацита, сократившаяся до 35,9% довоенного уровня, угрожала полной остановкой работы железнодорожного транспорта. Резко снизилось и производство предметов широкого потребления, оставляя неудовлетворенным и потребности широких трудящихся масс. Сельскохозяйственное производство упало до 49% довоенных его размеров. Валовой сбор по 9 зерновым хлебам упал с 74 млн. тонн в 1919 году до 24,6 млн. тонн

в 1921 г. Животноводческое хозяйство сократилось больше, чем на одну треть.

Ни одна власть не могла бы вынести на своих плечах то, что вынесла власть рабочих и крестьян. Нужны были невероятные усилия, нужен был величайший энтузиазм, нужны были нечеловеческая воля и энергия, чтобы вырваться из цепких об'ятий голода, нищеты и разорения. И прежде всего нужна была правильная экономическая политика, обеспечивающая в наиболее короткий срок восстановление разоренного, разрушенного, истощенного войнами народного хозяйства и успешное построение социалистического хозяйства.

Какую же экономическую политику нужно было вести перед лицом такой экономической действительности?

«Если бы мы имели государство, в котором преобладает крупная промышленность,—говорил Владимир Ильич,—или же, скажем даже, не преобладает, но очень сильно развита и очень развито крупное производство в земледелии, тогда прямой переход к коммунизму возможен» (т. XVIII, ч. I, стр.151), тогда возможно, оживляя и восстанавливая народное хозяйство, одновременно приступить к задачам непосредственной ломки «старого общественного экономического уклада» и его социалистической реконструкции.

Но именно этого-то условия у нас и не было. В стране и без того промышленно слабо развитой, от крупной промышленности, в результате империалистической и гражданской войн, остались ничтожные остатки. Между тем, построить социализм иначе как через крупную промышленность нельзя. «Действительной и единственной базой для укрепления ресурсов, для создания социалистического общества является одна и только одна — это крупная промышленность». Потому «наша основная задача — восстановление крупной промышленности» (т. XVIII, ч. I, ст. 260—261).

Восстановить крупную промышленность, поднять ее на такую высоту, при которой она была бы способна реорганизовать земледелие — вот та задача, которая перед нами стояла и которую мы должны были решить во что бы то ни стало. Именно и только крупная промышленность может дать выход крестьянству из того состояния нужды и горя, в котором оно находилось веками. Именно одна и только одна единственно крупная промышленность, как это неоднократно подчеркивал Владимир Ильич, способна переделать крестьянское хозяйство, переработать всю психологию и все навыки мелкого земледельца, дав ему в массовом масштабе трактора и машины, электрифицировав его хозяйство.

«Среднее крестьянство в коммунистическом обществе только тогда будет на нашей стороне, когда мы облегчим и улучшим экономические условия его жизни. Если бы мы могли дать завтра 100.000 первоклассных тракторов, снабдить их бензином, снабдить их машинистами (вы прекрасно знаете, что пока это фантазия), то средний

крестьянин сказал бы: «Я за коммунию» (т.-е. за коммунизм). Но для того, чтобы это сделать, надо сначала победить международную буржуазию, надо заставить ее дать нам эти тракторы, или же надо поднять нашу производительность настолько, чтобы мы сами могли их доставить» (т. XVI, стр. 153).

Решить эту задачу в условиях разоренной, обнищавшей страны мы не могли сразу. Восстановление крупной промышленности само по себе требовало ряда лет. Но еще сложнее была задача дать сельскому хозяйству в массовом количестве тракторы и машины, дать в массовых размерах электроэнергию, поскольку здесь дело шло уже не о восстановлении, а о строительстве новых фабрик и заводов, новых электростанций.

В такой народно-хозяйственной обстановке нечего было и думать о массовой реконструкции сельского хозяйства, массовой ломке старого общественного экономического уклада деревни, массовой социалистической переделке индивидуального мелкого и мельчайшего крестьянского хозяйства. Для этого должны были быть еще только созданы необходимые материально-технические предпосылки, которых пока налицо не было. А создание этих предпосылок в стране, где большинство населения представляет мелких и мельчайших товаропроизводителей, к тому же резко выявивших свое отрицательное отношение к методам продразверстки, требовало «особых» переходных мер, которые были бы совершенно не нужны в странах развитого капитализма, где наемные рабочие в промышленности и земледелии составляют громадное большинство» (т. XVIII, ч. I, стр. 137).

Суть этого переходного периода в переходном периоде заключалась в том, чтобы «добиться под'ема производительных сил хотя бы на ступени крестьянского хозяйства и пока на основе мелкой промышленности» (т. XVIII, ч. I, стр. 437), «оживить на данной экономической основе торговлю, дать почувствовать среднему, рядовому крестьянину... экономическое оживление, воспользоваться этим для более систематической и упорной, более широкой и более успешной работы по восстановлению крупной промышленности» (стр. 414). «Основное, чтобы был стимул, побудитель, толчок мелкому земледельцу» (стр. 146). «Если крестьянину необходима свободная торговля в современных условиях и в известных пределах, то мы должны ее дать» (т. XVIII, ч. II, стр. 60). А это, конечно, предполагало, что мы должны были в известных пределах, которые необходимы крестьянству, дать свободу и капитализму.

С предельной простотой и ясностью задачу этого периода Ленин характеризовал следующими словами: «Не ломать старого общественно-экономического уклада, торговли, мелкого хозяйства, мелкого предпринимательства, капитализма, а оживлять торговлю, мелкое предпринимательство, капитализм, осторожно и постепенно овладевая ими, или получая возможность подвергать их государственному регулированию лишь в меру их оживления» (т. XVIII, ч. I, стр. 410, подчеркнуто Лениным).

«Не ломать, а оживлять», овладевая «в меру оживления», — вот содержание той экономической политики, которую мы начали проводить с весны 1921 года, поскольку у нас не была восстановлена крупная промышленность, поскольку у нас не было промышленности, способной дать сельскому хозяйству в массовом масштабе тракторов и машин, поскольку у нас не была проведена в массовом маштабе электрификация, поскольку у нас не было промышленности, способной реорганизовать земледелие. В этих условиях надо было найти то особое звено цепи, ухватившись за которое мы могли удержать в своих руках всю цепь, ведущую к социализму и подготовить прочный переход к следующему звену.

Таким звеном было в 21—22 годах сельское хозяйство и торговля.

Сельское хозяйство — потому что нельзя было и думать о восстановлении крупной машинной индустрии, не обеспечив фабрики и заводы сырьем, а рабочий класс и города — продовольствием.

Торговля — потому что «торговля есть единственно возможная экономическая связь между десятками миллионов мелких земледельцев и крупной промышленностью, если... если, — повторяет Владимир Ильич, — нет рядом с этими земледельцами великолепной крупной машинной индустрии с сетью электрических проводов, способной и по своей технической мощи и по своим организационным «надстройкам» и сопутствующим явлениям снабдить мелких земледельцев лучшими продуктами в большем количестве, быстрее и дешевле, чем прежде (т. XVIII, ч. I, стр. 413).

Надо было создать такие условия, такую обстановку, при которых основные массы крестьянства были бы заинтересованы в развитии своего хозяйства. Этого не было при военном коммунизме, когда все было подчинено одной задаче: разгромить наступающие белогвардейские банды. Это стало основной задачей, когда мы закончили гражданскую войну и перед нами вплотную встали вопросы хозяйственного строительства.

Надо было приспособиться к нуждам мелкого бедняцко-середняцкого хозяйства, к его хозяйственным интересам и условиям хозяйственной жизни. Надо было немедленно показать широким массам крестьянства, что с их хозяйственными интересами считаются и что для удовлетворения их насущных хозяйственных нужд, в соответствии с их насущными хозяйственными интересами в той степени, в какой это ведет к укреплению союза рабочего класса с крестьянством, изменяется и хозяйственная политика партии.

Соответственно этому должна была измениться и форма союза рабочего плана с крестьянством. «На то время, пока мы не восстановим крупной промышленности полностью», — говорил Владимир Ильич,—мы «должны дать такие формы отношений между рабочим классом и крестьянством», «должны между этими

классами создать такой союз, который удовлетворил бы обе стороны хозяйственно, такой союз, который считался бы с мелким крестьянином, КАК С МЕЛКИМ КРЕСТЬЯНИНОМ, пока мы не можем ему дать всех продуктов крупной промышленности» (т. XVIII, ч. I, с. 291).

А для этого нужно было оживление всей народно-хозяйственной жизни и в первую очередь сельского хозяйства, для этого нужно было дать хозяйственный стимул, побудитель, толчок крестьянскому хозяйству, а, следовательно, в известных пределах, конечно, свободу товарооборота. И именно в этом переходе от методов продразверстки к продналогу и, дальше, к товарообмену и заключалось то «отступление», о котором говорил Владимир Ильич.

Не означало ли это угрозу превращения страны пролетарской диктатуры в царство «крестьянской ограниченности»? Не означало ли это той «эволюции», которую видел в новой экономической политике Устрялов, и которая, по его мнению, означала бы, что большевики скатываются в обычное буржуазное болото?

«Нет, — отвечал Ленин. — Если мы сохраним за рабочим классом руководство над крестьянством, то мы получим возможность ценой величайшей и величайшей экономии хозяйства в нашем государстве добиться того, чтобы малейшее сбережение сохранить для развития нашей крупной машинной индустрии», (т. XVIII, ч. 2, с. 138) т.-е. как раз того, что является условием и предпосылкой реорганизации земледелия, переделки крестьянского хозяйства, его коллективизации, обобществления.

Мы отступили, но отступили в меру и только для того, «чтобы сначала отступить, а потом разбежаться и сильнее прыгнуть вперед. Только под одним этим условием мы отступили назад в проведении нашей новой экономической политики» (т. XVIII, ч. 2, с. 103). И уже на IV конгрессе Коминтерна Ленин мог констатировать, что «мы уже достигли того, что наше крестьянство довольно, что промышленность и торговля оживают».

Разрешая основную задачу, стоящую перед нами — восстановление крупной промышленности, мы в то же время, успешно соревнуясь с капитализмом, чем дальше, тем больше овладевали растущим товарооборотом, постепенно вытесняя из этой области частный капитал. Кооперация, в которой мы нашли необходимое соединение частного интереса мелкого крестьянского хозяйства с интересами пролетарского государства, которая открывала возможность осуществления необходимых учета, контроля и проверки со стороны государства, в короткий срок заняла преобладающее место в системе товарооборота. И по мере роста и усиления кооперации, развивавшееся крестьянское хозяйство все в большей степени свою потребность в обмене удовлетворяло через посредство кооперации.

Мы отступили, перейдя к товарообороту, но только для того, чтобы начать наступление, овладевая оживающими торговлей, мелким и мельчайшим крестьянским хозяйством, восстанавливая и строя ту крупную промышленность, которая должна была радикально преобразовать крестьянское хозяйство, переводя его с промысла, ведущегося по-старинке, в хозяйство коллективизированное, обобществленное, основанное на новейших достижениях земледельческой техники и агрономической науки, укрепляя, усиливая и повышая удельный вес социалистического сектора в народном хозяйстве.

Только при такой экономической политике мы могли добиться таких успехов, когда задача восстановлении крупной промышленности, без всякой помощи извне, была разрешена в течение шести лет.

Слова Ленина: «Сомкнуться с крестьянской массой, с рядовым трудовым крестьянством и начать двигаться вперед неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали, но зато так, что действительно будет двигаться вся масса с нами. Тогда ускорение этого движения в свое время наступит такое, о котором мы сейчас и мечтать не можем» — полностью оправдались. Промышленность, восстанавившись, вступила на путь широкой реконструкции. И в 1929—30 году крупная, фабрично-заводская промышленность, в стремительном темпе своего развития, решительно опережая самые оптимистические расчеты и предположения, произведет продукции в два раза больше, чем она производила в последний довоенный (1913) год.

Уже построены многие десятки новых фабрик и заводов, уже построен ряд крупнейших электростанций. И на протяжении ближайшего пятилетия будут закончены и построены уже не десятки, а сотни новых крупнейших фабрик и заводов, десятки новых крупнейших электростанций, из которых Днепрострой будет являться одной из крупнейших электростанций мира. При чем все яснее вырисовывается перспектива выполнения пятилетнего плана в более короткие сроки.

Особенно грандиозно развертывает свое производство промышленность, производственно обслуживающая сельское хозяйство.

В 1929—30 году заводы с.-х. машиностроения произведут продукции на 371 млн. рублей или в шесть раз больше, чем производилось до войны, а количество выпущенных тракторов составит 13,3 тыс. условных (10-тисильных) тракторов. В последний же год этого пятилетия, т.-е. в 1932—33 году уже построенными и строящимися заводами будет выпущено с.-х. машин и орудий на 1.100 млн. рублей, а тракторными заводами — примерно 500 тыс. условных (в переводе на 10-тисильные) тракторов.

Что это будет означать в смысле повышения материально-технического уровня развития сельского хозяйства?

В сельское хозяйство на протяжении этого пятилетия вольется новых тракторов (условных) только внутреннего производства— примерно 800 тысяч. А общая насыщенность сельского хозяйства с.-х. инвентарем (включая и тракторы) составит к концу пятилетия в сред-

нем не менее 30 руб. на 1 гектар, против 9 руб. к началу пятилетки и 39 рублей в Соединенных Штатах. И уже без постройки новых заводов, а дальнейшим развитием существующих и построенных, мы сумеем увеличить производство с.-х. машин и орудий и тракторов до таких размеров, при которых уже в середине второго пятилетия, т.-е. через 6—7 лет, будут созданы все необходимые материально-технические предпосылки для полного обобществления сельского хозяйства. Социализм из отдаленного будущего, из «мечты» превращается в ясно ощутимую реальность, в вопрос ближайших лет, в задачу нынешнего поколения.

И, естественно, что в этих условиях и вопрос о рынке и товарообороте, и вопрос о союзе рабочего класса с крестьянством, и вопрос о нэпе становится иначе, чем стоял на пороге перехода от военного коммунизма к новой экономической политике.

Было бы ошибочно, — говорил Владимир Ильич, — нести сразу чисто и узко коммунистические идеи в деревню. До тех пор, пока у нас в деревне нет материальной основы для коммунизма, ДО ТЕХ ПОР это будет, можно сказать, вредно, это будет, можно сказать, гибельно для коммунизма».

«Нет. Начать следует с того, чтобы установить общение между городом и деревней, отнюдь не задаваясь предвзятой целью внедрить в деревню коммунизм» (т. XVIII, ч. 2, с. 116). Так мудро и осторожно ставил вопрос Ленин в январе 1923 г., т.-е. почти 7 лет назад, когда Советское государство только начало выходить из долгих лет голода, нищеты и разрухи, когда только начало восстанавливаться народное хозяйство, когда крупная промышленность только начинала залечивать нанесенные ей раны, когда еще не были созданы материальные основы для переделки индивидуального крестьянского хозяйства в хозяйство социалистическое.

Иное дело сейчас, когда крупная промышленность в два раза превышает довоенные ее размеры. Материальные основы для коллективизации деревни уже имеются, и чем дальше, тем больше будут шириться и расти. В этом мы можем убедиться хотя бы на том, что темпы коллективизации стремительно обгоняют самые оптимистические расчеты, обгоняют темпы развития самой промышленности и ее отраслей, производственно обслуживающих сельское хозяйство. И когда тов. Бухарин в своем докладе «Политическое завещание Ленина», ссылаясь на слова Владимира Ильича о том, что опасно и вредно, пока нет материальной базы для коллективизации, нести коммунистические идеи в деревню, теперь выступает против курса партии на быструю коллективизацию, то он тащит и партию и рабочий класс далеко назад, и демонстрирует свою полную

неспособность применять ленинские идеи на основе тщательного и глубокого анализа конкретной обстановки и конкретных условий.

Коренным образом отлично сейчас ставится и вопрос об обмене и торговле, как формы экономической связи между городом и деревней, между рабочим классом и крестьянством. Торговля была «единственно возможная экономическая связь между десятками миллионов мелких земледельцев и крупной промышленностью, если... если нет рядом с этими земледельцами и великолепной крупной машинной индустрии».

Но вопрос о торговле становится по иному, когда мы имеем крупную промышленность, в два раза превысившую довоенные ее размеры, когда промышленность, производственно обслуживающая сельское хозяйство, в шесть раз превышает довоенные размеры, когда распределение ее продукции происходит по определенному плану, когда мы имеем крепкую с.-х. кооперацию, охватившую до 63% крестьянских дворов, когда контрактацией охватывается почти 45% всей площади зерновых культур и 65%—90% площади технических культур, когда удельный вес обобществленного сектора с.-х. в товарной продукции зерна достигает 45—50%. «Свободная» стихия рынка, свобода рыночного товарооборота, имевшие известные ограничения и на самом первом этапе нэпа, теперь начинают претерпевать коренные изменения.

Торговля и рынок, как связующее звено между десятками миллионов мелких земледельцев и крупной промышленностью начинает преодолеваться, поскольку на базе растущей крупной промышленности начинает преодолеваться мелкое хозяйство в земледелии, преодолеваться индивидуальное хозяйство мелких и мельчайших товаропроизводителей, поскольку коллективные формы хозяйства в земледелии, развиваясь неслыханными темпами, начинают играть большую роль в сельском хозяйстве.

И именно в этом заключается то особое, то характерное, которое позволяет нам говорить о том, что мы вступили в новый этап переходного периода, когда начинает преодолеваться та система общественных отношений, которая была характерна для первого этапа новой экономической политики. Теперь уже мы накопили достаточно сил, создали достаточно мощную индустрию, в достаточной степени овладели товарооборотом для того, чтобы на базе роста хозяйственных связей между городом и деревней и усиления их производственного характера, приступить к ломке, переделке в массовом масштабе «старого общественно-экономического уклада», индивидуальных форм земледелия. Теперь мы уже переходим к таким формам союза рабочего класса с крестьянством, к такому изменению содержания этого союза, которое исходит не только из необходимости считаться и «с мелким крестьянином, как с мелким крестьянином», но и к его переделке, переделке мелкого крестьянского хозяйства в коллек-

тивизированное, общественное хозяйство социалистических производителей.

«В положении о социалистическом землеустройстве особенно подчеркнуты значение коммун, артелей и всех предприятий общественной обработки земли и Советская власть направляет все усилия к тому,—говорил Ленин,—чтобы этот закон не оставался только на бумаге, но чтобы он действительно приносил пользу, которую он должен принести. Значение всех предприятий такого рода громадно, потому что, если бы прежнее, бедное, нищенское крестьянское хозяйство осталось по-старому, тогда ни о какой прочной постройке социалистического общества не могло бы быть и речи».

«Лишь когда практически, на опыте, близком для крестьян, будет доказано, что переход к товарищескому, артельному земледелию необходим и возможен, лишь тогда мы в праве будем сказать, что в такой громадной крестьянской стране, как Россия, по пути социалистического земледелия сделан серьезный шаг» (т. XVI, с. 391—392)

Теперь это уже доказано. Об этом говорит опыт истекшего года, те бурные темпы коллективизации, которые мы наблюдаем, ту неслыханную тягу к коллективным формам земледелия, которую обнаруживают не только бедняцкие, но и середняцкие крестьянские хозяйства. Этого не могло бы быть, если бы мы не имели выросшей крупной машинной индустрии, все более широко развертывающей производство тракторов и сложных машин для сельского хозяйства, если бы мы не имели роста электрификации, роста кооперации и т. д.

Но всего этого решительно не понимают право-оппортунистические элементы нашей партии. Над ними «довлеет» та первая ступень новой экономической политики, когда в центре внимания стояли вопросы торговой «смычки», оживления товарооборота, задачи под'ема производительных сил во что бы то ни стало, когда крупная промышленность находилась в состоянии тягчайшего упадка, когда, следовательно, у нас не было необходимых предпосылок для того, чтобы перейти к ломке «старого общественно-экономического уклада» на основе все большего усиления производственного содержания смычки, все большего усиления в хозяйственных связях города и деревни элементов производственного характера.

В непонимании этой стороны дела, непонимании смысла и содержания новой экономической политики, непонимании смысла и значения того отступательного маневра, который был произведен при переходе к нэпу, — полностью сходятся между собой, хотя и делают ошибки разного порядка, и троцкисты и правые оппортунисты.

Не понимая всей сложности хозяйственной обстановки, не понимая необходимости установления таких хозяйственных связей с крестьянством, которые были бы ему понятны и привычны, которые бы

соответствовали его интересам и тем самым стимулировали бы развитие его хозяйства, не понимая, что состояние крупной промышленности не позволяет приступить к ломке старых общественно-экономимических укладов, троцкисты хотели перепрыгнуть через ту ступень нашего хозяйственного развития, которая характеризовалась обменом, торговлей, торговой смычкой рабочего класса с крестьянством. А это с полной неизбежностью вело к разрыву союза рабочего класса с крестьянством — основы и условия существования Советской власти и диктатуры пролетариата.

В ошибку прямо противоположного характера впадают правые, когда застревают на торговой смычке, когда весь смысл и все содержание новой экономической политики видят только в одном: «ужиться с середняком». Правые решительно не понимают, что эта задача — только условие и предпосылка для такого под'ема всего народного хозяйства и, прежде всего, крупной социалистической промышленности, при которой эта последняя была бы способна реорганизовать, реконструировать земледелие, превратить его из промысла, ведущегося по-старинке вразброд, в социалистически организованное земледелие, использующее все последние достижения мировой науки и техники; только условие (непременное и обязательное) для успешного разрешения задач социалистического строительства; только условие для преодоления самого классового деления, противоположности между городом и деревней.

И не случайно, конечно, тов. Бухарин на VIII с'езде ВЛКСМ «обронил» такую «изумительную» фразу: лозунг—«ужиться с середняком» не может быть снят никем и никогда». «Никогда»!

Конечно, если считать, что «торговая» смычка, это — альфа и омега всей мудрости экономической политики переходного периода, что идея производственного кооперирования середняцкого крестьянства — от лукавого, то у т. Бухарина не оставалось ничего другого, как признать неизбежным такой союз, такое соглашение рабочего класса с крестьянством, при котором середняк останется навсегда, а, следовательно, и лозунг «ужиться» с ними — не может быть снят «никем и никогда».

«Под соглашением между рабочим классом и крестьянством можно понимать что угодно, — говорил Ленин. Если не иметь в виду, что соглашение, с точки зрения рабочего класса, лишь тогда является допустимым, правильным и принципиально возможным, когда оно поддерживает диктатуру рабочего класса и является одной из мер, направленных к уничтожению классов, то формула соглашения рабочего класса с крестьянством, конечно, остается формулой, которую все враги Советской власти и все враги диктатуры пролетариата в своих взглядах и проводят» (т. XVIII, ч. 1, стр. 257).

Оставаясь во власти лозунгов и задач первого периода новой экономической политики, и не понимая их содержания, правые оппортунисты и т. Бухарин оказываются бессильными разрешить задачу уничтожения классов и скатываются на весьма неприглядные позиции отрицания самой возможности бесклассового общества, утверждая, что «никогда» не может быть снят лозунг соглашения рабочего класса с середняком. Борясь с троцкистами, правые исходили не из защиты ленинских взглядов, а своих особых взглядов, своих особых теоретических предпосылок, не имеющих ничего общего с ленинизмом. В борьбе с троцкистской идеологией правые оппортунисты были лишь «попутчиками», которые отошли от партии, когда мы перешли к выкорчевыванию корней капитализма, форсированному развертыванию наступления на капиталистические элементы и форсированному строительству социализма.

Непонимание коренного отличия нашего теперешнего уровня экономического развития, когда мы имеем крупную промышленность, уже в два раза превысившую довоенные размеры, когда производство с.-х. машин и орудий уже в шесть раз превысило довоенные размеры, от того, в котором находились народное хозяйство и промышленность 8 лет назад; непонимание тех новых задач, которые в связи с этим встали перед нами—привели правых оппортунистов и тов. Бухарина к полному непониманию характера, условий и причин переживаемого нами обострения классовой борьбы.

Классовая борьба, естественно, не принимала столь ожесточенные формы, когда нашей задачей было: не ломать старые общественно-экономические уклады, торговлю, мелкое хозяйство, мелкое предпринимательство, капитализм, а оживлять их. Но она не могла не обостриться, когда на базе укрепившейся крупной промышленности, на базе возросшей своей экономической и политической мощи, пролетариат вплотную подошел к задаче выкорчевывания корней капитализма, переделки крестьянского хозяйства и форсированного наступления на капиталистические элементы города и деревни. Обострение классовой борьбы—выражение силы рабочего класса, перешедшего от собирания сил к решительному наступлению на остатки капитализма, к решительному выкорчевыванию его корней, к непосредственным задачам социалистического переустройства. И этого опять-таки решительно не поняли и не понимают правые уклонисты, беспомощно бормочущие об «аппаратных» причинах обострения классовой борьбы, пытающиеся классовую борьбу с кулаком и капитализмом заменить «соглашением», классовым миром и проповедующие теорию мирного «врастания» кулака в социализм.

Народное хозяйство нашего Союза вступило в ту историческую полосу, когда развернутым фронтом начались великие реконструктивные работы по построению социалистического хозяйства. До сих пор эти работы, в силу слабости нашей крупной социалистической

промышленности, не затрагивали основных масс крестьянства. Теперь, вслед за бедняцкими хозяйствами, пришли в движение основные середняцкие массы. Процесс коллективизации, процесс социалистической переделки бедняцко-середняцкого крестьянства, процесс переделки простых товаропроизводителей в производителей социалистических разворачивается таким фронтом, такими темпами, захватывает такие массивы крестьянских хозяйств, при которых задача полного обобществления сельского хозяйства превращается в задачу ближайших 6—7 лет.

И это налагает на нас обязательства максимального ускорения темпов развития отраслей промышленности, производственно обслуживающих сельское хозяйство, создающих материально-технические предпосылки для дальнейшего расширения и углубления процессов коллективизации сельского хозяйства.

А это, в свою очередь требует форсирования развития всей тяжелой индустрии и особенно тех ее отраслей, продукция производства которых угрожает задержкой темпов народно-хозяйственного развития: электрификации, топлива, черного и цветного металла, машиностроения, химии. Мы уже достигли невиданных во всей истории капитализма темпов хозяйственного и индустриального развития. Нашей задачей должно быть не только сохранение этих темпов, но и ускорение их путем дальнейшей мобилизации всех ресурсов и всех резервов, которые таятся в народном хозяйстве, которые до сих пор не использованы или использованы в недостаточной степени и которые должны быть поставлены на службу делу социалистического строительства и,—в первую очередь, те резервы, которые таятся в творческой активности, энергии и энтузиазме широчайших масс рабочего класса.

Истекший год выдвинул идею непрерывной производственной недели. И в истекшем году широкие массы рабочего класса выдвинули идею социалистического соревнования, идею, в которой ясно чувствуется животворное дыхание грядущего социализма.

Закладывая основы социалистической организации труда, социалистически соревнующиеся рабочие массы показали такие результаты трудовой дисциплины, организованности и производительности труда, которые в значительной степени обеспечили выполнение и перевыполнение плановых заданий.

Максимум творческой инициативы, максимум творческой активности рабочих масс, форсированное культурное строительство, обеспечивающее решительный под'ем культурного уровня трудящихся и самая беспощадная борьба со всеми теми, кто тянет нас назад, к давно пройденным этапам хозяйственного развития, кто из пролетарских революционеров превратился в мелкобуржуазных демократов, — вот то, что обеспечит нам завершить полное построение социализма в кратчайший срок.

Л. Эвентов.

Легенда об „организованном капитализме“.

Теория «организованного капитализма», являющаяся важнейшей составной частью концепции тов. Бухарина об империализме и противопоставляемая им теории Ленина об империализме, как о монополистическом капитализме, представляет собой ряд таких положений и откровений, которые не могут не привести к крупным политическим ошибкам и шатаниям. С другой стороны, эта теория, претендующая отобразить последний этап капитализма, дает извращенное представление о действительных процессах, происходящих под буржуазной оболочкой, и, естественно, может затруднить революционную борьбу рабочего класса.

Основные элементы этой теории могут быть сведены к следующим немногочисленным положениям:

Первое положение. По аналогии с установленным Марксом и Энгельсом противоречием между организацией производства на отдельной фабрике и анархией производства внутри капиталистического общества в целом, т. Бухарин, исходя из роста национальных монополистических об'единений и регулирующего вмешательства буржуазного государства в хозяйственную жизнь, конструирует противоречие между «организованным и внутренне урегулированным национальным капитализмом», с одной стороны, и неурегулированным, раздираемым конкуренцией и идущим к войнам мировым хозяйством, с другой стороны. В «Экономике переходного периода» (стр. 10) тов. Бухарин прямо заявляет: «Финансовый капитал уничтожил анархию производства внутри крупно-капиталистических стран». Это положение тов. Бухарин повторяет всякий раз, когда заговаривает об империализме, вплоть до последних его статей в «Правде». Из последних отметим следующее характерное место. Он пишет:

> «Его (т. е. современного капиталистического хозяйства) анархическая природа переползает на основные линии международно-хозяйственных отношений. Проблемы рынка, цен, конкуренции, кризисов становятся все более проблемами мирового хозяйства, заменяясь внутри «страны» проблемой «организации». («Теория организованной бесхозяйственности», «Правда», 30 июня, 1929 г., курсив тов. Бухарина).

При этом тов. Бухарин так «переползает» на «линию» «организованного капитализма», что его уже не удовлетворяет половинчатость буржуазного экономиста Бенте в этом вопросе. «В одном месте, продолжает тов. Бухарин, Бенте говорит, что конкуренция все же остается между отраслями производства? А вертикальная концентрация? — одергивает его тов. Бухарин. А комбинаты? И где действительно остается главным образом конкуренция?» И после этого допроса с пристрастием отвечает: «...Она разыгрывается с особой силой на мировом рынке. Но конкуренция на мировом рынке есть война». (Там же, курсив тов. Бухарина).

Второй элемент теории «организованного капитализма» сводится к следующему. С отмиранием конкуренции внутри отдельной капиталистической страны, вместо стихийного регулятора производства, становится созна-

тельный контроль капиталистического класса, рыночная связь заменяется организованной связью, общественное разделение труда—техническим разделением труда. Тов. Бухарин причесывает капиталистическую действительность под свою надуманную схему и пишет в той же «Экономике переходного периода»: «Капиталистическое народное хозяйство превратилось из иррациональной системы в рациональную организацию, из бессуб'ектного хозяйства в хозяйствующий суб'ект» (стр. 14, курсив тов. Бухарина).

Из предыдущих посылок, наконец, вытекает и третье положение. Рациональная общественная система, в которой уничтожена конкуренция и анархия производства, является плановой системой, кладущей конец периодическим кризисам. Это — по схеме тов. Бухарина—«коллективно-капиталистический строй (госкапитализм), где, следовательно, перед нами организованное, но в то же время антагонистическое, с точки зрения классов, хозяйство» (Империализм и накопление капитала, стр. 83, курсив т. Бухарина). Здесь, — заявляет т. Бухарин, — не может получиться никакого кризиса перепроизводства, здесь могут быть только отдельные просчеты, которые исправляются в плановом порядке.

Во избежание недоразумений мы должны отметить, что обрисованный «коллективно-капиталистический строй» рассматривается в цитируемом месте автором, как гипотеза, но эта гипотеза воспроизводит все черты «организованного капитализма» так, как они рисуются т. Бухарину. И чтобы не было никаких сомнений, он несколько дальше пишет: «Современные капиталистические государства суть экономически-громадные комбинированные тресты» (стр. 119) и далее еще определеннее:

> «...Все противоречия капиталистической системы... можно формулировать... как противоречие между производительными силами мирового хозяйства и «национально» ограниченными методами присвоения со стороны государственно-разгороженной буржуазии; или как противоречие между обобществленным в широчайшем масштабе производством и частно-хозяйственным или «национально»-буржуазно-хозяйственными имущественными отношениями» (стр. 131, курсив тов. Бухарина).

Такова теоретическая сущность концепции «организованного капитализма» тов. Бухарина, которая, как в кривом зеркале, отображает действительность. Из этих надуманных абстрактных построений, механически разрывающих единый жизненный процесс, игнорирующих диалектическое перерастание одной категории в другую, неизбежно вытекают старые и новые, «левые» и правые политические ошибки тов. Бухарина (право наций на самоопределение, дискуссия о программе партии, Брест, профсоюзная дискуссия, правый уклон).

Из новейших ошибок особенно опасна его теория о крушении капитализма, тесно связанная с его концепцией об «организованном капитализме».

Современные капиталистические государства, утверждает тов. Бухарин, суть громадные комбинированные тресты, устранившие внутри соответствующих стран анархию производства и борющиеся друг с другом на международной арене; следовательно, крушение капитализма может наступить только в результате международной войны. И тут тов. Бухарин не замечает, что, идя в одну комнату, он рискует попасть в другую, в которую суб'ективно он и не желал бы, вероятно, попасть. Если, в действительности, в современных капиталистических государствах картелирование и трестификация устраняют внутреннюю конкуренцию и если капиталистическое хозяйство является рациональным хозяйством, то это обеспечивает такое количество материальных ресурсов и такое их распределение, что вопрос о внешних рынках теряет всякую остроту. Тем более, что тенденция к развитию международных монополистических об'единений также имеется; в частности, уже в

настоящее время Зомбарт и др. насчитывают до 200 таких об'единений. Такая теория льет воду на мельницу соц.-демократов и на каутскианскую концепцию об ультраимпериализме. Ее также логически нельзя примирить с возможностью строительства социализма в отдельной стране.

Однако, тов. Бухарин может возразить, что капиталистическое хозяйство остается антагонистичным с точки зрения классов. Но это возражение как раз опрокидывает все его логическое построение. Классовое противоречие между капиталистом и рабочим означает, что перед нами общество, основанное на производстве прибавочной стоимости, что предполагает, во-первых, стоимость и, во-вторых, наемный труд. Но «зарплата представляет собою рассматриваемый в иной рубрике наемный труд». (Маркс. «Введение к критике политэкономии»). В свою очередь, категория зарплаты предопределяет продажу рабочей силы, как товара и средства существования для рабочих в товарной форме, иначе говоря, предполагает рынок, механизм конкуренции и ценообразования, т.-е. то, что т. Бухарин исключает. Итак, гони природу в дверь, а она влетит в окно! Всякий знакомый с марксистской теоретической экономией, легко обнаружит, в чем тут корень ошибки. Тов. Бухарин изолирует социальный момент от экономического, не замечая, что отношение между капиталистом и рабочим выступает в форме отношения между внешне равноправными и независимыми товаровладельцами.

Порочность построения т. Бухарина обнаруживается и с другой стороны. Допуская борьбу современных капиталистических стран только на внешних рынках, заостряя проблему сбыта во вне, он тем самым предполагает и внутреннее перепроизводство, ибо для каждой отдельной страны весь остальной мир служит внешним рынком. Но поскольку им делается и другое допущение, что на внутренних рынках нет конкуренции и отсутствует перепроизводство, внешний рынок вовсе испаряется. Метафизическое деление на внешний и внутренний рынок бросается тут в глаза. Если конкуренция свирепствует на внешних рынках, то практически это означает конкуренцию и на внутреннем рынке, на котором т. Бухарин слишком поспешно ее упразднил, а не в безвоздушном пространстве. Очень жаль, что автор «Теории исторического материализма» некстати забыл старое диалектическое положение: «ничего внутри, ничего снаружи, что внутри, то и снаружи». Мы видим таким образом, что предпосылки т. Бухарина в сущности ничего иного не представляют, как contradictio in adjecto (внутреннее противоречие). В добавление ко всему еще получается невозможная путаница с понятием «мировое хозяйство». Выходит, что differentia specifica [1]) последнего анархия... обращения, в то время как «национальное» хозяйство характеризуется внутренней урегулированностью и организованностью своих общественных отношений. Вот, что получается от игрыв аналогии, которые т. Бухарин избрал спутником в своих логических построениях.

Тов. Бухарин искажает взаимоотношение между конкуренцией и монополией и воспринимает связь между ними не диалектически, а механически. Он не видит, что конкуренция приводит к монополии, а монополии конкурируют между собой. Из его одностороннего недиалектического представления вытекает, что конкуренция только усиливает анархию производства, а монополии только способствуют планомерности, таким образом, ускользает другая сторона явления, а именно, что конкуренция одновременно способствует восстановлению пропорциональности производства и общественного равновесия, а монополии усиливают неравномерность развития, ибо монополии являются капиталистическими, т.-е. базируются на частной собственности.

[1]) Специфическая особенность.

Он, далее, игнорирует, что сам процесс монополизации развивается крайне неравномерно как в отдельных странах, так и внутри государств в отдельных отраслях. Достаточно сравнить с этой точки зрения такие передовые страны как Англию и Соединенные Штаты, с одной стороны, и Германию и Францию,— с другой. Что касается отдельных отраслей, то установлено, что монополии сильнее распространены в добывающей промышленности, чем — в обрабатывающей, и в тяжелой индустрии, чем — в легкой.

То обстоятельство, что монополии быстрее развиваются в отраслях, производящих основной капитал, и охватывают крупные предприятия, еще более усиливает хаотичность развития, так как такие отрасли и предприятия крайне чувствительны к циклическим колебаниям. Что же касается последних, то хотя концепция т. Бухарина об «организованном капитализме» исключает кризисы, но мы пока еще не знаем ни одной капиталистической страны, где это утверждение соответствовало бы действительности.

Тов. Бухарин огульно утверждает, что монополии заменяют рыночную связь организованной связью, общественное разделение труда техническим разделением труда. Это толкование не совпадает с точкой зрения Маркса на этот вопрос. Маркс, говоря об об'единении капитала, пишет: «Оно есть упразднение капитала, как частной собственности, в рамках самого капитализма. Но эта экспроприация (капиталистов—капиталистами. *Л. Э.*) в пределах самой капиталистической системы выражается в антагонистической форме, как присвоение общественной собственности немногими» (Капитал, III т., ч. 1, стр. 425). Маркс, в данном случае, имел в виду акционерные общества, но сказанное с еще большей силой относится к современным об'единениям капитала, не всегда представляющим полные монополии. Таким образом, Маркс констатирует, что рост капиталистических об'единений влечет за собой рост общественного сотрудничества, но это еще не создает обязательно технического сотрудничества, а там, где такое замещение имеет место, Маркс подчеркивает возрастающую противоречивость между анархией капиталистической системы в целом и организованностью отдельных крупных предприятий. Тов. же Бухарин ставит между ними, т.-е. общественным и техническим разделением труда, знак равенства. В связи с этим интересно было бы услышать, как представляет себе т. Бухарин положение сельского хозяйства и других крупных подразделений общественного труда в «организованном капитализме». Неужели магическая сила монополий, «комбинатов» и других видов «вертикальной концентрации», на которые напирает т. Бухарин, уничтожают рыночную связь между сельским хозяйством и промышленностью, между ними обоими, транспортом, торговлей и т. д., между крупным и мелким производством? А как быть в таком случае с законом неравномерного развития капитализма? Или как быть с тезисом о сочетании «пролетарской революции и крестьянской войны», выставленным Марксом и развитым Лениным, кстати заметить, извращенным тов. Бухариным.

При монополистическом капитализме, несомненно, идет процесс сращивания различных форм капитала, подготовляющий материальную базу социализма. Но этот процесс развивается в противоречивой форме, никогда не давая их полного слияния, ибо капиталистическая основа сохраняется. В самой передовой капиталистической стране наблюдаются противоречия между промышленным и ссудно-денежным капиталом, между ними обоими и товарным капиталом и даже между отдельными видами товарного капитала. Только в СССР эти противоречия «сняты».

Монополии вносят организующее начало, особенно тресты и комбинаты, но лишь внутри своих об'единений, поскольку перерабатываемое в них сырье сокращает свой рыночный оборот, однако, в качестве готового продукта последнее выступает на рынке как товар. Но даже и внутри монопо-

листического об'единения организующий момент терпит ограничения, так как калькуляция здесь ведется на основе рыночных показателей и с учетом рыночной кон'юнктуры. Конфликты картелей из-за квот и сферы влияния, создание компенсационных фондов, борьба с некартелированными и с конкуренцией извне, которая сводится к борьбе с отечественными и иностранными монополистами на собственном рынке и за его пределами, совсем непохожи на идиллическую картину «организованного капитализма», нарисованную т. Бухариным. Напомним в данной связи, что Зомбарт насчитывает в одной Германии 1.500—2.000 картелей. Несомненно, что в Соед. Штатах их число не меньше. Они ведут между собой непримиримую борьбу, принимающую самую причудливую форму (напр., Форд и Дженерал Моторс, с одной стороны, Дженерал Электрик и Вестингауз, с другой). Мы уже не касаемся здесь другого противоречия, связанного с отделением собственности от управления, достигающего в монополиях наибольшего развития и низводящего широкие слои населения на роль стригомых облигационеров, в то время как весь контроль и управление сосредоточивается в руках безответственной горстки финансовых капиталистов.

Ленин терпеливо и многократно раз'яснял тов. Бухарину его ошибки—ошибки метода и толкования. Он уличал его в абстрагировании от важнейших определений реальных отношений, благодаря чему его теории фальшиво воспроизводили конкретную действительность. Ленин писал:

> «Империализм... не перестраивает и не может перестроить капитализм снизу доверху. Империализм усложняет и обостряет противоречия капитализма, «спутывает» со свободной конкуренцией монополии, но устранить обмена, рынка, конкуренции, кризисов и т. д. империализм не может. Империализм есть отживающий, но не отживший капитализм, умирающий, но не умерший. Не чистые монополии, а монополии рядом с обменом, рынком, конкуренцией, кризисами — вот существеннейшая особенность империализма вообще». (Собр. соч., XIV, Материалы по пересмотру парт. программы — май 1917 г., разрядка автора).

Особенно замечательны по глубине и меткости критические, краткие замечания Ленина на полях собственного экземпляра «Экономики» переходного периода», недавно опубликованные. Если суммировать все сказанное там Лениным по поводу теории «организованного капитализма», то это сведется к формуле «то, чего не было».

Все новейшие исследования о современном капитализме подтверждают точку зрения Ленина, а не тов. Бухарина. В одной новейшей немецкой работе о новых формах конкуренции автор ее метко указывает, что «внешние изменения конкурентных отношений привели к тому, что, хотя конкуренция не перестала быть менее действенной, но зато она стала менее видимой» (Georg Halm-Die Konkurrenz, S. 175). Это часто вводит в заблуждение, в том числе ввело в заблуждение и тов. Бухарина, слишком увлекающегося общими абстракциями.

Конечно, не следует перегибать конец палки в другую сторону. Нельзя, например, согласиться с другим утверждением того же автора о том, что конкурентное хозяйство в своей нынешней форме осуществляет принцип конкуренции в более чистом виде, чем при свободной конкуренции» (Там же, стр. 155). Это неправильно. Именно связанность конкуренции, ее спутанность с монополией, отход от атомистического, раздробленного, общества и неполнота или, вернее, предчувствие организованного общества, спутанного в тенетах отжившего,—вот что характерно для структуры монополистического капитализма.

Тов. Бухарин, как мы видели выше, утверждает об устранении анархии производства в крупных капиталистических странах, а буржуазный профессор Шмаленбах, состоящий консультантом в монополистических организациях и являющийся специалистом в области экономики частно-хозяйственных предприятий, пишет:

> «С превращением большинства издержек в постоянные, у хозяйственной системы отнята возможность приспособления производства к потреблению. Таким образом, возникают знаменательные явления, когда работа машины регулируется автоматически, обходясь совершенно без помощи человека, и вся хозяйственная система в целом—народное хозяйство—утратила свое собственное регулирующее начало». (Проф. Шмаленбах, «Капитализм в оковах», стр. 98, сборн. «Буржуазные ученые о закате капитализма», Гиз).

Проф. Шмаленбах вскрывает, таким образом, одно крайне существенное противоречие монополистического капитализма, правда, открытое до него еще Марксом. В терминах вульгарной политической экономии (пропорциональные и постоянные издержки) он констатирует, что рост продукции стихийно навязывается монополиям условиями современного массового производства, что, в свою очередь, обостряет проблему сбыта. В связи с этим перед монополиями встает дилемма, отражающая своеобразное противоречие: либо стабильные цены рядом с неустойчивостью производства, либо устойчивость производства при значительных колебаниях цен.

Для современных монополистических организаций характерным является как раз первое, т.-е. политика, направленная к стабилизации цен. Такая политика вытекает из наличности диспропорции между выросшими размерами производственного аппарата и недостаточной емкостью рынка. Фактов можно привести предостаточно.

В отчете Гувера, в главе, посвященной промышленности, констатируется, что в период с 1921 г. по 1927 г. в С.-А. С. Ш. наблюдалась тенденция, направленная скорее в сторону циклов производства, чем циклов цен. Автор об'ясняет это тем, что крупные концерны предпочитали терпеть убытки от закрытия того или иного предприятия, чем предлагать свою продукцию по значительно пониженным ценам, так как этим они обеспечивали более стабильный доход. (Recent Economic Changes, p. 218).

Не менее характерны материалы, приводимые в известном исследовании английской промышленности комиссии Бальфура. Наиболее типично выступление меньшинства комиссии. «Не недооценивая значения внешних рынков, — заявляет это меньшинство (слушайте, т. Бухарин!), — мы подчеркиваем экономическое значение внутреннего рынка. В издержки наших экспортных товаров входит, как наиболее важный элемент, низкая степень нагрузки нашей промышленности. Промышленный ценз подчеркивает тот знаменательный факт, что в 1924 г. из всех паровых машин бездействовало в промышленности не менее $^1/_8$, а из электрических генераторов—почти $^1/_4$. Наши данные показывают нам, что едва ли хоть одна из наших основных отраслей работает или работала за последние 7—8 лет с нагрузкой свыше 60—70%. Если мы увеличим производство, заканчивают представители этого заявления, издержки снизятся сами собой». (Final Report of the Committee on industry and trade, p. 306).

Это заявление попадает не в бровь, а в глаз т. Бухарину. Ведь Англия вывозит 35—40% своей продукции, между тем, оказывается, что внутренний рынок еще важнее. Еще более возрастает значение внутреннего рынка, напр., для Соед. Штатов, которые вывозят не более 9—10% своей продукции. Это вовсе не означает, что следует смазывать всю остроту проблемы внешних рынков в настоящее время. Но нужно помнить их внутреннюю связь с внутренним рынком и нагрузкой промышленности. Слабая или недостаточная нагрузка последней означает рост безработицы и рост конкуренции капиталов. А с этим проваливается голая схема «организованного капитализма».

На этих примерах, взятых из реальной действительности, показывающих, что буржуазные специалисты лучше понимают, чем тов. Бухарин, роль монополий, между прочим, отчетливо выясняется, что конкуренцию нельзя

рассматривать, как независимое отношение, ибо она служит не только предпосылкой, но и результатом, она определяет и, в свою очередь, определяется способом производства. Поэтому Маркс писал по поводу буржуазных экономистов: «Фактически конкуренция берет на себя труд об'яснить всю бессодержательность построений экономистов, тогда как казалось бы, наоборот, экономисты должны поставить своей задачей об'яснить конкуренцию» («Капитал», III, 2 ч., стр. 404). В построениях тов. Бухарина мы, как это ни странно, также обнаруживаем спутанное представление о взаимоотношении обращения и производства, отрыв их друг от друга.

Каковы реальные, а не «логические» черты внутренней структуры «организованного капитализма», и в чем их отличие от структуры «чистого» капитализма?

По Зомбарту (см. его доклад «Судьбы капитализма» на с'езде Союза социальной политики в Цюрихе в прошлом году, сб. «Буржуазные ученые о закате капитализма»), они сводятся к следующему: 1. Упала роль «способного предпринимателя», так как «растет склонность предпринимателя организовать свое предприятие на научной основе». 2. Уменьшается страсть к наживе. 3. Отмерла «рыночная механика» и ее место теперь заняло регулирование картелями цен, зарплаты и прибылей, независимо от рыночного положения. По своей чрезмерной склонности к систематике, Зомбарт перечисляет еще много других особенностей, но мы ограничимся сказанными и разберем их, как наиболее существенные черты.

Что касается ослабления роли «способного предпринимателя», то едва ли стоит на этом останавливаться. Отметим только для характеристики теоретического уровня современных буржуазных экономистов, что Шумпетер, другое светило буржуазной науки, подвизающийся в последнее время в предпринимательских организациях, доказывает, в противовес Зомбарту, что именно дерзающие, отважные предприниматели и являются двигателями экономического прогресса. Удивительно ли после этого, что предприниматели приглашают его с распростертыми об'ятиями на свои с'езды и пользуются его ученой консультацией по «рабочему вопросу»?

По существу же, устранение предпринимателя из производственного процесса, о чем еще говорил Маркс, и подведение научного фундамента под предприятие свидетельствуют о рационализации отдельной клеточки хозяйственного целого, но отнюдь не об отмирании анархии производства внутри общественной системы.

Уменьшение страсти к наживе Зомбарт доказывает удивительным образом. Симптомами этого своеобразного капиталистического «перерождения», по его мнению, являются фиксирование размеров дивидендов и инвестирование излишков прибылей в предприятие, доходящее в Соед. Штатах до 30—35%. Это рассуждение маститого «гелертер»'а прямо поражает. Можно подумать, что капиталисты инвестируют свои капиталы с благотворительной целью или для выполнения общественной обязанности (service). Но Зомбарту, занимавшемуся кропотливым изучением предпринимательской психологии, следовало бы помнить, что мотовство и раньше не являлось основной буржуазной добродетелью. Однако, указание Зомбарта интересно с другой стороны. То обстоятельство, что все большая часть прибылей должна инвестироваться, свидетельствует о том, что размеры производства растут независимо от роста емкости рынка, и что масштабы капитальных вложений, иначе говоря, темп накопления навязывается об'ективным ходом вещей, которому, между прочим, должны подчиниться и монополистические об'единения. Этим самым создаются условия для увеличения стихийности общественного процесса, т.-е. нечто прямо противоположное организованному развертыванию производства.

Прямым очковтирательством является ссылка на фиксирование дивиденда. Во-первых, фиксируется дивидендная ставка, а не дивидендная масса, следовательно, доходы облигационера продолжают колебаться в зависимости от его облигационного капитала. С другой стороны, предпринимательская прибыль определяется общей массой прибыли предприятия. Поэтому смехотворно говорить о стабилизирующем влиянии дивидендной политики монополистических об'единений на экономические процессы капиталистического общества.

Точно также не выдерживают никакой критики указания Зомбарта на низведение рабочего на положение чиновника, труд которого нормируется, как на признак «организованного капитализма». Здесь Зомбарт опять-таки смешивает форму с содержанием и сознательно затушевывает противоречия, присущие данному экономическому отношению. Получает ли рабочий свою зарплату по тарифной ставке или в порядке вольного договора, это не изменяет экономической сущности, так как рабочая сила остается товаром.

Что касается нормирования зарплаты путем фиксирования ставок, требования минимума зарплаты и т. д., как признаков стабилизации капиталистических отношений и влияния регулирующего вмешательства, то это легко обходится предпринимателями методами капиталистической рационализации, направленной к увеличению производительности труда, нередко при уменьшении занятой рабочей силы, с одной стороны, и манипуляциями в области цен, с другой. Нужно отметить, что голодная зарплата принуждает рабочего, в свою очередь, увеличивать свою выработку, интенсифицировать свой труд, работать сверхурочно и т. д. В результате, продолжается выкачивание прибавочной стоимости при одновременном падении доли пролетариата в национальном доходе. За доказательствами далеко итти не приходится. Из уже неоднократно цитированного отчета Гувера, мы узнаем, что в период 1922—1927 г.г., который проходил под знаком экономического процветания, ежегодный темп прироста продукции обрабатывающей промышленности в Соединенных Штатах составлял 4%, реальной зарплаты — 2,4%, а занятость рабочих ежегодно уменьшалась на 0,7%, в виду чего ежегодный прирост фонда зарплаты достигал только 1,7%. Мы подчеркиваем, что это — официальные данные, которые, естественно, прикрашивают действительность. Кроме того, не следует забывать об исключительно благоприятном экономическом положении Соединенных Штатов; в других капиталистических странах отношения складываются для рабочих гораздо хуже.

Последним доводом от «организованного капитализма» является ссылка на стабилизацию цен, благодаря политике картелей и монополий. Здесь опять-таки не следует увлекаться внешней видимостью. Принципом капиталистической деятельности является получение прибыли, а это зависит, с точки зрения отдельного предпринимателя, от разницы между продажной ценой его продукции и издержками производства, помноженной на массу проданных товаров. Поэтому прямым шарлатанством является ссылка на якобы стабилизацию цен. Если бы даже последняя была достигнута, что при капитализме неосуществимо, то потребовалось бы планирование основных производственных элементов, т.-е. капиталистическую калькуляцию заменить плановой, с одной стороны, и регулировать сбыт, с другой; в противном случае, темп накопления будет неизбежно неравномерным.

«Рыночная механика» действует, пока сохраняется капиталистическое общество, изменяя только свои формы. Существование прейскурантных цен, цен без запроса, твердых тарифов и т. д. не должно вводить в заблуждение. На ряду с этим, практикуются скидки, премии, ассортимент, принудительные контракты, бойкот и другие методы из богатого арсенала рыночной борьбы, в частности, орудие кредитного давления (сроки и размеры кредита, потре-

бительский кредит—installment bying, схемы иностранного кредита и т. д.). Таким образом, рыночная конкуренция действует, но ее проявления не столь грубы, менее ощутимы, пути ее более извилисты, но от этого ее эффективность ничуть не меньше. Монополии, воздействуя на цены, влияют на цену одного или немногих монополизированных товаров, но сами, в свою очередь, зависят от динамики общего индекса цен. Поэтому, монополистическая политика цен более эффективна в части выравнивания колебаний цен, т.-е. относительных цен товаров, но в сильнейшей степени ограничена в своем воздействии на уровень цен.

Рыночная стихия неотделима от капитализма, как бы он ни назывался — монополистическим, организованным и т. д. Это вытекает из существа основных экономических категорий. Ведь, чем определяется цена? Мы знаем, что в конечном счете производительностью труда. Но «производительная сила труда, писал Маркс, определяется многочисленными обстоятельствами, между прочим, средней степенью искусства рабочего, уровнем развития науки и ее технических применений, общественной организацией производственного предприятия, размерами и дееспособностью средств производства, и, наконец, естественными условиями». А Джон Кларк, исходя из опытных данных Соединенных Штатов, обнаружил не менее двенадцати комбинаций факторов, влияющих на производительность труда. (Studies in the Economics of overhead costs, chapter IV). При действии закона неравномерного капиталистического развития, который имеет силу не только для отдельных стран или отраслей, но и для отдельных предприятий, производительность труда, под влиянием различной динамики указанных факторов, не может не обнаруживать больших колебаний. В частности, для Соед. Штатов можно привести следующую иллюстрацию [1]).

Индексы производительности труда в различных отраслях американского производства в 1925 г. (1913 г. = 100)

Вся промышленность.	Прокат и сталелитейн.	Обувь.	Нефтеперегонная.	Цемент.	Автом.	Кауч. шины.	Сел. хоз.
159	159	106	183	161	272	311	130

Для сокращения места мы не приводим годовых колебаний, которые весьма значительны. С другой стороны, исходный уровень, условно принятый равным для всех отраслей, на самом деле глубоко различен, что приводит к еще большей неравномерности. Но если наблюдается неодинаковая динамика производительности труда, то это означает и различия в темпах производства, а тем самым и в масштабе накоплений. После этого осмеливаются утверждать, что монополии могут обеспечить плановое развитие производственного процесса в целом. Но по поводу таких «теоретиков» Маркс писал: «...Предполагается, что все же производство ведется в таких пропорциях, как будто бы капитал применялся в различных производственных сферах непосредственно обществом соответственно его потребностям. При этой предпосылке (contradictio in adjecto [2]), если бы капиталистическое производство было абсолютно социалистическим, и в самом деле не могло быть никакого перепроизводства». (Теория приб. ценности, III т., стр. 100) Жаль, что тов. Бухарин, приводя эту цитату Маркса, не применяет ее к себе. Это уже следовало бы сделать хотя бы в порядке самокритики.

«Творимая легенда» «организованного капитализма» разлетается в прах, если вспомнить судьбу различных проектов стабилизации кон'юнктуры

[1]) Monhtly Labor Review, U. St. Dep. of Labour, Bureau of Labour Statistics, v. XXIV, № 1, 1/1927, p. 37.

[2]) Внутреннее противоречие.

в капиталистических странах. Наибольшие надежды на стабилизацию кон'юнктуры возлагались со времени окончания войны на С.-А. С. Ш. В самом деле С. Штаты — страна крупнейших и самых влиятельных монополий, здесь—родина стандартизированного, автоматизированного и рационализированного производства; кроме того американский капитализм не только не потерял на мировой войне, но даже выиграл на ней.

Единственная сфера буржуазной экономики, которая легче всего поддается централизованному воздействию — денежно-кредитная. С давних пор буржуазные теоретики и практики мечтали воздействием на эту сферу регулировать не только денежное обращение, но воздействовать и на цены, а через них и на производство. Маркс едко высмеял эти попытки. В последние годы различные апологеты капитализма — отечественные и заграничные — возлагали особые надежды на регулирующее влияние Федеральной Резервной системы. Но дезорганизация денежно-кредитных отношений не только в Соединенных Штатах, но и в других крупнейших странах, которую мы наблюдаем в настоящее время, привела к подлинному Katzenjammer'у в буржуазных кругах. Так, Пейш, маститый советник Британского министерства финансов, под влиянием пертурбаций на мировом денежном рынке, пишет о наступившем финансовом кризисе и о самоубийстве, к которому идут капиталистические страны, отгородившиеся друг от друга высокими таможенными барьерами.

Интересны соображения трезвых буржуазных экономистов о регулирующей роли центральных банков. Мы уже приводили высказывания по этому поводу американского специалиста Бургесса (см. сб. «На рубеже» 1929 г. Секция Мирового Хозяйства Госплана СССР). Не менее интересны по этому поводу мысли Андерсона — экономиста Чэйз-банка, второго по величине финансового института в Соединенных Штатах. Андерсон приходит к выводу, что центральные банки не в состоянии контролировать даже денежный и капитальный рынок, так как они являются только одним из факторов предложения капиталов на рынке, спрос же определяется не ими. Поэтому возлагать на центральные банки задачу стабилизации цен ошибочно и опасно.

Каковы возможности общего планирования даже в Соединенных Штатах, показывает дискуссия «о централизованном планировании и координировании производства в Советской России» на с'езде американских статистиков и экономистов в 1929 г. (см. The American Economic Rewiew, March 1929). Докладчик по названному вопросу Raymond T. Bye, охарактеризовав советскую систему планирования, как «реальный вызов капитализму», поставил перед собранием любопытный вопрос о том, не может-ли капитализм найти способ инкорпорации этих методов в свою систему, если он не хочет уступить место социализму. К сожалению, на этом пути есть одно существенное препятствие, как это обнаруживается из дальнейших рассуждений Бая. Хотя коммунисты, раз'ясняет оратор, называют современный режим в России государственным капитализмом (здесь повидимому, оратор имеет в виду троцкистов *Л. Э.*) и рассматривают его лишь, как переходную форму эволюции в сторону социализма и, в конечном счете, коммунизма, он тем не менее достаточно социалистичен, чтобы позволить осуществление принципа всеоб'емлющего планирования. Что же касается капиталистических стран, то, отмечая некоторые черты в эволюции капитализма, направленные к отходу от чистого индивидуализма, и отдельные попытки, особенно в Соединенных Штатах, ставящие себе задачей урегулирование хозяйственной жизни, Бай констатирует отсутствие широкого планирования всего хозяйства. Его заключительный вывод звучит совсем уж меланхолически, так как, по его мнению, проблематично, чтобы можно

было осуществлять общее планирование без полного отказа от принципов капитализма. Единственное его практическое предложение — создать совещательную плановую комиссию наподобие имперского экономического совета в Германии. Поистине, гора родила мышь! Но тут вина не в Бае. Наоборот, американский экономист предоставляет утопистам рассуждать об «организованном капитализме», сам же он совершенно трезво взвешивает реальную капиталистическую обстановку.

Все новейшие исследования американской экономики, как и других капиталистических стран, беспощадно разоблачают побасенку об «организованном капитализме». В Recent Economic Changes (отчет к-та Гувера о новейших экономических изменениях в С. Штатах), представляющих квинтэссенцию американского официального оптимизма, дается следующая оценка новой волне монополистического движения в Соед. Штатах за период 1922—1927 гг., т.-е. период «процветания» (prosperity). Отмечая громадный размах этого движения, значительно превосходящего мощную волну конца XIX века, авторы пишут, что причины концентрационного движения в настоящее время непохожи на те, которые имели место в первый период. Если раньше побудительными мотивами образования концернов (mergers) было либо монополистическое использование широких возможностей рынка, либо прибыли промотора, то сейчас важнейшими мотивами является нужда в добавочном капитале и облегчение сбыта. (Recent Economic Changes, p. 217). Действительно, проблема сбыта на внутренних и внешних рынках — в век монополий крайне обостряется, издержки обращения растут, в то время как издержки производства снижаются. Это подтверждается, между прочим, и данными об увеличении доли торгового капитала в национальном доходе почти во всех крупных капиталистических странах.

Таким образом, ни планирование, ни регулирование, ни учет, о чем свидетельствует «трагедия расточительства», ни даже простое предвидение, как это хорошо известно из груды несбывшихся кон'юнктурных прогнозов, в масштабе общехозяйственного целого, недоступно даже самому передовому капитализму[1].

Основная характеристика современного строя — рост напряжения заложенных в нем противоречий. В свете всех этих данных у нас нет никаких оснований отказаться от теории монополистического капитализма, данной Лениным. Она выдержала испытание времени и ясно нарисовала перспективы пролетарской революции. Теория же «организованного капитализма» представляет пародию на действительность, которая к тому же разоружает борющийся пролетариат. В частности, абсолютно вредным, с этой точки зрения является утверждение тов. Бухарина, что «проблема соотношения классов и классовой борьбы является проблемой, в величайшей степени связанной с положением той или другой капиталистической страны на мировом рынке» («Теория организованной бесхозяйственности», разрядка тов. Бухарина). Ведь, как раз буржуазия и реформисты всячески используют этот аргумент (о зависимости от внешних рынков), чтобы парализовать экономическую борьбу пролетариата. Мы уж не говорим о том, что подобная «теория» искажает перспективы мировой революции.

Еще один вывод напрашивается в результате рассмотрения проблемы «организованного капитализма». Необходимо при изучении природы современного этапа капитализма и при оценке его дальнейших перспектив, уделить его внутренним процессам не меньше внимания, чем внешним. До сих пор в этом отношении наблюдалась диспропорция.

[1]) Статья была набрана до того, как разразился колоссальный кризис в Соединенных Штатах, захвативший и ряд европейских стран. Сейчас еще трудно судить о масштабе начавшегося кризиса, но, во всяком случае, он должен создать «кризис» и среди теоретиков «организованного капитализма».

Н. Евреинов.

Профсоюзы в период реконструкции.

Собирающийся в конце ноября IV пленум ВЦСПС должен будет обсудить вопрос об очередных задачах профессиональных союзов.

Постановка этого вопроса на пленуме ВЦСПС с широким предварительным обсуждением его как в печати, так и на ряде профсоюзных собраний, вызвана необходимостью «перестроить ряды, формы и методы работы профсоюзов» в соответствии с задачами реконструктивного периода и развертывающимся социалистическим наступлением пролетариата.

Три основных документа определяют перестройку работы профессиональных союзов в реконструктивный период.

Первый документ—это резолюция фракции 2 (июньского) пленума ВЦСПС. Фракция этого пленума дала решительный большевистский отпор поддерживаемым и возглавляемым правой оппозицией в рядах ВКП(б) оппортунистическим элементам в профдвижении, которые не поняли задач профсоюзов в период реконструкции, препятствовали перестройке их работы и тем самым тормозили социалистическое наступление пролетариата. Вскрыв оппортунистические элементы в работе прежнего руководства ВЦСПС, подробно охарактеризовав их, как отступления от большевистской линии в профдвижении, фракция разоблачила правых, как паникеров и капитулянтов перед трудностями социалистического строительства, как укрывателей трэд-юнионистских тенденций, цеховщины и бюрократических перерождений профаппарата. Решения фракции 2-го пленума ВЦСПС помогли развертыванию большевистской самокритики в профсоюзах, вскрытию и разоблачению право-оппортунистических, трэд-юнионистских уклонов в практике профработы. Смена руководства не только в ВЦСПС, но и во многих центральных комитетах союзов, а также областных и местных профорганизациях, основывалась на идейной борьбе с оппортунистическими элементами за большевистскую выдержанность в профсоюзах, при чем эта критика оппортунистического руководства в отдельных звеньях профдвижения шла, главным образом, снизу, на основе принципиальных решений ЦК партии и фракции 2-го пленума ВЦСПС. Последнее обстоятельство важно подчеркнуть потому, что правые пытаются изобразить борьбу партии за четкую большевистскую линию в профдвижении, как троцкистское «перетряхивание» союзов сверху (см. статью Козелева в № 3 журнала «Металлист») в угоду капризам ЦК ВКП(б). Ход событий показал не только всю вздорность этих обвинений, но и то, что крики правых о «перетряхивании» являлись не более, как прикрытием для защиты ими трэд-юнионистских тенденций в профсоюзах и для нападок на партию.

Второй документ—это обращение ВЦСПС ко всем членам союзов и профорганизациям, опубликованное в начале сентября. В этом обращении обновленный после 2-го пленума президиум ВЦСПС, учтя критику старых методов работы и оппортунистических ошибок прежнего руководства и

исходя из основных задач реконструктивного периода, дает основное направление, по которому должна итти перестройка работы профсоюзов в настоящий момент.

Обращение указывает, что эта перестройка профработы должна итти под лозунгом «*лицом к производству*». Если в период восстановления особенно подчеркивались защитные функции профсоюзов и оставались несколько в тени их производственные задачи, то *в период реконструкции*, когда широчайшие массы рабочего класса, а вместе с ними и бедняцко-середняцкое крестьянство напрягают все силы для построения и закладки экономического фундамента строящегося социалистического общества, *со всей остротой перед профсоюзами ставится задача вовлечения об'единяемых ими масс в дело управления и организации социалистической промышленности и всего народного хозяйства страны.* Лозунг «лицом к производству» обращение ВЦСПС сочетает с лозунгом «ближе к массам», получающим теперь новый смысл и еще большую актуальность, ибо повернуться лицом к производству профсоюзы должны не столько своими верхушками и своим аппаратом, сколько об'единяемыми ими массами.

Оба эти лозунга—«лицом к производству» и «ближе к массам»—диалектически сочетаются в социалистическом соревновании, которое и является основным рычагом перестройки работы профсоюзов [1]).

Обращение ВЦСПС было подвергнуто широкому обсуждению на профсоюзных собраниях и в печати [2]).

На основе учета мнений и обмена опытом, собирающийся в конце ноября III пленум даст третий документ—резолюцию об очередных задачах профсоюзов, которая должна дать четкую установку работе профсоюзов в реконструктивный период. *Перестройка работы профсоюзов в соответствии с задачами социалистического наступления может итти успешно лишь при условии решительной борьбы с трэд-юнионистскими элементами в профдвижении, с оппортунизмом, цеховщиной, забвением обще-классовых задач пролетариата. Непонимание этого есть полное непонимание задач партии в профдвижении в настоящий момент. Правая оппозиция не даром нашла себе многочисленных сторонников среди руководящей верхушки профсоюзов* (из числа 92-х, голосовавших на фракции 8-го с'езда профсоюзов против предложения ЦК, добрая половина, если не больше, принадлежала к руководящей «го-

---

[1]) В обращении указывается, что перестройка работы профсоюзов под углом зрения поворота «лицом к производству» тормозится оппортунистическими элементами в профдвижении.

> «ВЦСПС *открыто заявляет*—*говорится в этом обращении*—*что не только среди рядовых членов профсоюзов, но даже и в рядах активистов в профорганах такие обывательские узко-цеховые, трэд-юнионистские мелкобуржуазные настроения имеются*: непонимание новой эпохи, непонимание новых задач, медлительность темпа в работе профсоюзов, бюрократизм, и отрыв от масс, крохоборчество и неумение увязать защиту повседневных интересных и нужд рабочих с основной задачей пролетариата, с задачей под'ема социалистической промышленности, с задачей дальнейшего под'ема и социалистического переустройства всего нашего хозяйства».

[2]) Кроме того, в целях привлечения широких кругов профактива к участию в предварительном обсуждении задач, стоящих в настоящий момент перед профдвижением, президиум ВЦСПС постановил открыть по этим вопросам широкий обмен мнений, опубликовав основные положения доклада Догадова и материалы особой комиссии по подготовке к пленуму.

ловке» профдвижения; «вожди», как известно, на этой фракции позорно провалились, оставшись без масс). Это обстоятельство нельзя считать случайным. Оппортунистическая идеология довольно глубоко проникла в мозги этих верхушек. По всем крупнейшим вопросам профдвижения, накануне 8-го с'езда профсоюзов, — право-оппортунисты явно обнаруживали в своей работе отрыжки трэд-юнионизма. Прежде всего, они оказались банкротами в важнейшем вопросе профдвижения периода реконструкции — в деле мобилизации масс по преодолению трудностей реконструктивного периода. Ограничивая задачи профсоюзов почти исключительно защитной работой, понимая притом эту функцию профсоюзов оппортунистически, а не большевистски, обнаруживая явную недооценку роли профсоюзов, как «соучастников госвласти» и, как «резервуара госаппарата» — оппортунистические «вожди» профсоюзов не могли развернуть работу профсоюзов так, как это необходимо в период реконструкции: ни в области поднятия производительности труда и борьбы с хвостистскими отсталыми настроениями в части профсоюзной массы, ни в области помощи деревни в деле ее социалистического переустройства, ни даже в области борьбы за реальную заработную плату и правильной организации распределения и снабжения продуктами.

Психология отсталых рабочих масс «моя хата с краю» частенько проглядывала в установке и рассуждениях этих вождей и в практической работе в целом ряде вопросов профдвижения. Боязнь якобы потерять «классовое лицо» профсоюзов толкала их на всяческие ограничения в работе профсоюзов в деревне, вместо того, чтобы широким фронтом развертывать эту работу, усиливая пролетарское влияние на крестьянство, помогая партии и Советской власти в коллективизации деревни и в борьбе с кулаком. Лозунг партии о самокритике эти вожди всячески старались выхолостить, понимая его, как право масс «жаловаться вождям», а не как действенный лозунг борьбы с бюрократическими извращениями, невзирая на лица, как мощный рычаг вовлечения масс в социалистическое строительство и большевистской борьбы с уклонами от ленинской линии.

Суживая задачи культурно-просветительной работы союзов, истолковывая их, как организацию, главным образом, отдыха и развлечения, неистово вопя против якобы обнаруживающейся тенденции превратить культотделы в агитпропы,— они, эти высокопочтенные «вожди» не замечали и в своей оппортунистической слепоте не могли заметить, *что культработа отстает от возросших требований масс, что в ней явно начинали обнаруживаться элементы узкого культурничества и аполитичности, что перед лицом обострения классовой борьбы, усиления антисемитизма, сектантской, религиозной и кулацкой агитации она вследствие этого часто была безоружной.*

Само собой разумеется, что право-уклонисты не могли вести действительной борьбы с мелкобуржуазным колебанием и шатаниями среди отсталых слоев рабочего класса. Предложение о включении в проект резолюции 8-го с'езда профсоюзов цитаты из написанной Лениным резолюции XI с'езда партии о необходимости борьбы с мелкобуржуазными влияниями в профсоюзах в комиссии президиума,— оппортунистами было встречено в штыки, ибо они, не боз основания, заключили, что эти слова Ленина направлены против всяких оппортунистов, в том числе и против них самих.

Истоки оппортунистических ошибок старого руководства (прежде всего Томского) кроются в непонимании места профсоюзов в системе диктатуры пролетариата. Вот, что говорил Ленин по этому вопросу:

«Профсоюзы в системе диктатуры пролетариата стоят, если можно так выразиться, между партией и государственной властью... Получается такая вещь, что партия, так сказать, вбирает в себя авангард пролетариата и этот авангард осуществляет диктатуру пролетариата. Не имея такого фундамента, как профсоюзы, нельзя осуществлять диктатуру, нельзя выполнить государственной функции. Осуществлять же их приходится через ряд особых учреждений, опять-таки нового какого-то типа, именно, через советский аппарат» [1]).

Это своеобразное положение профсоюзов между госвластью и партией не понято оппортунистами до конца. Ими хорошо понята и усвоена лишь одна часть ленинской диалектической формулы, что профсоюзы должны защищать об'единяемые ими массы от бюрократических извращений госаппарата. Характерно, что в своей «програмной» статье «Ленинские дни и профсоюзы» один из «идеологов» правых Козелев напирает именно на этот момент — на защитные функции профсоюзов, изо-всех сил доказывая, что бюрократизм в советском аппарате не изжит. Слов нет о том, что бюрократические извращения гос. и хозаппарата долго еще не будут изжиты, и что защитные функции профсоюзов должны быть сохранены на длительное время. Однако, Козелев и подобные ему оппортунисты, так и не поняли, что защита-то эта своеобразная. Цитируя первую часть формулы Ленина—

«Наше теперешнее государство таково, что поголовно организованный пролетариат защищать себя должен, а мы должны эти рабочие организации использовать для защиты рабочих от своего государства и для защиты рабочими нашего государства»,—

он, Козелев, ставит здесь точку, боясь до конца повторить то, что сказал Ленин. А дальше следует вслед за этой фразой следующее:

«И та и другая защита осуществляется через своеобразное сплетение наших государственных мер и нашего соглашения, «сращивания» с нашими профсоюзами».

Что этим хотел сказать Ленин? Он этим хотел сказать, — эту защиту нельзя понимать по-меньшевистски, по-оппортунистически, противопоставляя профсоюзы рабочему государству или рассматривая их изолировано, что профсоюзы и органы советской власти, имея различные функции, вместе с тем являются неразрывными в системе диктатуры пролетариата. Осуществляя непосредственно диктатуру через Советы, поголовно-организованный пролетариат в профсоюзах, является ее главной опорой, защищая рабочих от бюрократических извращений госаппарата путем соглашений с госвластью; профсоюзы в то же время защищают само государство и являясь сами «соучастниками госвласти», берут на себя ряд государственных функций, напр., в области нормирования труда, распределения кредитов на жилстроительство и т. п., постепенно, по мере культурного роста и роста политической сознательности масс, «сращиваясь» с государством. Вот эта-то часть диалектической формулы Ленина о профсоюзах и не понята оппортунистами. Они явно не дооценивали роли профсоюзов, как «соучастников госвласти». Задачи профсоюзов по укреплению госаппарата, по организации социалистического хозяйства, экономическая работа союзов отодвигалась на задний план. Твердя зады о защитной работе союзов— оппортунисты никак не способны понять, что эта защита своеобразная и что она должна быть подчинена общеклассовым интересам пролетариата. А в эпоху реконструкции, рационализации, коренной ломки нельзя осуществлять эту защиту, не ставя основные вопросы хозяйства, экономики, управления. Лозунг профсоюзов «лицом к производству», направлен, именно, против меньшевистско-оппорту-

[1]) Ленин, т. XVIII, I, стр. 8.

тического толкования роли профсоюзов в эпоху онструкции. Не поняли оппортунисты до конца и ленинского учео взаимоотношении партии и профсоюзов. Вот, что писал Ленин по поводу в своей работе «Детская болезнь левизны в коммунизме»:

«Профсоюзы были гигантским прогрессом рабочего класса в начале развития капитализма, как переход от распыленности и беспомощности рабочих к начаткам классового об'единения. Когда стала вырастать высшая форма классового об'единения пролетариев, революционная партия пролетариата, (которая не будет заслуживать своего названия, пока не научится связывать вождей с классом и с массами в одно целое, в нечто неразрывное), тогда профсоюзы стали неминуемо обнаруживать некоторые реакционные черты, некоторую цеховую узость, некоторую склонность к аполитицизму, некоторую косность и т. д. Но иначе, как через профсоюзы, через взаимодействие их с партией рабочего класса, нигде в мире развитие пролетариата не шло и итти не могло».

Так характеризовал Ленин развитие профсоюзов и их взаимоотноя с партией рабочего класса при капитализме. Несколько ниже он рит о нашей эпохе:

«Некоторая «реакционность» профсоюзов в указанном смысле неизбежна при диктатуре пролетариата. Непонимание этого есть полное непонимание основных условий перехода от капитализма к социализму».

Нечего доказывать, что Томский, Козелев и прочие профсоюзные ди», из «92-х», этого не поняли. Опасна ли эта «реакционность» союзов? Нет, не опасна. Но, при одном условии, о котором ясно и немысленно сказал тут же Ленин:

«Бояться этой «реакционности», пытаться обойтись без нее, перепрыгнуть через нее, есть величайшая глупость, ибо это значит бояться той роли пролетарского авангарда, который состоит в обучении, просвещении, воспитании, вовлечении в новую жизнь наиболее отсталых слоев и масс рабочего класса и крестьянства».... «Завоевание политической власти пролетариатом есть гигантский шаг вперед пролетариата, как класса, и партии приходится еще более, и по новому, а не только по старому воспитывать профсоюзы, руководить ими»...

Признавая на словах руководство партии профсоюзами, право-уклоы на деле не только оказали сопротивление этому руководству во я VIII с'езда профсоюзов, но и грозили партии «расщеплением» и «расм» в профдвижении, если партия не послушается профсоюзных «вож. Называя всякие указания об элементах замкнутости и цеховщины фсоюзах — троцкизмом, не будучи в состоянии понять, что роль парзаключается в том, чтобы бороться с этими отрыжками цеховщины фсоюзах, право-уклонистские вожди в кардинальнейшем вопросе профения — в вопросе взаимоотношения партии и союзов — оказались лном плену у трэд-юнионизма.

Таковы ошибки старого руководства профсоюи. Не поняв этих ошибок, не отмежевавшись решиьным образом от них, не разоблачая оппортунистиких элементов в повседневной практике работы— ьзя понять современных задач профсоюзов, нельзя ейти на новые рельсы, нельзя выполнить те гигант- е задачи, которые возлагаются на профсоюзы в наящий момент. Ибо глупо думать, что перестройка профсоюзов шится сама собой. Нет, ее надо завоевать и завоевать в борьбе портунизмом.

Мы уже отметили выше, что эта перестройка должна итти под лозунповорота профсоюзов «лицом к производству». Это не означает, как пугают оппортунисты, троцкистского верхушечного «сращивания» союзных органов с хозаппаратом. О «сращивании», как это говорил

Ленин, «пока надо помолчать», форсировать это сращивание чрезвы
опасно (хотя нельзя «принципиально» чураться его, *как* это делает
лев и нельзя упускать из виду, что по мере освобождения профсоюзо
«цеховой узости», по мере культурного роста и роста политической
совой сознательности рабочих масс, такое сращивание неизбежно и на
не раз указывал Ленин). Нет, речь идет сейчас не о верхушечном ср
вании профсоюзов с хозорганами, а о вовлечении широчайших масс р
чего класса в интересы производства, о действительном приближении
ствительных масс через социалистическое соревнование, — в первую го
«к управлению производством, а затем и всем народным хозяйством стра
Ибо, соц. соревнование есть не только великолепнейший метод коммуни
ческого воспитания масс, подтягивания отсталых слоев к уровню передо
отрядов пролетариата, но является и незаменимой школой управления
зяйством, управления производством. Развернув по-настоящему соц. со
нование (а до этого пока еще далеко, настоящей раскачки масс еще
не добились), — профсоюзы на деле станут школами хозяйничания, ш
лами управления, подлинными школами коммунизма.

Социалистическое соревнование есть орудие перестройки всей пр
союзной работы, ибо, будучи методом строительства социализма, усили
миллионов оно направлено в то же время всем своим острием против оп
тунистов, против бюрократических трэд-юнионистских извращений п
аппарата.

В самом деле, соц. соревнование направлено против цеховщины, п
тив трэд-юнионизма, против невнимания к хозяйственным вопросам,
если сами массы начинают активно участвовать в хозяйственной жи
ни один профсоюзник не может сказать, что хозяйственные задачи — «
не мое». Его сразу же одернут массы. Ему скажут — ты отвечаешь вм
с нами за производительность труда, за общее состояние хозяйства;
подписали договор о соревновании с таким-то предприятием, ты сто
во главе, так изволь-ка отвечать вместе с нами, быть ближе к хозяйс
Соц. соревнование направлено против медленных темпов работы, пото
что оно ускоряет темпы нашего хозяйственного развития, темпы, наш
производства. Соревнование направлено против хвостизма, потому что
есть ставка на передовые слои рабочих, борьба с отсталыми настроени
в массе. Соц. соревнование направлено против зажима самокритики,
тому что без критики работы хозяйственных организаций и профсою
их недостатков, их бюрократических извращений нельзя развить массов
движения пролетариата за участие в хозяйстве, за социалистически со
тельное отношение к производству. *Соревнование направле
против аппаратных методов работы*, потому что при р
вертывании работы нельзя сидеть в кабинете, нельзя быть оторванным
масс. Профсоюзник должен чаще быть в цеху, на предприятии вместе с
бочими — только тогда он будет руководителем соц. соревнования.
конец, *соревнование направлено против аполитич
сти, против узкого делячества*, потому что оно ставит пе
всеми массами воочию, лицом к лицу, основные хозяйственно-политичес
проблемы строящегося социалистического общества.

Однако, неправильно было бы думать, что соц. соревнование удар
по бюрократизму, отсталости, инертности лишь в одну сторону — с
рону профсоюзов. Нет, не с меньшей силой оно ударяет по бюрократиз
неповоротливости, косности хозорганов. Соревнование усложняет про
управления производством, оно требует от хозорганов большей подв
ности, большей гибкости, умения маневрировать силами и средствами
ходу», в процессе производства, а главное умение руководить не то

техническими процессами, но и людьми, но и массами, которые «пришли в движение» и хотят сами активно участвовать в налаживании хозяйства и управления производством. Соревнование предполагает постоянное движение, — один цех ушел вперед, другой отстал и т. д. Для того, чтобы не получилось простоя, задержек в производстве — необходимо подойти к производству не по-казенному, не по-бюрократически, — нужно вместе с массами сманеврировать так, чтобы все элементы производства были плотно пригнаны друг к другу, нужно во-время подхватить инициативу масс, во-время убедить отставших, поощрить идущих вперед.

Все это не только требует известных реформ в деле управления промышленности — децентрализации оперативного руководства, к чему уже делаются шаги—но *и большей опоры хозорганов на профессиональные союзы и усиления влияния последних на управление производством.*

К этому мы несомненно идем. Один крупный принципиальный шаг в этом направлении уже сделан. Мы имеем в виду тот пункт постановления ЦК ВКП(б) — об укреплении единоначалия, который говорит о назначении, в виде опыта, на ряде крупных предприятий председателей производственных совещаний на время их выборности, заместителями директоров этих предприятий с тем, чтобы они несли обязанность по проведению в жизнь принятых производственными совещаниями предложений рабочих. Таким образом, орган профсоюзов — производственные совещания, в лице своего председателя получают некоторые административные функции в части — только в этой части—по выполнению предложений, принятых производственным совещанием и одобренных заводоуправлением. Второй шаг должен заключаться в том, чтобы профсоюзы усилили свое влияние на формирование хозорганов. В настоящее время профсоюзы мало интересуются комплектованием хозорганов, выдвижением из своей среды хозяйственников и администраторов, невнимательно относятся к формированию хозорганов. Необходимо восстановить практику, существовавшую ранее, что все хозорганы сверху донизу формируются по соглашению с профсоюзами и кандидатуры на хозяйственные посты, как выдвинутые профсоюзами, так и выдвинутые другими организациями, предварительно обсуждаются профсоюзами на своих правлениях, пленумах и на с'ездах.

Лозунг «лицом к производству» означает не только лицом к промышленности, но и лицом к сельскохозяйственному социалистическому производству. Социалистическая перестройка сельского хозяйства есть один из основных элементов всего плана социалистического наступления пролетариата. Перелом в работе профсоюзов в деревне является совершенно необходимым и существенным элементом перестройки их работы в соответствии с современными задачами пролетариата.

Оппортунизм профсоюзных «вождей» наиболее ярко выразился в вопросе о роли профсоюзов в деревне. Отказываясь по существу от использования профсоюзов в деле усиления пролетарского влияния на деревню—они явно обнаруживали в своей позиции отрыжки социал-демократической идеологии.

Мобилизуя массы на проведение пятилетнего плана народного хозяйства и преодоление связанных с ним трудностей, *профсоюзы должны использовать всю мощь организованного пролетариата, всю силу своего аппарата также для коллективизации деревни, постройки крупных совхозов, машинно-тракторных станций, на помощь хлебозаготовкам, на борьбу с кулацким контр-наступлением.* Практика посылки рабочих бригад в деревню, крупная помощь союзу сельхозлесрабо-

чих, переклички между предприятиями (пример ярцевских текстилей, путиловцев и т. п.)—свидетельствуют о преодолении профсоюзами оппортунизма в этом вопросе, о сдвиге в деле укрепления пролетарского влияния на деревню. Однако, это только первые шаги, которые должны превратиться в мощное движение пролетарских масс за социалистическое переустройство деревни, в посылку профсоюзами тысяч и десятков тысяч организаторов коллективизации деревни, создание сотен тысяч агитаторов из рабочих — не только словом, но и делом, личным примером — за дело социализма в деревне.

Расширение производственных задач союзов и борьба с трэд-юнионистскими элементами в профдвижении, с забвением общеклассовых задач пролетариата вовсе не означает, как это думают некоторые горячие головы с синдикалистским уклоном (см. статью в «Нашей Газете» одного из руководителей ЦК союза совторгслужащих тов. Гегечкори), что защитные функции профсоюзов отмирают или постепенно становятся ненужными. Защитные функции останутся у профсоюзов до тех пор, пока не исчезнут бюрократические извращения госаппарата, пока сами профсоюзы, освободясь от цеховой узости и всяких остатков капиталистической старины и подняв культурный уровень и классовую сознательность об'единяемых ими масс, не срастутся с государством, не будут составлять с ним одно неразрывное целое. В настоящий момент эти функции не только остаются, а расширяются, переносясь на ряд таких областей, которые раньше оставались в тени. Борьба за реальную заработную плату, за снижение цен, уменьшение себестоимости и накладных расходов, как в производстве, так и в торговле, помощь госаппарату и кооперации в организации правильного распределения продуктов, наблюдение за деятельностью Наркомторга, контроль и активное участие в работе кооперации, большее внимание жилищному вопросу, бытовым условиям рабочих (школы, больницы и пр.), активное участие в деле организации рынка труда, более активная политика в области соцстрахования, направленная на обеспечение, в первую очередь, основных пролетарских масс — все это дает такое широкое поле для развития и расширения защитной работы профсоюзов, что все крики об отмирании этих функций являются просто смешными.

Нельзя противопоставлять защитных функций профсоюзов их производственным задачам, как это делают оппортунисты, ибо такое противопоставление не может не привести в конечном итоге к меньшевизму. Сочетание общеклассовых задач пролетариата с защитой непосредственных нужд рабочих, членов союза, об'единяемых той или иной проорганизацией — является одним из большевистских ленинских принципов профдвижения в эпоху диктатуры пролетариата.

Оппортунисты понимают защитные функции союзов лишь как пред'явление больших требований к государству — дай больше денег на зарплату, дай деньги на жилище, ясли, клубы, дай больше продуктов и т. д. Такие требования со стороны профсоюзов, поскольку они необходимы для борьбы с бюрократическими извращениями в хозяйственном и советском аппарате, забвением ими непосредственных нужд масс — законны и допустимы. Но сводить все защитные функции к таким требованиям — неправильно. Профсоюзы должны не только требовать, но помогать государству, пользуясь своим авторитетом, своим влиянием на массы, организовать дело производства и распределения, поднять производительность труда, снизить себестоимость, уничтожить бюрократические наросты в производственном и торговом аппарате.

Одним из проявлений оппортунизма в профсоюзах являлась, несомненно, недооценка борьбы за реальную заработную плату и снижение цен. Фразы

…жении цен принимались в резолюциях лишь «для украшения». Проф…ный оппортунист возлагал эту задачу на государство, для профсоюзов же …ным делом считал лишь повышение номинала. Когда шла дележка фонда …латы — тут все профсоюзники оживлялись, когда шла речь о реальной …лате, в лучшем случае, это ограничивалось критикой по адресу коопе…ии и органов снабжения. Активная же роль профсоюзов в деле борьбы за …жение цен и налаживание аппарата снабжения и распределения продук…—отодвигались на задний план, если не совсем забывались.

Между тем лозунг борьбы за реальную заработную плату, за снижение …за организацию снабжения направляет работу профсоюзов на правиль…дорогу. Снизить цены — значит поднять производительность труда, …онализировать производство, поднять качество продукции. Снизить …ы — значит улучшить весь аппарат управления производством, значит …ться до конца с бюрократизмом в хозяйственном аппарате. Улучшить …бжение — значит помочь государству в деле хлебозаготовок, значит пра…но поставить дело распределения продуктов. Снизить цены — значит …евле и лучше производить и распределять. Вот почему этот лозунг пра…но мобилизует массы рабочих и служащих на преодоление трудностей, …выполнение ударных важнейших заданий, которые сейчас стоят перед …фсоюзами в производстве, в хозяйстве, в улучшении быта рабочих, во всем …алистическом строительстве.

Защитная работа профсоюзов в значительной мере идет по линии …бы масс с бюрократическими извращениями гос. и хоз. аппарата. Но эта …ба ведется не так, как это понимают оппортунисты путем противо…авления профсоюзов госаппарату. Она осуществляется,—как говорил …ин,— целым рядом государственных мер и согласования, «сращивания» …офсоюзами. Это значит, что профсоюзы, защищая об'единенные ими массы …рясь за общеклассовые задачи пролетариата, за реконструкцию народного …йства, должны заботиться об укреплении, улучшении всего государствен… аппарата и его отдельных органов. В этом отношении решающую роль …жны сыграть такие функции профсоюзов, как функция выдвижения …ункция контроля. Эти функции профсоюзов оказались чрезвычайно …о развитыми в эпоху восстановления, хотя на них в особенности напирал …ин в написанной им резолюции XI с'езда партии.

> «Одной из важнейших задач профсоюзов,—сказано в этой резолюции,—является выдвижение и подготовка администраторов из рабочих и трудящихся масс вообще... Систематический учет всех способных на такую работу рабочих и крестьян и обстоятельная всесторонняя проверка успехов их обучения управлению должны быть во много раз тщательней и настойчивей осуществляемы профсоюзами, чем теперь».

Практика работы союзов показывает, что эти указания союзами не …олнены, что работа профсоюзов по выдвижению поставлена крайне слабо. …овое, систематическое, настойчивое повседневное выдвижение рабочих …сударственный и хозяйственный аппараты — это задача сейчас встает …сей остротой и настоятельностью. Не выдвинув сейчас тысячи, десятки …ч из массы рабочих, организаторов, руководителей государственного …йства и управления, мы не сможем двинуться вперед, не сможем преодолеть …ности, наладить, сделать дальнейшие шаги по пути социалистического хо…тва. И в этом отношении инициатива масс обгоняет наши аппараты, наши …союзы. Великолепный опыт Электрозавода с Наркомфином, по массовому …ижению рабочих в финансовый аппарат, их предложение о создании …итута временных исполнителей, которые не теряли бы связи с произ…твом и рабочей массой, выполняя известные функции в государственном …рате — показывает, что мы уже сейчас могли бы пойти значительно

вперед как в деле выдвижения, так и в деле приближения государстве[нного] аппарата к массам, организации массового контроля снизу.

Организация массового контроля снизу является важнейшей функ[цией] профсоюзов, теснейшим образом связанной и с выдвижением и с подгото[вкой] масс к «искусству управления». Значение и роль профессиональных со[юзов] в нем не раз со всей решительностью и резкостью подчеркивал Ленин.

«Профсоюзы должны быть—говорится в резолюции XI с'езда [пар]тии—ближайшим и непременным сотрудником гос. власти, которой ру[ково]дит во всей ее политической и хозяйственной работе сознательный аван[гард] рабочего класса—коммунистическая партия. Будучи школой коммунизма [во]обще, профсоюзы должны быть в частности школой управления соц. [про]мышленностью, (а затем постепенно земледелием) для всей массы рабо[чих], а затем для всех трудящихся».

«Чем решительней мы должны стоять теперь за беспощадно твер[дую] власть, за диктатуру отдельных лиц для определенных процессов работ[ы], в определенные моменты чисто исполнительских функций, тем разнообра[знее] должны быть формы и способы контроля снизу, чтобы парализировать [вся]кую возможность извращения Советской власти, чтобы вырывать повт[орно] и неустанно сорную траву бюрократизма». (Очередные задачи Совет[ской] власти).

... «Проверять людей и проверять фактическое исполнение дел[а] — в этом, и еще раз в этом, только теперь гвоздь всей работы, всей полити[ки]». (Речь на заседании комфракции всероссийского с'езда металлистов).

Эти важнейшие указания не выполнены, не реализованы профессион[аль]ными союзами. Функции контроля почти не развиты в профдвижении. [Эта] слабость профсоюзов, это их крупнейший недостаток. Положение о вре[мен]ных контрольных комиссиях в учреждениях — не использовано профес[сио]нальными союзами. Участие профсоюзов в чистке госаппарата очень сл[або]. Профсоюзы не смогли и не сумели привлечь к контролю над работой г[осу]дарственных учреждений рабочие массы. Они не проявили в этом деле с[воей] инициативы, несмотря на то, что все данные для организации такого широ[кого] «народного контроля» имеются именно у профсоюзов, как самых массо[вых], самых демократических и самых широких организаций пролетариата. [Это] не случайно. Здесь также сказалась оппортунистическая установка некото[рых] профсоюзных «вождей» — стоять в стороне от госаппарата, ограничи[вая] круг работы профессиональных союзов своими внутренними вопросами.

В период реконструкции и социалистического наступления пролетар[иата] такая установка в особенности терпима быть не может. В настоящий мо[мент] необходимо со всей решительностью и последовательностью поставить во[прос] о контрольных функциях профсоюзов, о реализации важнейших указ[аний] Ленина в этой области. Опираясь на широкие рабочие массы, а так[же] служащих, используя целиком свой колоссальный профактив, рабочую [мо]лодежь, старых рабочих - производственников, специалистов, техников, профсоюзы совместно с РКИ должны организовать систематический и [по]вседневный контроль масс над работой госаппарата.

Развитие своих контрольных функций профсоюзы должны исп[оль]зовать как для усиления своей экономической работы, так и для расшир[ения] защитных функций, борьбы с бюрократизмом, извращениями, искривлени[ями] классовой линии в госаппарате, пренебрежением с его стороны к непос[ред]ственным нуждам и интересам масс.

Колоссальные задачи, возложенные на профсоюзы периодом ре[кон]струкции, могут быть выполнены ими при условии расширения их культу[рно]-просветительной деятельности и п е р е с т р о й к и в с е й и х р а б[оты] в с т о р о н у м а с с о в о с т и. Без решительного под'ема культурн[ого уровня] масс и их классового самосознания профсоюзы не могут двигаться вп[еред] таким темпом, как это диктуется всем ходом социалистического наступле[ния], ни в области развития социалистического соревнования и расширения эк[оно]мической работы союзов, ни в области развертывания их контрольных функций и выдвижения, их участия в налаживании, укреплении гос.- и хоз-аппарата, вовлечения масс в социалистическое строительство вообще.

Постепенный переход на 7-часовой рабочий день и непрерывную производственную неделю создает такие невиданные ранее условия для культурного под'ема масс и роста всей массовой политической и воспитательной работы, которые позволят профсоюзам сделать действительно гигантский шаг вперед в этом направлении.

Профсоюзам теперь же необходимо приступить к составлению плана перестройки всей своей культурно-просветительной работы в соответствии с современными задачами. Этот план должен быть программой действительно грандиозного, действительно массового культпохода, мобилизующего всю рабочую общественность и использующего все силы для культурного перевооружения пролетариата.

Методы и формы работы профсоюзов должны быть также перестроены. Несмотря на то, что лозунг «ближе к массам» неустанно повторялся профсоюзными «вождями» во всех резолюциях и в речах, — в работе профсоюзов, несомненно, были элементы ведомственности, ограниченности, и сам аппарат профсоюзов, в особенности в верхних звеньях его, слабо освежался и носил следы бюрократических извращений. О с в е ж е н и е п р о ф с о ю з н о г о а п п а р а т а, в о в л е ч е н и е в н е г о с в е ж и х с и л, в о с о б е н н о с т и и з м о л о д е ж и, д о л ж н о б ы т ь п о с т а в л е н о г о р а з д о р е ш и т е л ь н е е. Необходимо добиться того, чтобы сменяемость лиц для выполнения общественных функций в профсоюзах протекала бы быстрее, чтобы известная часть платных работников во время выборов возвращалась на производство, к станку, чтобы беспартийные рабочие решительнее вовлекались бы в аппарат союзов. Вместе с тем со старыми методами работы, с преобладанием аппаратно-ведомственных методов, с непониманием или боязнью развертывания самокритики, с неумением вовлечь широчайшие массы беспартийных в профработу — с этими методами надо покончить как можно скорее и решительнее.

Задачи реконструктивного периода не могут быть решены без самого смелого, самого решительного, самого последовательного вовлечения масс в дело социалистического строительства, проверки и контроля со стороны этих миллионных масс всего аппарата, очищения его от негодных элементов, борьбы с бюрократическими извращениями его, тормозящими социалистическое наступление пролетариата. В этом профсоюзы должны сыграть решительную роль. На эту цель и должна быть направлена в первую очередь перестройка работы профсоюзов.

Я. Петерс.

Чистка советского аппарата.

Постановление ЦК и ЦКК от 12 сентября с. г. устанавливает:

> «Необходимо центр тяжести чистки перенести с количественного размаха на качественную сторону работы, не разбрасывая чистку по разным учреждениям, а сосредоточив ее на важнейших узлах, переходя от одного к другому, при чем в первую очередь необходимо взять учреждения, связанные больше всего в работе с проведением четкой классовой линии и с нуждами масс. В этих целях ЦК и ЦКК ВКП(б) считают целесообразным сосредоточить работу по чистке в ближайший период на органах НКФина и НКЗема». («Правда», 13 сентября, 1929 г. № 211).

Это постановление уже за короткое время дало свои положительные результаты. Мы не можем сейчас определенно сказать, что в ходе чистки соваппарата имеется решительный перелом. Еще не все партийные организации, не вся масса партийцев и членов профсоюзов учли и поняли политическое значение чистки, как одного из важнейших мероприятий, как **одной из форм классовой борьбы** и поэтому недостаточно мобилизовались на помощь чистке; но некоторый сдвиг все-же имеется налицо. Сокращение об'ектов чистки и сосредоточение внимания на двух наркоматах — НКЗ и НКФин—и их низовых разветвлениях на местах уже дало свои положительные результаты.

Предварительные данные проверки и чистки центральных аппаратов — НКЗем и НКФин, — а также сведения о ходе чистки по периферии Советского Союза — вскрывают безобразнейшие факты искривления классовой линии в этих органах. Предварительно все же необходимо сделать общую оговорку. Подобную, очевидно, картину или близкую к ней мы встретим и при чистке других центральных и местных учреждений Союза. Органы НКФина и НКЗема вряд-ли являются исключением.

В первую очередь при проверке Наркомфина Союза бросается в глаза работа Планово-экономического управления. В этом управлении около 80 сотрудников, в том числе несколько десятков профессоров и крупных специалистов. ПЭУ по своим функциям и задачам должно бы явиться центральной и важнейшей лабораторией, в которой, на основе данных всего аппарата НКФина, а также и других органов, производился бы анализ и изучение необходимых для НКФина вопросов, чтобы коллегия НКФина, на основе этих данных, могла бы составить свое мнение по хозяйственно-финансовым вопросам и выработать как текущие, так и перспективные планы. На самом же деле этого не было. В важнейших вопросах (финплан) коллегия не соглашалась с мнением своих профессоров и ей приходилось, отбрасывая в сторону планы ПЭУ, строить свое решение на основе данных оперативных управлений. В этом управлении произносятся речи и вырабатываются предложения и резолюции, которые абсолютно не соответствуют общей установке нашей партии и Правительства. Так, во время обсуждения доклада Леонтьева о кон'юнктуре народного хозяйства в СССР в одном из кварталов 1928 года, принимаются поправки к резолюции в роде требования отмены запрещения про-

дажи промтоваров, и, частности, сельскохозяйственных машин и орудий зажиточным слоям деревни. В речах и предложениях подчеркивается необходимость усилить производство текстильных тканей. Советуют не усиливать распределения по карточкам и ни в коем случае не допускать повышения заработной платы.

Во время прений по докладу о кон'юнктуре профессора **современную эпоху не называют иначе, как военный коммунизм, а все затруднения сводят к недостаткам планирования, при чем предсказывают вновь гражданскую войну в стране.** Буржуазными профессорами требуется безусловный пересмотр плана капитального строительства, а монополия хлебной торговли об'является вредной, ненужной. Профессор Железнов, например, нэп толкует как освобождение вообще свободных сил в хозяйстве, а нынешний этап,—возвращением военного коммунизма. Характерно, что председательствующий на этом заседании коммунист тов. Шанин, не находит других слов для обуздания зарвавшихся профессоров, как назвав явно вредные выступления «непонятными».

На заседании этого же управления мы слышим выступления представителей других учреждений, в том же духе. Например, представитель НКЗема—Макаров, доказывает, что советский кулак—новатор, прогрессист и поэтому заслуживает всякого поощрения.

Эти кулацко-нэпманские речи в той или иной форме и степени безусловно имеют свое отражение на работе других оперативных управлений НКФина. Так, в работе Налогового управления НКФина Союза очень плохо поставлено изучение налогового обложения и взысканий налогов по частному сектору. Основное внимание в работе Налогового управления НКФина концентрировалось по линии прямых налогов обобществленного сектора, а частный сектор почти совершенно не изучался. В 1928 году Совнаркомом Союза была создана комиссия по изучению тяжести обложения разных групп населения за 1926/27 год. Для работы комиссии был дан трехмесячный срок. Но комиссия проработала 7 месяцев и материалы НКФина оказались недостаточными.

Между тем, «теория» Кутлера и др. о том, что мы переобложили частника, гуляет в стенах Наркомфина. Когда Совнарком, учитывая безобразнейшую спекуляцию на рыночных затруднениях со стороны частного капитала, поручил НКФину внести в СНК закон об обложении сверх-прибыли, разработка была настолько медленная, что со стороны Совнаркома нужно было неоднократно напоминать НКФину о представлении проекта. Внесение этого закона все время отсрачивалось и, наконец, когда этот закон был внесен, представители НКФина в лице Кутлера и др. **называли этот налог налогом «на сверх-фантазию».**

В этом году, когда НКФин вошел в СНК с предложением о внесении некоторых изменений в шкалы обложения по подоходному налогу, теория о переобложении воскресает вновь.

Аппарат НКФина, помимо Брюханова, представляет как доказательство такого переобложения следующее: берется ряд московских частников и показывается, что у частника через налоговой аппарат изымается не только доход, но сумма гораздо большая.

> Например, Артамонов с доходов в 106 тыс. руб. подоходного налога должен платить 80 тыс. руб., а налога на сверх-прибыль—20 тыс. руб., итого 93% своего дохода. Или Галочкин с доходом в 95 тыс. руб. подоходный налог—70 тыс. руб., налог на сверх-прибыль—30 тыс. руб.—итого 105% своего дохода. Или Чулков—с доходом в 63 тыс. руб.—нормальный налог—45 тыс. руб., налог на сверх-прибыль—20 тыс. руб.—итого 103% своего дохода.

Итак, Галочкин, Чулков и др., платят, по утверждению аппарата НКФина, не только весь доход, но еще должны часть докладывать из собственного кармана.

В действительности картина совершенно иная. Все дело заключается в том, что сумма подоходного налога и обложение сверх-прибыли об'единяются в одну графу, в то время как налог на сверх-прибыль создан, главным образом, для борьбы с произволом частника на рынке. Этот налог, по существу своему, налог исключительного порядка. Если бы частник укладывался в рамки нормальной прибыли, которую, по поручению Совнаркома, устанавливают губернские финотделы, то частник ни в коем случае не был бы переобложен. В крайнем случае, если бы НКФин, действительно, хотел поощрять частника в той или другой отрасли торговли, то он это мог бы сделать путем увеличения процента нормальной прибыли.

В некоторых случаях льготы частнику на сверх-прибыль абсолютно не понятны. Например, в 1927 году астраханский губисполком обратился в НКФин за разрешением обложить налогом на сверх-прибыль астраханских рыбопромышленников. НКФин, по инициативе сотрудника НКФ Заславского, отказывает в просьбе астраханского исполкома. А, между тем, доля частника в астраханской рыбопромышленности резко растет. Так, например, в 1923 г. частник занимал 3%, в 1924 году — 14%, в 1925 — 1926 годах — 22 и 23%.

Возьмем другой факт из той же «теории» переобложения частника. *За время с 1/X-28 г. по 1/VII-29 года сумма недоимок с частника возросла с 79,6 миллионов руб. до 116 миллионов рублей. За последний год недоимки резко скачут вверх.* Аппарат НКФина подходит к этому явлению с простым об'яснением, что мы частника переобложили и поэтому имеется недобор. Между тем, материалы местных органов РКИ говорят за то, что во многих случаях мы не только не переобложили, но недообложили частника. Конечно, имеются и обратные случаи. То, что в ряде мест в Туле, Астрахани, Рязани, Рыбинске и т. д., во время чистки происходили широкие аресты налоговых инспекторов за срастание с нэпманами, за взяточничество и т. д., говорят за то, что дело с обложением частника, в том числе и сбор недоимок, поставлены отвратительно.

В Бухаре и Ташкенте имеется недоимок с частника около 7 миллионов рублей. В Москве недоимки достигают 30 миллионов рублей. Об'яснить это только переобложением частника — нелепо и глупо.

В связи с заметкой в газете «Рабочая Москва», МРКИ с участием НК РКИ СССР проводила обследование недоимщиков.

И вот характерный пример — частники Окунев и Сушкин, крупные недоимщики, имели на текущем счету в Госбанке 35 тысяч рублей. На эту сумму Мосфинотдел наложил арест. Потом почему-то арест был снят, частники немедленно выбрали деньги и недоимки государство не получило. Или другой факт: Рабочие Электрозавода создали бригаду для выяснения действительного положения с недоимщиками в Москве. Вот рапорт одного из рабочих:

> «Братья Шормштейн (Бауманский район) задолжали в 1927 году 47 тысяч рублей, в мае 1927 года агент описал у них железо-скобяные и москательные товары на 56 тысяч рублей и послал все в ЦАК. Всем известно, что железо-скобяные и тем более москательные товары являются у нас дефицитными товарами, тем не менее с мая 1927 года они лежат на складе ЦАК».

Таких фактов не мало. Сейчас, во время чистки, рабочие Электрозавода, по предложению тов. Орджоникидзе, создали бригаду для проверки недоимок.

Сибирская РКИ пишет, что налоги списывались в сумме 10 — 15 и даже 100 тыс. руб. без серьезной проверки налогоплательщиков. Крайфинотдел в циркуляре от 22/IV-29 года предлагает принять все меры к взысканию

[недо]имок. Весь циркуляр в 8 пунктов посвящен вопросу взыскания недоимок [ко]операции и госторговли, а о частнике, который является главным непла[тель]щиком по Сибири, ни слова не сказано.

Органы НКФина, вопреки своим традициям, проявили особую торопли[вост]ь по реорганизации порядка взимания налогов, передав взимание налогов [с н]алоговых инспекторов аппарату финотделов. При этом органы НКФина [не п]риняли никаких мер, чтобы вместе с этим инструктировать этот новый [пор]ядок взимания и в результате мы имеем колоссальный рост недоимок.

Можно было бы привести много фактов отсутствия изучения со стороны [апп]арата НКФина налоговых источников. Например, чрезвычайно скверно [обс]тоит дело с налогом на кустарей. Крупные кустари с доходами в 30 — 40 [тыс]. рублей, типичные рвачи и эксплоататоры, облагаются подоходным [нал]огом по второй шкале наравне с лицами свободных профессий, а про[мыс]ловым налогом — наравне с кустарями-одиночками. Мы на этом деле [теря]ем десятки миллионов рублей ежегодно.

Главную роль при выработке обложения в аппарате НКФина почти [всег]да играет фиск. *Классовая сторона совершенно остает[ся] в тени.* Взять хотя бы военный налог. Конечно, для фиска он имеет [малое] значение. Что значат для государственного бюджета несколько миллио[нов] рублей, которые мы можем получить в качестве военного налога. Но поли[тич]еское значение этого налога огромное. И недаром ВЦСПС и военная [про]куратура настаивали и настаивают на увеличении этого налога. Ведь, [рабоч]ий-красноармеец, который идет на военную службу, теряет не только [свой] заработок, но нередко его хозяйство, благодаря отсутствию работоспо[собн]ого члена семьи, терпит ущерб, в то время как налог, наложенный на [сыновей] кулаков и частников, ниже годового его заработка.

Имеются *грубые искажения и по линии косвенных [на]логов.* Так, например, при обложении налогом пряжи, налог на ситец [...], стоимостью в 30 коп. за метр, составляет 3,7%, сатин, стоимостью [..]3 коп. за метр — 2,6%, диагональ, стоимостью в 63 коп. за метр — [..]%, ангора, стоимостью 1 р. 21 коп. за метр — 1,8%, полотно, стоимостью [.] 23 к. за метр — 5,9%, полотно, стоимостью 2 р. 38 к. — 3%, мешко[вин]а, стоимостью 51 коп. за метр. — 6%, скатерти, стоимостью 3 р. 60 к. [за] штуку — 3%. Таким образом, *чем ценнее товар, тем про[цен]т налога на него меньше.*

Не стоит распространяться об отдельных фактах бюрократизма и [волo]киты, — их хоть отбавляй.

Не мало фактов отсутствия четкости в разграничении функций, запу[таннo]сти взаимоотношений между отдельными звеньями и параллелизма [в ра]боте, что приводит к раздуванию штатов, ненужным расходам. *Но глав[но]е — это сложность директив и инструкций, которые [НКФ]ин преподает местам.*

Например, инструкция о порядке и условиях реализации 2-го государ[стве]нного внутреннего выигрышного займа индустриализации народного хо[зяйс]тва Союза ССР состоит из 120 пунктов, а каждый пункт имеет еще при[мечa]ния, раз'яснения. Сама инструкция и раз'яснения к ней составлены [так]им языком, что совершенно недоступны понятию крестьян.

Вот характерный абзац 5-го пункта этой дополнительной инструкции:

> «Согласно указанному соглашению финорган одногородний с Правлением (Управлением) транспортной единицы совместно с этим последним, распределяет коллективы, подведомственные Правлению (Управлению) данной транспортной единицы, между окр(губ) финотделами, на территории которых находятся соответствующие учреждения. Одновременно по соглашению между финорганом, одногородним с Управлением транспортной единицы и этим последним производится и распределение контрольной цифры реализации между отдельными коллективами транспортников. О со-

стоявшемся распределении финорган, одногородний с Правлением (у влением) транспортной единицы, сообщает всем заинтересованным органам».

Неудивительно, что с мест по этому вопросу поступают сотни запро Обследование РКИ констатировало, что села и деревни проводят работу, понимают — по-своему, без всякой инструкции.

Уже много писалось по поводу инструкции НКФина по взима сельскохозяйственного налога. Эта инструкция представляет собой об'е стую книгу около 240 страниц и содержит в себе 684 пункта. Язык и фо инструкции настолько неясны, что они недоступны для понимания крест ства. Неоднократны случаи, когда низовой аппарат при составлении по ленных списков по инструкции настолько все перепутывал, что приходил работу проводить заново. Путали работу не только низовые работники, аппарат краевых, губернских финотделов. Например, Ленинградский облф отдел, получив циркуляр, раз'ясняющий заполнение поселенного спис прислал НКФину РСФСР примерную запись заполнения поселенного спи с просьбой проверить, правильно ли он составил этот список. При прове запись оказалась неверной.

К обследованию органов НКЗема мы только-что приступили. Пре датель комиссии по проверке и чистке НКЗема, член ЦКК, тов. Гераси пишет:

«По отделу Механизации сельского хозяйства обследованием у новлено, что отдел, распределяя кредиты на оборудование ремонтных стерских на 1928—29 год, не имел учета существующих ремонтных мас ских и типа таковых, поэтому ясна бессистемность, бесплановость рас деления миллионных средств. Также отсутствует учет прокатных пун по хозяйственным системам, нет данных о фактическом состоянии пунк и социальном содержании обслуживания. Роль этого отдела в отноше прокатных пунктов сводится к распределению средств по областям, от скаемых государством и ориентировочному набору с.-х. инвентаря для н

Выдвиженец Горкуши, работающий в отделе Механизации, выезжа январе 1929 года на обследование прокатных пунктов и сообщил:

«По ряду районов не только беднота, но даже середняки не в сос нии пользоваться услугами пункта. Кулак дешевле и лучше органи помощь своими машинами».

Другой пример из доклада тов. Герасимова о Кооперативном отд на который возлагается обслуживание социалистического сектора сельск хозяйства. В этом отделе с 1925 года сменились 9 заведующих. Вместо человек, полагающихся по штату, в отделе сидят 5 человек, из которых технические работники. Фактически возглавляет этот отдел некто Вен носцев, — числится агрономом, но специального сельскохозяйственного об зования не имеет. Окончил духовную семинарию. На запрос крестьян э Венценосцев отвечает так:

«Об'единение хозяйственного обслуживания населения, т.-е. сосре гочение в одних руках различных хозяйственных операций может служ основанием соединения лишь в том случае, если существующие кооп тивные организации настолько хозяйственно слабы, что надлежащая по новка и развитие их работ становятся затруднительными».

Еще несколько слов об одном из отделов, имеющем важнейшее з чение—об Отделе защиты растений, который должен вести борьбу с вр телями. Отдел приглашает в качестве сотрудников лже-специалистов. С ства на борьбу с вредителями отпускались, исходя не из важности того другого района, а по соображениям, вовсе не связанным с деловой сторо Так, в 1927/28 году потребляющие губернии (Владимирская, Иваново-Воз сенская, Ленинградская, Нижегородская) получили столько же, сколько по чили такие производящие губернии как Воронежская, Самарская, Сара ская, Сталинградская и другие, где количество вредителей и сумма по

от них большая. Этот отдел плохо справляется со своей работой, давал правительству заведомо ложные сведения о результатах работы по борьбе с вредителями, чем прикрывал свою бездеятельность.

Материалы с мест по земельным органам рисуют не более отрадную картину. Так, в Ивановском сельскохозяйственном банке, вопреки всем законам, около 90 тыс. руб. сельскохозяйственного кредита было выдано сотрудникам этого учреждения, которые эти средства вкладывали в другие банки и использовали проценты.

В работе земорганов наблюдается полное искажение или непонимание вопросов землеустройства. Из аппарата НКЗема дают директиву

«Оплату землеустроительных работ производить не по классовому принципу».

В Сибири инструктор-ревизор Сибирского Краевого земельного управления в ревизионном акте Рубцовского отдела землеустройства, первым пунктом отмечает:

«При переделке многодворных селений на подворные и групповые хозяйственные участки не уделяется достаточного внимания разбивке селений на мелкие земельные общества (выселки и отруба), хотя имеются налицо все благоприятные условия».

Из Нижнего-Новгорода пишут:

«В органах Нижегородского КрайЗУ землеустройство отрубов и хуторов проводилось до 1929 года и большая часть—(79%) за счет бедняцкого кредита. Решение правительства от обязательном землеустройстве колхозов и совхозов не выполнено. Контроль за землеустройством на местах со стороны ГУБЗУ отсутствовал».

НК РКИ Татарской республики сообщает, что Центральная Земельная Комиссия Татарской республики издала об'емистый циркуляр за № 1461 в 1927 году, толкующий и раз'ясняющий все пункты земельного кодекса. Этот циркуляр действует уже примерно полтора года, где на 13-й странице буквально пишется следующее:

«Бедняк (вернее, лодырь, лентяй)» и дальше раз'ясняется,—«кабальным договором считается такой договор, который является чрезмерно тягостным или для сдатчика или для с'емщика».

Эти факты в работе нашего аппарата с избытком подтверждают характеристику ноябрьского пленума ЦК и XVI партконференции:

«Отдельные звенья государственного и кооперативного аппарата доходят до прямого разложения и срастания с буржуазно-капиталистическими элементами населения, вызывая необходимость коренной чистки этих органов».

Комиссии по проверке и чистке соваппарата не подходили к аппарату с точки зрения его коренной реорганизации, и это не задача комиссий по чистке. Все эти возмутительные факты обнаружены в порядке изучения личного состава совучреждений и его работы.

Чистка аппарата в ряде случаев вызвала попытки со стороны классового врага использовать ее в своих интересах или помешать чистке. В Наркомфине Союза во время чистки один из вычищенных, желая опорочить работницу, которая знакомилась с его работой, пустил слух, что это не работница, а бывшая княгиня. Особенно обостряется классовая борьба во время чистки низового аппарата. Из Украины пишут:

«Вокруг чистки аппарата на селе развертывается жестокая классовая борьба. Кулачество стремится в свою очередь принимать активное участие в чистке, с целью защиты своих ставленников и дискредитации тех работников, которые твердо проводят политику партии. В Запорожском округе были случаи, когда кулачество совместно с по

пами пытались колокольным звоном сорвать собрание, посвященное чистке. В начале чистки кулачество кое-где присутствовало на собраниях, посвященных чистке, обычно занимало передние скамейки и при проверке их ставленников хором кричали: «хороший человек, оставить в аппарате, побольше бы таких», а когда беднота выступала с разоблачениями, они старались криками запугать выступающих».

Нередко кулачество практикует подачу коллективных заявлений, привлекая к этому подкулачников.

В Северном крае чистке старались помешать кулаки. Они делали попытки дать хорошую характеристику бывшим людям и вредителям.

Отмечены даже случаи, когда кулаки через хулиганов (Онежский район) пытались избить одного из членов комиссии по чистке аппарата.

Из Витебского округа пишут:

«Со стороны значительной части зажиточного крестьянства и кулачества отмечаются различные выпады: желание скомпрометировать отдельных лучших классово-выдержанных работников в связи с шкурными интересами, свести счеты за индивидуальное обложение, лишение права голоса и т. д.».

В деревне вылазки кулаков встречают решительное сопротивление бедняцко-середняцких масс. В деревне вообще чистка проходит гораздо более оживленно. На Украине, где в 16 округах и 97 районах проводили чистку низового аппарата, на собраниях обычно бывало 300—400 человек. Были случаи, что присутствовало и тысяча человек. Собрания обыкновенно начинались в 6—7 часов вечера и продолжались до 12 часов. Вся масса оставалась до конца собрания.

Активность масс выражается не только в присутствии на собраниях, но и в подаче большого количества заявлений, выступлениях на собраниях с разоблачениями того или другого из проверяемых. Активное участие в чистке низового аппарата наблюдается в Ленинградской области. Но и там есть попытки со стороны кулаков использовать чистку в своих интересах, но также налицо со стороны бедноты и середняков массовый отпор этим попыткам.

Результаты чистки довольно разнообразные. Средняя цифра вычищенных составляет приблизительно 10%. По Наркомтруду СССР она выражается в 12%, по Наркомфину Союза приблизительно 10—11%, по 16 округам и 97 районам Украины вычищено всего 3,272 человека, или 10,5%, в Белоруссии приблизительно — 7%, Ленинградская область — около 7%, Северный Кавказ — 6%, Татария — 9%, Сибирь — 7%, Н.-Новгород — 9%, Казакская Республика — 11%, Иваново-Вознесенск — 13%. Это—процент в отношении всех работающих в аппарате сотрудников. Но на самом деле чистка захватывает главным образом ответственных и оперативных работников и к их общему числу процент вычищенных будет гораздо выше. Разный процент вычищенных к общему числу служащих об'ясняется, главным образом, различным подходом к личному составу со стороны комиссий по чистке. Это никоим образом не значит, что если, например, в Белоруссии из ЦСУ вычистили из общего числа служащих 0,4%, или из Ленинградского соцстраха — 1,8%, то все обстоит благополучно в этих органах. Наоборот, подход комиссий по чистке к аппарату, как это неоднократно отмечалось в газетах, был безобразно поверхностным. Чистка проходила кавалерийским налетом. Во многих случаях органы РКИ при рассмотрении результатов чистки подобные чистки отменяли.

Из кого состоит наш соваппарат? Об этом писалось очень много и статистических данных о социальном составе нашего соваппарата приводилось не мало. Чистка после XVI партконференции со всей яркостью показала верность слов Владимира Ильича.

Ленин писал:

«Необходимо во что бы то ни стало разбить старый, нелепый, дикий, гнусный и мерзкий предрассудок, будто управлять государством, будто ведать организационным строительством социалистического общества могут только так называемые «высшие классы», только богатые или прошедшие школу богатых классов.

Ни на минуту не забудут рабочие, что им нужна сила знания.

Но организаторская работа посильна и рядовому рабочему и крестьянину, обладающему грамотностью, знанием людей, практическим опытом...

Таких талантов в рабочем классе и крестьянстве непочатый еще родник, и богатейший родник. Рабочие и крестьяне еще «робеют», еще не освоились с тем, что они теперь господствующий класс, еще недостаточно решительны».

Материалы всех комиссий по чистке со всей яркостью подтверждают ...ва Владимира Ильича. На 12 году революции, в период развернутого со...листического строительства, когда напряжен каждый нерв страны, когда ...аждом мельчайшем звене соваппарата требуется четкая и ясная классовая ...ия и понимание задач строительства социализма, — соваппарат от...ет от темпа социалистического строительства. Нелепый и дикий предрас...ок, что рабочие не могут вести работу в госаппарате, сохранился у нас ...и сейчас в ряде звеньев соваппарата. Во время чистки приходится удив...ься, что люди, враждебные пролетарским интересам в прошлом, абсолютно ...дые и непонимающие задач социалистического строительства, не имею... никакой специальности, прочно уселись в соваппарате, при чем, чем ...ьше они в аппарате сидят, тем все больше чувствуют свое право на зани...мое место, они все больше и больше отстают от жизни и не способны ...огать строительству социализма.

К сожалению, такого мнения держатся не только чиновники, которые ...ят в аппарате, но и часть руководителей и коммунистов. Положение этих ...овников еще больше укрепляется в силу отсутствия в аппарате достаточ...о контроля как за приемом на работу новых сотрудников, так и за их ...седневной работой.

Мнения товарищей, принимающих активное участие в чистке и вместе ...ем изучающих аппарат, полностью сходятся в том, что многие комму...ты в нашем аппарате настолько разбрасываются по выполнению разных ...аний и так мало уделяют внимания своей непосредственной работе, что ...ый ряд важнейших участков работы находится исключительно в ведении ...ей, не только по-чиновничьи подходящих к делу, но и не специалистов, ...роившихся в аппарате исключительно по протекции.

Например, в Управлении по финансированию народного хозяйства ...Фина СССР на такой чрезвычайно ответственной работе, как финансиро...ие нефтяной промышленности, в качестве консультанта — сидел некий ...нель, без специального образования. В 1924—1925 году занимался тор...лей. Каннель во время чистки на вопрос: — «видел ли он хотя бы раз в ...ей жизни нефтяные разработки» — ответил, что «не видел». Или на ра...е по извлечению дохода из недр — сидел бывший граф Растопчин, кото...й был контролером при дворе Николая II. До поступления в НКФ был ...дшим делопроизводителем и вдруг этот граф делается консультантом — ...недрам.

Из материалов чистки наших центральных учреждений — Наркомтруд, ...Ф, НКЗем и из материалов чистки ряда других учреждений можно было ...азвать десятки таких «специалистов», сидящих на ответственных постах. ... об'яснить, что эти элементы сидят в советском аппарате на должно...х, где требуются специальные знания, которых они не имеют?

Именно тем нелепым, диким и мерзким предрассудком, когда отдают ...почтение людям «высших классов», и консерватизмом.

Особенно ярко во время чистки вырисовывается наличие протек низма по отношению к чуждым нам людям и всяческое содействие им. От ные специалисты подбирают себе людей не по деловому признаку, а прекословно подчиняющихся им, иногда по-холуйски подхалимствую Встречаются и крупные специалисты, ценные для нас, но в своей работе терпящие никаких возражений, не учитывающие чужого мнения, часто ного.

Ни одно учреждение не поставило по-серьезно перед собой задачу улучшения личного состава сво аппарата. Даже в тех учреждениях, где имеются все возможности к полнению и улучшению личного состава за счет молодых специалистов, бочих с производства и т. д., работа эта поставлена из рук вон плохо.

В 1927—1928 году НКФин израсходовал 211 тысяч руб. на стипен учащимся в разных вузах, в 1928—1929 году — 226 тыс. руб., а в 1929—1 году отпущено 330 тыс. руб. Эти стипендии получают около 300—400 ву цев. Как же эти вузовцы используются? Вот, что пишет сотру НКФина, принимавший участие в чистке и обследовавший этот вопрос: « гда посмотришь списки учраспреда, то как будто все окончившие вуз рас делены по финансовому аппарату. По существу же дело обстоит иначе. С денты распределяются в разные места Республики на стаж и на этом заканчивается, а по всем признакам они бегут с работы. Это можно про дить по письмам стажеров в учраспред. Они пишут о том, что после о чания стажа им местные финорганы не гарантируют штатной работы. Раб по специальности—не дают, так как все должности заняты и аппарат с мается. При этом на местах, вместо установленного для стажеров окл в 70 — 75 руб., им платят 35 — 40 рублей. Студенты с работы бегут деквалифицируются.

Во время распределения стажеров, окончивших вузы на места в уч преде происходит торговля между стажером и учраспредом. Учраспред обеспечивает студентам даже проезда до места работы, как бы далеко он находилось. Стипендиаты, получая 50 руб., вынуждены ехать иногда за ты верст на 50-рублевый оклад за свой счет. На ряду с этим имеются так сорта факты: в прошлом году несколько студентов финотделения ИНХ тели ехать работать на окраину нашей республики. Просили по 50 руб дорогу (до Алма-Аты) и, конечно, ничего не получили. В результате вы ждены были остаться в Москве на разных работах. Часть из этих товари ушли на производство».

При НКФине имеются заочные курсы. На курсах состоит 14 тысяч с шателей. Курсы служат источником распространения 14 тысяч экземпля литературы, которая должна подготовить смену финработникам. По во Союзу имеется около 35 тысяч финработников. Тов. Доценко, из Инстит Красной профессуры, обследовавший во время чистки этот вопрос, пиш «Курсы служат источником распространения в 14 тыс. экземплярах чуж нам идеологии. В учебном плане совершенно отсутствуют общеметодоло ческие, марксистские предметы (истмат и политэкономия). При постано вопроса о введении политэкономии на курсах не только спецы, но зам. Н комфина т. Кузнецов высказались категорически против. В одном из бю теней рекомендуется, что для получения философского образования сле заниматься «формальной логикой, изучая систему логики Милля». (Бюл № 4, стр. 67).

В курсе народного хозяйства фигурирует, например, такая ист «Индустриализация сельского хозяйства в основном имеет целью созда таких хозяйств, в которых перерабатывалось бы на месте все производи в хозяйстве сырье» (стр. 44).

В нашу задачу не входит освещение идеологических извращений в этих курсах. А то можно было бы привести еще ряд безобразнейших цитат и рекомендаций источников вроде Милля. Курсы обслуживают главным образом служащих финансовых и банковских учреждений. Набор происходит вне всякого руководства — самотеком. Из 14 тысяч курсантов — только 4% рабочих и крестьян. Курсы не лишены стремления наживы, прибыли. При чем почти совершенно отсутствует классовый принцип при взимании платы за лекции. В последний год старались внести классовый принцип в оплату лекций и вместо 2 руб. 70 коп. в месяц на голову, как это было раньше, установили для крестьян-бедняков, красноармейцев, безработных, батраков — 2 руб. в месяц, для лиц свободных профессий — 5 руб., для служащих, получающих свыше 120 руб. — 3 руб. 50 коп. В результате средняя плата не только не уменьшилась, но увеличилась. Таким образом, основными кадрами, как это видно из приведенного, являются служащие, рабочие же и крестьяне от этой реформы выиграли чрезвычайно мало и фактически учиться не могут. Но, в общем, заочные курсы извлекают себе порядочную прибыль.

В самом аппарате НКФина, уже не говоря о выдвиженцах, стажеры находились не в лучшем положении.

В то время, как о специалистах, вроде графа Растопчина и торговца Каннеля, заботились, всячески их учили и поощряли, со стороны стажеров и выдвиженцев мы слышим сплошные вопли о том, что они находятся в загоне. Во время чистки в НКФине не было почти ни одного руководителя секции, которому бы выступающие служащие не пред'явили обвинения в скверном отношении к выдвиженцам и стажерам. Не мало случаев, когда стажеры в самом аппарате НКФина после того, как получили хорошие отзывы о своей работе, не находили места.

Ленин писал

> «Без аппарата мы бы давно погибли, без систематической и упорной борьбы за улучшение аппарата мы погибли бы до создания базы социализма».

Вышеприведенные факты не говорят за то, что мы действительно серьезно и упорно по-настоящему работали над улучшением совaппарата. Я еще раз повторяю, что как искажения классовой линии, так и плохой подбор личного состава в аппарате нельзя отнести только к органам НКФина и НКЗема. Я на них останавливаюсь только исключительно потому что мы их чистили в первую очередь. Но те руководители учреждений, которые будут думать, что у них все обстоит благополучно и не будут серьезно готовиться к чистке и обновлению своего аппарата, не выполнят одной из самых серьезнейших задач, стоящих перед революцией.

Руководители учреждений далеко и далеко не поняли значения чистки и не оказывали того должного внимания и помощи в деле чистки, которое от них требовала партия. НКФин в этом отношении может быть исключением. В отношении руководящих товарищей НКФина можно сказать, что они сами пришли на помощь чистке и всячески этому делу содействовали. Поэтому значительные результаты чистки являются результатом коллективной общей работы, как со стороны руководителей и служащих НКФина, так и со стороны рабочих и товарищей из института Красной профессуры и института Сов. строительства, которые принимали активное участие в этой работе.

Чистка совaппарата поставила перед всей партией и профессиональными организациями одну из серьезнейших задач. Не стоит здесь повторять о слабом участии профсоюзов и партийных организаций в чистке. Об этом говорилось неоднократно. В настоящее время наряду с чисткой перед нами стоит гораздо более серьезная задача — это замена вычищаемых выдвижение.

О замене вычищаемых думали очень мало. Правда, на ...тах почти во всех областях созданы курсы выдвиженцев, где товарищи ...отавливаются для советской работы. В центральном аппарате, в части в НКФине, заменить никого не пришлось, так как все управления за...ют, что места вычищенных сокращаются, что штаты вообще надо сокра... Это, конечно, полезное дело, но это не избавляет (так думают и сами ...арищи из НКФина) нас от обновления и орабочения аппарата в дальнейшем.

Рабочие, принимавшие участие в чистке соваппарата, показали, что ...являются важнейшим резервом для выдвижения в аппарат. Принимая уча...е в чистке они изучали работу аппарата и целый ряд из этих рабочих ...кно посадить на ответственные должности в наркоматах.

Чистка обнаруживает массу крупнейших недостатков в работе аппа...а и приводит к тому, что в некоторых местах, особенно по линии НКФина, ...гие из финансовых инспекторов за взяточничество, за срастание с нэпма...и попадают под суд.

В связи с этим партийные организации должны учесть, что работники ...Фина и НКЗема находятся в таком же приблизительно положении, в ка...м находились сотрудники ВЧК в 1918—1919 гг. Эти сотрудники в своей ...седневной работе соприкасаются с остатками умирающего буржуазного ...щества. Поэтому неудивительно, что разложение этого общества влияет ...наиболее слабых, классово-невыдержанных, недостаточно стойких това...щей.

Чем больше недостатков обнаруживает чистка в работе этих органов, ...более серьезное внимание должны обратить партийные организации на ...олнение этих органов наиболее выдержанными, наиболее проверенными ...арищами.

Вместо «лучших людей» нужно выдвигать в аппарат рабочих. Почему ...оговым инспектором не может быть грамотный рабочий? Почему непре...но должны сидеть люди из «лучших классов»? Рабочие Электрозавода ...угих заводов, во время выявления недоимок в Москве, показали, что они ...ошо разбираются в этом вопросе. Налоговый инспектор, опечатав склад ...строительными материалами, два с половиной года не обращал внимания ...этот склад, а рабочий в один день усвоил, что держать строительные ма...алы на складе, когда на рынке имеется колоссальный недостаток в них— ...чайшее преступление.

Постановление XVI партийной конференции о вы...жении партийными организациями не выполнено. ...и мало интересуются этим вопросом. Между тем, ...тка требует здоровой замены из среды подросших ...бочих.

А. Азизян.

Классовая борьба в колхозах.

Огромнейшее обогащение форм социалистического переустройства де...вни (контрактация, зерновые фабрики, машинно-тракторные станции, ...лошная коллективизация, производственное кооперирование) наравне с ши...ким развертыванием коллективизации сельского хозяйства (рост колхо...в более, чем в 2 раза в первый год после XV с'езда и более, чем в полтора ...за во втором году) показывает, что партия и рабочий класс СССР всту...ли действительно в полосу «последнего решительного боя с капитализ...м», в полосу выкорчевывания корней капитализма.

Совершенно не случайно т. Сталин в своей недавней статье «Год вели...го перелома» наши успехи в области колхозного строительства назвал ...ажнейшим и решающим достижением из всех до...тижений последних лет». В самом деле. Темп роста колхозов ...гоняет даже невиданные темпы роста социалистической индустрии. Вот ...фры:

	1928 г.	1929 г.	1930 г. (предп.)
Посевная площадь колхозов в тыс. га. .	1.890	4.262	15.000
Товарная продукция колхозов в млн цнт.	3,5	13	49

Вопреки утверждениям правых паникеров, середняк двинулся широкой ...лной в колхозы.

«В чем состоит новое в нынешнем колхозном движении? Новое и ...шающее в нынешнем колхозном движении состоит в том, что в колхозы ...ут крестьяне не отдельными группами, как это имело место раньше, а це...ми селами, волостями, районами, даже округами. А что это значит? Это ...ачит, что в колхозы пошел середняк. В этом основа того коренного пере...ма в развитии сельского хозяйства, который составляет важнейшее дости...ние Советской власти за истекший год» (Сталин).

Эти замечательнейшие успехи были достигнуты благодаря ленински ...держанной партийной линии, направленной на организацию масс крестьян...ва вокруг колхозов и борьбу со всеми попытками в той или иной форме ...ернуть колхозное движение с правильного пути. Успех колхозного движе...я был обеспечен тем, что партия «правильно учла растущую нужду кре...ьянства в новой технике» (Сталин) и в связи с этим развернула широким ...ронтом производственную помощь крестьянству на основе крупного обще...венного хозяйства (совхозы, колхозы). Партия через строительство зер...вых фабрик и крупных колхозов разбила все предсказания буржуазной ...ауки» о невозможности организации с.-х. предприятий таких огромных ...змеров. Реальные результаты колхозного движения опровергли в корне ...е утверждения правых оппортунистов о колхозном движении.

«Рухнули и рассеялись в прах утверждения правых оппортунистов ...руппа тов. Бухарина) насчет того, что: а) крестьяне не пойдут в колхозы,

что б) усиленный темп развития колхозов может вызвать лишь масс недовольство и размычку крестьянства с рабочим классом, что в) «столб дорогой» социалистического развития в деревне является не колхоз кооперация, что г) развитие колхозов и наступление на капиталистич элементы деревни могут оставить страну без хлеба. Все это рухнуло и сеялось в прах, как старый буржуазно-либеральный хлам» (Сталин).

Партия на всех этапах колхозного движения руководствовалась у заниями Ленина. «Фантазия» Ленина о 100 тыс. тракторов уже на к полному своему осуществлению. В 1930 г. весной на полях СССР бу работать 60 тыс. тракторов, через год — 100 тыс., а через 2 года — 250 т

Но это продвижение вперед, к социализму сопровождается рядом т ностей.

Обострение классовой борьбы на данном этапе социалистического п ема является важнейшей трудностью. Это и понятно. Обреченный к добровольно свои позиции не сдает и не будет сдавать.

Все наше социалистическое строительство, вся наша работа по со листической реконструкции промышленности и сельского хозяйства веду конечном счете к сглаживанию противоречий между городом и деревней, к миранию классов в нашей стране. Но процесс этот происходит не «тих плавно» в порядке планомерного «затухания и замирания» классовой борь как это представляет себе идеолог правых т. Бухарин, а диалектиче в борьбе противоположностей, с изменением форм и характера борьбы. ждая новая победа на социалистическом фронте требует больших уси как по линии завоевания этих позиций, так и по линии сохранения, за пления таковых.

Выкорчевывание корней капитализма вызывает бешеное сопроти ние со стороны отмирающего класса. Это сопротивление врага, который считает себя обреченным, а ставит наоборот ставку на реставрацию ка тализма. Борьба капиталистических элементов в нашей стране против циалистического строительства выражается не только в форме откры лобовой атаки, но и в обходных (замаскированных) путях, имеющих це приспособиться к режиму пролетарской диктатуры, найти защитную фор Правый оппортунистический уклон является п дуктом этой борьбы, продуктом того классового переплета, в ко рых протекает дело социалистической реконструкции.

Правый уклон, независимо от суб'ективного желания многих из его сителей, об'ективно помогает этой борьбе против социалистического стр тельства. Совершенно не случайно XVI партконфер ция характеризовала взгляды правых на коллек визацию с.-х., как «прямой переход на позицию лаков».

Когда тов. Бухарин, комментируя политическое завещание Ленина, находит нужным упомянуть о гениальных указаниях Ленина по организа крупного социалистического земледелия, когда весь кооперативный план нина он сводит к развитию товарооборота, то он лишь идеологически оф мляет то упорное противодействие колхозному движению, которое мы им внизу в действительной жизни. Это противодействие проявляется в сам разнообразных формах, начиная от кулацких поджогов, убийств, и кон едва уловимыми указаниями, установками отдельных звеньев нашего аппар о стихийности колхозного движения, о нашей неподготовленности к охв этого движения, о необходимости сдерживать темп коллективизации, о бор с «форсированием» как организации колхозов, так и перерастания низш форм в высшие.

Когда же тов. Бухарин продолжает настаивать на своей теории «мир го» врастания кулака в социализм, на теории «мирного» врастания кулац

кооперативных гнезд в социализм, то он этим самым теоретически оформляет и возглавляет тенденции кулачества приспособить колхозы к потребностям эксплоататорского хозяйства.

Тов. Бухарин своей теорией мирного врастания кулака в социализм, об'ективно становится рупором тех кулаков, которые проникают в колхоз, использовывая государственные льготы для личного обогащения и которые и не думают вовсе врастать в социализм.

Если взять этапы развития колхозов после XV партс'езда, то мы увидим, что одновременно с ростом колхозов развернулась борьба кулака против колхозов. В настоящий момент мы имеем уже целый букет самых разнообразных форм и методов кулацкой «деятельности» по части противодействия коллективному движению в деревне, начиная от «мирных» способов агитации против колхоза, попыток войти в колхоз (либо с целью его взрыва, либо использовать его), и кончая террором колхозников и поджогом целых колхозных деревень.

Партия в настоящий момент особо заостряет свое внимание на социалистическом качестве всей нашей работы. Партия прекрасно предвидит, что количественные успехи нашего продвижения вперед, не закрепленные соответствующим качеством, могут повредить делу строительства социализма.

Всем известен случай с «Красным Мелиоратором», приведенный тов. Молотовым на Московской Областной партконференции. Колхоз считался образцовым, получил больше четверти миллиона кредитов, председатель был проведен в члены ЦИК'а и Колхозцентра и вдруг колхоз оказался кулацким гнездом, которое систематически надувало пролетарское государство.

Мы приведем не мало таких случаев кулацкой физиономии отдельных лжеколхозов, проникновения кулака в колхоз и сохранения его эксплоататорских тенденций в колхозе. Мы заранее предвидим, что наши враги попытаются на основании этих случаев опорочить колхозное движение в целом.

Большевистскую партию это не смутит. Недочеты и искривления пролетарской классовой линии разоблачаются и будут со всей беспощадностью разоблачаться. Это является лишь залогом дальнейшего продвижения вперед.

Социалистический характер всего колхозного движения в целом не подлежит сомнению. Огромнейшие успехи большинства колхозов, об'единяющих в своей подавляющей массе батраков, бедняков и середняков—налицо. Никому не удастся опорочить колхозное движение в целом. Но вместе с тем партия, все более и более углубляя свое руководство колхозным движением, со всей беспощадностью вскрывает болячки и порой весьма крупные недочеты колхозного строительства, заостряет на них внимание, мобилизуя широчайшие массы рабочих и трудящихся крестьян на их преодоление.

Почему и как стремится кулак в колхоз?

Самая система внутренней структуры колхозов с весьма малой степенью обобществления в значительном числе таковых (низш. типы) создает условия для возникновения и сохранения экономического неравенства. Только рост процесса обобществления создает условия для преодоления экономического неравенства. А раз есть экономическое неравенство, то есть и почва для развития классовых противоречий, классовой борьбы. Это экономическое неравенство перерастает в классовую борьбу в тот момент, когда само неравенство настолько сильно, что сопровождается моментами эксплоатации одной части другой. Таким образом, наличие классовой борьбы внутри колхозов, в основном, об'ясняется самой структурой колхозов, необходимой и

неизбежной политикой развертывания коллективизации с.-х., начиная от простейших наиболее понятных и легких для крестьян с их мелкособственнической психологией. Вместе с тем партия предвидит, что закостенение колхозного движения на низших ступенях колхозов создает угрозу для развития в деревне подлинно-социалистического земледелия.

Наличие классовой борьбы внутри колхозов об'ясняется также тем, что в него вступает кулак, принося с собой различные средства эксплоатации и изыскивая для себя в специфических колхозных формах работы новые формы эксплоатации.

Конечно, «генеральная линия» кулака идет по линии бешеной борьбы против организации колхозов. Здесь у него богатый арсенал оружия, начиная от методов «мирной» агитации, полной небылицами и провокациями, и кончая убийствами, поджогами, ранениями, избиениями и пр. Наша периодическая печать, то и дело пестрит сообщениями об этих «художествах» кулака и его союзника—попа. В нашу задачу не входит детальный анализ этого метода кулака по срыву колхозного строительства. Но помимо лобовой атаки кулак предпринимает и второй обходный путь. Войти в колхоз, либо для его развала, разрушения, взрыва, либо для его приспособления к своим капиталистическим методам хозяйства, для выхолащивания его социалистической сущности—таков второй путь. Теперь у нас имеется уже множество фактов, говорящих о том, что кулаку удалось кое-где под вывеской «колхоз» хорошо загородиться и организовать акционерное кулацкое общество.

Смешным и детским кажется утверждение Карпинского, когда он говорит:

> «У кулаков не может быть заинтересованности в создании и развитии коллективов. Добровольно, конечно, кулаки не будут вступать в колхоз» (Сел.-Хоз. газета, 25. IV—29 г.).

Подобная квалификация тактики кулака сводит к отрицанию наличности кулака в колхозе, к замазыванию классовой борьбы в колхозах и играет лишь на руку правым элементам, которые хотят с кулаком строить социализм.

Для нас совершенно несомненен факт наличия кулака в колхозе, его стремление проникнуть туда. Но ограничиваться только констатированием этого факта нельзя. Нельзя останавливаться также на том, чтобы только выяснить удельный вес кулаков в колхозах. Суть вопроса сводится к вскрытию тактики кулака внутри колхоза, всех его махинаций, всей его «программы колхозного строительства».

Прежде всего, о том, что толкает кулака к вступлению в колхоз. Кулак идет в колхоз для того, чтобы избежать нажима пролетарского государства. Есть ряд фактов, говорящих о том, что кулак после наложения на него индивидуального налога решает вступить в колхоз. Иногда его наглость доходит до того, что он, добившись, как колхозник, сложения с себя индивидуального налога, снова выходит из колхоза [1]). Но большей частью он остается в колхозе.

Кулак идет в колхоз также под нажимом хлебозаготовок. Выявлено немало кулаков бойкотированных во время хлебозаготовок, а потом вступивших в колхоз. При этом колхоз оказывался кое-где хорошей ширмой для невыполнения сдачи хлеба государству.

В результате вступления дер. Сопегино (Ирбитск. окр.) в колхоз, мы имеем недовыполнение хлебозаготовок здесь на 40%.

Кантор в «Правде» (от 10/X—29 г.) дает яркое описание того, как в результате безуспешных переговоров о сложнении с них бойкота ряд кула-

---

[1]) Кулак Антрапов, в сел. Ларино (Ирбитск. окр.) до вступления в колхоз «Крестьянин», выплатил 700 руб. по линии с.-х. налога и самообложения. После вступления в колхоз и фиктивного раздела с сыном, платил уже 10 руб.

заявляет о своем решении вступить в колхоз. Очень видное место, можно зать, решающую роль для кулака, вступающего в колхоз, играет жела- прирезать себе или сохранить через колхоз лучшие земли. Кулаку доться этого, зачастую, не представляло особых затруднений, если иметь иду засоренность наших земельных органов и, в частности, землеустроильного аппарата чуждыми элементами. Вот, что говорит по этому вопросу ославский журнал («На Ленинском Пути», 1929 г., № 8):

> «До конца 1927 г. коллективизация сельского хозяйства в Ярославской губ. имела явно нездоровый характер. Целью об'единяющихся в колхозы крестьян в основном был «з а х в а т» г о с у д а р с т в е н н о й з е м л и, которая передавалась с госземфонда в трудовое пользование. Значительная часть колхозников не ликвидировали свои хозяйства при вхождении в колхозы. Нередко в них входили кулаки, группы родственников и т. п. Поэтому понятна хозяйственная безжизненность и довольно частый развал их. По земельной площади они были главным образом карликовые, хотя попадались и большие колхозы (200—300 га земли). Захватившие землю инициативные группы (около 10 семейств) обычно никого больше в колхоз не принимали, несмотря на то, что обработать землю они были не в состоянии, в виду явного недостатка рабочей силы. В таких колхозах нередко практиковался наем рабочей силы, испольщина и др. Часть земли пустовала, а остальная обрабатывалась кое-как».

Прирезать лучшие земли и побольше, иметь для виду маленькую обобствленную площадь и под защитным цветом колхоза развивать капиталическое хозяйство — вот наиболее характерный вид тактики кулака три колхоза. Елецкие колхозы (ЦЧО) дают наиболее законченный и ярслучай этой тактики. Земельные наделы внутри колхоза в 3—4 раза вышают нормы, существующие у окружающего крестьянства, доходя гда до 4 га на душу; при чем огромнейшая земельная площадь под разми предлогами в своей большей части остается в индивидуальном владении. деляются усадьбы в 2—3, иногда в 4 и 5 га. Имеются даже «предусадебки».

То, что кулацкий план захвата хороших земель под видом колхоза вался,—говорит нам о неблагополучности дела землеустройства колхозов. говоря уже о недостаточности землеустройства колхозов (землеустроено нее половины всей колхозной площади), мы должны отметить отсутствие ряде случаев четкой классовой линии у земорганов по этому вопросу.

Дальнейшие задачи землеустройства колхозов теснее должны быть заны с классовой физиономией самого колхоза. Нужно выжечь из практи землеустроительного аппарата сознательное или косвенное пособничество землеустройству кулацких «колхозов».

Из числа причин, толкающих кулака в колхоз, можно назвать их жение пользоваться льготами пролетарского государства по части обучения детей и пр. Кулак идет в колхоз также для того, чтобы остаться у своей шины. Мы имеем ряд фактов, говорящих о том, что кулак свое имущество, значенное к продаже с торгов (за разные его проделки), спасал внутри колза. Придет и предлагает все сдать в обобществленный фонд. Колхозники льшей частью это поддерживают, так как колхоз и, в частности, его обобствленный фонд изрядно обогащается и в результате продажа с торгов меняется. Кулак просит только: его, как специалиста и знатока машин, авить для обслуживания своих машин, принадлежащих теперь колхозу. т факт подобного рода, приведенный в материалах Сибколхозсоюза, предвленных для отчета в Совнарком РСФСР 10/IX—29 г.

> «В Славгородском округе и районе дер. Самбер, весной этого года, в момент нажима хлебозаготовок, под руководством кулаков-лишенцев, организовалась с.-х. артель «Степной Луч». В данном случае кулаки проделали работу весьма тактично, приняв в артель членами середняков и бедняков, даже выдвинув председателем артели б е д н я к а. Характерно, что те кулаки, которые были п р и с у ж д е н ы к 5-к р а т н о м у о б л о ж е н и ю

и на имущество которых уже были назначены торги, спешили вступить в артель членами и сдали свое иму ство, поставив тем самым в затруднительное положе местные власти (можно ли взять из колхоза имущес членов и продавать с торгов?»).

Подобного же рода факты имели место на Украине.

Таким образом, иногда колхоз, вернее лжеколхоз, превращаетс теплое убежище для проштрафившихся кулаков. Здесь он сидит около с машины и ждет лучших времен. Совершенно очевидно, что ими будут пользованы все возможности для развала колхоза и для восстановле своего индивидуального хозяйства на новой основе.

Далее, кулак идет в машинное товарищество, иногда сам его организ чтобы под популярным знаменем т-ва заполучить машины, а также делить их по хозяйствам, ликвидируя фиктивное т-во.

Все сказанное ясно показывает самый характер тех стимулов, к рые приводят кулака в колхоз.

Самый процесс вступления кулака в колхоз иногда сопровожда весьма интересным явлением. Кулак, зачастую, вступает в колхоз не кулак, а как бедняк или середняк. Распродает свое имущество, или фа чески, или фиктивно и вполне безболезненно вступает в колхоз. Ряд фа подобного рода выявлено на Урале. Например, в Челябинском окр в с. Кочердак, в колхозе были 3 лишенцев. Когда одному из них, Лихач бывшему спекулянту, предложили обобществить живой и мертвый инвент он отказался и вышел из колхоза. А через год, распродав большую ч своего хозяйства, вступил в колхоз под видом бедняка. В другом слу был принят в колхоз в прошлом крупный скототорговец. Теперь у в хозяйстве 2—3 головы скота, а на самом деле по многим хозяйст у него раскинуто не мало скота и он продолжает свои операции в зн тельных масштабах.

Вот остроумный метод, по которому был выявлен подобный бедняк лак в одной из коммун Курганского округа: при сравнении полученного месячного заработка со стоимостью забранного товара, устанавлива огромное расхождение. Взять товаров на сумму, в 5 — 6 раз превышаю величину заработка, могут лишь те, которые имеют скрытые денеж средства.

Обезврежен ли подобный кулак-«бедняк»? Конечно, нет. Хотя в колхозе не имеет под рукой наиболее легкого способа эксплоата средств производства, но наличие у него значительной суммы денег все основания полагать о возможности развертывания им эксплоата новыми путями, новыми средствами.

Этот маневр кулака не всегда удается вскрыть. Политика жесто недопущения кулака в колхоз будет заставлять кулака все больше и бо «обеднячиваться» для обмана бдительности наших органов в деревне. кулак из данного района, то вскрыть эту его махинацию не так уж тру Но, если кулак пришел со стороны, то вскрыть этот фокус будет о трудно. Характерно, что кулаки предпочитают зачастую вступать в хоз в другом районе. Так, из всех 16 выселившихся кулаков по Си 50% вступило в колхозы.

Очень распространено среди зажиточно-кулацких элементов всту в колхозы всей родней, со всеми родственниками и пр.

Мы рассмотрели вопросы, что толкает кулака ко вступлению в ко и как он вступает в него. Теперь постараемся осветить удельный вес от ных прослоек и, в частности, кулаков в колхозах.

Социальный состав колхозов.

Как и всякой статистике, характеризующей социально-экономические ошения в нашей стране, не посчастливилось и изучению социального ава колхозов.

Действительная картина соотношения классовых сил внутри колхозов ас выявлена недостаточно. Трудно по этому вопросу согласиться лхозцентром, который в материалах отчета Совнаркому РСФСР гово- следующее:

> «Вопрос о социальном составе колхозов в настоящее время должен быть признан совершенно выясненным».

Мы считаем это утверждение несколько оптимистическим и не соот- ствующим действительности.

ппировка хозяйств членов колхозов по стоимости средств индивидуального производства на 1-IV-28 г. (Данные ЦСУ)

Район		% хозяйств, имеющих средства производства							
		В колхозах типа машинного т-ва				В колхозах типа т-в по совмест. обработке земли			
		До 200	201—800	801—1600	1601 и выше	До 200	201—800	801—1600	1601 и выше
		(В рублях)							
. Кавказ	а.	44,2	45.4	8,9	1,5	48,5	42,4	7,4	1,5
	б.	39,0	48.4	10.9	1,5	43,2	46,2	9,0	1,6
ал	а.	43,3	52,8	3,5	0,4	44,9	51,5	3,4	0,2
	б.	36,9	57,1	5,1	0.9	35,8	59,5	4,5	0,2
ж.-Волжск. обл.	а.	32,5	56,4	10,0	1,1	33,4	58,2	7,8	0.6
	б.	29,4	57,0	12,3	1.3	26,3	62,7	10,3	0,7
оруссия	а.	10,0	75,8	12,7	1,5	45	51 4	3 4	0,2
	б.	8,9	74,1	15,6	1,4	46,1	49,4	4,2	0,3

Примечание: а — все члены
б — члены, состоящие в органах управления.

У нас есть ряд фактов, говорящих о том, что официальная ста- ика, будучи взята на проверку, оказалась с сильным недоучетом цкого элемента в колхозах. Например, по официальным данным, Кол- юза и самой коммуны «Смерть Капиталу» (Сибирь), в ней кулаков ыло. Обследователи Деревенского отдела ЦК партии летом 1929 года или, что зажиточно-кулацкая верхушка, вошедшая в колхоз до 1929 г., авляла 8%, а в 1929 г. — 2%, всего — 10%.

Недоучет крепких хозяйств в колхозах установили обследователи венского отдела ЦК, также и в некоторых колхозах ЦЧО. О районе шной коллективизации (Березовский, Одесский окр.), официальная ста- ика говорит об отсутствии кулачества (см. Дробат и Ковальский: «Ма- о-тракторные станции на Украине», изд. Книгосп. 1929 г.). В «Правде» т 10/X, появилась статья побывавшего в этом районе т. Кантора, гово- я о явном несоответствии с действительностью этой статистики и о на- и кулачества в этом районе.

Чем же все это об'ясняется? Прежде всего, сознательной линией на за- вание капиталистических процессов в стране. Напор буржуазной идео- и на аппарат статистики, неудовлетворительный в социальном отноше- состав низового звена статистики тут играет огромную роль. Имеется, угой стороны, мода на обеднячивание, захватившая, например, такие ы, как Колхозсоюз Украины. Изданная им в 1929 г. книжка о колхоз-

ном строительстве оперирует данными о колхозах не об'ективно взве ными, а суб'ективными показателями (т.-е. ответами опра ваемых). На основе этого, в большинстве округов Украины в колх не менее трех четвертей бедноты, а то и еще больше (80—90%). Ме тем другие данные (ЦСУ) говорят о гораздо большем удельном весе се няка в украинских колхозах.

Только со всеми приведенными оговорками мы считаем возмож пользоваться таблицами ЦСУ о соц. составе колхозов.

Цифр, характеризующих состав органов управления колхозов, пока не будем касаться (об этом—далее). Общий же вывод получается та что подавляющая часть колхозов состоит из бедняков и середняков, при они занимают почти равное положение. В колхозах более высшего т удельный вес маломощных слоев усиливается. Если отделить кула имеющих средства производства более чем на 1.600 руб., то тако окажется не более 1—2 процентов. Особенно бросается в глаза боль удельный вес кулацко-зажиточной группы в колхозах Белоруссии.

Удельный вес отдельных прослоек крестьянства в общей массе сельского населения в 12 (Данные ЦСУ):

Район	Группы хозяйств по стоимости индивидуальн средств производства в (руб)			
	До 200	201—800	801—1600	Свыше
Северный Кавказ	32,4	43,0	17,8	6,7
Урал	28,2	60,5	9,8	1,3
Нижне-Волжская область	29,9	53,2	13,4	3,5
Белоруссия	17,6	70,2	19,6	1,6

Если сопоставить удельный вес отдельных прослоек крестьян внутри колхозов к удельному весу их среди всего населения, то мы увид чем маломощнее слой крестьянства, тем сильнее он охвачен коллективи цией. Наблюдается отставание в некоторых районах темпа вовлеч середняка в колхозы.

Тут мы считаем необходимым отметить отдельные случаи засоре сти колхозов кулацко-зажиточными элементами. Приведем некоторые фак

В газете «Уральский Рабочий» (от 19/IX—1929 г.), мы читаем:

«В селе В.-Карасях, Медведевского района, Златоустовск. окр., о низован колхоз из 17 человек, исключительно из кулаков. В Ступин поселке, Миасского района, 7 кулаков организовали колхоз.

В деревне Бралгиной, Чашинского района, Курганского окр. кру кулаки и бывшие владельцы мельниц, заводов и больших земельных у ков организовали колхоз.

Для прикрытия своего классового лица кулаки в такие колхозы «вывески» привлекают иногда несколько бедняков. Например, в с. Пок ском, Егоршинского района (Свердловского округа) колхоз организова 15 хозяйств, из них только 3 бедняка, а остальные 12—кулаки и зажиточ

В Осинском районе, Сарапульского округа, в самые крупные кол пролезли кулаки. В В.-Устинковском колхозе во главе стоит бывший ремный надзиратель; в Верховском колхозе председатель—некто Селив активный участник Кронштадского восстания, отбывавший ссылку в Ар гельске».

Вот, яркий случай засорения или скорее засилья кулацких элеме в целой группе колхозов. Соц. состав Елецких колхозов (ЦЧО),

обревших печальную известность, рисуется в следующем виде, по данным о 46 колхозах, об'единяющих 946 хозяйств, имеется в %%:

	Бедняки	Середняки	Зажиточн. и кулаки
В общем составе колхоз.	30	55	15
В орган. управления	20	60	20
В общем составе старых колхоз. (24 колхоза)	18	56	26
В орган. управления старых колхозов	11	58	31

Обследование ЦК Белоруссии говорит о том, что по Витебскому окр. на 1/X—1928 г. в составе артелей имелось 23% зажиточных и 4,5% кулаков и в составе коммун 29,9% зажиточных.

Фактов подобного рода можно было бы привести изрядное количество. Но, мы ограничимся этим.

Вывод, который должен быть сделан на основе всех приведенных нами данных о колхозах, напрашивается сам собой. Неверны и необоснованны, политически ложны утверждения о том, что социальный состав колхозов у нас «совершенно выяснен». Действительная картина соц. состава колхозов несколько иная, чем это рисуют официальные цифры. При преобладании бедняцко-середняцких масс в колхозах действительный удельный вес кулацко-зажиточных элементов в них выше, чем показывает официальная статистика. Выявление социальной физиономии колхозов, разоблачение и срыв всех защитных приемов кулацко-зажиточных элементов в колхозах — очередная боевая задача партии.

Эта работа по выявлению подлинной социальной физиономии колхозов выходит далеко за пределы статистической работы. Она связана с усилением внимания к регулированию социального состава колхозов. Основной установкой в этом отношении должно быть вовлечение в первую очередь батрацко-бедняцких элементов, с одновременным усилением дела вовлечения середняка в колхозы и беспощадной борьбой с проникновением туда кулацко-зажиточных элементов. Вместе с тем, эти эксплоататорские элементы из колхозов должны быть вычищены без остатка и, главное — в максимально короткий срок.

Без решительной чистки колхозов от кулацко-зажиточных элементов дальнейшее их социалистическое развитие будет поставлено под угрозу.

(Продолжение в след. номере).

Е. Терлецкий.

На новом под'еме.

(Контрольные цифры колхозного строительства на 1929/30 год).

Огромные успехи в деле выполнения плана великих работ индустриализации страны нашли свое непосредственное выражение в стремительном развертывании колхозного движения. Коллективизация стала подлинно массовым движением сотен тысяч крестьянских хозяйств. Вслед за батраком и бедняком в колхозы, особенно за последний год, пошел и середняк. Возможности охвата процессом коллективизации основных бедняцко-середняцких масс опередили все наши предположения: итоговые данные за истекший год говорят о невиданном размахе колхозного движения.

Об общей картине развертывания колхозного движения можно судить по размерам охвата крестьянских хозяйств: всего вовлечено крестьянских хозяйств — в 1927/28 г. — 595 тыс.; на 1 июня 1929 года — 1.094 тыс. и на 1929/30 год предполагается охватить — 3.130 тыс. хозяйств.

Посевные площади в колхозах в 1927/28 г. составляли 1.830 тыс. га, в 1928/29 г.—4.857 тыс. га. Общее количество колхозов на 1 октября 1928 года составляло 38.139 колхозов, на 1 июня 1929 г. 60.300 колхозов. Валовая продукция в миллионах рублей в 1927/28 г. составляла 119,5 млн. рублей, в 1928/29 г.—423,5 млн. р. Товарная продукция 1927/28 с.-х. году составляла 43,7 млн. р., в 1928/29 г. она составляла уже около 181,1 млн. р.

Но этот год характеризуется еще одной особенностью в колхозном движении. В различных районах Союза в о з н и к а ю т с о т н и к р у п н е й ш и х к о л х о з о в, охватывающих по нескольку тысяч и даже десятков тысяч га земли каждый. Н а м е ч а ю т с я ц е л ы е р а й о н ы и о к р у г а с п л о ш н о й к о л л е к т и в и з а ц и и, к о т о р ы е к о р е н н ы м о б р а з о м и з м е н я ю т с о ц и а л ь н о е л и ц о д е р е в н и. Эти крупные колхозы и районы сплошной коллективизации явились в результате работы, по преимуществу, кооперативных, а также и колхозных машинно-тракторных колонн, массовой контрактации посевов и почти поголовного производственного кооперирования. Застрельщиками и пионерами организации крупнейших колхозов и районов сплошной коллективизации явились, по преимуществу, старые испытанные колхозы. Вокруг них стали вырастать новые колхозы, группироваться в так называемые кусты, главным образом, через кусты перерастать в колхозы-гиганты. Крупные колхозы и районы сплошной коллективизации охватывают земельную площадь до 2 млн. га. Впервые в этом году составленный Колхозцентром РСФСР производственно-финансовый план строительства крупных колхозов на 1928/29 г.—775 тыс. га посева—выполнен больше, чем на 100%. На Урале, в Среднем и Нижнем Поволжье, на Сев. Кавказе, Степной Украине выявилось уже до 25 районов сплошной коллективизации и намечаются к сплошной коллективизации новые десятки районов.

На ряду со всем этим нынешний год характеризуется общим укрупнением колхозов. Так, средний размер посевной площади, приходящейся на один

хоз, в 1928/29 г. повышается до 90 га (или даже до 91 га по РСФСР) тив 55 в 1927/28 году. Эти две особенности последнего года — массовость олхозном движении и строительство крупных колхозов — и позволяют в наступающем 1929/30 году проектировать темп колхозного строитель-, в два и три раза превышающий темп колхозного строительства прош- двух лет. Мы полагаем, что в будущем с.-х. году под колхозами будет одиться не менее 15,2 млн. га посева, и в колхозах будет об'единено до 9 тыс. хозяйств, что в общем составит свыше 12% охвата посевной пло-и и 12% всей массы крестьянских хозяйств.

Общее количество колхозов предполагается иметь на весну 1929/30 , значительно больше, чем было намечено пятилетним планом.

По пятилетнем плану на 1932/33 г.— 79.547
» » » » 1933/34 г.— 93.888
По пятилетнему плану на 1932/33 г.—79.547

В то же время посевная площадь колхозов в предстоящем году, в сравн с проектировками пятилетки, совпадает по размерам, примерно, 31/32 г. (или частью даже с 1932/33 г.) пятилетнего плана, т.-е. т е м п ы л х о з н о г о с т р о и т е л ь с т в а б о л е е ч е м в т р о е п р е в ы ш а ю т т и л е т н ю ю н а м е т к у.

По пятилетнему плану на 1932/33 г.—17.576 тыс. га
По контрольн. цифрам на 1929/30 г.—15.200 » »

По валовой продукции в 1932/33 году запроектировано 3.400 млн. руб- по контрольным цифрам на 1929/30 г—1.700 млн. р. или—50% выпол- я пятилетнего плана. По товарной продукции в 1932/33 году намечено 0 млн. р.; по контрольным цифрам наступающего года—840 млн. руб. 44% выполнения пятилетки; при этом зерновых—на сумму 292 млн. р. и уктов животноводства— на сумму 230 млн. р.

Определившиеся темпы коллективизации, в условиях быстрого развер- ния машиностроения и индустриализации, дают основание предполагать, к концу пятилетия охват коллективизацией крестьянских хозяйств и вных площадей достигнет 50%. Такой неслыханный темп коллективи- и значительно изменит лицо современной деревни. И само колхозное ительство при таких темпах будет иметь совершенно иной характер, де всего, в своем качественном выражении.

Но мы должны отметить, что при таком темпе колхозного строитель- и наступающий год будет являться переломным годом в том смысле, что ю с э т о г о г о д а н а ч и н а е т с я а б с о л ю т н о е с о к р а щ е н и е и ч е с т в а и н д и в и д у а л ь н ы х к р е с т ь я н с к и х х о з я й с т в. м е р в о в л е ч е н и я к р е с т ь я н с к и х х о з я й с т в в к о л х о з ы е т п р е в ы ш а т ь п р и р о с т э т и х х о з я й с т в в и н д и в и д у а л ь- с е к т о р е.

Динамика основных элементов сельского хозяйства по секторам пока- ет такую картину:

Основные показатели (по данным Госплана)	Рост основных показателей на 1929/30 г. в %% к предыдущему году.	
	Обобществлен. сект. (колхозы и совх.)	Индивид. сект.
1. Число крестьянских хозяйств . . .	273,1	95,2
2. Вся прод. пос. площадь	270,8	101,8
В том числе зерновые	271,7	101,9
3. Весь валовый сбор	285,8	106,6
4. Товарная продукция	292,6	83,3
5. Весь скот в переводе на крупный.	361,9	100,6

Приведенные выше основные показатели по колхозному сектору планом взяты из расчета обобществления в 1929/30 году 13 млн. га. Утв жденные же Правительством запроектировки исходят из обобществлени млн. га; поэтому удельный вес обобществленного сектора должен повысит

В последующие годы необходимо ожидать еще более быстрого р основных показателей в обобществленном секторе и наоборот—дальнейш абсолютного сокращения индивидуального сектора.

Отличительной особенностью колхозного строительства предстоящ года будет являться строительство крупных колхозов, кото охватят не менее 25—30% всей площади колхозов.

В каких формах будет происходить это крупное колхозное строите ство? Небольшой опыт этого года показал, что это будет, прежде всего, сл ние и укрупнение мелких колхозов; прием новых членов в существующ колхозы—с землей или без земли, со средствами производства или средств производства—это одна из наиболее распространенных форм укр нения всех мелких колхозов.

Следующей формой образования крупных колхозов является кустова мелких колхозов, на которое колхозная система, особенно в связи с пр нием ей оперативно-хозяйственных функций, обращает в данный момент бенно серьезное внимание. Кустование колхозов, т.-е. об'единение нескол колхозов в одну группу, «куст», который организационно оформляется котором об'единяется ряд средств производства общего обслуживания колхозов, получило за последние месяцы особенно широкое распростране Совместная организация перерабатывающих предприятий, трактор станций, совместное проведение ряда хозяйственных процессов, общее номическое обслуживание об'единяет мелкие колхозы.

Наконец, происходит об'единение производства этой группы колх в единое, по общему плану проводимое, производство; вначале происх обычно об'единение всего полевого хозяйства, а затем и других отра и переход всей группы колхозов на единый производственный устав. процесс перерастания в единое крупное производство происходит, само с разумеется, неравномерно, но особенно интенсивно он наблюдается в онах действия машинно-тракторных станций и колонн.

В новом хозяйственном году возникнет не менее 5 тыс. новых ку Эта масса кустов будет об'единять не менее 75—80 тысяч колхозов. Р меется, не все кусты будут носить характер, близкий к об'единению ко зов в одно общее крупное предприятие. Лишь в следующем году за насту шим 1929/30 г. надо полагать вся 5 тыс. масса кустов войдет в план, в к стве крупнейших колхозов, получившихся в результате кустования и ния мелких. 1929/30 г., мы полагаем, будет годом формирования этих ку и лишь 5—6 сотен их, в местах наибольшей плотности колхозов, ра тывания машинно-тракторных станций и индустриальных предприятий растут в мощные общественные хозяйства с единым производственным ном, единым руководством и пр. Задачей колхозной системы поэтому яв ся обратить чрезвычайно серьезное внимание на правильную организ кустов с предоставлением им ряда оперативно-хозяйственных функций, лением их агротехническим персоналом и пр. На организации кустов, ных колхозов и районов сплошной коллективизации должны быть сос точены внимание и энергия колхозного аппарата, партийное и обществ внимание.

Особенно ценным в практике этого года является наблюдаю сплошная коллективизация, коллективизация целых районов, охватываю десятки тысяч га и иногда десятки и более селений. К сплошной коллект

зации целых районов ведет и простое слияние мелких колхозов в крупные об'единения и кустование колхозов, и непосредственный переход целых селений и деревень в колхозы.

Районы сплошной коллективизации—это, обычно, районы наибольшего развития производственного кооперирования с целой сетью различных кооперативных об'единений. Отдельные, перешедшие на устав колхозов, селения и составляют ядро, вокруг которого нарастает процесс дальнейшей коллективизации данного и ближайших районов и сплошного охвата их в крупнейшие колхозы-гиганты.

1929/30 год даст, вероятно, не менее 200 районов, переходящих к сплошной коллективизации. Уже наметятся отдельные округа, которые к концу пятилетия будут охвачены сплошной коллективизацией. Задачей настоящего года, поэтому, является заранее выявить эти районы и округа и разработать систему мероприятий, обеспечивающих в них сплошную коллективизацию. Размах колхозного строительства позволяет предполагать, что к концу пятилетия мы будем иметь не менее 35—40 таких округов сплошной коллективизации. Степная часть Украины—Николаевский, Одесский, Херсонский, Днепропетровский округа,—покрытые мощной сетью (около 50) машинно-тракторных станций, целый ряд районов сплошной коллективизации Среднего и Нижнего Поволжья, районы сплошной коллективизации Урала, Северного Кавказа, ряд округов Сибири, в которых сосредоточены крупные колхозы, имеют все предпосылки к тому, чтобы к концу пятилетия, при определенном плане мероприятий, стать огромнейшими массивами сплошной коллективизации.

Опыт сплошной коллективизации целых районов представляет, прежде всего, одну из форм осуществления планового единства колхозной и кооперативной системы; нет места в этих районах организационной разрозненности различных видов кооперации—сельско-хозяйственной, потребительской, и т. д.; на высшем этапе кооперативного движения в крупнейших колхозах-гигантах об'единяются все виды кооперативного строительства.

Наступающий год явится особенно знаменательным в том смысле, что именно в этом году со всей определенностью выявятся роль и значение крупных коллективных хозяйств во всей массе колхозов. Мы полагаем, что именно с этого года роль и значение мелких коллективных об'единений по размерам общей товарной продукции, а также и по охвату посевных площадей будет в дальнейшем постепенно снижаться, тогда как до сих пор колхозное строительство, в основном, проходило еще в рамках мелкого строительства. Но поэтому же предстоящий год будет являться и трудным годом. Мы имеем, в общем, пока еще совершенно недостаточный опыт организации крупного коллективного производства. Собрать массу людей, об'единить и сочетать их индивидуальные средства, организовать и правильно использовать их рабочую силу, правильно построить и сочетать в единое крупное производство ряд отраслей,—для этого у нас еще слишком мало опыта. Организация колхозов-гигантов, охват сплошной коллективизацией целых районов — несравненно более сложное дело, чем организация крупных совхозов. Вместе с тем, ближайшей нашей задачей будет являться именно организация целых районов сплошной коллективизации, организация крупнейших хозяйств с отдельными экономиями, об'единяемыми единым производственным планом и единым общим руководством.

С каких же размеров мы считаем колхоз крупным? Крупность производства надо определять по размерам продукции хозяйства, которая является

результатом определенной затраты труда и средств производства, применения известных достижений агротехники, соответствующего агро-обслуживания и т. д. Общая сумма валовой продукции для крупных колхозов ориентировочно нами принята (в соответствии с декретом ЦИК'а от 21 июля, устанавливающим размер крупного зернового хозяйства в 2.000 га посева) равной величине продукции, получаемой в крупном зерновом хозяйстве с площадью в 2 тыс. га посева.

В РСФСР к июлю с. г. насчитывалось (по неполным данным) 147 крупных колхозов с общей посевной площадью 241 тыс. га. В УССР имеется, примерно, около 20 крупных колхозов с посевной площадью свыше 2 тыс. га, (считая в том числе земгромады, перешедшие на устав с.-х. коллектива). Даже в БССР, где общие условия не так благоприятны для образования крупных колхозов, насчитывается 18 колхозов с площадью свыше 1 тыс. га в каждом. Общее количество крупных колхозов предполагается довести в будущем году по трем республикам—РСФСР, УССР и БССР—до 810 с посевной площадью в 3.350 тыс. га. Всего по Союзу будет не менее 850 крупных колхозов с посевной площадью в 3.500 тыс. га.

Другой отличительной особенностью будущего года должно явиться повышение степени обобществления, мобилизация крестьянских средств в колхозы. По данным сплошного обследования ЦСУ на 1 июня 1928 года по РСФСР посев обобществлен по всем колхозам на 49%, хозяйственные постройки — на 36%, лошади раб.—на 26%, коровы и овцы—на 20%. По УССР: посев—на 44%, лошади раб.—на 38%, коровы—на 15% и хозяйственные постройки—на 32%. И в истекшем году бурный рост колхозов не сопровождался таким же ростом мобилизации средств организуемого в колхозы населения, в результате чего степень обобществления всех средств производства в текущем году почти ничем не отличается от уровня обобществления крестьянских средств предшествующих лет. Однако нужно отметить, что опыт строительства крупных колхозов и районов сплошной коллективизации показал, что в крупных колхозах и районах сплошной коллективизации степень обобществления крестьянских средств значительно выше и самый темп обобществления проходит в несравненно более быстрые сроки, чем в мелких и средних колхозах. Если в прошлые годы у большинства колхозов процесс перерастания в высшие формы происходил, по преимуществу, на почве внутри-хозяйственного накопления и растягивался поэтому на несколько лет, то на огромной территории строительства крупного колхоза мобилизация крестьянских средств происходит в несравненно более короткие сроки. Вслед за обобществлением полеводства происходит обобществление животноводства и прочих отраслей сельского хозяйства. В крупных колхозах и районах сплошной коллективизации степень обобществления крестьянских средств значительно выше, чем в остальных колхозах. Эта особенность при проектировках в наступающем 1929/30 году заставляет сосредоточить наши усилия, вместе со строительством крупных колхозов, на дальнейшем и значительном повышении уровня обобществления крестьянских средств в колхозах. Перед колхозной системой в предстоящем году будет стоять колоссальной важности задача: по проектировкам Всесоюзного Совета Колхозов предположено обобществить в крупных колхозах посев на 100%, рабочий скот, продуктивный скот и хозяйственные постройки—на 80% и жилые постройки—на 20%. Крупные колхозы за один год должны перейти в высшие формы—артели и коммуны. По всем колхозам Всесоюзный Совет Колхозов дает задание обобществить посевы до 75%, рабочий скот—до 50%, коров, овец, свиней—до 50% и хозяйственные постройки—на 40%.

Наконец, важнейшей задачей нового сельскохозяйственного года будет являться максимальная мобилизация крестьянских средств. Обобществление крестьянских средств в крупных колхозах должно происходить в сравнительно быстрые сроки, — такова, можно сказать, закономерность организации крупного производства — на больших площадях, с правильным сочетанием отраслей и единым производственным планом хозяйства.

Вместе с тем, практика строительства машинно-тракторных станций показала, что, если направлять колхозное строительство только по пути обобществления полеводства, то возможна перекачка средств из обобществленного в индивидуальный сектор. Высокий доход от полеводства в силу сокращения издержек производства по полеводству, направляется на развитие других отраслей — животноводства, огородничества, садоводства и проч. отраслей, остающихся в индивидуальном хозяйстве. Внедрение новой технической базы (трактора и соответствующих сложных машин) в полеводство требует обобществления других отраслей и, в первую очередь, животноводства, а, следовательно, возможно более полной мобилизации крестьянских средств. Поэтому же и вся система государственных мероприятий, вложение громадных государственных средств — материально-техническое снабжение, производственное кредитование, — должны быть построены так, чтобы одновременно вызывать привлечение крестьянских средств. Производственно-финансовый план строительства крупных колхозов, утвержденный Советом Труда и Обороны, построен так, чтобы на рубль государственных вложений вызывать по меньшей мере такие же вложения со стороны кредитуемого крестьянства. Контрольные цифры всего колхозного строительства на 1929/30 год предполагают на 1 рубль государственных вложений не менее 1—1½ руб. крестьянских вложений.

Необходимо констатировать, вместе с тем, что наше мелкое крестьянское хозяйство имеет не мало средств производства, которые использовать в крупном производстве не рентабельно. Практика показала, что при обобществлении полеводства обслуживающие полеводство непригодные в колхозах средства производства остаются в индивидуальном хозяйстве, причем и здесь лежат неиспользованными (сохи, легкие бороны, ручно-конные молотилки, ручные веялки и т. д.). Задачей и колхозной, и особенно обслуживающих кооперативных систем, является высвобождение и реализация этих неиспользуемых крестьянских средств. Опыт строительства крупных колхозов (Сибирь, Урал) показал, что крестьянство охотно идет на такую, особенно соответствующим образом организованную, ликвидацию ненужных крестьянских средств. Нашей задачей должно являться не только сделать все, чтобы максимально использовать наличный пригодный крестьянский инвентарь в новом общественном хозяйстве, но и суметь реализовать непригодный, ненужный инвентарь с тем, чтобы на вырученные суммы приобрести нужный инвентарь.

1929/30 год должен пройти под лозунгом — финансирование колхозов при условии максимальной мобилизации собственных средств и укрепления кредитной дисциплины в колхозах.

На борьбе с просрочками и переписками ссуд колхозов должно быть заострено внимание колхозной системы, и по отношению к тем колхозам, где отсутствует мобилизация собственных средств и кредитная дисциплина, неоправдываемая недостаточной платежеспособностью, — должны быть использованы все меры воздействия вплоть до отказа в кредитах или закрытия кредитов и досрочного взыскания задолженности по ссудам.

В связи с кампанией за мобилизацию крестьянских средств в колхозах стоит вопрос об упорядочении системы паевых взносов, как основной формы собирания крестьянских средств. Паевые взносы являются формой первоначального образования фондов, необходимых и при возникновении колхоза.

На данной стадии колхозного движения, нам кажется, пора уже по примеру других кооперативных систем перейти от равного пая к дифференцированному паю. Система равных для всех паев не позволяла устанавливать для всех слоев деревни высокие паи и, с другой стороны, фонд коллективизации и кооперирования для выдачи долгосрочных ссуд на внесение пая беднотой и батрачеством оказывался недостаточным. Практикуемая же некоторыми колхозами, при установлении более высоких паев, рассрочка по внесению беднотой пая в более длительные сроки (до 10 лет), на деле, для большинства этих колхозов, обозначала уже проведение дифференцированного пая. Середняк тронулся в колхозы, и систему уравнительных паев мы уже можем заменить системой дифференцированного пая для разных социальных групп.

Исключительное внимание колхозной системы должно быть сосредоточено не только на мобилизации в колхозах крестьянских средств, но и на **повышении внутриколхозных накоплений.**

О размерах накопления в колхозах можно судить по следующим данным: по отчетам на 1 января 1928 года по колхозам Украины увеличение средств за счет собственных доходов составляет: в коммунах — 7%, в артелях — 6% и в товариществах — 13%. В животноводческих колхозах Сибири и Северного Кавказа, как показывает бюджетное обследование 1928 года, накопление равняется 10%. Таким образом, в разных формах колхозов и в разных районах идет расширение производства за счет дохода в колхозах.

В этом отношении со всей отчетливостью перед колхозной системой стоит задача усиления внутриколхозных накоплений. *Стимулирование роста внутриколхозных накоплений связано с разрешением двух проблем — организации неделимых фондов в колхозах и правильной органиации труда.*

Об организации неделимых фондов в колхозах много уже было вынесено решений, много писалось, говорилось, но до сих пор колхозная система не имеет единой более или менее постоянной организационной структуры образования неделимых фондов и твердой линии за нарастание последних по всей сети колхозов.

Организация неделимых фондов в том слабом виде, как она есть, во многих колхозах, также вовсе не исключает перекачки части колхозных накоплений в индивидуальное хозяйство членов. Это происходит не только в силу недостаточного вообще внимания колхозной системы к всемерному нарастанию неделимых фондов, но и в силу господства в руководящих колхозоб'единениях закостенелых, отживших для современного темпа колхозного движения, *механических* способов образования неделимых фондов.

Жизнь давно уже требует системы мероприятий, обеспечивающих все внутрихозяйственное накопление сосредоточить в неделимых фондах, требует учета этих фондов в колхозах и во всей колхозной системе. Жизнь предсказывает и дальнейшую «судьбу» этих фондов: в районах сплошной коллективизации, с высокой степенью обобществления крестьянских средств (как Елань, где обобществлено свыше 80% всех средств)—неделимые фонды перестают и фактически быть собственностью или вернее—перестают находиться в распоряжении мелкого коллектива производителей, переходя в обезличенном, для состава членов, виде в распоряжение крупной общественной единицы.

1929/30 *год должен положить в колхозах начало развернутому социалистическому накоплению неделимых средств.* Размеры и темп накопления неделимых средств должны являться

основными и важнейшими показателями правильного развития колхозов как в производственном, так и в социальном направлении. Наоборот, отсутствие накопления неделимых средств будет говорить о нездоровом развитии колхозов, о расходовании накоплений, на потребительские нужды и сюда необходимо направить усилия колхозной системы по оздоровлению производственной деятельности и системы распределения доходов.

Огромнейшее значение при современном темпе и общих качественных установках в колхозном движении должна иметь правильная организация труда в колхозах.

Организация коллективного труда в колхозах является одним из важнейших вопросов колхозного строительства, но внимание этому делу со стороны самой колхозной системы и ее руководящих органов обратно пропорционально его важности. В практике колхозов самая настоящая «кустарщина»: отсутствует какое бы то ни было руководство со стороны высших звеньев; неуменье поднять производительность труда в большинстве колхозов, незнание и неумение использовать тот опыт, который может дать в этом отношении промышленность и наши советские хозяйства.

Проверка организации коллективного труда на практике показала, что основным условием правильной его организации является установление такой системы оплаты, которая обеспечивала бы материальную заинтересованность членов в самом развитии коллективного хозяйства. Вводя в колхозах, в целях повышения производительности, систему оплаты труда по количеству и качеству затраченного труда, необходимо всячески поощрять переход к формам сдельной оплаты труда. Небольшой опыт применения сдельной оплаты (особенно в колхозах Сибири), урочно-повременный (премиальной), а равно и повременной со всей определенностью требует организации нормирования и тарификации труда в колхозах.

Своеобразием регулирования оплаты труда в колхозах будет являться, во-первых, то, что оно должно быть сосредоточено (в отличие от промышленности) в самой колхозной системе и, во-вторых, система нормирования и тарификации на данной стадии колхозного строительства не может быть для колхозов в такой же мере обязательной, как в промышленных предприятиях или совхозах.

Нормирование оплаты труда в колхозах должно исходить из удовлетворения прожиточного минимума населения колхозов.

Этот прожиточный минимум в пределах данного экономического района, нам кажется, должен находиться на уровне потребления середняцких хозяйств или рабочих совхозов. Но так как в пределах одного и того же экономического района имеются колхозы с различной высотой техники производства и в силу этого с неодинаковой производительностью труда в них, то необходимо регулировать оплату труда путем установления для колхозов с различной техникой производства и различным уровнем производительности труда дифференцированных норм выработки и оплаты. Фиксированный, таким образом, уровень оплаты труда в колхозах даст нам возможность, с одной стороны, удовлетворить материальные и культурные потребности населения, относительно повышая это удовлетворение в связи с ростом производительности труда, с другой стороны — иметь чистый продукт, который будет итти на расширение производства в колхозах.

Для большей простоты и ясности регулирования оплаты труда можно взять за основу тарифные сетки совхозов и применять их с учетом особенностей коллективного производства вообще и каждого колхоза в частности.

Ставки оплаты труда конкретно должны устанавливаться каждым колхозом в его производственном плане на предстоящий год, как правило, утверждаемом кустом или союзом. Однако, в течение года заработная плата долж-

на выдаваться не в полном размере, а в пределах от 60 до 80%, в зависимости от предполагаемых доходов. Окончательный же расчет должен производиться (с сохранением установленных в начале года ставок) по окончании года при рассмотрении годового отчета и выявлении результатов хозяйственной деятельности колхоза.

Применение изложенных принципов регулирования оплаты труда необходимо распространить на все колхозы независимо от их форм и размеров. Принимая во внимание, что такое регулирование оплаты труда может быть осуществлено лишь при наличии в колхозах производственных планов, представляется необходимым усилить непосредственное руководство со стороны кустов и союзов в составлении и проведении в жизнь этих планов. До полного и действительного охвата производственного планирования колхозов кустами и союзами, практически придется считаться с постепенным осуществлением нормирования оплаты труда в мелких колхозах. Нормирование оплаты труда в крупных колхозах должно быть, во всяком случае, проведено в жизнь в ближайший же год.

* * *

Мы знаем три формы коллективного производства — товарищество по общественной обработке земли, артель, об'единяющую ряд отраслей, и коммуну, в которой обобществлены все отрасли производства.

В какие формы будет выливаться строительство колхозов в наступающем году? Задача максимальной мобилизации крестьянских средств и строительства крупных колхозов в своем осуществлении должна будет значительно изменить и общую физиономию колхозного строительства. Наиболее распространенной формой колхозов в истекшие два года являлось товарищество по общественной обработке земли, как форма, обобществляющая минимум крестьянских средств производства. По данным ЦСУ, в РСФСР в 1928 году в товариществах были обобществлены: тракторы—на 80%, транспортный инвентарь—на 14%, мелкий хозинвентарь—на 52%, продуктивный скот—на 5%, скотные дворы и хозпостройки—на 0%. По этим данным, таким образом, в товариществах чрезвычайно слабо обобществлены крестьянские средства, особенно относящиеся к такой отрасли, как животноводство.

Установка настоящего года на максимальное развертывание животноводства в колхозах потребует огромной мобилизации средств производства, именно по линии животноводческих отраслей, и это обстоятельство значительно изменит общую картину. Колхозы будущего года и особенно крупные колхозы будут на две трети — артели и коммуны. Перед нами стоит колоссальной сложности задача — перестроить весь фронт колхозного строительства на высшую качественно ступень.

Совещание крупных колхозов РСФСР в июле этого года признало уже для себя обязательным положение, что крупный колхоз должен отличаться высшим качеством своих организационных форм. Поэтому, мы считаем, что процесс обобществления крестьянских средств крупных колхозов произойдет не только быстрее, чем в остальных колхозах, но и что уже в этом году общий процент обобществления крестьянских средств крупных колхозов будет значительно выше, чем во всей остальной массе колхозов. Вместо, примерно, 30% обобществления крестьянских средств в этом году, в будущем году по крупным колхозам мы предполагаем иметь до 60—80% обобществления всех крестьянских средств.

Каковы же производственные задания всей массы колхозов? Они определяются решениями партии и Правительства, которые дают директиву всемерного увеличения зерновой продукции, животноводческих продуктов и специальных культур.

В связи со строительством крупных колхозов и районов сплошной коллективизации, перед колхозной системой и земельными органами стоит во весь рост проблема сельскохозяйственного районирования. При проведении государственных мероприятий по колхозному строительству, необходимо иметь в виду, создание больших, специализированных районов сплошной коллективизации, где колхозное строительство развивалось бы в одном производственном направлении. Это обязывает колхозную систему и земельные органы выработать стандартные типы коллективных хозяйств и концентрировать их в этих специализированных районах. Мероприятия, намеченные в 1929 году по развитию в колхозах животноводства, огородничества, хлопководства, свекловодства и других специальных культур, должны найти свое наибольшее осуществление в этих специализированных районах. В итоге мы должны иметь сплошные районы зернового и животноводческого, садово-огородного направления, где тип коллективного производства будет приспособлен к форсированию определенной товарной продукции.

Эта намечающаяся дифференциация колхозов по основным производственным направлениям, в пределах крупных районов и республик, это углубляющееся «разделение труда» между основными экономическими районами, является наиболее характерной чертой производственной программы на 1929/30 год.

Какова практическая программа производства колхозов на 1929/30 г.?

В области полеводства запроектировано увеличение территории землепользования в громадных размерах — свыше 23 млн. га; из этого количества вся продуктивная площадь (плюс сенокосы) должна составить около 90%, т.-е. если учесть усадебные и неудобные земли, то в производство будет вовлечено почти 95% площади землепользования. Это имеет громадное хозяйственное и организационное значение, так как в предыдущие годы средняя по СССР площадь пашни едва превышала 70%, т.-е. имелся «прогул» земель.

Из общей пахотной площади в размере около 20,7 млн. га под посев на весну 1930 г. намечено 15,2 млн. га, что составит 73%; это показывает, что в массе своей колхозы перестраиваются на многопольный севооборот и полевое хозяйство организуют в основном на началах интенсификации. По отдельным республикам мы имеем различные варианты: наивысшую форму эксплоатации всей земельной площади в системе распашки и засева дает УССР (в посеве будет 80%), наиболее низкую — Азербайджан — 67%, что находит себе частичное об'яснение в местных условиях рельефа и известной отсталости страны.

В полевом хозяйстве зерновые культуры занимают 75% и 9% технические растения. Совершенно естественно, что зерновое направление является более выдержанным по РСФСР (77%) и УССР (76%), как основным хлебным республикам, общая площадь зерновых культур которых занимает 96% по отношению ко всем зерновым по СССР.

В области технических культур колхозная система впервые намечает самостоятельную программу, которая признается, как минимальная, т. к. средний процент технических культур является все же невысоким, хотя в качестве среднего и не является характерным для программы в этой части. По отдельным республикам мы имеем значительные колебания от указанной средней. Например, Украина имеет повышенный процент технических культур (около 12%), в колхозах Средней Азии он превышает 50%, что, впрочем, вполне соответствует всей структуре местного сельского хозяйства.

Особенное внимание в текущем году колхозная система должна обратить на культуры хлопка и свеклы.

В области хлопководства колхозная система должна не только иметь общее участие в осуществлении пятилетнего плана развития хлопководства, но, уже начиная с этого года, взять на себя инициативу по организации проведения ирригационных планов и втягивания новых территорий в хлопковую культуру.

Вместе с тем необходимо уже сейчас отметить, что темп колхозного строительства хлопковых районов дает основание предполагать, что задание со стороны ЦК партии — иметь по обобществленному сектору не менее 30% всей хлопковой продукции в течение пяти лет, особенно при организации крупных хлопковых хозяйств,— будет выполнено значительно ранее этого срока.

Особенное внимание в производственной программе колхозного строительства в 1929/30 г. должно быть уделено развитию сахарной свеклы. Перед Колхозцентрами РСФСР и УССР стоит задача значительно повысить свои планы в части развертывания колхозного строительства в районах производства свеклы. В области свекловодства перед нами стоит задача организации крупных комбинатов с развитием свекловичных производств и одновременно животводства— молочного и мясного. До сих пор мы не имели опыта массового развертывания колхозного строительства в свекловичных районах, но отдельные примеры и наша общая целевая установка дают основание полагать, что в предстоящем же году мы сможем развернуть, особенно на Украине и особенно при помощи организуемых колхозной системой в свекловичных районах машинно-тракторных станций, строительство крупнейших колхозов со свекловичным и животноводческим направлением.

Опыт работы колхозов за последний год, а также проработка контрольных цифр на 1929/30 год заставили колхозную систему изменить метод планирования по техническим культурам. В полном соответствии с последними директивами партии и правительства, планы основных технических культур должны прорабатываться совершенно самостоятельно, при чем в ближайшее же время необходимо приступить к разработке метода и плана сплошной коллективизации районов сахарной свеклы, хлопка, льна и чая.

В абсолютных величинах площадь под техническими и интенсивными культурами выражется в следующих цифрах по СССР: лен—241 тыс. га, сахарная свекла — 180 т. га, хлопок — 242 т. га, подсолнух — 708 т. га, корнеплоды — 200 т. га, травы сеяные — 1.458 т. га, картофель — 465 т. га, огороды, бахчи — 209 т. га, культуры волокнистые, масличные, эфироносные и пр. 132 т. га, сады и виноградники — 91 т. га.

Особое внимание в производственном плане отводится вопросам развития животноводства. Решительный сдвиг колхозов в этом отношении определяется, прежде всего, государственными соображениями, необходимостью в кратчайший срок развернуть эту отрасль по обобществленному сектору, в виде крупного животноводческого хозяйства. В условиях интенсивной классовой борьбы в деревне — кулацкое животноводство быстро свертывается и колхозы должны энергично взяться за реконструкцию, за развитие животноводства возможно быстрыми темпами. Этим определяются размеры намеченных мероприятий; этим же об'ясняется иной подход колхозников к вопросам обобществления животноводства. Как известно, именно в этой области крепче всего сохраняются частнособственнические стремления коллективизируемых единоличных хозяйств, и процент обобществления животноводства в артелях и товариществах в данный момент не превышает в среднем 25.

Сейчас решено обобществить продуктивный скот на 50%, рабочий скот — на 80%, — и это является актом не только определенного экономического подхода, но и социального значения. Высокие темпы обобществления животноводства предполагают перелом в колхозном движении, которое должно подняться чрезвычайно сильно именно в качественном отношении. Конкретно программа животноводства выражается в таких величинах: все поголовье крупного рогатого скота намечено в 3,350 тыс. голов, в том числе 1.600 тыс. коров; овец — 3.500 тыс., свиней — 1.623 тыс. Из расчета на 100 га посева это дает 22 головы рогатого скота (считая и молодняк), 10 свиней и 11 овец. Такое уплотнение продуктивного скота резко повышает удельный вес животноводства в колхозах по сравнению с предыдущими годами, хотя оно еще недостаточно по сравнению с уплотненностью крестьянского скота.

Совершенно новым является то, что колхозная система уже в текущем году приступает к организации специально животноводческих крупных колхозов молочного направления с организацией крупных молочных ферм, широко намечает развернуть откормочные операции крупного рогатого скота. Точно в таком же размере намечена специализация по линии овцеводства, свиноводства, птицеводства. При этом определились и основные животноводческие районы по республикам, по РСФСР, УССР и БССР разработаны планы по крупному рогатому скоту; по УССР значительное место занимает свиноводство, по республикам Средней Азии и ЗСФСР должны быть проведены значительные мероприятия по массовой коллективизации овцеводства шерстного и мясо-шерстного направления.

Каково же должно быть выполнение этих производственных заданий, какова должна быть эффективность этих мероприятий, которые будут осуществлены со стороны самой колхозной системы, со стороны всей кооперации, земорганов и партийных организаций? Прежде всего в колхозном секторе вообще и в особенности в крупных колхозах урожайность должна быть повышена на 12% по отношению к исходному году. Такое повышение урожайности, по сравнению со средне-крестьянской нормой повышения, на самом деле означает для большинства бедняцких и маломощных середняцких хозяйств, входящих в колхозы, повышение урожайности на их полях, примерно, на 40—50%. Более высокая урожайность, разумеется, будет в крупных колхозах.

Опыт настоящего года показывает, что такая запроектировка повышения урожайности на будущий год является реальной. В связи с этим мы будем иметь и товарность по колхозам значительно более высокую, чем имеем в данный момент и особенно более высокую по сравнению со средней товарностью крестьянских хозяйств.

Средняя товарность по всем колхозам контрольными цифрами на 1929/30 г. запроектирована в 45%, а по крупным колхозам в 55%. Это означает, что для целого ряда беднейших и маломощных середняцких хозяйств, (которых в колхозах, примерно, 70%), товарность которых была ничтожна, а подчас составляла отрицательную величину, она будет повышена до 40 и выше процентов.

Какие же гарантии повышения урожайности имеют колхозы на предстоящий производственный год? Надо заметить, что в борьбу за высокий урожай колхозы в этом году вступают значительно более вооруженными, чем это было в истекшем году. Не говоря уже о несколько большей, чем ранее, организованности колхозной системы вообще, а это имеет немаловажное значение, не говоря уже о том опыте в вопросах повышения урожая, который имеется в результате года напряженнейшей работы. Громадное значение имеет значительно большая вооруженность колхозов необходимыми средствами производства и проведение целой системы агромероприятий. Озимая кам-

пания проводилась под лозунгом «100% зерноочистки», протравливания посевного материала, которые в общем и целом были осуществлены; тем более это относится к будущим яровым посевам. Качественный состав посевного материала в смысле сортов повышается. Под яровые посевы 1930 г. колхозы энергично проводят зяблевую вспашку. Количество минеральных удобрений под технические культуры также повышается почти вдвое. На местах проводится широкая агитация «за навоз» и другие виды удобрения. Наконец, промышленность бросает в колхозы большие массы с.-х. машин; из общей производственной программы в 270 млн. руб. колхозы получают машин около 20%. Таким образом, надо надеяться, что дефицитность основного инвентаря будет к весне в колхозах изжита.

Исключительную роль для строительства крупных колхозов и для районов сплошной коллективизации играют машинно-тракторные станции, подводящие высокую техническую базу для крупного коллективного земледелия. Вследствие этого колхозная система должна сконцентрировать максимум организационных и материальных средств в районы строительства МТС с тем, чтобы в 1929/30 г. все крестьянские хозяйства, охваченные машинно-тракторными станциями, вовлечь в колхозное строительство. При уточнении контрольных цифр на 1929/30 год и пересмотре пятилетних планов колхозного строительства, колхозцентрам необходимо теснейшим образом увязать свои планы с планами строительства машинно-тракторных станций и пространственным размещением последних.

То небольшое ограниченное количество тракторов, которое поступает в колхозную систему (пока 8 тыс. тракторов), пойдет исключительно в крупные колхозы и будет использовано в наиболее рациональных формах, а именно, в виде организации машинно-тракторных станций и колонн. Это же будет иметь место и при об'единении мелких колхозов в крупные, где имеющиеся тракторы будут об'единены в тракторные колонны и станции.

Контрольные цифры на 1929/30 г. впервые ставят во всю ширь проблему индустриализации коллективного производства. До настоящего времени мы недооценивали значения индустриализации в колхозном строительстве и занимались постройкой, главным образом, мелких и мало-рентабельных предприятий. В текущем году проблема строительства индустриальных предприятий приобретает такое же громадное значение, как и проблема машинизации колхозов. В районах технических культур и молочного животноводства предприятия по переработке с.-х. продуктов являются таким же могучим рычагом коллективизации, как трактор для зерновых районов.

Перед колхозной системой стоит задача сооружения предприятий по переработке продуктов животноводства, сооружения крахмальных и картофеле-терочных заводов, маслодельных и сыроваренных заводов, силосных башен, сооружения предприятий кустарно-промышленного типа, предприятий мукомольной и маслобойной промышленности, установления в крупнейших колхозах электро-установок и, наконец, предприятий по изготовлению строительных материалов, столь важных в крупных колхозах. Характер индустриального строительства сейчас должен соответствовать потребностям крупных специализированных районов на больших земельных территориях. Мы должны отойти от кустарничества и проектировать строительство, главным образом, крупных механизированных, наиболее рентабельных типов индустриальных предприятий.

В связи с осуществлением генерального плана ГОЭЛРО и развитием районных и местных электростанций встает уже в плоскость практического разрешения вопрос о строительстве прежде всего индустриальных предприятий в колхозах на электрической энергии. Колхозная система должна разработать проекты электрификации обширных районов, примыкающих к мощным электро-энергетическим центрам (Днепрострой, Волховстрой, Свирьстрой, Кашира, Шатурка, Рионгэс, Земо-Авчал и др.).

Типы индустриального строительства колхозов до последнего времени выражались в виде мелких предприятий по переработке с.-х. продукции в мелких колхозах. 1929/30 год должен быть переломным в направлении крупно-промышленного строительства. Поэтому в целях осуществления технической и экономической целесообразности во всех видах крупного строительства в колхозах должна быть поставлена и проведена крупнейшая научно-исследовательская работа в области опытного строительства — стандартизация продукции, унификация оборудования, типизация предприятий и строительства.

Какова же будет производственная эффективность колхозов? Делая ориентировочный подсчет, в общей сумме валовой продукции в размере 1,7 млрд руб., зерновая продукция занимает почти половину, т.-е. 630 млн. руб. или 10,3 млн. тонн. В общей массе колхозов и крупные колхозы основной продукцией будут иметь также зерно.

Продукция животноводства по общему подсчету, предполагаем, будет составлять 400 млн. руб. Вся товарная масса будет представлять стоимость приблизительно в 840 млн. руб. Товарные излишки по зерну будут, примерно, в 4,8 млн. тонн, по животноводческим продуктам на сумму 210 млн. руб.

Нужно также отметить, что в валовой и товарной продукции крупные колхозы будут составлять, примерно, 25—30%. Товарные излишки в крупных колхозах намечены приблизительно в таких размерах: по зерну—1.360 тыс. тонн, по мясу—115 тыс. тонн, по молоку—410 тыс. тонн и по шерсти—около 5 тыс. тонн. Итак, 10 млн. тонн хлеба и 250 тыс. тонн мяса, и 2,2 млн. тонн молока — такова производственная эффективность по основным показателям для 1929/30 г.

Широкий размах колхозного строительства вызвал крайнее обострение классовой борьбы в деревне и сопротивление кулачества мероприятиям по социально-технической реконструкции сельского хозяйства.

Особенно в ожесточенные формы классовая борьба выливается в районах строительства крупных колхозов и в районах сплошной коллективизации, где колхозное движение решительно подрывает корни капиталистических элементов в деревне. Кулак ведет открытую борьбу против колхозов, а где это не помогает — старается разложить колхозы изнутри.

Необходимо заострить особое внимание на регулировании социального состава членов колхоза и на очистке колхозов от социально-чуждых элементов. В районах засоренности колхозов чуждыми элементами необходимо произвести решительный пересмотр социального состава членов, мобилизуя вокруг этой кампании широкие слои бедняцко-середняцкого населения. В приеме новых членов необходимо с особенной тщательностью выявлять вредительские элементы и полностью изолировать кулака от колхозного строительства. С другой стороны, наличие громадных кадров батрачества в деревне ставит с особенной остротой вопрос о вовлечении этих кадров в колхозное движение.

1929/30 год будет годом исключительного напряжения всех партийных и общественных сил страны по качественному улучшению колхозного строительства. Только при активном содействии и участии рабочего класса и правильном партийном руководстве будут выполнены проектировки на предстоящий год. Только при условии проведения твердой классовой политики, организуя и сплачивая бедняцко-середняцкие массы вокруг коллективизации, мы сможем выполнить поставленные задачи.

Евгений Куо.

Кризис в стане китайской контрреволюции.

После тяжелого поражения революции китайской буржуазии удается удержать свое господство только благодаря опеке мирового империализма и опираясь на зверский террор. Это господство не может дать полосы «спокойного» и «мирного» развития, поскольку не завершена буржуазно-демократическая революция. Китайская буржуазия и Гоминдановское правительство не способны на разрешение этой задачи: она им невыгодна. Реакционное гоминдановское господство не может существовать

> «без глубочайших потрясений всего хозяйственного организма страны (углубление аграрного кризиса, голодовки, кризисы в определенных отраслях национальной промышленности и пр.), без обострения противоречий между империалистами, без вооруженных конфликтов империалистов между собой, без больших классовых боев пролетариата, без новых крестьянских восстаний в деревне и т. д. Частично, путем гнилого компромисса между борющимися силами эти кризисы буржуазно-помещичьей власти в современных условиях китайской действительности могут быть временно оттянуты, но так как каждый компромисс проводится на спине трудящихся масс, это вызывает отпор с их стороны и создает об'ективные предпосылки для нового революционного под'ема». (Письмо ИККИ к Киткомпартии).

За последнее время мы имеем ряд сведений о росте классовых противоречий в Китае, углублении политического и экономического кризиса и шаткости гоминдановской власти, росте революционных сил как в рабочих центрах, так и в деревне, нарастании нового революционного под'ема.

Уже перечисленных моментов достаточно, чтобы правильно оценить тот шум и крик, который мы имеем со стороны мировой буржуазии и ее прислужницы социал-демократии о «стабилизации Китая», со стороны правых ликвидаторов о возможности «кэммереристического» пути развития Китая, которые вызваны частичным и временным экономическим оживлением в Китае.

Международный империализм в борьбе за колонизацию Китая.

> «Империализм есть вывоз капитала к источникам сырья, бешеная борьба за обладание этими источниками, борьба за передел уже поделенного мира, борьба, ведомая *с особенным остервенением со стороны новых финансовых групп и держав, ищущих «места под солнцем», против старых групп и держав, цепко держащихся за захваченное*». (Сталин. «Вопросы ленинизма», стр. 76, подч. мной. *Е. К.*).

Эта характеристика борьбы империалистов за новые владения дает точную картину борьбы империалистов в современном Китае.

Американский империализм не имел серьезных сфер влияния в Китае. После подавления китайской рабоче-крестьянской революции САСШ берут ориентировку на Нанкинское правительство, используя споры китайской буржуазии с английскими и японскими империалистами для сода-

ния себе политической опоры в лице Нанкинского правительства. Это являлось для САСШ необходимой предпосылкой для дальнейшего экономического наступления в Китае. Теперь мы имеем еще некоторые дополнительные сведения о продолжении наступательной политики со стороны САСШ. Так, например, американская пароходная компания «Доллар» строит в Шанхае радиостанцию для сообщения с Сан-Франциско и пароходами в пути, американские эксперты хотят строить железнодорожный мост между городом Нанкином и городом Пукоу, перестроить город Нанкин, выстроить порт Вампу в Кантоне для сопротивления Гонконгу.

Соединенные Штаты проявляют также усиленный интерес к Манчжурии, в частности, к порту Инкоу для конкуренции с Дайреном, пытаются захватить КВЖД, главным образом, с целью более успешной борьбы против Японии. Сближение САСШ с генералом Чжан Сюэ-лянь является также доказательством заинтересованности Америки в Манчжурии для борьбы с Японией. Однако, несмотря на свое наступление, Америка еще не имеет крупного приложения своих капиталов в Китае. Американские инвестиции в Китае равны всего лишь 147 млн. долларов, включая сюда не только торгово-промышленные, но и учебные и благотворительные учреждения.

Интенсивность экономического и политического наступления Америки встречает сильнейшее сопротивление как со стороны Англии, так и со стороны Японии. Наиболее ярким примером здесь является попытка САСШ захватить КВЖД, которая была встречена ожесточенным сопротивлением со стороны Японии. Соед. Штаты всячески готовятся к решительному наступлению. По поводу международного банковского соглашения о финансировании Китая, срок которого истекает в 1930 г., Гувер решил прекратить участие Соед. Штатов в консорциуме с тем, чтобы в будущем действовать самостоятельно. По имеющимся слухам, Америка решилась на разрыв с Англией в делах Моргановского банка, который тесно связан с английским капиталом вообще и в вопросах репараций в частности, дабы также действовать самостоятельно.

Однако, на ряду с политикой решительного наступления, Америка применяет и отдельные тактические меры и маневры по отношению к другим империалистическим державам на арене Китая.

После победы Гоминдана, в первый период подавления китайской революции, во время расцвета Танакской позитивной политики Японии в Китае, Соед. Штаты рядом мероприятий в отношении Англии пытались привлечь последнюю на свою сторону, дабы суметь дать решительный отпор наступлению со стороны Японии. Попытка эта не увенчалась успехом, и возможностей и предпосылок для англо-японского союза оказалось больше, чем для англо-американского, но, несмотря на это, в отдельных случаях Америка и Англия проводили бойкот в части японских наступлений, стремясь к изоляции ее позитивной политики в Китае.

В настоящее время восстанавливаются и укрепляются позиции Англии в Китае. Что же касается Японии, то в связи с поражением ее позитивной политики (с падением Танакского кабинета) и экономическим кризисом в Японии, японский империализм оказался значительно менее могучим и прочным, нежели прежде, а потому нуждается в помощи других держав.

Усиливается англо-японский союз. САСШ, желая устранить своего главного противника, Англию, как с арены Китая, так и мировой вообще, принимают ряд мер к привлечению на свою сторону Японии и изоляции Англии. Политика Америки здесь становится все яснее и определеннее. По сообщению иностранных журналов, между С.-Штатами и Японией существует не только тесное промышленное сотрудничество. Американская «Дженераль Электрик Компани» связана с японской компанией Шибаура, фирма «Вестингауз» — с «Мицибуш», «Вестерн Электрик» — с японскими электро-компаниями —

«Ниппон» и «Токио». В Корее имеется десять американских золотых копей. Форд имеет свои монтировочные заводы в Иокагаме, а «Дженераль Моторс» — в Кобе. Торговые и финансовые связи между Соед. Штатами и Японией продолжают расширяться. Характерно выступление представителя Японского правительства в комиссии по репарациям Кенго Мори, отметившего, что международные финансы Японии проходят через три стадии развития. Первоначально Япония добивалась кредитов на внешних денежных рынках, главным образом, через государственные займы, затем средства добывались из коммерческих займов, пользуясь бурным ростом частных национальных предприятий Японии. Наконец, в третью стадию «нечего будет удивляться, когда американский капитал, вместо того, чтобы просто оценивать как деньги, как он делал это до сих пор, сам станет пайщиком в предприятиях Японии».

Английский империализм не уступает успевающему империализму Соединенных Штатов. Основные командные высоты в области финансов, внешней торговли и др. все еще остаются в руках англичан. Значение Гонконга с увеличением таможенных тарифов даже увеличилось, английские товары складываются и хранятся не на территории Китая, а в Гонконге для того, чтобы при продаже товара на китайский рынок, освободиться от уплаты высоких пошлин. Доходы правительства Гонконга превысили на 4,9 млн. долларов сметные исчисления за 1928 г. Грузооборот дошел до 44,9 млн. долларов, превысив, таким образом, на 0,75 млн. тонн судооборот в 1927 г. В частности, тоннаж английских океанских судов вырос на 1,1 млн. тонн. Крупнейшие английские угольные копи в провинции Чжили развивают свою работу так что в 1929—30 г. предполагается увеличить сбыт угля до 5.000.000 тонн и, таким образом, установить новый рекорд.

Англия проявляет активность также в деле вложения своих капиталов в Сев. Китае вообще, и в Манчжурии, в частности. Пекин-Мукденская жел. дорога, на которой преобладает английский капитал, перешла, вероятно, не без согласия Англии, под управление Мукдена. Мукден собирается строить порт Хулудао (в противовес Дайрену) на средства европейского синдиката (фактически, конечно, английского капитала).

Показателем положения английского капитала в Китае всегда является курс акций Гонконг-Шанхайского банка. Если в 1927 г. он упал до 101 фунта ст. за акцию, то теперь курс равен, примерно, 135 фунтам. Однако, несмотря на такой рост курса, он все же ниже дореволюционного, т.-е. 1925 г., когда он был равен 151 фунт. стерлингов [1].

Несмотря на поражение гуаньсийской клики—английских агентов, Англия потеряла мало, ибо нашла нового прислужника в самом лагере Нанкинской группы и получила новое влияние на нанкинских милитаристов. Теперь ведутся переговоры между Англией и Китаем о заключении нового торгового договора, а также об использовании английской доли боксерской контрибуции для дальнейшего жел.-дорожного строительства. Нанкинское правительство стремится получить этот новый большой куш,—т.-е. английскую долю боксерской контрибуции. Английский посланник Лампсон ставит условием жел.-дорожного строительства, чтобы заказы на оборудование были отданы английским фирмам. Англия ликвидировала попытку бойкота по верхнему течению реки Янцзы, Нанкинское правительство держит «высокого советника» англичанина сэра Уайта. Нанкинское правительство заключило соглашение с английским морским министерством об обучении китайских гардемаринов в Англии и о приглашении Китаем английской морской миссии для развития китайского флота [1].

[1]) По материалам Научно-исслед. института по Китаю.

Таким образом, позиции английского империализма в Китае еще достаточно сильны. Это отмечалось и в органе английского капитала «Экономисте». Там сказано:

> «В общем и целом перспективы мира, стабилизации порядка Китая в настоящий момент гораздо более благоприятны, чем в любое время, начиная с 1911 года».

Что касается Японии, то ее политика в отношении Китая потерпела перелом, во-первых, благодаря тяжелому экономическому кризису в самой Японии, во-вторых, в связи с падением кабинета Танаки. Новое правительство Хамагучи переменило позитивную политику Танаки, вызвавшую массовое сопротивление и ожесточенный бойкот со стороны Китая, т.-е. крайне неудачную, на «мирную», «дружественную» и максимально осторожную политику в целях установления нормальных сношений с Китаем и для восстановления экономических позиций в Китае.

Экономический кризис Японии целиком отражается на экономических взаимоотношениях с Китаем. Если пассивное сальдо по торговле за первую половину 1928 г. равнялось 231 млн. иен, то за первую половину 1929 года оно дошло до 276 млн. иен. Торговля продолжает падать в абсолютных цифрах. Если ввоз в 1925 г. равнялся 2,49 миллиардов иен, то в 1928 г., он упал до 2,19 миллиард. иен. Вывоз соответственно упал с 2,24 до 1,91 миллиард. иен. Огромные золотые запасы, которые Япония держала за границей, расстаяли. Иена продолжает падать, несмотря на падение серебра на мировом рынке [2]).

Новая политика Японии действительно резко отличается от политики Танакского кабинета. В декларации нового Японского правительства, которая выпущена 9-го июля относительно внешней и внутренней политики, говорится о необходимости поддерживать дружеские отношения с Китаем, помогать ему в достижении его «законных желаний» и т. д. Шаньдун был эвакуирован еще в мае месяце, японские войска оставили также Ханькоу, где они сидели с начала 1927 г. Ханькоуский инцидент ликвидирован и Япония заплатила компенсацию Китаю.

Эта новая политика, действительно, дала положительные результаты. Об успехах японского капитала в промышленности буду говорить ниже, сейчас укажу на рост торговых отношений между Японией и Китаем. В долине реки Янцзы, в связи с прекращением бойкота японских товаров, замечается оживление торговли по всему фронту. Китай вновь наводнен японской мануфактурой, сахаром и т. д. Склады, строившиеся в прошлом году в Шанхае, специально для хранения непроданных избыточных японских товаров, в настоящее время пусты. В июле одной мануфактуры было вывезено из Японии в Китай на 20 млн. иен.

В настоящее время, вместе с экономическим наступлением со стороны Японии, мы имеем и рост сопротивлений со стороны китайского капитала, вновь учащается бойкот японских товаров и т. д. Япония вследствие этого ищет поддержки в лице другого иностранного капитала, пользуясь англо-американским конфликтом в их борьбе за союзников.

Для достижения экономического подчинения долины реки Янцзы Японии необходим союз с английским капиталом. Чрезвычайно интересен тот факт, что новым японским посланником в Китае назначен Сабури, состоявший до этого в течение нескольких лет советником японского посольства в Лондоне.

Стремления Японии вполне удовлетворяют Англию, которая также ну-

[1]) China Express & Telegr., 13 июня.
[2]) China Express & Telegr., 4 июля.

ждается в союзнике и тесной экономической связи с ним. И действительно, английский капитал в английском текстильном журнале (от 14 сентября с. г.) заявляет:

> «Японцы ищут поддержки европейского капитала, частью из экономических, частью из политических соображений»...
> ... «Но перспектива такого сотрудничества с японским капиталом в области расширения текстильной промышленности в Китае—вполне реальна».

Однако, несмотря на эту политику, Япония не уступает другим империалистам, особенно Америке, в борьбе за колонизацию Китая. Япония нисколько не уступала Америке в захвате КВЖД, и ожесточенно сопротивлялась распространению американского влияния на территории Манчжурии. Наконец, Япония создала северный генеральский блок для борьбы с агентами американского империализма, нанкинской милитаристской группой, организовала покушение на жизнь Чан Кай-ши и поджог военных и жел.-дорожных складов.

Такая ожесточенная непримиримая борьба между империалистами в Китае является вполне естественной, особенно в настоящее время, в «третий период», когда необычайно обострились противоречия между ростом производительных сил и сужением рынков. Все события в Китае доказывают, что тихоокеанская война за мирное господство между американским империализмом с одной стороны, и британским империализмом с его восточным союзником (Япония)—с другой, неизбежна.

Характерной чертой наступления империалистов в Китае в настоящее время, является открытое стремление к полной колонизации Китая, интенсивное вложение иностранного капитала в разные отрасли промышленности для «денационализации» китайской промышленности. Так, например, японский капитал скупает акции горных предприятий в Шаньдуне и в долине Янь-Цзы. Уже теперь 95% добычи железной руды и выплавки чугуна в Китае находится в руках японского капитала. Один из крупнейших металлургических комбинатов в Китае, Ханьенпин и специальная железная дорога этого комбината, Нан-Чан-цзюцзянская жел. дорога, также попали в руки японского капитала. Ряд новых фабрик и заводов строится исключительно за счет иностранного капитала. Иностранный капитал скупает акции различных отраслей промышленности, не говоря уже о железном и шоссейном дорожном строительстве и автомобилизации и канализации, которые проводятся исключительно за счет иностранного капитала. Весьма характерным является следующее: в 1925 году китайский капитал в добыче угля составлял 49%, а иностранный—54%. В 1929 же году китайский капитал составлял уже только 28%, а иностранный капитал—72%. Такие же цифры мы имеем в отношении паровых и ткацких станков: в 1925 г. китайский капитал имел 58%, а иностранный—42%, в 1929 же году китайский капитал—44%, а иностранный капитал уже 56%.

К полной колонизации Китая особенно стремится Америка. Было бы оппортунистической ошибкой считать, что основная политика САСШ прямо противоположна политике других держав, как это думают некоторые китайские товарищи и сторонники теории деколонизации. И в самом деле, Соед. Штаты не только не могут оказать помощи Китаю в его самостоятельном развитии, но, наоборот, пользуются всеми методами для превращения Китая из полуколонии в колонию, принадлежащую исключительно американскому империализму. Соед. Штаты не дают Нанкину никаких займов без определенных гарантий и известных компенсаций.

Это отношение к Китаю со стороны САСШ также отражено в американской прессе, которая заявляет, что банкиры вряд ли раскроют свои карманы без каких-либо гарантий, без «плана Дауэса для Китая».

Китайская буржуазия и Нанкинское правительство обращались с просьбой к мировым империалистическим державам и в первую очередь, к своему «лучшему другу», Соед. Штатам отказаться от своих экстерриториальных прав в Китае, дабы обеспечить свое собственное национальное хозяйственное развитие. Просьба китайской буржуазии и Нанкинского правительства, конечно, Соед. Штатами не была удовлетворена.

Кризис национальной промышленности Китая.

Китайская национальная буржуазия надеется, используя взаимное соперничество империалистических держав и, главным образом, при помощи Соед. Штатов, добиться значительных успехов в деле самостоятельного капиталистического развития Китая. Но это, конечно, иллюзия.

Несмотря на распространение слухов о предстоящем крупном строительстве в тяжелой промышленности, национальный китайский капитал в настоящее время переживает очень тяжелый кризис особенно в тяжелой промышленности (металлургической, рудной, чугуноплавильной, рельсопрокатной и каменноугольной). Единственной отраслью, которая продолжает развиваться, является хлопчато-бумажная промышленность. По последним данным, Ассоциация китайских хлопчато-бумажных фабрикантов в Китае насчитывает 120 фабрик с 3,7 мил. прядильных машин, 186.000 ниточных веретен и почти 30.000 ткацких станков. Число занятых в хлопчато-бумажной промышленности рабочих определяется почти в 4 млн. человек, а выработка мануфактуры—в 14,6 млн. кусков [1]). Доля национального капитала в этой части промышленности значительно возросла за счет доли иностранного капитала. Надо отметить, что теперешний расцвет китайской текстильной промышленности совпадает с тяжелым кризисом текстильной промышленности других стран: Англии, Японии, Индии.

Японский текстиль, под влиянием бойкота в Китае в Индонезии, повел усиленное наступление на Индию. За первые 4 месяца 1929 г. в Индию ввезено 165 мил. ярдов японской мануфактуры против 85 мил. за тот же период прошлого года. Проводящаяся сейчас по всему миру коренная реконструкция и капиталистическая рационализация текстильной промышленности поставит китайскую текстильную промышленность перед необходимостью вступить в состязание с гораздо более серьезными и опытными противниками, чем теперь. Таким образом, у нас нет оснований рассматривать теперешнее временное оживление текстильной промышленности Китая, как длительный расцвет, ибо оно происходит не по причинам расширения внутреннего рынка и усиления покупательской способности населения.

Положение китайского капитала в других отраслях промышленности значительно хуже. Тяньцзинская мукомольная промышленность попала в полосу тяжелой депрессии, вследствие чего почти все ее мельницы закрыты. Глубокий кризис переживает сейчас китайская табачная промышленность, наиболее здоровая и бурно развивавшаяся в недалеком прошлом. Ее побивает иностранная табачная промышленность. В Шанхае закрылся крупный кожевенный завод. В тяжелом положении продолжает оставаться китайская шелковая промышленность в связи с падением мировых цен на шелк, конкуренцией искусственного шелка и низкой капитализацией и техникой крестьянского хозяйства. Японская шелковая промышленность проводит целый ряд мероприятий, как-то: вздутие цен на сырье, вывоз некоторой его части и пр. с целью добиться мировой монополии и подорвать своего соперника—китайское шелководство.

Характерной чертой нынешнего кризиса китайской промышленности является разорение преимуще-

[1]) Ostasiatische punds, 1 августа.

ственно крупных предприятий параллельно с развитием мелкого производства. Капитализм в Китае продолжает развиваться в условиях отсутствия единого национального рынка и единой системы национального транспорта.

Внешняя и внутренняя торговля.

Во внешней торговле за последнее время наблюдается некоторый рост. Однако, этот рост является временным и чисто случайным, ибо в связи с введением нового таможенного (повышенного) тарифа ввезено большое количество грузов не столько для немедленного сбыта, сколько для использования пока еще низкого тарифа.

Доходы таможни за первую половину этого года дошли до 18,3 млн. таэлей, по сравнению с 51,1 млн. таэлей за первую половину прошлого года. В частности, за июнь этого года доход Шанхайской таможни равнялся 3 млн. таэлей по сравнению с 2,6 млн. таэлей за июнь прошлого года.

Надо отметить, что значительная часть американского экспорта в Китай состоит из муки. За первый квартал 1929 г. Китай закупил у Америки 1 млн. бочек американской муки, став таким образом, самым крупным покупателем этого американского продукта. Это положение свидетельствует о кризисе сел. хоз. Китая: такая аграрная страна, как Китай, которая производит муку в Сев. Китае, теперь благодаря неурожаю, импортирует муку. Тоже и с рисом: этот главный продукт сельского хозяйства Китая сейчас импортируется из Индонезии.

Мы имеем, с другой стороны, интересный рост китайского промышленного экспорта. По данным Индийской таможни за последний хозяйственный год в Индию ввезено 43,7 млн. ф. пряжи, из коих 11,4 млн. ф. ввезено из Китая. Точно так же из Китая ввезено в Индию свыше 13 мил. ярдов бумажных тканей [1]).

В части экспорта в Китае сейчас происходит процесс вытеснения иностранных экспортных фирм туземными: за этот сезон из Шанхая было вывезено 8.000 кип шелка непосредственно китайскими фирмами. Китайские экспортные фирмы накопляют свои капиталы, приобретают опыт в работе, знакомясь с иностранными рынками, с международными методами торговли, законами, приобретая широкие связи и т. д.

Вышеуказанные процессы: усиление промэкспорта и вытеснение иностранных капиталов туземными экспортными фирмами — означают ослабление покупательской способности внутри страны (вследствие чего китайская буржуазия стремится вывезти товар на внешний рынок) и неспособность китайского капитала конкурировать с иностранным капиталом в промышленности (и потому, чтобы компенсировать себя, китайский капитал переходит к конкуренции в области торговой). Помимо этого, путем торговых операций, китайский промышленный капитал стремится покрыть уменьшение прибыли по промышленности и избавиться от уплаты доли торговому капиталу.

Вопросы внутренней торговли Китая тесно связаны с вопросами сельского хозяйства, урожайности, транспорта и т. д. Мы имели в течение первой половины лета засуху, тяжело ударившую по внутренней торговле.

Во Внутренней Моноглии имеются большие запасы шерсти, которая вывозится за границу через порт Тяньцзин, но условия транспорта таковы, что для перевозки товара из Монголии в Тяньцзин требуется больше года.

Рост налогового обложения подрывает торговлю. Несмотря на то, что «ликин» официально отменен, но вместо него введен «на потребление»

[1]) C. R. 29/V.

и другие, фактический размер которых в несколько раз больше прежнего «ликина». В Сев. Манчжурии введен налог в размере 9% на все продаваемые товары.

Цены на товары в Китае растут. В Шанхае цены на рис повысились с 11,90 кит. долларов до 13,60 кит. долларов за пукуль (133 англ. фунта), т.-е. на 25—30%.

Если даже китайская буржуазия добьется улучшения транспорта, построит нужные Китаю железные и шоссейные дороги по всему Китаю, смягчит налоговые обложения, то и тогда без переворота в аграрных отношениях оздоровление хозяйственного организма страны вообще и внутреннего рынка, в частности, невозможно.

Финансовый кризис.

Китай переживает финансовый кризис уже давно. Однако, финансовое положение Нанкинского правительства за последнее время еще более ухудшилось и дошло до самого напряженного состояния. Недавно министр финансов Сун Цзе-вень опять подал в отставку, мотивируя свое решение тем, что отдельные провинции не подчиняются распоряжениям центральной власти по финансовым вопросам и что отдельные генералы совсем бесконтрольно тратят государственные средства. Сун Цзе-вень, приводя все доходы государства, доказывает, что центральное правительство вынуждено жить исключительно на займы. Далее он заявляет, что без контроля над выполнением бюджета в части военных расходов правильное ведение финансового хозяйства невозможно и что результатом бесконтрольного хозяйничания военщины над финансами страны может быть лишь государственное банкротство.

Китайская буржуазия в крупных торговых центрах, в особенности, шанхайская буржуазия, оказала единодушную поддержку Сун Цзе-веню. Банкирские гильдии и торговые палаты выносили резолюции о предоставлении в дальнейшем правительству займов исключительно на производственные цели, о необходимости упорядочить финансовую систему, сократить армию и создать настоящий бюджет.

Чан Кай-ши созвал вторую по счету генеральскую конференцию по вопросу «внутреннего разоружения», которая постановила сократить армию с 2-х миллионов до 800 тыс. человек, а чтобы успокоить буржуазию, вынесла решение о том, что впредь все расходы на военные нужды должны производиться под контролем торговых палат и банкирских гильдий. При помощи этих бумажных постановлений Сун Цзе-вея опять уговорили остаться на посту, после чего 15-го августа был издан новый приказ о размещении нового внутреннего займа в 50 млн. долларов, в связи с осложнениями в военной обстановке.

Нанкинское правительство прилагает все усилия к получению также новых внешних займов. Правительство создало комиссию из высших чиновников для изучения вопроса о задолженности Китая. За работой этой комиссии с лихорадочным вниманием следят империалистические державы. Аналогичная комиссия создана японским министерством иностранных дел. Японская комиссия определяет государственный долг Китая в 2,6 миллиардов долларов. Главным кредитором Китая, по данным этой комиссии, является Япония, за ней следуют Англия, Германия и Франция.

Выколачивание денег из провинций дается Нанкинскому правительству с огромными трудностями. Что касается таможенного дохода, который является одним из основных источников дохода, то, несмотря на формальную автономию, в действительности, он попадает почти целиком в руки иностран-

ного капитала. Кроме того, из остающегося таможенного дохода, вычитывается известная сумма в счет различных контрибуций, компенсаций и проценты за иностранные займы. Таким образом, рассчитывать на таможенные доходы для выхода из финансового кризиса безнадежно.

Конфликт с СССР из-за КВЖД произошел в самый напряженный момент для Нанкина. Этим захватом Нанкин думал поднять авторитет перед мировыми империалистами и перед китайскими народными массами, как правительства «национального», «антиимпериалистического». Подавление антивоенных демонстраций 1-го августа было произведено также с целью показать свою услужливость мировому империализму, но, разумеется, Нанкин, кроме словесных поощрений, никакого более реального вознаграждения от империалистов не получил, и даже больше; «добрый американский дядюшка» прекратил дальнейшую «помощь» голодающим Китая, и тем самым сократил одну из доходных статей китайской власти.

Большое влияние на финансовое состояние Нанкина и экономику Китая в целом оказало падение мировых цен на серебро (основной денежной системой Китая является серебро). На 3-е июня цены на серебро на лондонском рынке упали до необычайно низкого уровня, до $23^{15}/_{16}$ пенса. Средняя цена серебряного шанхайского таэля на нью-йоркской бирже в 1928 г. была 64 ц., в феврале 1929 г. она упала до 62 ц., в апреле—до 61 ц., в мае—до 59 и в июле—до 57 ц. Надо отметить, что это падение цен на серебро не является временным, оно происходит из-за сильно возросшей мировой добычи серебра вместе с уменьшением издержек производства и из-за перехода на систему золотых паритетов в Индии, где имеются громадные запасы серебра.

Все это вместе взятое говорит о том, что финансовый кризис делает положение Нанкинского правительства безвыходным.

Раскол внутри Гоминдана.

Гоминдан никогда не представлял собой единой классовой партии. Раньше он являлся блоком революционных классов, теперь выродился в блок контрреволюционных слоев — помещиков, джентри, ростовщиков, национальной буржуазии и верхушечной части реакционных мелкобуржуазных элементов. Разумеется, между этими пестрыми прослойками Гоминдана не может не быть ожесточенной борьбы из-за классовой гегемонии. Эта борьба целиком отражается в борьбе милитаристских группировок.

После 3-го с'езда Гоминдана нанкинская группа Чан Кай-ши удаляет из ЦК и правительства две наиболее сильные военные группировки, т.-е. группировки Фын Юй-сяна и гуаньсийскую клику. Теперь в Гоминдане и нанкинской власти господствуют две группы: нанкинская группа Чан Кай-ши и сишанская группа Ху Хань-мина. Чан Кай-ши, представитель национальной буржуазии, в борьбе за гегемонию применяет целый ряд тактических мер. Например, для того, чтобы удалить ганьсийцев, Чан Кай-ши заключил компромисс с Фын Юй-сяном, теперь же, чтобы удалить Фына и северный генеральский блок, справа и оппозицию «реорганизационистов» — слева, он всеми силами стремится к союзу с «менее опасным» для него врагом, с «сишанцами». Давая «сишанцам» возможность получить большинство в ряде важнейших центральных органов, Чан Кай-ши тем самым дает им снова возможность укрепиться в их прежней базе — провинции Гуандунь.

Нанкинцы также в известном смысле делают уступки гуансийцам. Так, например, несмотря на полный военный разгром гуансийцев, Нанкин все же оставил провинцию Гуаньси в руках мелких милитаристов гуаньсийской клики. Кроме того, лидер гуаньсийской группировки, сидевший под арестом в Нанкине, бывший кантонский диктатор Ли Цзы-шень в начале августа был не

только освобожден из-под ареста, но и получил почетный пост начальника отдела по назначению и смещению гражданских чинов.

Что касается других северных группировок, то отношение к ним Чан Кай-ши также не одинаковое. Наиболее уступчиво он относится к Янь Си-шань, особенно к Чжан Сюэ-лян, для того, чтобы с их помощью добиться изоляции Фын Юй-сяна. Нанкинский ЦК приказал Янь Си-шань забрать в свои руки все высшие партийные комитеты в провинции Хэбей. В провинциях же Шаньси и Суй-юнь Лянь Си-шань должен назначить новые правительства с его ставленниками во главе. Чжан Сюэ-лян также по приказу Нанкина распускает все партийные комитеты 3-х восточных провинций и производит назначение нового состава, который впредь должен быть исключительно в распоряжении мукденской клики. В отношении советско-китайского конфликта нанкинцы также оказывают некоторые уступки Чжану. К Фын Юй-сяну Чан Кай-ши относится без всяких церемоний. Он проводит усиленную чистку гоминдановского аппарата от сторонников Фына. Провинциальный комитет Шэньси и Хэнана и городские комитеты Пекина, Тяньцзиня и Цзинани совершенно распущены.

Помимо вышеуказанных группировок внутри Гоминдана борьба еще ведется «оппозиционной» группировкой «реорганизационистов», во главе которой стоят Ван Цзин-вей, Чен Гун-бо, Ден Янь-да и пр. «левые». Движение «реорганизационистов» пустило уже глубокие корни на Сев. Китае. Их ядро обосновалось в провинции Сычуань, где издается своя газета и откуда распространяется литература группы по всему Китаю. Недавно эта группа выпустила манифест и об'явила себя партией мелкой буржуазии и рабочих и крестьян. Эта группа об'являет себя против военной диктатуры, за демократизм, за конфискацию земель крупных помещиков, за свободу печати и собраний и т. д. Пока эта группа об'единяет, главным образом, студентов, интеллигенцию, городскую мелкую буржуазию, купцов и пр. Группа в целях борьбы против революционного под'ема использует недовольство масс режимом Чан Кай-ши и ведет не только пропагандистскую работу, но также и подпольную конспиративную борьбу. По сообщениям китайских газет, Ден Янь-да и Чен Кун-бо выехали в Сев.-Западный Китай для организации собственного военного отряда. Для более успешной борьбы с нанкинской властью группа создает даже единый фронт с северными генералами гуаньсийцев и Чан Фа-гуем, а также с антицекистскими лидерами ГМД Чжан Синь-ань, Ню Юй-цзин и т. д.

Чан Кай-ши называет этут группу «реорганизации» приспешниками комунистов, ренегатами сунятсенизма и предлагает их исключить из рядов Гоминдана. Гоминдановский орган часто помещает сведения о деятельности группы рядом с движением коммунистов и клеймит эту оппозицию.

Внутри Гоминдана фактически произошел раскол. В нем существуют две группы: крупная буржуазия, компрадоры, представители крупного торгового ростовщического капитала и помещиков, т.-е. нанкинская группировка с одной стороны и мелкая и средняя буржуазия, представители мелких помещиков и кулаков, группа «реорганизационистов»—с другой. Между этими двумя партиями и ведется ожесточенная борьба за политическую власть при единстве их контрреволюционной позиции в отношении революционного движения рабочих и крестьян.

Новая гражданская война между китайскими милитаристами.

Для того, чтобы понять причины и исход гражданской войны, предпринятой китайской военщиной, нам нужно несколько остановиться на особенностях китайского милитаризма. Все войны милитаристов на территории Китая происходили не столько из-за непосредственных противоречий инте-

ресов самой военщины, сколько, они отражали главным образом противоречия и борьбу империалистов за спиной военщины.

Южный Китай и район вдоль реки Ян-Цзы находится под влиянием гонконгской экономической системы. Милитаристы, находящиеся на данной территории, защищают интересы английского империализма, иначе они не могут удержать свое господство. Сев. Китай, особенно Манчжурия, находится под экономическим влиянием Японии, а потому генералы этой территории являлись прислужниками японского империализма. Средний Китай, область Шанхая и низовья реки Ян-Цзы является спорным пунктом мирового империализма. Все гражданские войны должны в конечном счете превратиться в войны за обладание этой областью, как экономическим и политическим центром страны. Теперь эта область находится, главным образом, под влиянием САСШ и нанкинцы являются прислужниками американского империализма.

Эти же самые факторы определяют и социальный характер милитаристов. Чан Кай-ши с центром в Шанхае и Нанкине, где больше всего развит капитализм, является представителем китайской буржуазии и отчасти северных китайских помещиков-феодалов.

Нынешняя война происходит из-за обострения противоречий между блоками американским и английским, с одной стороны, и японским, с другой, на почве борьбы за колонизацию Китая. Процесс подготовки к этой войне ведется уже давно. Еще в конце июня и начале июля сего года мы имели там два военных союза: союз между Нанкином и Мукденом с одной стороны, и Фын Ю-сяном и Янь Си-шаном—с другой. Фын Юй-сян, в июне месяце выступавший против Нанкина, должен был обязательно обеспечить себе поддержку со стороны Янь Си-шана и его армии, которая занимала важнейшие позиции в тылу армии Фына и была в состоянии даже сравнительно незначительной переброской войск к границам Хэнаня совершенно парализовать всякие действия Фына против Нанкина. Янь Си-шан со своей стороны стоял под угрозой потери Тяньцзинского района, потери выхода в море, столь необходимого каждому китайскому милитаристу. Необходимо вспомнить, что в июне месяце целый корпус Мукденской армии с санкции Нанкинского правительства был двинут к устью реки Байхэ и расположился прямо против крепости Таку, запирающий вход в Тянь-цзинский порт. Янь Си-Шан ясно понимал, что в случае поражения Фына, Нанкин, продолжая свою политику ликвидации всех возможных соперников и крупных милитаристов, должен будет непременно приняться и за него, должен будет совершенно ликвидировать его влияние на севере. Наконец, необходимость для Японии и Англии иметь близкие себе милитаристические группировки для борьбы с Нанкином и его хозяином, Америкой, также толкали вперед создание этого военного союза.

Естественно, при таких обстоятельствах Нанкин и Чан Кай-ши не могли не стараться найти себе таких союзников, которыми можно было бы в любую минуту при помощи переброски войск от Шанхая к Тянь Цзину парализовать Янь Цзи-шана и не позволить ему оказать поддержку Фыну. Общность интересов Чан Кай-ши и Чжан Сюэ-ляна обусловливалась в известной мере деятельностью Америки, прилагавшей усилия к тому, чтобы втянуть Чжан Сюэ-ляна в Манчжурию в орбиту своего влияния. Чжан Сюэ-лян в это время также старался подчеркивать свои американские настроения, что позволяло ему гораздо свободнее маневрировать по отношению к Японии.

Мы знаем, что союз нанкинцев с гуаньсийцами гораздо сильнее союза Фына с Янь, как с точки зрения географической и стратегической, так и с точки зрения финансовой и военного могущества. Поэтому в происшедшем столкновении между этими двумя союзами победителем оказался Нанкин.

После неудачи в этом выступлении Фын решил уехать за границу, Янь готов был следовать за ним, но в этот момент конфликт на КВЖД произвел некоторую перегруппировку сил. Конфликт на К.-В. ж. д. заставил мукденскую группу оттянуть все свои силы к границам СССР.

В результате конфликта на КВЖД страдающей стороной оказалась прежде всего мукденская группировка. Мукден не только не получил тех крупных экономических выгод, которые он ожидал получить от захвата дороги, но столкнулся еще с хаосом на рынке, с полным развалом железнодорожного хозяйства, с угрозой военного разгрома и т. д. Мукденцы ожидают присылки Нанкином «военных подкреплений», с целью захвата Манчжурии. В результате, это вызывает все усиливающееся обострение противоречий между Нанкином и Мукденом, противоречий, которые отталкивают Мукден в антинанкинский лагерь. Другой причиной, способствующей этому перелому, является необходимость для Японии ввести в двойственный союз Фына, Яня и Чжан Сюэ-ляна.

Факт существования этого милитаристического союза уже на-лицо, несмотря на всяческие опровержения на этот счет со стороны гоминдановской прессы. На июньской конференции в Пейпине оформлен этот блок. Отказ Фына и Яня от поездки за границу является результатом создания этого блока. Фын вернул Нанкину 200 тыс. долларов, полученных им на «путевые издержки». После этого Чан Кай-ши совершенно неожиданно покинул конференцию, вслед за ним из Пейпина ушли и остальные два милитариста.

Благодаря созданию этого блока Фын Юй-сян перешел в наступление на Нанкин. Он успешно об'единил все враждебные Нанкину силы, Чжан Фа-гуя, Дан Си-цзи, а также гуаньсийцев, которые уже были разбиты Нанкином. Кроме об'единенных воинских сил, Фына поддерживают и силы оппозиционного блока «реорганизационистов». Новая война будет охватывать всю территорию Китая в форме более ожесточенной и размерах более гигантских, нежели до сих пор. От ее исхода зависит политическая судьба и господство мирового империализма. Мировой империализм направляет своих прислужников на защиту своих интересов, но этот предварительный маневр тихоокеанской войны не может дать разрешения ожесточенной борьбе противоречий между империалистическими хищниками.

Крах „национального реформизма“.

«Было бы неправильно полагать, что вся китайская буржуазия, после ее перехода в лагерь контрреволюции, «компрадоризировалась» и вполне усвоила политику старого помещичье-милитаристского правительства Китая. В силу существующего непреодолимого противоречия интересов самостоятельного капиталистического развития национальной промышленности с интересами империализма, национальная буржуазия не может вполне отказаться от своей платформы национал-реформизма». (Письмо ИККИ к Киткомпартии. Подчерк. мной. *Е. К.*).

Однако, эта попытка потерпела полный крах как в отношении национального капитала в промышленности, так в отношении аграрной реформы и реформистских движений в профсоюзах. Кабальная эксплоатация и чрезмерное налоговое обложение китайского крестьянства, беспрерывные гражданские войны, наводнения, засухи и др. стихийные бедствия привели к полной разрухе сельского хозяйства Китая, разорению и пауперизации китайского крестьянства. Гоминдану, для прекращения крестьянских волнений и для развития товарооборота в стране, а также для успешной борьбы с коммунистическим движением в деревне необходимо провести аграрную реформу.

Гоминдан не раз выносил постановления и выпускал торжественные декларации о понижении арендной платы на 25%, но это до сих пор еще не проведено в жизнь. В провинции Чже-Цзян уже в прошлом году было официально намечено снижение арендной платы на 25%, но июльский пленум ГМД отменил эту меру и постановил вообще отсрочить на 4 года про-

ведение подобного мероприятия. Гоминдан же создал специальную комиссию под председательством Ху Хан-мина для разработки вопросов аграрной реформы, но работы комиссии окончательно обанкротились.

Невозможность для Гоминдана и китайской буржуазии провести аграрную реформу в стране означает неизбежность краха национального реформизма в целом, ибо без оздоровления сельского хозяйства не может быть нормального хозяйственного развития в стране.

Что касается отношения Гоминдана к китайскому рабочему классу, то здесь мы имеем политику исключительного обуздания: с одной стороны, путем непосредственных репрессий, разгрома революционных рабочих и профессиональных организаций, ликвидации тех завоеваний, которые рабочий класс приобрел во время под'ема революции, с другой стороны, через созданные Гоминданом монополистические профессиональные союзы. Но реформизм в китайском рабочем движении не имеет базы для своего развития.

Словесные утешения со стороны желтых, профсоюзных бюрократов не могут долго обманывать китайские полуголодные рабочие массы. Усиление эксплоатации со стороны капитала, увеличение рабочего дня, уменьшение реальной зарплаты, увеличение безработицы и т. д. разоблачают реформистские иллюзии рабочего класса. «Левый» Гоминдан, «реорганизационисты» и так называемая «третья партия» Тан-Пин-Сан, на словах против Нанкина и «реакционного» Гоминдана, на деле является лучшим помощником национального реформизма, ибо имеют возможность теперь, когда официальный Гоминдан все больше и больше разоблачается среди рабочих масс, спекулировать на своей позиции, реабилитировать Гоминдан. «Левый» Гоминдан в настоящее время во многих крупных центрах (Шанхай, Тянь-Цзин и пр.) начинает приобретать превалирующее влияние в гоминдановских профсоюзах, вытесняя нанкинцев. Однако, несмотря на все это, красные профсоюзы имеют еще больший успех среди рабочих масс. В крупнейших пролетарских центрах мы имеем оживление политических стачек под коммунистическими лозунгами и активизацию революционной борьбы китайского рабочего класса.

Без сомнения, рабочее движение Китая, подвергшееся в течение последних двух лет неслыханным депрессиям, снова переходит в полосу под'ема. Гоминдану и китайской контрреволюции не удастся «воспитать» китайских рабочих и крестьян, которые уже не надеются на гоминдановские реформы, как выход из своего бедственного положения.

> «Миллионы населения приобрели практический опыт в самых разнообразных формах действительно массовой и непосредственной революционной борьбы до «всеобщей стачки», изгнания помещиков, сожжения их усадеб, открытого вооруженного восстания... учет этого опыта массами— невидимый, тяжелый и медленный процесс, играющий гораздо более важную роль, чем многие явления на поверхности политической жизни государства (Ленин—«К текущему моменту». Т. XI, ч. II).

Китайские рабочие и крестьяне понимают, что без революционной борьбы, вооруженного восстания для свержения помещичьей, буржуазной власти — нет пути для своего спасения [1]).

---

[1]) Настоящая статья написана месяц назад. Последующие информации, несмотря на частичные поверхностные изменения, лишь подтверждают сделанные мной выводы.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

И. ДАВЫДОВ.—Абстрактный труд в учении Маркса о стоимости. Изд. „Прибой" 1929 г.

Дискуссия в области политической экономии вызвала уже довольно обширную литературу. Рецензируемая книга посвящена одной из основных проблем политической экономии и одной из центральных проблем дискуссии. Автор занят почти исключительно критикой существующих вариантов в понимании этого вопроса. Свою точку зрения он развивает лишь в этой связи, однако, он выражает ее достаточно ясно. Позиция «беспримесного социологизма», как называет ее сам автор, интересна в данном случае тем, что представляет, как и механистическая точка зрения, извращение существа марксистских положений. В одном случае мы имеем вульгарно-материалистическую, в данном же случае формально-идеалистическую «перелицовку» Маркса. С этой стороны книга и заслуживает внимания.

Прежде всего должно быть отмечено чуждое Марксу противопоставление абстрактно-аналитического метода, как точки зрения статики, диалектическому методу, как точки зрения динамики. Вот некоторые заявления автора на сей счет:

> «Изучайте этот об'ект (чистый капитализм. *С. К.*). как он дан вам в очертаниях, выведенных резцом абстрактно-аналитической мысли... В следующее мгновение «статическое» вы бросаете в водоворот неустанного становления—вы воздаете должное (?! *С. К.*) диалектическому методу» (стр. 165).

Это: что же, вроде евангельского: «воздайте кесарю кесарево»...?!

В другом месте мы читаем:

> «... пути движения абстрактно-аналитической мысли и мысли диалектической диаметрально противоположны (разрядка наша. *С. К.*) (стр. 166).

Можно умножить число цитат, но и без того ясно, что автор, весьма нескромно указывающий всем на их элементарные ошибки в области социологии и философии, сам оказывается, мягко выражаясь, не совсем марксистски грамотным. Аналитический метод можно противопоставлять лишь синтетическому. Причем оба они составляют лишь моменты диалектики. Далее, статику меньше всего можно противопоставлять диалектике, как динамике, ибо, как известно, покой есть частный случай движения. Своими противопоставлениями автор обнаруживает формально-логическое непонимание марксистской диалектики. И это не случайно.

Нельзя понять марксизма, если стоять на точке зрения сочетания Маркса и Канта. А автор стоит на этой точке зрения и не скрывает этого:

> «Здесь (в марксистском учении о форме стоимости *С. К.*), веет духом Гегелева и Кантова (!) (разрядка наша. *С. К.*) учения о форме. Тем именно духом, которым, как яркими солнечными лучами, пронизано все учение о «товарном фетишизме» Маркса, а, следовательно, все его экономическое учение» (стр. 52).

Тут сразу три открытия. 1) что Гегелево и Кантово учение о форме — одно и тоже, 2) что Маркс конечное обоснование свое находит у Канта и 3) что методологические корни теории «товарного фетишизма» нужно искать в философии Канта. До сих пор мы «привыкли» думать, что Гегель дал уничтожающую критику Канта, принятую в ряде основных положений Марксом и марксистами.

До сих пор мы «привыкли» считать, что методологические корни теории «товарного фетишизма» лежат в диалектическом материализме а не в трансцендентальном идеализме.

Нужно ли после этого удивляться, что на основе кантианского понимания, т.-е., следовательно, извращения Маркса, автор разворачивает такую «беспримесную социологическую трактовку категорий политической экономии, которая оказывается «без примесей» марксизма. Недостаток места не позволяет подробно остановиться на том идеалистическом винигрете, приправленном марксистской фразеологией, который выдает якобы за подлинный марксизм. Рассмотрим кратко некоторые моменты.

Все построения изобличают автора, как идеалиста, который воспринимает диалектику лишь формально-логически. Не угодно ли полюбоваться на такое об'яснение разногласий среди марксистов-экономистов:

«Причина разногласий (причина, а не что-нибудь! *С. К.)* кроется в том, что сторонники натуралистического направления не уяснили себе, что в понятии, формально-логически между социалогическими и натуралистическими категориями нет ничего общего: от технологии, от физиологии, вообще от натурализма, как такового, нет внутренне непротиворечивого перехода к социологии, а, следовательно, и к политической экономии. Они в понятии (курсив наш. *С. К.)* (совершенно)... отличны друг от друга» (стр. 6).

— «В понятии»! «Формально-логически»!! Такие положения приводятся курсивом как существо, как причина борьбы с механистами. В этом построении нет решительно ничего общего с материалистической диалектикой. Ведь основным для материалиста должно быть сопоставление с действительным ходом вещей, анализ соотношения двух процессов (социальных и технических) в их реальном движении. И борьба с механистами идет именно потому, что они не понимают сложных соотношений в реальном развитии, что они мешают в одну кучу процессы различного качества. Поэтому, мы видим у механистов не диалектическую связь производительных сил и производственных отношений, из которых каждое проанализировано во всем их качественном отличии, конкретном многообразии и многосторонности, а механистическое об'единение, смешение этих процессов.

Наш же автор переводит сначала все в плоскость формально логическую, затем метафизически противопоставляет социологию и технику и думает, что именно в этом вся мудрость марксизма. Этим он попадает в другую крайность методологически того же порядка, что и вульгарный материализм. Не будем умножать цитат. Отсылаем читателя к стр. 14, 15, 18. Ясно одно: нельзя безнаказанно соединять Канта и Маркса.

Упомянутое метафизическое противопоставление не случайно у автора. Оно составляет одну из основ его аргументации. Относя все неудобное ему в субстрат-предпосылку, он пытается весьма легко отделаться от трудных проблем. Также просто выносятся «за скобку» производительные силы. Производительные силы и техника не составляют предмета политической экономии. Это элементарное положение марксизма. Но делать отсюда вывод, что от них нет никакого перехода к производственным отношениям, что это два мира, раз'единенных пропастью— так рассуждает лишь метафизик. Школа кантовских категорий тяготеет над автором. Вот еще один пример для довершения:

> «Природа» и «техника»... не более как натуралистическая предпосылка товарно-капиталистического производства, но она не образует его «субстанции». Другими словами, товарно-капиталистический способ производства и простой процесс труда в понятии (!! *С. К.)* не имеют между собой ничего общего, они несоизмеримы между собой, они в основных своих чертах глубоко отличны друг от друга».

Тут снова метафизическое понимание соотношения производительных сил и производственных отношений. Но послушаем дальше:

> «Но реально, фактически они сливаются в один клубок, и лишь абстрактно-аналитическая мысль отпрепарирует четко их друг от друга и превратит в особые несоизмеримые между собой категории» (стр. 18).

Никакой, следовательно, непроходимой пропасти в действительности нет. Существует лишь один клубок. И только наша мысль превращает их в несоизмеримые категории. Чем это отличается от кантовского учения о категориях, вносимых нашим рассудком в хаос мира? Материалистическая диалектика «немного иначе» ставит вопрос: она исследует качественно различные процессы, представляющие стороны, отдельные грани единого процесса жизни. Наши мыслительные категории лишь отражают, воспроизводят в нашей голове эти разные стороны действительного развития.

Поэтому нужно отвергнуть метафизическую «несоизмеримость» категорий, т. к. разные процессы одной действительности превращаются здесь в разные миры. Во-вторых, нужно отбросить все то понимание категорий, взятое у Канта какое преподносится нам автором.

Автор извращает самые основные положения марксизма. Он пишет:

> «В товарно-капиталистическом производстве как таковом, т. е. в понятии товарно-капиталистического производства, нет ни грана ни от «природы», ни от «техники». Та и другая лежат за пределами товарно-капиталистического производства» (стр. 18).

А в другом месте еще отчетливей:

> «Производительные силы суть «предпосылка», основа «производственных отношений», но, как категория натуралистическая, она не входит в содержание этого последнего понятия, носящего социальный характер» (стр. 85).

Автор настолько крепко впитал в себя формально-идеалистическую методологию, что совершенно незаметно для себя подставляет, вместо производства, понятие этого производства и все доказательство и анализ переводит в плоскость чистейшего умозрения. Нет ничего удивительного, что он и здесь наговорил ворох идеалистического вздора. Техника лежит у него за пределами производства. А так как к технике автор сводит и производительные силы, то и они оказываются за пределами производства. Следовательно, там, где производительные силы и производственные отношения существуют в живом единстве, у автора рассечение, полное непонимание их связи и отсюда—извращение марксистской категории производства. У Давыдова получается, далее, что производительные силы являются категорией не социальной и исторической, а натуралистической. С этой точки зрения совершенно непонятно основное положение истмата, что развитие производительных сил определяет развитие производственных отношений. Как может социальная и историческая категория изменяться под влиянием категории, не имеющей, во-первых, никакого отношения к обществу, лежащей целиком в «природе» и исторически неизменной? Это остается тайной автора. Но это свидетельствует во всяком случае о том, что автор не понял азов марксизма.

Производительные силы—категория и социальная и историческая, но она отражает отношения человеческого общества к природе, в то время как производственные отношения представляют отношения внутри человеческого общества на основе отношения последнего к природе. Если встать на ту точку зрения, что отношение-де к природе всегда существует, то в такой же мере «внеисторичны» и производственные отношения вообще, ибо человек всегда производит не как Робинзон, а как элемент общества. Производство всегда общественно.

Механисты, вульгарно понимая материализм, валят в хаотическую кучу производительные силы и производственные отношения и думают, что этим они остаются на материалистической основе в понимании предмета политической экономии. Формалисты—идеалисты, представителем которых является разбираемый автор, желая избегнуть «натурализма», метафизически разрывают производительные силы и производственные отношения и думают, что этим создается истинная основа для политической экономии. Они также вульгарно понимают материализм. Поэтому, у них и получается: 1) что производительные силы это «натурализм», 2) что производственные отношения не имеют никаких точек соприкосновения с производительными силами, что это принципиально чуждые друг другу явления.

Общее у обоих направление—непонимание материалистической диалектики, хотя и с разных, полярных, как будто, точек зрения.

Взглянем теперь на политическую экономию Давыдова в действии. Начнем с абстрактного труда и его содержания. Автор приводит два таких ряда: «стоимость»—абстрактный труд—труд вообще» и обратно «труд вообще—абстрактный труд—стоимость» (41). «Абстрактный труд...—«труд вообще», преломившийся в призме товарно-капиталистических отношений» (169). Как-будто ясно: «труд вообще» входит в содержание абстрактного труда. Но что же такое «труд вообще»? «Труд вообще, труд как натуралистическая категория» (170). «Труд вообще» не содержит в себе ни грана от «общественной определенности» и, выражая закон вечного отношения человека к «природе, завершается созданием потребительской стоимости» (100).

> «Отбросим товарно-капиталистические отношения—и категория «труда» тем самым снова превратится в естественно-историческую логическую категорию, она снова будет выражать лишь закон вечного отношения «человека» к «природе», вечный процесс обмена веществ между ними» (128).

Но т. к. «натуралистическое», «природа» не имеет, по мнению автора, никакого отношения к социальному, то абстрактный труд остается лишь формой, содержание которой автор так и не в состоянии был определить все его определения «труда вообще» неизбежно приводят к «природе», к потребительной стоимости.

В борьбе с механистами Давыдов приходит к тому, что превращает абстрактный труд в категорию, которую можно выделить лишь умозрительно, лишь как форму. Он не понимает того обстоятельства, что труд, даже если отвлечься от данной определенной исторической формации, не превращается только в затрату энергии в физиологическом смысле. Человеческий труд и в этом случае остается трудом общественным.

Труд есть затрата человеческой рабочей силы, а живые люди вообще (в капиталистическом обществе рабочие) являются в то же время основной про-

изводительной силой. Если же производительные силы считать исключительно натуралистической категорией, то остается одно из двух: или включить труд, как физиологическую затрату в содержание абстрактного труда, или, убегая от вульгарщины, исключать из абстрактного труда всякое трудовое содержание, тогда абстрактный труд превращается в умозрительную форму. Метафизическое разрывание производительных сил и производственных отношений заводит лишь в дебри идеализма и делает бесплодными попытки бороться с механистическим извращением Маркса.

Особенно резко выступает беспомощность автора в вопросе о величине стоимости. Весь анализ (стр. 132—137) представляет собой самые жалкие увертки от существа. Вопрос об изменении величины стоимости связан в конечном счете с движением производительных сил, с изменением техники. Именно поэтому стоимость выполняет для товарного общества роль стихийного регулятора в распределении массы общественного труда. Если же отнести производительные силы к «натуралистическим» категориям и разорвать всякую связь их с производственными отношениями, то остаются совершенно лишенными основания все рассуждения автора об учете затрат труда в плановом обществе, о стихийном «учете» в товарном обществе. На какой основе происходит учет, почему, в какой связи меняются условия и пропорции распределения массы общественного труда? Автор не идет дальше таких положений.

> «Берется, с одной стороны, как некоторая единая целокупность «общественное рабочее время, берется, с другой стороны, некоторая часть этого целокупного общественного рабочего времени; эта часть относится затем к целому. Как следует мыслить это отнесение к целому? Мы берем совокупное общественное рабочее время. Из этой целокупности мы как бы делаем, затем, вырезок, берем некоторую часть, приурочивая ее к данному «товару или стоимости» (стр. 133).

Спросим далее автора, почему берется «некоторая часть», почему не точно определенная часть? На каких основах эта «некоторая часть» выделяется из совокупного рабочего времени? Как велика, наконец, эта часть? Вопрос о величине центрального в данном случае так и не решен. Дальше. Что это значит: «Мы как бы делаем вырезок»? Чем мы тут руководствуемся? Что это за вырезок? Автор очень щепетильно поучает всех точностям словоупотребления, приводит сам совсем ничего не выясняющее обозначение. Все положение об определении количества, величины, стоимости остается в пределах предположений и допущений, основанных на произвольном усмотрении исследователя. Никакой общественной закономерности, об'ективной и отчетливой так и не получается. А все потому, что автор пытается дать идеалистическую концепцию и выбрасывает то, что составляет зерно вопроса в величине стоимости: как движение производительных сил прокладывает себе путь и находит выражение в системе производственных отношений в товарном обществе. Вместо анализа, автор дает ворох уверток и пустую болтовню вроде только что приведенной.

Естественно, что такими аргументами нельзя опровергнуть «техницизма» Кажанова.

Критикует автор и Рубина, понятно, со своей формально-социологической точки зрения. Он видит ошибку в том, что в категорию абстрактного труда Рубин привносит элементы от «натурализма от технологии», т.-е. как раз там, где Рубин стоит на правильном пути, где он в правильном направлении решает проблему формы и содержания а также проблему соотношения производительных сил и производственных отношений. Именно в этом направлении Рубин должен доработать и уточнить свои построения. Давыдов же хочет тащить Рубина к формалистическому выхолащиванию марксизма. Сам Давыдов стоит на этом пути обоими ногами.

Интересно, далее, что «беспримесный социолист» и механисты одинаково критикуют Рубина касательно роли обмена. У Рубина и в 3-м издании «Очерков» есть формулировки, дающие повод для обвинения его в противоречиях и неясностях. Мы не считаем, кстати говоря, что в «Очерках» развивается «меновая концепция». Но Давыдов своей критикой показывает, что он, как и механисты, понимают плоско, метафизически соотношение производства и обмена. Он только противопоставляет их. Обмен механически, формально связан у него с производством. Здесь крайности опять любопытно сходятся.

Но полную свою беспомощность Давыдов обнаруживает в критике Петри. Давыдов в своей концепции оказывается настолько родственным Петри, что не находит ни слова, ни аргументов для его критики.

> «Теоретическая генеалогия Петри приводит нас через Риккерта, Штаммлера, к критицизму Иманнуила Канта. Это, в одно и то же время сильная и слабая сторона построений Петри» (145).

Ниже автор хвалит Петри, что он лучше многих экономистов-марксистов понял сущность абстрактного труда. Отсюда не остается никакого другого вывода кроме того, что именно тот факт, что Петри кантианец, дает ему возможность лучше проникать в построения Маркса, чем многим другим. В этом выводе нет ничего удивительного, если вспомнить, что сам Давыдов говорил о соотношении Маркса и Канта. Поэтому, поистине смехотворны его возражения на то положение Петри, что учение Маркса о товарном фетишизме имеет своим «крестным отцом» Канта. Давыдов приводит при этом лишь тот единственный аргумент, что у Петри связь между Марксом и Кантом «носит чисто механический характер» (стр. 158). А он, Давыдов, якобы видит ту переработку, которой Маркс подверг и Гегеля и Канта. Давыдов забывает упомянуть, что и Петри[1]) говорит об «опосредствовании» Канта долгим историческим процессом, «в особенности же Гегелем». Аргумент Давыдова оказывается лишь уверткой. Он старательно замазывает тот факт, что свою идею о том, что теория товарного фетишизма коренится в философии Канта, он заимствовал целиком и полностью у Петри. Понятными поэтому становятся и те «оправдания» за Маркса, которые Давыдов высказывает Петри в ответ на положение последнего о дуализме метода Маркса[2]). Давыдов не может даже понять, что для кантианца Петри всякая связь с материальным процессом производства есть грехопадение «чистой» социальной формы, которую он понимает, как категорию вносимую «волящим суб'ектом», «суб'ектом права». Впрочем, Давыдову и невозможно понять этого, т. к. он сам, как мы видели, стоит на той же точке зрения в понимании социальных отношений.

> «Нельзя, конечно, согласиться с Петри, что для Маркса понятие стоимости имеет значение лишь как средство анализа общественных отношений» (стр. 158).

«Конечно»—тут звучит божественно. Это положение указывает, с какой стороны Петри критикует «дуализм» Марксовой теории стоимости.

Но «беспримесный социологист» Давыдов может лишь «извиняться» за Маркса, не понимая того, что Маркс «дуалист» для идеалиста Петри. Давыдов же посредством все того же «субстрата» доказывает, что все благополучно, что у Маркса есть именно тот «беспримесно-социологический» монизм, какого требует от него Петри.

> «Петри не понял ни учения об обществе Маркса, ни учения о стоимости, как регуляторе меновых отношений самостоятельных товаропроизводителей. Но это не помешало ему (Так! *С. К.*) выработать отчетливое (! *С. К.*), в основном правильное (!! *С. К.*) понимание категории абстрактного труда» (146).

Таким образом Давыдов избавляет нас от труда долго доказывать, что у него, как и у Петри формалистическое понимание абстрактного труда. Абстрактный труд оказывается пустой формой, «отношением», в конечном счете, мыслительной категорией. Из него вытравлена всякая связь с материальным процессом производства с развитием производительных сил, с совокупным общественным трудом. Если абстрактный труд понимать, как кантианскую категорию, как «идеальную» «форму», то для такого понимания не нужно знать Маркса и не нужно понимать основ его теории исторического материализма. С точки же зрения подлинного марксизма дикой нелепостью звучит заявление, что Петри не понял ни учения Маркса об обществе, ни учения о стоимости, но о т ч е т л и в о понял абстрактный труд. Как можно понять проблему, на которой покоится, как сказал Маркс, в с е понимание фактов, не поняв самых основ марксовой методологии. Непонимание метода закрывает дорогу к марксовой экономической теории. Петри и Давыдов демонстрируют это нагляднейшим образом. По Давыдову же, наоборот, непонимание метода Маркса, его материалистической диалектики «не мешает» понимать основы марксизма.

Несмотря на пустые увертки и болтовню, вместо аргументации, Давыдов думает, что он доказал бесплодность попытки Петри дать «критическое» истолкование Маркса. Мы полагаем, что Давыдов лишь продемонстрировал свое методологическое единство и согласие в основах концепции с Петри. Но чем же у Давыдова, однако, об'ясняется эта «бесплодность» всех построений Петри. Оказывается в конечном счете тем, что «нельзя в каузально-генетическую трактовку социальный проблемы вносить критерий целеполагающего угла зрения, не извращая тем самым природы и характера самой проблемы» (162).

Дело, следовательно, «только» в том, что у Маркса исследование об'ективных причин возникновения, а Петри «вносит» еще момент цели. Тут нужно, во-

1) См. стр. 42 русского перевода.
2) См. стр. 157 у Давыдова.

первых, заметить, что Давыдов готов принять определение абстрактного труда Петри, но ему не нравится, что они «нанизаны» на «суб'екта права». По Давыдову, видимо, можно «перенизать» на другую нитку, а «бусы» все взять у Петри. Во-вторых, Давыдов, отвечая Петри в другом месте, замечает, что момент цели и воли также даны у Маркса, но в иной связи (см. стр. 153).

Все это вместе взятое позволяет сказать, что Давыдов не понял, что теории Маркса и Петри находятся «в разных измерениях», что их разделяет пропасть. Формальные моменты, заимствование терминов не может прикрыть того факта, что у Петри вложено во все эти термины совсем иное, принципиально чуждое содержание. Дело не в том, что внесен «целеполагающий угол зрения». Это производная «мелочь». Суть то в том, что один идеалист—кантианец, другой—диалектический материалист, что говорят они на разных языках и исследуют разные вещи. Ничего этого Давыдов не понял.

В заключение,— один пример «критики» механистов.

Особенности «товара, как товара, стоимости, как стоимости, кроется не в материальном, а в сверхчувственном... Поэтому для Марксова учения о стоимости совершенно неприемлема формулировка (Кажанова) «материальная природа стоимости»—пусть даже с прибавкой «общественно»; природа стоимости есть именно «сверхчувственная», хотя и фетишизированная». 123). Материализацию общественной формы Давыдов рассматривает как ее грехопадение в товарном обществе (стр. 156). с противоположного конца. Но мы сталкиваемся и здесь с вульгарным пониманием материи. Не спасают автора и ссылки на Маркса (напр., стр. 6—7). Маркс говорит, что в форму стоимости не входит вещество товара, данное природой. Отсюда, только при вульгарном понимании материи можно думать, что общественное не есть материальное. Оно и понятно: идеалист не способен иначе мыслить «грубую материю». Нет нужды доказывать, что с этой точки зрения должна оказаться бесплодной критика механистов. Вовсе не в том их ошибка, что они и общественные отношения считают материальными, а в том, что они понимают материю не как диалектики. В категории стоимости и абстрактного труда, отражающих производственные отношения, механисты привносят производительные силы, чтобы «покрепче» была материальная база.

Формалистический идеализм и механистический материализм—эти два антипода с общими методологическими корнями лишь питают и укрепляют друг друга.

Диалектический материализм борется и с тем и с другим.

Концепция Давыдова оказывается, в конечном счете, кантианским формализмом. Нужно ли доказывать, что эта концепция совершенно чужда марксизму.

С. КРУГЛИКОВ.

КОНСУЛЬТАЦИЯ.

Некоторые вопросы диктатуры пролетариата в освещении правых.

(Ответ тов. С. Рыбакову).

Вопросы, поставленные в вашем письме в редакцию «Большевика», могут быть разделены на две группы: о ленинском понимании диктатуры пролетариата и диктатура пролетариата в оценке правых. Разберем эти вопросы по порядку.

Есть ли диктатура пролетариата диктатура меньшинства над большинством или же большинства над меньшинством?

Вы сообщаете, что докладчик на собрании вашей ячейки, говоря о диктатуре пролетариата, заявил: «диктатура пролетариата есть диктатура меньшинства над большинством в интересах этого меньшинства», а в заключительном слове, после критики, докладчик «поправился» и сказал: «диктатура пролетариата есть диктатура меньшинства в интересах большинства».

Надо сразу же заявить, что как первая, так и вторая формулировка совершенно неверны, путаны и просто безграмотны.

Неверны эти формулировки по следующим причинам.

Пролетариат, захвативший власть, осуществляет диктатуру, «диктаторствует» н а д буржуазией городской и деревенской, короче, н а д э к с п л о а т а т о р а м и, угнетателями всех трудящихся.

Отсюда должно быть ясно, что диктатура пролетариата есть диктатура эксплоатируемого большинства над эксплоатирующим меньшинством, т. к. вся буржуазия вместе с остатками помещиков составляет, по отношению к пролетариату, и тем более по отношению ко всем трудящимся, незначительное меньшинство населения.

В. И. Ленин в своей работе «Государство и революция» писал: «при капитализме мы имеем государство в собственном смысле слова, особую машину для подавления одного класса другим, и притом большинства меньшинством..., при переходе от капитализма к коммунизму подавление е щ е необходимо, но уже подавление меньшинства эксплоататоров большинством эксплоатируемых», и дальше он писал, что это есть (диктатура пролетариата) государство «в ч е р а ш н и х наемных рабов» [1]. (Подчеркнуто везде Лениным).

И еще более подробно Ленин писал об этом в своих тезисах к докладу на первом конгрессе Коминтерна «О буржуазной демократии и диктатуре пролетариата». В 14 тезисе, проводя разницу между диктатурой пролетариата и диктатурой других классов, он говорит:

> «Основное различие между диктатурой пролетариата и диктатурой других классов — диктатурой крупных землевладельцев в средние века, диктатурой буржуазии во всех цивилизованных капиталистических странах,—состоит в том, что диктатура крупных землевладельцев и буржуазии представляла собой насильственное подавление сопротивления большинства населения, а именно трудящихся масс, между тем, как в противоположность этому диктатура пролетариата есть насильственное подавление сопротивления эксплоататоров, т.-е. явного меньшинства населения — крупных помещиков и капиталистов. (Т. XVI, стр. 43).

Итак, диктатура пролетариата есть диктатура эксплоатируемого большинства над эксплоатирующим меньшинством, т.-е. господство пролетариата над буржуазией и помещиками.

Вашего докладчика, вероятно, сбило с толку, то своеобразное положение, в котором находится пролетариат СССР. Из полутораста миллионного населения, примерно, только десять миллионов являются пролетариями, а подавляющее большинство нашего Союза составляет крестьянство.

Поэтому, рассуждал, должно быть, докладчик: сказать, что диктатура пролетариата есть диктатура большинства, значит сказать, что это есть диктатура не только пролетариата, но и крестьянства. Между тем, Ленин и партия учат, что пролетариат власти ни с кем не делит. Выходит, что тут, как будто бы имеется противоречие. Но это только «как будто бы», а на самом деле никакого противоречия здесь нет. Пролетариат осуществляет диктатуру в союзе со всеми трудящимися, т.-е., главным образом, с крестьянством, (беднейшим и средним). Крестьянство в целом в свое время было непосредственно заинтересовано в уничтожении помещиков.

---

[1]) Ленин, т. XIV, ч. II, стр. 370, изд. 1.

Сложнее обстоит дело с отношением крестьянства к капитализму. Большинство крестьян с развитием капитализма в сельском хозяйстве разоряется; на место десятков миллионов мелких крестьянских хозяйств становятся крупные капиталистические с.-х. фабрики, подавляющая же масса крестьянства превращается в пролетариев (яркий пример этого дает с.-х. Америка).

Но, крестьянин, не только трудящийся, он вместе с тем владелец орудий производства и товаровладелец.

Как трудящийся, он заинтересован в уничтожении капитализма, как мелкий собственник, он надеется стать крупным, и с этой стороны он заинтересован в развитии капитализма. Товарная природа крестьянского хозяйства постоянно порождает капитализм.

Но крестьянин (бедняк, середняк) остается все же трудящимся. Поэтому оно заинтересовано в уничтожении капиталистического строя. Но, самостоятельно свергнуть помещиков и капиталистов, а особенно, организовать новое, социалистическое общество, крестьянство не может.

На это способен только один класс — пролетариат. Но без поддержки крестьянства пролетариат также не справится с помещиками и буржуазией. На этом взаимном интересе и основан союз рабочего класса с крестьянством.

Диктатура пролетариата, рассматриваемая с этой стороны, есть союз рабочего класса с крестьянством.

«Диктатура пролетариата, есть своеобразная форма классового союза между пролетариатом, авангардом трудящихся, и многочисленными непролетарскими слоями трудящихся (мелкая буржуазия, мелкие хозяйчики, крестьянство, интеллигенция и т. д.) или большинством их, союза против капитала, союза в целях полного свержения капитала ,полного подавления сопротивления буржуазии и попыток реставрации с ее стороны, союза в целях окончательного создания и упрочения социализма. Это — особого вида союз... союз между неодинаковыми экономически, политически, социально, духовно классами» (Ленин, т. XVI, стр. 241).

Союз еще не означает раздела власти. Беднейшее и среднее крестьянство, как союзник, помогает пролетариату в проведении его (пролетариата) диктатуры, поддерживает его, т. к. диктатура направлена против их общего врага—капиталистов и помещиков.

Но руководство в этом союзе остается за пролетариатом. Власть, вся политика остается по своему классовому существу пролетарской. Следовательно, пролетариат, ни с кем власти не делит. Пролетариат всюду обеспечивает за собою руководящую роль. Этим, между прочим, об'ясняется и другой вопрос, затронутый вами, как бы мимоходом — о больших политических правах пролетариата, предоставляемых ему Советской Конституцией (большее представительство в советах от меньшего, чем в крестьянских районах, числа избирателей).

Дальше вы сообщаете, что докладчик, дав «свое» определение диктатуры пролетариата и «подкрепив» его цитатой из Ленина, что диктатура пролетариата есть упорная, кровавая, бескровная и т. д. борьба, заявил: «И все это направлено на уничтожение мелкого производителя».

В такой форме, это положение недостаточно и поэтому неверно. В задачу диктатуры пролетариата входит не только разрушительная работа, ломка буржуазного строя, но и положительная — создание нового социалистического общества. А это есть, если хотите, «уничтожение» мелкого производителя, но уничтожение, коренным образом отличающееся от капиталистического уничтожения. Там мелкий производитель просто разоряется, здесь же бедняцко-середняцкое хозяйство на базе своего роста переделывается, обобществляется, и, таким образом, индивидуальное хозяйство «уничтожается», но на принципиально иной, чем капиталистическое хозяйство основе». Борьба между рабочим классом и крестьянством при этом не исключается, но идет она по частным, преходящим вопросам и поэтому она вмещается при правильной политике пролетариата в рамки союза рабочего класса с бедняцко-середняцким крестьянством.

Диктатура пролетариата в освещении правых.

Дальше, вы пишете, что после того, как докладчику было сделано возражение против его «трактовки» вопроса о пролетарской диктатуре, то он заявил: «Если верна формулировка—диктатура пролетариата есть диктатура эксплоатируемого большинства над эксплоатирующим меньшинством, то я скажу, — да здравствует правый уклон». Если вы верно сообщаете точку зрения вашего докладчика, то он безбожно путает, он слышал звон, да не знает где он. Должно быть краем уха слыхал, что правые ревизуют учение Ленина в ряде вопросов, в том числе и учение о диктатуре пролетариата, слыхал, а разобраться не потрудился, ну и напутал.

Диктатура пролетариата — целая эпоха, лежащая между капитализмом и социализмом. Пролетарская диктатура есть государство переходного периода, это эпоха перехода от классового к бесклассовому обществу.

Ревизия ленинизма правыми в этом вопросе, прежде всего и главным образом, идет по линии оценки характера переходного периода, оценки соотношения классов и характера классовой борьбы в эту эпоху.

Ленин учил, что с захватом пролетариатом власти, классовая борьба не прекращается на известных этапах, принимая самые обостренные формы. До тех пор, пока классовые враги пролетариата не добиты окончательно и корни капитализма не выкорчеваны, они с каждым новым наступлением социализма будут оказывать ожесточеннейшее сопротивление, усложняя формы, методы и приемы классовой борьбы.

История борьбы классов не знает примеров, когда бы классы добровольно уходили с исторической арены, добровольно оставляли свое господство. Только силой, только через ожесточенную борьбу один общественный класс заступает место другого.

Ленин в своем конспекте брошюры «О диктатуре пролетариата» писал:

«1. Основной источник непонимания диктатуры пролетариата «социалистами»—это недоведение ими до конца идеи классовой борьбы (сравни Маркс, 1852).

«Диктатура пролетариата есть продолжение классовой борьбы пролетариатом, в н о в ы х формах. В этом гвоздь, этого не понимают. Пролетариат—н о в ы й класс—один п р о д о л ж а е т вести свою классовую борьбу».

«2. Государство лишь—орудие пролетариата в его классовой борьбе—особая дубинка, и ничего больше. (Ленинский сборник, III, стр. 500—501).

Дальше, Ленин, определяя формы классовой борьбы при диктатуре пролетариата, на первое место ставит задачу «подавления сопротивления эксплоататоров. Об этом, — говорит Ленин, — как о задаче (и содержании) э п о х и вовсе забывают оппортунисты и «социалисты». Сопротивление эксплоататоров начинается до их свержения и обостряется после». (Подчеркнуто везде Лениным).

Борьба классов в эпоху диктатуры пролетариата достигает высших форм ожесточения (сравни стр. 501 «Сборника», III).

А как эпоху пролетарской диктатуры понимают правые?—Совсем по-другому. Для них с захватом пролетариатом власти наступает эпоха мирного сожительства классов, мирного соревнования экономических форм. Классовая борьба на второй день после захвата власти начинает будто бы итти вниз, она затухает, а капиталистические элементы (в частности кулачество) мирно врастают в систему социализма.

Вот, например, глава правой оппозиции, ее теоретик т. Н. И. Бухарин считает, что теперь функции классовой борьбы стали иные, чем до захвата власти. «П о л у ч и л о с ь н е к о т о р о е д и а л е к т и ч е с к о е и з м е н е н и е ф у н к ц и й к л а с с о в о й б о р ь б ы, и и м е н н о п о э т о м у м ы п р и п у с т и л и б у р ж у а з и ю к с о т р у д н и ч е с т в у»[1]).

Ленин говорит, что классовая борьба меняет т о л ь к о свои формы («заговоры», «саботаж», «воздействие на мелкую буржуазию и т. д.»), а для Бухарина изменились ее функции. Это можно понять только так, если до захвата пролетариатом власти буржуазия боролась с ним за увеличение эксплоатации, то теперь классовая борьба для буржуазии служит не целям эксплоатации («изменились ее функции»), а чему-то другому. После таких «ученых» открытий об изменении функций классовой борьбы правые делают вполне последовательный, с их точки зрения, вывод о заинтересованности буржуазии в социалистическом строительстве и в укреплении пролетарской диктатуры. Вдумайтесь, например, в такой тезис, выдвинутый т. Бухариным:

«Мы ему (кулаку) оказывали помощь, но и он нам. В конце концов и внук кулака может быть скажет нам спасибо, что мы с ним так обошлись». («Большевик», № 8, 1925 г.).

Кулак нам оказывает помощь, «нам»—это советской власти, следовательно, он заинтересован в этой помощи, иначе как же он будет помогать, не будучи заинтересованным в этом.

Что собою представляет кулак — известно. Нельзя забывать характеристики кулака, данной Лениным:

«К у л а к и с а м ы е з в е р с к и е, с а м ы е г р у б ы е, с а м ы е д и к и е э к с п л о а т а т о р ы, не раз восстанавливающие в истории других стран власть помещиков, царей, попов, капиталистов... Э т и к р о в о п и й ц ы нажились на народной нужде, во время войны они скопили тысячи и сотни

[1]) Бухарин «Пролетариат и вопросы художественной политики». «Красная Новь», № 4, 1925 г.

тысяч денег, повышая цены на хлеб и другие продукты. Эти пауки жиреле на счет разорения войною крестьян, на счет голодных рабочих. Эти пьявки пили кровь трудящихся, богатея тем больше, чем больше голодал рабочий в городах и на фабриках. Эти вампиры подбирали и подбирают помещичьи земли, они снова и снова кабалят бедных крестьян» [1]).

И вот от этого «самого зверского эксплоататора», «кровопийцы», «пиявки», «вампира» правые ждут помощи советской власти. Надо же дойти до такого непонимания существа классовой борьбы! Если кулак будет помогать нам строить социализм, то это действительно будет «изменение функций классовой борьбы». Но пока существуют классы, пока есть буржуазия, — такого измнения функций борьбы классов не может быть.

Если же прибавить к этому теорию мирного «врастания» того же самого кулака в социализм (эта теория непосредственно вытекает из характеристики правыми эпохи пролетарской диктатуры как «мирного», «эволюционного» периода), то оценка правыми переходного периода и существа пролетарской диктатуры будет ясной, но эта оценка с ленинизмом не имеет ничего общего.

Правые настолько выхолащивают ленинское учение об эпохе диктатуры пролетариата, настолько «забывают» классовую борьбу, что нэпман и кулак выпадают из их поля зрения и они (правые) начинают говорить о переходном обществе, как чистом «двухклассовом» обществе. Тов. Бухарин в своем докладе «Ленин, как марксист» ставит в заслугу своему ученику т. Розит, что тот выдвинул этот вопрос, и, продолжая Розита, заявляет: «Что проблема «двухклассового общества при рабочей диктатуре» (два класса, это — рабочие и крестьяне) «заслуживает теоретического внимания» [2]) а, следовательно, скажем мы, и политического. При характеристике нашего общества как «двухклассового» выпадает буржуазия городская и деревенская, и тогда коренным образом меняются задачи пролетарской диктатуры, а так же и ее характер.

С точки зрения бухаринской, насквозь недиалектической теории равновесия (эта теория заимствована у махиста Богданова) государство должно рассматриваться только, как фактор социального равновесия, равновесия между «системой и средой». Для Ленина же государство пролетарское есть дубинка, которой пролетариат бьет своих классовых врагов.

В вопросах государства тов. Бухарин до сих пор не отказался от своей полуанархической теории, выдвинутой им еще во время империалистической войны. Тогда он говорил: «Для социал-демократии, которая является или по крайней мере должна быть воспитательницей масс, теперь более чем когда-либо необходимо подчеркивать свою принципиальную враждебность к государству» [3]). Марксизм признает не вообще принципиальную враждебность к государству, а враждебность к определенному его типу — буржуазному государству. Признание же вражды к государству вообще есть анархизм.

Ученики тов. Бухарина, в частности т. Марецкий, считает, что эта теория и есть ленинская. Ленин ее будто бы заимствовал у Бухарина (см. *Б. С. Э.*, т. X).

Между государством, как фактором социального равновесия, и принципиальной враждебностью к государству вообще есть некоторое противоречие. И тем не менее обе эти теории мирно уживаются у правых. Это свидетельство эклектичности их теоретических позиций.

Итак, правые расходятся с Лениным, с партией в оценке эпохи диктатуры пролетариата, в оценке исторических задач пролетарской диктатуры (выпадает классовая борьба, а с ней отпадает и задача подавления сопротивления эксплоататоров) и в оценке функции органов пролетарской диктатуры (государство, как фактор социального равновесия, а не орган борьбы).

П. Юдин.

ПОЧТА ОТДЕЛА КОНСУЛЬТАЦИИ.

6 ноября посланы ответы почтой т. т. Видошеву, Русскому и др. (Хабаровск) и т. Левитану (Брянск).

---

[1]) Ленин, т. XX, ч. II, стр. 257. Изд. II.
[2]) Бухарин, «Атака», стр. 279.
[3]) Цитирую по Ленину, т. XIX, стр. 296. Изд. II. *(П. Ю.)*

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 22 30 НОЯБРЯ № 22

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 9

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ

„ПРАВДА“

Главлит № А—45415. Тираж 130.000 экз.

Типография газеты „Правда", Москва, Тверская, 48

Об итогах ноябрьского пленума.

Ноябрьский пленум ЦК ВКП(б) подверг основательной проверке анализ нашей экономической и политической обстановки, данный предыдущим апрельским пленумом и XVI партконференцией, с одной стороны, и противопоставленную ему в свое время на том же апрельском пленуме платформу правых уклонистов—с другой.

Сейчас небезынтересно вспомнить главные пункты этой последней платформы. Что утверждали правые уклонисты на апрельском пленуме и что преподносили они партии незадолго перед ним в качестве «политического завещания Ленина»? Они утверждали, что партия скатывается к троцкизму и ведет антисередняцкую политику. Особенно резкие возражения со стороны правых вызывали меры общественно-принудительного воздействия на кулака. Правые с развязной самоуверенностью «предсказывали», что политика партии неминуемо приведет к срыву всех планов промышленного строительства, и будет все сильнее обострять хлебный кризис и продовольственные затруднения в стране. Как выход из положения правые предлагали—отказаться от мер общественно-принудительного воздействия на кулака, т.-е. фактически от наступления на кулака, ввести нормализацию рыночных отношений, т.-е. фактически не препятствовать кулаку и частнику спекулировать на хлебе и других дефицитных товаров, а недостающее количество хлеба, вместо того, чтобы брать его у кулака, импортировать из-за границы, само собой разумеется, за счет сокращения ввоза промышленного оборудования. Пятилетку правые приняли на словах, на деле же предлагали заменить ее двухлеткой, построенной на основной идее поднятия индивидуального хозяйства всего крестьянства (в том числе и кулачества) при полнейшем фактическом игнорировании задачи обобществления сельского хозяйства; они считали, что колхозное и совхозное строительство сможет развернуться серьезно лишь через долгий ряд лет. Таков был «спасительный путь», предложенный партии правыми и категорически ею отвергнутый. Прошло всего полгода... «и что осталось от гордых, сильных сих мужей», что осталось от широковещательных предсказаний? Где наши сорванные и урезанные планы? Где растущий хлебный кризис? Какой нормальный человек решится теперь утверждать, что совхозы и колхозы в нашей стране смогут дать результаты

только через 5 — 10 лет. История политической борьбы, в том числе и борьбы внутри нашей партии, знает неудачи, поражения, но едва ли в ней найдется много примеров такого быстрого и бесповоротного провала, какой испытала наша правая оппозиция за каких-нибудь полгода... В этом отношении она перещеголяла, пожалуй, даже троцкизм.

Контрольные цифры, принятые пленумом на 1929/30 год, предусматривают рост промышленной продукции вдвое по отношению к довоенному уровню, который еще не так давно был для нас чем-то в роде идеала. Чтобы составить ясное представление о том, каким невероятно быстрым темпом мы идем вперед, достаточно вспомнить, что девять лет назад, в 1920 году, мы имели около 20% довоенной продукции, что ни одна страна в мире не испытала такого страшного разорения от империалистической и гражданской войны, как наша. С тех пор, с 1920 года к 1930, мы увеличиваем таким образом размеры своей промышленной продукции ровно в десять раз.

Но даже если взять для сравнения с нынешним довоенный период (не учитывая страшных разрушений войны и интервенции), то даже в этом случае окажется, что за 15 лет (с 1914 года), темп нашего развития (рост на 100%) далеко опережает все капиталистические страны, до Америки включительно. Наметки пятилетнего плана превзойдены по всем отраслям тяжелой индустрии (по электростроению, топливной промышленности, металлургии, машиностроению и т. д.), кроме химической. А ведь эти наметки были далеко выше первоначальных черновых набросков, фигурировавших в планах нашего Госплана, и подвергшихся такой жестокой критике проницательного автора «Заметок экономиста» за сверхиндустриализаторство.

Посевная площадь в этом году оказалась на 4,5% выше прошлогодней несмотря на неблагоприятные условия погоды и массовую гибель озимых на Украине и Сев. Кавказе, потребовавшую пересева, при чем особенно успешно прошла весенняя посевная кампания 1929 г., совпавшая с применением тех самых мер общественно-принудительного воздействия на кулака, которые правые уклонисты связывали с неизбежным, по их мнению, провалом посевной кампании. Еще нет точных данных о результатах осенней кампании, но совершенно несомненно, что площадь под озимыми в этом году оказалась выше прошлогодней. И столь же несомненно, что выполнение в краткий срок хлебозаготовок создает самые благоприятные условия для проведения весенней посевной кампании 1930 г. Так обстоит дело с торжественно провозглашенной правыми деградацией сельского хозяйства.

Окончание к 1 декабря хлебозаготовительной кампании почти по всем районам не только дало в руки Советской власти достаточные запасы для снабжения населения, но и обеспечило нам значительные резервы. Для правых уклонистов болтовня о резервах была только аргументом за снижение темпов индустриализации. Партия разоблачила эту болтовню, чтобы начать действительное накопление реальных р е з е р в о в. Никто не посмеет сравнивать то положение, которое мы

имеем с хлебом в этом году, с прошлогодним. И даже самый твердолобый правый уклонист не решится теперь внести предложения об импорте.

Так жизнь разбила вдребезги теории правых уклонистов о снижении темпа индустриализации, деградации сельского хозяйства, грядущем хлебном кризисе и т. д. Линия партии нашла себе блестящее подтверждение.

Но задачи, намеченные пленумом в области дальнейшего социалистического строительства, требуют от партии колоссального напряжения сил. Достаточно сказать, что контрольные цифры намечают увеличение промышленной продукции на 32%, а для тяжелой промышленности на 45%, снижение себестоимости на 11% и повышение реальной заработной платы на 12%. Эти громадные темпы требуют от партии и рабочих масс совершенно исключительной активности и энергии. Мы до сих пор, несмотря на бурные темпы развития хозяйства, имеем ряд слабых участков. Можно сослаться на химическую промышленность, играющую колоссальную роль не только с точки зрения социалистической реконструкции сельского хозяйства, но и с точки зрения первостепенных интересов государственной обороны. Ее развитие в нужном темпе наталкивается на ряд серьезнейших препятствий, связанных прежде всего с недостатком соответствующих технических и научных сил. Эти препятствия должны быть во что бы то ни стало преодолены в ближайший срок. Мы имеем некоторое (хотя и чрезвычайно небольшое) отставание от темпов, намеченных пятилеткой по целому ряду отраслей легкой промышленности, сырье для которых дают технические сельско-хозяйственные культуры (хлопок, свекла, лен и т. д.). Этот факт заставляет партию немедленно добиться максимально возможного роста посевной площади под указанными культурами. Общая посевная площадь в прошлом хозяйственном году выросла на 4,5%, вместо намеченных 7%, вследствие неблагоприятных условий погоды и вследствие сознательного сокращения посевов кулацко-зажиточной частью села. Нынешней осенью при общем росте посевной площади мы имеем также некоторое недовыполнение планов. Нужно во что бы то ни стало перекрыть это недовыполнение за счет расширения посева бедняцко-середняцких масс деревни весной. Мы имеем напряженное положение на участке животноводства, вызывающее недостаток на рынке мясных и молочных продуктов. Поэтому задача поднятия животноводства на ближайшие годы получает для всей партии громаднейшее значение. Пленум поставил эту задачу прежде всего перед обобществленным сектором сельского хозяйства, наметив одновременно необходимость стимулирования роста животноводства и по индивидуальному сектору. Наконец, что нужно особенно подчеркнуть, при больших, хотя и недостаточных успехах в области снижения себестоимости и поднятия производительност труда, благодаря росту активности пролетарских масс, развертыванию социалистического соревнования, поднятию производительности труда,—у нас имеется по

целому ряду отраслей промышленности ухудшение качества. И здесь необходимо добиться решительного перелома в лучшую сторону.

Нельзя пройти мимо такого чрезвычайно важного факта, как намечаемое в этом году по контрольным цифрам сокращение на 10% безработицы. До сих пор, несмотря на быстрый темп развития промышленности, количество безработных с каждым годом увеличивалось. Не приходится говорить, каким козырем являлся такой факт для всех врагов социалистического строительства СССР, особенно в лагере II Интернационала. Намечаемое в этом году сокращение безработицы при общем росте пролетариата в стране (в связи с расширением производства и введением непрерывки) и повышением реальной заработной платы на 12% явится крупнейшим успехом партии, которого она добьется, опираясь на растущую активность рабочих масс, во что бы то ни стало.

По трем пунктам порядка дня (итоги коллективизации, доклад ЦК КП(б)У о работе в деревне, создание союзного Наркомзема) пленум подверг подробному и тщательному обсуждению вопросы социалистической реконструкции сельского хозяйства. Осуществление задач, которые партия ставила и ставит себе в этой области, начиная с XV с'езда, проходило при наиболее ожесточенном сопротивлении правых уклонистов. Именно поэтому так очевидно вскрылось их полное и безнадежное банкротство прежде всего на данном участке социалистического строительства (так же, как и по вопросу о темпах индустриализации). Трудно верить, что в этом году находились в руководящем штабе нашей партии люди, заявлявшие, что колхозы смогут играть роль в разрешении хлебной проблемы через... пять — десять лет. Какая беспросветная куриная слепота требовалась для таких утверждений полгода назад, когда теперь на наших глазах колхозное движение охватывает миллионы, когда почти в каждой области уже имеется по одному или по нескольку округов, в которых мы близки к сплошной коллективизации (Хоперский округ Нижне-Волжской области, Сев.-Осетинская область на Сев. Кавказе, Одесский и Николаевский округа на Украине, Льговский и Россошанский в ЦЧО и т. д., и т. д.). Когда в колхозы лавиной двинулась уже не только беднота, но и середняк, перед партией стоит задача не какого-либо искусственного форсирования колхозного движения, а правильного руководства им. Вопросы машиноснабжения и организации труда в колхозах приобретают колоссальное значение. И недаром пленум уделил такое большое внимание заводам по строительству тракторов, комбайнов, и вообще сельско-хозяйственному машиностроению. Пусть бы попробовали правые уклонисты повторить теперь заявление тов. Томского на апрельском пленуме, что новые формы смычки с крестьянством (производственной) представляют чью-то зловредную выдумку.

Пленум обстоятельно остановился на сложнейших задачах, ставших перед партией в связи с принявшим колоссальные размеры колхозным движением. Пленум подчеркнул, что именно теперь в колхозах, охватывающих десятки, сотни тысяч и миллионы крестьянских хозяйств, должен начаться процесс их настоящей *социалистической переделки*, основательного преодоления мелкособственнической психологии крестьянства, беспощадной борьбы с кулацкими элементами, проникающими в колхозы с целью их разложения и подрыва изнутри.

Пленум во всей широте поставил перед всей партией вопрос о руководящих технических и хозяйственных кадрах. Колоссальная острота этого вопроса определяется нашими темпами индустриализации и строительства социализма. Темпы эти пред'являют громадные требования на специалистов: инженеров и техников (особенно остро вопрос стоит для металлургии, химии, социалистического сектора сельского хозяйства и торговли). Не обеспечив промышленности и всего народного хозяйства новыми кадрами пролетарских специалистов, мы, попросту говоря, не справимся с намеченными задачами индустриализации. Однако дело не только в количественных требованиях. Вопрос о кадрах теснейшим образом связан с обострением в стране классовой борьбы (чего не хотели видеть правые уклонисты), бросившей часть старых специалистов в лагерь активных врагов социалистического строительства, в лагерь вредителей. Вся партия должна отдать себе совершенно ясный отчет в колоссальном значении проблемы кадров. *Без радикальной перестройки работы советских органов, занимающихся подготовкой кадров (Наркомпрос, Главтуз), без радикальной перестройки работы самих втузов и вузов, без совершенно исключительного внимания к этому делу со стороны партийных и профессиональных организаций и без поворота лицом к нему широчайших рабочих масс, мы проблемы кадров не разрешим.*

Не приходится распространяться о теснейшей органической связи вопросов подготовки кадров с задачами под'ема политического и культурного уровня пролетарских и трудящихся масс, с задачами культурной революции в стране.

Как держали себя на пленуме *правые уклонисты*? Часть их (ядро бывшего московского руководства) полностью признала свои ошибки и отмежевалась от правого уклона и примиренчества. Однако, тройка правоуклонистов лидеров (тт. Бухарин, Рыков и Томский) не пошли по этому, казалось бы обязательному для каждого большевика, пути и попытались отвертеться от признания своих ошибок, предполагая, очевидно, возобновить открытую борьбу против партии при первом удобном случае.

Вожди правой оппозиции ухитрились заявить о снятии разногласий, не отказываясь при этом от своих правоуклонистских взглядов. Чтобы хоть как-нибудь смазать такое вопиющее двурушничество, они сделали попытку свести все разногласия к «применению чрезвычайных мер» (точнее, мер общественно-принудительного воздействия на кулака) весной 1929 года. Не смея отрицать колоссальных успехов партии, признав, таким образом, косвенно провал всех своих пророчеств, вожди правой оппозиции имели однако... смелость прибавить к своему вынужденному признанию, что партия «еще бы более наловчилась, если бы только у них немножко научилась», или, как выразились сами правые, что партия добилась бы тех же результатов, что и теперь, только менее болезненными средствами, если бы приняла рецепты правых уклонистов об импорте хлеба из-за границы, либеральной нормализации рыночных отношений, т.-е., о предоставлении кулаку фактической свободы спекуляции и т. д.

Таким образом, вожди правой оппозиции продолжали фактически отстаивать свою апрельскую платформу. Заявление о снятии разногласий при таких условиях означало просто попытку обмана партии. Тем более, что оно связывалось с выражением уверенности, что партия не будет принимать больше с окончанием хлебозаготовительной кампании «чрезвычайных мер», под которыми вожди правой оппозиции понимали всю систему мер наступления на кулака. Свое «драгоценное» согласие с политикой партии правые уклонисты хотели купить не больше не меньше, как отказом партии от дальнейшего наступления на кулака.

Мы уже не говорим о том, что правые вожди не только не взяли назад своих недавних обвинений против партии (военно-феодальная эксплоатация крестьянства, скатывание к троцкизму, насаждение бюрократизма, разложение Коминтерна), но прибавили к ним новые не менее лживые и клеветнические обвинения, приписав Коминтерну и делегации ВКП(б) в Коминтерне... разоблаченную партией насквозь антимарксистскую и антиленинскую, либеральную теорию врастания кулака в социализм.

Подведя итог борьбы партии против идеологии и практики правого уклона, твердо установив, что правоуклонистская идеология и фразеология все более явно и определенно становится орудием мобилизации сил, враждебных партии и пролетарской диктатуре, а правоуклонистская практика—орудием прямого саботажа политики партии, пленум признал взгляды правого оппортунизма и примиренчества к нему несовместимыми с пребыванием в партии.

Дав соответствующую оценку двурушническому маневру вождей правой оппозиции, пленум постановил вывести из состава Политбюро главного лидера и вдохновителя правых уклонистов т. Бухарина и сделать решительное предупреждение тт. Рыкову и Томскому.

Как известно, уже после пленума, под продолжающимся усиленным давлением всей партии, на голову разбитые и разоблаченные идейно, прижатые к стене, брошенные почти всеми своими сторонниками, вожди правой оппозиции тт. Бухарин, Рыков и Томский признали, наконец, свои ошибки и правильность политической линии партии.

Это словесное заявление должно быть подтверждено на деле. На вчерашних вождей правой оппозиции ложится обязанность показать партии свою действительную готовность и способность бороться активно за генеральную линию партии и активно разоблачать и бить правоуклонистские и примиренческие взгляды.

С партии ни в коем случае, после заявления тт. Томского, Рыкова и Бухарина, не может быть снята обязанность дальнейшего раз'яснения всей ошибочности и антиленинского характера идеологии правого уклона, от которой сочли нужным отмежеваться, наконец, тт. Бухарин, Рыков и Томский.

И партия после капитуляции вождей правой оппозиции, не прекращая ни на одну минуту разоблачения правоуклонистской идеологии, обратит особенное внимание на правые дела и правую практику как в центре, так и на местах.

Ноябрьский пленум прошел под знаком полного подтверждения генеральной линии партии и столь же полного и решительного банкротства правой оппозиции. Вокруг решений ноябрьского пленума, охватывающих все актуальные вопросы нашего социалистического строительства, вокруг линии нашей партии, линии XV с'езда и XVI партконференции, беспощадно преодолевая всевозможные уклоны от этой линии, как «левые», так и в особенности правые,—вокруг ленинского ЦК еще теснее сплотятся партийные массы на новом решающем этапе строительства социализма, в который мы вступили.

В. Молотов.

О колхозном движении[1]).

В своей замечательной книге—«Детская болезнь «левизны» в коммунизме» — Ленин писал:

«Уничтожить классы—значит не только прогнать помещиков и капиталистов—это мы сравнительно легко сделали,—это значит также уничтожить мелких товаропроизводителей, а их нельзя прогнать, их нельзя подавить, с ними надо ужиться, их можно (и должно) переделать, перевоспитать только очень длительной, медленной, осторожной организаторской работой. Они окружают пролетариат со всех сторон мелкобуржуазной стихией, пропитывают его ею, развращают его ею, вызывают постоянно внутри пролетариата рецидивы мелкобуржуазной бесхарактерности, раздробленности, индивидуализма, переходов от увлечений к унынию. Нужна строжайшая централизация и дисциплина внутри политической партии пролетариата, чтобы этому противостоять, чтобы организаторскую роль пролетариата (а это его главная роль) проводить правильно, успешно, победоносно» [2]).

Приведенный отрывок мы все знаем почти наизусть, и теперь он особенно много говорит каждому.

В данном случае важно обратить внимание на последнюю фразу:

«Нужна строжайшая централизация и дисциплина внутри политической партии пролетариата, чтобы этому противостоять, чтобы организаторскую роль пролетариата (а это его главная роль) проводить правильно, успешно, победоносно».

Слова «организаторскую» и «главная» подчеркнуты Лениным.

Приведенное замечание Ленина, как никогда, применимо к работе нашей партии в настоящий период, в период социалистической реконструкции. Указание Владимира Ильича на то, что главная роль пролетариата это— роль организатора, имеет сейчас самое актуальное значение. В период развертывающейся подлинно массовой коллективизации крестьянского хозяйства организаторская роль пролетариата становится исключительно важной.

Бурный рост коллективизации поставил перед нами много труднейших вопросов, требующих нередко немедленного ответа. В связи с этим, нельзя не сказать, что на вопросы сегодняшнего дня—абсолютно назревшие и абсолютно неотложные, требующие самых активных и решительных мер с нашей стороны—мы обращаем еще недостаточное внимание. А это может болезненно отразиться на колхозном движении в ближайшее время. Поэтому в дальнейшем нам необходимо направить внимание на эти

[1]) Настоящая статья представляет собой речь т. Молотова на ноябрьском пленуме ЦК ВКП(б); речь печатается с некоторыми сокращениями.

[2]) Собр. соч. т. XVII, стр. 135 — 136.

неотложные вопросы, направить особое внимание на вопросы сегодняшнего дня.

Теперь много говорят о темпе коллективизации. Все признают, что этот темп исключительно быстр и стремителен. При этом не надо забывать о том, чтобы от темпа коллективизации не отставал темп нашей работы, а пока это имеет место. Крестьянин бедняк и середняк в деле коллективизации идет впереди наших организаций во многих отношениях. Бюрократизм в работе наших органов дает себя знать и здесь.

Ввиду вовлечения в колхозное движение огромных масс деревни, нам необходимо решительнее взяться за устранение бюрократических элементов в работе наших органов,—всех наших органов, начиная от колхозов и кооперативов до земельных органов, советов, профсоюзов, и, наконец, самих партийных организаций. Бюрократизм, которого очень и очень много в наших органах, особенно мешает сейчас тому, чтобы по настоящему овладеть тем строительством, которое развертывается в деревне, овладеть делом социалистической перестройки крестьянского хозяйства.

Но мы недаром открыли усиленный огонь по бюрократизму. Недаром мы кричим о том, что борьба с бюрократизмом — неотложнейшая задача рабочего класса. Участвовать в качестве настоящего руководителя в социалистической перестройке деревни в теперешних условиях, в условиях, когда в деревне все бурлит, все кипит,—нельзя без жесточайшей борьбы со всеми и всяческими бюрократическими преградами в работе наших органов. Вести развернутое наступление на капиталистические элементы (кулачество), итти во главе колхозного движения миллионных масс мы можем только при условии коренного изменения и улучшения работы всех наших органов, при решительной борьбе с бюрократизмом и упорном преодолении бюрократических извращений в их практике, опираясь во всем этом на подлинно широчайшие массы трудящихся.

Перейдем непосредственно к вопросам темпа коллективизации.

Наши рассуждения о темпе коллективизации должны быть как можно больше приведены в соответствие с практикой, с фактами. Не всегда это у нас получается и потому в большинстве случаев мы крайне отстаем от жизни. Для нас бесспорно, что коллективизация идет исключительно быстрым темпом, что этот темп все усиливается, что это действительно бешеный темп. Возьмем для иллюстрации Северный Кавказ.

На ноябрьском пленуме прошлого года т. Андреев говорил, что на Северном Кавказе коллективизацией охвачено 8% крестьянских хозяйств. Все считали это огромным достижением. Теперь на Северном Кавказе коллективизацией охвачено уже 25—30% хозяйств. Таким образом, за один год коллективизация охватила дополнительно, примерно, 20% крестьянских хозяйств. При этом темп коллективизации не только не идет на убыль, а продолжает возрастать. Кто после этого может сомневаться в том, что в течение ближайшего года коллективизацией на Северном Кавказе будет еще охвачено более, чем 20% новых крестьянских хозяйств. А если это так, то уже в течение ближайшего года больше чем половина крестьянских хозяйств Северного Кавказа будет вовлечена в колхозное движение. Это значит, что Северный Кавказ, в основном, будет коллективизирован уже в течение 1930 г.

В темпе коллективизации от Северного Кавказа не отстает Нижнее Поволжье. Очевидно, свое положительное для колхозного движения значение имеют даже своеобразные навыки прежней общественной жизни казачества, составляющего не малый процент крестьянства этих областей. Мы знаем также, что от этих областей мало отстают и такие районы, как Украина (особенно, степь), Урал, Среднее Поволжье и ЦЧО.

Каковы наши перспективы в деле коллективизации?

Мы должны видеть, что колхозное движение ставит уже проблемы сплошной коллективизации перед отдельными областями и республиками. Мы должны с этим согласиться, если не хотим решительно отстать от жизни. Об этом, в частности, следует помнить тем, кто занимается сейчас разработкой планов коллективизации на ряд лет.

Принятая конференцией пятилетка—замечательное дело. Однако, и эту пятилетку мы исправляем теперь по всем основным частям и исправляем, при этом, в хорошую сторону. Но когда из подражания хорошему делу вырабатываются теперь пятилетки коллективизации, то позавидовать этим товарищам нельзя.

В самом деле, как можно сейчас говорить о пятилетке коллективизации для Северного Кавказа? Как можно говорить о такой пятилетке, если мы имеем основание утверждать,—а я лично в этом не сомневаюсь,—что летом 1930 г. коллективизацию Северного Кавказа в основном мы закончим. Будущей осенью мы наверняка сможем уже сказать, что в основном коллективизация будет закончена не только в одной области, не только на Северном Кавказе. Конечно, это нужно понимать в том смысле, что в таких областях как Северный Кавказ сможет победить уже в 1930 г. лишь форма колхозного движения крестьянских масс к социализму. За победой колхозного движения, как формой социалистического строительства, последует еще целый ряд лет труднейшей работы по превращению колхозов в действительно социалистические ячейки сельского хозяйства. Об этом никак нельзя забывать. Однако, в теперешних условиях заниматься разговорами о пятилетке коллективизации, значит заниматься ненужным делом. Для основных сельско-хозяйственных районов и областей, при всей разнице темпов коллективизации их,—надо думать сейчас не о пятилетке, а о ближайшем годе. Еще раз: побольше внимания к нуждам и задачам сегодняшнего дня, к задачам конца 1929 г. и начала 1930 г.,—вот в чем главная наша задача.

Так, вместо того, чтобы расписывать план на счет тысячи машинно-тракторных станций к концу пятилетия, лучше бы помочь организации машинно-тракторных станций из тракторных колонн ЦЧО и других районов. Тракtороцентр спланировал на ближайшую весну 102 машинно-тракторных станций и не заметил, что уже теперь у нас существует около сотни тракторных станций, но они только называются по разному—тракторными станциями в одном месте, а в другом месте—тракторными колоннами. В конце же концов это одно и то же. Кто в самом деле нашел или может найти принципиальную разницу между ними—между тракторными станциями и тракторными колоннами? Есть организационная разница, но ведь мы, большевики, для того и существуем, чтобы из плохого колхоза сделать хороший колхоз, из плохой тракторной станции сделать настоящую машинно-тракторную станцию. Сегодня она—тракторная колонна, завтра она будет машинно-тракторной станцией. Неужели же мы будем интересоваться бумажными станциями, хотя бы они и назывались машинно-тракторными, и забывать о действительных станциях, пусть еще зародышевых и называемых по другому — тракторными колоннами! Неужели мы будем игнорировать живые факты коллективизации, но зато увлекаться бумажными планами!

Какой пятилеткой можно сейчас охватить колхозное движение, когда деревня переворачивается вся вверх дном и действительно превратилась в клокочущее море. Мы можем только радоваться тому, что колхозное движение перехлестывает через некоторые наши бумажные планы. Главной нашей задачей является — вплотную заняться живым делом, практически заняться организацией колхозного строительства.

Наши успехи в деле социалистического строительства огромны. Это, как известно, даже заставило полукапитулировать наших правых. Приходится сказать, что они «полукапитулировали», так как, вынужденные отступить перед фактами и признать ошибочность своей позиции, например, в вопросе о коллективизации, они продолжают противопоставлять линии партии свою насквозь враждебную ленинизму, оппортунистическую линию (называемую ими из маневренных соображений не особой линией, а особым «другим конкретным методом проведения генеральной линии партии»). Правые оппортунисты вынуждены отступать, хотя и пытаются все еще, как говорится, «сохранить лицо».

Это отступление происходит, между прочим, под непосредственным давлением таких крупных фактов, как успех коллективизации и успех хлебозаготовок. О последнем нужно сейчас сказать особо.

Дело в том, что у нас в этом году уже создан неприкосновенный хлебный фонд в 90 млн. пудов. Это один из исходных моментов всей нашей работы на ближайший год. То, что у нас имеется 90 млн. пудов неприкосновенного запаса, то, что Украина и некоторые другие районы уже закончили хлебозаготовки, то, что в ближайшие месяцы мы оканчиваем хлебозаготовительный план на 100%, определяет перспективы всего нашего социалистического строительства в этом году.

Что это означает для дела коллективизации? Это означает, что весной, во время весенней посевной кампании, мы будем иметь с организационной стороны исключительно благоприятный для сельского хозяйства и для коллективизации период, такой период, которого у нас не могло быть.

Если мы сосредоточим силы на посевной кампании, если большевистская партия по настоящему направит свои силы на весенние посевы, то здесь, несомненно, мы добьемся крупных успехов. Это будет настоящая большевистская посевная кампания, которая может дать решающую победу колхозам в СССР. Таково величайшее значение этой посевной кампании. Во время этой посевной кампании, когда наши силы будут, так сказать, развязаны и направлены на организацию хозяйственного под'ема и коллективизацию деревни в таком количестве, с таким размахом и с таким знанием дела, как еще никогда,—в эту кампанию и будет решаться вопрос о сплошной коллективизации ряда крупнейших сельскохозяйственных районов и совершенно по новому развернется вопрос о коллективизации для СССР в целом.

Но если дело обстоит так, то, обсуждая задачи колхозного движения, надо думать не о пятилетке, а об оставшихся нескольких месяцах зимы 1929—30 г. Ноябрь, декабрь, январь, февраль и март,—вот что остается у нас для подготовки к весенней посевной кампании. В эти четыре с половиной месяца мы должны проделать огромную работу. Всю нашу работу и особенно работу организаций, связанных непосредственно с деревней, мы должны организовать так, чтобы на деле помочь беднякам и середнякам, помочь колхозам и совхозам в максимальной мере использовать весеннюю посевную кампанию для хозяйственного под'ема и для коллективизации. Поскольку на нас пока не решаются прямо напасть господа империалисты, мы должны использовать момент для решающего сдвига в хозяйственном под'еме и коллективизации миллионов крестьянских хозяйств. Поэтому ближайшие месяцы, недели и дни мы должны использовать для того, чтобы не прозевать то дело, те новые задачи, которые перед нами стоят теперь во весь рост.

Перейдем к вопросу о задачах колхозов.

Резолюция пленума ЦК делает ударение на следующих трех вопросах: 1) техническая база коллективизации, 2) вопросы организации труда в колхозах и 3) кадры колхозников.

Прежде всего—о технической базе.

В этом отношении существенный сдвиг уже сделан за последнее время решением ЦК и Правительства, согласно которого мы приступаем в этом году к постройке двух гигантских тракторных заводов: в Челябинске и на Украине. Оба эти завода будут производить гусеничные трактора, в Челябинске—пятидесятисильные, на Украине—тридцатисильные. Тогда же было решено через месяц обсудить вопрос о сооружении особого завода тракторов для пропашных культур. Вероятно в недалеком будущем придется поставить вопрос о дальнейшем развертывании тракторостроения. Вместе с тем решено немедленно приступить к постройке двух заводов комбайнов: одного—в Ростове-на-Дону (имеется в виду приспособление к этому Сельмашстроя) и другого—в Сибири. Кроме того, уже принято решение о постройке специального завода моторов для тракторов; это будет тоже завод—гигант.

Все это—начало крупнейшего размаха сельско-хозяйственного машиностроения, но только начало. Мы, например, почти совершенно не продвинулись вперед в деле электрификации сельского хозяйства. При наведении справок оказалось, что по плану ГОЭЛРО для сельского хозяйства ориентировочно намечалось дать электро-энергии около миллиона киловатт. О проценте выполнения этого задания не приходится говорить, так как он ничтожен. Это и понятно, иначе пока и не могло быть. Но плохо то, что явно неудовлетворительно началось и осуществление намеченного (для первого года) по пятилетке. Из этого следует, что на очереди огромная работа по электрификации для сельского хозяйства. Несомненно, что электромашины будут играть крупнейшую роль в сельско-хозяйственном производстве. Несомненно, что для переработки с.-х. продуктов (особенно животноводство и технические культуры) потребность в электро-энергии будет расти с такой большой быстротой, что уже в ближайшие годы для сельского хозяйства потребуется по крайней мере ряд крупнейших электростанций.

Наконец, отметим еще решение о включении Тракторацентра в колхозную систему в качестве специального автономного центра. Это укрепляет техническую базу колхозсистемы.

Таким образом, для создания технической базы крупного коллективного хозяйства мы уже кое-что важное делаем, но здесь предстоит нам сделать неизмеримо больше того, что мы пока наметили. Без тракторов и сложных с.-х. машин, без широкого использования химии и электростанций мы не будем иметь прочной базы под колхозным движением, и потому в этой плоскости, в плоскости создания действительно мощной технической базы колхозов,— лежит наша первейшая задача.

Второй вопрос—об организации труда в колхозах.

Здесь мы находимся в отвратительном положении. Между тем организация труда в колхозах, правильное использование вовлеченной в колхозное движение огромной рабочей силы—важнейший вопрос. Организация труда, т.-е. организация хозяйства колхозов связана с преодолением огромных трудностей. Во многом колхозы должны учиться у хорошо организованной советской фабрики; но разнообразие условий и различие этапов развития колхозного движения в отдельных районах требуют исключительной гибкости форм и методов колхозного строительства. Из этого видно, насколько сложен вопрос об организации труда колхозников. Серьезного

подхода к этому делу у наших руководящих центров колхозного движения, к сожалению, до сих пор почти не было.

Вся слабость предыдущей работы колхозной системы видна на этом вопросе. Слабость подготовки колхозной системы к решению вопросов организации труда в колхозах—показатель того, насколько плохо мы работали до сих пор в деле коллективизации деревни. Следовательно, на Колхозцентре и колхозсоюзах лежит огромная ответственность за выправление своей работы в этой области. Руководящие органы колхозного движения должны лучше знать внутреннюю жизнь и развитие колхозов и на основе быстро растущего опыта должны самым энергичным образом помогать в этом деле колхозам. Не только колхозы, не только кооперация и не только земельные органы, роль которых (земорганов) должна быть во всем колхозном движении значительно усилена, но и вся партия должна усиленно работать над вопросами организации труда, т.-е. организации производства в колхозах. Мы должны пожелать, чтобы девять десятых внимания наших деревенских организаций было уделено этому вопросу.

И третий вопрос—о кадрах.

Этому вопросу партия уделяет большое внимание. В дальнейшем мы еще коснемся этой темы, а сейчас важно отметить, что в отношении колхозов нельзя отрывать вопрос о кадрах от вопроса о культуре. Без решительного сдвига в деле поднятия культурного уровня масс, у нас не будет настоящего роста колхозного движения, не будет социалистически растущих колхозов. Надо прямо сказать, что при безграмотности масс колхозников широкие квалифицированные кадры организаторов колхозов—утопия. Без самой решительной борьбы с безграмотностью, политической отсталостью и некультурностью масс у нас не будет десятков и сотен тысяч нужных колхозам организаторов и специалистов.

Теперь остановимся на том, что составляет, так сказать, душу колхозного движения—на обобществленных фондах колхозов.

Как известно, без обобществленного фонда колхоза не существует. Прежде всего по росту этих фондов и характеру их обобществления мы должны судить об успехах колхозного движения.

Обобществленные фонды представляют собой мобилизацию крестьянских средств по советски, по социалистически. Массовое колхозное движение, которое развертывается в нашей стране, является массовой мобилизацией крестьянских ресурсов для социалистической перестройки деревни. Тем самым вопрос о мобилизации крестьянских средств встал теперь совершенно по иному.

Не все еще это поняли. Некоторые и теперь еще рассуждают о мобилизации крестьянских средств по примеру прошлого, по примеру первых лет нэпа. Некоторые, на основании имеющегося у нас в последние годы совершенно неудовлетворительного опыта мобилизации крестьянских накоплений сельско-хозяйственной кредитной системой, делают неправильный вывод в отношении мобилизации крестьянских средств в теперешних условиях. Между тем, за последний год в вопросе о мобилизации крестьянских средств произошла коренная перемена. Эта перемена заключается именно в том, что колхозное движение превратилось в широчайшее массовое движение, чего еще 1½—2 года назад у нас не было.

Коллективизация в деревне шла и должна итти при всемерной материальной поддержке государства, но эта материальная поддержка не может быть, в виду нашей бедности, особенно большой. Поскольку же в колхозы пошли миллионы крестьянских хозяйств, постольку обобществленные фонды, составляющиеся из крестьянских копеек,— вернее, из крестьянских средств, вложенных в обобществленное колхозами имущество,—вырастут в огром-

ную сумму. После этого, сомнения насчет больших возможностей мобилизации крестьянских ресурсов становятся явно несостоятельными. Правда, мобилизация крестьянских средств здесь идет не теми путями и не в той форме, как это раньше предполагалось делать через кредитки и через всю сельскохозяйственную кредитную систему, но тем не менее это настоящая мобилизация крестьянских средств, это мобилизация крестьянских ресурсов в быстро растущих и прямо гигантских размерах.

Теперь видно, теперь мы должны уже убедиться окончательно, что в условиях советского строя мобилизация крестьянских средств старыми методами, методами, применяющимися при буржуазном строе, оказалась невозможной. П окрайней мере, в наших условиях это доказано полностью. До революции кредитки умели неизмеримо больше мобилизовать средств крестьянства, чем это они сделали за все первые годы нэпа, за весь истекший восстановительный период. С этим нельзя не согласиться и причины этого мы должны теперь себе уяснить.

Кредитка в прошлом, до революции, мобилизовала немалые средства в деревне. Это были средства, по преимуществу, кулаков и мелкобуржуазного служилого элемента. В наших, в советских условиях кулак не нес своих накоплений в кредитку. Практика показала, что расчеты на собирание денежных накоплений в деревенских кредитках делались впустую. И это понятно уже по одному тому, что наша политика неизменно направлялась против кулачества, на ограничение его эксплоататорских поползновений, лишение гражданских прав и т. п. Кулак не нес своих накоплений в наши кредитки и этим давал тон всем, кто имел накопления в деревне. Только после того, как рабочий класс, опираясь на бедняцко-середняцкие массы, развернул усиленное наступление на кулака и когда создались условия для перелома в деревне в сторону подлинно-массового колхозного движения,— у нас создались благоприятные условия для советской мобилизации крестьянских ресурсов через колхозы. Вот это мы должны понять.

И сейчас еще можно встретиться с сомнениями насчет того, удастся ли нам мобилизовать несколько десятков миллионов крестьянских средств в ближайшем году. Это, выражаясь мягко, довольно неуместные сомнения. Но и здесь неуместно заниматься сейчас чем-нибудь вроде пятилетки. Нет, мы не в силах в данный момент серьезно ответить на вопрос о пятилетке в этом деле. Мы должны понять другое. Мы должны видеть, что уже теперь крестьянское добро, которое смело можно оценить во много сотен миллионов рублей, вовлекается в колхозы и в значительной своей части превращается в обобществленный фонд, из которого, кроме того, колхозы создают особые «неделимые фонды». А эти обобществленные фонды и есть мобилизация огромных в своей сумме крестьянских ресурсов, состоящих, прежде всего, из того или иного инвентаря. Правда, это не является мобилизацией денег, которых у бедняка и середняка и без того маловато, но это настоящая мобилизация крестьянских материальных ресурсов. Эта мобилизация не только не ниже денежной мобилизации, а, конечно, выше ее. Это, прежде всего, мобилизация средств производства, пускай в большинстве случаев жалких, а прямо иногда нищенских, но в сумме составляющих огромную величину.

Верно и то, что, как материальная база массового колхозного движения, она совершенно незначительна и прямо до крайности мала, но тем не менее без такой массовой мобилизации мелких индивидуальных крестьянских ресурсов нет и не может быть массового колхозного движения. Пролетарское государство оказывало, оказывает и будет оказывать всяческую поддержку производственному кооперированию и колхозному движению, но никакой государственной помощью массового колхозного движения обеспечить в достаточной мере нельзя. В конце концов то, что при

всем его напряжении государство дает — гроши. Главные свои ресурсы государство должно и дальше направлять на развертывание индустрии, на поднятие металлургии, на заводы тракторов, комбайнов, сельскохозяйственных машин, на развертывание химии, на сооружение электростанций и т. п. Колхозное движение может развиваться, как массовое дело, только при том условии, если, опираясь на поддержку пролетарского государства, оно вовлекает в свои обобществленные фонды сотни миллионов и миллиарды крестьянских средств (материальных ценностей). В росте этих обобществленных фондов в сущности и выражается коллективизация деревни. Если обобществленные фонды в колхозах увеличились за год в два раза, это значит, что темп коллективизации удвоился, если эти фонды увеличились за этот же период в десять раз, это будет означать, что темп коллективизации удесятерился. Прежде всего по росту обобществленных фондов в колхозах мы можем по-настоящему проверить действительный темп коллективизации. Надо еще прибавить, что обобществление крестьянских средств в колхозах создает наиболее благоприятные условия и для дальнейшего их роста,— конечно, если колхоз поднимет свою техническую базу по-настоящему, наладит свое общественное хозяйство и правильно использует имеющуюся в нем рабочую силу, для чего так необходимы теперь колхозники-организаторы, техники, агрономы и инженеры различных специальностей.

Из непосредственно колхозных тем остановимся еще на *организационном* вопросе.

Летом ЦК принял решение о реорганизации сельскохозяйственной кооперации, а также о новой постановке дела контрактации в сельском хозяйстве. Эти решения целиком подтверждены жизнью и в настоящих условиях должны быть базой и для работы колхозов.

В связи с этим — о взаимоотношениях колхозов с кооперативной системой в целом.

Исключительно нелепыми являются те мнения, которые противопоставляют колхозы кооперации. Это одно из самых ярких выражений непонимания ленинского кооперативного плана. Надо же, наконец, отдать себе отчет в том, что именно через колхозное движение кооперация ведет крестьянскую массу к социализму, к крупному обобществленному хозяйству на основе высшей техники и электрификации. На практике у нас до сих пор многие товарищи скатываются к противопоставлению кооперации — колхозам, и, наоборот. К сожалению, в самой колхозной системе есть свои «ведомственные» настроения. Сама по себе работа в колхозной системе не страхует от узости политического горизонта. У некоторых работников в колхозсистеме есть претензии,— конечно недодуманные и отражающие определенный пройденный период,— на подчинение всего колхозного движения непосредственно колхозсоюзам во главе с колхозцентром. Эти товарищи не заметили маленькой вещицы: они не заметили, что кооперация сама постепенно превращается в колхозную систему.

На наших глазах происходит такое перерастание кооперативных организаций в высший тип, в колхозную систему. Для разных кооперативных систем этот процесс перерастания из сбыто-снабженческой организации в производственно-коллективную шел и идет по-разному, но как же можно не видеть, например, того, что Хлебоцентр со своей полеводческой системой уже теперь не является кооперативной организацией старого типа. Наличие у него многих тысяч зерновых кооперативов производственного типа внизу, наличие у Хлебоцентра 61 тракторной колонны, практически сложившееся уже руководство со стороны этого центра многими колхозами в деревне, говорит за то, что Хлебоцентр уже не является в старом смысле кооперативной системой, что это,— кооперативно-колхозная организация. Из ко-

оперативного центра он превратился в кооперативно-колхозный центр, а завтра он будет и прямо колхозным центром для зернового хозяйства.

Для такого перерастания кооперации в колхозное движение теперь с каждым днем создаются все более благоприятные условия. Кооперация, которую мы по словам Ленина «с известной стороны имеем право третировать теперь при нэпе так же», «как торгашескую», перерастает теперь в кооперацию высшего типа, в подлинно-советскую кооперацию, в кооперацию производственно-колхозную. До массовой коллективизации деревни кооперация была организацией мелких собственников. Кооперация не затрагивала основ мелкобуржуазного производства в деревне. До массовой коллективизации кооперация об'единяла мелкие и мельчайшие хозяйства почти исключительно для сбыта их продуктов и снабжения их продуктами промышленности. Основой кооперации еще оставалось мелкобуржуазное хозяйство. Однако, благодаря советскому строю и, следовательно, благодаря руководству пролетарской диктатуры, снабженческо-сбытовая кооперация с десятками тысяч своих кооперативов в деревне сыграла важнейшую роль в деле подготовки крестьянских масс к производственному кооперированию и коллективизации. Таким образом, снабженческо-сбытовая и кредитная кооперация плюс низовые кооперативы производственного типа, опираясь на опыт пионеров колхозного движения первых лет Октябрьской революции, подготовили почву для перерастания прежней кооперации в кооперацию колхозную, т.-е. подготовили почву для колхозного движения подлинно-миллионных масс крестьянства. А это и есть осуществление ленинского кооперативного плана.

Ясно, что противопоставление кооперации и колхозов не только недопустимо, но прямо нелепо, особенно в настоящих условиях. Резолюция пленума ЦК подчеркивает это, в частности, тем практическим предложением, которым в кооперативных центрах устанавливаются автономные секции колхозов. В резолюции кроме того говорится о необходимости усилить работу Союза союзов с.-х. кооперации, как руководящего центра всей кооперации, включая и колхозную систему. Очевидно, чем дальше, тем больше Союз союзов и Колхозцентр будут сближаться в своей работе, а затем и сольются полностью. Большое значение для перестройки работы кооперативных систем и увязки ее с работой колхозной системы будет иметь создание союзного Наркомзема. В необходимости последнего теперь не приходится сомневаться.

Еще несколько замечаний о роли колхозов в системе пролетарской диктатуры и в связи с этим об обязанностях рабочего класса.

В цитате Ленина, приведенной вначале, указывается, что главная роль рабочего класса в революции—организаторская роль. Пролетариат организатор трудящихся масс в деле борьбы с капиталом, в деле разрушения капитализма и в деле строительства социализма. В массовом колхозном движении организаторская роль рабочих огромна. Особенно это относится к тому периоду, когда мы и здесь по-настоящему займемся организацией крупного общественного хозяйства с применением высокой техники. Руководство рабочего класса в деле коллективизации является необходимейшей помощью отсталым, воспитанным в условиях мелкого хозяйства, крестьянским массам.

Нельзя не согласиться с т. Андреевым, что на Северном Кавказе, где в большинстве районов около третьей части крестьянских хозяйств уже вовлечено в колхозное движение, завершение коллективизации,—по крайней мере в основном,—диктуется интересами хозяйства, интересами большей производительности сельскохозяйственного производства. Этим лишний раз подтверждается та простая истина, что для того, чтобы руководить колхозным движением, рабочему классу нужно итти во главе него. Смешны попытки удержать массовое движение из опасения, что теперь создаются слабые, непрочные колхозы. Мы должны трезво смотреть на слабости и недостатки, а иногда и на явную рыхлость теперешнего колхозного строительства, но это нам нужно не для того, чтобы разводить хныкание, а для того, чтобы мобилизовать силы рабочего класса на поддержку колхозов, на поддержку их роста, на всемерное укрепление колхозного движения.

Нельзя забывать, что в колхозы сейчас вливается еще совершенно не перевоспитанная масса мелких собственников. Из этого, мы должны сделать вывод, что влияние мелкобуржуазных настроений, а нередко и прямое влияние кулачества в колхозах сейчас будет еще весьма сильным. Борьбу с этими влияниями придется вести серьезную и длительную.

Вокруг колхозного строительства идет жесточайшая классовая борьба. Кулак прибегает к всевозможным попыткам преградить дорогу колхозам, а где это не удается, проникнуть в колхоз и разложить его изнутри. Элементы классовой борьбы в самих колхозах дают себя чувствовать весьма сильно, и притом—на каждом шагу. Борьба с кулацкими влияниями в колхозах—важнейшее дело и в этом потребуется весьма большая помощь извне, со стороны рабочих.

В связи с этим—два слова об имеющихся колебаниях по вопросу о допущении кулака в колхоз.

Колебания в этом вопросе недопустимы прежде всего потому, что колхозы еще слабы, еще не успели стать на ноги. Допущение кулака в теперешние колхозы грозит разложением многих и многих из них. Но, спрашивают иногда, как же быть с кулаком? К сожалению, этот вопрос задают нередко даже тогда, когда по-настоящему еще не успели продумать основного вопроса, вопроса о том, как быть с батраком и бедняком и как организовать в колхозе батрацко-бедняцкое ядро. А ведь этот вопрос должен быть первым для организаторов колхозов, ставящих дело по пролетарски, по коммунистически.

Но нужно ответить и на вопрос о том, как быть с кулаком. Ответ на этот вопрос вытекает из того, что мы идем теперь развернутым по всему фронту наступлением на капиталистические элементы. Поэтому на вопрос о том, как быть с кулаком, мы должны ответить: относись к кулаку, как к злейшему и еще недобитому врагу. Что это злейший враг, об этом напоминают нам каждый день тысячи и тысячи фактов кулацкого террора, кулацких нападений, поджогов и убийств наших работников, активных колхозников, преданных революции батраков и бедняков. Что это враг еще недобитый, об этом также говорят многочисленнейшие примеры. Кулак не перестает вредить колхозам не только в открытой борьбе против них, но и пробираясь в колхозы, а иногда и в их органы управления. Поэтому те меры, которые вытекают из такого отношения к кулаку, из отношения к нему, как к злейшему и еще недобитому врагу,— эти меры будут правильными и необходимыми. Без такого отношения к кулачеству мы не овладеем делом коллективизации.

Мы не можем проходить и мимо таких фактов, когда колхозы не выполняют элементарных обязанностей в отношении к советскому государству. Разве у нас нет таких случаев, когда колхозы не выполняют заданий по хлебозаготовкам? Разве это не является прямым срывом политики советской власти? Разве эти факты не являются выражением того, что кулаки, забравшиеся в колхозы, использовывают свое влияние для противопоставления колхозов советскому государству? Вот почему мы должны гнать кулаков из колхозов и направить как можно больше внимания на организацию батраков и бедноты, на создание батрацко-бедняцких групп в колхозах, особенно

в колхозах простейшего типа. Партия по-настоящему овладеет руководством колхозным движением только в том случае, если будет вести самую настойчивую работу в крестьянских массах и в самих колхозах по политическому просвещению бедноты, по поднятию ее культурного уровня, по созданию кадров организаторов и различного рода специалистов из батраков и бедняков. Все органы пролетарской диктатуры должны направить в эту сторону максимум внимания.

Лидеры правых на этом пленуме с особой старательностью расписались насчет того, что колхозы теперь являются «ведущим началом» во всем сельском хозяйстве. Но и тут эти неудачники в политике, с одной стороны — запоздали, с другой — напутали.

Конечно, колхозы идут, как правило, впереди индивидуального крестьянина в поднятии с.-х. производства. Иначе бы в них не валила крестьянская масса. Но с тех пор, как колхозы захватили в целых областях от одной четверти до одной трети крестьянских хозяйств (Северный Кавказ), а завтра здесь в них будет уже половина крестьянских хозяйств и больше, какое же это — «ведущее начало»? В этом случае колхозы потому уже не могут быть ведущим началом, что в них вошел не только авангард трудящихся крестьян, но и широкая масса, а завтра уже и решающая, подавляющая часть крестьянства района (области). Значит, рассматривая вопрос о роли колхозов с этой стороны, нельзя не признать, что правые запоздали со своими декларациями о «ведущей роли» колхозов.

С другой стороны, они явно напутали. Ведущим началом в отношении сельского хозяйства была и остается социалистическая индустрия, пролетариат. Даже теперь, при огромном размахе колхозного движения, мы не должны забывать об этом. Мы не должны расплываться в расхлябанных, мелкобуржуазных фразах о колхозах, как «ведущем начале», а должны со всей определенностью раз'яснять крестьянской массе одно из основных большевистских положений: ведущую социалистическую роль в народном хозяйстве вели, ведут и могут вести только предприятия последовательно социалистического типа, т.-е. наши промышленные предприятия и совхозы. Это вытекает из того, что государственная власть в нашей стране находится в руках рабочего класса, опирающегося на деревенскую бедноту и союз с середняцкими массами деревни. Нашей обязанностью является неустанное раз'яснение трудящимся крестьянам, что только на основе этой политики мы до конца и бесповоротно избавимся от опасности восстановления капитализма и обеспечим победу коммунизма в международном масштабе.

Надо, дальше, остановиться на совхозах. Огромная роль совхозов в деле коллективизации понятна. Строительство совхозов и их успехи оказывают огромное влияние на окружающее крестьянское население. На примере совхозов крестьяне убеждаются в преимуществах крупного социалистического хозяйства. К тому же совхозы нередко выступают в качестве организаторов колхозов в районах, прилегающих к ним. В дальнейшем эта роль совхозов еще больше возрастет.

Но дело не только в этом. Уже организованным колхозам надо многому учиться у совхозов, особенно у лучших из них. Мы прямо должны сказать: колхозы, в организации своего общественного производства, равняйтесь по совхозам! Мы должны всячески популяризировать мысль, что хорошо организованные совхозы должны быть примером организации хозяйства в колхозах.

В данный момент особенно надо подчеркнуть роль совхозов в деле подготовки кадров колхозников, колхозников-организаторов и колхозников-специалистов. Мы много времени тратим на резолюции и на агитацию и из-за этого нередко упускаем золотое время. Между тем, теперь для колхозов

главное вовсе не агитация, а организационная работа, а хороших-то организаторов и специалистов с.-х. производства, нужных для колхозов, у нас не запасено. И мы еще до сих пор не торопимся с этим делом, с делом создания необходимых кадров работников колхозов.

Вот почему неотложнейшей задачей является использование всех возможностей подготовки новых сил для колхозов, впрочем, не только для колхозов, но и для самих совхозов, строительство которых мы двигаем столь быстро вперед. Вот почему каждый сносно организованный совхоз мы должны немедленно превратить в школу для подготовки новых работников и для переподготовки части старых работников для колхозов, да и для самих совхозов. И здесь надо всячески подчеркнуть, что это дело мы должны завернуть тем темпом, который необходим для подготовки приближающейся весенней посевной кампании. Оставшиеся зимние месяцы, недели и дни мы должны для этого использовать с максимальной энергией. Мы должны каждый совхоз, а также и хорошо организованный колхоз сделать школой подготовки и выковки работников для колхозов. Пусть этим, как можно скорее, займутся руководители наших колхозов и совхозов. Пора за это дело взяться по большевистски.

Наконец, о промышленных рабочих.

Резолюция пленума ЦК предлагает мобилизовать для колхозов 25 тысяч промышленных рабочих. Это—весьма важное решение пленума.

Мобилизация 25 тысяч рабочих для деревни не может пройти совершенно безболезненно для промышленных предприятий. Об этом должны уже сейчас думать товарищи из ВСНХ и ВЦСПС. И все же мы должны во что бы то ни стало в течение ближайших месяцев послать в колхозы не менее 25 тысяч политически грамотных и активных товарищей с фабрик и заводов. Это будет одним из лучших примеров поддержки крестьянских масс со стороны рабочего класса. Эта помощь деревне имеет огромное политическое значение.

Прибавьте сюда посылку рабочих бригад, которые посылаются из города для выполнения отдельных заданий в роде проведения хлебозаготовок, ремонта крестьянского инвентаря и т. д.

Особое значение приобретает рабочее шефство над деревней. Теперь это шефство начинает приобретать новые формы; заводы и фабрики устанавливают непосредственную связь и шефство над отдельными колхозами; завязывается в различных формах соревнование между рабочими и колхозниками; метод социалистического соревнования начинает перебрасываться в широкие просторы крестьянских полей. Хорошо бы добиться, чтобы посылка 25 тысяч рабочих в колхозы была организационно увязана с шефством рабочих заводов и фабрик над крупными колхозами и районами сплошной коллективизации. Смычка рабочего класса с трудящимся крестьянством крепнет, становится поистине несокрушимой.

Не только отдельные заводы, но и профсоюзы в целом, теперь должны большое внимание уделить коллективизации. Как-будто в этом отношении наметился перелом в хорошую сторону. Хорошо бы его закрепить и двинуть дело вперед.

Велика роль Красной армии в деле коллективизации. В течение последних недель происходил и еще происходит очередной осенний выпуск красноармейцев. Немало из них уехало в деревню с горячим стремлением к коллективизации. Красноармейцы в деревне были, а теперь в особенности станут, активными участниками колхозного строительства. Может быть, в дальнейшем известную часть красноармейцев после окончания срока службы следовало бы в течение 2--3 лишних месяцев обучать специально тому, что

необходимо для них при возвращении в деревню — в деревню, переходящую на рельсы коллективизации.

Из сказанного видно, какова роль советов в колхозном движении. Только в условиях советского строя колхозы могут жить, а при известных условиях превратиться в движение миллионов крестьян к социализму. Надо, чтобы советы усилили свое руководящее влияние в отношении колхозного строительства. Необходимо, чтобы колхозы систематически отчитывались перед советами. Ведь советы — основное звено пролетарской диктатуры, обеспечивающее победоносное движение крестьян через колхозы к социализму. Надо вместе с тем отдать себе отчет в том, что массовая коллективизация создает новую и притом невиданно-крепкую базу для советов в деревне.

Несколько слов о задачах партийных и комсомольских организаций в связи с колхозным движением. Место комсомольцев — в авангарде колхозного движения. Недостаточно еще раскачались на этот счет руководящие органы комсомола, а давно пора! Партийные ячейки в деревне должны сильно подтянуться, чтобы выполнить ответственнейшие обязанности руководства колхозным строительством. На партии лежит огромная ответственность и нам необходимо использовать весь опыт организации и руководства массами, чтобы действительно овладеть руководством дела коллективизации.

В заключение — два слова о так называемых трудностях.

Нечего говорить о том, что трудности практического строительства колхозов исключительно велики. Колхозы переводят мелкие и мельчайшие хозяйства на рельсы крупного общественного производства с высокой машинной техникой. Коллективизация решает коренную проблему социализма в деревне. Поэтому нельзя преувеличить те действительные трудности, с которыми нам приходится и еще придется здесь столкнуться.

Однако, рассуждениями о «трудностях» иногда стремятся прикрыть оппортунистическую боязнь перед огромным подлинно-революционным массовым движением. Из лагеря правых можно сейчас нередко слышать открытые, а еще чаще замаскированные предложения насчет того, не попридержать ли это движение. Оппортунистам всегда была свойственна боязнь масс. Эта боязнь вытекает из непонимания того, что участие миллионов в социалистическом строительстве означает огромный рост сил революции, огромный рост творчества новых форм общественной жизни. Непонимание этого свойственно оппортунистам всякого толка, правым и «левым». Это качество оппортунистов является одним из лучших показателей того, что оппортунист может быть связан с той или иной группой, с тем или иным общественным слоем, но он оторван от массы, оторван от рабочих, от трудящихся.

Рассуждения о «трудностях», когда они ведутся для прикрытия оппортунистического отступления, для свертывания бурного революционного движения масс вперед, — чужды большевикам. С такими настроениями нельзя итти во главе масс, нельзя вести рабочих и трудящихся деревни к победе. Мы должны проявить революционную чуткость к теперешним настроениям трудящихся масс деревни. Надо понять, что означает массовое движение в колхозы. Оно означает, что бедняки и середняки увидели, наконец, действительный просвет к улучшению своей жизни. Они идут в колхозы, зачастую не отдавая еще себе ясного отчета в том, куда ведет теперешнее колхозное движение. Они идут в колхозы в большинстве случаев потому, что видят и убеждаются, что крупное общественное с.-х. производство повышает урожайность и расширяет посевы, облегчает труд и поднимает материальные условия жизни трудящихся деревни. Середняк, а раньше него и бедняк, двинулся могучим потоком в колхозы не потому, что он уже стал сознательным социалистом, а потому, что он увидел выход, — а зачастую еще только просвет к выходу, —

из нищеты, из каторжного труда, из вековой деревенской дикости. Вместе с тем, это движение в колхозы знаменует перелом в настроениях крестьянских масс: от доверия к советам, как *власти трудящихся*,—середняк переходит к доверию Соввласти, как *строителю социализма*. Благодаря всей политике Советской власти, благодаря материальным достижениям и политическому просвещению, которые мы имеем за 12 лет после Октябрьской революции, перед трудящимися деревни все больше раскрываются ограниченные возможности развития мелкого хозяйства, и вместе с тем, уже становятся понятны миллионам их преимущества крупного социалистического производства. Вот откуда идет такая решительная тяга крестьяских масс в колхозы.

Эти настроения батраков, бедняков и середняков в деревне во многом чужды правым уклонистам, оторванным от действительных мас и даже не чувствующих их. Им ближе оппортунистические сомнения и антиреволюционное безверие мещан, они — в плену мелкобуржуазных настроений. Мещанам из «коммунистов» не понять бедняцко-середняцкой массы, ринувшейся в колхозы, но и эта масса, решительно вставшая на путь революционной ломки «вековых устоев» крестьянского хозяйства, не поймет их.

Кто, как не бедняки и середняки, видят и изо дня в день встречают на своем пути величайшие трудности строительства колхозов? И все же трудности колхозного строительства не останавливают крестьянскую массу, а закаляют ее волю и повышают требования к руководителям, к Советской власти, к партии. Ответом на встречающиеся по пути колхозного движения трудности может быть только усиление внимания рабочего класса к этому делу, большая помощь силами, усиленная поддержка деревни практическими организаторами и политическими руководителями. Когда встречаешь товарищей, приезжающих из деревни, из строящихся колхозов и совхозов, то видишь, что многие из них сейчас преображаются. Нередко это те люди, у которых именно теперь загорелись глаза верой в победу. Армия строителей социалистического хозяйства сейчас быстро растет, пробуждаются тысячи, десятки и сотни тысяч новых творческих сил в народных массах. Эти новые силы прочно цементируют строительство социализма в нашей стране.

В заключение, напомню то, что писал Ленин в плане брошюры «О продналоге» в 1921 году, при переходе к нэпу: «10—20 лет правильных соотношений с крестьянством и обеспеченная победа во всемирном масштабе (даже при затяжке пролетарских революций, кои растут), иначе 20—40 лет мучений белогвардейского террора» [1].

Мы живем на 13-м году Октябрьской революции. Из указанного Лениным 10—20-летнего срока мы прожили уже больше половины. Массовость колхозного движения с исключительной силой показывает, что мы, действительно, нашли пути к установлению правильных взаимоотношений с крестьянством. Несмотря на миллион трудностей и миллионы недостатков в нашей работе, мы победоносно идем вперед. Вовлечение миллионов крестьян в колхозное движение говорит о том, что на пути, которым мы идем и с которым все более прочно сплетается революционный под'ем масс в капиталистических странах, — нам обеспечена победа во всемирном масштабе.

---

[1]) Ленинский сборник, IV ,стр. 374.

Мирон Гроссман.

К всесоюзному с'езду ударных бригад.

На наших предприятиях сейчас происходит глубокий процесс коренной ломки старых трудовых навыков и создается совершенно новое отношение к труду и к фабрично-заводскому оборудованию.

Социалистическое соревнование становится постоянным методом нашей работы. Это соревнование довольно сильно уже повысило и качество труда, и качество самого трудящегося. Соцсоревнование — это целая новая эпоха, наполненная и проникнутая великим под'емом, решительностью, энтузиазмом и воодушевлением. Идет борьба за новые, коммунистические формы труда. И в этой борьбе, ответственной и напряженной, закрепляя одну позицию за другой, рабочий класс, а с ним батрачество и беднота деревни, в прочном союзе с середняком, — идут все дальше вперед, стремительно наступая на капиталистические элементы города и деревни.

Социалистическое соревнование все более и более развертывается и захватывает все новые, нетронутые пласты трудящихся. Заводы, фабрики, рудники, шахты, отдельные рабочие начали между собой великую перекличку, вызывают друг друга на соревнование. Вызовы-соревнования подкрепляются соответствующими договорами. Договоры предусматривают лучшее и более быстрое выполнение партийных и правительственных директив в области хозяйственного строительства. Начатая с сентября этого года проверка выполнения договоров, заключенных в порядке проведения соцсоревнования между предприятиями, послужила новым толчком дальнейшему росту активности масс. Перекличка-проверка превратилась в мощное массовое движение за скорейшее осуществление социалистической пятилетки. Рабочая масса производственно, технически и культурно растет. Ей уже тесны прежние рамки массовой экономической и производственной работы. Ее уже не удовлетворяет отведенный участок работы, ограниченный данной машиной, данным станком. Стремление к коллективной работе, к коллективной оплате труда, к анализу своей работы, становится насущнейшим делом каждого отдельного рабочего. В этом играет огромную воспитательно-организующую роль соцсоревнование. Ломка «старого» легко не дается. Здесь требуется кропотливая, серьезнейшая, упорная борьба, серьезная подготовка всех борцов за новый социалистический мир. Возникает новая рабочая форма соцсоревнования — ударные бригады. Наши ударники — это передовой отряд пролетариата в соревновании; ударные группы рабочих чрезвычайно способствовали и способствуют тому, чтобы социалистическое соревнование получило невиданный еще размах. Наши ударники, как примерные энтузиасты, строители социализма, преодолевая всяческие трудности, служили и служат ярким и прекрасным примером всем трудящимся, как нужно строить, как нужно работать и как

нужно на деле осуществлять соцсоревнование. Многочисленные корреспонденции с мест говорят об огромнейшей работе, проводимой ударниками. Для более плановой и организованной работы ударные бригады на многих предприятиях ставят во главе своих бригад не только технических руководителей, но и политических. Эти бригады создают свои уставы и свои положения. Так, например, положение о работе ударных бригад на ленинградском заводе «Электросила» выработаны самими ударниками.

Это положение о работе ударных бригад на заводе «Электросила», — гласит:

«Ударные бригады, являясь высшей формой участия рабочих в социалистическом строительстве, организуются из примерных и стойких рабочих и считаются особой хозяйственной, показательной единицей в цеху. Ударные бригады, являясь действительными показателями лучшей работы на производстве, должны заражать своим энтузиазмом остальную рабочую массу, стать первыми в деле восстановления в цеху твердой пролетарской дисциплины и показать себя настоящими и действительными хозяевами производства.

Ударные бригады в своей работе руководствуются следующим: 1) Работают над разработкой новых приемов работы, показывая образцы действительно организованного социалистического труда. 2) Повышают нормы выработки, доказывая своим примером несоответствие расценок, тем самым они дают хороший отпор рваческим настроениям некоторой части рабочих. 3) Обязаны снизить брак до минимума, следить за качеством выпускаемой продукции. 4) Обязаны аккуратно обращаться с инструментами, приспособлениями и станками, а также экономить материалы и топливо. 5) Ударные бригады активно участвуют в работе производсовещаний, раз'ясняя среди рабочих роль ПС, прорабатывают хозяйственные вопросы, как-то: промфинплан, выполнение программы и т. д. 6) Ударные бригады, являясь первыми по активности участия в социалистическом соревновании, раз'ясняют среди рабочих значение соцсоревнования. 7) Состав ударной бригады должен постоянно пополняться свежими силами, создавая вокруг их новые группы рабочих, которые, в свою очередь, в дальнейшем организуются тоже в ударные бригады. 8) Обязаны держать трудовую дисциплину на должной высоте, подобающей ударнику, а именно: своевременное начало и окончание работы, устранить прогулы без уважительных причин. 9) Между ударными бригадами разрабатываются договоры по соцсоревнованию, которые обсуждаются на специальных общих собраниях цеха. Договора должны заключаться с повышенными требованиями к ударникам в отличие от неударных цехов и бригад. 10) Ударные бригады отделами завода и цеховой администрацией берутся на особый учет для обслуживания их в смысле снабжения, а также и выполнения всех рационализаторских мероприятий, предлагаемых со стороны ударников. 11) Администрация, совместно с общественными организациями, имеет право расформировать ударную бригаду или цех, в случае их неработоспособности и несоответствия званию ударника, а также за бригадами остается право выводить отдельных членов бригады из своего состава, недобросовестно относящихся к работе. 12) Показатели о работе ударных бригад должны вывешиваться по ударным бригадам в цехах и на заводе специальными диаграммами. 13) Работу ударных бригад следует обсуждать на собраниях рабочих, производсовещаниях и освещать в печати. 14) Партийные, профсоюзные и комсомольские организации поддерживают инициативу и начинание ударных бригад, делая их опыт достоянием рабочих всего завода».

На этом заводе раньше насчитывалось 11 ударных бригад, которыми были охвачены 61 человек, а теперь имеется четыре ударных цеха и 57 ударных бригад, в которые вовлечены 750 человек. На этом же заводе имеется и другой отрадный факт: организация ударной бригады из инженерно-технического персонала, взявшей шефство над бригадой комсомольцев - слесарей 108-го отделения завода.

На «Красном Сормове» (Нижний-Новгород) на 1 сентября насчитывалось 319 бригад с количеством участников в 2.905 человек. Благодаря работе ударников, производственная программа выполнена с превышением, себестоимость снижена на 6%, производительность труда увеличена на 10,11%, брак уменьшен на 17% и т. д.

Ударники Штерстроя насчитывают 7 бригад молодежи и 2 бригады взрослых рабочих. Они также создали свой устав и, проведя специальный смотр своей работы, решили перейти к ударным цехам, ликвидировать техническую неграмотность и для этой цели в цехах уже начали работать технические кружки. На заводе «Красная Этна» ударные бригады, практикуя созыв ударников по цехам, по отдельным квалификациям значительно подняли производительность труда и своей работой сумели заинтересовать широкие массы рабочих. Особенно хорошо работает молодежная бригада.

На Балтийском судостроительном и механическом заводе, в одном только клепально-чеканном цехе, имеется 26 бригад, из них 9 молодежных бригад клепальщиков и 11 чеканщиков. Старики соревнуются с молодежью, и молодежь старается не уступать старикам. Ударная бригада в электрическом цехе завода «Красный Профинтерн» ввела способ перекачивания масла электрическим насосом и этим сократила сушку трансформаторов с 6 час. до 1 часа. На Дятьковском хрустальном заводе шлифовальная ударная бригада подняла производительность труда на 18%, изжила прогулы, снизила себестоимость продукции на 25%. Ударники-формовщики Песочинского чугуно-литейного завода организовали четверки и начали работать по новому: один набивал чашу, другой набивал венчик, третий разнимал, обводил и складывал венчик, четвертый заканчивал отделку горшка. От такого разделения труда у четверки получилась большая экономия инструмента, увеличилась выработка горшков: вместо нормы в 26 горшков на каждого рабочего, члены четверки вырабатывали по 46. Брак снизился до минимума. Ударная бригада трубочно-прокатного цеха «Электрозавода» увеличила выпуск продукции в третьем квартале 1928/29 г. на один человеко-час до 8 р. 35 к., вместо прежних — 6 р. 35 к.

Молодежная ударная бригада гибочной мастерской завода им. Марти достигла значительных результатов, еще больше втянулась в активную общественную работу чем прежде и серьезно взялась за техническую учебу. Можно привести и перечислить тысячи примеров и тысячи фактов и цифр, говорящих о грандиозной работе ударников на наших многочисленных заводах и фабриках. Осознав сущность соревнования, ударники стремятся к повышению технической грамотности, применяют новые принципы и методы работы, заботятся о правильной расстановке сил, организуют технические кружки, вплотную подходят к вопросам рационализации производства, всячески стараются привлечь к своей работе инженерно-технический персонал, вовлечь в работу по новому поголовно весь цех, весь отдел, всех рабочих данного предприятия. Ударники создают нам нового человека на производстве. Там, где работают ударные бригады, — там, как правило, мы имеем: сокращение самовольных прогулов, уменьшение простоев оборудования, рост производительности труда и зарплаты, снижение себестоимости и брака.

В этой грандиозной социалистической стройке, которая происходит на наших глазах, в этих больших достижениях мы имеем, к сожалению, и теневую сторону. В этой теневой стороне главными виновниками являются наши профсоюзные звенья, хозяйственники и инженерно-технические секции. Опыт работы отдельных ударников и ударных бригад не подвергается тщательнейшему учету, внимательнейшей проработке и не передается на другие предприятия. Вокруг ударников не всегда создается здоровая обстановка и не мобилизуется внимание всех рабочих и специалистов. Задача всех фабрично-заводских организаций заключалась в том, чтобы обеспечить широчайшее влияние ударников на всю рабочую массу, на всю жизнь и деятельность предприятия, ибо чем больше возрастает влияние и авторитет ударников, тем, несомненно, соцсоревнование поднимается на более высокую ступень и вызывает новый под'ем трудового героизма и творческого энтузиазма масс.

Но этого сделано не было. Наши хозяйственники не всегда правильно ориентируют рабочие массы и особенно ударников на конкретных хозяйственных задачах своего предприятия и цеха, не всегда помогают и содействуют ударникам в их работе, не устраняют все то, что тормозит работу, не вносят полной ясности и плановости в данные задания и не уточняют контрольные цифры предприятия до цеха включительно. А ведь каждый рабочий прежде всего, и ударник в особенности, должен и хочет знать, какое количество продукции должно выработать предприятие, отдельный цех его, машина или станок. Соцсоревнование требует, чтобы каждый рабочий знал не только мощность и производительность своего оборудования, но и какие задания даются в области затрат материалов и средств,— себестоимости, производительности труда, качества, количества, сроков и т. д., и т. п. Все техно-экономические показатели работы цеха должны быть четко и ясно определены и разработаны таким образом, чтобы даже неквалифицированному рабочему все было понятно. Инженерно-технический персонал, в массе своей, еще не примкнул к соцсоревнованию и к ударным бригадам. Мы сейчас не можем удовлетвориться одной лойяльностью инженеров и техников. Нам нужно, чтобы инженер на социалистическом производстве стал на деле техническим руководителем, чтобы он помогал рабочим усвоить техническую грамотность, руководил техническими кружками, всячески способствовал работе ударников, помогал им в поисках новых, усовершенствованных методов работы, разрешал производственно-технические трудности и устранял все недочеты, которые мешают углубить и развить соцсоревнование.

Средние и низшие профсоюзные звенья явно недостаточно раскачались, еще не усвоили всего значения социалистического соревнования вообще и роли ударников в частности. Медлительность, формализм, слабое руководство, отставание от темпа, отсутствие учета и раз'яснительной работы и т. д.— все еще имеет место и пребольно бьет по социалистическому соревнованию и по ударникам. Роль ударников в соревновании не заостряется и часто смазывается. Такое положение абсолютно нетерпимо. Приведем только несколько сообщений с мест, которые характеризуют работу наших руководящих фабрично-заводских организаций и покажут, что волнует наших ударников. На «Трехгорке» работают 53 бригады. Уже вполне созрела почва для создания ударных цехов. Но ни фабком, ни ячейка комсомола этим не занялись. На фабрике им. Щербакова ударники первыми перешли на уплотненную работу, но администрация слабо помогает бригадам и плохо ведется учет. В этом году фабрика должна снизить себестоимость на 21% и поднять производительность труда на 17%, но ударники до сих пор не проработали промфинплана и пятилетку своей фабрики, они не слышали доклада бюро рационализации, где, что и как надо упростить и улучшить. В газете «Правда» от 26 октября 1929 г. приводятся следующие выдержки из рабочих писем. «На заводе «Красный Гидропресс» (Таганрог) на собрании ИТС выступил один из инженеров, отстаивавший ту мысль, что специалистам не-зачем вступать в соревнование, им достаточно

и того, если они будут прикреплены к бригадам в качестве консультантов. Мысль эта, к сожалению, получила одобрение на собрании».

«На фабрике им. Шмидта (Баку) все соревнование несут на своих плечах одни ударники и отдельные соревнующиеся рабочие». То же самое мы имеем и в Донбассе и в далеком Узбекистане. На кожзаводе «Труженик» бригадное движение слабо развито. Завком, ячейка, администрация ничего в этом отношении не предпринимают. Бригаде слесарей электроцеха «Красного Профинтерна» выдавался неисправный инструмент, невнимательное отношение администрации цеха к бригаде нередко вызывало простои и незагруженность работой. На Дятьковском заводе опыт ударных бригад не стал достоянием всех рабочих. Завком о существовании и работе бригад и знать не хотел и ни разу не заслушал доклада о том, как работают бригады. На Тамбовском вагонном заводе административно-технический персонал, как и члены ИТС, не принимают должного участия в выборе об'ектов соревнования и установления конкретных цифр по ним; не оказывается практическая помощь со стороны ИТС и администрация не уделяет бригадам никакого внимания.

«Луганская Правда» от 24 октября этого года, вынося результаты соревнования на общественный смотр, выявляет довольно безотрадные факты неумелого руководства соцсоревнованием на заводе им. Ворошилова и сообщает, что «из 13 ударных бригад, созданных в сентябре, осталось всего пять. Остальные распались. Специалисты отказались от участия в соревновании и срывают работу ударников». На шахтах Хрустальского рудоуправления также участились случаи распада ударных бригад и из-за плохого руководства, и из-за нераспорядительности администрации. В той же «Луганской Правде» от 1 ноября с. г. мы читаем: «Странную картину являет собой проверка социалистического соревнования по Карловской группе шахт Краснолучского района. Бригады работают. Работают довольно активно. И в то же время шахтный комитет и партийная ячейка бездействуют», и в результате «все же, из-за плохого руководства со стороны организаций, бригады до сих пор работают недостаточно хорошо. Массовая работа отсутствует». Даже при беглом просмотре фабрично-заводских печатных газет бросается в глаза, что законные требования ударников: «полностью загрузить ударные бригады работой», «помогите стать рационализаторами», «учите нас», «ставьте четкие задачи», «дайте настоящее руководство», «проверьте нашу работу», «дайте учет и твердый план работы», «создайте благоприятные условия» и т. д., — наталкиваются часто на косность и нежелание одних и на преступно-халатное и пренебрежительное отношение других.

Директивы партии, ВЦСПС и ВСНХ очень туго воспринимаются местными организациями. Лозунги «профсоюзы — лицом к производству», «профсоюзы к рулю руководства» еще не пробили толщу местных благодушествующих и оборонительно настроенных бюрократов-дельцов, срывающих дело соцсоревнования.

Фабрично-заводские клубы также плохо еще обслуживают соцсоревнование. Производственные комиссии слабо раскачиваются и не стали еще подлинным штабом и руководителем соцсоревнования и ударных бригад. Фабзавкомы не занимаются обменом опыта, не учитывают достижений ударных бригад, не устраняют препятствий, мешающих развитию соцсоревнования, слабо руководят цеховой профработой и недостаточно реагируют на невнимательное и нечуткое отношение к ударникам со стороны хозорганов и ИТС. Руководящие организации наших заводов и фабрик, очевидно, забыли, что партия будет расценивать их работу, исходя из того, насколько данная организация сумела вовлечь массу в соцсоревнование и в ударные бригады и насколько данная оргнизация проявила способность мобилизовать широкие массы рабочих на практическое осуществление контрольных цифр второго года пятилетки.

5-го декабря т. г., по инициативе ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ, ВСНХ и редакции «Правды» откроется всесоюзный с'езд ударных бригад. Эта дата историческая. Этот с'езд должен явиться переломным этапом в деле организации, оформления и обобщения опыта работы ударников и перенесения этого опыта на все наши социалистические предприятия. ЦК нашей партии одобрил созыв этого с'езда, придавая ему огромное значение. Этот с'езд должен вызвать еще более сильный трудовой под'ем широких масс и еще больше должен способствовать вовлечению в соцсоревнование поголовно всех рабочих и трудящихся. Вокруг с'езда должна быть мобилизована вся наша советская общественность. С'езд ударников обсудит на своих заседаниях важнейшие вопросы, как доклад ВСНХ СССР о перспективах развития промышленности, доклады ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ об опыте соцсоревнования и задачах ударных бригад и содоклады двух заводов о выполнении договоров по соцсоревнованию.

Этот с'езд ударников в цепи имеющихся налицо успехов социалистической стройки явится еще одним уничтожающим ответом всем правым и «левым» нытикам.

Помимо обсуждения ряда вопросов, значащихся в повестке дня, с'езд должен со всей авторитетностью и категоричностью потребовать: не опошлять, не смазывать, не выхолащивать и не снижать революционного значения роли ударников, как организаторов новых форм коммунистического труда. Ударники должны заявить, что достижения могли бы быть еще крупнее, если бы в повседневной своей работе они пользовались заботой и вниманием всех общественно-политических организаций. Отсюда — ряд требований и практических мероприятий. Наши профсоюзы должны не отставать от темпа, быстрее перестроить свои ряды, приспособив весь свой аппарат к новым методам и формам работы, к обслуживанию ударников. Центр внимания — цех. Укрепление цеха, расширение его прав может безболезненно пойти за счет фабзавкома. Средние профсоюзные звенья также должны быть укреплены.

Производственные комиссии должны стать действительным штабом соцсоревнования и вести систематическое руководство бригадами. Главным нервом всей профсоюзной работы должна стать массовая экономическая работа. Этой массовой экономической работе должна быть соподчинена вся остальная профсоюзная работа. В наших условиях массовая экономическая работа есть большой значимости политическая работа. Для ударников должны быть организованы краткосрочные курсы по вопросам техники и рационализации. Профсоюзные организации должны побудить свои инженерно-технические секции, весь инженерно-технический персонал заняться повышением технической грамотности ударников. ИТС должна из своих инженерно-технических сил создать отдельные бригады в помощь ударникам.

Ударники должны служить главным резервом для выдвижения. Необходимо наладить обмен опытом работы ударников, вести строгий учет работы ударных бригад и все достижения, все показатели этой работы должны

систематически, а не урывками и кампаниями, подвергаться широкой общественной огласке, пролетарской критике и анализу, первым долгом, на страницах фабрично-заводских и местных газет. Эти же достижения и показатели должны быть основным моментом в клубной работе предприятий.

Есть еще один момент, на который с'езд ударников должен обратить свое внимание это — непроведение в жизнь декрета Совнаркома о производственных совещаниях. Уже более 3-х месяцев как издан этот декрет, а действие его еще не сказалось на работе производственных совещаний. Попрежнему мы имеем вакханалию с выполнением предложений рабочих. Фабзавкомы ничего не делают для популяризации декрета среди рабочих. С декретом не знакомы не только массы рабочих, но и профессиональный заводской актив. Фабрично-заводская печать обходит молчанием самый факт издания декрета, не говоря уже о систематической раз'яснительной работе, которую она должна была развернуть в широкую кампанию.

Между тем, это правительственное постановление направлено к оживлению работ производственных совещаний и реализация этого постановления во многом облегчит работу ударников. С'езд ударников должен, наконец, потребовать от наших хозяйственников-администраторов, чтобы все задания, все производственные, технические и экономические показатели и предположительная себестоимость продукции или полуфабриката давались цеху не в суммарном и обезличенном виде, а расчленялись по отдельным фазам производства внутри цеха. Фабрично-заводский промфинплан должен дойти до каждого отдельного цеха в таком разработанном виде, чтобы каждый рабочий знал: количество, спецификацию, сроки исполнения и качество вырабатываемой цехом продукции или полуфабриката. Такая постановка дела даст возможность изучить общезаводские и цеховые показатели движения себестоимости, качества продукции, состояния брака, простоев, производительности труда и т. д., и т. п. При такой четкой работе легче всего выявить все основные недочеты предприятия и его отдельных цехов. Такая работа будет стимулировать цех и даст возможность составить такой план соревнования, который отразит работу не только каждого цеха, но и каждой машины, станка, каждого рабочего, мастера и специалиста.

Во-время снабдить ударников всем необходимым (материалами, инструментами, сырьем, чертежами, техническими расчетами и т. п.) и решительно устранять все препятствия, тормозящие работу ударников есть главная из главных задач хозяйственника.

Организация соревнования и обслуживание ударников есть важнейшее дело профсоюзов и хозяйственных организаций, ибо это есть задача об'единения широких масс рабочих вокруг основных лозунгов партии, это есть сплочение широких масс рабочих в стройные и организованные отряды строителей социализма.

Такой поворот в работе профсоюзов и хозорганов даст возможность с'езду ударных бригад закрепить свои успехи, двинуться вперед и на деле осуществить лозунг: от ударных бригад — к ударным цехам, к ударным предприятиям; за новые формы организации коммунистического труда и за осуществление нашей социалистической пятилетки в четыре года.

Ф. Заузолков.

К характеристике состава рабочего класса СССР[1]).

До сих пор мы очень много занимались изучением состава рабочего класса. Между тем вопрос о составе рабочего класса, изменениях, которые в нем произошли, имеет первостепенное значение.

За годы войны и революции в составе рабочего класса произошли огромные сдвиги и перемещения. Влились новые кадры рабочих, преимущественно из крестьянской среды и детей рабочих, старые кадровые рабочие рассосались по различным, в том числе и новым, производствам, часть ушла на руководящую работу, учебу, многие погибли в годы войны и революции.

Картина состава фабрично-заводских рабочих по возрастным группам выглядит так (в %%):

Производство и районы	Лета:			
	До 22	23—29	30—39	40 и старше
I. Хлопчато-бумажная промышленность				
Москва	23,6	21,9	21.1	32.4
Московская область	24.2	26,1	23.9	25,5
Ивановская	22.2	25,3	24.9	27.6
II. Металлообработка				
Ленинград	21,5	28,9	24.7	24.9
Московская губ.	23,1	32,8	23.9	20,2
УССР	22.5	31.7	24.0	21,8
III. Металлургия				
УССР	23,6	36.1	21.6	18.7
Урал	26.6	30,6	22,5	20.3
IV. Каменноугольная промышленность				
Донбасс	35,9	28.7	19.6	15.8
V. Нефтяная промышленность	12,2	29.0	32.1	26,7

Из приведенной таблицы видно, что всюду произошло огромное «омоложение» состава рабочих. Количество молодых рабочих до двадцатидвухлетнего возраста почти всюду достигает $^{1}/_{4}$ всего числа рабочих, поднимаясь в Донбассе выше $^{1}/_{3}$ и снижаясь в нефтяной промышленности до 12,2%. Все эти молодые рабочие составляют те кадры, которые об условиях работы на капиталистических предприятиях и условиях жизни во время царизма знают

[1]) По данным переписи, произведенной ВЦСПС в апреле-мае 1929 года.

только «по-наслышке» и являются в полном смысле «питомцами» советской промышленности.

Если к этому прибавить, что довольно значительная часть рабочих в возрасте от 22 до 29 лет работу на производстве начали тоже только в советский период (самой старшей группе из них было в Октябрьскую революцию около 17 лет), то количество рабочих, начавших работать на производстве после Октября, достигает почти половины, а кое-где и более.

Картина распределения рабочих по году начала работ в промышленности такова:

Производство и районы	Начали работать в промышленности			В %% к общему числу рабочих	
	До 1913 г.	1914/17 г.	1918/21 г.	1922/25 г.	1926/29 г.
I. Хлопчато-бумажная промышленность					
Москва	45,7	9.8	7.3	20,8	16,4
Московская область	45,2	13,6	7,4	19,4	14.4
Ивановская "	48,2	13.6	5.3	17,8	15,1
II. Металлообработка					
Ленинград	40.0	11.5	8,3	21,3	18.9
Московская губ	37,1	13,1	10.5	19,3	20,0
УССР	38,9	13,6	10,9	22.2	14,4
III. Металлургия					
УССР	29,0	11,1	9,3	24,3	26.3
Урал	35,0	14.2	10,5	21,3	19.0
IV. Каменноугольная промышленность					
Донбасс	24.3	8.9	10.8	21,7	34,3
V. Нефтяная промышленность	38.2	12.2	13,9	25,2	10,5

Итак, наиболее высокий процент рабочих с дореволюционным производственным стажем мы имеем по всем основным районам хлопчато-бумажной промышленности, где он колеблется между 55,5% (Москва) и 61,8% (Ивановская область). Причины этого ясны,—наиболее бурно после 1922 года и в последние годы (1926—29 гг.) в особенности росла металлическая и горная промышленность, что дало и относительное увеличение числа молодых рабочих, с другой стороны рабочие именно этих отраслей промышленности выделили наибольшее количество кадровых рабочих на руководящую работу, учебу, именно на них больше всего сказались «издержки» гражданской войны. Наиболее низкий процент старых рабочих-кадровиков дает Донбасс (33,2%) и металлургия УССР (40,1%).

Об этом же говорят и данные о группировках рабочих по стажу на последнем месте работы. В то время как в хлопчато-бумажной промышленности процент рабочих со стажем на последнем месте работы от 5 лет и свыше колеблется от 44,1% (Ивановская область) до 52,3% (Моск. обл.), в металлообрабатывающей промышленности, он снижается до 24,6% (Ленинград) и 32,2% (УССР), в южной металлургии до 20,6% и каменноугольной—до 30,4%.

Каковы же социальные источники, питающие рабочей силой важнейшие отрасли нашей промышленности?

Ответ на этот вопрос дает следующая таблица:

Распределение фабрично-заводских рабочих по занятию отца.

(в процентах).

Производство и районы	Дети рабочих	Дети служащих	Дети крестьян	Дети кустар. торговц. и пр.
I. Хлопчато-бумажная промышленность				
Москва	49,4	3,5	45,9	1,2
Московская обл.	59,4	2,6	36,4	1,6
Ивановская обл.	52,7	2,1	43,6	1,6
II. Металлообработка				
Ленинград.	51,8	7.1	38,6	2,5
Московская губ.	54.6	5,6	38,0	1,8
III. Металлургия				
УССР	41,2	3.1	53.7	2,0
Урал	69,9	2,3	26,4	1,4
VI. Каменноугольная промышленность				
Донбасс	33,8	1,9	63,0	1,3

Основная масса новых кадров промышленных рабочих (свыше 90%) поставляется самим рабочим классом и крестьянством. Наиболее высокий процент выходцев из рабочей среды дает Урал, Московская область и Ленинград. Донбасс и металлургия Украины больше, чем другие промышленные районы имеют выходцев из деревни (Донбасс—63%, Урал—53,7%). Весьма значительной является прослойка выходцев из среды служащих в Ленинграде (7,1%) и Московской губ. (5,6%), что заслуживает самого пристального внимания и изучения со стороны соответствующих организаций Ленинграда и Москвы.

Из всех данных можно заключить, что более всего благополучно обстоит дело со старыми кадрами рабочих по всем основным показателям в хлопчато-бумажной промышленности. Об'яснение этому явлению надо искать в том, что хлопчато-бумажная промышленность росла медленнее отраслей тяжелой индустрии и что здесь мы имеем наибольшее сохранение кадровых рабочих на производстве. Слабо обстоит дело с кадровиками в металлургии Украины и каменноугольной промышленности Донбасса, в особенности. В общем же итоге мы имеем повсюду огромное «омоложение» состава рабочих, не испытавших на собственном опыте условий работы на капиталистических предприятиях и не прошедших дореволюционной классовой закалки.

Над рабочими, пришедшими из крестьянской среды, число которых значительно, не могут не довлеть пережитки той среды, из которой они вышли. Они еще не научились смотреть на наши предприятия, как на социалистические. «Урвать кусок побольше и удрать» (Ленин), мечта о поддержке и о восстановлении собственного хозяйства и т. д.—все эти настроения имеют место в основном именно в среде новых кадров рабочих, вышедших не из пролетарских слоев. Перевоспитать в социалистическом духе эти кадры, научить их сознательно, по-социалистически относиться к предприятиям и делу, которое они на производстве выполняют,—поистине гигантской важности задача, от успеха разрешения которой зависит дело выполнения реконструкции народного хозяйства в наикратчайшие сроки.

Основным рычагом социалистического перевоспитания рабочих кадров должно явиться социалистическое соревнование. Опираясь в этой работе на

сознательных кадровиков-рабочих, нужно добиваться наибыстрейшего поголовного вовлечения рабочих масс в социалистическое соревнование.

До сих пор в совершенно недостаточной степени используются методы общественного воздействия на отсталых рабочих. Между тем, вынесение на суд самых широких масс рабочих примеров нерадивости, рвачества, прогулов, нарушения труддисциплины и т. д., может явиться достаточно сильным средством в деле перевоспитания отсталых слоев рабочих. Решающая роль в этом деле должна принадлежать профсоюзам. К сожалению, как это отмечается во всех решениях партии, до сих пор профсоюзы эту работу выполняли совершенно неудовлетворительно.

Проблема рабочих кадров стоит чрезвычайно остро. И совершенно необходимо усиление старыми квалифицированными и политически грамотными кадрами рабочих в ряде отраслей промышленности районов, где эти кадры явно недостаточны. Это относится в частности к таким важнейшим участкам промышленности, как Донбасс, где 56% общего числа рабочих начали работать в промышленности лишь с 1922 г. и 34,3% с 1926 г. и где процент выходцев из крестьян оставляет 63%. С этой точки зрения почин ЦК ЛКСМУ, решившего мобилизовать несколько тысяч комсомольцев для работы в Донбассе в качестве рядовых рабочих, заслуживает всяческого поощрения и содействия [1].

Надо сказать, что вопрос о плановом распределении рабочих кадров приобретает первостепенное значение, особенно если принять во внимание все усиливающийся рост новых предприятий. На эти предприятия придется ставить полный штат рабочих заново и среди них должен быть определенный процент рабочих кадровиков. Особенно это необходимо для отсталых районов и республик, где бурно растет и будет в ближайшие годы еще быстрее расти промышленность.

* * *

Материалы, характеризующие общеобразовательный уровень рабочего класса, свидетельствуют, что мы имеем довольно высокий процент неграмотных рабочих.

Процент неграмотных среди рабочих к началу 1929 г.

Производства и районы	Мужчин	Женщин	% неграм. среди обоего пола
I. Хлопчато-бумажная промышленность			
Ленинград	5,3	19,7	16,0
Москва	6,8	34,0	21,9
Московская область	6,5	30,0	21,0
II Металлопромышленность			
Ленинград	2,4	5,6	2,8
Московская губ.	2,2	14,5	3.6
УССР	2,8	6,9	2,9
III. Металлургия.			
Украина	8.9	23,7	9,5
Урал	11.7	35,7	14,2
IV. Каменноуг. промыш.			
Донбасс	13,8	33,8	15.2

[1]) Необходимость усиления Донбасса кадрами рабочих диктуется уже тем, что за истекший хозяйственный год мы имеем недовыполнение годового плана. Октябрь текущего хозяйственного года дал выполнение месячного плана всего на 95%.

В Донбассе мы имеем случай срыва перехода на непрерывку в одной из шахт Петровского рудоуправления, чему активно содействовали некоторые комсомольцы.

Поэтому, Донбасс более, чем какая-либо другая отрасль промышленности, нуждается в усилении его рабочими кадрами.

Особенно высокий процент неграмотных, как и следовало ожидать, имеется среди текстильщиков, где он почти по всем районам достигает, а иногда и превышает $^1/_3$ часть рабочих. Значительной должна быть признана прослойка неграмотных и среди рабочих металлургической промышленности Урала и Украины и рабочих каменноугольной промышленности. Позорно велик процент неграмотных среди работниц. В ряде отраслей промышленности и районов число неграмотных работниц достигает почти одной трети, а кое-где и выше. Местами процент неграмотных работниц превышает процент неграмотных рабочих в 4—5—6 раз. Однако, надо отметить, что за годы революции количество неграмотных среди рабочих резко снизилось. Вот сравнительные данные по текстильной промышленности:

Процент неграмотных среди рабочих хлопчатобумажной промышленности за 1880—1929 г.

Районы и периоды обследования	% неграмотности среди рабочих: Мужчин	Женщин	Обоего пола
Московская губ.—1879—1885 г.	56,9	94,1	70,6
Европейская Россия—1897 г.	46,1	79.8	62,6
РСФСР—1918 г.	23,5	63.0	49,5
Ленинградская, Московская и Ивановская обл.—1929	6,3	28,1	20.2

Темп снижения неграмотности среди рабочих и работниц за годы революции во много раз превышает черепашьи темпы времен царизма. Если за 39 лет (с 1879 г. по 1918 г.) количество неграмотных рабочих снизилось с 70,6% до 49,5%, т.-е. на 21,1%, то за 11 лет революции неграмотность снизилась на 29,3%, с 49,5% до 20,2%.

Что дело обстоит именно так, свидетельствуют данные о распределении процента неграмотных рабочих по различным возрастным группам. Так, например, в хл.-бум. промышленности процент неграмотных рабочих в возрасте до 22 лет колеблется между 2,1% и 4,9%, в возрасте от 23 до 29 лет — 7,1%—10,9%; от 30 до 39 лет — 20,4%—24,3%; от 40 и выше — 43,7% — 45,8%. То же самое наблюдается в той же самой степени и в других отраслях промышленности. Иначе говоря: чем моложе группы по возрасту, тем резко ниже процент неграмотных. Эти выводы подтверждаются и данными о продолжительности школьного обучения рабочих разных возрастных категорий.

Распределение рабочих по продолжительности школьного обучения в зависимости от возраста

Производства и районы	Возрастные группы	В %% к итогу: До 2,5 лет	От 2,5 до 4,5 лет	От 4,5 до 6,5 лет	От 6,5 лет и более
Металлопромышленность Ленинграда	До 22 лет	5,9	23,2	26,3	44,6
	От 23—29 л.	12.4	47.1	18,2	22,3
	„ 30—39 „	16,3	57,7	14,4	11,6
	„ 40 л. и св.	21,6	60,7	12,2	5,5
	В среднем	13,9	47,1	17,9	21,1
Металлургия Урала	До 22 лет	24,9	43,5	16,5	15,1
	От 23—29 л.	28,2	56,1	9,3	5,4
	„ 30—39 „	28,0	62,2	7,7	2,1
	„ 40 л. и св.	30,6	61,9	6,3	1,2
	В среднем	27,8	54,4	10,8	7,0
Хлопчатобумажная промышленность Ивановской обл.	До 22 лет	22.2	45,2	18,1	14,5
	От 23—29 л.	38,4	50.2	7,1	4,3
	„ 30—39 „	42,7	52,7	3,6	1,0
	„ 40 л. и св.	37,9	57,6	3.5	1,0
	В среднем	34,7	50,5	8,9	5,9

Чем младше группы по возрасту, тем выше процент по продолжительности школьного обучения. При чем, что весьма важно, чем моложе по возрасту группы рабочих, тем больше сжимаются ножницы различия в грамотности между работницами и рабочими. В самых молодых группах процент грамотности между рабочими и работницами почти одинаков. Это—*несомненный актив пролетарской революции, это—несомненное доказательство той культурной революции, которая началась и которая явилась прямым следствием Октябрьской революции.*

В деле обучения трудящихся сделано несомненно весьма много. Таких успехов удалось добиться только благодаря существованию в нашей стране диктатуры пролетариата, когда на дело образования уделялись большие силы и средства, но этого совершенно недостаточно с точки разрешения тех задач, которые перед нами стоят. Рост нашего хозяйства и процессы технической реконструкции, усложнение общеполитической обстановки, настойчиво требуют грамотного рабочего, способного быстро ориентироваться в хозяйственной обстановке предприятия и общеполитических вопросах, стоящего на необходимом уровне общекультурного и технического развития.

Подтверждением этого положения является та исключительная по размерам тяга к повышению общей и технической грамотности среди рабочих. С этой точки зрения нам необходима не только ликвидация неграмотности, но и систематическое повышение как технической, так и общей грамотности, особенно среди малограмотных, число которых довольно велико.

Продолжающийся культпоход должен быть всемерно усилен. Первая роль в этом деле должна, на ряду с органами Наркомпроса и комсомола, принадлежать профсоюзам, обладающим в этом отношении огромными возможностями, культурными силами и средствами. К сожалению, в этом деле профсоюзы позорно отстают.

Перевод предприятий на семичасовой рабочий день и непрерывку открывают новые возможности в деле усиления культурной работы среди рабочих.

И как раз семичасовой рабочий день и непрерывка вскрыли зияющие прорехи в деле постановки культработы со стороны органов Наркомпроса и профсоюзов. Никак не может «подладиться» под непрерывку работа по пятидневке. Непрерывка рассматривается не как могучий рычаг культурной революции, а скорее как тормоз, сбивший, видите ли, все «намеченные планы» культурной работы, как «непреодолимое» препятствие.

Подобным хвостистским настроениям должен быть положен решительный предел. Положение — когда рабочие предприятий перешедших на непрерывку, вынуждены убивать свое свободное время где угодно, только не в культурных учреждениях не может быть ничем оправдано. В культурной работе необходимы такие же революционные методы и темпы работы, какие имеют место во всем народном хозяйстве.

Если пятилетка успешно выкорчевывает самые корни капитализма, то культурные организации должны выкорчевывать наследие капитализма: неграмотность, культурную и техническую отсталость, религию, пьянку и т. д.

Нужно также решительно взяться за техническое вооружение рабочих в соответствии с технико-экономическим ростом промышленности, ибо без этой предпосылки, как и без ликвидации неграмотности и малограмотности среди рабочих, невозможно выполнение темпов пятилетки.

Интереснейшие сведения дают материалы переписи по вопросу о связи рабочих с деревней.

Производства и районы	% рабочих имеющих землю	Из числа рабочих имеющих землю	
		Имеют хозяйство с посевом	Облагаются сел.-хоз. налогом
I. Хлопчатобумажная промышленность			
Москва	11,2	93,7	93,2
Московская обл.	24,1	77,5	89,1
Ивановская обл.	16,7	90,0	90,1
II. Металлообработка и машиностроение.			
Ленинград	12,4	86,5	88,5
Московская губерния	31,7	91,7	92,1
УССР	5,7	62,5	78,9
III Металлургия.			
УССР	20,9	86,2	71,6
Урал	32,0	30,4	48,5
VI. Каменноугольная промышленность.			
Донбасс	26,3	85,5	74,2

Процент рабочих, имеющих землю, всюду довольно значителен. На Урале он равен 32, в металлообрабатывающей промышленности б. Московской губернии 31,7 и т. д. Наименьшие показатели дает металлургия УССР (5,7%).

Однако в несравненно большей мере показывают, насколько крепко связаны рабочие, имеющие землю с деревней, данные о наличии у рабочих хозяйства в деревне и данные по сельхозналогу.

Урал, где количество рабочих, имеющих землю, наиболее велико, имеет наиболее низкий процент рабочих, ведущих хозяйство и платящих сельхозналог (30,4 и 48,5). Об'ясняется это тем, что уральские рабочие используют свои земли под огороды и луга. Наиболее крепкую хозяйственную связь с деревней имеют рабочие текстильщики Москвы, металлисты б. Московской губернии и текстильщики Ивановской области (свыше 90% по обоим показателям) и несколько меньшую — рабочие Ленинграда, металлургии УССР и Донбасса.

Приведенные данные говорят только о хозяйственной, т.-е. наиболее прочной, связи рабочих с деревней. На самом деле связь рабочих через те или иные формы гораздо шире и охватывает гораздо большее число рабочих.

Какой же мощности хозяйства в деревне имеют рабочие?

Ответ на этот вопрос дают данные о размерах сельхозналога.

Группировка рабочих, имеющих землю по размеру сел.-хоз. налога

Производства и районы	%% рабочих облаг. с.-х. налогом в размере				Средний размер налога в рублях
	до 10 руб.	10—20	20—40	40 и более	
I. Хлопч.-бумажн. промышленн.					
Москва	16,1	31,2	32,9	19,8	26,6
Московская область	30,7	31,8	26,8	10,7	20,3
Ивановская „	22,5	31,4	30,4	15,7	24,0
II. Металлообраб. и машиностр					
Ленинград	21,7	28,1	31,4	18,8	23,6
Московская губ.	23,3	26,1	28,3	22,3	26,9

III. Металлургия					
УССР	39,1	29,0	21,1	10,8	21,1
Урал	64,1	19,1	11,8	5,0	12,6
VI. Каменноугольн. промышленн.					
Донбасс.	38,5	29,7	20,5	11,3	19,9

Наиболее низко облагаются сельхозналогом рабочие Урала: 64,1% платят налог до 10 рублей и всего лишь 15,8% выше 20 руб. Средний размер сельскохозяйственного налога равен 12,6 руб.

Половина металлистов Ленинграда (50,2%), текстильщиков Москвы (52,7%) и металлистов Московской губернии (50,5%) платят налог свыше 20 руб., т.-е. имеют по существу середняцкие хозяйства. Здесь же мы имеем наиболее высокий процент рабочих, платящих сельхозналог свыше 40 рублей, т.-е. имеющих крепкие середняцкие хозяйства, а часть несомненно и кулацких. Несколько меньше показатели мы имеем в Ивановской области, но тем не менее достаточно высокие.

Все вышеприведенные данные со всей очевидностью свидетельствуют, что мы имеем относительно широкие каналы мелкобуржуазного влияния в рядах самого рабочего класса. Все сообщения и данные обследования полностью подтверждают, что именно в среде рабочих, имеющих собственные хозяйства в деревне параллельно с работой на производстве, более всего развиты хвостистские, порою даже враждебные настроения к мероприятиям партии и Советской власти как в области промышленности, так и в области сельского хозяйства.

Задачи социалистического перевоспитания этих кадров—совершенно неотложная задача. Между тем в этом направлении сделано чрезвычайно мало. Надо со всей решительностью подчеркнуть, что без изменения методов работы среди рабочих, связанных с деревней, мы здесь не добьемся решающих успехов. И здесь нужно итти по пути переделки самой мелкособственнической природы рабочего, связанного с сельским хозяйством.

А чтобы добиться на этом фронте решающих успехов, нужно итти по линии выкорчевывания самих социально-экономических корней, питающих мелкобуржуазные настроения этих кадров рабочих,—по пути обобществления их деревенских хозяйств.

Положительные стороны коллективизации хозяйств рабочих особенно значительны, поскольку, идя таким путем, мы дадим деревне активного участника и организатора колхозного движения, имеющего навыки и опыт коллективного труда в социалистической промышленности.

Через втягивание в колхозы рабочих, связанных с деревней, открываются огромнейшие возможности, как в деле социалистического перевоспитания этих кадров, так и в деле колхозного движения.

Между тем этому делу мы мало, вернее, совсем не уделяли внимания. Что это дело шло до сих пор самотеком подтверждают следующие данные:

Участие в колхозах рабочих имеющих землю.

Производства и районы	%% рабочих состоящих в колхозах			
	Среди всех рабочих	В том числе среди		
		Чл. и канд. ВКП(б)	Чл. и канд. ВЛКСМ	Беспарт.
I. Хлопчато-бум. промышл.				
Москва	2,9	2,7	3,4	2,9
Московская область	2,2	7,5	2 7	2,1
Ивановская область	2,9	11,7	5,6	2,5

II. Металлообработка и машиностроение				
Ленинград	2,6	3,4	4,1	2,3
Московская губ.	2,9	4,3	3,7	2,7
III. Металлургия				
УССР	3,0	5,6	1,7	2,7
Урал	0,9	1,1	1,0	0,9
V. Каменноугольная промышленость				
Донбасс	3,3	9,9	5,4	3,0

Процент участия рабочих в колхозах совершенно ничтожен: наивысший равен 3,3 (Донбасс), наинизший—0,9 (Урал), не превышая в остальных отраслях и районах 3%. Все это говорит только о том, что всюду в отношении втягивания рабочих в колхозы никакой работы не ведется.

Особенно позорны и показательны цифры об участии в колхозах коммунистов и комсомольцев, хотя они и не везде одинаковы. «Впереди» всех тут хлопчато-бумажная промышленность Москвы, где процент вовлечения коммунистов в колхозы ниже процента беспартийных. На Урале мы имеем всего лишь 0,9% втянутых в колхозы от общего количества рабочих, имеющих землю, 1,1% от коммунистов, 1% от комсомольцев, имеющих землю. А что тут можно добиться успехов, говорят данные о текстильной промышленности Ивановской обл., где процент участия в колхозах коммунистов равен 11,7.

Если партия обязывает деревенских коммунистов поголовно участвовать в колхозах, то это тем более должно быть обязательным для городских коммунистов, как более передовых и сознательных. Но необходимо добиваться не только поголовного участия в колхозах коммунистов и комсомольцев, но и беспартийных рабочих, в чем первые должны быть примером для последних. Партийно-комсомольские организации должны этому делу уделить необходимое внимание, дать соответствующие директивы и разработать ряд мероприятий в этом отношении.

Не должны отставать и профсоюзы, деревенская работа которых пока еще совершенно недостаточна во всех отношениях, что отмечено в специальном постановлении ЦК партии от 27 мая 1929 г. Между тем в процессе участия рабочих в социалистической перестройке деревни уже выработались богатые и многообразные формы рабочего влияния на деревню. Сюда относится работа союза сельхозлесрабочих, через сезонников, через шефство, через рабочих имеющих связь с деревней, через рабочие бригады посылаемые для проведения различных кампаний, землячества и т. д. Однако, профсоюзы до сих пор проводили ее слабо, мало обращая на нее внимания.

В опубликованных к третьему пленуму ВЦСПС материалах совершенно правильно отмечается, что «союзы до сего времени не использовали всех имеющихся возможностей для усиления пролетарского влияния на деревню, недостаточно участвовали во всех мероприятиях партии и Совввласти по социалистической реконструкции сельского хозяйства. Пролетарские слои, городские рабочие и рабочие, связанные с деревней, недостаточно мобилизовались союзами и не подготовлялись в достаточной мере к роли подлинных руководителей и инициаторов социалистического переустройства деревни» («Труд» от 2 ноября).

Далее перечисляются возможности влияния на деревню, где имеется специальный пункт о такой возможности, как использование рабочих, имеющих хозяйство в деревне, для влияния на последнюю. Но относительно непосред-

ственного втягивания рабочих, имеющих хозяйство в деревне, в колхозы,— в этих материалах ничего не говорится.

Там лишь сказано, что «городские профорганизации должны учесть кадры рабочих, связанных с деревней, внимательно следя за их ролью в социалистической перестройке деревни» (подч. автор. материалов).

Все это правильно и необходимо. Но это совершенно недостаточно. Профсоюзам здесь отводится больше пассивная, чем активная роль. А ведь ВЦСПС располагает достаточным материалом о наличии огромного количества рабочих (уже учтенных самим же ВЦСПС), имеющих хозяйство в деревне, часть которых, правда незначительная, самотеком вступила в колхозы.

В. Фейгин.

Зерновые фабрики СССР.

В Советском Союзе устранено главное препятствие рациональной организации земледелия—частная собственность на землю. Но, кроме того, плановый принцип хозяйствования и государственная собственность на основные средства производства создают новый добавочный источник таких возможностей, каких не знает ни одна из капиталистических стран.

Этим об'ясняется тот факт, что, несмотря на техническую отсталость Советского Союза по сравнению с Соединенными Штатами и передовыми странами Европы, сельско-хозяйственные предприятия, организованные по принципу системы машин, получают широкое применение лишь в Советском Союзе [1]).

Организация государственных предприятий огромных размеров, с чрезвычайно высоким органическим составом капитала, целиком моторизированных и являющихся законченным типом фабричного предприятия, не могла не встретить отпора идеологов мелкобуржуазного производства. Аргументация их против создания сельско-хозяйственных фабричных предприятий такова же, какой в свое время она была у русских народников, противопоставлявших крупной капиталистической промышленности кустарные промыслы и квалифицирующих крупную промышленность, как искусственное насаждение, а кустарные промыслы, как истинно народную и правильную организацию производства.

Точно в тех же тонах романтики мелкобуржуазного производства протестуют против организации социалистических земледельческих предприятий. Один из них Дудин пишет следующее:

> «Создание специальных тракторных хозяйств, хотя бы на акционерных началах государственных предприятий или учреждений, равносильно принципу концессионного использования земель в ущерб правильной организации трудового землепользования» [2]).

Предприятия последовательно социалистического типа квалифицируются им концессионными предприятиями, этому типу предприятий противопоставляется крестьянское хозяйство, как правильная организация трудового землепользования.

Дальше Дудин переходит к об'яснению того, почему он считает крупные земледельческие предприятия неправильной организацией производства.

[1]) Организацию производства на основе системы машин, когда несколько рабочих машин приводятся в движение одним мотором, Маркс считал высшей формой фабричного производства.

«В расчлененной системе рабочих машин, получающих свое движение посредством передаточного механизма лишь от одного центрального автомата, машинное производство приобретает наиболее развитую форму. На место отдельной машины выступает здесь механическое чудовище, тело которого занимает целые фабричные здания». «Маркс. Капитал», т. I, стр. 345, изд. 1909 г.

В зерновых предприятиях мотором, приводящим в движение нескольких рабочих машин одновременно, служит трактор.

[2]) К. Ф. Дудин. Применение трактора в крестьянском хозяйстве, стр. 210.

«В специальных тракторных хозяйствах, тем более казенных, потребуется наемный труд, а в связи с этим организация целого аппарата с бюрократическими формами внутреннего управления и бесконечной отчетностью будет вызывать непроизводительные расходы. Такие хозяйства вряд ли будут в состоянии конкурировать со свободной деятельностью и инициативой крестьянина, и, если не с его хозяйственной подвижностью, то с его хозяйственной выносливостью» [1]).

По Дудину выходит, что предприятия, базирующиеся на наемном труде и передовой технике, в которых производственный процесс принимает характер автоматической точности, являются неподвижными и бюрократичными. В противоположность этому, крестьянское производство базирующееся на хищнической растрате труда и примитивной технике, является свободным и инициативным, т.-е. производство, базирующееся на независимости от стихийных сил природы, является несвободным, а производство, зависящее от миллионов случайностей и игры природных сил, является свободным.

Такие парадоксальные выводы делали в свое время и народники, сравнивая «искусственное насаждение» крупной промышленности с «естественной, свободной и инициативной» организацией кустарных промыслов. Народники видели в развитии крупной промышленности ломку старого быта, старых укладов и привычек и их аргументация шла не только по линии доказательства преимуществ мелких хозяйств перед крупными, но и доказательства преимуществ старого бытового уклада перед новым.

Дудин направляет свое «критическое» оружие по тем же стопам.

«Лучше больше трезвой оценки и учета опыта применения трактора в сельском хозяйстве на месте, чем безудержная инерция в неизвестном направлении. Чем легче будем на поворотах в ломке бытовых хозяйственных форм, уклада устоев, тем больше будет эффект хозяйственного творчества—«лучше меньше, да лучше», как в свое время сказал Ильич» [2]).

Подобно своим предшественникам по прошлому столетию, Дудин смотрит не вперед, а назад. Для него организация производства на основе передовой техники—инерция в неизвестном направлении, но старые примитивные формы производства—прочная основа.

Для него страшен не старый варварский быт, не тот идиотизм деревенской жизни, который приближает человека к состоянию животного, но тот новый быт, который складывается из гармонического сочетания и совмещения умственного и физического труда.

Подобно своим предшественникам, Дудин, конечно, не преминул случаем сослаться на авторитет признанного вождя, искажая его мысли. Народники прошлого столетия, искажая мысли Маркса, выраженные им в письме к Николаю О—ну, нередко прятались за щит Марксова авторитета. Дудин, в двадцатом столетии, повторяя мысли народнических романтиков мелкобуржузаного производства, пытается прикрыться авторитетом Ленина.

Мысль Ленина, которая была выражена им в словах: «Лучше меньше, да лучше», относящихся к вопросу о способах улучшения государственного аппарата, приводится теперь Дудиным, как аргумент против ломки старого уклада, рутины и старых форм хозяйствования. Это извращение под флагом апелляции к признанному авторитету сделано Дудиным еще более неуклюже, чем это делали его предшественники.

Но концепция Дудина существенно отличается от концепции народничества теми чертами, которые являются результатом новой эпохи. Народники, обращая взгляды назад, критиковали капитализм с точки зрения идеализации примитивных форм мелкого производства и наивной утопии о возможности превращения этих форм в социалистическую организацию.

[1]) Дудин. Применение тракторов в крестьянском хозяйстве, стр. 210.
[2]) Там же, стр. 108.

Дудин же, исходя из народнических позиций, подвергает обстрелу социалистические предприятия, противопоставляя им, как более лучшее, мелкое производство, являющееся даже, с точки зрения капитализма, отсталой формой организации.

Народники критиковали капитализм с точки зрения предшествующей структуры, Дудин же критикует социализм с точки зрения того хозяйственного уклада, который был господствующим столетия назад.

Но об'ективный ход развития оказался сильнее рассуждений и пожеланий прежних и современных идеологов мелкобуржуазного производства.

Организация в Советском Союзе крупных сельско-хозяйственных предприятий, основанных на принципе системы машин, знаменует собою крушение последних иллюзий мелкобуржуазных романтиков, отстаивавших «особые законы» развития сельского хозяйства, противоположные законам развития промышленности.

Уже в 1929 г. в различных районах СССР было организовано 51 крупнейших зерновых фабрик, целиком механизированных и моторизированных.

Размеры этих предприятий полностью соответствуют организации производства на основе системы машин.

Об этом можно судить по следующим данным.

Сельско-хозяйственные фабрики СССР.

Название фабрик	Размеры в гектарах	Название фабрик	Размеры в гектарах
Гигант	127.000	Каргалинский	30.000
Опытно-учебный	45.000	Ташлинский	60.000
Шахтинский № 3	80.000	Макушинский	70.000
„ № 4	54.000	Магнитный	71.000
Ново-Покровский	26.000	Петуховский	68.000
Плавни	16.000	Зилаирский	50.000
Аржановский	50.000	Уйский	42.000
Бенардакский	44.000	Тамьянокатайский	24.000
Озеро-Пушкинский	35.900	Чаглинский	120.000
Краснореченский	52.000	Кустанайский	54.009
Дергачевский	37.000	Каиндокумакский	70.000
Сердобский	19.000	Уральский	52.000
Алтатинский	36.000	Коростелевский	67.000
Федоровский	35.000	Бобровский	35.000
Усманский	64.000	Суворовский	80.000
Погроминский	56.000	Чарлакский	85.000
Самаровский	58.000	Ново-Уральский	29.000
Ульяновский	24.000	Рубцовский	38.000
Серноводский	42.400	Бийский	18.000
Троицко-Пилюгинский	46.000	Черепановский	48.000
Пономаревский	43.100	Борисовский	57.000
Андреевский	24.000	Симферопольский	26.500
Одесско-Николаевский	30.000	Феодосийский	14.500
Херсонский	35.000	Екатеринославский ДВК	56.000
Днепропетровский	8.000	Медведевский	35.000
Илекский	35.000		

Все эти фабрики организованы по такому же принципу системы машин, как и предприятия сферы обрабатывающей промышленности. 28 предприятий из имеющихся 51 превосходят, по размерам своим, фабрику Кемпбелла, т.-е. являются самыми крупными предприятиями во всем мире.

Наиболее крупным из всех этих предприятий является «Гигант», размеры которого, что покажет дальнейшее развитие, возможно окажутся наиболее целесообразными размерами сельско-хозяйственного предприятия. Ни в одной из капиталистических стран, при наличии частной собственности на землю, невозможна была бы организация подобных предприятий в таком количестве.

Лишь в СССР созданы наилучшие условия такого развития земледелия, при котором сельско-хозяйственное производство может быть поднято на высочайшую ступень рациональной организации.

Первый год организации зерновых фабрик показывает, что намеченная программа строительства почти целиком выполнена. По плану всего намечалось посеять в 1929 г. в 17 предприятиях 140.829 гектаров. Посев совершен на 138.012 гектарах, что дает выполнение программы на 98%. По отдельным районам выполнение программы рисуется следующими данными. На Северном Кавказе выполнено 99,9% программы, по Средне- и Нижне-Волжской области—96,6%, по Казахстану—98,9%, по Уральской области—109,3% и по Украине—127%.

К тому же механизированный посев дал рекордные величины в отношении быстроты. На Северном Кавказе на огромной площади земли в 53.761 гектар посев был произведен в 6—9 рабочих дней, на Нижней Волге на 47.188 га посев был произведен в 6—7 дней, по Средней Волге в 8—9 дней, в Казахстане—в 7—8 дней и на Урале—в 8 дней. На огромных площадях земли посев был произведен, таким образом, быстрее, чем в карликовых крестьянских хозяйствах.

Но, кроме того, зерновые предприятия уже в первый год своего существования сумели оказать существенную помощь крестьянским хозяйствам. На Северном Кавказе машинными бригадами совхозов было обработано 2.000 гектаров крестьянских земель, в Нижне-Волжской области—2.984 гектара, в Средне-Волжской — 1.353 гектара, в Казахстане — 481 гектар, в Уральской области—235 гектаров и на Украине—280 гектаров. Всего было обработано крестьянских земель 7.333 гектара.

Но вторгнувшись в пределы крестьянских владений, машинно-тракторные бригады ломают границы, существующие между отдельными хозяйствами. Разобщенные крестьянские хозяйства, отделенные друг от друга межевыми перегородками, превращаются в единый хозяйственный организм. Владельцы этих хозяйств убеждаются, на опыте работы машин, что в условиях машинного хозяйства, единственно целесообразной формой предприятия является крупный коллектив. Таким образом, уже в первый год существования целиком механизированных зерновых предприятий, сказывается их прогрессивное влияние на изменение типа сельско-хозяйственного производства в крестьянских хозяйствах.

Примитивные формы мелкого хозяйства будут уступать дорогу высшим формам организации сельско-хозяйственного производства. Но этот процесс в Советском Союзе, в отличие от капиталистических стран, будет происходить в своем основном русле не болезненным путем экспроприации, но об'единением мелких крестьянских хозяйств в крупные коллективные союзы.

Уже в первый год своего существования зерновые предприятия нового типа произвели 141,6 тыс. тонн валовой продукции зерна.

Из этого количества зерна на долю отчуждаемой части (товарной) падает 82,5 тыс. тонн, т.-е. 58,3%. В следующие годы развития соотношение остающейся в предприятии и отчуждаемой части зерна будет уменьшаться и к концу пятилетия остающаяся в предприятиях часть зерна составит всего лишь 12,1% общего валового сбора.

Пятилетний план развития зерновых фабрик.

Зерновые фабрики будут развиваться по намечению 5-летнего плана Зернотреста огромными темпами, что видно из следующих данных:

Зерновые фабрики СССР.

	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.	% роста к последн. году пятилетки по сравнению с первым
Колич. зерновых предприятий	54*)	120	180	230	280	520
Площадь земли в тысяч. гектар	2.295	5.000	7.680	10.050	12.000	520
Средн. размер каждого предпр. в тыс. гектар.	42,5	41,6	42,6	43,7	43,0	1.01

Таким образом, в 1933 году, в том случае, если план будет осуществлен, 12 миллионов гектаров земли будет находиться под механизированными зерновыми предприятиями. Площадь земли зерновых предприятий возрастет на 520%. Количество предприятий, составляющее в настоящем году 54, составит к 1933 году—280, что также обозначает 520% роста. Средний размер предприятия несколько увеличится, составляя все годы наиболее рациональный размер предприятия, организованного на основе системы машин.

Такой бурный темп роста возможен лишь в условиях, когда земля и все экономические командные высоты принадлежат государству, а это в свою очередь возможно лишь тогда, когда государственной властью завладеет пролетариат.

К последнему году пятилетия отчуждаемая продукция этих целиком механизированных совхозов составит около трети товарной зерновой продукции, производящейся в сельском хозяйстве Советского Союза. О размерах продукции предприятий нового типа, о темпе роста ее из года в год и удельном весе отчуждаемой продукции в общем валовом сборе, можно судить по следующим данным.

Валовая и отчуждаемая продукция зерновых фабрик (в тыс. тонн).

	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.	% роста к последн. году пятилетки по сравнению с первым
Валовая	141.6	937	2.152	3.693	5.180	3.650
Отчуждаемая	82.5	765	1.825	3.217	4.551	5.500
% отчуждения	58.3	81,6	84.8	87.1	87,9	—

Рост продукции в зерновых фабриках будет происходить совершенно исключительными темпами. Выход валовой продукции увеличится к последнему году пятилетки, по сравнению с первым, на 3.650% и отчуждаемой части ее на 5.500%. В абсолютной величине отчуждаемая часть продукции зерновых фабрик составит к концу пятилетия 4.551 тыс. тонн, т.-е. около 33% всего товарного зерна, производящегося в сельском хозяйстве Советского Союза. Это знаменует собою такой крупный сдвиг в экономике Советских стран, какого еще не было за весь период революции. Сельско-хозяйственное производство являлось до сих пор в Советском Союзе по типу своей социальной и технической организации противоположностью промышленности. Основная промышленность находится во владении пролета-

*) Включая запашку на 1930 г.

риата, являющегося господствующим классом в нашей стране. Средства производства в сельском хозяйстве находятся, в основном, во владении частных лиц. Промышленность еще до революции достигла огромной степени концентрации и централизации и еще в большей мере стала концентрированной в послереволюционный период; сел.-хоз. же производство еще до революции было крайне распыленным и еще в большей мере процесс раздробления увеличился после революции. Базой промышленности является высокая техническая основа, в противоположность этому сельское хозяйство базируется на крайне низкой и примитивной технике. Как по социальному характеру, так и по технической организации сельское хозяйство является противоположностью промышленности. Уже в основе этого факта лежит неизбежность антагонистического развития. «Как будто промышленность может вообще примириться с земледелием, раз земледелие само не решается стать промышленным» [1]).

За период с 1929 г. по 1933 г. возрастает в очень значительной мере сектор предприятий последовательно социалистического типа, базирующихся на высокой технической основе. Только эти предприятия, не говоря уже о тех, которые по характеру своему представляют социалистическую мануфактуру, дадут государству около 33% всего товарного зерна. Это обозначает, что пролетарское государство получает новый экономический рычаг регулирования мелким крестьянским производством.

Экономические величины нельзя расценивать арифметическим путем. Владеть третью всего товарного зерна это вовсе не обозначает, что остальные две трети находятся во владении другого полюса.

Наоборот, это обозначает возможность такого экономического регулирования, при котором остальная часть зерна, находящаяся во владении миллионов мелких хозяев, будет поступать наиболее мощному владельцу, обладающему концентрированной частью продукции и большими маневренными возможностями.

Здесь можно употребить сравнение с акционерными обществами. Ведущую роль в акционерных предприятиях играют не те тысячи мелких акционеров, у которых сосредоточено большинство акций, но тот крупный акционер, у которого сконцентрировано хотя бы 20—30% акций, и который, благодаря этой концентрации, имеет возможность регулирования мелкими акционерами. Точно так же наиболее крупный владелец хлеба будет играть ведущую роль среди мелких производителей. Таким образом, пролетарское государство получает, благодаря организации зерновых фабрик, еще один могущественнейший рычаг регулирования и реконструкции сельскохозяйственного производства.

Но этот рычаг мог получиться лишь благодаря организации предприятий фабричного типа. Организация государственных предприятий на 12 миллионах гектаров земли, на основе лошадиной двигательной силы, была бы невозможна.

Управление таким хозяйством, в котором работало бы около полутора миллионов лошадей и свыше полуторамиллиона рабочих, сделало бы производство невыгодным. Потребовался бы тщательный человеческий контроль над этой армией работающих людей, деятельность которых не приобретала бы автоматического характера, благодаря тому, что движение производства не определялось бы движением машин, как это неизбежно в тракторном и комбайнизированном хозяйстве.

Необходимо было бы создать огромный контрольный аппарат. С другой стороны, потребовались бы огромные расходы на жилые постройки для всей этой армии рабочих и административного персонала. Потребовались бы

[1]) Маркс. Собр. соч., том III, стр. 201—202, изд. 1921 г.

огромные дополнительные расходы на жилые строения для лошадей. Очень значительная часть производимой продукции поедалась бы массой работающих людей и лошадей. К тому же, в зимний период, при бездействии рабочего скота, пища все же потреблялась бы им, в то время как в тракторном хозяйстве в зимний период не требуется расходования горючего. В критические периоды полевых работ—посева и уборки хлебов—пришлось бы прибегать к дополнительному найму огромных масс рабочих, при чем недостаток их ставил бы под угрозу все производство. При этих условиях организация крупных предприятий, подобных тем, которые создаются в настоящее время, стала бы невыгодной. Лишь благодаря сдвигу в технике сельскохозяйственного производства в послевоенный период, благодаря превращению трактора в универсальную двигательную силу, могущую быть применимой при производстве любых культур и на любых почвах, стала возможной организация крупных сельско-хозяйственных предприятий, размером в десятки тысяч гектаров.

Фабрики зерна создаются на незанятых землях Советского Союза. Эти свободные земли расположены в засушливой и полузасушливой полосе. Хорошие урожаи в этой полосе могут получаться лишь при машинной обработке земли, создающей наиболее благоприятные условия сохранения почвенной влаги. Эти земли не могли быть использованы до сих пор индивидуальным хозяйством, так как при низком уровне техники и без больших мелиоративных работ эти земли, в большей части своей, являются неплодородными. Благодаря применению новейшей техники не только создалась возможность организации крупных фабричных предприятий, но и получилась возможность использования тех земель, которые не вводились до сих пор в сельско-хозяйственное производство. Первый урожай, полученный в 1929 году на зерновых фабриках, был выше урожаев, полученных на крестьянских землях. Неплодородные земли, при применении улучшенной техники, стали более плодородными, чем те, которые по своим природным качествам являются лучшими. Уже один этот факт свидетельствует об огромном значении техники в сельско-хозяйственном производстве. А ведь идеологи примитивного мелкого производства до сих пор в своей аргументации исходят из того, что техника не играет в сельско-хозяйственном производстве значительной роли. Отсюда они делают вывод о том, что крупные хозяйства не имеют преимуществ перед мелкими.

Но уже первый год организации крупных механизированных фабрик показал, что применение новейшей техники создает возможность производительного использования тех земель, которые при иных условиях являлись бы пустыней, но мало того—применение новейшей техники делает эти земли более плодородными, чем те, которые расположены в полосе более благоприятных климатических условий.

Наибольшее число зерновых предприятий сосредоточится к концу пятилетия в Казакстане. К тому же эти предприятия будут наиболее крупными по своим размерам. Средний размер каждой зерновой фабрики будет равен 60,8 тыс. гект. На втором месте по величине каждого предприятия стоит Средняя Азия. Средний размер предприятия составит в ней 50 тыс. гектаров. Другие наиболее крупные предприятия будут расположены в Нижне-Волжской области, Урале, Сибири и Башреспублике. В других районах Советского Союза средняя величина каждого из предприятий будет меньше, чем в этих областях, но нигде не составит ниже 25 тыс. гектаров.

Центрами фабричного производства зерна будут являться к последнему году пятилетия Казакстан, где зерновыми предприятиями будет занято около 3,5 млн. гектаров земли, затем Средне-Волжская область, Сибирь и Нижне-Волжская область. Таким образом, к концу пятилетия отдельные

районы Советского Союза превратятся в такие центры промышленного земледелия, каких нет ни в одной стране мира.

Предприятия зерна, организующиеся на принципе применения системы машин, требуют введения наиболее мощных двигательных установок. Хотя в американском сельском хозяйстве нет таких крупных предприятий, какие создаются в Советском Союзе, тем не менее мощные тракторные двигатели получают все большее и большее распространение. С другой стороны, наибольшее распространение получают рабочие машины большой производительности.

Основными двигателями в зерновых предприятиях будут служить мощные гусеничные тракторы. Уже в 1930 г. в зерновых предприятиях будут работать тракторы лишь средней и большой мощности, при чем тракторы средней мощности составят в общем числе двигательных сил 40% и наиболее мощные—60%.

В соответствии с этим, большой мощностью будут обладать рабочие машины. Уборочные работы к концу пятилетия будут производиться на 80—85% комбайнами. Площадь, на которой уборочные работы производились комбайнами, составляла в 1929 году 15 тыс. гектаров, в 1930 году будет составлять 482 тыс. гактара, в 1931 г.—1.493 тыс. гектара, в 1932 г.—3.008 тыс. гектаров, и в 1933 г.—4.378 тыс. гектаров.

Если в 1929 году комбайнами была произведена работа лишь на 9,8% всей площади, то уже в 1930 г. уборочные работы будут производиться комбайнами на 48,8% всей площади, а в 1933 г.—на 80,6%.

Посев будет производиться наиболее мощными сеялками, пахота будет производиться наиболее мощными почвообрабатывающими машинами. Каждое такое зерновое предприятие будет представлять собою законченный тип фабрики.

Число тракторов в зерновых предприятиях будет возрастать в течение пятилетия следующим образом.

Тракторы в зерновых предприятиях.

	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.	% роста к последн. году пятилетки по сравн. с первым
Всего	2.539	5.989	10.953	16.229	20.296	800
В т. ч. гусеничных .	608	2.058	4.708	7.633	9.933	1.630

Число применяемых тракторов в зерновых предприятиях очень значительно возрастет. При чем гусеничные трактора, составляющие в натуральных единицах меньшую часть, по мощности своей будут составлять 75% всей двигательной силы. Число автомобилей, применяемых в зерновых предприятиях, возрастет почти в 10 раз. В 1929 г. всего работало в зерновых предприятиях 662 автомобиля, к концу пятилетия будет работать 6.555. Затрата тракторной энергии составляла в 1929 г. 88 миллионов силочасов, а в 1933 г. будет составлять 889 миллионов силочасов. Годовая нагрузка каждого трактора будет равна к последнему году пятилетки 1.500 силочасов, т.-е. в 5 раз больше, чем в среднем американском хозяйстве. Производительность труда, если принять ее в 1929 г. за 100%, будет составлять уже в 1930 г. 153%, т.-е. возрастет на 53%. В течение пятилетия производительность труда будет возрастать так быстро, как она никогда не возрастала в сельском хозяйстве. В мелком хозяйстве вообще исключена возможность такого темпа в возрастании производительности труда.

Производительность труда в зерновых предприятиях.

	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.
Число гект. на 1 ч. в день	0,156	0,239	0.273	0,304	0,329
	100%	153%	175%	194%	210,9%
Стоимость труда на тонну валовой продукции в рублях . . .	31.81	22.97	21,32	19,97	18,68

Производительность труда возрастет к концу пятилетия более чем в два раза и очень значительно снизится стоимость труда на каждую единицу зерновой продукции. Это произойдет благодаря все большему применению мощных тракторов, комбайнов и других усовершенствованных машин.

Применение такого рода усовершенствованных машин не может не вызвать значительного повышения урожайности.

По отдельным районам урожайность возрастет за пятилетие в следующей пропорции.

Рост урожайности в зерновых фабриках [1]).

	Рожь	Пшеница озимая	Пшеница твердая	Пшеница мягкая	Ячмень	Овес
Сев. Кавказ	147	150	145	131	157	—
Плавни	—	125	—	132	174	—
Сред.-Волжск.	149	—	145	120	—	175
Нижн.-Волжск. . . .	120	—	115	120	—	—
Урал	153	—	133	130	—	120
Д.-В. К.	—	—	132	132	—	142
Сибирь	—	—	120	140	—	125
Н. Ч. О.	—	133	—	162	—	153
Нечерноз. полоса . .	—	—	—	—	—	—
Казакстан	—	—	110	177	—	116
Башкирия	121	—	126	130	—	—
Респ. Немц. Поволжья	222	—	125	127	—	—
Крым	—	157	—	—	140	—
Дагестан	—	120	131	130	156	—
Закавказье	—	140	—	—	—	—
Средняя Азия	—	140	140	—	—	—
Украина	—	140	—	145	136	125

Это повышение урожайности нужно отнести целиком за счет применения улучшенных машин, так как в течение пятилетия почва зерновых фабрик не будет еще подвергаться удобрению минеральными веществами. Севообороты тоже будут еще примитивными, с минимальным применением травосеяния, базируясь в основном на чередовании зерновой культуры и пара. Это об'ясняется тем, что земли зерновых фабрик еще не подвергались до сего времени обработке и поэтому в них сохранилось большое количество минеральных веществ и не нарушилась еще структура почвы. При этих условиях на протяжении нескольких лет является вполне целесообразным применение такого севооборота. В грядущее пятилетие, однако, от такой системы восстановления почвенного равновесия возможно придется отказаться. Система севооборота с применением пара, который будет употребляться в данном пятилетии, обозначает, по существу, двухпольную систему. Благодаря этому не затруднится применение машин. В том случае, если бы был введен обычный севооборот, употребляющийся в капиталистических хозяйствах, вынужденных приспособляться к изменчивой кон'юнктуре рынка, рациональное использование машинной техники до крайности затруднилось бы. Именно поэтому в зерновых предприятиях будет применяться двухпольный севооборот.

[1]) За 100% принимается урож. 1929 г., данные в таблице показывают рост урожайности к 1933 г. с 1 гект.

Новый тип сельско-хозяйственных предприятий, каким являются механизированные фабрики зерна, призвали к жизни иной тип сел.-хоз. рабочего и иной тип сел.-хоз. администратора. Управление тракторами и сложными рабочими машинами требует квалификации со стороны рабочего. Работа не в одиночку, а бригадами, требует от рабочего такой же дисциплинированности, как и обычная фабрика. Управление механизированными предприятиями выдвигает необходимость подготовки администраторов с инженерными знаниями. Прежний тип сел.-хоз. рабочего, от которого требовалась лишь мускульная сила, сменяется новым типом рабочего, знающего сложную машину и умеющего руководить безостановочным ходом производственного процесса. Прежний тип администратора в сельско-хозяйственном предприятии, который должен был обладать универсальными знаниями и который должен был к тому же заниматься торговой деятельностью, сменяется новым типом администратора, который должен обладать инженерно-агрономическими знаниями и быть хорошим руководителем.

К последнему году пятилетия в зерновых предприятиях будет работать свыше 79 тыс. постоянных рабочих и 40 тыс. сезонных.

По квалификации своей состав постоянных рабочих составляется таким образом, что основная часть—59,7% падает на долю трактористов. Остальные рабочие, по квалификации своей, являются шоферами, рабочими ремонтных мастерских, рабочими на прицепных машинах и пр. Таким образом, в механизированных зерновых предприятиях тип сельско-хозяйственного рабочего будет совершенно иным, чем в обычном сельско-хозяйственном предприятии.

Но этих рабочих, так же, как и административный персонал, нужно создать. В Советском Союзе квалифицированные инженеры-агрономы насчитываются лишь единицами. Совершенно нет рабочих комбайнеров, совершенно нет таких трактористов, которые могли бы в совершенстве владеть сложными гусеничными тракторами. Поэтому вопрос о подготовке кадров является основным вопросом организации сельско-хозяйственных предприятий фабричного типа. Соответственно с этими задачами, уже с 1929 года создается сеть школ для подготовки трактористов, шоферов и комбайнеров. На ряду с этим, в процессе производственных работ, будут подготовляться кадры квалифицированных рабочих из среды молодежи. Броня подростков рассчитана на зерновых предприятиях в 1929 г. на 350 чел., в 1930 году она уже составит 1.576 человек, в 1931 г.—2.685 чел., в 1932 г.—3.799 человек и в 1933 г.—4.731 человек. С другой стороны, перестраивается работа сельско-хозяйственных высших учебных заведений. К концу пятилетия высшие учебные заведения должны дать тысячи новых сельско-хозяйственных специалистов, обладающих техническими и агрономическими знаниями.

Постоянный и переменный капитал в зерновых предприятиях.

Постоянным капиталом Маркс назвал ту часть производственного капитала, которая не изменяет величину стоимости производимого продукта, а лишь присоединяет к ней часть своей стоимости. В противоположность этому, ту часть капитала, которая изменяет величину стоимости производимого продукта, Маркс назвал переменным капиталом.

В своей натуральной форме постоянный капитал овеществлен в машинах, зданиях, сырье и вспомогательных материалах, а переменный капитал в рабочей силе. Ни машины, ни здания, ни сырой материал не создают стоимости и прибавочной стоимости. Стоимость, а, следовательно, и прибавочная стоимость создается рабочей силой, когда она превращается в производственный капитал. Соотношение между постоянным и переменным капиталом Маркс назвал органическим строением капитала.

Органическое строение капитала промышленности резко отличалось и отличается до сего времени от органического строения капитала сельского хозяйства. Органический состав капитала промышленности несравненно более высокий, чем в сельском хозяйстве. Об'ясняется это тем, что механическая сила находит большее применение в промышленности, чем в сельском хозяйстве. В свою очередь, это явление об'ясняется чрезвычайным раздроблением земли, что ставит границы применению в сельско-хозяйственном производстве машинной техники.

В СССР устранено главное препятствие рациональной организации земледелия — частная собственность на землю. Если бы тяжелая промышленность Советского Союза была бы в состоянии удовлетворить потребность сельского хозяйства в сложных машинах, то несомненно уже теперь было бы уничтожено различие в органическом строении капитала промышленности и сельского хозяйства. В капиталистических странах, как бы высоко технически ни были бы они развиты, этот процесс тормозится наличием частно-собственнической монополии на землю. Устранение этого препятствия в СССР дало возможность организации таких сельско-хозяйственных предприятий, в которых органический состав капитала равен строению капитала в промышленности. В зерновых фабриках уже в 1929 г. соотношение постоянного и переменного капитала приблизилось к соотношению капитала в промышленности. К концу же пятилетия удельный вес постоянного капитала еще более возрастет при снижении удельного веса переменного капитала. Это видно из следующих данных.

Органический состав капитала.

	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.
Постоянн. капитал в тыс. рублей	94.756	326.772	642.339	1.007.934	1.378.271
Переменный капитал в тыс. рублей	8.665	26.176	56.975	83.389	107.716
Весь произв. капитал „	103.421	352.948	698.314	1.091.323	1.485.987

В относительных величинах.

	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.
Постоянный капитал	91,6	92,0	91,8	92,3	92,8
Переменный „	8,4	8,0	8,2	7,7	7,2
Весь произв. „	100	100	100	100	100

Как постоянный, так и переменный капитал в зерновых предприятиях будут в течение пятилетия чрезвычайно быстро возрастать. Постоянный капитал увеличится в 1933 г. в 14,5 раз и переменный—в 12,4 раза. Как та, так и другая часть производительного капитала дают огромный темп роста, но все же темп роста переменного капитала будет отставать от темпа роста постоянного капитала. В абсолютной же величине постоянный капитал возрастет за пятилетие почти на 1.300 миллионов руб., переменный—на 100 миллионов рублей. Органическое строение капитала будет достигать все большей и большей высоты. К 1933 г. органическое строение капитала в зерновых предприятиях будет таким же, как и в промышленности. Это—новое явление в современном сельском хозяйстве. В капиталистических государствах есть отдельные сел.-хоз. предприятия, в которых органическое строение капитала таково же, как и в промышленности, но эти предприятия являются одиночками. Сельское хозяйство в целом в любой капиталистической стране базируется в основном на применении ручного труда и живой двигательной силы. При этих условиях соотношение постоянного

и переменного капитала в сельском хозяйстве не может не быть значительно ниже органического строения капитала в промышленности. Человеческий труд выполняет те функции, которые в механизированных хозяйствах выполняются при помощи машин. Рабочей силы требуется, благодаря этому, несравненно больше, чем при механизированном производстве и лишь в СССР, благодаря уничтожению частной собственности на землю и плановому принципу хозяйствования, удалось создать предприятия фабричного типа, которые уже к концу пятилетия будут ежегодно производить 5.118 тыс. тонн зерна и, по образцу которых, будет пересоздаваться все сельское хозяйство в Советском Союзе.

Высокое органическое строение капитала в сельском хозяйстве обозначает так же, как и в промышленности, возможность производства больших масс продукции при относительно небольших издержках живого труда. Но, кроме того, высокое органическое строение капитала в сельском хозяйстве создает ряд таких преимуществ перед предприятиями с низким органическим составом капитала, каких не знает промышленность. Преимущество фабрики перед мануфактурой или перед мастерской кустаря заключается в том, что фабрика имеет возможность производить огромные массы продукции при небольших издержках живого труда, по сравнению с мануфактурой и мастерской кустаря. Но как современная фабрика, так и мануфактура, и кустарное производство, независимы от игры стихийных сил природы. Низкое органическое строение капитала в том или ином промышленном предприятии не обозначает, что данное предприятие находится в зависимости от стихийных сил природы, в противоположность предприятию с высоким органическим составом капитала. В сельском хозяйстве — иное положение. Предприятие с низким органическим составом капитала находится в зависимости от стихийных сил природы, в то время как предприятие с высоким строением освобождается от этой зависимости. Посев семян и уборка зерна машинами, мелиорирование площади, очистка семян от засорений и примеси, применение химических средств борьбы с вредителями, удобрение площади минеральными веществами и проч. все это создает возможность получения устойчивых урожаев. При этих условиях достигается независимость производства от стихийных сил природы. Таким образом, высокое органическое строение капитала в сельско-хозяйственных предприятиях обозначает не только возможность производства больших масс продукции при одновременном понижении ее стоимости, но и создает условия независимости производства от игры стихийных сил природы. Идеологи мелко-буржуазного производства, соглашаясь с тем, что высокое строение капитала является необходимым условием рациональной организации производства, оспаривают, однако, применимость этого закона для сельско-хоз. предприятий. По их мнению, закономерность в развитии сельского хозяйства иная. Роль постоянного капитала, по их мнению, в сельском хозяйстве меньшая, чем в промышленности, а поэтому органическое строение капитала в сельском хозяйстве должно быть ниже, чем в промышленности. Что строение капитала в сельском хозяйстве ниже, чем в промышленности, это—несомненно, но об'ясняется это факт не естественными условиями, а общественными.

Несомненно что, по мере дальнейшего развития, строение капитала в зерновых предприятиях еще более повысится. Такой рост, который обозначает одинаковое строение капитала сельского хозяйства и промышленности совершенно исключен в условиях капиталистических государств. Иное положение в Советском Союзе. При отсутствии частной собственности на землю организация с.-х. предприятий с высоким органическим составом капитала находит наиболее благоприятные условия развития и это кладет начало уничтожения противоположности между городом и деревней.

Воспроизводство капитала в зерновых предприятиях.

Процесс расширенного воспроизводства капитала Маркс изобразил в своей схеме: Д. Т. $\frac{P_c}{C_п}$ .... П. Т.[1] Д.[1]

Эта схема обозначает, что деньги (Д) превратились в товар (Т), т.-е. в рабочую силу (Рс) и средства производства (Сп), которые, поступивши в производство, превратились в производительный капитал (П). Пройдя стадию производства, ценность воплощенная в рабочей силе и в средствах производства превратилась в приращенную ценность, поступившую в товарной форме (Т[1]) в рыночный кругооборот и превратившуюся поэтому в денежную форму (Д[1]). Таким образом, первоначальная стадия кругооборота капитала начинается с движения ценности, воплощенной в денежной форме. Заключительная стадия кругооборота означает превращение ценности из товарной в денежную форму, но в данном случае ценность, пройдя стадии производства, обогатились новой ценностью, которая является прибавочной ценностью. В заключительной стадии кругооборота,—товар обозначает не просто товар, но товар с новой, присоединенной ценностью. То же самое и деньги, в которые превращается ценность, воплощенная в Т[1].

Теперь можно сделать вложения капитала в производство большие, чем в первоначальный период, так как имеется прибыль, которую можно превратить в производительный капитал. Воспроизводство капитала продолжается не на прежней, но на расширенной основе.

Расширенное воспроизводство обозначает, что капитал увеличился в своем размере, что, благодаря производительному процессу, к первоначальной ценности присоединилась новая ценность и что эта новая ценность также превратилась в производительный капитал. Чистая прибыль, при этих условиях, будет равна Д[1] — Д *).

Теперь рассмотрим процесс воспроизводства в зерновых предприятиях. Вложения капиталов в зерновые предприятия будут происходить, по расчетам Зернотреста, в течение 5-летия в следующих размерах:

Вложения капиталов в зерновые предприятия.
(В тысячах рублей)

	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.
Машины	26000	73000	92000	106000	93000
Запасные части и материалы к ним	15000	37000	64000	90000	11200
Землеустройство	14051	13510	10371	9653	3018
Мелиор.-дорожн. работы	9715	36899	61488	71347	71982
Здания и строения	20890	59727	74208	66356	49837
Семенной материал	9100	21480	36980	50220	62720
Зарплата	8665,7	26176,8	56975,8	83389,3	1077 16,5
Весь капитал	108421,7	267292,8	393022,8	476964,3	399473,5

Этот капитал, который вложен в зерновые предприятия, должен быть воспроизведен. Но он должен быть воспроизведен не одновременно, но в той пропорции, в какой происходит изнашивание капитала. Если считать срок жизни машин 5 лет, то ежегодно должна воспроизводиться пятая часть стоимости машин. Если считать срок жизни мелиоративных сооружений 25 лет, то ежегодно должна воспроизводиться $^1/_{25}$ часть стоимости мелиоративных сооружений. В основу наших расчетов мы положим следующее определение периодов воспроизводства отдельных элементов производительного капитала.

*) Понятия ценность, капитал и др. категории капиталистического хозяйства мы употребляем при анализе советского хозяйства лишь в условном смысле.

Машины, запасные части и материалы к ним должны быть воспроизведены в 5 лет—следовательно, ежегодно должна воспроизводиться $^1/_5$ часть стоимости машин и запасных частей. Мелиоративно-дорожные сооружения должны быть полностью воспроизведены в 25 лет. Следовательно, ежегодно должна воспроизводиться $^1/_{25}$ часть их стоимости. Землеустроительные работы должны быть возобновляемы каждые 10 лет, следовательно, ежегодно должна воспроизводиться $^1/_{10}$ часть их стоимости. Здания и строения должны быть полностью воспроизведены в 10 лет,—следовательно, ежегодно должна воспроизводиться $^1/_{10}$ часть их стоимости. И, наконец, семенной материал и зарплата должны возобновляться ежегодно.

В первый год производства должна быть воспроизведена $^1/_5$ часть стоимости машин и запасных частей, $^1/_{25}$ стоимости мелиоративных и дорожных сооружений, $^1/_{10}$ часть стоимости зданий, строений, и землеустроительных работ и полностью должна быть воспроизведена стоимость посевного материала и рабочей силы. То же самое во второй год, но во второй год, кроме того, должна быть воспроизведена та часть капитала, затраченного в первый год производства, которая будет воспроизводиться в течение нескольких лет. Во второй год воспроизводства должна быть воспроизведена таким образом пятая часть капитала, затраченного в первый и второй годы на машины и запасные части, и двадцать пятая часть капитала, затраченного в первый и второй годы на мелиоративные и дорожные сооружения и т. д.

В третий год должна быть воспроизведена пятая часть затрат первого второго и третьего годов на машины и запасные части, $^1/_{25}$ часть затрат первого, второго и третьего годов на мелиоративные сооружения и проч. Также и во все последующие годы должна воспроизводиться не только известная часть капитала, вложенного в производство в данном году, но и соответствующая часть капитала, вложенная в предшествующие годы.

При этих условиях первая часть схемы $Д. \frac{P_c}{C_п} ...П...$, будет представлена в следующих абсолютных величинах капиталовложений, которые должны быть воспроизведены.

Воспроизводство капитала в зерновых предприятиях.

(В тысячах рублей)

	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.
Машины	5200	19800	38000	59200	77800
Запасные части и материалы к ним	3000	10400	23200	41220	63620
Мелиор.-дорожн. работы	388,6	1844,6	4304,1	6758,1	9637,4
Землеустройство	2810,1	5512,2	7586,4	9517,0	10120,6
Здания и строения	2089	8061,7	15282,5	21918,1	26902,1
Семенной материал	9100	21480	36980	50220	62720
Зарплата	8665,7	26176,8	56975,8	83389,3	107716,5
Итого	31253,5	93275,3	182328,8	272222,5	358516,6

Таким образом, капитал, который должен быть воспроизведен в первый год, равен 31253,5 тыс. руб., во второй год должен быть воспроизведен капитал 93275,3 тыс. руб., в третий год — 182328,8 тыс. руб., в четвертый год в 272222,5 тыс. руб. и в пятый год в 358516,6 тыс. руб.

По расчетам пятилетнего плана Зернотреста, валовой сбор продукции зерновых предприятий будет составлять в 1929 г. — 141,6 тыс. тонн, в 1930 г.—918 тыс. тонн, в 1931 г.—2053 тыс. тонн, в 1932 г.—3658 тыс. тонн и в 1933 г.—5118 тыс. тонн. Определяя отпускную стоимость тонны зерна

в 100 руб., мы будем иметь следующий процесс воспроизводства капитала в зерновых предприятиях, исходя из валового сбора продукции. —

Воспроизводство капитала в зерновых предприятиях.

(В тысячах рублей).

	1929 г.	1930 г,	1931 г.	1932 г.	1933 г.
Капитал, подлежащий воспроизведению	31.253,5	93.275.3	182.328,8	27.222,5	358.516
Вновь произведенная продукция .	14.160	91800	205.300	365.800	511.800
Результаты воспроизводства+ — .	—17.093,5	—1.475,3	+22.971,2	+93.577,5	+53.284

В первый год вложенный капитал не воспроизводится, при чем дефицит получается в 17093,5 тыс. руб. Во второй год капитал не воспроизводится также, но дефицит уже меньший, составляя 1475,3 тыс. руб. Но зато уже в третий год капитал не только воспроизводится, но уже получается приращение в 22971,2 млн. рублей. Этим приращением не только покрывается дефицит первых двух лет, но остается чистая прибыль в 4402,4 тыс. руб. В четвертый год капитал воспроизводится уже с большим приращением, составляющим 93577,5 тыс. руб. и в пятый год прирост капитала составляет свыше 153 млн. руб.

В числовом выражении за пятилетний период схема Д...Д' будет представлять следующие величины:

Д=Д'=Д'—Д=937596, 1 тыс. р.=1188860 тыс. р=221263,9 тыс. руб.

Воспроизводство произошло на расширенной основе и капитал может начать вновь свой кругооборот.

Но воспроизводство может произойти лишь при том условии, если заключительная стадия кругооборота капитала беспрепятственно совершается, если Т' без задержки превращается в Д'.

Т' это уже капитал обращения. Ценность, заключенная в этом капитале должна из товарной формы принять денежную форму. В капиталистических условиях перемещение ценностей из товарной формы в денежную встречает множество затруднений. Оно сопряжено часто с заминками и задержками, что влечет за собою иногда кризисы. В советских условиях, при плановом принципе хозяйствования, превращение товарной формы в денежную не может встретить никаких затруднений. В том случае, если имеются твердые источники капиталовложений т.-е. если первая часть схемы $Д. Т\frac{P_c}{C_п} ...П....$ может быть осуществлена, то весь кругооборот капитала, в отличие от условий капиталистического воспроизводства, совершается беспрепятственно.

При организации зерновых предприятий осуществление первой части схемы кругооборота капитала встречает большие затруднения, так как основным источником капитальных вложений является импортное оборудование. Но уже в течение 5-летия, и в особенности к последнему году, пятилетия, эти затруднения будут значительно преодолены.

В капиталистических странах воспроизводство капитала встретило бы несравненно больше затруднений еще также и потому, что там должна была бы быть воспроизведена рента или затраты на приобретение земли. В Соединенных Штатах при средней цене на землю в 44,27 долл. за акр только для приобретения 12 миллионов гектаров земли нужно было бы затратить 1.327.200.000 долл., т.-е. более 2,5 миллиард. рубл., в то время, когда в СССР в течение всего пятилетия на организацию зерновых фабрик будет затрачено 1,6 миллиард. рублей. Пролетарская революция создала наилучшие условия устранения противоположности между промышленностью и сельским хозяйством, между городом и деревней.

А. Азизян.

Классовая борьба в колхозах.[1])

Экономическая „программа" кулака внутри колхоза.

Обеспечивая себя политически внутри колхоза (захват управления, оттирание бедноты) кулак все смелее и смелее развертывает здесь свою неписанную «программу колхозного строительства».

Вступая в колхоз, кулак прежде всего становится на позиции ярого противника обобществления. Ему нужно обеспечить соответствующий низкий уровень обобществления, чтобы изнутри своей индивидуальной части хозяйства вытянуть свои эксплоататорские щупальцы. Закостенение колхоза на низших ступенях обобществления есть коренной вопрос всей внутриколхозной тактики кулака. Но так как все же что-то для виду нужно обобществить, то кулачество проводит грошевые отчисления в неделимый фонд, обобществляет отдельные машины и маленькие участки, по существу, совершенно не влияющие на все хозяйство в целом. Весьма ярко проявилась эта кулацкая линия в Елецких колхозах. Здесь под видом усадеб и пред'усадеб основная земельная площадь была растаскана по индивидуальным хозяйствам. Паевые взносы устанавливались в 50 к., 1 р. и редко в 25 р. Большинство приобретаемых машин растекалось по индивидуальным хозяйствам. По Белоруссии в артели «Водовичи», Мозырского округа, баланс которой составляет около 40.000 руб. в неделимый капитал отчислено лишь 181 р. Артель «Эмес», Могилевского округа из 3.600 руб. чистой прибыли ни копейки не отчислила в неделимый капитал.

Можно привести целый ряд просто анекдотических примеров величины обобществленных, неделимых фондов внутри колхозов.

Кулак зубами дерется при постановке вопроса о переходе колхоза из низшего типа в высший. Тут разворачивается весь арсенал его агитационной деятельности. Обман, ложь, провокация,— все пускается в ход для срыва процесса перерастания. Там, где ему удается обеспечить срыв, он продолжает свою дальнейшую эксплоататорскую работу. Но там, где преодолевается его противодействие и вопреки его сопротивлению проходит в массе колхозников предложение о переходе на устав артели или коммуны, кулак зачастую просто выходит из колхоза.

Кулак вообще не любит выходить из колхоза, он на это наталкивает бедноту. Но есть момент, когда кулаку ничего не остается, как уйти, когда усиление обобществления грозит срывом его капиталистической эксплоатации. Он выходит и тащит за собой изрядную часть колхоза как из числа бедняков, так и, в особенности, из числа более крепких слоев колхоза. Вот интересный пример из практики Оренбургского округа:

> «В коллективе имени Ленина при переходе с устава т-ва по совместной обработке земли на устав коммуны в коллективе отсеялась пятая часть всех хозяйств, при чем все безлошадные остались в коллективе, из числа одно-

[1]) Окончание. Начало статьи см. в предыд. номере.

> лошадников вышло 13%, число двух и трех-лошадных хозяйств сократилось вдвое; хозяйства, имеющие четыре и более голов скота, вышли полностью. Что эти цифры не случайны, говорят и данные по коровности: бескоровные хозяйства все остались в коллективе, из числа однокоровных вышло 4%, двухкоровных—29%, трехкоровные дали отход в 33%, и хозяйства, имеющие четыре коровы, вышли полностью». («С.-Х. Газета», 10/VIII 1929 года).

Обеспечив свой индивидуальный сектор, кулак разворачивает эксплоатацию внутри колхоза прежде всего по линии тех форм, на основе которых он «работал» вне колхоза — сдачи инвентаря, аренда земли, наем рабочей силы. Эксплоатацию через машину кулак применяет весьма широко. В колхозе «Уран» (Сухинический округ) кулак Трешенков, состоя в колхозе, платит индивидуальный налог, имеет в своем хозяйстве с.-х. машины, которые дают 1.000 рублей чистой прибыли в год. Вот интересный пример, говорящий о том, как ловко сумел кулак приспособить колхоз к эксплоатации через свою машину не только индивидуальную, но находящуюся в собственности колхоза:

> «В Питерском р-не, Пугачевского округа, Малоузенский колхоз имени Сталина состоит преимущественно из бедноты. В этот колхоз недавно пролез кулак-лишенец Савкин. Свою «масленку» он сдавал в аренду. В прошлом году артель «Надежда» арендовавшая ее, уплатила треть дохода Савкину.
>
> После того, как у Савкина была продана конная молотилка он «масленку» продал колхозу за 9 тыс. руб. при условии ежегодной выплаты ему 50% прибыли.
>
> Если считать, что ежегодная прибыль достигает 600 руб., то колхоз будет выплачивать кулаку деньги 30 лет. В договоре не совсем ясно сказано, что считать чистой прибылью, так как амортизация предприятия вовсе не учтена. Не учтено также и пятипроцентное отчисление в неделимый капитал.
>
> Колхоз принял Савкина в члены: фактически же он является руководителем предприятия. Разлагающаяся работа Савкина сказывается на колхозе. Недавно было отказано в приеме двум беднякам. По неизвестным причинам колхоз решил воздержаться вступить в групповое об'единение».
>
> («Поволжская Правда», 30/VIII—29 г.).

В меньшей степени, чем машиной кулак в колхозе продолжает эксплоатацию через аренду земель, при чем арендуется всем колхозом в целом из госфондовых зачастую земель, якобы вследствие недостатка своей земельной площади, а иногда эту арендованную землю пересдает:

Эксплоатация наемного труда в колхозе существует и явная и очень умело прикрытая. Когда перед нами кулацкий лже-колхоз — открытое и ничем не прикрытое капиталистическое акционерное предприятие, то и эксплоатация батрака тут происходит в наиболее обнаженной форме. В Балашовском округе был выявлен «колхоз» из 8 хозяйств, пользующийся трудом 38 батраков.

Зачастую отношения нанимателя и нанимаемого складываются и между одноколхозниками. Это происходит либо явно при крайней забитости колхозной бедноты и батрачества, либо скрыто под видом явно эксплоататорской организации общественного труда.

На Урале выявлен ряд колхозов, в которых установились по существу 2 категории колхозников — хозяева и рабочие. Колхоз «Новая Жизнь», знаменская с.-х. артель «Прогресс» и др. Применение наемного труда в колхозе зачастую происходит вследствие слабости труддисциплины среди колхозников. Просто имеет место увиливание от работы со стороны кулацко-зажиточных элементов колхоза. Выявлены случаи, когда кулак не выходит на общественные работы в колхозе сам, а посылает вместо себя специально нанятого для этого дела батрака.

В целом же вопрос о применении наемного труда в колхозе тесно смыкается с вопросом об организации труда в колхозе. В этом же вопросе аккумулируются важнейшие социальные противоречия основной массы колхозов. Организация труда в колхозе еще крайне недостаточно изучена. Но теперь уже можно указать на ряд противоречий в этом деле, противоречий, перерастающих в своеобразную классовую борьбу в колхозах.

«Организация труда» в колхозах, где верховодят кулаки, есть не что иное, как ширма для прикрытия беспощадной эксплоатации бедноты в колхозе и для избежания легальных форм найма рабочей силы. Иногда в области организации труда вырастают некоторые противоречия и между безлошадным бедняком и лошадным середняком. Вот, что пишут из Оренбурга:

«В товариществе по общественной обработке земли «Второе Беловское» на лошадь дают пай и на рабочие руки пай, так что двухлошадное хозяйство получает, если оно имеет даже только одного работника в три раза больше хозяйства безлошадного и в полтора раза больше хозяйства однолошадного. В т-ве «Беднота» эта пропорция еще больше: там две лошади с одним работником получают пай, тогда как одна лошадь с работником только полпая, а один с работником—четверть пая. В товариществе «Арслан» эта разница дошла до того, что на рабочие руки дают пай, а на лошадь—три пая. Имеющиеся в «Арслане» хозяйства с четырьмя головами рабочего скота получают, таким образом, в 13—16 раз больше хозяйства безлошадных». («С.-Х. Газета», 10/VIII 1929 г.).

Классовые противоречия выплывают иногда и в деле использования женского труда; жены зажиточных не выходят на работу, чем вызывают недовольство у середнячек и беднячек.

Непосредственно с организацией труда связан вопрос о распределении продуктов внутри колхоза. Нарушение интересов бедноты по части организации труда немедленно вызывает нарушение его и по части распределения продуктов.

Распределение продуктов по паям, по средствам производства, лошадности весьма частое явление. По данным Сибколхозсоюза, не менее 25% всех колхозов общественный доход распределяют по внесенным средствам производства. По утверждению Деревенского Отдела Сибкрайкома, эти цифры в действительности выше. По данным Деревенского отдела ЦК Украины распределение продуктов в колхозах Украины происходит в одной трети по затраченному труду, во второй — по едокам и в третьей — по средствам производства. Как видим, чисто буржуазный способ распределения продуктов играет основательную роль в колхозах.

Что же мы имеем в результате всех тех форм организации труда и распределения? Эксплоатацию бедноты, рост частного накопления на основе использования госкредитов, минимум обобществления.

Вопрос о защите интересов бедноты в колхозах, собственно говоря, сводится главным образом к этим 2 вопросам. Это — узловые вопросы организации и работы с беднотой внутри колхозов. Группы бедноты внутри низшего типа об'единений должны в центре внимания держать эти два вопроса. Но так как по этим двум вопросам могут возникнуть и возникают противоречия с середняком, то интересы середняка должны быть учтены и преодолеваться на основе роста обобществления и механизации колхоза.

Партия будет решительно бороться против той «уравнительности», которую выдвигает кулак и благодаря которой неравенство внутри колхозов все больше растет. Беднота и батраки должны быть выделены. Им должны быть предоставлены льготы не только по части вступления в колхоз (дифференцированный пай), но и в повседневной работе в колхозе. Необходимо создать особо льготные условия использования беднотой необобществленных средств производства, при помощи специальной системы мер с тем, чтобы известные стимулы для владеющего средствами производства сохранялись. Преодоление экономического неравенства будет способствовать росту обобществления внутри колхозов и, с другой стороны, рост обобществления будет также выравнивать это неравенство.

Практика колхозного руководства должна поэтому в центре внимания держать проблемы организации труда и распределения с тем, чтобы быстрее поднимать бедняков и батраков и тем самым создавать стимулы для более интенсивного роста обобществления в колхозах.

Борясь за социалистическую организацию труда в колхозе, мы никогда не должны упускать из виду то, что коренным образом вопрос может быть разрешен лишь на основе машины, на основе механизации и земледелия.

Из характерных сторон кулацкой политики внутри колхоза нужно отметить еще отношение его к гос. кредиту. На госкредит он смотрит, как на источник обогащения и во всей своей практической деятельности стремиться перекачать эти кредиты в индивидуальные хозяйства колхозников.

За примерами далеко не придется итти. Те же Елецкие колхозы дали блестящий пример того, как нельзя использовывать кредиты. Кулак прежде всего, рвет кредитов как можно больше. Перекредитование—типичная черта кулацкого колхоза. Так, колхоз «Прогрессивно-Петровское» получил кредитов на каждую семью около 1.300 руб. Кредиты получались на несуществующие нужды. Брали на переселение, а переселяться никто и не думал. Кредитовались, как колхозы в целом, так и отдельные колхозники индивидуально. Кредиты брались из нескольких источников одновременно. Нет ничего удивительного, что благодаря этим—«порядкам» рост индивидуальной части хозяйств в колхозах происходил особо интенсивно. Так, отмечены случаи, когда кулак для получения побольше кредитов вписывает в колхоз мертвые души, занимается надувательством.

Там, где кулацким элементам удавалось засесть в колхозе и в кредиторганах, особо льготному кредитованию кулацких колхозов сопутствовала слабость кредитования бедняцких колхозов.

И, наконец, для характеристики кулацкой тактики внутри колхоза нужно упомянуть и линию кулацкого колхоза в хлебозаготовках. Хлебозаготовки 1929 г. оказались той лакмусовой бумагой, которая определила действительную социальную физиономию колхоза. Как известно из печати, немало колхозов увиливали и увиливают от выполнения обязательств перед государством; нарочито увеличивают нормы потребления, создавая этим путем излишние запасы, продают хлеб частнику, прячут у себя кулацкий хлеб и пр. Отмечены отдельные случаи, когда кулацкий колхоз выдавал справки кулацкому хозяйству, сознательно преуменьшая размеры обмолоченного для него хлеба, «одалживая» хлеб кулаку.

По отношению к подобным «колхозам», срывающим хозяйственные планы государства, партией взята самая жесткая линия, вплоть до ликвидации таковых и взыскания всех госкредитов. Опыт этой хлебозаготовительной кампании безусловно даст весьма интересный материал для выявления истинного классового лица колхоза. Нужно лишь добиться наиболее вдумчивого изучения причин несдачи хлеба, применяя средства убеждения для рваческих настроений у части колхозников бедняков и середняков и жесткие репрессивные меры к злостным несдатчикам хлеба.

Мы постарались возможно полнее обрисовать многостороннюю и разнообразнейшую по форме кулацкую эксплоатацию в колхозах. Одним вышибанием кулака из колхоза вопросы не будут разрешены. Тенденции мелких собственников в колхозе к развитию индивидуального накопления, перерастающей в эксплоатацию будут еще существовать. Требуется упорная систематическая работа по защите интересов бедноты по всем линиям внутриколхозного строительства. Вместе с тем, на основе учета интересов середняка в колхозе упрочения союза с ним нужно проводить не менее упорную

работу по его переделке, по ликвидации его мелко-собственнических тенденций.

Политическая роль колхоза.

Колхоз не только вызывает обострение классовой борьбы, но он есть продукт развертывания самой классовой борьбы. Не случайно, что коллективизация с.-х. развертывания в районах наибольшего классового расслоения крестьянства. Но, будучи продуктом классовой борьбы, колхоз, раз возникнув, уже в свою очередь влияет и должен влиять на ход классовой борьбы.

От социальной физиономии лица колхоза зависит, в каком направлении он будет изменять соотношение классовых сил. «Красный Мелиоратор», и подобные ему «колхозы», определенно действовали по линии укрепления окружающего кулачества и сращивания с ним. Политическое значение лжеколхоза не ограничивается тем, что несколько кулацких хозяйств надувают пролетарское государство. Общение лжеколхоза с окружающим крестьянством таит в себе особо опасные политические последствия, в смысле организованной беззастенчивой эксплоатации бедноты и не менее организованного насаждения кулачества. Идея социалистического земледелия подобными колхозами дискредитируется весьма основательно, на реальном примере и, следовательно, отталкивает окружающие бедняцко-середняцкие массы от действительного дела коллективизации.

Борьба с лжеколхозами поэтому не может быть ограничена в рамках карательной политики, которая в свою очередь хромает. Совершенно нетерпимы имеющиеся у нас зачастую мягкость в этом вопросе. Мягкость тут перерастает в прямой оппортунизм.

Но совершенно недостаточно будет в деле борьбы с лжеколхозами ограничиваться, только мерами карательного характера (передаче суду, взыскивание госкредитов и пр.). Нужно выбить из сознания бедняцко-середняцких масс все, что вызвало у них «деятельность» кулацкого лжеколхоза в данном районе. Твердая классовая политика в колхозном строительстве, беспощадное разоблачение кулацких колхозных махинаций, демонстрирование достижений действительных колхозов,— все это должно стать предметом самой широкой агитационно-пропагандистской работы в соответствующих местах среди широких бедняцко-середняцких масс.

Но тут возникает такой вопрос. Может ли колхоз быть нейтральным по всему тому классовому переплету, который окружает его и заняться «мирным» строительством у себя внутри? — Конечно нет!

Очаги социалистической стройки в нашей стране должны одновременно стать опорными политическими пунктами пролетарского государства. Этой опорой должен стать и колхоз. Колхоз в повседневной политической жизни деревни все больше и больше должен проявлять себя, как важнейший рычаг рабочего класса по переустройству сельского хозяйства, по переделке середняка и укреплению союза с ним, по сплочению и организации бедняцких масс по наступлению на кулака.

А как же у нас обстоит дело? Хотя и имеются указания о том, что колхозы должны стать центром политической и хозяйственной жизни села, однако, в этом отношении достижениями похвастаться мы не можем. Если говорят о колхозах, то лишь в связи с его внутренними задачами. А много ли мы знаем случаев успешного участия колхоза в деле организации бедноты и помощи ей? А много ли мы имеем успехов у колхозов на фронте борьбы за осуществление классовой политики пролетарского государства во всех хозяйственно-политических кампаниях деревни? Конечно, мало, весьма недостаточно.

Мы ставим вопрос об участии колхоза в политической жизни деревни самым решительным образом. Активность колхозов по этой части должна быть поднята на должную высоту. С одной стороны, мы будем иметь хорошего помощника партии в деревне, а с другой стороны, будет создана возможность для выявления истинного классового лица колхоза.

В данном случае мы хотели бы подчеркнуть особо задачи колхоза по работе среди бедняков.

Конечно, предпосылкой работы колхоза среди бедноты является работа с беднотой внутри колхоза низшего типа. На основе изучения тактики кулака по отношению к колхозу, внутри колхоза мы уже выявили те основные линии, по которым должна итти работа среди бедноты внутри колхоза: борьба за изгнание кулака из колхоза, усиление руководящей роли бедноты в органах управления, борьба против капиталистических методов организации труда и распределения, борьба за четкое выполнение обязательств перед пролетарским государством, борьба против закостенения колхозов на низших формах и за безостановочное и интенсивное перерастание.

Вся работа с беднотой (группы, собрания) в колхозах низшего типа должна быть направлена на быстрейшее стирание экономического неравенства внутри колхозов, на упорную работу по переделке середняка, по преодолению его мелко-собственнических инстинктов.

Только при налаженности работы с беднотой внутри колхоза, повторяем, могут быть поставлены задачи по работе колхоза с беднотой (во вне). О коммунах мы тут уже не говорим. Рост обобществления и социалистических форм труда в них дает основание полагать, что без особой работы с беднотой внутри, коммуна может вести работу с беднотой вне коммуны.

Какие же формы этой работы нам мыслятся? В чем должно заключаться содержание этой работы?

Колхозу надлежит работать среди бедноты как по части хозяйственной помощи ей, так и по части политической ее организации. Бедноте колхоз оказывает производственную помощь как во время посевной, так и уборочной кампании. Но эта помощь индивидуальным маломощным хозяйствам должна вестись так, чтобы подготовить бедноту к коллективизации, к вовлечению в колхоз. Было бы непоследовательно для колхоза вести свою помощь лишь по линии под'ема единоличника-бедняка. Подготовляя окружающую бедноту к коллективизации, всячески помогая ей, колхоз должен проверить всю систему хозяйственно-организационной помощи бедноте: создание фондов коллективизации и кооперирования, льгот и пр.

Безусловно решающий под'ем жизненного уровня бедняка произойдет лишь по вступлении его на путь крупного коллективного хозяйства. Но это еще не означает, что мы должны недооценивать все те льготы и преимущества, которые даются государством единоличнику-бедняку.

Колхозу нужно следить за тем, как сумма мероприятий пролетарского государства по помощи единоличному бедняку подводит его непосредственно к идее коллективизации.

Колхоз должен окружающее крестьянство тянуть по пути коллективизации. Организованная вне колхоза беднота будет наилучшим для колхоза помощником. Поэтому колхоз должен пойти к бедноте вне колхоза, на группах бедноты и собраниях бедноты ставить не только вопросы помощи самой бедноте, коллективизации самой бедноты, но и вопросы коллективизации всей середняцко-бедняцкой массы, превращая бедноту в застрельщика и проводника дела социалистического переустройства деревни.

Работа с беднотой внутри и вне колхоза должна представлять из себя единое целое, тут должно быть сращение. Конечно, у тех и у других будут свои специфические вопросы. Но они изолированно не могут быть поставлены. Огромнейшее политическое значение будет иметь постановка вопросов помощи бедноте вне колхоза, а также вопросов социалистического

переустройства деревни на собраниях бедноты внутри колхоза, а также перед всем бедняцко-середняцким беспартийным активом колхоза. Это будет означать усиление социалистического качества колхоза, так как степень развития социалистических элементов колхоза будет измеряться не только тем, что творится внутри него, но и характером влияния колхоза на окружающее крестьянство. С другой стороны, постановка практических вопросов внутри колхозной работы перед бедняцкой или колхозной массой, перед бедняцко-середняцким активом будет иметь огромнейшее значение для пропаганды идей коллективизации, в широких трудящихся массах крестьянства.

В связи с усилением вступления коммунистов в колхозы мы уже начинаем сталкиваться с такими фактами, когда вся сельячейка—в колхозе и село без сельячейки. Совершенно правы те товарищи, которые предлагают этой колхозной ячейке заниматься не только внутренними вопросами, но и вопросами партруководства во всем селе или группе сел. Политическая работа колхозников-коммунистов вне колхоза будет укреплять социалистические нити, связывающие колхоз с окружающим крестьянством.

Подобным же образом мы должны ставить вопрос о работе групп бедняков внутри тсозов в районах сплошной коллективизации.

Вопросы работы среди бедноты не могут быть поставлены изолированно без борьбы с кулаком и сплочения и привлечения середняка к колхозу. Но успехи по изоляции кулака и привлечению середняка целиком зависят от организации бедноты. Чем организованнее беднота, чем лучше сплочена она вокруг колхоза под руководством партии, чем больше она проявляет активности по делу коллективизации с.-х., тем легче привлечение середняка в колхоз, тем легче изоляция кулака.

Может ли колхоз молчать, когда кулак и поп ведут бешеную агитацию против колхоза? Может ли колхоз сидеть сложа руки и не отвечать ни в какой мере кулацкому террору, спокойно ожидая мер Соввласти карательного порядка? Конечно, нет. Колхоз должен противопоставить кулаку не менее энергичную агитацию, используя все общественно-политические силы деревни.

Необходимо вообще чрезвычайно усилить массовую раз'яснительную работу в районах широкого развертывания коллективизации. Иногда мы бываем свидетелями такого положения. Пришли, проголосовали, колхоз состряпали и точка. Это формально-бюрократическое отношение к колхозу кулак прекрасно использовывает, вступает сам в колхоз и там начинается его массовая раз'яснительная работа, которая вскоре дает плоды в смысле срыва колхоза. Тут формальный бюрократизм граничит с прямым оппортунизмом, т. к. кулацкая активность, его агитация были недооценены со стороны организаторов колхоза.

Там, где кулацкое выступление встречает должный отпор и жестокую кару пролетарского государства там, где проводится широкая кампания противодействия кулацким махинациям, растет сплочение трудящихся масс крестьянства вокруг лозунгов партии. Обследование Вологодской губ. выявило, что «работа, проведенная вокруг нападения кулаков на колхоз «Громобой», вызвала вступление 6-ти колхозников в партию, организовалось 4 новых колхоза. Там же в Леденгском районе подали заявления о вступлении в партию 14 батраков. организовано 2 колхоза в Уст-Кубанском, 7—в Татемском, 16—в Озерском и т. д. В дер. Колотовыс на выступление кулачества организовался колхоз «Ответ кулаку». Случаи организации колхозов, вступления колхозников и бартаков в партию имеются повсеместно в местах проведенной работы вокруг фактов классовой борьбы. По неполным данным за это время организовано 84 колхоза»

Что говорят чти факты? А они говорят о том, что на данном этапе наши методы борьбы с кулацким террором и активностью должны несколько видоизмениться. Конечно, карательная наша политика не должна подвергаться никаким послаблениям, карающая рука пролетарского государства должна с должной жестокостью бить кулака—вредителя социалистического строительства.

Но это уже недостаточно, в настоящих условиях с широко развернутой агитационной работой кулака. Карательная наша практика должна сопровождаться широко поставленной кампанией среди бедняцко-середняцких масс, по разоблачению кулака, его эксплоататорских приемов борьбы и по раз'яснению мер пролетарского государства по наступлению на кулака.

Вся сумма мер пролетарского государства, направленных против кулака, должна стать достоянием бедняцко-середняцких масс. Опыт борьбы с кулацким выступлением должен сопровождаться в результате этого не только сломом кулацкого сопротивления, но и ростом активности организованной бедноты, усилением союза с середняком и большим сплочением бедняцко-середняцких масс вокруг партии и ее лозунгов. Вместе с тем необходимо приблизить бедняцко-батрацкие организации к практике наших карательных органов. Изыскать пути и формы участия групп бедноты в этом деле, обратить внимание на состав нарзаседателей в деревне и др. Бедняк должен стать застрельщиком организованного отпора кулаку. Беднота должна стать во главе политической изоляции кулака.

Об извращении партлинии в колхозном движении.

Чем же об'ясняется то положение, которое мы имели в ряде колхозов? Только ли тем, что кулак перестроился и по-новому вредит делу социалистического строительства? Конечно, нет. Мы знаем немало случаев, когда кулацкие фокусы разоблачались. Этих фактов можно много привести из практики большинства парторганизаций, проводящих твердую классовую линию в колхозном строительстве.

Опыт борьбы с правым оппортунизмом на практике показал, что возникновение и рост махрово-кулацких «колхозов» (Вологда, Балашов, Елец) имел место при явно оппортунистической линии партийного руководства в этих районах, при определенном отходе их от генеральной линии партии. Совершенно не случайно обосновывается теория отрицания классовой борьбы в колхозах («нет бедняков, середняков и кулаков в колхозах—есть в них хорошие и худые колхозники» [1]).

Говоря об извращениях партлинии в деревне, XV партс'езд указал, что «следует обратить внимание также на факт существования лжекооперативов, служащих маскировкой кулацких «товариществ», использовывающих все права и привилегии кооперации».

Это важнейшее указание XV партс'езда многими из наших товарищей недостаточно усвоено. Право-оппортунистическая практика совсем забыла их и претворяла в жизнь бухаринскую теорию о врастании кулака в социализм. Кое-кто из левых фразеров также повидимому забыли эти места и пытаются присвоить себе монополию постановки вопроса о тенденциях капиталистического перерождения некоторых колхозов.

[1]) В последнее время в нашей печати приводились данные, характеризующие наличие тенденции к допуску кулака в колхоз и простейшие производ. об'единения у ряда руководящих кооперативных и колхозных органов (Плодовинсоюз, Животноводсоюз, Сибколхозсоюз и др.).

До сих пор есть товарищи, которые не хотят понять, что решение ЦК по докладу Сев.-Кавкрайкома о недопущении кулака в колхоз имеет общепартийное значение.

Наконец, нужно подчеркнуть, что партийная линия не только предвидела использование кулаками колхозов, но и наметила пути преодоления экономического неравенства в колхозах и ликвидации классовой борьбы в них. Совершенно не случайно, что XVI партконференция, говоря о колхозах, сделала упор на вопросах укрупнения, роста обобществления и машинизации колхозов.

На опыте вскрытия классовой борьбы в колхозах мы лишний раз убеждаемся в крайней реакционности теории Бухарина о врастании кулака в социализм.

P. S. Настоящая статья уже была набрана, когда были опубликованы решения ноябрьского пленума ЦК, знаменующие собою новую историческую полосу в развитии колхозного движения в нашей стране.

Пленум ЦК со всей ясностью характеризовал подрывную работу кулака в отношении колхозов и с категоричностью высказался против допущения кулака в колхоз. Пленум заострил свое внимание на «засоренности социального состава части колхозов», на особом значении «последовательного проведения мероприятий по борьбе с лжеколхозами, являющимися средствами маскировки и орудием кулацких элементов в деревне». Нами уже указывалось, что важнейшие противоречия в колхозах питаются фактом низкой ступени процесса обобществления в колхозе. На эту сторону колхозного движения указывает пленум ЦК:

> «Продолжая и усиливая борьбу против капиталистических элементов деревни, развивая решительное наступление на кулака, всячески преграждая и пресекая попытки проникновения кулаков в колхозы, партия должна упорной и систематической работой обеспечить сплочение батрацко-бедняцкого ядра в колхозах. Это тем более необходимо, что в самих колхозах, особенно в колхозах простейшего типа, поскольку в них далеко еще не обобществлены все средства производства и вообще сильны мелко-собственнические интересы, остается значительная опасность кулацких влияний. В связи с этим, особенно необходимо всемерное укрепление обобществленных фондов колхозов, как основы роста колхозного движения, а также осуществление прочной связи колхозов со всей системой советского хозяйства».

Пленум ЦК нашел необходимым «организацию бедняцко - батрацких групп в простейших производственных кооперативных об'единениях и в первичных формах коллективных хозяйств (товарищества по совместной обработке земли)».

Это должно помочь обеспечению классовой линии и пролетарского влияния в колхозном движении.

В своей резолюции по докладу ЦК КП(б)У о работе в деревне Пленум ЦК дал очень важное указание, имеющее огромное значение для всего колхозного движения:

> «Очистить колхозы, в том числе и в районах МТС, от проникновения туда кулацких элементов, а также вести решительную и беспощадную борьбу с лжеколхозами одновременно в колхозах, находящихся под влиянием или руководством кулаков, организовать борьбу против кулаков, всего бедняцкого и середняцкого актива таких колхозов».

Все эти указания пленума должны найти немедленное отражение в колхозной работе. Сомнениям и колебаниям не должно быть места. Кулацкий маневр срыва колхозного движения должен пресекаться со всей решительностью. Правый уклон, несмотря на капитуляцию вождей его, будет продолжать проявляться. Вооруженные большевистски-выдержанными ленинскими решениями пленума ЦК о колхозах, практические работники на местах должны с новой усиленной энергией выкорчевывать все элементы правого оппортунизма на практике колхозной работы, все элементы вреднейшей теории мирного врастания кулака в социализм.

Л. Мадьяр.

Биржевой крах в САСШ[1].

Биржевой крах и мировой экономический кризис.

На Нью-Йоркской бирже уже в течение нескольких недель разыгрываются дикие сцены паники. Падение курса ценных бумаг в течение каких-нибудь десяти недель — от 3-го сентября до 17-го ноября — выражается, в неслыханной даже в истории биржевых спекуляций, сумме, на 50—60 миллиардов долларов, т.-е. 100—120 миллиардов рублей. Вчерашние миллионеры стали нищими. Газеты пестрят об'явлениями о продаже автомобилей, бриллиантов, ювелирии, домов. Вокруг биржи и контор крупных биржевых маклеров сумасбродные сцены, подобие которых не могла бы описать фантазия великого французского романиста Зола. Учащаются самоубийства. Падают цены. Кое-где уже лопаются фирмы, банкротства об'являются открыто. Но биржа и «деловой мир» знают о множестве «тихих банкротств». А среди тихих банкротств—известные миллиардеры. В кабинете Моргана собираются некоронованные короли американской экономики: Морган, Ламонт, Митчель, Оуэн Юнг и пр. Командиры биржи, банков, трестов и промышленности совещаются. Сыплются успокоительные заявления. Крупные тресты раздают преждевременные заказы. Правительство ассигнует 100 млн. долларов, чтобы приостановить падение цен на пшеницу и тем самым—и разорение фермеров. Железнодорожные компании заказывают сталь, чтобы приостановить депрессию в производстве. Правительство, отдельные штаты, муниципалитеты выдают досрочные заказы на строительство, чтобы смягчить удары кризиса. Гувер созывает совещание для оживления дела. Печать развивает лихорадочную кампанию. Государственные деятели, политики, банкиры, ученые, экономисты выбиваются из сил, чтобы доказать, что «процветанию» не наступил еще конец. Однако, на бирже черный день следует за черным днем. Сейсмограф биржевых курсов показывает неимоверную лихорадку всего экономического организма. А нью-йоркская лихорадка перекинулась на другие биржи. Международные акции падают везде и повсюду. Монреаль (Канада), Буэнос-Айрес (Аргентина), Рио-де-Жанейро (Бразилия) переживают еще более острый кризис, чем Нью-Йорк. Потряслась Лондонская биржа. Лихорадит Амстердам и Стокгольм. Париж, Брюссель, Рим нервничают, и в Берлине огромная напряженность.

Вся мировая буржуазная печать оповещает о биржевом крахе, о биржевом кризисе, о биржевом землетрясении, о биржевой катастрофе. Даже некоторые марксисты смотрят как загипнотизированные на биржевые курсы и творят буржуазную легенду о биржевом крахе, о биржевом кризисе, о биржевом землетрясении, о биржевой катастрофе. А по существу дело вовсе не в этом. Империалистическая мировая экономическая система переживает в настоящее время вовсе не только биржевой кризис. Речь идет не только о биржевом кризисе, а о начале мирового экономического кризиса во-

---

[1]) От редакции. Помещая статью т. Мадьяра, редакция считает необходимым затронутый в статье вопрос о перерастании депрессии в кризис подвергнуть дополнительному анализу и дальнейшему обсуждению.

общ е. Мы не утверждаем, что этот кризис обязательно распространяется на все страны. Это было бы слишком механическим пониманием единства мирово-хозяйственных связей, единства мирово-хозяйственного организма. Но мы стоим на пороге мирово-хозяйственного кризиса, который ударит по сердцевине империализма и потрясет биржевую, банковую, промышленную систему всего империализма. Мы стоим на пороге больших экономических, и при условии наличия суб'ективного фактора, и крупных социальных потрясений. Если правые оппортунисты и примиренцы до сих пор спорили о содержании «третьего периода», если Л. Д. Троцкий вообще отрицал «третий период», утверждая, что предстоит «длительная полоса черной реакции» (см. его «Письмо к чешскому товарищу» в «Фане дес Коммунизмус»), если социал-демократы издевались над «романтическими ожиданиями» новой волны революционного движения, то мы можем ответить, что «третий период» получает в настоящее время экономическое оформление, что теперь вызревают, взрываются те основные противоречия империализма, о которых VI конгресс Коминтерна предупреждал революционных рабочих.

Наш основной тезис заключается в том, что биржа (т.-е. соответственно и ее потрясение) в данном случае, если и уродливо, искаженно, преувеличивая или преуменьшая, искривляя, но все же отражает те процессы, которые происходят в сфере производства. Биржа, образно выражаясь, является вторым этажем сферы обращения. На фондовых биржах в отличие от продуктовых торгуют не товарами, а титулами, свидетельствами на доход. На фондовых биржах торгуют акциями, ценными бумагами.

«Акция фактически дает притязание только на известную денежную сумму. Этим ее значением определяется возможность «мобилизации» промышленного капитала. Но эта «известная сумма денег» есть не что иное, как доход капитализованный из существующего уровня процента. Следовательно, доход, ежегодные поступления являются здесь исходным пунктом при оценке бумаг и денежная сумма исчисляется лишь в соответствии с доходностью» [1]).

В этом смысле биржа является лишь вторым этажем сферы обращения. Она искривленно, искаженно, уродливо, но все же сигнализирует лишь те изменения, которые происходят в сфере производства. На это указал уже Маркс именно в связи с кризисом, вызванным избытком капитала при избытке населения.

«Но главное разрушительное влияние, — пишет он в связи с кризисом, — притом самого острого характера, коснулось бы капитала, поскольку он обладает свойством стоимости, коснулось бы капитальных стоимостей. Часть капитальной стоимости, находящаяся просто в форме свидетельств на получение доли будущей прибавочной стоимости, прибыли, в действительности представляющая только различные формы долговых обязательств на производство, обесценивается тотчас же за уменьшением доходов, на которые рассчитана эта часть». (Курсив наш.—*Л. М.*).

Биржа в настоящее время обесценением свидетельств на получение будущей прибавочной стоимости, прибыли сигнализирует лишь уменьшение дохода, уменьшение прибылей, на которые рассчитаны акции. Биржевой кризис является последствием наступившей депрессии в сфере производства и обращения и острота этого кризиса сигнализирует лишь наступление тяжелого кризиса. Кризис начался в сфере производства. Об этом говорит даже Форд.

[1]) Гильфердинг «Финансовый капитал», стр. 141.

Период „процветания" и его реформистское преломление.

Исходным положением для понимания настоящего кризиса мы должны взять тот факт, что капитализм САСШ после кризиса в 1921 г. переживал цикл процветания. Вырос производственный базис, увеличилось производство, была проведена рационализация, выросли целые новые отрасли промышленности, южные штаты быстро индустриализировались, расширялась банковая система, САСШ завоевали гегемонию на мировом денежном рынке, расширяли свои позиции на мировом рынке вообще и т. д., и т. п. Мы подробно не останавливаемся здесь на этих моментах. Отображение периода «процветания» в идеологии американской буржуазии читатель найдет в отчете комиссии Гувера: «Recent Economic changes in the United States». Там же читатель находит отрицательные моменты, выявленные самой комиссией Гувера в период «процветания». Эти моменты содержали в себе уже элементы кризиса, который разразился в настоящее время. Надо отдать справедливость иедологам американской буржуазии: опьяненные периодом «процветания», они все же видели черные пятна на солнце процветания.

Теоретики II и Амстердамского Интернационала не видели или не хотели видеть эти пятна. Они ослепли от белого солнца американского «процветания» и, как подобает сикофантам и апологетам империализма, как подобает лакеям, они еще идеализировали «процветание» и изобразили его, как явление «вечного» порядка.

Теория ультраимпериализма Каутского возродилась в новом издании. На Кильском с'езде германской социал-демократии Гильфердинг воспевал гимны об «организованном хозяйстве», об исчезновении конкуренции, о смягчении и исчезновении кризисов. На Брюссельском конгрессе II Интернационала Нафтали уже говорил не только об «организованном хозяйстве» в национальном масштабе, но также о «международном переплетении национальных капитализмов», при чем международное переплетение должно привести к смягчению внешних конфликтов, к уменьшению и исчезновению военной опасности, к осуществлению сверхимпериализма и через сверхимпериализм к социализму, разумеется, без революции. Каутский и Гильфердинг поддерживали своего ученика Нафтали в этой теории. Революционные рабочие посылают рабочие делегации в СССР, чтобы изучать советское разрешение социального вопроса. Английские, германские и пр. профсоюзы посылают делегации из профсоюзных бюрократов в САСШ, чтобы изучать американское разрешение социальной проблемы. Идет борьба за «душу» рабочего. Коммунисты указывают на пример СССР. Реформисты противопоставляют примеру СССР образец САСШ.

И философия «процветания» в той или иной форме просачивается и в наименее устойчивые слои коммунистических партий. Л. Д. Троцкий, будучи еще членом нашей партии, дал в свое время свою знаменитую оценку американскому империализму: «Америка посадит Европу на паек». Ловстон и К° додумались до теории американской исключительности. И далеким отражением «философии» процветания является в известном смысле и теория об «организованном капитализме», о смягчении конкуренции, об исчезновении в известной мере проблематики рынка, о примате (первенстве) внешних противоречий над внутренними, переоценка технического прогресса и рационализации, недооценка социальных последствий рационализации, неправильная оценка стабилизации и все то, что отделяет правых от генеральной линии Коминтерна.

„Процветание" и биржа.

На бирже торгуют титулами, свидетельствами на доход, а «процветание» обозначает собой верный доход, возрастающий доход, при чем даже при снижении нормы прибыли может возрастать сумма прибылей. Биржа опьянела от «процветания». Не только крупная, но и мелкая буржуазия и рабочая аристократия опьянели от «процветания». А к философии и политике «процветания» принадлежал и «принцип» о «вовлечении масс» в поток «процветания». Акции продавались и мелким людям, и крупные тресты, предприниматели продавали акции и своим рабочим. Ведь, дело нешуточное, что в 1922 г. в САСШ 2 миллиона человек владели акциями, а в 1929 г. уже 17 миллионов. Это об'ясняет, почему биржевой кризис превратился в массовую катастрофу. Если за 1923 г. средний курс акции принять за 100, то 3-го сентября, когда биржевая спекуляция достигла своего кульминационного пункта, средний курс акций 20 крупнейших акционерных обществ составлял 381. Повышение почти в четыре раза. Акционерный капитал «Дженераль Моторс» составлял, исходя из биржевой оценки курса, сумму, равную всей государственной задолженности Англии до войны. Акционерный капитал всех важнейших акционерных обществ, акции которых котировались на Нью-Йорской бирже, исходя из биржевой оценки, составлял 124 миллиарда долларов. Все курсы показывали повышательную тенденцию. Но повышение курсов акций пошло особенно сильным темпом с мая 1928 года. Если взять за 1926 г. средний курс за 100, то получается следующая картина об отражении «процветания» на бирже [1]):

	Средний курс 405 разных акций	Средний курс 338 промышленных акций	Средний курс 33 железнодорожных акций	Средний курс 34 предприятий обществ. пользования	Средний курс 40 государственных ценных бумаг
1928 г.					
Май	152,1	154,9	133.2	155,3	98,79
Июнь	145,3	148,2	126.7	148,1	97,38
Июль	144,2	147,8	124,6	145.3	96,56
Август	148,3	152,6	126,5	147,9	95,82
Сентябрь	156,1	161,6	129.7	155.2	96,47
Октябрь	159,1	166,2	128.2	154.5	96,53
Ноябрь	169.2	177,1	133,7	165,5	96,90
Декабрь	172.9	180,0	135,9	174,7	96,24
1929 г.					
Январь	183,6	191,4	141,0	188.3	96,12
Февраль	186,8	192,4	142,3	203,1	95.60
Март	189,4	196,1	140.8	204,4	94,82
Апрель	186.6	193,4	138,3	201,4	94,58
Май	189,7	195,2	138,7	213,2	94.46
Июнь	188,6	189,3	143.8	228,1	93.49
Июль	207.2	202,7	160,0	272,8	93,30
Август	218,0	210.3	165,4	303,4	92,51
Сентябрь	225.2	246,1	168,1	321,0	92,29

Больше всего повышались курсы акций предприятий общественного пользования (электричество, газ, телефон, радио и т. д.), за ними следуют промышленные и железнодорожные акции, а курс ценных бумаг с твердым

[1]) «Federal Reserve Bulletin», октябрь, 1929, стр. 669.

процентом даже понизился, ибо твердый доход меньше интересует спекуляцию во время «процветания».

Биржевая спекуляция отвлекла огромные капиталы от производственного применения, при чем на бирже шли не только частные сбережения, но также банковые и всякие другие займы и даже промышленные и торговые предприятия ссужали деньги для биржевой спекуляции.

Вот данные о росте биржевых займов (brokers loans) в млн. долларов [1]).

	1926 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.
Январь	3.513	3.139	4.420	6.735
Февраль	3.536	3.256	4.323	6.679
Март	3.000	3.290	4.640	6.804
Апрель	2.836	3.341	4 908	6.775
Май	2.767	3.458	5.274	6.665
Июнь	2 926	3.569	4.898	7.071
Июль	2.998	3.642	4.837	7.474
Август	3 142	3.674	5.051	7.882
Сентябрь	3.219	3.915	5.514	8.549
Октябрь	3.111	3.946	5.880	—
Ноябрь	3.129	4.092	6.392	—
Декабрь	3 293	4.433	6.440	—

Итак, сумма биржевых займов, отвлеченных от производственного применения, возросла с 3.513 млн. в январе 1926 г. до 8.549 млн. долларов в сентябре 1929 г. Сумма до крайности внушительная. В этой бешеной игре участвует не только американский, но также европейский капитал. Частные банки, биржевые маклеры, иностранные банки предоставляли в январе 1929 г. уже 1.472 млн. долларов. Трудно точно сказать, сколько из этой суммы составляли иностранные банки, но по умеренной оценке на американской бирже участвовало в спекуляции 700—800 млн. долларов иностранного капитала. В то же время биржевая спекуляция праздновала свои оргии на всех важнейших мировых биржах. Спекуляция стала международным явлением и одной из причин кредитного кризиса. Когда Английский Банк повысил учетную ставку и тем самым затруднил положение промышленности, Сноуден на с'езде «Рабочей» партии в Брайтоне с меланхолией указал на то, что вопрос о безработице в Англии зависит от спекуляции в Америке. И председатель ассоциации банкиров в САСШ Хэзлвуд на общем собрании ассоциации уже с тревогой отмечает на ряду с достижениями банковой системы и недостатки.

> «В прошлом году — говорил он, — имело место 1000 об'единений банков. Десять банков в настоящее время располагают 10 млрд. долл., 1% всех наших банков контролирует ¾ наших банковых вкладов, а 99% всех банков остальную ¼ часть... Однако, растущая сумма кредита, применяемая для поднятия курсов акций, не увеличивает национальное богатство. Биржевые курсы акций только на Нью-Иоркской бирже поднялись с 60 млрд. долл. в январе 1925 г. до 124 млрд. долл. в июле 1929 г. Определенно известно, что многие из наших банков, а в особенности в больших городах, предоставляли займы под обеспечение акций в небывалых до сих пор размерах. Многие из них исчерпали уже свои вспомогательные резервы... Многие консервативные банкиры уже преисполнены тревогой по поводу роста биржевых кредитов» [2]).

[1]) «Federal Reserve Bulletin», октябрь, 1929, стр. 668.
[2]) «The Annalist», Vol. 34, № 874, стр. 744—746.

Как раз в этом заключается основной вопрос с точки зрения банковой системы. Выдержат ли банки падение курса акций, под обеспечение которых они предоставляли миллиардные займы, и сумеет ли Федеральный Банк снабжать необходимыми кредитами падающие более слабые банки? На этот вопрос нет еще ответа.

„Процветание“ и новые явления загнивания.

Биржевая спекуляция дала огромный толчок к развитию акционерных обществ нового типа, которые являются прекраснейшими признаками загнивания. Прежде всего, в Англии, впоследствии в САСШ, а теперь уже во всех крупных капиталистических странах развиваются так называемые «инвестиционные тресты» (Investment trûst), «финансирующие компании» (Finance company), «торгующие акциями компании» (Trading company) и т. д., и т. п. Все эти «тресты» и «компании» нового типа характеризуются тем, что они занимаются только биржевой спекуляцией.

«Характерная черта инвестиционных трестов заключается в том, что в их портфеле имеются различные акции, биржевые займы, коммерческие векселя, банковые бумаги, промышленные акции, государственные бумаги, иностранные и американские облигации, и именно это придает известную обеспеченность ведению дел». «Финансирующие компании заинтересованы в целом ряде предприятий. Но эти компании держали в своих руках акции лишь до тех пор, пока они поставили на ноги предприятия и создали прибыльный рынок для акций данных предприятий». «Торгующие акциями компании покупают и продают акции и в общем поступают как индивидуальные спекулянты» [1]).

Словом, если акционерные общества делали возможным, чтобы акционеры не участвовали даже в качестве «командиров» в процессе производства, то «инвестиционные тресты», финансирующие и торгующие акциями компании избавляют буржуазию даже от забот о биржевой спекуляции. Денежные капиталисты передают свои капиталы этим трестам и компаниям и последние проводят все спекулятивные операции. Не случайно, что по вопросам этих новых форм проявления загнивания (буржуазия уже отказывается даже от непосредственных забот о спекуляции) создалась целая литература. Не случайно, что эти «тресты» и «компании» развивались огромным размахом как раз во время биржевой спекуляции на «процветании».

«В сентябре 1929 г. новые эмиссии в САСШ составляли 1.614 млн. долл. Из этой суммы экспорт капитала составлял 105 млн. долл. А эмиссии через «инвестиционные тресты» выражались в 643 млн. долл. В первые девять месяцев 1929 г. общая сумма всех новых эмиссий составляла 8.419 млн. долл., при чем эмиссии через «инвестиционные тресты» составляли 2.239 млн. долларов» [2]).

В январе 1929 г. эмиссии через инвестиционные тресты составляли 265 млн. долларов, в сентябре уже 643 млн. долларов. Буржуазия так опьянела от спекуляции, что ей уже лень было и спекулировать.

При этом доходы вовсе не оправдали столь стремительное повышение цен на свидетельства на эти доходы. Это доказывается данными о дивидендах и курсах важнейших железнодорожных акций [3]).

Относительно важнейших промышленных акций имеются определенные данные, из которых явствует не только огромное падение курсов, но также и то, что действительный доход не оправдал высокие цены свидетельств на этот доход.

[1]) «The Annalist», Vol. 34, № 872, стр. 639.
[2]) «The Commercial and Financial Chronicle», Vol. 129, № 3355, стр. 2295.
[3]) См. «Таймс» от 2-го ноября.

Опьянение «процветанием» спекуляции на повышение продолжалось до 3-го сентября. Потом наступил перелом. Курсы промышленных акций начали показывать понижательную тенденцию. Акции предприятий общественного пользования и государственные бумаги держались хорошо. Курс последних даже повысился, ибо спекуляция во время депрессии ищет бумаги с твердыми процентами. Потом понижательная тенденция перекинулась и на курс акций предприятий общественного пользования. Потом разразился крах. За «черным четвергом» последовал «черный вторник». После краха, к концу октября, последовал крах в середине ноября. Если индекс курсов важнейших акций за 1923 г. взять за 100, то 3-го сентября 1929 г. индекс составлял 381.

А индекс курсов развивался в дальнейшем таким образом:

3/IX	28/X	29/X	30/X	4/XI	6/XI	7/XI	8/XI	11/XI	13/XI	14/XI
381	260,6	230.1	258,5	257,7	232,1	238,2	236,5	220,4	198	217,3

В переводе на язык долларов это обозначает, что с 3-го сентября до 15-го ноября курсы акций снизились на сумму в 50—60 млрд. долларов!

Вмешательство банков, успокоительные заявления правительства, кампания печати, маневры трестов (они нарочно об'являли высокие дивиденды), попытки к оживлению кон'юнктуры ничего не помогли. История капитализма не видала еще подобного краха, как последовавший после периода «процветания».

Основная причина краха — депрессия в промышленности.

Мы утверждали, что кризис начался вовсе не на бирже, а в процессе производства. Посмотрим поэтому, какие перемены, какие изменения произошли за последние месяцы в экономике САСШ. Мы приводим лишь важнейшие факты.

Перенасыщение рынка автомобилями дало первый сильный толчок к развитию депрессии. В 1928 г. в САСШ производили 4.358.759 легковых и грузовых автомобилей. Производство автомобилей за 1929 г. показывало следующую картину:

Январь	401.036	Июнь	545.375
Февраль	466.352	Июль	500.396
Март	585.222	Август	499.629
Апрель	621.336	Сентябрь	429.000
Май	604.071	Октябрь	400.000

Итак, производство автомобилей с апреля до августа сократилось на 120.000 штук, а до ноября на 221.000 штук. А с тех пор сокращение производства продолжается. Форд уже уволил несколько десятков тысяч рабочих и Крейслер собирается закрыть свои заводы, чтобы перестраивать их на производство новых моделей. А ведь автомобильная промышленность потребляет 18% черного металла, 15% меди, 24% олова и 26% свинца. Черная и цветная металлургия не могли не пострадать от сокращения производства автомобилей точно так же, как стеклянная и резиновая промышленность.

Может быть, «процветание» получило еще более сильный удар со стороны строительной промышленности. Строительные контракты в 1926 г. выражались в сумме на 6.152 млн., в 1927 г. в 6.084 млн., в 1928 г. в 6.406 млн. долларов. За сентябрь 1929 г. в 37 штатах суммы строительных контрактов уменьшились на 9% в сравнении с августом и на 24% в сравнении с сентябрем 1928 г.

«Контракты за 9 месяцев текущего года в 37 штатах составляли 4.602 млн. долл. в сравнении с 5.126 млн. долл. за соответствующий период 1928 г., т.-е. уменьшение на 10%. В Нью-Иорке уменьшение выражалось в 30%—в сравнении с августом, в 11%—в сравнении с сентябрем прошлого года» [1]).

А строительная промышленность снабжает заказами решительно все отрасли тяжелой индустрии. Заминка в строительстве должна была отразиться и на всех других отраслях: на металлургии, деревообделочной, цементной, кирпичной, электрической и т. д. промышленности.

И на самом деле, производство стали показывает резкое сокращение и, главное, заказы значительно уменьшились вплоть до сентября, когда железные дороги Моргана начали заказы давать стальным предприятиям того же Моргана. О кон'юнктуре в стальном производстве дает представление следующая таблица о производстве, отправках и заказах Стального Треста [2]):

	Использование производительной способности	Отправки в %	Заказы в млн. тонн	Размер производства стальных болванок в тыс. тонн
Январь 1929 г.	90	87	3,84	4.490
Февраль	87	88	3,75	4 326
Март	115	89	4,00	5.058
Апрель	111	96	4,33	4.938
Май	107	99	4,45	5.278
Июнь	108	104	4,57	4.881
Июль	95	108	4,43	4.838
Август	74	104	3,93	4.927
Сентябрь	103	94	4,10	4.510

В августе производство уже шло лишь на 74% производительной способности, когда в марте оно составляло 115% последней! В сентябре и даже октябре снова возрастают заказы, но только заказы железных дорог [3]). Но производство уменьшилось и в сентябре. А сокращение производства стали с апреля до сентября на 15% не может не отразиться на выплавке чугуна.

Заминка в строительстве сильно чувствуется и в деревообделочной промышленности. Заказы на строительный лес стояли на 16% ниже производства, а отправка леса была на 12% меньше, чем производство [4]).

Аграрный кризис в САСШ и в особенности в Канаде и Аргентине вызвал сокращение производства с.-х. машин, что опять-таки ударило по металлургии.

Грузооборот железных дорог также показывает за последние месяцы понижательную тенденцию, о чем свидетельствуют следующие данные (в тыс. вагонах на день в среднем) [5]):

[1]) «The Financial Chronicle» 12, стр. 2305.
[2]) «The Annalist», 18 октября, стр. 733.
[3]) См. обзоры журнала «Jvon Age».
[4]) «The Financial Chronicle», № 3351, стр. 1664.
[5]) «The Annalist», 18 октября, стр. 734.

	Разные грузы	Лес	Зерновые продукты	Руда	Кокс
Июль	69	11,26	10,00	7,59	2,28
Август	70	11,56	8,27	7,26	2,22
Сентябрь	68	10,88	6,89	7,07	2,16

Уменьшается количество занятых рабочих, хотя это уменьшение до сентября не было резкое, о чем свидетельствует движение индекса занятости.

Июль	Август	Сентябрь
100,9	100,3	99,5

А если взять индекс производства во всех важнейших отраслях промышленности, то получается следующая картина [1]):

	Вся промышленность	Чугун и сталь	Текстиль	Писчая бумага	Автомобили	Цветная металлургия	Резиновая промышлен.	Табачная промышлен.	Битуминозный уголь	Добыча меди	Олово	Серебро
Июнь	128	155	121	128	166	126	159	139	100	124	112	94
Июль	125	151	118	1[illegible]2	146	127	162	131	101	122	114	88
Август	124	143	120	124	117	123	141	133	97	119	108	91

Ряд важнейших отраслей промышленности сократили производство!

А поэтому можно еще добавить, что производство кино-фильм и почти все отрасли промышленности, производящие предметы роскоши, страдали от депрессии. Только некоторые «сезонные» производства — обувное, шерстяное, антрацитный уголь, а также добыча нефти, цинка, производство цемента показали некоторое осеннее оживление. А сентябрь именно в этом отношении считался решающим месяцем. Обыкновенно сентябрь приносит с собой оживление кон'юнктуры. Вместо осеннего под'ема в этом году наступило ухудшение кон'юнктуры, резкая депрессия. А депрессия уже к сентябрю охватила важнейшие отрасли производства.

Депрессия в производстве вызвала биржевой крах. А биржевой крах со своей стороны обострил депрессию.

Признаки перерастания депрессии во всеобщий кризис.

Американский финансовый капитал принимал ряд мер, чтобы приостановить процесс развития кризиса. Поскольку мы могли установить, эти меры сводились к следующему:

1) Непосредственное вмешательство крупных банков в биржевой кризис с целью поднятия курса акций. Эта мера не применяется уже во время ноябрьского краха [2]). Наоборот, крупные банки также выступают, как продавцы.

2) Федеральный Банк снижает учетную ставку с 6% до 5%, а впоследствии до 4,5%, чтобы облегчить получение кредита. Предстоит дальнейшее снижение учетной ставки.

[1]) «Federal Reserve Bulletin», октябрь, стр. 671.
[2]) См. «Таймс» от 13-го октября.

3) Крупные тресты, правительство, муниципалитеты усиленно снабжают заказами стальную и строительную промышленность.

4) Правительство предоставляет 100 млн. долларов кредита фермерским кооперативам, чтобы приостановить падение цен на хлеб.

5) Крупные банки пытаются тихо «санировать», оздоровить обанкротившиеся предприятия и не допустить явного банкротства.

6) Акционерные общества об'являют высокие дивиденды, чтобы вселить доверие в акционеров.

7) Федеральный Банк усиленно снабжает кредитом всю банковую систему, промышленность, торговлю, чтобы удержать, по мере возможности, производство на теперешнем уровне, и что главное: чтобы удержать над водой обанкротившиеся предприятия, чтобы предотвратить открытые массовые банкротства, чтобы предотвратить крушение кредитной системы. Это об'ясняет, что пока имело место относительно немного банкротств.

8) Минфин Мэллон разрабатывает законопроект о проведении общественных работ на 200 млн. долларов. Правительство хочет поставить на ноги этим законопроектом строительное дело.

9) Правительство уже об'явило о снижении подоходного налога на 1%, чтобы облегчить налоговое бремя крупных трестов, акционерных обществ и тем самым и — себестоимость. Это может весьма неблагоприятно отразиться на бюджете, но теперь речь идет о предотвращении крупнейшего кризиса.

10) Правительство мобилизует Американскую Федерацию Труда во главе с Грином и само также принимает энергичные меры для подавления стачечного движения. Грин уже заявил, что стачки недопустимы. Гувер уже заявил, что промышленные конфликты должны быть предотвращены во что бы то ни стало. Предприниматели обещают, что они не предполагают снижения заработной платы занятых рабочих. Рост безработицы обозначает все равно снижение зарплаты всего рабочего класса. Несомненно, что наступит и снижение зарплаты занятых рабочих. Но буржуазия и профбюрократия теперь прилагают все усилия, чтобы помешать обострению классовой борьбы. Они понимают, что одна из важнейших задач для них предотвратить перерастание экономического кризиса в политический, социальный кризис.

11) Гувер разработал свою и программу действий для борьбы с кризисом и совещается с крупнейшими предпринимателями, трестами, банками о проведении этой программы. Пока еще трудно сказать, идет ли речь о возобновлении старого плана Гувера, который предполагал проведение новых инвестиций в размере 3 млрд. долларов. Пока известно только, что железнодорожные компании обещали проводить новые работы в большем размере, чем в прошлом году.

Итак, мобилизуются, приводятся в действие все рычаги «организованного капитализма» и «государственного капитализма».

Удалось ли этими мерами воспрепятствовать перерастанию депрессии в кризис? Нам кажется, что это не удалось. Наоборот, имеются налицо все элементы перерастания депрессии в кризис. Небезынтересно будет на примере кризиса в САСШ проследить, имеются ли там те признаки кризиса, о которых говорил Маркс. А Маркс говорит следующее, в связи с наступлением кризиса:

> «Часть наличного золота и серебра лежит без употребления, не функционирует, как капитал. Часть находящаяся на рынке товаров может совершать свой процесс обращения и воспроизводства только при чрезвычайном понижении своих цен, следовательно путем обесценения того капитала, который эта часть представляет. Точно также более или менее обесцениваются элементы основного капитала. К этому присоединяется то, что определенные предположительные отношения цен обуславливают процесс воспроизводства и поэтому последний вследствие общего понижения цен приостанавливается и приходит в расстройство. Это расстройство и приостановка процесса воспроизводства парализирует функции денег, как платежного средства,... разрывает в сотне мест цепь платежных обязательств на определенные сроки, еще более обостряется сопровождающим это потрясение кредитной системы... и приводит к сильным и острым кризисом» [1]). (Разрядка наша. *Л. М.*)

В САСШ мы имеем в настоящее время обилие капиталов. Капиталы, высвобожденные из производственного процесса, лежат без употребления. Английская и германская буржуазная печать уже предсказывают усиление экспорта капиталов из САСШ. Учетная ставка была снижена уже не только в Нью-Йорке, но также в Лондоне, Амстердаме, Берлине и т. д. Этот признак нарастания депрессии в кризис имеется налицо.

Маркс говорил о понижении цен. Мы наблюдаем понижение цен на целый ряд важнейших товаров не только в американском, но в мировом масштабе. Не желая затруднять внимание читателя цифрами, мы перечисляем лишь некоторые из товаров, цены которых резко упали за последнее время: пшеница, сталь, чугун, строительный лес, автомобили, нефть, серебро, олово, свинец, шерсть, кофе, чай, каучук, сахар, хлопок, ряд текстильных и шерстяных изделий, мед. с.-х. машины, ряд мясных продуктов, меха, шелк и т. д. Общий индекс цен показывал уже в августе понижательную тенденцию и в сентябре и октябре она еще более резко обозначилась. Организованное вмешательство, как в случае с пшеницей (в САСШ и Канаде), кофе (Бразилия), шерсть (Австралия), хлопок (Египет) — попытки подобных вмешательств со стороны международных картелей как с каучуком, цинком, оловом, сахаром—не дали положительных результатов. Стихия рынка оказалась сильнее, чем «организованный капитализм». А именно, падение цен в мировом масштабе является одним из вернейших буревестников крупнейшего кризиса.

Маркс говорит о разрыве платежных обязательств и потрясении кредитной системы. Ряд банкротств уже имели место в САСШ, хотя их сравнительно мало. Но в этом отношении еще ожидаются крупные события. А в Лондоне, Франкфурте, Брюсселе, Вене уже разразились крупнейшие банкротства крупнейших банков и страховых обществ.

Маркс говорит об упадке процесса воспроизводства и о сокращении воспроизводства. Мы приводили официальные данные, указывающие на то, что сокращение воспроизводства в САСШ уже наступило.

Целый ряд важнейших признаков кризиса уже налицо!

Маркс говорит о росте безработицы, о понижении заработной платы. Мы приводили данные о том, что сокращение количества занятых рабочих уже началось. Пока нет данных о сокращении заработной платы, но поживем, и увидим и это явление.

Маркс говорит, что в результате кризиса начинается применение новых машин, усовершенствование методов труда, возникновение новых комбинаций [2]). Поживем, и увидим и новую волну рационализации в САСШ со всеми вытекающими отсюда последствиями.

---

[1]) Маркс «Капитал», т. III, ч. I, стр. 235.

[2]) Там же, стр. 236.

Маркс предусмотрел даже экспорт капитала за границу, где более высокая норма прибыли [1]). Поживем, и увидим усиление экспорта капиталов из САСШ. Европейские капиталы уже сбежали с американской биржи. За ними последуют и американские.

Оказывается, что Маркс предвидел все последствия, весь ход кризиса. Оказывается, что выходит по Марксу, а не по Гильфердингу, Каутскому, Нафтали. Оказывается, что выходит по Марксу, а не по Гуверу.

При этом следует еще указать на следующий, чрезвычайно важный, момент: внешняя торговля САСШ за 1929 г. развилась чрезвычайно успешно. Экспорт во втором квартале 1929 г. возрос на 2,4% в сравнении с прошлым годом, составляя 1.204 млн. долларов, т.-е. наиболее высокую сумму с 1920 г. Вырос, главным образом, вывоз промышленных изделий. Сократился вывоз сырых материалов — явление весьма положительное. Вырос и импорт. При этом цены на вывезенные товары стояли выше, а цены на импортированные товары упали. Явление тоже положительное, с точки зрения экономики САСШ. Значит, удар по «процветанию» получился преимущественно не по линии обострения внешних противоречий, обострения борьбы на внешнем рынке, хотя вообще нельзя разорвать единство внешних и внутренних противоречий. Удар получился, преимущественно, вследствие обострения диспропорции между производством и потреблением, вследствие перепроизводства на внутреннем рынке, при одновременном развитии внешнего рынка.

Оказывается, что на практике выходит не по тов. Бухарину, а по Марксу.

Это, отнюдь, не значит, что американский капитал не будет искать выход из тупика также усилением вывоза товаров. Наоборот, несомненно, что раненный кризисом гигант, американский капитал, всеми силами набросится на своих конкурентов на мировом рынке и завоеванием новых внешних рынков попытается смягчить кризис перепроизводства у себя, на внутреннем рынке. Это доказывает, что обострение внешних противоречий вытекает из обострения внутренних противоречий. До сих пор САСШ реализовали 8—9% своей продукции на внешнем рынке. Под давлением кризиса, американский капитал попытается повысить этот процент. Конкурентная борьба на мировом рынке, борьба за колонии, за рынки сбыта, источники сырья и сферы приложения капитала обострится. Усилится взаимное проникновение внутренних и внешних противоречий. Воспроизводится кризис империалистической мировой системы на более высокой ступени развития.

Перспективы.

Чрезвычайно трудно и рискованно уже в настоящее время попытаться оценивать дальнейший ход и глубину кризиса в САСШ. Усиление экспорта капитала, усиление вывоза товаров из САСШ будет иметь огромное значение на мировом рынке. Сужение внутреннего рынка является уже сейчас неслыханным фактом. Мелкая буржуазия и рабочая аристократия потерпели огромные убытки. Если принять во внимание, что только продажа в рассрочку автомобилей, граммофонов, радиоаппаратов, мебели и т. д. составляет около 8 млрд. долларов, если учесть, что эти кредиты стали сомнительными, то ясно будет напряженное состояние торговли. Безработица несомненно обостряется. Все это вместе взятое обуславливает обострение классовой борьбы.

[1]) Маркс. «Капитал», т. III, ч. I, стр 237.

Что же касается влияния американского кризиса на мировую экономику, следует учесть следующие моменты:

1. Европейские капиталы уже вернулись с американской биржи в Европу.

2. Экспорт капитала из САСШ, если он направляется в европейские страны, сможет смягчить кредитный кризис. Снижение учетной ставки в ряде стран является предвестником смягчения кризиса на денежном рынке. Но дешевый кредит, в случае кризиса, сопровождается подрывом кредита слабых предприятий вообще.

3. Усиленный вывоз товаров из САСШ чрезвычайно затрудняет положение европейской промышленности на внешних рынках. Созванное Гувером для оживления дел совещание, уже вызвало величайшую тревогу в Германии.

4. Биржевой крах в Нью-Йорке создал чрезвычайно напряженное положение на всех важнейших биржах (Лондон, Монреаль, Амстердам, Берлин, Брюссель, Стокгольм и т. д.).

5. Осуществление плана Юнга чрезвычайно затрудняется.

6. Общее падение цен целого ряда важнейших промышленных изделий, сырых материалов и с.-х. продуктов, является буревестником кризиса для всей мировой экономики и может вырасти и уже перерастает в мировой экономический кризис.

При этом следует учесть, что депрессия разразилась уже в целом ряде стран еще до краха в САСШ. Если перелистать отчеты американских консулов [1]) о кон'юнктуре в разных странах, то получается следующая картина о положении мирового хозяйства в смысле кон'юнктуры.

В Австралии падение цен на шерсть на 25 — 30% и падение цен на пшеницу превращали депрессию в кризис.

В Канаде в связи с плохим урожаем и под влиянием американского кризиса уже свирепствует кризис.

В Индо-Китае, несмотря на хороший урожай риса, тяжелая депрессия.

В Аргентине, в связи с аграрным кризисом, большая тревога и заминка в делах.

В Венецуэле, Колумбии, Порто Рико, Эквадоре депрессия, в связи с падением цен на важнейшие с.-х. продукты этих стран.

В Бразилии огромное перепроизводство кофе (14 млн. мешков в 1927 г., 28 млн.—в 1928 г.) подвергает опасности государственное регулирование цен на кофе и угрожает катастрофой.

Итак, почти вся Латинская Америка находится уже под ударами депрессии и кризиса.

В Японии, в связи с дефляцией, попыткой восстановления золотого стандарта, сокращением бюджета на 200 млн. иен тяжелая депрессия. Стальная промышленность, судоходство находятся в кризисном состоянии.

На Филиппинах хороший урожай, но заминка в торговле.

В Индонезии плохой урожай риса, падение цен на сахар и каучук обострили депрессию.

На Кубе правительство организует государственную продажу сахара, но падение цен на сахар уже вызвало всеобщий кризис.

[1]) Эти отчеты публикуются в органе Департамента Торговли, в «Commerce Reports» и представляют весьма ценный фактический материал.

В Китае гражданская война, кризис ряда отраслей промышленности, на Севере плохой урожай, падение цен на серебро резко ухудшали кон'юнктуру.

В Индии отчасти продолжается депрессия и за последнее время падение цен на джут ухудшило еще и без того плохое положение.

В Египте падение цен на хлопок вызвало депрессию.

Восточная Европа (Польша, Румыния, ряд прибалтийских стран) уже находится под депрессией.

В Германии кон'юнктура снижается и хотя Берлинская биржа еще держится, но заминка в делах уже вызвала рост безработицы.

В Англии после относительно хорошей кон'юнктуры в летние месяцы, ухудшается положение в текстильной, шерстяной и угольной промышленности, растет нервозность биржи и за последние недели растет число безработных. (За 5 месяцев «Рабочего» правительства — на 100.000 ч.).

Хорошая кон'юнктура наблюдалась вплоть до сентября во Франции. Как будто в Италии также улучшается кон'юнктура, увеличивается производство и уменьшается безработица. В Австрии, Венгрии и в ряде балканских стран — тяжелый кризис в промышленности.

Следует еще иметь в виду, что после урожая цены почти всех с.-х. продуктов резко упали, что аграрный кризис обостряется, принимая в разных странах различные формы.

Даже этот беглый обзор, составленный на основании отчетов американских консулов, показывает, что наметившиеся с начала 1929 г. под'ем и хорошая кон'юнктура уже до американского краха превратились в ряде стран в депрессию, в ряде других стран—в кризис.

При таких условиях американский крах может легко превратиться и уже превращается в мировой экономический кризис.

«Третий период» развивается именно таким образом, как предсказали VI Конгресс Коминтерна и X Пленум ИККИ. Стабилизация капитализма расшатывается. В то же время СССР выходит из зернового кризиса, в СССР осуществляется гигантским темпом пятилетка.

В СССР великий план великой работы в действии; в капиталистическом мире—развивающийся кризис.

Разумеется, грядущий кризис возлагает на авангард революционного пролетариата, на коммунистические партии, гигантские задачи. Секции ИККИ должны встретить кризис во всеоружии большевистских партий.

Пост скриптум. Когда мы заканчиваем эту статью, у нас нет еще всех данных относительно развития кон'юнктуры на сентябрь и октябрь. Однако, уже известно, что в сентябре производство автомобилей снизилось до 429.000 штук, а в октябре до 400.000 штук. Форд и Крейслер уже об'явили о сокращении производства за ноябрь и декабрь на 50%. Частные заказы на сталь сократились до минимума и лишь благодаря заказам со стороны железных дорог, заказы у Стального треста повысились на 184.000 тонн. Все же за октябрь Стальной трест работал лишь на 77% своей производственной способности. За последнюю неделю октября перевозка грузов по железным дорогам сократилась на 51.700 вагонов, т.-е. на 4.4%, в сравнении с предыдущей неделей. Подрядные контракты на строительство за октябрь сократились на 1,3%, в сравнении с сентябрем и на 26,4% в сравнении с соответствующим периодом прошлого года. Торговля в области предметов роскоши показывает признаки полного паралича. На лондонском осеннем аукционе мехов С.-А. С. Ш. почти совершенно прекратили закупки. Кон'юнктурный индекс «Анналист» показывает следующие снижения деятельности промышленности

(этот индекс учитывает выплавку чугуна и стали, потребление хлопка, производство автомобилей, грузооборот, торговый оборот, биржевой индекс и т. д.).

Июль	Август	Сентябрь	Октябрь
1,85	1,66	1,55	1,20

14-го ноября правительство было вынуждено официально заявить, что слухи о массовых банкротствах не соответствуют действительности, настолько сильна была тревога.

Эта мера так же, как и другие, не могли приостановить распространение кризиса на другие отрасли производства и на торговлю. «Джорнал оф Коммерс», от 18-го ноября уже отмечает: «В результате биржевого краха уже резко сократилась продажа предметов роскоши и повседневного обихода; в частности это можно сказать о мехах, драгоценностях, радиоаппаратуре. Оптовые цены на предметы широкого потребления продолжают резко падать; это падение цен началось еще в июле. Повидимому, Гувер намерен начать кампанию для развития экспорта, чтобы компенсировать сокращение внутреннего рынка».

Депрессия в С.-А. С. Ш. переросла уже в кризис. А кризис в С.-А. С. Ш. является исходным пунктом мирового кризиса. Слишком уж много противоречий накопилось в мировой экономике, чтобы можно было приостановить кризис.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

БУРЖУАЗНЫЕ УЧЕНЫЕ О ЗАКАТЕ КАПИТАЛИЗМА.

Маркс, как известно, весьма невысоко ценил современную ему буржуазную политэкономию, — но он не отказывал ей в известном умении правильно понимать факты: раз определенное экономическое явление **упрочилось** и неустанно напоминает о себе, то это явление, по мнению Маркса, — **«даже политическая экономия (буржуазная) начинает понимать»...**

Книга «Буржуазные ученые о закате капитализма», свидетельствует о том, что некоторые основные черты современного западно-европейского капитализма настолько упрочились, настолько бьют в глаза, что мимо их не может пройти даже буржуазно-экономическая мысль.

> «Финансовый капитал господствует над миром и заставляет танцевать как марионеток, наших государственных деятелей... Западная Европа превратилась в один колоссальный город, который беспрерывно обогащался и вся сумма его богатств обращалась на эксплоатацию прочих частей света.... Но эксплоатация аграрных народов подходит к концу. Эти аграрные народы пришли к дерзкому решению: «Сытно есть и индустриализироваться»....
>
> «Мы стоим у исхода старой и начала новой хозяйственной эпохи... Возврат к прошлому невозможен... Мы переживаем сейчас осуществление предсказаний великого социалиста Маркса»...
>
> «Идеи свободы и равенства, лозунг человеческих прав ныне горят не только на устах, но и в сердцах азиатов и стали силой, мимо которой уже нельзя пройти и перейти к очередным делам... Живая жизнь... освободясь из-под гнета развитого капитализма разорвет свои оковы и возьмет в свои руки власть»....

Эти суровые обличительные речи, переполненные выражениями в роде: «поздний капитализм», «на скользком пути», «сумерки капитализма», «капитализм в оковах», «прощание со свободным хозяйством», «гнет» и т. д., и т. п.,—прозвучали на Западе не в рабочих предместьях, не на массовых митингах, организованных компартией, — а с «высоты» буржуазных профессорских кафедр, — на собраниях почтенных ученых капиталистического мира. Первая выдержка взята из реферата известного буржуазного экономиста Вернера Зомбарта, читанного им осенью прошлого года на общем собрании союза социальной политики в Цюрихе; вторая — извлечена из доклада «О руководстве предприятием», сделанного проф. Шмаленбахом на Венском с'езде представителей науки в конце прошлого года; в третьей выдержке приведены мнения ряда буржуазных профессоров (Христиана Эккерт Шульце-Геверниц, проф. Салина и др.),—выступавших в прениях по обоим названным докладам.

Сейчас в связи с выходом из печати русского перевода этих докладов и речей (книга под названием: «Буржуазные ученые о закате капитализма») [1],—советские читатели могут непосредственно убедиться в том, какое состояние переживает современная экономическая мысль Запада.

Эта книга читается легко и, несомненно, доставит громадное удовольствие советским читателям. Она показывает, как путается в неразрешимых противоречиях современного развития капитализма буржуазно-экономическая мысль и, пытаясь найти выход, наталкивается «внезапно» на предуказанные Марксом пути развития человеческого общества, но тотчас же бросается в другую сторону.

Книга начинается рефератом Зомбарта. Зомбарт пытается «снять покрывало с будущего»; что же видит Зомбарт за покрывалом? Там оказывается происходит процесс, приводящий Зомбарта в такое состояние, что он «к величайшему своему сожалению» заявляет: «Мне не хотелось бы жить через 50 или 100 лет».

---

[1]) Вышла недавно в изд. Гиз'а.

Что же именно, какие изменения в капитализме приводят Зомбарта к такому печальному заключению?

Это **во-первых,** территориальные изменения: распространение капитала по всему миру вызывает к жизни национальную буржуазию и пролетариат отсталых стран; эти страны постепенно, приходят к «простой» мысли—самим досыта есть и **индустриализироваться** «т. е. стремятся освободиться от экономического гнета Европы»; с другой стороны темп капиталистического накопления замедляется и капитализму просто не хватит потребного капитала для того, чтобы принять такое же участие в создании «цветного капитализма», «который будет господствовать над Азией и Африкой»,—как это было в прежние годы. Это **во-вторых,** — структурные изменения: централизация капитала, концентрация производства, картелирование; вместе с тем и потому: создание системы зависимостей, т. е. «нового феодализма»; «развилась в небывалых размерах плутократия и финансократия»; монополизация капитализма, которая ведет к «загниванию», «паразитизму»; уменьшается значение «способного предпринимателя»; прежний предпринимательский дух «отваги», «дерзания», заменяется духом бюрократизма и чванства; отмирает рыночная механика, ее место занимает регулятивная работа картелей; частнокапиталистическое хозяйство все в большей степени становится хозяйством «связанным». **В-третьих,** это, — неизбежное расширение других хозяйственных систем, которые «будут отвоевывать почву из-под ног капитализма»; так «страны старого капитализма окажутся вынужденными расширить свои аграрные базы или путем увеличения продукции в пределах нынешних форм хозяйства или путем увеличения сельскохозяйственного населения».

Доклад проф. Шмаленбаха начинается оценкой современного периода развития капитализма как «периода, **связанного** капитализма» в противовес 19-му веку— «веку свободного хозяйства».

Констатируя факт концентрации производства, проф. Шмаленбах открывает в капиталистическом производстве **«одно, почти единственное явление», которое имеет «колоссальные последствия»,**—это перемещение производственных расходов внутри предприятия, постоянное увеличение размеров предприятий, неуклонное возрастание доли постоянных расходов; проф. Шмаленбах признает, что это явление свидетельствует об «осуществлении предсказания Маркса»; развитие это (по Марксу — рост органического состава капитала) неизбежно, возврат к прошлому невозможен; постоянные расходы вынуждают предприятия в капиталистическом обществе увеличивать производство, несмотря на недостаточный спрос, — в целях полной загрузки неиспользованных капитальных вложений, в целях развития максимально возможной производительности труда; предприятия увеличивают свою производительность, не соразмеряясь с емкостью, с потребностью рынка; рынок, перестает оказывать свое регулирующее влияние на производство; «вся хозяйственная система в целом, народное хозяйство» утрачивает «свое собственное регулирующее начало»; чрезмерная производительная способность, несоразмерная с потребностями рынка влечет предприятия к об'единению в картели и тресты в целях принудительного сокращения производства: «постоянные расходы все больше влекут отдельные отрасли промышленности из области свободного в эпоху связанного хозяйства» (98).

> Но... «в крупных современных монополистических организациях **царит паразитизм,** чванство... На каждом шагу мы теперь встречаем **устарелые** и совершенно нерациональные административные организации... **Чрезмерный** бюрократизм, тяжеловесность... бесхозяйственность... **Исчезает дух бодрого предпринимательства..** Хозяйство ведется без калькуляции...» и т. д. и т. п.

Таковы основные идеи двух «генеральных» докладчиков германской буржуазии. Они сводятся к признанию того, что: 1) мировой империализм вступил в такой период своего развития, его язвы и отрицательные стороны настолько **упрочились** и очевидны, что это даже политэкономия (буржуазная) начинает понимать. 2) Монополистический капитализм имеет характернейшей своей чертой организационное «загнивание», «паразитизм» и проч. 3) Неизбежный ход развития империализма на

его последней стадии приводит к замене духа «свободного предпринимательства», «инициативы», «предпринимательской отваги», «дерзания», и проч.—духом монополии, бюрократизма, загнивания, чванства и проч. Последняя цитадель меньшевизма, их основной лозунг в борьбе против большевистского планового хозяйства,—«отважный предприниматель, рачительный хозяин» исчезает в недрах бюрократических буржуазных трестов, синдикатов и картелей, и там на его смену появляется «суверенный генерал-директор», «феодальный князек» от империализма,—как это удачно определяется буржуазным ученым Шмаленбахом.

Впрочем все это не выводы даже, а лишняя проверка, лишнее подтверждение,—полученное на этот раз из уст буржуазных ученых,—незыблемости основных положений Маркса и Ленина.

В этих подтверждениях многое с точки зрения марксизма-ленинизма представляется или чрезвычайно упрощенным или правильным только отчасти; но едва-ли кто-либо будет оспаривать тот несомненный факт, что в общем и целом приведенный здесь анализ В. Зомбарта и Шмаленбаха вплотную подводит к признанию правильности определения новейшего этапа капитализма-империализма, как этапа «загнивания», «паразитизма» и т. д.

На самом деле, что нового, например, в том, что колониальные народы решили «досыта есть и индустриализироваться?» Что они гонят (и выгонят) со своих территорий западно-европейский хищнический капитализм? Что империализм «загнивает», что в нем развиваются язвы «паразитизма», «бесхозяйственности», и т. д.? Что сельское хозяйство неминуемо вовлекается в процесс индустриализации?

Все это не ново, верно и пока Зомбарт, Шмаленбах и др. утверждают только это,—они лишь повторяют зады марксизма-ленинизма и сами являются яркой иллюстрацией того неоспоримого факта, о котором говорил Маркс, что бывают такие моменты, когда даже буржуазная политэкономия начинает понимать.

Вопрос о *темпе капиталистического накопления* приобретает, несомненно, при наличии изложенных выше и признанных даже буржуазными учеными явлений в современном капитализме,—*исключительное значение*. Поэтому на этом вопросе необходимо особо остановиться.

Как ставил вопрос о капиталистическом накоплении Маркс?

«В определении величины накопления участвуют все те обстоятельства, которые определяют массу прибавочной стоимости», в дальнейшем величина накопления зависит от пропорций, в которых происходит разделение массы прибавочной стоимости на доход и капитал, т.-е. от «всей величины авансированного капитала»; независимо от этого существуют обстоятельства, также оказывающие большое влияние на *расширение* накопления; на ряду с такими капиталистическими факторами ускоренного роста накопления, как повышенная производительность труда, повышенная эксплоатация рабочего, «прямой грабеж из фонда необходимого потребления рабочего» (когда часть необходимого фонда потребления рабочего превращается в фонд накопления), добавочный труд, (удлиненный рабочий день)—Маркс называет и другие факторы, способствующие ускоренному капиталонакоплению: в *добывающей промышленности*, например, в горном деле (руда, уголь, камни и пр.),—масса и стоимость продуктов прямо пропорциональны приложенному труду,—«благодаря эластичности рабочей силы, область накопления расширяется *без* предварительного увеличения постоянной части капитала...»; в земледелии... «даже чисто механическая обработка увеличивает качество труда прежнего числа рабочих, «становится непосредственным источником повышенного накопления *без* всякого участия нового капитала...» Общий итог:

... «Овладевая двумя первоначальными факторами богатства—рабочей силой и землей, капитал приобретает способность расширения, позволяющую ему вывести элементы своего накопления *за границы*, определяемые, повидимому, его собственной величиной, то-есть стоимостью и массой тех уже производственных средств производства, в которых реализуется бытие капитала...» [1]).

Накопляемый труд прошлых поколений,—даровые услуги,—используются капиталистами так же, как и силы природы в интересах капиталистического производства и, по мере развития техники, возрастания накопленных человечеством богатств,—также содействуют *ускоренному* капиталонакоплению.

Учитывая все эти факторы накопления, Маркс приходит к выводу, что «при неизменной и *даже понижающейся стоимости добавочного капитала* имеет место *ускоренное* накопление...» [2]).

И далее:

Закон капиталистического накопления, «*природа* накопления исключает всякое такое *уменьшение степени эксплоатации* труда или всякое такое повышение *цены труда*, которое могло бы серьезно угрожать постоянному воспроизводству капиталистического отношения и притом воспроизводству в постоянно расширяющемся масштабе...».

Капиталистический способ производства обуславливает *ускоренное* накопление капитала, концентрация производства увеличивает массу производимых продуктов, централизация капиталов ускоряет *действие* накопления,—самая природа накопления и его действия обеспечивает расширенное и притом «в постоянно расширяющемся масштабе»,—накопление,—таковы основные выводы Маркса.

«Известный закон «падающей производительности,—говорит Ленин,—есть старый буржуазный хлам, служащий для оправдания капитализма в руках невежд и наемных ученых буржуазии Маркс давно опроверг этот «закон», сваливающий вину на природу (дескать, падает производительность труда,—ничего тут не поделаешь!),—тогда как на деле вина лежит в капиталистическом общественном устройстве...» [3]).

Отмеченные здесь раньше выводы Зомбарта, сделанные им в результате оценки современного западного капитализма,—о том, что «старые капиталистические страны,—отчасти Соединенные Штаты», стоят перед вопросом *нехватки капиталов*, «потому что темп капиталистического накопления замедлится»,—*утрачивают значительную часть* даже внешней своей убедительности в свете Марксова анализа Мы видим, что приводимые Зомбартом в защиту своего тезиса о замедлении темпа капиталонакопления доводы, об уменьшении степени эксплоатации труда, о «цене труда» (Зомбарт говорит: «цена рабочей силы будет расти» и т. д.), о том, что производительность *добывающей* промышленности «не имеет никаких шансов на дальнейший рост» и т. д.,—*предвидел* Маркс и, оценив их роль и значимость,—все же отверг их, как такие факторы, которые могли бы «серьезно угрожать постоянному воспроизводству... и притом в *постоянно расширяющемся масштабе*».

Тем не менее *и именно с точки зрения Марксовой теории* расширенного воспроизводства капиталистических отношений следует признать возможным допущение, что *Зомбарт, выдвигая свой тезис о «замедлении темпа капиталистического накопления, очень близко вплотную, подходит к действительному положению вещей на данном этапе состояния западного империализма*. Но *только в одном случае*.

Маркс, развивая свою теорию расширенного воспроизводства—особо останавливается на внутренних противоречиях закона тенденции нормы прибыли к понижению. Маркс констатирует прежде всего, что «те самые причины, которые вызывают тенденцию общей нормы прибыли к понижению, обуславливают *уско-*

---

[1]) Маркс Капитал т. I, изд. 1923 г., стр 590.

[2]) Там же. стр 591

[3]) Ленин, Соч., т XII, ч. I, стр. 308, изд. 1923 г.

ренное накопление капитала» Маркс повторяет, далее, что прогресс капиталистического производства «идет рука об руку с ускоряющимся накоплением»; что «за известными пределами крупный капитал с невысокой нормой прибыли накопляется быстрее, чем небольшой капитал с высокой нормой прибыли» [1])

Но вслед за этим Маркс переходит к вопросу о границах капиталистического производства. Отмечая, что кризисы являются неизбежным способом преодоления препятствий, возникающих на пути капиталистического развития под влиянием закона тенденции нормы и прибыли к понижению,—Маркс допускает такой момент в капиталистическом развитии, который может привести к замедлению темпа капиталистического накопления. Он пишет:

«...Если бы создание новых капиталов стало совершаться исключительно при некоторых немногих и без того уже крупных капиталах, для которых масса прибыли уравновешивает ее норму, то вообще угас бы огонь, оживляющий производство. Оно погрузилось бы в сон» [2]).

Маркс считает, что норма прибыли, т.-е. относительное возрастание капитала, является одновременно как условием, так и побуждением к накоплению капитала и что этой норме прибыли, этому условию и побуждению накопления «угрожает опасность вследствие развития самого производства». Делая в этом месте ссылку на Рикардо, Маркс подчеркивает, что именно в этом обнаруживается «ограниченность», «относительность» самого капиталистического производства,—«то, что оно не абсолютный, но лишь исторический способ производства» [3]).

Маркс приводит пример, когда капитализм изменяет своему историческому призванию,—«безудержному, подгоняемому вперед в геометрической прогрессии развитию производительности человеческого труда». А этим, — говорит Маркс,— «он (т.-е. капитализм), только снова доказывает, что он дряхлеет и все более и более переживает себя...» [4]).

Все учение Маркса и вся та огромная непоколебимая уверенность, вселяемая этим учением в революционных пролетариев всего мира заключается в том, что капитализм будет разрушен раньше, чем он доведет человечество до этого замедления темпа накопления и взрыва противоречий, что растущая в недрах капитализма новая сила, сила революционных пролетариев разрушит капиталистические оковы, связывающие «безграничное развитие производительных сил человеческого труда», раньше, чем капитализм доведет человчество до всеобщего угасания или до всеобщей катастрофы. Зомбарт этой уверенности не имеет. Этой стороны Марксова учения он не знает и знать не хочет. Поэтому он «не хотел бы жить через пятьдесят или сто лет». Поэтому, он, подмечая нарастающую тенденцию западного капитала к замедлению,—не может правильно ни понять ее, ни об'яснить, ни сделать из нее правильные выводы.

Какой же выход для капитализма из этого сложного переплета намечают буржуазные ученые?

Вернер Зомбарт считает, что «Европа должна будет сократить свою промышленную продукцию», а «продукцию сельского хозяйства во всей Европе придется расширить».— Указываемый В. Зомбартом выход сводится к лозунгу: назад в деревню, к количественному расширению сельского хозяйства за счет качественного снижения темпов развития промышленности и пр. Таким образом Вернер Зомбарт задачу индустрилизации и реконструкции

---

[1]) Маркс, Капитал, т. III, ч. I, стр. 189, изд. 1927 г.
[2]) Там же, т. III, ч. I, стр. 196, изд. 1927 г.
[3]) Там же, стр. 197.
[4]) Там же, стр. 199.

сельского хозяйства, которая встает в порядок дня перед западно-европейским капитализмом, но которую бессилен решить капиталистический строй,—подменяет задачей аграризации промышленных капиталистических стран.

Но такой «выход» означает, по собственному признанию Зомбарта, лишь то, что «в структуре народного хозяйства европейских стран произойдет регресс, направленный к восстановлению такого отношения между сельскохозяйственным и не сельскохозяйственным населением, какое существовало в Германии примерно в 1882 г., когда сельскохозяйственная часть составляла 40 проц. всего населения».

Проф. Шмаленбах убежден, что «государство будет следить за выполнением вытекающих из монополий обязательств» трестов, синдикатов, картелей и пр.

Но если это утверждение Шмаленбаха сопоставить с утверждением Вернера Зомбарта, который вполне авторитетно заявляет, что «финансовый капитал господствует над миром и заставляет танцевать как марионеток наших государственных деятелей...», то ценность и Шмаленбаховского «пути» исчезнет, как дым в воздухе.

Буржуазные экономисты, выступавшие в прениях, по названным докладам, не только не обнаружили особого желания заглядывать в будущее,—но, оглядываясь на пролетариат, поспешили одернуть зарвавшихся Зомбарта и Шмаленбаха.

> «Было бы правильнее,—заявил Роберт Лифман,—не говорить о новом хозяйственном строе при каждом удобном и неудобном случае. Те миллионы, которые верят в социализм, принимают неясные указания Шмаленбаха за подтверждение защищаемой ими столь же неясной мысли о социализации или о плановом хозяйстве». (150).

С большим вниманием выступавшие в прениях остановились на вопросе: где же выход? Как остановить «катящуюся в бездну колесницу»?

Пути, оказывается, есть; прежде всего взоры обращаются в сторону Америки;—«в американском хозяйственном строе кристаллизуется та новая империя,—заявляет Христиан Эккерт,—которая своими идеями наградит всю цивилизацию». Американские идеи тем более становятся необходимыми (на ряду с долларами) для зап.-европейского капитализма, что теперь «решающее значение получает вопрос, станут ли рабочие в непримиримую оппозицию к капитализму; а где, как не в Америке, впервые родилось великое открытие, которое заключается в том, что в последний период крупно-капиталистического хозяйства был открыт рабочий, как «акционер»—участник предприятия и «как потребитель, более того, как основной потребитель...» (144).

Но ошибется тот, кто, подобно нашим правым уклонистам, вздумает довериться приведенному здесь анализу буржуазных экономистов и примет за чистую монету все те пути, которые они перебирают в поисках выхода для капитализма из современного состояния неразрешимых противоречий. Эти люди, толкующие об «организованном капитализме», о «кооперативном капитализме», о «социалистическом капитализме», «о регулировании государством частных монополий» и т. д. и т. п.,—делают все это для того, чтобы обеспечить себе на известное время доверчивое отношение масс; но уже сейчас взоры их с все большей уверенностью обращаются к испытанным путям: к нажиму на рабочих, к расширению рынков, к подготовке новых войн. Недаром обоснование полезности войн явственно прозвучало в дискуссии немецких экономистов:

> «Уже потрясения наполеоновских войн развязали повышенную экономическую деятельность, дали мощный импульс капиталистическому хозяйству..»
>
> «...И кровопускание, произведенное мировой войной... развязало мощные импульсы Война привела к ускорению практического использования научных открытий... Обнищавшие народы получили в этом неожиданные возможности возрождения...» (34).

В поисках выходов из создавшегося положения многие из выступавших проявили полную растерянность.

«Где находимся? Куда грядем?»,—вопрошает Христиан Эккерт и отвечает: «Ответ... остается неразрешимым вопросом судьбы и ни один мудрец не в состоянии найти для данного вопроса должного ответа». Не менее оригинально заканчивает свою речь Альфред Вебер: «Какие же выводы для капиталистической сферы?—К сожалению, так как мое время истекает, я не могу их сделать»...

Более откровенен в определении судеб капитализма Шульце-Геверниц:

> «Читая повестку сегодняшнего заседания, я вспомнил о словах Риккерта, который сказал: «Если бы будущее было об'ектом нашего познания, то оно не было об'ектом нашего желания» (53).

Г. Деккер констатирует: «Проф. Шмаленбах видит проблему, но не знает ее решения» (159).

Совершенно верно.

Но это утверждение Г. Деккера надо несколько расширить: книга показывает, что буржуазная экономическая наука в целом видит проблему (не хитро видеть, когда явление настолько упрочилось, что бьет в глаза),—но не знает решения ее.

В общем и целом, в принципиальной своей части вся дискуссия подводит нас вплотную к одному коренному выводу: о том, что мировой империализм уже вступил в последний этап своего развития, который характеризуется несоответствием производственных отношений и производительной способности капиталистического общества; что империализм находится в том периоде, который охарактеризован Марксом в I томе «Капитала» в следующих словах:

> «Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вместе с нею и благодаря ей достиг расцвета. Централизация средств производства и обобществление труда достигают уровня, при котором они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Последняя разрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют...» [1]).

В известной работе «Империализм, как новейший этап капитализма»,—Ленин отмечал, что характерным для предвоенного капитализма являлось то, что «некоторые основные свойства капитализма стали превращаться в свою противоположность...», что уже тогда «по всей линии сложились и обнаружились черты переходной эпохи от капитализма к более высокому общественному укладу». Но констатируя в этом процессе, как «экономически основное»—смену капиталистической свободной конкуренции капиталистическими монополиями,—Ленин подчеркивал при этом, что «монополия, вырастая из свободной конкуренции не устраняет ее, а существуют над ней и рядом с ней, порождая этим ряд особенно острых и крупных противоречий, трений, конфликтов...».

Говоря об «итогах и значении президентских выборов в Америке в 1912 году,—когда президентом был выбран Рузвельт, выступивший во время выборной кампании с пропагандой задачи регулирования работы трестов через посредство «госконтроля», — Ленин писал:

«...В Америке около трети национального богатства—около 80 биллионов рублей принадлежит двум трестам Рокфеллера и Моргана или подчинено этим трестам! Не больше 40.000 семей, составляющих эти два треста,—владыки 80 миллионов наемных рабов... Рузвельт заведомо нанят миллиардерами, ловкачами для проповеди обмана. «Государственный контроль», обещаемый им, превратится при сохранении капитала за капиталистами в средство борьбы со стачками и удушения их...».

Этими меткими определениями Ленина полностью исчерпывается суть и сегодняшних теорий о связанном хозяйстве и пр., и т. п.

Пока современные буржуазные экономисты Запада, изучая нынешний, последовенный характер западного империализма,— констатируют бьющий в глаза колоссальный рост монополистических свойств капитала, — они только подтверждают этим правильность того изумительного анализа, который был дан более полувека назад К. Марксом, установившим тогда тенденции капиталистического развития в направлении концентрации производства, централизации капиталов и монополистических об'единений; того анализа, который был повторен вслед за Марксом Лениным.

[1]) Капитал, т. I, изд. 1923 г., стр. 756.
[2]) Н. Ленин, соч., т. XII, ч. I, стр. 324, 1924 г.

Когда же буржуазные экономисты пытаются итти дальше простого констатирования фактов, упрочившихся, бьющих в глаза,—они оказываются в тупике; начинается разброд буржуазной экономической мысли.

Кто не хочет брести впотьмах, кто хочет иметь маяк и будет искать его в мудрости буржуазной экономической науки, — тот не найдет там ничего, кроме растерянных заявлений о том, что «нельзя знать будущее ни на три, ни на тридцать лет вперед» и т. п.

Единственным маяком, проверенным более чем полустолетним ходом истории, все с большей яркостью освещающим пути движения вперед человечества,— является учение Маркса и Ленина.

Книга «Буржуазные ученые о закате капитализма» является лучшей иллюстрацией, подтверждающей правильность только что сделанного вывода.

С. ШАПУРИН.

КОНСУЛЬТАЦИЯ.

ЕСТЬ ЛИ РАЗНИЦА МЕЖДУ ЛЕНИНЫМ И БУХАРИНЫМ В ВОПРОСЕ О ГОСУДАРСТВЕННО-МОНОПОЛИСТИЧЕСКОМ КАПИТАЛИЗМЕ?

(Ответ тов. Глухову).

Вы находите, что т. Бухарин по вопросу о государственно-монополистическом капитализме говорит в точности то же самое, что писал и Ленин. В этом вы глубоко заблуждаетесь. В этом вопросе т. Бухарина нельзя примирить с Лениным.

Раньше всего отметим, что гвоздь вопроса заключается не в том, что т. Бухарин вслед за Лениным считал «абстрактно» мыслимым ультра-империализм, т.-е. единый мировой трест или «организованный капитализм». Здесь действительно разногласий пока еще нет. Такую фазу в развитии капитализма «чисто теоретически» представить можно. Нет также разногласий по вопросу о конкретной важности и даже необходимости развития империализма, как монополистического капитализма, в государственно-монополистической капитализм, представляющий, согласно Ленину, «полнейшую материальную подготовку социализма». Весь вопрос о том, как понимать последний.

Корень разногласий с т. Бухариным по этому вопросу лежит в теоретической оценке конкретных тенденций конкретного капитализма и это не случайно, так как на базе этой оценки строится тактика борющегося пролетариата. Грехопадение т. Бухарина состоит в том, что он конкретно зреющий государственно-монополистический капитализм попытался втиснуть в свою абстрактную, лишь в мысли представляемую, а не из жизни выведенную, схему «организационного капитализма». В этой схеме он в жизни имеющемуся капитализму приписал черты организованности, бескризисности, т.-е. лишил его характерных черт всякого капитализма и, таким образом, оторвавшись от живой жизни, от практики впал в обычную для оппортунизма ошибку.

Вами же приведенная цитата из предисловия т. Ленина к книге т. Бухарина «Мировое хозяйство и империализм» с недопускающей сомнений категоричностью предостерегает от перенесения в практику «чисто абстрактной» схемы об ультра-империализме, ибо эта схема противоречит современной практике.

В этой цитате мы читаем: «Можно ли, однако, спорить против того, что абстрактно «мыслима» новая фаза капитализма после империализма, а именно: ультра-империализм? Нет. Абстрактно мыслить подобную фазу можно. Только на практике это значит становиться оппортунистом, отрицающим острые задачи современности во имя мечтаний о будущих неострых задачах. В теории это значит не опираться на идущее в действительности развитие, а предварительно отрываться от него во имя этих мечтаний».

Но вот выступает т. Бухарин и доказывает, что абстрактно мыслимый, если не ультра-империализм, то, во всяком случае, организованный в пределах одной нации капитализм и есть подлинная характеристика нынешней стадии в развитии конкретного капитализма. В этом суть дела. Тов. Бухарин так изобразил эту точку зрения в своей книге «Экономика переходного периода»:

«Финансовый капитал уничтожил анархию производства внутри крупных капиталистических стран» (стр. 10). Ленин при чтении этого места на полях книги пишет: «Не уничтожил». Дальше т. Бухарин продолжает настойчиво и упорно развивать эту мысль об организованности и внутренней беспротиворечивости финансового капитализма. «Капиталистическое народное хозяйство»,—пишет он на стр. 14,—превратилось из иррациональной системы в рациональную организацию, из бессуб'ектного хозяйства в хозяйствующий суб'ект».

Ясно, как день, что т. Бухарин идет здесь в разрез с Лениным. Если Ленин считал устранение кризисов монополиями сказкой буржуазных экономистов, то т. Бухарин считает,—это устранение характерной чертой финансового и тем более государственно-монополистического капитализма; если Ленин считал, что «монополия... усиливает и обостряет хаотичность, свойственную всему капиталистическому производству в целом», то т. Бухарин совсем «избавляет» монополистический капитализм от анархичности; если Ленин, подойдя к вопросу конкретно, показал, что «несоответствие в развитии земледелия и промышленности, характерное для капитализма вообще, становится еще больше» [1]) при монополиях, то т. Бухарин,

[1]) Ленин, т. XIII, стр. 256.

«возвышаясь» в своей абстрактной схеме над практикой, даже не замечает этого неустранимого при капитализме противоречия; если Ленин, наконец, сущность монополистического капитализма усматривал в монополиях, сожительствующих с конкуренцией, т.-е. в чрезвычайном обострении основного структурного противоречия капитализма между общественным характером производства и частным присвоением, то т. Бухарин погасил в своей «теории» и это главное противоречие и признал, что сущностью монополистического капитализма являются войны, которые весьма характерны, разумеется, для монополистического капитализма, но которые сами есть результат своеобразной природы капитализма и, особенно, монополистического капитализма, и потому сами должны быть об'яснены из внутренних, структурных противоречий капитализма.

Тов. Бухарин своей версией организованного капитализма не может примириться с Лениным, не может он примириться и с прямыми высказываниями основоположников марксизма. Маркс и Энгельс многократно высказались против развиваемой теперь т. Бухариным перспективы развития капитализма. Так, в «Анти-Дюринге» мы читаем:

«Ни переход в руки акционерных компаний, ни превращение в государственную собственность не отнимают у производительных сил их капиталистических свойств» (стр. 263).

С огосударствлением производительных сил «капиталистические отношения не устраняются, а обостряются. Но это обострение будет последним шагом их развития. Превращение производительных сил в государственную собственность не разрешает противоречий капитализма, но оно заключает в себе формальное средство, возможность их разрешения» (стр. 264).

Упомянутое здесь формальное средство, возможность разрешения противоречий капитализма есть не что иное, как гигантское обобществление производства при государственно-монополистическом капитализме и в этом лишь смысле он представляет «полнейшую материальную подготовку социализма». Однако, он таит в себе лишь возможность, а не действительность устранения этих противоречий, ибо он сам есть живое, доведенное до крайней степени обострения, это противоречие; возможность становится действительностью путем пролетарской революции, превращающей производительные силы в общественную собственность.

Можно ли после этого говорить об общности взглядов т. Бухарина и Ленина в вопросе о государственно-монополистическом капитализме? Конечно, нельзя. Можно и должно сказать о коренном отличии взглядов т. Бухарина от взглядов Ленина, Энгельса и Маркса в этом вопросе. Тов. Бухарин, игнорируя живой облик капитализма, рвет с лучшей традицией революционного марксизма — с диалектикой. Ленин же на конкретном анализе империализма применяет и развивает диалектику и поэтому он не пятится назад от достигнутого Марксом и Энгельсом в анализе капитализма, а развивает марксизм, применительно к новой стадии в развитии капитализма.

Измена диалектике, опирающейся на факты конкретной действительности, а не свободную игру мысленными абстракциями, никогда и никому не проходила даром. Не далась она даром и тов. Бухарину. Оторвавшись в теоретическом анализе от живой, насквозь противоречивой капиталистической действительности и отдавшись на волю логики, беспротиворечивой абстрактной схемы, он, тем самым, утерял единственно правильный критерий в оценке реального капитализма, тенденций и отдельных периодов в его развитии, а, следовательно, и в оценке задач коммунистического движения. Этим была создана благоприятная почва для тех право-оппортунистических взглядов, которые т. Бухарин не так давно защищал.

Н. МЕЛЬБАРД.

Примечание. Обстоятельную критику бухаринской теории «организованного капитализма» вы найдете (кроме прочитанной вами статьи Иоэльсона в № 18 «Большевика») в ряде статей, помещенных за последнее время во всех важнейших партийных и теоретических журналах. Укажем некоторые из них.

1. Бухарцев Дм.—«Теоретические оруженосцы оппортунизма», («Большевик» за 1929 г., №№ 16 и 17).
2. Борилин, Б.—«Ленин об «Экономике переходного периода», «Большевик» за 1929 г., № 20. Особенно стр. 31—39 (Здесь вы найдете совершенно исключительные по своей силе и убедительности возражения самого Ленина против бухаринской теории империализма).
3. Леонтьев, А.—«К вопросу об «организованном капитализме». («Под Знаменем Марксизма» за 1929 г., № 9).
4. Эвентов, Л.—«Легенда об «организованном капитализме». («Большевик», 1929 г., № 21).

КОНСУЛЬТАЦИЯ.

ЕСТЬ ЛИ РАЗНИЦА МЕЖДУ ЛЕНИНЫМ И БУХАРИНЫМ В ВОПРОСЕ О ГОСУДАРСТВЕННО-МОНОПОЛИСТИЧЕСКОМ КАПИТАЛИЗМЕ?

(Ответ тов. Глухову).

Вы находите, что т. Бухарин по вопросу о государственно-монополистическом капитализме говорит в точности то же самое, что писал и Ленин. В этом вы глубоко заблуждаетесь. В этом вопросе т. Бухарина нельзя примирить с Лениным.

Раньше всего отметим, что гвоздь вопроса заключается не в том, что т. Бухарин вслед за Лениным считал «абстрактно» мыслимым ультра-империализм, т.-е. единый мировой трест или «организованный капитализм». Здесь действительно разногласий пока еще нет. Такую фазу в развитии капитализма «чисто теоретически» представить можно. Нет также разногласий по вопросу о конкретной важности и даже необходимости развития империализма, как монополистического капитализма, в государственно-монополистической капитализм, представляющий, согласно Ленину, «полнейшую материальную подготовку социализма». Весь вопрос о том, как понимать последний.

Корень разногласий с т. Бухариным по этому вопросу лежит в теоретической оценке конкретных тенденций конкретного капитализма и это не случайно, так как на базе этой оценки строится тактика борющегося пролетариата. Грехопадение т. Бухарина состоит в том, что он конкретно зреющий государственно-монополистический капитализм попытался втиснуть в свою абстрактную, лишь в мысли представляемую, а не из жизни выведенную, схему «организационного капитализма». В этой схеме он в жизни имеющемуся капитализму приписал черты организованности, бескризисности, т.-е. лишил его характерных черт всякого капитализма и, таким образом, оторвавшись от живой жизни, от практики впал в обычную для оппортунизма ошибку.

Вами же приведенная цитата из предисловия т. Ленина к книге т. Бухарина «Мировое хозяйство и империализм» с недопускающей сомнений категоричностью предостерегает от перенесения в практику «чисто абстрактной» схемы об ультра-империализме, ибо эта схема противоречит современной практике.

В этой цитате мы читаем: «Можно ли, однако, спорить против того, что абстрактно «мыслима» новая фаза капитализма после империализма, а именно: ультра-империализм? Нет. Абстрактно мыслить подобную фазу можно. Только на практике это значит становиться оппортунистом, отрицающим острые задачи современности во имя мечтаний о будущих неострых задачах. В теории это значит не опираться на идущее в действительности развитие, а предварительно отрываться от него во имя этих мечтаний».

Но вот выступает т. Бухарин и доказывает, что абстрактно мыслимый, если не ультра-империализм, то, во всяком случае, организованный в пределах одной нации капитализм и есть подлинная характеристика нынешней стадии в развитии конкретного капитализма. В этом суть дела. Тов. Бухарин так изобразил эту точку зрения в своей книге «Экономика переходного периода»:

«Финансовый капитал уничтожил анархию производства внутри крупных капиталистических стран» (стр. 10). Ленин при чтении этого места на полях книги пишет: «Не уничтожил». Дальше т. Бухарин продолжает настойчиво и упорно развивать эту мысль об организованности и внутренней беспротиворечивости финансового капитализма. «Капиталистическое народное хозяйство»,— пишет он на стр. 14,—превратилось из иррациональной системы в рациональную организацию, из бессуб'ектного хозяйства в хозяйствующий суб'ект».

Ясно, как день, что т. Бухарин идет здесь в разрез с Лениным. Если Ленин считал устранение кризисов монополиями сказкой буржуазных экономистов, то т. Бухарин считает,—это устранение характерной чертой финансового и тем более государственно-монополистического капитализма; если Ленин считал, что «монополия... усиливает и обостряет хаотичность, свойственную всему капиталистическому производству в целом», то т. Бухарин совсем «избавляет» монополистический капитализм от анархичности; если Ленин, подойдя к вопросу конкретно, показал, что «несоответствие в развитии земледелия и промышленности, характерное для капитализма вообще, становится еще больше» [1]) при монополиях, то т. Бухарин,

[1]) Ленин, т. XIII, стр. 256.

«возвышаясь» в своей абстрактной схеме над практикой, даже не замечает этого неустранимого при капитализме противоречия; если Ленин, наконец, сущность монополистического капитализма усматривал в монополиях, сожительствующих с конкуренцией, т.-е. в чрезвычайном обострении основного структурного противоречия капитализма между общественным характером производства и частным присвоением, то т. Бухарин погасил в своей «теории» и это главное противоречие и признал, что сущностью монополистического капитализма являются войны, которые весьма характерны, разумеется, для монополистического капитализма, но которые сами есть результат своеобразной природы капитализма и, особенно, монополистического капитализма, и потому сами должны быть об'яснены из внутренних, структурных противоречий капитализма.

Тов. Бухарин своей версией организованного капитализма не может примириться с Лениным, не может он примириться и с прямыми высказываниями основоположников марксизма. Маркс и Энгельс многократно высказались против развиваемой теперь т. Бухариным перспективы развития капитализма. Так, в «Анти-Дюринге» мы читаем:

«Ни переход в руки акционерных компаний, ни превращение в государственную собственность не отнимают у производительных сил их капиталистических свойств» (стр. 263).

С огосударствлением производительных сил «капиталистические отношения не устраняются, а обостряются. Но это обострение будет последним шагом их развития. Превращение производительных сил в государственную собственность не разрешает противоречий капитализма, но оно заключает в себе формальное средство, возможность их разрешения» (стр. 264).

Упомянутое здесь формальное средство, возможность разрешения противоречий капитализма есть не что иное, как гигантское обобществление производства при государственно-монополистическом капитализме и в этом лишь смысле он представляет «полнейшую материальную подготовку социализма». Однако, он таит в себе лишь возможность, а не действительность устранения этих противоречий, ибо он сам есть живое, доведенное до крайней степени обострения, это противоречие; возможность становится действительностью путем пролетарской революции, превращающей производительные силы в общественную собственность.

Можно ли после этого говорить об общности взглядов т. Бухарина и Ленина в вопросе о государственно-монополистическом капитализме? Конечно, нельзя. Можно и должно сказать о коренном отличии взглядов т. Бухарина от взглядов Ленина, Энгельса и Маркса в этом вопросе. Тов. Бухарин, игнорируя живой облик капитализма, рвет с лучшей традицией революционного марксизма — с диалектикой. Ленин же на конкретном анализе империализма применяет и развивает диалектику и поэтому он не пятится назад от достигнутого Марксом и Энгельсом в анализе капитализма, а развивает марксизм, применительно к новой стадии в развитии капитализма.

Измена диалектике, опирающейся на факты конкретной действительности, а не свободную игру мысленными абстракциями, никогда и никому не проходила даром. Не далась она даром и тов. Бухарину. Оторвавшись в теоретическом анализе от живой, насквозь противоречивой капиталистической действительности и отдавшись на волю логики, беспротиворечивой абстрактной схемы, он, тем самым, утерял единственно правильный критерий в оценке реального капитализма, тенденций и отдельных периодов в его развитии, а, следовательно, и в оценке задач коммунистического движения. Этим была создана благоприятная почва для тех право-оппортунистических взглядов, которые т. Бухарин не так давно защищал.

Н. МЕЛЬБАРД.

Примечание. Обстоятельную критику бухаринской теории «организованного капитализма» вы найдете (кроме прочитанной вами статьи Иоэльсона в № 18 «Большевика») в ряде статей, помещенных за последнее время во всех важнейших партийных и теоретических журналах. Укажем некоторые из них.

1. Бухарцев Дм.—«Теоретические оруженосцы оппортунизма», («Большевик» за 1929 г., №№ 16 и 17).

2. Борилин, Б.—«Ленин об «Экономике переходного периода», «Большевик» за 1929 г., № 20. Особенно стр. 31—39 (Здесь вы найдете совершенно исключительные по своей силе и убедительности возражения самого Ленина против бухаринской теории империализма).

3. Леонтьев, А.—«К вопросу об «организованном капитализме». («Под Знаменем Марксизма» за 1929 г., № 9).

4. Эвентов, Л.—«Легенда об «организованном капитализме». («Большевик», 1929 г., № 21).

О РАССЛОЕНИИ ДЕРЕВНИ.

(Ответ тов. Сатееву).

Расслоение деревни, о котором мы всегда говорили и говорим, как о процессе, происходящем в нашей деревне, является процессом капиталистического перерождения крестьянского хозяйства. Для *дореволюционных* условий Ленин так определял процесс расслоения:

«Старое крестьянство не только «дифференцируется», оно совершенно разрушается, перестает существовать, вытесняемое совершенно новыми типами сельского населения, — типами, которые являются базисом общества с господствующим товарным хозяйством и капиталистическим производством. Эти типы — сельская буржуазия (преимущественно мелкая) и сельский пролетариат». (Соб. соч., т. III, стр. 130).

Между с.-х. пролетариатом и крестьянской буржуазией находится слой *среднего крестьянства*, который непрерывно разлагается, размывается.

«В большинстве случаев средний крестьянин не может свести концов с концами без того, чтобы не прибегать к займам под отработки и т. п., без того, чтобы не искать «подсобных» сторонних заработков, состоящих тоже отчасти из продажи рабочей силы и т. д. Каждый неурожай выбрасывает массы среднего крестьянства в ряды пролетариата. По своим общественным отношениям эта группа колеблется между высшей, к которой она тяготеет и в которую удается попасть лишь небольшому меньшинству счастливцев, и между низшей, в которую ее сталкивает весь ход общественной эволюции. Мы видели, что крестьянская буржуазия *оттесняет* не только низшую, но и среднюю группу крестьянства. Таким образом, происходит специфически свойственное капиталистическому хозяйству вымывание средних членов и усиление крайностей — «раскрестьянивание» (там же, стр. 136).

Значит, расслоение надо понимать, как выражение процесса капиталистического развития земледелия, как превращение небольшой группы середняков в капиталистов-предпринимателей, богатеющих и все больше концентрирующих в своих руках средства производства, во-первых, и как превращение другой большей части крестьян в пролетариев, лишающихся средств производства, вынуждаемой жить все больше только на заработки от продажи рабочей силы, во-вторых.

Если теперь перейти к *нашим условиям*, то мы прежде всего заметим, что крестьянство развивается не так, как при капитализме. Мы заметим, что среднее крестьянство в своей массе вовсе не скатывается на положение батраков и рабочих, мы заметим, что середняки в своей массе поднимаются, хозяйственно подрастают и не разоряются. Специфического для капиталистического строя непрерывного «размывания» середняка у нас не происходит.

Однако, это еще нисколько не означает, что в наших советских условиях *не происходит никакого классового расслоения крестьянства*. В решениях партии мы имеем неоднократные указания на происходящий процесс расслоения деревни. Что это значит? Это значит, что общий под'ем мелкотоварного производства вовсе не происходит так просто, как это могло бы казаться некоторым товарищам. Развитие мелкого индивидуального хозяйства вместе с этим сопровождается неизбежным развитием капиталистических отношений. Это значит, что из всей хозяйственно-поднимающейся массы середняков определенная часть превращается в предпринимателей, капиталистиков (хотя бы и мелких капиталистиков).

В предпринимателей, в капиталистиков определенная часть крестьянства превращается потому, что существующие в деревне отношения позволяют эксплоатировать бедноту, а также и часть середняков. Эксплоатация идет по линии найма рабочей силы в качестве поденных, сдельных, сроковых и др. работ, эксплоатация идет по линии сдачи рабочего скота и инвентаря, по линии кредитных отношений, по линии разных форм аренды земли и т. д. Природа *экономически совершенно неоднородного* мелко-товарного, индивидуального хозяйства такова, что развитие этих форм эксплоатации *совершенно неизбежно, пока существует индивидуальное мелкособственническое крестьянство*, а следовательно неизбежно и развитие капитализма. Что у нас происходил рост и известное укрепление кулацко-капиталистических элементов, что в деревне удельный вес кулачества в огромной степени превышал удельный вес капиталистическо-нэпманских элементов в городе, это всякому очевидно. Закрывать глаза на это обстоятельство партия никогда не собиралась и не собирается. Развитие капиталистических отношений, далее, не может мыслиться без одновременного увеличения количества хозяйств, владельцы которых превращаются в поденщиков, батраков, т.-е. в с.-х. пролетариат и полупролетариат.

Раз мы констатируем известный рост и укрепление кулацко-капиталистических элементов, мы неизбежно констатируем и рост пролетарских и полупролетарских элементов. Капитал—это отношение между эксплоатируемыми наемными рабочими и эксплоатирующими капиталистическими группами. Без увеличения пролетарских и полупролетарских элементов кулацко-капиталистические элементы не могут расти. Это элементарно. Откуда же берутся эти элементы? Ответ на этот вопрос также совершенно очевиден: на положение пролетариев переходит *часть* (*меньшая часть*) *бедноты*. В наших условиях положение бедноты кардинально отлично от дореволюционного времени и вообще от капиталистических стран. Беднота, благодаря оказываемой Советской властью всесторонней поддержке, во-первых, имеет возможности организоваться в коллективное хозяйство (на ряду с переходом в государственную промышленность) и, во-вторых, имеет возможность хозяйственно укрепиться. Однако, до той поры, пока колхозы не охватят всей массы бедноты, положение ее не является вполне устойчивым и при под'еме одной части бедняцких хозяйств, другая часть, менее обеспеченная средствами производства при малейших неблагоприятных условиях вынуждена переходить на положение пролетариев. Если мы *не будем теперь форсированно проводить коллективизацию*, как это предлагают правые, то мы не сможем приостановить этого процесса перехода бедноты на положение пролетариев. Однако, и положение индивидуального середняцкого хозяйства таково, что его мелкое хозяйство может подниматься лишь *медленно* и не способно дать *быстрый* под'ем производительности. Далее, мелкое, в высокой степени *непроизводительное хозяйство середняка*, в сильнейшей степени зависит от природных, стихийных условий (неурожай, падеж скота и т. д.), сразу ликвидирующих весь тот под'ем, которого он достиг в течение длительного времени.

Середняцкое индивидуальное хозяйство не может применить крупную машинную технику, ибо она не рентабельна в мелком хозяйстве, середняки в значительном числе не имеют усовершенствованных машин, имеют недостаточно рабочего скота и вынуждены нередко попадать в зависимость от кулацких и зажиточных элементов. Все это вместе взятое создает такие условия, что некоторая часть середняков опускается до положения бедноты, часть уходит в промышленность, часть начинает батрачить, ходить по поденным работам и т. д., т.-е. *пролетаризируется*. Таким образом, имеющийся общий под'ем бедняцких и середняцких масс, *отсутствие массового размывания середняка*, которое было свойственно капитализму (*троцкисты утверждали, что у нас происходит именно такое же и в таких размерах расслоение, как и в капиталистических странах*) *вовсе не означает, что у нас вообще отсутствовало расслоение деревни, отсутствует пролетаризация части бедноты и части* (*хотя бы и небольшой*) *середняков, отсутствует выделение кулацко-капиталистических отношений и капитализм в деревне не растет*. Для того, чтобы наглядно проиллюстрировать характер развития середняка, приведем несколько цифр из работы Каврайского и Нусинова «Классы и классовые отношения в современной советской деревне». Возьмем у них 2 группы середняков: разделившиеся и не подвергавшиеся т. н. органическим изменениям (разделы, выселения и проч.), которые в 1927 году были середняками и посмотрим, что с ними стало через год, т.-е. в 1928 году.

Из разделившихся (в 1927 году) 275 середняцких хозяйств образовалось в 1928 году 502 хозяйства. Эти 502 хозяйства по социальным группам распределяются следующим образом:

С.-х. рабочие	— 10	хозяйств
Прочие рабочие	— 3	„
Бедняки	— 181	„
Середняки	— 294	„
Кулаки	— 14	„
Итого	— 502	„

Таким образом, на место старых 275 середняцких хозяйств образовалось 294 новых середняцких же хозяйства, т.-е. количество середняков увеличилось, но из образовавшихся после раздела хозяйств *181 хозяйство оказалось на положении бедноты, 13 хозяйств превратилось в рабочих и 14 хозяйств стало кулаками*.

Если теперь взять все обследованные не делившиеся и не подвергшиеся другим т. н. «органическим» изменениям, то картина будет такой:

Хозяйства, которые в 1927 году были середняцкими, в 1928 году оказались в следующих группах (в %% к итогу).

С.-х. рабочие	— 0,3
Прочие рабочие	— 0,1
Бедняки	— 4,4
Середняки	— 88,0
Кулаки	— 5,2

Таким образом, часть середняков превратилась в кулаков, другая часть перешла в бедноту, а также и в группу рабочих.

Если теперь по этим же материалам посмотреть, как развивалась беднота, то мы получим следующую картину.

Бедняцкие хозяйства 1927 года перешли в 1928 году в следующие группы (в %% к итогу).

С.-х. рабочие	— 4,3
Проч. рабочие	— 3,1
Остались бедняками	— 72,5
Середняки	— 19,9

Одна пятая бедняков стала середняками и одна тринадцатая пролетаризировалась.

Наконец, картина эволюции кулачества показывает, что оно в довольно сильной степени распадается, хотя и пополняется новыми представителями. В итоге всех сложнейших процессов, происходивших и происходящих в деревне, несмотря на рост кулачества, несмотря на расслоение деревни, которое партия никогда не отрицала (попытки замазать это обстоятельство всегда отвергались партией), середняк отнюдь не размылся, не потерял своего значения центральной фигуры земледелия, а наоборот укрепился (это не значит, что ему несвойственно расслоение) наряду с под'емом бедноты (это не значит всей бедноты). Троцкисты сводили все дело к тому, что у нас существует такое же как при капитализме и таким же темпом происходящее расслоение деревни, а значит и такой же рост капитализма. Они видели только одну сторону в развитии середняка (капиталистическую), видели только его расслоение видели только один рост капитализма и не хотели замечать происходившего общего под'ема мелкого производства и укрепление «центральной фигуры», несмотря на рост расслоения, несмотря на рост капитализма, который был связан с этим под'емом. Наоборот, правые уклонисты не хотят замечать капиталистических тенденций в развитии мелко-товарного хозяйства, которое до тех пор, пока существует мелкособственническое, мелкобуржуазное хозяйство, неизбежно выделяет капитализм. Они не могут никак понять, что под'ем мелко-товарного хозяйства, если не переводить его на рельсы коллективизации, не может не сопровождаться расслоением деревни, и выделением капиталистических элементов. Они не понимают того, что говорить о под'еме мелко-товарного хозяйства и в то же время закрывать глаза на рост капиталистических отношений, замазывать этот процесс это значит скатываться в об'ятия народников и рвать с ленинизмом. Правые пытаются замазать, далее, значение кулацкого хозяйства, они не понимают, что удельный вес его в сельском хозяйстве значительно выше, чем в городе.

«Не понимать значения крупного кулацкого хозяйства в деревне, не понимать того, что удельный вес кулачества в деревне во сто крат выше, чем удельный вес капиталистов в городской промышленности, — это значит сойти с ума, порвать с ленинизмом, перебежать на сторону врагов рабочего класса». (Сталин «На хлебном фронте»).

Если стать на точку зрения троцкистов и исходить только из капиталистических тенденций мелкого производства, то выйдет, что с середняком нам делать нечего, мелкое индивидуальное хозяйство надо «пожирать», уничтожать, ликвидировать, разорять и превращать крестьян в рабочих государственного хозяйства, союзом с середняком дорожить нечего, ибо он все равно держит одну линию с кулаком. Если стать на точку зрения правых уклонистов, то выходит, что середняк не имеет капиталистических тенденций, что развитие индивидуальных мелкособственнических хозяйств вовсе не означает выделения капитализма, что значение кулака ничтожно и принимать его в расчет нет особого смысла и что можно без конца развивать индивидуальное хозяйство, не заботясь о его переделке. Правые за союз вообще с «крестьянством», а не за союз со средним крестьянством, направленным против кулацко-капиталистических элементов.

Правильная линия деревенской политики ничего общего не имеет ни с троцкизмом, ни с правой оппозицией. Она базируется на основных установках Ленина, который отчетливо видел особенности мелко-товарного производства в смысле выделения им капитализма (классовое расслоение крестьянства, что одно и то же), представлял себе значение кулацкого хозяйства и вместе с этим исходил из возможности иметь прочный союз с середняками, которые в советской стране могут и должны, благодаря политике пролетарского государства, свернуть с капиталистического пути развития на социалистический (через кооперацию и колхозы) путь. Поэтому правильная политика заключается в том, чтобы, устанавливая союз с середняком, вести его за собой, отрывать, а не смыкать с кулаком и оказывая ему всемерную поддержку для его под'ема, неуклонно стремиться перевести мелкое производство на рельсы крупного коллективного земледелия, организуемого самими крестьянами путем добровольного их об'единения. Правильная политика заключается в том, чтобы устанавливать такой союз с середняком, который направлен против кулацко-капиталистических элементов, против капитализма вообще, чтобы раз'яснить массе бедноты и середняков, что длительный и быстрый под'ем хозяйства не осуществим в форме мелкого индивидуального хозяйства и что для ускорения развития сельского хозяйства надо ускоренно переходить на рельсы крупного общественного производства. На этом пути мы будем выкорчевывать самые корни капиталистического развития сельского хозяйства.

Троцкисты не видели возможности сомкнуться с массой мелких товаропроизводителей (бедняк и середняк) для общего движения к социализму путем развития кооперации и построения крупного общественного земледелия на основе наступления на капиталистические элементы (они голосовали против решений XV с'езда). Правая оппозиция выступает против деревенской политики партии, не понимая что без ускоренного создания крупного общественного производства, без ускоренного перерастания кооперации в производственное кооперирование и коллективизацию и без наступления на капиталистические элементы мы не сможем ускорить процессы построения фундамента социалистической экономики в сельском хозяйстве.

И. ВЕРМИНИЧЕВ.

ОТ ОТДЕЛА КОНСУЛЬТАЦИИ.

Отдел консультации «Большевика» просит авторов писем указывать в письмах свой полный адрес.

БЮЛЛЕТЕНЬ ЗКО ИНСТИТУТА КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ.

В скором времени начинает выходить «Бюллетень заочно-консультационного отделения ИКП».

Бюллетень представляет собой пособие программно-методического характера для всей массы консультируемых ЗКО. Бюллетень распадается на следующие основные отделы: 1. Учебно-теоретический (программы, рецензии и консультации общего характера, корреспонденции об очередных занятиях в семинарах, стенограммы заключительных слов руководителей семинаров). 2. Библиографический. 3. Переписка (ответы на вопросы и характерные письма). 4. Информационно-справочный (очередная хроника). Бюллетень выходит два раза в месяц. Размер 2—3 печатных листа.

Подписка на Бюллетень ЗКО принимается по адресу: Москва, Ильинка, 3. Отдел распространения период. изд. Гиз'а. Условия подписки: 1 год—10 руб., 6 мес.— 5 р. 50 к. Цена отдельного номера 50 коп.

Условия приема на московское подготовительное отделение Института Красной Профессуры на 1930/31 учебный год.

§ 1. Подготовительное Отделение имеет своей задачей подготовку к поступлению в ИКП. Срок пребывания на отделении установлен двухлетний.

§ 2. Подготовительное отделение имеет единую программу и на отделения не разбивается. Прием производится только на первый курс.

§ 3. На подготовительное отделение принимаются члены ВКП(б), исключительно рабочие и крестьяне в возрасте не более 28 лет и обладающие: 1) не менее чем пятилетним партийным стажем или 4-летним стажем с предшествующим стажем активной комсомольской работы; 2) для рабочих—не менее чем пятилетним производственным стажем; 3) основательным опытом массовой, партийной, профессиональной или комсомольской работы; 4) общеобразовательной подготовкой в об'еме курса рабфака.

§ 4. Кандидаты на подготовительное отделение командируются ИККИ, ЦК ВКП(б), ЦК нацкомпартий, краевыми и областными комитетами, ПУР и ВЦСПС.

Примечание. Рабфакам и комвузам особой разверстки от ИКП не дается, однако, и из этих организаций партийными комитетами отбираются кандидаты только из окончивших в 1929/30 году, соответствующие условиям приема, выдвигаемые президиумами рабфаков и правлениями комвузов.

§ 5. Все товарищи, командируемые на подготовительное отделение, должны представить в правление ИКП (Остоженка, 53) не позднее 15 декабря 1929 г.: 1) заявление с указанием адреса; 2) краткую автобиографию с точным указанием производственного стажа, дат и мест работы; 3) засвидетельствованный партстаж, социальное положение и производственный стаж; 4) рекомендацию командирующей организации с партийной характеристикой, утвержденной парткомитетом не ниже окружкома; 5) удостоверение об окончании рабфака или другого учебного заведения, если оно проходилось товарищем; 6) копию воинского документа и 7) заключение медицинской комиссии о состоянии здоровья за последние 3 года. Все кандидаты обсуждаются мандатной комиссией ЦК ВКП(б).

§ 6. Допущенные мандатной комиссией (за исключением кончающих в 1929/30 г. рабфаки и комвузы) проходят в обязательном порядке заочную подготовку через бюро научной консультации ИКП.

§ 7. Все товарищи, допущенные мандатной комиссией к испытаниям, получают двухмесячный отпуск с сохранением содержания (сверх очередного отпуска) в срок по решению партийного комитета, но не позднее 1 июня.

§ 8. В августе 1930 г. все допущенные проходят вступительные испытания по историческому материализму и Советской Конституции, политэкономии и экономполитике, истории народов СССР, истории ВКП(б) и ленинизму, по русскому языку и математике. При испытаниях учитываются результаты работы по предварительной подготовке под руководством НКБ при ИКП[1]).

ОРИЕНТИРОВОЧНАЯ РАЗВЕРСТКА КАНДИДАТСКИХ МЕСТ НА МОСКОВСКОЕ ПОДГОТОВИТЕЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ НА 1930/31 УЧ. ГОД.

ИККИ—20; ЦК ВЛКСМ—20; ПУР—10; ВЦСПС—25; Ленинградский обком—10 (только для московского подотд.); Моск. обком—50; ЦК КП(б)У—40; ЦК Белоруссии—10; Средне Аз. бюро—20; Заккрайком—20; Сев Кавкрайком—15; Урал обком—10; Сибкрайком—10; обком ЦЧО—10; Средне-Волжск. 10; Нижне-Волжский обком—15; Нижегородский обком—15; Ивановский обком—15; Западный обком—10, Северный обком—5, Далькрайком—15, Крымобком—5, Немобком—5, Чувобком—5; Якутобком—3; Киробком—5; Башобком—5; Вотобком—5; Калмыкобком—5, Комиобком—3, Маробком—3; Татобком—5; Бур.-Монг. обком—3; Дагобком—2; Казаккрайком—5.

ПРАВЛЕНИЕ ИКП.

---

[1]) Список литературы, знание которой требуется для поступления, а также условия приема на заочную консультацию и правила пользования ею будут в ближайшее время опубликованы отдельной брошюрой в ГИЗ.

Условия приема на основные отделения Института Красной Профессуры на 1930/31 учебный год.

§ 1. На все основные отделения Института Красной Профессуры: 1) экономическое с аграрной секцией; 2) философское; 3) историческое в составе секций: а) истории народов СССР; б) западной истории; в) восточной истории; 4) историко-партийное в составе секций: а) истории ВКП(б) и б) истории Коминтерна; 5) правовое с секцией советского строительства; 6) литературное; 7) естественное—принимаются члены ВКП(б), обладающие не менее чем восьмилетним партийным стажем, а на историко-партийное—не менее чем десятилетним и с опытом руководящей партработы не менее пяти лет.

§ 2. Товарищи, желающие поступить в Институт Красной Профессуры, должны представить в правление Института (Остоженка, 53) не позднее 15 декабря 1929 г.: 1) рекомендацию Центрального Комитета ВКП(б), ЦК нацкомпартий или обкомов (обл. бюро) ВКП(б); 2) заявление с указанием адреса; 3) краткую автобиографию; 4) засвидетельствованную справку о партстаже и о социальном положении; 5) подробную партхарактеристику, утвержденную парткомом не ниже окружкома; 6) копию воинского документа; 7) заключение медицинской комиссии о состоянии здоровья за последние три года и 8) печатные работы (если последние имеются).

§ 3. В заявлении должны быть указаны: желательная для данного товарища тема вступительной работы, отделение и секция, на которые товарищ желает поступить.

Примечание. От поступающих на естественное отделение, ставящее своей задачей дать товарищам с законченным естественно-историческим образованием подготовку по истории естествознания, техники и философии, представление письменной работы не требуется, но требуется представление свидетельства об окончании соответсвующего вуза или свидетельства о прохождении всей программы вуза, за исключением специальной (дипломной) работы.

§ 4. Заявление рассматривается мандатной комиссией ЦК ВКП(б) и затем поступает в правление Института. В случае удовлетворительного решения вопроса, правление допускает кандидата к представлению письменной работы. Тема работы устанавливается по соглашению с учебной частью Института. Предельным сроком представления письменных работ устанавливается 1 июня 1930 г.

§ 5. Все кандидаты, вступительные письменные работы которых будут признаны удовлетворительными, допускаются к устному коллоквиуму в промежуток между 15 и 30 августа 1930 г.

§ 6. Все товарищи, допущенные мандатной комиссией к испытаниям, получают двухмесячный отпуск с сохранением содержания (сверх очередного отпуска) в срок по решению партийного комитета, но не позже 1 июня 1930 года.

§ 7. Поступающие на все основные отделения Института экзаменуются по философии, теоретической экономии и истории, по истории партии и ленинизму; кроме того, поступающие на правовое отделение—по теории права и государства и на литературное—по методологии литературоведения и по истории литературы[1]).

Для поступающих желательно знание одного из иностранных (европейских) языков.

§ 8. Все окончившие Институт Красной Профессуры должны не менее двух лет проработать в провинции.

ПРАВЛЕНИЕ ИКП.

---

[1]) Список литературы, знание которой требуется для поступления, а также условия приема на заочную консультацию и правила пользования ею будут в ближайшее время опубликованы отдельной брошюрой в ГИЗ.

ПОПРАВКИ.

В №№ 19 и 20 журн. «Большевик» в статье тов. Гатовского «О народно-хозяйственном плане» допущены следующие опечатки: в № 19 на 86 стр. в 3-й строке примечания написано: «т о социального содержания»; следует читать: «о т социального содержания»; в № 20 на 96 стр., 30 строка снизу напечатано: «играть не меньшую роль»; следует читать: «играть все меньшую роль».

В № 21 журн. «Большевик», в статье тов. Куо, Е. «Кризис в стане китайской контрреволюции» на стр. 84, строки 19—22 (сверху) напечатано: «Нынешняя война происходит из-за обострения противоречий между блоками американским и английским, с одной стороны, и японским,—с другой»; надо читать,как и следует по смыслу всей статьи: ...«между блоками английским и японским, с одной стороны, и американским,—с другой».

Автор статьи «Победа марксистского краеведения» («Большевик, № 20) тов. Шумяцкий просит отметить следующее:

1) На стран. 99, во 2-ой строке, сказано: «ликвидация остатков хозяйственно-культурного неравенства национальных республик и областей», а **следует читать так**: «ликвидации остатков хозяйственно-культурного неравенства в национальных республиках и областях».

2) На стр. 100, стр. стр. 6 и 7, сказано: «тов. А. Рогов не входил в редакцию «Сибирской Правды». Это место надо читать так: «Тов. А. Рогов вошел в редакцию названной газеты лишь накануне прекращения ее издания» (№ 20). При его участии вышел один ее номер, т. к., он в это время вел другую ответственно-руководящую работу. Вместе с тем автор статьи в энциклопедии не отметил других членов редколлегии этой газеты, как тт. Белопольского, Стояна, Джорова, Е. Дымова, которые были ее основателями».

РЕДАКЦИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 23—24 31 ДЕКАБРЯ № 23—24

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 9

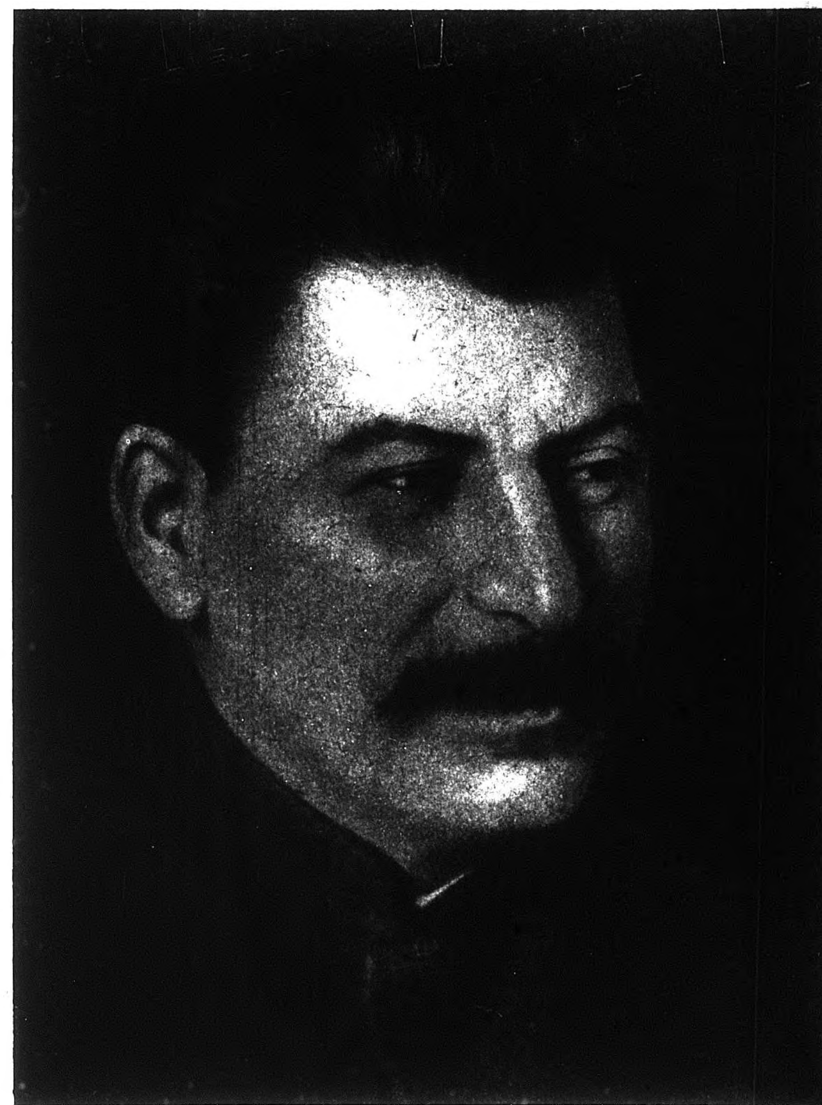
МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ

„П Р А В Д А“

Главлит № А 54617 Тираж 132.000 экз.

Типография газеты „Правда", Москва, Тверская, 48.



Иосиф Виссарионович Сталин

1879 — $\frac{2}{\mathrm{XI}}$ — 1929

Пятидесятилетие тов. Сталина.

Юбилей тов. Сталина вылился в большое политическое событие и внутри СССР и в Коммунистическом Интернационале.

Партии пришлось без Ленина завершать восстановление хозяйства и разрабатывать на основах ленинизма конкретные пути развития в реконструктивный период. 1929/30 хоз. год является, в известном смысле, итоговым годом первой полосы социалистической реконструкции. Итоговым в том смысле, что выяснен конкретней, чем когда бы то ни было раньше, и путь индустриализации и путь социалистической перестройки мелкого крестьянского хозяйства.

Разворачивание грандиозных мероприятий по реконструкции со всей отчетливостью обнаруживает правильность линии партии. В то же время 1929/30 г. является тем годом, когда уточняются перспективы в отношении сроков выполнения пятилетки, а, следовательно, и в отношении всего темпа нашего развития, когда выявляются возможности огромного ускорения темпов.

Поэтому, нет ничего удивительного, что в этих условиях оценка деятельности Сталина превращается в крупное политическое событие, так как его роль в конкретизации и дальнейшей разработке ленинской линии в период реконструкции была особенно большой и решающей. Тем более значительной, что целый ряд людей, претендовавших на руководство партией, не только не сумел продолжить ленинскую линию, но, напротив, грозил своей путаницей и паникой сбить и дезориентировать партию. 1929 год принес полное банкротство троцкизма, отход от него почти всех его кадров и признание ими правильности партийной линии. 1929 год принес не только обострение борьбы правых против партии, но и, в сравнительно короткий промежуток времени, их разгром и банкротство, так как ход развития блестяще подтвердил линию партии.

Нет ничего удивительного после этого, что пятидесятилетие Сталина, который сумел проявить в борьбе со всеми этими шатаниями ленинскую принципиальность и непримиримость, который вынес на себе огромную тяжесть борьбы за линию партии, что его пятидесятилетие, совпавшее с полным идейным банкротством всех буржуазных

уклонов и шатаний в рядах партии, явилось не просто личной датой, а событием, которое отмечено всей партией и рабочим классом. В этот юбилей партия с новой силой демонстрирует свое единство на основе той линии, за которую борется тов. Сталин, и свою сплоченность вокруг ленинского ЦК.

Две черты в деятельности Сталина наиболее полно характеризуют его:

1) Он — вернейший ученик Ленина.

Это значит, что он глубже, чем кто бы то ни было другой в нашей партии, понял и усвоил марксистско-ленинский метод; что он лучше, чем кто бы то ни был другой, умеет применять его в постановке и разрешении тех новых задач, какие встают в ходе революции.

2) Он — крупнейший практик.

Это связано с тем, что до революции он прошел все стадии партийной работы, все звенья партийного подполья от пропагандиста в рабочих кружках до руководящей работы в большевистских центрах, непосредственно направлявших работу в России. Это связано с тем, что с пред'октябрьских дней тов. Сталин является членом Политбюро, что одновременно все годы революции он пробыл на самых опасных и угрожающих участках, где требовалось огромное уменье организовать, сплотить, создать перелом, навести порядок.

Все это, вместе взятое, дало ему колоссальное знание партии и рабочего класса. Обе эти черты дали возможность Сталину выдержать все исторические проверки.

Благодаря этим двум чертам, прежде всего, Сталин сыграл такую большую роль в жизни партии, особенно, после смерти Ленина. Разработка основ ленинизма, дальнейшая разработка ленинской линии в период реконструкции — вся эта огромная работа, проводимая партией, неразрывно связана с именем Сталина.

Как подлинный ленинец, Сталин воплощает в своей деятельности то единство теории и практики, без которого нет ленинизма.

> «Теория становится беспредметной, если она не связана с революционной практикой, точно также, как и практика становится слепой, если она не освещает себе дорогу революционной теорией» [1]).

Ленина, как пролетарского революционера, и большевистскую партию характеризует именно это сознание огромного значения революционной теории. Беззаботность по этой части, голый «практицизм» — первый признак оппортунистического перерождения. Держа высоко знамя ленинской теории, Сталин воспитывает в этом же духе

[1]) И. Сталин, Вопросы ленинизма, «Об основах ленинизма», гл. III.

партию, неустанно подчеркивая всю опасность работы без перспектив, «без руля и без ветрил».

Сталину принадлежит самая глубокая и отчетливая разработка после смерти Ленина основ ленинизма. В противовес путанным определениям ленинизма, исходящим из особенностей России, ее крестьянского характера и т. п., Сталин выдвигает на первый план международный храктер ленинизма, а следовательно, и международное его значение. Он говорит:

> «Ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции. Точнее: ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции вообще, теория и тактика диктатуры пролетариата в особенности».

В этих вводных замечаниях к «Вопросам ленинизма» и в ответе Сталина первой американской рабочей делегации (15 сентября 1927 г) даны самые яркие и наиболее чеканные определения особенностей ленинизма, как марксизма эпохи империализма.

Отсюда вытекает и та постановка крестьянского и национального вопроса, которая исключает всякую возможность путаницы и обработки Ленина под «крестьянского философа». Шатания на этот счет после смерти Ленина, в частности, у правых, когда смазывалась ведущая роль пролетариата,—говорят о том, что опасность такого искажения ленинизма не исключена. Действительно, если не понимать соотношения различных частей ленинского учения, если особенности ленинизма выводить из особенностей России, ее крестьянского характера, то немудрено запутаться и потерять ту основу, на которой решается крестьянская проблема.

> «Иные думают, — пишет Сталин, — что основное в ленинизме—крестьянский вопрос, что исходным пунктом ленинизма является вопрос о крестьянстве, его роли, его удельном весе. Это совершенно неверно. Основным вопросом в ленинизме, его отправным пунктом является не крестьянский вопрос, а вопрос о диктатуре пролетариата, об условиях ее завоевания, об условиях ее укрепления. Крестьянский вопрос, как вопрос о союзнике пролетариата в его борьбе за власть, — является вопросом производным» [1]).

Уже в начале 1924 г. тов. Сталиным дана единственно-ленинская постановка этого вопроса. Непонимание именно этого ядра вопроса привело т. Бухарина и его соратников к тому, что, отстаивая вместе с партией от троцкистских атак ленинскую идею союза с середняком, они «загляделись» лишь на одну сторону дела, затвердили лишь одну

[1]) И. Сталин, Вопросы ленинизма, «Об основах ленинизма», гл. V.

часть формулы, не поняли ее связи с ленинским учением в целом и запутались, когда жизнь выдвинула не менее резко другие стороны вопроса.

С этой точки зрения не менее интересна и глубока та постановка национального вопроса, какая дана в работе «Об основах ленинизма»:

> «Национальный вопрос есть часть общего вопроса о пролетарской революции, часть вопроса о диктатуре пролетариата» [1]).

Здесь дается значение этого вопроса и в связи с использованием национально-революционных движений «в интересах свержения общего врага, в интересах свержения империализма»; и в связи с воспитанием действительного интернационализма и создания того сотрудничества всех народов, какое осуществляется в Советском Союзе. Здесь отметается и возможность реформистской постановки этого вопроса изолировано от вопроса о пролетарской революции, здесь отбрасывается и тот нигилизм в национальном вопросе, который проистекал из мертво-схематического понимания путей развития революции, путей борьбы с империализмом, и который, тем самым, фактически лил воду на мельницу империализма. Сталин выступает в своих работах самым крупным после Ленина теоретиком и практиком большевистской школы в национальном вопросе.

Разрабатывая основы ленинизма, выделяя то н о в о е, что внесено Лениным на основе применения марксова метода, Сталин не просто повторял слова Ленина, что «марксизм не догма, а руководство к действию», а сумел применить этот принцип к разрешению на марксистско-ленинских основах тех вопросов, какие встали перед партией после смерти Ленина.

Мы должны здесь, прежде всего, обратиться к той роли, какую сыграл Сталин в защите и разработке ленинского учения о п о б е д е с о ц и а л и з м а в о д н о й с т р а н е. Его глубокое понимание в этой части ленинского учения сказалось и в том известном эпизоде на VI с'езде партии, когда против поправки Преображенского тов. Сталин отстаивал положение, что Россия может оказаться страной, пролагающей путь к социализму, что поэтому, независимо от того, произойдет ли революция на Западе, захват власти должен быть направлен к социалистическому переустройству общества. Сталин шел к Октябрю вместе с Лениным. Еще в период подготовки Октября он выдвигал и отстаивал ленинское положение о возможности продвижения к социализму в одной, сравнительно отсталой, стране.

Глубокое понимание Сталиным этой части ленинского учения сказалось и на первом этапе борьбы с троцкизмом (1923 — 24 г.), когда весной 1924 г. в работе «Об основах ленинизма» и еще отчетливей в

---

[1]) «Об основах ленинизма», гл. VI.

декабре 1924 г., он с новой силой, в п е р в ы е п о с л е О к т я б р я в о о б щ е, выдвинул эту проблему и показал самые глубокие основы расхождения с троцкизмом, из которых, по существу, вытекает и непонимание крестьянского вопроса.

В настоящее время, на втором году осуществления пятилетки, совершено ясно значение этой части ленинского учения о революции. Смысл постановки вопроса о возможности построения социализма в СССР, вопроса, являющегося стержнем в дискуссии 1925—27 гг., состоял, между прочим, в том, что здесь подводился теоретический фундамент для всей эпохи реконструкции. Без этого фундамента было бы совершенно немыслимо ни создание того пятилетнего плана, какой утвержден весной 1929 г., ни, тем более, перевыполнение его, какое мы имеем. Мы ведем наше строительство, все более и более разгоняем темп в том глубочайшем убеждении, что социализм в нашей стране победит, что мы в силах «догнать и перегнать». Теория дала размах практике. Практические достижения поднимают выводы теории на новый, более высокий уровень. Неразрывная связь и единство теории и практики, характерные для марксизма-ленинизма, выступают тут с новой силой.

В защите ленинского учения о победе социализма в одной стране от путаницы, какую вносили в этот вопрос Зиновьев, Каменев и др.; в дальнейшей разработке этого учения, тов. Сталин показал, что он владеет решающим в марсизме-ленинизме—его революционной диалектикой. Он показал в этот период особенно отчетливо, что он стоит на почве марксизма творческого, а не «марксизма» догматического.

Заслуга Сталина заключается здесь так же и в том, что он поставил со всей четкостью вопрос о перспективах революции. Он подошел к вопросу как боец и вождь, воспитанный ленинской школой. Он противопоставил бесхребетному интеллигентскому скептицизму — ясную перспективу; интеллигентской путанице и схоластике («строим, но не достроим») — понимание конкретных задач, конкретного существа вопроса: построение экономического фундамента социализма, выкорчевывание корней капитализма, создание экономической базы для ликвидации классов. Сталин поставил также и вопрос о международном значении этой части ленинского учения. Речь идет о конкретных путях и формах разворачивания пролетарской революции, как международного процесса, в условиях действия закона неравномерного развития при империализме. Ленинская теория начисто исключает всякую возможность пассивного выжидания, под прикрытием, положения об интернациональном характере революции.

Теория, в отстаивании и дальнейшей разработке которой т. Сталин сыграл такую решающую роль, является обоснованием и наших бешеных темпов и подготовки революции компартиями в странах капитализма. Работы Сталина в этой области стали

неот'емлемой частью ленинского учения о пролетарской революции.

Начиная с XIV с'езда партия напряженно работает над разрешением проблем реконструктивного периода, над созданием партийно-теоретических установок для разрешения этих проблем.

Отражением этой работы являются важнейшие документы партии за этот период. Сталин не только сыграл огромную роль в разработке этих документов, но и дал своими работами лучшее обоснование линии партии, конкретизацию основ ленинского учения, применительно к задачам реконструкции. Сталин выступает здесь, как выразитель коллективной мысли партии.

Реконструктивный период поставил с новой силой и на новом уровне вопрос о судьбе классов, о конкретных формах перехода к бесклассовому обществу. Исходя из идеи отмирания классов при социализме, тов. Бухарин выдвинул «мирное врастание» капиталистических элементов, как путь ликвидации классовой борьбы. Тов. Сталин, наоборот, заострил в новых условиях ленинское положение о том, что затухание классовой борьбы по этой линии будет итти лишь на основе выкорчевывания корней капитализма, т.-е. уничтожения капиталистических элементов. Сталин указал на неправильность, механическую схематичность также и положения о врастании середняка в социализм, поскольку такая терминология смазывает существо процесса — социалистическую переделку мелких крестьянских хозяйств.

Уничтожение классов может происходить лишь в порядке классовой борьбы. Это положение, разрабатывавшееся Лениным во многих работах после революции, выдвинуто Сталиным применительно к условиям периода реконструкции, когда ленинское учение о классовой борьбе в переходный период правые пытаются подменять идеей «гражданского мира» и «врастания».

Не менее велико значение сталинских работ о проблемах индустриализации. Под руководством Сталина XIV с'езд выдвинул задачу индустриализации страны, как основную решающую задачу в реконструктивный период. Решать нужно было: и вопрос о соотношении тяжелой и легкой промышленности, так как социалистическая индустриализация неразрывно связана с под'емом жизненного уровня масс, а также и потому, что наше развитие происходит при наличии товарного голода; и вопрос о темпе индустриализации, так как при ограниченных средствах нужно было достигнуть максимально быстрого темпа; и, наконец, вопрос о накоплении, его источниках и размерах.

Неслучайно, что на всех этих вопросах и троцкизм и впоследствии правые сломали себе шею. Иначе и не могло случиться, если к решению всех этих вопросов подходить с шатаниями, отражающими мелкобуржуазные колебания в стране. Тем более велика поэтому роль правильной разработки вопроса, выяснения принципиальных основ для определения на практике правильных пропорций и мероприятий во всех этих трех направлениях.

Работы Сталина в этой области являются образцом применения основ ленинского учения к разработке проблем реконструктивного периода.

Третья большая группа вопросов реконструкции — это проблемы крупного социалистического предприятия в сельском хозяйстве и перехода на новую ступень в осуществлении ленинского кооперативного плана.

Исходя из положений, высказанных Лениным, применительно к условиям первых годов нэпа, что торговля есть единственно возможная форма связи с мелким крестьянским хозяйством, правые пытались сделать из них догму для всего переходного периода и противопоставить коллективизацию производства кооперативному плану Ленина. Заслуга Сталина заключается в том, что он выдвинул основную идею Ленина, проходящую красной нитью через все его работы также и в период нэпа идею о переделке крестьянских хозяйств, об уничтожении, а не увековечении, класса мелких собственников.

Разработка всех этих больших и сложных вопросов оказалась строгой проверкой всей той группе вождей партии, которая осталась после Ленина. На разработке этих вопросов в очень трудной и сложной обстановке происходила проверка, насколько каждый действительно постиг дух ленинского учения, насколько овладел он материалистической диалектикой, чтобы ее самостоятельно применять и учить других ее правильному применению. Сталин выдержал полностью эту суровую историческую проверку после Ленина, также как при жизни Ленина он был его самым последовательным учеником и соратником.

Наше горячее пожелание, чтобы и в последующие годы во главе партии тов. Сталин вел дальше разработку партийной линии и вписал в свои «Вопросы ленинизма» новые главы, заключающие разработку ленинского учения на опыте гигантской реконструкции.

Организационный талант Сталина, развернувшийся еще в годы подполья и широко использованный партией на самых трудных постах во время революции, в сочетании с глубоким пониманием ленинского метода и принципов ленинизма, сделал из него крупнейшего стратега ленинской школы.

Еще при жизни Ленина Сталин обнаружил эту свою сильную сторону. Интересен и в высокой степени характерен тут один пример. Не только не имея военного образования, но и не служив никогда в армии, тов. Сталин сумел тем не менее подняться до самостоятельного реше-

ния сложных военных задач высшего командования. Его выручил здесь опыт революционного руководства массами и глубокое понимание стратегии Ленина. Стоит только прочесть, например, записку Сталина о задачах южного фронта, о направлении главного удара и приведенные там обоснования, чтобы ясно увидеть, что мы имеем дело с крупным политическим стратегом, поднимающимся на такую высоту в понимании ленинских принципов и в искусстве применять их, что может использовать их в смежной с политикой области — в военном деле. Нет надобности говорить о том, что участие в «Пятерке», политически руководившей Октябрьским восстанием, и в «Семерке», ведавшей делом непосредственной его организации, подчеркивает также эту сторону у тов. Сталина.

Неслучайно поэтому, что в «Вопросах ленинизма» дан самый яркий и чеканный после ленинских работ разбор основ стратегии и тактики ленинизма, подчеркнуты ее цельность и научный характер.

Неслучайно также, что, после смерти Ленина, тов. Сталин сумел дать не менее яркие образцы применения ленинских тактических принципов в сложной обстановке последних лет. Сталин со всей четкостью поставил на XIV с'езде индустриализацию, как основную и генеральную задачу партии; развертывание крупной промышленности, как основное звено нашего социалистического строительства.

На XV с'езде Сталиным был заострен вопрос о необходимости перевода мелкого распыленного земледелия на рельсы крупного обобществленного хозяйства. Сталин повернул тогда внимание партии к тому, что вопрос «кто кого» из области обращения, торговли, где его видел Ленин для первых лет нэпа, переместился в область сельскохозяйственного производства.

Эти факты — прекрасно иллюстрируют уменье пользоваться диалектикой, в частности, применять ленинское учение о «звене».

И в этой области мощь Сталина проистекает из уменья сочетать глубокое понимание ленинизма с огромным практическим опытом, с прекрасным знанием партии и рабочего класса.

С именем Сталина неразрывно связано и такое первостепенной важности дело после смерти Ленина, как создание более широкого коллективного руководства в партии на смену Ленину, как сплочение партии на основе ленинской принципиальности и непримиримости. Здесь трудности были особенно велики. Тем больше заслуга Сталина в этой области перед партией.

Как раз по этой линии нападки на ЦК и, в особенности, на Сталина лично были исключительно остры. Очень велико было стремление, в

том числе и со стороны некоторых «вождей», потащить партию по линии гнилых принципиальных компромиссов: так быстро растеряли они без Ленина свой багаж в условиях сложного международного переплета и наличия немалых мелкобуржуазных шатаний в стране и в некоторых прослойках рабочего класса.

Как скала, выдерживал Сталин все эти атаки. Его принципиальность, твердокаменность и непримиримость сплотили вокруг него Центральный Комитет и сделали его символом большевистской непримиримости и партийности. Именно, на этой основе удалось сплотить подавляющее большинство партии и заставить капитулировать колеблющихся или отходящих от ее линии.

После смерти Ленина на тов. Сталина все более падала и тяжесть руководящей работы в КИ. Разработка Сталиным основ ленинизма, как международного учения о пролетарской революции, как марксизма эпохи империализма; его разработка ленинского закона о неравномерном развитии капитализма и вопроса о конкретных путях развития революции (возможность победы первоначально в отдельных странах), все это служило вооружению ленинской теорией не только ВКП(б), но и братских компартий.

У нас нет возможности характеризовать участие Сталина в повседневной работе КИ. Но особо должна быть отмечена, однако, его роль в разработке положения Коминтерна об оценке «третьего периода» и в том повороте во всей работе Коминтерна, который связан с наступлением революционного под'ема. На этом примере Сталин демонстрирует на международной арене, что он не даром учился у Ленина искусству крутых поворотов, что он этим искусством овладел.

В этой связи необходимо указать и на то, что сосредоточение огня на «левом» крыле социал-демократии, на правых и примиренцах, как на социал-демократическом охвостьи в компартиях, что эта новая ориентировка дана Коминтерном под непосредственным руководством тов. Сталина.

Наконец, нельзя не отметить участие Сталина в работе над программой КИ. Здесь стояла и в высокой степени ответственная задача формулировки основ марксистско-ленинского учения и очень сложная и большая работа по подытоживанию и освещению марксистско-ленинской диалектикой огромного опыта международной борьбы в передовых странах и в колониях и опыта строительства в СССР. То, что Сталин дал после смерти Ленина наиболее четкую разработку основ ленинизма и обнаружил наиболее глубокое, чем кто-бы ни был другой, понимание и применение революционной диалектики — это явилось одним из решающих моментов, обеспечивших выдержанность и последовательность программы Коминтерна в духе марксизма-ленинизма.

Грандиозный размах социалистического строительства, перспективы еще большего разворачивания его в ближайшие годы, напряженный и невиданно-высокий темп развития—все это требует от партийных кадров работы по-новому, соответствующей по методам и темпу задачам «догнать и перегнать». Все это делает, как нельзя более своевременным, сказанное Сталиным о ленинском стиле в работе:

> «Ленинизм есть теоретическая и практическая школа, вырабатывающая особый тип партийного и государственного работника. ...Соединение русского революционного размаха с американскою деловитостью—в этом суть ленинизма в партийной и государственной работе. Только такое соединение дает нам законченный тип работника-ленинца, стиль ленинизма в работе». («Об основах ленинизма», гл. IX).

Этот законченный тип являет нам всей своей деятельностью товарищ Сталин.

И. Сталин.

О правом уклоне в ВКП (б) [1].

(Из речи на пленуме ЦК ВКП(б) в апреле 1929 г.).

1. Классовые сдвиги и наши разногласия.

В чем состоят наши разногласия, с чем они связаны?

Они связаны, прежде всего, с вопросом о классовых сдвигах, происходящих в последнее время в нашей стране и в капиталистических странах. Некоторые товарищи думают, что разногласия в нашей партии имеют случайный характер. Это неверно, товарищи. Это совершенно неверно. Разногласия в нашей партии возникли на почве тех классовых сдвигов, на почве того обострения классовой борьбы, которое происходит в последнее время, и которое создает перелом в развитии. Главная ошибка группы тов. Бухарина состоит в том, что она не видит этих сдвигов и этого перелома, не видит и не хочет их замечать. Этим, собственно, и об'ясняется то непонимание новых задач партии и Коминтерна, которое составляет характерную черту новой оппозиции.

Заметили ли вы, товарищи, что руководители новой оппозиции в своих речах на пленуме ЦК и ЦКК совершенно обошли вопрос о классовых сдвигах в нашей стране, ни единым словом не упомянули об обострении классовой борьбы и не дали даже отдаленного намека на то, что наши разногласия связаны с этим, именно, обострением классовой борьбы? Они говорили обо всем: и о философии, и о теории, но не сказали ни единого слова о тех классовых сдвигах, которые определяют ориентацию и практику нашей партии в данный момент. Чем об'ясняется эта странность? Может быть, забывчивостью? Конечно, нет! Политики не могут забывать о главном. Об'ясняется это тем, что они не видят и не понимают новых революционных процессов, происходящих теперь как у нас, в нашей стране, так и в капиталистических странах. Об'ясняется это тем, что они проглядели главное, проглядели те классовые сдвиги, которых не имеет права проглядывать политик. Этим, собственно, и об'ясняется растерянность и безоружность, которую проявляет новая оппозиция перед лицом новых задач нашей партии.

Вспомните о последних событиях в нашей партии. Вспомните о тех лозунгах, которые дала за последнее время партия в связи с новыми классовыми сдвигами в нашей стране. Я говорю о таких лозунгах, как лозунг самокритики, лозунг заострения борьбы с бюрократизмом и чистки соваппарата, лозунг организации новых хозяйственных кадров и красных специалистов, лозунг усиления колхозного и совхозного движения, лозунг наступления на кулака, лозунг снижения себестоимости и коренного улучшения практики профсоюзной работы, лозунг чистки партии и т. д. Некоторым товарищам эти лозунги показались

[1]) Публикуется впервые.

сногсшибательными и головокружительными. А между тем ясно, что эти лозунги являются самыми необходимыми и актуальными лозунгами партии в данный момент.

Началось дело с того, что мы в связи с шахтинским делом заново поставили вопрос о новых хозяйственных кадрах, вопрос о выработке красных специалистов из людей рабочего класса на смену старым спецам. Что выяснилось в связи с шахтинским делом? Выяснилось то, что буржуазия далеко еще не добита, что она организует и будет организовывать вредительство в нашем хозяйственном строительстве, что наши хозяйственные, профсоюзные и отчасти партийные организации проглядели подкопную работу наших классовых врагов, что надо, стало быть, наши организации укреплять и улучшать всеми силами, всеми средствами, развивая и укрепляя их классовую бдительность.

В связи с этим заострился вопрос о лозунге самокритики. Почему? Потому что нельзя улучшать наши хозяйственные, профсоюзные и партийные организации, нельзя двигать вперед дело строительства социализма и обуздания буржуазного вредительства, не развивая во-всю критику и самокритику, не ставя под контроль масс работу наших организаций. А ведь это факт, что вредительство имело и продолжает иметь место не только в угольных районах, но и в области металла, но и в области военной промышленности, но и в НКПС, в золотой и платиновой промышленности и т. д. и т. п. Отсюда лозунг самокритики.

Далее, в связи с хлебозаготовительными затруднениями, в связи с выступлением кулачества против советской политики цен, мы заострили вопрос о всемерном развитии колхозов и совхозов, о наступлении на кулака, об организации хлебозаготовок в порядке нажима на кулацко-зажиточные элементы. Что выяснили хлебозаготовительные затруднения? Они выяснили то, что кулак не дремлет, кулак растет, он организует подкопы против политики Советской власти, а наши партийные, советские и кооперативные организации, во всяком случае часть из них, либо не видят врага, либо приспособляются к нему вместо того, чтобы бороться с ним.

Отсюда новое заострение лозунга самокритики, лозунга проверки и улучшения наших партийных, кооперативных и вообще заготовительных организаций.

Далее, в связи с новыми задачами реконструкции промышленности и сельского хозяйства на базе социализма, возник лозунг о систематическом снижении себестоимости, об укреплении трудовой дисциплины, о развертывании социалистического соревнования и т. д. Эти задачи потребовали пересмотра всей практики профессиональных союзов и советского аппарата, коренного оживления этих организаций и чистки этих организаций от элементов бюрократизма.

Отсюда заострение лозунга о борьбе с бюрократизмом в профсоюзах и соваппарате.

Наконец, вопрос о лозунге чистки партии. Было бы смешно думать, что можно укрепить наши советско-хозяйственные и профсоюзно-кооперативные организации, можно очистить их от скверны бюрократизма, не отточив самую партию. Не может быть сомнения, что бюрократические элементы живы не только в хозяйственно-кооперативных и в профсоюзно-советских организациях, но и в организациях самой партии. Если партия является руководящей силой всех этих организаций, то ясно, что чистка партии представляет то необходимое условие, без которого не может быть проведено до конца оживление и улучшение всех прочих организаций рабочего класса. Отсюда лозунг о чистке партии.

Случайны ли эти лозунги? Нет, не случайны. Вы сами видите, что они не случайны. Они составляют необходимые звенья одной

неразрывной цепи, называемой наступлением социализма против элементов капитализма.

Они связаны, прежде всего, с периодом реконструкции нашей промышленности и нашего сельского хозяйства на базе социализма. А что собой представляет реконструкция народного хозяйства на базе социализма? Она представляет наступление социализма против капиталистических элементов народного хозяйства по всему фронту. Это есть серьезнейший сдвиг рабочего класса нашей страны в сторону построения социализма. Но, чтобы провести эту реконструкцию, надо прежде всего улучшить и укрепить кадры социалистического строительства, как хозяйственно-советские и профсоюзные, так и партийно-кооперативные, надо отточить все наши организации, очистить их от скверны, надо поднять активность миллионных масс рабочего класса и крестьянства.

Эти лозунги связаны, во-вторых, с фактом сопротивления капиталистических элементов народного хозяйства против наступающего социализма. Нельзя считать случайностью так называемое шахтинское дело. «Шахтинцы» сидят теперь во всех отраслях нашей промышленности. Многие из них выловлены, но далеко еще не все выловлены. Вредительство буржуазной интеллигенции есть одна из самых опасных форм сопротивления против развивающегося социализма. Вредительство тем более опасно, что оно связано с международным капиталом. Буржуазное вредительство, есть несомненный показатель того, что капиталистические элементы далеко еще не сложили оружия, что они накопляют силы для новых выступлений против Советской власти. Что касается капиталистических элементов деревни, то тем более нельзя считать случайностью выступление кулачества, продолжающееся вот уже второй год, против советской политики цен. Многие еще до сих пор не могут об'яснить того факта, что кулак давал хлеб в порядке самотека до 1927 г., а после 1927 г. перестал он давать хлеб в порядке самотека. Но в этом обстоятельстве нет ничего удивительного. Если раньше кулак был еще сравнительно слаб, не имел возможности серьезно устроить свое хозяйство, не имел достаточных капиталов для укрепления своего хозяйства, в виду чего он был вынужден выносить все или почти все излишки своего хлебного производства на рынок, то теперь, после ряда урожайных годов, когда он успел обстроиться хозяйственно, когда ему удалось накопить необходимые капиталы, — он получил возможность маневрировать на рынке, он получил возможность отложить хлеб, эту валюту валют, в резерв для себя, предпочитая вывозить на рынок мясо, овес, ячмень и прочие второстепенные культуры. Смешно было бы теперь надеяться, что можно взять хлеб у кулака добровольно. Вот, где корень того сопротивления, которое оказывает теперь кулак политике Советской власти.

А что собой представляет сопротивление капиталистических элементов города и деревни наступлению социализма? Это есть перегруппировка сил классовых врагов пролетариата, имеющая своей целью отстоять старое против нового. Не трудно понять, что эти обстоятельства не могут не вызывать обострения борьбы классов. Но, чтобы отбить сопротивление классовых врагов и очистить путь для продвижения социализма, нужно, кроме всего прочего, отточить все наши организации, очистить их от бюрократизма, улучшить их кадры и мобилизовать миллионные массы рабочего класса и трудящихся слоев деревни против капиталистических элементов города и деревни.

Вот на почве каких классовых сдвигов возникли нынешние лозунги нашей партии.

То же самое надо сказать о классовых сдвигах в капиталистических странах. Смешно было бы думать, что стабилизация капитализма осталась без изменений. Тем более смешно было бы утверждать, что стабилизация

укрепляется, становится прочной. На самом деле стабилизация капитализма подтачивается и расшатывается с каждым месяцем, с каждым днем. Обострение борьбы за рынки и сырье, рост вооружений, рост антагонизма между Америкой и Англией, рост социализма в СССР, полевение рабочего класса капиталистических стран, полоса забастовок и классовых битв в странах Европы, рост революционного движения в колониях, в том числе в Индии, рост коммунизма во всех странах мира,—все это такие факты, которые с несомненностью говорят о том, что в странах капитализма нарастают элементы нового революционного под'ема.

Отсюда задача заострения борьбы против социал-демократии, и прежде всего против ее «левого» крыла, как социальной опоры капитализма. Отсюда задача заострения борьбы против правых элементов в компартиях, как агентуры социал-демократического влияния. Отсюда задача заострения борьбы против примиренчества с правым уклоном, как убежища оппортунизма в компартиях. Отсюда лозунг очищения компартий от социал-демократических традиций. Отсюда так называемая новая тактика коммунизма в профсоюзах. Некоторые товарищи не понимают смысла и значения этих лозунгов. Но марксист всегда поймет, что без проведения в жизнь этих лозунгов немыслима подготовка пролетарских масс к новым классовым боям, немыслима победа над социал-демократией, невозможно провести отбор действительных лидеров коммунистического движения, способных повести рабочий класс на борьбу за свержение капитализма.

Вот, товарищи, те классовые сдвиги в нашей стране и в странах капитализма, на основе которых выросли нынешние лозунги нашей партии как по линии ее внутренней политики, так и по линии Коминтерна.

Наша партия видит эти классовые сдвиги. Она понимает значение новых задач и мобилизует силы для разрешения этих задач. Поэтому она встречает события во всеоружии. Поэтому она не боится трудностей, стоящих перед ней, ибо она готова их преодолеть.

Беда новой оппозиции, беда группы т. Бухарина состоит в том, что она не видит этих классовых сдвигов и не понимает новых задач партии. И, именно, потому, что она их не понимает, она переживает состояние полной растерянности, она готова бежать от трудностей, отступить перед ними, сдать позиции.

Видали ли вы рыбаков перед бурей на большой реке, вроде Енисея? Я их видел не раз. Бывает, что одна группа рыбаков, перед лицом наступившей бури, мобилизует все свои силы, воодушевляет своих людей и смело ведет лодку навстречу буре: «держись, ребята, крепче за руль, режь волны, наша возьмет!» Но бывает и другой сорт рыбаков, которые, чуя бурю, падают духом, начинают хныкать и деморализуют свои же собственные ряды: «вот беда, буря наступает, ложись, ребята, на дно лодки, закрой глаза, авось какнибудь вынесет на берег». (Общий смех). Нужно ли еще доказывать, что установка и поведение группы т. Бухарина, как две капли воды, похожи на установку и поведение второй группы рыбаков, в панике отступающих перед трудностями?

Мы говорим, что в Европе назревают условия нового революционного под'ема, что это обстоятельство диктует нам новые задачи по усилению борьбы с правым уклоном в компартиях и изгнанию правых уклонистов из партии, по усилению борьбы с примиренчеством, прикрывающим правый уклон, по усилению борьбы с социал-демократическими традициями в компартиях и т. д., и т. п. А тов. Бухарин нам отвечает, что все это пустяки, что никаких таких новых задач нет у нас, что на самом деле дело идет о том, что большинство ЦК желает «прорабатывать» его, т.-е. тов. Бухарина.

Мы говорим, что классовые сдвиги в нашей стране диктуют нам новые задачи, требующие систематического снижения себестоимости и укрепления

трудовой дисциплины на предприятиях, что проведение этих задач невозможно без коренной перемены всей практики в работе профессиональных союзов. А тов. Томский нам отвечает, что все это пустяки, что никаких таких новых задач нет у нас, что на самом деле дело идет о том, что большинство ЦК желает «прорабатывать» его, т.-е. тов. Томского.

Мы говорим, что реконструкция народного хозяйства диктует нам новые задачи по усилению борьбы с бюрократизмом советско-хозяйственного аппарата, по очищению этого аппарата от гнилых и чуждых элементов, от вредителей и т. д. и т. п. А тов. Рыков нам отвечает, что все это пустяки, что никаких таких новых задач нет у нас, что на самом деле дело идет о том, что большинство ЦК желает «прорабатывать» его, т.-е. тов. Рыкова.

Ну, разве это не смешно, товарищи? Разве не ясно, что тт. Бухарин, Рыков и Томский ничего, кроме своего пупа, не видят на свете?

Несчастье группы т. Бухарина состоит в том, что она не видит новых классовых сдвигов и не понимает новых задач партии. И, именно потому, что она их не понимает, она вынуждена плестись в хвосте за событиями и пасовать перед трудностями.

Вот, где корень наших расхождений.

2. Разногласия по линии Коминтерна.

Я уже говорил, что т. Бухарин не видит и не понимает тех новых задач Коминтерна по изгнанию правых из компартий, обузданию примиренчества и очищению компартий от социал-демократических традиций, которые диктуются нарастающими условиями нового революционного под'ема. Это положение целиком подтвердилось нашими разногласиями по вопросам Коминтерна.

С чего начались разногласия в этой области?

Началось дело с тезисов т. Бухарина на VI конгрессе по международному положению. Обычно тезисы рассматривались предварительно в делегации ВКП. Однако, в данном случае это условие не было соблюдено. Вышло так, что тезисы за подписью тов. Бухарина, направленные в делегацию ВКП, одновременно были разосланы иностранным делегациям VI конгресса. Но тезисы оказались неудовлетворительными в целом ряде пунктов. Делегации ВКП пришлось внести в тезисы около 20 поправок.

Это обстоятельство создало некоторую неловкость в положении т. Бухарина. А кто в этом виноват? Для чего понадобилось тов. Бухарину разослать тезисы иностранным делегациям до рассмотрения их делегацией ВКП? Могла ли делегация ВКП не вносить поправок, если тезисы оказались неудовлетворительными? И вот получилось так, что из делегации ВКП вышли, по сути дела, новые тезисы по международному положению, которые стали противопоставляться иностранными делегациями старым тезисам, подписанным тов. Бухариным. Ясно, что этой неловкости не было бы, если бы т. Бухарин не поторопился с рассылкой своих тезисов иностранным делегациям.

Я хотел бы отметить четыре основные поправки, внесенные в тезисы тов. Бухарина делегацией ВКП. Я хотел бы отметить эти основные поправки для того, чтобы яснее демонстрировать характер разногласий по вопросам Коминтерна.

Первый вопрос — это вопрос о характере стабилизации капитализма. У тов. Бухарина выходило в его тезисах так, что ничего нового, расшатывающего капиталистическую стабилизацию, не происходит в данный момент, что, наоборот, капитализм реконструируется и держится в основном более или менее прочно. Ясно, что с такой характеристикой так называемого третьего периода, т.-е. того периода, который мы теперь переживаем, делегация ВКП не могла согласиться. Она не могла согласиться с этим, так как сохранение такой характеристики третьего периода могло

бы дать пищу нашим критикам говорить о том, что мы становимся на точку зрения так называемого «оздоровления» капитализма, т.-е. на точку зрения Гильфердинга, на точку зрения, на которой мы, коммунисты, не можем стоять. В виду этого делегация ВКП внесла поправку, из которой видно, что капиталистическая стабилизация не прочна, и не может быть прочной, что она расшатывается и будет расшатываться ходом событий, в виду обострения кризиса мирового капитализма. Этот вопрос имеет, товарищи, решающее значение для секций Коминтерна. Расшатывается или упрочивается капиталистическая стабилизация,—от этого зависит вся установка компартий в их повседневной политической работе. Переживаем ли мы период упадка революционного движения, период простого собирания сил, или переживаем период нарастания условий нового революционного под'ема, период подготовки рабочего класса к грядущим классовым боям,—от этого зависит тактическая установка компартий. Поправка делегации ВКП, принятая потом конгрессом, тем, собственно, и хороша, что она дает ясную установку на вторую перспективу, на перспективу нарастания условий нового революционного под'ема.

Второй вопрос — это вопрос о борьбе с социал-демократией. В тезисах т. Бухарина говорилось о том, что борьба с социал-демократией является одной из основных задач секций Коминтерна. Это, конечно, верно. Но этого недостаточно. Для того, чтобы борьба с социал-демократией шла с успехом, необходимо заострить вопрос на борьбе с так называемым «левым» крылом социал-демократии, с тем самым «левым» крылом, которое, играя «левыми» фразами и ловко обманывая, таким образом, рабочих, тормозит дело отхода рабочих от социал-демократии. Ясно, что без разгрома «левых» социал-демократов невозможно преодоление социал-демократии вообще. А между тем в тезисах т. Бухарина вопрос о «левой» социал-демократии оказался совершенно обойденным. Это, конечно, большой недостаток. Поэтому делегации ВКП пришлось внести соответствующую поправку в тезисы т. Бухарина, принятую потом конгрессом.

Третий вопрос — это вопрос о примиренчестве в секциях Коминтерна. В тезисах т. Бухарина говорилось о необходимости борьбы с правым уклоном, но там не оказалось ни единого слова о борьбе против примиренчества с правым уклоном. Это, конечно, большой недостаток. Дело в том, что когда об'является война правому уклону, правые уклонисты обычно перекрашиваются в примиренцев и ставят партию в затруднительное положение. Чтобы предупредить этот маневр правых уклонистов, необходимо поставить вопрос о решительной борьбе с примиренчеством. Поэтому делегация ВКП сочла необходимым внести соответствующую поправку в тезисы тов. Бухарина, принятую потом конгрессом.

Четвертый вопрос — это вопрос о дисциплине. В тезисах тов. Бухарина не оказалось упоминания о необходимости сохранения железной дисциплины в компартиях. Это тоже не маловажный недостаток. Почему? Потому, что в период усиления борьбы с правым уклоном, в период проведения лозунга очищения компартий от оппортунистических элементов, правые уклонисты обычно организуются во фракцию, создают свою собственную фракционную дисциплину, а дисциплину партии ломают и разрушают. Чтобы оградить партию от фракционных вылазок правых уклонистов, необходимо поставить вопрос о железной дисциплине партии и о безусловном подчинении членов партии этой дисциплине. Без этого нечего и думать о серьезной борьбе с правым уклоном. Поэтому делегация ВКП внесла в тезисы тов. Бухарина соответствующую поправку, принятую потом VI конгрессом.

Могли ли мы не внести этих поправок в тезисы тов. Бухарина? Ясно, что не могли. В старину говорили про философа Платона: Платона мы любим, но истину еще больше. То же самое можно было бы сказать о тов. Бухарине: Бухарина мы любим, но истину, но партию, но Коминтерн любим мы еще

больше. Поэтому делегация ВКП оказалась вынужденной внести эти поправки в тезисы тов. Бухарина.

Это, так сказать, первый этап наших разногласий по вопросам Коминтерна.

Второй этап наших разногласий связывается с так называемым делом Витторфа и Тельмана. Витторф—это бывший секретарь гамбургской организации, обвиненный в растрате партийных денег. Он был исключен за это из партии. Примиренцы в ЦК германской компартии, воспользовавшись близостью Витторфа к тов. Тельману, хотя тов. Тельман и не имел ничего общего с преступлением Витторфа, превратили дело Витторфа в дело Тельмана и стали опрокидывать руководство германской компартии. Вы, должно быть, знаете уже из сообщений в печати, что примиренцам Эверту и Герхарту удалось тогда временно увлечь за собой большинство ЦК германской компартии против тов. Тельмана. И что же? Они отстранили Тельмана от руководства, стали обвинять его в коррупции и опубликовали «соответствующую» резолюцию без ведома и санкции Исполкома Коминтерна. Таким образом, вместо выполнения директивы VI конгресса КИ о борьбе с примиренчеством, вместо борьбы с правым уклоном и примиренчеством получилось на деле грубейшее нарушение этой директивы, получилась борьба с революционным руководством германской компартии, борьба с тов. Тельманом, борьба, имеющая своей целью прикрытие правого уклона и утверждение примиренчества в рядах германских коммунистов.

И вот, вместо того, чтобы повернуть руль и выправить положение, вместо того, чтобы восстановить в правах нарушенную директиву VI конгресса, призвать к порядку примиренцев, т. Бухарин предлагает в своем известном письме санкционировать переворот примиренцев, отдать КПГ примиренцам, а т. Тельмана вновь ошельмовать в печати, сделав еще раз заявление об его виновности. И это называется «руководитель» Коминтерна! Да разве бывают на свете такие «руководители»?

ЦК обсудил предложение тов. Бухарина и отверг его. Это, конечно, не понравилось тов. Бухарину. Но кто же тут виноват? Решения VI конгресса приняты не для того, чтобы их нарушать, а для того, чтобы их исполнять. Если VI конгресс постановил об'явить борьбу правому уклону и примиренчеству, сохранив руководство за основным ядром германской компартии во главе с тов. Тельманом, а примиренцам Эверту и Герхарту пришло в голову опрокинуть это решение, то обязанность т. Бухарина состояла в том, чтобы призвать к порядку примиренцев, а не оставлять за ними руководство в германской компартии. Виноват тов. Бухарин, «забывший» о решениях VI конгресса.

Третий этап наших разногласий связывается с вопросом о борьбе с правыми в германской компартии, с вопросом о разгроме фракции Брандлера и Тальгеймера и исключении лидеров этой фракции из германской компартии. «Позиция» тов. Бухарина и его друзей в этом кардинальном вопросе состояла в том, что они все время уклонялись от участия в решении этого вопроса. По сути дела, решался вопрос о судьбе германской компартии. А тов. Бухарин и его друзья, зная об этом, тем не менее все время тормозили дело, систематически уклоняясь от участия в заседаниях соответствующих инстанций. Ради чего? Ради того, должно быть, чтобы остаться «чистенькими» и перед Коминтерном, и перед правыми в германской компартии. Ради того, чтобы потом можно было сказать: «это не мы, бухаринцы, а они, большинство ЦК, провели исключение Брандлера и Тальгеймера из компартии». И это называется борьбой с правой опасностью!

Наконец, четвертый этап наших разногласий. Он связан с требованием т. Бухарина перед ноябрьским Пленумом ЦК об отзыве т. Неймана из Германии и о том, чтобы призвать к порядку т. Тельмана, выступав-

щего, якобы, в одной из своих речей с критикой доклада т. Бухарина на VI конгрессе. Мы, конечно, не могли согласиться с т. Бухариным, не имея в руках ровно никаких документов, подтверждающих требование т. Бухарина. Тов. Бухарин обещал представить документы против Неймана и Тельмана. Однако, никаких документов он не представил. Вместо документов он разослал членам делегации ВКП известную речь тов. Эмбер-Дро в Политсекретариате ИККИ, ту самую речь, которую потом Президиум ИККИ квалифицировал, как речь оппортунистическую. Рассылая речь Эмбер-Дро членам делегации ВКП и рекомендуя ее, как материал против Тельмана, т. Бухарин хотел доказать правильность своего требования об отзыве т. Неймана и о том, чтобы призвать к порядку т. Тельмана. На деле же он доказал этим, что он солидарен с т. Эмбер-Дро, позиция которого считается ИККИ позицией оппортунистической.

Вот, товарищи, главные пункты наших разногласий по вопросам Коминтерна.

Тов. Бухарин думает, что, ведя борьбу против правого уклона и примиренчества с ним в секциях Коминтерна, очищая германскую и чехо-словацкую компартии от социал-демократических элементов и традиций, выбрасывая из компартий Брандлеров и Тальгеймеров, мы «разлагаем» тем самым Коминтерн, «губим» Коминтерн. Мы же думаем, наоборот, что, проводя такую политику и заостряя вопрос на борьбе с правым уклоном и примиренчеством с ним, мы укрепляем Коминтерн, очищаем его от оппортунистов, большевизируем его секции и помогаем компартиям готовить рабочий класс к грядущим революционным схваткам.

Вы видите, что это не простые оттенки в рядах ЦК ВКП, а довольно серьезные разногласия по коренным вопросам политики Коминтерна.

3. Разногласия по линии внутренней политики.

Я говорил перед этим о классовых сдвигах и о классовой борьбе в нашей стране. Я говорил, что группа т. Бухарина заражена слепотой и не видит этих сдвигов, не понимает новых задач партии. Я говорил, что на этой почве возникли у новой оппозиции растерянность, боязнь трудностей, готовность спасовать перед ними. Нельзя сказать, чтобы эти ошибки новой оппозиции упали с неба. Наоборот, они связаны с той полосой развития, которая уже пройдена и которая называется периодом в о с с т а н о в л е н и я народного хозяйства, когда строительство шло мирным путем, так сказать в порядке самотека, когда не было еще тех классовых сдвигов, которые имеются теперь, когда не было еще того обострения классовой борьбы, которое мы наблюдаем теперь. Но теперь у нас новая полоса развития, отличная от старого периода, от периода восстановления. Теперь у нас новый период строительства, период р е к о н с т р у к ц и и всего народного хозяйства на базе социализма. Этот новый период вызывает новые классовые сдвиги, обострение классовой борьбы. Он требует новых приемов борьбы, перегруппировки наших сил, улучшения и укрепления всех наших организаций. Несчастие группы т. Бухарина в том именно и состоит, что она живет в прошлом, она не видит характерных особенностей этого нового периода и не понимает необходимости новых приемов борьбы. Отсюда ее слепота, растерянность, паника перед трудностями.

а) О классовой борьбе.

В чем состоит теоретическая основа этой слепоты и этой растерянности группы т. Бухарина?

Я думаю, что теоретической основой этой слепоты и растерянности является неправильный, немарксистский подход т. Бухарина к вопросу о классовой борьбе в нашей стране. Я имею в виду немарксистскую теорию т. Бухарина о врастании кулачества в социализм, непонимание механики классовой борьбы в обстановке диктатуры пролетариата.

Здесь цитировали несколько раз известное место из книжки т. Бухарина «Путь к социализму» о врастании кулачества в социализм. Но оно цитировалось здесь с некоторыми пропусками. Позвольте процитировать его полностью. Это необходимо, товарищи, для того, чтобы продемонстрировать всю глубину отхода т. Бухарина от марксистской теории классовой борьбы. Слушайте:

> «Основная сеть наших кооперативных крестьянских организаций будет состоять из кооперативных ячеек не кулацкого, а «трудового» типа, ячеек, врастающих в систему наших общегосударственных органов и становящихся таким путем **з в е н ь я м и е д и н о й ц е п и с о ц и а л и с т и ч е с к о г о х о з я й с т в а**. С другой стороны, **к у л а ц к и е к о о п е р а т и в н ы е г н е з д а б у д у т т о ч н о т а к ж е**, через банки и т. д., **в р а с т а т ь в э т у ж е с и с т е м у**; но они будут **д о и з в е с т н о й с т е п е н и ч у ж е р о д н ы м т е л о м**, **п о д о б н о**, например, **к о н ц е с с и о н н ы м п р е д п р и я т и я м**»[1]. (Н. Бухарин. «Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз», стр. 49).

Цитируя это место из брошюры т. Бухарина, некоторые товарищи почему-то пропускали последнюю фразу о концессионерах. Тов. Розит, желая, видимо, помочь т. Бухарину, воспользовался этим и кричал здесь с места, что Бухарина искажают. А между тем, соль всей цитаты состоит именно в последней фразе о концессионерах. Ибо, если концессионеры ставятся на одну доску с кулаками, а кулаки врастают в социализм, то что из этого получается? Из этого получается только одно, а именно, что концессионеры также врастают в социализм, что не только кулаки, но и концессионеры врастают в социализм. (Общий смех).

Вот, что получается из этого, т. Розит.

Р о з и т. — У тов Бухарина сказано — «чужеродным телом».

С т а л и н. — У Бухарина сказано, тов. Розит, не «чужеродным телом», а «до известной степени чужеродным телом». Стало быть, кулаки и концессионеры являются «до известной степени» чужеродным телом в системе социализма. Но в том-то именно и состоит ошибка т. Бухарина, что кулаки и концессионеры, будучи «до известной степени» чужеродным телом, все же врастают в социализм. Вот до какой чепухи доводит теория т. Бухарина. Капиталисты города и деревни, кулаки и концессионеры, врастающие в социализм, — вот до какой глупости договорился т. Бухарин. Нет, товарищи, не нужно нам такого «социализма». Пусть возьмет его себе т. Бухарин.

До сих пор мы, марксисты-ленинцы, думали, что между капиталистами города и деревни, с одной стороны, и между рабочим классом, с другой стороны, существует **н е п р и м и р и м а я** противоположность интересов. На этом именно и зиждется марксистская теория классовой борьбы. А теперь, согласно теории Бухарина о **м и р н о м в р а с т а н и и** капиталистов в социализм, все это переворачивается вверх дном, непримиримая противоположность классовых интересов эксплоататоров и эксплоатируемых исчезает, эксплоататоры врастают в социализм.

Р о з и т. — Неверно это, диктатура пролетариата предполагается.

С т а л и н. — Но диктатура пролетариата есть самая острая форма классовой борьбы.

Р о з и т. — Вот в том-то и дело.

С т а л и н. — А у Бухарина выходит, что в эту самую диктатуру пролетариата врастают капиталисты. Как же вы не понимаете этого, т. Розит? Против кого же надо вести борьбу, против кого же надо вести самую острую

[1] Подчеркнуто мною. *И. Ст.*

форму классовой борьбы, если капиталисты города и деревни врастают в систему диктатуры пролетариата? Диктатура пролетариата нужна для того, чтобы вести непримиримую борьбу с капиталистическими элементами; для того, чтобы подавлять буржуазию и вырвать капитализм с корнями. Но если капиталисты города и деревни, если кулак и концессионер врастают в социализм, нужна ли вообще после этого диктатура пролетариата, и если она нужна, то для подавления какого класса?

Розит. — В том-то и дело, что врастание у Бухарина предполагает классовую борьбу.

Сталин. — Я вижу, что т. Розит поклялся услужить т. Бухарину. Но услуга у него получается медвежья, ибо он, желая спасти Бухарина, на самом деле топит его без остатка. Недаром сказано, что «услужливый медведь опаснее врага». (Общий хохот).

Одно из двух: либо между классом капиталистов и классом рабочих, пришедших к власти и организовавших свою диктатуру, имеется непримиримая противоположность интересов, либо этой противоположности интересов нет, и тогда остается одно — об'явить гармонию классовых интересов.

Либо марксова теория борьбы классов, либо теория врастания капиталистов в социализм. Либо непримиримая противоположность классовых интересов, либо теория гармонии классовых интересов. Одно из двух.

Можно еще понять «социалистов» типа Брентано или Сиднея Вебба, проповедующих врастание социализма в капитализм и капитализма в социализм, ибо эти «социалисты» являются на деле антисоциалистами, буржуазными либералами. Но нельзя понять человека, желающего быть марксистом и вместе с тем проповедующего теорию врастания капиталистов в социализм.

Тов. Бухарин попытался в своей речи подкрепить теорию врастания кулаков в социализм ссылкой на известную цитату из Ленина. При этом он утверждает, что Ленин говорит тоже самое, что и Бухарин. Это неверно, товарищи. Это грубая и непозволительная клевета на Ленина. Вот текст этой цитаты из Ленина:

> «Конечно, в нашей советской республике социальный строй основан на сотрудничестве двух классов: рабочих и крестьян, к которому теперь допущены на известных условиях и «нэпманы», т.-е. буржуазия». («Как нам реорганизовать Рабкрин», т. XVIII, ч. 2, стр. 124).

Вы видите, что здесь нет ни одного слова насчет врастания капиталистов в социализм. Здесь говорится лишь о том, что мы «допустили» к сотрудничеству рабочих и крестьян «на известных условиях» и нэпманов, т.-е. буржуазию. Что это значит? Значит ли это, что мы тем самым допустили возможность врастания нэпманов в социализм? Конечно, не значит. Так могут толковать цитату из Ленина лишь люди, потерявшие стыд. Это значит лишь то, что мы буржуазию сейчас не уничтожаем, что мы ее сейчас не конфискуем, а допускаем ее существование на известных условиях, т.-е. при безусловном подчинении законам диктатуры пролетариата, т.-е. при возрастающем ограничении капиталистов, имеющем своей целью постепенное вытеснение их из народно-хозяйственной жизни. Можно ли провести в жизнь вытеснение капиталистов и уничтожение корней капитализма без ожесточенной классовой борьбы? Нет, нельзя. Можно ли уничтожить классы при теории и практике врастания капиталистов в социализм? Нет, нельзя. Такая теория и практика может лишь культивировать и увековечить классы, ибо она, эта теория, противоречит теории классовой борьбы. Ну, а цитата из Ленина целиком и полностью базируется на марксистской теории классовой борьбы в обстановке диктатуры пролетариата. Что может быть общего между теорией Бухарина о врастании кулака в социализм и между теорией Ленина о диктатуре, как об ожесточенной классовой борьбе? Ясно, что тут нет и не может быть ничего общего. Тов. Бухарин думает, что при диктатуре пролетариата классовая борьба должна потаснуть и ликвидироваться для того, чтобы получилось уничтожение классов. Ленин же, наоборот, учит, что классы могут быть уничтожены лишь путем упорной классовой борьбы, становящейся в условиях диктатуры пролетариата еще более ожесточенной, чем до диктатуры пролетариата.

> «Уничтожение классов,— говорит Ленин,— дело долгой, трудной, упорной классовой борьбы, которая после свержения власти капитала, после разрушения буржуазного государства, после установления диктатуры пролетариата не исчезает (как воображают пошляки старого социализма и старой социал-демократии), а только меняет свои формы, становясь во многих отношениях еще ожесточеннее». (Ленин, т. XVI, стр. 227 — «Привет венгерским рабочим»).

Вот, что говорит Ленин об уничтожении классов.

Уничтожение классов, путем ожесточенной классовой борьбы пролетариата, — такова формула Ленина.

Уничтожение классов, путем потухания классовой борьбы и врастания капиталистов в социализм, — такова формула т. Бухарина.

Что может быть общего между этими двумя формулами? Ясно, что между ними нет и не может быть ничего общего.

Бухаринская теория врастания кулаков в социализм представляет, таким образом, отход от марксистско-ленинской теории классовой борьбы. Она есть приближение к теории катедер-социализма.

В этом основа всех ошибок т. Бухарина и его друзей.

Могут сказать, что не стоит долго распространяться о бухаринской теории врастания кулаков в социализм, так как она сама говорит, и не только говорит, а кричит против т. Бухарина. Это неверно, товарищи. Пока эта теория лежала под спудом, можно было не обращать на нее внимания, мало ли какие глупости имеются в писаниях различных товарищей. Мы так и поступали до последнего времени. Но в последнее время обстановка несколько изменилась. Мелкобуржуазная стихия, разыгравшаяся в последние годы, стала одухотворять эту антимарксистскую теорию, придавая ей актуальный характер. Теперь уже нельзя сказать, что она лежит под спудом. Теперь она, эта странная теория т. Бухарина, имеет претензию стать знаменем правого уклона в нашей партии, знаменем оппортунизма. Поэтому мы не можем уже пройти мимо этой теории. Поэтому мы обязаны ее расколотить, как теорию неправильную и вредную, для того, чтобы облегчить нашим партийным товарищам борьбу с правым уклоном.

б) Об обострении классовой борьбы.

Вторая ошибка тов. Бухарина, вытекающая из первой его ошибки, состоит в неправильном, в немарксистском подходе к вопросу об обострении классовой борьбы, об усилении сопротивления капиталистических элементов социалистической политике Советской власти. О чем идет здесь речь? Не о том ли, что капиталистические элементы растут быстрее, чем социалистический сектор нашего хозяйства, и что в виду этого они усиливают свое сопротивление, подрывая социалистическое строительство? Нет, не об этом. Да к тому же неверно, что капиталистические элементы растут будто бы быстрее социалистического сектора. Если бы это было верно, то социалистическое строительство было бы уже на краю гибели. Речь идет о том, что социализм успешно наступает на капиталистические элементы, социализм растет быстрее капиталистических элементов, удельный вес капиталистических элементов в виду этого падает и именно потому, что удельный вес капиталистических элементов падает, капиталистические элементы чуют

смертельную опасность и усиливают свое сопротивление. А усилить свое сопротивление они пока еще имеют возможность не только потому, что мировой капитализм оказывает им поддержку, но и потому, что, несмотря на падение их удельного веса, несмотря на снижение их относительного роста в сравнении с ростом социализма, абсолютный рост капиталистических элементов все же происходит, и это дает им известную возможность накоплять силы для того, чтобы сопротивляться росту социализма. На этой основе и возникает *на данной стадии развития, при данных условиях* соотношения сил обострение классовой борьбы и усиление сопротивления капиталистических элементов города и деревни. Ошибка тов. Бухарина и его друзей состоит в том, что они не понимают этой простой и очевидной истины. Их ошибка состоит в том, что они подходят к делу не по-марксистски, а по-обывательски, пытаясь об'яснить обострение классовой борьбы всякого рода случайными причинами, скажем, «негодностью» советского аппарата, «неосторожной» политикой местных товарищей, «отсутствием» гибкости, «перегибами» и т. д. и т. п.

Вот, например, цитата из брошюры т. Бухарина «Путь к социализму», демонстрирующая совершенно не-марксистский подход к вопросу об обострении классовой борьбы:

> «То тут, то там, классовая борьба в деревне вспыхивает в прежних своих проявлениях, при чем это обострение вызывается обычно кулацкими элементами. Когда, например, кулаки или наживающиеся за чужой счет и пролезшие в органы Советской власти люди начинают стрелять по селькорам, это есть проявление классовой борьбы в самой острой форме. (Это неверно, так как самая острая форма борьбы есть восстание. *И. Сталин*). Однако, такие случаи бывают обычно там, где еще советский местный аппарат является слабым. *По мере улучшения этого аппарата*, по мере укрепления всех низовых ячеек Советской власти, по мере улучшения и усиления местных деревенских партийных и комсомольских организаций, *такого рода явления* будут, как это совершенно очевидно, становиться все более редкими, в конце концов, *бесследно исчезнут*» [1]). (Бухарин. «Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз», стр. 53—54).

Выходит, таким образом, что обострение классовой борьбы об'ясняется причинами аппаратного характера, годностью или негодностью, слабостью или силой наших низовых организаций. Выходит, например, что вредительство шахтинских буржуазных интеллигентов, которое есть форма сопротивления буржуазных элементов Советской власти и форма обострения классовой борьбы, об'ясняется не соотношением классовых сил, не ростом социализма, а негодностью нашего аппарата. Выходит, что до проявления массового вредительства в шахтинском районе аппарат был у нас хороший, а потом, в момент проявления массового вредительства, аппарат стал почему-то никуда негодным. Выходит, что до прошлого года, когда хлебозаготовки шли самотеком и особого обострения классовой борьбы не было у нас, наши организации на местах были хороши или даже идеальны, а с прошлого года, когда сопротивление кулачества приняло особо острые формы, наши организации стали вдруг плохими и никуда негодными. Это не об'яснение, а издевка над об'яснением. Это не наука, а знахарство.

Чем об'ясняется это обострение?

Двумя причинами.

Во-первых, нашим продвижением вперед, нашим наступлением, ростом социалистических форм хозяйства и в промышленности, и в сельском хозяйстве, ростом, который сопровождается соответствующим вытеснением соответствующих отрядов капиталистов города и деревни. Дело обстоит так, что мы живем по формуле Ленина — «кто кого»: мы ли их, капиталистов, положим на обе лопатки и дадим им, как выражался Ленин, последний решительный бой, или они нас положат на обе лопатки.

[1]) Курсив мой. *И. Ст.*

Во-вторых, тем, что капиталистические элементы не хотят добровольно уходить со сцены, они сопротивляются и будут сопротивляться социализму, ибо видят, что наступают последние дни их существования. А сопротивляться они могут пока еще, так как, несмотря на падение их удельного веса, абсолютно они все-таки растут, мелкая буржуазия, городская и деревенская, выделяет из своей среды, как говорил Ленин, ежедневно, ежечасно капиталистов и капиталистиков, и они, эти капиталистические элементы, принимают все меры к тому, чтобы отстоять свое существование.

Не бывало еще в истории таких случаев, чтобы умирающие классы добровольно уходили со сцены. Не бывало еще в истории таких случаев, чтобы умирающая буржуазия не испробовала всех остатков своих сил для того, чтобы отстоять свое существование. Хорош ли будет у нас низовой советский аппарат или плох, наше продвижение вперед, наше наступление будет сокращать капиталистические элементы и вытеснять их, а они, умирающие классы, будут сопротивляться, несмотря ни на что.

Вот, в чем социальная основа обострения классовой борьбы.

Ошибка т. Бухарина и его друзей состоит в том, что они рост сопротивления капиталистов отождествляют с ростом их удельного веса. Но это отождествление не имеет под собой никакой почвы. Не имеет почвы, так как, если они, капиталисты, сопротивляются, то это вовсе не значит, что они стали сильнее, чем мы. Дело обстоит как раз наоборот. Отживающие классы сопротивляются не потому, что они стали сильнее, чем мы, а потому, что социализм растет быстрее, чем они, и они становятся слабее, чем мы. И именно потому, что они становятся слабее, они чуют последние дни своего существования и вынуждены сопротивляться всеми силами, всеми средствами.

Вот, в чем механика обострения классовой борьбы и сопротивления капиталистов в данный исторический момент.

В чем должна состоять политика партии в виду такого положения вещей?

Она должна состоять в том, чтобы будить рабочий класс и эксплоатируемые массы деревни, поднимать их боеспособность и развивать их мобилизационную готовность для борьбы против капиталистических элементов города и деревни, для борьбы против сопротивляющихся классовых врагов. Марксистско-ленинская теория борьбы классов тем, между прочим, и хороша, что она облегчает мобилизацию рабочего класса против врагов диктатуры пролетариата.

В чем состоит вред бухаринской теории врастания капиталистов в социализм и бухаринского понимания вопроса об обострении классовой борьбы?

В том, что она усыпляет рабочий класс, подрывает мобилизационную готовность революционных сил нашей страны, демобилизует рабочий класс и облегчает наступление капиталистических элементов против Советской власти.

в) О крестьянстве.

Третья ошибка т. Бухарина касается вопроса о крестьянстве. Известно, что вопрос о крестьянстве является у нас одним из важнейших вопросов в нашей политике. Крестьянство в наших условиях состоит из различных социальных группировок, а именно, из бедноты, середняков и кулаков. Понятно, что наше отношение к этим группировкам не может быть одинаково. Беднота, как *опора* рабочего класса, середняк, как *союзник*, и кулак, как *классовый враг*, — таково наше отношение к этим социальным группировкам. Все это понятно и общеизвестно. Однако, т. Бухарин смотрит на это дело несколько иначе. При характеристике крестьянства у него выпадает факт диференциации, исчезает куда-то наличие социальных группи-

ровок и остается одно лишь серое пятно, называемое деревней. У него и кулак не кулак, и середняк не середняк, а какая-то сплошная нищета в деревне. Он так и говорил здесь в своей речи: разве наш кулак может быть назван кулаком, да это ведь нищий, говорил он. А наш середняк, разве он похож на середняка, заявлял здесь т. Бухарин, это ведь нищий, живущий впроголодь. Понятно, что такой взгляд на крестьянство является в корне ошибочным взглядом, несовместимым с ленинизмом.

Ленин говорил, что крестьянство есть последний капиталистический класс. Верно ли это положение? Да, безусловно верно. Почему крестьянство квалифицируется, как последний капиталистический класс? Потому что из двух основных классов, из которых состоит наше общество, крестьянство является тем классом, хозяйство которого базируется на частной собственности и мелком товарном производстве. Потому что крестьянство, пока оно остается крестьянством, ведущим мелко-товарное производство, выделяет и не может не выделять из своей среды капиталистов, постоянно и непрерывно. Это обстоятельство имеет для нас решающее значение в вопросе о нашем, марксистском отношении к проблеме союза рабочего класса и крестьянства. Это значит, что нам нужен не всякий союз с крестьянством, а лишь такой союз, который базируется на борьбе с капиталистическими элементами крестьянства. Как видите, тезис Ленина о крестьянстве, как о последнем капиталистическом классе, не только не противоречит идее союза рабочего класса и крестьянства, а наоборот, дает этому союзу основание, как союзу рабочего класса и крестьянства, направленному против капиталистических элементов нашего хозяйства. Ленин выставил этот тезис для того, чтобы показать, что союз рабочего класса и крестьянства может быть прочным лишь в том случае, если он базируется на борьбе с теми самыми капиталистическими элементами, которые выделяет из себя крестьянство.

Ошибка т. Бухарина состоит в том, что он не понимает и не приемлет этой простой вещи, он забывает о социальных группировках в деревне, у него исчезают из поля зрения кулаки и беднота и остается одна лишь сплошная середняцкая масса. Это есть несомненный уклон т. Бухарина вправо в противоположность «левому», троцкистскому уклону, который не видит в деревне других социальных группировок, кроме бедноты и кулаков, и у которого исчезают из поля зрения середняки.

В чем состоит разница между троцкизмом и группой т. Бухарина в вопросе о союзе с крестьянством? В том, что троцкизм высказывается против политики прочного союза с середняцкими массами крестьянства, а бухаринская группа стоит за всякий союз с крестьянством. Нечего и доказывать, что обе эти установки неправильны и они стоят друг друга.

Ленинизм, безусловно стоит за прочный союз с основными массами крестьянства, за союз с середняками, но не за всякий союз, а за такой союз с середняками, который обеспечивает руководящую роль рабочего класса, укрепляет диктатуру пролетариата и облегчает дело уничтожения классов.

> «Под соглашением между рабочим классом и крестьянством,— говорит Ленин,— можно понимать, что угодно. Если не иметь в виду, что соглашение, с точки зрения рабочего класса, лишь тогда является допустимым, правильным и принципиально возможным, когда оно поддерживает диктатуру рабочего класса и является одной из мер, направленных к уничтожению классов, то формула соглашения рабочего класса с крестьянством, конечно, остается формулой, которую все враги Советской власти и все враги диктатуры в своих взглядах и проводят». (Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 257).

И далее:

> «Теперь,— говорит Ленин,— пролетариат держит в руках власть и руководит ею. Он руководит крестьянством. Что это значит — руководить крестьянством? Это значит, во-первых, вести линию на уничтожение классов, а не на мелкого производителя. Если бы мы с этой линии, коренной и основной, сбились, тогда мы перестали бы быть социалистами и попали в лагерь тех мелких буржуа, в лагерь эсеров и меньшевиков, которые являются сейчас самыми злейшими врагами пролетариата». (Сбор. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 270).

Вот она, точка зрения Ленина по вопросу о союзе с основными массами крестьянства, о союзе с середняками.

Ошибка группы т. Бухарина по вопросу о середняке состоит в том, что она не видит двойственной природы, двойственного положения середняка между рабочим классом и между капиталистами. «Середняк есть класс колеблющийся», — говорил Ленин. Почему? Потому что середняк, с одной стороны,—труженик, что сближает его с рабочим классом, а с другой стороны — собственник, что сближает его с кулаком. Отсюда колебания середняка. И это верно не только теоретически. Эти колебания проявляются также на практике ежедневно, ежечасно.

> «Крестьянин,— говорит Ленин,— как труженик, тянет к социализму, предпочитая диктатуру рабочих диктатуре буржуазии. Крестьянин, как продавец хлеба, тянет к буржуазии, к свободной торговле, т. е. назад к «привычному», старому, «исконному» капитализму». (Ленин, т. XVI, стр. 227).

Поэтому союз с середняком может быть прочным лишь в том случае, если он направлен против капиталистических элементов, против капитализма вообще, если он обеспечивает руководящую роль рабочего класса в этом союзе, если он облегчает дело уничтожения классов.

Странно, что группа т. Бухарина забывает об этих простых и понятных вещах.

г) О нэп'е и рыночных отношениях.

Четвертая ошибка т. Бухарина касается вопроса о нэп'е. Ошибка т. Бухарина состоит здесь в том, что он не видит двусторонности нэп'а, он видит только одну сторону нэп'а. Когда мы вводили нэп в 1921 г., мы направляли тогда его острие против военного коммунизма, против такого режима и порядков, которые исключают какую бы то ни было свободу торговли. Мы считали и считаем, что нэп означает известную свободу торговли. Эту сторону дела т. Бухарин запомнил. И это очень хорошо. Но т. Бухарин ошибается, полагая, что эта сторона дела исчерпывает нэп. Тов. Бухарин забывает, что нэп имеет еще другую сторону. Дело в том, что нэп вовсе не означает полной свободы торговли, свободной игры цен на рынке. Нэп есть свобода торговли в известных пределах, в известных рамках при обеспечении регулирующей роли государства и его роли на рынке. В этом, именно, и состоит вторая сторона нэп'а. Причем эта сторона нэп'а не менее, если не более важна, чем первая его сторона. У нас нет на рынке свободной игры цен, как это бывает, обычно, в капиталистических странах. Мы определяем цены на хлеб в основном. Мы определяем цены на промтовары. Мы стараемся проводить политику снижения себестоимости и снижения цен на промтовары, стремясь сохранить стабильность цен на продукты сельского хозяйства. Разве не ясно, что таких особых и специфических порядков на рынке не бывает вообще в капиталистических странах?

Из этого следует, что пока есть нэп, должны быть сохранены обе его стороны, и первая сторона, направленная против режима военного коммунизма и имеющая своей целью обеспечение известной свободы торговли, и вторая сторона, направленная против полной свободы торговли и имеющая своей целью обеспечение регулирующей роли государства на рынке. Уничтожьте одну из этих сторон, — и у вас не будет нэп'а.

Тов. Бухарин думает, что нэп'у может угрожать опасность лишь «слева», со стороны людей, желающих ликвидировать всякую свободу торговли. Это неверно. Это грубейшая ошибка. К тому же такая опасность сейчас менее всего реальна, ибо у нас нет или почти нет теперь таких людей в наших местных и центральных организациях, которые бы не понимали всей необходимости и целесообразности сохранения известной свободы торговли. Гораздо более реальна опасность справа, опасность со стороны людей, желающих ликвидировать регулирующую роль государства на рынке, желающих «раскрепостить» рынок и открыть, таким образом, эру полной свободы торговли. Не может быть никакого сомнения, что эта опасность срыва нэп'а справа гораздо более реальна теперь. Не следует забывать, что мелкобуржуазная стихия работает в этом именно направлении, в направлении срыва нэп'а справа. Следует также помнить, что вопли кулаков и зажиточных элементов, вопли спекулянтов и скупщиков, которым поддаются нередко многие наши товарищи, бомбардируют нэп с этой именно стороны. Тот факт, что т. Бухарин не видит этой второй, действительно реальной опасности срыва нэп'а, — этот факт с несомненностью говорит о том, что он поддался давлению мелкобуржуазной стихии.

Тов. Бухарин предлагает «нормализацию» рынка и «маневрирование» заготовительными ценами на хлеб по районам, т. е. повышение цен на хлеб. Что это значит? Это значит, что его не удовлетворяют советские условия рынка, он хочет спустить на тормозах регулирующую роль государства на рынке и предлагает пойти на уступки мелкобуржуазной стихии, срывающей нэп справа.

Допустим на минутку, что мы последовали советам т. Бухарина. Что из этого получится? Мы подымаем цены на хлеб, скажем, осенью, в начале заготовительного периода. Но так как всегда имеются на рынке люди, всякие спекулянты и скупщики, которые могут заплатить за хлеб втрое больше, и так как мы не можем угнаться за спекулянтами, ибо они покупают всего какой-нибудь десяток миллионов пудов, а нам надо покупать сотни миллионов пудов, то держатели хлеба все равно будут придерживать хлеб, ожидая дальнейшего повышения цен. Стало быть, нам надо вновь прибавить цену на хлеб к весне, когда, главным образом, и начинается основная нужда государства в хлебе. Но что значит повысить цену на хлеб весной? Это значит зарезать бедноту и маломощные слои деревни, которые сами вынуждены прикупать хлеб весной, отчасти для семян, отчасти для еды, тот самый хлеб, который они продали осенью по более дешевой цене. Сможем ли мы добиться чего-нибудь серьезного в результате этих операций в смысле получения достаточного количества хлеба? Вероятнее всего, что не сможем, так как всегда найдутся спекулянты и скупщики, которые сумеют вновь заплатить за тот же хлеб вдвое и втрое больше. Стало быть, мы должны быть готовы к новому повышению цен на хлеб, тщетно стараясь перекрыть спекулянтов и скупщиков.

Но из этого выходит, что, раз став на путь повышения цен на хлеб, мы должны и дальше катиться вниз, не имея гарантии получить достаточное количество хлеба.

Но дело на этом не кончается. Во-первых, подымая заготовительные цены на хлеб, мы должны будем потом поднять цены и на сырье, чтобы сохранить известную пропорцию в ценах на продукты сельского хозяйства. Во-вторых, повышая заготовительные цены на хлеб, мы не сможем сохранить низкую цену на хлеб в городах, — стало быть, должны будем поднять и продажные цены на хлеб. А так как мы не можем и не должны обидеть рабочих, мы должны ускоренным темпом повышать зарплату. Но это не может не повести к тому, чтобы повысить цены и на промтовары, ибо, в противном случае, может получиться перекачка средств из города в деревню, вопреки интересам индустриализации. В результате мы должны будем выравнивать цены на промтовары и сельскохозяйственные продукты не на базе снижающихся или по крайней мере стабилизированных цен, а на базе повышающихся цен, как на хлеб, так и на промтовары. Иначе говоря, мы должны будем держать курс на вздорожание промтоваров и сельско-хоз. продуктов. Не трудно понять, что такое «маневрирование» ценами не может не привести к полной ликвидации советской политики цен, к ликвидации регулирующей роли государства на рынке и к полному развязыванию мелкобуржуазной стихии. Кому это будет выгодно? Только зажиточным слоям города и деревни, ибо дорогие промтовары и сельско-хозяйственные продукты не могут не стать недоступными как для рабочего класса, так и для бедноты и маломощных слоев деревни. Выиграют кулаки и зажиточные, нэпманы и другие состоятельные слои.

Это тоже будет смычка, но смычка своеобразная, смычка с состоятельными слоями деревни и города. Рабочие и маломощные слои деревни будут иметь полное право спросить нас: чья мы власть, рабоче-крестьянская или кулацко-нэпманская?

Разрыв с рабочим классом и с маломощными слоями деревни, смычка с зажиточными слоями деревни и города, — вот к чему должны привести бухаринская «нормализация» рынка и «маневрирование» ценами на хлеб по районам.

Ясно, что партия не может стать на этот гибельный путь.

До чего спутались у т. Бухарина все понятия о нэпе и до чего он крепко засел в плен у мелкобуржуазной стихии, — это видно, между прочим, из того более чем отрицательного отношения, которое он проявляет к вопросу о новых формах товарооборота между городом и деревней, между государством и крестьянством. Он возмущен и вопит против того, что государство стало поставщиком товаров для крестьянства, а крестьянство становится поставщиком хлеба для государства. Он считает это нарушением всех правил нэп'а, чуть ли не срывом нэп'а. Почему, спрашивается, на каком основании? Что может быть плохого в том, что государство, государственная промышленность является поставщиком товаров для крестьянства, а крестьянство — поставщиком хлеба для промышленности, для государства? Что может быть плохого с точки зрения марксизма и марксистской политики нэп'а в том, что крестьянство уже превратилось в поставщика хлопка, свеклы, льна для нужд государственной промышленности, а государственная промышленность — в поставщика городских товаров, семян и орудий производства для этих отраслей сельского хозяйства? Метод контрактации является здесь основным методом установления этих новых форм товарооборота между городом и деревней. Но разве метод контрактации противоречит требованиям нэп'а? Что может быть плохого в том, что крестьянство становится поставщиком государства и по линии хлеба, а не только по линии хлопка, свеклы, льна, благодаря тому же методу контрактации? Почему торговля мелкими партиями, торговля мелочная может называться товарооборотом, а торговля крупными партиями по заранее составленным договорам (контрактация) насчет цен и качества товара не может считаться товарооборотом? Откуда эта несообразность? Разве трудно понять, что эти новые, массовые формы товарооборота по методу контрактации между городом и деревней возникли, именно, на основе нэп'а, что они являются крупнейшим шагом вперед со стороны наших организаций в смысле усиления планового, социалистического руководства народным хозяйством?

Не странно ли, что т. Бухарин разучился понимать эти простые и понятные вещи?

д) О темпе развития индустрии и новых формах смычки.

Наконец, вопрос о темпе развития индустрии и о новых формах смычки между городом и деревней. Этот вопрос является одним из важнейших вопросов наших разногласий. Важность этого вопроса состоит в том, что в нем сосредоточены все нити наших *практических* разногласий по вопросам хозяйственной политики партии.

Что такое новые формы смычки, что это означает с точки зрения нашей хозяйственной политики?

Это означает, прежде всего, что кроме старых форм смычки между городом и деревней, когда промышленность удовлетворяла, главным образом, *личные* потребности крестьянина (ситец, обувь, вообще мануфактура и т. д.), нам нужны еще новые формы смычки, когда промышленность будет удовлетворять *производственные* нужды крестьянского хозяйства (сельхозмашины, трактора, улучшенные семена, удобрения и т. д.). Если мы раньше удовлетворяли, *главным образом*, личные потребности крестьянина, мало задевая производственные нужды его хозяйства, то теперь, продолжая удовлетворять личные потребности крестьянина, нам нужно налегать во-всю на снабжение сельскохозяйственными машинами, тракторами, удобрениями и т. д., имеющими прямое отношение к реконструкции сельскохозяйственного производства на новой технической базе. Пока дело шло о *восстановлении* сельского хозяйства и освоении крестьянами бывших помещичьих и кулацких земель, мы могли удовольствоваться старыми формами смычки. Но теперь, когда дело идет о *реконструкции* сельского хозяйства, этого уже недостаточно. Теперь надо итти дальше, помогая крестьянину перестроить сельскохозяйственное *производство* на базе новой техники и коллективного труда.

Это означает, во-вторых, что наряду с перевооружением нашей промышленности, мы должны начать серьезно перевооружать и сельское хозяйство. Мы перевооружаем и отчасти уже перевооружили нашу промышленность, подводя под нее новую техническую базу, снабжая ее новыми улучшенными машинами, новыми улучшенными кадрами. Мы строим новые заводы и фабрики, мы реконструируем и расширяем старые, мы развиваем металлургию, химию, машиностроение. На этой основе растут города, множатся новые промышленные пункты, расширяются старые. На этой базе растет спрос на продовольственные продукты, на сырье для промышленности. А сельское хозяйство остается при старых орудиях, при старых, дедовских методах обработки земли, при старой, примитивной, теперь уже негодной или почти негодной технике, при старых мелко-крестьянских индивидуальных формах хозяйствования и труда. Чего стоит, например, тот факт, что до революции было у нас около 16 млн. дворов, а теперь их имеется не менее 25 млн.? О чем говорит все это, как не о том, что сельское хозяйство принимает все более распыленный, раздробленный характер. А характерная черта распыленных мелких хозяйств состоит в том, что они не в силах в должной мере использовать технику, машины, трактора, данные агрономической науки, что они являются хозяйствами малотоварными. Отсюда недостаток товарного выхода сельскохозяйственных продуктов. Отсюда опасность разрыва между городом и деревней, между промышленностью и сельским хозяйством. Отсюда необходимость подтянуть, подогнать сельское хозяйство к темпу развития нашей индустрии. И вот, чтобы не было этой опасности разрыва, надо начать по-серьезному перевооружать сельское хозяйство на базе новой техники. А чтобы его перевооружить, надо постепенно об'единять раздробленные крестьянские хозяйства в крупные хозяйства, в коллективы, надо строить сельское хозяйство на базе коллективного труда, надо укрупнять коллективы, надо развивать старые

и новые совхозы, надо систематически применять массовые формы контрактации ко всем основным отраслям сельского хозяйства, надо развивать систему машинно-тракторных станций, помогающих крестьянству осваивать новую технику и коллективизировать труд, словом, надо постепенно переводить мелкие крестьянские хозяйства на базу крупного коллективного производства, ибо только крупное производство общественного типа способно использовать во-всю данные науки и новой техники и двинуть вперед семимильными шагами развитие нашего сельского хозяйства.

Это не значит, конечно, что мы должны забросить индивидуальное бедняцко-середняцкое крестьянское хозяйство. Нет, не значит. Индивидуальное бедняцко-середняцкое хозяйство в деле снабжения промышленности продовольствием и сырьем играет и будет еще играть в ближайшем будущем преобладающую роль. Именно поэтому необходимо поддерживать индивидуальное бедняцко-середняцкое хозяйство. Но это значит, что одного лишь индивидуального крестьянского хозяйства *уже* недостаточно. Об этом говорят наши хлебозаготовительные затруднения. Поэтому развитие индивидуального бедняцко-середняцкого хозяйства надо *дополнить* всемерным развитием коллективных форм хозяйства и совхозов. Поэтому нужно проложить мост между индивидуальным бедняцко-середняцким хозяйством и коллективными, общественными формами хозяйства в виде массовой контрактации, в виде машинно-тракторных станций, в виде всемерного развития кооперативной общественности, с тем, чтобы облегчить крестьянам перевести свое мелкое, индивидуальное хозяйство на рельсы коллективного труда. Без этих условий невозможно серьезное развитие сельского хозяйства. Без этих условий невозможно разрешение зерновой проблемы. Без этих условий невозможно избавление маломощных слоев крестьянства от бедности, от нищеты

Это означает, наконец, что надо всемерно развивать нашу индустрию, как основной источник питания сельскохозяйственного производства по линии его реконструкции, надо развивать металлургию, химию, машиностроение, надо строить тракторные заводы, заводы сельскохозяйственных машин и т. д. Нет нужды доказывать, что невозможно развивать колхозы, невозможно развивать совхозы, невозможно развивать машинно-тракторные станции, не подтягивая основные массы крестьянства к коллективным формам хозяйствования через массовую контрактацию, не снабжая сельское хозяйство изрядным количеством тракторов, сельхозмашин и т. д. Но снабжать деревню машинами и тракторами невозможно, не развивая нашу индустрию усиленным темпом. Отсюда быстрый темп развития нашей индустрии, как ключ реконструкции сельского хозяйства на базе коллективизма.

Таковы смысл и значение новых форм смычки.

Группа т. Бухарина вынуждена признать словесно необходимость новых форм смычки. Но это есть лишь *словесное* признание, рассчитанное на то, чтобы под флагом словесного признания новых форм смычки протащить нечто прямо *противоположное*. На самом деле т. Бухарин стоит против новых форм смычки. У тов. Бухарина исходным пунктом является не быстрый темп развития индустрии, как рычага реконструкции сельскохозяйственного производства, а развитие индивидуального крестьянского хозяйства. У него на первом плане «нормализация» рынка и допущение свободной игры цен на рынке сельскохозяйственных продуктов, допущение, по сути дела, полной свободы торговли. Отсюда его недоверчивое отношение к колхозам, что сказалось в его тезисах перед июльским пленумом ЦК и в его речи на июльском пленуме ЦК. Отсюда его отрицательное отношение ко всем и всяким формам чрезвычайных мер при заготовке хлеба против кулачества. Известно, что т. Бухарин убегает от чрезвычайных мер, как чорт от ладана. Известно, что т. Бухарин все еще не может понять, что при

нынешних условиях кулак не будет сдавать достаточное количество хлеба добровольно, в порядке самотека. Это доказано теперь двухлетним опытом нашей заготовительной работы.

Ну, а как быть, если все же не хватит товарного хлеба? Бухарин отвечает на это: не тревожьте кулака чрезвычайными мерами и ввезите хлеб из заграницы. Он еще недавно предлагал ввезти хлеб из-за границы миллионов 50 пуд., т.-е. миллионов на 100 руб. валютой. А если валюта нужна для того, чтобы ввезти оборудование для индустрии? Бухарин отвечает на это: надо дать предпочтение ввозу хлеба из-за границы, оставив, очевидно, на задний план, ввоз оборудования для промышленности.

Выходит, таким образом, что основой разрешения зерновой проблемы и реконструкции сельского хозяйства является не быстрый темп развития индустрии, а развитие индивидуального крестьянского хозяйства, включая сюда и кулацкое хозяйство, на базе свободного рынка и свободной игры цен на нем.

Таким образом мы имеем дело с двумя различными планами хозяйственной политики.

План партии:

1) мы перевооружаем (реконструкция) промышленность;

2) мы начинаем серьезно перевооружать сельское хозяйство (реконструкция);

3) для этого надо расширять строительство колхозов и совхозов, массовое применение контрактации и машинно-тракторных станций, как средство установления производственной смычки между индустрией и сельским хозяйством;

4) что касается хлебозаготовительных затруднений в данный момент, то необходимо признать допустимость временных чрезвычайных мер, подкрепленных общественной поддержкой середняцко-бедняцких масс, как одно из средств сломить сопротивление кулачества и взять у него максимально хлебные излишки, необходимые для того, чтобы обойтись без импорта хлеба и сохранить валюту для развития индустрии;

5) индивидуальное бедняцко-середняцкое хозяйство играет и будет еще играть преобладающую роль в деле снабжения страны продовольствием и сырьем, но оно одно лишь уже недостаточно,—развитие индивидуального бедняцко-середняцкого хозяйства надо дополнить поэтому развитием колхозов и совхозов, массовой контрактацией, усиленным развитием машинно-тракторных станций для того, чтобы облегчить вытеснение капиталистических элементов из сельского хозяйства и постепенный перевод индивидуальных крестьянских хозяйств на рельсы крупных, коллективных хозяйств, на рельсы коллективного труда;

6) но чтобы добиться всего этого, необходимо, прежде всего, усилить развитие индустрии, металла, химии, машиностроения, тракторных заводов, заводов сельхозмашин и т. д. Без этого невозможны разрешение зерновой проблемы и реконструкция сельского хозяйства.

Вывод: ключем реконструкции сельского хозяйства является быстрый темп развития нашей индустрии.

План т. Бухарина:

1) «нормализация» рынка, допущение свободной игры цен на рынке и повышение цен на хлеб, не останавливаясь перед тем, что это может повести к вздорожанию промтоваров, сырья, хлеба;

2) всемерное развитие индивидуального крестьянского хозяйства при известном сокращении темпа развития колхозов и совхозов (тезисы т. Бухарина в июле, речь Бухарина на июльском пленуме);

3) заготовки путем самотека, исключающие всегда и при всяких условиях даже частичное применение чрезвычайных мер против кулачества, если даже эти меры поддерживаются середняцко-бедняцкой массой;

4) в случае недостачи хлеба — ввоз хлеба миллионов на 100 рублей;

5) а если валюты не хватит на то, чтобы покрыть и ввоз хлеба и ввоз оборудования для промышленности, то надо сократить ввоз оборудования, а значит, и темп развития нашей индустрии, — иначе у нас будет «топтание на месте», а то и «прямое падение вниз» сельского хозяйства («Заметки экономиста»).

Вывод: ключем реконструкции сельского хозяйства является развитие индивидуального крестьянского хозяйства.

Вот, как оборачивается дело, товарищи.

План т. Бухарина есть план снижения темпа развития индустрии и подрыва новых форм смычки.

Таковы наши разногласия.

Не опоздали ли мы с развитием новых форм смычки, с развитием колхозов, совхозов и т. д.?

Есть люди, утверждающие, что партия опоздала, по крайней мере года на два, с этим делом. Это неверно, товарищи. Это совершенно неверно. Так могут говорить только «левые» крикуны, не имеющие представления об экономике СССР. Что значит опоздать в этом деле? Если речь идет о том, чтобы предвидеть необходимость колхозов и совхозов, то это дело мы начали еще во время Октябрьского переворота. Что партия предвидела необходимость колхозов и совхозов еще тогда, в период Октябрьского переворота, — в этом не может быть никакого сомнения. Можно, наконец, взять нашу программу, принятую на VIII с'езде партии (март 1919 г.). Необходимость колхозов и совхозов учтена там со всей ясностью. Но одного лишь предвидения необходимости колхозов и совхозов со стороны руководящей верхушки нашей партии недостаточно для того, чтобы провести в жизнь и организовать массовое движение за колхозы и совхозы. Стало быть, речь идет не о предвидении, а об осуществлении плана колхозно-совхозного строительства. Но для осуществления такого плана требуется целый ряд условий, которых у нас не было до сих пор и которые появились лишь в последнее время. Вот в чем дело, товарищи.

Чтобы провести план массового движения за колхозы и совхозы, для этого необходимо, чтобы партийную верхушку поддержала в этом деле, прежде всего, партия в своей массе. А партия у нас миллионная, как известно. Следовательно, нужно было убедить широкие партийные массы в правильности политики руководящей верхушки. Это, во-первых.

Для этого необходимо, далее, чтобы в недрах крестьянства создалось массовое движение за колхозы, чтобы крестьянство не боялось колхозов, а само шло в колхозы, убеждаясь на опыте в преимуществе колхозов перед индивидуальным хозяйством. А это — дело серьезное, требующее известного времени. Это, во-вторых.

Для этого необходимо, далее, чтобы были у государства материальные средства, необходимые для финансирования движения, для финансирования колхозов и совхозов. А на это дело нужны сотни и сотни миллионов, дорогие товарищи. Это, в-третьих.

Для этого необходимо, наконец, чтобы была развита индустрия в более или менее достаточной мере, необходимой для того, чтобы снабжать сельское хозяйство машинами, тракторами, удобрениями и т. д. Это, в-четвертых.

Можно ли утверждать, что у нас были уже все эти условия года два или три назад? Нет, нельзя утверждать этого.

Нельзя забывать, что мы представляем партию правящую, а не оппозиционную. Оппозиционная партия может давать лозунги, — я говорю о коренных практических лозунгах движения, — с тем, чтобы осуществить их после своего прихода к власти. Никто не может обвинять оппозиционную партию в том, что она не осуществляет своих коренных лозунгов немедленно, так как все понимают, что у руля стоит не она, оппозиционная партия, а другие партии. Совершенно иначе обстоит дело с партией правящей, какую представляет наша большевистская партия. Лозунги такой партии представляют не простые агитационные лозунги, а нечто гораздо большее, ибо они имеют силу практического решения, силу закона, которые нужно проводить теперь же. Наша партия не может дать практический лозунг и потом отложить его проведение в жизнь. Это было бы обманом масс. Чтобы дать лозунг, особенно такой серьезный лозунг, как перевод миллионных масс крестьянства на рельсы коллективизма, надо иметь условия для их прямого осуществления, надо, наконец, создать, организовать эти условия. Вот, почему для нас недостаточно одного лишь предвидения необходимости колхозов и совхозов со стороны партийной верхушки. Вот, почему нам нужны еще условия, необходимые для того, чтобы осуществить, провести в жизнь наши лозунги.

Была ли наша партия в своей массе готова к всемерному развитию колхозов и совхозов, скажем, года два или три назад? Нет, она не была еще к этому готова. Серьезный поворот в партийных массах в сторону новых форм смычки начался лишь с первых серьезных хлебозаготовительных затруднений. Понадобились эти затруднения для того, чтобы партия в массе ощутила всю необходимость форсирования новых форм смычки и, прежде всего, колхозов и совхозов, и решительно поддержала в этом деле свой ЦК. Вот вам одно условие, которого не было у нас раньше и которое имеется теперь налицо.

Имелось ли у нас года два или три назад серьезное движение миллионных масс крестьянства в пользу колхозов или совхозов? Нет, не имелось. Всякому известно, что два или три года назад крестьянство враждебно относилось к совхозам, а колхозы третировало оно, как ни к чему ненужную «коммунию». А теперь? Теперь — дело другое. Теперь имеются у нас уже целые слои крестьянства, глядящие на совхозы и колхозы, как на источник помощи крестьянскому хозяйству семенами, улучшенным скотом, машинами, тракторами. Теперь подавай только машины и трактора, — дело колхозов пойдет вперед усиленным темпом.

Откуда взялся такой перелом среди известных, довольно значительных слоев крестьянства, что ему благоприятствовало? Прежде всего, развитие кооперации и кооперативной общественности. Не может быть сомнения, что без мощного развития кооперации, особенно сельскохозяйственной, создавшей психологическую базу среди крестьян в пользу колхозов, у нас не было бы той тяги к колхозам, которая проявляется теперь целыми слоями крестьянства. Большую роль сыграло здесь также наличие хорошо устроенных колхозов, давших крестьянам хорошие образцы того, как можно улучшить сельское хозяйство, об'единяя мелкие крестьянские хозяйства в крупные, в коллективные хозяйства. Сыграло тут свою роль также наличие благоустроенных совхозов, помогавших крестьянам в деле улучшения хозяйства. Я уже не говорю о других фактах, хорошо известных всем вам. Вот вам еще одно условие, которого не было у нас раньше, и которое имеется теперь у нас.

Далее, можно ли утверждать, что мы имели возможность года два или три назад серьезно финансировать колхозы и совхозы, отпуская на это дело

сотни миллионов рублей? Нет, нельзя утверждать. Вы знаете хорошо, что у нас не хватало средств даже на развитие того минимума промышленности, без которого вообще невозможна никакая индустриализация, не говоря уже о реконструкции сельского хозяйства. Могли ли мы отнять эти средства у промышленности, представляющей базу индустриализации страны, и передать их колхозам и совхозам? Ясно, что не могли. Ну, а теперь? Теперь у нас есть эти средства для развития колхозов и совхозов.

Можно ли, наконец, утверждать, что мы уже имели года два или три назад достаточную базу в индустрии для усиленного снабжения сельского хозяйства машинами, тракторами и т. д.? Нет, нельзя этого утверждать. Тогда задача состояла в том, чтобы создать минимум индустриальной базы для снабжения сельского хозяйства в будущем машинами и тракторами. На создание этой базы и ушли у нас тогда наши скудные финансовые средства. Ну, а теперь? Теперь у нас есть эта индустриальная база для сельского хозяйства. Во всяком случае, она, эта самая база, создается у нас ускоренным темпом.

Выходит, что условия, необходимые для массового развития колхозов и совхозов, создались у нас лишь в последнее время.

Вот, как обстоит дело, товарищи.

Вот, почему нельзя говорить, что мы опоздали с развитием новых форм смычки.

е) Тов. Бухарин, как теоретик.

Таковы, в основном, главные ошибки теоретика правой оппозиции, тов. Бухарина, в основных вопросах нашей политики.

Говорят, что тов. Бухарин теоретик нашей партии. Он, конечно, теоретик, и теоретик немалый. Но дело в том, что с теорией у него не все обстоит благополучно. Это видно хотя бы из того, что он нагромоздил целую кучу ошибок по вопросам партийной политики, только что охарактеризованных мною. Не может быть, чтобы эти ошибки, ошибки по линии Коминтерна, ошибки по вопросам о классовой борьбе, об обострении классовой борьбы, о крестьянстве, о нэпе, о новых формах смычки,— не может быть, чтобы все эти ошибки появились у него случайно. Нет, эти ошибки не случайны. Они, эти ошибки тов. Бухарина, вышли из неправильной его установки, из его теоретических из'янов. Да, тов. Бухарин теоретик, но теоретик он не вполне марксистский, теоретик, которому надо еще доучиваться, для того, чтобы стать вполне марксистским теоретиком.

Ссылаются на известное письмо тов. Ленина о Бухарине, как о теоретике. Давайте зачитаем это письмо.

> «Из молодых членов ЦК,— говорит Ленин,— хочу сказать несколько слов о Бухарине и Пятакове. Это, по-моему, самые выдающиеся силы (из самых молодых сил) и относительно их надо бы иметь в виду следующее: Бухарин не только ценнейший и крупнейший теоретик партии, он также законно считается любимцем всей партии, но его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики)» [1]). (Стенограмма июльского пленума ЦК 1926 г., вып IV, стр. 66).

Итак, теоретик без диалектики. Теоретик - схоластик. Теоретик, чьи «теоретические воззрения с очень большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским». Такова характеристика теоретической физиономии тов. Бухарина, данная Лениным.

Вы сами понимаете, товарищи, что такому теоретику надо еще доучиваться. И если бы тов. Бухарин понимал, что он теоретик не вполне еще за-

---

[1]) Подчеркнуто мною. *И. Ст.*

конченный, что он нуждается в том, чтобы доучиться, что он теоретик, который не вполне еще усвоил диалектику, а диалектика есть душа марксизма,— если бы это он понимал, то он был бы скромнее, и от этого партия лишь выиграла бы. Но беда в том, что Бухарин не страдает скромностью. Беда в том, что он не только не страдает скромностью, но он берется даже учить нашего учителя Ленина по целому ряду вопросов, и, прежде всего, по вопросу о государстве. Вот, в чем беда, товарищи.

Позвольте сослаться по этому случаю на известный теоретический спор между Лениным и Бухариным по вопросу о государстве, разыгравшийся в 1916 г. Это важно нам для того, чтобы вскрыть как непомерные претензии тов. Бухарина, собирающегося учить Ленина, так и корни его теоретических слабостей в таких важных вопросах, как вопрос о диктатуре пролетариата, о классовой борьбе и т. д. Как известно, в журнале «Интернационал Молодежи» появилась в 1916 году статья тов. Бухарина, направленная, по сути дела, против тов. Ленина, за подписью Nota Bene. В этой статье тов. Бухарин пишет:

«...Совершенно ошибочно искать различия между социалистами и анархистами в том, что первые — сторонники, вторые — противники государства. Различие в самом деле заключается в том, что революционная социал-демократия хочет с'организовать новое общественное производство, как централизованное, т.-е. технически наиболее прогрессивное, тогда как децентрализованное анархическое производство означало бы лишь шаг назад к старой технике, к старой форме предприятий»...

«Для социал-демократии, которая является или по крайней мере должна быть воспитательницей масс, теперь более, чем когда-либо, необходимо подчеркивать свою принципиальную враждебность к государству... Теперешняя война показала, как глубоко корни государственности проникли в души рабочих».

Критикуя эти взгляды тов. Бухарина, тов. Ленин отвечает в специальной статье, опубликованной в 1916 году:

«Это неверно. Автор ставит вопрос о том, в чем отличие отношения социалистов и анархистов к г о с у д а р с т в у, а отвечает н е на этот, а на д р у г о й вопрос, в чем различие их отношений к экономической основе будущего общества. Это очень важный и необходимый вопрос, конечно. Но отсюда не вытекает, чтобы можно было забывать г л а в н о е в различии отношения социалистов и анархистов к государству. Социалисты стоят за использование современного государства и его учреждений в борьбе за освобождение рабочего класса, а равно за необходимость использовать государство для своеобразной переходной формы от капитализма к социализму. Такой переходной формой, т о ж е государством, является диктатура пролетариата. Анархисты хотят «отменить» государство, «взорвать» (sprengen) его, как выражается в одном месте тов. Nota Bene, ошибочно приписывая этот взгляд социалистам. Социалисты — автор цитировал, к сожалению, слишком неполно относящиеся сюда слова Энгельса — признают отмирание, «постепенное» «засыпание» государства п о с л е экспроприации буржуазии».

«Чтобы «подчеркивать» «принципиальную враждебность» к государству, надо действительно «ясно» понять ее, а у автора как раз ясности нет. Фраза же о «корнях государственности» совсем уже путаная, не марксистская и не социалистическая. Не «государственность» столкнулась с отрицанием государственности, а оппортунистическая политика (т.-е. оппортунистическое, реформистское, буржуазное отношение к государству) столкнулось с революционной с.-д. политикой (т.-е. революционным социал-демократическим отношением к государству буржуазному и к использованию государства против буржуазии для ее свержения). Это вещи совсем, совсем различные». (Ленин, т. XIII, стр. 460—461.—«Интернационал Молодежи»).

Кажется, ясно, в чем тут дело и в какую полуанархическую лужу угодил тов. Бухарин!

С т э н — Ленин тогда в развернутом виде еще не формулировал необходимость «взрыва» государства. Бухарин, делая анархические ошибки, подходил к формулировке этого вопроса.

С т а л и н.—Нет, тов. Стэн, речь идет сейчас не об этом, речь идет об отношении к государству вообще, речь идет о том, что, по мнению Бухарина, рабочий класс должен быть п р и н ц и п и а л ь н о враждебен ко в с я к о м у государству, в том числе и к государству рабочего класса.

С т э н.—Ленин тогда говорил только об использовании государства, ничего не говоря в критике тов. Бухарина о «взрыве».

С т а л и н.—Ошибаетесь, тов. Стэн. Смею заверить вас, что речь идет здесь о том, что рабочие должны подчеркнуть, по мнению Бухарина (и анархистов), свою принципиальную враждебность ко всякому государству, стало быть и к государству переходного периода, к государству рабочего класса. Попробуйте-ка растолковать нашим рабочим, что рабочий класс должен проникнуться принципиальной враждебностью к пролетарской диктатуре, которая тоже, ведь, есть государство. Позиция Бухарина, изложенная в его статье в «Интернационале Молодежи», есть позиция отрицания государства в период переходный от капитализма к социализму. Тов. Бухарин проглядел здесь «мелочь», а именно, он проглядел целый переходный период, когда рабочий класс не может обойтись без своего собственного государства, если он действительно хочет подавлять буржуазию и строить социализм. Это, во-первых. Во-вторых,—неверно, что тов. Ленин не касался тогда в своей критике теории «взрыва», «отмены» государства вообще. Ленин не только касался этой теории, как это видно из приведенных мною цитат, но он еще раскритиковал ее, как теорию анархическую, противопоставив ей теорию с о з д а н и я нового государства после свержения буржуазии, а именно, государства пролетарской диктатуры. Наконец, нельзя смешивать анархическую теорию «взрыва» государства с марксистской теорией «слома», «разбития» б у р ж у а з н о - государственной машины. Кое-кто из товарищей склонны смешивать эти два различных понятия, думая, что они представляют выражение одной и той же мысли. Но это неверно. Совершенно неверно, товарищи. Ленин исходил именно из марксистской теории «слома» б у р ж у а з н о-государственной машины, когда он критиковал анархическую теорию «взрыва» и «отмены» государства вообще.

Может быть не лишне будет, если я приведу здесь в целях большей ясности одну из рукописей тов. Ленина о государстве, написанную, по всем видимостям в конце 1916 или в начале 1917 г. (до февральской революции 1917 г.). Из этой рукописи можно легко усмотреть, что: а) критикуя полуанархические ошибки тов. Бухарина по вопросу о государстве, Ленин исходил из марксистской теории «слома» буржуазно-государственной машины, б) что, хотя Бухарин, по выражению Ленина, «ближе к истине, чем Каутский», но он все же, «вместо разоблачения каутскианцев, помогает им своими ошибками». Вот текст этой рукописи:

«Ч р е з в ы ч а й н о большую важность по вопросу о государстве имеет письмо Э н г е л ь с а к Б е б е л ю от 18/28. III. 1875.

Вот главнейшее место полностью:

«...Свободное народное государство превратилось в свободное государство. По грамматическому смыслу этих слов свободное государство, есть такое, в котором государство свободно по отношению к своим гражданам, т.-е. государство с деспотическим правительством. С л е д о в а л о б ы б р о с и т ь в с ю э т у б о л т о в н ю о г о с у д а р с т в е, о с о б е н н о п о с л е К о м м у н ы, к о т о р а я н е б ы л а у ж е г о с у д а р с т в о м в с о б с т в е н н о м с м ы с л е. «Народным государством» анархисты кололи нам глаза более, чем достаточно, хотя уже сочинение Маркса против Прудона, а затем «Коммунистический манифест», говорят прямо, что с в в е д е н и е м с о ц и а л и с т и ч е с к о г о о б щ е с т в е н н о г о с т р о я г о с у д а р с т в о с а м о с о б о ю р а с п у с к а е т с я (sich auflöst) и и с ч е з а е т. Так как государство есть лишь преходящее учреждение, которым приходится пользоваться в борьбе, в революции, чтобы насильственно подавить своих противников, то говорить о свободном народном государстве есть чистая

бессмыслица: пока пролетариат еще *нуждается* в государстве, он *нуждается в нем не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников*, а когда *становится возможным говорить о свободе, тогда государство, как таковое, перестает существовать*. Мы предложили бы поэтому поставить везде, вместо слова *государство*, слово: «община» (Gemeinwesen), прекрасное старое немецкое слово, соответствующее французскому слову «коммуна». (Курсив Энгельса).

Это, пожалуй, самое замечательное и, наверное, самое резкое место, так сказать, «против государства» у Маркса и Энгельса.

(1) «бросить надо всю болтовню о государстве».

(2) «Коммуна была уже *не* государством в собственном смысле» (а чем же? переходной формой от государства к негосударству, очевидно!).

(3) анархисты нам довольно «кололи глаза» (in die Zähne geworfen, буквально—тыкали в морду) «народным государством» (Маркс и Энгельс, значит, стыдились этой явной ошибки своих немецких друзей; — однако, они считали ее, и разумеется *по тогдашним обстоятельствам* правильно считали, несравненно менее важной ошибкой, чем ошибка анархистов. Это N B!!).

(4) Государство «само собою разлагается и исчезает»... «распускается» (Nota Bene) (ср. позже: «отмирает») «со введением социалистического общественного строя»...

(5) Государство есть «временное учреждение», которое надобно «в борьбе, в революции»... (надобно *пролетариату*, разумеется)...

(6) Государство нужно *не для свободы* (когда ?: будет свобода, тогда не будет государства), а *для подавления*(?) (Niederhaltung не есть подавление, собственно, а удержание от реставрации, держание в покорности) противников пролетариата.

(8) «мы» (т.-е. Энгельс и *Маркс*) предложили бы «*везде*» (в программе) говорить вместо «государство» — «община» (Gemeinwesen) «коммуна»!!!

Отсюда видно, как опошлили, опоганили Маркса и Энгельса не только оппортунисты, но и Каутский.

Оппортунисты ни одной из этих 8 богатейших мыслей не поняли!!

Они взяли *только* практическую надобность настоящего: использовать политическую борьбу, использовать *современное* государство для обучения, воспитания пролетариата, для «вырывания уступок». Это верно (против анархистов), но это еще лишь 1/100 марксизма, если можно так арифметически выразиться.

Каутский совсем затушевал (или забыл? или не понял?) в своей пропагандистской и вообще публицистической работе п.п. 1, 2, 5, 6, 7, 8 и «zerbrechen» Маркса (в полемике с Паннекуком в 1912 или 1913 гг. Каутский (см. ниже, стр. 45—47) [1]) совсем уже свалился в оппортунизм по этому вопросу)...

От анархистов нас отличает (α) использование государства *теперь* и (β) во время *революции* пролетариата («диктатура пролетариата»)— пункты, важнейшие для практики, тотчас. (Их-то и *забыл* Бухарин!).

От оппортунистов более глубокие, «более вечные» истины о (αα) «временном» характере государства, о (ββ) *вреде* «болтовни» о нем теперь, о (γγ) не совсем государственном характере диктатуры пролетариата, (δδ) о противоречии государства и свободы, (εε) о более правильной идее (понятии, программном термине) «общины» вместо государства, (ζζ) о «разбитии» (zerbrechen) бюрократически-военной машины. Не забыть еще, что *диктатуру пролетариата* открытые оппортунисты Германии (Бернштейн, Кольб etc) прямо отрицают, а официальная программа и Каутский — *косвенно*, молча о ней в повседневной агитации и *терпя* ренегатство Кольбов и К°.

Бухарину было писано в VIII. 1916: «дай *дозреть* своим мыслям о государстве». Он же, *не дав* дозреть, полез в печать, как «Nota Bene» и сделал это так, что вместо разоблачения каутскианцев *помог* им своими ошибками!! А по сути дела Бухарин ближе к истине, чем Каутский». (Н. Ленин).

[1]) *Прим. ред.* Ссылка относится к рукописи Ленина «Марксизм о государстве», откуда заимствовано цитируемое здесь место.

Такова краткая история теоретического спора по вопросу о государстве. Казалось бы, дело ясное: Бухарин допустил полуанархические ошибки, — пора исправить эти ошибки и пойти дальше по стопам Ленина. Но так могут думать лишь ленинцы. Бухарин, оказывается, с этим не согласен. Он утверждает, наоборот, что ошибался не он, а Ленин, что не он пошел или должен пойти по стопам Ленина, а, наоборот, — Ленин оказался вынужденным пойти по стопам Бухарина. Вы не верите, товарищи? В таком случае послушайте дальше. После этих споров, имевших место в 1916 году, спустя 9 лет после этого, в продолжение которых т. Бухарин хранил молчание, *спустя год после смерти Ленина*, а именно в 1925 г., т. Бухарин печатает в сборнике «Революция Права» статью «К теории империалистического государства», не принятую в свое время к печатанию редакцией «Сборника Социал-Демократа» (т.-е. Лениным), в *примечании* к которой он прямо заявляет, что в этом споре был прав не Ленин, а он, Бухарин. Это может показаться невероятным, но это факт, товарищи.

Послушайте текст этого примечания:

«Против статьи в «Интернационале Молодежи» выступил с заметкой В. И. (т.-е. Ленин). Читатели легко увидят, что у меня не было ошибки, которая мне приписывалась, ибо я отчетливо видел необходимость диктатуры пролетариата; с другой стороны, из заметки Ильича видно, что он тогда *неправильно относился к положению о взрыве государства* (разумеется, буржуазного), *смешивая этот вопрос с вопросом об отмирании диктатуры пролетариата* [1]). Быть может, мне следовало бы тогда больше развивать тему о диктатуре. Но в свое оправдание могу сказать, что *тогда* было такое повальное социал-демократическое воспевание буржуазного государства, при котором естественно было сосредоточить все внимание на вопросе *о взрыве* этой машины.

Когда я приехал из Америки в Россию и увидел Надежду Константиновну (это было на нашем нелегальном VI с'езде, и в это время В. И. скрывался), ее первыми словами были слова: «В. И. просил вам передать, что у него в вопросе о государстве у него нет теперь разногласий с вами». Занимаясь вопросом, *Ильич пришел к тем же выводам* [2]) относительно «взрыва», но он развил эту тему, а затем и учение о диктатуре настолько, что сделал целую эпоху в развитии теоретической мысли в этом направлении». («Революция Права», сб. 1, изд. Коммунистической Академии, 1925, стр. 5).

Так пишет о Ленине т. Бухарин *спустя год* после смерти Ленина.

Вот вам образчик гипертрофированной претенциозности недоучившегося теоретика!

Вполне возможно, что Надежда Константиновна в самом деле говорила т. Бухарину о том, о чем здесь пишет т. Бухарин. Но, что же из этого следует? Из этого следует лишь одно, что у Ленина были некоторые основания думать, что т. Бухарин отказался или готов отказаться от своих ошибок. Только и всего. Но т. Бухарин рассчитал иначе. Он решил, что отныне создателем или, во всяком случае, вдохновителем марксистской теории государства должен считаться не Ленин, а он, т.-е. т. Бухарин.

До сих пор мы считали и продолжаем считать себя ленинцами. А теперь оказывается, что и Ленин и мы, его ученики, являемся бухаринцами. Смешновато немножко, товарищи. Но что поделаешь, когда приходится иметь дело с разбухшей претенциозностью т. Бухарина.

Можно подумать, что т. Бухарин обмолвился в своем примечании к упомянутой выше статье, что он сказал глупость и потом забыл о ней. Но это, оказывается, не верно. Тов. Бухарин говорил, оказывается, вполне серьезно. Это видно хотя бы из того, что заявление т. Бухарина об *ошибках* Ленина и *правоте* Бухарина, сделанное им в этом примечании, вновь было опубликовано недавно, а именно, в 1927 г., т.-е. спустя два

[1]) Подчеркнуто мною. *И. Ст.*

[2]) Тоже.

года после первой вылазки т. Бухарина против Ленина, в биографическом очерке т. Марецкого о Бухарине (см. «Советскую Энциклопедию»), причем т. Бухарин и не подумал протестовать против такой... смелости т. Марецкого. Ясно, что выступление т. Бухарина против Ленина нельзя считать случайностью.

Выходит, таким образом, что прав Бухарин, а не Ленин, что вдохновителем марксистской теории государства является не Ленин, а Бухарин.

Такова, товарищи, картина теоретических вывихов и теоретических претензий т. Бухарина.

И этот человек имеет смелость после всего этого говорить здесь в своей речи, что в теоретической установке нашей партии «что-то гнило», что в теоретической установке нашей партии имеется уклон к троцкизму! И это говорит тот самый т. Бухарин, который допускает (и допускал в прошлом) ряд грубейших теоретических и практических ошибок, который недавно еще состоял в учениках у Троцкого, который вчера еще искал блока с троцкистами против ленинцев и бегал к ним с заднего крыльца! Ну, разве это не смешно, товарищи?

ж) Пятилетка или двухлетка.

Позвольте теперь перейти к речи т. Рыкова. Если т. Бухарин пытался дать теоретическое обоснование правого уклона, то т. Рыков старается в своей речи подвести под это дело базу практических предложений, пугая нас «ужасами» из области наших затруднений по линии сельского хозяйства. Это не значит, что т. Рыков не коснулся теоретических вопросов. Нет, он их коснулся. Но коснувшись их, допустил, по крайней мере, две серьезных ошибки.

В своем проекте пятилетнего плана, отвергнутом комиссией Политбюро, т. Рыков говорит, что «центральная идея пятилетнего плана состоит в росте производительности народного труда». Несмотря на то, что комиссия Политбюро отвергла эту совершенно неправильную установку, т. Рыков защищал ее здесь в своей речи. Верно ли, что центральную идею пятилетнего плана в *советской стране* составляет рост производительности труда? Нет, неверно. Нам нужен ведь не *всякий* рост производительности народного труда. Нам нужен *определенный* рост производительности народного труда, а именно — такой рост, который обеспечивает *систематический перевес социалистического сектора народного хозяйства над сектором капиталистическим*. Вот, в чем дело, товарищи. Пятилетний план, забывающий об этой центральной идее, есть не пятилетний план, а пятилетняя чепуха. В росте производительности труда вообще заинтересовано всякое общество, и капиталистическое и докапиталистическое. Отличие *советского* общества от всякого другого общества в том именно и состоит, что оно заинтересовано не во всяком росте производительности труда, а в таком росте, который обеспечивает перевес социалистических форм хозяйства над другими формами и, прежде всего, над капиталистическими формами хозяйства, который обеспечивает, таким образом, преодоление и вытеснение капиталистических форм хозяйства. А т. Рыков забыл об этой действительно центральной идее пятилетнего плана развития *советского* общества. В этом его первая теоретическая ошибка.

Вторая его ошибка состоит в том, что он не делает разницы или не хочет понять разницы с точки зрения товарооборота между, скажем, колхозом и между всяким индивидуальным хозяйством, в том числе индивидуальным

капиталистическим хозяйством. Тов. Рыков уверяет, что с точки зрения товарооборота на хлебном рынке, с точки зрения получения хлеба он не видит разницы между колхозом и частным держателем хлеба, ему, стало быть, все равно, покупаем ли мы хлеб у колхоза, у частного держателя или у какого-либо аргентинского скупщика хлеба. Это не верно, товарищи. Это совершенно не верно. Это есть повторение известного заявления т. Фрумкина, который уверял одно время, что ему все равно, где покупать и у кого покупать хлеб; у частника или у колхоза. Это есть замаскированная форма защиты, реабилитации, оправдания кулацких махинаций на хлебном рынке. Тот факт, что эта защита ведется с точки зрения товарооборота, — этот факт не меняет дела в том, что она есть все же оправдание кулацких махинаций на хлебном рынке. Если нет разницы с точки зрения товарооборота между коллективными и неколлективными формами хозяйства, то стоит ли тогда развивать колхозы, стоит ли им давать льготы, стоит ли заниматься трудной задачей преодоления капиталистических элементов в сельском хозяйстве? Ясно, что т. Рыков взял неправильную установку. В этом его вторая теоретическая ошибка.

Но это мимоходом. Перейдем к практическим вопросам, поставленным в речи т. Рыкова.

Тов. Рыков утверждал здесь, что кроме пятилетнего плана нужен еще другой, параллельный план, а именно — двухлетний план развития сельского хозяйства. Он обосновывал это предложение насчет параллельного двухлетнего плана затруднениями в сельском хозяйстве. Он говорил: пятилетний план — дело хорошее, и он стоит за него, но если мы одновременно дадим двухлетний план сельского хозяйства, то будет еще лучше,— в противном случае дело с сельским хозяйством застрянет. С виду это предложение как-будто ничего плохого не представляет. Но, если присмотреться к делу, выходит, что двухлетний план сельского хозяйства придуман для того, чтобы подчеркнуть нереальный, бумажный характер пятилетнего плана и наоборот. Могли ли мы с этим согласиться? Ясно, что не могли. Мы говорили тов. Рыкову: если вы недовольны пятилетним планом по линии сельского хозяйства, если вы считаете недостаточными те ассигнования, которые даются по пятилетнему плану на развитие сельского хозяйства, то скажите прямо о ваших добавочных предложениях, о ваших добавочных вложениях, — мы согласны внести в пятилетний план эти добавочные вложения в сельское хозяйство. И что же? Оказалось, что у тов. Рыкова не имеется никаких добавочных предложений насчет добавочных вложений для сельского хозяйства. Спрашивается, для чего же тогда параллельный двухлетний план сельского хозяйства? Мы говорили ему далее: кроме пятилетнего плана есть еще годовые планы, которые являются частью пятилетки, — давайте внесем в годовые планы первых двух лет те добавочные конкретные предложения по линии под'ема сельского хозяйства, которые имеются у вас, если они вообще имеются у тов. Рыкова. И что же? Оказалось, что таких конкретных планов добавочных ассигнований тов. Рыков не имеет предложить. Мы поняли тогда, что в предложении тов. Рыкова о двухлетнем плане имеется в виду не под'ем сельского хозяйства, а желание подчеркнуть нереальный, бумажный характер пятилетки, желание развенчать пятилетку. Для «души», для вида—пятилетний план, для дела, для практической работы — двухлетний план, — вот какая стратегия получилась у тов. Рыкова. Двухлетний план выступил у тов. Рыкова на сцену для того, чтобы потом, в ходе практического осуществления пятилетнего плана, противопоставить пятилетке двухлетку, перестроить пятилетку и приспособить ее к двухлетнему плану, сократив и обкарнав ассигнования на дело индустрии.

Вот, по каким соображениям отвергли мы предложение тов. Рыкова о двухлетнем параллельном плане.

в) Вопрос о посевных площадях.

Тов. Рыков пугал здесь партию, уверяя, что посевные площади по СССР имеют тенденцию систематически сокращаться. При этом он кивал в сторону партии, намекая на то, что в сокращении посевных площадей виновата политика партии. Он прямо не говорил, что дело идет у нас к деградации. Но впечатление от его речи получается такое, что мы имеем налицо что-то в роде деградации. Верно ли, что посевные площади имеют тенденцию к систематическому сокращению? Нет, неверно. Тов. Рыков оперировал здесь средними числами о посевных площадях по стране. Но метод средних чисел, не корректированный данными по районам, не есть научный метод. Может быть, тов. Рыков читал когда-либо «Развитие капитализма» Ленина. Если он читал, он должен помнить, как Ленин ругает там буржуазных экономистов, пользующихся методом средних чисел о росте посевных площадей и игнорирующих данные по районам. Странно, что тов. Рыков повторяет теперь ошибки буржуазных экономистов И вот, если рассмотреть движение посевных площадей по районам, т.-е. если подойти к делу по-научному, то выходит, что в одних районах посевные площади растут систематически, в других — они падают иногда, в зависимости, главным образом, от метеорологических условий, при чем нет таких данных, которые бы говорили о том, что мы имеем где-либо, хотя бы в одном из серьезных хлебных районов, систематическое сокращение посевных площадей.

В самом деле, посевные площади в районах, охваченных заморозками или засухой, например, в некоторых областях Украины, в последнее время показывают сокращение.

Голос.—Не вся Украина.

Шлихтер.—На Украине посевные площади выросли на 2,7%.

Сталин. — Я имею в виду степную полосу Украины. А вот в других районах, скажем, в Сибири, в Поволжьи, в Казакстане, в Башкирии, не задетых неблагоприятными климатическими условиями, посевные площади растут систематически. Чем об'яснить, что в одних районах посевные площади растут систематически, а в других — иногда сокращаются? Нельзя же в самом деле утверждать, что политика партии на Украине — одна, а на востоке или в центре СССР — другая. Это же абсурд, товарищи. Ясно, что климатические условия имеют здесь немаловажное значение.

Верно, что кулаки сокращают посевные площади, независимо от климатических условий. В этом, пожалуй, «виновата» политика партии, состоящая в том, чтобы поддерживать бедняцко-середняцкие массы против кулачества. Но что из этого следует? Разве мы когда-либо обязывались вести такую политику, которая бы могла удовлетворять все социальные группы деревни, в том числе и кулаков? И вообще, разве мы можем вести такую политику, которая бы удовлетворяла и эксплоататоров и эксплоатируемых, если мы вообще хотим вести марксистскую политику? Что же тут особенного, если в результате нашей ленинской политики, рассчитанной на ограничение и преодоление капиталистических элементов в деревне, кулаки начинают частично сокращать свои посевы? Да разве может быть иначе? Может быть, эта политика неверна, — пусть скажут нам об этом прямо. Не странно ли, что люди, называющие себя марксистами, частичное сокращение кулаками посевов стараются выдавать с перепугу за сокращение посевных площадей вообще, забывая о том, что, кроме кулаков, существуют еще бедняки и середняки,

посевы которых расширяются, существуют колхозы и совхозы, посевы которых растут ускоренным темпом.

Наконец, еще одна неправильность в речи тов. Рыкова по вопросу о посевных площадях. Тов. Рыков жаловался здесь, что кое-где, а именно, в местах наибольшего развития колхозов, бедняцко-середняцкий индивидуальный клин начинает сокращаться? Это верно. А что здесь плохого? А как же иначе? Ежели бедняцко-середняцкие хозяйства начинают покидать индивидуальный клин и переходят на коллективное хозяйство, то разве не ясно, что расширение и умножение колхозов должно повлечь за собою некоторое сокращение индивидуального бедняцко-середняцкого клина? А как же вы хотите? Сейчас у колхозов имеется два с лишним миллиона гектаров земли. К концу пятилетки колхозы будут иметь более чем 25 миллионов гектаров. За счет кого тут вырастает колхозный клин? За счет индивидуального бедняцко-середняцкого клина. А как же вы хотите, дорогие товарищи? Как же иначе переводить бедняцко-середняцкое индивидуальное хозяйство на рельсы коллективного хозяйства? Разве не ясно, что колхозный клин будет расти в целом ряде районов за счет индивидуального клина? Странно, что люди не хотят понять этих простых вещей.

и) О хлебных заготовках.

О наших хлебных затруднениях наговорили здесь кучу небылиц. Но главные моменты наших хлебных кон'юнктурных затруднений упустили из виду. Забыли, прежде всего, о том, что в этом году мы собрали ржи и пшеницы, — я говорю о валовом сборе урожая, — миллионов на 500—600 пудов меньше, чем в прошлом году. Могло ли это не отразиться на наших хлебозаготовках? Конечно, не могло не отразиться. Может быть, в этом виновата политика ЦК? Нет, политика ЦК тут не при чем. Об'ясняется это серьезным неурожаем в степной полосе Украины (заморозки и засуха) и частичным неурожаем на Северном Кавказе, в ЦЧО, наконец, в Северо-Западной области. Этим, главным образом, и об'ясняется, что в прошлом году на 1 апреля заготовили мы хлеба на Украине (ржи и пшеницы) 200 млн. пуд., а в этом году — всего лишь 26—27 млн. пудов. Этим же надо об'яснить падение заготовок пшеницы и ржи по ЦЧО почти в 8 раз и по Северному Кавказу — в 4 раза. Хлебозаготовки на востоке выросли за этот год в некоторых районах почти вдвое. Но они не могли возместить и не возместили, конечно, той недостачи хлеба, которая имелась у нас на Украине, на Северном Кавказе и в ЦЧО. Не следует забывать, что при нормальных урожаях Украина и Северный Кавказ заготовляют более половины, а иногда и две трети всего заготовляемого хлеба по СССР. Странно, что это обстоятельство упустил из виду тов. Рыков.

Наконец, второе обстоятельство, представляющее главный момент наших кон'юнктурных хлебозаготовительных затруднений. Я имею в виду сопротивление кулацких и зажиточных элементов деревни политике Советской власти по хлебозаготовкам. Тов. Рыков обошел это обстоятельство. Но обойти этот момент — значит обойти главное в хлебозаготовительном деле. О чем говорит опыт последних двух лет по хлебозаготовкам? Он говорит о том, что состоятельные слои деревни, имеющие в своих руках значительные хлебные излишки и играющие на хлебном рынке командующую роль, не хотят нам давать добровольно нужное количество хлеба по ценам, определенным Советской властью. Нам нужно для обеспечения хлебом городов и промышленных пунктов, Красной армии и районов технических культур около 500 млн. пуд. хлеба ежегодно. В порядке самотека нам удается заготовить около 300—350 млн. пуд. Остальные 150 млн. пуд. приходится брать в по-

рядке организованного давления на кулацкие и зажиточные слои деревни. Вот, о чем говорит нам опыт хлебозаготовок за последние два года.

Что произошло за эти два года, откуда такие перемены, почему раньше помогал самотек, а теперь оказался он недостаточным? Произошло то, что кулацкие и зажиточные элементы выросли за эти годы, ряд урожайных годов не прошел для них даром, они окрепли хозяйственно, накопили капиталец и теперь они могут маневрировать на рынке, удерживая за собой хлебные излишки в ожидании высоких цен, и оборачиваясь на других культурах. Хлеб не есть простой товар. Хлеб — не хлопок, который нельзя есть и который нельзя продать всякому. В отличие от хлопка, хлеб в наших нынешних условиях есть такой товар, который берут все и без которого нельзя существовать. Кулак это учитывает и он придерживает его, заражая этим держателей хлеба вообще. Кулак знает, что хлеб есть валюта валют. Кулак знает, что излишки хлеба есть не только средство своего обогащения, но и средство закабаления бедноты. Хлебные излишки в руках кулака при данных условиях есть средство хозяйственного и политического усиления кулацких элементов. Поэтому, беря эти излишки у кулаков, мы не только облегчаем снабжение хлебом городов и Красной армии, но и подрываем средство хозяйственного и политического усиления кулачества.

Что нужно сделать для того, чтобы получить эти хлебные излишки? Нужно, прежде всего, ликвидировать психологию самотека, как вредную и опасную вещь. Нужно *организовать* хлебозаготовки. Нужно мобилизовать бедняцко-середняцкие массы против кулачества и организовать их общественную поддержку мероприятиям Советской власти по усилению хлебозаготовок. Значение уральско-сибирского метода хлебозаготовок, проводимого по принципу самообложения, в том именно и состоит, что он дает возможность мобилизовать трудящиеся слои деревни против кулачества на предмет усиления хлебозаготовок. Опыт показал, что этот метод дает нам положительные результаты. Опыт показал, что эти положительные результаты получаются у нас в двух направлениях: во-первых, мы изымаем хлебные излишки состоятельных слоев деревни, облегчая этим снабжение страны; во-вторых, мы мобилизуем на этом деле бедняцко-середняцкие массы против кулачества, просвещаем их политически и организуем из них свою мощную многомиллионную политическую армию в деревне. Некоторые товарищи не учитывают этого последнего обстоятельства. А между тем оно, именно, и является одним из важных, если не самым важным результатом уральско-сибирского метода хлебозаготовок. Правда, этот метод сочетается иногда с применением чрезвычайных мер против кулачества, что вызывает комические вопли у тт. Бухарина и Рыкова. А что в этом плохого? Почему нельзя иногда, при известных условиях, применять чрезвычайные меры против нашего классового врага, против кулачества? Почему можно сотнями арестовывать спекулянтов в городах и высылать их в Туруханский край, а у кулаков, пытающихся взять за горло Советскую власть и закабалить себе бедноту, нельзя брать излишков хлеба в порядке общественного принуждения по ценам, по которым сдают хлеб нашим заготовительным организациям бедняки и середняки? Откуда это следует? Разве наша партия когда-либо высказывалась *в принципе* против применения чрезвычайных мер в отношении кулачества? Товарищи Рыков и Бухарин, очевидно, стоят *в принципе* против всякого применения чрезвычайных мер в отношении кулачества. Но это ведь буржуазно-либеральная политика, а не марксистская политика, дорогие товарищи. Вы не можете не знать, что тов. Ленин после введения нэпа высказывался даже за возврат к политике комбедов, конечно, при известных условиях. А, ведь, что такое частичное применение чрезвычайных мер против кулаков? Это даже не капля в море в сравнении с политикой комбедов.

Они, сторонники группы тов. Бухарина, надеются убедить классового врага в том, чтобы он добровольно отрекся от своих интересов и сдал бы нам добровольно свои хлебные излишки. Они надеются, что кулак, который вырос, у которого есть возможность отыгрываться на других культурах и который прячет свои хлебные излишки, — они надеются, что этот самый кулак даст нам свои хлебные излишки добровольно по нашим заготовительным ценам. Не с ума ли они сошли? Не ясно ли, что они не понимают механики классовой борьбы, не знают, что такое классы? А известно ли им, как кулаки глумятся над нашими работниками и над Советской властью на сельских сходах, устраиваемых для усиления хлебозаготовок? Известны ли им такие факты, когда наш агитатор, например, в Казакстане два часа убеждал держателей хлеба сдать хлеб для снабжения страны, а кулак выступил с трубкой во рту и ответил ему: «а ты попляши, парень, тогда я тебе дам пуда два хлеба»?

Голоса. — Сволочи!

Сталин. — Убедите-ка таких людей. Да, товарищи, класс есть класс. От этой истины не уйдешь. Уральско-сибирский метод тем собственно и хорош, что он облегчает возможность поднять бедняцко-середняцкие слои против кулаков, облегчает возможность сломить сопротивление кулаков и заставляет их сдать хлебные излишки органам Советской власти.

Теперь самым модным словом в рядах новой оппозиции, в рядах группы тов. Бухарина, является слово «перегибы» в хлебозаготовках. Это слово представляет у них самый ходкий товар, так как оно помогает им маскировать свою собственную линию. Когда они хотят замаскировать свою линию, они обычно говорят: мы, конечно, не против нажима на кулаков, но мы против перегибов, которые допускаются в этой области и которые задевают середняка. Дальше идут рассказы об ужасах этих перегибов, читаются письма «крестьян», читаются панические письма товарищей, в роде тов. Маркова, и потом делается вывод: надо отменить политику нажима на кулачество. Не угодно ли: *так как* имеются перегибы в проведении правильной политики, *то надо*, оказывается, *отменить эту самую правильную политику*. Таков обычный прием оппортунистов: на основании перегибов по проведению правильной линии — отменить эту линию, заменив ее линией оппортунистической. При этом товарищи из группы тов. Бухарина тщательно умалчивают о том, что существует еще другой сорт перегибов, более опасный и более вредный, а именно — перегибы в сторону срастания с кулачеством, в сторону приспособления к зажиточным слоям деревни, в сторону замены революционной политики партии оппортунистической политикой правых уклонистов.

Конечно, мы все против этих перегибов. Мы все против того, чтобы удары, направляемые против кулаков, задевали середняков. Это ясно, и в этом не может быть никакого сомнения. Но мы решительно против того, чтобы болтовней о перегибах, усердно практикуемой группой тов. Бухарина, раскассировать революционную политику нашей партии и подменить ее оппортунистической политикой группы тов. Бухарина. Нет, товарищи, «этот номер у вас не пройдет».

Назовите хоть одну политическую меру партии, которая бы не сопровождалась тем или иным перегибом. Из этого следует, что надо бороться с перегибами. Но разве можно *на этом основании* охаивать самую линию, которая есть единственно правильная линия? Возьмем такую меру, как проведение 7-часового рабочего дня. Не может быть никакого сомнения, что эта мера есть одна из самых революционных мер, проводимых нашей партией за последнее время. Кому не известно, что эта, по существу, глубоко революционная мера то и дело сопровождается у нас целым рядом перегибов, иногда самых отвратительных? Значит ли это, что мы должны отменить поли-

тику проведения 7-часового рабочего дня? Понимают ли товарищи из новой оппозиции, в какую лужу они попадают, козыряя перегибами в хлебозаготовительном деле?

4. О борьбе с правым уклоном.

Мы перебрали, таким образом, все главные вопросы наших разногласий как в области теории, так и в области коминтерновской и внутренней политики нашей партии. Из сказанного видно, что заявление тов. Рыкова о наличии у нас единой линии не соответствует действительности. Из сказанного видно, что у нас имеются на деле две линии. Одна линия — это генеральная линия партии, революционная ленинская линия нашей партии. Другая линия — это линия группы тов. Бухарина. Эта вторая линия не вполне еще оформлена отчасти потому, что в рядах группы тов. Бухарина имеется невообразимая путаница взглядов, отчасти потому, что она, эта вторая линия, будучи слабой по своему удельному весу в партии, старается так или иначе маскироваться. Но она, эта линия, все же существует, как видите, и существует она, как линия, отличная от линии партии, как линия, противопоставляющая себя генеральной линии партии почти по всем вопросам нашей политики. Эта вторая линия есть в основном линия правого уклона.

Тов. Бухарин говорил здесь о «гражданской казни» трех членов Политбюро, «прорабатываемых», по его словам, организациями нашей партии. Он говорил, что партия подвергла трех членов Политбюро, тт. Бухарина, Рыкова и Томского, «гражданской казни», критикуя их ошибки в печати и на собраниях, в то время как они, эти три члена Политбюро, «вынуждены» были молчать. Это пустяки, товарищи. Это фальшивые слова либеральствующего коммуниста, пытающегося развинтить партию в ее борьбе против правого уклона.

У Бухарина выходит, что ежели он и его друзья увязли в право-уклонистских ошибках, то партия не имеет права разоблачать эти ошибки, партия должна прекратить борьбу с правым уклоном и дожидаться того момента, когда тов. Бухарину и его друзьям угодно будет отказаться от своих ошибок. Не слишком ли многого требует от нас тов. Бухарин? Не думает ли он, что партия существует для него, а не он для партии? А кто его заставляет молчать, пребывать в состоянии покоя, когда вся партия мобилизована против правого уклона и ведет решительные атаки против трудностей? Почему бы ему, тов. Бухарину, и его ближайшим друзьям не выступить теперь и не повести решительную борьбу против правого уклона и примиренчества? Разве может кто-либо сомневаться в том, что партия приветствовала бы тов. Бухарина и его ближайших друзей, если бы они решились на этот, не столь уж трудный, шаг? Почему же они не решатся на этот, в конце концов обязательный для них шаг? Не потому ли, что интересы своей группы ставят они выше интересов партии и ее генеральной линии? Кто же виноват в том, что в борьбе с правым уклоном тт. Бухарин, Рыков и Томский оказались в нетях? Не ясно ли, что разговоры о «гражданской казни» трех членов Политбюро есть плохо замаскированная попытка трех членов Политбюро заставить партию замолчать и прекратить борьбу против правого уклона?

Борьба с правым уклоном не есть второстепенная задача нашей партии. Борьба с правым уклоном есть одна из решающих задач нашей партии. Если мы в своей собственной среде, в своей собственной партии, в политическом штабе пролетариата, который руководит движением и который ведет вперед пролетариат, — если мы в этом самом штабе допустим свободное существование и свободное функционирование правых уклонистов, пытающихся демобилизовать партию, разложить рабочий класс, приспособить нашу

политику ко вкусам «советской» буржуазии и спасовать, таким образом, перед трудностями нашего строительства, — если мы все это допустим, то что это будет означать? Не будет ли это означать, что мы хотим спустить на тормозах революцию, разложить наше социалистическое строительство, сбежать от трудностей, сдать позиции капиталистическим элементам? Понимает ли группа тов. Бухарина, что отказаться от борьбы с правым уклоном, значит предать рабочий класс, предать революцию? Понимает ли группа тов. Бухарина, что без преодоления правого уклона и примиренчества невозможно преодолеть стоящие перед нами трудности, без преодоления же этих трудностей невозможно добиться решающих успехов социалистического строительства. Чего стоят после всего этого жалкие слова о «гражданской казни» трех членов Политбюро?

Нет, товарищи, либеральной болтовней о «гражданской казни» не запугать вам партию. Партия требует от вас решительной борьбы с правым уклоном и примиренчеством в одной шеренге со всеми членами ЦК нашей партии. Она требует этого от вас для того, чтобы облегчить дело мобилизации рабочего класса, организовать наступление социализма по всему фронту, сломить сопротивление классовых врагов и обеспечить преодоление трудностей нашего строительства. Либо вы это требование партии выполните, — и тогда партия будет приветствовать вас. Либо вы этого не сделаете, — но тогда пеняйте на себя.

Л. М. Каганович.

Проблема кадров [1]).

Вопросу о кадрах вполне применима пословица — «не было бы счастья, да несчастье помогло». Таким несчастьем оказалось шахтинское дело. Шахтинское дело сыграло роль сигнала, который предупредил партию, что если в нынешний период мы не поставим во всей остроте вопрос о кадрах, то мы даже при нашей хорошей политике, при больших успехах в области социалистического строительства можем потерять очень много. На апрельском пленуме ЦК 1928 года тов. Сталин правильно поставил вопрос, что шахтинское дело сигнализирует нам о том, «что мы плохо обучаем кадры в наших вузах, плохо вырабатываем наших красных спецов», что шахтинское дело не есть эпизодическое дело, а что это есть определенное проявление классовой борьбы против пролетарского государства со стороны классовых врагов, «есть экономическая контрреволюция, затеянная частью буржуазных спецов, владевших раньше угольной промышленностью». Отсюда следовал вывод, что вопрос о вредительстве и о кадрах надо ставить не как вопрос организационно-технический, а как вопрос политический. К сожалению, еще тогда, на апрельском пленуме ЦК не все это поняли. В частности, правые лидеры сводили весь шахтинский процесс и причины его к недостаткам нашего аппарата, прозевавшего вредительство, к недостаткам нашей работы среди специалистов, к случайным явлениям. Исходя из этого они не видели необходимости ставить резко вопрос о новых кадрах. Дальнейший ход событий целиком и полностью подтвердил позицию, которую занял пленум ЦК, и отверг ту позицию, которую развивал тов. Рыков в оценке шахтинского дела и соответствующих выводов о кадрах.

На июльском пленуме ЦК (1928 г.) этот вопрос был поставлен. Тов. Молотов в своем докладе резко подчеркнул задачу подготовки новых специалистов, которыми мы могли бы заменить вредящих нам старых специалистов. Июльский пленум наметил ряд практических мероприятий в этом направлении. Проверка выполнения решений июльского пленума ЦК показала, что мы двинулись значительно вперед и что, хотя мы работали очень плохо в деле выполнения решений июльского пленума, несмотря на эту плохую работу, мы имеем значительные достижения.

Постановка июльского пленума вопроса о кадрах уже требует своего расширения на все отрасли народного хозяйства, в том числе и на руководящие хозяйственные кадры. Мы имеем два основных факта, которые заставляют нас поставить вопрос о кадрах в таком широком размахе. Первый основной факт — это то, что мы после шахтинского дела вскрыли ряд крупнейших вредительских дел в основных отраслях нашей промышленности. И второй факт—это гигантский темп роста нашего хозяйства. Мы в этом году утвердили пятилетку, и первый год осуществления пятилетки показал, что мы обгоняем намеченные темпы. Конечно, можно бы вопрос о кадрах уже

[1]) Настоящая статья представляет собой сокращенную и переработанную стенограмму доклада тов. Кагановича на ноябрьском пленуме ЦК ВКП(б) 1929 г.

сейчас расширить до предела всех отраслей государственной деятельности, просвещения и всех других отраслей, но мы этим потопим основную задачу сегодняшнего дня—создания кадров для народного хозяйства. Это то звено, за которое мы должны ухватиться и затем потащить за этим звеном и все другие звенья в цепи по остальным отраслям нашей государственной деятельности.

В лице вредителей мы имеем яркую политическую, враждебную нам группировку. Один из вредителей Пальчинский, бывший товарищ министра при Керенском, наиболее ярко сформулировал политическую платформу вредителей. Вот, что он показывает:

> «В дальнейшем — было намечено — политическое воздействие на нормальный ход хозяйственно-политической жизни страны путем создания в ней непрерывных кризисов. Основным средством для этого является работа организации и членов ее в области программной как при обычных, так и в особенности, при составлении программы на пятилетие и более долгие сроки. Сведения для этих программ и их составление должны были производиться таким образом, чтобы результатом их явился непрерывный, если можно так выразиться, хозяйственный кризис, переживаемый страной то в той, то в другой отрасли хозяйства».

Каково конкретное проявление вредительства? Мы должны прямо сказать, что это была не просто организация, которая собиралась обсудить о возможности вредить, но организация, которая разрушала наши заводы. Мы знаем из истории развития капитализма в Англии, когда один класс в борьбе против другого класса прибегал к разрушению машин. Рабочий класс на заре своего развития разрушал машины, боролся против капитализма таким путем. Это было несознательное, стихийное движение. У нас же мы имеем сознательно организованную войну умирающего класса буржуазии против нас, разрушение крупнейших заводов, крупнейших очагов народного хозяйства нашей советской страны.

Вредители устроились так, что субординация вредительская совпала с субординацией руководства предприятиями. Они прекраснейшим образом использовали наши легальные возможности для вредительской работы против нас.

Вредители захватили командные посты в ряде наших хозяйственных органов. Так, в Главметалле вредительство проводилось таким образом: Главметаллу подчинялся Гипромез, а первый — промсекции Госплана. Техническое руководство всем машиностроением и черной металлургией находилось в руках у вредителей Хренникова и Жданова, из которых первый был акционером и директором Сормовского завода, а второй — акционером и директором Никополь-Мариупольского завода. Во главе отдела цветных металлов стоял инженер Иванов, бывший крупный акционер Уркварта, управляющий всеми его алтайскими предприятиями. Техническим руководителем Гипромеза состоял профессор Белоножкин, крупный акционер «Братья Нобель». В промышленной секции Госплана членами ее по функции Главметалла являлись проф. Таубэ и инженер Гартман, из них первый бывший барон, совладелец и директор Надеждинского комбината, а второй — бывший управляющий Пастухинских и Амуринских заводов и член правления Нижне-Тагильских заводов. Благодаря такой расстановке своих людей — вредителям удалось вести работу в полной безопасности. Интересно в этом отношении показание одного из вредителей.

> «Признаю себя виновным — говорит он — в том, что принимал участие в общей работе Главметалла, благодаря своему антисоветскому настроению, совместно с другими вышеуказанными лицами задержал темп развития черной металлургии, следствием чего явился металлический голод в стране...
>
> ... Этот срыв повлек за собой срыв программы машиностроения, неудовлетворение сельского хозяйства необходимым количеством с.-х. орудий, поставил под удар развитие транспорта и удовлетворение нужд НКПС. Задер-

жалось бы производство средств производства, и программа индустриализации страны могла потерпеть крушение».

Подробный анализ вредительских дел показывает, что мы здесь имеем определенное проявление и отражение той классовой борьбы, которую мы имеем в стране, что все вредители, являющиеся в большинстве своем бывшими владельцами и акционерами, об'единены политической платформой—восстановления капитализма и свержения Советской власти, что наш рост вызывает ожесточение классового врага, что буржуазия била нас как раз в тех местах, где мы были наиболее слабы, где она наиболее сильна. Здесь, в среде специалистов, она имеет свои наиболее квалифицированные кадры и поэтому могла вести вредительскую работу против пролетарского государства. Вот, почему вопрос о создании наших квалифицированных кадров является сугубо и остро политическим вопросом для диктатуры пролетариата.

Пятилетка и обеспечение ее кадрами.

Таким образом, вопрос о кадрах стоит как с точки зрения задач замены вредителей, так и удовлетворения гигантских темпов нашего строительства. Мы количественно можем не поспеть за этими темпами в деле подготовки кадров специалистов. Поэтому, вопрос стоит так: в соответствии с гигантским размахом социалистической реконструкции развернуть дело подготовки кадров, вполне отвечающих требованиям этой реконструкции. Вопрос не только в количестве, но и в качестве специалистов, в связи с небывалым техническим под'емом в народном хозяйстве и необходимостью использования последних достижений мировой науки и техники, в связи с тем, что мы хотим действительно догнать и перегнать капиталистические страны.

В последнем номере (от 2 ноября) «Экономиста», серьезного английского журнала, помещена статья под названием «Финансы пятилетки». Между прочим, русское слово «пятилетка» уже входит в обиход английского языка, как и других иностранных языков: это слово уже не переводится, как не переводятся слова «советы» и «большевики». Вот, что пишет умный классовый враг о кадрах:

> «Проблема получения профессионально подготовленных инженеров в России гораздо более серьезна, чем это можно себе представить. Коммунистическая партия нуждается в штате инженеров, составленных из людей, которые обучались в русских школах и политехникумах...»

Дальше дается общая оценка положения:

> «Но сколько ни серьезен вопрос о получении технических «кадров» в настоящее время, он все же не стоит так остро, и давление его почувствуется только с открытием новых фабрик».

Еще более резко ставит этот же вопрос побывавший у нас корреспондент «Манчестер Гардиан»:

> «Как найдет советская властв достаточно специалистов? Кажется, что проблема подготовки специалистов является величайшей проблемой, стоящей перед советами, более великой, чем политические проблемы, которые вызывают столь большой шум в мире».

Вот, как понимает буржуазная пресса нашу задачу в области кадров. **К сожалению, не все еще у нас в стране так понимают значение кадров, как понимают это значение наши классовые враги.**

Июльский пленум ЦК принял решение по докладу тов. Молотова о выработке пятилетнего плана подготовки кадров. У нас разработали пятилетний план по всем отраслям народного хозяйства, занимались всеми составными частями хозяйства — сырьем, топливом, машинами, зданиями— а вот людьми, которые должны распоряжаться всем этим, людьми, от которых зависит, пойдет ли все это впрок или мы получим половину того, что мы должны и можем получить — этим делом не занимались и не занимаются. Например, Госплан составил пятилетку, хорошую пятилетку, за это мы его хвалили и хвалим. А глава о кадрах никуда не годится. В этой главе заявляется, что «общий расчет необходимого промышленности кадра инженеров и техников не представляет особенных трудностей (См. «Пятилетний план», т. II, ч. 2, стр. 276). Расчет там такой, что для промышленности нужно в пятилетие 25 тысяч новых инженеров. А когда поручили дать точные расчеты, госплановцы, проработав вопрос, пришли и заявили: «Знаете, трудно дать точные расчеты. Мы не имеем для этого достаточных данных».

Для справедливости необходимо сказать, что вопрос осложняется тем, что нет еще определенной нормы насыщения специалистами, и очень трудно эту норму определить. По сырью, по топливу известна норма, а по кадрам нормы этой нет. Норма эта меняется в зависимости от очень большого ряда различнейших факторов. Мы имеем данные по Америке и по Германии. Вот их «норма» на 10 тысяч работников в промышленности. В Соединенных Штатах, по данным Госплана, имеется на 10 тысяч работников: 125 инженеров и 250 техников. По Германии—на 10 тысяч работников имеется 106 инженеров и 114 техников, а у нас на 10 тысяч работников — 80 инженеров и 81 техник.

Это соотношение к тому же надо брать условно, ибо органический состав капитала в Америке другой, чем у нас. Там высокий органический состав капитала, соотношение между переменным и постоянным капиталом совершенно другое, чем у нас, там производительность труда на много выше. Если там имеется 125 инженеров на 10 тыс. рабочих, то у нас этому соответствуют не 10 тыс., а минимум 15—20 тысяч рабочих. Относительно, поэтому, мы имеем инженеров еще меньше, чем это показывают абсолютные цифры.

Мы имеем сейчас по всему народному хозяйству 57 тыс. специалистов с высшим образованием и 55 тыс. техников. А в постановлении июльского пленума по докладу тов. Молотова сказано, что соотношение инженеров и техников должно быть достигнуто — 2 к 3; на каждых трех техников — 2 инженера. Мы далеко отстали в этом отношении от капиталистических стран; вообще, среднее звено командного состава в народном хозяйстве, техники, в нашей стране очень отстало. Некоторые излишне увлекаются инженерами, но дело не только в инженерах. Надо соотношение 2 : 3 установить, иначе мы не справимся с нашими задачами из-за недостатка в техниках.

Потребность наша в пятилетие, по самым приблизительным подсчетам подкомиссии т. Гринько, 85 тыс. инженеров и 152 тыс. техников для всего народного хозяйства, из них около 50 тыс. инженеров и 75 тыс. техников только для промышленности, планируемой ВСНХ. Если учесть, что мы вводим непрерывку на производстве, если учесть быстрые темпы коллективизации села и более быстрые темпы роста нашего народного хозяйства, чем это намечалось в пятилетнем плане, то мы поймем, что и эти расчеты, не принимавшие всех этих моментов во внимание, требуют дальнейшего уточнения в сторону их увеличения.

На транспорте дело в смысле планов подготовки кадров обстоит лучше. Но и там в настоящее время 50% нехватки инженеров. И там можно встретить железно-дорожные мастерские, как Самарские, Уфимские, где нет ни одного инженера. На транспорте, как, впрочем, и в других

отраслях, больное место — это соотношение в наличии специалистов между управленческими органами и дорогой. Раньше было 60% специалистов на дорогах и 40% в управлениях. Сейчас обратная картина: в управлениях 60%, а на дорогах только 40%. У нас, дальше, громадная нехватка по лесной промышленности, где имеются вопиющие факты. Есть заводы, которые дают миллионы валюты и не имеют ни одного инженера. Тов. Сталин совершенно правильно в своей статье «Год великого перелома», говоря вообще о кадрах, выпятил вопрос о кадрах тяжелой индустрии. Что у нас делается в тяжелой индустрии? По металлу мы имеем чрезвычайно тяжелое положение. Мы строим сейчас крупнейшие гиганты — Тельбесский, Магнитогорский. На строительстве некоторых крупнейших заводов нет главного инженера, а если есть инженер, то, во-первых, он недостаточно знает практику строительства крупнейших заводов, и, во-вторых, его окружает сплошь молодежь, хотя и способная, но не имеющая практики.

Возьмем химическую промышленность. На Урале, на Березниковском заводе почти полное отсутствие инженеров и техников. На другом заводе, тоже химическом, заведующий лабораторией — практик, никогда никакого образования не получивший. Он, может быть, хороший практик, но как он может заведывать научной лабораторией?

Если сравнить Германию и нас по этим отраслям промышленности, то в Германии, по машиностроению и по металлу вместе, имеется 2,18 инженеров на 100 рабочих, а у нас мы имеем 0,76, при чем по машиностроению эта разница буквально разительна: у нас 1,12, а в Германии — 3,77 инженерного персонала на 100 рабочих. По химической промышленности у нас 0,98, а в Германии 3,4 (данные Госплана). Как видим, по химии картина еще более разительная. Поэтому у них такие успехи в химии. Мы также имеем достижения, но если у нас не будет технического персонала знающего, грамотного, мы химическую промышленность не сдвинем с места.

Между прочим, одна из причин крайне слабой насыщенности нашей промышленности специалистами — это неблагоприятное для нас соотношение между наличием инженеров, сидящих в тресте, и инженеров, находящихся непосредственно на производстве. Это соотношение безобразнейшее. Заставляют инженеров сидеть за бумагой в тресте, в то время как промышленность задыхается от отсутствия специалистов. Соотношение тут, примерно, такое: на каждые два специалиста на производстве сидит один, а то и полтора, в тресте. Это происходит отчасти по вине руководителей трестов, а отчасти по вине самих инженеров. По данным тов. Розенгольца: 46% всех строительных инженеров сидят в аппаратах и только 54% на производстве, при чем на 1 млн. руб. вложений мы имеем всего 2,3 инженера. Не хотят инженеры ехать в провинцию, не хотят ехать из Москвы куда-нибудь в Березняки. Вот письмо, полученное редакцией «Торгово-Промышленной Газеты» за подписью «сын специалиста», где автор прямо заявляет:

> «Вы принудительные командировки применяете, вы хотите погнать наших отцов в провинцию, так имейте в виду, вы получите еще большее увеличение вредительства».

Мы встречаем сопротивление не только со стороны части специалистов, сопротивление оказывается отчасти и молодыми специалистами. Кончают вуз и не хотят ехать в деревню, не хотят ехать на завод.

Как же так: государство их учило, государство им платило стипендию, а они не хотят выполнить государственную обязанность. Тут надо самым жестоким образом направлять их на места. Пусть идут на 3 — 4 года непосредственно на производство. В военном ведомстве, когда человек кончает академию то прежде чем он станет командиром полка, прежде чем он станет командиром дивизии, он идет командиром роты, батальона. Мы должны так поставить вопрос и в отношении специалистов народного хозяйства.

Если обратиться к сельскому хозяйству, то здесь вопрос стоит не только о количестве потребных нам специалистов,— а недостаток здесь в специалистах колоссальный,— но еще более остро выдвигаются вопросы качества. Агрономов готовили для индивидуального сельского хозяйства, они не приспособлены к нынешним требованиям. Нужно в широких размерах организовать переквалификацию имеющихся специалистов, чтобы они поняли, чего от них требует сельское хозяйство в настоящее время. Мы должны создать целый ряд новых категорий специалистов в сельском хозяйстве. Мы имеем агрономов-механизаторов всего 579 человек, технологов 1.700 человек по всему Союзу.

Мы должны ускоренным порядком подготовить для сельского хозяйства своих специалистов. Мы имеем специалистов-агрономов, примерно, одного на район в среднем. Что значит теперь один агроном на район, когда мы сейчас имеем села и целые районы сплошной коллективизации? Вот примерные расчеты, самые грубые, самые минимальные. Даже при этих расчетах наличие специалистов с высшим и средним образованием — 28.926 человек, а потребность в пятилетие — 32,5 тыс. высшей квалификации и 83,9 тыс. — средней, всего — 116,4 тысячи.

Имеющиеся у нас данные свидетельствуют о том, что специалистов-льноводов у нас нет. Организуют льноводческие союзы, льноводческую кооперацию, и нет специалистов по льноводству. Животноводов совершенно ничтожное количество. Для характеристики положения подготовки специалистов достаточно привести данные из пятилетнего плана НКПроса. Против 1928/29 г. по плану намечено увеличить прием студентов в сельскохозяйственные вузы в 1932/1933 году на 10%, в художественные вузы на 60%. Вот каковы были планы Наркомпроса.

Что касается экономистов, то тут расчетов совершенно нет. Этим делом не интересовались. Готовили экономистов «вообще».

В двух вузах готовятся у нас заграничные работники — это в институте им. Плеханова (в Москве) и в Ленинграде. Так вот, в обоих вузах существует даже не отделение, а цикл, на котором всего-на-всего 60 человек готовится для заграничной работы. А там, за границей, большая засоренность наших аппаратов, и по этой линии у нас большая нужда в своих специалистах.

Качество экономистов нам требуется совершенно другое. В старое время готовили экономистов для буржуазной свободной торговли, в старое время готовили специалистов по финансам совершенно иного типа, чем тот, который у нас. Если такой специалист подойдет к нашему денежному хозяйству и к финансам по-старому, то он совершенно погубит дело. В старое время готовили экономистов-специалистов для совершенно иной налоговой политики, чем у нас, а экономика, ведь, неразрывно связана с политикой. Вот, почему мы должны поставить этот вопрос во всей остроте.

Что мы должны сделать? Во-первых, нужно разработать точный и определенный план, нужно знать, чего мы хотим. Сеть втузов строилась раньше анархически. Мы должны сеть вузов пересмотреть. У нас наблюдается большой параллелизм. Одни и те же факультеты в одном и том же городе, а профессоров мало, не хватает. Профессор совместительствует в университетах, и отсюда плохое качество учебы.

Второе — мы должны для втузов создать более точную целевую установку. Мы должны теснее связать потребителя-заказчика с производителем. И, наконец, мы должны поставить вопрос о размерах и темпе выпуска. Когда мы копнули этот вопрос, то мы наткнулись на поразительные данные.

Тов. Молотов на прошлом пленуме приводил такие цифры: 6—7% ежегодного выпуска студентов от общего их наличия. К сожалению, «воз и ныне там». Некоторые данные говорят, что эта цифра колеблется от 7 до 8%. А по расчетам НКПроса к концу пятилетия всех учащихся остается 20%, остальные 80% отсеиваются или отстают на год—два и больше. Мы его учим, а он отсеивается, мы его учим, а он отсеивается. Если взять, допустим, студентов в Германии, в Америке,— там меньше студентов, чем у нас. Мы уже сейчас имеем 66.000 студентов только во втузах. В Америке в 1926 году было всего 59 тысяч, в Германии 29 тысяч студентов. Выпуск там гораздо более эффективный. В некоторых наших газетах называют эту эффективность в 40% по отношению к Америке. Хотя эти цифры преувеличены, но все же в Германии эффективность доходит до 15—20%, приблизительно столько же в Америке. У нас же эффективность ничтожная. Почему? Во-первых, материальное обеспечение недостаточное. Студент не выдерживает, и, в частности, не выдерживает студент-рабочий. Он на заводе получал зарплату, а в вузе он получает стипендию на много меньшую, чем прежний заработок. Жилищные условия тяжелые. В этом году мы дали на студенческие общежития в три раза больше ассигнований, чем в прошлом году, а в прошлом году дали в два раза больше, чем в позапрошлом.

Вот недавно в Москве скопились тысячи студентов. НКПрос и Главтуз набрали студентов, а квартир не приготовили. Приехали студенты в Москву, и ночуют на вокзале и под забором. Это же преступление, какой же из него выйдет студент, когда он ночует на вокзале. ЦК постановил ассигновать 20 миллионов рублей для постройки пяти крупных домов для студентов. Но это — экстраординарная мера в силу остроты и положения. Надо обеспечить студентов материально. Надо учебные заведения поставить в нормальные условия. Мы не выдвигаем тут максимальных требований. Мы не говорим: дадим им столько, чтобы они идеально жили. Такое требование в нынешний момент невыполнимо. Но минимальные требования должны быть пред'явлены.

Мы увеличиваем контрактацию, увеличили стипендии. Контрактацию надо упорядочить, она шла хаотически и формально. Другая причина слабой эффективности — крайне слабая дисциплина в наших вузах. Если сравнить втузы с нашими предприятиями, они, как небо от земли, отличаются друг от друга. Никакой дисциплины, никакого порядка, хаос в управлении.

Мы имеем здесь такое положение, при котором о единоначалии нечего и говорить. Ячейка занимается буквально всем. Она занимается и хозяйством, и администрированием, и всем, чем угодно. Один из студентов МВТУ, на специальном совещании, охарактеризовал это положение, примерно, так:

> «Мы имеем правление, затем учебную часть, под ней факультеты, под ними отделения, под отделениями систему циклов, под циклами кафедры. Руководит всем этим правление, но фактически, конечно, оно всем этим не руководит. В чьих же руках находится вся система? Эта система находится в руках чуждых нам людей. В результате того, что циклы и весь учебный аппарат находятся в руках чуждой нам профессуры, мы, студенческая организация, не только в хозяйственной жизни, но и в учебной, не умеем провести грани, где кончается студенческое представительство и где начинаются нормальные учебные органы».

Это говорится о МВТУ, где в последнее время имеются значительные достижения; таково же положение в других втузах. Нам надо решительно установить, что производственная дисциплина для студента так же обязательна, как и для рабочего: изволь получать стипендию и изволь давать продукцию хорошего качества. Порядок во втузах, как и на заводах, должен быть установлен твердый. Существующую во втузах своеобразную «керенщину» нужно ликвидировать. Там до сих пор еще господствует выборность, выборность ректора, выборность декана и т. д. Мы должны ликвидировать

выборность ректора. Ректора назначает высшее учреждение. Декан назначается ректором и т. д.

Надо создать советы при втузах. В совет должны войти представители хозяйственных органов, и не формально, как они входят теперь. В совет должны войти профсоюзы, которые до сих пор только говорят: «надо участвовать в этом деле и т. д.», а делать они очень мало делают. Нужно профсоюзам глубже войти в это дело. Надо привлечь к этому делу рабочих с заводов; связь втузов с заводами должна быть более тесная. Затем, для увеличения пропускной способности, мы вносим предложение установить непрерывный учебный год и непрерывную учебную неделю. Это не значит, что для студента не будет отдыха, но это значит, что мы должны использовать для ускорения выпуска непрерывную подготовку. Непрерывной неделе на производстве должна соответствовать непрерывная же подготовка специалистов.

Одним из важнейших вопросов является переподготовка практиков. У нас около 50 тыс. практиков, из них в промышленности 28 тыс., в большинстве это квалифицированные рабочие. Это ведь готовый материал: техника из мастера сделать очень легко. Но это нужно организовать не кустарно, а по-государственному. Тогда из этой переподготовки практиков мы получим большое подкрепление для удовлетворения наших нужд в области специалистов. По нашим наметкам необходимо переподготовить около 40 тысяч практиков, из них 4 тысячи на должности инженеров.

Перестройка учебной работы втузов.

Несколько о качестве наших специалистов и об учебной работе втузов. Само собой разумеется, мы должны гнаться не только за количеством. И *качество* специалистов должно быть высокое. Мы должны заострить вопрос о поднятии качества наших специалистов.

Интересно отметить, как Купер в своем докладе в американской секции всесоюзно-западной торговой палаты характеризует наших специалистов.

Вот, что он говорил:

> «По моему мнению, ваши инженеры обладают весьма крупными техническими знаниями. То, что вам нужно, это опыт на практике, на деле. Я полагаю, если привезти сюда из Америки работников-практиков, они научат вашу молодежь практическому подходу к вещам. Нужно сказать, что каждый студент в Америке, оканчивающий институт, должен после окончания института 6 месяцев проработать простым рабочим, прежде чем он может быть допущен к дальнейшей работе. В Америке почти нет ни одного инженера, занимающего крупное положение, который бы не начал работать с самого низу. Даже после окончания вуза он начинает работу с самых низких ступенек. По моему мнению, у нас не институты делают людей, а заводы».

Хотя Купер, конечно, не коммунист, и мы не должны во всем учиться у американской высшей технической школы,— Уптон Синклер великолепно изобразил в своей книге «Гусиный шаг» все безобразные, отрицательные явления этой школы,— но то разумное и положительное в практике американской высшей школы, что там имеется, мы обязательно должны взять. Совершенно своевременно и правильно был поставлен вопрос на апрельском пленуме ЦК прошлого года о передаче некоторых втузов в ВСНХ, и тогда уже тов. Сталин доказывал, что наши втузы надо связать с заводами. На июльском пленуме в постановлении дана совершенно правильная директива о необходимости связать втузы с производством, о необходимости установления непрерывной производственной практики студентов.

При проведении этого мероприятия мы встретились с ожесточеннейшим сопротивлением реакционной части профессуры. Необходимо отметить отсутствие руководства этим делом, разбросанность по предприятиям, совершенно

невообразимое чередование, а также частичный невыход студентов на практику. Шел спор о том, как нам установить производственную практику студентов. Мы сейчас ставим вопрос о том, чтобы 40—50% времени учащихся шло на производственную практику, т.-е. работу на заводах. В этом отношении интересно отметить постановку этого дела в Америке. Там имеется 19 крупных втузов, где введена непрерывная производственная практика, или, как это у них называется, «кооперативная система обучения». Чередование учебы и производственной практики проводится там в такой пропорции: месяц — месяц, в некоторых отраслях, например, в горном деле, выгоднее устанавливать практику и учебу в таком соотношении: три месяца — три месяца. Этот вопрос необходимо еще подработать.

Как проводится производственная практика у нас? Вот некоторые характеристики, которые были даны студентами на одном специальном совещании:

> «На заводе «Борец», в Москве, не знали, какую поручить работу. Инструктажа не было. Завком и администрация не обращали на практикантов внимания и не интересовались ими. Студентов на другом московском заводе, «Пролетарский Труд», использовали по переноске железа, говоря, что так они ознакомятся с ассортиментом железа».

В некоторых местах хорошо встретили студентов, например, на Коломенском заводе, на ГЭЗ'е в Харькове.

А как используются студенты на железных дорогах? Достаточно указать на производственную практику на Сев.-Кавказской ж. д.:

> «На Северо-Кавказской дороге дошли до сплошного головотяпства и искажения правительственных директив. Северо-Кавказская дорога судьбу 700 практикантов вручила канцелярскому работнику учраспреда, который одним росчерком пера распределил их, не сообразуясь с подготовкой и характером специальности». (Из статьи тов. П. Носикова, в журнале «Красное Студенчество», № 2).

То же самое на целом ряде других заводов. Производственная практика поставлена из рук вон плохо. А почему? Потому что предприятия за это дело не взялись, потому что органы просвещения не связались с предприятиями.

Еще один очень серьезный вопрос — вопрос о подготовке педагогического персонала. Старый педагогический персонал сопротивляется всеми силами связи втузов с заводами. В большинстве своем он не знает завода, он проваливается на этом деле, он боится завода. Во-вторых, если мы не подготовим новых педагогов, мы окажемся в полном провале. Сеть вузов увеличиваем на 47 втузов и 172 техникума. Это расширение недостаточное, но мы не можем расширять далее, не имея в достаточном количестве педагогического персонала.

Мы должны дать в педагогический персонал своих людей, мы должны из рабочих выдвигать новых аспирантов. Что делается в этом направлении? Очень мало. Вот иллюстрация: «выполняя» решения июльского пленума о расширении и улучшении кадров научных работников, Наркомпрос в своих планах предусмотрел такой темп подготовки новых аспирантов: по индустриально-технической линии в 1927/28 г.—109; а 1928/29 г.—143 человека; по художественной — в 1927/28 г.—113 чел., а в 1928/29 г. тоже 143. И здесь у НКПроса был тот же художественно-балетный уклон. Тут пропорции нужно изменить решительно в сторону увеличения аспирантуры по индустриально-технической линии.

Мы выпячиваем вопрос о педагогическом персонале. Мы ставим вопрос о том, чтобы научно-исследовательскую работу связать крепче и с предприятиями и с ВСНХ. Мы должны научно-исследовательской работе придать еще более быстрый темп, чем это делалось до сих пор. Мы в научно-исследовательской работе страшно отстали, до невозможности, до преступления. В этом отношении в последнее время начинаем подтягиваться, некоторое оживление тут есть.

Вот, как Ленин ставил вопрос о постановке научно-технического дела. В одном письме к тов. Горбунову он писал:

> «Еще одно дело — научно-технический отдел ВСНХ, кажись, совсем заснул»...
>
> ... «Надо: либо разбудить его, либо двинуть настоящим образом дело о разгоне этих ученых шалопаев, и обязательно установить точно, кто будет отвечать за ознакомление нас с европейской и американской техникой толком, во-время, практично, не по-казенному... Надо добиться, чтобы научно-технический отдел ВСНХ и его многочисленные заграничные бездельники перестали бездельничать или чтобы *мы их заменили другими*» (курсив Ленина).

Как мы используем иностранный опыт? Решения прошлого июльского пленума об использовании иностранного опыта выполнены в ничтожнейших размерах. Даже такое решение, как послать двести пятьдесят человек молодых специалистов за границу выполнено не полностью. Послали только 148 человек, не могли найти 250 человек! А на ряду с этим за границу послано 85 спортсменов. В «Прожекторе» была очень удачная карикатура: нарисован большой спортсмен, ударяющий головой в футбольный мяч, а рядом здесь стоит маленький инженер. Инженер глядит с завистью на футболистов, которых отправляют за границу, и говорит: «Не понимаю, почему им такое внимание — ведь и я работаю головой».

Как мы используем иностранных специалистов?—Безобразнейшим образом. Вот, что рассказал иностранный специалист, инженер Флак, о себе:

> «Я приехал год тому назад, как инженер и как коммунист. Когда красный директор принял меня у себя в кабинете, я носил в петлице советскую звездочку. После короткой беседы он заставил меня снять ее: мол, технический директор, который до этой беседы дал согласие на принятие меня на службу, не должен знать, что я коммунист, и не должен видеть советскую звездочку на мне».

Он описывает дальше свои мытарства, как его не хотели принимать, и как он, наконец, поступил в цех. Его начали мытарить:

> «Мастер старался держать со мной контакт и предложил мне пить с ним водку, о чем я рассказал секретарю ячейки. Тот ответил: ну, конечно, нужно держать контакт, давай выпьем с ним».

Дошло до того, что обвинили его во вредительстве и вот по какой причине:

> «На одной машине маленькая букса, ценой в 45 коп. сломалась, потому что сделана не из цементированного железа, а из перекаленной стали».

Дальше описывает безобразия в самом производстве.

> «... так иголки делаются в массовом количестве, и брак достигает 60%. Делали глубокомысленные анализы, не сидят ли на иголках бациллы, а не заметили, что ушки иголок сломаны».

И вот этого инженера затирали, и он работал там даже не мастером. Ряд других инженеров-коммунистов, которые приехали добровольно работать у нас, среди них часть политических эмигрантов, мытарится направо и налево и совершенно не используется. Еще один чрезвычайно интересный факт насчет использования иностранных специалистов. В «Торгово-Промышленной Газете» напечатана статья по поводу одного конфликта в Ленинграде. Ленинградцы выделили комиссию для расследования и пришли к интересным выводам. Статья озаглавлена: «Конфликт темпов». Оказывается, что на один из фарфоровых заводов приехал немецкий инженер, технический директор, он давал очень сокращенные сроки выполнения разных заданий, и вот

заводская инженерно-техническая секция и профсоюзная организация начали борьбу против этого немецкого инженера. Конфликт был самый отчаянный. В конце концов была выделена комиссия, которая доказала, что прав немецкий инженер, который дает вдвое большие темпы, чем те, к каким привыкли наши инженеры. Это и есть борьба с обломовщиной, которую мы ведем и должны вести.

Мы должны, конечно, подчеркнуть решительно, что и среди иностранных инженеров могут быть вредители, фашисты. К сожалению, есть ряд данных, которые показывают, что приглашаются члены фашистской организации — штальгельма. Был случай, когда пригласили в качестве инженера юриста, он получал 800 рублей в месяц, ему дали прекрасную квартиру, а коммунисты-инженеры находились в безобразном загоне. Мы должны проявить бдительность к иностранным инженерам очень большую, но, на ряду с бдительностью, мы должны на Магнитогорский и другие заводы приглашать лучших из специалистов, платить им деньги за учебу, как говорил Ленин, тратить десятки миллионов, не крохоборствовать в этом деле, а учиться у лучших специалистов. Но нужно приглашать не шалопаев, не шантрапу, а приглашать и платить деньги хорошим, первоклассным специалистам, и в то же время обеспечить максимально благоприятную обстановку для работы у нас пролетарских специалистов.

Возьмем такой вопрос как, напр., приглашение иностранных лекторов. За весь год, несмотря на решение пленума ЦК, пригласили всего пять лекторов. Относительно технической литературы. Мы с этой литературой безобразно отстали, до невозможности. Как могут наши инженеры в этом отношении дальше расти? Инженер кончает вуз, но жизнь на месте не стоит, она движется вперед, появляются новые изобретения, и если он окончил вуз и удовлетворился этим, то он пропащий человек. Он должен читать, углублять свои знания, а между тем, мы литературу техническую не выписываем, и наши издательства ее не издают, не издают то, что необходимо и нужно. Это безобразнейшее положение. Жалуются, что рецензий на техническую литературу нет; выпустит кто-нибудь маленькую книжку по какой-либо другой отрасли — рецензия есть, выпустили техническую книжку — замалчивают, рецензий не помещают, не привлекают внимания к этому делу. Это положение нужно в корне изменить. Мы должны дать технику массам, потому что мы вплотную подходим к вопросу, когда техника перестает быть монополией небольшой касты инженеров, когда техника должна стать достоянием миллионных масс, когда мы должны поставить вопрос о подготовке кадров во всей широте, начиная от квалифицированного рабочего и кончая инженером. Только при этих условиях мы сможем овладеть той колоссальнейшей работой, которая перед нами в данный момент стоит.

Вопросы социально-политического качества специалистов.

Нам нужно не только увеличить количество, не только обеспечить определенное техническое качество специалистов, нам нужно подготовить социально-политически наших специалистов, ибо нынешний реконструктивный период не является просто периодом технической революции, сопровождающейся ломкой старых экономических отношений, а это—трудный, ответственный период коренной ломки старых, социально-экономических отношений, период выкорчевывания корней капитализма. Если с этой точки зрения посмотреть на политическое состояние нашего студенчества, то необходимо сказать, что процесс классовой борьбы и здесь находит свое конкретное выражение. Мы уже имеем значительные достижения в деле орабочения вузов, в деле выполнения поставленной партией задачи улучшения состава вузов и втузов. Мы имеем безусловный рост рабочих во втузах. Если

в составе студентов втузов РСФСР в 1923/24 г. мы имели рабочих—17% и членов партии—5,9%, то в 1928/29 г. мы имеем рабочих—40,9% и членов ВКП(б)—26,6%. Но это положение нас удовлетворить не может и мы должны поставить перед собой задачу — добиться того, чтобы в составе учащихся втузов было не менее 70% рабочих. Если обратиться к социальному составу экономических вузов, то процент рабочих там составляет 23. В этой области мы значительно отстали, что в значительной мере об'ясняется тем, что рабочие тянутся в технические учебные заведения.

Для того, чтобы нам обеспечить дальнейшее улучшение состава втузов, нам необходимо провести целый ряд мероприятий. В прошлом году мы провели опыт командирования «1.000». Опыт командирования «1.000» вполне удался. В составе приема 1928/29 г. рабочих—67,9%, а в приеме 1929/30 г.—рабочих 75,9%. Большинство принятых имеет значительный практический и партийный стаж. «Тысячники» оказали большое рвение и упорство в занятиях. По имеющимся данным, по 6 втузам второгодниками из них остались только 5%. При всех неполадках в этой области этот опыт можно признать вполне удавшимся.

Крупнейшее и важнейшее значение имеет подготовка детей рабочих в школах II ступени, крупнейшую роль должны сыграть рабфаки в деле орабочивания втузов и вузов. Однако, нынешний состав рабфаков, их работа недостаточно обеспечивает выполнение этих задач: так, в составе дневных рабфаков мы имеем снижение процента рабочих. Рабфаки в значительной мере превращаются в крестфаки. Так, процент рабочих в составе дневных 1928/29 г. повысился до 58. Лучший состав мы имеем в составе вечерних рабфаков, где процент рабочих с каждым годом растет, достигнув в 1928/29 г. 80. Сюда идет коренной рабочий, не желающий порвать с производством.

К сожалению, школа II ступени не является еще той школой, которая могла бы усиленно подготовлять детей рабочих. Надо сказать, что школы II ступени даже очень плохо готовят детей рабочих. Прежде всего, мы отмечаем процесс вымывания детей рабочих из школ II ступени по мере достижения старших групп. Так, если в 5 группе в 1926/27 г. процент детей рабочих составлял 32, то в 9 группе—16,4. Та же картина и в 1927/28 г.: в 5 группе детей рабочих 30,7%, в 9 группе—14,8%.

Но, помимо отсева, необходимо также подчеркнуть и недостаточную подготовленность оканчивающих школы II ступени.

При нынешнем состоянии школа II ступени весьма слабо справляется с задачей подготовки детей рабочих в вузы. Вот, почему улучшение работы школ II ступени должно быть поставлено во всей широте. Попутно с этим мы должны обратить внимание на подготовку в сельскохозяйственные вузы детей из состава школ крестьянской молодежи. Нам нужно в корне улучшить состав сельскохозяйственных вузов, где батраков—0,5%, где имеется большая засоренность за счет зажиточных и кулаков, где партийная прослойка ниже, чем во втузах (17%). Конечно, сельскохозяйственные вузы должны комплектоваться не только за счет крестьянской молодежи, но они должны занять должное место в этом отношении.

Нам необходимо поставить вопрос о решительном усилении партийно-воспитательной работы среди студенчества и борьбы с враждебными нам элементами. На ряду с улучшением состава студенчества, нам необходимо усилить политическую работу среди студенчества, а между тем эта работа поставлена из рук вон плохо. Вот, что буквально говорит московское бюро Пролетстуда о своей работе:

> «Состояние профпросвещения сводится к следующему: студенческие профорганизации занимались чем угодно, только не политическим воспитанием студенчества».

В среде студенчества мы имеем отражение классовой борьбы, которая сейчас происходит в стране. Здесь мы имеем и прямых наших врагов, приближающихся к вредителям. Так, за подписью «студенты» во время шахтинского процесса тов. Крыленко получено письмо, в котором можно прочесть следующее:

«Вам, гражданин Крыленко, палачу шахтинских героев, направляем мы это письмо. Если вы думаете, что, расстреляв десятки наших старших товарищей, вы спасете свою промышленность, вы жестоко ошибаетесь. На кого вы можете опереться в вузах? Ведь нельзя же серьезно рассчитывать на тупоголовых рабфаковцев. Единственно живая сила в вузе, это мы, а мы клянемся более тонко и обдуманно продолжать дело, так неумело проводимое теми, которых вы судите теперь».

Мы имеем также «болото», безразлично относящееся к общественной работе внутри и вне втузов, элементы кастовой замкнутости, имеющие даже внешнее выражение в ношении инженерского значка, как эмблемы преданности своей специальности и общественного безразличия. Это «болото» приближается, по своей сути, к типу студенчества капиталистических стран. Такой тип студента нам не нужен. Мы должны добиться того, чтобы наше студенчество было политически активным, активно участвовало в политической жизни и строительстве советского государства. Мы, однако, должны со всей откровенностью сказать, что не только работа студенческих профорганизаций, но и работа ячеек крайне недостаточна. Вот отрывок из письма одного беспартийного студента, до. вуза хорошего общественника, крестьянина-бедняка, хотевшего сблизиться с коммунистами. Он пишет:

«Я пошел в ячейку. Опять натянутость, беспартийных-то видно не было. Я как-то стеснил всех, когда я пришел во второй раз. Обсуждались какие-то важные вопросы и меня, как беспартийного, просили уйти. На двух собраниях ячейки обсуждался вопрос, что мне дать, но ничего и не дали. Тогда секретарь ячейки направил меня в културкомиссию клуба. Мне предложили продавать студентам билеты в кино. Я отказался и не пошел больше в ячейку. Я страдал и ругал себя, я винил себя в том, что я не внушаю доверия. Потом все прошло. Я стал равнодушен к ним».

Если даже признать это письмо несколько утрированным, оно, в общем, довольно верно характеризует работу вузовских ячеек среди беспартийных. Наши ячейки, наши партийные организации выдержали на своих плечах всю тяжесть борьбы за реформу школы и, в значительной мере, принуждены заниматься администрированием. Мы должны их от этой работы освободить и направить их главное внимание, как и внимание профорганизаций студенчества, на политико-воспитательную работу среди студенчества.

Системой всех этих перечисленных мероприятий мы можем обеспечить выполнение задач подготовки новых кадров, нужных пролетарскому государству специалистов.

Ставя решительно вопрос о подготовке новых пролетарских специалистов, мы тем самым не меняем политики партии к старым специалистам. Мы решительно за использование их.

Конечно, среди старых специалистов мы имеем много вредителей. Однако, статистика вредительства показывает, что в числе арестованных по вредительским делам в промышленности: капиталистов и помещиков — 29%, прочих и «разночинцев»—70%, а в числе арестованных по транспорту—дворян, потомственно-почетных граждан, купцов и духовенства—62%, и прочих—37%. Это свидетельствует о том, что вредительством охвачены верхушечные кадры специалистов из бывших собственников, акционеров, или, иначе говоря, из командной головки капитала. За этой враждебной нам частью специалистов плетется и часть «болота». Значительная часть специалистов представляет собой «болото», и к нам, как бы сказать, относится нейтрально. Однако, среди специалистов имеются и такие, которые окончательно ассимилировались в нашей среде и добросовестно участвуют в социалистическом строительстве. Для характеристики политического лица враждебной нам части приводим несколько показаний арестованных вредителей. Вот что показывает Пальчинский:

«Я признаю, что моя политическая платформа, деятельность и выступление за время существования Советской власти были явно антибольшевистскими. Если отождествлять Советскую власть с диктатурой пролетариата, то и антисоветскими».

Вредитель профессор Крылов показывает:

«Идеологически русское инженерство дореволюционного периода, воспитанное в условиях капиталистического хозяйства, не могло на первых порах оценить возможности и значения социалистического хозяйства... Саботаж, антисоветская пропаганда и, наконец, вредительская деятельность... явились следствием такого положения и характеризовали собой работу значительного слоя инженерства с первых лет мирной работы Советской власти, начиная с 1921 г.».

Другой вредитель показывает:

«Мы убеждены были так, что нам, людям прежних позиций, работать с Советской властью не по дороге, что она вытянет из нас все, но не даст ничего. Поэтому нам, как приверженцам монархии, следует мешать в ее укреплении, и что лучше всего это делать путем дезорганизации военных заводов».

Мы пытались установить, что собою представляет нынешний состав специалистов. Для этого было произведено специальное обследование Центральным Комитетом, которое охватило около 9.000 специалистов, занимающих те или иные административно-технические должности. Приводим данные, охватывающие только специалистов, имеющих законченное высшее и среднее образование. И вот, при рассмотрении этих данных, мы обнаруживаем, что 62% специалистов с высшим образованием начали работу, как специалисты после революции, а 56,5% кончили учебные заведения после революции. Среди же имеющих специальное среднее образование цифра начавших работу после революции повышается до 72%. Это также подтверждается и данными по возрасту. Среди инженеров 53% составляют лица, коим в 1917 г. было не более 32 лет, а среди техников—58,8%. Что же касается послереволюционного инженерства, то 73% составляют те, которым было в 1917 г. не более 22 лет, а среди техников этот процент повышается до 84. Конечно, эти данные нельзя полностью распространить на весь состав специалистов, но, учитывая научный подбор об'ектов обследования, можно признать эти данные характерными, приближающимися к действительности.

Если взять по этим же данным состав инженерства по партийности, то среди дореволюционного инженерства мы имеем коммунистов — 2,3%, а среди послереволюционного—6,7%. Все эти данные говорят о том, что вопрос о специалистах для нас стоит достаточно остро. Мы должны во всей остроте поставить вопрос о работе среди старых специалистов, о борьбе за нашу пролетарскую линию. Мы не меняем нашу установку по отношению к старым специалистам. Однако, мы должны знать, что Ленин ставил вопрос не только об использовании старых специалистов, но и о замене их своими пролетарскими специалистами. Ленин ставил вопрос диалектически, в соответствии с переживаемым периодом, в соответствии со стоящими перед партией задачами. Ленин писал:

«Наша задача — путем опыта привлекать в широких размерах специалистов, заменять, их, подготовляя новый командный состав, новый круг специалистов, который должен научиться чрезвычайному трудному, новому и сложному делу управления»...

И дальше:

«В этом гвоздь. Если вы это сделаете, создадите, таким образом, все большее и большее число рабочих и крестьян, которые учатся управлению и, проделав все сроки обучения рядом со старыми специалистами, становятся на их места, исполняют такие же задания и подготовляют в нашем гражданском деле, в деле управления промышленностью, в деле управления хозяйственной деятельности, такое же изменение командного состава, какое у нас происходит в военном ведомстве,—если вы это сделаете, такого рода работа, конечно, будет означать все». (Том XVI, стр. 434—435).

Ленин ставил вопрос не только об использовании старых специалистов, но и об одновременной подготовке своих. Вот маленькая иллюстрация, как военное ведомство заменяло старых специалистов. Если в РККА в 1920 г. было 68.159 старых офицеров, то сейчас осталось их только 14% общего состава командиров (сюда входят и офицеры военного времени, среди которых много коммунистов). Если в среде командного состава в 1920 г. было 10% коммунистов, то сейчас их — 60,8%. Мы должны поставить себе задачу добиться таких показателей и в отношении кадров хозяйства.

О руководящих кадрах.

Совершенно ясно, что вопрос о технических кадрах не может не стоять в тесной связи с вопросом о руководящих кадрах. Почему? Потому что, вообще говоря, роль хозяйственника, организатора и руководителя у нас отличается от роли организатора при капитализме. Если при капитализме, в условиях рыночных отношений,—основная роль хозяйственника-руководителя сводится к деятельности в сфере товарооборота, то, в условиях социалистических отношений, эта деятельность протекает, главным образом, в сфере организации производственного процесса. Такая роль при социалистических формах вытекает из плановой организации хозяйства. Таким образом, в наших условиях функции хозяйственника - организатора приближаются к функциям инженера и техника. Однако, не прав тов. Бухарин, когда он в тезисах о работе НТУ пишет, что будущее принадлежит хозяйствующим инженерам или инженерствующим хозяйственникам. Это обычный выкрутас, фраза. Будущее (в том разрезе, о котором говорит тов. Бухарин) принадлежит не инженерам, а трудящимся. Тут тов. Бухарин несколько впадает в богдановщину, которая отводит руководящую роль технической интеллигенции, что абсолютно неправильно. Будущее принадлежит не инженерам, а трудящимся, но сближение роли хозяйственника-организатора с инженером и техником будет все время.

Исходя из этого, мы должны связать вопрос о качестве руководящих кадров с качеством специалистов. Каким должен быть наш руководящий кадровик?

Использовывая старых специалистов, наш руководящий кадровик должен быть классово устойчивым, чтобы противостоять вредителю, пытающемуся на него воздействовать. Наш кадровик должен быть технически грамотным и культурным, должен быть класосво бдительным.

И вот, как мы можем под этим углом зрения оценить руководящие кадры сейчас. Прежде всего, необходимо отметить, что мы имеем безусловные достижения в отношении промышленных кадров. Статистика показывает (мы специально проработали этот вопрос), что, начиная с 1923 г., мы имеем безусловный рост рабочих и коммунистов в составе промышленных кадров. Если в 1923 году среди директоров предприятий мы имели 39,1% рабочих, то сейчас мы имеем 71,1% рабочих. Если мы имели коммунистов в 1923 году 29,4%, то сейчас мы имеем 93,4%. То же самое и в составе правлений трестов. Там было рабочих: в 1923 г.—23%, в 1929 г.—48,1%; коммунистов: в 1923 г.—37%, в 1929 г.—78,5%. Мы имеем известные достижения и в качестве промкадров. Наши кадры выросли гигантски. Конечно, мы не справились бы со стоявшими перед нами задачами, если бы у нас не было своих пролетарских кадров, которые руководят всей гигантской машиной и, закончив восстановительный период, взялись за реконструкцию нашей промышленности.

Мы могли бы назвать ряд крупнейших, выдающихся директоров, председателей трестов, знающих дело и уже понимающих в технике. Многие из них подходят вплотную к учебе. Мы здесь достижения имеем, но позвольте опять же и здесь не заниматься самохвалением, поскольку и здесь значительная работа еще впереди.

Перейдем к основным недостаткам в этой области работы. Во-первых, мы имеем большую текучесть, огромную текучесть. Так среди директоров предприятий и членов правлений трестов, работающих меньше одного года, мы в 1926 году имели 38,2%, а в этом году—50,3%. Конечно, работая меньше года, директор не может изучить производство, как следует.

Во-вторых, если поставить вопрос с точки зрения устойчивости—устойчивости моральной и подпадания под влияние буржуазных специалистов, устойчивости в повседневной жизни и быту,—то здесь мы наблюдаем ряд отрицательных явлений. Однако, это не дает права утверждать, что наши хозяйственники разложились. Подчеркиваю, нельзя этого утверждать, а это иногда огульно утверждается. Мы должны с такими утверждениями бороться, но одновременно мы обязаны сигнализировать о наличии нездоровых явлений.

Часто мы слышим жалобы: к нам придираются, нас судят, легко критиковать, а попробуй-ка похозяйничать на заводе, когда случится то-то и то-то, а ты за все ответчик. Конечно, легко никому не работается, всякий подвергается самокритике. К сожалению, мы часто имеем здесь прорывы. Вот возьмем, например, дело Портенко. Портенко—бывш. директор Брянского завода, где практиковались фальшивые клейма. Клали фальшивые клейма на паровозы, на негодные части, и эти негодные фабрикаты шли, как годные. Фальшивые клейма практиковались и до него, частью при нем, он не знал об этом, но он 1½ месяца держал у себя в столе уведомление ГПУ об этом деле, не принимая никаких мер. Потом это дело вскрылось, и его судили и осудили. Не входя в обсуждение вопроса о том, правилен ли приговор (ему дали два года) или не правилен, нужно смягчить этот приговор или не нужно смягчать, мы ставим вопрос так: можем ли мы коммуниста-директора, который стоит во главе учреждения, завода, у которого творятся безобразия, можем и должны ли мы его судить или нет? Можем ли мы его подтянуть, или нет? Можем и должны. Вот, как Ленин смотрел на это дело. Приведем одно из писем, которое он писал тов. Горбунову:

«Я, затем, поручаю вам расследовать дело о простое шведского завода «Нитвес и Гольм» («Экономическая Жизнь», № 194, стр. 4) «медленно оформили» заказ на водяные турбины!! В коих у нас страшный недостаток!! Это верх безобразия и бесстыдства! Обязательно найдите виновных, чтобы этих мерзавцев могли сгноить в тюрьме».

Мы должны, конечно, бережно относиться к нашим кадрам. Мы не должны допускать травли, безосновательной травли, но мы должны учить друг друга, а учить можно, критикуя. Мы должны поставить работу так, чтобы каждый чувствовал ответственность за дело, которое ему поручено. Мы имеем целый ряд фактов (несмотря на хорошее качество наших коммунистов и старых работников, несмотря на их преданность, верность), передоверия своих прав со стороны этих товарищей специалистам, враждебным нам, слепого доверия к ним, отсутствия бдительности к классовому врагу. Иногда желание дружно работать со специалистами понимается так, чтобы поддаваться целиком их влиянию. Наши кадры в значительной своей части недостаточно грамотны. Так, одновременно с процессом орабочения и ком-

мунизации промышленных кадров процент руководящих работников среди членов правлений трестов и директоров предприятий с низшим образованием повысился до 54,4 против 43,3% в 1923 году. Никто из нас не шибко грамотен, есть у нас грамотные, но значительная часть наших пролетарских кадров, вышедших из подполья, вышедших из огня гражданской войны, в университетах не училась, и многие из них недостаточно грамотны. Это не вина, а беда наша, но это не значит, что мы должны фаталистически к этому относиться и не ставить во всей остроте вопрос: «учись! Не будешь учиться, то ты погибнешь, как кадровик, и погубишь дело, которое тебе поручено».

Мы наталкиваемся на целый ряд других вопросов. Мы сталкиваемся с вопросом текучести, с вопросом о передоверии управления специалистам, с вопросом о преступном, безобразнейшем отношении к своим обязанностям, с вопросом о таком положении, когда люди занимаются «высокой» политикой и забывают, что она хороша только тогда, когда подкрепляется конкретным живым делом, кропотливой, усидчивой работой.

Здесь мы сталкиваемся с тем вопросом, о котором нас Ленин предупреждал, что можно врага победить, но если этот враг культурно выше, он может на нас изнутри давить, изнутри стремиться нас побить. Здесь мы сталкиваемся с вопросом о грамотности наших кадров. И характерно отметить, что тех молодых специалистов грамотных, которых мы пускали туда, их давили и душили совершенно.

Таким образом, анализируя все приведенные факты, мы упираемся в вопрос о грамотности, о культуре руководящих кадров, о борьбе со слепым доверием, о борьбе с расхлябанностью, чтобы каждый чувствовал свою ответственность и не допускал того, о чем здесь говорилось. Перед нами стоит также вопрос о рационализации работы наших хозяйственников. У хозяйственников происходит огромная затрата времени на собрания, заседания, бумажное море, которое их топит.

Во всей широте должен быть поставлен вопрос о переподготовке кадров. В смысле подготовки кадров кое-что сделала Промакадемия. Тов. Сталин на апрельском пленуме говорил: «два года мусолили в комиссии вопрос, наконец, родилась одна Промакадемия». Промакадемия может, должна подготовить и переподготовить кадры хозяйственников с тем, чтобы потом выдвинуть их на руководящие посты, подготовить и переподготовить всю массу рабочих, которая выдвигается на производстве на руководящую работу. В этой работе большую роль должны сыграть профсоюзы, ибо лозунг — лицом к производству — можно будет осуществить только при наличии подготовленных кадров, выдвинутых профсоюзами с низов. Профсоюзы должны развернуть работу по подготовке пролетарских кадров. При выдвижении рабочих нам необходимо не только выдвигать новые тысячи людей, но и подготовлять их. Нельзя мириться с положением, когда мы выдвигаем рабочего от станка без предварительной подготовки. И этой подготовкой должны заняться профсоюзники.

Как у нас обстоит дело вообще с подбором руководящих работников? Часто к этому делу подходят недостаточно серьезно. Нуждаются в людях НКТорг, ВСНХ, тресты, а людей не изучают и начинают изучать их только тогда, когда их в чем-нибудь поймает ЦКК—РКИ. Тогда работника начинают разбирать по косточкам: один доказывает, что он хороший работник, другой доказывает, что он плохой. Надо изучать работу директоров, членов правлений трестов, надо знать, кого мы выдвигаем, у нас часто выдвижение происходит по анкетам. Человека совсем не знают и назначают по анкете.

Надо сделать, чтобы хозяйственники, чтобы промышленность сами подбирали кадры. Партия должна руководить этой работой. ЦК контролирует, ЦК назначает, ЦК утверждает кандидатуры, а у нас получается наоборот:

хозяйственники не могут достать себе людей и приходят в ЦК, в обласятком, в окружком и просят дать их. Мы должны сказать хозяйственникам: вы распределяете миллиарды, которые получаете от государства, вы распределяете сырье, вы занимаетесь строительством заводов, вы должны, поэтому, уделить внимание живым людям. Между тем учраспреды ведомств очень плохо работают. Вот сейчас мы строим Челябинский тракторный завод, и только сейчас ищут директора, а ведь вопрос о Челябстрое был решен полгода тому назад. Почему нельзя было, зная, что мы должны будем через полгода — год строить крупный завод, почему нельзя за полгода подыскать человека, а именно, сейчас мы должны искать человека и спешно назначать или затягивать это дело. Все это говорит о том, что сами хозорганы должны взяться за подбор и подготовку кадров под руководством, под конторлем партии.

Не лучше обстоит дело с подготовкой руководящих кадров сельского хозяйства, финкадрами и кадрами Наркомторга.

Возьмем земельные органы. Тут факты тревожные. Ведь обнаружено, что в целом ряде районов сидят явные враги — колчаковцы, бывшие офицеры и т. д., что в Наркомземе мы имели 22% бывших людей (дворян 31 человек, чиновников крупных старого министерства — 30, бывших офицеров — 22, из купеческого звания — 13, из духовного — 24, выходцев из различных партий около 20 человек), а коммунистов — 21,5%. При таком составе нет ничего удивительного в том, что в зоморганах наблюдается правая практика, что в официальной инструкции Татнаркомзема пишут:

> «Бедняк (вернее — лодырь, лентяй), сам трудоспособный или имеющий в своем дворе других трудоспособных членов, но не принимающих вместе с ним самим непосредственного участия в работе по ведению хозяйства, ограничивающийся получением арендной платы, может быть виком или сельсоветом подведен под категорию дворов, утративших трудовой строй». (Цирк. НКЗ ТССР от 14.XII.27 г. № 1461, обнаруж. РКИ в октябре 1929 г. при чистке аппарата НКЗ).

В финкадрах мы тоже имеем большую засоренность и целый ряд прорывов. Партпрослойка в составе работников финорганов повысилась с 12,9% в 1926/27 году до 24,7% в 1928/29 году. Среди руководящих кадров по РСФСР (наркомфины автономных республик, их замы, зав. и зам. зав. край, обл. и окр. финансовых отделов) партпрослойка увеличилась с 74,9% в 1926 г. до 81,7% в 1928 году.

В Наркомфине большая засоренность «бывшими» людьми и старыми чиновниками. Сидят там старые акцизные чиновники, старые налоговые чиновники, а разве старый чиновник способен проводить нашу пролетарскую налоговую политику. При чистке Наркомфина там было обнаружено не мало зубров, бывших людей.

Возьмем Наркомторг. Наркомторг в части внутренней торговли в большинстве своем состоит из работников бывших наркомпродовцев, куда перешла значительная часть их. Тут формировали кадры заново, но все-таки здесь дело обстоит плохо и здесь можно найти бывших акционеров во главе директоратов. Если среди начальников, замов и помов правлений коммунистов 70%, то среди специалистов высшей квалификации 26,9%, среди референтов — 38,5%.

Особо остро стоит вопрос о заграничных кадрах. Беседовский, к сожалению не уникум, не единственный в своем роде.

Возьмем факт с Церером, который стоял во главе нашего кино-дела в Германии, который заключил договор с нашим врагом, а потом удрал и перешел к нашему врагу.

Мы должны тщательно подходить к проверке коммунистов, которые посылаются за границу. Но, на ряду с этим, мы должны подготовлять молодежь, наших людей, а для этого нужно изучать языки. В Германии изучают испанский язык, потому что немцы распространили свою экспансию на Испанию и Южную Америку.

У нас же языки не изучают, наша молодежь не уделяет этому внимания.

Все эти факты заставляют нас ставить вопрос о кадрах для всего народного хозяйства. Это не значит, что мы должны потопить во всей этой постановке вопрос о кадрах для промышленности, и, в частности, для тяжелой индустрии. Мы должны сосредоточиться на вопросе о кадрах для промышленности, для тяжелой индустрии. Но, на ряду с этим, мы должны готовить своих людей, свои кадры — и технические, и руководящие в области сельского хозяйства, финансов и торговли. Мы уже нащупали одну форму подготовки и переподготовки руководящих кадров. Если для подготовки пролетариев-специалистов мы имеем втузы, то для руководящих кадров мы имеем академии. Мы имеем Промакадемию в промышленности. К ней надо придать ряд филиалов по специальности: по нефти в Баку, по горной промышленности в Донбассе и т. д. Мы должны также создать академию для руководящих работников по сельскому хозяйству, по торговле. Мы должны создать такие академии для наших руководящих пролетариев-коммунистов, которые уже работают и имеют практику, но которым нехватает знания.

Вопрос о подготовке руководящих кадров, о переподготовке существующих стоит перед нами не менее остро, чем вопрос о технических кадрах. Мы должны связать назначение на руководящую хозяйственную работу с выдвижением рабочих с низов, с их подготовкой; мы должны, между прочим, и самую систему выдвижения коренным образом улучшить. Вместо кампанейского и поэтому часто водолейного выдвижения, т.-е. выдвижения, которое является переливанием из пустого в порожнее, никаких результатов не оставляющего,—заняться систематическим отбором лучших пролетариев, проявивших себя в производственных совещаниях, в соцсоревновании, на работе в профсоюзах, делегатских женских собраниях, их подготовлять, и из этого резерва одного за другим подбирать на определенную конкретную работу При чем этот подбор и выдвижение не должны носить характера навязывания извне, а сами руководители хозяйственных и советских организаций должны подбирать из этих резервов себе людей и иметь своей обязанностью выдвигать рабочих на руководящие посты, на руководящую работу. Это целиком увязывается с гигантским производственным под'емом рабочих масс; широкая волна активности и самодеятельности рабочих должна способствовать успешному разрешению проблемы кадров. При чем одна из решающих ролей принадлежит здесь профессиональным союзам, которым не случайно партия дала определение, как школы коммунизма. Необходимо концентрировать, мобилизовать усилия всех организаций, строящих коммунизм, необходимо, чтобы активность профсоюзов влилась бы в единый поток с активностью руководящих хозяйственных организаций под руководством партии, обеспечить успешный ход социалистического строительства. А это возможно только и, главным образом, при разрешении проблемы кадров. Мы к этому уже вплотную подошли, при чем проблема кадров перед нами ставится уже во всей своей широте, как проблема кадров различных звеньев, начиная от квалифицированного рабочего, мастера, техника и кончая инженером. Одно звено должно тащить за собою другое звено. Разрешая проблему кадров для народного хозяйства, а в пределах этого заостряя внимание на важнейших участках и, в особенности, на участке тяжелой индустрии, мы постепенно будем разрешать всю проблему кадров для советского строительства, для всех отраслей социалистического строительства, не только хозяйства, но и культуры, управления и т. д.

* * *

Проблема кадров не есть проблема аппартно-административная. Заострение этой проблемы в нынешний период связано со всей политикой нашей партии наступления на капиталистические элементы, с максимально быстрым темпом, с которым мы идем по пути выкорчевывания корней капитализма. Ибо в области культуры, в области кадров корни капитализма особенно сильны, ибо в прошлом технические знания были монополией имущих классов.

Сама по себе проблема кадров есть проблема организационная. Но для нас, марксистов-ленинцев, нет организационной проблемы вне политики. Мы всегда увязываем нашу организационную работу, наши организационные формы и организационные задачи с основной политической линией, с линией классовой борьбы за социализм, за коммунизм. И если проследить всю историю нашей большевистской партии, то мы увидим, что на разных этапах, в применении к различным организациям внимание к проблеме кадров было всегда отличительной чертой большевизма. Конечно, всякая историческая аналогия относительна. Если взять проблему профессиональных революционеров, которую Ленин заострил против меньшевиков в первом периоде строительства нашей партии, то увидим, что Ленин связывал задачу подготовки профессиональных революционеров, организаторов и строителей нашей партии, выдержанных, стойких большевиков, постепенной подготовки рабочих с основными задачами, с задачами действительной,—а не мнимой, не словесной,—революционной борьбы. Если взять другой переломный период в истории нашей партии — предоктябрьские дни,— мы увидим, что одним из серьезнейших, одним из решающих доводов против меньшевиков, новожизненцев и полуменьшевиков в наших собственных рядах, говоривших о том, что рабочий класс не справится с задачей управления государством, был довод Ленина, что советы дают нам новые кадры миллионов строителей нового советского государства. И здесь проблему кадров Ленин увязывал со своей основной политической установкой на завоевание пролетариатом политической власти.

Наша партия дала решительный отпор троцкизму в его политической линии и в его организационных методах. И у троцкизма его организационные методы были связаны с его политикой. Троцкизм на определенном этапе своей борьбы против партии политику заменял администрированием, ибо он не верил в политику нашей партии, он не верил в силы пролетариата и пролетарской революции, способной повести за собой широчайшие многомиллионные массы крестьянства. Он прикрывал и прикрывает это меньшевистское неверие левыми, мелкобуржуазными, фразами. И поэтому он, потерпев поражение на принципах аппаратного администрирования, со свойственным мелкобуржуазным идеологическим непостоянством быстро переходил от идеологии гипертрофии аппаратных методов и администрирования к идеологии разрушения аппарата партии и советского государства, к идеологии противопоставления пролетариата государству. Троцкий не понимал, что аппарат есть служебная функция политики, что аппарат, кадры, организация сильны, когда политика правильна. И, именно, благодаря правильной политике наша партия разбила троцкизм, она сумела правильно определить соотношение между политикой и организацией и сочетать политику с правильной организацией масс, с правильной организацией нашего аппарата государственного управления.

В нынешний период заострение внимания на проблеме кадров для народного хозяйства и, в первую очередь, для промышленности вытекает из нашей генеральной политической линии. Оно вытекает из поставленной

партией задачи быстрого темпа индустриализации страны, быстрого темпа социалистического переустройства сельского хозяйства, из правильного понимания классового соотношения сил и процессов обострения классовой борьбы в стране.

И не случайно, что руководители правых уклонистов, не понимая этой генеральной линии, противопоставляли ей свою политику, политику черепашьего темпа, политику замазывания классовой борьбы, что эти товарищи не понимают остроты проблемы кадров, замазывают ее, пытаясь прикрыть эту свою правую позицию совершенно бесспорными истинами, о необходимости использования старых специалистов так же, как они пытаются прикрыть свои возражения против колхозов, против наступления кулака, ссылками на союз с середняком.

Если тов. Рыков открыто и прямо выступал против быстрого темпа подготовки новых кадров, то тов. Бухарин, соглашаясь с задачей подготовки новых кадров, ставит ее по-своему, т.-е. не по-ленински. Мы имеем в виду тезисы тов. Бухарина к пленуму ВСНХ «О реорганизации управления промышленности и НТУ».

В этих тезисах тов. Бухарин допустил ряд ошибок в постановке вопроса о задачах научно-исследовательской работы, о реорганизации промышленности и подготовки кадров. Достаточно указать на то, что он в своих тезисах о кадрах и научно-исследовательской работе ни словом не обмолвился о том обострении классовой борьбы, которое мы имеем в стране, и классовой дифференциации среди ученых. Говоря о новых кадрах, тов. Бухарин ни словом не обмолвился о вредительстве среди кадров специалистов, не указал на необходимость, на ряду с использованием старых специалистов, классовой дифференциации среди них, идеологического наступления. Тов. Бухарин, между прочим, все время употребляет термин «советские специалисты». Но он не может не знать, что нас это сейчас не удовлетворяет, что вопрос идет сейчас не просто о «советских» специалистах, а вопрос идет о том, чтобы рабочих сделать специалистами. Мы уже не говорим об ошибках в общем анализе нынешнего периода социалистической революции, где тов. Бухарин заявляет о том, что «реконструктивный период это есть фазис технической революции, который переживает социальная революция, сопровождающийся ломкой старых отношений». Это и есть, между прочим, один из корней ошибок тов. Бухарина, когда он нынешний период рассматривает не с точки зрения социально-классовой, а с точки зрения технической, и вопрос о кадрах ставит с точки зрения технической, в то время когда перед нами стоит задача не просто технической реконструкции, а коренной ломки всех социально-экономических отношений, сопровождающейся технической революцией, а не наоборот. И *в вопросе о кадрах перед нами стоит задача не просто количественного увеличения кадров, а перед нами стоит социально-классовая задача подготовить верные строящемуся социализму кадры строителей и руководителей.*

Мы вступили в решающий период социалистической революции, в период жестокой борьбы умирающих капиталистических элементов с растущими социалистическими. Партия проводит твердую ленинскую политику быстрого, гигантского размаха строительства социализма. Мы должны в наших организационных задачах поспевать за быстро идущими процессами роста в стране, организационно закреплять правильную ленинскую политику. Партия дала решительный отпор правым уклонистам. Партия успешно разрешает важнейшие проблемы политики: проблему индустриализации, проблему роста тяжелой индустрии, зерновую проблему, а теперь мы должны разрешить проблему кадров, проблема кадров ждет еще своего разрешения. «*А проблема*

кадров является теперь, в обстановке технической реконструкции промышленности, решающей проблемой социалистического строительства». (Сталин).

Партия должна суметь и сумеет правильную ленинскую политику по-ленински закрепить организационно созданием новых, своих пролетарских кадров социалистического строительства.

М. Кубанин.

К весеннему севу.

Успешность проведения весенней посевной кампании зависит от того, насколько быстро и полно советские и, в частности, земельные органы развернут подготовительную работу; эта работа должна начаться немедленно.

Не позднее января должна быть проведена полностью вся подготовительная работа от областного центра и до села, намечены темпы расширения посевов отдельных культур, созданы семенные фонды, получены и распределены машины, трактора, кредиты.

В весеннюю посевную кампанию посевная площадь должна быть расширена не менее чем на 14,5% и поднята урожайность на 8—9%.

Напряженный темп в подготовке весенней посевной кампании не диктуется каким-либо неуспехом в проведении осенней, а исключительно необходимостью форсировать социалистическую реконструкцию, развитие производительных сил в сельском хозяйстве, а также большим значением ярового клина в общей посевной площади Советского Союза. Почти три четверти всей посевной площади страны засевается весною. Так, напр., в РСФСР в текущем хозяйственном году по плану под озимыми засевается 26% всей посевной площади, а в весеннюю посевную кампанию (в 1930 г.) 74,0%.

Последние данные ЦСУ показывают, что осенняя посевная кампания закончена вполне благоприятно. Общая посевная площадь озимых по РСФСР, БССР и УССР, охватывающих подавляющую часть Союза, возросла от 1928 к 1929 г. на 3,5%. Площадь под озимыми в колхозах по РСФСР (по 15 районам, давшим сведения) составляет к площади озимых 1928 г. 368,6%, а в БССР — 316%, в совхозах: в РСФСР — 182,9% и по УССР — 133,6%

Эти данные вдребезги разбивают все пророчества правых о неизбежности сокращения посевной площади в итоге неверной политики партии. Бурный темп колхозного строительства наглядно выявляет все убожество аргументации правых, не верящих в социалистическое строительство.

Следует отметить, что не только возросла посевная площадь под озимыми, но и на 50% расширилась вспашка под зябь по сравнению с прошлым годом, что указывает, с одной стороны, на предстоящее расширение посевной площади в яровом клину и, с другой стороны, на повышение качества обработки, а следовательно, и предстоящее повышение урожайности.

Но наряду с достижениями, следует отметить крупный недостаток: расширение посевной площади произошло меньше, чем было намечено по плану. В то время как в подавляющей части промышленности все плановые предположения перекрываются фактическим выполнением с излишком, в сельском хозяйстве все еще наши плановые предположения в отношении роста посевных площадей и урожайности выполняются не полностью.

Необходимо однако констатировать, что за последние два года мы имеем систематическое приближение выполнения планов в посевных кампа-

ниях к плановым предположениям. Об этом свидетельствуют следующие данные по РСФСР (по данным Наркомзема РСФСР).

	План расширения посевной площади (в %)	Фактическое выполнение (в %)
Осенняя посевная кампания 1928 г. . . .	3,0	0,9
Весенняя „ „ 1929 г. . . .	9,3	8,7
Осенняя „ „ 1929 г. . . .	6,0	4,2

Таким образом в весеннюю посевную кампанию 1929 г. мы имеем выполнение плана по расширению посевной площади в размере 90%, по осенним же посевным кампаниям в 1928 г. план расширения посевов не был выполнен (было даже сокращение посевной площади), а в 1929 году выполнено 70% плана. В предстоящую весеннюю посевную кампанию план должен быть не только полностью выполнен, но выполнен с превышением.

Несомненно, что приближение фактического выполнения плана к намечаемому есть выражение все большего воздействия пролетарского государства на раздробленное мелкое крестьянское хозяйство и все большего роста обобществленного сектора сельского хозяйства.

Задачи, стоящие перед советскими органами при проведении весенней посевной кампании диктуются теми особенностями, которые связаны с характером переживаемого Союзом этапа классовой борьбы в деревне и производственными особенностями весеннего сева.

В советских условиях в период сева классовая борьба обостряется. В этот период сельскохозяйственного производства, от которого зависит судьба крестьянского хозяйства на целый год, бедняцкие хозяйства, лишенные средств производства или снабженные ими в недостаточной степени, принуждены либо итти на поклон и кабалу к кулаку, либо же об'единяться в колхозы, чтобы при помощи Советской власти освободиться от кулацкой кабалы. И, естественно, поскольку коллективизация крестьянского хозяйства, которая особенно бурно протекает в период посевных кампаний вышибает у сельской буржуазии источник ее нетрудового накопления, она сопровождается обострением классовой борьбы.

В предстоящую весеннюю кампанию предстоит особенно бурный рост коллективного движения. Всего по Союзу намечено коллективизировать 33—35% хозяйств, при чем в основных зерновых районах РСФСР не менее 50%, а в нечерноземной полосе 12—15% с таким расчетом, чтобы к концу 1930 г. было коллективизировано 80% в зерновых районах и 50%— в остальных. Посевная площадь в колхозах по РСФСР должна возрасти до 24 млн. га, что составит 33% общей посевной площади.

К весне по РСФСР будет организовано 300 районов сплошной коллективизации.

При этом по Союзу намечается организовать к весне 103 машинно-тракторных станции, что доведет число их до 200.

В ряде районов основным производителем зерна станут хозяйства социалистического сектора. Столь решительное выкорчевывание корней капитализма в сельском хозяйстве встретит особенно жестокое сопротивление со стороны кулачества. Отчаявшись удержать массы от вступления в колхоз агитацией или сопротивлением коллективизации, кулак будет всеми мерами противодействовать посевной кампании отказом от посева, аграрным террором, убийством, поджогом запасов колхозов, порчей их скота и машин. Об этом говорят сообщения из районов сплошной коллективизации, где кулак прибегает к крайним мерам в борьбе.

Вовлекая в колхозы бедноту и середняков, необходимо будет дать еще более решительный отпор кулачеству.

Необходимо будет шире, чем раньше, применять по отношению к кулачеству лишение прав на землепользование, произвести выселение из районов сплошной коллективизации кулаков, особенно злостно борющихся против колхозов и мероприятий Советской власти. С другой стороны, поскольку возможно проникновение в колхозы кулачества, местным органам необходимо будет особенно зорко смотреть за социальным составом колхозного пополнения в период посевной кампании, решительно вычищая оттуда кулацкие элементы.

Мерой успешной работы по коллективизации должны стать не только количественные успехи коллективизации, но и повышение качественных показателей (повышение % неделимых средств производства, повышение % обобществления скота и с.-х. машин и т. д.). Процесс качественного улучшения будет проходить при ожесточенном сопротивлении со стороны кулацких элементов, проникших в колхоз, при индиферентизме неустойчивой части членов колхозов. **Повышение качества колхозов есть углубление и продолжение классовой борьбы за социалистическое строительство в сельском хозяйстве.**

Производственные же особенности весеннего сева суть следующие:

1) Большой удельный вес зерновых культур в черноземной полосе.

2) В весеннюю посевную кампанию засеваются все технические культуры — сырьевая база нашей промышленности.

3) Незерновая продукция, потребляемая населением (овощи, корнеплоды) — продукция ярового посева.

4) Яровой посев обеспечивает корма в районах интенсивного животноводства.

Озимый посев во всех без исключения районах является посевом зерновых культур продовольственных (рожь, пшеница). Осенняя посевная кампания по существу обеспечивает только продовольствие. Наоборот, весенние посевы в одних районах обеспечивают нашу промышленность сырьем и животноводство кормами, а в других население продовольствием так же, как и озимые.

Площадь под зерном должна увеличиться повсюду и в особенности в основных зернопроизводящих районах.

Эти районы, где сейчас наиболее бурно развиваются темпы коллективизации, должны следовать по пути дальнейшего расширения посевных площадей под зерновыми культурами: Украина, Урал, Среднее и Нижнее Поволжье, Сев. Кавказ, Сибкрай, ЦЧО и Крым.

Расширение посевной площади в этих районах означает не только обеспечение продовольствием городов, но и возможность дальнейшей специализации основных сырьевых и интенсивно-животноводческих районов в производстве других видов сел.-хоз. продукции.

Планом намечено расширение посевной площади под зерном по Союзу на 10%. При этом вся посевная площадь в зерновых районах должна быть расширена не менее: в Нижн. Поволжье и на Северном Кавказе на 21,5%, на Урале — 12,5%, в Средн. Поволжье — 17,5%, в Сибири — 15,0% и в Крыму — 25%.

Развитие производительных сил в сельском хозяйстве приводит к специализации отдельных районов, которое выражается в том, что отдельные районы и области производят главным образом определенную группу товаров. При подготовке к весенней посевной кампании необходимо форсировать эту специализацию, в особенности в производстве технического сырья. Уже в настоящее время в основных сырьевых районах РСФСР (Ленинградском, Западной области, Московской, Ивановской, ЦЧО) посевы зерновых культур в яровом клину не являются преобладающими, а наоборот, в них главное место принадлежит техническим культурам и травам.

Посевы незерновых культур в основных сырьевых областях.

(В %% ко всему яровому клину).

Районы	Зерновых	Незерновых	Из них	
			Картофель	Лен
Ленинградский	48,3	51,7	9,4	13,8
Западная область	46,0	54,0	15,3	13,2
Московская область	53,3	46,7	16,4	4,2
Ивановская „	49,6	50,4	13,2	9,9
ЦЧО	65,0	35,0	11,9	0,3

Таким образом, темпы роста промышленности перерабатывающей сел.-хозяйственное сырье в значительной мере зависят от успеха весенней посевной кампании в этих областях нечерноземной полосы.

Но эти же районы служат одновременно основным поставщиком кормовых культур, являющихся основой для интенсивного животноводства.

Удельный вес в яровом посеве.

Районы	Зерновых продуктов (рожь, пшеница)	Зерновых кормов (ячмень, овес)	Трав
Северный	4,0	67,0	9,3
Ленинградский	1,5	44,5	24,9
Западная область	1,3	33,0	20,4
Московская область	0,2	39,9	21,7
Ивановская „	3,3	42,4	25,7

Таким образом, в этих районах, дающих сырье нашей промышленности и корма для интенсивного животноводства (молочное хозяйство), которое обеспечивает молоком и маслом наши рабочие центры, весенняя посевная кампания выполняет одну из важнейших задач индустриализации страны. Необходимо углубить специализацию этих районов в сырьевом направлении. Хотя и в этих районах намечается расширение посевной площади под зерном за счет расчистки лесов, лучшего освоения земель в крестьянских хозяйствах при переходе к коллективизации, но эта расширенная площадь под зерном должна обязательно перекрываться ростом посевных площадей под техническими культурами с таким расчетом, чтобы доля зерновых неуклонно уменьшалась (несмотря на свой абсолютный рост).

Но помимо общих задач перед партийными, советскими органами стоят особые задачи в связи с бурным ростом коллективизации. Прежде всего необходимо в хозяйствах обобществленного сектора значительно поднять долю технических и огородных культур и удельный вес животноводства.

Удельный вес технических культур в совхозах и колхозах ниже, чем удельный вес зерновых. На весну 1929 года удельный вес посевной площади

под отдельными культурами в отдельных социальных секторах в РСФСР был следующий.

Сектора	Всего посева	Лен	Конопля	Подсолнух	Картофель	Сахарная свекла
В крест. индивид. хоз.	95,2	96,6	98,7	93,8	98,2	54,0
„ колхозах	3,6	2,9	1,2	5,6	1,3	2 6
„ совхозах	1,2	0,5	0,1	0,6	0,5	43,4
Итого	100	100	100	100	100	100

Из таблицы видно, что картофель, важный продукт питания городов, лен и конопля, важнейшие сырьевые культуры нашей текстильной промышленности,—занимают посевную площадь в хозяйствах обобществленного сектора в относительно меньшем размере, чем зерно. Если учесть, что за последний год происходил бурный рост колхозов в зерновых районах, то удельный вес технических культур и корнеклубнеплодов в настоящее время будет еще ниже удельного веса, которое заняло зерно в обобществленном секторе. Если мы имеем благоприятное положение со свеклой в совхозах, то в колхозах удельный вес посевов свеклы ниже, чем посев зерна.

Это положение об'ясняется именно тем, что темпы коллективизации в сырьевой зоне идут слабее, чем в зерновой.

Индустриализация народного хозяйства требует подвести под социалистическую промышленность социалистическое сырье. Важнейшей задачей земельных органов в ближайшей посевной кампании и является всемерное расширение технических культур в обобществленном секторе, как путем усиленного строительства коллективов в сырьевых районах, так и интенсификацией колхозов.

Рационализация сельскохозяйственной техники при коллективизации высвободит значительные кадры крестьянского населения, которые должны быть полностью вовлечены в с.-х. производство путем интенсификации последнего, т.-е. путем внедрения технических интенсивных культур и интенсивного животноводства. В этом случае коллективизация приведет к расширению сырьевой базы промышленности, к ослаблению безработицы, увеличению продукции масла, молока и мяса.

План весенней посевной кампании намечает расширение площади в РСФСР подо льном на 13%, подсолнухом — 16%, сахарной свеклой на 26%, картофелем на 7%.

До сих пор капиталистическая техника не знает создания специализированных крупных механизированных хозяйств по производству интенсивных культур, как, например, льна, конопли, кенафа и т. д. В этой области мы делаем решительный шаг вперед по сравнению с капиталистической техникой.

Планом намечено создание ряда специальных совхозов: льняных, рисовых и др.

Точно также, как с интенсивными культурами, обстоит дело и с интенсивным животноводством. Удельный вес коров и свиней в колхозах и совхозах ниже, чем удельный вес рабочих лошадей (см. табл. на след. странице).

Интенсификация животноводства в колхозах и совхозах есть наша ближайшая задача. Положить этому начало необходимо в период весенней посевной кампании расширением кормовой базы для скота. Отставание животноводства от темпов развития всего народного хозяйства требует форсирования развития животноводства в максимальной степени.

Количество скота по РСФСР весною 1929 г.

Сектора	Рабочих лошадей	Коров	Свиней
	(в процентах)		
Крестьянские индивид. хоз.	98,5	99,2	99,0
Колхозы	1,2	0,6	0,8
Совхозы	0,3	0,2	0,2
Итого	100,0	100,0	100,0

План весенней с.-х. кампании намечает по РСФСР увеличение поголовья стада по лошадям на 3,4%, по крупному рогатому скоту — 4,9%, по овцам—5,1%, по свиньям на 28%. Весьма важным является рост количества скота в обобществленном секторе, в частности, в совхозах. Создание сети специальных совхозов (скотоводческих, овцеводческих, коневодческих, свиноводческих, птицеводческих и др.) преследует эту цель. Удельный вес социалистического сектора должен значительно возрасти. Так, напр., по РСФСР в плане весенней с.-х. кампании запроектирован такой темп развития животноводства в обобществленном секторе, чтобы его удельный вес был доведен до 19,6% против 1,2% в 1929 году.

Третьей не менее важной задачей, чем первые две, является расширение посевной площади под огородами в обобществленном секторе.

Наши плановые и земельные органы до сих пор вообще не приступали к планированию и организации работ по расширению огородов и садов, т.-е. не поставили в план своей работы вопроса о снабжении рабочих продуктами питания. До сих пор еще не произведен перелом в организации крупных огородных колхозов и совхозов. Даже низкий уровень потребления овощей советским рабочим в подавляющей части идет за счет снабжения его из частного сектора сельского хозяйства и притом часто от крупных предпринимателей-огородников. В весеннюю посевную кампанию необходимо поставить себе задачей создание вокруг каждого промышленного центра ряда огородно-садовых колхозов.

Но кроме чисто количественных задач перед земельными органами стоят важнейшие задачи качественного порядка. Бурный рост колхозного движения не должен итти за счет снижения качества колхозов. Первой такой мерой является снабжение хозяйств тракторами. Весною предполагается бросить в сельское хозяйство по Союзу 25 тысяч тракторов, общей мощностью в 377 тысяч лошадиных сил, что вместе с имеющимися составит примерно 688 тыс. лош. сил. Благодаря тракторам будет механизирована обработка примерно на 12—13 млн. га, что составит 10—12% всей посевной площади Союза. Однако, несмотря на такой рост тракторизации сельского хозяйства, насыщенность тракторами колхозов в отношении к площади посева уменьшится, поскольку снабжение тракторами в ближайшие годы не сможет угнаться за бурным ростом колхозов. Поэтому, важнейшим мероприятием по качественному улучшению колхозов является мобилизация внутренних средств колхозов, рационализация конской тяговой силы, концентрированное направление государственных кредитов лишь в крупные колхозы на мероприятия, повышающие его качественный уровень (индустриал. установки и т. д.).

Необходимо мобилизовать вложения труда крестьянских хозяйств натурой на дело коллективизации. Необходимо широко развить постройку силосных башен, обобществленных скотных дворов, хозяйственных и жилых

построек без всяких вложений со стороны государства, за исключением отпуска в долгосрочный кредит или безвозмездно леса.

По одной только РСФСР в плане запроектирована постройка 40 тыс общественных скотных дворов, что, несомненно, будет выполнено с излишком.

Столь же важным мероприятием технической реконструкции сельского хозяйства является и химизация сельского хозяйства, положение с которой нельзя признать вполне благоприятным.

Без минерализации почвы невозможен ни под'ем урожайности в нечерноземной полосе, в особенности под сырьевыми культурами, ни приведение негодной земли в годную и т. д.

План минерализации с.-х. должен быть выполнен. Это должно стать четкой и обязательной директивой для всех низовых работников. Необходимо широко популяризировать эти мероприятия среди крестьянства и, в особенности, полно провести в хозяйствах обобществленного сектора.

Намечено бросить в с.-х. по Союзу 1.008 тыс. тонн различных видов минеральных удобрений, т.-е. в три раза больше, чем в прошлом году. Однако, несмотря на такой рост применения минеральных удобрений в с.-х., нельзя признать положение с минерализацией благополучным. В прошлом году план снабжения минеральными удобрениями был выполнен только на 75%. Фактическая же потребность сельского хозяйства была удовлетворена лишь на 25%. Ряд организационных недостатков в работе советских и кооперативных органов привел к тому, что план известкования был выполнен только на 6,4%.

Необходимо осуществить точное выполнение планов по производству и применению минеральных удобрений, а также известкования почвы.

Основным и первоочередным мероприятием при подготовке к весенней посевкампании является создание семенного фонда.

Имеющиеся в сельском хозяйстве семенные запасы вполне обеспечивают потребность в них на весеннюю кампанию. Однако эти запасы семян распределены неравномерно между районами и социальными группами. В прошлом году имел место частичный недород в ряде округов Средне-Волжской области, Южного Зауралья и северной части Казахстана. Эти районы придется снабдить семенами внутрирайонной переброской. Помимо того в каждом районе успешность сева зависит от снабжения бедноты семенами, так как расширение посевной площади происходит повсюду за счет середняцких и бедняцких хозяйств. Это положение ставит перед местными органами задачу создать семенной фонд, который должен быть создан не позже средины января. *Семена должны быть собраны на месте и притом по классовому принципу.*

Успех весеннего сева зависит не только от наличия материально-технических условий, но и от организованной и четкой работы низовых партийных и советских органов. Каждая деревня, колхоз, район и даже каждое крестьянское хозяйство должно знать заранее те требования, которые к нему пред'являет государство. Ряд обследований показал, что в этом вопросе имеется извращения. Планы посевных кампаний бюрократически вырабатываются в окружных и районных центрах и либо вовсе не доводятся до нижестоящих организаций, или же им механически предлагается выполнить план, вместо того, чтобы проработать его на массовых собраниях селений, членов колхозов, рабочих совхозов. Поэтому хозяйственный энтузиазм широких масс, выразившийся в прошлом году в стремлении участвовать в социалистическом соревновании, совершенно не был использован в прошедшей озимой посевной кампании.

Принятые на себя деревнями и колхозами обязательства по агрозооминимуму в подавляющей части случаев не выполняются, да и не проверяются никем их выполнение. Подбор агрозооуполномоченных в ряде случаев не совсем удовлетворителен по своему социальному составу.

Проведение посевной кампании необходимо увязать в единое целое с кампанией *по под'ему животноводства.* В течение января необходимо провести месячник животноводства. Весною же нужно заложить строительство коллективных силосных башен и обобществленных скотных дворов.

В посевной кампании, больше чем в какой-либо другой работе, полностью должно быть применено указание Ленина о методах управления государственным аппаратом, которое заключается в правильном *подборе* и расстановке людей и в *проверке* исполнения ими директив. Необходимо подготовить земельный аппарат к посевной кампании, удалив из него все негодное, лишнее, скептиков, не верящих в социалистическое строительство, лентяев и чиновников-формалистов, для которых бумажка выше живого дела. Необходимо теперь же провести широкое выдвижение в земельный аппарат индустриальных рабочих, а в сельскохозяйственных районах—батраков, колхозников и передовых крестьян—бедняков и середняков.

Откладывать позже эту кампанию выдвижения нельзя, чтобы не пришлось «перепрягать лошадей на ходу». Надо срочно закончить чистку и проверку земельного аппарата.

Необходимо перебросить на посевкампанию актив, который образовался при проведении хлебозаготовок. Кроме того, необходимо к началу января закончить набор 25 тыс. рабочих, мобилизуемых для работы в колхозах. В течение января необходимо уже *на местах* пропустить всю эту массу через агрокурсы.

Необходимо низовым партийным органам — райкомам и райисполкомам — отказаться от установившейся дурной традиции подготовляться к посевной кампании путем заслушивания одного доклада и дачей общих директив и заканчивать кампании заслушиванием отчетов о ее проведении. Необходимо систематически и регулярно руководить всей посевной кампанией от начала ее подготовки до ее окончательного завершения. Начинать готовиться не в марте, а *немедленно.*

Необходимо план *посевной кампании* поставить *на обсуждение широких рабочих масс,* привлекая их активное участие к проработке этих планов по разным каналам. Если рабочие текстильной промышленности вовлекаются в непосредственное активное обсуждение плана строительства своей промышленности, повышения производительности труда, улучшения качества продукции, то они не могут и не должны обходить вопрос о сырьевой базе своей промышленности и поэтому должны точно так же активно участвовать в проработке и контроле над вырабатываемыми плановыми и земельными органами плана весенней посевной кампании. То же относится и к сахарной и к маслобойной и к другим видам промышленности, связанной с с.-х. сырьевой базой.

С другой стороны, необходимо привлечь внимание и активность рабочих масс и к вопросам, связанным с выполнением плана посевной кампании в части хлеба и овощей.

Необходимо использовать потребительскую кооперацию, как рычаг для привлечения рабочей активности к вопросу о посевкампании, а также в частности, к производству квалифицированных продуктов питания.

План посевной кампании должен быть выполнен и будет выполнен. В этом порукой успехи колхозного и совхозного строительства за истекшее время и успехи индустриализации народного хозяйства.

Правые нытики, маловеры, пугающиеся всяких препятствий, будут еще раз биты.

Л. Эвентов.

Как осуществляется директива „догнать и перегнать“.

Количественный анализ движения капиталистической системы, развивающейся стихийно, и планового хозяйства СССР, вытесняющего рыночную анархию, неизбежно связан с рядом почти непреодолимых методологических трудностей. Капиталистическое общество развивается циклически, т.-е. в форме попеременного расширения и сокращения производства, обусловливающего периодическую смену фаз под'ема и падения. В обществе, превратившем орудия и средства производства в общественное достояние, капиталистические циклы и сопровождающие их кризисы теряют под собой всякую почву и неизбежно становятся анахронизмом. Общественной формации, управляемой сознательным коллективным разумом, подчиненной в своем развитии заранее вырабатываемому плану, свойственна своя динамика, отличная от волнообразных колебаний капиталистического производства.

> «Освобождение средств производства от капиталистических оков»,—писал Энгельс в «Антидюринге» [1],—является единственным предварительным условием беспрерывного, все ускоряющегося прогрессивного развития производительных сил, а следовательно на практике и условием безграничного возрастания самого производства». (Разрядка наша. *Л. Э.)*.

Это гениальное предвидение, согласно которого характерной динамикой социалистического производства является плавное поступательное развитие на основе прогрессивно возрастающих темпов блестяще оправдалось на практике социалистического строительства в СССР и должно служить нашим компасом и в дальнейшем.

Такая неоднородная динамика хозяйственного развития в двух противоположных, качественно различных общественных системах крайне затрудняет количественное исследование и сопоставление экономических показателей этих систем. Однако, отыскание соответствующих количественных соотношений значительно облегчается и методологически вполне оправдывается, если для сравнения берется более или менее продолжительный отрезок времени, обнимающий один или даже несколько капиталистических циклов. В этом случае гребень повышательной волны выравнивается за счет «дна» понижательной волны, которая является составной частью единого диалектического процесса. Получаемый в результате подобной статистической операции сглаживания средний уровень и есть «нормальный» уровень капиталистического развития, с которым сопоставление показателей социалистического производства представляет вполне закономерное явление. Именно

[1]) Изд. Петрогр. Сов. раб. и солд. деп., 1918 г., стр. 25.

так мы и поступили, когда исследовали показатели пятилетнего плана с точки зрения проблемы «догнать и перегнать» [1]).

По интересующему нас вопросу в области статистической методологии мы находим у Маркса замечательное раз'яснение в одном из его самых ранних выступлений, т.-е. тогда, когда статистика, как наука, была еще в пеленках. В докладе «Речь о свободе торговли», сделанном 9 января 1848 г., Маркс, между прочим, замечает [2]):

> «Вообще в политической экономии никогда нельзя строить общих законов на основании цифр, относящихся к одному только году. Нужно всегда брать средние цифры за шесть или семь лет, т.-е. за тот промежуток времени, в течение которого современная промышленность совершает свой неизбежный круговорот, проходя через различные фазы процветания, перепроизводства, застоя, кризиса».

Но отсюда ясно, что измерение годового развития двух диаметрально противоположных систем—капиталистической и социалистической—с точки зрения той же проблемы, связано с большими условностями. Экономическое развитие капиталистических стран, подытоженное за один только год, может привести вследствие вышеуказанных причин к результатам, не соответствующим ближайшей перспективе развертывания в этих странах хозяйственного процесса. С другой стороны, и в обществе, закладывающем социалистический фундамент и находящемся в стадии коренной реконструкции, многие элементы общественного производства и строительства, взятые в годовом разрезе, еще не поддаются непосредственному учету, так как результаты стройки скажутся лишь в будущем.

Следует иметь в виду еще одну трудность, которая возникает при количественном анализе СССР и капитализма, независимо от продолжительности рассматриваемого отрезка времени. Эта трудность связана с неодинаковой структурой производительных сил: СССР—страна с самым быстрым темпом индустриализации, но, на данном историческом этапе, это все еще аграрно-индустриальная страна, которая характеризуется преобладанием сельского хозяйства, что, естественно, находит свое выражение в соответствующих экономических показателях капиталистические же страны характеризуются прямо противоположной особенностью — резким преобладанием промышленности над сельским хозяйством. Понятно, что это, в свою очередь, накладывает свой специфический отпечаток на сравниваемые данные. Хозяйственные итоги аграрной страны,—имеющей самый молодой индустриальный стаж и одновременно переживающей беспримерную аграрную революцию,—и старых индустриальных стран, вступивших в последнюю стадию капитализма, само собою разумеется, сопоставимы лишь при целом ряде оговорок.

Мы все же считаем целесообразным вести количественные исследования хозяйственного развития СССР и капитализма даже в годовом разрезе. После проработки этого вопроса в пятилетнем плане, дающем общий фон, годовые сопоставления, несмотря на известную их условность, имеют большое положительное значение, так как они ориентируют нас в происходящем процессе соревнования и борьбы двух решающих в мировом хозяйстве общественных систем — капиталистической и социалистической. Нужно только, во избежание искажения действительного развития, количественное исследование дополнять и тщательно обосновывать экономическим анализом.

[1]) См. нашу статью «Пятилетний план народного хозяйства в свете развития мирового хозяйства», «Большевик», 1929, № 8; также нашу работу «Пятилетний план и задача «догнать и перегнать» капиталистические страны», Моск. Обл. Отдел. ГИЗ'а «Московский Рабочий».

[2]) К. Маркс и Ф. Энгельс, сочинения под ред. Д. Рязанова, ГИЗ, т. V, стр. 453.

Итоги развития мирового хозяйства.

Минувший год подчеркнул с большой выпуклостью тот анализ мирового положения, который был дан VI конгрессом Коминтерна и IX пленумом ИККИ. Важнейший вывод в этом анализе состоит в констатации внутренней противоречивости, относительности и ограниченности капиталистической стабилизации и вытекающего отсюда обострения классовых противоречий. Факты блестяще подтвердили этот экономический и политический прогноз. Суммируя годовые итоги развития в трех важнейших секторах мирового хозяйства — социалистическом, капиталистическом и докапиталистическом, — всякий должен будет признать правильность отмеченных и развивающихся тенденций. Опыт минувшего года наносит решающий удар всяким иллюзиям о прочности, незыблемости, «организованности» капитализма, а также надеждам на мирное изживание его противоречий.

Наибольшее разочарование принесло апологетам капиталистической стабилизации развитие в Германии и Соед. Штатах. Ведь, именно, эти две страны, из которых первая поднялась в относительно короткий срок со дна разрухи, а другая была образцом прочности капиталистических отношений, воплощавшие в себе высшие достижения «организованного капитализма», являлись в представлениях мелкобуржуазных и буржуазных теоретиков фундаментом для различного рода гармонических построений.

Положение в Германии характеризуется в одном из последних отчетов, опубликованных британским департаментом внешней торговли [1]). Если в предыдущем отчете этого же департамента речь шла об осуществлении большой программы рационализации германской промышленности, то новый отчет уже рассматривает положение в свете практического завершения этой программы. Прекращение реконструкции в широком масштабе и технической рационализации является, с точки зрения автора этого отчета, одним из главных факторов в снижении промышленной активности в минувшем году. В ряде разнообразных внутренних отраслей упали заказы, которые поддерживали строительство и промышленность. Главными отраслями, оказавшими влияние на снижение германской кон'юнктуры, была *черная металлургия*, которая *пережила прямо критический период*. Но если бы не было поддержки со стороны экспорта, добавим уже от себя, который обеспечил выход известной части промышленной продукции на внешние рынки, испытывавшие оживление под влиянием благоприятной кон'юнктуры в некоторых странах,—то положение было бы гораздо тяжелее.

Полнейшее замешательство в рядах «верующей» армии капитализма должно вызвать развитие событий в С.-А. С. Штатах. Многие из «верующих» в капитализм в глубине души надеялись, глядя на Америку, на лучшие судьбы и для остального капитализма. Отсюда возвещалось новое евангелие капитализма, очищенного от раздирающих внутренних противоречий, преодолевшего кризисы и конкуренцию, претворяющего на практике «хозяйственную демократию» в высокие цифры продукции и дохода. Американская буржуазия энергично поддерживала версию американского «*процветания*», прямо заявив в своем последнем экономическом памфлете (The Recent Economic Changes), что практически перед Америкой не существует точки пресыщения.

Промышленный под'ем в Соед. Штатах с начала 1928 г. как будто обосновывал новые пророчества и придавал им вид достоверности. Тем глубже будет деморализация после того, как прославленное американское «процветание», по крайней мере, для очень широких кругов оказалось чисто

[1]) Economic and Financial Conditions in Germany, 1928—29.

бумажным процветанием. Серьезные признаки этой деморализации в С. Штатах уже в настоящее время налицо.

Не меньшие разочарования для теоретических слуг империализма принесла докапиталистическая сфера, т.-е. развитие в колониальных и полуколониальных странах. Наибольшие надежды в этом лагере связывались с торжеством китайской контрреволюции, Чан Кай-ши, которого социал-демократы сделали героем национальной революции. Окрыленный успехами китайской реакции, международный капитал приступил было к широким приготовлениям для «работы» в Китае. Борьба между капиталистической сферой и антикапиталистической (СССР) за влияние на докапиталистическую—кончилась в пользу первой — так сформулировал проф. А. Вебер на с'езде Союза социальной политики в Цюрихе в 1928 г. итоги победы китайской контрреволюции.

Но и на этот раз классовый интерес оказался отцом мысли. Жалкая судьба китайской контрреволюции, обанкротившейся решительно по всем основным вопросам китайской действительности, — у всех перед глазами. Оживившиеся надежды международного империализма на развитие китайского рынка, поддержанные на короткое время оживлением внешней торговли с Китаем, окончательно рассеялись. Экономическое положение страны, зажатой в тиски между иностранным капиталом и буржуазно-феодальным блоком, в полном смысле слова, катастрофическое. В порядок дня снова становится революция рабочих и крестьян.

Размеры революционного брожения в Индии, помимо известных героических выступлений индийского пролетариата (железнодорожников и текстильщиков), свидетельствующих, в отличие от предыдущего периода, о самостоятельной роли рабочего класса в национально-революционном движении, характеризуются количеством учрежденных за короткое время правительственных комиссий, цель которых отвлечь массовое движение от его истинных задач. Комиссия Саймона по вопросу о конституции, комиссия Уитли по рабочему вопросу, комиссия лорда Линлитгоу по сельскому хозяйству,—далеко не исчерпывают этот список. В нашу задачу не входит оценка работ этих комиссий, которые выполняют роль громоотвода. Все эти комиссии являются орудием британского империализма, пытающегося через них сговориться с индийской буржуазией и индийскими социал-реформистами.

С точки зрения влияния СССР на внешний мир заслуживает внимания ведущаяся в Индии в настоящее время, по инициативе сельскохозяйственной комиссии, пропаганда в пользу повышения агрономического уровня сельскохозяйственных производителей, при чем ассигнованы средства со специальной оговоркой о доведении пропаганды «до двора». Эта формулировка прямо заимствована из СССР, но ясно, что империалисты и помещики, сидящие в указанной комиссии, заинтересованы *по-своему* в поднятии сельского хозяйства.

Антикапиталистический фронт расширился в минувшем году и экстенсивно за счет включения в него арабского массового движения и вовлечения в самое последнее время туземных масс Южной Африки. Сказанным, конечно, не исчерпывается мобилизация революционных сил в колониальных и полуколониальных странах, но детальная характеристика этого движения в нашу задачу не входила. Для общей оценки дальнейших перспектив в этой сфере мирового хозяйства нужно еще отметить последствия экономического кризиса в Соед. Штатах для стран, которые являются главными производителями колониальных товаров, как каучук, кофе, сахар и т. д., поглощаемых в огромных масштабах американским рынком. Резкое падение цен на эти товары будет неизбежно сопровождаться сокращением покупательной силы колониальных и полуколониальных стран и уменьшением их спроса на промышленные изделия метрополии.

СССР и мировое хозяйство.

а) Промышленность.

Но наибольшие неприятности причинил международному капиталу и его свите социалистический сектор мирового хозяйства. Начало 1928/1929 г., с его резким обострением продовольственных затруднений в СССР и падением трудовой дисциплины на предприятиях, истолковывалось буржуазной и соц.-дем. печатью как показатель банкротства «социалистического эксперимента». Кон'юнктурный институт в Берлине во всех своих оценках рассматривал экономическое положение в СССР как кризисное. Московский корреспондент «Берлинер Тагеблат», Пауль Шефер на своих пессимистических корреспонденциях из Москвы нажил себе даже международную известность. Нельзя также не отметить, что выступление на сцену правого уклона и его теоретическое обоснование подводило прямо научный фундамент под злобные прорицания международной буржуазии. Во всяком случае, оценка, данная правыми оппортунистами политике партии в отношении середняка и кулака, и их утверждения о деградации сельского хозяйства, а также критика взятых темпов на индустриализацию были встречены очень сочувственно по «ту сторону» и рассматривались, как подтверждение давнишних высказываний буржуазии.

Поэтому опубликование пятилетки и массовое движение за социалистическое соревнование оценивались, как «блеф», как парадная большевистская мишура. Что касается борьбы за коллективизацию сельского хозяйства, то весь антисоветский фронт — от правых до крайних «левых» — был уверен в «очередном» провале деревенской политики партии.

В настоящее время можно подвести итоги минувшему году и на них снова проверить действенность строящейся социалистической системы и ее превосходство над капиталистическим способом производства, господствующим за рубежом. Ниже приводится таблица, характеризующая размеры и темпы промышленного производства в СССР и капиталистических странах.

Индексы физического об'ема промышленного производства (1913 г. = 100).

	1927/28 г.	1928/29 г.	Прирост за год в % %
СССР	127,4	154,3	+21,1
Соединенные Штаты	151,0	169,0	+11,9
Англия	96,0	98,1	+ 2,2
Германия	108,2	103,1	— 4,8
Франция	119,0	136,3	+14,5
Италия	107,8	119,7	+11,0

Оценивая приведенные данные, следует вспомнить наши предыдущие методологические замечания, в частности, что 1928/1929 г. был годом высокой кон'юнктуры в С. Штатах и романских странах Европы и что, наоборот, 1927/1928 г. для тех же стран был полностью или частично годом относительно невысокой кон'юнктуры. Эти обстоятельства повышают хозяйственные итоги рассматриваемого года в пользу капиталистических стран. И тем не менее, ни одна из приведенных стран не показала такого роста продукции промышленности, как СССР; ни одна из капиталистических стран, за исключением Соед. Штатов, не ушла так далеко от своего довоенного уровня, как Советский Союз.

С другой стороны, обнаружившийся в самое последнее время неблагоприятный перелом мировой кон'юнктуры, в особенности перспективы промышленного кризиса в Соед. Штатах, позволяют рассчитывать, что в то время как наш индекс промышленной продукции в 1929/1930 г. вырастает до 204 по сравнению с 1913 г., соответствующий индекс Соед. Штатов упадет ниже 169. Таким образом, будущий год должен окончательно доказать наше

превосходство с точки зрения дальнейших перспектив хозяйственного развития даже над С. Штатами.

Секрет наших темпов лежит: 1) в рациональном и интенсивном использовании рабочим классом всего наличного оборудования; 2) в быстром росте капиталовложений; 3) в социалистическом соревновании, представляющем собой хозяйственный стимул социалистического строительства.

В то время как в капиталистических странах постоянно наблюдается значительная недогрузка производственного аппарата, в среднем на 20—30%, мы переходим постепенно к 2—3 сменам и на непрерывное производство. При этом под полной нагрузкой в капиталистических странах подразумевается односменная, редко двухсменная и лишь в некоторых производствах трехсменная работа.

Одновременно у нас значительно повышается производительность труда. За истекший и будущий год (за два года) производительность труда в промышленности у нас увеличится на 44%, в то время как прирост производительности труда в С. Штатах за период с 1914 по 1927 (за 13 лет), составил лишь 40,8%:

Для характеристики наших капитальных вложений в промышленность по сравнению с крупнейшими капиталистическими странами мы, к сожалению, не можем привести сравнимых данных. Укажем только, для ориентировки, на следующее. Минувший год (1928—1929), в Соед. Штатах является рекордным в американской истории по эмиссии ценных бумаг. Прирост за этот год составил 76,5%, (если отвлечься от двойного счета), но, он оказался сигналом к кризису, обнаружившему инфляционный характер бумажной эмиссии. Капитальные вложения в промышленность и электрификацию СССР дают более, чем двойной прирост в 1929—1930 г. и никто отнюдь не считает, что эта цифра окажется рекордной, т.-е. не будет превзойдена в будущем. Об инфляции, разумеется, не приходится говорить, так как реальный метод исчисления — по об'ектам строительства — исключает возможность дутых предприятий, как в Соед. Штатах и других капиталистических странах.

Минувший год был подлинной исторической вехой, так как он по-новому осветил и необычайно расширил перспективы социалистического строительства. Социалистическим соревнованием и коллективизацией сельского хозяйства, он открыл невиданные горизонты перед обобществленным хозяйством.

Каждый новый исторический способ производства представляет дальнейшую ступень в развитии производительных сил, а тем самым и в производительности труда. Но прогресс в производительности труда определяется не только тем, что новая общественная формация ломает оковы, созданные предыдущим развитием. Передовой способ производства приносит с собой свои стимулы общественного труда, которые соответствуют более прогрессивной организации этого труда. Колоссальный рост производительных сил при капитализме был достигнут не только за счет уничтожения феодальных перегородок и мелочной цеховой регламентации, превратившихся в путы развития, но и благодаря более высокой организации общественного труда, подхлестывавшейся конкуренцией. В равной степени обобществление средств производства, разбивая капиталистические оковы, обусловливает новые, более мощные стимулы к труду, а также более эффективную организацию общественных трудовых отношений.

Энгельс писал:

> «Общественное присвоение средств производства устранит не только существующее в капиталистическом обществе искусственное стеснение производства, но и положительное расхищение и опустошение производительных сил и продуктов, которые являются неизбежными спутниками капита-

листического производства и достигают кульминационной точки в кризисах» [1]).

На ряду с этим он указывает, что

«с устранением бессмысленной расточительности господствующего класса и его политических представителей общество освободит массу производительных сил и продуктов» [2]).

Исходя из этих моментов, Энгельс устанавливал прогрессивно растущие темпы социалистического производства. Но, несомненно, что коллективистический строй производства сам по себе является более прогрессивным, чем капиталистический, и, следовательно, высказанное положение Энгельса получает еще более прочное обоснование. Переворот во внутренних отношениях трудовой организации, который создается при обобществленном строе, является мощным стимулом для повышения производительности общественного труда.

Ленин, выдвинув идею социалистического соревнования, обеспечивающего успех социализма, и конкретизовав ее, дал дальнейшее развитие мыслям Энгельса.

«Производительность труда,—писал Ленин,—это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя. Капитализм создал производительность труда, невиданную при крепостничестве. Капитализм может быть окончательно побежден и будет окончательно побежден тем, что социализм создаст новую, гораздо более высокую производительность труда» [3]).

Мы уже в настоящее время наблюдаем в СССР такой размах, такой масштаб творчества, которых не видала ни одна прежняя эпоха, и имеем все основания рассчитывать на гигантское развитие этого процесса и в дальнейшем. А это решит исход соревнования социалистической и капиталистической системы.

Как будет развиваться борьба социалистической и капиталистической системы в дальнейшем, в масштабе мирового хозяйства в целом, можно судить, сопоставив ряд показателей из «контрольных цифр» на 1929 — 30 г. с американскими показателями, опубликованными в официальном труде. «Последние экономические изменения в Соед. Штатах».

Годовые темпы развития в СССР в 1929/30 г. и в САСШ за период 1922—27 гг. (в %%).

	СССР	САСШ
Население	2,4	1,4
Земледелие	2,2	0,75
Промышленность	31,6	4,0
Транспорт	18,2	4,0
Строительство	70,0	6,2
Занятость на предприятиях (промышленных)	6,6	— 0,7 (уменьшение)
Фонд зарплаты	17,7	1,7
Зарплата на 1 рабочего	13,5	2,4
Народный доход	20,0	3,3

Американский капитализм является более жизнедеятельным, чем европейский капитализм. На ряду с этим, период, характеризуемый приведенными в таблице данными, по заявлению самих американцев, является периодом промышленного процветания. Благодаря этому, поучительность настоящей таблицы еще более возрастает.

Перед нами растущая социалистическая и растущая капиталистическая системы, но первая несется стремительно вперед, так что не может быть никаких сомнений в том, что она нагонит вторую.

Как в течение минувшего года осуществлялось соревнование СССР с капиталистическими странами, показывают нижеследующие данные. За отсутствием общего индекса, приведем несколько сравнений по отдельным важнейшим отраслям.

[1]) Анти-Дюринг, стр. 251.
[2]) Там же.
[3]) Собр. соч., т. XVI, стр. 254.

Страны.	Добыча угля	Выплавка стали	Выплавка чугуна	Потребление хлопка	Добыча нефти
	(1928/29 г. в %% к 1927/28 г.				
Европа с СССР	105.3	106,3	104.0	99,6	—
Европа без СССР	104,8	105,5	102,5	96,3	—
Весь мир с СССР	105,9	113,9	111,2	101,3	114,6
Весь мир без СССР	105,6	113,8	110,8	100,2	114,4

Приведенная табличка по всем показателям дает один ответ: берем ли мы мировой итог или европейский, включение в него СССР всегда повышает итоговую цифру. Особенно резко повышаются производственные результаты Европы со включением СССР. Это и означает, что рост СССР более быстрый, благодаря чему уменьшается наше отставание от капиталистических стран. Конечно, этот процес по сравнению с мировым развитием происходит еще весьма медленно, выражаясь, за небольшим исключением, часто в десятых долях, но помимо специфических причин хозяйственного развития 1928/1929 г., на которые было указано выше, а именно — высокой кон'юнктуры в ряде крупнейших индустриальных стран, особенно в Соед. Штатах, здесь имеют влияние небольшие абсолютные размеры нашего производства по сравнению с огромными масштабами мирового производства в целом. Срыв кон'юнктурного под'ема в Северной Америке и других странах при мощном сдвиге производства в СССР, запроектированном на 1929/1930 г., обеспечивает резкое увеличение уже в текущем году социалистического сектора мирового хозяйства.

Интересны с точки зрения рассматриваемой нами проблемы абсолютные приросты продукции в СССР и капиталистических странах. При всей пестроте имеющихся данных бросается в глаза, что по абсолютным приростам мы нагоняли Францию, что имеет особенно большое значение в связи с высокой кон'юнктурой французского хозяйства в 1928/1929 г. Что касается отдельных отраслей, то заслуживает внимания, что по выплавке чугуна абсолютный прирост СССР уступал только американскому, а по потреблению хлопка превысил и последний. Это является, в свою очередь, косвенным подтверждением депрессии мировой хлопчатобумажной промышленности.

Специального внимания заслуживает процесс электрификации. Централизованное электроснабжение продолжало быстро развиваться. Прирост производства электроэнергии в США составит за год не менее 13%, в Германии—11%, Великобритании—2,3% (за 8 мес. 1928/1929 г. против соответствующих 8 мес. 1927/1928 г.). Этим цифрам мы можем противопоставить прирост в 25,3% за 1928/1929 г. и в 34,5% для будущего года. Несмотря на такой большой темп, по абсолютному приросту мы продолжали отставать от САСШ и Германии. Соответствующие абсолютные приросты для этих стран, по предварительным данным, составляли в 1929 г. (в квтч.): для первой 12,5 млрд.; для второй—4 млрд. Наш абсолютный прирост достиг 1,3 млрд., примерно, вдвое выше соответствующего прироста в Англии, но далеко позади САСШ и Германии. В настоящее время мы занимаем восьмое место по производству электроэнергии, опередив Швейцарию, что явно недостаточно для такой огромной страны, как наш Советский Союз.

б) Заработная плата.

Несмотря на кон'юнктурный под'ем в ряде стран, темпы роста зарплаты были ничтожны, причем сопровождались значительным усилением интенсификации труда, а в Германии и Англии, из главнейших стран—сверх того ростом безработицы. В СССР номинальная зарплата в цензовой промышленности возросла за год на 9,2%, но рост реальной зарплаты составил 4,4%, (со включением социализированной части зарплаты), что об'ясняется продовольственными затруднениями прошлого года и ростом цен на продовольственные продукты. Интересно, с другой стороны, что с точки зрения превышения довоенного уровня СССР по реальной зарплате занимает второе место после САСШ, как и по об'ему промышленного производства. Намеченный на 1929/1930 г. рост реальной зарплаты в СССР на 13,5% и неизбежное ее падение в САСШ, в связи с кризисом, вероятно, поставит СССР по этому показателю на первое место.

Индекс реальной заработной платы в главнейших странах (1913 г.=100).

Страны.	Источники данных.	Среднемесячная за весь 1928 г.	Средне-месячн. за одинаковый период.		1928 г. в %% к 1927 г.	1929 г. в %% к 1928 г. (соответ. период).
			1928 г.	1929 г.		
СССР		132,7 [1]		138,6 [2]		104,4
Соединен. Штаты [3]	Bureau of Lab. Stat.	138,4	138,2 [4]	143,2 [4]	101,9	103,6
Англия [5]	Prof. Bowley	117,5	118,0 [6]	119,0 [6]	99,8	100,8
Германия [7] квалиф.	Statistisches Reich-samt	95,8	95,2 [4]	97,9 [4]	104,5	102,8
неквалифицир.		110,5	109,5 [4]	113,8 [4]	105,2	103,9
Франция	Угольная пр-сть.	108,7	111,2 [8]	108,9 [9]	102,7	97 9

Обозначившийся перелом кон'юнктуры в капиталистических странах снизит индексы зарплаты, усилит конкуренцию, увеличит безработицу и ухудшит положение рабочего класса. К тому же плохой урожай хлебов в производящих странах отразится на повышении индекса стоимости жизни. Отсюда неизбежно обострение классовой борьбы. Ухудшение социального обеспечения и наступление капиталистов на зарплату уже сопровождается встречными боями и контрнаступлением со стороны рабочего класса.

Природа динамики зарплаты у нас совершенно иная, чем в капиталистических странах. Каждый год приносит ее рост в зависимости от темпа роста всего хозяйства, при одновременном быстром повышении культурного и бытового обслуживания рабочих масс. Говоря о положении рабочего класса в СССР, следует также отметить непрерывное увеличение занятой в производстве рабочей силы и обозначившуюся уже в 1928/1929 г. приостановку роста безработицы; с другой стороны,—переход на семичасовой рабочий день.

в) Сельское хозяйство.

В минувшем году обозначилось резкое расхождение в путях развития советского сельского хозяйства и мирового. Основоположники социализма давно установили, что при социализме будет уничтожена историческая диспропорция между сельским хозяйством и промышленностью. Устранение неравномерности в развитии этих двух составных частей народного хозяйства Ленин выставил как перво-

[1]) 1927/28 хоз. год. [2]) 1928/29 хоз. год. [3]) Фактическая выплата. [4]) Январь—август. [5]) Тарифные ставки; новый взвешенный индекс проф. Боули, июль 1914 г. = 100. [6]) Январь—сентябрь. [7]) Тарифные ставки. [8]) Средняя дневная зарплата подземных и надземных рабочих в угольной промышленности. [9]) 1 квартал.

очередную задачу Советской власти, меняя только методы и формы ее осуществления. Но лишь в 1928/1929 г. эта проблема встала во весь свой исполинский рост и получила самую мощную поддержку со стороны мелкого сельскохозяйственного товаропроизводителя. Теперь уже не может быть никакого сомнения, что архаическое сельское хозяйство обречено на слом, при чем в кратчайший исторический срок. Трудно переоценить социально-экономические последствия этого переворота. Включение сельскохозяйственного производства, как составной части всего производства страны, охватываемого единым народнохозяйственным планом, отразится уже в ближайшие годы в мощном развертывании производительных сил в сельском хозяйстве и одновременно в экономике всей страны.

Какие перспективы сулит происходящий в настоящее время переворот в сельском хозяйстве, видно из следующего. По произведенным нами подсчетам, производительность труда в нашем индивидуальном сельском хозяйстве, примерно, в пять раз ниже производительности промышленного труда, который, как известно, отстает от производительности американского и европейского рабочего. Если благодаря росту механизации и коллективизации сельскохозяйственного труда, перерастающего, по существу, в форму одного из видов промышленного труда, будет достигнут даже только современный уровень производительности труда индустриального рабочего, перед нами откроются такие горизонты хозяйственного развития, которые выдвинут СССР, как крупнейший экономический центр мира. При таком темпе развития задача «догнать и перегнать» будет решена в минимальный исторический срок. Что касается сельскохозяйственного производства, то мы даже уверены, что СССР окажется впереди капиталистических стран уже в недалеком будущем.

В то время как в СССР идет процесс сближения и взаимной поддержки обеих важнейших ветвей народного хозяйства, в капиталистических странах растет диспропорция между сельским хозяйством и промышленностью. Эта неравномерность должна была возрасти еще более в связи с гигантским развертыванием монополистических процессов во всех отраслях народного хозяйства за исключением сельскохозяйственного производства. В результате такого развития усиливаются явления деградации сельского хозяйства в ряде капиталистических стран, которые выражаются в расхождении цен на промышленные и сельскохозяйственные товары, в углублении кризисных явлений в сельском хозяйстве, в разорении мелкого и среднего крестьянства. Происходящий в некоторых странах процесс механизации сельского хозяйства распространяется, главным образом, на крепкие хозяйства и обращается своим острием против парцеллированного фермера, усиливая перепроизводство сельскохозяйственных продуктов и обостряя конкуренцию.

Ниже мы приводим таблицу соотношения цен, в которую для сопоставления включены и данные для СССР. Эта таблица показывает, что «ножницы» в СССР дают более благоприятные соотношения, чем за границей.

Соотношение цен на сельскохозяйственные и промышленные товары.

	С.-А. С. Ш.	Германия	СССР.
1925 г.	92	84,9	—
1926 г.	87	86,5	85,3
1927 г.	85	93,6	79,6
1928 г.	90	84,7	83,5
1929 г.[1])	88	82,3	90,9

[1]) по САСШ за первые 8 мес., по Германии за 9 мес.; для СССР всюду взяты хозяйственные годы.

Относительные сельскохозяйственные и промышленные цены будут и в дальнейшем складываться более благоприятно в СССР, чем в капиталистических странах, ибо политика цен в СССР диктуется интересами общехозяйственного целого, в котором сельское хозяйство отнюдь не является об'ектом эксплоатации. Это подтверждается, между прочим, понижательной динамикой цен на товары нашей крупной промышленности, в то время как в капиталистических странах, несмотря на общую тенденцию цен к понижению, цены на монопольные товары удерживаются на высоком уровне, отражая обычную картину разрыва цен при монополистическом капитализме.

Но соотношения цен, далеко не определяют масштабы и темпы развития сельского хозяйства. На ряду с рыночными стимулами, получающими внешнее выражение в динамике цен, важнейшими факторами сельскохозяйственного развития являются масштабы продукции и издержки производства. Но именно коллективизация и индустриализация сельского хозяйства, с одной стороны, и преодоление рыночной стихии, с другой стороны, радикально меняют постановку вопроса о доходах сельского хозяйства. Нет нужды доказывать, что обобществленное машинизированное сельскохозяйственное производство поставит замечательные рекорды как в области снижения себестоимости, так и в размерах продукции. Это прекрасно понимает мелкий сельскохозяйственный товаропроизводитель, который решительно голосует за «коммунию».

г) Торговые связи.

Мировой товарооборот достиг в 1928/1929 г. 127% от довоенного уровня, увеличившись за последний год на 3,1%. Изменение удельного веса важнейших центров во внешней торговле видно из следующей таблицы.

Распределение внешней торговли (в%%).

	1928/29 г.	1927/28 г.	1926/27 г.	1913 г.
Европа	58,3	59,2	58,2	65,3
Америка	27,5	26,7	27,4	20,5
Прочие континен.	14,2	14,1	14,4	14,2

Сдвиги, происшедшие в мировом товарообороте в военное и послевоенное время, целиком сохраняют свое значение и в 1928/1929 г. Америка продолжает укреплять свой вес во внешней торговле, а Европе не удается отвоевать потерянные за время войны позиции.

Развитие внешней торговли отдельных стран, наиболее заинтересованных в экспорте, видно из следующего сопоставления, в которое для сравнения мы включаем и СССР.

Индекс физического об'ема производства (I) и экспорта (II) в 1928/29 г.

	I	II
СССР	129,1 [1])	48,3
С. Штаты	169,0	82,7
Англия	98,1	82,2
Германия	103,1	80,3
Франция	136,3	147,1

Приведенные данные свидетельствуют о значительных *смещениях*, происшедших в отдельных крупнейших странах в соотношении внутреннего производства и вывоза. Из капиталистических стран наиболее неблагополучно положение в Англии и Германии, в выигрыше — Соед. Штаты и Франция. Что касается СССР, то при значительном увеличении народного дохода, что косвенно отражает рост производства, наблюдается резкое отставание экспорта. Это указывает на рост внутреннего потребления, а, с другой стороны, характеризует положение пролетарской страны в капиталистическом окружении.

[1]) Для СССР приведен индекс народного дохода в целях включения и сельского хозяйства.

Динамика внешней торговли СССР за протекший год выразилась в следующих показателях: весь оборот упал на 1,5% при снижении импорта на 11,8% и увеличении экспорта на 11,1%. Сопоставляя последнюю цифру с ростом народного дохода за год на 17,9%, мы получаем с первого взгляда некоторое ослабление наших внешнеторговых связей с мировым хозяйством. На самом деле это не так. Как раз минувший год дал значительный сдвиг в нашей экспортной деятельности, испытывающей за последние годы заметные структурные изменения.

Раньше всего отметим, что годовой рост экспорта на 11% уже представляет большое достижение. Соответствующие годовые приросты других стран представляются в следующем виде: С. Штаты—10,8%, Англия—0,9%, Германия—11,0%, Франция—4,0%. Таким образом, минувший год дает максимальный рост советского экспорта по сравнению с капиталистическими странами.

Вторым достижением является обеспечение активного сальдо торгового баланса против крупного пассива в прошлом году.

Третьим достижением следует считать повышение экспорта при полном выпадении вывоза хлеба, возмещенного интенсивным ростом вывоза промышленных товаров, особенно горных (нефть, марганец) и полуфабрикатов (лес — полуобработанный и необработанный). Темп роста промэкспорта превысил общий прирост промышленной продукции, а по отдельным экспортным статьям был исключительно высоким. Динамика и структура экспорта отразила, следовательно, процессы, происходившие в последнее время в народном хозяйстве: процесс индустриализации, с одной стороны, и отставание сельского хозяйства, с другой стороны.

Таким образом, налицо был закономерный процесс: в предыдущие годы индустриализировался импорт, который стимулировал индустриализацию страны и обеспечил, благодаря этому, развитие промэкспорта. Совершенно очевидно, что в развертывании указанного процесса гигантскую роль сыграла монополия внешней торговли, ставшая одним из наиболее ответственных рычагов социалистического строительства.

В импорте 1928/1929 г. резко увеличился удельный вес сельскохозяйственных машин и тракторов, которые вместе с собственным производством с.-х. орудий обеспечивают механизацию и коллективизацию деревни. Это создает предпосылки и открывает новые перспективы для сельскохозяйственного экспорта. Поэтому в дальнейшем главными опорами нашего вывоза станут, по примеру Соед. Штатов, как промышленность, так и сельское хозяйство. Это сразу двинет вперед развитие советской внешней торговли и ослабит нашу зависимость от иностранного кредита.

Из других достижений в области экспорта следует отметить выявление новых статей экспорта, улучшение качества некоторых экспортных товаров и продвижение на новые рынки, но во всех указанных направлениях сделаны пока только первые шаги и остается еще сделать очень много.

Положение на внешних рынках в минувшем году было трудным. Международная буржуазия усилила свой нажим на монополию внешней торговли и использовала для этой цели орудие финансовой блокады. Поэтому, если мы имели в 1928/1929 г. резкое сокращение импорта, то это следует целиком об'яснить сокращением внешних кредитов. Но это обстоятельство, с другой стороны, стимулировало нажим с нашей стороны на экспорт, развитие которого должно и в дальнейшем остаться нашей первоочередной задачей, ибо мировой финансовый капитал организуется в невиданных масштабах. В частности, весьма влиятельные буржуазные круги связывают с учреждением ме-

ждународного банка надежды на парализование монополии советской внешней торговли.

Что касается *мировых* цен, то динамика последних, хотя и была различной для отдельных товаров, но в общем она складывалась неблагоприятно для нас. Усилившаяся международная конкуренция была тем более чувствительна, что экспортная масса с нашей стороны резко выросла и ее размещение не могло не сопровождаться некоторым снижением цен. Благоприятным моментом в этом отношении было развитие в последнее время практики долгосрочных контрактов на поставку наших товаров (лес, нефть, марганец). Эту практику следует всячески развивать и в дальнейшем.

С другой стороны, следует обратить серьезное внимание на преодоление резких *сезонных колебаний* в нашем вывозе, которые влияют неблагоприятно на развитие экспортных операций. С индустриализацией экспорта эта задача значительно облегчается. Но и реконструкция сельского хозяйства создает в этом отношении также большие возможности. Переделка последнего ставит перед нами по-новому и проблему себестоимости. К ее разрешению необходимо подготовиться заблаговременно, так как с третьего года «пятилетки» должен возобновиться зерновой экспорт из СССР, между тем этот рынок страдает в последние годы от международного перепроизводства.

Задачей, требующей быстрого разрешения, является приспособление внешнеторговых операций *к кон'юнктурным колебаниям* на внешних рынках. Начавшийся перелом мировой кон'юнктуры и перспектива хозяйственной депрессии в капиталистических странах в 1929/1930 г., при намеченном большом росте импорта и экспорта, делает эту проблему крайне актуальной. Правильное ее разрешение может дать хозяйству гораздо больше, чем иностранный кредит. Ниже и приводится таблица, характеризующая структуру советского экспорта.

Показатели советского экспорта.

Товары	Продукц. 1928/29 г. в %% к довоенной	Экспорт 1928/29 г. в %% к довоенн. (по количеству)	Экспорт в %% к продукции		Проц. отношение экспорта данного товара ко всему экспорту (по ценности)		Проц. отношение экспорта данного товара к мировому экспорту	
			1913 г.	1928/29 г.	1913 г.	1928/29 г.	1913 г.	1928/29 г.
Нефть	150	390	10,3	26,8	2,8	14,8	7,4	5,5
Лес	—	94,2	40,0	—	9,7	18,1	15,0	(10—11)
Лен	94,5	27,4	47,2	10,1	4,8	5,0	62,6	30,2
Марганцевая руда	98,7	75,2	84,3	73,1	0,9	2,6	55,0	41,0
Асбест	142,0	96,1	50,0	33,7	0,1	0,6	12,3	4,5
Сахар	95,7	98,9	10,9	10,7	2,2	4,9	2,0	—
Масло	—	35,0	57,7	25,7	5,2	3,4	21,0	6,5
Яйца	—	46,7	70,4	9,3	6,7	2,9	47,0	15,5
Пушнина	—	—	70,0	(95)	1,6	11,5	—	(30—40)

Приведенная таблица может быть рассмотрена с разных сторон. Ограничимся здесь рассмотрением приведенных данных только с точки зрения выявления связей и взаимодействия отдельных экспортных отраслей и мирового хозяйства.

Таблица показывает, что у нас имеется ряд отраслей, почти целиком работающих на внешний рынок, как пушное производство, добыча марганцевой руды. С другой стороны, отрасли, как асбестовая, нефтяная, лесная, также обнаруживают значительную зависимость от внешнего спроса, выбрасывая для его удовлетворения $\frac{1}{3}$—$\frac{1}{4}$ своего производства. Сельское хозяйство, наоборот, в отличие от довоенного периода ослабило теперь свою зависимость от мирового рынка, хотя животноводческая часть еще является значительным поставщиком экспортных товаров. Если далее учесть, что заграничный капитал в настоящее время выброшен как посредник между нашим сельским хозяйством и заграницей и что эта функция выполняется ныне советским государством, то можно получить ясное представление, в какой мере сельское хозяйство освободилось от международных влияний. Реконструкция сельского хозяйства безусловно повысит в недалеком будущем его экспортное значение. В этих новых связях позиции сельского хозяйства по отношению к международному капиталу гигантски укрепятся, ибо контрагентом последнего уже не будет распыленный и беззащитный мелкий товаропроизводитель, а коллективный «гигант», опирающийся на неприступную скалу монополии внешней торговли и на всю мощь советского государства.

Последний столбец нашей таблицы показывает удельный вес отдельных экспортных статей в мировой торговле и характеризует зависимость внешнего мира от советского экспорта. Против довоенного времени почти по всем товарам мы потеряли в темпе по сравнению с мировым развитием. Наша ближайшая задача — нагнать упущенное. Это увеличит и расширит наши связи с мировым хозяйством, но вместе с тем усилит зависимость соответствующих отраслей от его кон'юнктурных колебаний. Однако, опасность для всего хозяйства в целом является минимальной, так как рост общего производства страны запроектирован в таких размерах и в таких структурных соотношениях, что независимость всей советской экономики по отношению к капиталистическому окружению будет систематически увеличиваться. Положительные же последствия развития экспортной деятельности для народного хозяйства настолько ясны, что на них излишне останавливаться.

Н. Ленцнер.

Международный оппортунизм после X пленума ИККИ.

Каковы особенности борьбы с международным оппортунизмом после X пленума ИККИ?

Во-первых, процесс размежевания с оппортунизмом ускоряется, становится все более быстрым, а характер самой борьбы—все более острым. Оппортунисты теперь начинают с того, чем кончали их собратья в других партиях еще год тому назад — созданием собственных организаций. Австрийские оппортунисты сочли даже излишним апеллировать в Исполком Коминтерна. Они поступили более «деловито»: не успев покинуть порог партии, они уже присутствовали на всегерманской конференции правых. Ускоряющийся процесс размежевания оказал свое влияние и на такую компартию, как шведская. Шведские оппортунисты—самые политически-трусливые и лицемерные. На X пленуме они клялись, что будут вечно верны Коминтерну. Но по приезде домой они провели раскол, не допустив никакой дискуссии. Чильбумы и Самуэльсоны не хуже и не лучше Илеков и Боленов. А путь к открытому ренегатству они проделали в 2—3 раза быстрее, чем последние. Происходит это потому, что борьба между Коминтерном и оппортунистами теперь более острая, чем год—полтора назад. Происходит это потому, что ускоряется весь процесс расшатывания капиталистической стабилизации, процесс нарастания революционного под'ема.

В процессе этой все ускоряющейся и обостряющейся борьбы размылось примиренчество. Подобно тому как под'ем рабочего движения 1912—1914 г. размыл примиренческие группы в нашей партии, политически похоронив троцкистов, «большевиков-партийцев» и всех прочих примиренцев, так и нынешний под'ем быстро «самоопределил» примиренцев: одни из них (Серра) быстро скатились к открытому оппортунизму [1]), другие осознали свои ошибки и правоту твердой большевистской линии Коминтерна. Размытым оказалось примиренчество и в КПГ. В то время как подавляющая часть немногих рабочих сторонников Эверта—Герхарда открыто, по-рабочему, признала свои ошибки, небольшая кучка с Франком во главе перешла к брандлерианцам, сам же Эверт и его ближайшие сторонники остались пассивными созерцателями борьбы и работы партии.

Во-вторых, борьба с оппортунизмом приняла подлинно-международный характер. Если до X пленума борьба с оппортунизмом, очищение партий от оппортунистических с.-д. элементов, откол оппортуни-

[1]) Серра уже успел найти приют на страницах органа итальянских «левых» с.-д. «Аванти». Два-три месяца назад Тальгеймер призывал Серра последовать примеру немецких правых. Теперь уже Серра прокладывает международному оппортунизму путь к «левой» соц.-демократии.

стов происходил лишь (или точнее сказать: главным образом) в германской и чешской партиях, в других же партиях (напр., польской, американской, шведской и т. д.), эти процессы лишь начинали развертываться,—то последнее полугодие резко изменило картину борьбы. Оппортунисты раскололи шведскую компартию. Оппортунисты создали свои центры в Америке и Австрии. Борьба с оппортунизмом привела к исключению оппортунистов из рядов итальянской партии (Серра) и французской (муниципальные советники Парижа, ряд членов ЦК — профсоюзников и т. д.). Развернулась внутрипартийная дискуссия и борьба в компартиях Польши, Англии и ряда других стран, при чем и здесь в той или иной форме неизбежно оформление оппортунистических элементов.

Генеральное размежевание идет во всех секциях Коминтерна. Темп и формы этого процесса находятся в полном соответствии с характером классовой борьбы, темпом обострения классовых противоречий, силой социал-фашизма, большевистской зрелостью партии данной страны. В Швеции, где рабочий класс не пережил ужасов мировой войны и не имеет еще опыта революционной борьбы, где грани между реформизмом и коммунизмом еще не стерлись в глазах широких масс, где сильны настроения провинциального пацифизма, — там оппортунистам удалось (отчасти по вине революционного меньшинства партии, слишком поздно и недостаточно решительно начавшего борьбу за завоевание партии под знамя Коминтерна и большевизма) расколоть партию, имея пока за собой большинство партии. Обратную картину мы видели в Америке, где оппортунист Ловстон, считавший, что партия находится в его боковом кармане, при первой же попытке противопоставить партию Коминтерну, встретил решительный отпор всей партии и подавляющей части ЦК. По собственным (понятно, преувеличенным) заявлениям Ловстона в новой, им созданной организации находятся 300 членов компартии (из 8 — 9 тысяч). Многолетняя фракционная борьба и оппортунистическая работа Ловстона—Пеппера разложили компартию. Пролетарский костяк партии прошел достаточно суровую школу классовой борьбы в стране «железной пяты капитализма», чтобы уметь выбросить за борт тех бывших вождей, которые выступают за откол от Коминтерна.

Международный характер размежевания с оппортунизмом признают и сами оппортунисты. Руководящая группа оппортунистов (немецкая) уже выбросила лозунг международного об'единения «коммунистической оппозиции». В руководящей статье центрального органа брандлерианцев «Против течения» (№ 42), посвященной 2-й конференции, сделан открытый призыв создать международную организацию правых с задачей: 1) «совместной борьбы за оздоровление и обновление (Erneuerung) Коминтерна» и 2) «организации интернациональных действий». Оппортунисты хотят, таким образом, придать борьбе с Коминтерном и своей штрейкбрехерской работе международный характер.

Международный характер размежевания с оппортунизмом отличает нынешний этап внутрипартийной борьбы в Коминтерне от всех предшествовавших. В истории Коминтерна мы отмечаем ультра-левый кризис 1920—21 г., захвативший германскую, голландскую, отчасти итальянскую и английскую партию; кризис правого оппортунистического руководства в немецкой, чешской, польской и французской партиях—1924 г., троцкистскую оппозицию, которая, помимо указанных партий, оказалась в бельгийской и американской.

Происходящее ныне размежевание с оппортунистами захватывает в той или иной мере все без исключения секции Коминтерна, начиная с ВКП(б) и кончая компартиями колоний (Китай, Индия) и доминионов (Канада). Партийный обыватель будет сокрушаться, констатируя этот факт. Для

большевика же международный характер размежевания с оппортунистами служит лишь доказательством того, что в капиталистическом мире происходят такие огромные сдвиги, которые, несмотря на всю неравномерность экономического и политического развития отдельных стран, вызывают соответствующий процесс в компартиях самых различных стран. Международный характер размежевания с оппортунистами служит ярким предвестником международной революционной бури.

В-третьих, характерной чертой современного этапа борьбы между оппортунизмом и коммунизмом является перенесение борьбы из рядов компартий во все рабочие организации. Налицо активная работа оппортунистов по срыву борьбы партий с военной опасностью, яростная защита с.-д. от обвинений в социал-фашизме, все учащающиеся попытки наладить единый фронт с социал-фашизмом, тонкая работа по дискредитации социалистического строительства в СССР.

Оппортунисты уже не считают для себя нужным ограничиваться критикой линии компартий. Центр тяжести своей работы они переносят на борьбу с партией в рабочих организациях, на штрейкбрехерскую работу во время классовых конфликтов.

Критика решений VI конгресса, линии партий — это в основном уже пройденный для правых этап. Они уже не считают нужным дискутировать о «третьем периоде», о полевении рабочего класса, о профсоюзной тактике. Раскол партий, революционных массовых организаций—вот их нынешний «метод» дискуссии. Шведские правые не считали нужным дискутировать о тактических проблемах и характере шведского капитализма. Еще ведя переговоры о характере открытого письма ИККИ, они уже разрабатывали календарный план подготовки раскола. Ловстон, подавая заявление в президиум ИККИ о согласии с линией Коминтерна, одновременно слал телеграмму в Америку о необходимости порвать с Коминтерном.

Активное штрейкбрехерство, предательская работа во время классовых боев — таков нынешний «метод» борьбы правых против компартий. Французские правые устраивают бунт в Унитарной Конфедерации Труда, стремясь сорвать сотрудничество Конфедерации с компартией. Оппортунистические мэры районов Парижа и муниципальные советники под бурные аплодисменты реакции расклеивают афиши против партии и демонстративно заменяют красные флаги, висящие над мэриями, трехцветными. Оппортунисты из унитарных профсоюзов открыто срывают стихийно возникающие стачки. Чешские ликвидаторы совместно с социал-фашистской профбюрократией срывали стачки рабочих каолиновой промышленности, стачки текстильщиков и горняков, выступают единым блоком на профсоюзных выборах. Поведение брандлерианцев, во время стачки берлинских трубопрокладчиков, было поведением стачколомов. Они обливали помоями руководство революционной секции трубопрокладчиков, они вносили панику и разложение в среду самих бастующих, выступая на собраниях с пророчеством о поражении стачки, с предложениями обратиться к посредничеству социал-фашистского правления металлистов. Роль правых, как активных штрейкбрехеров революции, еще более ярка в Австрии. Здесь классовая борьба уже столь обострилась, что партия резонно выбросила лозунг рабочих советов. Австрийские единомышленники брандлерианцев клеймят этот лозунг как «путчистский», «ультра-левый». В своих листовках, распространяемых с.-д. контр-агентством печати, они обрушиваются на компартию, как партию авантюризма, защищают с.-д. от обвинений в социал-фашизме. Сторонники правых на предприятиях отказываются призывать рабочих к созданию комитетов единства в борьбе с фашизмом, института революционных уполномоченных, к созданию отрядов рабочей самообороны, блокируются с социал-фашистской бюрократией на выборах в фабзавкомы. В тот момент, когда небольшая австрийская партия борется на улицах, подвергается физическим атакам как полиции, так и социал-фашистских дружинников, когда передовые представители с.-д. оппозиции переходят в ряды компартии,— правые оппортунисты атакуют компартию при бешеных аплодисментах социал-фашистов.

Первое августа показало, что оппортунисты уже предатели международной революционной борьбы, составная часть реформистской агентуры международной буржуазии. Оппортунисты вели бешеную кампанию против подготовки 1-го августа. Они рисовали день 1-го августа, как день «путча». Оппортунисты из унитарных профсоюзов, например, в ответ на призыв компартии и Конфедерации мобилизовать массы к политическим стачкам, публично выступали с критикой этих обращений, отказывались участвовать в подготовке Красного дня. Немецкие правые—брандлерианцы, сторонники Ловстона в Америке кричали о второй майской бойне, обвиняя партию в том, что она провоцирует кровавые столкновения, что она готовит «черный день» рабочего класса.

Практическое штрейкбрехерство правых сочеталось с их идейными атаками на Коминтерн. Они уверяли массы в том, что актуальной военной опасности не существует. Французские правые выступали, например, с теориями о восходящем развитии капитализма, о притуплении империалистических противоречий. Отсюда они делали вывод об исключении возможности войны на ближайшем историческом этапе. Кампания против 1-го августа была для правых лишь выводом из их общей оценки мирового положения и тактики компартии.

Правые ренегаты не верят больше в революцию. Если иезуиты-брандлерианцы формулируют это неверие в тезис: «вместо наступления рабочего класса — налицо наступление капитала», то французские правые, менее изощренные и более откровенные открыто, заявляют, что капитализм прочно укрепился, что анализ X пленума является пустой болтовней. Понятно, поэтому, что лозунг массовой стачки, как лозунг контрнаступления пролетариата, расценивается правыми как путчистский лозунг, как призыв к авантюре. Правые «разрешают» лишь борьбу за мелкие реформы. Все остальное — путч, авантюра. Сейчас уже трудно различить, где кончается правый ренегат и начинается «левый» социал-фашист.

Выступления правых по «русским» вопросам показывают, какую тонкую работу они могут совершать на пользу буржуазии и социал-фашизма. Гигантские успехи социалистического строительства, пятилетка — все это факты, в свете которых широкие массы мирового пролетариата перестают верить лживой информации буржуазной и социал-фашистской печати. Не помогают и истерические крики троцкистов о «термидоре». Нужна более «тонкая» фальсификация. И здесь на сцену выступают правые. Они не отрицают успехов Советского Союза. Они не прочь устраивать собрания в честь Октябрьского юбилея. Они «об'ективны», не связаны фракционными узами с той или другой «фракцией» в ВКП. Они имеют «свое» мнение, основанное на «тщательном» изучении советской действительности. Конечно, говорят правые, Советский Союз и его пролетариат достигли известных успехов. Но не надо их преувеличивать. Россия еще отстала. «Россия стоит на пятом месте Европы по высоте зарплаты» — утверждает орган чешских ликвидаторов, сравнивая номинальную зарплату и забывая такие «мелочи» в СССР, как государственное социальное страхование, отпуска, санатории, рабочее жилищное строительство, классовую скалу в коммунальных услугах и т. д. и т. п. «Преувеличивая успехи пролетариата СССР, мы лишь вредили делу пролетарской революции»,— лицемерно декламирует

орган Илека. СССР, конечно, идет вперед. Но смотрите, какие жертвы, какие трудности стоят на его пути. «Официальные» коммунисты молчат о них. Мы же «об'ективны». Мы констатируем, что в СССР не хватает хлеба, там ввели карточки, там не хватает мануфактуры. Трудности и жертвы велики. Нас «тревожит» излишняя быстрота темпа, взятая партией. Наличный кризис в стране, обострение классовой борьбы,— все это говорит о том, что «что-то» неладно в политике ВКП, что нельзя двигаться, отрываясь от основной массы крестьянства. Вне печати правые более откровенны, более отчетливо выявляют свое ликвидаторское лицо. Вождь шведских оппортунистов — Чильбум — в беседах с представителем меньшинства, Линдертом, заявил, например, что, по его мнению, СССР идет к экономическому кризису. СССР вынужден будет, поэтому, встать на путь компромиссов с европейскими капиталистами, в частности, со шведским спичечным синдикатом. Этот курс приведет к победе разумной правой группы в ВКП и новому «разумному» курсу в Коминтерне. Вот, о чем мечтают правые! Как известно, пророчество Чильбума «оправдалось». Это «доказывает» покаянное заявление лидеров правой оппозиции в ВКП.

Лицемерная, иезуитская позиция правых в отношении СССР ярко вскрылась в связи с советско-китайским конфликтом.

Известная опасность, говорили правые, налицо; но не надо ее преувеличивать; Советскому правительству не могут навязать войны, раз оно ведет последовательную миролюбивую политику; если бы из-за К.-В. ж. д. разгорелась война, она лишь дискредитировала СССР.

> «Советское правительство неоднократно доказало, что, несмотря на все провокации, оно делает все, чтобы сохранить мир. Поэтому является абсолютно неправильным, когда печать КПГ представляет, ныне дело так, как будто Советскому Союзу теперь непосредственно угрожает война». («Против течения»).

Единственный путь для защиты СССР—немедленная ликвидация теперешнего ложного политического курса—такое условие ставили Илеки и Гайсы. Иначе они не соглашались «защищать» СССР. Знакомые ноты «условной» защиты. Роль правых в борьбе мировой буржуазии и социал-фашизма с коммунизмом ясна. Они должны сеять сомнения, где не действует ложь. Они должны преуменьшать успехи там, где не верят сказкам о кризисе. Они должны демобилизовать массы, должны срывать дело защиты СССР. Эту работу правые выполняют куда более тонко, более иезуитски, чем троцкисты.

* * *

Чем резче обостряется борьба между компартиями и правыми ренегатами, тем быстрее происходит процесс сближения последних с социал-фашизмом. Первым этапом эволюции оппортунистов к социал-фашизму была их борьба с оценкой с.-д., как социал-фашизма. «Ученый» Тальгеймер нудно доказывал в марте, что фашизм и реформизм — это два непримиримых врага, что победа фашизма возможна лишь на костях реформизма, а в мае Вельс заявил о готовности с.-д. установить диктатуру.

Защищая с.-д. от обвинений в социал-фашизме, правые с одной стороны укрепляли иллюзии в массах о враждебности с.-д. к фашизму, о способности с.-д. бороться с наступлением капитала, с другой — подготовляли идейно психологическую почву для сотрудничества с социал-фашизмом. Сейчас оппортунисты все более открыто становятся на путь блоков с социал-фашизмом. Чешские ликвидаторы во время выборов открыто призывали голосовать, «социалистически» направляя все свои удары против компартий. Орган Гайса «Рабочий», критикуя политику буржуазного блока, призывал рабочих голосовать за «социалистов». Немецкие правые во время коммунальных выборов заключали в ряде мест избирательные соглашения с «левыми» с.-д. В связи с предстоящими выборами в тюрингский ландтаг, окружной комитет брандлерианцев решил обратиться как к компартии, так и к социал-фашистам с предложением единого фронта во время выборов. «Коммунистическая оппозиция» считает социал-фашистов такой же рабочей партией, как и компартию. Но маневр брандлерианцев имел большую цель, чем оправдание того, что отказ партии на похабное предложение облегчит им соглашение с социал-фашизмом: он подготовляет почву для более тесного сотрудничества с последним.

Это совместное сотрудничество правых с социал-фашизмом становится все более обыденным явлением. Подобные соглашения заключаются на выборах в профсоюзах, когда социал-фашисты проводят кандидата правых (или, наоборот), в фабкомы, правления кооперативов и т. д. По меньшей мере, половина брандлерианцев, сидящих в правлениях профсоюзов, кооперативов, муниципалитетов и т. д., выбрана с помощью и при соглашении с социал-фашистами. Социал-фашисты поддерживают брандлерианцев, зная, какую неоценимую пользу приносят последние своими атаками на компартию под маской коммунистов. Свою полезность социал-фашизму брандлерианцы показали в своей цитадели — Саксонии, помогая там «левым» социал-фашистам удержать влияние на массы.

* * *

Уже короткий опыт ренегатства правых показал, что они предназначены для той цели, чтобы занять место «левой» с.-д. Социал-фашистская эволюция срывает маску с «левых» с.-д. «Австро-марксисты» разоблачили себя, как социал-фашистские союзники буржуазии в установлении фашистской диктатуры. В этих условиях правые ренегаты должны выполнить немаловажную роль дезорганизаторов и штрейкбрехеров революционной борьбы. Надежды социал-фашизма и ренегатов на то, что последние воссоздадут новую центристскую массовую партию, несомненно, потерпят крах, ибо условия нынешнего этапа коренным образом [1]) отличаются от периода войны и первого послевоенного периода. Но это еще не означает того, что ренегаты не будут делать этих попыток, что они не смогут хотя бы частично выполнять свою штрейкбрехерскую роль, что они не смогут просуществовать известное время как небольшая «центристская» партия, как организационно-самостоятельный придаток к «левой» с.-д. Тот, кто проводит полную аналогию между судьбой правых ренегатов и ультра-«левых», тот не видит разницы их социального базиса и назначения. Правые опираются на известные слои рабочей аристократии. Они живут отраженной силой социал-фашизма, особенно его «левого крыла» (не случайно, что цитаделью правых в Германии является Саксония и Тюрингия — опорные пункты «левых» социал-фашистов). Они потерпят крах в своих попытках возродить дух «независимых», но сбивать на время известные слои рабочих с революционного пути, задерживать переход известных слоев с.-д. рабочих к коммунизму — они могут.

Функция правых, разделение труда между социал-фашизмом и правыми видна на примере с планом Юнга. Нарастание революционного

---

[1]) Тогда «центр» представлял «переход от изжитой полосы рабочего движения, от полосы 1871—1914 гг.... к полосе новой, ставшей об'ективно необходимою со времени первой всемирной империалистической войны, открывшей эру социальной революции» (Ленин, XVI, ч. I, стр. 54, изд. 1925 г.).

Теперь этот переход совершен и история не оставила места для новой «центристской» партии.

кризиса требует от партий, чтобы они большее внимание обратили на задачи мобилизации масс вокруг стратегических лозунгов, вокруг лозунгов пролетарской революции. Чем резче вскрывается кризис капиталистической стабилизации, тем яснее должны выступать перед массами лозунги пролетарской революции. Немецкая компартия, говорящая рабочим массам, что вне борьбы за власть нет борьбы с кабальным планом Юнга, взяла единственно правильную большевистскую линию.

Как ставят вопрос правые оппортунисты? Их задача состоит в том, чтобы отвлечь массы от борьбы за власть, чтобы увлечь на побочный путь, путь «переходных требований». Возьмем брандлерианцев. Они крайне недовольны тем, что последний пленум ЦК КПГ выбросил лозунг борьбы за власть, лозунг пролетарской революции в борьбе с планом Юнга. Такая постановка вопроса, по мнению правых, абстрактна, безнадежна, облегчает работу фашистам [1].

Брандлерианцы более «реальны». Они знают, как нужно подойти к массам. Вот, например, декларация их фракции в тюрингском ландтаге:

> «Комм. оппозиция отвергает план Юнга. Она требует уничтожения версальского договора и плана Юнга, но не путем новой империалистической войны, а путем самоопределения народов, совместной борьбой международного пролетариата. До осуществления же этой цели она борется за то, чтобы буржуазия взяла на себя тяготы, связанные с платежами по плану Юнга. Вот ближайшая задача единого боевого фронта немецкого пролетариата» (см. «Против течения», № 44).

Лозунг «переложения тягот на буржуазию» (die Abwälzung der Lasten auf die Bourgeoisie) — вот альфа и омега брандлерианцев. Не трудно заметить, что как декларация, так и этот лозунг ничего не говорят о революции. Революция у брандлерианцев исчезла. Лозунг переложения тягот на буржуазию противопоставлен лозунгу борьбы за власть. Он создает иллюзию, как будто до захвата власти пролетариат может освободиться от тех новых тягот, которые несет план Юнга. Он отрывает задачи борьбы с планом Юнга от задач борьбы против всех других последствий капиталистической стабилизации. Он — такой же реформистский лозунг, как и их старый лозунг — лозунг контроля над производством.

Каково назначение этого нового лозунга брандлерианцев?

Назначением этого лозунга является — внести сумятицу в ряды пролетариата, дискредитировать лозунги компартии, как лозунги «абстрактные», «не реальные», сорвать работу компартии по мобилизации масс вокруг революционных лозунгов, создать у масс иллюзии, как будто возможен единый фронт с.-д. и коммунистов в борьбе с планом Юнга. Только так и можно понять заключительную фразу тюрингской декларации. Нет сомнения в том, что брандлерианцы отдают себе отчет в том, что они делают. Лишь сознательный враг пролетарской революции может в унисон со Штампферами кричать, что «Тельман и Нейман фабрикуют аргументы для фашистской демагогии» (см. передовую в № 44 названного журнала). Понятно, что все это лишь цветки предательской работы брандлерианцев. Ягодки мы увидим еще в ближайшее время.

---

[1]) Правые столь распоясались, что бросают партии обвинения в том, что она доставляет «фашистский товар под ультра-левым флагом». Фашистским «товаром» брандлерианцы считают тезис пленума ЦК КПГ, что «план Юнга означает чрезвычайное ухудшение экономического положения немецкого капитализма». По мнению их, сказать это—значит способствовать националистической агитации фашистов. Но «возмущение» лишь вскрывает ликвидаторское нутро брандлерианцев. Они возмущаются приведенным тезисом потому, что он связан с революционной оценкой перспектив Германии. Именно эту оппортунистическую боязнь и скрывают брандлерианцы под криками о «фашистском товаре под ультра-левым флагом».

* *
*

Чем резче обостряется борьба между оппортунизмом и коммунизмом, чем более сплоченными становятся компартии в этой борьбе, тем бесцельнее становится пребывание правых в роли «коммунистической оппозиции». Их спекуляция на раскол, за исключением Швеции, закончилась крахом. Борьба с оппортунизмом, вопреки надеждам буржуазии и социал-фашистов, не только не разложила компартии, но, наоборот, идейно их закалила, помогла укрепить связи с массами, а в ряде стран (Франция, Германия, и т. д.) привела уже к новым победам в борьбе за большинство рабочего класса. Но поскольку надежды на раскол оказываются тщетными, теряет свой смысл роль правых, как «коммунистической оппозиции».

Оппортунистам становится все более тесно в рамках коммунистической оппозиции. Вся их практическая работа, как врагов компартии, находится в кричащем противоречии с их формальным именованием «коммунистическая оппозиция». 2-я конференция немецких правых является, несомненно, переломным этапом в их оформлении, как новой партии. Уже перед конференцией один из вождей правых, Эрих Хаузен, открыто выступал в защиту лозунга новой партии:

> «Наш лозунг завоевания партии,— писал он,— должен быть дополнен лозунгом: «Мы сами должны стать компартией... Наше лицо должно быть обращено на только к КПГ, но и к массам в целом». (См. его статью «Коминтерн и наша конференция» в № 42 «Против течения»).

Этот лозунг усиления борьбы с компартией, полного и формального разрыва с идеей завоевания КПГ, встретил значительный отклик в рядах брандлерианцев. Если «ученый» Тальгеймер, не желая раскрыть всех карт, полемизирует с Хаузеном, то практики-брандлерианцы — на стороне последнего. Лидер саксонских правых — Бетхер в своей речи, например, открыто заявил, что «оппозиция в своем развитии достигла такого пункта, когда она должна в своей работе перейти от простой критики тактики КПГ к самостоятельной положительной политической работе в массах». Конференция дала полную свободу для подобной деятельности, бросив призыв к членам КПГ «бороться вместе с оппозицией за создание коммунистической массовой партии».

Нет никакого сомнения в том, что брандлерианцы, а вместе с ними и оппортунисты других стран, усилят свою разлагающую работу в массах, пойдут по пути более быстрой эволюции к социал-фашизму. Лозунг Хаузена и Бетхера — результат краха попыток правых завоевать сколько-нибудь значительные слои партии, оторвать от нее сколько-нибудь значительные слои симпатизирующих. Потерпев крах в этом направлении, брандлерианцы хотят повернуться теперь всем лицом к реформистской рабочей аристократии. В упомянутой статье Хаузен усиленно нападает на КПГ за то, что она становится авангардом части пролетариата, его «социально-низших слоев», становится «партией» путча. «Разница между нами и Коминтерном — это разница между партией, как передовым отрядом класса, и партией, как передовым отрядом определенных слоев пролетариата»,—пишет Хаузен, недвусмысленно рекомендуя, таким образом, свою группу, как авангард рабочей аристократии.

Повернуться лицом к этой рабочей аристократии, став спиной к компартии и к «социально-низшим слоям пролетариата» — таков курс Хаузенов и Бетхеров, по существу, принятый конференцией. Это в то же время курс: «лицом к социал-фашизму», кричащему, что КПГ является партией люмпен-пролетариев.

Этот курс на оформление новой партии, несомненно, является переломным моментом в борьбе между оппортунизмом и коммунизмом. Этот курс является финалом генерального размежевания с оппортунизмом в рядах Коминтерна. Несмотря на неравномерность процесса размежевания в различных секциях Коминтерна, остается несомненным, что в главнейших секциях мы имеем заключительный этап этого процесса.

* * *

Генеральное размежевание с правыми оппортунистами, исключение право-оппортунистических групп из секций КИ является лишь первым этапом в борьбе компартий за большинство рабочего класса, в мобилизации партий и рабочего класса к предстоящим революционным боям.

Борьба с оппортунизмом включает в себя не только очищение партий от оппортунистических элементов, но и коренную перестройку всей работы партий: ее организационной структуры, ее методов массовой работы, ее тактику в борьбе за большинство рабочего класса. Очищение компартий от оппортунистов было важнейшей предпосылкой этой коренной перестройки. Имея во главе себя Илеков и Боленов, Ловстонов и Гитлоу, Чильбумов и Самуэльсонов, имея в своих руководящих составах Серра, Шламмов, Шефло и т. д.,— партии никогда не смогли бы перестроить свои ряды, свои методы работы в соответствии с теми задачами, которые поставил перед ними «третий период». Размежевание с оппортунистами создало необходимые условия для перестройки работы. Эта перестройка может происходить и произойдет лишь в процессе решительной и неуклонной борьбы с оппортунизмом на практике.

Оппортунизм в рядах Коминтерна включает в себя открытую ревизию ленинизма, открытую ревизию решений VI конгресса КИ и борьбу с ними. Но было бы величайшей ошибкой оппортунистический уклон свести к этой ревизии ленинизма и линии VI конгресса. Оппортунистический уклон в секциях Коминтерна выражается и в том практическом оппортунизме, которым заражены более широкие слои секций, чем группы, солидаризировавшиеся с Брандлерами, Илеками и Ловстонами. Корни практического оппортунизма глубоки. В нашей партии оппортунизм на практике порождается мелкобуржуазным характером деревенской экономики, давлением капиталистических элементов, технико-культурной отсталостью страны, а в известном смысле, и самого рабочего класса; в нашей партии практический оппортунизм связан с тем фактом, что наша партия — правящая партия, в пролетарском государстве с бюрократическим извращением. В компартиях стран капитализма корни практического оппортунизма во всем прошлом этих партий, выросших в лоне социал-демократии, еще не прошедших школы революции, еще работающих в большинстве случаев со старыми кадрами; в том давлении, которое оказывает на наши партии аппарат буржуазного государства и реформистских профсоюзов; в той работе по разложению наших кадров, которую проводят муниципалитеты, реформистские профсоюзы и т. д. К тому же нельзя забывать, что оппортунизм по своему характеру «неопределенен, расплывчат, неуловим» (Ленин). В генеральном размежевании с Брандлерами, Илеками и т. д., отсеялись лишь матерые, законченные оппортунисты. Сколько скрытых оппортунистов, оппортунистов на практике осталось в рядах секций Коминтерна, это вскрывает каждая стачка, каждая более или менее серьезная проверка в виде ли подготовки и проведения 1-го августа или кампании против фашистской реакции.

Опасность практического оппортунизма проявляется в том, что он тормозит дело перестройки рядов партий и методов работы в соответствии с новым этапом, что он снижает темп перестройки и держит компартии под угрозой потери темпа, под угрозой остаться в хвосте событий, что он срывает дело организации контрнаступления масс как в экономической, так и политической борьбе. Практический оппортунизм многообразен. Он в то же время не отделен китайской стеной от ренегатства и ликвидаторства. Муниципальные советники Парижа, устроившие бунт против партии, взятой под обстрел реакцией, профсоюзные функционеры чехо-словацких красных профсоюзов, сыгравшие роль штрейкбрехеров во время горняцкой стачки—ренегаты. Но их ренегатство — лишь завершение их оппортунизма на практике.

Подобно тому, как у нас сплошь и рядом прямая смычка с классовым врагом вырастает из оппортунистической практики, так и ренегатство в других секциях КИ вырастает из оппортунистической практики в муниципалитетах, црофсоюзах и т. д. После генеральнюго размежевания с правыми, явственно вскрывается вся опасность практического оппортунизма. Он проявляется в старой системе работы партии, непонимании (а часто и нежелании понять) необходимости перенести центр тяжести работы на предприятия. Когда люди клянутся в верности решениям VI конгресса, а во время избирательной кампании забывают о том, что заводские ячейки — главный рычаг агитации во время политических кампаний; когда создают единый фронт не на предприятиях, а в верхушечных организациях; когда люди клянутся в верности решениям X пленума, а на деле ничего не делают, чтобы организационно укрепиться на предприятиях, создавать при этом институт революционных уполномоченных,—они являются оппортунистами на практике. У одних этот оппортунизм на практике более или менее сознателен. Одни сознательно искривляют, извращают линию VI конгресса КИ и X пленума ИККИ. У других—этот практический оппортунизм—продукт закостенения, рутины. Но результат—один.

Главной ареной практического оппортунизма является область муниципальной и профсоюзной работы. Подчинение буржуазной легальности; отрыв муниципальной деятельности от деятельности партии на других участках классовой борьбы; сведение муниципальной деятельности к борьбе за «мелкие заплаты»; политика мирного сожительства с социал-фашистами в коммунах; подбор коммунальных фракций, не под углом зрения использования муниципалитетов для целей революционной агитации и организации масс, а под углом зрения «положительной работы»; оценка муниципалитетов не как составной части фашизирующегося государства, а как нечто автономное от него, — таковы характерные черты практического оппортунизма в коммунальной деятельности партий. Практический оппортунизм в этой области является одной из причин того, почему на последних муниципальных выборах КПГ имела неудовлетворительный итог в Саксонии и малоудовлетворительный в других районах. В ряде районов массы не видели разницы в коммунальной политике коммунистов и с.-д. Отсюда — абсентеизм, добровольное уклонение от участия в коммунальных выборах.

Область профессиональной работы является другим главным участком оппортунистической практики. Когда люди подписываются под резолюциями VI-го конгресса и X пленума, а в то же время не ставят себе задачей руководить экономическими боями, развязывать стачки, призывать массы создавать комитеты борьбы, подчас сдерживают стихийный напор масс; в то же время на выборах в фабкомы не решаются или не желают выставить отдельные списки, боятся рвать рогатки профсоюзной легальности, ведут оборонительную тактику перед лицом раскольнической политики профбюрократии, — они являются оппортунистами на практике, хотя многие из них практические оппортунисты вслед-

ствие консерватизма и рутины и искренне считают себя сторонниками решений VI конгресса.

В нынешних условиях, когда главнейшие секции очистились от явных оппортунистов, когда темп обострения классовых противоречий все ускоряется, особо важно ударить по этому практическому оппортунизму, сочетая борьбу с практическим оппортунизмом с борьбой против идеологии оппортунизма, против оппортунистической ревизии ленинизма.

История уменьшает сроки подготовки к революционным боям. Она требует быстрого и решительного перелома во всех областях работы партии. Там, где эта перестройка идет медленно, временно ослабляется влияние партии в массах, вызываемое процессом расшатывания капиталистической стабилизации и ростом ее противоречий, там прогрессирует социал-фашизм. Ярким примером этого является Чехо-Словакия. Несмотря на об'ективно-благоприятные условия, партия, как это показали выборы — потеряла часть своих сторонников, ибо поворот, рекомендованный VI конгрессом, был совершен наполовину. Партия выбросила Илеков и Боленов, но не успела еще укрепить свои заводские ячейки, прочистить оппортунистическое болото в муниципальных фракциях, и т. д. Чехо-Словакия пример не единственный, но здесь вся опасность практического оппортунизма выступает в наиболее концентрированной форме.

Борьба с оппортунизмом на практике не должна и не может быть противопоставлена борьбе с правым оппортунизмом во всех его проявлениях, делу разоблачения ренегатов, как агентов социал-фашизма, задачам очищения партий от оставшихся ликвидаторских элементов. Она включает в себя выполнение этих задач и без сочетания с ними теряет свое боевое значение. Нужно бить как по тем, кто под видом борьбы с практическим оппортунизмом отказывается от борьбы с ренегатами, от разоблачения с.-д. идейного лица оппортунизма, так и по тем, кто под крики о необходимости продолжать борьбу с Брандлерами и Илеками, смазывает актуальную задачу борьбы с практическим оппортунизмом.

Последовательная и успешная борьба с оппортунизмом на практике требует мобилизации внимания и активности партии на проведении генеральной линии в каждом конкретном случае. Практический оппортунизм может быть преодолен не резолюциями о верности решениям VI конгресса и X пленума, а мобилизацией активности партийной массы в процессе практической реализации их во время ли стачки, перевыборов ли фабкомов или кампании против коммунального социал-фашизма.

Лишь последовательно реализуя линию VI конгресса на практике, партии смогут вскрыть оппортунизм одних, конкретно обучить большевистской практике — других. Тщательная проверка (с помощью широких масс) практики партийной работы во всех ее звеньях является актуальной задачей дня. Эта проверка — проверка в процессе б о р ь б ы, во время стачек, боевых кампаний является единственно реальным методом борьбы с практическим оппортунизмом.

Борьба с практическим оппортунизмом упирается в п р о б л е м у к а д р о в. Задачу преодоления оппортунизма на практике, можно решить лишь производя известную, подчас значительную смену кадров. Классовые бои последних двух лет (стачки и т. д.), показали, что в секциях КИ (даже в лучшей из них—КПГ) часть кадров стала жертвой консерватизма и рутины, закостенела, а известная часть стоит в скрытой, но постоянной оппозиции к новому курсу. Выросшие в довоенных условиях с.-д. культурничества, не прошедшие школы революции, воспринявшие борьбу с троцкизмом, как единственным уклоном в Коминтерне, расценивавшие «второй период», как извечный этап,—известные, подчас, значительные прослойки кадров не только

не помогают, но служат тормозом в деле проведения решений VI конгресса и X пленума. Без решительного освежения и смены кадров как в партиях, так и в массовых организациях, нет гарантии реализации нового курса.

Развернутая борьба с практическим оппортунизмом, как и борьба за освежение и обновление кадров, может произойти лишь в процессе развертывания б о л ь ш е в и с т с к о й с а м о к р и т и к и, активизирующей партийные массы и массы симпатизирующих. Было бы иллюзией думать, что без мобилизации активности масс можно преодолеть практический оппортунизм в профсоюзной и коммунальной работе, можно провести коренную ломку методов партийной работы, что без мобилизации активности масс, аппаратным путем, сверху, можно перетряхнуть кадры, выдвинуть новые сотни, в некоторых странах, и тысячи функционеров партии и массовых организаций. Поэтому весьма ценной является идея провести учет активности функционеров КПГ с помощью контрольных комиссий из фабрично-заводских рабочих и через партийные собрания. Поэтому весьма ценным является лозунг, выдвинутый КПГ, лозунг критики деятельности партии не только со стороны членов партии, но и со стороны всех классово-сознательных пролетариев.

Ведя беспощадную, последовательную борьбу с главной правой опасностью, необходимо вместе с тем преодолевать отдельные «левые» загибы, имеющие место в некоторых секциях Коминтерна. Главная опасность в компартиях — это потеря темпа, отставание от темпа развития классовых противоречий, недооценка руководящей роли компартии в организации самостоятельных выступлений пролетариата и об'единении этих выступлений в политическую и революционную борьбу. Но вместе с тем налицо и «левый загиб» — стремление перепрыгнуть через определенный этап, стремление выбросить лозунги, соответствующие более высокому этапу классовой борьбы, тенденция подменить революционную борьбу за массы, работу в массах революционной фразеологией.

В этом отношении приходится прежде всего говорить о ч е х о - с л о в а ц к о й компартии. Вместо того, чтобы концентрировать внимание партии на борьбе с организационно-политическим оппортунизмом, на коренной перестройке организационного базиса партии, ее методов массовой работы, что совершенно не исключает, а наоборот предполагает крайне необходимую критику и самокритику ошибок партии, ее руководства и отдельных руководящих товарищей, товарищи из меньшинства ЦК кричат об «организационном кретинизме», о «качающейся» политической линии, об угрозе партийного кризиса, о необходимости серьезной корректуры политического курса (забывая, что основной перелом в политическом курсе партии был совершен вместе со сменой оппортунистического руководства Илека — Болена).

Вместо того, чтобы мобилизовать внимание партии на борьбу с конкретными проявлениями практического оппортунизма, на большевистское идейно-политическое воспитание партийных масс, выдвижение новых кадров, эти товарищи кричат о необходимости радикальной чистки партии, как важнейшей предпосылке большевизации партии, забывая, что такая чистка уже была год назад (от партии за год отсеялось примерно 15 — 20%), не понимая того, что большевистской КПЧ сделается прежде всего в процессе б о р ь б ы, в процессе массовых движений, закаляющих партию, выдвигающих боевые большевистские кадры, ставящих задачи систематической очистки партии от оппортунистических элементов и производящих лучше всего эту чистку в процессе беспощадной борьбы с оппортунизмом в рядах партии.

Своим «левым» сектантством, своими непрерывными «левыми» наскоками на партийное руководство указанные товарищи в чехо-словацкой ком-

партии в известной мере сыграли роль тормоза в борьбе с практическим оппортунизмом, в борьбе с организационным оппортунизмом, прежде всего. Преодолев этот «левый» загиб, КПЧ сумеет более быстро и решительно направить свои усилия на борьбу с главной опасностью—с правым оппортунизмом, в частности—с правым оппортунизмом на практике.

К задаче борьбы с практическим оппортунизмом, как главной опасностью, вплотную подошли главнейшие секции КИ, немецкая и чехо-словацкая—в первую очередь. КПГ уже поставила в порядок дня широкую внутрипартийную кампанию в этом направлении, в связи с учетом уроков коммунальных выборов и итогами с'езда профоппозиции. В КПЧ этот вопрос будет, повидимому, поставлен уже в ближайшие недели. Мы видим, таким образом, что борьба с оппортунизмом в рядах Коминтерна переходит в высшую, решающую фазу. Взявшись же вплотную за преодоление практического оппортунизма, секции Коминтерна ухватятся тем самым за основное звено в цепи задач борьбы за большинство рабочего класса. Та решительность, с которой секции КИ провели борьбу против ликвидаторов, дает нам уверенность в том, что второй этап борьбы с оппортунизмом не будет длительным и приведет компартии к новым победам в боях за большинство рабочего класса и мобилизации его к революционным действиям.

Н. Насонов.

Борьба за рабочую молодежь и КИМ.

Нет нужды распространяться о значении проблемы молодежи вообще.

В настоящих условиях борьба за молодежь имеет свои особенности, выражающиеся в том, что теперь господствующие классы капиталистических стран борются не вообще за молодежь, а принимают все меры к завоеванию и развращению рабочей молодежи. Рабочая молодежь теперь занимает чуть ли не преобладающий процент в подрастающих поколениях. Поэтому для буржуазии проблема завоевания молодежи в капиталистических странах стоит по-иному: она должна все больше и больше приспособлять свой аппарат развращения и буржуазного воспитания к рабочим слоям молодежи. Громаднейшую услугу в этом деле, как мы увидим в дальнейшем, оказывает буржуазии социал-демократия.

Второй особенностью современной проблемы борьбы за молодежь является то обстоятельство, что проблема молодежи для буржуазии в настоящее время стала из проблемы будущего укрепления ее господства проблемой сохранения ее настоящего, сегодняшнего шаткого положения. Буржуазия в своем подходе к рабочей молодежи заботится уже не о будущем, а применяет все меры и строит свою политику в отношении молодежи таким образом, чтобы иметь молодежь на своей стороне, как активную силу в современных боях. Если раньше буржуазия подходила к молодежи в духе «аполитичности», т.-е. воспитания ее вне политики (иначе говоря, в духе отвлечения ее от классовой борьбы), то теперь, когда молодежь стихийно и неудержимо все больше втягивается в классовую борьбу, непосредственной целью воздействия буржуазного аппарата на молодежь является вовлечение ее в политику для борьбы против поднимающегося рабочего класса. Социал-фашизм является теперь методом воспитания современных поколений молодежи. Актуальность проблемы молодежи для буржуазии усугубляется тем обстоятельством, что молодежь уже теперь является весьма значительной частью рабочего класса. Рабочий класс в ряде стран «помолодел». Увеличилось относительное и абсолютное число рабочей молодежи и уменьшилась наиболее взрослая часть рабочего класса. Проблема рабочей молодежи теперь означает проблему завоевания на сторону революции или контрреволюции 20—30% рабочего класса, активно занятого в производстве.

Капиталистическая рационализация и рабочая молодежь.

Положение рабочей молодежи чрезвычайно изменилось не только по сравнению с довоенным временем, но и с первыми годами работы КИМ'а. Новое внесла капиталистическая рационализация, коренным образом изменившая роль молодого рабочего на предприятии и увеличившая значение рабочей молодежи вообще.

Капиталистическая рационализация означает, в числе прочего, вовлечение в производство лишь наиболее здоровых и выносливых рабочих. Вот почему выбрасываются сотни тысяч, миллионы рабочих, мускулы которых из-за старости, из-за перегрузки не могут уже поспевать за все увеличивающимся темпом движения сплошного потока или конвейера. На смену вялым, истощенным мускулам устаревших рабочих идет неистощенная мускулатура рабочей молодежи. Капиталистическая рационализация, выбрасывая на улицу пожилых рабочих, которые раньше еще могли работать долгие годы, впитывает труд молодежи. Растет армия безработных, и занятый в производстве рабочий класс «молодеет». Если в начале капиталистической рационализации были споры, увеличивает ли рационализация число молодых рабочих на предприятиях, или нет, то теперь эти споры разрешены жизнью. Факт вовлечения рабочей молодежи настолько очевиден, настолько ощутителен, что теперь уже нет места для таких споров. В большинстве стран процент рабочей молодежи в общем составе рабочего класса возрос до 20—25%, а в отдельных отраслях промышленности и выше.

Пожилые рабочие вытеснялись и вытесняются с предприятий дешевым трудом рабочей молодежи. Для капиталиста молодой рабочий с неизрасходованными силами противостоит взрослому рабочему как дешевая, плюс выносливая рабочая сила к дорогой, но уже изношенной рабочей силе. Рабочая молодежь, таким образом, вовлекается в производство на условиях самой низкой оплаты ее труда, чем в конечном счете снижается жизненный уровень рабочего класса в целом. Снижение жизненного уровня рабочего класса в целом означает снижение жизненного уровня и рабочей молодежи. Если в первые годы рационализации для рабочих, заинтересованных в приискании работы своих сыновей и дочерей, вовлечение рабочей молодежи в производство было подспорьем в трудные времена, то в последующие годы стало ясно, что вовлечение молодых рабочих не только не увеличивает рабочую армию, а, наоборот, еще больше ее сокращает. Так постепенно проходит иллюзия о том, что капиталистическая рационализация якобы помогает пристраивать на работу молодое поколение рабочих. Да, она помогает, но за счет зверского сокращения взрослых рабочих, за счет увеличения армии безработных, за счет снижения жизненного уровня рабочего класса и рабочей молодежи.

Армия безработных ложится тяжелым бременем на весь рабочий класс, но в самом рабочем классе число молодых рабочих увеличилось чуть ли не в два раза, т.-е. за более дешевую зарплату теперь работает значительно большее количество рабочих. Рабочая молодежь, таким образом, чувствует безработицу не только потому, что среди безработных есть значительное число молодняка, но и косвенно через снижение жизненного уровня рабочего класса. *Заработок молодого рабочего во многих рабочих семьях является уже не подспорьем, а единственным средством существования целой семьи.* Таков первый результат рационализации.

Капиталисты, увеличив армию безработных — резервную рабочую армию—готовых итти на работу за самую низкую оплату труда, перешли к снижению заработной платы рабочих и, прежде всего, к снижению зарплаты молодых рабочих. Снижение заработной платы сейчас повсеместно проходит, главным образом, в таких отраслях промышленности, где особенно велико число рабочей молодежи (текстильная, швейная, шелковая, электрическая, угольная). Теперь молодой рабочий, работая с большим напряжением, чем раньше, должен, кроме того, работать при понижающейся заработной плате. *За последние 5—6 лет зарплата молодых рабочих неуклонно снижается.* Снижение заработной платы молодого рабочего означает лишение самых необходимых средств существования рабочей молодежи. Таков второй итог рационализации.

Рационализация начала вводиться, когда еще в ряде стран существовал укороченный день, который рабочие сумели отвоевать в послевоенных революционных боях. Но рационализация означала поход против рабочих, против заработной платы, за увеличение рабочего дня. Снижая заработную плату, капиталисты везде пытаются увеличить рабочий день. Рабочий день увеличивается как в открытой форме, так и в скрытой. Уменьшается время на завтрак, движение потока или конвейера намеренно кончается минут на 15—20 позже установленного срока. Вводится чистка машин рабочими в нерабочее время (текстильная промышленность Англии). Рабочее время уплотняется при строгом контроле начала работы. Рабочий день увеличивается открытым введением сдельщины или поштучной работы. Поштучная работа, которая сейчас получает все большее и большее распространение, ускоряет темп работы, заставляет каждого молодого рабочего больше и дольше работать и тем самым создает предпосылки как для снижения расценков, так и для увеличения продолжительности рабочего дня. *Возросшая напряженность труда при увеличивающемся рабочем дне в конечном счете приводит к быстрой изнашиваемости сил молодого рабочего.* Таков третий итог рационализации.

Несмотря на то, что число рабочей молодежи в производстве абсолютно увеличилось, безработица среди рабочей молодежи возросла. В этом нет ничего странного, так как в период всеобщего кризиса капитализма общий уровень безработицы значительно превосходит довоенный уровень. Армия безработной молодежи пополняется выходцами из деревни, где рационализация в сельском хозяйстве, технические изобретения и заокеанская конкуренция абсолютно сокращают число занятых рабочих рук, выбрасывая лишние рабочие руки в город. Сельское хозяйство переживает хронический кризис. Разоряющееся крестьянство и фермерство посылает свое молодое поколение в город.

Вздором и ложью является утверждение социал-демократов о том, что в ближайшие годы положение рабочей молодежи улучшится, и безработица среди безработной молодежи уменьшится, якобы потому, что уменьшится предложение труда со стороны молодых рабочих. Во время войны во многих странах, по вполне понятным причинам, уменьшилась рождаемость детей, и как раз в ближайшие годы в производство должны вступать поколения, родившиеся во время войны. На этом основании социал-демократия считает, что положение рабочей молодежи улучшится. Не говоря о наглой апологетике империалистической войны, которая скрывается за этими рассуждениями социал-империалистов, надо отметить, что социал-демократы и здесь отказываются от марксизма, который утверждает, что заработная плата рабочего класса, в том числе и рабочей молодежи, регулируется не приростом населения вообще, а резервной рабочей армией. А поскольку нет никаких возможностей для социал-демократии уменьшить безработицу, постольку является ложью утверждение о ближайшем улучшении положения рабочей молодежи. За последние годы в ряде стран приняты или разрабатываются законы (Англия, Германия, Польша, Франция), которые ухудшают положение безработной молодежи даже по сравнению со взрослыми безработными. Все это делается для того, чтобы принудить рабочую молодежь «добровольно» итти в армию, которая во многих странах в настоящее время является наемной армией. *Капиталистическая рационализация приводит к росту безработицы среди рабочей молодежи.*

Но капиталистическая рационализация создала также и условия, благоприятные для борьбы рабочей молодежи.

Сплошной поток или конвейер, разделив работу на ряд деталей, сделали ее доступной для необученных молодых рабочих. Детализация работы и упрощение процесса производства создали предпосылки массового вовлечения рабочей молодежи. При детализации и упрощении производства молодой рабочий, по условиям своего труда, «морально» был уравнен со взрослыми рабочими, так как теперь молодой рабочий самостоятельно выполняет отдельные детали работы. Если раньше в старом нерационализированном предприятии молодой рабочий выполнял, как правило, какую-либо подсобную работу в группе взрослых рабочих, как подручный, как ученик, то теперь эта форма в зависимости от взрослых рабочих уменьшилась или исчезла совершенно. Тем самым молодой рабочий становится более самостоятельным (или совершенно самостоятельным) в производстве, чем это было раньше.

На рационализированных предприятиях произошла известная концентрация молодых рабочих в отделениях фабрики или завода, у того или иного отрезка сплошного потока или же даже—концентрация в целом производстве. Происходит это потому, что молодежь группирует в тех отраслях, в тех цехах, где требуется меньше опыта, меньше ответственности и меньше единовременного применения физической силы. В стальной промышленности такими цехами являются цеха по выделке болтов, мелкой клепки и т. д. В автомобильной: цеха обивки автомобилей, выделки запасных частей и т. д. Такие факты стали общими для всех стран, где проходит капиталистическая рационализация. В некоторых отраслях число рабочей молодежи прямо - таки преобладает, например, в электропромышленности, в промышленности искусственного шелка, текстильной, пищевой, радиопромышленности и т. д. Увеличилось число рабочей молодежи и в угольной промышленности.

Но там, где широко применяется труд рабочей молодежи, вся такая промышленность, цех, отделение или профессия оплачивается обычно ниже средней заработной платы рабочих данной местности. Рабочая молодежь «морально» была уравнена со взрослыми рабочими, но неравномерная оплата ее труда сохранилась в ряде цехов, отделов и отдельных отраслей промышленности с рационализированным производством.

Но этим самым создаются предпосылки для выступления рабочей молодежи, так как если раньше рабочая молодежь была разбросана по всему предприятию, то теперь налицо известные элементы концентрации и предпосылки для ее самостоятельных выступлений.

Непосредственным следствием рационализации является радикализация рабочей молодежи. Процесс радикализации молодежи идет глубже и принимает более острые формы, чем среди взрослых рабочих. Капиталистическая рационализация повышает боеспособность рабочей молодежи, толкает ее на передовые позиции борьбы, формирует классовое сознание молодых пролетариев, ибо рационализированные предприятия через тресты, синдикаты и банки непосредственно связаны со всем аппаратом современного империалистического государства. Молодому рабочему теперь противостоит не мастер, как бывало раньше, и даже не хозяин фабрики, а трест, синдикат и вся машина государственного насилия. Рабочая молодежь ощущает на опыте классовый характер современного государства в повседневной борьбе. Капиталистическая рационализация, эксплоатируя и истощая физические силы

рабочей молодежи, вместе с тем кует ее революционное сознание и ее революционную энергию.

Самым характерным для последнего времени является факт юношеских забастовок, которые во многих странах перерастали в забастовки взрослых рабочих. Во всех забастовках и выступлениях неорганизованных рабочих рабочая молодежь играла инициативную роль. Это признают даже буржуазные газеты. Например, в связи с активным участием рабочей молодежи в забастовке текстильщиков в долине Лис (Франция), орган промышленной буржуазии севера Франции (а как известно самой индустриальной частью Франции является ее север), газета «Эко дю Нор» пишет:

> «Теперь молодежь возглавляет все выступления: молодые рабочие с согласия квалифицированных текстильщиков, первыми ушли с предприятий».

Подобные случаи бывали во всех странах. В Англии были забастовки молодых углекопов, в Кенте, Кумберлэнде, на шелковой фабрике Риго-Лондоне. Во время забастовки в Лодзи рабочая молодежь играла выдающуюся роль. В Польше была забастовка рабочих стекольного завода в Воломине. В Германии за последний год было больше 20 забастовок молодежи: молодых металлистов в Руре, печатников в Штутгарте, молодых химиков в Берлине и т. д. В Америке была забастовка молодых работниц на чулочной фабрике, ряд забастовок молодежи на автомобильных заводах, резиновых предприятиях, значительна роль молодежи во время последних забастовок текстильщиков в Нью-Бетфорде, Гастонии и углекопов. Многочисленны забастовки молодежи на заводах Чехо-Словакии и Франции, забастовки молодежи в Аргентине, Буэнос-Айресе, в Канаде, напр. забастовка на автомобильном заводе в Ошава, которая переросла в забастовку всех рабочих.

Стачкомы, пикетчики, отряды самообороны, комитеты помощи и т. д. во всех прошлых боях неорганизованных рабочих большей частью состояли из рабочей молодежи. Рабочая молодежь являлась и является во многих случаях инициатором борьбы и наиболее действенной частью рабочего класса.

Все это говорит, как неизмеримо возросла роль рабочей молодежи для классовых боев.

Вот почему буржуазия и фашистская социал-демократия применяет все меры к тому, чтобы задержать процесс революционирования и завоевать рабочую молодежь на сторону социал-фашизма. Вот почему коммунисты должны, как необходимую предпосылку, как необходимую стратегическую задачу поставить перед собой целью завоевание большинства рабочей молодежи. При чем коммунисты могут завоевать абсолютное большинство рабочей молодежи, во-первых, потому, что рабочая молодежь является наиболее низко оплачиваемой частью рабочего класса, наиболее угнетенной частью, а, во-вторых, потому, что социал-фашизм не имеет среди рабочей молодежи опорных слоев, как среди взрослых рабочих. Прослойка рабочей аристократии среди рабочей молодежи чрезвычайно тонка. Поэтому, для социал-фашизма нет таких широких и глубоких корней среди рабочей молодежи. Это обстоятельство облегчает работу коммунистов среди рабочей молодежи. И, наконец, третье обстоятельство, что рабочая молодежь меньше всего заражена буржуазными предрассудками и традициями буржуазного общества, меньше всего развращена политикой классового сотрудничества и мира в промышленности.

Завоевать рабочую молодежь для коммунистов означает завоевать наиболее передовые, наиболее энергичные, ударные слои рабочего класса.

Тов. Ленин гордился тем, что большевистская партия до войны, главным образом, состояла из молодых возрастов рабочего класса и в своем

ответе ликвидаторам он гордо заявлял, что «большевики есть партия молодежи передового класса».

Для Коминтерна проблема завоевания рабочей молодежи является одной из насущнейших и ударнейших задач в деле завоевания большинства рабочего класса. Эта же проблема остро стоит и для социал-фашизма, который часто своими крикливыми фразами имел успех в прошлом у рабочей молодежи, как, например, во время фашистского переворота в Италии. Во избежание этого, необходима планомерная и настойчивая работа коммунистов среди рабочей молодежи, главным образом, через коммунистические организации молодежи.

Современное государство, социал-фашизм и рабочая молодежь.

Современное капиталистическое государство берет на себя в настоящее время в деле воспитания рабочей молодежи ряд функций, которые раньше были делом филантропических частных организаций. Современное государство больше, чем когда бы то ни было открыто проводит политику воспитания рабочей молодежи в духе господствующих классов. В лихорадочной подготовке будущих войн современное государство одним из основных элементов этой подготовки видит воспитание рабочей молодежи. Воспитание рабочей молодежи является в настоящее время органической частью подготовки будущих войн как против Советского Союза, так и против собственного рабочего класса. Современное государство об'единяет все организации, которые ведут так или иначе работу среди рабочей молодежи, об'единяя и руководя их деятельностью. Например, в Германии существует «Государственный комитет германских союзов молодежи». Он охватывает почти все существующие буржуазные союзы молодежи, от фашистских до социал-демократических включительно. В настоящее время он об'единяет уже около сотни различных организаций и союзов с числом членов свыше 5 миллионов (по собственным данным, которые, очевидно, являются преувеличенными), а всего в Германии имеется около 14 миллионов в возрасте от 14 до 25 лет юношей и девушек. Из молодежи от 14 до 21 года (опять - таки, по данным «Государственного комитета») 4.135.000 присоединены к «Государственному комитету». По последней всенародной переписи общее число молодежи этого возраста в Германии равняется 9.100.000. Таким образом 45% молодежи в возрасте между 14 и 21 г. охвачены «Государственным комитетом германских союзов молодежи». Если даже эти цифры отчасти преувеличены, если даже в некоторых организациях, особенно в христианских и в спортивных, практикуется двойной-тройной подсчет, все - таки эти цифры ярко показывают, как германская буржуазия обеспечивает себе влияние на широкие массы молодежи, включая и рабочую молодежь. «Государственный комитет» находится под прямым государственным контролем, получает весьма значительные субсидии, в его распоряжении представляются юношеские приюты, спортивные площадки и ряд льгот для принадлежащих к нему организаций, особенно скидки на железнодорожные билеты. В программе «Государственного комитета» есть пункты, требующие уважения к существующему государству и его органам. Цель комитетов — воспитывать из молодежи примерных граждан и защитников буржуазной республики. Комитет издает журналы, имеет курсы по подготовке инструкторов по работе среди молодежи, организует библиотеки и т. д.

Стоит подробнее описать систему буржуазного воздействия на рабочую молодежь в Германии, ибо германская буржуазия, вместе с социал-демократами, создала образцы воздействия на рабочую молодежь для других капиталистических стран.

«Государственный комитет» является координирующей и об'единяющей организацией. Во главе его долгое время находился председателем Олленгауер, который в то же время был и председателем социал-демократического союза рабочей молодежи. В работах этого комитета принимал большое участие и министр Зеверинг.

Таким образом, социал-демократы идейно руководят социал-фашистским воспитанием рабочей молодежи. Но в подходе к рабочей молодежи у «Государственного комитета» есть наготове ряд организаций, приспособленных к тем или иным запросам рабочей молодежи, к тем или иным слоям молодняка. Вся система имеет чрезвычайно гибкий и подвижный характер, обеспечивая тем самым планомерное воздействие на миллионные массы молодежи. Например, в Германии имеется «Германское гимнастическое общество», которое насчитывает 350 тыс. детей до 14 лет и 450 тыс. юношей и девушек, имеется «Государственный комитет гимнастических упражнений», насчитывающий около миллиона членов. Во многих городах есть «местные комитеты по воспитанию молодежи», выполняющие в отдельных округах официальные функции и контролирующие всю деятельность рабочей молодежи. Имеется «Союз юношеских убежищ», имеющий в Германии несколько тысяч убежищ для молодежи и через них проводящие широко поставленную социал-фашистскую пропаганду. Почти во всех убежищах красуются на стенах надписи в роде такого: «Пей и жри вволю, но не вмешивайся в политику».

Несколько иной формы являются различные религиозные организации, стрелковые кружки и спортивные общества, которые не ограничиваются лишь спортом или стрельбой, но и вместе с тем берут на себя кое-какие экономические функции, напр., организуют мастерские, ремесленные школы, заботятся о фабрично-заводском ученичестве и т. д. Так, например, католическая организация молодежи имеет специальный, насчитывающий около 700 тыс. членов, спортивный союз «Немецкая юная сила». Подобные организации поддерживаются предпринимателями и трестами, так как все они проводят политику промышленного мира и борются с коммунизмом. Ряд видных людей капиталистического мира, как, например, генерал Сект и Гинденбург, также принимают участие в работах этих организаций. Социал-демократические организации рабочей молодежи в Германии насчитывают всего лишь несколько десятков тысяч человек, и они из года в год уменьшались. Социал-демократический союз молодежи являлся своеобразным агитпропом во всех этих организациях молодежи, который идеологически обосновывал идеи промышленного мира и борьбы с коммунистами, подводя идеологический базис под фашизацию рабочей молодежи. Таким образом, мы видим, что буржуазия в Германии создавала и создает весьма широкую сеть самых разнообразных организаций, в которые молодежь принуждена итти, или из-за преимуществ, которые она там получит, или под нажимом предпринимателей, или под экономическим воздействием. Современное государство при непосредственном участии социал-демократов монополизировало весь спорт и все развлечения рабочей молодежи таким образом, создав предпосылки для планомерного и постоянного воздействия на рабочую молодежь.

Поправение социал-демократических организаций молодежи выражается в том, что они сливаются фактически с буржуазными организациями молодежи. Однако, социал-демократы и профсоюзные демократы, принимая все меры к фашизации рабочей молодежи и отвлекая ее активность в русло культурничества, спорта и увеселения, вместе с тем фактически не допускают ее в профсоюзы. В большинстве профсоюзов в Германии процент рабочей молодежи незначителен, и рабочая молодежь часто не имеет никаких прав. Таким образом, социал-демократы политизируют моло-

дежь своеобразным образом, они отвлекают ее от непосредственной борьбы рабочего класса в организации, которые стоят вдалеке от борьбы рабочего класса, но не вне политики, как было раньше, а явно и открыто проводят социал-фашистскую политику: политику промышленного мира, защиты отечества и борьбы против СССР и коммунистов.

Подобные тенденции огосударствления движения молодежи существуют во всех странах. Например, во Франции, существует особый комитет «Управление по вопросу спорта и физического воспитания», существует национальный спортивный комитет, который об'единяет около 4-х млн. членов, создаются фабричные клубы молодежи, устраиваются «лагеря фабрично-заводских отпускников». В клубах железнодорожников — предпринимательских организациях — насчитывается около 60 тыс. членов. В предприятиях тяжелой индустрии, принадлежащих Де-Венделю, организованы клубы молодежи, в которых находится около 80 тыс. человек.

В Японии существуют «Союзы молодежи», обязательная полувоенная, полуспортивная организация, в которую входит около 2-х млн. юношей, существует также организация молодых девушек. В Америке широко развита сеть спортивных организаций, организуемых «Христианским союзом молодых людей». Через спортплощадки Соед. Штатов Америки пропускается около 70 млн. молодежи ежегодно. В Италии создана спорт-организация «Допо Лявороe», которая организует экскурсии, имеет связь с предпринимателями и насчитывает в своих рядах несколько сот тысяч рабочей молодежи.

В общем, во всех странах существует сеть организаций, тесно связанных с государственным аппаратом, которые монополизовали работу среди рабочей молодежи. Цель всех этих организаций—борьба за молодежь и в особенности за рабочую молодежь. Эти организации имеют массовый характер. Социал-демократические организации молодежи везде являются органической частью этой государственной монополии работы среди рабочей молодежи.

Современное положение КИМ'а.

КИМ является главным контрагентом, если так можно выразиться, Коминтерна в работе среди рабочей молодежи. Программа Коминтерна говорит: «работа среди рабочей молодежи ведется, главным образом, через КИМ». Что же собой представляет КИМ в настоящее время?

КИМ в прошлом и настоящем имеет ряд крупных и политических успехов, что было признано и последним X пленумом ИККИ. Например, активное участие в борьбе Коминтерна против правых и примиренцев со стороны КИМ'а в целом и его отдельных секций — во Франции, Польше, Китае, Монголии; особенно выделяется работа КСМ Швеции, массовая работа во время забастовок Лодзи и Рура, героическая борьба берлинских комсомольцев во время первомайских баррикад, расширение влияния КИМ'а на новые страны (Латинская Америка, Филиппины и вообще на Востоке). В прошлом КИМ имел выдающиеся заслуги в ряде стран и хотя бы уже в том, что КИМ превратился в подлинно мировую организацию рабочей молодежи. Известные заслуги КИМ'а бесспорны.

Но за последний год, год особенно широкой радикализации рабочей молодежи, год обострения классовой борьбы, в КИМ'е вскрылись чрезвычайно опасные недостатки, которые выражались прежде всего в отставании темпа работы КИМ'а от общего темпа революционного развития. Секции КИМ не проявили должной политической активности в области экономической борьбы рабочей молодежи, антимилитаристической деятельности, борьбы с организациями противника и т. п. Забастовки рабочей молодежи очень часто проходили вне руководства организации КИМ. Активность и радикализация рабочей молодежи перехлестывает активность коммунистических союзных организаций. Усиленному и идеологическому, политическому и экономическому нажиму буржуазии на трудящуюся молодежь секции КИМ не сумели противопоставить в должной степени новых форм массовой борьбы. Подчас организации КИМ оказывались в хвосте событий и отставали от политического развития. В этих условиях поворот к массовой работе, намеченный правильными решениями V конгресса КИМ, решения и линия которого были подтверждены целиком последовавшими событиями и борьбой рабочей молодежи, не только не был осуществлен, но не были даже созданы необходимые предпосылки в виде широкой популяризации решения конгресса.

Особенно это ярко выразилось в серьезном организационном и политическом кризисе в ряде союзов, например, в Чехо-Словакии, Англии, Норвегии и Австрии, а также застой и даже уменьшение числа членов союзов и производственных ячеек почти во всех остальных странах.

Можно привести десятки примеров из жизни всех секций КИМ, когда рабочая молодежь в экономической борьбе обгоняла коммунистические союзы молодежи, которые часто плелись в хвосте событий, не подготовляясь и не организуя, и не являлись инициаторами рабочей молодежи. Случаи хвостистской практики были даже в таких организациях, как берлинская, которая героически дралась на первомайских баррикадах.

Отставание КИМ от революционных событий выражается в стагнации и падения членов его секций. Еще V конгресс КИМ признал организационное положение секций КИМ неудовлетворительными, X пленум ИККИ еще раз подтвердил эту отрицательную характеристику работы КИМ. Однако, со времени V конгресса КИМ не было сделано успехов, наоборот, в среднем число членского состава КИМ упало. В момент V конгресса КИМ общее количество членов КИМ, за исключением СССР, было 102 тыс. человек. В том числе 72 тыс. в легальных странах и 30 тыс. в нелегальных. Сейчас же всего осталось 83,5 тыс. чел. В легальных КСМ 61,5 тыс. и в нелегальных—22 тыс. Наиболее велика убыль членского состава в чехо-словацком, английском, французском и австрийском КСМ. В одной только Чехо-Словакии состав КСМ уменьшился на 6.000 членов. Из нелегальных союзов наиболее велика убыль членского состава в Китае, где КИМ потерял около 10.000 членов.

Общее положение таково, что развитие важнейших КСМ в капиталистических странах происходит равномерно как в промышленных, так и в иных районах. Однако, несомненно, что в стране с наибольшими потерями членского состава — в Чехо-Словакии основная убыль падает на промышленный район. Вот данные о важнейших КСМ.

Германия — около 22.000 членов в 27 округах, в том числе 14 тыс., т.-е. около 70% приходится на 8 важнейших промышленных районах. Со времени V конгресса в Германии был прирост на 1.000, но было бы неправильным сказать, что германский КСМ развивается по восходящей линии. Надо помнить, что в январе этого года в Германии было около 23 тыс. членов, т.-е. на 1.000 больше теперешнего. Таким образом, кривая членского состава то подымается вверх, то опускается вниз, а в общем количественного сдвига нет. Любопытно, что убыль 1.000 членов с января месяца падает как раз на 8 промышленных районов Германии.

Франция. — Во время V конгресса там насчитывалось 10 тыс. членов. В настоящее время, согласно доклада представителя КИМ, в КСМ Франции осталось всего лишь 6.200 членов. Из них 50 проц. приходится на 4 важнейших промышленных округа. Всего КСМ Франции имеет 27 округов.

Чехо-Словакия. — На V всемирном конгрессе приводилась цифра в 12¾ тыс. членов, а в настоящее время, согласно официальным данным,

осталось 6¾ тысяч членов, т. е. убыль составляет 50%. Из этого общего количества 50% приходится на 6 важнейших промышленных районов, а раньше в промышленных районах Чехо-Словакия имела 60%. Таким образом, убыль в промышленных районах больше, чем в остальных районах.

Англия. — Английский комсомол во время V конгресса насчитывал 900 членов, а в настоящее время осталось 600 членов.

Особенно слабыми являются столичные организации союзов этих стран.

Совершенно неудовлетворительно обстоит дело с производственными ячейками. Например, германский КСМ регистрирует рост производственных ячеек — с июня 1928 г., когда насчитывалось 128 производственных ячеек до 178 ячеек в настоящее время, но любопытно, что в июне 1928 г. в 124 производственных ячейках было 1.250 членов, а в марте 1929 г. в 130 ячейках только 900 членов. Во Франции в июне 1928 г. насчитывалось 80 ячеек, а теперь не больше 50. В общем положение с производственными ячейками чрезвычайно неудовлетворительно. Производственные ячейки быстро разваливаются, и происходит большая текучесть в союзах.

В общем положение в КИМ таково, что, несмотря на доказанную 10-летней революционной борьбой преданность и стойкость в деле борьбы за коммунизм, за линию Коминтерна, КИМ не сумеет оказаться на высоте тех великих задач, которые встают в настоящее время перед ним, если союзы не изменят в основе всю свою работу.

Только что окончившийся пленум КИМ так об'ясняет неудовлетворительное положение КИМ:

«Основную причину неудовлетворительного состояния КИМ нужно искать в господствующей в организациях КИМ кружковой замкнутости и оторванности от основной массы рабочей молодежи. Вопреки постановлениям V конгресса, КИМ не сумел начать работу в гуще самих масс, взять установку на завоевание этих масс, на вовлечение их в общую революционную борьбу, исходя из этих элементарных нужд и непосредственных интересов. Существующая в секциях КИМ'а боязнь масс на деле не была устранена. При этом свою политическую пассивность и организационную беспомощность кадры комсомольских организаций часто прикрывали мелкобуржуазной радикальной фразой.

Кружковая замкнутость и отсутствие в организациях КИМ'а установки на действительное завоевание масс рабочей молодежи для дела коммунизма выражается:

а) В отрыве комсомола от повседневной классовой борьбы рабочей молодежи; этой обособленностью нужно, главным образом, об'яснить тот факт, что в нынешний период большинство стачек и выступлений рабочих масс и молодежи проходит мимо комсомола.

б) В отсутствии твердого последовательного курса на завоевание крупных предприятий.

в) В отсутствии серьезной упорной повседневной работы в массовых и подсобных организациях трудящейся молодежи (профсоюзные, спортивные, культурные и т. п.).

г) В пренебрежении систематической работой по разложению изнутри массовых организаций противников (социалистические, католические и другие религиозные, спортивные, особенно предпринимательский спорт, фашистские и профессиональные организации.

д) В разрыве между верхами и низами организации, неумении руководства вовлечь всю членскую массу в повседневную работу и основные задачи союза сделать достоянием каждого комсомольца в его работе.

е) В разрыве между словами и делом, в ножницах между фразами о правильной политической линии и способностью эту линию применять в практической работе.

Социальный состав союзов неудовлетворительный: попрежнему большинство членов рекрутируется из мелких и средних предприятий, а в некоторых странах (Англия, Америка, Чехо-Словакия и Китай) имеется в союзе значительная мелкобуржуазная прослойка. Влияние этой прослойки сказывается в подмене подлинной борьбы за массы рабочей молодежи радикальной фразеологией.

«Революционная фраза, — писал Ленин, — чаще всего бывает болезнью революционных партий при таких обстоятельствах, когда эти партии прямо или косвенно осуществляют связь, соединение, сплетение пролетарских и мелкобуржуазных элементов и когда ход революционных событий показывает крупные и быстрые изломы». Работа в массах, поскольку все же она ведется, носит больше показной характер, рассчитанный на внешние эффекты, без прочного закрепления ее результатов. Этому соответствует и система руководства: нет глубокого изучения процессов в движении и среди рабочей молодежи, преобладают шаблон, трафаретная фраза, механическое повторение партийных формул, нет живого конкретного руководства, преобладают циркуляры, бюрократические методы работы; нет активизации и втягивания всей членской массы в работу, нет систематического выдвижения новых кадров, вся работа лежит на плечах перегруженного сверх мер узкого слоя актива, среди которого имеются также оппортунистические элементы, которые скрыто и открыто препятствуют выдвижению новых, свежих кадров, часто прикрывая свой оппортунизм радикальной фразой; нет самокритики масс и контроля исполнения — работа идет большей частью самотеком и на холостом ходу. Поэтому даже самые наилучшие решения остаются на бумаге. Нет, наконец, нужного внимания, помощи и руководства со стороны коммунистических партий, вместо этого бывают попытки опекать молодежь; очень слабое партийное ядро в комсомоле, не выполняющее к тому же своей роли».

Основные задачи КИМ'а.

Перед КИМ'ом попрежнему стоит задача решительного поворота в сторону большевистской массовой работы. Коммунистические союзы молодежи обязаны и должны завоевать большинство рабочей молодежи. Средством для завоевания рабочей молодежи являются новые формы тактики единого фронта, новые формы борьбы и организации рабочей молодежи, центр тяжести которых должен быть на предприятиях и в массовых организациях рабочей молодежи.

Важнейшее и основное в повороте — это осуществление руководящей роли комсомола в классовых боях рабочей молодежи. Руководство этими боями возможно лишь при повседневной будничной работе среди рабочей молодежи всюду, где она находится, во всех организациях, создаваемых современным государством для ее обслуживания и т. д. Поворот означает проведение линии Коминтерна в работе КСМ и широкого развертывания коммунистической «юношеской» политики. Встает вопрос, куда направить основной удар?

Правая опасность в коммунистическом юношеском движении уже достаточно известна, но вместе с тем совершенно еще не разоблачены «левые» уклоны, которые являются неизбежным следствием кружковой замкнутости, оторванности от масс и противоречия между словом и делом. Поэтому оппортунизм в коммунистическом юношеском движении проявляется не только в виде правой опасности, которая является главной опасностью, но и в «левой» опасности.

Пленум КИМ так формулирует направление огня:

«Правая опасность в мировом коммунистическом движении наибольшая опасность. Она питалась и еще питается иллюзией о прочном характере стабилизации капитализма, давлением сильной социал-демократии (стран белого террора — репрессиями) и ведет к отставанию от темпа нарастающего революционного под'ема. В третий период, в период расшатывания капиталистической стабилизации, правая опасность отнюдь не исчезает и не уменьшается, наоборот, она еще усугубляется в силу того факта, что оппортунисты пугаются революционной волны и обострения классовой борьбы и тем быстрее откалывают от компартии. Правая опасность есть поэтому главная опасность для всех секций КИ, в том числе и для КИМ'а, который органически связан с Коминтерном. Проявлениями правой опасности в секциях КИМ надо считать такие явления, как, например, недооценка радикализации рабочей молодежи, непонимание роли КИМ'а, как боевой политической организации молодежи, тенденция к отрыву культурной работы от политической, настроение политического нейтралитета, проявление хвостизма, принижение

значения тех форм борьбы, как стачка, отрицательное отношение к таким новых формам организации, как сеть юношеских уполномоченных на предприятиях, открытый и скрытый саботаж реорганизации на основе производственных ячеек, легалистские тенденции и т. п. Но правая опасность не есть единственная опасность в революционном движении молодежи. На ряду с этой опасностью имеется еще так называемая «левая» опасность, а именно, тенденция к мелкобуржуазному радикализму, ведущая к отрыву руководства от масс и массовых организаций и превращение его в замкнутый кружок «левых» крикунов. Эта опасность выражается в тенденциях противопоставления «политики» организационным задачам, ведущего на деле к отрицанию массовой работы в экономических, спортивных организациях; пережиткам авангардизма, игнорировании роли комсомола, как политической воспитательной организации, базис которой должен быть шире базиса партии. Ошибка руководящего комсомольского актива состоит в том, что он не видит или недооценивает эту опасность, не хочет или не умеет вести с ней борьбу, впадает нередко в нейтралитет в отношении к «левому» уклону, культивирует тем самым «левую» опасность и создает, таким образом, угрозу делу превращения кимовских организаций в массовые организации рабочей молодежи. Чтобы превратить КИМ в действительно массовые организации, руководство КИМ должно без промедления ликвидировать эту ошибку, и стать на путь активной борьбы с «левой» опасностью. Тем самым руководящий комсомольский актив преодолевает ту главную помеху, которая в данный момент мешает ему не на словах, а на деле перейти на путь массовой работы».

Кимовские организации сделали известные успехи в деле распознания и разоблачения правых уклонов в юношеских вопросах. За последние полгода в КИМ проведено значительное освежение кадров союза. Удалены были из руководства при содействии масс союзов правые или примиренцы. Такой процесс происходил в отношении руководства в ряде союзов. Перед КИМ стоит задача преодолеть правую опасность на практике, в деле. Но как раз здесь и встает основной порок, которым страдали большинство кимовских организаций: противоречие между словом и делом. Линия большинства организации, так как она была написана в резолюции, была правильна, но она очень часто повисала в воздухе, так как была абстрактной, теоретической линией, не имевшей действенного храктера. Надо приветствовать ту непримиримость, с которой комсомольский актив ведет в настоящее время борьбу против теоретических положений правого уклона в партиях и комсомолах. Но Ленин говорил по поводу лозунга разоружения, выброшенного Бернской конференцией Социалистического Интернационала Молодежи.

«Наконец, с оппортунизмом нельзя бороться, само собою разумеется, посредством одних программ, а только посредством неуклонного наблюдения за тем, чтобы они действительно проводились в жизнь. Самая крупная, роковая ошибка обанкротившегося Второго Интернационала состояла в том, что слово несоответствовало делу, что воспитывалась привычка к бессовестной революционной фразе». («О лозунге разоружения»).

Пленум КИМ'а при непосредственной помощи Коминтерна наметил правильную линию, которая обеспечивает завоевание большинства рабочей молодежи и выполнение КИМ'ом своей исторической роли. Задача теперь заключается в том, чтобы «путем неуклонного наблюдения» действительно проводить ее в жизнь, борясь против несоответствия между словом и делом, против «бессовестной революционной фразы».

С. И. Гусев.

К положению в чехо-словацкой компартии [1].

Круг вопросов, которые мы здесь обсуждаем, имеет очень крупное значение не только для компартии Чехо-Словакии, но и для всех секций Коминтерна. Такого рода явления, как в КПЧ, имеются налицо и в других секциях Коминтерна с той только разницей, что Чехо-Словакия дает нам наиболее яркий, классический образец этих новых явлений, которые, вследствие крайне быстрого темпа обострения политической борьбы, не могли быть захвачены решениями X пленума ИККИ.

В чем заключаются эти новые явления? В том, что в КПЧ в последние месяцы образовалась группа, выступившая с резкими обвинениями против партруководства в правом уклоне, в оппортунизме (даже в социал-фашизме). Во взглядах этой группы, возглавляемой членом ПБ тов. Фридом, сказывается сильное влияние «ультра-левых», сектантских концепций, с полной ясностью выступающих в важнейшем для всех секций КИ в капиталистических странах вопросе — о повороте к массам.

В итоге нашей дискуссии могло получиться такое впечатление, что спор между большинством ЦК и меньшинством (группа тов. Фрида) сам собою исчерпался. Тт. Фрид и Рейман взяли назад ряд обвинений, выставленных ими против большинства, и, по существу, как будто спорить уже больше не о чем. Меморандумы, которые были представлены обоими сторонами, в своей положительной части мало отличаются один от другого, задачи формулируются приблизительно одинаково. Выходит, что как-будто бы договориться можно, что можно поставить крест над тем, что произошло в КПЧ. Немножко не поладали, подрались, поспорили, приехали в Москву, здесь нашлись такие опытные примирители, которые все это уладили, недоразумения рассеялись и кончено. Можно начинать совместную работу снова.

Было бы, однако, крупной ошибкой считать, что спор исчерпан. Несмотря на формальное снятие тт. Фридом и Рейманом обвинения партии в правом уклоне, в оппортунизме и т. д., на деле они, как это я покажу дальше, продолжают оставаться целиком на почве этого обвинения.

КПЧ за год, протекший со времени последнего с'езда, сделала значительные шаги по пути превращения в большевистскую партию. Правильный в основном политический курс нового партруководства, направленный к выполнению решений IV конгресса Профинтерна и VI конгресса КИ, а также X пленума ИККИ, изгнание из партии открытых ликвидаторов и правых оппортунистов и связанный с этим изгнанием массовый отсев наиболее пассивных, полусоциал-демократических элементов — помогли партии достичь серьезных успехов на пути революционного руководства массовыми выступ-

---

[1]) Настоящая статья представляет собой переработку речи тов. Гусева на заседании секретариата ИККИ средне-европейских стран 4 декабря 1929 г.

лениями пролетариата (забастовка горняков и сельскохозяйственных рабочих, 1-е августа, выступление 7-го ноября).

Гораздо слабее была работа по повышению теоретического и идеологического уровня членов партии, по организационному укреплению партии и по углублению работы в массовых рабочих организациях (профсоюзы, кооперативы и пр.).

Несмотря на правильную в основном линию партийного руководства, в партии обнаружились значительные слабости и недостатки в проведении решений ЦК, в частности, и решений, направленных на борьбу с правыми. Партруководство не вело достаточно решительной борьбы против отдельных правых ошибок, имевших место в некоторых партийных организациях (настаивание на одностороннем перенесении центра тяжести при подготовке дня 1-го августа в Праге на экономические требования, недостаточно отчетливая постановка вопроса о борьбе с социал-фашизмом в Праге и Рейхенберге, непринятие немедленных мер против членов партии, работавших в одном из фабкомов в Кладно и заключивших договор с предпринимателем за спиной рабочих и т. д.).

Партруководство крайне неудовлетворительно организовало подготовку и проведение парламентских выборов, что, несомненно, усилило поражение партии в отдельных округах (Прикарпатская Украина, Словакия, некоторые чешские округа). Точно также проблема борьбы против практического оппортунизма в профсоюзах, кооперативах и муниципалитетах не была поставлена перед всей партией, как практическая задача в борьбе с правым уклоном.

Но как тт. из меньшинства ЦК подходят ко всем этим ошибкам и недостаткам партии и его руководства?

Я хочу, товарищи, прежде всего, сугубо подчеркнуть неправильность метода, к которому прибегают тт. из меньшинства, когда они пытаются дать характеристику политической линии партии.

Недавно была опубликована в «Правде» выдержка из письма Ленина, в которой он говорит, как надо подходить к фактам. Подобрать «фактики», примеры,— говорит он,— это дело совсем легкое, но надо брать факты в их связи, т.-е. диалектически. Мне кажется, можно было бы найти очень много примеров такого рода оперирования «фактиками», которые иллюстрируют эту мысль Ленина. Давно ли, скажем, ВКП обвиняли на основании подобранных фактов, взятых вне общей связи, не диалектически, а метафизически, в правом уклоне? Давно ли это было? А теперь ее обвиняют в левом уклоне, тоже основываясь на фактах. И нельзя сказать, чтобы аргументация, скажем, троцкистов или аргументация теперешних правых не обладала бы внешней логической, с точки зрения метафизической логики, убедительностью.

Мне кажется, у «меньшинства» КПЧ именно вот этот метод подбирания примеров, подбирания фактиков, простого арифметического суммирования, вырванных из общей связи фактов, является господствующим. Это — метафизический метод. Я вовсе не хочу этим сказать, что у большинства царит диалектика; там тоже метафизический подход к фактам. Но если мы хотим взять наиболее характерный образец метафизического подхода к фактам, то мы должны отдать предпочтение «меньшинству» компартии Чехо-Словакии. Забывают о направлении развития, т.-е. иначе говоря, об общей связи фактов, о том, что КПЧ переживает процесс превращения из типа социал-демократической партии в большевистскую и поэтому вырванные из общей связи факты могут быть истолкованы и в одном смысле и в прямо противоположном.

Если бы мы попытались определить, какую стадию развития переживает в настоящее время компартия Чехо-Словакии, мы должны были бы сказать, примерно, что она в настоящее время полубольшевистская, полусоциал-демократическая. Она была, как ядовито выражался Отто Бауэр, «лучшей партией II Интернационала». Потом, когда Илека сбросили, когда вышвырнули из партии ряд правых оппортунистов, ликвидаторов, саботажников и поставили новое руководство, которое ведет борьбу против правого уклона, партия сделала крупный шаг по пути большевизации. Она далеко еще не большевистская, у нее еще очень много остатков и пережитков от социал-демократического прошлого. И вот в такой переломный и переходный период развития партии, появляется некий Борин, метафизик до мозга костей, и, не желая рассматривать факты в их общей связи и действительное направление развития, заявляет: ах, полусоциал-демократическая, значит она развивается в сторону социал-фашизма. Это сказано в его статье, которую, правда, он взял потом назад, но сделал это весьма неловко. Борин рассуждает примерно так же, как меньшевики относительно середняка-крестьянина: так как середняк колеблется между кулаком и пролетарием, то отсюда вывод, что середняк может развиваться только в сторону капитализма.

Если же мы возьмем факты в их связи, если мы сравним теперешний период в развитии КПЧ с тем периодом, который она переживала под руководством Илека, то направление развития партии в сторону большевизации совершенно несомненно. Каковы эти факты? Во-п е р в ы х, изгнание ликвидаторов; во-в т о р ы х, быстрый отсев значительного числа пассивных элементов (за год из партии ушло 20 тысяч). В-т р е т ь и х, правильное в основном (при куче ошибок и крупнейших организационных дефектов) руководство массовыми выступлениями. Возьмите текстильную забастовку в Рейхенберге. Там, в общем и целом, руководство было правильным. Партия держала курс на то, чтобы провести новую тактику, создала комитеты борьбы и т. д. И весьма характерно, что со стороны наиболее отсталых элементов внутри красных профсоюзов против партии тогда было выставлено обвинение в масловщине, в «ультра-левом» уклоне, кричали о том, что ЦК шарахнулся в сторону Рут Фишер (бедный ЦК КПЧ! Тогда его обвиняли в «ультра-левом» уклоне, теперь обвиняют в правом уклоне). Возьмите, затем, горнозаводскую забастовку. Ошибок было сделано великое множество, пассивность проявлена огромная, аппарат партии оказался совершенно неподготовленным, но курс на комитеты борьбы, на самостоятельное руководство забастовкой, был взят правильный, не реформистский (как было при Гайсе), не полусоциал-демократический. В-ч е т в е р т ы х, выборы, которые при серьезном поражении в некоторых округах, показали, что, несмотря на значительную потерю голосов, партия с рабочими массами связана. В-п я т ы х, день 7 ноября. Сравнительно с периодом Илека это огромный успех, хотя в его организации был сделан ряд ошибок.

Какой вывод вытекает из этих фактов? Тот, что в основном политическая линия партии была правильна, несмотря на правые ошибки, которые наделало партруководство, разделяя в этом отношении участь некоторых других секций КИ.

Кто не видит этого процесса развития партии из социал-демократической в большевистскую, кто считает, что партия развивается в сторону социал-фашизма, что партийная линия искривлена направо, что партии грозит новый кризис, новое поражение и т. д., тот является метафизиком, не умеющим видеть направления развития, тот, утопая в фактиках, не видит за деревьями леса, тот по сути дела является глубоким пессимистом, который прикрывает свою организационную беспомощность мелкобуржуазными радикальными фразами.

Теперь позвольте перейти к основному обвинению, которое выставил тов. Фрид в своем докладе и которое он повторил в своем, общем с тов. Рейманом, меморандуме.

Тов. Фрид обвиняет ЦК в «недооценке полевения масс». На этой теме был построен весь его доклад. То же самое говорится и в меморандуме Фрида и Реймана в несколько иной формулировке, а именно, что партия «за последний период недооценивала об'ем и глубину современного обострения классовых противоречий в Чехо-Словакии». И дальше, в следующем параграфе, повторено: «тенденции к недооценке темпа развития классовой борьбы». По существу это то же самое, что «недооценка полевения масс».

Тов. Фрид считает, что этим самым он снимает обвинение ЦК в правом уклоне: нет оппортунизма, нет искривления политической линии партии вправо, нет правого уклона и т. д., остается только «недооценка полевения масс». А я утверждаю, что это обвинение в недооценке полевения масс именно и означает обвинение в правом уклоне и содержит в общей форме обвинение и в оппортунизме и в искривлении и проч. Достаточно вспомнить, как развивалась борьба против правых не далее как год тому назад. Правые имели различные программы, различные платформы, различные взгляды в разных секциях Коминтерна. Но что было у них общего? Какая родовая «черта об'единяла правых всех секций Коминтерна»? — Недооценка полевения масс. Они исходили из представления, что стабилизация крепка, и потому обвиняли Коминтерн в переоценке полевения масс. Основной спор с ними был именно на эту тему. Мы говорили: расшатывание стабилизации, массы левеют, правые и примиренцы недооценивают этого. А правые говорили: укрепление стабилизации, массы не левеют, Коминтерн переоценивает полевение. В своей программе действия Брандлер выставлял переходные лозунги контроля над производством и т. д., но у Ловстона вы никаких таких лозунгов не найдете. Не это главное, не это было характерно для позиции правых. Возьмите Илека. Он тоже насчет этих лозунгов ничего не говорил, а по вопросу о переоценке Коминтерном полевения рабочих масс он повторял брандлеровские формулы слово в слово.

И поистине смехотворно, когда тов. Фрид, повторив неоднократно это обвинение руководства КПЧ в недооценке полевения масс, потом добавляет: «оппортунизма и искривления политической линии партии не было». То же самое повторяется и в меморандуме тов. Фрида и Реймана (парагр. 15, п. 2): «мы выступаем против всех утверждений, согласно которым большинство партийного руководства является оппортунистическим или генеральная линия партии об'является фальшивой».

Но если вы возьмете другой пункт в том же меморандуме, то увидите, что там дается такая аттестация этого самого большинства, сидящего в Политбюро, из которой вытекает неизбежность оппортунистической линии большинства. Все оказываются, в большей или меньшей мере, правыми оппортунистами. Степень «оппортунистической зрелости» отдельных членов большинства определяется в зависимости от количества сделанных ими вместе и в отдельности правых ошибок. Количество переходит в качество, как заявляют сами тт. Фрид и Рейман. Повидимому, они знают секрет, когда именно определенное количество ошибок дает возможность об'явить данного товарища уже готовым, законченным оппортунистом и правым уклонистом.

Постановка вопроса о недооценке полевения рабочих масс у т. Фрида носит совершенно абстрактный характер.

Как мы ставили вопрос относительно недооценки правыми полевения масс? Мы делали из этих формул *конкретные* тактические и организационные выводы. Ведь это был не только спор на тему «недооценка» или «переоценка». Мы говорили: «так как массы левеют, то мы уже можем переходить к новым формам борьбы, мы можем рекомендовать секциям Коминтерна новые тактические методы, новые формы тактики и организации». Мы зафиксировали это новое в решениях IV конгресса Профинтерна и

VI конгресса Коминтерна (самостоятельное руководство массовыми выступлениями рабочих, комитеты борьбы и т. д.).

Утверждает ли тов. Фрид, когда он обвиняет ЦК КПЧ в недооценке полевения масс, что он не проводил этих решений? Не утверждает. Да, и странно было бы это утверждать. Линия ЦК заключалась в проведении решений этих конгрессов, что далеко не всегда ему удавалось, особенно благодаря политическим ошибкам и огромным организационным дефектам. Значит, обвинение ЦК в правом уклоне на том основании, что он будто бы не проводил решений этих конгрессов, отпадает. А если так, то предлагает ли тов. Фрид новые шаги вперед в области тактическо-организационной, которые больше соответствуют теперешнему уровню полевения масс? Как будто не делает. Он не предлагает вооруженных демонстраций или всеобщей забастовки, соединенной с вооруженным восстанием. Если бы он предлагал это, тогда получилась бы определенная логика: за год массы еще более полевели, этому полевению масс соответствуют уже более высокие формы, чем год тому назад, именно такие формы, как всеобщая забастовка, вооруженные демонстрации, вооруженные восстания и т. д. И потому ЦК, который этого не видит, явно и несомненно обнаруживает правый уклон. Это было бы логично, хотя и неправильно, но вместо этого тов. Фрид, призывавший горняков во время забастовки взяться за оружие, а теперь неловко отрицающий это,— пред'являет партруководству «левый» счет: ведь вы тоже призывали к вооружению во время забастовки и притом всех рабочих

Нужно признать, что в вопросе о вооружении обе стороны несомненно запутались. Но это особая тема, которую нужно будет разобрать отдельно, тема, приобретающая большую актуальность, в связи с тем, что происходит в Австрии (почти ежедневные вооруженные столкновения рабочих с хеймвером). Необходимо учесть то новое, то особенное, что создается развитием фашизма и перерождением социал-демократии в социал-фашизм и дать по этим вопросам конкретные указания секциям Коминтерна.

Строить большевистскую партию из меньшевистского материала, т.-е. превращать социал-демократическую партию, которая по особым историческим причинам примкнула к КИ, строить такую партию не так просто: этот процесс в Чехо-Словакии протекает в течение ряда лет. Товарищи, из меньшинства ЦК не понимают этого, думая, что можно как-то одним ударом покончить со старым положением, можно превратить волшебными средствами в большевистскую партию старую полусоциал-демократическую партию. Такое волшебное средство они видят в том, чтобы разогнать, примерно, 80—90% членов партии. Тогда будет совсем чистенькая большевистская партия. Конечно, они этого прямо не говорят, они пытаются несколько завуалировать такую прямую и открытую постановку вопроса. Но, это, как мы увидим дальше, им плохо удается.

Теоретическим обоснованием такого взгляда является та теория, которую развивал тов Фрид на последнем партийном с'езде, а именно, учение о гомогенном партруководстве, о гомогенной партии, противопоставленной гомогенному оппортунизму. Я чувствую на себе некоторую ответственность в этом деле и должен поэтому коснуться истории этого вопроса для того, чтобы дать возможность партии раз навсегда разобраться в этой теории. Это тем более необходимо, что тов. Фрид приезжал сюда вскоре после с'езда с тов. Готвальдом. Специальная комиссия КИ вела с обоими длительные беседы по ряду вопросов, в том числе и по вопросу о гомогенном партруководстве и гомогенном оппортунизме. Тов. Фрид очень внимательно слушал нас, не возражал, а потом, вернувшись в Чехо-Словакию, как ни в чем не бывало повторил свои ошибки от начала до конца.

Во время VI конгресса в чешской комиссии я тоже говорил о гомогенном руководстве. Это—моя формула. Но каким образом я ставил вопрос? Я говорил: гомогенное руководство, противопоставленное не гомогенному оппортунизму, а «концентрации», которую проповедывали правые.

Был период в истории Коминтерна, когда мы провозглашали: концентрации сил. Мы строили тогда партруководство в секциях КИ (кроме ВКП) таким образом, что старались привлекать в него все подходящие силы. Это был особый период, когда годились и те, которые впоследствии вылупились уже в качестве правых. Тогда они работали на нас. Поэтому мы и проводили эту концентрацию. Потом произошло изменение международной обстановки, обострение классовой борьбы, началось расшатывание стабилизации и т. д. И мы формулу концентрации сил сняли. Право-оппортунистические элементы в Коминтерне естественно продолжали поддерживать выгодную для них прежнюю концентрацию. Напомню, что Брандлер и примиренцы перед последним с'ездом германской компартии на своем боевом знамени выставили лозунг: концентрация сил.

На VI конгрессе КИ и вскоре после него нам пришлось противопоставить брандлеровской концентрации сил другую формулу. Мы хотели провести концентрацию не на той основе, которую предлагал Брандлер, а на иной. Мы говорили, что необходимо изгнать правых из руководства, что необходимо более однородное, гомогенное руководство. Вот как стоял вопрос. Гомогенное руководство противопоставлялось не какому-то фантастическому гомогенному оппортунизму,—такого нет, не было и не будет (учение о гомогенном оппортунизме — не ленинское, не большевистское), — а концентрации, которую проповедывали Брандлер и его друзья. Тов. Фрид ухватил формулу «гомогенное руководство», но вложил в нее свое содержание. И у него получилось таким образом, что гомогенное руководство это означает: все, как солдаты одной роты, должны быть подстрижены под одну гребенку, никаких различий не должно быть, никаких оттенков, все 100% большевики-ленинцы, а все остальные — 100% оппортунисты. Легко, просто, коротко, ясно. Здесь — чистые, там — нечистые. Задача состоит лишь из двух элементов — разрешить ее очень просто. Это — сектантское толкование гомогенности.

Отражение этой сектантской теории гомогенного руководства или гомогенной партии мы находим в резолюции молодежи первого округа. Там говорится следующее:

> «Мы заявляем, что если компартия должна стать действительным вождем рабочего класса, то необходимо провести решительную борьбу против правых и примиренцев в партии, при одновременном привлечении революционных беспартийных рабочих в партию».

В этой цитате, на первый взгляд, как будто ничего особенного нет. Выдает только словечко «провести», которое подразумевает, как это видно из других заявлений меньшинства, проведение генеральной чистки партии «по русскому образцу». И смысл цитаты именно и заключается в том, чтобы одним ударом, одной кампанией раз навсегда очистить ряды партии и получить гомогенную большевистскую партию.

Как же понимаем мы не сектантскую, не «левую», а большевистскую гомогенность руководства. Как определить большевика в этом смысле? Каков минимум требований к большевику? Большевик (в указанном выше смысле)—это тот, кто отвечает задачам революционного руководства классовой борьбой пролетариата на данном этапе его развития. Для пояснения этой мысли возьмем примеры из истории ВКП(б).

Положительный (для своего времени) пример. Богданов в 1904/1906 дах подходил под основные признаки, которые тогда требовались от б шевика: сражался против меньшевиков по всей линии. Мы знали, что по ч философии у него нелады с Марксом и Энгельсом. Позже Богданов оказ вне большевистских рядов. Но если бы мы тогда подошли к нему с ме тов. Фрида, с его определением гомогенности, мы должны были бы сказ помилуйте, у этого Богданова имеются в области философии расхожд с марксизмом, нельзя его принимать в большевистскую партию, а тем б в ЦК. Мало ли что он революционер и признает всю большевистскую тику и т. д. Раз у него есть кое-какие отклонения от марксистских вз дов в области философии, так ему не место в большевистской партии. Ну вычистить такие элементы из большевистской партии.

Отрицательный пример возьмем из истории так наз. «старых боль виков». В 1917 г. был ряд таких старых большевиков, которые заявл (и по-своему правильно заявляли), что они хранители ленинских и 1905/06 гг., что они сохранили и пронесли сквозь годы реакции все то, большевизм выработал в 1905 г., они верны старому большевизму. А вот нин, который приехал из-за границы с проповедью социалистической рево ции, — так он не большевик, он изменил большевизму. Как называл та «старых большевиков» Ленин? Ленин их называл «старыми дураками». чему? Потому, что основные признаки исторической ситуации, по сравне с 1905 г., изменились, изменились, напр., и признаки, по которым определя настоящий большевик. Настал совершенно новый период, когда некото старые вопросы, которые имели огромную, решающую важность в 1905 отошли на второй план в 1917 г., а, наоборот, стали важными другие приз ки, по которым должен был происходить подбор сил, подбор руководства.

Каковы основные признаки большевизма в настоящее время? Мне жется, что такие признаки, по которым мы сейчас совершаем подбор ру водства в секциях Коминтерна, это—следующие (само собой разумеется, мы исходим из предпосылки безоговорочного признания программы и ре ний КИ, непризнающие оказались бы вне рядов КИ):

1. Безоговорочная, решительная борьба против социал-демократии, к партии, враждебной пролетариату и СССР.
2. Безоговорочная борьба против военной интервенции в СССР, б оговорочная защита СССР.
3. Признание генеральной линии ВКП(б).

Никаких колебаний мы в этих трех вопросах не допускаем. Кто ко блется, кто сдает эти позиции хоть частично, тот не настоящий большеви Разногласия по другим вопросам, понятно, имеют весьма важное значен но все же они являются не основными. Это относится к секциям КИ в ка талистических странах. Что касается СССР, то здесь дело обстоит иначе.

Возьмем, например, злободневный вопрос о чистке. Для нас «чистк необходимое орудие, а в других секциях чистка по «русскому образцу» бы бы сектантской «левой» ошибкой. Тов. Фрид в своем докладе подчеркива что сначала нужно произвести чистку, а потом уже будем говорить относ тельно идеологической борьбы, сначала произведем чистку, а потом уже б дем поворачивать к массовой работе и т. д. Это—«левая» постановка вопро о повороте к массам.

В меморандуме тт. Фрида и Реймана это оформулировано так:

> «Главной предпосылкой для образования большевистских кадр является чистка партии от всех ликвидаторских элементов, посредством ген рального контроля и всеобщей чистки низовых организаций».

Та же мысль, что и в докладе, с небольшим видоизменением. Чистка—ежде всего. При этом делается попытка сослаться на речь тов. Молотова и резолюцию Политсекретариата ИККИ от 30 августа. Тов. Молотов говорил том, что следовало бы несколько сот человек выбросить из пражской организации, сильно зараженной оппортунизмом. Я вполне допускаю, что могут ть случаи, когда не только несколько сот человек надо выбросить из той иной организации, а и всю организацию целиком. Но тов. Молотов не говорил относительно генеральной чистки всех низовых организаций и во всяком случае не говорил, что это является предварительным условием для того, чтобы партия вообще могла работать, создавать большевистские кадры и развернуть массовую работу. Точно так же и в постановлении Политсекретариата от 30 августа нет ничего о чистке партии.

Весьма характерно, как это постановление уродливо преломилось тт. Фрида и Реймана (о сознательном искажении, о передержке в данном случае, понятно, нет речи).

Вот, что сказано по этому поводу в меморандуме тт. Фрида и Реймана:

> «Вопрос, относительно чистки партии был выдвинут не меньшинством, а постановлением Политсекретариата от 4 сентября (дата не верная—30 августа), в котором (постановлении) вопрос относительно партийной чистки был поставлен как важнейшая внутрипартийная задача».

Берем решение Политсекретариата от 30 августа и там читаем:

> — «Неспособность и саботаж одной части корпуса функционеров при проведении партийных решений, которые были проявлены особенно в кампании 1 августа в чешских партийных округах, требуют, чтобы были применены чрезвычайные меры, для того, чтобы очистить организацию от негодных элементов, для того, чтобы повысить активность и для того, чтобы привлечь новые кадры».

Как видите, это — другая музыка. Здесь не говорится ничего относительно того, что чистка **важнейшая** внутрипартийная задача. Речь идет не о генеральной чистке всей партии, а о части функционеров в отдельных, а именно, чешских округах.

Почему же так случилось, что товарищи извратили директиву ИККИ? Потому, что у них имеется предпосылка, что основной метод обеспечения гомогенности партии заключается в том, чтобы изгонять, изгонять и изгонять членов из нее.

Гомогенность, которую проповедует тов. Фрид, ничего общего с большевизмом не имеет. Это — сектантская гомогенность.

Основной вопрос, который сейчас выдвигается в связи с теми спорами с той борьбой, которая происходит в чешской партии, это то, что обе стороны, не понимают, не видят, что в деле борьбы против правого уклона и в деле большевизации партии пройден уже определенный этап. За последние полтора года во всех партиях вы видите один и тот же процесс: отовсюду изгоняются открыто правые, ликвидаторские элементы. Теперь в основном эта работа закончена, что вовсе не значит, что нам не придется прибегать к изгнанию из партии, что не придется выбрасывать иногда сотни и тысячи.

Теперь наступил другой период, когда, продолжая изгнание и выбрасывание в необходимых отдельных случаях, мы имеем перед собой уже иную задачу. В чем заключается эта новая задача, которая теперь выступает на первое место (раньше она была на втором месте)? В том, чтобы покончить с социал-демократическими традициями и пережитками, которые остались еще в наших секциях. Мы говорили относительно борьбы против пережитков традиций и год назад, но тогда главное было в том, чтобы выбросить не-

сколько сот наиболее влиятельных правых, а теперь главное,—когда мы уже это сделали, когда выбросили, когда произвели операцию отсечения, — заключается в том, чтобы покончить с социал-демократическими традициями и пережитками. Мы не могли по-настоящему приступить к этой работе, пока у нас сидели на местах, а иногда и в центре ликвидаторы и правые оппортунисты. Теперь, когда мы в основном выполнили задачу первого этапа, пора переходить к задаче второго этапа — большевизации партии, к искоренению социал-демократических традиций.

В чем больше всего эти социал-демократические пережитки выражаются в чешской партии, которая является в этом смысле образцом для всех секций Коминтерна. Во-первых, все еще остающийся чрезмерно старый возрастной состав партии. Недостаточное вовлечение молодых рабочих за счет неорганизованных, которые являются в настоящее время наиболее революционными элементами. Во-вторых, крайне неудовлетворительное состояние кадров функционеров. В-третьих, пассивность ячеек и членов партии.

Теперь в связи с этими с.-д. пережитками в КПЧ создалось такое положение: центральный двигатель, мотор уже имеется в лице ЦК. Конечно, не ахти какой совершенный мотор, но все же крутится, пытается привести в движение рабочую машину партии, но партийная машина-то старая, в значительной своей части построенная еще на основе социал-демократических принципов. Ячейки, за небольшими исключениями, не работают, еще на бумаге; и задача заключается в том, чтобы рабочую машину обновить, иначе говоря, сделать работающими партийные организации. Надо, чтобы ЦК не только принимал хорошие резолюции, но и имел аппарат для проведения их в рабочие массы.

По отношению к массовым выступлениям рабочих совершенно ясно, что партия при таком ее состоянии приспособлена лишь к таким выступлениям, которые относятся, главным образом, к выборам (социал-демократические партии тоже приспособлены для массовой мобилизации на выборы), но она не приспособлена или весьма мало приспособлена к тому, чтобы становиться во главе масс при их **боевых** выступлениях (все равно экономических или политических). Это обнаружилось с полной ясностью на практике текстильной и горнозаводской забастовок. Функционеры пассивны или даже саботируют и срывают решения партии, ячейки не хотят работать, округа не реагируют на забастовки. Во время горнозаводской забастовки только на четвертой неделе ее окружная организация соизволила поставить вопрос о руководстве забастовкой. Далее, боевые и стачечные комитеты не избираются на предприятиях, а больше назначаются. Забастовки возникают стихийно (так слаба связь партии с массами на предприятиях) и партия оказывается застигнутой ими врасплох. Связь с массами, таким образом, носит полусоциал-демократический характер. Большевистской широкой связи нет. Щупальцев у партии для проникновения в глубины рабочих масс, в толщу пролетариата—нет. Не даром рабочие повторяют до сих пор, что они не видят различия между КПЧ и реформистами. Внизу его действительно не видно. Наверху оно велико. ЦК пытается тянуть партию по линии Коминтерна, реформисты тянут по линии II Интернационала,—различие очень велико. А внизу, вследствие оппортунистической пассивности всей партии, рабочим не видно различие между коммунистической партией и реформистами. И влияние КПЧ на рабочих держится, главным образом, на том, что КПЧ—секция КИ. Поистине поразительно, что обе стороны (и большинство и меньшинство ЦК) не видят, что вопрос о большевистской связи с массами—теперь основной, центральный, кардинальный вопрос, без решения которого всякие резолюции, всякие споры, всякие статьи, всякие дискуссии ломаного гроша не стоят. **Без преодоления социал-демократических пере-**

житков, большевистская связь с массами не может быть организована. Идеологическая борьба со всякими уклонами составляет постоянную задачу секций КИ. Точно также мы не зарекаемся от применения в борьбе против уклонов методов изгнания из партии. Но эта последняя форма борьбы против правого уклона отходит в настоящее время на задний план и, наряду с идеологической борьбой, особенно важное значение теперь приобретает борьба против практического оппортунизма, против оппортунизма в организационном вопросе, борьба за реорганизацию партии на основе большевистских принципов (большевистской формы организации, большевистская дисциплина большевистская самокритика). В «пропагандистский» период, период собирания сил секции КИ справлялись — плохо ли, хорошо ли — со своими задачами посредством организаций, построенных на социал-демократических основах. А теперь, даже в лучших секциях, парторганизации оказались неподготовленными, плохо пригодными для проведения массовой политической забастовки. Это мы видели в Берлине в мае, когда добрая половина функционеров отказалась проводить лозунг массовой политической забастовки на фабриках и заводах.

Может случиться в той или другой стране, что большинство пролетариата окажется за Коминтерн, но если не будет революционного штаба, коммунистической партии, которая имеет крепкую связь с массами, аппарата для мобилизации масс и руководства,—дело погибнет.

В Австрии сейчас имеются элементы не все еще революционной ситуации (тяжелый экономический кризис, рост революционного под'ема среди рабочих), революционная ситуация там может создаться. Но там нет еще драки внутри правящих классов. Об'ясняется это тем, что там нет или почти нет коммунистической партии, что она очень слаба. Поэтому социал-демократы могут себе позволить роскошь почти открыто блокироваться с фашистами, некому поднять рабочие массы против социал-демократии. В Германии это невозможно потому, что там сильная коммунистическая партия. Там социал-демократы не посмеют теперь, когда влияние компартии быстро растет, пойти открыто на союз с фашистами. Наоборот, между фашистами и социал-фашистами идет борьба, по существу, по вопросу о том, какие методы удушения революции предпочтительны — фашистские или социал-фашистские. Этот спор обостряется, доводит правящие классы до драки, которая помогает нам опрокинуть их.

Международная социал-демократия неизбежно потеряет свое влияние среди рабочих, они перейдут к нам, удержать их она не сможет. Но что она м о ж е т сделать? Она все силы направит к тому, чтобы не допустить дальнейшей большевизации секций КИ и превращения их в боевые штабы революции. Оставить массы без руководства (а иногда руководство без масс) — такова основная историческая задача, которая возникает в настоящее время перед социал-демократией. В этом политический центр тяжести всей борьбы за завершение большевизации секций КИ, борьбы за реорганизацию их на большевистских основах, борьбы с правым уклоном на настоящем этапе, ибо правый уклон — это агентура социал-демократии в наших рядах.

Кто не видит перехода на новый этап и новых конкретных задач, которые встают в борьбе против правого уклона, кто по-вчерашнему хочет бороться с правой опасностью, особенно тот, кто утверждает, что большевистская реорганизация партии (т. е. особенно важная теперь форма борьбы против правого уклона) это — «оппортунизм», «организационный кретинизм», тот безнадежный «левый» крикун, сектант, анархист (основная черта анархизма — отрицание организации), тот на деле не ведет действительной борьбы против правых, тот препятствует переходу партии на новый этап борьбы с правой опасностью, тот о б ' е к т и в н о задерживает вместе с правыми ликвидацию еще сильных с.-д. традиций и пережитков и дальнейшую большевизацию партии, тот в «левом» обличьи делает правое дело.

Товарищи из группы т. Фрида, как и другие товарищи из КПЧ, сильно грешат по части правых ошибок. Но в одном вопросе, а именно в вопросе о повороте партии к революционным рабочим массам, меньшинство делает «левую» ошибку. Большинство ЦК, вместе с меньшинством, не поняло, что борьба за реорганизацию партии на большевистских основах является в настоящее время основным политическим вопросом в борьбе против правых Но в отличие от меньшинства, большинство не создает анархических теорий об «организационном кретинизме».

Что такое «организационный кретинизм»? У Ленина этого термина нет. Я не запомню в истории ВКП(б) ни одного момента, когда мы не повторяли бы, что наши силы недостаточно организованы, что нужно усилить организационную работу. Говорить об «организационном кретинизме» особенно теперь, когда борьба за большевистскую реорганизацию секций КИ выдвигается на первый план, говорить об «организационном кретинизме», особенно по отношению к КПЧ, это значит заниматься анархическим словоблудием. Пренебрежительное отношение к организационной работе является общей чертой и большинства ЦК, и меньшинства. И заключается это в том, что они смотрят на оргработу свысока, не желают спускаться с политических высот, создают теории о том, что политическая работа выше организационной, прячутся от организационной работы за политикой.

В отличие от большинства у меньшинства это пренебрежение к организационной работе ведет к некоторым анархическим тенденциям как в теоретической, так и в практической области.

У меньшинства имеется своеобразная теория анархического дискредитирования руководства, — иначе ее назвать нельзя. В меморандуме тт. Фрида и Реймана говорится следующее:

> «При оценке этих обоих задач возникают в партийном руководстве коренные разногласия. В то время, как меньшинство ЦК и ЦК союза молодежи считают необходимым освещать и критиковать политические колебания партийного руководства или же отдельных руководящих товарищей и на этой основе укреплять дух большевистской самокритики, некоторые товарищи из большинства ЦК выставляют утверждение, что главная слабость партии заключается в глубокой пропасти между решениями V с'езда партии, между политической линией, которую V с'езд партии дал ЦК, с одной стороны, и между повседневной практикой партии — с другой».

В этой цитате особенно обращают на себя внимание слова относительно того, что меньшинство считает необходимым политические колебания в партийном руководстве или у отдельных товарищей освещать и критиковать перед партией. И такого рода критика выдается за большевистскую самокритику. На деле же это—анархическое извращение большевистской самокритики, на практике ведущее к анархическому дискредитированию партруководства и уже толкнувшее группу т. Фрида на дезорганизаторские фракционные действия.

Вопрос, таким образом состоит из двух частей. С одной стороны — колебания партийного руководства в целом, а с другой — колебания отдельных товарищей. Разберем вопрос по частям.

Ошибки руководства, в особенности те, которые связаны с массовыми выступлениями, конечно, должны быть открыто критикуемы. Это не подлежит ни малейшему сомнению. Но т. Фрид все время оперирует словечком «колебание». Он, видимо, считает, что «колебаний» у большевиков не может и не должно быть. Как будто может быть такой ЦК, который имеет готовые ответы на всякие положения. Если бы такие готовые ответы были, тогда политика была бы совсем легким делом, тогда не нужно было бы иметь во-

ждей, тогда можно было бы посадить во главе партии молодых людей с хорошей памятью, которые моментально, без всяких «колебаний», давали бы ответы на всякие вопросы. К сожалению, готовых ответов нет и не может быть, ибо всякая ситуация имеет своеобразные черты, своеобразные трудности, вызывающие «колебания» в оценке этих своеобразных черт и вытекающие из нее политических выводов, и требует особого, «нового», не заранее заготовленного ответа. Вот почему политика — очень трудное искусство, которое дается лишь очень немногим.

Спрашивается, «нужно ли было выносить каждую ошибку нашего ПБ на публичное обсуждение партии? Нужно ли, чтобы ПБ публично «каялся» перед партией в ошибках?

Я заговорил о покаянии вот почему. У большинства ЦК КПЧ, по существу, проглядывает та же самая точка зрения по вопросу об ошибках, что и у меньшинства. Если вы возьмете, например, резолюцию, которая была принята ЦК по поводу последних выборов в парламент, то увидите, что это — покаянная резолюция. Впечатление от резолюции такое, как будто бы вышли члены ЦК на Красную площадь, поклонились на все четыре стороны честному народу и истошным голосом закричали: «Православные, вяжите нас, мы — великие грешники». Вместо политического анализа ошибок — покаяние и самобичевание. И это считается большевистской самокритикой. Между тем, это — не более, как троцкистский выверт. Троцкий в 1923 г. требовал «аппаратчиков снять и покарать». Разве задачей самокритики является наказание? Ленин говорил относительно ошибок совсем другое. Он говорил, что нужно *учиться* на ошибках. Что это значит? Это значит, что необходимо вскрывать политическую суть сделанных ошибок, необходимо извлекать из них политические уроки. Это — главное. А у чешских товарищей (и из большинства, и из меньшинства) получается какой-то кантовский категорический императив: ошибок не делай, а если сделал, так терпи наказание.

Теперь перейдем к другой части вопроса, относительно ошибок отдельных товарищей. Можно ли и нужно ли выносить их на публичный суд? Опять-таки сошлемся на Ленина. Он говорил, что без особой нужды мы очень неохотно вспоминаем о старых ошибках товарищей. Да и понятно. Раз товарищ свою ошибку признал и исправил, то какую *политическую* цель может иметь вынесение их на открытое обсуждение? Неужели тт. Фрид и Рейман думают, что все члены ПБ ЦК ВКП(б) безгрешны, как римский папа, и никогда не делают ошибок? Все делают: одни — более крупные ошибки, другие — не очень крупные, одни — почаще, а другие — редко.

Возьмите ошибки т. Бухарина. Мы видели их уже давно, несколько лет тому назад. Когда он провозгласил свою формулу «обогащайтесь» (очень крупная ошибка), мы отмежевались от нее, заявив, что этот лозунг не наш. Тов. Бухарин тогда от этой своей ошибки открыто отказался и о ней никто (кроме оппозиции) больше не вспоминал. Не вспомнили бы и до сих пор, если бы тов. Бухарин эту ошибку не повторил, не стал настаивать на этой ошибке, не стал ее углублять, прибавляя к ней ряд новых, если бы эти ошибки не превратились в уклон.

А что предлагают тт. Фрид и Рейман? Они предлагают собрать все ошибки, сделанные отдельными товарищами, составить точную, инвентарную опись их и вывесить на стене: вот, смотрите, товарищи, такой-то сделал пять правых ошибок, а такой-то — семь. И это-де должно помочь «укреплению духа большевистской самокритики», как выражаются тт. Фрид и Рейман. Ну, а сами-то вы, тт. Фрид и Рейман, ошибок не делаете? Предположим, что вы получили бы руководство партией. Где гарантия, что вы ошибок не сделаете? Таких гарантий нет и не может быть. Все делают ошибки. Что же, полагаете ли вы, исходя из вашей теории обязательного вынесения

ошибок отдельных товарищей на открытое обсуждение и публичный суд, что мы в этом случае должны были бы притти к вам и заявить: ага, попались, голубчики, пожалуйте на расправу.

Теория обязательного вынесения ошибок руководства или отдельных товарищей на открытое обсуждение может быть либо прикрытием для беспринципной интриги и склоки, либо узколобым сектантством. Так как я не имею никаких оснований подозревать тт. Фрида и Реймана в интриганстве, то остается выбрать вторую часть этой дилеммы.

Эта теория — вернейший путь к полному дискредитированию и разрушению руководства, и у меньшинства ЦК она ведет к анархическому извращению большевистской самокритики. Эта теория ведет не только к дискредитированию данного руководства КПЧ, но и всякого руководства вообще. Разве может партия выдвинуть хотя бы одного вождя (а вождь всегда есть создание коллективной работы партии) или группу вождей, если жизнь партии будет базироваться на такого рода извращенной самокритике. *Большевистская самокритика не находится в противоречии с необходимостью беречь и укреплять авторитет партии, авторитет ЦК, авторитет вождей. Наоборот, большевистская самокритика помогает укреплению авторитета партии и вождей. Есть, однако, опасность, что, под предлогом борьбы против «левого» извращения, самокритика будет зажата. Это было бы еще более крупной ошибкой, ибо это было бы правое извращение самокритики.*

Необходимо поставить самокритику в такие условия, чтобы, устраняя и правые и «левые» ее извращения, добиться поднятия ее на политическую высоту и превращения в орудие укрепления авторитета партии и ее руководства.

В КПЧ создалось крайне ненормальное, крайне тяжелое положение. Борьба с правой опасностью, еще очень серьезной, продолжает оставаться главнейшей задачей партии. Для ликвидации социал-демократических пережитков и традиций, тяжелым грузом тяготейших над партией, необходима серьезная концентрация сил партии как для борьбы в области идеологической, так и для борьбы за большевистскую реорганизацию партии. Крупнейшим препятствием для борьбы с правой опасностью является сейчас «левый» загиб группы т. Фрида в важнейшем вопросе о повороте к массам, ведущий к отрыву партии от масс, и неверная, вредная критика этой группы, ведущая к дискредитированию партии и ее руководства.

Пора покончить с таким положением! Нельзя дольше терпеть, чтобы «левый» загиб мешал партии бороться против правой опасности.

ждей, тогда можно было бы посадить во главе партии молодых людей с хорошей памятью, которые моментально, без всяких «колебаний», давали бы ответы на всякие вопросы. К сожалению, готовых ответов нет и не может быть, ибо всякая ситуация имеет своеобразные черты, своеобразные трудности, вызывающие «колебания» в оценке этих своеобразных черт и вытекающие из нее политических выводов, и требует особого, «нового», не заранее заготовленного ответа. Вот почему политика — очень трудное искусство, которое дается лишь очень немногим.

Спрашивается, «нужно ли было выносить каждую ошибку нашего ПБ на публичное обсуждение партии? Нужно ли, чтобы ПБ публично «каялся» перед партией в ошибках?

Я заговорил о покаянии вот почему. У большинства ЦК КПЧ, по существу, проглядывает та же самая точка зрения по вопросу об ошибках, что и у меньшинства. Если вы возьмете, например, резолюцию, которая была принята ЦК по поводу последних выборов в парламент, то увидите, что это — покаянная резолюция. Впечатление от резолюции такое, как будто бы вышли члены ЦК на Красную площадь, поклонились на все четыре стороны честному народу и истошным голосом закричали: «Православные, вяжите нас, мы — великие грешники». Вместо политического анализа ошибок — покаяние и самобичевание. И это считается большевистской самокритикой. Между тем, это — не более, как троцкистский выверт. Троцкий в 1923 г. требовал «аппаратчиков снять и покарать». Разве задачей самокритики является наказание? Ленин говорил относительно ошибок совсем другое. Он говорил, что нужно у ч и т ь с я на ошибках. Что это значит? Это значит, что необходимо вскрывать политическую суть сделанных ошибок, необходимо извлекать из них политические уроки. Это — главное. А у чешских товарищей (и из большинства, и из меньшинства) получается какой-то кантовский категорический императив: ошибок не делай, а если сделал, так терпи наказание.

Теперь перейдем к другой части вопроса, относительно ошибок отдельных товарищей. Можно ли и нужно ли выносить их на публичный суд? Опять-таки сошлемся на Ленина. Он говорил, что без особой нужды мы очень неохотно вспоминаем о старых ошибках товарищей. Да и понятно. Раз товарищ свою ошибку признал и исправил, то какую п о л и т и ч е с к у ю цель может иметь вынесение их на открытое обсуждение? Неужели тт. Фрид и Рейман думают, что все члены ПБ ЦК ВКП(б) безгрешны, как римский папа, и никогда не делают ошибок? Все делают: одни — более крупные ошибки, другие — не очень крупные, одни — почаще, а другие — редко.

Возьмите ошибки т. Бухарина. Мы видели их уже давно, несколько лет тому назад. Когда он провозгласил свою формулу «обогащайтесь» (очень крупная ошибка), мы отмежевались от нее, заявив, что этот лозунг не наш. Тов. Бухарин тогда от этой своей ошибки открыто отказался и о ней никто (кроме оппозиции) больше не вспоминал. Не вспомнили бы и до сих пор, если бы тов. Бухарин эту ошибку не повторил, не стал настаивать на этой ошибке, не стал ее углублять, прибавляя к ней ряд новых, если бы эти ошибки не превратились в уклон

А что предлагают тт. Фрид и Рейман? Они предлагают собрать все ошибки, сделанные отдельными товарищами, составить точную, инвентарную опись их и вывесить на стене: вот, смотрите, товарищи, такой-то сделал пять правых ошибок, а такой-то — семь. И это-де должно помочь «укреплению духа большевистской самокритики», как выражаются тт. Фрид и Рейман. Ну, а сами-то вы, тт. Фрид и Рейман, ошибок не делаете? Предположим, что вы получили бы руководство партией. Где гарантия, что вы ошибок не сделаете? Таких гарантий нет и не может быть. Все делают ошибки. Что же, полагаете ли вы, исходя из вашей теории обязательного вынесения ошибок отдельных товарищей на открытое обсуждение и публичный суд, что мы в этом случае должны были бы притти к вам и заявить: ага, попались, голубчики, пожалуйте на расправу.

Теория обязательного вынесения ошибок руководства или отдельных товарищей на открытое обсуждение может быть либо прикрытием для беспринципной интриги и склоки, либо узколобым сектантством. Так как я не имею никаких оснований подозревать тт. Фрида и Реймана в интриганстве, то остается выбрать вторую часть этой дилеммы.

Эта теория — вернейший путь к полному дискредитированию и разрушению руководства, и у меньшинства ЦК она ведет к анархическому извращению большевистской самокритики. Эта теория ведет не только к дискредитированию данного руководства КПЧ, но и всякого руководства вообще. Разве может партия выдвинуть хотя бы одного вождя (а вождь всегда есть создание коллективной работы партии) или группу вождей, если жизнь партии будет базироваться на такого рода извращенной самокритике. Б о л ь ш е в и с т с к а я с а м о к р и т и к а н е н а х о д и т с я в п р о т и в о р е ч и и с н е о б х о д и м о с т ь ю б е р е ч ь и у к р е п л я т ь а в т о р и т е т п а р т и и, а в т о р и т е т ЦК, а в т о р и т е т в о ж д е й. Н а о б о р о т, б о л ь ш е в и с т с к а я с а м о к р и т и к а п о м о г а е т у к р е п л е н и ю а в т о р и т е т а п а р т и и и в о ж д е й. Е с т ь, о д н а к о, о п а с н о с т ь, ч т о, п о д п р е д л о г о м б о р ь б ы п р о т и в «л е в о г о» и з в р а щ е н и я, с а м о к р и т и к а б у д е т з а ж а т а. Э т о б ы л о б ы е щ е б о л е е к р у п н о й о ш и б к о й, и б о э т о б ы л о б ы п р а в о е и з в р а щ е н и е с а м о к р и т и к и.

Н е о б х о д и м о п о с т а в и т ь с а м о к р и т и к у в т а к и е у с л о в и я, ч т о б ы, у с т р а н я я и п р а в ы е и «л е в ы е» е е и з в р а щ е н и я, д о б и т ь с я п о д н я т и я е е н а п о л и т и ч е с к у ю в ы с о т у и п р е в р а щ е н и я в о р у д и е у к р е п л е н и я а в т о р и т е т а п а р т и и и е е р у к о в о д с т в а.

В КПЧ создалось крайне ненормальное, крайне тяжелое положение. Борьба с правой опасностью, еще очень серьезной, продолжает оставаться главнейшей задачей партии. Для ликвидации социал-демократических пережитков и традиций, тяжелым грузом тяготеющих над партией, необходима серьезная концентрация сил партии как для борьбы в области идеологической, так и для борьбы за большевистскую реорганизацию партии. Крупнейшим препятствием для борьбы с правой опасностью является сейчас «левый» загиб группы т. Фрида в важнейшем вопросе о повороте к массам, ведущий к отрыву партии от масс, и неверная, вредная критика этой группы, ведущая к дискредитированию партии и ее руководства.

Пора покончить с таким положением! Нельзя дольше терпеть, чтобы «левый» загиб мешал партии бороться против правой опасности.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Последние экономические изменения в Соединенных Штатах[1].

Автором этой нашумевшей работы является целый коллектив: комиссия возглавляемая теперешним президентом САСШ Гувером. Книга представляет огромнейший интерес не только потому, что в ней содержится исключительно богатый фактический материал и разработка с буржуазной точки зрения важнейших вопросов американской экономики, но точно так же и потому, что в этой работе нашла отражение буржуазная философия периода «процветания» в САСШ. Нет никакой возможности, хотя в самых кратких чертах изложить содержание этой двухтомной работы, которая пытается характеризовать последние изменения в области производства, производительности труда, организации производственного процесса, техники, банкового дела, транспорта, сельского хозяйства, торговли и т. д., и т. п. Мы хотели бы остановиться на этой работе лишь в той мере, в какой она является идеологическим отражением и «prosperity», периода «процветания», который заканчивается на наших глазах тяжелым экономическим кризисом. История сыграла плохую шутку с комиссией Гувера. Период «процветания» закончился, кризис разразился как раз тогда, когда народилась в законченном виде идеология «prosperity», идеология процветания.

* * *

После кризиса 1921 г., который был еще насыщен элементами военно-демобилизационного кризиса, за исключением двух кратковременных депрессий, хозяйство САСШ переживало период «процветания».

Период «процветания» (1922—1929 гг.) создал свою идеологию, теорию, философию. Народилась политика, политическая экономика, «рабочая» политика, профсоюзная политика, теория империализма, теория кризисов периода «процветания». Взоры мировой буржуазии, фашистов, социал-фашистов, профсоюзных бюрократов, реформистов и некоторых правых коммунистов были направлены на «процветание» в Соединенных Штатах. Наиболее законченным выражением идеологии периода «процветания» является именно отчет комиссии Гувера о «последних экономических изменениях»; в нем содержится завершение философии «процветания». При этом необходимо сказать, что наиболее компетентные представители американского финансового капитала (включая сюда, конечно, и представителя Американской Федерации Труда Грина) дали более трезвую, умеренную, осторожную оценку «процветанию», чем социал-демократы и некоторые оппортунисты и бывшие коммунисты. Комиссия Гувера сама подчеркивает, что «изменения произошли не в структуре, а в широте и в темпе».

> «Изобретения — дело не новое. Транспорт и связи не новые отрасли. Облегчающая функция финансирования — старше, чем чеканные монеты. Сельское хозяйство так старо, как сама история. Конкуренция — явление не новое. Ни одно из изменений в распределении, на которые указывали за последние годы, не является принципиально новым. Ведение дел без запасов — дело старое, быстрые изменения в моде и в спросе — вещь привычная; нет ничего нового в принципе продажи в рассрочку; кооперативный сбыт не новое открытие. Однако, широта, глубина, масштаб и «темп» последних явлений придает им новое значение».
>
> «Растущее применение энергии и ее более широкое использование, умножение человеческой энергии посредством машин, научная организация и разделение труда в шахтах и на заводах, в сельском хозяйстве и в торговле, увеличение производительности труда, ускорение всех этих начинаний посредством капитала, представленного из избыточного дохода все растущей части нашего народа — все это представляет только накопление таких сил, которые действуют уже давно»[1].

[1]) («Recent Economic Changes in the United States». New-Iork. 1929).

Итак, идеологи американского финансового капитала не утверждают, что в экономике империализма произошли принципиальные структурные изменения. Они не считают, что конкуренция на внутреннем рынке утихает, что «проблематика рынка в известной мере исчезает», что империализм перерос в структурно-принципиально новое хозяйство, в «организованный капитализм». Но комиссия Гувера находилась под глубоким впечатлением степени деятельности хозяйственной системы:

> «Комиссия была поражена той энергией, которая возводила небоскребы в десятках городов, соединила воедино 48 штатов воздушным сообщением по линии на 20 тыс. миль, перевозила ежегодно на железных дорогах и по линиям водного транспорта более, чем полутора миллиарда тонн грузов; выпустила 25 млн. автомобилей на шоссейные дороги, снабжала электричеством 17 млн зданий, послала в высшие школы 3.750.000 детей и более чем 1.000.000 мужчин и женщин в университеты; снабжала продовольствием, одевала предоставляла жилье и развлечения 120 млн. людей, которые заселяют одну двадцатую часть земного шара»[2]).

Как же не поражаться комиссии, когда с 1922 г. производство в добывающей промышленности увеличивалось ежегодно на 2.5%, в обрабатывающей промышленности на 4%, услуги транспорта на 4%, когда, несмотря на сокращение рабочего времени, производительность труда отдельного рабочего была почти на 60% больше, чем к концу XIX в., когда повышение производительности труда на одного рабочего с 1922 г. до 1927 г. составляет 35%; а производительность сельскохозяйственного рабочего выросла больше, чем когда бы то ни было прежде»[3]). Конечно, это не темпы бурно растущего социалистического строительства в СССР. О таких темпах капитализм не может и мечтать. Но для умирающего капитализма в эпоху его всеобщего кризиса и этот темп может вызвать справедливо восторг его поклонников. Комиссия констатировала, что «рост электропромышленности был феноменален, что половина электроэнергии всего мира употребляется в этой стране, что выплавка чугуна и производство стали в САСШ составляет половину всего мирового производства, что производство в 1927 г было на 51% больше, чем среднее производство за 1910/1914 гг.[4]). Число владельцев акций возросло в течение 7 лет с 2-х млн до 17 млн., и эти акционеры вкладывали свои растущие доходы в русло кредита[5]). И комиссия считает, что рабочий класс также получил свою долю из процветания.

> «Растущий раствор между заработной платой и ценами — заработная плата повышалась, а цены остались стабильными — определенно способствовали процветанию, характеризующему весь этот период в целом. Растущая заработная плата и относительно стабильные цены делали возможным, что мы стали потребителями тех благ, которые мы производим в большей мере, чем когда бы то ни было»[6]).

Комиссия Гувера „опровергает" Маркса.

И комиссия гордо возвещает на весь мир новую «рабочую» политику периода процветания.

> «Лидеры промышленности сознательно проводили принцип высокой заработной платы и низкой себестоимости, как политику просвещенной про-

[1]) «Recent Economic Changes», стр. IX и X.
[2]) Там же, стр. X.
[3]) Там же, стр. 15.
[4]) Там же, стр. 79.
[5]) Там же, стр. 12.
[6]) Там же, стр. 14.

мышленной практики. Этот принцип обратил на себя с тех пор внимание экономистов по всему миру, и хотя этот принцип и не является чем-то совсем новым, его применение в большом масштабе настолько ново, что комиссия считает его принципиальным развитием»[1]).

И на самом деле социал-фашизм принял этот «принцип» (никогда не осуществленный в САСШ), как основу своей рабочей политики. II Интернационал возводил в принцип «американизацию» рабочего движения. И комиссия Гувера считала, что одно из основных противоречий капитализма — классовая борьба между пролетариатом и буржуазией — в основном разрешено, что новый принцип исключает промышленные конфликты. Но комиссия Гувера считала, что разрешено и другое основное противоречие капитализма: диспропорция между производством и потреблением.

«Наш обзор убедительно показал, что теоретически уже давно было установлено, а именно, что потребности не имеют границы (insatiable), что потребности удовлетворенные, порождают новые потребности. Наш вывод заключается в том, что перед нами лежит экономически беспредельное пространство, что существуют новые потребности, которые бесконечно открывают пути перед более новыми потребностями, как только они удовлетворяются»[2]). (Курсив наш. *Л. М.)*.

Здесь «опровергается» основной тезис Маркса. Он утверждал, что предел капиталистического способа производства обнаруживается:

«В том, что развитие производительной силы труда создает в понижении нормы прибыли закон, превращающийся на известном пункте в препятствие для развития этого самого производства, в препятствие, которое каждый раз может преодолеваться не иначе, как только кризисами. (Курсив наш. *Л М.)*

«В том, что расширение или сокращение производства определяется не отношением производства к общественным потребностям, общественно-развитых людей, а присвоением неоплаченного труда и отношением этого неоплаченного труда к общественному труду вообще или, выражаясь капиталистически, определяется прибылью и отношением этой прибыли к применяемому капиталу, следовательно, известной высотой нормы прибыли»[3]).

Гувер «опроверг» Маркса. А за Гувером последовали социал-реформисты и правые всех оттенков. Капитализм начал превращаться в гармонический способ производства без классовой борьбы и без кризисов.

Такова была философия периода «процветания».

Надо, однако, отдать справедливость руководителям и идеологам американского капитализма. Упоенные успехами «процветания», разукрашивая эти успехи, например, по вопросу о заработной плате, они все же видели темные пятна на солнце «процветания».

«Хотя период за 1922/1929 гг. и был периодом интенсивной деятельности, комиссия все же отмечает, что эта деятельность была пестра, смотря по местам и отраслям производства. Известные группы были более активны, чем другие, известные отрасли производства были более заняты, чем соседние отрасли и известные территории преуспевали больше, чем другие»[4]).

Итак, комиссия Гувера как будто признает закон неравномерного развития капитализма. Она даже подтверждает его примерами:

«В то время как искусственно-шелковая промышленность работала полным ходом, хлопчатобумажные фабрики работали неполное время; в то время как шелково-трикотажная промышленность, женско-обувная промышленность и скорняжная промышленность были активными, в шерстяной и шерсто-трикотажной промышленности господствовала депрессия; молочные фермы преуспевали, но зерновые хозяйства страдали от депрессии. Угольная

[1]) «Последн. экон. измен. в Сед. Штатах», стр. 15.
[2]) Там же, стр. 18.
[3]) Маркс, «Капитал», т. III, ч. 1, стр. 240.
[4]) «Последн. экон. изменен. в Соедин. Штатах», стр. 10.

промышленность находилась в затруднительном положении и известные отрасли оптовой и розничной торговли находились под тяжелой экономической депрессией. Замечался прогресс в более постоянной занятости в сезонных индустриях, но «технологическая» безработица, вызванная вытеснением рабочих улучшенными машинами и улучшенными методами производства, обращала на себя внимание. Наблюдались и географические различия. Штаты на Тихоокеанском побережьи делали чрезвычайные успехи, Юг быстро развивался, как промышленная область, Северо-Восточный Центральный район рос, но штаты Новой Англии и в некоторой мере и Центрально-Атлантические штаты развивались менее быстро и испытывали некоторые затруднения в перестройке своей старой промышленности на новый лад»[1]).

И сама комиссия констатирует, что «безработица может возникнуть из хорошего оборудования промышленности точно так же, как из плохого». И она же констатирует, что наступило время, когда надо обращать пристальное внимание не только на проблемы цикличной безработицы, но также на новейшую проблему «технологической безработицы», если мы хотим предотвратить рабочих от нужды и необеспеченности».

Но не только эта ложка дегтя нашлась в бочке меда комиссии Гувера.

«До тех пор, пока мы все еще неэкономно эксплоатируем некоторые из наших природных богатств, пока крупные отрасли промышленности, как угольная промышленность и сельское хозяйство, все еще находятся ниже общего уровня процветания, еще остается многое делать... В течение последних лет равновесие было сохранено. Мы не потеряли рабочее время забастовками и локаутами. Вплоть до последних времен мы не отвлекли сбережения от производственного применения к спекуляции»[2]). (Курсив наш. *Л. М.*).

Но ведь за последнее время пошли стачки и локауты. За последнее время капиталы устремились в биржевую спекуляцию. Равновесие начало нарушаться. А комиссии Гувера, как раз в сохранении равновесия, ищет ключ к решению всех проблем.

«Мы можем удержать наши экономические преимущества или надеяться на будущее лишь в том случае, если мы сознательно принимаем принцип равновесия и применяем его ко всем и всяким экономическим отношениям».

«Сохранение динамического равновесия последних лет на самом деле является проблемой руководства, которая требует сознательного общественного внимания и контроля»[3]).

Жизнь опровергает теорию „организованного капитализма“.

Итак, «теория динамического равновесия» принимается в видоизмененной форме идеологами «процветания». Но теорию затухающей кривой конкуренции на внутреннем рынке, учение о том, что проблематика рынка в известной мере исчезает, словом, теорию «организованного капитализма» они, как люди трезвые, не увлекающиеся и знающие конкретную экономику своей страны, отвергают со всей категоричностью. Идеологи «процветания» ясно видят процессы концентрации, образование трестов, создание монополий. Они сами приводят интереснейшие данные об этом процессе. (См табл. на след. стран.).

Процесс «об'единения» (mergers), процесс концентрации в 1929 году еще ускорился. «Об'единение» охватило за 10 месяцев 1929 года банковые концерны с основным капиталом на 12 млрд. долл. Монопольные образования развивались усиленным темпом. За последнее время процесс концентрации делал огромные успехи в области банкового дела, железных дорог, табачной промышленности.

Но исчезла ли и хотя бы смягчилась ли конкуренция?

[1]) «Послед. экон. измен. в Соед. Штатах», стр. 10.
[2]) Там же, стр. 21.
[3]) Там же, стр. 20.

Годы	Число банков, подвергнутых об'единению	Количество об'единений в промышлен. в горном деле	Количество предприятий, подвергн. об'единен. в промышлен. и горном деле	Количество концернов, покупаемых другими	Количество концернов, исчезавших	Количество предприятий общественного пользования, которые слились с другими концернами [1])
1919	80	89	292	235	438	22
1920	77	173	474	495	760	15
1921	104	89	373	203	487	74
1922	125	67	220	156	309	285
1923	120	67	218	160	311	416
1924	124	95	263	200	368	580
1925	120	121	333	342	154	402
1926	154	139	597	398	856	1.029
1927	259	207	678	399	870	911
1928	—	221	687	572	1.038	585 [2])

Комиссия Гувера утверждает обратное. *Комиссия Гувера утверждает, что конкуренция на внутреннем рынке обострилась* и приводит для доказательства *этого многочисленные факты.*

Конкуренция чрезвычайно обострилась в области энергетики. Электричество вытесняет уголь.

> «Битуминозный и антрацитный уголь, которые снабжали энергией промышленность мира в 1913 г. на 85%, снабжали энергией промышленность мира лишь на 71%, а промышленность САСШ только на 64%» [3]).

Вот причина мирового угольного кризиса. Электрификация промышленности была почти в 2 раза больше в 1927 году, чем в 1914 г. Угольные, электрические, газовые предприятия ведут друг с другом отчаянную борьбу. Уголь борется с нефтью, нефть с водяной энергией. Исчезли целые профессии, как профессия кузнеца, каретника. Исчезла перегонная промышленность. В 1900 году существовало еще 7.632 предприятия с 62.540 рабочими, изготовляющие кареты, в 1925 г. существовало только 152 предприятия с 4.833 рабочими. Изменился характер целого ряда отраслей промышленности. В 1900 г. существовало 28.014 предприятий, изготовляющих мужское платье с 191.043 рабочими и производством на 415 млн. долл.; в 1925 г. только 4.000 предприятий с 174.332 рабочими и с производством на 1 млрд. долл. В 1900 г. существовало 23.560 предприятий, изготовляющих обувь, в 1925 г. только 1.460 предприятий. Возникли новые отрасли промышленности: автомобильная, искусственно-шелковая, химическая. Но автомобиль конкурирует с железными дорогами, в то же время и снабжая их грузом. А шелковая и искусственно-шелковая промышленность разорили хлопчатобумажную и шерстяную трикотажную промышленность. Шерстяная трикотажная промышленность могла бы производить товар на 1.750 млн долл., но она производит на 656 миллионов долларов.

> «Популярность мехов, коротких юбок, шелковых чулок и обуви нового стиля вызвали оживление в шелково-трикотажной, женско-обувной и скорняжной промышленности, но вызвали депрессию в шерстяной и хлопчатобумажной трикотажной промышленности» [4]).
>
> «Введение печки с нефтью в качестве топлива вызвало процветание предприятий, производящих такие печки, и положительно влияло на потребление нефти, но отрицательно влияло на потребление угля» [5]).
>
> «Введение оборудования для смазки красок конкурирует с производством кистей и с красильщиками. Производство искусственного льда пострадало от введения электрических охладителей» [6]).

---

[1]) «Послед. эконом. измен. в Соед. Штатах», стр. 182, 184, 187.
[2]) За 9 месяцев.
[3]) Там же, стр. 79.
[4]) Там же, стр. 326.
[5]) Там же, стр. 314.
[6]) Там же, стр. 328.

> «Изменение в спросе принесли процветания отдельным отраслям промышленности и отдельным предприятиям. Они же принесли депрессию и отрицательные последствия другим отраслям производства и другим предприятиям» [1]).

Бетон и сталь вытесняют кирпичи. Стальная мебель ударяет по деревообделочному делу. Растет потребление молочных продуктов за счет зерна и мяса. На ряду с трестами растут «аутсейдеры», нетрестиризированные предприятия. *Технический прогресс усиливает, обостряет, а не смягчает конкуренцию.* Конкурентную борьбу ведут целые отрасли производства, тресты-гиганты.

Эта борьба вызывает крупнейшие изменения в сфере обращения. Мелкие торговые предприятия исчезают. Автомобилизм уничтожает торговлю в мелких городах и концентрирует ее в крупных. Универсальные магазины вытесняют специализированные магазины, но последние ударяют по универсальным магазинам. Конкуренция в области рекламы празднует настоящие оргии. Расходы на рекламу по весьма приблизительной оценке составляют 1.502.000.000 долл. [2]). В то же время весь оборот розничной торговли составляет за 1927 год около 40 млр. долл. [3]). Расходы на рекламу составляли 3,7% всего оборота розничной торговли.

Проблематика рынка стала острее. Конкуренция усилилась. На солнце «процветания» сгущаются темные пятна. Надо отдать справедливость идеологам и руководителям американского империализма: они видели эти пятна. Они видели проблему цикличной и технологической безработицы. Они своим буржуазным классовым инстинктом дошли до понимания положения Маркса о том, что

> «нет никакого противоречия в том, что такое перепроизводство капитала сопровождается более или менее значительным относительным перенаселением. Те же самые обстоятельства, которые повысили производительную силу труда, увеличили массу товарных продуктов, расширили рынки, ускорили накопление капитала, как по массе, так и по стоимости и понизили норму прибыли — *эти же самые обстоятельства создали и постоянно создают относительное перенаселение, перенаселение рабочих, которое не применяется избыточным капиталом*» [4]).

Они, очевидно, поняли инстинктивно, что

> «падение цен и борьба конкуренции побуждали бы каждого капиталиста понизить индивидуальную стоимость всего продукта ниже общей стоимости посредством применения новых машин, новых, усовершенствованных методов труда, новых комбинаций... и, таким образом, освобождать рабочих, короче говоря, создавать искусственное перенаселение» [5]).

Они прекрасно поняли, какие гигантские социальные последствия обозначает собой технический прогресс, граничащий с технической революцией в области сельского хозяйства. Они с некоторой тревогой отмечают, что трактор, комбайн, применение машин, минерального удобрения и т. д. быстро уничтожает мелкие фермы, приводит к укрупнению хозяйств и преуспевающие фермы в настоящее время в четыре раза больше, чем несколько лет тому назад. Изобретение машины, собирающей хлопчатник, разрушает мелкие хозяйства негритянских испольщиков на Юге, передвигает хлопковую полосу и приводит к созданию хлопковых ферм с посевной площадью на 200 — 800 акров, вместо прежних 10 — 30 акров. Новые машины по обработке земли под кукурузой, машины для сбора маиса ускорили процесс укрупнения хозяйств также в кукурузной полосе. Идет бегство с ферм [6]). А в городах промышленность не в состоянии поглощать разорившихся фермеров

---

[1]) «Последн. эконом. измен. в Соедин. Штатах», стр. 322.
[2]) Там же, стр. 402.
[3]) Там же, стр. 400.
[4]) Маркс, «Капитал», т. III, ч. 1, стр. 237.
[5]) Маркс, «Капитал», т. III, ч. 1, стр. 236.
[6]) См. «Recent Economic Changes», том II, стр. 547 — 602.

в качестве пролетариев. Резко сократился темп роста количества промышленных рабочих и временами, местами и в отдельных отраслях производства уменьшается и абсолютное число рабочих. Рост количества рабочих идет, главным образом, по линии услуг (services), а не производства.

«Услуги эти не новые, но наш обзор обнаружил, что немногие из новых явлений имеют такое потенциальное значение, как рост отраслей по услугам (services), как-то — путешествие, развлечение, просвещение, страхование, связь; гостиницы, рестораны, магазины предметов роскоши, прачечные, библиотеки, чтобы назывались лишь некоторые»[1]). На самом же деле, своевременное развитие «массовых услуг» спасало страну от критической проблемы безработицы в течение последних лет»[2]).

Это развитие имеет и положительные черты, ибо оно обозначает собой разрушения проклятого «домового или домашнего хозяйства», закабаляющего женщину. Но когда гостиницы, кино, церкви, места для развлечения, магазины деликатесов, театры и т. п. «отрасли производства» или услуг занимают миллионы людей, когда растет количество лиц, занятых в торговле, в страховом деле, то это уже признак загнивания, признак роста паразитизма и навряд ли можно найти лучшую иллюстрацию для ленинского тезиса о загнивании капитализма, как изменения, происшедшие и происходящие в статистике о профессиях в САСШ.

Идеологи американского финансового капитала видели эти пятна на солнце «процветания».

Однако, они считали, что им удастся сохранить «динамическое равновесие», и бесконечно продлить «процветание». Буржуазия даже на заре классической политической экономии мыслила в вечных категориях, не думала о преходящем характере буржуазного способа производства. Комиссия Гувера возводила философию «процветания» во всеобщий принцип американского империализма. Она приняла преходящий цикл буржуазного производства за новую эпоху капитализма, новую эпоху без кризисов и потрясений. Эта буржуазная философия воспринималась социал-демократией, как новое учение, как исправление Маркса самой жизнью. Эта буржуазная философия просачивалась и в наименее устойчивые элементы в рядах компартий. Жизнь сама опровергла эту теорию. Кризис в САСШ разбил в пух и прах философию «процветания».

Сельское хозяйство в отчете комиссии Гувера.

Чрезвычайно интересны и поучительны данные, приведенные в отчете комиссии Гувера относительно сельского хозяйства. Сама комиссия констатирует, что сельское хозяйство переживает тяжелый кризис. Этот кризис выражается в бегстве фермеров с ферм в город. Уменьшение сельского хозяйства населения выражается в следующих цифрах[3]):

За 1910 — 20 гг.	463.000 ч.
„ 1920 — 25 „	2.000.000 „
„ 1925 „	441.000 „
„ 1926 „	649.000 „
„ 1927 „	193.000 „

Итак, идет гигантским темпом бегство сельского населения в город. Одна из причин этого бегства заключается даже, по мнению комиссии, в низком жизненном уровне фермеров. Разумеется, комиссия Гувера и знать не хочет о классовой дифференциации фермеров и она приводит лишь средние цифры, которые

[1]) «Последн. эконом. измен. в Соедин Штатах», стр. 16.
[2]) Там же, стр. 18.
[3]) Там же, стр. 72.

скорее затушевывают, чем выясняют настоящее положение дел. Но даже эти средние цифры о доходе фермерской семьи показывают глубину кризиса. Средний ежегодный чистый доход фермерской семьи составлял[1]):

В 1919 — 20 гг.	917 дол.
„ 1920 — 21 „	397 „
„ 1921 — 22 „	270 „
„ 1922 — 23 „	440 „
„ 1923 — 24 „	533 „
„ 1924 — 25 „	624 „
„ 1925 — 26 „	690 „
„ 1926 — 27 „	636 „
„ 1927 — 28 „	657 „

Относительная покупательная способность фермера падает. Ножницы давят на сельское хозяйство. Относительная покупательная способность с.-х. продуктов по отношению к промышленным изделиям составляла:

1919	1920	1921	1922	1923	1924	1925	1926	1927
102	99	75	81	88	87	92	87	85

В чем же дело? В чем же причины кризиса? Разве происходит деградация сельского хозяйства? Нет. Производительные силы сельского хозяйства растут. Ведь немаловажная штука, что число лошадей и мулов уменьшилось после войны с 26,4 млн. до 19,5 млн. и число тракторов с 1919 г. до 1929 г. увеличилось с 147.600 до 852.989 и число комбайнов в 1927 г. уже составляло 35.823. А комбайн обозначает собой, что расходы на уборку и молотьбу уменьшаются на 31 — 33 цента (около 66 копеек) на бушель в среднем. Но именно этот технический прогресс вытесняет, разоряет мелкого фермера. Комбайн средней величины может быть экономно использован, если посевная площадь составляет около 1.000 акров, и он не обозначает никакой экономии, если размер хозяйства не превышает 300 акров[2]).

«В Северо-Западной и Юго-Западной пшеничной полосе имеются уже хозяйства на 5.000, 10.000 и даже на 50.000 акров, которые работают с прибылью и с весьма низкими издержками производства. Опыт показывает, что гомстэды на 160 акров обозначают лишь голодный уровень жизни для фермера и его семьи, в то же время, когда хозяйство с площадью в четыре раза больше, дает хороший доход, если оно хорошо оборудовано. Фермеры, которые выдержали кризис 1920 г. создают именно такие хозяйства, арендуя или скупая землю своих соседей»[3]).

Подобный процесс идет также в кукурузной полосе, где технические изменения также привели к тому, что хозяйство на 160 акров является уже скорее мелким, чем крупным хозяйством, несмотря на то, что здесь животноводство играет очень большую роль. При теперешнем уровне техники эксперты считают, что экономно можно вести хозяйство на ферме в 640 акров, а максимальную экономию можно использовать оборудование с хозяйством в 1.000 или 2.500 акров[4]).

Еще более крупные изменения происходят в хлопковой полосе. Хлопковая полоса передвигается на Запад. Идет процесс уничтожения хозяйства негритянского испольщика. Раньше хлопок разводился в хозяйстве негра-испольщика на 8 — 10 акров в среднем. Трактор и машина, собирающая хлопчатник привели к тому, что, вместо хозяйств на 10 акрах, хлопок разводился на фермах в 160—320 акров[5]).

[1]) «Последн. эконом. измен. в Соедин. Штатах», стр. 76.
[2]) Там же, т. II, стр. 564.
[3]) Там же, т. II, стр. 567.
[4]) Там же, стр. 571.
[5]) Там же, стр. 575.

Техническая революция превращается в социальное бедствие для слабых и бедных хозяйств. Падение цен разоряет мелких хозяев. Быстрым темпом идет обезземеливание фермеров и бегство их в город. Но в городе промышленность не может поглощать их в качестве рабочих. Кризис сельского хозяйства вырастает в грозную социальную проблему. Рост производительных сил ухудшает положение основных масс фермеров. Заработная плата с.-х. рабочих падает. Если взять 1914 г. за 100, то зарплата с.-х. рабочих составляла в 1920 г. — 239, а в 1927 г. лишь—170. Растут налоги. Если налоги составляли в 1914 г. на сельское хозяйство 100, то они достигли уже в 1927 г.—258.

Капитализм не нашел выхода для основных масс фермеров. У них развитие сельского хозяйства, улучшение техники, рост производительных сил разоряет основные массы фермеров. У нас социалистический город показал основным массам крестьянства путь к социализму. Развитие производительных сил на основе развития колхозов и совхозов совершается при одновременном под'еме жизненного уровня бедняцко-середняцких масс крестьянства.

Механизация домового хозяйства.

Из того богатого материала, который собран в отчете комиссии, обращает на себя особое внимание механизация, рационализация и разрушение домового хозяйства. Если в 1914 г. было продано разных мелких электрических приборов, предназначенных для целей домового хозяйства на сумму в 3,5 млн. долларов, то в 1927 г. эта сумма выражалась уже в 75 млн. долл. Грелки, утюги, вакум клинер и т. д. все быстрее распространяются. В 1925 г. уже продано электрических прачечных приборов на 61 млн. долл. В 1927 г. уже было продано электрических охладителей на сумму в 82 млн. долл. В то же время быстрым темпом растет пищевкусовая, консервная и пр. промышленность, обслуживающая домовое хозяйство. Идет процесс механизации и рационализации домового хозяйства.

Забастовки и безработица.

Период процветания не мог не отражаться на ходе классовой борьбы. И комиссия Гувера хвастается именно тем, что американскому капитализму чуть не удалось найти лекарство против этой болезни.

Она же не без хвастовства указывает на то, что за период 1916 — 1921 гг. ежегодно в среднем имело место 3.503 забастовок с участием в среднем 1.798.301 рабочих. А за период 1922—1926 гг. имело место в среднем 1.164 забастовки с участием в среднем 688.538 рабочих. «Индекс» промышленных конфликтов показывает следующую картину [1]):

Год	Число забастовок	Число участников
1916	100	100
1917	117	77
1918	88	78
1919	96	260
1920	90	91
1921	63	69
1922	29	101
1923	41	47
1924	33	41
1925	34	27
1927	27	21
1928	19	22

[1]) «Последн. эконом изменен. в Соедин. Штатах», т. II, стр. 491.

Итак, если в 1919 г. в забастовках участвовало около 4 млн. рабочих, то число стачечников в 1927 г. снизилось до 760.000 рабочих. Период процветания сопровождался явным уменьшением числа забастовок и количеством стачечников. Именно это обстоятельство создало теорию «американизации» рабочего движения, теории об исчезновении классовой борьбы.

Период процветания сопровождался ослаблением и вырождением профсоюзного движения. Количество организованных рабочих быстро уменьшается. Число членов профсоюзов составляло:

В 1920 г.	5.110 тыс.
„ 1921 „	4.815 „
„ 1922 „	4.059 „
„ 1923 „	3.747 „
„ 1924 „	3.746 „
„ 1925 „	3.817 „
„ 1926 „	3.900 „
„ 1927 „	3.903 „

Но зато совершенно изменяется характер профсоюзного движения. Началось создание «рабочих» банков профсоюзными лидерами. В 1926 г. уже 36 «рабочих» банков располагали капиталом на 127 млн. долл. Началась организация «рабочих» страховых обществ. Началась организация компанейских союзов, которые имели в 1929 г. уже 1 млн. членов. И, отчасти, комиссия совершенно справедливо отмечает, что профсоюзы больше занимались проблемами производства, попытками создавать кооперативы и банки, чем забастовками. Американская Федерация Труда выродилась совершенно в придаток американского капитала.

В то же время рабочий класс страдал не только от уплотнения рабочего времени, интенсификации труда, рационализации, потогонной системы, но также от безработицы. Точных данных о безработице нет в стране «процветания». Но Бюро Труда правительства считало, что количество безработных в 1925 г. достигло 1.874.500 чел. [1]). Вообще же считается, что постоянная промышленная, резервная армия составляет 750.000 чел. Ниже этого количество безработных не опускалось даже в периоды наибольшего процветания. Но более серьезные и менее оптимистичные экономисты как Корэн считали, что в 1927 г. количество безработных составляло 3,5 млн. чел. Кон'юнктурное Бюро Брукмайра полагает, что число безработных в 1927 г. достигло 2.632.000 чел. И чем быстрее растут производительные силы, тем быстрее растет безработица.

Даже период процветания обозначал собой для 2 — 3 миллионов американских рабочих безработицу и все бедствия, вытекающие из безработицы в стране, где безработные даже пособия не получают.

Кризис сельского хозяйства и разорение основных масс фермеров и рост безработицы сопровождали процветание, как тень.

Так было в период процветания. Как будет теперь в период кризиса?

Борьба между капитализмом и социализмом.

САСШ ведущая страна капитализма. СССР единственная и ведущая страна социализма. Итак, не будет безынтересным сопоставлять темпы строительства капитализма и социализма. Относительно СССР мы берем данные пятилетки, явно скромные, явно опережаемые жизнью. Отчасти комиссия Гувера приводит следующие основные показатели о росте экономики САСШ:

[1]) «Послед. эконом. измен. в Соедин. Штатах», т. II, стр. 467.

	Ежегодный прирост в % за период 1899—1919 гг.	Ежегодный прирост в % за период после 1919 гг.
Продукция	5,6	5,81
Число рабочих	5,15	0,36 (уменьшение)
Производительность труда	0,24	6,69
Рабочее время	0,83	0,15
Заработная плата	43,9	1,9

Итак, продукция в наиболее быстро развивающейся капиталистической стране росла на 5,6—5,8% в наиболее быстро процветающие периоды развития капитализма в САСШ. А в стране строящегося социализма, в СССР, продукция в 1926/27 г. возросла на 20%, в 1927/28 г. прирост был 24%, а в 1928/29 г. около 23%. Вот темпы капитализма и социализма. В период процветания продукция в САСШ вырастала ежегодно в среднем на 5,81%. В период пятилетки,— а ведь установки пятилетки превзойдены жизнью,— продукция вырастет ежегодно в среднем на 36%.

В САСШ в период процветания число занятых рабочих в промышленности уменьшилось в среднем на 0,36%. В СССР в период пятилетки число занятых в промышленности рабочих вырастает ежегодно в среднем на 6,6%.

В САСШ в период процветания производительность труда вырастала ежегодно в среднем на 6,69%. В СССР в период пятилетки производительность труда вырастает ежегодно в среднем на 22%.

В САСШ в период процветания заработная плата всего рабочего класса возрастала ежегодно в среднем только на 1,9%, если брать на веру утверждение комиссии Гувера. Комиссия утверждает, что недельная зарплата составляла:

В 1920 г.	29,37 долл.	В 1924 г.	26,28 долл.
„ 1921 „	23,60 „	„ 1925 „	26,93 „
„ 1922 „	24,04 „	„ 1926 „	27,16 „
„ 1923 „	26,54 „		

Итак, резкое снижение зарплаты после войны и медленный рост после войны, при чем этот рост ни в какое сравнение не идет с ростом производительности труда. (Средний рост производительности труда на 6,69%, а средний рост заработной платы на 1,9%!). Норма эксплоатации рабочего класса повысилась. А в СССР в период пятилетки рост заработной платы в деньгах составляет ежегодно в среднем 9,5%, и рост реальной заработной платы ежегодно 12,2%. В эти данные не входит социальное страхование и пр., чего в САСШ рабочие совершенно не получают.

Рабочее время в САСШ снизилось следующим образом, если брать на веру официальные данные:

1914 г.	51,5 час. в нед.	1923 г.	49,2 час. в нед.
1920 „	48,7 „ „ „	1924 „	46,8 „ „ „
1921 „	45,5 „ „ „	1925 „	48,2 „ „ „
1922 „	49,2 „ „ „	1926 „	48,2 „ „ „

Итак, в САСШ даже в период наибольшего процветания рабочий класс не мог осуществить полностью восьмичасовой рабочий день. А в СССР к концу пятилетки будет проведен семичасовый рабочий день.

В САСШ в период процветания энергетический базис промышленности вырос с 29,3 млн. до 39 млн. только в электромоторах. Электромоторы представляли в 1919 г. 16,2 млн., а в 1927 г.—30,3 млн. лош. сил. В СССР в период пятилетки мощность одних только районных электростанций, по сравнению с существующей, увеличится почти в 2 раза, а электростанции должны выработать в 4 раза больше энергии, чем теперь.

Сопоставив важнейшие показатели темпа развития, получаем следующую картину о темпах в период процветания в САСШ в период пятилетки в СССР:

	В САСШ	В СССР
Ежегодный прирост продукции в %	5,81	36
Ежегодный прирост производительности труда в %	6,69	22
Ежегодный прирост числа рабочих в %	0,36	6,6
Ежегодный прирост зарплаты в %	1,9	12,2

Вот эти то данные показывают, что может дать капитализм и что может дать социализм в смысле темпа развития, если даже брать эти данные количественно. Вот эти то данные, показывают превосходство социализма перед капитализмом. Конечно, у них пока лучшая техника, более высокий уровень производительных сил, лучший производственный аппарат. Пока это так. Но наша система выше, в нашей системе заложены гигантские возможности. Вот, в чем гарантия осуществления ленинского лозунга: «догнать и перегнать».

Если сопоставить показатели периода процветания в САСШ и показатели периода пятилетки в СССР, то получится наглядный урок превосходства социализма над капитализмом, несмотря на такое различие в уровне техники в пользу САСШ. При этом у них период процветания кончился гигантским кризисом. А у нас пятилетку пролетариат осуществит в течение четырех лет.

Итак, отчет комиссии Гувера принадлежит уже пройденному этапу развития послевоенного империализма. Все же следует и стоит эту работу изучить, ибо она характерна для целой полосы развития американского империализма.

Л. МАДЬЯР.

Об отставании и диспропорциях.

(Ответ тт. Носову и др.).

В письме, адресованном в редакцию «Большевика», ряд тт. и в их числе красноармеец т. Носов, ссылаясь на мои статьи в №№ 20 и 21 «Большевика» 1928 года и стенограмму моего доклада в одной из крупных военных ячеек города Москвы—ставят вопрос о том, «кто от кого больше отстает: промышленность от сельского хозяйства, или сельское хозяйство от промышленности».

Нужно, первым делом, выяснить, о какого рода отставании идет речь. Можно понимать отставание в смысле статистическом, в смысле разницы количественных уровней продукции тех или иных основных отраслей народного хозяйства, или разницы в темпах их роста. В этом понимании абсолютно бесспорно отставание сельского хозяйства от промышленности по темпам и стало бесспорным за последние два года также и отставание сельского хозяйства по количественному уровню валовой продукции, не говоря уже о товарной продукции. Но, если сравнить чистую продукцию всей промышленности и сельского хозяйства (а ведь только по чистой продукции их и можно сравнивать, поскольку продукция сельского хозяйства входит в виде сырья в валовую продукцию промышленности), то вплоть до последнего 1928/29 хоз. года уровень промышленной продукции остается ниже уровня сельского хозяйства и лишь в текущем 1929/30 году почти его нагоняет, благодаря исключительно высоким темпам роста чистой промышленной продукции (28% по всей промышленности, считая и мелкую и кустарную), но и то остается все еще немного ниже уровня сельского хозяйства, о чем свидетельствуют цифры:

Чистая продукция:

	всей промышл.	сельск. хоз.
1928/29 года	9249	11649
1929/30 года	11839	12146
%% роста	28,0	4,3

Отставание можно понимать еще и в смысле организационно-техническом. Сельское хозяйство имело до последнего времени исключительно отсталую примитивную технику и организацию (мелкие и мельчайшие крестьянские дворы числом до 25 млн.). Промышленность, даже довоенная, не говоря уже о советской, по типу своей организации и техники стояла выше сельского хозяйства. Сельское хозяйство начинает в этом отношении нагонять промышленность только в последний, в сущности, год, путем широко развернутой тракторизации, машинизации, технической реконструкции и коллективизации с. х. Крупные совхозы Зернотреста так же, как в известной мере и крупные колхозы и районы действия машинно-тракторных станций, сплошь тракторизированные, комбайнизированные, обеспеченные наилучшей современной техникой обработки почвы и уборки урожая, коллективизированные в высших формах обобществления средств производства — вот тот тип нового крупного с.-х. производственного предприятия, который может стать рядом, или почти рядом, с крупной фабрикой и заводом как по своей технике, так и по типу организации. В целом, сельское хозяйство еще сильно отстает от промышленности и мы только еще начинаем практически разрешать грандиознейшую задачу перевода всего сельского хозяйства в коллективные крупнохозяйственные формы, основанные на высшей технике и энергетике.

Но есть еще третье понимание отставания, понимание его в разрезе тех экономических пропорций, в каких промышленность и сельское хозяйство участвуют в процессе воспроизводства, обмениваясь между собой своей продукцией. Не отрицая крупного значения второго типа отставания, отставания организационно-технического, нельзя отрицать также и исключительного значения вопроса об экономическом отставании промышленности от сельского хозяйства так же, как и, обратно,—сельского хозяйства от промышленности. Вопрос о пропорциях или диспропорциях между промышленностью и сельским хозяйством имеет громадное значение в том смысле, что от правильной установки в этом вопросе зависит вся наша хозяйственная политика, политика нашего капитального строительства, политика капитальных вложений, распределения народного дохода и т. д.

Тов. Бухарин в своих «Заметках экономиста», опубликованных в «Правде» 30 сентября 1928 года пытался поставить вопрос таким образом, что «дело отнюдь не в отставании индустрии от сельского хозяйства». Тов. Бухарин писал:

> «Основные факты, которые мозолят всем глаза, таковы: при общем росте оборота между городом и деревней — товарный голод, т.-е. и недостаточное (резко недостаточное) покрытие деревенского спроса, следовательно, как будто отставание промышленности от сельского хозяйства; с другой стороны — затруднения с хлебом, недостаточное предложение хлеба по сравнению со спросом на него, т.-е. как будто отставание сельского хозяйства; огромный рост промышленной продукции и огромный рост капитального строительства, и в то же время—весьма значительный товарный дефицит».

Анализируя эти «парадоксы», т. Бухарин приходит к выводу: «не только «тип», но и конкретная динамика развития дает гигантский перевес индустрии и обобществленному сектору вообще» (подчеркнуто автором). Чем же тогда об'яснить товарный дефицит? Анализируя структуру деревенского спроса, тов. Бухарин находит об'яснение товарному голоду в росте неземледельческих доходов крестьянства, связанных с промышленностью же. В то же время регресс («топтание на месте и даже падение») зернового хозяйства), вследствие неправильной политики цен на хлеб, привело т. Бухарина к выводу об одностороннем отставании сельского хозяйства от промышленности. Анализируя далее структуру спроса на промтовары и смешивая при этом в одну кучу как спрос на готовые изделия, так и на средства производства, вплоть до внутреннего спроса самой промышленности на свои же изделия и констатируя на этом основании, что только на одну пятую или одну четвертую этот спрос состоит из спроса деревни на промтовары, — тов. Бухарин окончательно запутывается в своем чисто логическом каламбуре: «промышленность отстает от самоё себя!!».

Отсюда глубокомысленный вывод: «Промышленность в своем развитии натыкается на границы этого развития». Натыкаться же на границы своего развития означает, что, во-первых, взяты недостаточно правильные соотношения между отраслями самой промышленности; во-вторых, взяты недостаточно правильные отношения между ростом текущего производства промышленности и ростом капитального строительства (далее следует знаменитое рассуждение о «воздушных кирпичах»); в-третьих, что гра-

ницы развития даны производством сырья. Тов. Бухарин кончает свое рассуждение: «если, следовательно, налицо — недостача сырья, плюс недостача хлеба (а это, помимо прочего, означает также «недостачу» экспорта, и недостачу импортных товаров) плюс недостача строительных материалов, то нужно быть поистине остроумным человеком, чтобы требовать еще «сверх-индустриалистской» программы».

По сути он полемизирует в данном случае против генеральной линии партии, ибо совершенно ясно, что если троцкизмом об'является всякое рассуждение об отставании промышленности от сельского хозяйства, если товарный голод на три четверти есть продукт «натыкания промышленности на свои же границы», если основное — это регресс сельского хозяйства и, в особенности, зернового хозяйства, если, таким образом, налицо обостренная диспропорция между сельским хозяйством и промышленностью, заключающаяся в том, что сельское хозяйство угрожающе и односторонне отстает от промышленности, то отсюда, конечно, ясный вывод, что надо направить все силы только на развитие сельскохозяйственого производства, сюда же направить основные вложения, что нужно отказаться от генеральной линии партии на идустриализацию, поскольку индустриализация, повидимому, уже в достаточной мере проведена. Тов. Бухарин искусно обошел вопрос о другой стороне диспропорции: об отставании промышленности от сельского хозяйства, главным образом, по средствам производства, тракторам, машинам, удобрениям. Он изобразил наивного человека, полагающего, что отставание промышленности от сельского хозяйства может быть выражено лишь в товарном голоде, под которым мы обычно понимаем недостаток предметов потребления, упуская из виду тот острейший голод, какой деревня испытывает в тракторах, машинах, строительных материалах, удобрениях, топливе и других средств производства. Тов. Бухарин точно так же искусно обошел вопрос о том, что только через решительную индустриализацию, через мощное развитие тяжелой индустрии, производящей средства производства не только для самой промышленности, но и для сельского хозяйства, — возможно поднятие сельского хозяйства, чем, в свою очередь, разрешится и другая сторона диспропорции — отставание сельского хозяйства от промышленности по линии сырья, хлеба и вообще продовольствия.

Таким образом, только признанием двусторонней диспропорции, только правильным ее пониманием можно об'яснить генеральную линию нашей партии на индустриализацию, ибо лишь через тяжелую индустрию можно разрешить противоречия нашего народного хозяйства.

Правые оппортунисты это разрешение переносят в сферу сельского хозяйства: путем неограниченного вкачивания сюда средств, путем ставки на кулацкое хозяйство, на развитие капитализма в деревне мы должны были бы развить крупное сельское хозяйство и, подведя его, как базу, под промышленность, уже на этой базе построить самую промышленность. Эта линия абсолютно неприемлема для партии, она в корне противоречит генеральной нашей линии. Из этой установки выпадает полностью и коллективизация, и реконструкция сельского хозяйства через тяжелую индустрию. И совершенно ясно, с другой стороны, что только через тяжелую индустрию, организационно и технически реконструирующую сельское хозяйство, подводящую фундамент под коллективизацию, возможно поднятие сельского хозяйства и подведение тем самым прочной сельскохозяйственной базы под промышленность. Звено, за которое следует ухватиться это — тяжелая индустрия.

Таково социально-экономическое значение вопроса об отставании и двусторонней диспропорции. Отсюда ясно, что суть вопроса не столько в количественных размерах отставания, сколько в самой природе отставания, в его характере, в отыскании тех элементов отставания, устранение которых должно решить всю проблему.

Совершенно ясно также, что анализ диспропорций между промышленностью и сельским хозяйством и констатация двусторонней диспропорции между ними ни в какой мере не противоречат решениям высших партийных органов.

В резолюции XV с'езда о директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства, в разделе 2-м, говорится:

> «По линии регулирования взаимоотношений между городом и деревней лежат основные трудности и основные проблемы хозяйственной политики пролетариата. При построении пятилетнего хозяйственного плана нужно исходить из разрешения задач, которые связаны с основными диспропорциями нашего хозяйства: диспропорцией между промышленностью и сельским хозяйством, которая (диспропорция) далеко не изжита, несмотря на более быстрый, чем рост сельского хозяйства, рост индустрии; диспропорцией между ценами на продукты промышленности и сельского хозяйства (рыночные «ножницы»); диспропорцией между спросом на промышленное сырье, являющееся продуктом сельского хозяйства (хлопок, кожа, шерсть и т. д.), и его предложением; наконец, диспропорцией между количеством рабочих рук в деревне и реальной возможностью их хозяйственного использования (так назыв. «аграрное перенаселение»).

Мы видим, что XV с'езд, касаясь социально-экономической природы взаимоотношений между городом и деревней, на одно из первых мест выдвигает диспропорцию между промышленностью и сельским хозяйством, толкуя ее, несомненно, в первую очередь, в смысле отставания промышленности от сельского хозяйства, что явствует из самого текста резолюции. Подчеркивая далее также и отставание сельского хозяйства от промышленности, XV с'езд в том же разделе резолюции говорит:

> «Единственно правильным путем изживания вышеуказанных диспропорций является путь понижения себестоимости промышленной продукции на основе энергично проводимой рационализации индустрии и ее расширения, следовательно, на основе политики снижения промышленных цен; путь развития трудоемких культур в деревне и индустриализации самого сельского хозяйства (через развитие, в первую очередь, индустрии по первичной обработке продуктов сельского хозяйства); путь всемерного привлечения мелких сбережений...»

XVI конференция ВКП(б) в резолюции о пятилетнем плане развития народного хозяйства, характеризуя пятилетний план, подчеркивает, что он обеспечивает «изживание» чрезмерной отсталости сельского хозяйства от промышленности и разрешение, в основном, зерновой проблемы». Тов. Носов, цитируя это место из резолюции XVI партконференции, усматривает в этом как бы противоречие с суждениями о двусторонней диспропорции. Между тем никакого противоречия здесь нет.

Во-первых, в той же характеристике пятилетнего плана XVI партконференция в первом же пункте говорит, что пятилетка обеспечивает «максимальное развитие производства средств производства, как основы индустриализации страны». К тому же ясно, что в данном случае конференция имеет в виду не столько социально-экономическое понимание отставания, сколько организационно-техническое, что для всякого из нас совершенно бесспорно. Ставя одновременно ударение на производстве средств производства, как основе индустриализации, конференция это относит также и к сельскому хозяйству, подчеркивая тем самым и вторую сторону диспропорции — недостаточность, отставание нашей тяжелой индустрии от возрастающего спроса на средства производства как самой промышленности, так и сельского хозяйства

В специальной резолюции «о путях под'ема сельского хозяйства и налоговом облегчении середняка» XVI партконференция дает более исчерпывающую характеристику отставания сельского хозяйства, которую считаю необходимым полностью привести:

«Однако, при общем росте сельского хозяйства происходит значительное замедление темпа роста отдельных отраслей сельского хозяйства, в особенности,— зерновой. В основе этого замедленного темпа развития сельского хозяйства и крайне малой его товарности лежит распыленность и дробность крестьянского хозяйства (число крестьянских хозяйств увеличилось за время революции с 16 до 25 миллионов), полунатуральный его характер (общая товарность сельского хозяйства по сравнению с довоенной сократилась примерно вдвое), низкий уровень сельскохозяйственной техники и культуры. Если в восстановительный период быстрый под'ем мелкого индивидуального хозяйства был достигнут, в первую очередь, за счет освоения бывших помещичьих, казенных и кулацких земель, то при завершении в основном восстановительного периода выявляются ограниченные возможности развития мелкого хозяйства и в особенности роста его товарности при данных его размерах и способах производства. В связи с этим мы имеем чрезмерное отставание сельского хозяйства от темпа развития индустрии, что не может не служить источником затруднений в продовольственной и сырьевой областях, особенно имея в виду быстрый рост потребностей в хлебе и сырье.

Отсюда настоятельная необходимость настойчивой и систематической работы по реконструкции сельского хозяйства и созданию крупного общественного земледелия, стоящего на уровне современной техники, при одновременной поддержке развития и под'ема индивидуальных бедняцких и середняцких крестьянских хозяйств».

Продолжая, эту мысль резолюция говорит дальше:

«В вопросе о возможности действительного осуществления новых форм смычки решающее значение имеет дальнейшее развитие промышленности. В своей работе над индустриализацией страны партия исходит из того, что промышленность в стране пролетарской диктатуры в своем развитии должна создать «материальную основу для громадного повышения производительности земледельческого и вообще сельскохозяйственного труда, побуждая тем мелких земледельцев силой примера и ради их собственной выгоды переходить к крупному, коллективному, машинному, земледелию». (Ленин. Резолюция II конгресса Коминтерна по аграрному вопросу. Стенографический отчет конгресса, стр. 616).

Если в капиталистическом обществе промышленность, уже на первых стадиях своего развития, обращается лицом к капиталистическому «обслуживанию» внешних рынков, колоний, а на высших ступенях своего развития служит военно-империалистическим целям, то в советской стране промышленность по мере своего укрепления все в большей мере служит целям технического и агрикультурного под'ема хозяйства основных масс деревни и создания крупного коллективного и государственного хозяйства. Опыт прошедших лет целиком подтверждает это. Коренным методом ускорения под'ема сельского хозяйства и закрепления смычки в формах, соответствующих новому этапу ее развития, является: дальнейшее развитие индустрии, как основного условия под'ема самого сельского хозяйста, избавление крестьян от нищеты и об'единение их обособленных хозяйств в общественное хозяйство.

Такова генеральная линия партии в крестьянском вопросе на нынешнем этапе социалистического строительства, целиком исходящая из ленинских методов укрепления союза рабочего класса с крестьянством и опирающаяся на решения XV с'езда партии».

А. КАКТЫНЬ.

ПОЧТА ОТДЕЛА КОНСУЛЬТАЦИИ.

Посланы ответы почтой: тов. Стану, К. И. (Днепропетровск), т. Текстилову, И. (Ленинград) и тов. Изотову, Н. Ф. (Албазин, н/Амуре).

Указатель статей, напечатанных в „Большевике" за 1929 г.

Ленин и ленинизм.

Внутрипартийные вопросы.

Вопросы экономики.

Хозяйственная политика в деревне.

Советское государство.

Вопросы труда и профессионального движения

Кооперация.

Международное революционное движение.
Коминтерн и Профинтерн.

Международная политика и экономика.

Меньшевизм, троцкизм.

История.

Критика и библиография.

Консультация.

Разное.

ПОПРАВКА.

В № 22 журн. «Большевик» в ст. «Буржуазные ученые о закате капитализма» на стр. 84, в 32—34 строках искажена мысль вследствие перестановки слов; напечатано (после слов «в том»): «...что капитализм будет разрушен раньше, чем он доведет человечество до этого замедления темпа накопления и разрыва противоречий, что растущая в недрах...»; должно быть: «...что капитализм будет разрушен раньше, чем он доведет человечество до этого замедления темпа накопления, что взрыв противоречий и растущая в недрах...» и т. д.

Л И Н И Я О Т Р Е З А

ЧИТАТЕЛЮ „БОЛЬШЕВИКА"!

Ответьте на все 4 вопроса анкеты или хотя бы на последние два и, сложив ее в 3 сгиба, опустите (без марки) в почтовый ящик. Этим вы облегчите „Большевику" учесть и устранить замеченные в журнале недостатки, восполнить имеющиеся пропуски.

„Редакция Большевика"

АНКЕТА

читателя журнала „Большевик".

1. Какие недостатки вы заметили в содержании журнала, в освещении им отдельных вопросов (политических, внутрипартийных, международных, хозяйственных, культурных и др.) и в каких конкретно статьях?

Какого вы мнения, в частности, о языке, статей и заметок „Большевика", насколько он прост и популярен для вас.

2. Освещением каких конкретных вопросов вы считаете необходимым дополнить содержание журнала?

В частности, по каким вопросам „Большевик" должен дать статьи в ближайшее время?

3. Какие недостатки вы заметили в распространении и доставке журнала и что в этом направлении нужно, по вашему мнению, предпринять?

4. Укажите вашу партийность, социальное положение и выполняемую теперь работу?

г. МОСКВА, 9, Тверская, 48,

в редакцию журнала „БОЛЬШЕВИК“.

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА"

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1930 год

НА НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ХОЧУ ВСЕ ЗНАТЬ

«ХОЧУ ВСЕ ЗНАТЬ» — в 1930 году даст 24 номера журнала и будет держать курс на ознакомление широкого рабочего актива с главнейшими достижениями науки, техники и экономики.

«ХОЧУ ВСЕ ЗНАТЬ» — будет освещать вопросы индустриализации, крупного строительства, переделки на социалистический лад (совхозы, колхозы) нашей отсталой деревни под углом зрения выполнения 5-летнего плана великих работ, будет уделять особой внимание важнейшим задачам осуществления культурной пятилетки и кадрам практических строителей социализма.

«ХОЧУ ВСЕ ЗНАТЬ» — будет знакомить читателей с общими вопросами (биологии, физики, геофизики, химии), с вопросами теоретической и практической медицины, с вопросами советского здравоохранения, механизации промышленности и сельского хозяйства, рационализации труда и производства. В ряде экономических, географических и этнографических очерков будет даваться ознакомление читателя с жизнью отдельных районов СССР.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на 1930 год

на 1 мес.—30 к., на 3 мес.—90 к., на 6 мес.—1 р. 80 к., на 12 мес.—3 р. 60 к.

Цена отдельного номера 20 коп.

ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯТЬ В МЕСТНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ «ПРАВДЫ».

АНКЕТА

1. ИМЯ? «КРОКОДИЛ».
2. ФАМИЛИЯ? Издание «Правды».
3. ВОЗРАСТ? 7 лет с хвостиком.
4. ПРОИСХОЖДЕНИЕ? Пролетарское.
5. РОД ЗАНЯТИЙ? Борьба с бюрократизмом, вредительством, головотяпством, бесхозяйственностью, глупостью, предрассудками и СО ВСЕМИ ВРАГАМИ ПРОЛЕТАРИАТА И РЕВОЛЮЦИИ.
6. ЧЕМ ЖЕЛАЛИ БЫ ЗАНИМАТЬСЯ В ДАЛЬНЕЙШЕМ? Тем же самым.
7. КТО ВАС МОЖЕТ РЕКОМЕНДОВАТЬ? Весь рабочий класс СССР.
8. КАКОЙ ОКЛАД ЖЕЛАЕТЕ ПОЛУЧАТЬ? 15 коп. за №.

ПОДПИСЬ. Здесь не нужна, а ПОДПИСАТЬСЯ на журнал «Крокодил» (36 №№ в год, печатающихся в 9 красок) можно.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:
на 1 мес.—40 коп.; на 3 мес.—1 р. 20 коп.; на 6 мес.—2 р. 40 коп.; на 12 мес.—4 р. 80 коп.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА — 15 КОП.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: в Главной Конторе Издательства «Правда» (Москва, 9, Тверская, 48), во всех местных отделениях «Правды», в почтовых конторах, письмоносцами и во всех киосках всесоюзного контрагентства печати.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) „ПРАВДА"

Придавая большое значение продвижению журнала „Лицом к деревне" в самую гущу рабочей массы, ВЦСПС предлагает всем профсоюзным организациям широко популяризовать этот журнал среди рабочих и служащих, принять все меры к его распространению как среди широких масс, так и в библиотеках, читальнях и красных уголках, связаться с ними, снабжая его материалом из практики работы профсоюзов в деревне (Из циркуляра ВЦСПС, опублик. в газете „Труд" № [illegible] от 13/XI с. г.).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1930 г.

НА МАССОВЫЙ БОГАТО ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ РАБОЧИЙ ЖУРНАЛ

ЛИЦОМ К ДЕРЕВНЕ

Орган отдела по работе в деревне ЦК и МК ВКП (б).

Выходит 24 номера в год

«ЛИЦОМ К ДЕРЕВНЕ» ставит себе основной задачей широкую пропаганду в рабочих массах ленинской смычки города с селом.

«ЛИЦОМ К ДЕРЕВНЕ» стремится каждого своего рабочего-читателя превратить в активного проводника пролетарского влияния на деревню.

«ЛИЦОМ К ДЕРЕВНЕ» широко освещает на своих страницах вопросы социалистического переустройства деревни и беспощадно борется со всеми и всяческими проявлениями правого уклона в практической деревенской работе.

ЧИТАЙТЕ, РАСПРОСТРАНЯЙТЕ „ЛИЦОМ К ДЕРЕВНЕ"! КРЕПИТЕ ЛЕНИНСКУЮ СМЫЧКУ!

«ЛИЦОМ К ДЕРЕВНЕ» дает в каждом номере практические советы агронома по сельскому хозяйству и юриста по вопросам налоговым, земельным, бытовым и т. д.

«ЛИЦОМ К ДЕРЕВНЕ» дает материал о том, как нужно строить шефскую работу в городе и деревне, являясь благодаря этому единственным периодическим подспорьем для каждого шефского работника.

«ЛИЦОМ К ДЕРЕВНЕ» необходим каждому члену шефского общества, каждому рабочему, связанному с деревней, каждому трудящемуся города, интересующемуся вопросами переустройства деревни на социалистических началах.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 1 м.—30 к.; на 3 мес.—80 к.; на 6 м.—1 р. 60 к.; на 12 м.—3 р.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА—15 КОП.

ВЗРОСЛЫЕ!

Выпишите для детей журнал

„ВОЖАК"

журнал детактива (выходит 24 №№ в год)

Подписная цена: на 1 мес.—10 к.

Цена отдельного номера—5 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: В главной конторе изд-ва «ПРАВДА» (Москва, 9, Тверская, 48), в местных отделениях «ПРАВДЫ», в почтовых конторах и письмоносцами.